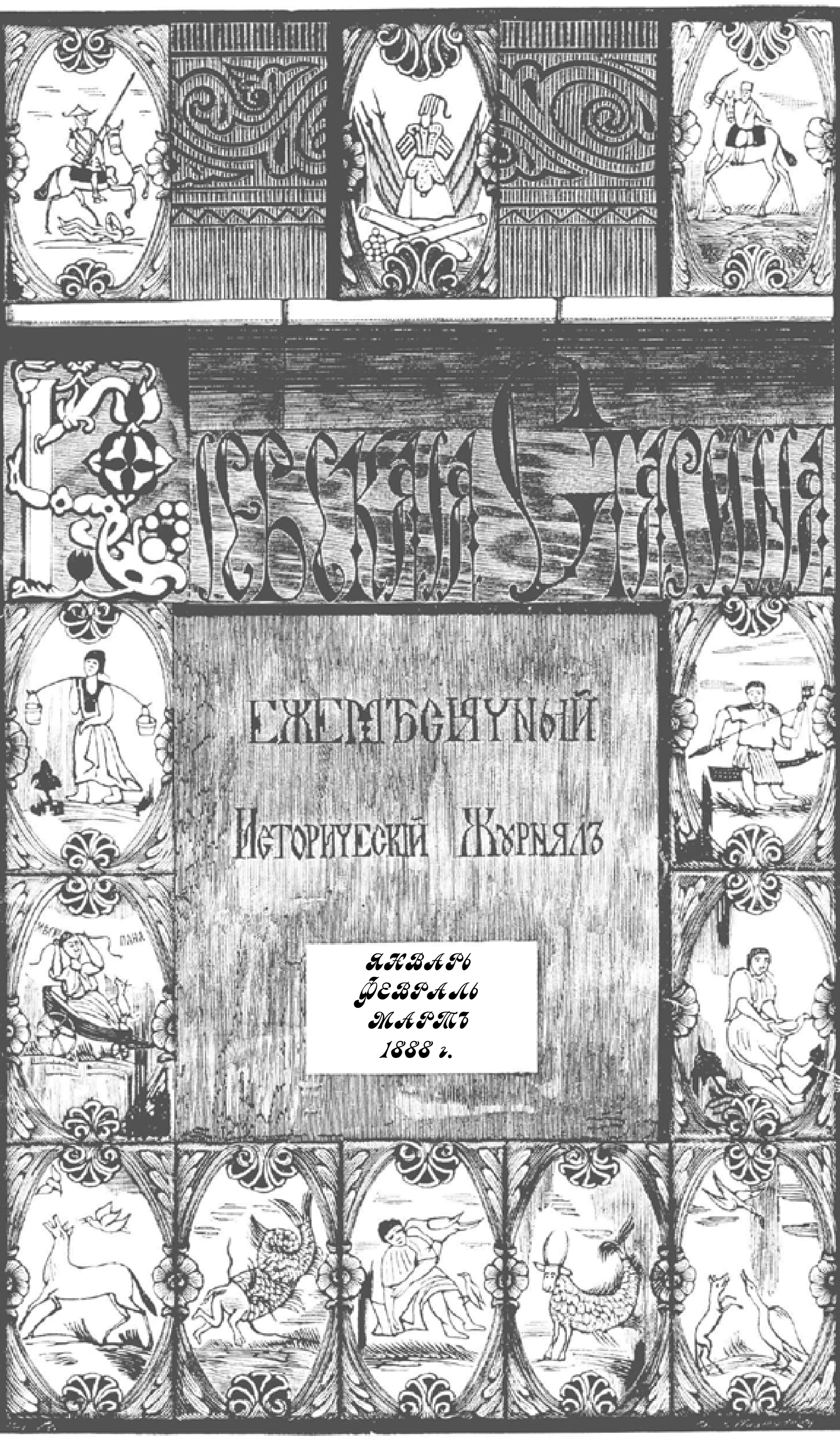


Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

Въ редакціи Кіевской Старины продаются:

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (Выпускъ первый) Кіевъ. 1888. XVI+288 стр. Цѣна два рубля съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

И. В. Лучицкій. Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губерніи XVIII в. Золотоношскій уѣздъ (козачьи владѣнія). Вып. I. Кіевъ. 1884.

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общинныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ. 1884.

— Малорусское сельское духовенство и община въ XVIII в. Полтава. 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XX.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 13-го Марта 1888 г.

Кіевъ, Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Запорожскій Храмъ въ Новомосковскѣ.

Наканунѣ выхода въ свѣтъ первой книжки журнала получено въ редакціи печальное извѣстіе о кончинѣ Ѳеофана Гавриловича Лебединцева, создавшаго „Кіевскую Старину“, неустанно и съ честью потрудившагося надъ нею. Въ лицѣ покойнаго новая редакція понесла тяжелую утрату; она теряетъ въ немъ дѣятельнаго, талантливаго сотрудника и умудреннаго опытомъ благожелательнаго совѣтника.

Некрологъ и портретъ Ѳеофана Гавриловича редакція дастъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

Отъ редакціи.

Съ перемѣною редактора-издателя не измѣняются задачи и общій характеръ журнала. Въ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ біографіяхъ и характеристикахъ, въ беллетристическихъ произведеніяхъ и разнообразныхъ матеріалахъ, въ критико-библіографическихъ статьяхъ о русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, въ краткихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ редакція будетъ стремиться къ возможно болѣе всестороннему возстановленію мѣстной исторіи и къ выясненію характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія, художественнаго творчества и сложившихся исторически бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Такимъ образомъ цѣль нашего изданія—содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности постановкѣ и систематической разработкѣ вопросовъ, которыми существующія нынѣ повременныя изданія занимаются лишь изрѣдка и болѣе или менѣе случайно, и разрѣшеніе которыхъ имѣетъ неоспоримое значеніе, не теоретическое только, но и практическое, для обширнаго географическаго района. Памятуя слова Карамзина, что исторія есть „изъясненіе настоящаго и дополненіе будущаго", редакція будетъ стараться приблизить старину къ интересамъ и пониманію современнаго читателя и выяснять настоящее помощью историческаго освѣщенія прошлыхъ судебъ юга Россіи. Въ видахъ достиженія цѣли новая редакція „Кіевской Старины" намѣрена пополнить отдѣлы этнографическій, экономическій, беллетристическій и библіографическій и привлекаетъ къ сотрудничеству новыя литературныя силы. Въ интересѣ полноты и своевременности свѣдѣній о томъ

что появляется въ текущей литературѣ по историческимъ, этнографическимъ и инымъ вопросамъ южной Руси, редакція будетъ давать кромѣ критическаго разбора книгъ, перечень статей, появляющихся въ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ съ краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ.

Оставаясь слѣдовательно прежнею, программа нашего журнала будетъ обнимать исторію южной Руси, преимущественно бытовую, географію и этнографію ея, языкъ и литературу.

Въ изданіи „Кіевской Старины" примутъ участіе слѣдующія лица: *Андріевскій А. А., Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Бакай Н. Н., Беренштамъ В. Л., Бѣлозерскій Н. М., Василенко В. В., Веселовскій А. Н., Владимірскій-Будановъ М. Ф., Востоковъ А. А., Голубевъ С. Т., Голубовскій П. В., Горленко В. П., Дашкевичъ П. М., Ефименко А. Я., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Каманинъ И. М., Китицынъ П. А., Короленко В. Г., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ П. Г., Лебединцевъ Ѳ. Г., Левицкій О. И., Левицкій И. С., Линниченко И. А., Лучицкій И. В., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мачтетъ Г. А., Мельникъ К. Н., Мищенко Ѳ. Г., Молчановскій Н. В., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Нейманъ Ц. Г., Новицкій Я. П., Оглоблинъ Н. Н., Падалка А. И., Петровъ Н. И., Познанскій Б. С., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Русовъ А. А., Рыльскій Ѳ. Р., Скальковскій А. А., Стороженко А. В., Стороженко Н. В., Стороженко Н. И., Сумцовъ Н. Ѳ., Тарановскій Н. Ѳ., Теличенко И. В., Тепловъ В. В., Ханенко А. И., Червинскій П. П., Шабельская А. С., Шугуровъ Н. В., Янчукъ Н. А., Ящуржинскій Х. Б., и другіе.*

Объемъ, срокъ выхода, количество книжекъ и условія подписки остаются прежніе.

По причинѣ замедленія въ переходѣ изданія къ новому редактору-издателю редакція въ видахъ удовлетворенія подписчиковъ выпускаетъ въ первыхъ числахъ марта томъ въ тридцать съ лишнимъ листовъ.

Въ ближайшія книжки журнала войдутъ слѣдующія статьи:

„О первомъ кіевскомъ войтѣ" А. А. Андріевскаго, „Грановщина" В. Б. Антоновича, „Очеркъ исторіи козачества" его же,

„Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ“ А. Н. Веселовскаго, „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія П. И. Житецкаго, „Бѣлая Панна“ Г. А. Мачтета, „Ганна Монтовтъ“ О. И. Левицкаго, „Кіевъ въ 1766 году“ И. В. Лучицкаго, „Сельское духовенство и его экономическій бытъ въ XVIII в.“ его же, „Помѣщичье хозяйство въ лѣвобережной Украинѣ“ его же, „Къ исторіи семейныхъ отношеній въ Малороссіи“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, „Къ исторіи колонизаціи въ эпоху Хмельницкаго“ его же, „О собраніи малорусскихъ пѣсенъ Ходаковскаго начала XIX в.“ В. П. Науменка, „О колонизаціи слободской Украйны“ Н. И. Петрова и др.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ съ приложеніями **8 р. 50 коп.** на мѣстѣ, съ доставкою на домъ и пересылкою **10 руб.**

Адресъ редакціи: Театральная ул., д. № 4. Подписка принимается въ редакціи и на Крещатикѣ въ магазинахъ писчебумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, и книжныхъ: г. Оглоблина, г. Розова и др.

Редакторъ-издатель А. ЛАШКЕВИЧЪ.

Дозв. ценз. Кіевъ, 22 Февраля, 1888 г. Кіевъ, тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВЪ ВЪ 1766 ГОДУ.

Изъ генеральной описи малороссійскихъ полковъ[1]), составленной въ 1766—68 гг. по распоряженію Румянцева, уцѣлѣло нѣсколько вѣдомостей, относящихся къ г. Кіеву или, вѣрнѣе, къ тѣмъ частямъ его, которыя въ наше время вошли въ составъ города. Эти вѣдомости вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ копіями документовъ заключаютъ въ себѣ рядъ данныхъ настолько интересныхъ и даже, въ большей части случаевъ, совершенно новыхъ, что я счелъ далеко не лишнимъ познакомить съ ними читателей „Кіевской Старины". Это—данныя, освѣщающія въ значительной степени не только топографію Кіева, но и характеризующія, нерѣдко въ деталяхъ, составъ населенія Кіева, занятія этого населенія, степень экономическаго развитія его и экономическія отношенія, сложившіяся тогда въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, сохранилось описаніе не всего

1) Часть этой описи, именно: опись городовъ и селеній кіевскаго и переяславскаго полковъ и части лубенскаго полка (первопирятинской сотни) находится въ библіотекѣ кіевскаго университета и сохранилась, за немногими исключеніями, почти въ полномъ видѣ. Послѣ введенія намѣстничествъ въ концѣ XVIII в., она была сдана въ кіевскую Казенную Палату, откуда, вслѣдствіе ходатайства предсѣдателя той палаты, Ключарева, и распоряженія генералъ-губернатора Бибикова, ее передали въ 1855 году библіотекѣ университета. Но тогда лишь часть хранившейся въ архивѣ описи поступила въ университетъ, гдѣ нѣкоторыя связки были кѣмъ-то утеряны (описи Яготина, Березани, части Кіева и почти всей кіевской сотни). Не мало связокъ (ирклѣевская сотня, Золотоноша, домантовская и бубновская сотня и др) осталось въ архивѣ Казенной Палаты, откуда мнѣ

Кіева и его предмѣстій, а лишь нѣкоторыхъ частей его, и потому возстановленіе полной картины состоянія Кіева въ 1766 году оказывается совершенно невозможнымъ. Мнѣ приходится поэтому ограничиться описаніемъ только нѣкоторыхъ частей Кіева. Но, я думаю, интересъ и значеніе данныхъ этого описанія, впервые появляющихся на свѣтъ, помогутъ хоть отчасти вознаградить потерю цѣлаго. Я говорю: описаніе, такъ какъ цѣль моя—воспроизведеніе возможно болѣе полное и точное содержащихся въ описи данныхъ.

Необходимо сдѣлать впрочемъ одно предварительное замѣчаніе, касающееся характера описи. Дѣло въ томъ, что, несмотря на существованіе одной общей инструкціи, изданной Румянцевымъ въ руководство при составленіи описей, ее не вездѣ и не во всѣхъ случаяхъ выполняли одинаковымъ способомъ. Въ однихъ полкахъ ей слѣдовали буквально, до мелочей, въ другихъ—многія изъ предъявленныхъ инструкціей требованій остались безъ отвѣта. Изъ тѣхъ двухъ главныхъ группъ описей, которыя имѣются у меня подъ руками, одна, заключающая въ себѣ описаніе переяславскаго полка, значительно отличается отъ той, въ которой идетъ рѣчь о селеніяхъ кіевской сотни. Въ первой изъ нихъ, напримѣръ, описаніе ведется такъ, что изучающему его представляется полная возможность ознакомиться не только съ экономическимъ состояніемъ даннаго села, но и съ внѣшнимъ его видомъ. Ему не трудно, пользуясь указаніями описи, занести на планъ всѣ улицы даннаго селенія, отмѣтить точное положеніе каждаго двора, находящагося на извѣстной улицѣ. Опись ведется такимъ образомъ, что указываются вначалѣ направленіе улицы, а затѣмъ и мѣсто нахожденія двора, и въ рядъ, и по сторонамъ улицы, т. е. на правой или лѣвой сторонѣ ея. Не то въ описаніяхъ большей части селеній кіевской сотни и въ особенности въ тѣхъ, къ

удалось извлечь ихъ въ 1882 г. Эту справку я привелъ въ виду того, что въ литературѣ (и у г. Лазаревскаго, въ его работѣ о посполитыхъ, и въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Червинскаго о кролевецкомъ уѣздѣ) сообщаются крайне неточныя свѣдѣнія на счетъ судьбы румянцевской описи.

которымъ относится настоящая замѣтка. Здѣсь нѣтъ указаній на улицы и ихъ направленіе. Описываются одни дворы, описываются несомнѣнно подъ рядъ, но такъ, что нѣтъ возможности опредѣлить, находятся ли они на одной и той же, или занимаютъ нѣсколько улицъ. Оттого о точной и полной картинѣ той или иной части города не можетъ быть и рѣчи. Все, что возможно сдѣлать, это—указать приблизительно мѣсто, гдѣ находилось данное поселеніе, а затѣмъ охарактеризовать экономическій бытъ его жителей.

Сказаннымъ объясняется характеръ изложенія настоящей замѣтки, отрывочность ея и нѣкоторая, невольная неполнота.

Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ румянцевская опись для г. Кіева? Описи верхняго Кіева нѣтъ. Имѣется только вѣдомость о козачьихъ дворахъ, находившихся на Кіево-Подолѣ. Но затѣмъ обо всемъ почти поясѣ земель, окружавшихъ и Старый Городъ, и Кіево-Подолъ, эти двѣ главныя и единственныя части тогдашняго города, о весьма многихъ изъ существовавшихъ здѣсь поселковъ, даются нерѣдко подробныя описанія. Изобразивши состояніе кіево-подольскихъ козаковъ, премьеръ майоръ орловскаго пѣхотнаго полка Аршеневскій и бунчуковый товарищъ Савичъ, составители описи, ведутъ насъ спачала на нынѣшній Крещатикъ, а затѣмъ увлекаютъ влѣво на гору въ теперешній Печерскъ, заставляютъ спуститься до Днѣпра и до Выдубецкаго монастыря, гдѣ вводятъ въ рядъ селеній, совершенно неизвѣстныхъ прежде: въ слободку Солоную Горку, слободу Свято-Озерскую, затѣмъ въ Звѣринецъ. Оттуда, поворачивая на западъ, знакомятъ съ Ямками, пока не приводятъ къ Лыбеди и не входятъ въ Нижне-Лыбедское село. Изъ этого села совершается путешествіе по Лыбеди и по склону горы къ Лыбеди. Предъ вами проходятъ Нижне и Верхне-Лыбедскіе Дворцы, Панковщина, Шулжинское подворье. Здѣсь мы вступаемъ на дорогу въ Бѣлогородку, доходимъ до Львовскихъ воротъ и подлѣ нихъ попадаемъ въ слободу Высшій Кудрявецъ. Отсюда начинается спускъ внизъ, къ Подолу. Составители описи показываютъ слободку Нижній Кудрявецъ и, наконецъ, приводятъ въ

село Плоское, гдѣ и заканчиваютъ трудное и продолжительное путешествіе [1]).

Мнѣ остается совершить и съ читателями подобное же путешествіе, не всегда веселое и пріятное, но, быть можетъ, не безполезное, слѣдуя тому же маршруту, а затѣмъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности и характерѣ населенія пройденныхъ селеній вообще.

---

¹) Для болѣе точнаго опредѣленія тѣхъ селеній, которыя находились въ 1766 году подъ самымъ Кіевомъ, привожу списокъ всѣхъ селъ, входившихъ тогда въ составъ кіевской сотни. Я беру его изъ „экстракта, коликое число въ сотни кіевской состоитъ по ревизіи 1766 г. козачьихъ и посполитыхъ дворовъ", приложеннаго къ описи. Это—1) *Кіево-Подолъ*, 2) м. Триполье, 3) д. Злодѣевка, 4) с. Халены, 5) с. Витачевъ, 6) Черняховъ, 7) Веремѣи, 8) Жуковцы, 9) д. Козѣевка, 10) Долина Монастырская, 11) с. Красное, 12) д. Германовка, 13) Деревяная, 14) с. Койловъ, 15) *Слобода Вышній Кудрявецъ*, 16) *Шулъжинское подворье и Панковщина*, 17) с. Жиляны, 18) д. Малая Бугаевка, 19) с. Рославичи, 20) с. Янковичи, 21) д. Мархалевка, 22) д. Крушинка, 23) м. Бѣлогородка, 24) д. Бобрица, 25) с. Боярка, 26) Зазимье, 27) д. Погребы, 28) *м. Печерское*, 29) *Васильковскія Рогатки*, 30) *Печерскій Звѣринецъ*, 31) *Ямки*, 32) *сл. Солоная Горка*, 33) *сл. Свято-Озерская*, 34) *с. Нижне-Лыбедское*, 35) *Выше-Лыбедское*, 36) с. Хотовъ, 37) Голосѣевская пустынь, 38) с. Пирогово, 39) сл. Новая Вета, 40) сл. другая Вета, 41) д. Совки, 42) х. Козинъ, 43) с. Новые Безрадичи, 44) д. Старые Безрадичи, 45) м. Васильковъ, 46) Васильковскіе хутора, 47) с. Будаевка, 48) с. Кожуховка, 49) х. Любскій, 50) с. Романовка, 51) сл. Кухмистерская, 52) м. Стайки, 53) с. Борщаговка, 54) с. Плесецкое, 55) д. Перевозная, 56) д. Сподарецъ, 57) д. Офирное, 58) с. Мотовиловка, 59) д. Боровая, 60) сл. Салтановка, 61) х. Видлицы, 62) х. Которъ, 63) с. Мостище, 64) *Вышній Кудрявецъ и Крещатикъ*, 65) *Выше и Ниже-Лыбедскіе Дворцы*, 66) с. Глеваха, 67) х. Вета, 68) д. Борщаговка 69) д. Жарновка, 70) д. Заборья, 71) Онуфріевская пустынь, 72) д. Даниловка, 73) сл. Даниловка, 74) д. Малютинка, 75) д. Еревка, 76) с. Круковщина, 77) сл. Никольская, 78) с. Гатное, 79) с. Гвоздовъ, 80) д. Борщаговка, 81) *Выдубицкій Звѣринецъ*, 82) х. Баграновъ, 83) с. Лѣсники, 84) Межигорскій монастырь, 85) с. Вышгородъ, 86) с. Новые Петровцы, 87) д. Старые Петровцы, 88) д. Борки.

I.

Кіево-Подолъ представлялъ собою въ XVIII в. самую населенную часть Кіева. Составитель описанія Кіева 1784 года [1]) насчиталъ здѣсь до 1926 домовъ, не малая часть которыхъ принадлежала мѣщанамъ. Эти послѣдніе были преобладающимъ элементомъ въ мѣстной жизни. Имъ, въ лицѣ представлявшаго мѣщанство городоваго магистрата, принадлежала на правахъ собственности значительная часть территоріи Подола, у нихъ же въ рукахъ была вся торговля и шинки. „Въ нижнемъ городѣ все мѣщане; хохлы всѣ торговые люди; тутъ у нихъ и ратуша и ряды всѣ, всякіе торги, а стрѣльцамъ въ нижнемъ городѣ не даютъ хохлы въ лавкахъ сидѣть: только всякіе на себѣ товары въ разносъ продаютъ", читаемъ мы о Подолѣ въ разсказѣ извѣстнаго священника Лукьянова. Среди этой массы мѣщанства козачій элементъ совершенно терялся и исчезалъ и, повидимому, не могъ играть роли, имѣть вліянія.

И въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ онъ собою въ описываемое время? Изъ всей массы подольскихъ домовъ лишь 45

---

89) д. Гуты, 90) с. Лютежъ, 91) х. Горенскій, 92) х. Мощунскій, 93) х. Староселье, 94) с. Великая Бугаевка, 95) сл. Коначевъ, 96) с. Ханбековъ, 97) с. Великіе Дмитровичи, 98) с. Малые Дмитровичи, 99) с. Подгорцы, 100) с. Ходосовка, 101) х. Лицицкій, 102), м. Бровары, 103) *дворъ Больницкаго монастыря*, 104) д. Мышеловка, 105) д. *Плоское*, 106) с. Борщаговка, 107) с. Креничи, 108) с. Обуховъ, 109) с. Воскресенское, 110) с. Нещеревъ, 111) сл. Гудимовка, 112) х. Зурновщине, 113) *сл. Нижній Кудрявецъ* и 114) хутора близъ Василькова и Бугаевки. Изъ этихъ селеній означенныя курсивомъ вошли въ составъ Кіева. Изъ нихъ пропала лишь опись с. Выше-Лыбедскаго. Изъ остальныхъ селеній сохранились описи лишь небольшаго ихъ числа (именно: селеній подъ №№ 77, 102, 104 и 109), всѣ остальные утеряны. Изъ 113 селеній, около 80 принадлежали монастырямъ. Всего во всѣхъ селеніяхъ насчитывалось 3596 дворовъ, 282 бездв. хаты, съ населеніемъ въ 28877 душъ обоего пола (14564 мужеск. и 14313 женск). Всей пахатной земли насчитывалось 38484 дня (около 28863 дес), сѣнокосной на 1769 скирдъ, рогатаго скота: воловъ 6494 и коровъ 6296, лошадей 3572, свиней 10903.

[1]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева II, 131.

считались козачьими [1]). Но и изъ нихъ только 32 было собственно козачьими: 13 принадлежали козачьей старшинѣ [2]), т. е. сотнику, да сотеннымъ хорунжему, войсковому и значковымъ товарищамъ, писарю и т. д. Они образовывали войсковое начальство, командовавшее надъ козаками, число которыхъ доходило въ то время до самой ничтожной цифры. На дѣйствительной службѣ находилось тогда лишь 25 человѣкъ; остальные козачьи дворы были заняты либо козачьими вдовами, либо малолѣтними сыновьями умершихъ козаковъ. Козачье населеніе состояло всего изъ 114 душъ обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 13, отъ 15 до 60—35, престарѣлыхъ 3, женскаго п. отъ 1 до 15 л.—26, до 60 л.—35, престарѣлыхъ—2.

Эта малочисленность козачьяго сословія шла рука объ руку съ крайнею экономическою его слабостью. Упадокъ этого класса населенія въ Кіевѣ былъ полный. Ничего напоминающаго въ экономическомъ отношеніи козачество лѣваго берега, владѣвшаго землями, занятаго земледѣліемъ или промыслами, не существовало у кіевскихъ козаковъ. Ни пахатной земли, ни лѣсовъ у нихъ не было. Ни одинъ изъ нихъ не занимался ни земледѣліемъ, ни какимъ-либо промысломъ или ремесломъ [3]). Даже бо-

---

[1]) Привожу перечень владѣльцевъ этихъ дворовъ, какъ матеріалъ для исторіи кіевскаго козачьяго управленія. Одинъ дворъ принадлежалъ сотнику Михаилу Гудимѣ, три—полковому асаулу Павлу Гудимѣ; одинъ—полковому канцеляристу Ивану Гудимѣ; затѣмъ по одному двору находилось во владѣніи атамана городоваго Василія Блажевскаго, хорунжаго сотенного Елисѣя Недѣльскаго, войсковаго товарища Данила Березовскаго, значковыхъ товарищей: Григорія Демяновича и сына священника Остапа Ломачевскаго и сотеннаго писаря Павла Масловича. Сверхъ того держали козачьи дворы кіевскій возный Антонъ Чокало, козакъ, да абшитованный значковой товарищъ Григорій Голикъ.

[2]) Румянцовская опись, кіевск. сотня № 5.

[3]) Исключеніе составляли лишь два козака, одинъ—золотарь, а другой занимавшійся портняжествомъ, кравецкимъ ремесломъ, но онъ не былъ записанъ въ цехъ, и его ремесло, какъ видно, изъ описи, не давало ему никакого дохода.

лѣе: не смотря на то, что въ составѣ козачества было 19 мѣстныхъ уроженцевъ [1]), большинство не имѣло правъ собственности на усадьбы. Лишь 4 двора были козачьими, предковскими, остальные построены были на чужой землѣ, и козаки сидѣли на нихъ, уплачивая владѣльцамъ чиншъ. Правда, владѣніе было обезпеченное. Они могли даже продать усадьбу другому лицу, подъ условіемъ уплаты чинша собственнику, или купить ее подъ тѣмъ же условіемъ, какъ то видно изъ купчей 1763 г. Нѣкто гусаръ хорватскаго гусарскаго полка продаетъ сотнику Гудимѣ дворъ свой съ строеніемъ, „на землѣ куничной магистратской состоящій, за якую землю ежегодно въ оной магистратъ платилось и платитись должно куничнихъ денегъ по пятъ десятъ копеекъ“ [2]), и продаетъ за 200 р. [3]). Но покупка обходилась не дешево, а съ другой стороны требовалось взносить ежегодно опредѣленную сумму денегъ, добыть которые для козака было нелегко. Усадьбы, занятыя козаками, принадлежали различнымъ владѣльцамъ. На землѣ магистратской сидѣло 6 козаковъ, на мѣщанской—1, на монастырской, принадлежавшей Кіево-Братскому и Кирилловскому монастырямъ—8, на церковной, составлявшей собственность разныхъ церквей—13 [4]), на земляхъ част-

---

[1]) Пришлыхъ было изъ Черниговщины—5, изъ Полтавщины—3 и Польской области—6.

[2]) Купчая приложена къ описи. Румянцовск. опись, документы кіевской сотни.

[3]) Изъ документовъ, приложенныхъ къ описи, видѣнъ размѣръ стоимости продаваемыхъ дворовъ съ постройками, все равно продавался ли дворъ на „вольной“ или „куничной“ землѣ. За одинъ дворъ вольный съ постройками заплачено въ 1700 г. 400 злотыхъ, т. е. около 200 р. Площадь двора означена въ купчей: 5396 квадр. аршинъ. За другой—куничный, въ 1742 г.,—20½ р., за третій—вольный въ 1743 г.,—160 р.

[4]) Именно 9 церквей: св. Николая, св. Василія, Добраго Николая, Покровской, Рождественской, Борисоглѣбской, Вознесенской, Воскресенской и Притискаго Николая. Этотъ одинъ фактъ, указываетъ на крайнюю разбросанность козачьихъ дворовъ: козаки видимо, не жили вмѣстѣ, одною слободою.

ныхъ лицъ—5 [1]). Размѣръ годовой платы былъ различенъ и зависѣлъ отъ количества усадебной земли. Плата чинша колебалась отъ 20 к. до 2 р. 50 коп.. Но собственно козаки платили только отъ 20 к. до 1 р. Чиншъ свыше рубля платила мелкая старшина. Распредѣленіе этой чиншевой платы не лишено интереса: оно рисуетъ вполнѣ ясно размѣръ средствъ козаковъ того времени, и потому привожу цифры. Чиншъ въ 20 коп. платилъ одинъ козакъ, отъ 25 до 50 к. платило 10 козаковъ, отъ 50 до 60—13, 80 к.—2, 90 к.—1.

Что дѣйствительно экономическое положеніе козаковъ было незавидно, это доказывается и рядомъ другихъ данныхъ. Ни въ одномъ дворѣ не было ни рогатаго, ни мелкаго скота. Лошадь, эта необходимая принадлежность козака, отсутствовала у весьма многихъ. По одной только лошади имѣли 12 человѣкъ. Съ другой стороны и обстановка была не блестящая. Не во всѣхъ дворахъ были хозяйственныя постройки, амбары или сараи, не говоря уже о погребахъ и ледникахъ, которыхъ почти ни у кого изъ козаковъ не было. Въ 5 дворахъ кромѣ избы не существовало никакихъ другихъ построекъ; съ одною хозяйственною постройкою—8, съ двумя—8, съ тремя—6, съ четырьмя—4, съ пятью—2. Лишь у одного былъ деревянный погребъ, да у одного при домѣ комната.

Главнымъ рессурсомъ являлся для козаковъ лишь сѣнокосъ, находившійся вверхъ по Днѣпру между Десною и Днѣпромъ, въ 15 верстахъ отъ Кіева [2]), доставлявшій до тысячи копенъ сѣна и состоявшій въ общемъ ихъ владѣніи со старшиной. Но и этимъ сѣнокосомъ, который отведенъ былъ имъ по распоряженію гетмана Скоропадскаго въ 1713 году, имъ уда-

---

[1]) На земляхъ сотника опошнянскаго, Л. Быковскаго, сына священника и войсковаго канцеляриста, Ивана Гудимы, полковаго асаула Павла Гудимы, бунчуковаго товарища Савича.

[2]) Это—острова Маркова Голова и Казинъ, которымъ учинено въ 1713 году ограниченіе такое: „зъ одного боку Десна, а зъ другой озеро, прозиваемое Осецкое, с третяго Алексѣевъ переволъ, изъ гори Десна, а знизу Днѣпръ". Универсалъ гетмана Скоропадскаго 1713. Румянц. опись, докум. города Кіева.

лось окончательно завладѣть лишь съ 1760 года, въ силу новаго и рѣшительнаго предписанія гетмана Разумовскаго. Борьба изъ за него съ кіевскимъ магистратомъ обратилась въ XVIII в. въ хроническую. Кіевскіе мѣщане считали его своею собственностью и слышать ничего не хотѣли о какихъ-то правахъ на него козаковъ. Они „самовольно", такъ жаловались не разъ казаки, „становятся станами и развѣшують неводы, забываючи лозовіе колля, отъ чего лоза растетъ, а сѣнокосъ пустѣетъ и лозою зарастаетъ, такъ что впредъ и прибыл получит съ оного мало можно". Этого мало. Сильные своею численностью, мѣщане прибѣгаютъ и къ прямому насилію. „Когда сторожа козачая поставляется, чтобъ трави не крадено и сѣнокосу не пустошенно, то оную сторожу набѣгши магистрата кіевского урядники зъ слугами зъ того сѣнокосу прогоняють и горѣлку забираютъ, которая болшею частью тамо на сѣнокосѣ лѣтнего и сѣнокосного времени содержится для их козачих надобностей и необходимыхъ нуждъ для косарей тѣхъ, кои тамо сѣно косятъ". Козакамъ отъ того „чинится великое разореніе и неправда". „Насъ лишаютъ", повторяли они неустанно, „утвержденныхъ высочайшими указами козачихъ вольностей, напрасно и крайне разоряютъ, ибо не имѣя никакого утвержденія и ни отъ кого дозволенія, в находячиися озера уступаютъ, также самоволно рыбу виловливаютъ". А главное не даютъ продавать „горѣлку", хотя острова находятся не подъ Кіевомъ, а „в двадцатъ верстъ разстояніемъ отъ онаго". Борьба за сѣнокосы приняла въ началѣ XVIII в., повидимому, весьма широкіе размѣры и вызвала вмѣшательство гетмана, назначившаго особую слѣдственную коммиссію и поручившаго войсковому хорунжему, Ивану Сулимѣ, произвести розыскъ. Изъ розыска и разспроса старинныхъ людей обнаружилось, что оба сѣнокосные острова издавна принадлежали къ сотнѣ кіевской. Скоропадскій въ виду этого утвердилъ за козаками право ихъ на эти острова. Но въ глазахъ мѣщанъ все это не имѣло значенія, и борьба не прекратилась и послѣ выдачи козакамъ универсала. Въ 1760 году козаки вынуждены были обратиться вновь къ гетману Разумовскому, на этотъ разъ поддерживаемые въ своей жалобѣ

и полковой старшиной, въ лицѣ полковника Дарагана. Гетманъ, руководясь тѣмъ же мотивомъ, какъ и его предшественникъ, а именно, что кіевскіе козаки отличаются своимъ „убожествомъ“ и противъ „протчихъ въ малой Россіи жительствующихъ козаковъ никакихъ грунтовъ и угодій в себе не имѣютъ“, подтвердилъ право козаковъ на сѣнокосъ и предписалъ магистрату не чинить имъ впредь никакихъ утѣсненій. Но насколько пользы принесло козакамъ владѣніе сѣнокосомъ, какую долю изъ тысячи копенъ получали они и какую сотенная старшина и сотникъ Гудимъ,—этого къ сожалѣнію мы не знаемъ.

Понятно, что эта экономическая необезпеченность козаковъ, отсутствіе у нихъ пахатныхъ земель и промысловъ, необходимо должны были побуждать ихъ искать какихъ-либо заработковъ во чтобы то ни стало. Заниматься торговлею было трудно; для этого нуженъ былъ капиталъ, да и торговля составляла монополію мѣщанъ. Оставалось шинкованіе, и къ нему обратились козаки, какъ къ единственному рессурсу. То была въ то время и ранѣе наиболѣе прибыльная статья. Всѣ жители Кіева стремились къ ней: фабрикація водки и напитковъ являлась главною и, можно сказать, единственною формою производства, существовавшаго въ Кіевѣ. Не могли не поддаться общему настроенію и козаки, тѣмъ болѣе, что они привыкли смотрѣть на винокуреніе, какъ на свободную профессію и право вольнаго козачества. Они упорно стояли всегда на томъ, что въ пунктахъ новопришедшаго подъ россійскую державу гетмана Богдана Хмельницкаго всѣ эти вольности даны и кіевскимъ козакамъ. Развѣ они не такъ же, какъ и прочіе козаки, служатъ во всѣхъ походахъ и притомъ на своемъ коштѣ безъ жалованья, развѣ поэтому и они не могутъ курить вино и шинковать? А у нихъ въ добавокъ нѣтъ ни земель, ни другихъ угодій, и они видятъ, что и монастыри, и другія лица то строятъ винокурни и бровары, то заводятъ шинки. Но на этомъ пути къ изысканію средствъ стояло для нихъ неодолимое препятствіе: продажа хлѣбнаго вина „квартами и чарками въ шинкахъ“ составляла привилегію кіевскаго магистрата, за пользованіе которою послѣдній уплачивалъ въ казну ежегодно по 600 р. и обязанъ былъ нести въ добавокъ

и разнаго рода натуральныя повинности. Уступать право исключительнаго шинкованія кому бы то ни было магистратъ и мѣщане и не думали, и не желали. Если они накладывали свою руку даже на продажу муки, воспрещали то тому или иному монастырю, то другимъ лицамъ покупать на подольскихъ базарахъ ржаную муку,—на что они не имѣли права, то тѣмъ съ большею энергіею защищали свое безспорное право. Экономическая борьба за существованіе въ буквальномъ смыслѣ этого слова была неизбѣжна, и между мѣщанами и козаками, занимавшимися корчемствомъ, и „неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ горѣлкою“, она и не прекращалась въ теченіе почти всего XVIII в. Мы видѣли уже, что борьба эта велась даже на удаленныхъ на значительное разстояніе отъ Кіева мѣстахъ. Еще болѣе ожесточенною была она въ самомъ городѣ, гдѣ она создала длиннѣйшій мартирологъ „боевъ и дракъ“, „увѣчій“ и поврежденій тѣлъ, лицъ, смертоубійствъ и т. п., мартирологъ, небольшую часть котораго изобразилъ г. Андріевскій въ своихъ „историческихъ матеріалахъ“. Въ самый почти моментъ составленія описи и не смотря на существованіе грозныхъ приказовъ, публикуемыхъ неоднократно съ барабаннымъ боемъ, о нещадномъ сѣченіи плетьми за корчемство, велось дѣло „о явшихся на Подолѣ въ неуказанномъ шинкованіи виномъ сотни кіевской козакѣ Филиппѣ Окунѣ и прочихъ“.

Но корчемство все таки являлось дѣломъ опаснымъ, и доходъ съ него случайнымъ. Въ выигрышѣ въ концѣ концовъ были не козаки, а козачья старшина, обладавшая и бо́льшими экономическими средствами, и бо́льшею силою, вѣсомъ и значеніемъ, чѣмъ простые козаки, и потому смѣлѣе дѣйствовавшая. Козакамъ оставалось при такихъ условіяхъ являться лишь пособниками старшины и питаться крохами. И въ самомъ дѣлѣ, ни у одного изъ козаковъ опись не отмѣчаетъ существованія не только шинковъ, но даже и простыхъ солодовенъ для дозволенной варки меду или броваровъ для пива. Не то въ отношеніи старшины.

Еще дѣдъ полковаго асаула Павла Гудима, Петръ Левковичъ, простой мѣщанинъ подольскій, пріобрѣлъ въ 1666 году

у задолжавшагося своего собрата „пляцъ охрѣмовскій, тутъ же в мѣстѣ кіевскомъ над берегом реки Днѣпра лежачій... зъ будынкомъ: избою, сѣнцами, свѣтлицею, комнатою, сѣнникомъ и лазнею“. Его потомки прикупили въ 1728 году пляцъ, лежавшій подлѣ указаннаго двора, на улицѣ, идущей вдоль берега къ Ильинской церкви, и мѣсто дворовое на мостовой большой улицѣ. Полковой асаулъ, Павелъ Гудимъ, умножилъ въ первомъ дворѣ, гдѣ онъ держалъ одного рабочаго за 2 р. въ годъ и двухъ работницъ за пропитаніе и одежду, число хозяйственныхъ построекъ, прибавивши къ прежнимъ одну людскую, два амбара и сарай, а на двухъ послѣднихъ устроилъ шинки. Въ обоихъ шинкахъ шла бойкая продажа питей, продававшихся гарнцами. Матеріалъ покупался, но водка производилась домашними средствами, и продажа доставляла Гудиму ежегодно чистаго дохода 40 р. (360 р [1]). Въ шинкахъ сидѣли шинкари, козакъ изъ Хорола съ семьею въ одномъ, уроженецъ польской области въ другомъ и тоже съ семьею и работницей, получавшіе вѣроятно такъ же какъ и монастырскіе шинкари, десятину отъ продажи водки.

Еще лучше поступилъ кіевскій сотникъ, извѣстный въ исторіи кіевскаго шинковаго дѣла, Михаилъ Гудимъ. Въ селѣ Плоскомъ, подлѣ Кіево-Подола, на землѣ, принадлежавшей Кирилловскому монастырю, онъ соорудилъ цѣлый дворъ, съ спеціальною цѣлью спекулировать водкой. Правда, ему приходилось платить монастырю за землю куничныя въ размѣрѣ 3 р. Но что значилъ этотъ расходъ при ожидаемыхъ и несомнѣнныхъ барышахъ, во много разъ превышавшихъ чиншъ.

Повидимому, предпріятіе это было задумано и выполнено не задолго до описываемаго времени, потому что опись говоритъ о дворѣ, какъ о чемъ то новомъ, недавно воздвигнутомъ. А дворъ былъ выстроенъ солиднымъ образомъ. Въ дворѣ стоялъ деревянный домъ о двухъ чистыхъ комнатахъ съ „пекарней“ и людской тутъ же напротивъ въ одной связи. Кругомъ него возвы-

---

[1]) Мы принимаемъ, слѣдуя г. Ключевскому, тогдашній рубль равнымъ 9 руб. нынѣшнимъ. См. статью его о русскомъ рублѣ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др., 1884 г. № 1.

шался рядъ прочно выстроенныхъ хозяйственныхъ строеній: три амбара, рубленная новая конюшня, сарай и рубленный погребъ,—обстановка, по тому времени превосходившая средній уровень зажиточности. Но не въ ней была сила. Красу двора представляла винокурня, задуманная въ широкихъ размѣрахъ. Она была о 6 котлахъ, давала ежегодно 1200 ведеръ водки, сбываемой и въ Кіевъ, и въ другія мѣста, но требовала немалыхъ расходовъ. Нужно было покупать дрова и хлѣбъ, какъ въ Кіевѣ; такъ и заграницей", т. е. въ Польшѣ, а затѣмъ держать цѣлый штатъ рабочихъ и прислуги, который обходился недешево. Винокуреніе давало тогда хорошіе барыши, и уровень заработной платы по винокуренію стоялъ выше той, которую платили обыкновеннымъ рабочимъ. Требовался винокуръ, и ему приходилось платить по 25 коп. (2 р. 25 к. совр) ежедневно, да еще и кормить. Затѣмъ нужно было держать семь человѣкъ рабочихъ и прислуги, изъ которыхъ два получали по 8 р. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ, одинъ—7 р. съ харчами хозяйскими; одинъ работалъ поденно и получалъ по 5 коп. Двѣ работницы, находившіяся при дворѣ, были наняты на годъ за 2 р. и 1 р. 20 к. на платьѣ и пищѣ хозяйской [1]). И тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ расходы, предпріятіе было настолько выгодно, что не только покрывало все, но и доставляло Гудиму 50 р. (около 450 совр) ежегоднаго чистаго дохода. Сверхъ того, онъ могъ держать при винокурнѣ и выкармливать 19 воловъ, 30 свиней, 3 коровы, 5 телятъ и 5 лошадей.

Въ какомъ положеніи находилась мелкая сотенная старшина, т. е. атаманъ, хорунжій, значковые товарищи и писарь,—мы не знаемъ: опись не даетъ на это прямыхъ указаній. Но врядъ ли и ихъ положеніе было особенно блестящее. Они вышли изъ рядовъ простыхъ козаковъ,—одинъ изъ нихъ, напр., еще козакъ съ 1766 г., сдѣланъ былъ тотчасъ по окончаніи

[1]) Рабочіе были народъ пришлый: козакъ изъ черниговскаго полка (1), козакъ прилуцкій (1), посполитые польской области (3), посполитый переяславскаго полка, онъ же и винокуръ, Мосцѣпаненко (1). „Жена" работница была родомъ изъ Сумъ, а „девка" работница изъ Чернигова.

описи значковымъ товарищемъ,—и, естественно, мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ козаковъ.

Такъ, у атамана городоваго, жившаго на церковной землѣ, за которую онъ платилъ чинша 90 к., было въ дворѣ всего двѣ избы, да одинъ амбаръ, да погребъ и рубленная конюшня („стайня"), и если онъ чѣмъ отличался отъ простыхъ козаковъ, то развѣ тѣмъ, что держалъ работника за 4 р. въ годъ и работницу, которой платилъ по 2 р. У хорунжаго Недѣльскаго, сидѣвшаго на монастырской землѣ, было 2 избы и 4 хозяйственныхъ постройки, въ томъ числѣ одинъ ледникъ, и онъ также какъ и атаманъ держалъ двое слугъ. Въ томъ же родѣ былъ и писарь, жившій впрочемъ на болѣе обширномъ по размѣрамъ дворѣ, за который онъ платилъ Леонтію Быковскому по 2 р. 50 к. ежегодно; но и онъ имѣлъ лишь тѣ же 2 избы, да 3 хозяйственныхъ постройки. Оба значковые товарища ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды козаковъ.

II.

Крещатикъ[1]). Въ XVIII в Подолъ оканчивался, такъ же какъ и въ наше время, у самой подошвы Александровской горы, и церковь Рождества Христова представляла собою конечный пунктъ „нижняго города Подола". Начиная отсюда, все пространство земли, вверхъ до Царскаго сада и затѣмъ по склонамъ горъ вдоль до городской стѣны, окаймлявшей Михайловскій монастырь и Старый или верхній городъ, т. е. нынѣшній Александровскій спускъ и Крещатикъ, находилось внѣ города и было настоящимъ пустыремъ, заросшимъ въ большей своей части лѣсомъ. У подошвы той части городской стѣны, гдѣ существовали тогда Печерскія ворота, разстилалась узкая и длинная долина. То былъ нынѣшній Крещатикъ, состоявшій изъ главной долины и ряда боковыхъ: Евсейковой (гдѣ теперь даются спектакли драматическаго общества), Александровской (у подошвы горы, по которой стоитъ государственный банкъ, и т. д.).

---

[1]) Румянц. опись. ..кіевск. сотня, № 40.

Склонъ горы къ Подолу, также и берегъ рѣки съ пристанью, составляли въ XVIII в. одно цѣлое, носили одно общее названіе Крещатика, Крещатицкой земли, Крещатицкой пристани.

Небольшая тропинка, превращенная въ проѣздную дорогу лишь въ началѣ XVIII в. и идущая по теперешнимъ Александровскому спуску и Александровской улицѣ, служила единственнымъ путемъ, соединявшимъ Подолъ съ Печерскомъ. Здѣсь по пути къ Печерску она тянулась параллельно другой тропинкѣ, такъ называемой Старой Ивановской дорогѣ (нынѣ Институтской), связывавшей чрезъ Печерскія ворота Старо-Кіевскую и Печерскую крѣпости. Соединительной связи между ними не было. Крещатикъ въ этомъ мѣстѣ былъ несомнѣннымъ пустыремъ. Лишь у подошвы горы, при самомъ началѣ подъема съ Подола на Печерскъ, одно время стали было селиться бѣднѣйшіе жители Кіева. Къ 1745 году здѣсь, повидимому, успѣло образоваться цѣлое поселеніе, состоявшее изъ хатокъ, занимавшихъ каждая небольшой клочекъ земли съ платою по 10 к. чиншевыхъ или куничныхъ денегъ [1]). Но обвалы горы сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе поселка. Хаты снесены еще до 1745 года, и когда въ 1754 г. возникло дѣло о починкѣ Крещатицкаго взвоза, то оказалось, что „жилья здѣсь ничьего нѣтъ“, какъ нѣтъ его и близъ валу Старо-Кіевской крѣпости [2]).

Мѣстность эта принадлежала въ 1766 году, какъ кажется, только двумъ владѣльцамъ, двумъ кіевскимъ монастырямъ: Михайловскому и Кіево-Пустынно-Николаевскому. Я говорю: какъ кажется, такъ какъ споры между монастырями и кіевскими мѣщанами за эту землю были нерѣдки, и въ 1746 году велось, напр., дѣло о Крещатицкой землѣ между кіевскими мѣщанами и Михайловскимъ монастыремъ [3]). Изъ грамотъ, выданныхъ Михайловскому монастырю, равно и изъ показаній старожиловъ, показаній, данныхъ ими во время веденія только что упомянутаго дѣла, представляется возможнымъ до извѣстной степени

[1]) Андріевскій, III, 104.

[2]) Ibid., VII, 94.

[3]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева, III, 15—16.

опредѣлить границы владѣній Михайловскаго монастыря. Его владѣніе начиналось съ Евсейковой долины, шло долиною Крещатика и подгорьями, лежавшими у городской стѣны, затѣмъ спускалось по Крещатицкому взвозу и оканчивалось у берега р. Днѣпра противъ Рождественской церкви. Гораздо труднѣе указать ту мѣстность на Крещатикѣ, которая составляла собственность Пустынно-Николаевскаго монастыря. Въ грамотахъ, выданныхъ ему, нѣтъ прямыхъ указаній на Крещатицкую землю. Въ грамотѣ 1518 года говорится о нивѣ долгой, лежащей по лѣвой рукѣ, если въѣхать въ монастырь, и затѣмъ о другой, уступленной Лаврою и находящейся на пути къ Лыбеди и на правой и на лѣвой сторонѣ пути. Въ румянцевской описи не сохранилось описанія кіевскихъ мастностей Пустынно-Николаевскаго монастыря. Между тѣмъ имѣющаяся у меня „опись подробная дѣлу Кіево-Пустынно-Николаевскаго монастыря о содержаніи по контрактамъ... разными Кіево-Подольскими мѣщанами хуторовъ и винокурныхъ заводовъ съ 1725 по 1786 годъ“ прямо говоритъ о томъ, что эти хутора и винокурни устроены „на монастырской, прозываемой Крещатицкой землѣ, въ городѣ Кіевѣ надъ рѣкою Днѣпромъ противъ Печерскаго форштата лежащей“. Одно дѣло, возникшее 9 мая 1765 года, о порчѣ винограднпка и огорода двумя неизвѣстными лошадьми, забравшимися въ Царскій садъ, даетъ нѣкоторое лишь слабое указаніе на этотъ счетъ. Мѣщанинъ, лошади котораго причинили вредъ саду, объяснилъ, что онъ всегда пасъ ихъ на монастырской землѣ, „въ дачахъ Пустынно-Николаевскаго монастыря“, смежной съ Царскимъ садомъ, и что въ этотъ разъ паслись они близъ Крещатицкой пристани на землѣ того же монастыря [1]). По всей вѣроятности, во владѣніи монастыря находилась полоса земли, начиная отъ Днѣпра чрезъ взгорье, гдѣ теперь находится заведеніе минеральныхъ водъ, и кончая Александровскою долиною и взгорьемъ, къ старой Ивановской дорогѣ.

На землѣ Михайловскаго монастыря, почти у самаго Подола, была нѣкогда выстроена казенная австерія и бровари съ

---

[1]) Дѣло о постройкѣ Кіевскаго дворца, ркп. университетской библіотеки.

солодовней, погребами и амбарами[1]). Существовала ли она въ 1766 году, неизвѣстно. Но еще въ 1745 Михайловскій монастырь, опираясь на жалованной грамотѣ на Крещатицкую землю, а также и на универсалѣ Мазепы, разрѣшившаго, какъ увидимъ, монастырю держать шинокъ, задумалъ воспользоваться принадлежавшею ему земельной собственностью въ видахъ снабженія своими напитками устроенныхъ имъ шинковъ. Тогда же приступилъ онъ къ постройкѣ бровара, воскобойни и винокурни. Но въ виду возникшаго дѣла съ мѣщанами о Крещатицкой землѣ, а также и указа императрицы Елисаветы, воспрещавшаго „какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ всякаго чина людемъ, внѣ и внутрѣ города Кіева живущимъ, никому никакимъ путемъ отнюдь не шинковать и продажи не имѣть“, дальнѣйшая постройка по распоряженію губернатора Леонтьева была пріостановлена. Какъ и какимъ образомъ монастырю удалось устранить это предписаніе, намъ не извѣстно. Но къ 1766 году постройка была кончена, и производство шло полнымъ ходомъ. Въ это время „въ Кіево-Подолѣ на Крещатику“ стоялъ „ветхой пивоварной монастырской дворъ“ съ 2 хатами, баней съ избой, коморой и сараемъ. Въ немъ существовали: пивоварня, въ которой варили пиво изъ собственнаго солоду, а затѣмъ и винокурня. Послѣдняя была выстроена на 3 котла, дававшіе ежегодно 12 куфъ водки, вмѣстимостью каждая куфа въ 40 ведеръ, всего 480 ведеръ. Куреніе производилось и изъ собственнаго монастырскаго, и изъ покупнаго на кіевскомъ базарѣ хлѣба. Какъ велика была дѣятельность завода, видно изъ того, что въ одномъ только октябрѣ 1766 г. монастырь купилъ для завода 36 четвертей хлѣба. При винокурнѣ монахи держали на бардѣ 32 свиньи. Главнымъ надсмотрщикомъ на заводѣ былъ назначенный отъ монастыря монахъ.

Съ своей стороны не отставалъ въ столь важномъ для Кіева и почти единственномъ въ то время производствѣ и Пустынно-Николаевскій монастырь. На Крещатицкой же землѣ, но гдѣ и когда, не видно изъ дѣла, былъ выстроенъ монасты-

---

[1]) Андріевскій, Матер., III, 89. Дѣло о крещатицкой землѣ.

ремъ и собственный винокуренный заводъ. Съ 1751 года монастырь по неизвѣстнымъ намъ причинамъ пересталъ завѣдывать имъ и счелъ болѣе выгоднымъ для себя сдать его въ аренду мѣщанину Гриневичу, который обязался уплачивать монастырю ежегодно по 18 р (162 р).

Но то былъ не единственный винокуренный заводъ, стоявшій на этой землѣ. Кіевскіе мѣщане и купцы уже давно обращались къ монастырю съ просьбами объ отводѣ имъ земли подъ заводы и эксплуатировали свои заведенія весьма усерднымъ образомъ. Мало-по-малу здѣсь возникъ рядъ заводовъ, какъ кирпичныхъ и кожевенныхъ, такъ и винокуренныхъ. Первыхъ впрочемъ было только два: одинъ, основанный еще въ 1725 году, другой (кожевенный) въ 1753 г. Гораздо больше было винокурень: съ 1725 по 1766 годъ было основано разными лицами 14 винокурень[1]). Послѣ того, до 1778 г., прибавилось 8 винокурень и одинъ кирпичный заводъ.

Дѣятельность винокурная, повидимому, расширялась все болѣе и болѣе, и спросъ на землю былъ настолько значителенъ, что монастырь сталъ подымать плату за землю. Въ началѣ платили только за землю такъ называемыя куничныя въ размѣрѣ 2 р. за 100 кв. сажень. Въ сороковыхъ годахъ ее увеличили до 3 р. А съ пятидесятыхъ уже взимали отдѣльно куничныя деньги, отдѣльно—съ котла. Куничныя остались въ томъ же размѣрѣ, т. е. 3 р., съ котла же стали платить по 1 р., если они были ординарные, и по 2 р. съ двойныхъ. Монастырь зорко слѣдилъ за винокурнями и строго взыскивалъ арендныя деньги. Ежегодно являлся повѣренный отъ монастыря, монахъ, который и производилъ провѣрку. Арендаторы обязаны были почти ежегодно возобновлять контракты съ монастыремъ. Насколько быстро шло развитіе здѣсь винокуренія, можно заключить изъ того, что нерѣдко образовывались компаніи для устройства заводовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1765 г., напр., два мѣщанина, образовавшіе

[1]) Я привожу счетъ винокурень, руководясь лишь перечисленными въ описи контрактами. Изъ описи видно, что существовалъ списокъ всѣхъ винокурень, но самаго дѣла у меня нѣтъ. Оно находится, вѣроятно, въ архивѣ кіевской Казенной Палаты.

такую компанію и имѣвшіе каждый свою винокурню, устраиваютъ на монастырской землѣ, полученной ими отъ монастыря вдобавокъ къ той, которая была у нихъ уже въ пользованіи, новую и просятъ монастырь не взыскивать съ нихъ аренды за землю въ виду предпринятой ими полной перестройки завода.

Въ первое время основывались лишь одни винокурни. Жилья при нихъ не было, и только при одномъ былъ хуторъ, основанный съ винокурней въ 1758 г. Но послѣ 1766 г., въ особенности же съ 1769 г., все чаще и чаще попадаются контракты на винокурню и на жилыя помѣщенія и дома, состоящіе при заводѣ. Фраза: „жилой домъ съ винокурней" становится обыкновенною.

Винокурни нерѣдко переходили изъ рукъ въ руки. Перемѣщеніе заводовъ, насколько можно судить изъ описи, представляетъ слѣдующую картину: изъ 14 винокурень, существовавшихъ по 1766 годъ, до этого года въ другія руки перешла лишь одна. Послѣ 1766 г. и по 1778 г. изъ тѣхъ же 14 винокурень уже пять перемѣнили владѣльцевъ. Большинство владѣльцевъ были изъ мѣщанъ и малороссовъ, всего 4 принадлежали къ великороссійскимъ людямъ (Ноздринъ, Стефанищевъ и т. д), одинъ былъ изъ числа священниковъ (іерей Клявѣнскій).

III.

Мѣстечко Печерское было въ разсматриваемое время совершенно новымъ поселеніемъ, не смотря на свою весьма почтенную древность. То было результатомъ постройки заново Печерской крѣпости въ 1707—16 году, произведшей полный переворотъ въ этой части Кіева. Земли, которыя принадлежали Лаврѣ, и на которыхъ сидѣли ея подданные, были отняты подъ крѣпость, и все населеніе прежняго мѣстечка, такъ же, какъ и лавки и проч., пришлось перенести либо на новыя мѣста, либо занять земли существовавшихъ уже поселеній. Вслѣдствіе этого возникаетъ вмѣсто одного прежняго мѣстечка цѣлый рядъ поселеній:

собственно Печерское мѣстечко, дворы, называемые Васильковскіе Рогатки, слободка Солоная Горка, слободка Свято-Озерская и т. д.

Когда по приказу Петра Великаго приступили къ сооруженію крѣпости, мѣстечко Печерское [1]) представляло такой видъ: въ поселеніи, по заявленію архимандрита Лавры, было подданныхъ монастырскихъ чиншевыхъ, которые имѣли торговые промыслы, 500 дворовъ, съ нихъ окладу 2000 р., ординарныхъ крестьянъ черной работы 390 дворовъ съ окладомъ въ 390 р., слугъ монастырскихъ для посылокъ и прочаго послушанія—65, итого 955 дворовъ. Послѣ переселенія вотъ что сталось съ жителями стараго мѣстечка, только частью переселивщившимися въ новое мѣстечко Печерское. „Гдѣ нынѣ", пишетъ архимандритъ Сенятовичъ въ 1719 году, „крѣпость своимъ въ ней строеніемъ и аммунициею зостаетъ и где великороссійскіе люди населившіеся живутъ,... подданные монастырскіе бывали. А нынѣ развѣ десятая часть онаго множества бывшаго подданныхъ обрящется, изъ которыхъ многіе, не имѣючи себе за недостатокъ и убожество никакихъ промысловъ, для единого того в мазанкахъ и землянкахъ живутъ, которые с монастыря и хлебомъ питаютца, а монастырю никакихъ противъ прежняго податей не выстачаютъ" [2]). И онъ проситъ, чтобы было послано въ м. Печерское довѣренное лицо, которое сдѣлало бы опись всѣхъ въ м. Печерскомъ „зостаючихъ монастырскихъ подданныхъ, такъ и угодия ихъ". Исполнено ли было это требованіе Лавры, не извѣстно. Но въ 1766 г. была составлена наконецъ, хотя и для другихъ цѣлей, опись, и можно уже по ней видѣть, въ какомъ состояніи находились жившіе здѣсь монастырскіе подданные.

Собственно мѣстечко Печерское было перенесено на юго западъ отъ первоначальнаго своего мѣста, противъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, на гору вдоль долины, образуемой кловскимъ ручьемъ. Въ 1766 г. оно пріобрѣло сравнительно значительные размѣры и состояло изъ 6 большихъ проѣзжихъ

---

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня подъ № 58.

[2]) Андріевскій, VII, 16—17.

улицъ и 8 малыхъ. На нихъ расположено было 62 посполитскихъ двора и нѣсколько дворовъ монастырскихъ, для послушниковъ и слугъ. Все населеніе подданническихъ дворовъ состояло изъ 304 человѣкъ, въ томъ числѣ мужеск. п. отъ 1 до 15 л.—48, отъ 15 до 60 л.—80, свыше 60 л.—16, женск. п. отъ 1 до 15 л.—61, отъ 15 до 60—83, свыше 60 л.—14. Если прибавить къ этому рабочихъ и послушниковъ, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, всего 27 чел. обоего пола, то все населеніе мѣстечка выразится въ цифрѣ 348 чел., цифрѣ, весьма далекой отъ той, какая приведена выше. Лишь 20 лѣтъ спустя населеніе мѣстечка значительно возросло: изъ ревизскихъ сказокъ 1785 г. видно, что лаврскихъ крестьянъ на Печерскѣ насчитывалось до 263 м. и 231 ж., т. е. до 494 человѣкъ.

Въ моментъ основанія мѣстечка положеніе дѣлъ было несомнѣнно значительно худшее, и что это такъ, въ томъ убѣждаетъ насъ составъ населенія въ 1766 году. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 62 дворовъ только 40 было такихъ, въ которыхъ сидѣли подданные монастырскіе мѣстные уроженцы. Остальные были населены пришлыми людьми, поступившими въ подданство монастырю лишь въ сравнительно недавнее время: изъ Польской Области было 21, изъ Черниговщины—6, изъ Полтавщины—6, изъ Слободской Украины—2, наконецъ одинъ былъ „волоской націи“.

Къ мѣстечку, построенному на монастырской землѣ, Лавра приписала пахатную песчаную землю, находившуюся въ 2 верстахъ отъ Кіева, мѣрою на 50 дней ($37^1/_2$ дес), но негодную для хлѣбопашества; затѣмъ громадный выгонъ на р. Лыбеди, мѣрою въ окружности верстъ на 7, и 2 сѣнокоса въ 8 верстахъ отъ Кіева на 5 и 6 тысячъ копенъ; наконецъ, 2 мельницы на Лыбеди въ 3 верстахъ отъ Кіева, одна на 4, другая на 2 камня. Но всѣ эти „принадлежитости“ не находились въ пользованіи посполитыхъ, подданныхъ Лавры, а лишь ея самой.

Три двора монастырскіе находились въ мѣстечкѣ: два, населенные послушниками и работниками, и одинъ, стоявшій впустѣ. Постройка ихъ обошлась Лаврѣ сравнительно немного: всего 600 р. Только въ одномъ былъ построенъ домъ о 3 гос-

подскихъ покояхъ, въ остальныхъ были людскія и затѣмъ рядъ хозяйственныхъ построекъ [1]).

Но если здѣсь, въ устройствѣ своихъ дворовъ, Лавра не обнаружила особенной щедрости, то иное дѣло было относительно другого двора, находившагося подлѣ мѣстечка, въ небольшомъ разстояніи отъ него, на Кловѣ. Я говорю объ извѣстномъ кловскомъ лаврскомъ дворѣ съ шелковичнымъ садомъ. Въ немъ сооруженъ былъ громадный по тому времени каменный домъ, заключавшій въ себѣ 20 комнатъ; затѣмъ построенъ былъ и деревянный флигель въ 5 комнатъ. Однихъ людскихъ было настроено 20. Все было разсчитано на широкую барскую ногу. За то хозяйственныхъ построекъ было немного: всего 2 амбара для поклажи, 2 сарая, 2 конюшни и 1 погребъ. При домѣ находилась и деревяная старая церковь во имя Положенія Ризы Пресв. Богородицы. Стоимость постройки была значительна и для того времени: всѣ сооруженія обошлись Лаврѣ въ 20 тысячъ рублей.

Сверхъ того въ самомъ мѣстечкѣ въ рукахъ Лавры находились наиболѣе доходныя въ то время статьи. На каждой изъ 14 улицъ для потребъ мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ на ярмарки Лавра держала по одному шинку. Одна улица не въ правѣ были завидовать другой, и каждая выпивала свободно, покупая вино и ведрами, и квартами, и чарками. А выпивалось не мало. Во время ярмарокъ, собиравшихся въ Кіевѣ, Лавра скупала привозимую „разныхъ чиновъ людьми“ водку, видимо, на большую сумму, такъ какъ на одни печерскіе кабаки отдавала 241 куфу, т. е., считая куфу въ 40 в., 9640 ведеръ или по 688¹ ² ведеръ на шинокъ. Пріобрѣтая такое количество водки, Лавра не бывала въ убыткѣ: печерскіе шинки давали ей доходъ въ 3342 р., т. е. 30 к. съ небольшимъ на ведро.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находились Лаврскіе подданные.

Несомнѣнно, что среди всѣхъ поселеній, окружавшихъ Кіевъ, мѣстечко рѣзко выдѣлялось своимъ характеромъ. Въ немъ

---

[1]) 7 амбаровъ, 8 сараевъ, 2 конюшни и 1 погребъ.

не было уже ни малѣйшихъ слѣдовъ земледѣльческаго поселенія. Лавра отвела своимъ подданнымъ лишь однѣ усадьбы; ни пахатью, ни сѣнокосомъ они надѣлены не были, и если все таки они обязаны были панщиною по 4 дня въ недѣлю, по одному человѣку отъ двора, то эту панщину они отбывали каждый помощью того ремесла, которымъ они занимались, либо дворовыми услугами, шинкарствомъ и т. д. Мѣстечко сдѣлалось почти городомъ по характеру занятій жителей. Большинство населенія состояло изъ ремесленниковъ, занятыхъ самыми разнообразными ремеслами, разумѣется, въ бо́льшей части случаевъ необходимыми для монастырскихъ надобностей. Разсматривая съ этой стороны составъ населенія, мы находимъ среди занятыхъ ремеслами 8 человѣкъ, занимавшихся переплетнымъ искусствомъ. Изъ нихъ 3 были обставлены сравнительно лучше: у одного было 3 ученика, у другаго—3 работника, получавшихъ отъ хозяина по 25 к. въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ, и у третьяго—одна работница; затѣмъ 5 сапожниковъ, 3 портныхъ (одинъ съ однимъ рабочимъ за 40 к), 3 иконописца (одинъ съ 2 рабочими), 2 „друкара“, работавшіе въ лаврской типографіи за панщину, наконецъ по одному золотыхъ дѣлъ мастеру, по одному серебрянныхъ и по одному ткачу. Былъ и „чоботарь“, повидимому, заваленный работой, такъ какъ онъ держалъ 2 рабочихъ, изъ которыхъ одногонанималъ за 6 р. въ годъ, а другаго за одежду и пищу. Часть подданныхъ занялась торговлей; въ шинкахъ сидѣло 8 монастырскихъ подданныхъ, получавшихъ каждый въ свою пользу десятое ведро изъ проданной водки, что равнялось почти 15 р. въ годъ. Одинъ держалъ мясную лавку, другой посвятилъ себя мелочному торгу (масломъ, саломъ и проч), третій добывалъ средства къ жизни, занимаясь операціями съ дегтемъ. Почти всѣ они несли панщину своимъ ремесломъ или занятіемъ, и лишь одинъ сверхъ того обязанъ былъ и личнымъ четырехдневнымъ трудо́мъ. Что касается остальныхъ, то пять изъ нихъ работали въ Лаврѣ, кто какъ сторожъ (2), кто какъ поваръ монастырскій (1), кто какъ дьячокъ (1) или просто слуга, „въ боярской должности“. 25 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, не знали ни ремесла, ни промысла и жили съ заработковъ, поден-

ной работой. Пять было освобождено отъ панщины, одинъ откупался отъ нея, уплачивая монастырю 2 р. въ годъ, 19 работали неукоснительно по 4 дня въ недѣлю.

Трудно рѣшить вопросъ, насколько были всѣ они обезпечены. Опись не даетъ прямыхъ указаній для этого. Но судя по тѣмъ косвеннымъ даннымъ, какія имѣются въ описи, мы врядъ ли ошибемся, если признаемъ экономическое положеніе населенія мѣстечка почти нищенскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая состояніе его съ точки зрѣнія суммы движимаго имущества, мы получаемъ для Печерска слѣдующую картину. На всѣ дворы насчитывалось всего 6 коровъ, 7 лошадей, да 3 свиньи. Скота вовсе не имѣлось въ 56 дворохъ. Все наличное количество скота, принадлежало хозяевамъ лишь 6 дворовъ. Изъ нихъ по 1 коровѣ имѣлъ одинъ хозяинъ, по 2—одинъ (онъ же и шинкарь), 3 коровы—одинъ, по 1 лошади—2, по 2 лошади тоже 2. Три свиньи принадлежали всѣ одному хозяину.

То же представляла собою и внѣшняя обстановка подданныхъ, ихъ жилье. Всѣ хаты были мазки. Никакихъ другихъ построекъ, кромѣ амбаровъ и сараевъ плетневыхъ, не было. Изъ всего количества дворовъ въ 3 не было никакихъ другихъ построекъ кромѣ избы; съ одной хозяйственной постройкой считалось 15 дворовъ, съ 2 постройками—23, съ 3 постройками—7, съ 4 постройками—9, съ пятью—только 2.

IV.

Почти непосредственнно за васильковскими воротами печерской крѣпости, за такъ называемой васильковской рогаткой, расположено было другое поселеніе лаврскихъ подданныхъ. Въ настоящее время оно слилось съ печерскимъ мѣстечкомъ, тогда, въ 1766 г., оно составляло самостоятельное цѣлое и извѣстно было подъ именемъ дворовъ за васильковскою рогаткою или *Васильковскіе Рогатки*.

То было значительное по размѣрамъ поселеніе, мало чѣмъ уступавшее мѣстечку. Здѣсь насчитывалось 54 посполитскихъ

двора и 5 монастырскихъ. Въ началѣ, вскорѣ послѣ основанія крѣпости, поселокъ былъ гораздо меньше. Онъ состоялъ изъ 26 дворовъ, въ описи отмѣченныхъ, какъ старые. Къ 1766 г. число ихъ увеличилось 28 новыми дворами. Въ 64 хатахъ поселена была 71 семья. Все населеніе посполитское состояло изъ 265 д., въ томъ числѣ м. пола отъ 1 до 15 л.—44, отъ 15 до 60 л.—68, свыше 60 л.—4, жен. п. отъ 1 до 15 л.—56, отъ 15 до 60 л.—87, свыше 60 л.—6. Если прибавить 41 душу, жившихъ въ монастырскихъ дворахъ, т. е. послушниковъ и рабочихъ съ семьями, то все населеніе выразится въ ц. 298 д. По составу населеніе и здѣсь было смѣшанное: 45 были мѣстные уроженцы, остальные—пришлые: 13 изъ Черниговщины, 10—изъ Полтавщины, 10 изъ Польской Области, 1 изъ Слободской Украины.

Но здѣсь населеніе было гораздо бѣднѣе, чѣмъ на Печерскѣ. Поселокъ не имѣлъ земледѣльческаго характера: монастырь и здѣсь не надѣлилъ землею своихъ подданныхъ. Но въ смыслѣ ремесленной дѣятельности оно стояло ниже м. Печерска. Лишь 8 человѣкъ занимались ремесломъ и занимались сами, безъ рабочихъ. Да и ремесла были обыденные: кузнечное (1), сапожное (2), портняжное (1), гончарное (1), шаповальское (1), да переплетное (2). Затѣмъ 7 человѣкъ служили въ Лаврѣ и въ дворахъ монастырскихъ, въ качествѣ конюховъ. Всѣ остальные, за исключеніемъ 2, не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ отбыванія панщины. Чѣмъ существовали они, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Тѣ же данныя, которыя мы привели для характеристики Печерска, послужатъ намъ и теперь мѣриломъ благосостоянія монастырскихъ подданныхъ. Никакого скота не имѣли 47 дворовъ. Только у 7 хозяевъ былъ скотъ. По 1 коровѣ—у одного, по 2 коровы—у 5, по 1 лошади—у 2, 3 лошади имѣлъ 1, 2 вола было у 1; по 2 свиньи—у 6. Одинъ имѣлъ 20 свиней. Это былъ тотъ самый, у котораго было 3 лошади и 2 коровы.

Въ отношеніи построекъ тоже, что и на Печерскѣ: тѣ же мазки, та же бѣдность построекъ. Безъ построекъ съ одною избою мы находимъ 4 двора, съ одной постройкой (преим.

клѣтью)—19, съ 2 постройками—23, съ 3—4, съ 4—3, съ 6 постройками (баней) и заводомъ—1.

Лишь два хозяина рѣзко выдѣлялись изъ среды подданныхъ, и это опять въ силу того, что они увлечены были общимъ кіевскимъ духомъ того времени. Одинъ былъ шинкарь, имѣвшій у себя и ледникъ, и 2 коровы и продававшій монастырскую водку. Онъ зарабатывалъ 15 р. ежегодно. Другой былъ нѣсколько богаче. Въ его дворѣ стояла винокурня на 2 котла, дававшая 100 ведеръ водки. Дрова и 50 четвертей хлѣба для нея владѣлецъ покупалъ на базарахъ. Выкуренное вино закупалъ у него монастырь, что давало ему 20 р. въ годъ. 12 рабочихъ работало у него на винокурнѣ. Бо́льшая часть была нанимаема понедѣльно, за 16 и 20 к. въ недѣлю, на хозяйскихъ харчахъ.

Монастырскіе дворы, находившіеся здѣсь же, существовали лишь для поселенія послушниковъ и рабочихъ. Одинъ дворъ носилъ названіе типографскаго двора, гдѣ жило 2 рабочихъ съ семьями, нанятые погодно за 8 р. и 5 р. на монастырской пищѣ, и нѣсколько послушниковъ, работавшихъ безъ найма. Въ дворѣ, кромѣ господскаго дома о 2 комнатахъ, были построены людская, 2 амбара, 1 конюшня и 2 сарая для скота монастырскаго: 9 воловъ, 4 коровы и 11 лошадей. Въ остальныхъ 3 дворахъ жили одни послушники, надзиравшіе за находившимся въ нихъ лаврскимъ скотомъ: 19 волами, 6 коровами, 17 лошадьми, 22 свиньями и 2 козами.

Пятый дворъ принадлежалъ Троицкому Больницкому монастырю. Здѣсь былъ шинокъ съ „ледовней", господскій домъ, 3 людскихъ, амбаръ, конюшня и сарай, все стоимостью въ 250 р. 2 семьи нанятыхъ погодно рабочихъ, за 14 р. и 12 р., на одеждѣ и пищѣ монастырской, смотрѣли за дворомъ и вѣроятно продавали водку.

Дворы лаврскіе обошлись ей: типографскій въ 500 р., остальные три въ 300, 200 и 150 р.

V.

Слободка Солоная Горка. Гдѣ находилась эта слободка, мы не знаемъ съ точностью. Нигдѣ не встрѣчается о ней ни малѣйшихъ извѣстій, и, можно сказать, она впервые появляется на свѣтъ благодаря румянцевской описи. А между тѣмъ эта послѣдняя даетъ лишь самыя общія и весьма неопредѣленныя указанія на топографію слободки. Лежитъ она, сообщаетъ опись, „на прусскомъ близъ крѣпости". Только изъ данныхъ о характерѣ занятій жителей можно заключить, что то была прирѣчная слободка, что она прилегала къ самому Днѣпру и, вѣроятно, расположена была на одномъ изъ склоновъ, идущихъ отъ Печерска къ Днѣпру.

Кіево-Печерская Лавра, владѣтель Солоной Горки, повидимому, мало интересовалась слободкой. У нея не было здѣсь никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и она ограничилась лишь тѣмъ, что отвела земли подъ дворы и поселила въ нихъ своихъ посполитыхъ, отбывавшихъ повинности натурой. Денежныхъ повинностей и чиншей въ пользу монастыря посполитые и здѣсь, какъ и въ мѣстечкѣ и въ Рогаткахъ, не платили, а обязаны были поставлять на панщину отъ двора по 1 человѣку, который долженъ былъ работать 4 дня въ недѣлю. Всего отведенныхъ Лаврою дворовъ насчитывалось здѣсь 20, жители которыхъ почти исключительно заняты были рыболовствомъ, составлявшимъ единственный источникъ ихъ существованія. Слободка является поэтому какъ чисто рыбачье, а не земледѣльческое село. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 20 хозяевъ слободки, 14 занимались либо ловлею, либо уженіемъ рыбы, одинъ—смоленіемъ лодокъ и байдаковъ, одинъ заработывалъ пропитаніе пиленіемъ дровъ, одинъ жилъ пасѣкой въ 10 пней и шинкованьемъ: продавалъ „бузу", и только 4 не имѣли никакихъ опредѣленныхъ занятій, жили поденнымъ трудомъ. О земледѣліи, земледѣльческомъ трудѣ не было здѣсь и помину: пахатной земли не было; монастырь не надѣлилъ ни ею, ни другими угодьями своихъ посполитыхъ, да кромѣ того, ни у одного изъ нихъ не было не только крупнаго, но даже и мелкаго скота. То были бобыли въ самомъ

широкомъ смыслѣ слова. Особенно интересно то обстоятельство, что здѣсь, въ этой слободкѣ, чуждаго пришлаго элемента было гораздо менѣе, чѣмъ въ какомъ-либо изъ селеній, лѣпившихся вокругъ Кіева. Изъ всей суммы семей 22 были уроженцы Кіева и лишь одна семья—изъ пришлыхъ, именно изъ Козельца. Глава этой послѣдней занимался пилкою дровъ. Въ возрастномъ отношеніи населеніе группировалось слѣдующимъ образомъ: муж. пола отъ 1 до 15 л.—20, отъ 15 до 60—28, женск. пола отъ 1 до 15—15, отъ 15 до 60—31, свыше 60—1. Всего же жителей въ слободкѣ 95.

VI.

Нѣсколько западнѣе Солоной Горки, въ сторону отъ Днѣпра, существовала другая слободка, основанная на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и входящая теперь въ составъ Звѣринца. Она расположена была, какъ кажется, около звѣринецкаго озера и носила названіе *Свято-Озерской слободки*.

О ней, такъ же какъ и о слободкѣ Солоной Горкѣ, мы встрѣчаемъ впервые упоминаніе лишь въ одной румянцевской описи, сообщающей глухо, что она лежитъ „близъ крѣпости Печерской“. Но одинъ фактъ, который мы находимъ въ описи, даетъ весьма ясное указаніе на мѣстность, гдѣ находилась слободка. Закревскій въ своемъ описаніи Кіева увѣряетъ, что церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная въ началѣ XVIII вѣка подлѣ звѣринецкаго озера, находилась на Звѣринцѣ [1]). Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается, что на Звѣринцѣ въ 1766 г. не было никакой церкви, церковь же Рождества Іоанна Предтечи была построена, по словамъ описи, въ слободкѣ Свято-Озерской. Въ то время церковь эта была еще новой и окружена была также новой деревянной оградой. Подлѣ церкви по обыкновенію выстроено было Лаврою двѣ хаты: школа „для обученія дѣтей разного чина“ и домъ священника, повидимому, не-

---

[1]) Закревскій, описаніе Кіева, II, глава о „Звѣринцѣ“

дорого обошедшіяся монастырю. Обѣ были мазки, стояли безъ двора и имѣли по амбару въ качествѣ хозяйственныхъ построекъ. Въ школѣ поселился дьячекъ, посполитый изъ за Днѣпра, вмѣстѣ и учитель, привезшій съ собою двухъ своихъ земляковъ, двухъ мальчиковъ—учениковъ 12 и 13 лѣтъ. Домъ священника не отличался ни внѣшностью, ни помѣстительностью: въ немъ была всего одна комната, да одна людская. Ни пахати, ни другихъ угодій священникъ не получалъ отъ монастыря, и видимо жилъ крайне бѣдно. Прислуги не было и съ нимъ жилъ лишь пономарь, пропитывавшійся такъ же, какъ и священникъ, доброхотными даяніями отъ парохіянъ. Единственнымъ постояннымъ доходомъ священника была плата по 2 р. съ каждаго изъ двухъ дворовъ, пожалованныхъ ему Лаврою и находившихся на печерскомъ Звѣринцѣ. Все небольшое хозяйство священника заключалось въ 3 коровахъ, 1 лошади, да двухъ свиньяхъ. Повидимому, онъ только недавно поставленъ былъ здѣсь для отправленія церковной службы, такъ какъ рядомъ съ новопостроеннымъ его домомъ мы находимъ дворъ умершаго священника той же церкви съ 2 избами, амбаромъ и клѣтью. Тутъ проживала вдова покойнаго, принявшая двухъ подсусѣдковъ, вдовъ съ дѣтьми.

Слободка эта, какъ и сосѣдняя съ нею, была основана незадолго до того и расширилась почти наканунѣ описи. Изъ 37 дворовъ, существовавшихъ въ ней въ 1766 году, только 18 названы старыми, 19 были устроены заново. Съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного мѣстнаго уроженца. Всѣ лаврскіе подданные или посполитые, сидѣвшіе въ этихъ дворахъ, или родомъ изъ Кіева (31), или пришли изъ Польской Области (6), Черниговщины (2), Полтавщины (2).

Въ 38 хатахъ поселено было Лаврою 45 семей, состоявшихъ изъ 190 д. обоего пола [1]) также мало обезпеченныхъ ею, какъ и жители Солоной Горки и др. Кромѣ усадьбы он и не владѣли ни клочкомъ пахатной, либо сѣнокосной земли и должны были искать средствъ къ жизни въ поденномъ трудѣ. Между тѣмъ и

[1]) М. пола отъ 1 до 15 л —37, отъ 15 до 60—48, выше 60 л.—2, ж. пола отъ 1 до 15 л.—41, отъ 15 до 60 л.—58, свыше 60 л.—4.

барщина въ видѣ четырехдневной работы въ недѣлю, и уплата съ хаты по 1 р. 2 коп. консистенціи ложились и на нихъ въ одинаковой мѣрѣ. Вообще и они не представляли собою ничего выходящаго изъ ряду той повальной бѣдности, которая является постояннымъ спутникомъ большинства, если не всѣхъ кіевскихъ селеній того времени. Кромѣ одного посполитаго, служившаго въ монастырѣ и получавшаго 12 р. въ годъ, всѣ остальные были почти полные бѣдняки. Занимавшихся ремесломъ или промысломъ было всего 8 [1]). 36 семьямъ приходилось заработывать содержаніе поденнымъ трудомъ, жить „съ заработковъ". Мы не знаемъ, какъ велики могли быть они, но каковы бы они ни были, степень благосостоянія обусловливалась количествомъ свободной рабочей силы, которая могла явиться на рынокъ, не опасаясь наказанія за невыполненіе барщины. Что же представляла собою въ этомъ отношеніи Свято-Озерская слободка? Съ одною рабочею силою было 2 семьи, съ 2 (обоего пола)—14, съ 3—10, съ 4—4, съ 5—3, съ 6—2; съ одною мужескою рабочею силою—22, съ 2—8, съ 3—3, съ 4—только одна. Нанимать рабочихъ было не на что, и только у 4 семей мы находимъ малолѣтнихъ рабочихъ, служившихъ за пропитаніе. Количество движимости находилось въ соотвѣтствіи съ экономическимъ бытомъ населенія. Въ 22 дворахъ изъ 36 никакого скота не было. Изъ остальныхъ 14 только 8 имѣли относительно значительное количество скота, а именно: 5 штукъ рогатаго скота—1, 4—1, по 3—4, по 2—2. По 1 лошади находилось въ 6 дворахъ. По 1 свиньѣ приходилось на 6 дворовъ, по 2—на 5 дворовъ, 3 и 4 свиньи имѣло только 2 двора. Овецъ было всего 15 (10 и 5 въ двухъ дворахъ) и въ одномъ дворѣ—коза.

---

[1]) Въ слободкѣ существовало 2 переплетчика, 1 гончаръ, 1 ткачъ, 1 портной, 1 сапожникъ и 1 занимавшійся „муровчицкимъ" ремесломъ. Въ одномъ дворѣ занимались печеніемъ и продажею бѣлаго хлѣба, въ другомъ жилъ рѣзникъ.

VII.

Звѣринецъ[1]) въ 1766 году состоялъ изъ двухъ поселковъ, раскинувшихся на всемъ пространствѣ, начиная отъ звѣринецкаго озера за Свято-Озерской Слободкой, и кончая Выдубецкимъ монастыремъ. То былъ, во-первыхъ, такъ называемый „Печерской Звѣринецъ", причисленный къ приходу Свято-Озерскому, а, во-вторыхъ, собственно Звѣринецъ, находившійся во владѣніи Выдубецкаго монастыря.

Первый былъ устроенъ на земляхъ Кіево-Печерской Лавры и былъ заселенъ исключительно одними лаврскими подданными. Лавра такъ же мало, повидимому, интересовалась землею, на которой стоялъ Звѣринецъ, какъ и тою, гдѣ построилась слободка Солоная Горка. Никакихъ построекъ и дворовъ лаврскихъ здѣсь не было. Не было равнымъ образомъ приписано къ поселенію ни пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, ни другихъ угодій. Лавра просто разбила звѣринецкую землю на дворы, предназначенные для подданныхъ, съ которыхъ и взималась панщина въ размѣрѣ общемъ для всѣхъ лаврскихъ подданныхъ. Какъ кажется, поселеніе существовало здѣсь уже съ давнихъ поръ и не было обязано своимъ возникновеніемъ возведенію печерской крѣпости. По крайней мѣрѣ большинство дворовъ означены какъ старинные, и кромѣ того изъ всей ихъ суммы—35 въ 22 жили мѣстные люди. Составъ населенія остальныхъ дворовъ былъ слѣдующій: изъ Польской Области—4, кіевскаго полка—3, изъ Черниговщины—3. Два двора стояли впустѣ.

Въ 30 хатахъ сидѣло 38 семей, всего 182 душъ обоего пола, изъ которыхъ мужск. пола было: отъ 1 до 15 лѣтъ—52, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60 л.—6, и женскаго:—отъ 1 до 15 л.—33, отъ 15 до 60—50, свыше 60—4. Въ экономическомъ отношеніи это населеніе было такъ же мало обезпечено, какъ и населеніе другихъ лаврскихъ селъ. Ихъ обстановка была крайне незавидна. Подданные четырехъ дворовъ не имѣли никакихъ построекъ кромѣ избы. Съ одной постройкой кромѣ хаты было

---

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, №№ 58 и 77.

8 дворовъ, съ двумя—13, съ тремя 5—7, съ пятью—только одна. Ту же и даже еще болѣе печальную картину представляло движимое имущество населенія. 24 двора изъ 33 не имѣли ни одной головы ни мелкаго, ни крупнаго скота; на остальные приходилось 6 воловъ, 9 коровъ, 6 лошадей, 4 свиньи, 50 овецъ. Только у одного было 4 вола, 2 коровы, 50 овецъ и 2 свиньи. По одной коровѣ было въ 5 дворахъ, да 2 коровы имѣлъ одинъ домохозяинъ. Заработки отъ занятія ремеслами достались на долю лишь немногихъ: только 9 семей содержались доходами отъ ремесла. Въ поселкѣ жило 5 гончарей, 2 иконописца, одинъ переплетчикъ и одинъ ткачъ. Наиболѣе зажиточнымъ и обезпеченнымъ былъ по обыкновенію шинкарь, подданный, сидѣвшій во дворѣ, который монастырь обратилъ въ шинокъ. Онъ получалъ изъ монастыря за оказываемыя Лаврѣ услуги 12 руб. въ годъ. Остальныя семьи жили съ заработковъ, содержа себя и семью на тѣ средства, какія могла дать поденная работа.

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи находилось другое поселеніе, собственно Звѣринецъ.

Къ деревнѣ было приписано монастыремъ не мало земель: во-первыхъ, выгонъ подлѣ деревни на 24 дня (18 десят), затѣмъ небольшая пахатная земля на 7 дней ($5^1/_4$ д), островъ противъ устья Лыбеди, сверхъ того,—и это была земля, которою монастырь надѣлилъ своихъ подданныхъ,—сѣнокосъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ 15 верстахъ отъ деревни. Кромѣ того, подлѣ деревни монастырь завелъ мельницу на Лыбеди, доставлявшую монахамъ 4 четверти хлѣба въ годъ, и два кирпичныхъ завода,—все это въ видахъ приложенія возможно болѣе выгоднаго для монастыря даровой рабочей силы въ размѣрѣ 112 рабочихъ дней въ недѣлю, доставляемыхъ 29 дворами изъ 32 (два стояли впустѣ). Въ вознагражденіе за это монастырь отвелъ своимъ крестьянамъ сѣнокосы, которыми надѣлилъ отдѣльные дворы такимъ образомъ, что по 200 и по 100 копенъ сѣна получали два двора, 3 двора—по 60 коп., 14—по 50 коп., 2—по 40 коп., по 30, 25 и 15 копенъ—4 двора. Только восьми дворамъ не было дано участковъ въ монастырской сѣнокосной землѣ.

Впрочемъ, потеря на сѣнокосѣ восполнялась инымъ путемъ. Въ деревнѣ было 4 шинка. Одинъ внутри его, на 300 ведеръ водки, два на берегу Днѣпра и одинъ на Лыбеди на 100 ведеръ подлѣ перевоза, принадлежавшаго монастырю. Водка покупалась куфами, оптомъ, и продавалась чарками и квартами, и монастырь получалъ съ шинковъ 300 р. чистаго дохода въ годъ. Въ 1766 г. онъ повидимому держалъ самъ шинки, сажая въ нихъ своихъ посполитыхъ. Но бывали такіе годы, когда они сдавались въ аренду. Такъ было, напр., въ 1714 году, о чемъ свидѣтельствуетъ арендный контрактъ между монастыремъ и подданнымъ того же монастыря, „которому пустилимо", гласитъ актъ, приложенный къ описи, „въ аренду шинкъ всякого напитку, т. е. горѣлки, меду, пиво, такожъ деготь, сѣно и овесъ продавати позволилисмо на селѣ нашомъ выдубыцкомъ, прозываемомъ Зверинцу, и где имъ сподобится на всѣхъ грунтахъ выдубыцкихъ". Условія контракта настолько характерны, что мы приведемъ ихъ въ полномъ видѣ: они не требуютъ комментаріевъ и достаточно выясняютъ причину рѣзкой разницы въ экономическомъ отношеніи между винокурами и шинкарями съ одной стороны и остальнымъ посполитымъ людомъ съ другой. Шинки сняты за тысячу золотыхъ, т. е. 500 рублей, платежъ которыхъ раздѣленъ на 4 раты или срока. „Хто бы хотѣлъ", говорится въ актѣ, „под монастыремъ горѣлку и медъ шинковати, той повыненъ въ пана арендара на шинкъ брать напитокъ, албо чоповое ему заплатити; такожъ варуемъ, же нѣхто з подданнихъ нашихъ Зверинскихъ не важился на веселле, чили на крестини, чили на иніе значніе учти на сторонѣ, без вѣдома пана арендара, напитку брати, а панъ арендаръ повиненъ будетъ подданнимъ нашимъ на значную ихъ потребу дешевше осмакомъ кварту, нежели посторонным людемъ продавать". „А ежели бы, прибавлено въ актѣ, хто з подданнихъ нашихъ важился, потаемьне в дому своемъ напытокъ держати, на Зверинцу шинковать, таковой выну заплатить талярей десять на обитель нашу выдубицкую и на арендара такожъ талярей 10" [1]).

---

[1]) Румянц. опись, докум. кіев. сотни, подъ 1714 годомъ, 13 ноября.

Все населеніе деревни состояло изъ 161 души обоего пола въ 39 семьяхъ [1]), по составу своему распредѣлявшихся такъ: мѣстныхъ—13 семей, кіевскихъ—13, изъ Черниговщины—8, Польской Области—4 и Полтавщины—1. Небольшая часть населенія занималась ремесломъ. Четыре человѣка были портные, 2—ткачи. Сверхъ того тутъ жилъ одинъ гончаръ, одинъ стекольщикъ, да одинъ каменщикъ. Остальные работали на монастырь и свободныя рабочія силы пускали на поденные заработки.

Количество скота, которымъ владѣло населеніе, было впрочемъ весьма ограниченно. И это служитъ указаніемъ на плохое экономическое положеніе и населенія д. Звѣринца, не смотря на выданные сѣнокосные надѣлы. Въ 10 дворахъ вовсе не было скота. Всего скота насчитывалось въ деревнѣ: 11 коровъ и 8 лошадей. Затѣмъ мелкій скотъ представляли свиньи въ количествѣ 22, да козы въ числѣ 4. По одной коровѣ имѣло 5 дворовъ, по 2—3 двора; по 1 лошади также 5 дворовъ, по 2—1 дворъ. По одной свиньѣ насчитывалось въ 3 дворахъ, по 1—въ 6, по 3—въ 2. Обладателемъ 4 козъ былъ лишь одинъ дворъ.

VIII.

Ямки принадлежатъ къ числу поселеній, исчезнувшихъ на глазахъ еще живущаго поколѣнія. То былъ склонъ горы отъ Печерска къ югу, къ экспланадѣ, находившійся недалеко отъ нынѣшняго военнаго госпиталя. Въ XVIII в. они составляли собственность Лавры и одно изъ самыхъ доходныхъ ея имѣній. Тутъ не существовало какого-либо поселенія въ строгомъ смыслѣ слова: не было ни посполитыхъ, ни ихъ дворовъ и хатъ. Лавра устроила здѣсь лишь два двора: питейный и шинковой.

Въ одномъ изъ нихъ стоялъ старый питейный заводъ съ одной лишь господской комнатой, но за то съ 3 людскими, 2

[1]) Отъ 1—15 л.—37, отъ 15 до 60—38, свыше 60—1, а ж. пола: 1—15 л. 41, 15—60 л. 43, свыше 60 л.—1.

амбарами и 2 сараями для содержанія 23 воловъ и 5 лошадей, и сверхъ того тоже старый пивоваренный заводъ. Въ какихъ размѣрахъ производился здѣсь выкуръ водки и вывариваніе пива, опись не даетъ къ сожалѣнію отвѣта. Но судя по тому количеству рабочихъ, которые жили при этомъ дворѣ, несомнѣнно, что производство было значительное.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ 5 человѣкъ послушниковъ, большею частью престарѣлыхъ, монастырь держалъ 11 рабочихъ съ семьями и холостыхъ, которымъ платилъ наиболѣе значительную по тому времени плату. Minimum годовой платы, безразлично и для семейныхъ, и для холостыхъ, былъ 8 рубл. Восемь человѣкъ были договорены по этой нормѣ. Два наняты были по 12 р. и одинъ, очевидно главный, винокуръ, за 15 р. въ годъ. Всѣ ходили въ своемъ платьѣ, но получали пищу отъ монастыря. Составъ рабочихъ не лишенъ интереса. Козаковъ было 7 человѣкъ, посполитыхъ—4. Изъ нихъ уроженцевъ Полтавщины 5 человѣкъ, Черниговщины—3, Польской Области—2, Слободской Украины—1 [1]).

Второй дворъ, стоявшій рядомъ, составлялъ необходимое продолженіе и дополненіе къ первому. Часть того, что производилъ первый дворъ, быстро находила сбытъ во второмъ дворѣ, гдѣ выстроенъ былъ монастырскій шинокъ. Здѣсь были одна жилая изба и одинъ амбаръ, отданные въ распоряженіе природнаго лаврскаго подданнаго, кіевскаго уроженца, занимавшагося продажей монастырской водки и сверхъ того слесарнымъ ремесломъ. Какой доходъ приносилъ монастырю шинокъ, мы въ точности не знаемъ.

IX.

Владѣнія Кіево-Печерской Лавры въ Кіевѣ не ограничивались описанною уже мѣстностью. Они шли далѣе, распро-

[1]) Въ возрастномъ отношеніи дворъ состоялъ изъ мужчинъ отъ 1 до 15 л.—7, отъ 1 до 60—11, престарѣлыхъ 5, ж. пола отъ 1 до 15 л.—5, отъ 15 до 60 л.—8.

странялись до самой Лыбеди, и здѣсь, невдалекѣ отъ рѣки, и въ 2 верстахъ отъ стараго Кіева, основаны были, неизвѣстно лишь въ какое время, *Верхне-Лыбедской дворъ и село Ниже-Лыбедское* [1]).

Первый находился, какъ кажется, за Васильковской улицей, внѣ города на самой Лыбеди и примыкалъ къ пахатной землѣ, „песчаной" и негодной для обработки, лежавшей въ урочищѣ по васильковскому тракту, мѣрою на 30 дней. Расходуя 100 рублей на устройство двора, и притомъ съ помощью даровыхъ рабочихъ изъ своихъ же посполитыхъ, монастырь имѣлъ прямой разсчетъ ставить его на одной изъ большихъ дорогъ, ведшихъ въ тогдашній Кіевъ. Во дворѣ былъ выстроенъ домъ съ 3 господскими и 2 людскими комнатами, 2 амбара для клажи, 1 клуня, пришедшая въ ветхость и, видимо, уже потерявшая прежнее значеніе. Хозяйство въ виду качествъ пахати вести было нельзя, и одну изъ людскихъ обратили въ шинокъ, въ которомъ сидѣлъ лаврскій посполитый, родомъ изъ с. Пирогова, продавшій лаврскую водку, за то освобожденный отъ панщины и получавшій десятую часть прибыли. Въ другой людской Лавра поселила другаго подданнаго, изъ Черниговщины, для надзора за мельницей, находившейся тутъ же въ дворѣ. Въ ней было два камня, но работала она только весною и осенью и притомъ исключительно для одного монастыря.

Гораздо бóльшее значеніе для Лавры имѣло *Ниже-Лыбедское село*. Здѣсь монастырь выстроилъ огромный деревянный домъ въ 13 комнатъ съ домовою церковью во имя св. Харлампія. Дворъ былъ биткомъ набитъ массою всякаго рода хозяйственныхъ построекъ. Однѣхъ людскихъ избъ было 18. Затѣмъ тутъ же стояли 8 амбаровъ для поклажи, 2 конюшни, 4 сарая и погребъ. Строили все это опять посполитые, „майстери монастырскіе", и тѣмъ не менѣе монастырь израсходовалъ на постройку 1500 рублей. Подлѣ двора возвышалась пустая винокурня, а на Лыбеди—двѣ мельницы, обѣ о двухъ колахъ, мучныхъ, и сверхъ того съ ступнымъ коломъ на одной изъ нихъ.

---

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, № 68.

дохода мельницы не доставляли. И на этихъ мельницахъ мололи исключительно одну монастырскую муку. Для возки хлѣба монастырь держалъ 62 вола и 6 лошадей, сверхъ того для домашнихъ потребностей 6 коровъ и столько же свиней. Большой штатъ рабочихъ и послушниковъ состоялъ при этомъ дворѣ, какъ тѣхъ, которые жили въ самомъ дворѣ, въ людскихъ, такъ и поселенныхъ въ отдѣльно стоявшихъ хатахъ и дворахъ села. Въ дворѣ насчитывалось рабочихъ до 36, находившихся въ различныхъ отношеніяхъ къ монастырю. Часть изъ нихъ, послушники въ числѣ 18 человѣкъ, представляли собою даровую рабочую силу. Они жили безъ найма, за одно пропитаніе и одежду. Остальные получали по уговору различную годовую плату, начиная отъ 2 р. и до 12 р. 50 к. въ годъ на монастырскомъ коштѣ, т. е. одеждѣ и пищѣ. Поденныхъ рабочихъ Лавра не держала: для этого у нея всегда былъ подъ рукою запасъ подданныхъ. Мы не знаемъ къ сожалѣнію, какого рода работы обязаны были выполнять годовые рабочіе. Извѣстно лишь, что они должны были работать ежедневно и исполнять все, что бы ни предписалъ имъ монастырь. Но тѣмъ не менѣе не лишне привести хотя бы и простой перечень размѣра заработной платы для характеристики того времени. За 2 р. 50 к. въ годъ былъ нанятъ 1 рабочій, за 3 р.—1, за 4 р.—1, за 4 р. 50 к.—7, за 7 р.—2, за 8 р.—3, за 8 р. 50 к.—1, за 10 р.—1, за 10 р. 50 к.—1, за 12 р. 50 к.—1. Внѣ двора жило 4 рабочихъ, изъ которыхъ 2 получало по 4 р. 50 к., а два по 5 и 6 р. въ годъ. Данныя эти показываютъ, что женскій трудъ цѣнился ниже мужскаго при равныхъ условіяхъ здоровья. Наемная женщина получала только 3 р., а нормальная плата годовому холостому и одиночному рабочему была 4 р. 50 к. и возвышалась, если нанимавшійся имѣлъ семью и обязывался работать съ женою. Отчего зависѣла неравномѣрность повышенія платы, колебавшейся отъ 5 до 12 р. 50 к., опись намъ не объясняетъ.

Рабочіе эти представляли собою самое разношерстное населеніе: тутъ были и холостые обоего пола, и женатые, были и семейные (10), были и козаки (2), и сыновья священниковъ (1), и мужичьи дѣти; стекались они въ монастырскій дворъ изъ

всѣхъ концовъ Малороссіи. Мѣстныхъ уроженцевъ было 4, кіевлянъ—5, изъ Польской Области—8, изъ полтавскаго полка—5, черниговскаго—4, изъ Слободской Украины—2. Были даже пришлые изъ Дубна—1, а изъ „польской націи“—5 [1]).

Внѣ двора въ самомъ селѣ жило смѣшанное населеніе, состоявшее изъ подданныхъ, послушниковъ и наемныхъ рабочихъ. Для нихъ монастырь отвелъ 8 дворовъ и 2 бездворныхъ хаты. Въ одной изъ послѣднихъ было построено нѣчто въ родѣ казармы: 4 хаты въ одной связи для рабочихъ. Всего избъ было 17, и въ нихъ ютились 15 семей и много холостого люда. Собственно подданныхъ монастырскихъ было 8 семей. По возрасту населеніе села дѣлилось слѣдующимъ образомъ: мужч. отъ 1 до 15 л.—13, отъ 15 до 60—30, свыше 60—1, женскаго пола отъ 1 до 15—18, отъ 15 до 60—15, свыше 60—2, а всего 79, а съ рабочими при дворѣ—142 души [2]). По происхожденію населеніе отличалось и здѣсь смѣшаннымъ характеромъ. Мѣстныхъ уроженцевъ было всего 3, собственно кіевлянъ—4, изъ Польской Области—14, изъ Полтавщины—5, изъ Нѣжина—5, да 2 изъ Слободской Украйны.

Работали на монастырь всѣ: подданные по 4 дня въ недѣлю, послушники и наемные рабочіе ежедневно по указанію монастыря. Первые не были надѣлены землей и должны были искать средствъ къ жизни въ ручномъ трудѣ и въ заработкѣ. Но развитіе здѣсь кузнечнаго ремесла обезпечивало нѣкоторую часть семей. Пять семей, жившихъ въ 3 дворахъ, заняты были ремесломъ, и повидимому положеніе ихъ было сравнительно хорошее. Каждый изъ кузнецовъ держалъ у себя рабочихъ за плату, такъ какъ работы было не мало и работы не для монастыря только, но и на сторону. Мы говоримъ такъ потому, что

---

[1]) Возрастное отношеніе было слѣд.: мужск. пола отъ 1 до 15 лѣтъ—9, отъ 15 до 60 л.—29, выше 60 л.—4; женскаго пола отъ 1 до 15 л.—6, отъ 15 до 60—12, выше 60—3. Одна была больна французскою болѣзнью.

[2]) 19 лѣтъ позже, по ревизіи 1785 года, въ с. Ниже-Лыбедскомъ насчитывалось уже 158 душъ обоего пола: 78 мужч. и 80 женщинъ. Описаніе Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ, 1847 г. стр. 276.

одинъ изъ кузнецовъ былъ освобожденъ отъ панщины, ее несли въ пользу монастыря только двое. У одного былъ нанятъ одинъ рабочій за 5 р. въ годъ, на одеждѣ и пищѣ хозяйской; у другаго было 2 рабочихъ по 5 р. въ годъ; наконецъ, у третьяго состояло при кузницѣ 3 рабочихъ въ 6, 5 и 3 р. годовой платы и также съ одеждой и пищей. Этотъ послѣдній добывалъ средства къ жизни сверхъ того и тѣмъ, что торговалъ монастырскимъ виномъ, что освобождало его отъ панщины и доставляло ему доходъ отъ каждаго десятаго проданнаго имъ ведра водки. Остальные 3 семьи посполитыхъ жили съ заработковъ, но почти всѣ имѣли хоть по 1 коровѣ.

Для удовлетворенія потребностей какъ всего населенія села и двора, такъ и проѣзжавшихъ по васильковскому тракту, Лавра содержала особый шинокъ, построенный при въѣздѣ въ село изъ Кіева.

X.

Выше и Ниже Лыбедскіе Дворцы [1]) принадлежали Михайловскому монастырю и находились при р. Лыбеди, повидимому невдалекѣ отъ нынѣшнихъ Жилянской и Васильковской улицъ. Опись помѣщаетъ ихъ „на ровномъ мѣстѣ при реки Либеды“ и въ двухъ-верстномъ разстояніи отъ Кіева. Съ другой стороны, отъ „Ориновской“ горы, принадлежавшей тоже Михайловскому монастырю, они были удалены на версту (Гора эта была единственною нагорною землею, которою владѣлъ монастырь въ предѣлахъ нынѣшняго Кіева). Земля не отличалась своими качествами: она была песчаная, но заключала въ себѣ 100 дней оранки, т. е. около 75 десятинъ, и повидимому обрабатывалась монастыремъ. Ежегодно засѣвали на ней 15 четвертей ржи, по 1 четверти пшеницы и ячменя и 4 четверти овса.

[1]) Одинъ изъ нихъ находился на Лыбеди прямо противъ Нижне-Владимірской ул. и разрушенъ всего лѣтъ 10 назадъ.

Очевидно для обработки этой-то земли и было основано монастыремъ поселеніе *Выше-Лыбедской дворецъ*[1]) среди дубоваго дровянаго лѣса, обнимавшаго пространство земли на 8 верстъ въ окружности. Выстроенный здѣсь монастырскій домъ былъ небольшихъ размѣровъ, всего въ 2 „господскихъ покоя“ съ 2 людскими; сверхъ того подлѣ него устроенъ и сарай для одной лошади, которую держалъ здѣсь монастырь. Онъ и былъ предназначенъ для лѣтней загородной резиденціи и обошелся монастырю всего въ 80 рублей (720 р). Близь двора на Лыбеди стояла большая мельница на 3 камня съ амбаромъ, предназначенная исключительно для монастырскаго хлѣба.

Въ дворѣ монастырь поселилъ двухъ послушниковъ, мельника, родомъ изъ польской націи, и сверхъ того семейнаго наемнаго рабочаго, мѣстнаго кіевскаго уроженца, которому платилъ по 6 рублей въ годъ. Одежду и пищу всѣ они получали отъ монастыря. Что касается до посполитыхъ, то ихъ было не много. Монастырь устроилъ для нихъ только 4 двора, построилъ въ каждомъ по избѣ и поселилъ въ нихъ 5 семей. Населеніе было немногочисленно: взрослыхъ мужчинъ насчитывалось всего 3, взрослыхъ женщинъ—6, малолѣтнихъ обоего пола 8, увѣчныхъ—1. Двое изъ подданныхъ забрели изъ переяславскаго полка, одинъ былъ родомъ полякъ, о двухъ не имѣется извѣстій. На нихъ лежала вся тяжесть панщины, которая была тѣмъ болѣе чувствительна, что монастырь обратилъ одинъ дворъ въ шинковое заведеніе. Сидѣвшая въ этомъ дворѣ посполитая—вдова „шынковала выномъ монастырскимъ, получала десятое ведро и с того пропитанне имѣла“. Панщину приходилось отбывать только 3 дворамъ, и потому монастырь распредѣлилъ ее слѣдующимъ образомъ: отъ двора, гдѣ жило 2 семьи, онъ требовалъ пятидневной панщины въ недѣлю, отъ двухъ другихъ, гдѣ жило по одной семьѣ—по 4 дня въ недѣлю. Посполитые были настоящими бобылями: у нихъ не было ни скота, ни пахати для собственныхъ нуждъ; всѣ однако обложены были кон-

---

[1]) Румянц. опись, кіевск. сотня, № 38.

систентскою дачею въ размѣрѣ 1 р. отъ хаты. Двѣ копѣйки, вѣроятно, доплачивалъ монастырь.

Дворецъ Ниже-Лыбедской, повидимому, находился дальше къ югу отъ Верхне-Лыбедскаго и, какъ кажется, на мѣстѣ нынѣшнихъ кирпичныхъ заводовъ, такъ какъ здѣсь вѣроятно существовалъ кирпичный монастырскій заводъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того обстоятельства, что все посполитское населеніе, подвластное монастырю, занято было кирпичнымъ ремесломъ и работало по 4 дня въ недѣлю на монастырь. Всѣхъ посполитскихъ дворовъ было здѣсь 6, изъ которыхъ два стояли впустѣ. Въ остальныхъ четырехъ съ одной избой въ каждомъ ютилось 6 семей, всѣ пришлыя, кто изъ сумскаго полка (1), кто изъ лубенскаго (2) или стародубскаго полковъ (2), кто изъ Польской Области (1). Взрослыхъ рабочихъ муж. пола насчитывалось 5 человѣкъ, женск. пола—6, малолѣтокъ обоего пола 8. Ни пахати, ни другихъ угодій, ни скота посполитые не имѣли. Монастырь имѣлъ здѣсь свой недавно выстроенный домъ, постройка котораго обошлась ему въ 100 р. Въ немъ было два господскихъ покоя и 2 людскихъ. Особо стоялъ рубленный сарай. Для надзора нанята была кіевлянка—вдова, съ сыномъ и 2 дочерьми, получавшая по 6 р. въ годъ, одежду и пищу отъ монастыря; у себя она пріютила старуху вдову, тоже кіевлянку.

XI.

Мѣстность, находящаяся за университетомъ и ботаническимъ садомъ по склону горы вплоть до Лыбеди и затѣмъ до рощи, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, такъ же какъ и земля, на которой построенъ университетъ, принадлежали въ разсматриваемое время Кіево-Софійскому монастырю, который былъ повидимому собственникомъ всей почти юго-западной территоріи нынѣшняго Кіева. Владѣнія монастыря доходили до южной городской стѣны, и здѣсь основано было два поселенія, два *подворья*:

Шулжинское и *Панковщина* [1]), „лежавшія близъ самого города Кіева, при р. Лыбеди, которая течетъ съ запада на востокъ", „на схибистомъ мѣстѣ". Первое изъ нихъ было настоящимъ селомъ, хотя и небольшимъ по размѣрамъ; монастырь устроилъ въ немъ церковь во имя царя Владиміра, хотя и не назначилъ къ ней особаго священника. Она служила домовой церковью, построена было особо отъ новаго дома, стоявшаго, какъ и церковь, въ одной оградѣ, опоясывавшей также и садъ, разведенный здѣсь монастыремъ. Домъ былъ устроенъ въ довольно широкихъ размѣрахъ и предназначался повидимому для лѣтней резиденціи митрополита. Въ немъ было 6 покоевъ съ галлереей („галдареей"), выходившей въ садъ. Подлѣ дома группировался рядъ хозяйственныхъ построекъ. Дворъ былъ наполненъ ими: тутъ было и 4 людскихъ, и два ледника, и погребъ съ деревяннымъ выходомъ, и конюшня, и рубленный сарай для колясокъ. Все было заведено на широкую ногу и недешево обошлось монастырю: „оной дворъ", гласитъ опись, „построенъ монастыремъ ценою на двѣ тисычи пятьсотъ рублевъ". Хозяйственныхъ цѣлей при устройствѣ усадьбы монастырь не преслѣдовалъ: пахатной земли не было. Дворъ былъ устроенъ въ лѣсу. Со всѣхъ сторонъ и на большомъ протяженіи окружали его дубы и березы. Въ окружности лѣсъ имѣлъ до 5 верстъ и примыкалъ къ другому еще болѣе обширному въ 30 верстъ въ окружности лѣсу, выходившему за предѣлы нынѣшняго Кіева [2]). Отсюда монастырь добывалъ топливо, отсюда же бралъ и строевой лѣсъ, главнымъ образомъ кроквы; этотъ же лѣсъ послужилъ и удобнымъ мѣстомъ для пасѣки. Она устроена была внѣ двора, при ней находилась хата для пасѣчника и рубленный погребъ для „поставки пчелы". Ульевъ насчитывалось до 80, но полу-

[1]) Повидимому Шулявщина. См. Закревскій, II, 878. Онъ ошибается вмѣстѣ съ Аскоченскимъ, утверждая, что здѣсь была домовая церковь во имя Бориса и Глѣба.—Румянц. опись, кіевская сотня, № 17.

[2]) Опись при опредѣленіи пространства даннаго лѣса всегда указываетъ на окружность его, не давая другихъ болѣе точныхъ данныхъ для измѣренія.

чаемый воскъ и медъ не пускали въ продажу, а отправляли въ Кіевъ, въ монастырь. Да и пасѣчникъ былъ даровой—послушникъ, мѣщанинъ изъ Глухова.

Протекавшая невдалекѣ Лыбедь представляла немалыя выгоды для монастыря. Ея берега были обращены въ сѣнокосъ, дававшій ежегодно до 30 копенъ сѣна, сама же рѣка служила и для ловли рыбы, и для устройства мельницъ. Оба берега принадлежали монастырю, и поэтому ему одному принадлежало и исключительное право ловли рыбы. Ловили здѣсь и карася, и лина, и плотву, и все это, какъ и медъ, отвозили въ монастырь на монашескую потребу. Водяныхъ мельницъ было двѣ, объ одномъ камнѣ каждая и съ толчеей на одной изъ нихъ. Здѣсь мололи и монастырскую муку, и муку „чужимъ людямъ", и мололи повидимому успѣшно, ибо монастырь ежегодно вписывалъ въ свои доходы по 10 четвертей ржаной муки, по 2 четверти крупъ и столько же пшена, какъ вознагражденіе за помолъ чужаго хлѣба.

Но монастырь не брезгалъ и денежными доходами со статьи, составлявшей въ то время главный источникъ доходовъ. Онъ держалъ здѣсь шинкъ, но не въ самомъ селѣ, а внѣ его, подлѣ дороги, идущей изъ Кіева на Бѣлогородку: разсчетъ былъ, видимо, на проѣзжающихъ. Тутъ шла продажа и ведрами, и квартами, и чарками, продажа своего, а не покупнаго вина, и ежегодно монастырь выручалъ до 10 „рублевъ" (90 р).

Для надсмотра за домомъ и постройками, для ухода за садомъ и парою лошадей, предназначенныхъ для поѣздокъ, монастырь держалъ наемную прислугу. Въ одной изъ людскихъ помѣщалась цѣлая семья, глава которой, уроженецъ Кіева, получалъ за себя и дѣтей (1 мальчикъ и 3 дѣвочки) по 12 р. въ годъ на монастырской пищѣ. Съ нею жила и другая семья: вдова съ дѣтьми, нанятая за 6 р. въ годъ и на одеждѣ и пищѣ отъ монастыря.

Особо, но на какомъ разстояніи отъ описаннаго двора, мы не знаемъ, стоялъ другой монастырскій дворъ, носившій названіе Панковщина, находившійся въ мѣстности, примыкающей съ юга къ университету. Онъ былъ устроенъ на болѣе широ

кую ногу, чѣмъ первый. Большое хорошее строеніе возвышалось среди двора. То былъ домъ о 10 комнатахъ съ галлереей и особыми людскими на 3 комнаты. Особо стояли деревянные вновь выстроенные конюшня для 2 лошадей и сарай на 19 воловъ. Сооруженія были сдѣланы на славу. Монастырь не пожалѣлъ денегъ и уплатилъ за все 5200 р (около 47 т. на теперешніе деньги). Но здѣсь монастырь, видимо, сталъ преслѣдовать и хозяйственныя цѣли. Въ томъ же дворѣ начата была постройка винокурни и бровара, которые не были еще окончены въ 1766 году. Къ двору примыкалъ окружавшій его лѣсъ въ 150 сажень въ окружности и сѣнокосъ на Лыбеди на 300 копенъ. Какъ и въ первомъ дворѣ, здѣсь эксплуатировалась рѣка тѣми же способами: ловили рыбу, „болше рибъ карасевъ", а на мельницѣ о 2 камняхъ мололи монастырскую муку.

То былъ особый, самостоятельный дворъ. Никакого поселенія вокругъ него не существовало, и единственными и постоянными его обитателями были наемные рабочіе, всего 6 семей. Лишь одна семья была изъ числа кіевскихъ уроженцевъ; остальныя состояли изъ пришельцевъ, изъ Польской Области (4), изъ Кобижчи (кіевскаго полка) одна; послѣдняя изъ козачьихъ. Взрослое населеніе состояло изъ 7 мужчинъ и 9 женщинъ. Наемная плата была сравнительно весьма высокою для того времени. Двѣ семьи, жившія вмѣстѣ, нанимались за 24 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ монастырской. Имъ принадлежалъ повидимому главный надзоръ за дворомъ. Затѣмъ мельникъ и еще одинъ рабочій получали по 12 р. въ годъ. Изъ двухъ остальныхъ одной платили 9 р., а другой—5 р. Всѣ они получали кромѣ того одежду и пищу отъ монастыря.

Монастырь владѣлъ сверхъ того и посполитыми, но всѣ они поселены были на Шулжинскомъ подворьѣ. Онъ отвелъ своимъ крестьянамъ 12 дворовъ и 2 бездворныя хаты и поселилъ здѣсь 18 семей въ 15 избахъ. Населеніе по возрасту группировалось слѣдующимъ образомъ: мужчинъ отъ 1 до 15 л.—23, отъ 15 до 60—16, свыше 60—1, женщинъ отъ 1 до 15—21, отъ 15 до 60—20, свыше 60—4. По составу населеніе включало въ себѣ 7 семей мѣстныхъ уроженцевъ (Кіева и со-

сѣднихъ селъ: Обухова и др), 7 уроженцевъ Польской области, 3—Полтавщины и 1—Черниговщины. Всѣ они по происхожденію были „мужичьи сини“ и лишь одна (изъ Лохвицы)—козачьяго роду.

Монастырь надѣлилъ ихъ пахатною землею и предоставилъ право въѣзда въ лѣсъ за дровами. Пахати дано было на 28 дней или около $21^{1}/_{2}$ десятины, такъ что на дворъ приходилось около $1^{1}/_{2}$ десятины. Для обработки этой земли крестьяне располагали всего 10 волами и 4 лошадьми. Количество домашняго скота было у нихъ незначительно: 10 коровъ, 10 козъ, да 24 свиньи. Но въ общемъ положеніе здѣсь крестьянъ было нѣсколько лучше сравнительно съ положеніемъ ихъ собратьевъ въ другихъ описываемыхъ мѣстностяхъ, хотя при этомъ они несли по отношенію къ монастырю тѣ же повинности и въ томъ же размѣрѣ, какъ и всѣ вообще монастырскіе крестьяне, т. е. четырехдневную барщину. Изъ 14 домохозяевъ у 6 была земля, у остальныхъ ея не было, но только 6 жили съ заработковъ, одинъ занимался ткацкимъ ремесломъ и одинъ состоялъ при мельницѣ, за что былъ освобожденъ отъ панщины и получалъ сверхъ того извѣстную часть отъ помола. Надѣлы пашенныхъ крестьянъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: у 3 домохозяевъ было по 2 дня земли (около $1^{1}/_{2}$ дес), причемъ каждый имѣлъ по 2 вола, а одинъ сверхъ того еще и лошадь, у 2 по 3 дня (около $2^{1}/_{4}$ д), у одного—10 дней ($7^{1}/_{2}$), для обработки которыхъ онъ держалъ 4 вола. Земля отстояла отъ поселка въ 2 верстахъ, въ Шулявщинѣ. Изъ непашенныхъ крестьянъ, такихъ, которые вовсе не имѣли скота, было 3, владѣвшихъ одною свиньею—одинъ, только 2 свиньями—тоже одинъ.

XII.

Вся та часть современнаго Кіева, которая расположена по Вознесенскому спуску, по части Житомірской улицы и Сѣнной площади, въ описываемое время находилась, какъ извѣстно, внѣ городской стѣны. Отъ такъ называемыхъ Львовскихъ воротъ,

гдѣ начиналась дорога на Бѣлогородку, до воротъ Софійскихъ или Батыевыхъ, городская стѣна шла въ направленіи почти перпендикулярномъ къ теченію Днѣпра. Двѣ улицы отдѣляли ее отъ церкви Іоанна Златоуста (еще недавно существовавшей), изъ которыхъ одна, нынѣшняя Житомірская, оканчивалась у площади передъ церковью Срѣтенія противъ Львовскихъ воротъ. За этою-то стѣною и вдоль ея, почти непосредственно за ней расположено было на возвышенномъ мѣстѣ два поселенія, носившія одно общее названіе „*Слободка Вишней или Вишшей Кудравецъ*[1])". Одно изъ нихъ принадлежало Михайловскому монастырю, другое, стоявшее далѣе отъ стѣны, составляло вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему землями собственность Софійскаго монастыря.

Положеніе перваго довольно опредѣленно выясняется изъ извѣстныхъ грамотъ, данныхъ монастырю, какъ короля Сигизмунда 1522 и 23 гг., такъ и подтвердительной короля Сигизмунда Августа 1570 г. и др. Изъ нихъ видно, что монастырю принадлежало пространство земли подлѣ пробитаго вала, за Львовскими воротами и до „Кудравца", а затѣмъ „у верхъ Кудравцомъ (рѣчкой) до долины Глубокое", наконецъ, „отъ долины Глубокое въ Лыбедь до Софійской долины"[2]), т. е. до выше описанныхъ владѣній Софійскаго монастыря. То была „пашня", расположенная по обѣ стороны дороги на Бѣлогородку. Здѣсь то и возникла слободка „Вишней Кудравецъ", населенная посполитыми. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у меня данныя не позволяютъ опредѣлить съ точностью время возникновенія слободки. Вѣрно только, что до конца XVII вѣка мѣстность эта была пустыремъ, на что указываетъ и самое названіе земли: „пашня", и тотъ фактъ, что мѣстность внутри городской стѣны отъ Софійскаго собора до стѣны была заселена лишь въ концѣ XVI вѣка[3]), и фраза универсала Мазепы отъ 1699 года: „на поля и

---

[1]) Румянц. опись, кіевская сотня, подъ № 15 и 40.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Кіева, 3 часть, 20, 22, 38 и 123.

[3]) Ibid., „жалоба кіевскихъ мѣщанъ на слободу, основанную княземъ Острожскимъ въ 1586 г.", № 29, стр. 50.

нивы подъ городомъ за воротами Львувскими"[1]). По всей вѣроятности слободка возникла въ началѣ XVIII в. и только къ 1766 году выработалась въ настоящую деревню. Въ это время большая часть земли была уже занята дворами: къ селенію принадлежала лишь одна пахать, да и то въ ничтожномъ количествѣ 10 дней или около $7^1/_2$ дес. Ни сѣнокосовъ, ни лѣсовъ, приписанныхъ этому владѣнію монастыря, уже не значилось въ описи.

Но монастырь инымъ способомъ извлекалъ доходы изъ этой мѣстности. По универсалу Мазепы 1699 года онъ получилъ право на своемъ дворѣ, „подлѣ монастыря будучимъ", „всякое питіе, медъ, пиво и горѣлку шелякимъ разнымъ государскимъ, тамъ живучимъ и инымъ приходячимъ людемъ держати и продавати на монастырскую потребу". Выгодное положеніе слободки подлѣ городскихъ воротъ и на бойкой дорогѣ побудило монастырь возвести и здѣсь шинкъ. „Въ верхнемъ городѣ Кіевѣ", гласитъ опись, „имѣется дворъ, устроенный для содержанія въ немъ шинку". Монастырь построилъ для него 2 хаты и посадилъ въ него шинкаря, посполитого, зашедшаго изъ черниговскаго полка въ Кіевъ. Онъ былъ освобожденъ отъ всякаго рода платежей и повинностей (панщины) въ пользу монастыря и обязанъ былъ лишь постоянно сидѣть въ шинкѣ и соблюдать монастырскую потребу, „шинкуя выдаваемымъ изъ Михайловскаго монастыря виномъ, медомъ и пивомъ, выкуриваемымъ, какъ намъ извѣстно, самимъ монастыремъ. Продажа производилась распивочно, „квартами и чарками", и производилась не безъ успѣха, такъ какъ монастырь вносилъ въ счетную свою книгу доходъ съ шинка въ размѣрѣ 50 р (т. е. около 450 р). На другомъ концѣ селенія существовалъ и другой шинкъ, предназначенный уже для мѣстныхъ потребителей, монастырскихъ посполитыхъ. Одинъ изъ посполитскихъ дворовъ былъ обращенъ въ шинковое заведеніе, и въ немъ сидѣлъ въ качествѣ шинкаря кіевоподольскій мѣщанинъ, которому отпускалась изъ монастыря небольшое количество водки для роспивочной продажи. Предпрія-

---

[1]) Ibid., стр. 123.

тіе было не изъ крупныхъ: доходъ сравнительно небольшой, всего 10 р (90 р).

Слободка состояла изъ 7 дворовъ, изъ которыхъ лишь въ 5 сидѣли посполитые. Одинъ дворъ лежалъ впустѣ, другой былъ подъ шинкомъ. Посполитскихъ семей въ этихъ 5 дворахъ было 10, и въ нихъ насчитывалось 11 душъ мужчинъ взрослыхъ и 12 взрослыхъ же женщинъ, сверхъ того 6 дѣтей мужеск. и 8 женскаго пола, всего 37 душъ. Какъ вообще въ подгороднихъ кіевскихъ селеніяхъ, и здѣсь населеніе носило смѣшанный характеръ. Большинство, именно 6 семей, были мѣстнаго происхожденія; изъ пришлыхъ двѣ явились изъ Черниговщины, 2—изъ Полтавщины.

Слободка однако не вполнѣ утратила земледѣльческій характеръ. Монастырь отвелъ принадлежавшую ему пахать (т. е. 10 дней), лежавшую за версту отъ поселенія, тремъ дворамъ, надѣливъ ихъ весьма неравномѣрно. Одному двору, повидимому старинному, занятому старымъ монастырскимъ посполитымъ, было дано земли на 5 дней (около 4 дес), другому — 3 дня (около 3 дес) и третьему, пришлому изъ Прилукъ,—2 дня ($1^1/_2$ дес). Только у этихъ однихъ пашенныхъ крестьянъ былъ скотъ, необходимый для обработки земли. У перваго изъ только что указанныхъ посполитыхъ было 3 лошади и 3 свиньи, у втораго—2 лошади, 1 корова и 2 свиньи, у третьяго—2 быка и 1 свинья. Остальные никакихъ угодій, кромѣ усадебной земли, не имѣли, и единственнымъ средствомъ пропитанія служила либо поденная работа, либо ремесло Въ одномъ дворѣ занимались ткацкимъ ремесломъ, въ одномъ—выдѣлываніемъ кошелей. Но повидимому дѣятельность двухъ послѣднихъ не была значительною: они не были записаны въ цехъ и не имѣли ни работниковъ, ни учениковъ. Какъ и откуда могли добывать они средства къ жизни, трудно вѣрить. Только объ одномъ дворѣ лишь сообщаетъ, что домохозяинъ имѣлъ 2 коровы.

Но монастырь смотрѣлъ на посполитыхъ какъ на постоянную рабочую силу и требовалъ отъ нихъ панщину въ обыкновенномъ для монастырей размѣрѣ, т. е. по 4 дня въ недѣлю. Сверхъ того, какъ и всѣ вообще посполитые, и посполитые сло-

бодки обложены были консистентской дачей по 1 р. 2 к. отъ хаты, распредѣленіемъ которой по семьямъ распоряжался монастырь.

„Близь верхняго же города Кіева, на гористомъ мѣстѣ", находилось и поселеніе: слободка Вышней Кудравецъ, собственность Кіево-Софійскаго монастыря. Какъ и когда возникла эта слободка, какимъ образомъ попала она во владѣніе монастыря, отвѣта на эти вопросы мы не можемъ дать: документовъ на владѣніе нѣтъ [1]), и приходится ограничиться лишь описаніемъ слободки по даннымъ описи.

Центромъ поселенія была церковь Вознесенія Христова, находившаяся при началѣ нынѣшняго Вознесенскаго спуска. То была деревянная постройка, пришедшая уже въ ветхость въ 1766 году. Отдѣльно отъ нея возвышалась деревянная и тоже ветхая колокольня, обнесенная вмѣстѣ съ церковью ветхой деревянной оградой. Тутъ же, подлѣ ограды, монастырь построилъ маленькій домикъ о „двухъ господскихъ покояхъ" для священника, не получившаго отъ монастыря ни пахатной земли, ни другихъ угодій. Хозяйствомъ священникъ заниматься не могъ: кромѣ 2 коровъ и 1 свиньи никакого скота у него не было, и единственнымъ источникомъ доходовъ являлось для него полученіе платы за требы отъ жителей слободы, тоже не отличавшихся благосостояніемъ. Нѣсколько далѣе стояла ветхая деревянная школа, эта необходимая принадлежность всѣхъ церквей во всѣхъ почти селеніяхъ старой Малороссіи. Какъ и домъ священника, она была выстроена „коштомъ монастыря", и въ ней поселился дьячокъ, выходецъ изъ Польской области, „мужичей сынъ, питавшійся отъ парахіи".

Мѣсто, занятое церковью, было окружено монастырскими хозяйственными постройками. При входѣ въ слободку находился дворъ монастыря, носившій названіе „волового двора". Въ немъ стоялъ монастырскій деревянный домъ съ тремя „господскими покоями", а по бокамъ выстроены были людскія (3), сараи (2)

---

[1]) Документы приложены къ описи имѣній Софійскаго монастыря, находившихся въ м. Трипольѣ, но и они, и опись пропали.

и амбаръ, что все обошлось монастырю въ 500 руб. То былъ скотный монастырскій дворъ: монастырь держалъ здѣсь 30 воловъ и 1 лошадь для поѣздокъ. Надсмотръ за скотомъ и дворомъ порученъ былъ наемнымъ рабочимъ, поселеннымъ въ людскихъ. Это—пришлые люди, изъ Городни (черниг. полка) и изъ Ахтырки, явившіеся въ Кіевъ съ семьями и поступившіе на службу монастырю по договору, обезпечивавшему одному изъ нихъ годовую плату въ 13 р., а другому—10 р. Оба одѣвались на свой счетъ, но пищу получали отъ монастыря.

Нѣсколько далѣе, но рядомъ съ только что описаннымъ дворомъ находился другой, гдѣ построенъ былъ большой двухъэтажный деревянный домъ. Нижній этажъ состоялъ изъ 6 комнатъ, на верхнемъ устроена была домовая церковь во имя св. Варлаама и Іоасафа. Повидимому, то былъ именно тотъ домъ и та домовая церковь, которые по словамъ Закревскаго были выстроены митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ 1718 г. Сооруженіе ихъ обошлось монастырю всего въ 90 р (?).

По другую сторону церкви находилось зданіе монастырскаго шинка. Подъ него отведено было 2 хаты и цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ: амбаръ, ледникъ, сарай. Здѣсь производилась ежедневно продажа водки, доставляемой изъ монастыря, что поручено было кіевскому мѣщанину и доставляло монастырю по 60 р (540 р) ежегодно.

Непосредственно за шинкомъ начиналось поселеніе, состоявшее изъ 21 двора и 2 бездворныхъ хатъ. Они были заняты монастырскими посполитыми, то коренными жителями Кіева (12 семей), то пришлыми: изъ Польской области (7), изъ Полтавщины (6), Черниговщины (4), Слободской Украины (Ахтырки—1). По поламъ и возрастамъ населеніе распредѣлялось такъ: м. пола отъ 1 до 15 л.—28, отъ 15 до 60—36, свыше 60—2, ж. п. отъ 1 до 15—28, отъ 15 до 60 л.—37, свыше 60—5, а всего 136 душъ. Этимъ посполитымъ монастырь отвелъ пахатную землю въ количествѣ 42 дней (около 31 десятины), разбросанную въ разныхъ мѣстахъ: то подлѣ „архіерейской рощи“ (кадетской рощи), то на Шулявщинѣ (17 дней), то у

„тѣсныхъ улицъ“ (7 дней) [1]), то у Лыбеди (11 дней). На дворъ могло приходиться среднимъ числомъ по одной съ небольшимъ десятинѣ, но въ дѣйствительности дѣло стояло иначе. Пашенныхъ дворовъ было всего 9, да и тѣ пользовались землею крайне неравномѣрно. Такъ, одинъ дворъ получилъ въ надѣлъ лишь 2 дня (около $1^1/_2$ дес), три двора—по 3 дня (около 2 дес), одинъ—4 дня (3 дес), два—по 5 дней ($3^3/_4$ д), одинъ—8 дней (6 дес) и одинъ—9 дней ($6^3/_4$ д). Въ остальныхъ сидѣли бобыли, изъ которыхъ только 5 занимались ремесломъ. Изъ нихъ ткацкимъ ремесломъ занимались въ одной семьѣ, кузнечнымъ въ четырехъ (одинъ кузнецъ былъ надѣленъ землею), и въ одной гончарнымъ промысломъ. Но лишь занятіе кузнечнымъ промысломъ давало кое-какія средства къ жизни, остальные были малодоходны. Во-первыхъ, ни у кого, кромѣ одного кузнеца, не было ни рабочихъ, ни учениковъ, а во-вторыхъ, размѣръ консистентской дачи былъ неравномѣрно разложенъ: съ кузнецовъ взимали по 1 р. 20 к., съ гончара и ткача всего 1 р., т. е. ту же сумму, которую платили и наиболѣе слабые экономически, жившіе одними заработками.

Каково было вообще экономическое состояніе населенія, видно изъ того количества скота, которымъ владѣли посполитые. Воловъ было всего 12, коровъ—8, лошадей—5 и свиней—21, т. е. на дворъ приходилось менѣе чѣмъ по 1 свиньѣ, около $^1/_2$ вола, $^1/_3$ коровы. Но въ 11 дворахъ не было никакого скота; по 1 коровѣ имѣли 6 дворовъ, по 2—одинъ дворъ, по 1 лошади насчитывалось у 5 дворовъ, по 2 вола имѣли 6 дворовъ. Что касается свиней, то по 1 свиньѣ имѣлъ 1 дворъ, по 2—8 дворовъ, по 4—2 двора. Избы, въ которыхъ жили посполитые, были все мазки, большею частью „ветхія“. Въ большинствѣ дворовъ не было хозяйственныхъ построекъ, лишь въ нѣкоторыхъ было по амбару, а въ 13—по сараю, изъ которыхъ одинъ былъ рубленный. И при такихъ условіяхъ нѣкоторые хозяева находили возможнымъ пріютить у себя нищихъ, да еще съ семьями. Въ

[1]) Гдѣ находились „тѣсныя улицы“, съ точностью неизвѣстно. См. Закревскій, II, 515.

двухъ хатахъ мы находимъ по „сусѣду“ и „сусѣдкѣ“, въ двухъ—по нищему.

Обязанности по отношенію къ монастырю были тѣ же, какъ и въ другихъ монастырскихъ селахъ. Но въ чемъ выражалась панщина, мы не знаемъ. Къ монастырскому двору приписана была, правда, пахать на 25 дней: одна часть на 15 дней за бродомъ подлѣ рощи, а другая на 10 дней на Шулевой дорогѣ); но неизвѣстно, обрабатывалъ ли ее монастырь.

XIII.

Слобода Нижній Кудрявецъ [1]). Объ этой слободѣ изслѣдованія о Кіевѣ не упоминаютъ ни однимъ словомъ: ея существованіе, повидимому, не было извѣстно историкамъ. Гдѣ находилась она, съ точностью опредѣлить трудно. Опись даетъ неопредѣленное указаніе, что она расположена въ 2 верстахъ отъ печерской крѣпости, на гористомъ мѣстѣ. Насколько можно судить по немногимъ документамъ, относящимся къ слободѣ, по нѣсколько неопредѣленнымъ выраженіямъ гетманскихъ универсаловъ, она выстроена была по теченію исчезнувшаго ручья Кудрявца и прилегала къ Кіево-Подолу со стороны глубочицкаго ручья. Возникла она въ XVII в. и была обязана своимъ существованіемъ нѣкоему обывателю г. Кіева, Ивану Юрковичу Гризкому, который устроилъ на р. Кудрявцѣ мельницу, „подъ мѣстомъ Кіевомъ стоячую“, а также и хуторъ съ огородами и занятыми къ нему сѣножатями. Въ 1671 году, какъ то видно изъ универсала гетмана Многогрѣшнаго отъ 7 февраля, хуторъ съ мельницей и сѣнокосами находился уже во владѣніи новаго лица: его купилъ кіевскій бурмистръ, Янъ Демидовичъ Быковичъ, за 800 злотыхъ. Эта-то продажа и утверждена гетманомъ [2]). Новый владѣлецъ значительно расши-

---

[1]) Румянц. опись, кіевск. сотня, № 85.

[2]) „Объявлялъ намъ панъ Янъ Демидовичъ Биковичъ, бурмистръ Киевский на змерлого Ивана Юрковича Гризкого, обивателя тожъ киевскаго в мѣсти Киеви кгрунта лежачіе и за гроши з млиновъ,

рилъ хозяйство, завелъ новыя хозяйственныя постройки и, повидимому, увеличилъ и самое поселеніе. Новый гетманъ, Самойловичъ, въ своемъ универсалѣ Быковичу уже утверждаетъ за нимъ право собственности не только на то, что утвердилъ Многогрѣшный, но и на винницу, солодовню, сушню, хаты, огороды подъ горою, сажалки на ручьѣ и т. п. [1]). Къ концу XVII в., при Мазепѣ, сынъ Яна Быковича, Ѳедоръ Ивановичъ Быковскій, войтъ кіевскій, получилъ возможность увеличить доходность имѣнія. Гетманъ въ награду „за сталую вѣрность" отца пожаловалъ сына новымъ универсаломъ, по которому предоставилъ ему право для продажи выдѣлываемой имъ въ слободѣ водки „дворъ шинковій в мѣстѣ Киевѣ и в немъ шинкъ винній, медовій и пивній свободно держаты" [2]). Тогда же были расширены и земельныя владѣнія хутора: до 1699 года Ѳедоръ Быковскій скупилъ нѣсколько огородовъ, принадлежавшихъ кіевскимъ мѣщанкамъ [3]).

Мы не знаемъ, какова была дальнѣйшая судьба и слободы, и рода Быковскихъ. Но въ 1766 году, во время составленія описи, потомокъ Яна Быковича, Леонтій Быковскій, уже не жилъ въ Кіевѣ. Мы застаемъ его сотникомъ въ опошнянской сотнѣ гадяцкаго полка, а его имѣніе, слободу Нижній Кудрявецъ, въ рукахъ какихъ-то кіевскихъ мѣщанъ, ежегодно снимающихъ его въ аренду. Хозяйственная дѣятельность съ выѣздомъ владѣльца, повидимому, остановилась. Неизвѣстно, когда начата была постройка большаго каменнаго дома въ 10 комнатъ, но затѣмъ брошена, и въ 1766 году онъ стоялъ не достроеннымъ и только подлѣ него торчало 2 людскихъ. Мельница приносила ничтожный доходъ. Она стояла на „ровчакѣ,

---

на реци Кудравци стоячимъ, якъ въ собѣ мѣетъ, футоромъ, огородами, займищами и сѣножатми въ ограниченю купленніе" и т. д. Румянц. опись, докум. кіевской сотни.

[1]) Универсалъ отъ 11 іюля 1682 г., ibid.

[2]) Универсалъ 1699 г. 11 іюля, ibid.

[3]) „Огородамы въ оцеркливаню одномъ найдуючимися, в мещанокъ киевскихъ, Ксеніи Прокоповичовни Климовой і Зѣни Климовичовны Павловой купленіи". Ibid.

прозиваемомъ Кирпичномъ", и дѣйствовала только весною при весеннемъ половодьѣ. Винокурни и другихъ хозяйственныхъ построекъ не существовало болѣе. Исчезла и земля сѣнокосная съ лѣсками: вся она была занята подъ поселеніе, роздана посполитымъ. Эти послѣдніе группировались въ 18 дворахъ и 4 бездворныхъ хатахъ и не пользовались ни пахатью, ни сѣнокосомъ, ни лѣсами, за отсутствіемъ ихъ у владѣльца. Населеніе состояло изъ 25 душъ м. пола въ возрастѣ отъ 15 до 60 л., 25 ж. пола (отъ 15 до 60), 20 подростковъ и дѣтей муж. п. и 25 ж. пола, а всего изъ 96 душъ. По составу оно было смѣшанное. Лишь 4 семьи принадлежали къ кіевскимъ уроженцамъ. Остальныя явились частью изъ Польской области (5), частью изъ праваго берега (Черкассъ, Василькова и т. п) и такихъ было 6, частью изъ Черниговщины (6) и Полтавщины (2). Въ какихъ отношеніяхъ находились посполитые къ владѣльцу, какія повинности несли они въ его пользу, изъ описи не видно, но несомнѣнно они представляли собою настоящихъ нищихъ, добывавшихъ пропитаніе лишь поденной работой („съ заработковъ"). Только 7 человѣкъ добывали средства къ жизни тканьемъ, да одинъ былъ кушниръ. Но врядъ ли размѣръ ихъ дѣятельности былъ особенно значителенъ. Консистентскую дачу платили всѣ поровну, по 1 р. 2 к. отъ хаты. Затѣмъ только у двухъ ткачей мы находимъ наемныхъ рабочихъ и учениковъ: у одного—2 рабочихъ, у другаго—1 рабочаго и 2 учениковъ, да у кушнира—одного ученика. Всѣ остальные, записанные такъ же, какъ и первые, въ цехъ, работали сами безъ чужой помощи. Нанятые рабочіе работали „съ половины" и получали лишь одну пищу отъ хозяина. Какъ незначительно было благосостояніе посполитыхъ, обнаруживается вполнѣ ясно изъ описи скота, которымъ они владѣли. Вовсе не имѣли скота 17 семей; у 4 семей было по 1, 2 и 3 свиньи, и только у одной—корова, лошадь и 3 свиньи.

XIV.

Д. Плоское. Старинная Бискупья улица, прорѣзывавшая Подолъ у подножья Щекавицы, заканчивалась у Іорданскихъ воротъ, составлявшихъ крайнюю с.-з. оконечность Кіево-Подола. Отъ нихъ почти въ прямомъ направленіи къ Днѣпру шла стѣна или вѣрнѣе частоколъ, „валокъ“, представлявшій собою въ описываемое время с. границу Подола. За воротами лежали земли, не входившія въ составъ города и составлявшія собственность Кирилловскаго монастыря. Здѣсь-то, непосредственно за воротами, по взгорьямъ и расположена была д. Плоское.

Территорія, на которой выстроилось село, такъ же какъ и окрестныя земли повидимому съ незапамятныхъ временъ принадлежали Кирилловскому монастырю. Еще въ 1530 году по повелѣнію князя Владиміра Юрьевича Доброницкаго Голшанскаго, „справцы воеводства кіевскаго“, Себастьянъ Яблонскій, „маршалокъ воеводы кіевскаго князя Януша Юрьевича Гольшанскаго“, Иванъ Вялковичъ, намѣстникъ кіевскій и „Василей Панковичъ, земянинъ повѣту кіевскаго“, обвели и обозначили гранями эту територію, завладѣть которою пытались тогда и Лавра, и нѣкоторыя отдѣльныя лица. Граница эта по ихъ указанію, шла по р. Сырцу, потомъ „чрезъ лозу промежъ Борковъ, ручаемъ у озеро Долгое, з давнихъ часовъ називаемое езеро Кирилское, которое озеро прилегло концемъ ку Почайне речце, гдѣ и другая речка, Кривая Почайна, зишлась, с той речки Почайни у озеро Ерданское, изъ того озера смуговиною долиною, називаемою Турецъ, а зъ Турца черезъ Болоне просто к валку старожитному, тимъ валкомъ у Юрковъ ставокъ“ [1]). Все, лежавшее внутри этихъ границъ, „въ одномъ обрубѣ“, было признано собственностью церкви св. Кирилла.

Но пользы изъ этого акта церковь не получила никакой. Землю эту въ XVI в. и въ началѣ XVII считали пустопорожнею и никому не принадлежавшей; ею пользовался всякій, кто

---

[1]) Румянц. опись, докум. кіевской сотни: „выпись зъ книгъ головнихъ трибунальскихъ воеводства Киевскаго“.

хотѣлъ. А отсюда вытекали постоянныя ссоры и побоища изъ за сѣножатей, рыбныхъ ловель и т. п., длившіяся въ теченіе всей второй половины XVI в., пока ихъ не прекратилъ Филонъ Стрибылъ, чашникъ кіевскій. Онъ, какъ читаемъ мы въ его заявленіи [1]), „за прозбою иншихъ нѣкоторихъ людей, а вѣдомости певное не маючи“, кому принадлежала земля, „на новихъ плецахъ, за валкомъ отъ Юркова ставку, отъ улици и плецовъ бѣскупства Кіевскаго уз гору ку светому Кирилу“... позволилъ „людямъ огорода займовати и на тихъ плецахъ се будовати“ и далъ „людемъ тамъ оседаючимъ на слободу для побудоване волности“. Повидимому, поселилось здѣсь не мало разнаго рода лицъ, „килко десять человѣка“, въ томъ числѣ и нѣкто „панъ Соколовскій“, обвиненный авторомъ описанія Кіева Берлинскимъ въ яко бы насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ Кирилловскаго монастыря, а въ дѣйствительности занявшій эти земли съ согласія князя Острожскаго, какъ замковыя пустыя, и получившій на то разрѣшеніе отъ варшавскаго сейма [2]).

Это разрѣшеніе основать слободу было дано какъ разъ въ то время, когда Василій Красовскій явился въ Кіевъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря. На распоряженіе Стрибыла онъ посмотрѣлъ, какъ на нарушеніе правъ церковной собственности, и поднялъ на ноги почти весь Кіевъ. Онъ добылъ изъ архива кіевскаго трибунала копію межевого акта 1530 г., приведеннаго выше, и, опираясь на него, заставилъ священниковъ и крилошанъ кіевскихъ подать протестъ противъ дѣйствій Стрибыла. Этого мало. Въ 1608 году онъ побудилъ и весь кіевскій магистратъ и всѣхъ земянъ кіевскихъ вмѣшаться въ дѣло и подтвердить права монастыря. Войтъ кіевскій, Яцко Балика, бурмистры, райцы, лавники и все поспольство и мѣщане кіевскіе, въ числѣ болѣе чѣмъ пятидесяти человѣкъ, выдали за своею подписью составленный въ ратушѣ актъ, въ которомъ до-

[1]) Ibid., актъ, выданный игумену Василію Красовскому Филономъ Стрибыломъ въ 1609 году.

[2]) См. ib., актъ войта кіевскаго и др. гдѣ подробно изложена эта исторія съ Соколовскимъ.

казывалось неоспоримое право Кирилловскаго монастыря на землю, за бискупскими плецами лежащую до р. Сырця. Такого же рода заявленіе было дано три года спустя, въ 1608 году, и отъ „дигнитаровъ, урядниковъ, рицерства, шляхты, обивателей земли кіевской“ [1]). Въ немъ кіевское земство между прочимъ писало, что „за збуреніемъ отъ непріятеля крижа светого земля Кіевская у великихъ небезпеченствахъ тривала... і спустошона была, і церкви в запустѣлости заставали, яко манастир стого Кирила за нефундованими настоятелми, же одне кгрунты мало не всѣ пожитки за недозоромъ поодлегали і разобраны были“. Но вотъ, продолжаютъ они, явился отецъ Василій Красовскій, а съ нимъ „порядокъ добрый зачался“. Онъ „тую запустѣлую и заваленную отъ давнихъ часовъ церковъ працею и стараніемъ своими, муры обваленние, верхъ самой диравой працею, коштомъ і накладомъ своимъ оправилъ, к ухвале пану Богу“. Тронутые энергіею отца Василія, они и выдали ему удостовѣреніе на право владѣнія территоріею „починающеюся отъ предмѣстія Кіевскаго отъ улици бискупей, от валка і ставку Юркова, гдѣ панъ Войтехъ Соколовскій мешкаетъ и не мало людей, от того валку... гдѣ цеголню і плитищи побудовани.... по самую рѣчку Сирецъ“ и т. д.

Монастырь вступилъ теперь въ права полнаго собственника описанной территоріи и сталъ пользоваться ею почти до конца XVII в., когда ему пришлось второй разъ вступить въ упорную борьбу за свою землю, но уже съ тѣмъ же магистратомъ, который 90 лѣтъ назадъ самъ подтвердилъ ее за монастыремъ. Мѣщане кіевскіе и войтъ кіевскій Иванъ Быковскій заявили притязаніе на земли, лежавшія подлѣ городской стѣны. Но въ лицѣ игумена монастыря Иннокентія, они встрѣтили личность, не менѣе энергическую въ дѣлѣ защиты монастырской собственности, какъ и его предшественникъ, Красовскій.

[1]) Оба акта были занесены въ земскія судовыя книги кіевскаго воеводства въ 1617 году 9 октября. Румянц. опись, ib. Въ числѣ подписавшихъ второй актъ мы находимъ подписи Лукаша Сапѣги (на польск. яз), Фридриха Тышкевича (тоже), Михаила Новицкаго, судьи гродскаго (на русск. яз) и массу другихъ.

Онъ подалъ жалобу царямъ Іоанну и Петру на дѣйствія войта и выигралъ дѣло. Боярину князю Михаилу Ромодановскому было предписано произвести разслѣдованіе и затѣмъ размежевать земли, принадлежащія монастырю [1]). Въ 1691 году присланный Ромодановскимъ дьякъ Алферьевъ съ товарищами и понятыми, въ томъ числѣ бывшимъ кіевскимъ сотникомъ Саввою Тупталомъ, жителями *слободы Плоскольской*, войтомъ Быковскимъ и др., повершилъ дѣло и составилъ подробный межевой актъ владѣній Кириловскаго монастыря [2]).

---

[1]) Румянц. опись, ib. Грамота царей Іоанна и Петра 1691 г., 26 сентября.

[2]) Актъ этотъ настолько интересенъ въ топографическомъ отношеніи и заключаетъ такую массу данныхъ для топографіи Кіева, что я считаю небезполезнымъ привести его почти цѣликомъ и тѣмъ дать матеріалъ для изслѣдователей топографіи Кіева.

Сразу же оказалось, несмотря на протесты мѣщанъ, что старожитный валокъ и есть межа между магистратской и монастырской землей. Войтъ съ мѣщанами указалъ было на мѣсто на пятнадцать сажень впередъ, но тамъ не только валка, но и слѣда его не оказалось, а найдены лишь жилища воловиковъ, монастырскихъ подданныхъ. Здѣсь у валка „у дороги и по другую сторону той дороги отъ горы Шковики" былъ поставленъ столбъ. Оттуда межевщики направились къ Юрковому ставку" и верхъ того ставку чрезъ гору Шковицу долиною на гору, идучи на низовое чрезъ дорогу... изъ нижняго гор. Кіева по горѣ Шковицѣ въ Чортову долину, въ рѣчку Кудрявецъ... и по конецъ валка надъ байракомъ" (300 саж). Земля по лѣвую сторону признана мѣщанскою, по правую этой грани—монастырскою. Отъ байрака старожилы повели Алферьева рытвинами чрезъ р. Кудрявецъ до Хвощовой долины, пока не вывели на дорогу къ Святошицкому бору, дорогу, которою „ездятъ изъ Бѣлогородки въ Кіевъ" (неизвѣстно количество сажень). Межу затѣмъ повели дорогой до „Данилова креста и поганыхъ лозъ" (300 саж), отдѣляя здѣсь земли Кирилловскаго монастыря отъ земель Софійскаго и Михайловскаго. Отсюда добрались до вершины р. Сырца (1300 с). Отъ вершины Сырца былъ совершенъ поворотъ къ Кирилловскому монастырю, и межа поведена по теченію рѣчки до мельницы кирилловской (1500 с). Все на правой сторонѣ отдано монастырю, земля влѣво признана была собственностью кіевскихъ козаковъ. На сорокъ шесть сажень ниже мельницы былъ опять поставленъ межевой столбъ и отъ него грань

Уже тогда, когда шло это межеваніе, существовало на земляхъ монастыря поселеніе посполитыхъ монастырскихъ, носившее названіе слободы Плоскольской. Оно было основано по всей вѣроятности не ранѣе половины XVII в. Столѣтіе спустя оно изъ слободы превратилось уже въ деревню, состоявшую изъ 51 двора и населенную монастырскими подданными, и ряда дворовъ, устроенныхъ здѣсь же частными лицами: священни-

---

повели къ Пунищамъ. Кіевскіе мѣщане въ актѣ, выданномъ Кирилловскому монастырю въ 1605 году, сообщаютъ, что „кгди замокъ кіевскій будовано, теди на томъ месцу, что зовутъ Пунищами, на воли робочіе пороблени были пуни, ис тихъ причинъ тое месце зовутъ пунищами". (505 с). Отъ Пунищъ межа идетъ до впаденія Сырца въ Кирилловское долгое озеро (475 с.), отдѣляя монастырскую землю отъ мѣщанской за Сырцемъ. По озеру грань направляется къ Почайнѣ при сліяніи съ Кривой Почайной противъ Іорданскаго монастыря (925 с), по краю выгонной мѣщанской земли, прилегающей къ Днѣпру. Отсюда путь по Іорданскому озеру къ смуговинѣ Турецъ, затѣмъ назадъ вдоль Кирилловскаго озера выше устья Сырца до средней дороги въ Вышгородъ (275 с) Отъ этой дороги, направляясь по ней къ другой смуговинѣ, положена грань, отдѣляющая сѣнокосъ Кирилловскаго монастыря отъ сѣнокосовъ Николая Притискаго, которыми завладѣли мѣщане (475 с). Межа направилась далѣе чрезъ лозы до креста, поставленнаго здѣсь въ 1672 году воеводою княземъ Григоріемъ Козловскимъ (200 с). На лѣво отъ этой межи находился выгонъ мѣщанъ кіевскихъ. Отъ креста грань пошла къ Кирилловскому озеру противъ устья Сырца по болоту Михайловское озеро (905 с). Здѣсь, по правую сторону дороги лежали кирилловскія земли, на лѣво къ Днѣпру по пути въ Кіевъ земли Михайловскаго монастыря и бывшаго войта, Ждана Тадрики. Отъ Іорданскаго озера отмѣчена сверхъ того грань по долинѣ Турецъ и по направленію къ дорогѣ изъ Кіева въ боръ (330 с). Отсюда межа идетъ уже прямо къ старожитному валку (270 с), отдѣляя землю Кирилловскаго монаст., лежащую на право, отъ мѣщанскаго выгона. Наконецъ, по валку повели Алферьева къ дорогѣ изъ нижняго Кіева чрезъ городскія ворота въ Кирилловскій монастырь (130 с. длина валки) и здѣсь закончили межеваніе, давшее въ результатѣ длину всей окружности монастырскихъ земель, 8 верстъ 971 с (по 1 т. сажень на версту). Этимъ межеваніемъ Высочайше утвержденнымъ, споръ съ мѣщанами не кончился. Дѣло возобновилось въ 1747 г. См. Андріевскій, матеріалы, VI, стр. 25 и сл.

комъ подольскимъ церкви св. Василія, сотникомъ Михаиломъ Гудимомъ и др [1]).

Монастырь завелъ здѣсь довольно обширное хозяйство. Онъ приписалъ къ деревнѣ пахатную землю на 150 дней (112½ дес), которую обработывалъ своими подданными и въ свою пользу. Ежегодно высѣвалось на ней 30 четвертей ржи и 7 четвертей гречки. Затѣмъ къ той же деревнѣ принадлежали: сѣнокосъ близъ Іорданскаго озера на 3 тыс. копенъ сѣна, поступавшаго цѣлостью въ монастырь, и дровяной лѣсъ въ три версты длиной и полторы въ ширину. Но этимъ не исчерпывалась хозяйственная дѣятельность монастыря. Онъ получалъ крупный доходъ съ 5 мельницъ, находившихся въ разстояніи 1 в. отъ деревни. Мельницы, правда, мололи лишь лѣтомъ да весною, но тѣмъ не менѣе доставляли монастырю за одинъ помолъ 200 четвертей хлѣба ежегодно. Сверхъ того,—и то было наиболѣе крупною статьею,—существовалъ винокуренный заводъ на два котла. Хлѣбъ на вино и дрова монастырь употреблялъ свои, рабочихъ нанимать было не для чего: подданныхъ было не мало. Выцѣживалось 1000 ведеръ и отвозилось по мѣрѣ приготовленія въ монастырскіе шинки, числомъ 3, стоявшіе „въ оной деревнѣ па проезжихъ улицяхъ“. Какъ великъ былъ доходъ отъ этой продажи въ розницу, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1768 г. въ шинкахъ, содержимыхъ въ Золотоношѣ и др. городахъ, на откупѣ маіоромъ Скоропадскимъ и нѣкіимъ Долинскимъ [2]), водка продавалась по 1 руб. 20 к. ведро. Принимая ту же цѣну ведра и для д. Плоское, мы получимъ 1200 руб. за водку, выцѣживаемую въ винокурнѣ. Шинкарямъ и въ шинкахъ Скоропадскаго, и во всѣхъ другихъ шинкахъ отдавали десятую долю прибыли, т. е. въ данномъ случаѣ 120 руб. Монастырю оставалось ежегодно записать въ доходъ 1080 р.

---

[1]) Дворовъ „штабъ и оберъ афицерскихъ“ было 6, мѣщанскихъ—18; за нихъ монастырь взималъ чиншъ, размѣръ котораго не показанъ.

[2]) Дѣло по счетной части малороссійской коллегіи № 7, ркп. университетской библіотеки.

Ничего подобнаго не могли дать тогда никакіе другіе фабрики и заводы. Монастырь устроилъ, напр., въ той же деревнѣ кирпичный заводъ. Онъ отдалъ его въ аренду мѣщанамъ, но получалъ за него въ годъ всего лишь 10 р.

Посмотримъ теперь, что представляла собою деревня, въ какомъ положеніи находились посполитые, подданные монастыря.

Въ 51 дворѣ находилось 59 хатъ, въ которыхъ помѣщались 65 семей. Населеніе подданныхъ монастырскихъ состояло изъ 267 душъ обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1 до 15 л. было 45, отъ 15 до 60 л.—79, свыше 60—9, жен. пола отъ 1—15 л.—50, отъ 15 до 60 л.—77, свыше 60 л.—9. Около половины семей были мѣстные уроженцы или кіевляне (30), остальныя—пришлыя: изъ Польской области—15, изъ селеній кіевскаго полка—7, изъ Полтавщины—9, изъ Черниговщины—2, неизвѣстнаго происхожденія—1.

Ни одна изъ этихъ семей не получила отъ монастыря никакихъ угодій: ни пахатныхъ или сѣнокосныхъ земель, ни лѣсовъ. Имъ отведены были лишь усадьбы съ небольшимъ количествомъ хозяйственныхъ построекъ или даже безъ нихъ. Въ 24 дворахъ стояли однѣ лишь избы и ни одной хозяйственной постройки. Съ одной хозяйственной постройкой насчитывалось 16 дворовъ, съ 2 постройками—8, съ 3 постройками—1, да одинъ дворъ съ 7 постройками (3 амбарами, 1 стайней, сажемъ рубленнымъ, 2 сараями).

Но это не вліяло на отношенія къ монастырю. Панщина отбывалась всѣми въ обыкновенномъ въ монастырскихъ селахъ размѣрѣ, и только 9 дворовъ откупились отъ панщины, замѣнивъ ее денежнымъ взносомъ. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ дворовъ монастырь получалъ 32 р. 50 к. То были несомнѣнно наиболѣе зажиточные люди, и поэтому прежде всего обратимся къ нимъ.

Плата отъ двора была различна, начиная отъ 1 р. и до 8 р. Максимальную плату монастырь взималъ съ 3 дворовъ, въ размѣрѣ 4, 7 р. 50 к. и 8 р. Достаточно заглянуть въ опись, чтобы понять въ чемъ причина такой высокой платы. Оказывается, что каждый былъ занятъ наиболѣе прибыльнымъ въ то

время дѣломъ, т. е. винокуреніемъ. Въ 4 дворахъ существовало по винокурнѣ: одна на 2 котла, одна на 3 и двѣ на 4 котла, изъ которыхъ выцѣживалось водки 150 ведеръ въ одной винокурнѣ, 200—въ другой и по 300 въ двухъ остальныхъ. Если мы примемъ цѣну ведра только въ 1 р., согласно той цѣнѣ, которая въ шинкахъ Скоропадскаго принята за полугаръ, то валовой доходъ каждаго хозяина выразится въ томъ же количествѣ рублей, сколько выкуривалось ведеръ. Но не имѣя угодій и лѣса, они должны были покупать дрова и хлѣбъ на Подолѣ, да сверхъ того нанимать рабочихъ. Въ одной винокурнѣ, напр. вырабатывавшей 300 ведеръ, нанятъ былъ рабочій по 10 к. отъ кадки на хозяйскихъ харчахъ, да работница за 2 р. въ годъ на одеждѣ и пищѣ хозяйской. Въ другой штатъ рабочихъ былъ еще больше: здѣсь нанято было 4 рабочихъ, изъ которыхъ главному уплачивали 4 рубля въ годъ, двумъ другимъ по 1 р. 50 к. и одной по 1 р. на всемъ готовомъ. Но не смотря на всѣ эти расходы, не мало, должно быть, оставалось денегъ въ видѣ чистаго дохода, если владѣльцы винокурень не только уплачивали указанныя суммы монастырю [1]), но и взносили на консистенцію по 1 р. 50 к вмѣсто нормальныхъ 1 р. 2 к. съ хаты. Что они были зажиточнѣе другихъ односельчанъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ данныхъ объ ихъ движимости. На всю деревню имѣлось скота слѣдующее количество: воловъ—8, коровъ—25, лошадей—17, свиней 25. Изъ этого количества у 4 хозяевъ винокурень насчитывалось 6 воловъ, 10 коровъ, 2 лошади и 77 свиней. Чтобы нагляднѣе показать значеніе этого факта, приводимъ распредѣленіе скота между остальными дворами. Въ 27 дворахъ не было ни рогатаго скота, ни свиней; по 1 лошади имѣло 11 дворовъ, по 2—2 двора; по 1 коровѣ—3 двора, по 2 коровы—6 дворовъ; 2 вола—въ одномъ дворѣ; по 1 свиньѣ—4 двора, по 2—2, по 4—одинъ.

Изъ другихъ лицъ, замѣнившихъ панщину денежнымъ взносомъ, самая высшая плата была наложена на два двора,

---

[1]) Лишь одинъ винокуръ не платилъ денегъ въ монастырь, а отбывалъ панщину натурою.

5 и 4 р. Обитатели перваго жили съ заработковъ, въ дворѣ было 7 взрослыхъ рабочихъ; обитатели втораго занимались продажею въ городѣ рыбы. Два остальные тоже жили съ заработковъ и платили: одинъ 3 р., другой рубль. Два были освобождены отъ всякаго рода повинностей и платежей, ибо состояли шинкарями и были вполнѣ обезпеченными людьми. Одинъ былъ также освобожденъ, но видимо вслѣдствіе старости и полной нищеты.

Изъ подданныхъ, обязанныхъ нести панщину, лишь немногіе имѣли постоянные источники дохода. Ремесломъ занималось лишь 6 домохозяевъ: ткацкимъ—3, портняжествомъ—1, гончарствомъ 1 и бондарствомъ—1. Какъ велики были ихъ доходы, опредѣлить нѣтъ возможности, но вотъ данныя, указывающія, на различіе въ ихъ экономическомъ положеніи. 4 изъ нихъ вносили консистентскую плату лишь по 1 р., одинъ уплачивалъ 1 р. 20 к. и одинъ—2 р. Сверхъ того, пять работали сами безъ рабочихъ. У двухъ мы находимъ помощниковъ. Портной, напр., держалъ 2 рабочихъ: одному платилъ въ годъ 5 р., другаго, ученика, держалъ безъ платы, но оба были на его харчахъ. Ткачъ, державшій одного рабочаго, кормилъ его и отдавалъ ему половину всѣхъ полученныхъ доходовъ.

XV.

Слободка Никольской Полик[1]), владѣніе Пустынно-Николаевскаго монастыря, возникла повидимому вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя привели къ перенесенію и мѣстечка Печерское на новое мѣсто, т. е. вслѣдствіе постройки печерской крѣпости. Крайняя разношерстность населенія ея, отсутствіе хотя одной семьи, которая числилась бы въ разрядѣ аборигеновъ слободки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ недавняго

---

[1]) Уже когда статья была почти написана и набрана, я случайно нашелъ въ одной изъ связокъ Р. О. козелецкой сотни опись слободки. Оттого настоящая глава помѣщается, не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бы слѣдовало.

ея возникновенія. Съ другой стороны, на то же указываетъ и то обстоятельство, что въ грамотѣ 1689 года, выданной Николаевскому Пустынному монастырю царями Іоанномъ и Петромъ и царевной Софіей и приложенной къ описи слободки, ни слова не говорится о поселкѣ, а лишь о землѣ, на которой стоялъ монастырь, и о землѣ, купленной монастыремъ у кіевскихъ мѣщанъ Григорьевыхъ.

Монастырь владѣлъ въ Кіевѣ весьма значительною территоріей. Начиная отъ того мѣста, гдѣ онъ выстроенъ, владѣнія его тянулись вдоль Днѣпра до самаго Крещатика, соприкасаясь то съ лаврскими землями, то съ землями, принадлежавшими Михайловскому монастырю. Здѣсь-то, на этой территоріи и устроилось подлѣ самаго монастыря поселеніе, получившее названіе Слободка Никольской Поликъ. Оно состояло изъ трехъ группъ, то была, во-первыхъ, Солдатская слободка. Въ силу именныхъ указовъ, вѣроятно Петра I и Елисаветы Петровны, значительная часть монастырской земли была нанята у монастыря правительствомъ. На ней построены были избы для солдатъ и артиллерійскихъ служителей, дворъ полевой артиллеріи и дворъ, гдѣ устроенъ былъ лазаретъ для кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ. Въ какомъ именно мѣстѣ находились всѣ эти постройки, опись не разъясняетъ: она ограничивается простымъ указаніемъ, вовсе не давая описанія ихъ. За этою частью монастырской территоріи вся мѣстность, занятая дворцовымъ садомъ, была также нанята у монастыря подъ виноградный садъ, такъ что монастырь удержалъ за собою лишь ту полосу земли подлѣ Крещатика и на Крещатикѣ, гдѣ стояли, какъ мы видѣли, винокурни. Ежегодно въ кіевскую губернскую канцелярію исправно являлся уполномоченный отъ монастыря монахъ за полученіемъ 200 р. за нанятую землю.

Затѣмъ, сюда же перенесены были и лавки Печерскаго монастыря, вслѣдствіе сноса мѣстечка для расчистки мѣстности подъ крѣпость [1]).

Наконецъ, третью группу представляла слободка Никольской Поликъ, выстроенная на свободной монастырской землѣ и

---

[1]) Андрієвскій, VII, 41.

подлѣ самаго монастыря. Здѣсь, ближе къ монастырю, устроенъ былъ громадный монастырскій дворъ съ большимъ деревяннымъ домомъ изъ 8 комнатъ, съ чуланами и 8 людскими. Сверхъ того подлѣ дома выстроено было 3 амбара, баня и пивоварня. Въ отдаленіи стояла конюшня съ двумя рубленными избами для конюховъ. Дворъ былъ биткомъ набитъ всякаго рода людомъ. Тутъ жили и послушники, и наемные рабочіе, все это съ женами и дѣтьми. Со всѣхъ сторонъ стеклось сюда самое разношерстное населеніе, состоявшее изъ 57 душъ: 30 взрослыхъ (21 м. и 9 женщ), 16 дѣтей (7 м. п. и 9 ж) и 11 увѣчныхъ (1 м. и 10 ж), негодныхъ ни къ какой работѣ, страдавшихъ „падучою, чорною“ и иными болѣзнями, хромыхъ, безногихъ и т. д. Тутъ были уроженцы и Кіева и его окрестностей (8), и Польской области (14), и Черниговщины (6), и Полтавщины (12), и Слободской Украины (1). Большинство жило на счетъ монастыря, на его одеждѣ и пищѣ, изъ одного „послушания“, не получая отъ монастыря ничего деньгами. Нанято было лишь нѣсколько душъ. Монастырь держалъ при дворѣ кузнеца, которому платилъ 10 р. въ годъ и сверхъ того давалъ ему одежду и пищу, затѣмъ каретника („стельмаха“) за 9 р., одежду и пищу и трехъ конюховъ за 8, 7 и 5 р. съ одеждой и пищей.

За дворомъ начиналось поселеніе монастырскихъ посполитыхъ, состоявшее изъ 23 дворовъ и 3 бездворныхъ хатъ. По своему характеру, по образу жизни населявшихъ его посполитыхъ людей, подданныхъ монастыря, оно вполнѣ подходило къ сосѣднимъ съ нимъ селеніямъ, занимая среднее мѣсто между м. Печерское и селеніе Васильковскія Рогатки. Въ немъ не было и признаковъ, свойственныхъ земледѣльческому поселку: монастырь, требуя отъ 23 дворовъ по 2 дня панщины въ недѣлю, отъ одного—по 6 дней, взымая съ одного панщину его ремесломъ, наконецъ освобождая еще одного отъ панщины за труды его въ монастырскомъ шинкѣ, не надѣлилъ ихъ ни пахатью, ни другими угодьями. Единственнымъ рессурсомъ и источникомъ дохода и существованія являлись либо поденный трудъ, либо занятіе ремесломъ. Это послѣднее было значительно развито въ слободкѣ. Изъ 32 семей 17 считались ремесленниками, но не

записанными въ цехъ. Преобладающую роль играло здѣсь гончарное ремесло, которымъ занято было 10 семей. Нѣкоторыя изъ нихъ вели дѣло въ довольно обширныхъ повидимому размѣрахъ. Такъ, у одного гончара мы находимъ двухъ наемныхъ рабочихъ, получавшихъ въ годъ 5 р. и 2½ р., одежду и пищу, и сверхъ того въ дворѣ 2 лошади. Другой держалъ одного рабочаго за 8 р., но безъ одежды,—фактъ, указывающій на стоимость годовой одежды, представлявшую сумму около 3 р., и другаго рабочаго на половинѣ дохода. Два гончара имѣли, видимо, меньшій заработокъ: они держали по 1 рабочему на условіи раздѣла пополамъ получаемого дохода, причемъ хозяинъ обязывался лишь кормить рабочаго. Остальные гончары работали сами безъ помощи наемныхъ рабочихъ. Въ сравнительно выгодномъ положеніи находился и единственный въ слободкѣ сапожникъ, дѣла котораго шли настолько хорошо, что онъ могъ не только держать рабочаго, но и платить ему 7 р. въ годъ и давать одежду и пищу. Въ слободкѣ было еще 2 ткача, 2 каменьщика, 1 кушнеръ, 1 рымаръ (шорникъ), но всѣ они работали сами, безъ помощи наемной рабочей силы. 15 семьямъ приходилось жить съ заработковъ, поденнымъ трудомъ.

Населеніе слободки состояло при 127 д. обоего пола, изъ которыхъ муж. пола отъ 1—15 л. было 26, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—2, женск. п. отъ 1 до 15 л.—25, отъ 15—60 л.—36, свыше 60—1. Сверхъ того насчитывалось 10 взрослыхъ рабочихъ: 8 мущ. и 2 женщины. По составу оно представляло слѣдующую картину: уроженцевъ Кіева—12, Печерска—2, Польской Области—8, кіевскаго полка—5 и 6 изъ разныхъ мѣстъ Полтавщины и Черниговщины (миргородскаго, переяславскаго, стародубскаго и др. полковъ). Лишь два принадлежали къ козачьему званію, да одинъ былъ изъ мѣщанъ. Среди рабочихъ—тоже разнообразіе: 3 изъ Печерска, одинъ—Польской области, одинъ—Черниговщины, два—Полтавщины и одинъ—кіевскаго полка.

Житейская обстановка и здѣсь была крайне незавидна, почти нищенская. Въ 16 дворахъ изъ 26 вовсе не было скота; по одной штукѣ имѣло 2 двора, по 2—3 двора, 5 штукъ—1

дворъ. По одной коровѣ насчитывалось въ 7 дворахъ, по 1 лошади—въ 5, по 2—въ 1 дворѣ; по 1 свиньѣ—въ 2 дворахъ и по 2—въ одномъ. Дворовъ безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ было 7, съ одной—13, съ двумя—6. Не велико было также и количество рабочихъ силъ въ каждомъ дворѣ. Безъ рабочихъ силъ считался одинъ дворъ; съ 1 мужескою рабочею силою—15, съ 2—9, съ 3—1 дворъ; съ 1 женскою—17 дворовъ, съ 2—15 дворовъ и съ 3—только три двора.

XVI.

Намъ остается лишь подвести итоги по даннымъ, касающимся всѣхъ разсмотрѣнныхъ селеній. Для бóльшей наглядности я постараюсь, гдѣ это возможно, представить эти итоги въ видѣ таблицъ, которыя почти не потребуютъ комментаріевъ.

Начнемъ съ населенія. Все количество его въ 1766 г., во всѣхъ извѣстныхъ намъ селеніяхъ, доходило всего до 2600 д. обоего пола. По возрастамъ все оно, считая осѣдлыхъ и рабочихъ, распредѣлялось слѣд. образомъ:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
отъ 1—16	отъ 15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
481	724	62	538	720	75

На осѣдлое населеніе, состоявшее, какъ изъ козаковъ, такъ и изъ посполитыхъ, приходилось:

Мужескаго пола			Женскаго пола		
1—15	15—60	свыше 60	1—15	15—60	свыше 60
432	575	54	482	628	57

Собственно козачье населеніе, какъ намъ извѣстно, состояло изъ 114 душъ обоего пола. Число посполитыхъ доходило, слѣ-

довательно, почти до $2^{1}/_{2}$ тысячъ душъ, т. е. было преобладающимъ въ то время въ Кіевѣ.

По своему составу это осѣдлое населеніе представляло слѣдующую картину:

Общее число семействъ.	Мѣстныхъ	Польск. обл.	Полковъ:											Чужестранц.	Неизв. происх.
			кіовск.	черниг.	нѣжинск.	старод.	прилуц.	переясл.	лубенск.	миргород.	полтавск.	гадяцк.	слободск.		
559	272	101	94	13	8	4	14	26	10	5	2	3	6	1	2

Такимъ образомъ, коренное населеніе, населеніе мѣстнаго происхожденія, составляло въ XVIII в. лишь около 49% общаго числа семей, 51% приходилось на долю пришлаго элемента. Населеніе Кіева пополнялось слѣдовательно извнѣ, и мѣстный элементъ далеко не опредѣлялъ собою физіономіи будущаго города.

Еще рѣзче это сказывается на той части населенія, которая не имѣла опредѣленной осѣдлости, т. е. на рабочихъ. Число этихъ послѣднихъ (не включая сюда дѣтей и ненанятыхъ женъ рабочихъ) доходило до 315 человѣкъ обоего пола, слѣдующаго состава:

Мѣстныхъ.	Польск. Обл.	Полковъ:											Изъ Австріи.	Неизв. происхожд.	Великорос.
		кіевск.	черниг.	нѣжинск.	старод.	прилуц.	переясл.	лубенск.	миргор.	полтавск.	гадячск.	слободск.			
66	82	37	20	15	3	10	9	7	3	3	8	24	3	7	1

Мѣстный элементъ составлялъ такимъ образомъ едва $^{1}/_{4}$ всего числа рабочихъ, $78^{1}/_{2}$% общаго числа рабочихъ были пришлые. Больше всего, 26, 62%, доставляли села и деревни окрестностей Кіева, находившіяся тогда въ предѣлахъ Польши; за тѣмъ слѣдовалъ кіевскій полкъ (12,01%). Остальные полки давали сравнительно немного, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше были удалены отъ Кіева. Исключеніе представляла Слободская Украина: число рабочихъ, доставляемыхъ ею, составляло 7,79% всего числа рабочихъ.

Изъ этого числа рабочихъ, такихъ, которые нанимались у посполитыхъ было всего 95 чел. обоего пола [1]), т. е. около 31% всѣхъ рабочихъ. Да притомъ изъ этихъ послѣднихъ 40 человѣкъ состояли либо при ремесленникахъ, въ качествѣ то рабочихъ, то учениковъ, либо при промышленникахъ, и только 25, главнымъ образомъ женщины, рабочими при семьяхъ посполитыхъ, не занятыхъ ремеслами, т. е. на 398 семьи.

Отношеніе этихъ послѣднихъ рабочихъ къ нанимавшимъ ихъ посполитымъ выражалось главнымъ образомъ тѣмъ, что семья давала имъ отъ себя одежду и пищу. Плата деньгами была сравнительно рѣдкимъ явленіемъ. Изъ 22 рабочихъ 9 получали отъ хозяина лишь одежду и пищу. Рабочую плату сверхъ того получали 18 человѣкъ, причемъ она колебалась между 40 к. и 2 р. 50 к. въ годъ [2]). Зарабочая плата возвышалась для лицъ мужескаго пола безусловно, а для женщинъ лишь отчасти при наймѣ для занятій ремесломъ или промысломъ. Она колебалась между 2 р. 50 к. и 6 рублями въ годъ, смотря по ремеслу. Дороже всего оплачивали посполитые трудъ кузнеца. Годичная плата взрослому рабочему равнялась 5 р (въ 4 случаяхъ) и 6 р (въ 1 случаѣ), подростку—3 р. Рабочая плата на винокурнѣ установилась для женщинъ въ 2 р. 50 к., падая до 1 р. 50 к.; для взрослыхъ рабочихъ она составляла 4 рубля годовыхъ или 16 к. или 20 к. недѣльныхъ, т. е. около 8 р. и 10 р. годичныхъ. 200 рабочихъ нанимались въ монастыри и къ козачьей старшинѣ, причемъ часть ихъ работала безплатно, въ качествѣ послушниковъ при монастыряхъ, главнымъ образомъ при Лаврѣ (79 чел) и при Михайловскомъ монастырѣ (3). Положеніе ихъ было гораздо болѣе обезпеченнымъ и выгоднымъ, чѣмъ тѣхъ, которые работали у посполитыхъ. Не получавшіе платы жили на всемъ готовомъ: одежду и пищу поставляли имъ монастыри. Тѣ, которые сверхъ этого получали денежное вознагражденіе,

---

[1]) Отъ 1 до 15—10, отъ 15 до 60—51, женск. п. отъ 1 до 15—13, отъ 15 до 60—21.

[2]) 40 к. получалъ одинъ малолѣтній, 80 к. (тоже малол.)—1, по 1 р. 50 к.—8 (взрослыя женщины), по 2 р. (взр. женщины)—4, 2 р. 50 к.—одинъ взрослый мужчина, и т. д.

заработывали ежегодно болѣе, чѣмъ вдвое противъ рабочихъ у посполитыхъ. Женская прислуга, состоявшая какъ и у посполитыхъ, на пищѣ и одеждѣ хозяйскихъ, установила нормальную годовую плату въ 2 р., все равно, приходилось ли ей работать на Подолѣ, или гдѣ нибудь въ Нижне-Лыбедскомъ селѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ впрочемъ плата возвышалась до 3 р (2 случая) и 4 р (1 случай). Заработная плата лицъ мужескаго пола колебалась между 4 р. 50 к. и 15 въ годъ. Отъ 4 р. 50 к. до 6 рублей получали за обыкновенный трудъ по дому и двору. Работа на винокурняхъ оцѣнивалась въ 7, 8 и до 11 рублей. Обыкновенный рабочій на винокурнѣ получалъ 5 к. поденной платы; главный винокуръ—по 25 коп. въ день. Максимальную плату получали нанятые для надсмотра надъ всѣмъ хозяйствомъ даннаго двора, садомъ и проч. или состоявшіе въ званіи шинкаря. Плата эта колебалась между 12 и 15 рублями [1]). Въ большей части случаевъ всѣ они получали одежду и пищу отъ хозяевъ: лишь немногіе изъ нихъ нанимались на своей одеждѣ. Пища хозяйская всегда и во всѣхъ случаяхъ была обязательнымъ условіемъ.

Такимъ образомъ наиболѣе обезпеченнымъ въ экономическомъ отношеніи являлся безспорно классъ вольныхъ рабочихъ, свободныхъ людей, не состоявшихъ въ чьемъ-либо подданствѣ. Его заработная плата обращалась почти цѣликомъ въ капиталъ, такъ какъ рабочему нечего было тратить ни на наемъ помѣщенія,—всѣ рабочіе жили въ хозяйскихъ избахъ или людскихъ,— ни на пищу [2]). При существовавшей въ то время дешевизнѣ и одежды, и съѣстныхъ припасовъ, рабочій, даже оставшійся безъ

---

[1]) По 2 р. получало—9 лицъ, нанятыхъ старшиной коз. или монастырями, 2 р. 50 к.—1, 3 р,—2 и 4 р.—1 лицо женск. пола. По 4 р. 50 к. получало 9 человѣкъ, по 5 р.—2, по 6 р.—10, по 7—5, по 8 и 8 р. 50 к. до 9 р.—19, по 10 до 12 р. 50 к.—13 чел., по 13, 14 и 15 р. по одному человѣку.

[2]) Мы будемъ имѣть случай вернуться къ вопросу о заработной платѣ въ XVIII в. въ спеціальной статьѣ, и потому ограничиваемся здѣсь лишь общими данными.

работы, могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ содержать себя въ теченіе почти цѣлаго года полученною годовою денежною платою.

Для посполитыхъ этотъ пришлый элементъ представлялъ такого соперника, бороться съ которымъ было невозможно. Преобладавшій тогда обычай найма рабочихъ на годъ ставилъ непреодолимыя препятствія для посполитаго, обязаннаго отбываніемъ панщины. Поденная работа представляла поэтому для него единственный выходъ, но и ею въ значительной мѣрѣ не могъ онъ заниматься. Въ самомъ дѣлѣ, какое количество силъ могъ отпустить на рынокъ посполитскій дворъ того времени? Опись даетъ намъ на это отвѣтъ совершенно ясный. Съ одною рабочею силою насчитывалось во всѣхъ селеніяхъ 34 двора, съ 2 (т. е. преимущественно мужемъ и женою)—143, съ 3—90, съ 4—71, съ 5—26, съ 7—5, съ 8—1. Лишь въ одномъ насчитывалось 15 душъ, за то было 7 дворовъ такихъ, гдѣ не было вовсе рабочихъ силъ, а одни престарѣлые и увѣчные. Послѣдніе впрочемъ были освобождены отъ панщины. Слѣдовательно только 193 обладали способностью и отбывать панщину, и идти на рынокъ съ предложеніемъ своихъ рукъ.

Часть изъ только что указанныхъ дворовъ должна быть впрочемъ исключена. Были ремесленники, шинкари, лица, занимавшіяся промысломъ или земледѣліемъ. Но такихъ было сравнительно немного. Только въ 70 дворахъ мы находимъ ремесленниковъ разнаго рода [1]), въ 16 дворахъ—лицъ, занимавшихся рыбною ловлею и продажею рыбы; въ 9 дворахъ—разныхъ мелкихъ торговцевъ; въ 18 дв.—лицъ, занятыхъ различными работами при владѣльцахъ. Дворовъ, надѣленныхъ пахатью, насчитывалось всего 19, въ званіи шинкарей состояло 13 человѣкъ посполитыхъ, а собственныя винокурни имѣли всего 5 человѣкъ. На 379 дворовъ приходилось лишь 150, населеніе которыхъ

[1]) Ткачей—19, переплетчиковъ—13, портныхъ—10, гончарей—18, сапожниковъ—8, кузнецовъ—6, кирпичниковъ—5, иконописцевъ—4, каменьщиковъ—5, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ—2, друкарей—2, кушнировъ—2, стекольщиковъ, бондарей, корзинщиковъ, шаповаловъ, чоботарей, швецовъ по 1.

имѣло опредѣленныя занятія или промыслы. Жители 229 дворовъ вынуждены были жить съ заработковъ, быть „поденниками“, какъ сами они называли себя. Но и изъ посполитыхъ съ опредѣленными занятіями только 18 могли считать себя болѣе обезпеченными. Я говорю о шинкаряхъ и винокурахъ, получавшихъ, какъ намъ извѣстно уже, отъ 12 до 20 р. и болѣе чистой прибыли ежегодно.

Главное обезпеченіе для посполитыхъ, шинкъ и винокурня, были также самою крупною и самою главною статьею дохода и для владѣльцевъ. Это обстоятельство не представляетъ ничего удивительнаго для того времени. Малороссія была исключительно земледѣльческою страною. Промышленная, фабричная дѣятельность среди ея обитателей совсѣмъ отсутствовала. Во всемъ, напр., черниговскомъ намѣстничествѣ въ 1786 году, судя по даннымъ, представленнымъ Шафонскимъ, существовало всего около 25 кирпичныхъ заводовъ, 12 стеклянныхъ, 2 бумажныхъ, да 3 мыльныхъ, которые вдобавокъ имѣли весьма малый сбытъ и, какъ мы уже видѣли относительно кирпичныхъ, приносили самый небольшой доходъ. Таможенныя книги и отчеты за 1762 и 1785 гг. [1]), показываютъ, что вывозъ изъ Малороссіи былъ самый ничтожный, главнымъ образомъ состоявшій изъ заячьихъ и иныхъ мѣховъ, соленой рыбы, а изъ обработанныхъ продуктовъ, преимущественно крашенины и шерстяныхъ „коцей“ (одѣялъ), да поясовъ. Всѣ мануфактурныя произведенія: англійскія и силезскія сукна, разныя льняныя и шелковыя матеріи и т. п. доставлялись изъ за границы. За одинъ 1762 г. по межигорской таможнѣ значилось въ доходѣ 4685 р. съ ввозныхъ пошлинъ и всего 860 р. съ вывозныхъ. Съ другой стороны потребности большинства земледѣльческаго класса были крайне ограниченны и вполнѣ удовлетворялись домашнимъ производствомъ.

Кіевъ являлся тогда полнымъ отраженіемъ страны въ отношеніи производства. Заводовъ и фабрикъ, за ничтожными исключеніями, не существовало въ немъ. А между тѣмъ, онъ

---

[1]) Изъ моего архива.

не могъ сдѣлаться подобно многимъ городамъ лѣваго берега Днѣпра чисто земледѣльческимъ поселеніемъ: мѣшала почва, песчаная въ большей своей части, негодная для обработки. Единственнымъ рессурсомъ являлся поэтому тотъ же родъ промышленной дѣятельности, который въ земледѣльческой полосѣ Малороссіи былъ главнымъ и почти единственнымъ, который одинъ среди преобладающаго натуральнаго хозяйства служилъ источникомъ пріобрѣтенія. Я говорю о винокуреніи, сильно развитомъ тогда въ Малороссіи. Тамъ заводы существовали почти въ каждомъ селѣ, являясь подспорьемъ для хозяйства. Здѣсь въ Кіевѣ они естественно должны были обратиться въ главный источникъ существованія и крупныхъ доходовъ. Всякій, кто обладалъ хоть небольшими средствами и желалъ обезпечить себя, тотчасъ же заводилъ винокурню или шинокъ. Крещатикъ, какъ мы видѣли, былъ обращенъ чуть не въ сплошную винокурную слободку. Винокурни разбросаны были почти вокругъ всего Кіева. Въ двухъ, напр., предмѣстьяхъ Кіева, Преоркѣ и Куреневкѣ, гдѣ сидѣли хуторами кіевскіе мѣщане, изъ 84 извѣстныхъ намъ хуторовъ, въ 62 было по винокурнѣ [1]), а на Сырцѣ устроено было разными лицами 29 винокурень [2]). Мы знаемъ изъ данныхъ, приведенныхъ выше, что доходы были здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ какой-либо другой отрасли дѣятельности. Да иначе и быть не могло, такъ какъ, напр., на одномъ Подолѣ въ магистратскихъ шинкахъ выпивалось ежегодно отъ 25 до 30 тысячъ ведеръ водки, что доставляло магистрату доходъ въ 9—10 тыс. рублей [3]). Понятно отсюда, почему Кіевъ былъ городомъ винокуренія и только винокуренія; понятно, почему винокуреніе вызывало тогда въ Кіевѣ такую ожесточенную борьбу между мѣщанами и козаками, магистратомъ и монастырями. Понятнымъ станетъ также, въ виду массы шинковъ, которые украшали тогда почти всѣ улицы и го́рода, и предмѣстій, смыслъ фразы извѣстнаго

---

[1]) Андріевскій, матеріалы, III, 39 и сл.

[2]) Вѣдомость о числѣ десятинъ магистр. земли. Рук. дѣло 1785 г.—въ моемъ архивѣ.

[3]) „Кіевская Старина 1887 г.“, № 6—7, стр. 579.

священника Лукьянова: „на Подолѣ строеніе узорочное; тщательны, лихоманы и много у нихъ чудотворныхъ иконъ, а письмо иное кажется живопись; сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу; и къ нищимъ податливы вельми. Да шинки ихъ въ конецъ раззорили, да кобы изъ того у нихъ сильно скаредно; и добрый человѣкъ худымъ будетъ“.

И. Лучицкій.

ГРАНОВЩИНА.

(*Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины*).

Послѣ татарскаго разоренія во второй половинѣ XV столѣтія Брацлавщина, наравнѣ со всею южною окраиною литовско-русскаго государства, пришла въ совершенное почти запустѣніе. Не смотря на энергическія усилія винницкихъ и брацлавскихъ старостъ, пытавшихся во главѣ мѣстныхъ малочисленныхъ земянъ отражать татарскіе набѣги, въ первой половинѣ XVI столѣтія безопасность края была весьма мало обезпечена, и земледѣльческое населеніе неохотно возвращалось на разоренныя пепелища Описанія винницкаго и брацлавскаго замковъ, составленныя въ 1545—1552 годахъ, сохранили данныя, свидѣтельствующія о крайне слабой населенности края; люстраторы помѣтили во всемъ винницкомъ повѣтѣ только 2 замковыхъ села и 17 земянскихъ и упомянули о 15 пустыхъ селищахъ[1]); въ брацлавскомъ повѣтѣ, обнимавшемъ всю южную половину нынѣшней подольской губерніи и юго-западную четверть кіевской, они нашли 23 человѣка старшихъ земянъ (землевладѣльцевъ) и 14 земянъ „подлѣйшихъ", о которыхъ старшіе отозвались: „што они ихъ братьею соби не менують, а не знають отколь суть". Какъ тѣ, такъ и другіе земяне владѣли дворищами и селищами, но люстраторы оговорились, что селища эти далеко не составляли благоустроенныхъ и населенныхъ имѣній; сравнивая эти помѣстья съ пасѣками, которыми владѣли брацлавскіе мѣщане, люстраторы отдаютъ предпочтеніе послѣднимъ, утверждая, что „и три селища за одну пасеку не стоятъ". [2])

[1]) Архивъ юго-западной Россіи часть VII, т. I, стр. 598–611.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи часть VI, т. I, стр. 26.

Только въ послѣдней четверти XVI столѣтія народонаселеніе Брацлавщины стало быстро возрастать, благодаря стеченію двухъ важныхъ для судьбы края историческихъ событій: съ одной стороны въ самой Украинѣ старосты нашли средство вызвать силы достаточныя для защиты страны: не полагаясь на малочисленныя земянскія ополченія, они организовали сельскія свободныя общины и возложили на нихъ обязанность доставлять военные контингенты для борьбы съ татарами, чѣмъ положили начало козачеству; послѣднее, быстро развиваясь въ теченіе XVI столѣтія, не только давало возможность противодѣйствовать татарскимъ набѣгамъ и отражать ихъ успѣшно, но стало переходить изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и за каждый набѣгъ татаръ платило такимъ-же набѣгомъ на турецкія и татарскія владѣнія.

Въ послѣдней четверти XVI столѣтія, послѣ того какъ состоялась Люблинская унія, крестьянское населеніе литовско-русскихъ областей было поставлено въ весьма невыгодныя юридическія условія: оно повсемѣстно было прикрѣплено къ землѣ и подчинено дворянамъ. Вслѣдствіе этого является общее стремленіе сойти со стараго мѣста жительства, поискать свободной „безпанской" земли. И единично, и толпами крестьяне уходятъ въ украинныя воеводства въ разсчетѣ на то, что они примкнутъ къ козацкой организаціи, заселятъ пустыя, никому не принадлежащія земли и за отбываніе военной повинности въ пользу государства будутъ пользоваться личною свободою и самоуправленіемъ.

Но крестьяне обманулись въ своихъ надеждахъ: дворяне раньше ихъ обратили вниманіе на измѣнившіяся условія быта въ Украинѣ, на водворившуюся въ странѣ относительную безопасность и на постоянный приливъ рабочаго населенія. Они тщательно разыскиваютъ въ семейныхъ архивахъ старые документы на право владѣнія землями недоступной для нихъ до того времени и брошенной на произволъ судьбы плодородной Украины, они предъявляютъ эти документы и отправляются сами или посылаютъ слугъ разыскивать свои пустыя селища, къ которымъ прихватываютъ побольше окрестныхъ пустопорожнихъ, никѣмъ не обмежеванныхъ земель. Другіе, у кото-

рыхъ не было старыхъ документовъ, выпрашиваютъ у короля и сеймовъ новые дарственныя привилегіи на обширныя пространства и захватываютъ ихъ въ потомственную собственность [1]).

Очевидно интересы дворянъ сталкиваются въ Украинѣ съ интересами стремившихся на вольныя земли крестьянъ, а изъ столкновенія этого выростаетъ главный мотивъ будущей вѣковой кровавой козацко-польской борьбы. Въ началѣ XVII столѣтія борьба эта еще не имѣла характера острой непримиримой вражды; обѣ стороны стараются отложить, смягчить ее, ищутъ средняго, болѣе миролюбиваго выхода изъ роковаго положенія: старое козачество пытается уложиться въ рамки, указанныя ему правительствомъ въ „реестрѣ" и ограничиться въ территоріальной полосѣ, отведенной ему въ королевскихъ староствахъ средняго Приднѣпровья. Не попавшіе въ реестръ крестьяне идутъ дальше за предѣлы панской Украины, въ дикую степь, стараются свить гнѣздо въ Запорожьѣ и оправдать передъ государствомъ зарожденіе новаго, непризнаннаго правительствомъ козачества, усиленною борьбою съ татарами.

Съ другой стороны шляхтичи, чувствуя невозможность сразу закрѣпостить выходцевъ, поселившихся и продолжавшихъ селиться на земляхъ, принадлежавшихъ дворянамъ въ силу документовъ и привилегій, прибѣгаютъ къ широкому примѣненію права «слободы»; они до извѣстнаго довольно продолжительнаго срока, или вовсе не требуютъ съ поселенцевъ барщины и повинностей, или ограничиваются взиманіемъ легкой дани и требованіемъ незначительныхъ услугъ.

Конечно всѣ эти палліативныя мѣры не предотвратили, а лишь нѣсколько оттянули роковое столкновеніе: ни дворяне не пожелали отказаться навсегда отъ крупныхъ доходовъ изъ богатыхъ помѣстій и отъ утвержденнаго закономъ своего права на крѣпостной трудъ населившихъ эти имѣнія крестьянъ, ни реестровые козаки не могли оторваться въ приднѣпровской полосѣ отъ массы народонасе-

---

[1]) Такъ напримѣръ Валентинъ-Александръ Калиновскій получилъ въ 1609 году по постановленію сейма въ подарокъ „пустыню Умань", т. е. весь нынѣшній Уманскій уѣздъ. Volumina legum II, стр. 466.

ленія, окружавшей ихъ и тѣсно связанной съ ними общими чертами этнографическими, общимъ происхожденіемъ, національностью и религіозными интересами, ни Запорожье не успѣло упрочить на новой территоріи новаго типа свободнаго козачества. Его безпрестанная, несмолкавшая борьба съ татарами и турками, хотя и приносила пользу государству, доставляя безопасность южнымъ предѣламъ Рѣчи-Посполитой, велась по собственной инициативѣ, не регулировалась дипломатическими соображеніями центральнаго правительства, и не дозволяла послѣднему установить прочныя отношенія къ турецкому правительству; притомъ Запорожье въ глазахъ шляхты, руководившей дѣйствіями правительства, представлялось помѣхою для введенія въ Украинѣ нормальныхъ крѣпостныхъ порядковъ, вѣчною угрозою противъ полнаго водворенія помѣщичьяго права, постояннымъ соблазномъ для крестьянъ, и безъ того трудно укладывавшихся въ начертанныя имъ закономъ условія. Такимъ образомъ въ первой четверти XVII столѣтія отношенія на Украинѣ не вполнѣ еще опредѣлилиcь, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время то смягчаясь, то обостряясь.

Усилія дворянъ утвердить за собою право землевладѣнія направлены были съ одинаковой энергіей не на всѣ части территоріи Украины. Въ восточной половинѣ области, въ той, которая прилегала къ Днѣпру, дворяне рѣже и менѣе охотно выпрашивали земли. Территорія этой полосы входила въ составъ староствъ, т. е. составляла крупныя государственныя имущества. Въ староствахъ размѣщались старыя козацкія поселенія, признанныя легальными при королѣ Стефанѣ [1]). Какъ сосѣдство козацкихъ поселеній, такъ и препятствія со стороны правительства относительно раздачи земель въ этой полосѣ, заставили шляхту менѣе настойчиво выпрашивать

---

[1]) Здѣсь существовали какъ старыя староства, давно, еще въ литовское время правильно устроенныя: остерское, переяславское, бѣлоцерковское, каневское, черкасское, такъ и новыя: чигиринское, корсунское и звенигородское, возникшія на земляхъ, выдѣленныхъ изъ старыхъ староствъ; правительство смотрѣло на эти староства какъ на установившійся нормальный источникъ доходовъ и потому менѣе охотно отчуждало въ частныя руки принадлежавшія къ нимъ земли; только далѣе къ востоку, за предѣлами переяславскаго староства, лежали не изслѣдованныя и не

помѣстья въ этой полосѣ. Въ иномъ положеніи находилась Брацлавщина. Здѣсь существовали только два староства винницкое и брацлавское, къ которымъ тянули весьма обширныя, до недавняго еще времени пустынныя земли; Брацлавщина притомъ подвергалась гораздо болѣе чувствительнымъ ударамъ со стороны татаръ, чѣмъ Украина приднѣпровская: она не только сама по себѣ служила цѣлью для хищническихъ набѣговъ, но по ней орда должна была проходить каждый разъ, когда загоны ея устремлялись на Волынь, Червоную Русь или южную Польшу. По Брацлавщинѣ пролегали два искони извѣданные татарами пути ихъ набѣговъ: на восточной закраинѣ ея лежалъ „Черный шляхъ", приводившій татаръ на Волынь, Полѣсье, Подляхію; между Днѣстромъ и Бугомъ тянулся „шляхъ Кучманскій", по которому татары двигались въ Червоную Русь и Малую Польшу. Ежегодно, а иногда нѣсколько разъ въ годъ Брацлавщину посѣщали злые гости и естественно, что на прохожей дорогѣ хищниковъ трудно было усидѣть мирному земледѣльческому населенію. Не смотря на энергію брацлавскихъ и винницкихъ старостъ: князей Острожскихъ, Сангушковъ, Збаражскихъ и т. д., имъ не удалось организовать козацкихъ полковъ, и страна лежала еще почти въ совершенномъ запустѣніи во второй половинѣ XVI столѣтія, правительство не извлекало почти никакого дохода изъ обширныхъ земель брацлавскихъ старостъ и потому не дорожило ими; когда въ исходѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, знатныя лица стали осаждать короля просьбами о пожалованіи земель въ Украинѣ, король и сеймы весьма охотно раздавали огромныя, не размежеванныя и никѣмъ не промѣренныя пространства въ Брацлавщинѣ. Такимъ образомъ здѣсь сразу возникаютъ крупныя магнатскія помѣстья, которыя располагаются на обширныхъ, плодородныхъ степныхъ пространствахъ. Если въ сѣверномъ углу Брацлавщины, особенно въ районѣ винницкаго замка и уцѣлѣла болѣе мелкая собственность, въ рукахъ нѣсколькихъ десятковъ представителей старыхъ земянскихъ

приведенныя въ извѣстность обширныя земли и уходы нынѣшней полтавской губерніи, которыя правительство, не пользовавшееся ими, раздавало щедрою рукою Вишневецкимъ, Пясочинскимъ, Конецпольскимъ и т. д.

родовъ, то въ обширной полосѣ, лежавшей къ югу отъ Брацлава до Днѣстра и дикихъ полей, мы встрѣчаемъ въ началѣ XVII столѣтія почти исключительно крупныя помѣстья магнатовъ: Калиновскихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Замойскихъ и т. д.

Въ средѣ магнатскихъ родовъ, водворившихся въ Брацлавщинѣ, весьма видное мѣсто занимали Сенявскіе. Родъ этотъ возникъ въ XV столѣтіи, отдѣлившись какъ самостоятельная вѣтвь отъ рода Грановскихъ; послѣдніе происходили изъ великой Польши, они возвысились богатствомъ и значеніемъ въ XIV столѣтіи, главнымъ образомъ благодаря тому, что получили отъ польскихъ королей обширныя земли въ ново-пріобрѣтенной Червоной Руси; они достигли высшей степени знатности въ царствованіе Владислава Ягайлы, съ которымъ даже породнились: третья жена этого короля Елизавета, была раньше замужемъ за Викентіемъ Грановскимъ [1]). Въ это-же время одинъ изъ Грановскихъ переселился въ Подольскую землю, гдѣ въ теченіи нѣкотораго времени занималъ должность старосты Каменецкаго. Пребывая въ Подольской землѣ, отъ которой въ то время Брацлавщина еще не была отдѣлена, Грановскіе успѣли пріобрѣсти здѣсь обширныя помѣстья, разсѣянныя въ районѣ замковъ: Каменецкаго, Летичевскаго и Брацлавскаго; въ послѣдномъ повѣтѣ имъ принадлежала обширная волость на берегахъ рѣки Вербича; главное поселеніе ея носившее также имя *Вербичъ*, они преобразовали въ городъ и назвали Грановымъ.

Въ половинѣ XV столѣтія родъ Грановскихъ раздѣлился на двѣ линіи; представитель одной изъ нихъ Рафаилъ, владѣвшій мѣстечкомъ Сенявою въ Червоной Руси надъ Саномъ, первый принялъ фамилію Сенявскаго и былъ родоначальникомъ этого магнатскаго рода. Въ теченіе XVI столѣтія Сенявскіе встрѣчаются постоянно въ рядахъ польской знати: двое изъ нихъ были Русскими (т. е. Червонорусскими) воеводами; двое другихъ кастелянами Каменецкими и т. д. Занимая важныя должности, Сенявскіе въ то же время

---

[1]) Gołembiowski, Panowanie Władysława Jagiełły. стр. 467.

заботились объ умноженіи своихъ поземельныхъ владѣній; къ концу XVI столѣтія они обладаютъ уже многочисленными помѣстьями, разбросанными въ Червоной Руси и подольскомъ воеводствѣ. Кромѣ ихъ родоваго имѣнія Сенявы надъ Саномъ, въ Галицкой Руси имъ принадлежатъ: городъ Бережаны, мѣстечко Олешицы, городъ Поморяны и многочисленныя тянувшія къ нимъ села; въ Подоліи— мѣстечко Сатановъ съ волостью на Збручѣ и большое Межибожское имѣніе въ Летичевскомъ повѣтѣ; на земляхъ, принадлежавшихъ къ Межибожской волости, владѣльцы основали два новыя городскія поселенія: Старую и Новую Сеняву, лежавшія уже на рубежѣ Брацлавщины. Въ началѣ XVII столѣтія Сенявскіе принимаютъ участіе въ общемъ стремленіи польской знати къ пріобрѣтенію поземельной собственности въ Брацлавщинѣ: они разыскали въ своемъ семейномъ архивѣ права, которыя нѣкогда пріобрѣли ихъ предки Грановскіе на грановскую волость, стремятся заявить эти права и войти во владѣніе давно забытымъ имѣніемъ; но на первыхъ же порахъ встрѣчаютъ нѣкоторое затрудненіе: оказалось, что о грановскомъ имѣніи раньше Сенявскихъ позаботились князья Четвертинскіе и успѣли выхлопотать себѣ право на владѣніе имъ; обѣимъ сторонамъ предстоялъ такимъ образомъ многолѣтній дорогой и трудный процессъ, со всѣми неминуемыми въ то время послѣдствіями: баниціями, заѣздами, аппелляціями и т. д. Тѣмъ не менѣе Сенявскіе пошли храбро навстрѣчу неожиданному осложненію и успѣли запугать своихъ противниковъ. Четвертинскіе отступили передъ болѣе знатными, богатыми и вліятельными соперниками, и дѣло кончилось мировою сдѣлкою: въ 1605 году Гіеронимъ Сенявскій уплатилъ кн. Ярошу Четвертинскому 3,000 злотыхъ и получилъ отъ него такъ называемую „цессію", т. е. уступку всѣхъ правъ на Грановъ „cum attinentiis" [1]).

Добившись такимъ образомъ неоспоримаго права на владѣніе обширнымъ помѣстьемъ (весь сѣверный уголъ нынѣшняго гайсинскаго уѣзда), Сенявскіе постарались привлечь въ него возможно большее количество поселенцевъ; кромѣ весьма льготныхъ условій „слободы"

---

[1]) Руликовскій, Брацлавщина, въ альманахѣ „Kuriały i swoi", стр. 294.

объявленной ими на 30 лѣтъ, они позаботились о привлеченіи въ грановскую волость стремившихся въ Брацлавщину крестьянъ; съ этою цѣлью они испросили для вновь возникавшихъ на ихъ земляхъ поселеній городскія привилегіи, которыя гарантировали населенію, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ, право на самоуправленіе. Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, кромѣ Стараго Гранова, мы встрѣчаемъ въ его окрестности еще три новыя городскія поселенія: Новый Грановъ, Левухи и Городокъ; въ каждомъ изъ этихъ мѣстечекъ возведенъ владѣльцами „замокъ", т. е. небольшая крѣпостца, обнесенная рвомъ, валомъ и палисадомъ, вооруженная гаковницами и мушкетами и вмѣщавшая въ себѣ экономическія постройки и управленіе.

Около 1640 года представителемъ рода Сенявскихъ и владѣтелемъ Грановщины былъ Адамъ-Іеронимъ Сенявскій, графъ на Шкловѣ и Мыши, писарь польный коронный; подобно другимъ владѣльцамъ крупныхъ имѣній въ Брацлавщинѣ и Украинѣ онъ принималъ постоянно самое дѣятельное участіе въ походахъ на козаковъ и татаръ, и не мудрено: отъ исхода этой борьбы съ врагами внутренними и внѣшними зависѣло и процвѣтаніе и доходность брацлавскихъ помѣстій; успѣшное отраженіе татаръ гарантировало возможность вести въ нихъ прочное сельское хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ сберегало населеніе, необходимое для обработки обширныхъ черноземныхъ полей; смиреніе „козацкой гидры", какъ тогда выражались шляхтичи, было необходимо для того, чтобы удержать населеніе во власти пана и по истеченіи слободскихъ льготныхъ лѣтъ упрочить въ полной силѣ крѣпостное право. Естественно поэтому, во всѣхъ походахъ съ 1630 по 1650 г. мы встрѣчаемъ въ рядахъ польскаго войска многочисленныя хоругви, доставленныя на свой счетъ владѣльцами крупныхъ помѣстій въ южной Брацлавщинѣ, и нерѣдко самихъ владѣльцевъ, лично предводительствующихъ этими хоругвями. Адамъ Сенявскій принимаетъ во главѣ своей милиціи личное участіе въ битвѣ подъ Ахматовымъ (1644 г), въ которой отбитъ былъ сильный загонъ орды, надвигавшейся на Брацлавщину; затѣмъ въ 1646 году онъ ходилъ съ гетманомъ Николаемъ Потоцкимъ въ

отдаленный, но несчастный походъ на берега р. Мерла, имѣвшій цѣлью встрѣтить на границѣ Рѣчи-Посполитой новый татарскій набѣгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять козаковъ, собиравшихся, какъ о томъ доходили вѣсти до польскаго гетмана, своевольными купами на верховьяхъ Ворсклы. Какъ извѣстно, походъ этотъ вслѣдствіе упрямства и нераспорядительности Потоцкаго кончился тѣмъ, что значительная часть польскаго войска погибла отъ мороза въ безлюдной тогда степи нынѣшней харьковской губерніи.

Однако въ общей сложности походы противъ татаръ и козаковъ принесли желанную пользу брацлавскимъ помѣщикамъ; имѣнія ихъ наполнялись поселенцами и по мѣрѣ того, какъ истекали слободскіе сроки, приносили все болѣе и болѣе крупные доходы. Примѣръ этого мы видимъ на грановскомъ имѣніи. Возвратившись изъ неудачнаго похода на Мерло. Сенявскій занялся приведеніемъ въ извѣстность положенія своего помѣстья [1]); оказалось, что слободскіе сроки уже истекали для большинства поселянъ, и имѣніе могло давать доходъ не только отъ найма земли, но и отъ найма дароваго труда населенія, жившаго на ней. Сенявскій объявилъ, что онъ готовъ отдать имѣніе въ аренду и немедленно нашелъ охотника въ лицѣ великопольскаго шляхтича, забившагося въ далекую Украину съ цѣлью быстраго обогащенія въ этой странѣ, „млекомъ и медомъ текущей“, какъ говорили о ней тогда шляхтичи въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Въ томъ же 1646 году Адамъ Сенявскій заключилъ контрактъ съ паномъ Бартошомъ Важинскимъ, по которому отдалъ ему за 40,000 злотыхъ въ аренду на 4 года свои города: Старый Грановъ alias Вербичъ, Новый Грановъ, Городокъ и Левухи со всѣми селами, поселками, хуторами и пр.

Бартошъ Важинскій былъ человѣкъ энергическій, предпріимчивый и опытный хозяинъ; самъ онъ поселился въ замкѣ въ Левухахъ, который былъ лучше другихъ укрѣпленъ и вооруженъ гаковницами; въ каждомъ городѣ онъ устроилъ отдѣльную экономію и постарался

[1]) Послѣдующіе факты заимствованы изъ документовъ, внесенныхъ въ Винницкую гродскую книгу 1652 года, хранящуюся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 4598.

повести хозяйство такъ, чтобы оно отвѣчало рабочимъ силамъ имѣнія и доставляло ему такіе продукты, сбытъ которыхъ былъ бы наиболѣе обезпеченъ. Изъ подробнаго перечня его имущества мы можемъ составить понятіе о типѣ хозяйства, установившагося въ крупныхъ помѣстьяхъ Брацлавщины, именно: мы видимъ, что Важинскій только небольшую относительно часть обширныхъ полей Грановщины распахивалъ подъ хлѣбъ, вѣроятно съ одной стороны по недостатку рабочихъ рукъ, съ другой вслѣдствіе трудности сбывать громоздкій продуктъ; полученный съ запашекъ хлѣбъ, какъ можно судить изъ описи его имущества, онъ не сбывалъ въ зернѣ, а частью превращалъ въ муку и крупу, частью употреблялъ на откармливаніе животныхъ и птицъ, большею же частью превращалъ въ горячіе напитки. Во всѣхъ экономіяхъ у него было много „горѣлчаныхъ и пивныхъ котловъ и алембиковъ", и въ подвалахъ его стояли многочисленные „куфы, бочки и полубочки" пива, горѣлки и спирта. Остальныя поля онъ обратилъ въ пастбища и откармливалъ огромное количество воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней, и большими транспортами сбывалъ сало, шерсть, кожи и молочные продукты, которыми переполнены были его амбары. Значительный доходъ владѣлецъ извлекалъ изъ домашней птицы; во всѣхъ экономіяхъ онъ разводилъ въ широкихъ размѣрахъ куръ, гусей, утокъ, индюковъ, приготовлялъ каплуновъ, сотни которыхъ откармливались на его птичьихъ дворахъ, собиралъ бочки гусинаго „смальцу" и т. п. Наконецъ важную отраслъ хозяйства представляло пчеловодство: въ кладовыхъ Важинскаго мы находимъ цѣлые ряды бочекъ и полубочекъ питнаго и прѣснаго меда и большіе запасы воску, сплавленнаго въ круги и обращеннаго уже въ свѣчи. За то, не смотря на мелочной перечень всѣхъ отраслей хозяйства, мы не встрѣчаемъ ни одного намека на огородничество и садоводство.

Стараясь придать продуктамъ своего хозяйства по мѣрѣ возможности меньшій объемъ и перерабатывая ихъ въ возможно болѣе цѣнные предметы, Важинскій отправлялъ большіе транспорты на далекіе рынки внутренней Польши и Пруссіи; особенно оживленныя торговыя сношенія онъ завелъ съ Данцигомъ. Въ сараяхъ его стояли

десятки кованыхъ „коломыйскихъ возовъ съ ланцухами“, и въ большомъ порядкѣ хранилась прочная упряжь; раза два въ годъ онъ снаряжалъ „валки“ (транспорты), которые везли на далекое Балтійское поморье подольскій медъ и воскъ, шерсть и сало, кожи и водку. Въ обмѣнъ за эти продукты Важинскій получалъ купленныя за границей пряности, вина, сахаръ, столовую посуду, ткани, металлическія издѣлія, земледѣльческія орудія и т. п. и съ большою выгодою сбывалъ ихъ въ сосѣдніе панскіе дворы и экономіи.

Благодаря предпріимчивости и умѣнію понять экономическое состояніе края, Важинскій сталъ быстро богатѣть, причемъ то направленіе, которое онъ далъ своему хозяйству, дозволяло ему стать въ довольно сносныя отношенія къ крестьянамъ; этому послѣднему обстоятельству Важинскій былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни въ минуту неожиданно вспыхнувшей грозы.

Весною 1648 года кончилось 2 года его аренды, хозяйство его процвѣтало; амбары, кладовыя, скотные дворы, гумна и „пивницы“ были переполнены всякимъ добромъ.

Утромъ 29 мая арендаторъ суетился на дворѣ левухскаго замка, занятый осмотромъ и разборомъ только что пришедшаго изъ Данцига транспорта съ пряностями и сахаромъ. Въ это время совершенно для него неожиданно въ замковой дворъ явилась въ полномъ сборѣ левухская „громада“. Занятый своимъ дѣломъ, Важинскій собирался отослать посѣтителей, назначивъ имъ другое болѣе свободное время для разговора, но его поразилъ необычно торжественный видъ пришедшихъ; на вопросъ, по какому дѣлу явилась громада, крестьяне заявили, что они, питая къ нему расположеніе, пришли предостеречь его по очень важному дѣлу: ночью въ Левухи пріѣхали развѣдчики Хмельницкаго, они привезли вѣсть о разгромѣ польскаго войска подъ Корсунемъ (случившемся 26 мая) и объявили, что вслѣдъ за ними появятся передовые отряды козаковъ и татаръ; въ виду этихъ извѣстій громада совѣтуетъ Важинскому бѣжать немедленно, пока еще не явились нежданные гости. Сообщеніемъ громады Важинскій былъ пораженъ какъ громомъ. Онъ конечно зналъ, что гетманы заняты походомъ

противъ новаго козацкаго возстанія, но былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности; онъ полагался на силу и опытность польскаго войска и ожидалъ, что по примѣру прежнихъ лѣтъ послѣ болѣе или менѣе продолжительной кампаніи козаки будутъ усмирены и наказаны. Между тѣмъ весь этотъ разсчетъ былъ уничтоженъ однимъ ударомъ, и онъ безъ всякаго приготовленія очутился вдругъ передъ лицомъ непосредственно угрожавшей опасности. Думать о защитѣ было немыслимо; хотя въ его распоряженіи и имѣлось нѣсколько замковъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ количествомъ гаковницъ, мушкетовъ, ядеръ, пороха и т. п., но гарнизона въ нихъ не было; вся надворная милиція Сенявскаго ушла вмѣстѣ съ паномъ въ лагерь гетмановъ, громада же оказала ему возможную долю снисхожденія, предупреждая о близкой опасности, но конечно не намѣрена была взяться за оружіе противъ своихъ единоплеменниковъ для защиты имущества арендатора. Впопыхахъ Важинскій сдѣлалъ послѣднія распоряженія; онъ поручилъ попеченіе надъ своимъ имуществомъ двумъ приближеннымъ лицамъ, войту и писарю, захватилъ чересъ съ червонцами и, приказавъ осѣдлать коня, „жалобно заплакавъ и бросивъ на произволъ судьбы все свое богатство“, ускакалъ въ сосѣднее арендуемое имъ имѣніе, Городокъ; для безопасности нѣсколько человѣкъ изъ Левухской громады проводили его верхомъ. Но и въ Городкѣ положеніе его оказалось не лучше, здѣсь также громадѣ извѣстно уже было положеніе дѣлъ; проѣзжая черезъ мѣстечко, онъ замѣтилъ, что крестьяне вооружились, и разставили вокругъ мѣстечка стражу. Въ замокъ, гдѣ остановился Важинскій, явились евреи, жившіе въ Городкѣ, съ жалобою на то, что крестьяне не даютъ имъ выѣзжать изъ мѣстечка; арендаторъ попытался было вступиться за нихъ, но громада объявила, что до появленія козаковъ не выпуститъ изъ мѣстечка не только евреевъ, но и его самого; только послѣ долгихъ переговоровъ Важинскому удалось выхлопотать пропускъ для себя. Уѣзжая, онъ поручилъ свое имущество попеченію войта и бурмистровъ, и просьбу о томъ же переслалъ въ грановскій магистратъ, такъ какъ ѣхать въ Грановъ не рѣшился. Затѣмъ снова

сѣлъ на свою верховую лошадь и направился безъ опредѣленной цѣли на западъ. Черезъ недѣлю Важинскій черезъ Баръ и Каменецъ достигъ наконецъ болѣе спокойнаго убѣжища во Львовѣ [1]).

Остановившись въ этомъ городѣ, Важинскій поджидалъ пріѣзда Сенявскаго съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ него или возврата арендной суммы, согласно условіямъ контракта, или по крайней мѣрѣ получить въ замѣнъ утраченной аренды на тѣхъ же условіяхъ другія имѣнія въ Червоной Руси или Малой Польшѣ. Сенявскій дѣйствительно находился уже во Львовѣ, но ему было не до грановскаго арендатора: во время корсунской битвы онъ вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ польской арміи былъ взятъ въ плѣнъ и отданъ татарамъ. Тугай-бей помчалъ его въ Крымъ, но на пути плѣнникъ заключилъ съ мурзою условія, представлявшія нѣкоторыя выгоды для обѣихъ сторонъ. Тугай-бей сообразилъ, что онъ долженъ будетъ въ Крыму представить знатныхъ плѣнниковъ хану, и получить на свою долю, только тѣхъ, которыхъ ханъ ему пожалуетъ; потому мурза рѣшился увеличить эту долю до пріѣзда въ Бахчисарай. Онъ предложилъ Сенявскому, богатство котораго было ему извѣстно, отпустить его на волю за выкупъ въ 20,000 червонцевъ

---

[1]) Характерныя черты бѣгства грановскаго арендатора: неожиданность появленія козаковъ, сочувствіе къ нимъ крестьянъ, сознаніе безсилія со стороны шляхты передъ лицомъ раздраженнаго народонаселенія и „жалобный плачь“ по поводу оставленнаго имущества, повторяются во всѣхъ аналогическихъ случаяхъ этого времени; чертами этими изобилуютъ актовыя свидѣтельства, онѣ ясны и въ запискахъ современниковъ. Для образца приведемъ два примѣра. Въ „Лѣтописцѣ“ Іоакима Ерлича мы встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Хмельницкій изъ подъ Паволочи разослалъ свои полки въ разныя стороны, въ томъ числѣ и въ Полѣсье, гдѣ и меня, Іоакима Ерлича, они чуть было не захватили въ Кочеревѣ; спасая жизнь, я долженъ былъ бѣжать въ лѣсъ ...и пѣшкомъ пришелъ въ Печерскій монастырь“. Latopisiec Ierlicza, т. 1, стр. 69. Другой современникъ, также житель Брацлавщины, извѣстный польскій анналистъ Самуилъ Твардовскій, такъ описываетъ свое бѣгство изъ хутора, который ему принадлежалъ у села Зарубинецъ (нынѣ липовецкаго уѣзда): „Подобно другимъ и я, не ожидая дальнѣйшихъ событій, бѣжалъ не съ меньшею чѣмъ сосѣди поспѣшностью, захвативъ лишь съ собою коробокъ съ болѣе цѣннымъ имуществомъ и съ моими рукописями... съ грустью теперь вспоминаю о своемъ наслѣдственномъ хуторѣ, о своей пасѣкѣ, которая была мнѣ дороже Гибли, теперь же осталась далеко, брошенная своимъ хозяиномъ“. (Twardovski—Wojna domowa, часть II, стр. 36).

и распустилъ слухъ между татарами, что онъ освобождаетъ плѣнника даромъ изъ за благодарности, ибо нѣкогда, также точно попавши въ плѣнъ къ отцу Сенявскаго Прокопу, онъ былъ послѣднимъ выпущенъ изъ плѣна. Сенявскій принялъ предложенныя условія, за скорую же и точную уплату выкупа поручились оставшіеся въ плѣну гетманы. 4 іюня онъ уже былъ во Львовѣ и дѣятельно собиралъ свой выкупъ, который вскорѣ и отправилъ, отдавъ его татарамъ, грабившимъ въ то время окрестности Межибожа [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Сенявскій собралъ изъ доходовъ своихъ имѣній и занялъ у львовскихъ мѣщанъ значительныя суммы и сталъ на эти средства вооружать новый полкъ для продолженія борьбы съ козаками. Важинскому онъ совѣтовалъ потерпѣть, пока кончится кампанія, обѣщая послѣ усмиренія козаковъ вознаградить его убытки: или продливъ срокъ грановской аренды на нѣсколько лѣтъ или возвративъ взятыя у него 40,000 злотыхъ. Съ собраннымъ полкомъ Сенявскій отправился въ польскую армію, двигавшуюся противъ Хмельницкаго въ полной увѣренности въ побѣдѣ; извѣстно, что походъ этотъ кончился печальнымъ погромомъ у Пилявецъ. Самоувѣренная армія разсѣялась безъ бою, обратившись въ стремительное бѣгство подъ впечатлѣніемъ паническаго страха. Сенявскій, не смотря на громкій эпитетъ „польскаго Ахиллеса", которымъ наградилъ его Несецкій, раздѣлилъ общую участь: полкъ его разсѣялся, и онъ вновь оказался во Львовѣ безъ средствъ и на этотъ разъ безъ надежды на скорое подавленіе козацкаго возстанія.

Въ слѣдующемъ году война съ Хмельницкимъ возгорѣлась съ новою силою. Сенявскій, обременивъ новыми долгами свои помѣстья, опять вооружилъ полкъ и соединился съ войскомъ региментарей; вмѣстѣ съ ними онъ былъ осажденъ у Збаража. Сенявскаго судьба вообще не баловала въ военныхъ походахъ; подъ Збаражемъ же ему особенно не повезло; полку его достался постъ, болѣе всего подвергавшійся выстрѣламъ козацкой артиллеріи, и потому большая

---

[1]) Лѣтопись Яна Юзэфовича, стр. 128; Michałowski,—Xięga pamiętnicza, стр. 31, 39, 51.

часть его была перебита во время осады; одинъ изъ выстрѣловъ опрокинулъ его палатку и т. п. [1]). Самъ Сенявскій не выдержалъ шестинедѣльной осады; удрученный голодомъ, недостаткомъ воды и спокойствія, онъ палъ духомъ и тяжело заболѣлъ. Когда наконецъ осада была снята вслѣдствіе Зборовскаго договора, онъ не имѣлъ силы подняться съ постели и былъ вынесенъ изъ лагеря на носилкахъ; поболѣвъ затѣмъ 8 мѣсяцевъ, Сенявскій умеръ.

Между тѣмъ по силѣ статей того же Зборовскаго договора грановское имѣніе Сенявскихъ оказалось въ той части Украины, которая была уступлена козакамъ. Въ имѣніи этомъ послѣ поспѣшнаго выѣзда изъ него арендатора крестьяне радостно встрѣтили козаковъ и стали въ ихъ ряды. При формировкѣ козацкихъ полковъ мѣстечка грановской волости вошли въ составъ Кальницкаго полка; Левухи приписались къ Терлицкой сотнѣ, Городокъ и вѣроятно Грановъ къ Дашевской [2]). Все добро, оставленное Важинскимъ, сдѣлалось добычею козаковъ и крестьянъ; въ Левухахъ на первыхъ порахъ довѣренные люди его, войтъ и писарь, попытались было укрыть болѣе цѣнное имущество; они свалили его въ бочки и затопили въ прудъ, но попытка эта сдѣлалась извѣстною односельцамъ; послѣ прихода козаковъ они раскопали плотину, спустили воду пруда и овладѣли потопленными бочками; писарь и войтъ за излишнюю преданность панскимъ интересамъ и за дѣйствія несогласныя съ требованіями громады были казнены смертью.

Послѣ Зборовскаго договора возвратъ Грановщины во власть помѣщиковъ и ихъ арендаторовъ сдѣлался весьма сомнительнымъ; впрочемъ черезъ два года послѣ смерти Адама-Гіеронима Сенявскаго наслѣдникамъ его на короткое время улыбнулась надежда. Послѣ Берестецкой битвы заключенъ былъ невыгодный для козаковъ Бѣлоцерковскій договоръ, въ силу котораго районъ Украины, уступленный козакамъ, былъ сокращенъ до предѣловъ Кіевскаго воеводства; Брацлавщину заняли польскія войска; въ томъ числѣ въ

---

[1]) Michałowski, Xięga pamiętnicza, стр. 415 и 454.

[2]) Акты Южной и Западной Рос., т. X, стр. 298—299. Регестры войска Запорожскаго, стр. XIV.

Грановѣ и его окрестностяхъ размѣстился полкъ нѣмецкой пѣхоты подъ начальствомъ Крейца [1]). Въ Винницѣ вновь открылось присутствіе гродскаго суда Брацлавскаго воеводства; земскіе польскіе чиновники вступили въ управленіе воеводствомъ, и подъ прикрытіемъ ихъ власти и находившагося въ воеводствѣ войска стали возвращаться помѣщики и ихъ „официалисты" и арендаторы; въ числѣ послѣднихъ пріѣхалъ и Бартошъ Важинскій. Онъ явился въ Грановъ съ надеждою вновь получить въ свое владѣніе богатую аренду и взыскать съ жителей понесенные убытки; но надежды его не сбылись. По смерти Сенявскаго наслѣдникомъ имѣнія остался его малолѣтній сынъ Николай-Гіеронимъ, состоявшій подъ опекою матери Елены Сенявской, дочери короннаго гетмана Станислава Потоцкаго и многочисленныхъ опекуновъ, распредѣлившихъ между собою завѣдываніе разбросанными въ разныхъ воеводствахъ помѣстьями. Попеченіе надъ брацлавскими имѣніями выпало на долю мѣстныхъ землевладѣльцевъ: брацлавскаго стольника Людвика Незабитовскаго и брата его Яна. Опекуны вслѣдъ за появленіемъ польскаго войска приняли въ свое управленіе Грановщину и, когда явился Важинскій, отказали въ удовлетвореніи его претензій на томъ основаніи, что заключенный имъ срокъ четырехлѣтняго контракта уже истекъ, опекуны же не имѣли документальныхъ свидѣтельствъ объ изустныхъ переговорахъ, которыя велъ во Львовѣ Важинскій съ покойнымъ Сенявскимъ. Слѣдуя инструкціи опекуновъ, войты мѣстечекъ не допустили бывшаго арендатора ни въ одинъ изъ замковъ; онъ долженъ былъ возвратиться въ Винницу и начать юридическій процессъ. 20 Марта 1652 года онъ подалъ жалобу въ винницкій гродскій судъ, требуя съ одной стороны отъ наслѣдниковъ Сенявскаго вознагражденія за два года аренды, въ теченіе которыхъ онъ имъ не пользовался, съ другой взысканія съ крестьянъ и мѣщанъ Грановщины стоимости оставленнаго имъ въ имѣніи движимаго имущества. Вѣроятно возникъ бы многолѣтній процессъ, еслибы онъ въ самомъ началѣ не былъ прерванъ теченіемъ общихъ историческихъ событій. 2 Іюня новый

---

[1]) Памятники Кіевской коммиссіи, т. II, отд. II, стр. 98.

погромъ уничтожилъ всю польскую армію: произошла роковая битва на Батогѣ, надолго рѣшившая судьбу Брацлавщины; польскіе суды, урядники, помѣщики, арендаторы и оффиціалисты исчезли съ гораздо большею поспѣшностью, чѣмъ появились въ началѣ года. Козацкіе порядки стали твердою ногою въ Брацлавщинѣ; впрочемъ порядки эти не принесли краю желаннаго спокойствія; козачество было достаточно сильно для того, чтобы опрокинуть враговъ, но оно не стояло на той степени культурнаго развитія, которая была необходима для правильнаго устройства нормальной гражданской жизни. Начался длинный періодъ печальныхъ смутъ, извѣстный въ народной памяти подъ именемъ „руины", превратившій наконецъ въ пустыню всю западную половину Украины. Вмѣшательство иноземцевъ,—поляковъ, турковъ, татаръ,—и внутреннія распри козацкихъ партій, зазывавшихъ на помощь то тѣхъ, то другихъ сосѣдей, сдѣлали вскорѣ невозможнымъ развитіе сколько-нибудь правильной жизни въ краѣ; испытывая грабежи, пожары, нападенія отъ чужихъ и своихъ, угоняемые толпами въ татарскій полонъ, жители Брацлавщины теряютъ всякую надежду на возможность отстоять свои осѣдлости. Въ 1674 г. утомленные неопредѣленнымъ и опаснымъ положеніемъ, козаки и посполитые мѣстечекъ и селъ Кальницкаго полка поднялись массою и пошли отыскивать новыхъ, болѣе спокойныхъ мѣстъ для жительства; они поселились на берегу Орели, въ нынѣшнихъ уѣздахъ кобыляцкомъ и константиноградскомъ полтавской губерніи [1]). Такимъ образомъ къ концу XVI столѣтія Брацлавщина опустѣла еще разъ точно такъ же, какъ нѣкогда послѣ Менгли-Гиреевскаго разоренія. Только сорокъ лѣтъ спустя, когда вслѣдствіе Прутскаго договора шляхтичи опять получили возможность явиться въ свои имѣнія, Брацлавская украина стала вновь медленно населяться; въ ней повторились еще разъ тѣ же колонизаціонные пріемы, которые были испробованы полтора столѣтія назадъ; вновь объявлены были долгосрочныя слободы, вновь помѣщики стали

---

[1]) Лѣтопись Величка II, 355—356.

вести по преимуществу скотоводное хозяйство, отдавать въ аренду имѣнія предпріимчивымъ спекулянтамъ и т. п.

Когда послѣдній потомокъ Сенявскихъ, гетманъ Адамъ-Николай, явился въ Грановщину въ 1714 году, онъ засталъ совершенную пустыню; вскорѣ онъ возобновилъ замокъ и возстановилъ городскія права только въ одномъ Грановѣ; Левухи и Городокъ оставлены были въ положеніи слободъ. Впрочемъ Сенявскій не особенно заботился о преуспѣяніи своихъ имѣній, онъ былъ старъ и потомковъ мужескаго пола у него не было, не было и наслѣдниковъ по боковымъ линіямъ, которые продолжили бы выгасавшій родъ Сенявскихъ. Старый гетманъ занялся исключительно благочестіемъ, истратилъ огромныя средства на устройство католическихъ монастырей, 200,000 червонцевъ употребилъ на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи и прославился у современниковъ кротостью и добротою нрава, не мѣшавшею ему впрочемъ сажать на колъ крестьянъ при первой попыткѣ протеста противъ панской власти [1]). Въ 1726 году онъ скончался, и его обширныя владѣнія перешли въ наслѣдство по женской линіи къ Чарторійскимъ. Послѣдніе управляли грановскимъ имѣніемъ при посредствѣ „губернаторовъ", т. е. управляющихъ. Не смотря на безконтрольное почти положеніе послѣднихъ, на богатой почвѣ Грановщины вскорѣ вновь сгустилось населеніе, и доходность имѣнія стала быстро возрастать. Въ концѣ XVIII столѣтія въ волости числилось уже кромѣ города Гранова 25 большихъ селъ. Чарторійскіе особенно щеголяли въ то время своею надворною козацкою милиціею, славившеюся красотою и дородствомъ людей, богатствомъ костюмовъ и строгою дисциплиною. Въ теченіе XVIII столѣтія два раза только Грановъ былъ серьезно потревоженъ; въ 1738 г. въ городъ ворвался отрядъ гайдамаковъ, перебилъ евреевъ, умертвилъ губернатора и ограбилъ экономію, костелъ и лавки; тридцать лѣтъ спустя, въ 1768 г., послѣ взятія Умани вновь Гранову пришлось испытать крутую расправу сподвижниковъ Желѣзняка [2]); но это было уже послѣднее насиліе, ис-

---

[1]) Żegota Pauli—Żywoty hetmanów, стр. 88.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. III, т. III, стр. 289. Записки Липомана, стр. 39.

пытанное мѣстечкомъ; съ того времени жизнь потекла мирно, но долго еще, почти цѣлое столѣтіе массѣ населенія жилось довольно тяжело. Послѣ подавленія коліивщины помѣщики почувствовали себя болѣе безопасными, и условія крѣпостнаго быта стали тяжелѣе для крестьянъ; еще болѣе власть помѣщиковъ усилилась подъ конецъ столѣтія, когда имъ можно было опереться на прочный государственный строй, признававшій законность ихъ власти. Грановщина оставалась во владѣніи Чарторійскихъ до 1831 года; только благодаря участію, какое принялъ князь Адамъ Чарторійскій, въ политическихъ событіяхъ того времени родовыя имѣнія его были конфискованы. Казалось бы, что жители должны наконецъ отдохнуть на свободѣ въ качествѣ государственныхъ крестьянъ послѣ вѣковыхъ волненій, смѣнявшихся подневольнымъ тяжолымъ трудомъ. Но судьба еще хранила для нихъ послѣднее испытаніе: Грановщина причислена была къ району тѣхъ государственныхъ имѣній южнаго края, въ которыхъ рѣшено было организовать военныя поселенія. Внутренняя исторія этихъ поселеній, безполезность ихъ въ военномъ отношеніи и способъ ихъ организацій, ихъ экономическая непроизводительность, а также неимовѣрно тяжелое положеніе жителей, населявшихъ имѣнія, включенныя въ районъ поселеній,—это предметы хорошо извѣстные въ нашей исторической литературѣ, и потому мы можемъ не останавливаться на нихъ.

Только въ 1860 году, въ періодъ благодѣтельныхъ реформъ, коснувшихся всѣхъ сторонъ внутренней жизни края, уничтоженъ былъ институтъ военныхъ поселеній, и для Грановщины кончился наконецъ многовѣковой періодъ волненій и страданій.

В. Антоновичъ.

Ганна Монтовтъ.

(Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства XVI в).

Верстахъ въ десяти отъ г. Дубно, внизъ по р. Иквѣ, на правомъ берегу ея, расположено село Коблинъ. Теперь Коблинъ— незначительное поселеніе, въ которомъ едва насчитывается сотни четыре жителей. Не такимъ онъ былъ триста лѣтъ назадъ. Въ XVI ст. Коблинъ считался не селомъ, какъ нынѣ, а *„мѣстомъ“*, т. е. городомъ, имѣлъ торги и ярмарки, былъ защищенъ замкомъ и дѣлился на двѣ части: „старое мѣсто“ и „новое“. Правда, въ то время легко было самую ничтожную деревню превратить въ „городъ“: стоило лишь владѣльцу объявить, что въ видахъ обезпеченія мѣстности отъ „поганства татаръ“ онъ хочетъ въ своемъ имѣніи „власнымъ коштомъ и накладомъ замокъ заложити и збудовати и мѣсто осадити“, чтобы правительство, ни о чемъ такъ не заботившееся, какъ именно о военной защитѣ края, безпрестанно разоряемаго татарами, охотно дало разрѣшеніе на переименованіе деревни въ „мѣсто“, дозволило вызовъ новыхъ поселенцевъ, „купцовъ и ремесниковъ“, только бы „изъ людей вольныхъ и иныхъ всякихъ прихожихъ“, разрѣшило учредить ярмарки и торги, дало „вольность въ томъ мѣстечку корчмы будовати и усякіи трунки: медъ, пиво, горѣлку держати, и всякими куплями, якъ звыклый обычай есть, шинковати, продавати и куповати и пожитки усякіи собѣ оттоль привлащати и примножати“; а если владѣлецъ сверхъ того желалъ имѣть въ новомъ „мѣстѣ“ самоуправляющуюся городскую общину и надѣлить мѣщанъ магдебургскимъ правомъ, то и въ этомъ не могло быть отказа Съ другой стороны спокойная жизнь подъ защитою замка и разныя льготы, какіе обыкновенно были

предоставляемы новымъ поселенцамъ, толпами привлекали жителей въ новую „осаду“, и если только владѣлецъ ея умно велъ дѣло и не очень отягощалъ поселенцевъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ данями и повинностями, то бывшая деревня въ короткое время выростала въ цвѣтущій городокъ съ многочисленнымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ. Таково было происхожденіе почти всѣхъ нынѣшнихъ мѣстечекъ на Волыни, въ Подоліи и на Украинѣ и большей части уѣздныхъ городовъ; такимъ же путемъ возникло въ первой половинѣ XVI ст. и „мѣсто“ Коблинъ благодаря заботамъ своего владѣльца пана Монтовта.

Коблинскій замокъ былъ расположенъ на небольшой возвышенности на берегу болотистой Иквы. Онъ имѣлъ форму неправильнаго многоугольника, окруженнаго землянымъ валомъ; по гребню вала тянулся „острогъ“, или палисадъ изъ дубовыхъ колодъ; щели между ними обмазаны были глиной. По линіи палисада, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, возвышались, „вежи“ или „башты“ (башни), срубленныя изъ дубовыхъ брусьевъ и крытыя гонтомъ. Нижніе этажи башенъ служили складомъ оружія и военныхъ припасовъ, а съ верхнихъ стрѣляли въ непріятеля и наблюдали за его движеніемъ. Вокругъ замокъ былъ опоясанъ глубокимъ рвомъ, куда проведена была вода изъ рѣки. Единственный въѣздъ въ замокъ находился со стороны мѣстечка. Здѣсь устроена была „брама“, т. е. ворота, и передъ нею подъемный мостъ черезъ ровъ. Надъ воротами также возвышалась „вежа“, гдѣ жилъ „воротный“, на обязанности котораго лежало наблюденіе затѣмъ, чтобы никто чужой не могъ проникнуть въ замокъ. Массивныя дубовыя ворота рѣдко отпирались, а для входа въ замокъ служила обыкновенно „фортка“, ключъ отъ которой хранился у воротнаго.

Вооруженіе замка было незначительно: такъ называемая тогда „стрельба огнистая“ состояла всего изъ 4-хъ пушекъ, 52-хъ „ручницъ“ и 20 „гаковницъ“ (крѣпостныя ружья), къ нимъ было 2 бочки пороху, 5 „барилъ куль до гаковницъ“ и пушекъ, бочка селитры и полбочки сѣры. Далѣе шло холодное оружіе: сабли, мечи, луки со стрѣлами „пятигорскими“, рога-

тины, ощепы козацкіе и копубскіе, кончиры, чеканы, „сокиры военныя“; здѣсь же была „зброя“: панцыри, бехтеры, прилбицы, „шишаки козацкіе“, кирасы и „тарчи (щиты) полосатые, чирвоне по биломъ“.

Таковъ былъ традиціонный типъ украинскаго замка въ XVI в., унаслѣдованный еще со временъ Данила Галицкаго. Лишь въ болѣе значительныхъ пунктахъ, какъ въ Луцкѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Кременцѣ, существовали большіе каменные замки, построенные по типу западно-европейскому и снабженные достаточнымъ запасомъ артиллеріи; въ остальныхъ же владѣльческихъ и даже въ королевскихъ городахъ замки были деревянные того же типа, что въ Коблинѣ, отличаясь отъ него лишь бóльшими размѣрами и бóльшимъ запасомъ оружія. И тѣмъ не менѣе эти ничтожныя крѣпостцы прекрасно исполняли свое назначеніе, благодаря неумѣлости кочевниковъ въ осадѣ стѣнъ.

Внутри замка, вдоль стѣнъ палисада, кругомъ расположены были небольшія пристройки, такъ называемыя „городни“, куда жители сносили на храненіе имущество и гдѣ сами они и ихъ семейства находили безопасное помѣщеніе во время непріятельскихъ нападеній. Здѣсь же находились хозяйственныя службы: стайни, оборы, шпихлиры, спижарни, возовни, пивницы и т. под. Остальная площадь замка тѣсно застроена была домами: одни предназначались для пріѣзда гостей, въ другихъ жилъ многочисленный штатъ „служебниковъ и служебницъ“ и „челяди“, въ третьихъ помѣщались „пекарни“.

Въ самомъ центрѣ замка, лицомъ къ въѣзднымъ воротамъ, стоялъ одноэтажный деревянный домъ, въ которомъ жилъ владѣлецъ, панъ Монтовтъ. Какъ и всѣ постройки въ замкѣ, домъ былъ обмазанъ бѣлою глиною и крытъ гонтомъ. Узкія, продолговатыя окна въ немъ были со стеклами, вправленными въ олово, тогда какъ въ домахъ, гдѣ помѣщалась прислуга, лишь на половину были „оболоны шкляные“, остальныя же „паперовыя“. Домъ былъ построенъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, подъ нимъ находились погреба и кладовыя. Входя въ домъ надо было подняться по ступенькамъ на крыльцо или „ганокъ“ со столбами, поддерживавшими „дахъ“; съ крыльца былъ входъ

въ обширныя свѣтлыя сѣни съ кафельными печами. Сѣни были проходныя и выводили на такой же „ганокъ“ съ противоположной стороны дома. Тяжелая дубовая дверь на прочныхъ желѣзныхъ завѣсахъ вводило изъ сѣней въ просторную „свѣтлицу“, служившую пріемной. Лѣвый уголъ ея занятъ былъ печью изъ поливяныхъ зеленыхъ изразцовъ съ розовыми разводами; вдоль стѣнъ тянулись липовыя „лавы“, покрытыя „полавочниками“ изъ краснаго сукна, и такіе же „услоны“ (скамейки), замѣнявшіе стулья; полъ былъ устланъ коврами. Въ углу подъ образами стоялъ большой столъ, покрытый дорогимъ турецкимъ ковромъ; въ другомъ углу находился меньшій столъ на точеныхъ ножкахъ, сдѣланный изъ кусковъ различныхъ породъ дерева, подобранныхъ по цвѣту такъ искусно, что онъ казался разноцвѣтнымъ, какъ бы въ узорахъ. Такая мебель очень цѣнилась въ то время и называлась „флядровою“ (отъ нѣмецк. Flader). Ее никогда не красили, лишь слегка полировали. Рядомъ съ „свѣтлицей“ находилась меньшая комната—„свѣтлочка“, почти такъ же убранная, какъ и предыдущая, только въ ней вмѣсто „услоновъ“ были простые деревянные „зыкгли“ (стулья), тогда только что начинавшіе входить въ употребленіе на Волыни; тутъ же на полкахъ вдоль стѣнъ разставлена была дорогая посуда: ковши „черленые“, мисы и „талѣрки“ сребряныя, кубки „позлотистые Нюремберской роботы“, глеки и жбаны черленые, чарки, коновочки и т. под. Далѣе слѣдовала опять большая комната—„покой“, т. е. спальня хозяина. Здѣсь стѣны сплошь обиты были коврами, а на нихъ развѣшено дорогое оружіе: сабли, корды (родъ меча), чеканы, булава—все это въ серебряной оправѣ съ дорогими камнями; здѣсь же висѣла „квинтарна“ и „кобза турецкая“. Массивное дубовое „ложко“ (кровать), съ цѣлой горой подушекъ, расшитыхъ „чирвонымъ“ шелкомъ, покрыто было „колдрой (одѣяломъ) одомашки червонои, зеленою китайкою вколо обшитою“. Тутъ же стояли окованныя желѣзомъ „скрыни“ съ денежной казной и разными драгоцѣнностями, и „скрынки зъ справами“, т. е. документами. Въ другой половинѣ дома расположены были: „изба великая“, служившая рабочей и вмѣстѣ столовою комнатою, „гридня“, гдѣ помѣща-

лась комнатная прислуга, и наконецъ „комора“, въ которой хранились сундуки съ платьемъ, бѣльемъ и разною домашнею утварью.

Такова была домашняя обстановка волынскаго пана въ XVI ст. Не блистала она роскошью, не отличалась и особымъ комфортомъ. Люди того вѣка умѣли жить не хуже другихъ: сладко ѣли, много пили, роскошно одѣвались; но въ устройствѣ и убранствѣ жилищъ соблюдали скромность и простоту, завѣщанную отцами. Нѣкоторыя заимствованія изъ быта другихъ европейскихъ народовъ и тогда уже были, но они касались преимущественно вооруженія, экипажей и уборовъ, особенно женскихъ; что же касается собственно домашней обстановки, то здѣсь иноземное вліяніе и въ послѣдующіе вѣка долго не имѣло рѣшительнаго перевѣса надъ мѣстными „старосвѣцкими звычаями“.

Пора однако познакомиться намъ съ владѣльцемъ коблинскаго замка, паномъ Монтовтомъ и его дочерью.

I.

Родъ Монтовтовичей, или Монтовтовъ принадлежалъ къ числу знатныхъ литовскихъ фамилій. Родоначальникомъ его былъ Монтовтъ, староста жмудскій, жившій въ первой половинѣ XV ст. Одинъ изъ сыновей его, Михаилъ Монтовтовичъ, въ 1463—75 гг. былъ старостою луцкимъ, и хотя самъ онъ кончилъ жизнь въ родной Литвѣ, въ званіи каштеляна троцкаго, но его потомки навсегда осѣлись на Руси и занимали здѣсь видныя должности. То было время, когда южнорусскія земли были еще недоступны для поляковъ, и когда здѣсь могли распоряжаться только русинъ, да литвинъ. Старшій сынъ Михаила, Юрій Монтовтовичъ былъ сначала намѣстникомъ или старостой кременецкимъ, а въ 1507 г. перешелъ отсюда на болѣе высокій урядъ—воеводы кіевскаго, передавъ кременецкое староство младшему брату Якубу Михайловичу. Занимая столь видные уряды, не трудно было разжиться и на маетности, которыхъ пока у ли-

товскихъ выходцевъ не было на Руси. И вотъ въ 1508 г. Якубъ Монтовтъ получаетъ отъ Сигизмунда I жалованную грамоту на имѣніе Млыновъ (близь Дубна) съ волостью; а когда сорокъ лѣтъ спустя сыновья Якуба, Андрей и Янъ, дѣлились отчизною, то на долю одного лишь младшаго брата достались слѣдующія имѣнія на Волыни: Коблинъ съ зàмкомъ, Подгайцы, Оршичинъ, Озліевъ, Млыновъ, Пекаловъ, Беневщина, Кобаковъ, Хорупанъ, Золочевъ и Липая [1]). Какъ видимъ, въ 40 лѣтъ совершилось достаточное округленіе границъ первоначальной маетности, млыновской волости. Какими путями оно было достигнуто, можно отчасти судить по тому, что молодымъ Монтовтовичамъ пришлось вести судебный процессъ съ родною матерью, обвинявшею ихъ въ отнятіи имѣній, записанныхъ ей въ вѣно отцомъ ихъ.

Молодость свою Янъ Монтовтовичъ провелъ при дворѣ литовскаго великаго князя и вмѣстѣ польскаго короля Сигизмунда I, но почему-то не съумѣлъ или не хотѣлъ двинуться по служебной лѣстницѣ, а такъ и остался навсегда при скромномъ званіи „господарскаго дворянина". Проживая подолгу въ Вильнѣ при дворѣ, онъ сблизился съ „дьякомъ" великокняжеской канцеляріи Андреемъ Мацковичемъ, небогатымъ православнымъ шляхтичемъ изъ Бѣлоруссіи, у котораго была дочь Олена. Тихая, робкая, безотвѣтная, она именно тѣмъ и понравилась Монтовтовичу, что представляла во всемъ полный контрастъ его пылкой, своенравной, необузданной натурѣ. Въ 1546 г. онъ женился на ней, причемъ мать невѣсты отца уже не было въ живыхъ Богдана Юрьевна, женщина очень набожная, поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы дѣти, имѣющія произойти отъ этого брака, были крещены въ греческую вѣру матери, а не въ латинскую отца. Влюбленный женихъ охотно согласился внести это условіе въ предбрачную запись и положилъ на себя большую денежную „заруку" въ случаѣ нарушенія условія.

[1]) Всѣ эти поселенія подъ тѣми же или немного измѣненными именами находятся и нынѣ въ дубенскомъ уѣздѣ волынской губ. и расположены по рр. Иквѣ и Стырѣ.

Невеселая жизнь выпала на долю молодой Оленѣ въ замужествѣ за богатымъ, но своенравнымъ литвиномъ. Непрерывныя попойки съ пріятелями, драки и ссоры съ сосѣдями, да еще охота—вотъ что наполняло праздную жизнь ея мужа въ Коблинскомъ зáмкѣ. Самая его привязанность къ женѣ имѣла крайне неровный характеръ и не отличалась постоянствомъ: то онъ величался красавицею женою передъ пріятелями и надоѣдалъ ей чрезмѣрными ласками, то вдругъ безъ всякаго повода поносилъ ее „хлопкой“ и „схизматичкой“, оскорблялъ бранью, нерѣдко подъ пьяную руку наносилъ ей побои и почти на глазахъ ея предавался распутству. Мѣстныя волынянки, подруги и родственницы молодой Монтовтовой, съ ужасомъ выслушивали повѣсть о ея страданіяхъ и не могли надивиться ея долготерпѣнію: сами онѣ не стали бы выносить и десятой доли подобныхъ оскорбленій отъ своихъ мужей.

Но вотъ и для бѣдной страдалицы, хоть на короткое время, настали лучшіе дни: она почувствовала себя матерью. Мужъ не чуялъ подъ собою земли отъ радости, пересталъ пьянствовать, мучился раскаяніемъ за прошлое и далъ женѣ клятвенное обѣщаніе, что, если она родитъ дитя „ку подобенству его“, то онъ щедро одаритъ и ее, и ребенка. Жданное дитя наконецъ появилось на свѣтъ и оказалось точнымъ подобіемъ отца, даже съ такими же родимыми знаками на тѣлѣ, какіе были у него. Счастливый отецъ въ тотъ же день послалъ гонца въ далекую Бѣлоруссію къ тещѣ и шурьямъ съ извѣстіемъ о радостномъ событіи и съ приглашеніемъ прибыть на „хрестины“, а самъ по цѣлымъ часамъ не отходилъ отъ „колыбки“ ненагляднаго первенца. Тѣмъ временемъ съѣхались „на родины“ родственники и пріятели Монтовта, все больше его единовѣрцы, и хотя всѣ они были плохіе католики, наполовину зараженные реформатскимъ вольномысліемъ, но подъ вліяніемъ „мальвазіи“, „ренского“ и „угорского“ принялись на всѣ лады дебатировать вопросъ: прилично ли Яну Монтовтову, „господарскому дворянину“, внуку троцкаго каштеляна, крестить своего первенца въ ту вѣру, отъ которой его предки отступили еще при Ягайлѣ?

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей пьяный хозяинъ пришелъ въ азартъ: не бывать-де тому, чего требуетъ отъ него теща, старая схизматичка! И тотчасъ послалъ за ксендзомъ. Не смотря на мольбы и рыданія жены, не смотря на напоминанія болѣе трезвыхъ и разсудительныхъ гостей о данномъ имъ предбрачномъ обязательствѣ, упрямый литвинъ въ тотъ же день окрестилъ новорожденную Ганну по обряду римской церкви и задалъ по этому случаю бѣшеный „бенкетъ", длившійся цѣлую недѣлю. Осмѣянная и поруганная въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ, мать слегла въ постель и едва не поплатилась жизнью за самодурство мужа.

Между тѣмъ прибыла въ Коблинъ теща Монтовта, Богдана Юрьевна съ сыномъ и привезла, по обычаю того вѣка, новорожденной внучкѣ дорогой „повивачъ". Узнавъ о случившимся, она подняла „галасъ" и „лементъ" и осыпала зятя упреками:

„Злый а необачный человѣче! Що есь учинилъ? Християнскую детыну въ бисовую ляхивку претворил-есь! Мусишъ еи вдругое, въ греческую вѣру охрестити!"

Но бывшій съ нею сынъ ея Василій, господарскій дворянинъ и большой законовѣдъ, хорошо понималъ, что мать требуетъ невозможнаго, и сказалъ:

„Що ся стало, тое ся уже не можетъ розстати. Только тое вѣдай, пане зятю, ижъ (что) тые заруки, которыми ся описалъ есь въ листѣ, опису твоемъ: на господаря его милость пятьсотъ копъ грошей, а на насъ, сторону, другую сумму пятьсотъ копъ грошей, маешъ заплатити—тое тебе обминути не можетъ; а до заплаченя тоеи суммы мусишъ пустити намъ увязаня (т. е. вводъ во владѣніе) въ маетности твои отчизные и набытые (благопріобрѣтенныя)".

Монтовтъ хорошо зналъ своего шурина. Онъ помнилъ, какъ тотъ недавно еще выигралъ для него же одинъ изъ такихъ процессовъ, отъ веденія котораго отказались лучшіе виленскіе юристы, считая дѣло вполнѣ безнадежнымъ; поэтому сомнѣваться въ томъ, что онъ исполнитъ свою угрозу, не было ни малѣйшаго основанія. При томъ же въ данномъ дѣлѣ были примѣшаны личные интересы короля, такъ какъ

въ случаѣ утвержденія иска половина „заручной“ суммы должна была поступить въ королевскую казну; а въ подобныхъ случаяхъ и не такіе безспорные иски, какъ настоящій, были утверждаемы королевскимъ судомъ безапелляціонно. А „шкоды и наклады“, которые предстояло возмѣстить противнику въ случаѣ проигрыша дѣла! Вѣдь платить ихъ нужно было „на голое реченье слова“ его, т. е. сумма платежа не обусловливалась ничѣмъ, кромѣ чувства великодушія со стороны противника. Уплатить развѣ немедленно „заруку“, не доводя дѣла до суда? Но надо знать, что въ то время въ Литовскомъ государствѣ деньги стоили очень дорого, и наличная сумма въ 1000 копъ грошей [1]) составляла такой крупный капиталъ, которымъ не всегда могли располагать и люди далеко побогаче пана Монтовта. Если же должникъ не могъ въ требуемый моментъ сполна уплатить свой долгъ, то онъ обязанъ былъ, по литовскому статуту, уступить истцу въ пользованіе одно или нѣсколько, смотря по суммѣ взысканія, своихъ имѣній впредь до уплаты долга; причемъ, если истецъ оказывался человѣкомъ ловкимъ, онъ легко могъ безсрочно удерживать въ своемъ распоряженіи заложенное имѣніе, уклоняясь подъ разными законными предлогами отъ полученія своего долга; а часто случалось, что подобныя имѣнія такъ и не возвращались уже болѣе въ руки перваго владѣльца.

Монтовтъ понималъ безвыходность положенія. Ему оставалось одно: „съ покорою уклониться“ тещѣ и шурину и вступить въ компромиссъ съ ними. Результатомъ состоявшагося компромисса была слѣдующая запись, которую Монтовтъ въ декабрѣ 1547 г. лично „сознала“ въ луцкомъ гродскомъ судѣ и внесъ въ замковыя книги:

„Я, Янъ Якубовичъ Монтовтъ, вызнаваю самъ на себе тымъ моимъ листомъ, ижъ што зъ справы Божои а съ призрѣня Духа Святого, такъ съ порады и дозволеня панеи матки моеи и иншихъ кревныхъ своихъ, понялъ и взялъ есми за себе

---

[1]) Копа грошей литовскихъ въ половинѣ XVI в. равнялась приблизительно 3¼ русск. серебр. рублямъ.

у станъ малженскій (супружескій) дочку небожчика Андрея Мацковича панну Олену, а хотячи еи ку собѣ тымъ хутлившую въ милости (любви) малженскои учинити, где жъ она ку мнѣ такъ ся заховала, якъ на почтивую панюю зъ народу зацного пристоитъ, а я противко неи такъ ся не заховалъ, якъ на станъ еи пристоитъ, але еи колько разовъ безвинне съ пьянства своего о горло мало не приправилъ, што она мнѣ, яко цнотливая, вѣрная а územном поволная (расположенная) малжонка отпустила; а мешкаючи зо мною цнотливо, сплодила и на свѣтъ породила мнѣ детя милое, панну Ганну, тымъ именемъ охрыщоную по обычаю римскому, которая подлугъ (сообразно) опису и постановеня моего, которое я учинилъ при змовинахъ изъ ее милостю панею тещею своею, мила быти охрыщона по вѣрѣ матки своеи, по обычаю греческому, и въ томъ я выступилъ якъ противко малжонки моеи, такъ и противъ еи милости панеи тещи своеи и сыновъ ее. А такъ я, уваживши у себе тые вси помененые речи, а найболшей то, ижъ малжонка моя вѣрне милая уродила мнѣ зо мною спложеную дочку панну Ганну, першую въ народѣ моемъ, которая ся во всемъ тѣлѣ своемъ, такъ въ лицу, яко и въ знакахъ, которые у мене есть, притрафила и уродила, я маючи на те добрую память, а хотячи малжонку мою милую, такъ и приятелей еи, утѣшити, приставуючи тежъ до обычаевъ зацныхъ пановъ, памятаючи на те, што цнотливымъ словомъ малжонцѣ моей милой обѣщалъ, ижъ еслибы ку подобенству моему дытя мнѣ, такъ сына, або дочку, уродила, тогды тое дытя мѣло быти отъ мене добре обдаровано, нижъ иншие дѣти,—даю, дарую тоей дочцѣ моей милой, ново мнѣ нарожоной, паннѣ Ганнѣ имѣня мои: Млыновъ, Озліевъ, Пекаловъ, Беневщину и половину Оршичина, которые маю и повиненъ буду передъ вижемъ луцкимъ поступити и въ держанье дати тоей дочцѣ моей милой. А коли я тое учиню, маетъ мнѣ ее милость пани теща моя опять вси тые именя дочки моеи поступити и въ держанье подати только до живота моего, а уже одъ того часу тыхъ именей не могу а ни маю моцы (силы) заставляти и кому иншому записовати и до рукъ пущати"...

Какъ видимъ, Монтовтъ довольно благополучно вышелъ изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ себя, самовольно окрестивъ ненаглядную дочку въ свою вѣру: онъ записалъ ей въ даръ свои имѣнія, но фактически остался пожизненно ихъ владѣльцемъ, хотя и безъ права отчужденія ихъ. Впослѣдствіи увидимъ, что онъ нарушилъ и это ограниченіе.

II.

Такъ появилась на свѣтъ героиня нашего разсказа Ганна Монтовтовна. Уже на первомъ году своей жизни она стала формально владѣлицей значительныхъ имѣній.

Воспитаніе ея совершалось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Мать не могла имѣть на нее никакого вліянія, отчасти вслѣдствіе разности исповѣданія, а еще болѣе потому, что положеніе самой матери въ семьѣ годъ отъ году становилось невыносимѣе. По мѣрѣ того, какъ уходили молодые годы, разница характеровъ, національныхъ симпатій, вкусовъ и привычекъ, наконецъ вѣроисповѣдное различіе между мужемъ и женою чувствовались все рѣзче и съ каждымъ днемъ обостряли ихъ взаимныя отношенія. Грубый Монтовтъ не стѣснялся на каждомъ шагу высказывать презрѣніе ко всему, что было свято въ глазахъ жены: къ ея вѣрѣ, языку, старался внушить такія же чувства дочери и систематически удалялъ ее отъ сообщества матери. Онъ нерѣдко попрекалъ жену, что она-де не способна дать приличное „выхованье“ и „цвиченье“ дочери, что она, пожалуй, воспитаетъ изъ нея такую-же „хлопку“, какъ сама, между тѣмъ какъ онъ желаетъ видѣть ее блестящею панною, съ которою не стыдно было бы показаться и при королевскомъ дворѣ. Въ пьяную минуту, когда имъ овладѣвало бѣшенство, онъ не стѣснялся тиранить жену на глазахъ дочери. Слабая натура несчастной женщины не могла долго выносить такую ужасную жизнь, и Ганнѣ не было еще и семи лѣтъ, какъ она лишилась матери. Тогда Монтовтъ привезъ изъ Литвы какую-то родственницу и поручилъ ей воспитаніе дѣвочки. Новая

воспитательница не въ состояніи была передать ей что-либо другое, кромѣ польской грамоты,—русской грамотѣ Ганна не научилась и впослѣдствіи,—да еще цѣлаго кодекса свѣтскихъ пріемовъ и обычаевъ, которые въ то время вводила въ высшее польское общество королева Бона и ея италіянскій дворъ.

Вообще, что касается нравственныхъ правилъ, молодой Ганнѣ Монтовтовнѣ не у кого было поучиться имъ. Ни самъ отецъ ея, ни тѣ люди, съ которыми преимущественно водилъ онъ дружбу и знакомство, и которыхъ принималъ въ своемъ домѣ, не могли служить Ганнѣ добрымъ примѣромъ. Въ этой средѣ ополяченныхъ литвиновъ или даже природныхъ поляковъ находилось не мало разнаго рода авантюристовъ, тайныхъ „баннитовъ", т. е. приговоренныхъ къ лишенію гражданскихъ правъ и къ изгнанію изъ предѣловъ отечества, и тому подобныхъ темныхъ личностей, а большинство состояло изъ людей, прогорѣвшихъ у себя на родинѣ и являвшихся на Русь съ цѣлью поправить свои дѣла. Обладая внѣшнимъ лоскомъ, а иные и нѣкоторымъ образованіемъ, не стѣсняясь никакими нравственными принципами, такіе выходцы промышляли всѣмъ, что только сулило наживу: поступали на службу къ богатымъ панамъ, брали на себя веденіе въ судахъ тяжебныхъ дѣлъ, причемъ не отказывались поддѣлывать документы, продавать своихъ довѣрителей, и вообще практиковали такіе смѣлые пріемы въ адвокатской практикѣ, какіе и на умъ не приходили мѣстнымъ юристамъ; брали въ аренду имѣнія, которыя нерѣдко какимъ-то чудомъ переходили въ собственность арендаторовъ; они же являлись предпринимателями по устройству въ имѣніяхъ мѣстныхъ пановъ разныхъ промысловъ, особенно лѣсныхъ: гонки смолы, выдѣлки поташа и т. под., причемъ, съ помощью цѣлаго ряда юридическихъ ухищреній, по большей части вели дѣло такъ, что имъ доставались барыши, а владѣлецъ терпѣлъ убытки и разореніе. Вообще изобрѣтательности ихъ въ средствахъ къ легкой наживѣ не было предѣловъ. Но главною и конечною цѣлью вожделѣній всѣхъ этихъ залетныхъ неудачниковъ было пріисканіе на Руси богатыхъ невѣстъ. Въ этомъ отношеніи имъ много помогалъ внѣшній свѣтскій лоскъ, при помощи котораго

они легко овладѣвали сердцами иныхъ перезрѣлыхъ лѣтами, но состоятельныхъ вдовъ-русинокъ, затмевая собою въ ихъ глазахъ мѣстныхъ жениховъ, людей, можетъ быть, и достойныхъ, но простоватыхъ, ни ступить, ни молвить „по-дворскому" не умѣвшихъ. Сколько ужасныхъ семейныхъ драмъ давали въ результатѣ подобные браки! И однако они рѣдко служили предостереженіемъ для русинокъ, въ средѣ коихъ въ теченіе всего XVI ст. не переводились жертвы подобнаго рода иноземныхъ ловеласовъ, пока послѣдніе не встрѣтили опасныхъ соперниковъ въ русинахъ, успѣвшихъ воспитаться въ польскихъ школахъ и перенявшихъ пріемы и обычаи польскихъ шляхтичей.

Таковъ былъ кругъ людей, въ которомъ росла Ганна Монтовтовна. Могла ли она чему-нибудь путному научиться отъ нихъ? Еслибы природа одарила ее сильнымъ характеромъ, изъ нея могло бы выйти чудовище; но Ганна унаслѣдовала мягкую, пассивную натуру матери, и изъ нея выросла безличная, легкомысленная и недалекая панночка, рѣшительно неспособная на инициативу и обѣщавшая безъ сопротивленія идти туда, куда поведетъ ее болѣе энергичная рука.

Но Ганна была красива и богата: у Монтовта не было больше дѣтей, и ей предстояло въ будущемъ унаслѣдовать все его состояніе. Она едва вышла изъ дѣтскаго возраста, какъ за нее посватался женихъ, такой знатный и богатый, что отецъ, боясь упустить выгодную партію, не сталъ ждать совершеннолѣтія дочери и на пятнадцатомъ году выдалъ ее замужъ: женихъ этотъ—волынскій князь Богушъ Дмитровичъ Любецкій.

III.

Князья Любецкіе были вѣтвью старинной княжеской фамиліи Друцкихъ, несомнѣнныхъ потомковъ Рюриковичей. Въ концѣ XV ст. они переселились на Волынь и получили новое фамильное прозвище отъ имѣнія м. Любча [1]), которое имъ за-

---

[1]) Нынѣ—с. лукк. у., недалеко отъ м. Рожища.

писала ихъ родственница пани Федька, вдова старосты луцкаго Олизара Шиловича. Первыми владѣльцами Любча были дѣдъ Богуша, князь Романъ Васильевичъ, и его братъ Богданъ. Послѣдній не оставилъ потомства; за то у Романа было пять сыновей, изъ коихъ старшій Дмитро пріумножилъ свое состояніе женитьбой на Феннѣ Полозовнѣ, дочери п. Сенька Ѳедоровича Полозовича, ключника кіевскаго и потомъ намѣстника овручскаго и рѣчицкаго, за которою взялъ много имѣній въ повѣтахъ кіевскомъ, овручскомъ и житомирскомъ: м. Хабное съ зâмкомъ, с. Ставки, Гладковичи, Деречинъ, Гостомль и др. По смерти Дмитра всѣ эти имѣнія достались его сыну князю Богушу, мужу Ганны Монтовтовны. О личности этого князя, по существующимъ источникамъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Онъ не занималъ никакихъ должностей и не игралъ видной роли въ политикѣ, а судя по лицамъ, съ которыми Богушъ водилъ дружбу, можно заключать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ южно-русскихъ людей XVI в., которые, оставаясь вѣрными отцовской религіи, были достаточно пріобщены польской культурѣ и до извѣстной степени представляли передовую часть своего общества. Во дворѣ Богуша мы встрѣчаемъ какого-то шляхтича Закревскаго, который состоялъ у него въ должности „органиста“; очевидно, князь былъ любителемъ музыки и завелъ у себя модный въ то время въ Европѣ музыкальный инструментъ, органъ.

Шумно и „гучно“ отпразднована была въ Коблинскомъ зâмкѣ свадьба молодой Ганны. Старый Монтовтъ не пожалѣлъ казны и далъ за любимою дочкою богатый „посагъ“: тысячу копъ грошей литовскихъ наличными и на такую же сумму „выправу“, т. е. собственно приданое, состоявшее по обычаю того времени въ золотѣ, серебрѣ, „перлахъ“ (жемчугѣ) и „иншихъ клейнодахъ“, въ мѣдной и оловяной посудѣ, бѣльѣ и платьѣ, въ лошадяхъ, экипажахъ и иной движимости. Все это при особомъ „реестрѣ“ было вручено въ день свадьбы жениху, который согласно обычаю обязанъ былъ въ тотъ же день записать невѣстѣ „вѣно“ съ „привѣнкомъ“, т. е. денежную сумму въ два раза превышавшую стоимость приданаго, обезпечивъ эту

сумму третьей частью своихъ имѣній. Свадьба была сыграна съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ волынскихъ обрядовъ и „звычаевъ“, весьма сходныхъ съ нынѣшнимъ ритуаломъ малорусскаго „весилья“. Въ день свадьбы женихъ прибылъ въ сопровожденіи „бояръ“ и привезъ невѣстѣ драгоцѣнный „вѣнецъ“ изъ крупнаго жемчуга съ „дияментами“, а она повязала его шелковою „хусткою“, расшитою золотомъ и жемчугомъ. На другой день, утромъ, едва невѣста-ребенокъ съ зардѣвшимся отъ смущенія лицомъ и калиновою вѣткою въ рукахъ показалась гостямъ, женихъ покрылъ ей голову бѣлымъ газовымъ „завитьемъ“ и возложилъ на шею золотую цѣпь: этимъ торжественно предъ всѣми онъ свидѣтельствовалъ ея цѣломудріе и непорочность; послѣ чего гости поздравляли молодыхъ „по доброй ночи“ и подносили имъ дары. Независимо отъ этого князь Богушъ въ тотъ же день выдалъ женѣ дарственную запись, въ которой писалъ, что „взнавши по малжонцѣ своей милой княгинѣ Ганнѣ Монтовтовнѣ доброе, вѣрное и цнотливое въ еи паненствѣ захованье ку собѣ, ижъ она, яко зацного отца и почтивои матки своеи дочка, вышла, ни въ чомъ стану а особы паненства своего не нарушила, але все те, што доброй а цнотливой паненцѣ належало, мнѣ въ станъ святобливый малженскій принесла и оказала, а такъ я, познавши по ней, малжонцѣ моей милой княгинѣ Ганнѣ, такую вѣрность и учтивое захованье ку собѣ, а будучи тому вдяченъ не помалу, и съ тои вдячности моеи отцу еи великое подякованье мое вчинилъ, а ей, малжонцѣ моей милой, дарую и записую двѣстѣ золотыхъ угорскихъ“.

IV.

Брачная жизнь съ такимъ благодушнымъ мужемъ, повидимому, сулила счастье молодой Ганнѣ, но увы! дни счастья миновали скоро, и въ іюлѣ 1564 г. семнадцатилѣтняя княгиня осталась вдовою.

Накануне смерти князь Богушъ, „милуючи“, какъ онъ писалъ, „малжонку свою милую и хотячи за вѣрные а цнотливые

послуги ее въ станѣ малженскомъ ласкою малженскою ее нагородити и во всемъ отъ приятель а кревныхъ убезпечити, ижъбы (чтобы) ей, малжонцѣ моей милой, по животѣ моемъ якои трудности не чинили", выдалъ ей нѣсколько дарственныхъ записей: на половину мѣстечка и за́мка Любча, на села: Рудку, Красную-Волю, Соловьино, Ставъ, Залѣсцы, Мыльско, Невольное, Левковичи, половину Лопатина и на все движимое имущество; сверхъ того выдалъ ей „заставную" (залоговую) запись въ 2000 копъ грошей на свои материнскія имѣнія: м. Хабное съ за́мкомъ и волостью, с. Бѣговичи, Гладковичи и на дворъ въ г. Овручѣ; словомъ, за исключеніемъ имѣній: Лешницы, Загородья, Остроглядовичъ и части въ г. Овручѣ, доставшихся сестрѣ Богуша княжнѣ Феннѣ, бывшей за п. Малхеромъ Носиловскимъ, все остальное его состояніе должно было перейти къ его вдовѣ. Въ самый день смерти князь Богушъ подписалъ „тестаментъ", т. е. духовное завѣщаніе, и въ присутствіи вознаго [1]) лично вручилъ его „до рукъ малжонки своеи, абы она не была ни въ чимъ порушона, якъ въ тыхъ (т. е. предыдущихъ) записехъ, такъ и въ потверженю ихъ тымъ тестаментомъ". По силѣ этого завѣщанія, молодая вдова вмѣстѣ съ оставленнымъ ей богатымъ наслѣдствомъ была поручена въ опеку своему отцу Яну Якубовичу Монтовту. Судя по той поспѣшности, съ какою послѣдній на другой же день послѣ смерти зятя предъявилъ въ луцкомъ гродскомъ судѣ означенныя записи, можно полагать, что въ нихъ не все писано было „зъ доброго умыслу и власнои воли" завѣщателя, а многое—и подъ диктовку тестя. Такое подозрѣніе высказывали впослѣдствіи родственники князя Любецкаго, упорно оспаривая права вдовы на наслѣдство.

Князь Богушъ выразилъ предсмертное желаніе быть погребеннымъ въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей [2]). Таковъ

---

[1]) Возными назывались чиновники, по кругу своихъ дѣйствій нѣсколько соотвѣтствующіе нынѣшнимъ судебнымъ приставамъ.

[2]) Вѣроятно, это былъ Пустынно-Никольскій монастырь, въ числѣ благодѣтелей котораго упоминаются нерѣдко Полозовичи, родственники по матери князя Богуша Любецкаго.

былъ обычай у тогдашнихъ православныхъ вельможъ, и церковные склепы Печерской Лавры и другихъ кіевскихъ обителей въ XVI—XVII ст. буквально были переполнены костями благочестивыхъ князей, знатныхъ пановъ и даже состоятельныхъ мѣщанъ, останки которыхъ перевозились изъ отдаленныхъ мѣстъ Волыни, Полѣсья и Бѣлоруссіи. Исполняя волю мужа, молодая вдова, въ сопровожденіи слугъ покойнаго, должна была совершить съ дорогимъ прахомъ трудный и далекій путь къ мѣсту вѣчнаго его упокоенія.

Медленно двигался печальный поѣздъ по сѣверной части волынскаго Полѣсья, гдѣ и въ настоящее время пути сообщенія не могутъ назваться удобными. Дорога почти непрерывно тянулась дѣвственными лѣсами, въ которыхъ безъ проводниковъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, легко было заблудиться. Препятствія встрѣчались на каждомъ шагу: то сломанное бурею дерево загораживало путь, то вдругъ неожиданно зіялъ впереди глубокій проваль, размытый недавнимъ дождемъ. Днемъ кое-какъ подвигались впередъ, съ наступленіемъ же вечера дѣлали привалъ и всю ночь жгли костры, такъ какъ лѣсная глушь безпрерывно оглашалась волчьимъ воемъ и невдалекѣ слышенъ былъ по временамъ трескъ валежника подъ ногами медвѣдей и дикихъ кабановъ. Поселенія были крайне рѣдки; случалось, что на протяженіи сотни верстъ путники не встрѣчали живой души въ этихъ вѣковѣчныхъ „пущахъ", а если иногда и показывался бродячій охотникъ или бортникъ, то при видѣ толпы вооруженныхъ всадниковъ въ страхѣ исчезалъ въ лѣсной чащѣ. По временамъ боръ прерывался, и на десятки верстъ тянулись топи и болота, поросшія тощимъ лознякомъ и не просыхавшія въ самую жаркую пору года. Здѣсь ѣзда становилась еще затруднительнѣе: лошади вязли въ трясинѣ, а миріады комаровъ и мошекъ тучами носились надъ людьми и животными и не давали имъ покоя. Вотъ наконецъ Горынь, а за ней Случъ и цѣлый рядъ другихъ рѣчекъ, пересѣкающихъ путь нашимъ странникамъ. Тутъ наступали для нихъ новыя заботы: нерѣдко въ цѣлой деревнѣ не находилось ни парома, ни даже лодокъ, годныхъ для переправы экипажей. Приходилось останавливаться и по нѣ-

скольку дней ждать, пока рубили лѣсъ и снаряжали надежный плотъ, на которомъ совершалась переправа.

Но вотъ поѣздъ вступилъ въ предѣлы овручскаго повѣта. Здѣсь мѣстность становилась все выше и суше, поселенія встрѣчались чаще, а главное—дальнѣйшій путь лежалъ по линіи, гдѣ находились имѣнія покойнаго князя Любецкаго. Въ каждой деревнѣ крестьяне толпами выходили встрѣчать гробъ бывшаго своего владѣльца, котораго ни разу не приходилось имъ видѣть при жизни, и съ почетомъ принимали его вдову, новую „дѣдичку". Такъ прибыли наконецъ въ м. Хабное [1]), которое, какъ мы знаемъ, записано было княземъ Богушемъ женѣ въ заставное владѣніе. Здѣсь княгиня Ганна разсчитывала остановиться на нѣсколько дней для отдыха и вмѣстѣ для того, чтобы принять въ управленіе богатую вотчину. Но едва она расположилась съ своей свитой въ Хабенскомъ замкѣ, какъ явился сюда п. Мальхеръ Носиловскій, зять князя Богуша, и настойчиво потребовалъ, чтобы княгиня немедленно оставила замокъ, угрожая въ случаѣ упорства удалить ее силою. Малочисленная свита княгини не осмѣлилась помѣряться силами съ толпою вооруженныхъ людей, предводительствуемыхъ Носиловскимъ,—и печальный кортежъ тронулся далѣе по направленію къ Кіеву.

V.

Утомленная долгой, трудной дорогой, удрученная обидой, какую передъ тѣмъ пришлось испытать ей, княгиня Ганна сильно нуждалась въ отдыхѣ. Похоронивъ мужа, она заѣхала на обратномъ пути изъ Кіева въ м. Черняховъ [2]) къ близкому пріятелю покойнаго пану Іосифу Немиричу. Немиричъ радушно пріютилъ у себя вдову пріятеля, а для компаніи ей и утѣшенія въ горестяхъ пригласилъ изъ Коростышева своего родственника, молодого Ивана Олизаровича, сына старосты чернобыльскаго

---

[1]) М. Хабное находится въ нынѣшн. радомысльскомъ у., на границѣ съ овручскимъ.

[2]) Нынѣ тоже мѣстечко въ житом уѣздѣ.

Олизара Волчковича, родоначальника нынѣшнихъ графовъ Олизаровъ. Олизаровичу понравилась интересная молодая вдова: онъ только что пріобрѣлъ тогда имѣніе Коростышевъ, и его очень соблазняла мысль, какъ хорошо было бы присоединить къ этому имѣнію тѣ многочисленныя маетности, которыя принадлежали уже юной несчастливицѣ и въ будущемъ должны были еще пріумножиться. Мысль эту Олизаровичъ открылъ Немиричу, который вполнѣ одобрилъ ее и обѣщалъ всѣми мѣрами содѣйствовать ея осуществленію. Приступили къ дѣлу. Какъ и слѣдовало ожидать, юная вдова не оказала большого сопротивленія соединенной атакѣ, направленной на ея слабую головку и легкомысленное сердце, и отважилась на какой-то весьма рѣшительный шагъ, почему Олизаровичъ считалъ себя въ правѣ титуловать Ганну Монтовтъ своею „малжонкою" и хвалился впослѣдствіи, что имѣетъ отъ нея какія-то важныя записи. Что именно тогда произошло въ замкѣ Черняховскомъ: были ли молодые обвѣнчаны, или же только „змовлены" и „заручены", и какія именно записи невѣста выдала жениху, въ нашихъ матеріалахъ имѣются на это къ сожалѣнію одни лишь намеки.

Когда въ Коблинъ пришла вѣсть о томъ, что происходитъ въ Черняховѣ, старый Монтовтъ пораженъ былъ какъ громомъ. Онъ хорошо понималъ, что семнадцатилѣтняя вдова никакъ не справится съ новымъ своимъ положеніемъ, особенно же трудно было бы справиться ей въ роли владѣлицы многочисленныхъ имѣній, разбросанныхъ на значительныхъ пространствахъ и оспариваемыхъ родственниками покойнаго мужа. Хабенская исторія ясно показала это на дѣлѣ. Очевидно, нужно было искать поскорѣе для дочери жениха. И такой женихъ былъ у Монтовта уже на готовѣ; онъ хотѣлъ лишь выждать освященнаго обычаемъ полугодичнаго срока, въ теченіе котораго вдовѣ не подобало вступать въ новый бракъ. Женихомъ выбранъ былъ князь Василій Солтановичъ Сокольскій.

Старинная южно-русская фамилія князей Сокольскихъ если уступала въ чемъ князьямъ Любецкимъ, то только въ богатствѣ, но не въ знатности и древности рода [1]). Отецъ Василія, князь

---

[1]) Князья Сокольскіе были вѣтвью рода князей Четвертинскихъ, потомковъ рюриковичей.

Солтанъ Михайловичъ Сокольскій, не смотря на свое странное имя, человѣкъ православный, какъ и всѣ члены его рода, занималъ въ 1541—1544 гг. должность хорунжаго волынскаго. Родовымъ гнѣздомъ князей Сокольскихъ издревле было м. Соколь [1]) съ небольшой волостью, въ составъ которой входили села и деревни: Божевъ, Михлинъ, Трестенецъ, Холпневъ и Островъ; теперь эта родовая вотчина, раздѣленная между сыновьями Солтана, Василіемъ и Маркомъ, и двоюродными ихъ братьями, Максимомъ и Остафіемъ Васильевичами Сокольскими, оказывалась для нихъ слишкомъ тѣсною. Вотъ почему для князя Василія такая жена, какъ Ганна Монтовтовна, вдова и наслѣдница князя Любецкаго, являлась сущимъ кладомъ. Съ другой стороны и для Монтовта князь Василій былъ желаннымъ зятемъ: все-таки это былъ представитель стариннаго, хотя и захудалаго княжескаго рода, и ему гораздо болѣе пристало владѣть наслѣдіемъ и рукою вдовы князя Любецкаго, нежели какому-нибудь овручскому земянину Олизаровичу. Къ тому же князь Василій Сокольскій приходился близкимъ родственникомъ князьямъ Любецкимъ: его старшая сестра Олена Солтановна была замужемъ за княземъ Иваномъ Романовичемъ Любецкимъ, роднымъ дядею князя Богуша, и теперь, оставшись вдовою, проживала вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Григоріемъ въ Соколѣ у своихъ братьевъ [2]). Эти родственныя отношенія давали Монтовту основаніе надѣяться, что, какъ скоро князь Василій Сокольскій станетъ его зятемъ, дѣло о наслѣдствѣ имѣніями Богуша Любецкаго, сулившее въ будущемъ много хлопотъ уладится само собою.

Неужели всѣмъ этимъ планамъ суждено разлетѣться прахомъ отъ легкомыслія дочери, которой вскружилъ голову какой-то Олизаровичъ! Нѣтъ, старый Монтовтъ никогда не допуститъ до этого! Вѣдь дочь отдана ему въ опеку и слѣдова-

---

[1]) Нынѣ м. *Сокуль*, луцк. у. на р. Стырѣ, недалеко отъ Любча.

[2]) Въ 1574 г. она вторично вышла замужъ за волынскаго земянина Василія Тяпинскаго, памятнаго въ исторіи книгопечатанія тѣмъ, что имъ заведена была гдѣ-то на Волыни типографія, изъ произведеній которой сохранилось лишь одно евангеліе, напечатанное въ два столбца на двухъ языкахъ: славянскомъ и южнорусскомъ. Экземпляръ этого евангелія хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

тельно по закону не имѣетъ права безъ его вѣдома и согласія вступить въ бракъ. Какъ отецъ и опекунъ, онъ имѣетъ двойное право распорядиться судьбою дочери, и чтобы ни случилось тамъ, въ Черняховѣ, онъ настоитъ на своемъ и не отступитъ отъ слова, даннаго князю Сокольскому. Только бы вырвать какъ-нибудь легкомысленную вдову изъ рукъ Олизаровича! Но это ужъ дѣло жениха: кому же, какъ не ему, славному рыцарю, добыть свою невѣсту изъ рукъ соперника? Подобные романическіе эпизоды въ то время не были рѣдкостью не только въ быту князей и знатныхъ пановъ, но и среди простыхъ земянъ и бояръ.

И вотъ въ Коблинскомъ замкѣ и въ Соколѣ начались спѣшныя военныя приготовленія, точно собирались выступать противъ крымцевъ. Самъ князь Василій Сокольскій, правду сказать, былъ плохой воинъ, да и годы его были не тѣ, чтобы перспектива опаснаго дѣла могла пріятно волновать его остывшую душу; но у него былъ младшій братъ князь Марко, пылкая натура, только и мечтавшій о рыцарскихъ подвигахъ; да среди слугъ пана Монтовта, предоставленныхъ въ распоряженіе нареченному зятю для затѣянной экспедиціи, находилось не мало отчаянныхъ головъ, готовыхъ на самыя смѣлыя предпріятія.

Черезъ нѣсколько дней экспедиція была окончена. Князь Сокольскій благополучно возвратился въ Коблинъ и доставилъ Монтовту заблудшую дочь. Никто изъ его отряда не былъ убитъ, хотя не мало было раненныхъ; за то въ королевскомъ судѣ начатъ былъ процессъ по обвиненію князя Василія Сокольскаго съ помощниками въ *„кгвалтовномъ взятіи жоны Ивана Олизаровича* и забраньи всеи маетности его". Какъ и гдѣ произошло это насильственное похищеніе,—въ Черняховѣ, Коростышовѣ, или въ иномъ мѣстѣ, а главное, какую роль въ этой исторіи играла лично княгиня Ганна,—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ.

VI.

Какъ бы то ни было, но разъ прекрасная плѣнница была освобождена изъ рукъ околдовавшаго ее чародѣя, надо было немедленно же принять мѣры къ тому, чтобы онъ снова не овладѣлъ ею, если не чарами, такъ съ помощью королевскаго декрета. И вотъ 26 сентября того же 1564 г. старый Монтовтъ явился вмѣстѣ съ дочерью въ луцкій замокъ и заявилъ предъ гродскимъ урядомъ, что онъ, „зъ ласки и призрѣня Божого, змовилъ дочку свою Ганну въ малженство за князя Василя Солтановича Сокольского", и при этомъ потребовалъ, чтобы послѣдняя въ присутствіи суда была спрошена: не обѣщала-ли она „зъ намовы або порады чиеи, або зъ милости (любви) своеи", кому-либо другому своей руки, „або вже за кого ся не отдала?" И стоя передъ урядомъ, Ганна заявила: „Я никгды (никогда) ни за кого въ малженство пойти не пошлюбовала а ни ся ни за кого не отдавала, одно жъ теперъ то собѣ вмыслила и позволяю съ правого умыслу сердца моего мѣти собѣ за малжонка его милость князя Василя Солтановича Сокольского, съ которымъ и животъ свой хочу доконати; яко жъ есми и передъ Паномъ Богомъ то его милости пошлюбовала его за малжонка собѣ мѣти [1])". Понятно, что эта декларація, по лит. статуту вовсе необязательная для невѣсты, тѣмъ болѣе послѣ вѣнчанія, дѣлалась, такъ сказать, ad hominem, по адресу Олизаровича. Но вѣдь у послѣдняго, кромѣ словесныхъ обѣщаній, могли быть и формальные юридическіе документы, скрѣпленные именною печатью непостоянной красавицы, и по своему содержанію, можетъ быть, какъ разъ противные смыслу настоящей

---

[1]) Слѣдовательно, въ это время Ганна была уже обвѣнчана съ княземъ Сокольскимъ, не смотря на то, что со дня смерти перваго мужа ея прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ. По понятіямъ того вѣка, выходъ вдовы замужъ, „не высидѣвши по смерти мужа шести мѣсяцевъ, то есть полъроку", почитался „свѣвольствомъ, запомненьемъ боязни Божои и права посполитого а встыду своего", и за такой поступокъ вдова могла быть даже привлечена къ суду родственниками прежняго мужа. Въ данномъ случаѣ такая поспѣшность со стороны Ганны вызывалась единственно исключительностью условій, при которыхъ она вступала въ бракъ съ княземъ Сокольскимъ.

ся деклараціи. На такой случай дочь Монтовта по внушенію отца въ тотъ же день и передъ тѣмъ же судомъ занесла „плачливую“ жалобу слѣдующаго содержанія: будучи изгнана п. Носиловскимъ изъ м. Хабного и „не маючи ся где подѣти“, она пріѣхала въ домъ п. Немирича, „сподѣваючися на захованье (дружбу), которое мѣлъ зъ нимъ небощикъ“ мужъ ея, князь Богушъ Любецкій. „И будучи мнѣ въ дому его томъ, панъ Немиричъ, невѣдомо зъ якои причины, самъ черезъ себе и черезъ иные люде добрые почалъ намовляти а праве примушати мене до того, а быхъ я заручона была за его повиноватого (т. е. родственника), за пана Ивана Олизаровича; на што я не позволяючи, заразъ, яко могучи, ледве зъ дому Немиричова въехала, оставивши тамъ скрынку зъ листами и печать мою сребреную зъ гербомъ. Постерегаючи, абы съ того листы якие не показалися, а хотя бы ся въ кого и показали, абы жадной моцы (силы) и вѣры мѣти не могли“, жалобщица просила судъ принять къ свѣдѣнію настоящее заявленіе ея, дабы въ случаѣ надобности она могла опереться на него.

Подобными юридическими фортелями кое-какъ обезпечивъ себя со стороны Олизаровича, новобрачная чета князей Сокольскихъ однако не особенно спокойно провела медовой мѣсяцъ, такъ какъ, кромѣ тяжбы съ Олизаровичемъ, приходилось ежеминутно опасаться всякаго рода непріятностей со стороны наслѣдниковъ князя Богуша Любецкаго.

Недѣли двѣ послѣ свадьбы князь Василій пригласилъ къ себѣ въ Соколь знатныхъ гостей: нареченнаго владыку луцкаго и острожскаго пана Марка Жоравницкаго, архимандрита жидичинскаго о. Іону, судью луцкаго Василія Бокія, хорунжаго волынскаго Михайла Сербина, писаря замковаго луцкаго Ѳедора Русина, да двоюроднаго своего брата князя Остафія Васильевича Сокольскаго. Стараго Монтовта не было въ то время на Волыни; онъ поѣхалъ къ королю по другимъ дѣламъ. За обѣдомъ рѣчь зашла между прочимъ объ Олизаровичѣ: что-то онъ намѣренъ предпринять въ своемъ забавномъ положеніи неудачника-мужа, о которомъ и пѣсня сложилась, какъ онъ „оженывся-утратывся, а жинкы катъ-мае?“... Недавно возвратившій-

ся изъ Варшавы панъ хорунжій сообщилъ, что видѣлъ тамъ Олизаровича, прибывшаго съ намѣреніемъ жаловаться самому королю на князя Сокольскаго и хвалившагося, будто онъ имѣетъ какія-то записи на любецкое имѣніе. Вѣсть эта видимо смутила хозяевъ, и гости принялись всячески успокаивать ихъ. Кто-то изъ гостей подалъ совѣтъ, чтобы молодая княгиня записала любецкое имѣніе въ даръ своему мужу: Олизаровичу труднѣе будетъ вырвать его изъ вторыхъ рукъ. Совѣтъ былъ одобренъ присутствовавшими юристами. Спросили мнѣніе самой княгини; она несмѣло замѣтила, нельзя ли отложить это дѣло до возвращенія ея отца; но когда ей возразили, что надо торопиться, она отвѣтила, что согласна на все. Замковый писарь п. Русинъ тутъ же составилъ текстъ дарственной записи, которую всѣ присутствовавшіе скрѣпили подписями и печатями, а на другой день запись была предъявлена суду и внесена въ актовыя книги. „Я Ганна Монтовтовна", стояло въ этой записи, „княгиня Василевая Солтановича Сокольская чиню вѣдомо: узнавши ку собѣ вѣрную милость и великое добродѣйство и учтивое захованье малжонка моего князя Василя Солтановича Сокольского и хотячи еще собѣ у его милости склоннѣйшую милость, ласку и приязнь болшую напредъ мѣти, а зъ особливои милости своеи, которую къ нему, малжонку моему милому, маю, даю, дарую на вѣчные часы и заразъ въ моцъ и въ держанье подаю ему все имѣніе мое Любецкое, што зъ ласки и милости небожчика князя Богуша Любецкаго, першого малжонка моего, за почтивые а вѣрные службы мои мѣла. А естлибы Панъ Богъ, зъ ласки своеи святои, мнѣ зъ малжонкомъ моимъ милымъ княземъ Василемъ потомство сплодити дати рачилъ, тогды его милость отъ того потомства тыхъ имѣней Любецкихъ отдаляти а ни отписовати не маетъ".

Увы! Великодушный даръ любящей супруги не стоилъ бумаги, на которой былъ записанъ: спустя короткое время, тотъ же самый Мальхеръ Войтеховичъ Носиловскій, что раньше выгналъ княгиню Ганну изъ хабенскаго замка, вооруженною рукою отобралъ и любецкія имѣнія, за что князь Василій съ женою позвалъ его къ суду.

VII.

Чего опасались Сокольскіе, то и случилось. Спустя шесть недѣль послѣ брака, въ одно не особенно прекрасное ноябрьское утро пріѣхалъ въ Соколь королевскій дворянинъ Богушъ Васильевичъ Древинскій и вручилъ князю Василію: а) „мандатъ“, т. е. позовъ къ королевскому суду по дѣлу „о кгвалтовномъ взятьи жоны пана Олизаровича и о забраньи всеи маетности его“, и б) королевскій „заручный листъ“, воспрещающій князю Василію впредь посягать на жизнь и здоровье п. Олизаровича и его слугъ подъ „зарукою“ 10,000 копъ грошей, т. е. подъ угрозою взысканія этой суммы въ случаѣ нарушенія означеннаго запрещенія. Въ то время чиновники, развозившіе подобныя бумаги, обыкновенно были принимаемы какъ незванные гости, о которыхъ сложилась поговорка, что они „горше татаръ“: храбрецы и буяны встрѣчали ихъ какъ враговъ и чинили надъ ними всякія насилія [1]), люди же малодушные обыкновенно прятались отъ нихъ, куда попало, причемъ нерѣдко происходили весьма комическія сцены. Князь Василій Сокольскій принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи: завидѣвъ входившаго къ нему въ домъ королевскаго дворянина въ сопровожденіи вознаго и понятыхъ, онъ вздумалъ было дать стречка; но гость окликнулъ хозяина въ сѣняхъ, когда тотъ старался ускользнуть въ противоположную дверь (сѣни были проходныя), и смущенному хозяину ничего не оставалось дѣлать, какъ пригласить гостей въ „свѣтлицу“. Съ подобающимъ почтеніемъ выслушавъ королевскіе листы и получивъ съ нихъ копіи, князь Василій отвѣтилъ, что въ точности исполнитъ „господарскую“ волю и въ назначенный четырехъ-недѣльный срокъ самъ лично станетъ и жену „поставитъ“ на судъ его королевской милости.

---

[1]) Особенно доставалось вознымъ: ихъ часто сажали въ заключеніе, травили собаками, били кіями, принуждая взять обратно суд. позвы; бывало и такъ, что доставленными позвами затыкали ротъ возному и съ кіемъ въ рукахъ заставляли несчастнаго съѣдать ихъ. Вотъ почему возные рѣдко осмѣливались лично вручать позвы завѣдомымъ буянамъ, а втыкали ихъ „у ворота“, сами же поспѣшно уходили прочь.

Срокъ этотъ наступилъ, а князь Сокольскій и не думалъ приводить въ исполненіе даннаго обязательства; вмѣсто того онъ послалъ увѣдомленіе о болѣзни жены, якобы препятствующей ей пуститься въ далекій путь. Вѣроятно, противная сторона имѣла данныя сомнѣваться въ правдивости этого заявленія и настояла на томъ, что король командировалъ одного изъ своихъ дворянъ съ нарочитымъ порученіемъ лично освидѣтельствовать состояніе здоровья княгини Сокольской. По этому поводу произошелъ эпизодъ настолько забавный, что мы, въ виду его характерности, не можемъ не воспроизвести его, придерживаясь возможно ближе источника.

Это было въ январѣ 1565 г. Королевскій дворянинъ Якимъ Любецкій пріѣхалъ въ Соколь и вручилъ князю Василію открытый королевскій листъ, въ которомъ подробно было объяснено данное ему порученіе. Князь видимо былъ приготовленъ къ пріѣзду гостя, учтиво принялъ отъ него листъ и по прочтеніи отвѣтилъ:

„Я воли и росказаню его королевскои милости противенъ быти не хочу. Твоя милость до малжонки моеи, до свѣтлочки тои, где она хора лежить, пойди и росказаню господарскому досыть чини".

Дворянинъ въ сопровожденіи вижа и понятыхъ пошелъ за княземъ въ указанную ему „свѣтлочку" и нашелъ тамъ княгиню „на ложку лежачую и стогнучую". Въ комнатѣ царилъ таинственный полумракъ, настолько сильный, что вошедшіе едва могли различать предметы, такъ какъ оконныя ставни были полузакрыты. Не приступая къ экспертизѣ, недовѣрчивый чиновникъ прежде всего потребовалъ, чтобы открыли ставни. Когда это было сдѣлано, онъ подошелъ къ больной и началъ всматриваться въ ея лицо, а затѣмъ, обращаясь къ вижу и понятымъ, сказалъ:

„Есть княгиня Василевая Сокольская шефраномъ на обличью натерта! Потреба, хустку змочивши водою, по твари (лицу) еи потерти, досвѣтчаючи, чи есть на ней шефранъ?"

Услышавъ это, князь вспыхнулъ и сталъ энергично опровергать подозрѣніе дворянина; но присутствовавшая здѣсь сестра его Олена, вдова по князѣ Иванѣ Любецкомъ, созналась:

„Правда, ижъ (что) мы ее, невѣстку нашу княгиню Ганну, змывши зъ оцтомъ, шефраномъ тварь и руки ей намазали, але тое учинили есмо для млости еи“ (т. е. слабости и дурноты).

— „Я пакъ самъ не вѣдаю, што ей тутъ за раду давали!“ пробормоталъ смущенный супругъ.

Но дворянинъ попрежнему настаивалъ на томъ, чтобы дали воды, намѣреваясь омыть княгинѣ лицо и отказываясь безъ того приступить къ дальнѣйшей медицинской экспертизѣ. Тогда мужъ вмѣстѣ съ сестрами принялся самъ изслѣдовать больную на глазахъ чиновниковъ: щупалъ ей пульсъ, „до уха еи ся прихилялъ“. Ничто не помогало: упрямый дворянинъ не переставалъ требовать воды и „хустки“.

„Ты, пане дворянине, болшей ся не домышляй (т. е. не выдумывай пустяковъ)!“ вскричалъ выведенный изъ терпѣнія князь и послалъ закрыть ставни. Королевскій чиновникъ поднялся съ мѣста и вышелъ изъ комнаты, отказываясь отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Хозяинъ спохватился, что сдѣлалъ промахъ, догналъ его въ сѣняхъ и сталъ упрашивать:

„Вернись, пане дворянине! Жона моя будетъ омыта!“

Тотъ не хотѣлъ слушать ничего.

„Вернись и принаймней ѣжъ у мене хлѣба!“

Дворянинъ подумалъ и не рѣшился оскорбить гостепріимнаго хозяина отказомъ; однако, откушавъ хлѣба соли, онъ все таки отказался продолжить изслѣдованіе и ушелъ ночевать въ село, „до господы“ (на квартиру).

Утромъ на другой день дворянинъ заѣхалъ на дворъ къ Сокольскому, чтобы взять съ собою вижа, остановившагося ночевать здѣсь. Вышелъ къ нему самъ князь и сталъ упрашиват зайти къ больной.

„Малжонка моя вже есть омыта, яко-сь повѣдилъ вчора: шефраномъ натерта; ино твоя милость пойди и смотри“.

Снова всѣ пошли „до свѣтлочки“. Тамъ не было уже вчерашняго полумрака, но княгиня попрежнему лежала „на ложку“ и „стогнала“. Лицо ея не было такимъ желтымъ, какъ наканунѣ; но всѣ замѣтили, что она была „барзо блида и на обличью спала“. Дворянинъ обратился къ ней съ вопросомъ:

„Повѣдай ми, оспоже княгине, на што бы твоя милость хвора быти мѣла и на якую хворобу?"

— „Болшей нижли шести недѣль не могу и въ постели лежу; а тое ся стало ми за збитьемъ зъ воза и выбитьемъ ребра, ажъ и до того часу естемъ обложною хоробою[1]) вся хвора", слабымъ голосомъ отвѣтила больная.

Видя, что дѣло принимаетъ благопріятный оборотъ, князь Василій, для большей убѣдительности экспертовъ, обратился къ женѣ съ такимъ воззваніемъ:

„Прошу, абы ты, не оглядаючи на жадную боязнь а ни мнѣ фолкгуючи (мирволя), одно справедливе повѣдила тому посланцу господарскому, который на то есть высланъ: чи есь правдиве хвора? и на тотъ рокъ (срокъ судебный) ку его королевской милости до Петрокова чи можешъ ѣхати?"

— „Якъ перво пану дворянину повѣдила", отвѣчала больная, „такъ и теперъ то повѣдаю, иж-емъ есть съ призрѣня Божого правдиве хвора, и быхъ здорова была, не мала быхъ ся кого въ томъ бояти и выстерегати. Не только ѣхати, але и зъ ложка рушитися не могу".

На томъ экспертиза окончилась.

Дворянинъ остался отобѣдать. Онъ уѣхалъ почти убѣжденный въ томъ, что княгиня точно больна, и лишь не зналъ, что думать объ эпизодѣ съ шафраномъ; а находившійся при немъ вижъ въ тотъ же день подробно донесъ суду обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

На этотъ разъ Сокольскимъ удалось отсрочить непріятную явку въ королевскій судъ, но совсѣмъ избѣжать ея они не могли. Назначенъ былъ новый срокъ, и князь Василій съ женою отправились въ Петроковъ, гдѣ въ то время находился дворъ, прожили тамъ „колькоnадцать" недѣль, издержали „на справу и на иншие потребы" нѣсколько сотъ грошей и, потерявъ надежду на благопріятный исходъ судебнаго дѣла, заключили съ п. Олизаровичемъ мировую сдѣлку, уплативъ ему до-

---

[1]) „Обложная хороба"—всякая болѣзнь, удерживающая больного въ постели.

бровольно 1200 копъ грошей, за что онъ навсегда отрекся отъ своихъ якобы „малженскихъ“ правъ на особу княгини Ганны.

Такъ же неудаченъ былъ и процессъ, начатый Сокольскими съ п. Носиловскимъ изъ-за любецкихъ имѣній. Проживъ „часъ не малый“ въ Вильнѣ и убѣдившись, что дѣло ихъ въ юридическомъ отношеніи безнадежно, они согласились передать его на рѣшеніе „пріятелей“, выбранныхъ каждою изъ сторонъ въ одинаковомъ числѣ. Полюбовные судьи присудили такъ, что всѣ имѣнія князя Богуша Любецкаго, какъ незаконно отчужденныя имъ въ пользу бездѣтной своей жены, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, должны считаться собственностью его сестры Фенны Носиловской, а эта послѣдняя обязана уплатить своей бывшей невѣсткѣ 2700 копъ грошей литовскихъ. Какъ ни мало выгодно было для Сокольскихъ такое рѣшеніе, но имъ надоѣло „правоватися“, и потому Сокольскіе готовы были на все, лишь бы только какъ-нибудь развязаться съ судебною волокитою, которой не предвидѣлось конца.

VIII.

Прошло еще два года. Княгинѣ Ганнѣ едва исполнилось двадцать лѣтъ, какъ она вторично должна была одѣться въ „жалобное“ платье и оплакивать благодушнаго своего мужа, князя Василія Солтановича Сокольскаго. Добрый, хотя нѣсколько слабохарактерный, онъ заслужилъ ея слезы, и если Ганна, быть можетъ, не вполнѣ была довольна своею жизнью въ Соколѣ, особенно въ послѣднее время, то виною тому былъ не столько мужъ, сколько его мать и сестры. Старуха-свекровь Ганны, княгиня Олена Сокольская, была, что называется, женщина стараго покроя. Она строго хранила старинныя преданія своего рода, была очень набожна, ревниво берегла старо-русскіе обычаи, ни слова не умѣла по польски,—и естественно не долюбливала молодой невѣстки, считая ее „ляхивкою“; такъ же относились къ Ганнѣ и ея золовки, воспитанныя въ понятіяхъ матери. Въ первое время онѣ старались снисходительно относиться

къ ея иновѣрію и „ляшскимъ звычаямъ“, помня о тѣхъ богатствахъ, какія Ганна внесла въ ихъ домъ; но послѣ неудачнаго исхода процесса о наслѣдствѣ князя Любецкаго у нихъ не было болѣе причинъ сдерживать природную антипатію къ ней, какъ къ женщинѣ иной вѣры, чужого племени и воспитанія. При томъ же, въ ихъ глазахъ она не заслуживала уваженія и потому еще, что не выполнила провиденціальнаго предназначенія жены—не дала потомства своему мужу, а это по тогдашнимъ понятіямъ было явнымъ знакомъ неблаговоленія небесъ къ супружеству.

Зная объ этихъ отношеніяхъ, князь Василій, умирая, завѣщалъ младшему брату Марку не дозволять никому обижать его жену, не препятствовать ей до выхода замужъ пользоваться третьей частью его имѣній, на которой онъ записалъ ей вѣно, а когда она захочетъ выйти замужъ, выдать ей тысячу копъ грошей вѣна и возвратить все ея приданое.

За кого же въ третій разъ пойдетъ замужъ наша героиня, вдова двухъ князей? Конечно, и теперь не будетъ недостатка въ искателяхъ руки, но все это будутъ женихи, какъ выражаются поляки, podlejszego gatunku сравнительно съ прежними. Дѣло въ томъ, что имущественное положеніе княгини Ганны было уже далеко не то, что послѣ смерти перваго мужа. Многочисленныя имѣнія, записанныя ей княземъ Любецкимъ, всѣ отошли отъ нея въ руки его родственниковъ: одни отобраны были силою, другія—на основаніи судебныхъ декретовъ, а за третьи пришлось лишь получить ей денежный выкупъ. Правда, она по прежнему считалась собственницею имѣній, записанныхъ ей отцомъ еще при ея рожденіи; но вѣдь имѣнія не раньше перейдутъ въ ея руки, какъ лишь по его смерти; а это когда-то еще будетъ! Да вѣдь и невѣдомо, перейдутъ ли они къ ней когда-нибудь? Дѣйствительно, старый Монтовтъ недавно еще женился на склонѣ дней своихъ на молодой женщинѣ, княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Порыцкой, представительницѣ хотя и захудалаго, но древняго и знатнаго княжескаго рода, единокровнаго съ домами князей Збаражскихъ, Вишневецкихъ и Воронецкихъ. И какъ рѣшились выдать ее за такого стараго

сумасброда! Она можетъ обольстить его молодыми ласками, а старикъ возьметъ да и запишетъ ей все состояніе! Съ чѣмъ тогда останется вдова двухъ князей, уродившаяся „во всѣхъ подобенствахъ“ въ своего отца? Все, чѣмъ Ганна владѣла въ данное время, это была богатая движимость, подаренная ей первымъ мужемъ и увеличенная при второмъ, да еще наличный капиталъ, образовавшійся изъ выкупной платы за отошедшія имѣнія, съ прибавленіемъ къ тому вѣна втораго мужа. Конечно, и съ такимъ приданымъ можно бы сдѣлать приличную партію, только хорошаго-то жениха и въ то время надо было поискать; да искать его было некому. Первыхъ двухъ мужей нашелъ ей отецъ; но ему теперь было не до того: старый Монтовтъ до такой степени отдавался супружескому счастію въ объятіяхъ молодой жены, что едвали даже помнилъ о существованіи дочери. Когда она вторично овдовѣла, онъ даже не взялъ ее въ свой домъ, а оставилъ жить въ Соколѣ, въ домѣ деверя, князя Марка Сокольскаго. Конечно, послѣдній въ качествѣ ближайшаго родственника также не отказался бы найти ей приличнаго жениха; но онъ навѣрное выберетъ своего земляка и единовѣрца, а ей и безъ того памятно, что значитъ жить въ русинской „схизматицкой“ семьѣ, соблюдать „хлопскіе“ обычаи и слышать вѣчные попреки на счетъ ея „ляхивства“. Нѣтъ, ужъ лучше она сама выберетъ себѣ мужа по душѣ, по своему „умыслу“, и непремѣнно поляка или литвина, только бы не русина!

Такой женихъ скоро нашелся.

Это былъ нѣкто Казимиръ Ледницкій, шляхтичъ изъ сѣрадскаго воеводства, типичный представитель того сорта польскихъ выходцевъ, съ которымъ мы уже раньше познакомили читателя. Впервые мы встрѣчаемъ Ледницкаго на Волыни въ 1565 г. въ качествѣ слуги у п. Фальчевскаго, родственника бывшаго бискупа луцкаго, затѣмъ онъ является урядникомъ въ одномъ изъ имѣній Фальчевскаго, причемъ затѣваетъ безпрестанныя ссоры и драки съ сосѣдними владѣльцами, за что одинъ изъ нихъ, п. Петръ Борзобогатый, покушается убить его „якъ пса“, а князь Дмитрій Козѣка обзываетъ его „нечистого ложа

сыномъ", не признаетъ за нимъ шляхетскаго достоинства и также грозитъ ему „шибеницею". Въ 1567 г. Ледницкій сближается съ такимъ же авантюристомъ, какъ и самъ, только покрупнѣе, съ п. Станиславомъ Граевскимъ, и тотъ переуступаетъ ему заставное право на имѣніе совмѣстно ими одураченнаго луцкаго земянина Өедора Бѣлинскаго, дер. Любинъ. Едва переселился Ледницкій въ это имѣніе, какъ сосѣдка, земянка Раина Тупичевская, позвала его въ судъ по обвиненію въ томъ, что онъ изнасиловалъ ея дворовую дѣвушку Вивдю, затѣмъ выкралъ ее и обратилъ въ свою наложницу. Далѣе мы видимъ Ледницкаго арендаторомъ имѣнія Бруховичъ, при чемъ крестьяне жалуются, что, когда имѣніе перешло въ другія руки и аренда Ледницкаго должна была прекратиться, то онъ безжалостно ограбилъ ихъ до тла. Помимо службы у пановъ и арендованія имѣній, Ледницкій занимался также адвокатурою и даже въ одно время состоялъ королевскимъ „мѣрчимъ" (т. е. межевщикомъ) на Волыни, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ обладалъ нѣкоторымъ образованіемъ. О томъ же свидѣтельствуетъ отчасти и фактъ принадлежности Ледницкаго къ протестантскому исповѣданію, которое въ то время въ Польшѣ находило своихъ послѣдователей преимущественно въ рядахъ людей образованныхъ.

Старый Монтовтъ со времени женитьбы на княжнѣ Порыцкой сталъ совершенно равнодушенъ къ судьбѣ дочери и апатично относился къ дѣлу сватовства на ней Ледницкаго; за то родные бывшаго ея мужа, князья Сокольскіе, употребляли всѣ усилія, чтобы отговорить ее отъ задуманнаго брака, не скрывали отъ нея непригдядныхъ чертъ характера ея жениха, рисовали въ мрачныхъ краскахъ будущую ея супружескую жизнь. Ничто не помогало. Едва удалось настоять на томъ, чтобы Ганна Сокольская выждала по крайней мѣрѣ „пристойне звыклый" траурный срокъ, а не поторопилась бы такъ, какъ въ предыдущій разъ, не успѣвъ износить даже башмаковъ, въ которыхъ шла за гробомъ прежняго мужа.

Но вотъ положенный срокъ миновалъ, и днемъ свадьбы назначено было воскресеніе 20 февраля 1569 года. Вѣнчанье

должно было происходить въ Соколѣ, въ домѣ, за неимѣніемъ по близости костела. Съѣхалось много гостей, только старый Монтовтъ не прибылъ, а прислалъ вмѣсто себя одного изъ слугъ. И вотъ въ тотъ моментъ, когда невѣста готовилась подойти къ аналою, ее остановилъ князь Марко Сокольскій, явившійся въ сопровожденіи урядового вознаго и понятыхъ, и громкимъ голосомъ предъ лицомъ всѣхъ присутствовавшихъ обратился къ ней съ такими словами:

„Оспоже княгине невѣстко! Прошу твою милость, ознайми передъ вознымъ, передъ всими приятели моими и твоими: чи твоя милость идешъ замужъ за пана Ледницкого за намовою моею, або тежъ и за примушеньемъ якимъ?"

Между присутствовавшими, большинство коихъ состояло изъ родственниковъ и пріятелей князей Сокольскихъ, послышалось одобреніе словамъ князя Марка. Они, конечно, знали весь ходъ дѣла и находили этотъ торжественный опросъ далеко не лишнимъ. Невѣста вспыхнула вся при словахъ Марка и, гордо поднявъ голову, отвѣтила не безъ раздраженія:

— „Коли я теперъ иду въ малженство за пана Ледницкого, то не за жаднымъ примушеньемъ а ни за намовою вашои милости, княже деверю, одно по доброй воли своей а за позволеньемъ отца моего. Ведже (однако), хотя бысь мя ваша милость хотѣлъ въ томъ гамовати (удерживать), теды мя ваша милость, княже деверю, вгамовати не можешъ, бо ми отецъ мой на то позволилъ. А естли же о бочку меду або о хлѣбъ ти идетъ, што тутъ его зъедятъ на тотъ часъ приятели пана моего, который ми маетъ быти малжонкомъ,—я его могу индей где въ приятеля моего достати".

Князь Марко вполнѣ былъ удовлетворенъ отвѣтомъ невѣстки и только пригласилъ вознаго и понятыхъ запомнить хорошо то, что они сейчасъ слышали. Да, теперь онъ могъ бы потребовать воды и по примѣру Пилата предъ всѣми умыть руки. Отнынѣ пусть будетъ, что будетъ; но по крайней мѣрѣ никто не можетъ попрекнуть князей Сокольскихъ, будто они равнодушно допустили „занапастить" молодой вѣкъ своей невѣстки, или даже, что еще хуже, сами привели ее къ тому.

Въ тотъ же часъ бывшая княгиня въ четвертый разъ повторила супружескіе обѣты и отнынѣ стала титуловаться просто „панею Казимеровою Ледницкою“.

IX.

Послѣ брака молодые поѣхали въ Коблинъ, къ тестю. Старый Монтовтъ принялъ ихъ ласково, хотя сдержанно: за то молодая жена его встрѣтила довольно сухо падчерицу, свою ровесницу, а что касается ея мужа, то гордая княжна едва выносила его присутствіе за однимъ столомъ. Подъ предлогомъ болѣзненнаго состоянія супруга-старца, на окружила его такимъ неусыпнымъ надзоромъ, что дочь и зять могли видѣться съ нимъ не иначе, какъ только въ ея присутствіи.

Послѣ первыхъ дней гощенія Ледницкій издалека завелъ рѣчь съ тестемъ о необезпечности своего положенія и сталъ просить, чтобы тотъ уступилъ своей дочери по крайней мѣрѣ тѣ имѣнія, на которыхъ записано вѣно ея матери. Монтовтъ сухо отвѣтилъ, что послѣ его смерти дочь сдѣлается наслѣдницею почти всего его состоянія, а до тѣхъ поръ онъ хочетъ оставаться полнымъ владѣльцемъ своей отчины; на замѣчаніе же зятя, что пока имъ негдѣ даже жить, такъ какъ ни у него, ни у жены нѣтъ недвижимой собственности, тесть согласился подарить имъ домъ въ Луцкѣ, но съ условіемъ, чтобы зять обязался вести въ судахъ его дѣла, обѣщая вознаградить его за то по своему усмотрѣнію.

И вотъ молодые супруги поселились въ Луцкѣ. Не прошло года, какъ члены магистрата луцкаго: лантвойтъ, бурмистры и радцы занесли жалобу, что Ледницкій посягаетъ на ихъ особы и грозитъ лишить ихъ здоровья и даже жизни.

Случилось какъ-то Ледницкому по дѣламъ тестя побывать въ Вильнѣ. По пути онъ разыскалъ дядей своей жены пановъ Мацковичей и добылъ отъ нихъ подлинную дарственную запись Яна Монтовта, выданную на имя малолѣтней Ганны еще въ 1547 году. Воспользовавшись однажды пріѣздомъ тестя въ Луцкъ,

онъ упросилъ его подтвердить эту запись и вторично внести ее въ судебныя книги. Старикъ пріѣхалъ одинъ, безъ жены, былъ отлично принятъ зятемъ и дочерью, и долженъ былъ уступить ихъ просьбамъ. Послѣ этого Ледницкій вздохнулъ спокойнѣе; но не надолго.

Въ октябрѣ 1570 года прошли слухи, что старый Монтовтъ боленъ, почти при смерти, и что онъ выдалъ какія-то записи своей женѣ на имѣнія. Встревоженный Ледницкій послалъ жену справиться, что дѣлается въ Коблинѣ. Та возвратилась и сообщила, что въ Коблинъ съѣхалось много родственниковъ ея мачехи: князья Вишневецкіе, Воронецкіе, Збаражскіе, что отецъ дѣйствительно боленъ, но ея даже не допустили къ нему подъ предлогомъ, чтобы не тревожить больнаго, и что на вопросъ ея относительно записей мачеха отвѣтила, будто ей ничего объ этомъ неизвѣстно. Идетъ Ледницкій въ замокъ, къ подстаростѣ— а тамъ сидитъ князь Александръ Вишневецкій и вписываетъ въ актовыя книги: а) дарственную запись Яна Монтовта женѣ своей княжнѣ Варварѣ Порыцкой на имѣнія: Млыновъ, Хорупанъ, Кобаковщину, Пекаловъ, Озліевъ, Ужинецъ и Беневщину въ вѣчное владѣніе на правахъ собственности, съ устраненіемъ дочери своей Ганны отъ наслѣдственныхъ правъ на эти имѣнія и съ наложеніемъ на нее заруки 6,000 копъ грошей въ томъ случаѣ, еслибы она вздумала оспаривать силу этой записи; б) его же дарственную запись женѣ на право „доживотья", т. е. пожизненнаго владѣнія другими его имѣніями: м. Коблиномъ съ замкомъ, с. Подгайцами и Оршичиномъ, на коихъ онъ раньше записалъ ей вѣно съ привѣнкомъ въ суммѣ 4000 копъ грошей; в) дарственную запись ей же на все движимое имущество; и г) дарственную запись, выданную Варварою Монтовтовою княжною Порыцкою, по которой она, „маючи увагу на особливую ласку и милость" со стороны мужа къ ней, „жонѣ а служебницѣ своей", и желая его за то посильно „отдячити", съ своей стороны даритъ ему свое вѣно и всѣ тѣ имѣнія и „речи рухомые", которыя онъ только что записалъ ей „на вѣчность",—но какъ даритъ? „еслибы Панъ Богъ на мене первей смерть допустити рачилъ, ижъ быхъ я первей, нижли онъ, зъ сего свѣта зошла",

въ такомъ случаѣ онъ долженъ наслѣдовать и тѣ имѣнія, и все вѣно и „внесенье“ (приданое) ея. Замѣтьте, это говоритъ молодая женщина о старцѣ, лежащемъ на смертномъ одрѣ! Это—одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ документальнаго лицемѣрія въ XVI ст.

Какъ увидѣлъ Ледницкій эти записи, такъ у него и въ глазахъ потемнѣло. Онъ требуетъ у подстаросты вознаго, беретъ съ собою жену, пріятелей и скачетъ въ Коблинъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ кроется предательская интрига со стороны княжны Порыцкой и ея родственниковъ, что умирающій старикъ навѣрное ничего не знаетъ объ этихъ записяхъ,—и спѣшилъ всенародно изобличить наглыхъ фальсификаторовъ. Стремительно ворвался онъ въ комнату больнаго, въ сопровожденіи вознаго и свидѣтелей, и задыхающимся голосомъ обратился къ старцу:

„Пане тестю! Ознайми мнѣ передъ вознымъ и передъ шляхтою, людьми добрыми: чи то за волею а вѣдомостью твоеи милости дѣется великая кривда дочцѣ твоеи милости а малжонцѣ моей?“

И онъ передалъ тестю содержаніе записей, какія отъ его имени предъявлены уже въ луцкомъ урядѣ, припомнилъ ему и ту запись, какую двадцать четыре года назадъ онъ выдалъ своей дочери и еще недавно самъ вторично подтвердилъ ее передъ урядомъ, напомнилъ и о томъ, что эта дочь, какъ единственный „потомокъ“ его, по всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ должна оставаться полною и единственною наслѣдницею всей „дѣдизны и отчизны своей“.

Умирающій старикъ, весь „спухлый“,—онъ страдалъ водянкою,—лежалъ съ закрытыми глазами и, казалось, плохо слышалъ страстную рѣчь зятя и плачъ дочери. Наконецъ онъ открылъ глаза и едва слышнымъ голосомъ промолвилъ:

— „Естли-мъ которые записы учинилъ, тые ся покажутъ, коли теперъ съ того свѣта зыйду“,—и снова закрылъ глаза.

Такъ и уѣхалъ Ледницкій, не добившись разъясненія неопредѣленнаго отвѣта, но на всякій случай потребовалъ, чтобы возный записалъ въ судебныя книги точное донесеніе обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

X.

Ровно черезъ недѣлю послѣ описаннаго, въ Коблинѣ происходили торжественныя похороны Яна Монтовта. Съѣхалось много знати, друзей и родственниковъ покойнаго, а еще больше его жены. Пріѣхали князья Вишневецкіе: Андрей, каштелянъ волынскій, и Константинъ Ивановичи, родные братья знаменитаго героя князя Дмитра-Байды, незадолго предъ тѣмъ погибшаго въ Цареградѣ, и двоюродный ихъ братъ князь Александръ Александровичъ Вишневецкій; пріѣхалъ князь Миколай Андреевичъ Збаражскій, староста кременецкій, и его сынъ Янушъ; прибыли князья Воронецкіе: Якубъ Юрьевичъ, пробощъ Ласкій и Скерневицкій, что былъ впослѣдствіи бискупомъ кіевскимъ; и его двоюродный братъ князь Матушъ Войничъ Воронецкій, пріѣхалъ родной братъ Монтовтовой, князь Александръ Александровичъ Порыцкій съ матерью. Тутъ же находился князь Романъ Ѳедоровичъ Сангушко, знаменитый гетманъ литовскій, князья Гольшанскіе-Дубровицкіе и много другихъ знатныхъ пановъ.

Похороны совершалъ бискупъ луцкій Янъ Андрушевичъ со всею капитулою. Во время отпѣванія, передъ тѣмъ, какъ нужно было опустить гробъ въ могилу, по обычаю того времени былъ прочтенъ вслухъ „тестаментъ“ покойнаго: „Во имя святои и живоначальнои Тройцы станься, аминь. Я Янъ Якубовичъ Монтовтъ ознаймую и чиню явно всимъ посполито, кому того потреба будетъ вѣдати, што жъ зъ навѣженя Божого будучи ми хорымъ и розумѣючи, то, ижъ кождый чоловѣкъ есть смертельный,—который ся на свѣтъ народилъ, тотъ и умретъ,—и чуючи то, ижъ съ тои хворобы живъ не могу быти, а будучи еще въ доброи памяти, цѣломъ и зуполномъ розумѣ, хочу ознаймити остатнюю волю свою не на словахъ только, што зъ часомъ съ памяти людскои сплываетъ, але на писмѣ. Напервей, душу свою поручаю и даю въ руки Богу Сотворителю, въ Тройцѣ единому, а тѣло маетъ малжонка моя милая Барбара Александровна княжна Порыцкая, якъ найрихлей (найскорѣе) на старомъ мѣсте (городѣ) въ Коблинѣ костелъ збудовавши, по-

гребсти зо всѣми церемоніями ведлугъ закону римского". Опекунами вдовы назначались князья Константинъ и Александръ Вишневецкіе. Далѣе слѣдовало подтвержденіе вѣна княжны Порыцкой и всѣхъ незадолго предъ тѣмъ выданныхъ ей дарственныхъ записей на имѣнія. Ей же записывались всѣ „речи рухомые" и даже домъ въ Луцкѣ, тотъ самый, что незадолго передъ тѣмъ былъ подаренъ зятю и дочери. Не забыты были Монтовтомъ и родственники: „братаничамъ" своимъ, т. е. сыновьямъ брата, Андрею и Яну Монтовтамъ предоставлялось право выплатить вдовѣ вѣно въ суммѣ 4000 копъ и взять себѣ тѣ имѣнія, на которыхъ эта сумма была записана; какому-то Андрею Кгесинскому, „сестренцу" (т. е. сыну сестры), Монтовтъ дарилъ имѣніе Золочевъ. Забыта лишь была имъ родная дочь Ганна: ей назначалась всего одна небольшая деревенька Липая, но и то съ такимъ условіемъ: „еслибы дѣти мѣла"—на вѣчность, въ противномъ же случаѣ только „до живота".

Затѣмъ выполненъ былъ другой обрядъ, обязательный въ то время при похоронахъ. Предъявлена была присутствовавшимъ именная печать покойнаго съ его гербомъ и затѣмъ здѣсь же, у гроба ея владѣльца, на глазахъ всѣхъ была „збита", т. е. превращена въ безформенную массу, она была золотая, и въ такомъ видѣ возвращена вдовѣ. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы никто не могъ впослѣдствіи воспользоваться печатью покойника для составленія какихъ-либо подложныхъ документовъ отъ его имени. Послѣ того гробъ, имѣвшій въ XVI ст. обыкновенно форму колоды изъ дубоваго дерева, выдолбленной внутри, былъ закрытъ, обтянутъ желѣзными обручами, облитъ растопленною смолою и тогда уже былъ опущенъ въ заранѣе приготовленный каменный склепъ, надъ которымъ впослѣдствіи имѣлъ быть воздвигнутъ костелъ.

Ганна Ледницкая также присутствовала на похоронахъ отца и оплакала его едва ли не искреннѣе всѣхъ. Во время чтенія завѣщанія, когда было упомянуто ея имя, она съ воплемъ припала къ гробу, да такъ и застыла въ конвульсивныхъ рыданіяхъ,—не потому, чтобы ее огорчила отцовская несправедливость,—она даже не успѣла разслышать, что именно сказано было о

ней въ завѣщаніи,—а просто потому, что была сильно потрясена всѣмъ происходившимъ, и въ ту минуту, когда произнесено было ея имя, Ганнѣ вдругъ стало нестерпимо жаль и отца, и самой себя. Въ присутствовавшихъ она возбуждала почти единодушное чувство сожалѣнія: слишкомъ ужъ очевидна была для всѣхъ вопіющая несправедливость къ ней со стороны отца. Со всѣхъ сторонъ ей выражали знаки участія. Даже мачеха старалась оказывать ей теперь небывалое вниманіе: въ ея сердцѣ и въ самомъ дѣлѣ зашевелилось что-то въ родѣ угрызенія совѣсти и сожалѣнія къ бѣдной, ограбленной наслѣдницѣ богатаго отца. А та въ отвѣтъ на первое ласковое слово, услышанное изъ устъ мачехи, съ рыданіемъ припала къ ея груди, забывъ все прошлое. Княжна Порыцкая и нѣкоторые изъ родни ея были растроганы. Въ интимной семейной бесѣдѣ, за поминальнымъ столомъ, Ганнѣ дали понять, что ея не оставятъ безъ родственнаго попеченія, что великодушная княжна, помня „добродѣйство и ласку“ покойнаго мужа, не допуститъ, чтобы дочь его терпѣла нужду, и со временемъ не откажется наградить ее коечѣмъ изъ отцовскаго наслѣдства. Конечно, она отчасти въ правѣ считать себя обиженною; но кто же виною тому? Развѣ не было бы все иначе, еслибъ у нея былъ не такой мужъ? Онъ своимъ дурнымъ поведеніемъ, пьянствомъ, непокорностью, своею назойливою требовательностью, наконецъ тою грубою, возмутительною сценою, какую онъ осмѣлился устроить у постели умирающаго старика, онъ такъ возмутилъ и оскорбилъ отца, что тотъ рѣшилъ было вовсе устранить ее отъ наслѣдства, и только усиленныя просьбы и ходатайство мачехи побудили его хотя отчасти измѣнить свое рѣшеніе. Да, наградилъ ее Господь муженькомъ! И какъ хватаетъ у нея силъ выносить сожительство съ такимъ грубымъ человѣкомъ! „Это Господь караетъ ее“, вставилъ двоюродный братъ Порыцкой, князь Якубъ Воронецкій, пробощъ ласскій и скерневицкій, „за то, что она, будучи доброй католичкой, дерзнула отдать свою руку гнусному еретику, лютому врагу св. римской церкви и ея главы, намѣстника Христова! Нечестивые не имутъ наслѣдія купно съ вѣрными и на небѣ, и на землѣ!“

Ганна только плакала, слушая эти рѣчи. Ей было странно и вмѣстѣ пріятно сознавать, что люди, до сихъ поръ чужіе для нея, почти враги, вдругъ сдѣлались въ ея глазахъ такими близкими, родными, что они такъ искренно расположены къ ней, принимаютъ такое родственное участіе въ ея положеніи. Ей захотѣлось излить предъ ними свою душу. Правда, она не особенно счастлива съ мужемъ. Онъ прожилъ ея деньги и теперь заставляетъ ее терпѣть такую нужду, какой она не испытывала никогда въ жизни. Такъ ли она жила за прежними мужьями! Положимъ, къ вѣрѣ своей онъ пока не приневоливаетъ ея; но вообще обращается съ нею грубо. Вѣчно попрекаетъ ее тѣмъ, что она нищая, что отецъ-де обманулъ его, ревнуетъ ее къ слугамъ, подозрѣваетъ въ самыхъ дурныхъ поступкахъ, а иногда—къ чему таиться—бранитъ ее послѣдними словами и даже бьетъ подъ пьяную руку... Да, она ясно видитъ теперь, что сдѣлала непростительную ошибку, связавъ свою жизнь съ грубымъ пьяницею; но развѣ онъ былъ такимъ, когда искалъ ея руки?..

Откровенная исповѣдь, невольно вылившаяся изъ устъ молодой женщины, согрѣтой неожиданною ласкою и вниманіемъ, вызвала бурю негодованія среди собесѣдниковъ. Какъ! Неужели этотъ шляхтичъ, ничтожный человѣкъ сомнительнаго происхожденія, осмѣливается даже бить ее, дочь Монтовта, бывшую княгиню Любецкую и Сокольскую!.. Почему же она раньше не сказала имъ объ этомъ? О, она не должна забывать, что у нея есть могущественные родственники: князья Порыцкіе, князья Воронецкіе, князья Вишневецкіе, Збаражскіе и другіе; они не могутъ допустить, чтобы она терпѣла такія обиды и униженіе! Можно вѣдь наконецъ и развести ее съ недостойнымъ мужемъ; „особливо“, вставилъ князь-пробощъ Якубъ Воронецкій, „ежели поставить на видъ духовной власти, что мужъ приневоливаетъ ее къ своей еретической вѣрѣ и въ ея присутствіи осмѣливается поносить св. католическую церковь и ея достойныхъ всякаго уваженія пастырей, Божьихъ служителей“. Пусть же знаетъ она, что отнынѣ въ Коблинскомъ замкѣ, въ домѣ ея мачехи, всегда найдется для нея родственный пріютъ и защита отъ ти-

рана-мужа, а въ благодарность за то пусть она внимательно наблюдаетъ за его поступками и обо всемъ тотчасъ извѣщаетъ мачеху: онъ такъ пороченъ, что навѣрное и теперь затѣваетъ что-нибудь недоброе противъ ея благодѣтельницы.

Обласканная, успокоенная и даже кое-чѣмъ одаренная, уѣхала Ганна изъ отцовскаго дома съ твердою рѣшимостью не покоряться болѣе постылому мужу, единственному виновнику ея злоключеній.

XI.

Казиміръ Ледницкій не ѣздилъ на похороны тестя: онъ и безъ того зналъ содержаніе его завѣщанія, потому что предусмотрительные душеприкащики поспѣшили внести этотъ документъ въ актовыя книги чуть ли не въ самый день смерти завѣщателя. Онъ сидѣлъ теперь надъ Статутомъ и совѣтовался съ лучшими законовѣдами въ Луцкѣ. Въ самый день похоронъ Ледницкій занесъ въ судѣ протестъ противъ законности оставленнаго Монтовтомъ завѣщанія и его дарственныхъ записей, приводя такія юридическія основанія: а) всѣ свои имѣнія Монтовтъ гораздо раньше записалъ первой женѣ и единственной дочери Ганнѣ, на которую и помимо того, по силѣ закона, „вся дѣдизна и отчизна правомъ прирожонымъ спасти мѣла по его животѣ“; б) всѣ знаютъ, что Монтовтъ, пока былъ „добре здоровъ и зуполный на умыслѣ и розумѣ“, не выдавалъ княжнѣ Порыцкой никакихъ записей, кромѣ вѣновной, а въ тѣ дни, какими датированы послѣднія его записи, онъ находился совсѣмъ при смерти, весь „схухлый и ни розуму, ни смыслу зуполного уже не мѣлъ“, что можетъ подтвердить возный, съ которымъ Ледницкій посѣщалъ тестя за недѣлю до его смерти; в) подлинное завѣщаніе не имѣетъ подписи завѣщателя, а въ числѣ свидѣтелей поименованы и такія лица, печатей которыхъ нѣтъ на самомъ актѣ, слѣдовательно лица эти не присутствовали при совершеніи завѣщанія. Конечно, эти основанія были бы достаточны, чтобы съ успѣхомъ оспаривать законную силу документа, еслибы противникомъ былъ какой-нибудь земянинъ средней

руки; а Ледницкому приходилось имѣть противъ себя людей съ сильными связями. Вотъ и сейчасъ передавали ему въ гродской канцеляріи, будто князь Александръ Порыцкій, братъ Монтовтовой, на дняхъ ѣдетъ къ королю просить, чтобы онъ лично утвердилъ оставленное Монтовтомъ завѣщаніе. Если это будетъ сдѣлано, тогда нечего Ледницкому надѣяться на благопріятный исходъ начатаго процесса.

Въ трудныя минуты Ледницкій, для возбужденія бодрости душевной, имѣлъ слабость прибѣгать къ „оковитой“; но на этотъ разъ и „оковитая“ мало помогала: вмѣсто ожидаемой бодрости, чувство ожесточенія и мучительнаго недовольства собою все больше овладѣвало всѣмъ существомъ его. Итакъ, ничтожная деревушка Липая—вотъ конечный результатъ трудовъ, лишеній и надеждъ всей его жизни! Даже этотъ домъ, въ которомъ онъ живетъ, и который еще вчера считался его собственностью, и тотъ не принадлежитъ ему болѣе! Нечего сказать, завидное наслѣдство послѣ богатаго тестя! Да еслибъ онъ могъ предвидѣть, что такъ случится, онъ двадцать разъ успѣлъ бы уже выгодно жениться на вдовѣ-русинкѣ, не титулованной, но съ достаткомъ, и жилъ бы теперь припѣваючи, какъ живутъ нѣкоторые земляки его, такъ именно устроившіе свою судьбу, не сталъ бы заискивать и столько выслуживаться передъ безсовѣстнымъ литвиномъ и его ясновельможною дочкою! И что особеннаго нашелъ онъ въ ней! Красоту, что ли? Такъ и та дворовая дѣвка Вивдя, которую онъ выкралъ когда-то у пани Туричовской, тоже была не послѣдняя красавица. Про умъ, образованіе и упоминать не стоитъ: заядлая папистка—и ничего больше! Къ работѣ никакой неспособна, а привычки и замашки—чисто княжескія! Нѣтъ, коли ты нищая, такъ ты и „примхи“ княжескія позабудь, а работай какъ простая мѣщанка! Отнынѣ онъ не станетъ потакать баловству бывшей княгини, и докажетъ ей, что она такая же нищая шляхтянка, какъ и онъ самъ, но безъ тѣхъ личныхъ достоинствъ и талантовъ, какими обладаетъ онъ—юристъ, агрономъ, землемѣръ и проч.

Въ этомъ ожесточенномъ настроеніи застала мужа Ганна по возвращеніи изъ Коблина. Онъ какъ-бы обрадовался, что

ему теперь есть на комъ излить душившую его злобу, и съ перваго же слова повелъ съ женою рѣчь въ ѣдкомъ и злобномъ тонѣ объ ея отцѣ, мачехѣ, о наслѣдствѣ, о своихъ обманутыхъ надеждахъ. Въ другое время Ганна, быть можетъ, и смолчала бы, видя, что мужъ находится въ состояніи близкомъ къ невмѣняемости; но теперь она припомнила недавнія рѣчи родственниковъ и нашла, что они тысячу разъ правы, что она дѣйствительно несчастная жертва тирана и пьяницы, и что она ненавидитъ своего мучителя. Съ отчаянною рѣшимостью, дрожа отъ негодованія, она въ глаза высказала ему все это. Тотъ въ первую минуту даже остолбенѣлъ отъ изумленія: никогда еще жена не говорила съ нимъ въ такомъ тонѣ! „А, такъ это тебя подстроили ясновельможные твои родичи!“ зарычалъ обезумѣвшій супругъ,—и черезъ минуту домъ огласился отчаянными воплями несчастной жертвы... Еслибы не вмѣшались въ дѣло слуги и сбѣжавшіеся на крикъ сосѣди, пьяный Ледницкій навѣрное убилъ бы или по меньшей мѣрѣ искалѣчилъ свою жену.

Подобныя дикія сцены повторялись все чаще. Ледницкій пилъ больше прежняго. Онъ строго запретилъ женѣ посѣщать мачеху, а переселившись въ Липую, учредилъ надъ нею систематическій надзоръ, такъ какъ отсюда Коблинъ былъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ. Когда же ему донесли, что слуги Барбары Монтовтовой часто стали показываться въ Липой, Ледницкій догадался, къ чему клонятся эти загадочныя посѣщенія— и отвезъ жену въ отдаленный Киселинъ [1]), который онъ арендовалъ у п. Олизара Кирдѣя-Мыльскаго. Здѣсь, въ этомъ глухомъ, лѣсномъ углу онъ оставилъ ее на жительство, а самъ возвратился снова въ Липую, гдѣ у него были большіе запасы хлѣба, приготовленные для отправки въ Полѣсье. Ледницкій занимался торговыми хлѣбными операціями. Но, спустя нѣсколько недѣль, въ январѣ 1571 года онъ получилъ извѣстіе, что слуги Барбары Монтовтовой неожиданно проникли въ Киселинъ и похитили его жену. Ледницкій немедленно занесъ объ этомъ жалобу въ судъ, выражая подозрѣніе, какъ бы пани

---

[1]) Нынѣ мѣст. владиміръ-волынскаго уѣзда.

Монтовтова и ея родственники „о смерть не приправили“ (не умертвили) его жены изъ страха, чтобы впослѣдствіи она, „коли будеть мнѣ привернена, того зо мною, яко зъ мужемъ своимъ, на нихъ не попирала“, т. е. не искала судебнаго удовлетворенія за свое похищеніе,—„бо того знаки суть, же (что) служебниковъ моихъ двохъ, зъ двора моего кгвалтовне взявши, невѣдомо, чи ихъ забити, або втопити, або где индей подѣти велѣли“.

Бѣдный супругъ еще не терялъ надежды, что его жена будетъ „привернена“ ему. Увы, только онъ ее и видѣлъ!

XII.

Вдова Монтовта и ея опекуны конечно и не думали, вопреки наивнымъ опасеніямъ Ледницкаго, его жену „о смерть приправовати“, а на другой же день привезли ее въ Луцкъ и поставили въ судъ гродскій. Здѣсь Ганна прежде всего сдѣлала заявленіе, что „за великими втисками (притѣсненіями)“ отъ п. Ледницкаго, „малжонка ея *бывшого*“, какія отъ него „вставичне (постоянно) и на кождый день и кождого часу мѣла“, она вынуждена была оставить его и „въ одной шубцѣ, ничого не беручи маетности“, искать пріюта у своей мачехи. „Онъ мя примушалъ“, жаловалась она далѣе, вѣроятно по наущенію князя-пробоща Воронецкаго, „и частокротъ бивалъ, абымъ я тую жъ вѣру еретицкую, которую онъ маетъ, держала, уводячи мене отъ костелу повшехного, на законъ и вѣру мою християнскую приналежачого. И того я добре свѣдома, што панъ Ледницкий, по смерти вже небожчика отца моего, листовъ змышленыхъ (фальшивыхъ) не мало справилъ, а меновите: якобы небожчикъ мѣлъ якіесь листы або записы матцѣ моей а малжонцѣ своей першой Оленѣ Мацковичовнѣ и дядкамъ моимъ, также и мнѣ самой, дочцѣ своей, на йменя свои отчизные дати; о чомъ я николи не вѣдала а ни мнѣ того отецъ мой повѣдилъ. И коли я пана Ледницкого одъ того есми отводила, абы онъ таковыхъ змышленыхъ листовъ не справовалъ, тогды онъ мене за то билъ,

мордовалъ, а иншихъ вчинковъ его, для встыду передъ вашею милостью (судьями), и вымовити на сей часъ не могу, але часу своего ему самому очевисто (лично) повѣдити хочу".

Вотъ она—месть легкомысленной женщины! Чтобъ только досадить мужу, Ганна рѣшается объявить подложнымъ документъ, который обезпечивалъ ея же личныя имущественныя права, и въ подлинности котораго не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ онъ два раза былъ внесенъ въ актовыя книги лично ея отцомъ. Но и на этомъ женская месть не остановилась.

Въ тотъ же день Ганна выдала мачехѣ и лично предъявила въ судѣ нѣсколько записей, въ которыхъ формально и навсегда отреклась въ ея пользу отъ правъ наслѣдства на отцовское состояніе и наложила „заруку" въ 1000 копъ грошей на себя и на „бывшого" своего мужа, и на всякаго другаго, кто только осмѣлился бы оспаривать законность владѣльческихъ правъ ея мачехи на это состояніе. Всѣ свои записи она подписала такъ: „Ганна Монтовтовна, бывшая Казимеровая Ледницкая".— „Будто нѣякая вдова Ледницкая!" сострилъ по этому поводу Ледницкій въ своемъ протестѣ по поводу этихъ записей.

А Ганнѣ, ослѣпленной чувствомъ мести, все еще казалось, будто она недостаточно насолила „бывшему малжонку". Вѣдь имѣніе ея, деревня Липая, осталось въ его рукахъ; какъ прогнать его оттуда? Развѣ поступить такъ, какъ совѣтуетъ одинъ изъ опекуновъ ея мачехи, князь Александръ Вишневецкій: записать ему имѣніе якобы въ „заставу", а онъ ужъ съумѣетъ выкурить оттуда пана Ледницкаго! Сказано—сдѣлано, и въ тотъ же день Ганна внесла въ судебныя книги запись о томъ, будто она, „маючи пильную потребу въ пенязехъ, взяла и позычила у его милости князя Александра Вишневецкого тысячу копъ грошей литовскихъ" и въ этой суммѣ „заставила" ему на три года имѣніе Липую.

Получивъ копію этого документа и взявъ съ собою урядоваго вознаго, князь Вишневецкій тотчасъ поскакалъ въ Коблинъ, чтобы надлежащимъ образомъ приготовиться ко вступленію во владѣніе заставленною ему маетностью.

XIII.

Ничего этого не зналъ и не вѣдалъ Казимиръ Ледницкій. Онъ весь день провелъ въ хлопотахъ, намѣреваясь на завтра выслать нѣсколько десятковъ подводъ съ хлѣбомъ въ Дубровицу, на Полѣсье, и легъ озабоченный мыслью, какъ-бы наступившая внезапно оттепель не испортила дороги.

Рано утромъ его разбудили встревоженные слуги: „Вставай, пане! Идетъ на насъ якоесь войско!“

Выбѣжалъ Ледницкій на дворъ и видитъ: съ противоположной стороны р. Стыра приближается вооруженный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ конныхъ и пѣшихъ. Тамъ были слуги князей Александра и Константина Вишневецкихъ, и слуги Барбары Монтовтовой, и слуги князя-пробоща Якуба Воронецкаго и его брата князя Матуша, и слуги п. Богдана Кгесинскаго, и множество вооруженныхъ кольями и дубинами крестьянъ. На челѣ отряда ѣхалъ новый владѣлецъ Липой, князь Александръ Вишневецкій. Едва Ледницкій успѣлъ распорядиться, чтобы заперли ворота, какъ изъ-за рѣки „почали зъ гаковницъ и зъ ручницъ стреляти“. Что оставалось предпринять Ледницкому, имѣвшему при себѣ лишь нѣсколько слугъ да съ полсотни подводчиковъ, вооруженныхъ оглоблями! А тутъ вдругъ доносятъ ему, что и съ противоположной стороны двора, отъ воротъ „килка-сотъ человѣка збройныхъ дорогу заступили“.

„Бый, забый такого а овакого сына!“ раздается вдругъ у самаго забора команда князя Вишневецкаго.

Выстрѣлы участились. Пули попадаютъ въ окна панскаго дома, и „шкляные оболоны“ со звономъ разсыпаются по полу. Видитъ Ледницкій, что нечего и думать о сопротивленіи; остается позаботиться, какъ-бы „горло свое“ отсюда цѣлымъ „вынести“. Въ одну минуту онъ переодѣвается въ крестьянское платье, незамѣтно, черезъ садъ, пробирается въ сосѣднюю усадьбу и вмѣстѣ съ подданными, которые, заслышавъ ружейную пальбу въ панскомъ дворѣ, стали разбѣгаться, кто куда могъ, скрывается въ ближайшемъ лѣсу.

Черезъ нѣсколько минутъ осада была кончена. Торжествующій побѣдитель вступалъ во владѣніе завоеванною деревнею и ужасно злился, что врагъ ускользнулъ изъ его рукъ. Вишневецкому конечно не нужна была голова Ледницкаго, но онъ разсчитывалъ вынудить отъ него формальную росписку въ томъ, будто послѣдній уступилъ ему имѣніе добровольно и не будетъ имѣть къ нему никакихъ претензій. Этимъ былъ бы устраненъ непріятный и хлопотливый, хотя бы и для самого князя Вишневецкаго, судебный процессъ.

Такой процессъ, дѣйствительно, начатъ былъ Ледницкимъ, и черезъ полтора мѣсяца назначенъ разборъ этого дѣла въ луцкомъ гродскомъ судѣ. Истецъ заблаговременно прибылъ въ Луцкъ и, узнавъ, что князья Вишневецкіе въ городѣ, боялся выходить изъ квартиры. Тѣ какъ-то узнали его адресъ и прислали къ нему съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ окончить дѣло миромъ, не прибѣгая къ суду. Ледницкій отвѣтилъ, что готовъ прекратить дѣло, если только ему возвращена будетъ жена и отнятое имѣніе, но идти лично къ князьямъ для переговоровъ опасается, зная, что съ ними прибыло множество „збройныхъ" слугъ, а приглашаетъ-де ихъ милость пожаловать „для чиненья угоды и еднанья" въ за́мокъ королевскій. Черезъ часъ пришелъ къ Ледницкому гродскій судья Титъ Хомякъ съ порученіемъ отъ Вишневецкихъ и сталъ убѣждать, чтобы онъ не опасался ничего худаго и шелъ бы съ нимъ и съ пріятелями своими „до госпо́ды" княжеской:

„Княжата ихъ милость тое прирекли и шлюбовали ми шляхетнымъ словомъ своимъ, ижъ ты, пане Ледницкий, съ приятелями твоими спокойне и безпечне прийти и одыйти отъ нихъ маешъ, и руку на то ми дали".

— А ты, пане судья, чи даешъ ми при возномъ и при людехъ добрыхъ руку на то, ижъ мене ничого злого не споткаетъ тамъ у княжатъ ихъ милостей?—спросилъ осторожный Ледницкій.

Хомякъ охотно согласился исполнить это требованіе и въ присутствіи приглашеннаго нарочито констатировано возного и свидѣтелей подалъ Ледницкому руку, объявляя, что своею головою ручается за его полную безопасность.

Едва Ледницкій, въ сопровожденіи Хомяка и трехъ человѣкъ пріятелей своихъ, вступилъ „до госпóды" противниковъ, къ нему вышелъ князь Константинъ Вишневецкій и категорически потребовалъ, чтобы онъ прежде всего взялъ назадъ свой „позовъ", которымъ позвалъ на судъ князя Александра, а за то, что осмѣлился позвать, чтобы добровольно сѣлъ въ замковое заключеніе на четыре недѣли, а высидѣвъ назначенный срокъ, торжественно „перепросилъ бы его милость" за нанесенное ему тѣмъ „неслушнымъ позвомъ" оскорбленіе и тогда уже просилъ бы „о еднанье", и если „ихъ милости всхочуть, то еднанье зъ нимъ учинять". Судя по тону этого требованія, Ледницкому не трудно было понять, что нечего полагаться на княжеское слово, а нужно думать о томъ, какъ-бы уйти отсюда подобру-поздорову. Ни слова не возражая противъ предъявленнаго требованія, онъ сталъ просить, чтобы ему дали извѣстный срокъ для размышленія и позволили „пойти до госпóды своеи порадитися съ пріятелями". Князья согласились. Но едва Ледницкій вышелъ со двора, они спохватились, что напрасно выпустили лисицу изъ рукъ, и тотчасъ послали вслѣдъ толпу слугъ. Тѣ настигли Ледницкаго у воротъ его квартиры и, „не мовячи доброго слова", стали бить его и тащить обратно. Ледницкому удалось какъ-то вырваться и укрыться въ зáмокъ. Слуги Вишневецкихъ бросились за нимъ, и еслибы „воротный" не успѣлъ „прудко взвести взводъ" (подъемный мостъ), они ворвались бы и въ замокъ, не взирая на законъ, грозившій карой всякому, кто во время судебныхъ „рочковъ" (сессій) осмѣлится входить въ замокъ съ оружіемъ. Мало того, когда на помощь первой толпѣ подоспѣлъ новый отрядъ княжескихъ слугъ, они начали добиваться, чтобы ихъ впустили въ замокъ, а другіе, „съ тылу форткою увошедши и дирами влѣзши", принялись повсюду искать бѣглеца, и узнавъ, что онъ скрывается въ домѣ архимандрита Жидичинскаго монастыря, отбили и „порубали двери, шукаючи по коморахъ" свою жертву.

Въ тотъ же день возный свидѣтельствовалъ Ледницкаго и нашелъ у него: на головѣ три раны „рубаные", на губѣ рану „кривавую", на рукѣ рану „колотую" и на боку рану „битую, синюю".

Въ луцкомъ судѣ начатъ былъ новый процессъ между Ледницкимъ и Вишневецкими, не доведенный однако до конца, какъ и предыдущій. Скоро Ледницкій совсѣмъ спился съ кругу, уѣхалъ въ Польшу и черезъ годъ умеръ.

XIV.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ганна Монтовтъ была увезена изъ Киселина и поселилась въ Коблинѣ, ей казалось, будто она вновь на свѣтъ народилась. Мачеха ласкала ее, какъ родную, дѣлала ей подарки, сулила всякія блага въ будущемъ; такъ же хорошо относились къ ней и родственники княжны Порыцкой. Когда Ганна по ихъ внушеніямъ отреклась въ пользу мачехи отъ наслѣдственныхъ правъ на отцовскія имѣнія, ее увѣрили, что это—не болѣе, какъ юридическая формальность, очень непріятная для Ледницкаго, но совершенно безразличная для нея, такъ какъ княжна Порыцкая, въ награду за ея родственное расположеніе, „зъ доброи воли и ласки своеи“ подѣлится съ нею наслѣдствомъ.

Ганна вѣрила этимъ обѣщаніямъ и не настаивала на ихъ исполненіи,—благо, она ни въ чемъ не терпѣла нужды. Имѣніе Липую ей возвратили, отобравъ у Ледницкаго, причемъ она не только получила обратно хранившееся тамъ свое имущество, но еще кое-что и изъ имущества мужа. Выразила она желаніе быть разведенною съ Ледницкимъ—и заботливые родственники тотчасъ начали хлопотать о томъ въ духовномъ судѣ, и хотя скоро позабыли объ этомъ дѣлѣ, но Ганна не особенно настаивала на его продолженіи, убѣдившись, что Ледницкому и безъ того не вырвать ее изъ надежнаго убѣжища. Скоро Ледницкій удалился изъ Волыни, и Ганна поспѣшила забыть о его существованіи. Привольная, безпечная жизнь въ старомъ отцовскомъ домѣ, ласки и вниманіе окружающихъ—все это переносило ее въ счастливое прошлое, въ годы ея дѣтства. Иногда Ганнѣ казалось, будто она никогда не покидала родительскаго дома, и все, пережитое ею въ послѣднее десятилѣтіе, представ-

лялось какъ-бы сновидѣніемъ, отъ котораго въ памяти остались безсвязные отрывки. Не думая о прошломъ, не заглядывая въ будущее, Ганна старалась жить настоящимъ. Ей шелъ всего двадцать пятый годъ, и она съ жадностью женщины, не извѣдавшей счастья, спѣшила пользоваться всѣмъ, чѣмъ дарила ее судьба.

А въ Коблинскомъ замкѣ жилось въ то время очень весело. Княжна Порыцкая любила жить на широкую ногу. Не проходило дня, чтобы не навѣдался гость. Многочисленная родня княжны почти безвыѣздно проживала въ Коблинѣ; когда же молодая вдова сняла трауръ, стали навѣдываться и женихи. Впрочемъ и безъ гостей въ замкѣ не знали скуки. По обычаю знатныхъ пановъ того вѣка, княжна Порыцкая держала у себя многочисленный штатъ „служебниковъ" или, какъ ихъ называли поляки, „дворянъ". Это не были слуги въ нашемъ смыслѣ. То были по большей части молодые шляхтичи, составлявшіе почетную свиту при особѣ пана и при случаѣ исполнявшіе разнообразныя порученія: одни ходили съ нимъ на войну, другіе по его довѣренностямъ ѣздили по судамъ, всѣ же сопровождали его при выѣздахъ и на охотѣ, а дома развлекали отъ скуки. По тогдашнимъ понятіямъ, это была не столько служба, сколько школа, въ которой молодые люди практически учились рыцарскому искусству, хорошему тону, свѣтскимъ манерамъ и вообще, какъ тогда говорили, „набирались полёру и добрыхъ звычаевъ". Конечно, на практикѣ все зависѣло отъ личности самого пана: у иного служебники пріучались лишь къ пьянству, игрѣ въ карты и въ кости, къ разбоямъ, къ праздности и разгулу. Старые русины, воспитанные въ отцовскихъ преданіяхъ, весьма неодобрительно относились къ заимствованному изъ Польши обычаю держать праздную толпу слугъ; особенно не долюбливали слугъ-поляковъ, на которыхъ существовала въ то время на Руси своего рода мода. Въ одной сеймовой рѣчи 1589 года указывается на этотъ обычай, какъ на общественное зло для русскихъ областей: „И то, милостивые панове, не малая шкода, што слуги ховаемъ ляхи. Давай же ему сукню фалендышовую (т. е. изъ голландскаго сукна), корми жъ его

тлусто, а службы зъ нихъ не пытай, бо только убравшися, на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле а зъ великого кубка трубитъ. Ты, пане, за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты за борщикъ, а слуга за пукатую штуку (большой кусокъ) мяса; ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держишъ, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ! Только и пильнуетъ: скоро панъ зъ дому, то онъ моучкомъ пpыласкается до жонки... А коло дѣвокъ якъ жеребецъ ржетъ. Прийми жъ къ нему двохъ литвиновъ на стражъ, бо и самъ дѣдько не упильнуетъ!"

Но если „служебники" не всегда годились для серьезнаго дѣла, то съ другой стороны тамъ, гдѣ отъ нихъ требовалась лишь потѣха и развлеченіе, они были на высотѣ своей задачи и не даромъ ѣли панскій хлѣбъ. Многіе изъ нихъ были мастера играть на кобзѣ и квинтарнѣ, всѣ были превосходные танцоры, иные славились какъ остроумные разскащики, беззаботные гуляки и мастера ухаживать за женщинами.

Въ такомъ веселомъ обществѣ Ганна скоро совсѣмъ потеряла голову въ непрерывномъ праздникѣ, въ вихрѣ всевозможныхъ удовольствій и развлеченій. Могла ли она, при своемъ природномъ легкомысліи, удержаться въ предѣлахъ благоразумія, окруженная всевозможными соблазнами! „Дворскіе звычаи" не отличались скромностью, а самая неопредѣленность семейнаго положенія Ганны—не то замужней женщины, не то разведенной дамы—какъ-бы поощряла молодыхъ повѣсъ быть съ нею смѣлѣе и развязнѣе.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось для Ганны, еслибъ ея мачеха въ скорости не вышла замужъ, что существенно измѣнило положеніе нашей героини.

XV.

Второй мужъ княжны Порыцкой, Александръ Богдановичъ Семашко, принадлежалъ къ числу тѣхъ русиновъ, о которыхъ впослѣдствіи сложилась въ Малороссіи поговорка, что у нихъ „русская кость обросла лядскимъ мясомъ". Такіе „перевертни"

стали заводиться въ южной Руси еще до появленія здѣсь іезуитовъ и задолго до открытія іезуитскихъ школъ.

Семашко происходилъ изъ небогатаго православнаго рода волынскихъ дворянъ, который велъ свое начало отъ нѣкоего Семашка (т. е. Семена) Епимаховича, волынскаго земянина. При литовскомъ князѣ Казимірѣ онъ выслужилъ имѣнія Рыканы и Добрятинъ, въ нынѣшнемъ дубенскомъ уѣздѣ. Одинъ изъ его сыновей Михайло Семашковичъ былъ уже хорунжимъ волынскимъ (въ 1524 г), а дѣти послѣдняго пошли еще дальше: младшій, Петръ, служилъ королю и дослужился до уряда старосты кременецкаго (въ 1552—1559 гг), а старшій, Богданъ, отецъ Александра, всю жизнь вѣрою и правдою служилъ королевѣ Бонѣ, сначала въ званіи ея дворянина, затѣмъ писаря и наконецъ старосты въ ея удѣльныхъ имѣніяхъ. Благодаря этому, сынъ его имѣлъ возможность получить воспитаніе при дворѣ королевы и, кажется, слушалъ курсъ наукъ въ краковской академіи. Блестящее образованіе и связи при дворѣ сами по себѣ открывали молодому Семашку широкую дорогу на служебномъ поприщѣ, а онъ къ тому еще заискивалъ передъ всѣми, всячески старался угодить королю и заявить себя ревностнымъ сторонникомъ его политики. Съ такимъ разсчетомъ Семашко перешелъ въ католицизмъ, когда природные поляки толпами покидали свою церковь и становились протестантами. Сигизмундъ-Августъ самъ былъ плохимъ католикомъ, но, задумавъ политическую унію Литвы и Руси съ Польшею, онъ долженъ былъ поощрять такихъ русиновъ, которые не только не противились его объединительнымъ намѣреніямъ, но сами добровольно готовы были претвориться въ „ляховъ". Усердіе Семашка не осталось безъ соотвѣтственнаго вознагражденія: въ самый годъ Люблинской уніи король возвелъ его въ должность владимірскаго подкоморія. Отсюда открывалась прямая дорога къ старосту, каштелянству и сенаторскому креслу; всего этого Семашко и достигъ впослѣдствіи.

Сдѣлавшись вельможнымъ паномъ, Семашко энергично занялся увеличеніемъ своего состоянія, которое до тѣхъ поръ далеко не отвѣчало его честолюбію. Случилось так, что мать его,

урожденная княжна Путятична, вторично вышла замужъ за князя Андрея Петровича Масальскаго и, овдовѣвъ, унаслѣдовала его громадное состояніе. Семашко разсудилъ, что старухѣ матери не къ лицу владѣть такимъ богатствомъ,—и преспокойно внесъ въ судебныя книги, яко бы отъ ея имени, нѣсколько дарственныхъ записей въ свою пользу на часть имѣній, завѣщанныхъ ей княземъ Масальскимъ. Старуха предъявила искъ о подлогѣ, но Семашко съумѣлъ такъ повернуть дѣло, что мать вынуждена была пойти на мировую и едва получила обратно половину отнятаго. Былъ и другой случай въ томъ же родѣ. Единственная дочь князя Масальскаго княжна Марухна, сводная сестра Семашка, выходила замужъ за Еловича-Малинскаго и должна была принести ему въ приданое многочисленныя отцовскія имѣнія. Семашко былъ противъ этого брака, такъ какъ Еловичъ отказался заручиться его согласіемъ цѣною уступки ему нѣсколькихъ имѣній невѣсты. Свадьбу сыграли безъ участія вельможнаго родственника, и молодая поселилась вмѣстѣ съ мужемъ. Что же дѣлаетъ Семашко? Воспользовавшись отсутствіемъ Еловича, онъ совершаетъ наѣздъ на его домъ, увозитъ его жену, держитъ ее въ суровомъ заключеніи и соглашается освободить подъ тѣмъ лишь условіемъ, если плѣнница и ея мужъ запишутъ ему третью часть наслѣдственныхъ ея имѣній, въ противномъ случаѣ онъ отказывается признать законнымъ ихъ бракъ и въ качествѣ близкаго родственника и какъ-бы опекуна сочтетъ себя въ правѣ по своему усмотрѣнію распорядиться рукою сводной сестры: прикажетъ насильно обвѣнчать ее съ кѣмъ-либо изъ своихъ слугъ, „который ся не третеи только части, але и всеи отчины отречетъ“. И что же! Какъ ни упорствовала плѣнная княжна, а кончила тѣмъ, что выдала требуемую запись и мужа упросила сдѣлать то же: „бо Семашко“, жаловалась она впослѣдствіи „приходячи до мене до вязеня (мѣста заключенія), тымъ мене страшилъ: я тебе за машталѣра своего выдамъ!“

Подобными путями Семашко въ короткое время составилъ весьма порядочное состояніе. Теперь онъ увеличилъ его почти вдвое женитьбой на богатой вдовѣ. Человѣкъ крутаго нрава, онъ скоро прибралъ къ рукамъ жену и ея состояніе, сократилъ

штатъ слугъ и завелъ въ ея имѣніяхъ строгій порядокъ и экономію. Ганнѣ Монтовтъ онъ на первыхъ же порахъ далъ понять, что для нея нѣтъ мѣста въ Коблинскомъ замкѣ, и что приличнѣе было бы ей находиться въ своемъ имѣніи и заниматься дѣломъ, чѣмъ жить въ праздности на чужихъ хлѣбахъ. Когда Ганна робко напомнила о томъ, что мачеха обѣщала выдѣлить ей часть отцовскихъ имѣній, взбѣшенный Семашко приказалъ было прогнать ее съ позоромъ изъ замка и, только уступая настоятельнымъ просьбамъ жены, согласился выдать Ганнѣ триста копъ грошей и кое-что изъ отцовской движимости, но при этомъ строго наказалъ ей помнить разъ навсегда, что у нея нѣтъ болѣе никакихъ правъ на отцовское наслѣдство, что сама же она добровольно отреклась отъ нихъ въ пользу мачехи.

Поселившись въ Липой, Ганна вздумала продолжать ту же веселую жизнь, какая полюбилась ей такъ въ Коблинскомъ замкѣ. Многіе изъ прежнихъ друзей ея, удаленныхъ Семашкомъ изъ Коблина, перешли къ ней на службу или же просто на жительство. Явились и родственники—двоюродные братья Ганны, Янъ и Андрей Монтовты, буйныя головы, славившіеся на всю Волынь разгуломъ и разбойничьими похожденіями. Ужъ на что князь Андрей Курбскій, ихъ отчимъ, былъ человѣкъ неустрашимаго нрава, но и тотъ иногда пасовалъ передъ ними и по цѣлымъ недѣлямъ не выѣзжалъ бывало изъ Ковельскаго замка, какъ только доходили къ нему вѣсти, что пасынки похваляются „голову ему отсѣкши, до князя великого московского у тайстрѣ (въ мѣшкѣ) въ подарунокъ отослати“. Спустивъ на половину родовыя свои маетности, Монтовты промышляли разными аферами, не исключая и поддѣлки фальшивыхъ документовъ. Прослышавъ, что кузина получила отъ мачехи крупную сумму и ведетъ веселую жизнь, они стали часто навѣщать ее, иногда въ сообществѣ какихъ-то темныхъ личностей, выдаваемыхъ ими то за выгодныхъ жениховъ, то за опытныхъ юристовъ, которые если захотятъ, могутъ-де оттягать въ ея пользу хоть половину состоянія мачехи. Скоро Ганна совсѣмъ подчинилась вліянію братьевъ и готова была покорно слѣдовать ихъ внушеніямъ.

Въ Коблинъ стали доходить слухи, что въ Липой творится что-то неладное. Въ цѣломъ повѣтѣ заговорили, что тамъ происходятъ безпрерывныя оргіи, что разные проходимцы безсовѣстно обираютъ неопытную вдову, что ей въ скорости угрожаетъ потеря послѣдняго состоянія. Ходили дурные слухи и относительно ея личнаго поведенія... Многіе сожалѣли о легкомысленной женщинѣ, лишенной добрыхъ совѣтниковъ и руководителей и совращаемой злыми братьями на путь погибели. Семашко не раздѣлялъ этихъ сожалѣній: „Нехай злый много не живетъ на свѣтѣ!" говаривалъ онъ обыкновенно по этому поводу. Вообще же онъ мало интересовался судьбою падчерицы своей жены.

Но разъ получено было извѣстіе, которое привело его въ неописанную ярость. Семашку донесли, что Ганна Монтовтъ, прибывъ въ луцкій судъ, формально уничтожила выданныя ею раньше княжнѣ Порыцкой записи объ отреченіи отъ правъ наслѣдства съ такимъ объясненіемъ, будто записи эти были вынуждены отъ нея мачехой и ея родственниками, и что она попрежнему считаетъ себя единственною законною наслѣдницею отцовскаго состоянія и намѣрена судебнымъ порядкомъ искать возстановленія нарушеннаго права.

Семашко рѣшился примѣрно наказать коварную женщину и, узнавъ, что она не возвратилась еще изъ Луцка, велѣлъ разставить по дорогѣ „шпѣговъ", которые обязаны были дать знать о ея проѣздѣ.

На другой день, когда Ганна въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ возвращалась изъ города, вдругъ изъ лѣсу выѣхала толпа вооруженныхъ всадниковъ и съ криками: „галла! галла!" бросилась за нею. Слуги мгновенно разбѣжались, а ее полумертвую отъ испуга одинъ изъ разбойниковъ взялъ къ себѣ на сѣдло, и затѣмъ отрядъ во весь опоръ помчался въ лѣсъ, въ сторону отъ дороги. Ганна едва помнила себя. Ей мерещилась уже Кафа, невольничій рынокъ, цѣпи, „чирвоная таволга" и позоръ положенія татарской рабыни-наложницы. Очнувшись, она увидѣла себя въ какой-то коморкѣ, слабо освѣщенной едва мерцавшимъ на полкѣ „каганцемъ". У Ганны горѣла голова,

ее томила сильная жажда; долго никто не являлся. Но вотъ послышались шаги, и въ коморку вошла женщина, въ которой Ганна съ изумленіемъ узнала свою пріятельницу Доротку, „служебницу“ княжны Порыцкой. Тутъ только Ганна узнала, что находится въ Коблинскомъ замкѣ, хотя Доротка не могла сообщить ей главнаго—чего хотятъ отъ нея. Вскорѣ и это объяснилось: утромъ навѣстилъ плѣнницу самъ панъ Семашко. Пылая гнѣвомъ, онъ осыпалъ ее грубою бранью, „соромотилъ ущипливыми словами“, упрекалъ въ неблагодарности и наконецъ потребовалъ, чтобы она ѣхала съ нимъ въ судъ и безпрекословно исполнила все, что онъ прикажетъ ей сдѣлать. Ганна, помня внушенія братьевъ, отказалась выполнить требуемое.

— „Такъ не выйдешъ же ты отсюль“, пригрозилъ ей Семашко, „ажъ се умыслу моему досыть станетъ: ижъ ми мусишъ листы такие на себе подавати, якихъ отъ тебе потребую!“

Два дня ничего не давали Ганнѣ, кромѣ воды и хлѣба; она все не сдавалась. На третій день снова пришелъ Семашко и объявилъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго ея упорства онъ обойдется и безъ нея: прикажетъ Доротке назваться ея именемъ—и дѣло будетъ сдѣлано; а ей вѣдомо, что въ Кременцѣ старостой состоитъ князь Збаражскій, близкій родственникъ его жены, который поэтому не станетъ разбирать, точно-ли передъ нимъ находится подлинная Ганна Монтовтъ, или кто другой подъ ея именемъ. За то съ нею онъ, Семашко, расквитается по своему!

Ганна подумала—и объявила, что согласна ѣхать въ Кременецъ.

Тамъ она прежде всего подъ диктовку Семашка „скасовала“ послѣднее свое заявленіе въ луцкомъ судѣ, объяснивъ, будто она „учинила тое зъ намовы а праве зъ примушенья злыхъ людей“—братьевъ Монтовтовъ; затѣмъ подтвердила прежнія записи объ отреченіи въ пользу мачехи, такъ какъ-де „ихъ милости (т. е. мачеха и ея мужъ) зъ ласки и доброты своеи дати рачили“ ей за то болѣе 8-ми тысячъ копъ грошей, каковую сумму она, „вдячно принявши, на потребу свою обернула“; далѣе, выдала Семашку запродажную запись на единственное имѣніе свое, деревню Липую, за сумму 4000 копъ грошей,

будто бы ей сполна уже уплаченную; наконецъ внесла въ судебныя книги протестъ противъ пущенныхъ какими-то „злыми людьми“ „прожныхъ (пустыхъ), змышленныхъ и неправдивыхъ“ слуховъ, „якобы его милость панъ Семашко и малжонка его милости мѣли“ ее, Ганну, „въ якомъ-сь вязеню держати и до записовъ якихъ-сь поневольно примушати“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она „не только отъ ихъ милостей николи жадного примушенья або зневоленья ни въ чомъ не мѣла“, а совсѣмъ напротивъ—„завжды великои ласки, добротливости, ратунку и вспоможенья по вси прошлые и теперешние часы отъ ихъ милостей уживала и теперъ уживаетъ“.

XVI.

Лишенная собственнаго угла, Ганна снова поселилась въ Коблинскомъ замкѣ, но уже не какъ гостья и близкая родственница хозяйки, а въ качествѣ приживалки, терпимой въ домѣ не столько изъ милости, сколько изъ опасенія, какъ бы она, выгнанная на улицу, не причинила хлопотъ хозяевамъ. Здѣсь и въ поминѣ не было прежняго веселья, а если Семашко по временамъ и устраивалъ для своихъ пріятелей „учты“ и „бéсѣды“, то Ганна не участвовала въ нихъ. Жила она вмѣстѣ съ слугами, въ ихъ обществѣ проводила время и наравнѣ съ ними же не смѣла сѣсть въ присутствіи „вельможнаго панства“, слѣдуя польскому этикету, заведенному новымъ владѣльцемъ замка. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе ея было даже хуже положенія слугъ: надъ нею тяготѣлъ строгій надзоръ, такъ что даже выйти за ворота замка она не могла безъ особаго на то разрѣшенія.

Такъ прошло около полугода. Ганна понемногу стала уже свыкаться съ своимъ положеніемъ, такъ какъ выхода изъ него не видѣла.

Но вотъ однажды по какому-то дѣлу пріѣхалъ къ Семашку возный въ сопровожденіи двухъ шляхтичей, какъ того требовалъ законъ. Однимъ изъ нихъ оказался Свеховскій, служебникъ

Яна Монтовта, нарочно подосланный къ Ганнѣ. Онъ сообщилъ ей, что Монтовты долгое время считали ее похищенной татарами, какъ о томъ ходила молва, и только недавно провѣдали, гдѣ она находится, что они придумали уже средство освободить ее изъ неволи и желаютъ лишь заручиться ея согласіемъ. Разумѣется, Ганна отвѣтила на это лишь слезами благодарности и просьбой, чтобы братья и впредь не забывали о ней и сдѣлали все, что найдутъ нужнымъ для ея освобожденія: пусть жалуются королю, или пусть доставятъ ей средства къ побѣгу—она согласна на все. Спустя нѣкоторое время Свеховскій ухитрился вторично проникнуть въ замокъ и повидаться съ Ганной, но за третьимъ разомъ былъ задержанъ, представленъ Семашку и подъ угрозою пытки сознался, съ какими порученіями являлся сюда. При немъ нашли „цедулу фальшивую", текстъ записи, составленной Монтовтами и присланной для подписи. Въ этой „цедулѣ" значилось, будто Ганна еще въ то время, когда была за княземъ Любецкимъ, „за радою и намовою небожчика отца своего", отреклась отъ правъ наслѣдства на м. Млыновъ и другія отцовскія имѣнія „и то все на пана Яна и пана Андрея Монтовтовъ влила и имъ то даровала и на вѣчность записала". Цѣною подтвержденія этой записи Ганна, по увѣренію братьевъ, могла съ ихъ помощью получить свободу.

Семашко пришелъ въ такое неистовство, что собственноручно избилъ Ганну и приказалъ посадить ее въ „вежу". Два дня не выходилъ онъ изъ „покоевъ" и все раздумывалъ, какъ поступить ему съ „гадиной". Оставить ее въ прежнемъ положеніи нельзя: звѣрь останется звѣремъ и все будетъ въ лѣсъ глядѣть; да и Монтовты, конечно, не оставятъ ее въ покоѣ. Развѣ совсѣмъ сжить ее со свѣта? Чтожъ! Онъ не задумался бы и надъ этимъ. Но тогда тѣ же Монтовты поднимутъ такой шумъ! Станутъ жаловаться королю, испросятъ у него назначеніе чрезвычайной коммиссіи для разслѣдованія дѣла. А король Степанъ не любитъ потакать шляхетскому своеволію и за подобное дѣло не спуститъ любому магнату, а не только пану подкоморію. Ужъ не выдать ли ее замужъ, только бы за человѣка надеж-

наго и вполнѣ ему преданнаго! Это было бы не дурно! Мужъ—лучшій стражъ своей жены, ея естественный опекунъ, безъ воли и согласія котораго, по смыслу Статута, не могутъ быть совершаемы ею никакія юридическія сдѣлки,—значитъ и „фальшивыхъ цедулъ“ нечего впредь опасаться.

На третій день Ганну вывели изъ заключенія и велѣли одѣться какъ-бы къ вѣнцу. Она не понимала, что хотятъ съ нею дѣлать.

— Пойдешъ до шлюбу!—Объясняли ей служебницы княжны Порыцкой.

Ганна полагала, что съ нею шутятъ.

Но вотъ ввели ее въ панскую свѣтлицу. Тамъ уже собралась вся дворня, и стоялъ ксендзъ въ облаченіи. У Ганны упало сердце. На встрѣчу ей вышелъ Семашко, взялъ за руку и подвелъ къ аналою. Въ эту минуту кто-то выступилъ изъ толпы и сталъ рядомъ съ нею. „Неужели женихъ?!“ мелькнуло въ сознаніи Ганны. Она подняла глаза... и свѣтлица огласилась неистовымъ крикомъ: рядомъ съ нею стоялъ „машталѣръ“ (конюшій) пана Семашка, старый, безобразный и глуповатый панъ Згличинскій! Онъ титуловался шляхтичемъ откуда-то изъ коренной Польши, пользовался большимъ расположеніемъ Семашка и съ своей стороны былъ рабски преданъ ему; но вся дворня не терпѣла его за нелѣпую спесь, дразнила его панскимъ шпіономъ и безжалостно трунила надъ его стариковскими странностями и причудами. И этотъ жалкій шутъ стоялъ теперь подъ вѣнцомъ рядомъ съ молодой женщиной, бывшей княгиней Любецкой и Сокольской!..

Невѣста кричала, что не хочетъ этого брака, падала на землю, рвалась вонъ, но ее удерживали мощныя руки. Начался обрядъ, но Ганна не хотѣла отвѣчать на вопросы священника. Самъ Семашко произносилъ за нее формулу супружеской присяги и торопилъ ксендза поскорѣе кончить обрядъ, такъ какъ невѣста видимо теряла сознаніе. Наконецъ произнесена была заключительная молитва—и Ганну безъ чувствъ вынесли изъ свѣтлицы.

Семашко устроилъ настоящій свадебный „бенкетъ“, самъ вызвался быть посаженнымъ у молодыхъ и, когда пришло время

дарить жениха и невѣсту, положилъ на подносъ сто копъ грошей и объявилъ, что даритъ имъ фольваркъ въ одномъ изъ своихъ имѣній.

Нѣсколько дней спустя Згличинскій объѣздилъ ближайшіе уряды, луцкій, кременецкій и владимірскій, и внесъ въ актовыя книги заявленія, что онъ, въ качествѣ законнаго опекуна своей жены, вполнѣ одобряетъ и подтверждаетъ всѣ записи, какія раньше были выданы ею пану Семашку и „малжонцѣ его милости".

XVII.

Съ тѣхъ поръ минуло около пяти лѣтъ.

Былъ іюнь 1580 года. Въ Луцкѣ происходили „рочки земскіе", т. е. сессія земскаго суда; по этому случаю въ городѣ былъ большой съѣздъ дворянъ.

Въ то время судъ отправлялся публично, и залы судебныхъ засѣданій всегда были наполнены публикой: одни ожидали своей очереди, а большинство являлось послушать извѣстныхъ адвокатовъ или же просто изъ желанія знать, кто, съ кѣмъ и какія имѣетъ дѣла. Это не было дѣломъ пустаго любопытства. Въ то время существеннымъ элементомъ образованія признавалось изученіе законовъ страны, знаніе Статута, и тотъ, кто былъ „не свѣдомъ права посполитого и обычаевъ правныхъ", считался невѣждой. Этого требовали и условія тогдашней общественной жизни. Каждый шляхтичъ могъ быть выбранъ на должность судьи въ земскій, гродскій, каптуровый и даже трибунальскій судъ; еще чаще ему приходилось быть приглашаему въ третейскіе или полюбовные судьи; дома, у себя онъ по праву владѣльца былъ обязанъ творить судъ надъ своими слугами и крестьянами; наконецъ, при общемъ тогда пристрастіи къ тяжбамъ и слабомъ уваженіи къ чужому праву, самый миролюбивый человѣкъ не могъ избѣжать, чтобы время отъ времени не являться въ судѣ въ роли истца или отвѣтчика. Для всего этого требовалось знаніе „права посполитого", хоть въ общихъ чертахъ, и знакомство

съ формами и порядками юридическими. Лучшей практической школой для того и служили судебныя засѣданія. Роль публики при тогдашнемъ судопроизводствѣ не была пассивной въ такой мѣрѣ, какъ въ наше время. При разборѣ сколько-нибудь важнаго или затруднительнаго дѣла, болѣе почетныя и свѣдущія въ „правѣ“ лица изъ присутствовавшихъ бывали обыкновенно приглашаемы предсѣдателемъ къ участію въ судебномъ засѣданіи, и при составленіи рѣшенія имъ предоставлялся совѣщательный голосъ; кромѣ того, каждый изъ публики, если ему было извѣстно что-нибудь по данному дѣлу, имѣлъ право потребовать слова и сообщить суду, что̀ находилъ нужнымъ, хотя бы онъ и не числился въ спискѣ свидѣтелей.

Обыкновенно судебныя засѣданія происходили въ особомъ зданіи, помѣщавшемся въ замкѣ; но теперь, по причинѣ жаркаго времени и большого стеченія публики, судьи расположились на открытомъ воздухѣ, у притвора замковой каѳедральной церкви св. Іоанна Богослова. На площадкѣ церковнаго крыльца („кганка“), подъ тѣнью колонады, уставленъ былъ столъ, на которомъ лежалъ экземпляръ Статута, а за столомъ возсѣдали: судья, подсудокъ, писарь и почетныя лица изъ постороннихъ; остальная публика толпилась вокругъ „кганка“. Передъ началомъ каждаго дѣла возный по распоряженію судьи громкимъ голосомъ вызывалъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и тѣ, въ сопровожденіи своихъ повѣренныхъ, всходили на „кганокъ“ и занимали мѣста по правую и по лѣвую сторону площадки.

Была уже обѣденная пора. Тѣнь отъ церковнаго зданія значительно укоротилась. Солнце стояло почти въ зенитѣ и немилосердно жгло присутствующихъ. Разбиралось какое-то маловажное дѣло, и публика наполовину разбрелась вокругъ церкви, ища прохлады; иные уже уходили.

Въ это время въ воротахъ замка показался владимірскій подкоморій Александръ Семашко въ сопровожденіи свиты изъ нѣсколькихъ человѣкъ; между ними была женщина, вся въ черномъ, съ длиннымъ покрываломъ на головѣ, полузакрывавшимъ ея лицо. Ни съ кѣмъ не здороваясь, Семашко взошелъ на крыльцо и сталъ о чемъ-то шептаться съ судьей. Въ ту же минуту

среди публики суетливо забѣгали адвокаты или по тогдашнему „прокураторы“, уже успѣвшіе провѣдать, что сейчасъ начнется интересное дѣло. Заслышавъ, о томъ, панскіе слуги стремглавъ поскакали въ городъ извѣстить своихъ господъ. Изъ сосѣдняго съ церковью старостинскаго дома вышла группа сановныхъ людей въ сопровожденіи блестящей толпы слугъ. Впереди медленно шелъ, опираясь на палку, небольшаго роста благообразный старикъ съ умнымъ, красивымъ лицомъ и круглою сѣдою бородою. Едва онъ приблизился къ церкви, какъ судья и подсудокъ сошли ему навстрѣчу, помогли подняться по ступенькамъ крыльца и усадили на почетномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ; съ такимъ же почетомъ приняты были и его спутники. Старикъ былъ знаменитый князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій и маршалокъ Волынской земли, а его спутники— князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій, воевода волынскій, и Александръ Жоравницкій, староста луцкій. Между тѣмъ замокъ постепенно наполнялся шляхетствомъ, и не болѣе какъ черезъ четверть часа огромная толпа сплошною стѣною облегала церковное крыльцо, забывъ объ обѣдѣ и не обращая вниманія на полуденный припекъ.

По знаку, данному Семашкомъ, изъ числа прибывшихъ съ нимъ людей взошелъ на крыльцо низенькій пожилой человѣкъ въ костюмѣ польскаго „дворянина“: это былъ знакомый уже намъ „машталѣръ“ пана Семашки, шляхтичъ Згличинскій. Поклонившись судьямъ, онъ робкимъ голосомъ, поминутно заикаясь, объяснилъ, что явился съ жалобою, но что, слабо владѣя русскимъ языкомъ, онъ не въ состояніи изложить ее на словахъ, а проситъ принять отъ него „цедулу, польскимъ письмомъ писаную“ и внести ее въ судебныя книги. Судья передалъ эту „цедулу“ писарю и велѣлъ громко прочесть ее. Среди присутствовавшихъ водворилась мертвая тишина, нарушаемая лишь громкимъ чиликаньемъ воробьевъ, доносившимся изъ-подъ церковной кровли.

Вотъ что гласила „цедула“ пана Згличинскаго:

„Милостивые панове судьи! Должно быть извѣстно уже цѣлой Волыни, а не только вашимъ милостямъ, что жена моя

Ганна Монтовтовна почти во всю жизнь свою ведетъ себя развратно и распутно, не такъ, какъ должно вести себя честной женщинѣ. Еще въ недавнее время вотъ до чего она довела меня своимъ развратомъ и распутною жизнью: Получивъ деньги, которыя долженъ былъ намъ его милость панъ подкоморій владимірскій (т. е. Семашко) и жена его милости, она отправилась съ тѣми деньгами въ Соколь на ярмарку и тамъ связалась съ какимъ-то жолнеромъ Николаемъ Ковнацкимъ, которому отдала всѣ деньги, лошадей и бывшее при ней мое имущество, а сама, забывъ страхъ Божій и стыдъ, осталась съ Ковнацкимъ. Объ этомъ я имѣлъ съ Ковнацкимъ расправу предъ королемъ его милостью. Потомъ, когда Ковнацкій выдалъ мнѣ ее, жену мою, то, по просьбѣ ихъ милостей пана подкоморія и его жены, я простилъ ей, чтобы она, какъ родовитая шляхтянка, не срамила себя еще болѣе. Но она, развратница и распутница (прошу извиненія у вашихъ милостей на этомъ словѣ!) въ нынѣшнемъ 1580 году, на Ѳоминой недѣлѣ, съ понедѣльника на вторникъ, въ мое отсутствіе бѣжала съ мальчишкою Андрейкомъ Менькомъ, слугою пана подкоморія, забравъ послѣднее мое имущество. Возвратившись домой, я пустился въ погоню и догналъ ее въ с. Сенинѣ. Прошу васъ, моихъ милостивыхъ пановъ, допросить ее о причинѣ этого побѣга и измѣны; прошу также судить по закону эту развратную и распутную женщину, которая была моей женой, пока не измѣнила мнѣ и не совершила прелюбодѣянія. Пусть понесетъ она заслуженное наказаніе!"

Лишь только писарь кончилъ чтеніе жалобы, изъ среды публики вышла женщина въ черномъ платьѣ, та самая, что прибыла вмѣстѣ съ Семашкомъ. Всѣ присутствовавшіе давно знали, что это была обвиняемая, Ганна Монтовтъ. Трудно было узнать въ ней молодую, тридцати двухъ-лѣтнюю женщину—такъ она постарѣла и осунулась! Не твердою поступью взошла она по ступенькамъ крыльца и подала судьямъ записку, писанную по-польски.

„То есть власное рукописаня мое", проговорила она сдавленнымъ голосомъ. „Што въ той цедулѣ написано есть, до того ся всего знаю (т. е. подтверждаю) и прошу вашихъ милостей, абы тая цедула была вычитана и до книгъ уписана".

Видя, что обвиняемая отъ слабости едва держится на ногахъ, судья велѣлъ подать ей скамейку. Писарь снова началъ чтеніе:

„Милостивые панове судьи! Въ чемъ мужъ мой панъ Зглечинскій обвиняетъ меня предъ вашими милостями, во всемъ томъ я признаю себя виновною. Винюсь ему во всемъ: въ томъ, что прежде убѣжала съ жолнеромъ Ковнацкимъ и растратила имущество, и въ томъ, что въ недавнее время бѣжала я съ Андрейкомъ Менькомъ. Все это я дѣлала по совѣтамъ и наущенію злыхъ людей, пана Яна и Андрея Монтовтовъ, братьевъ моихъ, которые привели меня къ тому частыми письмами и убѣжденіями. Уже прошло тому не мало времени, какъ Янъ Монтовтъ присылалъ ко мнѣ письмо слугою своимъ Свеховскимъ и увѣдомлялъ, что онъ поручилъ ему на словахъ переговорить со мной. Свеховскій, отъ имени своего пана, убѣждалъ, чтобы я уговорила своего мужа ѣхать къ Яну Монтовту, обѣщая намъ ласковый пріемъ. Онъ уговаривалъ также, чтобы я отреклась отъ записей, данныхъ мною пану подкоморію и женѣ его милости на имѣнія: Коблинъ, Млыновъ и Липую. Сказывалъ также Свеховскій, что паны Монтовты написали на свое имя крѣпости и записи съ тѣмъ, чтобы я объявила ихъ выданными раньше всѣхъ другихъ, будто бы отецъ мой съ ихъ отцомъ имѣлъ какія-то юридическія сдѣлки. Панъ Зглечинскій тотчасъ пошелъ и отдалъ пану подкоморію листы, привезенные Свеховскимъ, и не согласился на предложенія моихъ братьевъ, когда я уговаривала его, а сказалъ: „я не хочу измѣнить пану подкоморію, потому что ты получила отъ него деньги“. Послѣ того Андрей Монтовтъ безпрестанно подсылалъ ко мнѣ, уговаривая меня бросить мужа и пріѣхать къ нему съ кѣмъ-нибудь. Поэтому я и пристала къ Ковнацкому; но Ковнацкій держалъ меня за крѣпкою стражею, какъ только узналъ, что панъ Зглечинскій подалъ на него жалобу. Послѣ того, какъ панъ Зглечинскій отобралъ меня отъ Ковнацкаго, Янъ и Андрей Монтовты, сведя знакомство съ Андрейкомъ Менькомъ, съ которымъ я и прежде имѣла связь, противную Богу и долгу супружескому, уговорили меня чрезъ того жъ Андрейка Менька, чтобъ я пану подкоморію и его женѣ дала отраву. И тотъ Менько

самъ принесъ мнѣ черную ящерицу, которую мы въ мѣшечкѣ приправили и при содѣйствіи Янка, бывшаго въ то время старшимъ на кухнѣ, подали на ужинъ въ рыбѣ, въ лещѣ, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ. И того леща ѣли всѣ, сидѣвшіе въ то время за столомъ, а я своими руками подала пану Згличинскому, и онъ ѣлъ; а Андрейко кромѣ того далъ отраву пану подкоморію въ питьѣ, а Доротка подала пани подкомориной въ кувшинѣ съ медомъ. Въ тотъ же день панъ Янъ и Андрей Монтовты, за помощью того же Менька, надѣялись достать записи, данныя моей мачехѣ покойнымъ отцомъ моимъ, а также выданныя мною записи на отцовскія имѣнія и листы, полученные мною отъ отца на тѣ же имѣнія. Монтовты уговорили меня чрезъ того же Менька дать согласіе на похищеніе исчисленныхъ документовъ и убѣждали, чтобы всѣ записи, данныя мною пану подкоморію и его женѣ, я какъ можно скорѣе объявила недѣйствительными—сначала въ Пинскомъ урядѣ, а потомъ и вездѣ, а признала бы имѣющими силу лишь тѣ записи, которыя они написали въ свою пользу. За это они обѣщали дать мнѣ имѣніе въ Литвѣ. Съ тою цѣлью Менько и привезъ меня въ Сенинъ, чтобъ я ожидала тамъ отъ братьевъ своихъ, пановъ Монтовтовъ, экипажа и слугъ, которые должны были доставить меня въ Дубровицу; а самъ Менько остался для похищенія документовъ, сговорившись съ Ядвигою и Дороткою, которыя въ ту же ночь должны были выдать шкатулку въ окно черезъ сѣни. Но не знаю, какъ Богъ открылъ злой замыселъ, вѣрно за благодѣянія, которыя оказывали мнѣ ихъ милости, давъ мнѣ не мало имущества. Все это имущество я потеряла, слушая злыхъ совѣтовъ Яна и Андрея Монтовтовъ. Теперь прошу васъ, милостивыхъ пановъ, ради Господа Бога, будьте моими ходатаями передъ паномъ Згличинскимъ, чтобъ не быть мнѣ въ рукахъ палача. Пусть онъ отпуститъ меня въ монастырь, гдѣ я буду каяться въ грѣхахъ моихъ и молиться о панѣ Згличинскомъ, чтобъ наградилъ его Господь Богъ за то, что онъ не далъ меня въ руки палача. А тѣмъ злымъ людямъ, братьямъ моимъ Монтовтамъ, пусть воздастъ Господь Богъ за то, что они довели меня до такого преступленія!"

По обычному порядку тогдашняго судопроизводства, должны были слѣдовать далѣе „контроверсіи“, т. е. судебныя пренія между сторонами или ихъ повѣренными; но какія возможны были „контроверсіи“ въ данномъ дѣлѣ, когда обвиняемая не только повинилась во всемъ, но еще созналась въ цѣломъ рядѣ новыхъ преступленій: покушеніи на отраву и воровство, въ соучастіи въ подделкѣ документовъ, о чемъ вовсе не упоминалось въ обвиненіи! Оставалось примѣнить соотвѣтствующія дѣлу статьи закона; но судья медлилъ. Онъ обратился къ обвинителю съ предложеніемъ, не желаетъ ли тотъ простить жену.

— „Проше, жебы ведлугъ заслуги свей каранье взѣла!“ проговорилъ какимъ-то словно заученнымъ тономъ Згличинскій.

Всѣ обратились въ сторону обвиняемой. Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ, съ опущенными глазами, она, казалось, не замѣчала ничего, что вокругъ нея творилось. Когда судья спросилъ, не имѣетъ-ли она сказать что-нибудь въ дополненіе къ своей запискѣ, Ганна не тотчасъ отвѣтила: казалось, пересохшія губы и языхъ плохо повиновались ей.

— „Рачте ся, ваша милость“, прошептала она прерывающимся голосомъ, „примовити до пана Згличинского, абы-мъ отъ него зъ малженства была вольна; нехай бы-мъ пошла до кляштора, покутовала за грѣхи свои и за него Пана Бога просила, же (что) не далъ мене въ катовские руки за мои выступки!“

Только теперь Ганна будто очнулась и начала тихо плакать.

Все смолкло. Судьи задумались. Каждому невольно пришла на память прошлая жизнь обвиняемой, полная превратностей, обильная несчастіями. Было нѣчто трагическое въ судьбѣ этой женщины, нѣкогда княгини, а теперь преступной жены панскаго конюшаго, доведенной до этого жалкаго положенія не столько собственнымъ легкомысліемъ, сколько ненасытною алчностью и безсердечіемъ окружающихъ. На ея жизненномъ пути, вначалѣ легкомъ и удобномъ, постепенно скоплялись такія препятствія, что одолѣть ихъ было бы подъ силу развѣ женщинѣ большого ума и необычайной энергіи, а ужъ никакъ не ей— утлому челноку, безъ руля и безъ вѣтрилъ пущенному въ откры-

тое море. Винить ли ее за то, что природа отказала ей въ качествахъ, столь необходимыхъ въ ея превратной долѣ?

„Иже есть безъ грѣха въ васъ, первѣе верзи камень на ню“, послышалось вдругъ среди общаго безмолвія. Это произнесъ, размышляя вслухъ, князь Острожскій. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ сѣдую голову.

Всѣ какъ-бы очнулись. „Правду мовитъ его милость князь воевода киевский!“ отвѣтили нѣкоторые изъ публики.

Краснорѣчивое слово даровитаго защитника не было бы въ состояніи вызвать среди присутствовавшихъ такое единодушное настроеніе въ пользу обвиняемой, какъ тѣ немногія слова, которыя такъ кстати произнесъ набожный князь. Они живо напомнили каждому трогательную евангельскую сцену, которая теперь какъ бы воочію повторялась передъ зрителями. Подъ знойными лучами полуденнаго солнца, у притвора храма, собралась толпа народа, а среди нея блѣдная и трепещущая стояла блудница, съ смертнымъ страхомъ ожидавшая рѣшенія своей участи. И какъ бы для полноты сходства, въ эту минуту панъ Семашко съ недовольнымъ видомъ поднялся съ своего мѣста и молча оставилъ собраніе; за нимъ послѣдовала его свита. „Фарисеи же изыдоша единъ по единому“... невольно подумалось каждому. А наклонненая фигура престарѣлаго князя оставалась все въ томъ же положеніи, и каждый мимовольно ждалъ, что вотъ сейчасъ услышитъ онъ заключительныя слова: „Иди и ктому не согрѣшай“.

Слова эти наконецъ раздались, хотя въ другой формѣ. Судья поднялся съ своего мѣста и объявилъ декретъ:

„Мы, судъ, видячи тое, иже тая справа не нашому судови належитъ, але духовному, отсылаемо есми то до суду належного, духовного“.

Это означало, что судъ не нашелъ въ дѣлѣ преступленія, подлежащаго его карѣ, а раскрылъ лишь факты, по понятіямъ того времени вполнѣ достаточные для расторженія брака; но такъ какъ послѣднее дѣйствіе выходило за предѣлы компетенціи свѣтскаго суда, то онъ съ этою цѣлью и постановилъ передать дѣло суду духовному.

Этимъ мы и закончимъ нашъ очеркъ, такъ какъ дальнѣйшая судьба Ганны Монтовтовны намъ не извѣстна. Надо полагать, что ея бракъ былъ расторгнутъ, и что Семашку удалось упрятать ее въ кляшторъ гдѣ-нибудь въ коренной Польшѣ, подальше отъ родины. По крайней мѣрѣ съ этой поры имя Ганны не встрѣчается болѣе въ актовыхъ книгахъ волынскихъ судовъ. откуда мы заимствовали не только фактическій матеріалъ для настоящаго очерка, но мелкія подробности тогдашняго быта, стараясь по возможности не сходить съ почвы документальныхъ фактовъ на путь вымысла.

О. Левицкій.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В.

Матеріалы, на которые сдѣланы указанія и ссылки въ нашемъ изслѣдованіи, съ объясненіемъ принятыхъ нами сокращеній:

1) АЗР. = Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, II.

2) АЮР. = Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, т. I.

3) Алек. = „Александрія“—списокъ съ рукописи 1697 г. изъ Румянцевскаго музея.

4) Апок. = **Апокрисисъ албо ѿповѣдь на книжки о съборѣ берестейскомъ:** старопечатная книга не позже 1597 г. Заглавіе приведено по Описанію славянорусскихъ книгъ Каратаева. Въ подлинникѣ, которымъ мы пользовались, недостаетъ заглавнаго листа.

5) Вир. Сак. = Вирши, сочиненныя Кассіяномъ Саковичемъ по случаю погребенія гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго въ 1622 г., издан. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ Исторіи кіевской академіи 1887 г.

6) Г. К. = Іоанникія Галятовскаго **Ключъ разумѣнія**, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

7) Г. Наука = его же **Наука албо способъ зложенія казанія**, изд. кіево-печерской лавры 1659 г.

8) Г. М. = его же **Месія праведный**, изд. кіево-печерской лавры 1664 г.

9) Г. Чуд. = его же **Чуда пресвятои Богородицы**, изд. кіево-печерской лавры 1660 г.

10) **Грамматики славенскія правилнѣе Сунтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго Мніха Мелетія Смотрискаго.. .. въ Євю,** 1619 г.

11) Гол. гр. №... = Головацкаго Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго, 1867 г.

12) Гол. = Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ, 4 т. 1878 г.

13) Густ. л. = Густынская лѣтопись, изд. Археограф. коммиссіей, т. II. 1843 г.

14) Діар. А. Ф. = Діаріушъ Берестейскаго игумена Аѳанасія Филипповича 1646 г., изд. Археограф. коммиссіей: Русская историческая биліотека т. IV, 1878 г.

15) Дум. = Народныя малорусскія думы разныхъ изданій.

16) Εὐχαριστήριον albo вдячность... в друкарни монастира печ: к: рокꙋ ҂ахлв.

17) Ж. Ѳ. = Житіе Ѳеодосія: Чтенія въ императ. обществѣ исторіи и древностей 1880 г. изд. Попова.

18) Іоанна Вишенскаго посланія: Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи т. II.

19) Ипат. = Лѣтопись по ипатскому списку, изд. Археографическою коммиссіей 1871 г.

20) Казанье двое. Леонтія Карповича 1615 г., изд. въ Чтеніяхъ импер. общества исторіи и древностей, 1875 г.

21) Кіевская лѣтопись (1241—1621): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

22) К. Х. = Кіевская хроника, принадлежитъ В. П. Науменку.

23) Кирилла Транквилліона Зерцало богословіи выдрꙋковано в манастырꙋ почаевскомъ рокꙋ ҂ахні.

24) Лекс. Бер. = Лексіконъ славенорωсскїй... Памвою Берындою... згромаженый... Кутеинское изд. 1653 г.

25) Луц. ев. XIV в. = Луцкое евангеліе XIV в.: Очерки изъ исторіи русскаго языка Соболевскаго 1883 г.

26) Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли: Южнорусскія лѣтописи, изд. Бѣлозерскимъ въ 1856 г.

27) Ляментъ ѡ прыгодѣ нещасной ѡ зестя животи и моцерствѣ мечника Ѡстрозкого... ро Божыа ҂ахлз: рукопись принадлежитъ автору.

28) Льв. л. = Львовская лѣтопись, изд. А. Петрушевичемъ.

29) Меж. л. = Межигорская лѣтопись (1608—1700 г.): Сборникъ лѣтописей, изданный кіевскою коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1888 г.

30) Мечъ Б. = Мечъ Дховный еже есть глъ Бжїй Лазаря Барановича, изд. кіево-печерской лавры, 1666 г.

31) Пал. З. К. = Палинодія Захаріи Копыстенскаго 1621 года, изд. Археографическою коммиссіей: Русская историческая библіотека т. IV.

32) Петра Могилы „Собственноручныя записки“: Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, ч. I, т. VII. 1887 г.

33) Перес. = Описаніе Пересопницкой рукописи. Кіевъ. 1876 г.

34) Пис. Б. Х. = Письма Богдана Хмельницкаго къ разнымъ лицамъ по спискамъ съ подлинниковъ, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

35) Рад. Ог. = Радивиловскаго Ѡгородокъ Мрїи Бцы, изд. кіево-печерской лавры, 1676 г.

36) Сбор. 1073 г. = Изборникъ Святослава 1073 г., изд. Морозовымъ.

37) Сбор. ц. ар. м. = Сборникъ церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи № 441.

38) Син. = Сѵнопсїсъ, изд. кіево-печерской лавры 1678 г.

39) Стр. = Страсти Христовы, рук. XVII в.

40) Тр. п. = Тріодь постная, изд. кіево-печерской лавры, 1627 г.

41) Уч. Ев. = Учительное Евангеліе, рукоп. кіево-михайловскаго монастыря, 1604 г.

42) Хм. л, = Хмельницкая лѣтопись, изд. кіевс. археографической коммиссіей, 1875 г.

43) Чуб. = Пѣсни, собранныя и изданныя Чубинскимъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. V.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы не имѣли возможности воспользоваться нѣкоторыми рукописями и старопечатными книгами, на которыя дѣлаемъ ссылки въ своемъ изслѣдованіи, поэтому мы были вынуждены въ подобныхъ случаяхъ приводить текстъ памятниковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были изданы въ наше время, т. е.—въ большинствѣ случаевъ—безъ соблюденія стариннаго правописанія. Можно пожалѣть о томъ, что этотъ способъ изданія старинныхъ памятниковъ нашихъ считается, по видимому, правильнымъ съ научной точки зрѣнія.

Славянская рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка.

I.

Колебанія въ выборѣ литературнаго языка во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка.—Соображенія южнорусскихъ писателей въ пользу славянскаго языка.—Недовѣріе къ „латинской наукѣ" со стороны народа и православнаго духовенства.—Водвореніе ея въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ.—Признаніе славянскаго языка объединяющимъ началомъ умственной жизни.

Въ XIV вѣкѣ Южная Русь вошла въ составъ литовскаго государства, но только въ XV вѣкѣ сознано было въ ней объединяющее начало политической жизни, когда Витовтъ поставилъ крымское ханство въ ленную зависимость отъ себя, а внутри страны, въ замѣнъ удѣльнаго порядка, державшагося при Ольгердѣ, началъ проводить систему государственнаго единства. Послѣ паденія демократической — собственно литовской партіи въ лицѣ Сигизмунда Кейстутовича, а также удѣльно-княжеской въ лицѣ Свидригайла, выступили на сцену *земяне*, подготовлявшіе шляхетскій строй въ литовско-русскихъ земляхъ. Эта смѣна одного порядка вещей другимъ ставила Южную Русь въ выжидательное положеніе и не давала возможности заложить въ ней основы прочной культуры. Древнерусскія книжныя преданія тянулись только въ богослужебномъ обрядѣ православной церкви, да въ старинной письменной рѣчи, которая принята была въ канцеляріяхъ литовскихъ князей. Встрѣчаются въ ней особенности то малорусскаго, то бѣлорусскаго нарѣчій, но случайно и болѣе или менѣе безсознательно.

Съ сороковыхъ годовъ XVI вѣка въ Литву начали проникать идеи реформаціи, а вслѣдъ затѣмъ идеи кальвинизма и социніанства. Онѣ коснулись и Южной Руси и вызвали здѣсь вниманіе книжныхъ людей къ народному языку, которое выразилось въ цѣломъ рядѣ переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ „изъ ѧзыка блъгарского на мовоу роускоую", или „с польскаго ıазыка на речъ рускую". Явилась такимъ образомъ потребность создать письменную русскую рѣчь, какъ отдѣльное цѣлое, отличное отъ рѣчи славянской и польской. Тѣмъ не ме-

нѣе переводчики не могли отрѣшиться въ трудахъ своихъ отъ языка своихъ подлинниковъ. Сравнивая два перевода, которые мы имѣли подъ руками, мы должны отдать предпочтеніе тому изъ нихъ, который сдѣланъ „изъ ѧзыка блъгарского“. Въ такой книгѣ, какъ Евангеліе, славянская рѣчь не можетъ быть совершенно лишнею, лишь бы она выражена была понятнымъ образомъ, въ духѣ народной фонетики и фразеологіи. Таковъ именно стиль Пересопницкаго Евангелія (1556—1561 г). Что касается до другаго Евангелія—Хорошевскаго (1681 г) [1]), то въ немъ польскій текстъ почти дословно переданъ русскими буквами: устранена только польская фонетика, фразеологія же вся почти оставлена польская [2]).

Какъ бы то ни было, начало было сдѣлано: народная рѣчь была допущена въ священныя книги. Въ такъ называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ“, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, мы нерѣдко встрѣчали переложенія на народную рѣчь отрывковъ изъ книгъ новозавѣтныхъ и даже ветхозавѣтныхъ [3]). Къ XVI в. относится также переводъ всей книги „Пѣснь пѣсней [4]), къ концу XVI или къ началу XVII в.—переводъ Псалтири на малорусское нарѣчіе [5]).

Но не таковы были условія общественной жизни, чтобы эта мысль безъ колебаній и сомнѣній могла войти въ сознаніе южнорусскихъ грамотныхъ людей.

---

[1]) Переведено Валентиномъ Невгалевскимъ въ мѣстечкѣ Хорошевѣ на Волыни. Рукопись хранится въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 1636.

[2]) Подробнѣе объ этихъ переводахъ — въ Описаніи Пересопницкой рукописи (Кіевъ 1876 г.), а такъ же въ статьѣ: „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“ (Кіевская Старина 1882 г. Ноябрь).

[3]) Таково, напримѣръ, Учительное Евангеліе 1604 г.—въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря, рукопись подъ № 1643, или же Учительное Евангеліе, напечатанное при Петрѣ Могилѣ въ 1637 г. (есть въ библіотекѣ кіево-печерской лавры).

[4]) См. Описаніе рукописей московской синодальной библіотеки Горскаго и Невоструева. Отд. II кн. 3. № 331. Переводъ сдѣланъ съ латинскаго. Текстъ священной книги оканчивается цѣлымъ рядомъ статей, представляющихъ духовное руководство къ возбужденію въ человѣкѣ любви къ Богу. Вторая и третья статья имѣютъ видъ молитвенныхъ воззваній.

[5]) Рукопись хранится въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 1017. Нѣкоторымъ изъ псалмовъ, начиная съ 37, предпосланы краткія введенія, въ которыхъ излагается въ немногихъ словахъ содержаніе псалма.

Прежде всего она казалась благочестивымъ людямъ орудіемъ обоюдуострымъ. Хотѣли они говорить съ народомъ на понятномъ для него языкѣ, но боялись проговориться. Такъ, гетманъ Ходкевичъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1568—1569 гг. „Учительному Евангелію“ говоритъ, что онъ хотѣлъ-было переложить эту книгу „вырозумѣнїя ради простыхъ людей“ на „простую молву“, но посовѣтовали ему „люди мудрые, в том писмѣ оученые, иже прекладанїемъ з давныхъ пословицъ на новые, помылка чинится немалая. Якоже и нинѣ обрѣтается в книгахъ новаго переводу“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, не легко было писателю того времени найти въ народной рѣчи точныя выраженія для всякаго рода богословскихъ положеній, которыя были тогда предметомъ горячей полемики. Да и самая рѣчь эта звучала неодинаково въ разныхъ краяхъ литовскаго государства: это была то малорусская, то бѣлорусская рѣчь, а та и другая въ свою очередь распадалась на множество отдѣльныхъ говоровъ. Поэтому можно вообразить себѣ, какія затрудненія встрѣтилъ-бы писатель, если-бы онъ рѣшился говорить чистымъ народнымъ языкомъ, не занявшись предварительно изученіемъ народныхъ нарѣчій, которое въ XVI в. не мыслимо было не только у насъ, но и въ Европѣ. Понятно такимъ образомъ, почему мысль о народной рѣчи скользнула, такъ сказать, въ умѣ книжныхъ людей, не получивъ тотчасъ надлежащаго примѣненія. Они спѣшили организовать литературную рѣчь на готовой почвѣ книжныхъ преданій, спѣшили найти въ нихъ объединяющій фокусъ, что бы не растеряться въ массѣ діалектическихъ подробностей. Такимъ литературнымъ фокусомъ былъ для нихъ церковно-славянскій языкъ. Это была своего рода униформа для всѣхъ народныхъ нарѣчій, освобождавшая, какъ писателя, такъ и читателей, отъ непосредственнаго знакомства съ этими нарѣчіями,—мало того—расчитанная не на одну Русь, но и на другихъ славянъ греческаго исповѣданія. „Русинъ либо сербинъ, или болгаринъ“, говорится въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII в., „въ разумѣ языка славенскаго вѣ-

[1]) Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491—1730 гг. Каратаева. Вып. I, стр. 144.

даетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися может" [1]),—а въ книгѣ „Тріодіонъ", изданной въ кіево-печерской лаврѣ въ 1627 г., издатели просятъ другихъ славянъ, чтобы они не нарекали на нихъ за переводъ синаксарей „на россійскую бесѣду общую" [2]). Очевидно, славянскій языкъ считался неприкосновенною собственностію всего православнаго славянства, въ противоположность латинскому языку, который былъ органомъ католическаго славянства. Достоинство славянскаго языка, по мнѣнію защитниковъ его, заключалось въ томъ, что онъ по своей конструкціи ближе стоялъ къ греческому языку, чѣмъ языкъ латинскій. Мысль эта, въ послѣдствіи развитая Ломоносовымъ, въ первый разъ высказана была извѣстнымъ Захаріей Копыстенскимъ. Въ „Предмовѣ" къ толкованію Іоанна Златоустаго на 14 бесѣдъ Апостола Павла (1623 г.) онъ утверждаетъ, что, за вычетомъ греческихъ словъ, существующихъ въ языкѣ латинскомъ для выраженія „трудныхъ рѣчій", латинскій языкъ окажется „недоволный и недостаточный". „Зъ вѣку заисте, продолжаетъ ученый авторъ „Палинодіи", той славенскій языкъ есть знаменитъ, котораго Іафетъ и его поколѣніе уживало: широко и далеко ся ростяглъ, и славный былъ: для чего отъ славы славенскимъ названный есть, гды отъ Заходу Бѣлаго моря и Венецкихъ и Рымскихъ ся тыкаетъ границъ, а отъ полудня зъ Греціею въ сусѣдствѣ и братерствѣ живетъ; надъ сходъ засъ солнца надъ Черпымъ моремъ до Персіи притагаетъ, а у Ледовитого моря ся опираетъ" [3]) Еще рѣшительнѣе въ этомъ направленіи высказывались менѣе ученые современники Захаріи Копыстенскаго. „Языкъ славянскій", говоритъ одинъ изъ нихъ, „правдою Божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть", а въ латинскомъ языкѣ „только лжа, поганская хитрость и фарисейство сѣдитъ, почиваетъ и обладаетъ" [4]). Страстная полемика велась въ то время изъ-за славянскаго языка. Многіе питали мистическую вѣру въ его чудодѣйственную силу. „Въ родѣ Латинскомъ", говоритъ тотъ-же авторъ,

---

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія стр. 92.

[2]) Ibid. 399.

[3]) Исторія кіевской академіи, Голубева, вып. 1, стр. 182.

[4]) Петръ Могила, Голубева 92.

„нѣтъ ни единаго человѣка святаго, который бы добронравіе и запахъ красный и любимый отъ своего тѣла по смерти испустилъ и знакъ святости показалъ, но всѣ смердятъ, яко гнилые псы":— между тѣмъ, посредствомъ славянскаго языка многіе спасли душу свою, о чемъ свидѣтельствуютъ житія „оныхъ святыхъ мужей, чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти бѣсныхъ исцѣляли"[1]).

Нужно замѣтить, что это не былъ уже тотъ славянскій языкъ, который мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, напр. въ Остроміровомъ Евангеліи. Онъ далеко стоялъ отъ живой народной рѣчи, которая давно уже утратила многіе звуки и формы, роднившія ее нѣкогда съ стариннымъ славянскимъ языкомъ. Положительно можно сказать, что этого старинпаго языка никто надлежащимъ образомъ не зналъ ни въ Южной, ни въ Сѣверной Руси. Въ богослужебныхъ книгахъ господствовалъ уже новый славянскій языкъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ измѣнялся подъ вліяніемъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому славянскія рукописи того времени отличаются синкретизмомъ, т. е. наслоеніями всякаго рода не только діалектическими, но и хронологическими. Такимъ образомъ и новый славянскій языкъ, благодаря *нерусской* примѣси, былъ мало понятенъ народу, представляя и для книжныхъ людей образцы, не совсѣмъ удобные для подражанія. Они всѣми силами стремились усвоить литературные способы выраженія, допускаемые въ славянскихъ книгахъ,—и все таки не могли отрѣшиться отъ стихійнаго вліянія народной рѣчи, которая постоянно вторгалась въ славянскую рѣчь, какъ ясный лучъ солнца въ темное, обветшалое зданіе. Это особенно замѣтно въ раннихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ Уніи, напр., въ посланіи І. Вишенскаго, который, не смотря на свое религіозное уваженіе къ славянскому языку, не могъ справиться съ его тяжеловѣсной фразеологіей, то передѣлывая ее въ народномъ вкусѣ, то перемѣшивая ее съ народными словами и выраженіями, исполненными крѣпкаго малорусскаго юмора. Но въ то время какъ одни, желая писать пославянски, не могли овладѣть славянскою рѣчью,

[1]) Петръ Могила, Голубева. Приложенія 92—73.

другіе—наоборотъ, желая держаться народной рѣчи, не могли обойтись безъ славянскихъ словъ и выраженій. Такъ, Кириллъ Транквилліонъ въ „Зерцалѣ Богословія“ (1618 г.) извиняется предъ читателемъ, что онъ не все писалъ „попро́стꙋ“, а вынужденъ былъ „втой кни́зѣ покладати простыи ѧзыкъ и словенскій“: причина въ томъ, что многія слова славянскія не переводимы на простой языкъ,—а впрочемъ, съ огорченіемъ прибавляетъ онъ, „простако́ви все кри́ко, хоть и найпростѣйше, а мꙋдрїи и крикое спра́вити мо́же“ [1]).

Но „простаковъ“ было больше, чѣмъ „мудрыхъ“. Нужно было такъ или иначе согласить умственные интересы тѣхъ и другихъ, а для этого нужно было создать нѣчто среднее между рѣчью славянскою и народною. Сознаніе этой нужды выразилось въ особенной терминологіи для названія народа русскаго, страны русской, рѣчи русской. Еще въ первой половинѣ XV в., подъ вліяніемъ высшей церковной іерархіи греческаго происхожденія, появились въ Юго-Западной Россіи отъ греческаго слова Рῶς производныя слова: *Росея* и *Росія, роскій* и *россійскій* вмѣсто старинныхъ *Русь, руськый* [2]). Въ концѣ XVI в. эти слова съ прибавкой родоваго понятія *Славенороссkій, славенороссійскій* получили особенное распространеніе [3]). Казалось книжнымъ людямъ того времени, что въ греческой передѣлкѣ эти слова болѣе соотвѣтствуютъ вѣроисповѣдному чувству русскихъ людей, говорившихъ разными нарѣчіями, которыя желательно было соединить въ одной общей литературной рѣчи для подобающаго выраженія этого чувства. Но оно уже было выражено въ церковныхъ книгахъ,—поэтому, какъ ни мудрили „мудрые“, а все-же отрѣшиться отъ славянскаго языка они не могли.

На сторонѣ славянскаго языка были и вѣковыя привычки народа, который вовсе не смущался загадочной темнотой церковныхъ словъ и выраженій, видя въ ней естественное свойство священнаго языка, стоящаго выше ежедневнаго употребленія.

---

[1]) Изъ Библ. кіевск. духовной академіи кн. подъ № 402.

[2]) Галицкій Литерат. Сборникъ 1859 г. Вып. II, 256. Ст. А. Петрушевича.

[3]) Собраніе соч. Максимовича т. II. 307—311.

Выходила путаница въ понятіяхъ и стремленіяхъ: тѣ, которые болѣе или менѣе понимали церковно-славянскій языкъ, не чужды были стремленія къ народной рѣчи,—самъ-же народъ готовъ былъ поддерживать церковно-славянскій языкъ вовсе не потому, что онъ былъ для него понятенъ, а наоборотъ—потому, что онъ возвышался надъ уровнемъ его обыкновенныхъ понятій. Многіе такъ сжились съ этимъ порядкомъ вещей, что не считали возможнымъ желать чего нибудь лучшаго, отстаивая вмѣстѣ съ славянскимъ языкомъ и темноту народныхъ массъ. Извѣстный іезуитъ Скарга доказывалъ, что Русь сама не знаетъ славянскаго языка,—да и знать его не стоитъ, потому что онъ никогда не былъ языкомъ науки [1]). Мнѣніе это вызвало отвѣтъ со стороны неизвѣстнаго намъ ревнителя православія, который „отъ своее простоты", какъ онъ говоритъ, „и глупства славянскаго языка" [2]) пишетъ: „мы глупая Русь... глупыми быти по разсужденію свѣта сего, изволяемо, яко да спасеніе душевное получимъ" [3]). Онъ совѣтуетъ учить дѣтей „богомолебному и праведному часословцу во мѣсто діалектики, которая зъ бѣлаго черное, а зъ чернаго бѣлое претворяетъ" [4]). Онъ предостерегаетъ православныхъ отъ увлеченія латинской наукой примѣромъ тѣхъ епископовъ, которые „лакомячися на латинскую хитрость, мудрость, славу свѣтскую и тѣлесное покоище, пострадаша" [5]). И нужно сказать, что въ этихъ убѣжденіяхъ звучала нота, симпатическая для народа, который смутно понималъ, что „латинская наука" посягаетъ на свободу его совѣсти. „И гдѣ еси", обращается тотъ же авторъ къ Скаргѣ, „то въ евангеліи и апостольской наукѣ нашелъ и начиталъ, яко да учитель наказаніемъ и порадою власть свѣтскую понуждаетъ, да плѣнитъ и неволитъ волныхъ и свободныхъ" [6])? Въ самомъ дѣлѣ, это не была та

---

[1]) Это сочиненіе въ первый разъ издано было въ 1577 г. См. Петръ Могила, Голубева. Прилож. 145.

[2]) Ibid. 7—4.

[3]) Ibid. 76—77.

[4]) Ibid. 73.

[5]) Ibid. 69.

[6]) Ibid. 117.

наука, которая, развиваясь на почвѣ свободной мысли, содѣйствуетъ въ свою очередь ея развитію. Напротивъ того, она не довѣряла разуму и боялась его безстрастныхъ приговоровъ. Она сторонилась отъ всего, что могло нарушить покой вѣрующаго сердца, и заботилась только о томъ, что-бы одѣть готовое знаніе во всеоружіе логическихъ построеній. Она чуждалась самостоятельнаго творчества, предпочитая форму мысли дѣйствительному ея содержанію. Однимъ словомъ, это была извѣстная ancilla теологіи—схоластическая наука, выдвинутая іезуитами для защиты католичества. Противъ этой науки возставало инстиктивное чувство народа—не потому, что-бы онъ отчетливо представлялъ ея сущность, но потому, что онъ видѣлъ ея деморализующее вліяніе въ своей же собственной средѣ. Довольно вспомнить только многіе эпизоды изъ исторіи Уніи. Не повторяя того, что болѣе или менѣе всякому извѣстно объ этомъ, скажемъ только, что Унія, поддерживая авторитетъ іерархіи, подрывала соборное начало церковной жизни, которое вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ воззрѣніямъ народа на общественную жизнь во всѣхъ возможныхъ ея проявленіяхъ. Устами одного изъ лучшихъ своихъ представителей, Іова Борецкаго, народъ высказался за право мирянъ предлагать совѣты пастырямъ церкви: „тогда, говоритъ Іовъ, „отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ", и такимъ образомъ „послѣдуетъ согласіе и приверженность къ намъ народа" [1]). Между тѣмъ, опираясь на государственную поддержку, Унія, вопреки своему названію, вносила рознь въ народное общежитіе, отъ котораго отставали люди, любившіе плыть по теченію. Они, обыкновенно, извлекали изъ своего положенія всякія выгоды и свысока смотрѣли на младшую братію. „Вы брата своего уничижаете, обращается къ нимъ Іоаннъ Вишенскій, „хлопаете, кожемякаете, сѣдельникаете, шевцами на поруганіе называете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швецъ, але вспомяните, яко братъ вамъ родный во всемъ есть" [2]). Такимъ обра-

---

[2]) Обзоръ рус. духовной литературы, Филарета. 178.

[1]) Акты Южной и Западной Россіи. II. 239.

зомъ, „латинская наука“ являлась передъ народомъ въ видѣ несимпатической для него Уніи.

Но какова-бы ни была „латинская наука“, во всякомъ случаѣ она была организованная умственная сила, съ которою можно было бороться такою же силой. Это было понято на югѣ Руси скоро послѣ появленія іезуитовъ въ Польшѣ [1]). Первая школа съ научнымъ характеромъ основана была въ 1580 г. княземъ К. К. Острожскимъ въ Острогѣ,—затѣмъ появились такія же школы и въ другихъ городахъ югозападной Руси. Въ противовѣсъ латинскому языку выдвинутъ былъ въ этихъ школахъ греческій языкъ. Въ уставѣ львовской школы (1586 г.) ничего не сказано о латинскомъ языкѣ,—называлась она школою *греческаго* и *славянскаго письма* [2]) По всему видно, что на первыхъ порахъ науку хотѣли почерпнуть изъ болѣе чистаго вѣроисповѣднаго источника. Но, по мѣрѣ открытія подобныхъ школъ, въ нихъ появляется и латинскій языкъ. Такъ, въ уставѣ виленскаго братства (1588 г.) упоминаются уже языки латинскій и польскій, хотя оба они поставлены послѣ русскаго и греческаго [3]). Изъ грамоты патріарха Өеофана кіевскому братству видно, что оно завело школу наукъ еллинославянскаго и *латинскаго* письма [4]),—однако же въ письмѣ къ Михаилу Өеодоровичу само братство называетъ свою школу „училищемъ языка *славянорусскаго, еллиногреческаго* и прочихъ дидаскаловъ“ [5]). Оно благоразумно умолчало о латинскомъ языкѣ, не желая набрасывать на свою школу тѣнь подозрѣнія въ православной Москвѣ.

А между тѣмъ сила вещей брала свое. Само собою понятно, что въ польскомъ государствѣ нужно было учиться по-польски. Что касается до латинскаго языка, то онъ былъ въ старинной Польшѣ языкомъ церкви и школы, языкомъ гражданскихъ и политическихъ понятій, — поэтому онъ входилъ въ

---

[1]) Іезуиты водворились въ Польшѣ въ 1564 г., а въ Вильнѣ въ 1569 г.—въ годъ Люблинской Уніи.

[2]) Исторія рус. церкви, Макарія IX. 415.

[3]) Ibid. 419.

[4]) Петръ Могила, Голубева. 296.

[5]) Ibid. 290.

самое существо польскаго общежитія, составляя необходимую приправу польской рѣчи въ кругу сколько-нибудь образованныхъ людей. Можно ли было послѣ этого южно-русской школѣ ограничиться изученіемъ языковъ греческаго и славянскаго? Очевидно, разъ сознана была на югѣ Руси необходимость въ школахъ, онѣ должны были рано или поздно сдѣлаться *латинскими школами*. „Самая главная надобность въ латинскихъ школахъ, говоритъ Сильвестръ Косовъ[1]), та, что-бы бѣдной Руси нашей не называли глупою Русью. Поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ, или на сеймикъ, въ уѣздный городской судъ или земскій,—bez łaciny płaci winy! Ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла. Смотритъ только то на того, то на другаго, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ“ [2]). Это уже вовсе не то, что мы слышали раньше—отъ старшаго поколѣнія южно-русскихъ писателей, которые, съ своей точки зрѣнія, были совершенно равнодушны къ словамъ „глупая Русь“. Это голосъ окрѣпшаго національнаго самосознанія, которое не хочетъ мириться съ приниженнымъ положеніемъ въ государствѣ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинской наукой“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу.

Что бы видѣть, какъ рѣшали въ то время поставленный нами вопросъ, прежде всего обратимся къ программѣ просвѣтительной дѣятельности, которая начертана была въ тридцатыхъ годахъ XVII в. знаменитымъ Петромъ Могилою. Опираясь на симпатіи народа къ „древнему благочестію“, онъ всѣми силами старался поставить его подъ защиту науки, что-бы установить его догматическія начала, объяснить смыслъ богослужебныхъ обрядовъ, очистить ихъ отъ всякой посторонней примѣси. Нельзя сказать, что бы эта программа соотвѣтствовала всѣмъ потребностямъ жизни малорусскаго народа, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что творецъ ея не могъ найти въ условіяхъ своего времени твердой точки опоры для составленія программы

---

[1]) Elegesis abo danie sprawy o szkolach Kiowskich i Winnickich, w Lawrze. 1635 г.

[2]) Исторія кіевской академіи, Макарія. 76.

болѣе обширной. На первыхъ порахъ нужно было отстоять право народа держаться „древняго благочестія“, которое подвергалось самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны враговъ. Всякое отклоненіе отъ этого пункта могло бы только ослабить силы, способныя къ просвѣтительной дѣятельности. Мы вовсе не желаемъ сказать этимъ, что Петръ Могила руководствовался такимъ именно расчетомъ: мы только указываемъ на историческую логику событій, которая была обязательна для него, если только онъ желалъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. И нужно сказать, что на отмежованной имъ почвѣ онъ въ короткое время добился этихъ результатовъ. Подъ его вліяніемъ составленъ былъ сводъ основныхъ положеній православной догматики [1]), приведено было въ порядокъ богослуженіе православной церкви [2]). Понимая историческое значеніе святынь кіевскихъ, онъ поднялъ изъ развалинъ нѣкоторые храмы кіевскіе, другіе-же обновилъ и украсилъ. Но главнымъ дѣломъ его жизни, излюбленнымъ дѣтищемъ его души, была основанная имъ школа въ кіево-печерской лаврѣ (1631 г.), которую онъ вскорѣ соединилъ съ школой Богоявленскаго братства на Подолѣ (1632 г.). Такъ появилась знаменитая кіево-могилянская коллегія, переименованная при Петрѣ Великомъ въ академію (1701 г.). Она дала Кіеву умственный перевѣсъ надъ всѣми южнорусскими городами. Какъ во дни Владиміра Равноапостольнаго, Кіевъ снова сдѣлался центромъ просвѣщенія не только для Южной Руси, но и для Сѣверной. Правда, оно было взято не изъ перваго источника— не изъ гуманизма европейскаго, который на Западѣ стремился къ освобожденію мысли отъ подавляющаго авторитета средневѣковой теологіи, не изъ новыхъ воззрѣній Бекона на первоосновы человѣческаго знанія. Но, при оцѣнкѣ всякаго умственнаго движенія, не нужно забывать хронологіи. Беконъ умеръ въ то время, когда Петръ Могила выступилъ на общественное поприще. Ре-

---

[1]) Краткій катихизисъ подъ заглавіемъ: „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской. Перев. изд. въ Кіевѣ 1645 г.

[2]) Требникъ Петра Могилы (Евхологіонъ). Первое изд. тоже въ Кіевѣ 1646 г.

ализмъ Бекона не успѣлъ еще проникнуть тогда и въ европейскія школы. Что касается до гуманизма, то онъ въ школьной обстановкѣ потерялъ ту остроту и ѣдкость, которою проникнуты были литературныя произведенія гуманистовъ. Вліяніе его ограничилось здѣсь смѣной средневѣковой латыни на классическую, при чемъ средневѣковые trivium и quadrivium остались въ полной неприкосновенности—съ тѣмъ-же преобладаніемъ наукъ trivium'a, т. е. грамматики, діалектики и риторики, надъ науками quadrivium'a, съ тою-же односторонностію метода, расчитаннаго на развитіе формальныхъ сторонъ мысли, выраженной въ изящной формѣ классической латыни. Сообразно съ этою цѣлью, изученіе классическихъ писателей не шло дальше упражненій въ слогѣ, которыя развивали механизмъ рѣчи въ ущербъ ея содержанію. Господство классической латыни давало ей видъ *втораго отечественнаго языка*, настоящій-же отечественный языкъ находился въ полномъ пренебреженіи. Такъ было всюду въ Европѣ—не только въ католическихъ школахъ, но и въ протестантскихъ, не только въ XVI в,, но и въ первой половинѣ XVII в., пока идеи Амоса Коменскаго не утвердились въ школьной практикѣ. А это произошло уже послѣ Вестфальскаго мира, т. е. спустя почти двадцать лѣтъ послѣ основанія кіево-могилянской коллегіи. Само собою разумѣется, что Петру Могилѣ не оставалось ничего другаго, какъ принять за образецъ своей школы обычный въ то время типъ *латинской* школы. Такъ онъ и сдѣлалъ, насадивъ, какъ сказано въ панегирикѣ ему, **Геликѡнъ, то естъ, садъ умѣетности, "семь наукъ в себѣ мающій"**. Кромѣ извѣстныхъ наукъ trivium'a, въ панигирикѣ исчисляются и науки quadrivium'a—ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія. Всѣ онѣ подчиняются *Ѳеологіи*, иоторая есть „**корень и верхъ всѣхъ наукъ и умѣетностій**" [1]). Нечего и говорить о томъ, что въ этомъ „Геликонѣ" могъ процвѣтать не иной методъ воздѣлыванія наукъ, какъ только схоластическій. Насажденъ былъ „Геликонъ" для того, что-бы облечь древнее благочестіе во всеоружіе науки. Весь вопросъ такимъ образомъ сводился къ

---

[1]) Изъ Библіотеки кіевс. дух. академіи, кн. подъ № 3051.

усвоенію научной техники. Отсюда всякаго рода риторическія упражненія и диспуты,—отсюда-же и господство латинскаго языка, который въ то время былъ обязателенъ въ наукѣ.

Такимъ образомъ заслуга Петра Могилы заключается въ томъ, что онъ отстоялъ въ Южной Руси право научнаго знанія, не опасаясь того, что оно происходило изъ иновѣрныхъ источниковъ. Конечно, это было одностороннее знаніе, но все-таки оно пріучало мысль къ опредѣленному методу, который во всякомъ случаѣ могъ служить твердой точкой опоры для дальнѣйшаго движенія мысли. Важно уже было то, что схоластическая наука располагала людей уважать эту самую мысль и не бояться ея логической силы. Она была водворена въ Южной Руси не для подрыва мѣстныхъ началъ жизни, а для развитія народнаго самосознанія въ средѣ тѣхъ людей, которые, за недостаткомъ мѣстной образованности, увлекались чуженародною—польскою. На стражѣ этого самосознанія поставленъ былъ славянскій языкъ, какъ богослужебный органъ „древняго благочестія". Самъ Петръ Могила заботился о томъ, что-бы въ богослужебныхъ книгахъ строго соблюдалась орфографія „грамматичнаа діалекту словенскаго пространнаго и всякоя благости и сладости преисполненнаго" [1]). Для приведенія въ систему вѣроученія и обрядовъ православной церкви требовалось, сверхъ обширной богословской учености, грамматическое знаніе церковно-славянскаго языка. Тутъ мало было простаго навыка къ славянской рѣчи,—нуженъ былъ научный методъ ея литературной обработки, нужны были талантливые представители этого метода. Однимъ изъ этихъ представителей былъ знаменитый Епифаній Славинецкій. Онъ учился въ кіевской коллегіи въ то самое время, когда учителя его, подъ руководствомъ Петра Могилы, подвизались на церковно-литературномъ поприщѣ [2]). Какъ извѣстно, Славинецкій вызванъ былъ въ Москву (1649 г.), гдѣ поручено было ему исправленіе богослужебныхъ книгъ. Онъ исполнилъ это дѣло

---

[1]) Петръ Могила, Голубева. 376.

[2]) Это были слѣдовавшіе одинъ за другимъ ректора коллегіи: Исаія Трофимовичъ (1632—1638), Софроній Початскій (1638—1640), Игнатій Оксеновичъ (1640—1642), Іосифъ Кононовичъ (1642—1646), Иннокентій Гизель (1646—1650).

съ излишнимъ буквализмомъ, опасаясь, можетъ быть, придирчивой критики со стороны возникавшаго тогда раскола. Такъ можно думать, между прочимъ, потому что въ собственныхъ сочиненіяхъ Славинецкаго славянская рѣчь совсѣмъ иная: она не только правильна и вразумительна, но даже отличается нѣкоторымъ изяществомъ. Какъ бы то ни было, на этомъ скромномъ труженикѣ стояло тогда все дѣло патріарха Никона. Славинецкій установилъ текстъ богослужебныхъ книгъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ употребляются во всей Россіи и даже у другихъ православныхъ славянъ. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ серіознымъ филологическимъ образованіемъ. Современники по всей справедливости называли его „изяцнымъ дидаскаломъ, искуснѣйшимъ въ еллино-греческомъ и славянскомъ діалектахъ" [1]).

Славинецкій былъ піонеромъ южнорусскаго просвѣщенія въ Москвѣ,—въ самомъ-же Кіевѣ оставалось не мало „дидаскаловъ", которые не уступали ему въ знаніи церковно-славянскаго языка. Таковъ былъ Лазарь Барановичъ, первый ректоръ кіевскаго коллегіума изъ его воспитанниковъ (1650—1657). Это былъ громозвучный витія своего времени, любившій вносить въ свои проповѣди пышныя декораціи славянской рѣчи [2]). Она считалась умѣстной не только въ богословскихъ сочиненіяхъ, но даже въ историческихъ. Извѣстный „Синопсисъ", приписываемый Иннокентію Гизелю, а также Густынская лѣтопись, написаны по церковно-славянски [3]). Очевидно, въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ многіе раздѣляли убѣжденіе, что церковно-славянскій языкъ годится для всѣхъ родовъ сочиненій, что на немъ можно выражать не только всѣ тонкости богословской мысли, но и бытовыя подробности жизни. Въ виду разногласія въ мнѣніяхъ и стремленіяхъ, которое часто доходило въ то время до кровавыхъ столкновеній, представители кіевской учености болѣе или менѣе чувствовали нужду въ объединяющемъ началѣ умственной жизни,

---

[1]) Обзоръ русской духовной литературы, Филарета. 234.

[2]) О стилѣ Л. Барановича можно уже судить изъ самыхъ заглавій его проповѣдей: *Мечъ духовный* (перв. изд. 1666 г.), *Трубы словесъ* (перв. изд. 1674 г.).

[3]) Синопсисъ имѣлъ много изданій въ XVIII в.; въ первый разъ напечатанъ былъ въ Кіевѣ въ 1674 г. Послѣднее его изданіе относится къ 1823 г.

поэтому многіе изъ нихъ держались за славянскій языкъ, какъ за якорь спасенія, утвержденный на религіозномъ чувствѣ народныхъ массъ, стараясь убѣдить себя и другихъ въ томъ, что народная рѣчь немногимъ отличается отъ славянской: „аще въ нѣкихъ странахъ мало что въ словесехъ и премѣнися, говоритъ составитель Синопсиса, ѡбаче единымъ славенскимъ языкомъ глаголютъ“[1]) — не только Русь, но и другіе славяне.

Каковы-же были черты этого „единаго славенскаго языка“, возстановленнаго малорусскими писателями, получившими образованіе въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ? Откуда почерпали они увѣренность въ томъ, что они знаютъ этотъ языкъ въ подлинномъ его видѣ?

Обратимся сперва къ самимъ источникамъ ихъ знанія.

П. Житецкій.

---

[1]) Изъ Библ. кіевской дух. академіи, изданіе 1678 г. стр. 12.

НА РУБЕЖѢ.[1]

(Переводъ съ польскаго).

Сюжетъ предлагаемой въ переводѣ повѣсти польскаго писателя г. Равиты „На рубежѣ“ (Na Kresach) заимствованъ изъ исторической жизни южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи. Мы не будемъ останавливаться на внѣшней сторонѣ этой работы, на художественныхъ достоинствахъ изложенія, предоставляя оцѣнку читателямъ; вниманіе наше повѣсть обратила на себя другою, весьма важною по нашему мнѣнію стороною въ ея содержаніи и обработкѣ сюжета.

Со времени возрожденія польской литературы подъ вліяніемъ романтизма, въ польской беллетристикѣ очень часто появлялись художественныя произведенія — поэмы и повѣсти, — сюжетами для которыхъ служили историческіе мотивы, заимствованные изъ жизни южно-русскаго края. Существовала даже цѣлая польско-украинская литературная школа, числившая въ своихъ рядахъ значительные таланты: Мальчевскій, Гощинскій, Богданъ Залѣскій, Чайковскій, Падалица, Олизаровскій, Крашевскій, въ послѣднее время Ежъ, Сенькевичъ и многіе другіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пытались возсоздать въ польской беллетристикѣ разные историческіе моменты изъ жизни нашего края. Красота и богатство южно-русской природы, характеристическія, исполненныя своеобразной эстетики этнографическія осо-

---

[1]) Предлагаемая въ переводѣ повѣсть была помѣщена въ газетѣ „Przegląd Tygodniowy“ за 1886-й годъ.

бенности бытовой народной жизни, полная драматизма исторія края и наконецъ то обстоятельство, что весьма многіе писатели, причисляя себя къ польской народности, были уроженцами южной Руси и гораздо лучше знали его природу и народонаселеніе, чѣмъ топографію и этнографію самой Польши,—вѣроятно всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя повліяли на зарожденіе польско-украинской школы и продлили ея существованіе. Впрочемъ писатели этой школы, иногда весьма талантливые, почти всѣ безъ исключенія страдали однимъ общимъ недостаткомъ: въ силу установившихся въ польскомъ обществѣ извѣстныхъ политическихъ идеаловъ, въ силу желанія видѣть въ своемъ прошломъ однѣ только положительныя стороны политической и общественной жизни, упомянутые писатели представляли историческіе образы въ тенденціозномъ одностороннемъ освѣщеніи. Задача для польскихъ беллетристовъ была трудная, такъ какъ историческіе сюжеты не всегда легко поддавались подобному искуственному освѣщенію. Каждый писатель по своему смягчалъ или обходилъ встрѣтившуюся трудность: Залѣскій, по характеру своего таланта,—чисто лирическаго, избѣжалъ ея тѣмъ, что совсѣмъ не затрогивалъ ни историческихъ сюжетовъ, ни гражданскихъ международныхъ отношеній въ краѣ. Онъ ограничился изображеніемъ прекрасныхъ картинъ природы, создавалъ фантастическіе разсказы изъ миѳическаго міра русалокъ и едва набросалъ два-три неясные силуэта нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей края (Косинскій, Мазепа, Лянцкоронскій), не касаясь вовсе значенія ихъ исторической дѣятельности.

Но подобное направленіе, возможное для лирическаго поэта, становится немыслимымъ для эпическихъ писателей: этихъ послѣднихъ манили исполненные драматизма сюжеты изъ прошлой жизни края, но отталкивала историческая постановка вопроса, плохо мирившаяся съ ихъ патріотическими идеалами. Дѣйствительно мы видимъ,

какъ они пытаются выйти изъ затруднительнаго положенія путемъ искуственныхъ, ими же самими созданныхъ апріорныхъ положеній. Широкое примѣненіе подобнаго пріема можно видѣть, напримѣръ, у Чайковскаго. Этотъ талантливый писатель старается представить дѣло такъ, какъ будто въ прошедшемъ козачество являлось не чѣмъ инымъ, какъ одною изъ категорій шляхетства, отличавшеюся отъ прочихъ группъ шляхты только тѣмъ, что она обитала на Украинѣ и спеціализировала свою военную дѣятельность въ борьбѣ съ татарами. По его мнѣнію козаки, подобно шляхтичамъ, преданы Рѣчи-Посполитой и ея порядкамъ, кладутъ за нее весьма охотно свои головы и видятъ въ ней образцовое государство. Польскіе паны трактуютъ козаковъ, какъ ровню („Гетманъ Украины"); магнаты отдаютъ своихъ дочерей замужъ за козаковъ („Шведы въ Польшѣ"); запорожскіе атаманы—это сыновья крупныхъ помѣщиковъ, которые отправляются въ степи добывать рыцарской славы („Верныгора") и т. д. Если встрѣчается по временамъ необходимость указать на рѣзкій протестъ украинскаго народа противъ полонизма, то этотъ протестъ представляется результатомъ вліянія посторонних интригъ, вводившихъ въ заблужденіе менѣе просвѣщенную часть народонаселенія, а не естественнымъ послѣдствіемъ внутреннихъ ненормальныхъ отношеній въ краѣ. Разумѣется, при такой постановкѣ вопроса можно было рисовать очень красивыя, фантастическія картинки, но повѣсть переставала уже быть исторической, несмотря на приведенныя въ ней собственныя имена и хронологическія даты.

Впрочемъ нужно замѣтить, что манера Чайковскаго, возможная еще около 1840 года, становится уже немыслимою въ наше время въ виду успѣховъ, сдѣланныхъ за послѣдніе 40 лѣтъ исторической наукою; даже попытка смягчить пріемы Чайковскаго и найти для нихъ, хотя бы въ видѣ исключеній, болѣе реальную почву (Ежъ—„Исторія прапрадѣда") не увѣнчалась успѣхомъ и только раз-

слабляющимъ образомъ подѣйствовала на довольно крупный талантъ автора.

Въ виду невозможности держаться долѣе въ туманѣ, что было слѣдствіемъ не реальной, фантастической постановки вопроса, явилась новая попытка выйти изъ затрудненія. Обладая выдающимся художественнымъ талантомъ и полагаясь на его силу, Сенькевичъ рѣшился покончить дѣло просто. Онъ откровенно призналъ существованіе въ прошедшемъ рѣзкаго и продолжительнаго конфликта между шляхетскою Рѣчью-Посполитою и южно-русскимъ народомъ и такъ же откровенно пояснилъ значеніе этого конфликта съ своей точки зрѣнія. По мнѣнію автора „Огнемъ и мечемъ“ шляхетское начало было символомъ цивилизаціи, гражданственности, культуры, между тѣмъ какъ протестъ украинскаго народа былъ результатомъ его дикости и враждебнаго, органическаго отвращенія ко всякому порядку. Если по временамъ шляхта бывала побѣждена и страдала въ этомъ конфликтѣ, то лишь потому, что приносила себя въ добровольную жертву цивилизаторской миссіи.

Точка зрѣнія Сенькевича, этотъ оригинальный Drang nach Osten, поставленный на почву давно отжившихъ шляхетскихъ принциповъ XVII столѣтія, при значительномъ талантѣ автора, произвели довольно глубокое впечатлѣніе на польскую публику. Между тѣмъ какъ консервативное большинство встрѣтило новое произведеніе чрезмѣрными оваціями, прогрессивное и просвѣщенное меньшинство отнеслось къ нему неодобрительно; оно указало на историческую фальшь и вредную тенденціозность, невыгодно вліяющую на развитіе трезваго народнаго самопознанія въ средѣ самого польскаго общества. Для болѣе прогрессивной части этого общества пріемъ Сенькевича не только оказался неудовлетворительнымъ, но и возбудилъ въ немъ желаніе поставить въ литературѣ вообще, и въ частности въ беллетристикѣ, историческія отношенія двухъ народностей по мѣрѣ возможности на реальную, объективную

почву. Первую попытку въ этомъ направленіи представляетъ предлагаемая повѣсть г. Равиты. Конечно, это только эскизъ, но мы не можемъ не отмѣтить въ немъ новаго, весьма отраднаго, по нашему мнѣнію, явленія въ польской литературѣ. Г. Равита съ полнымъ безпристрастіемъ признаетъ гражданскія стремленія южно-русскаго народа и его національную физіономію, признаетъ за нимъ право протеста противъ иноземнаго насилія, симпатизируетъ этому протесту, если его проявленія основываются на общихъ гуманныхъ началахъ. Среди столкновенія двухъ народностей г. Равита избѣгаетъ господствующихъ въ литературѣ общихъ взглядовъ, онъ не порицаетъ a priori ни той, ни другой стороны и остается объективнымъ художникомъ, заинтересованнымъ въ давно минувшемъ спорѣ только съ точки зрѣнія этической.

Не имѣя въ виду сравнивать повѣсть г. Равиты съ произведеніями его предшественниковъ со стороны художественной, мы не можемъ не отмѣтить ея, какъ новый шагъ впередъ въ серьезномъ развитіи этическихъ воззрѣній, руководящихъ польскими беллетристами.

Сюжетомъ повѣсти авторъ избралъ одно изъ крупныхъ гайдамацкихъ движеній прошлаго столѣтія (1733—1734 гг). Пользуясь правомъ беллетриста, онъ сгруппировалъ въ избранномъ имъ моментѣ нѣкоторыя выдающіяся личности и болѣе характерные факты временъ гайдамачества не вполнѣ одновременные и нѣсколько видоизмѣнилъ судьбу дѣйствующихъ лицъ. Разумѣется, отъ художественнаго произведенія мы не въ правѣ требовать документальной исторической точности, лишь бы только оно въ основѣ не расходилось съ дѣйствительностью, да по мѣрѣ возможности согласовалось съ бытовою обстановкою даннаго времени,—а трудъ г. Равиты вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Мы считаемъ однако не безполезнымъ возстановить точнѣе нѣкоторые историческіе факты, перестановка которыхъ была необходима автору для художественнаго построенія фабулы.

Представленный въ повѣсти моментъ,—это попытка къ возстанію, вспыхнувшая въ юго-западномъ краѣ во время безкоролевья послѣ смерти Августа II: Шаргородскій полковникъ Верланъ и запорожецъ Грыва—личности дѣйствительно стоявшія во главѣ этого возстанія. Ни одинъ изъ нихъ впрочемъ не погибъ при подавленіи движенія: Верланъ съ своимъ полкомъ и примкнувшими къ нему подолянами переправился за Днѣстръ и нашелъ пріютъ въ Молдавіи. Грыва пытался продолжать борьбу и еще въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ держалъ въ страхѣ губернаторовъ панскихъ имѣній и пограничныя команды польскаго войска. Засѣвши на берегахъ р. Цыбульника (въ сѣверной части нынѣшней херсонской губерніи), онъ каждую зиму организовалъ отборный гайдамацкій отрядъ, съ которымъ весною врывался въ Кіевщину или Брацлавщину, наводя ужасъ на шляхтичей и евреевъ. Изъ числа предпринятыхъ имъ набѣговъ особенно памятенъ былъ набѣгъ 1736 года, когда Грыва, въ сообществѣ нѣсколькихъ другихъ гайдамацкихъ ватажковъ, взялъ приступомъ замки въ Паволочи и Погребыщахъ и овладѣлъ въ нихъ владѣческими кассами князей Любомирскихъ и Вишневецкихъ. Только въ 1737 году исчезъ этотъ ватажокъ, „сошелъ безвѣстно и въ сыску поныне не явился", какъ доносили о немъ русскія пограничныя власти.

Другой современникъ описываемыхъ событій, Савва Чалый, въ то время, когда происходитъ дѣйствіе повѣсти, не занималъ еще столь виднаго положенія и еще не расходился такъ рѣзко съ народнымъ теченіемъ. Въ 1734 году Савва Чалый является однимъ изъ второстепенныхъ предводителей возстанія; его переходъ на службу къ гетману Іосифу Потоцкому, довольно блестящая карьера при содѣйствіи этого пана, нападеніе на бывшихъ сотоварищей и месть послѣднихъ—все это относится къ болѣе позднему времени. Савва Чалый погибъ отъ руки Игната Голаго, весьма предпріимчиваго гайдамацкаго ватажка, только семь лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ событій,

въ 1741 году. Вообще авторъ не всегда справляется съ хронологіей: такъ напримѣръ, если принять его хронологію, то Гордій Грыва, одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, долженъ былъ бы пятидесяти лѣтъ слишкомъ поступить ученикомъ въ низшіе классы кіево-могилянской академіи и выйти оттуда молодымъ человѣкомъ; а отецъ его служилъ еще при Сагайдачномъ и погибъ при Жолтыхъ Водахъ и т. п.

При переводѣ мы старались по возможности сгладить мелкія историческія и этнографическія погрѣшности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можно было сдѣлать безъ ущерба для развитія созданной авторомъ фабулы.

Мы не можемъ не замѣтить однако, что при всей прогрессивности взгляда г. Равита, можетъ быть, въ виду предубѣжденій, установившихся въ томъ обществѣ, для котораго онъ пишетъ, можетъ быть, отчасти и по личному настроенію удержалъ нѣкоторую долю воззрѣній своихъ предшественниковъ. Признавая вполнѣ гражданскія права и стремленія значительной доли болѣе культурныхъ южно-руссовъ, онъ тѣмъ не менѣе не удержался отъ старыхъ общихъ мѣстъ относительно „черни", по отношенію къ которой не скупится на бранные эпитеты и упреки въ пьянствѣ, лѣни и даже отвращеніи отъ труда „въ пользу свою и другихъ" (не панщины-ли?). Впрочемъ подобнаго рода тирады встрѣчаются у него относительно рѣдко и то болѣе въ его разсужденіяхъ, нежели въ самомъ повѣствованіи. Намъ кажется, что эти тирады не болѣе какъ „пережитки", ходячія мѣста, можетъ быть просто подвернувшіяся подъ перо автора безъ предвзятаго съ его стороны намѣренія: настолько онѣ не согласуются съ стоящими рядомъ положительными картинами. Такъ напримѣръ, маленькая подробность, вѣроятно даже не замѣченная самимъ авторомъ, бросается въ глаза и невольно смущаетъ посторонняго читателя: Савва Чалый—личность, антипатичная автору изъ чисто этическихъ соображеній, и вотъ на протяженіи цѣлой книжки

онъ ни разу не названъ полнымъ именемъ; говорятъ-ли о немъ козаки, или поляки, враги или друзья, онъ вездѣ неизмѣнно называется Савка. Разумѣется, это такая мелочь, которая навѣрно прошла незамѣченною тою публикою, для которой пишетъ г. Равита, но намъ, болѣе привыкшимъ видѣть въ своей литературѣ объективное и безпристрастное отношеніе ко всевозможнымъ историческимъ дѣятелямъ, какъ симпатичнымъ, такъ и антипатичнымъ, она рѣзко бросается въ глаза. Никому изъ нашихъ писателей не придетъ въ голову называть уничижительными именами Чарнецкихъ, Вишневецкихъ, Потоцкихъ и другихъ крупныхъ и мелкихъ ненавистниковъ и угнетателей нашего народа, имя которымъ легіонъ,—черезъ какіе-нибудь полтораста—двѣсти лѣтъ послѣ ихъ смерти. Мы позволили себѣ при переводѣ нѣсколько сгладить и сократить подобныя шероховатости, какъ совершенно не отвѣчающія болѣе объективному настроенію нашихъ читателей [1]).

К. М.

Верстахъ въ двухъ трехъ къ югу отъ мѣстечка Мошенъ, на влажной равнинѣ, прилегающей къ Днѣпру и покрытой прудами и болотами, пріютилось небольшое сельцо Сокирна. Укрывшись между зелеными вербами, стояло оно тихо и спокойно; ни поляки, ни татары, ни русскіе войска никогда не заглядывали сюда; правда, что и доступа для постороннихъ почти не было. Съ восточной стороны разстилалось широкое, необозримое русло Днѣпра, на сѣверъ и сѣверо-востокъ—пруды и трясины, а на западъ сосновый лѣсъ, еще не тронутый топоромъ, тянулся внизъ по Днѣпру, по песчанымъ буграмъ и на-

---

[1]) О литературныхъ отношеніяхъ малорусско-польскихъ и въ частности о романахъ Сенькевича см. интересныя статьи А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» 1886 г., февр., мартъ. 1888 г., февр.—
Ред.

носамъ до самыхъ Черкасъ. Не смотря на близкое сосѣдство съ Мошнами, Сокирна лежала совершенно въ сторонѣ и даже не соединялась съ мѣстечкомъ проѣзжею дорогою. На пути изъ Мошенъ въ Черкасы виднѣлась, правда, въ сторонѣ среди болотъ группа зеленыхъ вербъ, нависшихъ надъ прудами и озерами, но никто не отгадалъ бы между ними поселка. Только приглядѣвшись внимательно къ болотистому лугу, можно было замѣтить мѣстами какъ бы слѣды колесъ и копытъ, конскихъ и воловьихъ, наполненные водою, но дороги не было видно нигдѣ.

За то изъ Сокирной ясно виднѣлась черкасская дорога, пролегавшая черезъ лѣсъ, или скорѣе начало ея, такъ какъ, едва показавшись подъ горой узкою полосою, она исчезала въ лѣсу и тянулась вдоль Днѣпра, то приближаясь, то удаляясь отъ берега. Съ горы видно было, какъ она вьется на пескѣ между соснами; по временамъ сверкали на солнцѣ воды Днѣпра, мелькали зеленые острова, оглашаемыя непрерывными хорами соловьевъ. Правда, это была соловьиная пора, май мѣсяцъ. На третьей верстѣ отъ Мошенъ по черкасской дорогѣ стояла небольшая, грязная корчма, выходившая изъ лѣсу на песчаную полянку, поросшую молодыми соснами и другими зарослями, которые почти совсѣмъ закрывали ее отъ глазъ. Избушка была малая и неприглядная, на половину деревянная, на половину вырытая въ землѣ, крыша также засыпана пескомъ, и вся она какъ бы вросла въ землю. Возлѣ корчмы стоялъ осѣдланный конь, привязанный у огромнаго столба, вбитаго въ землю; видно всадникъ зашелъ въ корчму.

Было уже за полдень. Въ корчмѣ за столомъ сидѣлъ довольно пожилой, но все еще красивый козакъ, попивая медъ изъ жестяной кружки. Въ концѣ стола, почтительно склонившись передъ нимъ, стоялъ еврей, хозяинъ корчмы, разговаривалъ съ козакомъ и по временамъ, искоса бросалъ на него испытующіе взоры.

— А выглянь-ка, жидъ, не отвязался-ли тамъ мой конь?

— Ну... чего бы ему отвязываться?

— Чего? не знаю, а все таки можетъ.

Еврей приблизился къ маленькому окошечку и смотрѣлъ, совершенно закрывъ его головою.

— Конь-то есть... стоитъ... а только ..—Орунъ внимательно вглядывался въ даль.

— Только что?

— Будетъ что-то недоброе.

Еврей отошелъ отъ окна, а козакъ поднялся изъ-за стола, выглянулъ въ свою очередь, протеръ глаза и посмотрѣлъ въ другой разъ.

— Тьфу, нечистая сила! точно кто на дубахъ переправляется... что-ли?

Оба вышли изъ корчмы и смотрѣли на Днѣпръ. Черезъ рѣку переправлялся какой-то вооруженный отрядъ. Три баркаса, сцѣпленные бокъ о бокъ, покрытые сверху однимъ общимъ деревяннымъ помостомъ съ оградою по краямъ на подобіе плетня, представляли нѣчто въ родѣ парома съ тою разницею, что переправа совершалась не по канату, а на веслахъ. Въ двухъ крайнихъ баркасахъ сидѣло съ каждой стороны по три гребца: паромъ медленно двигался по направленію къ корчмѣ. Видно, что имъ управляли люди бывалые, знакомые съ мѣстностью, если знали, что подъ Сокирной съ песчанымъ берегомъ была пристань. Посерединѣ парома стояло въ кучѣ нѣсколько десятковъ лошадей, которыхъ держали подъ уздцы спѣшившіеся козаки. По мѣрѣ приближенія къ пристани все отчетливѣе рисовались высокія бараньи шапки съ краснымъ *еломомъ* (высокимъ дномъ, свѣшеннымъ на бокъ), красные пояса и синіе кафтаны.

— Реестровцы, произнесъ проѣзжій гость, не спуская глазъ съ парома. Орунъ покачалъ головою.

— Нѣтъ...

— Тебѣ лучше знать... твои глаза лучше...

— Изъ надворныхъ, произнесъ еврей какъ бы про себя.

Въ эту минуту паромъ причалилъ къ берегу, поэтому оба, и проѣзжій козакъ, и хозяинъ воротились въ избу. Вскорѣ предъ корчмою послышался смѣшанный шумъ: конскій топотъ, громкіе голоса, отрывистыя восклицанія, глухое бряцанье сабель.

Орунъ чувствовалъ, что ему обязательно нужно выйти и привѣтствовать гостей. Рѣдко заѣзжали въ его корчму чужіе люди, а тѣмъ болѣе вооруженные и въ такомъ количествѣ; поэтому еврей, хотя и сильно встревоженный, рѣшился встрѣтить ихъ на дворѣ. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ порога, онъ кланялся, изъ подлобья поглядывая на отрядъ. Одинъ изъ козаковъ носилъ знаки отличія войсковой старшины; ему повиновались всѣ остальные, повидимому обыкновенные надворные козаки. Молча привязывали они лошадей, изрѣдка обмѣниваясь обыденными замѣчаніями.

— А откуда Богъ несетъ? спросилъ Орунъ самымъ сладкимъ голосомъ.

— Изъ-за Днѣпра!—сухо отвѣтилъ предводитель отряда.

Еврей погладилъ пейсы и сдѣлалъ видъ, будто совершенно удовлетворился; но уклончивый отвѣтъ видимо не понравился ему, и онъ попробовалъ еще разъ съ другаго конца.

— Далеко Богъ несетъ?

— Далеко!—былъ спокойный отвѣтъ. Еврей почесалъ въ ермолкѣ.

— Полковникъ!—отозвался одинъ изъ отряда.—Если воля ваша остаться здѣсь подольше, то можно бы засыпать лошадямъ овса.

Полковникъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на солнце, какъ бы что-то соображая.

— Хорошо... можно засыпать... Потомъ обратился къ еврею: а что, будетъ у тебя хорошій медъ?

— Почему нѣтъ! У меня есть медъ изъ Канева, изъ Черкасъ, а если угодно вашей милости, то и винницкій найдется...

— Такъ показывай, куда входить въ твою будку!

Орунъ пошелъ впередъ, а за нимъ, нагибаясь въ низенькихъ дверяхъ, вслѣдъ за полковникомъ одинъ за другимъ входили козаки.

Увидѣвъ сидѣвшаго за столомъ козака съ кружкой меда, полковникъ кивнулъ ему головою.

— Челомъ!

— Челомъ! — обмѣнялись они привѣтствіями.

Тѣсный шинокъ сразу наполнился народомъ. Иные размѣстились вокругъ стола рядомъ съ проѣзжимъ, два-три козака прохаживались по комнатѣ; остальные, замѣтивши, что и такъ тѣсно, вышли во дворъ, потребовали себѣ меду и, разостлавши на землѣ бурки, усѣлись возлѣ лошадей.

Подавши всѣмъ по кружкѣ меду, Орунъ сталъ въ сторонѣ, около бочки, и обводилъ собраніе тревожнымъ недовѣрчивымъ взглядомъ.

— А далеко до Мошенъ? обратился къ нему полковникъ.

Еврей вопросительно посмотрѣлъ на козака, сидѣвшаго рядомъ съ полковникомъ.

— До Мошенъ?... недалеко... не знаю, будетъ-ли версты три. А ваша милость ѣдетъ въ Мошны?

— Нѣтъ...

— Вотъ, выѣдете изъ лѣсу, спуститесь съ горы и первое мѣстечко справа въ долинѣ—это и будетъ Мошны,— отозвался проѣзжій козакъ.

— Вы можетъ быть сами изъ Мошенъ?

— Изъ Мошенъ!

— Домой, или изъ дому?

— Домой, изъ Черкасъ ѣду.

— Будетъ-ли тамъ гдѣ переночевать и помѣстить лошадей?—разспрашивалъ полковникъ.

— Почему нѣтъ, это не послѣднее мѣстечко.

Оба отпили меду.

— Что-же тамъ слышно за Днѣпромъ?—обратился проѣзжій къ полковнику. Тотъ омочилъ усы въ кружку и пилъ медленными глотками; потомъ вытеръ рукою губы.

— Гдѣ за Днѣпромъ?

— Въ Гетманщинѣ...

— Тамъ... что-жь бы тамъ было?... хозяйничаетъ начальство!

— Должно быть хорошо?

— А хорошо... завоевываютъ нашимъ войскомъ татарскіе города; уже и Перекопъ, и Козловъ [1]), и Бахчисарай взяли, а теперь никто не знаетъ, куда направить ихъ Минихъ.

Проѣзжій покачалъ головою.

— Странно... Былъ гетманомъ Апостолъ, все равно что баба въ юбкѣ; сидѣлъ себѣ дома, да молился, а солдаты хозяйничали; теперь Апостола не стало, и еще хуже...

— Съ чего было бы лучше?—замѣтилъ полковникъ—Миниху столько дѣла до Украины, какъ мнѣ до турецкаго султана. Говорятъ, будто ему хочется быть княземъ украинскимъ, а если онъ дѣйствительно хочетъ этого, то конечно не для того, чтобы расширить наши вольности.

Собесѣдники хлебнули меду и молчали. Проѣзжій козакъ смотрѣлъ впередъ неподвижнымъ взглядомъ, какъ бы что-то соображая или припоминая.

— Еслибы снова явился Хмельницкій,—замѣтилъ онъ.

— Не много пользы было бы отъ него Украинѣ!—возразилъ полковникъ съ неудовольствіемъ.-Онъ какъ вьюнъ кружился на всѣ стороны. Кланялся и татарамъ, и туркамъ, и Польшѣ, и Россіи; думалъ всѣхъ провести, выбирая, гдѣ лучше.

— Нѣтъ, ваша милость слишкомъ нападаете на стараго Хмеля... вѣдь онъ по всему свѣту разнесъ славу Украины...

— Разнесъ-то разнесъ, да только и всего.

Проѣзжій недовѣрчиво взглянулъ на полковника.

— Какъ такъ?

— А такъ... еслибы онъ поступалъ благоразумно, то Украина послѣ него процвѣтала бы и развивилась на свободѣ... А теперь, какая свобода досталась ей на долю?

---

1) Нынѣшняя Евпаторія

Что пользы въ минувшей славѣ, когда теперь нами и здѣсь, и тамъ пренебрегаютъ. И что это за свобода, если мы должны трудиться для другихъ, а не для себя. Хмель былъ уменъ, но нерѣшителенъ и выпивалъ лишнее; имѣлъ силу, и самъ ея не сознавалъ.

Собесѣдники допили свои ковши и потребовали по другому; пили медленно, не торопясь; спѣшить было некуда: Мошны лежали въ долинѣ.

— А здѣсь что слышно? спросилъ полковникъ послѣ минутнаго молчанія.

— Здѣсь... тоже, что и тамъ...

— Плохо...

— Ой, плохо!... Народъ вездѣ шумитъ, словно пчелы къ веснѣ... То здѣсь, то тамъ подымутся крестьяне и начнутъ по обычаю разбивать панскіе дворы и замки...

— По обычаю!... повторилъ полковникъ какъ бы про себя.

Проѣзжій козакъ не обратилъ вниманія на эти слова и продолжалъ:

— Чуется гроза въ воздухѣ... одна шляхта держитъ сторону Лещинскаго, другая—Августа Саксонскаго... а москали пришли мирить ихъ.

— Пускай себѣ мирятъ... нужно помирить, чтобы потомъ и тѣмъ и другимъ, вотъ такъ!..

Тѣмъ временемъ выпили и по другому ковшу.

— Пріятно мнѣ съ вами поговорить, да пора въ путь. Хотѣлось бы еще до вечера остановиться въ Мошнахъ,— сказалъ полковникъ. Проѣзжій поднялся въ свою очередь.

— Благодарю за пріятную компанію, а бесѣду мы можемъ продолжать. Намъ одна дорога; ваша милость ѣдете въ Мошны и я въ Мошны.

— Я только на ночлегъ.

— А я домой; у меня семья и домъ въ Мошнахъ.

— Вотъ и прекрасно... можемъ еще немного поговорить дорогою.

— Можетъ быть вамъ и усадьба моя будетъ по пути... въ такомъ случаѣ я просилъ бы къ себѣ заночевать, на

хлѣбъ и соль... Въ Мошнахъ всѣ знаютъ усадьбу Гордія Грывы.

Полковникъ посмотрѣлъ на Гордія съ видимымъ интересомъ.

— А, пане сотнику, знаютъ васъ не только въ Мошнахъ. Слава Богу, что довелось насъ встрѣтиться. Принимаю съ благодарностью ваше приглашеніе, хлѣбъ и соль.

— Какъ же прикажете величать вашу милость?

— Полковникъ надворной милиціи князя Любомірскаго въ Шаргородѣ, Верланъ.

— Такъ сдѣлайте милость, пріймите мое приглашеніе,— произнесъ Гордій съ поклономъ.

Вышли изъ корчмы козаки подтянули отпущенныя подпруги у лошадей и отрядъ былъ готовъ въ путь; всадники тронулись по-парно, выѣхали на узкую лѣсную дорогу и вскорѣ исчезли въ яру. Гордій съ Верланомъ ѣхали впереди. Пока отрядъ достигнетъ Мошенъ, читатели успѣютъ познакомиться съ двумя личностями, случайно встрѣтившимися въ сокирненской корчмѣ.

Гордій Грыва, выше названный сотникомъ, имѣлъ въ Мошнахъ богатую усадьбу, въ которой съ дѣда и прадѣда проживалъ весь его родъ. Дѣдъ его служилъ когда-то при Сагайдачномъ, участвовалъ въ хотинскомъ походѣ, потомъ въ возстаніи Хмельницкаго и погибъ при Желтыхъ Водахъ. Отецъ въ молодости служилъ въ сердюкахъ Дорошенка, потомъ при Самусѣ былъ сотникомъ въ Богуславскомъ полку и погибъ въ сѣчѣ съ татарами на Кодымѣ. Это былъ человѣкъ бывалый, развитой, понатершійся между людьми и, хоть самъ не грамотный, выступая въ походъ завѣщалъ женѣ отдать Гордія въ школу, когда подрастетъ. Время было бурное, тревожное, онъ не надѣялся воротиться изъ похода; такъ и случилось. Послѣ него осталось хорошо устроенное хозяйство, пасѣки и стада по степнымъ урочищамъ, а въ Мошнахъ большая усадьба. Согласно послѣдней волѣ покойника, мать отдала подростающаго Гордія въ науку въ кіево-

могилянскую академію, которая была въ то время разсадникомъ просвѣщенія на Украинѣ. Тамъ прошелъ онъ грамматику, риторику, и философію; въ званіи философа возвратился домой, пахалъ и сѣялъ отцовскія поля, объѣзжалъ лошадей, пока не наскучило. Мать не дала ему долго забавляться или скучать, женила, а вслѣдъ за женитьбою пошли домашнія заботы, явилась дочь Маруся, затѣмъ наступила шведская война.

Какъ человѣкъ весьма образованный для своего времени, воспитанный еще въ традиціяхъ стараго козачества, Гордій недолго колебался. Школа шире раскрыла ему глаза на существующія въ краѣ отношенія, заронила въ душу какое-то зерно, котораго не подозрѣвали ни самъ онъ, ни школа: то была сознательная любовь къ родному краю. Правда, случилось это невольно и неожиданно. Школа ни мало не заботилась о томъ, чтобы поселить любовь къ родинѣ въ молодой душѣ; ей нужно было только, чтобы ученикъ хорошо усвоилъ грамматическія формулы и схоластическую философію, да, чтобы увѣнчать дѣло, зналъ немного Цицерона и Тита Ливія. Изучалъ онъ машинально, на память этихъ авторовъ, какъ учили ихъ повсюду въ то время, т. е. настолько, чтобы при случаѣ блеснуть удачною цитатою; но не разъ тѣ или другія мысли писателей глубже западали ему въ душу, порождая вопросы: зачѣмъ Цицеронъ защищалъ свободу гражданъ, зачѣмъ и для кого разсказывалъ Ливій исторію Рима. Такъ, мало-по-малу росли и сознавались шире и яснѣе понятія о любви къ родинѣ, свободѣ и гражданскихъ обязанностяхъ. Что козаки сражались съ поляками, татарами, турками, нерѣдко сражались со славою — оно хорошо, но привело-ли это къ желаннымъ результатамъ? Кому была польза отъ такой борьбы? Выигралъ ли отъ нея весь народъ, или только враги да одно господствующее сословіе? Такіе вопросы одинъ за другимъ ставила живая дѣйствительность, и въ молодомъ умѣ мало-по-малу сознавалась потребность болѣе разумной

борьбы во имя опредѣленныхъ общихъ цѣлей, а не для удовлетворенія чисто стихійныхъ, хотя бы и несомнѣнно честныхъ стремленій. Такія мысли склонили его на сторону Мазепы. Онъ не любилъ гетмана за его гордость и шляхетскія стремленія, но лишь только тотъ принялъ сторону Карла XII, цѣль его становилась яснѣе. Что создастъ онъ въ случаѣ удачи, этого никто не зналъ, многіе надѣялись, на что-то лучшее, а Гордій, не спрашивая у другихъ совѣта, оставилъ жену и ребенка и примкнулъ къ Мазепѣ. Когда все кончилось, онъ возвратился домой къ семьѣ и прежнимъ занятіямъ; отъ похода осталось ему только званіе сотника, да слава между козаками, какъ человѣка смѣлаго и искуснаго въ письмѣ, а въ глубинѣ души продолжали жить прежнія мечты и надежды. Онъ несомнѣнно могъ бы достигнуть высшихъ должностей, еслибы захотѣлъ этого, но онъ упорно отказывался служить, только внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило вокругъ: въ Батуринѣ, въ Полтавѣ и на Украинѣ. Если ему говорили:

— Почему не съѣздишь къ гетману? онъ далъ бы тебѣ полкъ. Вѣдь лучше служить, чѣмъ сидѣть за печкой.... Гордій спокойно отвѣчалъ на это:

— Кому я буду служить? За кусокъ земли и шубу, какъ служитъ старшина въ Гетманщинѣ,—не стоитъ; земли у меня довольно, хлѣба, скота и всего прочаго больше, чѣмъ нужно; въ шубахъ я не нуждаюсь, мнѣ и въ кожухѣ тепло. Когда-то и я служилъ и, если дастъ Богъ опять такое время, не полѣнюсь, не пожалѣю крови для Украины...

Такъ спокойно проходили годы; отцовская усадьба застроилась, разрослись вокругъ нея высокіе вербы и осокоры, самъ Гордій начиналъ старѣться, жена его умерла, дочь выросла и сдѣлалась красивою дивчиною, а желанное время, о которомъ мечталъ сотникъ, не приходило.

Верланъ былъ однихъ лѣтъ съ Гордіемъ, ему тоже было подъ пятьдесятъ. Его загорѣлое лицо, испещренное

сабельными ударами, украшенное длинными, сѣдыми усами, имѣло видъ суровый и оригинальный. Круглые, сѣрые ястребиные глаза глядѣли быстро и хитро; иногда взглядъ ихъ мелькнетъ какъ молнія и тотчасъ скроется въ глубинѣ души. Ходили слухи, что человѣкъ этотъ родился гдѣ-то въ степныхъ камышахъ, какъ волкъ, и потому всю жизнь гонялся по степи за татарами. Еще въ самой ранней юности поступилъ онъ въ шаргородскую козацкую милицію и въ безпрерывныхъ стычкахъ съ татарами и разнымъ сбродомъ мало-по-малу дослужился до чина полковника. Зналъ онъ въ совершенствѣ и Черный, и Кучманскій шляхи, зналъ всѣ татарскіе броды и убѣжища и цѣлое Поднѣстровье отъ Орынинскихъ до Буджацкихъ степей. Рубилъ онъ направо и налѣво въ непрерывныхъ схваткахъ, рубили и его.

Насколько Гордія удовлетворяла отцовская усадьба въ Мошнахъ, настолько свѣтъ казался тѣснымъ Верлану. Его страстная, порывистая натура влекла его постоянно въ борьбу; подъ звѣзднымъ покровомъ неба на ночлегахъ въ степи, при воѣ степнаго вѣтра, подъ шелестъ камышей засыпалъ онъ однимъ глазомъ, какъ журавль, просыпаясь при малѣйшемъ звукѣ, не похожемъ на тѣ, что убаюкивали его. Энергичная, дѣятельная натура не давала ему ни минуты покоя.

Теперь онъ возвращался изъ Полтавы. Зачѣмъ онъ ѣздилъ туда, этого никто не зналъ, а должно быть ѣздилъ не напрасно. Говорили, что онъ видѣлся то съ тѣмъ, то съ другимъ, о чемъ-то совѣщался, толковалъ и какъ пріѣхалъ, неизвѣстно зачѣмъ, такъ и уѣхалъ, неизвѣстно куда.

— Вотъ и Мошны! сказалъ Гордій, когда отрядъ спустился съ песчаной горы въ широкую, необозримую долину.

— Не знаю, будетъ ли верста!

— „Блызько бачиты, та далеко дыбаты"... замѣтилъ Гордій.

Среди болотъ, прудовъ и ручьевъ, впадающихъ въ Днѣпръ и сверкающихъ при заходящемъ солнцѣ, выдѣлялась группа зеленыхъ вербъ и осокоровъ, а между ними высились, уходя въ небо, прямые какъ свѣчи итальянскіе пирамидальные тополи. Между деревьевъ виднѣлся зеленый куполъ церкви съ мерцающимъ на солнцѣ позолоченнымъ крестомъ. Вотъ бѣлѣла лысая вершина песчанаго пригорка, поросшаго молочаемъ и чебрецомъ, а еще дальше выглядывали изъ-за деревьевъ бѣлыя хаты, расписанныя цвѣтною глиною. Всадники приблизились къ мѣстечку, и теперь оно было видно какъ на ладони. Посерединѣ кучка темныхъ, сѣрыхъ домиковъ, крытыхъ соломою, грязныхъ, съ ободранными стѣнами, прижавшихся другъ къ другу, словно испуганныя овцы, доказывала, что это и есть самый центръ торговли и движенія, еврейская часть мѣстечка. Едва только показался вдали отрядъ вооруженныхъ людей, какъ между евреями поднялся невообразимый шумъ и тревога, точно въ судный день. Въ большомъ четыре-угольномъ зданіи, возвышавшемся посрединѣ рынка,—такъ называемой ратушѣ,—въ которомъ помѣщались еврейскія лавки, начали закладывать болтами и запирать всѣ двери. Мелочныя торговки, закинувъ на плечи свои лотки или корзины съ товаромъ, съ крикомъ и воплями бросились въ разсыпную. Въ домахъ запирали двери и оконицы желѣзными засовами. Женщины и дѣти съ громкимъ плачемъ кричали:

— Гайдамаки! Гайдамаки!...

И этотъ крикъ, казалось, еще больше утиливалъ всеобщую панику.

Нѣсколько русскихъ торговокъ побѣднѣе и болѣе смѣлыхъ, у которыхъ только и было для продажи немного пряниковъ или баранковъ, спокойно остались на мѣстѣ. Страхъ и смятеніе овладѣли цѣлымъ мѣстечкомъ, такъ что испуганный священникъ приказалъ ударить въ набатъ. Жалобный звонъ колокола, повторяемый эхомъ долины, еще болѣе усиливалъ впечатлѣніе страшной вѣсти: „гай-

дамаки идутъ", которая съ быстротою молніи облетѣла мѣстечко. При такомъ то всеобщемъ настроеніи мѣстныхъ жителей отрядъ Верлана совершилъ свой въѣздъ въ Мошны. Улицы тихія и пустынныя, какъ въ глухую ночь; замкнутыя наглухо двери и окна домовъ, отсутствіе люда и движенія—все это производило впачатлѣніе, словно мѣстечко недавно посѣтила чума. Кое-гдѣ можно было замѣтить фигуру еврея, который очевидно не успѣлъ спастись во-время и теперь бѣжалъ во весь духъ, со страхомъ озираясь назадъ и придерживая руками фалды халата. Тамъ и сямъ слышался плачъ забытаго на улицѣ ребенка, который никакъ не могъ попасть домой. За то въ болѣе отдаленныхъ козацкихъ и крестьянскихъ хатамъ нерѣдко показывалась въ окно любопытная физіономія, провожая глазами всадниковъ. Не могли только объяснить себѣ присутствія Гордія въ отрядѣ гайдамаковъ, а что это были гайдамаки, въ томъ никто не сомнѣвался [1]). Между тѣмъ козаки спокойно, не торопясь, съ пѣснями проѣхали мѣстечко и своротили налѣво, по дорогѣ въ Таращу. Ровная и прямая какъ стрѣла, окаймленная раскидистыми вербами, тянулась эта дорога дальше по долинѣ, а по сторонамъ ея среди густой зелени выглядывали опрятныя бѣлыя хаты.

— Вотъ мы и дома. Это моя усадьба,—сказалъ Гордій, указывая рукою на лѣво, гдѣ изъ-за густой зелени фруктовыхъ деревьевъ виднѣлся бѣлый фасадъ дома и соломенныя крыши хозяйственныхъ построекъ. Въ это время всадникамъ перерѣзала дорогу стройная женская фигура. Заслышавъ пѣніе, молодая дѣвушка не утерпѣла, выскочила изъ хаты и, очутившись передъ отрядомъ козаковъ, остановилась на секунду, окинула всѣхъ однимъ взгля-

---

1) Намъ кажется, что авторъ нѣсколько сгущаетъ краски, такъ какъ отрядъ надворной милиціи, одѣтый въ мундиры, какъ видно изъ разсказа, народонаселеніе ни въ какомъ случаѣ не могло смѣшать съ гайдамаками; напротивъ, извѣстно, что эти милиціи употреблялись для отраженія гайдамацкихъ отрядовъ.—*Пер.*

домъ черныхъ глазъ и стрѣлою пустилась черезъ улицу въ сосѣдній дворъ, почти подъ ноги лошадей, на бѣгу кивнувъ головою.

— Добрый вечеръ, дядьку!

— Добрый вечеръ, голубко!—отвѣчалъ Гордій.—Куда это ты такъ спѣшишь?

— Куда?... Да къ вамъ же, къ Марусѣ...

Мелькнула какъ тѣнь передъ лошадьми, и уже далеко впереди развивалась по вѣтру ея длинная коса съ вплетенными на концѣ цвѣтными лентами. Въ догонку ей дружнымъ хоромъ полетѣла пѣсня:

„Ой, дивчыно, дивчыно куды йдешъ?
„Скажы мени правдоньку, де жывешъ?
„Ой, дивчыно, дивчыно, чыя ты?
„Чы ты выйдешъ на вулыцю гуляты?
„Не пытайся, козаченько, чыя я,
„Якъ ты пiйдешъ на вулыцю, пiйду й я".

Еще эхо отъ пѣсни не улеглось въ долинѣ, а уже запыхавшаяся дѣвушка вбѣжала въ домъ сотника.

— А гдѣ Маруся?—обратилась она съ вопросомъ къ пожилой женщинѣ, сидѣвшей на „ганку", и не успѣла поклониться, какъ на порогѣ показалась красивая русая головка съ прекрасно прорѣзанными большими бирюзовыми глазами.

— Гости къ вамъ ѣдутъ!...

— Какіе гости? Гдѣ? Откуда?—допрашивала старуха.

— Не знаю, какіе и откуда! Гости... и только... а такіе чернобровые хлопцы, что хоть воды напиться...

— Да разсказывай толкомъ, сорока!

— Ѣдутъ... вотъ они можетъ быть уже у воротъ.

Дѣвушка эта была сверстница и подруга Маруси, Гандзя Бондаривна, ея ближайшая сосѣдка. Не успѣла она договорить послѣднихъ словъ, какъ залаялъ Сирко и бросился къ воротамъ, у которыхъ одинъ за другимъ останавливались козаки.

— Титко! откройте ка ворота,—окликнулъ Гордій.

Старуха поднялась съ мѣста и не безъ удивленія посмотрѣла на прибывшихъ.

— Вотъ бѣда!—проговорила она про себя,—а у меня ни печенаго, ни вареного про нихъ нѣтъ.

Пока отпирали ворота, Верланъ обратился къ хозяину:

— Я принимаю ваше гостепріимство, пане сотнику, и благодарю за него, а молодцовъ отошлю въ мѣстечко; двухъ только при себѣ оставлю.

— Какъ вамъ угодно, полковникъ... хоть у меня и мѣста, и хлѣба-соли достало бы на всѣхъ.

Верланъ отъѣхалъ въ сторону, отдалъ распоряженія, приказалъ не нарушать общественнаго спокойствія и въѣхалъ во дворъ; лошадей поставили въ конюшню, а сами пошли въ домъ. Это не была простая крестьянская хата какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, а скорѣе домъ, выстроенный въ общемъ стилѣ домовъ мелкихъ дворянъ XVIII столѣтія. Свѣтлица была убрана съ большою простотою: въ переднемъ углу большой дубовый столъ; надъ нимъ множество иконъ съ лампадами передъ ними, съ восковыми голубями, пучками свѣжихъ и искусственныхъ цвѣтовъ и другими украшеніями; вдоль стѣнъ бѣлыя липовыя лавки, чисто вымытыя, покрытыя коврами, нѣсколько скамеекъ; возлѣ стола небольшой шкапикъ съ книгами—вотъ и вся мебель. Зато противоположная стѣна представляла собою цѣлый домашній арсеналъ. Здѣсь были развѣшены въ извѣстномъ порядкѣ, не лишенномъ симметріи, самопалы, пистолеты, копья, сабли въ „ящурахъ", турецкіе кинжалы, короткіе татарскіе ножи въ ножнахъ, пороховницы, лядунки для готовыхъ зарядовъ, а выше, надъ всѣмъ этимъ, на огромной шкурѣ дикаго кабана, которая одна занимала полстѣны, висѣла стальная кольчуга съ такою-же круглою, плоскою шапкою.

Хозяинъ усадилъ гостей за столъ. Вошла хозяйка, тетка Гордія, которая по смерти жены воспитывала ре-

бенка и завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ; она поклонилась и привѣтствовала гостей обычными словами:

— Дай Боже здоровья.

— Дай Боже и вамъ,—былъ отвѣтъ.

— Ну, тетка,—обратился къ ней сотникъ,—если Богъ далъ гостей, то нужно ихъ накормить и напоить.

— Ахъ, Боже мой! а у меня то ничего не приготовлено.

Но это было только обычнымъ выраженіемъ скромности учтивой хозяйки, потому что не прошло и четверти часа, какъ столъ былъ весь уставленъ яствами. Накрывши столъ бѣлою льняною скатертью, служанка прежде всего положила посерединѣ хлѣбъ и соль, затѣмъ поставила стекляный „ведмедыкъ" съ водкою и чарку, разставила приборы для однихъ мущинъ и начала одно за другимъ подавать кушанья. Чуть гости принялись за колбасу, какъ на столѣ появилась миска съ борщемъ, затѣмъ жареный гусь, вареники въ маслѣ и т. д.

Гости съ своей стороны отдали должное заботливости хозяйки — ѣли съ усердіемъ и перекидывались остроумными шутками. Въ половинѣ ужина въ комнату смѣло вошли два веселые, молодые козака. Они казались братьями, но на самомъ дѣлѣ были только пріятели и ровесники; одинъ назывался Грыць Остапенко, другой Игнатъ Голый. Оба были козаками по рожденію, одѣвались по козацки и жили на земляхъ, принадлежащихъ имъ въ Мошнахъ. Гордій ласково привѣтствовалъ ихъ и пригласилъ къ столу.

— Садитесь за работу, хлопци,—сказалъ онъ, подвигая имъ миску съ варениками.

Верланъ время отъ времени окидывалъ ихъ быстрымъ какъ молнія, проницательнымъ взглядомъ, отъ котораго ничто не ускользало. Между тѣмъ время шло, день клонился къ вечеру, солнце садилось. Вошла служанка съ новою перемѣною.

— А скажи тамъ Марусѣ, пусть наточитъ для гостей добраго меду,—обратился къ ней хозяинъ.

— Надо еще показать вашей милости мою дочку...— наклонился онъ къ Верлану.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Маруся съ жбаномъ въ рукахъ, за нею служанка несла стаканы. Молодая хозяйка налила каждому по стакану и подала съ поклономъ.

— Пейте на здоровье!

Гости благодарили. Окончивъ обрядъ угощенія, она поставила жбанъ передъ отцомъ и вышла. Тогда старый Гордій замѣтилъ не безъ гордости:

— Это нашъ домашній соловей... Она намъ такія пѣсни поетъ, что я и состарѣлся, а лучшихъ не слыхалъ даже отъ бандуристовъ... и сама складываетъ ихъ какъ птичка.

— Такъ поетъ, что любо послушать,—отозвался Грыць съ видимымъ восхищеніемъ.

Въ комнатѣ становилось темно и душно.

— Пока ужинали, то надо было сидѣть въ свѣтлицѣ, а пить медъ можно и на дворѣ,—обратился Гордій къ присутствующимъ;—садъ около дому, есть тамъ и столъ, и скамьи, туда подадутъ намъ меду, а свѣтить намъ будетъ мѣсяцъ и звѣзды. Прошу дорогихъ гостей въ садъ.

Всѣ поднялись изъ-за стола; хозяинъ показывалъ дорогу. Пріѣзжіе козаки быстро перезнакомились съ Игнатомъ и Грыцькомъ; между ними уже завязалась непринужденная бесѣда. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ясно, въ саду царила такая пріятная прохлада, что всѣ остались довольны предложеніемъ хозяина. Вышла Маруся съ подругою и обѣ издали поглядывали на компанію: при блѣдномъ сіяніи луны дѣвушка казалась еще прекраснѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ; козаки не сводили съ нея глазъ.

— Спой, моя голубко, и гостямъ, и отцу, давненько я тебя слышалъ.

— Что-же вамъ спѣть, татуню?

— Что хочешь, дытыно, мы все будемъ слушать.

Дѣвушка въ смущеніи опустила голову, но не смѣла ослушаться отца и черезъ минуту раздался ея сильный,

чистый голосъ, а грустный мотивъ пѣсни далеко разносился среди весенней мглы.

„Стойить явиръ надъ водою,
Въ воду похилывся,
На козака прыгодонька,
Козакъ зажурывся.

Не радъ явиръ хилытыся—
Вода корень мыйе,
Не радъ козакъ журытыся,
Такъ серденько ные.

„Уродывся козаченько,
Уродывся—вдався,
А у степу пры дорози
Въ неволю дistався...“

Пѣла она дальше печальную судьбу козака. Кончивши пѣсню, дѣвушка поклонилась, пожелала отцу спокойной ночи и ушла въ комнаты. Никто не благодарилъ, а ей и въ голову не приходило, чтобы нужно было благодарить ее за доставленное удовольствіе. Послѣ ухода дѣвушки Верланъ наклонился къ хозяину и замѣтилъ въ полголоса:

— Вотъ такая теперь и наша доля, какъ того козака. Цѣлый свой вѣкъ не зналъ покоя, воевалъ и съ поляками, и съ татарами, и съ турками—

„А у степу край дороги
Въ неволю дистався...“

— Богъ дастъ, можетъ все это какъ-нибудь и добромъ кончится... Что-то дѣлается вокругъ, неизвѣстно еще покамѣсть. Подождемъ-увидимъ.

— Какъ неизвѣстно?—Отозвался молчавшій до тѣхъ поръ Игнатъ Голый.—Народъ повсюду подымается противъ поляковъ, будетъ то же самое, что и при Хмельницкомъ.

— А другой Хмельницкій есть?—спросилъ Верланъ.

— Найдется...

— Вотъ сегодня еще было извѣстіе, что гайдамаки похозяйничали въ Ставищахъ, замѣтилъ Грыць.

— Что пользы во всемъ этомъ?—отозвался Верланъ.— Это не войско, а толпа, случайный сбродъ; они сами не знаютъ, куда идти и чего добиваться, потому и гибнутъ безъ пользы. Чтобы противостоять насилію, нужно сознавать свои силы.

Аргументы были серьезны, всѣ молчали.

— Правду говоришь, полковникъ,—сказалъ Гордій;—но если есть люди, то есть и сила, а если есть сила, то всегда найдется тотъ, кто и направитъ ее на дѣло.

Слова эти видимо понравились Верлану; онъ внимательно слушалъ дальше.

— Говорятъ, что въ Мотроненскомъ монастырѣ записываются охотники, а въ Кіевѣ въ Михайловскомъ монастырѣ монахи святятъ сабли и копья... что-то готовится... Подождемъ...

— Подождемъ... подождемъ... — подтвердилъ спокойно Верланъ,—а вы, хлопци,—обратился онъ къ молодымъ козакамъ,—готовьте коня, сабли и самопалъ.

— Нечего готовить, мы уже давно готовы.

— Вотъ и прекрасно! изъ васъ выйдутъ козаки на славу!

Верланъ отослалъ своихъ товарищей спать; Игнатъ и Грыць разошлись по домамъ, старики остались одни. Долго еще бесѣдовали они съ глазу на глазъ; о чемъ, этого никто не зналъ. Было уже около полуночи, когда они отправились ко сну. Утренняя заря еще свѣтила на небѣ, когда полковникъ проснулся и разбудилъ своихъ спутниковъ. Вскорѣ подошли и прочіе козаки, которые ночевали въ мѣстечкѣ и теперь ожидали у воротъ сигнала къ выступленію. За часъ до разсвѣта отрядъ выступилъ изъ мѣстечка по таращанской дорогѣ.

II.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней по отъѣздѣ Верлана Гордій ходилъ самъ не свой; очевидно, какія-то тяжелыя думы преслѣдовали его. Онъ что-то взвѣшивалъ, обдумывалъ, соображалъ,—всѣ замѣчали это, но никто не смѣлъ спросить о причинахъ такой глубокой задумчивости. До сихъ поръ одна Маруся въ цѣломъ домѣ умѣла своими пѣснями вызвать у него улыбку въ такія минуты, теперь же и ея пѣсни не могли развеселить Гордія; видно, причины его задумчивости были на этотъ разъ серьезнѣе обыкновеннаго. Какъ ни старались домашніе отгадать эти причины, всѣ ихъ догадки и предположенія были безуспѣшны. На Марусю засматривался Грыць Остапенко, и Маруся не оставалась равнодушна къ его взглядамъ, а люди,—извѣстно, какъ люди,—шептали что-то о сватахъ; тетка Ярына тоже знала объ этомъ; можетъ быть это и было одною изъ причинъ задумчивости сотника. Судьба единственной дочери етественно должна была тревожить отца,—тутъ было надъ чѣмъ подумать. А вокругъ народъ начиналъ волноваться, какъ бы пробуждаясь отъ долгаго сна; ходили слухи о гайдамакахъ, о Запорожьѣ, откуда время отъ времени выѣзжала на Украину сотня другая козаковъ, которые появлялись неожиданно то въ Брацлавѣ, то въ Шаргородѣ, иногда доходили до самаго Кіева. Время было тревожное. Достаточно было небольшой кучкѣ запорожцевъ появиться въ краѣ или только издали показаться въ степи, чтобы вокругъ подымались села и хутора, яры и степи оглашались пѣснями свободы и, хотя горсть возставшихъ вскорѣ разбивали или разгоняли, но броженіе не унималось. Народъ чего-то ожидалъ, къ чему-то готовился въ тишинѣ; на старыхъ пепелищахъ козацкой славы воскресали насильно похороненныя традиціи Хмельниччины о борьбѣ съ поляками за свои человѣческія права. Въ сердцахъ закрѣпощеннаго люда, который хоть и ходилъ въ полѣ за чужимъ плугомъ, но

у себя дома пряталъ отцовскія сабли и копья, еще живы были вѣковыя стремленія, подкрѣпленныя былыми успѣхами Хмельницкаго. Всѣ были на сторожѣ и, заслышавъ далекіе пушечные выстрѣлы въ степи или колокольный звонъ, бѣжали на эти призывные сигналы. Одни бѣжали за Днѣстръ въ Молдавію и тамъ находили личную и имущественную свободу, другіе, предпочитавшіе исполненную военныхъ тревогъ жизнь, находили ее на Запорожьѣ. Иные уходили за Днѣпръ въ Батуринъ, но многіе возвращались оттуда разочарованные и тогда спасались въ Кіевъ, за предѣлы Рѣчи-Посполитой; скрывались тамъ въ продолженіи зимы, а весною, собравшись съ силами и и выждавъ удобную минуту, предпринимали въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ набѣги на панскія имѣнія.

Случалось не разъ, что и черезъ Мошны промчится отрядъ гайдамакъ—нестройная толпа, собранная случайно и также случайно вооруженная, безъ предводителя и безъ опредѣленной цѣли. То были потомки отцовъ, боровшихся за тѣ же начала подъ знаменами Хмельницкаго; но времена измѣнились. Теперь гайдамаки бродили въ одиночку, какъ волки въ степи, иногда собирались кучками, предпочитая терпѣть голодъ, холодъ и всѣ невзгоды и случайности такой жизни внѣ закона, лишь бы избѣгнуть ненавистной панщины и насилія надъ свободою совѣсти. Броженіе расло и усиливалось, но не было ясно намѣченной и опредѣленной программы, и не были подготовлены средства къ ея осуществленію.

Можетъ быть, это печальное состояніе края, которое Гордій видѣлъ и сознавалъ, волновало его такъ сильно.

Всѣ въ домѣ притихли, какъ бы чего-то ждали, и и тревожное настроеніе еще болѣе усилилось, когда старый сотникъ началъ собираться въ дорогу. Эта мысль пришла ему какъ бы внезапно. Сидѣли всею семьею за ужиномъ въ саду, разговаривая о томъ—о семъ. Вдругъ Гордій поднялъ голову и обратился къ теткѣ Яринѣ.

— А прикажите, титко, приготовить мнѣ на дорогу колбасъ и пару паляныць!

Старуха посмотрѣла на него въ недоумѣніи.

— Цуръ тоби! Не успѣлъ воротиться изъ Черкасъ и снова...

— И снова. .

— Да какъ-же, сейчасъ, или завтра, или когда?

— Завтра, не завтра, а пусть лучше колбасы и паляныци ожидаютъ меня, чѣмъ я буду ихъ ждать.

— Татуню! куда же вы это?—отозвалась Маруся.

— Далеко, дочко...

— Можетъ быть въ Кіевъ?

Гордій улыбнулся: дѣвушка угадала.

— Да, въ Кіевъ... поклонюсь святымъ угодникамъ печерскимъ... да и дѣло есть,—прибавилъ онъ черезъ минуту.

Очевидно, намѣреніе было серьезное, потому что въ тотъ же вечеръ Гордій отдалъ распоряженіе, чтобы рано утромъ были пригнаны верховые кони изъ табуна. Случалось иногда, хотя довольно рѣдко, что Гордій или самъ объѣзжалъ лошадей, или заставлялъ объѣзжать при себѣ. Обыкновенно онъ указывалъ, какого именно коня привести изъ степи; на этотъ разъ ничего не сказалъ, и работникъ въ недоумѣніи почесывалъ въ затылкѣ.

— Ну Ярема, какого бы коня ты выбралъ?

Ярема искоса посмотрѣлъ на хозяина.

— Почемъ я знаю... Да какъ-же вамъ, проѣздить только, что-ли?—спросилъ онъ не смѣло.

— Нѣтъ, въ дорогу нужно!—весело отвѣчалъ Гордій.

Ярема снова почесалъ въ головѣ.

— Почемъ я знаю... Можно мышастаго отъ лисички? то крѣпкій коникъ.

Гордій махнулъ рукою.

— Ну козакъ изъ тебя! мышастаго въ дорогу? чтобъ околѣлъ гдѣ нибудь въ степи? мышастый конь въ дорогѣ

все равно, что панна на работѣ, будетъ прыгать, брыкаться, а тамъ и ноги протянетъ! [1])

Ярема стоялъ пристыженный.

— Не знаю... Дастъ Богъ дождать утра, пригоню вамъ всѣхъ, выбирайте сами...

— Смотри же, чтобъ съ разсвѣтомъ лошади были на дворѣ.

Рано утромъ выглянулъ Гордій въ окно; пять молодыхъ лошадей ржали и брыкались передъ домомъ, а у воротъ Ярема разговаривалъ съ пастухомъ.

— Опять въ дорогу, что-ли? спрашивалъ пастухъ.

— А кто его знаетъ... какъ будто въ дорогу.

Пастухъ поглядывалъ на лошадей и сосалъ трубку, нажимая пальцемъ табакъ, и сплевывалъ сквозь зубы.

— Опять начинаютъ ѣздить... Быть войнѣ... Гайдамаки бродятъ въ степяхъ; и къ намъ вчера заглядывало двое, нюхали вокругъ табуна; какъ бы не пришли большею кучкою, да не забрали. Нужно будетъ загонять на ночь въ *Бисывъ яръ*, тамъ и самъ чортъ не сыщетъ...

Ярема толкнулъ его локтемъ.

— Тише!

На порогѣ стоялъ Гордій и внимательно осматривалъ рѣзвящихся лошадей, одну за другою, опытнымъ глазомъ знатока.

— А поймайте-ка мнѣ Лысаго!

— Отъ Вѣдьмы?

— Нѣтъ, нѣтъ... того, отъ Козачки!

Поймали Лысаго и подвели къ Гордію. Сотникъ еще разъ внимательно осмотрѣлъ его и что-то бормоталъ про себя. Это былъ спокойный на видъ, шестилѣтній конь, средняго роста, но его широкія кости и крѣпкая мускулатура обращали на себя вниманіе; голова была краси-

[1]) *Мышастыя*—сѣрыя, стальной масти лошади въ нашемъ краѣ —потомки тарпановъ, дикихъ степныхъ лошадей; они меньше ростомъ и слабѣе другихъ породъ и потому не годятся для тяжелой работы или дальней дороги.—*Пер.*

вая, съ бѣлымъ пятномъ на лбу, откуда и кличка его. Конь этотъ былъ уже испытанный, нрава ретиваго и кроткаго, крѣпкій въ ногахъ, выносливый въ дорогѣ и хорошо ходилъ подъ сѣдломъ.

— Поставьте его въ конюшню, а прочихъ въ табунъ! приказалъ хозяинъ. Джура[1]) Ярема повелъ его въ стойло, насыпалъ вдоволь овса и началъ проѣзживать нѣсколько разъ въ день. Итакъ, дорога была дѣломъ рѣшеннымъ, но впередъ какъ-то не загадывали. Гордій никому не говорилъ ни слова, а пока Ярема выѣзжалъ и выкармливалъ коня, онъ разбиралъ самопалы и пистолеты, чистилъ, смазывалъ оливою и складывалъ снова, насыпалъ пороховницы, отлилъ сотни двѣ пуль, отточилъ саблю,—все это заняло нѣсколько дней. Снарядившись совсѣмъ, онъ опять за ужиномъ напомнилъ о выѣздѣ.

— Такъ слышите, титко, приготовьте на завтра все, что думаете дать мнѣ въ дорогу; я рано утромъ ѣду.

— Такъ какъ-же, съ Яремой, или одинъ?

— Одинъ.

— Какъ-же такъ, одному? Это вѣдь не въ Черкасы, что сегодня выѣхалъ, а завтра воротился.... Надо вѣдь и припасовъ взять, и услугу имѣть въ дорогѣ.... Какъ же одному?

— Обойдусь и безъ слуги!—рѣшилъ хозяинъ.

Тетка Ярына ничего не могла понять, пожимала плечами, и время отъ времени, незамѣтно для нея самой, вырывалось восклицаніе недоумѣнія.

— А когда-же будете обратно, татуню?

Гордѣй уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта.

— Не знаю еще.... у меня тамъ разныя дѣла...

Дѣвушка подсѣла къ отцу и начала ласкаться какъ кошечка.

— А мнѣ, татуню, не забудьте гостинца привезти.

— Вотъ, вотъ, что у тебя на умѣ?—старикъ наклонился и поцѣловалъ русую головку.—А чего бъ ты хотѣла?

---

[1]) *Джура,* или *чура*—оруженосецъ, вѣрный слуга.—*Ред.*

— Что захотите, татуню... адамашку на кунтушъ... а если нѣтъ, такъ хоть лентъ новыхъ. Тетка Ярына говоритъ, что моихъ и носить уже нельзя.

— Ну, ну... Вы какъ начнете выдумывать съ теткой Ярыной, такъ мнѣ пожалуй еще и джуру придется взять съ собою.

— Такъ, какъ же! Не берешь Яремы? Вѣдь надо что-нибудь приготовить, то для одного, или для двухъ?

— Одинъ поѣду!—отвѣтилъ Гордій коротко.

Сборы были не долгіе. Старуха уложила въ одинъ мѣшокъ пару рубахъ на перемѣну, въ другой нѣсколько паляныцъ, соли, кусокъ сала, колбасу, бутылку водки—и все было готово. Ярема еще съ вечера взялъ сѣдло, чуть свѣтъ осѣдлалъ Лысаго, привязалъ мѣшки съ припасами и овсомъ и подошелъ къ окну разбудить хозяина, но Гордій уже не спалъ. Онъ читалъ въ слухъ молитвы, заряжая пистолеты; потомъ надѣлъ саблю, заложилъ пистолеты за поясъ, опоясалъ чересъ и былъ готовъ; ни ружья, ни пики не бралъ съ собою, чтобы каждый могъ видѣть, что онъ ѣдетъ не на войну.

Тѣмъ временемъ поднялись и женщины. Прощаніе было короткое. Гордій обнялъ дочку и тетку и вскочилъ на коня. Ярема бросился открывать ворота, а старый сотникъ снялъ шапку, перекрестился, кивнулъ головою обѣимъ женщинамъ, которыя стояли и смотрѣли, сложа руки у пояса, и сказалъ еще разъ:

— Будьте здоровы!... берегите хату...

Лысый, словно догадавшись, что стоять долго нечего, обернулся къ воротамъ и тронулся шагомъ. Ярына съ Марусею проводили Гордія черезъ дворъ, у воротъ остановились и глядѣли ему вслѣдъ, пока онъ скрылся съ глазъ при поворотѣ улицы.

— Идемъ въ хату!—сказала старуха и направилась къ дому; Маруся молча пошла за нею.

Ярема заложилъ ворота, но не шелъ домой а стоя у перелаза, смотрѣлъ на тихую, пустынную улицу. Онъ

сообразилъ, что не въ Черкасы уѣхалъ сотникъ на этотъ разъ—куда же въ такомъ случаѣ? въ Каневъ, въ Триполье... а можетъ быть даже въ Кіевъ или въ Москву. Но зачѣмъ? Какъ ни старался Ярема, но и на этотъ вопросъ не могъ придумать отвѣта.

Между тѣмъ наступило утро; на горизонтѣ потянулись съ востока легкія, прозрачныя розовыя облачка, какъ бы убѣгая отъ солнца; окрестные сады огласились веселымъ щебетаніемъ птицъ; наконецъ со всѣхъ дворовъ стали выгонять на улицу коровъ, овецъ и козъ, а со стороны мѣстечка долеталъ глухой гулъ людскихъ голосовъ.

Ярема все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, смотрѣлъ на дорогу, стараясь выяснить себѣ причины поѣздки, и ни до чего не могъ додуматься. Наконецъ голосъ тетки Ярыны вывелъ его изъ задумчивости.

— Яремо! иди завтракать!

Тотъ медленно обернулся на зовъ. Хозяйка стояла на порогѣ дома.

— Иди-же!—повторила она нетерпѣливо,—будешь стоять до полудня, считать воронъ.

Ярема что-то проворчалъ про себя, перешагнулъ черезъ перелазъ и направился къ дому.

Важныя обстоятельства побуждали сотника отправиться въ Кіевъ. Встрѣча съ Верланомъ и откровенная бесѣда съ нимъ съ глазу на глазъ пробудили дремлющую энергію Гордія, а намекъ проѣзжаго полковника на то, что въ Михайловскомъ монастырѣ что-то подготовляется, вызвалъ желаніе развѣдать на мѣстѣ, въ чемъ дѣло. Хотя на правой сторонѣ Днѣпра народонаселеніе было малочисленнѣе, нежели на противоположной, русской, но здѣсь жили еще въ народѣ старыя преданія о Павлюкѣ, Хмельницкомъ и еще свѣжія, недавнія воспоминанія о паліивщинѣ. Безсильная Рѣчь-Посполитая не въ состояніи была защищать свои предѣлы даже отъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые бродили въ Кіевщинѣ и на глазахъ у польскихъ

региментарей жгли и грабили панскіе дворы и замки. Теперь къ нему доходили неясные слухи о томъ, что на самой границѣ съ Польшею, въ Кіевѣ, идутъ приготовленія къ войнѣ, сюда стекаются охотники, святятъ сабли... Съ другой стороны Верланъ подавалъ ему какія-то надежды—даже больше. Онъ говоритъ ясно и опредѣленно, что можетъ быть никогда не представится болѣе удобнаго времени, чтобы поднять оружіе, собрать всѣ разрозненные кучки гайдамаковъ, организовать ихъ въ одно сильное войско и вдохновить одною общею идеею. Верланъ въ добрый часъ подсказалъ ему ту самую мысль, которую Гордій лелѣялъ въ тишинѣ своей уединенной жизни; оба пришли къ убѣжденію, что именно теперь нужно было дѣйствовать, но на этотъ разъ дѣйствовать иначе, нежели до тѣхъ поръ. Верланъ не напрасно ѣздилъ въ Батуринъ, Переяславъ, Полтаву, ко всему присматривался, обо всемъ разспрашивалъ, подсказывалъ свои мысли и мало-по-малу приходилъ къ убѣжденію, что на лѣвобережныхъ полковниковъ разсчитывать нечего: они заботились только о своемъ личномъ обогащеніи и съ этою цѣлью занимались постоянными доносами другъ на друга, и всѣми правдами и неправдами старались закрѣпостить ввѣренный имъ народъ. Крестьяне, доведенные до отчаянія, уходили за Днѣпръ и приставали къ гайдамакамъ.

Грустный и разочарованный возвращался Верланъ изъ Гетманщины, когда, встрѣтивъ созвучную почву, подѣлился впечатлѣніями съ Гордіемъ. Оба они стремились къ одной цѣли. Оба сознавали, что наступило время, когда можно что-нибудь сдѣлать для родины, сознавали, что нужно пустить въ ходъ всѣ пружины для того, чтобы воспользоваться съ возможно большею выгодою внутренними неурядицами въ Рѣчи-Посполитой. Нужно было разузнать на мѣстѣ, что за приготовленія дѣлались въ Кіевѣ подъ знаменемъ вѣры, кто эти новые рыцари-крестоносцы, освящающіе оружіе для борьбы, и нельзя ли привлечь ихъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Съ каждымъ

днемъ приближался Гордій къ цѣли своего путешествія и съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда при выѣздѣ изъ Голосѣевскаго лѣса засіяютъ передъ нимъ золотые купола и кресты кіевскихъ монастырей.

По мѣрѣ приближенія къ границамъ Рѣчи-Посполитой, все чаще и чаще попадались на встрѣчу какіе-то подозрительные люди; приставали по пути къ Гордію, разспрашивали его, но какъ-то мало удовлетворяясь, незамѣтно приближались и также незамѣтно отставали. Иной разъ остановятся въ степи попасти лошадей, товарищъ отправится будто поискать водопоя—и исчезнетъ безъ слѣда. Такъ помаленьку добрался Гордій до Триполья. Здѣсь обстановка еще больше измѣнилась.

Хотя до захода солнца оставалось еще около двухъ часовъ, но и лошадь пристала, и самому Гордію хотѣлось отдохнуть; онъ остановился у корчмы подъ лѣсомъ, возлѣ самаго мѣстечка. Еврей былъ услужливый, въ корчмѣ спокойно; разнуздавши коня, всадникъ привязалъ его передъ жолобомъ, насыпалъ овса, а самъ пошелъ въ избу перекусить и отдохнуть. Едва расположился онъ съ своими припасами, какъ начали подходить посѣтители, и вскорѣ корчма наполнилась людьми, которые не слишкомъ понравились старому сотнику. Полу-козацкая, полу-крестьянская одежда, нѣсколько случайное, разнообразное вооруженіе—все свидѣтельствовало о томъ, что эти люди занимались вольнымъ военнымъ промысломъ. Входили съ шумомъ, требовали водки, меду, держали себя развязно. Шинкарь прислуживалъ охотно, подавалъ жбаны, приговаривалъ и припрашивалъ, наливая стаканы; по всему видно было, что это постоянные и выгодные посѣтители, обмѣнивавшіе здѣсь на напитки все, что удавалось добыть свободнымъ промысломъ.

Сидя за столомъ, Гордій ѣлъ не торопясь, поглядывалъ на веселую, поминутно прибывавшую компанію, но не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ догадывался только, что эта корчма должна была служить сборнымъ

пунктомъ, въ которомъ происходила какая-то вербовка. Изъ толпы выдѣлялся человѣкъ, одѣтый по-козацки, еще молодой, лѣтъ около тридцати, который изо всѣхъ силъ проклиналъ поляковъ и татаръ и до небесъ превозносилъ Запорожье. Повидимому это былъ предводитель; онъ всему давалъ тонъ, угощалъ, кидался во всѣ стороны; назывался онъ Демьянъ. Искоса поглядывалъ онъ на Гордія, хотѣлъ заговорить съ нимъ и не смѣлъ; еврей поминутно доливалъ ему стаканъ, а Демьяна все больше и больше раздражало молчаніе незнакомаго путника. Присутствіе его стѣсняло всѣхъ, пока не вышли за предѣлы осторожности. Поводъ подалъ самъ хозяинъ; доливая меду въ стаканъ Демьяну, еврей пріятельски улыбнулся ему и спросилъ:

— А когда-же въ походъ, пане отамане?

Демьянъ пріосанился.

— А! Куда? въ какой походъ?

Осторожный шинкарь кивнулъ головою по направленію польской границы. Демьянъ обвелъ корчму глазами и отвѣчалъ съ пренебреженіемъ:

— Воевать! съ кѣмъ? Здѣсь не то, что у насъ, гдѣ „Лугъ батько, а Сичъ маты"...

Еврей не унимался и, наливая порожніе стаканы, продолжалъ убѣдительно.

— Не годится, пане отамане! Какъ же такъ? Неужели эти „лыцари" такъ и не погуляютъ на той сторонѣ?...

—Погоди! Придетъ время, нужно больше людей...

— Можетъ быть уже и время...—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно панъ отаманъ не считаетъ насъ за людей, если твердитъ постоянно: не время, не время... нужно людей...

Человѣкъ, котораго величали атаманомъ, былъ нѣкоторое время братчикомъ въ одномъ изъ запорожскихъ куреней, но ушелъ оттуда и уже другой годъ гайдамачилъ на границахъ Рѣчи-Посполитой. Обернувшись лицомъ къ недовольнымъ, онъ подбоченился, надвинулъ шапку на лобъ и началъ убѣждать:

— Повремените... вотъ уже идутъ подкрѣпленія изъ Сѣчи... идетъ Дабижа... Было извѣстіе, что онъ уже взялъ Марковку... Еще нѣсколько дней—и загуляемъ всѣ вмѣстѣ...

Затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, Демьянъ кивнулъ головою еврею, наклонившемуся надъ бочкою, и запѣлъ, притопывая ногою:

„Гей ты, жыде, гей ты Юдко,
„Сыпъ горилки, та сыпъ хутко!...

Потомъ обратился къ Гордію.

— А ты съ нами?

Тотъ спокойно смѣрилъ атамана глазами.

— Можетъ быть и съ вами...

— Откуда и куда?

— Изъ Мошенъ... въ Кіевъ...

Демьянъ по-пріятельски ударилъ старика по плечу.

— Такъ намъ одна дорога; и я завтра ѣду въ Кіевъ. Ты куда?

— Въ Лавру...

— А я въ Михайловскій монастырь, къ игумену Досифею, коли знаешь?

Гордій еще не зналъ его, но желалъ узнать, для того и предпринялъ поѣздку. Демьянъ прибавилъ, желая похвастать знакомствомъ:

— Этотъ вырѣзалъ бы всѣхъ ляховъ!

Гордій сдѣлалъ видъ, будто ни о чемъ не догадывается.

— А вы на кого собрались?

— На ляховъ! не на кого... Подумай, тай гайда съ нами!

— Можно и съ вами, почему нѣтъ; пускай еще увидимся, поговоримъ въ Кіевѣ. Биться, такъ биться. Если суждено быть волѣ на Украинѣ, пусть будетъ воля, лишь бы не было своеволія!

Подгулявшая компанія не слишкомъ вникала въ смыслъ словъ Гордія, а Демьянъ радовался, что завербовалъ новаго „лыцаря“. Всѣ опасенія исчезли, рюмки и стаканы свободнѣе заходили по столу. Атаманъ сдвинулъ шапку

на затылокъ, подтянулъ поясъ и пустился танцовать раздалаго козачка, сопровождая танецъ веселою шуточною пѣсенкою. Гайдамаки окружили танцующаго, любуясь пляскою; подошелъ къ нимъ и Гордій и вмѣшался въ разговоръ. Шумъ въ корчмѣ увеличивался; пѣсни, восклицанія, споры, брань—все смѣшалось въ одинъ невообразимый гулъ, отъ котораго дрожали окна. Хозяинъ, видимо привычный къ такимъ сценамъ, сидѣлъ невозмутимо въ своемъ углу у бочки, разливалъ и подавалъ кружки съ напитками, по временамъ окидывалъ компанію презрительнымъ взглядомъ, поглаживалъ бороду и принималъ прежнюю позу безучастнаго посторонняго зрителя. Разговоры становились все смѣлѣе и откровеннѣе, теперь уже высказывались безъ опасенія, а на Гордія смотрѣли какъ на товарища.

Было около полуночи, а гайдамаки и не думали расходиться. Еврей готовъ былъ бы просить ихъ оставить корчму, но не смѣлъ, опасаясь оскорбить постоянныхъ и щедрыхъ посѣтителей. Молча сидѣлъ онъ между бочками, зѣвая по временамъ. Вдругъ на дворѣ запѣли пѣтухи: вздремнувшій было хозяинъ протеръ глаза, зѣвнулъ и любезно обратился къ Демьяну:

— Пане отамане! Можетъ быть пора бы отдохнуть... Берегите здоровье...

— Такъ, такъ, пора! вѣдь завтра чуть свѣтъ ѣдемъ въ Кіевъ,—вмѣшался и Гордій.

Какъ-бы въ отвѣтъ на это Демьянъ затянулъ пѣсню; товарищи вторили ему нетвердыми голосами:

„Де мы будемъ ночуваты?
У дивчыны Насти!
Що мы будемъ вечеряты?
Вареныки въ масли...

Это было финаломъ веселаго вечера. Разбудивши дремавшихъ по угламъ, гайдамаки начали понемногу выходить изъ корчмы и, кто пѣшій, кто верхомъ, разбрелись въ разныя стороны. Демьянъ сопровождалъ стараго Грыву

на ночлегъ на хуторъ, въ которомъ проживалъ самъ. Дорога лежала черезъ лѣсъ, до хутора было довольно далеко; лошади шли шагомъ въ темнотѣ, между всадниками завязалась бесѣда.

— Ты изъ Мошенъ?

— Изъ Мошенъ...

— Что же ты ничего не разсказалъ намъ?

— О чемъ?—спросилъ сотникъ, нѣсколько удивленный вопросомъ.

— Говорятъ, что тамъ у васъ поляки вѣшаютъ священниковъ.

— Вѣшать не вѣшаютъ, а уніатская коммиссія разъѣзжаетъ по сосѣднимъ селамъ, отбираетъ церкви и побоями принуждаетъ и прихожанъ, и священника принимать унію. Въ Мошнахъ пока спокойно, но можетъ быть коммиссія скоро заглянетъ и туда...

— Такъ!... Мнѣ самъ говорилъ игуменъ Досифей, что не въ однихъ Мошнахъ притѣсняютъ православныхъ; разсказываютъ люди, что въ Ставищахъ и въ Паволочи еще хуже...

Гордій молча покачалъ головою; его собесѣдникъ понялъ этотъ жестъ, какъ выраженіе недовѣрія.

— Должно быть правда, если говорятъ. Игуменъ лучше насъ знаетъ. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что тамъ народъ подымается противъ поляковъ...

Всадники остановились у воротъ лѣснаго хутора, и разговоръ былъ прерванъ. Въ темнотѣ едва можно было различить плетень, за нимъ хлѣвъ или вѣрнѣе „обору“, также оплетенную хворостомъ, а дальше въ глубинѣ двора, на темномъ фонѣ лѣса, бѣлѣли стѣны низенькой хаты. Собака бросилась на нихъ съ оглушительнымъ лаемъ, но вскорѣ затихла, очевидно узнавши Демьяна. Демьянъ пропустилъ товарища, заперъ за собою ворота, и оба направились къ „оборѣ“, кое-какъ нащупали дверь, вошли вмѣстѣ съ лошадьми и, не теряя времени въ разговорахъ, улеглись на соломѣ; надо было отдохнуть, потому что рано утромъ оба выѣзжали въ Кіевъ.

Послѣднія слова атамана возбудили нѣкоторыя сомнѣнія въ умѣ стараго сотника. Онъ не безъ цѣли разговорился съ Демьяномъ, иногда поддакивалъ ему, согласился ночевать съ нимъ и вмѣстѣ продолжать дальнѣйшій путь: для него было чрезвычайно важно узнать какъ истинныя цѣли и планы гайдамаковъ, такъ и средства къ осуществленію ихъ, чего нельзя было угадать по ихъ поведенію къ корчмѣ.

Рано утромъ путники оставили хуторъ, а вечеромъ уже приближались къ Кіеву; Демьянъ остался въ Голосѣевѣ, на монастырскомъ хуторѣ, а Гордій Грыва черезъ Печерскъ и Хрещатый Яръ выѣхалъ на старый городъ и остановился у школьнаго товарища на Рейтарской улицѣ. На слѣдующее утро онъ слушалъ богослуженіе въ Михайловскомъ монастырѣ, былъ на исповѣди и затѣмъ отправился къ игумену. Тотъ принялъ его въ келіи.

Это былъ человѣкъ уже немолодой, худощавый, съ впалыми глазами, сверкавшими какъ два угля изъ подъ нависшихъ бровей, съ длинною рыжею бородою, въ которой уже пробивалась сѣдина. Когда сотникъ подошелъ подъ благословеніе, игуменъ окинулъ его быстрымъ, пытливымъ взглядомъ и сразу узналъ человѣка бывалаго.

— Прихожу за совѣтомъ, отче игумене,—почтительно началъ Гордій,—и добровольно предлагаю свою службу.

— Имѣешь какое горе?

— Слыхалъ я, что подъ вашею защитою собираются люди въ походъ противъ поляковъ; я тоже хотѣлъ бы послужить родной землѣ и сложить за нее старую голову.

Игуменъ искоса взглянулъ на говорившаго, придалъ лицу выраженіе торжественности и вторично осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Да поможетъ тебѣ Богъ въ борьбѣ за святую вѣру и Русь. Не съ ляхами католиками и съ турками бусурманами слѣдуетъ вамъ заключать союзы, не отъ нихъ ожидать поддержки, а отъ Россіи, которая будетъ защищать и васъ, и вмѣстѣ съ вами православную Христову

вѣру. Вы должны приставать къ Россіи, соединиться съ нею, и только подъ ея покровительствомъ и охраною засіяетъ вамъ слава и свобода.

Гордій слушалъ молча, а игуменъ продолжалъ убѣждать:

— Вамъ самимъ не справиться съ поляками, нужно просить помощи... Ты, я вижу, не послѣдній человѣкъ въ краѣ... изберите депутатовъ, составьте посольство въ Москву, я самъ готовъ написать для васъ письма въ приказъ, чтобы видно было, съ чѣмъ вы приходите; тамъ получите вы и совѣтъ, и деньги. Спасайте свою свободу и душу, пока есть еще время. Еслибы вы раньше обратились къ Россіи, то не достались бы теперь въ поруганіе полякамъ и евреямъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ терзаютъ и грабятъ Украину... Говорятъ, въ Варшавѣ уже вышелъ указъ о томъ, чтобы окончательно и повсемѣстно введена была унія. А зачѣмъ она вамъ? Отцы и дѣды ваши сражались за вѣру, а вамъ теперь приказываютъ молиться по латинскому обряду...

Гордій все слушалъ безмолвно, не возражая ни однимъ словомъ. Игуменъ наконецъ замѣтилъ это, остановился и рѣзко перемѣнилъ разговоръ.

— А тебя откуда Богъ привелъ?

— Изъ Мошенъ!

— И давно изъ Мошенъ?

— Четвертый день.

— Ну, какъ же тамъ?

— Тихо, отче! благодареніе Богу пока спокойно, но во время мира нужно думать о войнѣ. Теперь какъ разъ сами поляки взялись за чубы, можетъ быть и намъ пора бы подумать о себѣ.

— Добрая это мысль,—подтвердилъ игуменъ,—но гдѣ же вамъ самимъ о себѣ думать! вы еще слишкомъ слабы: не имѣете ни войска, ни денегъ; вамъ необходима посторонняя помощь.

— Отче игумене! мы не дадимъ своей вѣры на поруганіе, но защищать ее должны сами. Да правду сказать,

помощь и не нужна. Если мы не можемъ сами постоять за себя, а должны добывать свободу чужими силами, то лучше обойтись безъ помощи, а выждать, пока народъ болѣе окрѣпнетъ.

Отецъ Досифей вспыхнулъ.

— Вотъ, видишь! самъ приходишь ко мнѣ за совѣтомъ, а между тѣмъ не хочешь слушать. Нужно защищаться отъ непріятеля такъ же точно, какъ онъ на васъ нападаетъ. Поляки такіе же невѣрные, какъ татары и турки, ихъ нужно истреблять такъ же, какъ и тѣхъ. Люди богобоязненные дѣлаютъ въ монастырь вклады на борьбу съ невѣрными, эти пожертвованія въ моихъ рукахъ, а а рука моя всегда открыта для тѣхъ, кто станетъ на защиту Христовой вѣры... Ты, какъ я вижу, человѣкъ военный, навербуй охотниковъ,—немного уже собрано, никто не помѣшаетъ вамъ собираться здѣсь; у насъ найдете и продовольствіе, и военные запасы,—да и выступайте съ Богомъ противъ поляковъ... честнымъ крестомъ благословлю васъ на святое дѣло.

Гордій задумался.

— Какая же польза будетъ для Украины отъ этой новой рѣзни, отче игумене? И теперь говорятъ, будто мы ищемъ путемъ войны не свободы, а одного грабежа. Когда мы выведемъ въ поле такое войско, которое въ состояніи будетъ помѣряться силами съ поляками, тогда мы громко и открыто можемъ сказать, чего хотимъ, а такой походъ, какъ ты совѣтуешь, отче, ни къ чему не приведетъ: никто не захочетъ съ нами говорить, мы сами будемъ бѣгать отъ войска, гайдамачить въ плохо защищенныхъ имѣніяхъ и вмѣсто того, чтобы добыть у поляковъ свободу, добудемъ развѣ только ихъ имущество....

Игуменъ не ожидалъ такого отпора со стороны Гордія; онъ успокоился и заговорилъ въ болѣе миролюбивомъ тонѣ:

— Никто не запрещаетъ тебѣ набрать войска, сколько найдешь возможнымъ и необходимымъ, но, выступая въ

походъ, всегда лучше имѣть кого-нибудь готоваго оказать вамъ помощь. „Тамъ,—указалъ онъ на востокъ,—не желаютъ для себя ничего, никакихъ выгодъ, а готовы помочь вамъ единственно изъ состраданія, видя, какія преслѣдованія терпите за вѣру, и еслибъ вы даже не хотѣли этого, они все таки должны выступить на защиту святой вѣры, потому что борьба съ латинниками—ихъ христіанская обязанность.

— Подумай, сынъ мой, обо всемъ, что я тебѣ говорилъ... Богъ надѣлилъ тебя горячимъ сердцемъ, нужно направить его на пользу своего народа. Ты хочешь войны съ врагами русскаго народа и его вѣры, дѣло доброе... у меня найдешь и необходимую денежную помощь, и пріютъ для твоихъ людей... Подумай, сынъ мой!

Сотникъ поклонился и поцѣловалъ руку игумена.

— Подумаю, отче... зайду къ тебѣ еще разъ, если позволишь.

Онъ вышелъ отъ игумена не успокоенный, не съ лучшими надеждами на будущее, какъ того желалъ, а напротивъ еще съ большею тревогою въ сердцѣ.

— Довольно, уже довольно...—говорилъ онъ про себя, возвращаясь въ домъ пріятеля, и въ тотъ-же день выѣхалъ обратно въ Мошны.

III.

Сотнику было извѣстно, что какіе-то подозрительные люди подкрадывались къ его табунамъ; поэтому на выѣздѣ онъ приказалъ Яремѣ ночевать вмѣстѣ съ пастухомъ въ степи, а на всякій случай далъ имъ по самопалу, пороху и свинцу для пуль. Джура въ тотъ же день отправился на мѣсто. Это былъ вторникъ, день, въ который пастухъ обыкновенно приходилъ за припасами на цѣлую недѣлю; теперь-же ему приказано было немедленно возвращаться къ стаду, а провизію долженъ былъ принести

Ярема попозже. Тетка Ярына насыпала въ одинъ мѣшочекъ пшена, въ другой гречневыхъ крупъ, пшеничной муки, въ особый узелочекъ положила соли, отрѣзала кусокъ сала, все это сложила въ одинъ мѣшокъ, прибавила нѣсколько хлѣбовъ и паляныць: это было недѣльное продовольствіе пастуховъ съ прибавкою на долю Яремы.

— А забирай мѣшокъ, хлопче, и съ Богомъ!—окликнула его тетка Ярына, когда все было готово.

Ярема взвалилъ мѣшокъ на плечи.

— А котелокъ есть?—вспомнила старуха.

— Долженъ быть... вѣдь они тамъ въ чемъ-нибудь готовятъ.

— Уменъ ты, какъ я вижу!—замѣтила она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—изъ одного котелка втроемъ не наѣдитесь.

Погоди, нужно взять большій. Маруся!—позвала она. Дѣвушка откликнулась изъ огорода.

— Сбѣгай, дитя мое, въ комору, достань тотъ котелокъ, что виситъ на стѣнѣ.

Маруся подала котелъ, Ярема привязалъ его къ мѣшку и, навьюченый такимъ образомъ, медленнымъ шагомъ направился въ степь по таращанской дорогѣ.

Солнце уже садилось, когда онъ свернулъ съ дороги вправо и скрылся въ степной травѣ. Какъ шелъ онъ и куда, это зналъ онъ одинъ, потому что не было и слѣда какой-нибудь тропинки. Шелъ онъ медленно, озираясь по сторонамъ, только изрѣдка мелькала въ травѣ его голова въ соломенномъ брылѣ а взглядъ разбѣгался далеко по степи, какъ бы выискивая, на чемъ остановиться.

Роса уже спустилась на землю, повисла на желтыхъ чашечкахъ медвѣжьяго уха, на розовыхъ головкахъ будяка, на мелкихъ звѣздахъ волошекъ, и съ каждымъ шагомъ, при малѣйшемъ прикосновеніи осыпала брызгами его одежду, лицо и руки. По временамъ выскочитъ изъ подъ ногъ испуганый заяцъ и промчится что есть духу, только трава колышется, или степной орелъ, намѣтивъ добычу, стрѣлою падаетъ на него съ высоты. Вотъ стадо куропатокъ, встревоженное внезапнымъ появленіемъ человѣка,

съ крикомъ бросилось въ разсыпную; Ярема на все это смотрѣлъ равнодушнымъ взглядомъ. Вотъ промелькнула въ спокойномъ вечернемъ воздухѣ стая дикихъ утокъ и упала, неизвѣстно куда.

Солнце скрылось за горизонтомъ, оставивъ за собою пурпуровую дугу, которая росла, ширилась и въ то же время становилась все блѣднѣе и блѣднѣе, пока наконецъ блѣдно-розовыя края ея не слились съ общею синевою небесъ, на которой черезъ минуту должны заблистать звѣзды. Ярема спокойно брелъ по травѣ, глядя только впередъ, время отъ времени останавливался, что-то бормоча про себя, потомъ сворачивалъ вправо или влѣво и шелъ дальше. Вдругъ онъ замѣтилъ вдали какъ бы повисшія надъ степью черныя точки, улыбнулся и проговорилъ:

— Ага! теперь уже нельзя заблудиться.

Повидимому эта мысль придала ему бодрости, онъ шелъ быстрѣе и все посматривалъ на эти черныя точки; по мѣрѣ приближенія къ нимъ можно было различать все яснѣе, что онѣ не стояли на одномъ мѣстѣ, но двигались въ воздухѣ; наконецъ загадка объяснилась: это вороны и галки стаями кружились надъ однимъ мѣстомъ, которое избрали себѣ на ночлегъ. То былъ Бисивъ яръ, куда угонялся на ночь табунъ Гордія Грывы; туда и направился Ярема. Гдѣ-то вдали раздавались голоса дикихъ утокъ, перекликались въ травѣ перепелки, а время отъ времени къ этимъ звукамъ примѣшивалось отдаленное конское ржаніе и собачій лай. Трудно было угадать, откуда шли эти голоса, свидѣтельствующіе о близости человѣка, такъ какъ вокругъ разстилалась безбрежная степная равнина. Но вотъ поверхность степи начала понемногу понижаться, затѣмъ склонъ пошелъ вправо и передъ глазами открылась широкая балка, надъ которою ложился клубами вечерній туманъ. Ущелье съуживалось какъ лейка, а въ концѣ виднѣлась группа зеленыхъ деревьевъ, замыкавшихъ съ запада глубокій „Бисивъ яръ“.

На склонѣ балки виднѣлись, одинъ возлѣ другаго, нѣсколько загоновъ, оплетенныхъ хворостомъ; въ одномъ запирались кобылы съ молодыми лошатами, въ другомъ лошата постарше и „стрыгуны“, въ третьемъ остальныя лошади.

Въ сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, виднѣлась вырытая въ горѣ землянка съ плоскою земляною крышею, на которой роскошно разростались кусты полыни и деревію, да покачивались на высокихъ стебляхъ нѣсколько колосьевъ ржи; запиралась она тесовою дверью съ прорѣзаннымъ вверху маленькимъ окошечкомъ. Землянка предназначалась для склада провизіи, посуды, лѣкарствъ, для лошадей, одежды и оружія; пастухи ночевали подъ открытымъ небомъ, возлѣ табуна и только во время дождя или непогоды прятались въ землянку. Нѣсколько ниже, въ самой глубинѣ яра, находилась крыныця съ журавлемъ и длиннымъ рядомъ корытъ для лошадей.

Въ ту минуту, когда Ярема началъ спускаться въ ущелье, старшій пастухъ доканчивалъ прилаживать дверь къ землянкѣ и весь погруженъ былъ въ работу.

Вдругъ собаки кинулись съ неистовымъ лаемъ всѣ въ одну сторону, но черезъ минуту лай смѣнился радостнымъ визгомъ; онѣ побѣжали назадъ, привѣтливо махая хвостомъ. Все это привлекло наконецъ вниманіе Григорія; онъ поднялъ голову и началъ всматриваться; по соломенному брылю, колыхавшемуся поверхъ травы, онъ узналъ Ярему и крикнулъ, чтобы дать знать о себѣ:

— Го! Го!

Эхо повторило восклицаніе, отражаясь отъ стѣнъ оврага. Вскорѣ на тропинкѣ, вытоптаной лошадьми, показался Ярема, согнувшійся подъ тяжестью ноши. Собаки бросились къ нему навстрѣчу, обнюхали мѣшки и съ веселымъ лаемъ и прыжками проводили до самой землянки.

Едва дойдя до порога, онъ спустилъ на землю свою ношу и вздохнулъ легче.

— А, нехай ему! Усталъ, словно цѣлый день молотилъ! — и во всю длину растянулся на травѣ.

— А я думалъ, что тебя уже не будетъ... жду... жду, не могу дождаться!—замѣтилъ пастухъ и обратился къ мальчику, своему помощнику:

— А, ну, хлопче, пора готовить ужинъ! Бери котелъ и маршъ по воду, а я разведу огонь.

Пока мальчикъ вернулся отъ колодца, пастухъ забилъ въ землю три палки, пригнулъ ихъ, связалъ вверху и приготовилъ кучу хвороста; затѣмъ повѣсилъ на цѣпочкѣ котелъ съ водою, вынулъ и разобралъ принесенную провизію, насыпалъ въ миску пшена, сполоснулъ водою и бросилъ въ котелъ.

Ярема тѣмъ временемъ отдохнулъ; оба закурили трубки и улеглись на животѣ, повернувшись головою къ огню, пока мальчикъ наблюдалъ за котломъ. Такъ лежали они опершись на локоть, сосали короткія изогнутыя люльки и бесѣдовали въ ожиданіи горячаго кулиша. Тутъ же рядомъ сидѣли собаки на заднихъ лапахъ, смотрѣли на огонь, нюхали аппетитный запахъ и ждали терпѣливо, не достанется ли и имъ какая корка хлѣба.

Наконецъ ужинъ былъ готовъ, а тѣмъ временемъ и ночь наступила. Григорій въ качествѣ хозяина приказалъ мальчику собрать хворосту и поддерживать огонь, а самъ вынесъ изъ землянки миску и ложки и налилъ кулишу. За неимѣніемъ стола сдѣлано было особое приспособленіе для того, чтобы удобнѣе было ѣсть всѣмъ вмѣстѣ. Въ землѣ вырыта кольцеобразная канавка, глубиною примѣрно по колѣни, такъ что середина круга немного возвышалась надъ землею; на этотъ импровизированный столъ поставили миску съ кушаньемъ, всѣ усѣлись вокругъ, спустивши ноги въ канавку, и взялись за ложки. Огонь тлѣлъ и дымился на нѣкоторомъ разстояніи, дымъ разносился вѣтромъ и разгонялъ комаровъ, которые роями кружились надъ людьми.

Было уже поздно, когда пастухи расположились на ночлегъ у входа въ землянку на разостланныхъ свиткахъ, какъ вдругъ собаки залаяли, обратившись къ востоку.

— Должно быть волки.—шепнулъ Ярема.

— Или гайдамаки... одинъ разъ уже заглядывали ко мнѣ въ степи, доберутся и сюда...

— А было бы чѣмъ поживиться,—замѣтилъ первый.

— Цуръ ему! Тогда сотникъ такъ почиститъ намъ кожу, что будешь дуть цѣлый мѣсяцъ.

Очевидно аргументъ былъ убѣдительный, оба молча вошли въ землянку осмотрѣть оружіе на всякій случай. Самопалы были уже заряжены, оставалось только подсыпать свѣжаго пороху и поправить кремни; затѣмъ ружья поставили въ углу наготовѣ, а сами улеглись снова и начали прислушиваться. Собаки продолжали лаять, но не такъ, какъ на врага, а какъ бы въ знакъ предостереженія. Казалось, будто вѣтеръ доноситъ изъ степи какой-то иной шелестъ, а не колыханіе травы, но собаки вели себя успокаивающе: онѣ не бѣжали противъ непріятеля, какъ бываетъ обыкновенно, а сидя на заднихъ лапахъ, лаяли мѣрнымъ, спокойнымъ лаемъ, потомъ вдругъ вскочили, побѣжали вверхъ по тропинкѣ и опять воротились назадъ. Пастухи поднялись на локтяхъ и, обернувшись въ ту сторону, прислушивались; теперь, въ ночной тишинѣ, ясно можно было различить человѣческіе шаги.

Ярема осторожно ползкомъ добрался до куреня и взялъ ружья, но едва успѣлъ воротиться на мѣсто такимъ же порядкомъ, какъ на дорожкѣ показалась человѣческая фигура.

— Это не гайдамаки,—шепнулъ Григорій,—Они въ одиночку не ходятъ...

— Можетъ, бѣглый какой?

Между тѣмъ человѣкъ приближался прямо къ куреню, какъ будто зналъ дорогу. Было уже около полуночи, мѣсяцъ скрылся, но тысячи звѣздъ свѣтили на небѣ и позволяли довольно ясно различать предметы.

— Кто идетъ?—окликнулъ Григорій.—Говори, не то выстрѣлю!

— Дѣдъ,—отозвался голосъ съ тропинки.—Не бойтесь... свой... И не смущаясь, подходилъ все ближе и ближе.

— А чего же ты шатаешься ночью по степи?

— Шатаюсь... значитъ нужно! А вы зачѣмъ спите ночью — потому что такъ нужно. Вамъ лучше бодрствовать днемъ, а мнѣ ночью.

Пастухи встали, чтобы разглядѣть дѣда. То былъ старикъ, еще крѣпкій и бодрый и, хотя повидимому слѣпой, онъ шелъ быстро, опираясь на палку. Голова его была открыта, а широкій соломенный брыль висѣлъ на шнуркѣ у пояса; въ рукахъ держалъ онъ длинную суковатую палку и прикрывалъ что-то сбоку полою изорванной свиты. Худощавое лицо его, съ высокимъ, правильнымъ лбомъ, было красиво не смотря на преклонныя лѣта, а лысую голову окаймляли длинныя, сѣдыя кудри, свободно развѣвавшіеся по вѣтру.

Поровнявшись съ пастухами, старикъ произнесъ обычное привѣтствіе.

— Вотъ, шелъ за вѣтромъ и сюда зашелъ,—замѣтилъ онъ какъ бы про себя.—А когда уже забрелъ, такъ позвольте переночевать съ вами до утра.

— Мѣста довольно...

— Спасибо! А вы что за люди? На хуторахъ сидите, что-ли?

— Какіе тутъ хутора... Когда-то здѣсь точно былъ хуторъ, да какъ-то разъ ночевали поляки, дѣда съ бабою повѣсили, воловъ зарѣзали и съѣли, и хутора не стало; вотъ нѣсколько вишень и сливъ, что растутъ на косогорѣ, это и вся память отъ хутора.

— А что же вы тутъ дѣлаете?—разспрашивалъ старикъ съ любопытствомъ.

— Стережемъ Грывино стадо.

— Грывино? Какого это Грывы? Можетъ сотника изъ Мошенъ?

— Его самого!

— Добрая душа! Не разъ случалось ѣсть у него хлѣбъ-соль... Помню его еще при Мазепѣ... Слыхалъ я отъ людей, что онъ въ Мошнахъ, да не надѣялся, что приведетъ Богъ встрѣтиться... Нужно зайти къ нему.

— А вы, диду, какъ же, въ кóзакахъ служили съ сотникомъ, что-ли?

— Нѣтъ, не служилъ... а такъ знаю... Вотъ, играю людямъ на бандурѣ, и кормятъ старика.

Ярема тоже вмѣшался въ разговоръ.

— Теперь хоть пойдете въ Мошны, хоть нѣтъ—все равно: не застанете сотника. Выѣхалъ сегодня на разсвѣтѣ и развѣ только черезъ недѣлю воротится...

Старикъ почесалъ въ затылкѣ; очевидно извѣстіе это непріятно поразило его.

— Богъ знаетъ еще, когда пойду къ нему... и такъ едва передвигаю ноги, пидтоптався...

— А вы откуда, диду?

— Изъ далека,—отвѣчалъ старикъ въ раздумьѣ и прибавилъ какъ бы нехотя:—Вотъ такъ, хожу себѣ по свѣту, извѣстно старый, слѣпой...

Закурили трубки, и сонъ прошелъ. Дѣдъ снялъ съ плеча свою походную сумку, досталъ кусокъ хлѣба и соль, завязанную въ тряпочкѣ, очистилъ зубокъ чесноку, натеръ имъ хлѣбъ, посолилъ и началъ медленно пережевывать.

— Проголодался какъ собака; все спѣшилъ, шелъ то степями, то ярами, некогда было и хлѣба поѣсть.

— Спѣшили?—Куда?

— На прощу въ Мотроненскій монастырь, да..—онъ остановился, какъ бы соображая что-то, потомъ прибавилъ:—да заблудился... Де Крымъ, де Рымъ, де Бабынски корчмы! Такъ подбился, что не знаю, оправлюсь-ли и за недѣлю. Еслибы можно идти дорогою, то еще полбѣды, все таки встрѣтилась бы какая корчма по пути, какое жилье, какая-нибудь человѣческая душа, которая дала бы хоть ложку чего горячаго, а то бродишь цѣлые дни какъ волкъ степями да чагарями, прячешься отъ людей...

— Почему такъ? отозвался Ярема.

Старикъ кивнулъ головою на лежавшую около бандуру.

— А вотъ почему!.. такія теперь времена настали... лишь бы кого поймали съ бандурою, сейчасъ бандуру въ куски, а дѣда на веревку...

— Тутъ васъ и самъ куцый не отыщетъ.

— Цуръ ему!—старикъ перекрестился.

— А какъ же васъ звать, диду?—спросилъ Григорій.

— Какъ звать? Люди зовутъ меня слѣпымъ Матвѣемъ, то и вы такъ называйте...

— Ну, когда такъ, диду Матвію, то подкрѣпились немного, а теперь пора спать: намъ чуть свѣтъ надо выгонять табунъ въ степь на росу...

Матвѣй дѣйствительно только что кончилъ свой ужинъ, крехтя поднялся на ноги и трижды перекрестился на востокъ.

— А что, хлопци, курень есть?

— Есть! вотъ онъ передъ нами.

— Не вижу... Если есть, то и прекрасно, спрячьте мнѣ въ курень сумку и вѣрную бандуру... нужно беречь ее, потому что она меня кормитъ...

Вскорѣ возлѣ куреня слышался только мѣрный храпъ четырехъ голосовъ. Спали недолго. Чуть забрезжился свѣтъ, пастухи уже были на ногахъ. Григорій съ мальчикомъ сѣли на лошадей и погнали табунъ въ степь. Ярема остался съ гостемъ и занялся приготовленіемъ кулишу.

— А вы, диду, какой любите?

— Какой даютъ, такой и ѣмъ...

— Пшенный любите?

— Ой, ой!.. лишь бы былъ...

— А можетъ гречневый?—допрашивалъ Ярема.

— Ой, голубчику, еслибъ гречневый! Я уже должно быть съ мѣсяцъ не пробовалъ его, а такъ поѣлъ-бы.. это мнѣ какъ разъ по зубамъ.

— Ну, такъ я сварю для васъ гречневый, если любите... Намъ все равно, вчера ужинали пшенный, а сегодня пусть будетъ гречневый для перемѣны..

— Спасибо, спасибо! вы добрые хлопцы, съ вами какъ то легче жить на свѣтѣ..

Вскорѣ воротился Григорій, оставивши табунъ подъ наблюденіемъ мальчика, и всѣ трое усѣлись за обѣдъ. Когда кулишъ былъ съѣденъ и закурены трубки, старикъ обратился къ пастухамъ:

— Накормили, спасибо вамъ за это... а теперь-то развѣ сами прогоните меня отсюда: ей Богу не въ силахъ идти дальше; не знаю, дойду ли и до Мошенъ.

Онъ развязалъ постолы и показалъ ноги, мѣстами натертыя и покраснѣвшія, но не настолько, чтобъ нельзя уже ходить. Можетъ быть, старикъ хотѣлъ отдохнуть, можетъ быть, были какія-нибудь другія причины, но почему-то ему не хотѣлось уходить.

— А кто-же васъ гонитъ, диду?—отозвался Ярема.— Отдохните себѣ немного, если утомлены, полежите нѣсколько дней въ куренѣ, а тамъ съ Богомъ, куда вамъ путь лежитъ.

Такъ и остался дѣдъ Матвій въ Бисовомъ яру и никто не жалѣлъ объ этомъ. Днемъ онъ сторожилъ землянку въ отсутствіе пастуховъ, по вечерамъ пѣлъ имъ грустныя козацкія думы подъ аккомпаниментъ бандуры, а иногда послѣ ужина наигрывалъ такого залихватскаго козачка, что ни одинъ не могъ усидѣть на мѣстѣ: вытаптывали и вырывали съ корнемъ траву подъ ногами, выдѣлывая различныя фигуры и припѣвая подъ звуки музыки:

Поки була молода,
Була и урода.
А теперъ на биду,
И въ люстерку не знайду...

— Хорошо работаете ногами, отлично, и на Запорожьѣ лучше не умѣютъ. Правду сказать, не тутъ бы вамъ сидѣть... вамъ бы не съ нагайкою, а съ копьемъ и самопаломъ летать по степи...

— Придетъ время и для этого...

— О, конечно... можетъ быть и скоро уже...—произнесъ старикъ съ удареніемъ, возбудившимъ вниманіе молодыхъ людей.

— А что же тамъ слышно на свѣтѣ, диду? Вы ходите, Богъ знаетъ, какими сторонами, до васъ скорѣе дойдетъ какая-нибудь вѣсть, чѣмъ до насъ.

Старикъ сразу присмирѣлъ.

— Развѣ мнѣ кто разскажетъ, что дѣлается на свѣтѣ? Кто станетъ говорить объ этомъ съ слѣпымъ старикомъ? Развѣ самъ услышу то то, то другое,—только и всего.

Разговоръ прервался на минуту; старикъ какъ бы придумывалъ, что сказать; его собесѣдники молчали въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное.

— Говорятъ, около Умани стоятъ русскія войска... Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они стоятъ... Должно быть смотрятъ, какъ ляхи бьются между собою...

— А за что же они бьются?

— Кто ихъ знаетъ... Одни хотятъ одного короля, другіе другаго, да и берутся за чубы: извѣстно съ жиру.

— Пускай себѣ дерутся, лишь бы насъ не трогали.

— Въ томъ то и бѣда, что мы съ ними, какъ тѣ два воза, что ѣдутъ одною дорогою: если умные погонщики, то и возы разойдутся въ цѣлости, а если глупые, то и оси поломаютъ, и сами подерутся.

Старику однако не столько хотѣлось разсказывать самому, сколько вывѣдать у нихъ о чемъ-то; послѣ минутнаго молчанія онъ прямо спросилъ:

— А у васъ что слышно?

— У насъ? Вотъ какъ въ этомъ котлѣ, готовится что-то... Григорій указалъ рукою на котелъ, въ которомъ кипѣла вода. Толкуютъ по хатамъ, будто царица нанимаетъ людей противъ поляковъ, гайдамаки кучками ходятъ по степи среди бѣлаго дня, а если удается составить большій отрядъ, нападаютъ на панскіе дворы и замки...

— Въ томъ-то и бѣда! Они хотятъ чего-то, а чего—сами не знаютъ и изъ защитниковъ свободы становятся простыми разбойниками...

Когда кулишъ былъ готовъ и всѣ взялись за ложки, дѣдъ Матвій поднялъ голову и началъ прислушиваться; большая стая воронъ съ громкимъ карканьемъ въ безпорядкѣ пронеслась надъ головою и полетѣла на западъ.

— Ого! собрались въ путь вороны къ самой ночи, должно быть гдѣ-то готовъ для нихъ добрый завтракъ...

— На ночлегъ летятъ, диду,—замѣтилъ Ярема

— Нѣтъ, сынку! вороны уже спятъ. а тѣ, что пролетѣли, видно собрались куда-то далеко.

— Пускай и такъ будетъ...

На слѣдующее утро предсказаніе Матвія повторилось. Высоко въ небѣ летѣло стадо ястребовъ, но острый слухъ старика различилъ ихъ отдаленный полетъ.

— А посмотри-ка, сыну,—обратился онъ къ Яремѣ:— правда, что это шуляки летятъ?

Ярема поднялъ голову къ солнцу.

— А шуляки...

— Есть тамъ и для нихъ что-то.

Послѣ полудня старикъ началъ собираться въ путь.

— Довольно сидѣть! уже чуть не цѣлую недѣлю ѣмъ вашъ кулишъ и вашъ хлѣбъ жую; пора идти дальше. Пойду на Мошны, а тамъ разспрошу дорогу въ Мотроненскій монастырь.

— Диду! переждите еще день, да и пойдемъ вмѣстѣ;— уговаривалъ Ярема;—если захотите, провожу васъ къ сотнику; можетъ быть онъ уже воротился.

— Не могу, сынку, мои старыя ноги не сойдутъ съ твоими. Побреду самъ помаленьку, а къ сотнику зайду непремѣнно—можетъ быть хоть переночую у него.

Не смотря на всѣ просьбы старикъ заупрямился и ушелъ—видно торопился куда-то. Хотя онъ жаловался и на ноги, и на здоровье, но на самомъ дѣлѣ у него не было недостатка ни въ здоровьѣ, ни въ силахъ. Правда, шелъ онъ медленно, пробуя палкою на всѣ стороны, какъ бы отыскивая дорогу, пока не вышелъ изъ оврага, но, разъ очутившись на степномъ просторѣ, пошелъ впередъ

прямо и свободно, точно имѣлъ прекрасное зрѣніе. Между бандуристами случались иногда и настоящіе слѣпцы, но въ большинствѣ случаевъ слѣпота бывала искусственная, производимая посредствомъ подрѣзыванія мускуловъ, приводящихъ въ движеніе вѣко, безъ ущерба для самаго глаза. Съ помощью подобной операціи можно было произвести кажущуюся слѣпоту, состоявшую въ закатываніи глазъ такъ, что видны были одни бѣлки, а зрачокъ оставался невредимымъ. Такого рода увѣчье, хотя искусственное и чисто мнимое, возбуждало въ сердцахъ простаго народа состраданіе къ бандуристамъ, а во-вторыхъ давало имъ возможность распространять въ этой средѣ славу любимыхъ козацкихъ героевъ и облегчало дѣло объединенія народной массы для борьбы съ поляками.

Отъ Бисоваго яру до Мошенъ степью напрямикъ было не больше мили, а не смотря на то немногіе въ мѣстечкѣ знали о его существованіи, во-первыхъ потому, что этотъ степной участокъ принадлежалъ Гордію, а главнымъ образомъ потому, что лежалъ онъ въ сторонѣ отъ дороги. Въ тѣ времена рѣдко кто отваживался углубляться въ степи далеко отъ проѣзжаго пути; исключеніе составляли развѣ какой-нибудь козацкій отрядъ или кучка гайдамаковъ, да и тѣ имѣли свои опредѣленныя, извѣстныя имъ однимъ урочища, гдѣ и собирались. Какимъ образомъ могъ попасть сюда слѣпой бандуристъ, одинъ, безъ проводника? Этого вопроса не задавали себѣ ни Григорій, ни Ярема, да впрочемъ ни одинъ не могъ бы дать на него удовлетворительнаго отвѣта.

Часа за два до захода солнца дѣдъ Матвій былъ уже подлѣ мѣстечка; теперь онъ пошелъ медленно вдоль плетней, осторожно ощупывая палкою дорогу; затѣмъ, миновавши первыя хаты, остановился у воротъ не то большой хаты, не то шляхетскаго дома,—какъ разъ у жилища Гордія Грывы,—досталъ изъ подъ полы бандуру и запѣлъ „Лазаря“. То былъ обычный пріемъ, чтобы вызвать кого-нибудь изъ дома. Дѣйствительно, на порогѣ показа-

лась тетка Ярына и слушала, набожно скрестивши руки. Изъ сада выглянула свѣтлая голова Маруси.

— Титко! а попросите дѣда въ хату: не хорошо играть за воротами... Можетъ быть онъ голоденъ, такъ и накормить нужно.

— Тебѣ только бы съ нищими возиться; сейчасъ будешь пробовать бандуру, правда?

— Тамъ уже какъ придется,—возразила Маруся и пошла отпереть калитку.—Зайдите, диду, отдохните немного.

Старикъ вошелъ и послѣдовалъ за нею, палкою ощупывая дорогу.

— А къ кому-же это я зашелъ?—спросилъ онъ.—Надо знать, кого благодарить за хлѣбъ-за соль.

— Ого! а вы откуда, диду, что не знаете? Дѣвушка внимательнѣе посмотрѣла на него: дѣдъ былъ незнакомый.

— Я? извѣстно, какъ дѣдъ, скитаюсь по всему свѣту; ни кола, ни двора, ни роду, ни племени, гдѣ накормятъ, тамъ сижу и пою.

— Ахъ! жаль, что отца нѣтъ дома,—сказала Маруся.— Онъ охотникъ и до пѣсенъ, и до разсказовъ...

Матвій поднялъ на нее свои бѣлки.

— А какъ же звать отца?

— Гордій Грыва.

— Гордій Грыва!—повторилъ старикъ, какъ-бы удивленный.—Вотъ ужь именно случай: и ночевалъ я у него на хуторѣ, и теперь прямо къ нему попалъ; вѣдь это старый знакомый. А теперь его должно быть дома нѣтъ?— прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, но мы уже другой день ожидаемъ его назадъ...

— Уѣхалъ, куда же?—допрашивалъ старикъ.

— Уѣхалъ... а куда, никому не сказалъ... какъ будто въ Кіевъ.

Пока Маруся разговаривала съ дѣдомъ, тетка Ярына поставила на столъ закуску, принесла миску вареникoвъ, оставшихся отъ полдника, и пригласила старика къ столу. Между тѣмъ звуки бандуры привлекли въ хату нежданныхъ гостей; первая прибѣжала Гандзя.

— А ты уже тутъ?—встрѣтила ее тетка Ярына.

— Ой, титко, ей Богу не могу выдержать; какъ услышу музыку, то кажется, воротилась бы съ того свѣта...

— Ой, дивчыно! вѣдь это пѣсни божественныя, а не какія-нибудь..

— Такъ что-жъ?—быстро возразила Гандзя.—Кто умѣетъ божественныя, тотъ можетъ и козачка съиграть...

— Эгъ! у тебя вѣчно пустяки на умѣ!—замѣтила тетка Ярына и махнула рукою съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Ей Богу, титко, какъ услышала бандуру, то и сапа изъ рукъ выпала, а я какъ разъ буряки сапала... Не могу выдержать, да и только!

При этихъ словахъ дверь отворилась, и вошелъ Грыцько.

— Цуръ вамъ!—крикнула Ярына.—Развѣ вамъ дѣлать нечего, что ли? Точно сегодня воскресеніе или какой праздникъ, чтобы ходить въ гости?

— Титко, не сердитесь... я возвращался съ сѣнокоса... вижу, что другіе идутъ, и самъ зашелъ.

— А кто-же это другіе? Одна Гандзя пришла—и только,—отозвалась Маруся.

— А кого ему нужно больше? И почему вы уже не поженитесь,—продолжала Ярына.—Цѣлый свѣтъ исходить, а такой пары не найти... Танцовали бы себѣ вдвоемъ отъ воскресенья до воскресенья—и больше ничего.

Гандзя искоса глянула на подругу, потомъ на Грыцька и отвѣчала съ веселымъ смѣхомъ.

— И я тоже говорю... да что дѣлать—рушныки еще не готовы...

— Поспѣши!

— Къ чему?—и затѣмъ прибавила недовольнымъ тономъ:—пускай себѣ другую поищетъ, можетъ быть лучше найдетъ.

— Не далеко искать,—замѣтилъ Грыцько и заговорилъ съ Марусею о прохожемъ бандуристѣ.

Грыцько ухаживалъ за Марусею, которая тоже не оставалась равнодушною къ молодому, красивому парубку, но

тетка Ярына не упускала случая сдѣлать на его счетъ насмѣшливое замѣчаніе: легкомысленный, любящій развлеченія Грыць совсѣмъ не нравился ей. Онъ думалъ свататься, и мать его тоже не разъ намекала Ярынѣ о томъ, что слѣдовало бы женить ея единственнаго сына на единственной дочери Гордія; но Грыць точно также любезничалъ и съ Гандзею, которая платила ему взаимностью и даже сама заигрывала съ нимъ. Маруся, разумѣется, не могла не видѣть этихъ улыбокъ и взглядовъ, но объясняла все это его живымъ темпераментомъ; вѣдь самъ онъ говорилъ, что вскорѣ пришлетъ сватовъ и все будетъ кончено, а она не имѣла повода сомнѣваться.

Между тѣмъ Матвій кончилъ ужинъ и въ свою очередь вмѣшался въ разговоръ.

— Что значитъ молодость... только танцы да любовь на умѣ, о чемъ же имъ говорить больше? Не сердитесь, хозяйка.

Но старуха продолжала сердиться.

— Этъ, уже! и говорить нечего... На работу идти нѣтъ времени, а зубы скалить да гоцоньки выбивать, такъ хоть съ утра до поздней ночи!

— А хлопецъ молодой? —спросилъ Матвій.

— Еще не старый, —отвѣчалъ тотъ весело. —Двадцать пятый годъ пошелъ.

— Мои были бы немного старше...

Кобзарь грустно покачалъ головою и задумался, а двѣ слезы медленно катились по его морщинистому лицу. Должно быть, старикъ не чувствовалъ этихъ слезъ, потому что и не отиралъ ихъ, только глубоко вздохнулъ; видно имя и лѣта молодаго парубка пробудили въ немъ живое, еще не угасшее воспоминаніе о какой-то сердечной утратѣ. Для того ли, чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе, или, желая поблагодарить хозяйку за пріемъ, онъ взялъ бандуру и началъ наигрывать. Впрочемъ, волненіе старика не укрылось отъ вниманія присутствующихъ: они смолкли и прислушивались къ звукамъ бандуры.

— А вы, диду, одни на свѣтѣ, ни роду, ни племени?— спросила Ярына, видимо растроганная.

— Вотъ такъ, какъ видите... были когда-то и жена, и дѣти... а теперь остался одинъ,—прибавилъ онъ грустно, и снова началъ наигрывать мотивъ, какъ бы припоминая слова.

Дверь отворилась, и вошелъ Игнатъ, поклонился присутствующимъ и посмотрѣлъ на слѣпаго музыканта.

— А что, дѣдъ игралъ уже, или еще будетъ играть?

Матвій обернулся на звуки новаго голоса.

— Нужно играть, козаче, благодарить за хлѣбъ-за соль...

— Да кто задыхается теперь въ хатѣ, когда на дворѣ такъ хорошо...—замѣтилъ Игнатъ и обратился къ хозяйкѣ.

— Титко! не просить ли дида въ садокъ... тамъ и свободнѣе, и легче пѣть на воздухѣ.

— Такъ, такъ!—отвѣчала Ярына.—А, ну, хлопци, выносите скамьи и проводите дида.

Въ одну минуту хата опустѣла. Старика усадили на прызьбѣ, около него помѣстились на скамьѣ Ярына съ Марусею и Игнатъ, дальше стали полукругомъ нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ, которыя при первыхъ звукахъ музыки выбѣжали изъ сосѣднихъ хатъ; множество ребятишекъ разнаго возраста протискались впередъ и, держась за плахты матерей, съ любопытствомъ смотрѣли на музыканта. Позади всѣхъ стояли подъ вишнею Грыць и Гандзя, обмѣниваясь вызывающими взглядами, шептались и пересмѣивались.

Старикъ настроилъ бандуру, сыгралъ прелюдію, откашлялся и сильнымъ еще голосомъ запѣлъ длинную импровизацію о томъ, какъ охотники собирались на соколиную охоту, и какъ одинъ изъ соколовъ стосковался за минувшей свободой, за роднымъ гнѣздомъ, за вольными степями; жалобно стоналъ онъ, пробуя крылья, и думалъ, что ужъ навѣки утратилъ всѣ свои силы и быстрый полетъ на подневольной панской службѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что не умерли и не ослабѣли его прежнія силы, вздохнулъ

полною грудью, свободно распустилъ крылья и исчезъ въ синемъ небѣ, а охотники такъ и не дождались его возвращенія.

— То не ясный соколъ тосковалъ за вольною степью, то козакъ, рожденный въ неволѣ, вспомнилъ на панщинѣ, что отецъ его былъ когда-то свободнымъ, а сына заставляютъ пахать плугомъ ту землю, которую отецъ пахалъ копьемъ, боронилъ конскими копытами, поливалъ своею кровью и сѣялъ волю, а вмѣсто нея выросла панщина. И не въ-терпежъ стало козаку. Темною ночью разбудилъ онъ жену и дѣтей, наполнилъ мѣшки хлѣбомъ, и пошли въ степь, къ морю, къ Великому Лугу. Долго шли они, терпя и голодъ, и непогоду; наступила зима, припасы давно истощились, дѣти выбились изъ силъ и съ трудомъ передвигали опухшіи ноги, а они все шли да шли, далеко обходя людскія поселенія изъ страха, чтобы кто-нибудь не выдалъ ихъ полякамъ. Хотѣлось прилечь и не двигаться съ мѣста, но голодъ и стужа гнали ихъ дальше.

Однажды пришли они въ лѣсъ на ночлегъ, вырыли въ снѣгу яму и развели костеръ; дѣти лежали какъ полумертвыя и уже не просили ни ѣсть, ни пить, и огонь не согрѣвалъ ихъ. Вдали стояла корчма. И жаль стало бѣглецамъ теплаго угла, хоть и въ панской неволѣ, жаль не для себя, а для дѣтей, и начали совѣтоваться отецъ съ матерью, какъ быть: до Сичи далеко, а въ корчмѣ все-таки живутъ люди. Досталъ козакъ послѣдній грошъ и пошелъ купить для дѣтей хлѣба. Шелъ онъ долго,—заблудился въ лѣсу, а когда возвратился на мѣсто, костеръ уже угасалъ, а вокругъ, сидѣла стая волковъ. Волки разбѣжались; началъ козакъ будить жену и дѣтей, но не могъ добудиться — они замерзли у огня.

На утро снова отправился бѣдняга въ корчму просить топора и заступа, вырылъ глубокую яму, своими руками схоронилъ все, что было у него дорогаго на землѣ, и съ отчаяніемъ въ душѣ побрелъ одинъ на Сичъ.

Голосъ старика дрожалъ отъ слезъ, онъ едва выговаривалъ послѣднія слова, какъ бы подавленный ужасомъ картины, которую нарисовалъ своимъ слушателямъ; старикъ сложилъ руки на бандурѣ и отдыхалъ. Казалось, онъ пѣлъ о своемъ несчастьѣ. Вокругъ царило глубокое молчаніе, даже дѣти стояли неподвижно, а женщины потихоньку утирали слезы.

— Такъ-то изводятъ ляхи нашего брата! — отозвался Игнатъ —Когда бы поскорѣе дошло дѣло до разсчета — всѣхъ вырѣжемъ!

Старикъ покачалъ головою и произнесъ какъ бы про себя:

— Придутъ другіе!

— Нужно, чтобы никто не приходилъ! Выгнать ихъ такъ, какъ Хмельницкій гналъ, чтобъ и духу ихъ не осталось на Украинѣ!...

— Этихъ не будетъ—прибудутъ другіе... Биться не штука, мириться трудно. У насъ съ ними такъ, какъ съ тѣмъ подсусидкомъ, что живетъ съ хозяиномъ въ одной хатѣ: и ссорятся, и дерутся, но если люди толковые, то придутъ наконецъ къ соглашенію, потому что невозможно жить вмѣстѣ въ непрерывной враждѣ; а если смысла нѣтъ и оба люди упрямые, то будутъ драться, пока одинъ другаго не убьетъ...

— Эй, диду! хорошо вамъ говорить... а тутъ какъ подумаешь, что не сегодня-завтра запрягутъ въ панскій плугъ, такъ вся кровь и закипитъ!..

— Ой, ой, ой! какой горячій! который это такъ?

— Игнатъ!

— Голый?

— Да! а вы откуда знаете мое имя?

— Отца твоего знавалъ, сыну... Ушелъ съ Мазепою за Дунай... правда?

— Должно быть, правда... людита къ говорятъ...

— Тамъ и погибъ онъ, отъ лихорадки... Помню—разсказывалъ, что оставилъ малютку сына, Игната по имени... помню..

Мало-по-малу слушатели расходились, время было позднее, хозяйкамъ пора было готовить ужинъ, а завтра нужно съ разсвѣтомъ подыматься на работу. Матвій тоже побрелъ на ночлегъ,—ему указали на току стогъ сѣна, который только что начали складывать.

— Хорошо, хорошо... благодарю... на сѣнѣ и мягко, и молодые годы припомню.

— И мнѣ пора, — замѣтила Гандзя, и обратилась къ Грыцьку.—Проводилъ бы меня до хаты, тебѣ вѣдь по дорогѣ...

— Вотъ еще!—отозвалась Маруся,—на край мѣстечка идти, что-ли, что еще нужно провожатаго.

— Все равно, по дорогѣ,—возразилъ Грыць.

Марусѣ сдѣлалось больно, что подруга такъ открыто заигрываетъ съ ея женихомъ, но она промолчала. Гандзя искоса бросила на нее злобный взглядъ.

— Вотъ какъ! хочешь привязать къ себѣ Грыцька, что-ли? Погоди, пускай женится; еще насмотритесь другъ на друга, такъ что надоѣстъ ..

Маруся старалась принять равнодушный тонъ.

— Голубко! идите, идите съ Богомъ...

Молодые люди вмѣстѣ вышли со двора и пошли вдоль улицы. Ревность не давала покоя Марусѣ. Она воротилась въ хату, но спать не могла: улыбки и взгляды Гандзи гнали сонъ. Вдругъ какая-то мысль промелькнула въ головѣ и сдавила ея сердце; потихоньку встала она съ постели, набросила свитку и неслышными шагами вышла изъ хаты, на леваду. Длинная левада, обсаженная со стороны дороги частыми вербами и кустами орѣшника, тянулась отъ дома вдоль улицы почти до самаго мѣстечка; здѣсь, по другую сторону дороги стояла гандзина хата. Дѣвушка тихо пробиралась впередъ между огромными лопухами, по временамъ останавливалась, раздвигала густыя вѣтви орѣшника и бросала взглядъ на дорогу. Было уже поздно. Изъ за Днѣпра подымался круглый, огненный мѣсяцъ, и широкая полоса свѣта легла на дорогу.

Маруся остановилась въ концѣ левады и снова поглядѣла въ щелку. На противоположной сторонѣ улицы темнѣли двѣ человѣческія фигуры, раздѣленныя однимъ перелазомъ; на улицѣ стоялъ Грыць, по ту сторону перелаза—ея соперница и, облокотившись о плетень, разговаривали въ полголоса. Среди ночной тишины Маруся могла различить каждое слово.

— Иди уже домой, иди...—шептала Гандзя взволнованнымъ голосомъ.—Вотъ еслибы Маруся услышала, досталось бы тебѣ...

— Ей Богу, правду говорю!

— Отстань! И мнѣ правду говоришь, и ей, а кто тебя знаетъ, гдѣ правда? Обѣщалъ вѣдь прислать къ ней сватовъ.

— Этъ! мать разсказываетъ, потому что ей самой того хочется.

— Не лги, не запирайся! точно я сама не вижу... глазъ у меня нѣтъ, что-ли?..

Грыць наклонился къ ней черезъ плетень.

— Отстань! иди уже...—прошептала она въ полголоса,—еще увидятъ. Но сама не отходила отъ перелаза. Молодой козакъ еще больше подался впередъ, она отступила на шагъ.

— Манишь къ себѣ глазами, а сама отталкиваешь,—произнесъ онъ съ упрекомъ.

— Оставь меня въ покоѣ! иди себѣ къ своей... Покойной ночи!

Дѣвушка убѣжала въ хату, на порогѣ остановилась, обернулась еще разъ, потомъ отодвинула засовъ въ дверяхъ и исчезла.

Грыць еще оставался на мѣстѣ, какъ бы поджидая, не выйдетъ ли она снова, но Гандзя не выходила; онъ медленнымъ шагомъ направился домой.

Маруся смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ глазъ, а сердце ея усиленно билось. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что подруга отбивала у нея

жениха, играла съ нимъ, то завлекая, то отталкивая, сводила съ ума того, кого она такъ любила. Оставалась еще слабая надежда на дружбу Гандзи, которая можетъ быть не захочетъ окончательно разлучить ее съ дорогимъ человѣкомъ. Напрасно старалась Маруся утѣшить себя этою надеждою, а сама возвращалась въ хату съ цѣлою бурею въ сердцѣ...

Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду познакомить читателя на основаніи архивныхъ данныхъ съ протестомъ слободской старшины и простаго населенія противъ реформъ Екатерины II въ Слободской Украинѣ.

Въ 1765 г. рукою Екатерины II произведенъ крупный переломъ въ жизни слободско-украинскаго козачества: всѣ пять полковъ выборныхъ козаковъ были уничтожены, а на ихъ мѣсто сформировано столько же гусарскихъ; области Слободской Украины, именовавшіяся полками, превращены въ провинціи, а полковыя канцеляріи обращены въ провинціальныя. Вновь образованныя провинціи, бывшіе полки: харьковскій, изюмскій, ахтырскій, сумскій и острогожскій составили одну губернію, названную Слободско-Украинскою. Губернскимъ городомъ назначенъ Харьковъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ козачьей службы и управленія были отмѣнены и давнія „старочеркаскія обыкности", утвержденныя жалованными грамотами предыдущихъ московскихъ царей и царицъ. Упраздняя въ нашемъ краѣ козачью службу, реформа обратила бывшихъ казаковъ въ войсковыхъ обывателей, изъ коихъ надлежало рекрутировать пять гусарскихъ полковъ; бывшей же козачьей старшинѣ было предложено переименоваться въ дворяне съ присвоеніемъ себѣ великороссійскихъ чиновъ. Словомъ, императрица распространяла на Слободскую Украину общее гражданское управленіе Имперіи. Поводомъ къ реформѣ, какъ объявлялъ манифестъ, были многія неустройства, происходившія отъ смѣшаннаго воинскаго и гражданскаго управленія, тягостное содержаніе и безполезность козачьей службы въ связи

съ развившимся утѣсненіемъ народа. Императрица, скорбя о нарушаемыхъ интересахъ населенія, и „желая изъявить“ свое материнское къ народу милосердіе, рѣшила произвести указанную реформу. Дѣлалось это, какъ сообщалъ тотъ же манифестъ 1765 г., „совокупно съ общею и собственною пользою народа“. Но не такъ взглянуло на желанія Екатерины II само Черкасское населеніе. Вводимыми преобразованіями была недовольна прежде всего козацкая старшина, ибо изъ рукъ ея уходили управленіе и вліяніе; непріязненно смотрѣлъ на преобразованія и народъ, такъ какъ реформы отнимали его вольности и привилегіи. Однако недовольство не вызвало въ населеніи сколько-нибудь рѣзкаго протеста. Слободская старшина и народъ уже привыкли видѣть себя въ подданствѣ и послушаніи русскихъ государей, а потому и не ссылались теперь на свое иноземчество, какъ поступили они за полвѣка до того по поводу гораздо менѣе важному. „Наш малороссійскій народ“, писали изюмскіе полчане въ челобитной 1710 года, „за не извычай иноземства, противъ русскихъ, такихъ тягостей на себѣ (оброковъ на промыслы) понести отнюдь не можетъ и отъ того пойдутъ всѣ въ свободные гетманскіе города, а иные и пошли уже за Днѣпръ въ новостроющіеся города“ [1]).

Въ 1765 году слобожане не только не ссылаются на свое иноземчество при упраздненіи козачества, но даже не рѣшаются послать въ Петербургъ ходатая съ челобитными.

Предлагаемый здѣсь очеркъ протестовъ старшины и населенія представляетъ описаніе довольно скромныхъ въ сущности проявленій неудовольствія.

Среди старшины враждебное реформѣ движеніе обнаружилось еще во время подготовки преобразованій и должно была выразиться въ посылкѣ депутатовъ въ Петербургъ съ просьбою объ удержаніи statu quo; въ массѣ населенія недовольство проявилось послѣ преобразованій во время сбора и раскладки новаго оклада, и выразилось въ упорномъ нежеланіи платить упомяну-

---

[1]) *Очеркъ изъ исторіи колонизаціи и быта.* Т. I, М. 1887. Д. И. Багалѣй. Стр. 458.

тый окладъ. Виновникомъ оживленія и броженія среди слободской старшины былъ изюмскій полковникъ Ѳедоръ Ѳомичъ Краснокутскій. Своими письмами изъ Петербурга онъ призывалъ изюмскую старшину къ согласію и единодушію, умолялъ ее „даже съ употребленіемъ слезъ" немедлено выбирать представителей отъ полковъ и обывателей и отправлять ихъ въ Петербургъ для хлопотъ объ удержаніи старыхъ козацкихъ правъ и привилегій. Письма полковника Краснокутскаго нашли себѣ большое сочувствіе среди слобожанъ, а потому въ копіяхъ и подражаніяхъ, написанныхъ „въ совсѣмъ иныхъ терминахъ", ходили по рукамъ читателей и могли бы достигнуть своей цѣли, еслибы въ скорости не сдѣлались предметомъ сыска, а распространители ихъ не были арестованы, какъ политическіе преступники. Краснокутскій былъ признанъ виновнымъ въ противной законамъ перепискѣ, клонящейся къ возмущенію народа и затрудняющей „произведеніе о слободскихъ полкахъ учрежденій", а потому и былъ взятъ подъ караулъ. Другія лица, распространявшія письма Краснокутскаго, были также арестованы и штрафованы. Въ виду того, что до сего времени объ этомъ дѣлѣ почти ничего неизвѣстно, если не считать краткихъ замѣчаній по этому поводу пр. Филарета и Головинскаго, автора исторіи слободскихъ козачьихъ полковъ, мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя подробности на основаніи имѣющагося у насъ слѣдственнаго дѣла изъ бумагъ харьковскаго архива.

Что же касается до протеста населенія, такъ называемыхъ войсковыхъ обывателей, то таковой обнаружился только со времени примѣненія къ нимъ новшествъ, именно при взиманіи новоустановленнаго 95 и 85 копѣечнаго сбора. Народъ былъ тихъ и спокоенъ, когда подготовлялась реформа, когда среди знатныхъ людей уже было броженіе, но онъ сталъ протестовать, когда у него на дѣлѣ отнимались старыя вольности и его приводили къ присягѣ по случаю вновь положеннаго налога.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію самыхъ архивныхъ данныхъ, я долженъ напомнить, каково было передъ реформою положеніе Сл. Украины, какія у нея имѣлись особыя права и вольности, на защиту которыхъ пытались было выступить нѣкоторые значные и простые люди.

Пустынный край, занимаемый теперь харьковской и острогожскимъ уѣздомъ Воронежской губ., со второй половины XVII вѣка сталъ усиленно населяться выходцами изъ Польской Украины. Эти выходцы, селясь въ степяхъ вблизи Бѣлгородской черты, окаймлявшей юго-восточную часть Московскаго государства, прикрывали собой московскія границы отъ набѣговъ и опустошеній крымскихъ татаръ. Украинцы съ радушіемъ принимались московскимъ правительствомъ и, быстро умножаясь въ числѣ, скоро обратили пустынную степь въ населенную мѣстность.

Первыя поселенія украинцевъ получили названія „слободъ", такъ какъ они были свободны отъ обложенія податьми и пошлинами; населеніе, удержавъ за собою названіе козаковъ, присоединило къ нему имя слободскихъ, а московскія канцеляріи окрестили новыхъ переселенцевъ черкасами.

Первые поселенцы козаки, покидая прежнюю родину, искали въ новой землѣ той свободы и вольностей, которыхъ они не могли добиться въ Польской Украинѣ; ради нихъ они рѣшались подвергаться постоянной опасности, провѣдывая о злыхъ замыслахъ ногайскихъ и крымскихъ татаръ. Дѣйствительно, первые поселившіеся козаки, образовавши острогожскій полкъ съ собственнымъ устройствомъ и управленіемъ, достигли желаннаго: московское правительство признало за ними полную свободу самоуправленія, предоставило имъ безоброчно владѣть отведенными землями, рѣчками, рыбными ловлями, бобровыми гонами, прудами, перевозами, звѣриными промыслами и всякими угодьями. Кромѣ того, имъ дано очень важное право торговать виномъ, пивомъ и медомъ безпошлинно и безъявочно [1]).

Такой благосклонный пріемъ привлекалъ въ пустынныя мѣста все новыхъ выходцевъ. Мало-по-малу заселились берега рѣкъ Выри, Псла, Ворсклы, Мерлы, Удъ, Лопани, Харькова, Мжи, Коломака, Донца, Оскола, Торца и пр.; слобожане, переселившись въ новыя мѣста съ привычками и обычаями поднѣпровской Украины, завели у себя во всемъ и поднѣпровскій порядокъ. Послѣ острогожскаго полка такимъ же образомъ были сформи-

---

[1]) Головинскій, *Исторія слободскихъ козачьихъ полковъ*. СПБ. 1864, стр. 63.

рованы новые: сумской, ахтырскій и харьковскій; послѣднимъ полкомъ былъ изюмскій. Начальникомъ каждаго изъ нихъ былъ особый ни отъ кого не зависѣвшій полковникъ. Образовавшіеся вновь полки пользовались такими же вольностями со стороны московскаго правительства, какъ и полкъ острогожскій; жалованныя грамоты 17 вѣка такъ или иначе высказываютъ царское благоволеніе и милость слобожанамъ, обнадеживая ихъ этимъ и на будущее время. Такія грамоты на имя каждаго полка повторялись довольно часто, общей же грамоты, опредѣляющей устройство слободскаго козачества и его отношенія къ Москвѣ, никогда даровано не было; все опредѣлялось обычаемъ и стариной. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ полки въ порядкѣ, такъ сказать, высшаго надзора и управленія были причислены къ Бѣлгородскому Разряду, а область, занятая ими, получила названіе Слободской Украины.

Устройство Украины имѣло военный характеръ: все народонаселеніе полка дѣлилось на сотни, т. е. извѣстные округи, состоявшіе изъ слободъ и хуторовъ и управлявшіеся сотниками и сотенной старшиной. Старшина состояла изъ сотника, атамана, эсаула, хорунжаго и писарей. Управленіе всѣмъ полкомъ сосредоточивалось въ рукахъ полковой старшины, состоявшей изъ полковника, полковаго обознаго, судьи, хорунжаго и писарей; власть главнаго начальника, т. е. полковника, была довольно широка: устройство полка, командованіе войскомъ, утвержденіе приговоровъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, раздача земель и пр... Всѣ упомянутыя должности, кромѣ низшихъ, были выборныя. Вотъ все не хитрое устройство слобожанъ, которое съ небольшими измѣненіями удержалось до 1765 г.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что явившіеся поселенцы не начинали *ab ovo* государстенной жизни, они принесли ее съ собою и въ своемъ устройствѣ воспроизвели типъ покинутаго ими государственнаго строя. Пришедшія съ поднѣпровья дворянскія фамиліи образовали изъ себя ядро будущаго панства или шляхетства; часть его владѣла крестьянами, поселенными на захваченныхъ ими земляхъ, другая часть—простые паны, какъ выражается Головинскій, не имѣя крестьянъ полу-

чали ихъ только на время отправленія службы вмѣсто жалованья деньгами, котораго не полагалось. Духовенство, если оно было изъ дворянъ, пользовалось тѣми же правами, что и паны. Остальное населеніе дѣлилось на мѣщанъ, козаковъ и селянъ. Козаки выбирались изъ селянъ, несли военную службу и были свободны отъ всякихъ повинностей; остальные селяне, не попавшіе въ категорію реестровыхъ козаковъ, составляли классъ подпомощниковъ, съ которыхъ собирались средства для содержанія выборныхъ козаковъ; тѣ же изъ подпомощниковъ, которые не имѣли хозяйствъ и не могли взносить денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, проживали при козацкихъ семьяхъ, работали на нихъ и назывались подсосѣдками. Кромѣ упомянутыхъ разрядовъ, были еще крестьяне, назначенные полковнику и старшинѣ въ видѣ жалованья за ихъ труды; эти крестьяне съ развитіемъ злоупотребленій старшинскою властью мало-по-малу перешли во владѣльческіе и въ концѣ 18 вѣка были признаны таковыми.

Изъ этого краткаго очерка видно, что положеніе низшихъ слоевъ населенія уже и въ первое время было незавидно; правда, не было крѣпостныхъ людей, потому что крестьяне, селившіеся за кѣмъ-нибудь, не теряли права перехода съ мѣста на мѣсто, какъ это и явствуетъ изъ приведенной нами челобитной 1710 года, но за то фактически зависимость слабыхъ и бѣдныхъ отъ богатыхъ и сильныхъ была велика, а злоупотребленія старшины еще болѣе ухудшали ихъ положеніе. При всемъ томъ населеніе имѣло земли вдоволь, ибо было допущено свободное занятіе пустопорожнихъ земель, у него было свое козацкое устройство и свои выборные козаки, свободные отъ строевой службы, повинностей и налоговъ на право промысловъ торговли. Особенно цѣнилось малороссіянами право свободнаго винокуренія и продажи питей. Такъ дѣло шло до 1655 г., когда московское правительство вздумало обложить промыслы слобожанъ по окладу Бѣлгородскаго разряда; черкасы съ неудовольствіемъ платили оброчныя деньги, оставляя ежегодно за собою большія недоимки, такъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ (1659 г) самые налоги были отмѣнены, недоимки прощены и подтверждены прежнія вольности. Въ 17 вѣкѣ можно насчитать еще очень много жалован-

ныхъ грамотъ, выданныхъ на имя разныхъ полковъ или полковниковъ; различаясь въ подробностяхъ, всѣ онѣ имѣютъ одно и то же содержаніе—подтвержденіе перечисленныхъ выше привилегій малороссійскаго народа. 28 февраля 1700 года всѣ слободскіе полки снова получили жалованныя грамоты, которыми послѣ обычнаго подтвержденія прежнихъ правъ и по отмѣнѣ установленнаго съ 1697 года рублеваго оклада давалось болѣе правильное устройство козакамъ, ихъ подпомощникамъ и подсосѣдкамъ. Кромѣ грамоты 1700 года, въ царствованіе Петра слободскіе полки въ награду за вѣрную службу получили еще нѣсколько таковыхъ, но послѣ Петра слобожане потеряли многія льготы, и только Елизавета Петровна, ненавидѣвшая преобразованія предшественницы, указомъ 22 ноября 1743 года возстановила бывшій при Петрѣ Великомъ порядокъ. Этимъ же указомъ всѣ слободскіе полки въ военномъ отношеніи были поставлены подъ начальство русскаго генерала, командовавшаго украинскою дивизіей, и кромѣ того подчинены Военной Коллегіи. Въ гражданскомъ отношеніи по суднымъ и розыскнымъ дѣламъ назначена была по прежнему Бѣлгородская губернская канцелярія, изъ которой дѣла по аппелляціи переносились въ Юстицъ-Коллегію а изъ нея въ Правительствующій Сенатъ. Указомъ 1744 года велѣно слободскихъ полковъ всякаго званія чинамъ взыскивать за безчестье по ихъ малороссійскимъ правамъ. Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе Слободской Украины при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ такомъ состояніи пребывала она до самой реформы 1765 года, уничтожившей козацкое управленіе и замѣнившей его общегражданскимъ.

Мы уже знаемъ, что первый протестъ противъ преобразованія козаковъ въ гусары исходилъ отъ Краснокутскаго; своими письмами изъ Петербурга онъ желалъ разбудить въ старшинѣ и населеніи духъ протеста и побудить ихъ къ отправкѣ въ столицу депутатовъ съ челобитными за сохраненіе statu quo.

Относительно Краснокутскаго мы встрѣчаемъ небольшія замѣчанія у Головинскаго и пр. Филарета, но они во-первыхъ

не полны, а во-вторыхъ, не вѣрны. Такъ напримѣръ, Головинскій на 213 стр. пишетъ: „нашлись пылкія головы, которыя сразу не могли освоиться съ такимъ порядкомъ вещей и гласно говорили о томъ съ ропотомъ, нашлись и такіе, какъ напримѣръ изюмскій полковникъ Краснокутскій, которые рѣшались даже сопротивляться введенію новаго порядка. Краснокутскій сосланъ въ Казань; другіе еще дальше“. Пр. Филаретъ по этому же случаю говоритъ въ своемъ описаніи харьковской епархіи: „послѣднимъ полковникомъ слободскаго изюмскаго полка былъ Өеодоръ Өомичъ Краснокутскій, человѣкъ умный, энергическій, но иногда необузданный въ порывахъ самовластія. За рѣзкіе отзывы о новомъ намѣстническомъ управленіи онъ былъ сосланъ въ Казань“.

У обоихъ авторовъ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, недостаетъ подробнаго изложенія дѣла, такъ какъ имъ не было извѣстно то „слѣдственное дѣло о нѣкоемъ письмѣ для народнаго объявленія“, которое даетъ подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ Краснокутскаго. На основаніи этого документа все дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Реформѣ слободскихъ полковъ предшествовало наряженіе коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Щербинина для изслѣдованія положенія дѣлъ въ Слободской Украинѣ. Когда коммиссія окончила свои занятія на мѣстѣ, то труды по преобразованію были поручены новой военной коммиссіи подъ верховнымъ надзоромъ Военной Коллегіи. Работы Военной Коллегіи происходили въ 1764 году въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ это время находился по своимъ дѣламъ Ө. Краснокутскій. Характеръ будущихъ преобразованій не былъ тайною для изюмскаго полковника, а потому, зная судьбу, грозившую его родинѣ и стремясь поддержать въ ней прежній порядокъ, во всякомъ случаѣ выгодный для старшины, Краснокутскій обратился къ ней съ письмомъ и двумя „цидулками“, призывая въ нихъ изюмскую старшину къ солидарности и защитѣ своихъ интересовъ. Такъ какъ въ слѣдственномъ дѣлѣ находятся копіи этихъ писемъ, то мы и приведемъ ихъ дословно. Первое письмо, адресованное „милостивымъ государямъ господамъ старшинамъ всего изюмскаго полку“, содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о лицахъ, составлявшихъ военную ком-

миссію по преобразованію козачьихъ полковъ въ гусарскіе, и побужденіе, не теряя времени, посылать ходатаевъ въ Петербургъ съ прошеніями.

„Милостивые государи мои, господа старшина всего изюмскаго полку.

При сей певной оказіи не применусь всемъ симъ моимъ писаніемъ посетить с объявленіемъ, что я приехалъ въ С.-Петербургъ во всемъ благополучно: и еще до приезду моего вся камисія поручена въ расмотреніе господамъ сенаторамъ князю Я. П. Шаховскому, Адаму Васильевичу Алсуфьеву и П. Ив. Панину и что то имъ не показуется и странніемъ ученіемъ задивляютца, но больше утверждаютъ камисиянты о пашихъ винностяхъ и яко бы о желаніи нашемъ въ извѣстномъ бытіи впред что явная неправда, да какъ же быть нѣково всехъ полковъ нѣтъ и малого прошенія не токмо подать но и внушить нѣкому, одна токмо канѣвецкого жена прошеніями своими у Высочайшей Особы подаетъ онымъ господамъ сенаторамъ разсужденіе не такъ какъ камисіянты сделали и за дивляютца: что нѣково нѣтъ. И чтобъ же неспѣшно следовало къ найшей бѣдности: я много увѣринъ что по первой дороги доволно менѣе 50 будетъ со всехъ полковъ старшинъ и обывателей ежели не ошибусь чрезъ одни нежеланія ваши, а какъ бы ваше согласіе съ протчими и приехали сюда ей ничего бъ худого не было и было бъ по старому мнѣ же уступитца какъ совѣстью сами изволите признать никакъ страховательныя мнѣнія и унилость и приять бодрость и смѣлость самимъ съ обывателями ехать не облѣнитца; и къ другимъ въ Харковъ и далѣе подать совѣтъ чрезъ нарочныхъ скоростью ибо ей ей дѣло наше совсемъ еще хороше и неиспорченное: можете сами признать что яко не по законамъ дѣлано тако и нѣчего, но одна важность чтобъ было прошеніе нежели нашимъ упущеніемъ оставимо безплодно тяжкой грѣхъ от бога понесемъ... (одно слово неразобрано) со употребленіем слезъ сугубо прошу о неупущеніи сегодняшняго времени, съ моимъ почтеніемъ остаюсь.

Вашихъ благородій моихъ приятелей покорливый слуга
Ѳ. Краснокутскій.

1764 г. Окт. 31.

Вотъ первое письмо Краснокутскаго; насколько можно понять изъ него, изюмскій полковникъ, побуждая свою старшину съ употребленіемъ слезъ „пріять бодрость и смѣлость", желалъ одного—вывести старшину и обывателей изъ безучастнаго и покорнаго отношенія къ судьбѣ и указать имъ путь, которымъ можно достигнуть удержанія старины. Тонъ письма вовсе не страстный и не горячій; замѣтны небольшая грусть и сокрушеніе, вызванныя недовѣріемъ къ старшинѣ, ея халатностью и и непониманіемъ собственныхъ интересовъ. Краснокутскій груститъ, что такъ долго нѣтъ ни одного прошенія въ столицѣ въ защиту прежнихъ порядковъ, а между тѣмъ „коммисіянты" несправедливо утверждаютъ о виновностяхъ старшинъ, и нѣтъ ни одного человѣка изъ Украины, который бы опровергъ это. Краснокутскій увѣряетъ свою старшину, что успѣхъ дѣла въ ихъ рукахъ, и зависитъ отъ ихъ согласія и единодушія: „а какъ бы ваше согласіе съ протчими и прислали сюда, ей ничего б худого не было, а было бъ все по старому"; словомъ письмо не призываетъ населеніе къ противодѣйствію реформѣ правительства, а только совѣтуетъ просить законнымъ порядкомъ объ удержаніи statu quo.

Кромѣ приведеннаго письма, при слѣдственномъ дѣлѣ приложены еще копіи двухъ цидулокъ, писанныхъ тѣмъ же Краснокутскимъ. Обѣ цидулки по существу сходны съ письмомъ, но отличаются отъ него болѣе интимнымъ тономъ и бо́льшимъ паѳосомъ. Изъ первой цидулки мы узнаемъ, что Краснокутскій обнадеживалъ *патроновъ*, что по первой дорогѣ въ Петербургъ явится много просителей изъ Украины; но можетъ ли его надежда оправдаться, онъ не знаетъ, ибо, по его выраженію, „всѣ наши от согласія развратились и тамо ихъ страхъ, идѣ же не бѣ и не мало не слѣдовало, токмо за гнѣвъ божій причитать должно", т. е. среди старшины теперь нѣтъ единодушія, а развитъ страхъ даже тамъ, гдѣ для него нѣтъ причинъ. Гораздо интереснѣе вторая цидулка:

„Не токмо сердечно, но и душевно соболѣзную о худыхъ поступкахъ старшинъ и обывателей слободскихъ полковъ, какъ они не видятъ, что сдѣлалось съ нами, и какъ они не разсудятъ,

что мы сего по невинности нашей не достойны, здѣсь же никого просящихъ не видно, а затвержено, будто старшина и обыватели сами желаютъ, а вступиться некому, все сидитъ, а какую надеждишку имѣютъ, дознаться не можно, да и въ той совсѣмъ ошибутся, а что наши привилегіи отъ сего неполезного случаю и вѣчного плачу ограняютъ, того наши не сдумаютъ; егда бъ изъ полковъ, забравъ грамоты, хотя бъ 2 или по 3 человѣкъ пріѣхали: ей ничего б сего не было, ибо хотя умніе и добрые люди и признаютъ, что непорядочно сдѣлано, но безъ прошенія дознаться не могутъ, а оны утверждаютъ: яко бы по желаніямъ нашимъ, явная неправда и зло да берутъ верхъ свой за простоту и безуміе наше. Пущай Бог взыщетъ слезы бѣдного народа на наших, ибо старшиновать умѣли, а при худомъ случаѣ и перстом двигнуть не хотят". Тонъ настоящей цидулки уже выше и рѣзче, чѣмъ въ первомъ письмѣ, требованія Краснокутскаго яснѣе и громче, а упреки старшинѣ объясняются бездѣйствіемъ ея, обнаруженнымъ и въ этомъ случаѣ.

Вотъ тѣ три документа, которые, давши толчекъ къ протесту старшины и обывателей, составили потомъ матеріалъ для обвиненія Краснокутскаго въ агитаціи съ политическими цѣлями. Для того, чтобы познакомиться съ результатами этой агитаціи, мы должны прослѣдить судьбу приведенныхъ писемъ и ихъ вліяніе на обывателей, насколько это позволяетъ имѣющійся матеріалъ. Прежде всего замѣтимъ, что мы точно не знаемъ, какое дѣйствіе произвели письма Краснокутскаго на изюмскую старшину и козаковъ, къ коимъ онѣ обращались. Существуетъ однако отношеніе полковой изюмской канцеляріи въ харьковскую, которымъ утверждается, что никакихъ писемъ Краснокутскаго старшина не получала, но это едва-ли справедливо. Во-первыхъ, изюмская старшина, видя, что письмамъ и всему дѣлу приданъ характеръ политическій, могла скрыть полученіе писемъ и знакомство съ ними; во-вторыхъ, этому противорѣчитъ доношеніе изюмскаго полковника Милорадовича о какомъ то письмѣ, составленномъ двумя жителями-изюмцами, и объ объявленіи тамошнимъ обывателямъ „о бытіи въ Петербургѣ", т. е. о необходимости поѣздки въ С.-Петербургъ. На эту поѣздку уже начиналъ

чиниться сборъ съ обывателей, опредѣленный въ 700 рублей, но къ сожалѣнію мы не знаемъ, былъ ли доведенъ этотъ сборъ до конца или нѣтъ. Судя по указу Военной Коллегіи, предписывавшему прекратить сборы, мы думаемъ, что населеніе откликулось сочувственно, и сборъ чинился (изъ указа Воен. Кол. на имя генерала Бринка).

Кромѣ того, намъ извѣстно, что въ Изюмѣ ходили по рукамъ письма, составленныя какими-то обывателями, Торяникомъ и Лебединскимъ, и переписанныя писаремъ Гречкой, который для вящей убѣдительности „и руку свою на нихъ приложилъ". Вѣроятно, авторы письма, упоминаемаго полк. Милорадовичемъ, и сейчасъ приведенныя лица—одни и тѣ же; не можетъ быть также никакого сомнѣнія, что ихъ письма, составленныя „въ иныхъ терминахъ" представляютъ подражаніе письмамъ Краснокутскаго, а можетъ быть перефразировку ихъ. На основаніи этого можно заключить, что письма Краснокутскаго были распространены въ изюмскомъ полку; однако фактъ тотъ, что никакого слѣдственнаго дѣла по ихъ поводу въ Изюмѣ не возникло, между тѣмъ какъ въ валковской сотнѣ харьковскаго полка онѣ дали матеріалъ для политическаго процесса. Попали же письма изюмскаго полковника въ валковскую сотню слѣдующимъ образомъ: сотникъ изюмскаго полка Александръ Двигубскій, пріѣхалъ въ село Ракитное харьковскаго полковника Куликовскаго и, не заставши послѣдняго дома, далъ имѣвшіяся у него письма Краснокутскаго для списыванія служителю Куликовскаго, нѣкоему Татаринову: очевидно письма Краснокутскаго пропагандировались изюмской старшиной. Татариновъ снялъ копіи съ письма и 2-хъ цидулокъ и сообщилъ ихъ при случаѣ отставному валковскому подпрапорному Данилу Сухомлину; Сухомлинъ же, получивши копіи, именующіяся въ перепискахъ канцелярій „*нѣкимъ письмомъ для народнаго объявленія*", правильно понялъ ихъ назначеніе и сталъ распространять среди валковской сотни.

Происходило дѣло такимъ образомъ: отставной подпрапорный Сухомлинъ, собравши на рожденственскихъ праздникахъ у себя гостей—валковской сотни атамана Ив. Васильковскаго, подпрапорнаго Андрея Пащинскаго, казачьяго свой-

ственника Шевченка и перекопской сотни козачьяго свойственника Луценка, бесѣдовалъ съ ними объ ожидаемыхъ преобразованіяхъ, порицалъ ихъ и наконецъ объявилъ имъ письмо Краснокутскаго „съ прочетомъ“ и отдалъ его Васильковскому, какъ атаману сотни, для народнаго объявленія. Здѣсь впрочемъ есть небольшое разногласіе: Васильковскій на слѣдствіи утверждалъ, что письмо дано было ему Сухомлиномъ для народнаго объявленія; другіе же свидѣтели и Сухомлинъ показали, что Васильковскій самъ взялъ письмо для снятія копіи и распространенія его въ народѣ. Послѣднее намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ Васильковскій зналъ, что Сухомлинъ, находясь въ отставкѣ, не можетъ давать ему, валковскому атаману, никакихъ приказаній или порученій по службѣ. Какъ бы то ни было, письмо было взято атаманомъ съ цѣлью распространенія и призыва обывателей къ сбору денегъ и выбору представителей для отправленія ихъ въ столицу. Въ этомъ насъ убѣждаютъ показанія валковскихъ жителей, привлекавшихся къ слѣдствію. Они показали, что, находясь 29 декабря 1764 года на базарѣ въ мѣстечкѣ Валкахъ, они были созваны въ ратушу атаманомъ Васильковскимъ, и имъ было прочтено писаремъ означенное письмо для народнаго объявленія. При этомъ самъ атаманъ вѣроятно для большей убѣдительности добавилъ отъ себя, что письмо взято имъ у Сухомлина, и толковалъ собраннымъ въ ратушу обывателямъ, что ихъ ожидаетъ четвертное землевладѣніе, рублевый окладъ и отмѣна всѣхъ настоящихъ вольностей; закончилъ же свою рѣчь Васильковскій убѣжденіемъ и просьбой населенія о немедленномъ сборѣ денегъ для посылки ходатаевъ.

Собранные въ ратушѣ валковцы не хотѣли вѣрить въ мрачныя предсказанія своего атамана, а отвѣчали, что, если это письмо не изъ полковой канцеляріи, то они его и слушать не хотятъ, а пусть-де атаманъ сначала объявитъ его въ полковой канцеляріи и отправится для этого въ Харьковъ, а потомъ обращается къ нимъ за сборомъ денегъ. Такъ свидѣтельствуютъ одни; писарь же Фесенко, читавшій письмо, далъ другое показаніе. По его словамъ собранные жители объявили, что для обнародованія столь важнаго письма нужно собрать поболѣе народа, и тогда

только можно будетъ рѣшить вопросъ о сборѣ денегъ; на это онъ, писарь Фесенко, замѣтилъ собравшимся, что безъ приказа полковой канцеляріи таковаго сбора чинить не слѣдуетъ, а для соблюденія закона нужно атаману, хотя бы съ однимъ изъ жителей, отправиться въ Харьковъ и разузнать тамъ сущность дѣла. Словомъ, оба показанія утверждаютъ, что сочувствіе населенія къ письму Краснокутскаго было условное: населеніе не прочь было сдѣлать сборъ и послать ходатая, но только въ томъ случаѣ, если содержаніе прочитаннаго письма будетъ подтверждено полковой канцеляріей. Недовѣріе простыхъ козаковъ къ старшинѣ и рознь, господствовавшая между ними дѣлали невозможнымъ довѣрчивое отношеніе населенія къ призыву начальника. Обывателей не разъ обманывала старшина относительно всякихъ сборовъ, а потому теперь они не повѣрили письму Краснокутскаго, какъ не вѣрили и въ добавленія самого Васильковскаго о четвертной землѣ, рублевомъ окладѣ и отмѣнѣ вольностей...

Итакъ, первый опытъ атамана былъ неудаченъ, но атаманъ рѣшилъ дѣйствовать энергично и отправился съ какимъ-то валковцемъ въ Харьковъ, въ надеждѣ найти тамъ поддержку и совѣтъ, но здѣсь произошло нѣчто довольно странное: Васильковскій изъ агитатора и пропагатора обратился въ доносителя на самого себя и своихъ товарищей. Произошло это, какъ намъ думается, потому что Васильковскій не нашелъ поддержки въ Харьковѣ, а напротивъ убѣдился, что затѣваемое имъ дѣло сочтется преступленіемъ,—и вотъ, чтобы избѣжать наказанія, представляетъ въ полковую, канцелярію копіи съ читанныхъ въ ратушѣ писемъ и указываетъ источникъ ихъ. Что доносъ Васильковскаго не былъ искреннимъ, а только хитростью съ его стороны, съ этимъ согласенъ и генералъ Зоричъ, по мнѣнію коего, Васильковскій не донесъ бы, „ежели бы въ то время писарь валковскій ему атаману Васильковскому запрещенія не объявилъ, которое его привело въ сумнѣніе, и принужденъ уже тогда а не по своей волѣ и должности по командѣ представить, когда всѣмъ обывателямъ въ разглашеніе подалъ оное письмо".

Харьковская канцелярія придала дѣлу важное значеніе и распорядилась о сыскѣ Д. Сухомлина, Андр. Пащинскаго и

самого Васильковскаго; кромѣ того, всѣ сотни харьковскаго полка получили инструкцію усиленно наблюдать, не появлялись-ли гдѣ нибудь „разгласительныя и вымышленныя къ народному возмущенію письма?“ Разумѣется, каждый сотникъ поспѣшилъ увѣдомить полковую канцелярію, что у него все обстоитъ благополучно, и никакихъ писемъ къ народному возмущенію не имѣется; конечно, довѣрять этимъ доношеніямъ сотниковъ можно столько же, какъ и изюмской полковой канцеляріи. Не смотря на благопріятныя свѣдѣнія, полученныя отъ сотенъ, дѣло, поднятое харьковской полковой канцеляріей, получило немедленное движеніе: требуемыя лица были сысканы, началось слѣдствіе, съ нѣкоторыми подробностями коего мы и познакомимъ читателя. Атаманъ Васильковскій при допросѣ показалъ, что онъ былъ на все это „непристойное дѣло“ настроенъ отставнымъ подпрапорнымъ Сухомлиномъ, который-де, собравъ у себя гостей, прочелъ имъ письмо Краснокутскаго и увѣрялъ словесно въ томъ, что скоро у всѣхъ слободскихъ полковъ отнимутся козачьи вольности и права, а между тѣмъ они спятъ и ничего не знаютъ. Кромѣ того, по словамъ Васильковскаго, Сухомлинъ утверждалъ, что жители изюмскаго полка уже побуждены этимъ письмомъ къ сбору денегъ и посылкѣ ходатая съ прошеніемъ въ Петербургъ. Далѣе, „если валковскіе жители пожелаютъ“, продолжалъ Сухомлинъ, „то слѣдуетъ собрать и съ валковской сотни рублей 50 кошту, и съ этими деньгами отправить кого-нибудь изъ обывателей въ Петербургъ. Здѣсь же имъ былъ произведенъ и разсчетъ причитающагося съ каждаго козака платежа, опредѣленнаго Сухомлиномъ въ 50 к. съ души; кромѣ козаковъ къ складкѣ намѣревались привлечь валковскихъ священниковъ и прочихъ обывателей, имѣющихъ винокуреніе. Конечно, и самъ Сухомлинъ обѣщалъ оказать посильную помощь въ сборѣ необходимаго кошту.

Находившійся при этомъ атаманъ Васильковскій отнесся весьма сочувственно къ рѣчамъ Сухомлина, какъ показали другіе свидѣтели, и выразилъ желаніе отправиться въ Петербургъ, если ему будетъ собрано 100 руб., между тѣмъ другіе присутствовавшіе и Сухомлинъ находили достаточнымъ и 50-ти. Данило Сухомлинъ при допросѣ показывалъ, что онъ дѣйствительно го-

ворилъ собравшимся у него гостямъ о сборѣ въ изюмскомъ полку денегъ для ходатайства о своихъ привилегіяхъ, сообщилъ имъ и письмо Краснокутскаго, но никому не приказывалъ и не запрещалъ объявлять письма, а положился въ этомъ на волю каждаго, въ томъ числѣ и Васильковскаго. Андрей Пащинскій, командующій валковской сотней, признавая себя виновнымъ въ непринятіи мѣръ противъ распространенія письма, объяснялъ это своимъ отсутствіемъ въ мѣстечкѣ Валкахъ, хотя справедливость требуетъ добавить, что во время чтенія письма Пащинскій ничего не возражалъ Сухомлину, а соглашался съ приводимыми въ немъ резонами. Вообще на допросахъ каждый старался свалить вину на другаго, между тѣмъ какъ во время объявленія письма Сухомлиномъ всѣ сочувствовали мыслямъ читавшаго и никто не возразилъ ни одного слова. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ подлинныхъ отвѣтовъ, данныхъ на допросѣ самимъ Краснокутскимъ, такъ какъ его дѣло велось Военной Коллегіей и допросъ производился въ Петербургѣ; но о нихъ можно извлечь нѣкоторыя подробности изъ указа Гооударственной Военной Коллегіи на имя генерала Бринка. Изъ этого указа явствуетъ, что Краснокутскій ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ, а утверждалъ, будто письмо и цидулки писаны имъ не въ томъ разумѣ, чтобъ возмутить народъ къ непринятію на себя рублеваго оклада, а только, чтобъ невинные и отрѣшенные отъ мѣстъ полковники и старшины пріѣзжали въ С.-Петербургъ и просили-бы по прежнему объ опредѣленіи къ должностямъ, а „мельницы, шинки и протчее въ сходство ихъ привилегій отъемлены и въ оброкъ положены не были“. Желаніе изюмскаго полковника выпутаться изъ бѣды заставило его погрѣшить не только противъ совѣсти, но и противъ логики. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему обывателямъ собирать деньги и ѣхать въ столицу, если дѣло касается только увольненія старшины?

Въ добавокъ Краснокутскій объяснилъ, что, вопервыхъ, писалъ онъ тѣ письма подъ вліяніемъ генерала Щербинина, который ему говорилъ: „для чего бѣдные и невинные сюда не ѣдутъ, а въ жалобахъ своихъ время упускаютъ“; а во-вторыхъ, объ отпускѣ изъ слободскихъ полковъ въ военную коммиссію человѣка по два-по три отъ каждаго самъ Щербининъ писалъ ге-

нералъ-маіору Олицу. Однако эти оправданія не спасли Краснокутскаго, и Военная Коллегія признала его виновнымъ въ умышленномъ возмущеніи народа и въ стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка, „посему онаго полковника Краснокутскаго за такой его вымышленный поступокъ и противныя законамъ переписки, склоняющіяся къ возмущенію народа, въ разсужденіи что чрезъ оныя никакого вреда не произошло по силѣ вышеписаннаго указа и по старости лѣтъ, коихъ имѣетъ 61, не чиня ему пристрастныхъ допросовъ, а въ сходствіѣ военнаго 135 артикула, лиша чиновъ отправить за карауломъ къ слободскимъ полкамъ и тамъ при собраніи всѣхъ чиновныхъ и рядовыхъ козаковъ *наказать публично плетьми*". Но въ виду того, что 135 артикулъ говоритъ о бунтѣ и о возмущеніи, чего въ дѣлѣ Краснокутскаго не произошло, а найдена только непристойная переписка, то предыдущее наказаніе замѣнено лишеніемъ чиновъ и ссылкой въ Казань на жительство черезъ гарнизоную команду. Что же касается до прочихъ лицъ, привлекавшихся по дѣлу Краснокутскаго, то Военная Коллегія предоставила наказать ихъ самому генералитету, ссылаясь на то обстоятельство, „что всѣ они такіе чины, кои отъ ихъ конфирмаціи въ силѣ указовъ зависятъ". Генералъ-маіоръ Бринкъ ордеромъ 1-го іюня 1765 года распорядился Сухомлина и Пащинскаго, дабы они „впредь таковыхъ постороннихъ и сумнительныхъ писемъ не принимали въ дѣйство и по онымъ не исполняли", штрафовать палками Пащинскаго до 25-ти, а Сухомлина, какъ болѣе виновнаго, до 50 ударовъ, а потомъ отдать сабли и опредѣлить къ прежнимъ должностямъ. Атамана же Васильковскаго, не представившаго письма по командѣ ранѣе его разглашенія, уважая, что чрезъ сіе разглашеніе не произошло худыхъ послѣдствій, рѣшено лишить атаманской должности и при полковой канцеляріи наказать плетьми нещадно и быть въ томъ званіи, въ коемъ онъ въ атаманы вступилъ. Какъ видно изъ приговора генералитета, Васильковскій былъ покаранъ строже всѣхъ, не смотря на свой доносъ, правда запоздалый. Далѣе, жителямъ города Изюма, Торянику съ Лебединскимъ и писарю Гречкѣ, приложившему къ письму свою руку, за ихъ вины постановлено учинить жестокое наказаніе плетьми

предъ народнымъ собраніемъ, о чемъ и предложено Бринкомъ въ изюмскую полковую канцелярію. Наконецъ, этимъ же ордеромъ Бринка предписывалось, буде гдѣ появятся письма полковника Краснокутскаго или начнутъ чиниться сборы, или еще только вознамѣрятся, тотчасъ доносить по командѣ, а сборы немедленно прекратить. Этимъ, собственно говоря, заканчивается дѣло Краснокутскаго; наказаніе плетьми и палками завершило собою оживленіе, поднявшееся было въ нѣкоторыхъ сотняхъ благодаря письмамъ Краснокутскаго. Насколько можно было узнать изъ слѣдственнаго дѣла, письма пользовались сочувствіемъ въ Слободской Украйнѣ: ихъ переписывали, копировали, даже подражали имъ, но успѣхъ, дѣйствіе ихъ на населеніе и эффектъ были не велики. Объясняется это отсутствіемъ въ слободскихъ полкахъ человѣка, способнаго повести дѣло толково на легальной почвѣ, во-вторыхъ, разладомъ между старшиной, т. е. чиновными козаками, и простыми. Сухомлинъ и Васильковскій, неумѣючи взявшись за дѣло, погубили его; населеніе отнеслось къ нимъ подозрительно и тѣмъ ускорило ихъ погибель.

Дѣло въ томъ, что, когда харьковская полковая канцелярія получила ордеръ наказать находившихся подъ слѣдствіемъ указанныхъ лицъ, то она исполнить этого согласно предписанію не могла, ибо Сухомлинъ, Пащинскій и Васильковскій по винѣ самой канцеляріи оказались въ отсутствіи. Генералъ-маіору Бринку было тотчасъ же репортовано, что Пащинскій отправленъ въ Бахмутъ съ командою, Сухомлинъ отсутствуетъ по случаю взиманія дистриктовой доимки, а Васильковскій не задолго предъ этимъ отпущенъ въ Кіевъ на богомолье, поэтому полковая канцелярія теперь можетъ распорядиться только о сыскѣ ихъ, а не объ исполненіи наказанія. Генералъ Бринкъ въ этомъ и предыдущихъ неисправностяхъ усмотрѣлъ покровительство полковой канцеляріи осужденнымъ лицамъ и призналъ, что всѣ они отпущены неправильно, а единственно въ „защищеніе отъ наказаній и въ ослушаніе его ордера.“ Кромѣ того, обративъ вниманіе харьковской канцеляріи на ея непорядки, онъ указалъ, что канцелярія никакъ не должна была отправить въ командировку лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, а относительно Васильковскаго заподо-

зрилъ даже, что онъ былъ отпущенъ послѣ полученія его ордера. Вообще какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ производствѣ слѣдствія, Бринкъ усматривалъ тайное сочувствіе осужденнымъ и желаніе харьковской канцеляріи какъ-нибудь облегчить ихъ участь и едвали въ этомъ ошибался. Послѣ приличнаго выговора и угрозы въ случаѣ неисполненія распоряженій представить объ этомъ въ Государственную В. Коллегію, Бринкъ требовалъ строжайшаго и неупустительнаго сыска и наказанія всѣхъ трехъ лицъ. Особенно не повезло теперь Васильковскому. Считая, что онъ своевольно отпущенъ канцеляріей въ явное пренебреженіе его распоряженія, Бринкъ предписалъ сыскать его черезъ нарочно посланныхъ гонцовъ, гдѣ бы ни находился, не принимая никакихъ возраженій. Дѣйствительно, вездѣ въ Слободской Украинѣ по дорогѣ въ Кіевъ были разставлены караулы, дабы захватить возвращающагося съ богомолья Васильковскаго, пока онъ не былъ арестованъ въ мѣстечкѣ Рублевкѣ ахтырскаго полка и не отправленъ за карауломъ въ Харьковъ. Но не такъ то легко оказалось доставить Васильковскаго въ Харьковъ. Когда караульные подвозили его къ Валкамъ, то за три версты до мѣстечка ему удалось выскочить изъ экипажа и невѣдомо куда скрыться, оставивъ свои пожитки и служителя. Потомъ, когда караульные, продолжавшіе везти въ Харьковъ служителя Васильковскаго и его пожитки, выѣхали за Люботинъ, то внезапно появился Васильковскій съ какими-то людьми, одѣтыми въ сѣряки, отбилъ ось въ экипажѣ и, захвативши свои пожитки и служителя, опять неизвѣстно куда скрылся. Что дальше происходило съ нимъ, мы не знаемъ.

Изъ приложеннаго въ концѣ дѣла прошенія Васильковскаго на Высочайшее имя видно, что онъ аппеллировалъ на рѣшеніе Бринка, считая его пристрастнымъ и жестокимъ, назначеннымъ ему не по винѣ, а къ одному только уязвленію доносителя за правый доносъ. Изложивши въ прошеніи свое дѣло и личное мнѣніе, что наказаніе, назначенное ему Бринкомъ, клонится къ тому, что всѣ доносители, боясь незаслуженныхъ мученій, въ концѣ концовъ не отважатся доносить, Васильковскій просилъ Ея Величество Всемилостивѣйшую Государыню „о нечиненіе на-

казанія, отъ должности о неотрѣшеніи, а равно и въ порокъ оного о непоставленіи." Какая послѣдовала резолюція на это прошеніе, не извѣстно. Этимъ заканчиваются всѣ наши свѣдѣнія о дѣлѣ Краснокутскаго. Преосв. Филаретъ въ статистическомъ описаніи харьковской епархіи прибавляетъ, что впослѣдствіи по ходатайству своей жены, энергической козачки, Краснокутскій былъ возвращенъ въ Слободскую Украину, гдѣ скоро и скончался, не получивъ чиновъ. Фамильная лѣтопись Квитокъ добавляетъ, что его жена лично ходатайствовала предъ Государемъ, и часть имѣній была возвращена ей.

Переходимъ теперь къ протестамъ войсковыхъ обывателей, бывшихъ козаковъ, подпомощниковъ и подсосѣдковъ, выраженнымъ ими въ формѣ сопротивленія властямъ и бунтѣ. Хотя прямой связи между распространеніемъ письма Краснокутскаго и протестомъ войсковыхъ обывателей нѣтъ, но и этотъ послѣдній вызванъ тѣми же преобразованіями. Изъ предыдущаго уже извѣстно, что козацкое населеніе Слободской Украины было обращено въ воинскихъ казенныхъ обывателей; указомъ 1765 г. Ея Императорскаго Величества велѣно было чинить сборы съ обывателей, пользующихся правомъ винокуренія и продажей вина, по 95 к. съ души, а съ непользующихся по 85 к. Указъ этотъ съ инструкціями взиманія сборовъ былъ разосланъ во всѣ коммиссарства Слободско-Украинской губерніи, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вызвалъ бурю негодованія и вражды. Я не буду приводить всѣхъ подробностей крестьянскихъ возмущеній, такъ какъ онѣ вездѣ одинаковы, воздержусь также и отъ изложенія канцелярской переписки, ибо она скучна, а перечислю вкратцѣ тѣ села, гдѣ указъ былъ принятъ враждебно, и отмѣчу наиболѣе интересные моменты.

I. Жители Мерефянскаго коммиссарства, казеннаго мѣстечка Соколова, собранные по указу для выбора раскладчиковъ новоположеннаго сбора [1]), не захотѣли никого выбирать, а подняли

---

[1]) 95 к. и 85 к. представляютъ цифру душевнаго оклада, на основаніи коего составлялся податной контингентъ даннаго села или мѣстечка; распредѣлялся же весь контингентъ между жителями совѣстными людьми, раскладчиками, сообразно съ имуществомъ каждаго.

по этому поводу крикъ, шумъ, гамъ и не пошли въ ратушу, гдѣ надлежало избрать раскладчиковъ. Коммиссаромъ была потребована для усмиренія буяновъ военная команда; при ея приближеніи нѣкоторые изъ возмутившихся тайкомъ ушли, а другіе были принуждены силою войти въ ратушу и приступить къ избранію окладчиковъ, но присягать никто не пожелалъ. Десять человѣкъ зачинщиковъ по усмиреніи возмущенія были отправлены въ харьковскую губернскую канцелярію, одиннадцатый же бѣжалъ. Допрашиваемые въ канцеляріи показали, что къ присягѣ они не пришли, потому что посланный ими въ Харьковъ человѣкъ для освѣдомленія, была-ли тамъ присяга, отвѣчалъ отрицательно. Узналъ же это ихъ посланецъ въ Харьковѣ отъ соколовскаго жителя Ив. Миргорода, который потомъ неизвѣстно куда скрылся. Другіе на допросѣ говорили, что не присягали они единственно по своей простотѣ и неразумію. Послѣ допроса всѣ были отосланы къ мерефянскому коммиссару Квиткѣ и штрафованы при народномъ собраніи плетьми, кромѣ исчезнувшихъ Миргорода и Дьяченка.

II. Второй случай неповиновенія войсковыхъ обывателей представляетъ село Андреевка, жители которой не захотѣли ни платить вновь положеннаго оклада, ни присягать. Здѣсь обстоятельсва возмущенія обывателей нѣсколько осложнились тѣмъ, что жители не допустили у себя не только выбора раскладчиковъ, но и продажи лошадей, оказавшихся негодными по упраздненіи козачьей службы. 14-го декабря 1765 года къ подпрапорному Лисаневичу для увѣщанія и усмиренія обыватей былъ посланъ сотникъ Быстрицкій, а 18-го числа послѣдній по принятой присягѣ на должность, какъ выражается слѣдственное дѣло, увѣщевалъ жителей Андреевки и доказывалъ имъ, что противъ прежней козачьей службы они должны остаться въ облегченіи; изъяснялъ это Быстрицкій краткимъ и доказательнымъ образомъ, но андреевцы безъ всякой учтивости и съ великимъ крикомъ отвѣчали, что поступать въ окладъ они не желаютъ и къ продажѣ лошадей не допустятъ, потому что лошади принадлежатъ имъ, а не казнѣ; наконецъ ослушники объявили, что вся настоящая реформа чинится не завѣдомо Ея Императорскаго Величества, а

потому они не желаютъ повиноваться. Возникла между андреевцами эта послѣдняя мысль такимъ образомъ: когда указъ Императрицы былъ прочтенъ передъ народомъ Лисаневичемъ, то нѣкій андреевскій обыватель Строгій заявилъ громогласно, что это не указъ, а ордеръ, а потому они платить не желаютъ, прежде чѣмъ имъ не покажутъ печатный указъ. Собравшееся населеніе нашло въ заявленіи Строгаго сильную поддержку своему нежеланію платить новые сборы и вмѣсто избранія раскладчиковъ подняло шумъ и крикъ. Когда увѣщанія Быстрицкаго оказались безплодными, то о неповиновеніи и бунтѣ войсковыхъ обывателей было репортовано въ слободскую губернскую канцелярію; канцелярія рѣшила строго покарать ослушниковъ Императорскаго указа и послала въ Андреевку для усмиренія обывателей приличную военную команду. На будущее время ею рѣшено было поступать такъ же, требуя для усмиренія военную помощь отъ бригадира Зорича.

На этотъ разъ для расправы съ андреевцами слободской канцеляріей были командированы два эскадрона солдатъ подъ начальствомъ капитана Ивановича: явившись въ Андреевку, онъ вмѣстѣ съ Лисаневичемъ отправился къ собрашемуся въ большомъ числѣ у ратуши народу и началъ допытывать народъ, кто былъ зачинщикомъ возмущенія. Обыватели единодушно отвѣчали: „всѣ“, и не выдали зкчинщиковъ. Тогда Ивановичъ, видя упорное сопротивленіе обывателей, распорядился арестовать собравшихся, но замногочисленностью арестовать всѣхъ оказалось невозможнымъ; оставшіеся на свободѣ ходили съ дубинами по улицамъ, пѣли и кричали непристойнымъ образомъ. Потребовалась новая помощь въ размѣрѣ двухъ ротъ солдатъ для умиротвореній расходившагося населенія.

По прибытіи этихъ 2-хъ ротъ и по успокоеніи населенія возникъ очень трудный вопросъ: что дѣлать съ массой арестованнаго народа? Вести всѣхъ въ изюмскую провинціальную канцелярію было невозможно вслѣдствіе ихъ многочисленности, а посему капитанъ Ивановичъ предложилъ репортомъ губернской канцеляріи наказать ослушныхъ жителей въ самой Андреевкѣ, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что „протчіе на то смотря

отъ непристойности уймутся и предъ того дѣлать не отважутся, да и скорѣйшій платежъ казеннымъ податямъ послѣдуетъ". На это предложеніе губернская канцелярія отвѣчала: 1) тѣхъ, кои были первыми зачинщиками при требованіи коммиссаромъ окладу человѣкъ десять, отправить въ колодкахъ въ губернскую канцелярію, а остальныхъ наказать на мѣстѣ; 2-ое) лицъ, ходящихъ по улицамъ съ дубинами и безчинствующихъ, арестовать и держать подъ карауломъ, и такъ какъ всѣ уличныя безчинства, по мнѣнію канцеляріи, происходятъ отъ пьянства, то опечатать все вино; если происходитъ винная ситка, то и котлы отобрать впредь до указу. Послѣднее распоряженіе объ опечатаніи вина и котловъ не коснулось лицъ, не участвовашихъ въ безпорядкахъ. Котловъ было отобрано десять, вина опечатано двадцать ведеръ. Изъ слѣдственнаго дѣла нельзя узнать, прекратились ли волненія среди обывателей послѣ этой мѣры, но полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ новое лицо Бедряга, отправленное въ Андреевку для той же цѣли, что и Ивановичъ, доносило о поголовномъ бунтѣ и возмущеніи всего населенія. Мѣра губернской канцеляріи о наказаніи бунтовщиковъ на мѣстѣ въ виду враждебнаго настроенія всего селенія была признана неумѣстной, и 213 человѣкъ для изолированія отъ прочихъ были отправлены въ Изюмъ при ста гусарахъ. Прибывшимъ 209 человѣкамъ въ Изюмѣ былъ учиненъ строжайшій допросъ; на немъ 176 показали, что они за скудостью своею не могутъ платить требуемаго оклада, и объявляютъ желаніе свое служить по прежнему. Остальные 33 показали, что ослушностей они не чинили, а будутъ платить окладъ безотговорочно, присутствовали же они въ толпѣ возмутившихся единственно по глупости. Первые 176 чел. были признаны изюмской канцеляріей виновными и приговорены къ битью плетьми, остальные 33, присутствовавшіе по глупости, были освобождены отъ наказанія и отпущены обратно. Кромѣ того, изюмская канцелярія, помня приказъ губернской харьковской канцеляріи прислать ей человѣкъ 10 зачинщиковъ, нашла таковыхъ въ числѣ первыхъ 176-ти и отправила въ Харьковъ. Наконецъ, изъ 176-ти приговоренныхъ къ битью плетьми, были биты въ дѣйствительности только 25, остальные освобождены отъ наказанія.

III. Въ то время, какъ въ Андреевкѣ шло усмиреніе возмутившихся, въ слободѣ Балаклеѣ, отстоящей недалеко отъ первой, повторилась та же исторія, что и въ Андреевкѣ. Балаклейскіе жители по примѣру своихъ сосѣдей возмутились, своевольно перемѣнили своего атамана Ив. Мироненка и вновь положеннаго оклада платить не пожелали. Зачинщики неповиновенія указу были взяты подъ караулъ и отправлены въ Изюмъ. Судя по тому, что возмущеніе балаклейскихъ обывателей не вызвало особаго слѣдственнаго дѣла, а о немъ упомянуто въ дѣлѣ о возмущеніи андреевцевъ, мы полагаемъ, что оно имѣло незначительные размѣры и скоро было прекращено.

IV. Четвертый случай неповиновенія крестьянъ при сборѣ податей произошелъ въ слободѣ Левковкѣ того же изюмскаго уѣзда.

Для умиротворенія обывателей была потребована военная команда подъ начальствомъ оберъ-офицера курскаго полка, стоявшаго въ то время въ Изюмѣ на временныхъ квартирахъ. Отрядъ былъ посланъ забрать буяновъ, не смотря ни на какія отговорки, и представить ихъ въ изюмскую канцелярію для наказанія плетьми. Большихъ подробностей относительно Левковки не имѣется.

V. Однородная исторія произошла и въ перекопскомъ коммиссарствѣ, въ мѣстечкѣ Угольцахъ, въ вѣдѣніи коего состояли села Одринки и Черемушная. Капитанъ Бѣляевъ, получивши новый указъ, приступилъ къ избранію раскладчиковъ, „довольно знающихъ и совѣстныхъ людей, коихъ должность въ томъ, чтобъ богатыхъ не защищали, а на убогихъ лишняго не полагали“ и приказалъ выбранныхъ привести къ присягѣ. Угольчане исполнили требованіе капитана Бѣляева и избрали раскладчиковъ, но послѣдніе къ присягѣ идти не пожелали, а когда капитанъ хотѣлъ склонить ихъ къ этому угрозами и страхомъ, то всѣ жители окружили его съ такимъ крикомъ и бранью, что онъ едва спасся бѣгствомъ. Послѣ этого конечно не оставалось ничего, какъ потребовать оберъ-офицера съ ротной командой для усмиренія ослушества и невѣжества, взятія подъ караулъ зачинщиковъ и чиненія раскладокъ по справедливости по полугодіямъ. Арестованные ослушники на допросѣ показали, что все происшедшее сдѣлано

ими по скудоумію, и принесли извиненіе въ своей неумышленности и простотѣ, тѣмъ не менѣе семь зачинщиковъ „къ лучшему ихъ поправленію и въ страхъ другимъ“ были наказаны.

Вотъ всѣ факты протеста со стороны войсковыхъ обывателей, которые мы могли извлечь изъ дѣлъ слободскаго архива, но надо думать, что въ дѣйствительности подобныхъ случаевъ больше, ибо въ архивъ попали только тѣ дѣла, по коимъ было слѣдственное производство, всѣ мелкіе случаи остались неизвѣстными. Сопротивленіе войсковыхъ обывателей при первомъ же сборѣ новыхъ податей вызвало слѣдующее распоряженіе правительства отъ 24 декабря 1765 г.

Слободско-Украинской губернской канцеляріи по Высочайшей конфирмаціи отъ Ея Императорскаго Величества данной изъ Правительствующаго Сената слободской губерніи съ губернскою и провинціальными канцеляріями инструкціи повелѣно конфирмованный отъ Ея Императорскаго Величества окладъ собрать въ двѣ половины... При такомъ нужномъ дѣлѣ, гдѣ медлительно въ томъ исполненіе или коммиссарамъ и атаманамъ остановка и ослушаніе происходитъ буде возможно было и имъ чинитъ понужденіе и куда надобно онъ позоветъ употребить нарочныхъ необходимо потребно споможеніе отъ воинскихъ командъ приказали въ экспедицію о формированіи слободскихъ гусарскихъ полковъ о томъ представить и о дачѣ по требованію провинціальныхъ и опредѣленію коммиссаровъ сколько къ скорѣйшему сбору казеннаго оклада надобно будетъ отъ состоящихъ въ тѣхъ и ближнихъ къ нимъ мѣстахъ воинскихъ командъ куда надлежитъ требовать предложенія, а о томъ для вѣдома въ провинціальныя канцеляріи и чтобы по коммиссарствамъ дано было знать тож и въ здѣшніе 6 коммиссарствъ изъ губ. канцеляріи указы послать.“ Это длиннословное распоряженіе показываетъ, что возмущенію обывателей было придано серьезное значеніе, и оно обезпокоило правительственныя сферы.

Теперь намъ остается еще упомянуть объ одномъ случаѣ выраженіи неудовольствія новой реформой, происшедшемъ [1]) уже

---

[1]) въ Межиричѣ Лебединскаго уѣзда.

въ 1767 г. при выборѣ повѣреннаго для избранія депутата въ Екатерининскую Коммиссію. Этотъ случай вѣрно характеризуетъ отношеніе бывшихъ козаковъ къ преобразованіямъ, и мы изложимъ его, пользуясь статьей пр. Багалѣя „Къ исторіи Екатерининской Коммисіи“.

Когда инструкція о выборѣ повѣреннаго отъ войсковыхъ обывателей была получена въ Межиричѣ, и дѣло дошло до составленія наказа и заявленія общественныхъ нуждъ, то всѣ почти бывшіе въ сборѣ говорили объ отмѣнѣ новоположеннаго оклада и возвращеніи козачьей службы, а одинъ изъ обывателей, Яковъ Гринченко, громко сказалъ: „кто сей новый окладъ положилъ, тотъ чтобы пропалъ навѣки.“ Начальствовавшій въ собраніи мѣстный коммиссаръ, сотникъ Селеховскій, послѣ этого собраніе закрылъ и донесъ о случившемся воеводѣ Лосеву, а тотъ въ свою очередь губернатору Щербинину. По распоряженію губернатора Гринченко закованъ въ кандалы, а 15 обывателей взято подъ караулъ для допроса, по чьему наущенію они дозволили себѣ такое противодѣйствіе властямъ. На допросѣ выяснилось, что главнымъ виновникомъ случившагося былъ самъ коммиссаръ Селеховскій, внушившій межиричанамъ мысль просить о свободномъ ввозѣ въ сумскую провинцію крымской соли и объ освобожденіи дѣтей ихъ до 7-лѣтняго возраста отъ подушнаго оклада. Обвиняемый Я. Гринченко показалъ, что приписываемыя ему слова онъ сказалъ спьяна, другіе сказали, что они не въ состояніи платить положеннаго на нихъ оклада. Мы не будемъ вдаваться въ другія подробности, которыя можно найти въ статьѣ пр. Багалѣя; скажемъ только, что губернская слободская канцелярія, на усмотрѣніе которой было отдано это дѣло, отнеслась къ виновнымъ сравнительно мягко; она рѣшила: Гринченка наказать плетьми, а Вечѣрка батожьемъ, другіе обвиняемые были освобождены, какъ дѣйствовавшіе не умышленно, а по простотѣ.

Въ заключеніе добавимъ нѣсколько строкъ о сопротивленіи войсковыхъ обывателей вообще.

Какъ ни скудно было число случаевъ сопротивленія новымъ реформамъ, но въ нихъ ясно выразилась народная точка зрѣнія: на преобразованія смотрѣли враждебно, потому что они, уни-

чтожая традиціонные завѣты старины, вводили тягости и въ новомъ родѣ военной службы, и въ новомъ видѣ податей и повинностей. Войсковые обыватели непріязнено относились къ своимъ землякамъ, попавшимъ въ гусары, безсознательно перенося на нихъ неудовольствіе новыми порядками. Главными мотивами вражды и протеста нужно считать экономическую несостоятельность населенія платить денежныя повинности. Въ то время, какъ козачья служба требовала натуральнаго отбыванія, указъ 1765 года замѣнилъ натуральные сборы денежными и поставилъ населеніе въ двойныя невыгоды: во-первыхъ, простому селянину всегда труднѣе уплатить деньгами, чѣмъ натурою, а во-вторыхъ, размѣръ платежа иногда колебался по усмотрѣнію и пристрастію раскладчиковъ къ невыгодѣ отдѣльныхъ плательщиковъ.

Конечно, ни слабая попытка старшины, ни незначительныя возмущенія обывателей не могли остановить новаго теченія въ Слободской Украинѣ, и козачество перестало существовать.

Ив. Теличенко.

Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Обыкновенно къ отдѣлу духовныхъ стиховъ причисляются и такъ называемыя южно-русскія рожденственскія и пасхальныя вирши, которыя имѣютъ свою самостоятельную и притомъ очень своеобразную исторію, и которыя, по нашему мнѣнію, должны быть разсматриваемы, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части ихъ, совершенно отдѣльно, какъ явившіяся совсѣмъ при другихъ условіяхъ и по инымъ мотивамъ сравнительно съ духовными стихами. Еслибы такое обособленіе этихъ виршъ было принято въ разсчетъ, и еслибъ понятіе о духовныхъ стихахъ было значительно съужено, то вѣроятно намъ не пришлосьбы встрѣтить такихъ строкъ, какія читаемъ по этому поводу въ извѣстномъ изслѣдованіи П. Безсонова „Калѣки Перехожіе": „мы не въ состояніи восхищаться всѣми этими заносными произведеніями (говорится о южно-русскихъ псальмахъ и кантахъ, занесенныхъ въ 17 и началѣ 18 в. въ Великороссію), и даже такіе стихи, какъ стихи Ѳеофана Прокоповича, усердно печатаемые нынѣшними почтенными Малоруссами и начинающіеся словами—за честь твоего солоду лобызаемъ твою бороду,—не производятъ на насъ ни малѣйшаго увлекательнаго впечатлѣнія; съ другой стороны, относясь ко всему этому съ полнымъ безпристрастіемъ, какъ къ прошлому въ нашей жизни, не позволяемъ себѣ для глумленія выписывать съ рукописей мнимыя остроты, шутки, тонкости и ловкости фразъ, ибо намъ, Великоруссамъ, онѣ кажутся совершенными дикостями, странностями, даже неприличіемъ въ столь высокомъ дѣлѣ, какъ Стихи" [1]). Впрочемъ въ изслѣдованіи автора сейчасъ-же вслѣдъ

---

[1]) Калѣки Перехожіе, вып. IV, стр. XL.

за этими строками признается, что происхожденіе псальмъ и кантовъ имѣетъ свою самобытную и очень важную причину, иными словами—они возникли совсѣмъ при другихъ условіяхъ, нажели духовные стихи (и не великорусскіе только, но и малорусскіе), а слѣдовательно—зачѣмъ-же брать для сравненій и выводовъ несоизмѣримыя величины? Объяснимся.

Если ужъ принимать терминъ „духовные стихи“ такъ широко, что даже характерныя колядки и щедровки попадаютъ въ число ихъ (какъ это видимъ у Безсонова), то во всякомъ случаѣ надо установить, что типичными формами духовныхъ стиховъ могутъ быть посчитаны два близкихъ другъ къ другу рода произведеній. Первый изъ нихъ—это произведенія, возникшія и выработавшіяся среди самого-же народа подъ вліяніемъ проникавшаго въ жизнь христіанскаго начала и знакомства съ священнымъ писаніемъ; другой—это произведенія книжниковъ, настолько по тону и духу приближающіяся къ первымъ, что народъ воспринялъ ихъ въ себя и пустилъ ихъ въ обиходъ наравнѣ съ своими собственными. Эти два рода духовныхъ стиховъ, такъ сказать, шли навстрѣчу другъ другу и сошлись такъ близко, что иногда нельзя даже опредѣлить точной границы, гдѣ кончаются одни и начинаются другіе. Эти два типичные представителя духовныхъ стиховъ могутъ быть отмѣчены, какъ факты народнаго творчества у всѣхъ трехъ русскихъ народностей, хотя малоруссы даютъ ихъ сравнительно меньше по причинамъ, не разъ уже отмѣченнымъ изслѣдователями, а именно: впечатлѣнія козацкой эпохи были настолько сильны, что въ значительной мѣрѣ отодвигали на второй планъ всѣ другіе мотивы и сюжеты; хотя и до сихъ поръ, не говоря о напечатанныхъ малорусскихъ варьянтахъ, можно слышать слѣпца-лирника, распѣвающаго длиннѣйшій текстъ стиха о Лазарѣ убогомъ.

Совершенно иного происхожденія, склада и типа тѣ виршевыя произведенія, которыя появились въ южной Руси въ XVII и XVIII вѣкахъ, какъ результатъ школьной науки и школьнаго искусства слагать стихи на разные случаи. Эти вирши, насколько свидѣтельствуютъ обнародованные литературные

факты прошедшаго южной Руси, имѣли два теченія. Первое изъ нихъ характеризуется строгой выдержанностью схоластической формы, прежде всего обусловленной серьезностью самаго сюжета. Въ такихъ произведеніяхъ вы всегда найдете, при самомъ разнообразномъ содержаніи—богословскомъ, историческомъ, нравоучительномъ,—серьезный тонъ, не допускающій никакихъ шутокъ, даже простодушнаго, такъ свойственнаго малороссу отношенія къ фактамъ и ихъ объясненію; напротивъ, въ нихъ всегда замѣчается нѣкоторая высокопарность, дѣлающая ихъ утомительно-однообразными. Въ языкѣ, которымъ они написаны, очень рѣзко бросается въ глаза основа церковной рѣчи съ слабымъ наклоненіемъ къ мѣстному народному элементу. Это—произведенія книжниковъ, всецѣло погрузившихся въ школьную науку и, по крайней мѣрѣ въ моментъ своего творчества, совершенно порвавшихъ связь съ народнымъ складомъ пѣснопѣнія и со всѣмъ народнымъ умонастроеніемъ. Но на ряду съ такимъ теченіемъ было и другое. Среди тѣхъ-же книжниковъ были люди, которые, при всей своей схоластической учености, чувствовали потребность иногда покинуть сухую форму книжнаго писанія и приблизиться къ тону народному, но не тому, которымъ народъ большею частью поетъ и разсказываетъ о сюжетахъ важныхъ, а тому добродушно-юмористическому, который въ иныхъ случаяхъ сказывается у народа со всей силой, а въ другихъ—только вскользь, мимоходомъ.

Конечно, это была односторонность въ направленіи такихъ писателей, такъ какъ народное творчество представляло гораздо болѣе обширный матеріалъ, на почвѣ котораго могла вырабатываться культурная поэзія, но во всякомъ случаѣ произведенія ихъ составляютъ особую группу въ литературѣ прошлаго столѣтія, группу, представители которой могутъ быть названы національной школой въ южно-русскій литературѣ прошлаго вѣка. Школа эта больше всего обнаружила себя въ интермедіяхъ, написанныхъ совершенно въ духѣ народныхъ умозрѣній, а также въ самыхъ разнообразныхъ виршахъ. Къ этому-то послѣднему отдѣлу и относятся тѣ рожденственскіе и пасхальные вирши, по поводу которыхъ мы высказались выше.

Трудно сказать, всегда ли такіе вирши слагались съ цѣлью привѣтствія въ день Рождества и Пасхи, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ даже авторовъ ихъ; но несомнѣнно, что, вошедши въ жизнь, они приняли характеръ привѣтственныхъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ заключительные стихи во многихъ изъ нихъ, въ родѣ тѣхъ, какіе видимъ въ концѣ пасхальной вирши, печатаемой ниже. Далѣе, очевидно, что они усвоивались не народомъ, а только болѣе или менѣе „письмѐнными“ людьми, такъ какъ мы не знаемъ ни одного варьянта ихъ, записаннаго отъ народа. Вѣроятно этому препятствовало то, что у народа были свои специальныя пѣснопѣнія праздничныя, которыя стояли на первомъ планѣ и не пускали на смѣну себя произведеній, не имѣвшихъ ничего общаго съ этими пѣснопѣніями (колядки).

Всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ виршей этого типа мы можемъ указать немного, а именно:

Рождественскіе 1) „Здорови будьте зъ тимъ, пани“—въ „Основѣ“ 1862 г. № 6; „Зъ народнихъ устъ“ Коховскаго, стр. 44—49; записана „отъ Ив. Мих. Полторацького зъ хутора Головинського“. 2) „Чи чулы вы, панове, зъ роду“—въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 11, стр. 398; записана В. Лавровскимъ, безъ означенія, мѣста, времени и обстоятельствъ записи. 3) „Хрыстосъ родывсь, мыръ звеселывсь: сегоднишнимы часы“—въ Кіев. Стар.“ 1882 г. № 12, стр. 624—626; сообщилъ С. Пономаревъ безъ означенія мѣста, времени и обстоятельствъ записи. 4) „Хрыстосъ народывся, весь мыръ возвеселывся“—у Безсонова „Калѣки перехожіе“, вып. 4-й, стр. 27; почти въ томъ же видѣ у Терещенка „Бытъ русскаго народа, ч. 7-я, стр. 68—69.

Пасхальные 1) „Егда Іуда Хрыста жидамъ продавъ“—въ „Основѣ“ 1862 г. № 6, стр. 49—53; записана отъ Ив. Мих. Полторацького зъ хутора Головинського. 2) „Хрыстосъ воскресъ радъ мыръ увесь“—въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 4, стр. 169—171; напечатана по двумъ варьянтамъ: одинъ сообщенъ А. Скальковскимъ, другой записанъ рукою Н. Гоголя и сообщенъ С. Пономаревымъ. Это извѣстная вирша, говоренная черноморскими козаками въ видѣ привѣта гетману Потемкину; сочиненіе

ея приписываетcя войсковому судьѣ Головатому. Дополненіе къ ней напечатано въ „Кіевск. Стар.“ 1882 г. № 9, стр. 567—571; записано Д. Морозомъ. Варьянты этой вирши напечатаны: у Терещенка „Бытъ русск. народа“, ч. 6-я, стр. 112—115; въ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ 1877 г. № 7.

Изъ печатаемыхъ теперь двухъ виршъ одна—пасхальная—не была помѣщена нигдѣ, а другая—рождественская—въ неполномъ видѣ была напечатана у Терещенка „Бытъ русскаго народа“ и перепечатана почти въ томъ же видѣ у Безсонова „Калѣки перехожіе“ (см. выше). Обѣ эти вирши сообщены намъ И. М. Звониковымъ, записавшимъ ихъ въ 40-хъ годахъ, одну отъ мѣщанина кіевскаго Плекуна, учившагося въ концѣ 30-хъ годовъ въ уѣздномъ училищѣ, человѣка веселаго и хорошаго пѣвца, другую отъ г. Гулака-Артемовскаго, около 1848 года.

Рождественскую виршу, частью напечатанную, мы помѣщаемъ теперь въ цѣльномъ видѣ, обозначая курсивомъ тѣ куплеты, которые не вошли въ указанные сборники.

В. Науменко.

Рождественская вирша.

Хрыстосъ народывся, щобъ мыръ звеселывся
Писля Адомового гриха̀;
Родывся-жъ въ Виѳлеоми, въ стайни, а не въ доми—
Отъ дыковына яка!
Звизда ясненька, гарна, кругленька
Прыкотылась надъ Виѳлеомъ,
И тамъ стала, де вже знала,
Освитыла стайню кругомъ.
Пастухы изъ степу прыбиглы къ вертепу,
Да и по ягнятку прынеслы;
На дудкы гралы, якои зналы,
Тай знову до стада пишлы.
Янголы святыи, крылати, чудныи
Та такъ-же то лепсько спивалы,

Що мы и породылысь, та вже й поженылысь,
А далеби, що такъ не чувалы.
Вилъ и оселъ стоять у ясель,
Отъ-же й воны Хрыста пизналы,
Бо дышуть на ёго и знають на кого,
Щей навколишкы сталы.
А тры цари прынеслы дары
А одъ одъ востока;
Тутъ ихъ поклалы и поздоровлялы
По-пысьменськи, звысока.
Исько старенькій имъ бувъ раденькій,
Гостынци прынявъ
Да и каже: сидайте въ насъ, почастуемъ васъ,
Чымъ Богъ намъ давъ.
По каганцю сывухы, по кухлыку варенухы
Имъ якъ пидсулывъ;
Якъ-же хлыснулы, сыдячи й поснулы,
А Исько и свичку погасывъ.
Янголь Божій, ясный згожій
Царямъ во сни на ухо шепнувъ:
До дому махайте, Ирода обмынайте,
Щобъ винъ цёго не чувъ!
Цари схопылысь, перехрестылысь
И до дому почухралы;
Вливо повернулы, якъ одъ янголя почулы—
Оттакъ Ирода ошповалы.
Маріи-жъ и Иську особу звистку
Янголь у сни вищае:
Въ Египетъ тикайте и часу не гайте,
Бо вже Иродъ дитей убывае!
Исько схопывся, водою умывся
Ослыцю осидлавъ, Марію взявъ;
Дуже поспишався и не оглядався,—
Такъ пьятамы накывавъ.
Иродъ дожыдався, въ викно прыглядався,—
Думавъ, що цари прыйдуть до ёго;

А писля схаменувся, мовъ видъ сна прочнувся,
И вгадавъ, що глузують зъ ёго.
Заразъ мудрыхъ мудрыцивъ, свитськихъ, панъ-отцивъ
Якъ постягавъ,
Щобъ ему сказалы и прослебезувалы,
Де Хрыстосъ родыться мавъ.
Такъ воны по правди, пры усій громади,
Мовъ у око влипылы ему,
Що въ Виѳлееми цее родытся такее,
Що не буде ривни ему.
Такъ Иродъ такъ злякався, що ажъ укалявся,
Бо стоявъ довго безъ ума;
Дерется рукамы, скрегоче зубамы,
А речи зовсимъ нема.
А дали якъ почавъ, то заразъ закрычавъ:
Війська! до Виѳлеему махайте,
Да малыхъ дитей одъ матерnихъ грудей
До щырця убывайте!
Якъ-же въ Виѳлеомъ у жодный домъ
Війська понабигалы,
То покололы дитей одъ матерnихъ грудей,
А де-якыхъ пороздыралы.
Виѳлеемскій крыкъ такъ бувъ велыкъ,
Що ажъ до Саваохта дойшовъ:
Винъ на Ирода кару посылае псю-пару
За дытячу невынну кровъ.
Въ голови зашумило, въ животи забуркотило,
Якъ сосновый лисъ.
Ёму дуже мутыло, коло серця нудыло,
Бо прыступывъ до серця бисъ.
По грудяхъ болячкы, по спыни чырячкы,
А въ бровахъ гныды народылысь;
Очы позападалы, ковтуны въ чуби сталы,
А ззаду червы заплодылысь.
Пидъ очыма позеленило, пидъ носомъ почорнило,
Якъ у собакы пидъ хвостомъ;

Ему дуже мутыло, коло серця нудыло,
Щобъ не ганявся за Хрыстомъ.
Ризачка до пупа докучала, дуже въ жывоти бурчало,
Бо часто на двиръ выбигавъ;
А свыни слидомъ, крычать гуртомъ,
Щобъ швыдче винъ сидавъ.
Ликаривъ прызывалы, пластырь клалы,
Капли въ горло лылы:
Зубы рвалы, жывитъ направлялы,
Да ничого не помоглы.
А дали загынувъ и царство покынувъ
Діяволъскій гайдамака;
Не вмивъ хлиба исты, пропавъ безъ висты,
Мовъ у ярмарку собака.
У пекло попався, мижъ чорты вбрався,
Тай хлыще гарячу смолу;
Пальци кусае, та проклынае
Тую, що родывся, пору.
Нехай загыбае, на викъ пропадае,
А мы звеселымся;
Хрыстову Рожеству и его Божеству
Поклонимся.
А винъ намъ изъ неба дасть, чого треба:
Винъ батько не скупый.
Хто до его, то й винъ до того—
Отъ винъ якый!

Вирша на Велыкъ-день.

Кажуть, буцимъ молодыци
Негодяйки, ледащыци
И пуглыви, якъ зайци,—
Ажъ неправда, молодци.

Се-жъ Марія середъ ночы
Пустылася зо всій мочы
Плакаты на гробъ Хрыстовъ,
На Голгофу мижъ кустовъ.

Не боялась Синагогы,
Подряпала вельмы ногы
И попала тамъ Хрыста.
Винъ-же ій сказавъ спроста:

Чого, Марусе, такъ ты плачешъ?
Я воскресъ—сама ты бачышъ.
Жыды-же ажъ на пупъ крычать,
Що не рушена печать.

Задалы жовнирамъ плату,
Щобъ сбрехалы тамъ Пылату,
Буцимъ змигъ ихъ крипкый сонъ,
А Хрыста хто-сь вынисъ вонъ.

А Хрыстосъ бувъ на роботи,—
Попалывъ соби чоботы,
Покиль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ.

Смерть сыдила у куточку,
Рвала на соби сорочку,
Надулася и сопла
И на Бога що-сь говпла.

Куца сатана почула,
Що и смерть уже заснула;
А Адамъ сміяться ставъ,
А Мойсей и засвыставъ.

Прыбигъ швыдче къ Аарону
Зробыть справу по закону.
Ааронъ очкы надивъ
И въ Быблію поглядивъ.

Не утѐрпивъ, засміявся.
Куцый дьяволъ догадався,
Що Хрыстосъ уже воскресъ,—
Злякавсь, затрусывсь увесь.

Выбигъ на пекельну браму,—
Ажъ иде Хрыстосъ къ Адаму.
Брама впала передъ нымъ,
Муръ розсыпався, якъ дымъ.

Прыблыжается Хрыстосъ до пекла,—
Показавъ чортяка морду й векла,
Драла въ пекло, хвостомъ кывъ!
А Хрыстосъ ёго спросывъ:

Де старенька баба Ева,
Що глонула въ раю древа!
Куцый кочергу узявъ
И у пекли помишавъ.

Вылизла баба зъ печи;
Обгорилы вельмы плечы,
А за нею и Адамъ—
Ажъ Хрыстосъ злякався самъ.

Взявъ обохъ Хрыстосъ за руку
И сказавъ таку науку:

Ты, Адаме, муку стару забувай,
Дрызай зъ Евою у рай.

И далы воны изъ пекла драла.
Ева на вси жылы брала,
А Адамъ ажъ употивъ,
Попередъ усихъ летивъ.

Вывелы старого Лота,
Ажъ кровава смага зъ рота;
Весь нагайкамы избытъ,
Зъ голоду запавъ жывитъ.

Авраамъ сказавъ Исаку:
Забуваймо стару драку!
Да за рукы узялысь,
Прямо къ раю почовплысь.

Царь безъ племени, безъ роду
Ихавъ верхы мижъ народу;
А за нымъ святый Аѳетъ
Нисъ и шаблю, и мушкетъ.

Ной старенькый натоптався,
Выпывъ зъ праци тай заспався;
А премудрый Соломонъ
Задзвонывъ у райськый дзвонъ.

Якъ прочнувся старый дидъ,
Ажъ зовуть всихъ на обидъ.
Царь Давыдъ пиднисъ по чарци пыва,
И наробывъ велыкого дыва:
Ушкварывъ на гусляхъ такъ,
Що хотивъ скакать усякъ.

Не подывы, святый Владыко!
Може для тебе и дыко,
Що таку виршу сказавъ,
Але-жъ пысанкы не взявъ,
Бо на кращу не розжывся.
А погану якъ прынесть?
Бо й мы такы знаемъ честь.

Критика.

В. К. Гульдманъ. Справочная книжка Подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій. Типографія губернскаго правленія. 1888. (Стр. VIII+654. Цѣна 2 руб).

Г. Гульдманъ, завѣдывающій дѣлами Подольскаго губернскаго статистическаго комитета, задался почтенною цѣлью пополнить давно уже ощущаемый пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о подольской губерніи. Въ этомъ отношеніи литература наша дѣйствительно бѣдна до крайности, такъ что до сей поры не имѣется даже подробнаго списка населенныхъ мѣстъ края. Правда, Подольскій статистическій комитетъ опубликовалъ было нѣсколько выпусковъ „Сборника свѣдѣній о Под. губерніи", но приведенный въ нихъ матеріалъ лишенъ правильной системы, самое его происхожденіе остается неяснымъ для читающаго, и все изданіе по цѣнѣ своей недоступно для публики. Оффиціальное положеніе г. Гульдмана безъ сомнѣнія значительно облегчило ему выполненіе задачи, и изданная имъ справочная книжка заслуживаетъ вниманія уже какъ первая попытка въ этомъ направленіи. Составленная по программѣ достаточно обширной и полной для справочной книги, она заключаетъ свѣдѣнія, представляющія интересъ не только для подолянъ.

Въ книгѣ три части: календарныя и справочныя, общія и мѣстныя свѣдѣнія; статистическія и историческія свѣдѣнія; адресъ-календарь. Второму отдѣлу книги, интересующему насъ въ настоящемъ случаѣ, посвящено около 300 страницъ (323—594). Въ статистическомъ очеркѣ (стр. 336—436) г. Гульдманъ въ подробныхъ и съ особеннымъ тщаніемъ составленныхъ таблицахъ сообщаетъ цифровыя данныя о пространствѣ губерніи, числѣ, составѣ, движеніи народонаселенія, о землевладѣніи, урожаяхъ хлѣбовъ, скотоводствѣ, городскихъ и сельскихъ промыслахъ разнаго рода, разработкѣ

фосфоритовъ, фабрично-заводской промышленности, торговлѣ, школахъ, народномъ здравіи и нравственности, исполненіи воинской повинности; наконецъ, крестьянскому землевладѣнію авторомъ посвященъ особый экскурсъ, гдѣ подробнѣе освѣщены общія данныя, сообщенныя раньше. Авторъ не довольствуется сообщеніемъ голыхъ цифръ; онъ подвергаетъ ихъ статистической обработкѣ, дѣлаетъ годными для сравненія и выводовъ, выдерживая такой пріемъ почти по каждому трактуемому вопросу, и легко понять, что эта работа требовала не мало времени и усилій. Должно пожалѣть однако, что статистическимъ этюдамъ своимъ авторъ не предпослалъ нѣкоторыхъ, хотя бы краткихъ указаній о способѣ собиранія матеріала, подлежавшаго обработкѣ. Возможно, что эти указанія позволили бы оріентироваться въ предложенныхъ г. Гульдманомъ таблицахъ и обнаружили бы непригодность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кому не извѣстно, что собираемый губернскими статистическими комитетами черезъ волостныя правленія, духовенство и полицію цифровой матеріалъ по большей части составляетъ хламъ, не стоющій бумаги, которая на него потрачена? Единственнымъ логическимъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ остается надежда развѣ на нѣкоторую послѣдовательность въ ошибкахъ, неточностяхъ и вымыслахъ корреспондентовъ-статистиковъ,—утѣшеніе довольно слабое. Мы опасаемся, напр., что приведенныя въ книжкѣ г. Гульдмана данныя о степени общаго урожая и урожая различныхъ хлѣбовъ въ связи съ движеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и движеніемъ народонаселенія за послѣднее десятилѣтіе (стр. 342 сл) не имѣютъ никакого научно-статистическаго значенія и для выводовъ не годятся; что данныя о размѣрѣ средняго урожая съ десятины, средняго обсѣва, средняго остатка хлѣбовъ на душу, всѣ безъ исключенія данныя о живомъ инвентарѣ сельскаго хозяйства (стр. 349 сл) произвольны и вымышлены; что данныя о среднемъ заработкѣ подольскихъ кустарей и ремесленниковъ (стр. 355—362) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Интересно было-бы, напр., знать пріемъ, по которому высчитано, что въ 1886 году въ м. Крутыхъ было сшито сапогъ на сумму 14.400 руб., тулуповъ на 7000 руб., а въ м. Кодымѣ сапогъ на 1800 руб., или что 469 сапожниковъ-кустарей губерніи имѣли въ 1886 году заработка 48.315 руб., а 4031 кустарей, выдѣлывавшихъ сукно и холстъ—280.280 руб. сер. дохода. Недостовѣрными представляются и данныя объ оборотахъ и доходности фабрично-заводской промышленности въ губерніи (стр. 364—376). Сводка и обработка всѣхъ

этихъ и другихъ имъ подобныхъ данныхъ сдѣланы г. Гульдманомъ весьма тщательно и добросовѣстно, но мы опасаемся, что трудъ и время были потрачены здѣсь безъ пользы, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока губернская статистика наша не организуется по образцамъ, преподаннымъ земскими губерніями.

Приведемъ здѣсь изъ книги г. Гульдмана нѣсколько цифровыхъ данныхъ, не лишенныхъ общаго интереса и, какъ должно думать, болѣе точныхъ,—хотя въ примѣненіи къ подольской статистикѣ выраженіе „точный“ слѣдуетъ принимать лишь cum grano salis. Къ 1 января 1887 г. населеніе губерніи равнялось 2.412.688 душъ обоего пола, въ томъ числѣ дворянъ 1,0%, духовенства—0,5%, городскихъ сословій—17,6%, сельскихъ сословій—73,2%, военныхъ—6,9%, иностранцевъ и пр.—0,8%; по вѣроисповѣданіямъ было: православныхъ—76,6%, іудеевъ—16,2%, католиковъ—9,3%, раскольниковъ и лютеранъ—0,8%. Въ составѣ населенія численно преобладаетъ малорусское племя, къ которому принадлежатъ почти всѣ крестьяне и 9/10 мѣщанъ. Къ числу проживающихъ въ губерніи великороссовъ г. Гульдманъ относитъ значительную часть чиновниковъ и русскихъ землевладѣльцевъ и 14.388 раскольниковъ. Въ пользованіи крестьянъ состоитъ 47,6% всей земли губерніи, частныхъ владѣльцевъ—44,3%, казны, удѣловъ и др.—8,1%. По размѣрамъ дворянской собственности подольская губернія принадлежитъ къ числу губерній съ преобладающимъ крупнымъ землевладѣніемъ. Средній размѣръ дворянскихъ имѣній въ губерніи—749 дес., по уѣздамъ онъ колеблется отъ 319 дес (летич. у) до 2443 дес (ольгоп. у). Въ общемъ числѣ частныхъ владѣльцевъ лица польскаго происхожденія въ 1887 году составляли 31,95% и владѣли 55,97% всей земли, находившейся въ частномъ владѣніи (стр. 336—347). Изъ 247.982 крестьянскихъ дворовъ губерніи 86,6% имѣютъ полевые (тяглые и пѣшіе) и 13,4%—только усадебные надѣлы. Безземельныхъ крестьянъ м. п. въ 1886 г. считалось 28.033, въ томъ числѣ 73,8% бывш. помѣщичьихъ, 11,1% б. государственныхъ и 15,1% евреевъ-земледѣльцевъ и б. южн. поселянъ. При содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка пріобрѣтено 3.607 крестьянами съ 1883 по 1887 г. 13.722 дес. земли на сумму 1.438.338 руб. 22 к., причемъ доплачено крестьянами изъ своихъ средствъ 312.276 р. 22 к.—Изъ общаго числа имѣній въ губерніи разверстанныхъ 610, неразверстанныхъ 1531, въ послѣднихъ крестьянамъ принадлежитъ 779.704 дес. земли или 44,1% всей земли, находящейся во владѣ-

ніи крестьянъ. Въ этихъ имѣніяхъ, кромѣ черезполосности, сервитутами и правомъ общаго пользованія обременено 289.276 дес. земли (стр. 430—436). Данныя г. Гульдмана о крестьянскомъ землевладѣніи страдаютъ большою скудостью, и желательно было бы, чтобы въ будущихъ выпускахъ справочной книжки по этому предмету было собрано болѣе матеріала, а также сообщены были свѣдѣнія о ходѣ операціи по выкупу чиншевыхъ земель, о движеніи цѣнъ на землю по крайней мѣрѣ въ послѣднее десятилѣтіе, о степени мобилизаціи поземельной собственности въ губерніи, о положеніи сельскаго духовенства; впрочемъ, отсутствіе данныхъ этого разряда нельзя относить къ винѣ г. Гульдмава.

Городской статистикѣ губерніи въ книгѣ г. Гульдмана отведено подобающее мѣсто (стр. 573—594), и подробныя таблицы, къ которымъ мы отсылаемъ интересующихся вопросомъ, характеризуютъ внутренній бытъ подольскихъ городовъ за послѣднее 15-лѣтіе довольно наглядно. Отмѣтимъ здѣсь, что съ 1862 по 1870 г. евреи составляли около 43% всего городскаго населенія губерніи, въ 1886 году уже 52% слишкомъ; за то въ мѣстечкахъ въ 1872 г. евреевъ было 49%, въ 1886 году—44%. Трудно сказать впрочемъ, насколько достовѣрны приведенныя данныя.

Нѣкоторое вниманіе посвящаетъ г. Гульдманъ и исторіи какъ губерніи вообще, такъ и отдѣльныхъ подольскихъ городовъ и мѣстечекъ (стр. 323—329. 437—572). Хотя авторъ сообщаетъ лишь краткія историческія справки, но почерпнуты онѣ изъ источниковъ устарѣлыхъ и непригодныхъ въ настоящее время, почему и справки эти оказываются далеко ненадежными. Оставимъ въ сторонѣ Алазоновъ, Невровъ, Готовъ, Даковъ, Сарматовъ, Роксаланъ, Язиговъ, Бужанъ, Дулебовъ, Тиверцевъ, Уличей и злыхъ Обровъ, которымъ г. Гульдманъ удѣляетъ нѣсколько неясныхъ словъ, собственно говоря исчерпывающихъ его исторію древнѣйшаго Подолья; любопытно то, что авторъ забываетъ упомянуть о такомъ фактѣ первостепенной важности во внутренней жизни Подолья, какъ борьба подолянъ съ татарами и постепенное освобожденіе отъ ига послѣднихъ подъ предводительствомъ народныхъ вождей, князей Коріатовичей, или слѣдующая затѣмъ борьба противъ польскаго завоеванія. О князьяхъ этихъ случайно упоминаетъ и Гульдманъ въ обзорѣ городовъ и оказывается, что Коріатовичи были и сыновьями Ольгерда (стр. 512 и 524) и его племянниками (стр. 437), что ихъ посадилъ на Подольѣ разъ Гедеминъ, другой разъ Ольгердъ, из-

гналъ кн. Өедора Коріатовича изъ Подолья не то Ольгердъ, не то Витовтъ (стр. 437), что существовалъ какой-то Өедоръ Коріатовичъ II (стр. 438), которому въ 1395 г. Витовтъ будто-бы отдалъ въ управленіе Подольскую землю, но тогда же вынужденъ былъ снова изгнать его; что именно Өедоръ Коріатовичъ основалъ г. Винницу (стр. 458); что Коріатовичи основали въ Межибожѣ укрѣпленный замокъ (стр. 512), а въ 1366 г. этотъ городъ перешелъ къ Польшѣ и получилъ магдебургское право. Намъ совершенно неизвѣстны источники, на основаніи которыхъ г. Гульдманъ говоритъ, что король польскій Ягайло, отобравши у Спытка изъ Мельштына подольскіе города, въ замѣнъ ихъ отвелъ ему земли въ Силезіи (стр. 438), а въ 1438 году отдалъ Подолію кн. Свидригайлу; что Литинъ (упоминаемый уже въ актѣ 1431 г), получилъ основаніе, какъ полагаютъ изслѣдователи, не ранѣе XVI вѣка (стр. 452): что основателемъ Брацлава обыкновенно признается Константинъ Коріатовичъ (стр. 461), въ 1352 г. этотъ городъ отнятъ Ольгердомъ, а въ 1395 году Витовтомъ у Өедора Коріатовича, почему Брацлавъ „какъ бы являетъ собою исторію края"; что лѣтописи совершенно молчатъ объ Ушицѣ послѣ разсказа о взятіи этого города въ 1144 году Всеволодомъ Ольговичемъ (стр. 488); что Смотричъ существовалъ уже въ періодѣ удѣловъ и былъ разоренъ Батыемъ въ XIII в (стр. 498); что м. Шаровка (упоминаемое въ актахъ съ 1431 г) становится извѣстною только съ XVI в (стр. 507); что сынъ Ходка изъ Кроаціи выстроилъ въ Ярмолинцахъ укрѣпленный замокъ и въ 1455 г. испросилъ грамоту на магдебургское право (стр. 508); что Мизяковъ (подробно упоминаемый уже въ люстраціи 1552 г) возникъ около 1757 года и назывался первоначально Калумновымъ (стр. 521); что Сокалецъ (ушицк. у) признается однимъ изъ городовъ древняго Галицкаго княжества, разрушенныхъ Батыемъ (стр. 569). Нельзя назвать удачною ученую догадку г. Гульдмана о тождествѣ м. Купина съ болоховскимъ Губинымъ (стр. 496), и вообще должно пожалѣть о небрежности, съ которою сведены авторомъ историко-археологическія данныя о древнѣйшихъ поселеніяхъ края. Особеннаго вреда эти ошибки не сдѣлаютъ, но непріятно встрѣчать ихъ въ трудѣ, предпринятомъ очевидно съ наилучшими намѣреніями. Пожелаемъ, чтобы въ будущихъ изданіяхъ справочной книжки отдѣлъ историческихъ свѣдѣній обработанъ былъ съ большимъ вниманіемъ къ добытымъ уже даннымъ. **Н. Молчановскій.**

Корвинъ-Піотровскій. Календарь Черниговской Губерніи на 1888 г. Годъ третій. Черниговъ. 1887 года.

Книжка, заглавіе которой мы выписали, распадается на шесть отдѣловъ: 1) церковный, 2) астрономическо-метеорологическій, 3) историческій, 4) статистическій, 5) справочный и 6) адресъ-календарь. Въ ряду цѣлой массы другихъ подобныхъ изданій, „Календарь", по количеству собранныхъ въ немъ данныхъ, можетъ быть названъ книгой весьма полезной. Житель черниговской губерніи найдетъ въ немъ отвѣты на многіе занимающіе его вопросы обыденной мѣстной жизни. Статистическія таблицы, вошедшія въ составъ VI-го отдѣла, представляютъ значительный интересъ. Онѣ составлены за 1886 годъ и даютъ свѣдѣнія о числѣ жителей губерніи по сословіямъ, по вѣроисповѣданіямъ, о народной нравственности, о количествѣ сборовъ и недоимокъ, о числѣ учащихся, о доходахъ и расходахъ городовъ и посадовъ. Если такія статистическія данныя будутъ сообщаемы и въ послѣдующихъ изданіяхъ Черниговскаго Календаря, то могутъ получиться весьма интересные своды матеріала по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней жизни губерніи. Однако Черниговскій Календарь въ теперешнемъ видѣ не совсѣмъ удовлетворяетъ своему назначенію. Во 1-хъ, въ статистическомъ отдѣлѣ мы не нашли данныхъ о санитарномъ состояніи губерніи. Составитель помѣстилъ краткое сообщеніе по эпизоотіямъ, тѣмъ важнѣе было дать свѣдѣнія о количествѣ людскихъ заболѣваній съ указаніемъ рода болѣзней, мѣстностей, времени года, классовъ населенія, подвергавшихся разнаго рода заболѣваніямъ. Во 2-хъ, и это главное, изданіе исключительно разсчитано на публику интеллигентную. Статистическія данныя, какъ онѣ ни интересны, удостоятся должнаго вниманія весьма немногихъ, между тѣмъ какъ мѣстный календарь долженъ имѣть въ виду не эту ограниченную группу лицъ, для которыхъ существуютъ другія изданія, какъ Памятныя Книжки, Губернскія Вѣдомости и т. п., но всю массу населенія. Поэтому слѣдовало бы прибавить отдѣлы свѣдѣній ветеринарныхъ, медицинскихъ, агрономическихъ и т. д. и притомъ непремѣнно въ самой общедоступной формѣ. Все это свѣдѣнія необходимыя для народа и не менѣе, если не болѣе обязательныя для календаря, особенно мѣстнаго, чѣмъ статистическія данныя.

Что касается историческаго отдѣла, то присутствіе его въ мѣстномъ календарѣ вполнѣ цѣлесообразно. Въ такъ наз. обществѣ

есть не мало лицъ, для которыхъ календарь является единственнымъ литературнымъ источникомъ свѣдѣній. Присоедините сюда массу грамотнаго, но бѣднаго люда, у котораго календарь—библіотека. Вотъ этихъ-то людей прежде всего и долженъ имѣть въ виду календарь мѣстный и стараться, хоть сколько-нибудь, удовлетворить ихъ потребности въ чтеніи. Между тѣмъ историческій отдѣлъ Черниговскаго Календаря поражаетъ случайностью въ подборѣ матеріала. Особенно возбуждаютъ недоумѣніе перечисленія князей кіевскихъ, черниговскихъ, мѣстныхъ іерарховъ, воеводъ, стольниковъ и т. д., и т. д. Съ какою цѣлью они помѣщены тутъ? Для массы публики такой голый перечень не даетъ ровно ничего; разсчитывать же на подобныя календарныя свѣдѣнія, какъ на справочный матеріалъ, очень рискованно. Если можно сказать это о календарныхъ данныхъ вообще, то къ сожалѣнію, съ большимъ еще основаніемъ оно приложимо къ Календарю Черниговскому. Таблицы составлены съ какою-то торопливостью, со многими неточностями и ошибками. Чтобы не быть голословными, укажемъ два-три факта. Списывая имена черниговскихъ іерарховъ у преосв. Филарета, изъ его „Историко-Статистическаго Описанія Черниговской Епархіи“, составитель и тутъ не могъ обойтись безъ промаховъ; такъ, среди іерарховъ не упомянутъ Антоній Стаховскій (съ 1713—1721 г), Владиміръ Ушинскій названъ Ужинскимъ, сынъ Игоря Святослава названъ Святополкомъ. Далѣе. Издатель Черниговскаго Календаря очень смѣло называетъ Святополка сыномъ Ярополка, основываясь на лѣтописной легендѣ, мало заслуживающей довѣрія. Видно незнакомство не только съ послѣдующими извѣстіями лѣтописи, уничтожающими значеніе этого сказанія, но и со взглядомъ на лѣтопись и лѣтописца, существующимъ въ настоящее время въ наукѣ. Но вотъ фактъ еще болѣе интересный. Какъ видно изъ лѣтописи, у Владиміра Св. были слѣдущіе двѣнадцать сыновей: Вышеславъ, Изяславъ, Мстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Святополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Святославъ, Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ. Откуда составитель таблицъ Календаря взялъ перваго удѣльнаго черниговскаго князя Вячеслава, мы положительно не знаемъ. О смерти этого мнимаго князя въ 1024 г. нигдѣ нѣтъ свѣдѣній. Напротивъ извѣстно, что при Владимірѣ Св. въ Черниговѣ не было удѣла, не было его тамъ до Лиственской битвы, имѣвшей мѣсто дѣйствительно въ 1024 г. Мстиславъ Владиміровичъ былъ первымъ удѣльнымъ княземъ въ Черниговѣ, но и это обособленіе Чернигова было временное, пока былъ живъ

Мстиславъ. Дѣйствительнымъ-же удѣльнымъ княземъ этой области можно признать лишь Святослава Ярославича съ 1054 года. Въ той-же самой „Хронологіи достопамятнѣйшихъ событій края“, изъ которыхъ одно, какъ мы сейчасъ видѣли, оказалось мнимымъ, говорится, что отъ покоренія великимъ княземъ литовскимъ Гедыминомъ всей Южной Руси до настоящаго времени прошло 568 лѣтъ. Слѣдовательно, составитель считаетъ годомъ этого событія 1320-й. Но дѣло въ томъ, что не только дата, но и самое это событіе подвергается въ настоящее время сильному сомнѣнію. Еще раньше на сомнительность этого факта указывалъ Карамзинъ, а въ настоящее время фиктивность его положительна доказана В. Б. Антоновичемъ въ его „Очеркѣ исторіи В. Княжества Литовскаго“. Думаемъ, что этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить недовѣріе къ историческимъ таблицамъ Черниговскаго Календаря. Укажемъ еще въ заключеніе, что первой супругой царя Алексѣя Михайловича была Марья Ильинична Милославская, а Евдокія Лопухина была первой женой Императора Петра Великаго. Теперь спрашивается, какую-же пользу могутъ принести читающей публикѣ всѣ подобныя перечисленія? Вмѣсто указанныхъ перечней несравненно полезнѣе было бы составить историко-біографическіе очерки выдающихся черниговско-сѣверскихъ князей, а для временъ позднѣйшихъ историческіе очерки по отдѣльнымъ эпохамъ. Размѣщая эти біографіи и очерки въ хронологическомъ порядкѣ, можно было бы дать мѣстной читающей публикѣ довольно живое и полное изображеніе исторіи черниговской губерніи. Мы уже сказали, что въ подборѣ историческаго матеріала въ III отдѣлѣ Календаря не видно никакой руководящей идеи. Такъ, рядомъ съ указанными таблицами историческихъ лицъ и событій стоятъ: „Столѣтіе Черниговской городской Думы“, „Посѣщеніе Высочайшими Особами Чернигова и черниговской губерніи“, „Черниговскіе купцы въ 1791 году“. Говоря все это, мы не отрицаемъ, что каждая изъ перечисленныхъ статей имѣетъ нѣкоторый интересъ. Статьи, указанныя нами, принадлежатъ г. Тищинскому, который воспользовался при ихъ составленіи небольшимъ количествомъ неизданнаго матеріала. Совершенно особо нужно поставить трудъ г. Ханенка „Историческое описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губерніи“. Не смотря на то, что теперь вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ г. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“, интересъ работы г. Ханенка не исчезаетъ, какъ по приводимымъ имъ, иногда цѣликомъ, доку-

ментамъ, еще неизданнымъ, такъ и по сообщаемымъ историческимъ преданіямъ и историко-топографическимъ указаніямъ. Неизданные документы, помѣщенные въ „Описаніи“ г. Ханенка, извлечены изъ книгъ генеральнаго слѣдствія Стародубовскаго полку и изъ книгъ актовъ Спасскаго Новгородъ-Сѣверскаго монастыря. Какъ видно изъ ссылокъ автора, напечатанное въ настоящемъ изданіи Черниговскаго Календаря есть продолженіе ранѣе начатаго труда. Поэтому мы не можемъ сказать, чѣмъ руководствовался авторъ при выборѣ мѣстностей для своего „Описанія“. По крайней мѣрѣ изъ настоящей части его работы можно заключить лишь одно, что выборъ вполнѣ зависѣлъ отъ тѣхъ матеріаловъ, которые имѣлись у автора подъ руками. Вслѣдствіе этого получается неполнота труда, значительно убавляющая его значеніе. Но еще болѣе вредитъ г. Ханенку его довѣріе къ источникамъ, находившимся въ его распоряженіи, которое, при полномъ отсутствіи критики, приводитъ его иногда къ грубымъ ошибкамъ. Не можемъ не указать, напримѣръ, на слѣдующее мѣсто въ „Описаніи“ г. Ханенка: „Съ 1098 г. Новгородъ-Сѣверскъ извѣстенъ стольнымъ городомъ Сѣверскаго удѣла, заключавшаго въ себѣ сѣверо-восточную часть нынѣшней черниговской губерніи и города: Путивль, Курскъ, Трубчевскъ и Брянскъ. Удѣльными сѣверскими князьями были: Давидъ Глѣбовичъ (1098—1123), Владиміръ Давидовичъ (1124—1139 г), Изяславъ Давидовичъ (1139—1140 г), Святославъ Ольговичъ (1141—1157), Святославъ Всеволодовичъ (1157—1164), Олегъ Святославичъ (1164—1180), Игорь Святославичъ (1180—1198), Изяславъ Игоревичъ 1223 г. Олегъ Всеволодовичъ“ [1]). Здѣсь почти что ни слово, то ошибка. Брянскъ никогда не принадлежалъ къ Новгородъ-Сѣверскому удѣлу. Этотъ городъ вмѣстѣ съ областью Вятичей постоянно тянулъ къ Чернигову. Стоя на границѣ земли Вятичей, Брянскъ, Мценскъ, Вщинскъ и др. служили тѣми пунктами, откуда черниговскіе князья распространяли и поддерживали свою власть надъ цѣлою областью; поэтому въ этихъ городахъ постоянно были черниговскіе намѣстники. Когда въ 1147 г. Святославъ Ольговичъ изъ Новгорода-Сѣверскаго двинулся въ землю Вятичей, то „выбѣгоша посадничи Володимери Изяславли изъ Вятичь, изъ Бряньска, Мьченьска, и изъ Блеве“... Эти города настолько были связаны съ областью Вятичей, что нѣ-

[1]) Черниговск. календарь, стр. 86.

которое время считали ихъ городами Вятицкими [1]), конечно неправильно. Они были городами черниговскими, но дѣйствительно очень близко примыкали къ землѣ племени Вятичей. А эта земля всегда тянула къ Чернигову, и князья черниговскіе называютъ ее своею отчиной, отчиною черниговскою [2]). Далѣе. Давидъ Святославичъ (а не Глѣбовичъ, какъ говоритъ г. Ханенко) никогда не былъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго, а послѣ Любецкаго съѣзда, т. е. 1097 г., сидитъ въ Черниговѣ; первымъ удѣльнымъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго былъ знаменитый Олегъ Святославичъ, также по Любецкому постановленію 1097 г. За нимъ былъ Всеволодъ Ольговичъ (сынъ Олега) съ 1115 г. по 1128 г., когда онъ прогналъ своего дядю Ярослава изъ Чернигова. Семейство Давидовичей только единственный разъ на весьма короткій срокъ попадаетъ въ Новгородъ-Сѣверскій, когда Всеволодъ Ольговичъ дѣлается черниговскимъ княземъ. Затѣмъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ мы видимъ Святослава Ольговича (1138—1154 и вторично 1155—1158 г), Святослава Всеволодовича (1158—1164 г), Олега Святославича (1164—1180 г), Игоря Святославича (1180—1198); послѣдній, вполнѣ извѣстный намъ по лѣтописи князь, былъ Изяславъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра Игоревича. Неизвѣстно, когда умеръ послѣдній, ибо послѣ погрома Игоревичей въ Галичѣ въ 1211 г. онъ больше не упоминается. Что касается Изяслава Владиміровича, то послѣднее упоминаніе о немъ мы находимъ подъ 1255 годомъ, по хронологіи Ипатьевской лѣтописи [3]).

Мы не приводимъ всѣхъ ссылокъ въ подтвержденіе вѣрности всего нами сказаннаго и рекомендуемъ обратиться составителю разбираемаго „Описанія“ или къ лѣтописи, или къ обработаннымъ сочиненіямъ, хотя бы къ Исторіи Россіи Соловьева.

Вообще историческій отдѣлъ Черниговскаго Календаря производитъ грустное впечатлѣніе; между тѣмъ въ Черниговѣ навѣрное могутъ найтись люди, способные дать для мѣстнаго календаря и общеинтересныя, и въ научномъ отношеніи удовлетворительныя статьи.

---

[1]) См. напр. Церковно-историч. изслѣдованіе о древней области Вятичей. Чтенія М. Общ. Ист. и Др. Росс. 1862 г. кн. II.

[2]) Ипатьев. лѣт. стр. 222, изд. 1871 г. См. нашу Исторію сѣверской земли до половины XIV ст, стр. 17 и слѣд.

[3]) Стр. 550, изд. 1871 г.

Θ. Лашковъ. Сельская община въ Крымскомъ Ханствѣ. Симферополь. 1887 года.

Вопросъ о сельской общинѣ породилъ огромную литературу, какъ у насъ, такъ и на западѣ; г. Лашковъ своимъ изслѣдованіемъ вноситъ въ нее новый цѣнный вкладъ по вопросу о происхожденіи нашей общины. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ главъ: 1) данныя объ общинномъ землевладѣніи въ Крымскомъ ханствѣ, 2) изслѣдованіе вопроса по даннымъ объ общинномъ землевладѣніи въ Крымскомъ ханствѣ и 3) заключеніе: о родовомъ устройствѣ тюрковъ и монголо-татаръ и происхожденіе джемаата. Данныя, приводимыя г. Лашковымъ въ I главѣ, имѣютъ по нашему мнѣнію весьма важное значеніе. Въ русской наукѣ, какъ по обилію написаннаго, такъ и по своей запутанности, вопросъ о сельской общинѣ можетъ стать рядомъ развѣ съ вопросомъ о происхожденіи русскаго государства, съ которымъ онъ тѣсно связанъ по существу. Онъ, какъ и всякій сложный вопросъ, совмѣщаетъ въ себѣ множество мелкихъ подробностей, безъ уясненія которыхъ невозможно прійти къ правильному рѣшенію. А между тѣмъ всѣ детали разработывались далеко не систематически, вслѣдствіе чего сторонники той или другой теоріи нерѣдко прибѣгаютъ къ натяжкамъ. Такъ, явился фиктивный родъ [1]), пришлось объяснять разрушеніе родоваго быта у русскихъ славянъ столкновеніемъ съ финнами и латышами [2]). Путаница увеличивается еще отъ того, что данныя для подтвержденія или опроверженія того или иного положенія берутся изъ разныхъ эпохъ, изъ разныхъ мѣстностей, причемъ не принимается въ соображеніе ни характеръ, ни историческія обстоятельства, при которыхъ складывалась мѣстная жизнь; одни совершенно игнорируютъ сравнительный методъ, другіе пользуются имъ черезчуръ широко; къ тому же мы имѣли до сихъ поръ весьма мало данныхъ о нашей древней общинѣ. Изслѣдованіе г. Лашкова пополняетъ по нашему мнѣнію этотъ пробѣлъ. Свѣдѣнія объ общинѣ въ Крымскомъ ханствѣ извлечены изъ каді-эскерскихъ, или такъ называемыхъ вотчинныхъ книгъ на право владѣнія землями въ Крымскомъ ханствѣ и передачи ихъ, 1017—1195 г. отъ эгиры (1608—1781 г. по Р. X), хранящихся въ симферопольскомъ архивѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Въ этихъ

---

[1]) См. *Очеркъ внутренн. исторіи Пскова*, Никитскаго. Ввведеніе.

[2]) См. отвѣтъ Бѣляева Чичерину въ „Русск. Бесѣдѣ". 1856 г.

кадіэскерскихъ книгахъ кадіями, состоявшими, по ихъ собственному выраженію, при разныхъ ханахъ, начиная отъ Джанибекъ-Гирей-хана и кончая послѣднимъ Шагинъ-Гиреемъ, послѣдовательно записывались разные акты: продажныя записи, раздѣльные акты, завѣщанія, судейскія рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ и отчасти уголовнымъ, даже ханскіе ярлыки въ копіяхъ. Когда въ 1797 году была открыта первая слѣдственная коммиссія при Императорѣ Павлѣ, эти книги были потребованы ею для рѣшенія поземельныхъ споровъ въ Крыму и опредѣленія повинностей. Но за смертью Павла Петровича коммиссія прекратила свое существованіе, не начавъ даже дѣйствовать. Вскорѣ эти книги поступили въ новую коммиссію, учрежденную по тому же вопросу и начавшую дѣйствовать въ 1802 г. Но и здѣсь не съумѣли воспользоваться кадіэскерскими книгами и сдали ихъ въ архивъ[1]). Изъ этихъ-то книгъ оказывается, что въ ряду владѣльческихъ единицъ преобладала *коллективная землевладѣльческая единица, деревенская община „джемаатъ“* или *„эхали“*. Извлеченія сдѣланы г. Лашковымъ изъ 24 актовъ. Приведемъ два-три изъ нихъ, наиболѣе выдающихся.

Въ 1669 году представители „джемаата“ деревни Карачора-Мевли заявили претензію на джемаатъ деревни Нургельди въ томъ, что *хлѣбопахатныя и выгонныя земли* (слѣдуютъ границы) были *въ общемъ пользованіи* джемаатовъ обѣихъ указанныхъ деревень, а теперь джемаатъ деревни Нургельди устраняетъ джемаатъ деревни Карачора-Мевли отъ пользованія *пастбищными землями*. На это джемаатъ деревни Нургельди заявилъ, что между обоими джемаатами произошелъ раздѣлъ, послѣ котораго джемаатъ деревни Карачоры обработывалъ *всѣ свои паи*, а джемаатъ Нургельди часть обработалъ, а часть оставилъ подъ свои пастбища. Спрошены были свидѣтели и было постановлено: земли, находящіяся на западной сторонѣ границы, считать *личною собственностью* („махсусъ“) *джемаата Нургельди*“. Такимъ образомъ, община является здѣсь личнымъ собственникомъ; мало того, отсюда же мы узнаемъ, что въ общинномъ владѣніи были не только пастбища и выгоны, но и пахатная земля; что земля была въ общемъ владѣніи какъ у отдѣльныхъ джемаатовъ-общинъ, такъ и между нѣсколькими джемаатами вмѣстѣ. Мы не приводимъ выписокъ относительно общиннаго пользованія лѣсомъ, колодцемъ, и не присоединяемъ къ

[1]) Лашковъ, стр. 3.

вышеприведенному другихъ свидѣтельствъ объ общинной пахати: желающіе могутъ найти все это въ самомъ трудѣ г. Лашкова. Вмѣсто этого мы укажемъ еще данныя, извлеченныя авторомъ изъ другихъ документовъ. „Въ первыхъ числахъ Мухарема 1067 г. (1657 г. по Р. Х) кадіэскеръ Мегметъ Аджи *приговорилъ джемаатъ* (общину) *деревни* Шибанъ, Насыфъ-Таманскаго кадалыка *къ діэту* (пенѣ) *за найденный близь деревни трупъ убитаго человѣка.* Въ томъ же году тотъ же кадіэскеръ слушалъ жалобу владѣлицы Загиде о томъ, что ея рабъ, козакъ Семенъ, найденъ убитымъ на берегу рѣки Салгира. Джемааты (общины) деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Салгиру, согласились уплатить владѣлицѣ діэтъ по 24 акча съ каждаго изъ 180 дворовъ за найденный *на ихъ землѣ* трупъ. Еще одинъ интересный фактъ: въ числѣ мѣръ, которыми размежевывалась земля *на паи*, является *арканъ*.

Общеизвѣстна статья Лашкова „Общирный бытъ древней Россіи“ [1]). Въ этомъ капитальномъ трудѣ посредствомъ цѣлаго ряда остроумныхъ соображеній авторъ приходитъ къ выводу, что наша древняя община въ эпоху Русской Правды (а стало быть и до нея) была земельно-хозяйственной единицей, то есть, была личнымъ собственникомъ земли, распредѣляла землю между своими членами. Въ указанномъ законодательномъ памятникѣ есть нѣсколько мѣстъ, указывающихъ на общину-вервь, какъ на юридическое лицо съ административнымъ значеніемъ. Приведемъ самое важное изъ показаній Русской Правды: „Аще кто убіеть княжа моужа въ разбои, а головника не ищуть, то вервьвноую платити въ чей же верви голова лежить...“ [2]). Вервь платитъ за убійство, если голова убитаго лежитъ на землѣ этой верви. „Законъ Правды“, говоритъ г. Лашковъ, „относитъ преступленіе къ извѣстному географическому пространству и уже посредствомъ этого пространства обращается къ людямъ, къ верви. Слѣдовательно, вервь сама должна быть въ извѣстномъ опредѣленномъ пространствѣ, сама должна быть связана съ землею, должна состоять изъ населенія извѣстнаго мѣста“ [3]). Вотъ основаніе, изъ котораго выходитъ г. Лашковъ. Мы думаемъ, что данныя, приведенныя нами изъ изслѣдованія г. Лашкова, вполнѣ оправдываютъ

---

[1]) Напечатана въ Ж. М. Н. Пр. Ч. XLI.

[2]) Христоматія Буданова, в. I, стр. 36, см. также Калачова „Предварительныя юридич. изслѣдованія“, в. I, стр. 185—6

[3]) Ж. М. Н. Пр. ч. XCI, стр. 109.

этотъ способъ доказательства и подтверждаютъ выводы автора. Община крымская восходитъ несомнѣнно своимъ возникновеніемъ къ глубокой древности, ибо, какъ мы сейчасъ увидимъ, историческія условія, въ какихъ очутилась она съ половины XIII столѣтія, не могли способствовать ея образованію, а должны были дѣйствовать совершенно обратно. И вотъ въ этой общинѣ мы находимъ *дикую виру*; единицей мѣры въ этой общинѣ, какъ у насъ въ древности (да и не у насъ только), была вервь—веревка, откуда и община получила названіе верви, служилъ *арканъ,* что въ переводѣ означаетъ ту же вервь; и неразрывно съ этими двумя чертами общиннаго быта связано тутъ общее владѣніе землею, пахатью, съ передѣлами полей пахатныхъ и выгонныхъ. Сказаннаго, намъ кажется, вполнѣ достаточно. Но значеніе приведенныхъ данныхъ этимъ не ограничивается. Въ русской наукѣ существуетъ теорія искуственнаго происхожденія современной сельской общины. Главой этой теоріи является Чичеринъ [1]). По недостатку мѣста мы не можемъ дать полнаго разбора этой теоріи. Напомнимъ лишь два основныхъ положенія г. Чичерина. „Наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а *государственная; она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ* подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ". „Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними: *тогда не было ни общиннаго владѣнія землею,* ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, *ни передѣла земель*, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій". Тутъ пришлось бы возражать противъ каждаго слова. Скажемъ только, чо приведенныя нами выше данныя совсѣмъ подрываютъ основу втораго положенія, ибо вся суть здѣсь въ томъ, было ли общинное землевладѣніе, были ли передѣлы. Намъ могутъ сказать, что крымская община „сама по себѣ", а наша тоже „особая статья". Мы беремъ не крымскую общину, а нашу древнюю вервь, и лишь данными о первой подкрѣпляемъ выводы, сдѣланные г. Лашковымъ въ его статьѣ „Общинный бытъ въ древней Россіи". Наша вервь, гово-

[1]) См. его статью: „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи" и „Еще о сельской общинѣ" въ „Опытахъ по исторіи русскаго права". М. 1858 г.

римъ мы, имѣла все то, что отрицаетъ г. Чичеринъ. Желая главнымъ образомъ выяснить значеніе новыхъ данныхъ, приводимыхъ въ изслѣдованіи г. Лашкова, мы не указываемъ на массу фактовъ о сельской общинѣ, собранныхъ въ статьяхъ по этому вопросу, помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ, въ трудахъ Мэна, Поля Віоле, Нассе и др. А всѣ эти факты, будучи сопоставлены между собою, даютъ полное право видѣть въ нашихъ сѣверныхъ общинахъ бытовую форму глубокой древности. Если мы не находимъ достаточно ясныхъ указаній на всѣ подобные факты въ нашей средней исторіи, то это объясняется только тѣмъ, что въ этомъ періодѣ всѣ обстоятельства содѣйствовали уничтоженію и ослабленію нашей древсельской общины—верви. Когда съ собраніемъ государства правительство пришло къ сознанію необходимости улучшить административный порядокъ и государственное хозяйство, то оно вызвало къ жизни лишь старыя учрежденія и подняло нашу древнюю ослабѣвшую было общину. Въ доказательство правительственнаго происхожденія современной русской сельской общины приводится между прочимъ тотъ фактъ, будто въ Малороссіи до введенія великорусскихъ государственныхъ учрежденій были только частные собственники, что у козаковъ никогда не было общиннаго землевладѣнія, что въ Малороссіи никогда не было и слѣдовъ общиннаго порядка. Но статья покойнаго профессора Иванишева [1]) доказывала, что послѣднее положеніе не вѣрно, а матеріалы, изданные въ послѣднее время И. В. Лучицкимъ, подрываютъ и остальныя положенія Чичерина [2]). Является теперь вопросъ: крымская сельская община, со всѣми тѣми чертами быта, которыя нами указаны, является тоже созданіемъ правительства, уже конечно не московскаго, а ханскаго, магометанскаго? Оказывается совсѣмъ иное. Вотъ что мы находимъ по этому поводу въ изслѣдованіи г. Лашкова. „Въ Крымскомъ ханствѣ, какъ и во всякомъ другомъ мусульманскомъ государствѣ, землевладѣніе должно опредѣляться тѣми правилами, которыя вытекаютъ изъ ученія Корана и имамовъ. Пророкъ сказалъ: тотъ, кто оживляетъ мертвую землю, тотъ и обладаетъ ею, и каждый изъ правовѣрныхъ, распахивая извѣстный кусокъ земли и не переставая его обработывать,

---

[1]) См. его статью „О древнихъ сельскихъ общинахъ“ въ полномъ собраніи сочиненій; раньше она была помѣщена въ Русск. Бесѣдѣ за 1857 г.

[2]) Матеріалы для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. См. акты №№ 57, 58, 59 и дополненія № 16.

смотрѣлъ на него, какъ на свою личную собственность. Отсюда, уже подъ вліяніемъ этого мусульманскаго ученія, начало личной собственности и появленіе загорожей даже на общинныхъ поляхъ. Такимъ образомъ исламъ внесъ разложеніе общины, а не могъ создать ее. Слѣд. крымская община предшествуетъ своимъ возникновеніемъ печальной эпохѣ водворенія татаръ на Таврическомъ полуостровѣ. Мы думаемъ, что и на Руси община не создана, а есть древняя вервь, пережившая періодъ историческихъ невзгодъ до того времени, когда правительство само начало *возстановлять* общинный бытъ тамъ, гдѣ онъ исчезъ было совсѣмъ.

Мы сказали сейчасъ, что относимъ возникновеніе крымской общины къ періоду до-мусульманскому, или до-татарскому. Это мнѣніе само собой вытекаетъ изъ приведенныхъ фактовъ объ отношеніи мусульманскаго законодательства къ вопросу о землевладѣніи. И въ Индіи, и въ Турціи, гдѣ сохранились черты общиннаго быта, очевидно происхожденіе и развитіе общины относится къ глубокой древности, къ до-мусульманскому періоду. Татары, явившись въ Крымъ, очевидно застали уже тамъ общинный бытъ и усвоили себѣ его формы, какъ готовыя. Эта община туземцевъ, какъ древняя форма жизни, и могла бороться съ новыми мусульманскими понятіями, совершенно чуждыми ей, могла бороться съ ними только какъ старое учрежденіе, пустившее въ странѣ глубокіе корни. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что теперешніе татары въ Крыму далеко не всѣ потомки завоевателей, а потомки отатарившихся другихъ національностей: грековъ, хозаръ, славянъ, готовъ. Пребываніе въ Крыму всѣхъ этихъ племенъ неопровержимо. Не забудемъ, напр., того факта, что готы, чистые германцы, въ XVIII ст. говорятъ на татарскомъ языкѣ, на которомъ совершается и богослуженіе. Въ заключеніе не можемъ не высказать желанія скорѣйшаго выхода въ свѣтъ кадіэскерскихъ книгъ онѣ несомнѣнно прольютъ обильный свѣтъ на многіе темные вопросы

Линниченко. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (Оттискъ изъ „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“, декабрь 1886 г.).

Завитневичъ. О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ. Кіевъ. 1888 года.

15-го іюля 1888 года вся Россія приготовляется праздноватъ 900-лѣтній юбилей нашего религіознаго и національнаго просвѣ-

щенія. Тысячелѣтіе этого событія, имѣющаго огромное значеніе въ исторіи всей Европы, исполнится черезъ сто лѣтъ, но мы торопимся принять участіе въ праздновании, не желая уступить эту честь однимъ людямъ XX столѣтія. Какъ теперь, такъ и тогда, когда насъ уже не будетъ, центромъ празднованія долженъ быть Кіевъ. Это понятно само собой. Понятно также и то, и вполнѣ естественно, что людямъ кіевскимъ выпадаетъ на долю собрать всѣ данныя о событіи, память котораго будетъ праздноваться, очистить всѣ дошедшія до насъ извѣстія путемъ строгой научно-исторической критики и представить ходъ дѣла въ его по возможности действительномъ видѣ. Всякое новое соображеніе, новое сообщеніе должно возбуждать глубокій интересъ, конечно, прежде всего у историка, а потомъ черезъ него и у публики. Вотъ почему критика не имѣетъ права упустить изъ виду и двухъ недавно вышедшихъ брошюръ по вопросу о крещеніи, заглавіе которыхъ мы выписали выше.

Трудъ И. А. Линниченка весьма интересенъ, какъ знакомящій съ положеніемъ вопроса о крещеніи Руси въ русской исторической литературѣ. Авторъ не останавливается на работахъ ни преосвящ. Макарія, ни Карамзина, ни Соловьева. Онъ начинаетъ свой обзоръ съ сочиненія профессора Голубинскаго „Исторія Русской Церкви". Выходъ въ свѣтъ послѣдняго труда составляетъ эпоху въ нашей исторической наукѣ, какъ по массѣ собраннаго матеріала, такъ особенно по глубинѣ анализа источниковъ и установленію новаго взгляда на многіе факты не только церковной, но и вообще русской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ мнѣній ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о крещеніи Руси въ послѣднее время. Къ числу ихъ принадлежатъ И. И. Малышевскій, писавшій по порученію Академіи Наукъ разборъ сочиненія г. Голубинскаго, баронъ Розенъ, издавшій капитальный трудъ: „Императоръ Василій Болгоробойца. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго", В. Г. Васильевскій, въ Русско-Византійскихъ отрывкахъ (Ж. М. Н. Пр. 1876 г) и наконецъ Ѳ. И. Успенскій, сдѣлавшій разборъ указаннаго выше изданія барона Розена [1]). И. А. Линниченко не имѣетъ цѣлью рѣшить вопросъ о времени крещенія Руси окончательно. Онъ очень искусно группируетъ мнѣнія всѣхъ этихъ ученыхъ, дѣлаетъ ихъ оцѣнку, сопоставляя ихъ между собою, но не перерѣшаетъ, такъ сказать, вопроса на основаніи источниковъ первой руки, хотя и высказываетъ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1884 г.

свои личныя соображенія по той или иной детали вопроса; съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться. Таково соображеніе автора о мѣстѣ крещенія Владиміра Св., отчасти о причинахъ похода на Корсунь, о причинахъ принятія христіанства. Оспаривать нѣкоторыя мнѣнія автора, съ коими мы не согласны, въ настоящее время у насъ нѣтъ возможности, ибо это повлекло бы за собою общій пересмотръ всего вопроса, что̀ мы надѣемся сдѣлать особо въ непродолжительномъ времени. Здѣсь мы позволяемъ себѣ остановиться лишь на одномъ фактѣ изъ времени княженія Владиміра Св., именно на его болгарскомъ походѣ. Какъ авторъ, надѣемся, самъ согласится, не существуетъ положительныхъ данныхъ о направленіи этого похода. Извѣстія лѣтописей Ипатьевской и Лаврентьевской не даютъ ничего опредѣленнаго. Сообщеніемъ Яхъи также трудно что-нибудь выяснить, ибо оно само подлежитъ еще разбору. Извѣстіе лѣтописи о походѣ въ „ладьяхъ" ничего не говоритъ ни за, ни противъ. Вѣдь нельзя отрицать достовѣрности извѣстія арабскаго писателя Ибнъ-Хаукаля о походѣ Святослава на волжскихъ болгаръ и о разореніи имъ Великаго города [1]). Этотъ походъ могъ быть предпринятъ не иначе, какъ *на ладьяхъ*, чрезъ Днѣпръ и Волгу. Почему-же Владиміръ Св. не могъ сдѣлать того же? Далѣе. Автору для доказательства своего мнѣнія необходимо сначала опровергнуть мое положеніе о тождествѣ узовъ и торковъ, извѣстіе Массуди о томъ, что узы жили въ X в. еще между Дономъ и Волгой. Автору извѣстно также весьма хорошо, что торки у береговъ Днѣпра являются лишь тогда, когда печенѣги очистили южно-русскія степи, а это случилось лишь въ 30-хъ годахъ XI столѣтія [2]). Какъ кажется, авторъ представляетъ себѣ дѣло нѣсколько въ странномъ видѣ, что ладьи съ войсками ѣхали по рѣкѣ, а торки на коняхъ непріязненно слѣдовали по берегу той же рѣки, чуть не рядомъ съ флотиліей. „Приведе"—вовсе не означаетъ, что Владиміръ Св. вмѣстѣ съ собой привелъ ихъ. Тутъ дѣло происходило точно такъ, какъ въ 1184 году во время похода на волжскихъ болгаръ Всеволода Юрьевича [3]). Въ этотъ разъ половцы пришли съ низовья рѣки Волги, а въ 986 году *то же самое, вполнѣ точно такъ же* сдѣлали торки,

---

[1]) Гаркави, Мусульм. писатели. Стр. 219. См. Григорьева, Россія и Азія.

[2]) См. нашу работу: Печенѣги, Торки и Половцы, глава II и III.

[3]) Лавр. Лѣтоп. стр. 369. изд. 1872 г.

жившіе между Дономъ и Волгою. Разница лишь въ одномъ, что половцы пришли на помощь Всеволоду неожиданно для него самого, а торки пришли по заранѣе сдѣланному соглашенію съ Владиміромъ Св. Первые и вторые пришли по берегу. Если мѣстность позволяла это сдѣлать въ 1184 г. половцамъ, то отчего же она вдругъ не допустила бы этого въ 986 году? Надѣюсь, И. А. Линниченко согласится, что въ рядѣ нашихъ возраженій нѣтъ никакой натяжки, ни искуственности: факты бьютъ въ глаза своей аналогіей. Если мы теперь обратимся къ нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, то они, мало имѣя силы сами по себѣ, оказываются довольно вѣскими въ связи со всѣмъ нами сказаннымъ раньше. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: „иде Володимеръ на Болгары *Низовскіа*“...[1]). У Іакова Мниха: „...и Ятъвягы взя, и *сребряныя Болгары* побѣди и на Козары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи“ [2]). Такъ сказано въ четырехъ спискахъ „Похвалы“. Если же мы захотимъ доказывать, что Владиміръ Св. ходилъ на болгаръ дунайскихъ, то намъ придется имѣть дѣло съ цѣлымъ рядомъ: „*можно предположить*“, что̀ дѣйствительно и происходитъ въ объясненіяхъ факта болгарскаго посольства къ Владиміру Св. Намъ кажется, что обмѣнъ посольствъ между Болгаріей дунайской и Кіевомъ несомнѣнно существовалъ, и что походъ Владиміра Св. въ 986 году не можетъ имѣть въ этомъ вопросѣ особеннаго значенія. Возвращаясь снова къ труду И. А. Линниченка, мы должны прибавить, что онъ чуждъ всякой полемики и запечатлѣнъ тономъ научной объективности; благодаря этому и искусной группировкѣ фактовъ, брошюра эта можетъ быть съ интересомъ и съ пользою прочтена не только спеціалистомъ, но и всякимъ, кто заинтересуется приближающимся великимъ праздникомъ.

Совершенно инымъ характеромъ отличается брошюра, заглавіе которой мы выписали вторымъ. Заключающаяся въ ней статья вполнѣ полемическая. Вся она отъ первой до послѣдней страницы проникнута глубокой вѣрой автора въ непогрѣшимость своего мнѣнія и написана весьма горячо. Мы вполнѣ понимаемъ эту горячность, вызванную ироническимъ отношеніемъ къ послѣднимъ научнымъ трудамъ по вопросу о времени крещенія Руси со стороны автора статьи:

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 42.

[2]) Цитируемъ „Похвалу“ по изданію г. Голубинскаго, Исторія Рус. Церкви, т., I, ч. 1, стр. 213.

„Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при Св. Владимірѣ“, помѣщенной въ сентябрской книжкѣ Кіевской Старины за 1887 г. Понимая вполнѣ уважаемаго автора разбираемой брошюры и сочувствуя ему въ его негодованіи, мы не можемъ однако не сказать, что рѣзкій тонъ, переходящій иногда въ насмѣшку, не можетъ выяснить дѣла, а напротивъ скорѣе способенъ еще болѣе затемнить его. Мы думаемь, что полезнѣе было бы произвести анализъ источниковъ и прійти къ какому-нибудь опредѣленному выводу. Разъ задавшись полемическими цѣлями, авторъ въ самомъ началѣ дѣлаетъ ложный шагъ. „Задача историка“, говоритъ онъ, „не въ томъ, чтобы примирить непримиримое, а въ томъ, чтобы установить твердый критерій, при помощи котораго можно было бы рѣшить, что̀ въ показаніяхъ даннаго писателя можетъ быть принято и что̀ должно быть отвергнуто. *Установить такой критерій въ разсматриваемомъ нами случаѣ весьма не трудно*. Подъ „даннымъ писатемъ“ авторъ разумѣетъ лѣтописца. Что̀ же думаетъ положить онъ въ основу своей критики? Изъ писателей, оставившихъ намъ свѣдѣнія по разсматриваемому вопросу“ говоритъ г. Завитневичъ, „первое мѣсто, конечно, должно быть отведено двумъ русскимъ: Іакову Мниху, написавшему „Похвалу“ князю Владиміру, и „Сказаніе страстей и похвала объ убьеніи Святую мученику Бориса и Глѣба“, преподобному Нестору Печерскому, написавшему „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба“. „Ясно, говоритъ далѣе авторъ, что изслѣдователь, желающій узнать настоящую историческую правду, показанія этихъ писателей долженъ положить въ основаніе своихъ розысканій и на основаніи ихъ, на сколько это возможно, производить оцѣнку и провѣрку извѣстій другихъ писателей“. Такимъ образомъ, авторъ принимаетъ за аксіому непогрѣшимость извѣстій Іакова Мниха и Нестора. На какомъ же основаніи? „По общему мнѣнію всѣхъ ученыхъ“, говоритъ г. Завитневичъ, „оба эти писателя, какъ лица, ближайшія по своей жизни ко времени Владиміра Св. (оба современники сына его Ярослава), имѣли полную возможность знать истину и не имѣли никакого повода *намѣренно* искажать её“. Все это далеко не убѣдительно. Если авторъ имѣлъ въ виду доказать нелѣпость вышеуказанной статьи, опровергнуть положенія ея автора, то ему нельзя было ограничиться такимъ общимъ выраженіемъ: „по общему мнѣнію всѣхъ ученыхъ“. Въ этомъ голословномъ доказательствѣ слышится преувеличенная самоувѣренность человѣка науки. Вѣдь наука не останавливается, а непрерывно движется, по-

чему у читателя невольно должна явиться мысль: а можетъ быть у автора статьи, помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ“, есть какіе-нибудь сильные аргументы противъ достовѣрности извѣстій Іакова Мниха и Нестора? Вотъ почему, намъ кажется, г. Завитневичу необходимо было привести эти мнѣнія ученыхъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ссылки. У автора нѣтъ ни того, ни другаго. А вѣдь ему хорошо извѣстно, что даже самая личность Іакова Мниха опредѣлена не категорически, а лишь съ довольно вѣроятнымъ приближеніемъ. Итакъ, ограничиваясь даже только полемическими цѣлями, нельзя признать способъ доказательства автора вполнѣ удачнымъ. Если же мы поставимъ главною цѣлью рѣшеніе вопроса, то подобный методъ оказыется не только не цѣлесообразнымъ, но положительно вреднымъ. Автору разбираемой нами брошюры необходимо было сдѣлать самостоятельный анализъ данныхъ, находимыхъ у Іакова Мниха и у Нестора. Онъ упустилъ изъ виду то простое обстоятельство, что эти писатели могли не искажать фактовъ *намѣренно*, но вполнѣ могли допустить извращеніе событій *ненамѣренно*. Это нужно выяснить, а между тѣмъ авторъ этого не дѣлаетъ, признавая абсолютную достовѣрность показаній русскихъ источниковъ. Приведши данныя изъ Іакова Мниха и Нестора, не подвергая ихъ совершенно критикѣ, принимая ихъ цѣликомъ, авторъ сразу говоритъ: „и такъ, по показанію заслуживающихъ полнаго довѣрія писателей, Св. Владиміръ, крестившись въ 987 году, въ слѣдующемъ 988 году ходилъ къ порогамъ, а въ 989 году взялъ городъ Корсунь. *Твердо установивъ хронологическую дату* упомянутыхъ трехъ фактовъ“..., авторъ обращается къ разбору другихъ источниковъ. Для чего же? Вѣдь вопросъ уже рѣшенъ „*твердо*“, а стало быть дальнѣйшее изслѣдованіе ненужно. Къ несчастью, авторъ и держится такого взгляда. Онъ обращается къ другимъ источникамъ не для того, чтобы подвергнуть критикѣ сообщенія Іакова Мниха и Нестора, а лишь *для разъясненія смысла событій*[1]), о которыхъ говорятъ два приведенные писателя. Авторъ не допускаетъ и мысли, чтобы другіе источники могли послужить для провѣрки данныхъ Іакова Мниха и Нестора. Эти источники могутъ играть, по мнѣнію автора, лишь служебную роль. Іаковъ Мнихъ и Несторъ—авторитеты. Если авторъ взглянетъ на дѣло съ точки

---

[1]) Собственное выраженіе автора.

зрѣнія научной критики, то, надѣемся, согласится съ нами, что „*твердости даты*“ тутъ нѣтъ никакой. Читатель узнаетъ только, что Іаковъ Мнихъ и Несторъ говорятъ такъ, что авторъ вѣритъ имъ безусловно, и, какъ хотите, больше ровно ничего. Благодаря такому взгляду на источники, рѣшеніе вопроса, которое должно было-бы, какъ summa summarum, быть въ самомъ концѣ изслѣдованія, является на его первыхъ страницахъ. При такомъ отношеніи къ источникамъ, вопросъ не рѣшается на основаніи строгаго анализа всей совокупности данныхъ, а предрѣшается на основаніи недоказаннаго авторитета одного источника при самомъ началѣ изслѣдованія. Анализъ невозможенъ, ибо вводится по отношенію къ источникамъ знаменитое: „αὐτὸς ἔφα“. Намъ кажется, и надѣемся, съ нами согласятся и другіе, что такое отношеніе историка къ своимъ источникамъ не можетъ никакимъ образомъ соотвѣтствовать требованіямъ современной научно-исторической критики. Ложный методъ помѣшалъ автору отнестись критически къ остальнымъ источникамъ по данному вопросу. Г. З—ъ въ самомъ началѣ своего труда выставляетъ на видъ, что задача историка не въ примиреніи непримиримаго, а самъ дѣлаетъ то же самое съ тою только разницею, что старается уяснить и примирить между собою показанія не всѣхъ источниковъ путемъ строгаго анализа каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, но примирить всѣ источники съ однимъ. Мы беремъ на себя смѣлость сказать, что послѣ вывода на первыхъ же страницахъ изслѣдованія, далѣе въ трудѣ уважаемаго автора идетъ, можетъ быть незамѣтно для него самого, не анализъ данныхъ, сообщаемыхъ другими писателями, а подтягиваніе ихъ подъ авторитетъ Іакова Мниха и Нестора. Если прочесть извѣстія Яхъи Антіохійскаго безъ предвзятой мысли, то окажется, что изъ него можно извлечь данныя и для подтвержденія разсказа лѣтописи, но подъ вліяніемъ господствующей у автора мысли о непогрѣшимости показаній Іакова Мниха и Нестора, авторъ толкуетъ извѣстія Яхъ и въ одну сторону, стараясь найти въ нихъ подтвержденіе разсказа Іакова Мниха. Происходитъ не анализъ этого источника, а такой процессъ: Яхъю Антіохійскаго можно понимать и такъ и иначе, но разъ Іаковъ Мнихъ говоритъ такъ, то и Яхъю Антіохійскаго должно понимать точно такъ же. Далѣе. Авторъ почти не придаетъ никакого или придаетъ лишь второстепенное значеніе византійскимъ источникамъ. Вслѣдствіе этого онъ приводитъ только цитаты изъ Зонары, Кедрена и Пселла по сочиненію В.Г. Васильевскаго,

но не анализируетъ разсказа этихъ писателей въ цѣломъ видѣ. Впрочемъ даже и эти цитаты, не будь у автора заранѣе готоваго рѣшенія, могутъ сказать, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное, чѣмъ то, что желаетъ видѣть авторъ. Точно такое же отношеніе мы видимъ со стороны автора и къ Ибнъ-ель-Атиру, извѣстіе котораго, не имѣя значенія, можетъ быть, въ буквальномъ смыслѣ, не должно быть отвергаемо безусловно. Мы говоримъ о неправильности метода автора, о невозможности найти такимъ путемъ истину. Мы не соглашаемся поэтому и съ сдѣланными имъ выводами. Опроверженіе послѣднихъ требуетъ полнаго пересмотра вопроса, на что̀ въ данный моментъ мы не имѣемъ ни времени, ни мѣста, будучи ограничены размѣрами журнальной рецензіи. Мы держимся кромѣ того такого мнѣнія, что при опроверженіи чужихъ мнѣній весьма легко самому впасть въ ошибки, что гораздо полезнѣе для дѣла забыть на время о всѣхъ существующихъ мнѣніяхъ и, обезопасивъ себя такимъ способомъ отъ волненія и увлеченій, неразлучныхъ съ полемикой, приняться за источники первой руки, сдѣлать имъ снова строгій допросъ.

П. Голубовскій.

Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. Tom XI. Krakow. 1887. Сборникъ свѣдѣній, относящихся къ мѣстной антропологіи. Изданіе Антропологической коммиссіи Краковской академіи наукъ. Томъ XI, Краковъ 1887.

Въ 1874 г Краковская академія наукъ учредила на ряду съ другими своими отдѣлами особую секцію антропологіи. Секція эта вскорѣ устроилась, выработала планъ занятій, занялась собраніемъ нужнаго матеріала и привлекла къ участію въ своихъ трудахъ многихъ спеціалистовъ и значительное количество интеллигентныхъ корреспондентовъ, живущихъ въ разныхъ захолустьяхъ. Въ 1877 году антропологическая коммиссія нашла уже возможнымъ приступить къ изданію своихъ трудовъ; изданіе это она продолжаетъ понынѣ съ замѣчательною аккуратностью, выпуская подъ выше прописаннымъ заглавіемъ по одному тому въ концѣ каждаго года. По плану, выработанному коммиссіею, каждый томъ распадается на 3 части, изъ которыхъ первая посвящена первобытной археологіи, вторая антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ, третья этнографіи. Помимо серьезнаго

научнаго достоинства, которымъ отличаются вообще труды краковской коммиссіи, изданія антропологической коммиссіи имѣютъ для насъ спеціальный интересъ по своему содержанію: по составу матеріала, которымъ располагаетъ коммиссія, значительная доля трудовъ ея посвящена территоріи, заселенной русскимъ народомъ. Во всѣхъ томахъ болѣе 50 статей, составляющихъ 40 % всего изданія, относится или къ русской части Галиціи, или къ юго-западному краю. Такъ, въ отдѣлѣ археологіи мы встрѣчаемъ обширные отчеты объ археологическихъ экскурсіяхъ гг. Киркора и Земенцкаго (томы 1, 3, 6, 7, 8 и 10), предпринятыхъ съ цѣлію археологическихъ изысканій и изслѣдованій въ галицкой Подоліи, на берегахъ Днѣстра, Сана, въ Карпатахъ и т. д. Затѣмъ отчеты о многочисленныхъ раскопкахъ, произведенныхъ въ Червоной Руси, Подоліи, въ окрестности Острога, въ уѣздахъ: сквирскомъ и васильковскомъ гг. Радзиминскимъ, Коперницкимъ, Пржыбыславскимъ, Руликовскимъ, Поповскимъ и Болондземъ (т. 1, 2, 3, 4, 6 и 8), изслѣдованій о спеціальныхъ археологическихъ вопросахъ, какъ-то: „О каменныхъ пряслицахъ въ бассейнѣ Днѣпра“ Руликовскаго (т. 5), „О металлическихъ зеркалахъ въ украинскихъ курганахъ“ г. Неймана (т. 8), и наконецъ, нѣсколько статей г. Коперницкаго, посвященныхъ изслѣдованію могильныхъ череповъ, добытыхъ при раскопкѣ кургановъ въ Галиціи, Подоліи и на Волыни.

Въ отдѣлѣ собственной антропологіи на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ капитальную работу гг. Мейера и Коперницкаго подъ заглавіемъ: „Физическая характеристика народонаселенія Галиціи (т. 1, 2, 3 и 9). Въ трудѣ этомъ собраны и научно разработаны данныя, добытыя изъ точныхъ наблюденій, произведенныхъ болѣе, чѣмъ надъ 8000 лицъ. Данныя эти сгруппированы по народностямъ и даютъ намъ возможность установить точно антропологическія отличительныя черты поляковъ и русиновъ. Въ наблюденіяхъ гг. Мейера и Коперницкаго обращено вниманіе на слѣдующіе предметы: ростъ, развитіе грудной клѣтки, окраску кожи, волосъ и глазъ, форму волосъ, форму черепа и складъ лица.

Кромѣ этого объемистаго труда, мы встрѣчаемъ нѣсколько менѣе обширныхъ статей, посвященныхъ антропологическимъ признакамъ южно-русскаго населенія. Таковы: статья г. Мейера „Сравненіе физіологической характеристики приднѣпровскихъ южноруссовъ по изслѣдованію Чубинскаго съ характеристикою галицкихъ русиновъ“ (т. 3), статья д-ра Талько-Гпговскаго: „Наблюденія надъ

физіологическими явленіями въ организмѣ женщинъ въ звенигородскомъ уѣздѣ кіевской губерніи“ и т. п.

Гораздо обильнѣе еще матеріалъ этнографическій, собранный въ предѣлахъ юго-западнаго галицко-русскаго края. Здѣсь мы встрѣчаемъ объемистые сборники всевозможнаго этнографическаго матеріала: пѣсни, преданія, обычаи, вѣрованія, сказки, пословицы, загадки и т. д. Полагаемъ, что достаточно будетъ привести перечень заглавій, статей, чтобы дать понятіе о значительномъ запасѣ матеріала, собраннаго въ этой серіи изданій Краковской академіи. Чаще всего встрѣчаются статьи, содержащія описаніе свадебныхъ обрядовъ и сборники свадебныхъ пѣсенъ; таковы статьи госпожъ: Мошинской, Шаблевской, Ракосовской, Малиновской, Рошкевичъ и Томашевской, а также г. Поповскаго (т. 2, 6, 7 и 10); въ сборникахъ этихъ находимъ подробное описаніе свадебныхъ пѣсенъ изъ окрестностей: Бѣлой Церкви, Винницы, Звягля (Новгородволынска), Збаража, Зличева, Стрыя и Ярославля. Затѣмъ находимъ статьи: г. Жулинскаго „Этнографическій очеркъ Тухальцевъ“ [1]) (т. 1), г. Быковскаго „Русскія обрядовыя пѣсни въ окрестностяхъ Пинска“ (т. 2), г. Руликовскаго „Этнографическія записки изъ Украины“ (т. 3),—весьма интересный и обширный сборникъ преданій, сказокъ, историческихъ воспоминаній, народныхъ миѳовъ, вѣрованій, пріемовъ чародѣйства и народной медицины, заговоровъ, ворожбы, обрядовъ, подробностей быта, пословицъ, загадокъ, пѣсенъ (въ томъ числѣ 2 историческаго содержанія). Дальше слѣдуютъ статьи: г. Подберезскаго „Матеріалы для украинской демонологіи“ (т. 4), г-жи Мошинской „Купайло и другіе обряды въ окрестности Бѣлой Церкви“ (т. 5), г. Поповскаго „Русскія пѣсни въ с. Залеванщинѣ, винницк. уѣзда“ (т. 8), г. Неймана „Этнографическіе матеріалы, собранные въ окрестности Плискова въ липовецкомъ уѣздѣ“ (т. 8), весьма обширный, разнообразный и богатый этнографическій матеріалъ, и наконецъ г-жи Мошинской „Народныя сказки и загадки на Украинѣ“ (т. 9).

Въ послѣднемъ, XI томѣ изданія мы встрѣчаемъ три статьи, содержаніе которыхъ заимствовано изъ южно-русской территоріи. Въ первомъ, археологическомъ, отдѣлѣ помѣщена статья г. Брезы „О раскопкахъ кургановъ въ селѣ Сѣкиринцахъ острожскаго уѣзда. „Это краткій, но весьма обстоятельный дневникъ раскопки двухъ

---

[1]) Карпатскіе горцы въ окрестностяхъ города Стрыя.

кургановъ, вскрытыхъ г. Брезою. Курганы заключали въ себѣ 4 скелета ясно долихоцефалическаго типа; судя по зеленой окраскѣ одного изъ нихъ, они должны быть отнесены ко времени, когда уже металлы были извѣстны обитателямъ Волыни. Кромѣ 3 сосудовъ глиняныхъ довольно оригинальной архаической формы, другихъ предметовъ при костякахъ не найдено. Въ одномъ изъ кургановъ лежали два скелета, каждый въ отдѣльной камерѣ, сводообразно выложенной плоскими камнями безъ цемента. Къ статьѣ приложена таблица весьма отчетливо исполненныхъ рисунковъ.

Въ томъ же отдѣлѣ находимъ статью г. Земенцкаго „Отчетъ объ археологической экскурсіи". Экскурсія была предпринята авторомъ въ окрестности Галича; осмотрѣвъ эти окрестности г. Земенцкій описываетъ найденные имъ древнія городища и сообщаетъ дневники произведенныхъ имъ раскопокъ въ окрестности селъ: Крылоса, Викторова и Комарова. Изъ городищъ особенное вниманіе обращаетъ на себя большая насыпь у с. Крылоса, которая по мнѣнію г. Земенцкаго есть извѣстная „Галичина могила", упоминаемая въ Ипатской лѣтописи подъ 1206 годомъ. Въ 13 курганахъ, вскрытыхъ авторомъ, найдены имъ почти исключительно каменныя орудія неолитической эпохи и въ двухъ только случаяхъ бронзовые мелкіе предметы. Очевидно могильники относятся къ послѣднему періоду каменной эпохи; и послѣднія насыпи сооружены были уже на рубежѣ бронзоваго вѣка. Всѣ покойники были сожжены. Статья заканчивается описаніемъ весьма интересной случайной находки въ селѣ Рудѣ, въ окрестности г Рогатына: здѣсь на полѣ выпаханъ былъ сосудъ, наполненный золою, на которой лежало семь весьма красивыхъ бронзовыхъ цельтовъ. Къ статьѣ приложена таблица, на которой воспроизведены два цельта, заключавшій ихъ сосудъ и орнаменты, украшавшіе послѣдній.

Въ третьемъ отдѣлѣ книги помѣщенъ одинъ изъ самыхъ полныхъ этнографическихъ сборниковъ, бывшихъ въ распоряженіи краковской академіи. Сборникъ этотъ составленъ г-жею Софіею Рокоссовскою изъ этнографическаго матеріала, собраннаго ею въ окрестности Новгородволынска и изданъ подъ редакціею г. Коперницкаго. Онъ начинается описаніемъ обычаевъ и обрядовъ, сопровождающихъ разные случаи семейной жизни: рожденіе и крещеніе, свадьбу и похороны. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе обрядовъ, сопровождающихъ большіе годичные праздники, циклъ полевыхъ работъ, или принаровленныхъ къ разнымъ временамъ года. Обряды изло-

жены въ порядкѣ календарномъ, описаны весьма подробно и снабжены значительнымъ количествомъ обрядовыхъ пѣсенъ. Отдѣлъ этотъ заканчивается описаніемъ дѣтскихъ игръ.

Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, озаглавленный „Демонологія"; въ немъ помѣщены народные предразсудки, основанные на вѣрованіи въ таинственную невѣдомую силу, будто имѣющую вліяніе на судьбу людей; мы встрѣчаемъ здѣсь богатое собраніе народныхъ разсказовъ и преданій о вѣдьмахъ, чародѣйствѣ, ворожбѣ, таинственныхъ пріемахъ, соблюдаемыхъ при разныхъ случаяхъ домашняго и полеваго хозяйства, обширную главу о народной медицинѣ, „объясненія разныхъ явленій природы и миѳическія представленія, соединенныя съ разными видами животныхъ мѣстной фауны. Наконецъ сборникъ заключается коллекціею 103 народныхъ загадокъ.

Конечно, многое помѣщенное въ сборникѣ г-жи Рокоссовской не представляетъ интереса новизны; многіе, встрѣтившіеся ей матеріалы, вошли въ составъ другихъ этнографическихъ сборниковъ, но при всемъ этомъ, мы полагаемъ, собраніе ея представляетъ весьма серьезный вкладъ въ этнографію южно-русскаго края, какъ вслѣдствіе новости и оригинальности извѣстной доли ея матеріала, такъ и по весьма тщательной группировкѣ его. Мы полагаемъ, что только при существованіи многихъ подобнаго рода мѣстныхъ областныхъ сборниковъ, возможны будутъ широкія обобщенія и выработка прочныхъ этнографическихъ положеній для всего края.

Вообще изъ краткаго приведеннаго перечня трудовъ антропологическаго отдѣла Краковской академіи, мы думаемъ, ясно ихъ важное значеніе для русской науки. Намъ кажется, что при занятіяхъ археологіею, этнографіею и антропологіею южной полосы Россіи необходимо имѣть въ виду богатый научный матеріалъ, собранный уже понынѣ антропологическою Краковскою коммисіею, и что слѣдуетъ признать, что она сослужила доброе дѣло какъ наукѣ вообще, такъ и въ значительной доли русской наукѣ.

В. А.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговск. статист. отдѣл. при губернск. земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ [1]).

Между земскими статистическими изданіями черниговскія отличаются отъ многихъ другихъ тѣмъ, что кромѣ сухихъ таблихъ въ нихъ есть много описаній нынѣшняго положенія вещей,—причемъ описанія эти касаются быта не одного только крестьянскаго, а всѣхъ сословій. Въ концѣ прошлаго года вышелъ послѣдній, XV томъ описаній уѣздовъ черниговской губерніи, которые печатались въ теченіе 1877—1887 годовъ. Цѣль этихъ изданій была собрать нужные матеріалы для оцѣнки земель и другихъ имуществъ, облагаемыхъ земскимъ налогомъ. Для достиженія этой цѣли земскими статистиками были собираемы разныя свѣдѣнія о естественной производительности земель, ихъ эксплоатаціи, способахъ и обычаяхъ обработки, отношеніяхъ между землевладѣльцами и съемщиками ихъ земель, обычаяхъ при съемкѣ земель, объ арендныхъ продажныхъ цѣнахъ и т. д. Всѣ 15 томовъ (по числу уѣздовъ въ губерніи) исполнены по одной программѣ, обусловленной практической земскою цѣлью, такъ что теперь есть полная возможность составить на основаніи ихъ подробное сельско-хозяйственное описаніе губерніи, для какой цѣли губернское земство и дало средства Статистическому Отдѣленію, состоящему при губернской управѣ. Но не смотря на это въ 15 названныхъ томахъ мы встрѣчаемъ и разнообразіе, зависящее съ одной стороны отъ того, что за 10 лѣтъ работъ ими завѣдывали разныя лица (въ послѣднемъ томѣ перечислено ихъ 8), а съ другой, что объемъ свѣдѣній для нѣкоторыхъ уѣздовъ былъ расширяемъ. Такъ, въ козелецкомъ, суражскомъ, мглинскомъ, городницкомъ и кролевецкомъ уѣздахъ земствомъ произведена была подворная или похозяйственная перепись, при помощи которой получена масса цифровыхъ данныхъ, послужившихъ для разныхъ статистическихъ выкладокъ. Наконецъ для двухъ послѣднихъ уѣздовъ статистики произвели совершенно особую работу: воспользовавшись въ архивѣ губернскаго правленія Румянцевскою Генеральною описью Малороссіи, они выписали изъ нея также по дворамъ цифры о благостояніи жителей въ 1765—70 годахъ и сравнили ихъ съ соотвѣтствующими цифрами для настоящаго времени.

---

[1]) Съ литограф. картами] и приложеніемъ подворной переписи 1883 и Румянцевской переписи 1767 г. Составъ. П. Червинскій.

Обслѣдованная статистически площадь губерніи, имѣющая около 4,800 тысячъ десятинъ съ населеніемъ до 2 милліоновъ душъ, раздѣлена въ описаніяхъ на волости (числомъ 175), а затѣмъ еще на межевыя дачи; послѣднія со всѣми поселками, находящимися внутри ихъ границъ, послужили единицами, къ которымъ пріурочены всѣ собранныя статистическимъ изслѣдованіемъ данныя. Такъ по-поступить признано было за наилучшее потому, что во многихъ мѣстностяхъ на небольшой сравнительно площади разсыпаны десятки хуторовъ, отдѣльно другъ отъ друга лежащихъ. Такъ какъ указанныхъ единицъ описанія и изложенія статистическаго матеріала въ губерніи вышло болѣе 1200, то значитъ каждая изъ нихъ въ среднемъ заключаетъ 4000 десятинъ земли,—площадь довольно мелкую для подробнаго описанія уѣздовъ и губерніи. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ произведены были подворныя переписи, единицею изслѣдованія при собираніи свѣдѣній служилъ каждый дворъ, или хозяйство, а при изложеніи эти дворы были группированы по сословіямъ и напечатаны по этимъ сословіямъ для каждаго отдѣльнаго поселенія, причемъ единицъ изложенія получалось иногда болѣе, чѣмъ межевыхъ дачъ.

Работа, какъ видитъ читатель, была кропотливая, черная; практическіе результаты ея для черниговскаго земства выразились тѣмъ, что на основаніи собранныхъ данныхъ въ 1886 году была сдѣлана правильная оцѣнка земель для раскладки земскаго и государственнаго налога, рядомъ съ оцѣнкою фабрикъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ. Это—первая въ Россіи кадастровая работа, произведенная съ такою тщательностью, какая возможна уже и въ настоящее время. Но мы намѣрены говорить не объ этой сторонѣ дѣла. Мы хотимъ задаться вопросомъ, имѣютъ-ли труды земскихъ статистиковъ, этихъ чернорабочихъ науки, значеніе непроходящее, удовлетворяющее не однимъ запросамъ только настоящей минуты. Оставивъ въ сторонѣ цѣнность собраннаго цифроваго матеріала для уясненія соціальныхъ и политико-экономическихъ вопросовъ, мы хотимъ спросить себя, имѣютъ ли 15 томовъ, изданныхъ черниговскимъ земствомъ, значеніе матеріаловъ для исторіи? Несомнѣнно, что въ далекомъ будущемъ эти книги, какъ всякое точное изображеніе дѣйствительности современниками, пригодятся историку народнаго быта и сословныхъ отношеній какъ нельзя лучше. Но умѣлое географическое описаніе даетъ и нынѣшнему историку не мало матеріаловъ: въ немъ съ одной стороны онъ находитъ собственныя имена селеній и урочищъ, которыя своимъ филологическимъ составомъ и формою могутъ кое-что

разсказать; съ другой стороны онъ встрѣчаетъ описаніе многихъ обычаевъ, а обычай—есть сложившійся историческій результатъ отношеній, существовавшихъ раньше. Наконецъ въ двухъ книжкахъ, изданныхъ черниговскимъ земствомъ, сопоставлены цифры прошлаго столѣтія съ настоящими. Цифры также много уясняютъ историку, какъ и слова и обычаи.

Желая сказать нѣсколько словъ по поводу выхода послѣдняго тома черниговскихъ работъ—описаніе Кролевецкаго уѣзда съ сопоставленіемъ нынѣшняго положенія сословій въ немъ и экономическаго состоянія ихъ по Румянцевской описи, гдѣ дѣйствительно есть много новаго для историковъ,—остановимся сначала нѣсколько времени на матеріалѣ не-цифровомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одни географическія имена, встрѣчаемыя въ черниговской губерніи, не только напоминаютъ историку многое, но и могутъ побудить его въ нихъ самихъ поискать отвѣта на разные спорные вопросы въ исторіи даннаго края. Конечно, мы оставимъ въ сторонѣ тѣ имена, которыя оканчиваяся на *ка, вка, овка, евка,* или обнаруживаютъ позднѣйшее свое происхожденіе, или даютъ только чисто-географическое опредѣленіе (Викторовка, Ивановка, Надинка, Зелудейка, Задереевка). Другія имена съ формою прилагательныхъ, хотя также часто указываютъ только на чье-нибудь имя, географическую, или бытовую особенность, но уже больше могутъ затронуть интересы историка: Высоке, Грузкая, Спасское, Стольное, Ратная, Норино, Супрягино, Онохово, Вормино—или будутъ пройдены имъ безъ всякаго вниманія или заставятъ задуматься и навести справки, какой могъ быть „столъ" или „рать" тамъ, гдѣ въ имени географическомъ остались отъ нихъ слѣды. Но всего больше и географа, и филолога, и историка могутъ заинтересовать тѣ имена, которыя встрѣчаются въ черниговской губерніи съ богатѣйшимъ разнообразіемъ окончаній именъ существительныхъ то съ длинными суффиками, то безъ нихъ, то въ формѣ сложнаго слова, то простого голаго корня. Тутъ есть и Рудня, Паперня, Олешня, Човиня, Стечня, и Дягова, Данина, Стратива, Витемля, Деремка, Лоска, Атюша, Потельга, Невкля, Блешня, Рѣчица, Дроздовица, Бобровица, Горица, и Свинуха, Разсуха, Почетуха, Гнилуша, и Задубенье, Заполье, Увелье, Ущерпье, Займище, Шатрище, Будище, Гутище, Церковище, и Товбозинъ, Макошинъ, Кукшинъ, Гучинъ, и Вязовскъ, Дѣдовскъ, и Довжикъ, Бобрикъ, Веприкъ, и Святецъ, и Меленскъ, и Вертечъ, и Понебель, и Топаль, и Нарость, и Сиволожъ, Сибережъ, Бречъ, Смячъ,

Ивотъ, Тростань, Виръ, Щимель, Обтовъ, Людковъ, Кролевецъ, Слоутъ, Буда, Бурчакъ, Радуль, Лиственъ, Звеничевъ и т. п. Разгруппировать ихъ по окончаніямъ, разобрать значеніе корня, который иногда даже не удержался въ нынѣшнемъ языкѣ, сопоставить съ десятками другихъ названій, встрѣчающихся теперь и прежде,—можетъ быть задачею конечно болѣе филолога, чѣмъ историка.

Но такія собственнныя имѣня, какъ Козары, Печенѣги, Бѣлыя Вѣжи, Омбышъ, Сулакъ, Бахмачъ, Кагарлыки, Маріентель, Рундевице, и т. п. уже прямо просятся подъ перо историка, который занятъ смѣною народностей къ данной территоріи.

Наконецъ всего интереснѣе кажутся тѣ имена поселеній, которыя имѣютъ форму множественнаго числа. Есть и между ними продиктованныя топографическими особенностями мѣстности (Горки, Пески, Холмы, Борки, Рѣпки, Тополи, Стодолы, Бучки, Кошары, Перелазы, Погребки, Прачи, Хижки, Мысы и т. п), или какими нибудь бытовыми признаками жителей (Дурни, Озеряне, Могилевцы, Мыльники, Стрѣльники, Бондары, Бровары, Колесники, Пѣвцы, Санники, Пушкари, Зѣваки, Огородники, Кузнецы, Кожемяки, Близнецы, Унучки, Ченци, Погорѣльцы и т. п); или просто какія-нибудь имена нарицательныя, употребленныя во множественномъ числѣ (Плевки, Кнуты, Шеломы, Сутиски, Зазирки, Прогоны и т. п); но большинство такихъ названій носитъ на себѣ явный характеръ фамилій съ разными ихъ окончаніями, встрѣчающимися и донынѣ, или и безъ окончаній, какъ то бываетъ и теперь очень часто въ фамиліяхъ. Имѣли ли прежде значеніе нарицательное имена послѣдняго рода, или они употреблялись просто какъ прозвища,—рѣшить нельзя, не провѣривши, сохранились ли теперь въ деревняхъ и селахъ эти фамиліи и прозвища. Такихъ собственныхъ именъ мы насчитали по изданіямъ земствъ въ черниговской губерніи болѣе двухсотъ[1]). Думаемъ, что историку будутъ интересны сопоставленія и сближенія именъ этого рода. Тутъ встрѣчаются напр., и Кулаги и

---

[1]) Приводимъ для интересующихся разныя формы ихъ: *на и и ы.* Атрохи, Балыши, Британы, Боханы, Клинцы, Припужни, Караси, Муравьи, Лѣсконоги, Черторыги, Балясы, Свинопухи, Свиноѣды, Кулаги, Велюханы, Кашаны, Масаны, Самсоны, Любечаны, Упыри, Чаусы, Рыхлы, Ядуты, Деревины, Поздпопалы, Клюсы, Кукари, Довгуны, Губари, Воскуны, Бѣляны, Летяхи, Скугари, Касоря, Кипти, Ожеги, Ожеги, Долбежи, Стенери, Костювы, перегуды, Самотуги, Коты, Кези, Шуманы и т. п. *На аи, еи, яи:* Кривошеи, Семендеи, Сыраи, Кусяи, Чиграи, Киваи и т. п.

Кулажинцы, и Хоробочи и Хоробричи, и Павличи, Макаричи и Дубовичи, Боровичи, т е. слова произведенныя отъ собственнаго имени, и отъ названія сортовъ лѣса, и одно изъ другаго; наконецъ попадаются и сложныя фамиліи въ родѣ Кустичи-Бряковы и Кустичи-Волокитичи.

Если такія имена, какъ Красный Рогъ, Хороше Озеро, Кропивне и т. п. достояніе географа, который въ нихъ отыщетъ указаніе на топографическія особенности мѣстности, то масса другихъ именъ, приведенныхъ здѣсь и не приведенныхъ, даютъ задачи историку. Одно мужеское окончаніе многихъ названій, къ которымъ нельзя прибавить въ прямомъ согласованіи словъ село, деревня, слобода, не указываетъ-ли на то, что эти Конятины, Перелюбы, Меленски, Иванъ-городы и т. п. были не селами, а „градами", городками? А явныя формы фамилій въ видѣ названія селеній не могутъ ли послужить отвѣтомъ на вопросъ, о которомъ лѣтъ 20 назадъ такъ много спорили историки, вопросъ о томъ, родовой или общинный бытъ господствовалъ въ средѣ славянъ, перечисленныхъ въ начальной лѣтописи подъ именами съ такими же окончаніями, какія встрѣчаемъ теперь на картѣ черниговской губерніи. Намъ кажется, что еслибы составить карты съ обозначеніемъ распространенія по разнымъ территоріямъ тѣхъ или другихъ грамматическихъ формъ географическихъ названій, то можно было бы на нихъ видѣть распространеніе формы родоваго быта, несомнѣнные слѣды котораго сохранились до сихъ поръ въ названіяхъ фамиліями цѣ-

---

На ки, аки, яки, ики, ыки, и т. п. Шелудьки, Вяльки, Криски, Локотки, Полошки, Седки, Усошки, Шняки, Третьяки, Синяки, Шентаки, Верещаки, Желдаки, Шулякн, Осняки, Максаки, Семяки, Осьмаки, Себеки, Лупеки, Балыки, Барыки, Бибики. Вильчики, Хлопенники, Пальчики, Бобарыки, Хвостики, Бальчики, Лузики, Пищики, Петрики, Остроушки, Маньки, Манюки, Сердюки, Сенюки, Ламуки, Газуки, Переварки, Лушники, Жукотки, Левоньки, Косенки, Полуботки и т. п.

На ачи, ичи, овичи, евичи, аничи, ечичи, и т. п.: Косачи, Горбачи, Сохачи, Валевачи, Хоробичи, Курчичи, Гнѣздиличи, Шіичи, Вельжичи, Нельжичи, Подзоричи, Хильчичи, Княжичи, Купчичи, Жабчичи, Даничи, Неданчичи, Голубчичи, Вербичи, Озаричи, Козаричи, Версличи, Ляхечи, Катичи, Лыщичи, Бортичи, Кневичи, Моргуличи, Шиловичи, Хворостовичи, Боровичи, Дубовичи, Куковичи, Красновичи, Чертовичи, Рыловичи, Чуровичи, Найтоновичи, Фоевичи, Холевичи, Смолевичи, Холѣевичи, Елисѣевичи, Доманичи, Азаничи, Козляничи, Ваганичи, Костеничи, Хотеничи, Бабиничи, Коробоничи, Хотуничи, Щербиничи, Кувѣчичи, Даличи.

На инцы, цы: Ильинцы, Бригинцы, Кулажинцы, Ведильцы Савинцы и т.

лыхъ селеній или ихъ частей. Сѣверъ и Сѣверо-Западъ черниговской губерніи, гдѣ чаще уже встрѣчаются существительныя имена селеній (Ельня, Стокня, Откильня, Веребейня) можетъ быть при такомъ изслѣдованіи оказался бы границею распространенія фамильныхъ именъ въ родѣ Курковичи, Куршановичи, Бровничи и т. п.

Въ черниговскихъ описаніяхъ уѣздовъ приведено много народныхъ выраженій для характеристики предметовъ и отношеній, о которыхъ тамъ говорится. Тутъ тоже для историка найдется довольно интереснаго. Помѣщиковъ, напр., мы называемъ землевладѣльцами и говоримъ, что они владѣютъ землею. Въ народѣ въ Черниговщинѣ, правда, уже не называютъ ихъ „державцами", какъ звали въ прошломъ столѣтіи, но хотя знаютъ и терминъ „землевладѣніе", все-таки говорятъ, что панъ не владѣетъ землею, а „держитъ" ее, и самое земельное имѣніе (въ особенности) крупное называютъ „державою". Теперь послѣдній терминъ употребляется въ нашемъ литературномъ языкѣ главнымъ образомъ, какъ синонимъ государства и при томъ большаго, но черниговцы сохранили его первоначальное значеніе, въ какомъ оно употреблялось во времена можетъ быть еще до удѣльно, вѣчеваго періода.

Слово „богатырь", сколько мы помнимъ, г. Буслаевъ объяснялъ производствомъ его отъ корня „*Бог*" черезъ прилагательную форму „*бог-ат*", но при этомъ вовсе не подозрѣвалъ, что оно существуетъ до сихъ поръ въ Черниговщинѣ, очевидно съ тѣмъ же значеніемъ въ какомъ понимали его и при князьяхъ кіевскихъ, собиравшихъ себѣ дружину изъ заможныхъ, т. е. наиболѣе богатыхъ людей покоренныхъ ими краевъ. „Богатыри" называются еще въ народѣ и „дуками", что указываетъ, отчего это среди владиміровскихъ богатырей былъ и Дюкъ Степановичъ, извѣстный намъ теперь подъ этимъ именемъ, измѣненнымъ въ олонецкой губерніи согласно фонетическимъ особенностямъ тамошняго произношенія. Проф. Буслаевъ лѣтъ 20 назадъ производилъ слово „богатырь" отъ корня *бог* черезъ прилагательную форму *богат*, а впослѣдствіи оставилъ это словопроизводство, замѣтивъ, что слово „богатырь" встрѣчается только въ позднѣйшихъ письменныхъ памятникахъ; въ болѣе же древнихъ лѣтописяхъ оно является въ формѣ, указывающей будто бы на татарское его происхожденіе „богатдуръ", „богадуръ". Не беремся опровергать послѣдняго мнѣнія по незнакомству съ корнесловіемъ и вообще языкомъ татарскимъ; но думаемъ, что если черниговцы сохранили такіе филологическіе архаизмы, какъ „нельга" вмѣсто

„нельзя“, то и слово „богатырь“ по всей вѣроятности они употребляли еще до татарскаго вліянія на бытъ, на ряду съ словами „послухъ“, „закупъ“ и т. п., которыя розыскиваются археологами почему-то гдѣ угодно, но только не въ малорусскомъ словарѣ. Но рядомъ съ этими очень старыми титулами своего мѣстнаго образованія и западно-европейскаго въ памяти народа не удержались угро-финскія термины въ родѣ „смерды“, или татарское „козакъ“, которые занотованы въ лѣтописяхъ. Отчего это? Какія стимулы жизни заставили забыть одно и сохранить другое?

Но отъ татарскихъ временъ много осталось въ названіяхъ и предметовъ и отношеній, которыя очевидно въ ходу издавна въ черниговской губерніи. Черниговцы и до сихъ поръ называютъ плату помѣщикамъ за землю трудомъ, приношеніемъ, или деньгами, татарскимъ словомъ „басаринка“. Вѣроятно эта форма отработковъ возникла тогда, когда панами были не русскіе и не поляки, а еще татары; польское время съ евреями управляющими для подобныхъ же отношеній оставило терминъ „тринкаль“. Мы уже не говоримъ о разныхъ названіяхъ изъ сельско-хозяйственнаго быта, встрѣчаемыхъ въ статистическихъ земскихъ трудахъ, то татарскихъ по корню (ярмо, инбаръ, дуга), то нѣмецкихъ (пидгайстеръ, ухналь, дзунбзубель), которыя могутъ натолкнуть историка на такія или другія соображенія.

Но если онъ не захочетъ перелистывать всѣ 15 томовъ черниговскихъ земскихъ работъ, чтобы найти для себя такой или другой отрывочный матеріалъ, мы его отошлемъ къ двумъ послѣднимъ томамъ (XIV и XV) по городницкому и кролевецкому уѣзду, особенно къ послѣднему, гдѣ онъ найдетъ историческія цифры въ сопоставленіи съ нынѣшними и много выводовъ сдѣланныхъ на основаніи этихъ сопоставленій авторомъ послѣдней книги — членомъ губернской управы П. П. Червинскимъ, завѣдующимъ статистическими работами. По Кролевецкому уѣзду, подъ руководствомъ послѣдняго были сдѣланы выписки изъ подворной описи Малороссіи Румянцева по 33 поселеніямъ о числѣ жителей по возрастамъ и поламъ, о количествѣ земли, имъ принадлежащей, по ея разрядамъ (грунтъ, пашня, сѣнокосъ), о числѣ скота по его сортамъ, о промыслахъ, промышленныхъ заведеніяхъ и платежахъ,—короче сказать всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ той описи. Сгруппированы они въ таблицахъ съ одной стороны по сословіямъ, съ другой по размѣрамъ хозяйствъ относительно рабочихъ силъ въ нихъ, количествѣ земли, скота. Такія же подраздѣленія

сдѣланы и съ цифрами нынѣшней подворной переписи въ тѣхъ же селеніяхъ. Если сравнить цифры нынѣшняго столѣтія и прошлаго по сословіямъ, то въ прошломъ мы не найдемъ мѣщанъ и евреевъ, а въ нынѣшнемъ—бывшихъ подсусѣдковъ, которыхъ насчитывается въ изученныхъ поселеніяхъ 291 дворъ. Остальныя сословія могутъ быть сравниваемы. Главную группу занимаютъ козаки, которыхъ было 1873 двора (372 — выборныхъ, 1337 — подпощниковъ ихъ и 164 — безъ обозначенія—просто козаковъ), а теперь 4596; бывшихъ владѣльческихъ посполитыхъ, отбывавшихъ имъ работы, а также посполитыхъ генеральной артиллеріи было 1340 дворовъ, а теперь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 2573 двора; наконецъ бывш. монастырскихъ посполитыхъ было 221 дворъ, а теперь государственныхъ крестьянъ, ихъ потомковъ 1033, и наконецъ разныхъ привилегированныхъ сословій было 113, а теперь стало 277 дворовъ. Такое количество сравниваемыхъ величинъ даетъ выводамъ, полученнымъ отъ сравненія, достаточную устойчивость, а выводы эти во всякомъ случаѣ поучительны для политико-эконома и для историка.

Оставляя въ сторонѣ выводы изъ сопоставленій мелкихъ фактовъ, мы приведемъ лишь главнѣйшіе, характеризующіе въ общемъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ кролевецкомъ уѣздѣ за 115 лѣтъ. Главный общій выводъ, который дѣлаетъ авторъ, тотъ, что теперь живется массѣ населенія лучше, чѣмъ въ старину. Общее число населенія непривилегированныхъ сословій удвоилось (съ 23.360 до 46.132); скота стало больше чѣмъ вдвое (прежде было по $3,_5$ на дворъ, теперь—$3,_9$), но при этомъ рабочаго скота осталось то же относительное число (по $1,_9$ на дворъ); земли эксплоатируемой (пашни и сѣнокоса) теперь съ удвоеніемъ населенія на дворъ приходится мало чѣмъ меньше противъ прошлаго столѣтія ($6,_2$ десятинъ вмѣсто прежнихъ $7,_6$ десятинъ); но если предположить, что нынѣшняя обработка земель при ихъ удобреніи даетъ бóльшіе урожаи, то средства продовольствія населенія будутъ тѣ же, что и были 115 лѣтъ тому назадъ. Размѣры промысловъ, которыми славилась Малороссія—винокуреніе, пчеловодство—оказываются по цифрамъ Румянцевской переписи очень скромными, уступающими относительнымъ размѣрамъ этихъ производствъ въ настоящее время или чуть-чуть превосходящими ихъ. Такъ напр., прежніе 367 винокурень выкуривали 122000 ведеръ, а нынѣшніе 5 заводовъ 236.000 ведеръ водки крѣпостью въ 25 градусовъ; по отношенію къ числу жителей выходитъ, что тогда выкуривалось на 100 душъ по 509 ведеръ, а теперь по 487, т. е только

немногимъ меньше. Пчеловодство давало на 100 душъ населенія по 12 колодъ пчелъ, а теперь по 28 колодъ, т. е. въ $2^{1}/_{3}$ раза больше.

Вообще, если сопоставлять разные показатели благосостоянія прошлаго вѣка и настоящаго огульными цифрами, то выходитъ, что къ настоящему времени они или нѣсколько увеличились въ относительной своей величинѣ, или остались почти тѣми же. Такъ напр., на 100 душъ населенія тогда приходилось 136 эксплоатируемыхъ десятинъ земли, теперь 123; при 46 водяныхъ мельницахъ и 68 вѣтрякахъ тогда на 100 жителей по переводѣ суммы работы всѣхъ мельницъ на вѣтряки выйдетъ по 2 вѣтряка, а теперь (при 11 водяныхъ и 727 вѣтряныхъ) по $1{,}_7$.

Хотя авторъ названной книги, приводя различныя соображенія, и дѣлаетъ общій выводъ, что теперь относительное количество средствъ у населенія нѣсколько больше, чѣмъ было въ прошломъ столѣтіи, но мы изъ цифръ, приводимыхъ имъ же и находящихся въ таблицахъ, скорѣе склонны думать, что оно осталось почти то же, т. е. въ общемъ съ удвоеніемъ населенія количество всѣхъ средствъ для удовлетворенія потребностей также только удвоилось. Если же и есть въ какихъ-нибудь отрасляхъ завоеванія или улучшенія, то они очень скромны и не могутъ идти даже въ сравненіе съ ростомъ показателей благосостоянія, съ какимъ мы знакомимся напр. изъ интересной статьи г. Попова о прогрессѣ у негровъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ за первое двадцатипятилѣтіе ихъ свободной жизни. Тамъ напр., рядомъ съ приростомъ негритянскаго населенія въ 60% за двадцатилѣтіе (или по 3% въ годъ) встрѣчаемъ годовое приращеніе скота у негровъ въ штатѣ Георгія въ 7%[1]), не говоря уже о томъ, что въ другихъ областяхъ жизни встрѣчаемъ поразительные успѣхи черныхъ (появленіе 10 университетовъ и др. высшихъ учебныхъ заведеній собственно для негровъ, 150 газетъ, издаваемыхъ черными и т. п). Въ изслѣдованныхъ же селеніяхъ Кролевецкаго уѣзда съ удвоеніемъ населенія за 115 лѣтъ, видимъ также нѣсколько болѣе, чѣмъ удвоеніе (въ $2{,}_1$ раза) рабочаго скота и увеличеніе всего скота вообще въ $2^{1}/_{2}$ раза, причемъ волы стали уступать мѣсто лошадямъ, а коровы козамъ, и вообще число мелкаго скота сильно увеличилось, тогда какъ число крупнаго рогатаго скота уменьшилось. Конечно и сравнивать нельзя двухъ названныхъ странъ, такъ какъ количество и пастбищъ и сѣнокосовъ въ Аме-

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1888. Январь, стр. 55 и 73.

рикѣ далеко больше, чѣмъ нужно для прокормленія существующаго тамъ скота, а въ кролевецкомъ уѣздѣ по исчисленію земской статистики выходитъ, что напр. 1 десятина сѣнокоса по средней своей урожайности можетъ прокормить лишь одну голову скота, тогда какъ по существующему числу скота приходится по 2 штуки на 1 десятину сѣнокосу, вслѣдствіе чего населеніе прибѣгаетъ къ другимъ суррогатамъ питанія скота—соломѣ и пр. Оттого мы имѣемъ для старонаселенной территоріи кролевецкаго уѣзда не 7% годоваго прироста скота, а всего 1,3%. Другими цифрами приростъ скота, этого главнаго показателя благосостоянія сельскаго населенія, выраженъ статистикомъ такъ: сто душъ населенія въ прошломъ столѣтіи держало 32 головы рабочаго скота, 16 коровъ и 54 штуки мелкаго скота, а теперь оно держитъ 34 головы рабочаго скота, 19 коровъ и 99 штукъ мелкаго скота. Прогрессъ конечно не великъ.

Но за то несомнѣнный и большой прогрессъ за время, истекшее между двумя переписями, мы замѣчаемъ относительно распредѣленія между сельскимъ населеніемъ главныхъ его богатствъ—скота и земли. Отбросивъ въ сторону хозяйства привилегированныхъ сословій (у которыхъ въ общемъ число скота увеличилось съ 5,2 на 7,6 головъ на 1 дворъ, а количество эксплоатируемой земли съ 29,8 десятинъ на 34,1), авторъ труда по кролевецкому уѣзду задавалъ себѣ вопросъ: лучше ли жилось собственно „мужичьему“ населенію, чѣмъ теперь, или хуже, и приводитъ слѣдующіе цифровые выводы. Въ прошломъ столѣтіи у непривилегированныхъ сословій козаковъ и посполитыхъ крестьянъ всѣхъ наименованій число хозяйствъ безъ всякаго скота, т. е. вполнѣ разоренныхъ, составляло въ кролевецкомъ уѣздѣ 28% и въ городницкомъ (изслѣдованномъ такъ же)—30%, а теперь—8% въ первомъ и 5% въ послѣднемъ уѣздѣ. Хозяйство съ среднимъ размѣромъ скотовладѣнія (2—3 штуки на дворъ) теперь составляютъ почти половину общаго числа хозяйствъ, тогда какъ ихъ въ прошломъ столѣтіи въ кролевецкомъ уѣздѣ было только 26 на 100, а въ городницкомъ 21 на 100. Такія же цифры находимъ и относительно владѣнія землею: тогда число безземельныхъ и многоземельныхъ хозяйствъ среди непривилегированныхъ сословій было относительно гораздо больше, чѣмъ теперь. У владѣльческихъ посполитыхъ и подсусѣдковъ число первыхъ и огородниковъ до 40%, у козаковъ—18%, а въ среднемъ выводѣ для всѣхъ сословій составляло 28%; съ другой стороны число хозяйствъ многоземельныхъ, имѣвшихъ отъ 15 до 100 и болѣе десятинъ,

также доходило до 27 %, составляя у монастырскихъ посполитыхъ 15 %, у владѣльческихъ посполитыхъ 29 %, и у козаковъ—36 %. Теперь же обѣ эти группы (безземельныхъ и многоземельныхъ) каждая не составляетъ и 9 %, такъ что они стали малочисленнѣе въ 3 раза. За то число хозяйствъ, входящихъ въ составъ группъ съ среднимъ размѣромъ землевладѣнія, теперь сильно увеличилось, составляя 82 % вмѣсто прежнихъ 46 %.

Если мы даже исключимъ изъ разсмотрѣнія крестьянъ, въ средѣ которыхъ общинное устройство было введено для государственныхъ бывшею палатою государственныхъ имуществъ, а для бывшихъ крѣпостныхъ, называвшихся въ прошломъ столѣтіи „подданными“ уставными грамотами 60-хъ годовъ, то между козаками мы видимъ почти ту же степень равненія. Вмѣсто 36 % многоземельныхъ прошлаго столѣтія въ ихъ средѣ мы теперь встрѣчаемъ такихъ хозяевъ только 11 %; вмѣстѣ 18 % безземельныхъ только 10 %; за то вмѣсто 46 % хозяйствъ съ средними размѣрами землевладѣнія, уже 79 %, т. е. почти столько же, сколько и у всѣхъ бывшихъ податныхъ сословій вмѣстѣ взятыхъ (82 вмѣсто 45). Въ городницкомъ уѣздѣ эти среднія хозяйства среди козаковъ увеличились въ относительномъ числѣ не такъ рѣзко (ихъ процентное число возрасло съ 36 % на 67 %); но и въ другихъ сословіяхъ здѣсь старая неравномѣрность землевладѣнія сгладилась меньше, причемъ относительное число разбогатѣвшихъ уменьшилось значительно меньше, чѣмъ въ кролевецкомъ уѣздѣ (съ 24 % на 13 %), но за то число безземельныхъ и огородниковъ уменьшилось въ болѣе рѣзкой пропорціи—въ 5 разъ (здѣсь ихъ стало только 7,⁰% вмѣсто бывшихъ 37,⁰%).

Добытые г. Червинскимъ результаты одинаково любопытны и, быть можетъ, неожиданны какъ для историковъ, такъ и для политико-экономовъ. Въ настоящей замѣткѣ мы не задавались спеціальною цѣлью разбирать критически статистическіе пріемы автора книги о кролевецкомъ уѣздѣ, и потому не указываемъ на нѣкоторые недосмотры его относительно исчисленія прироста населенія естественнаго и дѣйствительнаго. Такіе недосмотры есть и въ нѣкоторой степени они повліяли на процентные показатели, надъ которыми оперируетъ авторъ. Но возражать противъ основныхъ, приведенныхъ имъ цифръ можно только съ другими цыфрами въ рукахъ о селеніяхъ и выселеніяхъ. Выводы г. Червинскаго стоятъ того, чтобы оцѣнивать ихъ и возражать на нихъ на основаніи солидныхъ факти-

ческихъ данныхъ. Если настоящая замѣтка вызоветъ вниманіе специалистовъ къ его выводамъ и работѣ для подтвержденія, поправокъ или опроверженія ихъ, то цѣль наша будетъ достигнута.

А. Русовъ.

Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Одесса. Въ тип. Францова и Нитче. 1856. Его превосходительству г. попечителю одесск. уч. окр., поч. попеч. Демидовскаго лицея, д. с. с. и кавалеру Павлу Григорьевичу Демидову съ глубокимъ уваженіемъ посвящаетъ Я. Граховъ. 20 апрѣля 1856. Екатеринославъ.

Таково въ дословномъ текстѣ названіе книжицы, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость и принадлежащей перу бывшаго директора екатеринославской гимназіи, колл. сов. Якова Дмитріевича Грахова, управлявшаго гимназіею съ марта 1846 г. до 1862 года, въ теченіе 16 лѣтъ. Состоитъ она изъ 282 страницъ текста in 16⁰ и нѣсколькихъ листковъ приложеній, содержащихъ въ себѣ списки учениковъ гимназіи, окончившихъ курсъ, начиная съ 1808 по 1855 г., и «распредѣленіе» гимназическихъ предметовъ по классамъ во время составленія самой книжицы. Какъ единственный литературный, притомъ полу-оффиціальный памятникъ жизни высшаго мѣстнаго учебнаго заведенія, книжка эта, по собраннымъ въ ней разнообразнымъ фактическимъ даннымъ, имѣетъ не малый общій интересъ, и потому намъ казалось нелишнимъ познакомить съ нею читателей «Кіевской Старины», тѣмъ болѣе, что на это изданіе сдѣланы ссылки въ нѣкоторыхъ компилятивныхъ работахъ послѣдняго времени. Скажемъ кстати, что не смотря на сухость содержанія, книжица эта, по важности сообщаемыхъ въ ней фактовъ, вполнѣ заслуживаетъ новаго изданія, каковое могло бы быть сдѣлано мѣстнымъ земствомъ.

«Краткій и.-стат. обзоръ» распадается на три отдѣла, далеко неравномѣрныхъ по содержанію: вступленіе (1792—1804 г.), періодъ первый (1805—1835), періодъ второй (1836—1855). Такъ раздѣляетъ авторъ свой трудъ, объемлющій время существованія въ Екатеринославѣ высшаго мѣстнаго учебнаго заведенія собственно въ теченіе 63 лѣтъ, но первымъ годамъ его существованія онъ очевидно не придавалъ особеннаго значенія и разсказалъ о нихъ вкратцѣ, на 38 страницахъ, во «вступленіи». Нынѣшняя екатеринославская класси-

ческая гимназія основана была по волѣ императрицы Екатерины II, въ силу «Устава для училищъ», Высочайше ею утвержденнаго 5 августа 1786 г., по которому учебныя заведенія открывались подъ названіями—въ губернскихъ городахъ— «главныхъ народныхъ училищъ» съ 4-хклассным курсомъ, и въ уѣздныхъ городахъ— «малыхъ народныхъ училищъ» съ 2-хклассным курсомъ. 17 апрѣля 1793 г. послѣдовало открытіе въ Екатеринославѣ «Главнаго народнаго училища», которое 1 августа 1805 г. превратилось въ гимназію и причислено было къ харьковскому учебному округу, такъ какъ въ Харьковѣ существовалъ уже университетъ, открытый въ маѣ того же 1805 г. и составлявшій высшее на всю южную Россію учебное заведеніе. Съ превращеніемъ «Главнаго народнаго училища» въ гимназію, курсъ преподаванія остался по прежнему четырехлѣтній, и измѣненія въ размѣрахъ преподаванія почти не послѣдовало. 8 декабря 1828 г. Высочайше утвержденъ новый уставъ учебныхъ заведеній, расширившій кругъ гимназическаго преподаванія и значительно видоизмѣнившій его, напр., исключеніемъ изъ курса такихъ предметовъ, какъ «Фортификація» и «Артиллерія», до того времени изучавшихся въ гимназіяхъ. Въ силу новаго устава, и екатеринославская гимназія преобразована съ 1836 г. въ семиклассную, а нѣсколько ранѣе, съ 1833 г., отнесена къ вѣдомству одесскаго учебнаго округа. Существованіе гимназіи съ 4-хлѣтнимъ курсомъ разсмотрѣно авторомъ во второмъ отдѣлѣ его сочиненія, озаглавленномъ «періодъ первый», а обозрѣніе ея съ 7-миклассным курсомъ составляетъ третій отдѣлъ книжки, названный имъ «періодъ второй», и принадлежащій перу С. И. Веребрюсова, бывшаго учителя русскаго языка той же гимназіи и сослуживца автора. Во всѣхъ отдѣлахъ книжицы изложены: внѣшній ходъ управленія гимназіею; перемѣны въ составѣ преподавателей, директоровъ и попечителей; посѣщенія гимназіи высокопоставленными лицами и ревизорами; пожертвованія частныхъ лицъ и вообще стоимость содержанія гимназіи; наконецъ, цифры воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія погодно, и вообще разныя перемѣны, происходившія въ программѣ преподаванія. Словомъ, внѣшняя, административная сторона жизни гимназіи изложена авторомъ довольне полно; что касается внутренней жизни заведенія, характера педагогической дѣятельности, учебнаго персонала гимназіи и его литературныхъ трудовъ, духа и направленія воспитанниковъ гимназіи и отношеній общества къ ней, то объ этомъ совсѣмъ почти умалчивается вѣроятно въ силу условій тогдашней цензуры и во-

обще господствовавшаго въ то время взгляда на подобнаго рода историческія работы. Это была по времени собственно краткая записка оффиціознаго характера, содержащая въ послѣдовательномъ порядкѣ обозрѣніе ряда административныхъ мѣропріятій по переустройству заведенія и внѣшнихъ результатовъ этихъ мѣропріятій. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Грахова заслуживаетъ полнаго вниманія и долго еще вѣроятно не потеряетъ своего значенія.

Кромѣ «Главнаго народнаго училища», или гимназіи, одновременно приступлено было и къ открытію «малыхъ» училищъ. Такъ, въ январѣ 1794 г. открыто было «Малое народное училище» въ «мѣстечкѣ Кобелякахъ» (нынѣ уѣздн. городъ полтавск. губ), принадлежавшемъ тогда къ екатеринославской дирекціи; въ 1797 г. къ ней же присоединено и симферопольское малое училище, въ которое почему-то превращено бывшее тамъ прежде «Главное нар. училище» (Акмечетское). При открытіи кобелякскаго училища въ него поступило 42 ученика, что, по числу тогдашняго населенія, составляетъ значительную цифру. 5 ноября 1804 г. изданъ былъ въ Россіи новый «уставъ» учебныхъ заведеній, положившій основаніе дальнѣйшему распространенію училищъ. Въ немъ требовалось, чтобы въ каждомъ городѣ, губернскомъ и уѣздномъ, было по крайней мѣрѣ по одному «уѣздному училищу», а въ большихъ городахъ по два и болѣе, смотря по средствамъ. Въ силу этого устава открыты были уѣздныя училища въ слѣдующихъ пяти городахъ екатеринославской губерніи: въ *Павлоградѣ*—15 іюля 1804 г. при 54 ученикахъ; въ *Екатеринославѣ* (губернскомъ)—1 авг. 1805 г.; въ *Новомосковскѣ*—8 ноября 1807 г. при 49 ученикахъ, въ числѣ коихъ было и 5 дѣвочекъ; въ *Александровскѣ*—12 марта 1808 г. съ 37 учениками; и въ *Бахмутѣ*—20 іюля 1808 г. при 64 ученикахъ. Открытіе всѣхъ этихъ училищъ встрѣчено было населеніемъ весьма сочувственно, что доказывается довольно щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ и обществъ. Жертвовали дворяне, купцы и почетные граждане, и въ училища поступали дѣти родителей всѣхъ сословій. Открытіе каждаго училища и годичныя испытанія въ нихъ производились съ торжественной обстановкой, въ которой участвовали и почетнѣйшіе изъ обывателей. При каждомъ уѣздномъ училищѣ открыты были «приготовительные классы», съ цѣлью подготовки дѣтей къ поступленію въ уѣздныя училища, въ которыя слѣдовательно принимались уже знающіе кое-какъ грамоту и счетъ.

Тѣмъ же уставомъ 5 ноября 1804 г. требовалось и учрежденіе приходскихъ училищъ въ казенныхъ селеніяхъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ; во-первыхъ училища ввѣрялись завѣдыванію приходскаго священника и одного изъ жителей; во-вторыхъ—помѣщикамъ. Въ училищахъ этихъ положено было проходить грамоту (чтеніе и письмо) и первыя четыре правила ариѳметики, законъ Божій, «краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, о произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья». Такихъ училищъ открыто было въ мѣстечкахъ и селеніяхъ (съ населеніемъ свыше 1000 душъ), съ 1809 по 1823 годъ, 53, но продержались они лишь до 1833 года, въ которомъ по разнымъ причинамъ совершенно были закрыты (стр. 132—133). Открытіе сельскихъ училищъ было встрѣчено также сочувственно, что доказывается прежде всего пожертвованіями, и денежными, и въ видѣ недвижимости. Изъ 53-хъ приходскихъ школъ 36 помѣщались въ собственныхъ домахъ, пожертвованныхъ обществами или купленныхъ на пожертвованныя деньги; и только 17 помѣщены были во временно отведенныхъ общественныхъ зданіяхъ. Учениками поступали почти исключительно дѣти поселянъ, мальчики и дѣвочки (стр. 129). О причинахъ закрытія приходскихъ училищъ этого періода авторъ говоритъ, что они заключались «частью въ недостаткѣ достойныхъ учителей, частью же въ неисправности поступленія съ поселянъ денегъ, опредѣленныхъ для содержанія училищъ». Впрочемъ такая «неисправность» едвали можетъ быть отнесена на счетъ безпечности населенія. Сборами этими въ количествѣ 165 р. съ волости на училище завѣдывали сначала волостныя правленія подъ контролемъ учебнаго начальства, наблюдавшаго за своевременнымъ ихъ поступленіемъ; но въ 1827 г. вмѣшалась въ это дѣло Казенная Палата и стала требовать ежегоднаго составленія обществами особыхъ для этого приговоровъ помимо тѣхъ, которые существовали со времени открытія каждаго училища. Такимъ образомъ завѣдываніе сборами на содержаніе училища предоставлено было исключительно казеннымъ палатамъ; за учебнымъ вѣдомствомъ оставлено было лишь «право напоминаній» о взносѣ денегъ, но напоминанія эти оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, сборы изсякали, и школы одна за другою закрывались. Замѣчательно, что всѣ приходскія школы открыты были въ это время лишь въ селеніяхъ казенныхъ и ни одной не было въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ введеніемъ учебнаго устава 1828 г. программа преподаванія въ приходскихъ училищахъ

значительно измѣнена: въ нихъ вошло изученіе краткаго катехизиса, священной исторіи, чтенія и письма на русскомъ языкѣ и четырехъ правилъ ариѳметики; сообщеніе свѣдѣній по сельскому хозяйству, анатоміи и гигіенѣ устранено совсѣмъ. Въ училища принимались дѣти «всѣхъ состояній и обоего пола». Съ 1836 г. начинаютъ вновь открываться сельскія училища, и на этотъ разъ не только въ казенныхъ селеніяхъ, но и въ помѣщичьихъ. Изъ числа помѣщиковъ, открывшихъ такія училища, были гг. Алферовъ (въ 1837 г. въ м. Алферовкѣ) и Скалонъ (въ д. Божедаровкѣ въ 1839 г), оба верхнеднѣпровскаго уѣзда. Съ этого же времени введена во всѣхъ приходскихъ классахъ при училищахъ ланкастерская система преподаванія, почему и въ уѣздныя училища стали принимать дѣтей совершенно неграмотныхъ. Впрочемъ число училищъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ было незначительно, и къ 1855 году ихъ числилось только 2 съ 39 учениками и ученицами (11), тогда какъ въ казенныхъ селеніяхъ ихъ было уже 41 съ 2082 учениками-мальчиками и 155 дѣвочками. Общее число жителей екатеринославской губерніи въ 1854 г. по свѣдѣніямъ дирекціи училищъ простиралось до 405,000 душъ, и потому общее число учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній губерніи относилось къ числу населенія, какъ 1 къ 50; число же преподавателей съ 1836 г. до 1855 г. увеличилось вчетверо (изъ 50 стало 202), чѣмъ болѣе всего слѣдуетъ вѣроятно объяснить и численное увеличеніе учебныхъ заведеній. Обращаютъ на себя невольное вниманіе цифры учебныхъ заведеній и учащихся въ тогдашнихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Въ 1836 г. ихъ еще вовсе не было, а въ 1855 г. числилось уже 52 училища съ 4152 учащимися, въ числѣ коихъ было 2195 мальчиковъ и 1957 дѣвочекъ. Общее число учебныхъ заведеній екатеринославской губерніи въ 1836 г. было 20 (считая тутъ гимназію съ пансіономъ, уѣздныя и приходскія училища, а также и еврейскія) съ 855 учащимися; черезъ 20 лѣтъ, въ 1855 г., общее число всѣхъ учебныхъ заведеній было 148 (вмѣстѣ съ нѣмецкими), а учащихся 8014, т. е. почти удесятерилось. Впрочемъ столь значительное увеличеніе этихъ цифръ должно быть отнесено болѣе всего на счетъ 52 нѣмецкихъ школъ, за исключеніемъ которыхъ общая цифра учебныхъ заведеній будетъ только 96, т. е. едва *упятерилась*, а число учащихся равняется лишь 3862, т. е., едва учетверилось. Выходитъ, что дѣти нѣмецкихъ колонистовъ, менонитовъ, всѣ поступали въ школу, что и давало имъ сразу умственное и нравственное превосходство надъ остальнымъ населеніемъ, поголовно невѣжествен-

нымъ, и пособило затѣмъ выдвинуться въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, образовать рядъ цвѣтущихъ поселеній, такъ поражающихъ нынѣ наблюдателя: школа между прочимъ быстро подвинула впередъ эти сельско-хозяйственные оазисы.

Мы исчерпали вкратцѣ матеріалъ, которымъ довольно богата книжица г. Грахова; разумѣется, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться многихъ небезъинтересныхъ подробностей, напр. матеріальнаго содержанія учебныхъ заведеній и учащихъ, состоянія библіотекъ и образованія кабинетовъ, пожертвованій, притекавшихъ въ изобиліи, и пр. и пр. Ходъ матеріальнаго развитія учебныхъ заведеній нашей губерніи представленъ въ ней обстоятельно, со многими цифровыми данными и фактическими замѣтками. и потому, скажемъ еще разъ, повтореніе этого изданія было-бы весьма желательно.

Книга г. Грахова вышла въ 1856 г., и была, кажется, первымъ историческимъ очеркомъ учебнаго дѣла въ екатеринославской губерніи. По крайней мѣрѣ, ссылокъ на подобный трудъ, предшествовавшій этому изданію, мы нигдѣ не встрѣчаемъ; и хотя г. Граховъ не разъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи о какомъ-то «лѣтописцѣ» гимназіи, и даже цитируетъ его слова (стр. 28), но онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ, нужно думать, какія нибудь записи, обязательно веденныя при управленіи гимназіи. Со времени изданія труда г. Грахова вплоть до 1880 г., кажется, также не появлялось въ печати изданій, касающихся того же предмета; и только въ 1880 г. появился печатный *«Отчетъ о состояніи Екатеринославской мужской гимназіи за 1879—80 учебный годъ»*, составленный по опредѣленію совѣта гимназіи секретаремъ его Г. В. Донцовымъ и изданный въ Екатеринославѣ въ видѣ брошюры въ 60 страницъ. Затѣмъ, въ 1882 г. издана тѣмъ же путемъ *«Историческая записка о Екатеринославской гимназіи съ 1792—1882 г., съ отчетомъ за 1881—1882 учебный годъ»*, составленная тѣмъ же г. Донцовымъ по распоряженію попечителя одесскаго учебнаго округа; и, наконецъ, въ 1884 г. вышелъ также *«Отчетъ о состояніи Екатеринославской гимназіи за 1883—84 учебный годъ»*, составленный тѣмъ же г. Донцовымъ. Далѣе, сколько намъ извѣстно, печатаніе гимназическихъ отчетовъ прекратилось. «Историческая записка» касается существованія одной лишь гимназіи и вкратцѣ обозрѣваетъ преобразованія, въ ней происходившія, приводя и данныя, о которыхъ говорится въ сочиненіи Грахова, но она далеко не исчерпываетъ многихъ интересныхъ по-

дробностей этого сочиненія, и потому нисколько не упраздняетъ его значенія даже по отношенію къ свѣдѣніямъ, касающимся одной лишь екатеринославской гимназіи. Что касается народныхъ училищъ и вообще учебныхъ заведеній, существующихъ помимо гимназіи, то «Историческая записка» о нихъ совершенно умалчиваетъ.

Помянемъ же словомъ благодарности имя почтеннаго автора «Краткаго историко-стат. обзора екат. гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній» Я. Д. Грахова и пожелаемъ труду его скорѣйшаго вторичнаго появленія на свѣтъ.

Г. З.

И. С. Левицкій (Нечуй). Кайдашева симя. Кіевъ. 1887.

Изъ литературныхъ малорусскихъ новинокъ за истекшій годъ главнѣйшими были соч. Квитки-Основьяненка (пока вышло 2 тома), издаваемыя подъ редакціей А. Потебни на средства харьковскаго земства, и сочиненія Левицкаго (Нечуя). Среди многихъ сочиненій, переизданныхъ Левицкимъ во второй разъ, совершенными новинками для публики являются два его произведенія: „Голодному и опеньки мясо", міщанська комедія-водевиль въ 2 діяхъ и повѣсть „Кайдашева симя". Изданіе Квитки еще не кончено, и потому мы обратимся къ новой повѣсти Левицкаго; объ остальныхъ его произведеніяхъ постараемся дать отчетъ позже.

Кромѣ чисто-художественныхъ достоинствъ повѣсть Левицкаго „Кайдашева симя" имѣетъ и большое историко-литературное значеніе. Дѣло въ томъ, что тогда, какъ и въ западно-европейской, и въ русской литературѣ главное вниманіе писателей обращено на изображеніе жизни и ея треволненій въ формѣ романа или повѣсти, малорусская литература развиваетъ преимущественно лирическую форму творчества. Причина этого кроется вѣроятно и въ самомъ складѣ народнаго характера малорусса. Народная малорусская поэзія—главнымъ образомъ лирическая, и лирическіе образцы ея не уступаютъ лучшимъ образцамъ народной поэзіи другихъ націй; самъ Шевченко почти исключительно лирикъ. И въ то время, когда вся почти малорусская литература опредѣляется лирическими „творами" (даже драматическія произведенія часто расплываются въ потоки лиризма въ ущербъ правильному развитію дѣйствія),

повѣсть и романъ стоятъ совсѣмъ на заднемъ планѣ,—ихъ мало кто пишетъ, ими мало кто интересуется. Еще у галицкихъ писателей можно встрѣтить одну-другую удачную повѣсть, одинъ-другой довольно искусно построенный романъ, въ нашихъ же въ малорусскихъ изданіяхъ современная повѣсть исчерпывается десяткомъ мало удачныхъ произведеній, такъ что неоконченный романъ Мирнаго „Повія“ можетъ считаться лучшимъ повѣствовательнымъ произведеніемъ за послѣднія 5—6 лѣтъ. Между тѣмъ правильное развитіе малорусской литературы значительно зависитъ отъ установки опредѣленныхъ литературныхъ формъ повѣствовательныхъ произведеній; между лучшими образцами творчества такого типа мы можемъ смѣло поставить послѣднюю повѣсть Левицкаго „Кайдашева симя“.

Авторъ касается любопытнаго вопроса малорусской жизни, именно глубокаго индивидуализма и стремленія къ обособленію, замѣчаемыхъ въ наклонности малорусской семьи къ дифференцированію [1]). Вотъ выросли сыновья, женились, и каждый изъ нихъ начинаетъ жить отдѣльною жизнью, имѣть для своей семьи отдѣльную хату, отдѣльный „гоpóдъ“, и пару воловъ, и коня—„буть кругомъ самостійнымъ паномъ“. И жена, взятая изъ чужой семьи, рѣшительно тянетъ на эту же сторону, стремится къ выдѣленію новой зараждающейся ячейки изъ стараго улья. Не живется молодымъ купно съ старыми, когда приходится поступиться своими личными вкусами, привычками и симпатіями ради того, что „спильне життя“ увеличило бы ихъ благосостояніе. Лучше быть бѣднымъ, чѣмъ подневольнымъ. А нѣтъ силы поставить на своемъ этому подросшему, возмужавшему или новому члену малорусской семьи, сурово, напримѣръ, давитъ его власть тестя, жестоко разъѣдаютъ его сердце попреки свекрови,—и этотъ человѣкъ готовъ бросить все и бѣжать хоть «на Кубаньскы степы». Такъ поступаетъ «съ поетичною душею, зъ ласкавымъ серцемъ» тихая Мелашка, и ея родственники боятся, какъ бы

[1]) Любопытно, что въ томъ же году, когда появилась „Кайдаш. симя“, въ одной изъ своихъ повѣстей („Двѣ пары“ Руск. М. 1887 г. № 8, 9) Эртель касается того же вопроса: въ яркой картинѣ и сильными красками онъ изображаетъ совершенно противоположныя отношенія между новыми ячейками и старымъ ульемъ въ великорусской семьѣ. Тамъ ничѣмъ не соблазнишь крестьянина Өедора отдѣлиться отъ семьи, ни женитьбой на любимой дѣвушкѣ, ни 21 десятиной, приносимыми Өедору въ даръ помѣщикомъ въ случаѣ его женитьбы. Но Өедоръ твердо памятуетъ, что онъ составляетъ необходимое колесо въ сложной семейной машинѣ, безъ котораго она должна остановиться.

она не рѣшилась на все, лишь бы спасти свои личныя опредѣлившіяся уже симпатіи и привычки. Индивидуализмъ малорусса имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны; что въ немъ хорошо, что дурно—это вопросъ особый; мы только указываемъ на то, что Левицкій искусно затрогиваетъ его въ исторіи злосчастной Кайдашевой семьи, благодаря чему повѣсть Левицкаго пріобрѣтаетъ значеніе соціологическаго очерка по вопросу о современномъ положеніи семейныхъ отношеній у малоруссовъ, и притомъ очерка, вѣрно рисующаго малорусскую сельскую обстановку и крестьянское житье-бытье.

Не касаясь отдѣльныхъ художественныхъ достоинствъ повѣсти, мы отмѣтимъ прекрасную постройку и развитіе темы, хотя они не вездѣ одинаково удаются автору, затѣмъ на разговоры по поводу «сучого» горба, который при самомъ въѣздѣ въ село мѣшалъ проѣзду и «потрощывъ» крестьянамъ «не одного воза»; но этого горба никто не хотѣлъ раскопать въ одиночку, хотя «той каторжный горбъ сыдивъ каждому въ печинкахъ», и его легко можно было бы снести нѣсколькими ударами заступа.—«Почему же *я* долженъ раскопать», думалъ каждый, «вѣдь горбъ—помѣха *всѣмъ*»... И только послѣ приказа изъ волости равнять дороги былъ раскопанъ «капостный» горбъ, когда всѣ крестьяне обязаны были выйти на работу по разчисткѣ проѣзжей дороги. Обращу также вниманіе на замѣчательную по рельефности и поражающей детальности психологическую картину бѣлой горячки распившагося Кайдаша и его смерти (ст. 151—164). Лучшія мѣста повѣсти Левицкаго безспорно тѣ, гдѣ авторъ изображаетъ женскія «суперечки». Здѣсь онъ является мастеромъ, равнаго которому мы не знаемъ въ малорусской литературѣ. Сцены между Мотрею, Кайдашыхою и Мелашкою полны такого живаго юмора, такъ художественно хороши, что въ нихъ чувствуется большой талантъ. Тутъ же выступаютъ и неподражаемыя Параска и Палажка.

Этнографическія черты (ст. 24, 158 и др) введены авторомъ очень искусно, въ противность манерѣ многихъ малорусскихъ беллетристовъ, которые вмѣсто живыхъ художественныхъ изображеній народной жизни даютъ неудачно скомпонованныя quasi—этнографическія картинки. За то авторъ страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью образовъ и неумѣніемъ описывать внѣшнюю сторону интересующаго предмета. Рѣчь становится иногда искусственной (напр. стр. 70: «на его шырокому блидому лоби, на его спущеныхъ викахъ литала, глыбока, важка туга, литавъ соромъ, перемишаный съ жалемъ» и др). Авторъ часто прибѣгаетъ къ заимствованію сравненій и прямо

фразъ изъ малорусской народной поэзіи. Иногда такая рѣчь выливается удачно, но есть не мало мѣстъ вставленныхъ механически, какъ бы пришитыхъ и дѣланныхъ (напр. стр. 114), и рѣчь постоянно пестрится выраженіями въ родѣ «якъ, якъ... наче, наче... нибы, неначе» и др. Наконецъ пѣсенный размѣръ вводится въ разговоры дѣйствующихъ лицъ, гдѣ является совершенно неумѣстнымъ, такъ что простой селянинъ Лавринъ (типъ наиболѣе слабо очерченый авторомъ) объявляетъ матери о томъ, что нашелъ себѣ невѣсту, въ такихъ словахъ: «Тамъ побачывъ я дивчыну! Брови черны, очы кари, любо подывытысь; лычко, якъ калына, а якъ гляне, засміется, въ мене серце вьяне...» «якъ зъ нею не оженюся, то въ Роси утоплюсь»; и такихъ рѣчей много въ повѣсти. Кромѣ того избытокъ и однообразіе въ описаніяхъ природы вносятъ въ произведеніе нѣсколько приторный сентиментализмъ, для читателя изъ народа совершенно непонятный и ненужный. Народъ и говоритъ, и любитъ, и мыслитъ реальнѣе, чѣмъ эти и подобные герои нашихъ беллетристовъ.

И. Ж.

Адресъ-Календарь кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адрессами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. кіев. губ. стат. комитета. Кіевъ. Тип. губ. правл. 1888.

Нельзя не пожалѣть, что кіевскій губернскій статистическій комитетъ въ новомъ на 1888 годъ адрессъ-календарѣ, въ которомъ повидимому тщательно собраны свѣдѣнія и адресы объ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ г. Кіевѣ, уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ кіевской губерніи, обошелъ молчаніемъ учрежденія Краснаго Креста, благотворительныя общества, дневные и ночлежные пріюты, дома для бѣдныхъ, университетскія клиники и др. вспомогательныя учрежденія при университетѣ, ученыя общества, редакціи существующихъ въ Кіевѣ офиціальныхъ и неофиціальныхъ періодическихъ изданій, частныхъ лѣчебницъ, безплатныхъ консультацій врачей, постоянныя выставки картинъ и многое другое.

Документы, извѣстія и замѣтки.

ПРОЦЕССЫ ПО ДѢЛАМЪ ОБЪ АЗАРТНОЙ ИГРѢ.

Иногда въ документахъ и лѣтописныхъ извѣстіяхъ намъ встрѣчались указанія на существованіе азартной игры въ средѣ козаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Для игры употреблялись кости и карты. Въ большинствѣ случаевъ игра имѣла значеніе развлеченія, не связаннаго съ особенными корыстолюбивыми разсчетами; такова, напримѣръ, была игра, описанная въ лѣтописи Величка подъ 1675 годомъ. Здѣсь, въ разсказѣ о нападеніи янычаръ на Сичъ, лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую подробность: когда янычары успѣли уже занять Сичъ и наполнили всѣ ея улицы, они были замѣчены «шевчикомъ», который проснулся въ одномъ изъ куреней и выглянулъ въ окно. Увидѣвши враговъ у стѣнъ куреня, шевчикъ «ознаймилъ о томъ молчкомъ пятомъ, чили шестомъ товариству картникамъ, въ томъ-же куренѣ еще не спавшимъ, но въ одномъ куплѣ, закрывшись, тихо въ карты игравшимъ; которіе тое услышавши и карты покинувши», разбудили остальныхъ товарищей. Организована была быстро защита, кончившаяся пораженіемъ и почти совершеннымъ истребленіемъ янычаръ [1]). Очевидно куренные братчики, пользуясь праздничнымъ временемъ (дѣло было на рождественскихъ праздникахъ), забавлялись карточною игрою и вели ее далеко за полночь въ совершенной тишинѣ, чтобы не мѣшать сну нѣсколькихъ сотъ товарищей, спавшихъ въ томъ-же куренѣ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ игра имѣла далеко не столь безкорыстный характеръ; встрѣчались люди, которые пользовались слабымъ характеромъ или нетрезвымъ состояніемъ обывателей, вовлекали ихъ въ азартную игру и обыгрывали до полнаго разоренія ихъ.

---

[1]) Лѣтопись Самуила Величка, томъ II, стр. 360.

Въ такихъ случаяхъ потерпѣвшіе пытались отстоять хотя часть проиграннаго добра и вслѣдствіе ихъ усилій возникало судебное разбирательство дѣла. Мы видимъ, что въ такихъ случаяхъ судебныя власти, руководясь взглядомъ общества на значеніе азартной игры, становятся на сторону потерпѣвшаго и даютъ дѣлу оборотъ невыгодный для шулеровъ. Вотъ передъ нами два акта подобнаго рода.

Первый документъ заимствованъ изъ «мѣстскихъ» книгъ сотеннаго города Насташки.

Насташка, нынѣ многолюдное село васильковскаго уѣзда, лежащее къ югу отъ Бѣлой Церкви, было основано въ 1577 году бѣлоцерковскимъ подстаростою кн. Димитріемъ Булыгою-Курцевичемъ; оно принадлежало къ Бѣлоцерковскому староству, а потомъ, когда при Хмельницкомъ староство преобразовалось въ Бѣлоцерковскій козацкій полкъ, Насташка стала сотеннымъ городомъ этого полка. По свидѣтельству описи, составленной воеводами, приводившими козацкіе полки къ присягѣ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу въ 1654 г., городъ былъ укрѣпленъ палисадомъ и башнями: «Около посаду стоячій острогъ, а по острогу 2 башни проѣзжихъ съ вороты, да башня глухая». Въ городѣ находилась соборная церковь Успенія Пресв. Богородицы и числилось 273 домохозяевъ; изъ нихъ 140 принадлежало къ мѣщанскому сословію, 122 къ козацкому и 11 къ шляхетскому [1]). Присутствіе послѣдняго сословія составляетъ оригинальную особенность Насташки. «Настаская шляхта», какъ ее называютъ гетманскіе универсалы, была чисто мѣстнаго и весьма недавняго происхожденія. Лѣтъ за 10 до возстанія Хмельницкаго король Владиславъ IV призналъ дворянскія права за старостинскими боярами бѣлоцерковскаго замка, жившимъ въ Насташкѣ. Когда вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло народное возстаніе, шляхта Настаская, не смотря на данныя ей сословныя права, примкнула къ народному дѣлу и осталась на мѣстѣ. Гетманы отнеслись къ ней съ сочувствіемъ и старались всячески гарантировать ея безопасность. Такъ въ 1654 году Богданъ Хмельницкій универсаломъ отъ 15 января увѣдомилъ бѣлоцерковскаго полковника о томъ, что онъ увольнилъ Настаскую шляхту отъ военнаго постоя. Въ 1667 (Мая 11) ту же льготу возобновилъ универсалъ Петра Дорошенка въ благодарность за то, что «панове шляхта Настаская ни въ чомъ стародавной пріязни своей противъ

---

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, т. X стр. 791.

насъ, войска Запорожскаго, не нарушила»[1]),—выраженіе это не было простою формулою любезности, но признаніемъ дѣйствительной заслуги: за нѣсколько дней до изданія универсала Дорошенко отправилъ было Корсунскій козацкій полкъ противъ Бѣлой Церкви, въ крѣпости которой засѣлъ польскій гарнизонъ; комендантъ крѣпости Стахурскій сдѣлалъ удачную вылазку и разсѣялъ корсунцевъ, которые спаслись отъ окончательнаго разгрома бѣгствомъ въ Настапку, жители которой оказали имъ поддержку и защиту[2]). Пользуясь укрѣпленіями Насташки и расположеніемъ ея жителей, Дорошенко рѣшился сдѣлать ее базисомъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій противъ Бѣлой Церкви и помѣстилъ въ городѣ пѣхотный полкъ сердюковъ въ качествѣ постояннаго гарнизона. Сотни этого полка жили въ Насташкѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; они-то и подали поводъ къ возникновенію дѣла объ азартной игрѣ.

Въ январѣ 1672 года въ трактиръ, находившійся въ домѣ Ивана Поповича, вошелъ въ нетрезвомъ состояніи одинъ изъ Настаскихъ шляхтичей, Василій Троцкій[3]); онъ сѣлъ у стола и потребовалъ водки; вслѣдъ за нимъ въ трактиръ пришло нѣсколько человѣкъ сердюковъ; видя, что Троцкій сильно пьянъ, они подсѣли къ нему, начали разговоръ и предложили поиграть въ кости. Троцкій, объяснявшій потомъ, что онъ «не знаетъ и не вѣдаетъ, шчо то есть кости альбо карты», подъ вліяніемъ винныхъ паровъ сталъ играть, горячиться и не обращалъ вниманія на возроставшія постоянно ставки; оказалось, что онъ проигралъ одному изъ сердюковъ Иліяшу, весьма крупную сумму—1,000 злотыхъ. Вѣроятно игра продолжалась бы дальше, и цифра выросла бы до еще болѣе значительныхъ размѣровъ, еслибы не явилась помѣха въ лицѣ жены Троцкаго; вѣроятно предупрежденная хозяевами заведенія или сосѣдями, она явилась въ трактиръ и стала уводить мужа домой; правда, сердюки прибили ее, съ досады, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшая игра была разстроена. Троцкій, выспавшись послѣ кутежа, не только не думалъ объ отдачѣ проиграннаго, но совершенно не помнилъ о томъ, что подвизался на полѣ игры. Онъ

---

[1]) Оба гетманскіе универсала сохранились въ копіяхъ изъ „мѣстскихъ“ книгъ г. Насташки (Рукоп.).

[2]) См. письмо Стахурскаго—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. VI, стр. 212.

[3]) Въ выше упомянутой воеводской описи 1654 г. въ числѣ другихъ Настаскихъ шляхтичей названъ „Василей Алексѣевъ сынъ Троицкій“—очевидно то же лицо, которое фигурируетъ въ данномъ процессѣ.—Акты Южн. и Западн. Россіи, т. X, стр. 791.

былъ крайне удивленъ, когда городовой атаманъ потребовалъ его въ мѣстскій судъ и предложилъ дать объясненіе по поводу иска, предъявленнаго противъ него Иліяшомъ, требоаавшимъ уплаты проигранной суммы. Онъ сталъ отрицать свое участье въ игрѣ и сослался на свидѣтелей. Къ его счастью, всѣ свидѣтели, какъ вызванные имъ, такъ и указанные его противникомъ единогласно показали въ его пользу. Они утверждали, что онъ былъ пьянъ, и что сердюки насильно заставляли его играть въ кости, но что игра даже не состоялась. Руководясь этими показаніями, атаманъ и судьи освободили его отъ уплаты и, взыскавъ съ него „памятне", т. е. небольшую судебную пошлину, отпустили съ миромъ. Впрочемъ Иліяшъ не сразу отказался отъ надежды на незаконный барышъ, онъ перенесъ было по апелляціи въ полковой судъ; но послѣдній отнесся также не сочувственно къ его претензіи, дѣло оставлено было долго безъ движенія, и только лѣтъ 6 спустя по взаимному соглашенію полковники: Бѣлоцерковскій и Сердюцкій нашли справедливымъ рѣшеніе мѣсткаго Настаскаго суда и вполнѣ его одобрили.

Другой документъ заимствованъ изъ дѣлъ Остерскаго магистратскаго и сотеннаго суда [1]).

Въ городѣ Острѣ въ началѣ прошлаго столѣтія проживалъ мѣстный обыватель Иванъ Друцкій, человѣкъ зажиточный, но легкомысленный; Друцкій любилъ посѣщать общество и часто лишнее выпивалъ въ веселой компаніи; эту слабость его замѣтилъ его сосѣдъ Лапѣка и рѣшился ею воспользоваться съ корыстною цѣлью; онъ сталъ исправно посѣщать тѣ компаніи, куда ходилъ веселиться Друцкій, и когда замѣчалъ, что послѣдній достаточно выпилъ, предлагалъ ему карточную игру. Друцкій, не смотря на постоянные проигрыши, не могъ удержаться отъ искушенія и въ нѣсколько пріемовъ проигралъ все свое состояніе: сначала игра шла на готовыя деньги, потомъ на вещи: котлы, хлѣбъ, одежда жены и дѣтей, наконецъ домъ въ Острѣ—все это было проиграно жадному сосѣду. Друцкій задумался надъ своимъ положеніемъ только тогда, когда очутился нищимъ; удрученный горемъ и стыдомъ онъ сдѣлалъ рѣшительный

---

[1]) Документъ этотъ находится при Румянцевскомъ описаніи Малороссіи (Остерская сотня, село Еськова гребля); онъ былъ найденъ при разсмотрѣніи этого матеріала проф. И. В. Лучицкимъ, который намъ обязательно сообщилъ его копію.

шагъ: отправился въ Межигорскій монастырь, упалъ къ ногамъ архимандрита Иродіона Жураховскаго, просилъ постричь его въ монахи и принять какъ вкладъ въ монастырь проигранный имъ домъ, если монастырю удастся вырвать эту добычу изъ рукъ хищнаго шулера. Архимандритъ внялъ его просьбѣ и обратился съ ходатайствомъ о заступничествѣ къ Кіевскому полковнику Антонію Танскому; послѣдній поручилъ Остерскому смѣшанному сотенному и магистратскому суду [1]) разсмотрѣть дѣло о карточной игрѣ Лапѣки. Судъ, собравъ свѣдѣнія по данному дѣлу, постановилъ слѣдующее рѣшеніе: готовыя деньги 105 злотыхъ и хлѣбъ 6½ осмочокъ жита признать собственностью Лапѣки, приказать возвратить ему одежду, забранную въ коморѣ Друцкаго, принадлежавшую женѣ и дѣтямъ послѣдняго; отнять у Лапѣки выигранный въ карты домъ и передать въ собственность Межигорскому монастырю; обязать Лапѣку никогда не предъявлять претензій на домъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 талеровъ въ пользу сотеннаго и магистратскаго судовъ.

Оба указанные документа, изобилующіе бытовыми подробностями, мы приводимъ въ подлинномъ ихъ текстѣ, сохраняя правописаніе подлинниковъ.

В. А.

1.

Року Божого 1672, мисяца Януарыя 31 дня.

Предомною Лескомъ Савченкомъ, атаманомъ Настаскимъ на тотъ часъ будучимъ и при бытности людей зацныхъ, товариства нашего, козаковъ войска Запорозкаго, при пану Андрушкови Рудыцы, Василимъ Билецкомъ, Іосифомъ Демскимъ, Василю Троненку и при бытностности паномъ Конономъ, сотныкомъ пихотнымъ наказнымъ и товарыства не мало при немъ будучыхъ и виры годныхъ, такъ козаковъ, яко и посполитыхъ людей. Ставши предъ судъ нашъ Илляшъ козакъ пѣхотной сотни, на стаціи у насъ зостаючихъ, въ Настасцы, ускоржале намъ на пана Васылыя Троцкаго въ томъ способи: „нжемъ выигралъ у Троцкаго въ косты тысяча золотыхъ и не хочетъ мені заплатыть и моего, щомъ у него выгралъ, отдаты“. Предто, чуючы мы жалобу менованную Илляша, казалысмо пана Троцкого предъ себе призваты, абы ведлугъ пропозыціи Илляшевой отводъ слушный Троцкій изъ себе тоей справы далъ. Который, ставши предъ урядомъ на-

[1]) Изъ этого обстоятельства можно заключить, что Друцкій и Лапѣка принадлежали: одинъ къ козацкому, другой къ мѣщанскому сословію.

шымъ, такъ мовытъ: „Панове! ижъ я о тотъ не знаю и не видаю, що то есть косты альбо карты, толко то напрасною на мене идутъ и непотребныѣ ричы на мене волокуть; здаюся на люды зацныи, которыи тамъ при мни були и видилы все, що зо мною дѣялось". Теды казалысмо и свидковъ тыхъ ставыты, на которыхъ стороны обыдви здавалыся, а меновите: на Ивана Поповыча, господара того дому, гдеся тое діало; другій Сымонъ, треты Леско Самчинскій, которыѣ, ставши предъ судомъ нашымъ, прызналы подъ сумленѣмъ, яко зацные люде, виры годные и ни въ чомъ не подейзроныѣ, всѣ тры, якъ ѣдынъ, слово вслово мовылы, будучи сумленіемъ обовязаныи: „Панове! Мы для себе душу ховаѣмъ, але по правди признаѣмъ, же то не есть правда, жебы милъ Васко Троцкій з ными въ костыры играты; альбо що становыты, але и пары з устъ своихъ до нихъ не выпустылъ; тылько Троцкій, пришедшы, горылки соби даты казалъ и козаки седячи тамже, въ той господи, горилку пыли, а бачилы, що Троцкій пяный, сталы его гвалтомъ тягты, не гралы, тылько пылы горылку; теды, выдячи Троцкого жона, же его прымушаютъ играты, взявшы мужа своего до господы хотила одвесты; теда оны и жону Троцкого за то былы тыранско и стермосовалы, якъ сами хотилы". Що тыжъ чуючи поводъ свидоцтво тыхъ людей, же на Троцкого ничого не прызналы, а много межъ собою контровертуючися, здалыся на другихъ свидковъ, а меновите: на господыню тую и на дивку тойже господыни, до которыхъ мы съ ураду выслалы людей добрыхъ и виры годныхъ: першого Грицка Хиченка, другого Андрушка Илляшенка, абы въ свидоцтво тыхъ особъ, на когося обидви стороны здавалы почувши одъ нихъ, намъ, уряду ознаймылы; теды и тые свидки: господыня дому того, гдеся тое діяло, а мыновите: Олена жена Поповичова и Пазка Поповна тоѣжъ прызналы, що и першые свидки, що Троцкій и замыслу не мивъ въ косты играты изъ ными и въ бесиду засидаты, тылько гвалтомъ его до того хотилы прымусыты. Предто, чуючи мы, урядъ, свидоцтво оныхъ людей зацныхъ, же Троцкій до того не есть виннымъ, как залысмо памятнымъ заложыты. Который, заложивши памятнымъ, просилъ насъ, абы тая справа была записанная. Шо есть и записано и до кныгъ нашыхъ мыскыхъ Настаскихъ прынято. Діялося въ Настасци року и дня вышъ описанного.

Леско Савченко, атаманъ городовый Настаскій съ товариствомъ.

Устне прошоный отъ пана Троцкого Васылия, а за позволеныѣмъ старшинъ своихъ подписуюся Іоанъ Грегоровычъ, пысарь Настаскій.

Року 1678, февраля 1 дня.

Мы, нижей подписаны, выдячи правдивую свою атестацію, а невинного Василя Троцкаго одъ Илляша, козака полку пѣхотного, чынымъ вольнымъ. Пры потверзденю сей аттестаціи руки нашы при печатяхъ подписуемъ. Въ Ставыщахъ.

Стецко Бутенко, полковникъ войска городового Билоцерковскій. Иванъ Каневецъ, полковникъ войска пихотнаго Билоцерковскій.

2.

Року тисяча сѣмъ сотъ пятогонадцят, марта осногонадцят дня.

По злецѣню Его Милости, Пана Антония Танского, полковника войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ Киевского, высоце въ Богу превелебнѣйшій Его милостъ Господинъ отецъ Радионъ Жураховскій, архимандритъ свято Преображенскій Киевскій, вслебнимъ в Богу его милостю господиномъ отцемъ Макариемъ, намѣстникомъ тоея ж де святия обытели, въ лѣтералномъ извѣстительномъ прошенномъ писаніи презентуючи тое, что Іванъ Друцкій, бившій жител нашъ Острицкій и козакъ, уже при старости лѣтъ своихъ слученне мѣл себѣ таковое: въ единомъ дому будучи на подпитку, гдѣ живалъ, Лапѣка тамже был, и подсѣвши под оного Друцкого зъневолилъ его словами своими ухищреннимы в карти играти; в которого выигралъ зол. сто и пят зол.; другимъ разомъ, такожъ ухищреннемъ своимъ, повѣл оного, також пяного, до игры и виигралъ Лапѣка повторне у Друцкого казановъ два винничних и казановъ малих два и двур стоячій, у старомъ мѣстѣ острѣ отъ помѣжника Лаврана Евжика лежачій, з коморою рубленою (в которой и жита пол осмы осмачки): потомъ Иванъ Друцкій, прибувши въ монастырь свято межигорскій, палъ на ногахъ отца архимандрита, совѣст свою откривши, просил о габѣтъ святій, и тотъ дворъ на обител святую леговал, что и одержалъ, просил о декретъ того двора зъ притиснениемъ печати і подписомъ рукъ видаты.

Мы, старшина острицкая, Сергій Солонина, сотникъ острицкій, Юрій Харсѣка, атаманъ городовій тамошвій, Павел Боровик, войтъ острицкій, зъ майстратовими, Тимофѣй Губка, Иванъ Опушній, товариство сотнѣ острицкой роспросъ чинилисмо, и совершенно усмотрѣвши нилушную сию (якъ то ухищренно Друцкого пяного) игру, тотъ дворъ, им же, Друцкимъ, на обытел святую межигорскую легованный при оном же, совсѣмъ якъ належитъ, ограниченнемъ и мѣст-

цемъ и будинкомъ, казанами двома винничнимы и другими двома маленкими казанками, заховуемъ. А ему, Лапѣцѣ, присудилисмо вишреченние виигранние зол. сто и пять зол. и жита пол семи осмачки в контентъ ему взяти и позволяемъ, фанти теж былоgловские, им же Лапѣкою в коморѣ дѣтей Друцкого забранние, велѣлисмо им же привернути. А его, Лапѣку, самого, жону, дѣтей, кревнихъ, близкихъ и далекихъ оттого двора весма отлучивши, обварованне чинимъ, если бы теперъ Лапѣка і на потомъ з своимъ близкимъ и далекимъ потомствомъ в томъ спокойномъ владѣти того двора и обители свято межигорской важился якое те межене чинити, таковій неомилне вини на урядъ полковництва Киевского тал. сто, а на урядъ нашъ войсковой і мѣскій острицкій тал. пятдесятъ заплатит, з нагорожениемъ идучихъ шкодъ оправданной сторонѣ. На що, во лутшое достовѣрство и защищение, сее наше декретовалное писание велѣлисмо в книги наши козацкие и мѣские приняти, а екстрактъ из оних, слово вслово виписавши, потребуючой сторонѣ, обители святой межигорской Киевской, при подписѣ рукъ нашихъ и притиснениемъ печати ствердивши, велѣлисмо видати.

Сергій Солонина, сотникъ остерскій, Юрій Харсѣка, атаманъ городовій тамошній, Павелъ Боровик, вуйтъ острицкій з майстратомъ.

Корикговалъ с книгами Данило Садзѣнскій, писарь острицкій. (Приложены 3 печати).

ИЛЛЮСТРАЦІИ ШЕВЧЕНКА.

При мысли о недолгой, тяжкой жизни украинскаго поэта, въ умѣ встаетъ удивительный лермонтовскій образъ затворника-юноши, бѣжавшаго изъ стѣнъ монастыря на желанную волю. Свободной, полной жизнью молодой Мцыри поэтъ жилъ только три дня. Но что прежніе годы въ сравненіи съ тѣми незабвенными днями! Есть періодъ въ жизни малорусскаго поэта,—годы полнаго расцвѣта творчества и жизненныхъ силъ,—безъ которыхъ остальная судьба его была бы только мрачнымъ прозябаніемъ. Такихъ лѣтъ всего девять, отъ выкупа на волю до ссылки (1838—47).

Въ нашихъ рукахъ свидѣтельство самого поэта о той благодатной порѣ. Въ повѣсти „Художникъ" мы видимъ его, впервые переживающаго счастье независимой жизни. Восторжествовавшее надъ произволомъ достоинство человѣка, первое упоеніе свободой, мечты

объ искусствѣ—все отозвалось въ этихъ писанныхъ въ ссылкѣ воскреснувшихъ, свѣтлыхъ воспоминаніяхъ.

Эти повѣствовательныя замѣтки не даютъ намъ всего духовнаго міра поэта въ ту эпоху. Рисуя его житейскія отношенія, онѣ касаются только одной стороны его внутренней жизни, стороны, развитіе которой онъ связалъ съ своей судьбой. Предъ нами петербургскій академистъ—живописецъ, ученикъ Брюлова. Болѣе индивидуальная и великая сила души его, уже въ тѣ начальные годы вырывавшаяся могучими звуками, а потомъ нашедшая голосъ избранника—умышленно затушована, скрыта. О силѣ его слова и объ истинномъ подъемѣ его духа свидѣтельствуютъ украинскія его произведенія. Въ „Художникѣ“ надо искать только общаго настроенія и внѣшнихъ фактовъ его жизни. Но для узнанія Шевченка-живописца повѣсть даетъ много цѣнныхъ указаній.

Оторванный отъ близкаго ему общества, лишенный вѣрной и справедливой оцѣнки, онъ не весь еще отдается во власть тѣхъ звуковъ, которые диктуетъ ему тоскующая душа. Онъ еще думаетъ о долѣ *художника* и добросовѣстно проходитъ ту выучку, безъ которой нельзя достигнуть ничего въ живописномъ искусствѣ. Самъ „Карлъ Великій“, поддерживаетъ и ободряетъ его. Онъ старательно рисуетъ „программы“, ведущія къ академическимъ степенямъ. Для заработка онъ пишетъ картинки на продажу и преимущественно портреты.

Въ будущей полной біографіи поэта необходимо будетъ сказать, что дали въ результатѣ его занятія живописью, и опредѣлить его, какъ живописца. Сколько нибудь основательнаго мнѣнія на этотъ счетъ до сихъ поръ не существуетъ. Происходитъ это, во-первыхъ, отъ чрезвычайной разбросанности въ настоящее время рисунковъ Шевченка и отъ того еще, что въ работахъ своихъ онъ былъ очень неровенъ. Увлекаемый и увлеченный окончательно другимъ, болѣе истиннымъ и сильнымъ призваніемъ, онъ не нашелъ своего настоящаго рода въ живописи и потому разбрасывался.

Наиболѣе сродной ему областью повидимому надо считать портретъ и типъ. Значительнаго совершенства достигъ онъ также въ благородномъ искусствѣ офорта.

Отъ него остались работы ученической поры, композиціи, портреты, писанные по заказу, дорожные альбомы и этюды съ натуры и серіи рисунковъ, присылавшихся друзьямъ изъ ссылки для продажи. Единственный выпускъ „Живописной Украины“ является значительной, отвѣтственной работой первой эпохи. Болѣе извѣстны

труды послѣднихъ лѣтъ, когда онъ исключительно занялся офортомъ. Лучшія его черты, какъ живописца, выразились въ вещахъ, писанныхъ съ любовью и отъ души. Таковы нѣкоторые портреты, напр., портретъ Кулиша въ молодости, недавно пріобрѣтенный въ собственную коллекцію В. В. Тарновскимъ, портретъ Ольриджа и друг. Интересъ представляютъ также его наброски малороссійскихъ мѣстностей и типовъ.

Изученіе всего этого возможно было бы впрочемъ только въ томъ случаѣ, еслибы устроилась когда-нибудь совмѣстная выставка картинъ Шевченка. Но пока не приведена еще въ извѣстность самая наличность ихъ, о живописи Шевченка говорятъ всегда гадательно. Пусть бы появлялись хотя простыя сообщенія о рисункахъ его и холстахъ. Нашлась бы возможность составить хоть перечень всего этого и опредѣлить мѣсто нахожденія. Есть, напримѣръ, двѣ книги съ иллюстраціями Шевченка. Навѣрное немногіе знаютъ о нихъ, хотя обѣ онѣ сороковыхъ годовъ и изрѣдка попадаются еще въ продажѣ.

Литературный сборникъ *Наши, списанные съ натуры русскими*, составленъ изъ статей Башуцкаго, Львова, Основьяненка и Даля. Для своего времени (1841 г) онъ изданъ необыкновенно изящно. Это одинъ изъ первыхъ опытовъ изданія произведеній бытоваго характера съ оригинальными иллюстраціями. На ряду съ именами даровитаго Тима и Клодта въ числѣ иллюстраторовъ стоитъ имя Шевченка, давшаго большой рисунокъ къ очерку земляка своего Квитки, „Знахарь".

Харьковскій разсказчикъ, съ обычнымъ своимъ добродушнымъ юморомъ, набрасываетъ обликъ смѣтливаго человѣка изъ крестьянства, построившаго свое вліяніе и благополучіе на суевѣрномъ невѣжествѣ и патріархальной довѣрчивости селянъ. Значительнымъ и солиднымъ, почти увѣровавшимъ въ свое могущество и знаніе, видимъ его и на рисункѣ Шевченка. Онъ идетъ по улицѣ, сосредоточенно опустивъ голову, распахнувъ свиту и опираясь на палку. Дивчына въ окно хаты съ любопытствомъ заглядываетъ на знахаря, изъ за угла смотрятъ еще почитатели его, селяне.

Типъ очевидно зачерченъ съ натуры. За это говоритъ производимое имъ впечатлѣніе реальности. Костюмъ, чоботы, шапка—все на манеръ тѣхъ, какіе носятъ въ кіевской губерніи. Оригинальный рисунокъ этого типа находится опять таки въ интересной коллекціи г. Тарновскаго.

Въ видѣ случайнаго поденщика попалъ конечно карандашъ Шевченка въ книгу Полевого: „Исторія князя Италійскаго, графа Суворова—Рымникскаго" (Спб. 1843. Второе изданіе 1857). Здѣсь много маленькихъ, очень плохихъ его рисунковъ. Вся книга иллюстрирована имъ совмѣстно съ художниками Коцебу и Дерикеромъ. На рисункахъ его стоятъ или иниціалы Т. Ш., или полная подпись. Небрежность работы изобличаетъ, какъ мало внутренней связи между иллюстраторомъ и героемъ книги. Опыты выносливости русскаго простолюдина, производившіеся рымникскимъ героемъ, не могли зажечь вдохновенія у поэта крестьянства. Одна маленькая виньетка, къ разсказу о путешествіи Екатерины II въ Крымъ по Днѣпру, набросана Шевченкомъ. Съ царской галеры, остановившейся подъ Каневомъ, видны зданія и церковка южнорусскаго типа. Это уголокъ того днѣпровскаго берега, близь котораго въ настоящее время высится могила иллюстратора-поэта.

В. Г—ко.

МАЛОРУССКІЯ ПРИЧИТАНІЯ НАДЪ УМЕРШИМИ

Плачъ надъ умершимъ, соединенный съ особыми причитаніями, вылившимися въ формѣ народнаго стиха, имѣетъ у русскаго крестьянства обрядовое значеніе. При этомъ въ Великороссіи въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, этотъ плачъ пріобрѣлъ настолько обязательную силу, что къ покойнику приглашается особая плачея, которая идетъ за нимъ и вóпитъ свои причитанія. По своему характеру плачи представляютъ чисто лирическія изліянія, съ очень трогательными обращеніями къ покойнику, который представляется какъ бы живымъ, присутсвующимъ между окружающими его родными, съ прекрасными картинами, исполненными какой-то мрачной поэзіи.

Вотъ обычное причитаніе сокрушенныхъ горемъ родныхъ въ Великороссіи:

„Родимый ты, мой батюшка!
На что ты меня, горькую, оставилъ,
Горькою оставилъ, сиротою несчастною?
На кого ты покинулъ сиротъ несчастныхъ?"

(Шейн. Русск. народн. п, 566, 9. Срвн. тамъ же 564, 567 и др).

Въ Малороссіи существуетъ подобный же обычай плача надъ покойникомъ, который называется „*голосиннямъ*". Въ *голосиннях* ма-

лорусскихъ выражается жалоба жены, что мужъ покинулъ ее безпомощною, а дѣтокъ оставилъ беззащитными:

„Чоловіче муий, хозяину мылый!
Чоловіче муий, господару мылый!
Кому-жъ ты свое хозяйство вручывъ?
Кому-жъ ты своихъ диточокъ покинувъ?
Хтожъ ихъ до ума лоrодытеме?
Нащожъ-ты мене сыротою покинувъ?"
(Труды этногр.-статистич. экспед. IV, 704).

Положеніе жены представляется настолько тягостнымъ, что она готова пойти за мужемъ въ землю:

„Ой прыймы жъ мене до себе
У сырую землю!" (Ibid.).

Этотъ стихъ даетъ понять тѣ психологическія побужденія, по которымъ жена желала бы быть погребенною вмѣстѣ съ мужемъ не только въ силу языческаго славянскаго воззрѣнія на загробную жизнь, какъ на продолженіе настоящей, гдѣ потребуется жена и слуги. Это послѣднее воззрѣніе ясно проглядываетъ у Ибнъ-Фадлана, въ описаніи погребенія Русса.

(Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русск. Гаркави, 99—100).

Несчастное положеніе дѣтей-сиротъ плачъ представляетъ въ очень реальной картинѣ:

„Мои соколята!
Диточки-жъ мои мылыи,
Сыроточки безчастныи!
Доведеться вамъ горюваты,
Свое хозяйство потеряты.
Наскучыть вамъ, чужы волы пасучы,
Да чужымъ людямъ годячы.
Да чужый батько не пожалуе,
Буде васъ быты,
Буде васъ обижаты,
Будете-жъ вы воши годуваты,
Будете вы ночей не досыпаты!" (Ibid).

По символикѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, кукушка (зозуля) служитъ образомъ плачущаго, страдающаго человѣка, вотъ почему въ *голосинняхъ* такъ часты обращеннія къ *зозулѣ* и сравненія съ нею, напр.

„Чоловиче муий, зозуле моя!
Я за тебе затулюся,
Та никого не боюся!“ (Ibid).
—„На порози стояла,
Зузуленька кувала,
А я-жъ про свого братика
Въ неи пытала:
—Чы не йде вінъ у гостоньки?“ (Ibid. 703).

Сравненія съ солнцемъ, съ мѣсяцемъ употребляются и въ голосинняхъ, напр.

„Братику, мое сонечко!
Братику, мій мисяцю ясный!
Чомъ ты мене не обогриваешъ?
Чомъ ты до мене не розмовляешъ?“ (Ibid).

Въ погребальныхъ обычаяхъ малорусскихъ, соблюдаемыхъ и теперь, замѣчается та особенность, что дѣвушку погребаютъ въ брачномъ одѣяніи невѣсты, а парня въ одеждѣ жениха, причемъ пекутъ *коровай* и раздаютъ его подругамъ, а также дарятъ платки, какъ это дѣлается на свадьбахъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (купянскій уѣздъ, харьковск. губ) къ умершей дѣвушкѣ избирается женихъ изъ присутствующихъ парней, а парню избирается невѣста [2]). Вотъ почему въ *голосинняхъ* надъ дѣвушкою и парнемъ всегда съ горестью вспоминается, что не дождались они свадьбы. Мать плачетъ такъ надъ дочерью-невѣстою:

„Мое дытятко, мое мылее!
Я-жъ думала, що дождуся, весилля твого,
Ажъ-по я ховаю тебе!“ (Ibid. 702).

—

—„Яке-жъ наше весилля,
Братику, не веселее!
Де-жъ твоя пара!?“ (Ibid. 703).

Слѣдующее мѣсто представляетъ замѣчательный антитезъ, гдѣ сказано, что жениха ожидаетъ не „червона калына“, а „черна могыла“:

---

[1]) Объ этомъ читанъ былъ мною рефератъ на VII арх. съѣздѣ, въ Ярославлѣ, въ 1887 г.

[2]) Рефератъ П. Иванова,—читанъ тамъ же

„Мы будемъ братика
Пидъ руки выпровожаты!
У якую дороженьку?
Чы до чыстаго поля?
Чы до сынёго моря?
Чы до червонои калыны?[1])
Чы до чорнои могылы?“ (Ibid.).

Приведу плачи, которые записаны въ с. Молодецкомъ, кіевск. губ. уманскаго уѣзда. Они представляютъ какъ бы утвержденныя обычаемъ формулы, въ которыхъ изливаются скорбь и страданія надъ умершимъ.

1.

Плачъ надъ парнемъ.

Сыночку мій,
Пастуше мій,
Дытыно моя!
Хто-жъ мени буде
Худобы доглядаты?
Звидки я тебе
Буду выглядаты?
Якъ буде зозуленька куваты,
То я буду пытаты:
„Чы не бачыла моего сыночка?“
Людськи диты будуть виддаватысь,
А мое серденько на шматочки буде краятысь.
Просты-жъ мени, моя дытыночко,
Що я тебе не доглянула!

2.

Плачъ надъ дѣвушкой.

Дочко моя, господыне моя,
Швачко моя, порадныце моя, прядко моя!
Якои ты соби хаточки забажала?
Смутнои та не веселои!

---

¹) *Червона калына*—образъ цѣломудреннаго дѣвичества, невѣсты-дѣвушки.
Ред.

Чы тоби-жъ тутъ не було де буты?
Де я твою роботоньку знайду,
Все буду тебе спомынаты.
Якъ буде зозуленька куваты,
То я буду іи пытаты:
„Чы не бачыла донечки?"
Людськи диты будуть виддаватысь.
А мое серденько на шматки буде краятысь.
Якъ прыйдуть святки,
То людськи диты будуть гуляты та вбератысь,
А я буду слизмы облыватысь.

3.

Плачъ надъ хозяиномъ.

Хозяину мій, господарю мій,
Прыятелю мій, роскошъ моя!
Нащо ты покынувъ мене зъ диточкамы!
Хто-жъ мени буде пріяты такъ, якъ ты?
Хто-жъ буде диточокъ доглядаты якъ ты?
За тобою я не знала горя:
У мене все було готове: и посіяне, и погоране,
А теперъ куды не повернусь,
Все тебе згадаю.
Чомъ ты мене не роспорадывъ, не порадывъ,
Що буду я робыты?
Звидки я тебе буду выглядаты:
Чы зъ горы, чы зъ долыны,
Чы зъ высокои могылы?

За хозяйкой плачутъ мужья тихо и не причитаютъ, а дѣти плачутъ такъ:

Мамко моя,
На що вы насъ покинулы такихъ сыритъ!
Теперь всякъ насъ наругается и набьется.
Нащо вы покинулы насъ!
Хто-жъ насъ до путя доведе?

Приведенные плачи характеризуются тѣми же мотивами, что и разобранные мною; въ нихъ выражается скорбь, что покойникъ

покинулъ семью, а о женихѣ и невѣстѣ, съ которыми погибло столько несбывшихся надеждъ, мать вправѣ сказать: *„чужы диты будуть виддаватысь, а мое на шматочки краятысь“*.

Хр. Ящуржинскій.

ПИСЬМО А. М. МИЛОРАДОВИЧА КЪ Н. М. СТОРОЖЕНКУ.

Въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ нашлось въ современной ему копіи письмо одного изъ героевъ отечественной войны, генерала Михаила Андреевича Милорадовича, къ мужу родной сестры его, Маріи Андреевны, Николаю Михайловичу Стороженку. Помимо двойныхъ родственныхъ отношеній Милорадовичъ связанъ былъ съ Стороженкомъ нѣжною дружбою къ упомянутой выше единственной сестрѣ своей, оставшейся вдовою въ 1815 г.

Сообщаемое нами письмо написано съ поля ежедневныхъ битвъ приблизительно въ октябрѣ 1812 г., вскорѣ послѣ того, какъ занята была знаменитая Тарутинская позиція, служившая для князя Кутузова предѣломъ предположеннаго отступленія. Въ „Дѣяніяхъ графа Михаила Андреевича Милорадовича“ (С.-П. 1816) стр. 33—37 напечатанъ разговоръ между нашимъ героемъ и неаполитанскимъ королемъ Мюратомъ, во многихъ пунктахъ разнящійся отъ прилагаемаго ниже.

Въ языкѣ „письма“ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые слѣды родной рѣчи героя; что касается орѳографіи подлинника, то нельзя рѣшить, насколько она выдержана въ копіи.

Милостивый Государь, Николай Михайловичъ!

Послѣ послѣдняго письма моего къ вамъ бивъ чрезъ мѣрно занятъ въ авангардѣ сражаясь всякой день, неимѣлъ я возможности писать къ вамъ. Между всѣми дѣлами имѣлъ я три сраженія, съ большимъ успѣхомъ, и несмотря на наши отступленія въ одномъ дѣлѣ сѣмъ полковъ лучшихъ кавалерійскихъ били истреблени, всякой день берутся плѣніе даже въ день по 700 человѣкъ, все сіе обстоятельно вы узнаете изъ журналовъ военныхъ, которые будутъ опубликовани; армія наша съ 20 числа заняла позицію за рѣкою Нарою, авангардтъ мой имѣвъ повелѣніе удержать непріятеля въ 6 верстахъ въ переды сей позиціи, имѣлъ прекрасное и горячое дѣло въ виду всей арміи, и Богъ мнѣ помогъ не токмо удержать непріятеля

но опрокинуть всѣ его атаки на всѣхъ пунктахъ; не смотря что онъ мой флангъ въ двухъ мѣстахъ обошелъ и я принужденъ билъ нѣсколько разъ перемѣнять лѣніи подъ сильнимъ картечнимъ его огнемъ, и даби остановить стремленіе его рѣшился даже атаковать 1-й его флангъ, что съ большимъ успѣхомъ исполнено било тутъ у меня било въ дѣлѣ не болѣе 20 тысячъ противу болѣе 40 тысячъ непріятелей по словамъ плѣнnихъ; сраженіе началось въ 10 часовъ поутру и окончилось въ 7 часовъ, когда уже очень тѣмно било: на другой день объижая я свои авамбости нашелъ множество раненныхъ французовъ картечами и штиками; которихъ еще не успѣлъ нѣпріятель унести и позволилъ французамъ собрать оные; сей день употребленъ билъ для погребенія мертвихъ тѣлъ. Наполеонъ прибилъ къ концу уже сраженія, всю ночь разъизжалъ по своимъ войскамъ и слишни били восклицанія, Vive l'Empereur! на другой день сего сраженія Наполеонъ прислалъ генерала Ларистона чрезъ вичайно вѣжливымъ пѣсмомъ къ князю Кутузову, и просилъ перемѣрія въ чемъ ему вѣжливымъ же образомъ словесно отъ казано; на другой день сего же посланія объежалъ я свои аванпости, встрѣтился съ королемъ неаполитанскимъ, которой объижалъ свои, и на самомъ близкомъ растаяніи король прислалъ своего парламентела съ трубачемъ ко мнѣ приглашая меня съ нимъ видѣться, онъ остановилъ свою свиту, а я свою, и мы въстритились между нашими аванпостами, послѣ разнихъ вѣжливыхъ на мой щотъ виpаженій просилъ король уступить ему нѣкоторіе мѣста на аванпостахъ, которіе козаки мои заняли, чрезъ мѣрно его безъ покоили, в семъ я ему отъ казалъ, но послѣ нѣкоторихъ разговоровъ обѣщалъ ему повелѣть стрелять по немъ ежели онъ движеніемъ дѣлать небудеть, тутъ начался у нась довольно смѣшной разговоръ, король сказалъ мнѣ: пора здѣлать миръ, я болѣе другихъ желаю какъ король неаполитанскій, я ему отъ вѣчалъ: столько сколько ви желаете миру, ми желаемъ войны, вы окончили свою компанію, а мы ее только что начинаемъ, завѣвъ васъ такъ далеко въ росію въ чемъ мы успѣли, ибо положеніе ваше самое дурное, изъ вѣстніе военные таланты Наполеона не могутъ устоять противу голода существующаго въ его арміи и совершеной растройки въ его кавалеріи, поверхность[1]) наша очевидна и кавалерія во всѣхъ дѣлахъ била тронута моею, король промолчалъ сказалъ мнѣ: ета война, начинаетъ бить самая жестокая, и мужики ведутъ себя

[1]) Превосходство, перевѣсъ. *Ред.*

безъ человѣчно съ бѣдными французкими солдатами, которіе ищуть себѣ фуража по деревнямъ недѣлая имъ никакого зла, примовля къ тому что онъ по человѣколюбію желаеть миру уважая храбрость росейскихъ войскъ, и французкая и руская нація недолжна би никогда между собою драца,—на сіе отвѣчалъ я что росейская армія заслуживаеть уваженія, своею храбростію, я увѣренъ что росейская нація заслуживаеть таковое же уваженіе своимъ патріотизмомъ которой заставляетъ нашихъ мужиковъ истреблять усѣхъ тѣхъ, которіе имѣють дерзость входить въ ихъ жилища, король повторяя все о склоненіи ихъ къ миру сказалъ мнѣ, что онъ самъ служитъ единствено съ дружбы къ Наполеону что онъ награжденіевъ никакихъ имѣть неможеть, ибо онъ самъ уже королемъ, на сія я отвѣчалъ что пріятній взглядъ прекрасной женщини наградить его за его храбрость и тутъ начался у насъ разговоръ о пріятной жизни въ Неаполѣ, куда меня король приглашалъ посля миру, въ сей самой день и въ ночь пославъ я нарочитія сильнія партіи для собранія фуражировъ въ плѣнъ, и чтобы тревожить французкую армію во всю ночь, послѣдствіе сего на другой день прислалъ король въ мои аванпосты генерала даманъ просить позволенія фуражировать въ деревняхъ на его флангахъ находящихся, я чрезъ одного генерала же отказалъ ему въ томъ, велѣвъ ему сказать „зачѣмъ король хочетъ лишить меня удовольствія брать людей лучшей его кавалеріи какъ курей нетеряя ни одного человѣка". Король чрезъ мѣрно разъ сердился и въ тотъ день дѣлалъ разніе приготовленія къ атаки а я къ оборонѣ, и на томъ же кончилось, нѣсколько дней аванпости всѣ спокойны, ночью же тревожу я силними казачьими партіями, французкая армія по всѣмъ обстоятельствамъ чрезъ мѣрно въ дурномъ положеніи,—Наполеонъ обѣщалъ мыръ въ Москвѣ, надѣясь найтить въ Москвѣ всѣхъ жителей достаточное продовольствіе и обѣщая волность народу въ расположеніи кь себѣ крестьянъ, и симъ утѣшалъ свою армію, которая единодушно желаеть миру, но нашедь что всѣ жители изъ Москви выехали кромѣ малою частію бѣднѣйшихъ исъ коихъ по занятіи французами Москви нашлись оть важние которіе сожьгли всѣ оставшіеся провиантскіе магазини, крайне тѣмъ огорчился и вся непріятельская армія начала роптать; потерявъ всю надежду въ миру, чрезъ вичайный голодъ продолжается вов-французкой арміи даже до того что природние французи начали къ намъ бѣжать, давно уже они йидять лошадиное мясо, множество лутшихъ изъ солдатъ китаются по деревнямъ испрашивая хлѣба, но мужики которие всѣ

вооружени истребляють ихъ безъ пощады, одинъ Голова въкрасной пахре собравъ до трехъ тысячъ конныхъ мужиковъ защищалъ свою слободу съ такимъ успѣхомъ что я доставилъ ему георгіевской крестъ 5 класса въчерашняго числа прибили ко мнѣ мужики исъ Каменки боровского уезда объ явили мнѣ что они въ церквѣ торжественно присягнули защищать свои селенія до послѣдняго человѣка положивъ закономъ ежели кто изъ нихъ будетъ замѣченъ трусомъ то того истреблять не медлино, я имъ раздалъ ружья взятия въ неприятеля за коими со всѣхъ сторонъ ко мнѣ приходять мужики; сіи почтенные руские патриоты столь ожесточени противу врага что, недоволствуюця истребленіемъ тѣхъ фрунцузовъ которие приходятъ въ ихъ деревни покупають у козаковъ дорогою ценою плѣнихъ истребляють оныхъ, изъ сего ясно видно что положеніе французкой арміи въ самомъ дурномъ положеніи, армія адмирала Чичагова имѣетъ назначеніе итить въ борисово, угрожая въ тилъ армію французкую и всю ихъ коммуникацію, аглечане, въ мадритѣ и французи уходять изъ ишпаніи, аглечане около неаполя а можеть бить и висадка уже здѣлана, все сіе предъ вѣщаеть славу и благоденствіе! наша армія наилутшемъ порядки ни нуждаясь ни въ чемъ, по всѣмъ соображеніямъ согласно обстоятельствамъ соединена 1-я армія со 2-ю подъ начальствомъ самаго князя Кутузова, положеніе мое самое лестное, я командую войсками въ авангардѣ находящимися а въ арміи всѣми гренадерами гвардіи и кирасировъ, однимъ словомъ изъключая двухъ корпусовъ всею арміею, ибо на случай генеральнаго сраженія назначени ко мнѣ и всѣ резерви, все сіе заставляеть меня нещадя себя заслуживать довѣренность важности поста на меня возложеннаго, обширнее сіе письмо изъ вѣщаеть васъ о всѣхъ вообще обстоятельствахъ, вы скоро получите изъ вѣщеніе вообще о всѣхъ дѣйствіяхъ въ публичнихъ вѣдомостяхъ, для чего и составляются теперъ воинные журнали; ежелиже есть вамъ время то почтите меня своимъ изъ вѣщеніемъ о васъ, примите удостовѣреніе душевнои привязанности и вѣчнои дружбы,

вѣрной другъ и братъ Милорадовичъ.

ПРИВЯЗЫВАНІЕ УБІЙЦЫ КЪ ТРУПУ УБИТАГО.

(Изъ старой судебно-уголовной практики).

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной Его Преосвященства Черниговской консисторіи. Прошлаго генваря 9 въ присланномъ къ Его Преосвященству письмѣ господинъ генералъ фельдмаршалъ, сенаторъ, трехъ малороссійскихъ губерній генералъ губернаторъ и кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій изъявилъ, что странное и человѣчество уражающее въ церквѣ села Мосонецъ произъшествіе, гдѣ канцеляристъ Хоменковъ *приковывалъ къ мертвому тѣлу убитаго* козачаго сына Іосифа Бѣденка невѣсту, козачью дочь дѣвку Христину Водяникову, и что священникъ тоя церкви Гловинскій не только къ тому допустилъ, но и приказывалъ бывшимъ при погребеніи людямъ вязать ее канатомъ и самую положить подъ гробъ, есть поводомъ его сіятельства къ его преосвященству, такъ какъ и къ инымъ малороссійскихъ епархій въладыкамъ, прозбы, чтобы его преосвященство святость церкви принадлежащую поученіями отъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ охранилъ.—И какъ таковъ поступокъ какой то епархіи отъ священника Гловинскаго послѣдовалъ нетокмо въ противномъ святыхъ отецъ правилъ, но и высокомонаршихъ указовъ, въ коихъ точно положено виновному законное за преступъленіе въ подлежащимъ судѣ сужденіе и истязаніе;—для того, по указу Ея Императорскаго Величества, его преосвященство опредѣлилъ: во всѣ Черниговскія епархіи подсудственныя—мѣста послать изъ консисторіи указы, коими накрепко подтвердить, съ подписками, всему священству съ церковнымъ причтомъ, чтобъ таковыхъ и тому подобныхъ противо-законныхъ поступокъ нетокмо сами не производили, но и своихъ прихожанъ, яко духовныхъ дѣтей, отеческимъ увѣщаніемъ не допущали.

1783 годъ Февраля 11 дня.

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ документѣ, т. е. привязываніе убійцы къ трупу убитаго есть древній судебно-уголовный обычай. Пойманнаго на мѣстѣ преступленія, или даже подозрѣваемаго привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до офиціальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или—пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе. Нужно замѣтить, что такая форма пытки была одною

изъ самыхъ дѣйствительныхъ; рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою.

Впослѣдствіи привязываніе къ трупу потеряло всякій правовой смыслъ и получило значеніе варварскаго добавка къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Для примѣра существованія этого обычая въ древности, укажемъ на судебное дѣло 1538 г. объ убійствѣ въ Медынскомъ уѣздѣ дворяниномъ Ѳедоромъ Неѣловымъ и его женою сосѣда дворянина Степана Пронякина при вооруженномъ наѣздѣ на домъ этого послѣдняго. Главный убійца ускакалъ, а жена его Марья и слуга Ѳедька были схвачены и связаны; на шею имъ обоимъ привязали поличное—баранью шубу, забранную ими при наѣздѣ, и, приведши въ домъ жертвы, привязали ихъ къ ногѣ убитаго Пронякина. Когда затѣмъ явился доводчикъ (слѣдователь), то нашелъ ихъ еще въ томъ же положеніи—привязанными, и даже потомъ судьѣ (тіуну) истцы заявляли въ виду сильнѣйшей улики: „а вотъ, господине, Степанъ, саблями сѣченъ, мертвъ лежитъ предъ тобою, а Марья и человѣкъ ея связаны и къ ногѣ привязаны, и съ нашею шубою—съ поличнымъ".

Письмо Румянцева доказываетъ, что подобный обычай былъ распространенъ и въ Малороссіи, что онъ держался здѣсь до конца XVIII в. (вопреки закону). Гуманныя идеи Екатерининскаго вѣка, какъ видно, не оставались въ видѣ однихъ либеральныхъ фразъ наказа знаменитой Императрицы [1]).

М. Владимірскій-Будановъ.

ПИСЬМО С. А. НЕПЛЮЕВА КЪ НОВОБРАЧНОЙ ДОЧЕРИ.

Принимая во вниманіе генеалогическія и хронологическія данныя, авторомъ означеннаго письма слѣдуетъ считать Семена Александровича Неплюева, сына генералъ-майора Александра Ивановича Неплюева (Россійская родосл. книга, изд. кн. П. Долгоруковымъ, ч. IV, 162—163) и зятя извѣстнаго Г. Н. Теплова. Вотъ что писалъ между прочимъ послѣдній о немъ кн. М. М. Щербатову: „Сей податель письма есть зять мой, за которымъ большая моя дочь Анна

---

[1]) Уважаемый авторъ замѣтки обѣщаетъ доставить редакціи цѣлый рядъ подобныхъ документовъ.

Григорьевна, г. полковникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ. Онъ характеру благороднаго и честной души, способности имѣетъ къ службѣ не площадныя. Скучилъ быть членомъ въ Малороссійской коллегіи, сидя съ дураками малороссіянцами и ябедниками, чрезъ шесть лѣтъ. Я, зная нужду въ людяхъ для намѣстничествъ и зная его способность *и многое чтеніе*, которое природный его разумъ весьма украшаетъ, *и перомъ дѣйствовать* (такъ какъ имѣющаго уже великую практику въ дѣлахъ) много подкрѣпляетъ, посовѣтовалъ ему искать мѣста въ намѣстничествѣ Орловскомъ, гдѣ онъ изпомѣщенъ, и въ томъ адресоваться по порядку къ вашему сіятельству. Молодому человѣку, не изъ корысти, но изъ чести служащему, первое побужденіе есть самая честь. Примите его въ свою протекцію и, сколько сила ваша дѣйствовать можетъ, помогите сему честному человѣку представленіемъ вашимъ, когда дѣло дойдетъ до Орловской губерніи". Окт. 17, 1777 года (Русск. архивъ 1869, стр. 218). Какъ извѣстно, самъ Тепловъ имѣлъ превосходное и большое имѣніе, с. Молодовое, орловской губ., карачевскаго уѣзда, гдѣ находился огромный каменный домъ съ обширными службами, садомъ, большимъ архивомъ и библіотекою (Русск. Старина 1870, II, 195).

Просьба тестя, какъ видно, вскорѣ возъимѣла свое дѣйствіе, такъ какъ уже съ 1778—1780 г. С. А. Неплюевъ состоялъ предсѣдателемъ уголовной палаты въ Орловскомъ намѣстничествѣ; затѣмъ, съ 1781—1782—поручикомъ правителя (т. е. вице-губернаторомъ), а съ 1782—1792 г. правителемъ того же намѣстничества (т. е. губернаторомъ) (см. Губернскій служебникъ 1777—1796 г., составл. княз. Н. Туркестановымъ, Спб. 1869. стр. 27). По случаю своей тяжбы съ Нарышкинымъ, кн. Дашкова рисуетъ печальную картину „слабаго" управленія Неплюева губерніею, конечно, по своему обыкновенію, въ преувеличенныхъ размѣрахъ (Архивъ кн. Воронцова, т. V, 234—236).

Въ 1786 г. Козодавлевъ обращалъ вниманіе Державина на извлеченіе изъ письма С. А. Неплюева, напечатанное въ „Зеркалѣ Свѣта", издав. Туманскимъ: „о нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ поступкахъ дворянъ русскихъ", прибавляя: „сіе письмо здѣсь многимъ, весьма понравилась" (сочин. Державина, изд. Акад. наукъ, т. V, 489); а въ январѣ 1787 г., во время проѣзда императрицы Екатерины II, чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ, Храповицкій отмѣтилъ „Тамъ же, поутру, говорено о Неплюевѣ (орловсвомъ губернаторѣ), на балѣ бывшемъ: онъ все belhomme и чудна склонность его жены, разумѣя Гр. Бр." (Дневникъ, изд. Н. П. Барсуковымъ, стр. 23).

Въ сентябрѣ 1793 г., одновременно съ Державинымъ, Неплюевъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, въ межевомъ департаментѣ (Сборн. русск. истор. общ., т. XLII, стр. 242). Державинъ называетъ его „велемудрымъ“ (Сочин. т. VI, 143); а по поводу одного дѣла онъ написалъ экспромтъ („резолюція“), въ которомъ три послѣдніе стиха:

Могу-ль я быть уменъ
И въ межевыхъ дѣлахъ силенъ?
Пускай ихъ рѣшатъ
Романъ или Семенъ.

Относятся между прочимъ къ С. А. Неплюеву (подъ Романомъ же разумѣется сенаторъ инженеръ генералъ-поручикъ Р. Н. Томиловъ). Соч. Держ. т. III, 354.

При Павлѣ Петровичѣ Неплюевъ былъ назначенъ, въ числѣ другихъ сенаторовъ, для обревизованія нѣкоторыхъ приволжскихъ губерній (П. Собр. зак. т. XXV, №№ 19211 и 19212, стр. 861 и 905; о результатѣ ревизіи см. т. XXVI, № 19462; о его участіи въ дѣлахъ, соч. Державина, т. VI, стр. 43). Въ началѣ царствованія Александра I, С. А. Неплюевъ уволенъ былъ отъ службы въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника (Долгоруковъ, стр. 163; П. собр. зак. т. XXVII, № 20704; т. XXIX, № 29088, стр. 6-я; Державинъ VI, 143). Бумаги С. А. Неплюева хранятся въ семейномъ архивѣ С. Г. Боборыкина (Русск. Старина 1875, т. XII, 628).

В. Иконниковъ.

Любезная моя дочь Елизавета Семеновна!

Вчера ты вступила въ бракъ съ александромъ Дмитріевичемъ боборыкинымъ, человѣкомъ тобою избраннымъ! жребій твой свѣршенъ. Кажется и по взаимной склонности и по сходству нравовъ, ты должна быть счастлива. Вступая въ число женъ, ты переходишъ изъ одного состоянія въ другое, новое положеніе, новые обстоятельства, новое обращеніе, при сихъ перемѣнахъ, нужно тебѣ, мой другъ! остеречся, сохранить свой нравъ, склонности сердца и кротость свою; качества на весь вѣкъ тебя дѣлающіе счастливою.

Сколь много различія имѣетъ состояніе дѣвичье отъ состоянія замужняго, то всѣмъ извѣстно. Полъ вашъ въ семъ случаѣ

переходить, изъ одной зависимости въ другую, которые между собою столь разны. Одна основана на почтеніи, и повинованіи, другая на равѣнствѣ и любви. Въ чемъ состоитъ сіе равенство и любовь! сіе различіе [1]) понимаютъ; и не которые отъ худого понятія, что равенство не требуеть повинованія, здѣлались злополучными.

Ты которой сердце мнѣ столь извѣстно, которое столь чисто, и невинно, обработанное попеченіемъ не усыпно, бдящей о тебѣ матери, то и нужно,—чтобъ просвещеніе и воспитаніе, каковое мы могли тебѣ дать, обратить себѣ въ пользу, и здѣлать, себя счастливой! Ибо благополучіе брака зависитъ отъ нравовъ и обращенія супруговъ.

Во первыхъ нужно, чтобъ ты любила мужа, какъ сама себя, чтобъ сердце твое и душа были Ему всегда открыты. Каприсъ, упрямство и надмѣнность, чтобъ не имѣли въ нихъ мѣста! а паче ревности Зло разрушающее на и благополучнѣйшія браки, всѣ что имѣете и будетѣ имѣть никогда несчитать, что тебѣ одной принадлежитъ, а! общѣе. Ни когда не говорить мое, а говори наше вотъ что можетъ тебя здѣлать счасливою! пожелаетли онъ чего, старайся предварить Его желаніи, и чемъ болѣ жертвовать будешъ мужу тѣмъ болѣ его къ себѣ привяжешъ. Нужно тебѣ будетъ удержать, что отъ мужа, ни когда нетребуй сего своенравно, или надмѣнно, но сласкою и прозбой сіе обяжетъ Его скорѣе и охотнѣе выполнить твою волю. Исполнилъ онъ ее, прими сіе удоволственно! и давай чувствовать, что съ признаніемъ сіе пріемлѣшъ. Пріятно приноситъ жертвы буде ихъ считаютъ.

Родители Его суть родители твое. Являй къ нимъ любовь и повиновеніе дѣтское.

Сказавъ тебѣ кратко мысль мою желаю чтобъ сердце твое сохранило на вѣкъ свою чистоту, чтобъ душа столь же была благонравна и непорочна. Тѣмъ паче въ томъ себя ласкаю, что чувства, благовоспитаніе, и разумъ мужа твоего взаимно

---

[1]) Вм. различно. *Ред.*

васъ въ счастіи вашемъ утвердятъ! ибо неоспоримо то, какъ я сказалъ выше, что счастіе, и несчастіе въ семъ случаѣ зависитъ отъ нравовъ. Вы имѣете ихъ оба. Я почитаю васъ благополучными.

По обстоятельствамъ ты счасливѣе многихъ, ты у насъ одна. Не отъ деляемъ мы тебя отъ себя, и причинъ на то не имѣемъ; ибо всѣ имѣніе наше будетъ твое, теперь даемъ мы тебѣ приданаго на дватцать одну тысячу девять сотъ шездесятъ девять рублей семдесятъ пятъ копѣекъ. Сверхъ сего пре провождаю при семь писмѣ вамъ въ подарокъ тысячу рублей денегъ; а потомъ для собственныхъ персонъ вашихъ издержекъ, вы будете получать отъ меня по двѣ тысячи рублей, въ годъ, а имѣнно: в октябре, генваре, апреле и юлѣ по пяти сотъ рублѣй и содержаніе все въ домѣ; доколѣ будете съ нами; когда же вамъ случится по службѣ мужа или по другимъ обстоятельствамъ жить съ нами розно, то не оставлю снабдить домъ вашъ нужнымъ по состоянію нашему и споспѣшествовать по мѣрѣ достатку нашего въ вашемъ прожиткѣ;

въ заключеніе сего обнимаю васъ душевно и отъ сердца растворeннаго къ вамъ родительскою любовью. Желаю всѣхъ благъ на непреложное врѣмя.—На подлинномъ подписано тако:

Любящій Васъ Отецъ Семіонъ Неплюевъ.

Сентября 27-го дня
1791 года.

САТИРА НА ДВОРЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Н. В. С—ко, нашъ постоянный сотрудникъ, доставилъ намъ найденную имъ въ домашнемъ архивѣ князя Н. В. Репнина сатиру въ формѣ прошенія объ отставкѣ нѣкоего Плящинскаго, выбраннаго депутатомъ въ малороссійское дворянское собраніе 1790 года. Въ сатирѣ довольно искусно и ядовито изображены черты только что созданнаго Екатериною II малороссійскаго дворянства, въ составъ котораго по волѣ государыни вошли а) всѣ чины генеральной старшины и б) изъ полковой старшины: полковники, обозные, эсаулы, хорунжіе, полковые и городскіе судьи и сотники. Въ средѣ новаго малороссійскаго дворянства съ 1782 года были учреждены дворянскія

коммиссіи, обязанныя сдѣлать малороссійскому дворянству разборъ и составить дворянскую родословную книгу по правиламъ, вошедшимъ въ 1785 году въ дворянскую грамоту. Съ учрежденіемъ этихъ коммиссій, по словамъ г. Яблочкова [1]), начались злоупотребленія. Въ коммиссію поступали не дворяне, а люди простаго происхожденія, добившіеся чина различными происками; они дѣлали разборъ дворянамъ. Многіе простые козаки и крестьяне покупали черезъ евреевъ свидѣтельства у поляковъ, по которымъ они причислялись къ небывалымъ польскимъ фамиліямъ. Ремесленники стали называться дворянами, продолжая свое ремесло. Такимъ образомъ въ Малороссіи получилось сто тысячъ дворянъ, отъ которыхъ не осталось и сотой доли по изгнаніи поляковъ при Хмельницкомъ. Современникъ говоритъ, что «уже 21 годъ идетъ разборъ дворянамъ и онъ еще не оконченъ».

Очевидно, составитель сатиры имѣлъ въ виду нарисовать типичнаго представителя дворянскаго сословія, который, не бросая своего спеціальнаго шинковвго дѣла, умѣлъ въ то же время безъ службы добиться чина, дающаго ему право на дворянство, а съ нимъ вмѣстѣ и на дворянскую выборную службу; къ выполненію ея у *Плящинскихъ* не было ни досуга, ни знаній, ни охоты. Фамилія просителя (отъ сл. *пляшка*, бутылка) сама по себѣ обличаетъ подлинный характеръ и значеніе «документа»: авторъ его имѣлъ въ виду не единичную дѣйствительную личность, но типъ дворянъ, въ ужасъ приходившихъ при мысли, что депутатской службой они будутъ отвлечены отъ прибыльнаго шинковаго дѣла, что вмѣсто «представляющихся имъ всегда бутылокъ, кружекъ, стакановъ и чарокъ» они должны будутъ «видѣть на столѣ чернильницы, песочницы и бумаги, а вмѣсто ярмарковаго и торговаго народнаго шума слушать чтеніе дѣлъ секретаремъ» и т. п.

Въ малороссійское дворянское собраніе, переясловскаго депутата Плящинскаго, Прошеніе

Онаго повѣта переясловскаго дворянствомъ выбранъ я противъ воли и чаянія моего въ оное малороссійское дворянское собраніе депутатомъ, однакъ я всей должности быть не желаю, о чемъ представляю мои невозможности слѣдующіе,

[1]) Яблочковъ М., *Исторія дворянскаго сословія въ Россіи*, стр. 531—32.

1-е. По освобожденіи моемъ исподанства покойнаго полковника переясловскаго Сулимы, вступивши въ службу получилъ я чинъ въ абшитъ значкового товарища въ которомъ продолжая мое служеніе шинковымъ промысломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ я такъ же въ абшитъ войсковымъ товарищемъ, въ семъ чинѣ я однакоже продолжая тотъ шинковый промыселъ умножилъ свой трудъ, въ продажи соли и рибы, въ награжденіе чего получилъ чинъ въ отставку асаула полковаго, зъ симъ поваженіемъ и вяще трудился въ одномъ шинковомъ промыслѣ, въ которомъ служеніе мое ревностное преисполненное до толикой дошло мѣри что въ воздаяніе онаго одинакаго служенія въотставку произведенъ секундъ маіоромъ, а сіе самое довольно увѣряетъ что я ни къ военской ни къ статской службѣ не имѣю способности, когда я ни въ одномъ чинѣ дѣйствительно оной не отправлялъ.

2-е. Продолжая толико долгое время шинковой промыселъ, въ которомъ я посвятилъ всю свою жизнь не могу безъ сожалѣнія представить себѣ какъ теперь оной возможно оставить, и сидѣть въ дворянскомъ собраніи, гдѣ вомѣсто представляющихся мнѣ всегда бутилокъ кружекъ стакановъ и чарокъ долженъ я видѣть на столѣ чернилницы, пѣсошницы и бумаги, а вомѣсто ярмонкового и торговаго народнаго шума, чтеніе секретаремъ дѣлъ, вомѣстожъ того что тамъ спрашиваютъ почему кварта горѣлки а тутъ только одинъ секретарь будетъ спрашивать какую наложить резолюцію;

3-е. Будучи я въ дворянскомъ собраніи долженъ оставить свой домъ и въ ономъ свою не старихъ лѣтъ второго брака жену, и хотя я на случай моей отлучки попросилъ присматривать пріятеля моего порутчика Павла Осауленка, но какъ онъ холостой и нестарой человѣкъ, то я и опасаюсь дабы онъ частимъ посѣщеніемъ не здѣлалъ въ домѣ моемъ какова противозаконнаго поступка, поелику онъ уже и до сего спортилъ мое ложе положивши великой зарядъ въ мою фузію,

4-е. Находясь здѣсь въ собраніи чрезъ шесь мѣсяцовъ надобно мнѣ необходимо на содержаніе себя и людей издержать на каждой мѣсяцъ по одному а всего шесть рублей, какая из-

держка и наполненная мною шинковымъ промысломъ многихъ тысячахъ межетъ быть немалимъ ущербомъ страшнимъ для меня разореніемъ.

5-е. При всемъ томъ долженъ я поставить въ невозможность и сіе, что хотя в нинѣшнемъ моемъ уже маіорскомъ чинѣ по всеприлежнѣйшему моему для удобнѣйшей доправки шинковыхъ долговъ старанію, выбранъ былъ я въ нижній земскій судъ засѣдателемъ; но за многіе мои непорядки и противозаконные поступки, по указу правительствующаго сената отъ сей должности отрѣшенъ, почему мнѣ въ дворянскомъ собраніи быть вовся невозможно: покорнѣйше прошу рады изображенныхъ причинъ меня отъ должности депутатской уволнить, или невозможно ли предложить черниговской городской думѣ, дабы оная позволила мнѣ здѣсь въ Черниговѣ производить шинковой промыселъ, для котораго я сискавши и свою жену и забавляяся онымъ охотнѣе, свою должность депутата исправлять могъ.

Подлинное подписалъ, повѣта переясловского депутатъ пляцинскій.

Подано 17 августа
1790 года.

О ДОЗВОЛЕНІИ СЫНОВЬЯМЪ СВЯЩЕННИКОВЪ ВСТУПАТЬ ВЪ КОЗАЧЬЕ СОСЛОВІЕ СО ЗВАНІЕМЪ ЗНАЧКОВАГО ТОВАРИЩА.

Существенная разница между великорусскимъ и малорусскимъ бѣлымъ духовенствомъ та, что малорусское духовенство никогда не представляло замкнутой касты; оно постоянно пополнялось лицами изъ другихъ сословій, желавшими добровольно посвятить себя на служеніе церкви и въ то же время сохранявшими свои сословныя права, такъ что дѣти священно-служителей, въ случаѣ нежеланія слѣдовать примѣру родителей, пользовались общественнымъ положеніемъ предковъ. Слѣдующій эпизодъ можетъ служить иллюстраціей такого положенія.

Въ началѣ 1738 года обыватель села Комаровки, находившагося въ районѣ первой полковой нѣжинской сотни, нѣкій Матвѣй Конѣц-

кій, подалъ прошеніе нѣжинскому полковнику Хитрову слѣдующаго содержанія: дѣдъ просителя принадлежалъ къ козачьему сословію, но на старости лѣтъ былъ посвященъ въ санъ священника при церкви св. Архангела Михаила въ с. Комаровкѣ; сынъ его, отецъ просителя, не послѣдовалъ примѣру отца, но сохранялъ за собою всѣ права козачьяго сословія, что и признавали за нимъ ближайшіе его начальники городничіе; не смотря на это, вновь присланный въ с. Комаровку городничій Ларіонъ причисляетъ его къ посполитымъ и заставляетъ отбывать всѣ, наложенныя на посполитыхъ повинности. Въ виду этого Матвѣй Конѣцкій проситъ признать его и отца козаками и выражаетъ готовность идти въ походъ, куда прикажутъ. Нѣжинскій полковникъ удовлетворилъ просьбу Конѣцкаго и двукратно посылалъ приказъ комаровскому городничему не тревожить Конѣцкаго, а также возвратить заграбленные имъ у послѣдняго «пожитки». Но комаровскій городничій и не думалъ исполнять полковничьихъ ордеровъ, ссылаясь на то, что дѣло Конѣцкаго не подвѣдомственно полковнику, а подлежитъ разрѣшенію генеральной войсковой канцеляріи. Хитрово обратился за разъясненіемъ въ эту канцелярію, и 18 августа 1738 года положена здѣсь слѣдующая резолюція:

„Понеже по справкамъ 1734 году мѣсяцѣ июлѣ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества имяннымъ указомъ за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки состоявшимся всемилостивѣйше повелѣно: поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Ея Императорскому Величеству отправлять службу опредѣлять для отправленія той службы въ значковые товарищи; того ради согласно приказали: о предложеніи помянутому комаровскому городничему Лариону, чтобъ онъ, городничій, не въ подлежащіе ему дѣла не интересовался, а исправлялъ бы тое, что ему по должности званія его надлежитъ, и вышнамѣненнаго Конѣцкаго, такъ въ подданство не притягалъ, яко и заграбленные у него, Конѣцкаго, самымъ имъ городничимъ лошадь и пару воловъ безъ жаднаго удержанія и отлагательства ему Конѣцкому возвратилъ, да и впредь бы онъ городничій такихъ затѣекъ самъ собою не чинилъ, а вѣдался, ежели въ чемъ имѣетъ обиду, гдѣ надлежитъ судомъ: писать кіевскому преосвященству; а къ помянутому полковнику нѣжинскому Хрущову особливо указомъ Ея Императорскаго Величества изъ войсковой генеральной канцеляріи предложить, дабы онъ о въписаніи вышеупомяненнаго жителя комаровскаго Конѣцкаго въ козацкое о бытіи ему въ томъ званіи учинилъ по ея Ея Императорскаго Величества указамъ, дабы его Конѣцкаго

вновь въ козака опредѣленнаго ко обиженію не допускано и заграбленное городничимъ комаровскимъ взыскавъ ему, Конѣцкому, отдалъ и велѣлъ ему войсковую отправлять службу".

Сообщ. Н. С—ко.

СПОРЫ ЛУЦКИХЪ ЕВРЕЕВЪ СЪ МѢЩАНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII В.

Еврейская община въ Луцкѣ принадлежитъ къ древнейшимъ не только на Волыни, но и вообще въ предѣлахъ бывшаго вел. княжества литовскаго: существованіе ея устанавливается уже актами первой половины XV вѣка. Люстрація 1552 года насчитываетъ въ Луцкѣ не менѣе 53 домохозяевъ, въ 1656 году замѣститель луцкаго старосты Здиславъ Замойскій признаетъ за луцкими евреями право нести лишь треть городскихъ налоговъ на томъ основаніи, что еврейскіе домохозяева составляютъ не болѣе трети домохозяевъ - христіанъ. Къ сожалѣнію ранняя исторія этого еврейскаго населенія, которое, какъ видно, все возрастало, очень мало извѣстна, а по королевскимъ грамотамъ и люстраторскимъ актамъ она можетъ быть возстановлена лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Достовѣрно однако, что уже въ концѣ XV в. луцкіе евреи имѣли отдѣльное кладбище, а въ XVI и синагогу, и такимъ образомъ Луцкъ служилъ центральнымъ пунктомъ для единовѣрцевъ цѣлаго обширнаго округа, мѣстомъ еврейскаго „сбора", игравшаго могущественную роль во внутренней жизни литовскихъ евреевъ XVII и XVIII ст.: здѣсь рѣшались всѣ важнѣйшія мірскія и духовныя дѣла евреевъ, творился свой еврейскій судъ, производилась раскладка общинныхъ сборовъ, принимались общія рѣшенія для защиты старыхъ и добыванія новыхъ правъ какъ отъ королей, такъ отъ и мѣстнаго уряда. Хотя должность „еврейскаго судьи" въ Луцкѣ принадлежала, какъ видно изъ люстраціи 1552 г., ключникамъ, получавшимъ „пересуды и вины", а къ концу XVI в. перешла къ старостамъ, но обращеніе луцкихъ евреевъ къ старостинскому суду было было дѣломъ рѣдкимъ и необычнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ отношеніяхъ своихъ къ городовому уряду луцкіе евреи пользовались значительною самостоятельностью, благодаря королевскимъ привилегіямъ и экокомическому своему превосходству надъ массою прочаго городскаго населенія. Привилегіи королей луцкимъ евреямъ были многочисленны и предоставляемыя ими права

достаточно обширны. Если исключить эпитетъ „невѣрный", грамоты королевскія ни въ чемъ не ставятъ луцкихъ евреевъ ниже другихъ мѣщанъ и въ дарованіяхъ различныхъ льготъ упоминаютъ ихъ рядомъ какъ два равноправные, хотя и разновѣрные класса городскаго населенія. Такъ, въ 1527 году луцкіе мѣщане и евреи, безразлично, освобождены отъ выплаты серебщизны, ордынщины, соленичого, восковаго, капщизны, мыта, городовщины, отъ обязанности давать подводы гонцамъ пановъ „радъ"; наравнѣ съ мѣщанами евреи обязаны давать конныхъ проводниковъ и подводы гонцамъ королевскимъ. Народъ торговый по преимуществу, луцкіе евреи естественно дорожили особливо свободою отъ выплаты торговыхъ сборовъ разнаго рода (мыто и уло) и со вступленіемъ на престолъ новаго короля каждый разъ получали подтвержденіе своихъ льготъ въ этомъ отношеніи, не говоря уже о генеральныхъ привилегіяхъ королей всѣмъ польскимъ евреямъ (какъ напр. привил. 1453 г), которыя тщательно сохранялись въ копіяхъ, надлежаще посвидѣтельствованныхъ, за печатями и съ безчисленными подтвердительными грамотами. Всѣ эти грамоты, служившія для евреевъ твердою опорою при отстаиваніи своихъ правъ и вольностей, постороннимъ лицамъ предъявлялись лишь въ случаяхъ особенной важности, и даже къ королевскимъ люстраторамъ обнаруживали нѣкоторое недовѣріе въ этомъ дѣлѣ луцкіе евреи. Такъ, напр., въ спорѣ съ кн. Матвѣемъ Четвертинскимъ о самовольномъ захватѣ кладбища, домовъ и лавокъ евреи предъявили люстраторамъ грамоту короля Александра, доказывавшую ихъ право въ этомъ отношеніи (Jabłonowski, Żrodła dziejowe, t. VI, p. 710); когда же люстраторы 1664 года потребовали у евреевъ предъявленія всѣхъ своихъ правъ и привилегій, то показаны были большею частью подтвердительныя грамоты польскихъ королей отъ Сигизмунда Августа и до Яна Казимира включительно, подлинныя же привилегіи, выданныя въ болѣе раннее время, не предъявлялись: въ данномъ случаѣ въ этомъ не было нужды, такъ какъ не возникало спора; показано было лишь необходимое ad hoc.

Предъявленныя луцкими евреями королевскимъ люстраторамъ въ январѣ 1664 года грамоты и другіе документы были внесены въ люстраторскіе акты частью цѣликомъ, частью въ краткомъ извлеченіи; при этомъ случаѣ евреи заявили свои жалобы и нареканія на притѣсненія со стороны луцкихъ мѣщанъ, люстраторы разрѣшили споръ на основаніи предъявленныхъ имъ документовъ, записали свое рѣшеніе въ тѣ же люстраторскіе акты и копію всей записи выдали евреямъ

13 января 1664 года[1]). Рѣшеніе люстраторовъ и относящіяся сюда записи представляютъ нѣкоторый интересъ для внутренней исторіи Луцкой городской общины XVII в., и мы считаемъ небезполезнымъ изложить здѣсь ихъ содержаніе.

Хотя, какъ указано выше, по королевскимъ привилегіямъ, евреи луцкіе пользовались въ дѣлѣ отбыванія общегородскихъ повинностей правами равными съ прочими мѣщанами, но на дѣлѣ вопросъ этотъ возбуждалъ немалые споры и недоразумѣнія между христіанами и іудеями уже во второй половинѣ XVI в. При посредствѣ назначенныхъ люблинскимъ сеймомъ 1569 г. люстраторовъ королевскихъ имѣній заключено было между луцкими евреями и мѣщанами нѣчто въ родѣ мировой сдѣлки, которою опредѣлялись права евреевъ во внутреннемъ управленіи города. По этой сдѣлкѣ, утвержденной королемъ Стефаномъ на вольномъ сеймѣ въ Варшавѣ 3 января 1580 г., выговорено евреямъ свободное пользованіе тремя лавками (kletki), которыя оспаривалъ у нихъ войтовскій урядъ; мѣщане обязались выплатить евреямъ 100 копъ грошей, которые были даны евреями для исходатайствованія городу различныхъ вольностей; далѣе, мѣщане обязались не требовать съ евреевъ въ дѣлѣ подводной повинности болѣе того, что слѣдуетъ по привилегіямъ; предоставить имъ пользованіе всѣми безъ исключенія городскими вольностями въ дѣлѣ поселенія здѣсь и несенія всѣхъ городскихъ повинностей; безъ вѣдома и согласія евреевъ, мѣщане не должны производить никакихъ налоговыхъ раскладокъ, ни опредѣлять новыхъ налоговъ на городскія нужды, ни производить раскладокъ государственныхъ годовыхъ и чрезвычайныхъ податей и вообще не постановлять никакихъ рѣшеній по этому поводу; евреи должны быть допущены къ арендованію всѣхъ городскихъ доходныхъ статей и приглашаемы къ обсужденію и провѣркѣ финансовой отчетности наравнѣ съ прочими мѣщанами.

Мировая запись эта, какъ ни широки были выговоренныя ею для евреевъ права, не могла однако же устранить всѣхъ споровъ между евреями и городскимъ урядомъ, такъ какъ размѣръ повинностей, которыя должны были нести евреи, не могъ оставаться неизмѣннымъ съ перемѣнами въ численности еврейскаго населенія Луцка. Въ 1653 году евреи „збору рабанскаго луцкаго“ заявили новыя жалобы противъ мѣщанъ луцкому подстаростѣ и сохаческому подсудку Зайщевскому и люстратору королевскихъ волынскихъ имѣній Юрію

[1]) Случайно уцѣлѣвшая копія эта принадлежитъ В. Б. Антоновичу въ Кіевѣ.

Подлевскому: если въ городъ явится жолнѣръ, мѣщане выбѣгаютъ ему навстрѣчу и направляютъ на квартиру въ еврейскій домъ; подговариваютъ писарей вести цѣлыя хоругви жолнѣрскія на еврйскій конецъ и располагать ихъ здѣсь ночью по еврейскимъ домамъ. Подлевскій и Зайщевскій подъ угрозою строгихъ взысканій воспретили мѣщанамъ впредь такъ поступать и подробнѣйшій разборъ кривдъ еврейскихъ и удовлетвореніе обиженныхъ противозаконными постоями поручили луцкому каштеляну Іерониму Шалайскому. Далѣе, евреи, въ виду разоренія причиненнаго имъ непріятельскими нашествіями, просили разрѣшенія вольнаго торга всякою обувью. Подлевскій и Зайщевскій, принимая во вниманіе убожество евреевъ, а также и то, что вслѣдствіе шевскихъ монополій бѣдная шляхта и посполитые не въ состояніи пріобрѣсть обувь, цѣны на которую возросли до чрезвычайности, разрѣшили просьбу въ утвердительномъ смыслѣ, впредь до успокоенія края отъ непріятелей и до дальнѣйшаго распоряженія Краковскаго воеводы, воспретивъ при этомъ шевскому цеху чинить въ этомъ евреямъ какія-либо препятствія. Резолюція эта была утверждена Здиславомъ Замойскимъ въ качествѣ замѣстителя сына своего Дмитрія Корибута Вишневецкаго, старосты луцкаго, 20 іюня 1656 года.

28 іюня 1656 г. старшіе „збору рабанского и караимскаго" Давидъ Израилевичъ и Гиршъ Школьникъ заявили новую жалобу противъ бурмистровъ, райцевъ и цейхмистровъ луцкихъ Николая и Василія Калтуниковъ, Яна Злотника, Ивана Свинки, Ивана Когута Ярынки, Павла Медвѣдка и Процька Рѣзника, какъ представителей всего мѣщанства, на то, что въ нарушеніе всѣхъ королевскихъ требованій, общественнаго права и въ противность декрету коммиссаровъ Подлевскаго и Зайщевскаго, они требуютъ съ евреевъ уплаты половины городскихъ податей и налоговъ. Здиславъ Замойскій, разсмотрѣвъ еврейскія права, привилегіи и грамоты, освободилъ ихъ отъ выплаты половины всѣхъ податей, но обязалъ выплачивать третью часть ихъ, такъ какъ изъ всѣхъ домохозяевъ евреи составляютъ приблизительно именно эту часть.

Оба декрета Здислава Замойскаго, одобренные кн. Дмитріемъ Корибутомъ Вишневецкимъ, подтверждены кор. Яномъ Казимиромъ 13 сентября 1656 года въ Люблинѣ, и въ этомъ видѣ занесены въ люстраторскіе акты 1664 г. Установивши документально свои права передъ королевскими люстраторами, евреи горько жаловались, что мѣщане луцкіе продолжали нарушать какъ свои собственные уговоры и обязательства, такъ и привилегіи, дарованныя королями, и декреты ко-

ролевскихъ урядниковъ. По словамъ жалобщиковъ, мѣщане по прежнему продолжали посылать въ еврейскіе дома жолнѣровъ и гонцовъ, чѣмъ причиняютъ имъ шкоды великія, въ противность всѣмъ правамъ и вольностямъ. Люстраторы, согласно точному смыслу указанныхъ выше декретовъ, утвежденныхъ королемъ Яномъ Казиміромъ, обязали мѣщанъ луцкихъ справлять постоянную повинность въ двухъ частяхъ, лишь въ одной трети возлагать ее на евреевъ.

Далѣе, евреи жаловались, что мѣщане не допускаютъ ихъ къ обсужденію отчетовъ о городскихъ доходахъ и расходахъ. Имѣя въ виду, что право евреевъ участвовать въ финансовыхъ дѣлахъ города принадлежитъ имъ согласно мировой записи, утвержденной кор. Стефаномъ 1580 г., люстраторы признаютъ за евреями это право вновь и настрого воспрещаютъ мѣщанамъ чинить евреямъ обиду въ этомъ дѣлѣ, а также при раскладкѣ расходовъ по содержанію жолнѣровъ и королевскихъ пословъ.

Три лавки около рынка продолжали составлять предметъ спора между евреями и мѣщанствомъ,—и въ этомъ случаѣ люстраторы рѣшили дѣло въ пользу первыхъ, хоти мѣщане и возражали, что права евреевъ на эти лавки имъ были доселѣ неизвѣстны, такъ какъ евреи уклонялись показать имъ относящійся сюда документъ.

Послѣдній пунктъ жалобы состоялъ въ томъ, что городъ не желаетъ уплатить еврейскому обществу денегъ, истраченныхъ въ 1631 г. на козацкій конный отрядъ (60 чел), на содержаніе котораго городъ ничего не хотѣлъ внести въ то время. Въ виду свидѣтельства козака Соколовскаго о размѣрѣ понесенныхъ евреями издержекъ, люстраторы присудили мѣщанъ къ уплатѣ половинной суммы, 39 злотыхъ, 25 грошей въ теченіе двухъ недѣль, подъ угрозою взысканія штрафа въ томъ же размѣрѣ въ случаѣ неустойки.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, отношенія еврейскаго луцкаго общества къ городу мало измѣнились въ теченіе перваго столѣтія послѣ Люблинской уніи; разница состояла въ томъ, что въ первое время возможны были еще миролюбивыя сдѣлки, которыми опредѣлялись взаимныя права и обязанности; сколько можно судить по нашимъ актамъ, такія сдѣлки уже были невозможны въ 1664 г., и нормировка взаимныхъ отношеній находилась уже въ рукахъ старостинскаго уряда почти исключительно. Общія привилегіи, дарованныя въ разное время польскими королями, теперь какъ будто имѣютъ мало силы сами по себѣ: ихъ необходимо возобновлять въ памяти, заносить въ урядовыя книги, добиваться подтвержденія каждаго спе-

ціальнаго права подлежащею мѣстною властью, и лишь при этомъ условіи осуществленіе спорнаго права было возможно, а между тѣмъ споръ затрогивалъ самый жизненный интересъ еврейскаго населенія Луцка: право участія и голоса въ хозяйственномъ распорядкѣ городской общины. **Н. М**

КЪ ИСТОРІИ УЧРЕЖДЕНІЯ СЕМИНАРІИ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Помѣщаемые ниже два документа взяты мною изъ рукописнаго сборника указовъ и проч., принадлежащаго церкви св. Троицы въ м. Ирклѣевѣ (золотоношскаго у. полтавской г). Оба они относятся къ исторіи возникновенія и экономической организаціи переяславской духовной семинаріи и заключаютъ въ себѣ не лишенныя интереса и значенія данныя для исторіи школьнаго дѣла въ Малороссіи XVIII в., данныя, не нуждающіяся въ особыхъ комментаріяхъ. Первый изъ этихъ документовъ есть посланіе епископа переяславскаго Арсенія Берла къ монастырямъ и священникамъ переяславской епархіи съ извѣщеніемъ объ основаніи имъ славяно-латинскаго училища въ Переяславлѣ для обученія грамотѣ и разнымъ (со временемъ) высшимъ наукамъ, и съ требованіемъ, обращеннымъ къ этимъ же монастырямъ и протопопамъ городовъ и мѣстечекъ переяславской епархіи, о немедленномъ доставленіи въ Переяславль разнаго рода припасовъ на содержаніе учениковъ. Епископъ взялъ на себя содержаніе (натурою) учителей; прокормъ учениковъ (тоже натурою) онъ возлагаетъ на епархію и главнымъ образомъ на монастыри и на городскихъ священниковъ, освобождая отъ взносовъ сельскихъ. Второй документъ представляетъ собою дополненіе къ первому. Это роспись количества съѣстныхъ припасовъ, т. е. пшена, крупъ, сала, масла, которое монастыри и священники обязаны въ соотвѣтственной доходамъ каждаго пропорціи доставить въ Переяславль къ 26 ноября 1738 г. Я долженъ сдѣлать лишь одно небольшое замѣчаніе. Училище было основано въ силу указа и, какъ то видно изъ посланія епископа Берла, съ цѣлью приготовленія будущихъ священниковъ. Въ него, по установленію свыше, должны были поступать лишь дѣти священниковъ и священнослужителей. Но дѣло въ томъ, что это послѣднее требованіе не было выполнено. Училище стало наполняться лицами не только духовнаго званія. Такъ было въ первый годъ основанія училища, и въ послѣ-

дующіе стали поступать въ него дѣти и козачьей старшины, и козаковъ, посполитыхъ и др. сословій, и въ половинѣ XVIII в. училище сдѣлалось центромъ образованія для всей области. Объ этомъ можно судить по той «вѣдомости объ ученикахъ всѣхъ школъ коллегіи переяславской», которая приложена къ описи города Переяславля 1767 года (Румянцевская опись, переясл. полкъ, г. Переяславль т. I, ч. 3). Изъ нея видно, что въ коллегіи въ 1766 году было 67 сыновей священниковъ, 8 сыновей дьячковъ, 7 сыновей шляхтичей изъ Польской области, 20 сыновей козачьей старшины (сотниковъ 7, бунчуковыхъ, войсковыхъ товарищей, войсковыхъ хорунжихъ 6, войсковыхъ канцеляристовъ 2, подкоморыхъ 2, подсудковъ 2, и сынъ судьи полковаго Дмитрія Дарагана; 9 сыновей козаковъ и 11 сыновей посполитыхъ. Всѣхъ классовъ въ училищѣ было уже въ 1767 году 6, а именно: риторика, піитика, синтаксима, грамматика, инфима и аналогія. Слѣдуетъ добавить, что количество лицъ не изъ класса священниковъ было больше въ низшихъ школахъ и лишь въ классѣ «риторики» преобладали сыновья священниковъ (изъ 49 учениковъ этого класса 32 были духовнаго званія).

Предлагаемые документы могутъ получить еще большій интересъ въ виду того, что въ текущемъ году исполнится 150 лѣтъ со времени основанія семинаріи.

И. Л—ій.

I.

1738.

Арсеній Берло, Божіею Милостію Православній Епископъ Переясловскій и Бориспольскій.

Всечестнимъ Ігуменамъ монастирей: Михайловского Переясловского, Герману, Золотоноского Красногорского, Силвестру, и протопопи Переясловскому, Андрею, Бориспольскому Іоану, Золотоноскому Василію, Баришевскому Іоану, намѣстникамъ: Переясловскому, Баришевскому, Басанскому, Березанскому, Капустянскому, Гельмязовскому, Пѣщанскому, Гоголевскому, Ірклѣевскому и градскимъ Переясловскимъ священикомъ, Божіею и нашею Архиерейскою желающе Благословенія пастир-

ского предлагается. Многими високомонаршими Ея Імператорского величества Самодержици всероссійския и Святѣйшаго правительствующаго Сінода присланними указами, всемилостивѣйше повелено, во всѣхъ би епархияхъ, при домѣхъ Архиерейскихъ и въ пристойнихъ мѣстахъ учреждени били училища для содержанія в нихъ учениковъ священного чина и церковного причта дѣтей, а обучать ихъ на росийскомъ и латинскомъ язики грамоти, а потомъ граматики, риторики и другихъ вишшихъ наукъ, которіи для такого обученія учредит искусныхъ учителей, чтоб от сего времени неученіе люди в церковніе определяеми не били; и на содержаніе тѣхъ школ и на пропітаніе школьніков из Архиерейскихъ и монастирских и церковнихъ доходов и земель суму определит. Які̇е Ея Імператорского Величества високоповелителніе укази пастирски достодолжно исполняя, зъ Божіею помощію при катедрѣ нашей Переясловской устроили училища. И уже в них собравшіеся ученики славено-латинского обученія обучаются, которимъ искусниxъ учителей учредили и содержимъ в катедрѣ нашей, особливоеже имъ з дому нашего Архиерейского определили ми препитаніе, а для учеників и всей Епархіи от церковнихъ пожитков и священическихъ доходов, по учиненному расположенію, толко едина пашня, да мука пшеничная, житная и гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ; пшона же, круповъ, сира, масла и прочих к препитанію потребностей не имѣется и в ономъ расположенію не определено, без чего обитіся всячески невозможно. Того для, по сему внов учиненному расположенію всечестности ваше определенное вистачити для препитанія обучающихся учеників долженствуете, як указ високомонаршій повелѣвает непремѣно, сего по всечестностях ваших пастирско жадаемъ и Архиерейско приказуемъ. Данъ з катедри нашей Свято Вознесенской Переясловской за подписаніем руки нашея и при печати катедралной. 1738 года ноября 6 д.

Звишъ менований Арсеній Епископъ Переясловскій и Бориспольскій рукою власною.

(М. П.).

II.

Расположеніе по силѣ високомонаршого указа учиненное для препітанія учеников, в славенно Латинских училищах обучаюпцихся, по которому опредѣленное должни поставит в семинаріумъ непремѣнно на число 26 слѣдуючого ноября сего 1738 года.

ПОСТАВКА.

	Пшона четверики.	Крупъ четверики.	Сиру.	Масла.	Сала.
Отъ самаго Архипастирского лица учителямъ консоляція деклярована и трапезою доволствуютъ.					
А для учениковъ:					
з Катедралного монастиря. . . .	3	—	бочка	фаска	пуд.
з Михайловского Переяславского монастира	2	—	бочка	фаска	пуд.
Золотоноского Красногорского монастира	2	—	бочка	фаска	пуд.
от Протопопи Переясловского . .	2	—	—	—	—
от Протопопи Борисполского. . . .	—	2	—	—	—
от Протопопи Золотоноского . . .	2	—	—	—	—
от Протопопи Баришовского . . .	2	—	—	—	—
					фунтов.
Намѣсник Переясловский	—	—	—	—	20
Намѣсник Баришовский	—	—	—	—	20
Намѣсник Басанский	—	—	—	—	20
Намѣсник Березанский.	—	—	—	—	20
Намѣсник Пѣщанский	—	—	—	—	20
Намѣсник Іркдѣевский	—	—	—	—	20
Намѣсникъ Капустянский	—	—	—	—	20
Намѣсникъ Гельмязовский. . . .	—	—	—	—	20
Намѣсник Гоголевский	—	—	—	—	20
Презвитери гродскіе Переясловскіе:					
Николаевскій Евстафій	1	—	—	—	—
Троецкій Григорій	1	—	—	—	—

ПОСТАВКА.

	Пшона четвериki.	Крупъ четвериki.	Бочка.	Фаска.	Фунт.
Петро-Павловскій Петръ	1	—	—	—	—
Борисоглѣбскій Сава.	1	—	—	—	—

Итого усего пшона и крупъ 19

Сала 7 пудъ и 20 фунтовъ

Которое вишпісанное и в расположеніи семъ изображенное всякъ от себе должен поставит а з подчинених отнюд би ничего соби не дерзал, под опасаніемъ не послабного наказанія. Сіе же расположеніе к надлежащом мѣстамъ отсилат приказуется.

(Сборникъ указовъ Троицкой Иркліевской церкви, f. 236—237).

Для справокъ.

— Въ журналахъ нашихъ неразъ появлялся вопросъ, чей переводъ издалъ *А. С. Пушкинъ* въ 1836 году, подъ заглавіемъ: „*Вастола, повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда*". Отвѣта на него до сихъ поръ мы не находимъ ни въ одномъ изданіи сочиненій Пушкина; а отвѣтъ былъ данъ давно уже, печатно, въ одномъ изъ некрологовъ, мимоходомъ,—и ускользнулъ отъ вниманія историковъ литературы и издателей Пушкина. Переводчикомъ названной поэмы былъ *Ефимъ Петровичъ Люценко*, служившій между прочимъ съ 1811 по 1813 годъ секретаремъ въ Царкосельскомъ Лицеѣ. Пушкинъ, никому не отказывавшій во всякой своей помощи, тѣмъ охотнѣе помогъ старому служакѣ Лицея, при которомъ онъ еще и учился. Изъ немногихъ свѣдѣній о Люценкѣ, разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ [1]), видимъ, что онъ, еще будучи студентомъ московскаго университета, участвовалъ въ журналахъ, вмѣстѣ съ товарищами - Мерзляковымъ, Тимковскимъ, княземъ Н. Козловскимъ, Григ. Глинкою, и потомъ, во всю жизнь, былъ неутомимымъ и образованнымъ переводчикомъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Между прочимъ, онъ переводилъ и „Науку любить" (съ франц). и Потерлный рай Мильтона (съ франц., Смирдинъ № 6742), и Странствованія Телемака, Фенелона, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и фи-

[1]) Словарь свѣтск. писателей, митр. Евгенія II, 40; Исторія Московскаго университета, Шевырева, 303; Историч. очеркъ Царскосельскаго Лицея, Селезнева, 1861, стр. 83; Справочный Словарь о русск. писателяхъ, Геннади, II, 268; Пушкинъ, Я. Грота, 1887, стр. 217.

лологъ, и агрономъ, и поэтъ. Стало быть, Пушкинъ съ полнымъ правомъ могъ сказать о немъ: „*литераторъ заслуженный*“ [1]).

За вѣрность всѣхъ этихъ свѣдѣній мы ручаемся; но... къ великому сожалѣнію нашему мы никакъ теперь не вспомнимъ, гдѣ и когда былъ напечатанъ некрологъ Люценка, изъ котораго мы заимствовали указаніе на него, какъ переводчика Виландовой поэмы. И потому, чтобы подтвердить справедливость этого извѣстія, чтобы устранить всякую тѣнь сомнѣнія, мы обращаемся къ роднымъ Ефима Петровича Люценка съ покорнѣйшею просьбою—сообщить печатно, чрезъ „Кіевскую Старину“, дѣйствительно ли ему принадлежитъ переводъ названной поэмы Виланда. У нихъ, безъ сомнѣнія, сохранились и преданія объ этомъ, и экземпляръ перевода, и какія нибудь записки переводчика. Просимъ сообщить и годъ его кончины, а равно и увѣдомить, не его ли сынъ былъ директоромъ Керченскаго музея древностей (†28 янв. 1884 г). Вопросы эти, помимо историко-литературнаго интереса, занимаютъ насъ еще и потому, что Люценко—*нашъ землякъ*, черниговецъ.

Землякъ изъ-подъ Глухова.

—— 23 декабря 1887 г. издателю-редактору выходящаго въ Харьковѣ духовнаго журнала „Благовѣстъ“ Г. И. Кулжинскому разрѣшено перенести съ 1 янв. 1888 г. изданіе изъ Харькова въ С.-Петербургъ.

—— Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ издавать съ 1 янв. 1888 г. „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“ по измѣненной программѣ: 1) Мѣстный административный отдѣлъ: распоряженія епарх. начальства; 2) Духовное просвѣщеніе по епархіи: свѣдѣнія по училищному вѣдомству херсонской епархіи; 3) Благотворительныя учрежденія епархіи; 4) Разнаго рода объявленія; 5) Прибавленія, въ которыхъ между прочимъ будутъ печатаемы историко-статистич. матеріалы по херсонской епархіи.

—— 23 декабря 1887 г. военно-морскому слѣдователю въ г. Севастополѣ Н. Л. Пшерадскому разрѣшено издавать съ дозволенія предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, политическо-литературную газету „Крымскій Вѣстникъ“.

—— Въ текущемъ году Академіей Наукъ будутъ разсматриваться сочиненія, представленныя для соисканія премій таврическаго дворянства, на тему о русскомъ дворянствѣ въ исторіи развитія Россійскаго государства. Первая премія 1000 р., вторая 500 р., но могутъ быть за одно сочиненіе присуждены обѣ преміи. Къ соисканію этихъ премій будутъ принимаемы въ Академіи, до 21 апрѣля 1888 г., оригинальныя на русскомъ языкѣ сочиненія, какъ рукописныя, такъ и печатныя.

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго Фонда, 1887, т. V, стр. 291.

Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ.

(Къ рисунку съ фотографіи, приложенному въ началѣ книги).

Военно-христіанская община, извѣстная въ исторіи подъ именемъ запорожскаго козачества, или Запорожья, ставила главною цѣлью своего существованія борьбу съ невѣрными, съ врагами имени христіанскаго. Непремѣннымъ условіемъ для поступленія въ члены общины было исповѣданіе христіанской вѣры. Своею покровительницей община почитала Божію Матерь, имени Коей посвящена была и церковь въ запорожской Сѣчи. Во время чтенія евангелія всѣ присутствующіе въ церкви запорожцы заявляли свою готовность защищать ученіе Христа, что выражалось обнаженіемъ сабель до половины. Беззавѣтная храбрость на войнѣ, иногда безшабашный разгулъ во время мира, не мѣшали запорожцу быть добрымъ христіаниномъ, и между ними можно было встрѣтить не мало людей, строго сохранявшихъ обѣтъ цѣломудрія всегда и вездѣ, прилежно читавшихъ священное писаніе, любившихъ церковное пѣніе и усердно посѣщавшихъ богослуженіе. Иногда, проведши всѣ лучшіе годы жизни въ борьбѣ съ невѣрными, запорожецъ шелъ доживать свой вѣкъ въ тиши монастыря, гдѣ являлся такимъ же строгимъ хранителемъ своихъ обѣтовъ, какимъ былъ раньше въ боевой жизни. Запорожцы дѣлали не разъ богатые вклады въ церкви и монастыри.

Уцѣлѣвшимъ памятникомъ христіанскаго благочестія запорожцевъ является церковь въ городѣ Новомосковскѣ, екатеринославской губерніи.

Во времена Запорожья Новомосковскъ не былъ еще городомъ. Это поселеніе носило официальное названіе „Новоселица“, а народъ называлъ его Самарью. Когда Запорожье было уничтожено, то мѣстечко Новоселица обратилось въ слободу Новоселовку; потомъ опять называлось Новоселицей, будучи воен-

нымъ поселеніемъ. Въ 1794 году сюда былъ переведенъ уѣздный городъ Новомосковскъ.

Мѣстность по рѣкѣ Самарѣ издавна славилась обиліемъ естественныхъ произведеній. Теперь мы можемъ составить себѣ лишь приблизительное понятіе о богатствахъ побережья этой рѣки во времена давнія. Долгое время спустя послѣ того, какъ по южно-русскимъ степямъ прошли безконечные ряды кочевниковъ, оставлявшіе за собою разореніе и пустыню, мѣстность эта описана была французскимъ инженеромъ Бопланомъ, посѣщавшимъ южную Русь въ XVII в. Онъ говоритъ, что „рѣка Самара съ ея окрестностями весьма замѣчательна не только по изобилію рыбы, но также по богатству въ воскѣ, медѣ, въ звѣряхъ для охоты и въ строевомъ лѣсѣ..... Козаки называютъ ее святой рѣкой, можетъ быть по причинѣ ея богатствъ [1]“. Это вполнѣ подтверждаетъ и русскій посолъ Василій Тяпкинъ, ѣздившій въ Крымъ въ 1681 году. Онъ, какъ и Бопланъ, утверждаетъ, что по рѣкѣ Самарѣ „дубровы великія, и лѣса, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ и кормовъ конскихъ всюду множество, и пашни можно завести великія [2]“. Эти богатства должны были привлекать осѣдлое населеніе. Дѣйствительно, съ давнихъ временъ мы находимъ на берегахъ рѣки Самары запорожскіе зимовники. Съ теченіемъ времени мѣстность эта заселялась все больше. Запорожцы селились здѣсь съ семьями, занимались не только рыбной ловлей, охотой, пчеловодствомъ, но и земледѣліемъ. Въ послѣднія времена запорожской Сѣчи, область рѣки Самары, образовала особую паланку Запорожскую, а въ мѣстечкѣ Новоселицѣ находилось паланочное управленіе. Въ этой-то Новоселицѣ и задумали запорожцы соорудить церковь. Заложеніе ея совершилось въ 1773 году, а Сѣчь пала въ 1775 г., такъ что окончанія церкви своей запорожцы уже не дождались.

---

[1]) *Déscription d'Ukraïne*, par Beauplan. Rouen. 1660, p. 17.

[2]) Записки Одесск. Общ. Исторіи и древностей. 1848 г. т. I, стр. 573—574. Тоже самое говоритъ стряпчій Коломынасъ, посланный для осмотра береговъ Самары. (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, 1861 г. в. I).

Задумавъ построить церковь, запорожцы купили нѣсколько домовъ, сломали ихъ, разобрали старую церковь и собрались на совѣтъ къ „титарю“, запорожцу Якову Андреевичу Легкому. Присутствовала на этомъ совѣщаніи и старшина паланочная, и мѣстное духовенство, былъ тутъ и начальникъ самарскаго монастыря, іеромонахъ Іессей. Собраніе состоялось въ саду, гдѣ каждый помѣстился, какъ было ему поудобнѣе. Покончивъ разсужденія о матеріалахъ, о деньгахъ, приступили къ вопросу о томъ, кто возьмется строить церковь. Оказалось, что одинъ предусмотрительный прихожанинъ, бывшій тутъ-же на совѣщаніи, привезъ заранѣе и строителя изъ Водолаги, Якима Погребняка, который тотчасъ и выступилъ въ собраніи.

— Ты можешь построить намъ церковь? спрашивали батьки-старшины.

— Мóжу, дайте тилько сылы да плоти, а поставыть поставымо.

— Якои тамъ тоби ще сылы и плоти?

— Плотниковъ-работниковъ, да дерева, да кирпича, вѣстимо.

— Ну, гдѣ тебѣ такому непоказному выстроить Божій храмъ! подсмѣивались запорожцы.

— Ей, батьки, выстрою, а коли хочете, я вотъ намалюю, какую вамъ церковь поставлю.

— Ну, намалюй.

Строитель тутъ же на дорожкѣ начертилъ фасадъ церкви съ пятью куполами.

— Да, церковь намалевана славная,—сказали старшины,— но какъ-то ты ее построишь?

— Строить намъ не первина; я еще и не такую съумѣю построить: я сдѣлаю церковь съ девятью банями (куполами).

— Ну, козаче,—отозвался на это одинъ изъ батькивъ съ полнымъ недовѣріемъ:—и я, какъ малымъ былъ, то также брехавъ, только за то меня не разъ кормили березовою кашею.

— Могу,—сказалъ Погребнякъ,—я вамъ ее и намалюю, коли хотите.

— Намалюй!

И онъ намалевалъ.

При видѣ церкви съ девятью куполами, запорожцы пришли въ восхищеніе. Сильно смущало ихъ одно лишь обстоятельство: съ каждой изъ четырехъ сторонъ будетъ по три купола, а всего выходитъ девять? По ихъ разсчету выходило непремѣнно двѣнадцать. Однако это не помѣшало имъ поручить постройку церкви Погребняку за 2000 р., изъ которыхъ онъ тотчасъ же заявилъ желаніе пожертвовать на церковь 24 рубля.

Послѣ торжественнаго заложенія церкви, съ участіемъ славянскаго архіепископа Евгенія Булгарича, въ присутствіи кошеваго и нѣкоторыхъ куренныхъ атамановъ, при огромномъ стеченіи народа, послѣ этого торжественнаго акта, строитель исчезъ и гдѣ-то скрывался дня три-четыре. Ктиторъ, Павелъ Ѳедоровичъ Коржевскій, начиналъ уже безпокоиться, какъ вдругъ въ послѣобѣденное время неожиданно является Погребнякъ.

— Ну, вотъ она вамъ, вся тутъ,—сказалъ онъ, даже не поздоровавшись съ хозяиномъ.—Ну, вотъ, берите ее, глядите, со всѣхъ четырехъ боковъ по три башты, а всѣхъ таки девять, девять а не двѣнадцать.

Съ этими словами онъ подалъ ктитору модель церкви, сдѣланную изъ оситняка.

— Вижу, вижу, Господь тебѣ помогай!—сказалъ Коржевскій.—Все оно такъ, какъ ты говорилъ. Гдѣ-же ты это былъ, божій человѣкъ?

Вотъ что разсказалъ Погребнякъ:

— Бѣжалъ я въ наши самарскіе камыши и залегъ въ нихъ, а думка моя точно спорила сама съ собою: то выстрою, то не выстрою, безпрестанно вертѣлось у меня въ головѣ. Подумаю, доведу вотъ, кажется, до самыхъ верховъ, смотришь какой-либо сучокъ, либо задоринка и останавливаетъ; пройдешь то и другое, дойдешь почти до крестовъ—кроква въ крокву (стропила) не приходится: одно гнетъ, другое прётъ, того гляди, все полетитъ стремглавъ къ низу. Я совсѣмъ ослабѣлъ и душою и тѣломъ, измучился одною только думкою, точно, Богъ знаетъ, какую великую тяжесть ворочалъ на плечахъ. Лежалъ я въ очеретахъ,

въ палести нашего николаевскаго монастыря; и вотъ обратившись лицомъ къ монастырю, гдѣ находился престолъ святителя Николая, помолился я святому Николаю и такъ усердно, какъ будто всѣ мои сокрушенія разомъ вылились въ одно прошеніе и молитву. Послѣ молитвы я заснулъ и спалъ, помню, долго: заснулъ чуть не въ пору обѣда, а проснулся, солнце было только на два дуба надъ землею. И вѣрно угодникъ Божій услышалъ грѣшную мою молитву: во снѣ видѣлъ я святаго Николая Чудотворца сѣдымъ старикомъ, и святый Николай указывалъ мнѣ, какъ строить этотъ храмъ божій, да такъ ясно, какъ будто теперь вижу его предъ очами. Я всталъ бодрый и свѣжій и началъ, какъ во снѣ указано мнѣ было, плести эту церковь изъ оситняку, и вотъ, какъ видите, сдѣлалъ.

— Ну, будь тебѣ сила святая въ помощь!—сказалъ ктиторъ.— Начинаешь ты, Господь съ тобой, какъ-то необычайно, дай тебѣ Богъ такъ и кончить.

Какъ видно, это былъ не заурядный строитель, а истинный художникъ, въ душѣ вынашивающій свое созданіе и цѣною душевныхъ мукъ добывающій для него соотвѣтствующій образъ.

И онъ кончилъ церковь, но лишь въ 1779 году, когда Запорожье не существовало болѣе. Этотъ замѣчательный памятникъ архитектуры XVIII столѣтія, носящій на себѣ яркую печать національнаго творчества, былъ освященъ въ 1781 году протоіереемъ собора, Григоріемъ Порохнею.

Церковь уцѣлѣла по настоящее время. Она состоитъ изъ девяти золотоглавыхъ башенъ, каждая о четырехъ ярусахъ; башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ, и изъ среднихъ центральная главная еще выше. Самыя башни сложены изъ сосновыхъ и частью дубовыхъ брусьевъ, имѣющихъ въ отрубѣ отъ шести до десяти вершковъ и почти нигдѣ не скрѣпленныхъ гвоздями: башни служатъ опорою одна другой въ силу равновѣсія, угаданнаго строителемъ съ замѣчательною вѣрностью. Никакихъ поддерживающихъ колоннъ, никакихъ подставъ и подпоръ внутри нѣтъ, извнѣ—

тоже. Высота церкви за тридцать, а окружность около пятидесяти восьми саженъ; фундаментъ—кирпичный. Вначалѣ маковки церкви были выкрашены зеленой краской, а вызолочены въ тридцатыхъ годахъ при починкѣ. Иконостасъ былъ сначала съ фестонами, завитками, со всѣми хитростями столярнаго искусства. Образа хорошаго письма; нѣкоторые были писаны на золотомъ фонѣ въ византійскомъ вкусѣ. Колокольня стоитъ отдѣльно.

Не можемъ въ заключеніе пройти молчаніемъ имена первыхъ жертвователей на этотъ храмъ. Еще на сооруженіе церкви сдѣлали богатое пожертвованіе Антонъ Головатый и Чепига; икону Собора свв. Апостоловъ пожертвовалъ козакъ Иванъ Батуринскій Терещенко въ 1774 г.; Евангеліе въ зеленомъ бархатѣ съ серебромъ—козакъ Лаврентій Плиха въ 1775 году; серебряную чашу съ пестрою позолотой—козакъ Өеодоръ Колотнечя въ 1766 году. Существуетъ преданіе, что одинъ изъ колоколовъ пожертвовалъ Потемкинъ, Грицько Нечоса, уничтожившій запорожскую общину.

П. Г.

P. S. Въ настоящее время Новомосковскій Свято-Троицкій соборъ возобновляется съ разрѣшенія Правит. Сvнода, послѣдовавшаго 27 мая 1887 г. Согласно предписанію екатеринославской духовной консисторіи настоятель собора образовалъ комитетъ съ цѣлью перестроить церковь по плану, составленному архитекторомъ Харманскимъ и разсмотрѣнному екатеринославскимъ строительнымъ отдѣленіемъ, „съ израсходованіемъ на перестройку 11545 р. 18 к., собранныхъ для этого отъ доброхотныхъ дателей, и 20000 р. изъ свободныхъ церковныхъ суммъ, образовавшихся изъ кружечныхъ, кошельковыхъ и свѣчныхъ доходовъ“. Работы по перестройкѣ стѣнъ, половъ, крышъ отданы подрядчику-плотнику, а обновленіе иконъ поручено Н. М. Перфильеву, реставратору древнихъ иконъ, прибывшему изъ Петербурга.

---

[1]) Подъ именемъ Грицька Нечосы Потемкинъ былъ принятъ въ запорожскую общину.

Разборка стѣнъ храма началась 2 октября прошлаго года и окончена къ концу того же мѣсяца. И въ обновленномъ видѣ соборъ будетъ деревяннымъ и девятиглавымъ, какимъ онъ былъ въ первоначальной постройкѣ. „Старое дубовое дерево, изъ котораго построенъ былъ соборъ", замѣчаетъ авторъ статьи въ „Екатер. Губернск. Вѣдом (№ 13), откуда мы и заимствуемъ добавочныя свѣдѣнія, „по разборкѣ его оказалось почти совершенно истлѣвшимъ, особенно въ нижнихъ частяхъ собора; и предполагавшаяся первоначально лишь перекладка и пересыпка стѣнъ собора, съ замѣною нѣсколькихъ прогнившихъ колодъ новыми, превратилась въ постройку заново, изъ почти всего новаго лѣса. Все это, понятно, должно усложнить и удорожить возобновленіе Новомосковскаго собора совершенно непредвидѣнно". Ради экономіи дубовыя колоды замѣнены будутъ сосновыми; изъ дуба будетъ выведена только основа собора, для чего потребуется не меньше 600 колодъ. Неразобраннымъ пока остался каменный фундаментъ, подведенный подъ деревянныя стѣны собора въ сравнительно недавнее время. Разобранъ онъ будетъ весною, и на мѣсто его заложится новый фундаментъ въ прежнихъ предѣлахъ изъ кирпича - желѣзняка.

При разборкѣ иконостаса, къ счастью, никакихъ поврежденій не было. При обновленіи иконъ реставраторъ не дозволяетъ себѣ никакихъ уклоненій отъ стараго письма, никакихъ подмалевокъ и подкрашиваній первоначальнаго рисунка. „Г. Перфильевъ смываетъ всю копоть и запыленіе съ иконъ при помощи извѣстныхъ ему одному средствъ и пріемовъ, и иконы выходятъ изъ его рукъ съ чрезвычайно живыми изображеніями,— точно онѣ вчера нарисованы". Въ числѣ иконъ наиболѣе замѣчательными по древности и по художественности иконописи называютъ двѣ: „Святителя Николая" и „Христа Спасителя". Рама первой иконы отдѣлана въ стилѣ XV в., поле ея позолоченное, также въ древнемъ вкусѣ, но не гладкое, а волнистое. Рамы иконъ имѣютъ выпуклыя рѣзныя украшенія.

По словамъ корреспондента „Екат. Губ. Вѣдом." (№ 15), иконостасъ подновляется только по части живописи; позолота

же рамъ на иконахъ и окраска пола иконостаснаго не будутъ произведены по недостатку средствъ у прихожанъ собора. Нельзя не присоединиться къ пожеланію корреспондента, чтобы земство новомосковскаго уѣзда приняло участіе въ реставраціи драгоцѣннаго памятника малорусской старины. Бережное отношеніе къ памятникамъ родной исторіи и роднаго искусства вообще, тѣмъ паче такимъ, какъ вѣковой храмъ запорожскаго козачества, должно быть присуще каждому, кто мало-мальски дорожитъ уроками исторіи и сознаетъ всю невозвратимость утратъ въ подобной области.

Ред.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 годъ.

(Журн. Мин. Народн. Просв.— Правосл. Обозрѣніе.—Вѣстн. Европы.—Русск. Старина. — Сѣверн. Вѣстникъ. — Русская Мысль. — Наблюдатель. — Историч Вѣстникъ.—Biblioteka Warszawska.—Недѣля.—Кіевлянинъ.—К. Слово.—Kraj.—Głos.—Дѣло).

Журн. Мин. Нар. Просв. № 1. *Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго* (стр. 1—23; окончаніе слѣдуетъ). Выяснены сношенія Россіи съ Польшей въ теченіе трехъ лѣтъ (1676—1678), причемъ немало данныхъ приводится о личностяхъ и событіяхъ, связанныхъ съ исторіей Украины, т. к. въ значительной мѣрѣ сношенія эти касались ея. Главнымъ матеріаломъ для статьи служатъ дѣла по сношеніямъ съ Польшей въ Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ.

„*Паденіе Польши*" *въ исторической литературѣ Н. И. Карѣева* (стр. 24—53; продолженіе слѣдуетъ). Въ обширной статьѣ, составляющей часть спеціальнаго университетскаго (С.-Петербургскаго) курса, авторъ задается цѣлью познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ вопроса о паденіи Польши въ исторической литературѣ, а равно представить обозрѣніе всей литературы, посвященной этой эпохѣ. Авторъ располагаетъ матеріалъ свой слѣдующимъ образомъ: первыя двѣ главы должны представить обозрѣніе польскихъ публицистическихъ и историческихъ произведеній, относящихся къ вопросу; слѣдующія двѣ главы—публицистика и исторіографія западно-европейская, и еще двѣ—русская; только послѣ этого будутъ разсмотрѣны новѣйшіе польскіе историческіе труды, что составитъ 7-ю главу, наконецъ въ 8-ую главу войдутъ общіе выводы. Пока 1-я глава „Мнѣнія польскихъ публицистовъ въ XVIII вѣка о причинахъ упадка Рѣчи-Посполитой".

Очерки изъ исторіи русской драмы. П. Морозова (стр. 114—169; начало въ 1887 г. № 12; продолженіе слѣдуетъ). Опытъ систематическаго изложенія исторіи русской драмы, для чего автору нужно было вначалѣ остановиться на ходѣ развитія драмы въ Западной Европѣ и въ

Польшѣ. Естественно, что въ статьѣ очень видное мѣсто занимаютъ драмы, принадлежащія Малороссіи и Бѣлоруссіи.

№ 2. *Евгеній митрополитъ Кіевскій. Е. Ф Шмурло* (стр. 267—325). Продолженіе обширной статьи, начатой еще въ прошломъ году. Въ настоящей 7-й главѣ идетъ рѣчь о сочиненіи Евгенія „Описаніе Воронежской губерніи". Отмѣчаемъ статью потому, что она связывается съ именемъ Евгенія Болховитинова, имѣющаго такое близкое отношеніе къ Кіеву.

Очерки изъ исторіи русской драмы. П. О. Морозова (стр. 377—403). Начало этой, 4-й главы посвящено обзору кіевскихъ школьныхъ драмъ, а именно: „Объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ", „Дѣйствіе на Страсти Христовы списанное", „Мудрость Предвѣчная".

Записки о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Θеогностѣ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ. В. Г. Васильевскаго (стр. 445—463). Сообщается о нѣсколькихъ замѣткахъ, найденныхъ въ греческомъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка, съ извѣстіями объ избраніи и поставленіи епископовъ на разныя русскія епископскія каѳедры. Всѣ эти извѣстія относятся ко 2-й четверти XIV вѣка и между прочимъ касаются каѳедры Южной Руси.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θеодора Алексѣевича (стр. 464—485). Данныя, о которыхъ было сказано по поводу начала этой статьи въ № 1, касаются здѣсь событій 1679 года и даютъ опять немало свѣдѣній о сношеніяхъ Польши съ Малороссіей, а также объ отношеніяхъ козаковъ къ московскому и польскому правительствамъ.

Рецензія на книгу В. Шимановскаго „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ". А. Соболевскаго (стр. 524—527). Указаны многіе промахи, допущенные авторомъ въ изданіи Сборника Святослава 1076 г., главнымъ образомъ тотъ, что издатель не выдѣлилъ несомнѣнно принадлежащаго перу писца 1076 года и не указалъ, гдѣ въ позднѣйшихъ поправкахъ видны слѣды старыхъ начертаній, а напротивъ во многихъ случаяхъ смѣшалъ старое съ новымъ.

Правосл. Обозрѣніе № 1. *Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. П. Θ. Каптерева* (стр. 40—78; продолженіе слѣдуетъ). Разсматривается между прочимъ и вопросъ о томъ вліяніи, благодаря которому Никонъ энергично приступилъ къ исправленію церковныхъ обрядовъ и книгъ, причемъ нѣсколько страницъ удѣлено выясненію того, въ какой мѣрѣ такое вліяніе могло быть со стороны кіевскихъ ученыхъ и особенно Епифанія Славинецкаго.

Вѣстн. Европы № 1. *„Семенъ сирота и его жена". Деревенская быль Θ. Тищенка* (стр. 209—254). Небольшой разсказъ, съ сюжетомъ изъ

жизни крестьянъ харьковской губ. Дѣйствующія лица, пріуроченныя къ Харьковщинѣ, мало проявляютъ особенности не только мѣстнаго типа, но и вообще малорусскаго.

№ 2. *Новые романы Сенкевича. А. Пыпина* (стр. 665—686). Идетъ рѣчь объ извѣстныхъ романахъ „Огнемъ и мечемъ" и „Потопъ"; причемъ авторъ, дѣлая оцѣнку произведеній С—а, останавливается на вопросѣ о малорусско-польскихъ отношеніяхъ и, ссылаясь на многія мѣста извѣстной читателямъ „Кіевской Старины" статьи г. Антоновича по поводу романа „Огнемъ и мечемъ" (1885 г. № 5), соглашается съ тѣмъ, что романистъ не возвышается надъ уровнемъ ходячихъ представленій о старой Польшѣ, блистающей яко бы шляхетскими добродѣтелями и не можетъ отрѣшиться отъ шляхетскихъ воззрѣній на козацкую Украину, преисполненную будто бы варварства, дикости безъ всякихъ признаковъ культуры.

Осипъ Федьковичъ. А. Конисскаго (стр. 888—892). Краткій біографическій очеркъ галицкаго писателя О. Федьковича, скончавшагося 29 дек. 1887 г.

Русская Старина № 1. *Колчинъ* — продолженіе статьи „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX в.в.", историческій очеркъ, глава XIV. Между помѣщенными авторомъ свѣдѣніями о ссыльныхъ находимъ слѣдующія извѣстія: 1829 г. сосланъ, „полтавской губ. козачій сынъ Иванъ Потапенко. Имѣя 10 лѣтъ отъ роду, онъ убилъ 8-мѣсячную дѣвочку, посланъ въ Соловецкій монастырь на 15-лѣтнее заточеніе съ употребленіемъ во всѣ тяжелыя работы. Въ 1835 г. сданъ въ солдаты". 1834 г. усланъ въ Соловецкій монастырь начальствомъ военный поселянинъ Ѳедоръ Хоменко за распространеніе нелѣпыхъ толковъ и ложныхъ пророчествъ, основанныхъ на сновидѣніяхъ, и за объявленіе этихъ пророчествъ начальству. Освобожденъ изъ острога въ 1846 г. Въ 1851 г. сосланъ придворный пѣвчій Александръ Орловскій, кончившій курсъ въ черниговской духовной семинаріи, обладавшій хорошимъ теноромъ, но отличавшійся безпорядочнымъ поведеніемъ; посаженъ въ острогъ за безбожіе; онъ въ пьяномъ видѣ, „желая похвастаться ученостью и вольнодумствомъ, произнесъ нѣсколько дерзкихъ словъ на религію". По прибытіи въ острогъ онъ написалъ на имя архимандрита подробное покаяніе, послѣ чего уволенъ изъ острога и зачисленъ въ послушники. Послѣ двухъ лѣтъ послушанія совсѣмъ освобожденъ изъ монастыря. Въ 1850 г. присланъ бывшій студентъ Георгій Андрузскій по Высочайшему повелѣнію за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія. Вотъ что Андрузскій разсказываетъ о себѣ въ своемъ покаяніи соловецкому архимандриту: „Родился я въ 1827 г., до 1839 г. воспитывался дома, родомъ изъ полтавской губерніи. Съ 1839 по 1847 годъ воспитывался въ 1-мъ благородномъ пансіонѣ 1-й кіевской гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1847 г.

взятъ въ Петербургъ и по повелѣнію Государя отправленъ въ казанскій университетъ для окончанія курса наукъ; причемъ мнѣ Всемилостивѣйше пожаловано на первоначальное обзаведеніе 200 руб. Причиной перемѣщенія были мои бумаги и стихи мятежнаго содержанія, имѣющіе цѣлью возстановленіе малорусской народности. Въ 1848 г. по окончаніи курса наукъ, переведенъ изъ Казани на службу въ Петрозаводскъ, вслѣдствіе повреждения глазъ и неспокойнаго поведенія". Въ Петрозаводскѣ онъ служилъ, скорѣе числился въ олонецкомъ Губ. Правленіи при газетномъ столѣ писцомъ по 1 мая 1850 г.; 19 марта 1880 г. по распоряженію гражданскаго губернатора, обысканъ, арестованъ на дому и черезъ мѣсяцъ, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Соловецкій монастырь, с чемъ я узналъ частнымъ образомъ по прибытіи въ Архангельскъ, гдѣ мѣсяцъ находился въ тюрьмѣ до вскрытія водъ. Причина этой ссылки: сочиненія предосудительнаго и отчасти нерелигіознаго содержанія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ поступлено со мною справедливо и весьма снисходительно. Впрочемъ я никогда не возставалъ противъ монархіи, ни противъ личныхъ основъ царской власти, а только, полагая, что во всероссійской державѣ должно быть и всероссійское господство, вооружался на исключительное господство великороссіянъ въ защиту давно отжившей малорусской народности. Отъ церкви я никогда не отлучался. Если-же въ моихъ сочиненіяхъ и попадаются выходки противъ власти монархической и церковной, то вслѣдствіе молодечества и раздраженнаго воображенія". Далѣе слѣдуютъ выраженія раскаянія, при чемъ Андрузскій заявляетъ, что ему „нѣтъ дѣла ни до Малороссіи, ни до Европы, ни до всего свѣта—я желаю быть христіаниномъ". Это раскаяніе было отправлено въ Синодъ въ 1850 г., при чемъ приложенъ отзывъ архимандрита, что Андрузскій ведетъ себя смирно, въ церковь ходитъ; освобожденъ онъ былъ лишь послѣ нападенія англичанъ, въ 1855 году.

Сѣверный Вѣстникъ. № 1. *Три теченія. Романъ А. Шабельской* стр. 1—51. № 2, стр. 85—117). Мѣсто дѣйствія—подольская губ.; дѣйствующія лица—по преимуществу культурный слой водворившагося тамъ русскаго землевладѣнія среди мѣстной природы и народонаселенія.

Въ Областномъ отдѣлѣ журнала (№ 1, стр. 56--68). Отзывы о появившихся въ мѣстныхъ газетахъ статьяхъ объ арендѣ за отработки. О сыпучихъ пескахъ. О пчеловодствѣ въ рославльскомъ уѣздѣ. О плотническомъ и землекопномъ промыслахъ въ смоленской губерніи. О промыслахъ въ воронежской губерніи. О дорогобужскихъ городскихъ промыслахъ. О народномъ праздникѣ св. Андрія на Волыни. О м. Гороховѣ. Въ томъ же отдѣлѣ (№ 2, стр. 57—79) статья Неручева *Бессарабское земство*, его недоимки и мѣры борьбы съ ними. Въ отдѣлѣ изъ провинціальной печати (стр. 82—87). Отзывы на статью „Од. Новост." Аренда крестьянскими обществами казенно-оброчныхъ земель. О цы-

ганахъ въ Бессарабіи и ихъ нуждахъ—ст. „Од. Листка“. О кустарныхъ промыслахъ въ рославльскомъ уѣздѣ—ст. „Смол. Вѣст.“. Остатки вертепн. драмы въ смоленской губерніи—Тимофѣева, таже газ.

Въ отдѣлѣ *Новыя книги* помѣщены рецензіи (№ 1, стр. 76—79) на трудъ Е. Святловскаго „Матеріалы по вопросу о санитарномъ положеніи русскаго крестьянства. „Медико-топографическое описаніе волчинскаго уѣзда, харьковской губерніи“ (стр. 79—80) Ѳ. Лашковъ „Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ“.

Русская Мысль. № 1. Въ библіографическомъ отдѣлѣ рецензіи на книги: 1) И. Потапенко, *Въ деревнѣ. Очерки и разсказы.* Од. 1887. Сюжеты 13 разсказовъ въ этой книгѣ взяты изъ жизни южно-русскихъ крестьянъ. Авторъ знакомъ съ предметомъ, но плохой разскащикъ (стр. 51). 2) *Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ.* Т. I. Од. 1886. Т. III. 1887. Къ югу Россіи относятся рефераты: В. Б. Антоновича, *О пещерахъ на берегу Днѣстра*, Е. Н. Мельникъ, *Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ южной Россіи*, А. Ѳ. Лихачева, *Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ*, Д. Я. Самоквасова, *Могильныя древности александровск. у. екатериносл. губ.*, гр. А. А. Бобринскаго, *О курганахъ близъ м. Смѣлы* (стр. 19). 3) *Курганы и случайныя археолог. находки близъ м. Смѣлы.* Дневникъ *пятилѣтнихъ раскопокъ* гр. А. А. Бобринскаго. С.П.Б. 1887. Изданіе роскошное, украшено множествомъ рисунковъ и снабжено картой кіевской губ. и археолог. картой окрестностей Смѣлы (стр. 19—20).

Библіографическій отдѣлъ (стр. 80—83). Въ отдѣлѣ Статистики краткія рецензіи на книги: Ф. Щербины, *Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду* и П. Червинскаго, *Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій*, (стр. 80—83).

Наблюдатель №№ 1 и **2**. В. В., Формы подворнаго землевладѣнія въ Россіи (57—71, 181—205).

Противники общиннаго владѣнія обыкновенно указываютъ на черезполосность, порождаемую имъ, какъ на самый крупный и вредный его недостатокъ, и въ виду того настаиваютъ на выгодности и полезности подворной собственности. Такъ ли это? Устраняетъ ли подворное владѣніе черезполосность со всѣми ея послѣдствіями? Дѣлаетъ ли оно владѣльца участка полнымъ господиномъ его дѣятельности? В. В. даетъ въ своихъ статьяхъ отвѣтъ на эти вопросы въ примѣненіи къ Россіи, опираясь въ своей аргументаціи главнымъ образомъ на явленіяхъ, представляемыхъ подворнымъ владѣніемъ въ Малороссіи и Новороссіи. Основываясь на записи какъ румянц. описи (золотоношскаго и суражскаго у), такъ и современной земской статистики, онъ показываетъ, что черезполосность у козаковъ и крестьянъ обѣихъ областей была преобладающею

и въ XVIII в., и теперь, и притомъ такою же, если даже не большею, чѣмъ при общинномъ владѣніи. По одному, напр., золотоношскому уѣзду при 20 селахъ съ 1215 козачьими дворами 30 тыс. десятинъ пахати были разбиты на 16500 отдѣльныхъ кусковъ, т. е. на одинъ дворъ приходилось 24 дес. въ 13—14 кускахъ. Въ XIX в. черезполосность достигла еще большихъ размѣровъ и притомъ такихъ, что вызвала межеваніе, которое однако не въ силахъ было устранить ее. Черезполосность и послѣ межеванія продолжала развиваться. Очевидно, что въ случаяхъ обѣихъ формъ землевладѣнія мы имѣемъ дѣло съ однимъ типомъ; обѣ въ отношеніи расположенія угодій сложились по одному образцу. Формы, представляемыя нѣмецкими колоніями Новороссіи и крестьянскими обществами на земляхъ, купленныхъ при помощи крестьянскаго банка, рисуютъ ту же картину, доказывающую, что не только мѣстные жители, но и иноземцы (притомъ получившіе въ пользованіе отрубные участки земли, около 60 дес. каждый), поселяясь въ Россіи, усвоиваютъ форму землевладѣнія, построенную по общинному типу, т. е. дробятъ земли, создаютъ черезполосность, удаляютъ участки отъ жилья, вводятъ обязательный сѣвооборотъ и т. д. Ясно, что должны существовать какія-то общія причины, создающія одинаковыя последствія при двухъ различныхъ формахъ владѣнія, причины, не заключающіяся лишь въ одной формѣ общиннаго владѣнія. Эти причины, не общинное владѣніе, ибо существуетъ черезполосность и у четвертныхъ владѣльцевъ, а они — результатъ помѣстнаго, а не общиннаго владѣнія и у нѣмецкихъ колонистовъ юга, ибо они явились въ Россію при условіяхъ, обезпечивавшихъ ихъ отъ вліянія общиннаго русскаго владѣнія. Не заключаются они и въ правительственномъ вліяніи. Коренную причину В. В. видитъ въ томъ, что преобладающею формою поселенія являлся не дворъ, а цѣлое село, группа дворовъ, что было необходимо и въ виду маловодья степной полосы, заставлявшаго скучиваться по рѣчкамъ, колодезнымъ мѣстамъ и т. д., заставляющаго и теперь двѣ деревни сливаться въ одну (напр. въ 70 годахъ д. Мордвиновку съ Чикановкой, Зеленовку съ д. Правый Салаванъ и т. д), и въ виду историческихъ условій: защита отъ воинственныхъ племенъ, требовавшая разселенія большими группами. Во-вторыхъ, громадную роль играли аграрныя и культурныя условія, препятствовавшія жизни хуторомъ, требующей такихъ силъ (по оборонѣ, расчисткѣ отъ снѣга пути, пастбища для скота и т. д), какими не обладалъ и не обладаетъ русскій крестьянинъ, привыкшій къ экстенсивному хозяйству. Одна, напр., необходимость пастбища, при состояніи земельнаго владѣнія, дѣлаетъ возможнымъ и безусловнымъ отведеніе особаго участка земли для общей пастьбы, а слѣдов. и черезполосность пахати. Наконецъ, сюда же прибавляются и природа страны, со всею силою стихіи давящею человѣка, вооруженнаго примитивными орудіями, и условія земледѣлія, требующія просторнаго

размѣщенія жителей, тогда какъ надѣлы малы. Понятно отсюда, что хуторное разселеніе при такихъ обстоятельствахъ можетъ привести лишь къ одичанію, разрушая зачатки культуры въ видѣ зараждающихся школъ и т. д.

Такимъ образомъ скученіе въ большія группы есть необходимое слѣдствіе историческихъ, естественныхъ и иныхъ причинъ, свойственныхъ и югу, и сѣверу Россіи, а оно необходимо приводитъ къ черезполосности. А между тѣмъ эта черезполосность значительно уступаетъ черезполосности общинной, потому что 1) она дробнѣе и совершается быстрѣе, ибо собственникъ подворный свободенъ распоряжаться своимъ участкомъ, 2) неправильнѣе, такъ какъ нѣтъ, какъ въ общинѣ органа, слѣдящаго за соблюденіемъ установленнаго плана расположенія угодій. При черезполосности подворной необходимо періодическое межеваніе, которое дорого стоитъ, долго тянется, вызываетъ неудовольствія, создаетъ правонарушенія, тогда какъ въ общинѣ этотъ трудный процессъ требуетъ всего нѣсколькихъ дней для своего выполненія.

Biblioteka Warszawska № 2. Некрологъ Іосифа Федьковича—краткая біографія и перечень сочиненій покойнаго.

Историческій Вѣстникъ. № 1. *Л. Н. Павлищева. Изъ семейной хроники.* Авторъ—сынъ Ольги Сергѣевны Пушкиной, сестры А. С. Пушкина. Въ статьѣ есть нѣкоторыя данныя о Н. В. Гоголѣ, бывавшемъ въ семьѣ автора (стр. 33—63).

А. А. Титова. Павелъ Конюшкевичъ, митрополитъ тобольскій и сибирскій (стр. 180—186). Краткая біографія замѣчательнаго святителя, малорусса по происхожденію. Собственно перепечатка свѣдѣній о жизни Конюшкевича, изъ труда Толстого, напечатаннаго въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1869 годъ, книжка 2-я. Митрополитъ Конюшкевичъ уроженецъ Самбора, воспитаніе получилъ въ кіевской духовной академіи. Въ Москвѣ былъ на должности проповѣдника при Славяно-Греко-Латинской Академіи. Въ 1758 г. рукоположенъ въ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго. Противъ отобранія церковныхъ имуществъ при Екатеринѣ II, въ 1764 г. онъ написалъ протестъ, за что и былъ подвергнутъ суду Синода и посланъ на жительство въ нашу кіевскую Лавру. Умеръ въ 1770 году.

Д. И. Эварницкаго. Переправа чрезъ Днѣпровскіе пороги (стр. 187—200).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщена между прочими рецензія на Холмскій народный календарь за 1888 годъ.

Сочувственная замѣтка о „Кіевской Старинѣ“ по случаю временной пріостановки изданія. (Стр. 263).

№ 2. *М. И. Сухомлинова. И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ* (стр. 324—348). Нѣкоторыя данныя о Н. И. Костомаровѣ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи интересныя для насъ рецензіи на книги: Омельяна Огоновскаго „Історія литературы рускои". Ч. І. Львовъ. Гр. Алексѣя Бобринскаго „Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы", Д. И. Багалѣя: „Матерьялы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства". Харьковъ, 1887 г. Шолковича: „Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ западной Россіи". Выпускъ II. Вильна. 1887 г., П. Кедрова: „Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его дѣятельность по возсоединенію уніатовъ". Спб. 1887 г.

Въ отдѣлѣ: заграничныя историческія новости—указанія на вышедшіе заграницей труды, касающіеся исторіи юго-западнаго края: Кинглека: „Вторженіе въ Крымъ; его причины и описаніе его осады до смерти лорда Роглана" (The invasion of the Crimea: its origin and an account of its progress down to the death of lord Raglan. By A. W. Kinglake). Въ нѣмецкомъ Сборникѣ: „Литовская и леттская печать (Litavische und lettische Drucke des XVI und XVII Jahrhundertes) сочин. Ширвида 1629 г.: „Punkty Kazan" съ лингвистическими комментаріями и біографіей автора, члена іезуитскаго ордена. Это темы для проповѣдей.

Недѣля. № 3. *Городскіе безобразники и ихъ обличитель.* (Стр. 95—101). Матеріалъ для исторіи городского хозяйства въ г. Звенигородкѣ кіевской губерніи.

№ 6. *Бибиковскія мѣры. Лѣскова* (Стр. 196—198). Фактъ лѣченія Бибиковымъ студента, жившаго у С. П. Алферьева (подлежитъ сомнѣнію).

№ 7. *Научныя работы на земскія средства* (Стр. 222—226). Свѣдѣнія о дѣятельности херсонскаго губернскаго земства въ этомъ направленіи.

№ 2 кн. *Въ образцовомъ имѣніи.* А. Ивина. (Стр. 1—36). Изображеніе хуторнаго хозяйства въ одномъ изъ угловъ Малороссіи въ неумѣлыхъ рукахъ бывшаго чиновника, мнящаго себя образцовымъ хозяиномъ.

Кіевлянинъ №№ 8, 10, 12, 15, 17, 18, 22, 25, 26 и 27. *Польское возстаніе 1863—1864 г.г.* Сводъ данныхъ относительно послѣдняго польскаго мятежа, собранныхъ въ двухъ книгахъ: «М. Н. Катковъ. 1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу. Москва. 1887 г.» и «Н. И Павлищевъ. Седьмицы польскаго мятежа 1861—1864 г.г. Т. IV—V. СПБ. 1887».

№№ 10, 11 и 15. *Сто лѣтъ назадъ и нынѣ.* Подробное изложеніе монографіи г. Червинскаго о кролевецкомъ уѣздѣ, помѣщенной въ XV томѣ статистическихъ матеріаловъ черниговскаго земства.

№ 19. *Кладъ вырытый на погостѣ Кіево-Михайловскаго монастыря 19 ноября 1887 года.* Статья заключаетъ, по словамъ автора, сводъ мнѣній объ этомъ кладѣ людей науки, успѣвшихъ съ нимъ ознакомиться. Составъ клада описанъ въ № 254 той же газеты за 1887 годъ.

Годичное собраніе кіевскаго церковно-археологическаго общества (отчетъ о дѣятельности общества за 1887 годъ). Въ засѣданіяхъ общества предложены были слѣдующіе рефераты по мѣстной исторіи: «О рукописномъ южно-русскомъ сборникѣ конца XVII вѣка, со вплетенною въ него печатною брошюрою Кутеинской печати 1636 года», Н. И. Петрова «О рукописныхъ лекціяхъ по догматическому богословію, читанныхъ въ кіевской духовной академіи архимандритомъ Димитріемъ (Муретовымъ), впослѣдствіи архіепископомъ херсонскимъ»; М. Ф. Ястребова «О документахъ, относящихся къ исторіи православнаго Кременецкаго богоявленскаго братства XVII и XVIII в.в.»; Н. И. Петрова «О древнѣйшихъ руководствахъ по философіи въ Кіевской академіи», его же; «О памятникахъ православія на Волыни, относимыхъ ко времени св. равноапостольнаго князя Владиміра». Въ церковно-археологическомъ музеѣ находятся изъ поступленій 1887г. слѣдующіе интересные памятники мѣстной старины: гальванопластическій снимокъ съ древняго бронзоваго энколпіона, найденнаго въ развалинахъ Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ; снимокъ съ древней (до сихъ поръ не вполнѣ разобранной) надписи на плитѣ въ Васильевской церкви того же города; нѣсколько предметовъ изъ бывшей Сѣчевой Покровской церкви, нынѣ въ с. Покровскомъ, Екатеринославской губ., напрестольное евангеліе 1785 г. въ мѣдномъ посеребренномъ окладѣ, оловянная чаша безъ подножія, мѣдный позолоченный дискосъ 1786 г., три деревянныя лопатки, для наклейки на нихъ поминальныхъ записей и молитвъ, нотное «О тебѣ радуется» на доскѣ и ветхая полотняная икона Спасителя, принадлежавшая какъ видно изъ надписи на ней, въ 1769 году куренному атаману Василію Шилу, два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ изъ остерскаго уѣзда; 6 свитковъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ XVII в. (переданы во временное пользованіе церковно-археологическаго общества); рукописное Евангеліе, найденное въ м. Сатановичъ, подольской губ., съ подписью 1552 г.; альбомъ фотографическихъ снимковъ съ церковныхъ древностей Волынской епархіи.

№ 22. *Въ виду предстоящаго въ 1893 г. празднованія столѣтія со времени присоединенія Подоліи къ Россіи,* духовное вѣдомство подольской епархіи предполагаетъ съ нынѣшняго года приступить къ тщательному изслѣдованію историческихъ матеріаловъ о жизни за прошлое столѣтіе, для выясненія значенія этого знаменательнаго въ русской народной и церковной и гражданской исторіи событія.

№ 26. *Отчетъ о засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца, состоявшемся 31 Января.* Изложеніе доклада В. Б. Антоновича: «Характеристика древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ», дающаго много новыхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣній о территоріи древнихъ древлянъ, о ихъ культурѣ, бытовой и общественной жизни, добытыя путемъ научныхъ выводовъ на основаніи раскопокъ могильниковъ на территоріи древлянъ

№№ 27 и 28. *И. М—ко. О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ*, библіографическая замѣтка по поводу статьи того же заглавія, В. З. Завитневича въ № 1 за 1888 годъ «Трудовъ Кіевской дух. Академіи». М—ко, придерживаясь лѣтописной хронологіи, оспариваетъ выводы г. Завитневича, утверждая, что мѣстомъ крещенія кн. Владиміра былъ Корсунь.

№№ 32 и 35. *В. Завитневичъ. Къ вопросу о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ*,—отвѣтъ И. М-ко.

И. Линниченко. Къ празднованію 900-лѣтія христіанства на Руси.

33. *Памятная книжка Волынской губерніи на 1888 годъ.* Изданіе Волынскаго губернскаго сатистическаго комитета. Составлена подъ редакціей секретаря комитета И. Ф. Мацкевича. Житоміръ 1887 г., in. 8,—библіографическая замѣтка.

№ 34. Народная легенда о Маріи Кочубей (заимствовано изъ «Черниговск. губ. вѣдомостей“).

Новыя данныя по исторіи Кіевской академіи. Между десятками тысячъ томовъ, входящихъ въ составъ библіотеки кіевской академіи, найдено не мало старопечатныхъ книгъ и рукописей, хранящихся здѣсь съ того времени, когда кіевская академія была еще „Кіево-Могилянской коллегіей“; отыскано до десятка книгъ съ собственноручною подписью митрополита Петра Могилы. Между книгами библіотеки академіи найдены и книги первопечатныя въ Европѣ: даты въ нихъ указываютъ XV столѣтіе. Въ книгохранилищахъ при кіевскихъ монастыряхъ заключается весьма много старинныхъ книгъ и рукописей съ помѣткою: „E bidliotheca Academiae Kijoviensis“, т. е. „изъ библіотеки Кіевской академіи“; на другихъ манускриптахъ и книгахъ надпись иная: „E bibliotheca contubernii studiosorum Academiae Kijoviensis“, т. е. „изъ библіотеки общежитія студентовъ Кіевской академіи. Изъ кіевскихъ монастырей, богатыхъ книгами принадлежащими академіи, слѣдуетъ указать на Никольскій, и Михайловскій; къ изслѣдованію ихъ въ указанномъ отношеніи намѣренъ въ близкомъ будущемъ приступить проф. Петровъ. Въ библіотекѣ кіевской семинаріи, между другими интересными матеріалами для исторіи Кіева, находится не мало рукописей и книгъ, составляющихъ собственность Академіи. Матеріалы эти представляютъ цѣнныя описанія домашняго быта студентовъ, внутренняго строя школы и почти изъ года въ

годъ подробныя данныя относительно состава какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Отысканные проф. Петровымъ подробные списки студентовъ академіи прежнихъ вѣковъ, кромѣ указаній на происхожденіе и возрастъ каждаго изъ студентовъ, или „спудеевъ“, какъ они назывались въ XVII вѣкѣ, заключаютъ также и данныя о полученномъ каждымъ изъ нихъ образованіи въ другихъ школахъ.

Но не только кіевскіе монастыри приняли на храненіе книги и манускрипты академіи; ихъ находятъ во множествѣ и въ другихъ монастыряхъ, ближнихъ и далекихъ отъ Кіева. Такъ напр., въ библіотекѣ черниговской духовной семинаріи находится немало книгъ „e bibliotheca Academiae Kijoviensis“ и изъ библіотеки „contuberniia и ея „studiosorum“. По словамъ посѣтившаго прошлымъ лѣтомъ Кіевъ высокопреосвященнаго Веніамина, архіепископа иркутскаго, въ г. Иркутскѣ хранится не мало старинныхъ книгъ и манускриптовъ, принадлежавшихъ студентамъ Кіевской академіи

№ 38. Адресъ-календарь и справочная книга кіевской губерніи на 1888 годъ составл. подъ редакціей В. Г. Мозговаго, Кіевъ 1888 г., т-8—библіографическая замѣтка.

№ 43. И. М—ко. Въ отвѣтъ г. Завитневичу по вопросу о мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра.

Кіевское Слово. № 290. Историческое и статистическое описаніе М. Корца, новоградволынскаго уѣзда (Корреспонденція).

№ 294. *Н. Ф. Б. Археологическій музей при кіевской дух. академіи.* Бѣглый перечень предметовъ входящихъ въ составъ музея.

№ 308. *Описаніе старой Малороссіи. Матерьялы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія,—Ал. Лазаревскаго. Т. 1. Полкъ Стародубскій. Вып. 1* (Библіографическая замѣтка).

№ 311. *М. Немировъ, подольской губ.* (Корреспонденція). Краткая исторія мѣстечка.

№ 319. *Г. Ровно, волынской губ.* Извѣстіе о благотворительномъ обычаѣ, издавна существующемъ въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ. Состоитъ онъ въ томъ, что лицу, нуждающемуся въ чемъ либо, односельчанами оказывается помощь добровольными приношеніями разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Народное выраженіе «ходыты за навалнымъ» или «ходыты по навалне» означаетъ: собирать добровольныя приношенія; за «навалнымъ» обращаются исключительно къ хозяйкамъ дома; мущины здѣсь не принимаютъ никакого участія. За «навалнымъ» принято обращаться только осенью, по уборкѣ хлѣбовъ и всей огородины. Лицо, желающее собрать «навалне», обращается съ просьбою къ хозяйкамъ дома, говоря: «прыйдить молодыци, зъ навалнымъ до мене». Тогда каждая хозяйка запасается разными продуктами своего хозяйства (мукой, фасолью, шерстью, нит-

ками и т. п., кто чѣмъ богатъ) и направляется въ домъ къ лицу, которое просило о «навалномъ». Принявъ принесенное, хозяйка дома угощаетъ явившихся съ навалнымъ „горилкою", закускою, а иногда и „обидъ справляе молодыцямъ". Часто бываетъ, что на домъ не приглашаютъ, а ходятъ съ „пляшкою горилки по хатахъ" и угощаютъ тамъ-же хозяекъ дома, прося въ то же время о „навалномъ". Если чувствуется недостатокъ въ одномъ какомъ-нибудь продуктѣ, то при хожденіи за „навалнымъ" по селу такъ и заявляется хозяйкамъ: „дайте мени, молодыци, навалного" — шерсти, наприм., или конопель и т. под. Въ послѣднее время чаще другихъ „навалне" собирается сельскими матушками, и притомъ ежегодно, а не рѣдко бываютъ случаи, что и евреи за навалнымъ ѣздятъ по селамъ, и не только мѣстные, но изъ сосѣднихъ деревень, — и добродушныя бабы за чарку горилки охотно надѣляютъ ихъ всякимъ добромъ.

Н. Ф. Б. Уничтоженіе памятниковъ старины. Авторъ сгруппировалъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ варварское отношеніе населенія юго-западнаго края къ памятникамъ мѣстной старины, результатомъ котораго является безпощадное ихъ истребленіе.

Kraj. № 1. *Б. Маркаръ* — Корреспонденція изъ Житомира. Извѣстіе о раскопкахъ кургановъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, произведенныхъ г. Готфридомъ Оссовскимъ. Найдено много золотыхъ предметовъ: ожерелья, перстни и т. д. Г. Оссовскій пожертвовалъ находки въ музей краковской академіи наукъ.

Нота, Краткій весьма сочувственный некрологъ Федьковича.

Glos (Голосъ) № 1. *В—тъ*, „Леонардъ Совинскій" (некрологъ). Краткая характеристика литературной дѣятельности умершаго писателя и краткая его біографія: род. въ 1831 г. въ с. Березовкѣ литинскаго у. подольской губерн. Въ біографіи авторъ указываетъ на происхожденіе Совинскаго (мать его была украинская крестьянка) и на тѣ отличительныя черты въ настроеніи и складѣ мыслей покойнаго, которыя, по мнѣнію автора некролога, С. унаслѣдовалъ отъ матери.

№№ 2, 4, 5. *Иванъ Франко*, „Очерки изъ исторіи русской литературы въ Галиціи". Очеркъ состоянія разныхъ слоевъ русско-галицкаго общества во время перехода Галиціи въ австрійское владѣніе. Упадокъ экономическій мѣщанъ и потеря нравственнаго авторитета братствъ послѣ перехода ихъ въ унію. Полное ополяченіе мѣстной шляхты русскаго происхожденія. Состояніе духовенства: высшее духовенство, болѣе просвѣщенное, старается примкнуть къ привилегированному классу и заискиваетъ милости у дворянъ; сельское духовенство лишено всякаго просвѣщенія, угнетенное дворянами, крайне бѣдное и не пользующееся покровительствомъ закона. Крестьяне задавлены панщиною, но проявляютъ протестъ бѣгствомъ въ опрышки. Ни въ одной группѣ не было сознанія національнаго, а слѣдовательно и попытокъ къ литературному возрожденію. Затѣмъ краткій перечень попытокъ Маріи Терезіи и Іосифа II. направ-

ленныхъ къ усиленію просвѣщенія въ средѣ уніатскаго духовенства. Учрежденіе русскихъ каѳедръ на богословскомъ факультетѣ львовскаго университета (1787—806). Профессора излагаютъ лекціи на церковно-славянскомъ языкѣ. До 1772 года авторъ указываетъ только двѣ попытки на полѣ мѣстной русской литературы: 1) Переводъ псалтыри на лемковское нарѣчіе, составленный приходскимъ священникомъ с. Каменной Иваномъ Прислонскимъ въ 1736 г. понынѣ сохранившійся въ рукописи, 2) Сборникъ апокрифическихъ народныхъ легендъ, составленный священникомъ изъ села Тухли, Поповичемъ въ 1751, хранящійся въ рукописномъ собраніи института Оссолинскихъ. Состояніе Галицко-русской народности послѣ перехода Галиціи подъ власть Австрія. Пассивное отношеніе къ русской народности первыхъ уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ. Попытки къ поднятію народныхъ школъ перемышльскаго епископа Левицкаго—изданіе русскаго катехизиса и азбуки. Усилія клирошанина Ивана Могильницкаго; попытка основать первое литературное русское общество (1816). Пассивность русскаго духовенства въ дѣлѣ народной школы и литературы въ періодъ времени 1816—1830 г. Попытки поляковъ и губернатора Ганера къ изгнанію русскаго языка изъ народныхъ школъ и замѣны его польскимъ отражены Могильницкимъ и епископомъ Левицкимъ. Упадокъ благосостоянія крестьянъ при Францѣ I, совершенное отсутствіе изданій русскихъ книгъ.

№ 2. *Ѳ. Рыльскій* „Этюды народной этики". Весьма живая картина отношенія крестьянъ (сквирскаго уѣзда) къ суду присяжныхъ и къ разсматриваемымъ въ немъ преступленіямъ.

№ 3. *Некрологъ скончавшагося галицко-русскаго поэта Іосифа Городынскаго* (Федьковича)—краткая біографія и весьма сочувственный отзывъ о литературной дѣятельности покойнаго.

№№ 4,5,6. *В. Л.* „Численность польской народности" — Извлеченіе изъ вновь вышедшей книги Чинскаго. Статистическій обзоръ народонаселенія Галиціи съ указаніемъ процентныхъ отношеній населеній польскаго и русскаго, какъ въ Галиціи вообще, какъ и въ отдѣльныхъ ея повѣтахъ. Статистическій обзоръ царства польскаго—процентныя отношенія народонаселеній польскаго и русскаго въ разныхъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой г.

Распредѣленіе и процентн. отношенія поляковъ въ юго—и сѣверо-западномъ краѣ.

Дѣло. №№ 239. Описаніе кончины и похоронъ умершаго въ Черновцахъ поэта Іосифа Городынскаго (Федьковича), приводится его завѣщаніе: Федьковичъ въ немъ сдѣлалъ распоряженіе относительно своего погребенія: онъ завѣщалъ похоронить его тѣло въ народномъ гуцульскомъ костюмѣ, при звукѣ гуцульскихъ „тромбитъ" съ соблюденіемъ всѣхъ похоронныхъ обрядовъ гуцульскихъ. Право

на изданіе своихъ сочиненій завѣщалъ обществу „Руская Бесѣда“ въ Черновцахъ, въ томъ числѣ и изданіе большой трагедіи въ 5 дѣйствіяхъ „Богданъ Хмѣльницкій“, которую поэтъ окончилъ только за 2 недѣли до смерти.

№№ 7, 9, 10. *К. Устьяновичъ*, „Де що о нашей живописи церковной“.

№№ 14, 15. *Уманьскій*, „Роль шляхты въ исторіи польской“.

№ 16. *И. В.* Воспоминанія о Маркіанѣ Шашкевичѣ, по поводу 50 лѣтней годовщины выхода „Днѣстровой Русалки“, альманаха, положившаго начало возрожденію галицко-русской литературы, помѣщены личныя воспоминанія объ инициаторѣ альманаха поэтѣ Маркіанѣ Шашкевичѣ. Весьма интересныя подробности о бытѣ семейномъ и о положеніи галицко-русскаго духовенства, о воспитаніи и нравахъ русскихъ семинаристовъ во Львовѣ за время 1825—1835 г.г.

Рѣчь профессора Ом. Огоновскаго на общемъ собраніи литературнаго общества „Просвѣта“. По поводу 20-лѣтней годовщины открытія этого общества предсѣдатель его, проф. О. Огоновскій, сообщилъ исторію возникновенія названнаго общества.

II. Книги вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся Юга Россіи.

Абаза В. А. Славяне и Угры. Историч. очеркъ. С. П. Б., 8 д. 39 стр.

Акты, издаваемые Виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIV. Инвентари имѣній XVI стол. Вильна 1888 г, 4 д., XXIV+702+1 стр.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящею при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть II, томъ II. Кіевъ 1888 г., 8 д. I+XLIX+633+I+XXXVI стр.

Akta grodzkie i ziemskie подъ редакціею Лиске. Т. XII (содержитъ древнѣйшіе акты Галицкіе (1435—1475) главнымъ образомъ матеріалъ для быта и устройства крестьянъ). Львовъ 1887.

Balinski M. i Lipinski F. Starożytna polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione przez F. K. Martynowskiego. Tom. III, częsć II, zeszyt 23. Варшава. 1887 г., 8 д., съ 865 по 876 стр.+XIII+съ 1 по 128 стр.

Bołsunowski K. Solidy Bolesława z napisem słowiańskim. Studium numismatyczne. Кіевъ 1887 г., 8 д., 43 стр.+1 стр. рис.

Будде Э. О. Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Оттискъ изъ Филолог. зап. Воронежъ. 1887 г., 8 д., 29 стр.

Берлогъ Иванъ. „Среди бусурманъ“, составлено по народному преданію для народнаго чтенія. Львовъ 1887.

Wierbicki J. S. Hanka. Powieść podolska. Варшава. 1888 г., 8 д., 190 стр.

Виленскій календарь на 1888-й годъ. Вильна 1887 г., 8 д., 303 стр.

Вопросы и запросы, не получившіе окончательной разработки на первыхъ семи археологическихъ съѣздахъ. Москва 1888 г., 4 д., 24 стр.

Гагаринъ Г. Г. Собраніе византійскихъ и древне-русскихъ орнаментовъ. С. П. Б. 1887 г., 4 д., 6 стр. текста+50 табл.

Gimiginowicz L. A. Staufe. Kleinrussische Volkslieder. Leipzig? 1888.

Головацкій Я. Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатанныхъ въ Вѣстн. Европы за 1885 и 1886 г., 8 д., 87 стр.

Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Вып. IV. С. П. Б. 1887 г., 2 д., 11 стр.+54 рис.

Diebolt—Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1887 (изслѣдованіе о черепахъ Черниговской губерніи).

Жизнь св. благовѣрнаго князя Владиміра. Изд. 2-ое. Москва, 16 д., 24 стр.

Забѣлинъ А. Военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ. Часть 1-я. Кіевъ 1887 г., 8 д., XXXIV+365+2 карты и прилож.

Засѣданіе (*233-е*) Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 9-го сент. 1887 г. Одесса. 1887 г., 8 д., 11 стр.

Засѣданіе (*234-е*) Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 28-го окт. 1887 г. Одесса 1887 г., 8 д., 6 стр.

Karpiński J. Krótki rys ustroju dawnej polski i poglądy na przesztosć. Tom II. Варшава 1887 г. 8 д., VI+509+3 нен. стр.

Ковалевскій А. О. Борьба съ филоксерой. Сообщеніе бессарабскому собранію сельскихъ хозяевъ въ экстренн. засѣданіи 3 окт. 1887 г., 8 д., 22 стр.

Корвинъ-Піотровскій К. В. Календарь Черниговск. губ. на 1888 годъ. Черниговъ. 1887 г., 8 д., 336 стр.

Котляревскій И. П. Виргиліева Энеида на украинску мову перелыцевана. Изд. 10-е С. И. Гомолинскаго. Кіевъ. 1888 г., 12 д., 320 стр.+1 портр.

Краткій отчетъ о состояніи Виленской 2-ой гимназіи за $188^6/_7$ учебн. годъ. Вильна 1887 г., 8 д., 35 стр.

Коммиссія физіографическая краковской академіи наукъ издала 1 выпускъ геологической карты Галиціи: общій планъ, 4 листа часть Галицкаго Подолія. Объяснительный текстъ Альта и Бѣняша. Краковъ. 1887.

Квитка Григорій Федоровичъ. Сочиненія. Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основяненкомъ. Т. 1—2 подъ редакціею А. А. Потебни. Харьковъ. 1887.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ стародубскій. Вып. 1-й. Кіевъ. 1888 г., 8 д.

Лѣсничій А. Приключенія Ивасика маленькаго хохла. Поэма въ стихахъ. Для дѣтскаго чтенія. Одесса. 1888 г., 8 д., 43 стр.

Лопатинскій Н. Поученія для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа. Кіевъ. 1887 г., 8 д., 832 стр.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библіографія XIX столѣтія, съ обозрѣніемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ 1801—1886. Выпускъ. I. Львовъ 1887.

Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ. Томъ XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ. Съ 4 литограф. картами и приложеніемъ „подворной переписи 1883 г." и „Румянцевской переписи 1767 г." Составилъ П. П. Червинскій. Черниговъ. 1887 г., 4 д., 114+88+291+11 стр.

Огоновскій Омелянъ. Гальшка Острожская, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ Львовъ 1887.

Памятная книжка и адресъ-календарь Полтавской губ. на 1888 годъ. Состав. подъ редакціей Д. А. Трощинскаго. Полтава. 1887 г., 8 д., 205+45+47+82 стр.+3 стр. рис.+2 плана+24 ненум. стр.

Памятная книжка Виленской губ. на 1888 годъ. Вильна. 1887 г., 8 д., XII+IV+36 ненум.+14+341+136 стр.

Петрушевичъ. Лингвистично-историчніи разсужденія. Львовъ. 1887.

Podschiwalow A. M. Monnaies der rois de Bosphore Cimmerien. Dynasties des Spartocides et des Achemenides (Supator). Moscou 1887 г., 4 д., 24 стр.+2 стр. рис.

Преображенскій В. Св. равноапостольный кн. Владиміръ и крещеніе русскаго народа. С. П. Б., 8 д., 40 стр.

Программа для составленія археологическаго словаря. Москва 1887 г., 8 д., 13 стр.

Протоколы и труды общества Елисаветградскихъ врачей 1886 и 1887 гг. Елисаветградъ 1887 г., 8 д., 101 стр.

Протоколы засѣданій Одесскаго юридическаго общества за 1886—87 гг. (съ 19 февр. 1886 г. по 21-е январ. 1887 г.) Одесса 1887 г., 8 д., 1+48 стр.

Потебня А. А. Объясненія малороссійскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. II. Колядки и щедровки. Варшава 1887.

Родевичъ М. Женское графа Дмитрія Ник. Блудова училище въ гор. Острогѣ. Сборникъ дѣйствующихъ о немъ постановленій, распоряженій, программъ, правилъ и пр. Съ 1866 г. по 1886 г. Въ 2-хъ частяхъ. С. П. Б. 1887 г., 8 д., IV+176 стр.

Rabinowicz Joseph. Neue Documente der Südrussishen Christenthumsbewegung, Selbstbiographie und Predigtenschriften des Jnstitutum judaicum in Leipzig. 1887.

Святый Димитрій Ростовскій и его избранныя творенія, переведенныя на русскій языкъ. С. П. Б., 8 д., 276 стр.

Сливицкій А. Полное житіе преп. отца нашего Ѳеодосія, игумена печерскаго. Москва. 1887 г., 8 д., 80 стр.

Смирновъ Ф. Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историч. описаніе съ 3 рисун. Вильна. 1888 г., 8 д., 373 стр.

Статистическій временникъ кавказскаго края. Т. I, вып. III. Черноморскій округъ. Тифлисъ. 1887 г., 4 д., 65+1 стр.

Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-ой половинѣ 17 вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 140+1+1 стр.

Странствованія Василія Григоровича Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ. Вып. XLIII и XLIV. С.П.Б., 8 д.

„Słownik geograficzny", выходящій подъ редакціею Хлебовскаго и Волевскаго—томъ VIII Perep—Roża. Варшава 1887. Много монографій относящихся къ исторической географіи южной Руси.

Стодольскій. Этнографія Славянщины. Львовъ. 1887.

Таблица русскихъ монетъ до принятія Петромъ I Императорскаго титула. Вып. I. Кіевъ. 18 8 г., 4 д., 2 стр.+10 лист. рисунк.

Труды XII съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи, бывшаго въ г. Харьковѣ со 2-го по 17 Ноября 1887 г. 1-я часть (докладъ) Харьковъ 1887 г. 8 д, 8 ненумер.+XLIV+416+1 стр. 2-я часть (стенографич. отчеты засѣданій). Харьковъ 1887 г., 8 д., 289 стр.

Труды общества испытателей природы при Император. Харьков. Унив.— 1885 г. Т. XIX. Съ 12 табл. рисунковъ. Харьковъ 1886 г., 8 д., IV+348+XXIV+1 стр.—1886 г. Т. XX. Съ 2 отдѣльн. приложеніями: 1) Г. С. Горницкаго. Списокъ русскихъ и немногихъ инородческихъ растеній. Дополненіе къ ботанич. словарю Анненкова. 2) Его-же. Замѣтка объ употребленіи въ народномъ быту нѣкоторыхъ дико-растущихъ и разводимыхъ растеній украинской флоры. Харковъ 1887 г., 8 д., IV+150+LIV стр. (въ отдѣльн. приложеніяхъ 22+VI+220 стр.).

Труды одесской филоксерной коммиссіи. Протоколъ засѣданія 19 Сент. 1887 г. съ приложеніями. Одесса 1887 г., 8 д., 94 стр.+2 черт.

Труды врачей одесской городской больницы. Вып. VI. Одесса. 1887 г. 8 д., IV+170+1 стр.+2 табл.

Труды одесскаго юридическаго общества. Т. II. (Приложеніе къ протоколамъ общества за 1886—87 г.). Одесса 1887 г., 8 д, 198+62+II стр.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи произведенныявъ Бессарабской, Екатеринославской, Полтавской, Таврической и Херсонской губ. въ 1887 году. Отчетъ областного энтомолога П. А. Сапаринскаго. I. Одесскій уѣздъ. Одесса. 1887 г., 8 д., 15 стр. II Бессарабская губ., 8 д. 10 стр.

Tomaszewska Michalina. Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnicach powiatu Drogobyckiego. Krakow. 1887.

Тулубовскій А. Я. Святыя лавры русской земли. Кіевъ. 82 стр.

Улянидкій В. А. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россія Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI в. Москва. 1887 г., 8 д. VII+244 стр.

У—цъ А. Историческіе разсказы о Крымѣ. Севастополь. 1887 г., 8 д. V+221 стр.

Харьковскій календарь на 1888 годъ. Годъ XVI-й. Въ двухъ книгахъ Харьковъ 1888 г., 8 д, XIII+3+445+144+53+32 ненум. стр.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. О прививкѣ сибирской язвы (докладъ харьковскому обществу сельскаго хозяйства). Харьковъ. 1887 г., 8 д., 18 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Slownik geograficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Według planu T. Sulimierskiego. Zeszyt 97. Tom IX. Варшава 1888 г., 4 д., 1—80 стр.

Хойновскій I. Каталогъ выставки картинъ и старинныхъ художествен- предметовъ, оружія и археологическихъ древностей музея въ Кіевѣ. Кіевъ. 1888 г. 16 д., 30 стр.

Czyński Edward. Etnopraficzno-statystyczny zarys liczebności rozsiedlenia ludności polskiej. Krakow. 1887.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Император. Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей. Одесса 1887 г., 8 д., 96 стр.

Яцемирскій К. К. Алфавитный указатель распоряженій правительства и циркуляровъ губернскаго начальства по Херсонской губ. Съ 1877 г. по 1878 г. Одесса. 1887 г. 4 д., 82 стр.

Яницкій О. Защита Теребовли. Для пароднаго чтенія. Львовъ. 1887 г

СПРАВОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

за 1882—1887 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ.

I. Археологія вещественная (кромѣ Кіева).

Клады:

II. Біографическіе матеріалы.

III. Гео-Топографія (кромѣ Кіева).

IV. Кіевъ и его учрежденія.

а) Археологія.

б) Топографія.

в) Къ исторіи города, церквей и монастырей.

е) Самоуправленіе.

V. Колонизація южной Руси.

VI. Культура и этнографія.

а) Статьи и замѣтки.

б) Народные преданія и разсказы.

в) Вѣрованія, обычаи и примѣты.

VII. Исторія.

А) Матеріалы.

а) Исторія края.

б) Администрація и судъ.

в) Общественная и экономическая жизнь.

г) Просвѣщеніе.

ж) Козачество.

з) *Крестьянство.*

и) *Гайдамачина.*

і) *Поляки.*

к) *Дневники, записки, мемуары, хроники.*

е) Просвѣщеніе.

ж) Сектанты.

з) Церковь и духовенство.

и) Дворянство (шляхетство).

VIII. Литература.

А) Памятники литературные.

Б) Беллетристика.

В) Исторія литературы.

IX. Театръ и музыка.

X. Смѣсь.

XI. Библіографія.

XII. Рисунки, карты, планы, портреты и статьи о нихъ.

а) Рисунки, карты и планы.

б) Портреты.

в) Статьи.

XIII. Рецензіи

	Годъ	Книги. №	стр.
Иловайскій Д. Дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому и гунноско-болгарскому. М. 1886.—П. Голубовскаго	86	6	345
Иляшевичъ Л. В. Краткій очеркъ исторіи Харьковск. дворянства. Харьк. 1885.—И. Каманина.	85	11	520
Іосифа митр. литовскаго. Записки, изданныя Императорскою Академіею Наукъ по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in—4⁰. Спб. 1883.—А. К.	84	7	511
Карый Ив. Три пьесы. Херс. 1886.—Г.	87	2	342
Квитка Основьяненко. Малороссійскія повѣсти. Харьк. 1887.—С.	87	10	366
Kolberg Oscar. Pokucie. Obraz etnograficzny. Krak. I. 1882. II. 1883.—Ц. Неймана.	84	3	482
Kolberg Oscar Pokucie. Obraz etnograficzny. T. II. Krakow.—Ц. Неймана	84	5	126
Комаровъ М. Покажчикъ новоі Украінськоі литератури (1798—1883). Кіевъ. 1883. (1—74 стр.).—В. Науменка	83	4	867
Константиновичъ Н. Обозрѣніе румянцевской описи Малороссіи вып. IV (дополненіе). Оттискъ изъ №№ 38—49 „Черниг. Губ. Вѣдом." 1884. Черн. 1885. 58 стр.—Дм. Багалѣя	85	5	149
Костомаровъ Николай. Богданъ Хмельницкій. Историч. монографія. Изд. 4. исправл. и дополн. Спб. 1884. Т. I—3.—В. А.	84	6	315
Костомаровъ Н. Эллины Тавриды. Историч. драма въ 5 дѣйств. Спб. 1884.—В. Г—ка	84	9	137
Корвинъ-Піотровскій. К. В. Календарь Черниговской губ. на 1887 г. Годъ 2. 1016 стр.—Ѳ. Николайчика	87	4	756
Корольковъ Константинъ. Столѣтній юбилей Екатеринослава. 9 мая 1787—1887 г. Екатеринославъ 1887.—В—о.	87	12	711
Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 г. Изд. Л. Майковъ. Спб. 1884.—Н. Ѳ. Сумцова	85	3	551
Kraczewski. Cet czy licho? (powiesc historiczna z końca XVII w.). Warz. 1864, T. I. II.—S. . . .	84	3	487

	Книги Годъ.	№	стр.
Сѣлецкій А. К Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія въ 2 ч. Почаевъ 1885 г.—И. Каманина	86	1	161
Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы съ приложеніемъ 4 карт. юго-западнаго края. К. 1882, in 8° 1, стр. 324+2 таблицы+3 большихъ и 1 малая карты.—Ив. Н.	82	10	155
Толстой Ив. Ив. гр. Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ (съ 19 таблицами рисунковъ) Спб. 1882.—Н. П.	82	4	133
Трощинскій Д. А. Полтавскій адрессъ-календарь на 1887.—Н. Бакая	87	3	545
Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884) Т. I. Одесса 1886 г.—В. Ястребова	87	4	747
Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. Вып. III (приложеніе къ Подольск. Епарх. вѣдомостямъ) 1886. Кам. Под. 1887.—И. Каманина	87	8	757
Указатель къ изданіямъ Императорскаго русскаго географическаго общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875. Спб. 1886. W.	86	7	537
Фелицынъ Е. Д. Памятная книжка Кубанской области. Составилъ дѣйств. членъ куб. обл. стат. Комитета. Екатеринодаръ 1881 изд. стат. Комитета .	82	1	206
Фелицынъ Е. Д. Кубанскій Сборникъ, труды кубанскаго областнаго статистическаго Комитета Т. I, съ картою Кубанской области. Екатеринодаръ 1883 г.	84	4	652
Флоринскій Т. Д. Славянскій ежегодникъ. Изд. Кіевск. Славянскаго общества. Вып. 6. К. 1884 (382 стр.)—Т. Ф.	84	5	123
Франко Ив. Захаръ Беркутъ. Образъ громадскаго житя Карпатской Руси въ XIII в. Льв. 1884.—Г.	85	2	369
Французскій этюдъ о Мазепѣ.—В. Горленка. . . .	84	12	703
Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Вар. 1885 г. (отдѣльные оттиски изъ Русскаго Фило-			

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторовъ къ статьямъ и матеріаламъ, помѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ" за 1882—1887 годы.

СОДЕРЖАНІЕ УКАЗАТЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

НАКАЗЫ

МАЛОРОССІЙСКИМЪ ДЕПУТАТАМЪ

1767 года

и

АКТЫ О ВЫБОРАХЪ ДЕПУТАТОВЪ

ВЪ КОММИССІЮ

СОЧИНЕНІЯ УЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

14 декабря 1766 года императрица Екатерина II обратилась ко всему населенію тогдашней Россіи съ манифестомъ, возвѣщавшимъ о созывѣ „коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія" и заключавшимъ въ себѣ приглашеніе, адресованное по всѣмъ сословіямъ, избрать депутатовъ для участія въ работахъ той коммиссіи. Манифестъ отправленъ былъ и въ Малороссію, и выполненіе его было возложено на малороссійскую коллегію. Уже въ февралѣ 1767 года и малороссійской коллегіей, и графомъ Румянцевымъ были разосланы по всему краю предписанія о выборѣ повѣренныхъ для избранія депутатовъ, предписанія, заключавшія въ себѣ подробныя инструкціи о порядкѣ выборовъ, составленіи наказовъ для депутатовъ и т. п. Опредѣлены были и мѣста для собраній повѣренныхъ. Вся Малороссія была разбита на 15 участковъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ избрать депутатовъ въ коммиссію. Выборы должны были происходить отдѣльно отъ каждаго сословія: отдѣльно отъ шляхетства, отдѣльно отъ горожанъ и отдѣльно отъ козаковъ. Въ „росписаніи, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки", помѣчены были слѣдующіе пункты: 1) *Новгородъ*, для собранія городскихъ жителей на 4 марта; 2) *Стародубъ*, для собранія жителей стародубскаго повѣта: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 10 марта, козаковъ на 27 марта; 3) *Черниговъ*, для повѣтовъ Черниговскаго и Менскаго: горожанъ на 16 марта, шляхетства на 18 марта, козаковъ на 27 марта; 4) *Нѣжинъ*, для повѣтовъ Нѣжинскаго и

Батуринскаго: горожанъ на 23 м., шляхетства на 24 м., козаковъ на 27 м.; 5) *Глуховъ*, для глуховского повѣта: горожанъ на 2 апрѣля и шляхетства на 4 апрѣля; 6) *Гадячъ*, для горожанъ на 4 марта и козаковъ на 27 марта; 7) *Сорочинцы*, для горожанъ на 8 марта и козаковъ на 27 марта; 8) *Полтава*, для горожанъ на 13 марта и для шляхетства повѣтовъ полтавскаго, миргородскаго и гадячскаго на 15 марта; 9) *Козелецъ*, для горожанъ Козельца на 3 марта и Остра на 10 марта, шляхетства повѣтовъ козелецкаго и остерскаго на 4 марта и козаковъ тѣхъ-же повѣтовъ на 27 марта; 11) *Переяславъ*, для жителей повѣтовъ переяславскаго и золотоношскаго: горожанъ на 15 марта, шляхетства на 17 марта и козаковъ на 27 марта; 12) *Лубны*, для повѣтовъ лубенскаго и роменскаго: горожанъ на 10 марта, шляхетства на 13 марта и козаковъ на 27 марта; 13) *Прилуки*, для повѣтовъ прилуцкаго и иваницкаго: горожанъ на 9 марта, шляхетства на 11 м. и козаковъ на 27 марта; 14) *Погаръ*, для горожанъ на 5 марта и шляхетства на 7 марта; Запорожская Сѣчь составила особый 15-й участокъ, хотя относительно ея не было указано время собранія повѣренныхъ для выбора депутатовъ.

Въ каждомъ такомъ собраніи и каждымъ сословіемъ отдѣльно должны были быть составлены инструкціи депутатамъ, посылаемымъ въ коммиссію, такъ называемые „наказы“, тетради или cahiers, въ которыхъ предписывалось каждому сословію изложить и свои нужды, и проектъ мѣръ для исправленія недостатковъ существующаго режима. Отъ одной Малороссіи, вслѣдствіе этого, должно было поступить въ коммиссію 34 наказа.

Изъ этихъ „наказовъ“, еще ни разу и нигдѣ не напечатанныхъ и представляющихъ громадный историческій интересъ, въ рукахъ редакціи находятся лишь немногіе, вошедшіе въ составъ извѣстнаго рукописнаго сборника „актовъ, относящихся къ исторіи составленія уложенія при Екатеринѣ II“, сборника, принадлежавшаго г. Судіенко.

Въ сборникѣ этомъ оказалось лишь 16 наказовъ: шесть отъ шляхетства, шесть отъ городовъ и четыре отъ козаковъ, сверхъ того наказъ отъ малороссійской коллегіи, данный посланному отъ нея

депутату, Натальину, мнѣніе графа Румянцева [1]), цѣлый рядъ бумагъ, относящихся къ исторіи подготовленія выборовъ и организаціи и порядковъ выборныхъ коллегій и, наконецъ, особое мнѣніе или „прошеніе малороссійскихъ депутатовъ", поданное ими по поводу рѣчи, произнесенной маршаломъ Бибиковымъ въ засѣданіи коммиссіи 9 сентября 1768 г. и заключавшей въ себѣ предписаніе депутатамъ „не упражняться ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, для чего именно коммиссія учреждена". Послѣдній документъ вмѣстѣ съ другимъ: „выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается", есть черновка, съ массою помарокъ. Лишь пять изъ документовъ сборника представляютъ собою оригиналы, всѣ остальные—копіи, снятыя съ оригиналовъ уже въ недавнее время, въ текущемъ столѣтіи.

Въ виду того значенія и важности, какія имѣютъ перечисленные документы сборника для исторіи Малороссіи XVIII в. и съ цѣлью пополнить давно уже чувствовавшійся крупный пробѣлъ въ этомъ отношеніи въ нашихъ знаніяхъ о прошломъ, редакція и рѣшилась приступить къ печатанію ихъ, хотя и въ неполномъ видѣ, съ настоящаго тома „Кіевской Старины", предоставляя себѣ право посвятить вопросу о „наказахъ" спеціальную статью въ одной изъ ближайшихъ книжекъ текущаго года.

Въ своемъ изданіи документовъ сборника редакція сгруппировала ихъ слѣдующимъ образомъ: на первомъ планѣ поставлены собственно „наказы". Распредѣлены они по сословнымъ группамъ. Прежде всего наказы и прошенія *шляхетства*, а именно: 1) глуховского, 2) черниговскаго, 3) прилуцкаго, 4) переяславскаго, 5) лубенскаго, 6) полтавскаго, гадяцкаго и миргородскаго. Затѣмъ, вовторую группу вошли „наказы" *городовъ*: 1) Глухова, 2) Чернигова, 3) Погара, 4) Стародуба, 5) Полтавы и 6) Лубенъ. Въ

---

[1]) Наказъ коллегіи мнѣніе Румянцева—единственные изъ документовъ, появившіеся въ печать, первый въ 43 томѣ „Сборника русскаго историческаго общества", стр. 218 и сл., второе въ приложеніи къ книжкѣ г. Авсѣенко, Малороссія въ 1767 г., Кіевъ, 1864 г. Наказъ запорожскимъ депутатамъ напечатанъ скальковскимъ во второмъ томѣ его „Исторіи запорожской Сѣчи.

третью группу помѣщены „наказы и прошенія“ *козаковъ*: 1) черниговскихъ, 2) стародубскихъ, 3) прилуцкихъ и 4) миргородскихъ. Затѣмъ, особую группу составили: прошеніе *малороссійскихъ депутатовъ* и выписка изъ привилегій и проч. Въ заключеніе редакція намѣрена помѣстить въ особую группу рядъ документовъ относительно порядка и организаціи выборовъ и тѣхъ событій и казусовъ, которые имѣли мѣсто во время выборовъ.

I.

НАКАЗЫ и ПРОШЕНІЯ

МАЛОРОССІЙСКАГО ШЛЯХЕТСТВА.

I.

1767.

Наказъ глуховского шляхетства.

Наказъ во исполненіе всевысочайшего и всемылостивѣйшего Ея Императорскаго Величества манифеста въ 766 году декабря 14 дня состоявшегось отъ шляхетства повѣту глуховского выбранному депутатомъ въ коммысію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, высокородному господину асаулу войсковому генералному, Ивану Мыхайловычу Скоропадскому.

Будучи мы въ собраніи по сылѣ того-же Ея Императорскаго Величества высочайшего манифеста и обрядовъ, общымъ совѣтомъ положыли на мѣри о первѣйшыхъ общества нашего нуждахъ и недостаткахъ въ семъ наказѣ изобразыть. А вы, такъ какъ по безпрыстрастной нашей присягы выбранній, вѣрній Ея Императорскаго Величества рабъ, усердній и ревнительній о общемъ благѣ сынъ отечества, во исполненіе Ея Императорскаго Величества воли, должны будете сей наказъ и особливо врученное къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшое наше прошеніе представить гдѣ надлежить. Нужды жъ нашы и недостаткы состоять въ ныже слѣдующыхъ пунктахъ сложеніемъ краткымъ, съ тою на васъ надеждою, что вы пры случае надобности и востребованія не упустите всѣмы потребнымы къ сему обстоятелствы пространнѣйше обясныть.

1.

Со времены благопрысоединенія Малой Россіи къ Высочайшей Ея Императорскаго Величества всероссійской державѣ, всѣ благо-

получно царствовавшіе святоусопшіе государи, предкы Ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійскіе, какъ изначала Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Мыхайловычъ, такъ и послѣдующіе монархы высочайшими своимы грамотамы утвердыли и императорскымъ словомъ обѣщали, Малую Россію при всѣхъ изъ стары пожалованныхъ и утвержденныхъ правахъ, прывылегіяхъ, волностяхъ и обыкновеніяхъ свято, цѣло и ненарушно содержать и сохранять. Потому и мы ныжеподпысавшіесь, состоя въ чыслѣ протчыхъ въ другыхъ повѣтахъ жытелствующыхъ нашыхъ сотоварыщей, прыносымъ всеподданнѣйшее и всераболѣпнѣйшее наше прошеніе, дабы отечество наше, прꙑ нынѣшнихъ премудрыхъ Ея Императорскаго Величества законоустановленіяхъ, пожалованны были подтвердытелнымъ на то отъ Ея Императорскаго Величества высокоматернымъ прывылегіемъ, отдая все то о внесеніи въ новосочыняемое уложенье, и въ чемъ есть нужное въ добавленіи и исключеніи, Ея Императорскаго Величества матернему мудрому попеченію и высочайшей воли и мылости.

2.

Во многыхъ случаяхъ предкы наши, протывъ непріятеля и въ другыхъ службахъ употребленны были, такъ и мы съ наслѣдныкы нашымы вечно служыть всероссійскому Ея Императорскаго величества престолу прысягою обовязанными находымся, и нынѣ вѣрно на собственномъ своемъ иждывеніи служымъ. Для того раболѣпно просыть Ея Императорскаго Величества Августѣйшей Императрыцы, государыни матери нашей, чтобы намъ всеподданнѣйшымъ рабомъ, шляхетству и чыновныкамъ служащымъ и отъ службы уволненнымъ, повелѣнно было учыныть именній спысокъ, въ согласіе прежнихъ договоровъ гетманскыхъ, Демяна Игнатіева Самойловыча, къ достыженію прославленія и въ чынахъ равенства, прысоедынить всемылостивѣйше повелѣлы къ россійскому дворянству и записать въ Герольдію на вѣкы дворянамы, и дозволить намъ на такомъ основаніи, какъ Россійскому дворянству, гдѣ пожелаемъ

службу имѣть и ползоватся своимы жалованнымы и купленнымы добрамы, и таково дворянства Россійскаго удостоеніе высочайшею Императорскою прывылегіею намъ и наслѣднывамъ нашымъ взаконыть и утвердыть.

3.

Отъ 1569 году, за короля Полского второго Жыкъгмунта, когда Малороссійской, край кіевское княженіе, подъ Полскою Короною находылся, то въ данной прывылегіи съ подданныхъ по два гроша полскыхъ взымать установлено съ тѣхъ, кто имѣетъ наволоку пашенной земли. а съ тѣхъ, кто не имѣетъ землѣ, то зъ дыму по одному грошу, и то для того, чтобъ вѣдали, яко они тогда были Короны Полской подданніе. Имяннымъ же блаженнія памяти Великой Государыни Императрыцы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа 8 дня по 2-му пункту состоявшимся указомъ повелѣнно провянтъ и фуражъ на консыстентовъ производыть въ натурѣ, по расположеніямъ Полковыхъ Канцелярій, по пропорціи имуществъ, безъ перевозкы того провъянта и фуража по наставленію того указа. Но затѣмъ указомъ такова фуража перевозка зъ тягостію происходыла досель. Чего во облегченіе и уволненіе отъ долныхъ перевозокъ и тягостей въ поставкы натурою въ другіе мѣста фуража, порядочнымъ своимъ правытелствомъ, его сіятелство графъ и кавалеръ Петръ Александровычъ господинъ Румянцовъ установылъ рублевымъ окладомъ отъ всякой хаты въ годъ по рублю и по двѣ копѣйкы собырать. И хотя сей благоизобрѣтенной способъ есть полезній, но что подсусѣдкы не всѣ имѣютъ пахатную землю, а инніе болшою частію таковы, которіе нетокмо имѣнія, но и одѣянія мало что имѣютъ, и, по часто нынѣ случающымся нехлѣбородствамъ, пытаются собственно отъ насъ владѣлческымъ хлѣбомъ, то, въ разсужденіи сыхъ обстоятелствъ, сей окладъ чтобъ учрежденъ былъ зъ тяглыхъ толко людей, тѣхъ, кои пахатніе имѣютъ земли; а которіе не имѣютъ, съ такыхъ положенъ бы былъ окладъ толко по пятидесяти копѣекъ, и на ныхъ бы болѣе, какъ

зъ двыжымого, такъ и не двыжымого имѣнія нѣкаковыхъ зборовъ не збиранно, просыть Ея Императорскаго Величества помылованія.

4.

На всѣ шляхетскіе волности владѣній жылыхъ домовъ, пахатныхъ, сѣнокосныхъ и лѣсныхъ земель, хуторовъ, рѣкъ, озеръ, мелныцъ, рыболовлей и вынокурень, по грамотамъ или унѣверсаламъ, лыбо по куплямъ, тако жъ по займѣ и какъ бы кто чемъ ни владѣлъ, кромѣ такыхъ завладѣній, о которыхъ дѣла свое окончаніе прынять должны по судамъ, чтобъ вѣчно оставленны въ такомъ состояніи, какъ владѣемъ, ползуемся, и владѣть Высочайшымы двума: 7162 году блаженнія памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Мыхайловыча грамотамы и правомъ статутовымъ роздѣла 3 го въ артыкулѣ 2-мъ позволенно. И изо всѣхъ таковыхъ нашыхъ земель и промысловъ, отъ котловъ, отъ продажы горѣлкы обтомъ и порознь въ шынковыхъ домахъ, по торгамъ и ярьмонкамъ, и за все то, что въ Малой Россіи родытся, ныкакыхъ бы дачъ налагаемо не было; о томъ всемъ просыть Высочайшего Ея Иператорскаго, Величества подтвержденія.

5.

Въ Бозѣ почывающій премудрій монархъ Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскый, постоевъ у чиновнычьихъ, старшынскыхъ и шляхетскыхъ всѣхъ домахъ, чрезъ высочайшіе свои указы 1722 и 725 годовъ, ставыть воспятылъ. Для того и нынѣ просыть всеподданнѣйше Ея матерьняго Императорскаго мылосердія и во всемъ томъ шляхетству высокомонаршой прывылегіи, чрезъ которую совершенно возчувствуемъ нашу выгоду и покой.

6.

Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Императорскаго Величества и неусыпное попеченіе о просвѣщеніи Россійскаго юношества чрезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ. А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота выдытся, но, за отдаленностію отъ здѣшняго краю университетовъ и другымы препят-

ствующымы неудобствы, не имѣютъ къ тому способу, а инніе отсылая дѣтей своихъ въ иностранніе земли, прыходятъ въ оскудѣніе. Для того Ея Императорскаго Величества всеныжайше просыть, дабы всемылостивѣйше повелѣнно было учредыть въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ унѣверсытетъ, и тотъ унѣверсытетъ Императорскымы своимы сохраныть прывылегіямы, дабы и здѣшное юношество, чрезъ просвѣщеніе въ наукахъ, могло удобнѣйше поспѣшествовать службою своею въ ползу Государственную.

7.

Въ прошломъ 1749 году, указомъ Ея Императорскаго Величества блаженнія памяти Великой Государыни Елисаветъ Петровны, велѣнно на наличное число состоящихъ въ Малой Россіи ассыгнованныхъ полковъ, производыть за натуру провянта и фуража денгамы, какіе денгы съ подданныхъ и подсусѣдковъ нашыхъ и собыраемы были, и тѣ находячіесь въ Малой Россіи ассыгнованніе полкы продоволствованны безъ всякыхъ ихъ нуждъ. Однако, по недороду въ тѣхъ годахъ и саранчею до послѣдка съиденію хлѣба, остались разніе недоимкы, которіе отъ 1735 до сего годовъ взыскываются. Таковымъ-же недоимкамъ подверженніе люде многіе позмырали, посходылы и въ крайнюю прышли скудость. А всемылостивѣйшая государыня Екатерына Алексѣевна, Самодержыца Всероссійская, пры возшествіи на врученной ей отъ Бога Всероссійскій Императорскій престолъ, 762 году сентября 22 дня, указомъ по 4-му пункту начетъ казенній и другіе такіе же упущенія, ежели оніе неумышленніе, до пяти сотъ рублей прощать соизволила; а кто свышше съ казны утратылъ, то со всего взыскать въ казну треть повелѣнно. Да и въ состоявшомся по конфѣрмаціи Ея Императорскаго Величества, съ Правителствующаго Сената въ Малороссійской Коллегіи полученномъ 765 году октября 28 дня указѣ, между иннымъ предложенно, за прошліе до 764 году на всѣхъ казенныхъ мѣстахъ недосылокъ, счысляемыхъ между имы, яко казна казнѣ должныхъ суммъ, для избѣжанія излышнихъ перепысокъ, и въ разсужденіи того, что уже всѣ по тотъ 764 годъ воинскіе расходы исполненны, не чыслыть.

Для того всеподданнѣйше просыть Ея Императорскаго Величества матерьнего помылованія, чтобы всѣ запущенніе недоимкы вѣчно прощенны и невзыскиваемы были.

8.

Зъ прывозымой въ Малую Россію съ Крыму и изъ другыхъ мѣстъ соли собырается пошлинной и потарыфной платежъ, а за тѣмъ и соль возвысылась болшою противъ прежней ценою, зачемъ обыватели, по своему убожеству, претерпѣвают въ оной скудость. Для того просыть отъ Ея Императорскаго Величества, чтобъ за прывозымую въ Малую Россію соль пошлинныхъ и потарыфныхъ зборовъ не собиранно, Высочайшаго матерняго помылованія.

Въ протчемъ свѣраетъ вамъ шляхетство въ порученныхъ сыхъ дѣлахъ просыть помощы и совѣта отъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича господина Румянцова, яко объявленнаго о ползѣ всего здѣшнего народа предстателемъ.

На подлинномъ наказѣ подпысались: предводитель шляхетства повѣту Глуховского подкоморій Васілей Кочубей, коллежской ассесоръ Осыпъ Туманскій, подкоморій повѣту Роменскаго Васыль Кулябка, земскій судья повету Глуховского Сергей Дергунъ, бунчуковій товарышъ Федоръ Макковскій, бунчуковій товарышъ Иванъ Туранскій, бунчуковій товарышъ Іосыфъ Діаковскій, бунчуковій товарышъ Стефанъ Кулябка, бунчуковій товарышъ Демянъ Оболонскій, бунчуковій товарышъ Мыхайло Трусевычъ, бунчуковій товарышъ Алексѣй Сылевичъ, генералной войсковой артылеріи асаулъ Грыгорій Кологрывій, генералной войсковой артылеріи хоружій Петръ Юркевычъ, старшій войсковій канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, сотныкъ Янполскій Грыгорій Жовтобруховъ, старшій войсковій канцелярыстъ Александръ Давидовычъ, войсковій товарышъ Грыгорій Трусевычъ, возній сотнѣ Короповской Федоръ Стражевскій, войсковій товарышъ Евфымъ Фылоновычъ, въ должности секретаря Дмытрей Карпѣка, войсковій товарышъ Грыгорій Прыблуда, войсковій товарышъ Васыль Уманецъ, войсковій товарышъ Даныло Бутовычъ, войсковій товарышъ Прохоръ Забѣла, коморнѣкъ повѣту Глуховского

Илья Зайковскій, возній сотнѣ Кролевецкой Иванъ Зубажа, войсковій канцелярыстъ Андроныкъ Гейваровскій, значковій товарышъ Фылыпъ Уманець, значковій товарышъ Адріянъ Потапенко, возній подкоморскій повѣту Глуховского Иванъ Павловскій, значковій товарышъ Лукянъ Фылоновычъ, по его прошенію неграмотнаго также и за себе значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подпысался, значковій товарышъ Иванъ Федоровскій, значковій товарышъ Степанъ Бордаковскій, значковій товарышъ Омельянъ Госскій, хоружій сотенній нполскій Яковъ Лазаревичъ, войсковой товарышъ Дмытрій Лучнѣцкій, войсковій товарышъ Матвѣй Бордаковскій, войсковій товарышъ Иванъ Васыленко, по его прошенію неграмотнаго значковій товарышъ Семенъ Вышынскій подписался, войсковій канцелярыстъ Яковъ Брагынецъ, войсковій товарышъ Федоръ Тарасовъ, бунчуковій товарышъ Петръ Забѣла, значковій товарышъ Петръ Максымовычъ, войсковій канцеляристъ Дымитрей Маковскій, пысаръ сотенній кролевецкій Иванъ Сердюковъ, асаулъ полковій Иванъ Александровычъ, генералной войсковой артылеріи пысаръ Андрей Яновскій, войсковій товарышъ Федоръ Коханѣя, войсковій товарышъ Федоръ Жуковскій, значковій товарышъ Даныло Шлякевичъ.

1767 году
Маія 21 дня.

II.

1767.

Наказъ черниговскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста декабря 14-го дня 1766 года, отъ шляхетства, въ полку черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному господину, генеральному асаулу, Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Повинуяся высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей нашеи государыни, объ избраніи отъ всѣхъ частей Богомъ ввѣренной ея имперіи депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, шляхетство, въ полку черниговкомъ имѣніемъ обязанное, избрало васъ своимъ въ ту коммиссію депутатомъ, и не сомнѣвается, по извѣстнымъ ему вашимъ достоинствамъ, что вы во всякомъ дѣлѣ, которое вамъ предложено будетъ, станете стараться, по всей возможности, споспѣшествовать государственной и отечества вашего пользѣ, и тѣмъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества удовольство пріобрящете.

Ея Величество, имѣя неусыпное о благѣ государства, ею управляемаго, попеченіе, всемилостивѣйше позволяетъ каждому уѣзду представить ей всеподданнѣйшія просьбы объ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Здѣшнее шляхетство, пріемля съ достодолжною, рабскою благодарностію и послушаніемъ матернее своей Самодержицы къ подданнымъ снисхожденіе, и находя, что правительство и обряды земли здѣшней, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣлъ состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастіе народа зависитъ, возлагаетъ твердое упованіе, что сія великая монархиня, промышляя о благоденствіи всѣхъ вообще и каждаго особливо, неоставитъ призрѣть и на благо-присоединенный къ имперіи ея малороссійскій народъ и, основывая въ немъ добрый порядокъ, исполнить данное сему народу императорское свое слово возводить его на такую степень счастія, въ которой онъ вящую Ея Императорскаго еличества Вмилость могъ бы чувствовать. Не трудно Ея Величеству достигнуть конца сего обѣщанія. Опредѣленный ею въ Малую Россію генералъ-губернаторъ и объявленный о пользѣ жителей здѣшнихъ предстателемъ, по достаточномъ его обстоятельствѣ сего края испытаніи, паче всѣхъ другихъ въ совершеніи сего великаго дѣла споспѣшествовать можетъ. Въ разсужденіи сего, шляхетство черниговского полку, некасаяся тѣхъ недостатковъ и неудобствъ, отъ направленія которыхъ зависитъ всеобщее всѣхъ

состояній народа благоденствіе, принимаетъ дерзновеніе утруждать освященную свою Государыню въ томъ, что оному нужно, и вручивъ вамъ подписанную къ Ея Императорскому Величеству челобитную, даетъ повѣренность представить нижеслѣдующіе недостатки, нужды и отягощенія:

1-е. Въ началѣ изображаемъ мы недостатки, усмотрѣнные въ правахъ нашихъ, и какову нужду имѣемъ въ поправленіи оныхъ. Разность временъ, въ которыя статутъ Великаго Княжества Литовскаго сочиненъ, предкамъ нашимъ привилегіями утвержденъ, и сихъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣлаетъ его намъ несходнымъ. Ибо 1-е, узаконенія, въ раздѣлѣ 1-мъ, объ особѣ государевой гласящія, противны самодержавной власти, нами управляющей. Раздѣлъ второй (привилегіею Сигизмунда Августа, блаженной памяти Короля Польскаго, княжеству Кіевскому въ 1569 году на сеймѣ пожалованною, отрѣшенный) пишетъ о такой военной земской службѣ, которую ни государственная польза, ниже удобства для жителей возобновить позволяютъ. Раздѣлъ четвертый, заключающій въ себѣ законы о судахъ земскихъ и городскихъ и объ образѣ разбора тяжебъ, равно же отечеству нашему служить неможетъ, понеже по привилегіямъ тѣ суды предоставлены одному шляхетству, которое сперва, обязанное службою въ войскѣ Запорожскомъ, подвергнуло себя съ имѣніемъ начальствамъ козачьимъ; но послѣ того, недавно, возстановляя земскіе суды, примѣшало къ нимъ и козаковъ. 2-е. Неменьше же нѣкоторыя права суть противны и естественному праву, нѣкоторомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ, а особливо, что касается до артикула 16-го, раздѣла одинадцатаго, гдѣ кровь простаго человѣка, шляхтичемъ пролитую, отсѣченіемъ токмо руки и весьма малымъ платежемъ отметить повелѣно. Сей законъ можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго непріобрѣвшіе, стенаютъ подъ игомъ порабощенія и мучительства. 3-е Видъ правленія въ землѣ, который трудно сообразить съ предписаннымъ въ правахъ, и различное состояній народныхъ раздѣленіе. 4-е. Къ истребленію своевольства, неистовства, неправо-

судія и другихъ злодѣяній недостаточныя денежныя наказанія, въ правѣ нашемъ изображенныя, сходно съ давними годами, когда поляки и наши обыватели были еще и нынѣшнихъ бѣднѣе въ деньгахъ, великій вредъ обществу наносятъ. 5-е. Многія изъ сихъ правъ пополнены, другія жъ и вовсе отмѣнены установленіями, на сеймахъ послѣ изданія правъ учиненными, исполненіе коихъ равно съ правами, отъ Сигизмунда Августа вышепомянутою привиллегіею, здѣшнему народу предписано. 6-е. Указы, въ дополненіе и отмѣну статута такъ же послѣдовавшіе иногда предпочитать земскому праву, иногда же, въ чемъ съ правомъ несогласуютъ, неисполнять, отъ верховнѣйшихъ властей повелѣнія выходили. 7-е. Темнота трудная къ понятію прямому, а особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніяхъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ. 8-е. Употребленіе правъ, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали. 9-е. Недостатокъ во многихъ положеніяхъ, нужныхъ обществу, бываетъ причиною, что пріемлютъ и другія христіанскихъ областей и городовъ права, нетокмо намъ, но и всему почти краю нашему малослужащія. А сверхъ сего, отъ разнообразія и несходства между собою законовъ и обрядовъ, рождается вражда и зависть, произращающія взаимныя насильства и озлобленія, которыя всякій благонамѣренный отечества сынъ истреблять, а на ихъ мѣсто искренность и единодушіе во всѣхъ вперять и утверждать обязанъ. То, какъ мы не сомнѣваемся, что новое уложеніе, сочиненіе проэкта котораго, съ помощію Божіею, начнется по прибытіи депутатовъ, прозорливостію и премудростію матери отечества нашего очищено будетъ отъ всего того, что съ просвѣщенностію времени несогласуется и прежнимъ правамъ Россійскимъ въ томъ, что для тогдашняго вѣку нужно было подобное найтися могло бы, и потому будетъ еще достаточнѣе и намъ полезнѣе нежели право, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ на сеймахъ предкамъ нашимъ пожалованное и отъ всѣхъ Самодержцевъ Всероссійскихъ утвержденное,—повѣряемъ вамъ доставить Ея Императорскому Величеству все-

подданнѣйшую нашу просьбу, чтобъ мы яко равные къ равнымъ, свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единаго закона, присовокуплены были, оставляя намъ на вѣки всѣ отличныя выгоды и вольности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего не нарушимо пользовалися, изобразивъ оныя, для вѣчнаго храненія и исполненія, въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ, и къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной, дружбы и единодушія пожаловано бы было намъ въ честяхъ и преимуществахъ съ нимъ равенство.

2-е. Къ отвращенію сомнительствъ о породѣ изъ шляхетства, по причинѣ неимѣнія, для неспокойствъ и безпорядковъ, чрезъ долгое время въ Малой Россіи властвовавшихъ, разрядовъ или инныхъ списковъ, равнымъ образомъ и къ пресѣченію впредь простороднымъ похищать безъ заслугъ преимущества и выгоды, съ онымъ достоинствомъ сопряженныя, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и статскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Величества или самимъ Ея Величеству служили и служатъ, указать написать, по засвидѣтельствованію отъ Генерала-Губернатора, въ списокъ шляхетства, (сіе сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами: Игнатовичемъ, Самойловичемъ и Мазепою) и обще съ состоявшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ Королей Польскихъ и отъ Царей Всероссійскихъ, утвердить навѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3-е. До нынѣшняго времени о воспитаніи юношества весьма малое или, лучше сказать, почти никакого у насъ неупотреблено попеченія, ибо, неимѣя порядочныхъ училищъ и воспитательныхъ

домовъ, жители здѣшніе тѣ токмо, коимъ непрепятствовалъ достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктпетербургъ и Москву и въ чужіе краи; напротиву того, тѣ, которыхъ счастіе неодарило достаткомъ, отдаленностію и другими неудобствами лишенные способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ, безъ надлежащаго присмотра, въ домахъ возрастать безполезно и часто въ тягость обществу; женской полъ оставленъ былъ также безъ надлежащаго призрѣнія и ученія. Къ поправленію сего общественнаго недостатка, для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военачальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества, да соизволитъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше учредить въ Малой Россіи дворянской корпусъ, въ которомъ бы малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и въ сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было. Особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ, жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ, основать въ приличномъ мѣстѣ университетъ или академію; а какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитаніи, то и для нихъ, гдѣ покажется за благо, завесть особливой домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго, въ чемъ полагаемся на премудрое Ея Величества благоучрежденіе.

4-е. Шляхетство здѣшнее, имѣя охоту къ отправленію государственной службы и къ наученію дѣлу военному, хотя и вступаютъ въ полки регулярные, но часто отдаленное отъ домовъ пребываніе бываетъ имъ въ продолженіи службы помѣшательствомъ. Наше же отечество неимѣетъ другого воинства, кромѣ козаковъ, начальства надъ которыми, опредѣляемыя, по причинѣ безпорядочнаго, не по старшинству и заслугамъ, но общимъ выборомъ и усмотрѣ-

ніемъ властей, произвожденія, коснѣютъ въ однихъ чинахъ; а видя, что незаслуженные похищаютъ предъ ними первыя мѣста, приходятъ въ оплошность. Для сего просимъ всеподданнѣйше, дабы для пользы государственной, въ умноженіи россійскаго побѣдоноснаго войска и въ оборонѣ границъ, козаки здѣшніе въ лучшемъ и порядочнѣйшемъ видѣ и службѣ государевой устроены были. Сіе самое и для нихъ будетъ сходственнѣе, ибо тягостная ихъ служба, часто противу должности военнаго человѣка отправляемая, превратится въ порядочную, званію ихъ приличную и государству прочнѣйшую; а шляхетство, начиная въ таковыхъ полкахъ служить отъ нижнихъ чиновъ и восходя по степенямъ, учинятъ себя достойными охранителями имперіи и полезными гражданами общества.

5 е. Чтобъ случающіеся между шляхетствомъ въ земскихъ дѣлахъ споры скорѣе, а иногда и на словахъ, разбираемы быть могли, то всеподданнѣйше просимъ позволить намъ для первой инстанціи по тяжбамъ въ земляхъ шляхетскихъ имѣть суды земскіе, въ которые судей выбирать бы намъ изъ между себя. Симъ же судамъ состоять подъ аппеляціею тѣхъ правленій, которыя Ея Императорское Величество самодержавною властію своею, для лучшаго народнаго блага, устроить соизволитъ.

6-е. Приложеннымъ при манифестѣ декабря 14 дня 1766 года. обрядомъ указано: выбрать дворянскаго предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетокмо пры нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, еслибы послѣдовали отъ верховной власти каковыя особыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія. Но какъ въ томъ высочайшемъ повелѣніи неизображено, по прошествіи двухъ лѣтъ, выбирать ли новаго предводителя такихъ ради дѣлъ, то всеподданнѣйше просимъ, дабы возобновленіе, по перемѣнамъ, такова выбора намъ дозволено было; и ежели о бытіи всегда предводителя учинено будетъ соизволеніе, то чтобъ, въ случаѣ надобности дворянина для отвѣта предъ государственнымъ правленіемъ (кромѣ земскихъ дѣлъ), о высылкѣ онаго требовано было отъ предсѣдателя; равнымъ образомъ и все

званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписано бы было.

7-е. Шляхетство здѣшнее осмѣливается при семъ случаѣ представить Ея Императорскому Величеству всенижайшую о слѣдующемъ просьбу: чтобъ кромѣ тѣхъ, которые изъ высочайшей Ея Величества милости по 2-му пункту прошеній нашихъ, въ семъ наказѣ изображенныхъ, внесены будутъ въ списокъ нашего шляхетства, никому стороннему непозволено было покупать у насъ деревень, мельницъ, земли и всякаго угодія до тѣхъ поръ, пока желающій купить отъ предводителя и всего шляхетства общимъ опредѣленіемъ, по докладу Генералу-Губернатору, въ сообщество наше принятъ не будетъ; а таковы принятія, на общихъ собраніяхъ нашихъ, мы всѣ достойнымъ дворянамъ, а особливо природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ, раздавать обязаны.

8-е. Малороссійскіе Гетманы, начавъ отъ Демьяна Игнатовича, по даннымъ имъ въ договорахъ позволеніямъ, награждали за государеву въ войскѣ службу деревнями, землями, мельницами и всякими угодьями, на каковы награжденія отъ стороны государевой обнадежено давать подтвердительныя грамоты. Бѣдность получившихъ таковыя благодѣянія, а отчасти внутреннія неспокойства, чрезъ долгое время къ блаженству предковъ нашихъ препятствовавшія, были причиною, что рѣдко кто искалъ особаго Монаршаго подтвержденія. Равнымъ образомъ многіе изъ помѣщиковъ и старшинъ, въ давнія времена занявъ пустыя въ особенности бывшія земли, поселили на оныхъ къ лучшему государства прибытку деревни, выростили рощи, основали земледѣліе, ввели скотоводство и разные промыслы и запрудили плотины, на которыхъ къ пользѣ жителей построили мельницы и изъ того государственную отправляли и отправляютъ службу; таковыя владѣнія утверждены были здѣшнему народу, какъ нѣкоторыми статьями подъ именемъ займищъ, такъ правами и привилегіями. Въ послѣднія времена были они подвержены разнымъ неспокойствамъ, описью многихъ въ казенное вѣдомство и насильственными отборами въ партикулярныя руки Въ отвращеніе толикихъ смятеній просимъ у Ея Императорскаго Величества

всемилостивѣйшаго утвержденія всѣхъ сихъ наданныхъ, занятыхъ и выслуженныхъ маетностей, хуторовъ, пахатныхъ земель, лѣсовъ всякаго дерева, сѣнокосовъ, мельницъ и другихъ угодій, въ вѣчномъ и наслѣдственномъ обоего пола владѣніи, за кѣмъ что нынѣ находится, исключая партикулярныя претензіи, о разсмотрѣніи и рѣшеніи которыхъ никакая привилегія силы общаго закона отнимать не долженствуетъ.

9-е. Въ прежнія времена между шляхетствомъ, козаками и другими обывателями отправлялась покупка недвижимыхъ имѣній въ разсужденіи того, что правомъ Великаго Княжества Литовскаго оставлено свободное добра своего употребленіе: въ продажу въ подарокъ, въ приданное, въ замѣну и въ закладъ. Особливо же 1734 года имяннымъ блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны указомъ повелѣно: „ежели въ свободныхъ или владѣльческихъ маетностяхъ козакъ грунтъ свой продастъ и наономъ самъ жить пожелаетъ, оный долженъ отдавать и чинить по пропорціи имѣнія своего всякія посполитскія повинности, а ежели мужики, продавъ грунты свои, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ и тѣми грунтами владѣть будутъ, тѣ такожъ де отдаютъ, по пропорціи имѣнія ихъ, повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданые“. А хотя 1739 года, по причинѣ тогдашняго военнаго случая, для отвращенія умаленія службы козачей запрещено, до окончанія войны и будущаго соизволенія, продажею и другими сдѣлками имѣнія козачьихъ добръ присвоивать, однако, когда война окончилась, то по причинѣ послѣдовавшей вскорѣ Государыни Императрицы Анны Іоановны кончины и наставшихъ въ Россіи перемѣнъ, никакого точнѣйшаго о томъ узаконенія не послѣдовало, сверхъ того, при избраніи послѣдняго Гетмана, утверждены прежнія права и вольности, и велѣно поступать по указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ безъ нарушенія свободъ и правъ народа; то потому шляхетство покупали у козаковъ грунты, мельницы и всякія угодья, и на нѣкоторыя изъ такихъ владѣній между гетманствами даваны были подтвердительныя грамоты; надлежитъ нынѣ просить всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество

благоволили, изъ особливой матерней своей къ намъ щедроты, такія покупленныя добра, равно съ имѣніемъ шляхетскимъ, утвердить намъ во вѣчное и потомственное обоего пола владѣніе.

10-е. По таковомъ всемилостивѣйшемъ укрѣпленіи генерально въ Малой Россіи недвижимыхъ имѣній, да будетъ угодно Ея Императорскомъ Величеству указать нарочнымъ межевщикамъ и землемѣрамъ ограничить всѣ земли и угодья и для прекращенія споровъ и слѣдующихъ неспокойствъ сочинить межевыя на пергаментѣ книги; по окончаніи же того каждому помѣщику утвердить помѣстья его вѣчно и наслѣдственно, въ родъ обоего пола, Высочайшими Ея Императорскаго Величества грамотами, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, порознь изображая въ оныхъ всѣ границы, мѣру земли и всякія угодья.

11-е. Просимъ всеподданнѣйше, чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, внутренніе же промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ Крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ вѣхъ, въ ихъ земляхъ родящихся, товаровъ въ чужіе краи, платя въ пограничныхъ таможняхъ пошлину; а чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ не имѣлъ чинить помѣшательствъ, утверждено бъ намъ было, при сочиненіи новыхъ законовъ, особою привилеіею.

12-е. Въ часто упоминаемой, отъ Сигизмунда Августа народу здѣшнему пожалованной, привилегіи между прочимъ узаконено: „для признанія верховной королевской власти и въ изъявленіи подданства давать повинность изъ земли, гдѣ раздѣлена, отъ волоки, а гдѣ невымѣрена отъ дыму, т. е. избы". Но нѣтъ никакого извѣстія, во всѣхъ ли мѣстахъ тогда или послѣ того въ Малой Россіи земли вымѣрены были? Во время же положенія на довольство, изъ сей стороны, нѣкоторой части войскъ Россійскихъ, консистентскія дачи росписываемы были по дворамъ и по статьямъ имущества, неописывая онаго порознь,

съ великимъ для однихъ облегченіемъ и несноснымъ для другихъ отягощеніемъ, которая поставка, отдаленная и неблаговременная провіанта и фуража въ натурѣ, или взысканіе за оные деньгами, противу положенной цѣны въ трое и больше умножили; нынѣ наложенный же вмѣсто того по рублю съ избы окладъ, также для подсусѣдковъ и другихъ жителей, земли неимѣющихъ, неуравнителенъ въ разсужденіи пахотныхъ людей; располагать же по пропорціи имущества невсегда возможно потому, что инаго и все имѣніе въ таковыхъ нищихъ людяхъ состоитъ. Въ разсужденіи сего повѣряется всеподданнѣйше просить, дабы Ея Императорское Величество соизволили указать должную отъ поселянъ подать, по окончаніи межеванія и ревизіи, расположить безъ отягощенія народа, который лишенъ будучи способовъ къ обращенію въ прибытокъ продуктовъ своихъ, провождаетъ жизнь въ скудости по землямъ, которыми они дѣйствительно пользуются, и промыслами, законами имъ дозволенными, и такова бы ревизія въ указаное время возобновляема была; шляхетскія же земли и угодья, къ дворцамъ владѣемыхъ ими маетностей издавна принадлежащія, и куплями, либо иными каковыми сдѣлками пріобрѣтенныя, по подлинному доказательству свидѣтелями и крѣпостьми, въ сходство привилегій и прежнихъ правъ до сего намъ укрѣпленныхъ, отъ всякихъ повинностей были бы свободны.

13-е. Онoю-же привилегіею увольнены всѣ обыватели края здѣшняго, шляхетскіе подданные, отъ строенія крѣпостей и всякихъ государственныхъ работъ, которою свободою пользовались они и по возвращеніи Малой Россіи къ соединенію съ Россіею; въ послѣднія времена наряжали ихъ въ великомъ числѣ для строенія линій и крѣпостей, въ бывшую турецкую войну въ погонщики, для полоненія льду и для многихъ тяжелыхъ работъ; а особливо, по имянному указу 1756 года, посланы были въ армію набранные изъ посполитыхъ восемь тысячъ человѣкъ, которые, хотя по всемилостивѣйшему Императорскаго Величества соизволенію на прежнія жилища отпущены, возвратились съ великимъ въ числѣ ихъ уменьшеніемъ. При нынѣшнимъ случаѣ пріемлемъ дерзновеніе просить всеподданнѣйше, чтобъ подданные наши кромѣ узаконяемой государ-

ственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ.

14-е. Подданные наши, въ наслѣдныхъ, наданныхъ и купленныхъ вотчинахъ нашихъ живущіе, ежечастно терпятъ великія обиды отъ переходящихъ и стоящихъ Россійскихъ войскъ, не взирая на то, что отъ всѣхъ насильствъ жители края здѣшняго милосердными государей Всероссійскихъ, а особливо многими, отъ безсмертной памяти Государя Императора Петра Великаго указами, изданными и постановленными съ народомъ договорами, предохранены; и хотя таковыя благія распоряженія отъ верховныхъ правительствъ и начальниковъ, при всякомъ случаѣ, къ должному исполненію подтверждаются, а особливо отъ главнокомандующаго нынѣ Украинскою дивизіею, господина Генерала Аншефа, малороссійскаго Генералъ-Губернатора, Его Сіятельства Графа Петра Александровича Румянцева, къ охраненію правленія его ввѣренной страны и къ усмиренію своевольствъ предприняты и предпринимаются всякія мудрыя мѣроположенія, но дабы они когда либо неучинились слабою народу защитою, и потому постоями обывательскихъ домовъ, безъ показанія отъ земскихъ начальствъ или владѣльцевъ, а шляхетскихъ домовъ (привилегіями и прежними, особливо же указами Государя Императора Петра Великаго отъ постоевъ увольненыхъ), отнюдь не занимали, лагерами, безъ отводу такого-жъ, не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія ненаносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ недовольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и заплаты людей и скота ихъ не брали, къ вящему и несноснѣйшему озлобленію, боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче дабы военные начальники въ городахъ и землями подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками, или наказаніями ихъ неозлобляли, да будетъ угодно Ея Императорскому Величеству вновь высочайше подтвердить; но какъ въ случаѣ искательства по таковымъ обидамъ, за отлучками судей и обывателей, а особливо во время перехода войскъ, жалобщикамъ вслѣдъ за командами таскаться разорительно, то все-

подданнѣйшее просимъ, чтобъ къ отвращенію всякихъ насильствъ, для скорѣйшаго сысканія виновнаго, учреждена была внутри Малой Россіи, гдѣ удобно, подъ вышшимъ судомъ и дирекціею Генерала-Губернатора, особливая Коммиссія, въ которую бы равное число членовъ изъ малороссійскихъ уроженцевъ опредѣлено было, и оные отправляли бы дѣла свои на такомъ основаніи, какъ учрежденная манифестомъ марта 13-го дня 1740 года поступала, чтобъ всѣ обыватели высшихъ и нижнихъ чиновъ отвѣтствовали и судились въ ней, а особливо дабы начальники подчиненныхъ своихъ, на коихъ произойдутъ жалобы, по требованію Коммиссіи къ суду, подъ страхомъ взысканія, высылали. А понежѣ изъ сего, по мнѣнію нашему, защищеніе маетностей и селеній нашихъ отъ обидъ еще недостаточно, потому что жители здѣшніе изъ оплошности могутъ иногда дать и самимъ обидителямъ одобрительныя свидѣтельства, то въ дополненіе просить надлежитъ, чтобъ при маршахъ полковъ были всегда изъ здѣшнихъ уроженцевъ, въ чинахъ находящихся, или дворянъ, особливые комисары для охраненія поселянъ и заплаты за всѣ, для войска взымаемыя, по добровольной цѣнѣ вещи, которые снабжены были бы полнымъ наставленіемъ, въ дачѣ коего полагаемся на благоразумное изобрѣтеніе нашего Генералъ-Губернатора.

15 е. Высочайшимъ имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, 1763 года даннымъ, полкамъ, на довольствѣ обывателей малороссійскихъ до сего бывшимъ, и нѣкоторымъ, особливо отъ коммиссаріата дольствуемыхъ, пѣхотнымъ и коннымъ, назначены по городамъ въ Малой Россіи непремѣнныя квартиры. Таковое премудрое учрежденіе тѣмъ полезнѣе отечеству нашему было-бъ, что въ городахъ состоящія войска могутъ безъ отягощенія жителей содержать себя, покупая добровольно у торговыхъ людей всякія къ пропитанію нужныя вещи, и, по большому пространству городскихъ домовъ, могутъ вмѣщаться въ квартирахъ безъ препятствія въ домашнихъ работахъ хозяевамъ; напротивъ того, расположенныя по деревнямъ въ обыва-

тельскихъ домахъ нетолько хозяевамъ въ работахъ домовыхъ чинятъ помѣшательство, но, къ вящему поселянъ разоренію, не имѣя гдѣ купить съѣстныхъ и другихъ припасовъ, остаются на довольствѣ хлѣбомъ и прочимъ у обывателей. Для сего просимъ всеподданнѣйше, чтобъ Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволили, расположить полки по однимъ городамъ, къ лучшей самихъ же мѣщанъ пользѣ, чрезъ умноженіе прибытковъ ихъ покупкою всякихъ вещей въ торгахъ.

16-е. Шляхетство нерѣдко терпитъ великую обиду и разореніе отъ того, что занимая деньги, принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на упадъ, т. е. безъ выкупа по прошествіи срока; а прежде послѣдовавшаго въ 1764 году указа къ умноженію вреда служили великіе проценты, которыми заимодавцы отягощали должниковъ; давать же съ шестью процентами не всякому приватному человѣку сходно, потому что обращеніемъ капитала своего въ торгъ или промыслы могутъ они дѣлать прибыточнѣйшее себѣ употребленіе; сверхъ того, крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ согражданъ нашихъ способовъ распространять, къ пользѣ государства, комерцію и промыслы. Для того всеподданнѣйше просимъ, чтобы изъ особливой Ея Императорскаго Величества Высочайшей милости, Банкъ государственный, въ Малой Россіи, для пользы общей учрежденъ былъ, на такомъ основаніи, какъ оный въ Россіи для дворянъ заведенъ; шляхетство восчувствовало бы еще болѣе метернюю Ея Величества безприкладную шедроту, ежели бы проценты банка сего всемилостивѣйше пожалованы были въ помощь на содержаніе воспиталищъ и училищъ, яко благое и полезное всей имперіи дѣло, такъ какъ Ея Величество высочайше опредѣлили для содержанія Воспитательныхъ домовъ въ Россіи, и симъ узнало, каковое принимаетъ оно участіе во всѣхъ благодѣяніяхъ подданымъ Ея, дворянамъ россійскимъ.

Впрочемъ здѣшнее шляхетство повѣряетъ вамъ представить Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее его благодареніе за матернее о благѣ нашемъ Ея попеченіе, которое не токмо ввѣренные отъ Бога руководству Ея народы, но и самые отдаленные края съ удивленіемъ прославляютъ.

III.

1767.

Наказъ Прилуцкаго шляхетства.

Выбранному отъ шляхетства полку Прилуцкого Депутату Господину Асаулу Генеральному Ивану Михаиловичу Скоропадскому.

О Всевисочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи, изображенномъ въ изданномъ изшедшаго 1766 году декабря 14 манифестѣ, и во всей Всероссійской Имперіи, въ томъ числѣ и въ Малой Россіи, обнародованномъ, о выборѣ по приложеннымъ при томъ манифестѣ обрядамъ всякого званія вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества Депутатовъ въ коммиссію сочиненія проэкта новаго уложенія, въ первостоличномъ Ея Императорскаго Величества городѣ Москвѣ высокоучрежденную, вы довольно извѣстны.

Во исполненіе оного Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, всего полку Прилуцкого отъ шляхетства вы таковымъ Депутатомъ выбраны, предваряя тотъ выборъ учиненною нами по обряду выбора дворянского Депутата присягою, а по выборѣ и сочиненное по образцу Депутатскому полномочіе вамъ подписали.

А какъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Монархиня наша, изъ одиного своего высокоматерного и безпримѣрного ко всѣмъ вѣрноподаннымъ своимъ милосердія Всемилостивѣйше соизволила указать, зъ таковыми Депутатами всенижайшіе челобитныя, также усмотрѣнные общіе недостатки и нужды представить въ высокоупомянутой

коммиссіи, а по образцу положено Депутату дать о томъ за подписаніемъ всего собранія наказъ,—

то мы всѣниженодписавшіеся полку Прилуцкого шляхетство, учиня Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше наше челобитье, и за толь всещедрое Ея Императорскаго Величества благоутробіе и о вѣрноподанныхъ своихъ попеченіе изобразивъ, наше робское благодареніе, для подачи онаго, гдѣ надлежитъ, при семъ наказъ вамъ прилагаемъ.

Какіе же нужды и недостатки наши нами усмотрѣны, оные ниже сего по пунктамъ слѣдуетъ.

1.

При державѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Гетманъ Малороссійскій Богданъ Хмельницкій съ войскомъ и народомъ Малороссійскимъ, со всѣми городами, землями, селами и деревнями, Державѣ Всероссійской въ поданство вѣчно приступилъ. Чему Его Царское Величество Всемилостивѣйше соизволяя, на всѣ его, Гетмана, съ войскомъ прошенія всему народу Малороссійскому, духовнаго и мирскаго званія чинамъ и козакамъ, чрезъ статьи данные, нетолько пользоваться своими издревле пріобрѣтенными по привилегіямъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ правами и вольностями, но и бывшими во владѣніи ихъ имѣній обыкновеніями Всемилостивѣйше жъ пожаловалъ, утвердилъ.

По блаженной же Его Царского Величества кончинѣ, Высочайшіе Его Величества наслѣдники, Государи, Цари и Великіе Князи и Самодержцы Всероссійскіе, наипаче же Его Императорское Величество, блаженныя и высокославныя памяти Великій Государь Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, также Его Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государь Петръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и Ея Императорское Величество, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыня Императрица Анна Іоановна, а на послѣдокъ и

Ея Императорское Величество, блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская Елисаветъ Петровна, многими Высочайшими грамотами и публикованными въ народъ Малороссійскій печатными указами тѣ права, привилегіи, вольности и обыкновенія Высочайше подтвердить соблаговолили.

О подтвержденіи коихъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Монархини, всеподданнѣйше просить.

2.

А какъ оные права, а имянно въ книгѣ Статутѣ содержимые, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, въ 1433 году отъ Владислава Ягелла, въ 1507 году отъ Сигизмунда Первого, въ 1569 году отъ Сигизмунда Августа, здѣшнему краю привилегіями наданные и отъ высокославныхъ Ея Императорскаго Величества предковъ въ разныхъ годахъ, яко то: въ 7162 году, а отъ Рождества Христова въ 1654 году марта 27 дня отъ Его Царского Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Богдану Хмельницкому двумя грамотами, да въ томъ же году и по 13 статьѣ емужъ, Богдану Хмельницкому, и въ 7168 году октября 17 дня Гетману Юрію Хмельницкому, а 7180 году отъ Егожъ Царского Величества, во время избранія Гетмана Самойловича, старшинамъ и всему войску, такожъ въ 1687 году іюля 29 и въ 1708 ноября 1 отъ Его Императорского Величества, блаженныя и высокославныя памяти Государя Петра Великого, Самодержца Всероссійского, а особливо въ 1709 году февраля 13 отъ Егожъ Императорскаго Величества печатными публикованными указами, въ 1711 году генваря 5 дня и въ 1717 году ноября 8 дня отъ Егожъ Императорского Величества Гетману Скоропадскому, а въ 1728 году отъ Его Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Второго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Гетману Апостолу, такожъ въ 1730 году мая 15 дня отъ Ея Императорскаго Величества, блаженныя и

вѣчно достойныя памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержцы Всероссійской, емужъ Апостолу, а въ 1749 году декабря 15 дня и въ 1750 году отъ Ея Императорскаго Величества, святоусопшія Государини Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, Высочайшими грамотами Малороссійскому народу, къ достиженію всякого правосудія, Всемилостивѣйше подтверждены, по коимъ издревле, даже до нынѣ, всѣ шляхетского званія, духовные и мирскіе чины и козаки во всѣхъ своихъ тяжбахъ въ судахъ Малороссійскихъ отъ опредѣленныхъ въ оные суда своихъ Малороссійскихъ Старшинъ судими были и росправою пользовалися и нынѣ пользуются. И для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить, дабы по означеннымъ правамъ книги статута намъ и на будущіе времена во учрежденныхъ по имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу судахъ, на то по тѣмъ же правамъ выбираемыхъ судей судится Всемилостивѣйше подтверждено было.

3.

Всѣ имѣнія недвижимые нынѣ нами владѣемые, предковскіе, жалованные и наданные, купленные, займы набытые, по предъобъявленнымъ же привилегіямъ и жалованнымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества отъ предковъ грамотамъ и статьямъ, въ согласіе правъ нашихъ, по Статуту въ роздѣлѣ третомъ въ артикулахъ: 2, 41 и 43 изображенныхъ, всеподданѣйше Ея Императорскаго Величества просить во владѣніи нашемъ пожаловать, утвердить; и чтобъ впредь, въ согласіе Статутового права и обыкновеній нашихъ, продажа и купля шляхетству съ козаками взаимно свободна была на всегда, просить Высочайшего подтвержденія, якожъ мы единственно отъ своихъ имѣній и службу Ея Императорскому Величеству отправляемъ.

4.

Въ имянной Высочайшей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государини Императрыци Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 1734 году августа отъ 8 состоявшейся грамотѣ къ умер-

шему Генералъ-Лейтенанту Князю Шаховскому, бывшему въ управленіи Гетманского уряду, по 5-му пункту Всемилостивѣйше повѣлено: ревизію въ Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ и подсусѣдковъ въ томъ же году учинить вновь, чтобъ обиватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены, и одни передъ другими не имѣли въ томъ тягости; а впредь по вся годы, или чрезъ нѣсколько годовъ таковуюжъ ревизію чинить.

Для того Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить о бытіи и впредь въ Малой Россіи ревизіямъ такимъ порядкомъ, какъ въ вашеобъявленной Высочайшей грамотѣ показано, а нынѣ производимую по душамъ мужска и женска полу и всѣхъ нашихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній генеральную перепись чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было отставить.

5.

Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше просить: о облегченіи Малороссійскихъ обивателей отъ собираемого нынѣ съ нихъ, не различая по имуществу, со всякой хаты, во мѣсто прежде бывшой дачи консистентской, рублевого окладу, отъ коего обыватели, а паче бѣднѣйшіе и подсусѣдки, никакихъ грунтовъ за собою неимѣющіе, чувствуютъ немалую тяжесть, и кои по скудости своей не могутъ оного отплатить, сами ихъ владѣльцы за нихъ принуждены отплачивать не упустительно; содержаніе же въ Малой Россіи указаныхъ консистентовъ на безденежномъ довольствіи имѣть, производя отъ обывателей на тѣхъ консистентовъ на самое наличное число людей и лошадей, какъ по именному Ея Императорскаго Величества, блаженной памяти Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Елисаветы Петровны о содержаніи консистентовъ въ 1749 году состоявшомся указу предписано.

6.

О расположеніи указныхъ консистентовъ на непремѣнные квартиры, дабы одни обыватели отъ утѣсненія ихъ чрезъ всегдашное тѣхъ консистентовъ въ однимъ мѣстахъ по квартирамъ стояніе мо-

гли имѣть облегченіе, Всемилостивѣйшее отъ Ея Императорскаго Величества благоразсмотрѣнія просить.

7.

Имянною блаженныя и вѣчнодостойнныя памяти Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссійского, Высочайшую грамотою 1721 года января 21 дня повелѣно въ Малой Россіи у заслуженныхъ особъ у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей Старшины, у Поповъ и у церковниковъ, на дворахъ ихъ, гдѣ сами живутъ консистентскихъ квартеръ неимѣть.

О подтвержденіи по тому и нынѣ всеподаннѣйше Ея Императорскаго Величества просить.

8.

О Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества повелѣніи содержать насъ, состоящимъ въ разныхъ Малороссійскихъ штатскихъ и военныхъ чинахъ, въ чести дворянской, всеподданнѣше просить Высочайшей на то отъ Ея Императорскаго Величества привилегіи, какъ и по статьямъ, въ 7177 году отъ Его Царского Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Гетману Малороссійскому, по 6-му, а въ 7195 отъ ихъ Царского Величества, Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и благовѣрной Государыни, Царевны и Великой Княгини Софіи Алексѣевны, по 4-му, даннымъ, заслуженныхъ въ Малой Россіи чиновъ дворянскою честію удостоено, и впредь кои заслужатъ—всѣмилостивѣйше сбнадежено.

9.

Прежде сего Малороссійскій народъ свободнымъ вывозомъ изъ Турецкой земли и изъ Польши въ Малую Россію если, яко нужнѣйшей къ препитанію человѣческому вещи, пользовался въ весьма малымъ за оную индуктовымъ платежемъ отъ воза, а по установленіи таможенъ по Польскимъ и Турецкимъ границамъ, положано съ пуда соли брать пошлины по 10 копѣекъ, отъ чего соль такъ

высшую цѣну получила, что самая пошлина противъ бывшей прежней цѣны вивозимой соли мало что недоходитъ. Сіе вывозимой соли таковою пошлиною обложеніе толь нужно обывателямъ здѣшнего краю, что всѣ вообще немалую тяжесть чувствуютъ. Для того, Ея Императорскаго Величества высокоматерняго помилованія о уменьшеніи таковой изъ вывозимой Малороссіянами соли пошлины всеподданнѣйше просить.

10.

Чтобъ свободное винокуреніе, дѣланіе всякихъ напитковъ и продажа всего того въ городахъ и мѣстечкахъ по торгамъ и ярмонкамъ, обращеніе всякого рода продуктовъ внутреннихъ во внутреніе же промыслы, для лучшей каждому шляхетству своей прибыли и необходимою къ подлежащей почину всякого службѣ себя содержанія, безпошлинны беспрепятственны были, всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества на то Высочайшей просить грамоты.

Сіи наши всенижайшія прошенія имѣете, за прибытіемъ въ столицу Ея Императорскаго Величества, въ городъ Москву, гдѣ надлежитъ по силѣ манифеста, всеподданнѣйше представить. Мы же несомнѣнно надѣемся, что вы по нашей чистосердечной къ вамъ довѣренности, по которой находя мы достаточные къ сему достоинству въ васъ качества, не оставите въ семъ, яко общомъ дѣлѣ, вашего попеченія и усердія, соображая себе при всемъ томъ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества высокоматерномъ волѣ, благоразсмотрѣнію и благоволенію, которые суть начало и основаніе къ достиженію нашего всеобщого благополученія и пользы.

Всевышній же Господь да сохранитъ Ея Имераторскаго Величества дражайшое здравіе и долготу лѣтъ во всякомъ благоденствіи, да пособитъ дѣло сіе великое совершить на славу всесвятого имени Его, на прославленія премудрыя Самодержицы нашей во всѣхъ родѣхъ и концахъ земли на пользу всего отечества отъ всѣхъ сердецъ нашихъ, рабски и всеподданнѣйше желаемъ.

Предводитель Шляхетства Подсудокъ Земскій Повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ.

Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ. Подкоморій повѣту Иваницкого Григорій Горленко. Бунчуковій Товаришъ Петръ Горленко. Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко. Судія Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій. Бунчуковій Товаришъ Лаврентій Раковичъ Бунчуковій Товаришъ Андрей Мазаракій. Бунчуковій Товаришъ Захаръ Раковичъ. Бунчуковій Товаришъ Петръ Лащинскій. Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый абшитованный Иванъ Романовичъ. Подсудокъ Земскій Повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ. Судія Гродскій Иванъ Александровичъ. Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій Носенко. Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій. Полковый Асаулъ Яковъ Кисель. Полковый Хоружій Федоръ Марковскій. Полковый Хоружій Никита Умѣнъ. Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло. Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій. Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила. Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ. Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Мѣницкій. Сотникъ Журавскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи:

Василь Шнурчевскій. Яковъ Трифоновскій. Иванъ Мазаракій. Степанъ Прокоповичъ. Александръ Стороженко. Фаддѣй Троцина. Григорій Стороженко. Антонъ Юскевичъ. Никита Шлякъ. Михайло Рожовскій. Шляхтичъ, абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій. Повѣту Прилуцкого коморникъ Иванъ Кисель.

Возные:

Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленко. Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ. Сребринскій Петро Харченко. Прилуцкій Григорій Кисель. Гродскій Яковъ Джевага. Гродскій Андрей Федоровскій. Гродскій Степанъ Самарскій. Иваницкій Михайло Плакса. Корибутовскій Антонъ Федоровичъ. Красноколядинскій Григорій Зубъ. Подкоморскій Прилуцкій Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы:

Матвѣй Севастьяновичъ. Евфимъ Маценко. Романъ Соколовскій. Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи:

Козьма Салогубъ, Андрей Куриленко, Григорій Подовскій, Максимъ Салогубъ, Михайло Марковичъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Грудницкій, Василь Федоренко, Иванъ Бѣлецкій, Федоръ Григорьевъ, Иванъ Троцкій, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Коніовскій, Семенъ Британовскій, Корнѣй Шуенко, Михайло Соломаха, Корнѣй Соломаха, Во мѣсто Николая Соломахи, Степана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Саввы Голѣвца, Василія Тимошевского, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Леонтія Калембета, Кондрата Коваля, Павла Голенковскаго, Павла Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенка, неграмотныхъ, по ихъ прошенію,и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій. Асаулъ Полковой Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенная Старшина:

Атаманъ Красноколядинскій Григорій Бѣлецкій. Атаманъ общитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ. Атаманъ Сребранскій Трофимъ Масло. Писарь Сотенный Иваницкій Федоръ Ярмаковъ.

Асаулы:

Красноколядинскій Иванъ Бѣлецкій. Корибутовскій Григорій Федоренко. Кондратъ Чеснокъ. Хоружій Корыбутовскій Дмытро Бобровскій. Хоружій Сотенный Иваницкій Федоръ Василіевъ. Гродского Прилуцкого Суда Писарь Степанъ Карпычъ. Старшый Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Петро Пятигорскій. Полковый Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

Прошеніе прилуцкаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества Высочайше именный указъ чрезъ изданный печатный манифестъ, найторжественнѣйше во всѣхъ главнѣйшія подъ солнцемъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійской Имперіи предѣлахъ обнародован-

ный, о сочиненіи проэкта нового уложенія; о выборѣ и присылкѣ въ первопрестольный Вашего Императорскаго Величества городъ Москву отъ каждаго мѣста Депутатовъ съ наставленіями и полномочіями въ прозьбахъ о нуждахъ и недостаткахъ каждаго званія вѣрноподданныхъ и о протчемъ, какъ въ томъ манифестѣ съ приложеніями обрядовъ изображено,—и мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, Малороссійского Прилуцкаго полку шляхетство, рабски и всеблагоговѣйнѣше слышать удостоились.

Отъ великаго свѣта Вашего Императорскаго Величества свѣтлѣе солнечнаго сіянія произшедшая столь безпикраднаго, столь неслыханнаго Высокомонаршаго милосердія и щедротъ заря какъ только, при самомъ прочтеніи высокоупо"янутого манифеста, коснулась сердецъ насъ вѣрноподданныхъ Вашего Императорскаго Величества рабовъ, такъ въ тоежъ самое мгновеніе всякъ чинъ и возрастъ, въ несказанное обрадованіе найчувствительнѣйшимъ образомъ пришедъ, съ восхищеніемъ духа удивились, какое Высочайшее найполезнѣйшее предпріятіе, какой при ономъ несравненный трудъ, какое найблагоутробнѣйшое попеченіе и высокоматернее снисхожденіе, даже до того, что отъ всякаго вѣрнаго своего раба нужды и недостатки чрезъ всеподданнѣйшіе Депутатовъ доклады видѣть и слышать всемилостивѣйше дозволили. А все сіе на порфироносные Вашего Императорскаго Величества высокомонаршіи рамена, со упованіемъ на единооблегчающее бремена Помазаниковъ своихъ во управленіи государственномъ Всевышняго пособствованіе воспріять соизволили.

Припадая предъ Всеавгустѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества престоломъ, какъ предъ священнымъ олтаремъ, разженные любовью благоговѣніемъ и повиновеніемъ, рабскіе сердца наша жремъ въ жертву всеподаннѣйшаго благодаренія нашего за толь неисповѣдимое Вашего Императорскаго Величества къ своимъ рабамъ благопризрѣніе.

Высочайшіе Вашего Императорскаго Величества добродѣтели, которые самая десница Вышняго во всегосвященнѣйшеи Вашего Императорскаго Величества персонѣ насадила и укоренила, и которые непре-

станное имѣютъ упражненіе о благосостояніи любезнаго отечества, да не истяжутъ отъ насъ равнаго благодаренія: ибо величество оныхъ превосходитъ силы наши; а о равномъ воздаяніи горящее усердіе наше изъ сердечныя глубины ко Всевышнему, доколь жизни нашей, всякъ чинъ и возрастъ просить не престанетъ.

Промыслъ всесильнаго Господа, ублагословивый Всероссійскую Имперію врученіемъ Вашему Императорскому Величеству скипетра оныя, и очевидно преумудряя Вашего Императорскаго Величества къ достиженію всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя уже день отъ дня на лучшую степень благополучій возводятъ сію великую державу, да поспѣшитъ Вашему Императорскому Величеству и въ совершеніи сего предпріятаго высокаго дѣла, да сохранитъ Вашего Императорскаго Величества дражайшое здравіе подъ кровомъ крылъ своихъ до самаго позднѣйшаго вѣка и укрѣпитъ оные къ понесенію любимыхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ трудовъ на пользу отечества; славу и великолѣпіе Всероссійскяго Вашего Императорскаго Величества престола да протекутъ отъ конца до конца вселенныя; высочайшіе-же Вашего Императорскаго Величества добродѣтели родъ и родъ да восхвалятъ и повѣдятъ сыновомъ своимъ во вѣки.

Повинуясь рабски Вашего Императорскаго Величества Высочайшему повелѣнію, выбрали мы отъ здѣшняго Прилуцкаго полку шляхетства депутата, генеральнаго Асаула Ивана Михайлова сына Скоропадскаго, и давъ ему надлежащее по образцу полномочіе препоручили какъ сіе наше всеподданнѣйшее челобитье, такъ и усмотрѣнныхъ нами нуждахъ и недостаткахъ нашихъ наказъ въ извѣреніе къ представленію всего того Вашего Императорскаго Величества въ первопрестольномъ городѣ Москвѣ въ правительствующемъ Сенатѣ.

Д еаемъ Вашего Императорскаго Величества найраболѣпнѣйшимъ образомъ просить, дабы какъ оный нашъ Депутатъ, Генеральный Асаулъ Скоропадскій, Всемилостивѣйше допущенъ былъ гдѣ надлежитъ къ выслушанію нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеній такъ и всѣ мы, вѣрнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы

не отторгнуты были отъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества Высокомонаршей милости Всемилоетивѣйшимъ подтвержденіемъ къ содержанію насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, правамъ и обыкновеніямъ, изъ которыми народъ Малороссійскій изъ Гетманомъ своимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ высокославной Россійской Имперіи всещастливѣйше присоединенъ, а который потомъ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества предками, Всероссійскими Монархами, а на послѣдокъ и въ Бозѣ почивающею безсмертныя славы Великою Государинею Императрицею Елисаветъ Петровною, Самодержицею Всероссійскою всемилостивѣйше подтверждены. Всѣ же наши рабскіе прозьбы привергаемъ Вашего Императорскаго Величества на единое монаршое благоразсмотрѣніе и соизволеніе, вѣдая совершенно, что Великаго Императорскаго Величества премудрыя предусмотрѣнія и попеченія на одномъ томъ основаны, чтобъ вѣрныи Вашего Императорскаго Величества подданные время отъ времени въ вящое благополучіе процвѣтали, и изъ того Ваше Императорское Величество, яко мати о чадѣхъ, при благословеніи Всевышняго веселится соизволили.

Заключаемъ сіе наше рабское челобитье воспомяновеніемъ того нашего клятвеннаго предъ Богомъ Вашему Императорскому Величеству учиненного обѣщанія, что въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніяхъ за дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе въ рабской нашей службѣ ни жизни ниже самыя послѣднѣйшія крове капли щадить не имѣемъ.

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества всенижайшіе и всеподданнѣйшіе рабы:

Предводитель Шляхетства, Подсудокъ Земскій повѣту Иваницкого Петръ Максимовичъ, Подкоморій повѣту Прилуцкого Андрей Маркевичъ, Бунчуковый товаришъ Петръ Горленко, Судія Земскій повѣту Прилуцкого Яковъ Величко, Судья Земскій повѣту Иваницкого Федоръ Свѣрскій, Бунчуковый Товаришъ Захарій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Андрей Мазаракій, Бунчуковый Товаришъ Лаврентій Раковичъ, Бунчуковый Товаришъ Петръ Лащинскій, Обозный Полковый Прилуцкій Яковъ Огроновичъ. Судія Полковый

абшитованный Иванъ Романовичъ, Подсудокъ Земскій повѣту Прилуцкого Василь Огроновичъ, Судья Гродскій Иванъ Александровичъ, Полковый Асаулъ Никифоръ Бѣлецкій-Носенко, Писарь Земскій повѣту Прилуцкого Семенъ Каневскій, Полковый Асаулъ Яковъ Кисель, Полковый Хоружій Федоръ Марковскій, Полковый Хоружій Никита Умѣнъ, Сотникъ Сребранскій Іосифъ Масло, Сотникъ Варвинскій Иванъ Тарновскій, Сотникъ Варвинскій Іосифъ Жила, Сотникъ Монастырискій Петръ Романовичъ, Сотникъ Красноколядинскій Иванъ Миницкій, Сотникъ Журавскій Петръ Тарновскій.

Войсковые Товарищи: Василь Шнурчевскій, Иванъ Мазараки, Александръ Стороженко, Фадей Троцина, Никита Шлякъ, Яковъ Трифоновскій, Степанъ Прокоповичъ, Григорій Стороженко, Антонъ Юскевичъ, Михайло Рожновскій, Шляхтичъ абшитованный придворный пѣвчій Тимофей Троцкій, Повѣту Прилуцкого Коморникъ Иванъ Кисель.

Возные: Повѣтовый Прилуцкій Иванъ Гуленковъ, Повѣтовый Иваницкій Василь Радишевичъ, Сребранскій Петро Харченко, Прилуцкій Григорій Кисель, Яковъ Джевала, Возный Гродскій, Андрей Федоровскій, Гродскій Стефанъ Самарскій, Иваницкій Михаило Плакса, Коребутовскій Антонъ Федоровичъ, Красноколядинскій Григорій Зубъ, Подкоморскій Прилуцкій Никита Касенковъ.

Войсковые Канцеляристы: Матѳѣй Севастьяновичъ, Романъ Соколовскій, Ефимъ Мащенко, Иванъ Трифоновскій.

Значковые Товарищи: Козьма Салогубъ, Максимъ Салогубъ, Романъ Бѣлецкій, Михайло Груднѣцкій, Корнѣй Коніовскій, Иванъ Троцкій, Семенъ Британовскій, Михаило Соломаха, Андрей Куриленко, Михайло Маркевичъ, Иванъ Бѣлецкій, Василь Федоренко, Федоръ Григорьевъ, Осипъ и Андрей Кондратенки, Корнѣй Шуенко, Корнѣй Соломаха.

Вмѣсто Николая Соломахи, Стефана Салогуба, Власа Войтенка, Гаврила Яковлева, Савы Голѣвця, Василя Тимошевскаго, Якова Поломы, Семена и Остапа Бутенковъ, Кирила Нечая, Павла

Запары, Ивана Донця, Захарія Тарасенко, неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Антонъ Соломаха руку приложилъ.

Атаманъ Городовый Прилуцкій Тимофей Стаховскій, Асаулъ Полковый Прилуцкой Артилеріи Иванъ Пархомовъ.

Сотенные Старшины: Атаманы: Григорій Бѣлецкій, Трофимъ Масло, абшитованный Сребранскій Трофимъ Данчичъ, Писаръ Федоръ Ярмаковъ, Асаулы: Иванъ Бѣлецкій, Григорій Федоренко, Кондратъ Часнокъ, Гродского Прилуцкого Суда Писаръ Степанъ Карпичъ, Старшій Полковый Канцеляристъ Петро Пятигорскій.

Хоружіе: Иваницкій Федоръ Василіевъ, Корибутовскій Дмитро Бобровскій, Полковый Прилуцкій Канцеляристъ Степанъ Дубскій.

IV.

1767.

Наказъ переяславскаго шляхетства.

Наказъ выбранному по силѣ Ея Императорскаго Величества манифеста, декабря 14 дня 1766 году состоявшаго, полку Переясловского отъ всего шляхетства, имѣющаго въ томъ полку вотчины и помѣстья, Депутату въ Коммиссію къ сочиненію проэкта новаго уложенія Господину Полковнику Второго Компанейского полку Захарію Забѣлѣ.

Приступая со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ ко исполненію Высочайшаго отъ Ея Императерскаго Величества, Всемилостивѣйшей Государыни нашей, повелѣнія, избрали мы по общему согласію. Васъ Депутатомъ ко проэкту нового уложенія, имѣя несумнѣнную надежду, что вы, какъ усердный сынъ отечества, потщитесь съ найвящшою ревностію употребить трудъ свой во всемъ томъ, что къ лучшей пользѣ и благоденствію нашему служить можетъ, и каковы нужды и отягощенія по общему нашему разсужденію нами дознаны, объ оныхъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества матернего благоутробія дозволенію къ поднесенію подъ

Высочайшее разсмотрѣніе, изъясняя по нижеслѣдующему, полагаемся на васъ, съ тѣмъ, что бы по всему тому въ достиженію высокоматерняго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія и опредѣленія учинитесь ревностнымъ попечителемъ и ходатаемъ; для чего и всеподданнѣйшее наше прошеніе къ поднесенію Ея Императорскому Величеству, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, и присемъ всемъ поручаемъ.

1.

Когда Малая Россія съ подъ области Польской благо присоединилась къ Россійской Имперіи, въ тѣ поры Высочайшими Императорскими грамотами и статьями, съ Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ поставленными, на вѣчные времена утверждено: чтобъ права и вольности Малороссійскіе при насъ пребили безъ всякого нарушенія, и то самое подтверждено после того всѣхъ святоусопшей памяти славныхъ Россійскихъ Монарховъ высочайшими грамотами, а именно въ N... И нынѣ Ея Императорское Величество Богомъ помазанная Императрица наша, всемилостивѣишая Государыня въ 763 году и послѣ, при учрежденіи Коллегіи Малороссійской въ 765 году, утвердить собственноручнымъ подписаніемъ Всемилостивѣйше изволила, чтобъ суда и расправы Молороссійскіе отправляемы были па точномъ основаніи правъ Малороссійскихъ. То просить и нынѣ Высочайшаго на тѣжъ наши права и вольности шляхетскіе, при нынѣшнемъ сочиненіи проэкта новаго уложенія, матернего призрѣнія. Но что касается до несходста и недостатковъ по первому и и второму раздѣламъ, въ книгѣ Статутѣ состоящихъ, какъ то: въ первомъ касаючогося до Высочайшей Импер. персоны, такъ и во второмъ въ недостаточномъ мѣроположеніи о службѣ нашей, которая потомужъ не имѣемъ хорошого и примѣрного нынѣшному просвѣщенному шляхетству учрежденія: то сіе, равно же и все то, что Ея Величество Высочайше изобрѣтетъ въ правахъ нашихъ за неприличное и неполезное намъ предковъ ко исправленію, на Высочайшую волю Ея Императорскаго Величества, нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ, съ тою несумнѣнною надеждою, какою увѣрены

мы чрезъ публикованной манифестъ, что Ея Величества матерное есть намѣреніе возвесть насъ на такую степень щастія, въ которой бы мы Высочайшую Ея Императорскаго Величества матернюю милость вящше почувствовать могли.

2.

Малороссійское шляхетство по причинѣ неимѣнія Разрядовъ, за упущеніемъ того отъ властителей здѣшнихъ, состоитъ въ предѣлахъ своего шляхетства, не имѣя твердаго мѣроположенія, отчого вѣрность и заслуги знатные военные, кровію и другими ревностными трудами покоренные, лишаются своего степени въ чести и славѣ, почему уже здѣшнее шляхетство возъимѣло причину быть подвергаемымъ немалою частію въ явное пренебреженіе. То по сему ко укрѣпленію шляхетской чести на ея пристойномъ степени и во отвращеніе сумнительствъ вредительныхъ, каковымъ до сего подвергаемо было, а особливо, чтобъ соединены быть могли съ Россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ, то всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество, нашу Всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ всѣхъ тѣхъ, кои сами или предки ихъ, равно же и изъ иностранныхъ земель вышедшіе и помѣстившіесь здѣсь, въ чинахъ военныхъ и статскихъ Малороссійскихъ вѣрно предкамъ Ея Императорскаго Величества служили и нынѣ Ея Императорскому Величеству служатъ, написано было въ списокъ шляхетской, пріемля въ сообщество съ Россійскимъ Дворянствомъ и оставляя намъ навѣки тѣ всѣ отмѣнные вольности и выгоды, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ предки наши а мы ненарушно пользовалися и пользуемся, включивъ оные и въ новосочиняемыхъ законахъ въ приличномъ мѣстѣ для вѣчного храненія; ко утвержденію между нами съ Россійскимъ Дворянствомъ совершенного единодушія и дружбы, постановленобъ намъ въ честяхъ и преимуществахъ равенство и вольность въ куплѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, такожъ въ выходѣ въ иностранные земли для службы, наукъ и життя тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы

и во всѣхъ тѣхъ преимуществахъ и выгодахъ, которыми въ протчихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.

3.

Права и вольности Малороссійскіе, какъ о томъ и въ правѣ Малороссійскомъ книгѣ Статутъ, раздѣлѣ третомъ артикулѣ 2-мъ и на другихъ того раздѣла мѣстахъ напечатано, заключаютъ въ своей силѣ: утверждая каждому шляхтичу въ вѣчное и потомственное наслѣдное владѣніе, а такіе угодія, какъ-то: дикіе степи распаханные и зъ давнихъ лѣтъ засыпанные плотины, населенные на ихъ слободы и хуторы зъ сѣнокосомъ для содержанія скота, которые по давнимъ займамъ, дачамъ гетманскимъ и отъ другихъ правительствъ и по предкахъ ихъ достались имъ во владѣніе спокойное, слѣдовательно какъ прежде сего, такъ и въ недавнихъ уже годахъ, любезнѣйшая тетка Ея Императорскаго Величества, свято усопшой памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна Самодержица Всероссійская, утверждая таковы владѣнія за крѣпкіе и праведные, указать соизволила выдать изъ Сената многимъ шляхетству Малороссійскому Высочайшіе грамоты, кои и даны къ вѣчному и спокойному тѣми угодіями владѣнію. И съ такихъ добръ каждый пользующійся отправляетъ воинскую и штатскую службу вѣрно и усердно, неполучая никакого жалованья; и сія служба, какъ въ старые года, такъ и въ бывшую Турецкую войну, принята была со удовольствомъ отъ Ея Императорскаго Величества свято усопшой памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, какъ явствуетъ съ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, состоявшихся въ 1739 и 1740-мъ годахъ. То Ея Императорское Величество просить всенижашей, чтобъ таковые, какъ вышезначитъ, владѣнія (яко оные до сего подвергаемы были разнымъ насильнымъ отборамъ, такъ въ описи въ вѣдомство казенное, яко и въ другіе сильные руки подъ разными протекстами) отнынѣ къ вѣчному и на потомные времена содержаніи укрѣплены былп во своей силѣ безъ изъятія, исключая партикулярные претензіи, каковы имѣютъ принять свое рѣшеніе безъ всякого препятствія по законамъ.

4.

Ничто въ жизни для честного шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющое въ человѣкѣ цѣлость его собственного благоденствія и пользы Государственной. Сему основанію послѣдуя, Малороссійское шляхетство отдаютъ своихъ дѣтей въ разные отдаленные науки, какъ то въ университетъ Московскій, у Санктпетербургъ, а другіе посылаютъ въ чужіе далекіе государства, и достигая наукъ, минаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности. Мы съ многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ во угодность Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ и любви къ совершенству разума. На сію степень о возведеніи вѣрноподданныхъ своихъ Ея Императорское Величество, яко премудрая матерь, имѣя неусыпное попеченіе, Всемилостивѣйше соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завесть училища и учредить университеты на коштѣ государственномъ для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ; а Малая Россія сего счастія въ полученіи еще не имѣетъ. Того для всеподданнѣйшаго просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать насъ Высочайшею милостію въ учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ Малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переясловлѣ, яко сей городъ не послѣдній между Малороссійскими первѣйшими городами, въ которыхъ и отдѣльное состояло Россійское княженіе и совершилось въ немъ первоначальное Гетмана Богдана Хмельницкого съ Малою Россіею подданство подъ самодержавіе Россійское, которое тогда и посвящено первѣйшою присягою на вѣрность Всероссійскимъ Монархамъ въ семъ же городѣ Переясловлѣ.—или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ, Его Сіятельствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ. Сіе Высочайше благопризрѣніе имѣетъ служить къ безсмертной славѣ и всеподданнѣйшей

благодарности нашей и потомствъ нашихъ Ея Императорскому Величеству, отечествужъ Россійскому къ приращенію истинной пользы и чести. Не меньше того полезно быть имѣтъ здѣшнему шляхетству, ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ Шляхотскій, особо и домъ воспитательный для благородныхъ дѣвицъ на коштѣ вышеписанномъ казенномъ, въ чемъ полагаемся на прежнее благоутробіе Ея Императорскаго Величества.

5.

Обыватели полку здѣшнего и подданные шляхетскіе, по именному Ея Императорскаго Величества святоусопшей памяти Государыни Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году состоявшомусь указу, производили провіантъ и фуражъ на консистентовъ въ натурѣ по расположеніямъ Полковой Канцеляріи на каждого по пропорціи его имущества. А нынѣ отъ Коллегіи Малороссійской, въ разсужденіи облегченія и увольненія отъ дальнихъ повозокъ фуража обывателей, обложены рублевымъ окладомъ и взымается отъ каждой избы безъ разбору съ бѣдныхъ и имущественнѣйшихъ, съ подсусѣдковъ и наемныхъ людей, но исключая и тѣхъ, кои сойшли въ безъизвѣстные мѣста, почему выходитъ платить и больше рубля остальнымъ. И тако сія подать состоитъ съ крайнимъ отягощеніемъ здѣшнимъ обывателямъ, которые противу нѣкоторыхъ полковъ здѣшнихъ сравнится въ имуществѣ вовся не могутъ, потому что здѣшній полкъ имѣетъ свое поселеніе по большей части на такихъ земляхъ, которые суть высокіе твердѣйшіе другихъ, и орутся плугомъ сопряженнымъ въ восьми воловъ, и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по четыре и по шести, а иногда и по осьми, а въ другихъ полкахъ исключая тотъ только хозяинъ плуга,—что по тамошнему нарѣчію называется сохою—не имѣетъ, у кого нѣтъ лошади, что весьма и сыскаться рѣдко можетъ, и такъ тамошній каждый хозяинъ въ своемъ хлѣбопашествѣ имѣетъ тотъ самый успѣхъ, что здѣсь восемъ человѣкъ, сопрягаясь на одинъ плугъ каждый по волу да онижe имѣютъ и другіе продукты. По-

чему самая справодливость доказуетъ, сколь весьма много несравняется здѣшнее хлѣбопашество противъ тамощнего, и здѣшніе обыватели суть весьма бѣдные предъ тамошними; скотъ хотя плодится, но часто отъемлется бываемымъ въ краткихъ временахъ падежемъ: хлѣбъ, когда родится, идетъ весьма дешевою въ продажѣ цѣною, и такъ что хозяинъ, продавши весь сколько припишетъ въ годъ, неможетъ себе съ своею семьею пріодѣть, ибо здѣсь портовъ никакихъ нѣтъ, и далекость мѣстъ неподаетъ способу къ повозкѣ оного въ тѣ мѣста, гдѣ превосходною цѣною продается; словомъ сказать крайняя состоитъ нужда и трудность въ пріобрѣтеніи денегъ. Того для всеподданнѣйше проситъ Ея Императорское Величество, что тотъ рублевой окладъ, на здѣшнихъ обывателяхъ состоящій; Всемилостивѣйше повелѣно было убавить въ такую пропорцію, какъ о томъ Высочайшими предками Ея Императорскаго Величества установлено подать консинстенскую, а особливо изъ того окладу исключить, какъ и прежде было, тѣхъ людей, кои суть наемные; и неимѣя у себе никакого хлѣбопашества и промыслу, живутъ въ хатахъ владѣльческихъ на собственномъ владѣльческомъ пропитаніи и одѣяніи, ибо имъ того окладу заплатить вовсе несъчего.

6.

Свято-славныя памяти Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, имѣя къ здѣшнему народу матернее благопризрѣніе, въ пресѣченіе приключаемыхъ отъ регулярныхъ войскъ обидъ и разореній Всемилостивѣйше соизволила учредить въ Глуховѣ Военную Коммиссію, опредѣля въ оную равное число какъ Великороссійскимъ такъ Малороссійскихъ персонъ съ такою властію, чтобъ на кого послѣдуютъ въ обидахъ жалобы, то бы всѣхъ оныхъ, гдѣ бы они въ командахъ не были, присылаемо было въ тотъ судъ, гдѣ поступать велѣно, наблюдать строгость правосудія, по законамъ безъ всякаго лицепріятія. Почему Малороссійскіе обыватели избавлены были отъ приключенія имъ несносныхъ обидъ и разореній. Но послѣ того, какъ не стало той Коммиссіи, то тѣ обиды паки умножатся начались, и многіе не только обыватели, но и стар-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

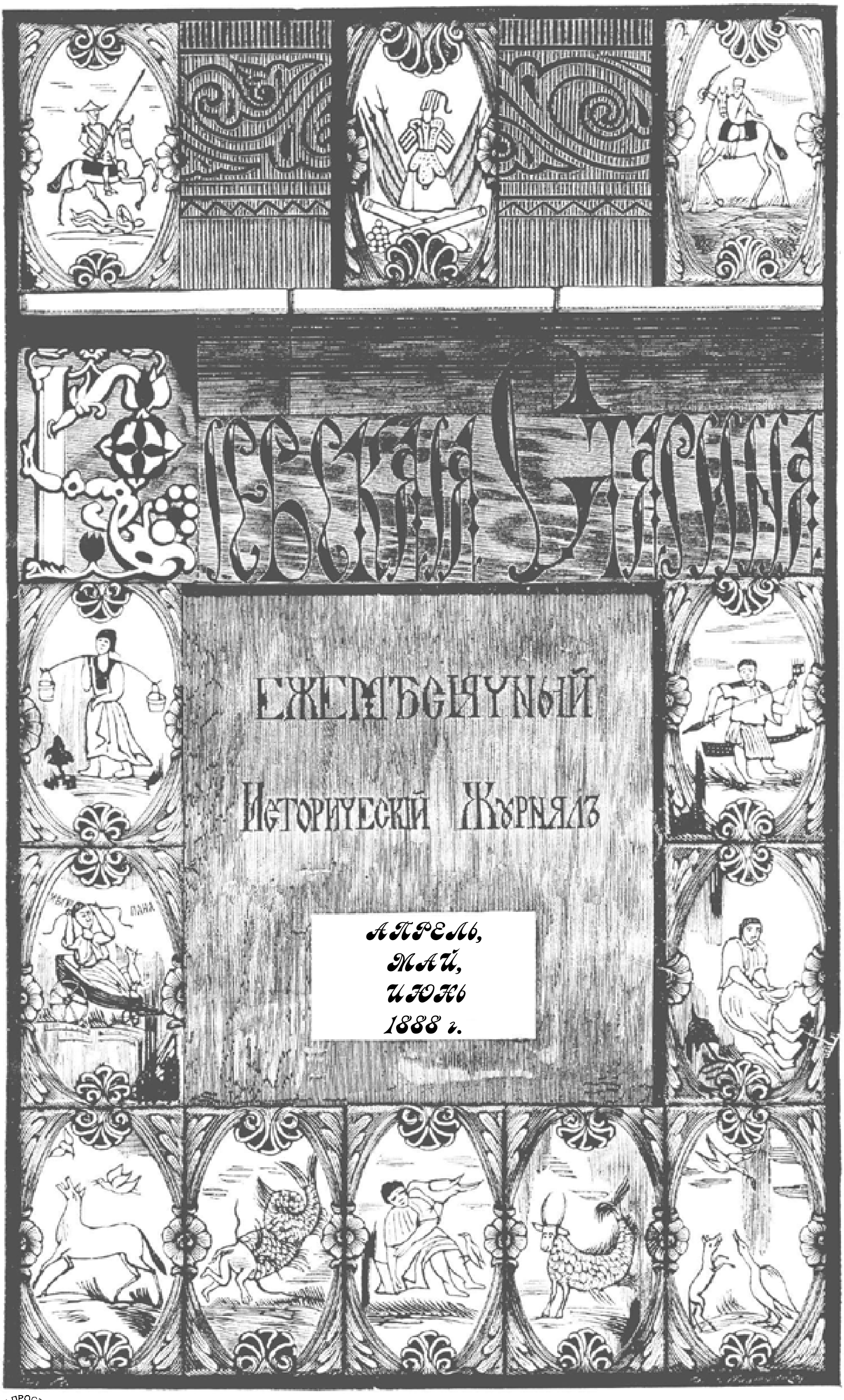
Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи Южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи Южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Апрель,
Май,
Іюнь
1888 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 8-го Апрѣля 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXI. Апрѣль, Май и Іюнь, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1888 г.

Пис. К. П. Брюловъ. Фотогіалотипія Э. З. Г. Б.

Алексѣй Алексѣевичъ
Перовскій.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В.[1])

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка. Грамматическая регламентація.—Фиктивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.

Еще въ 1586 году напечатана была въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей, „Кграматыка словеньска языка з газоѳилакіи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича на Острогу [2]). Въ 1591 году была издана въ Львовѣ „Грамматїка доброглаголиваго Еллинословенскаго ꙗзыка“. Сложена она „ѿ различныхъ грамматикъ спудеи́ми и҆же въ Львовской школѣ“ [3]). Составители ея имѣли въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но по временамъ увлекались аналогіями съ языкомъ славянскимъ. Грамматическую терминологію они заимствовали изъ славянскаго перевода греческой грамматики „О ѻсми частѧхъ слова“, сдѣланнаго въ IX вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ.—Чрезъ пять лѣтъ появилась въ

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1888 г., т. I.

[2]) Эта небольшая книжка—около 14 листовъ, по всей вѣроятности, была плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библіи. Въ настоящее время она составляетъ библіографическую рѣдкость. Неполный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ кн. П. Вяземскаго, болѣе полный—въ библіотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. Голубева, Исторія кіевской академіи. Выпускъ I.

[3]) Экземпляръ этой рѣдкой книги безъ выходнаго листа хранится въ библіотекѣ кіевской духовной академіи подъ № 346 Г.

Вильнѣ „Грамматіка Словенска съсоставленна Лаврентіемъ Зизаніемъ“ [1]). „За науку можно ся имаймо“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, чтобы книги словенскаго языка не только „добре читати, но и право писати“ [2]). Задача была ясно сознана, но для рѣшенія ея автору не доставало дара комбинаціи и нѣкоторой смѣлости въ установленіи славянскихъ формъ примѣнительно къ свойствамъ русскихъ нарѣчій. Тѣмъ и другимъ качествомъ въ полной мѣрѣ обладалъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, авторъ славянской грамматики, напечатанной въ 1619 году въ Эвю (близъ Вильны).

Мы должны остановиться на этой книгѣ въ виду громаднаго вліянія ея на богослужебный языкъ православной церкви, который въ свою очередь былъ регуляторомъ книжной рѣчи у всѣхъ славянъ восточнаго исповѣданія. Отсюда ведетъ свое начало, такъ называемая, грамотность русская вообще и малорусская въ частности. Она выражается преимущественно въ умѣньи писать *грамматически* правильно. Въ Малороссіи съ бо́льшею точностію грамотныхъ людей называютъ „*письме́нными*“, такъ какъ главная трудность книжной рѣчи заключается не въ чтеніи ея, а въ письмѣ, гдѣ считается обязательнымъ употребленіе той или другой славянской буквы для выраженія разныхъ звуковъ, или-же наоборотъ — нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Развитіе грамотности или „*письме́нства*“ обезпечено было грамматикой Мелетія Смотрицкаго, которая проникала въ самыя низшія школы посредствомъ славянскихъ букварей, и донынѣ еще сохранившихъ кое что изъ грамматической терминологіи М. Смотрицкаго, какъ-бы во исполненіе его мысли, выраженной имъ въ обращеніи къ учителямъ школьнымъ: Дѣткамъ, говоритъ онъ, оучитися починаючимъ букварь, звыкле рекомый Алфавитарь, з той-же грамматики вычерпненный, абы склоненіямъ грамматичнымъ зъ лѣтъ дѣтинныхъ зъ мовою заразъ привыкали, до выучены подаванъ нехай боудетъ“ [3]). А букварей такихъ

[1]) Описаніе славянорусскихъ книгъ Каратаева, 257.

[2]) Сказанія русскаго народа Сахарова т. II, XIX.

[3]) Первое практическое руководство для юношества, составленное на основаніи грамматики Мелетія Смотрицкаго, напечатано было въ Вильнѣ въ 1621 году

одна кіево-печерская лавра въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, т. е. со времени появленія грамматики М. Смотрицкаго, выпустила въ народъ безчисленное множество [1]).

Но главной задачей М. Смотрицкаго—было поднять „занедбаный, а церкви нашей природный“ славянскій языкъ до высоты литературнаго органа и такимъ образомъ доставить „славѧнскомꙋ въ народѣ нашемъ ѧзыкови поднесенье, вырозꙋменье его и пожитокъ“. Для этого требовалось научить не только „читать по словенскоу и что́мое вырозꙋмѣвати“, но и „писати роздѣлне“, т. е. сочинять по славянски. Въ этомъ отношеніи М. Смотрицкій возлагаетъ большія надежды на свою книгу: „она, говоритъ онъ, наоучитъ порѧдкꙋ и спорѧженьѧ словъ, которіи за которыми... ведлꙋгъ сочиненіѧ покладани быти маютъ... оукажетъ зле положенное слово, оукажетъ збытное, оукажетъ и чого бы не достакало“. Этотъ рѣшительный тонъ объясняется убѣжденіемъ Мелетія Смотрицкаго, которое въ его время было всеобщимъ не только у насъ, но и въ Европѣ, что грамматика есть „кꙋ понѧтью ѧзыка чистости“, т. е. она есть сводъ постановленій и правилъ, которымъ долженъ подлежать языкъ для того, что-бы имѣть достоинство и силу языка *чистаго*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ стремленіи создать *чистый* славянскій языкъ,

---

подъ заглавіемъ: „Грамматика албо сложеніе письмени хотящимъ ся учити славеньскаго языка, младолѣтнымъ отрочатомъ“ (См. Голубева, Исторія кіевской академіи вып. I). Другое подобное руководство вышло въ Кременцѣ въ 1638 году (есть экземпляръ этой книги въ кременецкой духовной семинаріи). Авторъ этой книги Аѳанасій Пузина, Луцкій епископъ (1633—1649), тотъ самый, который въ 1648 году послалъ Хмельницкому, поднявшему знамя возстанія противъ Польши, деньги, порохъ, пушки и пули (Памятники кіевской коммиссіи, I. 60—63). Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, нѣтъ первыхъ листовъ, на которыхъ обыкновенно помѣщалась въ тѣ времена „предмова“ къ читателю. Вообще-же въ книгѣ—то-же распредѣленіе частей, та-же терминологія, тѣ-же примѣры, что и въ грамматикѣ М. Смотрицкаго.

[1]) Съ этой точки зрѣнія было-бы интересно прослѣдить исторію кіевскихъ букварей въ сравненіи съ букварями виленскими, почаевскими, львовскими и московскими. Къ сожалѣнію, въ самой кіево-печерской лаврѣ мы не могли найти букварей XVII в. Сохранились только буквари конца прошлаго вѣка. Самый древній относится къ 1791 году: въ немъ уже замѣтно вліяніе московскихъ изданій.

если два вѣка спустя знаменитый I. Добровскій въ своихъ Institutiones linguae Slavicae имѣлъ въ виду ту-же цѣль. Вся разница въ томъ, что Добровскій хотѣлъ возстановить идеальный типъ славянскаго языка, которому *долженъ былъ* соотвѣтствовать славянскій языкъ въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія. Мелетій Смотрицкій не могъ идти такъ далеко: онъ пользовался славянскими рукописями русской редакціи, и при томъ поздними—не древнѣе XV—XVI в., поэтому въ его грамматикѣ получился не столько *чистый* славянскій языкъ, сколько языкъ *очищенный* отъ старинныхъ особенностей его, которыя могли быть свойственны нѣкогда и нарѣчіямъ древнерусскаго языка, но постепенно утратились въ немъ. Такимъ образомъ, позднѣйшіе—смѣшанные и искаженные звуки и формы русскаго языка Мелетій Смотрицкій приписываетъ *чистому* славянскому языку. Не имѣя, напримѣръ, надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ гласныхъ, онъ называетъ ихъ *припряжногласными* буквами, которыя сами по себѣ не произносятся, но только „ъ дебе́лое, ь-же то́нкое оконча́ніе творѧ́тъ". Точно также ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ. Вотъ почему и формы съ глухими и носовыми гласными, видоизмѣненныя въ духѣ русской фонетики, Мелетій Смотрицкій считаетъ возможными въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, позднѣйшія формы творит. ед. именъ сущест. мужес. р. *омъ, емъ* вмѣсто *ъмъ, ьмь* онъ допускаетъ въ славянскомъ языкѣ,—винит. единств. именъ существ. женс. р. *у, ю* тоже считаетъ чистыми славянскими формами. Повинуясь установившимся въ его время особенностямъ живой рѣчи, онъ различаетъ имена существ. мужес. р. одушевленныя отъ неодушевленныхъ, т. е. думаетъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ были формы винит. падежа: дрꙋ́га, сы́на, свиди́телѧ,—думаетъ также, что въ немъ имѣло мѣсто позднѣйшее смѣшеніе въ тѣхъ-же именахъ темъ *а* съ темами *у*, а такъ-же темъ *а* съ темами *і* въ родит. множ., т. е. дрꙋ́гѡвъ и дрꙋ́гъ, сынѡ́въ и сы́нъ, свиди́телей и свиди́тель.

Очевидно, Мелетій Смотрицкій далекъ былъ отъ современныхъ намъ научныхъ стремленій поставить изученіе церковнославянскаго языка на историческую почву. Методъ у него тео-

ретическій. Онъ руководствуется грамматическими категоріями, принятыми въ языкахъ классическихъ, преимущественно въ языкѣ греческомъ. Такъ, напримѣръ,—въ ученіи о славянскомъ глаголѣ онъ старается скопировать наклоненія и времена съ греческаго глагола[1]). Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ старинному грамматическому обычаю, ведущему свое начало отъ І. Екзарха Болгарскаго, ставить въ параллель славянскія формы съ греческими, а за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ славянскихъ формъ, Смотрицкій создаетъ фиктивныя. Таково, напримѣръ, выдуманное имъ *причастодѣтіе*[2]). Таковы-же различныя формы временъ (настоящее, прошедшее и будущее) въ неопред. наклоненіи, на самомъ дѣлѣ не существующія. Всѣ эти формы Смотрицкій образуетъ отъ соотвѣтствующихъ формъ времени изъявит. наклоненія, какъ и вообще всѣ наклоненія выводитъ оттуда-же, слѣдовательно, онъ даже не предчувствуетъ значенія глагольныхъ темъ. Любопытно, что въ своихъ апріорныхъ построеніяхъ онъ иногда наталкивался на такія явленія, которыя

[1]) Наклоненій у Смотрицкаго шесть:

1) Изъявителное (вї̀ю, чтꙋ̀, сто̀ю).
2) Повелителное (вї̀й, чтѝ, сто̀й).
3) Молителное (ѹ҆слы́ши, вонмѝ, при́зри).
4) Сослагателное (а҆́ще бы хотѣ́лъ, да́лъ бы).
5) Подчинителное (да вї̀ю).
6) Неопредѣленное (ви́ти).

Временъ тоже шесть:

1) Настоящее (вї̀ю, вїѐнъ выка́ю).
2) Преходящее (ви́хъ, вїе́нъ е҆смь).
3) Прешедшее (вї́ахъ, вї́анъ е҆смь или выхъ).
4) Мимошедшее (вїа́хъ, вї́анъ бывáхъ).
5) Непредѣлное (поби́хъ, повїе́нъ выхъ).
6) Будущее (повї̀ю, повїе́нъ бꙋ́дꙋ).

[1]) „Е҆́сть Гре́комъ, говоритъ Смотрицкій, нарѣ́чїе знаменова́нїѧ положи́телнаго на εον (λεκτέον), Лати́номъ verbum participiale in dum (legendum), намъ славѧ́номъ причастодѣ́тїе рече́но: е҆́сть же глаго́лъ прича́стенъ нꙋ́ждꙋ бꙋ́дꙋщаго дѣ́йствїѧ знаменꙋ́ющїй, ꙗ҆ко чита́телно.

не укладывались въ правила,—и вотъ здѣсь является у него живая мысль о томъ, что, кромѣ грамматическихъ правилъ, єсть обыкъ или навыкъ, присущій живой рѣчи. Это дало ему возможность подмѣтить нѣкоторыя особенности славянскаго языка, преимущественно развитыя въ русскихъ нарѣчіяхъ. Такова, напримѣръ, замѣна въ русскихъ нарѣчіяхъ прошедшихъ простыхъ формъ глагола сложными[1]),—таково же русское *дѣепричастіе*, которое справедливо считаетъ Смотрицкій особеннымъ типомъ причастія, не сознавая того, что въ русской формѣ оно было чуждо славянскому языку[2]).

Особенно поучительны соображенія Смотрицкаго о такъ называемыхъ *видахъ* глагола. Собственно говоря, смутное представленіе о видахъ имѣлъ уже І. Екзархъ Болгарскій. Онъ же первый предложилъ и самый этотъ терминъ, отличивъ въ глаголахъ видъ *первообразный* (хощѫ, приимѫ) отъ производнаго (въсхощѫ, въсприимѫ). Смотрицкій развилъ дальше ученіе о видахъ, подраздѣливъ производный видъ на *начинательный* (каменѣю—всегда съ примѣтою *ѣ*) и *учащательный* (читаю). Обѣ эти разновидности производнаго вида потому такъ и названы, что онѣ происходятъ отъ вида совершеннаго. *Начинательный*, по мнѣнію Смотрицкаго, обыкновенно на *ѣю* (теплѣю, бѣлѣю, отъ теплю, бѣлю), а учащательный оканчивается обыкновенно на *аю* и *яю* (бѣгаю, читаю отъ бѣгоу, чтоу). Не ускользнула отъ Смотриц-

---

[1]) Времена: преходящее, прошедшее, мимошедшее и непредѣлное наклоненія изъявителнаго Руска иногда языка навыкомъ дѣйствителнѣ и страдателнѣ произносима быти обрѣтаемъ: сице существенымъ глаголомъ растворяема, яко: челъ есмь, читалъ есмь, прочиталъ есмь (вмѣсто читахъ, прочитахъ" и проч.).

[2]) „Дѣепричастія суть причастія чрезъ усѣченіе или изъятіе сокращеная и знаменованіемъ отъ причастій (отъ нихъ же и составляются) потолику различествующая, поколику прилагателное усѣченное отъ цѣлаго различествовати обыче". Въ дѣепричастіяхъ нѣтъ падежей, за исключеніемъ именительнаго: читая, читавъ, прочтущъ, чтомъ, чтенъ читаемъ и проч.

каго и связь между видами глагола и различными формами времени, но, выясняя эту связь, Смотрицкій не избѣжалъ всякаго рода натяжекъ. Такъ, онъ говоритъ, что въ первомъ спряженіи преходящее время образуется отъ 1 л. ед. числа наст. врем. глаголовъ вида совершеннаго (отъ даѝ, бїѝ, ведоу̀—да́хъ, би́хъ, ведо́хъ), —во второмъ спряженіи отъ 2 л. ед. числа наст. времени, не поясняя при этомъ, отъ какихъ глаголовъ—совершенныхъ или несовершенныхъ, хотя примѣры взяты изъ глаголовъ несовершенныхъ (отъ таи́ти, гласи́ти, вреди́ти—таи́хъ, гласи́хъ, вреди́хъ). Къ неправильнымъ образованіямъ онъ относитъ формы преходящаго на *ахъ* (въ глаголахъ втораго спряженія: держа́хъ, стоѧ́хъ, молча́хъ),—формы на *ѣхъ* (терпѣ́хъ, болѣ́хъ, горѣ́хъ) и даже на *охъ* (бѣго́хъ—всего одинъ примѣръ). Затѣмъ уже отъ преходящаго производится *непредѣльное* время съ помощію *наращенія* т. е. приставки (ѿда́хъ, претерпѣ́хъ и проч.). Куда-же относится *прошедшее* время, отъ котораго образуется и *мимошедшее*? Оно составляется, какъ говоритъ Смотрицкій, отъ 1 л. единст. чис. наст. вр. вида *учащательнаго*, причемъ *аю* измѣняется на *а* (чита́хъ), *яю* на *я* (бїѧ́хъ отъ предполагаемаго бїѧ́ю), *ую* на *ова* (тре́бовахъ). Очевидно, прошедшее время есть тотъ-же аористъ, что и преходящее, слѣдовательно, одна и та же грамматическая категорія времени разбита на двѣ. Мысль у Смотрицкаго была подвести итоги временамъ и видамъ, т. е. пріурочить извѣстныя времена къ извѣстнымъ видамъ, именно времена преходящее и непредѣльное къ *совершенному* виду, а прошедшее и мимошедшее къ *несовершенному*. Вышло, однако-же, такъ, что спутаны, какъ мы видѣли, времена, спутаны и виды, ибо, по Смотрицкому, вреди́ти, держа́ти, стоѧ́ти—нужно считать глаголами совершеннаго вида. А такъ какъ эти глаголы у него считаются первообразными, то отсюда новая сбивчивость: не различены надлежащимъ образомъ первообразные глаголы отъ производныхъ. Все это произошло отъ излишней регламентаціи. Смотрицкій хотѣлъ поставить въ причинную зависимость разныя свойства глаголовъ; изъ образованія ихъ хотѣлъ вывести и ихъ видовыя свойства, а изъ этихъ послѣднихъ—формы времени, не

умѣя различить при этомъ корневыхъ темъ глагола отъ глагольныхъ темъ вообще. Вышелъ такимъ образомъ сочиненный языкъ, а не дѣйствительный. По образцу формъ дѣйствительныхъ Смотрицкій часто образуетъ формы недѣйствительныя. Такъ, напримѣръ, самъ онъ утверждаетъ, что глаголы „вида ѹчащательна первагѡ сѹть спрѧженїѧ“, однако же и во второмъ спряженіи онъ предлагаетъ такія формы, какъ творѧю, творѧлъ, творѧхъ, творѧющїй, творѧвый, и т. п.

Итакъ, въ языкѣ славянскомъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, нужно различать элементы дѣйствительно славянскіе отъ элементовъ мнимо славянскихъ, къ которымъ относятся, во первыхъ, формы фиктивныя, придуманныя Смотрицкимъ по аналогіи съ латинскими, греческими или же съ подлинными славянскими формами,—во вторыхъ, формы русскія, усвоенныя славянскому языку безъ всякаго основанія. Эти послѣднія допущены въ славянскую грамматику, конечно, непреднамѣренно. Смотрицкій вовсе не склоненъ былъ смѣшивать славянскій языкъ съ русскимъ, хотя, правду сказать, и о русскомъ языкѣ онъ имѣлъ довольно смутныя понятія, судя по тому, что въ главѣ о предлогахъ онъ обронилъ такого рода замѣчаніе: „дательнагѡ падежа требѹютъ два предлѡга ко и по, сказѹемое росски ведлугъ“. Во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ, что въ славянской грамматикѣ не можетъ имѣть мѣста иной языкъ, кромѣ славянскаго. Но такъ какъ подлинное произношеніе многихъ славянскихъ буквъ ему было неизвѣстно, то онъ или произносилъ ихъ порусски, воображая при этомъ, что произноситъ пославянски (напримѣръ, *юсы*), или довольствовался тѣмъ, что писалъ ихъ пославянски въ тѣхъ случаяхъ, когда они звучали въ разныхъ нарѣчіяхъ русскихъ различно (напримѣръ, *ѣ*). Вообще же главной заботой его было научить грамотному письму. Фонетика народныхъ говоровъ строго подчинена была *графической* грамматикѣ: „блюсти подобаетъ, говоритъ онъ, и падежей въ склоненїихъ, и временъ въ спрѧженїихъ, окончениѧ, не писать: о вмѣсто ѡ, и наоборотъ,—ѧ вмѣсто а, и наоборотъ,—ъ вмѣсто ь, и наоборотъ,—е вмѣсто ѣ, и наобо-

ро́тъ,—ѣ вмѣсто и, и наоборо́тъ (послѣднее правило для малорусскаго нарѣчія, а предыдущее для бѣлорусскаго),—ы вмѣсто и, и наоборо́тъ". Отсюда произошло условное употребленіе разныхъ буквъ, напримѣръ, буккы ї въ срединѣ словъ предъ гласными, или-же буквы ѡ, которую Смотрицкій совѣтуетъ писать въ предлогахъ *о*, *объ* и въ словахъ, въ составъ которыхъ входятъ эти предлоги, а также въ падежахъ числа множест.—родит. (тѣхъ ѕѡ́лъ), дат. (человѣкѡмъ), въ родит. единств. числа мѣстоименія то́й (тогѡ), наконецъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (досто́йнѡ, пра́веднѡ). Такимъ образомъ, Смотрицкій задолго до Ломоносова установилъ въ правописаніи принципъ словопроизводства, основаннаго на письменномъ преданіи, поэтому и въ иностранныхъ словахъ онъ совѣтовалъ выдерживать на письмѣ коренные звуки тѣхъ языковъ, изъ которыхъ сами слова взяты: „блюдо́мо бꙋди, говоритъ онъ, въ гре́ческихъ ре́ченїихъ ѡ҆рдогра́фїи гре́ческой, въ лати́нскихъ лати́нской храни́лмѣй быти".

Но есть отдѣлъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, можно сказать, фонетическій. Мы разумѣемъ ученіе его о *просодіи*. Она имѣетъ, по мнѣнію Смотрицкаго, два значенія—стихотворное, основанное на „сокраще́нїи и҆ли протяже́нїи гла́снаго, ли́бо сло́га", и графическое, основанное на „возноше́нїи и҆ли ѹ҆тисне́нїи гла́са пи́сменнаго въ писа́нїи и҆ли въ глаго́ланїи". Первая просодія или припѣтїе есть совершенная фикція, снятая съ греческой метрики. Что касается до второй просодіи, то она тоже одѣта въ греческую терминологію, но моделью ей служило подвижное удареніе, свойственное русской рѣчи. Она обозначается тремя знаками. Первый изъ нихъ называется *оксія* или *острая* (´). Она ставится вообще на ударяемомъ слогѣ, не исключая и послѣдняго, если только это слогъ закрытый (чело́мъ, две́рь),—надъ открытымъ же ударяемымъ слогомъ ставится *варія* или *тяжкая* (`), и при томъ всегда на концѣ словъ (твори̇̀, ѕѣлѡ̀). Третій знакъ называется *периспомени* или *облеченная*, въ позднѣйшихъ букваряхъ *камора* (˜). Она можетъ стоять только на послѣднемъ и предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ, и именно—надъ гласными *долгими по естеству*—и, ы, ѣ). 1) На послѣднемъ слогѣ ста-

вится *периспомени*, когда онъ есть слогъ закрытый, и притомъ *мягкій* (пѹ҃ть, рѹко́ѧ҆ть), но если это слогъ твердый, то ставится *оксія* и въ мягкихъ слогахъ, когда въ составъ ихъ входитъ болѣе одного согласнаго звука (смѐрть вѣ́ткь). 2) На предпослѣднемъ слогѣ ставится *периспомени* надъ долгими гласными и, ы, ѣ, если въ послѣдній слогъ входятъ краткія гласныя о, є, и при томъ съ *однимъ* согласнымъ (дѣ҃ло, сы҃нє, ви҃ло), но не въ такихъ случаяхъ, какъ чи́стє, ѝмжє. Вовсе не полагаются знаки ударенія надъ односложными словами, которыя слѣдуютъ послѣ словъ, на которыхъ стоитъ удареніе въ предпослѣднемъ и особенно въ послѣднемъ слогѣ (что̀ сє, тєбѣ̀ бо, прилѣ́жъ тѧ, сы́нє мо́й и проч.[1]).

Какъ ни сложна эта система удареній, но все же она гораздо проще того хаоса, который господствуетъ въ славянскихъ рукописяхъ XV—XVI в. Онѣ представляютъ въ этомъ отношеніи не одну, а нѣсколько системъ, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собою въ слѣдствіе того, что русскіе писцы рукописей, отмѣчая мѣстное произношеніе славянскихъ словъ тѣмъ или другимъ знакомъ удареній, считали въ то же время для себя обязательнымъ сохраненіе тѣхъ знаковъ, которые они встрѣчали въ подлинникахъ, напечатанныхъ въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи или въ Болгаріи. Отъ этого недостатка

[1]) Кромѣ трехъ знаковъ, выражающихъ удареніе, Смотрицкій насчитываетъ еще шесть. Два изъ нихъ выражаютъ—доу́хъ,—т. е.—„ѻ҆глꙋшєніє и҆ли ѻ҆тончєніє го́лоса“. Это *псили* или тонкая (᾿), которая ставится надъ начальными гласными въ славянскихъ словахъ (ѹ҆слыши, є҆ди́но), и *дасія* или *густая* (῾), которая ставится надъ начальными гласными въ греческихъ словахъ (ѷмнъ). Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ звуковымъ особенностямъ русской рѣчи остальные четыре знака. Они выражаютъ, какъ говоритъ Смотрицкій, „стра́сть“, т. е. сокращеніе звуковъ, или въ формѣ сложенія двухъ слоговъ въ одинъ, или въ формѣ смягченія согласныхъ звуковъ. Это—*ерикъ*, *паерикъ и мягкая*: въ начертаніи эти знаки очень сходны между собою (ʼ). Первые два знака имѣютъ мѣсто въ концѣ односложныхъ словъ, означая твердое и мягкое произношеніе согласныхъ (сʼ ми́ромъ, сѣнʼ). *Мягкая* отличается отъ *паерика* тѣмъ, что ставится въ серединѣ словъ надъ мягкими (сѹдʼба́, хва́лʼный). Четвертый знакъ этой категоріи называется *слитная*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *кавыка* (˘). Она ставится надъ краткимъ *и* или же іотой. Это единственный знакъ, который сохранился и въ современномъ русскомъ правописаніи (*мой*, *свой*).

несвободны были даже лучшія по языку рукописи, напр. Пересопницкая [1]). Смотрицкій положилъ конецъ этой пестротѣ въ употребленіи надстрочныхъ знаковъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи печатнымъ изданіямъ предшествующаго времени, особенно Библіи Острожской, въ которой уже замѣтна постановка удареній по русскому выговору [2]). Такимъ образомъ, Смотрицкій вывелъ ударенія изъ области произвола, поддерживаемаго безсознательнымъ списываніемъ славянскихъ рукописей разныхъ редакцій. Существенный недостатокъ его системы заключается въ признаніи долготы за нѣкоторыми гласными, которые въ русскомъ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ. Но такъ или иначе, важно было само по себѣ уже то обстоятельство, что русское удареніе явилось руководящимъ началомъ въ произношеніи славянскихъ словъ. Подъ защитой ударенія, поддерживаемаго грамматическимъ правиломъ, не искажались на письмѣ и малорусскія слова, сохраняя всѣ особенности живой рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ вполнѣ народнаго малорусскаго ударенія въ произведеніяхъ Іоанникія Галятовскаго, одного изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в: ко́вна (К. 149), камѣн’ѧ (ib. 166), камѣн’ѧмъ (Каз. 108), мѹзы́ка (ib. 24), ко́внѧный (К. 149), мале́н’кїи, подда́ннымъ (ib. 62), нѣко́го (ib.), нѣза́що (М. 350), даси̇̀ (Каз. 3), мо́жемо, глѧднимо̀ (К. 141),—формы повелит. накл: зберѣмо, чинѣмо, ви́провадьмо, намалю́ймо (Каз. 24—25), напишѣмъ (К. 212).

[1]) *Оксія* въ Пересопницкой рукописи часто стоитъ на томъ слогѣ, на который не падаетъ удареніе (при́шоль, вра́ча). Часто нѣтъ и вообще никакого знака надъ многими словами (богатство, стокроть, козметь). *Варія* и *оксія* часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же словѣ (здо́ровы̀й, хо́щоу̀, жрѣтвѣ̀). *Псили* или *тонкая*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *звательцо*—ставится, вопреки грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, *дважды* въ одномъ словѣ надъ гласными, слѣдующими одна за другою (ї҆оу҆де́йскы̀ѧ, ї҆ор’да́на̀). *Периспомени* часто не совпадаетъ съ удареніемъ (наро̑ди мно̑зи).

[2]) Есть въ Острожской Библіи *оксія* и *варія*, и *псили*, но множество словъ оставлено безъ удареній, и при томъ словъ не односложныхъ, какъ у Смотрицкаго. *Псили* стоитъ, какъ въ Пересопницкой рукописи, не только надъ начальными гласными, но и надъ срединными. Не видно также *периспомени*.

Такимъ образомъ, помимо сознанія самаго Смотрицкаго, церковнославянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, сближенъ былъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели малорусскіе, старавшіеся усвоить этотъ языкъ, охотно брали изъ богослужебныхъ книгъ церковнославянскія буквы, не соотвѣтствовавшія русскимъ звукамъ, не менѣе охотно брали церковнославянскія формы, чуждыя русскимъ нарѣчіямъ, но не отказывались и отъ нѣкоторыхъ особенностей живой рѣчи, если только она совпадала съ книжной рѣчью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другаго русскаго нарѣчія. Само собою разумѣется, что больше всего они дорожили сходствомъ церковнославянскихъ звуковъ и формъ съ общерусскими. Собственно говоря, этотъ языкъ можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько *славянорусскимъ* въ самомъ общемъ значеніи этого слова. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдовательно выдержанъ: попадаются въ славянорусскихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей звуки и формы общерусскія вмѣсто церковнославянскихъ, иногда даже мѣстныя—малорусскія. Но центръ тяжести славянской рѣчи—не здѣсь, а въ искусственномъ соединеніи стихій церковнославянской съ общерусскою, которая казалась сходной въ томъ или другомъ отношеніи съ церковнославянскою, при чемъ послѣдняя считалась не только регуляторомъ, но и украшеніемъ рѣчи.

Чтобы выяснить эти общія положенія, остановимся на синтаксическомъ построеніи славянской рѣчи въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей XVII в.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фиктивные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинные архаизмы подражательнаго происхожденія. — Стилистическое значеніе церковнославянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствит. залога, наст. и прошед. I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ со-

единеніи съ различными формами глагола *быти*, напримѣръ: „и пастуси бѣахѫ въ той же странѣ бѫдѧще“ (Остр. 250); 2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: „не прѣста сь лобъıзаѭщи нозѣ мои“ (ib. 233), „како не обрѣтошѧсѧ възвращьшесѧ дати славѫ Богоу“ (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: „не вѣдѧть бо сѧ чьто творѧще“ (ib. 191) [1]).

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія греческаго синтаксиса, и при томъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли вытѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобію древнегреческихъ. Въ нашихъ Октоихахъ и Тріодяхъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и донынѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, напримѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинные стихи этихъ поэтовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ поцерковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполнѣ выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потебни [2]), можно сказать, что

---

[1]) Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

[2]) Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыхъ для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, напримѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій? Не могли же они сочинить для церковнославянскаго языка отсутствующія въ немъ формы. Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Первые слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ XIII в. [1]). Въ XIV в. рѣзко выступаетъ эта потеря, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. постоянно встрѣчаются формы: *итучи*, *рекучи*, *вживаючи*, при именахъ сущест. въ множ. ч. [2]). Тѣмъ не менѣе, въ то самое время, какъ приходили въ забвеніе формы этихъ причастій, функціи ихъ присущи были живому чувству языка. Распредѣленныя между многими формами, функціи съ теченіемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ уцѣлѣвшимъ формамъ, которыя служатъ для выраженія разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функціи которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *лъ*, при чемъ самая форма эта съ теченіемъ времени поставлена

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. Колосова, 99. Буслаевъ замѣчаетъ, что въ Кормчей по списку 1282 г. краткія формы причастій употребляются безъ различія по родамъ и числамъ (Истор. христ. 408).

[2]) АЗР. I. 25. АЮЗР. II. 102.

была въ особенныя условія для выраженія тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастіяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанія неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціональное значеніе вышедшихъ изъ употребленія разныхъ падежныхъ окончаній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построеніе рѣчи, сохранившееся въ южнорусскихъ грамотахъ XVI в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

Предикативное употребленіе краткихъ причастій:

I. съ вспомогат. глаголомъ: „*бачучи есмо* высокіи послуги князя" (Грам. 1552 г.)[1] „Тую уставу нашу *давши есмо* подданнымъ нашимъ" (Грам. 1561 г.)[2].

II. при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей inf. cum accus.): „шла она с поля з роботы и *обачила* трех человѣковъ *трясучи* грушу ее" (Гр. 1562)[3], „*застали есмо* людей корсовскихъ *оручи* землю" (Гр. 1562 г.)[4].

„Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондарюка у Харинюка спючи"[5].

III. послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: „купцы и ремесники всякіе маютъ добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*" (Гр. 1506 г.)[6] „Абы возы такъ продавали, *якъ* зъ дому *привезши*" (Гр. 1541 г.)[7].

„Тутъ я шапку з себе хутко, в віконце, *як мога*"[8].

---

[1]) АЗР. II. 143. Многіе примѣры мы взяли у Миклошича (Vergleich. Syntax der Sl. Spr.), другіе сообщены намъ О. И. Левицкимъ, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

[2]) АЗР. III. 114.

[3]) Луцк. кн. л. 179.

[4]) Ibid. л. 127.

[5]) Гол. I. 176.

[6]) АЗР. II. 3.

[7]) АЮЗР. I. 113.

[8]) Чуб. V. 655.

„Нема спинку вдовиному синку, що звів з ума чужую дитинку: *як извівши,* на коника *сівши:* „будь здорова, любая розмова!“ [1]).

Аппозитивное употребленіе краткихъ причастій: здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобиліи встрѣчаются въ южнорусскихъ грамотахъ: „Поведили: *женучи* дей *намъ* вепровъ кормныхъ, то пакъ панъ Окуровскій споткалъ насъ, прудко у санкахъ бегучи“ (Гр. 1564 г.) [2]); „*будучи намъ господарю* на великомъ соймѣ, донесли прозьбы свои“ (Гр. 1565 г.) [3]); „*намъ сѣдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали“ (Гр. 1507) [4]). Миклошичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (nachklang) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напримѣръ: „сталося... лѣта Божьего... мѣсяца... при томъ *будучимъ*“... (далѣе слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510) [5]). Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянской старины—только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: „як *тий зозулі* въ саду *куючи,* так *вашій сестриці* там *горюючи*“ [6]); „горе *мені* на чужини, без батенька *живши*“ [7]).

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчіи продолжается старинная традиція въ построеніи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчіе въ своемъ историческомъ развитіи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старинную сжатость предложенія и безразличіе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ

---

1) Ibid. 275. 8.
2) Луцк. кн. л. 9.
3) АЗР. II. 138.
4) Ibid. II. 21.
5) Vergleich. Syntax, 828.
6) Чуб. V. 751.
7) Ibid. 1041.

того, какъ краткія причастія получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ къ центру предложенія, которое въ слѣдствіе того получило бо́льшую грамматическую опредѣленность, бо́льшую расчлененность своихъ составныхъ частей. Въ связи съ этими перемѣнами въ причастныхъ формахъ предиката и аппозиціи, падали и, такъ называемые, вторые падежи, замѣняясь развитыми придаточными предложеніями, неопредѣленнымъ наклоненіемъ и проч.

Вмѣстѣ съ разнообразіемъ, которое при этомъ не исключало единства, обусловленнаго болѣе отчетливыми требованіями мысли, предложеніе пріобрѣтало бо́льшую выразительность, и рѣчь становилась подвижнѣе.

Таковъ общій ходъ синтаксическаго перестроя рѣчи не только литературной, подвергавшейся разнообразнымъ посороннимъ вліяніямъ, но и болѣе консервативной народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской.

Безъ сомнѣнія, въ XVI—XVII в. малорусское нарѣчіе слѣдовало новому теченію рѣчи, а не старому. Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сравненія письменныхъ памятниковъ одинаковаго содержанія болѣе позднихъ съ древнѣйшими.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Пересопницкаго Евангелія сравнительно съ Остроміровымъ.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій:

I. Бѣахѫ сѣдѧще фарисеи (Остр. 90, обор.).

И сидѣли та́мъ фарисеѐ (Перес. 34).

II. Изиде і҃с и оузьрѣ мьздоимьца именемь леуьіѭ сѣдѧща на мытьници (Остр. 92).

А потомъ вышолъ и оузьдрѣлъ мытника именемъ Левію а онъ сѣдитъ на мытници (Перес. 35).

III. Вьземлеши его же не положь и жьнеши его же не сѣꙗвъ (Луки 19. 21).

Берешъ тамъ, где еси не положилъ и пожинаешъ где еси не сѣялъ (Перес. 66).

Дательный самостоятельный мелькаетъ то тамъ, то здѣсь въ Пересопницкомъ Евангеліи въ видѣ подражанія церковно-славянской рѣчи, и въ этомъ случаѣ самое причастіе настоящаго врем. является не въ русской формѣ (*чій*), а въ церковнославянской (*щій*). Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ оборотъ рѣчи выражается или полнымъ придаточнымъ предложеніемъ, или независимымъ предложеніемъ съ личнымъ глаголомъ:

Ѥще же ѥмоу не далече сѫщю отъ домоу посъла къ немоу сътьникъ (Остр. 95).

А коли не далеко быль ѿ домоу посла противь него сотьникъ (Перес. 38).

Отъмѣтанѫщемъ же сѧ вьсѣмъ (Остр. 101).

И не прізнальсѧ никто (Перес. 43).

Вообще придаточныя предложенія, выраженныя въ Остроміровомъ Евангеліи посредствомъ краткихъ причастій, передаются въ Пересопницкомъ Евангеліи большею частію посредствомъ полныхъ:

Бѣ оучѧ іис на ѥдиномь отъ съборищь въ сѫботы и се жена дхъ имѫщи недѫжьнъ ні лѣтъ (Остр. 105).

Быль пак іс на единомь ѿ съборищь и насучаль всоуботу. была тыжь тамь жона таіа котораіа не могла ѿ доуха ні лѣть (Перес. 55).

Встрѣчаются иногда въ Пересопницкомъ Евангеліи слѣды стариннаго синтаксиса, напр., вторые падежи, но въ употребленіи ихъ замѣтно колебаніе, склоняющееся къ именит. съ творит. вмѣсто двухъ именит., къ винит. съ творит. вмѣсто двухъ винительныхъ:

„Имѣй мене ѿреченнымъ, а въ слѣдующей строкѣ: „Имѣй мене ѿреченна“ (Перес. 57).

„То не можеть быти моимь оучникомь“ (ib. 58).

„Вѣра твоѧ тебе здорового учинила“ (ib. 43).

Что же представляетъ книжная малорусская рѣчь XVII в., которую мы назвали *славянорусскою?*

Мы знаемъ общественно-религіозныя и политическія условія ея появленія, поэтому и не удивительно, что въ ней господ-

ствуетъ церковнославянская старина, и при томъ не всегда подлинная, но часто—подновленная, искусственная. Любопытная особенность этого подновленія заключается въ томъ, что малорусскіе писатели не отказывались отъ изобрѣтенія такихъ формъ, которыя нельзя назвать ни старыми, ни новыми, которыхъ нельзя отыскать въ древнеславянскомъ нарѣчіи и ни въ одномъ народномъ славянскомъ нарѣчіи.—Таковы, напримѣръ, формы причастій краткихъ и полныхъ въ мужес. р. имен. пад.: живȣщъ, сȣщїй, живȣщїй, жившїй, напр.: „ѡнъ єсть пастырь добрый полагающъ дшȣ свою за ѡвца“ (Мечъ Б. 189). Вообще славянорусская рѣчь изобилуетъ широкимъ употребленіемъ причастій, съ которыми связано старинное построеніе предложеній. Замѣчательно при этомъ, что краткія формы причастій (точно такъ же, какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) употребляются иногда аттрибутивно, вопреки предписаніямъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, который отрицалъ въ этихъ причастіяхъ косвенные падежи:

„Совѣтоваше нарочитъ и разȣменъ мȣжъ къ велико Новгородѣ живȣщ Гостомыслъ“ (Син. 20).

„Єще живȣ сȣщȣ Олегȣ“ (ibid. 25).

„Турцы отруиша своего царя Баязета, яко несчастлива суща“ (Густ. л. 363).

Гораздо чаще встрѣчаются эти причастія въ аппозитивномъ употребленіи, какъ съ именит. падежемъ, такъ и съ дательнымъ (въ видѣ дательнаго самостоятельнаго): „Той иже идет за щастем ȣповающи на него“ (Мечъ Б. 134) „явися въ Полщи новая немощъ, глаголемая франца, южъ нѣкая *жена ходяще* на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова“ (Густ. л. 360).

„Тѣло и душа, еще в рай очима ся прелстивше, согрѣшиста: тѣло оузрѣвши, яко запрещенный ово зѣло ест красенъ: дша возлюбивши, яко ѿверзȣт ся очи ея“ (Мечъ Б. 129).

„Не малу времени пришедшȣ, пріидоша тріе братія“ (Син. 16).

„Бгȣ тако грѣхъ ради члвѣческихъ попȣстившȣ“ (ibid).

Вторые падежи составляютъ постоянную принадлежность славянорусской рѣчи:

„Содѣлася всеѧ Россіи Самодержецъ“ (Син. 38).

„Пѧтый ідолъ Кꙋпало, его же Бога плодовъ земныхъ быти мнѧхꙋ“ (ibid. 43).

Это одинъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи, которые, какъ извѣстно, съ особенною охотою вносились въ славянскій текстъ Библіи Острожскими переводчиками ея.

Причастіе прошедшее гораздо чаще употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ, чѣмъ безъ него. Но особенное пристрастіе замѣтно къ старинному аористу и прошедшему продолженному времени. Простыя и сложныя прошедшія смѣшиваются иногда до безразличія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ въ двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ принимаетъ форму то простаго, то сложнаго прошедшаго, напримѣръ: „саранча великія шкоды *учини*“ и „огонь въ Краковѣ много шкоды *учинилъ*“ (Густ. л. 359). „Перунъ... распятіе рѣзанное *распорошилъ*“, а чрезъ нѣсколько строкъ: „распятіе паки *распороши*“ (ibid). Впрочемъ, большею частію простыя прошедшія употребляются въ прямой рѣчи, а сложныя въ косвенной, напримѣръ: „*Устави* (Патріархъ) братства и ставропигія, *дабы* наши овцы *не повиновалися* намъ“ (Густ. л. 371). „Нынѣ мы *умыслихомъ* просити короля и всего сенату, *дабы* насъ *заховали* при волостяхъ“ (ibid).

Ко всему этому нужно прибавить, что въ славянорусской рѣчи для соединенія предложеній постоянно употреблялись церковнославянскіе союзы: егда, внегда, поне, аще, обаче, понеже, зане, воеже, ꙗко и т. п. Изъ русскихъ союзовъ приняты были только тѣ, которые имѣются и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Это было своего рода архаическое украшеніе рѣчи, не мало вредившее простотѣ и естественности ея.

Такъ разрѣшали задачу свою тѣ малорусскіе писатели, которые въ церковнославянскомъ языкѣ видѣли готовый литературный органъ для выраженія мыслей. Они стремились возстановить этотъ языкъ во всей полнотѣ и чистотѣ его, но, помимо ихъ воли и сознанія, это уже не былъ церковнославянскій языкъ со всѣми его типическими особенностями. Въ приведенныхъ примѣрахъ рѣчи легко видѣть значительныя погрѣшности въ употребленіи церковнославянскихъ причастій, которыя часто не согласуются

съ своими существительными въ родѣ: той ѹпова́ющи, *жена ходящи,* тѣло оузрѣ́вши. Подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу. Очевидно, малорусскіе писатели употребляли церковнославянскія формы по русски,—иными словами, съ церковнославянскими формами они не соединяли тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были имъ присущи. Слѣдовательно, сами по себѣ церковнославянскія формы составляли нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому языку, на которомъ они думали и говорили въ обыденной жизни. Сохранялась такимъ образомъ одна видимость церковнославянской рѣчи, которая считалась нарядной одеждой мысли, всегда обращенной къ матеріямъ болѣе или менѣе важнымъ. Это была ветхая одежда старика-отца на молодомъ организмѣ юноши-сына. Она была надѣта отчасти по нуждѣ, отчасти по убѣжденію въ томъ, что она можетъ доставить почетъ и уваженіе отъ тѣхъ людей, которые привыкли цѣнить въ человѣкѣ не столько личныя достоинства, сколько наслѣдственныя права его.

П. Житецкій.

(До слѣд. №).

КЪ ИСТОРІИ
КОЛОНИЗАЦІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ.

8 апрѣля 1887 года дворянинъ Сергѣй Николаевичъ Шмитъ передалъ чрезъ члена церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, доцента В. З. Завитневича, въ церковно-археологическій музей при этой академіи, для временнаго помѣщенія и пользованія, шесть свитковъ отписокъ XVII вѣка, касающихся заселенія Слободской Украины. По словамъ г. Шмита, свитки эти достались ему по наслѣдству отъ извѣстнаго малороссійскаго писателя Г. Ѳ. Квитки, родственника его по женской линіи. По разсмотрѣніи свитковъ оказалось, что они заключаютъ въ себѣ оффиціальные документы относительно колонизаціи Слободской Украины съ 1639 по 1694 годъ, касающіеся двухъ важныхъ пунктовъ русской колонизаціи въ этомъ краѣ, именно городовъ Чугуева и Изюма, нынѣ Харьковской губерніи. Города эти были въ XVII вѣкѣ главными центральными пунктами двухъ укрѣпленныхъ линій, поочередно выдвигавшихся со стороны Россіи на югъ, первоначально для защиты русскихъ владѣній какъ отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ и Ногайцевъ, такъ и отъ нападеній со стороны польско-литовскаго государства, а впослѣдствіи для наступательнаго движенія русскаго государства на Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ.

Обѣ эти линіи созданы были и оберегались совокупными усиліями двухъ русскихъ племенъ, входившихъ въ составъ Слободской Украины, великорусскаго и малорусскаго, но съ нѣкоторою разницею въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и роляхъ. Болѣе ранняя, сѣверная линія укрѣпленій, которую можно назвать Чугуевскою, была создана и защищалась преимущественно Москов-

скими людьми. Она выдвинула свои сторожевые станы и форпосты далеко на югъ отъ главной линіи укрѣпленій и такимъ образомъ подготовила послѣдующее образованіе болѣе южной укрѣпленной линіи, которую можно назвать Изюмскою. Эта послѣдняя подготовлялась исподоволь малорусскими выходцами, бѣжавшими сюда преимущественно изъ правобережной Украины отъ религіозныхъ преслѣдованій и соціальныхъ неурядицъ въ польско-литовскомъ государствѣ, и окончательно образовалась уже къ концу XVII вѣка, съ постройкою въ 1681 году города Изюма, но съ участіемъ и московскихъ людей и воеводъ.

Названные документы далеко не обнимаютъ собою всей исторіи городовъ Чугуева и Изюма съ зависѣвшими отъ нихъ деревнями, слободами и укрѣпленіями и имѣютъ отрывочный характеръ. Въ первомъ свиткѣ заключаются документы временъ царя Михаила Ѳеодоровича, съ 1639 по 1644 годъ; въ второмъ документы временъ царя Алексѣя Михайловича, съ 1655 по 1658 годъ; въ третьемъ документы временъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича за 1676 годъ; въ четвертомъ временъ царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, за 1682, 1684, 1685 и 1687 годы; въ пятомъ документы того же царствованія за 1689 годъ; въ шестомъ документы того же царствованія за 1694 годъ. Тѣмъ не менѣе эти документы могутъ служить немаловажнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Д. И. Багалѣя: „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства Томъ первый. Исторія колонизаціи". Москва 1887. Поэтому мы рѣшились извлечь изъ нихъ болѣе или менѣе существенное содержаніе, связавъ и освѣтивъ разрозненныя, отрывочныя извѣстія ихъ общими свѣдѣніями изъ изслѣдованія г. Багалѣя и другихъ источниковъ. Трудъ этотъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе необходимъ, что подлежащіе нашему разсмотрѣнію документы составляютъ частную собственность и могутъ быть впослѣдствіи утрачены для науки.

Документы всѣхъ шести свитковъ составляли архивъ чугуевскаго воеводы и потому главнымъ образомъ касаются исторіи Чугуева и зависѣвшихъ отъ него поселеній и укрѣпленныхъ мѣстъ. Но въ 1689 году, во время втораго похода князя Васи-

лія Васильевича Голицина въ Крымъ, велѣно было чугуевскому воеводѣ Степану Богдановичу Ловчинову „быть на ихъ великихъ государей службѣ по новопостроенной чертѣ на Изюмѣ с полком для береженья украинных городов од приходу неприятелских людей“[1]). Поэтому въ Чугуевскомъ архивѣ сохранились свѣдѣнія и о городѣ Изюмѣ, и, новопостроенной Изюмской чертѣ укрѣпленій за 1689 годъ. Такимъ образомъ сообщаемыя нашими документами свѣдѣнія распадаются на двѣ группы, изъ коихъ одна касается Чугуева, а другая Изюма, съ ихъ укрѣпленными линіями.

I.

Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ, нынѣ курской губерніи, на государево имя малороссійскіе козаки съ гетманомъ Яцкомъ Остренином во главѣ. Они явились съ женами и дѣтьми, съ лошадьми, коровами и овцами и выпросили себѣ у государя разрѣшеніе основать въ степи, на Чугуевѣ городищѣ, поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости. Всего пришло съ гетманомъ и сотниками 865 рядовыхъ козаковъ. Впослѣдствіи явились еще козаки изъ Азова и изъ литовскихъ городовъ, такъ что всѣхъ рядовыхъ козаковъ было 948 человѣкъ. Козацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено Московскимъ правительствомъ. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ козацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, какъ органа центральной правительственной власти. Первымъ чугуевскимъ воеводою былъ князь Петръ Щетининъ, съ которымъ отправлены были въ Чугуевъ русскіе служилые люди: 100 человѣкъ дѣтей боярскихъ, 75 конныхъ козаковъ и 25 пѣшихъ стрѣльцовъ, всего 200 человѣкъ. Для двороваго строенія и первоначальнаго обзаведенія поселенцевъ велѣно было выдать имъ денежное и хлѣбное жалованье[2]). Къ первымъ годамъ заселенія Чугуева и относятся старѣйшіе изъ разсматриваемыхъ нами документовъ. Это—почти

---

[1]) Свитокъ VI, документъ 13.

[2]) „Очерки“ Багалѣя, т. I, стр. 174—180.

исключительно круговыя обязательства и поручительства козацкихъ пятидесятниковъ, десятниковъ и простыхъ козаковъ за новопоступающихъ и уже поступившихъ на службу своихъ товарищей въ томъ, что они будутъ вѣрно служить царю и не злоупотребятъ государевымъ жалованьемъ. „Се яз Іван Михаилов сынъ Лучавской", пишется въ поручной 1639 года, „да яз Тит Ми...ванов сынъ Ѳилонов, да яз Карпъ Васильевъ сынъ Сведенцов, да яз Гаврила Іванов сынъ Гневошев, да яз Ѳедор Совеев сынъ Хотянов новаго Чюгуева города полковыя козаки (поручились) по Акудки Молахове сыне Горлове в том, что жити ему Акудки за нашею порукою в новомъ Чюгуевя городе у полковой козачей слободе, а служити ему Акудки государева служба с своею братею с полковыми казаками уряд поровенно, а во иныя государева городы не сходить без государева указу. А как тот Акудка Горлов за нашею порукою с новаго Чюгуева города без государева указу из полковой казачей службы сойдет или у лицех его Акудки на Чюгуевя городе не будет, и в его голову Акудкину места наши головы порутчиковы, а кой у нас поручик будет у лицех, на том порука и пеня, а пеня, что государь укажет, а поручную писал сию полковой козаченка петидесетничишка Серешка Хомин сынъ Колычмановъ" [1]). Въ слѣдующемъ 1640 году тотъ же пятидесятникъ Сергѣй Колычмановъ съ девятью козаками его „пятины" дали поручную запись по десятникѣ Иванѣ Лучавскомъ и семи козакахъ его десятка „въ томъ, что въ нынешнем во 148 (1640) году прислано на Чюгуевъ государева царева і великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа руси денежное жалованье и велено то государево жалованье воеводе князь Петру Івановичю Щетинину намъ роздать для нашей новой селидбы и дворового строеня по восми рублев человѣку, и то намъ государево жалованя дано все и сполна и без вычету, и ему десятнику Івану Лучавскому и всему его десятку козаком взято государева жалованя за нашею порукою на Чюгуеве городе на вечное житя устроицца и пашню пахать и хлеб сеять, а государева денежнова жалованя не про-

---

[1]) Свитокъ I, док. 43.

пить и зернью не проиграть, и никаким воровствомъ не проворовать, и тобаку не пить и у себе ево на держать, а служить имъ за нашою порукою Чюгуева города всякая служба, а с Чюгуева города не збежать, а государева жалованя не снесть. А как тот Іван Лучавской десятник или хто ево Іванова десятку за нашею порукою на то государево жалованя на вечное житя не устроитца и пашни пахать не станетъ и хлеба сеять, и денежное жалованя пропьетъ и зерные проиграет или каким воровствомъ проворует, и тобак станет пить, или станет у себе тобак держать, или с Чюгуева города збежит и государево жалованя снесетъ и свою братю полковых козаковъ окрадет, ино пеня государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси на нас на порутчиках, а кой съ нас порутчикъ будетъ в лицех, на том пеня и порука, а пени что государь укажет" [1]). Такихъ поручныхъ сохранилось нѣсколько отъ 1640 года.

Но вслѣдствіе неудовольствій на своего гетмана Остренина и вслѣдствіе подстрекательствъ со стороны поляковъ, чугуевскіе черкасы (т. е. малороссіяне) убили своего гетмана и 25 апрѣля 1641 года бѣжали обратно въ предѣлы польско-литовскаго государства [2]). Послѣ этого Чугуевъ сталъ населяться преимущественно великороссами. Съ 1642 и до 1644 года мы имѣемъ цѣлый рядъ поручныхъ записей чугуевскихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, станичныхъ головъ, станичниковъ или станичныхъ ѣздоковъ, козацкихъ пятидесятниковъ, десятниковъ, пушкарей и полковыхъ козаковъ за новоприборныхъ козаковъ въ томъ, что эти послѣдніе вѣрою и правдою будутъ служить государю. Но вѣроятно въ виду недавняго побѣга чугуевскихъ черкасъ изъ Чугуева въ предѣлы Польши, поручныя записи обстоятельнѣе прежняго перечисляютъ обязанности новоприборныхъ козаковъ и предусматриваютъ и предупреждаютъ измѣнническія дѣйствія ихъ и сношенія съ государевыми недругами. Въ одной такой записи 1642 года 10 чугуевскихъ полковыхъ козаковъ поручаются по новоприборномъ полковомъ козакѣ Прокофьѣ Мартыновѣ „въ томъ, что ему,—какъ пишутъ они въ записи,—за

[1]) Свит. I, докум. 13.

[2]) „Очерки" Багалѣя, I, 190—195.

нашею порукою жить въ Чугуеве и служить государева царева і великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи козачья конная служба, из Чугуева не збежать и государю не изменить, в Крым и в Нагаи, в Литву и в Немцы, ни в которыя государства не отъехать и государева денежнова и хлѣбнова жалованя и государевы пищали и пороху и свинцу не снесть и не пропить и не проворовать, и зернью и карты не играть, и вином и табаком не торговать, и корчмы и бл...дни и приѣзду у себя во дворе татем и разбойником и всяким воровскимъ людем не держать, и самому ему Прокоөю на разбой не ѣздить и инымъ каким воровствомъ не воровать и татиною и разбойною рухледю не промышлять, и стоя на государеве караулѣ над государевою казною никакия хитрости и дурна и подвоху не учинить, и будучи на государеве службѣ сидя в осаде з города не скинутца и з государевыми недруги никакими воровскими грамотами не ссылатца" [1]) и проч. Вслѣдствіе недостатка и крайней нужды въ людяхъ принимали въ Чугуевъ на государеву службу довольно безразборчиво. Есть извѣстіе, что въ козаки записывались бѣглые крестьяне, перемѣнивъ свои имена, и нѣкоторые изъ нихъ служили даже въ дѣтяхъ боярскихъ [2]). Иногда принуждали къ службѣ несовершеннолѣтнихъ ребятъ, не имѣвшихъ отдѣльнаго хозяйства [3]).

Послѣ 1641 года новоприбираемые козаки попрежнему получали денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ по 8 рублей [4]) и кромѣ того, ежегодное денежное жалованье, съ обязательствомъ нести государеву службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься хлѣбопашествомъ. Ежегодное жалованье, по бѣдности просителей, нерѣдко выдавалось имъ впередъ за весь годъ [5]). Однажды козакъ Гуръ Чаплыгинъ въ 1642 году взялъ на съѣзжей избѣ во временное пользованіе за поручительствомъ товарищей „зипунъ лазоревой, и как тот зипунъ спросятъ, и ему

---

[1]) Свит. I, док. 5.

[2]) Свит. III, докум. 50, 1676 г.

[3]) Свит. II, докум. 5, 1658 г.

[4]) Свит. I, док. 29, 78.

[5]) Тамъ же, докум. 31, 37, 59, 69, 73 и 7[illegible].

Гуру за нашею порукою тотъ зипунъ опять принесть въ съезжую избу перед столника і воеводу пред князь Василя Ондрѣевича Горченова“ [1]). Главною же притягательною силою для поступленія на государеву службу въ Чугуевъ была тамошняя благодатная почва, которая послужила источникомъ благосостоянія для чугуевскихъ служилыхъ людей, а впослѣдствіи и государственныхъ доходовъ.

Еще при первоначальномъ заселеніи Чугуева, новые поселенцы обязывались, кромѣ государевой службы, заниматься также хлѣбопашествомъ и слѣдовательно получили земельные надѣлы. Вѣроятно эти надѣлы первоначально находились вблизи самаго города Чугуева. Но въ 1648 году „писецъ князь Яковъ Волконской да подьячей Осипъ Гнѣвошевъ“ распредѣлили между чугуевцами земли какъ подгородныя, такъ и отдаленныя отъ города. Въ этомъ году „писецъ столник и воевода князь Яковъ Петровичь Волконской далъ на пашню земли чюгуевцам полковымъ наличнымъ козакомъ и которые впредь прибраны будут, всего тремъ стамъ человѣком, подгороднюю землю, а за тою подгороднею землею два поля далних, да в той же землѣ по рѣчке Бабке сенные покосы, а трете далнее поле дано за рѣчкою Бабкою и по той рѣчке сѣнные покосы“. Подгородней земли на пашню дано было 1500 четей, да въ дальнихъ двухъ поляхъ и въ третьемъ полѣ за Бабкою 4600 четей въ полѣ, „а въ дву по тому жъ“, т. е. по стольку же четей въ двухъ смѣнахъ, слѣдовательно всего 1500+4600×3=18300 четей, или по нынѣшнему измѣренію, 9150 десятинъ, по тридцать съ половиной десятинъ на человѣка [2]). Изъ другихъ документовъ мы узнаемъ, что такой щедрый надѣлъ земли производился „вмѣсто государева денежного и хлѣбного жалованя“ [3]). Впослѣдствіи размѣры земельныхъ надѣловъ служилымъ людямъ значительно уменьшились. Въ 1672 году боярскому сыну Ивану Малеховскому пожалованъ былъ починокъ въ чугуевскомъ уѣздѣ, удскомъ стану,

[1]) Тамъ же докум. 36.
[2]) Свит. IV, докум. 2; Ср. свит. II, докум. 29.
[3]) Свит. III, докум. 32.

въ Васищевомъ селѣ, только въ 20 четей[1]). Въ томъ же году, по указу царя Алексѣя Михайловича, „в чюгуевском уѣзде по речкѣ Бабки и на Огранове Колодези, гдѣ построены государевы пасеки, дано на пашню земли тѣхъ пасекъ пасечником Андрюшки Кураксину с товарыщи десяти человѣком из остаточной земли чюгуевскихъ козаков вмѣсто государева денежного и хлѣбного жалованя по пятнатцати четь человѣку в полі, а в дву по томуж, да на кормъ пчелъ, с чего в лѣтнее время цвѣтъ имать, около государевых пасек на версту“[2]); слѣдовательно, получили по 22½ десятины на человѣка. Въ 1682 году въ селѣ Пятницкомъ, въ 10 верстахъ отъ Чугуева, было 92 служилыхъ людей, которые сообща имѣли только по 620 четей въ трехъ смѣнахъ[3]); слѣдовательно, на каждаго приходилось только по 13-ти съ небольшимъ десятинъ земли.

Размѣры земельныхъ надѣловъ уменьшались пропорціонально заселенію края. Заселеніе это прежде всего совершалось служилыми чугуевскими людьми. Получивъ въ надѣлъ обширныя земли, притомъ же значительно удаленныя отъ города, они сами стали селиться на этихъ земляхъ, приглашали къ себѣ работниковъ и крестьянъ и основывали цѣлыя деревни и села. Въ 1642 году нѣкто Прокоѳей Васищевъ числился рядовымъ чугуевскимъ козакомъ[4]); но въ 1658 году онъ уже значится въ числѣ дѣтей боярскихъ, сообща съ двумя своими товарищами владѣетъ деревней Васищевой, очевидно получившей отъ него свое имя, и имѣетъ за собою нѣсколько людей[5]). Около 1660 года до 30-ти человѣкъ чугуевскихъ козаковъ поселились на отведенной имъ землѣ, на третьемъ полѣ, за р. Бабкою, и основали село Пятницкое. А такъ какъ подгородная земля, въ которой они имѣли долю, стала далеко отъ нихъ, то они въ 1681 году съ разрѣшенія генерала и чугуевскаго воеводы Григорія Иванонича Косагова уступили чугуевцамъ подгородную свою землю и въ за-

---

1) Свит. III, докум. 71.
2) Свит. III, докум. 32.
3) Свит. IV, док. 3.
4) Свит. I, докум. 32.
5) Свит. II, докум. 15.

мѣнъ ея взяли себѣ остаточную землю за рѣкою Бабкою[1]). На этомъ же третьемъ, отдаленномъ полѣ чугуевскихъ козаковъ во второй половинѣ XVII вѣка основаны были села Молодовое и Бабка, деревни Опакова и Прилѣпы и слобода Печенѣжская. Въ 1676 году чугуевскіе полковые козаки пятидесятники Микита Титовъ и Ермолай Семеновъ съ товарищами писали въ своей челобитной князю Ромодановскому слѣдующее объ этой землѣ: „та де помѣстная земля ихъ Микиты Титова с товарыщи, а дана де имъ та земля третье поле полутораcту человѣкомъ, а ныне де ихъ налицо девяноста шесть человѣкъ, а шестдесят же четыре человѣка померли, а иных де крымские люди въ полонъ поймали, и которые де померли і в полонъ пойманы, и на ихъ де пустовыхъ земляхъ поселились Салтовского уѣзду села Молодоваго, да Чюгуевского уѣзду села Бабки, да деревни Прилѣп, да въ ихъ же де дачехъ поселилися черкасы села Печенѣги“ [2]). Такъ или иначе, въ разное время образовались вокругъ Чугуева, кромѣ вышеуказанныхъ, еще слѣдующія поселенія: села Веденское, Дмитревское, деревни Кирсанова, Шубина[3]), деревня Лысенка[4]), села Боровое, Терновое, деревня Красная Поляна, села Карпово[5]), Телѣга, Пещана[6]) и др.

Гораздо важнѣе было для колонизаціи Слободской Украины переселеніе въ нее малороссіянъ, начавшееся во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, съ 1652 года, и продолжавшееся съ нѣкоторыми остановками и видоизмѣненіями до 1711 года. Въ 1652 году населены были малорусскими выходцами изъ Польши города Острогожскъ, нынѣ воронежской губерніи, и Сумы—харьковской губерніи. Съ 1653 по 1656 годъ основаны были малорусскими выходцами города Зміевъ и Харьковъ и слободы, или села Терны, Мохначи, Печенѣги, Хорошево и др. Послѣдніе шесть поселеній, кромѣ Терновъ, находились въ предѣ-

[1]) Свит. IV, докум. 3.

[2]) Свит. III, док. 36; кн. свит. IV, док. 3.

[3]) Свит. III, док. 1676 г., № 10.

[4]) Тамъ же, док. 1685 г., № 10.

[5]) Тамъ же, док. 11.

[6]) Свит. V, док. 20, 1694 г.; свит. VI, док. 30, 1694 г.

лахъ стариннаго чугуевскаго уѣзда [1]) и отчасти заняли земли чугуевскихъ козаковъ [2]). Вслѣдствіе этого всѣ эти малорусскія поселенія, состоя подъ главнымъ управленіемъ бѣлгородскихъ воеводъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на первыхъ порахъ своего существованія стояли въ нѣкоторой зависимости отъ Чугуева и получали отъ него воинскую защиту, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и собственныхъ воеводъ. Изъ одной челобитной чугуевцевъ, поданной въ 1658 году, видно, что ежегодно и зимою и лѣтомъ ихъ посылали во вновь построенные черкасскіе города Царевоборисовъ, Зміевъ, Харьковъ и Валки. Кромѣ того, они стояли въ самомъ Чугуевѣ (по 50 человѣкъ), ходили на отхожіе сторожи, на татарскіе перелазы, на Салтово и Гумницкое городища (по 35 человѣкъ), отправлялись по вѣстямъ въ разные города, и наконецъ ѣздили въ станицы до Царевоборисова и Тора [3]). Въ нашихъ документахъ имѣются свѣдѣнія о сторожевой службѣ чугуевцевъ въ Харьковѣ, Зміевѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 1655 году бѣлгородскій воевода Семенъ Львовъ писалъ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „в нынешнем во 163 (1655) годе декабря во 23 день писал ко мнѣ в Белгородъ ис Харкова воевода Иван Селиѳонтов, посылаеш де ты из Чугуева на государеву службу в Харков вмѣсто служилых людей работников и робят малых, и тѣ пѣши и без ружя, и ты то дѣлаешь негораздо, что служилых людей не против государева указу посылаеш несполна и без ружя для своей безделной корысти. И тебѣ по государеву указу посылать служилых людей, которые написаны будутъ, а работников и робят и без лошадей и без ружя посылать не велѣть. А будеть, за тѣми служилыми людми какое дурно учинитца от воинских людей над городом, и тебѣ за то от великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі сомодержца (быть) в опале і в жестоком наказане безо всякие пощады“ [4]). Неохотно и неисправно

[1]) „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 418, 421, 423 и др.

[2]) Свит. III, док. 36.

[3]) „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 244.

[4]) Свиток. II, докум. 2. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что годы и порядокъ мѣсяцевъ мы обозначаемъ по церковному сентябрскому лѣтосчисленію, употребляемому въ документахъ.

посылая своихъ служилыхъ людей на защиту Харькова, чугуевцы вмѣстѣ съ тѣмъ обижали харьковцевъ иными способами: одни изъ чугуевцевъ похищали у харьковцевъ ихъ домашній скотъ, а другіе укрывали воровъ и не высылали ихъ въ Харьковъ для очныхъ ставокъ, не смотря даже на требованіе бѣлгородскаго воеводы. 16 Декабря 1658 года тотъ же Семенъ Львовъ писалъ въ Чугуевъ Исаю Савичу, что ему, Львову, подали челобитную „Харковские черкасы атаман Іванъ Василев и сотники и всѣ редовые черкасы всѣмъ городом на воров Чюгуевского уѣзду деревни Васищевой на Савостьку да на детей ево на Костьку да на Ониску да на Свиридку да на Зиновку Луниных и на их товарищей, а в челобитной их написано. Живутъ де тѣ воры в той деревни Васищевой за чюгуевскими детми боярскими за Прокоѳьемъ Васищевым да за Михайломъ Левоновым да за Сопроном Левиным. І в прошломъ де во 164-мъ (1656) и во 165-мъ (1657) і в нынешнемъ во 166-мъ (1658) году покрали тѣ воры у них въ Харковском в разных числах многие лошади, і в нынешнем же де во 166-м году стерег у них наезной сторож черкашенин Миско Покатилов всего города згонные бараны баранов с четыреста и болши, и тѣ де воры у тово их сторожа у Миска Покатилова покрали згонныхъ шесдесят борановъ. И в нынешнем же де во 166-м годе Сентября въ 28 ден поймали с поличным з бараними головами вора Зиновку Лунина тот Миско Покатилов, а таварищи де ево ушли, и привел де тово вора с тѣм поличным в Харковской въ приказную избу, и тот де вор въ Харкове перед Воином Селиѳонтовым распрашиван, а в роспросе де тот вор Зеновка в тѣх покраденых баранах на себя и на отца своево и на Костьку да на Ониску говорил. И по государеву указу и по моей отписке велено тебѣ тѣх воров Свиридку да Савостьку Луниных з детми прислать в Харков к Зиновке на очную ставку, и ты де прислал въ Харковской одново Свиридка Лунина, а Савостьку Лунина з детми не прислал. А писал де ты въ Харковской к Воину Селиѳонтову, бутто де тѣх воров въ сыску нѣт, а тот де вор Костька въ Чюгуеве сидѣл въ тюрмѣ і ис тюрмы де тот вор Костька выпущен, а тѣ де Чюгуевцы дети боярские, за которыми тѣ воры жили, Прокоѳей

Васищев с товарыщи от очной ставки тѣх воров Савостьку з детми укрывают, а жена де ево Савостькина и меншие дѣти ныне живут у них детей боярскихъ у Прокоѳья Васищева с товарыщи. И животы де тово вора Савостьки и детей ево Костьки да Ониски они ж Прокоѳей с товарыщи разобрали по себѣ, а им де за тѣ их покражи ничево платежу нѣтъ. И государь бы их пожаловал, велѣл тѣх воров Савостьку Лупина зъ детми взять въ Харков на очную ставку. А я к тебѣ о тѣхъ ворах писал многожды, чтоб ты тѣх воров Савостьку Лунина зъ детми послал въ Харков для очной ставки. И ты государева указу и моихъ отписокъ не слушаешъ, въ Харков тѣх воров не отослал, и тѣм ты меня безчестиш, и я о твоем непослушани а о своемъ бесчестьи стану писать к великому государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу. И тебѣ б по государеву указу по прежним и по сей моимъ отпискам Чюгуевского вора Савостьку з детми для очные ставки к Зиновки Лунину послать в Харковской тотчас безо всякого мотчаня, не дожидаясь о том инова государева указу" [1]). Зависимыя отношенія Харькова къ Чугуеву продолжались и въ послѣднее время. По одной памяти воеводы Степана Богдановича Ловчинова, 1689 года, Печенѣжская слобода харьковскаго полка представляется находящеюся въ чугуевскомъ уѣздѣ [2]).

Въ одинаковыхъ съ Харьковомъ отношеніяхъ къ Чугуеву находился первоначально и городъ Зміевъ. Онъ получалъ отъ Чугуева военную помощь, но получалъ ее неисправно и не разъ жаловался на чугуевскаго воеводу въ Бѣлгородъ. Въ 1658 году извѣстный уже намъ Львовъ писалъ изъ Бѣлгорода къ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „в нынешнем во 166-м (1658) году октября въ 8 день писал ко мнѣ в Бѣлгород з Змиева Іван Ржевской, а в отписке ево написано. По государеву указу и по грамоте велено де тебѣ с Чюгуева станичных головъ и станичных ездоков в Змиевъ посылать по дватцать человѣкъ, а Октября де въ 5 день выслал ты въ Змиевъ всего

[1]) Свит. II, докум. 15.

[2]) Свиток. V, докум. 11.

18 человѣкъ, а станичные де головы и станичники дали ему Івану въ Змиевѣ скаску, за нѣтчиков в доѣздъ ѣздить к Муравскому шляху не хотят. И тое сказку прислал он Іван ко мнѣ в Бѣлгород, а в сказке написано, не бывали в Змиев на государеву службу чюгуевские станичники Меркушко Іванов да Өеонка Татаринов невѣдомо для чево. И напередъ сево писал я к тебѣ о нѣтчиках многожды" и проч.[1]). Не смотря на угрозу Львова жаловаться царю, Исай Савичъ оказался неисправимымъ. 20 декабря того же года зміевскій воевода Иванъ Ржевскій вновь жаловался на чугуевскаго воеводу Семену Львову, а этотъ послѣдній писалъ Исаю Савичу между прочимъ слѣдующее: „и ты де на Змеевъ станичников посылаеш не всѣх сполна, в перемѣнахъ нѣтчиков по два и по три и по пяти человѣкъ, а иные де в свое мѣсто присылают наемщиков и батраковъ и малых робят без ружя, и в приход де воинских людей оборонитца нѣчемъ. И тебѣ б, господине, въ Змеевъ Чюгуевских станичников посылать по наряду всѣхъ сполна с ружемъ, а наймитов и работников і малых робят не посылать. А будет ты впред на Змеевъ станичников посылать станеш не всѣхъ сполна, и я о твоем непослушані стану писать ко государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцу" [2]).

Чугуевцы имѣли своихъ постоянныхъ сторожей даже въ такихъ отдаленныхъ отъ Чугуева пунктахъ, какъ напримѣръ Балыклея и р. Осколъ, содержали вѣстовщиковъ для сообщенія свѣдѣній преимущественно о непріятельскихъ набѣгахъ въ Бѣлгородъ и въ сосѣдніе города и укрѣпленія и давали подводы для разъѣздовъ служилымъ людямъ. Въ 1676 году на чугуевцевъ возложена была обязанность содержать сторожу на рѣкѣ Осколѣ. Въ этомъ году бѣлгородскій воевода Григорій Ромодановскій писалъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем во 184 (1676) году апрѣля въ 24 день писал к нам в Бѣлъгород з Болыклѣі полковникъ Яков Черниго-

---

[1]) Свиток. II, докум. 30.

[2]) Свиток. II, докум. 11.

вецъ, а в отпискѣ ево написано. Велено ему про приходу воинскихъ людей провѣдывать всякими обычаи накрѣпко и по бродам держать ненужно сторожи крѣпкие, чтоб воинскіе люди безвѣсно не пришли, людей не побили і в полонъ не поймали. И довелось де быть для сторожи на рѣке Осколѣ Чюгуевским сторожамъ двумъ человѣком конным и оружным и стоять имъ на сторожи в причинныхъ і в тайных мѣстех, гдѣ воинские люди татаровя реку Осколъ перелазетъ, а какъ воинские люди гдѣ обявятца, и имъ бы давать знать в Болыклѣю ему Якову і в иныхъ городѣхъ, гдѣ пристойно. И тебѣ б по указу великого государя велѣть в Чюгуеве градцким всякихъ чиновъ людемъ наняв дву человѣкъ конных и оружных и чтоб имъ быть на стороже безпрестанно. А какъ воинские люди гдѣ на перелазах или у степи обявятца, и они б давали знать о ихъ приходе в Болыклѣю і в иные города, а ково імяны в сторожи наймут градцкие люди, і тебѣ б о том к нам в Бѣлгород і в Болыклѣю к полковнику къ Якову Черниговцу отписать не замотчав [1]). Для сношеній съ Бѣлгородомъ Чугуевъ содержалъ четырехъ вѣстовщиковъ, которые всѣ сполна и высылались въ Бѣлгородъ [2]). 18 октября 1676 года, по указу великаго государя, посланъ изъ Курска на Тарскія озера бѣлогородецъ „Радионъ Масловъ для городоваго строенья, а велѣно ему про приходъ воинскихъ людей провѣдывать и о тамошнихъ вѣстяхъ и о городовомъ строеньи писать въ Курскъ къ Григорію Ромодановскому". Вслѣдствіе этого, послѣдній предписываетъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „И какъ он Родион с Торских озер учнет к нам писать и кого пошлет с отписки, і тебѣ б по ево подорожным из Чюгуева подводы велѣть давать без задержаня" [3]). Въ исключительныхъ случаяхъ чугуевскіе служилые люди посылались и въ болѣе или менѣе отдаленные походы. Въ 1658 году 10 чугуевскихъ пушкарей бѣлгородскаго полка находились въ г. Переяславлѣ, нынѣшей полтавской губеріи, подъ командою Григорія Ромодановскаго, который отпустилъ одного изъ нихъ на время въ Чугуевъ „для

[1]) Свит. II, док. 11.
[2]) Свит. II, докум. 16—33.
[3]) Свит. III, докум. 63.

всякие ихъ нужи и для подъемных денегъ, которыи денги велено имъ взять с товарыщей ихъ им на подмогу" [1]).

Сторожевая служба Чугуевскихъ козаковъ имѣла въ виду охраненіе границъ русскаго государства частью со стороны польско-литовскаго государства, но главнымъ образомъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Объ охранѣ русскихъ границъ со стороны польско-литовскаго государства мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній въ нашихъ документахъ. Въ 1658 году бѣлгородскій воевода Семенъ Львовъ писалъ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „в нынешнем во 166-м (1658) году ноября въ 30 день писал ко мнѣ в Бѣлгород с Хотмышскаго воевода Истома Сухотинъ и прислал черкас з Глухова города Карпика Зубченка да Ивашка Гаврилова и распросные их рѣчи, а в отписке ево і в распросных речах написано, что де гетманъ Іван Выговской и полковники и сотники и есаулы и попы и вся толща богатые люди опричь черни, соединясь с лехами, хотят государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всея великия и малыя и бѣлыя росиі самодержцу измѣнить и хотят де лехами и с татары воевать государеру землю по нынешнему зимнему пути, какъ будет дорога. И тебѣ б, господине, въ Чюгуеве жить с великим береженем" и проч. [2]). Впрочемъ измѣна Выговскаго не коснулась Слободской Украины; но измѣна Брюховецкаго произвела здѣсь смуту и повлекла за собою измѣну Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Волокъ, Мурафы, отчасти Харькова и др. Убивши воеводъ, черкасы сожгли и разорили эти города, ограбили много населенныхъ мѣстностей Слободской Украины и отправились съ Иваномъ Сѣркомъ къ Брюховецкому. Города запустѣли и только нѣсколько времени спустя снова отстроились и стали заселяться новыми переселенцами [3]). Объ этой смутѣ въ нашихъ документахъ сохранились самыя скудныя свѣдѣнія. Во время измѣны зміевцевъ разорена была государева пасѣка въ чугуевскомъ уѣздѣ [4]).

---

[1]) Свиток. II, док. 9.

[2]) Свиток. II, докум. 20.

[3]) „Очеркъ" Багалѣя, I, стр. 473.

[4]) Свиток. III, докум. 15.

Въ 1668 году изъ Зміева взяты были двѣ пушки съ ядрами и вѣстовой колоколъ и перевезены въ Чугуевъ, откуда возвращены были въ Зміевъ по просьбѣ зміевцевъ въ 1676 году [1]).

Больше всего дошло свѣдѣній о набѣгахъ татарскихъ на Слободскую Украину и о мѣрахъ предосторожности противъ нихъ. На первыхъ порахъ заселенія Слободской Украины набѣги эти были весьмъ часты, и Россія старалась только защищаться отъ нихъ; но впослѣдстіи, съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, она начинаетъ наступательныя дѣйствія противъ татаръ, сосредоточивавшіяся въ той же Слободской Украинѣ.

Старѣйшее свѣдѣніе о столкновеніи слободскихъ козаковъ съ татарами передаетъ довольно курьезныя обстоятельства. Въ 1658 году, около сентября мѣсяца, царевоборисовскіе, харьковскіе и зміевскіе черкасы разгромили крымскихъ гонцовъ и пограбили у нихъ рухлядь. Одинъ изъ участниковъ разгрома черкашенинъ Демка Ивановъ доставленъ былъ изъ Царевоборисова Прокоѳіемъ Коптевымъ въ Бѣлгородъ къ Семену Львову и отсюда послѣ допроса препровожденъ въ чугуевскую тюрьму, но съ дороги бѣжалъ отъ конвоя [2]). Но затѣмъ идетъ рядъ извѣстій о дѣйствительно враждебныхъ Россіи татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину. Приводимъ эти извѣстія въ сокращеніи.

8 октября 166 (1658 г) зміевскій воевода Иванъ Ржевскій доносилъ бѣлгородскому воеводѣ Львову, что станичный голова Ѳедотъ Крицынъ ѣздилъ въ доѣздъ черезъ Муравскій шляхъ къ Тройчатымъ боеракамъ, видѣлъ здѣсь сакму (слѣдъ, путь) татарскую человѣкъ въ тридцать, „учалъ тое сакму розъѣзжать къ Берестовымъ вершинамъ“ и здѣсь увидѣлъ татаръ человѣкъ „с тритцать и болши, идут де вверхъ по реке Лопани, а приходу де их чает под Змиев“ [3]). 20 октября того же года писалъ „в Бѣлгород з Охтырки Павел Агалинъ, а в отписке его написано: Октября въ 20 день часу в первом дни писал к нему с Колонтаева Давыд Протасов, Октября де в 19 день в ночи писали к нему изъ Опушны сотник Катамин, а к нему писал с Плотавы

[1]) Свиток. III, докум. 67 и 68.
[2]) Свит. II, докум. 33.
[3]) Тамъ же, док. 35.

полковник Мартын Пушкар. Видели де Плотавские восщеки на Арели многую орду татарскую... Они не вѣдят, под которыя городы тѣ татаровя войною пойдут. Да тогожъ де числа и часу приезжал въ Охтырской сторож черкашенин Оска Андрѣевъ, а в распросе ему сказал. Переѣхав он татарскую сакму у Липъского броду у рѣчки Коломки, по смете человѣкъ зъ десят, де те от болших людей. И поймано де под Жабодином под черкаским городом два татарина, і оны де в Чигринѣ ім тѣ татаровя с пытки говорили, что стоят болшие люди и на Орѣли и хотят ити натрое под украйные городы войною, как рѣки станут". Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ, Семенъ Львовъ прибавлялъ: „И тебѣ бы в Чюгуеве жить с великим береженем і вестей про воинских людей провѣдывать всякими обычаи неоплошно, чтоб воинские люди к Чюгуеву і в уездъ безвѣсно не вошли і дурна какова не учинили. А что у тебя каких вестей обявится, и про тѣ вѣсти писать ко мнѣ въ Бѣлгород" [1]). 13 ноября того же года писалъ къ Семену Львову въ Бѣлгородъ „из Змеева Іван Ржевской, а в отписке его написано. Писал де к нему из Цареваборисова города Прокоѳей Коптев, ноября въ 10 день часу в третем дня прибежал въ Царевъборисов город ис Красненского юрта донецкой козак Оска Полкопаев, а в роспросе де ему сказал. Ѣхал де он Оска с товарыщем своим вверхъ по рекѣ Донцу из Айдарского юрта в Красненской юртъ, и какъ де они будутъ против рѣчки Боровой ноября же въ 7 день за часъ до вечера, и на устье той рѣчки перелѣзло де татар человѣкъ с полтретяста и болши с Крымской стороны на Ногайскую сторону и пошли де тѣ татаровя вверхъ по рѣчки Боровой. Да он же де Оска сказал: как де он ѣхал по рекѣ Донцу, и ему де сказывал Сухоревского юрта козакъ Ивашка Щедра. Ходил де он Івашка на степ для звеpiного промыслу к рѣчкам Кодару и к Каменой і видел де он Івашка, на рѣчки Каменки против Айдарского устья кочюет де орда Нагайских татар, а сколко де тѣх татар кочюют, и тово де он смѣтить не умѣл. Да тово ж числа сказал ему в роспросе Змиевской вестов-

[1]) Тамъ же, док. 3.

щикъ Ѳедка Холод. Прибежал де при нем въ Царевъборисов город Цареваборисова города черкашенин Лазарка с реки Беремки с Соловарского мосту и сказывал де ему: перешли реку Беремку у Соловарского мосту татар человѣкъ со ста и болши, а чает де тѣх татар приходу под Змиев и под Царевъборисовъ город и под Валки и под иные государевы украинные городы“ [1]). 3 декабря того же года писалъ къ Семену Львову въ Бѣлгородъ „съ Колонтаева Давидъ Протасов, а в отписке ево написано. В нынешнем де во 166 (1658) году ноября въ 23 день приходили в Колонтаевъской уездъ в село Сенолексевку (Синолицовку?) татаровя и тово сельца черкаса Лукаша порубили, а дву человѣкъ черкасъ в полон взяли і стада Опошенских черкас... с степной стороны реки Мерла воловые и овечьи отогнали и овчаров в полонъ побрали. Да ноября же де въ 24 день писал к нему Давиду с Плотавы полковникъ Мартин Пушкар. Ноября де въ 14 день приходили под Плотаву татаровя і взяли де в полон деветь человѣкъ черкас і стада животинные отогнали, и он де полковник ходил за тѣми татары в поход на Сухую Стрѣлу і в ночи де на тѣх татар бил и іх де татар погромил и полон і стада животинные всѣ отбили и дву человѣкъ татар взял, и чает де тѣх татар от болших людей“ [2]). 17 ноября того же года писалъ въ Бѣлгородъ къ Семену Львову „с Валок Семен Быков, а в отписке ево написано. В нынешнем во 166 году ноября въ 15 день ѣздиди на сакму для своево скоту валковские казаки Демка Зиновевъ да Овилка Арѣхов с товарыщи, а в Валках де ему в распросе сказали: как де они будут на степѣ Корчику, и наѣхали татарскую сакму выше острова Кургана, а по смѣте де татар человѣкъ со триста и болши, а пошли де тѣ татаровя и животину взяли с черкаских городов и пошли де к Берестовым Вершинам, а чает де тѣх татар от болших людей“ [3]). Тотъ же Семенъ Быковъ доносилъ 24 ноября того же года Семену Львову: „посылал де он с Валок въ Полтаву для проведываня

---

[1]) Свиток. II, док. 27.
[2]) Тамъ же, док. 19.
[3]) Тамъ же, док. 23.

вестей чугуевского станичнова голову Лариона Иванова с товарыщами, и как де они будут к Коломку, и наѣхали де они на Коломке татарскую сакму, а по смѣте де прошло татар человѣк со двѣсти и болши, а пошли де тѣ татаровя через Коломок и обошли де за Коломком Оников Рог, а чаять де тѣх татар приходу под государевы украинные городы" [1]). 6 декабря того же 1658 года писалъ къ Селену Львову „в Бѣлгород с Царевабори-сова города воевода Прокоѳей Коптевъ, а в отписке ево написано. В нынѣшнем во 166 году декабря въ 1 день приехал въ Царевъборисов город изза порог Цареваборисова города черкашенин Павликъ Савелевъ, а в допросе перед ним сказал, что де крымской хан со всею ордою нынѣшней осени перевезся реку Днепръ под Ачаковым, а приходу де ево чает со всею ордою под государевы черкаские городы, а на сей де сторонѣ Днепра крымской хан оставил татар тысечи с четыре и болши, а приходить де тѣм татаром войною под государевы украинные городы" [2]). Вѣроятно вслѣдствіе этого извѣстія 19 того же декабря прислана была царская грамота въ Бѣлгородъ, съ предписаніемъ Семену Львову „отписать в Валки к Семену Быкову і во всѣ городы, что по чертѣ и за чертою.... к воеводам і к приказным людем, от себя писать многажды з болшим подкреплением, чтоб в городех жили с великим береженемъ і от приходу воинских людей оберегались накрепко и сторожи денные і ночные по городу и цо крепостям и на отъѣзжих острожках держали крѣпки". Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ, Семенъ Львовъ прибавлялъ: „да декабря въ 21 день писал ко мнѣ в Белгород с Харкова Иван Селиѳонтов. Декабря ж въ 20 день прибежал въ Харков харковской же черкашенин Лучка Дехтерев, а в распросе де ему сказал. Был де он в Хорошевской слободе, і приходили де татаровя с воровскими черкасы въ Хорошевскую слободу многие люди, а чает де тѣх татар от болших людей, и въ Хорошевской слободе многих людей поймали" [3]).

---

[1]) Сверток. II, док. 25.

[2]) Тамъ же, док. 18.

[3]) Тамъ же, док. 10.

3 января 1658 года писалъ къ Семену Львову „в Бѣлгород с Олешки Пулуехтъ Шамордин. Декабря де въ 25 день писал к нему на Олешню с Плотавы полковникъ Мартин Пушкар, а в листу де ево написано. Пришол к нему въ Плотаву с Орѣли козак Амелка Волочай, а сказал ему, что подлинно шлях татарской перешли на сухой Арѣли, трава бита до земли поперекъ стрелбища, а пошла де та сакъма вверхъ по Арѣли. Да к нему жъ Полуехту он полъковникъ в том же листе (писалъ), чтоб ему на Олешни жить с великим береженением и город крепить, а от каких воинских людей город крепить и держать береженье, и тово в листѣ ево не написано" [1]).

Гораздо меньше свѣдѣній мы имѣемъ о татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину за 1676 годъ вѣроятно потому, что и самыхъ набѣговъ въ это время было меньше. Вотъ эти свѣдѣнія. 31 декабря 1676 года войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ изъ Батурина въ Курскъ боярину и воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому: „ханской де сынъ со многими татарами подлинно идет великого государя под украинные городы войною и будет де в скорых часех нынешнею зимою" [2]). 11 января 1676 года тотъ же гетманъ Самойловичъ писалъ Ромодановскому: „в нынешнем де во 184 году генваря въ 7 день писалъ к нему ис Полтавы полтавской полковникъ, а в листу ево написано. Ходили де ево полку казаки сотни Новосанжаровской для подлинных языков под Очаков і взяли де татарина черемиского, а в распросе тот татарин сказал. Сего де мѣсяца хан крымской с ордами и четыре паши з Белогородщины с войском турецким хотят итти войною на сей бокъ Днепра для того, что де салтан турской увѣдав, что Петръ Дорошенко отступил богомерзкого их ига и учинился в подданствѣ великого государя". Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу, Ромодановскій прибавлялъ: „и тебѣ б, господине, по указу великаго государя, в Чюгуеве от приходу воінских людей жить с

[1]) Тамъ же, док. 6.
[2]) Свиток. III, док. 58.

великим береженемъ и про приход воинскихъ людей провѣдывать всякими обычаи неоплошно, а чюгуевцом Белгородцкого полку разным всяких чинов людем сказал всѣм, чтоб они были во всякой воинской готовости и к походу совсѣм были готовы, а какъ им ратным людемъ впредь велят итти на службу великого государя, и они ратные люди в то время шли на назначеные мѣста тотчасъ" [1]). Дальнѣйшія свѣдѣнія о татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину за 1676 годъ сообщались изъ разныхъ мѣстъ уже непосредственно чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу. 11 мая 1676 года писалъ ему Печенежскій сотникъ Данило Ивановъ Прилѣпченко, „что подлино есть татаровя межи Донцемъ и Осколом и пошли у Короченские уізди, и тебѣ би жити с великим бережениемъ" [2]). Вѣроятно, въ началѣ іюня того же года писалъ Осипу Яковлевичу полковникъ Балыклейскій Яковъ Черниговецъ, „что татарове пересли на сей бокъ на перелаз на Осколѣ на Гороховѣ триста коней, и невѣдомо где они ударятъ, и тебѣ б увострожке быть, а послано твоим вѣстовщиком, а я и нинече у степу стою со всѣм полкомъ" [3]). О томъ же татарскомъ отрядѣ писалъ 8 іюня въ Чугуевъ Осипу Яковлевичу и балыклейскій атаманъ Есифъ Димидовъ: „вѣдомость тобѣ даю, государь, ижъ доконечне воинские люде татарове перешли на сей бокъ Оскола и к Бурлукам, и тебѣ бъ во великом береженю бути, бо доконечне сторож прибѣгъ изъ Оскола и видѣлъ нако орда болъшая, да невѣдома, куда она замислъ мѣетъ пойти" [4]). Гроза разразилась наконецъ надъ харьковцами. Изюмскій атаманъ писалъ Балыклейскому полковнику Якову Черниговцу слѣдующее: „Его Царского пресвѣтлого величества пану полковнику Якову Естаповичу Черенѣевъцу Балаклийском ознаймуемъ сим писаня нашим, же (та)таре доконечне есть на Каманци, розбили таборъ Харковцув, и не малий бувъ, такъ тѣлко два утекли из рук, и пошли на низъ Донца из Каманъки. Вам сего добра зичливий отаман Изюмскій". На обоpотѣ сей записочки Яковъ Черниговецъ написалъ слѣдующее:

[1]) Тамъ же, док. 57.
[2]) Тамъ же, док. 18.
[3]) Тамъ же, док. 30.
[4]) Тамъ же, док. 33.

„Яков Евфахевѣчъ Чернѣговецъ полковъник Балаклиский пану со(тни)ку Андрѣювскому і теж Бѣшкинскому приказую вам обом, же бы вы тотчас ишъли у войско, же допевъне татаре побили табуръ великий Харковъский, і вам сие писмо придет, жебы-сте тот час усѣ ишъли, а не мѣ вѣри который ити, тот певъне буде каран, а череду держите у городу и сее писмо отсилайте до Чугуева тотчас. Июня въ 26 день"[1]).

Во всякомъ случаѣ, защита края отъ непріятельскихъ набѣговъ организована была систематически и обезпечивала относительную его безопасность и экономическое развитіе. Въ Слободской Украинѣ все болѣе и болѣе умножалось народонаселеніе и развивались земледѣліе, промышленность и торговля. О развитіи ихъ могутъ свидѣтельствовать и различныя повинности, налоги и подати, которыя довольно рано начали устанавливаться въ Слободской Украинѣ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, и съ теченіемъ времени увеличивались все болѣе и болѣе.

Независимо отъ защиты государственныхъ границъ, московское государство извлекало изъ Слободской Украины матеріальныя выгоды или непосредственнымъ веденіемъ хозяйства въ своихъ новыхъ земляхъ, или путемъ назначенія различныхъ налоговъ, пошлинъ и повинностей.

Само правительство устраивало въ Слободской Украинѣ селитреные заводы, мельницы, пасѣки, виноградники и арбузные огороды. Въ нашихъ документахъ упоминаются два селитреные уговорщики Степанъ Тевяшовъ и Ѳилатъ Ситниковъ. Первый изъ нихъ доносилъ 9 октября 1658 года, что онъ и Ситниковъ подѣлили между собою по 4 бочки вываренной селитры, и что онъ, Тевяшовъ, доставилъ свою часть въ Чугуевъ, а Ситниковъ оставилъ свою за городомъ у козака Ивашки Котова[2]). 11 ноября того же года Тевяшовъ подалъ Семену Львову въ Бѣлгородѣ челобитную „а въ челобитной его написано. Указана ему варить селитра в степи за Чюгуевом на рѣчки Бурлуках, а на завод

---

[1]) Свиток. III, док. 47.

[2]) Свит. II, докум. 34.

де ему дано четыреста рублев, и на тѣ де денги купил он шестьдесятъ волов да десять лошедей, а пригоннова двора у него не было, и онъ де купил двор на берегу на Донцѣ на государевы денги, а тот двор построил для государевой казны медной и железной и деревяной, и тот двор тѣсен, соломы и сѣна класть негде, а подлѣ де того двора есть два двора пустых, и государь бы его пожаловал, велѣлъ ему тѣ дворовые мѣста загородить, вкласть ометы сѣно и солому, покамѣста побудет у селитренного дѣла". Вслѣдствіе этой челобитной, Семенъ Львовъ писалъ Чугуевскому воеводѣ: „и будет, тѣ дворовые мѣста порозжи, и тебѣ б, господине, велѣть тѣ мѣста отдать"[1]). 12 декабря того же года послалъ Семену Львову въ Бѣлгородѣ челобитную „Хотмыжской селитерной уговорщик Ѳилат Ситников, государь бы ево пожаловал, велѣл товарыща ево Чюгуевца селитерново ж уговорщика Степана Тевешева взять в Бѣлгород для их общева сщету и для работники, кому доведетца платить за работу"[2]). Государевы мельницы завѣдывались особыми головами, которыхъ выбирали городскіе люди изъ своей среды. Около 1658 года выбранъ былъ въ головы къ государевой мельницѣ чугуевскій боярскій сынъ Степанъ Смѣновъ, и выборъ городскіе люди принесли къ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу, и крестъ государю на вѣрѣ цѣловали съ прежнимъ головою Карѣемъ; но вскорѣ Савичъ отставилъ Смѣнова отъ этой должности на томъ основаніи, будто его городскіе люди не выбрали[3]). Судя по документамъ, довольно развито было въ Слободской Украинѣ государственное пчеловодство. Въ 1669 году чугуевцы разныхъ чиновъ люди Василій Поплевинъ съ товарищами уступили безденежно на государеву пасѣку 63 улья съ пчелами, но въ измѣну Зміевцевъ пчелиныя пасѣки и пчелы были разорены, за которыя потомъ взыскивалось съ государева пасѣчника чугуевскія пасѣки Андрюшки Кураксина съ товарищами его въ количествѣ 10 человѣкъ[4]). Мы уже упоминали, что въ 1672 году, по государеву указу, „въ Чю-

[1]) Свит. II, док. 16.

[2]) Тамъ же, док. 17.

[3]) Тамъ же, док. 32.

[4]) Свит. III, док. 15.

гуевском уѣзде по речкѣ Бабки и на Огранове Колодези, гдѣ построены государеви пасеки, дано на пашню земли тѣхъ пасекъ пасечником Андрюшки Кураксину с товарыщи десяти человѣком из остаточной земли Чюгуевских козаков вмѣсто государева денежного и хлѣбного жалованя по пятнадцати четей человѣку в полі, а в дву по тому ж, да на корм пчелъ, с чего в лѣтнее время цвѣтъ имать, около государевыхъ пасекъ на версту". Но эта земля послужила источникомъ споровъ между чугуевскими козаками и пасѣчниками. Козаки доказывали, что пасѣчники, продавъ пожалованныя имъ земли, несправедливо захватили и оттягали ихъ козачьи земли. Пасѣчники съ своей стороны доказывали, что „в прошлом де во 182 (1674) году в Чюгуевѣ думной дворянин і воевода Ѳедор Прокоѳьевичь Соковнинъ подле государевы пасеки на даной их земли построил дворами чюгуевских полковых козаковъ и дануя ихъ землю у нихъ Андрюшки отнелъ и отдал имъ козаком". Бѣлгородскій воевода князь Ромодановскій посылалъ для разбора дѣла рейтарскаго строю майора Андрея Побѣдинскаго, который присудилъ землю пасѣчникамъ, а козаковъ переселилъ въ Чугуевъ [1]). Порядокъ и способы пчеловодства опредѣлялись предписаніями свыше. 7 апрѣля 1676 года стряпчій Михайло Кирѣевскій, да дьякъ Константинъ Михайловъ писали изъ Бѣлгорода чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу: „в нынешнем, господине, во 184 году в розных мѣсяцах и числех писали мы к тебѣ в Чюгуев многожды, чтоб ты по указу великого государя велѣл послать на Чюгуевские пасеки дворенина самого доброго, знающего человѣка, с тутошними и сторонними людми і велѣл тѣх пасекъ у пасечников взять скаски за руками, сколко у них на тѣх пасекахъ старых и молодых ульев со пъчалами, а взяв скаску, тѣх ульев велѣти досмотрѣть и перечесть и переписать имянно, а переписав тѣ ульи со пъчалами осмотря при сторонних людех добрую оставить к весне, и которая пчела впрокъ не годитца, и тое пчелу велѣть побить и мед и сушь вынять, да тот мед и сушь прислать в Бѣлгород, а что по осмотру на тѣх пасеках старые и молодые пчелы впрокъ ос-

[1]) Тамъ же, докум. 32, 36, 39 и 20.

тавлено и много ль старых же и молодых ульев побито и меду и суши из них вынето і в Бѣлгород послано будет и сколко по весу, и тому всему велено учинить посылным людем роспись, хто на тѣ пасеки для досмотру и переписи послан будетъ, и ту роспись за их и за своею рукою и пасечниковы скаски и мед и сушь прислать к намъ в Бѣлгород вскоре. И ты, господине, росписи и пасечниковых сказок и меду и суши к нам въ Бѣлгород апрѣля по 7 число не присылывалъ невѣдома для чего, и тебѣ б, господине, по указу великого государя с Чюгуевских пасекъ побитой пчелы мед и сушь и роспись за своею и за посылшиковыми руками и пасечниковы скаски за руками ж прислать к нам в Бѣлгород тотчасъ, не описываясь ничѣмъ, да о том к намъ велѣть отписать" [1]). Вслѣдствіе этого предписанія, Осипъ Яковлевичъ 30 апрѣля того же года доставилъ въ Бѣлгородъ изъ Чугуева, съ двухъ государевыхъ пасѣкъ 2 пуда и 10 гривенокъ меду, 2 пуда и 35 гривенокъ суши и 2 пуда и 5 гривенокъ воску. Получивъ эту присылку, Кирѣевскій и Михайловъ требовали отъ чугуевскаго воеводы, для отчетности государю, обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, „для чего побитой пчелы меду и суши в Бѣлгород не присылал и по какому великого государя указу сушь в воскъ велѣл перебивать и на государевъ обиход на виноградное дѣло оставил меду, и что на кормъ государевой пчелѣ меду оставлено было" [2]). Изъ послѣдняго запроса видно, что заведеніе пасекъ стояло въ нѣкоторой связи съ виноградными дѣломъ въ Слободской Украинѣ. Послѣднее впрочемъ не получило здѣсь широкаго развитія. Въ 1676 году Иванъ Большой Зыковъ писалъ изъ Богородицкаго чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем, господине, во 184 году маия въ 17 день были челом великому государю царю і великому князю Феодору Алексѣевичю всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержцу, а в Богородицкомъ в приказной избѣ мнѣ подалі челобитную за рукою Чюгуева города виноградные садовники Емелка Михалев, Ерошка Малцов, а в челобит-

---

[1]) Свит. III, докум. 14

[2]) Тамъ же, докум. 21.

ной их написано. В прошлом де во 183 году по указу блаженные памяти великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержца присланы они в Богородицкой с виноградными лозами, и тѣх лоз посадили де они въ Богородицком двѣ тысячи, и тѣх лоз взошло тысяча пятсотъ лозъ позного всходу, и тѣ де всходы побиты морозом. А в нынешнем де во 184 году тѣ лозы вызябли всѣ, и от тѣх де лоз всходу впредь не будет. А и в Богородицком жить не у чево и кормитца нечим, и что великиі государъ пожаловал их, велѣл из Богородицкого отпустить попрежнему в Чюгуевъ, и тѣх, господине, Чюгуевскихъ садовников Амелка Михалева да Ерошку Малцова отпустил я в Чугуевъ маия въ 17 день нынешнего 184 году" [1]). Но виноградные огороды вмѣстѣ съ арбузными огородами существовали и въ послѣдующее время. Въ 1676 году чугуевцы въ своей челобитной писали, что „они... строят государевы арбузные и виноградные огороды безпрестанно, а в иных городѣх государевых арбузных и виноградных огородов нѣт" [2]). Въ 1682 году въ селѣ Пятницкомъ чугуевскаго уѣзда в числѣ другихъ обывателей жили виноградные и арбузные садовники [3]).

Государственные налоги, подати и пошлины брались со Слободской Украины частью хлѣбомъ, частью деньгами. Въ 1657 году царскою грамотою предписано было „в украинных и по чертѣ и за чертою въ городѣх со въсяких чинов служилых людей, оприч черкас, за которыми крестьян нѣт, и с тѣх самих и за которыми крестьяне есть, и с тѣх крестьянских дворов, и которые служилые люди устроены пашенною землею, собрать на корм государевым ратным людем со всякого двора по полуосмине ржи, овса тож в московскую в таможенную мѣру, и устроить в тѣх городѣх житницы, чтоб в приход воинских людей государевым ратным людем беззапасным не быть" [4]).

---

[1]) Свит. III, докум. 27.

[2]) Тамъ же, докум. 54.

[3]) Свит. IV, докум. 3.

[4]) Свит. II, докум. 37.

Впослѣдствіи этотъ сборный хлѣбъ назывался четвериковымъ хлѣбомъ. Въ 1676 году бѣлгородскій воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ съ бѣлгородскаго полка четвериковаго хлѣба на 1676 годъ, по полуосминѣ ржи и по стольку же овса со двора, и о немедленной присылкѣ его въ Бѣлгородъ, для выдачи государевымъ ратнымъ людямъ. Съ Чугуева, съ 503 дворовъ, приходилось всего 377 четвериковъ съ полосминою ржи и столько же овса [1]). Въ 1694 году, 12 февраля, бѣлгородскій воевода Борисъ Шереметевъ предписывалъ чугуевскому воеводѣ Семену Еремѣевичу Пашкову собрать четвериковый хлѣбъ и, смоловъ въ муку, прислать въ Бѣлгородъ на кормъ „стольника и полковника Сергѣева полку Головцына стрелцам" [2]).

Изъ денежныхъ сборовъ раньше другихъ упоминаются таможенные доходы. 17 октября 1658 года чугуевскій таможенный голова просилъ у чугуевскаго воеводы распоряженія, чтобы взимать пошлины съ черкасскихъ людей, которые торгуютъ меринами въ Чугуевѣ и продаютъ ихъ градскимъ людямъ [3]). Кромѣ того, собирались доходы и пошлины: съ кружечнаго двора или кабацкія, чрезъ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ [4]), съ мельницъ [5]), мостовъ [6]), судныхъ дѣлъ [7]), ямскія и полоняничныя деньги [8]), и высылались въ Бѣлгородъ по полугодіямъ [9]). Въ 1676 году полоняниковы казны на выкупъ плѣнниковъ собрано было съ Чугуева 10 рублей [10]). 21 января того же года князь Ромодановскій предписывалъ чугуевскому воеводѣ собрать съ служилыхъ и жилецкихъ людей и прислать въ Бѣлгородъ ямскія деньги за прошлые 1669—1670 годы 23 р. 29 алтынъ, да на

---

1) Свит. Ш, докум. 1 и 72.

2) Свит. VI, докум. 37.

3) Свит. II, док. 31.

4) Свит. Ш, док. 2, 12, 17, 46 и 49.

5) Свит. Ш, док. 2 и 49; свит. VI, док, 31—34.

6) Свит. Ш, док. 2 и 49.

7) Свит. Ш, док. 48 и свит. IV, док. 7 и 9.

8) Свит. Ш, док. 19, 61 и 70; Свит. VI док. 29, 30 и 35.

9) Свит. Ш, док. 2, 12 и др.

10) Свит. Ш, док. 19.

1675 и 1676 годы „по окладом с 544 дворов по два алтына по две денги з двора на год, итого на два года 76 руб. 5 алтынъ двѣ денги“ [1]). Въ 1694 году грамотою изъ Ямскаго приказу „велѣно Белогородцкого розряду с однодворцовъ детей боярских полковые и городовые службы со всяких чинов людей ямских і полоняничныхъ денегъ на прошлой 201 год из доимки, а на нынешней 202 год по окладу по две денги з двора, а с монастырских вотчинъ і с церковных земель с крестьянских и бобылскихъ дворовъ по гривне з двора; а с помѣщиковых і вотчинниковых с крестьянских же и бобылских дворов по десяти денегъ з двора на год серебреными денгами, а не полскими чехами, а взяв тѣ денги и тѣмъ денгамъ зборные книги прислать к великимъ государемъ к Москве въ Ямской приказ“ [2]). Во исполненіе этой грамоты чугуевскій воевода далъ 1 февраля память одному чугуевскому стрѣльцу ѣхать въ чугуевскій уѣздъ, въ Удской станъ, во всѣ села и деревни, для сбора ямскихъ и полоняничныхъ денегъ. „И ему стрелцу,—сказано въ памяти,— приѣхав в тот станъ и того стану в села и деревни, Чюгуевцом однодворцом полковые службы копейщиком и рейтаром и солдатом, а городовые службы детем боярским и станичником и казенным плотником великих государей указ сказать“ [3]). Смѣтныя книги доставлялись въ Москву въ сентябрѣ, октябрѣ и въ началѣ ноября каждаго года, чрезъ Бѣлгородъ. Въ 1676 году къ назначенному сроку „тѣ смѣтные книги к великому государю к Москве не посланы потому, что в Белѣгородѣ государевых дѣл всяких много, а подячих мало, смѣтных книгъ дѣлать нѣким“. Поэтому бѣлгородскій воевода князь Ромодановскій требовалъ прислать въ Бѣлгородъ одного чугуевскаго подъячего, особенно потому, что „ис Чюгуева смѣтные книги присланы несправчивы“, и изъ-за нихъ нельзя посылать смѣтныхъ книгъ въ Москву [4]).

Впослѣдствіи изъ семействъ чугуевскихъ козаковъ брали рекрутовъ въ регулярныя войска, въ солдаты и рейтары.

---

[1]) Тамъ же, док. 61.

[2]) Свит. VI, док. 29.

[3]) Тамъ же, док. 30.

[4]) Свит. III, докум. 42 сн. докум. 59 и 66.

Постепенно входя въ колею мирной, осѣдлой жизни и приравниваясь къ податнымъ сословіямъ, чугуевскіе козаки и вообще служилые люди однако же въ послѣдней четверти XVII вѣка стали привлекаться русскимъ правительствомъ къ участію въ отдаленныхъ наступательныхъ походахъ Россіи противъ татаръ и къ защитѣ южной или Изюмской укрѣпленной линіи въ Слободской Украинѣ отъ татарскихъ набѣговъ и такимъ образомъ несли на себѣ двоякія обязанности и воинскаго и податнаго сословія.

Н. Петровъ.

(До слѣд. №).

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ о СТАРИНѢ и МАТЕРІАЛЫ.

I.

Рудни въ Сѣверщинѣ.

Къ большому удовольствію всѣхъ интересующихся исторіей нашего юга, П. П. Червинскій не хочетъ ограничиться тѣмъ сравненіемъ экономическаго прошлаго съ настоящимъ, какое онъ сдѣлалъ на основаніи данныхъ Румянцевской описи 1767 г., въ заключительномъ томѣ работъ черниговскаго статистическаго бюро (Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, т. XV, Кролевецкій уѣздъ); онъ продолжаетъ разработывать ту же тему, полную глубокаго интереса и значенія, и мы полагаемъ, что дальнѣйшее углубленіе въ предметъ приведетъ его къ смягченію тѣхъ рѣзкихъ выводовъ, съ какими онъ выступилъ въ „Кролевецкомъ уѣздѣ". Какъ бы то ни было, П. П. Червинскій пока обращается къ людямъ, занимающимся исторіей, съ просьбой на счетъ нѣкоторыхъ данныхъ, необходимыхъ ему. Данныя эти касаются эпохи составленія Румянцевской переписи и сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ. Во-первыхъ, техника земледѣлія: орудія—изъ какого желѣза были плуги и сохи, изъ мѣстнаго или привознаго, и если привознаго, то откуда? отсталивались-ли они? Способы обработки земли. Во-вторыхъ, производительность земли на старопольѣ и на новинахъ, способъ расчистки новинъ. Въ-третьихъ, техника винокуренія—примѣрная крѣпость горѣлки; сколько хлѣба и дровъ шло на ведро горѣлки; ввозился ли хлѣбъ для винокуренія, и откуда? Сбытъ вина. Въ-четвертыхъ, техника пчеловодства: за что собственно цѣнились борти—чѣмъ онѣ выгоднѣе стояна и мѣстнаго улья? Выходъ меду и воску. Въ-пятыхъ, матеріальные

расходы на отбываніе козацкой службы, въ чемъ она состояла въ мирное время? Роль подпомощниковъ; расходы козацкой службы сравнительно съ повинностями посполитыхъ [1]).

Вотъ какіе вопросы ставитъ г. Червинскій историкамъ. Вопросы эти наводятъ на грустныя мысли о крайне младенческомъ состояніи нашей исторической подготовки. Относительно разработки экономическихъ явленій нашего прошлаго даже нельзя сказать, что она находится въ младенческомъ состояніи: она просто-напросто всецѣло отсутствуетъ. Конечно, г. Червинскій очень разочаруется, если разсчитываетъ получить отвѣты на всѣ пункты своихъ затрудненій; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что готоваго отвѣта нѣтъ нигдѣ и ни у кого ни на одинъ изъ заданныхъ вопросовъ, несмотря на то, что дѣло идетъ о близкой къ намъ эпохѣ, оставившей послѣ себя безчисленную массу памятниковъ. Мы говоримъ, что нѣтъ „готовыхъ отвѣтовъ“; матеріалы же для отвѣтовъ, по нѣкоторымъ конечно, пунктамъ, найдутся и печатные и архивные. Но ихъ надо разыскивать, подбирать по крупинкамъ, сводить.

Занимаясь, съ одной стороны, немножко исторіей, съ другой—экономикой, мы чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ по отношенію къ запросамъ подобнаго рода. Объ удовлетвореніи этихъ запросовъ пока не можетъ быть и рѣчи; но для успокоенія совѣсти думаемъ здѣсь собрать крохи, чтобы сложить изъ нихъ койкакой отвѣтъ на одинъ пунктъ. И даже не нацѣлый пунктъ, а на первую часть лишь перваго пункта—относительно того, изъ какого желѣза дѣлались орудія, мѣстнаго или привознаго. Да и то, это не будетъ прямой отвѣтъ на вопросъ, а лишь косвенный, хотя настолько ясный, что имъ, кажется, можно удовлетвориться. Этотъ отвѣтъ будетъ заключаться въ констатированіи факта существованія мѣстнаго желѣзнаго производства, въ уясненіи его размѣровъ и движенія.

Если просмотрѣть „Списки населенныхъ мѣстъ Черниговской губ.“ [2]), то можно встрѣтить слѣдующій любопытный фактъ:

---

[1]) Мы привели подробно вопросы въ надеждѣ, что и другія лица, интересующіяся экономическими явленіями, съ своей стороны сообщатъ что-либо.

[2]) Изданіе Центральнаго Стат. Комитета.

38 населенныхъ мѣстъ губерніи носятъ названіе *Рудень*. „Рудня“ является именемъ собственнымъ или сама по-себѣ, или съ какимъ-нибудь прилагательнымъ: напр., Старая Рудня, Политическая Рудня, Рудня Гетманская, Миклашевская и т. д. Всѣ эти Рудни, съ прилагательнымъ или безъ него, большею частью небольшія владѣльческія поселенія. Что бы это могло значить? Заглянувши въ „Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества“, составленное въ 1786 г. Шафонскимъ [1]), узнаемъ, что слово „рудня“ значитъ по-малорусски желѣзный или мѣдный заводъ, а также и поселеніе при заводѣ, точно такъ же, какъ „гута“ значитъ стекляный заводъ и поселеніе, а „буда“ поташный заводъ и поселеніе. Итакъ, 38 населенныхъ мѣстъ Черниговской губ. были прежде несомнѣнно рудокопными заводами; оставляемъ подъ сомнѣніемъ другія населенныя мѣста съ названіемъ Руда, Руденька, Рудовка.

Разумѣется, ничуть не обязательно предполагать, чтобъ всѣ эти рудни существовали одновременно: однѣ закрывались, другія открывались. Сохранился отъ 1755 г. документъ, вѣдомость о рудняхъ въ полкахъ Стародубскомъ и Черниговскомъ, составленная канцеляріею войсковой генеральной артиллеріи. Изъ этого документа видно, что на упомянутой территоріи, почти обнимающей собою теперешнюю Черниговскую губ., въ 1756 г. было 29 рудень: въ Стародубскомъ полку 17, въ Черниговскомъ 12 [2]). Вотъ эти рудни: Въ Стародубскомъ полку рудни: Печерскихъ черндовъ, Лищинская, Ропчицкая, Ельня бунчуковаго товарища Ивана Даровскаго, Ельня жъ бунч. тов. Антона Гарновскаго, Бѣловодская рудня его жъ, Воронуская бунч. тов. Есимонтовскаго, Косицкая генеральной артиллеріи, Ходинская бунч. тов. Данила Ширая, Палужная Печерскихъ черндовъ, Заводъ бунч. тов. Ѳедора Корецкаго, Унецкая стародубскаго полковника Ѳедора Максимовича, Близковская бунч. тов. Ивана Борозны, Ельня его же, Голубовская бунч. тов. Ивана Гамалѣя, Чертовицкая стародуб. полк. хорунжаго Михаила Якимовича, Рожновская

---

[1]) Стр. 196, 675.

[2]) Дѣло Малоросс. Архива при Харьковск. универс. подъ № 2066 о сочиненіи на 1756 годъ новой ревизіи во всѣхъ Малоросс. полкахъ.

бунч. тов. Григорія Борозны, Вепренская вдовы бунч. тов. Андрея Миклашевскаго, Щербиницкая волости Ропской. Въ Черниговскомъ полку рудни: Угловская бунч. тов. Ивана Лизогуба, Радьковская бунч. тов. Семена Полуботка, Разсудовская его жъ, Лесковская его жъ, Ново-Вертецкая его жъ, Гунковскаго ген. обознаго Якова Лизогуба, Вертецкая черниг. сотника Посудевскаго, Вертецкая жъ бунч. тов. Петра Лизогуба, Суховирская бунч. тов. Константина Лизогуба, Суховирская-жъ бунч. тов. Семена Лизогуба, на рѣкѣ Виру монастыря Троицкаго Черниговскаго, Ериловская того жъ монастыря.

Отсюда видно, что большая часть рудень принадлежала знатнымъ козакамъ, немногія монастырямъ и войску (ген. артиллеріи). Итакъ, существованіе въ половинѣ прошлаго столѣтія значительнаго числа заводовъ для выдѣлки желѣза есть фактъ, точно констатированный. Но можетъ быть эти рудни были искусственнымъ насажденіемъ, возникшимъ благодаря указу Петра (1719 г. дек. 10),—однимъ изъ тѣхъ искусственныхъ насажденій, которыя возникали лишь вслѣдствіе льготъ, доставляемыхъ имъ, и, не удовлетворяя никакой насущной потребности, исчезали такъ же быстро и внезапно, какъ появлялись? Нѣтъ, этого никакъ нельзя сказать относительно рудень въ Сѣверщинѣ: доказательства опять таки на лицо. Съ одной стороны указъ этотъ, какъ видно, и не имѣлъ полнаго примѣненія къ нашему производству: такъ напр., по пункту 6-му этого указа въ казну идетъ съ желѣзнаго производства тридцать вторая доля готоваго продукта, между тѣмъ какъ у насъ—какъ будетъ разъяснено ниже—давалась въ войсковую казну десятая часть и т. п. Съ другой стороны, есть несомнѣнныя документальныя свидѣтельства, что наши рудни существовали до этого указа, въ 17 вѣкѣ. Такъ, сохранился въ Румянцевской описи [1]) очень интересный документъ отъ 1665 г., свидѣтельствующій объ открытіи въ этомъ году рудни на р. Передѣлѣ при селѣ Неданчичахъ (недалеко отъ Чернигова). Въ документѣ „подскарбій войска его царскаго величества запорожскаго „Романъ Ракушка“ маючи одъ его милости пана Івана Брюховецкого до-

[1]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, Лазаревскаго, стр. 52.

бродѣя моего, повѣренную власть „учиняетъ постановленіе з паномъ Максимомъ Матвѣевичомъ и Шимкомъ Медьведемъ обивателями чернѣговскими, на рудню новопоставленную, у селѣ Неданчичахъ стоячой, что они своимъ коштъ и працею греблю фундовали и рудню будовали, а нѣ од кого жадной помочи не маючи“... Къ этой руднѣ приданъ былъ и „млинъ Ювтоховъ на рецѣ Белоусѣ з двома каменями и ступами“. Съ этой мельницы арендаторы обязаны были давать въ войсковой скарбъ на полтора года „тридцать возковъ, на каждую чверть року роздѣливши по пять возковъ“. Полтора года были связаны тутъ какимъ-то образомъ со „слободой“, срокъ которой долженъ былъ истечь черезъ эти полтора года. Документъ кончаетъ приказомъ „дабы помененнымъ рудникомъ жаденъ не важился найменшое кривди и перешкоди чинити и безъ писма его мил. пана гетмана нѣхто не повиненъ желѣза брать“. Отъ 17-го же стол. сохранился универсалъ Мазепы (1690 г) объ открытіи рудни Вепренъ на рѣкѣ Веприкѣ.... [1]) „донеслъ намъ панъ Михайло Миклашевскій полковникъ стародубовскій, же угледѣвши онъ въ Ропщинѣ уезду стародубовского одно мѣстце прозиваемо Стрела на рѣцѣ Трубешу межи селами Куртановичами и Хоромнимъ, другое на Веприкѣ въ свободнихъ войсковихъ ущерпскихъ грунтахъ хочетъ тамъ завести для робленя желѣза двѣ руднѣ, при якихъ-то рудняхъ а именно при той якая мѣетъ быти при урочищи Стрелѣ зичитъ и слободку осадити килко десятъ дворовъ людей“... Къ концу того же столѣтія относится возникновеніе рудень бывшаго Ильинскаго Троицкаго монастыря (черниговскаго) на рр. Виру и Немылькѣ [2]). Затѣмъ есть свѣдѣнія объ устройствѣ рудень, относящіяся къ началу 18-го в. Изъ всего этого достаточно ясно, что желѣзное производство въ черниговской губ. имѣло самостоятельное и, очевидно, давнее происхожденіе. Какъ промыселъ самостоятельный и давній, онъ обнаруживаетъ и въ своей организаціи, и въ техникѣ нѣкоторыя опредѣленныя, повторяющіяся черты, которыя мы здѣсь и собрали.

---

[1]) Ib. 759.

[2]) Шафонскій, Топографич. Описаніе Черниговь. Намѣстничества“, стр. 330.

Желѣзное производство, еще и до петровскихъ указовъ, не было дѣломъ частной, свободной иниціативы. Владѣлецъ не могъ завести на собственной своей землѣ рудню безъ разрѣшенія гетмана, безъ гетманскаго универсала: Мазепа универсаломъ 1701 г. позволяетъ „п. Михайлу Шевченку, жителевѣ орловскому, при власномъ млинѣ на р. Ревнѣ у урочища Орлей стоячомъ, построити рудню и построивши робити желѣзо“ [1]). Гетманъ Скоропадскій универсаломъ 1708 г. повелѣваетъ „кузню рудницкую для лѣпшого пожитку ему пану Аѳанасію (Есимонтовскому) постановити при млинѣ и гребли, на рѣчкѣ Осинци, не въ дальнемъ разстояніи отъ рудни войсковой Шуморовской“ [2]); тотъ же гетманъ универсаломъ отъ 1712 г. даетъ разрѣшеніе руднику Стефану Чумаку „на рудцѣ засыпати греблю и млинъ вешнякъ построить и поселить слободку“.

Въ связи съ условіями тогдашней техники, рудни всегда устраивались на рѣчныхъ плотинахъ и обыкновенно сопровождались водяными мельницами [3]). Размѣры рудень опредѣлялись или числомъ ковадлъ, горновъ, или числомъ колъ, т. е. мельничныхъ колесъ: „рудня на одно ковадло“, „рудня на два горны“, „желѣзный заводъ о трехъ колахъ“ и т. д.

Описаніе тогдашняго желѣзнаго производства мы находимъ въ стихахъ Климентія, современника Мазепы:

О рудникахъ, що зъ руди желъза робятъ въ рудняхъ.

Бо хочъ водою млати въ рудняхъ ударяютъ,
Еднакъ безъ великоі праци не биваютъ;
Гди жъ при болотахъ треба и землю копати
Да руди зъ великою пильностю искати,
А знайшедши где руду, особно копати
И, въ кошниці беручи, въ воді полоскати:
Потомъ на уголля дровъ въ дуброву рубати
И вишей хлопа въ костеръ довгий тасовати;
Напотомъ дернъ різать костеръ той вкривати
И смотріть, жебъ поломъя не могло псовати... [4]).

[1]) Описаніе старой Малороссіи, Лазаревскаго, вып. I-й. К. 1888 г., стр. 191.

[2]) Обозр. Рум. описи, 659.

[3]) Вышеприв. документы; такъ же Шафонскій, Зап. Черниговъ. Ст. Комитета, кн. 2, стр. 54, 55, 110.

[4]) Основа, 1861 г., янв. стр. 228.

Какъ видно изъ этого, хотя и очень элементарнаго, описанія, желѣзное производство представляло нѣкоторую сложность. Вслѣдствіе этой сложности въ немъ принимало непосредственное участіе нѣсколько видовъ специальныхъ работниковъ. Во главѣ предпріятія стоялъ рудникъ; у него были „мастеровые люди“: кузнецы, дымари, курачи, рубачи. Всѣ эти мастеровые жили въ слободкѣ, которая всегда была при руднѣ: обыкновенно владѣлецъ, испрашивая позволеніе устроить рудню, вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ позволеніе осадить при ней слободку. Вотъ происхожденіе тѣхъ маленькихъ поселеній, которыя мы теперь встрѣчаемъ подъ именемъ „Рудни“.

Рудни принадлежали по большей части войсковой старшинѣ, монастырямъ, хотя случалось, что и простые „жители“ были этими владѣльцами [1]). Но кто же были эти рудники? Сколько можно понять изъ короткихъ упоминаній въ документахъ, эти рудники были предприниматели въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. люди, соединявшіе въ себѣ знаніе дѣла („художничествомъ рудокопанія бавячіеся“) съ капиталомъ. Они арендовали рудни у владѣльцевъ, платили за это частью продуктовъ или деньгами, а сами вели дѣло за собственный счетъ и на свой рискъ. Вслѣдствіе трудности дѣла и значительныхъ затратъ рудники часто соединялись въ компаніи; такъ, въ 1755 г. въ стародубскомъ полку на 17 рудень было 45 рудниковъ. Рудниками бывали и городскіе обыватели, но обыкновенно посполитые. Плата владѣльцамъ производилась, какъ нужно думать, въ болѣе отдаленныя времена исключительно продуктомъ. Позже, въ 18-мъ ст., платятъ уже деньгами, хотя воспоминаніе о прежнихъ натуральныхъ платежахъ еще держится въ вычисленіи доходовъ частями [2]). Арендная плата за рудни въ 18 ст. обыкновенно колеблется между 20—40 руб. Вѣроятно, рудники пользовались деревомъ въ владѣльческихъ лѣсахъ; но иногда они принуждены были брать лѣсъ на сторонѣ. Такъ, въ одномъ документѣ сказано: „онъ—Борозна—отдавалъ въ откупъ пущу на зрубъ Голубовскимъ рудникамъ для

[1]) Опис. стар Малороссіи, Лазаревскаго, 191 стр.

[2]) Матеріалы для отеч. исторіи Судіенка, т. І-й, стр. 94.

палѣння уголья чрезъ пять лѣтъ, за что получалъ отъ техъ рудниковъ денегъ по 20 руб. и по десяти каменей жлуктяныхъ въ годъ" [1]). Въ описаніи имѣній гетмана Апостола, составленномъ въ 1734 г., заключаются свѣдѣнія о четырехъ гетманскихъ рудняхъ. Приводимъ здѣсь эти свѣдѣнія, какъ поясняющія наглядно то, что сказано нами о рудняхъ. Въ стародубскомъ полку въ волости Шептаковской „близь деревни Погорѣлецъ рудня, прозываемая Шевченкова на два горны, со всякими принадлежащи инструменты рудника посполитого Ивана Михайлова. При той руднѣ мелница на рекѣ Ревнѣ о двухъ клеткахъ, въ одной клеткѣ два постава мучныхъ на ходу, въ другой клеткѣ ступъ просяныхъ четыре, сукновалныхъ три. При той руднѣ дворъ со всякимъ хоромнымъ строеніемъ оного Ивана Михайлова. При той же руднѣ слободка, въ ней мастеровыхъ людей: кузнецовъ четыре дворы, димаровъ два дворы, курачевъ четыре дворы, лесовыхъ мастеровъ пять дворовъ, мирочникъ одинъ дворъ, кузнецъ ручной одинъ дворъ; оную рудню и мелницу и слободку содержитъ откупомъ онъ Михайловъ зъ дворца Шептаковскаго. Годоваго окладу за рудню и за мелницкіе части, за показанщину—тридцать два рубля тридцать копеекъ. За тою жь деревнею Погорѣлцами рудня, что делаютъ железо крушное (чугунъ), прозываемая Лозовская со всякими принадлежащими до ней инструменты рудника посполитого Ивана Болшого Чумака на два горны. При той руднѣ мелница на рекѣ Слоту объ одной клеткѣ, въ ней одинъ поставъ мучной на ходу. При той же руднѣ слободка, где живутъ мастеровые люди, въ ней кузнецовъ, что делаютъ железо, пять дворовъ, димаровъ три дворы, курачевъ два дворы, рубачовъ четырнадцать дворовъ. При той же руднѣ дворъ со всякимъ хоромнымъ строеніемъ его Чумака. Оную рудню и мелницу содержитъ онъ Чумакъ откупомъ зъ дворца Шептаковскаго. Рудня Лозовская годового денежного окладу двадцать рублей, да на мірскіе росходы два рубля, всего 22 рубля... Къ волости Ропской принадлежащіе две Рудни въ полку Стародубовскомъ, въ Чолховской волости, въ маетности полковника Стародубовского. Первая на рекѣ Вагѣ,

---

[1]) Обозр. Румянц. опис., стр. 720.

прозываемая Щербиницкая рудника Осипа Рыфы на два горны съ принадлежащими матеріалы и инструменты. При той руднѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ, и ниже той рудни мелница на той же рекѣ Вагѣ о двухъ колахъ, объ одномъ мучномъ, а другомъ валюшномъ оного-жъ Рыфы. Въ той мелницѣ и въ руднѣ две части до дворца Ропского, а третяя его Рыфы. При той руднѣ имеется мастеровыхъ людей разныхъ званій тринадцать дворовъ.Отъ Іосифа Рыфы рудника Щербиницкого за рудню и млынъ, при ней имѣющійся, взымается въ годъ окладу тридцать рублей. Ниже той рудни и мелницы другая рудня, прозываемая Кривушинская Василя Адамовича на два-жъ горны, на той-же рекѣ Вагѣ съ принадлежащими матеріалы и инструменты. При той руднѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ и мелница на той же речцѣ объ одной клеткѣ; въ ней одинъ поставъ мучной на ходу, ступъ просяныхъ четыре, сукновалныхъ две. Отъ Василя Адамовича, рудника Кривушинскаго, за рудню и млынъ взымается въ годъ окладу денегъ тридцать рублей. Въ той мелницѣ изъ доходовъ две части до дворца Ропского, а третяя часть Бунчукового Товарища Петра Чернолузского; а въ руднѣ две-жъ части до дворца Ропского, а третяя часть означенного Адамовича“ [1]).

И старыя малорусскія обыкновенія, и общерусское законодательство одинаково не позволяли видѣть въ рудокопаніи и желѣзодѣланіи вполнѣ дѣла частной инициативы и вольной предпріимчивости. Какъ мы уже видѣли выше, на каждую рудню требовалось специальное разрѣшеніе высшей власти, гетманскій универсалъ. Затѣмъ, каждая рудня должна была находиться подъ строгимъ контролемъ войска, такъ какъ туда шла часть продукта. Это была десятая часть, и поступала она въ распоряженіе генеральной войсковой артиллеріи, какъ видно изъ нижеприведеннаго акта: оттого генеральная артиллерія и была тѣмъ вѣдомствомъ, которое завѣдывало желѣзнымъ дѣломъ. Изъ того же акта видно, что генеральная артиллерія принимала близко къ сердцу интересы этой промышленности и защищала ихъ. Такъ

[1]) Матеріалы для отечеств. исторіи, Судіенка. К. 1853, кн. І-я, стр. 73–4, 76, 93–4.

напр., она отстаивала рудниковъ отъ привлеченія къ „консистентской дачѣ", напирая на всѣ послѣдствія такого привлеченія. Вотъ этотъ актъ,—отношеніе Генеральной Артиллерійской Канцеляріи въ Генеральную Войсковую Канцелярію; приводимъ его цѣликомъ, какъ единственный письменный документъ по этому предмету.

„Имѣется въ полкахъ Стародубовскомъ и Черниговскомъ разныхъ владѣній рудни, кои нанимая, художничествомъ рудокопанія бавячіеся, рудники у владѣльцевъ и съискуя по удобнымъ мѣстамъ руду, дѣлаютъ зъ оной желѣзо; и изъ того всего удѣланного желѣза десятую долю, за силу высочайшей грамоты и его ясневелможности г-на гетмана и разныхъ орденовъ кавалера универсала, на генеральную артиллерію поежегодно даютъ. Въ силѣ высочайшого привиллея безсмертнославные памяти великого государя Императора Петра I, самодержца всероссійскаго 1719 году декабря 10 о рудокопныхъ заводахъ состоявшагося, по 10-му пункту, оные рудники напередъ сего отъ общенародныхъ повинностей были свободны и въ ревизіи между тяглыми не состояли. А нынѣ, какъ изъ доношенія рудниковъ Стародубовскаго полку въ Канцелярію генеральной артиллеріи поданнаго значится, до консистенской дачи привлечены; и оные далекою возкою такъ отягчены, что художество свое оставляютъ, а нѣкоторые уже и оставили. И хочай въ прошломъ 754 году декабря 19, въ силѣ оныхъ рудниковъ доношенія и вышеозначенного высочайшого привиллея, въ Генеральную Войсковую Канцелярію отъ Канцеляріи Генеральной Артиллеріи представлено, точію на то никакой резолюціи не послѣдовало. Нынѣ же въ сочиняемую ревизію ежели оные рудники будутъ написаны между тяглыми къ дачѣ консистенской, то и достальные могутъ тое свое художество оставить, черезъ что привиллегія останется безъ исполненія, а нація малороссійская безъ пользы, якая поднесь отъ тѣхъ рудень чрезъ дешевизну железа происходила, остаться можетъ. О выше писанномъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Канцелярія Ген. Артиллеріи представляя, проситъ, чтобы какъ по-прежнему, такъ и по сему доношеніямъ находячихся въ тѣхъ рудняхъ рудниковъ дѣлаючихъ желѣзо, о непривлеканіи къ дачамъ консистентскимъ

и о неписаніи въ нынѣ сочиняемую ревизію оныхъ между тяглыми милостивое учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе [1]).

Эти слова, относятся къ 1755 г., показываютъ, какое значеніе имѣло мѣстное желѣзо еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, лѣтъ за 10 до Румянцевской описи. Они совершенно оправдываются и распространенностью производства. Но производство это уже клонилось къ упадку. Еще какихъ нибудь лѣтъ тридцать, и описаніе черниговскаго намѣстничества Шафонскаго представляетъ уже положеніе желѣзнаго дѣла на территоріи бывшаго черниговскаго полка въ слѣдующемъ видѣ. Тамъ, гдѣ было въ 1755 г. 12 рудень, ихъ уже только 7. Двѣ, находящихся въ теперешнемъ черниговскомъ уѣздѣ, такъ ничтожны, что выплавливаютъ желѣзо для домашняго употребленія, отправляя лишь въ маломъ количествѣ сошники на ярмарки Кіева и Чернигова; одинъ изъ этихъ заводовъ принадлежалъ кол. сов. Лаврентію Селецкому и былъ построенъ тестемъ его Василіемъ Лизогубомъ за 35 лѣтъ; другой принадлежалъ бунч. товарищу Ивану Посудевскому, построенъ тоже за 35 лѣтъ. Руду для нихъ добывали изъ около-лежащихъ болотъ, а уголь изъ своего лѣса. Нѣсколько значительнѣе остальныя пять рудень, находящіяся на территоріи теперешняго городницкаго уѣзда. Это заводы: надв. сов. Михаила Стороженка на р. Вертечѣ, построенный за 80 лѣтъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ, бывшаго Троицкаго Ильинскаго Черниговскаго монастыря на р. Виру, построенный обывателемъ Лизуномъ лѣтъ за 90, того жъ монастыря на р. Немыльнѣ, построенный монастыремъ лѣтъ за 100; затѣмъ заводъ на рѣкѣ Виру кол. асс. Василія Лизогуба, построенный въ началѣ столѣтія, и на той же рѣкѣ заводъ надв. сов. Туманскаго, построенный Лизогубомъ лѣтъ за 80. Уголь для всѣхъ этихъ заводовъ владѣльцы добывали изъ своихъ лѣсовъ, лежащихъ около р. Вертечи, а для всѣхъ остальныхъ въ лѣсу, называемомъ Злой Островъ, изъ его болотъ, вѣроятно, очень богатыхъ рудой. Но производство и этихъ заводовъ 50—70 пуд.

---

[1]) Дѣло малор. архива, состоящ. при харьковскомъ университетѣ, подъ № 2066 о сочиненіи на 1756 годъ новой ревизіи во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ.

на каждый, не выше 120 пуд. въ годъ; одинъ изъ заводовъ работалъ только весной. Переработанное желѣзо отвозилось на ярмарки, главнымъ образомъ „въ степныя мѣста" [1]). Шафонскій даетъ слѣдующее заключеніе относительно мѣстнаго желѣзнаго производства: „заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотныхъ мѣстахъ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть, гдѣ руда не изъ глубины какой матерой земли, но изъ болота достается, съ которой одинъ только чугунъ плавится и мелкія полоски желѣза выковываются, которые въ сравненіи съ сибирскимъ и другимъ великороссійскимъ желѣзомъ ничего не значитъ, а только въ одной Малой Россіи и то мало продается" [2]). Такъ было въ концѣ прошлаго столѣтія; въ настоящее время отъ мѣстнаго желѣзнаго производства сохранились только филологическіе слѣды въ названіи населенныхъ мѣстъ—и ничего больше.

Желѣзное производство исчезло; но отчего? Оттого ли, что мѣстному желѣзу, вслѣдствіе естественныхъ условій, невозможно было выдержать конкурренцію съ желѣзомъ привознымъ? Или тутъ дѣйствовали болѣе общія причины, которыя смели всю мѣстную промышленность, и рудни пошли вслѣдъ за гутами, будами, папернями и другими мелкими промышленными учрежденіями, которыми была усѣяна еще въ прошломъ столѣтіи территорія Сѣверской Украины? Вотъ важный вопросъ: отъ такого или иного его рѣшенія зависитъ кое-что существенное въ нашихъ историческихъ взглядахъ.

П. Ефименко.

---

[1]) Шафонскій, „Топогр. описаніе черн. нам." 1786 г., стр. 229, 330.
[2]) Тамъ же, стр. 20.

НА РУБЕЖѢ.[1]

IV.

На слѣдующій день возвратился Гордій Грыва, но возвратился невесело настроеный. Когда семья собралась къ обѣду, тетка Ярына вспомнила про слѣпого кобзаря.

— А гдѣ же это дѣдъ? Позови его, Маруся, пусть идетъ обѣдать.

Гордій вопросительно посмотрѣлъ на Ярыну.

— Какой дѣдъ?

— Вчера зашелъ какой-то съ бандурою, здѣсь и ночевалъ.

— Куда-же онъ дѣвался?—Гордія видимо интересовалъ неизвѣстный старикъ.

— Должно быть, пошелъ играть куда-нибудь, отозвалась Маруся,—я видѣла, какъ онъ уходилъ; говорилъ, что воротится къ вечеру.

Подъ вечеръ дѣйствительно явился Матвій. За ужиномъ говорили о томъ-о семъ, вспоминали старину, общихъ знакомыхъ, останавливаясь подолгу на нѣкоторыхъ именахъ, но разговоръ не выходилъ изъ этихъ предѣловъ. Послѣ ужина собесѣдники остались одни въ хатѣ.

— Теперь никто насъ не слышитъ,—обратился Гордій къ старику. Говори, что имѣешь сказать.

— А женщинъ нѣтъ? Я плохо вижу, шепотомъ спросилъ Матвій.

— Никого нѣтъ.

---

[1]) "Кіевск. Стар." 1888, т. 1.

— Я къ тебѣ отъ Верлана... нарочно прислалъ узнать отъ тебя, что слышно въ Кіевѣ?

— А я только что оттуда...—отвѣчалъ Гордій и задумался.

— И что-же?

— А то, что на помощь оттуда нечего разсчитывать... Нельзя увлекаться обѣщаніями, нужно принимать обстоятельства такъ, какъ они есть: тамъ думаютъ не объ Украинѣ, не о вольностяхъ нашихъ, а только о томъ, какъ бы самимъ хоть немного подвинуться впередъ. Обѣщать—одно, а исполнить—другое дѣло. Вѣрилъ и Хмельницкій обѣщаніямъ, а что вышло? Надежды на помощь Россіи нужно оставить; тамъ свои планы, у насъ свои. Намъ нужно думать о томъ, какъ бы прожить спокойно въ своей землѣ, и если воевать, то для того только, чтобы добиться чего-нибудь лучшаго въ будущемъ, а не для того, чтобы ослаблять свои силы, а другіе пользовались бы этимъ... Такъ ему и передай.

Старикъ покачалъ головою.

— Плохо!.. Плохо!.. А что-же говоритъ игуменъ Досифей? Ты знаешь, игуменъ Мотроненскаго монастыря присылалъ къ Верлану посла съ письмомъ отъ Досифея, сказалъ ему самому быть въ Кіевѣ.

— Незачѣмъ!—возразилъ Гордій съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ—будетъ ему говорить то же, что и мнѣ... А я скажу, что мы должны сами добиваться своихъ вольностей, сами должны и охранять ихъ для себя. Важное дѣло нужно и вести разумно, а монахи слишкомъ много болтаютъ...

— Это и Верланъ замѣтилъ...

— И что-же онъ сдѣлалъ?

Морщинистое лицо старика освѣтилось довольною улыбкою.

— Хорошо сдѣлалъ!.. Нарочно ѣздилъ въ Немировъ и склонилъ на свою сторону Савву Чалого; тотъ пристанетъ къ вамъ со своими козаками.

Гордій задумался.

— Такъ-то, такъ... хорошо—заговорилъ онъ медленно, въ раздумьи, послѣ нѣкотораго молчанія.—Этотъ умѣетъ привлечь къ себѣ людей... только видишь, старый, тутъ одна загвоздка... Савва разъ уже измѣнилъ своимъ, какъ бы не вздумалось ему и въ другой разъ сдѣлать того-же.

— Едва-ли... онъ одумался... чѣмъ служить чужимъ, пусть лучше своимъ служитъ.

— Конечно!

— Ну, а какъ самъ полковникъ?

— За нимъ всѣ готовы въ огонь и воду... Онъ теперь о томъ только и думаетъ, какъ бы привлечь къ себѣ весь окрестный народъ; и нужно сознаться—имѣетъ на то хорошее средство.

Старикъ наклонился къ Гордію и тихо сказалъ ему что-то на ухо; тотъ выслушалъ съ большимъ вниманіемъ и замѣтилъ:

— Смѣлый это шагъ,—хорошо, если удастся. Какъ бы только тотъ полковникъ, когда придетъ до дѣла, не вздумалъ плюнуть изъ своихъ пушекъ на Верлана...

— Этого онъ навѣрно не сдѣлаетъ, не сможетъ. Говорилъ онъ Верлану по секрету, что имѣетъ приказъ занять Умань, будто для охраны саксонской партіи отъ Лещинскихъ, а разъ занявши, долженъ будетъ сидѣть тамъ съ войскомъ и носа не высунетъ изъ замка;, тѣмъ временемъ Верланъ подниметъ народъ, соединится съ Чалымъ и пойдетъ къ вамъ на встрѣчу съ войскомъ...

— Мнѣ только, правду сказавши, не нравится эта пріязнь съ полковникомъ Полянскимъ. Какъ бы не вышло такъ, что напалъ хитрецъ на хитреца.

— Нѣтъ! Верланъ все хорошо обдумалъ... О! это голова! Другой Хмельницкій, даже лучше, потому что не пьетъ. Пусть только придетъ до дѣла... Ему нужно держаться съ полковникомъ, потому что отъ него онъ всегда вывѣдаетъ что-нибудь, а самъ держитъ языкъ за зубами...

— А мнѣ все кажется, що „не буде зъ того пыва ніякого дыва“—замѣтилъ Гордій.

— Не слѣдуетъ такъ сомнѣваться—возразилъ старикъ серьезно.—Нужно сдѣлать все, что можно, обдумать все, какъ можно лучше, чтобы кровь людская не проливалась понапрасну,—а остальное не отъ насъ уже зависитъ...

Собесѣдники задумались.

— До сихъ поръ все идетъ какъ нельзя лучше. Савва нашъ, Верланъ, какъ искусный рыбакъ, повсюду запустилъ сѣти, поставилъ крючки; теперь очередь за тобою—дѣлай, что можешь... а потомъ всѣ разомъ за работу, двигать Украину!..

Слова эти придали бодрости, воодушевили Гордія.

— Только бы все пошло благополучно! Еслибы можно было еще Сичъ потянуть за собою, тогда бы закипѣла работа: запорожцы двинулись бы снизу, Савва Чалый изъ Брацлавщины, Верланъ изъ Шаргородщины,—сошлись бы себѣ потихоньку, безъ шума, а тогда можно было бы разговаривать съ ляхами!

— Подожди! подожди!—сдерживалъ его Матвій,—большія дѣла не такъ быстро дѣлаются...

— Подождемъ... а тѣмъ временемъ нельзя сидѣть сложа руки... нужно толковать людямъ, напоминать... пусть ожидаютъ чего-то... Съ гайдамаками нужно войти въ соглашеніе. Помоги мнѣ немного—обойди окрестности, села, мѣстечки, а я съѣзжу на Сичъ... времени впереди довольно; раньше будущей весны не выступимъ въ походъ, не успѣемъ подготовиться,—нужно до того времени набирать людей. Сторона здѣсь глухая, спокойная, можно свободно ходить съ бандурою... мѣсто для дѣла подходящее: можно и на русскую сторону переправиться, и тамъ поискать людей... тамъ это легко, на поляковъ позволяютъ выкликать сколько угодно, никто рта не завяжетъ... охотниковъ погулять на этой сторонѣ тамъ всегда достаточно,—пусть идутъ къ намъ. Развѣ каждому нужно говорить, что и какъ будетъ? Лишь бы люди были, а мы употребимъ ихъ въ дѣло.

Матвій одобрительно кивнулъ головою.

— А что это за хлопци вертятся въ твоей хатѣ?

— На нихъ можно разсчитывать.... они тебя вездѣ проводятъ и покажутъ... не надо только много говорить при нихъ. Младшій Грыць—то „ледачый хлопець“, хотя моей дивчынѣ больше нравится, но добрый, искренній, а старшій, Игнатъ Голый, на того можно положиться.

— Если такъ, то пусть ведутъ меня, куда хотятъ, пусть соберутъ немного народа...

— И собирать не нужно. Въ воскресенье будешь пѣть въ Мошнахъ, въ Сокирной, потомъ переправишься за Днѣпръ... а осенью, какъ будешь возвращаться, опять зайди ко мнѣ. Теперь и я не буду сидѣть дома... отдохну немного, да и на Сичъ!

Поздно разошлись собесѣдники; дѣдъ пошелъ ночевать на токъ, а Гордій долго еще одинъ ходилъ по двору, раздумывая обо всемъ, что готовилось въ тишинѣ.

На слѣдующее утро старый Матвій распрощался и вскорѣ исчезъ гдѣ-то между хатами; впрочемъ исчезъ не надолго, въ субботу игралъ у Грыцька, а въ воскресенье утромъ отправился вмѣстѣ съ Игнатомъ въ знакомую намъ корчму надъ сокирненскимъ перевозомъ.

Небольшая корчемка за Сокирной ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ такого рода заведеній на окраинахъ; здѣсь сходились всѣ пьяницы, гайдамаки, весь гулящій людъ изъ цѣлой околицы, здѣсь составлялись проекты, обсуждались планы набѣговъ и грабежей, и затѣмъ все добытое пропивалось у Оруна. Положеніе корчмы надъ самымъ перевозомъ черезъ Днѣпръ было тѣмъ выгоднѣе, что все происходившее отсюда движеніе всегда оставляло слѣдъ въ кошелькѣ Оруна. Еврей быстро наживался, зналъ всю околицу, былъ посвященъ во всѣ планы и умѣлъ ловко пользоваться своими свѣдѣніями. Тутъ встрѣчались сновавшіе по черкасской дорогѣ послы между Кіевомъ, Каневомъ, Уманемъ, Шаргородомъ и Мотроненскимъ монастыремъ; за чаркою нерѣдко развязывались

языки и не разъ какое-нибудь неосторожное слово вырывалось безсознательно, незамѣтно для самихъ говорившихъ, а слухъ у Оруна былъ острый, онъ жадно ловилъ каждый намекъ, каждый жестъ, остальное дополнялъ воображеніемъ и умѣлъ изъ всего извлечь для себя пользу. Служилъ и нашимъ, и вашимъ; посламъ и гайдамакамъ онъ умѣлъ во время шепнуть что-нибудь, предостеречь кстати о томъ, чего ожидали или опасались со стороны поляковъ, но о чемъ полякамъ и не снилось; иногда-же при случаѣ, прикрываясь какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, отправлялся съ донесеніями то къ черкасскому, то къ каневскому старостѣ, разсказывалъ небылицы о гайдамакахъ и съ той, и съ другой стороны извлекалъ для себя выгоды. Такъ жилъ и промышлялъ весь родъ Оруна, все его племя, пользовавшееся внутренними неурядицами въ краѣ для своего обогащенія.

Въ воскресенье, уже съ полудня, корчма была полна посѣтителей; звуки веселыхъ пѣсенъ, шумныхъ разговоровъ и восклицаній сливались въ одинъ общій гулъ и далеко разносились по лѣсу. Орунъ особенно любилъ такіе дни, тогда у него кипѣла работа. Веселый, улыбающійся похаживалъ онъ по хатѣ, заложивъ одну руку за поясъ, а другою поглаживая бороду и пейсы, выглядывалъ въ окошко, выходилъ на дорогу закликать прохожихъ,—однимъ словомъ, торжествовалъ въ роли хозяина, а тѣмъ временемъ балабуста и дѣти сновали между публикою, разнося жестяныя кружки съ водкою, пивомъ и медомъ.

Орунъ какъ разъ бесѣдовалъ въ веселой компаніи, столпившейся вокругъ стола, какъ вдругъ на дворѣ послышались болѣе громкіе голоса. Онъ выглянулъ въ окно, но кромѣ группы людей ничего не могъ различить. Тогда онъ вышелъ изъ хаты и приблизился къ этой группѣ. Толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ окружала слѣпаго бандуриста и начинала волноваться; слѣпой музыкантъ покорно стоялъ на мѣстѣ, держась лѣвою рукою

за бандуру, и обводилъ собраніе мутными бѣлками глазъ. Любопытный еврей протискался впередъ, пристально посмотрѣлъ на слѣпаго,—дѣдъ былъ неизвѣстный, но рядомъ съ нимъ стоялъ Игнатъ Голый. Орунъ кивнулъ ему головою.

— Ну, а на чарку не зайдете? Не годится обходить Оруна... Просимъ! и дѣда съ собою ведите—онъ, я вижу, съ бандурою, пусть сыграетъ; слава Богу, есть кому слушать.

Народъ не разступался, старикъ тоже не могъ двинуться съ мѣста; Орунъ обратился къ толпѣ:

— Панове козаки! позвольте дѣду пройти.—Одни отступили, давая дорогу, другіе протестовали.

— Слушай, Оруне,—отозвался кто-то изъ толпы.— Что-же это, дѣдъ въ гости къ тебѣ пришелъ, что-ли? Если пришелъ, то будетъ играть, а чѣмъ душиться въ хатѣ, пусть лучше играетъ здѣсь.

— Можно и здѣсь,—согласился шинкарь.

Слѣпой Матвій погладилъ бороду, откашлялся и заговорилъ:

— Если панове громада прикажутъ, нужно пѣть... но— прибавилъ онъ въ раздумьи,—мнѣ бы хотѣлосьсегодня еще переправиться на ту сторону: въ Переяславѣ скоро ярмарка, нужно спѣшить туда. Кто зарабатываетъ бандурою, долженъ идти туда, гдѣ есть кому пѣть.

— Развѣ здѣсь некому? А мы что-же?

Матвій стоялъ, потупивъ голову.

— Люди всюду одинаковы, но гдѣ больше народа, тамъ больше дадутъ дѣду; жить надо...

— Погоди—отозвался голосъ изъ толпы, на все будетъ время; и съ голоду не пропадешь, и въ Переяславъ поспѣешь.

— Хорошо! хорошо! Пусть будетъ по-вашему! Дайте-же мнѣ присѣсть, старыя ноги не хотятъ стоять.

Толпа немного разступилась, и Матвій, осторожно ощупывая палкою дорогу, медленно направился къ корчмѣ.

— Вотъ тутъ *призьба*, диду, садитесь, сказалъ Игнатъ.

Старикъ нащупалъ мѣсто и сѣлъ. Всѣ окружили кобзаря, перешептываясь между собою въ полголоса, и поглядывали на него въ ожиданіи пѣсни. Матвій, по кобзарскому обычаю, молча наигрывалъ что-то, какъ бы подбирая мотивъ.

— И самъ не знаю, что сыграть, произнесъ онъ будто про себя, перебирая струны.—Играть не достаточно, нужно и пѣть, а старый голосъ безъ меду не вытянетъ; людской голосъ все равно, что колесо: не подмажешь— не поѣдешь...

— Гей, панове!—отозвался кто-то изъ толпы, у кого есть за что, пусть прикажетъ подать старому меду; не годится, чтобы онъ по-напрасну дралъ горло.

Въ то же мгновеніе изъ толпы поднялась надъ ґоловами чья-то рука и громкій голосъ крикнулъ:

— Оруне! гей, жыде! Орендарю!

Еврей стоялъ на порогѣ, внимательно прислушиваясь и приглядываясь ко всему происходившему.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ онъ, откашливаясь и растягивая слова, скрылся въ корчму и вскорѣ вышелъ съ кружкою въ рукѣ.

— А кто заплатитъ? спросилъ онъ, проталкиваясь къ старику, и протянулъ руку; въ открытую ладонь упалъ тынфъ [1]).

— Смотри-же, не забудь сдачи.

Матвій хлебнулъ меду изъ кружки и запѣлъ думу о козакѣ бандуристѣ; дума разсказывала печальную судьбу безпріютнаго кобзаря, который заблудился въ степяхъ и, видя приближеніе голодной смерти, пѣлъ про свою тоску. Старикъ кончилъ, а слушатели все еще молчали подъ впечатлѣніемъ грустной пѣсни; Матвій откашлялся и произнесъ, не то обращаясь къ публикѣ, не то про себя.

---

[1]) Тынфъ—серебряная монета стоимостью въ 38 грошей, или $^1/_6$ талера.

— Вотъ такъ-то по-напрасну пропадаютъ люди, если не съ голоду въ степи, то гибнутъ на висѣлицахъ... а что-же дѣлать?

Слова эти, еще болѣе усилили удручающее впечатлѣніе пѣсни; казалось, они попали въ самое больное мѣсто, въ душу каждаго.

— Пропадаютъ люди,—отозвался голосъ изъ толпы, и ни откуда нѣтъ спасенія.

— Всѣ давятъ, со всѣхъ сторонъ, не знаешь, отъ кого и защищаться.

— Какъ это не знаешь, отъ кого? Неужели ты не знаешь, козаче?

— Правда! Кто давитъ, отъ того и отбиваться.

— Разумѣется, такъ.

— Такъ, да не такъ,—замѣтилъ другой.—Жмутъ насъ и татары, и турки, но пограбятъ, да и уйдутъ; одинъ годъ они насъ поприжмутъ, а на другой—мы ихъ. Не тотъ врагъ губитъ, что вдали, а тотъ, что сидитъ въ нашей хатѣ, отъ того и отбиваться.

Матвій одобрительно кивалъ головою.

— Вотъ, вотъ! Умныя рѣчи говоришь, козаче. Если комаръ сядетъ къ тебѣ на носъ и начнетъ сосать кровь, ты вѣдь не пойдешь въ лѣсъ бить тѣхъ, что летаютъ, а убьешь того, что сидитъ на носу.

— А такъ, такъ! дѣдъ правду говоритъ.

— Да! отозвался голосъ изъ толпы, уже намъ отъ этихъ комаровъ и свѣтъ не милъ, и жизнь опротивѣла.

— Погоди; избавимся... весною, какъ слышно, что-то начнется. Россія не выводитъ своихъ войскъ, а поляки вооружаются; пусть только возьмутся за чубы, мы нападемъ съ тылу.

— Вотъ, вотъ!—съ живостью замѣтилъ кобзарь.—Смотрите только, панове молодци, чтобы не вышло такъ, „що доки сонце зійде, роса очи выисть“.

— Выѣстъ намъ, такъ можетъ быть дѣти не ослѣпнутъ.

— Какъ будто и дѣло говоришь, а не дѣло, отозвался Матвій. Пусть каждый старается самъ за себя; мы сами

по себѣ, а дѣти тоже сами по себѣ; чѣмъ больше мы сдѣлаемъ, тѣмъ меньше останется дѣтямъ... Да наконецъ, самъ за себя человѣкъ можетъ ручаться, а за дѣтей кто поручится?

— Дѣдъ правду говоритъ. Насъ кто не хочетъ, тотъ только не давитъ, всѣ кожу дерутъ, а мы будемъ ожидать, пока дѣти выростутъ и вступятся за насъ. *Чы-жъ-то способъ?*

Искра, брошенная Матвіемъ, упала на благодарную почву и сразу воспламенила настроеніе толпы. Нужно было только заговорить, подсказать мысль, и всегда являлись люди, готовые тотчасъ же привести ее въ исполненіе. Ненависть къ шляхтѣ, вызвавшая войны Хмельницкаго, сообщилась по наслѣдству и слѣдующимъ поколѣніямь, и хотя основная идея Хмельниччины съ теченіемъ времени забывалась, подвергалась искаженіямъ, а борьба за независимость мало-по-малу принимала болѣе или менѣе случайный, спорадическій характеръ, локализуясь въ болѣе тѣсныхъ районахъ, но броженіе не прекращалось; огонь покрывался пепломъ, но не угасалъ.

— Да, по всему видно, что-то будетъ... замѣтилъ кто-то.

— Разумѣется будетъ,—не утерпѣлъ Игнатъ Голый,— а что-же, неужели мы должны еще ниже клонить голову, пока насъ не растопчутъ, какъ червяка. Пускай другіе думаютъ по-своему, а мы тоже по-своему. Нужно, чтобы и тѣ, что имѣютъ силу, стали съ нами за одно!

— Вотъ добрый козакъ!

— А гдѣ-же взять такихъ, кто имѣетъ силу?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Гдѣ? а Сичъ на что?—отвѣчалъ Игнатъ.—Оттуда придутъ люди, да у насъ соберется немного, да немного есть уже у Верлана, у Чалого... а собрать всѣхъ вмѣстѣ, наберется порядочное войско.

Сгоряча молодой человѣкъ высказался не въ пору; хоть онъ и не былъ посвященъ въ планы Гордія Грывы, но, разговаривая постоянно о томъ, что всего сильнѣе

занимало его, онъ невольно попалъ на чужую дорогу.

Орунъ стоялъ на порогѣ, опершись о притолку, съ самымъ безпечнымъ видомъ, но жадно прислушиваясь ко всему, чтобы не проронить ни одного слова. Сердце его замирало отъ страха и тревоги и не напрасно; онъ выросъ и прожилъ полъ-жизни среди украинскаго народа, зналъ его характеръ, зналъ и то, съ какою неудержимою силою и какъ неожиданно вспыхивали народныя движенія. Каковы бы ни были цѣль и характеръ этихъ движеній, они всегда и прежде всего отзывались на ненавистномъ народу еврейскомъ элементѣ. Народъ долго терпѣлъ, долго позволялъ шинкарямъ и прочимъ пьявкамъ всячески эксплуатировать его, высасывать изъ него кровь по каплѣ, пропивалъ и переводилъ у нихъ все свое имущество, но когда переполнялась чаша терпѣнія, онъ сразу мстилъ за себя кровавыми расправами. Не удивительно поэтому, если Орунъ въ возгласахъ волновавшейся толпы почуялъ отдаленное эхо возстаній и запахъ крови. Молча слушалъ онъ эти возгласы и самъ внимательно вглядывался въ лица малоизвѣстныхъ людей, стараясь запечатлѣть въ памяти ихъ черты и всѣ подробности, какія могъ уловить въ разговорахъ.

Замѣтивъ, что Игнатъ болтаетъ лишнее, и желая изгладить произведенное его словами впечатлѣніе, слѣпой кобзарь обратился съ вопросомъ къ собранію.

— Люде добри, а далеко ли еще до вечера?

Каждый изъ присутствующихъ поглядѣлъ на западъ.

— Вотъ-вотъ, зайдетъ солнце.

Матвій, встревоженный, быстро задвигался на мѣстѣ.

— Вотъ тебѣ и заболтался! А когда же на ту сторону?

— Успѣешь еще!—замѣтилъ кто-то.

Старикъ повидимому не обратилъ вниманія на эти слова, немного выше подтянулъ ремень отъ бандуры, прикрылъ ее полою и медленно началъ подыматься съ мѣста, крехтя и опираясь на палку.

— А ну, козаче Игнатку, достань гдѣ-нибудь лодку, да попроси людей перевезти меня на тотъ берегъ.

— Не далеко ходить,—отвѣчалъ Игнатъ,—у Оруна есть дубъ, онъ можетъ дать.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ услужливый еврей стоялъ уже передъ нимъ.

— Дубъ? Почему не дать дуба? Я для пановъ козаковъ и душу готовъ отдать,—произнесъ онъ обязательно.

— Отъ бреше, подлый жыдъ!—замѣтилъ кто-то; въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Одного дуба мало,—сказалъ Игнатъ.—Нужно еще хоть два человѣка на весла.

— И это найдется; тѣ, что ловятъ рыбу, могутъ и перевезти. Почему не услужить, если можно?

Нѣсколько человѣкъ, во главѣ которыхъ шелъ Орунъ, отдѣлились изъ толпы и начали спускаться съ крутаго откоса на берегъ Днѣпра, гдѣ у вбитаго въ мокрый песокъ кола плавалъ привязанный дубъ.

— Тише, тише,—говорилъ Матвій, осторожно пробуя палкою дорогу и съ трудомъ передвигая ноги, по косточку тонувшія въ желтомъ пескѣ,—еще голова можетъ закружиться.

Орунъ искоса смѣрилъ старика хитрымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ и произнесъ любезно, съ пріятною миною.

— Пане Игнате, поддержите немного дѣда, онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ упасть; это, я вижу, человѣкъ почтенный; а откуда, если можно спросить?

— Спросить можно,—отвѣчалъ невозмутимо молодой козакъ.—Но мы и сами не знаемъ, откуда онъ; такъ, забрелъ себѣ. Развѣ онъ одинъ бродитъ по свѣту? Онъ пѣлъ намъ, мы его накормили, теперь, если хочетъ идти дальше, пусть идетъ съ Богомъ.

Пришли на берегъ, усадили старика, и лодка отчалила; кучка провожавшихъ возвращалась въ корчму, медленно подымаясь на песчаный пригорокъ, какъ вдругъ изъ лѣсу послышался голосъ:

— Игнате! Гей! Гопъ-гопъ!

— О, это васъ зовутъ, пане Игнате,—толкнулъ его локтемъ еврей.

— А кто его знаетъ... можетъ быть...

Поднялись на гору—возлѣ корчмы стоялъ Грыцъ.

— Люди идутъ домой, а ты изъ дому,—замѣтилъ ему пріятель; тотъ почесалъ въ затылкѣ.

— Невозможно вырваться...

— Чтожъ,—опять новая запаска не даетъ тебѣ покоя?

Еврей усмѣхнулся.

— Ну! Чтожъ тутъ дурнаго? Затѣмъ посмотрѣлъ на солнце и прибавилъ:—до вечера еще далеко, прошу въ хату на стаканъ меду.

— Этотъ знай одно твердитъ. Рано — выпейте меду, поздно—выпейте меду; весело—выпейте меду, скучно—тоже лѣкарство.

Орунъ, довольный, улыбался, поглаживая бороду.

— Ну? а развѣ не такъ?

Молодые люди вошли въ корчму. Бо̀льшая часть публики уже разошлась по домамъ, остались только завсегдатаи, которые, сбившись въ кучу, продолжали разговоръ на прежнюю тему. Обоимъ пріятелямъ Орунъ оказывалъ особое отличіе, какъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ; подъ предлогомъ тѣсноты въ шинкѣ, онъ пригласилъ ихъ въ свою комнату, гдѣ стояли кровати его, балабусты и дѣтей; у окна стоялъ ольховый столикъ; хозяинъ придвинулъ къ нему двѣ скамейки и усадилъ молодыхъ людей. Все это дѣлалось не безъ умысла: еврей поминутно входилъ въ комнату съ какимъ-нибудь любезнымъ замѣчаніемъ въ надеждѣ, не удастся ли вывѣдать чего-нибудь.

— А что, старый Матвій уже не воротится къ намъ? спросилъ Грыцъ. Товарищъ толкнулъ его локтемъ.

— Какой Матвій? Знаешь вѣдь, что онъ поѣхалъ въ Кіевъ, поклониться святымъ мощамъ; если поѣхалъ, то и назадъ воротится.

Грыць сперва не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Игната; тотъ подъ столомъ толкнулъ его ногою.

Сцена эта объяснялась очень просто: за спиною его стоялъ Орунъ съ хитрою улыбкою и протягивалъ впередъ маленькое ухо, стараясь лучше разслышать; онъ понялъ все съ перваго взгляда, чутьемъ отгадалъ о чемъ не могъ спросить, но не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ.

На дворѣ уже стемнѣло, когда оба пріятеля оставили корчму и пошли по дорогѣ въ Мошны.

— Вотъ, проговорился ты!—упрекнулъ товарища Игнатъ.— Не можешь удержать языка за зубами; къ чему еврею знать, называется ли онъ Матвій, или не Матвій? Извѣстно, что жидъ—собака; онъ тебѣ скалитъ зубы, показываетъ лицо, но не душу; не угадаешь, что тамъ кроется. Онъ выспроситъ у тебя все, какъ на исповѣди, а послѣ пойдетъ и донесетъ старостѣ все, что знаетъ и чего не знаетъ.

— А кто же его зналъ?—оправдывался Грыць.

— Надо быть осторожнѣе! Самъ знаешь, какія теперь времена! Можно ни за что, ни про что попасть на висѣлицу.

Разговоръ на минуту прервался; оба шли молча.

— Что это ты опоздалъ? Должно быть, баклуши билъ?

Грыць молодцовато покрутилъ усы.

— Заболтался съ этой противной Гандзей.

Игнатъ угрюмо смотрѣлъ въ землю.

— Ты всегда заболтаешься, разъ съ противной, другой разъ съ хорошей, а если удастся, такъ и съ обѣими въ одинъ день.

— Да ужъ конечно бѣжать не стану, не дамъ на себя наплевать,—усмѣхнулся Грыць.

— Совсѣмъ излѣнишься, убѣждалъ его товарищъ,—и правду сказавши, грѣхъ такъ дѣлать, какъ ты дѣлаешь: бѣгалъ къ Марусѣ по двадцать разъ на день, кружилъ ей голову, разсказывалъ всѣмъ, что хочешь свататься, а

когда дѣвушку подняли кумушки на языки, такъ ты за другою ухаживаешь.

— Вотъ разболтался! Что это съ тобою сталось? Мнѣ Маруся нужна, какъ прошлогодній снѣгъ. Я говорилъ, что пошлю за рушниками? Неправда! Бабы говорили что-то между собою, это другое дѣло. Какая теперь женитьба? Черезъ недѣлю-двѣ, а весною найпозже нужно брать коня, саблю, да и въ поле, а жену оставить на попеченіе ляховъ, что ли?

Игнатъ еще больше нахмурился.

— Слушай, брате! Мнѣ Маруся тоже не сестра и не невѣста, значитъ, не въ томъ дѣло, а я тебѣ прямо скажу, что такъ поступать безсовѣстно. Что ты ей говорилъ, я не знаю, но помню, какъ ты не разъ твердилъ мнѣ, что тебѣ полюбилась эта дѣвушка, что ты хочешь жениться. Говорилъ вѣдь? Правда?

Грыць, прижатый къ стѣнкѣ, колебался съ отвѣтомъ.

— Такъ что жъ, что говорилъ? Мало ли кто приглянется, на всѣхъ вѣдь не женишься. Видишь самъ, какія теперь времена!

— То одно дѣло, а это другое.

— Совсѣмъ не другое... Не хочу жениться и только!

— И прекрасно сдѣлаешь,—сказалъ Игнатъ послѣ нѣкотораго молчанія,—для такого вѣтрогона жаль порядочной дѣвушки.

Разговоръ прекратился, впереди показалось мѣстечко и вскорѣ оба пріятеля исчезли между хатами.

Между тѣмъ въ корчмѣ попойка, по обыкновенію, продолжалась до полуночи; Орунъ по прежнему охотно прислуживалъ всѣмъ, а проводивши послѣднихъ гостей, приказалъ наймыту закрыть оконицы, заперся изнутри, но огня не гасилъ и не шелъ спать. Хайка уложила дѣтей, укрыла ихъ перинами, вытряхнула кожаный карманъ, наполненный дневною выручкою, разсортировала золотую, серебряную и мѣдную монету, разложила въ отдѣльныя кучки, сосчитала все и уже два раза позвала

мужа, чтобы тотъ шелъ провѣрить еще разъ и спрятать деньги, но Орунъ отвѣчалъ однимъ только словомъ „погоди“, а самъ, заложивши обѣ руки за поясъ, продолжалъ ходить по корчмѣ изъ угла въ уголъ, молча, въ глубокомъ раздумьи. Дѣйствительно, было о чемъ подумать: старый кобзарь и вызванные имъ разговоры отгоняли сонъ отъ глазъ. Не хотѣлось ему сообщать своихъ опасеній женѣ, чтобы не растревожить ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что нужно рѣшиться на что-нибудь.

Хайка уже нѣсколько разъ выглядывала изъ другой комнаты, но видя, что Орунъ продолжаетъ ходить задумавшись и не смотритъ на нее, не рѣшалась подойти. Наконецъ, она приблизилась къ порогу, устремила на мужа вопросительный взглядъ и съ безпокойствомъ спросила:

— Что случилось?

Орунъ остановился посреди хаты и произнесъ съ нескрываемою тревогою:

— Скверная исторія... гайдамаки!..

Дѣйствительно, скверная исторія приближалась; чутье не обманывало еврея. Онъ не боялся тѣхъ гайдамаковъ, что бродили въ одиночку по степямъ и урочищамъ отъ корчмы до корчмы, равно какъ и тѣхъ, что по ночамъ выходили за добычею; съ этими послѣдними онъ, напротивъ, жилъ въ пріязни, такъ какъ они все награбленное исправно сносили къ нему, закладывали или просто пропивали въ шинкѣ. Теперь онъ предчувствовалъ нѣчто болѣе грозное. По всему, что говорилось въ корчмѣ, по самому поведенію ея воскресныхъ посѣтителей, Орунъ догадывался о чемъ-то несравненно худшемъ, чего имѣлъ серьезныя основанія опасаться.

Одно слово „гайдамаки“ произнесенное Оруномъ, какъ громомъ поразило его жену; она поблѣднѣла, вперила въ мужа неподвижный взглядъ, какъ бы спрашивая, что теперь дѣлать, и съ минуту стояла такъ, словно окаменѣлая. Она не спрашивала, гдѣ гайдамаки, сколько ихъ, должно-ли имъ опасаться нападенія,—все это выражалось въ ея во-

просительномъ взглядѣ; потомъ вдругъ всплеснула руками, схватилась за голову и снова безсильно опустила руки. Орунъ стоялъ тоже весь блѣдный, блуждающими глазами водилъ по хатѣ, по временамъ останавливая ихъ на испуганномъ лицѣ Хайки, наконецъ произнесъ какъ бы про себя:

— Надо что-нибудь придумать.

Оба ушли въ свою комнату, усѣлись за столомъ и принялись пересчитывать разложенныя кучками деньги, разсуждая о томъ, какъ быть дальше; такъ незамѣтно прошла половина ночи. Когда пропѣли послѣдніе пѣтухи, Орунъ обратился къ женѣ:

— Ложись спать! утро вечера мудренѣе.

Хайка сбросила башмаки, Орунъ—только халатъ, и оба исчезли подъ пуховиками. Вскорѣ все покоилось мирнымъ сномъ въ лѣсной корчмѣ.

Прошло нѣсколько дней въ тревожныхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ посторонніе не могли понять ни слова; изрѣдка только можно было уловить чаще другихъ повторявшееся названіе Немирова, да нѣсколько еврейскихъ именъ. Въ этомъ никто не могъ бы увидѣть ничего подозрительнаго; Орунъ самъ былъ родомъ изъ Немирова, тамъ жили его родственники, и только онъ, ища заработка по свѣту, забрелъ въ Сокирну, прожилъ здѣсь много лѣтъ и, какъ ходили слухи, нажилъ немалое состояніе, признаковъ котораго впрочемъ ни въ чемъ нельзя было замѣтить. Все его богатство составляли, повидимому, нѣсколько коровъ и козъ, бродившихъ по лѣсу, пара лошадей и крѣпкій фургонъ на желѣзныхъ осяхъ, выглядѣвшій весьма невзрачно. Въ этомъ фургонѣ Орунъ и Хайка ѣздили въ городъ для продажи молочныхъ продуктовъ и для покупки необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Орунъ посылалъ наймыта пасти коровъ подальше въ лѣсъ, а самъ втихомолку подсыпалъ лошадямъ овса безъ мѣры; лошади были на видъ такія же невзрачныя, какъ и фургонъ, но молодыя, здоровыя и безъ изъяна; они отбывали всѣ хозяйственныя потребно-

сти: возили изъ степи сѣно для коровъ, воду изъ Днѣпра, такъ какъ поблизу не было колодца, возили въ городъ угли для продажи, такъ какъ владѣлецъ ихъ между прочимъ занимался выжиганіемъ угля.

Однажды Орунъ приказалъ наложить на фургонъ плетенку и приготовить уголь къ нагрузкѣ; работникъ наносилъ, сколько нужно было, и хотѣлъ уже насыпать фургонъ, но еврей велѣлъ подождать до слѣдующаго дня.

Поздно ночью, когда никого уже не было въ корчмѣ, Орунъ осторожно вышелъ изъ хаты, обошелъ и осмотрѣлъ полянку, словно опасаясь чьего-то присутствія. Но никого не было; только гдѣ-то въ сторонѣ залаяла собака, искавшая въ сорной кучѣ чего-нибудь съѣдобнаго. Противъ обыкновенія хозяинъ подозвалъ ее и бросилъ кусокъ хлѣба; голодная собака съ жадностью подхватила хлѣбъ и убѣжала въ кусты. Не замѣтивъ ничего подозрительнаго, Орунъ воротился въ хату и заперъ желѣзными крючками всѣ двери, какъ наружную въ сѣняхъ, такъ и дверь изъ корчмы во вторую комнату.

— Никого нѣтъ... можно вынуть...—обратился онъ къ женѣ, снялъ халатъ, засучилъ рукава, взялъ топоръ и клещи и полѣзъ подъ кровать. Жена подвинула ему небольшой каганецъ, при свѣтѣ котораго можно было свободно хозяйничать подъ кроватью, такъ какъ Хайка изъ предосторожности уложила дѣтей спать въ первой комнатѣ.

Между тѣмъ какъ въ корчмѣ полъ былъ просто смазанъ глиною, въ комнатѣ хозяевъ былъ деревянный помостъ изъ толстыхъ досокъ, скрѣпленныхъ крупными желѣзными гвоздями. Влѣзши подъ кровать, Орунъ принялся вытаскивать клещами гвозди одинъ за другимъ, затѣмъ поднялъ топоромъ широкую доску, поставилъ ее къ сторонѣ, но подъ нею ничего не было замѣтно, кромѣ желтаго песку; тогда онъ взялъ лопатку и началъ осторожно выгребать песокъ, складывая его тутъ-же на полу. Работа эта продолжалась около получаса; уже набралась довольно

большая куча, когда желѣзный заступъ ударился о что-то твердое. Очевидно, весь этотъ песокъ покрывалъ собою другую доску, до которой Орунъ хотѣлъ добраться; онъ поднялъ топоромъ эту доску, такъ же, какъ и первую, и тоже отложилъ ее въ сторону; тогда передъ нимъ открылась какая-то темная дыра. Орунъ взялъ плошку, осторожно наклонился впередъ, поглядѣлъ внизъ и началъ медленно спускаться въ погребъ, освѣщая себѣ дорогу.

О существованіи этого погреба не зналъ никто, кромѣ самихъ хозяевъ; здѣсь прятали они всѣ свои богатства,— деньги и прочія драгоцѣнности, добытыя въ разное время отъ гайдамаковъ. Все это составляло весьма цѣнное сокровище, и не удивительно, что хозяева такъ заботливо скрывали его. Въ одномъ углу свалены были въ кучу серебряные и золотые сосуды: церковныя чаши, подсвѣчники и прочая утварь; панское столовое серебро, дорогіе кубки; однимъ словомъ, здѣсь можно было найти все, чѣмъ блистали богатые шляхетскіе дворы того времени. Въ другомъ углу сверкали жемчужныя ожерелья, кораллы, бриллiантовые перстни, серьги; здѣсь складывалъ Орунъ мелкія украшенія, которыя, какъ воронъ, собиралъ вездѣ, гдѣ-бы они ни заблистали. Дальше, еще въ другомъ концѣ, прямо подъ кухонною печью, помѣщалась жаровня и лежала куча угля.

Пока Орунъ хозяйничалъ въ погребѣ, Хайка тоже не теряла времени наверху; она развела огонь въ печи, сдѣлала небольшое отверстіе въ лежанкѣ, обогрѣвавшейся только зимою, и посредствомъ жестяной трубы соединила это отверстіе съ горящею печью. Все это было въ прямой связи съ тѣмъ, что дѣлалось внизу. Тамъ Орунъ тоже развелъ огонь подъ двумя жаровнями; въ большую онъ бросалъ серебряные предметы, въ меньшую золотые. Нужно было переплавить всѣ эти вещи. Огонь, разведенный наверху и проходящая къ кухонной печи труба— все это должно было усилить тягу изъ погреба, гдѣ происходила главная работа. Чтобы замаскировать ее на

всякій случай, Хайка разставила горшки, какъ будто готовила что-то.

Послѣ двухчасовой работы въ подземельѣ всѣ эти груды золота и серебра превратились въ безобразные слитки, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ; никто съ перваго взгляда не отгадалъ бы драгоцѣнныхъ металловъ въ этихъ сѣрыхъ, пористыхъ кругахъ, изрѣдка отливавшихъ какимъ-то неяснымъ блескомъ. Мелкія драгоцѣнности Орунъ сложилъ всѣ вмѣстѣ въ деревянный сундучекъ и, когда все было готово, постучалъ женѣ, чтобы та помогла ему вынуть вещи изъ погреба; затѣмъ сундучекъ и слитки хозяева спрятали въ уголъ, тщательно прикрывши сверху тряпьемъ, а сами принялись задѣлывать ходъ изъ погреба; дѣло было не трудное и вскорѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ горсти песку, который Хайка подмела по утру.

На другой день Орунъ съ утра отослалъ работника въ мѣстечко съ какимъ-то порученіемъ, а самъ съ женою насыпалъ въ фургонъ слой угля, уложилъ въ него слитки и ящикъ съ драгоцѣнностями и все это снова покрылъ углями. Пока работникъ успѣлъ возвратиться, возъ былъ почти совсѣмъ нагруженъ.

— Ну, Иване,—обратился къ нему хозяинъ,—тебе тилько по смерть посылать!

Иванъ отеръ рукою потъ на лбу и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на еврея.

— Ну, чего вытаращилъ глаза? Видишь, я уже почти полный возъ насыпалъ, а тебя все нѣтъ какъ нѣтъ!

Работникъ посмотрѣлъ на возъ, дѣйствительно—полонъ. Странно ему показалось, тѣмъ болѣе, что хозяинъ никогда не дѣлалъ этого раньше, а теперь онъ и самъ не могъ сообразить, точно ли ходилъ такъ долго, хотя ему казалось, что спѣшилъ, потому что воротился весь въ поту.

— Отсе!—однимъ словомъ выразилъ онъ свое удивленіе.

— Ну! досыпай угли! будешь еще думать цѣлый часъ.

Иванъ докончилъ нагрузку, напоилъ лошадей и началъ собираться въ дорогу.

— Въ Каневъ, или въ Триполье? спросилъ онъ,—Нужно знать, сколько брать овса.

— Я самъ поѣду, отвѣчалъ Орунъ.—Можетъ быть, завтра и ворочусь; ты оставайся дома, а то некому будетъ хозяйкѣ ни воды принести, ни дровъ нарубить.

— Про мене!—отвѣчалъ Иванъ равнодушно.

Послѣ завтрака Орунъ отправился въ путь.

V.

Изъ разговоровъ его съ женою можно было догадываться, что Орунъ поѣхалъ въ Немировъ. На то были важные поводы: во-первыхъ, самъ онъ происходилъ изъ этого города, тамъ жили его родные. Во-вторыхъ, Немировъ слылъ хорошо укрѣпленнымъ городомъ, въ которомъ можно было безопаснѣе скрыть свои сокровища, нежели въ глухой лѣсной корчмѣ, гдѣ каждую минуту приходилось дрожать за ихъ цѣлость. Наконецъ, онъ нажилъ уже достаточно и теперь подумывалъ о томъ, чтобы навсегда поселиться въ родномъ городѣ, заняться какою нибудь торговлею и спокойно доживать вѣкъ, въ кругу дѣтей и родственниковъ. Нужно было осмотрѣться, самому разузнать все на мѣстѣ. Дѣдъ его и тезка, во время непродолжительнаго существованія Сарматскаго княжества, содержалъ въ Немировѣ школу одалисокъ, которыхъ воспитывалъ для султанскихъ гаремовъ; но не поладилъ съ Юріемъ Хмельницкимъ, и тотъ приказалъ снять съ него кожу. Хотя Юрій вскорѣ и самъ поплатился жизнью за такое самоуправство, но богатство уже не воротилось въ разоренную семью еврея. Орунъ былъ первый изъ его потомковъ, которому улыбнулось счастье; онъ возвращался въ родное гнѣздо едва ли не богаче, нежели былъ его дѣдъ.

Еще одну тайную надежду лелѣялъ онъ въ глубинѣ души: у него было вѣрное, повидимому, средство войти въ милость и довѣріе начальства, средство, стоившее едва ли не дороже, чѣмъ все его золото и серебро—это были важныя для своего времени свѣдѣнія о замыслахъ гайдамаковъ. Нужно только выждать удобную минуту, во-время шепнуть, кому слѣдуетъ, свои догадки, дождаться ихъ исполненія, и будущность его обезпечена. Если счастье поможетъ ему, если все пойдетъ такъ, какъ онъ думаетъ, тогда онъ можетъ смѣло разсчитывать на какой-нибудь пожизненный откупъ, въ которомъ привлекалъ его не столько вѣрный доходъ, сколько спокойная жизнь.—Такъ мечталъ онъ, сидя на возу съ углями. Куда онъ ѣхалъ, этого не зналъ никто, кромѣ Хайки; каждому встрѣчному по пути Орунъ выдумывалъ что-нибудь другое и помаленьку сворачивалъ на Немировъ. Онъ возобновлялъ въ памяти посѣщеніе слѣпаго Матвія, припоминалъ до мельчайшихъ подробностей все, о чемъ сгоряча проговорился тогда Игнатъ, но главнымъ двигателемъ онъ подозрѣвалъ Гордія Грыву. Давно уже слѣдилъ за нимъ Орунъ и только теперь успѣлъ уловить связь между нимъ и руководителями того возстанія, которое чуялось въ воздухѣ. Кобзаря привелъ въ корчму Игнатъ, а онъ былъ вѣдь правая рука Гордія... Не напрасно слоняются они между народомъ и толкуютъ, Богъ вѣсть о чемъ. Орунъ зналъ о поѣздкѣ сотника въ Кіевъ; зачѣмъ онъ ѣздилъ? Во всякомъ случаѣ не по своимъ дѣламъ; сидѣлъ вѣдь безвыѣздно двадцать-пять лѣтъ, могъ бы просидѣть и дольше, еслибы не какія-то постороннія причины. Все это соображалъ еврей и уже заранѣе строилъ планы о томъ, какія милости и въ какихъ размѣрахъ достанутся ему отъ ясневельможнаго гетмана. Времени для размышленій было достаточно, путь лежалъ далекій, тѣмъ болѣе, что ѣхать прямою дорогою онъ не рѣшался, опасаясь, какъ бы не напали на него какіе-нибудь бродяги, а больше держался окольныхъ

тропинокъ по направленію къ Таращѣ и Ставищамъ. Около полудня выѣхалъ онъ на „Багатырскій степъ“, своротилъ въ сторону отъ дороги и остановился подъ лѣсомъ кормить лошадей; распрегъ ихъ, стреножилъ и пустилъ на траву, а самъ внимательно оглядывалъ окрестности и что-то соображалъ. Вдругъ изъ-за пригорка показалась конная фигура и направилась прямо къ нему по узкой степной тропинкѣ.—Еслибы только Богъ пронесъ его мимо!—съ тревогою думалъ Орунъ. Всадникъ ѣхалъ медленно; очевидно, онъ тоже замѣтилъ фургонъ подъ лѣсомъ и присматривался, сдерживая коня. Орунъ, какъ человѣкъ осторожный, спрятался за тѣлегу и незамѣтно выглядывалъ оттуда, чтобы не накликать бѣды. Онъ боялся, и не безъ основанія, какъ бы проѣзжій не замѣтилъ его длиннаго халата и пейсовъ и не придрался за что-нибудь; зналъ онъ отлично, что народъ не любитъ евреевъ, слѣдовательно, и проѣзжій могъ придраться къ нему безъ всякаго повода; онъ вѣрилъ по-неволѣ въ справедливость пословицы: на грѣхъ и ракъ свистнетъ.

Между тѣмъ всадникъ поровнялся съ фургономъ, стоявшимъ въ какихъ-нибудь ста шагахъ въ сторонѣ отъ дороги, и остановился, обративъ вниманіе на лошадей.

— Что-то какъ будто оруновы кони,—замѣтилъ онъ про себя и посмотрѣлъ въ другую сторону.—Да и возъ его. Не укралъ-ли кто?

Эта догадка заставила его своротить съ дороги и приблизиться къ фургону съ углями. Орунъ между тѣмъ, притаившись въ травѣ, притворился крѣпко спящимъ. Всадникъ подъѣхалъ къ нему, остановился и съ удивленіемъ смотрѣлъ на храпѣвшаго еврея. Въ первую минуту лицо его озарилось добродушною улыбкою, говорившею: уснулъ, а еслибы теперь кто-нибудь укралъ у тебя лошадей? Но черезъ минуту удивленіе смѣнилось раздумьемъ, выразившимся въ заданномъ самому себѣ вопросѣ: зачѣмъ онъ здѣсь и куда ѣдетъ? Отвѣтъ, очевидно, получился неудовлетворительный,—проѣзжій на-

хмурилъ брови, глаза его засверкали; онъ хотѣлъ уже разбудить спавшаго еврея, когда тотъ, успокоенный окружавшею его тишиною, самъ внезапно открылъ глаза и встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Гордія Грывы.

Встрѣча эта была такъ неожиданна для Оруна, наполнила его такимъ смущеніемъ и страхомъ, что онъ не смѣлъ раскрыть рта, не могъ свести широко раскрытыхъ глазъ съ сидѣвшаго на конѣ Гордія. Замѣшательство еврея вполнѣ объяснялось его тайными намѣреніями; ему казалось, что гайдамаки отгадали весь его планъ и поручили Гордію убить его. На ворѣ шапка горитъ, а ему было чего опасаться, хотя въ данномъ случаѣ опасенія эти не имѣли достаточнаго основанія: встрѣча была чисто случайная, обоимъ путь лежалъ почти въ одну сторону, одному въ Немировъ, другому въ Шаргородъ; а такъ какъ и тотъ, и другой имѣли основаніе ѣздить проселочными дорогами, то и встрѣтились, когда всего меньше могли этого ожидать. Гордій опомнился первый и заговорилъ съ блѣднымъ отъ страха евреемъ.

— Ото! развѣ можно такъ засыпать въ дорогѣ? А? Хорошо, что везешь угли, а еслибы что-нибудь получше?

— Ну, ну...—произнесъ Орунъ, съ трудомъ оправляясь отъ испуга.—Вотъ случай...

— А куда тебя Богъ несетъ?

— Въ Ставища... везу угли для коммиссара... А вы?

— А я въ Паволочь.

Оба говорили неправду; каждый зналъ это, но ни одинъ не подалъ вида, что сомнѣвается въ истинѣ отвѣта. И тотъ, и другой знали, что нужно спросить и самому солгать что-нибудь въ отвѣтъ, чтобы не повстрѣчаться въ другой разъ на той же самой дорогѣ.

Гордій слѣзъ съ коня, разнуздалъ его, бросилъ поводья на сѣдло и пустилъ его на траву, а самъ поговорилъ съ Оруномъ о томъ-о-семъ и черезъ полчаса снова пустился въ путь.

Теперь старый сотникъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ. Едва успѣлъ онъ возвратиться изъ Кіева, какъ уже предстояла другая дорога: надо было съѣздить къ Верлану, затѣмъ на Сичъ, вездѣ собственными глазами убѣдиться въ положеніи вещей, развѣдать—гдѣ и какъ можно приступать къ дѣлу. Ему не было времени заниматься домашними дѣлами; правда, Ярына постоянно твердила ему что-то о непостоянствѣ Грыця, но Гордій любилъ и баловалъ единственную дочь, былъ къ ней чрезвычайно снисходителенъ.

— Скажи ты этому вѣтрогону, чтобы не кружилъ головы Марусѣ,—говорила ему на выѣздѣ тетка Ярына.—Пусть себѣ идетъ, куда угодно. Дѣвушка плачетъ за нимъ, тоскуетъ, а ему и горя мало.

Гордій, недовольный, махнулъ рукою.

— Атъ, пусть его еще... хлопецъ хорошій, можетъ быть одумается. Не могу же я заставить Марусю разлюбить его, хоть бы даже и приказалъ, все равно ничего не поможетъ.

— Эй, послушай! какъ-бы послѣ не пожалѣлъ, да поздно будетъ...

Старикъ задумался.

— Пускай, когда ворочусь; тогда можно будетъ осмотрѣться, тамъ увидимъ.—Съ тѣмъ онъ и выѣхалъ.

Между тѣмъ Маруся, подслушавши на левадѣ разговоръ Гандзи съ Грыцемъ, не могла успокоиться съ тѣхъ поръ, не могла принудить себя заняться какою-нибудь работою. Что бы она ни дѣлала, пряла ли, вышивала, Грыць безпрестанно стоялъ передъ глазами, мѣшалъ работать; каждое воспоминаніе о немъ наполняло ея сердце чувствомъ глубокой обиды. Вѣдь онъ увѣрялъ, что любитъ ее, обѣщалъ прислать сватовъ, а теперь то же самое нашептываетъ другой, подаетъ ей тѣ же самыя надежды. Не говори онъ ей, что любитъ, она и до сихъ поръ жила бы себѣ спокойно и счастливо, можетъ быть и не узнала бы никогда, что такое любовь; а теперь?.. Она было ожи-

дала, что любовь принесетъ ей радость, а вмѣсто того пришло горе. Кому жъ вѣрить теперь, если Гандзя, такая вѣрная, сердечная подруга, манитъ его къ себѣ, какъ русалка? Когда Маруся начинала раздумывать обо всемъ случившемся, что-то сжимало ей грудь, задерживало дыханье, глаза смотрѣли блестящимъ неподвижнымъ взглядомъ, а сквозь стиснутые зубы глухо вырывалась угроза: не отдамъ его тебѣ живьемъ; мое счастье погубишь, а своего не создашь.

Теперь у нея не было друга, который могъ бы раздѣлить ея горе; она перестала уже вѣрить въ дружбу послѣ измѣны Гандзи и всю свою тоску изливала въ пѣсняхъ, въ нихъ только находя нѣкоторое успокоеніе. Никогда еще тетка Ярына не слыхала такихъ чудныхъ, задушевныхъ пѣсенъ; казалось, первое разочарованіе пробудило въ полной силѣ импровизаторскій талантъ дѣвушки. Такъ поетъ соловей на развалинахъ своего гнѣзда, разрушеннаго чуждою рукою. Надъ жилищемъ Гордія повисла темная туча; съ его спокойною семьею случилось такъ, какъ бываетъ иногда въ природѣ: ясно и весело свѣтитъ солнце въ синемъ, безоблачномъ небѣ, въ воздухѣ тишина, листъ не шелохнется, но вотъ на горизонтѣ показывается небольшая тучка, тихо плыветъ по небу, растетъ, темнѣетъ, заволакиваетъ все небо; солнце скрылось, вотъ подулъ холодный вѣтеръ, разъ, другой, все сильнѣе и сильнѣе, и забушевала гроза... Жила себѣ семья спокойно и счастливо, какъ вдругъ на горизонтѣ ея жизни показалась тучка, которая видимо росла, увеличивалась и быстро захватывала всѣхъ: Гордій совсѣмъ измѣнился, Маруся тосковала и блѣднѣла, одна энергичная тетка Ярына все еще хлопотала съ утра до ночи, слѣдила за порядкомъ въ хозяйствѣ, но и то больше по привычкѣ; казалось, прежнія занятія утратили и для нея свой жизненный интересъ. Можетъ быть, все это еще какъ-нибудь поправилось бы, еслибы Гордій подольше оставался дома;

но онъ бывалъ теперь только рѣдкимъ гостемъ подъ родною крышею.

Грыць, котораго бывало зачастую приходилось гнать изъ хаты, теперь являлся все рѣже и рѣже, а если и заглядывалъ иногда, то лишь на минуту, точно урывками; то же самое было и съ Гандзею. Такъ прошло лѣто, наступила осень, а ничто не измѣнилось въ общемъ положеніи вещей; Гордій все еще не возвращался, семья не получала о немъ никакихъ извѣстій, а въ домѣ становилось все скучнѣе и скучнѣе. Осторожная Ярына, не дожидаясь возвращенія главы семейства, сама позаботилась о томъ, чтобы по возможности отстранить Марусю отъ веселаго общества Гандзи, не слишкомъ-то заслуживавшей ея дружбы.

Однажды, не задолго передъ „другою Пречыстою", старуха пряла, сидя у окна, то разговаривая съ Марусею, то поглядывая на улицу отъ скуки; вотъ за воротами промелькнула какая-то фигура; Ярына невольно наклонилась къ окну, нахмурилась и проговорила съ видимымъ раздраженіемъ:

— Отъ, прынесло!..

Маруся въ свою очередь выглянула въ окошко и замѣтила притворно-равнодушнымъ тономъ, въ которомъ тоже проглядывало неудовольствіе:

— Гандзя...

Гостья между тѣмъ перескочила черезъ перелазъ и вбѣжала въ хату; ея румяное лице сіяло здоровьемъ и счастьемъ.

— Вотъ, насилу собралась!—сказала она вмѣсто привѣтствія и въ свою очередь тоже не встрѣтила со стороны хозяекъ такого сердечнаго, ласковаго пріема, какъ бывало прежде; лицо старухи вытянулось, Маруся съ трудомъ принудила себя улыбнуться.

— Правда, прежде бѣгаешь, бывало, по три раза на день, а теперь и разъ въ мѣсяцъ не заглянешь; должно быть некогда?

Гандзя чувствовала себя очень неловко, но старалась казаться веселою.

— То сюда, то туда—не успѣешь оглянуться, ужь и день прошелъ.

Ярына сердито молчала, Маруся время отъ времени отвѣчала что-нибудь сквозь зубы; по всему видно было, что старая дружба погибла на вѣки. Гандзя прекрасно сознавала все это, но вынуждена была показывать *bonne mine à mauvais jeu.*

— А знаешь, Марусе, въ субботу у титки Луцьки вечерныци съ музыкою?

Ярына кивнула головою.

— Вотъ, понадобилось имъ. Не думаютъ ли они, что такъ скорѣе выдадутъ замужъ свою Горпыну?

— Кто его знаетъ, равнодушно отвѣчала Гандзя и обратилась къ Марусѣ.

— А ты пойдешь?

Старуха съ лихорадочною поспѣшностью начала наматывать нитки на веретено.

— Я? нѣтъ... зачѣмъ?...

Гандзя ничего не отвѣчала.

— А ты?—спросила Маруся послѣ нѣкотораго молчанія.

— Почему же нѣтъ? Нужно идти, когда просятъ.

— И Грыця съ собою поведешь? злобно прибавила Маруся. Бывшая пріятельница искоса взглянула на соперницу.

— Вотъ еще! Развѣ Грыць самъ не найдетъ дороги, если захочетъ?

Маруся съ принужденною улыбкою подняла на подругу горящіе ревностью глаза.

— Разумѣется, найдетъ; прежде могъ вѣдь ходить безъ тебя, а теперь вы уже такъ полюбились, что васъ и водою не разольешь.

— Что жъ это, уже и заговорить съ нимъ нельзя, что-ли? Прежде къ тебѣ улыбался, а теперь ко мнѣ—чѣмъ же я виновата? А какъ съ тобою Игнатъ зубы скалитъ, что мнѣ за дѣло?

Марусѣ сдѣлалось обидно.

— Цуръ тоби! Мнѣ Игнатъ такъ нуженъ, какъ прошлогодній снѣгъ...

— А мнѣ Грыць...

— Неправда!—Крикнула Маруся съ негодованіемъ.— Должно быть нуженъ тебѣ, если такъ пришила его къ своей запаскѣ!

— Вотъ тебѣ на! Я его пришила? Самъ привязался, пусть его отстанетъ къ нечистому! Небось, какъ съ тобою шептался подъ вишнею, то ничего, а какъ со мною, то грѣхъ!

— Голубко моя!—вмѣшалась тетка Ярына,—возьми его себѣ, возьми... давай ему рушныки, да и живите себѣ счастливо. Боже, поможи! Не о чемъ жалѣть, дитя мое: было бы тебѣ столько радости, какъ и матери: цѣлую зиму на печи лежитъ, если не въ корчмѣ гуляетъ, а лѣтомъ за дѣвушками гоняется.

— Хотя бы и такъ,—отстаивала его Гандзя.—Если есть и волы, и наймыты, есть кому на него работать, можетъ отдыхать.

— Отдыхать одно, а лежать на печи—совсѣмъ другое,— продолжала доказывать Ярына. Гандзя очевидно не была равнодушна къ этимъ замѣчаніямъ; она покраснѣла еще больше.

— Вотъ напали! Отвяжись ты отъ меня и съ Грыцемъ, и съ вечерныцями. Хочешь—иди, не хочешь—не иди, вольному воля, насильно никто не потащитъ.

Старуха пыталась было перемѣнить разговоръ, заговорила о хозяйствѣ, но обѣ соперницы была такъ раздражены, что не могли ни слова сказать спокойно. Впечатлительный, поэтическій темпераментъ Маруси живѣе и глубже чувствовалъ измѣну милаго и вѣроломство подруги; она работала молча, стараясь сдерживать волновавшія ее чувства; наконецъ мысли ея воплотились въ поэтическій образъ и она запѣла, не переставая работать:

„Стоить въ поли дви тополи,
Одна другу выхытуе.
Кохавъ козакъ дви дивчины,
Одна другу выпытуе!!..

И Ярына, и Гандзя сразу поняли тайный смыслъ пѣсни, отгадали вызвавшія ее чувства; обѣ невольно замолкли, слушая эту горькую жалобу оскорбленнаго сердца.

— Такъ какъ-же, не пойдешь?—Наконецъ спросила Гандзя. Маруся задумалась.

— Нѣтъ! рѣшила она.—Обойдется тамъ и безъ меня. Только поклонись ему...

— Поклонишься и сама,—отрѣзала Гандзя, задѣтая за живое и вышла, едва кивнувъ головою на прощанье.

Ярына проводила ее глазами и долго не могла оторвать разгнѣваннаго взгляда отъ закрытой двери, потомъ плюнула и проговорила:

— Тю! Навижена!

Оставшись однѣ въ хатѣ, обѣ женщины молчали; каждая думала свое, и ни одна не могла подѣлиться своими мыслями съ другою. Ярына имѣла доброе сердце, она искренно жалѣла дѣвушку, рада была бы чѣмъ-нибудь утѣшить ее и въ то же время была довольна, что съ Грыцемъ все кончено,—не поженятся и только; дѣвушка поплачетъ, поскучаетъ, можетъ быть долго, можетъ быть годъ, другой, но не вѣкъ же за нимъ скучать; пойметъ же она со временемъ, что не могла бы жить счастливо съ такимъ легкомысленнымъ, пустымъ человѣкомъ, какъ Грыць? Но Маруся не могла помирится съ своимъ положеніемъ; пусть бы просто оставилъ, тогда она, можетъ быть, нашла бы ему оправданіе, но нѣтъ—онъ промѣнялъ ее на другую.

— Пора готовить ужинъ, дитя мое! Прервала молчаніе тетка Ярына.

— Еще успѣю. Гдѣ еще солнце!

— Все равно; тебѣ, я вижу, не работается.

Веретено быстрѣе забѣгало подъ рукою Маруси, она упрямо кивнула головою, сопровождая это движеніе выразительнымъ возгласомъ: добре! и, какъ бы въ поясненіе своихъ мыслей, запѣла:

„Котылыся возы зъ горы,
Та въ долыни сталы;
Кохалыся, любылыся,
Та вже й пересталы.

Тетка Ярына слушала печально, подавленная тяжелымъ горемъ любимаго дитяти, и жаль ей было этихъ разбитыхъ надеждъ на счастье; хоть сама она и не вѣрила въ это счастье, не видѣла въ дѣвичьихъ мечтахъ спокойной и счастливой будущности, но все-таки сердце ея болѣло, глядя на Марусю. Вспоминались ей ея молодые годы, ея собственныя мечты, страстная жажда счастья, которая такъ и осталась неудовлетворенною; мечты остались мечтами, и жаль ей было этихъ послѣднихъ заблужденій. Казалось, пѣсня Маруси пробудила въ душѣ старухи давно забытыя воспоминанія; она съ лихорадочною поспѣшностью кружила веретено и, едва дѣвушка докончила куплетъ, обратилась къ ней съ просьбою: Довольно! Довольно!—помолчала немного и прибавила:

— Не о чемъ жалѣть!

Маруся положила работу и занялась приготовленіемъ ужина; брала горшки съ мысныка, наливала водою, разставляла на прыпичкѣ, но все это дѣлала какъ-то автоматически, безсознательно. Тетка Ярына вышла изъ хаты, можетъ, быть для того, чтобы присмотрѣть по хозяйству, а можетъ, быть—и даже вѣрнѣе—для того, чтобы дать просторъ своимъ мыслямъ и оставить дѣвушку въ покоѣ.

Оставшись одна въ хатѣ, Маруся какъ-то машинально развела огонь, задвинула горшки въ печь, потомъ присѣла къ окну и снова задумалась. Нелегко ей было помириться съ такимъ положеніемъ вещей, нелегко разстаться съ мечтами о счастьи, которое, повидимому, было такъ

близко, а въ дѣйствительности оказывалось совсѣмъ не достижимымъ, и въ душу западала горечь, тоска... Теперь она убѣждалась въ ничтожествѣ человѣка, котораго любила, и невольно спрашивала себя: За что она его любила? Что нашла въ немъ? Что такъ сильно влекло ее къ этому парубку? На всѣ эти вопросы она не могла дать себѣ отвѣта; не видѣла въ немъ ничего, заслуживавшаго столь глубокой привязанности, а между тѣмъ какой-то тайный голосъ въ самой глубинѣ души нашептывалъ ей, что она все еще любитъ его...

Давно уже минулы вечерныци у титки Луцьки, причинившія Марусѣ столько горя, а она до сихъ поръ ни отъ кого не могла узнать, что тамъ было. Невольно, безсознательно для нея самой въ душѣ ея все еще таилась слабая надежда; трудно было сразу разстаться съ любимою мечтою молодости. Она чувствовала и сознавала, что ничего хорошаго не узнаетъ, что нужно навсегда отказаться отъ этой мечты, и не смотря на то, наперекоръ очевидности, все еще надѣялась. Можетъ быть, люди говорятъ неправду, можетъ быть, сама она не такъ поняла, можетъ быть, ей только показалось, что онъ промѣнялъ ее на Гандзю... А въ то же время разсудокъ подсказывалъ ей другіе вопросы: почему же онъ не приходитъ къ тебѣ? Вѣдь прежде онъ слѣдилъ за каждымъ твоимъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ, ловилъ твой взлядъ, прислушивался къ голосу; а теперь! У нея просто кружилась голова. Все измѣнилось такъ быстро, такъ внезапно, что бѣдная дѣвушка не могла ничего сообразить. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣмъ жилось такъ весело, счастливо, а теперь словно покойникъ въ домѣ: отецъ Богъ знаетъ гдѣ, уѣхалъ и не подаетъ о себѣ вѣсти, прежніе знакомые какъ-то оставили ихъ и даже онъ— Грыць, который столько разъ клялся вѣрно любить до гроба, теперь измѣняетъ ей.

Какъ будто черная туча нависла надъ домомъ и придавила своею тяжестью его обитателей; обѣ женщины

старались скрыть другъ отъ друга свою грусть и безпокойство, постоянно вспоминали Гордія, говорили о немъ одномъ, нетерпѣливо ожидая его возвращенія, словно надѣялись, что тогда все снова пойдетъ по-старому.

Однажды въ субботу, возвращаясь отъ вечерни, онѣ издали замѣтили Игната и прибавили шагу, желая поговорить о томъ-о-семъ, узнать мѣстныя новости. Пока сотникъ сидѣлъ дома, Игнатъ бывалъ у нихъ частнымъ гостемъ, а теперь ни разу не навѣстилъ ихъ. Ярына обратилась къ нему съ упрекомъ.

— Вотъ, гдѣ это ты запропастился, что и глазъ не кажешь? Я думала, тебя уже и на свѣтѣ нѣтъ!

— Я уѣзжалъ; вчера только воротился...

Старуха недовѣрчиво посмотрѣла на него.

— Не слыхалъ-ли чего о Гордіи?

— Какъ-же, слыхалъ... онъ можетъ быть скоро возвратится...

— Гдѣ-же онъ теперь?

— Не знаю... по дѣламъ...

Этотъ уклончивый отвѣтъ очевидно не удовлетворилъ Ярыну, напротивъ, заставилъ ее призадуматься: что это онъ говоритъ? Слыхалъ о немъ—и не знаю, гдѣ онъ,—что-же это значитъ? Куда-то ѣздятъ, что-то дѣлаютъ, съ кѣмъ-то совѣщаются—зачѣмъ? Къ чему все это приведетъ? Чѣмъ оно кончится? Обѣ женщины шли съ Игнатомъ, продолжая разговоръ на ту-же тему.

— Зайди къ намъ—приглашала старуха—я приготовила свѣжаго пива,—попробуешь...

Маруся принужденно засмѣялась.

— Титка всегда найдетъ какую-нибудь приманку для хлопцевъ.

— Нельзя...—засмѣялась та въ свою очередь.—Знаешь, для хлопця, какъ для рыбки, всегда нужно надѣть что-нибудь на крючокъ.

Такъ въ разговорахъ незамѣтно подошли къ дому. Дѣвушка мучилась неизвѣстностью о томъ, что дѣлалось

на вечерницѣ. Игнатъ долженъ уже былъ узнать все если не отъ пріятеля, то отъ кого другаго, но ей не хотѣлось самой заговаривать объ этомъ. Тетка Ярына пришла ей на выручку.

— Вотъ, еслибы ты не разъѣзжалъ, Богъ тебя знаетъ гдѣ, былъ бы навѣрно на послѣдней вечерницѣ у Луцьки; говорятъ, танцовали такъ, что ну!

— Да, слыхалъ. Гандзя тамъ и каблуки отъ красныхъ сапогъ оставила.

— Оттанцовала?

— А то-жъ! отпадутъ, хоть бы и желѣзные,—замѣтилъ Игнатъ.

— И это съ тѣмъ вѣтрогономъ такіе *гоцки выбивала*? злобно отозвалась Ярына.

— А то съ кѣмъ же?

— Ну, какъ поженятся, будутъ всю жизнь отплясывать.

Игнатъ подсѣлъ къ Марусѣ и заговорилъ.

— А ты чего это такъ загрустила? Завидно тебѣ, что Гандзя каблуки оттанцовала?

— Вотъ, нашелъ чему завидовать! Пусть себѣ танцуетъ на здоровье.

Маруся была уже настроена противъ него и, хотя старалась казаться равнодушной, но не могла простить молодому козаку того, какъ попрекнула ее Гандзя его именемъ.

— А ты почему не пошла?—Допрашивалъ онъ.

— Не хотѣла,—отвѣчала дѣвушка съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ; Игнатъ не слишкомъ довѣрялъ этимъ словамъ.

— Слѣдовало пойти, развлечься немного.

— Зачѣмъ? Ты, можетъ быть, думаешь, что я скучаю? Она принудила себя улыбнуться.

— Заскучала немного, а можетъ быть, жалѣешь о чемъ-нибудь, чего не стоитъ жалѣть.

Слова эти задѣли ее за живое; она громко засмѣялась сухимъ, принужденнымъ смѣхомъ.

— Вотъ выдумалъ, будто я скучаю! Неправда... Ошибаешься; мнѣ весело! Она смѣло подняла на него свои синіе глаза и запѣла, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ:

„Не прыходь, не нуды, не залыцяйся,
Не буду кохаты—не сподивайся.

— А кому же это ты поешь?

— Кому? Почемъ я знаю?... можетъ быть, и тебѣ.

Послѣ этого Игнату и пиво показалось невкуснымъ; онъ насилу допилъ его большими глотками, придумалъ какой-то предлогъ и поспѣшно распрощался.

Шелъ онъ разстроенный, недовольный. Маруся сильно нравилась ему, но, видя ухажаванье пріятеля и будучи увѣренъ, что дѣло кончится свадьбою, старался подавить свое чувство. Правда, положеніе дѣлъ теперь нѣсколько измѣнилось: его соперникъ бросилъ эту дѣвушку и началъ ухаживать за другою, но все это, какъ онъ убѣдился, нисколько не улучшало его шансовъ; послѣ этой пѣсенки нужно было оставить свякую надежду на будущее. Печально раздумывалъ онъ обо всемъ возвращаясь домой, и въ заключеліе произнесъ вслухъ:

— Не время думать о голубыхъ глазахъ! Вскорѣ позоветъ меня нѣчто болѣе важное, чѣмъ улыбки любимой дѣвушки...

Но это легче было сказать, нежели исполнить на дѣлѣ! Наперекоръ самому себѣ онъ не переставалъ думать о голубыхъ глазахъ Маруси и говорилъ про себя:

— Погоди, придетъ время, полюбишь меня, и тогда, можетъ быть, пожалѣешь о томъ, что дѣлаешь.

Минула и Пречыста, время близилось до Дмытра, а Гордій не возвращался, и ничего не измѣнилось къ лучшему. Гандзя перестала навѣщать Марусю, а Грыць даже при выходѣ изъ церкви на цвынтарь не приближался къ ней. Маруся съ теткою жили, словно двѣ отшельницы.

Передъ самымъ Дмытромъ пришда тетка Луцька съ гребнемъ и дныщемъ, трещала о томъ-о-семъ, то бросала работу, то снова бралась за веретено; ей не сидѣлось на мѣстѣ; по всему видно было, что она бережетъ подъ конецъ сямую интересную новость.

— Вотъ! будто вспомнила она,—чуть было не забыла... Грыць женится на Гандзѣ... Вчера посылалъ за рушниками, уже и хлибъ святый заминылы. Таки поженятся.

Въ хатѣ сдѣлалось тихо, только слышно было жужжаніе веретенъ.

— Не надолго,—раздался вдругъ тихій, но рѣшительный голосъ Маруси.

(До слѣд. №)

НЕЛИШНЕЕ СЛОВО О ВИРШАХЪ.

Въ предыдущемъ (XX) томѣ „Кіевской Старины“ напечатана „*Вирша на Велыкъ-день*“ (стр. 279). Такъ какъ она составляетъ очевидный продуктъ школьной науки, то можно было ожидать, что въ ней строго соблюдены всѣ условія мѣрной рѣчи. Между тѣмъ въ ней, написанной *четырехстопнымъ хореемъ*, мы иногда встрѣчаемъ ямбъ:

„*Чого, Марусе, такъ ты плачешъ?*“

Иногда пятистопный и $5^1/_2$ стопъ хорей:

„*Показавъ чортяка морду й векла*“ (?)

Иногда строки вовсе на стихи не похожія:

„*Вылизла баба зъ печы*“...

(Мы приводимъ только по одному примѣру, а ихъ тамъ нѣсколько).

Кромѣ того въ виршѣ встрѣчаются очевиднѣйшіе пропуски (особенно въ концѣ), вопіющія ошибки (въ родѣ *кустовъ* на Голгоѳѣ),—вирша то дѣлится на куплеты, то сливается въ сплошную рѣчь; за мужскими риѳмами иногда опять идутъ мужскія риѳмы, вопреки принятому порядку. Все это даетъ полное право заключить, что сообщенный списокъ нельзя признать удовлетворительнымъ... Мы не противъ сообщенія и въ такомъ видѣ разныхъ памятниковъ старины и хотимъ сказать только, что сообщать ихъ надо бы съ нѣкоторой оглядкой и предлагать хоть какія-нибудь критическія замѣтки. Вирши этой есть списокъ и у насъ; онъ записанъ въ Конотопѣ дворяниномъ Дм. Вас. Герасимовскимъ, народнымъ учителемъ, года два тому умершимъ; а покойный списалъ по пересказу своего дяди Ст. Ив. Герасимовссаго, бывшаго секретаря конотопской городской ратуши въ 30-хъ годахъ. Такимъ образомъ, лица, сохранившія эту виршу, обое—*письме́нные*, и вирша записана довольно грамотно. Ихъ списокъ гораздо полнѣе напечатаннаго (болѣе чѣмъ на *шесть*-

десять стиховъ) и вообще исправнѣе. Въ виду этого, а равно въ виду относительнаго достоинства вирши и приближающагося Свѣтлаго Праздника, мы предлагаемъ ее въ новомъ спискѣ, хотя и его не можемъ признать *вполнѣ* удовлетворительнымъ: въ немъ (по нашему мнѣнію) также есть пропуски, которые мы обозначаемъ точками. Разнорѣчія съ прежнимъ отмѣчаемъ курсивомъ. Можетъ быть, другія сообщенія помогутъ со временемъ установить точный текстъ этой „хитрости піитической“.

„Вирша на Воскресеніе Христово“.

Кажуть, *будто* молодыци—
Негодяйки, ледащыци
И пу*ж*лыви якъ зайци;
Ажъ неправда, *панотци!*
Се Марія середъ ночы
Изо всей пустылась мочы
Плакати на гробъ Хрыстовъ,
На Голгоѳу, межъ *крестовъ*.
Позбывала вельмы ноги,
Не збоялась сынагоги,
И *напала* тамъ Хрыста;
Винъ ій такъ сказавъ съ-проста:
„Чого *ты*, *Маріе*, плачешъ?
„Я воскресъ уже, якъ бачышъ“!..
А жыды на пупъ крычять,
Що не рушена печать.
Задалы жовнирамъ плату,
Щобъ збрехалы *такъ* Пылату,
Будто змигъ ихъ крипкій сонъ,
А Хрыста хтось вынисъ вонъ.
А Хрыстосъ бувъ на роботи—
Попалывъ соби чобóты,
Покиль пекло погасывъ
И Адама воскресывъ.
Смерть сыдила у куточку,
Рвала на соби сорочку,
И надулась, и сопла,
И на Бога щось *чо*впла.

Куца сатана почула,
Що и смерть уже заснула,
И Адамъ сміяться ставъ,
А Мойсей и засвыставъ,—
Прыбигае къ Аарону,
Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла седмина та,
Чы выйшлы Хрысту лита.

. . . .

. . . .

Ааронъ очкы надивъ,
У библію поглядивъ:
Не утерпивъ, засміявся...
Куцый зразу догадався,
Що Хрыстосъ уже воскресъ:
Затрусывсь, злякавсь увесь.
Злізъ вінъ на пекельну браму—
Ажъ иде Хрыстосъ къ Адаму:
Брама впала передъ нымъ,
Муръ *растаявъ*, такъ якъ дымъ.
Куцый упустывся зъ ляку,—
Трудно стало небораку,—
Заразъ пекло погасывъ;
А Хрыстосъ его спросывъ:
„Де старенька баба Ева,
„Що глонула въ раю *зъ* древа?"
Куцый кочергу узявъ
И у пекли помишавъ,—
Вылизае Ева зъ печы:
Обгорилы вельмы плечы;
А за нею и Адамъ,—
Ажъ Хрыстосъ злякався самъ:
Опалывся ввесь одъ жару,
Бачывъ бидный добру кару,—
Ввесь нагайками избытъ,
Зъ голоду запавъ жывитъ...
Винъ слёзами ввесь облывся,
Хрысту въ ноги поклонывся,
Гирко-гирко зарыдавъ

И на Еву поглядавъ.
Выдячы такую муку,
Взявъ Хрыстосъ *его* за руку:
„*Теперъ адъ ты забувай,*
Дрызай *зо всима* у рай“!
За собою цилу здраю [1])
Повелы воны до раю,
А Адамъ ажъ употивъ—
Напередъ усихъ летивъ.
Авраамъ сказавъ Исаку:
„Забуваймо стару драку“!
Да за руки узялысь,
Прямо къ раю *потовклысь.*
Вывелы старого Лота,
Ажъ кровава смага зъ рота!
Рудый багатырь Самсонъ,
Що бувъ вельмы ласъ на сонъ,
Наробывъ у пекли трусу—
Крыкнувъ Нàвину Ісусу,
Щобъ винъ сонце прыдержавъ:
Адъ затрясся, задрожавъ!
Выскочывъ Мойсей зъ рогамы,
Тупнувъ якъ солдатъ ногамы
И назадъ рукою кывъ.
Тутъ дванадцять ихъ полкивъ
Якова старого выйшлы;
Илія летивъ пры дышли,
Елисею давъ жупанъ—
Запрудывся Іорданъ!
Царь безъ племене, безъ роду
Ихавъ верхи межъ народу,
А за нымъ святый Іафетъ
Нисъ и шаблю и мушкетъ.
Ной старенькій натоптався,
Выпывъ съ праци—да й заспався;
А премудрый Салиминъ
Задзвонывъ у райскій дзвинъ:

---

[1]) *Зграю*—толпу, гурьбу.—*Ред.*

Затряслося вельмы было,
Що и Ною догодыло,—
Пробудывся старый дидъ,
Ажъ зовуть всихъ на обидъ.
Съ-крыва поглядивъ на Хама
И пошовъ до Авраама.
Тутъ посилы вси за стилъ,
Подалы и хлибъ и силь,
Кожному по чарци пыва.
Наробывъ Давыдъ тутъ дыва:
Прыударывъ въ гусли такъ,
Що *пошовъ* скакать усякъ.
Сарра кинула и ложку,
Пиднимала гарно ножку,
А за нею и Рахиль,
Лія кинула й костыль,
Протырала хусткой очы,
И Ревекка вышла зъ мочы,—
Ударыла гопака;
Тутъ Сусанна изъ садка
На Данила поглядила
И у танокъ полетила;
А прыгожая Эсфирь
Красну выняла совгиръ (Псалтирь?) [1].
Предъ Давыдомъ розвернула,
Заиграть его наткнула
Ажъ до олтаревыхъ рогъ:
Засміявся тутъ и Богъ.
Тутъ и бабы, тутъ и внучки,
Вси побралыся за ручки
И пошлы у хороводъ.
Слава Богу въ родъ и родъ!

Не здывуй, святый владыко!
Може, для тебе и дыко,
Що я виршь таку сказавъ

---

[1]) *Совтира*—Псалтирь (Желеховскій. Малор.-Нѣм. Слов. т. 2-й).—*Ред.*

Да и пысанки не взявъ, —
Не за тимъ, щобъ поскупывся,
А на гарну не розжывся,
А погану якъ прынесть?
Бо мы знаемъ трохы честь.
Не прыпожа наша й мова,
Да не збрешемъ мы ни слова,
Хоть и серце розверны,
То не найдешъ тамъ брехни.
Вьси. . . . .
. . . .
Ты, Всевыдець и Творець,
И начало и конець.

Такова вирша въ наиболѣе законченномъ своемъ видѣ. Вообще она заслуживаетъ вниманія болѣе другихъ: она и библіи вѣрна [1]), и радостью праздника дышетъ, и юморомъ проникнута, и картинками блещетъ, и стихомъ отличается—легкимъ и бойкимъ, особенно для прошлаго вѣка.

Всѣ вирши, напечатанныя доселѣ, хорошо бы издать особымъ сборникомъ (народъ ихъ слушаетъ съ удовольствіемъ), но только въ болѣе тщательной редакціи, чѣмъ онѣ доселѣ напечатаны. Въ прежней „Кіевской Старинѣ" допущены пропуски и множество опечатокъ, часто нарушающихъ размѣръ стиха.

Любопытно было бы прослѣдить историческое развитіе всѣхъ подобныхъ виршей и отношеніе ихъ къ старѣйшимъ, каковы напр. „Виршѣ Памвы Берынды на Рождество Христово, для утѣхи православнымъ христіанамъ, напечатанныя во Львовѣ, въ 1616 году", „Вирши на день Воскресенія Іисуса Христа, напечат. въ Кіевѣ 1630 г (Имнологія) и во Львовѣ того же года. Не были ли наши вирши протестомъ, сатирой, пародіей на господствовавшій въ про-

[1]) Можетъ быть, кому-нибудь изъ читателей надо сказать, что стихъ: *„Чи прійшла седмина та"*, намекаетъ на седмины лѣтъ, о которыхъ пророчествовалъ Даніилъ; *„Мойсей зъ рогами"* напоминаетъ сіяніе лучей, съ которыми его изображаютъ; *„Илія при дышлю"*—какъ взятый на колесницѣ; *„пошовъ до Авраама"*—на Авраамовомъ лонѣ блаженство; *Лія протырала очы*—у нея глаза были больные; *„до олтаревыхъ рогъ"*—взято изъ 117 псалма, вполнѣ идущаго къ шествію изъ рая. Псаломъ этотъ—благодарственная пѣснь послѣ побѣды надъ врагами, и по мнѣнію толковниковъ, въ немъ Мессія славословитъ Бога, воскресившаго Его, и народъ при этомъ выражаетъ радостную благодарность за спасеніе.

ломъ вѣкѣ обычай духовноучебныхъ заведеній привѣтствовать разныхъ вліятельныхъ лицъ своими пѣснопѣніями? Въ „Опытѣ Росс. библіографіи“ Соникова мы видимъ длинный рядъ привѣтствій *Московской Академіи* императору Петру (№№ 9360 9363), имп. Елисаветѣ (7630, 11512), митрополиту Платону (4225, 4442, 8459, 8461, 8463, 9286, 10863, 11432, 11609), митрополиту Амвросію (3954, 7083, 9309, 9318, 9319), св. Суноду (7147, 7314), Потемкину (11431), импер. Павлу (4528, 7151), импер. Екатеринѣ (7153), импер. Александру (3953, 8944). Кромѣ того были стихотворныя привѣтствія Академіи *Казанской* (3955) и семинарій: *Архангельской* (11461), *Виѳанской* (9977, 11503), *Вятской* (11154), *Лаврской* (8462, 8588, 8589, 11458), *Могилевской* (3947), *Перервинской* (31548), *Смоленской* (8464, 11462), *Тверской* (11174)... Могли пріѣсться подобныя пѣснопѣнія и въ такомъ количествѣ; могли и вызвать противъ себя шутку и насмѣшку; но конечно, подобный отпоръ производился только въ рукописи, келейно.

Изъ статей о виршахъ намъ извѣстны (и то по указаннымъ лишь) „Святочныя колядки и вирши“, К. Думитрашко (Полт. Епарх. Вѣдом. 1864, № 1) и „Колядки, щедривки и виршівки“, Ст. Пр...ко (Проценко? Кіевск. Вѣстникъ 1870. № 49). Съ ними не мѣшало бы справиться тому, кто вздумаетъ обстоятельно писать о виршахъ.

Михайлогорскій.

Отъ Редакціи. Принимая съ благодарностью отъ почтеннаго автора настоящую замѣтку, предлагающую болѣе исправный текстъ пасхальной вирши, помѣщенной въ прошломъ томѣ, и цѣнныя замѣчанія о виршахъ вообще, мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько поясненій и отъ себя.

Печатать подобные литературные памятники необходимо въ такомъ видѣ, въ какомъ они оказываются записанными, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ, изъ сличенія разныхъ варьянтовъ, дѣлать свои болѣе или менѣе основательныя догадки о первообразѣ текста, вышедшемъ когда-то изъ-подъ пера грамотника. Въ особенности это нужно соблюдать по отношенію къ размѣру стиха. Современный грамотный записыватель, поддаваясь выработанному въ немъ чутью мѣрной рѣчи, можетъ при записываніи допустить личныя исправленія нарушеннаго размѣра и этимъ, во 1-хъ, пожалуй введетъ въ ошибку изслѣдователей, которые должны будутъ прійти къ выводу, что старинныя

вирши всегда выдерживали размѣръ до мелочей, а во 2-хъ, внесетъ подъ-часъ, ради сохраненія мѣры, обороты, не соотвѣтствующіе народной рѣчи, которою онѣ писаны. Что касается перваго, то съ увѣренностью сказать нельзя, какъ были составлены въ первой редакціи такія вирши,—былъ-ли въ нихъ строго соблюденъ размѣръ, или нѣтъ; но что въ позднѣйшемъ пересказѣ размѣръ этотъ никогда не выдерживаетъ правилъ версификаціи, въ этомъ насъ убѣждаютъ всѣ до сихъ поръ напечатанныя вирши. Мы думаемъ, что это не всегда случайность, что это не зависитъ отъ утраты правильности стиха въ дальнѣйшемъ распространеніи вирши, а скрывается въ томъ, вполнѣ естественномъ, настроеніи разсказщика ея, при которомъ больше вниманія сосредоточивается на простодушно-эпическомъ пересказѣ содержанія, нежели на безупречной музыкальности ритма. Эта черта обнаруживается всецѣло и въ народно-эпическихъ произведеніяхъ. гдѣ при разнородности стиха все-таки чувствуется какая-то неуловимо-музыкальная гармонія его, стоящая въ зависимости отъ плавно идущаго пересказа темы. То-же самое видимъ и у Шевченка, который почти ни въ одномъ произведеніи своемъ не выдержалъ однообразнаго ритма, а между тѣмъ едва-ли его кто-нибудь упрекнетъ въ немузыкальности стиха. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о первоначальной формѣ стиха въ виршахъ мы считаемъ открытымъ, а если такъ, то наше желаніе сводится къ тому, чтобъ записыватели ихъ руководствовались стремленіями фотографически воспроизвести слышанное, оставляя открытымъ поле догадокъ будущимъ изслѣдователямъ.

Что же касается втораго, т. е. искаженія въ иныхъ случаяхъ народной рѣчи ради правильности стиха, то вопросъ этотъ мы считаемъ еще болѣе важнымъ. Намъ не разъ приходилось видѣть черновыя рукописи прежнихъ издателей народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, и насъ всегда поражало стремленіе ихъ дѣлать поправки въ стихѣ пѣсни; въ изслѣдованіи такія догадки вполнѣ умѣстны, но въ изданіи сыраго пѣсеннаго матеріала онѣ только могутъ вредить дѣлу. Кажется, не ошибемся, если сдѣлаемъ предположеніе, что и въ сообщенной г. Михайлогорскому виршѣ есть такія поправки, вѣроятно записывателей, ради плавности стиха. По крайней мѣрѣ, мы утверждаемъ, что въ данной виршѣ первоначально едва-ли могъ быть стихъ: „*изо* всей пустылась мочы“, т. к. малорусская рѣчь варьируетъ предлогъ и приставку *зъ* (=съ, изъ, вз) на разные лады (зъ, изъ, зо, изо, зи, зу), и только въ сложныхъ глаголахъ

съ приставскою с, да и то сравнительно рѣдко, допускаетъ форму *изо* (изобгаты, изомлиты, изорнуты и нѣкотор. др), но никогда намъ не случалось слышать и видѣть отдѣльно стоящимъ предлогъ изъ въ такой формѣ. Равнымъ образомъ, въ стихѣ „затрусывсь, злякавсь увесь“—размѣръ соблюденъ, но стихъ „злякавсь, затрусывсь увесь“, какъ стоитъ въ прежнемъ варьянтѣ, ближе къ логической правдѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.

Въ исторіи литературнаго русскаго развитія упоминаніе о романѣ „Монастырка“ должно встрѣтиться необходимо. Его знаетъ всякій, кому не чужда русская словесность. Нѣкоторые знаютъ еще, что Погорѣльскій есть псевдонимъ Алексѣя Перовскаго, автора нѣсколькихъ другихъ произведеній. На этомъ свѣдѣнія о Перовскомъ и прерываются. Біографіи его не появлялось. Наличныя «Исторіи» литературы не перешли еще рубежа тридцатыхъ годовъ. Плохіе словари Толя и Березина отводятъ Перовскому по десять строкъ, перевирая въ имени и въ датахъ и повторяя одинъ ошибки другаго. Такое явленіе было бы страннымъ, еслибъ не было обычнымъ. Всѣ согласны однако, что, вмѣстѣ съ романами Нарѣжнаго, „Монастырка“ была однимъ изъ первыхъ произведеній, въ которыхъ, хотя нѣсколько, отразилась дѣйствительная жизнь, гдѣ, послѣ невѣроятныхъ Эрастовъ и Лизъ, мелькнули живыя лица, одновременно съ тѣмъ, какъ при живомъ свѣтѣ поэзіи Пушкина, въ область тѣней бѣжали блѣдные призраки доморощенныхъ Леноръ и Свѣтланъ.

Труды Нарѣжнаго появились раньше. У этого писателя было больше непосредственнаго таланта, чѣмъ у Перовскаго, но меньше образованія и литературнаго вкуса. Въ «Бурсакѣ», «Аристіонѣ», «Двухъ Иванахъ»—много неловкостей и анахронизмовъ, много хаотическаго, условнаго и грубаго. Но на ряду съ этимъ въ нихъ разсѣяно множество живыхъ наблюденій и характерныхъ чертъ старой украинской жизни. Исключительность темъ и рѣзкая, теньеровская манера Нарѣжнаго были причинами того, что романы его не овладѣли въ достойной степени вниманіемъ читающаго круга. Но смѣлый пріемъ автора сдѣлалъ свое дѣло.

Онъ заставилъ писателей оторваться хоть отчасти отъ напускного миража и оглянуться на окружающую жизнь. Вторая половина двадцатыхъ годовъ и начало тридцатыхъ ознаменованы этими попытками и поисками. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ явился Гоголь.

Среди этихъ первоначальныхъ попытокъ, первая часть „Монастырки", вышедшая въ 1830 году, была явленіемъ выдающимся. Окружающая литература имѣла съ жизнью слишкомъ мало общаго. Историческіе романы Загоскина и его послѣдователей рисовали русскую исторію такъ же точно, какъ Лизы и Свѣтланы русскіе нравы. Нравоописательныя произведенія были на перечетъ. Самое напоминаніе объ извѣстнѣйшихъ изъ нихъ достаточно опредѣлитъ ихъ цѣну. То были „Иванъ Выжигинъ" Булгарина (1829—30), выдержавшій три изданія въ два года, „Дочь купца Жолобова" Калашникова (1832), соперничавшій съ булгаринскимъ романомъ по успѣху, или такія ужасныя вещи, какъ забытые нынѣ „Киргизъ-Кайсакъ" Ушакова (1830) и „Семейство Холмскихъ" (1830)... Около того же времени начали писать Полевой и Марлинскій. Но они описывали *страсти*, а не *нравы*, или писали историческіе романы. Появленіе романа искусно разсказаннаго, интереснаго въ отношеніи нравоописательномъ и вліяющаго на добрыя чувства, встрѣчено было понятнымъ успѣхомъ. Въ свое время „Монастырка" была однимъ изъ озлобленнѣйшихъ произведеній, вызвала подражанія и даже одну откровенную контрфакцію („Монастырка" романъ въ 3-хъ частяхъ, изданный безъ имени автора въ 1833 году въ Москвѣ), что для той скромной литературной эпохи нельзя не считать очень замѣтнымъ явленіемъ.

Со стороны исторической оцѣнки заслуги этого романа конечно заставляютъ теперь относиться равнодушно и къ сравнительной его блѣдности, и къ недостаткамъ. Критика современная прозведенію не была слѣпа къ этимъ недочетамъ. На искуственность завязки, на отсутствіе силы и страсти указывали и въ то время писатели архаическихъ „Телеграфа" и „Телескопа". Наше дѣло—смотрѣть на Перовскаго, какъ на представителя до-гоголевской эпохи, ставя ему въ активъ то, что онъ сдѣлалъ хоро-

шаго, и не предъявляя иныхъ требованій, какъ къ явленію прошлаго. Кромѣ совершенно новаго тогда, занимательнаго и естественнаго разсказа и нѣкоторыхъ отмѣченныхъ имъ частностей быта, мы видимъ въ трудѣ его нѣсколько характерныхъ обликовъ того далекаго времени. Въ нихъ нѣтъ, правда, достаточной жизни, они не дышутъ силою созданія, образцы которой вскорѣ далъ великій Гоголь. Но на ряду съ картинами могучей кисти зачѣмъ отворачиваться отъ скромныхъ акварелей, которыя писались когда-то съ любовью и трудомъ? Въ старомодныхъ рамкахъ, поблекшія и пожелтѣлыя, онѣ висятъ передъ нами, напоминая прошедшее. Гдѣ этотъ исчезнувшій міръ, какъ далеки эти люди въ странныхъ нарядахъ, изображенные здѣсь цвѣтущими и молодыми! Мы всматриваемся съ любовью въ ихъ лица, родныя намъ лица, такъ какъ въ этихъ портретахъ мы узнаемъ своихъ дѣдовъ, отцовъ и матерей.

„Высокая, стройная, съ голубыми глазами“, съ гладко причесанными волосами, вся въ бѣломъ,—это она, „монастырка“ Анюта на двадцатой веснѣ своей жизни. Неужели это наша бабушка или мать, которую мы любили доброй старушкой и которой давно закрыли очи? Это исторія ея молодости, ея любовь къ красавцу—сосѣду, блестящему офицеру, гоненія, испытанныя ею отъ злого опекуна, побѣгъ изъ дому недобрыхъ людей и блаженная встрѣча съ своимъ Владиміромъ. Это было въ далекую крѣпостную эпоху. Они жили въ деревнѣ семьей, владѣли крестьянами. Ни по уму, ни по развитію своему они не жили выше своего вѣка. Но ихъ добрый нравъ смягчалъ ненормальность крѣпостныхъ отношеній, и наши дѣтскіе глаза не видѣли близь себя обычныхъ въ то время отвратительныхъ сценъ рабовладѣльческаго насилія. Она была вся—семейная любовь, нѣжность, женственность, она жила для своихъ дѣтей, хоть и неумѣло ихъ воспитывала. Но своей кротостью, добротой, можетъ быть узкой,—она пробудила въ дѣтяхъ лучшія чувства души и послужила дѣлу человѣчности и просвѣщенія. Да, она была такова, хоть и родилась въ помѣщичьей семьѣ и получила тепличное воспитаніе. Не она ли была матерью тѣхъ избранныхъ людей, которые создали литературу, общественную мысль, служили наукѣ, служили на-

роду и подготовили его освобожденіе? Не имена ли ея дѣтей повторяетъ этотъ народъ?

Рядомъ съ нею—тотъ, кого она любила и кого пережила. Онъ изображенъ въ чинѣ штабъ-ротмистра, въ своемъ военномъ мундирѣ, стягивающемъ мужественный, стройный станъ. Отчего какъ-то не видно ужъ теперь такихъ „прелестныхъ, смѣлыхъ глазъ, кудрявыхъ каштановыхъ волосъ, небольшихъ, прекрасныхъ усовъ", сводившихъ съ ума бѣдныхъ „монастырокъ"? Онъ былъ ремонтеромъ и на лихой тройкѣ часто скакалъ куда-нибудь отъ родной усадьбы, повергая въ безпокойство и слезы жену. У него были свои причуды, но было несомнѣнно развитое понятіе о чести. Очищенное отъ дворянскихъ предразсудковъ, оно сослужило добрую службу дѣтямъ его, людямъ 50—60-хъ годовъ, сослужило службу и обществу.

А вотъ старосвѣтская тетушка изъ Барвенова, съ дочерьми Праскутой и Гапочкой, одѣтыми по простотѣ въ плахтахъ („кадрилье, красное съ синимъ и зеленымъ, по объясненію „монастырки"). Вотъ уродъ Дюндикъ и злобная супруга его въ высокомъ чепцѣ съ перьями, черными отъ роменской пыли. Предъ ними дочери—*Фуа* и *Эсперансъ*, замѣнившія христіанскія свои имена Вѣры и Надежды этими переводами, сфабрикованными учителемъ ихъ Софронычемъ. Родственникъ ихъ Прыж*ковъ*, урожденный Прыж*ко*, герой неприличныхъ похожденій на роменской ярмаркѣ, выглядываетъ какимъ-то антикомъ въ своемъ модномъ уборѣ двадцатыхъ годовъ и вырисовывается близь него косматая фигура добродѣтельнаго цыгана Василія, спасшаго монастырку въ тяжелую минуту. Изображенія эти блѣдны, кой-гдѣ смахиваютъ на каррикатуры и грѣшатъ ошибками въ рисункѣ. Но они хранятся только для памяти, такъ какъ играли роль въ исторіи молодости Анюты.

Многія черты романа свидѣтельствуютъ о письмѣ съ натуры, во многомъ видно непосредственное впечатлѣніе. Прочтя описаніе знаменитой когда-то Роменской Ильинской ярмарки, мы повѣрили бы, что авторъ видѣлъ ее, еслибъ даже не знали изъ фамильныхъ его бумагъ, что онъ ѣздилъ туда, между прочимъ, съ гр. А. К. Разумовскимъ въ 1819 году. Вотъ онъ описываетъ

пріѣздъ Дюндика къ тетушкѣ—„тяжелую, четырехмѣстную карету, заложенную десятью измученными крестьянскими лошадьми, съ лакеемъ въ запачканномъ китайскомъ платьѣ и двумя человѣками на запяткахъ въ такомъ же видѣ"—и передъ нами возникаетъ характерная картинка. Разсказываетъ ли онъ о постройкѣ дома Дюндикомъ, онъ не забываетъ о томъ разореніи крестьянъ, какимъ сопровождалась эта затѣя помѣщика. „На подвозку матеріаловъ пошли всѣ лошади, для склада дерева и кирпича отняты были у поселянъ два гумна. Вокругъ снесены были хаты, садки которыхъ понадобились при домѣ". У него встрѣчаются подлинныя имена, названія (деревня Андреевка, гадячскаго уѣзда полтавск. губ. бывшее имѣніе Разумовскихъ, настойка извѣстнаго доктора Трофимовскаго и проч). Отмѣчаемъ эти мелочи, какъ черты характерныя по реализму для произведенія, писаннаго въ двадцатые годы. Авторъ жилъ въ малороссійской деревнѣ долго, и у него чувствуются впечатлѣнія сѣверной Черниговщины, отъ ея угрюмыхъ селъ и широкихъ дорогъ, до какихъ-нибудь „бортевыхъ деревьевъ, на которыхъ часто нѣтъ ни одного сучка до самой вершины, но на которыя ловко лазятъ молодцы за пчелами". Въ концѣ романа писатель сообщаетъ, что онъ, Погорѣльскій, женился на двоюродной сестрѣ „монастырки", извѣстной читателю подъ именемъ Гапочки, и приглашаетъ къ себѣ на новоселье. Кто же былъ на самомъ дѣлѣ этотъ мистификаторъ?

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій былъ старѣйшимъ изъ четырехъ воспитанниковъ гр. Алексѣя Разумовскаго, сына гетмана [1]). По указаніямъ словарей Березина и Толя онъ родился въ 1789 году. Въ извѣстномъ трудѣ г. Васильчикова, „Семейство Разумовскихъ" годомъ его рожденія показанъ 1787 [2]). Послѣднее свѣдѣніе кажется вѣрнѣе. Холодный и чопорный, графъ Алексѣй Кириловичъ сосредоточилъ на старшемъ Перовскомъ свою любовь. Самъ утонченно образованный, онъ далъ ему блестящее домашнее воспитаніе. Средствъ для этого было достаточно. Разумовскій владѣлъ 53.000 душъ крестьянъ и несмѣтными земельными

---

[1]) Николай *Ивановичъ* Перовскій, также воспитанникъ Алексѣя Кириловича,— является представителемъ другой отрасли этой фамиліи.

[2]) Сем. Разумовск. т. II, 112.

богатствами. Впослѣдствіи Перовскій поступилъ въ московскій Университетъ, откуда вышелъ въ 1807 году докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Партизаномъ участвовалъ онъ въ войнѣ 1812 года, отличился подъ Моргуненомъ, Лосецами, Дрезденомъ и Кульмомъ. Былъ адъютантомъ князя Н. Г. Репнина въ Саксоніи, съ переводомъ въ л.-гв. уланскій полкъ. Въ 1825 году, 38-ми лѣтъ, онъ назначенъ былъ попечителемъ харьковскаго университета. Въ 1830 году вышелъ въ отставку и скончался въ 1839 году, проживъ всего съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ.

Къ этимъ внѣшнимъ біографическимъ даннымъ преданіе родныхъ его прибавляетъ нѣкоторыя подробности, рисующія его личность. Отданный въ какой-то петербургскій пансіонъ, Перовскій бѣжалъ оттуда къ своему воспитателю и во время бѣгства вывихнулъ себѣ ногу, такъ что всю жизнь немного хромалъ. Это обстоятельство еще усиливало его сходство съ Байрономъ, котораго, по отзывамъ его знавшихъ, онъ напоминалъ прекрасными чертами лица. Въ военную службу онъ вступилъ во время общаго возбужденія. По минованіи тревожнаго времени, онъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ сблизился съ выдающимися людьми образованнаго и литературнаго круга. Между аристократическою молодежью того времени, встрѣчались лица высокаго развитія и утонченнаго образованія. Вліяніе энциклопедистовъ въ екатерининскую эпоху вселило уваженіе къ наукѣ и, привитое воспитаніемъ къ натурамъ способнымъ, дало хорошіе результаты. По уму и по образованію Перовскій принадлежалъ къ этому цвѣту юношества.

Около 1817 года онъ переѣхалъ въ Малороссію. Графъ Разумовскій любилъ заниматься управленіемъ своихъ имѣній во всѣхъ частяхъ. Перовскій помогалъ ему въ этихъ занятіяхъ. Въ 1822 году Разумовскій скончался. Еще при жизни онъ предоставилъ старшему Перовскому, котораго особенно любилъ, выбрать себѣ любое изъ его имѣній. Перовскій взялъ с. Погорѣльцы, сосницкаго уѣзда, черниг. губ., удививъ всѣхъ скромностью выбора. Въ погорѣльскихъ дачахъ находились корабельные лѣса, изъ которыхъ Перовскій сплавлялъ лѣсъ по притокамъ Днѣпро и по Днѣпру внизъ, въ строившійся тогда Николаевъ. Изъ этаго

матеріала построено было много кораблей на николаевскихъ верфяхъ. Перовскій былъ близокъ съ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ, другомъ и душеприкащикомъ гр. Разумовскаго, и вѣроятно по его указаніямъ и сплавлялъ свои лѣса въ вновь строющійся городъ. Назначенный Разумовскимъ ближайшимъ исполнителемъ его воли, будущій писатель нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Чтобы найдти защиту отъ клеветниковъ, онъ обратился съ письмомъ къ императору Александру I. Императоръ поручилъ В. П. Кочубею написать Перовскому, что всѣ дѣйствія его во время болѣзни и кончины графа, какъ основанныя на чести и справедливости, онъ одобряетъ. Въ правахъ наслѣдства Перовскіе были утверждены комитетомъ министровъ съ одобренія Императора.

До самаго назначенія въ Харьковъ Перовскій оставался въ деревнѣ. Здѣсь написалъ онъ всѣ свои произведенія. Въ началѣ одного изъ нихъ, фантастическихъ очерковъ „Двойникъ, или Вечера въ Малороссіи", онъ помѣстилъ бѣглое описаніе своихъ Погорѣльцевъ.

„Въ сѣверной Малороссіи—въ той части, которую по произволу назвать можно и лѣсною и песчаною, потому что названія эти равно ей приличны—находится село П. Среди онаго, на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ пространный дворъ, обнесенный каменною оградой; на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями.—Изъ однѣхъ окошекъ дома видѣнъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по ту сторону улицы зеленѣются коноплянники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края.—Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроенными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ виды вдаль. Въ этомъ селѣ и въ этомъ помѣщичьемъ домѣ жилъ я безвыѣздно нѣсколько лѣтъ".

Въ томъ же „Двойникѣ" онъ набросилъ въ слѣдующихъ словахъ свой собственный портретъ:

„...Вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый немного къ верху. Когда онъ подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ немного прихрамываетъ на правую ногу. Я взглянулъ на незнакомца пристально и внезапно холодный потъ облилъ меня съ ногъ до головы... Я удостовѣрился, что онъ похожъ на меня, какъ двѣ капли воды“.

Садъ, о которомъ говорится въ приведенной выдержкѣ, сохранился въ Погорѣльцахъ до сихъ поръ. Онъ насаженъ былъ извѣстнымъ Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймомъ, искусникомъ, съумѣвшимъ развести хорошій Ботаническій садъ даже на петербургскомъ болотѣ. Подобно Разумовскимъ Алексѣй Перовскій страстно любилъ растенія и садоводство. За принявшееся дерево ему часто случалось давать садовнику червонецъ. Онъ былъ добръ, но вспыльчивъ, хотя вспыльчивость его проходила скоро. Въ Погорѣльцахъ онъ жилъ вліятельнымъ бариномъ и въ окружности назывался *генераломъ*. При немъ с. Погорѣльцы переименовано въ мѣстечко. Въ Погорѣльцахъ жила постоянно сестра его Анна Алексѣевна, бывшая замужемъ за гр. Конст. Петр. Толстымъ, братомъ извѣстнаго медальера и президента академіи художествъ—Ѳедора Толстого. Графиня Толстая была несчастлива въ супружествѣ и переѣхала къ брату вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ поэтомъ. Бывая въ Петербургѣ, Толстой навѣщалъ своего отца и помогалъ ему средствами всю жизнь. Воспитаніемъ своимъ будущій поэтъ обязанъ былъ дядѣ, память котораго онъ необыкновенно чтилъ.

Въ тридцатыхъ годахъ Перовскій ѣздилъ за границу, гдѣ, въ Италіи, встрѣчался съ Брюловымъ. Къ этому времени относится посѣщеніе имъ вмѣстѣ съ юнымъ Толстымъ великаго старца Гете. Владѣя замѣчательнымъ вкусомъ, Перовскій пріобрѣлъ много первоклассныхъ произведеній искусства. Часть картинъ онъ продалъ по возвращеніи въ Россію въ нѣкоторыя лучшія частныя коллекціи, напр. Строгановскую, часть оставилъ себѣ. Въ Погорѣльцахъ у него была превосходная библіотека, основаніемъ которой послужила завѣщанная ему петербургская

библіотека Разумовскаго. Изъ этой библіотеки племянникъ Перовскаго, нынѣшній владѣтель Погорѣльцевъ, Николай Михайловичъ Буда-Жемчужниковъ, передавшій намъ эти свѣдѣнія, не нашелъ ни одной книги. Она перевезена была въ другія имѣнія еще гр. А. К. Толстымъ. Въ Погорѣльцахъ оставались только всѣ бумаги и рукописи Перовскаго, но отъ ихъ обильнаго запаса не осталось ни клочка, ни даже письма его, что между прочимъ помѣшало приложить его подпись при печатаемомъ нынѣ портретѣ.

Бывшій управляющій имѣнія былъ любителемъ тонкихъ блюдъ, особенно котлетъ въ папильоткахъ и за долговременное пребываніе свое въ Погорѣльцахъ извелъ всѣ бумаги писателя на любимое кушанье. Такимъ образомъ погибель бумагъ Перовскаго и почти полное отсутствіе упоминаній о немъ въ литературѣ мемуаровъ оставляютъ его сочиненія единственнымъ источникомъ для уясненія его личности.

Литературныя наклонности нашего писателя сказались еще въ дѣтствѣ. Въ домашнемъ архивѣ кн. Н. В. Репнина, въ м. Яготинѣ полтавской губерніи, сохраняется изящно написанная тетрадка,—дѣтское сочиненіе Перовскаго, поднесенное А. К. Разумовскому въ день его именинъ. Первымъ трудомъ его, появившимся въ печати, была книга „Двойникъ, или Мои вечера въ Малороссіи“, вышедшая съ псевдонимомъ Погорѣльскаго въ 1828 г. Это собраніе разсказовъ о случаяхъ фантастическихъ и исключительныхъ, писанныхъ въ манерѣ Гофмана и связанныхъ между собою чисто внѣшнимъ образомъ. И время и мѣсто дѣйствія въ нихъ самое разнообразное. Въ „Исидорѣ и Анютѣ“, самомъ слабомъ изъ нихъ и отзывающемся еще Карамзинской манерой, повѣствуется о злой долѣ нѣкоего офицера, потерявшаго невѣсту въ войну 1812 года. Офицеръ закалывается на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлся съ своей возлюбленной въ послѣдній разъ. Въ разсказѣ съ дидактическимъ названіемъ „Пагубныя послѣдствія необузданнаго воображенія“ какой-то юноша Ансельмъ влюбляется въ автомата, принимая его за живую женщину, дочь „профессора механика“ Андрони. Когда обманъ обнаруживается, юноша бросается въ рѣку. „Лафертовская маковница“—самый фантасти-

ческій изъ всѣхъ разсказовъ. Старуха-колдунья, живущая въ Москвѣ въ Лефортовской части, промышляя маковниками, завѣщаетъ своей внучкѣ выйти за того, кого она ей назначитъ. Вскорѣ послѣ смерти старухи къ внучкѣ сватается титулярный совѣтникъ Аристархъ Фалальевичъ Мурлыкинъ, въ которомъ дѣвушка къ своему ужасу узнаетъ бабушкинаго кота, товарища ея колдовства. При всей странности содержанія, въ этомъ разсказѣ въ описаніяхъ быта московскихъ разночинцевъ есть живыя черты, и вся сказка разсказана очень мило. Въ перепискѣ Пушкина, въ письмѣ къ брату Льву, сохранилось свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ на него этой шуткой: „Что за прелесть Бабушкинъ котъ! Я перечолъ его два раза и однимъ духомъ всю повѣсть и теперь только и брежу Аристархомъ Фалальевичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?“ [1]).

Въ манерѣ „Лафертовской маковницы“ есть что-то общее съ нѣкоторыми изъ „Повѣстей Бѣлкина“.

Въ послѣднемъ изъ разсказовъ „Двойника“ главное дѣйствующее лицо—обезьяна. Нѣкоему господину въ Австраліи, украденному въ дѣтствѣ обезьянами и съ любовью воспитанному одною изъ нихъ, приходится потомъ застрѣлить свою воспитательницу въ угоду женѣ, не любящей обезьянъ, и онъ страдаетъ угрызеніями совѣсти, обвиняющей его въ неблагодарности. Разсказъ этотъ, нѣсколько комичный даже въ пересказѣ, имѣетъ въ себѣ что-то симпатичное. Это чувство жалости и состраданія къ животнымъ, какимъ онъ проникнутъ. Эта же черта замѣтна въ дѣтской сказкѣ Погорѣльскаго „Чорная курица“ (1829 г). Эта сказка впрочемъ замѣчательна и сама по себѣ, какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ опытовъ въ этомъ трудномъ родѣ въ русской литературѣ. Похожденія Алеши, спасшаго отъ ножа кухарки чорную курицу и за то получившаго волшебное зернышко, способствующее исполненію его желаній, волновали юныхъ читателей и въ старые годы, производятъ неотразимое дѣйствіе и теперь. Молодое воображеніе любитъ свободу, и винить ли дѣтей за то, что они

[1]) Соч. Пушк. Изд. лит. фонда т. VII стр. 118. Письмо изъ Михайловскаго, 1825 г.

предпочитаютъ яркій разсказъ стараго писателя прѣснотѣ и фальши морализирующихъ сказокъ? Все чаруетъ ихъ въ этомъ вымыслѣ, отъ путешествія Алеши въ подземномъ царствѣ въ странѣ лилипутовъ до директора школы, питающагося исключительно вареньемъ и возбуждающаго всегда зависть читателей.

„Двойникъ“ встрѣченъ былъ сочувственно. „Большихъ оригинальныхъ повѣстей“, пишетъ „Русскій Инвалидъ“ въ замѣткѣ своей о книгѣ [1])—„мы до сихъ поръ еще не имѣли. Тѣмъ больше чести Антонію Погорѣльскому, который на сихъ дняхъ подарилъ насъ двумя томами повѣстей, заключающими одно цѣлое... Немногія повѣсти такъ занимательны, такъ остроумны; немногія разсказаны и связаны съ такимъ искусствомъ“. Похожъ на это и отзывъ второго, значительнаго органа тогдашней убогой журналистики, знаменитой „Сѣверной Пчелы“ [2]). „Содержаніе повѣстей можетъ быть названо правдоподобными небылицами. Авторъ искусно воспользовался разными повѣрьями, темными слухами и суевѣрными разсказами о несбыточныхъ происшествіяхъ и передалъ ихъ намъ еще искуснѣе, умѣя возбуждать любопытство и поддерживать его до самой развязки“. Отзывы эти поощрили автора, и вскорѣ вышелъ первый томъ „Монастырки“, начальныя главы которой еще раньше напечатаны были въ издававшейся бар. Дельвигомъ „Литературной газетѣ“.

Какъ произведеніе гораздо болѣе значительное, романъ Перовскаго возвысилъ и уровень требованій, предъявляемыхъ къ писателю. Оцѣненный вообще сразу же довольно правильно, что не часто случается, романъ вызвалъ и нѣкоторыя замѣчанія, имѣвшія цѣлью умѣрить излишнія похвалы ему въ печати. „Сей романъ, говоритъ „Русскій Инвалидъ“ [3]), есть необыкновенное, пріятное явленіе въ русской словесности. Онъ богатъ занимательными происшествіями и ярко обрисованными характерами, а потому живъ и любопытенъ“. Болѣе холодный „Московскій Телеграфъ“) отзывается гораздо сдержаннѣе. „Мы прочли первую часть „Монастырки“ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ

[1]) 1828 г., № 83.

[2]) 1828 г., № 38.

[3]) 1830 г., № 17.

[4]) 1830 г. Часть 32.

читывали романы Авг. Лафонтена. Тутъ не ищите ни страстей, ни мыслей, ни глубокаго значенія. Читайте „Монастырку“ какъ пріятное описаніе семейныхъ картинъ, какъ разсказъ добраго пріятеля о добрыхъ людяхъ, которымъ встрѣчались иногда непріятности“. „Во всѣхъ лицахъ“ пишетъ другой журналъ [1]), „видны портреты, вѣрно списанные съ природы, довольно одушевленные, но къ сожалѣнію довольно мелочные“. Мнѣніе публики было иное. Читающій кругъ былъ заинтересованъ и произведеніемъ, и авторомъ. Впечатлѣніе книги всего живѣе выразилось, кажется, въ замѣткѣ органа пушкинскаго кружка, „Литературной Газетѣ [2]). „Таинственное имя Антонія Погорѣльскаго уже извѣстно съ выгодной стороны читателямъ русскимъ, помнящимъ таинственнаго „Двойника“. Можетъ быть оно многими уже и разгадано: въ малой республикѣ нашей словесности нѣтъ продолжительной тайны. Всѣ на виду, всѣ на счету. Эти авторскія маски у насъ похожи на простосердечныя хитрости семейныхъ маскарадовъ, въ которыхъ долго интриговать не можно. Тѣмъ болѣе дѣйствующее лицо должно быть занимательно собственною игрой, не надѣясь на одно любопытство, которое подстрекаемо прелестью тайны. Антоній Погорѣльскій совершенно удовлетворяетъ сей необходимости и новое произведеніе его, романъ „Монастырка“, не имѣетъ нужды ни въ какихъ затѣйливыхъ пособіяхъ и постороннихъ уловкахъ авторскаго кокетства. *Вотъ настоящій и вѣроятно первый у насъ романъ нравовъ....* Всѣ лица у васъ на примѣтѣ, вы ихъ разглядѣли“.

Между журнальными отрывками есть одинъ, совершенно своеобразный, написанный въ той же формѣ, какъ начало „Монастырки“, въ видѣ письма одной пріятельницы къ другой, и укоряющей автора за карикатурное изображеніе малороссійскаго помѣщичьяго быта [3]). „Для васъ, лишь бы сказано было нѣсколько словъ мароссійскимъ нарѣчіемъ, вы и повѣрите, что малороссіяне описаны прекрасно. Ужели въ самомъ дѣлѣ „Сѣверная Пчела“ находитъ, что семейство Дюндика изображено мастерски?

[1]) Атеней, 1830 г. Ч. 2-я.

[2]) „Лит. Газ.“ 1830 г., № 16.

[3]) „Галатея“ 1830 г. Ч. 16.

Смѣшно, Лиза, что есть писатели, которые мечтаютъ о малороссіянахъ, какъ о жителяхъ луны, т. е. выдумываютъ, что хотятъ. Я бы желала сказать этимъ господамъ: ради Бога удерживайте крылатое воображеніе ваше, когда оно, подобно древнему Эолу, стремится въ тихую Малороссію. Мы живемъ не за морями, не за тридевять земель: прежде узнайте хорошенько обычаи и нравы малороссіянъ, а тогда уже пишите, какъ есть, а не такъ, какъ вамъ грезится". Эти слова, во многомъ вѣрныя и справедливыя до сихъ поръ, обращены были къ сожалѣнію не по адресу. Нѣсколько утрированное описаніе стараго панства въ основѣ своей все-таки было вѣрно, а по высказываемой дальше обидѣ на счетъ невѣрнаго описанія дамскихъ костюмовъ и т. п. видно, что письмо въ „Галатею" писано было едва ли не одною изъ дочерей Дюндика.

Между появленіемъ первой части романа и всего произведенія въ цѣломъ видѣ прошло три года. Этотъ рискованный опытъ не ослабилъ однако интереса къ книгѣ. „Монастырка" въ 1833 году встрѣчена была, какъ старая знакомая, судьбой которой интересовались. Отсутствіе яркости и страсти заставляло относиться къ роману критику и публику, правда, не съ тѣмъ жаромъ, какой возбуждаютъ произведенія, въ которыхъ сказывается какое-нибудь новое слово. Но всѣ сходились въ оцѣнкѣ занимательнаго и пріятнаго разсказа, бывшаго недавно еще такой новостью, но теперь поблекшаго въ лучахъ новаго и яркаго свѣтила. Въ промежутокъ, отдѣлявшій выходъ одной части романа отъ другой, появился Гоголь.

Мы не знаемъ, имѣло ли вліяніе появленіе Гоголя на прекращеніе дальнѣйшей литературной карьеры Перовскаго, или виною была разносторонняя, жизненная дѣятельность, охватившая его въ ту пору; но за послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, послѣ выхода „Монастырки", онъ написалъ только одну небольшую статью. Какъ человѣкъ съ очень развитымъ вкусомъ, онъ не могъ не чувствовать разницы своихъ работъ съ творчествомъ Гоголя. Но о раннемъ оставленіи имъ литературы нельзя не пожалѣть, такъ какъ онъ могъ быть очень интересенъ и оставаясь самимъ собой. Въ сочиненіяхъ его есть сторона, которой, повидимому, онъ не придавалъ большаго значенія, но которая въ дальнѣйшемъ развитіи могла доставать ему новые успѣхи. Есть

у него страницы, гдѣ онъ выступаетъ какъ *моралистъ*, понимая это слово въ смыслѣ литературнаго термина, присвоеннаго ему во французской литературѣ такими писателями, какъ Лабрюйеръ, Паскаль, Монтэнь. У него встрѣчаются замѣчанія о разныхъ сторонахъ жизни и человѣческой души, тонкія и глубокія, высказанныя съ большою ясностью и простотой. Его письмо къ Гумбольдту, во время пребыванія нѣмецкаго ученаго въ Россіи, въ 1830 г., названное „Новая тяжба о буквѣ ъ“ чрезвычайно остроумно. Буква ъ встревожена высказаннымъ Гумбольдтомъ мнѣніемъ о ея безполезности и въ письмѣ къ барону, полномъ эрудиціи, доказываетъ примѣрами и сопоставленіями необходимость своего существованія. Гумбольдтъ согласился съ справедливостью доводовъ обиженной буквы, признавъ ихъ въ отвѣтѣ, напечатаномъ при той же статьѣ въ сочиненіяхъ Погорѣльскаго. Нѣсколько афоризмовъ, взятыхъ изъ „Двойника“, дадутъ понятіе о сущности и манерѣ психологическихъ замѣтокъ Перовскаго.

— Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать упреки въ неблагодарности. Я часто видѣлъ людей, которые называютъ себя благодѣтелями за то, что въ такомъ-то случаѣ не столько намъ вредили, сколько, по ихъ мнѣнію, они имѣли къ тому возможности“ (стр. 296).

— „Гостинный умъ (esprit de societé), по достоинству своему принадлежитъ къ числу самыхъ послѣднихъ; но онъ одинъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ, если не для общества, то покрайней мѣрѣ для того, кто имъ обладаетъ. Впрочемъ гостинный умъ раздѣляется на разные разряды, смотря по разнымъ гостиннымъ. Часто случается, что человѣкъ, который блеститъ умомъ въ одной гостинной, совершенно глупѣетъ, переходя въ другую“ (152 стр.).

— Эгоистъ скрываетъ холодность своего сердца подъ личиной твердости духа“ (161 стр).

Эти наблюденія и многія другія, разсѣянныя въ сочиненеяхъ, обличаютъ въ Перовскомъ человѣка, знавшаго людей и жизнь и много видавшаго.

По условіямъ своей жизни, дѣйствительно, онъ стоялъ въ группѣ тѣхъ избранныхъ, передъ которыми открыты всѣ двери. Въ молодости своей онъ отличался веселостью и наклонностью къ мистификаціи и шуткѣ. Князь Вяземскій, въ своихъ воспоми-

наніяхъ, записалъ нѣсколько случаевъ такихъ продѣлокъ Перовскаго [1]). „Однажды онъ увѣрилъ сослуживца своего, что онъ великій мастеръ какой-то масонской ложи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Онъ выдумывалъ разныя смѣшныя испытанія, черезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ его расписываться въ томъ, что онъ *бобра не убилъ.* Другой разъ Перовскій написалъ *амфигури* (amphigouri), шутоточную, веселую чепуху, начинавшуюся такъ:

Авдулъ-визирь
На лбу пузырь
И холитъ и лелѣетъ;
А Папій сынъ,
Взявъ апельсинъ,
Желаньемъ пламенѣетъ...

Около дюжины куплетовъ, написанныхъ такими стихами, отнесъ онъ ректору московскаго университета Антонскому, предсѣдателю Общества любителей словесности, и высказалъ ему желаніе прочесть свои стихи въ первомъ публичномъ засѣданіи общества. Въ то время графъ А. К. Разумовскій былъ попечителемъ московскаго университета или уже министромъ народнаго просвѣщенія. По чиновничьей угодливости, Антонскій не смѣлъ сказать, что стихи никуда не годятся, и изворачивался въ уклончивыхъ отвѣтахъ передъ настаивавшимъ Перовскимъ“. Повторилась сцена изъ Гамлета, извѣстный разговоръ съ придворными о формѣ облаковъ.

Когда вышла въ свѣтъ „Русланъ и Людмила“ Пушкина, то появились критики, какія появляются и до сихъ поръ, заключающія въ себѣ вздорныя и мелочныя придирки къ отдѣльнымъ положеніямъ, словамъ и фразамъ.

Въ предисловіи ко второму изданію поэмы (1828 г), Пушкинъ приводитъ нѣкоторые изъ этихъ допросовъ и говоритъ: „нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на нихъ. Его антикритика остроумна и забавна“. Этотъ нѣкто былъ Алексѣй Перовскій, какъ видно сразу оцѣнившій молодой геній Пушкина и ставшій въ ряды его поклонниковъ. Отвѣты эти сохранилъ аккуратный Плетневъ [2]). Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, вмѣстѣ съ вопросами:

---

[1]) Сочиненія, т. VIII, 413—14.

[2]) Сочиненія Плетнева, т. III, 331.

— „Зачѣмъ Финнъ разсказывалъ Руслану свою исторію?

— Затѣмъ, что онъ зналъ кто Финнъ; притомъ старики словоохотливы.

— Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ?

— Дурная привычка. Или свистали вмѣсто того, чтобъ погонять лошадей англійскимъ хлыстомъ.

— Зачѣмъ трусъ Фарлафъ поѣхалъ искать Людмилу?

— Трусы часто ѣздятъ туда же, куда и храбрые.

— Какъ Русланъ бросилъ Рогдая въ воду какъ ребенка?

— Прочитайте въ поэмѣ...“ и т. п.

Помѣщаемый нынѣ, благодаря любезному содѣйствію Н. М. Буды-Жемчужникова, портретъ Перовскаго снятъ съ оригинала, писаннаго Карломъ Брюловымъ въ тридцатыхъ годахъ и находящагося въ Петербургѣ въ семействѣ покойнаго графа Бориса Алексѣевича Перовскаго (существуетъ еще два портрета Перовскаго — одинъ акварельный въ Петербургѣ же, и другой масляными красками, поясной въ уланской формѣ, находящійся въ с. Красномъ Рогѣ, мглинскаго уѣзда, черниг. губ., у вдовы гр. А. К. Толстаго). Съ Брюловымъ Перовскій былъ одно время очень друженъ и, какъ знатокъ искусствъ, рано оцѣнилъ въ немъ и большаго, хоть и наклоннаго къ мелодрамѣ, художника, и великаго, безупречнаго портретиста. Воспитанный Перовскимъ племянникъ гр. А. К. Толстой сталъ впослѣдствіи и его наслѣдникомъ. Даровитый родъ Перовскихъ, такъ же какъ и Разумовскіе, просуществовалъ не долго и не имѣетъ въ настоящее время мужскихъ представителей, кромѣ боковой вѣтви. Алексѣй Алексѣевичъ умеръ и схороненъ въ Варшавѣ въ 1839 г. Страдая уже чахоткой, онъ ѣхалъ за границу, въ теплый климатъ и остановился въ Варшавѣ по пути. $^{9}/_{21}$ іюля, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ попросилъ подвинуть его къ свѣту, къ окну, и скончался, крикнувъ находившимся тутъ сестрѣ и племяннику: „прощайте, друзья!“

Сочиненія его изданы были при жизни автора два раза, и полнымъ собраніемъ напечатаны Смирдинымъ въ 1854 году. Недавно „Монастырка“ вышла дешевымъ изданіемъ. На чешскій языкъ этотъ романъ переведенъ Вавромъ въ 1859 году.

В. Горленко.

Критика.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. первая, т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic) съ латино-уніатами. Кіевъ, 1887. 8°, стр. XVI+800+II.

Настоящій томъ „Архива“ (семнадцатый по общему счету) состоитъ не изъ архивнаго рукописнаго матеріала подобно всѣмъ прежнимъ, а въ наибольшей части своей изъ перепечатокъ старинныхъ изданій первой половины XVII вѣка. Въ предисловіи редактора, С. Т. Голубева, сообщены объ этихъ изданіяхъ библіографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что почти всѣ они не доступны въ наше время изслѣдователямъ, по чрезвычайной рѣдкости сохранившихся экземпляровъ, и то нерѣдко дефектныхъ. Нѣкоторыя извѣстны даже только въ уникатахъ, хотя намъ кажется, что многое по этой части можетъ еще быть отыскано; до сихъ поръ мы почти не видимъ слѣдовъ изысканій съ этой цѣлью въ главнѣйшихъ польскихъ библіотекахъ: въ Варшавѣ, въ Краковѣ, въ Курникѣ (въ Познани) и т. д. Особенно же долженъ быть въ этомъ отношеніи богатъ Ватиканъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить нашу археографическую коммиссію за переизданіе нѣкоторыхъ раритетовъ полемической литературы, такъ какъ безъ знакомства съ ними невозможно уяснить себѣ умственное движеніе той эпохи, а безъ этого конечно во многомъ не будутъ понятны и послѣдующія событія политическаго характера. Существовавшій по этому предмету пробѣлъ въ значительной степени восполненъ уже петербургскою коммиссіею, удѣлившей въ своемъ изданіи „Русская Историческая Библіотека“ мѣсто и старопечатнымъ западнорусскимъ полемическимъ сочиненіямъ,—изъ нихъ составилось уже двѣ огромныхъ книги. Но памятники старинной литературы, нуждающіеся въ перепечаткѣ, такъ многочисленны, что получаетъ большую цѣну и участіе Кіева въ этомъ дѣлѣ. Намъ кажется, однако, что кіевская коммиссія напрасно

ввела этотъ матеріалъ въ общую рубрику своего „Архива", до сихъ поръ составлявшагося изъ архивныхъ, рукописныхъ документовъ, получившаго вполнѣ опредѣленный характеръ и физіономію. Было бы удобнѣе настоящій матеріалъ выпустить подъ однимъ вторымъ его заглавіемъ,—„Памятники" и т. д., измѣнивъ конечно въ немъ совершенно неудачный терминъ „южно-руссцевъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, переиздавая литературные памятники, ихъ необходимо снабжать достаточными поясненіями и болѣе обширными библіографическими комментаріями, чѣмъ это сдѣлалъ г. Голубевъ въ своемъ предисловіи. Быть можетъ, онъ намѣренъ восполнить этотъ недостатокъ при второмъ предположенномъ имъ томѣ, который долженъ составиться „преимущественно" изъ полемическихъ западно-русскихъ сочиненій православныхъ противъ протестантовъ различныхъ оттѣнковъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что изслѣдованіе г. Голубевымъ матеріала будетъ для обоихъ томовъ общее и войдетъ только въ составъ втораго изъ нихъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (!! южноруссовъ) противъ протестантовъ и латино-уніатовъ". Мы полагаемъ, что предметомъ этого очерка должна быть только историко-*литературная* сторона дѣла, но всякія частныя замѣчанія, библіографическія и другія, должны быть изъ него выдѣлены, чтобы не загромождать изслѣдованія и не затемнять изложенія по вопросамъ существеннымъ.

Такимъ образомъ результаты изученія полемическаго матеріала г. Голубевымъ остаются намъ пока неизвѣстными. Но важно для насъ оттѣнить общій его взглядъ на историческое значеніе этого матеріала, намѣченный въ предисловіи къ настоящему тому словами болѣе ранняго изслѣдователя церковной уніи, г. Кояловича, который вполнѣ основательно указывалъ, что „у насъ утвердилось почти всеобщее мнѣніе, что унія введена лишь насиліемъ, преслѣдованіями православныхъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда унія обыкновенно представляется, какъ картина страданій, мученій, казней,—что́, разумѣется, дѣлаетъ исторію уніи вовсе неинтересною для того, кто ищетъ въ событіи мысли, а не ужасныхъ и нерѣдко безсмысленныхъ сценъ, въ которыхъ представляется съ одной стороны буйство, звѣрство, а съ другой—возмутительное страданіе". Не отрицая варварскихъ мѣръ для утвержденія уніи, къ коимъ прибѣгали ревнители папства, Кояловичъ совершенно справедливо (слова г. Голубева) думаетъ, что видѣть при означенной пропагандѣ католическихъ идей „одно

внѣшнее насиліе, одни гоненія, значитъ слишкомъ мало понимать страданія и твердость литовско-русскихъ православныхъ во время уніи и настойчивость ея поборниковъ. Рядомъ съ этими варварскими мѣрами и магометанскими гоненіями употреблялись съ той и другой стороны мѣры чисто европейскія, цивилизованныя,—убѣжденія, разсужденія, разсказы въ пользу или противъ уніи, въ формѣ проповѣдей, публикацій, брошюрокъ, посланій и цѣлыхъ сочиненій. Такимъ образомъ подлѣ возмутительной картины гоненій и страданій развертывалась болѣе достойная изслѣдованій и болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ картина словеснаго, ученаго спора,—картина религіозной полемики. На эту обширную и самую заманчивую въ свое время арену выступали сотни борцовъ, самыхъ разнообразныхъ званій, чиновъ, дарованій, образованія и добросовѣстности". Выдѣлить изо всей массы этихъ полемическихъ изданій тѣ, которыя сохранили историческое значеніе, по своему ли вліянію, какое они оказали въ свое время, или по силѣ своей аргументаціи,— такова, повидимому, задача, которую ставитъ себѣ г. Голубевъ, какъ предметъ обѣщаемаго изслѣдованія.

Въ настоящій томъ собственно полемическихъ сочиненій вошло десять, изданныхъ первоначально въ 1587—1634 годахъ, кромѣ одного, 1616 г (Отписъ на листъ виленскихъ унитовъ), которое напечатано по рукописи. Кромѣ нихъ, здѣсь помѣщены подъ четырмя нумерами документы рукописные, а именно. I. Письмо супральскаго архимандрита къ кіевскому митрополиту Макарію, 1536 г.; II. Форма церковнаго отлученія, составленная южно-русскими іерархами въ 1544 г.; III. Неизданныя сочиненія и посланія Іоанна Вишенскаго (извѣстнаго аѳонскаго монаха изъ города Вишни, въ нынѣшней Галиціи), числомъ пять; IV. Собственноручныя записки Петра Могилы, составляющія шесть отдѣльныхъ статей.

Самая большая по объему статья изъ рукописей Петра Могилы это—„Сказанія о чудесныхъ и замѣчательныхъ явленіяхъ въ церкви православной,—южнорусской, молдо-влахійской и греческой". Извѣстій изъ послѣднихъ впрочемъ немного, а преобладаютъ конечно мѣстныя южнорусскія и въ частности—относящіяся къ Кіево-печерской Лаврѣ. Писаны они, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, въ 1629—1631 годахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою современнаго сочиненія Аѳанасія Кальноѳойскаго „Тератургима" (1634 г), посвященнаго Лаврѣ, пещерамъ и проявившимся здѣсь чудесамъ, чтобы сличить, пользовался ли онъ записками Могилы, если поль-

зовался, то въ какой мѣрѣ, и насколько имъ слѣдовалъ? Это и должно бы было составить между прочимъ предметъ одного изъ тѣхъ комментаріевъ, въ отсутствіи которыхъ мы упрекнули г. Голубева, и который, по своему содержанію, не можетъ найти мѣста въ его будущемъ изслѣдованіи, основною темою котораго послужитъ литературная *полемика.*

Могила почти не заноситъ въ свои „Сказанія“ обычныхъ явленій жизни, хотя бы они прямо касались церкви православной, въ частности мѣстной, и даже той самой Лавры, гдѣ онъ состоялъ тогда священно-архимандритомъ. Онъ имъ даетъ мѣсто только тогда, когда съ ними связано какое-нибудь чудесное явленіе. Такимъ образомъ каждое отдѣльное сказаніе получаетъ обликъ поучительной легенды, и во всѣхъ ихъ отражается какъ личность самого Могилы, такъ еще болѣе характеръ эпохи, совмѣщавшей въ себѣ, наряду со скептицизмомъ иновѣрцевъ, происходившимъ то изъ фанатической нетерпимости (у католиковъ), то изъ столь же нетерпимаго раціонализма (у кальвинистовъ и особенно „аріанъ,“ т. е. антитринитаріевъ), глубокую простоту вѣрованія, доходящую иногда, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, до кощунственной наивности (таковъ, напр., разсказъ со словъ кіевскаго католическаго бискупа объ исцѣленіи по молитвѣ его къ Печерской Богородицѣ дорогаго *коня,* стр. 72). Черты эти интересны и сами по себѣ, а вмѣстѣ съ ними въ „Сказаніяхъ“ сохранилась и нѣкоторыя другія бытовыя или историческія подробности.

Могила почерпалъ матеріалъ для своихъ сказаній изъ устныхъ разсказовъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія, и съ замѣчательною добросовѣстностью хрониста отмѣчаетъ каждый разъ, отъ кого именно, даже когда и гдѣ слышалъ онъ о томъ или другомъ событіи, и если одно и то же передавали ему разныя лица, то онъ поименовываетъ попреимуществу очевидцевъ или участниковъ.

Иновѣрцы посѣщали въ тѣ времена Печерскую Лавру нерѣдко, какъ католики, такъ и протестанты, и по большей части относились къ мѣстной святынѣ благоговѣйно. Но нерѣдки бывали случаи, что посѣтители издѣвались надъ мощами и даже похищали части ихъ для обличенія „обмана,“ по мнѣнію ихъ, со стороны правосланыхъ. Могила приводитъ довольно много случаевъ подобнаго кощунства, за которое виновныхъ постигала кара (49—52, 68, 73, 74, 101, 109, 111). Любопытно, что мѣстный католическій епископъ

не только самъ бывалъ въ Лаврѣ на поклоненіи, но и порицалъ тѣхъ, которые позволяли себѣ насмѣхаться надъ ея реликвіями: однажды, въ поученіе кощунствовавшему бернардинскому монаху, онъ разсказалъ несчастный случай съ однимъ насмѣшникомъ, и пригрозилъ: „Не хули святыхъ, да и не ты, якъ же сей, зло нѣчто постраждеши.“ Рѣчь свою, передаваемую Могилою въ переводѣ, онъ закончилъ такимъ обращеніемъ ко всѣмъ „своимъ:“ „Иже хощетъ въ пещеру ити, да не входитъ, аще не имать вѣру, якъ къ святымъ вніити и честно сихъ тѣлеса посѣщати не хощетъ. Святая бо мѣста святолѣпно съ вѣрою посѣщати подобаетъ.“ Вообще, по свидѣтельству Могилы, бѣлое католическое духовенство не проявляло такой нетерпимости, какъ уніаты, а въ особенности іезуиты, всякій разъ представляемые въ весьма неблаговидномъ свѣтѣ (62—64, 93, 96, 105—109).

Со стороны иновѣрцевъ свѣтскаго званія насилія надъ православными чаще имѣли основаніемъ вовсе не религіозныя побужденія, а просто имущественныя, что случалось и со стороны православныхъ шляхтичей. Такъ, кіевскій земскій писарь Василій Вороничъ, завладѣвъ рыболовнымъ озеромъ Межигорской обители, грозитъ монахамъ: „Яко где обрящу инока съ вашого монастыря, яко же злодія висити повелю“ (53). Конечно, если преслѣдователемъ былъ иновѣрецъ, то православные старались придать факту окраску исповѣдную. Въ такомъ исключительно свѣтѣ представлены у Могилы случаи, когда иновѣрные помѣщики заставляли крестьянъ работать въ православные праздники, хотя здѣсь и на самомъ дѣлѣ не обходилось безъ насмѣшекъ надъ этими праздниками, - вообще введеніе у католиковъ григоріанскаго календаря увеличивало число столкновеній изъ за исповѣданія (102, 103, 104, 123).

Если свѣтскіе изъ жадности притѣсняли монастыри, то не всегда оказывались чистыми въ этомъ отношеніи и сами монашествующіе. Могила приводитъ примѣры утайки ими денегъ (73), даже святотатства (78), а бѣдствія, постигавшія монастыри, какъ истребленіе градомъ лаврскихъ посѣвовъ (55) и пожары аѳонскихъ монастырей, Діонисіатскаго (122) и Симопетра (тамъ же), онъ объясняетъ ихъ скупостью въ раздачѣ хлѣба нищимъ.

Событій изъ исторіи политической Могила приводитъ немного, и притомъ только мимоходомъ, по инымъ поводамъ. Такъ, у него упомянуты: татарскій набѣгъ и сожженіе Галича въ 1593 г (49), переходъ войскъ Лжедимитрія („Димитръ рострига“) мимо Кіева въ

1607 (109), неудачное нападеніе козаковъ на Сочаву во время Хотинскаго похода 1621 (77), морской набѣгъ ихъ на Турцію вслѣдъ за этой войною (54), походы поляковъ противъ козаковъ къ Корукову въ 1625 г (110, 112) и за Днѣпръ въ 1630, когда они переправлялись у Лавры и въ Стайкахъ (101). Къ этому можно добавить упоминаніе о моровомъ повѣтріи въ Вильнѣ въ 1625 и о бѣгствѣ тогда жителей изъ города (116).

Для старинной типографіи Кіева имѣютъ интересъ только два мѣста „Сказаній“: въ одномъ (55) говорится, что „окрестъ“ Печерской Лавры простирались ея пахатныя поля, но мы знаемъ по другимъ источникамъ, что въ этой мѣстности, кромѣ женскаго монастыря (упоминаемаго и здѣсь, 69), находилась еще и деревня монастырскихъ крестьянъ; второе мѣсто (70) касается одного изъ спорныхъ пунктовъ между Максимовичемъ и Закревскимъ, существовалъ-ли въ древности Андреевскій спускъ: здѣсь говорится, что дорога изъ Лавры въ замокъ (на Фроловскую гору) проходила черезъ гору „Вздыхалницу,“ слѣдовательно, спуска въ нынѣшнемъ направленіи не было, а дорога на Подолъ огибала замковую гору съ юга, сворачивая съ Андреевской горы на Гончари (какъ сохранилась и теперь, выше дома Каллистратова), что не исключаетъ и другой дороги, отъ Софійскаго монастыря и его „слободы“ черезъ Кожемяки, со спускомъ у бывшей церкви Іоанна Златоустаго, наискось теперешней Старокіевской каланчи: пѣшеходная дорога была здѣсь еще лѣтъ 35 назадъ и засыпана только при постройкѣ зданія Присутственныхъ мѣстъ.

Изъ мѣстныхъ преданій и памятниковъ Могила упоминаетъ о древней церкви въ Туровѣ и о находящейся въ ней чудотворной иконѣ Богородицы, принесенной сюда изъ Корсуня (Херсона) по взятіи его св. Владиміромъ (91); ему же приписывается построеніе церкви Никольской въ Смединѣ, гдѣ хранилась и чудотворная икона св. Николая, но едва-ли въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, преданіе не смѣшало со св. Владиміромъ лица позднѣйшаго, князя Владиміра Ольгердовича, дарственная запись котораго въ пользу Смединской церкви на земельный участокъ была записана въ напрестольномъ евангеліи и воспроизведена у Могилы (59). Любопытно, что здѣсь же *впервые* встрѣчаемъ легенду о заблудившихся въ „Орельской“ пустынѣ „севрукахъ,“ т. е. охотникахъ-промышленникахъ Сѣверской земли (ловци, ихъ же нарицаютъ севруки), встрѣтившихъ здѣсь отшельника изъ бывшихъ межигорскихъ монаховъ,

который и указалъ имъ настоящій путь въ „города.“ Позже, преданіе это было пріурочено къ основанію Густынскаго монастыря, подлѣ Прилукъ на р. Удаѣ, возникшаго около того самаго времени, когда писалъ Могила (1629, а случай отнесенъ къ 1620), но онъ могъ узнать объ этомъ только позже. Преданіе мы считаемъ *пріуроченнымъ,* такъ какъ Густынь лежитъ очень далеко отъ р. Орели, и здѣшняя мѣстность, какъ видно, напр., изъ раскладки подымной подати на 1629 г (въ актахъ центральнаго архива), вовсе уже не представляла собою тогда пустыни, а была довольно густо заселена. Сказаніе это было уже напечатано въ Густынской лѣтописи, изданной Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общества.

Утрата православными общественной силы и вліянія, вслѣдствіе перехода въ иновѣріе, преимущественно въ католицизмъ, представителей наиболѣе знатныхъ русскихъ родовъ, побуждало ихъ относиться къ этимъ родамъ съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ нихъ особеннымъ могуществомъ въ нашемъ краѣ пользовались тогда князья Вишневецкіе, Корецкіе и Острожскіе; первые еще держались православія, но оба послѣдніе и отступили отъ него, и сами находились уже на порогѣ вымиранія. На нихъ поэтому преимущественно и останавливалась мысль. Могила передаетъ намъ разсказъ о возвращеніи въ православіе вдовы Іоахима Богушевича Корецкаго, Анны Ходкевичевны, въ которомъ встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Княгиня Анна, по этому сказанію, отличалась крайнимъ религіознымъ непостоянствомъ: „отъ православныя отлучившись вѣры, въ многія ереси часто премѣняшеся: отъ калвинской въ новокрещенскую, еже есть аріанскую, и въ иныя многія, даже и въ іудейское впаде невѣріе, якоже съ іудеи субботствовати; многа же зла творяше іереемъ, паче же инокомъ, сице православнымъ, якъ же и латинскимъ.“ Наконецъ, обратилъ ее снова въ православіе монахъ изъ Скитскаго монастыря, и умерла она въ вѣрѣ предковъ.

Особенно безпокоила православныхъ будущая роль и судьба малолѣтнихъ князей Острожскихъ, сыновей Александра, послѣднихъ въ этомъ родѣ, въ лицѣ князя Константина II оказывавшаго православію сильную поддержку. Вдова Александра, княгиня Анна, изъ фамиліи Костка, ревностная католичка, подчинилась вполнѣ вліянію іезуитовъ и поручила имъ воспитаніе своихъ дѣтей, устранивъ прежняго ихъ православнаго наставника, извѣстнаго Зизанія Тустановскаго. Въ результатѣ юноши оказались католиками. По поводу ихъ раньше еще княгинѣ было доставлено таинственными путями

предостерегательное письмо „пустынника Наревской пущи, Иліи,“ на польскомъ языкѣ, приводимое въ подлинникѣ въ „Сказаніяхъ,“ съ угрозою преждевременной ихъ смерти и жестокой кары самой княгинѣ, если она отклонитъ ихъ отъ отцовскаго исповѣданія (93—96). Еще ранѣе, кн. Анна получила такое же грозное предупрежденіе по поводу преслѣдованія ею православныхъ въ г. Ярославѣ и отнятія у нихъ церкви, а передала его католическая монахиня, родомъ тоже Костчанка, по указанію явившагося ей видѣнія (61—65). Родъ князей Острожскихъ имѣлъ въ глазахъ всего населенія края такое высокое значеніе, что со смертью послѣднихъ его представителей, Константина и Ивана (въ католичествѣ обоимъ дано имя Адамъ) Александровичей, связалось преданіе о явленіи въ Острогѣ небеснаго знаменія,—видна была рука, держащая мечъ, съ котораго текла кровь.

Намъ, разумѣется, нельзя было исчерпать всего матеріала, заключающагося даже въ однихъ „Сказаніяхъ;“ но и приведеннаго достаточно, чтобы оцѣнить ихъ важность. Замѣтимъ еще о языкѣ Могилы, что онъ сильно отличается отъ господствовавшаго тогда въ мѣстной письменности. Это болѣе или менѣе чистый церковнославянскій, съ которымъ Могила хорошо познакомился еще на родинѣ, въ Молдавіи, и который здѣсь былъ языкомъ не только церкви, но также дипломатіи и права. Изъ особенностей мѣстныхъ отмѣтимъ одну, показывающую, что во всей Южной Руси вполнѣ уже установилось въ ту пору произношеніе *ѣ* какъ *и:* не только первая буква замѣняется второю, но даже и наоборотѣ (злодій, висити; и также: здохлѣ, свѣнѣ, вм. здохли, свиньи: 53, 102, 132).

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько замѣченныхъ нами мелкихъ редакціонныхъ недосмотровъ, къ сожалѣнію, повторившихся и въ приложенныхъ въ концѣ книги указателяхъ. На стр. 120 говорится о „*панѣ* Кіевскомъ Гавріилѣ Хойскомъ:“ это Гойскій или Гостскій (Hoysky, Hostsky), но онъ и въ указателѣ показанъ въ неправильной транскрипціи, а его званіе Кіевскаго *каштеляна* („панъ“) вовсе не обозначено; поэтому и имѣніе его, о которомъ тамъ упоминается, не Хоище, какъ въ текстѣ, и не кіевск. губ., какъ въ указателѣ: это Гоща, или Гуща, теперь м-чко Острожскаго у. Въ указателѣ лицъ вовсе пропущена фамилія Острожскихъ! Въ указателѣ мѣстностей пропущены: Скитъ (65,67, извѣстный монастырь въ горной Галиціи), Стайки (101, 102, с. кіев. у). Одно и то же село Смидинъ (ковельск. у) внесено въ указатель дважды, по двоякому написанію въ тек-

стѣ „Мѣдѣнъ“ и „Смѣдинъ,“ съ неправильнымъ обозначеніемъ уѣзда Пинскаго (59, 60). На стр. 49 въ первыхъ же строкахъ „Сказаній“ очевидная описка или опечатка „Днѣпръ“ вм. „Днѣстръ,“ что повторено и въ указателѣ, и вышла несообразность, будто Покутье (горная часть восточной Галиціи, Коломыйскій округъ) находится отъ Кіева за Днѣпромъ! На стр. 88 упоминается житель „веси Зарубинецъ,“ имѣнія „пани виленской,“ и въ указателѣ находилъ: „Зарубенецъ, д. Вилен. губ.,“ тогда какъ это Зарубинцы, село каневск. у., владѣлицѣ котораго, виленской пани, т. е. вдовѣ каштеляна Ходкевича, Софьѣ, по первому мужу, Роману, княгинѣ Ружинской, а урожденной Карабчевской, принадлежало въ Кіевщинѣ очень много имѣній; здѣшніе Зарубинцы должны бы быть знакомы историку мѣстной церкви, такъ какъ это древній городъ Зарубъ, изъ лѣтописнаго упоминанія о которомъ мы и знаемъ о существованіи въ до-татарскую эпоху особой епископской каѳедры, на Поросьи, въ Юрьевѣ (Бѣлой Церкви): во время одного значительнаго набѣга Половцевъ кіевскій князь „изведе Гюрьгевци и епископа ихъ Марина, и приведе *Зарубу*, и велѣ имъ сѣсти ту и за Саковцемъ, а Гюрьгевъ Половци зажьгоша тощь...“

Ив. Новицкій.

Обзоръ исторіи Русскаго права. Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изданіе второе съ дополненіями. Кіевъ. 1888 г. стр. I—XXVI, 1—542.

Предлагаемый „Обзоръ“, говоритъ почтенный авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, отнюдь не есть изложеніе науки въ полномъ учебномъ ея объемѣ; онъ долженъ служить только *пособіемъ при слушаніи лекцій.* Содержа въ себѣ указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ, „Обзоръ“ предполагаетъ изложеніе дѣйствительнаго содержанія ея посредствомъ устнаго изложенія.“ Въ виду такого заявленія автора о своей книгѣ, принимающійся за чтеніе ея невольно останавливаетъ вниманіе на объемѣ книги, заключающей въ себѣ 542 стр. и притомъ очень убористой печати. Самый объемъ располагаетъ читателя къ надеждѣ найти въ книгѣ не только то, что она обѣщаетъ, но и нѣчто другое, большее. Эта надежда вполнѣ оправдывается при чтеніи книги. Читатель пріятно убѣждается, что въ томъ, что съ точки зрѣнія профессора есть только указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ, дается читателю ясное, систематическое и сжатое изложеніе всей со-

вокупности главныхъ и существенныхъ предметовъ, понятій и данныхъ, составляющихъ дѣйствительное содержаніе науки, какъ опредѣлилось оно для читателя по прочтеніи введенія къ „Обзору“. Изложеніе оживлено обильнымъ подборомъ наиболѣе характеристическихъ свидѣтельствъ, примѣровъ и выраженій изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, который, вмѣстѣ съ отдѣльно изданными авторомъ тремя выпусками „Христоматіи по исторіи русскаго права“, даетъ твердую опору для сознательнаго усвоенія содержанія науки, обнимаемаго „Обзоромъ“. Впрочемъ съ нашей стороны было бы излишне распространяться о томъ, въ какой полнотѣ и съ какимъ успѣхомъ книга, носящая названіе „Обзора“, выполняетъ непосредственную задачу свою, въ качествѣ *пособія при слушаніи лекцій.*

Въ настоящей краткой замѣткѣ ограничимся обозначеніемъ лишь самыхъ общихъ чертъ той стройной системы, въ какой изложенъ „Обзоръ исторіи русскаго права“. Обзоръ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой заключается исторія русскаго государственнаго права, а вторая содержитъ въ себѣ, такъ сказать, особенную часть курса этой исторіи, а именно: исторію русскаго уголовнаго и гражданскаго права, а также исторію процесса. Въ обѣихъ частяхъ исторія Русскаго права обозрѣвается по тремъ главнымъ періодамъ нашей исторіи, каковы: періодъ земскій (IX—XIII вв), періодъ Московскаго государства и періодъ Имперіи.

Въ каждомъ изъ этихъ трехъ періодовъ исторія государстеннаго права излагается по одной и той же строго опредѣленной системѣ, общее понятіе о которой даютъ слѣдующія рубрики: территорія, населеніе, власть, управленіе и законодательство. Въ свою очередь каждая изъ этихъ рубрикъ обнимаетъ цѣлую совокупность явленій, относящихся къ одной и той же области, но измѣняющихся въ своихъ формахъ, по даннымъ условіямъ историческаго развитія ихъ. Въ такой же стройной системѣ юридическихъ опредѣленій и данныхъ, выдвигаемыхъ послѣдовательнымъ движеніемъ правовой жизни, представлена исторія уголовнаго и гражданскаго права и исторія процесса. Слѣдя за частными и частнѣйшими отдѣлами каждой изъ этихъ исторій, читатель чувствуетъ, что относительное обиліе содержанія того или другаго изъ нихъ находится въ прямой зависимости отъ существа предмета и наличности матеріала, по которому онъ воспроизводится. Въ исторіи гражданскаго права особеннымъ обиліемъ и живѣйшимъ интересомъ содержанія выдаются отдѣлы, озаглавленные: исторія *русскаго семейственнаго права* и

исторія *вещнаго права.* Вообще при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ частей и послѣдовательныхъ отдѣловъ „Обзора“ объемъ его уже не представляется превышающимъ то, что можетъ разумѣться подъ этимъ названіемъ: чувствуется напротивъ, что только благодаря сжатости изложенія, обусловленной ясностью и точностью опредѣленій, могло быть обнято въ „Обзорѣ“ все обиліе содержанія его. При всей краткости и общности изложенія въ „Обзорѣ,“ въ немъ встрѣчаемъ не мало объяснительныхъ указаній, касающихся самыхъ частныхъ явленій въ исторіи права, оставшихся незамѣченными у другихъ изслѣдователей предмета. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ этого рода, сошлемся на указаніе, касающееся рецепціи права изъ Литовскаго Статута, открываемой авторомъ въ исторіи права Московскаго государства еще въ эпоху Судебниковъ и Указаныхъ книгъ, т. е. еще до уложенія ц. Алексѣя Михайловича.

Исторія Русскаго права, построенная и обработанная такъ, какъ находимъ ее въ предлагаемомъ „Обзорѣ,“ составляетъ существенное и весьма цѣнное пріобрѣтеніе для русской исторической науки вообще. Исторія права въ такомъ построеніи обнимаетъ самыя существенныя стороны и явленія всей исторической жизни нашей, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія, направляющей къ тѣмъ яснымъ и общимъ опредѣленіямъ, которыя такъ важны для историка въ его работѣ надъ обобщеніями историческихъ явленій, надъ уясненіемъ внутренняго значенія и смысла ихъ. Разныя теоріи нашихъ историковъ, созданныя въ объясненіе главнѣйшихъ изъ этихъ явленій, находятъ вѣрную оцѣнку въ „Обзорѣ.“ Такъ напр. внимательный читатель замѣтитъ, что научныя опредѣленія и характеристики, предлагаемыя «Обзоромъ» въ области исторіи права за первый, земскій періодъ ея (IX—XIII в), заключающій въ своемъ составѣ начальную исторію Кіевской Руси,—что эти опредѣленія и характеристики оказываются весьма полезными для историка, имѣющаго дѣло съ дробностью и многовидностью явленій въ исторіи этого періода и съ разнообразіемъ существующихъ воззрѣній на ихъ значеніе и характеръ. Вообще исторіею русскаго права въ системѣ „Обзора“ много облегчается та часть мыслительной работы историка, которая наступаетъ за изученіемъ и анализомъ данныхъ и фактовъ, и стремится къ синтезу въ построеніи зданія русской исторіи. Намъ остается констатировать то важнѣйшее достоинство „Обзора,“ какъ научной работы, которое состоитъ въ непрерывныхъ и весьма обильныхъ указаніяхъ на литературу предмета передъ разными частями и

отдѣлами, а также въ неопустительныхъ, ясныхъ и точныхъ, ссылкахъ на первоисточники. Это обстоятельство придаетъ „Обзору" значеніе настольной книги при занятіяхъ не только по исторіи русскаго права, но и русской исторіи вообще.

И. М.

Историко-статистическое описаніе роменскаго Свято-Духовскаго собора. Составилъ староста собора Иванъ Алексѣевичъ Куриловъ. 1887 г. Ромны. 77+XXVI.

Книжечка, можно сказать, вполнѣ своя: составлена своимъ человѣкомъ, мѣстнымъ купцомъ, напечатана въ своей, роменской типографіи. Насъ пріятно удивило, что жители Ромна относятся къ ней любовно; купцы разобрали изданіе по лавкамъ—бакалейнымъ, галантерейнымъ, краснаго товара—и продаютъ своимъ покупщикамъ. Внѣшность брошюры весьма недурна для типографіи уѣзднаго города.

Въ г. Ромнахъ, съ предмѣстьемъ Засульемъ, 5 церквей, не считая кладбищенской и новостроющейся базарной. Самыя древнія изъ нихъ — соборъ, Покровская, построенная Калнишевскимъ, и старая засульская, предназначенная къ сломкѣ. Каменный Свято-духовскій соборъ—старѣе всѣхъ; онъ освященъ въ 1747 году. Рядомъ съ нимъ, на одномъ „цвинтарѣ", находится другая каменная, теплая церковь, во имя Св. Василія Великаго. Описаніе этихъ-то двухъ церквей и сдѣлалъ г. Куриловъ. Авторомъ руководила благая цѣль—сдѣлать такъ, „чтобы желащіе составлять историческія описанія нашего города имѣли хоть сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія для своихъ описаній".

Эта цѣль была бы вполнѣ достигнута, еслибы г. Куриловъ ограничился хорошо извѣстной ему сферой—описаніемъ внѣшности собора, его имущества и хранящихся въ немъ бумагъ, на основаніи которыхъ онъ могъ бы отчасти возстановить и исторію постройки церкви. Но авторъ увлекся общеисторическими соображеніями о происхожденіи города, о церквяхъ, предшествовавшихъ описаннымъ, и проч.,—и совершенно испортилъ дѣло. Г. Куриловъ соглашается съ предположеніемъ, что слово Римъ, упоминаемое въ „пѣсни" о полку Игоревѣ, означаетъ Ромны; что Игорь, воспѣтый въ „Словѣ", есть Игорь Рюриковичъ († 945 г), и что, стало быть, г. Ромны возникъ въ началѣ X вѣка, хотя и стоялъ „въ 20 верстахъ къ западу

(стр. 8) отъ нынѣшняго города". Онъ совершенно убѣжденъ, что „Римъ, разоренный половцами въ X вѣкѣ" (sic, стр. 8), перенесенъ на берега Сулы и Ромна кн. Владиміромъ Св., когда онъ строилъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Стугнѣ; что Владиміръ построилъ сейчасъ-же на самомъ высокомъ мѣстѣ „цитадель" и даже окружилъ ее со всѣхъ сторонъ водою, такимъ образомъ, что омываемое Сулою и Ромномъ, какъ катетами, гористое, въ 14 сажень высоты, плато, перерылъ по гипотенузѣ каналомъ, сооруженіе, передъ грандіозностью котораго преклонились бы и нынѣшніе инженеры [1]). Какъ ревностный распространитель христіанства въ русской землѣ, равноапостольный князь Владиміръ въ то время всѣхъ ратныхъ людей своихъ обратилъ уже въ христіанскую религію, и по сказанію лѣтописца (препод. Нестора) „началъ строить церкви, поставлять священниковъ и приводить къ крещенію людей по всѣмъ городамъ и селамъ", и вскорѣ за населеніемъ новаго города была устроена въ немъ, тутъ же на крѣпостномъ валу вблизи цитадели, деревянная церковь во имя Успенія Божія Матери, которая впослѣдствіи наименована соборною и существовала здѣсь почти до половины XVIII столѣтія, хотя можетъ быть въ теченіе столь долгаго времени она нѣсколько разъ починялась или передѣлывалась, но все таки осталась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится теплая церковь" [2]).

Доказательствомъ того, что Успенская церковь въ г. Ромнѣ построена св. Владиміромъ, служитъ одно „дѣло" соборнаго архива отъ 1763 года, въ которомъ говорится, что церковь существовала „издревле". Неграмотные люди XVIII столѣтія не знали, кѣмъ именно построенна церковь, и потому говорили *издревле*, а авторъ навѣрно знаетъ, что кн. Владиміромъ, потому что онъ ввелъ при церквахъ „вѣсы и мѣры", больше никто, а эти вѣсы еще въ прошломъ вѣкѣ составляли одну изъ доходныхъ статей церкви.

„Крѣпость роменская, въ которой находилась успенская соборная церковь, существовала со временъ Владиміра до XVIII вѣка безъ всякаго измѣненія" (стр. 14).

Малороссійская коллегія—это, по мнѣнію автора, камеръ-коллегія, и „управляла" она „экономіею деревень и доходовъ: патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и соборныхъ" (стр. 18).

---

[1]) Надо замѣтить, что нынѣшняя мѣстность г. Ромна не даетъ ни малѣйшей пищи воображенію автора.

[2]) Стр. 10—11.

Всѣ эти разсужденія настолько наивны, что возбуждаютъ въ читателѣ истинно идиллическое настроеніе. Жаль только, что простаки, запасшіеся книжечкой, усвоятъ себѣ эту своеобразную исторію.

Но большая часть брошюры г. Курилова, содержащая документальную исторію собора и его описаніе, имѣетъ несомнѣнный, хотя и чисто мѣстный, интересъ. Авторъ прежде всего опровергаетъ укоренившееся въ мѣстномъ населеніи, ни на чемъ не основанное мнѣніе, что церковь построена Маврой Заборовской, сестрой митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго. Ни въ одной изъ бумагъ, тщательно разобранныхъ, г. Куриловъ не нашелъ никакихъ упоминаній объ этой личности. Есть только грамота митрополита Рафаила отъ 10 іюня 1747 года (приведена въ приложеніи) объ освященіи оконченнаго къ тому времени собора, съ разрѣшеніемъ богослуженія въ немъ. Авторъ полагаетъ, кажется основательно, что церковь построена на средства прихожанъ, съ участіемъ ктиторовъ Андрея Полетики, Ѳедора Лукьяновича и лубенскаго полковника Петра Апостола, а также на деньги, собиравшіяся съ церковной „важницы" и ярмарочныхъ „лёховъ". Дальнѣйшая исторія собора ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда подобныхъ ей: то крыша жестяная замѣняется за ветхостью желѣзною, то пристраивается придѣлъ на хорахъ, то сооружается новый кіотъ, или икона.

Изъ описанія иконостаса, ризницы и церковнаго имущества видно, что иконы въ соборѣ не замѣчательны ни живописью, ни стоимостью окладовъ, хотя весь иконостасъ имѣетъ величестсвенный и типичный видъ, не уступая по высотѣ иконостасу кіевской лаврской большой церкви; изъ древнихъ же вещей, имѣющихся въ соборѣ, обращаютъ на себя вниманіе: два евангелія, одно львовской печати 1614 года, другое московской 1681 г., два большіе серебряные подсвѣчника и небольшая серебряная чаша, снабженные надписями XVII вѣка.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ книжечки помѣщены перечень служившихъ при соборѣ лицъ, описаніе недвижимаго имущества церкви и составъ прихода. Имѣнія собора весьма незначительны, а число прихожанъ не превышаетъ въ настоящее время сотни домовъ, съ 600 душъ обоего пола. Три священника и два діакона, составляющіе штатъ собора, положительно бѣдствуютъ и стараются перемѣститься при каждомъ удобномъ случаѣ.

Въ приложеніяхъ помѣщены 3 грамоты митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Тимоѳея Щербацкаго, разрѣшающія ктиторамъ и

прихожанамъ постройку церквей и ихъ придѣловъ, обязательство писаря роменской сотни Петра Яновскаго, при постриженіи его во священника (1737 г.), довольствоваться третьей частью парохіи, предоставляя двѣ остальныхъ части дѣтямъ покойныхъ соборныхъ священниковъ, и довольно безтолковый указъ изъ кіевской консисторіи отъ 1763 г. о тяжбѣ собора съ генеральнымъ скарбомъ за церковныя „важницы".

Въ заключеніе можно пожелать, чтобы наши уѣздныя церкви имѣли побольше такихъ трудолюбивыхъ и преданныхъ своему дѣлу старостъ, какъ г. Куриловъ.

Ѳ. Н.

И. А. Устиновъ, Литература о харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изданіе Харьковскаго Статистическаго Комитета. Х. 1887 г., 240 стр. Ц. 50 к.

И. А. Устиновъ, бывшій редакторъ неоффиціальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", еще въ 1872 г. задался цѣлью „библіографически отмѣтить все, что появлялось когда-либо въ русской литературѣ по части исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Харьковскаго края"; но въ Харьковѣ оказалось невозможнымъ найти харьковскія изданія и потому „только черезъ 10 лѣтъ, въ 1883 г. составителю настоящей книги представилась возможность осуществить свое намѣреніе при посредствѣ колоссальнаго русскаго книгохранилища Имп. Спб. Публичной Библіотеки". Харьковскій Статистическій Комитетъ „въ виду полезности труда г. У—ва для всѣхъ лицъ, интересующихся литературой, касающейся харьковской губ., постановилъ напечатать этотъ трудъ на счетъ комитета въ видѣ отдѣльной брошюры". Таково происхожденіе настоящей книжки. Составлена она на основаніи личнаго просмотра г. У—вымъ сочиненій и статей съ одной стороны и указателей и каталоговъ съ другой. Сюда вошли сочиненія и статьи по мѣстной исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистикѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается и содержаніе или оглавленіе статей и книгъ. „Исполненный такимъ образомъ трудъ въ изложенныхъ предѣлахъ заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и *полный указатель „Харьк. Губ. Вѣд." за время съ 1838 по 1880 г. включительно,* вмѣщавшихъ въ себѣ описанія, касающіяся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики края, столь давно ожидаемый и не

появлявшійся донынѣ". Дѣйствительно, нельзя не признать указателя г. У—ва очень полезной справочной книжкой. Стоитъ только прочитать это изданіе, чтобы убѣдиться, что здѣсь отмѣчено множество интересныхъ книгъ и въ особенности журнальныхъ и газетныхъ статей и статеекъ по указаннымъ выше предметамъ. Особенно много указаній найдетъ для себя лицо, интересующееся мѣстной стариной: историческими работами, матеріалами, данными для исторіи мѣстной литературы, просвѣщенія и театра. Разыскиваніе необходимыхъ свѣдѣній облегчается помѣщенными въ концѣ книги указателями—предметнымъ и личнымъ.

Таковы достоинства разбираемаго сочиненія; но есть въ немъ и кое-какіе пробѣлы и недостатки. Составитель извѣстенъ своими небольшими изслѣдованіями по мѣстной старинѣ: въ „Харьков. Губ. Вѣд.", въ концѣ 70-хъ годовъ, печатались его замѣтки и матеріалы подъ общимъ заглавіемъ „Харьковская старина"; въ харьковскомъ календарѣ на 1886 г. была помѣщена его статья „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія"; въ 1887 г. онъ издалъ нѣчто въ родѣ описанія или справочной книги о г. Харьковѣ подъ заглавіемъ „Описаніе г. Харькова". Эти занятія, стоявшія въ прямой связи съ редактированіемъ имъ мѣстной газеты, дали автору возможность болѣе или менѣе удачно разрѣшить одну половину принятой имъ на себя задачи—оріентироваться въ библіографическомъ матеріалѣ, помѣщавшемся въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Но кромѣ мѣстныхъ изданій г. У—въ рѣшился воспользоваться также и общими. Этимъ онъ значительно расширялъ свою задачу, но и затруднялъ удовлетворительное выполненіе ея. Широкая постановка темы привела къ тому, что оказались недочеты не только въ общихъ, но и мѣстныхъ изданіяхъ. Съ другой стороны внесено было въ указатель многое такое, что къ исторіи, географіи и этнографіи Слободской Украины не относится.

Представимъ въ подтвержденіе своихъ положеній нѣсколько фактовъ. Укажемъ сначала на пропуски, а потомъ на лишнія статьи. Г. У—въ указываетъ на описаніе г. Харькова 1678 г., помѣщенное въ IX т. „Доп. къ актамъ истор." и даже приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія, но неизвѣстно, почему игнорируетъ описанія другихъ слободско-украинскихъ городовъ, находящіяся въ томъ же документѣ (Алешни, Ахтырки, Сумъ, Вольнаго, Острогожска и многихъ другихъ); объ Актахъ Южной и Западной Россіи онъ вовсе не упоминаетъ, между тѣмъ какъ тамъ въ 3-мъ и другихъ

томахъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о переселеніяхъ малороссіянъ въ нашъ край; точно также пропущены Акты историческіе (І-й томъ—о Черкасахъ на р. Донцѣ), Географическій словарь Семенова, Книги разрядныя, Дворцовые разряды, Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Книга Глаголемая большой чертежъ, изд. Спасскимъ, а раньше Языковымъ, и наконецъ такой источникъ первостепенной важности, какъ Полное собраніе законовъ; ничего не говорится о лѣтописяхъ (Самовидца, Грабянки, Величка и другихъ), о нѣкоторыхъ запискахъ (Я. Маркевича) и разнообразныхъ матеріалахъ, помѣщавшихся въ изданіяхъ ученыхъ обществъ (въ Сборникѣ И. Русск. Ист. Общ., напримѣръ, печатались протоколы Екатерининской Коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія, въ засѣданіяхъ которой принимали участіе и харьковскіе депутаты); можно было бы указать не мало пропусковъ и относительно изслѣдованій и статей по исторіи, археологіи и этнографіи. Не выбраны, наприм., свѣдѣнія изъ трудовъ археологическихъ обществъ о находкахъ монетъ и другихъ древностей въ предѣлахъ харьковской губ. (см., напр., „Изв. о находкахъ монетъ и другихъ древн. въ Россіи“ въ Зап. Спб. Нумизмат. Общ., т. 2-й, 1850 г. или ст. Пискарева „О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ“ въ Зап. Имп. Арх. Общ., т. III, 1851 г.); не указаны многіе важные этнографическіе матеріалы (въ родѣ, напримѣръ, любопытныхъ разсказовъ Вс. Коховскаго, записанныхъ изъ устъ народа въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ. и помѣщенныхъ въ „Основѣ“ за 1862 г., май); не будемъ приводить другихъ примѣровъ, а замѣтимъ только, что и въ указателѣ къ Харьк. Губ. Вѣд. есть пропуски. Такъ, напр, пропущены статьи: „Описаніе древностей, отправленныхъ проф. Борисякомъ въ Московское Археологическое Общество“ (Х. Г. В. 1869 г., № 30) и 2) Нѣчто изъ старины. О первыхъ харьковскихъ училищахъ (Х. Г. В. 1872 г., № 52 и 53).

Мы не могли, конечно, взять на себя систематической провѣрки того, насколько книга г. У—ва является дѣйствительно полнымъ указателемъ къ Х. Г. В. съ 1838 по 1880 г., но отмѣченные нами пропуски, сдѣланные по нашимъ случайнымъ библіографическимъ замѣткамъ, приводятъ къ убѣжденію, что число такихъ пропусковъ не ничтожно.

На ряду съ пробѣлами мы должны отмѣтить такія указанія, которыя не должны были войти въ книгу г. У—ва. Очевидно, авторъ внесъ большую часть такихъ указаній изъ другихъ библіографиче-

скихъ сочиненій, будучи введенъ въ заблужденіе заглавіями статей. Такъ, напр., онъ приводитъ статьи, въ названіяхъ которыхъ было слово *Украина*, забывши, что кромѣ Слободской Украины была еще и лѣвобережная, и правобережная; нерѣдко также онъ отождествляетъ *слободскихъ* козаковъ съ малороссійскими, гусарскіе слободско-украинскіе полки съ новороссійскими и т. д. Спрашивается, какое отношеніе къ харьковскому краю имѣютъ, напр., слѣдующія статьи: Головатый—Квитки, Первыя войны малорос. козаковъ—Н. Костомарова, Михайло Чернышенко Л. Кулиша, Афанасій Колпакъ—Скальковскаго, Замѣтка о Петрѣ Вел.—Зернина, Суворовскія бумаги—Г. Данилевскаго, Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи—Максимовича, Украинскіе юридическіе акты XVII в.—А. Л—каго, Памятники украинской народной словесности—П. Ефименка, Малороссійскіе чумаки (въ „Калейдоскопѣ" и „Рус. Инв."), Акты оскольскаго края—Голицына, Краткая записка о малороссійскихъ козакахъ—кн. Рѣпнина, Г-нъ Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи—Г. Карпова, Малороссійскіе города—Г. Карпова, Физико-химическое врачебное испытаніе минеральныхъ водъ, открытыхъ въ полтавск. губ., конст. у.—Гизе, Письма Императора Петра I-го къ гетману Скоропадскому и мног. др.? Еще въ большую ошибку впадаетъ г. У—въ, когда приводитъ въ своемъ указателѣ статью Германова „Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ ворон. губ." и при этомъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: „однодворческое населеніе образовалось въ мѣстности бывшаго Острогожскаго слободскаго полка изъ войсковыхъ обывателей"; на самомъ дѣлѣ однодворцы представляютъ изъ себя потомковъ великорусскихъ служилыхъ людей, а войсковые обыватели—малорусскихъ слободскихъ козаковъ; слѣдовательно, это двѣ различныя въ этнографическомъ и бытовомъ отношеніи группы населенія; Острогожскій слоб. полкъ былъ населенъ главнымъ образомъ войсковыми обывателями, а не однодворцами. Наконецъ, въ заключеніе мы должны отмѣтить еще нѣкоторыя чисто внѣшнія неисправности или, лучше сказать, недосмотры; одна и та же статья указывается иногда въ книгѣ г. У—ва по два раза: о слободѣ Каплуновкѣ говорится подъ № 129 и 132 (правильно первое указаніе), о статьѣ Квитки „Украинцы" подъ № 138 и 161 (правильно второе указаніе), о статьѣ Г. П. Данилевскаго „Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ"—подъ № 443 и 449 и нѣк. др. Не указываемъ на нѣкоторыя опечатки, не исправленныя составителемъ.

Отмѣчая всѣ эти промахи, мы конечно сознаемъ всю неизбѣжность ихъ въ подобныхъ работахъ. Въ общемъ трудъ г. У—ва является полезнымъ вкладомъ въ областную библіографическую литературу. Нельзя не выразить по этому случаю пожеланія, чтобы авторъ нашелъ себѣ продолжателей, и чтобы, по образцу его книги, были составлены аналогичные указатели и по другимъ южнорусскимъ губ. Прекрасный трудъ А. М. Лазаревскаго „Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края" къ сожалѣнію остановился на первомъ выпускѣ; притомъ онъ доведенъ былъ только до 1857 г. Такимъ образомъ, полная южнорусская историческая библіографія можетъ повидимому появиться въ свѣтъ при одномъ условіи: если предварительно будутъ составлены частные указатели, обнимающіе сравнительно небольшую территорію губ. или maximum области, т. е. Новороссійскаго края, Кубанской области, Лѣвобережной Украйны, Юго-Западнаго края. Только при наличности такихъ библіографическихъ указателей областная разработка южнорусской исторіи можетъ дѣйствительно подвинуться впередъ.

А. Лебедевъ, О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. 30 стр.

Брошюра представляетъ оттискъ изъ „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн." Авторъ ея, профессоръ церковной исторіи въ харьковскомъ университетѣ А. С. Лебедевъ, извѣстенъ своими работами по изданію и разработкѣ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ (харьковскихъ и курскихъ). Результатомъ его архивныхъ занятій въ харьковской и курской духовныхъ консисторіяхъ является и настоящій сборничекъ систематизированнаго и и сгруппированнаго матеріала. Матеріалъ этотъ относится къ весьма важному и любопытному вопросу и, по справедливому замѣчанію собирателя, „помимо собственно церковно-правоваго значенія и въ бытовомъ отношеніи представляетъ не малый интересъ". Поводы къ разводу, какъ видно изъ документовъ почтеннаго профессора, были слѣдующіе: 1) болѣзненное состояніе одного изъ супруговъ, 2) многобрачіе, 3) несовершеннолѣтіе, 4) прелюбодѣяніе, 5) взаимное согласіе супруговъ на разводъ. Каждую изъ этихъ причинъ къ разводу А. С. Лебедевъ иллюстрируетъ нѣсколькими фактами живой дѣйствительности. Дѣйствительность эта подъ-часъ является довольно своеобразной и носитъ на себѣ печать мѣстныхъ бытовыхъ условій. При расторженіи брака, вслѣдст-

віе половой неспособности одного изъ супруговъ, лицо, признанное неспособнымъ къ супружеской жизни, не обрекалось и напередъ, какъ это практиковалось въ московской епархіи, на вѣчное безбрачіе. Такъ именно было съ жителемъ села Могрицы, миропольскаго округа, Захаріемъ Бобрицкимъ. Многобрачіе въ Бѣлгородской епархіи, въ особенности среди простолюдиновъ, было явленіемъ обычнымъ; оно поддерживалось условіями мѣстнаго быта: частыми переходами жителей съ одного мѣста на другое, бѣгствомъ, военными походами, татарскимъ полономъ" и т. п. Провинившагося въ такихъ дѣяніяхъ наказывали плетьми и возвращали къ первой женѣ. Но проф. Лебедевъ приводитъ одинъ характерный случай, гдѣ многобрачіе совершилось съ соизволенія церковнаго начальства. Копіистъ Недрыгайловскаго уѣзднаго суда Василій Яковлевъ былъ выкрещенный еврей; принявъ св. крещеніе, онъ разошелся съ прежней женой еврейкой Итой, отъ которой у него были и дѣти, и женился на православной обывательницѣ г. Сумъ Дарьѣ Наталушенковой; но вскорѣ вошелъ съ просьбой о дозволеніи ему разойтись со 2-й женой и снова жениться на 1-й, такъ какъ она также приняла православіе; просьба его была уважена, и на него консисторіей была наложена только эпитимія, да и та преосвященнымъ отмѣнена. Этотъ случай ясно свидѣтельствуетъ, что духовное начальство въ брачныхъ дѣлахъ обращало большое вниманіе на житейскія бытовыя условія. Среди однодворческаго, великорусскаго населенія часты были случаи разводовъ по несовершеннолѣтію женъ, нерѣдко соединенному съ снохачествомъ; на это зло указывалъ Сенатъ и Св. Синоду:... „между однодворцами непотребивый, обычай въ великомъ употребленіи, что они малолѣтнихъ своихъ сыновей, лѣтъ осьми и десяти и двѣнадцати женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ по двадцати и болѣе, съ которыми свекры ихъ много впадаютъ въ кровосмѣшеніе". Особый интересъ представляютъ случаи разводовъ по взаимному согласію супруговъ. „Въ дѣлахъ харьковской духовной консисторіи", говоритъ проф. Лебедевъ „мы нашли указанія, что при взаимномъ согласіи на разводъ, супруги давали одинъ другому разводныя письма и безъ участія отцовъ ихъ духовныхъ, лишь при свидѣтельствѣ мѣстныхъ жителей, особенно властей; и что по таковымъ письмамъ фактически и бывали разводы, хотя, само собою понятно, духовная власть, когда открывалось дѣло, не признавала за ними легальной силы". Подобные разводы опять таки въ большинствѣ случаевъ вызывались условіями самой жизни. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, при-

водимыхъ проф. Лебедевымъ (замѣтимъ, что всѣ они относятся исключительно къ маллороссіянамъ): „Житель Мерефы Прокофій Деденко въ 1712 г. взятъ былъ татарами въ плѣнъ и былъ въ ономъ 22 года; жена его Елена оставалась вдовою 8 лѣтъ, а затѣмъ вышла замужъ за другаго, съ которымъ жила 14 лѣтъ и прижила дѣтей. Возвратившійся изъ плѣна первый мужъ Елены, въ виду ея продолжительнаго сожитія со вторымъ мужемъ и прижитія ими дѣтей, не хотѣлъ разлучать ихъ, а взялъ только съ нихъ 5 рублей для вступленія самому въ другое супружество и кромѣ того, отъ нея письмо въ доказательство, что женится свободно, которое, письмо, и дала она ему при свидѣтеляхъ—атаманѣ той слободы и другихъ".

Такимъ образомъ, разобранная нами брошюра представляетъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ фактовъ для характеристики развода въ XVIII в. въ той мѣстности, которая съ этой стороны изученію еще не подвергалась; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ дополнительный матеріялъ для исторіи семейныхъ отношеній въ Южной Россіи вообще, для исторіи, начало которой положено цѣнной статьей О. И. Левицкаго. „О семейныхъ обычаяхъ въ Ю.-З. Руси" (Рус. Ст. 1880, Ноябрь).

Д. И. Багалѣй.

Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго (По поводу сочиненія о немъ І. Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Въ 1886 году въ Москвѣ напечатана была магистерская диссертація І. Татарскаго, подъ заглавіемъ: „Симеонъ Полоцкій. Его жизнь и дѣятельность. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII вѣка". Мы читали ее въ свое время, когда она печаталась еще отдѣльными статьями въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ въ русскомъ переводѣ", издаваемыхъ при Московской Духовной Академіи, и вынесли изъ ея чтенія хорошее о ней представленіе. Авторъ пользовался свѣжими архивными матеріалами и изобразилъ жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго довольно полно и обстоятельно. Мѣстами замѣтно у г. Татарскаго понятное и извинительное у молодаго автора увлеченіе избраннымъ предметомъ, выразившееся отчасти въ стараніи обѣлить Полоцкаго отъ возможныхъ и дѣйствительныхъ нареканій, отчасти въ излишнихъ подробностяхъ. Но въ общемъ итогѣ недостатки диссертаціи значительно перевѣшиваются ея до-

стоинствами. А между тѣмъ Г. Я. въ своей брошюрѣ топчетъ диссертацію г. Татарскаго въ грязь и обвиняетъ автора диссертаціи въ ненаучности пріемовъ, въ какомъ-то тенденціозномъ, злокозненномъ пристрастіи къ Полоцкому и даже въ неустойчивости нравственныхъ воззрѣній! Во имя чего же ратуетъ Г. Я. противъ г. Татарскаго и какіе факты противопоставляетъ ему? Укажемъ одинъ примѣръ, близко касающійся нашего Кіева. „Симеонъ (Полоцкій) отлично зналъ", пишетъ г. Я., „что въ Кіевѣ и въ Кіевской Академіи уніаты имѣли силу только до 1625 года. А съ 1625 года водворяется въ тамошнемъ училищѣ православіе, благодаря дѣятельности Петра Могилы,—этого ревнителя православія, который въ противовѣсъ ученой дѣятельности іезуитовъ, наводнявшихъ Малороссію католическими сочиненіями, создалъ и воспиталъ цѣлую школу истинно-православныхъ ученыхъ. Симеонъ Полоцкій учился тамъ въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно къ концу долголѣтней дѣятельности Петра Могилы, когда, можно думать, Кіевская Академія сдѣлалась строго православной школой" (стр. 18). Сколько въ этихъ немногихъ словахъ грубыхъ ошибокъ, доказывающихъ невѣжество рецензента! Во-первыхъ, Полоцкій никогда не высказывалъ приписываемыхъ ему рецензентомъ знаній; во-вторыхъ, унія никогда не имѣла силы въ Кіевской Академіи; въ-третьихъ, въ 1625 году Петръ Могила не былъ еще Кіево-Печерскимъ архимандритомъ и потому не могъ предпринять преобразованія Кіевской Академіи; въ-четвертыхъ, подозрѣніе въ приверженности къ уніи скорѣе падало на преобразованную Петромъ Могилою школу, а не на прежнюю до-Могилинскую. Объ этомъ рецензентъ могъ бы прочитать въ „Исторіи Кіевской Академіи, С. Голубева, Кіевъ, 1886". Мы впрочемъ не взялись бы и за перо, еслибы не увидѣли въ брошюрѣ, кромѣ невѣжества, еще другаго чего-то, худшаго. По тону рѣчи можно предполагать, что у рецензента есть какіе-то личные счеты съ г. Татарскимъ; но Г. Я. не открыто нападаетъ на г. Татарскаго, а во-первыхъ, прикрывается ничего не говорящими, вѣроятно псевдонимными иниціалами и, во-вторыхъ, издалъ свою брошюру въ Кіевѣ, какъ бы сваливая нравственную отвѣтственность за нее на мѣстныхъ кіевскихъ ученыхъ. Поэтому мы считаемъ нравственнымъ долгомъ заявить, что брошюра Г. Я. составлена не въ Кіевѣ.

П.

„Русалочка“ З. Петруся, „Вівчарь“ Пелипця, „Зъ народнего поля“ Чайченка.

Иные наивные „поэты“ воображаютъ, что всякое ихъ душевное изліяніе можетъ представлять общественный интересъ и должно дѣлаться общественнымъ достояніемъ. Нѣсколько примѣровъ подобнаго заблужденія дала и малорусская литература за прошлый годъ. Такова прежде всего „Русалочка. Збирнычокъ творивъ З. Петруся. Посвята коханій дружыны В. О. З—ій“. А за посвященіемъ появляется и русалочка, которая „вдывылась на село свое убоге“, и авторъ, въ душѣ котораго „голодный пугачъ вые“ и всякая другая „нысенытныця“, перемѣшанная стихами фривольнаго характера („Вітеръ віе доломъ“), подражаніями Кольцову („Занудылась я у хати“ и др) и какими-то удивительными уже не стихотвореніями, а неудачными словопостроеніями, менѣе нежели прозаическими въ родѣ „Зъ писень“ (Жыто жала). Для характеристики автора приведемъ одно изъ его стихотвореній:

Умовылась зъ козакомъ дивчына,
Ай хто бильше нажне жыта за день.
Нажавъ козакъ двадцять ще й три снопы,
А дивчына двадцять и чотыри....
Ой, якъ силы въ вечөри вечерять,—
Выивъ козакъ двадцять ще й тры ложкы,
А дивчына двадцять и чотыри...
Ой якъ стало вранци розвыднятысь,
Лежыть козакъ, головы не зрушыть,
А дивчына дрибну лыштву шые.

Назидательно!

Ну и къ чему все это? Кому оно нужно, кромѣ П. З. да В. З—ои? Всякій, кому муза „съ помыйныци воду брала“, и кого этой водой „напувала“, вообразивъ себя поэтомъ, напишетъ не хуже Петруся. Но зачѣмъ же терзать читателей малорусскихъ книжекъ!

Не лучше „Вівчарь“, поэма (sic) Пелипця. Кромѣ самаго изложенія „вівчарной“ трагедіи, тутъ много плохаго низкопробнаго лиризма. Содержаніе поэмы таково: вівчарь Васыль и богата дивчына Меласи любятся, но родители Меласи не жалуютъ этой любви. Съ цѣлью разбогатѣть Васыль поступаетъ „въ экономію“ къ нѣмцу и скоро начинаетъ разживаться. Мелася между тѣмъ отпросилась у родителей „на буряки“, гдѣ ее встрѣтилъ Васыль; скоро эта парочка обвѣнчалась и пришла къ Меласинымъ родителямъ съ повинной. Разсудительные и

родители прогнали новобрачныхъ. Одною ночью, когда работницы на бурякахъ и съ ними Мелася поснули въ сараѣ, этотъ сарай подожгли пьяные парубки: видите, они хотѣли пошутить (?) и напугать дивчатъ краснымъ пѣтухомъ. Меласю спасъ изъ пламени Васыль, но она скоро умерла; родители плакали по Меласѣ; обожженный на пожарѣ Васыль скоро тоже умеръ. Родители Меласи получаютъ упреки отъ автора.—Поэма достойна руки Петруся, какъ Русалочка руки Пелипця. Въ экономіи „Васыль мотаеться", Мелася „прокралась",

По плесахъ кахкають утята,
Бугай озветься въ очерети.
Летять вивчарики, свыстять"...

„Мара увыжаиться съ туману", „Василь не чувствіе ничого"; есть поэтическія сравненія въ родѣ „море якъ дрова лежять".

Отъ зла скалки зъ рота летять",
Дві доли... Одна 'дну за патлы скубеть, и т. д. и т. д.

Красотъ этого рода не оберешься.

Петрусямъ и Пелипцямъ не только не слѣдуетъ печататься, но и писать, дабы не мучить читателей и не давать пищи дешевому остроумничанію насчетъ малорусскаго языка и литературы. Совѣтъ нашъ пускай примутъ Тыбитьки, Бораковскіе, Устенки, Онуфровичи-Шовковые и имъ подобные. Признаемся, только ради этого совѣта мы и написали настоящую замѣтку.

Напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на одномъ изъ послѣднихъ произведеній Чайченка: три сказки, переложенныя въ стихи. Стихъ сказокъ легокъ и замѣчательно выдержанъ, варіанты взяты самые удачные, а передѣлки и добавленія автора ни на минуту не лишаютъ сказокъ ихъ простаго, изящнаго народнаго тона. Въ особенности хорошо разсказана „Сопилка", такъ что стихъ достигаетъ нѣкоторой виртуозности, а самый разсказъ, полный захватывающей душу меланхоліи, ведется съ старательнымъ соблюденіемъ смысла, какой самъ народъ вложилъ въ эту сказку.

Удачное соединеніе личнаго творчества съ народнымъ дѣлаетъ сказки Чайченка очень хорошей книжкой для простаго не мудрствующаго лукаво читателя. Для дѣтей онѣ положительно прекрасны.

И. Ж.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Населеніе г. Кіева въ 1742 году.

Во время принесенія присяги великому князю Петру Ѳеодоровичу, какъ наслѣднику престола, всѣ жители города Кіева мужескаго пола свыше 12-ти лѣтъ были поименно перечислены въ присяжныхъ листахъ. Эта перепись, уцѣлѣвшая до нашихъ дней, представляетъ собою до нѣкоторой степени полное поименное счисленіе всего населенія Кіева въ 1742 году. Изъ нея можно сдѣлать выводы какъ относительно общей населенности города, такъ и численныхъ отношеній по сословіямъ и отчасти по отдѣльнымъ частямъ города. Точность этихъ цифровыхъ данныхъ отчасти нарушается примѣсью къ городскому населенію духовенства и жителей нѣкоторыхъ селъ, подчиненныхъ кіевскимъ монастырямъ; но въ приводимыхъ ниже цифровыхъ итогахъ мы отбрасывали эту примѣсь. Другимъ нарушеніемъ точности исчисленія могло бы служить то обстоятельство, что нѣкоторые, хотя и немногіе, жители Кіева, отсутствуя изъ города во время принесенія присяги, не попали въ списки. Но въ сохранившемся дѣлѣ о присягѣ переписаны и эти отсутствующіе въ особомъ спискѣ, который и мы внесемъ въ свои итоги. Слѣдуя за переписью, мы представимъ численность населенія по слѣдующимъ классамъ: во 1-хъ, духовенство и люди, которыми оно владѣло, а также и ученики духовныхъ школъ; во 2-хъ, чиновники; въ 3-хъ, мѣщане и цеховые, въ 4-хъ, иногородное населеніе, въ частности великороссійскіе люди.

Внѣ этихъ разрядовъ стоятъ высшіе чины администраціи и духовенства, а именно слѣдующіе: генералъ-губернаторъ Михаилъ Леонтьевъ, генералъ-майоры: Петръ Стрѣшневъ, Андрей Беренсъ и Степанъ Юрьевъ, архіепископъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій, архимандриты: Николо-Пустыннаго монастыря Назарій Солонина, Михайловскаго Сильвестръ Думницкій, Братскаго Сильвестръ Кулябка,

Бизюковскаго Артемій Свидерскій [1]), игумены: Выдубицкаго монастыря Гавріилъ Леопольскій, Кирилловскаго Германъ (Ко)нашевичъ, Петро-Павловскаго намѣстникъ Іосифъ. Итого всѣхъ высшихъ чиновъ 11.

Духовное вѣдомство.

Кіево-Софійскій монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ 19, кромѣ того одинъ архидіаконъ и одинъ вдовый священникъ.

Іеродіаконовъ	13
Монаховъ	22
Канцеляристовъ	16
Пѣвчихъ	11
Служителей	92
Послушниковъ	123
Итого	298

Кіево-Николаевскій Пустынный монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ	18
Іеродіаконовъ	7
Монаховъ	9
Послушниковъ	152
Итого	186

Кіево-Златоверхій Михайловскій монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ	16
Іеродіаконовъ	8
Монаховъ	21
Канцеляристовъ	2
Послушниковъ	161
Итого	208

Кіево-Братскій Богоявленскій училищный монастырь

Въ немъ іеромонаховъ	13
Іеродіаконовъ	9
Монаховъ	11
Служителей	6
Послушниковъ	101
Итого	140

[1]) Попавшій въ перепись случайно.

Учениковъ Кіевской Духовной Академіи:

Школы	богословія	32
—	философіи	48
—	риторики	146
—	піитики	82
—	синтаксимы	70
—	граматики	110
—	инфимы	148
—	аналогіи	300
	Итого	936

Служителей учениковъ Академіи	56
Всего въ Братскомъ монастырѣ	1132

Кіево-Михайловскій Выдубицкій монастырь.

Въ немъ намѣстникъ іеросхимонахъ Василій Григорьевъ.

Іеромонаховъ	11
Іеродіаконовъ	6
Монаховъ	10
Служителей	37
Послушниковъ	60
Итого	125

Троицкій Межигорскій монастырь.

Іеромонаховъ	7
Іеродіаконовъ	3
Монаховъ	7
Служителей	16
Итого	33

Петропавловскій монастырь.

Іеромонаховъ	5
Іеродіаконовъ	2
Монаховъ	2
Послушниковъ	4
Итого	13

Греческій Екатерининскій монастырь.

Іеродіаконовъ	2
Послушниковъ	2
Итого	4

Вознесенскій дѣвичій монастырь.

Служителей	18

Приходское духовенство Нижняго города (Подола):

Священниковъ	36
Діаконовъ	2
Писарей кіевской протопопіи	2
Дьячковъ	28
Пономарей	16
Поповскихъ дѣтей	5
Школьниковъ	51
Итого	140

Кіево-Печерская Лавра.

Архимандритовъ (Геннадій Комаровскій, Іосифъ Занкевичъ, Никодимъ)	3
Намѣстникъ—іеромонахъ	1
Іеромонаховъ	60
Іеродіаконовъ	20
Монаховъ	93
Канцеляристовъ	6
Архитекторъ у строенія колокольни Яганъ	1
Служителей у іеромонаховъ и монаховъ	80
Послушниковъ	544
Мастеровыхъ и купеческихъ людей вѣдомства Лавры	530
Кіево-печерскихъ мастеровыхъ людей	171
Всего въ Кіево-Печерской Лаврѣ	1509

Въ нашъ итогъ не входятъ священнослужители сельскихъ церквей, подчиненныхъ Лаврѣ.

Приходское духовенство Печерска (съ нѣкоторыми сельскими священниками кіевскаго уѣзда):

Священниковъ	8
Діаконовъ	3

Дѣтей священниковъ и діаконовъ	10
Дьячковъ	11
Школьниковъ	34
Пономарей	3
Итого	69

Всего присягавшихъ лицъ духовнаго вѣдомства было 3742; причисливъ сюда не присягавшихъ, которыхъ было 80, общая сумма взрослыхъ лицъ муж. пола духовнаго сословія и зависимыхъ отъ духовенства въ Кіевѣ за 1742 г. равняется 3812. Въ томъ числѣ монашествующихъ и послушниковъ 815 и приходскаго духовенства 122.

Самымъ населеннымъ церковнымъ учрежденіетъ является Лавра, за нею Братскій монастырь, благодаря присутствію въ немъ академіи, затѣмъ Софійскій монастырь. Монахини женскаго монастыря, какъ женщины, не включены въ перепись. Изъ указанныхъ группъ населенія только одна часть, именно ученики академіи, должна быть причислена къ пришлымъ элементамъ. Въ интересномъ поименномъ спискѣ всѣхъ учениковъ академіи можно найти представителей множества нынѣ существующихъ дворянскихъ и не дворянскихъ фамилій Малороссіи: Остроградскихъ, Рудановскихъ, Богдановичей, Григоровичей, Маркевичей, Савицкихъ, Вишневскихъ, Солонинъ, Базилевичей, Шкляревичей, Кулябокъ, Вернадскихъ, Щербацкихъ, Прокоповичей, Романовичей, Грабянокъ, Борецкихъ, Костенецкихъ, Малиновскихъ, Полетикъ, Балабухъ, Сукозагнетъ, Полонскихъ, Шостаковъ, Якубовичей, Двигубскихъ (Михаилъ), Желѣзняковъ (Петръ), Конисскихъ, Забѣлъ, Милорадовичей, Юзефовичей, Бутовичей, Тарновскихъ, Лукашевичей, Грановскихъ, Заводовскихъ (Николай) и др.

Управленіе.

Кіевская губернская канцелярія.

Секретарей	2
Переводчикъ	1
Канцеляристовъ	4
Копіистовъ	8
Толмачей	8
Сторожей	2
Итого	25

Полицмейстерская контора.

Копіистъ. 1

Гарнизонная канцелярія:

Канцеляристовъ 2
Писарей. 5
Сторожей 2
Писцовъ 4
Недорослей 3

Итого 17

Провіатскій „дѣлъ“:

Писарей. 2
Дѣтей канцелярскихъ служителей 7

Итого 9

Виноградный садъ и шелковая фабрика:

Садовникъ. 1
Мастеръ 1
Ученикъ. 1

Итого 3

Дворцовая конюшенная канцелярія:

Служителей. 2

Рейтары.

Вахмистровъ. 2
Капраловъ 4
Рядовыхъ 23
Дѣтей рейтарскихъ 25

Итого. . 54

Гарнизонная австерія.

Прапорщиковъ 2
Надзирателей 6
Канцеляристъ 1
Канцелярск. служителей. 2

Копіистовъ	2
Австерскихъ служителей	92
Дѣтей ихъ	6
Кіевской австеріи броварскихъ служителей	21
Итого	132
Генеральскихъ и офицерскихъ служителей	62

Флотскіе чины.

Офицеровъ	4
Матросовъ	15
Итого	19

Отставные военные чины: полевой службы.

Вахмистръ	1
Капраловъ	2
Рядовыхъ	8
Драгунъ: офицеровъ	2
Рядовыхъ	2
Пѣхотныхъ: солдатъ	13
Итого	28
Всего	351

Мѣщане Нижняго города.

Войтъ	1
Бурмистровъ	5
Райцевъ	5
Писарь	1
Регентъ	1
Канцеляристовъ	11
Лавниковъ	7
Шафаровъ	15
Урядниковъ	14
Служителей магистратскихъ	65
Мѣщанъ	274
Служителей кіевскихъ мѣщанъ	89
Ремесленниковъ:	
Кравецкаго цеха	362
Рыбальскаго цеха	234

Кушнерскаго цеха	310
Шевскаго цеха.	485
Ткатскаго цеха	76
Малярскаго цеха	69
Бондарскаго цеха.	148
Музыцкаго цеха	35
Ковальскаго цеха.	180
Рѣзницкаго цеха	140
Гончарскаго цеха	48
Итого. .	2575

Козацкія сотни:

Бреусовой сотни	157
Головашенковой сотни.	62
Бучменковой сотни	75
Сальниковой сотни	77
Краморской сотни	27
Греваской сотни	62
Итого. .	460

Населеніе предмѣстій.

Купеческіе и мастеровые люди села *Преварки* и урочища *Кореневщины,* состоявшіе подъ вѣдѣніемъ Кіевскаго магистрата	219
Мастеровые и работные люди *Верхняго города*. . .	70
Великороссійскіе купеческіе люди	129
Кіевская *карвасарія*	19
Кромѣ исчисленныхъ чиновъ не были приведены къ присягѣ за отсутствіемъ, всего	232

Изъ нихъ духовенства и монастырскихъ служителей 80; военныхъ и канцелярскихъ служителей 25 и мѣщанъ 120.

Общее число всѣхъ присягавшихъ выведено въ дѣлѣ—8062; съ присоединеніемъ же числа не присягавшихъ, общее число всѣхъ будетъ равняться 8294. Но исключая изъ этого лицъ, не принадлежащихъ къ населенію Кіева, получаемъ чистый итогъ взрослыхъ мущинъ города Кіева 7797.

Для вывода изъ этой цифры общаго числа жителей слѣдуетъ ее увеличить вдвое, чтобы получилась цифра населенія обоихъ по-

ловъ. Затѣмъ слѣдуетъ присоединить не менѣе $^1/_3$ общей суммы, чтобы ввести въ итогъ число малолѣтнихъ. Такимъ способомъ получится всего населенія въ Кіевѣ около 20,000 человѣкъ,—населенность по тому времени не малая; обыкновенно въ Кіевѣ пребывало гораздо бóльшее число людей; такъ войска не внесены въ перепись. Затѣмъ въ присяжные списки не вносились „пашенные“ (крѣпостные) крестьяне, какъ не имѣвшіе правъ гражданскихъ.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе Кіева отличается совершенною однородностью. Нѣмецкія фамиліи носятъ только два лица: генералъ Беренсъ, да архитекторъ Яганъ. Польскаго элемента совсѣмъ нѣтъ. Все остальное населеніе принадлежитъ къ южноруссамъ. Великороссійскихъ торговыхъ людей, какъ мы видѣли, только 129.

По территоріальному составу гор. Кіевъ представлялъ такъ сказ. „союзное“ поселеніе, состоявшее изъ трехъ независимыхъ одинъ отъ другаго городовъ; это: мѣщанскій Подолъ—подъ муниципальнымъ управленіемъ; Печерскъ—подъ частною властью Лавры и Никольскаго монастыря; Верхній городъ — частью подъ властью Софійскаго и Михайловскаго монастырей. Общею связующею властью была власть губернской канцеляріи, которая, судя по ея малочисленности, имѣла мало дѣла, что и понятно при Магдебургскомъ управленіи Подола и при независимой церковной юрисдикціи въ прочихъ частяхъ города.

Вообще это былъ городъ наименѣе чиновничій, отчасти промышленно-торговый и преимущественно—духовный.

Для приблизительнаго вывода числа военнаго населенія у насъ есть другіе источники.

Въ томъ же 1742 году въ Кіевѣ былъ полученъ указъ о томъ, что слѣдуетъ имѣть наикрѣпчайшее смотрѣніе, въ предостереженіе отъ пожаровъ, за устройствомъ и состояніемъ печей и трубъ. По распоряженію генералъ-губернатора (Леонтьева), посланы были ордеры въ полки кіевскаго гарнизона и въ обѣ крѣпости. Плацъ-майоръ печерской крѣпости 9 октября донесъ, что по сдѣланному имъ обзору, во многихъ домахъ этой мѣстности трубы и печи весьма ветхи, во многихъ трубы не выведены надъ крышею, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ ихъ нѣхъ; при этомъ хозяева ссылались на бѣдность, говоря, что имъ не на что купить кирпича и нанять рабочихъ; другіе же хотя и имѣютъ средства, но не дѣлаютъ по упрямству. Тогда былъ пред-

ставленъ списокъ такихъ домовладѣльцевъ Печерска и слободы за Васильковскою рогаткою, изъ котораго оказывается, что въ этихъ частяхъ города былъ 481 домъ б. ч. совсѣмъ безъ трубъ. Большинство владѣльцевъ такихъ домовъ были солдаты и козаки разныхъ полковъ и ихъ жены и вдовы и лишь отчасти подданные Печерскаго и Николаевскаго монастырей. Гарнизонное населеніе, очевидно, плотно осѣлось въ Кіевѣ и должно быть причислено къ постояннымъ жителямъ Кіева. Такимъ образомъ общая сумма населенія этого города въ 1742 г., получаемая изъ присяжныхъ листовъ, должна быть увеличена на много, а именно: если въ Печерской крѣпости до 400 домовъ принадлежало однимъ низшимъ гарнизоннымъ чинамъ, то къ цифрѣ населенія одного Печерска надо прибавить до 2 т. Но это только однѣ курныя избы; офицерскіе и высшіе чины гарнизона несомнѣнно также жили осѣдло. Сверхъ того здѣсь нѣтъ свѣдѣній о Старо-Кіевской крѣпости. Итакъ, мы не ошибаемся, если къ 20 т. туземнаго населенія гор. Кіева за 1742 г. прибавимъ еще до 5 т. военныхъ, но постоянныхъ жителей.

Сообщилъ **М. В—Б.**

Къ исторіи финансовъ въ Малороссіи и Слободской Украинѣ.

Представляемая замѣтка имѣетъ значеніе для ознакомленія съ бюджетомъ расходовъ и доходовъ въ Малороссіи и Слободской Украинѣ половины прошлаго столѣтія. Имѣющіяся въ ней цифровыя данныя относятся къ 1740 г. и представляютъ только одни итоги бывшихъ въ то время доходовъ и расходовъ, не касаясь большихъ подробностей и подраздѣленій по мелкимъ рубрикамъ. Мы приводимъ ее здѣсь почти цѣликомъ съ сохраненіемъ языка и правописанія, измѣнивъ нѣсколько порядокъ изложенія.

Вѣдомость коликое число въ Малой Россіи и в слободскихъ полкахъ въ казну Ея Императорскаго Величества зыскается и с какихъ званій денежной казны и что изъ оной въ годъ въ росходѣ бываетъ.

Сборы въ Малороссіи.

Изъ собираемыхъ по именному Государя Петра Второго указу состоявшему минувшаго 726 году августа 22, въ рѣши-

тельныхъ пунктахъ по 7-му пункту и по данній изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи подскарбіямъ малороссійскимъ въ 729 г. Мая 5 инструкціи доходу бываетъ въ годъ по *канцеляріи малороссійскихъ сборовъ* напримеръ до 31.000 руб.

Токмо оніе зборы збираются неравномѣрно въ иномъ году более, въ иномъ и менше, ибо неположенной окладъ, но збираются со всякихъ промисловъ.

Индукты малороссійской—30.000 руб.

По состоявшемуся минувшаго 732 г. генеральному опредѣленію по присланной въ томъ же году къ умершому гетману Апостолу изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотѣ собирается съ козаковъ и посполитыхъ свободнихъ для произвожденія полковым и сотеннымъ служителямъ малорос. полковъ на канцелярскія потребности погодно въ мирное время—9695 р. 41 к., въ военное время—9895 р. 41 к.

Съ описныхъ Меншикова гетманскихъ маетностей до . . . . 25.000 р. —

Итого всего сбора въ Малороссіи въ мирное время . . . . 95.695 р. 41 к.

въ военное время . . . . 95.895 р. 41 к.

Расходы въ Малороссіи:

На гусарскіе и компанейскіе полки, Чугуевскимъ калмыкамъ и козакамъ жолдакамъ, войсковой музыкѣ и опредѣленнымъ къ дѣламъ членамъ и канцеляристамъ и на канцелярскіе росходы и на прогоны и протчая безъ которыхъ обойтись невозможно росходы въ 1738 году . . . 82.812 р. 12 к.

въ 1739 году . . . 85.788 р. 27 к.

Токмо оные расходы состоятъ неравномѣрно—въ иномъ году больше, а въ иномъ менше и исправляются паче заимообразною суммою.

На содержаніе лантмилиціи Украинскаго корпуса отпускается въ годъ изъ индукты . . 13.333 р. 33 к.

да жалованья за порціи и раціи мекленбургскому корпусу неравно однако имѣетъ быть до 4.000 руб., а остатки индукты употребляются въ росходъ положенный на канцелярію малорос. зборовъ.

Изъ суммы, собираемой чинамъ въ жалованье
и на канцел. потребности въ мирное время расходуется 9162 р. 22 к.
въ военное . . . . . . 9562 р. 40 к.

Изъ суммы собираемой съ описныхъ имѣній Менщикова употребляется въ росходы при дворцахъ описныхъ на указанные росходы и въ жалованье управителямъ и старостамъ такожъ министерской канцеляріи, секретару и канцелярским служителям и на прогоны и другіе по той канцеляріи исправленія, и остатокъ взимается на росходы по канцеляріи войсковой генеральной указные яко-то: Сербамъ, Венграм.

Слѣдовательно по этой рубрикѣ расходовались всѣ 25 т., собираемыхъ съ имѣній Меньшикова.

Вѣдомость о положенномъ въ Слободскихъ полкахъ зборѣ, а имянно:

По Всемилостивѣйшому Ея Императорскаго Величества имянному указу положено слободскимъ полкамъ съ приписными къ нимъ слободами съ 733 году довольствовать провьянтомъ и фуражемъ по пунктамъ воинской коммиссіи по комплекту мирнаго времени драгунскихъ три полка. А съ 734 г. по имянному указу повелѣно довольствовать по комплекту военного времени драгунскихъ же 2 полка.

На то число полковъ положены по росписанію подданные владѣльческіе малороссіяне положенные въ присяжные дворы; состоящій въ 45 душахъ каждый дворъ имѣетъ заплатить по 1 порціи и 1 раціи. Ежели жъ полковъ стоять не будетъ, то въ то число полковъ по стацкой цѣнѣ денгами за порцію и рацію по 9 руб. 43 копѣекъ 1/8 зъ двора, а отъ души по 20 к. 1/3 1/8 (?).

Да сверхъ того въ слободскихъ полкахъ козацкіе подсосѣдки и подпомощники положены въ присяжные дворы состоящіе въ 50 душахъ на которые положено противъ подданныхъ въ годъ по 1 порціи и 1 раціи, а когда въ натуре збираемо не будетъ, то деньгами по 9 рублевъ 43 коп. 1/8 зъ дворовъ, а отъ души по 18 коп. 3/4.

Съ оныхъ подданныхъ и подпомощниковъ равномерно годоваго окладу положить невозможно понеже оные малороссіяне

прибываютъ и убываютъ и оной сборъ положено брать съ наличнаго числа душъ.

А въ 1739 году въ слободскихъ пяти полкахъ съ приписными слободами подданныхъ малороссіянъ и подпомощниковъ состояло душъ, а имянно:

подданныхъ	145.936
подпомощниковъ	59.106
Итого	205.042

Съ нихъ по означенному Ея Имп. В. имянному Указу надлежитъ собрать за порціи и раціи натурою или деньгами.

Съ подданныхъ	30 585 р. 74 к. 1/2 1/3
Съ подпомощниковъ	11.148 р. 86 к. 1/4.
Итого. .	41.734 р. 60 к. 3/4 1/8.

Сверхъ того въ канцеляріи коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ и въ полковыхъ канцеляріяхъ собирается зъ челобитчиковыхъ дѣлъ и протчихъ пошлинъ неравное жъ число въ годъ, а по примеру 734 году имѣло быть въ зборѣ челобитчиковыхъ:

пошлинъ	25 р. 74 к.
печатныхъ	65 р. 24 1/4 к.
съ крѣпостныхъ	135 р. 45 к. 1/2
Итого	226 р. 43 к. 3/4

Откупныхъ циганского збору погодно въ платеже 497 р. 4 к., которое число окладу началось съ нынѣшнего 1740 году.

Итого вышеписанныхъ зборовъ имѣетъ быть въ приходѣ натурою и деньгами—42.458 р. 8 к. 1/2. 1/8.

Изъ оной суммы по силѣ имянныхъ указовъ имѣетъ быть въ *указномъ росходѣ:*

На опредѣленныя къ довольствію драгунскіе полки натурою и деньгами по мирному времени на 3 полка—32.603 р. 90 к. 1/2 1/8, а на 2 полка по военному времени—25.567 р. 72 к. 1/2.

Затѣмъ изъ остаточныхъ за довольствіемъ полковъ зборныхъ денегъ по силѣ имячныхъ указовъ на протчіе росходы.

Въ канцеляріи камисіи повелено быть членамъ жалованья получать по рангамъ ихъ противъ московскаго окладу и по

учрежденіи камисіи обретался одинъ членъ, которому производилось противъ майорскаго окладу половиннаго въ годъ 197 р. 90 коп.

Нынѣ на мѣсто бывшего въ Слободскихъ полкахъ брегадира Дунина опредѣленъ Брегадиръ Лесовицкій, а о даче ему жалованья точного указу не имѣется.

Секретарю и канцелярскимъ служителямъ жалованья 570 р.

Въ канцеляріи камисіи на канцелярской росход—200 р. Слободскихъ 5 полковъ полковымъ писарямъ, канцеляристамъ, канцелярскимъ писарямъ, войсковой музыкѣ жалованья—1245 р.

Сторожамъ 19 человѣкамъ 382 р. да вмѣсто хлѣба деньгами каждому ч-ку муки за 6 четв. по 1 р. 20 к., овса за 5 четв. по 45 коп. по стацкой цене на 179 р. 55 к.

На канцелярской въ полкахъ росходъ въ 3-хъ полкахъ, где дистрикты по 50 р., а въ двухъ полкахъ въ полковыхъ канцеляріяхъ по 25 р., итого—200 р.

Къ тому учиненному стату въ прибавокъ на содержаніе полковыхъ канцелярій и дистриктовъ, на бумагу и протчіе росходы зборние деньги съ циганъ ис которыхъ употребляется въ годъ въ 3-хъ полкахъ, гдѣ дистрикты по 50 р., въ 2 полка въ полковыя канцеляріи по 15 руб., итого—180 р.

Въ 5-ти полкахъ положено быть лекарю жалованья ему 150 р., да на 4 раціи по статской цене—21 р. 60 к., на медикаменты 100 р., итого 271 р. 60 к.

По силе имянного Ея Императорского Величества указу въ положенное число на содержаніе ландмилиціи Украинского корпуса положено отпущать въ годъ противъ Малороссіи третью долю—6666 р. 66 $^2/_3$ к.

Итого, надлежитъ быть въ указномъ росходѣ съ положенными драгунскими полками, что положено на 3 полка

по мирному времени . . . . 42.696 р. 61 к. $^2/_3$ $^1/_2$ $^1/_8$.
съ двумя полками . . . . . 35.660 р. 43 к. $^2/_3$ $^1/_2$.

За тѣмъ збору съ подданныхъ и подпомощниковъ на 3 полка съ помянутыхъ росходовъ недостаетъ 782 р. $^3/_4$ к. $^1/_3$ $^1/_8$.

А отъ двухъ полковъ по военному времени въ остатке имѣетъ быть—6.254 р. 16 к. $^2/_3$ $^1/_4$., да неокладныхъ доходовъ

зъ делъ челобитческихъ и печатныхъ крепостей пошлинъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ 226 р. 43 к. ³/₄; циганского сбору 317 р. 43 к.

Итого всего въ остатке—65.999 р. 74 к. ²/₃.

Сообщ. **И. В. Теличенко.**

Неизданное стихотвореніе В. Н. Забилы.

Извѣстныя въ печати малорусскія стихотворенія В. Н. Забилы, умершаго въ 1869 г., за исключеніемъ лишь стихотворенія „Остапъ и Чортъ", сюжетъ котораго взятъ изъ народныхъ преданій, отличаются глубокою грустью и выражаютъ по преимуществу безнадежность любви и семейнаго счастья. Такой характеръ его стихотвореній, помимо господствовавшаго въ то время направленія поэзіи, находитъ объясненіе и въ личныхъ обстоятельствахъ жизни поэта, о чемъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены мною въ замѣткѣ, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ" за 1886 г. Но въ то-же время поэтъ не чуждъ былъ и общественныхъ интересовъ. Нѣсколько такихъ стихотвореній, мнѣ помнится, я видѣлъ въ упомянутой въ той замѣткѣ рукописной тетради стихотвореній В. Н. Забилы, повидимому навсегда утраченной. Но одно изъ нихъ недавно удалось мнѣ записать отъ сосѣдки по имѣнію Забилы М. Л. Б., которая, кромѣ напечатанныхъ стихотвореній В. Н. Забилы, помнитъ нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, доселѣ неизвѣстныхъ, а одно изъ нихъ осталось въ ея памяти отъ начала до конца безъ всякихъ пропусковъ. По словамъ М. Л. Б., стихотворенія В. Н. Забилы были вообще очень популярны между сосѣдями и многочисленными его знакомыми, не только по задушевности его лирическихъ піесъ, изъ которыхъ двѣ переложены на музыку знаменитымъ Глинкою, а другія распѣвались Забилой на народные мотивы подъ аккомпаниментъ гитары, но и потому еще, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ онъ касался общественныхъ интересовъ, обличая неправду и зло. Прилагаемое стихотвореніе, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанное, М. Л. Б. помнитъ въ особенности потому, что оно вызвано было дѣйствительнымъ случаемъ, хорошо извѣстнымъ М. Л. Б., когда одинъ богатый панъ „въорався" въ ниву бѣдняка сосѣда. Не смотря на всю правоту бѣдняка, богатый его сосѣдъ не смутился процессомъ и, пользуясь существовавшими въ то время судебными порядками, дававшими воз-

можность добиться благопріятнаго рѣшенія посредствомъ подкупа, не только отсудилъ захваченную у бѣдняка ниву, но еще и засудилъ его за произнесенныя въ пылу спора на межѣ похвалки. Привожу стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно записано мною, безъ всякихъ измѣненій.

М. Комаровъ.

Зовсимъ свитъ перевернувся,
Усе не такъ стало:
Всюды крывда на покути,
А правды чортмало.

—

Крій порога нема миста,
Мерзны за дверыма;
Бидна правда не багата,
А крывда зъ грошыма.

—

Отъ я знаю одынъ случай—
Коло мене стався,—
Що багатый та бидному
Въ ныву урався.

—

Бидный казавъ багатому,
Що той обижае,
Що останній шматокъ хлиба
Въ його однимае.

—

Ще й вылаявъ багачъ, якъ знавъ,
Та все шкоду робыть...
Прыйшла оранка—и бидный
Изъ плужкомъ выходыть.

—

Тутъ и почалы змагатыся,
Трохы не побылысь.
На послидокъ же въ суди
Позывать хвалылысь.

—

Бидный сказавъ багатому:
Якъ бы не грихъ—въ суди бъ не тягався,
Розчàвывъ бы, якъ ту жабу,
Скоро бъ розщытався.

—

Истыкомъ бы по голови
Триснувъ разивъ двичы;
Полетила бъ душа въ пекло,
Вылизлы бъ и вичы.

—

„Протестую",—заразъ крыкнувъ
Багатый икъ людямъ.
—„Кажить же все, що вы чулы,
Та по правди судьямъ".

—

Заразъ побигъ винъ до дому,
Нанявъ пысарышку;
Надрыгалы прошеніе
Уже не безъ лышку.

—

Напысалы, що той бидный
Убыть похвалявся,
Та що за нымъ зъ сокирою
По полю ганявся.

—

Поззывалы свидителивъ;
У бидного жъ мало;
Хто-жъ за голого потягне?
Отъ дило й пропало!

—

А багатый сыпавъ грошы,
Всяки лакгомынки,
И хлибъ святый мишечкамы,
Й годовани свынки.

—

Бидный думавъ бублычкамы
Одмогтысь, сердешный;
Та хто бильше дае грошей,
Той и буде чесный.

—

Прысудылы изъ бидного
За безчестя штрапу,
Продалы у неборака
Послиднюю шкапу.

—

У манастыръ за пôхвалкы
Каятыся вперлы,
Та въ тюрми ще поморывшы,
До' станку обдерлы.

—

Оттакимъ бы нашимъ судьямъ
Петли дать на шыи,
Та голодомъ поморывшы,
Потопыть въ помыяхъ,

—

Щобъ и воды не паганыть
Чыстоі, бигучоі:
По два разы въ помыйныцю—
Воны дуже гнучи.

Сообщ. **М. Комаровъ.**

Къ малороссійскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ.

Г. Кузмичевскій въ статьѣ „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ" (К. Ст. 87 г. 3, 4) приводитъ пѣсню „Була, була Польща"... Пѣсня эта помѣщена въ „Русской Старинѣ" 86 г. 3, но въ „невозможной транскрипціи", и гдѣ записана—неизвѣстно. Почтенный авторъ статьи говоритъ, что онъ приводитъ ее „ради прекраснаго содержанія". Благодаря любезности Ольги Осиповны

Теляковской, которая по моей просьбѣ записала въ Гродненской губерніи очень много цѣннаго этнографическаго матеріала, я имѣю возможность сообщить варіантъ этой пѣсни.

Була Польща, була Польща,
А теперъ Россія [1]);
Не заступыть сынъ за батька,
А батько за сына.
Пишовъ батько изъ сохою,
А сынъ изъ косою,
Пишла маты жыта жаты
У двохъ изъ дочкою.
Жалы воны, жалы воны
Дожалы до долу,
Оглянулысь назадъ себе,
Ажъ иде økономъ.
Прылетила зозуленька
И стала куваты,
А панщына-даромщына
Стала утикаты.
Утикала та панщына,
Ажъ горы тряслыся,
А за ею паны—Ляхи:
„Панщыно, верныся!“
Утикала та панщына,
Ажъ тряслыся мосты.
„Ой верныся, панщынонько,
До ляшенька въ гости“!
„Ой не буду вертатыся,
Не маю, до чого,
Було хлопивъ шануваты,
Якъ здоровья свого.

(Іюнь 86 г. село Хорсы, Брестскаго уѣзда, Гродненской губ. отъ Дарьи Костюковой).

Дм. Петровскій.

---

[1]) Опять Россія, какъ и въ спискѣ, помѣщенномъ въ „Р. Стар.“.

Употребленіе табаку по народнымъ повѣрьямъ.

Я. П. Новицкій доставилъ намъ интересный народный разсказъ, записанный 28 дек. 1887 г. въ деревнѣ Кушугумовкѣ, александр. у. екатериносл. губ. со словъ 65-лѣтняго старика Оксентія Орла.

Пустельныкъ.

Колысь то въ Запорожскихъ пущахъ живъ пустельныкъ. Довго винъ тамъ жывъ и стало ему скушно: не исть, не пье, не молыться. Прыкынувся лукавый чоловикомъ, прыходе.—Чого, пустельныку, журысся?—Того, каже, шо одынъ въ пущахъ: скушно. —На тоби каламарчыкъ зъ порошкомъ, понюхаешъ,—буде наче вдвохъ. Пишовъ нечыстый. Пустельныкъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втретье—чхнувъ, и стало ёму весело. На другый день упъять иде нечыстый.—А шо, каже, якъ?—Весело, каже, наче вдвохъ.—На жъ тоби зилля и трубку: покурышъ—буде наче втрёхъ. Пишовъ. Покурывъ пустельныкъ и повеселишавъще дужче. Прыходе нечыстый на третій день.—А шо, каже, якъ?—Весело, каже, наче втрехъ.—На жъ тоби каламарь съ каплямы: якъ вышьешъ,—буде наче вдесятёх. Пишовъ. Выпывъ пустельныкъ, и стало ему наче вдесятёхъ: якъ заспива, якъ загра, якъ пидниме полы—пишовъ гопака навпрысядкы...

Лукавый прыносывъ тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Въ первомъ выпускѣ 48 тома „Трудовъ этнографическаго отдѣла Имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московск. университетѣ" (1886 г) помѣщена замѣтка П. В. Шейна „*Приговоры или причёты о табакѣ*". Почтенный авторъ замѣтки приводитъ девять образчиковъ приговоровъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ семи великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній и пріуроченныхъ исключительно къ нюханію табаку, и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что въ недавнее прошлое въ названныхъ въ замѣткѣ мѣстахъ Россіи нюханіе табаку распространено было сильнѣе, чѣмъ куреніе, преобладавшее въ тѣхъ же мѣстахъ въ XVII и XVIII вв. „Однако къ удивленію нашему", замѣчаетъ г. Шейнъ, „этотъ крѣпко вкоренившійся

обычай, за исключеніемъ нѣсколькихъ пословицъ, не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ вообще въ устной, чисто народной словесности ни Великоруссовъ, ни Бѣлоруссовъ, а въ лирической поэзіи въ особенности... Не то видимъ въ Малороссіи; тамъ мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе; куреніе табаку тамъ было и есть до сихъ поръ самый распространенный способъ его употребленія. Люлька (трубка) — это неразлучная подруга малоросса, его главная утѣха и въ горѣ, и въ радости: и дома, и въ полѣ за работой, и въ пути за обозами—нигдѣ онъ ея, можно сказать, не выпускаетъ изо рта... Нюхать же табакъ, какъ видно, считалось у Малороссовъ дѣломъ зазорнымъ, внушеніемъ нечистой силы". Подтвержденіе этого послѣдняго заключенія г. Шейнъ находитъ въ малорусской легендѣ, помѣщенной подъ n° 38 въ сборникѣ М. Драгоманова „Малорусскія преданія и разсказы" (К. 1876, стр. 13), и повѣствующей о томъ, какъ „дознались люде, що чортяка похвалывъ нюхаривъ, тай давай и соби товкты табаку, та потягувать изъ рижка, якъ ты чорты, що за чортячою матерью плакалы".

Но приводимая г. Шейномъ легенда, если позволительно строить на ней какія-либо бытовыя заключенія, показываетъ только, что по народному повѣрью малоруссовъ куреніе предшествовало нюханью: ту же послѣдовательность въ способахъ употребленія табаку авторъ готовъ признать и для нѣсколькихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній. Потомъ малорусская легенда изображаетъ нюханіе табаку даже болѣе пристойнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чѣмъ куреніе, и ничего не говоритъ ни противъ сверхъестественности происхожденія куренія, ни о „зазорности" нюханья, хотя бы въ томъ, напр., смыслѣ, какъ ратовалъ противъ него архимандритъ Фотій. „Посмотрите", говоритъ онъ, „на безсловесныхъ псовъ, откуда у нихъ блудъ начинается? Такъ и человѣкъ уподобляется скоту, коль услаждается нюханіемъ табаку" (Разсказы объ архимандритѣ Фотіѣ. Историческій Вѣстн. 1885. сент. 507).

Сообщенный г. Новицкимъ разсказъ выражаетъ народное представленіе о томъ, что нюхательный и курительный табакъ, равно какъ и „горилка", дѣло рукъ нечистаго. Очевидно, специфическое, возбуждающее дѣйствіе табаку (и водки) наводитъ простаго человѣка на мысль о сверхъестественномъ его происхожденіи; а разъ вызываемое куреніемъ или нюханіемъ возбужденное состояніе и доставляемое имъ удовольствіе почитаются грѣховными, первоначальный источникъ табаку неизбѣжно оказывается нечистымъ. „Табакъ вы-

рисъ изъ тіеи блудныци, шо голову Предтечи зняла" [1]). Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ повѣрьѣ мы имѣемъ своебразную форму протеста противъ вреднаго дѣйствія никотина, употребляется ли онъ въ видѣ курительнаго или нюхательнаго табаку,—безразлично.

Острожское имѣніе.

Покойный М. А. Максимовичъ, въ письмахъ своихъ къ графинѣ А. Д Блудовой, извѣстной ревнительницѣ Православія на Волыни, говоритъ, что Острожское имѣніе при жизни князя Константина (Василія) было въ 1603 г. раздѣлено между двумя его сыновьями: Александромъ и Янушемъ, изъ которыхъ первый скончался 2 декабря того же года, а второй умеръ въ 1620 г. въ г. Тарновѣ [2]). Мы излагаемъ ниже свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Острожскаго имѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ Опекунскаго управленія, учрежденнаго надъ б. владѣльцемъ княземъ Артюромъ Яблоновскимъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что г. Острогъ съ селеніями въ 1386 г. былъ подаренъ польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллой князю Ѳеодору Даниловичу Острожскому и его наслѣдникамъ; право на это имѣніе было подтверждено за ними королемъ Сигизмундомъ I въ 1544 г. Въ началѣ 1603 г. послѣ Пасхи въ Люблинскомъ коронномъ трибуналѣ совершенъ былъ раздѣльный актъ на Острожское имѣніе между Янушемъ, каштеляномъ Краковскимъ, и Александромъ, воеводою Волынскимъ, по которому князю Александру достался Острогъ, а Янушу Староконстантиновъ и часть Острога [3]); раздѣлъ этотъ явленъ въ 1636 г. въ Луцкихъ градскихъ актахъ. Послѣ смерти князя Александра половина Острожскаго имѣнія съ княжескимъ дворцомъ перешла къ его дочери Аннѣ Хоткевичевой, основавшей въ Острогѣ въ 1624 г. Іезуитскій коллегіумъ, а потомъ къ Ивану Замойскому и Консопольскимъ. Въ 1690 г. Иванъ Консопольскій продалъ свою половину г. Острога князю Станиславу Ивановичу Яблоновскому, гетману и воеводѣ Русскому, отъ котораго это имѣніе перешло къ сыну его Дмитрію Яблоновскому. Другая половина Острожскаго имѣнія по смерти князя Януша, учредившаго ордынацію, или майоратъ, перешла къ князю Александру Ивановичу

---

[1]) *Малор. нар. пред. и разсказы*, № 38.

[2]) Смотр. сочин. Максимовича, письмо 7-е стр. 191 т. 1. к. 1876 г.

[3]) Описаніе Старо-Константинова соч. Зуцъ 1884 г., стр. 10.

Заславскому, женатому на дочери его Евфросиніи. Затѣмъ князь Янушъ—Александръ Сангушко, жившій въ г. Дубнѣ въ 1853 г., свою часть г. Острога, доставшуюся ему отъ матери его Анны, бывшей замужемъ за княземъ Павломъ Сангушкой, продалъ канцлеру Ивану Молоховскому, наслѣдникъ же послѣдняго Станиславъ Молоховскій продалъ это имѣніе 9 іюня 1793 г. Новоградскому старостѣ Ѳадѣю Чацкому, отъ котораго имѣніе перешло въ 1800 г. къ князю Карлу Яблоновскому. Такимъ образомъ г. Острогъ перешелъ во владѣніе Яблоновскаго по наслѣдству и по куплѣ; права эти утверждены за Яблоновскимъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 4 декабря 1806 года. По смерти князя Карла Острожское имѣніе въ цѣломъ его составѣ наслѣдовалъ сынъ его Карлъ и отъ послѣдняго Артюръ Яблоновскій. Затѣмъ г. Острогъ былъ пріобрѣтенъ у послѣдняго въ 1879 г. Дѣйств. Тайнымъ Совѣтн. С. Танѣевымъ, отъ котораго купленъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Старо-Константиновъ принадлежитъ теперь княгинѣ Аннѣ Абамеликъ. Въ г. Острогѣ существуетъ три ярмарки, утвержденныя еще въ 1585 г. королемъ Стефаномъ Баторіемъ; доходъ съ права продажи вина и другихъ промысловъ на этихъ ярмаркахъ поступалъ въ пользу князя Константина Острожскаго, мѣщанамъ же города дано Магдебургское право и дозволено выстроить ратушу. Дворовъ, выстроенныхъ на чиншевомъ правѣ, числилось въ 1870 г. въ г. Острогѣ 942, лавокъ 232, за которыя чиншевики платили въ пользу владѣльца 2611 рублей. Кромѣ того, за право продажи питей съ пивовареннаго и медовареннаго заводовъ получалось владѣльцемъ 5220 руб., съ мельницъ 2200 руб. и проч., а всего 10,237 руб. въ годъ, изъ которыхъ ежегодно расходовалось на пожарную команду до 2,778 руб. и оставалось владѣльцу 7,459 руб. чистаго дохода. Въ настоящее время Богоявленская церковь въ г. Острогѣ возобновляется на деньги, ассигнованныя казной, а замокъ ремонтированъ на средства Удѣла, такъ что наслѣдіе знаменитаго князя Константина Острожскаго возстановляется послѣ долгаго запустѣнія. Добавимъ, что въ 1886 г. при очисткѣ фундамента Богоявленской церкви открытъ засыпанный склепъ, въ которомъ найдены полуистлѣвшія кости, останки погребенныхъ въ этой церкви князей Острожскихъ. Вотъ доказательство въ пользу мнѣнія М. А. Максимовича, что князь Константинъ (Василій) Острожскій былъ погребенъ въ г. Острогѣ, а не въ Кіевѣ, какъ предполагали нѣкоторые ученые.

П. Китицынъ.

Забытый городъ

(Изъ археологической экскурсіи) [1].

На сѣверной окраинѣ сквирскаго уѣзда расположено на верховьяхъ рѣки Ирпеня мѣстечко Ходорково; къ ходорковскому имѣнію принадлежитъ обширный лѣсъ, который тянется длинною тесьмою верстъ въ 12 къ сѣверу отъ мѣстечка и упирается въ границу радомысльскаго уѣзда. Лѣсъ этотъ пріятно поражаетъ путешественника своею сохранностью; владѣлецъ его В. Левандовскій содержитъ его и эксплоатируетъ, соблюдая всѣ правила раціональнаго лѣснаго хозяйства. Это отрадный, хотя, къ несчастью, весьма рѣдкій примѣръ въ нашемъ краѣ правильнаго лѣсоводства, которое введено владѣльцемъ, несмотря на то, что существующій въ Ходорковѣ большой сахарный заводъ представляетъ большое искушеніе, противъ котораго наврядъ-ли устоялъ-бы любой менѣе предусмотрительный хозяинъ.

Въ сѣверномъ углу ходорковскаго лѣса, въ 2 верстахъ отъ деревни Быкова, находится одно изъ замѣчательнѣйшихъ городищъ юго-западнаго края; оно расположено въ урочищѣ, называемомъ *Грубскъ*, и представляетъ цѣлую систему земляныхъ укрѣпленій, свидѣтельствующихъ о существованіи нѣкогда обширнаго города. Центральное укрѣпленіе Грубска состоитъ изъ хорошо сохранившагося вала, образующаго неправильный четыреугольникъ съ округленными углами; площадь этого четыреугольника, болѣе версты въ длину и около версты въ ширину, обнимаетъ пространство въ 64 десятины; она перерѣзана небольшою рѣчкою Тусквою (притокъ Здвижи), которая проходитъ съ южной стороны черезъ валъ, окружающій городище, и выходитъ изъ него въ сѣверо-восточномъ его углу; рѣчка эта имѣетъ топкіе берега, покрывающіе трудно проходимымъ болотомъ около $^1/_3$ всей площади укрѣпленія. Валъ круговой сохранился лучше всего въ восточной части укрѣпленія, гдѣ онъ достигаетъ до $2^1/_2$ саженъ высоты и до 7 саженъ ширины у основанія; съ наружной стороны онъ сопровождается совершенно явственно сохранившимся широкимъ рвомъ, въ половинѣ-же высоты вала отчетливо замѣчается терраса; западная часть вала пролегаетъ по пахатному полю и вслѣдствіе этого запашки значительно понизили валъ и изгладили его контуры.

Внутри городища, въ юго-восточномъ его углу, находится другое круглое укрѣпленіе, называемое „замчисько“, составлявшее вѣроятно цитадель бывшаго города; оно обнимаетъ площадь въ 1100

[1]) Съ согласія автора перепечатано изъ „К. Слова“ № 344.

квадратныхъ саженъ и окружено валомъ въ 2 сажени высотою, съ сохранившимся глубокимъ наружнымъ рвомъ. Уровень внутренней площади этого „замчиська" аршина на два выше окружающей ее площади большаго городища. Входъ въ „замчисько" обращенъ къ востоку и оно съ этой только стороны доступно; съ запада оно омывается русломъ Тусквы, съ юга-же и сѣвера окружено болотистыми берегами этой рѣчки.

Въ разстояніи одной версты отъ Грубска, въ урочищѣ „Роскопане озеро", находится другое городище, меньшее, служившее вѣроятно какъ-бы прибавочнымъ, передовымъ укрѣпленіемъ; оно имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника съ округленными углами; валъ, окружающій, его высотою отъ 1—2 саженъ; внутренняя площадь въ 8 десятинъ покрыта по большей части болотомъ и въ срединѣ ея находится небольшое круглое озеро.

Кромѣ этого вся мѣстность, на которой расположены городища, обнесена была длиннымъ валомъ, отъ котораго уцѣлѣли только отдѣльныя части; лучше другихъ сохранилась та часть, которая пролегаетъ въ верстѣ на западъ отъ Грубска; эта вѣтвь вала вѣроятно простиралась отъ верховьевъ Здвижи до притока р. Виліи—Дубовца и составляла съ запада оплотъ Грубска, съ единственной стороны, не защищенной болотами и рѣчками.

Среди валовъ въ разныхъ мѣстахъ разбросаны многочисленные (до 900) курганы, составляющіе 9 или 10 отдѣльныхъ болѣе или менѣе численныхъ группъ. Курганы эти, различной величины, представляютъ языческіе могильники, въ которыхъ погребали жителей существовавшаго нѣкогда значительнаго городскаго поселенія. Въ теченіе двухъ недѣль я вскрылъ въ различныхъ группахъ 61 курганъ и всѣ они представляли могильные памятники одного времени и содержали покойниковъ, похороненныхъ по одному и тому-же погребальному языческому обряду, тождественному съ тѣмъ погребальнымъ типомъ, который понынѣ встрѣчался мнѣ во всѣхъ курганахъ, изслѣдованныхъ на территоріи древлянскаго племени отъ Припети до Ирпеня и Раставицы и отъ Днѣпра до Случи. Покойники лежатъ на спинѣ, горизонтально, головами къ западу, на уровнѣ горизонта или немного только ниже этого уровня. Скелеты были окружены по контурамъ тѣла желѣзными гвоздями, стоявшими шляпками вверхъ, безъ всякаго признака деревянныхъ гробовъ или досокъ. Предметы, встрѣчавшіеся у скелетовъ, представляли металлическія украшенія: кольца, серьги, перстни, пояс-

ныя пряжки и т. п. Всѣ эти предметы сдѣланы изъ серебра или бронзы, или литыя, или-же сдѣланы изъ согнутыхъ спирально или кольцеобразно проволокъ,—послѣднія всѣ безъ исключенія не спаяны. Кромѣ украшеній при скелетахъ находились въ небольшомъ количествѣ предметы, служившіе въ обиходѣ домашней жизни: маленькіе желѣзные ножики, огнива, кремни, иногда у ногъ покойника желѣзные обручи и дужки отъ маленькихъ ведерецъ. Обыкновенно оружія у покойниковъ вовсе не встрѣчалось; исключеніе представила только одна группа кургановъ, расположенная верстахъ въ 2 къ сѣверо-востоку отъ Грубска, на землѣ села Быкова. Эта небольшая группа, заключающая въ себѣ только 5 кургановъ, отличалась отъ остальныхъ наружнымъ видомъ насыпей, которыя были гораздо выше и больше остальныхъ. При раскопкѣ ихъ найденъ былъ тотъ-же погребальный типъ, который замѣчался въ остальныхъ группахъ, но при покойникахъ находилось значительное количество желѣзнаго орудія: копья, дротики, кинжалы, стрѣлы и мечъ. Очевидно, въ этой группѣ похоронены были отдѣльно отъ другихъ жителей города лица, принадлежавшія къ военному сословію.

Послѣ осмотра и изслѣдованія этихъ памятниковъ, оставшихся отъ глубокой славянской старины нашего края, естественно является вопросъ: когда-же существовалъ городъ Грубскъ? Кто владѣлъ имъ? Когда и вслѣдствіе какихъ условій пересталъ онъ существовать? Къ несчастью, не сохранилось никакихъ точныхъ свѣдѣній, которыя помогли-бы намъ отвѣтить на эти вопросы. Русскія древнія лѣтописи не упоминаютъ имени Грубска—оно не встрѣтилось намъ ни разу и въ позднѣйшихъ документахъ XVI—XVII столѣтій. Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ помѣщиковъ основалъ было деревушку на старомъ городищѣ и назвалъ ее Грубскомъ по имени урочища, но вскорѣ онъ по экономическимъ соображеніямъ отказался отъ своей попытки и деревушка была перенесена въ другое мѣсто. Извѣстный знатокъ мѣстной этнографіи, исторіи и древностей Э. Руликовскій пытался было собрать относящіяся къ Грубску народныя преданія, но усилія его не увѣнчались успѣхомъ; онъ нашелъ лишь одну легенду, очевидно позднѣйшаго, книжнаго происхожденія, утверждающую, будто во время татарскаго нашествія окрестные жители въ числѣ 40,000 воздвигли грубскія укрѣпленія и пытались было защищаться въ нихъ, но были поголовно истреблены.

Не придавая этой легендѣ никакого реальнаго значенія, на основаніи историческихъ и археологическихъ соображеній, мы по-

зволяемъ себѣ высказать слѣдующія предположенія: 1) Грубскъ существовалъ въ качествѣ большаго городскаго поселенія еще въ языческое время, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные его могильники, содержащіе покойниковъ, погребенныхъ по языческому обряду. 2) Грубскъ лежалъ на территоріи древлянскаго племени; похоронный обрядъ его кургановъ тождественъ съ обрядомъ, встрѣчающимся во всѣхъ могилахъ понынѣ изслѣдованныхъ на всемъ протяженіи бывшей древлянской земли,—онъ, вѣроятно, входилъ въ составъ того союза деревскихъ городовъ, которые упоминаются въ нашей лѣтописи въ разсказѣ о завоеваніи ихъ кн. Ольгою. 3) Городъ пересталъ существовать уже въ христіанское время; несомнѣнно послѣ завоеванія кіевскими князьями городское поселеніе еще просуществовало нѣсколько столѣтій и исчезло только во время удѣльнаго періода русской исторіи вслѣдствіе происшествій, не записанныхъ въ лѣтописи. Это послѣднее предположеніе мы основываемъ на характерѣ вещей, находимыхъ внутри Грубскаго городища—всѣ эти предметы тождественны съ предметами, находимыми въ изобиліи во всѣхъ городахъ и городищахъ, существовавшихъ въ удѣльное время: въ Кіевѣ, Вышгородѣ, Бѣлгородѣ, Витичевѣ, Черниговѣ, Любечѣ, Галичѣ и т. д. Намъ удалось собрать на самомъ городищѣ небольшую коллекцію этихъ предметовъ, которая не позволяетъ сомнѣваться во времени намъ ихъ происхожденія: это большое количество пряслицъ изъ краснаго шиффера, обломки стеклянныхъ браслетовъ, стеклянныя „гала“, употреблявшіяся при производствѣ „намитокъ“, которыя носили женщины всѣхъ сословій древней Руси, какъ это видно изъ извѣстнаго изображенія семіи кн. Святослава въ его „изборникѣ“, наконечники бронзовыхъ стрѣлъ, употреблявшіеся кочевниками (половцами и т. п.), нападавшими на русскія области; сверхъ того мы имѣемъ въ коллекціи древнюю, вѣроятно церковную, печать, вырѣзанную изъ краснаго шиффера, съ изображеніемъ печатнаго знака, состоящаго изъ 4 крестовъ. У одного изъ крестьянъ с. Быкова мы видѣли бронзовый литой двухстворчатый тѣльникъ съ распятіемъ, найденный внутри Грубскаго городища; оба послѣдніе предмета ясно указываютъ на то, что послѣдніе обитатели Грубска принадлежали уже къ христіанской церкви.

Вотъ тѣ немногіе выводы, которые позволяю себѣ сдѣлать на основаніи находокъ и раскопокъ, произведенныхъ въ городѣ, забытомъ нашею лѣтописью.

Вл. Антоновичъ.

Къ литературной дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева.

Имя основателя и перваго редактора „Кіевской Старины" тѣсно связано не только съ судьбою нашего молодого изданія. Поле дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева мѣнялось не разъ, но ни на какомъ поприщѣ не покидала его любовь къ литературнымъ занятіямъ. Для всесторонней характеристики и подобающей оцѣнки покойнаго требуется прежде всего старательное собираніе біографическаго матеріала и внимательная провѣрка его. Вотъ почему редакція не торопится печатаніемъ обстоятельной біографіи Ѳеофана Гавриловича. Но мы охотно даемъ мѣсто библіографической замѣткѣ С. П., пополненной въ редакціи и составляющей необходимую часть біографическихъ матеріаловъ.

1860 г. „Руководство для сельскихъ пастырей", т. I. *Поученіе въ 3-ю недѣлю В. поста.* № 1 стр. 8.

Поученіе въ 4-ю недѣлю Великаго поста, ibid. № 2, стр. 34.

Сонъ пресв. Богородицы, ibid. № 5 стр. 108.

О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ обычаевъ, соединенныхъ въ православной Церкви съ празднованіемъ св. Пасхи, ibid № 6, стр. 127—143.

Т. II. *Сельскіе храмы, ихъ наружный и внутренній видъ, способы содержанія и средства къ соблюденію въ нихъ благолѣпія*, ibid. № 23, стр. 148—164.

Т. III. *Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій* († 1800). Ibid. №№ 49—52 стр. 353—372, 378—408, 418—441 и 462—485. Перепечатано въ Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ 1861, №№ 16—22 и оттуда издано отдѣльнымъ оттискомъ, Кіевъ 1861. 8°. 96 стр.

Объ ярмаркáхъ (До сильскыхъ парафіянъ). Основа, № 6, стр. 72—78. Въ редакціонномъ примѣчаніи къ этой статьѣ читаемъ: „Оцю беседу съ селянамы прывизъ намъ, зъ Кіивщыны, нашъ славный Кобзарь—народолюбець, дуже іи похваляючы. Винъ розумивъ іи образцемъ учительнои розмовы зъ нашымъ щырымъ людомъ. Для того, щобъ народъ послухавъ нашои науки, треба говорыты зъ нымъ уміючи, треба промовыть до его поэтичного, чулого серця. Сочынытель цеи беседы ясно зрозумивъ свою задачу, и мы не знаемъ никого другого, хтобъ учывъ народъ такъ гарно, такъ просто и образно,—по нашому. Высокоповажный сочынытель не пидпысавъ свого именння: тимъ и мы тутъ не пидписуемо, а радыбъ усимъ его оповистыты. Жадаемъ серцемъ, щобъ винъ выбравъ ще инши речы, зъ шыршою

основою, для своеи народнеи казани". А въ отдѣлѣ „отвѣты редакціи", въ той же книжкѣ читаемъ: „Ѳ—ну Г—л—чу Л--д—ц—ву въ Кіевъ. Змина заголовка и початку не зъ нашои выны. Ждемо-недиждемось вашои посылки".

Крестный ходъ въ Кіевѣ въ день св. равно-апостольнаго князя Владиміра. Руков. для сельск. паст. т. II, № 32, ств. 420—438 1862 г. *Братства* (Историческій обзоръ братствъ отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени). Кіев. Еп. Вѣд. №№ VIII, 258—274; IX, 310—325; X, 353—359. Перепечатывалось, въ извлеченіи, въ разныхъ изданіяхъ. *Бесѣда о празднованіи крещенія.* Ibid. № 22, стр. 668.

Замѣчательное открытіе въ области жизни (о существованіи въ кіевской губ. каневскаго уѣзда, въ селѣ Дубинцахъ братства въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ существовали братства на юго-западѣ Россіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ). Вѣстн. Ю. З. Россіи № 2, 71—75. *Бесѣда къ сельскимъ прихожанамъ о св. Землѣ и святомъ градѣ и о пожертвованіяхъ на устроеніе Богоугодныхъ заведеній для православныхъ поклонниковъ гроба Господня.* Кіев. Еп. Вѣд. № XV, 506. Бесѣда эта такъ полюбилась въ Петербургѣ, что тамъ сдѣлано было распоряженіе отпечатать, помнится, 25,000 экземпляровъ ея для распространенія въ народѣ. Къ автору отовсюду шли хваленія за нее; министръ передавалъ „неизвѣстному автору бесѣды" свою благосклонную признательность. Даже въ прошломъ (1887 году) послѣ того, какъ она прочтена была въ церкви малаго городка, предъ сборомъ пожертвованій въ пользу православныхъ поклонниковъ, на блюдо церковное набросали копѣйками нѣсколько десятковъ рублей. Покойный авторъ былъ очень утѣшенъ, когда сообщили ему объ этомъ живомъ успѣхѣ его слова, написаннаго 25 лѣтъ тому назадъ...

О жизни и трудахъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, ibid. № XVI, стр. 537.

Рѣчь при погребеніи профессора Кіевск. Дух. Академіи Чеховича, Труды К. Д. Ак., № 11; Кіев. Еп. Вѣд. № XXIV, 758—763.

1863. Бесѣда о празднованіи брака. Кіевск. Еп. Вѣдом. № III, стр. 57.

Бесѣда о совершеніи погребенія и поминокъ, ibid. № IV, стр. 87.

Бесѣда о судѣ и расправѣ въ простомъ народѣ, ibid. № VI, стр. 87.

Поученіе въ день новаго года, idid. № I, стр. 1.

Первыя три бесѣды обратили на себя вниманіе московскаго митрополита Филарета своимъ народнымъ языкомъ и вызвали его

замѣчаніе въ письмѣ къ кіевскому митрополиту Арсенію, которое было передано къ свѣдѣнію въ редакцію Епарх. Вѣдомостей. По мнѣнію преосв. Филарета важность церковной проповѣди требуетъ не допускать особеннаго приспособленія къ народной рѣчи, подобнаго оказавшемуся въ этихъ бесѣдахъ. Но знаменитому нашему богослову-архипастырю было неизвѣстно, что бесѣды эти не были произнесены во храмѣ и помѣщены только какъ образцы народной бесѣды пастыря съ пасомыми, которая могла быть и внѣ-церковною, но тѣмъ не менѣе весьма назидательною по своей простотѣ.

Протоіерей И. М. Скворцовъ. Некрологъ. Кіев. Еп. Вѣд. XVI, 500; XVII, 514; XVIII, 558, со спискомъ сочиненій отца протоіерея.

1864. Двѣ бесѣды сельскаго священника о возстановленіи братства. Кіев. Еп. Вѣд. №№ III, 65 и IV, 97.

Празднованіе 50-лѣтняго юбилея прот. Кіево-под. Воскресенской церкви Пантелеимона Визерскаго и рѣчь Ѳ. Г. Л., сказанная юбиляру при семъ торжествѣ. К. Еп. Вѣд. № V, стр. 148.

Евстаѳій Пилипенко Самосвятъ. Эпизодъ изъ исторіи православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней кіевской епархіи, ibid. № X, стр. 306.

1866. Открытіе въ г. Холмѣ русской 7-классной гимназіи и педагогич. курсовъ, ibid. № XXI, стр. 81.

Рѣчь при открытіи въ г. Холмѣ гимназіи и педагогич. курсовъ, ibid. № XXII, стр. 843.

Открытіе русскаго 6-класснаго женск. училища для греко-уніатскаго населенія въ г. Холмѣ, ibid. № XXI, стр. 704.

1867. Рѣчь при открытіи въ г. Холмѣ русскаго женскаго 6-класснаго училища, ibid. № I, стр. 22.

Имъ же изданъ томъ II Архива юго-запад. Россіи. Ч. I (Кіевъ 1864 г), заключающій въ себѣ 164 документа къ исторіи борьбы православныхъ жителей кіевской губерніи съ уніею въ половинѣ XVIII в. При этомъ томѣ въ видѣ объяснительной статьи или введенія—статья объ архимандритѣ Мелхиседекѣ Значко-Яворскомъ, въ значительно исправленномъ видѣ противъ 1-го изданія ея въ „Руководствѣ для сельск. паст.“ и въ „Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ“.

1882—1887. „Кіевская Старина“... Тутъ кромѣ подписанныхъ имъ статей есть очень много и неподписанныхъ. Ѳ. Г. не позволялъ бывало обозначать ихъ даже въ годовыхъ указателяхъ журнала. Среди многихъ статей здѣсь обратимъ вниманіе на превосходный, истинно-сердечный и яркій некрологъ высокопреосвященнаго Димитрія (1883, № 12, 704).

Къ сему нужно добавить, что мысль объ изданіи „Руководства для сельскихъ пастырей“, программа изданія и первое редакторство въ немъ за 1860—63 гг. принадлежали Ѳ. Г. Лебединцеву. Это было заявлено покойнымъ товарищемъ его по академіи, преосвященнымъ Филаретомъ при прощаньѣ, которое было устроено служащими въ кіевской духовной семинаріи и академіи преосвященному, отъѣзжавшему на рижскую епископскую каѳедру.

Для справокъ.

— При „Циркулярѣ по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ“ (Янв. 1888) напечатано „приглашеніе“ извѣстнаго собирателя и изслѣдователя по русской этнографіи П. В. Шейна „къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества“. По порученію Имп. Академіи Наукъ г. Шейнъ занятъ въ настоящее время пополненіемъ собранныхъ имъ матеріаловъ народнаго творчества бѣлорусовъ, и едва-ли можно сомнѣваться, что призывъ почтеннаго собирателя, подкрѣпленный авторитетомъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, найдетъ себѣ желанный откликъ во всякомъ о разованномъ человѣкѣ, понимающемъ цѣну подобныхъ трудовъ и обстоятельствами жизни поставленномъ въ благопріятныя для того условія. Съ своей стороны мы лишній разъ пользуемся случаемъ, чтобы напомнить любителямъ южнорусской старины, что поле и нашей этнографіи въ не меньшей мѣрѣ нуждается въ просвѣщенныхъ работникахъ, и что умѣлое собираніе относящихся сюда матеріаловъ составляетъ первый этапъ, закладываетъ краеугольный камень для будущаго зданія научной этнографіи южной Руси. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ перепечатать изъ „Циркуляра“ приглашеніе г. Шейна, содержащее въ себѣ нѣкоторыя цѣнныя указанія общаго свойства и предлагающее ясные отвѣты на вопросы о томъ: „Что записывать?“ „Какъ записывать?“ „Отъ кого записывать?“ Разумѣется, программа г. Шейна обнимаетъ собою далеко не всю совокупность предметовъ, входящихъ въ задачи этнографіи, ибо произведенія народнаго творчества, понимаемаго даже въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, отражаютъ въ себѣ не всѣ черты народной физіономіи: внѣшній бытъ въ многообразныхъ его проявленіяхъ, множество обычаевъ, обрядовъ и нѣкоторыхъ иныхъ народныхъ особенностей останутся для собирателя народныхъ произведеній за предѣлами наблюденія. Но помѣщаемая ниже программа ясно отмежевываетъ одну, притомъ весьма важную и по содержанію богатую и интереснѣйшую область этнографіи, или народовѣдѣнія. Удовлетворительное выполненіе предлагаемыхъ ею задачъ не возможно безъ дружнаго содѣйствія частныхъ лицъ.

Редакція „К. Старины“, какъ разумѣется само собою, приметъ съ благодарностью всякое сообщеніе, будетъ-ли это пѣсня, сказка, пословица, анекдотъ или разсказъ, выражающій народный взглядъ на извѣстный предметъ, и постарается отвести доставленному сообщенію подобающее мѣсто въ работахъ по южнорусской этнографіи. Адресовать просимъ въ редакцію „Кіевской Старины“, Театральная ул., д. № 4.

Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества отъ П. В. Шейна.

Однимъ изъ главныхъ пособій при изученіи быта, исторіи, языка, религіозныхъ и другихъ вѣрованій народа современные, какъ европейскіе, такъ и отечественные ученые признаютъ его исконные обычаи, обрядовую сторону его жизни въ ея знаменательныхъ моментахъ, остатки самобытнаго творчества его фантазіи,—то есть пѣсни, сказки, легенды, загадки, и т. д., которыми народъ какъ въ минуты досуга, такъ и при тяжелой работѣ отводить себѣ душу. Поэтому и у насъ, въ Россіи, въ послѣднее время, остатки эти стали весьма тщательно собирать, преимущественно наши ученыя общества, какъ напримѣръ, московскія: исторіи и древностей Россійскихъ, любителей россійской словесности, антропологіи и этнографіи,—петербургскія: Русское географическое и Академія Наукъ. Результатомъ ихъ дѣятельности было изданіе въ свѣтъ нѣсколькихъ сборниковъ этнографическихъ матеріаловъ, но все это едва ли обнимаетъ и тысячную долю того, въ чемъ выражается какъ внѣшняя, такъ и внутренняя жизнь народа, всего того, что такъ крѣпко хранится въ его памяти, что такъ нерушимо пока живетъ и дѣйствуетъ въ его старинныхъ обычаяхъ и нравахъ, особливо въ болѣе отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи мѣсностяхъ; что милліонами голосовъ до сихъ поръ такъ громко оглашало и еще теперь, хотя въ меньшей степени, оглашаетъ всѣ уголки и закоулки нашей необъятной Руси.

Если вы хотите испытующимъ окомъ заглянуть въ задушевную жизнь нашего народа, въ завѣтную область его сердечныхъ движеній, познакомиться съ болѣе крупными появленіями его характера, то наблюдайте его, въ особенности въ его торжестненныя минуты, въ праздники, когда онъ беззавѣтно отдается веселью, когда у него вся душа на распашку. Тутъ онъ высказывается весь.

Изъ всѣхъ родовъ народной поэзіи пѣсня въ особенности играетъ важную роль въ жизни русскаго крестьянина: она, можно сказать, неразлучная спутница его жизни отъ колыбели до могилы; пѣснѣ онъ повѣряетъ, въ ней высказываетъ, всѣ свои завѣтныя думы, всѣ сокровенныя движенія своей души. Поэтому она такъ разнообразна, такъ богата варіантами. Свадебныя пѣсни, напримѣръ, въ Великоруссіи почти въ каждой деревнѣ иныя. Не менѣе того изумительна ихъ общая распространенность въ народѣ: ихъ поетъ старъ и малъ. Нѣтъ почти парня, мужика, дѣвки, бабы, которые бы не были въ состояніи спѣть вамъ за одинъ присѣстъ отъ 20 до 50, даже до 100 пѣсень. Отсюда ясно, что ученыя общества одни, безъ дружнаго содѣйстія часныхъ лицъ, не много сдѣлаютъ. А кто же изъ частныхъ лицъ ближе къ простому народу, чаще приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, лучше знаетъ всю обстановку его бытовой жизни, его умственное и нравственное состояніе, какъ не сельское духовенство, помѣщики и помѣщицы, учителя и учительницы сельскихъ школъ? Стало быть, на нихъ теперь преимущественно вся надежда въ дѣлѣ собиранія памятниковъ поэзіи народа и остатковъ его старины. Я сказалъ „преимущественно“ потому, что, по-моему, всякій образованный, даже просто грамотный, коренной мѣстный житель, начиная отъ ученика сельской школы, писаря, семинариста, гимназиста, до мѣстныхъ любознательныхъ наблюдателей народной жизни, лучше и вѣрнѣе соберетъ названные остатки старины въ своей родной мѣсности, чѣмъ самый ученый заѣзжій собиратель, потому что первые поставлены въ болѣе

выгодныя условія, чѣмъ послѣдній, и могутъ исподволь и вовремя накопить обильные и надежные запасы этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ для передачи въ вѣдѣніе отечественной науки. Этимъ дѣломъ нужно поторопиться. Всѣ новыя благотворныя реформы, такъ мощно пробудившія народъ къ новой жизни: ежегодно прибывающія школы грамотности среди сельскаго люда, новый способъ землевладѣнія, введенія земства, новые суды, всеобщая воинская повинность, постоянное проведеніе новыхъ желѣзно дорожныхъ линій и т. д. скоро, можетъ быть, изгладятъ изъ памяти народа и послѣдніе уцѣлѣвшіе до нашего времени слѣды его старинныхъ обычаевъ, его самородной поэзіи.

Поэтому, приступая къ пополненію своего обширнаго собранія памятниковъ народной словесности однородными данными, необходимыми какъ для критической оцѣнки достовѣрности тѣхъ изъ нихъ, которыя уже давно у меня подъ руками, такъ и для болѣе цѣльнаго, всесторонняго изученія бытовой жизни народа, я позволяю себѣ обратиться къ нашему образованному обществу съ покорнѣйшею просьбою о посильномъ мнѣ содѣйствіи въ моемъ крохоборномъ, муравьиномъ трудѣ доставленіемъ матеріаловъ по народной поэзіи и бытовой старинѣ. Этимъ содѣйствіемъ любители, которыхъ, я увѣренъ, не мало у насъ на Руси, скажутъ немаловажную услугу русской наукѣ, русскому обществу, которое въ правѣ ожидать посильнаго сотрудничества своихъ членовъ какъ въ общемъ дѣлѣ преуспѣяніи наукъ, такъ и въ разъясненіи многихъ, еще довольно темныхъ, сторонъ исторической вѣковой жизни какой-либо части великаго русскаго народа.

Что записывать?

Записываться нужно рѣшительно все, въ чемъ выражается бытовая, завѣтная жизнь народа, въ словѣ, въ обрядѣ, въ обычаѣ старины и т. д. Мое уже дѣло будетъ разсортировать ожидаемый матеріалъ, разбирать его и рѣшать, что болѣе или менѣе нуждается въ обнародованіи для пользы науки. Преимущественно же нужно имѣть въ виду слѣдующее:

А. Сказки, байки, прибаутки, басни, присказки, анекдоты, легенды, шуточные разсказы, повѣствованія о богатыряхъ, о превращеніяхъ людей въ животныхъ и растенія и наоборотъ, мѣстныя преданія о лицахъ, чествуемыхъ народной памятью, о происхожденіи рѣкъ и озеръ, о церквахъ, странствующихъ чудотворныхъ иконахъ и колоколахъ, любимыя историческія воспоминанія о пребываніи французовъ въ странѣ, разныя дѣтскія игры и пр.

Б. Пѣсни: а) 1., крестинныя или хресбинскія. 2., колыбельныя, 3., дѣтскія, 4., обрядовыя: колядныя, 5., масличничныя, 6., волочебныя (великодныя), 7., весеннія хороводныя (весну зазываютъ), 8., на св. Юрія (день великомученика Георгія, праздникъ пастуховъ), 9., троицкія или духовскія, 10., толочанскія, 11., купальскія (праздникъ Ивана Купалы), 12., Петровскія, 13., жатвенныя (полевыя, зажиночныя, дожиночныя), 14., капустки, попрядныя или посѣдѣлочныя, голосивыя или протяжныя 15., застольныя, 16., разгульныя (припѣвки къ танцамъ), 17., свадебныя, похоронныя, голосованія вопли или заплачки, 18., шуточныя и скоморошныя; б) 1. рекрутскія, 2., солдатскія. 3., бурлацкія и чумацкія, 4., крѣпостныя (изображающія взаимныя отношенія между крестьянъ и помѣщиковъ во время крѣпостнаго права), 5., затюремныя и заключенныя, 6., разбойничьи, ссыльнокаторжныя, историческія (о разныхъ историческихъ лично-

стяхъ и эпохахъ), былины (о разныхъ богатыряхъ), извозчичьи и пр.; в) духовные стихи, распѣваемые слѣпцами и нищими при церквахъ, на кладбищахъ, площадяхъ и по другимъ мѣстамъ,—съ описаніемъ относящихся ко всѣмъ имъ обычаевъ, обрядовъ, игрищъ, повѣрій, суевѣрій, примѣтъ.

Кромѣ того, желательно было бы имѣть описаніе обрядовъ, не обозначенныхъ въ приведенномъ выше перечнѣ, какъ напримѣръ описаніе похоронъ, и другихъ поминальныхъ дней родительской субботы, красной горки, семика, обычая хоронить кострому, обрядъ похоронъ мухъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, обрядъ опахиванія и пр., менѣе извѣстныхъ ученому міру.

Какъ записывать?

Относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ требуется описаніе фактовъ, собственно изложеніе, этотъ вопросъ не имѣетъ мѣста: тутъ одинъ другому не указъ; всякій пишетъ какъ знаетъ и умѣетъ, тѣмъ же способомъ и слогомъ, какимъ онъ разсказывалъ бы заинтересовавшій его случай, происшествіе въ кругу своихъ домашнихъ или самому короткому своему пріятелю; стало быть, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Иное дѣло записываніе произведеній народной словесности (легенды, сказки и т. д). Особенно въ отношеніи къ записыванію пѣсень, разрѣшеніе этого вопроса становится нѣсколько труднѣе и нуждается въ указаніяхъ опыта; поэтому для лицъ, мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, я предложилъ бы слѣдующій пріемъ: пѣвца или пѣвицу заставить продиктовать себѣ съ начала до конца всю пѣсню, а тамъ, гдѣ они собьются, что обыкновенно весьма часто случается, предложить имъ пропѣть нѣсколько предыдущихъ стиховъ. Тутъ они, какъ показалъ опытъ, скоро припоминаютъ связь и продолженіе пѣсни. Записавши, такимъ образомъ, всю пѣсню, необходимо заставить ихъ пропѣть ее снова съ начала до конца, уже безъ всякаго перерыва со стороны записывателя. Ему только остается, чутко слѣдя, по записанной имъ пѣсни, за пѣніемъ пѣвца или пѣвицы, тщательно отмѣчать тѣ слова и стихи, которые въ пѣсняхъ нерѣдко повторяются раза по два и болѣе, и исправлять тѣ ошибки и недомолвки, которыя неминуемо въ нихъ окажутся, вслѣдствіе сбивчивости сказателя. Разница всегда будетъ немалая, потому что неразвитой человѣкъ рѣдко въ состояніи отчетливо и полно передать словами, говоркомъ (речитативомъ) поемую имъ пѣсню. Онъ обыкновенно поетъ ее полу-безсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Пѣсня живетъ и держится въ его памяти, преимущественно, силою однообразнаго мотива.

При этомъ считаю непремѣннымъ долгомъ обратить вниманіе будущихъ моихъ доброхотныхъ и сотрудниковъ и сотрудницъ на то, что всѣ матеріалы, которые имъ, надѣюсь, удастся записать непосредственно изъ устъ народа, подлинными его словами и оборотами, тогда только могутъ имѣть надлежащую цѣнность и служить надежнымъ основаніемъ для научныхъ изслѣдованій, когда въ нихъ, по возможности, будутъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора. А оттѣнки по различнымъ мѣстностямъ довольно разнообразны. Такъ напр. въ однѣхъ мѣстностяхъ: вмѣсто онъ везетъ, гуляетъ, говорятъ: ёнъ везеть, гуляеть,—въ другихъ: ёнъ везе, гуляе,—въ третьихъ: ёнъ везё, гуляё и проч.,—въ Тульской, Орловской, Калужской и др. говорятъ вмѣсто скамейка, молоко—скамейкя, молочка, ёнъ даетъ овецъ лошадёмъ, на тэй стороны и пр. Приведенные примѣры, какъ мнѣ кажется, могутъ служить достаточно нагляднымъ указаніемъ того, какого рода точности необходимо держаться

при передачѣ звуковой стороны мѣстныхъ говоровъ. Однимъ словомъ, эта передача должна быть исполнена, по возможности, съ фотографическою вѣрностью.

Къ сказанному нужно прибавить, что многія областныя слова, кромѣ звуковаго отличія, представляютъ немало особенностей въ сравненіи съ литературными и въ удареніяхъ. Вотъ эти-то особенности также необходимо отмѣтить какимъ-либо знакомъ, напр. дочка̀ (дочка) говорицъ, и говоряцъ (говорить), болотистый (боло̀тистый), старо̀й (старый), глупо̀й (глупый), святки (святки) и пр.

Также весьма важно имѣть точныя указанія на то, гдѣ, кѣмъ, отъ кого и когда что записано изъ произведеній устной словесности народа, обрядовой и бытовой стороны его жизни.

Отъ кого записывать?

Преимущественно отъ деревенскихъ бабъ и старухъ. Въ ихъ устахъ выше означенныя произведенія сохраняются свѣжѣе, неприкосновеннѣе, потому что онѣ рѣдко или почти никогда не оставляютъ своей родной берлоги, стало быть, менѣе подвергаются вліянію чужестороннихъ элементовъ и вреднымъ осадкамъ полуграмотной цивилизаціи. Впрочемъ, бываютъ и изъ мужиковъ большіе мастера на пѣсни, сказки, прибаутки и т. д.,—знахари своего дѣла. Они у себя въ деревнѣ пользуются особымъ почетомъ и авторитетомъ. Они, обыкновенно, весьма ревниво и свято оберегаютъ отъ всякой посторонней примѣси старинные ладъ и складъ, завѣщанныя имъ отъ предковъ пѣсни, сказанія, разныя преданія и изреченія житейской мудрости. Все записанное отъ такихъ деревенскихъ людей имѣетъ особенную цѣнность для науки. Свадебные же обряды съ относящимися къ нимъ пѣснями слѣдуетъ записывать отъ распорядителей и участниковъ этого обряда: отъ дружка, свахъ, сватовъ и дѣвушекъ. Пѣсни прочихъ родовъ всего удобнѣе записывать отъ лучшихъ запѣвалъ.

—— 4-го и 5-го января происходили въ Москвѣ засѣданія предварительнаго комитета VIII съѣзда въ домѣ археологическаго общества на Берсеневкѣ, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Съѣздъ будетъ открытъ 8-го января 1890 г. въ Москвѣ и продлится до 24-го того же января. Ко времени съѣзда будутъ приглашены иностранные ученые, члены московскаго археологическаго общества и другія лица, труды и занятія которыхъ могли бы принести пользу русской наукѣ. Кромѣ обсужденія правилъ будущаго съѣзда, въ засѣданіяхъ комитета разсматривалось приглашеніе московскаго археологическаго общества къ составленію археологическаго словаря, для котораго обществомъ уже собрано до 700 объясненныхъ спеціалистами словъ. Также былъ прочитанъ докладъ особой коммиссіи общества по вопросу о составленіи археологической карты Россіи, причемъ рѣшено обратиться за содѣйствіемъ къ провинціальнымъ властямъ и административнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

—— Желая почтить память своего покойнаго основателя, пожизненнаго предсѣдателя и учредителя археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, графа А. С. Уварова, московское археологическое общество, по соглашенію со своею предсѣдательницею, графинею П. С. Уваровой, учредило единовременно въ память 25-лѣтняго существованія преміи имени покойнаго графа А. С. Уварова. Всѣхъ премій три: одна въ 1,000 руб. и двѣ по 800 р. Выдаются онѣ за лучшія изъ написанныхъ на заданныя темы сочиненія, которыя представляются, въ рукописи и подъ девизомъ, къ 1-му

октября 1889 года. Тогда же будетъ выбрана спеціальная для ихъ разсмотрѣнія коммиссія изъ лицъ не писавшихъ на премію, и результатѣ ея занятій будутъ доложены въ одномъ изъ первыхъ засѣданій VIII археологическаго съѣзда; премированныя сочиненія, равно какъ и рецензіи на нихъ, будутъ напечатаны, причемъ первыя—на счетъ общества. Изъ девяти назначенныхъ темъ слѣдующія шесть имѣютъ отношенія къ югу Россіи:

1. Заслуги графа А. С. Уварова какъ ученаго археолога для русской исторіи (Вопросы, затронутые имъ въ своихъ трудахъ. Вліяніе его ученыхъ трудовъ на дальнѣйшую разработку русской исторіи. Вызванные его работами другіе самостоятельные научные труды и т. д).

2. Сводъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древнихъ (классическихъ) писателей о русской землѣ, съ изложеніемъ комментарій на эти извѣстія въ русской и иностранной литературѣ.

3. Историческій очеркъ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Россія, съ приложеніемъ систематической библіографіи сочиненій и статей археологическаго содержанія.

4. Вліяніе византійской иконописи и миніатюрной живвписи на русскую иконопись и миніатюрную живопись съ X по XVII в.

5. Взаимодѣйствіе иконописи и словесной народной и книжной.

6. Исторія русскаго иконостаса (съ подробнымъ описаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ какъ со стороны художественной, такъ и иконографической).

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе газетъ.

Кіевлянинъ (№№ 41—69). *Кіевское Слово* (321—355). *Подольскія Епарх. Извѣстія* (1—11). *Волынскія Епарх. Вѣдомости* (1-9). *Волынь* (1—36). *Екатериносл. Губ. Вѣдомости* (1—23). *Крымъ* (1—6). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (1—6). *Черниговск. Губ. Вѣдомости* (1—23). *Южный Край* (2413—2487). *Смоленскій Вѣстникъ* (27—40).

Предварительно два слова къ читателю. Открывая съ I книжки „библіографическій листокъ“, редакція „Кіевской Старины“ имѣетъ въ виду восполнить хоть отчасти недостатокъ такого библіографическаго органа, въ которомъ любитель и спеціалистъ-изслѣдователь находили бы для себя необходимыя справки о томъ, что по вопросамъ исторіи и археологіи мѣстнаго быта и народнаго творчества появляется въ періодическихъ изданіяхъ, мѣстныхъ и столичныхъ, въ журналахъ и газетахъ, въ сборникахъ или запискахъ ученыхъ обществъ и другихъ учрежденій, и такимъ образомъ могли бы оріентироваться въ массѣ извѣстій, замѣтокъ, очерковъ и изслѣдованій, имѣющихъ прямое отношеніе къ южной Руси, разбросанныхъ во множествѣ изданій, нерѣдко доступныхъ лишь ограниченному числу читателей. Библіографическое обозрѣніе статей редакція считаетъ нужнымъ дополнять перечнемъ вновь вышедшихъ, отвѣчающихъ ея задачамъ книгъ. Полнота нашихъ обозрѣній, особенно на первыхъ порахъ, неизбѣжно можетъ быть лишь относительная, ибо въ этомъ случаѣ редакція находится въ зависимости отъ количества и своевременности полученія интересующихъ ее изданій. Для достиженія возможныхъ въ подобномъ дѣлѣ системы и порядка обозрѣваемыя изданія раздѣляются на двѣ категоріи: ежемѣсячно редакція будетъ предлагать обозрѣніе получаемыхъ ею мѣстныхъ изданій ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, а въ концѣ каждаго тома, т. е. въ трехмѣсячные промежутки, сверхъ того и обозрѣніе ежемѣсячныхъ изданій, столичныхъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, а равно выходящихъ не періодически записокъ университетовъ, ученыхъ обществъ и т. п. Перечень новыхъ книгъ будетъ слѣдовать въ каждой книжкѣ журнала. Въ заголовкѣ I отд. „библ. листка“ поименовываются

всѣ разсмотрѣнныя въ редакціи изданія и №№ ихъ, хотя бы не всѣ они давали матеріалъ, входящій въ нижеслѣдующее обозрѣніе.

Кіевлянинъ №№ 48, 49 и 50. Рѣшеніе кіевской судебной палаты по иску гр. Плятера противъ г. Толли—*о Вишневецкомъ имѣніи*, связанномъ съ именемъ Марины Мнишекъ и врага Богдана Хмельницкаго и козачества, свирѣпаго князя Іереміи Вишневецкаго (Тоже и въ „К. Сл." №№).

№ 50. Въ Черниговѣ найденъ недавно хранившійся гдѣ-то въ подвалахъ каѳедральнаго собора, въ забвеніи, *крестъ святителя Ѳеодосія Углицкаго*, мощи котораго почиваютъ въ пещерѣ при соборѣ. Крестъ выставленъ въ церкви, въ кіотѣ (Корреспонденція).

№ 52. Въ ознаменованіе истекающаго въ 1893 г. *столѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи* рѣшено соорудить въ Каменцѣ-Подольскомъ церковь во имя св. кн. Александра Невскаго.

№ 56. *Преданіе о масляницѣ* (изъ „Черниг. Губ. Вѣд").

№ 57. *Некрологъ Ѳ. Г. Лебединцева.*

— *Ив. Новицкій. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. I, т. VII. Кіевъ 1887.* Общій очеркъ жизни въ южной и западной Россіи конца XVI и первой половины XVII вв., а также нравы и образъ жизни представителей высшей православной іерархіи въ краѣ того времени.

№ 60. *Засѣданіе историческаго общества лѣтописца Нестора, 13 марта.* Отчетъ. Засѣданіе открылось сообщеніемъ г. предсѣдателя о кончинѣ дѣйств. члена общ. Ѳ. Г. Лебединцева, основателя и перваго редактора-издателя „Кіевской Старины". Рефератъ проф. А. И. Соболевскаго, къ вопросу о времени крещенія Руси. Референтъ признаетъ лѣтописную дату крещенія Владиміра, т. е. 988 г., какъ не имѣющую противъ себя никакихъ серьезныхъ возраженій, за единственную, которая можетъ быть принята въ наукѣ. Тотъ же 988 г., по мнѣнію проф. Соболевскаго, долженъ быть принятъ и за годъ крещенія Руси: Владиміръ, несомнѣнно, крестился не одинъ, но вмѣстѣ съ дружиною и войскомъ, что важнѣе, чѣмъ кіевская чернь, крещенная Владиміромъ въ Кіевѣ по возвращеніи изъ-подъ Корсуня.

№ 63. *Къ раскопкамъ въ усадьбѣ Чеботаревской.* Обнаруженъ фундаментъ храма великокняжеской эпохи.

— Въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ выработаны *правила относительно разрѣшенія многолѣтнихъ споровъ казны съ владѣльцами частныхъ имѣній въ Волынской губ.* и полюбовнаго размежеванія такихъ спорныхъ имуществъ узаконеннымъ коштнымъ межеваніемъ. Возникновеніе спорныхъ дѣлъ съ владѣльцами 175 имѣній относится еще къ началу нынѣшняго столѣтія.

№ 66. *Ив. Новицкій. О вышедшей въ свѣтъ первой книжкѣ „Кіевской Старины", возобновленной подъ редакціей А. С. Лашкевича.* Изложеніе содержанія статей, вошедшихъ въ эту книжку, и сочувственный отзывъ.

№ 69. О предполагаемой въ нынѣшнемъ году *реставраціи Переяславской Успенской церкви и Черниговскаго каѳедральнаго собора.*

Кромѣ того въ теченіе марта „Кіевлянинъ" помѣстилъ немало извѣстій и замѣтокъ о приготовленіяхъ Кіева къ торжеству 900-лѣтія крещенія Руси.

Кіевское слово № 321. *Объ Успенской церкви въ г. Переяславѣ,* съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству (корреспонденція). Успенская церковь, въ которой Богданъ Хмельницкій съ козаками приносилъ присягу на подданство русскому царю, вскорѣ послѣ того сгорѣла; возобновленная затѣмъ „на государевъ коштъ", она снова сгорѣла въ 1761 году. Спустя 6 лѣтъ на томъ же мѣстѣ сооружена была новая церковь того же наименованія, которая по ветхости разобрана въ 1887 году. Изъ святынь Успенскаго храма обращаетъ на себя вниманіе икона „Ченстоховской" Божіей Матери, уважаемая народомъ, и напрестольное евангеліе, предъ которымъ по преданію малороссійскій народъ приносилъ присягу на вѣрноподданство Русскому царю.

№ 332. *В. Завитневичъ. Къ вопросу объ успѣхахъ нашей археологіи.* Въ курганахъ одного изъ могильниковъ, раскопанныхъ С. А. Мазараки, въ бассейнѣ р. Сулы, форма погребенія и найденныя вещи носятъ всѣ характерныя особенности предметовъ, встрѣчаемыя обыкновенно въ такъ называемыхъ скиѳскихъ курганахъ. Но здѣсь же оказались и слѣдующія особенности: во-первыхъ, костяки въ этихъ курганахъ лежали въ направленіи не съ С. на Ю., какъ это всегда бываетъ въ скиѳскихъ курганахъ, и не съ З. на В., какъ въ сосѣднихъ славянскихъ курганахъ,—а съ ЮЗ. на СВ., т. е. разсматриваемые курганы въ этомъ отношеніи представляли какъ бы переходную ступень отъ скиѳскихъ кургановъ къ славянскимъ: фактъ, уже раньше встрѣчавшійся въ ярмолинскомъ могильникѣ. Во-вторыхъ, въ одномъ изъ кургановъ оказалась форма погребенія покойника чрезъ сожженіе,—явленіе, насколько извѣстно, никогда не встрѣчавшееся въ скиѳскихъ курганахъ, но совершенно обычное въ курганахъ славянскихъ. Лейпцигскій профессоръ Обстъ, заинтересованный вопросомъ о родствѣ скиѳовъ съ славянами, а слѣд. и съ германцами, намѣренъ, по словамъ автора, въ нынѣшнемъ году пріѣхать въ Россію и принять личное участіе въ раскопкахъ въ Посульскомъ краѣ.

№ 336. *Къ вопросу о праздновані 900-лѣтія крещенія Руси.* Указывая на то обстоятельство, что въ 1891 году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины константинопольскаго патріарха Фотія, къ имени котораго сходятся воспоминанія о началахъ христіанства на Руси, авторъ предлагаетъ отпразд-

новать юбилей крещенія при Аскольдѣ, какъ и Владимірова крещенія—въ день кончины патр. Фотія, 9 февраля 1891 года.

№ 339. *Н. Б. Обогащеніе кіевскаго церковно-археологическаго музея новыми пріобрѣтеніями.* Музей пріобрѣлъ за 50 р. 8 портретовъ малороссійскихъ гетмановъ. Портреты сдѣланы, какъ видно, однимъ художникомъ, всѣ одного формата и относятся къ концу XVII вѣка. Кромѣ гетманскихъ, въ музей поступилъ портретъ ректора старой кіевской академіи (половины XVII в), а затѣмъ игумена Выдубецкаго монастыря, Игнатія Оксеновича Струшича.

№ 343. *Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ* (некрологъ).

№ 344. *Вл. Антоновичъ. Забытый городъ (Изъ археологической экскурсіи).* Перепечатано въ этомъ же № „К. Старины".

№ 345. *Отчетъ о засѣданіи 13 марта историческаго общества лѣтописца Нестора.*

№ 347. *О древнемъ Богоявленскомъ соборѣ въ г. Острогѣ.* Краткая исторія этого храма, сооруженнаго въ половинѣ XV вѣка кн. Василіемъ Острожскимъ, и извѣстіе о ходѣ его реставраціи, начатой въ маѣ прошлаго года.

№ 350. *Преобразованіе иконостаса кіево-софійскаго собора.* По инциіативѣ каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева нынѣ составленъ проектъ пониженія иконостаса съ мозаичными и фресковыми изображеніями XI в. Проектъ этотъ (составленный архитекторомъ В. Н. Николаевымъ), одобренный кіевскимъ церковно-археологическимъ обществомъ и утвержденный его высокопреосвященствомъ, нынѣ препровожденъ къ г. оберъ-прокурору св. синода для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

№№ 352 и 355. *В. Завитневичъ. Къ вопросу о годѣ крещенія Руси.* Замѣтки по поводу рецензіи П. Голубовскаго на извѣстную брошюру автора, помѣщенной въ первой книжкѣ „Кіевской Старины" за текущій годъ.

Кромѣ отмѣченныхъ статей и замѣтокъ въ мартовскихъ №№ „Кіевскаго Слова" было помѣщено нѣсколько извѣстій о приготовленіяхъ различныхъ учрежденій г. Кіева къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси.

Подольскія Епархіальныя Извѣстія. № 1. Задача Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ частности Подольскихъ, съ 1888 года. Изданіе слѣдитъ за всѣми тѣми епархіальными учрежденіями „которыя свидѣтельствуютъ о внутренней религіозно-общественной жизни каждой епархіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, которыя при правильномъ ихъ, по извѣстному плану, составленіи и ежегодномъ опубликованіи, могутъ представлять въ данное время точныя свѣдѣнія о разнообразныхъ проявленіяхъ религіозно-просвѣтительной и христіанско-благотворительной дѣятельности въ каждой епархіи, а впослѣдствіи времени даже самый цѣнный, полный и точный матеріалъ для исторіи мѣстной церковной жизни". Въ

заключеніе редакція намѣчаетъ себѣ цѣль къ 1893 г. окончательно разработать исторію подольской епархіи за прошедшее столѣтіе.

№№ 2, 3. Отчетъ о состояніи Тульчинскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебно-воспитательной части за 1886 учебный годъ. Библіографія— Отчетъ о справочной книжкѣ подольской губерніи.

№ 7. Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой „Браиловскою"—Св. В. Мартыновскаго.

№№ 10, 11. Отчетъ свящ. Онуфрія Кошубскаго, уполномоченнаго Съѣздомъ духовенства под. губ. для осмотра епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ харьковскаго и херсонскаго и практическаго изученія веденія свѣчнаго дѣла на этихъ заводахъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 1—9. *Историко-стат. описаніе церквей и приходовъ.* Описаніе 2 благочинническаго округа овручскаго уѣзда: с. Бехи, Немировка, Голсуны, Бѣлошицы, Васьковицы, Межирѣчка, Игнатполь, Выговъ, Дидковичи, м. Искорость; сс. Коленскіе, Кольскіе, Остапы, м. Лучины, сс. Михайловка, Могильно, Обиходы, Пашины, Ходаки, Татарновичи. 3-й благочиннический округъ овручскаго уѣзда: м. Веледники, сс. Липники, Гошовъ, Клинецъ Годотемля, Кобылинъ, Левковичи, Можары, м. Норинскъ, сс. Петраши, Покалевъ, Коптевщина, Раковщина, Великая Черниговка, м. Славечна, сс. Хлупляны, Черепинъ, Шоломки, Збранки. 4 благоч. округъ того же у.: сс. Боровое, Бѣлокуровичи, Голыши, Жужевичи, Войтѣевичи, Замысловичи, Озеряны, Копищи, Красноволока, Жеревцы, Новаки, Лопатичи, м. Олевенъ, сс. Кишицъ, Радовель, Жубровичи, Рокитно, Косаричи, Сновидовичи, Собичинъ, Бѣловижъ, Сущаны, Хочинъ. Ровенскій уѣздъ: городской благочиннический округъ ровенск. у. г. Ровно, с. Басовъ-Кугъ.

№ 3. Православное Свято-Владимірское братство въ г. Владимірѣ-Волынскѣ и уставъ этого общества (№ 3 стр. 114—121).

№№ 4—9. Предметный указатель содержанія неоффиціальной части изданія за первыя 20 лѣтъ существованія (сент. 1867—1887). А. Исторія. 1. Всеобщая, не включая Славянъ и юго-западной Россіи, съ подъотдѣломъ. Лѣтопись текущихъ событій.

Волынь. № 2. *Свято-Владимірское братство.* Главная цѣль новаго братства — борьба съ религіознымъ индифферентизмомъ въ православной церкви и обществѣ, а также сохраненіе многочисленныхъ памятниковъ былой религіозной жизни на Волыни.

№№ 7, 8. *Очерки Западной Россіи въ старину и нынче. Кіевъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка.* Личныя воспоминанія о городѣ и жизни въ немъ около 40-го года нынѣшняго столѣтія.

№ 12. *Нѣсколько словъ о Чехахъ, поселившихся на Волыни. Св. И. Н.* Защищаются волынскіе чехи отъ насмѣшливыхъ и неодобрительныхъ отзывовъ о нихъ, причемъ указывается на ихъ трудолюбіе, умѣніе хозяйничать и любовь къ образованію.

№ 14. *Уроды нашего крестьянства.* Обрисовывается все чаще въ послѣднее время появляющійся въ малорусскомъ крестьянствѣ типъ „Сурдутовыхъ". „Сурдутовый"—крестьянскій парубокъ, пріучающійся въ городѣ, куда отправляется на заработокъ, къ легкому способу пріобрѣтенія, и приносящій въ село презрѣніе къ землепашеству и стремленіе разжиться путемъ спекуляцій, выгодной жинитьбы на богатой старухѣ и т. п.

№ 16. *Взаимно-отношенія нашихъ крестьянъ. Д.* Защищается малорусское крестьянство отъ каррикатурнаго изображенія его и постоянныхъ упрековъ въ безнравственности со стороны интеллигентнаго общества. При этомъ приведено нѣсколько симпатичныхъ обычаевъ, показывающихъ живущее среди народа чувство равноправія, уваженія къ человѣческой личности и участія къ положенію ближняго.

№ 27. *Простонародная апокрифическая легенда о происхожденіи названія Волынской земли и города Коростеня, и о построеніи городовъ Бердичева и Житомира. И. С.* Легенда передана со словъ одного стараго крестьянина русскимъ языкомъ. Названіе города Коростеня (нынѣ Коростышева) произошло отъ слова *короста*, которая будто бы осыпала рабочихъ, строившихъ городъ. Сказаніе объ Игорѣ и убіеніи его древлянскимъ княземъ Маломъ и мщеніе Ольги сходно съ лѣтописнымъ. Волынь, прежняя древлянская земля, по легендѣ получила свое названіе отъ того, что воины Ольги, убивая на тризнѣ по Игорю древлянъ, приговаривали смѣясь: А що поволалы? (т. е. Ольгу замужъ за Мала); Бердичевъ прежде назывался Бердышевымъ отъ того, что на мѣстѣ его войско Ольги перекрошило бердышами древлянскихъ бѣглецовъ. Житомиръ такъ названъ Ольгою потому, что его первый заложилъ мирочникъ (т. е. мельникъ).

№ 31. *Два слова о Евреяхъ.* О жизни Житомирскихъ евреевъ.

№ 31. *Присоединеніе къ православной церкви бывшаго чешскаго священника Іоанна Сасски.*

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости. № 1. Ч. неоффиц. Заявленіе о томъ, что съ измѣненіемъ нынѣшняго вида неоффиц. части Губ. Вѣдом. редакція намѣрена обратить ихъ въ „мѣстный органъ печати", на обязанности коего будетъ: разработка и сообщеніе свѣдѣній по этнографіи, топографіи, геологіи, археологіи, статистикѣ, касающихся губерніи, а также сельскаго хозяйства, промышленности фабричной, заводской, земской и городской дѣятельности.

№№ 2—6. 10—11. 16. 18. *По этнографіи* подъ заглавіемъ: *Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ*, изъ рукописнаго сборника извѣстнаго мѣстнаго этнографа Я. П. Новицкаго: драна зима 1813 г.,—пріемъ, оказанный запорожцамъ при дворѣ Екатерины II,—какъ литвины воевали серпъ,—характерство запорожцевъ въ народномъ представленіи: варіанты А. Б. В,—Семенъ Палій (историч. преданіе),—чумаки и запорожская сторожа въ степи,—оплакиваніе тещи.

№ 17. Жидъ-шпіонъ,—велети (великаны).

№ 18, 21. Изъ церковной лѣтописи: 1) Образчикъ духовнаго суда 80 лѣтъ тому назадъ: „Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Екатеринославской духовной консисторіи въ Маріупольское духовное Правленіе. Послѣдовавшимъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода истекшаго 1807 г. декабря отъ 21 дня къ Его Высокопреосвященству Платону Архіепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и кавалеру, на представленіе его по опредѣленію сей консисторіи, указомъ велѣно: Новомосковскаго уѣзда, помѣщичьяго села Вольнаго Святодуховской церкви діакона Ивана Ѳоминскаго за воровство трехъ лошадей, пьянство, самовольство и дерзость на основаніи согласно тому сея консисторіи опредѣленію, лишить діаконскаго сана вовсе и въ знакъ онаго остричь ему на головѣ и бородѣ волосы и обязавъ подпискою, чтобы онъ впредь себя діакономъ не называлъ и одѣянія діаконскаго не носилъ, исключить его изъ духовнаго званія яко быть въ ономъ во всемъ ненадежнаго, и отослать въ Екатеринославское губернское правленіе для отдачи въ военную службу. Что съ нимъ Ѳоминскимъ сего Генваря 8-го дня уже исполнено и потому въ сей консисторіи опредѣлено: всѣмъ состоящимъ въ здѣшней епархіи духовнымъ правленіямъ, отъ подобныхъ послѣдствій дать знать указами. Генваря 15 дня 1808 года ключарь протоіерей Іоаннъ Стонославскій. Секретарь Сафоновъ. 2) Указъ отъ 1781 г. ноября 12 о высылкѣ въ Славенскую духовную семинарію священно и церковно-служительскихъ дѣтей.—№№ 21, 23. Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова († 1872), мѣстнаго старожила. Городъ-подрядчикъ. А. Егорова.

№№ 4, 8, 10, 13—14, 20. *По экономическому быту.* Кромѣ текущихъ отчетовъ о дѣятельности земскихъ и другихъ органовъ губерніи: земельные переходы прошлаго года въ Новомосковскомъ уѣздѣ, купля-продажа земли въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, заводъ „Южно-Русскаго Днѣпровскаго металлургическаго общества“, купля-продажа земель въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, земельныя покупки при помощи крестьянскаго банка, ртутное производство въ Бахмутскомъ уѣздѣ.

№№ 8. 10, 12—22. *По исторіи просвѣщенія.* Два слова о давнемъ прошломъ екатериносл. Мар. женск. гимназіи, о бывшей въ Екатеринославѣ

публичной библіотекѣ и какъ дополненіе къ этой статьѣ письмо въ редакцію С. Чернова о дѣятельности Б. Корфа и Е. И. Шабельскаго въ александровск. уѣздѣ въ дѣлѣ народнаго образованія; нѣсколько словъ по поводу дѣятельности екатерин. общества любителей музыки, пѣнія и драматическаго искусства, итоги народнаго образованія въ александровскомъ уѣздѣ за 1866—1886, Я. П. Новицкаго.

№№ 8—11, 13, 15. *По археологіи*, И. Шмакова: „Археологическій музей А. Н. Поля“ въ Екатеринославѣ (систематическая коллекція уцѣлѣвшихъ остатковъ древности, найденныхъ въ здѣшней губерніи и вообще на югѣ Россіи). Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи для публики музея А. Н. Поля. З—скій, Новомосковскій Свято-Троицкій соборъ и вызванная этою статьею корреспонденція изъ Новомосковска.

№№ 6, 9, 14, 16. *Библіографія*: замѣтка о вышедшихъ въ 1855 г. изъ-подъ пера членовъ гимназической корпораціи книгахъ: а) *Одинецъ-Заставскій* „Начальное ученіе французскаго языка“, 1800. Екат. б) *Граховъ Я. Д.* „Статистико-географическое описаніе Екатеринославской губерніи“—свѣдѣній о томъ, гдѣ и было ли напечатано нѣтъ,—извѣстно только, что было представлено въ Импер. Русск. Геогр. Общество. в) *Граховъ Я. Д.* и *Веребрюсовъ Ст. Ив.* „Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназіи и училищъ“, Од. 1855. г) *Вакуловскаго Н. Н.* „Матеріалы для библіографіи о г. Екатеринославѣ и екатеринославской губерніи“, замѣткой трудно пользоваться за неуказаніемъ годовъ періодическихъ изданій. Замѣтка И. Шмакова о вышедшей въ 1876 г. въ Екатеринославѣ брошюрѣ „Историческій обзоръ православной христіанской церкви въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской епархіи до времени формальнаго открытія ея“.

Крымъ №№ 1—6. № 2. *Проектъ новой организаціи археологическихъ раскопокъ въ Херсонисѣ*, выработанный и представленный на Высочайшее утвержденіе Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей, которому, совмѣстно съ Имп. Археологич. Коммиссіею, поручено руководство раскопками на мѣстѣ древняго Херсониса и наблюденіе за храненіемъ находимыхъ тамъ древностей. Перепечатаны изъ отчета Од. общ. ист. и древн. за 1887 г.

№№ 2, 4, 5. *Херсонесъ, какъ купѣль Св. Владиміра.—Х. Я.* Краткій историческій очеркъ Херсонеса.

№ 6. Таврическая ученая архивная коммиссія. Авторъ говоритъ о важности сохраненія документовъ и о значеніи архивныхъ коммиссій.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. № 1. Ч. неоффиціальная. Церковныя приходскія школы въ 1885 г.

№№ 2, 3. Свѣдѣнія о Переясловско-Полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г, извлеченныя изъ дѣла архива полтавской духовной консисторіи (продолженіе начатыхъ статей въ 1887 г).

№№ 2, 4. Юбилейное торжество въ честь высокопреосвященнаго архіепископа Іоанна, по случаю исполнившагося 25-лѣтія служенія его въ епископскомъ санѣ.

№ 3. Сорокалѣтній юбилей учебно-воспитательной службы о. инспектора полтавскаго епархіальнаго женскаго училища, протоіерея Алексѣя Ивановича Капустянскаго.

№ 4. Архивные отрывки для исторіи Полтавской епархіи. IX, Описаніе Мгарскаго монастыря. 1769 г. X. О средствахъ на исправленіе „ринковой" церкви въ Лубнахъ. 1692 г.

Черниг. Губ. Вѣдомости. № 1. Въ отдѣлѣ *къ исторіи края* мы находимъ въ 1 № изъ фамильнаго архива А. И. Ханенка: а) универсалъ 1680 г. гетмана Самойловича Ивану Рославцу на свободный проѣздъ въ Смоленскъ и Литву по торговымъ дѣламъ, б) универсалъ 1690 г. гетмана Мазепы Короткевичу на занятіе гребли и постройку млина на рецѣ Судости, в) универсалъ 1704 г. гетм. Мазепы, утверждающій владѣніе недвижимымъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти Ивана Рославца за Михаиломъ и Лукіяномъ Рославцами. Некрологъ В. В. Перекрестова († 21 дек. 1887 г), отставнаго инженера полковника, виднаго общественнаго дѣятеля и автора многихъ статей въ горномъ журналѣ.

№№ 10, 12, 13, 17, 19, 21, 23. Распоряженіе графа П. А. Румянцева по управленію Малороссіею. Ал. Л—ій. Изъ короткаго предисловія узнаемъ, что подъ этимъ заглавіемъ будутъ помѣщены тѣ изъ распоряженія графа по управленію Малороссіею, которыми онъ подготовлялъ учрежденіе о губерніяхъ. Большая часть этихъ распоряженій касалась производства козацкой старшины въ чины, чѣмъ Румянцевъ, удовлетворяя исканія самой старшины, подготовлялъ послѣднюю къ новымъ формамъ гражданской жизни, слѣдовавшимъ за открытіемъ намѣстничества въ 1782 году: 1) Объ ограниченіи винокуренія для предохраненія народа отъ смертныхъ приключеній и для сбереженія лѣсовъ. 2) О постройкѣ мундировъ для трубачей и литаврщика, состоявшихъ при коллегіи. 3) О пожалованіи Якова Завадовскаго Стародубскимъ полковникомъ. 4) О назначеніи секратаря генеральнаго суда Кондратьева переяславскимъ земскимъ судьею. 5) О порядкѣ замѣщенія вакантныхъ должностей полковой старшины и сотниковъ. 6) О пополненіи долга въ малороссійскій скарбъ тайнаго совѣтника Бублянскаго. 7) О назначеніи Архипа Худорбы шептаковскимъ сотникомъ. 8) О выдачѣ 100,000 р.

изъ малороссійскаго скарба на татарскіе расходы. 9) Объ увольненіи шаповаловскаго сотника Антона Соханскаго отъ службы съ производствомъ въ чинъ полковаго эсаула. 10) О выдачѣ денегъ, назначенныхъ на „татарскіе расходы". 11) О назначеніи канцеляриста Якова Волватьева секретаремъ коллегіи съ производствомъ въ чинъ бунчуковаго товарища. 12) О назначеніи Андрея Таранскаго конотопскимъ сотникомъ. 13) О назначеніи Петра Псіола шаповаловскимъ сотникомъ. 14) О назначеніи Василія Лазаревича секретаремъ коллегіи съ производствомъ въ полковые писаря. 15) Объ увольненіи въ отпускъ прилуцкаго земскаго судьи Андрея Якубовича „для отвоза въ училище дѣтей". 16) О наборѣ пѣвчихъ для придворной „вокальной музыки". 17) О собраніи свѣдѣній о количествѣ шинковъ въ Малороссіи. 18) О производствѣ канцеляриста Федора Савича въ войсковые товарищи за познанія въ архитектурѣ. 19) О производствѣ „подписка" Адріана Чепы въ коллежскіе канцеляристы. 20) О порядкѣ набора пѣвчихъ ко двору. 21) О назначеніи Гавріила Золотаревскаго сотникомъ Второкамышанскимъ. 22) О производствѣ земскаго судьи Федора Свирскаго въ чинъ коллежскаго ассесора. 23) О назначеніи Павла Юзефовича Ирклѣевскимъ сотникомъ. 24) Объ увольненіи Остаповскаго сотника Андрея Базилевскаго на годъ въ отпускъ. 25) О назначеніи Василія Левицкаго Липляевскимъ сотникомъ. 26) О производствѣ райцы Стародубскаго магистрата Яковлева въ чинъ войсковаго товарища. 27) О производствѣ Алексѣя Огроновича въ чинъ войсковаго товарища. 28) О назначеніи Ивана Забѣлы Ивангородскимъ сотникомъ. 29) О порядкѣ публикацій правительственныхъ распоряженій. 30) Объ увольненіи Воронковскаго сотника Матвѣя Сулимы и о назначеніи на мѣсто его Димитрія Волявча. 31) О назначеніи Николая Станиславскаго гадяцкимъ второполковымъ сотникомъ. 32) О производствѣ гадяцкаго сотника Герасима Станиславскаго въ чинъ полковаго обозпаго. 33) О переименованіи компанейскихъ полковъ въ легкоконные. 34) О поземельныхъ спорахъ Тарновскихъ съ П. В. Завадовскимъ. 35) Сенаторскій указъ о производствѣ бунч. тов. Михаила Гамалѣя въ чинъ коллежскаго асессора. 36) Объ увольненіи войск. тов. Ивана Почеки отъ службы „для сысканія имъ въ С.-Петербургѣ иного званія". 37) Предложеніе о разсмотрѣніи жалобъ примѣръ-маера на урядниковъ Кіевскаго магистрата. 38) Объ ускореніи дѣйствій отдаточныхъ коммиссій. 39) О назначеніи лицъ для разсмотрѣнія жалобъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго. 40) О производствѣ изъ полковыхъ обозныхъ Еремѣя Родзянки и Луки Лукашевича въ полковники. 41) О томъ, въ какомъ видѣ связывать въ „папуши" табакъ, отправляемый „за море". 42) О назначеніи генералъ-поручика Милородовича Малороссійскимъ губернаторомъ. 43) О назначеніи канцеляриста Павловскаго нѣжинскимъ полковымъ эсауломъ. 44) О назначеніи погарскимъ подкоморіемъ предводителя шляхетства Степана Лашкевича. 46) О наблюденіи за учрежденными въ Малороссіи хлѣбными запасными мага-

зинами. 47) Объ уплатѣ конотопскими жителями Гацуками вексельнаго долга бреславскимъ и берлинскимъ купцамъ. 48) О производствѣ запорожскаго козака Щербака въ чинъ значковаго товарища. 49) Объ увольненiи бунч. тов. Петра Лащинскаго отъ службы. 50) О производствѣ канцеляриста Павла Дубовика въ чинъ нотарiуса. 51) О производствѣ слѣдствiя по жалобѣ Павла Юзефовича за нападанiе на него жителей м. Веремѣевки. 52) О порученiи малороссiйскому губернатору Милорадовичу обревизовать часть Малороссiи. 53) О выдачѣ Яготинскому сотнику Махайлу Юзефовичу справокъ о его хуторѣ Диковскомъ. 54) О преданiи суду Батуринскаго почтмейстера Дмитренка Василiя Косача за укрывательство бѣглаго крестьянина. 55) О производствѣ значковаго товарища Григорiя Рубана въ чинъ войсковаго товарища. 56) По жалобамъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на Завадовскаго за разоренiе его деревень Борковки и Пирятина. 57) О производствѣ сотеннаго конотопскаго атамана Михаила Боклана въ чинъ войсковаго товарища. 58) О поимкѣ разбойниковъ, ограбившихъ Зыбковскихъ жителей около с. Любечанъ. 59) О поимкѣ разбойниковъ, появившихся въ лѣсахъ с. Щербиничъ.

№ 11. Іосифъ Ж—iй. Легенды о Мазепѣ и М. Кочубей, связанныя съ домомъ войсковой канцелярiи гетмана въ Черниговѣ и съ мѣстомъ на поляхъ между сс. Слабинымъ и Козерогами.

№ 21. Некрологъ И. И. Паевскаго († 6 марта 1888 г), одного изъ первыхъ воспитанниковъ кiевскаго университета юридическаго факультета; наибольше работалъ на педагогическомъ поприщѣ.

№ 22. Некрологъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля кн. М. Н. Кекуатова.

Южный край. 1888 г. Янв. Февр. Мартъ. **№№ 2413. 2419. 2426.** *А. Д. На стражѣ Россiи.* Очеркъ колонизацiи Харьковской и смежныхъ съ нею губернiй, составленный главнымъ образомъ по соч. Багалѣя— *«Очерки изъ исторiи колонизацiи и быта степной окраины Московскаго государства т. I»*.

№ 2426. *Корреспонд. изъ Полтавы о сомнительномъ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Семена Палiя.*

№ 2427. Статья изъ «Новаго времени» *О сравнительномъ положенiи лѣсоразведенiя на югѣ Россiи прежде и теперь.* Приведено въ сокращенiи.

№ 2436. *Корреспонденцiя изъ Екатеринослава объ урѣзкахъ Екатеринославской губ.* Къ Донской области отошелъ ростовскiй уѣздъ, а теперь херсонцы собираются отрѣзать часть верхнеднѣпр. у., а таврич. губерн. ходатайствуетъ о заднѣпровскихъ Великихъ лугахъ. Въ корреспонденцiи разсказывается и о плавняхъ, какъ разсадникахъ заразы и всякихъ мiазмовъ.

№ 2439. *О новой обители—Высочиновскомъ Казанскомъ монастырѣ въ Змѣевскомъ у. Харьков. губ., учрежд. въ 1886 г.*

№ 2452. *О нареченіи ректора Курс. семин. Невскаго въ ладожскіе. епископы.* Бывшій ректоръ нынѣ еп. Митрофанъ кончилъ курсъ ученія въ Кіев. Духов. Акад. со степенью магистра въ 1861 г.

№ 2454. Корресп. изъ посада Клинцовъ черниг. губ., гдѣ разсказывается о дѣятельности старообрядческаго архіерея Сильвестра.

№ 2456. *Корресп. изъ слободы Боромли объ обычаѣ «перезвы» въ малорусск. свадьбѣ.* Авторъ почему-то считаетъ этотъ обычай «фантастическимъ» и «безобразіемъ».

№ 2461. Выписка изъ «Нов. Врем.» *Купянскій уѣздъ Харьк. г.* изобилуетъ массами кургановъ, хранящихъ въ своихъ нѣдрахъ очень часто много важныхъ въ археологич. отношеніи предметовъ. Нынѣ крестьяне ищутъ кладъ въ одномъ курганѣ, слывущемъ подъ названіемъ «Товста Могила».

Со словъ «Петерб. Газеты» разсказывается о пожертвованіи рукописей въ Петерб. Акад., относящихся къ 1-мъ вѣкамъ христіанства.

№ 2472. *Извѣщеніе о порученіи Имп. Акад. Худож. Т. Кибальчичу разобрать матеріалы о памятникахъ древне-русск. искусства,* поступающихъ въ Им. Ак. художествъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

Смоленскій Вѣстникъ. №№ 29. 33. *Двѣ замѣтки объ обычаѣ привязыванія «колодки» на масляницѣ въ смоленской губ.*

№ 34. *Краткій некрологъ покойнаго редактора «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцева.*

Въ статьѣ г. Михайлова «Народныя пѣсни Смоленской губ.» приведена слѣдующая «чумацкая» пѣсня, записанная въ ельнинскомъ уѣздѣ смоленской губ. и занесенная туда, по словамъ автора, въ «старину», когда крестьяне нѣкоторыхъ селеній ельнинскаго у. ходили въ южныя губерніи за солью:

Зеленый дубочекъ,
Куда нахинулся?
Молодой чумачекъ,
О чемъ зажурился?
Ти волы пристали,
Ти съ дороги сбился?
Ни волы пристали,
Ни съ дороги сбился:
Татка съ маткой померъ,
А я не женился...
Пойду, чумакъ, съ горя
Гулять въ чисто поле,
Пойду въ чисто поле
Искать себѣ доли....
Не нашелъ я доли,

Пашелъ рыболововъ:
Рыболовы братцы
Закиньте мнѣ сѣтку—
Вы поймайте долю
Парню молодому!
Не поймали долю,
А поймали рыбу....
Щука-рыба играетъ
И та пару маетъ,
А я чумачекъ
Парочки не маю -
Холостъ не женился,
Безъ доли родился....
Только мою долю,
Что черныя брови,
Только мои пары—
Мои очи кары....
Пойду, чумакъ, съ горя
Гулять въ чисто поле....

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Адресъ-календарь и справочная книга кіевской губерніи на 1888 г. Подъ ред. В. Г. Мозговаго. Кіевъ 1888.

Альбомъ портретовъ начальниковъ, учитилей и бывшихъ воспитанниковъ Михайловскаго воронежскаго кадет. корпуса и военной гимназіи къ 50-лѣтн. юбилею его основанія и открытія. Вып. I. К. 1887.

Андріевскій А. Отчетъ златопольск. гимназіи за 1886—87 г. и историч. записка о ней. К. 1887.

Brykryński A. Zapiski etnograficzne z Polesia wołyńskiego. Краковъ 1887.

Вербицкій Т. Краткое описаніе города Житомира. Житомиръ 1887.

Владиміровъ П. Докторъ Франдискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ (Общества любителей древней письменности. XC). Спб. 1888.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2-е, съ дополненіями. Спб. и Кіевъ 1888.

Головацкій Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ въ Подляшьѣ, т. е. нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна 1888.

225 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса 1888.

Езерскій О. Ю. Кіевскій путеводитель съ планомъ города и театровъ на 1888 годъ. Кіевъ 1888.

Ермолинскій К. Обзоръ хотинскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1887 г. М. 8°. XV+193 стр. 300 экз. 40 к.

Зб. В. Петро Дротарчукъ—повѣсть изъ жизни стрыйскихъ горцевъ. Львовъ 1887.

Карпенко-Карый. Наймычка, драма въ 5 діяхъ. Херсонъ 1887.

Кокорчукъ Викторъ. Поезіи. Станиславивъ 1887.

Костомаровъ М. Историчні монографіи. Богданъ Хмельницкій т. I, Тарнополь 1888. Изданіе Барвинскаго.

Костомаревъ Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. I. Господство дома св. Владиміра. X—XVI ст. Изд. 3-е. Спб. 1888.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ обозрѣніемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ 1801—1866. Выпускъ 2-й. Львовъ 1887. Выпускъ 3-й. Львовъ 1888.

Легасова А. Бандуристъ—збирныкъ малороссійскихъ писень. Москва 1887.

Листовскій И. С. Филаретъ, архіеп. черниг. М. 1887.

Луганское дѣло. Стеногр. отч. засѣданій харьк. суд. пал. 16 и 17 окт. 1887. Харьк. 1887.

Масловъ В. П. Т. Г. Шевченко. Біогр. оч. Изд. 2. М. 1887.

Мордовцевъ. Сагайдачный, повѣсть. Львовъ 1887.

Мещерскій кн. Пояснительная записка № 2 по поводу ходатайства полтавскаго дворянства о свободѣ завѣщанія заповѣдныхъ имѣній. Москва 1888.

Na kresach. Powieść z naszych czasów w trzech częściach. Wyd. nowe. Варшава 1888.

Некрасовъ В. Виленскій св. Николаевскій каѳедральный соборъ. Краткій историч. очеркъ. Вильна 1888.

Опочининъ Е. Русскій театръ, его начало и развитіе. Историческій очеркъ. Вып. I. Отъ начала театральныхъ представленій въ Россіи до царствованія Петра Великаго включительно. Спб. 1887. Выпускъ II, 16 д., 71 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцова о народныхъ училищахъ за 1886 г. Кіевъ 1887.

Отчетъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14-е ноября 1887 г. Одесса. 1888 г.

Отчетъ дирекціи академической гимназіи во Львовѣ за 1886—87 годъ. Львовъ 1887. Въ приложеніи статья *Лучаковскаго*: Антонъ-Любичъ Могильницкій (поэтъ), и его значеніе.—*Его же*: Nestoris Chronicon cap. 21—25 in Romanorum sermonem conversum.

Отчетъ уполномоч. XI съѣзда горнопром. юга Россіи по ходатайствамъ съѣзда о нуждахъ каменноугольн. промышленности Донецк. бассейна и солезаводской промышленности. Хар. 1887.

Павлищевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимирѣ и война за Украину. Изд. 2-е т. I—III. С.-Петербургъ 1887.

Памятная книжка виленскаго учебнаго округа на 1887—88 учебн. годъ. Изд. управленія виленск. учебн. окр. Вильна. 1888.

Паньковскій Кость Русскій сьпиванныкъ. Львовъ 1888.

Парвовъ П. Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу. Спб. 1888.

Петрушевичъ А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 года. Львовъ 1887.

Планъ г. Одессы. Спб. Fol. 1 стр. 1920 экз.

Полянскій Петръ. Карпацкія новеллы. Лейпцигъ 1888.

Почвенная карта Волынск. губ. Кіевъ 1 листъ.

Rawita Fr. Pan hetman Mazepa,—историческая повѣсть. Варшава 1887.

Раина Могилянка, княгиня Вишневецкая. Изд. „Кіев. Старины". Кіевъ 1887.

Результаты подворной переписи александрійскаго уѣзда 1886 г. Приложеніе къ III тому матеріаловъ для оцѣнки земель херсонской губерніи—Изданіе Александійской земской управы. Folio V—384. Александрія 1888.

Родословная дворянской, княжеской и графской фамиліи Милорадовичъ. Линія Михаила Ильича Гадяцкаго полковн., поселившагося въ Россіи въ 1711 г. К. 1887.

Stadnicka Lucyna hr. Pieśni i obrzędy weselne ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu. Kraków 1888.

Статистическое отдѣленіе черниговск. губ. Изд. губ. земства. Черниговъ 1886. 8° XV+44+88+XXII+249+239+38 стр. 2 р.

Stecki Tad. Jerzy. Z dziejów Wołyńskiego Gródka. Краковъ 1888.

Stecki Tad. Jerzy—Stecky-Olechnowicze herbu Radwan. Познань 1888 г.

Сумцовъ. Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень. Кіевъ 1888.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической и херсонской губерніяхъ въ 1887 г. Отчетъ областного энтомолога П. А. Забаринскаго. IV. Одесса 1888.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской,

таврической и херсонской губерніяхъ въ 1887 г. Отчетъ областного энтомолога П. А. Забаринскаго. VI. Одесса 1888.

Труды VII областнаго энтомологическаго съѣзда, созывавшагося въ мартѣ 1887 г. въ Одессѣ. Одесса 1887.

Унгернъ Штернбергъ. О винодѣліи на южномъ берегу Крыма. С.-Петербургъ. 8° 1+57+2 нен. стр. 612 экз. 60 к.

Федоровскій. Н. О шелководствѣ на югѣ Россіи. Черниговъ 1887.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Матеріалы для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по культурѣ сахарной свеклы. Подборъ свеклы. И. Н. Клингена. Харьк. 1888.

Chlebowski, B., i Walewski, W. Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów slowianskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 98. Tom. IX. Варшава 1888.

Чайченко. В. Зъ згадокъ про дитячи лита. Оповидання. Кіевъ 1887.

Шимановскій В. Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе съ прилож. полнаго текста сборника Святослава 1076 года. Варшава 1887. 1 палеогр. снимокъ.

Шимановскій М. В. О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи. Сообщеніе одесск. юрид. обществу. Вып. I. Общіе вопросы. Одесса. 1887 8° 78+1 стр. 200 экз. 50 коп.

Szczepanowski Stanisław—Nędza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego. Львовъ 1888.

Важнѣйшія опечатки въ I т.[1])

				Напечатано:	Читать:
Стран.	39	сверху	строка 23	на горной.	пахатной
—	44	—	— 1	хорошее	хоромное
—	55	—	— 13	Доброницкаго	Добровицкаго
—	56	—	— 23	кіевскаго	любелского
—	81	примѣчаніе		Kuriały i swoei	Kwiaty i owoce
—	91		24	XVI	XVII

Критика

стран.	24	сверху	— 33	складъ.	окладъ
—	25	—	— 4	юго западнаго галицко-русскаго.	юго-западнаго и галицко-русскаго
—	—	—	— 12	Ракосовской	Рокосовской
—	—	—	— 16	Зличева	Злочева

Документы, извѣстія, замѣтки

стран.	1	сверху	строка 15	куплѣ	кутку
—	4	—	— 12	было	дѣло
—	5	—	— 29	ускаржале	ускаржалсе
—	—	—	— 32	как залысмо	казалысмо
—	7	—	— 2	свою	тую
—	—	—	— 8	осногонадцать	осмогонадцать
—	—	—	— 13	велебнимъ	велебнимъ
—	—	—	— 23	острѣ	Острѣ
—	—	—	— 34	нилушную	неслушную
—	8	—	— 9	владѣти	владѣнія
—	—	—	— 10	те межене	темежене
—	31	—	— 12	уло	цло

Библіографическій листокъ

стран.	15	сверху	строка 7	Gimiginowicz	Simiginowicz
—	—	—	— 25	przesztość	przeszłość
—	17	—	— 21	Волевскаго.	Валевскаго

---

[1]) Благодаря несовершенствамъ типографскаго дѣла въ провинціи вообще, а также вслѣдствіе спѣшности, съ какою по необходимости печатался I т. „К. Ст.", въ него вкралось не мало опечатокъ, требующихъ непремѣннаго исправленія.

Головацкій. Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ въ Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губ. по актамъ XVI стол. Вильна. 1887, ц. 50 коп.

Головацкій Як. Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна 1888, ц. 75 к.

Грегоровіусъ Ф. Исторія города Рима въ Средніе вѣка. Съ V—XVI в. Перев. подъ ред. В. И. Савина Т. II. (Кн. IV) и III. СПБ. 1887, ц. 2 р.

Данилевскій Н. Я. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-романскому СПБ. 1888, ц. 4 р.

Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Т. III. Г. 1713 кн. I, СПБ. 1887. ц. 2 р.

Древности Россійскаго Государства. Кіевскій Софіевскій Соборъ. Вып. I, II, III, и IV. СПБ. 1871—1887, ц. 30 р.

Дубасовъ И. Очерки изъ Исторіи Тамбовскаго края. Вып. 4. Тамбовъ 1887. ц. 1 р. 50 к.

Елпатьевскій К. Учебникъ русской исторіи. Древняя Русь. СПБ. 1888, ц. 1 руб.

Завитневичъ В. О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ. К. 1888 ц. 50 к.

Зерцаловъ А. Н. Новыя данныя о Земскомъ Соборѣ 1648—1649 гг. М. 1887, ц. 80 коп.

Иконниковъ В. С. Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго (Сношенія Россіи съ Франціей). К. 1887, ц. 60 коп.

Иловайскій Д. И. Мелкія сочиненія, статьи и письма. 1857—1887, ц. 2 р. 60 к.

Кабинетъ нумизматическій. Изд. Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея. Вып. II. Каталогъ Римскихъ монетъ. М. 1885, ц. 1 р. 70 к. Тоже вып. III. Каталогъ Восточныхъ монетъ. М. 1886, ц. 2 р. 70.

Костомаровъ Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ дѣятелей (Окончаніе). СПБ. 1888, ц. 1 р. 90 коп., за 7 т. 9 р.

Лазаревскій Ал. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Полкъ Стародубскій (Вып. I.) К. 1888, ц. 2 руб.

Матеріалы для исторіи Подольской губ. (1792—1796). Вып. I. Камен. Под. 1885, ц. 2 р. 50 к.

Мельгуновъ П. Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. М. 1887, ц. 1 р. 50.

Моммсенъ Ѳ. Римская исторія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. До битвы при Пиндѣ. Съ военной картой Италіи. М. 1887, ц. 6 р. Тоже Т. II. и III. Отъ битвы при Пиндѣ до битвы при Ѳапсѣ. М. 1887, ц. 7 р.

Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича въ Турецкую войну 1877—1878 гг. Съ портр. рис. картою и планами наиболѣе замѣчательныхъ сраженій. СПБ. 1887, ц. 2 р. 30 коп.

Петровъ А. Н. Война Россіи съ Турціей 1806—1812. СПБ. 1887, ц. 2 р. 25 к.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. I. (1688—1701). СПБ. 1887, ц. 4 р.

Сборникъ Археологическаго Института. Кн. 5-я. Полов. 2-я. Подъ ред. Н. Калачова. СПБ. 1886, ц. 1 р.

Сиповскій В. Д. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ 3 в. СПБ. 1888, ц. 6 р. 50 коп.

Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII в. К. 1888, ц. 1 р.

Труды для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. 3 вып. Камен. Под. 1876—1887, ц. 6 р.

Тенъ. Наполеонъ Бонапартъ. Перев. съ франц. М. 1888, ц. 60 к.

Тумасовъ Н. Исторія древняго міра. Курсъ средн. учебн. завед. СПБ. 1888, ц. 1 р. 15 коп.

Цвѣтаевъ Дм. Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ Государствѣ. М. 1887, ц. 1 р. 50 к.

Шубинскій С. Н. Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени. Съ 30 гравюрами СПБ. 1888, ц. 1 р.

Щербатовъ кн. Генералъ-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ. Т. I. Съ 23 картами и планами 1782—1826 гг. СПБ. 1888, ц. 6 р.

Гг. Иногородные на пересылку прилагаютъ по 10 к. на рубль.

БИБЛІОГРАФЪ.

1888. **ВѢСТНИКЪ** **Годъ IV.**

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св Синодѣ ОДОБРЕНЪ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ справочной книги. По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отдѣлъ I-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе статьи матеріалы и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отдѣлъ 2-й (справочный). Полная **библіографическая лѣтопись,** въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) Rossica; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п. 5) объявленія. Этотъ отдѣлъ журнала предназначается для любителей и собирателей книгъ, библіотекарей и книгопродавцевъ.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

II. Текучая беллетристика: „Отцы и дѣти“. И. С. Тургенева.—„Марево“ г. Ключникова.—„Взбаламученное море“ г. Писемскаго (1864 г.).

III. Журнальныя замѣтки: „Библіотека для Чтенія“ и „Эпоха“.—„Современникъ“ и „Русское Слово“. Нерѣшенный для г. Писарева вопросъ.—„Земскія силы“ г. Боборыкина и „Лгуны“ г. Писемскаго.—Споръ „Современника“ съ „Русскимъ Словомъ“ о нигилизмѣ и о Неграхъ. Г. Варѳоломей Зайцевъ объ искусствѣ.—Замѣтка объ аскетахъ для г. Антоновича.—Его Итоги.—Отбой. (1865 г.).

ПУБЛИЦИСТИКА.

I. Новая общественная организація и старый казенный строй. 1873 и 1874 гг. Московскія Вѣдомости. Письма къ публикѣ I—XVII.—Русь 1880—1885 г. Скрытыя причины явнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Темныя пятна.—Мнимое земство.—Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ.—Объ нашемъ statu quo.

II. Полемика газеты „День“ съ газетою „Вѣсть“ и „Московскими Вѣдомостями“.—Современныя темы (о сельской общинѣ).—Передовая статья Московскихъ Вѣдомостей.—Замѣтка для Московскихъ Вѣдомостей.—Исключительно для г-на Наличнаго.—Еще для г-на Наличнаго.—„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства. Paris, rue de Lille. 1861 г.“, брошюра графа В. П. О. Д.—Наши близорукіе публицисты.—Юмористъ газеты „Вѣсть“.—Газетѣ Вѣсть. (1865 и 1867 гг.).

III. По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.—Намеки тонкіе.—Польскій катихизисъ.—Изъ Каширскихъ писемъ.—Царевичъ въ Ниццѣ.—4-е Апрѣля.—Самооборона.—Храмъ на крови.—Отъ чего пала Римская Имперія?—Средство догнать Европу.—Князь Черкасскій.—Ѳ. В. Чижовъ.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—Т. Н. Грановскій.

IV. Статьи разнаго содержанія.—О парламентаризмѣ.—Замѣтка для дипломатовъ „Новаго Времени“.—По поводу овацій г-ну Тургеневу.—Изъ письма къ М. Н. Каткову.

Цѣна Сборнику въ отдѣльной продажѣ два рубля. Для подписчиковъ „Русскаго Архива“ на 1888 годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году за 12 книжекъ съ пересылкою и доставкою—девять рублей, со сборникомъ статей Н. М. Павлова десять рублей.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) Е. П. Распопова, въ Одессѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: 1837—1871 гг. Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1866, 1868 гг. по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1886 гг. по 7 р. съ пересылкою. **Экземпляры »Трудовъ« за 1884 г. всѣ распроданы.**

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

Редакція проситъ г.г. подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какой-либо книги журнала, заявлять объ этомъ не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера и по наведеніи справки въ мѣстной почтовой конторѣ или станціи.

и корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ нашего края. Въ отдѣлѣ Дневника читатели найдутъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ, какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края. Въ Судебной хроникѣ помѣщаются статьи о наиболѣе выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учрежденій и общихъ судебныхъ мѣстъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Затѣмъ, въ газетѣ постоянно печатаются рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ, ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, и, наконецъ, въ Судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ, въ мировыхъ съѣздахъ, городскомъ и уѣздномъ. Этотъ отдѣлъ особенно важенъ для иногороднихъ, съ помощью его они легко могутъ слѣдить за теченіемъ своихъ тяжбъ въ судебныхъ установленіяхъ.

Какъ ни трудно разобраться въ милліонахъ разнохарактерныхъ свѣдѣній со всѣхъ концовъ міра,—мы все-таки по мѣрѣ силъ группируемъ ихъ и освѣщаемъ въ фельетонахъ, „Маленькихъ Листкахъ" и отдѣльныхъ статьяхъ. Такимъ образомъ „Од. Лист." старается помочь каждому своему читателю въ уразумѣніи явленій текущей дѣйствительности. Мы обращаемъ вниманіе на способъ изложенія и стараемся составить читателямъ непремѣнно интересное чтеніе. Отдѣлъ беллетристики будетъ расширенъ, что особенно важно для провинціи: иногородніе подписчики получатъ такимъ образомъ въ продолженіи года массу разсказовъ, очерковъ, повѣстей, эскизовъ и т. п.

Возрастающій все болѣе и болѣе спросъ на „Од. Лист." заставилъ насъ принять особыя мѣры къ тому, чтобы удовлетворить всѣмъ, какъ городскимъ, такъ и иногороднимъ требованіямъ на газету; огромная ротаціонная машина Маринони, выписанная еще въ прошломъ году, печатая до 8000 экз. въ часъ, даетъ возможность своевременно печатать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Такимъ образомъ мы не остановились передъ крупными расходами болѣе 40,000 франковъ, по пріобрѣтенію машины Маринони, лишь-бы предоставить удобства подписчикамъ газеты. Въ этомъ отношеніи названная машина удовлетворила вполнѣ возлагавшимся на нее надеждамъ.

„Одесскій Листокъ" печатается на безконечной бумагѣ, изготовляемой по спеціальному заказу на фабрикѣ князя Паскевича, и выходитъ въ количествѣ 350 №№ въ годъ. Не смотря на полноту содержанія газеты и названныя улучшенія, введенныя въ ней для пользы дѣла, цѣна на „Одесскій Листокъ" остается *прежняя*:

Годовая цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ, 7 руб. за полгода, 3 руб. 80 к. за три мѣсяца.

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

шины, отъ преходящихъ регулярныхъ войскъ претерпѣли крайніе обиды, ругательства и забойства, отъ чего лишились здравія, а иные безвременно жизни. Но какъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Малороссію Губернаторомъ Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, то мудрыми его мѣроположеніями и строгостью правосудія хотя таковые самовольства, служащіе здѣшнего народа разоренію, и пресѣкаются, однако сіе подвержено есть случаю перемѣненія. Для того всеподданнѣйше просить: да благоволитъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать — учредить посреди Малой Россіи подъ вѣдомствомъ Губернаторскимъ Военную Коммиссію на таковомъ точномъ основаніи, какъ оная учреждена была по вышеизображенному имянному указу въ 740 году. Такова Ея Императорскаго Величества Высочайшая милость и матернее благопризрѣніе избавитъ насъ отъ крайнихъ обидъ и разореній къ подкрѣпленію силъ и ревности нашей, какову въ потомные вѣчные времена заключили мы въ сердцахъ нашихъ къ вѣрной Ея Императорскаго Величества службѣ и вѣрноподданическому послушанію.

7.

Въ обрядѣ, при Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества манифестѣ приложенномъ, указано выбрать Дворянскаго Предводителя, дая оному на два года полную довѣренность нетолько при нынѣшнемъ выборѣ Депутата, но и при случаяхъ, еслибъ послѣдовали отъ Верховной Власти каковые особые повелѣнія, принадлежащіе до общаго дворянъ разсужденія, а чтобъ по прошествіи тѣхъ двухъ лѣтъ выбрать нового Предводителя для таковыхъ дѣлъ, того не доложено. Для того всеподданнѣйше просить: дабы дозволено было намъ возобновленіе такова выбору, и ежели таково дозволеніе изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости учинится, то бы въ случае надобности для дворянина отвѣту предъ государевымъ правительствомъ (кромѣ земскихъ дѣлъ) требовано отъ Предводителя о высылкѣ оного; равнымъ образомъ и все званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписанно бъ

было; и ежели бы послѣдовали отъ кого изъ дворянства продажа деревень, мельницъ, футоровъ и протчихъ угодій, то бы никто сторонній къ покупкѣ допущенъ небылъ, докелѣ получитъ отъ Предводителя и всего Дворянства общимъ опредѣленіемъ за докладомъ Генералу Губернатору въ сообщество принятіе, каково найпаче обовязаны мы раздавать достойнымъ дворянамъ и природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ.

8.

Правамъ здѣшнимъ не противно и обычай Малороссійскій состоитъ въ томъ, что самое и Высочайшимъ имяннымъ святоусопшой памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, Самодержицы Всероссійской, указомъ 1734 году утверждено, чтобъ продажа и купля козачихъ грунтовъ въ свободности состояла, и ежели козакъ, продавъ свой грунтъ, будетъ паки жить наономъ, то бы отдавалъ повинность владѣльцы. А въ 739 году такова купля для военнаго времени до будущаго о томъ Высочайшаго самогоизволенія пресѣчени. Когда же святославныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать Гетманомъ Его Сіятельство Графа Кирила Григоріевича Разумовского, въ тѣ поры своею Императорскою грамотою Всемилостивѣйше подтвердить соизволила, возобновляя права, вольности и Малороссійскіе обычаи, съ подтвержденіемъ поступать по онымъ безъ всякого нарушенія. И такъ силою сей Высочайшей грамоты, оной Господинъ Гетманъ куплю козачихъ грунтовъ рѣшилъ свободною, съ тѣмъ только огражденіемъ: въ случаѣ нужды козачей, малою частію грунтовъ ихъ купить, а не совсѣмъ искупить, невозбранно было. Почему нѣкоторые владѣльцы и старшины, таковы частями небольшими козачихъ грунтовъ скупли не самовольно нижде тайнымъ образомъ, но законно, и учинили. Того для просить Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшую Государыню нашу пожаловать насъ Высочайшею матернею милостію своею: чтобъ таковые купленные грунты и угодія оставлены были при тѣхъ, кто купилъ, въ

ихъ потомственномъ обоего пола владѣніи и утвердить на вѣчные времена въ числѣ прочихъ шляхетскихъ угодій Высочайшими грамотами. А впредъ каковъ на то Высочайше поставленъ будетъ законъ, мы оной свято хранить и исполнять долженствуемъ.

9.

Просить всеподданѣйше, чтобъ здѣшнему шляхетству винное куреніе въ собственномъ имѣніи, дѣланіе всякихъ напитковъ, въ селахъ, деревняхъ, хуторахъ нашихъ шинкованіе всего того и продажа обтомъ, такожъ обращеніе всякого рода внутреннихъ продуктовъ свободны были безпошлинно на вѣки. Притомъ же сколь есть нужда здѣшнему краю вывозка соли съ Крыму, а особливо надобность необходимая въ отгонѣ скота, лошадей, здѣсь (?) продукта, въ чужіе краи, то чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ, кромѣ одной заплаты пошлины, не чинилъ помешательства, и утверждено бъ намъ было при сочиненіи новыхъ законовъ особою привилегіею.

10.

Видя мы, что дворянство Россійское имѣетъ хорошіи выгоды полученіемъ въ займы отъ учрежденія Государственныхъ Банковъ на необходимые свои нужды денегъ, а Малороссійское шляхетство, за неимѣніемъ онаго, впадаютъ подъ часъ такой нужды своей въ партикулярные долги подъ обязательство, какое кредиторъ взять захочетъ, и тако лишаются имущества своего и приходятъ въ крайное разореніе, то сколь таково учрежденіе банка есть весьма полезное шляхетству и для казны государственной небезприбыточное приращеніе процента, тако всеподданнѣйше просить Ея Императорское Величество: да будетъ угодно учредить въ Малой Россіи казенной для шляхетства банкъ, отъ чего бы здѣшнее шляхетство ту пользу могло получать, какову имѣютъ протчіе Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные, и тѣмъ моглибъ подкрѣплять себя въ случае нуждъ отъ слѣдующаго имъ крайнаго разоренія.

11.

Отводъ квартиръ въ домахъ шляхетскихъ есть главнымъ основаніемъ ко приьеденію ихъ въ крайное изнуреніе и несостояніе къ

службѣ Ея Императорскаго Величества, отчего въ городѣ Переясловлѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайное опустѣніе: ибо сей городъ, будучи пограничнымъ, терпитъ непремѣнные постои, яко то генералитета, карабинерныхъ, инженерныхъ и артилерійскихъ и таможенныхъ командъ. А по указу блаженныя памяти Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, въ ... году состоявшомусь, таковые домы отъ постовъ исключены. Того для всеподданнѣйше просить матерняго отъ Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія на здѣшное пограничного города Переясловля шляхетство, угнетенное и приведенное прежними военными обращеніи и пожарными случаи къ немалой бѣдности, чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было домовъ ихъ въ постои не отводить.

V.

1767.

1) Прошеніе лубенскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Імператрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бьют челомъ малороссіиского Лубенского полку полковникъ Іванъ Петровъ сынъ Кулябка, земскіе урядники, Бунчуковые товарыщи, полъковая старшина, сотничеи, воисковые и зъначковые товарыщи и протчие оного полку чиновники и шляхетство; а въ чемъ наше прошение, тому слѣдуютъ пункты.

Ваше Імператорское Всепресвѣтлѣйшее Величество от 14 декабря 766 году всевысочаишимъ манифестомъ обнародовать соізволили, что выбранные съ высокославнои Вашего Величества Імперіи для сочинения проекта новаго Уложенія депутаты созываются нетолко для того, чтобъ выслушать от нихъ нужды і недостатки каждого мѣста,

но і допущены они быть имѣютъ въ комисию о сочинені упомянутого проекта. Таковое Вашего Імператорскаго Величества матернее милосердие есть руководствомъ того дерзновения, съ которымъ мы всеподданѣйшие Вашего Імператорскаго Величества раби, приемлемъ трудить Всевысочаишую Вашего Імператорскаго Величества особу въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ:

1.

По дѣламъ бывшои Генералной Воисковои канцелярні точніе о сочинении ревизиі о козакахъ, посполитыхъ и подсусѣдкахъ имѣются Указы, яко то первои імянной Высочайшеи за собственноручнымъ подписаниемъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Государыни Імператрицы Анны Іоанновны самодержицы Всероссіискои 1734 года августа 8 въ девятнадцати пунктахъ состоявшеися указъ, по 5 пункту велѣно ревизию в Малой Россіи двороваго числа козаковъ и посполитыхъ подсусѣтковъ в томъ годѣ учинить, чтоб обыватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены и одни пред другими неимѣли тягости, і въ пред по вси годы или чрезъ несколко лѣтъ таковую жъ ревизию сочинить, въ томъ поступить по здешнему состоянию, смотря по переходамъ здешнихъ жителей; вторый Правителствующаго Сената 1746 года марта 5 дня указъ, чтобы повелѣнные росписаниі на консистенты чинены изъ справедливымъ уравнениемъ по пропорціи имуществъ обывателскихъ и по числу хатъ.

2.

По тѣмъ и протчимъ указамъ въ Малой Россіи от давныхъ лѣтъ ревизиі писались по дворамъ и хатамъ и посполитые люди записываны по пропорциі имущества по дворамъ и хатам и раздѣлялись на пять статей, то есть мочно грунтовую, среднегрунтовую, малогрунтовую, нищетную и краинне нищетную; а подсуседки, ничего у себя грунтовъ неимѣющие, но на собственныхъ владѣлческихъ земляхъ жителствующие, особо конные, особо пѣшие записываны.

3.

А въ 752 году по унѣверсалу Господина Генералъ фелтмаршала и разныхъ ординов Кавалера Графа Кирилы Григорьевича

Разумовского, по бытности ево малороссіскимъ Гетманомъ состоявшему, подсусѣтки сверстаны с прямыми посполитыми, грунты и угодіи за собою імѣющими і на своихъ земляхъ и въ своихъ дворахъ и хатахъ жительствующіми, и тогожъ года и по ревизіі между таковыми жъ поставлены; такимъ образомъ тѣже подсусѣдки и по ревизіі 755 года записаны.

4.

От того года даже до 763 года переписи людѣи нашихъ не было и чрезъ все то время расположения на указные консистенты дѣлались по тои однои ревизіі съ чувствителною народною тяжестию.

5.

А въ томъ 763 году, по унѣверсалу вышепомянутого Господина Генералъ Фелтмаръшала и кавалѣра графа Разумовского, здѣлана перепись по дворамъ, хатамъ и по душамъ безстатѣино и безразлично подсусѣтковъ и посполитыхъ и в сию перепись вмещены наемники такии, которые вовсе ничего у себя не имѣютъ, а живутъ на всемъ хозяйскомъ содержаніи и с хозяями в однихъ дворахъ.

6.

За учреждением же в Малой Россіи коллегиі дѣлается по предложению Господина Генералъ аншефа, Малороссийского Генералъ Губернатора, коллегиі Малороссіиской президента, Украинского и малороссіискаго корпусовъ главнаго Командира и разныхъ ординовъ кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, в Малой Россіи еще отличная перепись, такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣса, луги, мелницы и протчия угоди и требуются показаниі, сколко хлѣба засѣвается и сколко на какомъ мѣсте сѣна укошивается и сколкожъ с мелницъ приходу въ год бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы і ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имения, неминуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковои переписи зъ самого того времени, когда малороссіскиі гетманъ Богданъ Хмелницкиі со всѣмъ воискомъ запорожскимъ и со всѣмъ народомъ Малороссіиским под всероссіискую державу поддался, в Ма-

лои Россіи небывало, и чтоб онои быть, на то нетъ і небывало высокомонаршихъ указовъ. А імѣются точние таковые указы, что здесь подушевнои переписи никогда не бываетъ, да і чтоб и нныне онои быть, на сие мы Імянного Вашего Імператорскаго Величества всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденным же всеми въ Бозѣ почивающими вашего Імператорскаго Величества предками нашихъ правъ и стародавных обычаевъ быть онои переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги статут по артикулу 15 розделу 3 установленно все привилегия стародавные земские і вновъ от насъ данные волности и обычаи добрые старинные сохранять и нивчемъ того не нарушат, а нового ничего неустановлят, а была бы надобность что новое прибавить к добру Речи посполитои, тогда сего не имѣем чинить ниже уставовъ какихъ либо делат, кромѣ за согласиемъ общимъ; нашего жъ согласия на обѣ обявленныя переписи небыло и к тому никого с нас несзывано, но без всего то приказано здѣлать.

7.

Къ доволствию определенныхъ на содеръжание Малороссіескихъ обывателей шести армейскихъ полковъ, Генералитѣта, главной полевои аптеки и глуховского гарнизонного полку дѣлались прежде сего в полковыхъ Канцеляриях въ присудъствиѣ владѣлцовъ іли ихъ повѣренных расположениі чинены по статьям в пропорцию каждого имѣния, дабы обыватели убогшие противъ можнѣишихъ обиды недознавали, а подсусѣтки выстачали на мцъ конные по четырѣ, а пешие по две копѣйки, а когда сверстаны подсусѣдки съ настоящими посполитыми, то и сиі тоже самое платить начали, что і настоящіе посполитие.

8.

Высочайшимъ Імяннымъ Блаженныя і вѣчнои славы достоиныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіиской въ 749 году состоявшимся указомъ между протчимъ повелѣно: на указные консистенты производить денгами по статскои ценѣ на одно наличество, но і затемъ указом неденежное, но натуралное производство провината і фуража от малороссіискихъ обы-

вателей произходило; въ бытность же в гетманскомъ достоинстве помянутого господина Генералъ фелтмаршала і кавалера графа Разумовского делались расположеніі на полныи комплетъ; чего въсего выносыло выше девяти десяти тысячъ рублей.

9.

Другои уже год слѣдуетъ, какъ по предложению Господина Генералъ аншефа і кавалера графа Румянцова вмѣсто натуралного производства указнымъ консистентам положено на здешнихъ обывателей посполитыхъ и козаковъ подпомощиковъ на каждую хату по одному рублю и двѣ копеики. Которои суммы выходитъ над надлежащую на указные конъсистентовъ сумму донесколко сотъ тысячей рублей. Сей оклад взыскуется по ревизиі 763 года, а какъ сия ревизия здѣлана, какъ вышепредписано, безъстатеино, то одного рубля платит мужикъ тот, которои имѣет у себѣ імущество от ста до пятисотъ рублей, і тот послѣднеи подсуседокъ, которои едвалъ імѣетъ у себя всего імѣния на шездесятъ копѣек; хотя же от малороссіскои Коллегиі и сложено на распоряжение владѣлцовъ, чтобы они на можнеишихъ мужиковъ болше, а на убогшихъ менше полагали, но понеже здесь многие имѣются такия владелцы, которые у себя имѣют по однои, по двѣ, по пяти, по десяти хатъ подсуседковъ, чего доказует сама та ревизия, по которои и рублѣвой оклад платится, і те все люди подсуседки все обще такие малоімущественныя, которые ничего у себя неімѣютъ, а питаются толко однимъ заработкомъ, то сиі справедливые притчины недопускают учинит объявленного уравнения, и тако самыя убогшия люди остаются в несноснои тяжести, а грунтовые прямые подданные наіпаче такии, коіхъ много в одномъ владѣниі, имѣютъ отличную выгодность, ибо естли положить десять конныхъ подсусѣдческихъ и столкоже подданническихъ хатъ, то по прежнему доводилось дачи въ мѣсяцъ от всехъ десяти хатъ сорокъ копѣекъ, а от подданническихъ от однои малогрунтовои хаты по шестидесять однои копеики три чети, а от протчихъ вышъшихъ статеи въ двое того болше.

10.

На обывателехъ Малороссіискихъ взыскиваются доімочные денги, подлѣжавшия въ отдачу указнымъ консистенътамъ съ 735 года, та-

ковые же денги нынѣ въ отдачу темъ консистенътамъ уже неподлежать, обыватели же те, на коихъ доімка завысить, многии со всемъ потомствомъ померли, а многие по свободности издревлѣ переходу безвѣстно посходили, доимки же взыскуються на наличныхъ людяхъ і на техъ, кто землѣю изшедшихъ посполитых владѣеть; тѣже земли по правамъ нашимъ принадлежатъ владѣлцамъ, которые такова платежа чинить за свое добро ни по какимъ законамъ необложены. К тому же малоросіиские посполитые обыватели промыслъ свои імѣють почитат с одного толко земледѣлства и скотоводства, в ннѣшнии же времена ежечастно в хлѣбе недород, а в рогатомъ скотѣ і лошадяхъ почитат безпрерывнои падежъ бываеть; о чемъ по малороссіиской Коллегиі съ входящихъ от полковыхъ канцелярей репортовъ виды імѣются. А упователно и правителствующему сенату небезъізвѣстно по симъ несчастнымъ случаямъ многии із здешнихъ обывателеи, а наипаче подсусѣтки (которые какъ выше явствуетъ болшою частию заробляя хлѣб питаются) пришли до такихъ краиностеи, что не точию доімки, но и настоящеи дачи оплачивать чемъ неимѣють і лишаются съ женами и детми и самыя дневныя пищи.

11.

Въ Грамотѣ Блаженныя і вѣчной славы достоиныя памяти Государя Імператора Петра Великаго Самодержца Всероссіискаго, 721 года Генваря 21 дня состоявшеися, повелѣно консистентовъ целыми ротами въ однихъ мѣстахъ неставить, а ставить, сколко гдѣ надлежитъ, толко неменше капралства; высочаишимже Імяннымъ блаженныя памяти Великия Государыни Імператрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссіискои указомъ, состоявшимся 742 году августа 18 дня, между протчимъ по 3 пункту повелено Генералитету, штапъ и оберъ афицеромъ, кои чрезъ Малую Россію и слободскии полки времянно проежаютъ іли винтеръ квартиръ іметь будуть, на квартиры свои уголля и дровъ от тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отвозу на дрова і на другия потребности безденежно отнюдь нетребовать и небрать, под опасениемъ военнаго суда, а доволствоватся каждому покупая; а ннѣ в городе Лубне определенъ на непременние квартеры ряскиі пехотнои полкъ и располагается зимнимъ временемъ

в самыхъ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстечкахъ ротами; да в сем же го(ро)дѣ імѣется государственная главная полевая аптека съ ея служители і главнои криксъ камисариатъ, куда немало приезжаетъ из разныхъ полковъ афицеров и с ними служивыхъ людеи, от чего великое последовало тамошнимъ обывателямъ от всегдашнего постою въ ихъ домахъ утѣснение; да тѣже обыватели консистующихъ штапъ і оберъ афицеровъ отопляютъ собственными своими дровами; здѣшние обиватели въ лѣсахъ скудости, а въ іныхъ мѣстахъ и совсемъ оныхъ нѣтъ и болшою частию обыватели для своего обхождения покупають дрова немалыми ценами с краинею тяжестию; а некоторые огрѣваются тростникомъ и соломою.

Природное Вашего Імператорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствитѣлно, что мы несумненно уповаем, что Ваше Імператорское Величество все выше донесенные наши нужды и отягощения принять соизволите, лицемъ во всемъ соотвѣтствующимъ премилосеръдному вашему сердцу.

І сего ради всеподданѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ вѣрныхъ подданныхъ своѣхъ высочаишею матернею милостию в слѣдующемъ: І, чинимую ныне с жилыхъ нашихъ дворовъ, імениі і людеи нашихъ перепись оставить, а повелѣть по прежнему обыкновению сочинять ревизию, какъ высочаишимъ указомъ, 734 года Августа 8 дня состоявшимся, повелѣно; 2, людеи здѣшнихъ от рублеваго окладу уволить, а повелеть неболше доволствоват указныхъ консистентовъ производствомъ натурою провианта и фуража на одно наличество, и гдѣ консистенты на винтеръ квартирахъ состояти имут, тамо чинить проізвождение натурою, а из другихъ мѣстъ собирать деньгами по статскои ценѣ; 3, людеи здешныхъ от платежа доімочныхъ денегъ уволить, а повелѣть оныя, яко никуда в одачу уже не подлежащие, отставить; 4, от непременного полку пехотнаго ряжского въ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстахъ квартирования уволит, да і отъ выстачения Генералитету, штапъ і оберъ афицерамъ дровъ здешныхъ обывателей уволнено б, а повелено б доволствоватся, какъ выше высокоупомянутымъ 742 года указомъ повелено, покупкою.

Сие высочаишѣе милосердие темъ боліе на высочаишую степень славы возвысится и доидетъ до самаго владѣющаго всею твариею Бога,

что въ ономъ імѣть будуть участие самые беднѣишие и безпомощнѣишие в свете люди; [1]) мы всѣ совокупленными серцами должность имѣемъ молить Всевышняго творца, да благословить Ваше Імператорское Величество тысящною Милостию своею въ нынѣшнемъ і в будущемъ вѣке.

Вашего императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества вѣрные подданные и всенижаишіе. раби:

Предводитель Бунчуковыи товарыщъ Яковъ Кулябка, Полковникъ лубенскиі Іванъ Кулябка, абшитованыи подкоморій Іванъ Александровичъ, абшитованыи подкомориі Іванъ Огроновичъ, судия земски повѣта Лубенского Іванъ Кулябка, повѣта роменскаго земскій судия Афонасеи Шкляревичъ, Бунчуковои товарыщъ Максим Жуковскіи, Бунчуковои товарыщъ Андреи Новицкиі, Бунчуковои товарыщъ Петръ Новицкиі, подсудокъ земскій повѣту лубенского Өедоръ Максимовичь, подсудокъ земски повѣта Роменского Стефанъ Лукьяновичь, Бунчуковыи товарыщъ камисаръ Яковъ Огроновичь, Бунчуковыи товарыщъ Григориі Огроновичь, полковыи судия лубенскиі Василь Стефановичь, полковыи Лубенскиі писарь Яковъ Корнѣевичь, асаулъ полковыи Родионъ Рвачевскиі, писарь земскиі повѣту Лубенского Өедор Булюбошъ, Асаулъ полковѣи Лубенскиі Якимъ Максимовичь, писарь земскиі повѣту Роменского Григореи Савицкиі, апшитованныи харужиі полковои Павелъ Огроновичь, полковои лубенскиі харужиі Михаило Булюбошъ, полковои абшитованнои харунжиі Өедор Хилчевскиі, сотникъ Костантиновскиі Стефанъ Полѣтика, сотникъ Горошинскиі Петро Сахновскиі, сотникъ Глинскиі Павелъ Свѣтъ, сотникъ сенчанскиі Тимофѣи Криштофовичь, сотникъ яблуновскиі Алексеи Черницкиі, сотникъ роменски Демьянъ Гайдукъ, сотникъ второлохвицкиі Василеи Лукашевичь, сотникъ снетинскиі Павелъ Кулябка, сотникъ Лукомскиі Іванъ Малкевскиі, сотникъ перво пирятинскои Максимъ Щербакъ, полковои лубенскои сотникъ Трофим Значко, сотникъ вторoи полковой лубенской сотни Михало Скаржинскиі, Воисковои товарыщъ Іванъ Ковалевскиі, Воисковои товарыщъ Иванъ Манжосъ, Воисковои товарыщъ Василь Magеровскиі, Воисковои товарыщъ Максимъ Значко, абшитованныи

[1]) Пропускъ въ подлинникѣ.

Воисковои товарыщъ Васил Зарудный, Воисковой товарыщъ Григореи Манжосъ, Воисковои товарыщъ Гаврило Ігнатовъ, Воисковои товарыщъ Петръ Воитенко, Воисковои товарыщъ Дмитриі Жуковскиі, Воисковои товарыщъ Яковъ Данковскиі, Воисковои товарыщъ Іванъ Гамалия, Воисковои товарыщъ Григореи Корсунъ, Воисковои товарыщъ Семенъ Слюзъ, Воисковои товарыщъ Григореи Зарудныи, Воисковои Канцеляристъ Петро Корсунъ, Воисковои товарыщъ Григореи Огроновичъ, Воисковой Канцеляристъ Семенъ Корнѣевичъ, Воисковои Канцеляристъ Іванъ Жуковскиі, Возни повету Лубенского Яковъ Назаровичъ, Атаманъ полковои лубенскиі Павелъ Корнѣевичъ, повѣта роменского возныи сотенныхъ роменскихъ Матвѣи Евфиміевъ, Значковий полку лубенского товарыщъ Григореи Іваненко, Значковы товарыщъ Стефанъ Засулскиі, Значковы полку лубенского товарыщъ Васил Манко, Значковыи полку Лубенского товарыщъ Иосифъ Полянка, Возной сотнѣ Чигрин-дубровскои Данило Григоровичъ Шепелявий, значковои товарыщъ Александръ Шишка, Значковои товарыщъ Павелъ Івахненко, Значковои товарыщъ Андреи Афанасиевъ, Значковои товарыщъ Омелянъ Сахненко, Значковои товарыщъ Михаило Полунѣи, значковои товарыщъ Ѳедоръ Жаданъ, генералной артилериі значковый товарыщъ Григореи Осецкіи, Генералнои артилериі товарыщъ Степан Кислай, а вместо его неграмотного подписался по прошению канцеляристъ Васил Ѳерѯелъ, Лубенского полку значковои товарыщъ Якимъ Селастеникъ, Значковои товарыщъ Ѳедоръ Матрозъ, а вместо єво неграмотного по его прозбы значковой товарыщъ Якимъ Селастенникъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Грыгореи Рѣпчанскои, Значковои полку Лубенского товарыщъ Іванъ Максимовичъ, Значковые товарыщи: Антонъ Коржевскій, Григори Рева, а вместо ихъ і за себя подписался значкови полку лубенского товарыщъ Ѳедоръ Цыганенко, умершаго Бунчуковаго товарыща Иосифа Гамалѣи сынъ Михайло Гамалѣя, Значковыи товарышъ Иванъ Шостакъ, Значковои полку Лубенского товарыщъ Павелъ Клюковъ, Значковы товарыщъ Павелъ Луговскиі, Значковыи товарыщъ Фома Тренбачъ, Значковыи товарыщъ Михаило Майборода, атаманъ Павелъ Самоиловскиі, Возныи сотникъ яблуновскиі Андреи Божько, Значковои това-

рыщъ Іванъ Запорожекиі. Значковои товарыщъ Іванъ Павловскиі, Канцеляристъ полковои Канцеляриі Петръ Свечка. Суда Земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ перволубенскои сотни Данило Номецъ, Атаманъ второи лубенскои сотни Григориі Онищенко, Асаул полковои Лубенскои Артилериі Улас Рублевскиі. Полковои Лубенскои Артилериі Хорунжиі Игнатъ Щока, полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда городского Лубенского Канцеляристъ Филипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцелярист Герасимъ Сидонекиі, Канцеляристъ полковои Лубенскои Канцеляриі Васил Gерgелъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Никифор Волчанскиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Петро Любнецкиі, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Степанъ Дорошенко, Полковои Лубенскои Канцеляриі Канцеляристъ Григореи Белашъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Петръ Gолецъ, Полковои Лубенскои Канцеляриі канцеляристъ Лаврентиі Васенко, Канцеляристъ полковои Лубенскои канцеляриі Иванъ Киричевскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Галичинъ, Гродского Лубенского суда Канцелистъ Іванъ Самуиловскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Афанасеи Савлукъ, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яков Тищенко, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Якимъ Матяй, Земского суда повета Роменского канцеляристъ Андреи Самохвалъ, асаул сотенныи перво лубенский Ефимиі Капуста, асаул второ лубенско сотни Андреи Циба, хоружиі сотениі роменскиі Яков Яковенко, городничиі полковаго Города Лубенъ Андреи Сидорскиі, писар сотни перво лубенскои Прокопъ Зайкевичъ, Значковои товарыщъ Іванъ Салимовски, а вместо его неграмотного по его прошению возниі сотни снетинскои Васил Мирецъ подписалея, атаманъ сотенниі Кондратъ Яновскиі, Значковы товарыщъ Евтихиі Величко, повѣта Лубенского сотни курѣнной возніи Алексѣи Самуиловичъ.

2) Прошеніе Румянцеву отъ лубенскаго шляхетства.

Сіятелнѣйшій Графъ Высокопревосходителній Г-нъ Генералъ Аншефъ, Малороссійской Губерніи Генералъ Губернаторъ, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главной Командиръ и разнихъ орденовъ Кавалеръ!

Милостивій Государъ!

Ввѣренное Вашему Высокографскому Сіятелству отъ Ея Императорскаго Величества Малой Россіи правленіе, что точно соотвѣтствуетъ обнадеживанію тому, которое въ Височайшемъ манифестѣ въ 15 день 1764 году при учрежденіи въ Малой Россіи Колегіи предписанно, что Ваше Сіятелство о ползѣ собственной Малороссійского народа будете къ Ея Величеству всегда добрій и надежній предстателъ, доказивается изъ недавно полученного нами отъ Вашего Сіятелства цѣркулярного листа, изъ коего ми съ радостію нашею видимъ учиненное Вашимъ Сіятелствомъ къ Ея Императорскому Величеству ѳ насъ увѣдомленіе и коимъ милостивое свое соизволили преподать намъ наставленіе, дабы при виборѣ въ силу Височайшого Ея Императорскаго Величества обнародованнаго манѣфеста съ приложенными пры ономъ обрядами Предводителя и Депутата въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія наблюдали мы то, что прямо къ благоденствію нашему простиратся можетъ. Ми, исполняя всеподданнѣише Ея Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе, приемля Вашего Высокографскаго Сіятелства совѣтъ искреннымъ и благодарнимъ нашимъ сердцемъ и слѣдуя притомъ собственнимъ своимъ позволенымъ ползамъ, вибрали отъ себя предводителемъ Бунчукового Товариша Якова Кулябку, а Депутатомъ Г-на Брегадира и Полковника Гадяцкого Крижановского, людей, по извѣданнимъ ихъ качествамъ къ сему дѣлу достойнихъ.

Давъ вибранному нашему Депутату паказъ и всенижайшія наши къ Ея Императорскому Величеству челобитныя съ прошеніемъ: 1-е, чтобъ Ея Императорское Величество соблагоизволила утвердить

стародавное наше право, названное статутъ Княженія Литовского, которое въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ Полской, привилегіею Короля Сигизмунда Августа 1569 году Іюня 6 д. между иними волностямы и преимуществами шляхтѣ и всему рицерству земли и княжества Кіевского надано, и кое по отторженіи народа Малороссійского съ подъ корони Полской и по благоприсоединеніи къ державѣ Россійской за утвержденіемъ оного права отъ всѣхъ Всероссійскихъ Государей какъ при Гетманѣ Богданѣ Хмелницкомъ, такъ и за всѣхъ по немъ бившихъ Гетмановъ, народъ Малороссійскій въ судахъ и росправахъ своихъ чрезъ стотринадцать лѣтъ донынѣ употребляетъ къ своему удоволству. 2-е, Волности и преимущества наши отъ Королей Полскихъ намъ наданые и отъ Всероссійскихъ Государей свято почившихъ предковъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше народу Малороссійскому отъ времени принятія оного подъ державу Россійскую за всѣхъ Гетмановъ множайшими указамы и особливими договорними статями утвержденные, чтобъ и Ея Императорское Величество всевисочайше подтвердили. По коимъ волностямъ дозволенобъ намъ вибрать по прежнему обикновенію волними голосами въ гродскіе, земскіе и воинскіе чина изъ между себя. 3-е, Позволенабъ купля козачыхъ грунтовъ, какъ козаки однимъ правомъ и однимижъ шляхетскими волностями ползуются, и что козаки у чиновниковъ грунтовъ покупаютъ, отъ чего и умаленія въ службѣ бить неможеть. Да и сходственно то будеть съ правами Малороссійскими. 4-е, Всемилостивѣйше указанобъ отъ Ея Императорскаго Величества сочинять въ Малой Россіи ревизію въ согласіе имянного указа 1734 году по годно или смотря по свободному переходу здешнихъ жителей по дворамъ и хатамъ и по имуществу; и чтобъ опредѣленнимъ къ безденежному Малой Россіи содержанію консистентамъ доволство производить въ натурѣ на одно наличное число людей и лошадей по указу, 1749 году Февраля 4 д. состоявшемуся. А рублевой на хати положенной окладъ (коего надъ прежде бившей зборъ нѣсколько сотъ тисячъ превосходить) снятобъ; равно и чинимую нынѣ въ Малой Россіи генералную перепись обоего пола душъ, недвижимого и движимого нашего имѣнія отставленобъ.

5-е, Всемилостивѣише уволненобъ здешнихъ жителей отъ непременного квартированія Пехотного Ряжского Полку. Сіи пункта почли ми самонужнѣйшими въ нашихъ нуждахъ; и какъ Ваше Высокографское Сіятелство здешнего краю повелителной шефъ, и предопредѣлени бить къ Ея Императорскому Величеству о благополучіи народа Малороссійского предстателемъ, то ми основательную имѣемъ причину всенижайше Вашего Высокографского Сіятелства просить въ дополненіе учиненного уже о насъ къ Ея Императорскому Величеству увѣдомленія ходатайственно представить отъ себя и нынѣ къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ сохранени били мы при прежнихъ нашихъ правахъ, волностяхъ и преимуществахъ и во всѣхъ више виряженныхъ нашихъ нуждахъ Височайшею Ея Императорскаго Величества милостію пожаловани. Въ чемъ ми прямое свое находимъ благоденствіе. Таково Вашего Сиятелства предстателство обяжетъ насъ къ безпримѣрной благодарности и тѣмъ имя Вашего Сіятелства прославлятимется отъ насъ и будущого по насъ рода найчувствителнѣйшими сердцами въ позднѣйшія вѣки. Вашего Высокографскаго Сіятелства Милостиваго Государя всенижайшіе слуги:

Полковникъ Лубенскій Иванъ Кулябка, Абшитованій Подкоморій Иванъ Александровичъ, Абшитованіи Подкомори Иванъ Огроновичъ, Судия земски повѣта Лубенского Иванъ Кулябка, Повѣта Роменского земскій судія Афанасій Шкларевичъ, Бунчуковій Товаришъ Максимъ Жуковскій, Бунчуковой Товаришъ Андрей Новицкій, Бунчуковой Товаришъ Петръ Новицкій, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Федоръ Максимовичъ, Подсудокъ земски повѣту Лубенского Стефанъ Лукяновичъ, Бунчуковій Товаришъ Григорій Огроновичъ, Бунчуковій Товаришъ Комисаръ земскій повѣту Лубенского Іаковъ Огроновичъ, Полковій судія Лубенскій Василь Стефановичъ, Полковій Лубенскій Писарь Іаковъ Корнѣевичъ, Асаулъ Полковій Радіонъ Дачевскій, Писарь земскій повѣту Лубенскаго Федоръ Булюбашъ, Асаулъ Полковій Лубенскій Іакимъ Максимовичъ, Писарь земскій повѣту Роменского Григорій Савицкій, Абшитованій Хоружій Полковій Павелъ Огроновичъ, Полковій Лубенскій Хоружій Михайло Булюбашъ, Абшитованій Полковій Хоружій Федоръ Хиль-

чевскій, Сотникъ Горошинскій Петро Сахновскій, Сотникъ Глинскій Павелъ Свѣтъ, Сотникъ Сенчанскій Тимофей Криштофовычъ, Сотникъ Роменскій Демянъ Гайдукъ, Сотникъ второ-Лохвицкой Василь Лукашевичъ, Сотникъ Снѣтинскій Павелъ Кулябка, Сотникъ Яблуновскій Алексѣй Черницкій, Сотникъ Лукомскій Іванъ Малкевскій, Сотникъ перво-Пирятинскій Максимъ Щербакъ, Полковой Лубенской Сотникъ Трофимъ Значко, Сотникъ второй Полковой Лубенской сотни Михайло Скаржинскій, Войсковій Товаришъ Григорій Корсунъ, Войсковій Товаришъ Іванъ Ковалевскій, Войсковій Товаришъ Іванъ Манжосъ, Войсковій Товаришъ Василь Магеровскій, Войсковій Товаришъ Максимъ Значко, Абшитованій Войсковій Товаришъ Василь Зарудній, Войсковій Товаришъ Григорій Манжосъ, Войсковій Товарищъ Гаврило Игнатовъ, Войсковій Товарищъ Петро Воитенко, Войсковій Товаришъ Іванъ Гамалѣй, Войсковій Товаришъ Димитрій Жуковскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Данковскій, Войсковій Товаришъ Григорій Зарудный, Войсковій Товаришъ Семенъ Слюзъ, Войсковій Товаришъ Григорій Ограновичъ, Войсковій канцеляристъ Иванъ Жуковскій, Войсковій канцеляристъ Семенъ Корнѣевичъ, Возній повѣту Лубенского Яковъ Назарскій, Атаманъ Полковій Лубенскій Павелъ Корнѣевичъ, Повѣту Роменского Возній сотенній Ромен. Матвѣй Евфиміевъ, Значковій Товаришъ Григорій Иваненко, Значковіи Товаришъ Стефанъ Засульскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Василь Манко, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іосифъ Полянка, Значковій Товаришъ Александръ Шишка, Значковій Товаришъ Павелъ Ивахненко, Значковій Товаришъ Омелянъ Іваненко, Значковій Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковій Товаришъ Федоръ Жаданъ, Генералной Артилеріи Значковіи Товаришъ Григорій Совецкій, Значковій Генеральной Артилеріи Товаришъ Степанъ Кисли а вмѣсто его неграмотно подписался по прошенію Канцеляристъ Василь Gергелъ, Лубенского Полку Значковій Товаришъ Якимъ Соластенникъ, Значковій Товаришъ Федоръ Матросъ а за его прозбу Якимъ Соластенникъ подписался, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Григорій Рѣпчанскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іванъ Максимовичъ, Значковие Товариши Антонъ

Коржевскій, Григорій Рева а вмѣсто ихъ и за себе подписался Значковій Полку Лубенского Товаришъ Федоръ Циганенко, Возній сотнѣ Чигиринъ дубровской Данило Григоровичъ Шепелявій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Павелъ Клюковъ, Значковіи Полку Лубенского Павелъ Луговскій, Значковій Товаришъ Фома Тренбачъ, Значковій Товарищъ Михайло Майборода, Значковій Товаришъ Іванъ Шостакъ, Значковій Товаришъ Іванъ Запорожскій, Возній сотнѣ Яблуновскій Андрей Божко, Канцеляристъ Полковой Канцеляріи Петръ Свѣчка, Суда земского повету Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзъ, Атаманъ Певро-Лубенской Сотнѣ Данило Нѣмецъ, Атаманъ второ-Лубенской Сотнѣ Григорій Онищенко, Асаулъ Полковой Лубенской Канцеляріи Уласъ Рублевски, Полковой Лубенской Артилеріи Хоружій Игнатъ Щочка, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда гродского Лубенского Канцеляристъ Герасимъ Сидорскій, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канцеляріи Павелъ Ґерґелъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Никифоръ Богдановъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляр. Петро Любнѣцкый, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцел. Степанъ Дорошенко, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Григорій Бѣлашъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Петро Голецъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Лаврентій Васенко, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канц. Іванъ Киричевскій, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Яковъ Галичинъ, Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Афанасій Савлукъ, Гродскаго Лубенскаго Суда Канц. Іванъ Самуйловскій, Гродского Лубенского Суда Канц. Якимъ Мамяшъ (?), Гродского Лубенского Суда Канц. Яковъ Тищенко, Земского Повету Роменскаго Суда Канц. Андрей Самохвалъ, Асаулъ Сотенній перво-Лубенской Ефимъ Капуста, Асаулъ второ-Лубенской Сотни Андрей Циба, Хоружій Сотеній Роменскій Іоанъ Яковенко, Городничій Полкового города Лубенъ Андрѣй Сидорскій, Писарь Сотни перво-Лубенской Прокопъ Задкевичъ.

VI.

1767.

1) Наказъ гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Наказъ выбранному отъ дворянства и шляхетства Малороссійскихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго, депутату, Господину Бунчуковому Товарищу, Василію Андреевичу Дунину-Борковскому.

Отъ 3-го дня Февраля сего 767 года, при Указѣ, коего копія прилагается, изъ Коллегіи Малороссійской помянутыхъ полковъ въ Полковыя Канцеляріи присланы Манифесты Ея Императорскаго Величества, Декабря 14-го 766 года состоявшіесь:

О учрежденной отъ Ея Императорскаго Величества для сочиненія проэкта новаго Уложенія при Сенатѣ Коммисіи; и онымъ Малороссійской Коллегіи Указомъ велѣно: во всѣхъ сотняхъ, селахъ, хуторахъ и деревняхъ, даже до послѣдняго жительства, тѣ Манифесты обнародовать, какъ объ ономъ въ Указѣ Губернаторамъ, по 1-му пункту, точно изображено; а впредь, что принадлежитъ ко исполненію по силѣ того Манифеста, объ ономъ, за прибытіемъ Его Сіятельства, Господина Генералъ Аншефа, Малороссійскаго Генералъ Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, который тогда обрѣталея въ Санктъ-Петербургѣ и оные Манифесты при предложеніи своемъ въ Коллегію прислалъ, учинено де будетъ должное распоряженіе.

Его же Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ, тогожъ Февраля отъ 26-го, изъ Глухова, при ордерѣ своемъ, прислалъ въ полковыя канцеляріи цыркулярные листы, надписанные: „Благодарнымъ Господамъ, шляхетству и рыцарству, въ повѣтахъ вышеозначенныхъ полковъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, гражданству и земству", и въ тѣхъ листахъ созывалъ ихъ къ 15 числу Марта въ городъ Полтаву, к достиженію лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ

успѣховъ, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ оному шляхетству, рыцарству, гражданству и земству, мнѣніе свое подавалъ, чтобъ они всѣ приняли съ радостію сей подаваемый имъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, выраженнаго въ томъ цыркулярномъ листѣ (коею копія здѣсь прилагается), и избирали бы между собою Предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли. И яко въ особливомъ Его жъ Сіятельства ордерѣ, съ приложеніемъ росписанія, гдѣ для предпомянутого выбора назначены мѣста и сроки отъ 26-го Февраля сего года, въ полковыя Канцеляріи присланнымъ, между инымъ показано: что, во исполненіе Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества Имянного Указа, Декабря 14-го 766 года состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, и публикованнаго Манифеста, съ приложеніями о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія Проэкта Новаго Уложенія, назначены отъ Его Сіятельства къ собранію для выбора тѣхъ депутатовъ сроки, по показанному росписанію, и для приведенія въ исполненіе всего, предписаннаго по оному всевысочайшему Указу, въ повѣтахъ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Остаповскомъ и Гадяцкомъ Господинъ Генеральный Обозный и Кавалеръ Кочубей опредѣленъ.

Для того живущее въ тѣхъ повѣтахъ дворянство и шляхетство на назначенное въ цыркулярныхъ листахъ число въ городъ Полтаву съѣхались и, за выборомъ предводителя, въ 21-й день Марта сего 767 года, учиня по формѣ въ обрядѣ, что подъ буквою В напечатано, и присягу, выбрали отъ всего означенныхъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородского полковъ дворянства и шляхетства депутатомъ васъ.

А понеже народъ Малороссійскій, въ числѣ котораго и помянаемыхъ полковъ дворянство и шляхетство, находится на особливыхъ правахъ, обыкновеніяхъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, въ силу подтвержденныхъ себѣ отъ Всепресвѣтлѣйшихъ предковъ Ея Императорскаго Величества, Монарховъ Всероссійскихъ, высочайшихъ Грамотъ и Имянныхъ всемилостивѣйшихъ Указовъ, какъ то и Ея

Императорское Величество, нынѣ всещастливѣйше царствующая Монархиня, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, тѣже права и вольности Имянными своими Всевысочайшими Указами подтвердить всемилостивѣйше благоизволила, а именно: 1-е) 1763 года Апрѣля 19-го, по докладу бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Разумовскаго, съ прошеніемъ Генеральнымъ Старшинамъ, Полковникамъ и прочимъ чинамъ Малороссійскимъ классовъ противъ чиновъ Великороссійскихъ, Ея Императорское Величество, желая сей благоприсоединенный народъ въ Имперіи Ея Величества нетокмо сохранить при ихъ правахъ и вольностяхъ, съ которыми они подъ державу предковъ Ея Величества, въ бозѣпочивающихъ, пришли, но, взирая на его всеподданическую вѣрность и усердіе, вящше оной къ службѣ Ея Величества ободрить, Всемилостивѣйше собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянства, повелѣли помянутый докладъ разсмотрѣть; 2-е) 1753 года Маія въ 10-й день, на подданномъ отъ Всероссійскаго Сената о подкоморихъ докладѣ собственною своею матернею, высокодержавнѣйшею рукою изобразили: опредѣлить настоящихъ подкоморихъ и поступать по силѣ правъ Малороссійскихъ; 3-е) тогожъ года Декабря 10-го числа, признавая правъ и вольностей Малороссійскаго народа отъ предковъ Ея Императорскаго Величества учиненное подтвержденіе, Ея жъ Священнѣйшее Величество Имяннымъ своимъ о Посполитомъ Малороссійскомъ народѣ Указомъ оному посполитому народу свободный съ мѣста на мѣсто переходъ дозволить благоизволили, во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ Малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ; якоже тотъ статутъ Малороссійскому народу въ 1569 году Іюня 6-го привилегіею, коего копія прилагается, надданъ и отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Государей, Монарховъ Всероссійскихъ, какъ выше значить, подтвержденъ,

Того ради живущіе въ повѣтахъ полковъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго Малороссійское шляхетство чрезъ васъ всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край Малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся

дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ, примѣромъ того, какъ гласитъ въ Генеральномъ Регламентѣ 27-я глава.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста объ ономъ Уложеніи, Декабря въ 24-й день 766 года состоявшагось, здѣшнее шляхетство видя, что Ея Императорскаго Величества первое желаніе есть видѣть народъ Ея столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться, и что Ея Величество онымъ Манифестомъ созываетъ депутатовъ для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, особливо же здѣшнее шляхетство имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Ноября въ 10-й день 764 года о учрежденіи Коллегіи Малороссійской состоявшимся, обрадовано будучи, что Ея Императорское Величество, по своему матернему къ народу Малороссійскому призрѣнію и покровительству, имѣетъ на сердцѣ возводить благополучіе Малороссійскаго народа на такую степень, въ который бы онъ вящше позналъ къ себѣ Ея Императорскаго Величества матернюю Милость, несумѣнно уповаетъ, что Ея Императорское Величество, по такому безпримѣрному Ея къ подданнымъ милосердію, неточію оставитъ Малороссійскій народъ,—а въ числѣ онаго и здѣшнее шляхетство,—при прежнихъ ихъ правахъ, вольностяхъ, привилегіяхъ и обыкновеніяхъ, но и нужды наши, въ прошеніяхъ показанныя, милостиво выслушаетъ, и матернымъ своимъ покровительствомъ снабдить оныя соблагоизволитъ. Для сего оныя прошенія къ предоставленію куда надлежитъ и съ оныхъ, для вѣдѣнія вашего, точныя копіи у сего прилагаются.

Отъ васъ же, яко надежнаго депутата объявленныхъ полковъ, шляхетство ожидать будетъ, что вы, поелику патріотъ нашъ, не оставите о успѣхи вышеписанныхъ прошеній нашихъ приложить вашего прилежнаго старанія.—1767 года Марта 28 дня. На копіи тако.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Ѳедоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованько, Судья земскій Григоріи Базилевскій, Сотныкъ Василь Жученко, Подсудокъ

Яковъ Зарудный, Бунчуковый Товарыщъ Тимоѳей Левенецъ, Писарь Земскій Андрей Устымовичъ, Возный Семенъ Пилипенко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Литвиненко, Бунчуковый Товарищъ Ѳедоръ Заньковскій, Сотникъ Иванъ Кодинецъ, Войсковый товарищъ Василь Могилянскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Бунчуковый Товарищъ Семенъ Милорадовичъ, Брегадиръ и Гадяцкій Полковникъ Антонъ Крижановскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Подкоморый повѣту Остаповскаго Андрей Остроградскій, Коморникъ тогожъ повѣту Власъ Медвѣдецъ, возный сотни Богацкой Захарій Шкурка, Значковый Товарищъ Иванъ Павельковъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Василь Ковалевскій, Повѣту Гадяцкаго земскій писарь Иванъ Ставицкій, Первый Асаулъ полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Асаулъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ставицкій, Сотникъ Ковалювскій Данило Лесевичъ, Сотникъ Вепринскій Прокопій Масюковъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Иванъ Манько, Сотникъ Зеньковскій Иванъ Бутовичъ, Сотникъ Зеньковскій Лукъянъ Бутовичъ, Сотникъ полковый Гадяцкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Куземынскій Иванъ Трипольскій, Сотникъ Зеньковскій Ѳедоръ Жадько, Сотникъ Ковалювскій Петро Киріяковъ, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Сотникъ Рашевскіи Павло Зеленскій, Войсковый Товарищъ Назаръ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Степанъ Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Романъ Пащенковъ, Войсковый Товарищъ Михайло Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Юріи Богаевскій, Войсковый Товарищъ Тимофей Пащенко, Войсковый Товарищъ Семенъ Болянскій, Значковый Товарищъ Иванъ Тымченко, Значковый Товарищъ Григорій Кирыченко, Значковый Товарищъ Иванъ Пащенко, Значковый Товарищъ Романъ Холодовскій, Атаманъ Сотенный Кузомынскій Остапъ Редька, Атаманъ сотенный Третоопошанской сотни Яковъ Навроцкій, Гадяцкаго полку Старшый Полковой Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Полковый Миргородскій писарь Иванъ Чарнышъ, Полковый Миргородскій Хорунжій Левъ Данилевскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Куцевичъ, Сотни Остаповской возный Алексѣй Романскій, Значковый Товарищъ Иванъ

Чернякъ, Значковый Товарищъ Климъ Овращенко, Обозный полковый Өедоръ Московъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Воливачъ, Значковый Товарищъ Степанъ Чернякъ, Подсудокъ Земскій повѣту Зеньковскаго Иванъ Ставецкій, Сотникъ Потоцкій Илья Шутенко, Войсковый Канцеляристъ Корней Степановичъ, Сотни Ересковской возный Іосифъ Скиба, Войсковый Товарищъ Лука Гершунъ, Значковый Товарищъ Иванъ Глоба, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Обозный полковый Миргородскій Іеремей Родзянка, Значковый Товарищъ Петро Цурка, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Сотникъ Старосанжаровскій Ивань Зеньковскій, Атаманъ Сотенный Устивицкій Андрей Марченко, Войсковый Товарищъ Андрей Трощинскій, Значковый Товарищъ Михайло Роменскій, Атаманъ сотенный Ересковскій Өедоръ Певинскій, Значковый Товарищъ Данило Тымченко, Значковый Товарищъ Михайло Вечарка, Войсковый Товарищъ Яковъ Соколовскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Геевскій, Войсковый Товарищъ Кирилъ Демяновичъ, Сотникъ Ересковскій Аөанасій Потапенко, Возный сотни Хоролской Исидоръ Вышнювскій, Значковый Товарищъ Алексѣй Боровыковскій, Капитанъ Демянъ Молдавцовъ, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Возный второкомышанскій Иванъ Трояновскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Кирыловъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Бунчуковый Товарищъ Димитрій Бѣлуха, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Войсковый Товарищъ Петръ Бѣлуха, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Андрей Богдановичъ, Войсковый Товарищъ и войтъ Магистрата Полтавскаго Петръ Чарнышовъ, Войсковый Товарищъ Данило Терентенко, Значковый Товарищъ Матвѣй Кованька, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Значковый Товарищъ Пантелемонъ Приказный, Войсковый Товарищъ Иванъ Яковенко, Войсковый Товарищъ Павелъ Яковенко, Повѣтовый Гадяцкій возный Наумъ Марковичъ, Сотни второй Полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Значковый Товарищъ Петръ Рубановъ, Возный Опошанскій Тыхоній Дехтенко, Войсковый Товарищъ

Θедоръ Левенецъ, Атаманъ Городовый Никифоръ Леонтіевъ Черепаха, Войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Великобудискій Емеліянъ Петрашевичъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко. Сверхъ вышеподписавшыхся живущіе въ Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ помѣщики Грузинскіе Князья и дворяне подали Предводителю доношеніе, что они всему тому, что отъ прочаго шляхетства написано будетъ, согласны и подписались: Секундъ-Маіоръ Герасимъ Чиквойдзевъ, Капитанъ Яковъ Ныніевъ, Капитанъ Матфій Канчіеловъ, Капитанъ Яковъ Одшилизевъ, Порутчикъ Князь Давидъ Гурамовъ, Порутчикъ Князь Павелъ Сологовъ, Вахмистръ Николай Тухареловъ, Порутчикъ Егорь Табататзевъ, Вахмистръ Макаръ Кафаровъ.

По листамъ подписалъ Предводитель Судья Земскій Θедоръ Война.

2) Прошеніе гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ Малороссійскихъ полковъ: Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородского шляхетство; а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Ваше Императорское Величество Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, отпущеннымъ въ собраніе Совѣта, о вольности дворянской всемилостивѣише повелѣть соизволили: поданной отъ бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Кирила Григоріевича Разумовскаго, докладъ о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійскими разсмотрѣть и представить Вашему Императорскому Величеству уравненіе таковое, которое бы согласовало достоинству Великороссійскихъ регулярныхъ съ чинами Малороссійскими; но потому рѣшенія доселѣ

невоспослѣдовало. Мы же нижайшіе, будучи всегда презираемы и упослѣждаемы во всякихъ случающихся коммиссіяхъ и нарядахъ, отъ Великороссійскихъ чиновъ узнаемъ обиду. Сего ради всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ: всѣ Малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины, по здѣшнимъ обыкновеніямъ выбираемые и опредѣляемые, уравнить классами противъ Великороссійскихъ воинскихъ же и штатскихъ чиновъ, чтобъ Малороссійскіе чиновники, служа Вашему Императорскому Величеству вмѣстѣ съ Великороссійскими, могли пользоватся и онымъ съ ними уравненіемъ и презираемы быть немогли.

2.

Пребывающіе въ Малой Россіи шляхта имѣютъ привилегіи, права и вольности шляхетскіе, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, а по подданствѣ своемъ съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую Державу, Блаженныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича и всѣхъ Всероссійскихъ Государей, предковъ Вашего Императорскаго Величества, генерально всѣмъ утвержденные, и оными привилегіями, правами и вольностями своими, по милости Вашего Императорскаго Величества и въ Бозѣ почивающихъ высокихъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, пользуются. Что же касается въ особенности каждаго, у многихъ имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой-Россіи междоусобныя брани и многочисленныя отъ Турковъ, Татаръ и Поляковъ войны, нападенія и послѣдовавшія городамъ, селамъ и деревнямъ огнемъ и мечемъ непріятельскія разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многія года въ плѣну, переименованы, и нынѣ едваль у кого, а болѣе того древнихъ, а притомъ въ нищету пришедшихъ, фамилій, сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства. А извѣстны большая часть шляхты въ Малой Россіи по своей природѣ тѣмъ только, что имѣютъ: 1-е, жалован-

ныя и отъ Гетмановъ надданныя деревни, мельницы и прочія угодья, ибо по правамъ и привилегіямъ наддача таковыхъ имѣній узаконена и принадлежитъ однимъ природнымъ и заслуженнымъ шляхтѣ; 2-е, воинскіе, земскіе и гражданскіе чины, которые такожъ по привилегіямъ и правамъ выбираются въ тѣ достоинства съ знатнаго шляхетства, къ одному шляхетству принадлежатъ; 3-е, прежнихъ чиновныхъ людей дѣти, потомужъ праву, каково для дѣйствительныхъ чиновниковъ изображено; 4-е, имѣющіе дипломы и вновь набилетованные; но, сходящими вѣки, и сему нынѣ извѣстному шляхетству послѣдуетъ забвеніе, за неимѣніемъ въ Малой Россіи шляхетства герольдіи или порядочныхъ книгъ. Всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣть въ Малой Россіи, для незабвенныя памяти будущимъ вѣкамъ, сочинить герольдію Малороссійскому шляхетству, въ которую вписать вышеписанное, извѣстное по привилегіямъ и правамъ въ Малой Россіи шляхетство, и какъ оное Малороссійское шляхетство по своимъ привилегіямъ, будучи въ соединеніи съ Польшею, щиталось съ Польскимъ коронннымъ шляхетствомъ вовсемъ наравнѣ въ честяхъ и преимуществахъ и съ тѣми жъ всѣми преимуществами приняты подъ всероссійскую Вашего Императорскаго Величества державу, то всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, указать Малороссійское шляхетство допустить въ Шляхетскій Кадетскій корпусъ и во всѣ для дворянства въ Россіи учрежденныя науки и достоинства.

Всемилостивѣйшая Государиня просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ всенижайшемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе. 1767 года Марта 28 д.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Полтавскаго полку Өедоръ Левенецъ, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый товарищъ Өедоръ Занковскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Судья Земскій Григорій Базилевскій, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Тимоөей Левенецъ, Обозный Полковый Миргородскій Еремій Родзянка, Полковый Судья Григорій Сахновскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованка, Войсковый

Товарищъ Василь Пошлянскій, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Өедоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Асаулъ первый полковый Гадяцкій Михайло Навроцкій, Сотникъ Василь Жученко, Полковый писарь Иванъ Чарнишъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Войсковый Товарищъ Юрій Богаевскій, Сотни второй полковой Гадяцкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Повѣтовый Гадяцкій Возный Наумъ Марковичъ, войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Емеліянъ Петрашевичъ, Обозный полковый Гадяцкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Гадяцкій Василь Ковалевскій, Асаулъ полковый Гадяцкій Өедоръ Ставецкій, Сотникъ полковый Гадяцкій Өедоръ Ситенскій, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Старшій полковый Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Писарь Земскій Иванъ Ставицкій, Подсудокъ Яковъ Зарудній, Значковый Товарищъ Иванъ Павелковъ, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Писарь Земскій Андрей Устимовичъ, Сотникъ Второсанжаровскій Иванъ Занковскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, во окончаніи подписалъ Предводитель.

II.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

VII.

1767.

Наказъ жителей города Глухова.

Наказъ выбранному по силѣ высочайшого Ея Императорскаго Величества манѣфеста, декабря 14 1766 году состоявшогось, отъ гражданъ города Глухова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесла имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному Господину Генеральному Асаулѣ Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Во исполненіе всевысочайшаго милостивѣйшого Ея Императорскаго Величества 1766 году Декабря 14 дня состоявшагось и въ народе публѣкованного манѣфеста въ коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія, граждане въ Глухове жителствующіе избрали васъ въ ту коммиссію Депутатомъ, надѣясь, что вы въ семъ дѣлѣ. какое вамъ отъ общества повѣрятся, не оставите усердствоватъ государственной и общей согражданъ вашихъ ползѣ и по возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе. А какъ онымъ манѣфестомъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ принесть прозбы въ общихъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оные ни состоялы, то мы, повинуясь высочашей волѣ Ея Императорского Величества и возлагая всю нашу надежду на

Ея матернее къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ милосердіе, описавъ всѣ тѣ отягощенія, нужды и недостатки, которые сей городъ имѣлъ и имѣетъ, ко отвращенію того и къ достиженію желаемого во всемъ отъ Ея Императорскаго Величества благоустроенія и къ возведенію по мудрому Ея Величества узаконенію на степень такого щастія, въ которомъ бы здешніе сограждане видѣть себе могли благополучнѣйшимы, вручаемъ вамъ о той гражданской нашей общей нуждe и къ Ея Императорскому Величеству челобытную, намы подписанную, и даемъ полномочіе и довѣренность представить все то, что въ семъ наказѣ обяснено.

1.

Городъ Глуховъ, отъ давнихъ лѣтъ резиденція есть главного Малой Россіи правленія. Мѣщане сего города чрезъ сіе паче во оскудѣніе пришли, что въ семъ городе сперва дважды отъ 724 году немалой былъ пожаръ, въ коемъ здешніе жилци почти всѣ всего имѣнія своего лишились; потомъ егда въ третой разъ 748 году нечаянной и силной последовалъ пожаръ (въ которомъ нетокмо домы, лавки и протчое погорело, но и церкви Божіе инные згорели жъ, другіе каменные отъ огня чрезъ великую порчъ и не состояніе пришлы), то съ того времяни по такимъ несчаснымъ случаямъ, и что несколько лѣтъ сряду недородъ хлѣба продолжался и отъ того такъ же отъ пояденія саранчею цены хлѣбу высокіе были, лишасъ граждане имущества своего, домовъ, лавокъ и протчого, въ крайнемъ разореніи остались, и въ семъ городе Глухове мѣщанъ нынѣ уже остается немногочисленно, да и тѣ за неимѣніемъ надъ собою урядниковъ настоящихъ, Войта съ потрѣбными ему товарищами, будучи управляеми однымъ сотеннымъ правленіемъ, терпятъ краинюю нужду, потому что въ безочередныхъ и во всегдашнихъ находятся они употребленіяхъ въ подводы, въ разные беззаплатные работы, словомъ сказать, кудабъ только кемъ кто зъ мѣщанъ и подгородныхъ людей ни востребованъ, туда и посылаемы бываютъ; а найпаче зъ художниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, гончарей и протчихъ цеховыхъ повсюду почты безперерывно наря-

жаютъ и высылаютъ, и до такого последнего пункта непорядку приведено, что несколько надцять годъ нетолько Войта ниже Бурмистровъ при такомъ городе, где и главняя резиденція, по се время неимѣлось; что все видя мѣщане принуждены нѣкоторые съ ныхъ художники, убѣгая и защищая себе отъ такихъ неочередныхъ излишнихъ работъ, отдатись въ протекцію разныхъ господъ, гдѣ и живутъ за ними, владѣя пры томъ гражданскими домамы и пользуясь тѣмъ же рукодѣліемъ, чемъ и при цеху самоскудные остальные художники себе содержатъ; лучшіежъ съ мещанъ уписались въ козаки, отъ чего всего въ цехахъ и зделался крайній безпорядокъ, и остальнымъ мѣщанамъ въ дачѣ подводъ и въ нарядѣ куда потребуютъ людей видимое настоитъ отягощеніе. И понеже сей выдимой безпорядокъ настоить точно по причинѣ неимѣнія здесь магистрата, по примѣру тому какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются оные и соблюдается въ ныхъ настоящій всегда порядокъ, для того мы сограждане города Глухова в разсужденіи сего, дабы оные усмотрѣнные и довольно дознанные непорядки прекращены, а мѣщане приведены въ лучшое (примѣрное другимъ упривиліовенныхъ мѣстъ жителей) состояніе, и моглибъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что имъ по гражданскому праву принадлежитъ, за необходимость почли чрезъ васъ, яко уполномоченного намы, всенижайше отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшой нашей Государынѣ просить всевысочайшого Ея Величества благоволенія и указа, о учрежденіи въ городѣ Глуховѣ Магистрата, яко при такомъ мѣстѣ, гдѣ и главная Малороссійская состоить резиденція; а учредить оной на такомъ основаніи и при такихъ гражданскихъ правахъ и вольностяхъ, какъ есть въ привиліованномъ городе Нѣжинѣ, или какъ по всемудрому Ея Величества благоусмотрѣнію узаконено будетъ. А и къ содержанію оного Магистрата (буды за чемъ не можно возвратить тѣхъ селъ и деревень, которые будучи ратушными отойшли по Гетманскимъ надачамъ въ разные владѣнія) опредѣлить новостроючуюсь при Глухове казеннымъ коштомъ мельницу по получеіи съ ней въ возвратъ суммы, на ее издержуемой, и дворъ, казеннымъ коштомъ за городомъ по Рыльской дорогѣ вистроенный. А урядникамъ опредѣлить жало-

ванье по высочайшому благоусмотрѣнію, и во всемъ надобномъ сей магистратъ снабдить къ порядочному его на всегдашное время бытію. А техъ художниковъ, которые кемъ изъ мѣщанъ и посполитства въ протекцѣю приняты, повелено бы въ цехи возвратить и впредъ не принимать; и сотенному правленію, ни инымъ ниже къ достальнымъ мѣщанамъ и подгороднымъ ни въ чемъ дѣла неимоть.

2.

Сей же городъ Глуховъ не при такомъ есть мѣстѣ, гдѣбъ мѣщанству можно другой какой кроме нижеписанного принять промыселъ, ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ниже другихъ какихъ заводовъ къ препитанію и снабдѣнію своему не имеютъ, а токмо перепродывая въ лавкахъ разнымъ товаромъ, такъже солью, рыбою и другими дробязками въ рознь, въ локтѣ и фунты, и, тѣмъ себе питая, указно опредѣленное вистатчалы. Когдажъ подъ вышеписанное нещасное ихъ отъ огня и недороду хлеба время, наѣхавъ изъ другихъ городовъ купцы, въ томъ числѣ и раскольники, и иные нанявъ, другіе, въ отмѣнность законовъ, искупивъ въ Глухове домы и лавки, какъ большими такъ и меньшими, однымъ словомъ, всѣма и всякими товарами учали торговать и торгуютъ (скупляя и перепродывая) въ рознь, а не обтомъ, надъ имѣючись о семъ высочайшіе Ея Императорскаго Величества 1755 году декабря 6 и 759 году октября 6 дня состоявшіесь указы, и въ той купле и въ продаже, какую хотятъ цену, такову отъ себе, по неимѣнію здѣсь въ томъ должного присмотру, и установляютъ. А сверхъ того не только оныежъ съ посторонныхъ мѣстъ пріезжіе купцы, но и отставные проживаютъ въ Глухове въ своихъ и въ наемныхъ дворахъ офицеры и рядовые, нѣкотррыежъ и служивіе при баталіони надъ законы шинкуютъ огоячимъ, простымъ и двойнымъ выномъ и другими напитками, то здешніе сограждане и того прежнего промислу своего вовся лишились и въ такомъ предъ оными посторонними заѣзжими иногородцами упослѣждени остались, что ни мѣста, ни свободы какой къ продаже по своей волѣ отнюдъ не имѣютъ. Того ради всеподданнѣише просить, чтобъ въ силу законовъ Ея Императорскаго Вели-

чества, запрещено было онымъ всѣмъ, и иногородцамъ и отставнымъ, въ рознь продавать и ни въ какіе промыслы до гражданства принадлежащіе надъ оные законы не вступать.

3.

На городе Глухове почитается и взыскивается нынѣ за разные года неотданной отъ мѣщанъ по расположеніямъ на указно полагаемыхъ консистентовъ доимки до дву тысячъ рублей, которая не почему больше запущена, какъ токмо по причинѣ обивательской бѣдности, которую они имѣли и имѣютъ съ предписанныхъ обстоятельствъ, что отъ пожара разорены, не меньшежъ отъ недороду и дороговизны хлеба въ нищету пришли и при томъ и промисловъ своихъ лишились; тажъ взыскуемая доимка теперъ никуда нужно къ отдачѣ не требуется, ибо указные консистенты должное себѣ по тогдашнему произвожденію наличество дѣйствительно получили, а опредѣленной на насъ рублевой окладъ по кварталамъ платится исправно. И дабы мѣщане Глуховскіе при такомъ взысканіи съ ныхъ за давно прошедшіе года доимки при нынѣшной скудости немогли прійтить и до послѣднѣйшаго разоренія, когда бо уже людей тѣхъ, съ кого оная доимка доводилась, за много прошедшимъ временемъ нестало, то есть: инные змерли, а другіе безвесно сойшлы, то слѣдуетъ тое съ наличныхъ доправить, наличныежъ по скудости и къ платежу въ совершенномъ находятся несостояніи. Сего ради всеподданнѣйше просить отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣшаго благопризрѣнія объ отстановленіи таковой давнихъ годовъ доимки безъ взысканія.

4.

Во время ярмонковъ и торговъ, въ такихъ случаяхъ когда кто изъ пріезжихъ иногородцовъ и изъ живущихъ тутъ великороссійскихъ купцовъ изъ здешними гражданами съ соръ какую и драку здѣлаютъ и дойдетъ драка до камендатской канцеляріи, та камендатская канцелярія забираетъ Малороссіянъ и тамо роспросы производитъ между имы. А какъ таковы дѣла по гражданству точно слѣдуютъ до разбора Магистратского, а не до камендатской канце-

ляріи, для того просить всеподданнѣйше, дабы ни въ какіе суды и росправы (что къ Малороссіянамъ принадлежитъ) камендатская канцелярія не вступала; но какъ въ ярмонки и торги, такъ и всегда во всякихъ случаяхъ судимыбъ были здешніе мѣщане и подгородніе люде правомъ гражданскимъ.

5.

По другимъ городамъ, гдѣ суть Магистраты, имеются полиціи и при нихъ полицмейстры, чрезъ которыхъ прилѣжное и всегдашное смотреніе, какъ въ городѣ и по за городомъ чистота наблюдается, такъ и отъ пожарныхъ случаевъ содержится предосторожность; подражая сему доброму порядку сограждане Глуховскіе, желая такова же учрежденія и здесь, просятъ чрезъ Васъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣишаго на то соизволенія и указа о устроеніи въ Глухове полицѣи съ опредѣленіемъ чиновъ на казенномъ жалованьи, откуду повелено будетъ.

И тако мы вѣрные и послѣдніе рабы Ея Императорскаго Величества въ несумнѣнномъ находимся уповаіи, что по матерному Ея Величества милосердію въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи, при предстательствѣ за намы милостиваго шефа нашего, Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и кавалера Графа Петра Александровича Румянцова, яко мудрого обновителя сего города, утверждены будемъ отъ Ея Императорскаго Величества таковыми законами, которіе въ будущіе веки заставлять потомковъ нашыхъ прославлять высокое имя и неописанніе ко всѣмъ матерніе щедроты Ея Императорскаго Величества. На подлѣнномъ подписано тако:

Выбранный отъ города Глухова Голова, Судія Земскій повѣту Глуховского Сергій Дергунъ. А которыхъ именно подпись значитъ на наказѣ, тѣ зде означены: Бунчуковый Товарышъ Дамянъ Оболенскій, Козакъ Юрій Даниловъ, Войсковій Канцеляристъ Семенъ Евсѣевъ, Бурмистръ Глуховскій Федоръ Ревуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Александъ Григоровичъ, Войсковій Товарышъ Якимъ Нандза, Войсковій Товарышъ Петръ Герасимовъ, Атаманъ Глухов-

скій Александръ Славскій, Войсковій Канцеляристъ Андрей Дергунъ, Генеральной Войсковой Артилеріи Асаулъ Григорій Кологривій, Старшіи Войсковій Канцелярыстъ Антонъ Жайворонковъ, Старшіи Войсковій Канцеляристь Александръ Давидовичъ, въ должности секретаря канцеляристъ Дмитрей Карпѣка, Сотникъ Глуховскій Семенъ Уманецъ, въ должности Секретаря Канцеляристъ Андрей Марковскіи, Адвокатъ Климентъ Валковскій, въ должности Секретаря Канцеляристъ войсковій Григорій Красняковскій, Нотаріусъ Николай Вербицкій, Адвокатъ Захарій Котляревскій, Войсковій Канцелярыстъ Никифоръ Винда, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Уманецъ, Полку Нѣжинского Значковый Товаришъ Андрей Войцехъ, Подпоручикъ Марко Козловскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Олдаховскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Чарнуцкій, Войсковій Канцелярыстъ Федоръ Григоровскій, Абшитованный певчій Лукянъ Павловъ, Мѣщанынъ Глуховскій Григорій Хмельникъ, Мѣщанынъ Глуховскій Демянъ Горковскій, Мѣщанынъ Иванъ Наметникъ, вмѣсто мѣщанъ Глуховскихъ: Федора Отрощенка, Кондрата Петрова и Якова Демченка, неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Войсковій Канцеляристъ Лука Велентѣй подписался. Цехмистри: кравецкій Иванъ Бѣльскій, калачницкій Степанъ Макуха, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Чарнуцкій подписался. Цехмистри: шевскій Яковъ Молодченко, гончарскій Гаврило Олѣйникъ и мѣщанинъ Яковъ Охлей, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію актуаріусъ Потапъ Адамовичъ подписался. Возній сотни Глуховской Иванъ Буявинскій, Войсковій Канцеляристъ Яковъ Яковлевъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Кулешовъ, Войсковій Канцелярыстъ Мойсѣй Шемшуковъ, Актуаріусъ Петръ Базилевичъ, Войсковій Канцелярыстъ Григорій Козачинскій, Войсковій Канцелярыстъ Василь Константиновичъ, Войсковій Канцелярыстъ Иванъ Пѣсоцкій, Войсковій Канцелярыстъ Максимъ Яценко, Войсковій Канцелярыстъ Анисимъ Никифоровъ, Значковій Товарышъ и Почмейстеръ Глуховскій Алексѣй Родіоновъ.

1767 году
Мая 23 дня.

VIII.

1767.

Наказъ жителей города Чернигова.

Наказъ выбранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манѣфеста, Декабря 14 дня 1766 году состоявшагось, отъ гражданъ города Чернигова, домы свои, и домы и торги, и домы и ремесло имѣющихъ, Депутату въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, почтенному Г-ну Бурмистру Черниговскому Ивану Самонову сыну Крутеню.

Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни благоволенія, объ избираніи отъ всехъ городовъ и частей Богомъ ввѣренной Ей Имперіи Депутатовъ и присилки въ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія, граждане, въ Черниговѣ жительствующіе, всеподданнѣйше приступая ко исполненію, избрали васъ своимъ въ ту коммисію Депутатомъ, надѣясь, что вы, какъ честной согражданинъ, въ семъ дѣлѣ, какое вамъ довѣренно будетъ, неоставите усердствовать государственной и общей сограждан ъ вашихъ ползѣ и по всей возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе.

Со всѣхъ Ея Величества премудрихъ узаконеній неусипное о ползѣ государства, самодержавно Ею обладаемого, матернее попеченіе всѣмъ Ея вѣрнимъ подданнимъ есть извѣстно. Нынѣ обнародованной манифестъ всѣхъ Ея Величества подданныхъ матернимъ Ея милосердіемъ найвящше обнадеживаетъ, когда каждому городу Ея Величество Всемилостивѣйше дозволяетъ во общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ всеподданнѣише принесть прозбы. Сіе толь великое Ея Величества къ вѣрнымъ своимъ подданнимъ снисхожденіе и безъ прикладную матерную милость здешніе граждане, съ истинною рабскою благодарностію и достодолжнымъ послушаніемъ приемля и взирая на состояніе здешнего города многими правленіями и давнего порядка отмѣнами наполненное, несоотвѣтствующое

правамъ, привилегіямъ и Высочайшимъ грамотамъ, сему городу Всемилостивѣйше отъ почивающихъ въ Бозѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества предковъ пожалованнимъ, отъ чего всѣ нужды и отягощенія народнія свое начало имѣли и имѣють, отвергаемъ сумнѣніе при извѣстнѣйшей надеждѣ, что сія толь милосердая Государиня свое Императорское исполнить слово: неоставить призрѣть и на гражданъ благоприсоединенного Малороссійского народа, возводя на степень такого щастія, въ которомъ бы оны себя видѣть могли благополучнѣйшими, ползуясь вящшимъ Ея Величества матернымъ милосердіемъ, сего ожидать благонадежнѣйше можемъ, гдѣ обявленный о ползѣ здешняго народа представитель Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, по достовѣрномъ о всемъ неустройствѣ здешнемъ освѣдомленію, о отвращеніи сего безпорядка и къ лучшему благоустроенію способствовать имѣетъ.

Къ достиженію желаемого благоустройства осмѣливаемся нашими всеподданнѣишими прозбами Всемилостивѣйшую нашу Государиню утруждать и, вручивъ о томъ, въ чемъ имѣемъ общую нашу гражданскую нужду, къ Ея Императорскому Величеству челобитную, нами подписанную, даемъ вамъ полномочіе и довѣренность представить нашы нужды и отягощенія, какъ слѣдуетъ.

1.

По привилегіямъ отъ Королей Полскихъ: Жигмунта третого, Владислава четвертого и Яна Казѣмира городу Чернигову даннимъ, между инныхъ, всѣ земли и угодія, въ окружности того города положеніемъ находячіесь, по ограниченію ревизора Геронима Цехановича, томужъ городу отъ 1625 года наданы, и тѣми привилегіями оніе земли и угодія съ именнимъ предъ напомянутого ревизорского ограничення показаніемъ утверждены. Каковы Королевскіе привилегіи и Высочайшимы грамотамы 1-ю и 2-ю Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича 7163 Іюня 27 и 7168 годовъ Генваря 2, а 3-ю Великихъ Государей Царя и Великого Князя Иоанна Алексѣевича и Императора Петра Алексѣе-

вича, въ Бозѣ почивающихъ Государей, 7198 году Марта 26 дня состоявшими, зъ особливои Высочайшой къ гражданамъ города Чернигова милости и призрѣнія подтверждены, и всѣ земли и угодія по томужъ ограниченію ревизора Геронима Цехановича Всемилостивѣйше городу Чернигову и всемъ того города гражданамъ жалованы и укрѣплены. Но по разносты временъ многіе земли и угодія въ томъ города Чернигова ограниченіи, Височайшими грамотами и королевскими привилегіями утвержденномъ, зъ владѣнія магистратского и гражданского въ разніе поотдоходили владѣнія, и за темъ Магистратъ и граждане полного владѣнія въ земляхъ и угодіяхъ, по предъ упомянутымъ Высочайшимъ грамотамъ и Королевскимъ привилегіямъ ограниченіемъ показаннихъ, не имѣетъ. И для того всеподданнѣйше просить подтвержденія онихъ Высочайшихъ Магистрату Черниговскому и гражданству жалованнихъ грамотъ и Королей Полскихъ привилегій, и всѣхъ отшедшихъ по тѣмъ Высокомонаршимъ грамотамъ и привилегіямъ значачихся земель и угодій привращенія Магистрату Черниговскому, а особливо пожалованнихъ въ томъже ограниченіи на уряди Войта, Бургомистровъ и писара волокъ къ тѣмъ урядомъ привращенія.

2.

Городъ Черниговъ при такомъ мѣстѣ положеніемъ состоить, гдѣ противъ протчихъ городовъ Малороссійскихъ никакихъ разнихъ заводовъ, скотоводства ни промисловъ пенечнихъ и табачнихъ и ниже какихъ либо другихъ, чемъ бы граждане могли себѣ имѣть пропитаніе и снабдѣніе, кромѣ вынного куренія и шинкованія и продажи съѣстнихъ вещей неимѣетъ; запрещеніемъ же и того утѣснени граждане отъ 1761 года, по бытности Его Сіятельства Графа Разумовского Гетманомъ, до нынѣ. А по Высочайшимъ грамотамъ, городу Чернигову жалованнимъ, и по королевскимъ привилегіямъ таковое куреніе горѣлки и шинкованне оною и другими напитками Всемилостивѣише дозволено и затверждено. Для сего просить Ея Императорскаго Величества всеподданнѣише пожалованніе гражда-

намъ волности въ куреніи горѣлки и шинкованіи оною и протчими напитками, безъ помѣшателства въ томъ отъ постороннихъ, Всемилостивѣйше подтвердить.

3.

Не безнужно намъ представить и о семъ, что городъ Черниговъ до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лутчемъ доволствѣ пребывалъ, по коль жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегія оставались безъ нарушенія; сколь же скоро тѣхъ Высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ отъ времени до времени отмени начали следовать, а между тѣмъ наступила Шведская война, вскорѣ после того моровая язва, а за тѣмъ не за долго и преужасній пожаръ, такъ что изъ многочисленности дворовъ гражданъ здешнихъ осталось малое число, отъ которого времени чрезъ пятьдесятъ уже летъ на многихъ местахъ, тогда опустѣвшихъ, и до нынѣ строенія небыло и нетъ. Послямъ того всего, Полская и Турецкая войны, вовремя которыхъ сколь граждане здешніе претерпѣли высилкою людей по предложеніямъ: въ погонщики, захваченіемъ, не давъ о числѣ повелѣнія, на флотилію и къ полоненію лда, вистаченіемъ разнихъ матеріаловъ и инструментовъ, взятіемъ воловъ, возовъ, сѣделъ, провіянта и фуража, отвозомъ оного въ далніе магазеины, кромѣ техъ, кои по предложеніямъ зъ гражданъ здешнихъ во всей воинской исправности были въ тѣхъ походахъ за всѣхъ гражданъ здешнихъ; что какъ все происходило по тогдашнимъ воинскимъ нужнѣйшимъ обстоятельствамъ, того всего и описать нетъ удобства; изьяснить же не безприлично о семъ, паче, что и въ мирное время здешніе граждане неимѣли, по силѣ жалованнихъ грамотъ, должной свободы, но непрестанно угнѣтаеми и утѣсняеми были высылкою въ деревенскіе, побытности Гетмана, смалчужніе и поташеніе заводы мѣщанъ и разныхъ майстеровыхъ людей, по немалому числу чрезъ нѣсколко годъ непрестанно, для рубки и клеймованія маштового дерева, вистаченіемъ матеріаловъ и инструментовъ, висилкою въ Батуринъ на разніе работы и въ Козелецъ для возки колодъ, чрезъ что зъ города Чернигова къ большему опустѣнію разніе май-

стеровіе люде посходили. По привилегіямъ же Королевскимъ, городу Чернигову даннимъ и Высочаишими грамотами утвержденнымъ, граждане отъ таковихъ и отъ всѣхъ протчихъ посторонних работъ, висилокъ и вистатченій уволнены. Для сего просить всеподданнѣще, когда будеть угодно Ея Величеству на насъ верних своихъ подданних призрѣть и за таковія претерпѣнія помиловать, утвердить насъ при нашихъ прежнихъ въ привилегіяхъ и Высокомонаршихъ грамотахъ изображенныхъ свободахъ, дозволяя Всемилостивѣйше ползоватся намъ тѣмъ всѣмъ, чемъ и прежде городъ Черниговъ былъ пожалованъ.

4.

На непремѣненіе квартиры, опредѣленіе полковъ гражданамъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть доволство и въ капиталѣ къ промисламъ нетъ нужды, весьма благополезное. Чтожъ здешній городъ по опустѣнію вышеписанними случаи немного болше четирехъ сотъ въ себѣ имѣетъ домовъ, неоставляя всѣхъ и тѣхъ, кои по Высочайшимъ грамотамъ и отъ постою уволены, и таковыхъ бедныхъ, коихъ много болше, что въ дворахъ при одной хатѣ и безъ дворовъ едними избами живуть, имѣя у себе, кромѣ непремѣнного полку, на всегдашнемъ постою горнизонній баталѣонъ зъ штапомъ, артилерійскую и инженерную команды зъ ихъ афицерами и штапомъ, терпитъ великое утѣсненіе, то хотя Его Сіятелство Малороссійскій Генералъ Губернаторъ, видя неудобство къ помѣщенію полку, найпаче же въ соблюденіе казенного интереса, къ полученію въ полкъ сходнѣйшими ценами провіанта и фуража, въ мѣстечкахъ Черниговского полку, гдѣ суть таковіежъ торги и множайшіе жилья и роспредѣлилъ, а для пріѣзжихъ, по благоразсмотренію бывшихъ до селъ неустройствъ, назначилъ во всякомъ городѣ и мѣстечку и трактовихъ селахъ постояліе дворы къ охраненію жителей отъ примѣтокъ и притѣсненій, переходящимъ же къ скорѣйшему и достаточнѣйшему полученію за настоящую плату всего потребного, и для того, учиня распоряженіе, во всѣ места предложилъ; но дабы сіе толь полезное учрежденіе и толь мудрое мѣроположеніе неосталось иногда пренебрегаемо,

да будеть Ея Императорскому Величеству угодно на все сіе учрежденіе Всемилостивѣйшій дать къ вѣчному того всего соблюденію и исполненію указъ.

5.

Не безнужно представить и о семъ, что здешніе граждане по болшой части всѣ весма скудніе, по несколку же въ лутчемъ достаткѣ такъ мало, что и едному штапу зъ эскадрономъ и Генералу-Маіору зъ его штатомъ, по причинѣ вышепомянутихъ гарнизонной, артилерійской и инженерной командъ всегдашнего квартированія, афицерскихъ квартиръ, чтобъ хотя съ едною перемѣною для ихъ малой лготи, отводить неимѣютъ гдѣ; всегдашній же таковъ афицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартирують, весма есть тяжестній, такъ, что кроме того, что всякій таковій хозяинъ не толь что терпить утѣсненіе, и за тѣ хаты, гдѣ постой есть, неимѣя ни малѣйшаго въ оныхъ жительствомъ участія, платитъ квартальніе деньги, но того множае большъ къ обнищанію приходитъ чрезъ покупку дровъ числомъ неопредѣленнимъ для отопленія тѣхъ избъ, въ которыхъ есть постой. Осмѣливаемся утруждать освященную свою Государиню рабскимъ прошеніемъ, дабы соблагоизволила по матерному своему милосердію призрѣть на сей городъ къ лутчему оного распространенію и въ строеніяхъ поправленію, Всемилостивѣише повелѣть: во всей Малой Россіи какъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ толко суть торги, всѣхъ гражданъ безъ исключенія, такъ и посполитихъ во всей же Малой Россіи, въ селахъ и деревняхъ пребывающихъ, которіе, привозя въ городъ хлѣбъ и протчіе живности и гражданамъ и военно-служащимъ продавая для нихъ сходними ценами, гражданамъ же, по умноженію военно-служащихъ, противъ прежнихъ ценъ вишшими не мало ползуются, а особливо и всѣхъ владѣлцовъ и чиновниковъ, тожъ во всей Малой Россіи въ городѣхъ, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ жителствующихъ, кои, по состоянію въ Малой Россіи полковъ и командъ, входять въ разніе подряди, а паче къ поставкѣ провіянта и фуража, и съ того не менше другихъ прибыткомъ доволствуются,

необходя никого, со всѣхъ тѣхъ чиновъ, кромѣ козаковъ, изчислить домы и смѣтивъ всѣхъ полковъ, на непремѣнніе квартеры въ Малую Россію определеннихъ, число квартиръ и къ найму оныхъ сколко денегъ принадлежитъ, а при томъ разсмотря достовѣрно о количествѣ суммы, безъ всякого излишества, но единственно толко необходимо-потребной на вистройку при техъ полкахъ какъ къ содержанію кавалерійскихъ и подъемнихъ лошадей, конюшень съ караульнями, такъ и амбаровъ, однихъ для поклажи казеннаго провіянта и фуража, а другихъ къ содержанію казначейства, а особливожъ того для болнихъ лазаретовъ [якожъ бо въ заниманіи гражданскихъ подъ конюшни и подъ казначейство стодолъ, а къ поклажѣ казенного провіанта и фуража амбаровъ, граждане, неимѣвъ гдѣ хлеба своего къ молотбѣ зложить и зъ домашнею своею экономіею вомещатся, немалое терпять утѣсненіе; въ расположеніижъ болънихъ по городу въ разнихъ домахъ внутрѣ жиловъ, нетокмо тѣ болніе свои вигоди имѣть не могуть, но надъ то можеть иногда та болѣзнь по предъобъявленному резону и распространится], оніе суммы такъ квартирную, яко и на вистройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ, порознь на всѣ домы безъ изятія, въ Малой Россіи имѣющіесь, кромѣ козаковъ, по препорціи имуществъ живущихъ въ онихъ разчислить; а за тѣмъ, всѣмъ штапъ и оберъ афицерамъ и прочіимъ чинамъ Карабинерного и Нижегородского полку, такожъ и находящихся здѣ гарнизонной артилерійской и инженерной камандъ, Всемилостивѣйшежъ указать, получая зъ квартирныхъ денегъ опредѣленное число, доброволно квартери себѣ нанимать и дровами отъ себе доволствоватся, зъ суммижъ, на выстроику конюшень, амбаровъ и лазаретовъ асигнованной, искупя доброволними ценами потребніе къ тому матеріалы, выстроить оніе полковими служителми; и дабы та сумма на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ ассигнованная, не могла уже въ другой разъ взисканіемъ на обивателей обращатся, употребить такое мѣроположеніе, чтобъ, за взисканіемъ однажды той сумми, впредъ ежегодно на подчинку того строенія уже взискивано съ той сумми толко двадцатую долю, чемъ нетолько подчинки, въ случаи по времени обетшанія оного строенія, могутъ

быть удоволствовани, но и вновъ чрезъ нѣсколко годъ все то строеніе, при добромъ порядкѣ экономіи, безъсумнѣнно обновится можетъ. Въ семъ высокоматерную Ея Императорскаго Величества безприкладную милость здешніе граждане получа, къ домостройству и промислу по волѣ своей имѣтимуть способъ и охоту; афицери же, нанимая по своей угодности квартиры, останутся въ лутчемъ своемъ доволствѣ; да и болніи въ своихъ болѣзнехъ лутчую могутъ имѣть вигоду.

6.

Найвящшая можетъ быть и изъ сего здешнимъ гражданамъ, какъ многочисленнимъ, полза, когда опредѣленный Генералѣтетъ квартировать будетъ при брегадѣ своей съ перемѣною, по очередно; полкъ же непремѣнной, въ лѣтное время не всегда при Черниговѣ, но такожъ съ перемѣною при мѣстечкахъ въ Черниговскомъ полку становими, какъ и при Черниговѣ, водопоями и доволними скотопажитними мѣстами и лугами и при доволнѣйшихъ торгахъ состоящихъ прибыватеметъ. Всеподданнѣйше просить о семъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества призрѣнія, ибо и таковимъ благоустроеніемъ можетъ раздѣлиться неспокойство и полза на всѣхъ равно Черниговского полку гражданъ.

7.

Не безъ жалости воспомянуть можемъ прошедшихъ временъ послѣдовавшіе здешнимъ гражданамъ притѣсненія отъ квартировавшихъ и переходящихъ полковъ и командъ и нерегулярныхъ войскъ, взятіемъ безъ заплаты и безъ квитанцей провіянта и фуража, разныхъ съѣстнихъ вещей, подводъ, упражей и протчего, приключеніемъ безвинныхъ побоевъ, разнихъ приметокъ и вимисловъ; за что все искать и за полками для того следовать, невсякому возможно, а болше и неудобно было. Дабы же иногда и въ нинѣшное время таковіяжъ отъ кого не последовали, былобы угодно Ея Императорскому Величеству повелѣть, учредить на прежнемъ мѣстѣ, при резиденціи Губернаторской, въ городѣ Глуховѣ, военную коммисію, опредѣливъ въ ней быть по равному числу Великороссійскихъ и

Малороссійскихъ чиновъ. Симъ образомъ возъимѣють надежду и здешніе граждане, въ случаи отъ кого обидъ, получать свое удовольство; напротиву же того военнослужащіе неоставлять стараться убѣгать отъ таковихъ делъ, за которіе они могли быть призиванни въ ту коммисію.

8.

Въ Высочайшихъ Монаршихъ грамотахъ Всемилостивѣйше пожаловано городъ Черниговъ таковою милостію, чтобъ всякъ тотъ, кто толко обнялъ домъ или огородъ и промислъ, или ремесломъ ползовался, былъ подсуденъ уряду мѣскому. Но какъ здесь жителствующіе разночинцы и команды, а къ тому и разного званія пріѣзжіе, имѣющіе здѣ домы и неимѣющіе оныхъ, въ случаи какой либо отъ нихъ бѣди, щитясь своими званіями и чинами, и по тѣмъ защищаясь разними командамы, нетоль что оказують непослушаніе Магистрату, но и гражданъ здешнихъ, ползуясь гражданскими промислами, разновидно притѣсняютъ, для того всеподданнѣйше просить, не токмо всѣмъ тѣмъ, кои подлежащими гражданству промислами ползуются, но и кои здесь домы свои имѣють, и пріѣздомъ въ городѣ бывая, въ случаѣ причиненія отъ нихъ какой-либо здешнимъ гражданамъ обиды или побою, къ пресѣченію таковыхъ непорядковъ и въ отдаленнихъ местахъ по командамъ исковъ, дабы повелено было быть судимимъ, хотя и при депутатахъ, въ Магистратѣ; пріѣзжимъ же, кроме ярмонковъ, въ розны привозимихъ товаровъ и ничего другого, въ силѣ жалованныхъ сему городу Высочайшихъ грамотъ, продавать запретить.

9.

Въ здешнемъ гражданствѣ, кромѣ первихъ чиновъ, по привилегіямъ до живота опредѣляемихъ, нижніе урядники Магистратскіе опредѣляются съ перемѣною, не имѣя, по причинѣ всегдашнего присудствія, свободы къ произведенію своихъ промисловъ, хотя съ нихъ многіе достойны и способны безъ перемѣны быть у дѣлъ. Для того просимъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи тѣмъ всѣмъ урядникамъ,

такожде писарю, канцелярскимъ служителямъ, у письменнихъ делъ находячимся, тожъ и десяцкимъ, которіе всегда въ разнихъ посилкахъ указнихъ, магистратскихъ и гражданскихъ бывають, зъ Магистратскихъ доходовъ, по Высочайшимъ грамотамъ Магистрату подлежащихъ, жалованя. Симъ милостивимъ призрѣніемъ способние къ дѣламъ урядники и безъ перемѣни свои наблюдать должности и всевозможнимъ раченіемъ продолжать свою службу найвящие обовязаны будуть.

10.

По Высочайшимъ грамотамъ, въ городѣ Черниговѣ определени три ярморки, въ которыя пріѣзжаючіе купечество и разного званія люде бывають забираеми подъ судъ мимо Магистрата; многіе же съ купечества, показивая себе въ платежѣ по векселямъ денегъ безъ всѣхъ правильнихъ причинъ банкротами, лакомясь чуждимъ имѣніемъ беззаконно покористоваться, а тѣмъ самимъ и заимодавцовъ къ разоренію привесть, отбиваются отъ суда Магистратского; не безнужно и сіе гражданству, чтобъ купечеству и пріѣзжимъ людемъ, быть судимимъ постороннимъ судомъ. Для того просить всеподданнѣйше: для расправъ въ ярмонки, въ случаи всѣхъ пріѣзжихъ тяжебъ, особливо же показующихъ себе банкротами, быть суду отъ Магистрата; и какъ сіе зло, что касается до банкрутовъ, весма уже умножилось, и чрезъ таковы беззаконныя показанія банкротами многіе зъ купечества и доброго состоянія принуждены приходить въ крайное несостояніе и нищету, то повелѣнобъ было на сихъ беззаконно показующихъ себе банкротами, въ пресѣченіе сего зла и многимъ чрезъ то разоренія, срожайшіе учредить законы.

11.

Мы всѣ, вѣрніе Ея Императорскаго Величества рабы, въ твердомъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества о всѣхъ Богомъ увѣренних своихъ подданнихъ милосердію и по прозорливому Ея попечителному промислу, въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи и спокойствѣ утверждени будемъ таковими законами, кото-

ріе на степень нашего вящшого благополучія возведуть и въ таковомъ непремѣнномъ благосостояніи насъ оставять на вѣки.

Писарь Евфимъ Ѳранковскій. Съ подлиннымъ сводилъ Магистрата Черниговского Канцеляристъ Мойсей Бочко.

IX.

1767.

Наказъ жителей города Погара.

Наказъ по Височаишему Ея Императорскаго Величества манифесту, прошлого 766 года Декабря 14 дня состоявшемуся, при указѣ Ея Императорскаго Величества Малороссійской Коллегіи, въ Магистратъ Погарскій присланному, отъ насъ всѣхъ нижеподписавшихся жителствующихъ въ городѣ Погарѣ мѣщанъ и другихъ чиновъ выбранному Депутату Магистрата Погарского, Уряднику Райцѣ Ивану Федорову сыну Грабару, отъ насъ, въ силѣ оногожъ Ея Императорскаго Величества Высочайшего манифеста, о общественныхъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ препоручается вамъ полномочіе, при томъ всеподданнѣйше наше челобитье и прошеніе, всѣми общежъ нами подписанныя, которое челобитье въ силѣ прописанного нашего полномочія долженствуете поднесть Ея Императорскому Величеству, о общественныхъ же нуждахъ и недостаткахъ, обясненыхъ въ пунктахъ сего указа, подавать отъ себе прошеніи, прилѣжая по обовязателству присяги, какъ вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу и отечества истинному сыну, просить высокомонаршей милости.

1.

Въ лѣто отъ созданія міра 7174 Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Самодержцу Всероссійскому города Погара отъ Войта Кирилла Сурченка и всѣхъ мѣщанъ Погарскихъ поданы двѣ челобитные съ нижайшимъ рабскимъ прошешеніемъ о видачѣ имъ на Майдебурское право и волности противъ Нѣжинскихъ, Черниговскихъ и Переясловскихъ мѣщанъ жалованной

грамоты; потому, что бывшія въ нихъ прежнія жалованныя грамоты и королевскіе привилегіи отъ разоренія Литовскихъ людей утерялись. И по тимъ челобитямъ Его Царское Пресвѣтлое Величество Погарскимъ мѣщанамъ на стародавное ихъ право и волности такову свою Пресвѣтлого Величества жалованную грамоту далъ, съ тѣмъ виражeніемъ, что по Его Царского Величества Государевой милости Погарскимъ мѣщанамъ въ правахъ своихъ и волностяхъ, по той Его Царского Пресвѣтлаго Величества жалованой грамотѣ, и Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, и всѣмъ Его Царского Величества Государскимъ наслѣдникамъ служити и всякого добра хотѣти и быти во всей Его Царского Величества, волѣ и послушаніи и на Его Величества Государскую милость быть надежнымъ безъ всякого сумнѣнія; а Его Царское Пресвѣтлое Величество Великій Государь учнетъ ихъ мѣщанъ Погарскихъ держати въ Его Царского Величества милостивомъ жалованіи и призрѣніи. Яковая Высочайшая жалованная грамота, за подписаніемъ собственния Его Величества руки подъ золотими буквами и печатю государственною, и нинѣ въ Магистратѣ Погарскомъ свято, благолѣпно, въ цѣлости содержится, и по оной Височаишой жалованной Грамотѣ мѣщане Погарскіе подъ тѣмъ правомъ Майдебурскимъ находятся досель.

Въ другое же лѣто въ 7175 Ноября въ 28 день, послѣ означенной жалованной Височайшей грамоти, по челобитю вишереченного Война Кирилли Сурченка зъ Бурмистрами, Райцами, Лавниками и со всѣми Погарскими мѣщанами по указу Егожъ Царского Пресвѣтлого Величества Столникъ Его Величества, Кирилла Осиповъ Хлоповъ, въ согласіе тойже Високомонаршей жалованной грамоти и стародавнихъ правъ и волностей насъ Погарскихъ мѣщанъ сравнилъ съ Кіевскими, Нѣжинскими, Черниговскими и Переясловскими мѣщанами; и въ примѣръ тѣхъ городовъ Магистратовъ Майдебурское жъ право крѣпостію своею, именуемою памятію, подтвердилъ и въ оной написалъ на Погарское Войтовство, бурмистровство, раичество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фолварокъ ратушній и до скринки мѣской двѣ деревни Чаусы и Яковлевичи съ мельницею, а сверхъ того для всякихъ росходовъ мѣскихъ раз-

ніе прыходы; что все именно ясно и пространно въ той памяти Хлоповой изображено, съ коихъ Высокомонаршой жалованной грамоти и памяти Хлоповой при семъ точніи копіи за справкою вамъ вручаются.

А въ 1662 году, Марта 2 дня, отъ Гетмана Демяна Игнатовича унѣверсаломъ, со упоминаніемъ прежнего унѣверсала Геттмана Ивана Мартиновича Брюховецкого, тожъ Майдебурское право подтверждено, село Чаусы и деревню Яковлевичи зъ млиномъ на Бойнѣ реце въ Севостяновичахъ съ каменми двома для росходу ратушного укрѣплено, съ таковимъ докладомъ и приказомъ, абы старшій и меншій козакъ, особливожъ Сотникъ, Атаманъ Городовой съ товариствомъ, Погарскому Войтовѣ и всѣмъ магистратовимъ присяжнимъ въ ихъ Майдебурскихъ правахъ на судахъ перепоны въ маетностяхъ и млину, на ратушъ Погарскую наданнихъ, кривды и шкоды задавати не важились. А мещане, якъ звичай въ Майдебургіи идетъ противъ инших городовъ, сами судились; а если бы хто мимо тои унѣверсалъ Гетманскій магистратовимъ въ судахъ, яко и въ держаніехъ ратушное полѣценнихъ селахъ, важился наименшую задати трудность и до чего ему неналежно сталъ бы интересоватись, таковіи каждій, яко нарушникъ и гвалтовникъ волѣ Государской и Гетманской, за скаргою каранъ отъ Гетмана будетъ а неиначей. Которіе села отъ Магистрата Погарского отоишли и завладѣнни, а именно: село Чаусы умершимъ Хоружимъ Генеральнимъ Николаемъ Ханенкомъ, а деревня Яковлевичи умершимъ же Сотникомъ Погарскимъ Семеномъ Соболевскимъ, коими Магистратовими маетностями наслѣдники ихъ и нынѣ владѣють напрасно. Хотя же сверхъ тѣхъ на урядъ магистратовій жалованнихъ двухъ деревень Чаусъ и Яковлевичъ, какъ прежде при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого съ краемъ Малороссійскимъ и со всѣмъ народомъ подъ Скипетродержавную Россійскую Руку, такъ и посля того были подъ владѣніемъ Ратуша Погарской села и деревнѣ, а именно: Куровь, Суворовь, Чубаровъ, Перегонь, Дешковичи, Лукинъ, Марковскъ, Савичи, Случевскъ, Муравьи, Дарѣевскъ, Гриневка, Городище, Лобки, Бобрикъ и Посудичи, съ которыхъ селъ и деревень для подмоги мѣщанской, на всякіе градскіе расходы собирались хлѣбные

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи Южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи Южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

МАЙ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 11-го Мая 1888 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXI. **1888 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

НѢЖИНСКАЯ РАДА 1663 Г.

Нѣжинская рада представляетъ историческій интересъ въ томъ смыслѣ, что она является наисильнѣйшимъ проявленіемъ борьбы партій, появившихся въ Малороссіи послѣ измѣны русскому дѣлу Юрья Хмельницкаго. Партіи эти не были политическими; это не была борьба между руссо и ляхофилами, это не была борьба за сохраненіе какихъ-либо привилегій или вольностей ковачьихъ: борьба шла личная между претендентами на свободный гетманскій урядъ, при чемъ борьба была тѣмъ ожесточеннѣй, что въ случаѣ чьей-либо побѣды, противники при расчетѣ съ побѣдителемъ теряли все, а вмѣстѣ съ претендентами должны были пострадать и ихъ приверженцы, что заставляло и послѣднихъ принимать самое дѣятельное участіе въ борьбѣ. Въ данную минуту, передъ нѣжинской радой, претендентами на гетманскій урядъ явились: переяславскій полковникъ Якимъ Сомко, гетманъ войска запорожскаго Ив. Брюховецкій и нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко; партія послѣдняго была сравнительно гораздо слабѣе другихъ, а потому въ критическую минуту онъ примкнулъ къ Сомку. Такимъ образомъ оставались двѣ равносильныя партіи: Брюховецкаго и Сомка.

Не останавливаясь на тѣхъ раздорахъ, какіе происходили въ Малороссіи въ періодъ времени съ 1660—1663 г., такъ хорошо описанный Н. И. Костомаровымъ и С. М. Соловьевымъ, перехожу прямо къ событію нѣжинской рады, пользуясь для своего изложенія исключительно документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ М-ва Юстиціи, среди дѣлъ сибирскаго приказа подъ № 6672.

Крайніе безпорядки въ Малороссіи и просьбы всѣхъ полковниковъ о назначеніи рады вызвали наконецъ въ мартѣ 1663 г. объявленіе московскаго правительства, обращенное къ полковникамъ и всей войсковой старшинѣ, что быть „черной, зуполной радѣ" въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Нѣжинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ начались сборы окольничаго, князя Данилы Степановича Великаго-Гагина, назначеннаго присутствовать на радѣ при выборѣ гетмана. Для такого торжественнаго случая ему придумали придать титулъ „намѣстника Галицкаго", титулъ, которымъ „прежъ сего писались въ 116 г. окольничій Иванъ Өедоровичъ Колычовъ, какъ былъ въ отвѣтѣ съ княземъ Ив. Мих. Воротынскимъ съ литовскими послы, а послѣ того Елизарій Благой, Михаило Татищевъ". Отпуская своего представителя къ козакамъ, московское правительство постаралось обставить его какъ можно внушительнѣе; съ нимъ были отпущены: „для Божественной службы—крестъ благословенный, св. евангеліе, двѣ пелены, два налоя съ сорочки, священникъ, дьяконъ, священнику ризы, епитрахиль, стихарь, поясъ, поручи; дьякону—стихарь, орарь, поручи, кадило; книгъ: шестодневъ, минея общая, апостолъ, псалтырь, часословъ, потребникъ, тріодь постная, тріодь цвѣтная; свѣчи восковыя, ладонъ. Для государевыхъ дѣлъ: переводчикъ, четыре подъячихъ, 20 стопъ бумаги, два ведра чернилъ, свѣчъ сальныхъ, а для иноземцевъ въ запасъ и восковыхъ". Кромѣ того ему же были вручены: 4000 р. серебряныхъ денегъ для уплаты долга правительства Якиму Сомку (деньги эти Сомку не были отданы), 300 р. серебряныхъ же—епископу Меѳодію по его челобитью „на бѣдность", подарки гетману, котораго изберутъ, и козацкой старшинѣ, деньги на расходы по поѣздкѣ въ Нѣжинъ, разнаго рода дѣла, относящіяся до сношенія Москвы съ Малороссіей, какъ-то: статьи Богдана Хмельницкаго, Юрія, челобитныя козаковъ о разныхъ предметахъ и т. п. и наконецъ *наказъ*.

Въ наказѣ перечислены лица, назначенные въ свиту Гагина; это были, кромѣ товарища, стольника Кирила Осиповича Хлопова и дьяка Ив. Өомина, двѣнадцать человѣкъ дворянъ и начальныя лица съ ратными людьми: рейтарскаго строя полковникъ Ив. Шепелевъ, солдатскаго строя полковникъ же Юрій

Инглисъ да полуполковникъ Борисъ Воронинъ, московскихъ стрѣльцовъ головы Вл. Скрябинъ и Матвѣй Шишкинъ съ приказами, да драгуны подъ начальствомъ полковника Страсбурга; всего ратныхъ людей съ нимъ было отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ. По дорогѣ въ Нѣжинъ, гдѣ была назначена рада, Гагину предписано провѣдывать, гдѣ находится наказный гетманъ Якимъ Сомко и кто при немъ изъ полковниковъ, кого войско желаетъ избрать гетманомъ, не было ли какой рады и не избранъ ли уже кто гетманомъ и наконецъ—съ кѣмъ у наказнаго гетмана Якима Сомка „большой совѣтъ и дружба". По прибытіи въ Нѣжинъ Гагинъ долженъ былъ послать грамоты къ епископу Меѳодію, Якиму Сомку, гетману кошевому Ив. Брюховецкому, ко всѣмъ полковникамъ, козакамъ и черни, чтобы они съѣхались въ Нѣжинъ и учинили полную раду, на которой обрали бы совершеннаго гетмана всѣмъ войскомъ и черныо вольными голосами по стародавнему войсковому праву и по переяславскимъ статьямъ. Когда епископъ Меѳодій, оба гетмана и полковники съѣдутся въ Нѣжинъ, Гагинъ, послѣ обычныхъ распросовъ „о здоровьѣ" долженъ былъ объяснить имъ, почему до сихъ поръ не была собрана рада для выбора гетмана; причиною этого было нашествіе непріятелей на малороссійскіе города. А какъ наказный и кошевой гетманы, обозные, судьи, полковники, атаманы, старшины и сотники, войско запорожское и чернь совершеннаго гетмана оберутъ и скажутъ, что онъ имъ любъ, тогда Гагинъ долженъ привести новообраннаго гетмана къ присягѣ и дать ему жалованную грамоту; если же новообранный гетманъ присяги принять не захочетъ, ссылаясь на то, что онъ уже прежде присягалъ и служилъ государю вѣрно и радѣлъ и во всемъ добра искалъ, тогда Гагинъ долженъ былъ сказать, что онъ въ то время былъ подъ властію, а теперь все войско вручено подъ его региментъ и ему нынѣ, будучи въ наивысшемъ урядѣ, на вѣрное подданство надобно учинить присягу вновь безотговорно, потому что и въ прежней жалованной грамотѣ написано: „Буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, а кого оберутъ вновь, и тому новообранному гетману на подданство и вѣрность великому государю вѣру учинить при комъ государь укажетъ"; а

буде онъ гетманъ вѣры учинить не похочетъ, и ему жалованной грамоты давать не велѣно впредь для иныхъ гетмановъ, потому только онъ теперь тому образецъ учинитъ, въ новообранномъ гетманствѣ вѣры не учинитъ, то послѣ него и другіе гетманы также захотятъ дѣлать, и онъ бы упорство свое оставилъ". Благочестивое московское правительство, какъ видно изъ этого пункта наказа, считало присягу самымъ надежнымъ средствомъ въ политикѣ, а потому и придавало ей значеніе, какого она давно уже не имѣла среди малороссійской старшины, готовой присягать кому угодно, лишь бы это было выгодно, и такихъ отговорокъ отъ присяги, какіе предполагаетъ наказъ, никогда не выходило изъ устъ ихъ. Дальнѣйшія статьи наказа касаются недавнихъ событій въ Малороссіи и выясняютъ взглядъ на нихъ московскаго правительства. „Если, продолжаетъ наказъ, на радѣ войскомъ будутъ говорить, что у нихъ на совершенное гетманство обранъ Якимъ Сомко и онъ имъ любъ, а иные будутъ говорить, что его, Якима, обрали не всѣмъ войскомъ, а обирали немногіе люди, и гетманомъ у себя имѣть его не хотятъ, и будутъ говорить, что онъ служитъ великому государю невѣрно, и имъ чинитъ обиды и налоги нестерпимые, и будутъ бить челомъ, чтобы позволить имъ обрать гетмана всѣмъ войскомъ, кто имъ будетъ любъ, а Якима гетманомъ обирать не похотятъ, потому что онъ выбранъ одними старшими совѣтниками безъ совѣта всего войска запорожскаго и черни, и откажутъ впрямь, то Гагинъ долженъ дать имъ то на ихъ волю. А если наказный и кошевой гетманы и полковники и все войско о гетманскомъ обираньѣ всѣ не согласятся, то Гагину писать о томъ въ Москву". Изъ этого пункта наказа видно, что московское правительство предвидѣло сильную борьбу партій, въ дѣйствительности почти равныхъ силами, и было къ тому готово. Затѣмъ велѣно требовать объясненій отъ новообраннаго гетмана, за что отставленъ отъ уряда кіевскій полковникъ Василій Дворецкій и кѣмъ, и требовать возстановленія его въ прежней должности. Далѣе, велѣно успокоить войско запорожское относительно слуховъ, будто государь хочетъ уступить Польшѣ нѣкоторые черкасскіе города, и объявить, что распространители такихъ слуховъ будутъ жестоко наказаны

по ихъ войсковымъ правамъ, а судъ, по жалованной грамотѣ, предоставлено вѣдать имъ самимъ по ихъ прежнимъ правамъ и нынѣ онъ бы гетманъ и все войско запорожское тѣмъ возмутителямъ учинили указъ сами по войсковому праву. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить, что, если гетманъ учинитъ какой проступокъ, кромѣ измѣны, то само войско безъ царскаго указу не можетъ перемѣнить гетмана, а о томъ проступкѣ царское величество велитъ розыскать и по сыску всѣмъ войскомъ велитъ указъ учинить. Въ случаѣ смерти гетмана дозволяется избрать новаго гетмана, и въ такомъ случаѣ войско должно послать въ Москву посланниковъ знатныхъ людей, а съ ними долженъ ѣхать и новообранный гетманъ, чтобы видѣть царскія очи и принести присягу, а ему будетъ дана жалованная грамота и булава. Наконецъ, если войскомъ похотятъ которыхъ полковниковъ отставить, а въ ихъ мѣсто избрать другихъ, то Гагинъ долженъ позволить это сдѣлать, но новообранные полковники должны быть приведены къ присягѣ. Вмѣстѣ съ наказомъ Гагинъ получилъ: жалованную грамоту новообранному гетману (для имени оставленъ пробѣлъ) со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, подтверждающую ихъ войсковыя права и привилегіи, жалованную грамоту новообранному гетману (для имени—пробѣлъ) на булаву и на староство (для названія—пробѣлъ) и наконецъ вѣрительную грамоту, которая удостовѣряла правоспособность Гагина произвести выборъ гетмана. Грамоты писаны на александрійской бумагѣ, по „Московскаго“—золотомъ, а печатаны государственною большою печатью подъ гладкою кустодіею отворчата“. Подпись назади дьяка Ив. Михаилова такова: „Божіею милостію великій государь, царь и В. К. Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ“.

Шествіе окольничаго кн. Великаго-Гагина въ Нѣжинъ по Малороссіи было очень торжественно: во всѣхъ городахъ и селахъ жители встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ, съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Не доѣзжая 20 верстъ до Нѣжина, его встрѣтили разныхъ полковъ сотники и козаки человѣкъ съ четыреста, въ числѣ ихъ—присланные нѣжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ для провѣдыванія, когда Гагинъ намѣренъ

вступить въ Нѣжинъ. За 7 верстъ до Нѣжина выѣхалъ на встрѣчу самъ Золотаренко съ 200 козаками. Послѣ привѣтствій Гагинъ пригласилъ Золотаренка въ свою карету и ѣхали они вмѣстѣ *до колодезя* за 5 верстъ отъ Нѣжина, гдѣ Гагинъ расположилъ свой станъ. Тутъ полковники, выѣхавшіе съ Золотаренкомъ изъ Нѣжина, пригласили Гагина въ свой станъ, гдѣ онъ пробылъ съ часъ времени, а потомъ полковники были въ стану у Гагина. Наконецъ Гагинъ съ торжествомъ вступилъ въ Нѣжинъ и сталъ разсылать приглашенія явиться на раду.

Что же въ это время дѣлали претенденты на гетманскую булаву?

Брюховецкій съ своими запорожцами сидѣлъ въ Гадячѣ; при немъ находился и епископъ Меѳодій, но они не дремали. Для достиженія своей цѣли они дѣйствовали двумя способами: чернили Сомка въ глазахъ народа и правительства и прибирали сторонниковъ. Гагинъ былъ еще въ Сѣвскѣ, когда Брюховецкій прислалъ ему первый доносъ на Сомка, обвиняя его въ сношеніяхъ съ правобережнымъ гетманомъ Павломъ Тетерею. По его словамъ Сомко „за бытностью въ Варшавѣ присягалъ королю польскому, чтобъ какими нибудь обычаи Украйну къ ляхомъ отвратить; и нынѣ онъ, Самко, всячески ищетъ, чтобъ посполитой чернецкой радѣ не быть, а быть ему Самку самовластнымъ гетманомъ“. Въ доказательство тяготѣнія Сомка въ Польшѣ приводились и родственныя связи: за Тетерею была сестра родная Сомка, а племянница его была за Даниломъ Выговскимъ. И вотъ эти родственники „межъ себя лукавствомъ пересылаючись, людей обманываютъ и губятъ, призывая татаръ, и если бы въ Переяславлѣ не было государевыхъ ратныхъ людей, тогда бы онъ Сомко и противъ ихъ войну бы началъ“. Для усиленія впечатлѣнія, производимаго на Гагина, а чрезъ него и на Москву обвиненіемъ Сомка въ измѣнѣ, Брюховецкій съ Меѳодіемъ обратились съ просьбой къ Гагину—дозволить маіору Дементью Дьякову, находящемуся въ Гадячѣ, проводить ихъ на раду въ Нѣжинъ, хотя бы и съ небольшимъ числомъ „для опасенія домашнихъ враговъ, Самка съ совѣтниками, потому что на сей сторонѣ Днѣпра въ Кременчугѣ и въ Потокѣ стоитъ Тетеря съ черкасами, чтобы

помѣшать и не допустить быть зуполной чернецкой радѣ и чтобъ краю до конца погибнуть; а его Самкова мысль—съ татары и съ ляхи, только нельзя ему Самку еще явно свою измѣну объявить, что государевы ратные люди въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ и Черниговѣ стоятъ". Въ доказательство измѣны Сомка были посланы три листа, писанные Тетерею къ Сомку, съ приглашеніемъ служить Польшѣ. Но этимъ листамъ не очень-то можно было довѣрять: Брюховецкій не прочь былъ и поддѣлать такіе листы; нужно было болѣе вѣское доказательство. Въ Гадячѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ задержанъ черкашенинъ, лазутчикъ Тетери, Парфенка Протикъ; подержавши нѣсколько времени у себя, Брюховецкій послалъ его въ Путивль къ Гагину. На допросѣ черкашенинъ разсказалъ, какимъ образомъ онъ былъ захваченъ въ Гадячѣ, и прибавилъ, что „будучи въ Тетеринѣ войскѣ у Черкасъ слышалъ въ разговорныхъ рѣчахъ, что изъ Переяславля гетманъ Якимъ Самко съ чигиринскимъ гетманомъ съ Панькою Тетерею безпрестани письмы ссылаются и Апрѣля де въ 12 д. тотъ Якимъ Самко изъ Переяславля къ Панкѣ Тетерѣ писалъ и листъ свой прислалъ, а въ томъ де его листу написано, чтобъ Тетеря войско свое собралъ не замотчавъ, а къ Крымскому хану и къ ляхомъ отписалъ, чтобъ къ нему Тетерѣ прислалъ ханъ изъ Крыму многихъ людей татаръ, а ляхи бы къ нему къ Тетерѣ пришли не замотчавъ; а какъ де Тетеря войско свое сберетъ и изъ Крыму орда и ляхи пріѣдутъ и онъ бы Тетеря съ тѣмъ своимъ войскомъ и съ татары и ляхи шелъ на сю сторону Днѣпра, а онъ де Самко съ войскомъ своимъ на помощь къ нимъ будетъ, сшедчись воевать имъ великаго государя черкасскіе и украинные городы и которые де городы имъ сдадутся, и тѣхъ людей не побивать и оставливать въ тѣхъ городѣхъ начальныхъ людей ляховъ а которые городы не сдадутся, и имъ ихъ побивать". Но дѣйствуя одними лишь доносами, Брюховецкій мало бы сдѣлалъ себѣ пользы среди народа; тутъ онъ дѣйствовалъ иначе: онъ назначилъ двухъ полковниковъ, Винтовку да Тишка, бывшихъ холопей, безъ полковъ, а велѣлъ имъ прибирать къ себѣ въ полки всякихъ вольныхъ людей, кто бы они ни были, только бы давали свои голоса на радѣ за него за Брюховецкаго. Винтовка и Тишко съ успѣхомъ вы-

полнили свое дѣло: они набрали такихъ сорванцовъ, что осѣдлые козаки прятались отъ нихъ, какъ отъ враговъ. Въ тоже время Меѳодій старался пріобрѣсти сторонниковъ въ свою партію изъ среды приверженцевъ Сомка. Съ этою цѣлью онъ между прочимъ въ началѣ мая пріѣзжалъ въ Нѣжинъ къ Золотаренку, у котораго на обѣдѣ вели очень крупный разговоръ по поводу предстоявшей рады, и отсюда Меѳодій уѣхалъ ни съ чѣмъ, но за то оставилъ дѣятельнаго агента въ лицѣ нѣжинскаго протопопа, который велъ потомъ переписку съ нимъ и пропагандировалъ среди козаковъ, мѣщанъ и черни въ Нѣжинѣ.

Наказный гетманъ Якимъ Сомко мало былъ увѣренъ въ своемъ избраніи въ гетманы на нѣжинской радѣ со стороны козаковъ и черни, хотя имѣлъ на своей сторонѣ семь полковъ. Немудрено поэтому, что онъ завелъ сношенія съ Тетерею, предлагая ему придти войною на лѣвую сторону Днѣпра, обѣщая ему прислать нѣсколько тысячъ татаръ; вступленіе непріятельскихъ войскъ помѣшало бы состояться радѣ, а этого только Сомко и желалъ. Въ то же время онъ поднялъ на ноги свой полкъ и писалъ другимъ полковникамъ, чтобы они приготовили свои полки и пушечный снарядъ. „Надобно, писалъ онъ Золотаренку отъ 5 мая, по себѣ не спать, для чего повели твоя милость тотчасъ полку своему быть готову, какъ для непріятелей, такъ и для всякаго дѣла, се есть для встрѣчи Великаго-Гагина. Снарядъ прикажи твоя милость свой готовъ имѣть съ тѣмъ же войскомъ. А я своему полку также велѣлъ готову быть и всѣмъ полкамъ инымъ также“. По полученіи отъ Гагина 23 мая приглашенія прибыть на раду въ Нѣжинъ, Сомко отвѣчалъ сперва, что идти ему наказному гетману и войску запорожскому въ Нѣжинъ на раду за приходомъ воинскихъ людей нельзя. Іюня 1-го Гагинъ послалъ къ нему съ грамотою путивльца Михаила Головленкова, чтобъ онъ ѣхалъ на раду не замотчавъ; воротившись 7 іюня въ Нѣжинъ, Головленковъ разсказывалъ, что, когда онъ подалъ грамоту Сомку, тотъ, прочтя листъ, сказалъ: „на раду въ Нѣжинъ ѣхать готовъ, а со мною будетъ на радѣ шестнадцать тысячъ татаръ; а только де обранъ будетъ на радѣ совершеннымъ гетманомъ кошевой гетманъ Иванъ Брюховецкій, и го-

сударевымъ ратнымъ людямъ изъ черкасскихъ городовъ здорово не выѣхать". Въ это время пріѣхалъ въ Нѣжинъ изъ Кіева маіоръ Матвѣй Сипягинъ, который, по порученію кіевскаго воеводы Ив. Чаадаева, сообщилъ Гагину, что по призыву Сомка на сю сторону Днѣпра пришли изъ Волошской земли три тысячи татаръ и тѣмъ татарамъ приказано было напасть на Гагина, когда онъ шелъ изъ Путивля къ Нѣжину, чтобъ до Нѣжина не допустить, но потомъ де Сомко съ совѣтниками своими: съ нѣжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ, переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ и черниговскимъ Аникіемъ Силичемъ нашли неудобнымъ напасть дорогою, потому что объ этомъ узнаютъ во всѣхъ черкасскихъ городахъ и примутъ мѣры предосторожности, а потому порѣшили, что татары должны придти изгономъ подъ Нѣжинъ въ то время, какъ тамъ будетъ происходить рада.

Насколько справедливы обвиненія Сомка въ сношеніяхъ съ татарами, а тѣмъ болѣе въ призывѣ ихъ подъ Нѣжинъ—рѣшить трудно; но несомнѣнно то, что Сомко сильно расчитывалъ на радѣ воспользоваться перевѣсомъ *своихъ хорошо вооруженныхъ полковъ* надъ сбродомъ, приставшимъ къ Брюховецкому, а потому онъ очень настаивалъ, чтобы рада происходила непремѣнно за кіевскими воротами, и полковнику Страсбургу, который былъ у него въ гостяхъ, на его предложеніе переѣхать изъ за кіевскихъ воротъ черезъ рѣку Остеръ къ московскимъ воротамъ, отвѣчалъ: „будетъ за кіевскими воротами радѣ быть, и я на радѣ буду, а только рада будетъ за московскими воротами, и я на радѣ не буду и уѣду въ Переяславль со всѣмъ войскомъ"; на возраженіе Страсбурга: „какъ же онъ уѣдетъ не бывши на радѣ", Сомко отвѣчалъ: „я безъ государя не буду". Наконецъ уже по окончаніи рады, когда Сомко съ полковниками были въ верхней нѣжинской крѣпости, укрываясь отъ бунтовавшихъ козаковъ, онъ въ разговорѣ сообщилъ своимъ товарищамъ: „дивлюсь, что татары въ то время не пришли, какъ рада была". Сношенія Сомка съ Тетерею и его намѣреніе силой заставить избрать себя въ гетманы и послужили главнымъ *формальнымъ* поводомъ приговорить его къ смертной казни.

Какъ же относились люди, собравшіеся на раду, къ тому и другому конкуррентамъ? Стародубецъ Терентій Протопоповъ, присланный съ отписками отъ Гагина въ Москву 27 мая, въ распросѣ въ Приказѣ Малыя Россіи разсказывалъ, что козаки, которые выѣхали встрѣчать Гагина изъ Нѣжина, говорятъ „что многіе на совершенное гетманство хотятъ Якима Самка, а иные Брюховецкаго; а чернь говорятъ, что Самка и Брюховецкаго имъ на совершенное гетманство не надобно, а оберутъ они на радѣ опричь ихъ, кого излюбятъ всею чернью“. Чрезъ нѣсколько дней, 5-го іюня, капитанъ Мих. Мостыковъ, пріѣхавшій изъ Нѣжина, о томъ же предметѣ въ распросѣ сказалъ, что полковники, выѣхавшіе изъ Нѣжина съ Золотаренкомъ на встрѣчу Гагина, жаловались ему на Брюховецкаго, что его войско „чинитъ многимъ людямъ налоги и отъ той ихъ налоги сотники изъ городовъ многіе выбѣгаютъ“, и что эти полковники желаютъ выбрать въ гетманы Сомка, „а чернь въ разговорахъ говорятъ, что имъ годенъ быть гетманомъ Брюховецкій, потому что де онъ человѣкъ смирный и не гордый, а Самко и полковники гордые и имъ чинятъ налоги, а сами обогатѣли“. Наконецъ Гагинъ въ отпискѣ писалъ, что города, которые лежатъ ближе къ Переяславлю, желаютъ избрать въ гетманы Якима Сомка, а города ближайшіе къ Гадячу, Брюховецкаго; „а въ Нѣжинѣ сказывали казаки и мѣщане на радѣ хотятъ выбрать въ гетманы Полтавскаго полку козака Константина Суличича или нѣжинскаго казака Григорія Кобылецкаго“.

Вотъ въ какомъ положеніи находились обѣ партіи, когда открылась рада 17-го іюня 1663 года. По распоряженію Гагина царскій шатеръ[1]) былъ раскинутъ за московскими воротами, здѣсь должна была собраться и рада. Первымъ прибылъ на раду

---

[1]) Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи очень подробно описываетъ событіе рады, но вѣроятно, беллетристическая форма разсказа помѣшала ему передать это событіе съ точностью, или, быть можетъ, тѣ источники, которыми онъ пользовался при описаніи рады, передаютъ объ этомъ событіи такъ, какъ разсказалъ и Костомаровъ. Отписки Гагина и распросныя рѣчи лицъ, посланныхъ въ Москву съ извѣстіемъ о состоявшемся выборѣ гетмана, передаютъ объ этой радѣ нѣсколько иначе. Кстати замѣчу, что Н. И. Костомаровъ, разсказывая о радѣ, пишетъ: „уже красовался *нарядный* царскій шатеръ, присланный изъ Москвы“... Между тѣмъ въ одной

Меѳодій, епископъ мстиславскій и оршанскій; въ обозы къ наказному и кошевому гетманамъ былъ посланъ приказъ, чтобъ они, гетманы, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ, есауламъ, козакамъ, черни и мѣщанамъ приказали на радѣ быть безъ оружія, для того чтобъ между ними не произошло ссоры и убійства, однако и гетманы и все войско явилось съ оружіемъ. Тогда Гагинъ приказалъ имъ оружіе съ себя снять и положить; старшина послушалась, оружіе сняли и отдали держать своимъ челядникамъ. Затѣмъ Гагинъ приказалъ прочитать „вѣрющую грамоту“, по прочтеніи которой гетманы, старшина и все войско „на государевомъ жалованьѣ, на милостивомъ словѣ челомъ ударили“, а потомъ, согласно наказу, Гагинъ сталъ читать *рѣчь*, но не выслушавъ всей рѣчи, „съ Ивановой стороны Брюховецкаго полковники и сотники, и атаманы, и есаулы, и казаки и чернь обирали въ гетманы его Ивана и по своему казацкому обычаю вверхъ шапки метали, а съ Якимовой стороны Самка полковники жъ и все войско въ гетманы обирали его Якима Самка и на томъ гетманскомъ обираньѣ полку Якима Самка конные люди съ его Якимовымъ бунчукомъ и съ литавры и со многими знамены въ пѣшіе люди въ раду вскочили, а пѣхота его жъ Самкова съ ружьемъ прибѣжала и въ радѣ людьми замѣшали, а насъ (Гагина съ товарищами) съ мѣста сбили и обѣ стороны между себя бой учинили и многихъ людей казаковъ переранили, а иныхъ и до смерти побили и раду разорвали и разошлись въ свои обозы. А на завтрее того числа посылали мы рейтарскаго строя полка Шепелева маіора Вас. Непейцына къ наказному и къ кошевому гетманамъ говорить, чтобъ они гетманы на раду были, а въ войскахъ своихъ приказали накрѣпко, чтобъ на раду были безъ ружья и между ними ссоры, задору и убійства не было бы, и послѣ того вскорѣ съ маіоромъ В. Непейцынымъ къ государеву

изъ отписокъ Гагинъ писалъ въ Москву, что „присланный къ нему съ дьякомъ Ив. Ѳоминымъ казенный суконный шатеръ, отпущенный шатерничимъ Андр. Карбышевымъ, цвѣтомъ *черный* и того шатра въ Нѣжинѣ при обраньѣ гетманскомъ на радѣ безъ указу ставить *не смѣемъ*, потому что цвѣтомъ тотъ шатеръ *черный*“. Въ отвѣтъ ему писали изъ Москвы: „и вы бъ при обраньѣ гетманскомъ ставили шатеръ тотъ, который къ вамъ присланъ съ Москвы“.

шатру къ намъ прибѣжалъ изъ своего обоза наказный гетманъ Якимъ Самко съ полковники: нѣжинскимъ Вас. Золотаренкомъ, черниговскимъ Аникіемъ Силинымъ (Силичемъ), переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ, прилуцкимъ Дм. Чернявскимъ, кіевскимъ Сем. Третьякомъ и сказали, что ихъ полковъ сотники, атаманы и есаулы, казаки и чернь, которые были при нихъ, отошли въ обозъ къ кошевому гетману къ Ив. Брюховецкому, а ихъ хотѣли побить до смерти, и чтобъ ихъ Якима Самка съ товарищи черни убить не дать и мы отослали ихъ въ городъ къ воеводѣ Мих. Дмитріеву, чтобъ, ихъ уберечь и побить не дать и велѣли имъ тамъ быть до указу". Тотъ же Непейцынъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о случившемся и съ приглашеніемъ явиться на раду— въ обозъ Брюховецкаго, который не замедлилъ явиться со своими сторонниками, собравшимися въ числѣ до сорока тысячъ. Были повторены тѣ же дѣйствія, что и наканунѣ: прочитана „вѣрющая грамота", сказана была рѣчь и затѣмъ предложено приступить къ выборамъ. Тихо и безмятежно, всѣми вольными голосами въ совершенные гетманы былъ избранъ Брюховецкій и того жъ числа, послѣ молебствія въ соборной церкви о многолѣтіи государя, онъ былъ приведенъ къ присягѣ и ему были переданы Гагинымъ грамота, утверждающая его гетманомъ, жалованная грамота на булаву и на староство гадячское. Принявши грамоты, новообранный гетманъ билъ челомъ, чтобы ему дать булаву и знамя, „чѣмъ бы ему въ войскѣ означить великаго государя къ себѣ милость". Въ отвѣтъ на эту просьбу Гагинъ отвѣчалъ, что знамя и булава будутъ даны ему, когда онъ увидитъ пресвѣтлыя царскія очи. Затѣмъ были приведены къ присягѣ вновь избранные полковники на мѣсто тѣхъ, которые бѣжали отъ своихъ полковъ. Нѣсколько иначе разсказываетъ о побѣгѣ Сомка съ полковниками изъ своего обоза въ царскій шатеръ черный дьяконъ Симеонъ, посланный Меѳодіемъ въ Москву съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана: „Какъ на радѣ отъ наказнаго гетмана отъ Якима Самка начальные люди, старшины и чернь отступили, и онъ Якимъ прибѣжалъ къ шатру окольничаго кн. Данила Степановича Великаго-Гагина съ товарищи, а съ нимъ прибѣжали полковники: переяславскій, кіевскій, черниговскій,

прилуцкій, лубенскій и всѣ полковники, которые были въ войскѣ при Якимѣ Самкѣ, опричь полковниковъ полтавскаго да зиньковскаго, потому что тѣ были при Брюховецкомъ, а Васюта Золотареновъ и тесть его Иванъ Поповичъ въ то время были у окольничаго въ шатрѣ, а не съ Якимомъ Самкомъ, а начальные люди Вас. Золотаренка и чернь и армата была въ обозѣ, а не съ нимъ были. Да съ нимъ же Якимомъ Самкомъ прибѣжали къ окольничему къ шатру начальныхъ людей, черни и челяди по смѣтѣ человѣкъ съ сорокъ, и окольничій велѣлъ Як. Самка и полковниковъ, начальныхъ людей и чернь, которые за ними пріѣхали, отвесть въ городъ пѣшаго строю начальному человѣку и иные черни и челяди въ верхній и въ нижній городъ пускать не велѣлъ, чтобъ не учинилась въ городѣ какая ссора". Изъ послѣдующей отписки Гагина оказывается, что въ городъ были отосланы изъ шатра съ ротмистрами рейтарскаго строя полка Ив. Шепелева съ Васильемъ и Яковомъ Бекарюковыми подъ прикрытіемъ ихъ ротъ, слѣдующія лица: „Наказный гетманъ Якимъ Сомко, нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренко, переяславскій—Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ, кіевскій—Семенъ Третьякъ, ирклеевскій—Иванъ Папкѣевичъ, лохвицкой—Степанъ Шамрицкой, прилуцкій--Дм. Чернявскій, писарь Савицкой, писарь Васеевичъ, писарь Ѳома Тризничъ, Ив. Воробей, Семенъ и Прокопій Кулженскіе, Ананка есаулъ, Павелъ Килдѣй (Киндѣй?), Левка Бутъ, секретарь Самковъ (имени нѣтъ) и Ивана Поповича. Данила Повинный, Словинъ, Богдановъ, Лизогубъ Гелмязовскій, Ив. Шматовичъ и Жилка Сомковъ, тоже отосланные въ городъ съ Сомкомъ, на лицо не оказались. „А Якимъ Самко и полковники черниговскій и переяславскій, писалъ въ заключеніе Гагинъ, по многимъ причинамъ тебѣ великому государю не вѣрны". Въ Москвѣ по полученіи извѣстія о происшествіяхъ, случившихся на радѣ, немедленно сдѣлано было распоряженіе объ описи и опечатаніи имущества Сомка и другихъ полковниковъ и тотчасъ о томъ посланы къ воеводамъ грамоты, а Сомка съ товарищами до указу велѣно держать въ Нѣжинѣ. А въ Нѣжинъ былъ посланъ изъ Москвы стольникъ, князь Н. Гагаринъ съ милостивымъ словомъ къ кн. Гагину и бывшимъ

при немъ ратнымъ, а также къ епископу Меѳодію и гетману Брюховецкому съ милостивыми грамотами; кромѣ того Гагаринъ повезъ съ собою два сорока соболей для епископа, а гетману знамя и булаву и тоже два сорока соболей. „А знамя каково послано: писано обѣ стороны Образъ Спасовъ—Эммануила, около Спасова образа по знамени звѣзды; булава серебряная, позолочена съ бирюзами да съ раковинами. На знамени сорочка сукна червчатаго, на булавѣ тафта червчатая жъ“. Въ отвѣтъ на эти знаки царской милости Брюховецкій писалъ государю отъ 4 августа: „не мое какое съ высокихъ заслугъ урощенное достоинство а незначная въ службѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества моя прислуга, но напередъ недостижимыя разумомъ людскимъ судьбы Божіи, а потомъ особная и милосердая милость вашего ц. пресвѣтлаго величества съ маіестату сіе исправляетъ, что ты... съ пребогатыхъ щедротъ... мене вѣрнаго холопа и раба своего булавою и знаменемъ при неисчетномъ своемъ... жалованьѣ ущедрити и рабское мое художество украсити изволили, которая—та булава и знамя съ жалованьемъ... дня 2 Августа въ войскѣ въ недостоиныя руци мои при преосвященномъ Меѳодіи... отданная вяжетъ мене непоколебимо во вѣки и неподвижно черезъ всѣ лѣта живота моего къ вашей... службѣ, надежнымъ будучи, что всемилостивый Богъ на мнѣ недостойномъ червѣ судьбы свои Божія исполняючи за праведными вашими... молитвами даруетъ мнѣ вѣрному вашему холопу при тѣхъ знакахъ войсковыхъ отъ лица вашего пресвѣтлаго царскаго величества присланныхъ святымъ и государственнымъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества благословеніемъ и счастьемъ свыше отъ Бога даннымъ, паче злата и бисера украшенныхъ, между вѣрнымъ войскомъ... запорожскимъ любовь и всякихъ мятежныхъ расколъ умерщвленіе, а надъ всякими вашими... врагами одолѣніе и побѣду, чтобъ тѣ всякіе враги на вѣру православную и на вашъ... маіестатъ наступаючіе, увидѣвъ тѣ знаки и клейноты, не отъ нашихъ худыхъ войсковыхъ силъ, но отъ оныхъ, аки отъ вѣтру прахъ, утекали и врознь шли“. Далѣе онъ проситъ о присылкѣ ратныхъ людей для посылки за Днѣпръ, а ему самому безъ царскихъ войскъ за Днѣпръ идти нельзя, пока мятежъ и

нелюбовь, возбужденные въ низовыхъ и тутошнихъ городахъ нѣжинскою радою, не будутъ искоренены, а потому онъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и чернью просятъ „тѣхъ завистниковъ любве Богу и великому государю и войску всему запорожскому проступныхъ по своему милосердому государскому указу и по стародавнимъ правамъ войсковымъ войску и мнѣ на судъ съ города Нѣжина велѣти дати, чтобъ намъ всему войску вѣрному сзади отъ нихъ безопаснымъ быть“. Какъ извѣстно, этотъ „наинижайшій подножекъ пресвѣтлаго престола“ добился суда надъ Сомкомъ и его друзьями и смертною казнію его отомстилъ за тѣ хлопоты, которыя причинялъ ему Сомко своей конкурренціей на гетманскую булаву. Меѳодій за свое пронырство получилъ сорокъ соболей въ 100 рублей да триста серебряныхъ рублей.

А. Востоковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 23 декабря 1835 года Правительствующему Сенату, выражено: „Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію города Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обозрѣть въ подробности настоящій порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ доставленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно разсмотрѣнныхъ, удостовѣряюсь, что сей порядокъ не соотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другіе же въ теченіи времени и съ перемѣною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣняясь въ ихъ дѣйствіи, *обратились во вредъ и отягощеніе цѣлому составу городскаго общества*, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) по примѣру другихъ городовъ учредить на основаніи городоваго положенія Городскую Думу, а равно упразднить Городскую Коммиссію и передать ея дѣла въ Думу; 2) присвоить Магистрату Кіева въ отношеніи Губернскаго начальства и судебныхъ мѣстъ всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) освободить Городское Общество отъ содержанія городской стражи (2000 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію безполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользо-

вались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначать вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами" [1]).

Такимъ образомъ, въ 1835 году, въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему еще въ концѣ XV в. и просуществовавшее въ немъ нѣсколько столѣтій. Съ воспоминаніемъ объ этомъ фактѣ соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка, но остававшемся для насъ неизвѣстнымъ; этимъ же невѣдѣніемъ, полагаемъ мнимымъ, истинной причины реформы кіевскаго городскаго управленія проникнутъ и памятникъ современной рукописной литературы: „Скорбь кіевлянъ" [2]), стихотвореніе магистратскаго писца, отдѣлывающагося намеками и гаданіями относительно совершившагося факта, вѣроятно, изъ боязни оскорбить рѣзкою правдою, которой онъ по мѣсту своего служенія въ магистратѣ не могъ не знать, самолюбіе своихъ недавнихъ, но еще сильныхъ покровителей и начальниковъ.

Разъясненіе этого затемненнаго, и благодаря прежнему порядку судопроизводства, малоизвѣстнаго событія оказывается нынѣ возможнымъ лишь по изученіи старыхъ дѣлъ, хранящихся нынѣ въ центральномъ университетскомъ архивѣ и проливающихъ свѣтъ на положеніе кіевскаго городскаго управленія въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій. Изъ этихъ-то дѣлъ мы и узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ, по указу Сената 10 авг. 1834 г., отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шести-гласной думою кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебургскомъ правѣ, со всѣми привилегіями, отличавшими Кіевъ отъ другихъ русскихъ городовъ, малопонятными начальству и служившими только помѣхою контролю послѣдняго надъ городскою автономіею.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Собр. 2, т. X., Приб., стр. 47, № 7694, а.

[2]) Кіевская Старина, 1882 г., май.

На основаніи указанныхъ нами дѣлъ мы имѣемъ въ виду не только очертить злоупотребленія кіевскаго магистрата, кончающіяся его, такъ сказать, самоуничтоженіемъ, но и выяснить также исторически сложившіяся причины этихъ злоупотребленій, которыя приводили привилегированное самоуправленіе Кіева къ столь печальному исходу.

I.

Злоупотребленія кіевскихъ войтовъ и другихъ магистратскихъ чиновъ сдѣлались извѣстными, благодаря энергическимъ разоблаченіямъ кіевскаго мѣщанина Василія Наумовича Кравченка.

Сей послѣдній принадлежалъ къ мясному цеху и занимался въ мирное время торговлей, а въ военное время бралъ на себя подрядъ по поставкѣ для русской арміи лошадей. Человѣкъ онъ былъ болѣе или менѣе состоятельный, къ числу представителей городскаго суда и администраціи не принадлежалъ и часто съ ними враждовалъ. Возмущался ли Кравченко злоупотребленіями войтовъ и бургомистровъ въ силу своей честности, оскорблялось ли его самолюбіе тѣмъ, что ему самому не удалось засѣдать въ магистратѣ, или оно было уязвлено случайными столкновеніями съ магистратскими чинами,—рѣшить трудно. Изъ поднятаго имъ дѣла, тянувшагося свыше 20 лѣтъ, видно, что противники Кравченка, не смотря на сильное желаніе отомстить своему обличителю и привлечь его самого къ уголовной отвѣтственности, не могли при всемъ стараніи найти для этого какого-либо повода и основанія. Остается поэтому думать, что Кравченко былъ честный, самоотверженный человѣкъ, во имя справедливости затѣявшій борьбу съ богатыми и сильными купцами, которые держали въ своихъ рукахъ судъ и управленіе городомъ и составляли между собою тѣсно связанную родствомъ и общими интересами лигу. Начавъ эту борьбу въ такое время, когда на судѣ правда оставалась за тѣмъ, кто больше платилъ, Кравченко, какъ самъ заявлялъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, просудилъ большую половину своего

состоянія; тѣмъ не менѣе, съ замѣчательною энергіею и настойчивостью, онъ преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль и успокоился только тогда, когда достигъ желаннаго успѣха; успѣхъ же этотъ тѣмъ лишь и обезпечилъ, что сдѣлалъ преступленія магистратскихъ чиновниковъ на столько гласными, на сколько это было возможно въ его время; неутомимо одну за другою подавалъ онъ жалобы губернскому прокурору, гражданскому губернатору, генералъ-губернатору, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и даже въ Сенатъ, лишивъ такимъ образомъ своихъ противниковъ возможности замять дѣло въ мѣстныхъ низшихъ инстанціяхъ.

Началось это громкое дѣло по слѣдующему маловажному, повидимому, поводу: 8-го января 1821 г., въ магистратѣ происходили выборы ремесленнаго головы и на другія городскія должности. Выборы производились голосами, а не шарами. Были, вѣроятно, избраны неугодные Кравченку лица, и онъ протестовалъ тутъ же, но не противъ избранныхъ, а противъ способа избранія. Присутствовавшій на выборахъ полиціймейстеръ Дуровъ, равно и члены магистрата, не обратили вниманія на его слова; Кравченко пожаловался губернатору, и выборы 8 января были отмѣнены. На новыхъ выборахъ 11-го января того же года стали опять избирать голосами, а не шарами. Кравченко замѣтилъ, что выборы должны производиться шарами. Войтъ Григоренко, бургомистръ Лакерда и другіе члены магистрата отвѣчали, что такого закона нѣтъ. Кравченко стоялъ на своемъ и тѣмъ еще болѣе раздражилъ городскихъ представителей. Возгорѣлся общій споръ, пошли взаимныя пререканія на выборахъ, мѣщане раздѣлились на двѣ партіи: одна, по убѣжденію войта и магистратскихъ чиновъ, составила опредѣленіе объ исключеніи Кравченка, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества; другая, напротивъ, выдала ему свидѣтельство, что онъ „есть честной и безпорочной жизни, полезный и спокойный въ обществѣ, защищающій вездѣ справедливость и открывающій оную“. Чувствуя-ли себя не совсѣмъ правымъ, или не желая затѣвать большого дѣла, Кравченко на другой же день ходилъ къ войту и „убѣдительно и слезно“ просилъ его уничтожить обидное для него опредѣленіе.

Войтъ передъ иконою клялся, что исполнитъ просьбу, а между тѣмъ не исполнялъ; девять дней ходилъ къ нему Кравченко и все безуспѣшно. Это-то глубокое оскорбленіе мѣщанскаго самолюбія и было тѣмъ толчкомъ, который двинулъ Кравченка на борьбу съ вѣковой неправдой, успѣвшей пустить широкіе и глубокіе корни. Въ многочисленныхъ прошеніяхъ своихъ въ разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ государства Кравченко обвинялъ членовъ магистрата въ томъ, что они взыскиваютъ самовольно при сборѣ подушныхъ въ значительномъ количествѣ излишнія деньги, разоряя этимъ мѣщанъ и приводя ихъ къ нищетѣ; собранныхъ такимъ образомъ денегъ въ расходъ не показываютъ и вообще не даютъ обществу отчетовъ въ городскихъ суммахъ со времени „послѣдней ревизіи“ (1816 г.). Первая такая жалоба подана была Кравченкомъ 18 янв. 1821 г. кіевскому гражд. губернатору Бухарину. Это всполошило магистратъ, ибо еще на выборахъ 11 января мѣщане въ числѣ 42 человѣкъ жаловались на тягость и разорительность налоговъ, порицали избраніе стараго базарнаго Нечаева въ десятый разъ въ ту же должность и желали видѣть на ней новое лицо, а 7-го февраля всѣ цехи единодушно въ поданномъ ими въ магистратъ заявленіи протестовали противъ налоговъ, собиравшихся сверхъ подушныхъ, и отказались платить таковые. Представители городского самоуправленія возбудили вопросъ, имѣетъ-ли право Кравченко подавать жалобы отъ имени цѣлаго общества, когда ему 42 мѣщанами выдано только свидѣтельство о поведеніи, а не довѣренность; рядомъ съ этимъ въ магистратѣ производилось „устрашеніе“ тѣхъ, кто раньше другихъ подписалъ выданное Кравченку свидѣтельство, и двое изъ нихъ перешли на сторону его противниковъ. Но нашлось 40 смѣльчаковъ, которые 9 февр. 1821 г. выдали Кравченку формальную довѣренность „доходить по начальству защиты и правосудія“. Эта довѣренность, или открытый „вѣрющій листъ“, выражаясь юридическимъ языкомъ того времени, была явлена и посвидѣтельствована 11 февраля въ кіевскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, гдѣ и записана въ актовую книгу подъ № 744. Тѣмъ не менѣе, хотя губернское правленіе назначило слѣдственную коммиссію изъ полиціймейстера Дурова

и казенныхъ дѣлъ губернскаго стряпчаго Бакалова для изслѣдованія, указанныхъ Кравченкомъ, злоупотребленій магистрата въ расходованіи общественныхъ суммъ, а по жалобѣ того же Кравченка на неправильность баллотировки и исключенія изъ состава общества, постановило сдѣлать магистрату выговоръ за нарушеніе закона, но оставило безъ вниманія остальныя его жалобы. Магистратъ старался отклонить слѣдствіе, заявляя, что подписавшіеся на довѣренности Кравченка, какъ и онъ самъ, принадлежатъ будто бы къ банкротамъ, къ порочнымъ людямъ вообще, и что многіе изъ нихъ состоятъ подъ судомъ, но губ. правленіе, по разсмотрѣніи произведенныхъ 11 янв. выборовъ [1]), хотя признало выборы правильными, но не утвердило всѣхъ избранныхъ, которые, будучи ремесленными головами, причастны были къ дѣлу объ излишне взысканной суммѣ (Бугаевскій и Диковскій), а также оцѣнщиковъ и базарныхъ, которые баллотировались не шарами, а голосами. Слѣдственная коммиссія, въ свою очередь, потребовала отъ магистрата объясненій, на какомъ основаніи, онъ, вѣдая только тяжебныя и уголовныя дѣла, „вмѣшался въ раскладку на мѣщанъ излишнихъ денежныхъ налоговъ сверхъ указныхъ податей". Магистратъ отстаивалъ свое право на сборъ налоговъ и, основываясь на XIV главѣ „о власти магистратской магдебурскаго права", на „учрежденіи или уставѣ главнаго магистрата", изд. 16 янв. 1721 г., и на городовомъ положеніи 1785 г., доказывалъ, что принятый имъ порядокъ раскладки налоговъ въ присутствіи ремесленныхъ головъ, разныхъ цехмистеровъ и старшинъ отъ каждаго цеха вполнѣ законенъ, равно какъ и взысканіе и взносъ собранныхъ по сей раскладкѣ денегъ особо выбранными для сего сборщиками въ цехи, съ передачею ихъ оттуда чрезъ ремесленную управу въ казначейство, при чемъ относительно распоряженія остатками сборовъ въ пользу

---

[1]) Тогда же большинствомъ голосовъ были избраны: въ *бургомистры* Семенъ Балабуха; въ *ратсгеры* Иванъ Григоренко (сынъ войта) и Іосифъ Диковскій; въ *члены городской коммиссіи* Андрей Скородубъ, Алексѣй Ходуновъ, Ѳедоръ Полонскій и Исидоръ Кириченко; въ *члены квартирной коммиссіи* Георгій Бугаевскій; въ *лавники* Иванъ Лакерда; въ *инстигаторы* Евфимъ Вишневскій; въ *квартиргеры* Тимофей Островскій, Петръ Кобецъ, Миронъ Диковскій и Якимъ Федоровскій; въ *ремесленныя головы* Антонъ Новохацкій; въ *оцѣнщики* и *базарные* Семенъ Кочевой, Исаакъ Червинскій, Кондратъ Шульгинъ и Алексѣй Бойковъ.

городскихъ обывателей, безъ представленія отчетовъ о томъ начальству, а съ правомъ отчетываться въ томъ только „предъ старшими и знатнѣйшими изъ поспольства“ магистратъ оправдывалъ себя ссылками на 26 ст. губернаторскаго и воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728, а также Высочайше жалов. грам. и привилегіями польскихъ королей Сигизмунда III 1 апр. 1626 г. и Яна-Казиміра 12 янв. 1650 г., подтвержденныхъ впослѣдствіи указомъ Прав. Сената въ 1739 г. Отсюда возникла переписка, разросшаяся потомъ въ десятки томовъ, между подсудимыми и слѣдователями о взаимныхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствіе началось и коммиссія стала допрашивать свидѣтелей въ присутствіи Кравченка, слѣдившаго за показаніями и указывавшаго коммиссіи на источники, подтверждающіе фактъ сверхсмѣтныхъ налоговъ; домогательство же Кравченка, чтобы при слѣдствіи присутствовали и всѣ цехмистры, заявившіе отъ имени своихъ цеховъ о нежеланіи мѣщанъ платить излишніе налоги, оставлено было коммиссіею безъ послѣдствій. Истину своихъ жалобъ Кравченко доказывалъ: 1) свидѣтельскими показаніями сборщиковъ и 2) тетрадями и документами о сборахъ и раскладкахъ, хранившимися въ магистратѣ, при чемъ настаивалъ на необходимости произвести повѣрку съ 1813 года, не выясняя мотивовъ, почему онъ считаетъ излишнее взысканіе податей только съ этого времени, а не раньше,—вѣроятно онъ понималъ, что пожаръ 11 іюля 1811 г., когда всѣ обличающія дѣла и документы магистрата сгорѣли или были сожжены, и наступившій за тѣмъ богатый событіями, требовавшими экстраординарныхъ расходовъ, 1812 годъ давали полную возможность его противникамъ оправдаться; только отсюда понятно, почему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ городского управленія начинается съ 1813 г., когда должность войта занималъ Ф. Лакерда [1]. Свидѣтелями коммиссія вызывала всѣхъ цехмистровъ и альтермановъ, руководившихъ дѣлами цеховъ съ 1813 по 1821 г.; они давали

[1]) Филиппъ Лакерда, надо думать, началъ службу въ концѣ прошлаго столѣтія; въ началѣ текущаго вѣка мы застаемъ его бургомистромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ дѣлами общественной коммиссіи, членомъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ и однимъ изъ питейныхъ откупщиковъ; въ 1813 и 1814 годахъ онъ временно исправлялъ должность войта, т. е. отъ

однообразныя показанія въ слѣдующей формѣ: подати отъ сборщиковъ или отъ цеховъ принималъ, деньги вносилъ въ казначейство, изъ остатка производилъ цеховые расходы, излишекъ же передавалъ войту или кому-нибудь изъ членовъ магистрата; росписокъ въ пріемѣ или сдачѣ денегъ многіе не имѣли вовсе, большинство же изъ нихъ отговаривалось то пожаромъ 1811 г., то утратой вслѣдствіе неважности самой росписки, то неграмотностью и пр. Въ вызовѣ же и допросѣ свидѣтелей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ремесленной управѣ, слѣдственная коммиссія почему-то отказала, а это весьма существенно должно было отразиться на дѣлѣ, такъ какъ въ качествѣ свидѣтелей привлекались только цехмистры и альтерманы, сами принимавшіе участіе въ преступленіяхъ, а иногда и обвинявшіеся въ прямой растратѣ общественныхъ денегъ. Требованіе слѣдственною коммиссію отъ обвиняемыхъ документовъ по раскладкѣ и сбору податей вызвало тоже безконечную переписку, служившую къ оттягиванію результата слѣдствія. Магистратъ представилъ въ концѣ концовъ кое-какія тетради, но не за всѣ годы (1813—1821), не всѣхъ цеховъ (ихъ было 16) и въ добавокъ только черновые, что давало возможность, вслѣдствіе поправокъ и помарокъ на нихъ, обвиняемымъ оправдываться и оспаривать выводы коммиссіи. Естественно, что при такихъ свидѣтельскихъ и документальныхъ данныхъ вычисленіе собранной суммы для коммиссіи было немыслимо; тѣмъ не менѣе, сопоставляя ихъ съ данными, сообщенными губернскимъ казначействомъ о количествѣ внесенныхъ за мѣщанъ податей, слѣдственная коммиссія пришла къ заключенію: 1, что въ періодъ времени съ 1813 по 1821 г. въ тетрадяхъ показано меньшее количество душъ, чѣмъ сколько ихъ было по даннымъ казначейства; это магистратъ объяснялъ тѣмъ, что казначейство при исчисленіи числа душъ руководствовалось показаніями послѣдней ревизіи, между тѣмъ какъ цехи въ своихъ тетрадяхъ обозначали только наличное число душъ, исключая умершихъ, отданныхъ въ

смерти Юрія Рыбальскаго до выбора Михаила Григоренка. Сыновья Лакерды: Антонъ, родившійся въ 1779 г., избранъ лавникомъ въ 1816 г., ратсгеромъ въ 1817 г. и бургомистромъ въ 1825 г. и Иванъ, родившійся въ 1789 г., избранъ въ 1822 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1831 г. бургомистромъ.

рекруты, сосланныхъ въ Сибирь, бѣглыхъ, а также бѣдныхъ, сиротъ, нищихъ, калѣкъ и вообще неспособныхъ къ труду и не имѣющихъ средствъ къ платежу податей, почему изъ общаго числа 6000 душъ, обязанныхъ платить подати, среднимъ числомъ исключалось 2102 души, за которыхъ городское общество вносило 26,501 р. 87 к. ежегодно, и 2, что всего въ означенный періодъ (1813—1821) взыскано съ мѣщанъ 444,032 р. 86 к., въ казначейство же внесено 402,209 р. 30½ к., откуда и явился у слѣдственной коммиссіи вопросъ магистрату, куда дѣлись 40,823 р. 55½ к., собранные съ мѣщанъ, и на что израсходовало ихъ городское управленіе? Магистратъ, въ лицѣ своихъ представителей войта Григоренка [1]) и бургомистровъ И. Романовскаго [2]) и С. Балабухи [3]), представилъ отчетъ въ израсходованіи на общественныя нужды означенной суммы [4]) копѣйка въ ко-

---

[1]) Мы не знаемъ, когда вступилъ въ магистратъ предпослѣдній войтъ Михаилъ Ивановичъ Григоренко, но въ эту должность онъ былъ избранъ въ 1816 году и занималъ ее до своей смерти въ февралѣ 1826 г. Его сынъ Иванъ сдѣлался ратсгеромъ магистрата еще при жизни отца, съ 1822 года, и участвовалъ въ городскомъ управленіи до полной отмѣны магдеб. права въ Кіевѣ.

[2]) Романовскій Иванъ Петровичъ, зять Ф. Лакерды, род. въ 1787 г., избранъ въ 1820 г.—инстигаторомъ, въ 1825 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1830 г. бургомистромъ; его братъ Павелъ, зять И. Могилевскаго, род. въ 1778 г., избранъ въ 1802 году цехмистеромъ кузнецкаго цеха, въ 1805 году словеснымъ судьею, въ 1807 членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи, въ 1810 г. членомъ строительной коммиссіи, въ 1816 г. ратманомъ полиціи, въ 1819 г. ратсгеромъ магистрата, въ 1821 г. бургомистромъ и въ 1828 г. еще разъ членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи.

[3]) Служба семьи Балабухъ началась весьма рано, еще въ первой половинѣ XVIII в. Тогда, въ 1751 г., Василій Балабуха былъ бургомистромъ, а его братъ Григорій лавникомъ. Семенъ Балабуха въ 1782 г. занималъ должность бургомистра, а въ 1787—гласнаго въ новой думѣ (А. Андріевскій Истор. Мат. вып. I, стр. 135; вып. 2, стр. 29). Его сынъ Семенъ Семеновичъ род. въ 1771 г., въ 1804 г. былъ избранъ квартиргеромъ, въ 1812 г. членомъ квартирной коммиссіи, въ 1816 г. ратсгеромъ, въ 1821 г. бургомистромъ и членомъ городской коммиссіи. Братья Семена Балабухи старшій Константинъ былъ бургомистромъ и членомъ общественной коммиссіи съ 1807 по 1811 г., а младшій Александръ ратсгеромъ магистрата.

[4]) Вотъ цифры этого очевидно сочиненнаго отчета: 1, на городскую капелію 13,833 р. 59 к.; 2, на содержаніе экзекуцій при взысканіи податей 97 р.; 3, на пополненіе убытка въ 110 р., понесеннаго изъ суммы 400 р., издерж. мѣщ. Калиновскимъ и Пискуновымъ во время поѣздки ихъ въ 1816 г., по повелѣнію начальства, за покупкою воловъ для составленія таксы на мясо; 4, на починку пожарныхъ орудій, выписан-

пѣйку противъ сдѣланнаго коммиссіею начета,—въ общемъ же итогѣ слѣдственная коммиссія, какъ изъ ея заключенія видно, нашла растрату магистратомъ городскихъ суммъ въ 67,325 р. $43^1/_2$ к.

Въ мартѣ 1824 г. губернское правленіе, разсмотрѣвъ представленный (приведенный нами въ выноскѣ) отчетъ магистрата, или вѣрнѣе, общій итогъ его расходовъ, признало его всецѣло неподтвержденнымъ и бездоказательнымъ, но при этомъ правленіе высказалось, что готово его признать, буде мѣщане г. Кіева дадутъ подписку, что своевременно извѣстны имъ были всѣ эти расходы и на нихъ они выразили свое согласіе. Магистрату не трудно было добыть эту подписку: въ четыре дня, съ 18-го по 21 апрѣля, на подпискѣ красовалось около 600 подписей, въ числѣ которыхъ были имена подсудимыхъ, т. е. членовъ магистрата, городской коммиссіи, ремесленной управы и пр., а также и всѣхъ, когда либо принимавшихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи.

Казалось, дѣло приведено было къ концу, такъ какъ количество излишне собранныхъ податей опредѣлено, расходъ ихъ указанъ и согласіе общества получено,—но не такъ отнесся къ дѣлу Кравченко; еще при производствѣ слѣдствія полиціймейсте-

---

ныхъ изъ Спб., и на погребеніе обучавшихся въ Петербургѣ мастеровъ—250 р. 27 к.; 5, на уплату извозчикамъ при поѣздкахъ въ казначейство для уплаты податей—483 р. 69 к.; 6, на письмоводителя, разсыльныхъ и на покупку дровъ, въ добавокъ къ суммѣ, получаемой изъ кассы городской коммиссіи (по 230 руб. ежегодно)—2,184 р. 50 к.; 7, на исправленіе домовъ, занимаемыхъ ремесленною управою и цехами—3,542 р. 37 к.; 8, на покупку бумаги для писанія ревизій о мѣщанахъ и штрафныхъ 638 р. 5 к.; 9, на уплату рекрутскихъ денегъ за приписанныя къ кіевскому мѣщанству души для составленія полнаго числа, съ котораго можно было бы выставить рекрута,—2,139 р. $11^1/_4$ к.; 10, кавалеру Филистри за поднесенную имъ въ даръ городу хронологическую табель—300 р. („Генеалогическая, хронологическая и синхронистическая таблица Россійской исторіи, сочиненная кавалеромъ Филистри, придворнымъ королевскимъ Прусскимъ поэтомъ и бывшимъ вице-директоромъ зрѣлищъ въ Спб. Въ типографіи Плюшара, 1818 г.); 11, на возвратъ поступившимъ въ рекруты взысканныхъ съ нихъ податей—15 р.; 12, на содержаніе городскихъ пушекъ—305 р.; 13, мѣщанину Кравченку по присужденію Правит. Сената передержанныхъ имъ въ 1812 г. при поставкахъ по контракту для дунайской арміи лошадей и пр.—447 р. 50 к.; 14, на постройку въ Кіево-Подолѣ для убоя скота бойни—1,316 р.; 15, на разныя общественныя надобности и содержаніе канцеляріи—15.106 р. $46^1/_2$ к., а всего 40,823 р. $55^1/_2$ к.

ромъ Дуровымъ и стряпчимъ Бакаловымъ, онъ „возымѣлъ на нихъ зазрѣніе" и жаловался губернскому прокурору, въ 1-й департаментъ Сената, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ указаніемъ на разныя безпорядки, упущенія и неясности, допущенныя слѣдователями при слѣдствіи; жалобы Кравченка поддержалъ и губернскій прокуроръ,—почему Сенатъ предписалъ губернскому правленію назначить новыхъ слѣдователей, и 23 марта назначены были новые слѣдователи: депутатъ 1-го департамента кіевскаго главнаго суда Стринжа и чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Долинскій; имъ вмѣнено въ обязанность провѣрить дѣйствія своихъ предшественниковъ и исправить сдѣланныя ими упущенія, точно указанныя прокуроромъ [1]), въ заключеніи о которыхъ послѣдній высказался, что хотя по 26 ст. воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728 г., и не возбраняется собранныя деньги употреблять на общественныя нужды,

[1]) Прокуроръ указалъ на слѣдующія упущенія: 1, Дуровъ и Бакаловъ производили учетъ излишне-собранныхъ денегъ не съ 1813 г., какъ того требовалъ Кравченко, а съ 1814 г., слѣдствіе не велось въ его присутствіи, а вычисленіе и итоги растраты не скрѣплялись его подписью; 2, для опредѣленія количества незаконно взысканныхъ податей служили магистратскія тетради, большая часть которыхъ не была доставлена въ слѣд. коммиссію магистратомъ, почему неизвѣстны основанія, служившія коммиссіи для подведенія итога излишне-собранной суммы; 3, слѣдственная коммиссія не требовала отъ магистрата ежегодныхъ отчетовъ о сборѣ и расходахъ податей, вмѣстѣ съ остатками отъ послѣднихъ у ремесленныхъ головъ, подаваемыми магистрату, и удовлетворилась только голословнымъ объясненіемъ послѣдняго, показавшаго расходъ на общественныя нужды, никѣмъ и ничѣмъ не удостовѣренный; 4, всѣ, исчисленные въ объясненіи магистрата, расходы не могутъ быть признаны необходимыми, ибо на нихъ ежегодно отпускается отъ города вполнѣ достаточная сумма; 5, магистратъ не объяснилъ употребленія 3 т. р., ежегодно заработываемыхъ капеліею городу отъ свадебъ, театровъ, и др. случаевъ; 6, нѣкоторые расходы (содержаніе письмоводителя и разсыльныхъ, выдача 300 р. Филистри и пр.) показаны магистратомъ вдвойнѣ; 7, вопреки заявленію магистрата, подтвержденному и слѣдователями, будто изъ собранныхъ денегъ „никакой части ни у кого въ удержаніи не осталось", изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что изъ собиравшихся податей удержано: альтерманами: Дмитріемъ Плахотниковымъ 40 р., Семеномъ Зайкинымъ 25 р., Семеномъ Щербинскимъ 365 р., Романомъ Броварниковымъ 120 р. и сборщиками Саввою Моровскимъ (выдавшимъ на имя городской коммиссіи вексель) 435 р. 20 к., Семеномъ Лагодой 213 р. и Иваномъ Пондиковымъ 54 р., всего же удержано 1252 р. 20 к.; между тѣмъ деньги эти еще до сихъ поръ не внесены въ магистратъ, а слѣдователи не потребовали отъ послѣдняго объясненій.

но такъ какъ 1, та раскладка налоговъ составлялась магистратомъ съ участіемъ только подчиненныхъ ему старшинъ и цехмейстеровъ безъ всякаго согласія и приговоровъ общества, и 2, излишне-собранныя деньги не только употреблены магистратомъ безъ вѣдома и согласія общества, но и при томъ на такія нужды, на которыя по штатамъ и назначеніямъ опредѣлена особая сумма, то, поэтому, примѣняясь къ существующимъ на этотъ предметъ законамъ[1]), въ которыхъ для введенія налога требуется согласіе всѣхъ членовъ городскаго общества, онъ (т. е. прокуроръ) находилъ излишнее взысканіе податей неправильнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу закона, а дѣйствія губернскаго правленія, оставившаго эти противозаконныя распоряженія членовъ магистрата и ремесленной управы, не смотря на протесты Кравченка и съ нимъ 42 мѣщанъ, противорѣчащими смыслу 96 ст. Высоч. о губ. учрежденія.

Въ свою очередь и Кравченко, въ дополненіе къ указаннымъ выше прокуроромъ упущеніямъ, въ поданномъ 14 дек. 1823 г. прошеніи сдѣлалъ еще нѣсколько важныхъ разъясненій: онъ сообщилъ: а, что тѣ мѣщане (сосланные, бѣжавшіе, больные, бѣдные, умершіе и пр.), за которыхъ по объясненію магистрата будто бы уплата податей падала на все общество, уплачивали налоги сами черезъ своихъ родственниковъ или наслѣдниковъ, при чемъ имущество такихъ лицъ бралось въ опеку, а малолѣтніе наслѣдники отдавались въ обученіе мастерамъ, отчего и расходъ въ 26,501 р. 87 к., выведенный по этой статьѣ магистратомъ, теряетъ подъ собою всякую почву и вполнѣ подлежитъ возврату потерпѣвшимъ мѣщанамъ, и б, что вообще онъ, Кравченко, не признаетъ необходимости со стороны магистрата вводить новые налоги на мѣщанъ, такъ какъ въ городской казнѣ должно было находиться до пожара 9 іюля 1811 года болѣе 600,000 р., изъ коихъ 200,000 руб. были отданы въ оборотъ питейному откупу; всю эту сумму, по словамъ Кравченка, бургомистръ Филиппъ Лакерда, „скрылъ“, пользуясь несчастнымъ случаемъ опустошитель-

---

[1]) 14 п. Высоч. ук. Пр. Сенату 16 авг. 1802 г.; 12 глава регламента глав. магистрата, изд. 16 янв. 1721 г.; 26 ст. воеводскаго наказа 12 сентября 1728 г. и указъ 15 окт. 1773.

наго пожара 9—11 іюля 1811 г., и что назначенная для приведенія въ извѣстность бывшаго городского капитала коммиссія изъ шести гражданъ открыла болѣе 300,000 руб., находившихся въ рукахъ Лакерды и Григоренка, которыми сверхъ того присвоены себѣ городскія пожарныя и рекрутскія суммы,—объ этомъ, онъ, Кравченко, своевременно заявлялъ уже губернскому правленію и просилъ назначить коммиссію изъ 12 представителей города, по ровну отъ каждаго изъ его сословій: чиновниковъ, почетныхъ гражданъ и простыхъ мѣщанъ, однако же губернское правленіе не постановило по его заявленію никакого рѣшенія, вслѣдствіе признанія его доносомъ. Указавъ такимъ образомъ на существованіе весьма значительнаго для своего времени капитала, избавлявшаго магистратъ отъ необходимости дѣлать сверхсмѣтные сборы и расходы, Кравченко безпощадно разоблачилъ всѣ доводы и оправданія своихъ противниковъ [1]). Въ поданномъ же тогда министру юстиціи прошеніи онъ сообщаетъ подробности о томъ, какъ общество согласилось на указанные въ объясненіи губернскому правленію расходы: 18 апрѣля 1824 г. слѣдователи Дуровъ и Бакаловъ съ членами магистрата собрали общество гражданъ въ контрактовомъ домѣ и потребовали подписки къ „закрытію винности“ какъ

---

[1]) По словамъ Кравченка 1, на содержаніе городской капеліи употреблялось ежегодно по 2,500 р. изъ 110,000 руб. Высочайше разрѣшенныхъ къ ежегодному отпуску городу Кіеву изъ доходовъ по винному откупу, что вмѣстѣ съ ежегодно заработываемымъ ею (3,000 р.) и составляло ея содержаніе; 2, содержаніе экзекуцій производилось ежегодно изъ особаго, опредѣленнаго на мясниковъ, налога; 3, пріобрѣтеніе и исправленіе пожарныхъ орудій дѣлалось на счетъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ; 4, извозчики при взносѣ податей въ казначейство не употреблялись, такъ какъ деньги туда доставлялись черезъ урядниковъ; 5, письмоводителю и разсыльнымъ назначалась сумма изъ городской коммиссіи; 6, ремонтъ домовъ, находившихся подъ помѣщеніемъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, представлялся ненужнымъ, ибо всѣ городскія присутственныя мѣста помѣщались въ только что, въ 1819 году, отдѣланномъ на средства коммиссіи, контрактовомъ домѣ; 7, расходы на рекрутъ производились изъ суммъ особаго сбора съ мѣщанъ, наложеннаго исключительно для этой цѣли, отъ котораго были остатки,—почему и расходъ въ этой статьѣ магистратъ вывелъ неправильно; 8, кавалеру Филистри уплочено за хронологическую табель изъ суммъ, собранныхъ съ мѣщанъ, пожелавшихъ имѣть вывѣски, отъ какой суммы оставались еще деньги; 9, для уплаты за воловъ, при составленіи таксы на мясо, по распоряженію Сената, былъ установленъ особый налогъ; 10, бойня выстроена мясниками на собственный счетъ;

войта, такъ и его сотрудниковъ, бургомистровъ, ратсгеровъ и др.; мѣщане зашумѣли, заволновались и не хотѣли подписываться; многіе стали выходить; тогда бургомистръ Романовскій приставилъ къ дверямъ двухъ сторожей, кричалъ и приказывалъ не выпускать не подписавшихся, послѣ чего „насильнымъ образомъ къ подпису принуждалъ разными угрозами", предлагая каждому изъ присутствовавшихъ отдѣльно къ подписи три бумаги: „одну за городъ", „другую за Кравченка", а третью—„кто вовсе не хочетъ подписаться". На другой день 19-го марта члены магистрата собрали всѣхъ цеховыхъ мѣщанъ и подъ угрозами потребовали отъ нихъ такой же подписки,—подписавшихся набралось 650 человѣкъ, изъ которыхъ многіе не знали того, что они подписываютъ. Члены магистрата, оправдываясь отъ обвиненія Кравченка въ вымогательствѣ подписей, подали въ Сенатъ объясненіе, въ которомъ утверждали, что 650 мѣщанъ, подписавшихся на согласіи своемъ съ дѣйствіями магистрата, составляютъ изъ общаго числа 6000 душъ кіевскихъ мѣщанъ то почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды,—остальные же по ихъ расчету или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр. и пр.; въ этомъ же объясненіи, члены магистрата обвинили и Кравченка въ неимѣніи будто бы довѣренности отъ гражданъ на ходатайство въ судѣ и въ совершеніи подлога на свидѣтельствѣ о поведеніи.

Новые слѣдователи Стринжа и Долинскій, приступивъ къ слѣдствію, потребовали объясненій отъ магистрата, ибо послѣднее слово принадлежало Кравченку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представленія къ слѣдствію недостававшихъ въ прежней коммиссіи тетрадей раскладокъ и сборовъ податей; отсюда начало нескон-

---

11, содержаніе магистрата производится изъ суммы, ассигнуемой коммиссіею; 12, домъ, занимаемый магистратомъ, принадлежитъ обществу и не требуетъ ни малѣйшаго расхода ни на ремонтъ, ни на наемъ. Такимъ образомъ, Кравченко старался доказать, что никакихъ расходовъ изъ противозаконно и излишне собранныхъ денегъ 67,325 р. 43 к. не могло быть дѣлаемо и всѣ эти деньги вполнѣ должны быть взысканы съ виновныхъ.

чаемыхъ пререканій: магистратъ репортуетъ, что расходы сдѣланы имъ съ согласія общества, правильно и въ дѣйствительности, обзывая показанія своего обличителя бездоказательными,— Кравченко же, въ свою очередь, доказываетъ, что магистратъ утаиваетъ передъ слѣдователями налоговыя книги и тетради изъ боязни обнаружить свою вину и подвергнуться огромной денежной отвѣтственности, и считаетъ всѣ показанія членовъ магистрата клонящимися къ сокрытію своей виновности. Переписка и пререканія въ этомъ смыслѣ достигли крайнихъ предѣловъ, что представляется вполнѣ естественнымъ, когда и войтъ и члены магистрата оставались въ своихъ должностяхъ и держали въ рукахъ власть, какъ надъ личностью, такъ и надъ имуществомъ гражданъ, когда подъ страхомъ угрозъ съ ихъ стороны всякій гражданинъ предпочиталъ молчать. Дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ, шла одна переписка, служившая доходною статьею... Кравченко „возымѣлъ зазрѣніе" на одного изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, Стринжу, жаловался на него въ Сенатъ, и вмѣсто Странжи назначенъ былъ престарѣлый совѣтникъ главнаго кіевскаго суда Александровичъ. Но и съ назначеніемъ Александровича дѣло не подвинулось впередъ,— длилась только переписка, вмѣщавшая въ себѣ и пререканія, и споры, и утаиваніе магистратомъ документовъ, и напоминанія губернаторовъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и министерскія распоряженія о томъ-же, и пр., и пр. Такъ время затянулось до октября 1826 г.; слѣдователи надумались, можетъ быть по совѣту съ магистратскими дѣльцами, воспользоваться манифестомъ, изданнымъ въ этомъ году по случаю коронаціи Императора Николая Павловича, чтобы окончательно прекратить дѣло, и въ виду того, что расходы произведены городскими властями дѣйствительно, на общественныя нужды, съ согласія общества и пр., и пр.,— производство слѣдствія пріостановили и вошли съ ходатайствомъ о прекращеніи дѣла по начальству, т. е. въ губернское правленіе, къ губернатору и, наконецъ, къ министру. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: дѣло пролежало безъ движенія годъ, такъ какъ отвѣтъ министра былъ полученъ только 27 сентября 1827 г.—Въ предложеніи своемъ генералъ-губернатору, министръ

внутреннихъ дѣлъ, обнаружилъ строгость и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ: не признавалъ возможнымъ прекратить начатое дѣло, напротивъ же того, считая необходимымъ удостовѣриться во всѣхъ произведенныхъ съ мѣщанъ сборахъ и привести въ извѣстность сдѣланные расходы, полагалъ поручить ихъ обревизованіе казенной палатѣ,—въ то же время онъ находилъ недостаточною пидписку 650 мѣщанъ о законности и правильности сдѣланныхъ магистратомъ расходовъ, въ виду того, что имъ и предметы расходовъ-то не были извѣстны, и самое число ихъ 650 душъ незначительно, сравнительно съ общимъ числомъ душъ всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ. Мнѣніе министра было сообщено слѣдователямъ черезъ губернское правленіе и 30 ноября 1828 года вновь возобновлена столь же долгая переписка того же содержанія: стали опять требовать присылки недостающихъ тетрадей, написали также и вопросные пункты съ требованіемъ указать виновнаго; въ магистратѣ ихъ положили подъ сукно, и пожалуй тамъ они еще долго бы пролежали, если бы губернское правленіе не побудило къ отвѣту; отвѣтъ данъ былъ магистратомъ слѣдователямъ черезъ полгода послѣ запроса, т. е. 28 марта 1828 г.; въ немъ, кромѣ обычныхъ выраженій въ родѣ: „никакихъ книгъ, записокъ, счетовъ, бумагъ и пр. по сей части не имѣется и были ли когда оные,—свѣдѣній имѣть не можно“, магистратъ выдаетъ головою виновныхъ. Таковыми по его мнѣнію слѣдуетъ считать: бургомистра *Филиппа Лакерду* (тогда уже умершаго), бывшаго „нареченнымъ“ войтомъ въ 1813 и 1814 гг., войта *Михаила Григоренка* (тогда уже умершаго), избраннаго въ іюнѣ 1814 г. и „войтовавшаго“ до смерти своей въ 1826 г., казначеевъ, или, какъ ихъ тогда называли, „содержателей вступающихъ въ магистратъ переходящихъ по дѣламъ денежныхъ суммъ“: въ 1813 и 1815 гг. *Акима Барскаго* [1]) (тогда уже умершаго); въ 1814 г. бургомистра *Константина Балабуху* (тогда уже умершаго); въ 1816 г. ратсгера *Василія*

---

[1]) Барскій Акимъ Александровичъ—членъ магистрата и общественной коммиссіи; у него братъ Романъ Александровичъ въ 1811 г. квартирсгеръ, въ 1819 г. членъ квартирной экспедиціи, въ 1825 г. ратсгеръ; сынъ же его Семенъ Акимовичъ въ это же время лавникъ.

Тохая[1]); въ 1817 и 1819 г. *Антона Лакерду*; въ 1818 г.— ратсгера *Никифора Болотина* (тогда уже умершаго), и въ 1819 г. ратсгера *Павла Романовскаго*. Этимъ „чиновникамъ", принимавшимъ участіе въ раскладкахъ и сборахъ податей, должны быть, по объясненію магистрата, извѣстны всѣ подробности о тетрадяхъ цеховъ и регистровыхъ товарищей. Но изъ названныхъ 8 подсудимыхъ пять лицъ было умершихъ, отъ остальныхъ трехъ магистратъ потребовалъ объясненія, которыя и представилъ начальству; отсюда возникаетъ новый пріемъ въ поведеніи на судѣ представителей городскаго самоуправленія: вся вина складывается на умершихъ, какъ магистратомъ, молчавшимъ при ихъ жизни, такъ и оставшимися въ живыхъ содержателями суммъ.

Одновременно съ перемѣною въ характерѣ оправданій обвиняемыхъ измѣняется и составъ слѣдственной коммиссіи: Александровичъ за болѣзнью и старостью выходитъ въ отставку, Долинскій получаетъ отъ губернатора другое назначеніе, и по опредѣленію губернскаго правленія въ слѣдственную коммиссію поступаютъ: совѣтникъ главнаго суда Водынскій и губернскій стряпчій Дротаевскій,—при чемъ личность послѣдняго совершенно стушевывается передъ Водынскимъ, обнаружившимъ, какъ видно изъ дѣла, достаточно и энергіи, и безкорыстія при производствѣ слѣдствія,— магистратъ старается вездѣ его очернить передъ начальствомъ, подсудимые вмѣсто отвѣтовъ пишутъ ему иногда выговоры, начальство дѣлаетъ ему часто замѣчанія и пр. Но обратимся къ даннымъ, добытымъ новыми слѣдователями. По показаніямъ Тохая, Романовскаго и Лакерды положеніе и характеръ управленія въ магистратѣ представлялся въ такомъ видѣ: они, подсудимые, дѣйствительно завѣдывали кассою, но въ раскладку податей никогда не вмѣшивались; войтъ Григоренко, какъ „первѣйшій по городу и магистрату начальникъ", самъ вѣдалъ это дѣло; правда, онъ призывалъ къ раскладкѣ ремесленныхъ головъ, альтермановъ и цехмистровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ магистрата, но

[1]) Тохай Василій Андреевичъ род. въ 1776 г., въ 1813 г. былъ избранъ лавникомъ, въ 1816 г. ратсгеромъ и въ 1818 г. бургомистромъ; его дѣда или прадѣда Михаила Тохая мы встрѣчаемъ въ 1751 г. райцею магистрата.

никто изъ нихъ „не могъ ни мало ни въ чемъ противно волѣ начальника своего войта Григоренка дѣйствовать“; всякія книги и тетради велись домашнимъ образомъ („по домашнему веденію“); всѣ остатки отъ податей, если они были, поступали въ руки Григоренка „для зависящаго отъ него, яко начальника, распоряженія“; въ заключеніе, обвиняемые предполагаютъ, что, быть можетъ, у наслѣдниковъ Григоренка уцѣлѣли еще какія-нибудь бумаги или тетради по взысканію податей. Съ своей стороны и магистратъ, принимая во вниманіе имѣвшіяся квитанціи, выданныя ремесленнымъ головамъ въ пріемѣ отъ нихъ податей, считалъ отвѣтственными тѣхъ лицъ, имена которыхъ находились подъ росписками, именно: войта Михаила Григоренка, бургомистровъ Филиппа и Антона Лакердъ, да ратсгера Михаила Гоцаенка [1]); остальные же члены магистрата неприкосновенны будто бы къ дѣлу, потому что только первые „управляли по городу всѣми экономическими распоряженіями“. Водынскій понялъ хитрость магистратскихъ „чиновниковъ“ и, донося о причинахъ медленнаго производства слѣдствія, говоритъ: „члены магистрата уклоняются отъ отвѣтовъ и поясненій, взваливая все на умершихъ, и тѣмъ задерживаютъ ходъ дѣла“; само собою разумѣется, что опять возобновилась переписка о доставленіи нужныхъ свѣдѣній, и магистратъ по прежнему отдѣлывался невѣдѣніемъ и неимѣніемъ ихъ; а между тѣмъ, нѣкоторые изъ свидѣтелей показали, что всѣ книги и тетради лежатъ на сундукѣ въ присутственной „коморѣ“; слѣдователи рѣшаются лично отправиться въ магистратъ и забрать необходимые для нихъ документы, но это рѣшеніе почему то не приводятъ въ исполненіе, а снова спрашиваютъ свидѣтелей, дѣйствительно ли они видѣли тамъ тетради; члены магистрата, конечно, тогда же скрыли ихъ и смѣло отрицали эти невыгодныя для нихъ показанія. Такимъ образомъ, для опредѣленія количества растраты приходилось довольствоваться свидѣтельскими показаніями и документами, присланными въ началѣ слѣдствія

[1]) Гоцаенко, Михаилъ Степановичъ, род. въ 1770 г., былъ избранъ урядникомъ въ 1795 г.; въ 1796 г. словеснымъ судьею, въ 1808 г. квартирмистромъ, въ 1810 г. членомъ городской коммиссіи, въ 1815 г. ратсгеромъ магистрата, а въ 1827 г. бургомистромъ

магистратомъ. Новыя свидѣтельскія показанія также однообразны, какъ и прежнія, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились характерныя черты: въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ отвѣтовъ магистратъ говоритъ, что войтъ Григоренко былъ самовластнымъ человѣкомъ; „ему одному ремесленныя головы давали отчеты и онъ одинъ всѣми сборами и расходами распоряжался, приглашая къ оному (къ слушанію отчета?) изъ членовъ или почетныхъ гражданъ, кого ему угодно было, власти коего никто не противился". Мѣщанинъ Евтушевскій разсказывалъ при слѣдствіи, что до Григоренка подати разлагались самимъ обществомъ; но, со времени своего избранія въ войты, Григоренко измѣнилъ этотъ порядокъ и сталъ раскладывать самъ; этотъ порядокъ продолжался около 10 лѣтъ, то есть до 1825 г. (когда слѣдствіе приняло серьезный оборотъ); послѣ того раскладку опять начали дѣлать по цехамъ и съ согласія цѣлаго общества. Если ремесленный голова, получивъ отъ Григоренка раскладку, пробовалъ возражать ему, что мѣщанинъ по бѣдности не въ состояніи уплатить по ней податей, то войтъ грубо перебивалъ его словами: „пусть идетъ ко мнѣ на винокурню работать, и я заплачу за него положенныя деньги". Голова Плахотниковъ добавилъ, что когда онъ въ свою очередь указывалъ войту на бѣдность какого-нибудь обывателя, то Григоренко, „обижаясь тѣмъ, приказывалъ молчать и писать то, что онъ велитъ". Нѣсколько не безъинтересныхъ подробностей находимъ мы въ дѣлѣ и относительно уже извѣстной намъ подписки, данной 650 мѣщанами 18 апр. 1824 г., послужившей было основаніемъ къ прекращенію этого процесса. Когда, по словамъ свидѣтелей, въ контрактовомъ домѣ собралось уже до 200 человѣкъ, то члены магистрата *Кисилевскій*[1]), *Лакерда*, *Балабуха*, *Мажный*[2]), *Романовскій*, *Тар-*

---

[1]) Кисилевскій Иванъ былъ бургомистромъ до 1815 г., сынъ его Григорій, послѣдній войтъ, родившійся въ 1776 г., избранъ инстигаторомъ словеснаго суда при магистратѣ въ 1807 г., браковщикомъ суконъ въ коммиссаріатъ въ 1808 г., ратсгеромъ въ 1813 г., бургомистромъ въ 1815 г. (слѣдовательно тотчасъ же послѣ

---

[2]) Мажный Андрей Гавриловичъ род. въ 1770 г., въ 1802 г. былъ избранъ аукціонистомъ, въ 1803 г. урядникомъ словеснаго суда, въ 1806 г.,—съ учрежденіемъ квартирной коммиссіи,—квартирмистромъ въ 3 подольскую часть; въ 1812 г. „во

новскій [1]), *Гоцаенко, Гроздовскій, Тохай и Пирожковъ* стали упрашивать мѣщанъ согласиться „подарить" имъ излишне перебранныя деньги, убѣждая ихъ въ томъ, что деньги истрачены на общественныя нужды; когда же многіе, не соглашаясь на подпись заготовленныхъ о томъ бумагъ, стали выходить, то двери заперли, послѣ чего первыми подписались члены магистрата, а за ними всѣ прибывшіе мѣщане, „боясь негодованія" со стороны представителей городскаго самоуправленія.

Теперь же, 1 авг. 1828 г., послѣ того, какъ подписка эта была признана министромъ внутреннихъ дѣлъ малозначущею и неубѣдительною и сдѣланное на основаніи ея представленіе слѣдователей Александровича и Долинскаго о прекращеніи дѣла въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста 1826 году не увѣн-

---

смерти отца), въ этомъ же году онъ получилъ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей Высочайшую награду: золотую медаль на Александровской лентѣ съ надписью „за усердіе"; назначенъ региментаремъ, т. е. предводителемъ вооруженнаго регимента, по заведенному въ Кіевѣ издревле порядку, изъ гражданъ кіевскихъ конныхъ и пѣшихъ, состоящаго для выполненія церемоніаловъ, опредѣленныхъ въ дни Богоявленія Господня 6 января, Маковея 1 августа,— въ 1823 г.; въ войты избранъ 26 января 1826 г.; 8 іюля 1826 г. присутствовалъ при коронаціи Императора Николая Павловича и получилъ серебряную медаль 1-го разряда съ бюстомъ Государя; въ томъ же году награжденъ золотою медалью на голубой лентѣ съ надписью „за усердную службу"; наконецъ въ 1832 г. ему „за особенную дѣятельность по засвидѣтельствованію начальства" (вѣроятно во время польскаго мятежа 1830 и 1831 годовъ) пожалованъ орденъ св. Анны 3 ст.

время французской кампаніи исполнялъ разныя порученности, какъ по назначенію городскаго общества, такъ и бывшаго тогда губернаторомъ де-Санти для устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности"; въ 1818 г. былъ избранъ лавникомъ; въ 1819 г. ратманомъ кіевской полиціи; въ 1831 г. ратсгеромъ магистрата. Региментаремъ Мажный былъ назначенъ въ 1826 г., когда Кисилевскій сдѣлался войтомъ.

[1]) Тарновскій Климентъ въ поданномъ въ концѣ декабря 1815 г. прошеніи объ увольненіи отъ должности вслѣдствіе потери зрѣнія заявляетъ, что онъ вступилъ въ общественную службу въ 1776 г. и послѣдовательно проходилъ должности коммиссіонера по продажѣ соли, покупкѣ лѣса для постройки городскихъ зданій, по починкѣ мостовъ и городскихъ домовъ, квартирмейстера, эконома питейной конторы, словеснаго судьи, депутата въ коммиссію обывательскихъ книгъ, казначея, ратмана въ управѣ благочинія (полиціи), ратсгера и бургомистра магистрата и, наконецъ, члена Высочайше учрежденной въ 1806 г. о городскихъ доходахъ и расходахъ коммиссіи.

чалось успѣхомъ а производство слѣдствія находилось въ рукахъ несдававшагося Водынскаго, члены магистрата пожелали воспользоваться этимъ днемъ, какъ торжественно праздновавшимся кіевскимъ мѣщанствомъ въ тѣ времена. Въ день 1-го августа мѣщане собирались по цехамъ; былъ городской праздникъ общій для всѣхъ цеховъ; послѣ церковной церемоніи съ пальбою изъ ружей и пушекъ давалось обильное угощеніе на счетъ городскихъ суммъ и шло общее веселье, расчитывая на которое, члены магистрата, заранѣе изготовивъ 16 экземпляровъ (по числу 16 цеховъ) подписныхъ листовъ „по предмету, что Кравченко бунтуетъ всѣхъ", передали ихъ въ каждый цехъ цехмистрамъ и ремесленнымъ головамъ, строго наказавъ тѣмъ побудить мѣщанъ къ подписи листовъ; наблюдать за подписями ихъ взялся ратсгеръ *Коробка* [1]), выполнившій, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, взятую на себя роль.

Впослѣдствіи, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей (мѣщан. Игната Подоляки и др.), оказалось, что общество, не согласное ни на сборъ излишнихъ денегъ, ни на расходъ ихъ, какъ въ 1824 г., подписывалось на этихъ бумагахъ по принужденію; да и могло ли то быть иначе, когда мѣщане въ подпискахъ, данныхъ ими 1-го августа просили о прекращеніи дѣла, подъ тѣмъ предлогомъ, что и на сборъ излишнихъ денегъ они были будто бы согласны, и расходъ изъ нихъ былъ имъ извѣстенъ, и самые излишніе налоги ихъ не обременяли.

Водынскій и Кравченко неоднократно указывали, хотя и тщетно, что пока власть находится въ рукахъ подсудимыхъ, то они всячески будутъ продолжать ставить преграды правосудію, то скрывая отъ слѣдователей и суда всякіе письменные документы, то вліяя на свидѣтелей, то на цѣлое общество, какъ это и случилось при „исторженіи" подписокъ; къ тому же въ это время должность прокурора, оффиціальнаго обвинителя всякой неправды въ Кіевѣ, занялъ родной сынъ войта, прикосновеннаго

---

[1]) Коробка, Федоръ Михайловичъ, родившійся въ 1784 г., въ 1813 г. былъ избранъ урядникомъ серебрянаго цеха; въ 1815 г. цехмистромъ и альтерманомъ того же цеха; въ 1824 г. инстигаторомъ въ словесный судъ; въ 1826 г. ремесленнымъ головой и въ 1829 г. ратсгеромъ магистрата.

къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ городскомъ управленіи, Н. Г. Кисилевскій, потребовавшій немедленнаго представленія себѣ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось, съ желаніемъ поскорѣе его закончить; когда же слѣдователи не нашли возможнымъ выполненіе его требованій, то онъ писалъ имъ выговоры и дѣлалъ невыгодныя о нихъ представленія ихъ прямому начальству. Дошло до того, что слѣдователи въ 1829 г. вынуждены были жаловаться на прокурора, который своимъ настоятельнымъ требованіемъ прекратить слѣдствіе обнаруживалъ ужь „слишкомъ снисходительное въ сторону магистрата и войта Григорія Кисилевскаго предложеніе". Въ свою очередь и подсудимые Кисилевскій, Лакерды, Григоренко, Балабухи, Романовскій и др., чувствуя, что на ихъ сторонѣ обвинительная власть, почли себя въ правѣ не давать слѣдователямъ отвѣтовъ, ссылаясь на „безъименность доказательствъ и обвиненій Кравченка" (въ своихъ бумагахъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ магистрата, не называлъ членовъ его по фамиліямъ); далѣе, требованіе Водынскимъ объясненій „объ исторженіи у цеховъ подписокъ" они называли слѣдовательскимъ „обмысломъ" и считали его, имѣющимъ „наклонность къ доносителю", подлежащимъ къ устраненію отъ слѣдствія, въ силу отд. 1 (о судьяхъ) указа 13 ноября 1724 г.—При такомъ положеніи дѣла губернское правленіе, на основаніи предложенія прокурора, хотя и „почло сію коммиссію (т. е. слѣдователей) виновною за напрасное якобы домогательство и навлеченіе на членовъ магистрата и управы ремесленныхъ цеховъ сокрытіе нужныхъ свѣдѣній", тѣмъ не менѣе предписало слѣдователямъ потребовать отъ обоихъ учрежденій „доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка". Магистратъ упорно молчалъ, и слѣдственная коммиссія, не получивъ отъ него никакихъ доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка, принуждена была закончить дѣло, при чемъ, не смотря на всю неблагопріятную обстановку для раскрытія совершенныхъ городскимъ управленіемъ преступленій, она, основываясь на бывшихъ въ ея разсмотрѣніи доказательствахъ, опредѣлила противузаконный сборъ съ граждянъ и растрату его въ суммѣ 119,145 р. 99¼ к., которую и полагала взыскать съ винов-

ныхъ членовъ магистрата и ремесленной управы и возвратить потерпѣвшимъ [1]). Магистратъ заявилъ, что это исчисленіе ни на чемъ не основано и призналъ за собою излишне собранныхъ лишь 40,853 р. 43 к. податей, издержанныхъ на удовлетвореніе городскихъ потребностей, согласно тѣмъ отчетамъ, которые были представлены ими слѣдователямъ Дурову и Бакалову.

30 апр. 1830 г., т. е. почти черезъ 10 лѣтъ со времени подачи Кравченкомъ первой жалобы своей дѣло изъ слѣдственной коммиссіи со всѣми счетами и бумагами перешло на ревизію въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которое, разсмотрѣвъ все дѣлопроизводство, въ сентябрѣ 1832 года, принявъ во вниманіе только одни документальныя данныя и оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія, признало растрату, совершенною магистратомъ и ремесленною управою, подлежащею взысканію съ нихъ въ количествѣ лишь 68,557 руб. 44½ коп. [2]). Раскладка [3]) этихъ денегъ на виновныхъ членовъ магистрата и ре-

---

[1]) При слѣдствіи, изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что ежегодно по цехамъ дѣлался еще сборъ на „ральцы“. Откуда и съ какого времени въ Кіевѣ практиковался этотъ налогъ, никто не зналъ; въ описываемое же время онъ простирался до 150 руб., т. е. около 10 р. съ каждаго цеха; на собранныя деньги къ Рождеству и Пасхѣ отъ каждаго цеха покупался „ралецъ“ (хлѣбъ, соль, водка и сахаръ), и представители его цехмистры возили свои приношенія войту и членамъ магистрата при поздравленіи ихъ съ праздникомъ; отказаться отъ ральца значило обидѣть мѣщанъ и показать имъ свое неудовольствіе. Сборы на „ралецъ“ входятъ въ общую сумму начета.

[2]) Сумма въ 68,557 р. 44½ к. образовалась по слѣдующему расчету казенной палаты: а) излишне взыскано податей 71,130 р. 17 к., изъ этой суммы исключается правильнаго расхода 7,234 р. 16¼ к., а 63.896 р. 1¼ к. подлежитъ возврату; изъ нихъ на долю ремесленныхъ головъ и алтермановъ падаетъ 2,072 р. 15¼ к. и на магистратъ 61,823 р. 86 к.; б) излишне взыскано рекрутскихъ денегъ 3,171 р. 53 к., обязанность возвратить которые лежитъ на ремесленныхъ головахъ; в) собранные на ралецъ 1071 р. 50 к. подлежатъ возврату съ тѣхъ, кто ихъ собралъ на праздники и принималъ въ подарокъ, и г) 418 р. 40 к. по претензіямъ цехмистровъ къ тѣмъ лицамъ город. управленія, къ коимъ заявлены будутъ ими требованія (сюда относились претензіи на такіе расходы, какъ, напримѣръ, 95 р. за купленную на счетъ города корову для войта Григоренка, 31 р. 90 к. на угощеніе ремесленнаго головы Бугаевскаго и на покупку для него сахару и хлѣба за то, что онъ разрѣшилъ перевести цехъ въ болѣе удобное помѣщеніе и пр. и пр.).

[3]) Съ 1813 по 1820 г. представителями кіевскаго общественнаго управленія были: въ должности войта Ф. И. Лакерда (1813—1814), М. И. Григоренко (1814—1826), съ которыхъ, какъ „перводѣйствовавшихъ“, контр. отд. казен. пал. предположило

месленныхъ управъ произведена была контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты сообразно съ іерархическимъ положеніемъ ихъ въ городскомъ управленіи и по степени участія каждаго изъ нихъ въ преступленіи. Затѣмъ отдѣленіе, согласно мнѣніямъ гг. генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, признало подписки мѣщанъ, одобрявшія дѣйствія городскихъ представителей, выданныя ими въ 1824 и въ 1828 г., ничтожными, какъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ составленіе, такъ и потому, что при разсмотрѣніи онѣ оказались подписанными и самими же обвиняемыми, находившимися подъ слѣдствіемъ, и лицами, не имѣвшими права подписи ихъ (иностранцы, пріѣзжіе купцы и др.); въ виду пристрастнаго, принужденнаго и противузаконнаго характера собиранія подписей городскими представителями, контрольное отдѣленіе виновныхъ полагало привлечь къ уголовной отвѣтственности; этой же отвѣтственности должны были подлежать, по его мнѣнію, и члены магистрата, скрывшіе книги, тетради, счеты и всякаго рода документы, столь необходимые въ данномъ дѣлѣ; для устраненія же въ будущемъ подобныхъ злоупотребленій магистратъ и ремесленныя управы обязательно должны были завести шнуровыя приходо-

---

взыскать—съ Лакерды 7,960 р. 34 1/2 к. и съ Григоренка 8,055 р. 89 1/3 к.; въ должности бургомистровъ, съ которыхъ опредѣлялось—съ Я. И. Барлая (1813—1815), Я. К. Снѣжка (1813), М. И. Безсмертнаго (1813, 1814, 1816, 1818), К. С. Балабухи (1814, 1815, 1819), Б. П. Барщевскаго (1815, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1815, 1816, 1819), Я. Т. Кобца (1817, 1820), В. А. Тохая (1818), К. И. Тарновскаго (1820) по 2856 р. 19 3/4 к. съ каждаго; въ должности ратсгеровъ, съ которыхъ назначено было взысканіе, К. С. Балабухи (1813), В. Н. Пирожкова (1813, 1816 г), П. В. Ризенка (1814, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1814), А. С. Балабухи (1815), М. С. Гоцаенка (1815, 1818), В. А. Тохая (1816) А. Ф. Лакерды (1817 и 1820), Н. Т. Болотина (1818), П. П. Романовскаго (1819), С. С. Балабухи (1819), Я. И. Гроздовскаго (1820) по 2,289 р. съ каждаго; въ должности ремесленныхъ головъ, съ которыхъ назначено было взысканіе: Г. И. Иванченка (1813, 1814)—2,797 р. 7 3/4 к., Г. Богаевскаго (1819—1820)—2,094 р. 42 3/4 к. и И. С. Приза (1815), Я. И. Гроздовскаго (1816, 1817), О. Н. Диковскаго (1818) по 20 р. 21 3/4 к. съ каждаго; въ должности алтермановъ, съ которыхъ и назначено было взысканіе: Ф. С. Моровскаго (1813), И. М. Синельникова (1814), А. Н. Новохацкаго (1814), С. С. Приза (1813), Ѳ. Т. Топальскаго (1813, 1814) Е. И. Лисенка (1813), П. С. Козыря (1814—1816), И. Г. Лукьяненка (1815), Ѳ. В. Замыслѣвскаго (1815), Ф. М. Коробки (1815), В. Н. Шафаревскаго (1816), С. Т. Каминовскаго (1816), Н. Т. Ванжи (1816), Н. И. Борзакова (1817),

расходныя книги и вести записи въ нихъ всѣхъ поступающихъ и исходящихъ суммъ, а также производить раскладку податей, согласно существующимъ для этого законамъ; стародавній обычай „ральцы“, какъ несогласный съ законами, уничтожить; слѣдователю Водынскому за медленность и другія упущенія при производствѣ слѣдствія сдѣлать выговоръ. Въ заключеніе палата высказала, что, оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія и основываясь исключительно на имѣвшихся въ дѣлѣ далеко не всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, она исчисляла растрату въ 68,557 р. $44^1/_2$ к., но что растрата эта въ сущности оказалась бы гораздо больше, если бы магистратъ не скрылъ документовъ о сборѣ и расходованіи общественныхъ суммъ и тѣмъ не нарушилъ бы существующихъ законовъ, по которымъ виновные подвергались исключенію изъ общества, лишенію имущества и даже смертной казни [1]).

Изъ казенной палаты обревизованное дѣло поступило, вмѣстѣ съ составленнымъ къ нему экстрактомъ и таблицами, на рѣшеніе въ уголовную палату, согласившуюся съ мнѣніемъ казенной и положившую растраченныя деньги взыскать съ виновныхъ. Изъ уголовной палаты дѣло перешло на утвержденіе къ гражданскому губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ; въ высшихъ инстанціяхъ взгляды разошлись со взглядами казенной и уголовной палатъ: губернаторъ, примѣняясь къ ст. 147—154 V т. свод. зак. и ст. 310 т. IX, находилъ дѣйствія обвиняемыхъ не противными симъ узаконеніямъ, почему и предлагалъ освободить членовъ магистрата и ремесленной управы отъ опредѣляемаго взысканія; затѣмъ губернаторъ призналъ

С. С. Кириченка (1817), И. И. Щербины (1813), Ф. Г. Михайловскаго (1817), Т. К. Островскаго (1818), Г. И. Шеня (1818 г.), М. П. Могилы (1819), Д. Я. Плахотникова (1819, 1820 г), К. К. Клименко (1818), Я. Ф. Воробьевскаго (1819 г.), М. И. Миньковскаго (1819), Ф. Г. Птицкаго (1820), С. Ф. Песоцкаго (1820), изъ нихъ назначены были взысканія съ Островскаго 445 р. $57^1/_2$ к., съ Воробьевскаго 134 р. $88^2/_9$ к., съ Д. Плахотникова 120 р. 68 к., а съ остальныхъ по 20 р. $21^3/_4$ к. съ каждаго.

[1]) Глава магдеб. права—объ обязанностяхъ членовъ ратуши; гл. 90 Генерал. Реглам., п. 210, 229, 271; Уст. полиц., ст. 84 и 87; Город. полож., п. 26; Воевод. нак. изд. 12 сент. 1728 г.; указы 25 авг. 1713 г., 24 дек. 1714 г. и 22 іюня 1720 г.; указы сената, присланные изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіев. магистратъ въ 1739 и 1740 г.; указы 11 дек. 1744 г., 26 сент. 1780 г., 3 мая 1783 г., 18 фев. 1798 г. и 8 сент. 1801 г.

Кравченка неправоспособнымъ къ веденію дѣла противъ магистрата на основаніи довѣренности, имѣющей на себѣ только 60 подписей, въ то время какъ по указу сената 9 мая 1805 г. такая довѣренность должна быть выдана отъ лица $^2/_3$ всего общества; подпискамъ же 650 гражданъ въ 1824 г. и 16 цеховъ въ 1826 г., одобрившимъ дѣятельность магистрата и признаннымъ раньше генералъ-губернаторомъ, министромъ и всѣми вообще инстанціями ничтожными, онъ даетъ полное довѣріе и на основаніи ихъ считаетъ и сборъ и расходъ излишне собранныхъ денегъ правильнымъ, а для предупрежденія на будущее время подобныхъ злоупотребленій губернаторъ полагалъ необходимымъ завести шнуровыя книги, куда записывались бы всѣ поступающіе въ магистратъ суммы; этою мѣрою, по его мнѣнію, сами собою прекратятся всѣ противозаконные сборы и расходы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми лѣтъ, когда производилось излишнее взысканіе податей, жалобъ на обременительность поборовъ не поступало, что доносъ сдѣланъ Кравченкомъ изъ вражды къ членамъ магистрата, что со времени начала дѣла прошло болѣе 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ многіе изъ подсудимыхъ поумирали, и, въ случаѣ обвиненія ихъ, отвѣтственность ляжетъ всею своею тяжестью на невинныя ихъ семейства, что хотя расходъ собранныхъ денегъ и произведенъ магистратомъ „самопроизвольно и въ безпорядкѣ", но тѣмъ не менѣе на общественныя нужды и согласно желаніямъ городскаго общества, что и выражено въ подписяхъ лучшихъ гражданъ кіевскаго общества и приговорахъ цеховъ, и что преступленія совершены до изданія манифестовъ 26 авг. 1826 г. и 16 апр. 1841 г., почему онъ, министръ, находитъ возможнымъ освободить членовъ магистрата отъ отвѣтственности и снять наложенное на ихъ имущество запрещеніе. Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, 6 марта 1842 г. (спустя 20 лѣтъ послѣ начала дѣла) опредѣлилъ членовъ магистрата и ремесленной управы отъ отвѣтственности освободить и запрещеніе съ ихъ имущества снять.

При такихъ обстоятельствахъ хотя состоялось освобожденіе обвиняемыхъ городскихъ представителей отъ отвѣтственности за произведенныя ими злоупотребленія на службѣ, тѣмъ не менѣе растраты признаны всѣми правительственными лицами и мѣстами, но размѣръ ихъ, какъ мы видѣли, удалось скрыть обвиняемымъ, поэтому мы думаемъ, что Водынскій, былъ правъ исчисливъ эту растрату въ 119,145 р. 99$^1/_4$ к.

Перейдемъ къ другимъ дѣламъ, производившимся одновременно съ только что нами переданнымъ и рисующимъ дѣятельность городскаго кіевскаго самоуправленія.

II.

Въ 1824 г. возникло дѣло по обвиненію рочныхъ цехмистровъ кузнецкаго цеха Григорія Ценьковскаго, Ивана Щербины, Пантелеймона Козыря, Григорія Шеня, Антона Перепелицы, Григорія Пильника и Давида Ценьковскаго по жалобамъ на нихъ 20 рудниковъ за растрату собранныхъ съ нихъ 1350 р. податныхъ денегъ.

Двадцать рудниковъ съ женами своими и дѣтьми, отыскавъ свою свободу и освободившись по суду отъ крѣпостной зависимости, къ которой было привлекъ ихъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда Сугачъ, пожелали приписаться къ обществу кіевскихъ мѣщанъ, о чемъ и подали заявленіе въ ремесленную управу; со времени ихъ заявленія о припискѣ и по день разрѣшенія въ казенной палатѣ ихъ просьбы о томъ, вышеупомянутые рочные цехмистры успѣли взыскать съ нихъ 1350 р. податей, которые въ казначейство не поступили; кто ихъ удержалъ, слѣдствіе не обнаружило; казенная же палата требовала уплаты означенной суммы вдвойнѣ.

Деньги, очевидно, не миновали рукъ войта Григоренка и его товарищей, но на слѣдствіи и судѣ о немъ даже не упоминается; вся вина падаетъ на цехмистровъ, которые оправдывались тѣмъ, что, производя съ рудниковъ сборъ по приказанію ремесленной управы, они собранныя деньги представляли ей; управа же заявила, что деньги она передала въ магистратъ; послѣдній, въ свою очередь, по наведеннымъ будто бы справкамъ, отвѣ-

тилъ, что цехмистры податей съ рўдникомъ ни въ управу, ни въ магистратъ не представляли. Изъ обвиняемыхъ только одинъ Пильникъ сохранилъ росписку, выданную ему ратсгеромъ Иваномъ Смородиновымъ въ 1824 г. на пріемъ отъ него податей съ рўдниковъ, остальные же всѣ растеряли свои росписки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда рѣшилъ, что, хотя бы и слѣдовало, въ силу 50-й главы Генер. Реглам. и 28-й гл. воинск. артик., поступить съ подсудимыми, какъ предписывалось тѣмъ закономъ, но, принимая во вниманіе манифестъ 1826 г., нашелъ возможнымъ ограничиться только взысканіемъ незаконно утаенныхъ цехмистрами податей, съ обращеніемъ ихъ въ уплату за рўдниковъ и съ правомъ, вмѣсто денегъ, представить росписки управы или магистрата, буде онѣ у кого изъ нихъ найдутся. Рѣшеніе суда въ ноябрѣ 1829 г. было утверждено губернаторомъ и деньги съ цехмистровъ взысканы; магистратъ и управа остались внѣ всякихъ взысканій и отвѣтственности, хотя послѣдняя признавала за собою пріемъ денегъ отъ цехмистеровъ и передачу ихъ въ магистратъ въ чемъ уличала обоихъ росписка Смородинова.

III.

Не мало интереса возбуждаетъ къ себѣ одно дѣло, если его разсматривать ради сравненія, въ связи съ только что нами изложенными, въ которомъ тотъ же кіевскій магистратъ является самъ судебнымъ мѣстомъ относительно проступковъ по службѣ низшихъ своихъ агентовъ, сборщиковъ податей; это—судебное дѣло кіевскаго магистрата о растратѣ въ 1835 г. сборщиками мѣщанами Федоромъ Фесенкомъ 154 р. и Яковомъ Григоренкомъ[1]) 111 р., податей собранныхъ съ кузнецкаго цеха.

При слѣдствіи открылось, что Фесенко и Григоренко на выборахъ, ссылаясь на свою бѣдность, умоляли членовъ управы избавить ихъ отъ выборной службы, не отрывать отъ работы и тѣмъ не лишать ихъ семей пропитанія. Управа не уважила ихъ просьбъ и въ результатѣ оказалась растрата собранныхъ денегъ

[1]) Однофамилецъ, но не родственникъ бывшаго войта.

которыя пошли на хлѣбъ для женъ и дѣтей голодныхъ сборщиковъ. Рѣшая это дѣло, магистратъ принялъ во вниманіе ст. 290, 292, 293 и 295 XV т. св. зак., и потому приговорилъ подсудимыхъ Фесенка и Григоренка, „въ примѣръ имъ и въ страхъ другимъ, наказать черезъ низшихъ полицейскихъ служителей плетьми и оставить на жительствѣ, внушивъ имъ, чтобы всячески старались остерегаться отъ подобныхъ поступковъ; а дабы впредь общество мѣщанъ г. Кіева несостоятельныхъ людей, не имѣющихъ своей осѣдлости, и неграмотныхъ въ должности сборщиковъ не выбирало, возложить пополненіе растраты на ремесленную управу; обществу же предоставить право получить удовлетвореніе съ подсудимыхъ“. Уголовная палата 20 дек. 1835 г. утвердила приговоръ магистрата, и въ маѣ 1836 г. полиція увѣдомила магистратъ о приведеніи ею этого приговора въ исполненіе.

И. Каманинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В.[1])

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссскій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *юс*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славенороссскій* Памвы Берынды. Чрезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долгимъ часомъ*, въ теченіи котораго лексиконъ Берынды „такъ ѡскꙋдѣлъ, же ѡмаль гдѣ єгѡ видєтъ барзо“ [1]). Главнымъ

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1888 г., Апрѣль.

[1]) Изъ библіотеки кіевскаго университета кн. за № 74. Считаемъ нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Берынды изданіемъ Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выписываемъ слово *тченіе*, которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупоносый* (sic) слѣдующимъ образомъ: „*тупоносый*, плосконосый; *тченіе*, тканье полотна, или сукна; *або текстъ*, исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, чтеніа, зле тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *зле есть*,—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „Бє҃: а҃: л҃: кꙋгѝ“ (174), т. е. „*Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостольскія*“. П. Берында предлагаетъ исправить слово „чтєніа“, т. е. вмѣсто этого слова поставить слово „тчєніа“.

побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „великосла́вный и҆ в мо́вѣ широ́кїй ꙗ҆зы́къ славе́нскїй... трꙋдно҇ сло҇ и҆ на́звискъ... не ма́ло в҆ собѣ̀ ма́ет҇, зачы́м҇ мнѡ́гїе... ко́торыи не ча́сто е҆гѡ̀ зажива́ю҇, длѧ невырозꙋмѣ́нѧ ѡ҆ны́х҇... ма́лый з҆ чита́нѧ ѿно́сѧт҇ пожы́тк҇...“

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Берынды нѣкоторыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значеніе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: вѣси (20), да́мы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „да̀“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименіемъ „мы̀“. Одинъ и тотъ же глаголъ объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастія, напримѣръ, глаголъ: навы́кнꙋти (54), а также формы: бы́сть (11), преста̀ (122), бѣжда́хꙋсѧ (11), бѣ́дѧщꙋ (11), конмѝ (16), ко́нмѣмъ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: любвѐ (74), гада́нми (27), заматерѣвшы҇ (49), е҆мꙋже (4), мѝ (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотой и отчетливостію. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскій, употребляя его иногда въ сочиненіяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говоритъ о предметахъ и явленіяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнія и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соотвѣтствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пикгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспріемши отроча, пупокъ

урѣза, нъ недобрѣ связа. Не внемшижъ се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, объ нощь же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровію же исплъвъ, умираше“ (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться запросто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладайте“ [1]). Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „што сѧ тычетъ новѡвыниклыхъ, што день ѿтмѣнныхъ, такъ тексту іако и сенсу, иншимъ типографіамъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой: маючи за то, же в рыхломъ (што дай Боже) часѣ, за общимъ Архіереѡвъ православноѣ Церкве Россійскоѣ совѣтомъ, и не ѡспалымъ стараніемъ, станетъ една іакаѧ статечнаѧ и не ѿмѣннаѧ, такъ старѡпретлумачоныхъ книгъ корректура, іако и в нашомъ словенскомъ іазыцѣ еще не былыхъ претлумаченіе“ [2]).

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ* „*по литургіи*“, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать „*для выразумѣнія людского?*“. Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устранить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, „*письменныхъ*“ людей. Собственно говоря, вполнѣ сознательные первые шаги въ этомъ

[1]) АЗЮР. т. II, 210.

[2]) Изъ библіотеки кіевской духовной академіи кн. подъ № с. 11.

направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка, но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная малорусская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою*, *россійскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славенороссскомъ* лексиконѣ Памвы Берынды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Ѳеодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати" [1]). По смерти Балабана, Берында занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеемъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Берынды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Берында былъ *ученымъ изслѣдователемъ* [2]). Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

---

[1]) Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.

[2]) Историческая христоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашелъ г. Буслаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“[1]. Правда, Берында для объясненія *значенія* словъ прибѣгаетъ иногда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчіямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) пѣтєль: чєски и рѹски когѹтъ, колынски пѣвєнь, литовски пєтѹхъ (133);

2) чпагъ: кишєнѧ, шабєлта, бисага, ташка, капса, тлѹмокъ, кацокъ, словацки, торба, мошна, чє: тобола, мѣшокъ, ѹгорски, єршєны (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Берында жалуется, что трудъ его былъ *презираемъ* со стороны какихъ-то *хульниковъ*. Мы не знаемъ, въ чемъ заключались мнѣнія этихъ *хульниковъ*. Можетъ быть, они смущались наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „цр҃ковь названа єсть ѿ царѧ, нижъ царскимъ домомъ єст“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковь*: „єстъ цр҃ковь ѡкрѹжным ѡбвєдєна и ѡбкаробована цыркλєм, ѿ которого слова, и єтїмонъ свой, то єстъ, выводъ маєтъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были грамматическимъ безпорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „непорочєнъ“—словомъ: „безнаганы“ (94), слово „тѹтнѡ“—словами: „грѹмъ, пєрѹнъ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объясненій Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему *хульниковъ* такъ же точно, какъ и мнѣніе кутеинскихъ издателей лексикона, которые называютъ его *потребнымъ и пожитечнымъ для многихъ*. Дѣйствительно, онъ былъ *потребнымъ и пожитечнымъ*, какъ всякая

---

[1]) Ссылки на кутеинское изданіе, приведенныя у Буслаева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самаго читателя.

Въ наше время лексиконъ Берынды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянорosскаго* лексикона, и именно той части его, которую Берында называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименныя*, которыя Берында считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Берында называетъ словами *росскими?*

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, напр: „го́ре: бѣда̀“ (30), „граду: иду, прохожу“ (32), „кръвь: кро́вь, що в тѣлѣ є“ (68). Одно изъ этихъ словъ Берында сопровождаетъ любопытнымъ, орѳографическимъ примѣчаніемъ: „благо, говоритъ онъ, гды пи́шеся без титлы, въ Русской мовѣ зна́читъ: не гара́здъ, мле́, недо́бре, оу́ло́мне, зи́мно, лѣни́во, гню́сно, блѣдо, си́не, що тробѣю фа́рбу ма́етъ“. (4). Сюда же относятся слова, выдуманныя изъ корней славянорусскихъ: „бы́тїе: бы́тность“ (11), „вели́чїе: вели́кость, высо́кость“ (13), „воево́да: коннѣтвово́децъ“ (16), „глубина̀: глубо́кость“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „благоутишїе: пого́да, ясная пого́да“ (7), „їже: кото́рїи“ (63), „дне́сь: сего́дня“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянской на общерусскую: „кра́ва: коро́ва“ (67), „бразда̀: борозна̀“ (10), „ви́жду: ви́жу“ (14), „загражде́нїе: загороже́нье“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже непонятными: такъ, слово „котора̀“ Берында считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „сва́ръ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Берынды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причемъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „жѐ: а, ле́чь, вша́кже, и̓лѝ те́жъ,

сѫюзъ сълѣплѧющ'“ (42); „келих: чаша“ (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчіи специальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значеніи: такъ, по поводу слова: „дѣло“ онъ говоритъ: „россійски и полски стрѣлба великая зовется“ (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ *подобоименныя* польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненіи: такъ, при словѣ „вѣра“ стоятъ у него: „набожество, релѣа“ (26), при словѣ „сила“— слова: „моцъ, так же цнота“ (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Берынды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсъ и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей XVII вѣка. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: „Собраніе короткои науки о артикулахъ вѣры православнокафолическои Христіанскои“[1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она „часу недавно прошлого“ напечатана была „діалектомъ полскимъ для певныхъ и поважныхъ причинъ, а не мнѣй для тои: абы уста невстыдливыхъ помовцовъ затамованы были, которые, будучи непріятелми головными церкви всходнеи, діалектомъ полскимъ смѣли и важилися розными герезіами церковь православнокафолическую мажучи, свѣту огижати. Абы такимъ же діалектомъ (гды правдивое,

[1]) Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

вызнанѥ цркве читати бꙋдꙋтъ), зражены и поганены, вѣчне зоставали. Теперъ зась повторе таѧ самаѧ книжечка... дїалектомъ роскимъ през дрꙋкъ свѣтꙋ пꙋбликꙋетсѧ...“ Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски [1]). Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ [2]). Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое соста-

---

[1]) Λίθος abo kamiń z procy prawdy cerkwie świętey prawosławney Ruskiey. Kiow. 1644. О сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета.

[2]) „Малоруско-німецкій словар“, Львів, 1886.

вляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зимоdo* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчіи. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямаго или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго[1]). Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія[2]). Есть, наконецъ, слова, общія

---

[1]) Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разысканія т. I.

[2]) Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або—ли, или, иначе: *Рязанс.* Польс. *abo*, малорус. *або*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз.*, *Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс.*, *Рязанс.* Польс. *aby*, малор. *аби*.

Вабить—обманывать, обольщать: *Тамб.* Польс. *wabić*, малор. *вабити*.

Вадить 1) проводить время, пережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польс. *wadzić* безпокоить, ссорить, малор. *вадити*—вредить.

Вежа—шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża*—башня, малор. *вежа*—въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять—ужинать: *Пенз.*, *Смоленс.* Польс. *wieczerać*, малор. *вечеряти*.

нарѣчіямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому [1]). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчіи. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчіи.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польс. *gospodyni*, малор. *господиня* – хозяйка.

Громада—собраніе поселянъ, мірская сходка: *Курс.* Польс. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польс. *dobrze*, малор. *добре.*

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польс. *dużo*, малор. *дуже.*

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод.*, *Рязан.*, *Тамб.* Польск. *żądać*, малор. *жадати.*

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польс. *żałować*, малор. *жалкувати.*

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польс. и малорус.

Жниво—запаханное поле: *Яросл.* Польс. *żniwo*, малор. *жниво*—жатва, *жнива́*—время жатвы.

Жупанъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод.*, *Смоленс.* Польс. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить –заработать: *Арх.* Польс. *zarobić*, малор. *заробити.*

Зась (междом.) замолчи: *Калуж.*; въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польс., но въ послѣднемъ имѣетъ еще значеніе союзовъ: *а*, *но*, *же.*

Заховать—спрятать: *Донс.*, *Курс.*, *Пенз.* Польск. *sachować*, малор. *захова́ти.*

Звычайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.*,Польс. *zwyczajne*, малор. *звичайно.*

Знакомитый– привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польс. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Казать—говорить: *Воронеж.*, *Калуж.*, *Курс. Орловс.*, *Смоленс.* То же въ польс. и малорус

Кій—посохъ, палка: *Псков.*, *Смоленс.*, *Твер.* То же въ польс. и малорус.

Конать—умирать, кончаться: *Курс.*, *Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кунтошъ—женская длинная шуба, покрытая китайкой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышъ*: *Рязан. и Тульс.* Польс. *kuntucz*, малор. *кунтуш.*

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Благой 1) худой, дурной, безобразный: *Пск.*, *Симб.*, дураковатый: *Курс.* 3) безпокойный: *Вологод.*, *Рязан.*, *Тамб.*, Польс. *bláhy* худой, дурной. Въ малор. *благий*—добрый (см. малорусско-німец. словарь Партицкаго).

Го́ди, овъ—празденство, пиръ: *Ворон.*, *весельные годы*—свадебное празденство: *Ворон.* Польс. *gody*, *weselne gody.*

Онагдысь—недавно: *Пск.* Польс. *onegdaj.*

Ощера—зубоскалъ, насмѣшникъ: *Тамб.* Польс. *oszczerca.*

Перезъ—черезъ: *Влад.*, *Тверс.* Польс. *przez.*

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣютъ однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Купа—куча, группа: *Тульс.* То же въ польс. и малорус.

Лагодить—ладить: *Курс.* Польс. *łagodzić*—смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *лагодити*—исправлять, приспособлять.

Ледва—едва: *Смоленс*; *ледвѣ*: *Тульс.* Польс. *ledwie*, малор. *ледві.*

Мара—призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *мара̀.*

Мары—носилки для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надья—надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія.*

Нехай—пусть: *Донс.*, *Курс.*, *Нижегор.*, *Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай.*

Пильно—пристально, внимательно, прилежно: *Курс.*, *Смоленс.*, *Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый—печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посагъ 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить—хотѣть: *Олонец.* Польс. *raczyć*—благоволить, удостоить. То же въ малорус.

Смажить—жарить: *Псков.*, *Тамб.* Польс. *smażyć*, малор. *смажити.*

Сподѣваться—надѣяться: *Псков.*, *Тамб.* Польс.—*spodziewaćsię*, малор.—*сподіватися.*

Трохи—немного: *Калуж.*, *Тульс.*, *Смоленс.*, Польс. *trochę*, малор. *трохи.*

Хижий—аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс.—*chyży* скорый, проворный, малорус. *хижий*—хищный, жадный.

Ховать 1) прятать: *Калуж.*, *Курс.*. *Смоленс.* 2) погребать: *Курс.*; въ обоихъ значеніяхъ польс. *chować*, малор. *ховати.*

Честовать—угощать: *Арх.*, *Смоленс.* Польс. *częstować*, малор. *частувати.*

Чи—ли, или: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи*—въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка—телица, молодая корова: *Волог.*, *Тамб.*, *Тульс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка.*

(Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I—III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областнаго Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.).

Расквелить—раздражить, разсердить: *Нижегор.*, *Тверс.*; *расквилить*—привести въ слезы: *Вологод.*, *Орлов.* Польс. *rozkwilić*—растрогать.

Тливкій, *тливый*—чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy*—вообще чувствительный.

Торъ—видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волог.* Польс. *tor*—путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

Сомнительными остаются только нѣкоторыя глагольныя формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѥс* [1]). Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ [2]). Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими варіантами—*сме*, *смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ [3]). Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *ѥсми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *ѥсми* медіальную форму, или

---

[1]) 1-е л. един. ч. муж. р.: *ходивѥм* и *ходивем*, *ходивйім*, *ходивім*, *ходивим*.
У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *ѥсми*).
Женс. р. *ходилам*.
Сред. р. *ходилом*.
2-е л. един. ч. муж. р. *ходив ѥси*, *ходивѥсь*, *ходивйісь*, *ходивісь* и *ходивись*.
Женс. р. *ходилам*.
Сред. р. *ходилом*.
1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо*, *ходимисьме*, *ходилим*.
2-е л. множ. ч.: *ходили ѥсте*, *ходимисьте*.
Въ 3-мъ л., какъ единс., такъ и множ. ч., вспомогательнаго глагола нѣтъ.

Точно такъ же къ корню *би* изъ *быхъ* присоединяется корень *ѥс*. Отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сьмо*, *би-сьте*. Для образованія прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-бим*, *бись*,—*ходили бисьмо*, *бисьте*,—или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був*, *була́*, *було́*, *булі́*: *був бим*, *був бись*, *був би ходив*,—*були бисьмо*, *були бисьте*, *булиб ходили* (Em. Ogonows. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

[2]) 1 л. ед. chodziłem, am, om 1 л. мн. myśmy chodzili, ły.
2 — chodziłeś, łaś, łoś, 2 — wyście chodzili, ły
3 — chodził, ła, ło 3 — oni, e, e, chodzili, ły.

[3]) При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ наиболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:

Чешс. chválil *jsem*, *jsi*, chválili *jsme*, *jste*.
Словац. hvalil *sem*, *si*,—hvalili *smo*, *ste*.
Лужицко-Серб. khwalił *sym*, *sy*,—khwalili *smy*, *śce*.
Сербс. хвалио *сам*, *си*,—хвалили *смо*, *сте*.
Болгарс. хвалилъ *съмь*, *си*,—хвалили *сме*, *сте*.

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *юси*, для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гуцульское *сми* не одно и то же, что польское *м*. Гуцульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *юсми* она утратила только начальное *ю*. Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая къ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *юсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *юсмы* (1 л. мн), но не *есме* и не *есмя*, какъ въ сѣвернорусскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъявит. накл.[1]). Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *ту* въ *śту*, поэтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *юсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку[2]). Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *юмь* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку[3]). Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

[1]) Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потебней (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаема общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I. стр. 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

[2]) „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемь мя *еси* добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбил(ъ) мя *есь*“ (Ипат. 593); „ты ми братъ *есь*“ (ibid).

[3]) „Я творилъ *емь*“ (Лавр. 105 въ выноскѣ). Это *емь* ни въ какомъ случаѣ не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *лъ* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго—мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому [1]. Именныя флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію [2], но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса [3]. Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ [4]. Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая прикраса, въ сущности не измѣняющая строенія

[1]) *Далемъ, далесь,* а не *давюмь давіесь, давем, давесь* и проч.

[2]) Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред. р. въ польской формѣ: „на ко́ждомъ мѣ́стцу, на се́рдцу (Г. К. 35. 43).

[3]) Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто́ хо́четъ пріа́телемъ бы́ти свѣ́товѣ, то естъ непріа́телемъ Бж҃інмъ“. „Всѣ лю́де грѣ́шніи су҃ хо́рыми“ (Г. Кл. 39).

[4]) Къ такимъ союзамъ относятся: *албо, гды* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ [1]). Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по польскому образцу [2]). Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галятовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спытаетъ кто, якъ можетъ з малои части (т. е. изъ темы) великое казанье учинити? отказую, треба тую часть казаня амплификовати, розширяти, треба придавати до нее приклады, подобенства, сентенціи, фигуры, то малая часть великимъ казанемъ зостанетъ“ СГ. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *россиихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

П. Житецкій.

---

[1]) *Ведлугъ*, *подлугъ*, *презъ*, *нигды*, *южъ*, *завше* и проч.

[2]) Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личные глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „Вавулончикове будовали вежу, высокую ажъ подъ небо, жебы собѣ славное имя на свѣтѣ учинили“ (Г. К. 23). „Идетъ до насъ Христосъ не для того жебы грѣшныи людей одослалъ до пекла“ (Ibid. 60).

Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака.

А. Л. Шимановъ передалъ мнѣ слѣдующее, полученное имъ отъ покойной жены Петра Петровича:

1. Посмертный фотографическій портретъ П. П. съ надписью на оборотѣ, сдѣланною, какъ полагаетъ А. Л. Шимановъ, рукою его жены:

„Скончался тихо, 1-го октября 1866 г. въ $4^1/_2$ часа утра, при благовѣстѣ въ церькви, вовремя утренняго Богослуженія. Родитель его былъ священникомъ въ церьвви Покрова и въ д. Покрова скончался, особенно любя этотъ праздникъ“.

2. Тетрадь изъ 3-хъ л. in 4°. Бумага троицк. фабр. Говарда № 4. Почеркъ П. П. А-го старческій. Правописаніе съ *ѣ*. Здѣсь: а) „Солопій та Хивря“; б) „Пысулька и пр.“; в) „Тюхтій та Чванько; г) „Де-що про того Гараська“. Сочиненія эти въ первый разъ напечатаны въ „Украинскомъ Вѣстникѣ на 1819-й г.“, издававшемся (адъюнктомъ) Евграфомъ Филомаѳитскимъ, ч. 16-я, кн. 8, октябрь, стр. 80—94 и 235—9, отсюда перепечатаны другимъ правописаніемъ П. А. Кулишемъ (Основа 1861, III), а отсюда, съ приближеніемъ къ первоначальному правописанію А.—Г—а (съ *и* и *ы*, безъ *ѣ*)—Ф. Пискуновымъ (Кобзарь П. П. Артемовського-Гулака. К. 1877); но, въ виду бóльшей исправности и полноты нашего текста, привожу ихъ вполнѣ, съ варіантами 1-го изданія въ выноскахъ, точно соблюдая правописаніе автора.

д) Здѣсь же три ненапечатанные „прыказкы“.

3. Одинъ листъ in 4°, бумага безъ клейма, почеркъ болѣе ранній, нѣсколько поправокъ старческимъ почеркомъ; правопи-

саніе—какъ въ „Укр. Вѣстн.“, безъ *ѣ*. Стихотвореніе на тему Горація, 34 Ода, кн. I, ненапечат.

4. Рисунокъ карандашомъ, тронутый сепіей, приписываемый самому Г.—А-му, иллюстрирующій послѣднюю строфу стихотворенія подъ 3.

3. Одинъ л. in 4°, на такой же бумагѣ и тѣмъ же поч. и правопис., что и 3, содержащій ненапечатанное стихотв. на тему Горація, 9 Ода кн. II.

По минованіи надобности, бумаги эти будутъ переданы въ Библіотеку Импер. Харьк. Университета.

А. Потебня.

Солопій[1]) та Хивря,

АБО ГОРОХЪ ПРЫ ДОРОЗѢ.

КАЗКА.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire:
Or, l'avis, dont encor nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France,—et c'est un coup aisé,
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes très-hautes!

Molièr.

Les fâcheux. Acte III, scène III.

Спромигся Солопій весною на горохъ,
Та-й, сѣвшы зъ Хиврею, собѣ мѣркують вдвохъ,
Чы то продать ёго, чы-то ёго посѣять?
„А щожъ тутъ мѣрковать? не полѣнуйсь провѣять“,
Сказала Хивря тутъ; „въ мѣшечкы позсыпай,
„Та-й сѣять нà-поле, пидъ дощъ, мерщій чухрай!“
—„Воно-то, Хивре, бачъ, тутъ не за тымъ идецця;
„Але посѣять такъ, якъ у людей ведецця...
„Нехай ёму лыхе!... горохъ ласенька рѣчъ,

---

[1]) Т. е. роззява.—А. П.

„И дѣтвора́ за нымъ полѣзе хочъ у пичъ!
„Ты жъ раешъ сѣяты горохъ на перелозѣ!...
„Эй, Хивре!... перелигъ лежыть нашъ пры дорозѣ:
„Эй... обскубуть горохъ нашъ зеленцемъ... побачъ!...
„Въ лопаткахъ обнесуть!... тогди—хочъ сядь та-й плачъ!
„Якои вражои ты матери сумуешъ?
„Цуръ-дурня! нависный! Чы ты жъ того нечуешъ,
„Що якъ уродыть Богъ, то дасть на долю всѣхъ?
„Чы це жъ [1]) не глумъ тобѣ, не сбромъ и не смѣхъ,—
„Врагъ-батька [2])-зна—чого безглуздому жахацьця?
„Та джежъ, якъ кажуть-то, колы вовкивъ лякацьця [3])
„То ничого ходыть зъ сокырою и въ лѣсъ!...
„Иды жъ, кажу, та сѣй! немымры тамъ пидъ нисъ!
„Абы лышъ, Господы, на нывѣ намъ вродыло,
„То буде-й намъ [4]), и всѣмъ... Чы чуешъ ты, мурмыло!
„Небудь уѣдлывый, якъ брыдка та оса [5]),
„И довше неспричайсь [6]), бо вылаю, якъ пса!
—„Эй, Хивре“, Солопій сказавъ ій, „несварыся,
„Бо, да́леби [7]), горохъ нашъ згыне!... схаменыся!...
„Ну, си́лькось!... я пійду [8]), посѣю, та не тамъ,
„А де-небудь въ кутку, що-й врагъ ненайде самъ.
—„Неперебендюй бо такъ довго, Солопію!
„Бо я горохъ сама, де схочу, тамъ посѣю;
„Сама я-й выкошу, якъ треба, на покисъ,
„И ось тобѣ тогди я дулю дамъ пидъ нисъ!...
„Але, мій голубе! прошу тебе по ласцѣ:

---

[1]) Чы се жъ.
[2]) Врагъ-матиръ.
[3]) бояцця.
[4]) То буде намъ.
[5]) и впартый мовъ оса.
[6]) Мовъ наровыстый кинь.
[7]) Бо далыби.
[8]) пиду.

„Послухай часомъ тыхъ, що ходять у запасцѣ [1]);
„Плюнь, серце, на того, хто такъ тобѣ сказавъ,
„Що, бу́цимъ, Богъ жи́нкамъ волосся довге давъ
„За те, що розумъ ї̄мъ укоротывъ чымало:
„То погань такъ верзла́, школярство такъ брехало!
„А я-жъ-то й мужыкивъ... круты ты-неверты...
„Неразъ вже бачыла такыхъ дурныхъ, якъ ты!
„Отъ-такъ!... пытай людей; бо той, хто ї̄хъ пытае,
„Мовъ старець безъ ципка по стежкахъ неблукае.
„Не разъ ты за двома зайцямы полёвавъ [2]),
„За те жъ ни одного, гонывшысь, непіймавъ;
„Не разъ ты жаловавъ ухналыкивъ старенькыхъ,
„За те жъ ты скилькы [3]) вже згубывъ пидкивъ новенькыхъ!
„Отъ-такъ ты и теперъ горохъ запропастышъ,
„Колы бъ ты-й самъ [4]) пропавъ!“

—„Чого ты тамъ гарчышъ?“
Сказавъ нашъ Солопій, та-й, зъ серця, дейко зъ хаты!
Запригшы гулыхъ винъ, ну перелигъ ораты!
Зоравъ, посѣявъ винъ горохъ, заволочывъ,
Ажъ тутъ и дрибный дощъ риллю ёго змочывъ.
Зійшовъ горохъ, пиднявсь, пидрисъ, зацьвѣвъ рясненько [5]):
Хто йшовъ, той прыглядавсь гороховѣ пылненько.
Тымъ часомъ вже почавъ вбывацьця-й въ лопаткы́;
Ажъ тутъ прыйшла черга́ и на сами́ стручкы.
Хто йде,—горохъ скубне: гребець скубне у жменю;
Иде косарь и женець,—нагарбають въ кешеню;
Прыскочыть дѣтвора,—и въ пе́лену смыкне...
Зибравъ нашъ Солопій горохъ, та знай-клене [6])

---

[1]) и въ запасци.
[2]) Не разъ вже за двома зайцямы ты ганявъ.
[3]) скилько.
[4]) Колыбъ ты самъ.
[5]) Зійшовъ горохъ, пидрисъ, зацьвивъ увесь рясненько.
[6]) клыне.

И, на чимъ свѣтъ стоить, по-сороми́цькый лае,
Усихъ батькивъ зъ того винъ свѣта вывертае:
„Стонадцять бы копыць зъ рогамы вамъ чортивъ!
„А!... бѣсивъ на́роде!... колыбъ ты околѣвъ!
„Колы бъ ты кожнымъ [1]) бувъ стручечкомъ подавывся!
„Щобъ въ пельцѣ [2]) винъ тобѣ килко́мъ бувъ зупынывся!
„Колыбъ то [3]) триснувъ (s.) бувъ одъ ёго твій жывитъ,
„Нижъ мавъ ты це мене такъ [4]) посадыть на лидъ!
„Щобъ горошыночкы [5]) въ твоихъ кышкахъ бѣсовськыхъ
„Такъ набубнявилы, (s.) [6]) якъ барабанъ московськый!
Багацько дѣ-чого спѣвавъ тутъ Солопій;
Молывся за ввесь ридъ хрещеный и за свій,
[7]) И вже роззявывъ ротъ, щобъ по-кацапськый лаять,
Та засоромывся и, часу щобъ незгаять,
Гукавъ и верещавъ, и пѣнывсь и плювавсь,
Неначе бъ то ёго и справдѣ хто злякавсь!... [8])
До Хиври сыкався, за мокогинъ хапався [9]).
И не на жартъ такы, сердега, розгулявся;
То впъять [10]), по доброму ладу, винъ ій казавъ:
„Бачъ, Хивре нависна (s.), що нашъ горохъ пропавъ!
„Бачъ, шкапо гаспыдзька [11]), чого ты наробыла!
„Та ты жъ мене на вѣкъ оце запропастыла!..."
Ище смачненьке щось збиравсь [12]) сказать винъ ій,...
„Послухай, бовдуре [13])", сказала Хивря, „стій!

---

[1]) кождымъ.
[2]) въ горли.
[3]) Колыбъ щобъ.
[4]) Нижъ мавъ оце мене ты.
[5]) горошыночка.
[6]) набубнявила.
[7]) [8]) Вм. этихъ 4-хъ стиховъ—То, вгамовавшыся знову до свого вертався.
[9]) хватався.
[10]) То знову.
[11]) бисова.
[12]) хотивъ.
[13]) Послухай лышъ сюды.

„Уже, якъ бачу я, тебе непереперты:
„Хто дурнемъ уродывсь, тому и дурнемъ [1]) вмерты!
„Але, мовлявъ, ище бъ [2]) сюды й туды зъ дурнымъ;
„Отъ горе [3]) та бѣда—зъ дурнымъ, та ще-й зъ лыхымъ!
„Казала я тобѣ, що якъ намъ Богъ [4]) уродыть,
„То буде намъ, и всѣмъ, и злóдѣй не зашкодыть;
„Ажъ такъ и ѐ [5]): хочъ ты посѣявъ два мѣшкы;
„Хочъ, тилько хто хотѣвъ, той наши рвавъ стручкы,...
„(Нехай ёму въ корысть!), а все жъ, хвалыте (s.) Бога,
Зибравъ ты сѣмъ мѣшкивъ гороху зъ перелога!
„Де пъють, то тамъ и льють [6]: безъ шкоды не бува.
„Абы здоровенька лышъ наша голова!
„Але ты хочешъ, щобъ неѣлы козы сѣна
„И сыти щобъ булы? Ой мудрый дуже зъ сына!...
„Ну, цуръ тоби та пекъ! робы ты, що хоты:
„Оры, мелы и ѣжъ... хочъ голову скруты,
„Про мене!... Я теперъ и нероззявлю рота;
„Та вжежъ побачымо, яка твоя робота!
„Та-й люде жъ [7]), сѣючы, хочъ тратять, а орю́ть:
„То ду́рни, отъ якъ ты, несѣяни ростуть!...
„Эй схаменесся ты, та пизно, Солопію!"
—„Та вжежъ, хочъ схаменусь", сказавъ винъ, „хочъ посѣю,
„Та не по твбему; зроблю, якъ самъ умѣю;
„Зроблю,—щобъ и стручка ни я́кый бѣсъ невкравъ".
Зробывъ нашъ Солопій, якъ самъ здоровый знавъ:
Винъ на другу́ весну, плугъ и ралà забравшы
И, мижъ пшеныцею и жытомъ пооравшы,
Въ серéдыни горохъ увесь посѣявъ [8]) свій.

---

[1]) тому дурнымъ и.
[2]) Але бъ, мовлявъ, ище.
[3]) Ось лыхо.
[4]) що Богъ якъ намъ.
[5]) Ажъ такъ и есть.
[6]) ллють.
[7]) Тай люды жъ.
[8]) засіявъ.

„Теперъ-то“, дума нашъ дурненькый Солопій,
„Теперъ-то мій горохъ вже, мабуть, розцвѣтае!
„Нехай цвѣте, нехай, тымъ часомъ, доспѣвае;
„Ось якъ пійду [1]), въ жнывà пшеныцю й жыто [2]) жать,
„То часу марно щобъ такъ-сякъ [3]) незваковать,
„Скошу и свій горохъ, въ копыци поскладаю,
„То й зъ нымъ управлюся [4]), и разомъ жнывъ незгаю“.
Пійшовъ [5]) въ жнывà, та ба! .. ни зéрна незаставъ!
Процындрывъ Солопій горохъ и просвыставъ,
А за горохомъ въ гуртъ,—и жыто и пшеныцю
И тилькы [6]) зо всёго соломы взявъ съ копыцю!
А якъ же це?—Отъ-такъ: пронюхалы въ селѣ,
Що Солопій горохъ посѣявъ на риллѣ,
Мижъ жытомъ та помижъ пшеныцею своею:
Давай ходыть въ горохъ!... ходыли, и хиднею
Пшеныцю-й жыто такъ помъялы [7]) та стовклы.
Що, сучый сынъ, колы и мѣсце ихъ найшлы!...

Що-жъ Хивря?—Румсае!... а що жъ чыныть небозѣ?
Якъ тилькы жъ зуздрѣла [8]) Роззяву на порозѣ,
Зняла торбынкы двѣ зъ рядныночкы [9]) зъ килка:
„А бачъ, гадюко, бачъ?... ты жаловавъ стручка,
[10]) „Теперъ, за ту-сякý-никчемну горошынку,
„Ты обголывъ мене и дрибную дытынку!
„Такъ отъ-якого намъ ты пидпустывъ тхоря,
„Що я зосталася зъ дѣтьмы безъ сухаря! [11])
„Бачъ, пыко гаспыдзька [12]), чортовськый Солопъяго!

---

[1]) Ось якъ пиду въ жныва пшеныци-й жыта.
[2]) То часу марне щобъ мовлявъ.
[3]) упораюсь.
[5]) пишовъ.
[6]) Бо тилько.
[7]) Пшеныцю й жыто все такъ змялы.
[8]) Якъ тилько жъ заздрила.
[9]) Дви новисиньки.
[10]) [11]) Вмѣсто 4-хъ ст.—Теперъ зъ диткамы безъ хлиба мы шматка.
[12]) Бачъ, сыну гаспыдзькый.

„До чого насъ довивъ ты, бридкый скупендяго! [1])
„Иды жъ теперъ видсиль!. . [2]) щобъ твій и духъ не пахъ!
„Невмѣвъ свого,—носы жъ ты хлѣбъ чужый въ торбахъ!"
Сказала, та й торбы на ёго почиплляла
И мижъ старцивъ, мовъ пса, Солопія прогнала!

—

Послухайте мене, вы всѣ, Солопій,
Що знай-мудруете, и головы свои
Чортъ-батька-зна-надъ-чымъ морочыте—до ката:
Якъ въ борщъ, замѣсть курчятъ, намъ класты кошенята [3]);
Якъ груши на вербѣ и дули вамъ ростуть;
Якъ ѣсты да́зьбига, та ще-й гладкымы буть;
Якъ локшыну крышыть для війська [4]) изъ паперу;
Якъ квашу намъ робыть зъ черныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ,—языкомъ:
Якъ бджолы годовать безъ меду,—часныкомъ;
Якъ каву [5]) пыть панамъ зъ квасоли—зъ буряками;
Якъ нывы засѣвать безъ сѣмъя, [6])—кизякамы;
Якъ зъ кожного [7]) зерна сѣмъ квартъ горѣлкы гнать;
Якъ сѣно намъ пиро̂мъ (s.) [8]) косыть, якъ киньмы жать,
Щобъ людямъ и снипка недать на заробитокъ,
И пташцѣ ни зерна погодоваты дѣтокъ:—
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, бридню! [9])
Де треба рукы грѣть, тамъ треба и огню.
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы,
А, якъ на землю злѣзъ, пійшовъ [10]) въ старци зъ торба́мы!

Харьковъ.
25 сентября 1819 г.

П. А. Г.

[1]) бисивъ скупердяго.
[2]) звидциль.
[3]) Кошынята.
[4]) варыть для виська.
[5]) Якъ кохвы.
[6]) безъ симя.
[7]) зъ кождого.
[8]) перомъ.
[9]) брехню.
[10]) пишовъ.

Пысулька

до того, котрый, що Божого мѣсяця, Украиньського Гиниця (Украинскій Вѣстникъ) по всѣхъ-усюдахъ розсылае.

Ёвграпе!

Бажавъ есы казкы? На!..[1]) отъ-тобѣ *Солопій* та *Хивря!* Не здывуй самъ, та нехай выбачыть и громада, колы казка—не до шмыгы и невподобаецця[2]). Самъ бачывъ есы, а[3]) дѐякымъ и неповылазылы[4]), що я заклякъ та[5]) захыривъ такъ, що й головы непидведу, та ще може-й доведецця выстояты добрый калантыръ у домовыни[6]),—отъ, якъ йноди трапляецця зъ старшыною чотырнадцятого класа у насъ на станціяхъ[7])!... А вжо самъ-здоровъ, Ёвграпе, знаешъ, що, лежачы, не въ Юрусалымъ заѣдешъ: лежачы[8]), я жъ кажу, яка вже тамъ у хрѣна робота?[9]) Воно, Ёвграпе, лѐжачы, добре тилько панамъ; имъ скризь спирно йде робота; бо хочъ и лежни, часомъ[10]), нападуть, то воны все-таки дарма[11]) годыны[12]) незгають. Гукнуть[13]): давай!—и[14]) дають! а колы нема, то бъють!... Кого?—Оце кого! Ужежъ на себе по кендюсѣ...[15]) Ну,[16]) а колы быття обрыдне?—Такъ[17]) щожъ? то карты мнуть, та усе жъ[18]) такы не гуляють!—Та ще-й паны, Ёвграпе, не всѣ таки робочи та трудящи[19]); бо ыншый, сбромъ и сказать...[20]) паномъ уродывсь,

---

1) Нѣтъ въ Укр. Вѣст.
2) Нѣтъ.
3) та.
4) Sic. У Кулиша: „повилазило“.
5) Що я захыривъ.
6)—7) Нѣтъ.
8) не далеко зайдешъ.
9) яка робота.
10) Нѣтъ.
11)—12) дармо часу.
13) крыкнуть.
14) Нѣтъ.
15) Уже не собаку.
16) Нѣтъ.
17) То.
18) та все.
19)—20) таки трудящи, бо иншый паномъ.

паномъ охрестывсь, паномъ зрисъ[1]) и звѣковавъ, а, далеби, не тобѣ що... и клезнуть мужыка невмѣе!.. отъ-така чудасія!... [1]) Такый у насъ, Ёвграпе[2]), и пидъ Хáрковымъ недалечко: ось... хочъ бы-й... хыба ныщечкомъ скажу... ба ни!...[3]) нехочу... нехочу... далеби[4]), не скажу!... грѣхъ!... Я у ёго хлѣбъ-силь ѣвъ[5]), а теперечкы бъ оскаржывъ ёго передъ громадою, що винъ и въ картахъ ничогисинько не шупыть, и мужыкивъ чубыть не втне[5])!—Та-й зъ насъ, Ёвграпе, зъ тобою[6]) не якà робота! Ще жъ то тобѣ, мовлявъ, и сякъ—и такъ, бо тобѣ йноди дé-що и черезъ дзвúнку перелѣзе, а я такый собѣ[7]) прышелéповатый удався[8]), що-й сыéи дурныци не тée[9])... якъ ёго[10])... не втну! Воно то я[11]) трохы и въ картахъ слебезую[12]); бо такы, зъ першого[13]) пóгляду, я(къ) тильки[14]) побачу, що зъ однымъ окомъ, то такы заразъ и вгадаю, що то, мабуть, що-нáйстаршый дурень[15]). Я такъ, часомъ[16]), Ёвграпе, и людей розмѣркóвую[17]): якъ тилько зуздрю[18]) кого, що свои прытаманни—родыми ще[19]) неповылазылы, а вже[20]) дывыцця въ одно чуже жодному[21]) пидъ нисъ, мовъ ёго недобачае, то я такы, далеби-що, и вгáдую[22]), що то, мабуть, що-нáйстаршый дурбасъ[23])...

---

[1]) зрисъ; а далеби и мужыка клезнуть невміе,—отъ таке лыхо!

[2]) бра.

[3]) хочъ бы й... нехочу.

[4]) ей Богу.

[5])—[5]) а ты хочешъ, щобъ я выявывъ, що винъ и въ карты грать нетямыть, ни мужыкивъ лупыть не вміе.

[6]) [7]) [8]) [9]) [10]) Нѣтъ.

[11]) Та я то.

[12]) шуплю.

[13]) зъ первого.

[14]) Якъ тилько.

[15])—[16]) Нѣтъ.

[17]) пизнаю.

[18]) заздрю.

[19]) Ще-й.

[20]) та вже бачъ.

[21]) кождому.

[22]) То я—такы заразъ, сучый сынъ, колыневгадаю.

[23]) найстаршый дурень.

Ой!.. щось я дуже гóлосно, Ёвграпе, брязнувъ [1])!... Колыбъ лышèнь [2]) ножыци на столѣ необизвалысь! Та вже жъ, матери ихъ ковинька!... Чы будуть бить, то нохай бьють! Уже мене и не таки былы, та й ти небагацько скýралы [3]); уже, я жъ кажу, менѣ гирше небуде; я вже й такъ пью добру повну! Отъ—лежу та стогну та ялозюсь изъ знахарямы [4]), мовъ [5]) китъ зъ оселедцемъ. Ище разъ тобѣ, Ёвграпе [6]), кажу, що лежачы—не якà робота. Ось *Пана* та *Собаку* и сыдячы напысавъ, та й то дé-якымъ [7]) панамъ, може, такъ догодывъ, якъ *Рябко*—своéму. Що жъ матемешъ, Ёвграпе, чыныты [8])? Дурнямъ, якъ(то) кажуть, самъ Богъ невгóдыть. Та вже то воно—грѣхъ казаты; бо могò *Рябка* у самому Пянтенбурсѣ, та-й скризь у Московщынѣ [9]) гладылы не сýпротывъ [10]) шерсты и такы трахтовалы [11]), неначе кого й доброго; такъ отъ-же, бачъ, все-такы у дè-якыхъ пидпанкивъ шапкы́ на лысынахъ [12]) загорѣлысь [13])!.. А я тутъ нетилькы що... ни прú-що... абó-що!.. Та бодай воны такъ хотѣлы на свѣтѣ жыть [13]), якъ мене кортѣло зъ нымы грызтысь... òтъ-що [14]). Цуръ имъ! пекъ имъ! осынà имъ—марына! То доброго, мовлявъ, полай и покартай, то винъ тобѣ щей-й подякуе [15]); а ледачому що? ты ёму образы́, а винъ тобѣ—лубъя [16])! Ты ёго въ плугъ, а винъ собѣ въ лугъ [16])! Нехай воны тямляцця, Ёвграпе [17]). Леда-

---

[1]) дуже брязнувъ.

[2]) лышъ.

[3]) добра выбылы.

[4]) [5]) вожусь изъ знахарамы, неначе.

[6]) Нѣтъ.

[7]) та ще й то декоторымъ.

[8]) Щожъ чыныть, Іовграпе!

[9]) Петенбурси, у Москви, и скризь такы.

[10]) не противъ.

[11]) и прыймалы.

[12]) шапкы на голови.

[13])—[13]) Вм. этого; Бодай воны такъ на свити булы.

[14]) Нѣтъ.

[15]) Поклоныцця.

[16])—[16]) Нѣтъ.

[17]) Нѣтъ.

чого, мовлявъ нашъ Онопрій, незачипай и рукъ некаляй [1]). Горбатого, сказано[2]), хыба могыла справыть[3]). Непоможе, я-жъ кажу, бабѣ кадыло, колы вже бабу сказыло[3])! Отъ-такъ-то, Ёвграпе, козаче[4])! Лыхо й зъ правдою, лыхо и зъ брехнею! За правду бъють, за брехню вѣры недають: отъ-така ловыся[5])... Що чоловѣкъ тобѣ и зъ глуздомъ незберецця, якъ на̀-свѣтѣ и обертацця[5])! Що жъ робыть? Мовчать?—Та джежъ и мовчу... колы-бъ уже имъ зацѣпыло!—Я жъ-то-й[6]) кажу, Ёвграпе, що нема ёго на̀-свѣтѣ, якъ зъ своею ри́внею—зъ мужыкомъ: чы то полаяцця[7]), чы то поскубтысь, чы то побыцця, чы-й помырыцця, то все воно такы, сказано, свій братъ. Я жъ-то одтого оце и на Солопія́ напався... Адже жъ панивъ нема Солопійвъ? Якъ твоя на се думка[8]), Ёвграпе? Ты пысменнѣшый видъ мене; ты багацько дѐ-чого въ кныжка̀хъ роздовбавъ[9]); ты вже такы[10]) бувавъ въ бувальцяхъ; бувавъ, якъ кажуть[11]), на конѣ и пидъ конемъ; скажы жъ, будь ласкавъ, прыятелю, чы нема на́-лыхо, часомъ, сёго менния[12]) мижъ панамы, щобъ мени, хай Богъ бороныть, невзять и́ноди грѣха[13]) на душу? А то, якъ що[14])... то опануе мене лыха та несчаслыва годына[15])! Богъ ёго святый зна: може, не тутъ спомынаючы, и мижъ панамы[15]) вырвецця не одынъ Солопъяга! бо вже у мене щось не дурно свербыть на головѣ[16]) чупрына! Эй!.. та будуть же лупыть[17])... Скажени! Та вже жъ, силькось, нехай

---

[1]) незайимай и самъ себе некаляй.

[2]) Уже горбатого, Іовграпе

[3])—[3]) Нѣтъ.

[4]) Отъ такъ-то, голубе!

[5])—[5]) Що сучый сынъ, колы знаешъ, куды на свити й повернуцця.

[6]) Яжъ-то вже-й.

[7]) Нѣтъ.

[8]) Якъ ты думаешъ.

[9])—[10]) де-чого шупышъ; ты вже.

[11]) Ты вже, я жъ кажу, бувъ и.

[12]) Скажы, будь ласкавъ, Іовграпе, чы нема сіого именння.

[13]) щобъ мени часомъ гриха невзять.

[14]) Нѣтъ.

[15])—[15]) Якъ часомъ, крый Боже, изъ-помижъ панкивъ.

[16]) Нѣтъ.

[17]) Та будуть быть.

бъють; уже зъ мене, Ёвграпе, не багацко оліи выбъють [1])! Абы лышень мени, Господы, зъ кырпатою пораховацьця!... а кырпата не за горамы; а тамъ сховаюсь въ домовыну та-й покажу ӣмъ зъ за пазухы отъ-таку здоровéцьку дулю!... [2]) Ну, Ёвграпе! нúчого довго роздобарёвать: беры [3]) казку. Що буде, те-й [4]) буде, а буде те, що Богъ намъ дасть. Беры [5]) Солопія та й несы до друкарни [6]): хай [7]) тамъ твій Мыкола друкуе, якъ знае [8]). Колы, я жъ кажу, вовка лякацьця, то и въ лѣсъ неходыть [9]). Не такый и чортъ страшный, якъ ёго малюють!

Харьковъ.
26-го сентября 1819-го года.

Тюхтìй та Чванькò.

ПОБРЕХЕНЬКА.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
Je ne vis qu'en pleurant, et je pleure en riant [10]).
L'amour, pour tant de coeurs l'objet de plus doux charmes,
Fut pour le mien la source et des maux, et des larmes!
Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants
En poussant des soupirs, j'écris des vers plaisants.
Qu'ils sont drôles, ma foi, ces destins que les nôtres!
En voulant larmoyer, je fais rire les autres [11]).

Авторъ *Тюхтія* та *Чванька* [12]).

Нашъ виршомазъ Тюхтій старыхъ людей шануе:
Гарасько якъ звеливъ, винъ такъ и компонуе.

---

[1])—[2]) Абы лышъ, господы, мени до смерты: а смерть моя не за горамы: а тамъ я и дулю іимъ выставлю.

[3]) Беры, Іовграпе.

[4]) то.

[5]) Беры, кажу.

[6])—[7]) въ друкарню, нехай.

[8]) Нѣтъ.

[9]) Я жъ кажу, колы вовка лякацця, то и въ лисъ не-йты.

[10]) Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!

[11]) Quoi!... je pleure, et morbleu j'en fais rire les autres!

[12]) *Примѣч. издателя Украинск. Вѣстника.* Эпиграфъ сей на французскомъ языкѣ сочиненъ самимъ авторомъ Тюхтія та Чванька,—и составляетъ вѣрное изобра-

Чы справжкы, чы[1]) на жартъ, що тилькы напысавъ.
То такъ на девять рикъ те въ бодню[2]) и запхавъ;
А на десятый рикъ, якъ выйме й прочытае,
Побачыть самъ-здоровъ, що тамъ ладу бѣсъ-мае;
То въ грубу такъ-такы и впре шпаргальля все!...
Отъ братъ його, Чванько, слабкый уже на се:
Що начеркавъ, те[3]) такъ въ дрюкарню и несе!
Але громада ихъ однако поважае:
Того ни сномъ незна, другого нечытае!

Скажить, будь ласкави: хто зъ ихъ дурнѣшый двохъ?
Та глузду, грѣхъ казать, скупенько у обохъ!...
Такъ першый же хочъ тымъ за працю надолужыть,
Що въ девять рикъ, хочъ разъ тепломъ собѣ услужыть;
Другый—такый дурный, що зъ холоду[4]) дрыжыть,
А кныжокъ же його—съ пивъ сажня[5]) такъ лежыть

Харьковъ. П. А. Г.
1-го ноября 1819-го года.

Дѐ-що про того[6]) Гараська.

Воно-то, бачъ, оце[7]) по нашому *Гарасько*, а по-московськый, лыбонь[8]) *Горацій*.—О! вже воны хочъ-що,—перековерсають по своему[9])! тамъ-то вже предывенна имъ[10]) мова! Отъ часомъ тра-

женіе сердца и жизни его въ миніатюрѣ. Находясь почти безпрерывно и давно уже въ болѣзненномъ состояніи, онъ борется съ желаніемъ заниматься любимымъ своимъ предмѣтомъ литтературою, и съ трудностію удовлетворить желанію своему совершенно. Большую часть сочиненій своихъ, напечатанныхъ и находящихся еще въ рукописяхъ, написалъ онъ не вставая съ болѣзненнаго ложа. При всемъ томъ всякой, подобно мнѣ, его знающій, сказать объ немъ можетъ:

Онъ плачетъ для себя, онъ для другихъ смѣется;
И въ шуткахъ и въ слезахъ—всё тотъ же остается!

[1]) Чы-й.
[2]) въ скрыню.
[3]) то.
[4]) що мерзне винъ.
[5]) съ пять сажнивъ.
[6]) [7]) [8]) Нѣтъ.
[9]) то по своему перековерсають.
[10]) іому.

пыцця такъ, що стоишъ передъ нымъ зъ добру годыну [1]), а винъ тобѣ сѣче та рубае!.. Що-жъ?—[2]) Хрѣнъ ёго-й сливцѐ второпае, що винъ тамъ верзе та папляе [2])! Отъ-тилько, буцимъ-то-й дочуваешъ, що [3]) „вотъ-съ", та „што-съ", та „да-съ", та „нѣтъ-съ" [3]), та „гаварю-кажу", „гаварю-кажу", а що винъ тамъ [4]) гавòрыть—каже, того, далебѝщо [5]), и зъ попомъ нерозберешъ!

Отъ, хочъ бы, на прыкладъ, и се, що колысь, ще за царя Олексія Мыхайловыча, князь Гагынъ та боярынъ Хлоповъ, про нашого гетьмана-дряпичку, Брюховецького, лыстамы Ёго Царьскому Велычеству лепортовалы: „Иванъ Мартыновычъ", пысалы, „есть честный чоловѣкъ..." (эге!.. чесный, якъ капытаньска мазныця!) „и годыцця быть гетманомъ, понеже онъ, хотя не ученъ, да уменъ и ужасть какъ *вороватъ* и исправенъ!" *) Ну,... дей ёго честы!.. хай ёго хàлепа зъ такою честю! Ну, та се, бачъ, воно такъ выхòдыть по нашому, а по-московськый—ынше дѣло: по нашому бъ-то *вороватый* знàчыцця *злодѣйковàтый*, а по ихъ—*скусный, спрытный*. Звѣсно, кожный хрещеный народъ говòрыть по свòему: въ туреччынѣ—по турецькому, въ нѣмеччынѣ—по нѣмецькому; тилькы вже нашъ Пречыстяньській дякъ у кныжцѣ начытавъ, що „колы вже злòдѣй, то скризь злòдѣй, и у нѣмеччынѣ злодѣй, и у туреччынѣ злодѣй; ну, а, може де-инде и не такъ... Богъ ёго святый знае! [8]). Щебъ [9]) щось сказавъ, бо языкъ дуже свербыть, та цуръ ймъ!... у насъ, бачъ, уся старшына московська: чы-то далеко до пени [10])? Богъ зъ ными [11])!.. Возьмешъ, якъ-то кажуть, лычкомъ, а оддасы реминцемъ!

---

[1]) що зъ годыну стоишъ передъ нымъ.

[2]—[2]) Песъ, колы й сливце уторòпаешъ, що винъ тамъ герготе.

[3]—[3]) *Вотъ*, *вотъ* та *штiò*, та *штiо*.

[4]) тамъ соби.

[5]) дàлыби-й.

*) *Прим.* См. Исторія Русовъ, соч. Г. Конисскаго. М. 1846. стр. 158. А. Н.

[6]—[7]) Всего мѣста нѣтъ.

[8]) Ище бъ-то.

[9]) до лыха.

[11]) Я-жъ кажу, цуръ їимъ.

— Я-то тилько, знаешъ, хотѣвъ дѐ-що розчовпать[1]) про того *Гараська*. Одже жъ то[2]) винъ уже по́давно сказавъ, що колы вже Луцыперъ пидцькуе кого базграты[3]) вирши, то нехай же, каже[4]). наялозыть, та й „nonum premat in annum". Винъ-то оцѐ сказавъ, бачъ, по *лытвыньськый*, бо винъ бувъ собѣ на̀-лыхо *лытвынъ*, а по нашому-бъ-то[5]) воно значыцця отъ що[6]): що, колы вже хто що скумпоновавъ та-й напысавъ[7]), то нехай же куды запровторыть такъ, щобъ тильки мыши та пацюкы про те зналы.

[8]) Оджежъ, щобъ незбрехать, я такы иноди на сёго *Гараська* недуже-то вважаю... мени про ёго-й байду́же![8]) бо и́нше дѣло у *Лытвѣ*, а и́нша рѣчь у *Москвѣ*. [9]) У *Лытвынивъ*, може, колысь воно-й[9]) добре було, а у насъ теи[10]) по́гани виршомазивъ стилькы наплодылось[11]), якъ у доброго попа дѣтей[11]); що якъ бы кожный[12]) ховавъ[13]) на девять рикъ, що за одну годыну пиромъ надрыга[14]), то нигдѐ бъ человѣковѣ було и кватыру[15]) нанять за паперамы!

Вы, ду́рни, я жъ кажу, на те та[16]) невважайте;
Людей пытайтеся, а[17]) свій вы розумъ майте.
Не вамъ *Гарасько* свій[18]) указъ скумпоновавъ:
Винъ самъ розумный бувъ, розумнымъ и пысавъ.
[19]) Пыши́ть, и на вербѣ насъ грушамы трахтуйте[19]);

---

[1]) хотивъ сказать.
[2]) Бо.
[3]) магліовать.
[4]) Нѣтъ.
[5]) а по нашому то...
[6]) тэ.
[7]) що колы вже напысавъ що.
[8]—[8]) Одже я його часомъ, такъ якъ и Чванько не дуже то слухаю; байдуже!
[9]—[9]) Може воно тамъ колысь и...
[10]) тыи.
[11]—[11]) Нѣтъ.
[12]—[13]) кождый ховавъ те.
[14]) що за годыну набазгра.
[15]) то бъ ни́гды було чоловикови й хаты.
[16]) на се лышъ.
[17]) та-й.
[18]) сей.
[19]) Нѣтъ.

Пышить, и крамаривъ—паперныкивъ годуйте.
У насъ—холодный край, а лѣсъ ставъ дорогый,
Дурни-жъ [2]) ни-по́-чому: що ступышъ, то й дурный!
Пышить, рыбъятушкы!.. [1]) подякують вамъ люде:
За дурнямы та й всѣмъ розумнымъ те́пло буде!..

Харьковъ,
2-го ноября, 1819-го года.

Дурень и Розумный.

ПРЫКАЗКА.

„На що-до ха́лепы—той розумъ людямъ здався?"
Разъ Дурень, зъ дуру, бовть!.. Розумного пытався.
—„На те", озвався сей, „колы корты́ть вже знать,
Що бъ дурнямъ на сей спросъ *цуръ-ду́рнивъ* видвѣчать".

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабря 1820-го года.

Цикавый и Мовчунъ.

ПРЫКАЗКА.

Цикавый, Мовчуна зустрѣвшы разъ, спытавъ:
„Видъ чо́го голосны́й такъ дзьвинъ той на дзьвиныцѣ"?
—„Видъ того, що (колы невтнешъ сеи̇ дурныци)
„Въ середынѣ, якъ ты, порожній винъ", сказавъ.

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабрѣ 1820-го года.

Лѣкарь и здоровье.

ПРЫКАЗКА.

Йшовъ Лѣкарь у село—селу на безголовье,
А изъ села бѣжыть, злякавшыся, здоровье:
„Куды, здоровъячко?" пыта винъ: „якъ ся можешъ"?—
—„Та цуръ тобѣ!.. я йду, куды ты незаходышъ"!

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабря 1820-го года.

---

[1]) Дурни̇.
[2]) Пышить, будь ласкавы.

XXXIV-я ода Горація, кн. I.

Parcus deorum cultor et infrequens,
Insanientis dum sapientiae
Consultus erro; nunc retrorsum,
Vela dare atque iterare cursus
Cogor relictos.

От и допывсь
И дохмелывсь!
Довику тямыть буду!
Ни въ ротъ небрать,
Ни коштовать
Нехочу ажъ до суду!
Колыбъ вона
Уся до дна
Повытекала въ бочкахъ,
То ще бъ въ церквахъ
Народъ въ свиткахъ
Стоявъ бы и въ сорочкахъ!
Ни, Грыцьку, ни!
Хочьбы мени
Повисыцця-й на гильци,—
А ни пидъ нисъ!...
Нехай їй бисъ
Тій гаспыдзькій горильци!
Вона мене
Зъ свита зжене.
Колыбъ той исказывся [1]),
Хто божый даръ
Гнать черезъ жаръ
У вынныци навчывся!
Охъ! Охъ! Охъ! Охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ недоличуся!

[1]) Поправка надписанная сверху вм. Колыбъ винъ изкгутывся.

Жывитъ, на сьмихъ,—
Зъ ковальськый михъ!
Здаецця жъ и недмуся!
Сами кышкы,
Мовъ бульбашкы
У чауни, клекочуть;
А пупъ набрякъ;
Пидъ пупомъ—такъ,
Мовъ жабы, знай[1]), скрегочуть!
Нисъ—,якъ пистрякъ,
И скризь—сынякъ;
Бачь, пыка якъ набрякла!
Одна нога
Щось шкытыльга,
Друга зовсимъ заклякла.
Така нудьга,
Така тугá,
Що чортъ зна, де и дицця!
Отъ-тутъ пече,
Тутъ гаряче,
А всебъ хотилось грицця....
А и̅сти щобъ?
Та хочъ у лобъ!
Крый Боже, якъ цураюсь!
Всебъ дудлывъ, бачь;
Такъ-отъ, хочь плачъ!...
Щось одъ воды жахаюсь!...
Помацай чубъ:
Бачь, якъ оскубъ
Діавольська лычына!
Тылькы то сямъ
Стырчыть, то тамъ
Зъ чупрыны волосына!

[1]) Такъ сверху, вм. зачеркнутаго „все“.

Та вжежъ чиплявсь!
Товкъ и знущавсь
Скажена москалюка!
Колиньмы гривъ,
Покы невпривъ,
А тамъ и взявсь до дрюка!
Охъ! охъ! ахъ! ахъ!
Жовчъ въ печинкахъ
Мабуть всю стовкъ псяюха!....
Геть, Грыцьку, геть!
Та лучче смерть,
Нижъ гаспыдзька сывуха!
Кахы́! кахы́!
Се за грихы
Мене пеня спиткала!
Та вже-й дуривъ!
За всихъ кнуривъ...
Вже душка погуляла!
Була, була
На нивъ села
Худобынка и гроши:
Изслызло се,
Процвындрывъ все;
Зосталысь тилько воши!
Пустывъ дитокъ
Безъ сорочокъ,
И жинку безъ запаскы;
А самъ въ шынку
На прывалку
Жду Лейбынои ласкы!
А Лейба—герштъ—
Въ бокы, якъ хвертъ,
Та Рухли щось гергоче;

На мене—зырк!
Та знай—ныркъ-ныркъ!....
Невира ще й регоче.
Забравъ воливъ,
Овець, коривъ,
Ще винъ же и здрочывся!
Загарбавъ кизъ
И жыта[1]) визъ....
Бодай имъ подавывся!
Ой такъ мени!
Такъ сатани!
Катюзи—по заслузи!
Жлоктавъ жывитъ,
Ажъ лывся питъ;
Теперъ—засуха въ пузи!
До церквы дзвинъ,
А панъ Охримъ,
Бувало, въ шынкъ мандруе;
Въ церквахъ „Святъ, Святъ",
Въ корчми „гвалтъ, гвалтъ"!....
Охримъ жыдивъ муштруе!
Було, въ посты,
Ище чорты
Небъюцця на вкулачкы;
А вже Охримъ,
На глумъ усимъ,
Пьяненькый[2]) лизе рачкы!
Було, пинъ Петръ
Въ Чыстый четверъ
Iюду велычае;

---

[1]) И хлиба.
[2]) Зъ Денысомъ.

Охримъ въ корчми
Пойди[1]) куми
Весильныхъ затягае.
Чы въ хату пипъ,
Охримъ захрипъ,
Запинывсь, мовъ сказывся;
Несповидавсь,
Непрычащавсь
Симъ рикъ, и нехрестывся!
Попы й дякы
Въ Риздво—въ святкы
Зъ хрестомъ идуть, зъ кропыломъ;
А вже колы
Дере козлы
Охримъ и рые рыломъ!
На часточкы,
На свичечкы
Шагомъ непоплатывся;
А мысочокъ
И граматокъ
Нечувъ, якъ и вродывся!
Охъ! охъ! охъ! охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ недоличуся!
Жывитъ, на смихъ,—
Съ ковальськый михъ,—
Здаеця жъ и недмуся!
Ой! такъ мени!
Такъ сатани!
По дилу ся халяндра!
Нехай, хутчій,
Попа мерщій
Поклычуть Олександра!

[1]) Надписано сверху зачеркнутыхъ поочередно „Язи“ (отъ Агнія?) и „Гапци“.

Скажу: допывсь
И дохмелывсь!
До вику тямыть буду!
Ни въ ротъ небрать,
Ни коштовать
Не тилько що й [1])... до суду!
А ты, пляшкы,
Грыцьку, й чаркы
Трощы, що маешъ духу!
Тилькы... трывай!...
Зъ ихъ позлывай
Въ барыльце всю сывуху!

26 февраля
1828 [2]) года.

IX-я ода Горацiя, кн. II.

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros, aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque; etc.

Не все жъ, якъ зъ лотокивъ, изъ хмаръ, Терешку, лье;
Не все гилляч(ч)я гне хуртуна й завырюха:
Таджежъ и соняшно колысь-такы стае,
Такъ що бува байдуже безъ кожуха.
Не всежъ трапляецця недоридъ на вгиркы;
Не все пырiй, кукиль, замисть пшеныци, сходыть,
И косять жыто на грабкы:
Бува, пидъ иншый рикъ, якъ очеретъ, уродыть.
Не все й на панщыни, Терешку, товчемось,
И дбаемъ на панивъ въ жныва и въ косовыцю;

---

[1]) Вм. зачеркнутаго: „нехочу ажъ“.

[2]) 8 я поставилъ гадательно: сначала было 2, потомъ поправлено на 3 или на 8. Внизу карандашемъ 1848.

А часомъ, такъ такы, хочъ въ празныкъ урвемось
Та де́-яку й соби прыдбаемо копыцю.
Воно мынецця все, козаче, нежурысь!
Кынь лыхомъ объ землю! якого ката слынышъ?
Наймы псавтырь, та Богу помолысь:
Вси помремо,—та-й ты-жъ, Терешку, згынешъ!
Не першый твій та-й неостанній Власъ,
Що въ москаляхъ уклалы пидъ Пранцузомъ:
Онъ не такыхъ стяло,—нехай бороныть Спасъ!
Що-й кендюхъ розлетивсь изъ одноральськымъ пузомъ!
А щожъ робытымешъ? то сказано—війна!
Отъ! кулю замовлять хто вміе,—инше дило!
Того вже нелызне ни самъ панъ Сатана;
Той—на гарматы гайда смило!
Тай докыжъ каратать, Терешку, викъ въ журби?
Що зъ воза впало, те пропало!
Такъ на роду напысано тоби!...
Гай! братику, бодай тебе опановало!
Та ну! негедзкайся! выймай-лышъ ключь мерщій,
Та дать калганнои скажы твоїй Одарци;
Та люльку ке лышень!... ось-ось и Онопрій!...
Эй, хлопци! выпыймо калганнои по чарци!
Воно-бъ невадыло сёгодня й пидгулять....
Хыба-жъ насъ Билый Царь до себе неголубыть!
Звеливъ не некрута, а козака зъ насъ брать...
Теперъ-то будемо Ляхивъ и Турка чубыть!
А тутъ до Репнына прыбигъ гинецъ на двиръ,
Тай каэ: „помынай теперъ Ляхивъ якъ звалы"!
„Вже Хведоровычъ нашъ зъ ихъ выдавывъ весь жыръ;
„Вже, каже, й могорычъ въ Варшави запывалы"!
Бачь, ярспудова збентрожылась[1]) Ляхва!
Бачь, гыри, бачь, чого вискрывій заманулось!...

---

[1]) Sic.

А намъ и на руку ковинька! и лахва!
О! щобъ вамъ, ляшенькы, легенько тамъ икнулось!
Та вжей натыкалы въ Варшави вы добра!
Ямъ!... паль!... ривкивъ!... тынкивъ!... шпычокъ и частоколу!...
А якъ гукнувъ Москаль по своему: гура!
Все къ гаспыду пишло!... далы-жъ Ляшкамъ тутъ школу!
Оджежъ нашъ князь Репнынъ сю чутку якъ почувъ,
Та зъ радощивъ гукнувъ своїй княгыни Варци:
„Щобъ зъ мьясомъ борщъ! и щобъ гарбузъ молошный бувъ!
„И щобъ тернивкы всимъ було по добрій чарци“!
Воны-жъ пишлы круглять, а я кажу: пиду
Розбуркаю въ журби Терешка та Одарку,
Та похмелюсь и самъ.... такъ от-же, на биду,
Чы бачь!... яку внеслы маленьку чарку!

25 февраля
1832 года.

НА РУБЕЖѢ.[1]

VI.

Когда наконецъ, послѣ продолжительнаго пути, вдали показался Немировъ, Орунъ вздохнулъ свободно: теперь всѣ опасности миновали, онъ былъ у пристани, гдѣ могъ спокойно отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и треволненій дальней дороги. Выѣхавши на Замковую улицу, онъ слѣзъ съ фургона и пошелъ пѣшкомъ рядомъ съ лошадьми изъ предосторожности, чтобы не задѣть дышломъ кого-нибудь изъ проѣзжихъ. Шелъ онъ, весело поглядывая по сторонамъ, посвистывая на лошадей, и наконецъ остановился передъ однимъ домомъ не подалеку отъ замка. Домъ былъ невзрачный на видъ, но довольно обширный, съ трехъугольнымъ фронтономъ, гдѣ на бѣломъ фонѣ красовался рисунокъ, изображавшій внутренность корчмы: у столика, готоваго каждую минуту опрокинуться, сидѣлъ усатый шляхтичъ въ полинядомъ синемъ картузѣ, въ красной конфедераткѣ на бекрень; передъ нимъ стояла огромная кружка меду, наклоненная на столѣ и только какимъ-то чудомъ удерживавшая равновѣсіе. Вверху надъ картиною виднѣлась надпись, гласившая „подъ веселымъ товарищемъ".

Снаружи домъ выглядѣлъ весьма непривлекательно: на улицу выступали четыре столба, подпиравшіе фронтонъ, когда-то окрашенные въ голубой цвѣтъ, теперь-же совершенно облинявшіе; въ глубинѣ за этой колонадой,

---

[1]) „Кіевск. Стар.", т. XXI, 1888.

посреди дома чернѣли, какъ раскрытая пасть чудовища, въѣзжія ворота въ стодолу, дѣлившія все зданіе на двѣ половины, а справа и слѣва было по широкому венеціанскому окну. Одно изъ нихъ было открыто и на улицу долеталъ звонъ стекла; отрывки пѣсенъ и громкія восклицанія перемѣшивались съ бряцаніемъ ружей и сливались въ одинъ общій гулъ.

Орунъ оставилъ фургонъ на улицѣ, а самъ вошелъ подъ навѣсъ и вскорѣ исчезъ въ темной пасти заѣзда. То былъ домъ его двоюроднаго брата. Черезъ минуту изъ воротъ выбѣжали два еврейскихъ мальчика и начали поворачиватъ лошадей въ стодолу. Орунъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ довольною улыбкою поглаживалъ бороду, глядя на въѣжавшій фургонъ и при каждомъ скачкѣ, при каждомъ быстромъ движеніи покрикивалъ на мальчиковъ:

— Тише! тише! осторожнѣе!..

Радость и удовольствіе сіяли на его лицѣ, выражались въ невольной улыбкѣ, въ поглаживаніи бороды, закручиваніи пейсовъ. И дѣйствительно, было чему радоваться: теперь ему не только удавалось скрыть въ безопасномъ мѣстѣ большую часть своихъ сокровищъ, но и всѣ его обольстительныя надежды на будущее были близки къ осуществленію. Съ этими надеждами, которыя въ продолженіи путешествія сдѣлались его idée fixe, Орунъ вошелъ въ комнаты, предоставивъ наймыту заботу о лошадяхъ и поручивъ племянникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не кралъ угля.

Весь домъ, казалось, переполненъ былъ солдатами: всюду сновали усатыя шляхетскія лица, бряцали сабли и карабины; во всѣ отверстія слышался грубый смѣхъ, восклицанія, пѣсни; въ корридорѣ поминутно показывались фигуры посѣтителей, требовавшихъ вина или меду, и хозяина съ женою, разносившихъ кружки съ напитками въ ту свѣтлицу, выходившую окнами на Замковую улицу, откуда раздавался глухой, постоянный гулъ, прерываемый взрывами смѣха.

Когда лошади были выпряжены и поставлены къ жолобу, Орунъ съ спокойнымъ сердцемъ вошелъ въ комнату хозяевъ.

— Что это у тебя сегодня?—спросилъ онъ, указывая на свѣтлицу, откуда доносились пьяныя пѣсни.

— Жалованье получили вчера!—отвѣтилъ хозяинъ, махнувъ рукою съ видомъ пренебреженія—пусть себѣ пьютъ, пока есть деньги... Все равно, не у меня пропьютъ, такъ у другаго.

— И долго будутъ сидѣть эти гои?

— Можетъ быть и до полуночи.

Оруну хотѣлось поскорѣе разгрузить фургонъ, чтобы кто-нибудь не заглянулъ туда изъ любопытства.

Рувимъ въ роли любезнаго хозяина отвелъ пріѣзжему отдѣльную комнату и занималъ его, какъ гостя. Впрочемъ, онъ ни однимъ словомъ не спросилъ о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ Орунъ и на долго-ли; онъ совершенно справедливо разсудилъ, что если тотъ предпринялъ такую отдаленную поѣздку, то вѣроятно и поводы къ тому были важные—но вопросовъ не предлагалъ, оставляя на дальше удовлетвореніе своего любопытства, а занималъ гостя посторонними разговорами. Между тѣмъ въ комнату вошла хозяйка, накрыла стоявшій у окна столикъ и начала готовить закуску, не обращая вниманія на разговоръ, который въ полголоса вели мужчины. Накрывши столъ, она принесла хлѣбъ и соль, графинчикъ съ водкою, кусокъ шабасковаго гугеля на тарелкѣ, потомъ въ одной мисочкѣ два яйца, въ другой—нѣсколько кусочковъ тушеной говядины; все это разставила посрединѣ стола, затѣмъ поставила передъ каждымъ по глиняной тарелочкѣ и удалилась.

Рувимъ взялъ графинчикъ, налилъ полрюмки водки, кивнулъ бородою гостю, сказалъ:—Хаимъ!—выпилъ водку и передалъ графинъ и рюмку Оруну. Тотъ, также не торопясь, налилъ себѣ полную рюмку, кивнулъ бородою собесѣднику, отвѣтилъ:—Шулемъ! и выпилъ въ свою очередь.

Затѣмъ гость и хозяинъ принялись за закуску, состоявшую изъ нѣсколькихъ яицъ и небольшаго ломтя жаренной говядины; они ѣли медленно, не торопясь, систематически вылущивали яйца изъ скорлупы, макали ихъ въ солянку и старались, очевидно, продлить время угощенія; закусывая, они вели въ полъ голоса тихую бесѣду. Наконецъ, въ сѣняхъ раздалось пѣніе пѣтуха. Рувимъ помолчалъ и затѣмъ проговорилъ какъ-бы про себя:—уже полночь, скоро гоимы станутъ расходиться по домамъ. Затѣмъ, обращаясь къ Оруну, онъ прибавилъ: ты, вѣроятно, усталъ... хочешь отдохнуть?

— Да, я усталъ. Но прежде, чѣмъ ляжемъ спать, ты поможешь мнѣ выгрузить угли.

— Тамъ у тебя спрятано нѣчто?

— Спрятано.

— То-то!—я сообразилъ, что ты не такъ глупъ, чтобы везти въ Немировъ для продажи угли.

Они замолкли. Между тѣмъ изъ шинка мало по малу посѣтители стали уходить. Небольшая группа завсегдатаевъ нѣкоторое время сидѣла еще, допивая стоявшіе передъ ними „кухли“. Рувимъ кротко, но внушительно напомнилъ имъ позднее время и посовѣтовалъ подумать объ отдыхѣ; они немного поспорили, но вскорѣ согласились съ его мнѣніемъ и ушли.—Хозяинъ притворилъ ставни, большой желѣзный запоръ задвинулъ поперегъ дверей, женѣ приказалъ ложиться; затѣмъ вмѣстѣ съ Оруномъ они вышли въ сѣни и принялись разгружать возъ; они высыпали на землю угли, вынули коробъ и слитки золота и серебра и перенесли эту цѣнную ношу въ комнату, назначенную для Оруна. Рувимъ съ восторгомъ осматривалъ слитки, одобрительно наклонялъ голову и причмокивалъ въ знакъ удовольствія.

— Откуда ты ихъ добылъ?

— Самъ сплавилъ.

— Ай вай!.. Жаль—за цѣльныя вещи тебѣ-бы гораздо дороже заплатили.

— Знаю,—иначе не могъ: опасно было.

Рувимъ сразу сообразилъ и не разспрашивалъ о подробностяхъ.—Да, не могъ!—Все-таки это гораздо лучше, чѣмъ всего лишиться. Ну, мы это припрячемъ, а затѣмъ ты распорядишься, какъ захочешь.

Орунъ сталъ подробно излагать проэктъ своего переселенія вмѣстѣ съ семействомъ въ Немировъ. Рувимъ одобрялъ планъ, но, подумавъ немного, спросилъ:

— Что-же ты сдѣлаешь со своею корчмою?

— Брошу, долѣе жить тамъ нельзя,—опасно! Время подошло скверное, очень скверное!

Рувимъ кивнулъ головою; онъ понималъ, что означаетъ выраженіе „скверное время“ и не разспрашивалъ подробностей. Помолчавъ, онъ только замѣтилъ, поглаживая бороду:—Жаль, не скоро найдешь другое мѣстечко при такихъ выгодныхъ условіяхъ.

— Послушай! сказалъ Орунъ, понизивъ голосъ: я придумалъ дѣло, которое если выгоритъ при Божьей помощи, то я обезпечу богатство не только свое, но и своихъ дѣтей, внуковъ и далекихъ потомковъ.

Рувимъ выслушалъ полу-признаніе пріятеля спокойно. Онъ зналъ, что Орунъ человѣкъ умный, наблюдательный и находчивый; угадывалъ, что, рѣшившись переселиться въ Немировъ, онъ должно быть придумалъ для себя выгодное дѣло. Онъ одобрительно наклонилъ голову, но соблюдая приличіе, удержался отъ разспросовъ, предоставляя собесѣднику повѣрить ему тайну въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ найдетъ удобнымъ. Орунъ между тѣмъ нуждался въ его совѣтѣ; ему необходимы были помощь и указанія, собранныя на мѣстѣ;—онъ продолжалъ шопотомъ:

— Я тебѣ все разскажу, только ша!—говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ: приготовляется новая гайдамаччина въ большихъ размѣрахъ; по всему краю ведутъ агитацію, вербуютъ людей, организуютъ возстаніе; я многое вывѣдалъ, я все могу открыть властямъ, я могу назвать зачинщиковъ и руководителей, могу указать, кто они и

гдѣ живутъ,—но этого не могу сказать первому встрѣчному гоиму, мнѣ необходимъ доступъ къ воеводѣ или по крайней мѣрѣ къ региментарю.

Лицо Рувима просіяло выраженіемъ удивленія и уваженія къ собесѣднику.

— Да, сказалъ онъ, послалъ Господь тебѣ счастіе.

— Скажи мнѣ, спросилъ Орунъ: кто здѣсь могъ-бы мнѣ облегчить доступъ къ панамъ?

— Не безпокойся, найдемъ! Вотъ у меня бываетъ часто одинъ поручикъ; зовутъ его Игнацъ Цалинскій. Это франтъ, человѣкъ задорный, кутила и пьяница, но онъ пользуется большою милостію регментаря; онъ ловко танцуетъ съ панями на его вечерахъ; говорятъ, что оказываетъ ему еще кое-какія услуги... ну, это все равно, но онъ въ милости.

Оруна передернуло отъ радости.—Ну, ну, вскричалъ онъ,—такого-то мнѣ и нужно!

— Завтра я тебя сведу съ нимъ, сказалъ Рувимъ, самъ поговоришь съ нимъ, сообразишь, насколько онъ окажется пригоднымъ для твоего дѣла,—а теперь пора спать.

Дѣйствительно, на слѣдующій день въ трактиръ Рувима зашелъ Цалинскій въ обществѣ нѣсколькихъ веселыхъ товарищей. Офицеры держали себя заносчиво и развязно: они усѣлись въ „чистой“ комнатѣ заведенія и позвали хозяина.

— Ну, ребе Рувимъ! сказалъ Цалинскій: ты поилъ насъ вчера венгерскимъ квасомъ за здоровье Лещинскаго; теперь подавай меду выпить за здоровье Саса,—только меду хорошаго, а не подслащенной воды... понимаешь, мы вѣдь будемъ пить здоровье важнаго лица,—смотри, чтобы не быть тебѣ въ отвѣтѣ.

Рувимъ отвѣтилъ, улыбаясь подобострастно:—Развѣ я могъ-бы осмѣлиться предложить ясневельможному пану квасъ или воду?

Титулъ „ясневельможнаго“ [1]), очевидно, сильно нравился Цалинскому. Онъ важно облокотился, бросилъ милостивый взглядъ на Рувима, и лицо его просіяло широкою улыбкою.

— Ну, крикнулъ онъ,—нечего терять времени, неси скорѣе.

Минуту спустя Рувимъ съ тою-же подобострастною улыбкою размѣщалъ на столѣ „коновку“ меду и стаканы; при этомъ, какъ будто нéхотя, онъ промолвилъ:

— Лишь-бы Господь дозволилъ все хорошо покончить, а то вѣдь опять появились тревожные слухи о гайдамакахъ.

Слово гайдамаки заинтересовало гостей.

— Какіе тамъ слухи? Что? опять ждете Хмельницкаго или Кривоноса?—Вздоръ! Жидовская трусость! кричали офицеры.

— Я не знаю, возразилъ Рувимъ: я слава Богу живу далеко отъ нихъ, подъ защитою храбраго войска и доблестныхъ офицеровъ речи посполитой; но вотъ вчера пріѣхалъ мой родственникъ изъ Черкасъ,—онъ такое страшное разсказываетъ, ай вай миръ!

— Что-же онъ разсказываетъ?

— Я не умѣю толкомъ разсказать, мнѣ отъ его словъ вчужѣ страшно становится; онъ сильно перепуганъ, а въ чемъ дѣло, я не разберу: ясневельможный панъ вѣдь знаетъ, что мы, евреи, плохо понимаемъ военныя дѣла.

— Ну, такъ пришли сюда этого жида изъ Черкассъ, мы его поразспросимъ... интересныя новости, а извѣстно, никто быстрѣе жидковъ не узнаетъ, гдѣ что творится; подавай-ка его сюда!

Вскорѣ Орунъ смиренно стоялъ у стола. Цалинскій высокомѣрно взглянулъ на него и спросилъ:

---

[1]) Въ номенклатурѣ, принятой въ шляхетскомъ обществѣ, дворянина называли „урожоный“ (почти то же, что, „ваше благородіе“), помѣщика, офицера, и т. п. „вельможный“ (высокоблагородный). „Ясневельможный“ (превосходительный, excellenz) былъ титулъ сенаторовъ, сеймовыхъ депутатовъ, генераловъ и т. п.

— Ты изъ Черкассъ?

— Нѣтъ, ясный панъ! Я живу въ окрестности Черкассъ.

— Глупъ ты! Это для меня все равно. Какіе слухи привезъ ты оттуда?

Орунъ серьезно покачалъ головою.—Ясне-вельможный панъ!... слухи нехорошіе.

— Что такое: у васъ есть гайдамаки?

— Есть... куда же имъ дѣваться?

— Какъ, куда дѣваться?—Всѣхъ ихъ слѣдовало давно перевѣшать.

Орунъ насмѣшливо улыбнулся. — Ясневельможный панъ! сказалъ онъ: вѣдь они всѣ гайдамаки. Вѣдь всякій хлопъ—гайдамака, такъ и выжидаетъ случая пролить кровь. Лишь только увидятъ возможность кровопролитія, такъ и сбѣгутся толпами со всей Украины,—такова уже ихъ природа. Всѣхъ ихъ перевѣшать нельзя: кто-же будетъ для вельможныхъ пановъ пахать землю и жать хлѣбъ?— а всякій хлопъ и есть гайдамака.

— Всѣхъ ихъ мошенниковъ перевѣшать, пусть-бы и племени ихъ не осталось! кричалъ съ азартомъ Цалинскій, ударяя кулакомъ по столу.

— Ахъ, если-бы это было возможно! сказалъ Орунъ со вздохомъ.

Цалинскій сообразилъ, что дѣйствительно всѣхъ перевѣшать нельзя, нѣсколько унялъ свой азартъ и спросилъ спокойнѣе.

— Что же,—они еще только собираются бунтовать, или уже составили „купы“?

Орунъ посмотрѣлъ съискоса на офицера и отвѣтилъ смиренно:

— Ясневельможный панъ! Я многое знаю, я вѣрный слуга пановъ и Рѣчи Посполитой, но... и замолкъ.

— Продолжай! крикнулъ Цалинскій.

— Важныя дѣла не передаются публично. Они—онъ указалъ глазами въ окно, сквозь которое видна была группа крестьянъ, стоявшихъ на базарѣ—они дѣйствуютъ осто-

рожно, хитро: зачѣмъ-же намъ громко болтать?—Хитрыхъ слѣдуетъ перехитрить. Я слышалъ, что Вы, ясневельможный панъ, въ большой милости у ясневельможнаго региментаря. Ну, потрудитесь намекнуть ему о томъ, что я привезъ кой-какія извѣстія; лишь-бы онъ позвалъ меня къ себѣ, я ему разскажу все, что знаю,—а можетъ быть, я знаю и не совсѣмъ пустыя вѣсти. Сдѣлайте великую милость, прибавилъ онъ съ поклономъ: и Вашей милости это зачтется въ заслугу, и мнѣ будетъ польза.

Цалинскій сталъ продолжать разговоръ съ Оруномъ въ значительно болѣе мягкомъ тонѣ и въ концѣ обѣщалъ ему выхлопотать аудіенцію у регментаря [1]).

Дѣйствительно, въ слѣдующее утро Оруна позвали къ ясневельможному пану Малинскому, старостѣ новогродскому, регментарю Украинской партіи. Орунъ разсказывалъ подробно все то, что успѣлъ подмѣтить и вывѣдать, и сообщилъ свои заключенія и догадки. Малинскій слушалъ его доклады съ видимымъ недовѣріемъ; изъ лаконическихъ его вопросовъ видно было, что онъ подозрѣваетъ еврея въ умышленной утрировкѣ ничтожныхъ фактовъ съ цѣлью заслужить награду. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ къ свѣдѣнію сообщенныя имъ извѣстія, обѣщалъ щедрую награду, но потребовалъ, чтобы Орунъ возвращался въ свою корчму, чтобы втеченіе зимы продолжалъ слѣдить за подготовляющимся движеніемъ, чтобы сообщалъ собранныя свѣдѣнія указаннымъ регментаремъ лицамъ и чтобы весною явился къ нему съ общимъ категорическимъ докладомъ. Подробную инструкцію онъ поручилъ составить Цалинскому, къ которому и отправилъ Оруна.—Цалинскаго регментарь считалъ самымъ опытнымъ офицеромъ и вполнѣ на него полагался въ дѣлѣ борьбы съ гайдамаками. Репутацію эту поручикъ пріобрѣлъ нѣсколькими удачными стычками съ мелкими гайда-

---

[1]) Должность регментаря отвѣчала нынѣшней должности начальника военнаго корпуса.

мацкими отрядами, которые ему удалось выслѣдить и уничтожить; эти, правда не особенно крупные, успѣхи выдвинули этого бѣднаго и незнатнаго шляхтича и положили начало той милости, которую оказывалъ ему региментарь.

Недовѣріе и подозрительность региментаря къ извѣстіямъ, сообщеннымъ евреемъ, возбуждены были по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что Орунъ назвалъ въ числѣ зачинщиковъ заговора Верлана и Савву Чалаго. Помимо степени довѣрія, какимъ пользовались эти козацкіе полковники у своего начальника, Малинскій зналъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Шаргородомъ расположены русскія войска, которыя могли подавить въ зародышѣ всякую попытку къ возстанію. Относительно же Чалаго извѣстно было всѣмъ, что онъ рѣзко разорвалъ всякія отношенія съ Сѣчью и гайдамаками; послѣднихъ онъ преслѣдовалъ неутомимо съ того времени, какъ сталъ полковникомъ немировской надворной милиціи гетмана Іосифа Потоцкаго. Непримиримая, озлобленная вражда навсегда, казалось, раздѣлила его отъ бывшихъ сотоварищей. Возвратиться въ Сѣчь онъ не могъ: тамъ его ожидала вѣрная гибель,—и потому онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ слугою и защитникомъ Речи посполитой. Притомъ Савва за годъ только до описываемаго времени женился на шляхтянкѣ, дорожилъ родствомъ со шляхтичами и старался всячески втереться въ ихъ общество. Всѣ эти соображенія значительно подрывали въ глазахъ региментаря довѣріе къ словамъ Оруна. Онъ сообщилъ свои сомнѣнія Цалинскому и поручилъ ему не упускать ихъ изъ виду при составленіи инструкціи.

Въ тотъ-же день вечеромъ Цалинскій явился въ домъ Рувима и, позвавъ Оруна, уединился съ нимъ въ отдѣльной комнаткѣ. Онъ обстоятельно еще разъ выспросилъ всѣ извѣстія о гайдамакахъ, кое-что отмѣтилъ для памяти, сообщилъ изустно подробную инструкцію и заставилъ Оруна дважды повторить ея содержаніе, а затѣмъ,

окончивши оффиціальную часть разговора, началъ шутить и балагурить. Въ головѣ его мелькало какое-то пріятное соображеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ лукаво улыбался.

— Знаешь, что мнѣ не вѣрится, чтобы Савва могъ снюхаться съ гайдамаками!—Это извѣстіе выходитъ что-то нескладно... „Де Рымъ, де Крымъ, де Бабиньски корчмы".

— Однако это правда. Развѣ вельможный панъ не знаетъ ихъ нрава? — Гайдамаки — словно волки: перегрызутся между собою, а почуятъ кровь, всѣ сбѣгаются въ гуртъ.

— Если бы онъ хоть пальцемъ шевельнулъ въ пользу гайдамаковъ, мы бы его изжарили на мѣдномъ быкѣ. Если бы оправдалось хоть малѣйшее подозрѣніе, региментарь выдалъ-бы его генералу Вейсбаху, а тамъ за нимъ числятся всякіе „крыминалы",—и воронъ костей его не принесъ бы обратно!

— Погодите, вельможный панъ: слова мои оправдаются, какъ черное на бѣломъ; а пока не довѣряйте ему; это хамъ,—все равно, что лисица: притворится мертвымъ, лишь-бы удобнѣе укусить. Онъ такъ ловко шевелитъ пальцами, что въ Немировѣ этого не видно.

Цалинскій былъ хорошо знакомъ съ Саввою Чалымъ. Онъ встрѣчалъ его и въ замковыхъ палатахъ, и въ веселыхъ разгульныхъ пирушкахъ. Савва, хотя козакъ, но старался водить дружбу съ шляхтичами; въ ихъ обществѣ онъ велъ себя развязно, былъ находчивъ и остроуменъ, усвоилъ шляхетскія манеры и обращеніе. Жилъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова, въ селѣ Рубани, пожалованномъ ему въ безсрочное владѣніе гетманомъ Потоцкимъ; въ Немировъ заѣзжалъ часто по дѣламъ своей службы и довольно близко сошелся съ Цалинскимъ. Но у послѣдняго были съ нимъ свои тайные интимные счеты, въ виду которыхъ поручику и хотѣлось бы сжарить козацкаго полковника въ мѣдномъ быкѣ; вслѣдствіе этихъ интимныхъ побужденій Цалинскій страстно желалъ, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Оруномъ, оправдались по возможности нагляднѣе.

Покончивъ переговоры съ Оруномъ, поручикъ вышелъ изъ комнаты. Еврей смиренно сопровождалъ его до выхода изъ дома. Но на крыльцѣ Цалинскій столкнулся неожиданно съ проходившимъ мимо дома лицомъ и, находясь подъ впечатлѣніемъ только что оконченнаго разговора, онъ растерялся. Прохожій былъ никто иной, какъ Савва Чалый.

— Вотъ такъ! вскричалъ Цадинскій, ударивъ руками по своему желтому кунтушу: „про вовка помовка"... не докончивъ пословицы, онъ спохватился и примолкъ; но черезъ мгновеніе опомнился и продолжалъ развязно: „челомъ, челомъ пану атаману"!

— Челомъ, челомъ пану гетману! отвѣтилъ въ томъ же шуточномъ тонѣ Савва,—да продолжайте: какая такая была у васъ „помовка про вовка"? Онъ бросилъ испытующій взоръ на Цалинскаго и на Оруна, стоявшаго за нимъ и колебавшагося, слѣдуетъ ли уйти или остаться.

— Не то, чтобы „помовка", а я только что думалъ о васъ... не мудрено, о такомъ веселомъ собесѣдникѣ часто вспоминается. При этихъ словахъ онъ обратился рѣзко къ еврею: а ты чего ждешь, пейсатый? ступай, скажи хозяйкѣ, пусть намъ внесетъ гарнецъ меду. Пожалуйте, панъ полковникъ, обратился онъ къ Чалому, взявъ его подъ руку,—не откажите выпить стаканчикъ съ пріятелемъ.

— Не могу, ей Богу, не могу, я долженъ сейчасъ же идти по дѣлу.

— Да выпьемъ лишь глоточекъ.

— Не могу! Жена моя больна, я оставилъ ее у родителей, и мнѣ необходимо поскорѣе позвать къ ней фельдшера.

— Ну, панъ атаманъ! мы дѣлу поможемъ; конечно, болѣзнь жены—серьезное несчастіе, но я сейчасъ же туда отправлю нашего полковаго фельдшера, а мы тѣмъ временемъ зайдемъ запить горе.

Нечего было дѣлать, Савва вошелъ въ избу вмѣстѣ съ Цалинскимъ; они усѣлись за столомъ.

Савва Чалый былъ мущина лѣтъ сорока, высокій, сухощавый, мускулистый; костюмъ его былъ полу-козацкій, полу-шляхетскій; на головѣ его, высоко подбритой, красовался толстый „оселедець" темно-каштановыхъ волосъ, конецъ котораго свисалъ на правое плечо; худое, желтоватое лицо было тщательно выбрито; лишь огромные, опущенные внизъ усы, подобно пожелтѣвшей травѣ, свисали небрежно до подбородка; изъ-подъ густыхъ бровей сверкали маленькіе подвижные сѣрые глазки, которые, казалось, проникали насквозь собесѣдника. На немъ былъ надѣтъ кунтушъ шляхетскаго покроя, подпоясанный ременнымъ поясомъ, у котораго висѣла небольшая козацкая сабля; она исчезала въ складкахъ широкихъ синихъ „шароваровъ", опущенныхъ въ голенища желтыхъ сафьяныхъ сапоговъ.

— Съ чего ваша пани вдругъ заболѣла? спросилъ Цалинскій.

Савва раздраженно махнулъ рукою.

— Бабское дѣло, панъ ротмистръ! (Усвоивъ себѣ шляхетскій этикетъ, Савва изъ приличія обращался къ собесѣднику, повышая его чинъ на двѣ степени). Вчера ей „бажалось" кислаго, сегодня „забажалось" сладкаго... я и привезъ ее въ домъ родителей, пусть себѣ пріищетъ здѣсь, чего желаетъ по вкусу: у насъ вѣдь въ Рубани не достанешь всякихъ „вытребенекъ".

Цалинскій громко расхохотался.—Эй, панъ атаманъ! сказалъ онъ: и зачѣмъ это нужно было козаку жениться?

— Да затѣмъ, что Богъ создалъ красивыхъ женщинъ.

Цалинскій продолжалъ хохотать.—Какъ же вы безъ бабъ живали въ Сѣчи?

— Чужія попадались! съострилъ Савва.

Цалинскій продолжллъ хохотать.—Ай, да молодецъ! Такъ-то въ самомъ дѣлѣ лучше. Про себя скажу, что если бы ксендзы не пугали адомъ, въ которомъ будутъ насъ поить, конечно, не медомъ, а смолою, то я по вѣкъ бы

не женился: намъ вѣдь, жолнерамъ, какъ и вамъ на Запорожьи, по временамъ чужія попадаются.

Савва отпилъ большой глотокъ меду и продолжалъ.— Да, панъ ротмистръ,—съ женою возня; сегодня подай фельдшера и лѣкарства, завтра явится другая „примха“; такъ постоянно „журись и ложкою, и мискою, и третьею колискою“.

Поручикъ насмѣшливо улыбнулся и чокнулся стаканомъ.—Святая истина, сказалъ онъ: такъ выпьемъ же за процвѣтаніе и свободу холостяковъ.

— Выпьемъ! повторилъ Савва. А мнѣ все-таки пора домой. Жена осталась одна, родители ея уѣхали на „отпустъ“ въ Браиловъ,—мнѣ бы необходимо провѣдать ее, да къ ночи быть дома.—Не забудьте, Ваша милость, прислать фельдшера.

— Пришлю непремѣнно! На обратномъ пути зайду самъ къ нему и немедленно пришлю куда нужно.

— Спасибо!

Цалинскій допилъ свой стаканъ, позвалъ Рувима, приказалъ записать медъ на свой счетъ, и оба собесѣдника вышли на улицу; они нѣкоторое время шли по одному направленію и продолжали бесѣдовать.

— Приходи, панъ атаманъ, вечеркомъ къ Рувиму, компанія будетъ хорошая, повеселимся.

— Не могу, сегодня я занятъ.

— Каковъ!—Разъ въ мѣсяцъ заѣдешь въ городъ, и то уклоняешься отъ веселаго общества.

— Не въ томъ дѣло, чтобы уклоняться, но у меня занятіе по службѣ; если бы не болѣзнь жены, мнѣ сегодня не слѣдовало бы вовсе отлучаться изъ дому; ночью я долженъ снарядить разъѣзды въ степь: есть извѣстія, что въ окрестности шляются гайдамацкіе лазутчики.

— Да, если дѣло въ службѣ, то перечить не смѣю, сказалъ Цалинскій.

Они остановились на перекресткѣ двухъ улицъ и радушно попрощались.

— Не забудь же, панъ ротмистръ, прислать фельдшера.

— Черезъ полчаса доставлю.

Они разстались. Цалинскій пошелъ по направленію къ замку. Онъ шелъ медленно, поглаживалъ усы и улыбался. Не доходя до замка, онъ остановился передъ дверью скромной хатки, надъ входомъ которой на длинной жерди висѣлъ жестяный кружокъ, величиною въ тарелку, окрашенный яркою красною краскою; у дверей красовалась вывѣска, на ней виднѣлись черныя спиральныя линіи, долженствовавшія изображать пьявокъ, и лаконическая надпись: „Цырульникъ Гершко“.

Остановившись, Цалинскій окликнулъ хозяина; на крылечкѣ появился рыжій подвижной еврей и низко поклонился поручику.

— Ты знаешь, гдѣ живетъ подсудокъ Гротковскій?

Гершко приподнялъ брови:—Подсудокъ?—конечно, знаю.

Цалинскій прикрикнулъ:—Врешь, жидъ!—Скажи, гдѣ, если знаешь?

— Очень близко: на концѣ языка.

— Молодецъ! вижу, что попадешь. Такъ собирайся сейчасъ и бѣги туда... тамъ есть больная пани,—ты ей нуженъ.

— Слушаю вельможнаго пана, сейчасъ бѣгу.

— Постой!—прежде выслушай инструкцію. Когда побываешь у нея, на обратномъ пути зайдешь ко мнѣ разсказать, чѣмъ она больна.

— Слушаю.

— Теперь ступай!

Передъ закатомъ солнца Цалинскій, не дождавшись прихода Гершка, схватилъ съ досадою шапку и вышелъ изъ замка; онъ окинулъ глазами сновавшихъ по площади евреевъ и, примѣтивъ пробиравшуюся рыжую фигуру Гершка, принялъ равнодушный видъ, будто его одолѣвала смертная скука, и, присѣвъ на скамейкѣ, устроенной у воротъ замка, устремилъ безцѣльно глаза въ пространство. Минуты три спустя, предъ нимъ стоялъ фельдшеръ; онъ самодовольно поглаживалъ пейсы и ждалъ вопроса.

— Ну, говори, что съ нею!

— Что съ нею? — Ничего! — Еврей вопросительнымъ взглядомъ окинулъ поручика.

— Какъ такъ ничего? Панъ Савва говорилъ, что она серьезно больна. Извѣстно, жена лишь бы сдѣлала гримасу, мужъ сейчасъ думаетъ, что она больна.

— Однако же, что съ нею?

— Что?—Она теперь совешенно здорова. Развѣ только весною будетъ больна,—ну, потому что тогда будутъ роды.

Извѣстіе это нѣсколько удивило поручика, но онъ принялъ равнодушный видъ и проговорилъ: — Такъ бы сразу сказалъ!

Гершко поправилъ на головѣ ермолку и, стоя передъ поручикомъ, дергалъ плечами, переступалъ съ ноги на ногу, поднималъ брови, очевидно, ждалъ новаго вопроса и хотѣлъ сообщить что-то, но самъ не осмѣлился начинать разговора.

Цалинскій замѣтилъ тревожное состояніе собесѣдника и спросилъ: — Ты хочешь, кажется, еще что-то сказать?

— Ничего особеннаго... она приказала благодарить вельможнаго пана за присылку фельдшера; то же приказалъ мнѣ и мужъ.

— Ничего больше?

— Чтожъ еще? Старики еще не воротились изъ Браилова.

— А мужъ?

— Уѣхалъ домой, въ Рубань.

Цалинскій полѣзъ въ карманъ, вынулъ длинный шелковый кошелекъ, взялъ изъ него талеръ и молча подалъ еврею. Гершко низко поклонился, но продолжалъ стоять передъ поручикомъ.

— Конечно, ребе Гершъ, сказалъ въ полъ-голоса Цалинскій: ты будетъ помнить... онъ докончилъ фразу мимикою: нѣсколько высунулъ языкъ и слегка прикусилъ его зубами. Гершко еще разъ поклонился.

— Какъ-же, вельможный панъ?.. Я вѣрно служу тому, кто даетъ мнѣ возможность заработать кусокъ хлѣба.

Цалинскій всталъ и медленно пошелъ по замковой улицѣ по направленію къ городу. Онъ нѣсколько разъ прошелся по ней, гуляя взадъ и впередъ, пока, наконецъ, среди сгустившейся темноты наступавшей ночи фигура его не исчезла на поворотѣ въ одинъ изъ мелкихъ переулковъ. Пробираясь по тѣснымъ и кривымъ уличкамъ, онъ вышелъ на закраину мѣстечка и приблизился къ оградѣ шляхетскаго дома, стоявшаго въ глубинѣ огороженнаго двора. Домъ этотъ принадлежалъ подсудку Гротковскому; онъ утопалъ въ зелени сада, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ; спереди его заслоняли кусты сирени и жасмина, окаймленные грядками цвѣтовъ: разноцвѣтной „рожи“, душистаго „любыстка“ и „канупира“, зеленой руты и „марыны“, голубой „тои“. Сзади, изъ-за крыши дома, выглядывали вѣтвистыя груши и яблони. Цалинскій осторожно отодвинулъ задвижку у калитки воротъ и направился къ дому. Двери со стороны двора были заперты, окна не были освѣщены, на крыльцѣ никого не было. Поручикъ пошелъ по боковой тропинкѣ, обогнулъ домъ кругомъ и направился къ заднему крыльцу со стороны сада. Вечеръ былъ тихій и теплый; ароматъ травы и цвѣтовъ наполнялъ воздухъ благоуханіемъ; издали доносились неясные, смѣшанные звуки, въ которыхъ сливались голоса людей, ревъ животныхъ, кваканье лягушекъ и множество другихъ тихихъ, неуловимыхъ звуковъ. Все это соединялось въ какую-то странную гармонію, успокаивавшую и располагавшую къ мечтательности и нѣгѣ.

На крыльцѣ сидѣла на лавочкѣ женщина, облокотившаяся на перила, и о чемъ-то мечтала; вдругъ ей послышались шаги на боковой тропинкѣ, она встрепенулась и стала прислушиваться. Изъ-за кустовъ выступила фигура Цалинскаго.

— Наконецъ-то пришелъ! вскричала женщина, порывисто соскочила съ крыльца и повисла на шеѣ поручика.

Онъ обнялъ ея станъ, но шепнулъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ:—Берегись, ради Бога!

— Я здѣсь одна, сказала она спокойно.

— На долго?

— Не скоро онъ меня увидитъ! Я думала, что умру со скуки въ Рубани, въ обществѣ этого хлопа.

— Онъ не пускалъ тебя въ городъ?

Вопросъ этотъ, очевидно, напомнилъ женщинѣ цѣлый рядъ непріятныхъ столкновеній, она заволновалась, припала на груди Цалинскаго и стала громко рыдать.

— Что съ тобою, Елена? Случилось что-нибудь особенное?

— Ничего новаго... Но они меня отдали замужъ за этого козака, словно овцу продали на бойню. Всю жизнь мнѣ не съ кѣмъ слова промолвить; каждый день вижу лишь усатыя мужицкія хари. Она жаловалась и все громче плакала.

— Перестань, успокойся: горемъ вѣдь бѣдѣ не пособишь!

— Хорошо тебѣ утѣшать, успокоивать,—мнѣ же приходится жить въ постоянномъ страхѣ. Боюсь я товарищей и знакомыхъ моего мужа; всѣ они смотрятъ гайдамаками, все снуютъ около насъ подозрительныя личности.

— Ты сама себя напрасно пугаешь; вѣдь сослуживцы твоего мужа не гайдамаки,—они состоятъ на службѣ Рѣчи Посполитой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ихъ! изъ глазъ ихъ смотритъ что-то недоброе. Когда я одна среди нихъ, мнѣ кажется, что они убьютъ меня.

Она продолжала плакать, приговаривая съ отчаяніемъ: — Повѣнчали меня съ хлопомъ, заставили выйти за него замужъ, на всю жизнь меня связали.

Жалобы и нареканія плакавшей женщины волновали Цалинскаго. Лицо его приняло мрачное выраженіе; онъ молча поглаживалъ усы и наконецъ проговорилъ сквозь стиснутыя зубы:—Погоди! я знаю средство.

Елена еще крѣпче обняла его и, заглядывая ему въ глаза, сказала:—Милый мой! я уйду изъ дому, я убѣгу къ тебѣ.

— Не торопись, отвѣтилъ поручикъ: нечего горячиться. Если судьба свела насъ слишкомъ поздно, намъ необходимо сдѣлать кое-какія уступки въ пользу общественнаго мнѣнія; погоди немного! клянусь тебѣ, я знаю вѣрное средство для того, чтобы тебя освободить.

Елена не разспрашивала, въ чемъ состояло это средство; она страстно любила Цалинскаго, глубоко вѣрила, что онъ не обманетъ. Она не признавала обазанностей, возложенныхъ на нее брачными узами. Выходила она замужъ по приказанію родителей, безъ любви, но и безъ отвращенія; она еще не знала тогда Цалинскаго. Теперь она бы, конечно, предпочла смерть разлукѣ съ нимъ; теперь ненависть къ мужу она считала естественнымъ, законнымъ чувствомъ. Елена пригласила гостя въ комнату; она угощала его, какъ гостя, и въ присутствіи слугъ обращалась съ нимъ по всѣмъ правиламъ принятаго въ шляхетской средѣ этикета, стараясь играть роль любезной хозяйки. Она угостила поручика ужиномъ, за который онъ принялся съ большимъ аппетитомъ. Онъ согласился посидѣть еще нѣсколько времени, въ ожиданіи пріѣзда родителей, но время шло, и становилось очевиднымъ, что они остались въ Браиловѣ на ночь. Въ виду поздняго времени, Цалинскому не приходилось долѣе оставаться: онъ долженъ былъ уйти домой. Елена проводила его до воротъ. За калиткою маленькая улица предмѣстья была совершенно пуста. Ночь стояла ясная, лунная. Они стояли за калиткою, прикрытые тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, свѣшивавшихся изъ сада за ограду. Елена обняла своего возлюбленнаго и спросила:

— Когда же опять придешь?

— Постараюсь завтра.

— Непремѣнно приходи.—Она притянула его голову и шепнула на ухо: знаешь, я въ ожиданіи... онъ это знаетъ и считаетъ своимъ.

— Что-же, очень тѣшится?

— Какъ-же! объявилъ, что если родится сынъ, онъ непремѣнно назоветъ его Саввою: у нихъ въ роду всѣ старшіе сыновья носятъ это имя.

— Подождемъ, увидимъ! сказалъ сдержанно Цалинскій и, поцѣловавъ Елену, пошелъ медленно по улицѣ, погрузившись въ глубокое раздумье. Разговоръ съ Еленою произвелъ на него впечатлѣніе болѣе глубокое, чѣмъ онъ ожидалъ. Привыкшій къ разгульной солдатской жизни, молодой офицеръ смотрѣлъ въ началѣ на свою связь съ замужнею женщиною, какъ на мимолетное развлеченіе. Незамѣтно для него самого безграничная любовь Елены, ея преданность, нравственная безвыходность ея положенія заставили его смотрѣть серьезнѣе на легкомысленно начатую интригу; постепенно искренняя любовь западала въ его душу; онъ жалѣлъ ее, страдалъ ея страданіями, чувствовалъ необходимость измѣнить ея положеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно ревновалъ ее къ мужу. Когда, успокоивая ее, онъ намекалъ на то, что онъ найдетъ средство избавить ее отъ Саввы, онъ говорилъ искренно; въ головѣ его давно уже шевелилась мысль, которую онъ постоянно обдумывалъ, развивалъ въ подробностяхъ, которая начинала слагаться въ послѣдовательный планъ дѣйствія. Но о содержаніи своего плана онъ упорно умалчивалъ,—потому ли, что исполненіе его требовало довольно продолжительнаго времени, или потому, что онъ не успѣлъ еще собрать и подготовить всѣхъ нужныхъ для исполненія его данныхъ; можетъ быть, не смотря на личное увлеченіе, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Во всякомъ случаѣ онъ не проронилъ ни слова о сущности своихъ предположеній. Теперь, двигаясь медленно по безлюднымъ улицамъ мѣстечка, онъ еще разъ обдумывалъ и приводилъ въ порядокъ свои соображенія; невольно изъ устъ его вырывались несвязныя слова:—Если-бъ узнать, насколько

это вѣрно!.. Если-бъ можно слѣдить за тѣмъ, что онъ дѣлаетъ въ настоящую минуту...

Между тѣмъ въ это время Савва не думалъ ни о женѣ, ни о Цалинскомъ; связи ихъ онъ не подозрѣвалъ. Онъ безпечно оставилъ жену въ домѣ ея родителей, разсчитывая, что она отдохнетъ у нихъ и полѣчится; одолѣвавшую ее грусть онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что жена не успѣла еще привыкнуть къ новой обстановкѣ и тоскуетъ по родителяхъ, по дому; онъ воспользовался временнымъ ея нездоровьемъ, чтобы дать ей возможность пожить нѣкоторое время въ прежней обстановкѣ и такимъ образомъ смягчить тревожившую ее тоску.

Солнце было уже на закатѣ, когда Савва подъѣзжалъ къ своему хутору, лежавшему верстахъ въ пяти отъ Немирова. Онъ ѣхалъ шагомъ по узкой дорожкѣ, пролегавшей среди садовъ, хатъ и огородовъ Рубани. Вскорѣ среди густо посаженныхъ черешень онъ увидалъ бѣлѣющія стѣны своей усадьбы и услышалъ на своемъ дворѣ назойливый лай собакъ, очевидно провожавшихъ кого-то чужаго, зашедшаго въ усадьбу. Изъ-за кустовъ и бурьяна онъ не могъ разглядѣть, въ чемъ дѣло, и направился къ воротамъ. Отсюда онъ увидѣлъ, что собаки преслѣдуютъ нищаго старика, который, спасаясь отъ нихъ, прижался спиною къ кустамъ. „Дѣдъ“ былъ безъ шапки; вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые волосы и лоскуты, висѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ на его изорванной и покрытой разноцвѣтными заплатами свиткѣ. Дѣдъ держалъ за руку мальчика, одѣтаго въ такую же изорванную и заплатанную свиту и измятую соломенную шляпу; черезъ плечо на мальчикѣ надѣта была полотняная „торба“,—мѣшокъ, въ который сердобольныя женщины клали подаяніе: ломти хлѣба, „паляныци“, калачи и т. п. И дѣдъ, и его „михоноша“ успѣли добраться до забора и, прислонившись къ нему спиною, отбивались отъ собакъ своими длинными дорожными палками; собаки съ громкимъ лаемъ подскакивали къ нимъ, но должны были удерживаться на почти-

тельномъ разстояніи. На дворѣ не было живой души. Савва, остановившись у запертыхъ воротъ, приподнялся на стременахъ и разглядѣлъ описанную картину; онъ отозвалъ собакъ. Услышавъ голосъ хозяина, послѣднія присмирѣли. Тогда онъ позвалъ зычнымъ голосомъ слугъ. Два козака показались изъ конюшни; одинъ немедленно побѣжалъ отворить ворота, другой сталъ отгонять собакъ.

— Что, вы оглохли?... не слышите лая?... Собаки чуть не растерзали дѣда, а вамъ лѣнь выглянуть изъ конюшни?

— Мы не видали дѣда, онъ должно быть сейчасъ только забрался во дворъ.

Савва отдалъ козаку коня и, недовѣрчиво покосившись на старика, спросилъ.

— Ты, дѣдъ, откуда?

Нищій не отвѣтилъ на вопросъ, онъ словно не разслышалъ его и заговорилъ:—Ну, злыя же ваши собаки! Я думалъ, что онѣ съѣдятъ меня; я вѣдь слѣпъ и прошу подаянія.

— Подойди къ крыльцу! сказалъ Савва, самъ туда направляясь.

Дѣдъ дернулъ за рукавъ своего михоношу и указалъ ему ту сторону, въ которой слышны были шаги Саввы. Мальчикъ тронулся съ мѣста и пошелъ въ указанномъ направленіи; дѣдъ медленно двигался за нимъ, не выпуская изъ своей руки свитки.

Дворъ былъ очень обширный. Савва часто объѣзжалъ на немъ верховыхъ лошадей и потому поверхность его была выравнена и гладка. Въ глубинѣ двора стоялъ домъ, у вхожихъ дверей котораго придѣлано было крылечко подъ крышею, опиравшеюся на четыре деревянныя колонны. Савва взошелъ быстро на крыльцо и, не останавливаясь, прошелъ въ сѣни. Онъ осмотрѣлъ, нѣтъ ли кого-либо изъ прислуги въ ближайшей къ выходу комнатѣ и, увидѣвъ, что она совершенно пуста, притворилъ ея входную дверь, осмотрѣлъ сѣни и заперъ ихъ также, наконецъ усѣлся на скамейкѣ, устроенной на

крыльцѣ, и молча вперилъ испытующій взоръ сначала въ старика, потомъ въ его провожатаго. Они стояли молча у крыльца, ожидая вопроса хозяина. Савва еще разъ быстро окинулъ взоромъ дворъ и, остановивъ пристально глаза на нищемъ, спросилъ:

— Кто твой провожатый?

— Онъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія.

Савва всматривался въ лицо дѣда и тщетно старался вспомнить черты его лица; ему казалось, что онъ никогда его прежде не встрѣчалъ. Помолчавъ немного, онъ вновь къ нему обратился:

— Ты кто?—Мы знаемъ нищихъ такого разбора... Ты ходишь не за подаяніемъ.

— Одного поля ягода, отвѣтилъ насмѣшливо нищій: развѣ ты не узналъ меня, атаманъ?

Савва съ досадою сплюнулъ,—голосъ былъ ему знакомый.—Тю, нечистая сила!—Да самъ чортъ не узналъ бы тебя.

— Это дѣло: для чертей-то собственно я и мѣняю обликъ.

— Хорошія вѣсти принесъ ты?

— Слава Богу, не дурныя.

Мнимый нищій былъ никто иной, какъ знакомый намъ уже Матвій. Онъ все время странствовалъ отъ одного „ватажка“ къ другому, сообщалъ вѣсти, передавалъ взаимно ихъ мнѣнія и по временамъ прибавлялъ отъ себя совѣтъ или соображеніе, основанное на подмѣченныхъ имъ данныхъ.

— Я полагалъ, сказалъ Савва, что тебя давно вздернули на висѣлицу: жду тебя и не могу дождаться.

Матвій наклонилъ голову.—Да, теперь я старъ!—Когда былъ моложе, ходилъ попроворнѣе.

— Ну, старикъ, разсказывай!

— Мы порѣшили окончательно планъ дѣйствій; дѣла, кажется, складываются лучше, чѣмъ мы предполагали. Я зашелъ къ тебѣ передать подробности теперь, потому что врядъ ли поспѣлъ бы весною. Дѣло въ томъ, что

изъ Запорожья двинется прежде всего отрядъ человѣкъ въ пятьсотъ; онъ переберется „Дикими полями“ къ Могилеву, а затѣмъ черезъ Студеницу попытается пройти на Орининскія поля въ Жванецъ и дальше. Отрядъ этотъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, по дорогѣ увеличится вдвое, втрое, можетъ быть вдесятеро. Запорожцы постараются сдѣлать все, что будетъ возможно, но, главное, они отвлекутъ вниманіе ляховъ и заслонятъ отъ нихъ на первое время главное движеніе. Затѣмъ изъ Переяславля переправятся къ намъ охотники, которыхъ уже вербуютъ въ гетманщинѣ—начальство обѣщало смотрѣть на нихъ сквозь пальцы—они соединятся съ отрядомъ Гордія и, разбившись на небольшія кучки, будутъ пробираться различными путями за Бугъ, въ „Черный лѣсъ“. У Дзыговки назначенъ сборный пунктъ; здѣсь поджидать насъ будетъ Верланъ со своимъ ополченіемъ. Тогда только, соединившись, мы откроемъ настоящую войну и пойдемъ впередъ по слѣдамъ, проложеннымъ передовымъ отрядомъ сѣчовиковъ: по дорогѣ и тебѣ слѣдуетъ къ намъ присоединиться. Такъ-то, панъ атаманъ, начнется наше дѣло. Какъ оно кончится,—про то вѣдаетъ лишь Господь, Отецъ нашъ небесный... въ руцѣ его успѣхъ или пораженіе наше; но каковъ бы ни былъ исходъ нашего предпріятія, мы должны его поддержать; въ крайнемъ случаѣ мы должны доказать ляхамъ, что отечество намъ дорого, что мы не отказались отъ мысли о нашей волѣ, что готовы ее требовать при каждомъ удобномъ случаѣ и готовы всегда сложить за нее свои головы. Ты самъ обсуди, гдѣ и какъ ты примкнешь къ нашему войску,—назначай самъ мѣсто, гдѣ найдешь удобнымъ соединиться съ Верланомъ и Грывою; о времени тебя извѣстятъ исправно; пока же старайся слѣдить за движеніями польскаго войска и сообщай намъ все, что удастся тебѣ вывѣдать о ихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ... Да, кстати,—у насъ есть еще одна, хотя и не вполнѣ вѣрная, надежда. Тебѣ извѣстно, что въ Умани стоитъ русское войско; оно явилось защищать Саксонца.

Слѣдуетъ развѣдать ихъ отношеніе къ нашему предпріятію. Это, впрочемъ, дѣло Верлана:—ему ближе, да и притомъ онъ умѣетъ вести такого рода сношенія. Онъ уже подружился съ полковникомъ Полянскимъ и постарается склонить его на нашу сторону. Да поможетъ ему Господь! Хоть вполнѣ на это полагаться нельзя, а все-таки попытаться слѣдуетъ.

Матвій замолкъ и призадумался, затѣмъ тяжело вздохнулъ и прибавилъ, какъ бы продолжая вслухъ свои мысли:

— Да, неохотно помогаютъ тому, кто слабѣе! Многіе готовы снять послѣднюю рубашку съ того, кто связанъ и беззащитенъ.

Оба нѣкоторое время молчали.

— Когда думаете тронуться? спросилъ Савва.

— Люди уже собираются, будутъ собираться незамѣтно втеченіе всей зимы. Лишь только сойдетъ снѣгъ, мы выступимъ къ Шаргороду.

Савва выслушалъ внимательно разсказъ Матвія; онъ вдумывался въ каждое его слово, соображалъ, взвѣшивалъ всѣ подробности, но, казалось, колебался и не довѣрялъ. Онъ глубоко задумался и, насупившись, смотрѣлъ въ землю; лирникъ неподвижно, какъ статуя, сидѣлъ рядомъ съ нимъ на скамейкѣ, и только по складкамъ, все болѣе и болѣе обрисовывавшимся у его губъ, можно было замѣтить то напряженіе, съ которымъ онъ ожидалъ отвѣта своего собесѣдника. Молчаніе Саввы и смущало его и приводило въ негодованіе, но старикъ привыкъ сдерживать свои душевныя волненія. Онъ молчалъ и съ виду казался равнодушнымъ.

Вдругъ Савва встрепенулся, выпрямилъ станъ, рѣзкимъ жестомъ схватилъ рукоятку своей сабли и сказалъ, ударяя концемъ ея о полъ.

— Скажи, старикъ, Верлану и Гордію, что Савва готовъ сражаться за Украину вездѣ, гдѣ за нее будутъ сражаться другіе. Пусть не пеняютъ на меня за то, что я, повидимому, усердно служу ляхамъ... до поры, до времени учусь

у нихъ уму-разуму, но когда встанетъ во весь ростъ народное дѣло, тогда и я послужу не хуже другихъ.

— Дай, Господи!

Савва всталъ со скамейки.—А теперь, диду, сказалъ онъ, ступай съ Богомъ! мнѣ ляхи не особенно довѣряютъ, и имъ не безъизвѣстно, зачѣмъ по селамъ ходятъ лирники и мнимые нищіе.—Прощай!...

Старикъ молча наклонилъ голову и подалъ рукою знакъ своему молчаливому „михоношѣ". Они направились къ воротамъ и вскорѣ исчезли среди тѣсныхъ улицъ лѣснаго хутора.

(До слѣд. №).

Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Религіозно-церковное примѣненіе юліанскаго календаря. Пасхальныя таблицы. Компуты. Недовольство старымъ календаремъ на православномъ Востокѣ и католическомъ Западѣ. Исправленіе календаря папой Григоріемъ XIII. Причины враждебнаго отношенія православныхъ народовъ, въ особенности южнорусскаго, къ новому календарю. Константинопольскій соборъ 1583 года. Недовольство католиковъ новымъ календаремъ. Лятосъ. Львовскіе безпорядки 1583 г. Суликовскій и Гедеонъ Балабанъ. Грамоты Стефана Баторія 1584, 1585 и 1586 годовъ. „Ключъ царства небеснаго" Смотрицкаго. „Книжица" Суражскаго. Стефанъ Зизаній и Жебровскій. Защита стараго календаря Христофоромъ Филалетомъ. Левъ Мамоничъ. Упадокъ православной полемики о календарѣ въ XVII в. Причины этого упадка. Замѣтки и статьи православныхъ въ защиту стараго календаря въ XVII вѣкѣ. Отношеніе къ старому календарю Потѣя и Терлецкаго. Сочиненія католиковъ Вуйна, Гродзицкаго и др. въ защиту новаго календаря. „Sowita wina". „Rozmowa" Скупинскаго. Кассьянъ Саковичъ. Его „Kalendarz stary". „Apologia" Яна Брожека „Kalendarz prawdziwy" Яна Дубовича. „Ierarchia" Дубовича. „Herby" Рутки. Общая характеристика отношеній католическихъ полемистовъ къ православнымъ. Научная высота полемистовъ о календарѣ. Прекращеніе полемики о календарѣ въ южной Россіи. Преслѣдованіе календаря Дунчевскаго въ 1738 г. Возобновленіе полемики о календарѣ въ послѣднее время въ Галиціи. „Polityka nerwów" A. Z. Защита стараго календаря Ст. Качалой въ „Дѣлѣ". „Нови хмары" и „Што намъ чинити?"—передовыя статьи редакціи „Дѣла". Заключеніе.

Въ IV столѣтіи на первомъ Никейскимъ соборѣ было опредѣлено время празднованія Пасхи по юліанскому календарю, и съ того времени къ научной астрономической части календаря тѣсно присоединилась часть религіозная и церковно-бытовая. Народныя массы обращали вниманіе на календарь и дорожили имъ преимущественно съ точки зрѣнія опредѣленія времени праздниковъ и прежде всего Пасхи. Многіе христіанскіе писатели, преимущественно александрійцы, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода относятся къ концу IV и началу V столѣтій. Большой извѣстностью въ древности пользовались пасхальныя таблицы Діонисія Малаго (+556) и Беды Почтеннаго (+735) [1]. Составленіе пасхаль-

[1]) *Сухомлиновъ*. О древн. рус. лѣтописи, 25.

ныхъ таблицъ было любимое занятіе древнихъ русскихъ грамотныхъ людей. Уже въ XII вѣкѣ Кирикъ написалъ „Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ", гдѣ изложено ученіе объ индиктѣ, о высокосныхъ лѣтахъ и т. п. Въ западной Европѣ пасхальныя таблицы, заключавшія въ себѣ опредѣленіе времени Пасхи и подвижныхъ праздниковъ вообще, назывались въ XIV—XVI вѣкахъ компутами. Въ половинѣ XVI вѣка понятіе о компутѣ опредѣлялось такъ: „est ars considerans tempora, quae a solis et lunae motu nata, ecclesia observat. Hoc autem nominis a computando dicitur habere" [1]).

Астрономическія вычисленія указываютъ на неточность солнечнаго года по старому юліанскому календарю. Ежегодно получается излишекъ въ 11 минутъ и $13^{9}/_{10}$ секунды, что въ 128 лѣтъ составляетъ день. Неточность эта давно уже была усмотрѣна какъ въ православной Византіи, такъ и на католическомъ Западѣ, и въ первой чуть ли не ранѣе, чѣмъ на второмъ. Матѳей Властарь, ученый іеромонахъ греческой церкви, жившій въ первой половинѣ XIV ст., уже указалъ на недостатки юліанскаго календаря, именно на то, что, по вычисленію Властаря, солнечный годъ имѣетъ не 365 дней съ четвертью, а на пять минутъ менѣе [2]). Подобнаго рода замѣчаніе сдѣлалъ и другой старинный византійскій писатель Никифоръ Григора [3]). Западъ настойчивѣе стремился къ исправленію стараго календаря. На Констанцскомъ и Базельскомъ соборахъ сдѣланы были заявленія о необходимости исправить старый календарь. Новый календарь введенъ былъ въ 1582 г., по распоряженію папы Григорія XIII, на основаніи вычисленій, сдѣланныхъ ученымъ калабрійцемъ, врачомъ и астрономомъ, Алоизіемъ Лиліо. Такъ какъ нужно было прибавить десять дней, то папа повелѣлъ день утвержденія новаго календаря 5-ое октября считать 15-мъ, черезъ что весеннее равноденствіе на этотъ годъ возвращалось на 21 марта, какъ было на Никейскомъ соборѣ, опредѣлившемъ время празднованія Пасхи. Такимъ образомъ, новый календарь былъ дѣломъ науки, хотѣвшей однако согласоваться съ церковнымъ уставомъ. Вводимый властью Рима, онъ становился нѣкоторымъ подспорьемъ латинской пропаганды. По этому первоначально онъ принятъ только въ Италіи и другихъ католическихъ странахъ, но долго не былъ принимаемъ въ странахъ протестантскихъ [4]).

---

[1]) *Wisznewski*. Historya literat. polskiej VII. 363.
Примѣчаніе: Въ XVIII ст. въ Малороссіи компутами назывались списки служащихъ въ полкахъ козаковъ.

[2]) *Православ. Собесѣдникъ* 1859. II. 164.

[3]) *Арсеній, архим*. Лѣтопись церк. событій. 617.

[4]) *Малышевскій*. Мелетій Пигасъ I. 237.

Православные рѣшительно отстояли старый календарь. Главной причиной ихъ нерасположенія къ новому календарю было стремленіе католиковъ навязать вмѣстѣ съ новымъ календаремъ папизмъ и назойливое его предложеніе, переходившее иногда въ положительный гнетъ и гонительство. На греческомъ Востокѣ противодѣйствовали болѣе теоретически, точнѣе сказать, высказываясь противъ новаго календаря, спокойно сохраняли старый, такъ какъ тутъ не оказалось такихъ общественныхъ элементовъ, которые поставляли бы своею задачей провести его насильно въ обиходную практическую жизнь. Иначе стояло дѣло въ юго-западной Руси. Здѣсь на сторонѣ новаго календаря сразу оказалось много сторонниковъ среди могущественнаго землевладѣльческаго класса, частью совсѣмъ польскаго по происхожденію, частью изъ ополячившихся русскихъ. Здѣсь уже энергично работали іезуиты, пропагандируя папизмъ и разжигая вѣроисповѣдную вражду между католиками и православными. Оттого пропаганда новаго календаря въ южной Руси быстро оформилась въ тяжелую форму притѣсненія и гонительства. При такомъ положеніи дѣлъ, отстаиваніе стараго календаря высоко цѣнилось православными, и тотъ, кто становился въ ряды его защитниковъ или кто претерпѣвалъ изъ-за него гоненія и мученичества, пріобрѣталъ народное благорасположеніе и признательность. Молва о такомъ защитникѣ шла изъ рода въ родъ, и съ личностью его связывались благочестивыя религіозныя сказанія. Одно изъ такихъ религіозныхъ сказаній вошло въ Записки Петра Могилы. „Въ предѣлѣ Перемыскомъ, говорится здѣсь, благородный нѣкто, именемъ Еразмъ Гербортъ, въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, колико дней передъ своимъ латинскимъ Христорождественскимъ праздникомъ, совѣтомъ своихъ іерей латинскихъ и слугъ, тоея же вѣры сущихъ (младъ сый), вся іерея православныя съ протопопомъ ихъ, числомъ яко дванадесять, отъ всѣхъ селъ своихъ (богатъ бо бяше) собра и повелѣ имъ по новорастлѣнному ихъ календарю латинскому вкупѣ съ ними Рождество праздновати и мяса ясти. Они же абіе вси отрекошась не творити се и паче смерть нежели постъ разорѣти и Богоносными отцы преданный календарь измѣняти изволѣти господину своему обѣщашась. Онъ же, разгнѣвався, обезчести ихъ и, ругаясь православной вѣрѣ безбожно, въ темницу затворити повели. Они жъ, плачуще и стеняще.... совѣтомъ православнаго своего епископа тогда сущаго Михаила Копыстенскаго, еже не соизволяти прещенію господина ихъ, но пострадати съ людьми Божіими, нежели сласти временнѣй, съ иновѣрными сообщившись, вѣчную гибель себѣ снискати изволити, вси единодушно въ темницѣ гласъ и руцѣ къ Богу... воздвигоша, моляшесь да не оставитъ вѣру святую право-

славную въ смѣхъ и поруганіе мерзкому отступнику, но вскорѣ да отомститъ озлобленіе ихъ. Молящимъ же имъ и къ Богу вопіющимъ... въ той часъ напрасно онъ Гербортъ разболись и... злѣ испроверже злую свою душу" [1]).

Кромѣ гонительства, какъ главной причины нерасположенія православныхъ къ новому календарю, былъ еще другой крупный поводъ къ неудовольствію православныхъ на новый календарь, вытекавшій изъ уставовъ православной церкви. Держась опредѣленія Никейскаго собора, православные никогда не празднуютъ пасху ни вмѣстѣ съ евреями, ни ранѣе ихъ, но всегда позднѣе ихъ, по крайней мѣрѣ на одинъ день, какъ требуетъ седьмое апостольское правило. Западные же христіане, при астрономической точности своего календаря, не могли избѣжать нарушенія этого правила и часто впадаютъ въ ту и въ другую погрѣшность [2]).

Въ добавокъ нужно замѣтить, что старый календарь находится въ тѣсной связи съ церковными обрядами, и православные тѣмъ болѣе имъ дорожатъ, что болѣе, чѣмъ западные христіане, придерживаются постовъ и церковныхъ обрядовъ. По справедливому замѣчанію сербскаго митрополита Стефана Стратимировича въ докладѣ 1814 г. австрійскому императору о старомъ календарѣ „Римо-католическіе людіе своея религіи попеченіе обрядовъ и обычаевъ своихъ сохраненіе наипаче клиру, а сей папѣ простирающе, меньше такожде пекутся, меньше о своихъ обычаяхъ непоколебимостяхъ устрашени суть, еже вся сія у греческаго закона людей совсѣмъ иначе имѣются" [3]).

Весь православный міръ былъ взволнованъ появленіемъ григоріанскаго календаря, тѣмъ болѣе, что католики, въ особенности іезуиты немедленно приступили къ его пропагандѣ среди православныхъ народовъ. Уже въ 1583 г. папа Григорій XIII отправилъ двухъ агентовъ въ Константинополь къ патріарху Іереміи съ подарками и съ предложеніемъ принять новый календарь. Іеремія дружелюбно принялъ папскихъ пословъ и не порицалъ новаго календаря, съ которымъ имѣлъ въ виду ознакомиться ближе и затѣмъ надлежало выждать, какъ отнесутся къ нему православные въ Греціи и Россіи. Къ Іереміи обратились съ вопросами о новомъ календарѣ изъ Венеціи тамошній православный епископъ Гавріилъ Северъ и еforы православнаго братства св. Георгія, изъ южной Руси — кн. Константинъ Острожскій, изъ разныхъ мѣстъ Греціи, наконецъ, и армяне. Требовались отвѣты и папѣ и всѣмъ вопрошавшимъ. Въ ноябрѣ 1583 года составился соборъ, на которомъ присутство-

¹) *Архивъ юго-запад. Россіи* I. т. VII. 104.
²) *Православ. Собесѣдн.* 1859. II. 163.
³) *Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.* 1864. II. 217.

валъ и патріархъ александрійскій Сильвестръ. 20-го ноября состоялось опредѣленіе о новомъ календарѣ. Онъ признанъ новымъ опытомъ нововведеній, какія обыкла самовластно установлять римская церковь; признана неправильность и въ старомъ счисленіи, но также и въ новомъ, предъ которымъ старое отличается бо́льшей твердостью и, главное, сохраняется каноническое установленіе Никейскаго собора о времени празднованія пасхи, что невозможно при новомъ календарѣ. Въ этомъ смыслѣ даны отвѣтныя посланія папѣ, въ Россію, Венецію, армянамъ, сообщено и по всей Греціи [1]).

Григоріанскій календарь вызвалъ неудовольствіе даже въ странахъ католическихъ, между прочимъ, въ Польшѣ. Не работай здѣсь ловкіе и пронырливые іезуиты, противодѣйствіе новому календарю приняло бы довольно обширные размѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасались народнаго волненія. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали іезуиты, чтобы ввести въ Польшѣ новый календарь, показываетъ печальная судьба польскаго ученаго Лятоса. Южнорусскіе полемисты XVI и XVII вѣковъ съ уваженіемъ упоминаютъ его имя. Янъ Лятосъ былъ докторъ медицины и астрономіи въ краковской академіи, человѣкъ съ обширными знаніями и прямымъ независимымъ характеромъ. Уже его могучій внѣшній видъ показывалъ, что природа щедро надѣлила его своими дарами. По словамъ іезуитовъ, Лятосъ былъ полный, красивый, широбородый мужчина, съ большой физической силой (miał dosyć ciała, urody z potrzebą, brodę jak u czapnika, a siłę tak wielką, iż nietylko niedzwiedziowi, ale i wielbłądowi mógł zdołać). Лятосъ представилъ въ краковскую академію возраженія противъ новаго календаря еще до его утвержденія папой. Не смотря на то, что Лятосъ пользовался уже славой отличнаго астронома, академія не приняла его возраженій, будто бы по причинѣ ихъ спутанности, въ дѣйствительности по соображеніямъ религіозно-церковнаго характера, pod względem kanonicznym więcej niż astronomicznym poprawę kalendarza uważając, какъ сознаются сами католическіе писатели [2]). Лятосъ отправилъ свое возраженіе на новый календарь въ Римъ, гдѣ также на него не обратили вниманія. Настойчивый Лятосъ продолжалъ противодѣйствовать новому календарю на томъ основаніи, что онъ не согласованъ съ постановленіями Никейскаго собора. Краковская академія въ 1582 г. внесла въ гродскія книги заявленіе о своемъ несогласіи съ Лятосомъ, а въ 1601 г. Лятосъ удаленъ былъ изъ академіи, по настоянію краковскаго епископа Мацѣйовскаго. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Мацѣйовскаго, что „русскій посполитый людъ“, опираясь на доводы

---

[1]) *Малышевскій.* М. Пигасъ I. 239.
[2]) *Wisznewski.* Historya literat. polskiej. VII. 369.

Лятоса, будетъ порицать одобренный римской церковью календарь. Къ этому то русскому люду и удалился Лятосъ, послѣ потери мѣста въ академіи. Онъ нашелъ убѣжище у князя Константина Острожскаго въ г. Острогѣ и здѣсь издалъ противъ новаго календаря „Минуціи", гдѣ доказывалъ, что исправители календаря не приняли во вниманіе нѣсколько минутъ и потому исключили изъ стараго календаря десять дней, вмѣсто семи дней. Іезуиты упрекали Лятоса, что онъ играетъ въ руку православнымъ (Ruś w uporze utwierdził). Жебровскій, ученикъ виленскихъ іезуитовъ, возражая на „Минуціи" Лятоса, жаловался, что Лятосъ въ изданныхъ въ 1598 году Минуціяхъ жестоко напалъ на новый календарь и что его Минуціями пользуются противники новаго календаря на Руси, въ Литвѣ и даже въ Москвѣ [1]). Долгое время Лятосъ былъ предметомъ злобнаго издѣвательства и насмѣшекъ религіозныхъ фанатиковъ и человѣконенавистныхъ іезуитовъ. Такъ, противъ него была пущена сатира „Dworskie Minucye nowe Sowizrzałowe". Кромѣ Жебровскаго, противъ Лятоса писалъ въ 1604 г. плоцкій іезуитъ Альбертъ Росцишевскій, причемъ называетъ его козьимъ докторомъ и оканчиваетъ свое полемическое сочиненіе грубой бѣлорусской пословицей: „собака бреше, князь ѣдзе, а календарь календаремъ будзе" [2]).

Если уже въ чисто польскихъ католическихъ земляхъ введеніе новаго календаря встрѣчено было населеніемъ съ неудовольствіемъ, то въ православной Руси къ нему отнеслись съ тѣмъ бо́льшимъ негодованіемъ, что уже въ 1583 г. здѣсь примѣнены были католиками насильственныя мѣры для введенія его въ бытовую жизнь. Въ этомъ году львовскій бурмистръ получилъ отъ Стефана Баторія предписаніе ввести въ дѣйствіе новый календарь. Львовскій католическій архіепископъ Суликовскій, подъ вліяніемъ іезуитовъ, открылъ гоненіе на послѣдователей стараго календаря. По его приказанію, братъ его Войтѣхъ, въ сопровожденіи крылошанъ и вооруженныхъ слугъ, въ навечеріе Рождества Христова по старому календарю ходилъ по церквамъ и монастырямъ, выгонялъ изъ нихъ молящійся народъ, изгонялъ священниковъ изъ алтаря, прекращалъ насильно богослуженіе, замыкалъ и опечатывалъ церкви. Это грубое насиліе взволновало львовскихъ жителей. Они сорвали печати [3]). Православный епископъ Гедеонъ Балабанъ вошелъ въ соглашеніе съ Суликовскимъ, съ цѣлью оградить православныхъ отъ насилій со стороны католиковъ. Въ то же время была подана православными жалоба королю. Въ латино-уніатскомъ сочиненіи Sowita wina

[1]) Тамъ же, 371. Примѣчаніе 248.
[2]) Тамъ же, 374. Примѣч. 258.
[3]) *Дѣло*. Львовъ. 1883. № 26.

находится свидѣтельство, что соглашеніе Балабана съ Суликовскимъ расположило короля къ благосклонному отношенію къ православнымъ относительно календаря [1]). Несомнѣнно также, что Стефанъ Баторій, предоставляя православнымъ право на сохраненіе стараго календаря, руководствовался соображеніями государственной пользы. Онъ хорошо видѣлъ, что могущественный князь К. К. Острожскій, а за нимъ и весь русскій народъ, рѣшительно возстали противъ григоріанскаго календаря, и, какъ умный государственный дѣятель, съ широкими планами покоренія турокъ, нашелъ неудобнымъ раздражать своихъ православныхъ подданныхъ дальнѣйшими насильственными мѣрами по введенію новаго календаря.

Мировая запись и грамоты Стефана Баторія вошли цѣликомъ въ „Апокрисисъ" (1597 г.) Христофора Филалета. Мировое соглашеніе между Суликовскимъ и Балабаномъ состоялось, какъ говорится въ самой записи, при посредствѣ канцлера литовскаго княжества и виленскаго каштеляна Евстафія Воловича, кіевскаго воеводы кн. Константина Острожскаго, белзскаго воеводы Станислава Жолкевскаго и минскаго воеводы Ивана Глѣбовича. Эти вліятельныя имена, въ особенности имя кн. Константина Острожскаго, объясняютъ какъ появленіе самой мировой записи, такъ и заключающіяся въ ней извиненія Суликовскаго: „Хотя и произошло было нѣкоторое смятеніе и запрещеніе праздновать св. дни отъ арцибискупа львовскаго и его капитулы, которые, желая, чтобы народъ греческой вѣры праздновалъ св. дни по новому календарю, запечатывали церкви и другія производили смятенія, но поелику эти оскорбленія сдѣланы болѣе случайно, нежели съ намѣреніемъ, то подобные раздоры и смятенія съ обѣихъ сторонъ прекращены и прекращаются заразъ на вѣчныя времена... Впредь же обѣ стороны условливаются никогда не дѣлать никакихъ препятствій какъ въ праздновани праздниковъ, такъ и въ отправленіи обрядовъ богослуженія и звона, равно и въ дѣлахъ власти и въ доходахъ" [2])...

Никто такъ сильно не злоупотреблялъ словомъ „вѣчный миръ", какъ злоупотребляли поляки въ старинное время. И во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ восточному сосѣду, Москвѣ, и во внутреннихъ дѣлахъ, по отношенію къ православнымъ украинцамъ, сплошь и рядомъ давались обѣщанія вѣчнаго мира, вѣчной згоды, вѣчнаго равноправія, и не успѣвало высохнуть чернило на договорахъ, какъ слѣдовало самое грубое нарушеніе договора. „Вѣчныя времена" мироваго соглашенія католиковъ и православныхъ 1585 года оказались очень кратковременными, и Стефанъ Баторій нѣсколько лѣтъ

---

[1]) *Sowita wina* въ *Архивѣ* юго-зап. Россіи I. VII. 467.

[2]) *Апокрисисъ*, кіев. изд. 1869. 44 и 466.

подъ-рядъ старался укрѣпить ихъ. Сохранилось три грамоты Баторія, ограждавшія православныхъ отъ насильственнаго введенія новаго календаря.

Первая грамота дана была въ Гроднѣ 21 января 1584 года. Здѣсь король торжественно заявляетъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія, отдавая приказаніе о введеніи новаго календаря, запрещать обряды и праздники греческой церкви, либо что другое, относящееся къ богослуженію. Поэтому вольно каждому отправлять свое богослуженіе и вѣру и праздновать святые дни безъ укоризны, убытка и грабежей. Король повелѣваетъ воеводамъ, каштелянамъ, маршалкамъ, старостамъ, войтамъ, бурмистрамъ, всѣмъ вообще должностнымъ лицамъ не препятствовать православнымъ въ праздновании праздниковъ по старому календарю и заботиться о сохраненіи мира и согласія. „По силѣ законовъ и присяги нашей, говоритъ Баторій, мы обязаны одинаково охранять спокойствіе всѣхъ подданныхъ нашихъ".

Вторая грамота, данная въ Неполоничахъ (вблизи Кракова) 18 мая 1585 г., въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ устанавливаетъ свободное отправленіе праздниковъ православными по старому календарю. Ссылаясь на соглашеніе Суликовскаго съ Балабаномъ, король говоритъ: „мы вознамѣрились дать, позволить и утвердить людямъ греческой вѣры полную власть и свободу спокойно употреблять и содержать въ княжествѣ нашемъ всѣ уставы и обряды греческаго богослуженія, по порядку и росписанію стараго календаря отправлять и всѣ прочіе обряды и благочестивыя дѣйствія, также строить церкви своего благочестія, госпитали или богадѣльни и школы, какъ каменныя, такъ и деревянныя и все прочее имѣть и содержать по принятымъ у нихъ способамъ и добрымъ обычаямъ, которые дозволены и утверждены привилегіями отъ нашихъ предковъ. Это мы и даемъ, позволяемъ и утверждаемъ"...

Добрыя намѣренія короля разбивались объ интриги іезуитовъ и своевольство шляхты. Чрезъ годъ съ небольшимъ, 8 сент. 1586 г. король нашелъ нужнымъ еще разъ подтвердить права православныхъ на сохраненіе православной вѣры и стараго календаря, которые, очевидно, подвергались гонительству, не смотря на обиліе сильныхъ глаголовъ въ королевской грамотѣ 1585 года. Указывая на изданныя охранительныя грамоты 1584 и 1585 годовъ, король предписываетъ должностнымъ лицамъ г. Вильны и другихъ городовъ „не дѣлать православнымъ никакихъ затрудненій и препятствій въ праздновании по древнему закону и обычаю ихъ праздниковъ, особенно Рождества Христова, Крещенія, Обрѣзанія, Свѣтлаго Воскресенія, Вознесенія Господня, Сошествія св. Духа, Пресвятыя

Троицы, преблагосл. Дѣвы Маріи и другихъ праздниковъ апостольскихъ и не позывать и не отдавать ихъ въ эти дни въ ратушу къ суду войтовскому, бурмистровскому, радецкому, лавничему, гайному, выложному и потребному и къ присягѣ ихъ въ эти святые дни не приводить“ [1]).

Далѣе мы не встрѣчаемъ охранительныхъ королевскихъ грамотъ относительно стараго календаря, что обусловлено различными обстоятельствами. Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Стефана Баторія былъ Сигизмундъ III, человѣкъ въ религіозномъ отношеніи нетерпимый и гонительный. Возникновеніе и развитіе въ южной Руси уніи подавало католикамъ надежду на успѣшное введеніе новаго календаря, и охраненіе стараго календаря административнымъ путемъ представлялось неудобнымъ. Эта надежда имѣла къ тому же подъ собой фактическую основу. Первые по времени уніатскіе полемисты дѣйствительно защищали новый календарь, хотя уніаты вообще остались при старомъ календарѣ.

Съ 1586 года начинается оживленная полемика между католиками и православными по поводу календаря. Въ концѣ XVI и въ XVII ст., точнѣе до пятидесятыхъ годовъ XVII ст. появилось много полемическихъ сочиненій по этому поводу, причемъ по части аргументаціи, силы доказательствъ православные не уступали своимъ противникамъ, особенно въ концѣ XVI ст., къ какому времени относятся лучшія сочиненія православныхъ въ защиту стараго календаря. Все существенно важное было высказано православными, и когда въ нынѣшнемъ уже столѣтіи въ шестидесятыхъ годахъ возобновилась въ Россіи полемика между протестантами и православными о календарѣ, и затѣмъ въ текущемъ десятилѣтіи при возникновеніи въ Галиціи споровъ о календарѣ между католиками и уніатами, старинная полемика по этому поводу оказалась гораздо болѣе сильной и болѣе содержательной, и не только Стефанъ Качала въ Галиціи, но и покойный О. М. Бодянскій въ Москвѣ, писавшіе въ защиту стараго календаря, съ пользой для себя и для дѣла могли бы воспользоваться православными полемистами конца шестнадцатаго вѣка, Смотрицкимъ, Суражскимъ и Бронскимъ.

Первымъ по времени талантливымъ и сильнымъ защитникомъ стараго календаря является Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, отецъ знаменитаго впослѣдствіи Мелетія Смотрицкаго, авторъ бойкаго полемическаго сочиненія „Ключъ царства небеснаго“, въ который вошелъ трактатъ „Календарь римскій новый“. До послѣднаго времени эта книга принадлежала къ числу величайшихъ библіографи-

[1]) *Апокрисисъ*, изд. 1869. 45—49, 468—472.

ческихъ рѣдкостей, и извѣстія объ ней были очень скудны[1]). Въ прошломъ 1887 г. „Ключъ" былъ изданъ въ 1 ч. VII т. „Архива юго-западной Россіи" стр. 232—266. По содержанію, изложенію и языку—это одинъ изъ самыхъ крупныхъ и цѣнныхъ южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ конца XVI ст. „Ключъ" вышелъ во Львовѣ въ 1587 г. Оставляя въ сторонѣ любопытныя въ историко-бытовомъ отношеніи предисловія автора съ обращеніемъ къ князю А. К. Острожскому и русскимъ народамъ, находящіяся въ началѣ книги, и нѣсколько замѣчаній его о различіяхъ между православіемъ и католицизмомъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги, мы остановимся на главной ея части, средней, посвященной обличеніямъ новаго календаря. Смотрицкаго прежде всего возмущало дерзкое отношеніе папства къ старому календарю: „Домъ тежъ законный, на седми столпахъ моцныхъ оныхъ святыхъ соборовъ вселенскихъ укгрунтованный и вѣчно убудованный, (папа) перебѣгши недѣль четыре напередъ, ободралъ, порубалъ, поламалъ и розметалъ, мало ся кого въ томъ радилъ, все давное погамовалъ и огнь Духа Святаго до конца погасилъ... Мѣсяцы иначей покрестилъ, христіанскую пасху съ жидовскою далеко отмѣнилъ и опакъ посадилъ" (253 стр.). Католики „не тылько дни и свята праздникамъ господскимъ и нарочитыхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ отмѣнили на земли, але и на небѣ лунного бѣгу дорочного, дванадесятимъ мѣсяцамъ имена, отъ начала свѣта ведле временъ и часовъ имъ данные, поотмѣняли, подобно у римскую вѣру ихъ покрестили, хотяче и тыхъ подъ послушенство папы своего привести, абы и они безъ воли его ничого справоваты не смѣли, февраль назвали мартомъ, а мартъ квѣтнемъ. Бачитмися, и май у нихъ змѣнитъ своего имене скутокъ, такъ и всѣ дванадесятъ мусятся мѣнити; что жъ дѣлать, коли то ихъ папѣ вольно чинити; только тое на него яко бы полихо, же имя отмѣнити можеть, але прироженья и скутку свыше поданаго трудно. Зимна въ тепло, снѣгу въ дождь преминити то не римского Бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардиналы собралъ, до того не помогутъ ничого" (стр. 264).

Смотрицкій не останавливается на томъ, была ли надобность въ исправленіи стараго календаря и въ чемъ состоятъ его недостатки или достоинства, сравнительно съ новымъ календаремъ. Вмѣсто того, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о той массѣ практическихъ житейскихъ неудобствъ, которыя были вызваны появленіемъ григоріанскаго календаря. По словамъ Смотрицкаго, „съ котораго то поправленія яко видимъ заправды мало што доброе дѣется, только

---

[1]) *Каратаевъ*, Описаніе слав.-рус. книгъ. 1883. I. 235.

великій и дивный розрухъ стался по всемъ праве свѣтѣ. Не только у дѣйствахъ законныхъ церковныхъ, але и во всѣхъ справахъ и поступкахъ свѣтскихъ, и великая васнь (ссора, злоба) и ненависть межи людьми съ того поправленія всчалася, тягнуче за собою много трудностей и утратъ безпотребныхъ невинне".

„Первое. Человѣкъ бѣдный, убогій, который отъ працы рукъ своихъ и въ потѣ лица муситъ ясти хлѣбъ свой и съ тоеяжъ працы и поту муситъ досыть чинити и давати пану, што ему роскажуть, звыклъ былъ отъ предковъ своихъ отдавати, што належало Богу и што належало пану, теперь ужъ въ тое жаднымъ способамъ гараздъ потрафити не можетъ. Панъ ему кажетъ у дни святые Богу ку чти и хвалѣ ведле звычаю церковнаго давного належачие робыты. Боится и Бога, боится и пана, мусытъ большого опустити, а меньшему служити, бо о ономъ слыхаетъ, же есть долготерпеливъ и многомилостивъ, а сего вѣдаетъ, же есть короткотерпеливъ и троха милостивъ. Если не его тѣло поведутъ, то волове певне. Панское тежъ свято прійдетъ, радъ бы бѣдный убожество свою роботою подпомогъ, боится пана, муситъ лишити, а часомъ за тыми бѣдами не только панского нового свята не памятаетъ, але и своего старого забываетъ, въ чемъ и Богу и пану неправъ бываетъ, а собѣ пакъ рѣдко або николи. Зверху нендза (нужда) доѣдаетъ, а внутръ сумнене грызетъ. Чого иншимъ способомъ ратоваты не могучи, муситъ нареканіемъ, вздыханіемъ и слезами часто бѣду свою нагорожаты и не вѣдати, если въ таковой своей роскоши и оного календарного поправителя часомъ зъ-лиха не проклинаетъ...

„Второе. Такъ тежъ въ мѣстахъ затвористыхъ (т. е. городахъ), нашихъ на свое новыя свята збронъ (изъ брамъ?) не пущаютъ, въ роботахъ заказуютъ, забираютъ и сажаютъ. Они тежъ, якъ христіяне правовѣрные будучи повинни свята свои церковныя давныя обходити и святити мусять, въ чемъ не малые забавы (т. е. промедленія), трудности и утраты въ своихъ справахъ и господарствахъ домовыхъ и полныхъ (т. е. полевыхъ) и дорогахъ гостинныхъ (т. е. въ торговлѣ), невинне мусятъ относити (т. е. переносить) и тые не маютъ, за што оногожъ благословиты.

„Третье. Такъ тежъ въ ярмаркахъ и у справахъ купецкихъ великихъ, въ записяхъ, въ цырокграфехъ (т. е. запискахъ, счетахъ) едны по старому, другіе по новому мѣшатися и великихъ трудностей и безпотребныхъ забавъ, накладовъ и утратъ, а часомъ и завасненья (т. е. злобы) уживаты мусятъ, и съ тыхъ подобно не всѣ мовятъ: бодай здоровъ поправлявъ, якожъ не много ся тутъ послѣ того забавлявъ.

„Четвертое. Къ тому еще мужъ и съ женою, которыхъ самъ Богъ напередъ прозираетъ здалека, а потомъ словомъ своимъ всетворительнымъ черезъ слуги свои церковные злучаетъ въ едно тѣло, межи которыми въ доброй згодѣ и порядку, якъ тѣло едино, такъ воля и мысль маетъ быти едина, первому росказовати и рядити, второму слухати и повиноватися... Теперь тотъ календарь новый нашелъ и тамъ скутки свои новые, въ тыхъ мовлю, где зъ религіи грецкое и римское станъ малженскій приняли, яко жъ то бывало не только межи посполитыми, але и межи зацными станы. Кгдыжъ единому бываетъ средопостье, а другому мясопусты, потомъ единому жалостное роспамятованіе Христовыхъ страстей, а другому веселые роспусты; также тежъ и всѣ свята дорочные, што первѣй съ радостью, съ дѣтками и съ челядкою (т. е. прислугой) хвалу даючи Богу обходили сполечне, теперь мусятъ далеко розно. Съ чого подобно часомъ единому бываетъ маркотно (т. е. скучно, досадно), а другому немило" (стр. 254—255).

Смотрицкій приходитъ къ тому выводу, что календарь потерпѣлъ „покривленіе", а не поправленіе.

Гнѣвомъ Божіимъ за покривленіе календаря авторъ объясняетъ холодную весну 1586 года, когда даже подъ Свѣтлое Воскресеніе было „бурливое и страшное зимно съ великимъ снѣгомъ, же не кождому вольно было и калачи до костела святити отослати, хто былъ въ мили або далей отъ костела, кгдыжъ не только санями или пѣшому, але и на кони не можено гдѣ потреба доѣхати. И много быдла розмаитого въ тотъ день отъ зимна, вѣтру и кгвалтовного снѣгу поздыхало, што и зъ людей мало ся кому не придало" (стр. 258).

Уже изъ приведенныхъ отрывковъ „Ключа" видны литературныя достоинства этого памятника: мѣткость, сила, выразительность и простота. Въ этомъ отношеніи, т. е. по складу мысли и способу выраженія ихъ, Герасимъ Смотрицкій имѣетъ много общаго съ Іоанномъ Вишенскимъ, но онъ превосходитъ послѣдняго со стороны общаго своего развитія, что выражается преимущественно въ систематичности его полемическихъ доводовъ. По справедливому замѣчанію проф. Завитневича, „Ключъ царства небеснаго" не можетъ быть названъ ученымъ трактатомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. „Онъ больше напоминаетъ собою написанную въ популярной формѣ публицистическую статью, чѣмъ ученое сочиненіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ отличается несомнѣнными достоинствами... Широта и трезвость взгляда, способность къ тонкому анализу, легкость изложенія, по мѣстамъ живой, невольно вызывающій въ читателѣ улыбку, юморъ, все это

заставлетъ отнести этотъ небольшой трактатъ къ числу лучшихъ памятниковъ нашей первоначальной полемики“ [1]).

Почти одновременно съ Герасимомъ Смотрицкимъ противъ новаго календаря выступилъ острожскій священникъ Василій Суражскій, полемистъ столь же энергичный и даровитый. Католики, писавшіе о календарѣ, въ особенности Касьянъ Саковичъ, со злобой отзываются объ острожскомъ клирикѣ Василіѣ. Замѣчаніе Саковича, высказанное въ 1640 г., о томъ, что Василій Суражскій получалъ плату отъ князя Константина Константиновича Острожскаго, заслуживаетъ довѣрія. Князь Константинъ Острожскій, человѣкъ очень богатый, съ отличнымъ образованіемъ, покровительствовалъ вообще людямъ науки, каковы бы ни были ихъ религіозныя убѣжденія. При его дворѣ въ разное время жили и пользовались его высокимъ покровительствомъ и католикъ Лятосъ, и склонявшіеся къ социніанству Мотовило и Бронскій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ особенности благорасположеніемъ могущественнаго покровителя православія князя Острожскаго пользовались тѣ писатели, которые брали на себя тяжелый трудъ полемики съ латинцами и уніатами, каковы Смотрицкій и Суражскій, православные типографщики, напр. Өедоровъ и другіе, столь же полезные люди для гонимаго православія. Въ самомъ фактѣ платы или денежнаго пособія, если только существовалъ такой фактъ, не было рѣшительно ничего предосудительнаго, такъ какъ въ шляхетной Польшѣ литературное меценатство было весьма развито и всѣ имъ пользовались, такъ что не существовало даже мысли, что такое патронатство можетъ стѣснять умственную свободу.

Настоящая фамилія автора извѣстна изъ польскихъ источниковъ, именно полемическихъ латинскихъ сочиненій XVII в. Въ „Книжицѣ“ 1588 г., гдѣ говорится о новомъ календарѣ, находится подпись: „многогрѣшный и хуждшій въ христіанѣхъ оубогый Василей“ [2]). Въ письмѣ къ Ипатію Потѣю 1596 года клирикъ Василій называетъ себя „наименьшимъ клирикомъ церкви острожской“. Довольно цѣннымъ представляется потому указаніе Касьяна Саковича, что фамилія просвѣщеннаго и энергичнаго сотрудника кн. Острожскаго была Сурасскій.

Самое сочиненіе Василія Суражскаго, гдѣ между прочимъ говорится и о календарѣ, имѣетъ нѣсколько названій. Въ I т. „Описанія славяно-русскихъ книгъ“ Каратаева оно называется Сборникомъ; но въ старину оно было извѣстно подъ названіемъ „Книжицы“. „Кни-

---

[1]) *Завитневичъ*. Палинодія Захарія Копыстенскаго, 88.

[2]) *Каратаевъ*. Обз. сл.-рус. книгъ I, 240.

жица“ эта вышла въ 1588 году въ г. Острогѣ. Названіе сборника она получила потому, что состоитъ изъ шести отдѣловъ: 1) о единой вѣрѣ; 2) объ исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ и о старшинствѣ ихъ епископа; 4) о нѣкоторыхъ разностяхъ въ ученіи между восточной и западной церквами (опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, чистилищѣ и др.); 5) объ измѣненіи дней и праздниковъ и 6) о храмахъ и иконахъ[1]). Въ „Книжицѣ“ затронуты и посильно рѣшены всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе православныхъ южноруссовъ конца XVI и въ первой половинѣ XVII ст. По замѣчанію г. Завитневича, „Книжица“ представляетъ лучшій полемическій памятникъ конца XVI ст. Слабость общей научной подготовки въ значительной степени искупается другими достоинствами, напр. хорошимъ знакомствомъ автора съ св. Писаніемъ, богатый подборъ мѣстъ изъ котораго часто замѣняетъ недостатки научнаго пріема[2]). Въ пятомъ отдѣлѣ Суражскій говоритъ: „Непотребно мню и о нынѣшнемъ дерзопреступленію латинскомъ воспомянути: о пременснію дней и святъ, а набольшей о самомъ томъ праздникѣ дня спасительнаго святыя Пасхи, Вознесенія и Духа Святаго въшествія. То нынѣшняго времени латины самомнѣніемъ ослѣпившися и мудростью свѣта сего обезумѣвшися, все преницовали“[3]). Суражскій говоритъ, что замѣчанія его о старомъ календарѣ вызваны главнымъ образомъ проповѣдями Станислава Млодецкаго, сказанными въ г. Вильнѣ въ 1587 г. противъ стараго календаря. Сочиненіе Суражскаго о календарѣ превосходитъ сочиненіе Смотрицкаго по величинѣ и научной основательности. Вообще, все сочиненіе свящ. Василія, въ особенности глава о календарѣ представляются капитальной научной работой. По обширности знаній, начитанности въ свящ. Писаніи и логичности изложенія Василій Суражскій стоитъ наряду съ Захаріей Копыстенскимъ. Въ началѣ трактата о календарѣ Суражскій говоритъ о сотвореніи міра и человѣка, о лунномъ и солнечномъ годахъ, о праздновaніи пасхи евреями, затѣмъ о зодіакальныхъ знакахъ, о лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра, о возникновеніи пасхальныхъ вычисленій, о соборныхъ постановленіяхъ касательно времени празднованія Пасхи и наконецъ обращается къ православнымъ съ увѣщаніемъ твердо сохранять старый календарь, не поддаваясь на католическіе соблазны „Не подобаетъ преступати, говоритъ онъ,—предѣловъ старыхъ, яже положили отцове наши“[4]).

---

[1]) „Книжица“ издана въ 7 т. Русск. историч. библіотеки (Вторая кн. памят. полемич. литер.). О „Книжицѣ“ см. *Завитневича*. „Палинодія“ 95—104, *Каратаева*. Обзоръ I. 240; *Филаретъ*. Обзоръ I, § 154.

[2]) *Завитневичъ*, 103.

[3]) *Русск. историч. библіот.* VII. 853.

[4]) Тамъ же, 909.

Въ статьѣ „о пременѣнiю дней“ находится нѣсколько любопытныхъ замѣчанiй автора о сотворенiи мiра, недостаткахъ евреевъ и зодiакѣ. „Не мнимай, говоритъ онъ, о зодiакальныхъ знакахъ, ижъ бы што изъ тыхъ помененныхъ животовъ или быдлятъ въ обитанiи небесномъ быти мѣло. Ничого бо такъ грубого въ небѣ не есть, ни овецъ, ни быковъ, на львовъ и прочихъ бестiй“ и далѣе объясняетъ названiя зодiакальныхъ знаковъ: „1) *Овенъ*: Яко овенъ зимѣ лежитъ на сторонѣ лѣвой, на весну же начинаетъ лежати на сторонѣ правой, такъ же и солнце предъ тымъ часомъ пребываетъ на лѣвой сторонѣ тверди, т. е. на полудни, а въ то время входитъ на сторону десную, иже есть сѣверъ. 2) *Быкъ*—есть моцнѣйши овна, также крѣпче солнце силою въ то время. 3) *Близнецъ*—зане въ то время мощь солнца двоится, начанаетъ бо быти тепло и сухотворительне. 4) *Ракъ*—солнце въ то время вспять грядетъ, отходя отъ насъ, въ полуночной странѣ продолжаючи день. 5) *Левъ*—въ то время всякiя сѣмена, плоды и былiе до совершеннаго возрасту и силы доспѣвше крѣпостью дебелѣютъ. 6) *Дѣва* остатняя часть лѣта; яко бо дѣва ничтоже рожаетъ, сице и время то неплодно. 7) *Вѣсы* или *вагы*—отъ ровности ночи съ днемъ. 8) *Скорпiонъ*—время то болѣзниво есть, для неравности воздуха: спoранку бо студень дотыкаетъ, а въ полудни теплота призноетъ. 9) *Стрѣлецъ*—зане въ то время отъ работъ упразднившися чаще ловитвою забавляются. 10) *Туръ* или *козорогъ*—на высокихъ горахъ и въ глубокихъ роздолахъ пасется, также солнце на высочайшемъ стопню къ полудню ночь продолжаетъ и студень умножаетъ. 11) *Водолей*—время то мокростью и вѣтры обфитующи, и 12) *Рыбы*—есть время рыболовства“ [1]).

Такихъ житейскихъ, бытовыхъ доводовъ въ пользу сохраненiя стараго календаря, какiе привелъ Смотрицкiй, въ „Книжицѣ“ не оказывается.

Въ Слѣдованной псалтири, изд. въ Острогѣ въ 1598 г., Василiй Суражскiй снова говоритъ о „новоутворенномъ богопротивномъ календарѣ“ [2]).

Въ 1596 г. вышло „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ“ въ переводѣ Стефана Зизанiя, съ комментарiями, въ которыхъ развивается мысль, что римскiй епископъ есть антихристъ. Мысль эта вышла изъ среды протестантовъ и охотно принята была православными въ лицѣ Стефана Зизанiя, такъ какъ находила оправданiе въ тѣхъ насилiяхъ, которыя терпѣли православные отъ католиковъ.

---

[1]) Тамъ же 889—891.

[2]) *Каратаевъ*, I, 298.

Вмѣстѣ съ „Казаньемъ" Зизаній издалъ посланіе константинопольскаго патріарха противъ новаго календаря. Іезуитъ Жебровскій, возражая Зизанію, говоритъ, что въ своей книгѣ онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: имѣлъ въ виду поселить въ народѣ ненависть къ іезуитамъ и новому календарю и развить ненависть къ папѣ, выдавая его за антихриста. Далѣе Жебровскій отвергаетъ подлинность посланія константинопольскаго патріарха въ томъ видѣ, какъ привелъ его Зизаній, на томъ основаніи, что оно написано съ дѣтской наивностью и состоитъ изъ непристойныхъ словъ и ругательствъ, что не согласно съ достоинствомъ патріарха [1]).

Блестящій періодъ полемики православныхъ противъ новаго календаря завершается Апокрисисомъ Христофора Филалета. Въ первой части отвѣта главѣ 8 заключаются „разсужденія людей древней греческой вѣры о томъ, почему они не хотятъ принять новаго календаря". Христофоръ Филалетъ (Бронскій) съ свойственной ему силой логики, спокойно и послѣдовательно наноситъ ударъ за ударомъ гонителямъ стараго календаря. Прежде всего Бронскій указываетъ, что и на католическомъ западѣ новый календарь встрѣченъ съ неудовольствіемъ. „Нѣкоторые западные астрономы, говоритъ онъ, издали книги противъ этого исправленія, доказывая, что оно сдѣлано безъ нужды; другіе признаютъ, что исправленіе было нужно, но сдѣлано несоотвѣтственно нуждѣ". Не упоминая о чужестранныхъ астрономахъ, Бронскій приводитъ выдержку изъ Мѣсяцеслова Лятоса 1597 года, гдѣ говорится о нарушеніи правила Никейскаго собора о времени празднованія Пасхи. Не входя въ астрономическій споръ о календарѣ, авторъ Апокрисиса замѣчаетъ, что перемѣною прежняго церковнаго исчисленія у самихъ астрономовъ римской церкви, издающихъ календари, такъ помѣшаны соображенія, что они въ своихъ мѣсяцесловахъ на одинъ воскресный день полагаютъ разныя евангелія. Весьма важнымъ для пониманія исторіи полемики о календарѣ представляется слѣдующее замѣчаніе Бронскаго: „Когда мы видимъ, что господа римляне, называя это вещью маловажною, усиленно стараются и намъ внушить тоже, то опасаемся, чтобы подъ видомъ этого календаря не были приняты средства къ чему-либо иному и чтобы съ этимъ выдуманнымъ папой календаремъ не было со временемъ выдано намъ изъ того же Рима что-нибудь болѣе пріятное. Поелику господа римляне принятіе календаря почитаютъ дѣломъ маловажнымъ, говоря, что оно не есть догматъ вѣры и не относится къ спасенію, то имъ поэтому нечего домагаться отъ насъ принятія его, и они не имѣютъ причины негодовать на насъ, если

---

[1]) *Завитневичъ*. Палинодія 135.

мы не угождаемъ имъ въ томъ, что они сами считаютъ маловажнымъ".—„Что во всѣхъ городахъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, есть люди римскаго закона, объ этомъ мы не спрашиваемъ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, поелику въ этихъ городахъ большинство людей греческаго исповѣданія, то справедливѣе было бы, чтобы въ этомъ случаѣ ме́ньшая часть слѣдовала большей. Если же это не угодно, то что мѣшаетъ всякому праздновать святые дни по преданію своей церкви? Жиды, явные хульники величія Божія, тоже не имѣютъ своихъ ни селъ, ни городовъ, а живутъ вмѣстѣ съ христіанами; однакожъ они празднуютъ святые дни свои, когда хотятъ, по своему закону. А мы, люди греческаго исповѣданія, легко можемъ доказать, что у насъ есть много селъ такихъ, въ которыхъ римлянъ вовсе нѣтъ. Что касается согласія, то если дѣло идетъ о согласіи политическомъ, мы не видимъ, почему бы могла мѣшать ему теперь разность календаря, когда она не мѣшала ему прежде. А если дѣло идетъ о согласіи духовномъ, то начинать его принятіемъ календаря значило бы начинать съ весьма тонкаго конца, потому что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы имѣли одинъ календарь, и все таки твердаго согласія между нами не было, поелику была разность въ другихъ вещахъ" [1]).

Вишневскій въ числѣ защитниковъ стараго календаря упоминаетъ Льва Мамонича, не обозначая при этомъ ни его сочиненія, ни времени его составленія [2]). Такъ какъ въ другихъ случаяхъ всегда упоминается и то, и другое, то можно думать, что Вишневскій не читалъ и не видѣлъ такого сочиненія Мамонича. Левъ Козьмичъ Мамоничъ принадлежалъ къ образованной и богатой семьѣ Мамоничей, имѣвшей въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. въ Вильнѣ типографію. Самой ранней книгой, вышедшей изъ виленской типографіи Мамоничей, былъ Служебникъ 1583 г., затѣмъ идетъ цѣлый рядъ изданій этой типографіи, и послѣднее, Служебникъ, относится къ 1607 году. Изъ предисловій къ изданнымъ Мамоничами книгамъ можно извлечь кое-какія данныя о самихъ издателяхъ. Оказывается, что типографія принадлежала двумъ братьямъ, Козьмѣ и Лукѣ, причемъ Козьма Ивановичъ Мамоничъ былъ бурмистромъ виленскимъ, а Лука Ивановичъ—скарбнымъ короля. Въ 1600 г. еще встрѣчается имя Козьмы Мамонича, но въ 1602 г. является уже въ предисловіяхъ сынъ его Левъ. Въ 1602 г. вышли въ Вильнѣ „Молитвы повседневныя", въ типогр. Л. Мамонича, въ 12 д. л.

---

1) *Апокрисисъ*, 75—78.
2) *Wisznewski*. Hist. literat. polskiej. VII. 373.

Здѣсь находится статья „О пасхаліи и пасцѣ“. Пасхалія оканчивается 1615 годомъ; продолженіе утрачено[1]).

Такимъ образомъ православные вступили въ семнадцатый вѣкъ уже съ обширной литературой въ защиту стараго календаря. Для характеристики и правильной оцѣнки тогдашняго умственнаго состоянія русскаго общества важно, что православные столь быстро выдвинули научную и литературную защиту стараго календаря и сказали въ его пользу и огражденіе болѣе, чѣмъ сказали въ тотъ же періодъ времени его противники. Послѣдніе берутъ верхъ въ литературной борьбѣ въ половинѣ XVII вѣка, къ какому времени православная полемика относительно календаря слабѣетъ и почти совсѣмъ прекращается. Противники стараго календаря въ половинѣ XVII ст. нападаютъ лишь на старыхъ его защитниковъ, Герасима Смотрицкаго, Василія Суражскаго и Христофора Бронскаго. Вопросъ о превосходствѣ того или другаго календаря почти всегда разсматривался въ тѣсной связи съ догматическими и обрядовыми особенностями католицизма и православія, въ особенности въ связи съ латинскимъ ученіемъ о главенствѣ и непогрѣшимости папъ, и потому во всѣхъ статьяхъ о старомъ и новомъ календаряхъ находится много религіозной нетерпимости, полемическаго задора и страстныхъ выходокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору направленныхъ противъ стараго календаря сочиненій римско-католиковъ, мы должны уяснить причину, почему въ семнадцатомъ вѣкѣ католики берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ православными въ литературной полемикѣ о календарѣ, какъ по числу сочиненій, такъ и по научной ихъ доброкачественности.

Сильное развитіе полемической литературы православныхъ въ концѣ XVI ст. объясняется тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что въ это время православнымъ покровительствовалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, человѣкъ могущественный по уму, энергіи, богатству и связямъ съ королемъ и высшей аристократіей. Онъ поддерживалъ защитниковъ православія матеріально и нравственно, настойчиво разыскивалъ ихъ и сближалъ на общей почвѣ литературнаго труда на пользу роднаго края. Важное значеніе князя К. Острожскаго хорошо оцѣнено было уже южнорусскими людьми XVII ст. и въ особенности Захаріей Копыстенскимъ. „Княжа Острожское Василій Константиновичъ, говоритъ онъ въ Палинодіи, рожай свой зъ благословеннаго Яфето-Росскаго поколѣня провадитъ, пресловутого Володимера, монархи великаго, и Даніила, княжатъ Росскихъ, власный потомокъ.... высоце преславный въ дѣлности и

---

[1]) *Каратаевъ.* Описаніе слав.-рус. книгъ, I 221, 229, 232, 233, 235, 236, 246, 247, 250, 252, 254, 255, 256, 260, 292, 296 и 309.

правовѣріи, первый межи княжаты россиими, великій заступъ и утѣха всего народу русского, муръ (т. е. стѣна) желѣзный на Украинахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, слава и свѣча ясносвѣтная кролевства польского, оздоба и окраса сеймовая, всѣхъ публичныхъ съѣздовъ око и сила потужная.... урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекраснаго, постава всѣннялая (т. е. величественнаго вида), мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный.... Згола (т. е. вообще)—мужъ словомъ, силою и дѣломъ, цнотами и добродѣйствы преславный". „Найдовалися при его дворѣ, говоритъ далѣе Копыстенскій, и мовцы оному Демосфенови ровныи и иные различные любомудрцы, найдовалися и докторове славныи, въ греческомъ, славенскомъ и латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи, найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми презацный математикъ, философъ и астрологъ Янъ Лятосъ, который календарь новый славне зганилъ и перомъ доводне чрезъ друкъ показалъ, же есть омыльный" [1]). 13 февраля 1608 года скончался князь К. К. Острожскій. Дѣти его приняли католицизмъ, а внучка Анна Александровна является уже фанатической гонительницей православія. Всѣ имѣнія князя К. К. Острожскаго, острожское училище и типографія перешли въ руки іезуитовъ. Полное паденіе Острога, какъ православнаго литературнаго и научнаго центра, должно было вредно отразиться и на Львовѣ, и на всей юго-западной Руси, черпавшей силы для научной и литературной борьбы съ католиками въ волынскихъ и галицкихъ школахъ. Люди науки не могли найти ни матеріальнаго обезпеченія, ни простой безопасности. А потому они должны были молчать, а другіе переселились въ Кіевъ, пристроились къ Печерской лаврѣ, и здѣсь нѣкоторые, напримѣръ, Захарій Копыстенскій, продолжаютъ трудиться въ направленіи, установленномъ ранѣе острожскими учеными. Важно при этомъ было то обстоятельство, что въ Кіевѣ подъ вліяніемъ Петра Могилы и учрежденной имъ коллегіи измѣняется вся система научнаго образованія. Она рѣзко уклоняется отъ принятыхъ ранѣе въ братскихъ школахъ греко-славянскихъ началъ, особенно прочно установленныхъ во львовской школѣ учителемъ греческаго языка митрополитомъ еласонскимъ Арсеніемъ въ концѣ XVI ст., и усвоиваетъ схоластическую форму и содержаніе латино-польской науки, а вмѣстѣ съ измѣненіемъ системы научнаго образованія не могъ до нѣкоторой степени не измѣниться общій характеръ религіозной полемики и выборъ полемическихъ темъ.

Латино-уніаты неоднократно упрекали православныхъ, что они пользуются услугами аріанъ. Въ этомъ упрекѣ была значительная

---

[1]) *Русская историч. библіотека.* IV. 1135 - 1136.

доля правды, только въ приложеніи къ кн. К. К. Острожскому и главнымъ его литературнымъ сотрудникамъ. Князь К. К. Острожскій не отвергалъ услугъ иновѣрныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда услугами этими православіе ни мало не нарушалось, а воинствующему папизму наносился чувствительный вредъ. Такую услугу православнымъ болѣе всего могли оказать социніане. Аріанство, отвергавшее божественное происхожденіе Спасителя, возникло въ IV ст. и было осуждено тогда же въ 325 г. на Никейскомъ соборѣ. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ мѣстахъ Европы. Въ XVI ст. представителемъ аріанства въ Европѣ былъ Серветъ. Послѣдователи его, Лелій и Фаустъ Социны, внесли въ 1551 г. аріанство въ Польшу, гдѣ оно стало быстро развиваться подъ именемъ социніанства. Въ богослуженіи и обрядахъ социніанство представляло много сходнаго съ лютеранствомъ. Въ 1585 г. различные аріанскіе толки и партіи были объединены въ Польшѣ Фаустомъ Социномъ, и въ концѣ XVI ст. социніанство получаетъ блестящее развитіе въ Польшѣ и западной Руси. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ появились социніанскія общины, а при нихъ школы и типографіи. Рука объ руку съ социніанствомъ развивался протестантизмъ. Въ началѣ XVII в. іезуитамъ удалось подорвать протестантизмъ и лютеранство, при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, которое въ 1644 г. закрыло социніанскія церкви и школы на Волыни [1]). Въ блестящій періодъ развитія социніанство выставило рядъ энергичныхъ и талантливыхъ писателей. На почвѣ иновѣрческой протестантской науки воспитался, между прочимъ, Христофоръ Филалетъ—Бронскій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ защитниковъ православія и стараго календаря. Во мнѣніи о значеніи поминовенія усопшихъ на сторону лютеранъ склонялся и Василій Суражскій, такъ какъ, повидимому, молитвы за усопшихъ признавалъ полезными собственно для поминающихъ [2]). Уклоненія Христофора Бронскаго и Василія Суражскаго въ нѣкоторыхъ частныхъ богословскихъ вопросахъ въ сторону протестантизма давало латино-уніатамъ возможность частныя ошибки и заблужденія отдѣльныхъ лицъ распространять на весь южнорусскій народъ и обвинять его огульно въ склонности къ лютеранству, въ ереси. Между тѣмъ, эти ошибки и заблужденія обусловлены были лишь преобладаніемъ въ данный моментъ протестантскихъ научныхъ пособій. Отъ характера пособій зависѣлъ и позднѣе характеръ православныхъ полемическихъ сочиненій. Когда въ системѣ научнаго образованія окончательно утвердилась латино-польская схоластика, и православные полемисты

---

[1]) *Левицкій* въ Кіев. Стар. 1882 г.; *Соколовъ*. Отнош. протест. къ Россіи 252—262, *Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ, 273 и др.
[2]) *Завитневичъ*. Палинодія, 100 и слѣд.

второй половины XVII вѣка стали руководствоваться почти исключительно католическими научными сочиненіями, преимущественно Баронiемъ, то въ ихъ трудахъ стали появляться латинскія мнѣнія, напримѣръ, мнѣніе о времени пресуществленія св. Даровъ.

Въ XVII вѣкѣ православные лишь изрѣдка выступаютъ въ защиту стараго календаря, причемъ говорятъ о немъ въ короткихъ словахъ, удѣляя вниманіе преимущественно на полемику противъ латинскихъ ученій объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ римскаго папы. Они ищутъ не столько научной, сколько правовой опоры въ знаменитыхъ охранительныхъ грамотахъ короля Стефана Баторія 1585 и 1586 годовъ. Такъ, виленское православное братство издало въ 1621 году въ защиту возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ западно-русской іерархіи сочиненіе „Verificatia niewinnósci“, въ которомъ заявляло, что по смыслу привилегій, данныхъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, православные не могутъ допустить ни малѣйшей перемѣны въ календарѣ, церковныхъ обрядахъ и богослуженіи безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха [1]).

Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго (окончена въ 1622 г., но не была въ XVII ст. издана) части II раздѣлѣ IX артик. 7 находится краткое замѣчаніе о новомъ календарѣ, какъ „правдѣ и старожитности противномъ“. Этотъ календарь „весь христіанскій свѣтъ замѣшалъ и межи всѣми народамит урбацію справилъ“ [3]).

Въ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго „О правдивой едности“ (1623 г.) говорится, что не восточная, а римская церковь должна быть приведена къ потерянному ею единству, такъ какъ она уклонилась отъ многаго такого, что прежде сама признавала, напримѣръ, перемѣнила календарь [4]).

Прежде чѣмъ обратимся къ направленной противъ стараго календаря полемической литературѣ католиковъ, опредѣлимъ здѣсь отношеніе къ нему первыхъ уніатовъ, точнѣе сказать, родоначальниковъ религіозной уніи въ южной и западной Россіи, Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ прочемъ, относящемся къ южнорусской народности, эти дѣятели оказались измѣнниками и предателями. Но въ отношеніи стараго календаря ихъ предательство не нашло подражателей и послѣдователей, и уніаты до сихъ поръ тщательно сохраняютъ старый календарь. Изъ письма луцкаго бискупа Маціевскаго отъ 22 августа 1588 года къ папскому нунцію въ Польшѣ видно, что уже въ 1588 г. брестскій

[1]) *Архивъ* юго-зап. Россіи. I, VII. 316.
[2]) *Русская историч. библіотека* т. IV. 785.
[3]) *Завитневичъ.* Палинодія 292.

судья Адамъ Потѣй—впослѣдствіи владимірскій епископъ Ипатій, имѣлъ мысль подчинить южнорусскій народъ римскому престолу[1]). Подготовляя почву для открытой дѣятельности по уніатской пропагандѣ, Ипатій Потѣй обнаружилъ враждебное отношеніе, между прочимъ, и къ старому календарю. Въ число первоначальныхъ условій уніи была поставлена статья о введеніи новаго календаря, и епископы Терлецкій и Потѣй согласились на принятіе ея. Ѳома отъ Іисуса въ сочиненіи „Opera omnia" (1684 г.) говоритъ, что отъ имени братіи еще до присоединенія къ уніи согласились принять новый календарь, но съ условіемъ сохраненія старыхъ праздниковъ: „Calendarium novum, si secundum morem antiquum fieri possit, suscipimus". Они напечали въ Римѣ въ 1596 г. книжку о новомъ календарѣ, изъ которой въ печати извѣстно только два листика, изданные Я. Ѳ. Головацкимъ въ Зап. Акад. Наукъ. И здѣсь авторъ книги выставляетъ на видъ, что „старая пасхалія и порядокъ святъ, въ ней предписанныхъ, не отмѣнился" [2]). Православные, современники Потѣя, знали о его замыслѣ перемѣнить календарь и ставили ему это въ вину. Въ „Перестрогѣ" неизвѣстнаго львовскаго священника (м. б. Андрея Вознесенскаго) 1600—1605 годовъ говорится, что Терлецкій и Потѣй, „склѣтивши тую унію и выдруковавши тамъ же (т. е. въ Римѣ) календарь новый, съ тымъ до насъ пріѣхали и не отворялися такъ явнѣ, только потаемнѣ и скрытнѣ межи собою то ховали.... И выдали еще книжку свою противъ книжки нѣякого Филалета, грозячи ему кіемъ.... и пишетъ въ этой книжкѣ Поцѣй о новомъ календарѣ, отпечатанномъ въ Римѣ, хвалячи той богопротивный календарь, яко есть добрый и весьма потребный" [3]).

Ипатія Потѣя считаютъ авторомъ книги объ уніи, вышедшей въ 1595 г. въ Вильнѣ. Этотъ трактатъ былъ своего рода исповѣданіемъ вѣры, подъ которымъ должны были подписаться тѣ изъ православныхъ, которые рѣшили войти въ единеніе съ Римомъ. Въ числѣ главныхъ условій для уніи стоитъ перемѣна календаря, на томъ основаніи, что старый календарь подкрѣпляетъ въ православныхъ чувство вражды къ латинянамъ [4]).

Въ защиту новаго календаря выступали преимущественно іезуиты, Жебровскій, Смиглецкій, Росцишевскій. Первоначально предметомъ нападенія былъ Лятосъ, затѣмъ почти исключительно православные. Изъ польскихъ сочиненій въ защиту новаго календаря

---

[1]) *Макарій, митроп.* Исторія рус. церкви. IX. 470.
[2]) *Головацкій.* Книга о новомъ календарѣ, XXXII.
[3]) *Акты Зап. Россіи.* IV № 149, стр. 225.
[4]) *Завитневичъ.* Палинодія, 104—110.

болѣе всего могли быть извѣстны православнымъ сочиненія Вуска, какъ довольно популярнаго въ Польшѣ писателя и двѣ проповѣди доктора и профессора Виленской академіи Гродзицкаго (1589 г.) [1]. Такъ какъ православные при всякомъ удобномъ случаѣ указывали на охранительныя грамоты Стефана Баторія, какъ на доказательство того, что по мнѣнію самаго короля принятіе новаго календаря могло состояться лишь съ разрѣшенія константинопольскаго патріарха, то католики издали въ 1621 году въ подрывъ православнымъ сочиненіе „Sowita wina" гдѣ приводится та мысль, что во всякой привилегіи есть двѣ стороны или части, главная и второстепенная, principale et accessorium. Въ грамотахъ Стефана Баторія главное дарованіе права хранить старый календарь, а второстепенное и неважное—вопросъ объ отношеніи православныхъ южно и западно-руссовъ къ константинопольскому патріарху [2].

Въ 1634 г. нотаріусъ старой Варшавы Скупинскій издалъ полемическое сочиненіе „Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch rusinow schizmatica z unitem". Сочиненіе это направлено противъ изданнаго въ 1632 г. православнымъ виленскимъ братствомъ „Synopsis'a". Въ „Розмовѣ" схизматикъ жалуется, что паписты испортили старый календарь, а уніатъ устами автора отвѣчаетъ ему, что въ общей суммѣ различій между православіемъ и католицизмомъ различіе въ календарѣ представляется наименѣе важнымъ. Скупинскій думаетъ, что западная церковь не обнаружила бы неудовольствія, если бы восточная церковь предупредила ее въ исправленіи календаря [3].

Наиболѣе сильныя нападенія католиковъ на старый календарь относятся къ сороковымъ годамъ семнадцатаго вѣка. Въ это время противъ него выпущены были спеціальные объемистые труды Саковичемъ, Брожекомъ и Дубовичемъ.

Кассіанъ, въ мірѣ Каллистъ, Саковичъ родился около 1578 года въ Подтеличѣ отъ православнаго священника. Образованіе получилъ въ академіяхъ замойской и краковской. Нѣкоторое время онъ жилъ при дворѣ перемышльскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго, затѣмъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ, какъ человѣкъ энергичный и хорошо къ тому времени образованный, быстро выдвинулся и занялъ мѣсто ректора кіево-братской школы. Саковичъ былъ человѣкъ весьма талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне легкомысленный и честолюбивый [4]. Въ 1625 г. онъ, разсорившись съ

---

[1] *Wisznewski.* Hist. literat. polskiej, VII 373, X 517.
[2] *Архивъ* Юго-Зап. Россіи, I, VII, 467.
[3] Тамъ же, 693.
[4] *Голубевъ.* Исторія кіев. дух. акад. I, 216; *Wisznewski*, VIII, 363.

люблинскимъ братствомъ, перешелъ въ унію, затѣмъ въ католицизмъ и написалъ въ пользу его нѣсколько сильныхъ полемическихъ сочиненій, въ которыхъ нападаетъ на православныхъ и уніатовъ. Свою „многомятежную" жизнь Саковичъ окончилъ въ 1647 г. въ Краковѣ, не достигнувъ высокаго іерархическаго положенія (пробощемъ) [1]).

Саковичъ написалъ много сочиненій—„Вирши на погребъ Конашевича-Сагайдачнаго", „Трактатъ о душѣ", „Епанортозисъ" и нѣсколько другихъ, за исключеніемъ Виршей, на польскомъ языкѣ и въ католическомъ духѣ.

Въ 1640 году, состоя архимандритомъ Дубенскаго монастыря, Саковичъ издалъ въ Вильнѣ сочиненіе: „Kalendarz stary, w którym iawny i oczywisty błąd pokazuje się około święcenia Paschy i responsy na zarzuty Starokalendarzan i co za pożytki ruskiemu narodowi z przyjęcia nowego kalendarza a jakie szkody z trzymania się starego, i jako się ma rozumieć poprawa kalendarza" [2]).

Второе изданіе этого календаря вышло въ Краковѣ въ 1644 году подъ заглавіемъ „Okulary kalendarzowi staremu". Мы пользовались экземпляромъ „Окуляровъ", находящимся въ фундаментальной библіотекѣ харьковской духовной семинаріи, и всѣ наши дальнѣйшія ссылки и цитаты сдѣланы по этому экземпляру.

„Окуляры"—небольшая книжка, въ 8 д. л. и 44 страницы. На заглавномъ листѣ авторъ уже объясняетъ, что онъ прежде (въ 1640 г.) былъ уніатскимъ архимандритомъ Дубенскаго монастыря, а теперь, въ 1644 г., состоитъ католическимъ священникомъ.

На сочиненіе Саковича о календарѣ уже обратили вниманіе Пекарскій [3]) и г. Кояловичъ, но замѣчанія ихъ ограничиваются нѣсколькими словами. Г. Кояловичъ называетъ „Окуляры" „пустымъ" сочиненіемъ [4]), съ чѣмъ трудно согласиться. Сочиненіе это содержательно въ ряду другихъ схоластическихъ книгъ XVII в. и написано бойко и толково. Православнымъ приходилось серіозно считаться съ Саковичемъ, и Петръ Могила нашелъ нужнымъ выступить противъ него, именно другаго его сочиненія, „Епанортозиса," не только съ серіозными фактическими опроверженіями, но и съ бранью и поношеніемъ Саковича, какъ человѣка одноухаго и толстобрюхаго.

На первой страницѣ „Окуляровъ" находится гербъ Любомирскихъ; на второй—посвященіе книги краковскому воеводѣ Станиславу Любомирскому. Безъ изображенія герба того или другаго магната и безъ посвященія ему книги, большею частью высокопарнаго и льсти-

[1]) Тамъ же, 216.
[2]) *Wisznewski*, IX, 517.
[3]) *Пекарскій*, въ Отечеств. Запискахъ 1862, II. 573.
[4]) *Кояловичъ*. Литовск. церк. унія, I, 203.

ваго, не обходилось ни одно сочиненіе XVII в. Обыкновеніе это глубоко вкоренилось въ нравы тогдашнихъ писателей, что вполнѣ гармонировало съ шляхетскимъ строемъ польскаго быта. Самохвальство древностью и благородствомъ происхожденія, имѣвшее мѣсто въ западной Европѣ при феодальномъ строѣ западной жизни, вполнѣ усвоено было поляками. Шляхтичи старались возводить исторію своихъ родовъ ко временамъ отдаленнымъ. По замѣчанію проф. Голубева, „іезуиты цѣлые полтораста лѣтъ наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама. Гербы толковались и восхвалялись ими почти всюду, въ проповѣдяхъ, надгробныхъ эпитафіяхъ, панегирикахъ, предмовахъ къ книгамъ, рѣчахъ [1]“. Это обыкновеніе усвоено было въ XVII ст. православными писателями и получило широкое распространеніе въ южной Россіи; въ особенности прославлялся гербъ Петра Могилы, затѣмъ гербы князя Острожскаго, Желиборскихъ, Балабановъ и др. вельможныхъ.

Въ посвященіи книги Любомирскому Саковичъ говоритъ, что православные увидѣли уже свои нестроенія изъ другаго его сочиненія—„Переспективы“ (т. е. „Епанортозиса“ 1642 г.) и стремятся установить у себя порядокъ. Въ послѣднихъ словахъ нужно видѣть указаніе на просвѣтительную дѣятельность Петра Могилы.

Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе автора къ благочестивому читателю. Здѣсь Саковичъ жалуется, что подвергся „burliwosci y nienawisci“ со стороны православныхъ, и въ отвѣтъ на ихъ нападенія онъ издаетъ книгу о календарѣ, съ помощью пресв. Богородицы и католической церкви и съ одобренія уніатскаго митроп. Селявы.

„Okulary“ раздѣляются на 12 пунктовъ, или главъ. Въ первомъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что православные готовы принять унію при условіи, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ, причемъ находитъ это условіе неудобоисполнимымъ, такъ какъ ничего подобнаго ранѣе въ Польшѣ не было и даже папскій нунцій не засѣдаетъ въ сенатѣ. На 4 стран. Саковичъ замѣчаетъ: „я знаю многихъ уніатовъ и православныхъ, которые желаютъ принять григоріанскій календарь, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много католиковъ (praevalet catholicismus) и гдѣ православнымъ русскимъ не позволяютъ ни торговать, ни заниматься ремеслами въ католическіе праздники“.

Во второмъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что католическая пасха освящается въ надлежащее время, а православная въ ненадлежащее. Въ этомъ пунктѣ на стран. 9 находится цѣнное свидѣтельство о „великомъ“ защитникѣ стараго календаря Василіѣ Суражскомъ, из-

[1]) *Голубевъ*, въ Трудахъ кіевск. духов. акад. 1872, X, 300.

давшемъ въ Острогѣ въ 1588 г. книгу на русскомъ языкѣ въ защиту стараго календаря. Саковичъ слово великій въ данномъ случаѣ употребляетъ въ ироническомъ смыслѣ; но изъ того, что онъ неоднократно возвращается къ Василію Суражскому съ колкими и язвительными словами, видно, что этотъ малоизвѣстный православный писатель конца XVI ст. своимъ сочиненіемъ о старомъ календарѣ сослужилъ хорошую службу родному краю. Ко второму пункту близко стоятъ по содержанію пункты третій и шестой. Въ третьемъ пунктѣ Саковичъ довольно ловко и хитроумно, съ фактической аргументаціей, доказываетъ, будто православные въ 1643 и въ 1644 годахъ справляли пасху противъ правилъ св. отцовъ, а въ 6 пунктѣ осмѣиваетъ Василія Суражскаго за то, что онъ будто совѣтывалъ при опредѣленіи времени празднованія Пасхи руководствоваться не только правилами св. отцовъ, но и появленіемъ весенней растительности, травъ и цвѣтовъ. Саковичъ указываетъ здѣсь на позднее появленіе травъ и цвѣтовъ въ холодныхъ странахъ.

Въ 5 пунктѣ авторъ говоритъ, что математикъ Лятосъ находилъ недостатки въ старомъ календарѣ, и если потомъ писалъ въ его защиту, то будто бы по подкупу. Православные платили тѣмъ, которые писали противъ римской церкви и отклоняли православныхъ отъ соединенія съ нею, причемъ поименовываются Христофоръ Филалетъ и Василій Суражскій.

Въ 7 пунктѣ находится опроверженіе мнѣнія православныхъ, что римская Пасха можетъ иногда приходиться въ день еврейской Пасхи. Саковичъ усматриваетъ въ этомъ мнѣніи „хлопское“ пониманіе календаря.

Въ 8 пунктѣ опровергается мнѣніе старокалендарцевъ, что папа не могъ исправлять календаря безъ согласія восточныхъ патріарховъ. Въ этой же главѣ опровергается распространенное на всемъ православномъ востокѣ вѣрованіе, что подъ Свѣтлое Христово Воскресенье небесный огонь нисходитъ ко Гробу Господню въ Іерусалимѣ и возжигаетъ свѣтильники. На Руси вѣрованіе это встрѣчалось уже въ XII в., въ „Хожденіи“ игумена Даніила, гдѣ подробно говорится о „свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ ко Гробу Господню“. Старинные западные путешественники раздѣляютъ это вѣрованіе. Саковичъ усматривалъ въ этомъ вѣрованіи опору греческой вѣры и потому старался его устранить.

Въ пунктѣ 9 проводится та мысль, что многочисленность послѣдователей и сторонниковъ стараго календаря не можетъ доказывать его превосходства надъ новымъ календаремъ; въ пунктѣ 10,— что православнымъ, съ принятіемъ новаго календаря, не придется производить перемѣнъ въ праздникахъ. Въ 11 пунктѣ находится

объясненіе, когда, кѣмъ и какимъ образомъ исправленъ былъ юліанскій календарь.

Послѣдній пунктъ, 12-ый, посвященъ изложенію тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ выгодъ, которыя получатъ православные съ принятіемъ новаго календаря. Тутъ же высказывается и основное желаніе автора, чтобы православные приняли сначала новый календарь, а затѣмъ и все остальное въ католицизмѣ. Восхваляя послѣдній, Саковичъ дѣлаетъ любопытное признаніе, что онъ, будучи еще православнымъ священникомъ, поминалъ на литургіи папу и признавалъ латинскій догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Обращаясь въ концѣ своего сочиненія къ малороссіянамъ съ предложеніемъ принять григоріанскій календарь, Саковичъ проситъ ихъ не обращать вниманія на то, что стараго календаря придерживаются греки и москвитяне, причемъ старается унизить тѣхъ и другихъ. Въ вину грековъ Саковичъ ставитъ, что они живутъ подъ турецкимъ игомъ, а москвитянъ обвиняетъ въ жестокости и ереси. Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Саковича, „jak w Turcech o wierze nie disputują, boc mieczem gębe zatkają. Ale ty szczęsliwy narodzie ruski wrodziwszy się w zlotej wolnośći możesz o sobie radzic, y to co y według dusze, y według ciała pożytesznego obierac“. „Смилуйся надъ собой, добродѣтельный русскій народъ, восклицаетъ Саковичъ, и сбрось съ своихъ плечъ тяжесть стараго нелѣпаго календаря, какъ бы обрядъ жидовскаго закона, и прими календарь новый“.

Въ концѣ книги приложенъ указатель времени празднованія Пасхи православными и католиками съ 1645 по 1933 годъ.

Янъ Брожекъ, или Бросціусъ, противникъ іезуитовъ, относительно календаря съигралъ въ ихъ руку. Докторъ теологіи и профессоръ краковской академіи, Брожекъ (род. 1581, † 1652) пользовался славой знаменитаго математика. Въ 1641 г. онъ издалъ въ Краковѣ „Apologia pierwsza kalendarza rzymskiego powszechnego.... do zacnego narodu ruskiego“ и въ томъ же году въ Варшавѣ „Apologia wtóra“ [1]). Въ этомъ сочиненіи онъ подкрѣпляетъ доводы Саковича противъ стараго календаря [2]). Нѣкоторые южнорусскіе писатели второй половины XVII в. изрѣдка упоминаютъ сочиненія Брожека, напр., Галятовскій, и потому можно думать, что и его апологіи не остались вполнѣ неизвѣстными православнымъ, тѣмъ болѣе, что Брожекъ прямо обращался къ русскому народу.

Сынъ виленскаго бурмистра, Янъ Дубовичъ († 1652) пользовался извѣстностью, какъ ученый полемистъ. Въ рукописныхъ за-

---

¹) *Wisznewski*, IX, 517; VII, 150, 374, 539, 544; VIII, 247; IX, 134, 506 и 523.

²) *Macejowski*, Piśmiennictwo polskie III 830.

мѣткахъ Саковичъ вспоминаетъ, что Петръ Могила будто бы говорилъ: „gdybym miał pod moim poszłuszeństwem oyca Ioanna Dubowicza y oyca Kassiana Sakowicza, tedy bym wszystkę Ruś do siebie przyciągnał“ [1]). Дубовичъ былъ архимандритомъ Дерманскаго монастыря, послѣ Мелетія Смотрицкаго. и издалъ много сочиненій противъ православныхъ [2]), изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь его „kalendarz prawdziwy“ и „Jerarchia“, такъ какъ мы нашли эти сочиненія въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

„Kalendarz prawdziwy“ Дубовича вышелъ въ 1644 г. въ Вильнѣ, въ 8 д. л. Въ книжкѣ 2 л. посвященія и 45 л. текста. При составленіи „Календаря“ Дубовичъ зналъ о сочиненіи Саковича о календарѣ и ссылается на него въ пятой главѣ, при опроверженіи доводовъ православныхъ противъ новаго календаря.

Въ началѣ книги находится гербъ князей Острожскихъ и Заславскихъ, во владѣніи которыхъ находился Дерманскій монастырь. Отсюда вытекаетъ желаніе Дубовича угодить своему вельможному пану. За гербомъ на второй страницѣ находится посвященіе книги князю Острожскому и Заславскому Владиславу Доминику, причемъ перечисляются его предки, начиная отъ великаго князя кіевскаго Игоря и жены его Ольги.

Сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ: въ первой говорится о тѣхъ, кто писалъ о календарѣ, т. е. излагается литература предмета, во второй—о солнечномъ и лунномъ годахъ; въ третьей—о ветхозавѣтной Пасхѣ и о времени празднованія Пасхи новозавѣтной, въ четвертой—о томъ, почему необходимо исправить старый календарь, и въ пятой главѣ находится опроверженіе мнѣній противниковъ новаго календаря.

Сравнительно съ Касьяномъ Саковичемъ Дубовичъ обнаруживаетъ болѣе спокойствія. Любопытна его наклонность къ историческимъ справкамъ. Такъ, Дубовича интересуетъ литература предмета; онъ начинаетъ съ указанія на египетскихъ и персидскихъ математиковъ и астрономовъ, положившихъ начало научнаго изученія солнечнаго и луннаго годовъ. По словамъ Дубовича, самымъ знаменитымъ астрономомъ въ древности былъ царь Соломонъ, но сочиненія его по астрономіи будто бы затеряны, равно какъ, по словамъ Дубовича, затеряны его книги объ изгнаніи нечистыхъ духовъ. Далѣе упоминаются александрійскій епископъ Ѳеофилъ, Кассіодоръ и нѣкоторые другіе писатели древности, какъ составители пасхалій.

Во второй главѣ обнаруживаются астрономическія свѣдѣнія Дубовича. Свѣдѣнія эти отсталыя, средневѣковыя. Свѣтъ точной

[1]) *Голубевъ.* Исторія кіев. дух. акад. I. 216.
[2]) *Wisznewski.* VIII, 372, 373, 378, IX, 189; 518; VII, 374.

науки, распространявшійся въ западной Европѣ отъ сочиненія Коперника, долго не проникалъ въ Польшу. Дубовичъ говоритъ, что солнце движется вокругъ земли. На землѣ слѣдовало бы быть дню шесть мѣсяцевъ, когда солнце надъ землей, и ночи шесть мѣсяцевъ. когда солнце спускается подъ землю; но его уклоняетъ въ сторону особое солнечное небо десятаго ряда (niebo sloneczne od dziesiątego koła).

Въ одномъ мѣстѣ „Календаря" Дубовича находится замѣчаніе, что слуцкій архимандритъ Шицикъ въ одномъ своемъ словѣ высказалъ мнѣніе, что съ перемѣной календаря должно пострадать времясчисленіе и воскресенье обратится тогда въ четвергъ. Дубовичъ опровергаетъ это мнѣніе.

Въ концѣ книги Дубовичъ, подобно Саковичу, высказываетъ желаніе, чтобы православные присоединились къ католикамъ не только относительно календаря, но и во всемъ остальномъ, до вѣры относящемся.

Яну Дубовичу принадлежитъ еще другое сочиненіе, также направленное противъ православія, именно, „*Hierarchia abo o zwierchności w cerkwi bożej*", изданное во Львовѣ въ 1644 г. въ 8 д. л., стр. 256. При составленіи этого сочиненія авторъ пользовался преимущественно Анналами Баронія, на котораго ссылается на 101, 136 и др. страницахъ. Въ началѣ книги находится гербъ Гембицкихъ и посвященіе книги луцкому епископу Андрею Гембицкому. Затѣмъ слѣдуетъ апробація, или одобреніе книги, сдѣланное нѣкіимъ Скробышовскимъ, должно быть іезуитомъ, такъ какъ цензура духовныхъ книгъ въ Польшѣ семнадцатаго вѣка находилась въ рукахъ іезуитовъ. Сочиненіе раздѣляется на 4 главы. Въ первой главѣ находятся общія разсужденія о католической церкви, какъ единой святой и апостольской церкви,—верховномъ судьѣ въ спорахъ и о священникахъ, какъ членахъ воюющей церкви. Во второй главѣ находится объясненіе словъ Спасителя къ Петру, находящихся въ 16 гл. Евангелія отъ Матѳея и 21 гл. Евангелія отъ Іоанна, въ пользу главенства папы, и затѣмъ приводятся церковныя молитвы, говорящія, по мнѣнію Дубовича, въ пользу главенства папы. Въ третьей главѣ излагаются другія основанія римско-католическаго ученія о главенствѣ папы, какъ то: будто папы занимали первое мѣсто на вселенскихъ соборахъ; безъ папы не могъ состояться ни одинъ вселенскій соборъ; къ папамъ обращались съ жалобами, какъ высшей аппеляціонной инстанціи; папы возстановляли константинопольскихъ патріарховъ, низложенныхъ свѣтской властью, иногда судили и проклинали патріарховъ. Дубовичъ говоритъ въ концѣ главы, что греки наказаны за отложеніе отъ римскаго престола во первыхъ

тѣмъ, что потеряли политическую независимость, во вторыхъ—они будто бы лишились проявленія благодати божіей въ мощахъ святыхъ; третье наказанье—у нихъ отняты науки и въ духовенствѣ происходятъ разныя нестроенія и замѣшательства. Въ четвертой главѣ говорится, что Русь крестилась три раза: а) при Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, б) Ольгѣ и в) Владимірѣ. Затѣмъ слѣдуетъ фактическое и довольно толково составленное перечисленіе русскихъ митрополитовъ отъ Михаила (ок. 1000 г) до Антонія Селявы, послѣ чего слѣдуетъ уже объясненіе вреда подчиненія Руси константинопольскому патріарху и пользы отъ подчиненія папѣ. Авторъ соблазняетъ православныхъ тѣмъ соображеніемъ, что „вольности, права привилегіи" составляютъ удѣлъ лишь католиковъ и уніатовъ, и для полученія ихъ рекомендуется унія.

Въ историко-литературномъ отношеніи „Hierarchia" Дубовича любопытна потому, что подъ вліяніемъ этаго сочиненія въ концѣ XVII ст. (въ 1696 г.) Ѳеофилъ Рутка составилъ „*Herby abo znaki kosciola prawdziwego*". Книга эта издана въ Люблинѣ, въ типографіи мѣстной іезуитской коллегіи, и всецѣло направлена противъ православныхъ. Послѣ краткаго предисловія перечисляются признаки истинности и святости католицизма, съ іезуитской схоластической точки зрѣнія, именно: единство вѣры (jednośé wiary), благочестіе католиковъ (swiątobliwość), всеобщее распространеніе (powszechność), древность (starodawność), непрерываемость папской власти (succesia), причемъ перечисляются папы, начиная даже съ ап. Петра, сила дѣйствія вѣры и чудеса (scuteczność i cuda), пророки и мученики (swiatło prorockie i krew męczeńska), страшная смерть гонителей католицизма и свидѣтельства въ пользу католицизма враговъ его.

За этой спеціально католической частью слѣдуетъ обширное Corrolarium или полемическій походъ противъ православія, съ доказательствами, что православная церковь не имѣетъ истинъ, не древня, не крѣпка вѣрой, не имѣетъ чудесъ, подчинялась западной церкви, страдаетъ упадкомъ церковныхъ порядковъ, умноженіемъ ересей. Въ Corollarium'ѣ выдаются слѣдующія обвиненія православныхъ, по смѣлости самого обвиненія. Православные имѣютъ въ своемъ календарѣ имена людей, не достигшихъ святости (стр. 179), по отдѣленіи отъ Рима не имѣли ни одного святаго (179), не имѣютъ чудесъ (196), не имѣютъ теперь того чудеснаго огня, который нѣкогда исходилъ съ неба въ Великую Субботу въ Іерусалимѣ (195), нанимаютъ еретиковъ для защиты своей схизмы, не обезпечили своего духовенства свободою (prawa i wolnosci duchownych były zepsowane, на стр. 209). Москвитяне обратили въ христіанство казанскихъ и астраханскихъ татаръ не проповѣдью, а силой (193). Почти всѣ эти доводы и

ранѣе выдвинуты были противъ православія, въ „Оборонѣ" на стр. 43 и въ „Іерархіи" на стр. 157.

Почти всѣ католическіе писатели, дѣйствовавшіе противъ православія, въ особенности Саковичъ и Рутка, напираютъ на невѣжество православныхъ, отсутствіе у нихъ наукъ, и превозносятъ свою схоластическую мудрость. Такъ, Рутка на стр. 205—206 говоритъ, что Богъ лишилъ православныхъ науки, хотя православные и завели школы въ Кіевѣ, но профессорами въ нихъ стоятъ люди, получившіе образованіе въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ, и самое обученіе производится по латинскимъ учебникамъ. Кто въ Кіевѣ учитъ грамматикѣ, поэтикѣ, риторикѣ, философіи? Отцы іезуиты: Эмануилъ Альваръ и Кипріанъ Зоарій. Ни одного грека или русскаго. Если иные, какъ Орѳологъ, учатся въ школахъ виттембергскихъ, лейпцигскихъ, кролевецкихъ (кенигсбергскихъ), то это должно составить стыдъ для православныхъ, „такъ какъ они ищутъ свѣта у Лютера и Кальвина". Православные проповѣдники берутъ содержаніе изъ католическихъ сочиненій, хотя и нападаютъ на католиковъ, какъ на еретиковъ. Ранѣе Рутки Саковичъ въ „Kalendarz stary" говоритъ, что въ любомъ предмѣстьѣ или пригородномъ мѣстѣ Кракова, Познани, Вильны, Львова, въ каждомъ большомъ католическомъ монастырѣ болѣе ученыхъ людей, богослововъ, чѣмъ во всей Россіи, а математика тамъ ни одного нѣтъ.

Это презрительное отношеніе къ русскому народу вообще, въ особенности къ его наукѣ, красной ниткой проходящее черезъ всѣ полемическія латино-уніатскія сочиненія, заслуживаетъ того, чтобы на немъ подробнѣе остановиться. Всматриваясь внимательно въ полемическую литературу католиковъ и православныхъ семнадцатаго вѣка, нельзя усмотрѣть въ католической литературѣ научной высоты, а въ православной—научной отсталости. И тамъ, и здѣсь мы видимъ опредѣленные, выработанные пріемы въ расположеніи научнаго матеріала и въ пользованіи имъ; и тамъ и здѣсь мы находимъ много сходныхъ или даже тожественныхъ пособій. Сочиненія Петра Могилы и Сильвестра Коссова, не уступаютъ ни въ чемъ сочиненіямъ Саковича, Дубовича и Рутки, а такая крупная научная работа, какъ Палинодія Захарія Копыстенскаго, или такія сильныя и выразительныя произведенія, какъ посланія Іоанна Вишенскаго, составляютъ положительно блестящія явленія южнорусской науки и литературы семнадцатаго вѣка. Фактическій уровень знаній латино-уніатскихъ полемистовъ, равно какъ и нравственный ихъ уровень, насколько то и другое отразилось въ ихъ сочиненіяхъ, вовсе не говорятъ въ ихъ пользу. Узкіе фанатики и узкіе схоластики, они вертятся въ одномъ и томъ же кругѣ устарѣлыхъ литературныхъ формъ, и страхъ какъ

гордятся сухой и формальной стороной своей науки, своими избитыми аргументаціями, рогатыми силлогизмами и макаранизмами. Свѣтъ европейской науки, правильное воззрѣніе на міроустройство, гуманное отношеніе къ человѣку не проявляются въ латино-уніатской литературѣ, тогда какъ и то, и другое начинаетъ уже изрѣдка пробиваться въ научныхъ и литературныхъ сочиненіяхъ православныхъ, напримѣръ, у Іоанна Вишенскаго и въ особенности у Епифанія Славинецкаго. Основное различіе воззрѣній Саковича, Дубовича и людей ихъ лагеря съ одной стороны отъ воззрѣній Вишенскаго, Петра Могилы, Славинецкаго съ другой—обнаруживается не въ научной сферѣ, а въ области національной, въ степени отрѣшенности отъ народа, въ степени большаго или меньшаго предрасположенія и склонности измѣнить ему и предать его въ личныхъ эгоистическихъ интересахъ. Не въ слабости греко-славянской науки XVII в. скрывалась слабость южнорусскаго народа, а въ томъ, что по словамъ Іоанна Вишенскаго, „паны надъ Бога богами выспими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтивпаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися", а за панами потянулось и высшее духовенство, и хранителемъ лучшихъ преданій и обычаевъ страны осталось почти исключительно низшее духовенство, мѣщане и крестьяне,—люди, поглощенные матеріальными заботами текущаго дня. Здоровые и свѣжіе люди, вышедшіе изъ этой среды на поприще литературной дѣятельности, легко могли усмотрѣть, что латино-уніатскіе писатели „во тьмѣ поганскихъ наукъ затворились" и что „злоковарная латинская душа насыщена поганскими (т. е. языческими) тщеславными и гордыми догматами".

Сочиненіемъ Дубовича о календарѣ заканчивается этотъ полувѣковой споръ, точнѣе сказать, замираетъ, и южнорусскіе писатели второй половины XVII вѣка почти вовсе ее касаются календаря, что не мѣшало имъ наносить посильные удары католикамъ въ томъ основномъ пунктѣ, откуда исходило, между прочимъ, и гонительство стараго календаря,—въ вопросѣ о церковномъ главенствѣ папы. Съ переходомъ южнорусской церкви подъ власть московскаго патріарха былъ устраненъ одинъ изъ крупныхъ поводовъ къ спорамъ о календарѣ—вопросъ о власти константинопольскаго патріарха въ предѣлахъ южной Россіи и объ отрицательномъ его отношеніи къ григоріанскому календарю. Съ переходомъ лѣвобережной Украины и Кіева во власть московскаго правительства, украинская интеллигенція и прежде всего кіевскіе ученые стали тянуть къ Великороссіи и уклоняться отъ тѣхъ вопросовъ южнорусской жизни, которые сильно волновали умы и затрогивали интересы православныхъ въ первую половину семнадцатаго вѣка. Невозсоединенная часть

Украины пришла въ значительное запустѣніе, матеріальное и нравственное, и кіевская наука все съ большимъ и большимъ равнодушіемъ къ ней относилась, такъ что въ восемнадцатомъ вѣкѣ югозападная Русь, холмская, волынская и галицкая, была почти забыта представителями науки и литературы. Возсоединенная часть Украины была свободна отъ какихъ бы то ни было новыхъ посягательствъ на старый календарь, подъ охраной московскихъ властей. Что русское правительство въ прошломъ вѣкѣ обращало вниманіе и на календари, даже выходившіе заграницей въ польскихъ предѣлахъ, доказываетъ одно любопытное дѣло, находящееся въ настоящее время въ харьковскомъ историческомъ архивѣ (Малоросс. дѣла № 1091, изъ дѣлъ бывшей Малорос. Коллегіи). Въ 1738 году вышелъ въ Львовѣ на польскомъ языкѣ календарь доктора философіи и профессора математики Станислава Дунчевскаго. Такъ какъ въ „прогностикахъ" этого календаря оказались „многіе непристойные и весьма предосудительные злостно вымышленные пассажи" объ императрицѣ, то послѣдовалъ указъ на имя войсковой генеральной канцеляріи объ отобраніи этого календаря отъ всѣхъ лицъ, какъ свѣтскихъ и духовныхъ, гдѣ только онъ окажется. Въ теченіи года не поступило въ генеральную канцелярію ни одного экземпляра, и генеральная канцелярія разослала снова напоминаніе о томъ въ разныя мѣста Малороссіи.

Въ исторіи многое повторяется, и съ грустью нужно сказать, что чаще всего повторяется то, что идетъ въ разрѣзъ съ чувствомъ справедливости и добра. Въ послѣднее время въ Галиціи въ миніатюрѣ повторяются многія изъ тѣхъ печальныхъ явленій народной жизни, которыя имѣли мѣсто въ южной Руси XVI и XVII вв. Воинствующій католицизмъ вноситъ въ край интригу, раздоръ и гнетъ. Появились іезуиты и принялись съ стародавнимъ усердіемъ разрушать основныя опоры мѣстной русской народности. Выплылъ изъ забвенія и стародавній споръ о календарѣ,—явились пропагандисты новаго и защитники стараго календаря.

Еще въ 1812 г. въ Галиціи проявилась было агитація о замѣнѣ стараго календаря новымъ; но австрійское правительство тогда поспѣшило „populum ruthenum pacificare", предоставивъ ему полную свободу въ сохраненіи стараго календаря и вполнѣ безпрепятственное отправленіе праздниковъ [1]). Нѣсколько иначе стало относиться австрійское правительство къ старому календарю въ послѣднее время. Оно косвенно поддерживаетъ направленную противъ него агитацію католиковъ—поляковъ.

---

[1]) Дѣло. Львовъ 1883. № 18.

Въ 1882 году нѣкто A. Z. издалъ въ Краковѣ брошюру „Polityka nerwów. Авторъ, полякъ по происхожденію и образу мыслей, опредѣляетъ здѣсь тѣ мѣры, которыя могутъ содѣйствовать развитію политическаго значенія поляковъ. Мѣры эти — 1) unia i łączność z bóstwem, 2) unia z całością Polski, 3) unia z duchowieństwem, 4) unia z Rusią, 5) unia z żydami i 6) unia stanow, — шесть уній, столь разнородныхъ, частью прямо противорѣчивыхъ[1]).

Наиболѣе любопытной здѣсь является четвертая унія, съ галицкими русскими, такъ какъ въ основу этой уніи полагается съ одной стороны согласіе поляковъ на умноженіе русскихъ школъ въ краѣ и признаніе его польско-русинскимъ краемъ, а съ другой галицкіе русскіе должны отказаться отъ стараго календаря и кириллицы,—условія, очевидно, для послѣднихъ невозможныя, особенно относительно замѣны кириллицы латинской азбукой.

Какъ A. Z., такъ и другіе противники стараго календаря въ Галиціи, указываютъ на то, что новый календарь превосходитъ старый въ научномъ отношеніи по точности и что съ принятіемъ его уменьшится число праздниковъ, такъ какъ галицкіе русскіе иные праздники справляютъ и по старому и по новому календарямъ, а съ уменьшеніемъ праздничныхъ дней выиграетъ экономическая жизнь народа. Остроумно отвѣтила на эти доводы газета „Дѣло“ въ 1883 г. (№ 83): Что бы A. Z. и его сторонники сказали, если бы русины, основываясь на прогрессѣ наукъ и имѣя въ виду экономическое развитіе края, предложили полякамъ во имя внутренняго согласія и дружбы отказаться отъ ультрамонтанства и аристократизма или шляхетскаго высокомѣрія, такъ какъ и то и другое наукой осуждено, и затѣмъ исторія доказала, что ультрамонтанство и шляхетское своеволіе погубили Польшу, а затѣмъ предложили полякамъ во имя экономіи и справедливости провѣрить, сколько налоговъ они взвалили на народъ, польскій и русскій, и излишекъ принять на себя. Хотя бы народъ работалъ и всѣ 365 дней, говорится далѣе въ „Дѣлѣ“, онъ, при существующихъ тяжкихъ налогахъ, не можетъ заработать себѣ матеріальнаго благосостоянія и культурнаго развитія.

Въ № 26 „Дѣла“ за 1883 годъ извѣстный галицко-русскій историкъ и публицистъ Стефанъ Качала помѣстилъ „нѣсколько словъ о намѣреніи уничтожить старый календарь“. Прежде всего въ этой статьѣ бросается въ глаза большой пробѣлъ, строкъ въ тридцать, съ помѣткой въ серединѣ: „сконфисковано“. Оказывается такимъ образомъ, что галичане не могутъ въ конституціонной Австріи защищать печатно вполнѣ безпрепятственно издавна существующій у

---

[1]) Дѣло, львов. газета. 1882. № 78.

нихъ старый календарь, и цензура въ этомъ отношеніи накладываетъ на газеты свою руку—по истинѣ мизерная свобода слова, и въ этомъ отношеніи поляки конца XVI вѣка, современники Стефана Баторія, стояли несравненно выше своихъ галицкихъ соплеменниковъ конца XIX вѣка. Указавъ въ краткихъ словахъ на львовскія смуты 1583 г. и охранительныя грамоты Стефана Баторія, г. Качала говоритъ, что съ принятіемъ новаго календаря простой галицко-русскій народъ будетъ праздновать святые дни по прежнему, стародавнему обычаю. „Русинъ — селянинъ консерватистъ, винъ каже: „наши дѣды, батьки не робыли и мы не будемо“. На основаніи тридцатилѣтней близости къ народу, вообще хорошаго съ нимъ знакомства, г. Качала говоритъ, что народъ нерушимо празднуетъ дни, не признанные австрійскими властями за праздники, напримѣръ, второй день послѣ Крещенія и третій день Зеленыхъ святокъ. Если его принудить къ принятію новаго календаря, то онъ сохранитъ праздники и по старому, и по новому календарямъ, что только нанесетъ матеріальный вредъ краю. Въ концѣ статьи г. Качала говоритъ, что стремленіе католиковъ поляковъ и легкомысленно поддающихся ихъ внушеніямъ нѣкоторыхъ галицкихъ русскихъ замѣнить старый календарь новымъ ведетъ къ латинизаціи и полонизаціи русскихъ. Новый календарь нанесетъ ударъ уніи, направитъ народъ въ костелы и подготовитъ полонизацію края. Намъ грозитъ руина, замѣчаетъ г. Качала, и потому нужно отнестись очень внимательно и осторожно къ вопросу о перемѣнѣ календаря, особенно тѣмъ, кто дорожитъ нравственной самобытностью своего народа.

Такъ какъ въ настоящее время въ Австріи не можетъ быть практикуемо прямое насиліе въ дѣлахъ религіозныхъ и церковно-обрядовыхъ, какое было въ ходу въ Польшѣ XVII вѣка, то на первое мѣсто въ Галиціи выдвигается интрига и обманъ; галицкіе поляки, преимущественно іезуиты, примѣняютъ ихъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для уничтоженія стараго календаря и русскихъ праздниковъ. Галицко-русская интеллигенція отлично поняла, что съ этой стороны грозитъ большая опасность національной самобытности галицкихъ русскихъ и поспѣшила дать противникамъ стараго календаря посильный отпоръ въ преданныхъ народнымъ интересамъ органахъ мѣстной печати и прежде всего раскрыть махинаціи и интриги враговъ русскаго народа. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнныя статьи помѣщены въ газетѣ „Дѣло“ 1883 г. „Нови хмары“ (№№ 12, 14 и 18) и „Што намъ чиниты?“ (въ № 31).

Главными дѣятелями по части агитаціи противъ стараго календаря являются два поляка—помѣщикъ Поляновскій и ксензъ Стояновскій. Поляновскій уже въ семидесятыхъ годахъ выступилъ

на галицкомъ сеймѣ противникомъ греческо-православной обрядности уніатовъ и въ особенности стараго календаря. Онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у австрійскаго императора, причемъ императоръ разспрашивалъ его о галицко-русскихъ дѣлахъ, послѣ чего Поляновскій съ большимъ усердіемъ сталъ стремиться къ уничтоженію стараго календаря, подбивая духовенство и мѣщанъ просить правительство о замѣнѣ стараго календаря новымъ. Ксендзъ Стояновскій напечаталъ въ польскихъ газетахъ форму прошенія на имя императора о замѣнѣ стараго календаря новымъ, причемъ заявилъ, что такая замѣна желательна и для проживающаго въ Вѣнѣ папскаго нунція. Нѣкоторыя галицко-русскія повѣтовыя рады поддались на эту удочку. Поляновскій и Стояновскій нашли поддержку въ клерикальной польской печати. Съ наибольшей откровенностью о вожделѣніяхъ галицкихъ поляковъ высказался познанскій „Przegląd Kościelny“ добрые русины, по словамъ этой газеты, должны признать, что въ Галиціи живетъ только одинъ народъ—польскій для укрѣпленія этого убѣжденія нужно ввести новый календарь, безбрачіе духовенства и нужно позаботиться, чтобы галицко-русскіе священники не писали „хлопскимъ діалектомъ“ и чтобы галицко-русскій народъ читалъ и молился по польскимъ книгамъ.

Не трудно представить себѣ, какое тяжелое чувство нравственнаго угнетенія вызываютъ эти интриги въ мыслящей части галицко-русскаго общества, и съ какой горечью приходится его встрѣчать, при сознаніи общей матеріальной и политической придавленности галицко-русскаго народа мѣстной польщизной.

„Кто такой этотъ ксендзъ Стояновскій“, спрашиваетъ редакція „Дѣла“, „что это за важная персона, что говоритъ urbi et orbi, отъ имени высшихъ вѣнскихъ правительственныхъ сферъ, свѣтскихъ и духовныхъ? Это плебанъ изъ Куликова. Что будетъ, если каждый польскій плебанъ (т. е. приходскій священникъ) будетъ вести политическую агитацію, прикрываясь авторитетомъ папы и правительства, до чего мы тогда дойдемъ и какой хаосъ, какая анархія воцарятся въ краѣ. Русины не могутъ допустить, чтобы всякій ксендзъ Стояновскій вторгался въ права русскаго духовенства и народа, тѣмъ болѣе, что, въ силу договора съ Римомъ, папа давно уже призналъ унію и обязался подвергать проклятію всякого нарушителя церковнаго устава греческаго обряда“.... Какъ все это старо! какъ все это похоже на польскую исторію времени Сигизмунда III! Львовская галицко-русская газета нашихъ дней заговорила тономъ и въ духѣ православныхъ львовскихъ гражданъ 1583 года, и весь вопросъ въ силѣ сопротивленія и національной устойчивости современнаго галицко-русскаго народнаго организма.

Какъ глубоко взволнованы галичане іезуитскимъ подкопомъ подъ старый календарь и русскіе праздники, показываетъ горячая статья „Что намъ дѣлать?"... „Настоящая минута въ жизни галицко-русскаго народа обильна чрезвычайно важными фактами, опредѣляющими и настоящее, и будущее народа. Мы живемъ во время всякихъ неожиданностей. Какъ молнія, каждую минуту можетъ упасть на насъ какая-нибудь „реформа". Ошеломленные ея скоропостижностью, мы теряемся; сначала мы съ раздраженіемъ и гнѣвомъ бросаемся то тогда, то сюда, но вскорѣ съ болью въ сердцѣ и безсильной злобой мы падаемъ. Такъ было въ 1882 году, когда появились іезуиты и захватили Добромильскій монастырь. Они сломали базиліанъ, теперь принялись за всѣхъ насъ. Да! Теперь для нихъ въ Галичинѣ весна— время пахаты, еще снѣга по колѣна лежатъ на русскихъ нивахъ, а въ воздухѣ уже нависъ монсиньоръ жаворонокъ іезуитской весны эксъ-іезуитъ ксендзъ Стояновскій. Петиціями къ императору объ уничтоженіи русскихъ праздниковъ онъ засыпалъ весь русскій край. Онъ навербовалъ много *завалюгъ* деморализаторовъ и агитаторовъ. Мы просили правительство о защитѣ, мы указывали, что агитація противъ русскихъ праздниковъ отзовется вредными послѣдствіями для края и государства; но министръ вѣроисповѣданій Конрадъ заявилъ, что правительство не получало отъ мѣстныхъ властей свѣдѣній объ агитаціи противъ русскихъ праздниковъ и что вообще онъ не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, какъ вполнѣ будто бы церковное. Галицко-русское церковное начальство спокойно смотритъ на направленную противъ стараго календаря агитацію и упорно молчитъ. Чтожъ намъ дѣлать? „спрашиваетъ авторъ статьи", молчать ли? Нѣтъ, въ дѣлѣ іезуитскихъ интригъ противъ русскихъ праздниковъ нужно говорить, потому что это дѣло не только церковно-обрядовое, но касается народно-политическаго и экономическаго положенія галицко-русскаго народа. Уничтоженіемъ русскихъ праздниковъ по старому календарю поляки и іезуиты хотятъ разорвать еще одну нить, связывающую галицкихъ русскихъ съ милліонами ихъ братьевъ, живущихъ за желто-черными пограничными австрійскими столбами, чтобы затѣмъ уничтожить народную особность галицкихъ русскихъ и ополячить ихъ".

Вообще споры о календарѣ свидѣтельствуютъ, что строго научный интересъ тутъ не былъ замѣшанъ. Никто не принималъ близко къ сердцу различіе въ минутахъ или секундахъ и не волновался изъ опасенія, что при старомъ календарѣ черезъ десять тысячъ лѣтъ празднованіе Рождества Христова отодвинется на лѣто. Въ тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь заходила о научномъ достоинствѣ юліанскаго и григоріанскаго календарей, высту-

пало сознаніе, что различіе между обоими календарями не крупное и что оба они неточны, хотя григоріанскій календарь и въ меньшей степени. Въ европейскомъ ученомъ мірѣ многократно обнаружились попытки исправленія григоріанскаго календаря. Въ 1835 г. такую реформу предлагалъ аббатъ Мастрозини, въ 1864 г. дерптскій профессоръ астрономіи Медлеръ. Французское астрономическое общество назначило даже премію за реформу григоріанскаго календаря и въ настоящемъ 1888 году выдало первую премію за эту работу „Гастону Армелину, который предложилъ ввести слѣдующія упрощенія въ счисленіи времени: день новаго года долженъ стоять отдѣльно отъ другихъ дней: онъ не причисляется ни къ днямъ недѣли, ни мѣсяца, а именуется прямо днемъ новаго года. Такимъ обрязомъ, остается раздѣлить 364 дня; эти дни раздѣляются на 4 триместра, по 91 дню или 13 недѣлямъ каждый. Изъ 3 мѣсяцевъ триместра, первый будетъ имѣть 31 день, а остальные по 30 дней каждый. День же, который прибавляется высокоснымъ годомъ, будетъ стоять совершенно отдѣльно, какъ и день новаго года. На взглядъ автора, календарь тогда значительно упростится; всѣ годы будутъ тогда одинаковы, а также всѣ триместры; мѣсяцы съ 31 днемъ слѣдовали бы одинъ за другимъ въ простомъ порядкѣ, а всѣ дни мѣсяца будутъ приходиться каждый годъ въ одинъ и тотъ-же день недѣли.

Въ основѣ споровъ о преимуществахъ юліанскаго и григоріанскаго календарей всегда лежали причины церковно-обрядовыя и политическія. Григоріанскій календарь пропагандировался какъ орудіе папскаго вліянія, а въ послѣднее время какъ средство полонизаціи. Пропаганда новаго календаря причинила южнорусскому народу много горя, много страданій, оскорбляла лучшія его чувства, вносила раздоръ и озлобленіе въ общество и въ семью. Исторія всей жизни русскаго народа за послѣдніе триста лѣтъ обязываетъ насъ вполнѣ отрицательно относиться къ григоріанскому календарю, какъ орудію польско-іезуитской интриги, источнику гнета и насилія, духовнаго и матеріальнаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія?

Въ настоящее время, когда вся Россія готовится праздновать 900-лѣтіе крещенія своего при св. Владимірѣ, для всѣхъ сыновъ православной россійской церкви и для всѣхъ почитателей его памяти должно быть желательнымъ имѣть возможно вѣрное изображеніе просвѣтителя нашего отечества. Какія же у насъ есть данныя для того, чтобы составить хотя приблизительно вѣрный образъ св. Владиміра?

Древнихъ иконныхъ изображеній св. Владиміра, какъ извѣстно, не сохранилось. Но есть нѣсколько неиконныхъ изображеній его, по которымъ можно составить понятіе о внѣшнемъ его видѣ. Древнѣйшія изъ нихъ—на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ св. Владиміра, лучшіе экземпляры которыхъ имѣются въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ музеѣ университета св. Владиміра, а оттиски ихъ можно видѣть въ „Родной Старинѣ"—Сиповскаго (ч. 1). На этихъ монетахъ св. Владиміръ изображенъ въ плащѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ, въ византійскомъ царскомъ вѣнцѣ на головѣ въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями и жемчугомъ, изъ коихъ одни лежатъ на вѣнцѣ, а другіе свѣшены на вискахъ въ видѣ прядей, и съ четвероконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ въ правой рукѣ. Черты лица князя трудно опредѣлить по неотчетливости чеканки, но можно различать прямой носъ, длинные усы и небольшую пушистую бороду, которая впрочемъ видна только въ лупу.— Въ Новгородской Ѳедоровской церкви (1369 г.) изображены на стѣнѣ св. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ въ высокихъ шапкахъ,

въ видѣ древнихъ круглыхъ клобуковъ съ мѣховыми околышками. Св. Владиміръ представленъ здѣсь съ сѣдою, кругленькою вьющеюся бородою и съ длинноватыми, доходящими до шеи волосами; таковы же длинные волосы и у св. Бориса. Въ правой рукѣ Владиміръ держитъ четвероконечный крестъ, лѣвая его рука нѣсколько приподнята кверху и какъ будто держитъ что-то. Глѣбъ изображенъ съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и съ опущеннымъ внизъ мечемъ—въ лѣвой.—Въ Сборникѣ 1414 года подъ именемъ „Похвала св. Владиміру“, имѣется изображеніе сего князя—въ шапкѣ княжеской, плащѣ и въ длинной подъ плащемъ свитѣ (Археолог. Вѣстникъ.—„Древности“, январь—февраль 1867 г. ст. И. И. Срезневскаго). Черты образа св. Владиміра можно бы нѣсколько точнѣе опредѣлить по сравненію съ чертами его отца, Святослава Игоревича, описаннаго довольно подробно современникомъ его Львомъ Діакономъ, бывшимъ свидѣтелемъ его свиданія съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ на берегу Дуная. По описанію Льва Діакона, у Святослава была подстриженная борода и длинные усы, глаза голубые, брови густые, носъ немного плоскій; росту онъ былъ средняго, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей. Но мы не знаемъ, было ли и какъ велико было сходство св. Владиміра съ его отцемъ, а по словамъ современника, Дитмара, онъ не отличался атлетическимъ сложеніемъ (Исторія Рос. Д. Иловайскаго, Кіев. періодъ, стр. 86).

Одежду, подобную Владиміровой на его монетахъ, носилъ современникъ Святослава, болгарскій царь Борисъ, внукъ царя Симеона, взятый Цимисхіемъ въ плѣнъ и приведенный потомъ въ Константинополь,—послѣ свиданія Цимисхія съ Святославомъ. На Борисѣ были тогда слѣдующіе знаки его царскаго достоинства: 1) шитая золотомъ и осыпанная камнями шапка, 2) багряный плащъ и 3) красная обувь, которые по приказанію императора сняты съ него въ присутствіи народной толпы въ Константинопольскомъ Августеонѣ, а извѣстно, что внѣшніе знаки царскаго достоинства были пожалованы прадѣду Бориса Петровича, болгарскому царю Борису, крещенному въ Константинополѣ при императорѣ Михаилѣ III патріархомъ Фотіемъ. На полученіе ихъ еще болѣе имѣлъ правъ и безъ сомнѣнія полу-

чилъ ихъ отъ Константинопольскаго двора русскій князь Владиміръ Святославичъ, вступившій въ бракъ съ сестрою императоровъ и давшій обѣтъ сдѣлать христіанскою всю обширную, ему подвластную страну. Ему, какъ шурину императоровъ, вѣроятно, даны были и высшіе знаки власти, полученіе которыхъ по темному преданію усвояется у насъ обыкновенно правнуку св. Владиміра, Владиміру Мономаху, т. е. бармы, порфира, унизанная золотомъ и жемчугомъ одежда, красныя сандаліи и вѣнецъ, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшіе принадлежность параднаго костюма сына кесаря и его дочери [1]). Не удивительно потому, что св. Владиміръ на своихъ монетахъ изображенъ настоящимъ *василевсомъ*,—въ вѣнцѣ, украшенномъ камнями и съ прядями по вискамъ изъ камней и жемчуга, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшими отличіе императора. Въ такомъ же нарядѣ съ четверδконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ изображена на монетѣ Ликинія—Евдоксія, супруга императора Валентиніана [2]).

На основаніи этихъ историческихъ указаній слѣдуетъ признать, что св. Владиміръ можетъ быть изображенъ человѣкомъ средняго росту, съ круглымъ, но не полнымъ лицемъ и прямымъ носомъ, съ голубыми глазами и густыми бровями, по подобію Святослава, съ небольшою, круглою, пушистою бородой и съ нѣсколько продолговатыми, спускающимися до плечъ волосами, въ украшенной камнями и жемчугомъ шапкѣ въ видѣ клобука съ мѣховымъ околышемъ или въ византійскомъ вѣнцѣ—въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями, но безъ верха круглаго, составлявшаго, по свидѣтельству Анны Комнинъ, принадлежность только императора; въ багряномъ плащѣ и въ красныхъ сапогахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ приподнятой правой рукѣ и съ приложенною къ груди лѣвою рукою,—въ возрастѣ или 30-лѣтнемъ, въ какомъ онъ былъ во время своего крещенія, или въ 57-лѣтнемъ, въ которомъ онъ скончался. Конечно, на

---

[1]) Визант. Истор. въ перев. профессора Карпова, сказаніе о дѣлахъ царя Алексія Комнина ч. 1. стр. 142—145.

[2]) Dictionnaire des Antiquités Chretienes par Marthigny, стр. 462.

иконныхъ изображеніяхъ приличнѣе писать св. Владиміра не въ шапкѣ, а съ открытою головой, или въ вѣнцѣ и съ взоромъ, устремленнымъ къ небу. Не будетъ историческою погрѣшностію изобразить св. Владиміра и въ томъ парадномъ нарядѣ, въ какомъ въ торжественныхъ случаяхъ являлись не только императоръ, но и кесарь—сынъ императора, т. е. въ украшенной камнями и жемчугомъ одеждѣ, въ омофорѣ и нашивной епитрахили и съ вѣнцомъ на головѣ, въ видѣ обруча, но безъ креста на немъ.

Имѣется ли у насъ гдѣ-либо подлинное изображеніе св. Владиміра, не монетное?

Къ изданной въ прошломъ 1887 году книгѣ „Холмская Русь" приложено изображеніе св. Владиміра, просвѣтителя Россіи, яко бы фресковое, и открытое недавно подъ слоемъ побѣлки въ Владимірскомъ (на Клязьмѣ) Успенскомъ Соборѣ, созданномъ в. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ половинѣ 12 вѣка. На этомъ изображеніи св. Владиміръ представленъ сѣдымъ мужемъ, съ постнымъ лицемъ, какъ у преподобныхъ, и съ длинною остроконечною бородою, съ густыми, свернутыми и нѣсколько завитыми къ шеѣ волосами и въ расширенномъ кверху вѣнцѣ, по верхнему краю котораго сдѣланы вырѣзки, а круглая верхушка украшена крестикомъ. Одѣтъ онъ въ тунику, или „приволоку" зеленаго цвѣта, испещренную золотыми квадратиками, поверхъ приволоки ферезь, или одежда безъ рукавовъ красноватаго цвѣта, обшитая широкою золотою тесьмой, подобная которой идетъ и по подолу приволоки. Въ правой рукѣ князь держитъ небольшой 8-конечный крестъ, лѣвою придерживаетъ съ боку длинный мечъ, вложенный въ ножны. При очисткѣ этого изображенія подписи имени князя не оказалось. Въ альбомѣ открытыхъ въ семъ соборѣ древнихъ фресковыхъ изображеній, представленномъ г. оберъ-прокурору св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, а имъ переданномъ въ музей Кіевской Духовной Академіи, этого изображенія не имѣется. Хотя костюмировка въ немъ княжеская, но признать этого князя изображеніемъ св. Владиміра современнымъ построенію храма невозможно уже по тому одному, что онъ изображенъ съ крестомъ не четвероконечнымъ, а 8-ко-

нечнымъ, каковой формы кресты явились у насъ не раньше половины 16 вѣка, а раньше не извѣстны ни у насъ, ни на православномъ Востокѣ. Кромѣ того на бородѣ и на лицѣ князя примѣтны слѣды нашей сѣверовосточной иконописи 17 вѣка. Можетъ быть это изображеніе св. Владиміра, но обновленное и передѣланное по-своему мѣстными иконниками 16 или 17 вѣка, а вѣроятнѣе это изображеніе причисленнаго къ святымъ созидателя сего храма в. князя Владимірскаго Андрея Боголюбскаго, котораго мощи почиваютъ въ этомъ же Успенскомъ Соборѣ у столба, рядомъ съ тѣмъ столбомъ, на которомъ изображенъ невѣдомый князь. Во всякомъ случаѣ его нельзя признать древнѣйшимъ и вѣрнымъ изображеніемъ св. равноапостольнаго Владиміра.

Изображеній св. Ольги изъ вѣковъ, близкихъ къ ея времени, не имѣется. На старинныхъ нашихъ изображеніяхъ св. Ольга представляется стоя, съ сложенными на груди руками, въ изукрашенной шапочкѣ, въ кикѣ, или коронѣ, надѣтой поверхъ покрывала, закрывающаго часть лба, виски и часть шеи, въ длинномъ подпоясанномъ платьѣ, похожемъ иногда на сарафанъ, т. е. съ накладкой по всему переду отъ шеи до подола, съ довольно широкими рукавами, изъ которыхъ видны другіе, узкіе; въ ожерельи, прикрывающемъ верхъ платья, т. е. плечи и часть груди, или же въ плащѣ съ отложнымъ воротникомъ, то просто накинутомъ, то застегнутомъ на груди [1]). Въ подобномъ нарядѣ св. Ольга представлена и на изображеніи, приложенномъ къ изслѣдованію князя Михаила Оболенскаго „О первоначальной русской Лѣтописи“, именно въ длинной голубоватой съ узорами туникѣ, съ широкой накладкой по концамъ широкихъ рукавовъ и подолу и отъ подола до шеи, украшенною разноцвѣтными камнями, въ плащѣ багрянаго цвѣта, красной обуви и въ бѣломъ, спускающемся съ головы на плечи покрывалѣ, вверху коего на головѣ украшенный камнями зубчатый вѣнецъ. Заслуживаютъ также вниманія для костюмировки св. Владиміра и св. Ольги находящіяся на лѣстницахъ Кіевософійскаго Собора, ведущихъ

---

[1]) „Древности“. Вѣстникъ Московск. Археол. Общества, 1867 г. ст. Срезневскаго.

на хоры, фресковыя XI вѣка изображенія судящаго князя въ византійскомъ вѣнцѣ и византійской туникѣ съ широкой украшенною камнями скрижалью на полѣ туники близь груди.

Всѣ эти историческія изображенія долженъ имѣть въ виду художникъ, желающій написать иконы равноапостольныхъ св. князя Владиміра и св. княгини Ольги, если желаетъ воспроизвести своею кистью что-нибудь близкое къ ихъ дѣйствительнымъ ликамъ.

П. Л

Критика.

Галицко-руская библіографія XIX столътія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ. Изъ типографіи Ставропигійского Института. Вып. I и II 1887, III 1888 г. 4°, стор. 1—72.

Извѣстный въ галицкой (русской и польской) литературѣ, какъ авторъ популярныхъ историческихъ разсказовъ и журнальныхъ статей и какъ редакторъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій („Другъ народа“ 1876, „Бескидъ“ 1880, „Миръ“ 1882—87 г.), Иванъ Ем. Левицкій приступилъ въ концѣ минувшаго года къ публикаціи труда чрезвычайно важнаго и необходимаго для всякаго изслѣдователя исторіи умственнаго развитія галицкой Руси, труда, котораго заглавіе мы выписали выше. Библіографія эта—плодъ десятилѣтнихъ тщательныхъ разысканій, о которыхъ только тотъ будетъ имѣть надлежащее представленіе, кто знаетъ, какъ тяжело бываетъ найти какую-нибудь русскую книгу, особенно болѣе давнюю, не говоря уже объ очень многочисленныхъ и для изученія умственнаго развитія народа еще болѣе важныхъ, чѣмъ книги, періодическихъ изданіяхъ, которыхъ полныхъ экземпляровъ не имѣется обыкновенно ни въ одной изъ доступныхъ покуда публичныхъ библіотекъ львовскихъ. Еще болѣе трудно найти летучіе листки и брошюры, которыя иногда (какъ въ 1848 году) представляли самыя характерныя черты всей физіогноміи литературнаго и политически-общественнаго движенія русиновъ, печатались обыкновенно въ маломъ числѣ экземпляровъ и мало кѣмъ сохранялись. То же можно сказать и о временахъ болѣе новыхъ, послѣ 1848 года даже до половины 80-хъ годовъ; многія изданія того времени сдѣлались теперь большою библіографическою рѣдкостью, нѣкоторыя же, какъ напр. всѣ номера газетки „Сельская Рада“ (1850) извѣстны только въ единственномъ экземплярѣ, ко-

торый удалось открыть г. Левицкому. Поэтому естественно, что полная и научная библіографія всѣхъ этихъ изданій, которой начало, обнимающее время отъ 1801 до половины 1852 года, далъ намъ г. Левицкій въ трехъ первыхъ выпускахъ своего труда, должна сдѣлаться необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто захочетъ заниматься галицко-русской литературою.

Г. Левицкій не первый труженникъ на этомъ поприщѣ. Начало принадлежитъ бывшему профессору русскаго языка и русской литературы въ львовскомъ университетѣ, Якову Ѳ. Головацкому, который въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ" 1864 г. кн. IV составилъ галицко-русскую библіографію съ 1772 по 1848 годъ. Прежде еще выслалъ онъ много рѣдкихъ книгъ и брошюръ галицко-русскихъ въ с.-петербургскую публичную библіотеку, гдѣ по этимъ изданіямъ русскій библіографъ Межовъ составилъ библіографію галицко-русской литературы съ 1830 до 1862 года, напечатанную въ іюльской книгѣ журнала „Основа" 1862 г. и изданную тоже особымъ оттискомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1870 году издалъ другой русскій библіографъ, В. Ундольскій, свой „Очеркъ славяно-русской библіографіи церковной печати", въ который включилъ тоже галицко-русскую библіографію, но съ такими пропусками и такъ неполно, что составленное Головацкимъ и изданное въ 1874 г. въ С.-Петербургѣ „Дополненіе" къ этому очерку и обнимающее только сочиненія, печатанныя кириллицей, представляетъ довольно объемистую брошюру. Эти четыре библіографическіе труда перечисляютъ изданія первой половины нашего столѣтія, вплоть до 1865 года; съ ними, значитъ, только и можно сравнивать библіографію г. Левицкаго какъ по методу, такъ и по полнотѣ. Правда, существуетъ еще одинъ огромный и почтенный во многихъ отношеніяхъ библіографическій трудъ, въ который, не безъ политической задней мысли, включена и галицко-русская литература. Это „Bibliografia polska XIX wieku" краковскаго библіографа Карла Эстрейхера. Однако Эстрейхеру галицко-русская литература извѣстна слишкомъ мало и неполно, и самый методъ, какому онъ слѣдовалъ при составленіи своего труда, слишкомъ ненаучный, поэтому библіографія эта для историка умственной жизни не можетъ имѣть какого-нибудь серьезнаго значенія[1]).

---

[1]) Не смотря на скудость и неточность свѣдѣній, которыхъ недостатокъ г. Эстрейхеръ слишкомъ часто пополняетъ догадками, главными методическими недостатками его труда нужно считать транскрипцію всѣхъ заглавій латинскими

Прежде всего обратимъ вниманіе на массу собраннаго маетріала; здѣсь намъ представляются слѣдующія цифры. За весь періодъ времени съ 1830 до 1854 года включительно извѣстны Межову 104 галицко и угро-русскія изданія. Головацкій въ „Галичанинѣ" за годы 1808 до 1847 включительно насчитываетъ русскихъ изданій 110; тотъ же Головацкій десять лѣтъ спустя въ „Дополненіи къ библіографіи Ундольскаго" насчитываетъ галицко-русскихъ изданій 1801—1854 годовъ 230. Г. Эстрейхеру съ 1837 до 1863 г. извѣстно произведеній русскихъ въ Галиціи всего только 250, въ Венгріи же до 1855 года только 10. Г. Левицкій съ 1801 до 1852 года включительно (хотя послѣдній еще не конченъ печатаніемъ) насчитываетъ произведеній на галицко-русскомъ нарѣчіи, напечатанныхъ шрифтомъ кирилловскимъ, гражданскимъ и латинскимъ, 462. Однакожъ на этомъ авторъ не остановился, и первый изъ галицко-русскихъ библіографовъ (исключая Эстрейхера) попытался включить въ свой трудъ все, что печатали галицкіе русины на другихъ языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ, латинскомъ, русскомъ и французскомъ. Такихъ сочиненій—отдѣльныхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей—въ 3 первыхъ выпускахъ „Библіографіи" оказывается 293, хотя здѣсь именно должно оказаться наиболѣе пропусковъ.

Время, которое обнимаютъ три первые выпуска „Библіографіи" г. Левицкаго, во многихъ отношеніяхъ крайне интересно для историка умственнаго развитіи галицко-русскаго народа. Въ первыхъ годахъ XIX стол. существовали еще „русскія" (т. е. собственно церковно-русскія) лекціи въ львовскомъ университетѣ, но вліяніе ихъ на умственную жизнь народа, на литературу, равнялось нулю. Съ 1801 до 1809 года включительно издано въ галицкой и буковинской Руси всего только 5 сочиненій кирилловскимъ шрифтомъ, а именно одинъ катихизисъ, одинъ букварь, одна инструкція для учителей народныхъ и одинъ псалтырь.

Какой-нибудь научной дѣятельности профессоровъ русиновъ нѣтъ и слѣда. Сочиненій на иностранныхъ языкахъ 21, на сюжеты большей частью церковные. Даже тогдашній митрополитъ галицкій Антоній Ангелловичъ пишетъ пастырскія посланія къ духовенству

буквами и недостатокъ хронологическаго распредѣленія матеріала. Весь матеріалъ у Эстрейхера расположенъ поазбучно, вслѣдствіе чего оказались нужными новые объемистые томы дополненій. Слѣдить въ этомъ лѣсу за постепеннымъ развитіемъ не только русской, но и польской литературы—совершенно невозможно.

по-польски, политическія статьи по-польски, по-нѣмецки и по-французски, но ни слова по-русски. Равнымъ образомъ и студенты-воспитанники духовной семинаріи привѣтствуютъ своихъ профессоровъ въ день ангела, встрѣчаютъ митрополита стихами латинскими или польскими—лучшее доказательство того, что языкъ, на которомъ читались эти несчастныя „русскія" лекціи, всѣми считался мертвымъ и возбуждалъ большее отвращеніе, нежели мертвый же, но все-таки „ученый" и въ то время оффиціальный языкъ латинскій.

Годы 1810—1812 представляютъ совершенный антрактъ въ умственной жизни галицкихъ русиновъ. Ни одному библіографу не удалось до сихъ поръ отыскать хотя бы одну брошюру, одинъ букварь, одну статейку, написанную и изданную галицкимъ русиномъ въ эти годы. Немного живѣе становится письменная дѣятельность въ слѣдующіе годы 1813—1820. Особенно Перемышль дѣлается на время центромъ движенія къ просвѣщенію народа; въ 1816 году тамъ основывается даже общество съ довольно широкими образовательными цѣлями; но и на этотъ разъ дѣло не вышло изъ сферы благихъ начинаній и индивидуальныхъ усилій. Съ 1813 до 1820 г. включительно извѣстны г. Левицкому 14 сочиненій, напечатанныхъ кирилловскимъ шрифтомъ (на языкѣ церковномъ), и 14 на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Изъ книгъ кирилловскаго шрифта 4 букваря, 2 катехизиса, 2 инструкціи для школъ и одно поученіе „подданыхъ о ихъ повинностяхъ ку монарсѣ",—прочія книги церковныя.

Слѣдующее затѣмъ девятилѣтіе 1821—1830 годовъ—это былъ періодъ броженія. Литература этого періода также скудна и ничтожна, какъ и прежняя,—всего 42 номера у г. Левицкаго, среди которыхъ 23 изданія, напечатанныя кириллицей (5 книгъ школьныхъ, 7 научныхъ, собственно грамматическихъ, и беллетристическихъ, прочія церковныя). Но нѣкоторые признаки новаго движенія, новыхъ умственныхъ потребностей начинаютъ уже сказываться. 1822 года издаетъ въ Вѣнѣ молодой студентъ духовной семинаріи, Іосифъ Левицкій, на летучемъ листкѣ, первое, хотя и совсѣмъ неудовлетворительное стихотвореніе не церковнаго содержанія, подъ затѣйливымъ названіемъ „Домоболіе проклятыхъ". Въ томъ же году во Львовѣ профессоръ университета, нѣмецъ Гюттнеръ указываетъ на значеніе народныхъ пѣсенъ, а въ слѣдующемъ году въ календарѣ-альманахѣ „Der Pilger von Lemberg" печатаетъ болѣе обстоятельную замѣтку о малорусскихъ пѣсняхъ народныхъ будущій историкъ „Галицко-русскаго княжества", Денисъ Зубрицкій, присоединяя къ этому текстъ

двухъ пѣсенъ, которыя тутъ же переводятся и на языкъ нѣмецкій. Въ концѣ 1829 года появляется въ журналѣ библіотеки Оссолинскихъ замѣчательная для своего времени статья крилошанина Ивана Могильницкаго „O języku ruskim", переведенная съ малорусской рукописи; здѣсь въ первый разъ высказано печатно мнѣніе о необходимости литературы на народномъ языкѣ и мѣтко указаны примѣты этого языка.

Десятилѣтіе 1831—1840 годовъ—это время нарожденія той народной литературы, которой необходимость чувствовалась хотя и смутно въ прежніе годы, время дѣятельности „русинской троицы": Маркіана Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацкаго, и цѣлой группы менѣе талантливыхъ, но не менѣе горячихъ писателей. Но возрожденіе это не ограничилось однимъ изданіемъ „Русалки Днѣстровой", оно было органическимъ проявленіемъ общаго умственнаго возбужденія и проснувшагося народнаго сомосознанія: въ этомъ убѣждаетъ насъ между прочимъ и настоящая библіографія. Въ это десятилѣтіе появляется почти столько же изданій, какъ въ предыдущихъ трехъ вмѣстѣ взятыхъ, т. е. 104. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ половина (57) напечатана по-русски (кириллицей), хотя все еще, за немногими исключеніями, на языкѣ, далекомъ отъ чисто народнаго. Въ этомъ числѣ находимъ 7 школьныхъ книгъ, изданій беллетристическихъ и сборниковъ матерьяла этнографическаго 30, да научныхъ трудовъ, составленныхъ галицкими русинами на другихъ языкахъ, 21. И помимо Шашкевича и его кружка появляются сочиненія, близкія къ жгучимъ интересамъ дня, созрѣваютъ вопросы, которые долго еще впослѣдствіи будутъ волновать умы и ждать разрѣшенія, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, вопросъ о введеніи латинскихъ буквъ для русской письменности и проч. Процентъ сочиненій свѣтскихъ значительно увеличивается.

Съ 1841 и до конца 1847 года движеніе, начавшееся въ предыдущемъ десятилѣтіи, какъ будто пріутихло, хотя не исчезло. Въ эти тяжелые семь лѣтъ все-таки выходитъ 146 русинскихъ изданій—больше, чѣмъ за цѣлое прошлое десятилѣтіе. Изъ этихъ сочиненій только 63 изданы на русскомъ, все еще большей частью церковномъ языкѣ. Но процентъ изданій на народномъ языкѣ—беллетристическихъ, этнографическихъ и педагогическихъ становится больше, несмотря на сопротивленіе, оказанное новому движенію со стороны правительства и высшаго духовенства.

Сѣмена, брошенныя творцами новаго народнаго движенія, взошли вполнѣ только въ 1848 году, когда сразу уничтожились преграды къ ихъ развитію и когда правительство изъ роли гонителя сразу должно было перейти въ роль покровителя народнаго движенія русиновъ. Въ этомъ одномъ году появилось изданій русинскихъ болѣе, чѣмъ въ прежніе семь лѣтъ,—159. Интересно, что между этими изданіями только одна или двѣ книги религіознаго содержанія. Все прочее—сочиненія, листки, журналы и брошюры политическаго и полемическаго, литературнаго и научнаго содержанія. Интересно также, что значительную часть этой литературы 1848 года составляютъ сочиненія поляковъ, написанныя на малорусскомъ нарѣчіи.

Слѣдующіе затѣмъ годы представляютъ картину постепеннаго и быстраго паденія того движенія, которое такъ живо вспыхнуло въ 1848 году. Не вдаваясь въ разборъ причинъ этого интереснаго явленія, мы констатируемъ только фактъ самаго уменьшенія литературной производительности. Въ 1849 году русинскихъ изданій насчитываемъ только 82, т. е. почти вдвое менѣе противъ предыдущаго года; въ 1850 году изданій еще менѣе—71, въ 1851 еще менѣе—50, въ 1852 году почти столько же. Очевидно, интересъ къ русинской письменности среди русиновъ сразу ослабѣлъ, потому что письменность эта не съумѣла удовлетворительно отвѣтить запросамъ и требованіямъ жизни. Можетъ быть впрочемъ, что и начавшаяся съ 1849 года Шварценберговско-Баховская реакція, стѣснивъ и обезличивъ всѣ проявленія печатнаго слова, была причиною такого быстраго паденія юной русинской письменности. Только десять лѣтъ спустя, съ 1860 года, вмѣстѣ съ конституціонной эрой и письменность эта вновь оживляется.

Я остановился, быть можетъ, слишкомъ долго надъ обзоромъ матерьяла, какой даетъ намъ первый разъ въ такой полнотѣ библіографія г. Левицкаго потому, что именно эти первые начатки русинскаго возрожденія въ Галиціи очень интересны и поучительны для всякаго историка. Исторія этого возрожденія, не смотря на многочисленныя попытки, все еще не вполнѣ разработана; въ послѣднее время посвящаютъ ей болѣе или менѣе обстоятельныя изслѣдованія гг. Головацкій, Коцовскій, Огоновскій, Терлецкій и Павликъ.

Что касается метода, какому слѣдовалъ авторъ при составленіи своего труда, то, по моему мнѣнію, онъ отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ науки. Библіографія г. Левицкаго представляетъ, во первыхъ, всѣ изданія, какія появились въ границахъ Австро-Венгріи на рус-

скомъ (въ широкомъ смыслѣ) языкѣ, печатанныя кириллическимъ, гражданскимъ, латинскимъ шрифтами, независимо отъ народности ихъ авторовъ; во вторыхъ, всѣ работы, гдѣ бы то ни было и на какомъ бы ни было языкѣ напечатанныя, которыхъ авторами были галицкіе русины. Не совсѣмъ ясно поставилъ авторъ вопросъ о русинахъ венгерскихъ и буковинскихъ. Изданія буковинскія, а особенно венгерскія, очень мало извѣстны въ Галиціи; прослѣдить участіе русиновъ въ изданіяхъ румынскихъ и мадьярскихъ у насъ нѣтъ почти никакой возможности. Сознавая это, г. Левицкій и обѣщаетъ въ самомъ заглавіи дать полную библіографію одной только галицкой Руси, „съ увзглядненіемъ", на сколько будетъ возможно, Руси венгерской и буковинской.

При всякомъ сочиненіи библіографія г. Левицкаго передаетъ вѣрную копію заглавнаго листа, воспроизведенную на томъ самомъ языкѣ и такимъ самымъ шрифтомъ, какъ подлинникъ. Аккуратность его въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что не смотря на удвоенныя издержки печатанія, онъ употребляетъ восемь сортовъ шрифта. При изданіяхъ менѣе извѣстныхъ или болѣе важныхъ авторъ прибавляетъ подробныя данныя или указываетъ, гдѣ можно найти подробныя свѣдѣнія о данномъ сочиненіи. Такъ какъ самый богатый матерьялъ для исторіи галицко-русской литературы находится въ журналахъ и сборникахъ, то авторъ при заглавіи всякаго изданія такого рода сообщаетъ систематическій, составленный въ азбучномъ порядкѣ, указатель всѣхъ болѣе важныхъ содержащихся въ немъ статей.

Весь матерьялъ расположенъ хронологически по годамъ и только въ рамѣ всякаго года идетъ въ азбучномъ порядкѣ по фамиліямъ авторовъ или, въ случаѣ ихъ неизвѣстности, по первымъ буквамъ заглавія книгъ. Кромѣ того, авторъ къ нѣкоторымъ номерамъ прибавляетъ примѣчанія, въ которыхъ исправляетъ ошибочныя сужденія другихъ библіографовъ, разъясняетъ нѣкоторые спорные вопросы или же даетъ новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ данныя, касающіяся исторіи изданія книгъ, цензуры и проч. Подробности эти почерпнулъ авторъ отчасти изъ разсказовъ ветерановъ галицко-русской письменности: Петрушевича, Дѣдицкаго, Малиновскаго,—отчасти же изъ малодоступныхъ рукописныхъ источниковъ, а именно изъ счетныхъ и дневныхъ книгъ института ставропигійскаго и типографіи Поромбы, гдѣ печаталась большая часть русскихъ книгъ, далѣе изъ архива губерніальнаго, гдѣ, кромѣ многихъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, встрѣчается много данныхъ о цензурѣ прежнихъ

временъ и о вносимыхъ въ нее сочиненіяхъ. Большая часть сочиненій, названныхъ въ библіографіи, имѣется въ библіотекѣ „Народнаго Дома“ или въ присоединенной къ ней библіотекѣ крилошанина Петрушевича; вотъ почему авторъ и не счелъ нужнымъ при всякомъ сочиненіи дѣлать замѣчаніе, гдѣ можно его найдти. Самымъ крупнымъ недостаткомъ труда г. Левицкаго можно считать упомянутую мною выше неопредѣленность на счетъ библіографіи буковинской и венгерской. Другой недостатокъ въ томъ, что авторъ не включилъ въ свой трудъ также сочиненій чуженародныхъ авторовъ о галицкой Руси и о русинахъ, какъ это дѣлалъ Эстрейхеръ въ своей польской библіографіи. Въ концѣ концевъ, не смотря на десятилѣтній трудъ собиранія, оказывается, что библіографія г. Левицкаго все-таки еще не полна даже по части галицкой Руси; къ первому тому, который долженъ появиться еще въ настоящемъ году, приложено будетъ дополненіе.

Галицко-русская библіографія за 1887 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ 1888 (большое 8°, 60 стр. текста и 10 стр. указателя).

Такъ какъ галицко-русская библіографія XIX стол., о которой мы говорили выше, должна оканчиваться 1886 годомъ, то галицко-русское общество „Руска Матиця“ поручило г. Левицкому составлять для издаваемаго имъ „Литературнаго Сборника“ ежегодную библіографію за слѣдующіе годы, по тому же методу, какъ и прежній трудъ. Такимъ образомъ „Библіографія“ 1887 года является прямымъ продолженіемъ неоконченной пока библіографіи 1801—1886 годовъ. Этотъ новый трудъ, напечатанный въ „Литературномъ Сборникѣ“ Матицы, вышелъ на дняхъ особымъ изданіемъ.

Помимо значительнаго количества—280 номеровъ—сочиненій и изданій галицкихъ русиновъ въ прошломъ году, литература ихъ представляетъ вообще довольно прискорбный видъ. Изъ 280 номеровъ 80 или не относятся совсѣмъ къ литературѣ (портреты и пр.), или напечатаны на иностранныхъ языкахъ. Остальная масса, за вычетомъ нѣсколькихъ книгъ и альманаховъ и около десятка газетъ и журналовъ, представляетъ эфемерную литературу листковъ и брошюръ, не имѣющихъ почти никакого значенія для умственнаго развитія страны, или же литературу популярную, почтенную слишкомъ часто болѣе по своимъ намѣреніямъ, чѣмъ по ихъ исполненію.

Очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ настоящей книгѣ является указатель именъ авторовъ и заглавія публикацій. При нѣкоторыхъ авторахъ, особенно галицкихъ, г. Л. разоблачаетъ ихъ псевдонимы, на сколько это было возможно.

Миронъ.

Н. Н. Оглоблинъ. Провинціальные архивы въ XVII в. (Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1886.

Книга журнала „Вѣстникъ археологіи и исторіи", въ которой помѣщенъ этотъ очеркъ, вышла только въ концѣ прошлаго года, чѣмъ и объясняется его позднее появленіе въ свѣтъ. Въ виду интереса этого очерка, проливающаго много свѣта въ совершенно еще неразработанную у насъ область архивовѣдѣнія, мы считаемъ нелишнимъ хотя теперь дать о немъ отзывъ. Изслѣдованіе г. Оглоблина важно еще и потому, что, благодаря серьезному изученію авторомъ вопроса, оно прокладываетъ новый путь для подобныхъ же работъ, въ которыхъ особенно нуждаются южно-русскіе архивы, еще такъ мало разработанные. Правда, изъ южно-русскихъ архивовъ г. Оглоблинъ описываетъ одинъ только кіевскій, но и это одно уже заслуживаетъ вниманія со стороны южно-русской библіографіи. Почему наша задача сводится къ тому, чтобы указать изслѣдованныя г. Оглоблинымъ стороны вопроса объ архивахъ вообще и выдѣлить то, что относится собственно къ Кіеву.

Указавъ на предъявленный въ началѣ текущаго столѣтія спросъ на архивный матеріалъ и на важность работъ, основанныхъ на этомъ матеріалѣ, авторъ ставитъ вопросъ о той обстановкѣ, въ которой находились архивы въ XVII в. Для разрѣшенія этого вопроса г. Оглоблинъ пользуется „смѣтными книгами" и „росписными списками", т. е. отчетами, составлявшимися при сдачѣ города однимъ воеводою другому, и ежегодными отчетами воеводъ, представлявшимися ими въ „разрядный приказъ", вѣдавшій служилое сословіе и военныя силы государства. Въ числѣ столовъ „разряда" былъ и кіевскій, учрежденный, конечно, со времени присоединенія Кіева къ Россіи. Въ своихъ отчетахъ воеводы, описывая городъ, сообщаютъ также о количествѣ и содержаніи разнаго рода документовъ, хранящихся въ „съѣзжихъ избахъ", „приказныхъ палатахъ" и т. п. учрежденіяхъ. Вотъ на этихъ то вѣдомостяхъ о дѣлахъ, или точнѣе

ихъ описяхъ, которымъ до сихъ поръ у насъ придавалось мало значенія, и построилъ авторъ свои интересныя заключенія.

Авторъ находитъ, что названіе „архивъ", какъ собраніе документовъ, въ XVII в. было совершенно неизвѣстно и документы носили общее названіе „писма". Далѣе, авторъ опредѣляетъ: 1) что главными начальниками центральныхъ архивовъ для всей провинціи были воеводы; провинціальными же архивами завѣдывали другіе лица, напр. земскіе старосты; наблюденіе за архивами въ воеводскихъ канцеляріяхъ распредѣлялось между подъячими, дежурившими вмѣстѣ со сторожами въ мѣстахъ храненія документовъ; 2) что помѣщеніями для архивовъ служили: избы, комнаты, казенки, чуланы, казенные дворы, амбары, житницы и даже зелейные (пороховые) погреба; само собою разумѣется, что здѣсь архивы страдали отъ тѣсноты, сырости, пожаровъ и т. п.; 3) что разнообразные столпы и столпики, книги и тетради, связки и свертки помѣщались на столахъ, лавкахъ и даже на полу, уложенные въ коробья, деревяныя или лубяныя, за печатями и замками, въ простые ящики или роскошные ларцы (смотря по важности документовъ), въ сундуки или лукошки; 4) что архивныя описи составляютъ свѣтлое явленіе въ области архивнаго дѣла XVII в. Авторъ различаетъ описи краткія и подробныя и видитъ въ нихъ лишь зачатки систематическаго дѣленія документовъ на группы. Главныхъ системъ дѣленія авторъ различаетъ 4: а) по родамъ документовъ (встрѣчается довольно часто); б) хронологическое (самое распространенное); в) географическое (рѣдкое) и г) по содержанію, представляющее, по вѣрному замѣчанію автора, систему высшаго порядка. Въ заключеніе авторъ указываетъ на значеніе описей вообще, когда описанные документы уже не существуютъ. Въ приложеніи помѣщены типичные документы, подтверждающіе положенія автора: описаніе приказной (сѣвской) палаты, описаніе архива съѣзжей (усердской) избы, стоимость канцелярскихъ принадлежностей, примѣры описи столпа и распоряженіе о вписаніи грамоты въ „росписной списокъ", приписывавшееся въ концѣ грамоты.

Что касается до Кіева, то авторъ даетъ сначала довольно подробное описаніе кіевской приказной палаты, которое мы и приводимъ въ виду его мѣстнаго интереса. Эта палата помѣщалась, какъ извѣстно, въ верхнемъ городѣ (нынѣ Старый Кіевъ); она состояла изъ „горницы съ комнатою, къ комнатѣ прирублена казенка, передъ ними сѣни, въ сѣняхъ чюланъ на жилыхъ подклѣтяхъ, покрыты тесомъ. А въ той приказной палатѣ моленіе иконы—образъ

Господа Бога"... и еще два образа. Далѣе, на столѣ находились: „книга Соборное Уложеніе, печатная, ветха; новоуказные, присланные съ Москвы въ Кіевъ, статьи [1]). На столѣ жъ коверъ старый, ветхъ, да сукно красное, да лазоревое, ветхи жъ. Лавки, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ, старымъ. Три тюшака коженыхъ, старыхъ. Два сукна красныхъ, одно жъ сукно старое вшивное, красное и зеленое. Два шендала мѣдныхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой—тройной". Дѣла кіевской приказной палаты, какъ и въ другихъ палатахъ, распредѣлялись между подъячими, завѣдывавшими тѣмъ или другимъ столомъ. Описи этихъ дѣлъ весьма богаты указаніями на матеріалы, драгоцѣнные для политической и бытовой исторіи южн. Руси; изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи въ архивѣ палаты „тайныхъ дѣлъ", какъ напр. донесенія о пріѣздѣ въ Кіевъ въ 1689 г. митрополита Досифея отъ волошскаго воеводы Стефана Петра, свѣдѣнія отъ 1669 г. о польскомъ и литовскомъ послѣ Беневскомъ, о бѣлоцерковскомъ комендантѣ 1679 г. да Степанѣ Куницкомъ; подъ 1694 г. упоминается о тайной царской грамотѣ къ воеводѣ кн. П. И. Хованскому, безъ означенія ея содержанія; далѣе указаны, напр., дѣла о пріѣзжихъ изъ Польши Вас. Искрицкомъ, Гедеонѣ Одорскомъ, о подложномъ подметномъ письмѣ на Печерскѣ, о провѣдываніи вѣстей, донесеніе кіевск. воеводы о дьяконѣ Чудова м-ря Стефанѣ, грамота по письму патр. Досифея о раскольщикѣ церкви Божіей, появившемся въ Мультанской (Молдаво-валашской, а не магометанской, какъ догадывается авторъ) землѣ, указано еще нѣсколько извѣтовъ о непристойныхъ словахъ нѣкоторыхъ болтливыхъ кіевлянъ; другія дѣла касаются исторіи кіевскихъ монастырей, напр. Выдубицкаго; два дѣла трактуютъ вообще о судьбѣ малороссіянъ, извѣстныхъ въ сѣв.-русск. актахъ XVII в. подъ именемъ черкашанъ, напр: „поручная запись отъ 1643 г. по черкашенинѣ... въ томъ, что дочь свою... онъ долженъ выдать за рускава человѣка, а за черкашанина не выдавать", или грамота государева отъ 1644 г., что велѣно „измѣнничи черкасскіе жены и дѣти отдать воронежцамъ разнымъ людямъ въ работу на вѣки" и др. Къ сожалѣнію, авторъ не упоминаетъ, сохранились ли эти дѣла до настоящаго времени и не находятся ли они въ Архивѣ М-ва Юстиціи, хотя, впрочемъ, повѣрка наличнаго по приводимымъ описямъ и не была цѣлью автора.

[1]) Ни о литовск. статутѣ, ни о магдеб. правѣ совершенно не упоминается, хотя они должны были бы имѣть здѣсь мѣсто.

Это серьезное и вполнѣ научное изслѣдованіе Н. Н. Оглоблина оставляетъ желать очень немногаго. Такъ, напр., авторъ не обратилъ вниманія на отношенія законодательства къ архивамъ, къ способу храненія документовъ и составленія ихъ описей, а такого рода указаніе было бы не безполезно для сравненія, насколько города и учрежденія отступали отъ законныхъ требованій, да и каковы были сами требованія и какими цѣлями они вызывались. О строгихъ требованіяхъ власти относительно храненія документовъ можно судить лишь по одной цитатѣ автора изъ указа 1697 г., въ которомъ предписывается въ случаѣ потери документа производить розыскъ „со всею жесточью", ибо „подъячіе старые и молодые" обязаны „всякіе дѣла дѣлать и беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ", при этомъ упоминается о нещадныхъ наказаніяхъ и большихъ пеняхъ; само собою разумѣется, что этимъ однимъ указомъ законодательство не могло ограничиться, были, конечно, и другія распоряженія, съ которыми автору слѣдовало бы ознакомить читателей. Другимъ недосмотромъ разбираемаго труда мы считаемъ не строго установленную терминологію относительно описей. Авторъ различаетъ краткую и подробную опись, краткое и подробное описаніе документовъ; этого рода описи онъ дѣлитъ еще на меньшія группы, которыя часто перемѣшиваются одна съ другой, такъ что разобраться въ этой терминологіи можно лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ. Въ понятіе о подробномъ описаніи авторъ вноситъ требованіе описанія внѣшности документа, кромѣ подробнаго изложенія его содержанія. Мы не вполнѣ согласны съ опредѣленіями г. Оглоблина и различаемъ краткое и подробное описаніе архива, разумѣя подъ нимъ общій обзоръ архива относительно помѣщенія, внутренней обстановки, количества и качества заключающагося въ немъ матеріала, его расположенія, описей къ нему и пр., словомъ, вносимъ въ описаніе все, что мы замѣчаемъ при первомъ знакомствѣ съ архивомъ; далѣе, различаемъ списки (иначе: регистры, перечни, каталоги, росписи или назовите какъ хотите) связокъ, книгъ, ящиковъ и пр. съ указаніемъ на время документовъ, мѣсто (по происхожденію), количество и мѣсто, занимаемое ими на полкахъ; описи краткія излагаютъ самую сущность каждаго документа: время, мѣсто, предметъ договора и имена договаривающихся или родъ документа и лицо, его выдавшее; подробныя указываютъ внѣшніе признаки документа: форматъ и достоинство бумаги, почеркъ, особенности письма, водные знаки, украшенія и, наконецъ, подробное содержаніе документа съ

отмѣткой о степени его научной важности, по мнѣнію составителя описи. Мы думаемъ, что большимъ подспорьемъ (даже замѣной подробныхъ описаній) могли бы служить указатели: личный, географическій и предметный. Извлеченій изъ сыраго матеріала мы никоимъ образомъ отнести къ описямъ не можемъ, такъ какъ они скорѣе примыкаютъ къ собранію матеріаловъ, ибо въ извлеченія вносится лишь то, что кажется интереснымъ составителю, и опускаются подробности, важныя для другихъ изслѣдователей.

Для полноты очерка необходимо было бы также сказать, хотя нѣсколько словъ, объ архивахъ до XVII в.; это сдѣлало бы болѣе понятнымъ ихъ состояніе въ этомъ вѣкѣ.

Наконецъ, мнѣ кажется, читателей не мало затрудняетъ хронологія автора, которая ведется по древнему лѣтосчисленію, отъ сотворенія міра, вмѣсто привычнаго намъ отъ Р. Х.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ повторить, что указанные недосмотры нисколько не уменьшаютъ достоинствъ труда г. Оглоблина и является желательнымъ, чтобы этотъ трудъ былъ доведенъ до конца, т. е. чтобы авторъ познакомилъ общество съ судьбою архива въ XVI и XVIII вв.; авось тогда рѣшеніе вопроса о будущемъ этихъ „храмовъ безсмертія“ окажется легче.

Желательно также, чтобы трудъ г. Оглоблина вызвалъ подобныя же работы и по исторіи южно-русскихъ архивовъ.

И. Каманинъ.

Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ.

Южнорусскія библейско-христіанскія легенды и апокрифы въ самое послѣднее время обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Кромѣ извѣстнаго читателямъ нашего журнала труда Н. Ѳ. Сумцова, разработкой ихъ занимались и нѣкоторые изъ столичныхъ ученыхъ.

Излишне распространяться о значеніи этихъ сказаній, показывающихъ, какъ отражались библейскіе мотивы въ народномъ умѣ, поясняющихъ ихъ съ точки зрѣнія народной психологіи и особенностей народнаго быта. Можетъ казаться загадочнымъ ихъ возникновеніе и долгая жизнь въ народѣ. Но, имѣя въ виду обособленность этой жизни, совершившуюся въ ней, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій быта, выработку характера и понятій и близкую преемствен-

ность ея съ духовной жизнью эпохъ болѣе раннихъ,—существованіе легендъ и апокрифовъ становится понятнымъ. Какъ на ряду съ писаннымъ законодательствомъ, народъ создаетъ свое обычное право, такъ рядомъ съ церковно-библейскими книжными разсказами создаетъ онъ апокрифы, фантазируя на библейскія темы въ духѣ своихъ понятій и представленій, не останавливаемый здѣсь даже тѣмъ соображеніемъ, какое является на счетъ закона, „незнаніемъ котораго не можетъ отговариваться никто". Въ числѣ другихъ проявленій самостоятельной умственной жизни народныхъ массъ, европейская наука усердно занимается и этими народно-библейскими разсказами, обычными многимъ племенамъ. Отрасль науки, получившая международное названіе Folk—lore (изученіе народныхъ вѣрованій, представленій, обычаевъ, творчества и жизни) дѣлаетъ на Западѣ все новыя и новыя завоеванія и обладаетъ въ настоящее время многими періодическими органами. Дѣло собиранья и разработки наблюденій надъ жизнью и творчествомъ некультурныхъ массъ привлекаетъ къ себѣ постоянно научныя силы и изъ частичныхъ наблюденій этнологовъ и этнографовъ создается величественная наука исторіи развитія человѣческихъ идей и представленій, исторія раскрытія человѣкомъ міровой загадки. Понятно значеніе, какое имѣетъ въ этой разработкѣ элементъ національный. Какъ во всякой молодой наукѣ, методы здѣсь вырабатываются параллельно съ наростаніемъ, такъ сказать, самаго капитала науки. Теперь господствуетъ сравнительная теорія, изъискивающая у народовъ преемственность идей и представленій. Но недалеко, конечно, время, когда, насытившись сближеніями и исканіями *сходства*, адепты сравнительнаго метода обратятся и къ пунктамъ *различія* и, достаточно убѣдивши себя въ общности нѣкоторыхъ человѣческихъ чертъ (другіе въ этомъ и не сомнѣваются) умѣрятъ свои головоломныя экскурсіи по лицу земнаго шара.

Одинъ изъ французскихъ органовъ Folk—lor'а, парижскій „Revue des traditions populaires", въ двухъ изъ недавнихъ своихъ книжекъ (1887 №№ 9 и 11) вводитъ украинскія христіанскія легенды въ кругъ научнаго изученія. Переводчикъ ихъ г. Инсъ и ранѣе занимался изслѣдованіемъ русской народной литературы и издалъ книгу по этому предмету („La Russie devoileè au moyen de sa litterature populaire". Paris—1883). Въ ней онъ не касался ни Южной Руси, ни ея христіанскихъ легендъ. Объ этихъ легендахъ во французской печати не появлялось до сихъ поръ ничего, кромѣ нѣсколькихъ стра-

ницъ въ „Russie Epique“ Рамбо, гдѣ разбираются легенды о Соломонѣ. Пока г. Инсомъ напечатанъ переводъ всѣхъ тринадцати легендъ, относящихся къ событіямъ и лицамъ Ветхаго Завѣта, помѣщенныхъ въ кіевскомъ сборникѣ „Малорусскіе народные преданія и разсказы“.

Какъ общее впечатлѣніе отъ этихъ народно-библейскихъ разсказовъ, переводчикъ высказываетъ удивленіе тому, съ какимъ постоянствомъ народная память остается вѣрною идеямъ, вѣрованьямъ и нравамъ эпохи, жизнью которой народъ пересталъ жить давно. Въ большинствѣ легендъ онъ видитъ только легкую библейскую окраску. Дьяволъ замѣнилъ въ нихъ просто имя стародавнихъ божествъ низшаго разряда, обитающихъ въ водахъ и болотахъ. Въ разсказахъ о Соломонѣ сведены черты многихъ стародавнихъ сказокъ, герою которыхъ придано библейское имя и оставлена его мудрость. Въ легендѣ „Про мудрого Соломона и его злую матиръ“ имя его встрѣчается только два раза въ началѣ; дальше онъ называется просто богатыремъ и только въ разсказѣ о сотвореніи міра и благословеніи его Богомъ Сатанаилъ является такимъ, какимъ рисуется библейскій Сатана, напримѣръ, въ книгѣ Іова. Впрочемъ, разсказу этому, какъ и другимъ разсказамъ съ дуалистическимъ оттѣнкомъ, редакторъ сборника приписываетъ болгарское происхожденіе и приводитъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, болгарскую легенду, во всемъ сходную съ украинской.

Переводъ легендъ сдѣланъ г. Инсомъ чрезвычайно близко къ подлиннику, совершенно согласно съ имъ же высказываемой мыслью, что въ дѣлѣ передачи на другой языкъ произведеній народнаго творчества личность переводчика, съ заботами о слогѣ, должна стушевываться совсѣмъ и что единственною его задачею должно быть стараніе о близкой и точной передачѣ выраженій оригинальнаго текста.

В. Горленко.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса. 1888.

Одесское историческое общество, вступившее въ настоящемъ году въ 49-ю годовщину своего существованія, насчитываетъ нынѣ 15 почетныхъ членовъ, 100 дѣйствительныхъ и 35 корреспондентовъ. Въ отчетномъ году оно имѣло пять очередныхъ засѣданій. На нихъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: вице-президентомъ В. Н.

Юргевичемъ: 1) составленный имъ указатель музея древностей, 2) о двухъ печатяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Херсонеса въ 1887 году; секретаремъ В. А. Яковлевымъ—о рукописномъ сочиненіи Дюбуа-де-Кура „Изысканія о приморской части азовской губерніи“, писанномъ въ 1794 г.; дѣйствительнымъ членомъ А. И. Маркевичемъ—переводъ узаконеній валахскаго господаря Іоанна Караджи 1817 г. и 8 писемъ къ генералу Инзову, основателю болгарскихъ и устроителю нѣмецкихъ колоній въ Новороссіи и Бессарабіи (1817—1845); дѣйствительнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ—составленный имъ каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и рисункамъ, хранящимся въ музеѣ общества; бразильскимъ консуломъ въ Генуѣ барономъ А. Биберштейномъ—переводъ сочиненія вице-адмирала Л. Финкати „Взятіе Константинополя турками“; дѣйствительнымъ членомъ А. А. Кочубинскимъ—славянская надпись изъ Аккермана, конца XV в.; дѣйствительнымъ членомъ П. О. Юрченкомъ—переводъ рукописныхъ статей бывшаго неаполитанскаго консула въ Θеодосіи Ф. Лагоріо „Четыре эпохи въ жизни Θеодосіи“, „Историческое свѣдѣніе о Θеодосіи и ея торговлѣ“, „Историческая записка о причинахъ упадка нынѣшней Θеодосіи“ и „Проэктъ о средствахъ поднять гор. Θеодосію“, съ введеніемъ и примѣчаніями; дѣйствит. членомъ А. М. Подшиваловымъ—„о монетахъ царей босфорскихъ первой династіи“.

Заслушанные въ засѣданіяхъ общества матеріалы и статьи поступали потомъ въ издательскій комитетъ, состоявшій изъ вице-президента, секретаря и дѣйств. членовъ А. А. Кочубинскаго и Θ. И. Леонтовича; въ настоящемъ году комитетъ намѣренъ приступить къ печатанію XV тома „Записокъ“.

Подобно тому, какъ и въ прошлые годы, общество принимало мѣры къ охранѣ мѣстныхъ памятниковъ старины. Дѣйствія его въ этой области выразились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ: 1) Въ 1886 г. аккерманскій городской голова вошелъ съ ходатайствомъ къ губернатору о дозволеніи срыть аккерманскую крѣпость, или, по крайней мѣрѣ, разобрать на матеріалъ контръ-эскарповыя стѣны крѣпостнаго рва; временный одесскій генералъ-губернаторъ запросилъ общество объ исторической важности этой крѣпости, на что оно представило свое мнѣніе; аккерманское городское общество, сославшись на свою бѣдность, уклонилось отъ принятія на себя обязательствъ по содержанію крѣпости въ исправности; общество, озабочиваясь вопросомъ о томъ, на какой источникъ отнести расходы по содер-

жанію и ремонту крѣпости, сносилось съ предсѣдателемъ археологической коммиссіи гр. А. А. Бобринскимъ, но, хотя и получило обѣщаніе объ ассигновкѣ средствъ отъ правительства, въ концѣ концовъ остановилось на томъ, что достаточно оградить крѣпость отъ умышленнаго разрушенія, ибо стѣны ея, достаточно еще прочныя, могутъ простоять не одно столѣтіе. 2) Общество освѣдомилось, что крымскіе татары расхищаютъ на матеріалъ стѣны Мангупа, древней готской крѣпости, а караимы подобнымъ же образомъ разрушаютъ Чуфутъ-Кале; сообщавшій объ этомъ членъ общества писалъ, что на его глазахъ разбита въ послѣднемъ каменная плита съ надписью, ломомъ отбитая отъ мавзолея дочери Тохтамыша. Узнавъ объ этомъ, общество просило начальника края обязать мѣстныя власти смотрѣть за сохранностью древнихъ памятниковъ. 3) За смертью И. С. Безкровнаго, завѣдывавшаго мелекъ-чесменскимъ курганомъ (близь Керчи) и находящеюся въ немъ гробницею, приспособленною къ помѣщенію древнихъ памятниковъ, общество утвердило въ званіи завѣдывающаго этимъ курганомъ своего корреспондента В. Ѳ. Гролиха. 4) По вопросу о сохраненіи древностей Херсонеса въ Крыму и о раскопкахъ въ немъ вице-президентъ общества В. Н. Юргевичъ сообщилъ свои соображенія гр. А. А. Бобринскому, предсѣдателю археологической коммиссіи; соображенія эти слѣдующія: впредь до построенія нарочитаго зданія подъ музей съ квартирою для смотрителя и сторожа (на что имѣются небольшія средства), поручить наблюдать за сохранностью архитектурныхъ остатковъ Херсонеса смотрителю изъ воиновъ-ветерановъ (по документальному выраженію), съ помощью сторожа и урядника; монеты и другіе предметы домашняго быта, находящіеся въ квартирѣ настоятеля херсонесскаго монастыря, оставить тамъ до постройки музея; половина ассигнованной правительствомъ на раскопки суммы отдается въ распоряженіе общества, которое производитъ ихъ по соглашенію относительно мѣста и плана съ археологической коммиссіей; руководство раскопками принимаетъ на себя членъ общества, постоянно живущій въ Севастополѣ, А. Л. Бертье-Делагардъ.

Библіотекой, а равно и другими коллекціями общества пользовались не только члены его, но и нѣкоторыя посторонція лица.

На ярославскій археологическій съѣздъ командированъ былъ д. чл. А. А. Кочубинскій, сдѣлавшій на немъ сообщеніе „о русскомъ племени въ придунайскомъ Залѣсьѣ (Трансильваніи)“.

Въ отчетномъ году общество пріобрѣло покупкою пять старинныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ, Мазепы, Апостола и Разумовскаго, кромѣ того—найденный около м. Криваго Рога камень съ высѣченною посерединѣ конскою головою, а вокругъ нея—загадочными знаками, и еще камень съ молдавскимъ гербомъ и славянскою надписью вязью, свидѣтельствующею о постройкѣ воротъ въ аккерманской крѣпости въ правленіе воеводы Стефана Великаго, около 1482 г.

Въ приложеніи къ „Отчету" находимъ краткія свѣдѣнія о ѳеодосійскомъ музеѣ древностей, находящемся въ вѣдѣніи общества.

На заглавной страницѣ, въ видѣ виньетки, издана неизвѣстная доселѣ въ ученой литературѣ монета города Тиры времени императора Адріана.

Основываясь на обѣщаніи прошлогодняго отчета, мы ожидали найти въ нынѣшнемъ некрологъ основателя общества и его вицепрезидента въ теченіе многихъ лѣтъ, Мурзакевича, но таковаго не нашли.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XI. Выпускъ III. Москва. 1887.

Въ названной книгѣ „Трудовъ" находимъ рефератъ А. В. Прахова о кіевскихъ памятникахъ византійско-русскаго искусства, читанный авторомъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ въ декабрѣ 1885 г. Докладъ этотъ есть плодъ шестилѣтнихъ трудовъ г. Прахова по очисткѣ и изученію мозаикъ и фресокъ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Кирилловской церкви въ Кіевѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ открытій, референтъ выясняетъ историческое значеніе византійскаго искусства, при чемъ проводитъ параллель между этимъ послѣднимъ и древнегреческимъ искусствомъ. По заключенію г. Прахова, Византія выдвинула на первый планъ живопись, на смѣну скульптурѣ, созданной античной Греціей, и въ сферѣ зарожденія и развитія живописи имѣла такое же огромное значеніе, какъ древняя Эллада—въ области пластики.

Переходя затѣмъ къ памятникамъ кіевскимъ, авторъ задается слѣдующими вопросами: 1) что принесъ намъ христіанинъ-византіецъ: мертвенное ли что-либо, или зажигающее новую жизнь, и 2) какъ мы отнеслись къ этому культурному дару: были ли мы тѣмъ

лукавымъ рабомъ, который зарылъ въ землю свой талантъ, или мы были способны и готовы на тотъ живой откликъ, какой видимъ во всей западной Европѣ?

Передавъ въ общихъ чертахъ исторію своей работы, г. Праховъ приступаетъ къ результатамъ ея, начиная съ Софійскаго собора, древнѣйшаго изъ изслѣдованныхъ памятниковъ. Разсказавъ исторію собора, онъ описываетъ открытыя мозаики: изображеніе Іисуса Христа въ днищѣ главнаго купола, ангела—въ воронкѣ того же купола, св. Павла—между окнами главной бани и св. Аарона—на сѣверномъ столпѣ царской арки. Заключеніе автора объ этихъ мозаикахъ таково: „византійское искусство пришло къ намъ, въ XI в., въ лучшихъ своихъ образцахъ и въ ту пору, когда оно само было живымъ, ищущимъ и домогающимся искусствомъ, еще не замершимъ въ условномъ схематизмѣ, т. е. Византія въ области художествъ дала намъ могучій и живой толчекъ".

Рѣшивъ въ такомъ смыслѣ первый изъ поставленныхъ двухъ вопросовъ, г. Праховъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, „какъ мы воспользовались его ученьемъ" (ученьемъ „византійскаго учителя"), и съ этой цѣлью описываетъ памятники XII в.: мозаики Михайловскаго монастыря и фрески Кирилловской церкви, останавливаясь подробно на послѣдней. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ его изложеніи исторіи Кирилловской церкви и описаніи всѣхъ открытыхъ тамъ фресокъ,—большая часть ихъ открыта въ 1881—2 гг. и описана въ рѣчи, произнесенной имъ въ общемъ собраніи русскаго археологическаго общества въ началѣ 1883 г. и напечатанной сначала въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.", а потомъ въ „Кіевской Старинѣ" (томъ VI, май 1883 г., стр. 97—110), рѣчь эта теперь цѣликомъ включена имъ въ разбираемый рефератъ,—но укажемъ на дополненія, сдѣланныя въ немъ на основаніи работъ 1883 года. Мы находимъ въ немъ описаніе изображенія Рождества Христова и Успенія Богородицы на стѣнахъ теплаго алтаря, свв. Кирилла и Меѳодія (предположеніе автора), Климента Болгарскаго, Іоанна Македонскаго, Іосифа Селунскаго, Евмена, Наума и Киріака—всѣ на стѣнахъ „жертвенника"; на стѣнахъ главнаго алтаря: три фигуры свв. воиновъ безъ надписей, свв. Константина и Елены; на переходѣ изъ внутренней паперти въ среднюю церковь—св. Христины; въ проходѣ изъ паперти въ средній корабль—двухъ иноковъ. По разсмотрѣніи фресокъ Кирилловской церкви, авторъ приходитъ къ заключенію, что „въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣ-

сколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ", что за сто лѣтъ ученія на югѣ Россіи народилась уже русская художественная школа, что̀ можно видѣть какъ въ русскихъ костюмахъ на изображеніяхъ XII в., такъ и въ русскихъ надписяхъ къ нимъ. „Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, говоритъ г. Праховъ, XII—началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, повторяетъ онъ, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство".

Оканчиваетъ свое сообщеніе г. референтъ указаніемъ важнаго значенія изслѣдованія древнихъ византійскихъ памятниковъ, а въ особенности внутренняго убранства и расписанія ихъ—для современнаго русскаго архитектора и перечисляетъ извѣстные въ наукѣ памятники, украшенные фресками и мозаиками. Статья заключаетъ въ себѣ и эпиграфическій матеріалъ. Къ ней приложено семь изображеній фресокъ и мозаикъ; изъ нихъ для историка южной Руси особенно важны два снимка съ фресокъ Кирилловскаго монастыря, на которыхъ византійскій императоръ изображенъ въ костюмѣ русскаго князя.

В. Я.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Проекты кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя коммиссіи.

24 августа 1754 г. сенатъ потребовалъ отъ кіевской губернской канцеляріи составить „пункты" (проектъ) реформъ и новыхъ учрежденій, которыя „по мнѣнію мѣстнаго начальства необходимо принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія". Кіевская губ. канцелярія, или, точнѣе, тогдашній вицегубернаторъ Ив. Ив. Костюринъ поспѣшили выполнить указъ сената, а именно: уже 15 окт. 1754 г. вицегубернаторъ представилъ въ сенатъ „пункты" о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ, а 27 окт. того же года—проэктъ разныхъ учрежденій и нововведеній по Кіеву и кіевской губ., а въ 1755 г., по новому требованію сената, проектъ устройства запаснаго хлѣбнаго магазина.

Что сдѣлала Елисаветинская коммиссія съ этими проектами, неизвѣстно. При созывѣ депутатовъ въ знаменитую Екатерининскую коммиссію, сенатъ приказалъ кіевской губ. канцеляріи (ук. нояб. 16 1766 и 4 янв. 1767 г.) вновь разсмотрѣть пункты 1754 г. и представить ихъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія. 15 февр. 1767 г. кіевская губ. канцелярія донесла сенату и въ коммиссію, что она не находитъ нужнымъ ничего добавить къ прежнему проекту.

Между тѣмъ генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій предложеніемъ отъ 29 августа 1768 года поставилъ на видъ кіевской канцеляріи, что не смотря на всѣ предшествовавшіе указы сената о немедленной присылкѣ изъ каждой губ. канцеляріи пунктовъ о „недостаткахъ" и о способахъ ихъ исправленія, изъ кіевской канцеляріи они будто бы еще не были получены, „а коммиссія о сочиненіи проэкта новаго уложенія, находясь уже съ нѣкотораго времени

въ дѣйствіи своемъ, требуетъ тѣхъ пунктовъ". Быть можетъ, сенатъ и кн. Вяземскій не считали пунктовъ 1754 г. достаточными.

Отвѣчая на это требованіе, кіевская канцелярія рѣшила представить опять безъ измѣненія копію тѣхъ же пунктовъ 1754 года, приложивъ къ ней докладъ Костюрина о раскольникахъ, и пункты 1715 года, представленные въ Кіевѣ губерн. кн. Голицынымъ Петру В. и имъ разрѣшенные.

Считаемъ нелишнимъ возстановить здѣсь содержаніе упомянутыхъ сейчасъ документовъ (къ сожалѣнію по рукописи, полуистлѣвшей). Изъ нихъ видно, какіе недостатки усматривала русская правительственная власть въ тогдашнемъ состояніи Малороссіи 1715—1754 г. Вниманіе ея, какъ увидимъ, было наиболѣе устремлено на недостатки экономическаго быта и на условія жизни въ Малороссіи великороссійскихъ людей: гарнизоновъ, раскольниковъ и купцовъ, которыхъ кіевская канцелярія беретъ подъ свою защиту отъ притѣсненій малороссовъ. Затѣмъ достойно замѣчанія, что кіевскіе правители считали своею прямою обязанностію заботиться о нуждахъ православнаго востока, или, какъ онѣ пишутъ, „Греціи".

Пункты 1754 года.

1. „Малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть *судъ по вексельному уставу*, такъ какъ нынѣ у нихъ происходитъ, что малороссійскій купецъ возметъ деньги и дастъ по ихъ называемой обликъ, а на срокъ не отдаетъ, въ томъ производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды и часто бываютъ долго не рѣшительны; а купецъ (великороссъ) принужденъ лишатися торгу, или отстать отъ дѣла.

2. Въ Кіевѣ, въ Нѣжинѣ, въ Стародубѣ, да и на ярмонкахъ въ малороссійскихъ городахъ: Королевцѣ, въ Ромнахъ, въ Борзнѣ, въ Переяславлѣ, для *словеснаго между купцами суда*, въ силѣ указу, избрать купцовъ, да и въ случаѣ великороссійскимъ съ малороссійскимъ и греческимъ братствомъ судъ производить имъ же.

3. Въ Кіевѣ, яко въ городѣ знатномъ и многолюдномъ, собираются для поклоненія святымъ мощамъ изъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи, Сербіи, Греціи, Волахіи и т. д. (По

рукописи, совершенно испорченной, дальнѣйшій точный текстъ 3-го пункта возстановить нельзя; но сущность дѣла въ томъ, что проектируется для заболѣвающихъ богомольцевъ *устроить больницу* (шпиталь) на слѣд.] основаніяхъ: по излеченіи больному выдается „докторскій аттестатъ“. Если выздоровѣвшій не имѣетъ ничего для своего пропитанія, то при выпускѣ изъ больницы, комисаръ выдаетъ ему 10 коп., „покамѣстъ сыщетъ работу и нѣсколько выработавъ на дорогу, (долженъ) ити въ свою сторону, откуда пришелъ. А коммисару и доктору больныхъ въ работы свои по излеченіи отнюдь не принимать“. Для строенія того госпиталя и на содержаніе больныхъ, (на покупку) медикаментовъ, пищи, устройство кроватей и для службы работнымъ людямъ опредѣлить сумму изъ прибыли отъ переписи въ малороссійскихъ раскольническихъ слободахъ. „Ежели повелѣно будетъ полевую аптеку изъ Лубенъ, яко изъ пустаго мѣста, гдѣ никакого лекаря нѣтъ, слѣдовательно и купить некому, перевесть въ Кіевъ,—оная (аптека) можетъ лекарства въ Кіевѣ продавать съ прибылью надежно, странныхъ больныхъ медикаментами удовольствовать; а къ тому въ здѣшнихъ мѣстахъ разныхъ травъ доволно можетъ збирать“.

4. „Оному доктору поручить завесть *ботаническій садъ* и збирать коренья, травы, которыхъ въ Кіевѣ и около оного число многое, какъ мнѣ [1]) здѣшніе лекари объявляли. А оной садъ, по усмотрѣнію доктора, завесть на пустомъ мѣстѣ и взять то мѣсто котораго (бы) монастыря земля ни была, для такой государственной ползы и что отъ пустой земли пользы никакой не приходитъ, безденежно. Сіе кажется полезнымъ служить можетъ медицинской канцеляріи: то, что предъ симъ выписывали изъ другихъ государствъ, по здѣшнему (кіевскому) климату надежно рѣдко что-бъ родиться не стало“.

5-й пунктъ нельзя возстановить по истлѣвшей рукописи.

6. Народъ Малороссійской къ земледѣлію не прилеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ; и когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпятъ голодъ, какъ то въ 1748 году, когда са-

[1]) Т. е. Костюрину.

ранча на полѣ хлѣбъ пожрала, въ 1749-мъ году всеобщимъ голодомъ назвать было мочно, ибо въ самомъ въ Кіевѣ, въ великомъ городѣ, въ торговые дни пятидесяти четвертей ни за какую дорогую цѣну купить было не мочно. Да и въ нынѣшнемъ году отъ недороду во всякомъ хлѣбѣ нужда необходимо быть можетъ. Не соизволено ль будетъ въ Кіевѣ магистрату *всегдашней имѣть магазейнъ*, хотя до 5 т. четвертей, и въ случаѣ нужды раздавать бѣднымъ людемъ съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, збирать безъ излишества?

7. „Въ Кіевѣ и въ Переяславлѣ не малое число шелковичнаго дерева; ктобъ пожелалъ возрастить оные, въ три и въ четыре года можетъ червей кормить и шелкъ дѣлать"; но „народъ къ этому полезному труду не прилежитъ". Далѣе проэктируется, сколько можно усмотрѣть изъ истлѣвшей рукописи, развитіе въ Кіевѣ заведеній для *шелководства*.

8. „Въ Кіевѣ множество есть народа малороссійскаго праздного безъ всякаго дѣла, не стараются, какъ токмо о ежедневной пищѣ, не думая о завтрашнемъ дни ни мало; да и способа къ поправленію себя отъ праздности не имѣютъ, ибо фабрикъ никакихъ нѣтъ и работы сыскать негдѣ. А способно видѣтся быть здѣсь *суконной фибрикѣ*, потому что шерсть изъ за Дунаю лучшею во всей Греціи почитается; а отъ Кіева разстояніемъ всѣхъ россійскихъ границъ ближе и можно тяжелыми возами пріѣхать въ двѣ недѣли, или малымъ чѣмъ болѣе, которая потому и дешевле другихъ всѣхъ мѣстъ станетъ, а къ тому и малороссійскую прибавлять годится и когдабъ расходъ (сбытъ) усмотрѣли, тогда-бъ можетъ быть Малороссіяне на ту шерсть своихъ овецъ и по два раза въ году стричь стали".

9. „Здѣсь находится три *краски*, которыми здѣсь красятъ кушаки и шнурки: одна при нѣкоторыхъ травахъ при корени, которой цвѣтъ подходитъ къ кошенелю и называется здѣсь червецъ; другая трава—дрокъ краситъ желтою, третья материнка, мѣшая съ кисличными листомъ, малиновою. Оныя (краски) при доношеніи изъ кіевской губернской канцеляріи въ правительствующій сенатъ для пробы посланы. Ежели цѣна положена будетъ, почему (почемъ) за лотъ червецъ, а прочіе травы за пудъ

платить, всякая женщина и ребенокъ приносить будутъ къ тѣмъ, кому покупать приказано будетъ. И тако сими тремя, т. е. шелковичнымъ, суконнымъ и красочнымъ дѣлами, народъ постарается себя изъ праздности въ должный трудъ перемѣнять".

10.—Десятый пунктъ касался торговли солью, но возстановить его нельзя.

11. Во всей Греціи въ монастыряхъ и по церквамъ рукописныя книги, и хотя въ Венеціи и печатаютъ, но токмо перемѣняютъ многія рѣчи по разсужденію западной церкви. Греки принуждены нынѣ оныхъ книгъ удаляться, почитая противными; а со временемъ какъ привыкнутъ, можетъ западной церкви ученіе вкорениться въ Греціи. Не малое удавольствіе, яко единаго исповѣданія, народу быть можетъ, когда соизволено будетъ повелѣть *въ Кіевѣ учинить типографію* для печатанія книгъ греческихъ сперва церковныхъ, а потомъ разныхъ ученыхъ писаній. Для исправленія книгъ надобно совершенно знающихъ еллинскій языкъ и для набиранія литеръ таковыхъ людей изъ Греціи рѣдко сыскаться могутъ; а для заводу печатанія книгъ сперва сумма денегъ потребна, которая вскорѣ съ прибылью откупиться можетъ"

12. 12-й пунктъ касается кіевскаго гарнизона, который состоитъ изъ пяти полковъ. Служащіе въ гарнизонѣ не имѣютъ никакихъ *земельныхъ и лѣсныхъ угодій*. Поэтому „не соизвольно-ль будетъ имъ опредѣлить противъ Остзейскихъ пограничныхъ войскъ изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву монастырскихъ земель на содержаніе нѣкоторую часть сѣнныхъ покосовъ и для рубки дровъ лѣсныхъ угодій"?

„Что-жъ касается до другихъ приписныхъ къ Кіеву крѣпостей въ оныхъ все по воинскому артикулу и указамъ повелѣнное исполненіе чинится; а при тѣхъ крѣпостяхъ малороссійскіе городы съ ихъ форштатами состоятъ подъ вѣдомствомъ малороссійскаго правленія, а до кіевской губернской канцеляріи совсѣмъ не принадлежатъ".

Подлинные подписано тако: *Иванъ Костюринъ.*

Пункты о раскольникахъ 1754.

1. „По указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ 1715-мъ году повелѣно въ Малой Россіи раскольниковъ переписать и положить въ окладъ, чего ради и опредѣленъ былъ полковникъ Ергольскій съ товарищи, который опись учинилъ неосновательно, ибо описалъ токмо сколько въ Малой Россіи слободъ и въ нихъ жителей имѣется, а сколько въ которой слободѣ земли и пока тѣ урочища, того ничего не показано. А малороссійскіе владѣльцы, которые безъ указовъ тѣхъ великороссійскихъ людей на тѣхъ своихъ земляхъ селить допущали, послѣ той Ергольской описи, стали оныхъ раскольниковъ къ тому ихъ земляному владѣнію всячески не допущать, за что непристанныя тѣхъ слободъ у жителей съ малороссіянами въ земляхъ ни токмо великія ссоры, но и смертныя убивства и челобитія въ малороссійскихъ канцеляріяхъ происходятъ“. Далѣе, повидимому, проектируется общее *размежеваніе* земель раскольничьихъ слободъ.

2. Малороссійскіе правители берутъ съ раскольниковъ консистенскія дачи, между тѣмъ на раскольниковъ положенъ большой окладъ на военныя издержки. „Ежели такой окладъ на нихъ положится, то уже тѣ всѣ малороссійскіе сборы отставить, потому-что *великороссійскій народъ* кажется ни почему *не имѣетъ платить податей малороссіянамъ* въ положенье и ежели посему тѣ раскольники переписаны и въ одинъ окладъ положены будутъ, то увѣдавъ за границею живущіе великороссійскаго и и малороссійскаго народа раскольники въ Россійскую Имперію охотно на житье въ тѣ слободы переходить пожелаютъ“.

3. „Въ тѣхъ слободахъ, какъ о томъ не безъизвѣстно, земли весьма недостаточно; а по смежности тѣхъ слободъ имѣются немалое число ранговыхъ и владѣльческихъ земель, которыя состоятъ въ пустѣ. Кажется незапотребно повелѣть имъ добровольною цѣною *покупать земли въ Малой Россіи къ слободамъ*, а не къ одному крестьянскому дому и тѣ купчія писать у крѣпостныхъ дѣлъ въ Кіевѣ и записывать въ книги; а для отказу посылать великороссійскихъ служивыхъ людей“.

4. Въ четвертомъ пунктѣ дѣло идетъ о правѣ раскольниковъ держать своихъ поповъ. Пунктъ заключается такъ: „Изъ Польщи вѣтковскіе жители особливо просятъ *устроить два монастыря одинъ мужескій, а другой женскій* и отправлять имъ (богослуженіе); ежели церкви построить не мочно, то хотя часовни, и какъ такое позволеніе они получатъ, то совершенно могутъ нѣсколько тысячъ великороссійскаго народа людей вытти въ Россію безъ всякихъ затрудненій".

5. „А ежели кто изъ тѣхъ слободъ жителей будутъ по купечеству, или другимъ какимъ дѣламъ имѣть претензію на малороссіянъ, о томъ имъ *искать суда* и просить по порядку въ *великороссійскихъ судахъ*, гдѣ кто вѣдомъ; тако-жь ежели малороссіяне будутъ о чемъ имѣть претензію тѣхъ слободъ на обывателей,— искать и просить суда у управителей тѣхъ раскольническихъ слободъ въ волостной конторѣ, по которымъ прошеніямъ оному управителю безволокитно по самой справедливости чинить рѣшеніе въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ. Ежели же кто его судомъ не будетъ доволенъ, искать въ кіевской губернской канцеляріи".

Что касается до пунктовъ, представленныхъ Петру Великому въ Кіевѣ въ 1715 году, то они касаются вывоза за границу монеты и юфти, устройства въ Кіевѣ аптеки для войскъ, найма рабочихъ для постройки кіевской крѣпости, обложенія раскольниковъ окладомъ. Изъ отмѣтокъ Петра интересно слѣдующее: „вмѣсто Полтавы сдѣлать замокъ въ Переволочнѣ и тамъ быть главному мѣсту полку Полтавскаго... и прибавить великороссійскихъ сколько возможно".

Сообщилъ **М. Владимірскій-Будановъ.**

На комъ былъ женатъ Мазепа.

„Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, у которой отъ перваго брака былъ сынъ по имени Криштофъ. Бракъ этотъ совершился въ Корсунѣ, во время службы Мазепы у Дорошенка. Какое имя носила его жена по родителямъ—не извѣстно, но она была близкая родственница прилуцкому полковнику Горленку". Такъ говоритъ Костомаровъ въ его монографіи „Мазепа"

(стр. 15). Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ сообщаемъ здѣсь нѣсколько поясненій.

О томъ, что Мазепа былъ женатъ на вдовѣ Фридрикевичъ, свидѣтельствовали въ 1729 г. старожилы с. Смячи и д. Конотопа (городницкаго уѣзда), разсказывая, что Смячь и Конотопъ „якъ они упомнятъ были въ вѣдомствѣ и владѣніи полковниковъ черниговскихъ, а потомъ *гетманъ Мазепа отдалъ ихъ своему пасынку Криштофу Фридрикевичу,* а по немъ владѣлъ сынъ его Григорій" и т. д.[1]).—Кто же были отецъ и мать Криштофа Фридрикевича, объ этомъ говорятъ документы, находящіеся въ архивѣ черниговск. двор. депутатскаго собранія при дѣлѣ о дворянствѣ Фридрикевичей. Одинъ изъ этихъ документовъ—грамота польскаго короля Яна Казиміра 1653 г., по которой король, „имѣя уваженіе и призрѣніе на вѣрные Рѣчи Посполитой заслуги шляхетныхъ *Самуила Фридриха,* полковника давняго, и *тестя его Семена Половця*", подтверждаетъ за ними право на двѣ мельницы, „на грунтахъ ихъ Буки, на р. Роси". Изъ этой грамоты видно, что Семенъ Половецъ съ своимъ зятемъ Самойломъ Фридрихомъ въ 1653 г. держали еще сторону поляковъ; но въ 1654 г. Семенъ Половецъ воевалъ уже противъ поляковъ, будучи полковникомъ бѣлоцерковскимъ[2]). Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ и Самуилъ Фридрихъ, какъ видно изъ слѣдующаго акта: „мы особы по именахъ и прозвискахъ выраженные, меновите: я, Иванъ Кравченко, полковникъ войска его ц. пр. вел. запорожскаго бѣлоцерковскій, Тишко Деркачъ, Андрей Проценко, атаманъ городовый, Яцко Клиша, Андрей Любарскій, Ляшко Гребюнка, Петро Ярмоленко, сотникъ, Иванъ Марченко, вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писмомъ, ижъ за волею и позволеньемъ ясневельм. его мил. п. войскъ его ц. в. запорозскаго славной памяти пана и антецессора нашего, а тожъ за вѣдомомъ, радою и позволеніемъ всего товариства нашего, за высланьемъ и укладаньемъ и шацункомъ зъ вышереченнихъ особъ, продалисмо домъ дмитровскій, прозываемій Аврамковскій, въ рынку бѣлоцерковскомъ грунтомъ лежачій, арендарскій, противъ козацкого шпиталя будучій—славетному п. Самуелю Фридриховичу Козмѣ, а бывшому полковнику бѣлоцерковскому за 90 золотыхъ. Марта 11 року 1660".

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетност. Черниг. полка, рукопись б—ки коллегіи Павла Галагана.

[2]) А. ю. з. Р., X., 405.

Такъ какъ въ грамотѣ Яна Казиміра Самуилъ Фридрихъ называется „давнимъ" полковникомъ, то можно думать, что онъ занималъ этотъ урядъ въ Бѣлой Церкви прежде своего тестя и былъ полковникомъ польскимъ, а не козацкимъ.

Изъ приведенныхъ документовъ можно заключить, что Мазепа былъ женатъ на дочери бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца, бывшей сначала замужемъ за иноземцемъ Самойломъ Фридриховичемъ, который умеръ послѣ 1660 г., оставивъ сына Криштофа. Съ этою женою Мазепа перешелъ и на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1674 г.[1]).

Костомаровъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о близкомъ родствѣ жены Мазепы прилуцкому полковнику Горленку. Повидимому, это свѣдѣніе не имѣетъ никакихъ основаній, какъ и другое, приводимое Русск. Родосл. Книгою (I, 150) о томъ, что Дмитрій Горленко былъ женатъ на дочери Мазепы, бывшей сперва за Голубомъ....

А. Л.

Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „катедры" Саввѣ Шпаковскому, 1721 г.

Висоце в Богу преподобнѣйшій мосцѣ отче намѣсникъ катедри Чернѣговской, мой велце милостивій господине в Духу Светомъ отче и дознанний благодѣтелю благорачителній висоце в Богу превелебности вашой листъ в отвѣтъ писемъ до его милости отца Думи, городничаго свѣржанского, посланнихъ ко мнѣ милостивно адрисованній, которій typum veritatis exprimit calamo з достойнимъ принявши почитаніемъ, ласкавіе а благоразсудителніе вичиталемъ в немъ контента. Правда же не надлежалобъ in domestico opere заводу нашего висоцеповажную рейментарскую всегда войсковими публѣчними и приватними дѣлами затрудненную особу, своими дискоммодовати доношеніи; еднакъ nescit tacere dolor, понеже отецъ Дума по своей сусѣдской приязни чили неприязни, ставши amicus personae inimicus causae и давши ansam ясне в Богу преосвященному concedere sibi на власнихъ дѣдизнахъ, а по представленіи родителей моихъ

---

[1]) А. ю. з. Р. XI, 611.

successive мнѣ спалихъ нѣкою тридцати уже лѣтъ фундушами и унѣверсалами лицъ можнихъ и нынѣшного ясневелможного добродѣя уконфѣрмованнихъ сѣножатахъ (якіе отецъ Дума sua sponte привлащаетъ) около млина моего и войскового будучихъ, на килко сотъ возъ exorbitanter забралъ и звюзъ; мусѣлемъ в томъ обжалованнии ясневолможного добродѣя особу турбовати; и любо его панская велможность многократно писалъ листъ свой доясне в Богу преосвященного, которого копію ввѣденіе висоце в Богу превелебности вашой тутже прилагаю, дабы помянутый отецъ Дума в тихъ моихъ заборахъ учинилъ реституцѣю, еднакъ вложенеся за мною его панской велможности ажъ до сихъ часъ пошло якъ горохъ о стѣну nonne laeditur honor principis если жъ не тяжесть сія терпѣть, не пронзаетъ ли жалость дому моего, же при якой колвекъ моей войсковой службѣ од отца городничего Свѣржанского нестерпимую терплю до сихъ часъ обиду. Melius est ab externo hoste premi quam a domestico opprimi подаю cie ad trutinam mentis поважной особѣ висоце в Богу превелебности вашой и всепокорственно упрошаю благоволи преподобіе ваше, по своему природному паче же отческому ковсѣмъ благоутробію, увѣщаніемъ своимъ здевѣнковати отца Думу, аби такъ обжалованніе козаки сотнѣ моей преображіевскіе в справѣ одержали з кого надлежитъ управу, яко и я ne patiar plus injuriam, жеби сяя искерка cineri posita doloso од отца Думи возгнѣтившаяся, болшъ якого впред не учинила incendium, бо если бы его м. отецъ Дума поважніе ясневелможного добродѣя прежніе писанія и нынѣшними его жъ рейментарской листъ без сатисфакцѣи in opprobrium еще схотѣлъ пустити, то принужденъ буду на его жъ самого за волею принципала моего ясневелможного добродѣя, alios querere Deos, у пресвѣтлѣйшого двору монаршого его царского величества нашего всемилостивѣйшаго государя моего апелляцѣею обявляю и при семъ премилосердной висоце в Богу превелебности вашой ласце и респектовѣ з всенижайшимъ моимъ поклоненіемъ.

Себе вручаю висоце в Богу преподобію вашому велце милостивому господину в Духу Святомъ, отцу и благодѣтелевѣ, щирозичливий и нижайший слуга Іванъ Холодовичъ сотникъ воронѣжский. З Воронѣжа, 8 врія 31, року 1721.

Иванъ Ивановичъ Холодовичъ, воронежскій сотникъ (1713—23 г.), считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ. Первую свою жалобу въ сенатъ на Вельяминова Полуботокъ отпра-

вилъ съ Холодовичемъ, который и исполнилъ это щекотливое порученіе очень успѣшно (Русск. Арх. 1880 г., I, 158 и 162). Будучи дѣльцомъ, Холодовичъ въ то же время слылъ еще и за хорошаго стилиста, которые и встарину цѣнились... Приведенное письмо Холодовича, списанное съ подлинника, представляетъ собою интересный образчикъ малорусскаго „стиля“ нач. XVIII в.

А. Л.

Легенда о Паліѣ.

Въ Екатеринос. Губ. Вѣдом. за настоящій годъ печатаются чрезвычайно интересныя легенды и преданія, записанныя изъ устъ народа мѣстнымъ любителемъ старины Я. П. Новицкимъ. Одна изъ такихъ легендъ приведена въ 4-й книжкѣ Кіевск. Стар. Здѣсь же перепечатываемъ легенду о Паліи (Екат. Губ. Вѣд., 1888 г., № 10), которая тѣмъ интереснѣе, что представляетъ собою совершенно новый видъ изъ преданій о знаменитомъ бѣлоцерковскомъ полковникѣ, не имѣющій ничего общаго съ легендами, напечатанными въ Запискахъ о Южной Руси (I, 115—131).

Семенъ Палій.

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкій. Про его, було, де-чого розсказують запорожци нашымъ батькамъ, а батькы уже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козакы и мижъ ными бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать орду и ляхивъ, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ було не дуже товсто, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семенъ, покы спалывъ кошового куринь. Шо его робыть?—дума винъ: прыидуть—буде мини. Взявъ рушныцю и подався. Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пущи [1]), шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка [2]). Дывитця винъ на скелю, колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю, якъ затыхне—винъ вылизе и гнивыть Господа. Семенъ и дума: шо-жъ теперъ робыть? Або ему смерть, або мини. Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семенъ прыцилывсь и убывъ. „Ой, бый ще, каже, разъ бый“, просе

---

[1]) Пустыня.

[2]) Молнія.

лукавый. „Буде съ тебе и разу". Винъ знавъ, шо якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувся очеретамы въ пущу. Иде винъ, тай иде, а очеретъ густый та высокій и свита не выдно. Чуе винъ, трищыть очеретъ и шось суне прямо до его. Шо Богъ дасть, каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. Здоровъ, каже, сыну!—Здоровъ, дидусю!—Куды тебе Богъ несе?—Такъ и такъ, каже, диду: доли шукаю: або звирюка зъисть, або дійду до Велыкого Лугу въ Запорожжя. И ставъ ему Семенъ розсказувать: спалывъ, каже, куринь и боюся гнива козацького: або кіямы забьють, або на шыбыныцю. Дидъ и каже: теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся: пиды до кошового, винъ простыть. Дали показуе дидъ свою рушныцю и каже: тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и е; давай, каже, поминяемось. Вгори литала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—Добра, каже Семенъ, рушныця, а моя ще лучша. Я, каже, не такого звиря убивъ. Отъ дидъ упьять и каже: ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, шо убывъ сатану, тико шануй его. Будешъ ты, каже, велыкый лыцарь и побиждатымешъ непрытеля; будешъ ты, каже, минятьця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостарієшся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового. Сказавъ це дидъ и Богъ зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераитьця и молытву творе. Семенъ навколяшкы.—А шо, каже, еретычый сыну, прыйшовъ?—Не клады, каже, тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь.—Щастя жъ твое, каже, шо не піймала погоня,—заколола бъ. Дали кошовый и каже: за те, шо спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, *Паліемъ*. Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сыльный, шо нихто его не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій, тамъ и удача. Выбралы его козацькимъ батькомъ, тобъ-то кошовымъ. Отъ прыихавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыкалы до себе Палія. Король и каже: погуляймо, братци, та визьмимось рубаты въ пень [1]). москаля.—Не диждешь! каже Семенъ Палій. Якъ схопытьця король, якъ схопытьця проклятый Мазепа, та до Семена Палія. Берить, вьяжить, слугы, сякого такого! Взялы Семена Палія, скувалы въ зализо рукы, ногы и замуровалы въ темныцю. Не богато жъ винъ

[1]) Рубаты въ пень—поголовно.

тамъ сыдивъ, не ивше и не пывше,—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ шведъ войною на царя Петра, пишовъ съ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя сыла війська, а у шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать москаля, а Петро и каже: дай мини, шведо, хоть трохы отдыху. Той давъ, Петро пишовъ у свій станъ и пыта: чы нема, братци, мижъ вамы богатыря, або характерныка? Вызвався хлопець 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замурованный въ темныци Семенъ Палій, той побидыть шведа. Пославъ царь за Паліемъ. Одмуровалы его, глянулы, ажъ у его борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводылы,—ни одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и поихавъ. Прыижжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стилъ, угощае и правды пытае.—Шо, каже, Семене Палію, чы звоюемо шведа?—Звоюемо, каже, тико дай тры дни хлиба святого поисты та спочыть. У шведа була баба хымородныця [1]). Отъ глянула вона на Петрове війско и каже: ой шось за напасть велыка буде на насъ. Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гакамы [2]), та нумо тикать. Покы шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ зъ військомъ на шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: бачышъ шведа?—Бачу, каже: подався черезъ гору. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта упьять: а теперъ бачышъ? Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблямы.—А короля бачышъ?—Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась. Якъ звоювавъ Палій шведа, Петро и каже: ну, Семене Палію, теперъ я дамъ тоби грошей стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски области. Ни, каже Палій, не треба мини ни грошей, ни паньскихъ областивъ: дай мини мылу украину, за котору я двадцять литъ страждавъ,—бильше у тебе ни прошу ничого. Давъ Петро Паліеви украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъзна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь жывый и якъ Господь ему веливъ, миняиться якъ мисяць: старіе и молодіе.

---

[1]) Колдунья, знахарка.

[2]) Передней частью подковы назадъ; собственно гакы—острые зубцы снизу у подковы.

Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края.

Скоро исполнится столѣтіе со времени присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упраздненія въ томъ краѣ уніи. Разныя историческія пертурбаціи, пережитыя Юго-Западнымъ краемъ подъ властью Польши, настолько богаты событіями изъ культурно-политической борьбы малоруссовъ съ поляками за преобладающую роль въ историческихъ судьбахъ края, что самые выдающіеся наши историки съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на „краевыхъ“ историческихъ фактахъ и событіяхъ малорусской народной жизни. Достаточно назвать такихъ авторовъ, какъ Костомаровъ, В. Б. Антоновичъ, Кулишъ, И. Дашкевичъ, Кояловичъ (по исторіи уніи) и мн. другіе. Тѣмъ не менѣе еще хранится подъ спудомъ и не разработана масса архивнаго матеріала, касающагося „краевой“ исторіи, разработка котораго можетъ пролить новый свѣтъ на прошлую и будущую судьбы юго-западнаго края. По исторіи культурно-политической борьбы католицизма съ православіемъ въ Юго-Западномъ краѣ цѣнныя свѣдѣнія и указанія можно было бы извлечь изъ архивовъ бывшихъ уніатскихъ консисторій брацлавской и радомысльской. Къ сожалѣнію, эти архивы, какъ извѣстно, почти не разрабатываются. Теперь-то, на канунѣ истеченія столѣтія со времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, казалось бы, и время для разработки данныхъ памятниковъ прошлаго, предшествовавшаго присоединенію;—для извлеченія изъ архивныхъ историческихъ актовъ всего того, на что историкъ могъ бы опереться для спокойной, объективной оцѣнки прошлаго, и для того, чтобы бросить правильный, ретроспективный взглядъ на будущее. Впрочемъ, какъ видно изъ вновь вышедшаго XX тома „Кіев. Старины“, починъ въ указанномъ нами направленіи уже сдѣланъ каменецъ-подольской епархіальной администраціей. Мы заговорили о необходимости разработки бывшихъ уніятскихъ архивовъ еще и потому, что въ нихъ, безъ сомнѣнія, хранится не мало данныхъ, касающихся и затронутаго въ нашей замѣткѣ вопроса о правѣ „презенты“.—Право презенты по своему существу представляется актомъ чисто юридическимъ, входя въ составъ другихъ правъ помѣстнаго землевладѣльца и составляя одну изъ существенныхъ принадлежностей права вотчиннаго. Презента—въ переводѣ—это вообще рекомендація. Актъ же презенты,—это право польскаго помѣщика не только рекомендовать,

но и представлять въ свои помѣстья кандидатовъ на занятіе мѣстъ настоятелей церквей. Представленіе такого рода выдавалось обыкновенно рекомендуемому на письмѣ къ митрополиту; безъ нея трудно было получить мѣсто священника въ данномъ приходѣ. Право презенты установлено еще въ 1647 г. сеймовой конституціей, и предоставлено было польскимъ помѣщикамъ, какъ одна изъ важныхъ прерогативъ ихъ политическаго положенія и значенія въ краѣ (см. Vol. legum., т. IV, стр. 59). Правомъ презенты, какъ юридическимъ правомъ и какъ привилегіей, польскіе помѣщики воспользовались въ высшей степени умѣло и энергично, въ особенности во 2-й половинѣ XVIII в., обративъ данное юридическое право въ орудіе политической и культурной борьбы съ малорусскимъ населеніемъ,—съ его православіемъ, этикой и экономическими условіями жизни. Во 2-й половинѣ XVIII в., во время, предшествовавшее раздѣлу Польши, и въ особенности съ 1772 г. и до втораго ея раздѣла — культурно-политическая борьба папизма съ православіемъ и энергическая пропаганда уніи въ юго-западномъ краѣ идутъ самыми смѣлыми и быстрыми шагами; казалось даже, что коренному населенію трудно будетъ выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Борьба къ тому же со стороны поляковъ ведется такими рѣшительными и дѣятельными дипломатами, какимъ является бывшій въ то время уніятскій митрополитъ Смогоржевскій, и при содѣйствіи такихъ вооруженныхъ всевластными правами лицъ, каковы магнаты края: Потоцкіе, Любомирскіе и т. д. (Кояловичъ „Унія въ Западной Россіи"). И въ самомъ дѣлѣ, право выбора и назначенія пастырей для „подданныхъ" своихъ помѣстій давало помѣщику могущественное орудіе для распространенія черезъ сельское духовенство, какъ болѣе культурный классъ, своего политическаго и моральнаго вліянія на русское православное населеніе. Понятно также, что зависимое матеріально и юридически отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельское духовенство находилось въ безусловномъ подчиненіи у своихъ „презентаторовъ" и творило волю пославшихъ его. Такимъ порядкомъ вещей только и можно объяснить усилившееся распространеніе уніи въ юго-западномъ краѣ, на канунѣ, можно сказать, разложенія самаго польскаго государственнаго организма. Удерживая подъ исключительнымъ своимъ протекторатомъ сельское духовенство, придерживаясь въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ единомыслія съ высшей духовной администраціей края, польское помѣстное дворянство не безъ основанія было увѣрено въ близкомъ торжествѣ ихъ культурно-

политическихъ идей,—въ скорой полонизаціи самаго края. Въ такомъ смыслѣ понималъ помѣстный правящій классъ право презенты и старался осуществить его на дѣлѣ. Такъ, графъ Францискъ-Салезій Потоцкій, владѣлецъ громадныхъ помѣстій въ Уманщинѣ и Брацлавщинѣ, основалъ въ своихъ владѣніяхъ болѣе 100 церквей уніятскихъ, съ условіемъ подчиненія и зависимости ихъ отъ уніятскаго митрополита; зависимость же духовенства этихъ церквей отъ Потоцкаго обоснована была de jure на правѣ презенты (см. В. Б. Антоновича: Очерки состоянія православ. церкви въ юго-запад. Россіи, изд. 1876 г.). Для поощренія же уніятскаго духовенства къ культурной политической борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ необходимо было по чисто политическому разсчету создать и этому духовенству болѣе привилегированное и сравнительно съ православнымъ духовенствомъ болѣе заманчивое общественное положеніе, для наглядности контраста. Въ видахъ такого рода политики рядомъ польскихъ сеймовъ 1667 и 1678 гг. издаются узаконенія, по силѣ которыхъ уніятское духовенство освобождается отъ всѣхъ военныхъ повинностей, всѣхъ вообще тягостей и взысканій и сравнивается въ своихъ политическихъ правахъ съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, такъ какъ данныя привилегіи признавались однѣми изъ важнѣйшихъ дворянскаго сословія (Vol legum, т. V, стр. 306). Не удивительно поэтому, что правящій въ краѣ классъ—польскіе магнаты, а за ними и вся помѣстная шляхта, пользуясь указанными выше благопріятными условіями своего юридическаго и политическаго положенія, шли увѣренными и смѣлыми шагами по пути полонизаціи юго-западнаго края. Но историческая судьба сулила краю другую жизнь и иную культурно-политическую судьбу... И вотъ, когда истекаетъ столѣтіе со времени присоединенія кореннаго русскаго края къ своей естественной метрополіи, въ самомъ краѣ въ настоящее время уже въ значительной мѣрѣ изгладились и отошли въ забвеніе всѣ рѣзкія черты столь недавней и столь упорной культурно-политической борьбы поляка съ малоруссомъ. Теперь-то самое время и для разработки матеріаловъ по исторіи этой борьбы; своевременна ея безпристрастная оцѣнка.

Въ заключеніе приводимъ текстъ презенты графа Салезія Потоцкаго, выдающагося пропагандиста уніи въ юго-западномъ краѣ, презенты, выданной одному изъ нашихъ предковъ и случайно сохранившейся въ фамильныхъ бумагахъ. Текстъ презенты излагаемъ въ переводѣ. Презента написана на польскомъ языкѣ на гербовой бумагѣ фор-

матомъ въ большой листъ почтовой бумаги, съ подписью въ концѣ Потоцкаго и за его фамильной, гербованной печатью.

„Францъ Салезіушъ на Крыстинополѣ, Тартаковѣ, Струсовѣ, Могилевѣ, Браиловѣ, Тульчинѣ и Умани,—Потоцкій—воевода и генералъ земли кіевской.

Его Высокопреосвященству Феликіану-Филиппу Володковичу, съ Божьей и съ столицы апостольской милости архіепископу, митрополиту кіевскому и всей Россіи. При засвидѣтельствованіи покорныхъ желаній моихъ, до свѣдѣнія довожу, что въ имѣніи моемъ, въ селѣ Яроваткѣ, (уничтожено со введеніемъ военныхъ поселеній въ кіев. губ.) къ уманской волости принадлежащемъ, а въ епархіи вашей находящемся, имѣется церковь во имя св. Михаила Архистратига, въ которой, дабы хвала Божія „не уставала“ въ пользу спасенія рода человѣческаго, предположилъ Вашему Высокопреосвященству *рекомендовать въ настоятели* (presentować za porocha) урожденнаго ксендза Вас. Чеважевскаго, хорошо мнѣ аттестованнаго и въ уніи съ костеломъ с-мъ римско-католическимъ соединеннаго. Оффиціально его рекомендуя, прошу за него, дабы Ваше Высокопреосвященство *его, а никого другаго* (iego, a nie kogo jnnego) въ вышеупомянутую церковь яроватскую назначить изволили. Каковую рекомендацію для большей вѣры и вѣсу рукою собственною при оттискѣ обыкновенной печати моей свидѣтельствую и подписываю. Дано въ Крыстинополѣ, 27 іюня 1772 года. Францъ Потоцкій, воевода“. (М. П.).

В. Чеважевскій.

Херсонъ, 28 марта 1888 г.

„Прыказка“ о нюхаряхъ.

Съ усвоеніемъ козачествомъ первыхъ пріемовъ куренія табаку пресловутая „люлька“ становится какъ бы непремѣнною принадлежностью козацкой „яснои зброи“. Она дѣляется для козака дороже „жинкы“, которую онъ безъ сожалѣнія промѣниваетъ, по словамъ одной quasi—народной пѣсни, на необходимую для него въ степи люльку. Ею франтятъ, за нее даже кладутъ голову,—какъ типично изображено это въ гоголевскомъ Тарасѣ Бульбѣ.

Появленіе въ козацкихъ зубахъ люльки порождаетъ въ нѣкоторыхъ украинскихъ селахъ, особенно въ окрестностяхъ Зинькова полтавской губ. цѣлый, существующій и по настоящее время, кустар-

ный промыселъ — ея производство. Коренковая, окованная мѣдью „люлька-зинькивка“ съ красиво расположеннымъ узоромъ древесныхъ слоевъ достигаетъ величины хорошаго кулака и прокопченная, какъ бы лакированная, такъ наз. „муруга“, цѣнится охотниками въ рубль и дороже. Такою славою въ 50—60 годахъ еще пользовались „плесковати сорочинкы“, выдѣлывавшіяся въ знаменитыхъ по мѣсту дѣйствія сорочинской ярмарки Сорочинцахъ.

Куреніе хотя и считалось въ народѣ грѣхомъ, но козакъ не могъ даже и ради спасенія разстаться съ единственнымъ зачастую развлеченіемъ въ степномъ одиночествѣ „на варти“, на попасѣ, какимъ для него являлась въ подобныхъ случаяхъ люлька; тѣмъ болѣе, что люлька тогда считалась признакомъ хорошаго тона и молодечества, которое было для него всѣмъ. Онъ ограничивался тѣмъ только, что, отправляясь въ церковь, вытряхивалъ изъ „кышень“ начисто всякіе остатки и признаки табаку, даже надѣвалъ новые, не окуренные табачнымъ дымомъ штаны... Это дѣлается и въ наше время, особенно пожилыми „куріями“.

Насколько было популярно куреніе, почитавшееся похвальнымъ молодечествомъ, настолько же было презираемо нюханіе, практиковавшееся по большей части людьми пожилыми и коренными хлиборобами. Народный юморъ осмѣялъ ихъ въ своихъ присказкахъ— поговоркахъ, въ которыхъ „нюхари“ являются въ довольно непрезентабельномъ видѣ.

Привожу одну „прыказку“, записанную мною въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губ. Она, кромѣ своего содержанія, обращаетъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что составлена какъ-будто складомъ извѣстныхъ „думъ“, или же подъ ихъ вліяніемъ.

Якъ бувъ соби Свырыдъ
Та Давыдъ;
У Давыда дуда,
А въ Свырыда нема.
Давыдъ заснувъ,
А Свырыдъ за дуду тай махнувъ.

—

Ставъ до берега доплывать,
Стала дуда намокать,
Ставъ Свырыдъ потопать,
Ставъ Господа-Бога прохать:

„Колы бъ мени, каже, до берега доплывсты,
Братови Давыдови дуду однесты“.

—

Прыплывъ на краець,
Ажъ сыдыть дидъ Макарець,
А у его пидъ носомъ и кабакы на палець.
—Здоровъ тоби, диду Макарець!
—„А почимъ ты взнавъ, шо я Макарець?“
—А я глянувъ, каже, шо у тебе пидъ носомъ кабакы на палець,
Тай пизнавъ, шо ты Макарець“.
—„Ну здоровъ, Свырыдъ!“
—А почимъ ты взнавъ, шо я Свырыдъ?
—„А я, каже, глянувъ на выдъ,
„Тай пизнавъ, шо ты Свырыдъ“.

—

—Дай же, диду, кабакы, понюхать.
—„А хыба ты вжываешъ?“
—Вживаю.
„А батько? А маты?“
—Вжыва,
Тилко те не вжыва,
Шо въ колысци спочыва“.
—„На жъ тоби, хлопче, отцю роговыну,
„Та научы ту малу дытыну.“

—

Та дытына нюхнула, не нюхнула,
Богу душу оддала.
Якъ прылетило тры янголы—
Куцыхъ та мохнатыхъ,
Та вытришкуватыхъ....
Якъ взялы тото гришного душечку—
На мотузочку
Та понеслы очеретами та болотамы...
Очерета та болота трищать,
От-то жъ того гришного душечку тащать.

Ив. Маджура.

Отчетъ о рефератѣ проф. В. Б. Антоновича, читанный въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г.

Предметомъ реферата В. Б. Антоновича были нѣкоторыя замѣчанія о городищахъ, осмотрѣнныхъ имъ во время археологической экскурсіи лѣтомъ 1887 года. Предварительно референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о городищахъ вообще. Вопросомъ о городищахъ занимались очень немногіе и его можно считать почти неразработаннымъ. Первая работа о городищахъ въ русской литературѣ принадлежитъ Ходаковскому, который собралъ значительный фактическій матеріалъ, но въ обработкѣ имъ этихъ фактовъ при тогдашнемъ слабомъ развитіи археологіи онъ даетъ много мѣста своей фантазіи, строитъ апріорныя гипотезы и подгоняетъ подъ нихъ факты.

Гораздо серьезнѣе изслѣдованіе Срезневскаго, напечатанное во 2 изд. зап. одесск. общ. ист. и древ. Это добросовѣстная попытка дать классификацію городищъ, но писано это лѣтъ 50 назадъ, когда фактовъ было собрано еще мало. Съ того времени разработка вопроса о городищахъ почти не подвинулась впередъ. Въ новѣйшей литературѣ мы встрѣчаемся съ этимъ вопросомъ въ трудѣ г. Самоквасова „Древніе города Россіи“; но въ сочиненіи этомъ нѣтъ попытки классификаціи городищъ; авторъ собралъ свѣдѣнія о городищахъ, находящихся на территоріи Сѣверской земли, и всѣ безразлично считаетъ укрѣпленіями древнихъ славянскихъ городовъ. Въ настоящее время, полагаю, слѣдуетъ собирать матеріалы и свѣдѣнія и прежде чѣмъ относить городище къ извѣстному опредѣленному времени, необходимо выработать методъ для ихъ классификаціи и установить признаки, по которымъ каждая категорія могла бы быть отнесена къ извѣстной эпохѣ. Референтъ предложилъ нѣсколько такихъ пріемовъ.

Чтобы отнести данное городище къ извѣстной категоріи, нужно имѣть его планъ, затѣмъ слѣдуетъ собрать всѣ историческія данныя, къ нему относящіяся, если таковыя сохранились въ письменныхъ источникахъ; когда такимъ путемъ будетъ опредѣлена мѣстность, то, сопоставляя это опредѣленіе съ планомъ, можно пріурочить данное городище къ извѣстному историческому времени. Но это, конечно, не всегда возможно. При отсутствіи историческихъ данныхъ нужно прибѣгнуть къ двумъ другимъ пріемамъ: 1) раскопать курганы, состоящіе въ непосредственной связи съ городищемъ и слу-

жившіе мѣстомъ погребенія населявшихъ послѣднее жителей и по похоронному обряду можно будетъ примѣрно опредѣлить время возникновенія городища, и 2) собрать по возможности вещи, находимыя въ городищѣ, и по сравнительному изученію ихъ стараться опредѣлить эпоху существованія даннаго города. Пользуясь этими тремя способами, можно съ большей или меньшей точностью отнести городище къ извѣстной эпохѣ, хотя, конечно, здѣсь могутъ быть наслойки различныхъ эпохъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ В. Б. Антоновичъ ограничился райономъ отъ береговъ р. Раставицы, притока Роси, къ сѣверу до р. Тетерева и его притоковъ, обнимающихъ западную часть середины кіевской губерніи и прилегающую къ ней небольшую часть житомирскаго уѣзда. Имъ изслѣдовано 24 городища, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: первую по р. Раставицѣ и вторую по р. Тетереву и его притокамъ. Относительно первой, на основаніи историческихъ данныхъ, можно предполагать, что это городища черноклобуцкія, и даже точнѣе—бывшіе города берендичей. Референтъ привелъ въ пользу этого слѣдующія мѣста изъ лѣтописи: подъ 1071 г. „воеваша Половци у Растовца и Неятина". Подъ 1169 г. разсказывается, что Владиміръ Мстиславичъ задумалъ козни противъ своего племянника Мстислава Изяславича, занимавшаго кіевскій столъ, и хотя, будучи уличенъ въ этомъ, цѣловалъ племяннику крестъ, но не устоялъ на крестномъ цѣлованіи, вслѣдствіе подстрекательствъ черноклобуцкихъ князей „Чагровичей" Чекъмана, брата его Тошмана и Моначюка; Владиміръ обратился къ дружинѣ и, когда она отказалась слѣдовать за нимъ, поѣхалъ къ Берендичамъ только въ сопровожденіи дѣтскихъ „и снялся с Берендичи ниже Растовця". Подъ 1177 годомъ разсказывается о набѣгѣ половцевъ на южные предѣлы кіевской земли; княжившій тогда Романъ Ростиславичъ послалъ брата Рюрика и сыновей въ землю берендичей, гдѣ половцы „взяша 6 городовъ Береньдиць и поидоша к Ростовцю"; тутъ то князья нагнали половцевъ, но были разбиты и едва убѣжали въ Растовецъ. Такимъ образомъ ясно, что въ Растовцѣ, Неятинѣ и 5 другихъ городахъ жили берендичи. Растовецъ—это нынѣшнее мѣстечко Бѣлиловка, одно изъ предмѣстій котораго называется этимъ именемъ и которое называлось Раставицею въ документахъ до конца XVII ст. (въ послѣдній разъ въ 1701 г. документъ говоритъ: „Раставица alias Билиловка"). Неятинъ—это, вѣроятно, нынѣшнее с. Ягнятинъ. Сосчитавъ городища по Раставицѣ, получимъ 7 городищъ, т. е. счетъ лѣ-

тописи: 6 городовъ берендичскихъ и Растовецъ. Эти городища расположены такъ: у Растовца, у Ружина, (прежде до XVI в. называвшагося Щербовъ), у Ягнятина (2 городища), у Карабчіева, у Паволочи и у Бакожина (нынѣ село Буки, часть котораго удерживаетъ старое названіе).

Другая группа городищъ расположена по Тетереву и его притокамъ. Среди этихъ городищъ можно указать два извѣстныхъ изъ лѣтописи: Мичьскъ и Городескъ. Мичьскъ—это нынѣшній Радомысль, одно изъ предмѣстій котораго, лежащее въ углу между рѣками Тетеревомъ и Мыкою и сохранившее, хотя въ значительно испорченномъ видѣ, древнее городище, носитъ это имя. О Мичьскѣ упоминается подъ 1150 г. Когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ на Владимірка Галицкаго, то дошелъ до р. Уши, встрѣтилъ тутъ Владимірка и отступилъ чрезъ Мичьскъ. Затѣмъ, когда походъ Владимірка на Кіевъ не удался и онъ отступилъ въ свою очередь, то, проходя черезъ Мичьскъ, онъ потребовалъ у жителей серебра и мичанки должны были даже вынуть изъ ушей серьги и снять шейныя гривны для уплаты контрибуціи галицкому князю, чтобы спасти городъ отъ разоренія. Городескъ упоминается подъ 1257 г., гдѣ лѣтопись упоминаетъ о цѣломъ рядѣ городовъ по Тетереву, не перечисляя впрочемъ ихъ именъ. Здѣсь разсказывается о походѣ Шварна Даниловича, желавшаго отнять у татаръ добровольно имъ подчинившіяся области; въ лѣтописи сказано, что онъ взялъ Городескъ и города по Тетереву „до Жедечева". О другихъ городахъ по Тетереву мы не имѣемъ свѣдѣній, за исключеніемъ Котельни, лежащей на притокѣ Тетерева рѣкѣ Гуйвѣ; мѣстечко это нѣкоторое время играло роль удѣльнаго города въ кіевскомъ княженіи. Подъ 1143 годомъ говорится о сильной бурѣ „около Котелничѣ". Въ 1147 году она была отдана съ 4 другими городами Святославу Всеволодовичу. Въ 1148 году ее съ другими городами получилъ Ростиславъ Юрьевичъ. Въ 1162 году здѣсь снялись Рюрикъ Ростиславичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ, отправляясь на половцевъ. Въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ отпускаетъ въ „Котелничю" своего дядю Владиміра Мстиславича. Далѣе имѣемъ объ этомъ городѣ рядъ позднѣйшихъ фактовъ. Онъ продолжалъ быть укрѣпленнымъ мѣстомъ до конца XVI в. При описаніи житомирскаго замка 1545 г. люстраторы между прочимъ говорятъ: „Котельня, городище повидаютъ велми доброе, мало не такое якъ житомирское". Въ 1581 г. городъ подаренъ былъ сеймомъ кн. Кирику Ружинскому, который перестроилъ

замокъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ Конецпольскимъ. Во время этихъ переходовъ слѣды древняго городища все болѣе и болѣе затемнялись.—Объ остальныхъ городищахъ, какъ объ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нѣтъ письменныхъ данныхъ ни въ древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ документахъ.

Всѣ городища, за исключеніемъ испорченныхъ и одного городища ясно позднѣйшаго происхожденія, у села Минійки, относятся къ типу, который можно назвать велико-княжескимъ. Изъ городищъ такого типа только немногіе находятся на ровной мѣстности, какъ Грубскъ, но обыкновенно расположены на возвышенности на берегу рѣки. Самымъ лучшимъ считалось положеніе въ видѣ уединенной горы, но, такъ какъ такое положеніе очень трудно найти, то выбиралась гора, которая мысомъ врѣзывалась между двумя оврагами, и эта гора отрѣзывалась отъ континента рвомъ, дно котораго по б. ч. лежитъ на одномъ уровнѣ съ дномъ овраговъ, которые ровъ соединяетъ. Такое городище окружалось по контурамъ горы довольно высокимъ валомъ, слѣдовавшимъ по контурамъ возвышенности и образовывавшимъ кривизны какъ выпуклыя, такъ и вогнутыя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валъ достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ; съ наружной стороны городище окапывалось рвомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является нѣсколько такихъ валовъ, расположенныхъ концентрически. Это видно во всѣхъ важнѣйшихъ городищахъ, сохранившихся отъ княжескихъ временъ. Какъ на примѣръ, можно указать въ окрестностяхъ Кіева на Вышгородъ съ 7 и Пересѣченъ съ 3 концентрическими кругами валовъ. Типъ этотъ, быть можетъ, можно тнести исключительно къ княжескому періоду. Нѣкоторые варіанты представляютъ тѣ изъ городищъ этой эпохи, которыя стоятъ на равнинѣ, какъ Грубскъ и Щигліевка.

Городища у Карабчіева, Ивницы и Мининъ отличаются тѣмъ, что внутренняя площадь ихъ сдѣлана выпуклою къ серединѣ для того, чтобы избавиться отъ застоя воды.

О раскопкахъ кургановъ, находящихся въ связи съ этими городищами, проф. Антоновичъ докладывалъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій. Характеристическій типъ древлянскаго похороннаго обряда встрѣчается во всѣхъ этихъ курганахъ безъ исключенія. Слѣдовательно, можно полагать, что эти курганы возникли въ то время, когда древлянское племя уже сложилось въ общественную группу, составлявшую союзъ древлянскихъ городовъ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись при разсказѣ о походахъ Ольги на древлянъ.

Относительно предметовъ, находимыхъ въ городищахъ, референтъ указалъ на двѣ коллекціи, составленныя имъ въ городищахъ Грубскѣ и Городскѣ. Въ Грубскомъ городищѣ найдено значительное количество *пряслицъ,* употреблявшихся до конца XIV ст.; онѣ дѣлались изъ краснаго шифера (фабрика ихъ находилась въ овручскомъ уѣздѣ) и служили вмѣсто маховаго колеса для веретенъ. Въ томъ же городищѣ найдена печать изъ краснаго шифера съ изображенными на ней 4 крестами. Наконецъ, оттуда же бронзовая стрѣлка, (подобныя наконечности стрѣлокъ встрѣчаются почти исключительно въ полосѣ юго-восточныхъ русскихъ степей, т. е. въ той полосѣ, которую долго занимали кочевники тюркскаго племени. Въ этомъ городищѣ найдены были также тяжелые шары изъ стекла, называемые „гало" и служившіе орудіемъ при производствѣ ткани для *намитокъ,* которыя въ древности носили замужнія женщины всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и княгини. Всѣ эти вещи подкрѣпляютъ мнѣніе, что это городище относится къ княжескому періоду.

То же можно сказать о городищѣ въ с. Городскѣ. Здѣсь кромѣ значительнаго количества пряслицъ, имѣемъ нѣсколько экземпляровъ крестовъ двухстворчатыхъ (тѣльниковъ), обломокъ креста изъ краснаго шифера, большой желѣзный боевой топоръ, нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ это городище расположено на большой, рыболовной рѣкѣ; большую фибулу, орнаментированную двумя удлиненными фигурами звѣрей. Всѣ эти вещи подтверждаютъ мнѣніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ укрѣпленіями христіанской эпохи, существовавшими въ княжеское время.

Н. Н. Чернышевъ.

(Некрологъ).

Въ г. Кременчугѣ 22 марта текущаго года скончался на 28 году жизни Николай Николаевичъ Чернышевъ, извѣстный читателямъ „Кіевской Старины" по статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же изданіи въ прошломъ году. Статьи, появившіяся за подписью Чернышева, не велики по объему, но онѣ не могли затеряться въ журнальномъ матеріалѣ, не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія читателей: въ такой степени работы его выдѣлялись изъ ряда прочихъ журнальныхъ статей по своей оригинальности, широтѣ воззрѣній автора и по тому методу, какой пытался примѣнять покой-

ный къ вопросамъ южно-русской этнографіи. За литературныя работы вообще онъ брался съ жаромъ даровитой натуры, къ сотрудничеству въ „Кіевской Старинѣ“ влекли его глубокія симпатіи къ родинѣ, живѣйшій интересъ къ изученію бытовыхъ особенностей роднаго края, и потому мы не можемъ не помянуть Н. Н. добрымъ словомъ, не можемъ не пожалѣть о безвременно утраченной силѣ, много обѣщавшей въ будущемъ и подкошенной сначала нуждою, а потомъ тяжелой болѣзнью на самой зарѣ литературной дѣятельности... Н. Н. умеръ отъ чахотки, когда ему едва исполнилось 27 лѣтъ.

Біографическія свѣдѣнія наши о покойномъ весьма скудны, хотя, нужно сознаться, немногіе прожитые имъ годы и не могли изобиловать разнообразнымъ, интереснымъ біографическимъ матеріаломъ. Родился онъ въ Кіевѣ въ 1861 г.; родители его содержали частный приготовительный пансіонъ. Отецъ Чернышева оставилъ послѣ себя въ Кіевѣ добрую память какъ литераторъ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ редакторомъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ то время, когда въ нашемъ городѣ не было еще ни одной газеты. Не смотря на скромныя рамки своего изданія, онъ успѣлъ его оживить въ значительной степени, умѣлъ найти мѣстныхъ интеллигентныхъ корреспондентовъ и значительно заинтересовать читающую публику; затѣмъ онъ издалъ 3 памятныя книжки кіевской губерніи (1856—1858 гг.), которыя послужили образцемъ для подобнаго рода изданій, появившихся въ послѣдствіи въ разныхъ другихъ губернскихъ городахъ и старавшихся собрать возможно полныя въ то время свѣдѣнія объ исторіи, географіи, статистикѣ и экономическихъ отношеніяхъ своей мѣстности. Послѣ 30 лѣтняго промежутка времени, не смотря на все то, что въ продолженіи его успѣла пріобрѣсти наука, и губернскія вѣдомости и памятныя книжки, издававшіяся Чернышевымъ, не потеряли интереса для лицъ, занимающихся изученіемъ кіевской земли, и приходится понынѣ не безъ пользы справляться съ этими изданіями.

Въ первой гимназіи Н. Н. началъ свое образованіе, но потомъ перешелъ въ кіевское реальное училище, которое и окончилъ въ 1878 г. Въ томъ же году онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ пробылъ недолго. Увольнившись изъ института, Н. Н. уѣхалъ за-границу, въ Бернѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался анатоміей. Тогда же онъ началъ серьезно интересоваться исторіей и на послѣдніе гроши составилъ себѣ порядочную библіотеку капитальныхъ истори-

ческихъ сочиненій. 19—20 лѣтъ онъ снова въ Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ пошли скитанія по урокамъ, конторамъ, переписка бумагъ и т. п. занятія ради насущнаго хлѣба, пока въ 1883 г. онъ не поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія сначала на 25 р., потомъ на 40 и даже на 75 р. жалованья въ мѣсяцъ. Въ томъ же 83 году онъ женился на слушательницѣ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, А. Я. А—вой.

Все свободное отъ службы время Н. Н. посвящалъ самообразованію, подготовкѣ себя къ литературной дѣятельности въ области южно-русской этнографіи. Ему казалось, что здѣсь онъ обрѣлъ свое настоящее призваніе, и онъ съ жадностью накидывался на всякую книгу по исторіи Малороссіи, на всякое изслѣдованіе или сообщеніе о вѣрованіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ южно-русскаго племени. Новые языки онъ зналъ хорошо, читалъ въ подлинникѣ и древне-классическихъ писателей. Любимѣйшимъ чтеніемъ его были труды по описательной этнографіи англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ; добытыя европейской наукой общія положенія по исторіи культуры онъ переносилъ на родную почву и съ помощью ихъ старался выяснить черты глубокой южно-русской старины, сохранившіяся въ обычаяхъ и обрядахъ. Въ послѣднее время сильно занимала его мысль объ изготовленіи для „К. Старины“ статьи о похоронныхъ малорусскихъ обычаяхъ и обрядахъ, объясняемыхъ на широкой основѣ сравнительной этнографіи.

Въ іюлѣ прошлаго года покойный по слабости здоровья вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и поселиться въ г. Кременчугѣ, куда онъ былъ переведенъ на ту же должность по министерству путей сообщенія. Къ концу жизни судьба сжалилась надъ Н. Н.: матеріальныя обстоятельства его значительно улучшились,—даже завѣтная мечта его о поселеніи въ Кіевѣ близка была къ осуществленію. Здѣсь ему обѣщано было мѣсто въ томъ же вѣдомствѣ на 1800 р. жалованья. Но въ январѣ этого года онъ слегъ въ постель, а въ мартѣ его не стало... Люди, близко знавшіе покойнаго, всегда говорили о немъ съ любовью и сердечнымъ участіемъ, какъ о человѣкѣ замѣчательно скромномъ, одаренномъ отзывчивой, любящей душой, и неустанномъ работникѣ.

Изъ Кременчуга-то Н. Н. и присылалъ свои статьи въ „К. Старину“, свидѣтельствовавшія о разностороннемъ европейскомъ образованіи автора и о постоянномъ обращеніи его съ лучшими сочиненіями по общей и южно-русской этнографіи.

Въ „К. Старинѣ“ за подписью Н. Чернышева напечатаны: „Опытъ истолкованія обычая понедилкуванья“ (1887, апр.), пространная рецензія на книгу Змыгродскаго *die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes*, München. 1886 (1887, окт.) и „Къ вопросу о парубоцтвѣ, какъ особой общественной группѣ“ (тамъ же, ноябрь). Имена Леббока, Макъ-Леннана, Бахофена, Спенсера, Жиро-Телона, Плосса, Ефименка, Зибера, Ковалевскаго и др., часто упоминаемыя Чернышевымъ, съ достаточною ясностью опредѣляютъ то научное направленіе, въ которомъ работалъ покойный съ увлеченіемъ.

Путемъ анализа и многочисленныхъ сближеній онъ дѣлаетъ попытки проникнуть въ первоначальный смыслъ и прослѣдить судьбу особаго рода чествованія понедѣльника въ Малороссіи, выяснить значеніе т. н. „парубоцькой громады“ въ связи съ архаическими формами быта малорусскаго племени, а въ рецензіи на сочиненіе Змыгродскаго Н. Н. предлагаетъ нѣкоторыя поправки къ поспѣшнымъ и одностороннимъ выводамъ автора о нѣкоторыхъ свадебныхъ или передбрачныхъ обрядахъ въ Малороссіи. Во всѣхъ статьяхъ Н. Н. нисходитъ къ до-историческому прошлому, къ такимъ явленіямъ общежитія, коими характеризуются т. н. коммунальныя брачныя отношенія, періодъ материнства и эпоха перехода къ индивидуальному и моногамическому браку; съ наибольшимъ интересомъ Н. Н. останавливается на переходныхъ моментахъ и на свойственныхъ имъ явленіяхъ смѣшаннаго порядка. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ старается съ наибольшею вѣроятностью возстановить промежуточныя звенья, лежащія между нынѣ живущимъ обрядомъ или учрежденіемъ и тѣмъ архаическимъ общественнымъ и домашнимъ строемъ, въ которомъ измѣнившіеся отъ времени или окаменѣлые остатки были живыми бытовыми явленіями, полными реальнаго смысла и практическаго значенія.

Разумѣется, работы Н. Н. не представляютъ собою въ общей сокровищницѣ этнографіи чего-либо крупнаго, тѣмъ менѣе законченнаго и цѣльнаго; но онѣ весьма интересны, какъ первые опыты даровитаго изыскателя, добросовѣстно, съ любовью прилагающаго сравнительный научный методъ къ отдѣльнымъ явленіямъ народной южно-русской жизни. Критическія замѣчанія на книгу Змыгродскаго яснѣе всего обличаютъ въ Н. Н. близкое, широкое знакомство съ этнографической иностранной литературой и умѣніе его воздерживаться отъ скороспѣлыхъ обобщеній въ такой области, гдѣ требуется

прежде всего осторожность въ заключеніяхъ и неослабное вниманіе къ подробностямъ объясняемаго явленія.

Что касается собственныхъ его попытокъ истолкованія „понедилкуванья“ и „парубоцтва“, то, во-первыхъ, онѣ пріурочиваются къ слишкомъ небольшому, хотя и старательно собранному матеріалу гг. Василенка и Боржковскаго, появившемуся также на страницахъ „К. Старины“ (1887 г. янв., августъ, а не сентябрь, какъ отмѣчено у Чернышева). Во-вторыхъ, самый этотъ матеріалъ требуетъ болѣе детальнаго разбора, болѣе строгаго расчлененія на составные элементы, чѣмъ это сдѣлано въ статьяхъ Чернышева; только при соблюденіи этихъ условій слѣдуетъ приступать къ сближенію и сравнительному истолкованію данныхъ явленій малорусской жизни. Въ интересной статьѣ о „понедилкуваньѣ“ авторъ самъ сознается, что въ обычаѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ эротическаго элемента, что̀ однако не мѣшаетъ ему выводить обычай цѣликомъ изъ первобытной формы половыхъ отношеній. По нашему мнѣнію, авторъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы обратилъ больше вниманія на сопутствующее половымъ отношеніямъ экономическое положеніе замужней женщины въ архаическомъ періодѣ общежитія. Равнымъ образомъ въ статьѣ о „парубоцтвѣ“, наблюденномъ г. Боржковскимъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ литинскаго и винницкаго уѣздовъ, опущены при истолкованіи обычая нѣкоторыя существенныя подробности, какъ наприм., строгое воспрещеніе парубку „зачипаты“, или „займаты“ дѣвушку, съ которою онъ намѣренъ „шлюбъ браты“. Потомъ, въ рецензіи на сочиненіе Змыгродскаго, народъ, у котораго дѣти распредѣлялись между неизвѣстными отцами по сходству ихъ съ послѣдними, ошибочно называется агаѳирсами вмѣсто насамоновъ, причемъ должна быть сдѣлана ссылка на Геродота IV, 180, а не IV, 104, какъ у Чернышева. Нельзя не отмѣтить и того, что Н. Н. многократно, во всѣхъ статьяхъ упоминаетъ извѣстное сочиненіе Бахофена о материнствѣ, каждый разъ называя Бахофена (Bachofen) Баховеномъ и т. п.

Однако эти и подобныя несовершенства, понятныя и извинительныя въ первыхъ опытахъ молодаго изслѣдователя, не умаляютъ общаго значенія попытокъ такого рода. Не говоря о томъ, что при помощи данныхъ и пріемовъ сравнительной этнографіи Н. Н. удалось въ одномъ исправить и восполнить своихъ предшественниковъ, другое вѣрно поставить и самостоятельно разъяснить, — не говоря уже объ этомъ, статьи Чернышева принадлежатъ къ весьма неболь-

шому пока числу работъ, убѣждающихъ читателя въ пригодности общихъ пріемовъ научной этнографіи для разработки этнографическаго матеріала южно-руссовъ, въ необходимости широкой научной подготовки для успѣшнаго разрѣшенія частныхъ повидимому вопросовъ родиновѣдѣнія. Таковъ урокъ, преподанный покойнымъ Н. Н. молодому поколѣнію любителей родной старины, желающихъ поработать на пользу мѣстныхъ изученій.

Ѳ. М.

Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева.

(Изъ письма въ редакцію).

Къ библіографической замѣткѣ г. С. П. о трудахъ покойнаго Ѳ. Г. Лебединцева прошу прибавить моихъ два слова. Я хочу вспомнить о томъ невидимомъ, огромномъ трудѣ, который онъ вложилъ въ основанную имъ „Кіевскую Старину", трудѣ, который онъ несъ въ значительной степени самостоятельно, до послѣднихъ мелочей и который свелъ его въ могилу. Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, обставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая, журналъ онъ забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, что появляется изъ журнальнаго матерьяла въ книгѣ. Она не знаетъ той массы недомыслія и умственной слабости, которую приходится отвергать, не знаетъ процесса переработки, предшествующаго появленію многаго въ печати. Невидимая лабораторія, гдѣ продѣлывается все это—редакторскій столъ. У этого стола, едва покинувъ этотъ трудъ, и умеръ Лебединцевъ. Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и проститъ ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнитъ только то высокое и доброе, что было плодами его работы.

Просматривая библіографическій указатель къ нашему журналу за шесть истекшихъ лѣтъ, читатель не встрѣтитъ ни одной статьи съ полной подписью Ѳ. Г. Это обстоятельство могло обращать вниманіе и при жизни покойнаго, обращаетъ вниманіе и теперь. Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседекѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заявившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздер-

живался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаньямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ разсказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжки. Чаще всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д—ръ, Холмскій Старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, разсчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника", помѣщенныя въ послѣдней книгѣ прошлаго года. Участіе Ѳ. Г. въ обработкѣ этого матерьяла было такъ велико, что, по желанію самого почтеннаго автора, статья подписана прозрачными иниціалами Іер. Ѳ. Л—въ. О подробностяхъ издательской дѣятельности Ѳ. Г., о его даровитой и сложной натурѣ, быть можетъ, прійдется сказать когда-нибудь подробнѣе. Смерть его для того, кто зналъ его близко и искренно, слишкомъ большая потеря, чтобы быть въ состояніи съ необходимымъ спокойствіемъ начертать теперь его благородный образъ.

В. Г.

Для справокъ.

Воззваніе отъ Комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губерніи, какъ историческаго памятника.

8 генваря 1654 года въ соборной Успенской церкви г. Переяслава, нынѣ полтавской губерніи, совершилось событіе, закрѣпившее за этимъ храмомъ вѣчную славу въ отечественной исторіи: подъ сводами его въ тотъ день подданство Малороссіи царю великой Русской Державы запечатлѣно присягою знаменитаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ малороссійскимъ народомъ по лѣвую сторону Днѣпра; а 20 февраля, 1674 года, и представители Заднѣпровской Украины тамъ

же, подтвердили присягой свое вѣрноподданство Россійскому Самодержцу. Малороссія, измученная въ ту пору иноземными притязаніями и кровопролитіями, такимъ образомъ, на всегда обезпечена въ своемъ политическомъ спокойствіи, а съ другой стороны, слитіе ея съ Великой Россіей, съ державой единовѣрной и единоплеменной, лучше всякихъ завоеваній способствовало возвеличенію нашего отечества. Славными дѣяніями нашихъ предковъ мы дорожимъ; стыдно предавать ихъ забвенію; мы даже роемся въ нѣдрахъ земли, чтобъ откопать и потомъ ознаменовать славное прошлое монументальными постройками. „Присоединеніе Малороссіи"—не такое маловажное происшествіе, чтобъ дѣятели въ немъ и святыня, бывшая пріятелищемъ и свидѣтельницею достопамятной присяги, оставлены были нами въ пренебрежительномъ невниманіи. Вотъ, въ настоящее время, на сборъ доброхотныхъ пожертвованій по всей Россіи, уже сооружается памятникъ главному виновнику совершившагося въ Переяславскомъ Успенскомъ храмѣ событія съ надписью: „Богдану Хмельницкому—единая недѣлимая Россія",—чѣмъ ясно выражается ему признательность благодарнаго потомства. Самый же храмъ, въ которомъ совершилось клятвенное соединеніе Малой Россіи съ Великою, не уцѣлѣлъ до нашихъ дней. Въ 1660 годахъ, отъ бывшаго въ городѣ большаго пожара, онъ сгорѣлъ до основанія. Благовѣрный Царь Великія и Малыя Россіи, Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о томъ, благоволилъ оказать царственное содѣйствіе переяславцамъ къ возсозданію на томъ же мѣстѣ новаго храма. Присланный изъ Москвы стрѣлецкій голова, Федоръ Михайловичъ Иртищевъ, (онъ же окольничій и дворецкій большаго дворца Царя Алексѣя Михайловича), на Государевъ коштъ, (какъ сказано въ одномъ архивномъ документѣ Успенской церкви), при участіи въ дѣлѣ гражданъ Переяславскихъ, воздвигъ опять большую деревянную церковь, тоже во имя Успенія Божіей Матери и на томъ же самомъ мѣстѣ. Но и это зданіе Успенской церкви не уцѣлѣло до нашихъ дней: 30 марта 1761 года оно сгорѣло.

Въ 1767 году прихожанами, на счетъ своихъ и стороннихъ доброхотныхъ жертвъ, былъ снова построенъ, все на томъ же мѣстѣ, храмъ во имя Успенія Божіей Матери и деревянный же. Но это зданіе, въ настоящее время, до того обветшало, что Богослуженіе въ немъ не совершается.

Боголюбивые и отчизнолюбивые сыны православной Великой и Малой Россіи! Во имя Божіе и во славу отечества нашего, не оставьте безъ святаго усердія вашего святаго предпріятія: имѣется въ виду возсоздать храмъ каменный, во имя Успенія Божіей Матери, въ г. Переяславѣ. Съ 8 генваря 1654 года храмъ сей, такъ сказать, пересталъ уже быть мѣстнымъ приходскимъ храмомъ, а сталъ храмомъ всего Малороссійскаго края, такъ какъ всѣ представители его, съ разныхъ мѣстъ, тамъ молились и приносили присягу; съ того времени онъ дѣлается храмомъ, достойнымъ благоговѣйнаго вниманія всей Россіи. Храмъ этотъ въ роды родовъ, дѣтямъ и внукамъ нашимъ, будетъ напоминать о славномъ, незабвенномъ дѣяніи нашихъ предковъ и о нашей признательности къ ихъ дѣянію, будетъ отъ насъ—сыновъ единой недѣлимой Россіи—даромъ и жертвою святой православной Вѣрѣ христіанской, которая просвѣтила насъ и объединила, возвеличила и самодержавныхъ Царей нашихъ, и Землю нашу: въ храмѣ семъ будетъ выну возноситься безкровная молитвенная жертва о упокоеніи въ селеніяхъ святыхъ всѣхъ братій нашихъ—ревнителей единенія земли Русской,—и о насъ живыхъ,—да благоденствуемъ въ мирѣ и единеніи подъ державою, изъ рода въ родъ, Благочести-

вѣйшихъ, Самодержавнѣйшихъ, Великихъ Монарховъ нашихъ: пусть не отяготѣетъ надъ нами и нашимъ временемъ горькій укоръ потомства въ равнодушіи къ святому патріотическому дѣлу.

Комитетъ по устройству соборной церкви въ г. Переяславѣ, какъ историческаго памятника, будетъ принимать пожертвованія съ глубокой благодарностію и проситъ адресовать таковыя въ г. Переяславъ, полтавской губерніи, прямо на имя его—Комитета.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе газетъ.

Кіевлянинъ (№№ 70—91). *Кіевское Слово* (№№ 356—375). *Подольскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 13—16). *Подольскія Губернскія Вѣдомости* (№№ 1—30). *Волынскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 10—12). *Волынскія Губерн. Вѣдомости* (№№ 1—30). *Екатерин. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—30). *Одесскій Вѣстникъ* (№№ 1—50). *Новороссійскій Телеграфъ* (№№ 3951—4044). *Крымъ* (№№ 7—17). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 5—7). *Полт. Губ. Вѣдом.* (№№ 1—30). *Черниговск. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—32). *Харьковскія Губ. Вѣдомости* (№№ 1—86). *Южный Край* (№№ 2488—2510). *Орловскій Вѣстн.* (№№ 1—51). *Донская Рѣчь* (№№ 1—45). *Донъ* (№№ 1—44).

Кіевлянинъ №№ 70—91.

№ 70. О *реставраціи иконостаса св. Софіи кіевской.*

№ 71. *Къ реставраціи черниговскаго каѳедральнаго собора.* Работы предположено произвести подъ наблюденіемъ А. В. Прахова и затрата на это будетъ простираться до 100,000 руб. Нѣсколько словъ объ исторіи собора и краткое описаніе его достопримѣчательностей.

№ 74. *Некрологъ т. с. Ф. С. Стоинскаго*, бывшаго начальникомъ юнкерской и ланкастерской школъ въ Кіевѣ, а въ 1833—39 гг. предсѣдателемъ черниговской гражданской палаты.

Очеркъ исторіи г. Млина. Заимствовано изъ корреспонденціи „Рус. Курьера“ по случаю приближающагося празднованія 300-лѣтняго юбилея этого города.

Перепечатка изъ „Южн. Края“ о томъ, что вся восточ. часть г. Полтавы стоитъ на минахъ, относимыхъ преданіемъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ.

№ 76. *Корреспонденція изъ Чернигова* о найденной въ р. Сновѣ близь с. Кобылянки безымянной кости (os innominatum) неизвѣстнаго животнаго; длина ея 1 арш. 4′в. ширина—1 арш. $2^3/_4$ в., вертлужная впадина $^1/_4$ арш., вѣсъ—$36^1/_4$ фунт.

№№ 78, 80, 81, 83. *Между дѣломъ.* Путевые эскизы и наброски врача во время призыва новобранцевъ въ одной изъ юго-западныхъ губерній.

№ 80. *Засѣданіе историч. общества Нестора-Лѣтописца* 3 апрѣля. Отчетъ о докладахъ: пр. В. С. Иконникова „о X главѣ Наказа", проф. В. Б. Антоновича „о городищахъ кіевской земли" и пр И. В. Лучицкаго „о сябринномъ владѣніи".

№ 81. Перепечатка отрывковъ изъ статьи „Варш. Дневн." объ украинофильствѣ.

№ 83. Археологич. находки въ Михайловскомъ монастырѣ. „Выемка земли для устройства калориферовъ подъ церковью Михайловскаго монастыря начата снаружи церкви, у западнаго входа въ южный придѣлъ (св. Екатерины). Обнаженные фундаменты зданія состоятъ изъ кирпичей, съ промежутками бутоваго камня; по линіи поверхности почвы въ стѣнахъ лежитъ рядъ большихъ дикихъ камней. Какъ кирпичи, такъ и связывающій ихъ цементъ, повидимому, довольно хрупки. Въ глубину вырыто до $1^1/_2$ саж., при площади около 4 кв. саж. Въ этомъ небольшомъ, сравнительно, пространствѣ найдено въ землѣ до десятка человѣческихъ скелетовъ. Кости находятся въ различной степени разрушенія: попадаются, особенно на большой глубинѣ, кости полуистлѣвшія; ближе къ поверхности—болѣе крѣпкія. Отъ гробовъ сохранились только слѣды, въ видѣ небольшихъ кусковъ гнилого дерева и древесной трухи. Костяки довольно бѣдны вещами. При нѣкоторыхъ скелетахъ найдены остатки одежды—куски черной шерстяной ткани. При одномъ изъ скелетовъ лежали въ землѣ монашескія четки. Всѣ найденныя кости вмѣстѣ съ оказавшимися при нихъ предметами складываются въ большой сундукъ, выставленный съ этою цѣлью возлѣ ямы, и уже до-верху его наполнили".

№ 89. Археологич. раскопки. Говорится о курганахъ на границахъ смоленск., могил. и черниг. губ. по бер. р. Ипути у д. Доброносичъ краснозаборской вол. рославльск. у.

№ 91. *Новинки Владимірскаго собора.* Свѣдѣнія о ходѣ работъ въ этомъ храмѣ.

Народное преданіе. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдом. преданія объ избавленіи отъ татаръ, относимаго къ Троицкому или Елецкому монастырю въ г. Черниговѣ.

Въ разныхъ номерахъ замѣтки о предстоящемъ 900-лѣтнемъ юбилеѣ крещенія Руси.

Кіевское Слово №№ 356—377.

№ 357. Къ вопросу объ устройствѣ въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ мозаичнаго пола по проекту проф. Прахова.

№ 359. *Охота за куницей* (въ лѣсахъ волынской губ.). Мих. Огіевскаго.

№ 393. *Отчетъ* о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 3 апрѣля и краткое содержаніе рефератовъ В. С. Иконникова, В. Б. Антоновича и И. В. Лучицкаго.

№№ 366 и 375. *Церковно-археологическая замѣтка.* Авторъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на изображеніе св. еванг. Іоанна въ церкви свв. Бориса и Глѣба въ Кіевѣ. Икона эта, по мнѣнію автора, есть „удачная русская копія съ весьма древней греческой иконы, которой, очень можетъ быть, нельзя уже больше найти даже на Аѳонской горѣ".

Къ вопросу о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ р. Днѣпромъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. В. Васильева.

Народное образованіе въ каменецкомъ уѣздѣ подольской губ.

№ 367. Замѣтка на замѣтку г. Завитневича. П. Голубовскаго.

№ 375. *Библіографическая замѣтка.* По поводу „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра" соч. И. И. Малышевскаго. Іером. Августина.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ номерахъ по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости. Отчетъ священника Онуфрія Кашубскаго по осмотру харьковскаго свѣчнаго завода. Прод. (№ 12, ст. 155—162; № 13, ст. 174—184). Отчетъ свящ. Іоанна Мироновича по осмотру херсонскаго епархіальнаго свѣчнаго завода вмѣстѣ съ свящ. О. Кошубскимъ (№ 14, стр. 194—200; № 15, стр. 208—215, № 16, стр. 234—245).

Памяти протоіерея Михаила Іоакимовича Орловскаго, (№ 12, стр. 257—278) извѣстнаго мѣстнаго изслѣдователя и историка.—К. Доброловскаго.

Основательны ли притязанія поляковъ на юго-западную Русь (по поводу изданія ч. VII т. 1 Архива ю-з. Россіи. Акты о заселеніи ю-з. Россіи, Кіевъ 1886 г. (№ 14, стр. 308—320).

Нѣсколько словъ о церковномъ пѣніи. Свящ. І. Сул—скій (№ 15, стр. 328—343).

Постановленіе общаго редакціоннаго собранія по изданію Под. Епарх. Вѣдомостей, утвержденное Его Преосвященствомъ Пр. Донатомъ 23 марта 1888 г., изъ котораго между прочимъ узнаемъ, что изданіе это задается между прочимъ весьма почтенною цѣлью—разработать исторію управлен. под. епархіи съ 1793 г., и съ этою цѣлью приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ къ помощи при собираніи нужныхъ для того свѣдѣній и матеріаловъ и разработкѣ ихъ.

Библіографія: XIV т. актовъ Виленской археографической коммиссіи (№ 16, стр. 351—357).

Подольскія Губернскія Вѣдомости. № 9. Отчетъ распорядительнаго комитета каменецъ-подольской русской публичной библіотеки за 1887 годъ. *№ 15.* Отчетъ правленія общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ

и ученицамъ каменец-подольскихъ мужской и маріинской женской гимназія за 1887 годъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.) *с. Броники*, с. Новый Дворъ, с. Великій Житинъ, с. Городище, с. Малый Житинъ, с. Бармаки, с. Оборовъ, с. Тынное, с. Золотіевъ. *Ровенскій уѣздъ*. 1 благоч. округъ: м. Александрія, с. Арестовъ, с. Богдашевъ, с. Бѣлевъ, с. Старый-Жуковъ, с. Диковъ, с. Городокъ, с. Грабовъ, с. Голышевъ, с. Глинскъ, с. Пятигоры, (№ 10; стр. 359—379), с. Гручивица, м. Деражно, с. Деревянное, с. Дюксинъ, с. Забороль, с. Зарицкъ, с. Короевичъ, (№ 11, стр. 411—417); м. Клевань, с. Корнинъ (№ 12, стр. 449—460).

Въ приложеніи. Предметный указатель содержанія неоффиціальной части Вол. Епарх. Вѣд. (1867—1887) стр. 75—94, (№ 10) стр. 95—110, (№ 11) стр. 111—126, (№ 12)

Волынскія Губернскія Вѣдомости. Въ №№ 6, 10, 13, 14, 18, 21, 24, 25, 26 и 27 помѣщена (еще пока неоконченная) статья „Изслѣдованіе Житомірскаго Могильника—С. С. Гамченка. *№ 30*. Отчетъ о занятіяхъ волынскаго губернскаго статистическаго комитета за 1887 годъ, дающій точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этого учрежденія, выразившейся между прочимъ въ послѣдніе годы изданіемъ весьма почтенныхъ памятныхъ книжекъ волынской губерніи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости. *Изъ церковной лѣтописи*: Я. П. Новицкій сообщилъ указъ 5 янв. 1604 г. изъ екатеринославской духовной консисторіи въ маріупольское духовное правленіе о перемѣщеніи согласно Высочайшаго указа новороссійскаго архіерейскаго дома съ консисторіею и семинаріею изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ и о именованіи архіепископа вмѣсто новороссійскаго и днѣпровскаго—екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ (№ 24).

Матеріалы къ исторіи народнаго просвѣщенія Г. И. Чернявскій сообщилъ распоряженіе правителя екатеринославскаго намѣстничества бригадира Синельникова 7 авг. 1784 г. казенной палатѣ объ отпускѣ необходимыхъ суммъ на училища въ приказъ общественнаго призрѣнія (№ 25). Народное образованіе въ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1886 — 87 учебномъ году (№ 30).

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Изъ рукописнаго сборника Я. П. Новицкаго „Полозъ“ (№ 25), „Химородникъ“ (№ 26), „Каменныя бабы“ (№ 27), Происхожденіе камней, чудовищныя змѣи, полозы. Великаны (№ 29).

Некрологи: В. М. Гаршина (№ 25, 26).

Библіографич. замѣтки. Краткія рецензіи на вышедшія книги и брошюры: „Сусликъ и истребленіе его сѣрнистымъ водородомъ“—К. Бербенка. „За правду. Изъ области сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной дѣятельности“—И. Бѣловодскаго. „Кіевская Старина“ № 1—3. 1888 г. (№ 25).

Матеріалы къ исторіи губерніи. Предложеніе генерала Тутолмина—екатеринославскому приказу общественнаго призрѣнія 16 іюня 1784 г. объ открытіи въ немъ засѣданій (№ 26). Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ (заимствованъ изъ Кіевск. Стар.) (№ 28) Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова. Городъ подрядчикъ (окончаніе) А. Егорова (№ 30).

Корреспонденціи: изъ Александровска—Я. П. Новицкаго о старомъ заштатномъ городскомъ кладбищѣ.

Одесскій Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—50.

Статьи, извѣстія и замѣтки. **№ 9**. Очаковъ въ 1799. (Отрывокъ изъ путешествія Павла Сумарокова).

№ 32. Найболѣе рѣдкія и дорогія изданія одесской городской публичной библіотеки. (Указаны инкунабулы съ 1488 г. и книги съ 1634 г., находящіяся въ библіотекѣ).

№ 31. Назначеніе библіотеки П. О. Бурачкова. (Характеризовано пожертвованіе г. Бурачкова въ одесскую гор. библіотеку и названы найболѣе цѣнныя рукописи и изданія).

№ 46. Одесская городская публичная библіотека.

№ 45. Археологическій музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. (Поименованы болѣе интересныя древности этого музея).

№№ 3,6 и **11**. Объ обычномъ правѣ и волостныхъ судахъ. (Полемика съ проф. Табачниковымъ и „Новоросс. Телеграфомъ“).

№ 38. Дѣло о Вишневецкомъ имѣніи (корреспонд. изъ Кіева).

№ 19. Народное преданіе о пріемѣ запорожцевъ имп. Екатериною II. (Изъ Екатер. Губ. Вѣд.).

Критическія замѣтки и рецензіи. **№ 44**. Трудъ комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи.

№ 23. Послѣдній томъ черниговской земской статистики.

№ 37. Къ двадцатилѣтію „Сборника херсонскаго земства“.

№ 38. Результаты подворной переписи александрійскаго уѣзда.

№ 50. „Безталанна“. Драма Карпенка-Карого.

№№ 34 и **47**. „Мартынъ Боруля“. Комедія, его же.

Въ этой же газетѣ встрѣчаются беллетристическіе эскизы и очерки изъ народнаго быта, напр. „Маленькій Посѣвальщикъ“ Стрѣлки (№ 2), „Тюремщикъ“ Карла Францоза (№ 5), „Маленькій пассажиръ“ Ивана Колючаго (№ 37), переводъ изъ Балуцкаго и др. польскихъ авторовъ и т. п.

„Новороссійскій Телеграфъ“ №№ 3951—4044.

Статьи, извѣстія и замѣтки. **№№ 4027, 4036.** О народной этимологіи *В. И. Шерцля.* (Изслѣдованіе объ измѣненіи иностранныхъ словъ въ рѣчи разныхъ народовъ, преимущественно въ русскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ).

№ 4041. Новые матеріалы для исторіи новороссійскаго края. (Перечень книгъ, изданныхъ въ 1887 г. съ передачею найболѣе интересныхъ фактовъ).

№№ 3941, 3945 и **3951.** О волостныхъ судахъ. *Табачникова.* (Находя крестьянъ неподготовленными ни въ нравственномъ, ни въ юридическомъ отношеніи къ отправленію правосудія, авторъ считаетъ волостные суды излишними и предлагаетъ ихъ упразднить).

№ 4044. Сельское правосудіе. (Тоже съ приведеніемъ фактовъ изъ жизни херсонской губерніи).

№№ 3986, 3988. Пятидесятилѣтіе Ялты. 1837—87. (Библіографич. замѣтка).

№ 3976. Малорусская труппа. (Критич. замѣтка). Изъ очерковъ беллетристическаго содержанія въ этой газетѣ попадаются касающіеся отчасти народнаго быта южной россіи романы и разсказы Потапенка: „Возмущенный ангелъ“ (№ 3949), „Романъ“ (№ 3955), „Внезапный“ (№ 3964), „Заблужденіе“ (3992), „Молоко“ (3978), „Выборная должность“ (3971), „Оксана“ (4026, 4033, 4040). Общій ихъ характеръ—фотографичность безъ умѣлой ретушевки, но съ вѣрными подъ часъ изображеніями бытовыхъ чертъ отдѣльныхъ лицъ. Разсказы Лидіи Пашковой, Назарьевой, Морскаго, Лихачева и др. касаются быта интеллигентныхъ слоевъ.

Крымъ №№ 7—17

№ 7. *Таврическая ученая архивная коммиссія.* Ө. Лашкова. Авторъ указываетъ на необходимость сосредоточить въ коммиссіи и въ музеѣ при ней памятники мѣстной старины письменные и вещественные, которые находятся теперь въ рукахъ частныхъ лицъ.

№ 8. *Къ исторіи г. Симферополя. Г. Т.* Авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ надписи на стѣнѣ мечети „Джамигъ Кебирь“ и на два надгробныхъ памятника на кладбищѣ при этой мечети.

Исторія виноградарства въ сѣверныхъ уѣздахъ таврич. губ.

№№ 9 и **10.** *Херсонесъ, какъ купѣль св. Владиміра.* (Окончаніе). Х. Ящуржинскаго.

№ 11. *Учебная экскурсія* симферопольской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности для ознакомленія учениковъ съ древними памятниками, историч. судьбой и замѣчательными мѣстностями Крыма.

№ 14. *Упадокъ рыбнаго промысла* въ таврич. губ.

№ 15. *На туземной окраинѣ.* (Замѣтки туриста). Ѳ. Описаніе г. Алешекъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г.

№№ 5 и 7. Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной академіи. (Продолженіе).

Полтавскія Губернскія Вѣдомости 1888 г. № 1—30.

№ 12. Воззваніе отъ комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губ. какъ историческаго памятника (въ отдѣлѣ объявленій).

Черниговскія Губернскія Вѣдомости № 24—25.

Въ отдѣлѣ „Къ исторіи края" распоряженія графа П. А. Румянцева по управленію Малороссіей (1779 г.). 60) По жалобѣ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на Заводовскаго за разореніе д. Борковки. 61) О назначеніи секундъ-майора Гребелинча управляющимъ Бѣловежскою колоніею. 62) По жалобамъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на Заводовскаго. 63). О мѣрахъ для безопаснаго отъ огня размѣщенія винокурень. 64) О принятіи мѣръ противъ корчемства на границѣ трубчевскаго уѣзда. 65) О производствѣ бунч. тов. Коропчевскаго и есаула импер. артиллеріи Лихошерстова въ чинъ коллежскаго ассесора. 66) О запрещеніи выдавать заручные листы. 67) О производствѣ Михаила Гудовича въ чинъ войсковаго товарища. 68) О принятіи мѣръ противъ лѣсныхъ пожаровъ. 69) Объ отправленіи казеннаго „серебренного" сервиза въ Курскъ. 70) О порядкѣ разсмотрѣнія гродскими судами гвалтовныхъ дѣлъ. 71) О принятіи мѣръ къ уменьшенію винокуренія. 72) По жалобѣ нѣжинскаго полковаго хоружаго Клецунова за невозвращеніе движимости, взятой при отобраніи отъ него ранговаго села Ильинецъ. 73) Объ опредѣленіи канцеляристовъ и другихъ малороссіянъ на службу въ курское намѣстничество. 74) О производствѣ черниговскаго полковаго судьи Якова Бакуринскаго въ чинъ коллежскаго асссора. 75) По жалобамъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на генералъ-маіора Заводовскаго. 76) О производствѣ канцеляристовъ Сидора Остренскаго и Ивана Ждановича въ чинъ войсковаго товарища.

№ 27. Изъ фамильнаго архива А. И. Ханенка: а) письмо гет. Іоанна Мазепы къ пану Василію Дуброховскому, обозному войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запороскаго енералному 11 мая 1680 г., съ присылкою „удовольствованія з справъ бывшаго гетмана Івана Самойлова кунтуша ластроваго соболымъ обшитымъ и жупана ластрового". б) Оповѣщеніе Лазаремъ Барановичемъ, Архіепископомъ Чернѣговскимъ, Новгородскимъ и всего Сѣвера духовенства своей епархіи отъ 15 мая 1690 г. на съѣздъ въ Кіевъ „на елекцію" Кіевскаго Митрополита послѣ смерти князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго. в) Универсалъ Гетм. Івана Мазепы 26 іюня 1691 г. по жалобѣ Загоровскаго

на Прокоповича за кгрунта, захваченные послѣднимъ у перваго и г) Объявленіе Александра Меншикова 11 апр. 1709 г. о нечиненіи обидъ опошнянскимъ жителямъ въ городахъ и мѣстахъ казанерскаго полка.

№ 30. Іосифъ Ж—ій передаетъ преданіе, по его словамъ относящееся къ Троицкому монастырю въ Черниговѣ.

№ 32. Изъ архива Л. С. Лишина напечатаны два документа, выданные представителямъ этого рода малороссійскою коллегіею на землевладѣніе въ 1738 и 1748 годахъ.

Харьковскія Вѣдомости 1888 года. № 28. *Д. И. Багалѣй, Харьковскія ярмарки въ прошломъ столѣтіи.* Въ этой статьѣ опредѣленъ характеръ харьковскихъ ярмарокъ прошлаго столѣтія, какъ-то: какіе купцы, откуда и какіе товары привозили и по какой цѣнѣ ихъ продавали.

№ 45. *Н. Ѳ. Сумцова, О наводненіи въ г. Харьковѣ въ 1853 г.*— небольшая статья о самомъ сильномъ наводненіи въ Харьковѣ, составленная по оффиціальнымъ даннымъ того времени.

№ 47. *А. Н. Стояновъ, Памяти Александра Осиповича Михайлова*, краткій некрологъ учителя гимназіи А. О. Михайлова, около 50 лѣтъ преподававшаго латинскій языкъ.

№№ 59—60. *П. Т. О наборѣ пѣвчихъ въ Малороссіи къ Высочайшему Двору Елизаветы Петровны и Екатерины Великой*, обширная и интересная статья, составленная по архивнымъ документамъ изъ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ.

№ 64. *Н. Ѳ. Сумцовъ, Александра Матвѣевна Погорѣлко*,—некрологъ и воспоминаніе объ А. М. Погорѣлко, имѣвшей въ 60-хъ годахъ въ Харьковѣ пансіонъ для воспитанія дѣтей обоего пола.

№ 71 *Н. К. К.*, Рецензія на обширное сочиненіе А. В. Гурова „Отчетъ полтавскому губернскому земству", заключающее въ себѣ геологическое описаніе полтавской губерніи.

№ 77 *Н. К. К.* Библіографическая статья о первомъ томѣ „Описанія старой Малороссіи" Ал. Лазаревскаго.

№ 86. *О первой книжкѣ „Кіевской Старины" подъ редакціей А. С. Лашкевича*, изложеніе содержанія статей и сочувственный отзывъ.

Южный Край. Харьковъ 1888 г. № 2491, 2493, 2498. Малоземелье и крестьянскій поземельный банкъ. (Отчетъ крест. позем. банка 1886 г.). К—ъ.

№ 2494. Корреспонденція изъ Полтавы о происходившихъ и происшедшихъ недавно провалахъ въ восточной части города Полтавы, построенной на минахъ, куда скрывались было, по преданію, жители во время татарскихъ набѣговъ.

№ 2509. О предполагаемыхъ раскопкахъ проваловъ въ Полтавѣ, такъ какъ обнаружены цѣнныя вещи для археологiи: оружiе до-петровской эпохи, монеты, глиняные сосуды.

№ 2510. Корреспонд. изъ мелитопольск. уѣзда о находкѣ на ровномъ мѣстѣ нѣсколькихъ фунтовъ серебряныхъ монетъ съ изображенiемъ на нихъ арабскихъ буквъ, должно быть относящихся къ XIII в.

Орловскiй Вѣстникъ 1888 г. № 51. *16-го апрѣля.* Небольшая статейка „Вербное воскресенiе въ старину на Руси" интересна нѣкоторыми этнографическими указанiями, и „275-лѣтiе дома Романовыхъ"—очеркъ, имѣющiй общiй интересъ.

Донская Рѣчь 1888 г. № 42. „Свадьба крестьянъ великороссовъ (на Дону)"—интересна сравненiемъ свадебныхъ обрядовъ у великороссовъ и малороссовъ.

Донъ 1888 г. №№ 39, 40 и 43. *Всеволодъ Веселовскiй:* „Колыбель русскаго флота", историческiй очеркъ—имѣетъ общiй интересъ. Очеркъ составленъ хорошо и посвященъ весьма важнымъ событiямъ, происходившимъ на югѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.

II. Книги, вышедшiя съ конца 1887 г., касающiяся ю. Россiи.

Отчетъ одесской город. публичной библiотеки за 1888 г. 8° 12 стр. Къ 1 янв. 1888 г. б-ка состояла изъ 23,593 назв. въ 52,266 тт. Въ отчетномъ году она обогатилась многими пожертвованiями (2,722 назв. въ 4,829 тт.), изъ которыхъ важнѣйшее П. О. Бурачкова (1776 названiй въ 3,176 тт.); покупкою прiобрѣтено 763 назв. въ 1501 т. Посѣтило б-ку 1640 лицъ 26,900 разъ. Наиболѣе требовались книги по беллетристикѣ, исторiи и журналы (изъ послѣднихъ наиболѣе Вѣст. Евр.). Для занятiй въ б-кѣ прiѣзжали даже изъ другихъ городовъ Новороссiи.

Отчетъ коммиссiи народныхъ чтенiй въ Кiевѣ за 1882—87 г. К. 1888. 8°, 20 стр. Коммиссiя нар. чт. въ Кiевѣ, состоящая нынѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Хржонщевскаго, начала свою дѣятельность въ 1882 г. Въ 1-мъ году чтенiя были безплатны, но затѣмъ была установлена небольшая плата отъ 5 до 40 к. (150 бил. выдается безплатно), что увеличило скромныя средства коммиссiи. Всѣхъ чтенiй было 122 (религ.-нрав.—13, историч.—12, бiогр. рус. писат.—4, этнограф.—2, по естествозн.—18, медицинѣ и гигiенѣ—10, произв. рус. писателей и повѣстей для народа—11). Платныхъ посѣтителей было 38204,—ср. числомъ по 318 на чтенiи, безплатныхъ не менѣе 300 чел. на каждомъ чтенiи. Замѣчается увеличенiе числа посѣтителей изъ рабочаго класса. Къ сожалѣнiю коммиссiя располагаетъ весьма скромными средствами:

приходъ за всѣ 6 отчетныхъ годовъ—5577 р. 16 к. Съ 1885 г. коммиссія получаетъ ежегодно 300 р. пособія отъ городской думы.

Отчетъ церковно-археологич. общества при Кіев. Дух. Академіи за 1887 г. Н. Петрова. К. 1888. 8°. 30 стр. Въ отчетномъ году въ обществѣ считалось 166 членовъ. Въ музеѣ и его библіотекѣ числилось 18,921 предметъ, изъ нихъ 677 поступили въ 1887 г. Приходъ общества въ отчетномъ году равнялся 1471 р. 74 к., а расходъ 762 р. 72 к.

Пьянковъ Вас. Ѣдущимъ въ Крымъ на грязи: Справочная книжка города Евпаторіи и его уѣзда. Евпат. 1888. Толково составленная книга, необходимая для желающихъ воспользоваться черноморско-лиманнымъ купаньемъ и майнокскою и сакскою грязелѣчебницами, съ нѣкоторыми историческими и статистическими свѣдѣніями.

Bańkowski.—Ruś Chełmska od szasu rozbioru Polski. Lwów 1887.

Barta.—Ryby, zyjące w Serecie i jego dopływach. Lwow 1887.

Батюшковъ.—Холмская Русь, историческія судьбы русскаго Забужья. С.-Петербургъ. 1887.

Борисъ и Глѣбъ свв. мученики ростовскіе, во св. крещ. нареченные Романъ и Давидъ. Изд. О. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Буренинъ В.—Критическіе этюды. Спб. 1888. 8° 398 стр. Есть этюдъ о Гоголѣ.

Waigiel.—O Hucułach, zarys etnograficzny. Krakow 1887.

Добролюбовъ В. А.—О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Ч. I. Съ прил. карты Донец. бас. Спб. 1888. 8° 224 стр. 1 р. 70 к.

Жизнь и страданіе св. муч. кн. Михаила чернпг. и боярина его Өеодора. Изд. отд. распростр. дух.-нрав. книгъ. М. 16°. 20 стр.

Жизнь преп. и богон. отца нашего Өеодосія печерскаго. Изд. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Заклинскій.—Географія Руси. I Русь галицкая, буковинская и угорская, съ картою. Львовъ. 1887.

Lindeman. K. (dr). Die schädlichsten Insekten des Tabak in Bessarabien. Moscau. 1888. 8°. 67 стр.

Nowicki.—Ryby dorzeczy Wisły, Styru, Dniestru ì Prutu w Galicji. Kraków. 1887.

Petrovits.—Nationaltrachten Osterreichs: Galizien, Schlesien, Bukowina. Wien. 1887.

Polanski.—Karpatische Novellen iu Kleinrussisch Sprache. 2 B-de. 236 und 265 S. Leipz. 6 M.

Протоколъ засѣданія общества одесскихъ врачей № 8. 24 янв. 1887. Од. 1887. 8° 8 стр.

Протоколъ торжеств. годич. засѣданія общества одесск. врачей № 20, 3 окт. 1887 г. Од. 8° 16 стр.

Склабовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверж. ученія штундистовъ. М. 8° 52 стр.

Соколовъ А. А. Зиновій — Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи. Историч. романъ въ 2 част. Спб. 1888. 394 стр. 1 р. 50 к.

Справочная книжка на время контрактовъ для лицъ пріѣзжающихъ и живущихъ въ Кіевѣ на 1888 г. Изд. В. Э. Бублика К. 1888. 8°. 117 стр. 20 коп.

Tarłowski — Statystyka pijaństwa w Galicji i na Bukowinie. Lwow. 1887.

Указатель статей, напечатанныхъ въ „Филологич. Запискахъ" за весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ 1888. 8° 58 стр. 40 к.

Фейгинъ А. А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. Съ 10 рис. М. 1888. 12° 152 стр. 1 р. 50 коп.

Szarowski Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historychno-statystychnym. Stanisławów. 1887.

Янчукъ. Малорусская свадьба въ корницкомъ приходѣ константиновскаго уѣзда седлецкой губ. Москва. 1887.

Важнѣйшія опечатки въ № 4.

	напечатано:	*нужно читать:*
Стр. 23—послѣд. стр.	разсудительные и	разсудительные
Стр. 24—стр. 14 (свер.)	море	люде
„ стр. 21	Тыбитьки	Шыбитьки.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ

КОММИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной

при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

(Цѣны по возможности понижены).

Памятники Коммиссіи. Томъ IV, изд. 2-е 1859 г., стр. 950, ц. 2 р.

Лѣтопись Самоила Величка. Томъ IV, изд. 1864 г., стран. 420, ц. 1 р. 25 к.

Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ, подъ ред. *О. И. Левицкаго*, изд. 1878 г., стран. 568, ц. 2 р.

Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева и его окрестностей, 1874 г., стр. 416, ц. 1 р. 50 к.

Архивъ юго-западной Россіи.

Часть первая, т. 2-й и 3-й. Матеріалы для исторіи православія въ Западной Украинѣ въ XVIII ст. Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій (1759—1771 г.). Изд. 1864 г. стр. во 2-мъ т. 897, въ 3-мъ 907. Ред. *Ѳ. Г. Лебединцевъ*. Оба тома составляютъ одно цѣлое и продаются вмѣстѣ, ц. 3 р.

Часть первая, т. 5-й. Акты о подчиненіи Кіевской митрополіи Московск. патріархату (1620—1694 г.). Изд. 1872 г. стр. 671. Подъ ред. *С. Терновскаго*. ц. 2 р.

Часть первая, т. 6-й. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Руси (1322—1648 гг.). Под. ред. *О. И. Левицкаго*. Изд. 1883 г. стр. 1120, ц. 2 р.

Часть первая, т. 7-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ латино-уніатами въ XVI—XVII вв. съ присоединеніемъ записокъ М. Петра Могилы и неизданныхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго). Подъ ред. профес. *Голубева*. Изд. 1887 г. стр. 816, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о козакахъ (1679—1716 гг.). Изд. 1868 г. стр. 1048. Подъ ред. проф. *В. Б. Антоновича*, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о гайдамакахъ (1700—1768 гг.). Изд. 1876 г. стр. 1025. Подъ ред. проф. *Антоновича*. ц. 2 р.

Часть четвертая, томъ 1-й. Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-зап. Россіи (1442—1760 гг.). Изд. 1867 г. стр. 577. Подъ ред. пр. *Антоновича*, ц. 2 р.

Часть шестая, томъ 1-й съ Приложеніемъ въ видѣ особаго тома. Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVIII вв. (1499—1795 гг.). Изд. 1876 г. стр. 775+793. Подъ ред. *И. П. Новицкаго*. Оба тома продаются вмѣстѣ, ц. 4 р.

Часть седьмая, томъ 1-й. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Изд. 1886 г. стр. 744. Ред. пр. *Антоновичъ* изслѣдов. пр. *Владимірскаго-Буданова*, ц. 2 р.

Указатели къ изданіямъ Коммиссіи:

Томъ I. Имена личныя. Изд. 1878 г. стр. 892. Сост. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

Томъ II. Имена географическія. Изд. 1883 г. стр. 978. Состав. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

БРОШЮРЫ:

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-зап. Россіи, *Н. Иванишева* 1863 г. стр. 73, ц. 50 к.

Отвѣтъ Кіевской Коммиссія для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива юго-зап. Россіи. Изд. 1861 г. стр. 49, ц. 40 к.

Тотъ-же отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Изд. 1861 г. стр. 152, ц. 40 к.

О началѣ христіанства въ Польшѣ. *Архіеп. Иннокентія* 1886 г. стр. 50, ц. 40 к.

Тоже—на польскомъ языкѣ. 1886 г. стр. 51, ц. 40 к.

Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра (Предисловіе ко 2-му тому 3-й части Архива юго-зап. Россіи). *В. Б. Антоновича*, ц. 1 р.

Окончены печатаніемъ и скоро поступятъ въ продажу:

Архивъ юго-зап. Россіи *часть 2-я*, томъ 2-й. Акты для исторіи провинціальныхъ сеймиковъ юго-зап. края во 2-й половинѣ XVII вѣка. Изд. 1888 г. стр. 720, ц. 2 р.

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Изд. 1888 г., стр. 386, ц. 1 р. 50 к.

Печатаются или приготовляются къ печати:

Архивъ юго-зап. Россіи часть VII т. 2-й. Акты о евреяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVIII ст.

Акты о семейныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVII ст.

Акты, относящіеся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго.

Примѣчаніе. Каждый томъ каждой части „Архива" составляетъ отдѣльное и самостоятельное цѣлое и снабженъ б. или м. обширнымъ изслѣдованіемъ по извѣстному вопросу.

Означенныя издачія продаются въ складѣ Коммиссіи, Кіевъ, Елисаветинск. ул. № 9.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ 25% съ номинальной цѣны, но подъ условіемъ **покупки за наличныя деньги**; коммиссіонерство вовсе не принимается. Учебнымъ заведеніямъ и служащимъ въ нихъ дѣлается также уступка въ 25%.

Пересылку Коммиссія принимаетъ на свой счетъ.

О ПОДПИСКѢ НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1888 годъ.

Годовое изданіе „**Русскаго Вѣстника**", состоящее изъ **12** ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1888 г. стоитъ въ **Петербургѣ и Москвѣ** безъ доставки и пересылки **15 р. 50 к.**, съ доставкою **16 руб.**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **17 руб.**

Допускается взносъ **въ два срока**, а именно: при подпискѣ **9** руб., а остальная сумма къ **1-му Іюня.**

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—**18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „**Русскій Вѣстникъ**" принимается въ **Петербургѣ**: для городскихъ—въ Конторѣ Журнала „**Русскій Вѣстникъ**" въ **Товариществѣ** „**Общественная** Польза" (Б. Подъяч., 39), въ книж. магазинѣ „**Новаго Времени**" (Невск., 38) и въ **Редакціи** (Большая Морская, д. 32 кв. 7): въ **Москвѣ**: въ Редакціи „**Московскихъ Вѣдомостей**"—на Страст. бульв., въ книж. магазинѣ „**Новаго Времени**" (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи).

Иногородные адресуются въ Контору „**Русскаго Вѣстника**"—СПБ., Б. Подъач., № 39, въ **Товарищество „Общественная Польза"**. Редакторъ, **Фед. Ник. Бергъ**, принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ до 1 часу дня. (Большая Морская д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

посопи и денежніе годовие поборы, какъ имѣючіесь въ Магистратѣ Погарскомъ записние старинные книги явствуютъ; и содержаны были съ тѣхъ селъ и деревень къ полегченію мѣщанству Погарскому для переходячихъ и переѣзжаючихъ регулярнихъ войскъ всякихъ чиновъ и подъ полковіе тягости конние вмѣсто почтъ стойки; а съ 1731 года разные владѣлцы полку Стародубовского тѣ ратушние села и деревнѣ какъ стали умишленно називать уже не ратушними, но свободними, то отъ оного года села и деревнѣ отойшли безъ имянныхъ, безсмертной славы достойнихъ Всероссійскихъ Монарховъ, Ея Императорского Величества предковъ височайшихъ указовъ за разнихъ владѣлцовъ и тако чрезъ ~~выше~~ изъясненіи (завладѣнія) всѣ(хъ) какъ на урядъ Магистратовій принадлежащихъ маетностей, такъ и отъ древнихъ векуистихъ годовъ бывшихъ подъ видѣніемъ ратуши Погарской (что нынѣ Магистратъ) селъ и деревень городъ Погарь остался въ краинемъ оскудѣніи и недостаткахъ. Прошлогожъ 729 года хотя Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ владѣніи устроенніи на реке Судости, подъ самимъ городомъ Погаромъ между обосторонними города Погару мѣскими землями текущей, на греблѣ мѣской о двухъ камняхъ млинъ, которій и отъ прежнихъ Гетмановъ: Скоропадского и Апостола, унѣверсалами утвержденъ, но какъ гребля Погарская отъ 1736 году чрезъ силное наводненіе прорвалась и за нерачителствомъ и разногласіемъ устроившихъ на той греблѣ многими владѣлцами своихъ частеи мелницъ въ неучиненіи Магистрату противъ тѣхъ частей спомоществованій даже доселѣ не загачена состоить въ пустѣ, то изъ оной мелницы бывшихъ приходовъ Магистратъ Погарскій лишился вовся. Хотяжъ, въ силѣ вишепрописанной памяти Хлоповой и Гетманскихъ подтвержденій и прежде бывшихъ Малороссійскихъ Коллегій и Генералной Войсковой Канцеляріи указовъ, Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ важницу мѣскую, съ коей съ вещихъ разнихъ товаровъ и протчего денежніи приходи Магистратъ Погарскій получалъ, но въ силѣ имянного блаженния и вѣчно достойния памяти Великія Государини Императрицы Елисаветъ Петровны состоявшогось и въ Правителствующемъ Сенатѣ прошлого 755 года Априля 2 дня напечатан-

ного указа, егда Малороссійская индукта и эвекта и протчіе националние зборы отрѣшены, то и тѣ важничіе приходы доселѣ приустановлены, но токмо подъ присмотромъ Магистрата Погарского содержится та важница, да за опустѣніемъ намѣненной мѣской Погарской гребли на реке Судости отъ Магистрата хотя и устроенъ перевозъ собственнимъ мѣскимъ коштомъ, токмо такъ ни зъ важницы за вѣсъ, яко и съ перевозу почти вовся ничего въ Магистратъ не получается (кромѣ что хто развѣ доброволно дастъ). И такъ Магистратъ Погарскій для рестовраціи и подчинки себе и находячимся при немъ присудствуючимъ урядникамъ, писарамъ и канцелярскимъ служителямъ по отходѣ селъ и деревень и всякихъ доходовъ ничего не имѣетъ. Для того повѣряется вамъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше рабски представя о пожалованіи вишеизображеннихъ отъ Магистрата отшедшихъ селъ и мелницы Савостяновской со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи и о подтвержденіи дву камней млива на реке Судости, универсалами Гетмановъ Скоропадского и Апостола наданнихъ на содержаніе Магистрата и находячихся при немъ урядниковъ и для облегченія и вспомоществованія мѣщанамъ, на украшеніе града церквами Божіими и на призрѣніе бѣдственно страждущихъ вдовъ и сыротъ, нищихъ и убогихъ, неимѣющихъ своего препитанія, ко устроенію богодѣлень и всякихъ гражданскихъ потребностей и протчихъ чистотъ и благопорядочій и на всякіе краине необходиміе нужные росходы, дабы въ томъ Магистратъ Погарскій противъ другихъ Малороссійскихъ упривилѣованнихъ городовъ недостатка и отмѣны не имѣлъ и безнуженъ быть моглъ, по прежнему къ Магистрату Погарскому, и на то всемилостивѣйшей высочайшей Ея Императорскаго Величества жалованной подтвердителной грамоти просить.

2.

Каково имѣемъ мы по предкамъ нашимъ болѣе отъ ста лѣтъ Право Маидебурское, жалованное первоначально отъ Королей Польскихъ, на основаніи оныхъ жалованнихъ отъ Великихъ Государей Царей и отъ високославнихъ безсмертнія памяти достойнихъ монар-

ховъ всероссійскихъ грамотъ, книгу Порядокъ, на полскомъ языке зъ латинскимъ напечатанное, коимъ по своимъ волностямъ предки наши судились и нинѣ судимся, употребляя къ оному и книгу Саксонъ; а яко съ тѣхъ правнихъ книгъ на россійскомъ діалектѣ печатнихъ неимѣемъ, что за нужно потребно, для того вамъ повѣраемъ: просить всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества, дабы повелено было тѣ обѣ Правніе Книги на русскій языкъ подъ Превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества титуломъ перепечатать зъ дополненіемъ въ онихъ: 1) чтобъ мѣщане по жалобнимъ дѣламъ чрезъ писменніе позва о болшихъ дѣлахъ яко то: о земляхъ, знатнихъ долгахъ, о бояхъ и ранахъ и о протчемъ къ суду Магистратовому призивани были на четиренедельній, а въ случае далней отлучки на шестонеделніе сроки, а по меншихъ дѣлахъ чрезъ слугу магистратового въ Магистратъ сискиванибъ были; 2) чтобъ мѣщане недвижиміе свои добра производили въ продажу другъ другу между собою, а не воинскимъ чиновникамъ, разночинцамъ и козакамъ, съ таковимъ обрядомъ, чтобъ на тѣ продажи купчіе крепости писани были, равнимъ образомъ какъ и Малороссійское шляхетство и козаки между собою чинятъ, съ подписомъ трехъ мѣщанъ рукъ и приложеніемъ ихъ печатей, и оніе при конфирмованіи урядовомъ вѣчне за дѣйствителніе признавани и принимани на всякихъ урядахъ были; 3) понеже многіе чины, не точію шляхетство и козаки, но и вышедшіе зъ мѣщанъ, первіе въ козаки, а потомъ и въ называючоесь шляхетство, урядниковъ и мѣщанъ города Погару, мужиками и посполитими причитая въ равенство зъ своими подданними, називають и порицають съ немалимъ намъ безчестіемъ и обидою и приключають чрезъ разніе гвалти, нападеніи, бои и въ здоровьи увѣтча, для того побудило насъ поверить вамъ всеподданнѣйше просить високомонаршей милости, чтобъ урядники и мѣщане Погарскіе отъ шляхетства и ни отъ кого другого впредъ мужиками и посполитими непорицани и не безчещени; 4) навязку бъ свою получали, равно какъ и въ привилѣгованнихъ городахъ Кіева, Нѣжина, Чернѣгова и Переясловля имѣютъ, и примѣромъ Кіевскихъ и Стародубовскихъ мѣщанъ дозволенно бъ было намъ при шабляхъ ходить въ знакъ

жалованной намъ височайшой Ея Императорскаго Величества на мѣщанское званіе милости; 5) чтобъ всѣ владѣющіе воинского званія разночинцы и козаки по крепостямъ правилнимъ и неправилнимъ мѣщанскими землями, по тяжебнимъ дѣламъ, равножъ и всѣ пріежаючіе купечество, какъ въ привилегіяхъ Королей Полскихъ Магистратамъ жалованнихъ точно изображено, подълеглими били праву Майдебурскому и судились на Магистратѣ, якожъ и въ подтверждение о битіи всѣмъ торговимъ людемъ указомъ Височайшимъ блаженной памяти и вѣчной слави достойной Императора Петра Великого, Монарха Всероссійскаго, состоявшійся въ 1721 году Сентябра дня, повелено тожъ по всякимъ дѣламъ купцамъ быть судимимъ въ Магистратѣхъ; 6) чтобъ впредъ въ городъ Погарь отъ главной Малороссійской команди и ни отъ коль въ чини Войтовства Магистратового Погарского нихто зъ воинского званія и ни съ какого другого чина опредѣляеми и насилаеми не били, а вибираеми бъ были въ Войтовство Магистратовое по древнему обикновенію, въ силѣ Майдебурскогожъ жалованного намъ права, въ придаточнихъ артикулахъ напечатанного, между нами от природныхъ и оседлыхъ мѣщанъ Погарскихъ, достойнихъ къ тому людей, а не такъ какъ отъ прошлого 757 году стали насилатись въ Малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погарь, зъ войскового званія Войти, кои не для должного правосудія и градского благопорядочія, но для собственного ихъ обогащенія и користей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе на властяхъ своихъ себе содержать.

3.

Состоящіе въ округѣ Погарскомъ землѣ со всѣми на нихъ застроенними селами и деревнями, футорами и мелницами и тѣми людми, кои на онихъ жителствуютъ со всѣми угодіями, чемъ прежде мѣщане здешніе Погарскіе издавно владѣли, просить во владѣніе Магистратовое и мѣщанское для построенія мѣсто обетшалого нового двора Магистратового, лавокъ и протчіихъ нужнихъ необходимихъ въ городѣ мѣскихъ потребностей, вмѣсто того что оними владѣлцы користуются неподлежаще; также чтобъ и состоящіе за разно-

чинцами по правильнимъ куплямъ отъ мѣщанъ доставшіесь, повелено было отъ Ея Императорскаго Величества: кто оними владѣетъ,— употреблять въ повѣнность мѣщанскую и налагать на оннхъ равно зъ мѣщанами Магистрату податѣ по препорціи тѣхъ земель, а безъ крепостей владѣеміе землѣ и другія угодія отобрать Магистрату и наслѣдникамъ въ прежнее владѣніе отдать, чіи оніи были, и о всемъ на то всеподданнѣйшие просить Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа.

4.

Всѣ владѣлцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинци и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ Погарской жиючіе и тѣхъ подданніе зъ допущенія командующихъ не мѣщанского званія, но воинского, Войтовъ и другихъ старшинъ, поустроили лавки и постоялые доми и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и неотбувають зъ онихъ къ Магистрату никакой общенародной повинности, ни сами отъ себѣ, ни подданнихъ своихъ недопущають отбувать указнихъ дачь, нарядовъ и посылокъ; а отнявши промисли торговіе въ мѣщанъ, сами владѣлци, старшини и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгують и всякое ремесло дѣлають; а и съ того мѣщанству Погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного вспомоществованія не чинять и цехмистромъ по ихъ цеховимъ порядкамъ послушенства, какъ у нихъ имѣющіесь зъ древнихъ годовъ урядовіе и отъ вишшей власти конфирмованніе писменние документа гласятъ, недѣлають; а при томъ инногороднимъ купцамъ и расколничихъ слободъ крестяномъ, доми свои имѣя на мѣщанской землѣ построенніе, отдають въ найма и позволяютъ всякіе товары въ городѣ и въ уѣздахъ покупать и процавать въ розницу и оптомъ въ обиду всему мѣщанству, кои и торгують досель. А Высокомонаршимъ указомъ, состоявшимся въ 1752 г. Октября 30 д., о недопущеніи инногороднимъ купцамъ и всякаго званія людямъ (торговать) въ розпь товары ни подкакимъ видомъ на чужихъ городѣхъ, въ подтвержденіе прежнихъ отъ 1705 года состоявшихся указовъ накрепко

всѣмъ иногородцамъ и разночинцамъ въ рознь торговать, покупать и продавать найстрожайше запрещено съ тѣмъ Высочайшимъ новелѣніемъ: еслибъ кто въ такой противо указной торговлѣ былъ пойманъ и изобличенъ, въ онихъ тѣ ихъ товары отбирать безъ всякого послабленія безденежно; а будебъ находячіесь и въ услуженіи люде допущени были отъ своихъ хозяевъ къ розничной торговлѣ, то за несмотрѣніе съ тѣхъ хозяевъ штрафа за каждое преступленіе по 1000 рублей взимать за тѣхъ служителей. Да и по состоявшемусь в 1755 году Декабра 14 дня по собственной Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти Великой Императрицы Елисаветъ Петровны конфирмаціи за подписаніемъ Високоправительствующаго Сената указу, розничная продажа вовся отсѣчена. Въ силѣ которихъ Височайшихъ указовъ и таможеннаго устава проситъ вамъ всеподданнѣйше у Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ городѣхъ и во уѣздахъ какъ великороссійскіе и другіе купци въ рознь не покупали и не продавали никакихъ товаровъ, такъ и Малороссійское шляхетство, козаки и старшини козачіи и всѣ разночиньцы и ихъ подданніе отнюдъ ничимъ не торговали, изъ рукъ въ мѣщанъ торговихъ користей не виривали и себѣ не привлекали, а родившіесь бы въ нихъ товары городскимъ жителямъ продавали, а торговъ въ селѣхъ въ уѣзду Погарскомъ не имѣлѣ, всемилостивѣйшого въ подтвержденіе указа.

5.

Прежде сего изъ древнихъ годовъ какъ протчихъ Малороссійскихъ городовъ, такъ и города Погару мѣщанство имѣли свободное въ себе винное куреніе; а въ прошломъ 1761 году за бытіе въ Малой Россіи Гетманомъ Графа Кирила Григоривича Его Сіятелства Разумовского безъименного Вашего Императорскаго Величества указа, таково винное куреніе надъ прежнюю волность и свободу мѣщанству запрещено, а вмѣсто того Малороссійское шляхетство после того запрещенія для своего большаго обогащенія и користей винокурнихъ котловъ противъ прежняго вновь прїумножили, въ немалую

мѣщанамъ обиду. О яковомъ свободномъ винномъ куреніи просить у Ея Императорскаго Величества всевисочайшого дозволительного указа.

6.

Въ имянномъ блаженнія памяти и вѣчной славы достойнія Великой Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, въ прошломъ 1744 году, Іюля 15 дня, состоявшемся указѣ въ 4 пунктѣ изображено: всякіе казенніе доимки, какъ на купечествѣ въ пошлинахъ и на подрядчикахъ и откупщикахъ за неисправленія по контрактамъ и по векселямъ и на протчихъ всякого званія людехъ, такъ недоборы, какогобъ званія они ни были, по оконченнимъ щетамъ на комъ суммою не болшь 500 рублей, кромѣ подушного збору, по тотъ 744 годъ невзискивать и изъ доимки исключить; да имяннимъ Ея Императорскаго Величества прошлого 762 году Сентября 22 дня состоявшимся указомъ по 4-му пункту до 500 рублей всякая доимка прощена. А отъ Полковой Стародубовской Щетной Коммиссіи отъ Магистрата Погарского по комиссарству порціонние и раціонние доимки за удоволствомъ полковъ и другихъ командъ за прежніе года взискуются къ немалому и несносному мѣщанству отягощенію. Чего рады поручается вамъ всеподданнѣйше просить въ Ея Императорскаго Величества, чтобъ таковихъ доимокъ зъ города Погару въ силѣ вишеизображеннихъ указовъ впредъ было невзискивано, всемилостивѣйшого подтвердителного указа.

7.

Въ высочайшемъ указѣ блаженния и вѣчно достойной памяти Великого Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, о винтеръ квартирахъ въ Гетманскомъ Региментѣ въ 1722 году генваря 8 дня состоявшимся, по прежнимъ Правительствующаго Сената приговорамъ сентября 26, декабря 14 чиселъ 720 году, регулярние полки Всемилостивѣйше повелено квартерами ставить, не обходя никого: ни гетманскихъ, ни полковничихъ, ни

старшинскихъ, ни козачихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколщиковъ; цѣлимижъ ротами въ однихъ мѣстахъ не ставить, а ставить сколко гдѣ надлежить, толко не менше капралства; конюшень вновь не дѣлать, а содержать тѣхъ драгунскихъ лошадей въ сараяхъ здешнихъ обытателей, каковіе въ нихъ есть, развѣ гдѣ такихъ не будетъ, то дѣлать и вновь толко такіе, въ которихъ можнобъ было содержать капралство лошадей; у заслуженнихъ особъ, у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины, у поповъ и у церковниковъ на дворѣ ихъ, гдѣ сами живуть, кватеръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ и на подворкахъ, также и въ подданнихъ, ставить, отнюдь не виключая никого; какъ за драгуны, такъ и оберъ и штапъ офицеры смотрить, чтобъ собою квартиръ не занимали, лишняго провіянта и фуража и дровъ не имали, и ничего сверхъ определенного указами отнюдь не запрашивали, и ни вчемъ отягощенія малороссійскимъ обивателямъ не чинили. Нынѣ же по ордерамъ Полковой Стародубовской Канцеляріи сотенная Погарская старшина регулярнихъ полковъ штапъ и оберъ офицерства, карабинернихъ и пехотнихъ полковъ чиновниковъ и рядовыхъ и полковыхъ служителей, въ отмѣнность того высочайшаго указа, минуя не токмо козачіе доми, разночинскіе, шинки, подварки и ихъ подданическіе двори, вибирая саміе лучшіе по городу мѣщанскіе дворы, не смотря очереди, где хотятъ по всему мѣщанству по своей волѣ, минуяжъ уѣздніе села и деревни и защищая своихъ и другихъ владѣлцовъ сѣлскихъ подданнихъ, отводятъ и разставливаютъ; а на конюшнѣ саміе лучшіе товарние мѣщанскіе амбары занимають, въ немалую мѣщанскую обиду и всекрайнѣишее утѣсненіе. И чтобъ въ томъ города Погару одни урядничіе и мѣщанскіе дворы таковими постоями впредъ безъ очереди незанимами были, а равнобъ поставляно было во владѣльческихъ и всякихъ разночинскихъ и козачихъ домахъ, Вамъ повѣряется всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества, чтобъ повелено было квартируючихъ офицеровъ и рядовихъ въ городѣ Погарѣ самому Магистрату по мѣщанскимъ и всякого званія людей дворамъ безъ вистатченія дровъ, свечей и протчего, что нынѣ сверхъ рублевого окладу взимаются,

квартери отводить, а въ уѣздних селахъ и деревняхъ отъ сотенной команди разставливать, чтобъ не въ одномъ городѣ Погарѣ квартери занимани были.

8.

Чтожъ благоразсудно славной Ея Императорскаго Величества арміи Генераломъ Аншефомъ, Губернаторомъ, Малороссійской Коллегіи Президентомъ и кавалеромъ, Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Г-мъ Румянцовымъ, рублевій окладъ въ Малой Россіи учрежденъ на удовольствіе полковъ, то мѣщане Погарскіе будучи тѣмъ довольни, повѣряемъ всемъ всенижайше просить у Ея Императорскаго Величества високоматерняго милосердія и помилованія, чтобъ сверхъ того учрежденного платежа никакихъ окладовъ съ мѣщанъ впредъ не собиранобъ было, да и отъ всякихъ до сего бывшихъ и впредъ случаючихся работъ былибъ свободни; да и чрезъ послѣдовавшую въ Малой Россіи въ прежнихъ годахъ чрезъ изядение саранчею, а паче что сряду чрезъ пять лѣтъ за неурожаемъ озимого и ярового хлѣба скудость и небывалую до сель въ цѣнахъ дорожству, къ томужъ зъ допущенія Божіяго отъ ежечастнихъ пожарнихъ случаевъ, гражданомъ бедность приключилась, хотя малийшаго въ облеченіе всенижайше просить помилованія.

9.

Состоявшимся Ея Императорскаго Величества за собственно ручнимъ подписаніемъ 1763 года декабря 10 д. и обнародованнимъ Малороссійскому народу манифестомъ соблагоизволено по нашимъ правамъ и вольностямъ съ мѣста на мѣсто свободній переходъ по прежнему имѣть, всемилостивѣйше, въ согласіе имянного височайшаго блаженнія и вѣчно достойнія памяти Великія Государыни Императрицы Елисаветѣ Петровны, самодержицы всероссійской въ прошломъ 1742 году августа 18 дня состоявшаго указа, подтвердить, и високоматернею милостію дозволено малороссійскому народу стародавною волностію и прежними обикновеніи своими въ свободномъ переходи, какъ прежде ползовался, такъ безъ всякой неволѣ по оному высочайшему манѣ-

фесту ту же свободу имѣть и до указного (на представленіе отъ бывшаго Малороссійскаго Гетмана, Графа и Кавалѣра, Кирила Григоріевича Его Сіятельства Г-на Разумовскаго, Высокоправительствую-Сената съ напечатаніемъ Малороссійскихъ статутовихъ правнихъ артикуловъ) запрещенія безотмѣнно содержано было. А съ того времени, егда кто съ посполитого народа, яко то зъ маетностей владѣлческихъ и другихъ местъ Малороссійскіе Государевы свободніе люде, по тѣмъ своимъ природни́мъ прежнимъ волностямъ и найпаче котоpіе неимѣютъ своихъ прямихъ осѣдлостей, а проживають токмо въ хозяйскихъ хатахъ для прокормленій заработками, переходятъ съ мѣста на мѣсто, между чемъ и въ городъ Погаръ на жилля и по своимъ бедностямъ первія у мѣщанскихъ дворахъ и подворкахъ живутъ, после же мѣщанскіе дворики, чрезъ работизненніи свои труда купя, подъ вѣдомствомъ Магистратовимъ жить желають, то таковихъ, желающихъ въ Погарѣ жительства имѣть, усиловуются владѣльци со всѣми ихъ собственними нажитки на прежнее свое подневолніе житіе сискивать, неразсуждая того, что тѣ переходячіе всѣ свои собственние осѣдлые и природние въ подданство отданіе грунта и протчіи угодіи при ихъ же владѣльцахъ оставляютъ, и оними единственно сами тѣ владѣльци, получая прибилѣ, користуются, да не будучи тѣмъ довольни, тѣхъ жиючихъ въ нихъ свободнихъ народа Малороссійскаго людей, какъ бы крепостнихъ во вѣчность имъ отданнихъ, отъ Магистрата надъ волность вѣчную сискивають, и тѣмъ оніе владѣлци не точію той свободности не охраняютъ, но отваживаются въ отмѣнность Височайшихъ повелѣній, денегъ пожилихъ, примерно крепостнихъ Великороссійскихъ крестянъ напрасно искать; чего рады всеподданнѣйше повѣряется вамъ просить Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ силѣ вышеупомянутихъ всемилостивѣйшихъ о свободномъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу переходѣ указовъ, кто въ городъ Погарь волній малороссійскаго народа человѣкъ самъ или изъ семьею своею на жиллѣ перейдетъ, таковимъ дозволенобъ жить подъ вѣдомствомъ Магистрата Погарскаго, безъ отисканія онихъ владѣлцами на прежніе жилля, свободно.

И о всѣхъ вишеписаннихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ донести Ея Императорскому Величеству, на всевисочайшую Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Високомонаршую волю, всеподданнѣйше рабски во всемъ предаемся.

1767 года мая 29 дня.

X.

1767.

Наказъ жителей города Стародуба.

Въ силу Ея Императорскаго Величества высочайшаго Всемилостивѣйшаго указа, гражданству Стародубовскому обнародованного, и приложеннаго при ономъ обряда, отъ насъ, того города гражданъ, выбранному въ коммиссію, въ столицы Ея Величества о сочиненіи проэкта нового уложенія учрежденную, Депутату, Магистрата Стародубовского Буймистру, Данилѣ Родинскому,

наказъ.

Привилеемъ Короля Польского Третьего Жигмонта, въ року 1620-мъ февраля 15 дня на волности и Магдебурское право даннымъ мѣщанамъ Стародубовскимъ, на вѣчные и потомные часы всѣмъ мѣщанамъ Стародубовскимъ торги, гандле и всякіе купеческіе промыслы имѣть позволено и утверждено купцомъ перекупнымъ, ремесленникомъ, шинкарямъ и всякого званія мѣскимъ людемъ, да естьлибы якои кольвекъ кондиціи человѣкъ, либо шляхтичъ, либо козакъ запорожскій, домъ, городъ альбо грунтъ мѣскій Стародубскій якъ кольвекъ набувъ, либо гандлемъ, шинкомъ и ремесломъ якимъ кольвекъ въ томъ мѣстѣ Стародубѣ забавлялся, быть подлеглымъ праву Магдебурскому и уряду мѣскому Стародубовскому и повинности мѣскіе поносить; купцамъ пріѣзжимъ, ремесленникамъ, перекупнымъ и иншимъ людямъ, которые бъ, изъ иныхъ мѣстъ до Стародуба пріѣхавши, збытокъ альбо выступокъ якій пополнили, албо чимъ кольвекъ противу слушности и права поступили, быть потомужъ подъ судомъ уряду мѣского стародубовского, и о прибытіи своемъ до

мѣста, на томъ же мѣстѣ ознаймовать, а товари свои въ дому мѣскомъ гостинномъ складать; Войта избирать съ межи себе доброго человѣка, способного и умѣснаго и присылать до Его Королевского Величества для подверждені его уряду; каждому мѣщанину напоемъ домовымъ и иностраннымъ шинковать безъ всякого препятствія; на войтовство Стародубовское уволокъ двадцать съ подданными и млиномъ, на Бурмистровъ пятнадцать уволокъ, на писара уволокъ шесть, да на хуторъ ратушный двѣ деревни со всѣми принадлежностми и пожитками до скринки мѣскои, а надъ тое всѣ сборы до той же скринки на мѣскіе потребы, торговое отъ всякихъ вещей привозныхъ и отъ пашенъ, также и важчое отъ ваги, вѣчно надано; дворъ гостинный въ мѣстѣ, баню посполитую, рѣзницкіе ятки устроить уряду мѣскому Стародубовскому, и отъ того всего доходы, также отъ купцовъ взглядомъ ихъ купечества, отъ рѣзниковъ, пекаровъ и всякихъ ремеслениковъ, ведлугъ общаго постановленія, въ рокъ до скринки мѣской отбирать уряду мѣскому, то есть Магистрату, и съ тѣхъ приходовъ въ мѣстѣ дзегаръ содержать повелѣно; да и млинъ, подъ самимъ мѣстомъ, на рѣкѣ Бабинцу стоячій, до той же скринки мѣской надано. Блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамотою, по челобитью Стародубовского Войта Андрея Шабловского и всѣхъ мѣщанъ, отъ созданія міра въ 7174-мъ году ноября 29 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ стародавное ихъ право и вольности утверждено, и ихъ, мѣщанъ, Височайшею Его Царского Величества милостію впредъ обнадежено; за силу которой Высочайшой грамоты и привилегія, граждане города Стародуба, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоящіе, по Магдебурскому праву всякіе росправы имѣли и имѣютъ.

По вышепрописанной королевской привилегіи явственно, что въ то время, какъ та привилегія мѣщанамъ на право и вольность ихъ дана, въ городѣ Стародубѣ, кромѣ мѣщанства, другаго званія людей осѣдлости не было, и всѣ тѣ мѣщане состояли въ вѣдомствѣ уряду мѣского. А нынѣ въ томъ городѣ подъ вѣдѣніемъ Маги-

страта мѣщанъ осталось малое число; но большимъ числомъ бывшія въ вѣдѣніи того Магистрата мѣщанскіе дворы, ихъ пашенные и сѣнокосные земли и другіе принадлежащіе мѣсту угодія, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ, владѣльцамъ, попамъ и другаго званія людямъ, въ Стародубѣ на мѣской землѣ, такожъ и въ другихъ мѣстахъ жительствующимъ, во владѣніе съ подъ вѣдѣнія Магистратского одошли, коими иные сами, а другихъ наслѣдники, владѣя и имѣя нѣкоторые зъ владѣльцовъ и другаго званія людей въ Стародубѣ торги и промислы, никакого гражданамъ, подъ вѣдѣніемъ нынѣ магистратскимъ состоящимъ, въ гражданскихъ нужностяхъ и малѣйшаго вспоможенія не чинять и подъ правомъ Магдебурскимъ не состоять. Да и живущіе въ нѣкоторыхъ многихъ мѣщанскихъ, за владѣльцами и другаго званія людьми состоящихъ дворахъ, за наемъ, бывшіе прежде мѣщане и зашедшіе съ другихъ мѣстъ люде имѣютъ же свободный торгъ и промыслъ, а въ вѣдѣніи магистратскомъ не состоятъ же, и состоящему нынѣ подъ вѣдѣніемъ оного Магистрата гражданству въ нуждахъ ихъ градскихъ никакого вспоможенія не чинятъ, но, по защитѣ ихъ хозяевъ, отъ того въ свободѣ до сего состояли и нынѣ состоятъ. Да и съ прежде бывшихъ же мѣщанъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоявшихъ, нѣкоторые немалымъ числомъ отойшли въ званіе козачое и пушкарское, и живя въ тѣхъ же дворахъ, въ коихъ они и до того жительство имѣли, а другіе, покупя мѣщанскіе дворы, мѣщанскими грунтами и другими угодіями владѣютъ и разные купеческіе промыслы, такожъ винное куреніе и шинки разного напою содержатъ, а никакихъ обще съ мѣщанами Магистрату гражданскихъ повинностей не отбываютъ, а щитятъ себе иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ, съ чего оставшимся нынѣ въ вѣдѣніи Магистратскомъ Стародубовскомъ мѣщанамъ въ торгахъ и промыслахъ препятствіи и обида слѣдовали и нынѣ есть, потому съ нихъ нѣкоторые во оскудѣніе пришли и дворы свои жилые, такожъ грунта, спродать разнымъ чинамъ принуждены.

2.

Во мѣсто жалованныхъ вышепрописаннымъ королевскимъ привилегіумомъ на Войта Стародубовскаго двадцати уволокъ, прежніе Воиты, по уряду ихъ (какъ зъ данного въ 1709 году Сентября 15 дня отъ Гетмана Скоропадского универсала явственно), владѣли двома селами: Озаровкою и Сининомъ. А съ того году бывшій Войтъ Демянъ Ермолаевичъ владѣлъ уже только однимъ селомъ Озаровкою, а Сининомъ владѣла бывшого до его, Ермолаевича, Войта Спиридона Ширая жена; а нынѣ онымъ Сининомъ наслѣдники ея владѣютъ, нынѣшній же Войтъ владѣетъ только половино(ю) села Озаровки.

А вмѣсто по той привилегіи жалованныхъ на Бурмистровъ пятнадцати уволокъ, по надачѣ прежде бывшими Гетманами, во владѣніи всѣхъ обще урядниковъ Магистратскихъ, то есть: двухъ Бурмистровъ, двухъ Райцовъ и двухъ Лавниковъ, состоятъ въ Стародубовскомъ уѣздѣ два села: Хустичи и Сергіевскъ, съ которыхъ отъ тамошнихъ жителей въ годъ чиншового получается платежа только сто сорокъ четыре рублей, съ коихъ денегъ урядникамъ въ годъ, въ коемъ они въ Магистратѣ присудствіе имѣютъ (яко они, по стародавнему мѣскому обыкновенію, по третій годъ другими къ присутствію перемѣняются), на ихъ содержаніе по раздѣлу доводится получать каждому Бурмистру тридцать шесть рублевъ, Раицѣ двадцать четыре рублей, а Лавнику дванадцать рублей; якими деньгами они, урядники, имѣя всегдашнее въ Магистратѣ присутствіе и чрезъ то лишась торга и промысла, продовольствовать себе крайне не могуть, но уже тотъ годъ, въ коемъ присутствіе имѣютъ, снабдѣваютъ они себе нужно тѣми прибыльми, а и не чрезъ два года, въ коихъ они въ Магистратѣ не присутствуютъ и торга и промысла получить могутъ.

Во владѣніи Писаря шесть уволокъ, такожъ и при Магистратѣ на хуторъ двѣ деревни за силу прописанной Королевской привилегіи въ прежнихъ давнихъ годахъ слѣдовательно были, но оныхъ уже въ Писаря и при Магистратѣ здавна не имѣется, и гдѣ оные уволоки и деревни положеніе свое имѣютъ, за утераніемъ, во время

бывшого въ давнихъ годѣхъ отъ Литовскихъ людей разоренія, государственныхъ жалованныхъ грамотъ, о коихъ и въ вышепрописанной, отъ созданія міра въ 7174 году данной, жалованной грамотѣ изображено, и прежнихъ давнихъ Гетмановъ универсаловъ, знать не можно, и за умертвіемъ старожиловъ, справки о томъ забрать не съ кимъ. Писару жъ Магистратскому жалованья производимо было и нынѣ производится по годно денегъ тридцать рублей, жита шесть четвертей да пшеницы двѣ четверти, изъ приходовъ зъ мельницы, вышеписаннымъ королевскимъ привилегіемъ къ Магистрату наданной, на рѣкѣ Бабинцу имѣючойся, бывающихъ; которимъ жалованьемъ тотъ Писарь, яко уже онъ, по бытію его касающихся дѣлъ, торга и промисла не имѣетъ, снабдѣваетъ себе съ нуждою. Протчіежъ, по вышеизображенной привилегіи на мѣскіе потребы къ Магистрату жалованные приходы, хлѣбные и денежные, отъ состоянія Высочайшой блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вышезначащоися грамоты, уже кромѣ ваговаго, которое отъ вѣсовъ Магистратъ въ устроенной отъ тогожъ Магистрата важницѣ, на мѣскіе необходимые расходы получаетъ, собираны въ казну Его Величества, а за жизни блаженныя и вѣчнои славы достойныя памяти Великія Государини Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, по Высочайшому Ея Величества милосердію тѣ зборы отставлены и не собираются. Потому, нетокмо тому магистратскому Писару, къ безнужному его снабдѣнію, въ жалованьи прибавки учинить, но и дзегаря въ городѣ Стародубѣ и другихъ необходимихъ Магистратскихъ нужностей содержать не съ чего.

Мельница вышезначащась, на рѣкѣ Бабинцѣ, помянутою королевскою привилегіею къ Магистрату во вѣчность на расходы мѣскіе хотя вся надана и утверждена, однакъ только зъ двухъ частей въ Магистратъ на необходимые нужные расходы прибыли получаются, а третей части таковы прибыли нынѣшній повѣту Стародубовского Подкоморій Михайло Ширяй, которого умершій дѣдъ Спиридонъ Ширяй былъ въ Стародубѣ Войтомъ, получаетъ. А по какимъ

обстоятельствамъ та часть мельницы во владѣніи его Ширяя состоить, о томъ при Магистратѣ вида не съискуется.

На базарномъ мѣстѣ, близъ полисаду, где торги и ярманки бываютъ, къ продажѣ ѣстныхъ и питейныхъ потребъ и другихъ надобностей, не токмо амбары, но и жилые избы и дворы самовольно, а въ самомъ городѣ и крамные лавки и амбарчики нѣкоторые владѣльцы и козаки устроили, и за наемъ оныхъ получаютъ себѣ прибыль, а Магистрату на мѣскіе расходы никакова платежа не чинятъ.

Въ состоявшемся въ минувшемъ 1755 году декабря въ 1-й день таможенному уставѣ повелѣно въ главѣ шестой: „Пріѣзжимъ во всѣ города изъ другихъ городовъ купцамъ, товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена; и продавать оные товары тамошнимъ гражданамъ и пріѣзжимъ купцамъ обтомъ, а врознь на чужихъ городахъ отнюдъ не продавать“. Да въ десятой главѣ по четвертому пункту: „Крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ, а не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимихъ нуждъ, по приложенному при томъ реестру по званіямъ товарами, мелочнымъ ядломъ, торговать, и которыхъ де въ деревняхъ недѣлается, покупать въ городахъ и на ярмонкахъ и съ лавокъ; а окромѣ тѣхъ товаровъ другими, такожъ въ городахъ и слободахъ городскихъ, и кои слободы и села отъ городовъ разстояніемъ не далѣе пяти верстъ, отнюдь не торговать“.—Въ городѣ же Стародубѣ иногородные купцы, иные сами, а другихъ прикащики, привозя товары, продаютъ мимо гражданъ пріѣзжимъ же купцамъ и другого званія людемъ врознь; такожъ, купя въ Стародубѣ и въ уѣздѣ оного во владѣльцовъ и другого званія людей товары, въ нихъ родящіесь, якото: пеньку, медъ, воскъ, олей, всякій звѣрь и протчое, отпускаютъ къ порту; а на то и зъ Великороссійскихъ купеческихъ людей и крестьяне описныхъ раскольничіихъ слободъ, въ Стародубовскомъ полку находящихся, нѣкоторые, въ томъ городѣ покупивъ мѣщанскіе, а другіе разного званія людей нанявъ дворы, живутъ и всякіе купеческіе торги и промыслы имѣютъ не продажею

обтомъ но врозиь. Да тѣжъ слободскіе крестьяне въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ; а въ слободахъ раскольничіихъ, не по большимъ дорогамъ состоящихъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ въ недавнихъ годѣхъ заведены торги и ярманки, и тамошнихъ же слободъ крестьяне торгуютъ, кромѣ показанныхъ въ таможенномъ уставѣ по реестру товаровъ, портовыми, крамными и иностранными товарами. Отчего въ городѣ Стародубѣ торги и ярманки умалились, а купцамъ и промышленникамъ того города чинится въ купеческомъ производствѣ помѣшательство и убитокъ; да и не за присылкою на торги въ городъ Стародубъ тѣхъ селъ и деревень, кои не въ дальности отъ тѣхъ слободъ и селъ, въ которыхъ торги и ярмарки бываютъ, обивательми озимого и ярового хлѣба, дровъ, сѣна и протчихъ потребностей, въ томъ городѣ Стародубѣ недостатокъ происходитъ.

Ростовскому карабинерному полку, какъ гражданству Стародубовскому извѣстно, опредѣлены квартиры вѣчно въ Стародубѣ, якій полкъ, зъ вступленія его въ Стародубовскій полкъ, имѣлъ винтеръ-квартеры съ 1764 на 765 годъ въ городѣ Стародубѣ и въ уѣздахъ Стародубовского полку по шквадронно, съ 765 на 766 въ единомъ городѣ Стародубѣ помѣщался; истекающей же винтеръ-квартеры, оного Ростовского полку въ другіе Стародубовского полку городы, яко-то: Погаръ и Почепъ, выведено на квартиры только два эскадрона, а три и генералитетъ изъ его штабомъ въ Стародубѣ состоятъ. А кромѣ того полку, другихъ регулярныхъ полковъ командамъ, чрезъ Стародубъ переходячимъ и переѣзжающимъ, и по рознымъ коммиссіямъ разного чина людемъ бывающимъ гражданскіе дворы въ постои отводимы бываютъ, и тѣмъ гражданству Стародубовскому происходитъ утѣсненіе, а въ торгахъ и промыслахъ не малое помѣшательство и остановка. А тѣ Стародубовскіе граждане до сего, во время бывшей Пруской войны, чрезъ квартированіе и переходъ чрезъ Стародубъ многихъ Россійскихъ войскъ, немалое уже терпѣли утѣсненіе.

Въ облегченіе происходившаго Малороссійскому народу отъ довольствія натурою опредѣленныхъ къ беззаплатному отъ того Малорос-

сійского народа довольствію армейскихъ и компанейскихъ полковъ бывшаго обтяженія, отъ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного Командира и Малороссійской Коллегіи Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова учинено полезное и неотяготительное тому народу распоряженіе, чтобъ на исправленіе покупкою къ продовольствію тѣхъ полковъ провіанта и фуража, по квартально съ хатъ тѣхъ, кои къ дачамъ состоятъ, съ каждой добирать въ годъ только по одному рублю, что и собирается. Каковымъ Его Графского Сіятельства, яко учиненнымъ въ облегченіе народныхъ нужностей и недостатковъ, распоряженіемъ граждане довольны.

До 1740 году въ Стародубѣ лекаря такова, кой бы жалованья отъ Магистрата съ приходовъ оного либо отъ гражданъ могъ получать, не было; а съ того году опредѣленъ въ городъ Стародубъ полковый лекарь Иванъ Кобсъ, которому перво отъ одного Магистрата Стародубовского, зъ бывшихъ приходовъ зъ важницы, чрезъ нѣсколько годовъ, а потомъ уже отъ трехъ Магистратовъ, яко-то: Стародубовского, Погарского и Мглинского, съ повелѣнія зъ бывшой Генеральной Войсковой Канцеляріи, производилось жалованье въ годъ по сту сорокъ четыре рубли; нынѣшнемужъ, въ томъ городѣ находящемусь полковому лекарю Петру Адольфу Келлеру, за силу указа Малороссійской Коллегіи, такова жалованья едному Стародубовскому Магистрату,—потому, что уже зъ важницы приходу никакова нѣтъ, а бываемые въ оный Магистратъ съ вышеприсанной мельницы, зъ двухъ частей прибыли на необходимые мѣскіе расходы, яко то: на производство годового Магистратскому Писарю, подпискамъ и служителямъ жалованья, да на покупку въ оной же Магистратъ дровъ, бумаги, сургучу, свѣчей и протчихъ необходимыхъ нужностей, едва могутъ ставать,—брать не откудова.

Издревле при Стародубѣ и между поселянами мѣщанскими для выпуску и пастьбы скота имѣли свободные мѣста и заросли; но отнынѣ, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ разными чинами самовольно завладѣны, а едно мѣсто, называемое Березовка,

къ артиллеріи полковой отобрано, и потому въ пастьбѣ лѣтнимъ временемъ скота гражданского, и переѣзжающимъ во время ярмонковъ купцамъ и другимъ иногородцамъ, въ продовольствіи ихъ скота, состоитъ немалая нужда.

Мѣщане Стародубовскіе, по ихъ вольности и по стародавному обыкновенію, винное куреніе свободно производили, всякъ кто зъ нихъ имѣлъ къ тому желаніе, для полученія себѣ съ того, къ своему продовольствію и для отбуванія общенародныхъ повинностей, прибыли; на потребы мѣскіе къ Магистрату Стародубовскому, надано Гетманомъ Скоропадскимъ 1717 году марта 18 млины: въ селѣ Газукахъ на рѣкѣ Виблѣ о единомъ колѣ, въ селѣ Шаршавичахъ на рѣкѣ Росусѣ о двухъ колахъ, въ селѣ Артюшкахъ о едномъ колѣ, да въ Вистриковѣ о едномъ же колѣ,—которые надачи тѣхъ млиновъ зъ универсала Гетмана Данила Апостола, данного въ 1728 году ноября 7 явственно; которые млины, кромѣ артюшковского, находятся зъ давнихъ лѣтъ, по причинѣ той, что свободные села и деревни, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоявшіе, коихъ селъ обывательми означенные млины подчиняемы были, разныхъ чиновъ людемъ розданы, находятся въ пустѣ, а съ Артюшковского млина хотя въ Магистратъ получается розмирового хлѣба весьма малое число, но и то на подчинку тогожъ млина, по неимѣнію чѣмъ оного подчинить, употребляется.

За мимошедшіе нѣкоторые годы, на мѣщанахъ Стародубовскихъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоящихъ, коммисарского и другого збору денежные доимки взыскуются; и тѣ деньги остались не на ихъ, но на иныхъ въ тѣхъ годѣхъ бывшихъ мѣщанахъ, съ которыхъ иные змерли, а другіе безвѣстно зъ Стародуба посходили, и наслѣдниковъ ихъ въ Стародубѣ съискать не возможно; и ежели оные деньги за тѣхъ измерлыхъ и безвѣстно изшедшихъ тѣмъ, нынѣ подъ вѣдомствомъ магистратскимъ состоящимъ мѣщанамъ уплатить, то они могутъ притти въ отбуванію квартальныхъ рублевого оклада денегъ и въ снабдѣніи себе во изнеможеніе.

Вышеизображенною Королевскою привилегіею утверждено: мѣщанамъ Стародубовскимъ Войта зъ межи себе выбрать съ прирожо-

ныхъ тамошнихъ; а нынѣжъ въ томъ городѣ Войтъ Войсковый Товаришъ Петръ Грозинскій находится, не по выбору гражданскому и не изъ мѣщанъ тамошнихъ прирожоныхъ.

А понеже за силу Высочайшого именного Ея Императорского Всепресвѣтлѣйшего Величества Всемилостивѣйшаго указа, кой въ городѣ Стародубѣ обнародованъ, въ коммисію, въ первостольномъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городѣ Москвѣ учрежденную, о сочиненіи проэкта новаго уложенія, отъ насъ, того города гражданъ, выбраны вы Депутатомъ; для того сей наказъ и при ономъ зъ вышеприсанныхъ: Высочайшія, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, отъ созданія міра въ 7174 году ноября 29 дня,—Короля Польского Третяго Зигмонта привилегіи въ 1620 году февраля 15 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ на вольности и право Макдебурское жалованныхъ,—да зъ универсаловъ отъ бывшихъ Гетмановъ: Ивана Скоропадскаго, въ 1709 году сентября 15-го, Данила Апостола, въ 1728 году ноября 7-го дня данныхъ, вѣрные копіи, и къ Ея Императорскому Всепресвѣтлѣишому Величеству отъ насъ рабское всеподданнѣйшее о вышепрописанномъ всемъ представленіе съ прошеніемъ вамъ препоручается; и вы, принявъ оные, за прибытіемъ въ первостоличный Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества городъ Москву, имѣете оное всеподданнѣйшее наше прошеніе въ высокоправительствующемъ Сенатѣ поднесть, и яко согражданинъ нашъ, къ общей нашей гражданской пользѣ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Всевисочайшаго и Всемилостивѣйшаго матерняго милосердія и конфермаціи всеподданнѣйше просить:

О утвержденіи Стародубовскимъ гражданамъ прежнихъ вольностей о Макдебурского права и о бытіи всѣмъ гражданамъ и пріѣзжимъ въ тотъ городъ купцамъ и промышленникамъ и другого званія людемъ въ судахъ и росправахъ и во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского.

О перепечатованіи Макдебурского права съ Польскаго на Россійскій языкъ, подъ превисочайшимъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества титуломъ.

О пожалованіи вѣчне на урядъ войтовства Стародубовского двухъ селъ и мельницы, какъ и прежде бывшіе до Демьяна Ермолаевича Стародубовскіе Войты владѣли, а на Писара Магистратоваго шести уволокъ, да на хуторъ Магистратскій—двухъ деревень, и о прибавленіи Магистрата Стародубовского урядникамъ, къ ихъ безнужному содержанію, жалованья.

О выводѣ зъ города Стародуба иногородныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, такожъ и раскольниковъ, кои тамъ въ городѣ жительствуютъ, и о запрещеніи имъ и другимъ иногороднымъ купцамъ въ томъ городѣ ничего врознь не продавать и въ уѣздѣ того города во владѣльцовъ и другаго званія людей родящихся товаровъ, якото: пеньки, меду, воску, олеи, всякихъ звѣрей и протчаго ни явно, ни тайно не куповать, да и владѣльцамъ и другаго званія людемъ, въ Стародубовскомъ полку жительствующимъ, никакихъ товаровъ какъ самимъ не покупать, такъ иногородскимъ купцамъ и раскольникамъ не продавать, а продавать здѣшнимъ гражданамъ.

О небытіи впредъ ярманкамъ и торгамъ въ раскольничіихъ слободахъ и селахъ, въ Стародубовскомъ полку имѣющихся, въ недавнихъ годѣхъ заведенныхъ.

О имѣніи впредь Ростовскому карабинерному полку въ другихъ въ Стародубовскомъ полку имѣющихся городахъ и принадлежащихъ къ нимъ уѣздахъ поочередно винтеръ-квартированія для обывательского облегченія по шквадронно, или на форпостахъ въ ономъ же Стародубовскомъ полку, гдѣ полкъ Псковскій карабинерный состоитъ, и о переведеніи того Псковского полку въ опредѣленныя ему въ Малороссійскомъ Полтавскомъ полку вѣчные квартиры.

О увольненіи Магистрата Стародубовского отъ платежа въ Стародубѣ находящемуся полковому лекарю жалованья.

О привернении по прежнему къ городу въ общенародную пользу издавна бывшихъ для выпуску и пастьбы скота свободныхъ мѣстъ, кои самовольно разными чинами завладѣнны и къ артилеріи здѣшней отобраны.

О свободномъ Стародубовскимъ мѣщанамъ по прежнему винномъ куреніи.

О невзысканіи съ мѣщанъ комисарскихъ и другихъ доимокъ.

О утвержденіи на мѣскіе расходы мельницы одной всей, королевскою привилегіею на рѣкѣ Бабинцѣ жалованной, а четырехъ—Газуцкой, Шаршавицкой, Артюшковской и Вистриковской, Гетьманами наданыхъ, къ Магистрату Стародубовскому вѣчно.

О зборѣ по прежнему въ Магистратъ на мѣскіе жъ расходы зъ важницы мѣской вагового.

О небытіи нынѣшнему здѣшнему Воиту на томъ урядѣ; а о избраніи, въ силу прописанной королевской привилегіи, другаго зъ межи насъ, граждань, пригодного гражданина, къ тому уряду способного.

Ни подлинномъ подписано тако: мѣщанинъ Василь Петрила, мѣщанинъ Димитрій Ляшевка, мѣщанинъ Леонтей Животкевичъ, мѣщанинъ Степанъ Антроповъ, магистратовый Писарь Кондратъ Пашкевичъ, мѣщанинъ Терентей Спасиба, раица Алексѣй Кункевичъ, мѣщанинъ Романъ Кибалмичъ, козакъ Романъ Брезкунъ, раица Никита Ивановъ, лавникъ Федосей Евтифьевъ, мѣщанинъ Семенъ Скопецъ, мѣщанинъ Лазарь Васковичъ, мѣщанинъ Якимъ Солодовникъ, мѣщанинъ Гаврило Цалабанъ, мѣщанинъ Петро Попольскій, мѣщанинъ Семенъ Чумаковъ, мѣщанинъ Петро Брезкунъ, мѣщанинъ Романъ Киболкинъ, мѣщанинъ Григорей Щербиновичъ, мѣщанинъ Петро Чечуй, мѣщанинъ Степанъ Спасиба, мѣщанинъ Степанъ Софроно, мѣщанинъ Петро Постолникъ, мѣщанинъ Иванъ Софроно, мѣщанинъ Іосифъ Нечаевъ, лавникъ Федоръ Коробовскій, мѣщанинъ Григорей Ладуха, мѣщанинъ Афанасей Бордиковскій, мѣщанинъ Власъ Гапеевъ, лавникъ Петръ Гафмарешъ, мѣщанинъ Алексѣй Криница, мѣщанинъ Марко Слесарь, абшитованный сотникъ Федоръ Прожика, райца Петро Ростургуй, лавникъ Семенъ Худыня, мѣщанинъ Алексѣй Гамзуль, мѣщанинъ Иванъ Худыня, козакъ Иванъ Мойсеевъ сынъ Мишковъ, значковый полку Стародубовского Товаришъ Леонъ Денбовскій, мѣщанинъ Козьма Дмитріевъ, мѣщанинъ Яковъ Коменокъ, мѣщанинъ Дорофей Медвѣдовъ, мѣщанинъ Алексѣй Гончаръ, мѣщанинъ Федосъ Поджарка, козакъ Степанъ Квитка, мѣ-

щанинъ Яковъ Ятрилокатовъ, мѣщанинъ Гаврило Филько, мѣщанинъ Илья Насека, мѣщанинъ Егоръ Полешодъ, мѣщанинъ Илья Гаменда, мѣщанинъ Григорій Чумаковъ, мѣщанинъ Иванъ Кащенокъ, мѣщанинъ Тимофей Злотниковъ.

XI.

1767.

Наказъ жителей города Полтавы.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Возшествіе Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Императорскій престолъ мы вѣрноподданніе рабы почитаемъ за особливій промислъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственного нашего благополучія. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше опитомъ доказать уже соизволили Височайшее Свое матернее о благоденствіи нашемъ попеченіе, когда при учрежденіи Малороссійской Коллегіи всемилостивѣйше опредѣлили намъ ходатая Его Сіятелство Графа Петра Александровича Румянцова, и указали Его Сіятелству имѣть о возстановленіи мѣщанства торговъ и промисловъ ихъ старателство. Напослѣдки Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволили состоявшимся и въ народѣ публикованнимъ Височайшимъ манѣфестомъ о присилки въ Коммисію Сочиненія Нового Уложенія Депутатовъ, — открить намъ свободной путь приносить наши всеподданнѣйшіе прошенія, о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Мы воображая ежевременно ко всѣмъ вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества неищетніе милости и щедрости во устроеніе на вѣчное время благоденствія ихъ, приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее наше рабское благодареніе за оную Височайшую Вашего Императорскаго Величества милость, такожъ и за опредѣленіе намъ ходатаемъ Его Сіятелства, которого отменное о возстановленіи нашемъ попеченіе за

особливое щастіе мы почитаемъ. И потому, пріемля, дерзость, написали сію нашу всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству челобитную, въ которой чрезъ вибранного отъ насъ Депутата всеподданнѣйше представляемъ особливіе наши и общіе нужди и прошенія.

1.

Въ первомъ пунктѣ порученно(й) оному вибранному Депутату отъ города Полтави челобитно(й) всеподданнѣйше просимъ всѣ вообще граждане и жителствующіе въ городѣ Полтавѣ и доми свои пріѣзжые имѣющіе шляхетство, такожъ и мы нижеподписавшіесь о утвержденіи въ городѣ Полтавѣ имѣючогось нынѣ Магистрата во всемъ на основаніи Магдебурскихъ правъ, и о бытіи въ немъ судамъ и порядкамъ по темъ же Магдебурскимъ правамъ; но понеже жителствующіе въ городѣ Полтавѣ: Полковникъ, Старшина, владѣлци и козаки до сего, не сохраняя установленій въ Правахъ Магдебурскихъ узаконенних, во всемъ генерално Магистратъ здешній къ соблюденію по темъ правамъ принадлежащой должности не допускали, утѣсняли, помѣшателство, обиди и отягощенія дѣлали,— то мы сею нашею особливою челобитною всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать на Магистратъ Височайшую привилегію; въ которой особливо для непремѣнного и твердого содержанія Всемилостивѣйше указать: 1) присудствіе въ ономъ Магистратѣ иметь и онимъ по всемъ дѣламъ управлять, такъ какъ до сего зъ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть: Воиту, яко первому, и съ нимъ Бурмистрамъ, писару, раицамъ и лавникамъ; предъ которими въ Магистратѣ судъ и росправу имѣть, всеподданнѣише Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать всемъ обывателямъ оного города и пріѣзжимъ, кои по Магдебурскому праву суть прилеглими къ Магистрату, по всемъ дѣламъ по темъ Магдебурскимъ правамъ, и на убылые оних Войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ волними голосами зъ между себя. 2) Всѣ порядки городовіе и между купечествомъ здешними обивателми и пріѣзжими

единственно въ Магистратѣ устроевать имъ Воиту и урядникамъ; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ за согласіемъ зъ мѣщанами, на такомъ точномъ и непремѣнномъ содержаніи, какъ о томъ въ правахъ узаконенно; и доходи по примѣру другихъ упривиліованихъ малороссіиских Магистратовъ собирать и употреблять толко на общіе городскіе нужди; и чтобъ полковникъ, старшина и никакое другое здесь правленіе в касаючіесь до учрежденія городскихъ порядковъ дѣла не вступались и не препятствовали. 3-е) Въ правѣ малороссійскомъ, книги статута, роздѣлу 3-го, въ артикулѣ 25-мъ напечатанно: „когда бы шляхтичъ, занехаевши именя и обистя своего шляхетскаго, и чрезъ худобу свою шукаючи собе поживеня, и вшедши до мѣста и мѣшкалъ тамо, торги мѣскіе ведучи, або шинкъ въ дому маючи и локтемъ меручи, або ремесло робячи на верстати, таковій уже съ волностей шляхетскихъ веселитись не маетъ“. Во исполненіе которого права, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: повелѣть живущимъ въ городѣ шляхтѣ, таковимъ какъ въ оиомъ правѣ изображенно, торговъ и ремесла не имѣть, и оставить темъ ползоватся другихъ городскихъ обивателей. 4-е) Чтобъ какъ оние, такъ и всѣ жителствующіе въ городѣ Полтавѣ владѣлческіе жилие и пріѣзжіе доми во всемъ, что касается до гражданскихъ общенароднихъ нуждъ и повинностей, были не исключаеми и находились бы темъ въ Магистратѣ вѣдомими. 5-е) Чтобъ находячіесь въ городѣ разние майстровіе люде, живущіе подъ разними владѣлцами, въ томъ что принадлежить по ихъ майстерству и въ общихъ гражданскихъ повинностяхъ, равно какъ и магистратскіе,— вѣдоми и послушни были въ цехахъ и опредѣленныхъ въ онихъ цехмистировъ. 6-е) Чтобъ пріѣзжаючіе зъ другихъ городовъ и селъ Великороссійскіе и Малороссійскіе промишленники и художники, никакими товарами не торговали, кроме ярмонковъ.

2.

Во время пожалованія височайшою грамотою Его Императорскаго Величества блаженния и вѣчния памяти Великого Государя Петра первого и Самодержца Всероссійского на городъ Полтаву

деревень, а именно: Ивашокъ, Ивончинецъ, Грабиновки и части Осмачокъ, и когда унѣверсаломъ Гетмана Скоропадского отданни по прежнему бывшіе издревле за магистратомъ села: Мачухи, половина Гуджуловъ, Тахтауловъ и Павленки къ городу Полтавѣ во владѣніе, подданнихъ въ вишезначащихся деревняхъ, такожъ въ городѣ Полтавѣ мещанъ и другого званія людей въ Магистратскомъ видѣніи было знатное число, которие всѣ обще Государевы и гражданскіе повинности отбували безъ изятія;—и что принадлежитъ до городовихъ обивателей, то унѣверсаломъ Гетмана Мазепи 703 года состоявшимся—запрещенно отъ гражданскихъ повинностей всякого званія чинамъ ихъ укривати, но понеже невѣдомо какимъ образомъ Магистратъ взятъ былъ въ команду Полковой здешней Канцеляріи, гдѣ будучи подвластенъ, принужденъ всѣ порядки и власть свою, по правамъ Магдебурскимъ принадлежащую, уступить Полковнику и Старшинѣ; и между тѣмъ они Полковникъ и Старшина Полковая, нетокмо сами звладѣли подданическими, такожъ мѣщанскими и другого званія Магистратового ведомства дворами, грунтами и угодіями, но и многихъ стороннихъ къ тому допустили столко, что болшая часть людей съ магистратского видѣнія вийшла въ разние руки. А при томъ вписано не належно въ козаки и произведено въ чини не малое число; а тѣ все бившіе въ видѣніи магистратскомъ граждане или доми ихъ находятся нынѣ въ Полтавѣ, иние будучи въ чинахъ и протекціяхъ, а другіе въ владѣлцовъ, ползуются всѣми тѣми промислами и торгами, которие гражданству принадлежать, а гражданскихъ повинностей не отбуваютъ; и вся та тяжесть, которая несенна была бывшимъ великимъ числомъ обивателей и подданнихъ,—сложена на оставшоесь малое число. А яко намъ нижеподписавшимся отъ того есть не малая общественная тяжесть, отъ которой гражданство ежечасно вмаляется,—для того мы вѣрноподданние Вашего Императорскаго Величества рабы всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше указать: все то, что послѣ состоянія оной Височайшей грамоти, жалованнной на помянутие села, и Гетманскихъ унѣверсаловъ, кемъ что искупленно и завладѣнно, такожъ и вписанно не належно въ козаки, и произ-

веденно въ малороссійскіе чины, отдать по прежнему въ видѣніе Магистрата, къ отбуванію общенароднихъ повинностей и къ полученію съ онихъ доходовъ, на украшеніе города потребнихъ. За понесенніе же нами чрезъ прошедшое время тяжести и за тѣхъ, которие не належно зъ гражданского видѣнія отторгнути, всеподданнѣйше Вашего Императорского Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть въ награжденіе,—части намъ, а части на городскіе нужніе расходы,—взыскать зъ владѣлцовъ и зъ техъ зъ самихъ, которіе не належно или подложно испросили себѣ козачество и чини, все то, что нами за ихъ понесенно.

3.

Города Полтави мы нижеподписавшіесь мещане суть всѣ вообще купно зъ урядомъ своимъ о возстановленіи комерціи для приращенія казни Вашего Императорскаго Величества отмѣнное попеченіе имѣемъ, и при томъ несемъ, яко въ пограничномъ городѣ, разніе тяжести и повинности, какъ въ томъ височайшой Вашего Императорскаго Величества интересъ потребуеть; но за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ на себя никакого уваженія, и по вшедшему здесь обикновенію, отъ болшого до меншого, каковихъ бы кто въ своемъ поведеніи достоинствъ ни былъ,—всѣ мы порицаемся мужиками и презираеми биваемо, колми паче отъ Великороссіискихъ квартирующихъ и переежающихъ Генералѣтета, штапъ и оберъ афицеровъ, даже до послѣднего салдата претерпѣваемъ, какъ Воитъ и урядники, такъ и мещане, несносние утѣсненія, обиди и поруганія, и самие побои, темъ найпаче, что намъ за нашу обиду положенъ въ правахъ небольшой платежъ. А съ Великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которихъ мы частие имѣемъ обыди и побои, никогда и удоволствія никакого не получаемъ, и уже до того дошло, что если хто съ нихъ чемъ насъ обидить или побьеть, мы не смеемъ и въ искателства входить; чемъ самимъ отъемлется въ насъ куражъ къ купеческой жизни и промисламъ, теряя отъ унинія все то, чемъ можемъ свой авантажъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества доходъ сискать. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ, ради прославленія на будущие

вѣки благополучнѣйшаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, зъ единого Своего Височайшого матерного милосердія, всемилостивѣйше пожаловать намъ, мещанамъ города Полтави, Вашего Императорскаго Величества Височайшую грамоту на навязку шляхетскую, а Войту и урядникамъ Магистратовимъ—уравненіе противъ Великороссійскихъ чиновъ, коими Ваше Императорское Величество насъ вѣрноподданнихъ своихъ рабовъ Височайше пожаловать по своему матерному милосердію благосоизволите.

4.

Височайшою грамотою блаженния и вѣчно достойния памяти Государа Императора Петра Первого и Самодержца Всероссійского къ умершому Гетману Скоропадскому, 1721 году состоявшоюсь, повелено въ Малороссійскихъ городѣхъ драгунскіе полки ставить на винтеръ квартирахъ, не обходя никого: ни полковничихъ, ни старшинскихъ, ни козачихъ, ни великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколниковъ; а у заслуженнихъ особъ: у полковниковъ, у сотниковъ и протчихъ старшини, и у поповъ и церковниковъ, на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ—квартиръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ, на подваркахъ, такожъ и въ подданнихъ—ставить отнюдъ не виключая никого. Но въ городѣ Полтавѣ какъ во время квартированія, такъ и во время переходу Великороссійскихъ Генералѣтетовъ, штапъ и оберъ афицеровъ и командъ, отъ полковой здешней канцеляріи поступается не въ согласіе вышеизображенной Височайшой грамоти, но въ отмѣну оной, съ немалимъ отягощеніемъ мещанъ и другого званія магистратского обивателей; ибо по силѣ оного Височайшого указа должни волни быть отъ постою жилие толко доми полковника, сотника и старшини, поповъ и церковниковъ,—а здѣсь и въ другого разного званія людей, а особливо въ бунчуковихъ, войсковихъ и значковихъ товарищей, отводими въ квартиру не бываютъ; да и въ пріѣзжихъ загороднихъ дворахъ владѣлческихъ, старшинскихъ, сотничихъ, значковихъ товарищей и виборнихъ козаковъ, полковникъ здешній надъ точное вишеизображенное височайшое повелѣніе,—ставить постою не велѣлъ. А и съ техъ жителствующихъ въ городѣ

Полтавѣ чиновниковъ многіе суть такови, которие недавно съ мѣщанъ повиходили и въ мещанскихъ домахъ живуть и мещанскими грунтами владѣють, сверхъ того бавятся купеческимъ промисломъ, а гражданскихъ никакихъ не отбувають повинностей, лишая насъ при понесеніи нами за ихъ тяжести по праву принадлежащого намъ промислу; и хотя о томъ отъ насъ по командамъ нашимъ жалобы неоднократніе были, но во удоволство наше ничего не получили. Теперь Ваше Императорское Величество по Своему матернему милосердію соблагоизволили намъ вѣрноподданнимъ своимъ всемилостивѣйше дозволить представить намъ всѣ нашѣ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нужди; вишеизображеній же здесь поступокъ столь для насъ горестенъ и обиденъ, что мы болѣе его сносить не въ состояніи, потому что мы видимъ зъ своихъ собратевъ ежедневно такова, которій какъ скоро, захотя отъ гражданскихъ повинностей укрится,—испрошуетъ себѣ чинъ или какое другое воинское званіе, или въ козаки впишется, то ни постою, ни виставченія подводъ, ни другихъ городскихъ тяжостей не знаетъ, но то заразъ снѣмается и слагается на насъ, остаючихся при магистратѣ въ отбуваніи гражданскихъ повинностей, а нехотящихъ по примѣру ихъ укриватся; отъ того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ по своему матернему височайшему милосердію, въ избавленіе насъ отъ вишеизображенныхъ тяжестей, всемилостивѣйше указать, яко здесь пограничное мѣсто, въ которомъ болѣе другихъ всегдашніе постои суть, чтобъ единъ предъ другимъ въ постояхъ и другихъ городскихъ повинностяхъ обтяженни либо облегченни не были; но всѣ бъ равно граждане отбували ту гражданскую повинность. А къ тому всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать, чтобъ квартирулочіе въ насъ дровъ и свѣчъ не взимали и не требовали безденежно, и никакого утѣсненія намъ въ нашихъ домахъ заниманіемъ квартеръ не утѣсняли, и стояли тамъ, гдѣ отъ Магистрата отведенно будетъ; и въ случае каковой нужди обивателской сходили бъ съ оних квартеръ тогда, когда отъ Магистрата потребованно будетъ, на другіе квартири безспорно.

5.

Городъ Полтава после шведской войни приведенъ былъ, яко пограничное место, въ хорошое состояніе; и какъ крѣпость порядочная, такъ и другіе нужніе городовіе строенія были; но после того, будучи въ полной дирекціи полковой здешней команди, допущенъ всемъ темъ въ крайнее опустеніе, и теперъ какъ крепости, такъ и никакихъ публичнихъ строеній и приличного украшенія не имѣетъ, а въ немъ все то имѣть противъ другихъ примѣрнихъ городовъ надлежить. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: указать, чтобъ повеленно было Магистрату здешнему о украшеніи города попеченіе прилѣжное принять, и привесть его въ хорошое состояніе потребними публичними строеніями, при вспоможеніи околичнихъ уезду полтавского мѣстъ. Объ отпускѣ же на то потребной сумми всеподданнѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества височайшого матерного благопризрѣнія; и притомъ височайше повелѣть собирать Магистрату доходи на оное украшеніе города со всего того, что издревле Магистрату принадлежить и нынѣ свободнимъ городовимъ есть; а къ тому

6.

Имперіи Вашего Императорскаго Величества во многихъ городахъ учрежденни дворянскіе и купеческіе банки съ казни Вашего Императорскаго Величества, и темъ купечество россійское имѣетъ въ произвожденіи своихъ торговъ не малую вигоду; въ городѣ жъ Полтавѣ хотя имѣется доволное число малороссійского купечества такова, кои суть къ умноженію и произведенію торговъ и промисловъ купеческихъ способними, но какъ всѣ здешніе обиватели, такъ и они въ денгахъ суть недостаточни, и потому въ торгахъ своихъ имеютъ немалое затрудненіе и остановку. Къ разумноженію оного купечества и приведенію въ цвѣтущое его состояніе Всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, съ казни Вашего Императорскаго Величества, при Малороссійской Коллегіи, опредѣлить банковую сумму зъ слѣдующими обстоятелствами: 1-е) Чтобъ платить процентъ въ казну Вашего Императорскаго Величества за то толко

число, которое розданно будетъ. 2-е) Чтобъ отпускаемие были денги купечеству по атестатамъ урядовимъ, которіи и отвечать за то обязани. 3-е) Чтобъ позволенно, сверхъ казенныхъ шести, на вышеобявленное украшеніе города получать по два процента.

7.

Въ 5-мъ пунктѣ сей, отъ насъ чрезъ вибранного депутата подносимой Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей челобитной, просили мы Вашего Императорскаго Величества, чтобъ повеленно было съ насъ доимокъ не взискивать, потому, что мы въ казну Вашего Императорскаго Величества ничего не должни; а должни толко одинъ другому; въ пополненіе того мы города Полтави жители Магистратского видѣнія общественно въ семъ пунктѣ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству бьемъ челомъ о нижеслѣдующемъ: до учрежденія Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовимъ во всей Малороссіи рублевого окладу, вистатчили мы на опредѣленнихъ въ Малую Россію отъ Вашего Императорскаго Величества консистентовъ и на переходящія, а въ многомъ числѣ и на несостоящіе на доволствіи въ Малой Россіи полки, указное доволство такимъ образомъ: отъ главной нашей команди или по указамъ оной отъ полковихъ здешнихъ канцеляріи ревизия было сочиняется по статямъ; и въ полковихъ канцеляріяхъ расположенія было дѣлаются по статямъ же, то есть: на богатого болше, а на убогого менше роскладается порціоновъ и раціоновъ, натурою или денгами, за себя и нащетъ другихъ полковъ; и потому было мы подлежащое всякое указное вистатченіе по расположенію здешней полковой канцеляріи и ассигнаціямъ чинимъ; однакъ мы тогда чуствовали немалую тяжесть по сему: 1-е при сочиненіи вишеобявленнихъ ревизій, пишуть насъ было не въ приличніи намъ статѣ, такъ какъ другихъ обивателей, а паче какъ полковникъ и старшини полковіе и другіе своихъ людей противъ насъ, и нашихъ подсусѣдковъ ставять было низше далеко и по темъ статямъ располагая на насъ вистатченія взискують. 2. Въ случае пространого квартированія консистентовъ въ полку Полтав-

скомъ, какъ то до сего было, асигнують намъ далекую возку, а случалось по сто и болѣе верстъ; а своихъ подданнихъ или вовся минують, или ставять надлежащое съ нихъ либо въ доимку, либо во взисканіе остаточнихъ отъ произвожденій денегъ; и мы по такимъ асигнаціямъ либо принужденни чрезъ такъ далекое разстояніе провіянтъ и фуражъ возить, либо договариватся съ консистентами о принятіи за оніе денегъ. И часто случалось, что мы платили за рацію отъ трохъ до пяти рублей во мѣсто девятидесяти копѣекъ. 3. Уведенное въ насъ нащетное произвожденіе не менше намъ тяжестно, какъ и вишеприсанно, потому 1) Что мы за тое произвожденіе не получили напослѣдки многого числа денегъ; 2-е Мы нащетние раціони и порціони вистачаемъ было въ щетъ другихъ полковъ въ разніе времена, а паче въ случае недороду, нещитая фуража и провіянта, денгами какъ и вишеписанно отъ трехъ до пяти рублей, а въ заплату себѣ получаемъ съ техъ полковъ, нащетъ которихъ произвожденіе делаемъ, по девятидесяти копѣекъ. И хотя сіе все касается до общества всего Малороссійского народа, однакъ мы города Полтави видѣнія Магистратского обиватели чуствуемъ болше другихъ обиди, потому, что въ полковой здешней канцеляріи асигнаціи дѣланно о вистатченіи нащетнихъ раціоновъ неравномѣрно, а всегда облегчая другихъ, а магистратского видѣнія обтяжая; что часто случалось магистратовимъ въ двое противъ другихъ, не по статямъ, но по единому полковничому изволенію платить. Теперичнимъ учрежденіемъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича Румянцова о взисканіи съ насъ на доволство консистентовъ денгами—доволни и отъ всехъ техъ тяжестей, которие мы до сего чуствовали—свободни. Но поелику чрезъ прошедшое время многіе съ подданнихъ магистратовихъ посполитихъ и подсусѣдковъ нашихъ обнищали, по вишеписаннимъ резонамъ, а паче недородомъ хлеба и падежемъ ежегодно скота, которимъ мы всѣ здешніе обиватели свое содержаніе имѣемъ, особливо безвиходними постоями и тяжестію переходящихъ командъ, то всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ въ томъ всевисочайшого Вашего Величества благопризрѣнія и отъ натуралного произвожденія консистентамъ насъ всемилостивѣйше

указать, во избежаніе вишевираженнихъ намъ бившихъ тяжостей— вѣчно уволнить; а собирать съ насъ по тому Его Сіятелства учрежденію деньгами наличное число штацкою ценою. Чтожъ касается до доимокъ, которие указомъ Малороссійской коллегіи повелѣвается съ насъ всѣ взискивать на повелѣнное въ городѣ Глуховѣ строеніе, то яко по извѣстію намъ тая доимка есть не малая, а какъ мы по себѣ чуствуемъ, то состоить на некоторихъ или вовся мало, или вовся ничего; и откуду бы такова великая народная доимка взялась, знать не можемъ, яко те и протчіе народніе денги собраніемъ входими были въ полковую здешную канцелярію и въ Щетную коммисію, въ которой и знатние сумми находились; и ежели они и нынѣ есть, то должни быть тѣ самие, которіе зъ насъ взискивать повелѣвается. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣише просимъ, всемилостивѣише повелѣть со взисканіемъ недоимки на насъ считаемой обождать, и всемилостивѣйше указать первѣе между нами и здешними канцеляріями и коммисіями о всѣхъ вшедшихъ съ техъ годовъ, съ которихъ доимки взискуются, рощетъ чрезъ надежнихъ нарочнихъ при нашемъ оправданіи учинить; и ежели за темъ по справедливости съ насъ на комъ таковие недоимки сищутся, мы платить оние должни будемъ.

Всемилостивѣишая Государиня, вишеписанние нашѣ общіе нужди чрезъ вибранного отъ насъ Депутата Вашему Императорскому Величеству представляя, всеподданнѣйше просимъ по онимъ явить свое къ намъ, вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества рабамъ, высочайшое матерное благопризрѣніе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣшіе рабы города Полтавы... *(подписей нѣтъ).*

XII.

1767.

1) Прошеніе граждань и разнаго званія жителей города Лубенъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерына Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Полкового города Лубенъ разного чина и другого званія граждане, а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункта.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшое Величество отъ 14 декабра 766 года всевисочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что вибрание съ високославной Вашего Императорскаго Величества Имперіи для сочиненія проэкта новаго уложенія Депутати созиваются нетокмо для того, чтобы вислушать отъ нихъ нужди и недостатки каждого мѣста; но и допущени они быть имѣютъ въ комисию о сочинении упомянутого проекта.

Таковое Вашего Императорского Величества Матернее Всевисочайшое Милосердие есть руководствомъ того дерзновенія, съ которимъ мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества раби, пріемлемъ трудить Всевисочайшое Вашего Императорскаго Величества лице въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ.

1.

Полковий городъ Лубнѣ весма уже з давного времени множественними и безпреривними несравненно противъ другихъ таковихъ же городовъ постоями крайне обтяженъ. А именно: кромѣ давнѣйшого времени, начавъ отъ 1735 году чрезъ тридцать и болѣе годовъ, чрезъ все бившое съ Турками военное время, и посли онаго и донинѣ сколко когда какови были и бываютъ Вашего Императорскаго Величества регулярнихъ и нерегулярнихъ войскъ движенія, многия Генералѣтети, полки и другия разния команди чрезъ городъ

Лубнѣ, яко на неусипнихъ главнихъ трактахъ состоящій, переходя, ночлегами и квартирами, чрезъ повеленное время бывая, довольствуются.

Чрезъ все тожъ бившое съ Турками военное время тамъже въ городѣ Лубняхъ еще господа Генерали, Фелтмаршали, и другіи Генералѣтетъ, по тогдашнимъ военнимъ обращеніямъ собиравшиеся, а къ тому главній Кригсъ Коммисариятъ, штапи и другие жъ разніе чыни и комманды на винтеръ квартирахъ состояли; главная жъ Полевая Аптека съ еи чинами, служителми и караульними командами изъ давнѣйшаго времени, яко до пяти-десяти уже годъ несходно и до нинѣ квартерують.

Притомъ билъ зъ 752 году опредѣленной на квартирахъ Оберъ-Провиятмейстеръ съ коммисиею и при ней разними чинами, канцелярскими служителями и командою.

После оного по виходѣ чрезъ нѣкоторое время въ другое место, опредѣленъ сюдажъ въ городъ Лубнѣ прошлаго 763 году Оберъ-Кригсъ-Комисарь тожъ съ комисиею и при ней находящимися разными чинами и канцелярскими служителми, которой и нинѣ въ городѣ на квартирахъ находится, и въ ту комисию, какъ и въ полевую аптеку, зъ разнихъ многихъ полковъ въ комисию за казною, изъ многихъ же провинций исъ казною, а въ Полевую Аптеку за медикаментами, почитай безперестанно разние чины съ командами пріѣзжають, и въ городѣ имѣютъ до отправки ихъ квартированіе съ таковимъ утѣсненіемъ, а паче егда между тѣмъ прилучаются переходящие полки и команди, что биваеть на едной квартерѣ по десяти и болѣе человѣкъ, то хозяямъ и мѣста уже не остается, и лишаются промисловъ и ремесла, и которіе уже не могуть въ городѣ зъ хозяями вомѣщатся, то принужденни становится по околичнимъ около города местамъ по квартерамъ, где такожъ отъ ежечастого квартерованія немалая тяжесть противъ протчихъ местъ слѣдуетъ.

А въ 765 году вступилъ въ городъ опредѣленній на непремѣнние квартери Рязкій пехотній полкъ; и хотя по невмѣщению оного протчие роти раставлени по околичнимъ мѣстечкамъ, но въ городѣ оставленъ полковий штапъ, полковая канцелярия, тягости, аммуниция, лазарети, и двѣ роти и къ нимъ и съ онихъ протчихъ

ротъ ежечасто приезжають афицери и другие чина и прибивають на карäули салдати и собираются по колкократъ по полковимъ биваемимъ дѣламъ команди.

Да тамъ же еще въ городѣ полковая Лубенская Канцелярия, гродскый и земскый Суда, полко(ва)я Лубенская Щетная Коммисія, Генеральной Описи Коммиесія и повѣтовий Лубенский, куда рублевого окладу денги привозятся Комисариятъ съ ихъ чинами и канцелярскими служителми. А городъ Лубнѣ небольшій и дворовъ со всеми духовного и мирскаго чына настоящихъ гражданскихъ малое число, всего триста шесть десять тры.

2.

Отъ такова множественного въ городѣ постою обиватели крайную узнають тяжесть, въ квартерахъ утѣсненіе; притомъ доволствують постой своими дровами. Многие жъ, не имѣя своихъ лѣсовъ, а хотя и имѣють, да по малой части, для оплету нужнихъ, принуждени покупать на торгахъ дорогою цѣною; а последние беднѣйшие отоплива(ю)ть тросникомъ и соломою, покупая и тое по скудости дровъ недешевою цѣною. Покупка жъ дровъ на торгахъ весма нужна: едно что многимъ для постояльцовъ купить надобно, другое что и въ Полевую Аптеку для казенной надобности всегда первѣйшая онихъ на торгахъ покупка искупляется, сколко бъ ни било.

3.

По какимъ обстоятельствамъ обиватели, при томъ видя обстоящій чрезъ сколко уже годъ на хлебъ недородъ и происходящие съ того и отъ оного многаго въ городѣ постою въ хлебе, въ с'естнихъ припасахъ и въ дровахъ возвишенние ценъ, и что тожъ ежечасто еще въ обивателей биваетъ скотский падежъ, пришли въ конечное изнеможение, какъ самого тогожъ города поселеній обетшалость и упустѣня еивствуетъ.

4.

Якій при томъ городѣ самонужнѣйший для обивателского домашнего робочого и другого скота, також и домовихъ птицъ, для ви-

пуску зъ двохъ сторонь города имѣлся неболший випустъ, искони всехъ обще гражданъ имъ единственно до города прин(а)длежащий и то болше по гороватимъ местамъ находящийся, да сверхъ того за рекою Сулою, кромѣ древнихъ собственнихъ владѣлческихъ и обивателскихъ земель, якъ о томъ по учиненному между полковими городами Миргородомъ и Лубнями давному разграничению значится, еще било общой же нѣсколко толочной и сенокосной землѣ, къ томужъ городу всемъ гражданамъ принадлежащой,—съ тѣхъ съ оного, что подъ самимъ городомъ, випусту зъ едной сторони подъ Ряский пехотний полкъ для компомента и лагеровъ, для магазеиновъ и конюшень того полку, а зъ другой сторони подъ Полевую Аптеку, для строений вънов и для огородовъ немалое число самого лутшого места занято. А за Сулою оная толочная и сѣнокосная земля всехъ гражданъ общая находится тожъ нинѣ въ разномъ владѣнии. Итакъ обивателямъ города Лубень въ прокормлении и содержании скота за неимѣніемъ въ многихъ собственнихъ земель обстоить всекрайнѣйшая нужда и недостатки. Имѣется жъ въ городѣ въ старомъ замкѣ для вистройки Полевой Аптеки, а подъ тѣмъ замкомъ для садовъ и огородовъ аптечнихъ, мѣста на то способние.

5.

Города жъ Лубень, кромѣ вишеписанного многого постою, обиватели еще многие понесли тяжести. Въ вишеписанное съ Турками бившое время военное взимались отъ нихъ воли, вози съ потребностми и погончиками, висилались зимного времени ко Днепру для безопастности отъ неприятелского нападения, для полонения лда, работники, дѣлались для того инструменти, а во время недавно прошедшого Пруского походу взимались отъ козаковъ и посполитихъ воли, отъ козаковъ же еще лошади, а отъ посполитихъ и восмотисячный зъ Малой Россіи бивший наборъ и люде, снабдѣвая онихъ указнимъ на дорогу одѣаниемъ, обувомъ и денгами. Доволствовано переходящіе въ обѣ тѣ времена и состоявшие на квартерахъ отъ войскъ команди провиянтомъ и фуражемъ. Вистатчаеми были указние подъ тягости и подъ болнихъ подводы, и нинѣ о томъ какови бивають повелѣния, по тому и исполняются.

6.

Прежде зъ давного времени чинени были по силѣ указовъ ежечасто козакамъ и посполитимъ по здешнему обикновению ревизии: по дворамъ, по хатамъ и по статямъ, различая на сколко статей ко уравнению обивателей въ консистентскихъ дачахъ, чтобъ еднимъ предъ другими въ тѣхъ дачахъ тяжести бить не могло; и подсусѣдки бѣдние и нищетние, которие въ однихъ хозяйскихъ хатахъ живуть, не имѣя никакихъ грунтовъ и питаются зъ одного поденного заработку, между настоящие посполитие, своими дворами и хатами живущие и грунта имѣющие, не верстани, а записивани особо и потому на нихъ и дача особо отличная полагана: на пѣшого на мѣсяцъ по двѣ, а на тяглого по три и по четири копейки. А после того 752 году по универсалу господина Генералъ Фелдмаршала Сенатора и разнихъ орденовъ кавалера графа Кирила Григориевича Разумовского, по битности его у Малой Россіи Гетманомъ, таковихъ подсусѣдковъ сверстанно между оние настоящие посполитие, между коими какъ того 752, такъ и 755 годовъ и въ ревизияхъ записани, и съ того на нихъ въ дачахъ последовала тяжесть.

7.

Отъ тогожъ 755 году чрезъ немалое время ревизии не чиненно, но дача на консистентовъ полагаема была по той 755 года учиненной ревизіи, по числу хатъ въ ней значащихся. По той же ревизіи чрезъ то время по свободному съ мѣста на мѣсто переходу иние безвѣстно посходили, а иние позмѣрали, и принуженни за таковихъ наличние платить, а где нѣкому, тамо требуется уплатки отъ самихъ хозяевъ, коихъ те изшедшие и измершие подсусѣдки были и по нихъ пустие хати либо плеци пооставались, а хозяе за нихъ платить своимъ не одолжени.

8.

А 763 году учиненна отълична вновъ козакамъ и посполитимъ по дворамъ, по хатамъ и по душамъ перепись безъ статей, не минуя въ рядъ съ протчими подсусѣдковъ и годовихъ уже наемнихъ слу-

жителей; по которой прошлого 765 году и рублевимъ отъ хатъ окладомъ, какъ козаковъ подпомощниковъ и посполитихъ, такъ равно съ ними и онихъ подсусѣдковъ и наемнихъ годовихъ служителей обложенно съ темъ, что естли по кварталамъ чего отъ кого въ тотъ рублевой окладъ уплачено не будетъ, то взисканно будетъ въ сугубо, и хотя сложено на владѣлцовъ, чтобъ они на своихъ людей на можнѣйшихъ болше, а на убогшихъ менше полагали, почему и исходно на владѣлцовъ техъ, въ коихъ по надачамъ имѣются маетности и въ онихъ находятся между убогшими и можне-грунтовие люде, на которихъ можно владѣлцу, смотря по имуществу болше, а на убогшихъ менше положить. На подсусѣдковъ же разного владѣния, яко оныхъ въ иныхъ по одной, въ другихъ по двѣ, въ некоторихъ же по три или чемъ и болше хатъ самихъ крайне нищетныхъ, зъ одного поденного заработку питаючихся, а къ тому и на наемнихъ годовихъ служителей, которие въ той службѣ одноличнo пребиваютъ, такой роскладки учинить не можно, и они не толко болшимъ числомъ, но и того рублевого окладу съ чего платить несостоятелни. Къ томужъ на козаковъ подпоможчиковъ прежде полагана дача противъ посполитого на всякого у-полъ; нинѣжъ какъ посполитихъ, такъ и козаковъ подпоможчиковъ равно темъ отъ всякой хати рублевимъ окладомъ обложено. А якъ козаки подпоможчики въ число виборнихъ козаковъ на места убилие къ виборнимъ козакамъ убогшимъ въ помощъ опредѣляются и до того комендируются въ далние места по указамъ на работи, яко то: предъ симъ отправляеми были на засѣчние по Полской границѣ, за Днепръ до крепости Святия Елисавети на роботи, а после того чрезъ нѣсколько уже годъ комендируются зъ мѣсяца марта ежегодно на Донъ до крепости Святаго Димитрия Ростовского на работу жъ, кроме проходу на шестомѣсячное время, исправляя себе подлежащимъ одѣяниемъ, обувомъ, провиянтомъ, для подъему того провиянта повозками и скотомъ, и для покупки оному фуража денгами, а между тѣмъ и въ заграничний Пруский походъ съ волами отправлялись, гдѣ на службѣ по нѣсколько годъ находились: то имъ тотъ рублевий окладъ отъ хатъ, да еще равно съ посполитими, уплачивать съ тяжестию.

9.

Нынѣ, за учрежденіемъ Малороссійской Коллегии, нарочно определенными штапъ и оберъ афицерами, съ Малороссійскими старшинами дѣлается еще отличная Генералная Опись: описуются жилие наши двори, пахатние и сѣнокосние земли, лѣса, луга, съ показаниемъ имъ мери, мелницы и протчие угодия и требуется показания, сколко хлеба засѣвается и на какомъ местѣ, сколко сена укошивается, и сколко съ мелницъ приходу въ годъ биваетъ, также и о промислахъ; требуется на владѣние крепостей, описивается скотъ и пчели, и ревизуются получаемие доходи и люде, въ кого есть, мужеска и женска полу души до найменьшого младенца и все ихъ имѣние и самихъ служителей описивается. А такой описи, яко оная Малороссійскимъ правамъ, привилегиямъ и обичаямъ, Высочайшими грамотами утвержденнимъ, несходственна, искони никогда еще въ Малой Россіи не бывало.

10.

По древнему жъ здесь въ Малой Россіи обикновению и волностямъ, разного воинского и другого звания здешние граждане, живучи въ городѣ, имѣють промисли, торгъ, а некоторие и ремесло свободно, которые и впредъ имъ гражданамъ, яко съ нихъ многие не имѣють земель, войсковую жъ службу, а протчие другие повинности съ того отправляють, имѣть необходимая нужда обстоить; но имъ гражданамъ съ Великороссійскихъ купцовъ приезжие и въ городѣ Лубняхъ своими купленними и наемними дворами жительствующие, а зъ гражданами указной служби не отправляющие, чинять въ промислѣ, перекупая, помѣшательство, съ чего имъ гражданамъ явная въ томъ обида и недостатки.

11.

Здешние мещане города Лубень, какъ они еще, по отбытіи Малой России съ подъ депенденціи Полской, не подвержени въ подданство нѣкому и содержались отлично противу подданнихъ, а за упоминаемого Графа Разумовского, по полномощию уряда его гет-

манского, въ число другихъ посполитихъ взяти подъ вѣдѣние войскового скарбу.

12.

По правамъ Малороссійскимъ, Високомонаршими грамотами утвержденимъ, бѣлое духовенство Малороссійское щитается съ осѣдлостми своими въ числѣ шляхетства, и кромѣ того, что они по должности своей службу отправляють, ихъ дѣти происходять, за силу Духовного Регламента, въ науки иностраннихъ языковъ, потомъ и въ войсковую службу, а за ними и наследные духовного ихъ чина грунта отходятъ. Почему и по древнему здешнего края обикновению, бѣлому духовенству какъ продажа, такъ и купля грунтовъ была какъ и протчимъ свободна; но после того, рѣшителними пунктами уже духовенству такова покупка грунтовъ запрещенна. Дѣтямъ же ихъ всѣмъ въ духовенство не умѣститься, и кои могутъ оставатся для войсковой службы—какъ то поповскихъ дѣтей по умершихъ отцахъ и велѣно уже употреблять въ войсковую службу—оной отправлять не съ чего. Къ тому-жъ инное духовенство, не имѣя къ прожитию места, живуть въ чужихъ хатахъ, да и жить инимъ, не имѣя грунтовъ, при парахіяхъ нѣ на чомъ, кромѣ одного доброхотного подаяния. Съ тогожъ, когда духовенству покупка грунтовъ была бъ невозбранна, нетолько не било бъ умаления въ войсковой службѣ, но еще могло бъ бить въ оной приращение, и отбивать съ чего би было.

13.

Города Лубень граждане какъ не имѣютъ достаточнихъ промисловъ, то къ лутшему состоянию своихъ службъ для своихъ нуждъ инние собственнимъ своимъ скотомъ, а иние нанимая фуру, съ Криму и Сѣчи Запорожской вивозять было соль, бакалѣю и церковное вино. А какъ, за учреждениемъ въ Малой Россіи по пограничнимъ местамъ таможенъ, началась тарифа взиматись, то потому и граждане уже начались лишатся своихъ вигодностей и чрезъ то подвергатся къ немалимъ недостаткамъ, такъ что до тарифи въ

продажѣ била соль пудъ по 15 копеекъ, а нинѣ по 50 копѣекъ продается.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствително, что ми несумѣнно уповаемъ, что Ваше Императорское Величество висше донесенние нужди наши и отягощения принять соизволите лицемъ, во всемъ соотвѣтству(ю)щимъ премилосердному Вашему сердцу.

И сего ради всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ, вѣрнихъ подданнихъ, всенижайшихъ рабовъ, височайшею Матернею милостию въ слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйше указать городъ Лубнѣ за толь многие понесенние его отъ давнего времени въ постояхъ и другихъ тягостяхъ изнеможения въ онихъ постояхъ облегчить. Ряскій пехотний полкъ и Оберъ Кригсъ Комисара съ комисиею съ оного города Лубенъ вивесть, якожъ бо кромѣ полевой аптеки изъ разнихъ многихъ полковъ, командъ за медикаментами къ оной приезжающихъ, еще и ежечасто чрезъ городъ Лубнѣ, поелику трактовой, переходящие полки и команды слѣдуютъ и имѣютъ въ городѣ квартиры.

2. Чинимую нинѣ жилихъ нашихъ дворовъ, имѣній и людей нашихъ генералную опись всемилостивѣйше повелѣть отставить, а чиненно би по прежнему ревизіи о дворовомъ числѣ, какъ височайшимъ 734 году августа 8 состоявшимся указомъ повелѣнно и по здешнему обикновению: по дворамъ, хатамъ и по статямъ.

3. Обивателей города Лубень отъ рублевого окладу, кои онимъ обложени, всемилостивѣйше уволить, а собирать съ техъ обивателей, которие по високомонаршимъ грамотамъ къ дачамъ подлежать на указно опредѣленнихъ консистентовъ, въ силѣ височайшихъ указовъ на одно наличество по статской ценѣ денгами, по расположениямъ таковихъ, какъ прежде о томъ чинени по ревизиямъ, по хатамъ и по статямъ.

4. Отъ вистачения Генералѣтету, штапъ и оберъ афицерамъ дровъ для топлива всемилостивѣйше уволнить, а повелѣть доволствоватся имъ по прежнему, какъ Височайшимъ 742 года Августа 18 д. указомъ повеленно, покупкою.

5. Обивателей здешнихъ отъ платежа доимочныхъ денегъ всемилостивейше уволнить, а повелеть оние, яко уже отъ производства на количество консистентовъ осталние, отставить.

6. На наемнихъ годовихъ служителей чтоби по прежнему обикновению дачи не полагать, а на подсусѣдковъ въ хозяйскихъ хатахъ жительствующихъ, кои самие нищетние, при расположенияхъ консистенскихъ класть дачу по прежнему подсусѣдческую и для того ихъ и при ревизияхъ въ число дворовое между настоящихъ хозяевъ не ставить, а писано бъ по прежнему особо, подсусѣдками.

7. Чтобъ здешнимъ гражданамъ разного войсковаго и другаго звания людямъ промисли, торгъ и ремесло били и напредки по прежнему здешному обикновению свободны; а зъ Великороссійскихъ купцовъ даби никто промисловъ и перекупокъ, въ городѣ и по селамъ ездя, здешнихъ продуктовъ не держалъ и своихъ товаровъ въ рознь не продавалъ, Всемилостивѣйше подтвердить Височайшою Вашего Императорскаго Величества грамотою.

8. Для вистройки полевой аптеки строений въ показанномъ старомъ Замку место, а для огородъ тамъ же подъ замкомъ пустую замлю отвесть; принадлежащой же до города Лубенъ общой гражданской землѣ по прежнему быть при томъ городѣ въ общомъ гражданскомъ владѣнии, какъ оная и спрежде была, всемилостивѣйше повелѣть.

9. Всеподданнѣйше просимъ мещанъ Лубенскихъ съ той скарбовой канцелярии исключить, а бить имъ по прежнему мѣщанами свободними.

10. Всемилостивѣише пожаловать Малороссійское бѣлое духовенство, чтобъ имъ по давнему здешнему обикновению, правамъ и волностямъ для ихъ содержания и чтоби было дѣтямъ ихъ войсковую службу—кто съ нихъ въ оной останется—съ чего отправлять, была по прежнему покупка грунтовъ свободна.

11. Хто для своей собственной нужди и недостатку посилатиметь за соллю и бакалѣею, въ томъ числѣ и за церковнимъ вы-

номъ въ Сѣчъ или Кримскую Область, въ такомъ случаи о облегчении заплати по прежнему учинить всемилостивѣйшое помилование.

Сіе Всевисочайшое Милосердие тѣмъ болѣе на височайшую степень слави возвисится и дойдетъ до самого владѣющого всею тварию Бога, что въ ономъ имѣть будуть участие самие бѣднѣйшие и безпомощественнѣйшие въ свѣте люде.

Ми вѣрноподдание всенижайшие раби всѣ совокупленними сердцами должность имѣемъ молить Всевишняго Творца, да благословить Ваше Императорское Величество тисячною милостию своею въ нинѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

1767 году, Апрѣля 17 дня.

На подлинномъ тако:

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрние подданние и всенижайшіе раби:

Намѣсникъ Лубенскій Іерей Іоанъ Богдановичъ, Іерей церкви Николской Лубенской Алексѣй Александровичъ, Іерей Федоръ Иоакимовъ, вѣкарій Троицкои Лубенскои Ружной церкви Іерей Іоанъ Прохоровъ, Іерей церкви Николской Лубенской вѣкарій Михаилъ Алексѣевъ, ІерейИяковъ Михайловичъ, вѣкарій церкви соборной Лубенской Рождества Богоматери, Іерей Феодоръ Ивановъ Левенецъ соборной Лубенской церкви вѣкарій, Дияконъ церкви соборной Лубенской Іоанъ Евдокимовъ, Хоружій сотни Перволубенской Никифоръ Макаренко, Коморникъ повѣту Роменского Костантинъ Шулячевский, Значковий Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковий Товаришъ Михайло Майборода, Значковый Товаришъ Александръ Шимка, Значковий Товаришъ Стефанъ Ющенко, Асаулъ Полковой Лубенской Артилерии Уласъ Рублевский, Полковой Артилерии Хоружий Игнатъ Щочка, Асаулъ сотений Ефимъ Капуста, Городничий полкового Города Лубенъ Андрей Сидорскій, Козакъ Лубенский Максимь Касяновъ, Козакъ Лубенский Андрѣй Коцарь, Козакъ городовій Лубенский Осипъ Кондраченко, Козаки городовие: Петро Лазоренко, Олефѣръ Оробченко, Кондратъ Василиевъ, Филонъ Крикуновскій, Иванъ Подгорний, Трохимъ Солодкий, Тимошъ Якименко, Василь Карунникъ, Мусѣй Нѣжинецъ, Грицко Солодовникъ, Семенъ Шапочникъ,

Яковъ Коханъ, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний козакъ Осипъ Кондратченко руку приложилъ. Войсковой музики габоистъ Данило Крошмахъ, Войсковой музики Иванъ Андреевъ, Козаки Лубенские: Андрей Белий, Федоръ Глухий, Назаръ Дѣгтярь, Артемъ Чайка, Стефанъ Мацко, Иванъ Ищенко, Назаръ Бережний, Иванъ Работенко, Ефимь Патѣкъ, Петро Оберемокъ, Михайло Ярошенко, Остапъ Тарасенко, Антонъ Сидоренко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался. Козакъ городовий Лубенский Григорий Трилѣскій, Козаки городовие Роменские: Иванъ Олѣйникъ, Савка Олѣйникъ, Динись Кравець, Макаръ Сученко, Андрѣй Дерѣй, Иванъ Камординъ, Иосифъ Бѣличевский, Кондратъ Гиркало, Иванъ Парпура, Павло Федоровъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Козакъ Лубенский Григорий Трилѣскій подписался. Козакъ городовой Лубенский Андрѣй Крапивка, Козаки городовие Лубенские: Демко Дѣгтярь, Максимъ Петрикъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписаний козакъ Андрей Кропивка руку приложилъ. Мѣщане Лубенские: Дмитро Постольникъ, Павло Курначъ, Федорь Ковнерь, Грицко Рабуха, Иванъ Лисенко, Карпъ Лѣнко, Фома Хведоренко, Микита Борщиговецъ, Микита Горбь, вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писарь Павло Холоднякъ подписался. Козакы: Федоръ Коваль, Павло Мазепа, Денисъ Мацко, Корнѣй Радченко и Грицко Дзекало, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Лубенский Иванъ Петровъ подписался. Козаки: Федоръ Устименко, Грицко Чикисенко, Грицко Момотенко, Павло Устименко, Степанъ Сушко, Яковъ Устименко, Тимошь Устименко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Козакъ Иванъ Поповичъ подписался. Войсковой музики трубачъ Михайло Малеча. Козаки: Иванъ Гринченко и Максимъ Пѣкуль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению трубачь Михайло Малеча подписался. Мѣщане Артемъ Сивунь, Андрей Рудь, Зѣнецъ Николаенко, Микола Римарь и Григорий Брижаха, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ городовий Лубенский Иванъ Поповичъ подписался. Козаки: Панасъ Салко, Стефанъ Сопунъ,

Евтухъ Ламашенко, Лукянъ Винникъ и Мосѣй Литвинъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской канцелярии Подканцеляристъ Марко Поддубній подпис(а)лся. Козакъ, ктиторъ соборной церкви Василь Михайловъ. Мещане: Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко и Иванъ Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцеляріи Подканцеляристъ Марко Поддубний. Войсковой Полковой музики довбишъ Григорій Вѣтвицкий. Козаки: Иванъ Пасько, Андрей Сопуненко, Зѣнецъ Крошмаль, Трофимъ Слюсаренко, Андрей Макаренко и Федоръ Лебединецъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ рукоданному прошению Градского Лубенского Суда Подканцеляристъ Андрей Запорожский подписался. Мѣщане: Лукянъ Галущенко, Василь Передериока и Ничипоръ Мисановъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению подканцеляристъ Андрѣй Запорожский подписался. Войсковой музики волторнѣтъ Иванъ Макаренко. Козаки: Тимофѣй Макаренко, Яковъ Лоза, Карпъ Коваль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Никифоръ Власовъ подписался. Мѣщане: Григорій Дрипаненко, Микита Мисанъ, Фома Яценко, Харко Ганнотенко, Дмитро Кириленко, Иванъ Стельмахъ, Степанъ Вынникъ, Федоръ Комеръ и Максимъ Дацѣй, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению полковой музики довбышъ Григорий Вѣтвицкій подписался. Козакъ Микола Власовъ, за себе и за неграмотного козака Кондрата Карунника по его прошенію подписался. Мѣщане: Кондратъ Гончаръ и Карпъ Левченко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению писецъ Полковой Лубенской Канцеляріи Яковъ Ивановъ подписался. Цилюрикъ Полковой Иванъ Афанасиевъ. Козаки: Иванъ Рабка, Андрѣй Рибчинъ зять, Михаило Литовченко, Яковъ Лимарь, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Афанасиева по его повелѣнию синъ Яковъ Ивановъ, писецъ полковой Канцеляріи подписался. Козаки: Федоръ Шапочникъ, Каленикъ Булахъ и Павелъ Свѣтенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Квартермистръ Семенъ Могилник(овъ) подписался. Козакъ Городовий Лубенский Данило Брижаха, а вомѣсто его по его велѣнию синъ его Кирило Брижаха подписался. Козаки: Федоръ Барабашъ, Никола

Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Петро Оробіовский подписался. Мѣщане: Максимъ Холоднякъ, Василь Лазоренко, а вомѣсто ихъ по ихъ прошенію и за себе мѣщанинъ Евтихій Гриневичъ подписался. Козаки: Назарь Лѣнко, Грицко Момотенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенню козака городового Лубенского Данила Брижахи синъ Кирило Брижаха подписался. Козакы: Иванъ Салко и Иванъ Желѣзний, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ Сенчанский Стефанъ Сыдоровъ подписался. Козаки: Артемъ Музика, и Василь Охрѣменковъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе козакъ и понамарь Соборной Лубенской церкви Семенъ Григориевъ подписался. Козакъ Мартинъ Свѣтъ, Пономарь Троицкой церкви Григорий Андреевъ и козаки: Савка Коваль и Яцко Солодовникъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцелярии подканцеляристъ Марко Поддубний подписался. Козаки: Семенъ Крикунъ, Илия Карбань, Павло Сподинъ и Павло Дирка, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и вомѣсто отца своего Семена Крикуна по его велѣнию синъ его Андрѣй Крикуненко подписался. Козаки: Максимъ Вербицкій, Сергий Швець, Онисько Кикулка и Павло Зайченко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе козакъ Мартинъ Кириленко подписался. Мѣщане: Олефѣръ Николаенко, Петро Илченко, Иванъ Бондарь, Грицко Пухирь и Дмитро Киренко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію козака Лубенского Семена Крикуна синъ Андрѣй Крикуненко подписался. Козакъ Лубенский Василь Циганенко, за себе и за неграмотнихъ козаковъ Ивана Котляренка, Дороша Мазепенка, Василя Музики, Якова Кравця, Клима Горба, Игната Чижа, Максима Заику, Василя Кривеленка, Кирила Кухара, Артема Муренця, Романа Рубана, Данила и Корнѣя Рибокъ по ихъ прошению подписался. Козакъ Лубенскій Иванъ Божко. Войсковие музики гобоисти Иванъ Орловский и Савка Желѣнский, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался.

2) Наказъ жителей г. Лубенъ.

Благородному почтенному господину Значковому Полку Лубенского Товаришу Григорию Иваненку

Наказъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ 14 день декабря 766 году состоявшагося и во всей Имперіи обнародованного, мы по приложенному при томъ манифестѣ Полгражданскому обряду зъ общого согласія нашего вибрали отъ Полкового города Лубенъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія васъ Депутатомъ и сочинили наказъ Вамъ слѣдующаго содержанія.

1.

Болше ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійской народъ, будучы въ прежнихъ вѣкахъ съ Поляками и Литвою, имѣлъ во всемъ равенство и ползовался тѣми жъ, что и они, вольностьми, правами, и преимуществомъ, и напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами, а паче чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и волностей своихъ, послѣ многолѣтной кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, то ихъ зъ себя звергль и подъ предводителствомъ славного своего Гетмана Зѣновія Богдана Хмельницкого, презря всѣхъ (котори его ласкали посторонныхъ государей протекціи) не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избратю единовѣрія пришелъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича Самодержца Всероссійского, доброволное подданство учинилъ, и къ Всероссійской Державѣ благоприсоединенъ, за что и по договорамъ, такъ какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ а именно: Гетману и войску Запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ нетокмо содержать и сохранять Малороссійской народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обикновеніяхъ, привилегіяхъ, волностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королми Полскими и Великими Князями Литовскими, но и

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

„КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“.

1888 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 р.**, на мѣстѣ **4 р. 25 к.**

Для желающихъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ со внесеніемъ по 5 р. или по 4 р. 25 к. передъ началомъ полугодія.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887 по 5 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 6 р., за 12 книжекъ 1886 г. 9 р., съ пересылкою 10 р., отдѣльныя книжки журнала по 60 к., съ пересылкою 80 к.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
ІЮНЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXI. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

Въ редакціи Кіевской Старины продаются:

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (Выпускъ первый) Кіевъ. 1888. XVI+288 стр. Цѣна два рубля съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Описаніе пересопницкой рукописи XVI в. съ приложеніемъ текста евангелія отъ Луки, выдержекъ изъ другихъ евангелистовъ и 4-хъ страницъ снимковъ. Кіевъ. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

О. И. Левицкаго: Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XII—XVII вѣкахъ съ пер. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ пер. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ пер. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ пер. 55 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы.

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1. 1873—1877. Цѣна 2 р. За пересылку прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

ІЮНЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Мая 1888 г.

О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСТВА ВЪ КІЕВѢ ДО ТОРЖЕСТВЕННАГО ПРИНЯТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ.

Старые норманисты оспаривали только принадлежность намъ первыхъ князей русской земли и ихъ дружины, считая ихъ скандинавами, а не русскими славянами. Новѣйшіе норманисты, изъ коихъ нѣкоторые возсѣдаютъ на каѳедрахъ церковной исторіи, идутъ далѣе: усвояютъ варягамъ-норманнамъ начатки христіанства въ Кіевѣ и первую церковь, бывшую въ немъ при князѣ Игорѣ Рюриковичѣ. Чтобы отвѣтить на эти притязанія, не дѣлающія чести русскому народу, мы считаемъ необходимымъ разрѣшить три вопроса, которыми въ особенности можетъ интересоваться русское общество, имѣющее вскорѣ праздновать 900-лѣтіе крещенія кіевлянъ и всей Руси при св. благовѣрномъ князѣ Владимірѣ.

1.

Кому Кіевъ обязанъ первыми въ немъ начатками христіанства?

Преосвященный Филаретъ черниговскій, въ примѣчаніи къ 8-й страницѣ 1-го тома своей „Исторіи русской церкви", замѣтилъ, что „кто-то изъ поклонниковъ варяжскихъ не на шутку сказалъ: „христіанствомъ мы (русскіе) обязаны варягамъ, также какъ и гражданскимъ устройствомъ". Это сказалъ только одинъ Шлецеръ, неправославный, чужестранецъ, въ своей „Всеобщей сѣв. исторіи" (стр. 544). Теперь тоже и далеко не на шутку утверждается уже не однимъ человѣкомъ русскимъ и православнымъ и утверждается по однимъ предположеніямъ, безъ всякой исторической почвы. Такъ авторъ одной „Исторіи Русской церкви", сказавши,

что варяги давно ходили изъ своей Норманніи на службу въ Константинополь, дѣлаетъ затѣмъ слѣдующіе выводы: „между членами дружины Рюриковой очень *могли* быть люди, служившіе прежде въ Константинополѣ, и слѣдовательно такіе, которые *могли* принять тамъ христіанство". „Подобные крещеные Варяги *могли* приходить и послѣ Рюрика къ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя". „Если мы *предположимъ*, что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодной и почетной для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что въ слѣдствіе того они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, *то и получимъ* объясненіе того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ весьма многіе христіане". „Ничего не представляетъ *невѣроятнаго* и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія былъ внутреннимъ христіаниномъ" [1]). На чемъ же основана эта вѣроятность? А вотъ на чемъ, по словамъ того же автора: „Ставъ христіанкою, Ольга *должна была* склонять къ христіанству и своего мужа, Игоря, а если *должна была* склонять, то нѣтъ ничего *невѣроятнаго*, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ".—Все это по видимому резонно, выводится одно изъ другаго; но все это построено на „*могли*", „*могли*"; „если *предположимъ*, то и получимъ"; „нѣтъ ничего невѣроятнаго"; если *должна была*, то и успѣла". Хотя область возможнаго и вѣроятнаго весьма обширна, но не все то существуетъ, что кажется возможнымъ. Потому не признается вѣрнымъ заключеніе отъ возможнаго къ дѣйствительному существованію чего-либо, по старинному правилу здравой логики, которая учитъ, что a posse ad esse non valet consequentia. Многое изъ возможнаго существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а должное остается только въ нашемъ внутреннемъ убѣжденіи. Руководясь началами, совершенно противными правиламъ логики, конечно, можно перестроить всякую исторію, но исторія такъ не строится; на возможномъ и вѣроятномъ строятся только басни и сказки. Очевидно, что же-

---

[1]) Исторія русс. церкви. Е. Голубинскаго. Томъ I. 1-я половина. Москва. 1880 г., стр. 55, 60.

ланіе доказать излюбленную тему увлекло автора ученой исторіи до забвенія начала, которому долженъ быть вѣренъ историкъ. Оставивши въ сторонѣ возможное, вѣроятное и долженствовавшее быть по его мнѣнію, пусть онъ скажетъ намъ, откуда извѣстно, что въ Рюриковой дружинѣ были варяги, служившіе прежде въ Константинополѣ и тамъ принявшіе крещеніе, и что такіе же новокрещенные варяги находились въ числѣ дружинниковъ Аскольда, Дира и Олега? Откуда также извѣстно, что дружинники Игоря дѣйствительно перешли къ нему на службу отъ греческаго императора? Есть ли, наконецъ, какое-либо историческое указаніе на то, что Игорь былъ внутренній христіанинъ? Доколѣ на эти вопросы онъ не можетъ дать отвѣта, дотолѣ всѣ его разсужденія о томъ, что могло быть и что не невѣроятно, не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о началѣ христіанства въ Кіевѣ до св. Владиміра.

Съ другой стороны, предположенію объ исключительномъ вліяніи варягъ на принятіе христіанской вѣры кіевлянами до св. Владиміра противорѣчатъ несомнѣнные историческіе факты, которые считаемъ необходимымъ привести здѣсь и напомнить г. автору „Исторіи русской церкви". 1) По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, руссы крещеные, а не варяги служили при Константинопольскомъ дворѣ (De ceremoniis Aulae Bizant. Lib. II, cap 15). И арабамъ было извѣстно въ 922 г., что руссы, а не варяги обращались тогда въ христіанскую вѣру [2]). По свидѣтельству того же Константина Порфиророднаго приходили на службу въ Константинополь не одни руссы, но и молодые славяне съ береговъ Вислы, которымъ труднѣе было достаться въ Константинополь, чѣмъ славянамъ приднѣпровскимъ, и конечно они возвращались домой не безъ знакомства съ христіанскою вѣрою. Что касается въ частности кіевскихъ славяно-руссовъ, то путь въ Константинополь для торговли съ греками былъ имъ извѣстенъ далеко раньше прибытія Аскольда и Дира въ Кіевъ съ варяжскою дружиной, такъ какъ еще во времена Геродота, за 5 вѣковъ до Рождества Христова, въ устьяхъ Днѣпра греки обмѣнивали свои товары на мѣха, воскъ и медъ у при-

[1]) Ибнъ-Фоцланъ—у Буткова, Оборона лѣтоп. 303.

днѣпровскихъ жителей, а въ послѣдствіи имѣли по Днѣпру и свои колоніи, которыя указываются въ кіев. губерніи названіями древихъ городищъ „Триполья“, „Телехтемирова“, „Корсуня“ и находимыми въ нихъ греческими монетами. Для нихъ, конечно, для приднѣпровскихъ руссовъ, какъ гостей торговыхъ, а не для варяжскихъ дружинниковъ, являвшихся для военной добычи, отведено было и особое подворье въ Константинополѣ у св. Маммы, въ концѣ Золотаго Рога. 2) Обращеніе самыхъ норманновъ въ христіанскую вѣру началось не раньше временъ Рюрика, въ половинѣ 9-го вѣка, и христіанство пришло къ нимъ, какъ извѣстно, не съ Востока, а съ Запада, чрезъ латинскаго монаха Ансгарія, проповѣдывавшаго въ Даніи, Швеціи и Норвегіи и бывшаго потомъ гамбургскимъ архіепископомъ. Слѣдовательно, если въ дружинѣ нашихъ первыхъ князей и были христіане изъ варяговъ, то они никакъ не могли быть намъ учителями восточнаго православія или вѣры греческой. А изъ лѣтописи извѣстно, что эти дружинники при Святославѣ Игоревичѣ относились даже враждебно къ принимавшимъ христіанскую вѣру. Такъ, по свидѣтельству лѣтописца „аще кто (изъ кіевлянъ) хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся ему“. И самъ Святославъ на увѣщаніе своей матери Ольги принять св. крещеніе отвѣчалъ: „како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти, а дружина моя сему смѣятися начнутъ“. 3) Христіанство начало проникать въ южную Русь съ Востока еще за 4 вѣка до появленія въ Кіевѣ варяжскихъ дружинниковъ. Еще св. Іоаннъ Златоустъ въ 5 вѣкѣ посылалъ пастырей и учителей въ Скиѳію[1]); а по свидѣтельству Ѳеодорита, имъ—Златоустымъ созданы алтари у скиѳовъ. Въ странѣ же, прилегавшей къ Днѣпру, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ его время — въ 9 вѣкѣ сохранялись кресты изъ камня. Все это игнорируетъ г. Голубинскій, авторъ ученой исторіи русской церкви.

Не имѣя возможности отвергнуть фактъ нападенія руссовъ на Константинополь при императорѣ Михаилѣ III и полученія ими отъ патріарха Фотія епископа и учителей, онъ далѣе утверж-

[1]) Photii Biblioth. Cod. 273, p. 1518.

даетъ, что подъ этими руссами нужно разумѣть не кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, а руссовъ азовскихъ—крымскихъ, не имѣвшихъ якобы никакого отношенія къ руссамъ кіевскимъ. Напротивъ, приазовская Русь была не только единоплеменна съ кіевскою Русью, но и была въ связи съ нею; это достаточно доказывается появленіемъ тамъ—именно въ Тмуторокани цѣлаго княжества, подвластнаго великому кіевскому князю безъ всякаго предшествовавшаго завоеванія или договора о подчиненіи однихъ другимъ, а основаніе считать кіевскими, а не азовскими руссовъ, напавшихъ въ 865 году на Константинополь, заключается въ словахъ патріарха Фотія, который называетъ ихъ „народомъ гиперборейскимъ, устремившимся съ сѣвера, отдѣленнымъ отъ Греціи судоходными рѣками и бурными пучинами". Такіе эпитеты никакъ не идутъ къ приазовскимъ руссамъ. Епископа, посланнаго тогда Фотіемъ въ Русь, преданіе, записанное нашимъ лѣтописцемъ, называетъ Михаиломъ, а греческое сказаніе добавляетъ, что этому епископу сопутствовали два проповѣдника—*Кириллъ* и *Аѳанасій*, которые, видя, что руссы не понимаютъ славянскаго (глаголитскаго?) алфавита, начертали для нихъ 35 буквъ, которыя называются *азъ*, *буки*, *вѣди*... и что при этомъ пособіи руссы остаются непоколебимы въ познаніи христіанской вѣры[1]). Самъ Фотій говоритъ, что „Россы приняли христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ",—чего конечно, не могло бы быть, если бы богослуженіе у руссовъ введено было на непонятномъ для нихъ греческомъ языкѣ. Вещественнымъ подтвержденіемъ греческаго сказанія о первыхъ у насъ проповѣдникахъ христіанства—Кириллѣ и Аѳанасіѣ можетъ служить уцѣлѣвшая доселѣ изъ 12 вѣка церковь во имя святителей Кирилла и Аѳанасія, построенная вѣроятно на мѣстѣ древнѣйшей деревяной, съ монастыремъ при ней, упраздненнымъ въ концѣ прошлаго вѣка. А по древнему польскому сказанію, записанному польскимъ историкомъ Стредовскимъ, „къ намъ являлись въ половинѣ 9 вѣка восточные пропо-

---

[1]) Animadvers. ad Constant. Porpp. Bandurii tom. II, Imper. Orient. pag. 112—114.

вѣдники и отъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, которые, посылая изъ Моравіи своихъ миссіонеровъ къ окрестнымъ славянамъ, отправили въ этомъ званіи въ Россію одного изъ своихъ учениковъ, по имени *Наврока*". Такимъ образомъ кіевская Русь не отъ варягъ услышала проповѣдь о Христѣ и не имѣла нужды въ нихъ въ этомъ дѣлѣ.

Для подкрѣпленія своего мнѣнія о просвѣщеніи кіевлянъ христіанскою вѣрою чрезъ варягъ-норманновъ, г. Голубинскій лишаетъ нашихъ предковъ даже имени руссовъ въ началѣ 1-го періода русской исторіи, усвояя это имя тѣмъ же варягамъ, хотя не отрицаетъ того, что сами норманны не называли себя руссами и что никто не называлъ ихъ руссами и на западѣ Европы, гдѣ они стали извѣстными гораздо раньше времени прибытія Рюрика въ Новгородъ. Онъ говоритъ, что норманновъ назвали русью финны, а за финнами стали называть ихъ русью и новгородскіе славяне; впослѣдствіи же стали называть норманновъ этимъ именемъ и греки, а за ними арабы. Но откуда Голубинскому извѣстно, что финны около 862 года называли норманновъ руссами? Это не вычитано гдѣ-нибудь въ лѣтописяхъ, а выводится имъ a parte post ad partem ante, при посредствѣ слѣдующихъ соображеній. Финны, говоритъ онъ, *нынѣ* называютъ шведовъ Rotsi, Routsi, Roussi, а шведы потомки бывшихъ норманнъ; слѣдовательно и финны 9 вѣка *могли* называть руссами норманнъ, прибывшихъ править и владѣть новгородцами въ 862 году, а если могли называть, то и называли, а если называли, то норманны и были такъ низываемые руссы. Но извѣстно ли и откуда извѣстно, что Рюрикъ и его первые дружинники были шведы, а не датчане или норвежцы, которыхъ нынѣшніе фины не называютъ Rotsi, Routsi, Roussi? Ни откуда неизвѣстно. Это совершенно произвольное предположеніе, а потому и выводъ на немъ основанный не вѣренъ. Между тѣмъ извѣстно, что и новгородскіе и кіевскіе славяне называли норманновъ варягами, а себя руссами, русью; норманны же только обманно назвали себя русью при дворѣ франкскаго императора Людовика Благочестиваго, въ 839 году, чтобы подъ этимъ именемъ пройти и просмотрѣть тайно всю Франк-

скую имперію. Но обманъ былъ открытъ во время, оказалось, что они не руссы, а норманны, хотѣвшіе пограбить чужое добро. И лѣтописи наши говорятъ, что новгородскіе славяне, выгнавъ отъ себя настоящихъ норманновъ—чистокровныхъ варягъ, призвали къ себѣ варяговъ-русь, племя по самому сходству своего имени съ названіемъ рѣки въ новгородской области сродное той руси, которая обитала близъ Чудскаго озера и единоплеменное руси приазовской, по близости своей къ Варяжскому морю упражнявшееся въ морскихъ промыслахъ, воинственное и владѣвшее оружіемъ, и потому въ отличіе отъ мирныхъ русскихъ племенъ называвшееся русью—варягами (оруженосцами). Эта то русь, не привнесшая къ намъ въ Новгородъ и Кіевъ ни скандинавскаго языка, ни скандинавскаго письма, ни скандинавскихъ нравовъ и обычаевъ, ничего кромѣ скандинавскаго своего придаточнаго имени, скоро сдружилась и совершенно слилась съ новгородскими и кіевскими славянами въ одинъ русскій народъ,—что достаточно подтверждается словами нашей лѣтописи, въ которой сказано: „Словенскій языкъ и Русскій одинъ"; „языкъ Словенскій бѣ имъ единъ". Воинственные руссы или варяго-руссы, прибывшіе сначала въ Новгородъ, а потомъ и въ Кіевъ, были, конечно, язычники, но потомъ, сблизившись въ Кіевѣ съ христіанами изъ мѣстныхъ жителей, они мало по малу стали обращаться къ вѣрѣ Христовой, а чрезъ сто лѣтъ, ко времени заключенія договора между Игоремъ и греками въ 945 году, въ Кіевѣ уже „мнози Варязи (дружинники Игоря) бяху христіане", почему для утвержденія этого договора ихъ водили къ ротѣ (присягѣ) въ соборную церковь св. Иліи, которая была въ Кіевѣ „надъ ручаемъ, въ конецъ Хозаръ и Пасѣнчинѣ бесѣдѣ".

2.

Гдѣ же въ Кіевѣ стояла церковь св. Иліи и кому она принадлежала?

Весьма щедрый для варягъ и скупой для мѣстныхъ славянъ, Голубинскій отдаетъ кіевскую церковь св. Иліи варягамъ, населявшимъ якобы Верхній Кіевъ, отрицая тѣмъ самимъ су-

ществованіе въ Кіевѣ при Игорѣ христіанъ изъ коренныхъ его жителей—полянъ. Для близости къ своимъ варягамъ онъ помѣщаетъ эту церковь не на Подолѣ, гдѣ нынѣ существуетъ церковь этого имени (на среднемъ теченіи Почайны), а на уступѣ Михайловской горы, надъ воображаемымъ и нигдѣ не упоминаемымъ въ лѣтописяхъ и въ древнихъ актахъ крещатицкимъ ручаемъ; при чемъ Боричевъ взвозъ ведетъ не изъ Подола на Старый городъ, а съ Крещатика [1]), словомъ производитъ у насъ Овидіевы превращенія. На чемъ же все это построено? Ни на чемъ. Лѣтописецъ, говоря о договорѣ Игоря съ греками, упоминаетъ, что многіе и изъ варягъ были тогда христіанами, а Голубинскій уже выводитъ изъ сего, что кіевская церковь св. Иліи была варяжскою. Въ лѣтописи говорится, что при Владимірѣ варягъ Ѳеодоръ, имѣвшій сына Іоанна, жилъ въ Старомъ Кіевѣ, гдѣ въ послѣдствіи построена Десятинная церковь, а Голубинскій отсюда заключаетъ, что и всѣ варяги тогда жили въ Верхнемъ Кіевѣ. Очевидно—и то и другое заключенія неправильны. Варяги при Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и Владимірѣ были не осѣдлыми жителями Кіева, а временными, проводившими большую часть времени въ военныхъ походахъ для отраженія враждебныхъ племенъ, для усмиренія непокорныхъ, для пріобрѣтенія добычи въ чужихъ странахъ и при собираніи дани княземъ въ своихъ областяхъ; коренными же и постоянными жителями Кіева были славяне-поляне, которыхъ отцы слышали проповѣдь Христову отъ епископа Михаила, посланнаго въ Русь патріархомъ Фотіемъ, послѣ крещенія Аскольда и Дира. Для нихъ то и для грековъ—купцовъ, приходившихъ въ Кіевъ по Днѣпру изъ Царьграда для продажи золотыхъ вещей, шелковыхъ тканей и разныхъ произведеній Востока, а также для закупки меду, воска и кожъ, построена была въ Кіевѣ церковь св. Иліи пророка. Были туземцы и въ числѣ пословъ, заключавшихъ Игоревъ договоръ съ греками,—какъ показываютъ ихъ славявскія фамиліи „Синко, Боричъ“ и проч. изъ того же договора видно, что христіане были не въ одной княжеской дру-

---

[1]) Исторія рус. церкви. Т. 1-й стр. 62 и примѣч. къ ней 1. 2 и 3.

жинѣ, а тѣмъ менѣе между одними варягами, ибо тамъ постановлено, что если бѣжавшій отъ русскихъ къ грекамъ рабъ не отыщется, то за него платятъ греки лишь въ томъ случаѣ, если русскіе, какъ христіане, такъ и не крещеные, присягнутъ, что рабъ бѣжалъ дѣйствительно къ грекамъ, между тѣмъ ни откуда не видно, да и нельзя допустить, чтобы одни варяги, въ видѣ какой-то привилегіи, могли имѣть у насъ рабовъ.—Голубинскій Кіевскую церковь св. Иліи считаетъ дщерью Ильинской церкви, бывшей въ Константинополѣ, близъ св. Софіи, но эта послѣдняя устроена гораздо позже первой, именно въ 1075 году [1]), спустя 130 лѣтъ послѣ Игорева договора съ греками. Онъ думаетъ еще, что при заключеніи этого договора въ 945 г., крещеную русь приводили къ присягѣ два раза—въ константинопольской церкви св. Иліи и въ кіевской того же имени, а некрещеная русь присягала только одинъ разъ—въ Кіевѣ на холмѣ. Но думать такъ значило бы признавать, что греки болѣе довѣряли языческой присягѣ, чѣмъ христіанской. Чтобы не впасть въ эту нелѣпость, лучше думать, что въ лѣтописи по ошибкѣ переписчика стоитъ „кляхомся“ вмѣсто „кленемся“. Впрочемъ въ Константинополѣ была и раньше XI вѣка церковь во имя св. пророка Иліи, въ монастырѣ того же имени близъ Плакоты, не далеко отъ берега Пропонтиды. Но этотъ монастырь извѣстенъ съ VI вѣка [2]), когда неизвѣстно еще было свѣту и самое

---

[1]) Исторія рус. ц. Т. I. стр. 60. прим. 2-е.

Церковь эта вѣроятно была построена для того отряда варягъ, который отпустилъ отъ себя вел. князь Ярославъ Владиміровичъ въ Константинополь, по минованіи въ нихъ надобности для себя, и гдѣ они могли обжиться, состоя на службѣ при константин. дворѣ и принять православіе, хотя могли оставаться и въ латинской своей вѣрѣ, такъ какъ извѣстно, что въ 11-вѣкѣ были въ Константинополѣ и латинскія церкви, въ которыхъ совершалась евхаристія на опрѣснокахъ. Цитируемое г. Голубинскимъ (стр. 63) и повторенное г. Малышевскимъ (въ Трудахъ Кіев. Д. Академіи.—Дек. 1887 г.) названіе другой констант. церкви во имя св. Богородицы—Παναγίας Βαραγγιωτίσσης, построенной по Голубинскому въ XIV вѣкѣ, а по Малышевскому въ XI вѣкѣ, не служитъ свидѣтельствомъ назначенія ея для варягъ. Вѣрнѣе думать, что эта церковь создана въ воспоминаніе побѣдъ надъ варягами при чудесной помощи Божіей Матери и потому названа церковью *св. Богородицы*—Βαραγγιωτίσσης (побѣдительницы варягъ, а не варяжской).

[2]) Путешествіе архіеп. Антонія (Добрыни) въ Царьградъ въ 12 вѣкѣ—съ примѣч. П. Савваитова. С.-Петр. 1872 г. стр. 162—163.

имя варягъ. Итакъ 1-я Ильинская церковь построена въ Кіевѣ не варягами и не для варягъ. Гдѣ же она стояла?

Нѣтъ никакого историческаго основанія полагать, будто кіево-ильинская церковь во время Игоря существовала гдѣ-то на уступѣ Михайловской горы со стороны Крещатика. Голубинскій выноситъ ее на эту гору потому только, что по свидѣтельству лѣтописи въ 945 году, когда Ольга принимала древлянскихъ пословъ, „людіе не сѣдяху на Подолѣ, но на горѣ, бѣ бо вода текущи вдользъ горы". Но что сказалъ бы Голубинскій, вычитавши откуда-нибудь, что въ апрѣлѣ 1845 года „людіе не сѣдяху на Подолѣ—за канавой, а въ Контрактовомъ домѣ"? Неужели онъ заключилъ бы изъ сего, что Кіевоподольская Введенская церковь въ 1845 году была тогда не на Подолѣ—за канавой, а гдѣ-нибудь на Крещатикѣ или на уступѣ одной изъ кіевскихъ горъ? Между тѣмъ она оставалась на томъ же мѣстѣ за канавой, до половины залитая разливомъ Днѣпра, въ томъ время какъ ея приходъ выселялся въ безопасныя отъ воды мѣста и бѣдняки ютились въ залахъ контрактоваго дома. Подобная картина и теперь у насъ предъ глазами—не одинъ введенскій приходъ залитъ водою, но съ кіевскихъ горъ видно на восточной сторонѣ Днѣпра нѣсколько деревень, покрытыхъ водою, которыхъ жители ютятся въ шалашахъ, среди смежнаго сосноваго лѣсу, оставивъ свои дома и приходскія церкви въ водѣ. Пусть же г. Голубинскій признаетъ, что и лѣтопись подъ 945 годомъ говоритъ не объ исконномъ нахожденіи подольской части Кіева подъ водою до X вѣка, а о временномъ и случайномъ, бывшемъ въ этомъ году отъ необыкновеннаго разлива весеннихъ водъ Днѣпра, заставившаго жителей Кіево-Подола удалиться въ нагорную часть Кіева,—о наводненіи, повторяющемся отъ времени до времени и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если и теперь весенній разливъ Днѣпра покрываетъ въ иные годы почти $^1/_3$ Подола, то тѣмъ болѣе это могло быть въ 10 вѣкѣ, когда не были истреблены приднѣпровскіе лѣса и когда притоки Днѣпра были обильны водою. Недоумѣніе относительно смысла приведенныхъ выше словъ лѣтописи не трудно разъяснить и соображеніемъ съ другими мѣстами той же лѣтописи, напр. о обложеніи печенѣгами Кіева въ 968 году при

Ольгѣ и о скотьемъ богѣ Велесѣ, стоявшемъ при св. Владимірѣ на Оболоньи, на мѣстности низжей Подола. Если бы Днѣпръ въ 968 г. шелъ вдоль кіевскихъ горъ, поверхъ Подола, то можно ли повѣрить, что кіевляне тогда томились жаждою, сидя на длинной горѣ, покатой къ водѣ? Если вода покрывала тогда Подолъ, то какъ могли печенѣги расположиться по восточной сторонѣ Кіева и какъ могъ кіевлянинъ-отрокъ бродить по кіевскому берегу Днѣпра, межъ печенѣгами, искать на пастьбѣ между ними своего коня, и такимъ только образомъ пробраться къ Днѣпру, чтобы подать вѣсть жителямъ черниговской стороны объ опасности, въ которой находилась Ольга съ кіевлянами? Ясно, что тогда въ 968 году не были покрыты водою не только Подолъ, но и Оболонь, на которой печенѣги пасли своихъ коней. Не въ водѣ стоялъ и скотій богъ Велесъ въ 988 г., а стоялъ на твердой почвѣ, на лугу Оболонья, гдѣ и теперь пасутся коровы кіевлянъ, близь верхняго теченія Почайны, въ которую и бросили Велеса предъ крещеніемъ кіевлянъ. Голубинскій ищетъ на Крещатикѣ ручая, чтобы надъ нимъ поставить церковь св. Иліи, но напрасно. На Крещатикѣ не было и нѣтъ никако ручая, онъ появляется только на день, на два, и то весной, при таяніи снѣга, то лѣтомъ во время сильныхъ ливней, когда въ этомъ отлогомъ и широкомъ оврагѣ, отдѣляющемъ старый Кіевъ отъ Печерской горы, называемомъ „Крещатикомъ", скопляется не малое количество воды, которая день, другой въ видѣ ручья направляется къ западу въ р. Лыбедь, но не къ востоку—въ Днѣпръ. Противъ Крещатика не было и въ началѣ 17 вѣка никакого ручья, впадающаго въ Днѣпръ, такъ какъ, по свидѣтельству Синопсиса, противъ мѣста, гдѣ теперь владимірскій павильонъ, была въ его время криница, съ деревяною часовней, у которой, по преданію, св. Владиміръ крестилъ своихъ сыновей. Эта криница существовала здѣсь, нѣсколько выше владимір. павильона, до 1812 года, когда кіевскіе граждане соорудили каменный павильонъ съ высокою надъ нимъ колонною и бассейномъ внутри, въ который вода проведена деревяною трубой изъ бывшей кринички, тогда закрытой. Это намъ извѣстно со словъ 80-лѣтняго старца, умершаго въ 1863 году. Что касается

положенія Боричева взвоза, то оно ясно и вѣрно опредѣляется и лѣтописнымъ сказаніемъ о пріемѣ древлянскихъ пословъ Ольгою, и сказаніемъ о сверженіи Перуна, и актами 16 и 17 вѣковъ на земли Кіево-Михайловскаго монастыря, и народнымъ преданіемъ; по всѣмъ этимъ указаніямъ Боричевъ взвовъ былъ на сѣверной, а не на южной сторонѣ Михайловскаго монастыря, а слѣдовательно не со стороны Крещатика. Такимъ образомъ не оказывается никакихъ препятствій къ тому, чтобы церковь св. пророка Иліи, которая была при Игорѣ надъ ручаемъ въ концѣ Хозаръ и Пасѣнчины бесѣдѣ (улицы), существовала на Подолѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится и нынѣ, надъ древнимъ русломъ Почайны, на углу двухъ пересѣкающихся улицъ Ильинской и Межигорской. Здѣсь и всего естественнѣй надлежало ей быть, на окраинѣ Подола, вдали отъ исповѣдавшаго язычество княжескаго двора и вблизи пристани, въ которую прибывали на судахъ купцы — христіане изъ Греціи и изъ греческихъ колоній, бывшихъ по берегу Чернаго моря, гдѣ, вѣроятно, жили, какъ указываетъ лѣтопись, и Хозары—племя того народа, къ которому ходилъ съ проповѣдью св. Кириллъ. На подобной низменной мѣстности и при томъ вблизи рѣки находятся издревле церкви св. Иліи пророка и въ другихъ древнихъ русскихъ городахъ—Новгородѣ, Москвѣ и въ Владимірѣ на Клязьмѣ, а извѣстно, что Кіевъ повторялся въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ не только названіями церквей, но и ихъ мѣстностью, подобно, тому какъ и самый Кіевъ подражалъ въ этомъ отношеніи Царьграду. Нужно при этомъ имѣть въ виду и обычай предковъ нашихъ замѣнять обветшавшіе храмы построеніемъ новыхъ того же имени на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они существовали издревле.

3.

Кто была Ольга по своему происхожденію и гдѣ она крестилась?

Голубинскій, заявившій себя открыто сторонникомъ норманнистовъ, причисляетъ къ варяжскому роду и благовѣрную россійскую княгиню Ольгу, бабку св. Владиміра, хотя она прибыла къ намъ не изъ за моря, а изъ русскаго города Пскова. Осно-

ваніемъ для сего ему служатъ простое сходство ея имени съ именемъ Олега, Игорева опекуна, и предположеніе, что неославянившемуся Игорю Олегъ не могъ избрать женою славянку. Но основанія эти имѣли бы нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы открыто было, что у норманокъ дѣйствительно было въ употребленіи имя „Ольга“ и что норманны дѣйствительно избѣгали сожительства съ славянками. Но доколѣ первое остается неизвѣстнымъ, а второму противорѣчитъ то, что въ числѣ женъ Святослава и Владиміра не видимъ норманки, дотолѣ причисленіе св. Ольги къ варягамъ нельзя считать вѣрнымъ. Не отвергая путешествія княгини нашей Ольги въ Константинополь, Голубинскій отрицаетъ принятіе ею тамъ крещенія, а за тѣмъ и самому путешествію ея въ столицу Греческой имперіи не придаетъ религіозной цѣли. Чтобы дознать истину, обратимся къ источникамъ извѣстій объ этомъ предметѣ.

О путешествіи Ольги и пребываніи ея въ Константинополѣ говорится въ книгѣ „О церемоніяхъ византійскаго двора“, составленной современникомъ Ольги, греческимъ императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ. О крещеніи Ольги тамъ же, въ Константинополѣ, и въ то же время, свидѣтельствуютъ греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, одинъ западный лѣтописецъ, современникъ сему событію, продолжатель Регинова, русскіе лѣтописцы— мнихъ Іаковъ въ „Похвалѣ св. Владиміру“, Несторъ въ своей лѣтописи и „Лѣтописецъ русскихъ царей“, дошедшій къ намъ въ спискѣ 12 вѣка. По ихъ указаніямъ цѣль прибытія Ольги въ Константинополь была не только религіозная, но и политическая, не только принятіе св. крещенія въ столицѣ православія и ознакомленіе съ ея святыней и благолѣпіемъ христіанскаго богослуженія, но и заключеніе мирнаго договора съ греками, а вмѣстѣ полученіе отъ византійскаго двора, по тогдашнему обычаю, правъ на извѣстную степень царскаго достоинства. Изслѣдователи полагаютъ, что Ольга прибыла въ Царьградъ въ началѣ іюля 957 года, но не выходя изъ пристани, ожидала пріема при дворѣ до 9-го сентября того же года, т. е. почти два мѣсяца. Причину такого промедленія предполагаютъ въ предварительныхъ переговорахъ объ условіяхъ договора и о пріемѣ Ольги

при императорскомъ дворѣ соотвѣтственно достоинству правительницы русскаго государства, которое Византія, конечно, старалась по возможности умалять, чтобы возвысить свое достоинство въ глазахъ варваровъ. Пріемъ, по записи Константина Порфиророднаго, происходилъ мѣсяца сентября девятаго числа въ четвертый день (ненѣли), т. е. въ среду, и былъ во всемъ подобенъ пріему сарацинскаго посла, принятаго предъ тѣмъ. Русская княгиня вступила въ императорскій дворецъ съ княгинями—своими родственницами и съ избранными прислужницами; она шла впереди всѣхъ, а тѣ слѣдовали за нею, идя одна за другою, и стала на назначенномъ ей мѣстѣ. Послѣ княгини вошли послы и стряпчіе русскихъ князей и заняли мѣсто между занавѣсами. Ольгу принимала сначала императрица въ Юстиніановой залѣ, возсѣдая на тронѣ и имѣя при себѣ невѣстку въ золотомъ креслѣ. Русской княгинѣ при этомъ предложены были чрезъ препозита вопросы отъ лица императрицы. По окончаніи пріема императрица вышла изъ залы, а Ольга, перейдя въ другое отдѣленіе дворца, сѣла. Непосредственно послѣ сего принялъ Ольгу императоръ во внутреннихъ покояхъ императрицы, въ присутствіи императрицы и своихъ дѣтей, при чемъ Ольга бесѣдовала съ императоромъ сидя. Въ тотъ же день былъ въ честь русской княгини парадный столъ въ Юстиніановой залѣ. Во время обѣда императрица и ея невѣстка сидѣли на тронѣ, а Ольга сидѣла за особымъ столомъ съ государственными почетными дамами. Во время стола играла музыка и пѣли пѣвчіе церкви св. Апостолъ. Въ другомъ отдѣленіи обѣдали послы русскихъ князей, придворные, родственники княгини и стряпчіе, пресвитеръ Григорій и 3 переводчика. Десертъ былъ приготовленъ въ другой залѣ на золотомъ столѣ и на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоцѣнными камнями. За десертомъ здѣсь находились императоръ, сынъ его Романъ, прочія порфирородныя его дѣти, невѣстка и русская княгиня. При этомъ поднесено княгинѣ золотое, украшенное камнями блюдо съ 500 драхмъ въ 35 коп. каждая; денежные подарки получили всѣ лица, составлявшіе свиту Ольги. Второй парадный обѣдъ былъ въ честь русской княгини въ воскресенье 18-го октября. Императоръ и въ этотъ разъ обѣдалъ

также отдѣльно, въ особой залѣ, съ русскими послами, а императрица въ другой—съ своими дѣтьми, невѣсткой и съ русской княгиней Ольгой. При чемъ одарены деньгами—княгиня и лица ея свиты.

О крещеніи Ольги мнихъ Іаковъ говоритъ такъ: „Взыска (Владиміръ) спасенія и прія отъ бабы своей Ольги, како шедше Царюгороду и пріяла бяше святое крещеніе“ [1]). А нужно замѣтить, что и по мнѣнію г. Голубинскаго,—„этотъ монахъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ всей нашей вѣры“ (Исторія рус. церкви.—т. I. стр. 68). Продолжатель Регинона (современникъ Ольги) подъ 959 годомъ записалъ: „Пришли къ королю (Оттону I.) послы Елены, королевы руссовъ, которая крещена въ Константинополѣ при константинопольскомъ императорѣ Романѣ“ [2]). Греческіе лѣтописцы говорятъ не менѣе опредѣленно. Кедринъ пишетъ: „Княгиня руссовъ Ольга прибыла въ Константинополь и крещена, показавши много любви и благочестія, и возвратилась домой, удостоившись почестей, соотвѣтственныхъ своему сану“ [3]). Зонара говоритъ: „Супруга русскаго князя Ольга по смерти мужа прибыла къ императору, крещена и, бывъ принята по достоинству своему, возвратилась домой“. Современная славянская запись о крещеніи Ольги, вошедшая въ Несторову лѣтопись въ сокращенномъ и отчасти поврежденномъ видѣ, лучше сохранилась въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей“ по переяславскому списку 12 вѣка. Въ ней читаемъ: „Въ лѣто 6463-е Ольга иде въ Греки, приде къ Царьграду, и бѣ тогда Константинъ, сынъ Леоновъ, и видѣвъ ю *красну зѣло* [4]) лицемъ и смыслену умомъ, и удивися Царь разуму ея и бесѣдова съ нею и рече ей слова къ *любви* (договору) [5])—подобна еси *цар-*

[1]) Память и Похвала св. Владиміру—монаха Іакова.

[2]) Исторія рус. церкви.—Е. Голубинскаго. т. I. стр. 89.

[3]) Corpus Hist. Byzant. VIII, p. 499; XI, p. 152.

[4]) Слова „красну зѣло“—не столько означаютъ красоту лица, сколько пріятность и сановитость въ извѣстной особѣ.

[5]) Слово „любовь“ здѣсь значитъ „мирный договоръ“, „союзъ“, въ какомъ смыслѣ оно употреблено въ договорѣ Олега и въ договорѣ Игоря съ греками. Тамъ говорится: „такую *любовь* извѣстити и утвердити по вѣрѣ и закону нашему“ (въ договорѣ Олега); „сотворити *любовь* съ самими цари, и со всѣмъ боярствомъ и съ всими людми Грецкими“ (въ договорѣ Игоря).

ствовати съ нами во градѣ семъ[1]). Она же разумѣвши рече ему: како то слово исполнится, царю, понеже азъ погана (язычница) есмь. Да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся. Царь же безмѣрно радъ бысть и рече ей: патріарху возвѣщу ли слово се? Она же рече: готовъ ли еси поручитися по мнѣ Богу и патріарху? И поручися патріарху и посла къ патріарху, да ю креститъ. Ольга же, пришедъ къ церкви, не видѣ царя у церкви. Ольга же посла къ царю и рече; аще хощешь мя крестити, то самъ мя крести; аще ли не крестиши мя самъ, то не крещуся. И крестиша ю царь и патріархъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ. И научи ю патріархъ и рече ей о вѣрѣ. Благословена ты въ женахъ русскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тму остави; благословити тя имутъ сынове рустіи и въ послѣдній родъ внукъ твоихъ. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ и молитвѣ и постѣ и милостыни и о воздержаніи тѣла чиста... Бѣ же ей имя въ крещеніи *Олена*, якоже и первая царица, мати великаго Константина. И благослови ю патріархъ и отпусти. И призва ю царь, рече: хоцю тя ровняти женѣ. Она же рече: како мя хощеши ровняти женѣ, а крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А во христіанахъ нѣсть того закона, ты и самъ вѣси. И рече царь: переклика (перехитрила) мя Ольга, и вдастъ ей дары многи—злато и серебро и паволоки и сосуды различныя и отпусти ю, нарекъ дщерь собѣ“ [2]).

---

[1]) Выраженіе это заключаетъ въ себѣ поданную императоромъ Ольгѣ надежду на усвоеніе ей нѣкоторыхъ знаковъ царской почести, приличныхъ ей, какъ правительницѣ могущественнаго русскаго народа. Императоръ имѣлъ тогда уже соправителемъ своего сына Романа, потому говоритъ Ольгѣ: достойна еси царствовати „съ нами“. Ольга, домогаясь имѣть крестнымъ своимъ отцемъ императора, желала получить чрезъ названіе его „дщери“ право на цезарское достоинство, которое предъ тѣмъ дано было болгарскому царю Симеону чрезъ нареченіе его „сыномъ“ императора, званіемъ которымъ пользовался и современникъ Ольги болгарскій царь Петръ.

[1]) Болгарскій царь Борисъ, крещенный императоромъ Михаиломъ, въ слѣдъ за крещеніемъ былъ нареченъ „цезаремъ сыномъ“ императора, которое было выше званія „августы—жены императора. Константинъ Багрянородный, радуясь намѣренію Ольги креститься, подалъ ей надежду на званіе императорской „дщери“ равное цезарскому достоинству, но уклонялся почему то отъ личнаго воспріемничества при крещеніи, за которымъ обыкновенно слѣдовалъ особый обрядъ нареченія

Такимъ образомъ, не смотря на умолчаніе Константина Багрянороднаго о крещеніи русской княгини Ольги въ сдѣланномъ имъ описаніи церемоній византійскаго двора, (умолчаніе, однако, естественное въ сочиненіи, которое не касалось церковныхъ обрядовъ), на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ чужестранныхъ и русскихъ писателей нужно признать вѣрнымъ сказаніе нашей лѣтописи о томъ, что бабка св. Владиміра— Ольга приняла св. крещеніе въ Константинополѣ, а не „гдѣнибудь". При этомъ нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что по свидѣтельству того же Константина Багрянороднаго, въ первый пріемъ при константинопольскомъ дворѣ, княгиня Ольга обѣдала отдѣльно отъ императорской семьи, съ своей женской свитой, а во второй пріемъ, спустя 5-ть недѣль послѣ перваго, она удостоена была уже обѣдать за однимъ столомъ съ императрицей, съ ея дѣтьми и невѣсткой. Такое отличіе послѣдняго пріема само собою говоритъ, что въ промежутокъ времени между этими пріемами русская княгиня пріобрѣла высшее противъ прежняго значеніе, которое могло быть получено ею только чрезъ крещеніе.

Признавая лѣтописное сказаніе о крещеніи Ольги въ Константинополѣ не болѣе, какъ легендою, Голубинскій не обходитъ вопроса: зачѣмъ другимъ Ольга предприняла дальній и въ то время весьма трудный путь изъ Кіева въ Константинополь, но отвѣчаетъ на этотъ вопросъ своеобразно и легко. „Затѣмъ, говоритъ, чтобы удовлетворить своему любопытству, видѣть баснословный и великолѣпный Царьградъ, чтобы видѣть жизнь и бытъ тѣхъ царей, которые именовались повелителями вселенной".

языческаго государя „сыномъ" императора. Ольга, погрозивъ отказомъ креститься, заставила императора быть лично ея крестнымъ отцемъ, а на этомъ основаніи, какъ дочь императора, требуетъ себѣ цезарскаго достоинства, а не титула „августы", ловя, такъ сказать, его на словѣ. Въ этомъ и состоитъ вся хитрость Ольги, по изъясненію князя М. Оболенскаго въ его изслѣдованіи о первоначальной рус. лѣтописи. Въ греч. требникѣ Гоара есть и молитва „на князи, хотящіи пріяти власть великую отъ царя". Эту молитву произносилъ патріархъ, подавая императору епитрахиль, которую самъ императоръ возлагалъ на получающаго цезарское достоинство въ св. Софіи, на солеѣ. Епитрахиль возлагалась и на императрицу предварительно ея вѣнчанія.

цѣль путешествія, очевидно, не совсѣмъ свойственная 67-лѣтней старицѣ, какою тогда была наша княгиня Ольга. Гораздо правильнѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ нашъ покойный исторіографъ Н. Карамзинъ. „Ольга“, говоритъ онъ въ своей „Исторіи государства россійскаго“, „достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій ея конецъ предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная вѣра болѣе, нежели когда-нибудь служитъ ему опорою и утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства, могла бесѣдовать съ пастырями христіанской церкви и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ея ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправиться въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ“ [1]).

Кто былъ пресвитеръ Григорій, сопровождавшій княгиню Ольгу въ ея путешествіи въ Константинополь, наша лѣтопись не говоритъ. Нѣкоторые, какъ князь М. Оболенскій и Д. В. Полѣновъ, полагаютъ, что спутникомъ ея былъ „Григорій, пресвитеръ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей“, одинъ изъ сотрудниковъ просвѣтительной дѣятельности болгарскаго князя Симеона, исчезнувшій изъ Болгаріи послѣ его кончины въ 927 году. На него, какъ знавшаго всѣ обычаи византійскаго придворнаго этикета и правила восточной церкви, естественно могъ пасть выборъ при избраніи руководителя въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково приготовленіе правительницы русскаго государства къ крещенію, и въ такомъ новомъ для нея дѣлѣ, каковымъ было представленіе ея императорскому двору. Если о прибытіи Ольги въ Константинополь и цѣли ея прибытія былъ предувѣдомленъ византійскій дворъ, что весьма вѣроятно, то можно полагать, что пресвитеръ Григорій, близкій по языку къ русскому народу, былъ отправленъ заблаговременно изъ Константинополя въ Кіевъ по распоряженію императора и патріарха. Князь М. Оболенскій

[1]) Исторія росс. государства. Т. I. стр. 166. Изд. 2-е.

и Д. В. Полѣновъ думаютъ, что этому же пресвитеру Григорію принадлежитъ и самое описаніе пребыванія Ольги въ Константинополѣ и ея крещенія, вошедшее въ русскую лѣтопись, и не только это описаніе, но и предшествующій ему разсказъ объ основаніи русскаго государства, вошедшій въ нашу лѣтопись и въ наименѣе искаженномъ видѣ сохранившійся въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей" по списку Переяславля Суздальскаго. Основаніе сему они видятъ въ томъ, что—а) *Григорій* мнихъ, переложившій Амартола, *Григорій* мнихъ, переложившій „Книгу царствъ", и *Григорій* мнихъ, переложившій хронику Іоанна Малалы, должны быть признаны за одно и то же лицо; б) что во всѣхъ древнѣйшихъ редакціяхъ русскаго временника, въ не разъ повторенныхъ выраженіяхъ „глаголетъ бо *Григорій* въ Лѣтописцѣ"—стояло слово *Григорій*, а не *Георгій*, и в) въ параллели, проводимой въ началѣ нашей лѣтописи между событіями въ Руси и событіями въ Греціи и Болгаріи и въ употребленіи слова *царствовати* вмѣсто *княжити*. То же мнѣніе относительно имени „Григорій" раздѣляетъ и Стрыйковскій, польскій историкъ, имѣвшій подъ рукою до 15 списковъ русскихъ лѣтописей.

Спутникомъ Ольги на обратномъ ея пути въ Кіевъ былъ пресвитеръ, данный ей патріархомъ, и конечно никто другой, какъ тотъ же Григорій болгаринъ. Ему, конечно, было поручено склонить соперника болгарскахъ царей на Дунаѣ, наслѣдника Ольги Святослава, къ принятію христіанской вѣры, но ученикъ этотъ оказался непонятливымъ и глухимъ къ слову о Христѣ. Впрочемъ старанія Ольги и ея пресвитера были въ Кіевѣ не тщетны. Православіе на югѣ Россіи при Ольгѣ сдѣлало такіе успѣхи, что нихъ узнали скоро и въ Римѣ, какъ видно изъ грамоты папы Іоанна XIII къ чешскому королю Болеславу II, писанной въ 972 г., въ которой онъ, разрѣшая учредить епископію въ Прагѣ, писалъ: verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Slavonicae linguae. Изъ этой же грамоты видно, что въ Кіевѣ до св. Владиміра богослуженіе совершалось не на готскомъ языкѣ, какъ думаетъ г. Голубинскій[1]).

---

[1]) Исторія русск. церкви. Т. I. стр. 83-я.

П. Л.

ЛЕОНАРДЪ СОВИНСКІЙ.

(*Опытъ посмертной характеристики*).

Біографія.—I. Лирическія поэмы „Привидѣнія", „Изъ жизни". II. Эпическая поэма „Петро". III. Драма „На Украинѣ". IV. Переводы изъ Шевченка. V. Школьныя воспоминанія. VI. Романъ „На перекрестныхъ дорогахъ".—Заключеніе.

Со временъ люблинской уніи (1569 г.), многимъ полякамъ приходилось жить и дѣйствовать среди сплошнаго южно-русскаго населенія въ предѣлахъ Кіевщины, Волыни, Подолья, а до войнъ Богдана Хмельницкаго и лѣвобережной Украины. Большинство изъ нихъ относилось къ странѣ, ихъ пріютившей, и къ ея кореннымъ обывателямъ такъ, какъ указывали интересы польскаго шляхетскаго государства и вожделѣнія римскаго католицизма. Но нѣкоторые болѣе впечатлительные или болѣе развитые представители польскаго племени на южнорусской территоріи не могли оставаться постоянно слѣпыми орудіями государства и церкви, сжились мало-по-малу со страной и народомъ своего новаго отечества, полюбили ихъ, хотя только какъ красивую декорацію, и, продолжая чувствовать себя поляками и католиками, стали интересоваться жизнью мѣстною, стали ее изучать и изображать. Отсюда получила свое начало такъ называемая украинская школа въ польской литературѣ.

Первые слѣды украинской школы мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Однимъ изъ первыхъ ея представителей мы можемъ считать Севастіана Клёновича, который въ своей латинской поэмѣ *Roxolania* (1584 г.) сдѣлалъ едва ли не первую попытку изобразить южнорусскій край, описать его города и ознакомить читателей съ нравами и обычаями его обитателей. Въ XVII вѣкѣ представителями

украинской школы мы можемъ считать авторовъ „Селянокъ" Симона Симоновича и Варфоломея Зимоновича. Первый изобразилъ нѣсколько живыхъ сценъ изъ южнорусской сельской жизни [1]), а второй въ „Селянкахъ" *Kosaczyzna* и *Burda ruska* [2]) попытался набросать поэтическій очеркъ похода Хмельницкаго и осады Львова въ 1648 г. Къ концу XVII в. и въ вѣкѣ XVIII-мъ, когда польская литература стала отличаться макаронизмомъ въ формахъ и панегиризмомъ въ соединеніи съ пустотою содержанія, въ сюжетахъ ея произведеній ослабѣлъ, само-собою разумѣется, и южнорусскій элементъ въ ней. Но когда прошли наполеоновскія войны и по всей Европѣ пышнымъ цвѣтомъ распустился романтизмъ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, южнорусскіе поляки выступили съ цѣлымъ рядомъ романтическихъ произведеній, для которыхъ содержаніе они черпали исключительно изъ природы и народной жизни южнорусскаго края. Эти писатели объединяются въ исторіи литературы подъ именемъ украинской школы по преимуществу. Важнѣйшими ея представителями считаютъ обыкновенно Мальчевскаго, Гощинскаго и Залѣскаго. Изъ крайнихъ козакофиловъ можно упомянуть типическихъ Грозу и Чайковскаго (Садыкъ-пашу) [3]).

Въ настоящее время мы хотимъ вспомнить объ одномъ изъ писателей польско-украинской школы второстепенныхъ, но все-таки интересныхъ для насъ какъ по мѣсту его рожденія, такъ и по идеямъ его литературной дѣятельности. Мы имѣемъ при этомъ въ виду Леонарда Совинскаго. Недавняя смерть его даетъ намъ къ этому подходящій поводъ. Леонардъ Совинскій родился въ Подоліи, а именно въ литинскомъ уѣздѣ, въ 1831 году. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ, мать—южнорусская крестьянка, православная. Самъ Совинскій говоритъ (см. Воспоминанія, стр. 186), что отецъ его, Янъ, до пріобрѣтенія земельнаго имущества въ с. Березовкѣ литинскаго уѣзда былъ долгое

---

[1]) Таковы селянки *Czary* (Лейпц. изд. Бобровича 1837 г., стр. 87), *Kołacze* (стр 68), *Pastusi* (стр. 99) и *Żeńcy* (стр. 106).

[2]) См. Лейпц. изд. Бобровича 1836 г. стр. 113 и 130.

[3]) Ср. въ „Вѣстникѣ Европы" 1886 г. ст. Пыпина „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній польско-русскихъ" гл. 2. (февраль).

время учителемъ музыки въ подольской губерніи. Онъ бѣгло игралъ на скрипкѣ и на фортепьяно. Большую часть своей молодости онъ провелъ въ домѣ подкоморія Борейки въ м. Пиковѣ. Онъ руководилъ музыкальнымъ образованіемъ своего наименьшаго брата, Войцѣха, и, хорошо его подготовивши, отправилъ для окончанія занятій заграницу, гдѣ тотъ черезъ годъ могъ уже выступить передъ публикой въ концертахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Вѣнѣ, Миланѣ, а позднѣе и въ Парижѣ [1]). Женился Янъ Совинскій по смерти Борейки на его ключницѣ. Семья Яна Совинскаго была значительная. Кромѣ Леонарда, онъ имѣлъ еще сына и нѣсколькихъ дочерей, которыя по старому закону о смѣшанныхъ бракахъ сдѣлались православными. Братъ Леонарда въ 50-хъ годахъ славился въ кіевскомъ университетѣ, какъ замѣчательный химикъ и горькій пьяница. За ничтожную плату и обильное угощеніе онъ охотно подготовлялъ фармацевтовъ къ экзамену по химіи. Впослѣдствіи онъ окончательно спился съ круга, жилъ, перекочевывая отъ одного знакомаго помѣщика къ другому, и кончилъ жизнь во время одного изъ своихъ пьяныхъ путешествій пѣшкомъ—отъ замерзанія.

Что касается до Леонарда, то первоначальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ межибожское дворянское училище, отсюда въ житомірскую гимназію и, наконецъ, въ кіевскій университетъ, куда поступилъ онъ въ 1847 году и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1851 году. Черезъ годъ онъ снова поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ пробылъ до 1855 года и вышелъ, не кончивши курса. Поѣздка заграницу, во время которой Совинскій посѣтилъ почти всѣ страны западной Европы, заняла весь 1857 годъ. Италія своими художественными произведеніями оказала особенное вліяніе на характеръ его поэтическаго творчества. Съ 1858 по 1862 г. Совинскій проживалъ частью въ Подоліи, частью въ Кіевѣ. Въ эти времена онъ былъ сотрудникомъ „Виленскаго Курьера“, въ ко-

---

[1]) Войцѣхъ Совинскій былъ между прочимъ авторомъ музыки къ извѣстной пѣснѣ „Ieszcze Polska nie zginęła“. См. Павлищевъ, Седмицы польскаго мятежа, ч. 1, стр. 217—219.

торомъ помѣщалъ постоянныя корреспонденціи изъ Кіева, а также мелкія стихотворенія и замѣтки.

Шесть лѣтъ затѣмъ—съ 1862 по 1868 г.—Совинскій жилъ въ курской губерніи. Въ 1868 году онъ снова былъ заграницей, а по возвращеніи оттуда поселился въ Варшавѣ и занялся журнальной работой. Напряженный трудъ изъ-за куска хлѣба, склонность къ хмѣльному и разныя неблагопріятныя обстоятельства преждевременно подорвали его здоровье, и онъ умеръ въ декабрѣ прошлаго 1887 г. въ с. Стетковцахъ на Волыни. Лирикъ и романистъ, историкъ литературы и критикъ, самостоятельный поэтъ и переводчикъ, Совинскій во всякомъ случаѣ оставилъ замѣтный слѣдъ въ польской литературѣ, и его произведенія заслуживаютъ подробнаго разбора. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) маленькій сборникъ сонетовъ *Widziadła*. Кіевъ 1859. 2) Отрывки изъ поэмы *Z życia*. Кіевъ 1861 [1]. 3) Поэма *Petro*. Переиздана въ „Библіотекѣ Мрувки“ № 9. 4) Драма *Na Ukrainie* Poznań. 1871. 5) Переводъ „Гайдамаковъ“ Шевченка. Переизданъ въ „Библіотекѣ Мрувки“ №№ 67 и 68. 6) *Szkolne wspomnienia*. W. 1885. 7) *Na rozstajnych drogach*. W. 1887. Нѣкоторыхъ мелкихъ его произведеній и компилятивныхъ работъ мы касаться не будемъ.

I.

Въ „Привидѣніяхъ“, фантастическомъ произведеніи, вышедшемъ въ Кіевѣ въ концѣ 1859 года, разсказывается исторія души поэта отъ колыбели до могилы. Отъ колыбели ржавчина печали въѣлась ему въ сердце и духъ мрака опуталъ дѣтскія мечтанія. Какъ ангелъ смерти, вступалъ онъ въ толпу дѣтей и своимъ печальнымъ, глубокимъ, страшнымъ, полнымъ проклятаго очарова-

[1] Сочиненіе *Widziadła* и поэма *Z życia* переизданы въ собраніи стихотвореній Совинскаго, вышедшемъ въ Познани въ 1875 г. подъ общимъ заглавіемъ *Poezye* (см. Т. II, стр. 3—16 и Т. I, стр. 59—158). Въ этомъ сборникѣ изъ болѣе крупныхъ вещей помѣщены: *Satyra*, *Fragment powieści* и *Graf Jarosz*.

нія взглядомъ заставлялъ ее смѣнить веселый шумъ на покаянное молчаніе. Но вотъ ангелъ-хранитель сжалился надъ стономъ бѣдной души и далъ ей возможность увидѣть Пресвятую Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мракъ исчезъ и на нивѣ чувствъ возрасло тихое счастье. Между тѣмъ прошли года. Наука забросала душу кучей новыхъ понятій; голова трещала отъ напора вопросовъ; въ сердцѣ бурлила лава. Святые пороги духа переступилъ геній сомнѣнія. Мысль сорвала съ божественныхъ правъ ризы идеала. Наступили проклятыя минуты заблужденія. По счастью въ то время у кладбищенскихъ ямъ появилась поэзія и сняла съ нѣмой груди печать молчанія. Пѣснь ручьемъ полилась, а въ недосягаемой дали заблисталъ огромный крестъ. Но все-таки ни упоенія поэзіи, ни любовь женщины не успокоили души поэта. Наконецъ, предъ нимъ зачернѣли нивы подвиговъ, выоранныя потомъ, засѣянныя слезами, а далеко впереди—вершины заслугъ. Чувство долга заняло мѣсто сомнѣній. Кровавый трудъ подъ крестомъ рисовалъ новую будущность, сіяющую вѣрой и могущественную своими подвигами. Святой трудъ облекся въ багряницу идеала. Между тѣмъ проклятый Духъ вступилъ на алтарь чистыхъ пожеланій и развернулъ знамя Славы. Но поэту нечѣмъ было увлечься, такъ какъ онъ понималъ, что грязь забвенія заноситъ всякое чело. Но вотъ повѣяла на душу смерть, молодая жизнь угасла и грудь подъ крестомъ отдохнула послѣ безплодной борьбы.

Изложенное нами самое раннее изъ произведеній Совинскаго отлично характеризуетъ его поэтическую манеру, обнаруживающуюся и въ послѣдующихъ плодахъ его музы. Постоянно занятый возвышенными мыслями, онъ никогда не умѣлъ выработать себѣ ясныхъ взглядовъ на природу и людей; осуждая настоящее, онъ стремился къ какимъ-то великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, которыхъ ему никогда не удалось облечь въ ясно очерченные идеалы.

Отрывки поэмы „Изъ жизни“ при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ были недоброжелательно встрѣчены польскою критикой. И тогда справедливо упрекали ихъ автора въ стремленіи къ ми-

стицизму и холодному умствованію. Но онъ неправильно истолковалъ себѣ сущность упрековъ и полагалъ, что не права критика, стремящаяся замкнуть поэзію въ область чувства, тогда какъ ей должно быть доступно все поле умственной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ возражалъ Совинскій своимъ критикамъ въ предисловіи ко второму изданію поэмы „Изъ жизни“ (Кіевъ. 1861) „Духъ человѣческій“, говорилъ онъ, „безъ устали стремится къ безконечности и эти-то именно порывы и составляютъ поэзію жизни. Условіями ея обладаетъ всякое внутреннее творчество, переступающее за предѣлы холоднаго наблюденія и вдохновенное стремленіемъ къ болѣе идеальнымъ формамъ и типамъ. Творческій духъ всегда является поэтическимъ, хотя внѣшнее выраженіе его творчества можетъ и не носить признаковъ поэзіи. Я не вижу поэзіи въ формулахъ Ньютона, но вижу ее въ его мысляхъ. Планы битвъ Наполеона принадлежатъ стратегіи; но духъ, который ихъ чертилъ, навсегда останется для поэзіи однимъ изъ лучезарныхъ геніевъ. Развѣ есть одна только форма духовной жизни? Развѣ одно только чувство наполняетъ человѣческую грудь? Наши критики хотѣли бы запереть поэзію въ какомъ-то любовномъ эдемѣ... Для меня она во всемъ, что встряхиваетъ и влечетъ къ высшему существованію, что воспламеняетъ мысль и чувство. Лучше воспѣвать муки стремящагося къ высшей правдѣ духа, нежели стоны любовниковъ и свистъ соловья. Гулъ толпы, воспламененной общественной мыслью, гораздо могущественнѣе трогаетъ сердце, нежели невинная музыка майскаго утра“...

Не смотря на стремленіе поэта оправдаться передъ критикой, намъ кажется несомнѣннымъ, что поэма „Изъ жизни“ страдаетъ темнотою мыслей, неясностью образовъ и излишнею напыщенностью формы. Если ее неохотно читали при ея появленіи, то прочитать ее въ настоящее время, въ особенности русскому читателю, привыкшему къ болѣе реальному искусству, составляетъ сущее испытаніе долготерпѣнія.

Поэма Совинскаго „Изъ жизни“ состоитъ изъ вступленія и пяти картинъ. Она написана въ формѣ драмы—стихами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Главная мысль ея та же самая, какая

развивается поэтомъ и въ ранѣе изложенной поэмѣ „Привидѣнія“. Вѣрить не всякій способенъ, хотя только вѣра можетъ успокоить смятенную человѣческую душу; наука не въ силахъ удовлетворить человѣка, такъ какъ она не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній, являющихся слѣдствіемъ умственной пытливости; любовь къ женщинѣ не даетъ прочнаго счастья и даже бываетъ часто причиной, затемняющей сознаніе; только подвиги для блага ближнихъ способны примирить человѣка съ жизнью, такъ какъ только они получаютъ немедленную оцѣнку и даютъ совершителю ихъ самое высшее благо—славу; вотъ то ученіе, которое поэтъ стремится подтвердить рядомъ картинъ своего произведенія. Уже въ первой картинѣ выступаетъ на сцену графъ Уго, представитель науки, не находящій въ ней удовлетворенія,—въ своемъ родѣ Фаустъ. Въ монологѣ второй картины онъ выражаетъ мысли автора о наукѣ: „Ахъ! напрасно измученная мысль летаетъ надъ колодеземъ науки... Онъ ужъ вычерпанъ до дна высохшими устами свѣта! Какъ растерзанная грудь Ніобы,—духъ окаменѣлъ въ старыхъ образахъ... Нигдѣ нѣтъ жизни!—одни только гробы, потрескавшіеся отъ усилій изслѣдующей мысли... Заваленный обломками мечтаній, горячешный, хрупкій, старый,—нынѣшній вѣкъ блуждаетъ съ нами, какъ блѣдныя полночныя тѣни надъ могилами упырей. Нигдѣ нѣтъ устоевъ, нигдѣ нѣтъ вѣры!

Вокругъ яснымъ отблескомъ краснѣютъ пожары битвъ... Всѣ солнца потухаютъ для очей—земля трескается подъ ногами... Не кончается ли свѣтъ?... О! пусть онъ гибнетъ! Но прежде, чѣмъ вѣчность его поглотитъ, отчего не откроется скрытый смыслъ его существованія, слово, трепещущее въ его лонѣ?!... Нельзя ли духу моему исчезнуть, прочитавши это слово?!..“

Въ дальнѣйшей рѣчи графъ Уго размышляетъ о тѣхъ вѣчныхъ проблемахъ человѣческой жизни и духа, которыхъ наука не въ силахъ разъяснить, терзается, отчаивается и, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что жить нельзя среди развалинъ вѣры, цѣлей и желаній, что для человѣка необходима надежда. Въ послѣдней пятой картинѣ поэмы авторъ ея указываетъ, что можно найти примиреніе съ жизнью—въ работѣ для общаго

блага и въ славѣ благодѣтельныхъ для человѣчества подвиговъ.

Чтобы доказать суетность женской любви, авторъ выводитъ на сцену прелестную дѣвушку Еву и юношу Адама. Въ гостяхъ у Евы два молодыхъ человѣка—Генрихъ и Адамъ. Генрихъ—поэтъ, который свое искусство любитъ больше всего на свѣтѣ. Адамъ въ своемъ обращеніи къ Евѣ такъ себя обрисовываетъ: „Сударыня! У меня нѣтъ блестящаго краснорѣчія, я не слыву мудрецомъ; у меня только сердце въ благородной груди, полное честности и полное любви. Сударыня! я не взлечу съ тобою до неба, но охотно пойду на муки“... Между тѣмъ Ева уже въ такомъ возрастѣ, когда женское сердце рвется любить. Настроеніе ея выражается въ пѣсенкѣ, которую она поетъ гостямъ подъ аккомпаниментъ арфы: „Черноокая, гибкая, какъ изъ мрамора роскошно выточенная, — она оберегала пламя, какъ королева пламени... Грудь ея трепетала отъ вздоховъ, взглядъ ея, мрачный и задумчивый, ударялся мглистымъ лучемъ о коринѳскія колонны. Бѣдная! бѣдная весталка! Святой огонь непрерывно трещитъ, а между тѣмъ во мракѣ ея духа кипятъ безуміе и борьба... За колонной въ полутѣни думалъ греческій лютнистъ: „Какая она благородная и чистая! Какой рай въ ея очахъ!“ [1]).

Когда Адамъ признался ей въ своей любви, она приняла эту любовь и сдѣлалась женой его. Но вотъ прошло нѣсколько времени; любовь Евы къ Адаму начала остывать; когда на костюмированномъ балу она встрѣтилась снова съ Генрихомъ и онъ спросилъ ее о мужѣ: „И ты все-таки жъ его любишь?“, то она могла только съ горькой ироніей отвѣтить: „Кого?... его!... его!... ха, ха, ха, ха, ха!“. Адамъ, бывшій случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены, не могъ перенести удара и сошелъ съума.

---

[1]) Типъ Евы повторяется въ небольшой поэмѣ Совинскаго „Графъ Ярошъ“ въ образѣ цыганки Дивы. Богатый подольскій графъ Ярошъ, пресыщенный разгуломъ, отправляется въ лѣсъ, гдѣ натыкается на цыганскій таборъ. Его плѣняетъ необыкновенная красота двѣнадцатилѣтней дѣвочки Дивы и онъ покупаетъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дива, получившая образованіе на средства графа, дѣлается его женой—графиней. У нихъ родится сынъ. Но старыя привычки берутъ свое: однажды

Такимъ образомъ одно только остается человѣку, чтобы придать смыслъ жизни,—работать для блага ближнихъ. По этому пути пошелъ Людмиръ, представитель дѣятельной воли; въ пятой картинѣ поэтъ рисуетъ, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили его благодарные сограждане.

II.

Въ поэмѣ „Петро", посвященной знаменитому въ польской литературѣ Крашевскому, Совинскій переходитъ изъ области шумной, бурливой, неукротимой лирики въ область тихой, спокойной и разсудительной эпики. Въ талантѣ его сразу обнаруживаются иныя, болѣе симпатичныя стороны. Чтеніе этой поэмы „изъ жизни сельскаго люда въ Подоліи полвѣка назадъ", какъ сказано въ заглавіи, доставляетъ гораздо болѣе эстетическаго удовольствія, чѣмъ погоня вмѣстѣ съ авторомъ за неясными образами его возвышенныхъ мыслей и чувствъ. Мѣстами авторъ является такимъ привлекательнымъ повѣствователемъ, что напоминаетъ великаго Гёте въ его несравненной поэмѣ „Германъ и Доротея". Тотъ же спокойный величавый тонъ, та же отдѣлка мелкихъ подробностей, тѣ же тщательныя описанія природы—заставляютъ иногда читателя забыть Совинскаго и вспомнить Гёте, si licet parva componere magnis.

Но кромѣ художественнаго значенія поэма имѣетъ значеніе и для уясненія себѣ политическихъ и общественныхъ взглядовъ ея автора. Изъ послѣдующаго изложенія ея содержанія видно будетъ, что въ ней на ряду съ представителями простаго сельскаго люда выводятся на сцену и потомки расъ, ведшихъ продолжительную историческую борьбу съ этимъ людомъ,—шляхетско-польской и еврейской. Авторъ настолько проникся спокойнымъ тономъ своего произведенія, что забылъ войны Хмель-

---

ночью Дива бросаетъ графскій домъ и убѣгаетъ въ лѣсъ къ цыганамъ. Графъ, думавшій создать счастіе на одной любви къ Дивѣ, приходитъ въ изступленіе, убиваетъ крошку-сына и наконецъ сжигаетъ себя вмѣстѣ съ предковскимъ замкомъ.

ницкаго, эпоху Руины, Уманскую рѣзню и другія событія, во время которыхъ широкіе потоки шляхетско-польской и еврейской крови были пролиты украинской рукой, и заставляетъ почтеннаго Петра искренне любить пана и симпатично относиться къ мѣстному шинкарю Іоськѣ. Автору кажется, что ни панъ, ни Іоська ничѣмъ не заслужили ненависти со стороны Петра, и что отношеніе его къ нимъ является должною данью уваженія къ родовитости перваго и къ денежному могуществу втораго. Впрочемъ, нужно сказать, что обрисовка „пана“ и „жида“ заставляетъ читателя примиряться съ невѣрнымъ освѣщеніемъ отношеній къ нимъ со стороны Петра. „Самъ панъ“ говоритъ авторъ, „очень любилъ, цѣнилъ и уважалъ его (т. е. Петра) и никогда не оскорблялъ Петра ѣдкимъ словомъ. За это и Петро отплачивалъ ему преданностью и уваженіемъ, которое выражалъ иногда добровольнымъ подаркомъ пану: въ панскомъ табунѣ прыгаютъ жеребята, подаренныя Петромъ; даже „карбованцы“ иногда имѣлъ онъ для пана въ запасѣ. Въ свою очередь и панъ,—что рѣдко случается на свѣтѣ, когда у него родилось первое дитя, то, не имѣя въ почтенномъ сердцѣ никакой задней мысли, пригласилъ Петра и Ивгу (жену Петра), хотя и крѣпостныхъ, къ себѣ въ кумы. Между тѣмъ кумовство—святое соотношеніе—особенно, когда его подкрѣпляетъ взаимное уваженіе“. Двѣнадцатилѣтняя дочечка пана „Маня“ —это маленькій ангелъ, доброта котораго вызываетъ слезы на глаза старой Ивги. Описывая отношенія Мани къ внукамъ Петра и Ивги, авторъ прибавляетъ: „Дѣти панскія дружили съ сельскими и ихъ любилъ Тотъ Кто съ небесъ распростиралъ надъ ними крылья своей всемогущей опеки и не утиралъ въ это время сладкихъ слезъ Ивги“. Шинкаря Іоську авторъ также рисуетъ почтеннымъ бѣлобородымъ старцемъ, ищущимъ у Петра помощи и поддержки въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Такимъ образомъ ни гнетъ крѣпостной зависимости, ни тяжесть еврейской эксплоатаціи не возмутили спокойствія автора и не бросили своихъ мрачныхъ тѣней на его свѣтлое, жизнерадостное произведеніе. Онъ любитъ свое милое Подолье, съ сердечной теплотою изображаетъ его обитателей—православныхъ

украинцевъ, но не видитъ мрачной стороны ихъ жизни, и, какъ польскій шляхтичъ, не хочетъ замѣчать всего того зла, которое принесъ имъ шляхетско-польскій строй, существовавшій на Подоліи почти до 1861 года.

Поэма „Петро“ написана вся шестистопнымъ ямбомъ. Она состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ пѣсенъ или главъ: I, Приготовленія; II, Праздникъ; III, Пиръ; IV, Осенній вечеръ. Содержаніе ея въ краткихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: почтенный хозяинъ с. Березовки Петръ Голубъ задумалъ отпраздновать большимъ пиромъ храмовой праздникъ своего села и день своихъ имянинъ—29-е іюня. Въ первой главѣ описываются „приготовленія“, какія пришлось сдѣлать Петру для вкуснаго и обильнаго угощенія гостей. Во второй—церковное торжество храмоваго праздника съ его нарядной шумливой толпой, съ его живописнымъ крестнымъ ходомъ. Въ третьей развертывается роскошная картина сельскаго пира, гдѣ у всѣхъ красныя отъ выпивки лица; гдѣ мужчины ведутъ чинные разговоры; гдѣ кумушки то кудахтаютъ, какъ куры, то каркаютъ, какъ вороны, то жужжатъ, какъ пчелы; гдѣ дѣвчата весело поютъ, а дѣтвора прыгаетъ и рѣзвится, подымая шумъ и гамъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ рисуется осенній вечеръ въ крестьянской хатѣ. „Вотъ поле зачернѣло уже стерномъ; пшеница, жито, ячмень просыхаютъ уже въ клунѣ. Пожилые крѣпкіе работники ежедневно ихъ молотятъ: не легкая это, но благодарная для пахаря работа. Боязнь граду, слякоти для него уже не существуетъ; богатство божьихъ даровъ улыбается ему въ мысляхъ. Онъ имѣетъ богатый урожай зерна, котораго хватитъ до новаго, и достаточно соломы для отопленія хаты. Радуются въ душѣ милыя хозяюшки, не имѣя повода жаловаться на сборъ огородины. Жизнь въ селѣ въ эту пору самая веселая, а ухаживанья хлопцевъ—самыя пламенныя и смѣлыя, потому что достаточно хлѣба, а извѣстно, что голодная любовь не бываетъ ни теплой, ни довольно выгодной. Любитесь и забавляйтесь, почтенные люди, послѣ цѣлаго лѣта, проведеннаго за упорнымъ трудомъ въ потѣ лица, а мы заглянемъ въ теплую Петрову хату, опоясанную вокругъ вѣнкомъ желтой присьбы“. Всѣ домашніе Петра сидятъ за работой,

самъ онъ отдыхаетъ подъ образами. Но вотъ входитъ шинкарь Іоська и начинаются разсказы о грабежахъ и убійствахъ въ Чудновской пущѣ, которые незамѣтно смѣнились разсказами о привидѣніяхъ и чертяхъ. Вдругъ въ хату вбѣгаетъ дочь Іоськи Сора съ маленькимъ Ицкомъ на рукахъ, котораго кагальные въ отсутствіе отца хотѣли захватить въ кантонисты. Ицка прячутъ въ дѣжу съ пухомъ и успокаиваются только тогда, когда прибѣгаетъ жена Іоськи и извѣщаетъ, что кагальные уже уѣхали. Послѣ этого всѣ разошлись и семья Петра заснула. „Каждый видѣлъ свои сны, но всѣмъ чужды были черныя угрызенія испорченныхъ сердецъ и мыслей; всѣхъ охранялъ архангелъ чистыхъ душъ и прогонялъ прочь призраки печалей". Въ этой четвертой и послѣдней главѣ Совинскій въ высшей степени правдиво уловилъ общій характеръ крестьянскихъ разговоровъ въ длинные осенніе вечера подъ завываніе бури и плескъ расходившагося дождя.

Языкъ поэмы очень гладкій и звучный, съ легкими подольскими провинціализмами, въ высшей степени красивый—особенно, если принять во вниманіе, что онъ постоянно ведетъ борьбу съ унылымъ однообразіемъ ямбическаго гексаметра.

III.

Мы уже ознакомились съ Леонардомъ Совинскимъ, какъ съ поэтомъ лирическимъ и эпическимъ. Теперь намъ надлежитъ разсмотрѣть его дѣятельность въ самой высшей области поэтическаго творчества,—въ области драмы.

Произведеніе, въ которомъ Совинскій выступилъ на новое для него поприще драматурга, это трагедія „На Украинѣ". Нельзя сказать, чтобы названіе пьесы было выбрано вполнѣ удачно; оно указываетъ только мѣсто драматическаго дѣйствія, но не опредѣляетъ ни времени, къ которому оно отно-

сится, ни среды, въ которой происходитъ, ни тѣхъ мотивовъ, которые даютъ такое или иное направленіе поступкамъ дѣйствующихъ лицъ.

Замками для пьесы служатъ извѣстныя событія 1863 года а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является собственно польская шляхта. Тогдашнее возстаніе представляется Совинскому катастрофою въ высокой степени трагическою. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Дѣйствительно, если гибель одного человѣка вслѣдствіе неблагопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ печалитъ насъ и заставляетъ переживать вмѣстѣ съ нимъ весь ужасъ его положенія, то тѣмъ большее сострадание возбуждаетъ въ насъ гибель цѣлаго сословія, какъ это случилось съ польской шляхтой въ 1863 году. Но совсѣмъ не правъ Совинскій, когда говоритъ: „Авторъ настоящей трагедіи прежде всего стремился къ тому, чтобы выяснить элементы, выступавшіе въ личностяхъ и событіяхъ послѣдняго возстанія. Они указаны въ быстро смѣняющихся образахъ, въ немногихъ лицахъ и моментахъ: но за то здѣсь нѣтъ ни одного слова, сказаннаго наугадъ, ни одной силы, которая не дѣйствовала бы въ жизни, ни одной насцены, созданной для достиженія празднаго эффекта". Напротивъ, Совинскій совершенно невѣрно освѣщаетъ дѣятелей 1863 года и отнюдь не прочь ввести въ свою пьесу изсцену, пожалуй не нужную, но способную произвести извѣстный эффектъ.

Но для кого въ настоящее время не тайна, что даже самые „красные" представители возстанія стояли на почвѣ традиціи старой Рѣчи Посполитой. Забывая совершенно объ этнографическомъ составѣ населенія тѣхъ областей, которыя принадлежали польскому государству до его раздѣловъ, они стремились возстановить это послѣднее именно въ границахъ, предшествовавшихъ 1772 году. Точно также совершенно законными представлялись имъ стремленія польской шляхты

лишить бѣлорусскій и малорусскій народъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ политическихъ правъ и экономической свободы и вожделѣнія римской церкви его окатоличить. Поэтому крайне фальшиво звучитъ та рѣчь, которую влагаетъ Совинскій въ уста одного изъ вождей возстанія 1863 года, Мсцислава Сенпа: „какъ прекрасно раздаются въ устахъ нашихъ пановъ девизы: семья—народность—вѣра—право—порядокъ!... Но покажите ихъ намъ въ жизни и въ дѣлахъ вашихъ, покажите урожай, добытый этимъ хозяйничаньемъ!... Безсмысленный гнетъ и трупное безсиліе духа—намѣрены приковать молодежь къ неподвижной глыбѣ... Но безъ шутокъ: это общественная связь очень хрупкая! Вы говорите намъ о вѣрѣ, которая дѣлаетъ чудеса... Гдѣ она?—Въ дремотѣ мозговъ, заѣдаемыхъ предразсудкомъ? Въ обрядѣ, который если не нагоняетъ скуки, то забавляетъ? Неужели этой вѣрой вамъ удастся отразить враговъ? Вы говорите о враждѣ между сословіями, распространяемой нами... Шутите?!... Удивительно вы понимаете связь между сословіями, если мужикъ долженъ стоять на колѣняхъ, а панъ сидѣть у него на спинѣ!... Пусть старыя знамена гніютъ въ старыхъ склепахъ... Мы поднимемъ надъ главой народа иное знамя—гигантское, ибо общечеловѣческое—свѣжее, хотя и не новое! Девизами его будетъ нѣсколько истинъ, необыкновенно старыхъ, а первымъ девизомъ: Будемъ людьми! Это наша вѣра, на которую вы смотрите со старою ненавистью. Наше знамя—равенство! Только подъ этимъ знаменемъ можно въ будущемъ оставаться русскимъ или полякомъ!“ Что касается сценъ, разсчитанныхъ на эффектъ, то ихъ немало въ пьесѣ. Особенно выдѣляется одна — въ концѣ III-го акта. Когда повстанцы окружены солдатами и крестьянами, одинъ изъ нихъ Максимъ Грынь, сынъ малорусскаго крестьянина, сознательно измѣнившій своей народности, говоритъ, обращаясь къ толпѣ крестьянъ:

„Безумные!... Позвольте намъ по крайней мѣрѣ погибнуть отъ московскихъ рукъ!“ Въ это время другой повстанецъ Янъ

ломаетъ палашъ со словами: „Мы не сражаемся съ народомъ!“ Максимъ говоритъ: „Темное, забитое стадо!“, а всѣ повстанцы ломаютъ оружіе. Мужики съ крикомъ „ура!“ бросаются на безоружныхъ. Очевидно, вся эта сцена разсчитана на впечатлѣніе чисто декоративное.

Вся роль старой кастелянши введена въ пьесу исключительно для эффекта. Въ 1863 году не могла уже оставаться въ живыхъ ни одна изъ женщинъ, бывшихъ свидѣтельницами раздѣловъ Польши. Появленіе ея въ драмѣ есть крупный анахронизмъ, допущенный авторомъ исключительно для освѣщенія его политическихъ взглядовъ и убѣжденій.

Пьеса Совинскаго представляетъ намъ не изображеніе дѣятельности какого-либо героя во время возстанія, а ходъ самаго возстанія въ отдѣльныхъ характеристикахъ, сценахъ и картинахъ. Она состоитъ изъ пролога, пяти актовъ и эпилога.

Въ прологѣ авторъ знакомитъ насъ съ прошлымъ тѣхъ лицъ, которыя являются потомъ главными дѣятелями возстанія. Это—молодой графъ Янъ Пилявецкій, сынъ мамки его Максимъ Грынь и сестра Яна—графиня Марія, позднѣе невѣста Максима, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. При этомъ авторъ устами матери Максима, Ганны, характеризуетъ крѣпостное право со всѣми его мрачными чертами.

I-й актъ посвященъ передачѣ тѣхъ мнѣній и умственныхъ теченій, которыя существовали въ польскихъ студенческихъ кружкахъ кіевскаго университета передъ возстаніемъ и обусловили его возникновеніе. Сеппъ является представителемъ началъ гуманности и свободы (его profession de foi мы привели выше), Рольскій отстаиваетъ преданія шляхетско-католической Рѣчи Посполитой. Къ польскому лагерю примыкаетъ товарищъ графа Яна Пилявецкаго по университету Максимъ Грынь, молочный его братъ, который, когда Янъ совѣтуетъ ему остаться въ сторонѣ отъ возстанія, говоритъ: „Да—я украинецъ

и крестьянскій сынъ; я подкидышъ въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ; такъ вотъ поэтому ты мнѣ совѣтуешь смотрѣть издали на его погромъ!... Но отъ кого я получилъ самое дорогое для человѣка сокровище? Мои чувства, вѣра, языкъ, честь, понятія,— вѣдь они изъ вашей сокровищницы вошли въ мою грудь, когда я былъ ребенкомъ? Чье же дѣло долженъ я поддержать теперь, чтобы добыть для сердца миръ, а у людей — добрую славу?!... Наконецъ, отъ васъ я получилъ хлѣбъ и свободу... Отъ тебя— благородную дружбу, безцѣнный даръ... Вотъ почему я вмѣстѣ съ тобою отдамъ Польшѣ свою молодую жизнь... Смерть я встрѣчу охотно... Намѣреніе мое неизмѣнное!" Стоитъ вдали и относится критически къ затѣваемому возстанію учитель „русской семинаріи", какъ выражается авторъ, въ Кіевѣ—Чарнышъ. Когда одна изъ дѣвушекъ, посѣщавшихъ студенческіе кружки, Ульяна Тitаренко говоритъ, обращаясь къ Чарнышу: „Вѣдь теперешняя польская пропаганда проповѣдуетъ равенство и братство... Неужели не искренне?..", то послѣдній отвѣчаетъ: „Подожди!.. Это не народъ... Это толпа могильныхъ привидѣній! Неужели ты считаешь возможнымъ связать трупъ съ здоровымъ тѣломъ? Тамъ нѣтъ жизни!.. То, что кажется увлеченіемъ—въ сущности отчаяніе... Порывы ихъ молодой силы—это содраганія умирающихъ ... Царство ихъ— могилы! Передъ толпами они являются не съ творческой дѣятельностью, а съ книгою темныхъ пророчествъ и съ пересохшимъ въ порошокъ лавромъ... Неспособные къ работѣ, они пренебрегаютъ долею рабовъ и хотятъ остатки изможденной жизни предать на прекрасную смерть—послѣднюю оргію пресыщенія... Они не могутъ по-рыцарски жить, такъ хотятъ умереть! А что говорить о безтолковости въ поступкахъ, въ желаніяхъ, въ словахъ! Объ удивительной путаницѣ представленій въ головахъ!.. Гдѣ только на кипяткѣ подымается пѣна—даже среди враговъ,—тамъ вездѣ сыновья шляхты"!

Во II-мъ актѣ изображается отношеніе къ предполагаемому возстанію помѣщичьей среды. Здѣсь графъ Свирскій находитъ

его безумнымъ, но за то женщины энергически побуждаютъ дѣйствовать. 26-лѣтняя княгиня Бѣльская говоритъ: „Въ сторону шутки! Если вы не думаете возставать, то мы возстанемъ—мы, какъ вы насъ тутъ видите“.—Князь Бѣльскій: „Но вѣдь это возмущеніе?“—Графиня Ядвига Кёнигштейнъ: „Возмущеніе... бунтъ мы поднимаемъ и очень-очень просимъ возставать“.—Графъ Пилявецкій (шутливо): „Невозможно отказать!“—Княгиня: „Итакъ—миръ?“—Ядвига (бьетъ въ ладони): „Bravissimo!.. Да здравствуетъ свобода! Сейчасъ сажусь вышивать хоругви“...

Въ III-мъ актѣ—разгаръ возстанія. Повстанцы стремятся привлечь на свою сторону крестьянъ, читая имъ „золотую грамоту“. Но рѣчь военнаго начальника барона Гольца дѣйствуетъ сильнѣе, и они помогаютъ русскому войску расправиться съ повстанцами. Только небольшая группа родственниковъ и знакомыхъ Максима Грыня относится сочувственно къ полякамъ. Взгляды Максима обнаруживаются яснѣе: „Я не буду сражаться оружіемъ клеветы“, говоритъ онъ; „я засвидѣтельствую то, что знаю: польское дѣло подаетъ народу свою братскую руку; самый искренній его девизъ—кровавая борьба за свободу, цѣль—побѣда или мученичество. У Москвы право народа только на цѣпи и насиліе, которое кулакомъ равняетъ сословія; примириться съ ними—позоръ и безуміе! Но знайте также, что самое благородное дѣло имѣетъ одну только будущность—страшную смерть... Одинъ урожай отъ нея—почетная слава. Поэтому я не хочу толкать васъ на эту печальную дорогу... Слушайтесь собственныхъ сердецъ: только свободное дѣйствіе достойно жить въ потомствѣ болѣе яснаго утра“.

Въ IV-мъ актѣ обнаруживается нелѣпость затѣяннаго возстанія. Одна банда разбита крестьянами, другая при помощи крестьянъ уничтожена регулярными войсками. Сами повстанцы въ эти трагическія для нихъ минуты заняты болѣе своими любовными отношеніями, нежели обороной отъ непріятеля. Главный вождь, Мсциславъ Сенпъ, кончаетъ самоубійствомъ.

Въ V-мъ актѣ авторъ стремится представить въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ агента русской правительственной власти—барона Гольца. Въ донесеніяхъ начальству онъ преувеличиваетъ число убитыхъ и плѣнныхъ повстанцевъ, чтобы въ большемъ блескѣ выставить свои подвиги; онъ обѣщаетъ обѣлить передъ властями графа Яна Пилявецкаго и другихъ, если графиня Марія Пилявецкая выйдетъ за него замужъ; когда баронъ Гольцъ проживалъ въ Кіевѣ, то онъ поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ радикаловъ, но теперь, когда Ульяна Титаренко говоритъ ему съ упрекомъ: „Баронъ! Гдѣ же твой прославленный либерализмъ?“, онъ отвѣчаетъ: „послѣднее слово его—централизмъ, милостивая государыня!“ и излагаетъ необходимость крутыхъ мѣръ по отношенію къ повстанцамъ. Автору хочется, конечно, подчеркнуть отступничество барона Гольца, хотя послѣдній въ качествѣ русскаго офицера иначе и не могъ разсуждать, не измѣняя долгу присяги.

Дѣйствіе эпилога развивается на этапномъ пунктѣ за Ураломъ. Графъ Янъ Пилявецкій близокъ къ смерти. Его окружаютъ Максимъ Грынь, мать Анна и сестра Марія Пилявецкія, невѣста Галина Свейская и мамка, мать Максима,—Ганна. Является влюбленная въ Максима Ульяна Титаренко, переодѣтая богомолкой, и предлагаетъ ему бѣгство, но онъ отказывается, не желая разстаться съ графиней Маріей Пилявецкой, которая сдѣлалась уже его невѣстой.

Если мы на основаніи драмы „На Украинѣ“ попытаемся опредѣлить политическіе взгляды Совинскаго, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Осуществленіемъ идеальнаго государственнаго и общественнаго строя представляется Совинскому старая шляхетско-католическая Рѣчь Посполитая, хотя въ ней паны, по выраженію Боплана, блаженствовали, какъ въ раю, а хлопы мучились, какъ въ чистилищѣ. Тамъ искренняя христіанская вѣра, развитое чувство чести и справедливости, преданность долгу какъ по отношенію къ семьѣ, такъ и къ обществу—составляли обыкновенныя качества зауряднаго гражданина. Даже женщины того времени были насквозь проникнуты этими добродѣтелями. Представительницею такого типа женщинъ въ трагедіи

„На Украинѣ“ является старая каштелянша, которая въ минуты самой страшной опасности, грозящей ея близкимъ, не забываетъ своихъ общественныхъ и семейныхъ обязанностей (см. стр. 115—117, 162—168). Жалкими преемниками людей тѣхъ временъ являются въ глазахъ Совинскаго дѣятели польскаго возстанія 1863 года. Въ нихъ нѣтъ предковскихъ доблестей, и въ лучшемъ случаѣ ихъ хватаетъ только на пассивное сопротивленіе. Нѣкоторые доходятъ до того, что обращаются къ русскому офицеру, усмиряющему возстаніе, со словами: „Нашъ избавитель! Отъ имени цѣлаго общества мы приносимъ тебѣ самое торжественное выраженіе благодарности! Ты повергнулъ революцію подъ ноги порядка: итакъ еще разъ благодарю тебя отъ имени Европы и еще разъ жму твою мужественную руку“ (слова князя Бѣльскаго къ барону Гольцу—стр. 159). Будущее польскаго народа рисуется автору въ мрачныхъ и неясныхъ обликахъ. Изъ разбора его лирическихъ стихотвореній мы знаемъ, что любовь къ ближнимъ и работа на ихъ пользу должны быть, по мнѣнію автора, краеугольными камнями зданія этого будущаго.

IV.

Въ своихъ литературныхъ занятіяхъ Леонардъ Совинскій не ограничивался однимъ только самостоятельнымъ творчествомъ. Будучи уроженцемъ подольской губерніи и зная прекрасно по-малорусски, онъ не могъ, какъ поэтъ, не увлекаться поэзіей Шевченка, и отсюда понятно, почему онъ такъ охотно занимался переводами изъ „Кобзаря“. Къ этому присоединялось желаніе ознакомить польскую публику съ писателемъ, который блескомъ огромнаго таланта по своему освѣщаетъ прошлое польскаго народа и отношеній его къ украинскому. Занимаясь переводами изъ Шевченка, Совинскій долженъ былъ, конечно, уяснить себѣ значеніе писателя, изъ котораго онъ переводилъ, и характеристическія черты его. Таково происхожденіе этюда „Тарасъ Шевченко“, составляющаго какъ бы введеніе въ переводъ „Гайдамаковъ“. Совинскій перевелъ сполна „Гайдамаковъ“, „Наймычку“ и „Пустку“ (изд. 1883 г. стр. 232—233), да кромѣ того въ

этюдѣ приведено въ стихотворномъ переводѣ много отрывковъ изъ другихъ пьесъ Шевченка. Переводы Совинскаго отличаются близостью къ подлиннику при звучности и красотѣ стиха и въ этомъ отношеніи должны быть поставлены выше переводовъ Горжалчинскаго и Сырокомли.

Въ этюдѣ о Шевченкѣ Совинскій приводитъ въ переводѣ извѣстную автобіографію поэта, написанную имъ по приглашенію редактора журнала „Народное Чтеніе", а затѣмъ подробно передаетъ содержаніе „Кобзаря" 1860 г. Характеристическими чертами духовнаго образа Шевченка Совинскій считаетъ: 1) пламенную любовь къ крестьянскому люду; 2) ненависть и презрѣніе ко всякому насилію; 3) страстное сознаніе испытанныхъ горестей и униженій; 4) склонность къ простонародному фатализму, отрицающему Провидѣніе и волю; 5) сознаніе собственной правоты и искреннее прониковеніе народною мыслью, признаваемою съ полнымъ довѣріемъ справедливою и святою (стр. 14). „Наймычку" Совинскій справедливо считаетъ самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ произведеній поэта (стр. 40). За „Гайдамаковъ" Совинскій слѣдующимъ образомъ осуждаетъ Шевченка:

„Воображеніе поэта остановилось на Колiивщинѣ—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь поэзія любитъ стоны тысячъ и окровавленныя развалины. Тарасъ не первый опьянѣлъ отъ гайдамацкихъ пожарищъ; они вдохновили нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного изъ знаменитѣйшихъ польскихъ пѣвцовъ [1]). Но Шевченко не ограничился только выборомъ предмета; онъ вознамѣрился оправдать дѣяніе, которое въ глазахъ исторіи навсегда останется самымъ гнуснымъ преступленіемъ. Для достиженія поставленной цѣли поэту необходимо было обострить тогдашнія отношенія обѣихъ сторонъ, обобщить значеніе мѣстныхъ взрывовъ и въ основу движенія, обнаруживающаго дезорганизацію и нравственный упадокъ племени, положить какую-либо творческую и благородную мысль. И вотъ пѣвецъ громоздитъ все то, что угнетало Украину отъ временъ Сигизмунда III, переноситъ ужасы военныхъ набѣговъ въ область долголѣтняго мира, самымъ

---

[1]) Словацкаго.

гнуснымъ образомъ клевещетъ на барскую конфедерацію; очернивши такимъ способомъ противный лагерь, онъ вывѣшиваетъ надъ своимъ знамя независимости исповѣданія и родины. Живое преданіе и свидѣтельства очевидцевъ достаточно опровергаютъ вымыслы поэта. Ихъ можно объяснить только незнаніемъ, которое самъ Шевченко сознаетъ въ предисловіи. Впрочемъ, если мы прослѣдимъ развитіе, которое сообщилъ авторъ дѣйствію своей поэмы, то мы еще разъ убѣдимся, что исторіи сочинять нельзя и что памятная уманская катастрофа была въ лучшемъ случаѣ взрывомъ безумной мести и разрушительнымъ, на широкую ногу затѣяннымъ разбоемъ.

Болѣе тяжкимъ еще является другой упрекъ, который лежитъ у насъ на сердцѣ. Народный поэтъ долженъ быть христіаниномъ. Позлащая поэзіей чувства и поступки простаго народа, онъ тогда только стоитъ на высотѣ своего призванія, когда поднимается надъ ошибками и увлеченіями толпы, ставитъ ихъ на ряду съ идеаломъ на судъ предвѣчной правды, правящей судьбами личностей и народовъ. Душа сельскаго пѣвца является воспитательницею его народа. Плачъ ея и веселье должны поднимать и облагораживать братьевъ. Пѣснь, раздраженная страстью, отравленная ненавистью и мщеніемъ, дышащая кровью и пламенемъ,—можетъ оказывать вліяніе, но не можетъ быть созидающей и облагораживающей. Подумалъ ли объ этомъ авторъ „Гайдамаковъ“? Трудно его оправдывать въ этомъ отношеніи. Въ цѣлой поэмѣ, отъ начала до конца, только немногія мѣста сіяютъ болѣе благородной мыслью. Почти вездѣ насъ поражаетъ солидарность пѣвца съ героями его пѣснопѣній, вездѣ историческое провидѣніе разбивается о безсмысленный фатализмъ, вездѣ идеалъ гражданско-христіанской свободы понижается до вожделѣній безтолковаго равенства и распущеннаго своеволія“.

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько невѣрное представленіе имѣлъ Совинскій о духовномъ образѣ Шевченка и о характерѣ его поэзіи. Кто близко знакомъ съ произведеніями Шевченка, тотъ знаетъ, что поэтъ является въ нихъ не фаталистомъ, отрицающимъ волю и Провидѣніе, а скорѣе смиреннымъ христіаниномъ, безропотно

принимающимъ всѣ испытанія, какія волѣ Божіей угодно было на него ниспослать.

Какъ искреннему христіанину, Шевченку было крайне тяжело воспѣвать въ „Гайдамакахъ“ братоубійственную борьбу поляковъ съ украинцами, но онъ находилъ это для себя обязательнымъ: „серце болыть, а росказувать треба: нехай бачять сыны и внукы, що батькы ихъ помылялысь, нехай братаються знову съ своимы ворогамы, нехай жытомъ—пшеныцею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на викы одъ моря и до моря славянская земля“.

Не менѣе несправедливъ со стороны Совинскаго упрекъ въ томъ, будто Шевченко стремится въ изображеніи польско-украинскихъ отношеній „сочинять исторію“. Напротивъ, нужно только изумляться той прозорливости, съ какою поэтъ, не обладая никакою историческою подготовкою, успѣлъ тѣмъ не менѣе опредѣлить вполнѣ вѣрно основныя причины вражды украинцевъ къ полякамъ. Теперь историческая наука убѣждена, что къ разрыву между Польшей и Малороссіей повело два обстоятельства: стремленіе польскаго шляхетства закрѣпостить украинскій народъ, лишивъ его гражданскихъ правъ и экономической свободы, и стремленіе римской церкви его окатоличить.

Указывая на невѣрное пониманіе Совинскимъ личности и поэзіи Шевченка, мы можемъ привести въ его оправданіе то обстоятельство, что въ то время, когда онъ писалъ свой этюдъ о Шевченкѣ, не были изданы не только всѣ русскія, но и многія изъ малорусскихъ сочиненій поэта. Теперь, когда „Кобзарь“ пополненъ всѣмъ, что только могло быть напечатано, и когда вышли въ свѣтъ всѣ русскія сочиненія Шевченка,—сужденія Совинскаго были бы непростительными.

V.

До сихъ поръ мы видѣли Леонарда Совинскаго, какъ экзальтированнаго, по выраженію проф. Неринга, поэта; теперь намъ предстоитъ познакомиться съ нимъ, какъ съ талантливымъ разсказчикомъ въ прозѣ.

Наиболѣе интересное изъ прозаическихъ произведеній Совинскаго—это, безспорно, его „Школьныя Воспоминанія“. Они охватываютъ время пребыванія автора въ межибожскомъ сверхштатномъ дворянскомъ училищѣ и въ житомірской губернской гимназіи, съ 1839 по 1847 годъ. Это было то переходное время, когда въ замѣнъ польской школы начала возникать и развиваться новая школа—русская.

„Воспоминанія“ Совинскаго, какъ всякія „школьныя“ воспоминанія, посвящены исторіи умственнаго и нравственнаго развитія ихъ автора и характеристикѣ товарищей и учителей. Этого рода литературныя произведенія пріобрѣтаютъ интересъ въ зависимости отъ духовнаго достоинства ихъ автора, а также отъ мѣста и времени, къ которымъ они относятся. Нельзя, напримѣръ, сравнивать по степени интереса „Дневникъ стараго врача“ Н. И. Пирогова съ воспоминаніями какого-нибудь военнаго человѣка прежнихъ временъ, которыми такъ щедро надѣляютъ своихъ читателей наши историческіе журналы. Если первый дѣйствуетъ на душу возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ и оставляютъ по прочтеніи свѣтлое впечатлѣніе, то послѣднія только раздражаютъ грубостью изображаемаго въ нихъ быта. „Воспоминанія“ Совинскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть занимательными: талантливая личность автора, неустановившійся школьный бытъ, дающій широкій просторъ индивидуальному развитію, прелестная природа Подолья и Волыни, строй жизни, носящій на себѣ еще слѣды всевозможныхъ историческихъ наслоекъ,—все это переливается передъ очами читателя, освѣщенное лучами крупнаго литературнаго дарованія, и до того увлекаетъ, что нельзя оторваться отъ книги, не дочитавъ ее до конца.

Теперь представляется вопросъ: правдивъ ли разсказъ Совинскаго и можно-ли на него полагаться при изученіи людей той эпохи, къ которой онъ относится? Авторъ его говоритъ: „учителя мои—всѣ уже безъ сомнѣнія въ могилахъ (а можетъ гдѣ-либо между крестами и блуждаетъ какой ветеранъ, высматривая себѣ мѣстечко на могилу...); поэтому никакія личныя побужденія, никакія испытанныя оскорбленія не исказятъ правды

подъ моимъ перомъ"; но мы имѣемъ данныя, чтобы сомнѣваться въ справедливости этого увѣренія. Дѣло въ томъ, что Совинскій, какъ было замѣчено выше, страстный польскій патріотъ, а всякій излишній патріотизмъ страдаетъ дальтонизмомъ и не замѣчаетъ ничего темнаго въ своихъ и ничего свѣтлаго въ чужихъ. Вотъ почему, когда ему приходится рисовать портреты своихъ учителей—русскихъ и поляковъ, то темныя краски щедрою рукою сгущаются на первыхъ и свѣтлыя—на вторыхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго возьмемъ характеристики двухъ учителей межибожскаго училища—Демковича и Стульчинскаго. Изъ хода разсказа чувствуется, что оба были заурядными учителями захолустнаго межибожскаго храма наукъ и мало отличались другъ отъ друга какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону [1]); между тѣмъ какая разница въ изображеніи!

Демковичъ—малороссъ. Авторъ цѣлый годъ прожилъ у него на квартирѣ, когда былъ ученикомъ приготовительнаго класса, и теперь, вспоминая о немъ, не упускаетъ случая, чтобы выставить на видъ его пьянство, грубость, невѣжество, неискренность, отсутствіе заботливости о ввѣренныхъ ему ученикахъ. Жену его авторъ иначе не называетъ, какъ „грязной мегерой". Стульчинскій—полякъ. У него авторъ также стоялъ на квартирѣ и теперь не жалѣетъ красокъ, чтобы представить его въ болѣе привлекательномъ видѣ: милый, образованный, сердечный—вотъ тѣ постоянныя epitheta ornantia, которыми онъ его надѣляетъ. Жена Стульчинскаго рисуется также милой подвижной дамочкой лѣтъ 40.

Не смотря однако на такое неравномѣрное распредѣленіе симпатій автора, книга его, повторяю, интересна и навсегда останется однимъ изъ выдающихся литературныхъ произведеній въ области польскихъ мемуаровъ.

---

[1]) Развѣ одинъ былъ низкаго (Демковичъ), а другой—высокаго роста (Стульчинскій), хотя оба были рябые отъ оспы.

VI.

Едва ли не послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ Совинскаго является большой романъ его въ 3-хъ томахъ, озаглавленный: „На перекрестныхъ дорогахъ“ [1]). Въ концѣ авторской карьеры и жизненнаго пути ему вздумалось съ вершинъ поэзіи, гдѣ свободно разгуливала его фантазія, создавая идеальные образы и упиваясь благоуханіемъ правды, добра и красоты,—спуститься въ обыкновенный человѣческій муравейникъ. Совинскій поставилъ своей задачей изобразить аристократическое польское общество на Подоліи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и показать то вліяніе, какое оказывали на него крайнія нигилистическія ученія, столь сильно волновавшія русское общество десять лѣтъ назадъ. Задача эта близко родственна той, которую преслѣдовалъ Тургеневъ въ романѣ „Новь“, и нужно признать, что выполнена она неудачно. Совинскій по слухамъ только зналъ людей, изображенныхъ въ его романѣ. Герои этого романа—не живые люди съ плотью и кровью, творящіе будничную дѣйствительность, а восковые манекены съ соотвѣтственными ярлычками: „террористъ“, „нигилистъ“, „добродѣтельная дѣвица“, „богомольная дамочка“, „дама для аѳинскихъ ночей“ и пр. На каждомъ шагу замѣтно, что авторъ беретъ краски для своихъ картинъ не изъ запаса собственныхъ наблюденій и впечатлѣній, а изъ слуховъ, которые доходили до него въ газетныхъ пересказахъ. Недавно Спасовичъ поднялъ вопросъ о „просачиваніи“ польской литературы въ русскую. Не интереснѣе ли будетъ поставить обратный вопросъ: о „просачиваніи“ русской литературы въ польскую, котораго поляки, конечно, не допускаютъ? Что касается романа Совинскаго, то въ немъ чувствуются осадки, оставшіеся въ сознаніи автора послѣ чтенія „Нови“ Тургенева и „Кружковщины“ Незлобина (Дьякова; онъ же—„Житель“).

Общая мысль, которую Совинскій проводитъ въ своемъ романѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія, хотя она и отдаетъ труизмомъ. Она заключается въ слѣдующемъ. Въ жизни каждую

[1]) Вышелъ въ Варшавѣ въ 1887 г.; цензурныя разрѣшенія помѣчены 18 декабря 1885 г. и 28 марта 1886 г.

минуту мы имѣемъ передъ собою много перекрестныхъ дорогъ. Вѣроятно, ни одна изъ нихъ не ведетъ къ правдѣ и къ абсолютному счастью. Но есть непогрѣшимый компасъ, который указываетъ, какую дорогу слѣдуетъ избрать, и всегда можетъ довести человѣка до цѣли его назначенія. Компасъ этотъ—общее благо. Въ семействѣ ли, или въ свѣтѣ и жизни общественной, но человѣкъ, руководящійся имъ, всегда остается чистымъ, почтеннымъ и сильнымъ. Жаль только, что ни одинъ изъ героевъ романа не принялъ ея къ свѣдѣнію; всѣхъ ихъ ожидаетъ поэтому печальный конецъ. Авторъ справедливо говоритъ о нихъ: „Не говоря уже о душахъ, испорченныхъ окончательно вслѣдствіе дурнаго воспитанія и отвратительныхъ примѣровъ, но даже благородныя сердца, подъ вліяніемъ ли наслѣдственности или стремленія къ плохо понятой самостоятельности,—очень часто истощаются въ ненужной ни для кого борьбѣ и отчаянномъ метаніи изъ стороны въ сторону. Одни мечтаютъ о наукѣ, о славѣ, о поэзіи, о великой любви, другіе упиваются туманнымъ мистицизмомъ, а когда станутъ передъ жизненной дѣйствительностью и увидятъ передъ собою множество перекрестныхъ дорогъ, то тогда, не зная, какую изъ нихъ выбрать, блуждаютъ во тьмѣ и очень часто падаютъ въ пропасть“. (т. III, стр. 250).

Въ заключеніе изложимъ фабулу романа. Петербургскій студентъ Горнъ, побочный сынъ графа Вальдбурга, пріѣзжаетъ на каникулы въ гости къ своему товарищу графу Станиславу Сасъ-Пшыемскому, въ с. Сасово подольской губерніи. По дорогѣ онъ ночуетъ въ м. Тополинцахъ въ корчмѣ Мошки Ушицкаго, гдѣ знакомится съ сыномъ корчмаря Ицкомъ, одесскимъ студентомъ. Оба оказываются принадлежащими къ нигилистической партіи.

Семейство графовъ Сасъ-Пшыемскихъ состоитъ изъ старухи матери, двухъ вдовствующихъ сестеръ Цециліи и Розы, старшаго брата Петра, самого Станислава и младшей сестры Ксеніи. Мать женщина непріятнаго характера, занята исключительно молитвой и поддержаніемъ аристократическаго этикета. Изъ вдовствующихъ сестеръ одна, Цецилія, набожная девотка, влюбленная въ родственника ксёндза о. Прота; другая, Роза, легкомысленная дамочка, ищущая любовныхъ приключеній. Графъ Петръ—это ка-

кая-то невѣроятная смѣсь разгульнаго польскаго пана-козакофила 40-хъ годовъ съ русскимъ нигилистомъ 70-хъ. Онъ одновременно содержитъ обширный гаремъ и поддерживаетъ въ своемъ околоткѣ аграрное движеніе. Станиславъ—скромный малый, съ увлеченіемъ занимающійся химіей. Наконецъ, излюбленная авторомъ Ксенія—это поэтическая дѣвушка, преисполненная всякихъ возвышенныхъ добродѣтелей, но совершенно неспособная къ практической жизни.

Какъ только Горнъ поселился въ Сасовѣ, то тотчасъ же началъ вести различныя интриги, которыя были, повидимому, его сферой и замѣняли для него всякое серьезное дѣло. Началъ онъ съ Баси, служившей у Ксеніи горничной. Графъ Петръ похитилъ ее для своего гарема и спряталъ на время въ укромномъ уголкѣ, въ домѣ одного отставнаго учителя. Но неизвѣстно почему обратилъ на нее свое вниманіе Горнъ, открылъ ея убѣжище, влюбилъ въ себя и уговорилъ бѣжать отъ графа Петра въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ нигилистической партіи.

Между тѣмъ имущественныя дѣла графини Сасъ-Пшыемской таковы, что нужно было найти для Ксеніи богатаго жениха. Для этого она возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ сестрой своей, княгиней Прусъ-Бельзской, проживающей въ г. Самославѣ. У княгини, между прочимъ, дочь Берта—бойкая свѣтская дѣвица, нѣсколько циничная. Впослѣдствіи она настолько увлекаетъ распутнаго графа Петра, что тотъ на ней женится. Желанные женихи являются, но Ксенія не соглашается продать себя изъ за видовъ матери и предпочитаетъ выйти замужъ за своего опекуна—пожилаго Владиміра Щуку.

Съ другой стороны Горнъ долженъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ онъ между тѣмъ проживалъ. На простой телѣгѣ въ крестьянской одеждѣ пробирается онъ въ Сасовъ, гдѣ и заболѣваетъ воспаленіемъ мозга. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря разумной медицинской помощи доктора Сальма, то графъ Петръ помогъ ему бѣжать заграницу. Тамъ онъ соединился съ одной изъ вдовствующихъ дочекъ графини Сасъ-Пшыемской, Розой, и сталъ жить на ея счетъ, ведя какую-то пропаганду.

По сосѣдству съ Сасовымъ проживала нѣкая княгиня Свирская. Крестьянка по происхожденію, она была сначала у князя экономкой, но потомъ вышла за него замужъ. У нея была внѣбрачная дочь Эмма Былевская. Эта дѣвица страстно влюбилась въ графа Станислава и такъ какъ послѣдній колебался на ней жениться, то однажды она сама пріѣхала къ нему ночью верхомъ, заставила его лишить ее невинности и такимъ образомъ женила на себѣ.

Женитьба Станислава и выходъ замужъ Ксеніи совершенно измѣнили строй жизни въ Сасовѣ. Тамъ остался Станиславъ съ молодой женой, между тѣмъ какъ Ксенія съ мужемъ переселились въ имѣніе послѣдняго Вѣнецъ, гдѣ хозяйничала сестра его Марцелина. Разныя волненія настолько разстроили здоровье Ксеніи, что мужъ, по совѣту врачей, повезъ ее въ Италію. Здѣсь, въ Венеціи, Ксенія встрѣтилась съ молодымъ польскимъ поэтомъ— Морой. Оказалось, что уваженіе къ мужу не въ состояніи заглушить потребность любви, и вотъ Ксенія со всею силою страсти привязывается къ Морѣ. Между тѣмъ и Горнъ, проживавшій также въ Италіи, оказывается влюбленнымъ въ Ксенію. Узнавши, что она неравнодушна къ Морѣ, онъ рѣшается убить послѣдняго. Сообщниками его являются родственники любовницы Моры, неаполитанской рыбачки Пепиты. Они хотѣли отомстить поэту за то, что онъ обольстилъ Пепиту. И вотъ, подстерегши Мору съ Пепитой въ одной кофейнѣ, они сдѣлали покушеніе на ихъ жизнь. Пепита вскорѣ умерла въ больницѣ, но Мора остался живъ. Отношенія его къ Ксеніи перешли мало по малу въ пылкую взаимную любовь, которая кончилась паденіемъ Ксеніи. Горнъ не могъ перенести такого хода событій. Онъ снова покусился на жизнь Моры, хотя за нимъ слѣдили, какъ за убійцей одного банкира, но былъ во-время арестованъ.

Между тѣмъ въ Римъ, гдѣ все это происходило, пріѣхалъ графъ Станиславъ. Онъ былъ очень несчастливъ съ женой и долженъ былъ окончательно разойтись съ нею въ Парижѣ. Свиданіе его съ сестрой было самое трогательное. Но онъ не могъ перенести своего несчастья и умеръ въ ту же ночь отъ удара.

На Ксеніи поѣздка въ Италію отразилась роковымъ образомъ. На чужбинѣ еще она перенесла воспаленіе мозга, а по возвращеніи домой въ родное Подолье у нея обнаружилась чахотка. Конецъ не заставилъ себя долго ждать.

Такова фабула романа Совинскаго. Нужно отдать справедливость автору, что онъ съумѣлъ сдѣлать ее необыкновенно запутанною, но отъ этого достоинство произведенія не выиграло. Отъ него такъ и вѣетъ парижскимъ бульваромъ. Тамъ бы ему и было мѣсто, а не на скромной лужайкѣ литературы польской.

Разсматривая литературную дѣятельность Совинскаго во всей ея совокупности, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что поэтъ былъ представителемъ прогрессивнаго направленія въ польской литературѣ и что онъ неуклонно стремился утвердить въ сознаніи польскаго образованнаго общества убѣжденіе въ необходимости для нормальнаго развитія общественной жизни—общественныхъ идеаловъ, безъ которыхъ немыслимо и личное счастье. Эту мысль онъ настойчиво преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, приводя въ подкрѣпленіе ея доводы и прямые, и отъ противнаго. Но традиціи того шляхетско-польскаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, оказали все-таки на него свое могущественное вліяніе. Этимъ объясняется: 1) что общественный строй старой Рѣчи Посполитой представлялся ему иногда идеаломъ общественнаго устройства; 2) что онъ не сумѣлъ разглядѣть въ Шевченкѣ поэта всечеловѣческаго значенія; 3) что все русское возбуждало въ немъ невольную антипатію.

Что касается личнаго темперамента Совинскаго, то онъ самъ прекрасно характеризуетъ его словами Моры въ „Перекрестныхъ дорогахъ“ (см. Т. III, стр. 150):

„Я не легкомысленъ, но имѣю через-чуръ живое воображеніе и не могу быть равнодушнымъ къ красотѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ, хотя бы послѣднія окутывали самую отвратительную нравственную грязь. Въ подобныхъ случаяхъ со страстнымъ увлеченіемъ у меня никогда не соединяется языческое поклоненіе предмету моей страсти,—паденіе сердца и духа, отреченіе отъ болѣе высокихъ и благородныхъ цѣлей. Идеалъ

мой всегда остается чистымъ и незапятнаннымъ. Вѣдь обо мнѣ сказалъ другой поэтъ: „Онъ всегда любилъ бездонныя пропасти, темныя вершины скалъ и полусонныя очи тигровъ, смерть въ объятіяхъ и мечъ, повисшій надъ шумнымъ пиромъ, и ту проклятую красоту, отъ которой на тысячу миль несетъ измѣной... Но онъ любилъ также долгъ съ суровымъ и блѣднымъ челомъ и славилъ—тёрны мукъ, сіяющіе кресты жертвы, смиренныя дѣянія, святую выносливость въ ежедневной борьбѣ, и честь, незапятнанную предъ Богомъ и соборомъ братьевъ" [1]).

Устами Моры Совинскій какъ-бы говоритъ намъ: „Я хотѣлъ-бы, чтобы эти слова были вырѣзаны на моемъ гробѣ".

А. В. С—ко.

---

[1]) См. пьесу „Fragment powieści" п. VII. Poezye. Т. II, стр. 22. Пьеса эта имѣла, очевидно, для Совинскаго автобіографическое значеніе. Поэтому намъ кажется, что отрывокъ изъ нея, приводимый Морой, въ связи съ предыдущими его словами—можетъ быть разсматриваемъ, какъ поэтическая характеристика Совинскимъ самого себя.

КЪ ИСТОРІИ
КОЛОНИЗАЦІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ.

(*Окончаніе*) [1].

II.

Наступательныя дѣйствія Россіи противъ крымскихъ татаръ начались еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1676 году. Въ этомъ году царь Алексѣй Михайловичъ, по соглашенію съ польскимъ королемъ, обѣщавшимъ дѣйствовать противъ турокъ на Дунаѣ, велѣлъ „чинить всякой воинской промыселъ надъ Крымомъ“ и для этого выступить въ походъ изъ Малороссіи боярину князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, гетману Самойловичу и стольнику князю Василію Васильевичу Голицыну; съ Дону—стольнику князю Петру Хованскому; изъ Бѣлгорода—окольничему и воеводѣ князю Константину Осиповичу Щербатову [2]). Вслѣдствіе этого повелѣнія, князь Ромадоновскій сталъ приготовляться къ походу. Въ одной изъ отписокъ своихъ къ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу онъ писалъ слѣдующее: „в нынешнемъ во 184 году указал великиі государь царь і великиі князь Алексѣй Михайловичь всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержецъ с своими великого государя ратными и конными і с пѣшими людми итти намъ в поход для крымъского промыслу, а что чего ратного к тому походу в драгунской і в

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, т. XXI.

[2]) „Отношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Өеодора Алексѣевича“ Е. Е. Замысловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, январь, 1888 г., стр. 1 и 2.

салдацкие полки к обозному строю надобно, и то все по указу великого государя и по грамоте, какова его великого государя грамота прислана к нам из розряду за приписью дьяка Петра Ковелина, велено здѣлать і взять, а иные всякие мелкие статьи купить белогородцкого полку в городѣхъ поволььною ценою без передачи, а иное в тѣх же городѣх взять или здѣлать безденежно, чтоб одноконечно во всѣхъ полкѣхъ все было готово до походовъ заранее, а в которых городѣх что взято или куплено будетъ, и о томъ велено намъ писать къ великому государю к Москве. А ис Чюгуева для того походу довелось взять в пѣшей салдацкой генерала маеора в Ѳранцовъ полкъ Вулѳа пятдесять кож барабанных, сорокъ хомутов ременных новых самыхъ добрых с крышками и шлеи, пятдесят аршин холсту на пушечные мехи, безменъ ѳуптъ вескь вѣсить зелья и свинецъ. І тебе бъ по указу великого государя то все вышеписанное велѣть взять с Чюгуевцовъ" и проч. [1]). 10 февраля того же года всѣ эти предметы получены были Ромодановскимъ въ Курскѣ [2]). 28 января Ромодановскій предписывалъ Осипу Яковлевичу прислать къ нему десять человѣкъ чугуевскихъ кузнецовъ для государева дѣла „со всѣми кузнечными снастьми и запасы" и ямскія деньги [3]), что̀ подтверждалъ и въ отпискѣ своей 9 февраля [4]). Тотъ же Ромодановскій въ одной изъ отписокъ своихъ писалъ чугуевскому воеводѣ: „в нынешнем во 184 году Ѳевраля въ 12 день прислана" грамота царя Алексѣя Михайловича „к нам ис Стрелецкого приказу за приписю дьяка Леонтья Кондратова, а в государеве грамоте написано. Велено нам писать Белогородского и Сѣвского полков во всѣ городы к вам воеводам и приказным людем, чтоб вы московского выборного Агѣева полку Шепелева начальных людей и урядников и редовых салдат собрали всѣх и сказали им его государевъ указ, чтоб тѣ началные люди и урядники и редовые салдаты на службу великого государя были готовы со всѣми полными запасы и живучи в

[1]) Свиток. III, док. 62.

[2]) Тамъ же, док. 69.

[3]) Тамъ же, док. 64.

[4]) Тамъ же, док. 70.

домѣх своих готовили всякие запасы, а впред гдѣ по наряду велят быть на государеве службе в каково время ни есть, и ім на ту великого государя службу итти на указные мѣста с великим радѣнемъ и поспевать на указные сроки со всѣми полными запасы" [1]). Приготовлялись къ походу и рейтары бѣлгородскаго полка. 27 февраля 1676 года бѣлгородскаго полку рейтарскаго строю полковникъ Григорій Полтевъ подалъ князю Ромодановскому „въ Бѣлгороде в розрядной избѣ за рукою роспись, а въ росписи ево написано. Его ж Григорьева полку Чюгуевъския рейтары в домѣх своих померли и по розбору от полковыя службы отставлены, а государева де ружья у тѣх рейтар корабинов и пистолей и латъ и шишаков не принято". Вслѣдствіе этого, Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ порутчика Тараса Смирного, для принятія оружія послѣ умершихъ и отставныхъ рейтаръ [2]). Въ скоромъ времени рейтарскій полкъ Григорья Полтева высланъ былъ, для похода, въ Бѣлгородъ [3]). Для продовольствія войска, потребованъ былъ четвериковый хлѣбъ какъ за 1676-й годъ, такъ и за предыдущіе годы. „В нынѣшнем во 184 году,—писалъ Ромодановскій Чугуевскому воеводѣ,—указал великиі государь царь і великиі князь Алексѣй Михайловичъ всеа великия і малыя і бѣлыя росиі самодержецъ на жаловане своимъ великого государя ратным людемъ, которым быть в крымском промыслѣ, белогородцкого полку з городов со всяких чинов людей, которые платят и возят в Бѣлгородъ четвериковой хлѣб, собрать на прошлые годы из доимки, а на нынешней на 184 годъ по окладу сполна, а собрав привезти в Бѣлгород тѣхъ же городов подводами" [4]). Въ началѣ марта послѣдовало дополнительное требованіе о доставленіи чюгуевцами нѣкоторыхъ вещей для полка генералъ-майора Франца Вульфа, „По указу великого, государя—писалъ Ромодановскій чугуевскому воеводѣ,—в поход для крымского промыслу въ копейной и в рейтарские і в драгунские і в салдатцкие полки к обозному строю

[1]) Свиток. III, док. 4.

[2]) Тамъ же, док. 8.

[3]) Тамъ же, док. 26.

[4]) Тамъ же, док. 72

из городов что чего ратного взять или купить поволною ценою без передачи или что здѣлать безденежно, чтоб... во всѣх полкѣх одноконечно все было готово до походу заранѣя, и к обознону всякому строю для того походу ис Чюгуева довелось взять рейтарского и салдатцкого строю генерала майора в Ѳранцов полкъ Вулѳа к прежнему в добавку воровины на припряжи к дватцати осми шлеям сто тритцать саженъ косых по три аршина длина сажень, пятдесят кос сенокосных і с колцы новых, і для того посланъ из Белагорода нарочно в Чюгуевъ того ж полку порутчик Кирила Летягинъ. І как он в Чюгуевъ приѣдет, і тебѣ б по указу великого государя то всѣ выше писанное велѣть взять с Чюгуевцов со всякихъ чинов людей городовые службы, или им велѣть купить поволною ценою или здѣлать, а взяв или купя прислать въ Бѣлъгород с ним Кирилою Летягиным безо всякого мотчаня тотчас, не описываясь ничѣм, чтоб за тѣм государеву дѣлу порухи і нашему походу нималого мотчанья не учинилось. А будет, ты то выше писанное тотчас не пришлешъ, или і пришлешъ да не всѣ сполна, і учинишъ о томъ хотя малоя мотчаня своею оплошкою, і о твоем нерадѣнье ево великого государя указ о том к тебѣ присланъ будетъ" [1]). Но, не смотря на строгость предписанія, оно исполнялось медленно. 24 марта получено было только 50 косъ сѣнокосныхъ, но воровины не прислано [2]), и уже въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало подтвержденіе Ромодановскаго о присылкѣ въ Бѣлгородъ канату ворового [3]), а 15 мая доставлено было изъ Чугуева въ Курскъ восемь колесъ окованыхъ пушечныхъ да образцовое колесо [4]).

Причинами замедленія въ приготовленіяхъ къ походу, по всей вѣроятности, были кончина царя Алексѣя Михайловича и затянувшіеся переговоры Россіи съ Польшею о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ и татаръ [5]). Наконецъ, въ маѣ 1676

---

1) Свиток. III, док. 6.

2) Тамъ же, док. 11.

3) Тамъ же, док. 22.

4) Тамъ же, док. 25.

5) „Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича" Е. Е. Замысловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", январь, 1888 г., стр. 2 и слѣд.

года послѣдовала грамота новаго царя Θеодора Алексѣевича о мобилизаціи сѣвскаго и бѣлгородскаго полковъ. Во исполненіе этой грамоты, князь Григорій Ромодановскій писалъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем во 184 году маия въ 23 день прислана великого государя царя і великого князя Феодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя росиі самодержца грамота из розряду к намъ в Курескъ за приписю дияка Петра Ковелина, а въ государеве грамоте написано. Указал он великиі государъ намъ сѣвского и белогородцкого полков і с иными прибылными его государевыми ратными людми збиратца і к войсковому дѣлу против неприятелскихъ людей быти в готовости, царьского величества с подданным войска Запорожского обоих сторон Днепра з гетманомъ с Иваном Самойловичем ссылатца, а по вестямъ і по самым подлиннымъ вѣдомостямъ со всѣми ратными людми итить против неприятелских людей без мотчаня, і о высылке на его государеву службу к нам в полкъ его государевых полковые службы всяких чинов ратныхъ людей в городы к вам воеводом і приказнымъ людем велено писать, чтоб всяких чинов ратным людемъ быть в полку в собране і совсѣмъ в готовости до походу заранее. А его государевы грамоты из розряду сѣвского и белогороцкого полков во всѣ городы к вам воеводамъ і приказным людемъ о высылке на его государеву службу ратных людей со всѣю службою и с полными запасы к нам в полкъ посланы. И тебѣ б по указу великого государя Чюгуевцом ратным всяких чинов людемъ сесь великого государя указ сказать, чтоб они одноконечно на его великого государя службу были готовы і к походу запасы готовили и лошади кормили. А какъ мы впредь о высылке ихъ ратныхъ людей к себѣ в полкъ писать учнем, и они б ратные люди на службу великого государя на назначеное мѣсто к нам в полкъ шли безо всякого мотчаня тотчас, а ратных же людей, которые на службе великого государя въ прошлом во 183 і в нынешнем во 184 годѣхъ по наряду в полкъ не бывали і которые быв до отпуску іс полку бежали, за воеводчиков і есоулов і сотенныхъ и копейщиков і рейтар и драгунов і солдатъ, по прежним росписям, которым велено быть для городового дѣла

на Торскихъ озерахъ, і копейщиков же, которые взяты нынѣ по розбору внов, со всею службою і с полными запасы выслать в Курескъ безо всякого мотчаня тотчасъ і о том к нам отписать“ [1]). Послѣ этой грамоты вновь замѣтно оживленіе въ приготовленіяхъ къ крымскому походу. Въ концѣ мая опять выполняются какіе-то заказы на выдѣлку кожъ [2]), и доставляется чугуевцами 130 саженъ воровины [3]), а въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производится усиленное взысканіе денежныхъ недоимокъ за прежніе годы, на жалованье ратнымъ людямъ [4]). 9 іюня 1676 года Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ рейтарскаго строю Григорьева полку Полтева ротмистра Дементья да прапорщика Акима Холиныхъ для осмотра и починки карабиновъ и пистолей у чугуевскихъ рейтаръ [5]). 12 того же іюня Ромодановскій приказалъ чугуевскому воеводѣ oковать, для похода, по присланному образцу, десять колесъ въ запасъ, а желѣза купить изъ неокладныхъ доходовъ или, если этихъ доходовъ нѣтъ, взять съ градскихъ со всякихъ чиновъ людей городовыя службы и доставить колеса въ Бѣлгородъ на чугуевскихъ подводахъ [6]). Исполнивъ это предписаніе, чугуевцы получили новый наказъ оковать еще 8 колесъ. На этотъ разъ они заупрямились, и 21 іюня въ Курскѣ „подали челобитную Чюгуева города дѣти боярские и станичники, стрелцы и казаки и пушкари и воротники всѣмъ городомъ“. Изъяснивъ, что они уже оковали 10 колесъ, и что имъ велѣно оковать еще 8, чугуевцы писали: „да они ж купили 20 телѣг самых добрых глабчастых, да 40 хомутов, а хомутъ купили по рублю и болши, да 50 кож дѣланых яловичьих, 30 уздъ новых, 50 аршин холстин, безмен да фунтъ вески, 130 сажен воровины; да они ж строят государевы арбузные и виноградные огороды безпрестанно, а в иных городѣх государевых арбузных и виноградных огородов нѣт, а ныне им тѣх ко-

[1]) Свиток. Ш, док. 34.

[2]) Тамъ же, док. 29.

[3]) Тамъ же, док. 24.

[4]) Тамъ же, док. 40, 43, 44, 49, 51, 53, 55, 56 и 52.

[5]) Тамъ же, док. 38.

[6]) Тамъ же, док. 37.

лес оковать нѣчим". Поэтому они просили освободить ихъ отъ оковки новыхъ 8 колесъ. Но въ отвѣтъ на эту челобитную Ромодановскій строго подтвердилъ чугуевскому воеводѣ оковать 8 колесъ въ скоромъ времени и прислать ихъ въ Бѣлгородъ [1]).

Результатомъ этихъ приготовленій были два похода Ромодановскаго съ Самойловичемъ подъ Чигиринъ, въ первый разъ противъ Дорошенка, а во второй—противъ турокъ и татаръ [2]). Но эти походы еще болѣе раздразнили турокъ и татаръ. Въ 1680 году турки, собираясь идти на Кіевъ, направили татаръ на московскія украйны. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды. Къ Карпову, напримѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день напасть на русскія украйны [3]). Между прочимъ, они взяли въ плѣнъ цѣлый балыклейскій таборъ на Голаго долинѣ, не доходя торскихъ озеръ, и въ числѣ плѣнныхъ увели съ собой въ Азовъ балыклейца Савку Алексѣева или Алексѣенка, съ которымъ встрѣтимся въ послѣдствіи. [4]). Въ виду этихъ набѣговъ, московское правительство сначала постаралось построить новую черту укрѣпленій и по рѣкѣ Мжѣ и нижнему теченію Сѣвернаго Донца и гуще заселить южную часть Слободской Украины, лежавшую въ предѣлахъ нынѣшняго изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи, а потомъ уже сдѣлало новыя попытки наступательнаго движенія на Крымъ.

Еще въ 1680 году генералъ Гр. Ив. Косоговъ тщательно измѣрялъ и изучилъ ту мѣстность, по которой предполагалось

---

[1]) Свит. III, док. 54.

[2]) „Истоорія Россіи“ Соловьева, т. XIII, стр. 258, 259, 266 и слѣд.

[3]) „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 254.

[4]) Свит. V, док. 26.

провести валъ, ровъ и засѣки и построить рядъ городовъ, слободъ и стоялыхъ острожковъ. Исполнителемъ же плановъ Косогова былъ харьковскій полковникъ Гр. Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій съ сыномъ Константиномъ. Онъ образовалъ изъ сотеннаго городка Изюма полковой городъ и вообще укрѣплялъ и заселялъ новый Изюмскій полкъ и употреблялъ для работы козаковъ своего харьковскаго полка. Укрѣпленіе этой линіи совершилось не вдругъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]), и продолжалось до 1689 года, если не долѣе. Въ іюнѣ 1689 года бывшій тогда въ Изюмѣ думный дворянинъ и воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ поручилъ „столнику князь Якову Івановичю (Мансурову) по новопостроенной чертѣ до Бѣшкина городка досмотреть татарскихъ бродов, также і караулов, которые поставлены на тѣх бродах, и описать тѣ броды именно і сколко на тѣх бродах которых городов служилых людей нынѣ на стороже стоитъ, и всѣ ль с ружем, или хто із них без ружя“. Вмѣстѣ съ тѣмъ „в Савинской въ новопостроенный городъ, в Балыклѣю, в Ондрѣева лозы, въ Лиман, в Бешкин воеводам и приказнымъ людемъ и Харковского полку козацкой старшине“ послана память, въ которой сказано: „Сего числа по указу великих государей послан ис полку думного дворянина і воеводы полку ево столникъ князь Яков Емикѣев сынъ Мысыревъ по новопостроенной чертѣ до Бешкина городка, а велѣно ему у вас воевод и у приказных людей и у казацкой старшины в тѣх городѣх для указаня бродов имать вожей от города до города по скулку пристойно, и как он князь Яков в тѣ городы приѣдетъ, і вышеписанных городѣх воеводам и приказным людемъ и козацкой старшине велѣть ему давать вожей от города до города, по сколку ему пригоже, без мотчаня“ [2]). Перечисленными городами и опредѣляется направленіе новоукрѣпленной линіи. Въ чемъ состояли укрѣпленія этой линіи,—это можно видѣть изъ слѣдующаго денесенія Ловчинова князю Василію Васильевичу Голицыну въ маѣ 1689 года: „По досмотру моему,—писалъ Лов-

[1]) „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 440, 485—487.

[2]) Свиток. V, док. 9.

чиновъ,—прежние крѣпости, которые были построены по новопостроенной чертѣ по рѣке Донцу по перелазам татарскимъ, полою водою поламало и рознесло, а иные в вешнее время погорѣли, а засѣчные мѣста и заповѣдные лѣса во многих мѣстех подлѣ реки Донца новопостроенных городков жители вырубили і к ордам дороги наложили, а в рѣке Донце вода ныне стала мала, и приходу неприятелских людей от Азова к украинным городам через рѣку Донец тѣми перелазы ныне опасно, и по рѣке Донцу на тѣх перелазех и по причиннымъ мѣстам, которыми преж сего через реку Донецъ в черту под новостроенные городки прохаживали воинские люди, для бережения поставлены сторожи, чтоб неприятелских людей без вѣсти в черту не пропустить" [1]).

Придвинувшись, посредствомъ новопостроенной укрѣпленной черты, ближе къ татарскимъ кочевьямъ, московское правительство немедленно возобновило попытки наступательнаго движенія своего на татаръ, тщательно оберегая въ тоже время новую черту укрѣпленій отъ татарскихъ набѣговъ и все болѣе и болѣе продвигаясь вглубь татарскихъ кочевьевъ.

Настутательное движеніе Россіи на татаръ къ концу XVII вѣка выразилось въ крымскихъ походахъ, подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына, въ 1687 и 1689 годахъ, и въ походахъ азовскихъ. Въ первый и второй крымскіе походы козаки раздѣлялись на двѣ очереди такимъ образомъ, что въ 1687 году одна половина ихъ отправилась въ походъ, а другая оставалась дома, тогда какъ во второй походъ 1689 года отправилась другая половина, съ прибавленіемъ нѣтчиковъ и дезертировъ перваго похода. Въ 1687 году, по чугуевскимъ смотреннымъ спискамъ, первая очередь состояла изъ 192 очередныхъ чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей и воротниковъ, слѣдовательно всѣхъ ратныхъ людей въ Чугуевѣ въ этомъ году было около 384 человѣкъ [2]). Въ нашихъ документахъ имѣются только

---

[1]) Тамъ же, док. 13.

[2]) Свиток. V, докум. 12. Въ этомъ документѣ упоминается еще Самарскій походъ 1688 г., вѣроятно для постройки крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, нынѣшней екатеринославской губерніи.

свѣдѣнія о приготовленіяхъ ко второму крымскому и первому азовскому походамъ.

Въ виду втораго крымскаго Голицынскаго похода, велѣно было чугуевскому воеводѣ Степану Богдановичу Ловчинову выслать чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, драгуновъ и пушкарскаго чину людей очередныя половины и нѣтчиковъ и бѣглецовъ втораго крымскаго походу на государеву службу въ крымской походъ къ боярину и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву въ Межирѣчи, не позже 20 февраля 1689 года, всѣхъ до одного человѣка, давъ имъ ихъ великихъ государей жалованье. Ловчиновъ выслалъ 70 человѣкъ въ Межирѣчи къ Неплюеву и кромѣ того 19 человѣкъ въ большой полкъ въ Сумы къ князю Василію Васильевичу Голицыну и 8 человѣкъ въ полкъ къ стольнику, воеводѣ и полковнику Афанасію Алексѣевичу Чубарову въ Рыльскъ, для похода въ Переяславъ, всего 105 человѣкъ, оставивъ въ Чугуевѣ изъ очередной половины только 81 человѣка [1]). Конечно, подобныя распоряженія сдѣланы были и по другимъ городамъ слободской украины [2]). Независимо отъ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ разряду, велѣно было воронежскому воеводѣ Никитѣ Головкину „для их великих государей службы и промыслу над крымскими городы и для ходу морского взять на Воронеже і в иных городех у промышленых людей 40 лоток, а с тѣми лотками послать на Дон в гребцах полку ево Воронежского уѣзду села Яндовищъ 120 человѣкъ казаков“ [3]). Для обеспеченія сухопутнаго похода, построенъ былъ Новобогородицкій острогъ на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, куда посылались изъ Слободской Украины подводчики и проводники [4]).

Большая часть служилыхъ людей и козаковъ Слободской Украины освобождена была отъ похода и оставалась дома, для обеспеченія тыла дѣйствующей арміи и охраненія государствен-

---

[2]) Свит. V, док. 12.

[3]) Напр., Харькову и Салтову. См. тамъ же, док. 17 и 1. Шесть салтовцевъ выслано къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметьеву въ полкъ въ крымскій походъ. См. тамъ же, докум. 20.

[4]) Свиток. V, док. 20; сн. свит. VI, док. 1.

ныхъ границъ, и должна была нести довольно тяжелую сторожевую и оборонительную службу. Оставаясь дома для береженья своихъ городовъ, ратные люди должны были высылать подкрѣпленія въ важнѣйшіе пункты Слободской Украйны, въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву [1]), въ Ахтырку [2]) и Изюмъ, и въ то же время оставаться въ домахъ своихъ во всякой воинской готовности на случай новыхъ требованій для отраженія непріятельскихъ нападеній [3]). Но важнѣйшимъ изъ этихъ пунктовъ былъ городъ Изюмъ съ новопостроенною чертою укрѣпленій, какъ по стратегическому положенію своему на самой крайней, отдаленной чертѣ московскаго государства, такъ и по своему значенію въ дѣлѣ дальнѣйшей русской колонизаціи на югѣ Россіи.

Во время крымскаго похода 1689 года, въ Изюмъ посланъ былъ со своимъ полкомъ чугуевскій воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ для храненія новопостроенной черты укрѣпленій отъ приходу непріятельскихъ людей. По указу великихъ государей „велѣно мнѣ,—писалъ Ловчиновъ князю Голицыну,—быть на их великих государей службе по новопостроенной чертѣ на Изюмѣ с полком для береженья украинных городовъ од приходу неприятелских людей, а в полку со мною велено быть ратным людем по наряду іс приказу великие росиі Острогожского полку казацкому полковнику и столнику Івану Сасу, а с ним полку ево казаком Коротояцким, Урывским, Воронежскимъ, Землянскимъ, Ольшанскимъ, Усердскимъ и Новооскольскимъ, всего 1000 человѣкъ, і стать им у меня в полку на Изюме на указной срокъ апрѣля 29 число нынешнего 197-го (1689) году, а досталнымъ полку ево казаком велено быть в домѣх своих во всякой воинской готовости. Да по указу ж великихъ государей и по отписке от тебя, господине, іс болшого полку для малолюдства полку моего ратных людей велено мне по вѣдомостям о приходе неприятелских людей, буде у меня в полку учинятца какие вѣдо-

---

[1]) Свиток. V, докум. 1.

[2]) Тамъ же, док. 17.

[3]) Тамъ же, док. 13.

мості, писать от себя в городы в Харков, в Салтов. в Змиевъ, в Бѣшкин, в Лиман, в Андрѣевы Лозы, в Балыклѣю, в Савинской, на Изюм, в Царев Борисовъ, в Мояцкой, в Соленой, къ воеводам і к приказным людем о присылке к себѣ в полкъ тѣхъ городовъ жителей городовые службы, да Харковского полку городов к казацкой старшинѣ о пресылке казаковъ, которые остались в домѣх за крымскимъ походом, посколку человѣкъ пристойно, на вспоможение на отпоръ неприятелским людем". Исполня приказаніе, Ловчиновъ выбралъ 140 человѣкъ чугуевцовъ изъ семей, для вѣстей, а одиночекъ оставилъ въ Чугуевѣ для береженья города. Но Острогожскій полкъ, назначенный въ Изюмъ, собирался неисправно и не въ назначенномъ составѣ. Лишь 4 мая пришелъ къ Ловчинову въ Изюмъ Острогожскаго Иванова полку Сасова наказной полковникъ Василій Тимоѳеевъ съ козаками и подалъ отписку Ивана Саса съ именнымъ спискомъ козаковъ 1000 человѣкъ; но въ наличности оказалось только 538 человѣкъ, да впослѣдствіи дослано 274 человѣка, а всего 812 человѣкъ, изъ коихъ многіе были пѣши и безъ ружья [1]). Изъ состава Острогожскаго полка явились въ Изюмъ: изъ Коротояка 60 человѣкъ, Урыва 108 человѣкъ съ сотникомъ, Землянска 246 съ сотникомъ, Ольшанска 146 съ сотникомъ, Усерда 71 съ сотникомъ и Новооскола 41, всего 812 человѣкъ. Не доставало въ указное число 188 человѣкъ, изъ коихъ 34 померло въ запорожскомъ походѣ и въ домахъ, 62 козака изъ Ендовичъ посланы съ лодками на Донъ въ гребцахъ для промыслу надъ крымскими городами, 12 бѣжало въ разные города и 80 самовольно не явились въ Изюмъ и остались дома, а именно изъ Коротояка 8, Урыва 1, села Терлевки и деревни Гвоздевки воронежскаго уѣзду 13, Землянка 33, Ольшанска и села Тростянка 14, Усерда и Новооскола 5 [2]). По отпискѣ Ловчинова, Острогожскій полковникъ Иванъ Сасовъ выслалъ въ Изюмъ семь человѣкъ землянскихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ полка; но изъ нихъ двое бѣжали дорогой отъ землянскихъ провожатыхъ [3]).

---

[1]) Свиток. V, док. 6, 7, 13 и 14.

[2]) Тамъ же, док. 14.

[3]) Тамъ же, док. 5.

Между тѣмъ, еще до присылки въ Изюмъ острожскаго полка стали доходить до Ловчинова тревожныя вѣсти о приближеніи татарскихъ скопищъ къ изюмской чертѣ укрѣпленій. Поэтому воевода Ловчиновъ немедленно воспользовался предоставленнымъ ему правомъ требовать себѣ помощи изъ сосѣднихъ городовъ и около 2 мая писалъ „в городы, которые в чертѣ, в Харков к столнику і воеводе къ Ивану Кобякову, в Салтов к Ондрею Колпакову, да харковскаго полку къ салтовскому і к Мартовецкому і к Волченскому и к Печенежскому наказным сотником и атаманомъ о присылкѣ к себѣ в полкъ тѣхъ городов жителей, для отпора непріятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Дону городкахъ велѣлъ держать сторожа по перелазамъ татарскимъ и всѣмъ и всѣмъ причиннымъ мѣстамъ, сообщивъ также вѣсти о приближеніи татаръ наказному харьковскому полковнику Ивану Сербину. Вслѣдствіе требованій Ловчинова, 12 мая ему прислано въ Изюмъ изъ Харькова стольникомъ и воеводой Иваномъ Кобяковымъ 19 русскихъ и 45 черкасъ, да 17 мая съ Салтова 21 человѣкъ дѣтей боярскихъ, всего 85 человѣкъ самыхъ скудныхъ, изъ коихъ только 9 человѣкъ было съ ружьемъ, тогда какъ въ Харьковѣ было до 100 русскихъ людей и до 1000 черкасъ, а въ Салтовѣ свыше 200 человѣкъ русскихъ людей а черкасъ. Кромѣ того, въ разныхъ числахъ мая прислано было къ Ловчинову въ Изюмъ изъ Зміева стольникомъ и воеводой Семеномъ Дурново 10 человѣкъ, изъ коихъ только 5 человѣкъ было съ ружьемъ, да харьковскаго полку съ Салтова 10, съ Печенегъ 25, съ Волчьихъ 19 и Мартовецкихъ 27 человѣкъ скудныхъ и пѣшихъ, изъ коихъ только 15 человѣкъ было съ ружьемъ. Всѣхъ этихъ козаковъ Ловчиновъ послалъ въ Савинской, и въ Бѣшкинъ, и въ иныя мѣста, и велѣлъ имъ быть на татарскихъ перелазахъ съ наказнымъ харьковскимъ полковникомъ Гаврилом Могилкою [1]). Получивъ новыя свѣдѣнія о приближеніи татаръ къ изюмской чертѣ укрѣпленій, Ловчиновъ 1 іюня требовалъ себѣ дополнительныхъ подкрѣпленій изъ сосѣднихъ городовъ, высылки бѣжавшихъ и смѣны прежде высланныхъ козаковъ новыми очередными

[1]) Тамъ же, док. 14.

Такъ, онъ писалъ въ Салтовъ Андрею Колпакову, чтобы этотъ послѣдній прислалъ въ полкъ на Изюмъ салтовцевъ городовыя службы всякихъ чиновъ служилыхъ людей конныхъ съ ружьемъ въ добавку къ прежнимъ салтовцамъ, на отпоръ непріятельскимъ людямъ [1]). Того же 1 іюня послана была память печенежскимъ наказнымъ сотникамъ Ивану Леянку да Панку Лозовому, съ предписаніемъ выслать 20 печенежскихъ козаковъ конныхъ и оружныхъ на Савинскій бродъ, для осторожности отъ непріятельскихъ людей, на перемѣну прежней печенежской очереди, а также выслать въ Изюмъ пятерыхъ печенежскихъ козаковъ, бѣжавшихъ съ Савинскаго броду домой [2]). Но изъ Салтова отвѣчали Ловчинову, что въ Салтовѣ „городовыя службы дѣти боярские высланы на службу великих государей в полки к бояромъ и воеводамъ в указные мѣста і в Бѣлгород к столнику і воеводе к Михаилу Борисовичю Шереметеву с товарыщи, и за тѣми высылками ныне осталось самое малое число, і в прибавки к темъ присылнымъ Салтовцемъ послать к тебѣ, господине, в полкъ некого; толко осталось ныне Салтовцовъ городовые службы для перемены Салтовцомъ, которые ныне в полку у тебя двадцать же человѣкъ“ [3]). Даже и прежде посланные салтовцы смѣнены были новыми только послѣ нѣсколькихъ напоминаній Ловчинова [4]).

Вслѣдствіе такихъ неисправностей въ доставленіи военной помощи, воевода Ловчиновъ могъ оказаться въ Изюмѣ къ критическомъ положеніи. Назначенный въ его распоряженіе острогожскій полкъ присланъ былъ въ Изюмъ далеко не въ полномъ своемъ составѣ. А между тѣмъ изъ Харькова и Салтова не могли явиться въ Изюмъ немедленно, на отпоръ непріятельскимъ людямъ. Пока придетъ помощь, непріятельскіе люди могли повоевать страну и удалиться назадъ. Поэтому Ловчиновъ просилъ князя Василія Васильевича Голицына сдѣлать распоряженіе, чтобы выслано было въ Изюмъ недостающее число козаковъ острогож-

---

[1]) Свиток. V, док. 1.

[2]) Тамъ же, док. 11.

[3]) Тамъ же, док. 1.

[4]) Тамъ же, док. 8, 16, 19, 20 и 21.

скаго полка [1]). Вѣроятно, вслѣдствіе этой просьбы, 7 іюня 1689 г. прислана была грамота Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны изъ приказу великія Россіи, за приписью дьяка Василія Бобинина, въ Харьковъ и Зміевъ, съ приказаніемъ здѣшнимъ воеводамъ, по вѣдомостямъ о приходѣ непріятельскихъ людей и по письму и по присылкѣ Ловчинова, посылать изъ Харькова и Зміева городовыя службы черкасъ въ полкъ въ Изюмъ, или въ тѣ мѣста, которыя укажетъ Ловчиновъ, по половинѣ конныхъ и оружейныхъ съ перемѣною, а напередъ послать въ полкъ къ Ловчинову для вѣстей по два человѣка [2]). Но и эта царская грамота исполнялась весьма туго и неохотно. Около 15 іюня 1689 года харьковскій воевода Иванъ Кобяковъ писалъ Ловчинову слѣдующее: „В Харкове ныне Харковцовъ городовыя службы черкасъ обявилось мнѣ на смотрѣ 200 человѣкъ, а достольные городовыя службы харковские черъкасы высланы на службу великихъ государей в разные полки бояръ і воеводъ, а иные многие в Бѣлгород і в Охтырской, і в Харкове приставлены для сторожи и береженя Петацких лошадей и для работы в посылку в Бѣлгородъ уголя и лубя и бревенъ и достокъ. Да харковской городовой службы войтъ и сотники и харковского уѣзду селъ и деревень войты ж про тѣхъ харковцов городовыя службы черкасъ сказали, которые на смотре передо мною не обявились, что многие харковския мещане называютца козаками и іх не слушаютъ, і выпровясь подлинно спискоми, тѣх мещан вышлю к тебѣ, господине, в другую перемѣну. А иные многие харковцы городовые службы черкасы скудные и бозлошадные и безружейные и от скудости пошли с Харкова и із уѣзду в иные городы и слободы для работы, чтоб имъ зимою было чѣмъ прокормитца. А которые передо мною в Харкове на лицо обявились, и тѣх харьковцовъ городовыя службы черкас велѣл я росписать пополамъ и по указу великихъ государей и по грамоте исъ приказу великие россіи за приписю дьяка Василя Бобинина одну половину выслал на службу великихъ государей

---

[1]) Тамъ же, док. 13.

[2]) Тамъ же, док. 2, 3 и 4.

к тебѣ, господине, в полкъ июня въ 10 день конных и пѣших и с ружемъ, у которых есть, 87 человѣкъ. А той же половины 13 человѣкъ обявились на смотре пѣшие и без ружя самые скудные и били челом великимъ государемъ, что им ити на службу великихъ государей нѣ с чимъ, запасу нѣтъ и не толко в полку и в Харкове кормитца работою своею, а иные Хрістовым именемъ, и за скудостью выслать их к тебѣ, господине, в полкъ никоторыми дѣлы невозможно" [1]). Но изъ 87 харьковцевъ, высланныхъ въ Изюмъ, по провѣркѣ оказалось въ наличности только 62 человѣка. Поэтому Ловчиновъ писалъ харьковскому воеводѣ Ивану Григорьевичу Кобякову, чтобы онъ выслалъ въ Изюмъ харьковскихъ нѣтчиковъ, а также 20 русскихъ людей на смѣну прежнимъ [2]). Исправнѣе противъ прежняго оказались салтовцы. 16 іюня послано изъ Салтова на Изюмъ дѣтей боярскихъ русскихъ 20 и черкасъ 20, оставлено въ другую перемѣну 20 черкасъ, не смотря на то, что отправлено было къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву въ полкъ въ крымскій походъ 6 салтовскихъ мѣщанъ съ воловыми подводами, выслано въ Новобогородицкій 6 мѣщанъ съ подводами и съ проводниками и разошлось въ иные города для работы и не сыскано 8 человѣкъ [3]). Отъ начальниковъ укрѣпленій по новопостроенной чертѣ Ловчиновъ требовалъ списковъ наличныхъ жителей и служилыхъ людей [4]). Въ іюнѣ 1689 года маяцкій сотникъ Семенъ Даценковъ писалъ Ловчинову: „По указу великих государей і по приказу вашей панской милости которих козаков жителей Маяцких велѣли полку Харьковского имена прислать, і я Сенко Даценковъ імена козаков списавши лейстровие і которые поприходили полку Харковского козаки і становлятся у мужики, ізбываючи службу, которая стала по указу великихъ государей служба болшая, іс полку Харковского пришло человѣкъ тритцеть без одного, а тих то людей, которие поприходили з розних полковъ, девять человѣкъ,

---

[1]) Свитокъ V, док. 10.

[2]) Тамъ же, док. 31.

[3]) Тамъ же, док. 19, 20 и 21.

[4]) Тамъ же, док. 32, 38, и 46.

і которие откуду пришли, і тих людей в росписѣ к вашей панской милости отсилаю" [1]).

Относительно сторожевой и оборонительной службы на новопостроенной чертѣ укрѣпленій за 1689 годъ сохранились слѣдующія извѣстія. 2 мая писалъ къ Ловчинову „въ полкъ на Изюм Бышкинской наказной сотникъ Сидор Савелевъ: апрѣля де въ 30-м числѣ с Крымские стороны рѣки Донца от Тиндикова бояраку воинских людей татар человѣкъ с тритцат приѣзжали к рѣке Донцу к Бешкинским бродам и осматривали бродов". 3-го того же мая писалъ къ Ловчинову въ полкъ тотъ же сотникъ Савельевъ: „Маия ж де во 2-м числѣ к тѣмже вышеписанным бродам приходила многая орда явно и за болшою де водою табора к Бешкину городку не перешла и поворотилась де вверхъ по рѣчке Сухому Бешкину и в степи де запали". Получивъ эти свѣдѣнія, Ловчиновъ требовалъ подкрѣпленій изъ Харькова, Салтова и отъ салтовскаго, мартовецкаго, волченскаго и печенежскаго наказныхъ сотниковъ и атамановъ, для отпора непріятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Донцу городахъ велѣлъ держать сторожи по татарскимъ перелазамъ и по всѣмъ причиннымъ мѣстамъ [2]). 9 мая шли съ Тору (Славянска) съ солью въ домы свои жители города Гороховца Хмеленковъ и Смеляновскій, и въ дорогѣ въ урочищахъ на Мокатихѣ ихъ побрали воинскіе люди, а четыре бочки соли и съ тѣлегами побрали тарскіе жители и привезли въ Соленой. По приказу Ловчинова, соль и тѣлеги выданы были женамъ плѣнниковъ [3]). Въ концѣ мая и въ началѣ іюня послѣдовало нѣсколько татарскихъ набѣговъ и нападеній на новопостроенную линію, о которыхъ воевода Ловчиновъ доносилъ князю Василію Васильевичу Голицыну слѣдующее: „в нынешнемъ во 197-м году Маия въ 29 день писали ко мнѣ в полкъ на Изюмъ с Соленого Левъ Авдѣевъ, да Мояцкой сотникъ Семен Даценко, а в отписках их написано. Маия ж де въ 28 день воинскіе люди татаровя в урочище за долиною Мока-

---

[1]) Свит. V, док. 10.

[2]) Тамъ же, док. 13.

[3]) Тамъ же, док. 39.

тихою били на Торской дровяной табор, и того де табору всяких чинов людей от тѣх неприятелских людей отошли боемъ до Тарских озер в целости. Да того ж числа писал ко мнѣ в полкъ с Мояцкого Григорей Переверзев: воинские де люди татаровя, которые били на Торской дровяной табор Маия 28-го числа о полудне в дроворубе под Тепленскимъ лѣсомъ розбили і в полон побрали проѣзжих людей немногих, которые остались въ дроворубе отъ табору болшого". Получивъ эти извѣстія, Ловчиновъ того же числа посылалъ полку своего Ѳедосѣя Степанова, да острогожскаго полку урывскаго сотника Ивана Лиходѣева со 120 человѣками [1]), потребовавъ въ то же время подкрѣпленія изъ Салтова и другихъ городовъ [2]). Между тѣмъ татары уже ушли внизъ по Голаго долинѣ. Посыльные ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Тoредь, но не догнали ихъ. „А июня въ 2 день,—значится далѣе въ донесеніи Ловчинова,—писал ко мнѣ с Соленого Лев Авдѣевъ: июня де въ 1 день пришел перед него полоненик Водолажской житель черкашенин Матвѣй Жаданъ, а в роспросе перед нимъ сказал: Маия де въ 28-м числѣ не доходя Тарских озер в дроворубе ево Матвѣя с товарыщи 12 человѣк взяли неприятелские люди татаровя Нагайцы и с тѣми де полонениками тѣ таторовя пришли на рѣчку Тор в урочище в Росоши, остановились и от того де урочища тѣ татаровя поворотились, а кошъ с полономъ оставили в тѣх вышеписанных урочищах, а было де тѣх татар человѣкъ со ста, а от тѣх татар он Матвѣй Маия противъ 29-го числа в ночи ушол". 3 іюня, по этимъ вѣдомостямъ, Ловчиновъ посылалъ своего полку харьковскаго наказнаго полковника Гаврила Могилку и съ нимъ 300 человѣкъ. Отрядъ этотъ переправился черезъ Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, дошелъ до ея верховья, а съ верховья поворотилъ къ Тору, не встрѣтивъ татаръ [3]). Сообщивъ эти вѣсти князю Голицыну, Ловчиновъ писалъ также о нихъ и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, который отправилъ отписки съ

---

[1]) Тамъ же, док. 15.

[2]) Тамъ же, докум. 1.

[3]) Свитокъ V, док. 15.

гонцомъ въ Москву[1]). Новыя вѣсти о татарахъ получены были въ Изюмѣ 16 іюня. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу дня, прибѣжалъ къ Ловчинову „в обоз на рѣчьку Изюмъ на лошеди полоненик черкаские породы, а сказался: зовут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи, ушол де он от татар с рѣчки Белинкихъ“[2]). Въ распросѣ онъ показалъ слѣдующее: „Завут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи. В прошлых годѣх тому лѣтъ с восмь взятъ он в полон с таборомъ на Голого долине, не дошед Торских озер, и был в полону в Озове у турченина, и тот де турченин ево босурманил, и тому другой год тот турченин умер, и по смерти ево он свобожился на волю, а взят де он в полон лѣтъ в тринатцать. И ныне де тому десятой день, неприятелских людей татар Озовцов двѣсте, да Нагайцов сто, всего триста человѣкъ, пошли из Озова для войны великих государей под украинные городы и ево де Савку взяли с собою потому, что де он Савка обусурманенъ. И он де Савка, напомня православную Християнскую вѣру, не дошед Торских озер, с рѣчки Беленких июня 16 числа на заре от тѣх татар ушол. А как де он Савка был в Озове, и по вѣдомости де ис Крыму, что великихъ государей ратные многие люди идут для войны на крымские городы, из Озова пошло тысяча пятдесятъ человѣкъ Озовцовъ лутчих людей на помочь Крымъскимъ ордам. А послѣ де походу донскихъ козаковъ в полки, воровских козаковъ росколщиков, которые сошли из донских городковъ на Куму рѣку, человѣкъ триста нынешние весны приходили к Озовцом, да с тѣми ж росколщики приходил Черкаской мурза да с нимъ горских черкасъ человѣкъ с триста, и случась с Озовцы вмѣсте ходили х Коголнику и к Голубымъ и к инымъ городкам и поймали отцов своих и жон и детей и свойственников, у которых были в тѣх городкѣх, и побрав тѣ воровские козаки отцов своихъ и жон и детей и родственниковъ, пошли с тѣми же черкасы на Куму, а Озовцы де возвратились въ Озов. А донские де козаки, которые пошли судами на море, розбили

[1]) Тамъ же, док. 22.
[2]) Тамъ же, док. 24.

на мори три судна болшихъ, а по прозванию де турскому тѣ судна *Гимеи*, и турчене де, которые на тѣх гимяях были, тѣ донские козаки побрали, а полонеников де і грековъ и армян отпустили на волю, а в тѣх до гимеях везена пшеница в Озов на продажу, и той де пшеницы они неймали. Да в Озове ж де будучи он Савка слышел, что у цесаря римского и у короля Ѳранцужского и у Виницѣинъ и у Венгров с салтаномъ турецкимъ чинитца бои великие, и пять де каторг турецких да три галены на море ѳранцужские люди розбили. А про государевых людей, которые стоят на Изюме, в Озове вѣдамо, да и про то де вѣдают, что по рѣке Донцу на татарских перелазех поставлены караулы, потому что де татаровя, приѣзжая осматривать бродов, видели на тѣх бродах караулщиков, а въ Озове де и в иных татарских городках на люди и на скоты мороваго поветрия нѣтъ“ [1]). Отправивъ Савку Алексѣева на жительство въ Балаклею, съ приказаніемъ наказному полковнику Гаврилу Могилкѣ поручить балаклейскому протопопу справить Алексѣева къ вѣрѣ христіанской, или же обратно прислать для направленія изюмскому протопопу [2]), Ловчиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ распросныя рѣчи Алексѣева въ розрядъ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову, также въ большой полкъ къ князю Василью Васильевичу Голицыну и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, а о приближеніи татаръ увѣдомилъ харьковскихъ наказныхъ полковниковъ Гавріила Могилку и Ивана Сербина, начальствующихъ въ новопостроенныхъ городкахъ [3]) и между прочимъ царевоборисовскаго наказнаго сотника Кирила Моисѣева, съ приказаніемъ держать караулы у города и по рѣкѣ Осколу и по Донцу по бродамъ [4]). Но предостереженія Ловчинова оказались уже запоздалыми. 17-го же іюня пришелъ въ Соленый въ приказную избу Тарскій житель черкашенинъ Семенъ Карнѣевъ и передъ сотникомъ Львомъ Авдѣевымъ сказалъ: „в нынѣшнем де во 197 году июня въ 17

[1]) Свитокъ V, докум. 26.

[2]) Тамъ же, док. 33, 45 и 34.

[3]) Тамъ же, док. 24, 25 и 31.

[4]) Тамъ же, док. 27.

день был он Семен въ Розищах у казенного броду на речки Тарца і видел воинских людей татар, на заре перелезли на том броду на сей бок Тарца, а по смете воинских людей коней с пятдесят, а куда они воинские люди пойдут, про то невѣдома“ [1]). А слѣдующаго 18 іюня, въ два часа ночи, писалъ къ Ловчинову въ полкъ на Изюмъ съ Соленаго Левъ Авдѣевъ Соленаго же городка со сторожемъ съ Михайломъ Чернымъ, а въ отпискѣ его написано: „июня де въ 17 день били воинские люди татаровя под Соленой городокъ і у Торского де жителя у Ѳилипа Крамара взяли в полон челядника ево Ѳедку черкашенина, и с тѣми неприятелскими людми былъ бой, а по смете де тѣх татар было коной с пятсотъ и болши, а куды де тѣ неприятелские люди пошли, про то ему Лву невѣдомо“. Ловчиновъ переслалъ эти вѣсти въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ ихъ въ Харьковъ стольнику и воеводѣ Ивану Кобякову, въ Зміевъ, въ Салтовъ, въ новопостроенные городки, въ Балаклею, въ Савинской, въ Лиманъ, Бѣшкинъ и др. [2]). 21 іюня того же года торскій житель Грицко Зуба извѣщалъ словесно Льва Авдѣева, что „видел де он Гриц, ишли воинских людей татаръ две юрты от луга к Соляному і не доходя Соляного городка пошли въ Басарабиху, і тѣ воинские люди татарове нигды не обявились“ [3]). На самомъ же дѣлѣ они объявились въ тотъ же день. „В нынѣшнем во 197-м году июня въ 21 день били под Соленой воинские люди татаровя под город и побрали Соленого города жителей и приезжих людей, а было их воинскихъ людей человѣк со двѣсти и болши, и с тѣми воинскими людми был бой“ [4]). Татарами убито 2 человѣка и между ними одинъ изъ Полтавы и одинъ изъ Колонтаева, и взято въ плѣнъ 10 человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ изъ города Куземина, двое изъ Котелвы и одинъ изъ села Слицовъ, Гадячскаго полка [5]).

---

[1]) Тамъ же, док. 28 и 29.

[2]) Свитокъ V, док. 35.

[3]) Тамъ же, док. 41.

[4]) Тамъ же, док. 42 и 44.

[5]) Тамъ же, док. 43.

Нельзя не замѣтить, что всѣ почти эти татарскіе набѣги направлены были на Торъ или Соленый (нынѣ Славянскъ), выдававшійся впередъ изъ новопостроенной черты укрѣпленій и привлекавшій массу чумаковъ, пріѣзжавшихъ сюда за солью. Татарскихъ набѣговъ на какіе-либо центральные пункты Слободской Украины мы теперь не видимъ. Напротивъ, она становится теперь операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ движеній Россіи противъ татаръ. Разыскивая и преслѣдуя татарскихъ хищниковъ, казацкіе сотники Степановъ и Лиходѣевъ, какъ мы видѣли, ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Торедь, а харьковскій наказной полковникъ Гавріилъ Могилка переправлялся со своимъ отрядомъ черезъ рѣку Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, и доходилъ до верховья этой рѣчки. Во время походовъ Голицына на Крымъ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, на рѣкѣ Самарѣ, является Новобогородицкое укрѣпленіе, а впослѣдствіи и Сергіевское. Во время азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ сюда и переносится центръ военныхъ дѣйствій противъ татаръ, тогда какъ Слободская Украина обезспечивала лишь тылъ дѣйствующей арміи и доставляла ей необходимую помощь и провіантъ.

Еще 13 іюня, 1693 года, бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ отпиской изъ Бѣлгорода велѣлъ чугуевскому воеводѣ Евстратію Алексѣевичу Ушакову, чтобы чугуевцы городовыя службы всякихъ чиновъ люди на кормъ государскимъ полковымъ лошадямъ накосили сѣна краснаго по возу и склали въ скирды, вслѣдствіе чего собрано было и сложено въ скирды 660 возовъ [1]). Во время же самаго азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ, изъ Слободской Украины требовались и ратные люди, и сборъ и доставка хлѣба, овса и сѣна для дѣйствующей арміи, и нѣкоторыя принадлежности полковаго обоза.

7 декабря, 1694 года, князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ писалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ къ племяннику покойнаго чугуевскаго воеводы Григорью Ушакову, „чтоб он Чюгуев-

---

1) Свитокъ VI, док. 36.

цом ратным всякихъ чиновъ людемъ полковые службы сказалъ всѣмъ вслух, чтоб они одночлично к походу были в всякой готовости и лошедей кормили і запасы свои положили въ возы". Подтверждая это приказаніе преемнику Ушакова Семену Еремѣевичу Пашкову, въ концѣ декабря Борисъ Шереметевъ писалъ ему: „и тебѣ б чюгуевцом ратнымъ всякихъ чинов людемъ полковые службы однолично сказать всѣмъ вслух з болшим подкреплением і в Чюгуевской уѣздъ во всѣ станы і в села і в деревни послать із Чюгуева приказные избы подячихъ с наказными памятми і велѣть им ратнымъ людемъ потому ж сказывать з болшим подтверженим, чтоб они однолично к службе і к походу были во всякоі готовости і лошедеі кормили і запасы свои положили в возы, а какъ о высылке их к себѣ въ полкъ учьну я къ тебѣ писать, и тебѣ б для высылки их ко мнѣ въ полкъ ѣхать із Чюгуева во всѣ села і в деревни самому і высылать ихъ ко мнѣ в полкъ в назначеные места денно и ночно с великимъ поспешениемъ і велѣть имъ ко мнѣ в полкъ итить днем і ночию наспех, не мешкая нигдѣ ни малого времени, а что о том учинено будетъ, о том ко мнѣ писать" [1]). 4 января 1694 года Борисъ Шереметевъ вновь писалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову; „в нынешнемъ въ 202-м году генваря въ 4-м числѣ вѣдомо мнѣ учинилось по вестовымъ писмамъ из розных мѣстъ, что конечно многочисленныя орды из своихъ поганских жилищъ рушились и по своему поганскому злому намѣрению хотят приходить войною под украиные городы сими часы вскоре, и тебѣ б от приходу тѣх неприятельских людей однолично жить в великой осторожности, а Чюгуевцом ратным людем всяких чинов полковые службы однолично сказать всѣм вслух с великимъ подкреплением, чтоб они къ службе и къ походу были во всякой воинской готовости, и лошади кормили и запасы свои положили в возы конечно безо всякого отлагателства, а какъ я учну к тебѣ писать о высылке ихъ ратных людей к себѣ в полкъ, и тебѣ б ихъ ратных людей высылать ко мнѣ в полкъ денно и ночно с великимъ поспешениемъ і велѣть им ратнымъ

[1]) Тамъ же, док. 9. О смерти Ушакова и пріемѣ воеводства Пашковымъ см. тамъ же, док. 23, декабря 13.

людем ко мнѣ в полкъ итить не мешкая нигдѣ нималого времени, и что о том учинено будет, о томъ ко мнѣ писать" [1]).

Изъ послѣдняго предписанія можно видѣть, что слободскіе полки готовились собственно для защиты украинныхъ городовъ отъ непріятельскихъ людей, а не для отдаленнаго похода. Въ послѣднемъ участвовали преимущественно регулярныя войска, для которыхъ Слободская Украина должна была доставлять провіантъ и на мѣстѣ, и въ Новобогородицкое и Сергіевское укрѣпленія на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи. Грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 10 ноября, 1694 года, предписывалось слѣдующее: „Указали мы великие государи на кормъ нашимъ великих государей ратнымъ людемъ, будучимъ на Самаре въ Новобогородицком і в Сергиевском взять хлѣбныхъ запасовъ Белогородцкого полку с указных з деветнатцати городовъ, сверхъ окладного четверикового и стрелецкого хлеба, муки ржаные пятнатцать тысячь четь и отвесть тот хлѣбъ из указныхъ мѣстъ, ис Курска, іс Хотмышска, із Ахтырска по пяти тысяч четей, и под тот хлѣб подводы с подвотчики взять Чугуевцовъ і иныхъ Белогородцкого полку с тритцати городовъ полковые і городовые службы и со всяких чиновъ служилых градцких жилецкихъ и посадцкихъ и с уѣздныхъ и с уѣздныхъ же со властелинскихъ и с монастырских і вотчинниковых с крестьян і бобылей, по переписнымъ книгамъ 188 (1680) и 192 (1684) и 199 (1691) годов і которые обявятца сверхъ переписных книгъ, по розвытке с четырех дворов подводу с подвотчики, с кули и с рогожи и с веревками, і выслать тѣ подводы с Чюгуева въ Ахтырской генваря къ 15-му числу нынешнаго 202-го году неотложно, а в Ахтырску положить того хлѣба по две чети на подводу и проводить тот хлѣб до Новобогородицкого нашимъ великихъ государей ратным людемъ пѣшего строю и черкасом, а в Новобогородицком приняв тотъ хлѣб у подвотчиковъ и отпустить тѣхъ подвотчиков с подводы с тѣми ж ратными людми, которые будутъ за ними в провожатых, в домы ихъ без задержанья". По переписнымъ книгамъ 1684 года, въ Чугуевѣ и

---

[1]) Свитокъ VI, док. 22.

въ чугуевскомъ уѣздѣ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей числилось 672 двора [1]); слѣдовательно, съ Чугуева и чугуевскаго уѣзда требовалось, полагая по одной подводѣ съ четырехъ дворовъ, всего 168 подводъ, каковое число прямо и указывается въ подтвердительной царской грамотѣ 10 декабря того же года [2]). 22 декабря чугуевцы выбрали 168 человѣкъ подводчиковъ, за поручными записями [3]), и составили имъ роспись [4]), а 9 января эти подводчики съ подводами отправлены были въ Ахтырку съ дьякомъ Осипомъ Пузиковымъ и съ провожатыми [5]).

Кромѣ сбора и доставки хлѣба въ Новобогородицкій и Сергіевскій, жители Слободской Украины обязаны были доставлять провіантъ для проходившихъ черезъ нее полковъ. Около 17 декабря, 1694 года, князь Борисъ Шереметевъ велѣлъ объявить чугуевцамъ, чтобы они продавали сѣно и овесъ для полковыхъ подъемныхъ лошадей и съѣстные и конскіе кормы ратнымъ людямъ [6]). Въ 20-хъ числахъ декабря Борисъ Шереметевъ велѣлъ харьковскому воеводѣ Степану Акимовичу Сумарокову отослать его отписки въ Царевоборисовъ къ Михайлу Моисеевичу Переверзеву, въ Маяцкой Андрею Степановичу Мокѣеву, въ Купенку Андрею Берестецкому, въ Каменку атаману Ивану Данилову, въ Сенковку сотнику Семену Осипову, въ Двурѣчной сотнику Игнатію Матвѣеву и въ Остраполь атаману Якову Согуну о коскѣ сѣна въ Маяцкомъ [7]). Особенно же обременителенъ былъ для Чугуева уманскій полкъ солдатскаго строя, квартировавшій въ Чугуевѣ. 20 декабря, 1694 года, выдано было въ уманскій полкъ полковника Бориса Бенина къ обозному строю 30 лубковъ [8]). Того же числа Бенинъ писалъ къ Шереметеву въ Бѣлгородъ, что

[1]) Тамъ же, док. 1; см. подтвердительную грамоту 7 декабря тамъ же, док. 16, а также док. 8.

[2]) Тамъ же, док. 3.

[3]) Свитокъ VI, док. 18.

[4]) Тамъ же, док. 19.

[5]) Тамъ же, док. 17, 21, 25 и 27. Но изъ Печенѣжской Слободы прислано было 10 худыхъ лошадей, которыя замѣнены въ Чугуевѣ хорошими. Тамъ же, док. 14 и 15.

[6]) Тамъ же, док. 2.

[7]) Тамъ же, док. 4, 5 и 6.

[8]) Тамъ же, док. 11.

въ наказѣ де у чугуевскаго воеводы „о даче государскимъ полковымъ подемным лошадям ничего не написана, а лошади стали от безкормицы всѣ худы, а есть де в Чюгуеве зборной стрелѣцкой овес, і без указу де того овса не даютъ, і о том бы ему указ учинить“. Вслѣдствіе этого, Шереметевъ предписалъ чугуевскому воеводѣ выдать Бенину овса и сѣна, „а что дано будет, і вмѣсто того даного овса собрать з грацких і с уѣздных людей, а собравъ положить в житницы без мотчанья“ [1]). 26 тогоже декабря Бенинъ снова писалъ Шереметеву, „что де чюгуевцы конскихъ и съясныхъ кормовъ не продают“, а Шереметевъ 31 декабря приказывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову: „і тебѣ б о даче подемным лошадям сѣна і овса і о скаске і о продаже Чюгуевцом съясных і конских кормовъ Усмонского полку солдатом учинить по прежнему і по сему великих государей указу, а что учинено будетъ, о том ко мнѣ писать“ [2]). 5 января, 1694 года, Борисъ Шереметевъ предписывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову собрать съ чугуевцевъ и печенежцевъ сѣна и овса для 69 подъемныхъ лошадей усманскаго полка полковника Бенина, по полувозу сѣна и по получетверичку овса съ двора. „И буде Чюгуевцы всяких чиновъ люди вскорѣ на продажу ратнымъ людемъ съясных запасовъ и конских кормовъ не повезутъ и указною ценою продавать не учьнут, и тебѣ б у них взять по возу сѣна со всякого двора безденежно, а взяв отдать полковнику Борису Бѣнину с роспискою без мотчаня“ [3]). Пашковъ отвѣчалъ Шереметеву, что сѣно и овесъ для лошадей Усманскаго полка собраны съ чугуевцевъ еще до пріѣзду его Пашкова, а по пріѣздѣ его собираютъ вновь; но жители селъ Бабки и Телѣги сѣна не даютъ, такъ какъ Усманскій полкъ, идя въ Чугуевъ, потравилъ ихъ покосы на рѣкѣ Бабкѣ и позабиралъ сѣно. Поэтому Пашковъ просилъ у Шереметева дозволенія принимать отъ чугуевцевъ, вмѣсто сѣна, овесъ, присовокупивъ, что чугуевцы „конскіе кормы і съесные запасы въ Чюгуев привозят і ратным людем продают поволною

[1]) Тамъ же, док. 10.

[2]) Тамъ же, док. 7.

[3]) Свитокъ VI, докум. 12 и 13.

ценою" [1]). Въ отвѣтъ на это, Шереметевъ предписывалъ воеводѣ Пашкову наказывать батогами ратныхъ людей, если они тайнымъ обычаемъ учнутъ грабить сѣно" [2]), но не отмѣнилъ прежняго своего распоряженія. 23 января Пашковъ посылаетъ въ Печенежскую слободу Петру Ивановичу Маслову подтвержденіе о присылкѣ сѣна и овса въ Чугуевъ для лошадей Усманскаго полка [3]).

Походъ объявленъ былъ только на Крымъ. Огромное войско, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилось къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собой и малороссійскихъ козаковъ. Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два турецкіе городка Кази-Кермень и Таганъ. Но войско новаго строя, созданное Петромъ Великимъ, полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ Московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ генераловъ Голована, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, т. е. самъ царь [4]). На этотъ разъ оно потерпѣло неудачу подъ Азовомъ, который взятъ былъ лишь въ 1696 году. Это было первое торжество Россіи надъ страшными дотолѣ турками и предвѣстіе дальнѣйшихъ побѣдъ ея надъ ними.

Н. Петровъ.

[1]) Тамъ же, док. 20.

[2]) Тамъ же, док. 28.

[3]) Тамъ же, док. 24.

[4]) „Исторія Россіи" Соловьева т. XIV, стр. 221 и 224.

МОЛОТНИКИ.

(*Бытовой разсказъ*).

У насъ, кто не имѣетъ своего *плу́ха воливъ* и не сберется даже на то, чтобъ быть *супряжникомъ*, тотъ „становится молотить за коробку".

Четверо такихъ убогихъ людей провѣдали, что у вдовы, сосѣдней хуторянки, хорошій урожай, а поля у нея въ каждую руку по пятнадцати десятинъ.

Пришли: „Чы треба молотныка?"

„Треба, та ще й геть: бо я, колы хочете знаты, не люблю пизнытысь. Ярыну мени такъ перемочять та переточять, що скотъ понюхае й не йисть, а въ жыти повного колоса не знайдешъ".

„Ну, яка жъ у васъ мирка?"

„Така, якъ и въ людей".

„У людей, мы чулы, дванадцята",

„А я чула, симнадцята".

Стали договариваться. Дѣло пошло на ладъ. Согласились молотить за пятнадцатую коробку. Только старшій молотникъ, по прозванію Тупотунъ (у насъ ревизскія имена не всѣ въ ходу: одинъ другаго знаютъ по прозванію, которое дается случайно). Вотъ Иванъ Тупотунъ осмотрѣлся кругомъ и говоритъ:

„Усе гараздъ у васъ, добродійко, одно не гараздъ: пекарня тисна̀".

„Се не велыка бида,—отвѣчаетъ вдова,—хиба не можна углы россунуты?"

„Та воно то правда,—отвѣчалъ серьезно Тупотупъ.—Дакъ одъ же щò: не псуймо будивли; бо не дъ Велыкодню йде, и дъ Риздву. Нехай товарыство мистыцця по лавкахъ, а я соби зроблю оселю пидъ столомъ, абы мени солома“.

Иванъ Тупотунъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, дюжій, румяный, круглолицый, русоволосый, средняго росту, глаза голубые, добрые. Но эти глаза всегда смотрѣли въ землю и только тогда поднималъ онъ ихъ спокойно на своего слушателя, когда его комическое слово вызывало смѣхъ. Самъ Тупотунъ смѣялся едва замѣтной улыбкой, но и тогда лицо его оставалось пасмурнымъ. Вообще онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто ему было смѣшно и удивительно одно: что люди могутъ отъ чего-нибудь смѣяться.

Молотники пришли вечеромъ, договорились, и тотчасъ каждый выбралъ себѣ мѣсто спанья. Но одинъ Тупотунъ нуждался въ соломѣ. Товарищи его преспокойно расположились на голыхъ лавкахъ, подложивъ подъ изголовье свои кожушки. Самый ветхій кожушокъ былъ у Кавуна. Звалъ онъ его *кажанòкъ* и для теплоты носилъ подъ нимъ свытынку своей жинки, чтó никого не удивляло. Штаны изъ домашней выбойки у всѣхъ были въ протертыхъ заплатахъ, на которые наложены новыя лàтки, чтò также было въ порядкѣ вещей.

Радовалась вдова, что Богъ ей послалъ хорошихъ молотниковъ. Люди знакомые изъ сосѣдняго села, а жила вдова себѣ хуторкомъ. Держала свой плугъ воловъ: наймытъ ходилъ за плугомъ, а наймычка была за погоныча. Хозяйливая была вдова и не любила такихъ людей, которыхъ зовутъ у насъ незвычайными. Да боялась таки, какъ хуторянка, людей захожихъ, которыхъ звала заволдками.

Другаго молотника звали Карпо Кавунъ. Этотъ всегда молчалъ, но до смѣху былъ великій охотникъ и былъ себѣ, что называется у насъ, при здоровьѣ человѣкъ. Волосы черные, курчавые, взглядъ спокойный и правдивый.

И двое остальныхъ, Хома Макитра да Харко Колотуша, люди были смирные, нужды нѣтъ, что веселые. Всѣ были почти что ровесники, люди, что называется, подстарковатые. И это хорошо: а то молодые старика пожалуй ради *жарту* станутъ, какъ у насъ

говорится, припекать. Вилять молотнику нельзя: молотникъ не косарь: тотъ присядетъ къ гострилу, наточитъ косу и отдохнетъ; молотникъ и не жнецъ: тотъ самъ по себѣ гонитъ свою постать. А тутъ трахъ, трахъ, трахъ, трахъ! не отставай!

Молотьбы у вдовы было довольно. Часть поля отдавала она половинщикамъ; но эта часть всё уменьшалась, и вотъ по какой причинѣ. Наймычка рѣдко дослуживала у нашей вдовы хуторянки до конца году: какъ разъ нагрянутъ сваты послѣ Дмúтра, а она свою наймычку всегда хвалитъ; умѣетъ, что называется, показать товаръ лицомъ, да умѣетъ кромѣ того и къ хозяйству прiучить. Это послѣднее обстоятельство всѣмъ было извѣстно. Смотри, сирота, вдовья дочка, идётъ отъ нея за отецькаго сына. Тогда сейчасъ находится другая наймычка, и непремѣнно если не послѣ Покровы, то ужъ послѣ Дмúтра будетъ засватана. Это привлекало ко вдовѣ самыхъ красивыхъ и работящихъ дивчатъ изъ села, нужды нѣтъ, что въ хутора наши дивчата неохотно нанимаются.

Но въ парубкахъ ей не счастливилось: шли къ ней только такіе, которыхъ пахари браковали. Причина была та, что парубки любятъ сельскія собранія, а дѣвушки у нихъ передъ глазами на выборъ. Наконецъ сталъ служить у вдовы парубокъ, вездѣ извѣстный за дурака. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ недалекъ въ хозяйствѣ; но за то такъ послушенъ, что вдова не знала ему цѣны. Парня звали Антонъ, по уличному Куцый. Некрасивое прозвище: *Куцымъ* или *Куцакомъ* величаютъ у насъ того, что въ пеклѣ поджариваетъ грѣшниковъ. Да и не былъ онъ куцъ, то есть малорослый; напротивъ, очень выросъ изъ свитки, которая была у него повидимому на всю жизнь одна, какъ и кожа на тѣлѣ. Свитка сдѣлалась куцая, а по бѣдности не за что было справить подлиннѣе. Такъ и утвердилось прозвище Куцый за бѣднымъ сиротой Антономъ.

Что касается дураковатости Антона, то въ этомъ люди были правы. Когда вдова скажетъ ему „Антонъ!“ онъ отзывается къ ней „хорошо!“ и вообще его отвѣты рѣдко соотвѣтствовали вопросамъ. Повидимому онъ это сознавалъ и никогда не принималъ участія ни въ какомъ разговорѣ; даже на вопросы отвѣчалъ только хозяйкѣ;

отъ посторонних же отдѣлывался упорнымъ молчаніемъ. И не смѣялся никогда Антонъ, какъ бы ни смѣшенъ казался другимъ разсказъ про жида, цыгана, ляха, литвина. Все это утвердило всѣхъ и каждаго во мнѣніи, что Антонъ—дуракъ. Такъ думала о немъ и вдова. Но однажды этотъ дуракъ говоритъ ей что называется ни съ сего, ни съ того: „Добродійко! чи вы бъ мене не оженылы?"

А вдову ничто не озадачивало.

„Чому не оженыты?" отвѣтила она „абы ты заслужывъ того".

„Я заслужу,—говоритъ общепризнаный дурень рѣшительно.— Скильки вы запоралы поля торикъ?"

„Висимъ десятынъ толокы, та висимъ на зябъ ярыны?"

„А я пидіймаюсь по девяты запораты".

„Нехай тоби поможе Богъ и Божа Маты. Дакъ оце тебе за се й оженыт?"

„Ни, не за се, а ось за що, добродійко. Служытыму я вамъ годъ, служытыму два и тры, и що году прыбавлятыму запоранои толокы й ярыны; а вы карбуйте соби копы, снопы и вмолотъ. Якъ мало вамъ трёхъ литъ, я ще послужу".

Равнодушно приняла вдова предложеніе дурня,—не высказывала она никогда ни радости, ни печали, но въ душѣ восхищалась дурнемъ Антономъ Куцымъ. „Это мнѣ благодать Божія",—думаетъ она, но испытанная въ жизни многими опытами, долго не довѣряла, чтобы исполнилось все то, что было ей обѣщано.

Но проходитъ годъ, другой, третій, и у ней обрабатывается поле собственнымъ плугомъ по одинадцати десятинъ въ руку.

Вдова не хвалитъ своего дурака-наймыта ни ему самому, ни другому кому-нибудь: ему самому, чтобъ не возгордился, а сосѣдямъ, чтобъ „не одбили". Даже свиты не справляетъ ему длинной: какъ пришелъ къ ней Куцый, такъ и остался. Стали однакожъ люди замѣчать, что работа идетъ у вдовы на славу, да и хлѣба на десятинѣ родитъ больше противъ другихъ ратаевъ.

„И, люде добри! говоритъ сосѣдямъ вдова.—Се все дурень за моимъ прыводомъ робыть. Я раненько встану, скотынку выжену на пашу, а зимою сама й разивъ килько синця вскубну та волыкамъ

пидложу; отъ волыкы веселенько въ плузи ремыгають, а я дурня свого въ спыну поштовхую; де такъ и прыбавляю й прыбавляю оранкы. А що бильше въ мене хлиба родыть, то знайте—се мени Пречыста помагае про мое одыночество, а то ще я—самы бачыте—скоту доволи на пашу прыймаю. Хуторець мій одрубный; е де выпасты, а скотъ мени гнойку прыдбовуе. И вже я въ осени й напровесни не дамъ Антону гавы ловыты: знай возы та й возы на поле гноёкъ. А вы сами здорови знаете: у кого рукы въ гнойку, въ того душа въ лойку. Жывемо, хвалыты Бога, не згиршъ. Не жалуемо соби сытенькои баранынкы до що. За все, про все треба дякуваты Богу мылосердному".

Такъ удаляла вдова догадки сосѣдей о стараніяхъ дурня Антона Куцаго, а между тѣмъ размышляла въ душѣ своей такъ:

„Забравъ Господь до себе дитокъ моихъ и чоловика забравъ. Одружу я сёго сыроту; нехай винъ жыве въ мене. За нымъ усе: винъ мене й на свити держыть. А тутъ же й наймычка въ мене така трапылась, що не жаль ій кусокъ города поступыты. Не показнà вона съ себе, кирпатенька и трошкы глухенька, да до роботы руча, и голосомъ прыятна, вдачею тыхенька. За такою жинкою чоловикъ ни нудьгы, ни нужы не знатыме".

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ стали у вдовы молотники молотить за коробку.

Деликатные люди были молотники: они знали, что у такой хозяйки найдется что̀ поужинать. У нея и салà въ запасѣ, а подъ осень и бараньи джикгыри. Но молотники поужинали дома и тотчасъ улеглись спать.

Вдова изъ своей свѣтлички долго слышала веселый смѣхъ убогихъ людей и благодарила мысленно Бога за то, что, оставшись одна на свѣтѣ, была, что называется, господынею заможною, такъ что и бѣдняку есть у нея заработокъ.

Интересно ей было знать, что̀ заставляетъ молотниковъ такъ беззаботно, такъ весело смѣяться. И начала она замѣчать, что говорилъ одинъ только, именно Тупотунъ, прочіе смѣялись. Изрѣдка кто-нибудь произносилъ слòва два-три, и опять смѣялись. Наконецъ

голоса слушателей Тупотуна совсѣмъ умолкли, но его голосъ продолжалъ ровнымъ тономъ непрерывную рѣчь. Такъ и уснула вдова, прислушиваясь какъ бы къ журчанью весенняго ручья-бурчака. Утромъ еще ни свѣтъ ни зоря, вдова встала и вмѣстѣ съ наймичкой сготовила снидання.

„Hi, госпо́сю“, сказалъ Тупотунъ, „треба спершу вмолотыты на вдову, а тоди вже и йисти“.

Вдовѣ понравился добрый обычай, но тѣмъ не менѣе она пошла вслѣдъ за молотниками въ клуню и неотступно слѣдила за работой. Случалось ей имѣть такихъ молотниковъ, что прятали въ кули недомолоченные снопы жменями, или уменьшали отсчитанные снопы, откладывая на засторонокъ; а опытная хозяйка по числу перевеселъ видѣла фальшь, и, ничего не говоря плутоватымъ людямъ, никогда уже не давала имъ у себя заработка. Но такъ поступали съ нею тѣ, которые молотили за деньги; однакожъ вдова находила нужнымъ присутствовать и при молотьбѣ тѣхъ, которые „становылысь за коробку“.

Смолотилъ Тупотунъ съ товарищами десять сноповъ на вдову, и пошли снидать. Во все время работы, веселые бѣдняки не переставали балагурить, перекидывались отрывочными словами и смѣшили другъ друга: но тотъ, кому принадлежала острота, никогда не смѣялся, а Тупотунъ только съ удивленіемъ и легкой усмѣшкой поглядывалъ на товарищей.

Одинъ изъ молотниковъ Карпо Кавунъ сказалъ:

„Треба мени черезъ день збигаты до дому. Хлиба нема въ госпо́ди—хочъ груды тешы. Треба вготовыты, одвезты въ млынъ: а то наши жинкы якъ уготовъ ій дровъ, хлиба, дакъ и мовчыть, а ни, до такъ и пре колиньмы зъ хати. Ну, рушаймо жъ снидаты“.

Понравился молотникамъ завтракъ у вдовы.

„Такъ и моя жинка не втне“, сказалъ Карпо Кавунъ.

Обѣдъ еще больше понравился, такъ что вечеромъ, заканчивая молотьбу, молотники говорили: „Ни, брацци, не хапаймось, а трепнимо ще на вдову“.

„Эге, эге!“—подхватили другіе,—„трепнимо хочъ снопивъ съ пять“.

А трепнувши вмѣсто пяти цѣлый десятокъ сноповъ, сгладили грядку жита, сдѣлали цѣпомъ крестъ и говорили: „Нехай же теперъ Маты Божа достерегае“.

„Бачъ, якъ гарно розумни люде говорять“,—сказала вдова своему Антону.—„Замичай, до й самъ колысь будешъ розумнымъ“.

А въ это время Антонъ возилъ изъ клу́ныща навозъ.

„Та пора, добродійко, вже й теперъ вашому дурню набратысь розуму“,—сказалъ Хома Макитра.—„Который ёму годъ?“

„А который же ёму годъ?“ отвѣчала вдова на вопросъ вопросомъ.—„Думаю, бильшъ дваццяты двохъ.—Та винъ безбачченко, до ничого сёго й не знае. А маты, не вамъ кажучы, пидъ тыномъ умерла“.

„Сказано, самосійна дытына: тымъ и дурный“—замѣтилъ Харко Колотуша.

При этомъ Хома Макитра вздохнулъ и сказалъ:—„Лучче бъ и въ мене бувъ дурный сынъ“.

„Щó ты говорышъ? нехай Богъ крые!“—сказала вдова.

„Те що чуете. У мене такий розумный сынъ, що вже двичы сыдивъ на грудяхъ“.

„Якъ се?“

„А такъ, що я ёго за чуба а винъ мене за груды, та й пидгорнувъ пидъ себе, наче ведьмидь“.

Разсмѣшило и это двоихъ слушателей. Но вдова не смѣялась, и когда на другой день пришла въ клуню къ молотникамъ, то сказала имъ:

„Сами выновати вы, добри люде, що диты васъ не поважають; на себе жалкуйте“.

„А що вы думаете, бра̀ття?“—продолжалъ Харко Колотуша.—Господыня наша, нехай такъ щаслыво викуе, наче раюе, вона, я чувъ, древнёго роду людына: всячыну перѐказомъ знае; що ни рече, мовъ тоби съ письма бере. Ничого гриха таиты, мы сами вынувати. Покы дытя малесеньке, николы не зупыняемо. Я й самъ теперъ порозумнищавъ, якъ померлы мои диты, а то, якъ що, до мени, або своіи матери, межы очы плюхъ! А иноди скòчыть роз-

бадёрывшысь, та пугою тебе й набье. А мы регочемось. Далеби що такъ! А разъ, дакъ ось яке выгадало: де воно й почуло! Я васъ у Сибиръ позавдаю! Оце жъ Богъ ихъ одибравъ, до туды имъ и дорога. Хай Богъ простыть. Оце чую—бодай було не чуты!—що вже й твій сынъ у тебе на грудяхъ сыдивъ, та й не жалкую, що й померлы. А якъ же ты ёму й догоджувавъ"!—

За вечерею вдова постоянно слышитъ изъ своей свѣтлички разговоръ въ полъ-голоса, но не можетъ различить, что̀ говорятъ: столько было смѣху. Потомъ уже наймычка донесла ей, что это всё Тупотунъ такъ оживляетъ застольную беседу. Разсказываетъ о своемъ путешествіи на Донъ, о вѣдьмахъ, о своей домашней жизни, и конца нѣтъ его разсказамъ. А когда легли спать, онъ опять продолжалъ безконечную сказку про голаго царя, что хотѣлъ поймать лебедя въ золотой коронѣ, про подстрѣленнаго орла и его сестеръ-царевенъ, про бабу въ лѣсу съ двѣнадцатью сыновьями разбойниками, и конца нѣтъ его сказкамъ.

„Уже яка я до ныхъ охоча,—прибавила отъ себя наймычка,— та й мене сонъ зморыть, не дослухаю, покы замовкне".

Ничего не отвѣчала вдова, но сама себѣ подумала:

„Усякъ чоловикъ заглушуе свое горе: хто пъянствомъ, хто скнаростью, а сей, бачъ, казка̀мы!"

Слѣдя однажды въ клунѣ за работою молотниковъ, вдова сказала имъ:

„Дивуюсь я, слухаючы васъ, яки вы люде весели! Цилый день працюете и про вдову, спасиби вамъ, не забуваете, потомытесь, а знай жартуете".

„Чомъ же намъ не жартуваты?—сказалъ Иванъ Тупотунъ. Хыба журбою поле перейдешъ? Я, добродійко, виджурывся за себе тоди, якъ сватався".

„Хыба жъ се журбова ричъ?"—спросилъ Харко Колотуша.

„Добре тоби таке казаты. Тоби жывецця и на скыбку берецця", сказалъ Тупотунъ и замолчалъ.

„Мабуть, не дурно винъ учора, йдучи до клуни, спивавъ такои сумнои",—замѣтилъ Макитра.

„Про гадыну?“ спросилъ лаконически Кавунъ.

„Эге: що журба коло серця мовъ гадына въецця. Гарна писня, та чы не самъ винъ и проложывъ? Якъ до ладу проложено, дакъ я заразъ и перейму:

Чомусь мени, брате, горилка не пъецця:
Коло мого серця мовъ гадына въецця.
Коло серця, брате, коло серця мо́го,
А колы не вирышъ, нехай коло тво́го!“

„Тымъ винъ и мени завидуе“.

„А вже жъ тымъ, заговорилъ опять Иванъ Тупотунъ. Нихто того не видае, якъ сырота обидае. Я жыву, брате Хомо, прыкупывшы горя. А колы хочешъ знаты, дакъ за мене годивъ, може, десять не йде́ та й не йде не одна дивка. Хтось про себе онъ якъ проложивъ:

Ой выйду я за ворота,
Сюды туды гляну,
Одна несе вареныкы,
А друга сметану...

Взрывъ хохота смѣшливыхъ перебилъ его рѣчь, и сама вдова разсмѣялась.

„А я, не вамъ кажучы, выйду було на майданъ: дивчатъ стилько, що за день не перевишавъ бы, а пиды свататысь, дакъ и чоботы видтопчешъ. Тà хустокъ не напряла, тà рушныкивъ; та до Пѐтра не пійде, та по жнывахъ; тà по обмолотынахъ надумалась иты; тà ще полотна не вбылыла. Щобъ васъ дидько усихъ злызавъ! Бида вбогому чоловикови паруватысь. За думкамы и ничъ мала, а за ходнею—день. Задумавъ нетяга женытысь,—тамъ пиде шапкы позыче, де свытку, де пояса, де чоботы. Я пійшовъ, тилько гнивà дойшовъ и добра не знайшовъ. Хотивъ бувъ уже въ чѐнци йты, дакъ тамъ усе треба мовчати, да нызько кланятысь. Тутъ хочъ горе свое кому розкажешъ, да й туга спаде зъ серця, а тамъ творы молытву да мовчы“.

„А тоби се всёго гиршъ, якъ мовчаты“, сказалъ Харко Колотуша

„Се справди була бъ ёму бида!“ думала вдова, слушая печальную исповѣдь съ участіемъ. Женщина она была добрая.

„Ни, скажы мени, Иване“,—спросилъ Харко Колотуша,—„чомъ за тебе дивчата не йшли? Сёго жъ, кажуть, цвиту по всёму свиту“.

„Чому не йшлы! Ось чому! Одно: що въ мене було стилько худобы, якъ у шолудывого чуба, а то ще прозвано мене злодіемъ. Злодій тай злодій,—всюды мене й цураюцця“.

„Хиба жъ ты справді бувъ колы злодіемъ?“—сказалъ Колотуша „Мы знаемъ тебе одколы, а злодіемъ не звемо“.

„Я не злодій, братци, и не бувъ злодіемъ, а злодюжкою бувъ. Отъ люде зъ злодюжкы та й зробылы трохы не злодіяку“.

„Якымъ же ты бувъ злодюжкою? Выбачай, що спытаю“,— сказала вдова.

„А ось якимъ, колы хочете знаты. Бувъ я хлопчыкомъ, ще й сыротою, у одного пана и паніи. Звисно, треба щось и сироти робыты. Щò жъ такому невелычкому робыты? Давай ёму гусей пасты. Можна гусей пасты й неившы“.

„А воны таки, си пузаны!“—замѣтилъ Колотуша.

Тупотунъ далъ товарищамъ пересмѣяться и продолжалъ:

„Що жъ я, малый? А ось що! Пасу, пасу, та й закуняю зъ голоду,—далеби! Дывлюсь, а воронне вже гусенятамы вгори телипае, воронятамъ несе. Буде мени теперъ лыха годына видъ моеи пани! Та зъ велыкои тугы—хипъ! хипъ! нахапавъ чужыхъ гусенятъ за пазуху четверо.—Якъ гайнувъ! А за мною дитвора. Я берегомъ деру,—я ставкомъ да въ воду! Дитвора надъ водою тыцъ! а я, скилько могы, да хляпъ у сины! И тычка въ мене въ рукахъ, щобъ нихто до мене не пидійшовъ. Не ходы! держу на пострасй, а маленьки гусенятка змешалысь изъ велыкымы и низнаты не можна. Стари гусы малыхъ не займають. Тутъ люде до пáніи: „Вашъ хлопецъ покравъ гусей“.—„Нѣтъ, каже, у меня сполнà“... Було бъ мени одъ паніи, якъ бы я не поповнывъ: бо вороны та сорокы ажъ четверо перехапалы. Сказала:—„И не вертайся безъ гусенятъ!“—Оце прыйду було до дому: жывитъ полапае: „Кто давалъ ѣсть? признавайсь“! Признавсь разъ, такъ було имъ! Отъ и перестали мени да-

ваты. Пійду пасты, выбижять сильски диты на майданъ изъ своимъ стадомъ. У кого пыроженочокъ стремыть изза пазухи, у кого палянычка. Исты такъ хочецця, я вырву да й ззимъ. Такій разбой, що й не показуйся мени на очы. А побижу—нихто й не наздожене. Пошле було индыкивъ пасты. Я попутаю ихъ, наче кони. Лежять воны любенько цилый день на поли; не вміють у пути по-кинськи плыгаты. А индычятка пасуцця. У вечери прыжену,—ихъ погодують. А то и клочче валы, и индыкивъ пасы. Я пасъ и свыней, дакъ я й сю пеню́ знаю: порозбигаюцця. Ніякъ до купы не жженешъ. Отъ я привъяжу поросятко до пугы, та й воджу по полю, а якъ треба зозваты, до я й давай колинчыты. Воно кувыкае, мовъ ёго колють; свыни позбигаюця,—я й пожену до дому гуртъ увесь. Та разъ позабигалы ажъ у попову леваду. Колинчывъ я, колинчывъ дурне порося, да й доколинчывсь, що тамъ и здохло. Ну, якось вывернувсь. Оттакъ то журывсь я соби журно зъ малку! Такъ и злодіякою зробывся. Сказано: сонъ муты́ть, а голодъ краде. Да якъ выйшла воля, дакъ мене нихто и не наймае и поденно не бере: „Краде!“ кажуть. Пожывъ; більшъ обизналы мене люде; сталы найматы, а я ставъ лучче промышляти про себе. Теперь якъ хто пугу краде, дакъ у мене й тило трусыцця, а тоди—голодъ не титка“.

Вдова никогда еще не слышала про такое горе, а товарищи только смѣялись. Она подумала.

„Оце жъ и е воны́ весели злыдни!“

Иногда эти веселые злыдни отпускали такія шутки:

„Ой лышенько!“ кричалъ одинъ, переставая молотить.

„Що тамъ таке?“—спрашивалъ спокойно другой.

„Запорошывъ око жытыною!“

„Жытына въ око впала?“—говорилъ третій.—„Ке сюды, я выкорпаю ципылномъ“.

„Хочъ бы бычемъ, а то цыпылномъ“,—отвѣчалъ пострадавшій протирая полою глазъ.

„Хыба око мале? бычемъ не выкорпаешъ“.

Кавунъ только смѣялся: *жартуваты* не умѣлъ онъ.

„Оце, брацци, добре що насъ четверо молотыть“,—говорилъ Тупотунъ.—„Нема лучче. Молоты втрохъ, дакъ выходыть: чортъ, чортъ, чортъ: а вдвохъ способнійще: бо тоди выходить: Богъ помичъ! Богъ помичъ! А найгиршъ одному: ни съ переду въ нёго, ни ззаду“.

Иванъ Тупотунъ вовсе не смѣялся, разсказывая о своихъ дѣтскихъ подвигахъ: ограничивался только усмѣшкой, глядя на хохочущихъ товарищей. Но не проходило минуты, чтобъ онъ чего-нибудь не сказалъ. Вдову это чрезвычайно занимало. Она упускала свои кухонныя дѣла и торопилась къ молотникамъ.

„Жыто паруецця зъ пшеныцею, горохъ—изъ чычевыцею, а овесъ—удовець“ объявилъ товарищамъ Тупотунъ.

Товарищи смѣются тѣмъ же самымъ смѣхомъ. Но Харко Колотуша, размышляя, какъ видно, о пāрованьѣ жита съ пшеницей, гороха съ чечевицей и о вдовствѣ овса, спросилъ:

„А якъ, Иване, лучче жывецця: чы гуртомъ, чы коженъ самъ по соби?“

„Гуртове—чортове“—отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ.—„Самъ соби голова: оце найкраще“.

„А на що жъ кажуть: у гурти й каша исця?“—сказалъ Хома Макитра.—„Та зновъ же кажуть: добре на одынъ снипъ жаты. Про що воно, добродійко? Вы розумни люде. Навчить насъ“.

„Нȧвчыть васъ бида съ саломъ коржи исты, а я скажу хыба ось що: чула я що й по тры невисткы съ дитворою вкупи вжывалысь, свекоръ и свекруха имъ порядокъ давалы. Е стороны, що, кажуть, якъ батько вмре, дакъ старшого брата и невистку слухають, наче и стару голову. Оттакымъ то, мабуть, людямъ у гурти й каша исця“.

„Ну, Йване“,—сказалъ Харко Колотуша, „теперъ ты, я думаю, не жу́рысся журно. Було тай мынуло“.

„Не журюсь, дакъ горюю, а хлиба не купую“,—отвѣчалъ веселымъ голосомъ Тупотунъ.—„Якъ прійдецця зъ петривського дня, дакъ и до спасивкы“.

„Се винъ, добродійко, говорыть, абы горло не зашерхало“, —сказалъ Хома Макитра. „Бо винъ старишый одъ усихъ насъ, а стари люде говирки.

„Который же тоби годъ, Иване?“ —спросила вдова, — „ще старощи видъ тебе далеки“.

„Не лита старощи роблять“, —отвѣчалъ все ровный голосъ Ивана Тупотуна. — „Чы не пора намъ обидаты? Отъ метлы не треба такъ становыты, якъ на насиння готуешъ, а треба класты; а забудешъ, дакъ стояны й будуть у жыти. Ге, ге!“ —продолжалъ онъ, — „ось два колоскы въ купи, подывицця! Добродійко, оддайте корови, дакъ и будуть вамъ телятка-блызнятка“.

„Да ты, бачу, Иване, всячыну знаешъ“.

„Усячыну, добродійко, знаю, тилько не знаю, якъ свою долю втоптавъ. А свита багато бачывъ, да тропы не вхопывъ. Зъ малечку оце було панію одбуду, дакъ панъ пъяный оставыть мене на вколишкы: Давай, я тоби отправлю службу. Я говивъ саме. Се було въ пистъ. Що жъ? спивавъ, спивавъ, —паску поивъ не свячену и яйця. Отъ и одправывъ мени службу. Тоди мени давъ порцію. Треба було зновъ мени почынаты говиння“.

„А якъ выйшла видъ царя воля, годи куды ты притулывся?“ —спросила вдова.

„Довго сновыдавъ“, продолжалъ Иванъ Тупотунъ. — „Ніхто не найма и поденно не бере. Хотивъ одружытысь, дакъ и жализни чоботы виттоптавшы, не знайшовъ бы соби пары. А посли пишовъ на Чорноморію. Заробывшы грошей и дыва всякаго надывывшысь, людей лучче познавшы, вернувсь изновъ у свое село. Тымъ часомъ мене тутъ прызабулы. Я прыдбавъ пивтори сотни карбованцивъ, прыйшовъ. Ажъ тутъ прысусидывсь до мене одынъ пройды-свитъ. Славъ мяхко, а довелось спаты, дакъ твердищъ нижъ безъ соломы у васъ пидъ столомъ, не въ гнивъ мое слово. Се я про мого тестя вамъ росказую. Якъ мени йты въ суботу до дому, дакъ лучче бъ у въ ополонку. Прыймаку тамъ, якъ тому куцому собаци. Якъ де побачите куцого собаку, то значить у прыймахъ бувъ. И свои пивтораста втопивъ; и теперъ безъ хлиба и безъ права седжу й роблю на ихъ. Якъ бы добрый до мене бувъ тесть, до я бъ до ёго трыйчы!“

„Де жъ се такъ буває?“—спросилъ Харко Колотуша.

„Ей Богу правда! Винъ мене лаявъ не разъ, а я ёго николы. Разъ прыйшовъ родычъ, ничымъ шановаты; дакъ я четвертака й давъ на горилку“.

„И самъ же пывъ?“

„Ни, и губъ не обмочывъ: пійшовъ соби на заробитокъ мовчкы. А теща... Бодай ты на себе наглу смерть достала! Мени бъ легше, щобъ я прыйшовъ до дому, ажъ Богъ и зривнявъ усе. Высылае мене въ наймы, а я кажу: колы ты посылаешъ у наймы, до й сама служы. А жинка ажъ выскочыла зъ хаты, якъ почула таке іи слово. Якъ же не жаль жинци? Якъ я у людяхъ молочу, до зъ яловычыною борщъ; а якъ субота, мене ждуть до дому, до й нема, и свитла не засвитять. Ище жъ мене нихто зъ ряду не выкыдавъ. Накормы та й кыемъ жены, а воны й того не хочуть. А теща усе до другои дочкы зъ коморы выносыть и мое зароблене. Сей тесть тилько на практыки: сыдыть, да сміеццся зъ усихъ, да прычты каже: на соби ничого не бачыть и робыты не хоче. Йимъ, та й гнусь, щобъ менче ззисты: такъ ихъ боюся“.

„Ну, се ты мени, Йване, таке сумне роскзавъ, що я зроду й не чула“,—сказала вдова.

„Оттакъ якъ чуете“,—продолжалъ спокойно молотникъ. „Надало жъ мени встряты! и векселя не давъ, а тилько мяхко славъ. Якъ той жыдъ наймыцци: Ты зъ у мене ніцого робыты не будесъ. Тилько поперы плаття да й сядь; коровы повыдоюй, да й сядь; самоваръ поставъ, да й сядь; людей отбудь, да й сядь; дытыну заколеси, да й сядь. Теперъ и я сыджу, мовъ та жыдивська наймычка, що не здышеццся. А ихъ годую“.

„Та й я“—сказалъ тѣмъ же тономъ Хома Макитра,—„прыйду до дому, дакъ и свитла не засвитять. Якъ бы не онукъ, до ни до кого бъ и загомониты. Заразъ озвеццся, якъ не спыть: Диду, дидусю! А невистка и сорочкы не залатае. А я то жъ, що зароблю, то й несу. Сынъ уже, кажу вамъ, не разъ у мене на грудяхъ сыдивъ“.

„Эге, теперъ така пленида настала", —сказалъ Харко Колотуша, — „Оце жъ казалы, що зъ нового году не буде уроджаю, дакъ сынъ устане на батька, а батько на сына".

„Яке вы все гирке та важке говорыте!"—сказала вдова.—„Я такъ думаю: Не хорошый се звычай, що диты ростуть у васъ ничого не знаючы. Нáвчыть, кажете, сама бида. Отъ и росте дочка въ матери господыни така, що тильки поле та пряде. Маты, бачъ, усе жалуе дытыны, да сама дило й робыть. Тымъ и втикае молода жинка видъ свекрухы до матери покы обвыкне въ чоловика".

„А се правда",—подтвердили молотники. „Ни одна безъ утекивъ не вжыве, покы наломыцця. Да хочъ и наймытъ, або наймычка. Попереду втиче, а тоди вже й осядецця. А хазяйство у хазяйки й гыне".

„Тымъ же то", продолжала вдова,—„и прозвалы свекруху лыхою; а вона бидна не знае що й робыты. Не вміе ничого вробыты невистка, а ни же не шупыть у господарстві. А хочъ бы й на мене. Се не свое дытя, що навчышъ: чуже—якъ ёго вчиты?"

„Отто жъ про свекруху й проложено—сказалъ Иванъ Тупотунъ.— Хочъ не лае, дакъ ворчыть".

„Отто жъ у кого е диты, нехай учыть; въ печи уси чугуны й горшкы поперевертае, коло хатнёго дила не вміе повернутысь, а хыба копаты, або сино гребты. Якъ добра наймычка, до й ій добре. И чоловику за нею буде добре: усе вміе, усёго соби прироблть. У насъ люде якось заздристи бояцця. Тилькы трохы проворковате, заразъ и кажуть: изъ неи добрà не буде: бо на іи шкура горыть. А котра працёвыта, дакъ маты й не велыть, щобъ не врeклы. Такъ и прывыкають до лежачого хлиба зъ малку".

„Ось, я щось вамъ роскажу",—сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Инша дытына вдасця розумныща за батька. Ото прыихалы старосты свататы панночку. Вона постерегла заразъ и выбигла на рундучокъ до ихъ назустричъ. Воны кажуть: позвольте де прыпъясты коней.— Де хочте, каже: хочъ до зимы, хочъ до лита прыпынайте. Зглянулысь мижъ себе старосты.—Дурна! собі на думці. Увійшлы въ комнаты. Де вашъ татонько? пытають.—Поихавъ сто рублывъ на

гривенныка миняты.—Ну, думають старосты—та й дурни жъ!—Да побудьмо трошкы.—Панночка каже: Може, вамъ дать що закусыты.—Та колы ваша ласка, дайте.—Чого жъ вамъ: чы прыбутного, чы одбутного, чи задеры-головы?—Воны уже й сами не знають, що имъ робыты. А одынъ и каже: Та роскажить намъ, що воно оце все значыть що вы кажете? Не зрозуміемо ничого, хочъ убый! На прыкладъ, щò се значыть: прывяжить до зимы, або до лита?—Значыть: хочъ до саней, хочъ до воза, що на подвирью стоялы.—А що значыть: сто рубливъ на грывенныка миняты?—Заяць грывенныка стоить, а коня заганяе въ сто карбованцивъ.—А прыбутне що?—Молоко: бо що дня беры и що дня прыбувае. А одбутне—сало; ёго кусочокъ визьмы тай нема на те мисце.—А задеры-голова?—Капуста".

„Э, ни",—тоди кажуть старосты. „Вона дуже розумна. Добре, що мы боржій не вернулысь до дому". Та роспыталысь, ума довидалысь, да й засваталы".

„Ну, въ тебе, Йване, не зашерхае въ роти!" говорили товарищи.

„А то ще",—продолжалъ черноморецъ,—„пійшовъ одынъ батько на заробиткы до багатого сына за коробку, такъ якъ оце мы сталы. Уговоръ такый скилько зорнятокъ улетыть батькови въ ротъ, стилько ёму коробокъ. Молотыть батько,—ни одно зерно въ ротъ не летыть. Сынъ радіе. Батько журыцця. Уже все жыто перемолотывъ батько: уже остаецця тры снопы. Якъ же ставъ домолочуваты, якъ стало жъ ёму зерно въ ротъ летиты, дакъ сынъ уже й просыть, щобъ рота такъ не роззявлявъ батько: бо прыйшлось не тилько тымъ, що въ клуни, а й тымъ що й за клунею я въ засикахъ досыпаты".

Смѣялись отъ души молотники, а разскащикъ продолжалъ:

„Такъ и я, що зӑмолочу, все до дому несу. Оце прыйду зъ роботы пизно, дакъ и свитла не засвитять и не озвуцця. А жинка не насміе. А я пять литъ роблю на чужу пельку, и своихъ пивтораста, кажу вамъ, уложывъ у ихъ худобу. Тилько пійду до дому, щобъ нужы не завесты. Тесть якъ изъ людей насміятысь, дакъ и подай, а дила опустывся. Усе на мене здався. Щобъ имъ тамъ хата згорила! щобъ и воны й мы въ наймы пошлы!"

Тогда Хома Макитра говоритъ:

„А якъ я прыйду до свого сына та до невистки, да я жъ вамъ кажу: колы бъ онукъ не озвався, до й слова бъ не почувъ. Се теперъ такъ: сынъ на дверы, батько въ викно. На грудяхъ у мене ажъ двичы сыдивъ. А невистка сорочкы не выпере, штанивъ не полатае. Щобъ я іи на лави побачывъ, покы дойду! А я имъ хату, городъ заробывъ. Симдесятъ карбованцивъ весилья стало. А жинка моя Настя—нехай царствуе, перомъ ій земля,—уже висимъ литъ якъ мене покынула. Вергае було по симъ пудъ. Такои жинкы не найты, и жаловала мене здорово! А якъ у шынкъ було пиду, дакъ пугою й жене. Я якъ пъяный, до зо мною що хочъ зробышъ. Якъ займе зъ шынку, дакъ ажъ спотыкаецця. А вже якъ тверезый, до и не пидходь!“

„Отъ же кажутъ“,—замѣтилъ Иванъ Тупотунъ,—„якъ свыня укусыть, або жинка попобье, до на Страшный Судъ не встанешъ. Щобъ ты не попускався. Мени сего ничого остерегатысь: жинка въ мене покладлывенька“.

„Та въ мене тежъ покладлывенька“,—сказалъ Харко Колотуша, „та бида, що нехлюя. Якъ пійду зъ господы, до якъ покыну, такъ и застану,—такъ якъ у хлеви. Мабуть, ныколи й не вымете хаты. Тилько готове зводыть. Оце заходывсь коло неи зъ батогомъ, дакъ самого смиття висимнадцять коробочокъ вынесла. Свекрухы нема, никому прыводъ даваты. Вона въ матери жыла на своій воли. Матиркы ничого не навчають. Покы замижъ пійде, бигае по хатахъ зъ гребенемъ, да на улыцю гуляты. Отъ намъ и горе. Иншый самохить и въ москали йде, якъ жинка така нечумазна трапыцця. Та й за коробку таки мабуть сами таки нетягы молотять“.

„Эге!“ сказалъ съ *прытыскомъ* Иванъ Тупотунъ.—„Оце жъ, мабуть, про таку недбаху та нехлюю й писню проложено, що каже:

Чымъ я въ мужа не жона,
Чымъ не господыня?
Симъ день хаты не мела,
Смиття не носыла.
Та вымету разкомъ,

Та вывезу возкомъ.
Купци прыижджалы,
Смитте куповалы.
Ой що тоби чепурухо,
За се смиття даты?
Сюды хипъ, туды хипъ,—
За се смиття висимъ кипъ".

„Ну, я до своеи сёго не прыкладую",—сказалъ молчаливый Карпо Кавунъ.

На это Харко Колотуша сказалъ:

„А моя якъ спече гныздюка, дакъ и въ горло не вбъешъ".

„А ты бъ зъ нею такъ зробывъ, якъ нашъ Кучма Харко",—сказалъ Иванъ Тупотунъ.—Се чоловяга моторный. Якъ оженывсь, бачыть, що жинка ничого не тямыть. Отъ разъ молотыть у клуни, а жинка дома мисыла, мисыла хлибъ, ничого не вдіе: такъ, може, якъ и твоя не вчена. Прыбигла.—Ни, чоловиче, я лучче паляныць напечу.—Да зновъ мисыла, мисыла—и паляныць не спекла. Бижыть изновъ:—Чоловиче!—Чого, жинко? А тамъ, ажъ морозъ по шкури иде.—Я лучче кнышивъ напечу.—Да печы жъ!—Зновъ бижыть, ажъ земля вгынаецця отъ жыру:—Ось иды, чоловиче, якого я гниздюка *напекла!*—Та ходимо жъ.—Прыйшлы въ хату.—Поможы жъ, чоловиче, вынять зъ печы—той гниздюкъ такъ и розплывся по черени и рострискавсь! Чоловикъ кочергою гребе, вона рогачемъ; выкотылы.—Ну, жинко, се жъ ты понесешъ батьку на гостынець.—Добре. Тилько поможы мени донесты.—Добре, поможу.—Убралысь, дойшлы до батьковыхъ ворить. Несы жъ теперъ ты, жинко: ты на те дочка, а то що я ёму?—Вона забрала и несе. Увийшла въ хату: Ось, тату, гниздюка тоби прынесла. Тогди батько взявъ пугу, да гнуздавъ, гнуздавъ. Дочку разъ, матюръ два, дочку разъ, матюръ два. А зятя поклыкавъ, посадывъ на покути и горилкы купывъ, и пошановавъ добре".

„Такъ, такъ брате", говорилъ Харко Колотуша. „И матирокъ треба вчыты".

„А батькивъ треба вчиты за сынивъ“, сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Я знаю парубка, двадцяты пяты литъ. Нихто за ёго не йде. И полукопка не зложыть, рожна до кгрынжолъ не затеше. Чы се жъ не батько вынуватъ! А здоровый, и въ дверы не влизе. Я такы разъ и запытавъ: Чому не учышъ ни косыты, ни такъ що въ хазяйстви робыты?—Жалуемо, каже: Добре, що въ тебе прыплидку нема; дакъ ты таке й верзешъ. Отъ и поговоры до горы. Ще й насупывся“.

„Ну, мій Антонъ хочъ и не вміе майструваты“ сказала вдова „дакъ винъ же про те й безбачченко: вырисъ дурнемъ пополамъ зъ бидою тай годи“.

„Не зовсимъ винъ и дурень“, сказалъ Колотуша, „не шуткуйте, добродійко, зъ вашымъ Антономъ. Винъ крыецця зъ своимъ розумомъ. Ума вывидуе въ людей, а мовчкы залыцяецця до вашои глухенькои Одаркы, усякъ ій услуговуе“.

„Не знаете вы ще моеи Одаркы“, сказала вдова. „Вона зъ вамы говорыть голоскомъ тоненькымъ, а на парубка знай гримае. Винъ іи боицця, наче мачухы. Що ни загадае, заразъ кынецця й зробыть“.

„Та винъ и шуткоматы вмие“, сказалъ Макитра. „Разъ пытаемо: чы не пора бъ тоби, Антоне, женытысь? А винъ: бувъ я вже двичы жонатымъ, дакъ одна жинка на лёду розидралась, а друга пидъ кожухомъ у петривку замерзла“.

А Тупотунъ къ этому прибавилъ: „Отъ и волы, да й у тыхъ е розумъ. Одынъ вилъ каже другому волу: Якъ я, каже, боюся хуры! А другый каже: А я гаивъ, дерево возыты. Бо на хуру вагою кладуть, а дерево безъ вагы. Вилъ розумный. Разъ и съ конемъ закладався, хто швыдче побижыть. Кинь каже: я, а вилъ каже: я, Да трошкы й пробигъ выбрыка. Тилько що земля, каже, пидомною провалыцця, тымъ Богъ и не веливъ довго бигаты. А ракъ ище хытрищый одъ вола. Зъ вовкомъ закладавсь, хто швыдче добижыть до якогось тамъ мисьця.—Отъ вовкъ бижыть, а ракъ и прычепывся до вовчого хвоста: той прыбигъ до гряныци та й каже: обертасъ!—А я давно жду васъ. А вовкъ по-

вернецця, та й махне хвостомъ; ракъ и ставъ уперодъ. То чомъ же людямъ не хытруваты? Я оце згадавъ про одного прояву, дакъ се вже правда. Тоди проморыя була на дитей. Пійды бо до ликара, каже жинка. Ажъ тутъ и проявывсь у насъ дохторъ. Усяки въ ёго пляшечкы де глына наколочена, де цегла, де яке сыныло. Ходыть по хатахъ, а жинкы облавою ёго обступылы. Такъ обійшовъ трохы не все село. Добру калытку грошей надбавъ. Каже, що ёго прыслано. А въ дитей дехторыты чы що булы, гирла болилы. Посли каже: Треба мени верстовъ за десять поихаты ище всякого медикаменту набраты. А тутъ ёго просять, щобъ ище зайшовъ да поличывъ. Нема вже ликарства. Отъ одынъ заможный чоловикъ дае коней и погоныча, годивъ десяты хлопчыка, дарма що було пидъ робочу пору. Тилько доихалы до кущивъ чагарнякивъ, винъ заразъ погоныча знявъ зъ воза за спыну, якъ цуцыка, скынувъ, а самъ по коняхъ, и бувъ такій, и по сей день ёго не знайшлы. Де якыхъ дитей поризалы мертвыхъ, щобъ побачиты, отъ чого воны такъ мруть, а въ ихъ одъ ёго ликарства усе въ животи брусомъ побралось. Сказано, кинець свиту".

„Така наша лыха годына, сказала вдова, що всякій заволока людей дурыть".

„Ну, у насъ тилькы ошукують людей, а инде, дакъ и розбывають, отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ. Отъ якъ я бувъ у Чорноморіи, дакъ чувъ про Игната Голого: Савуръ Могыла близько Ростова, за Екатерынославомъ. Мы ходылы на Чорноморію, дакъ тамъ на Савуръ Могыли жывъ чоловикъ Савуръ (такъ и зовуть) изъ дочкою и тяжко грабылы людей. Могыла высока, девять верстъ иты въ гору. Оце жъ по узъ ту гору йты и ихаты. Везуть люде рыбу, винъ никого не пропустыть, усе грошы одбирае. А Игнатъ Голый та служывъ за наймыта у одного хазяина, та й прочувъ про це. Имъ треба було ихаты съ хазяиномъ по узъ Савуръ Могылу и платыты, оплачуватысь, щобъ не розбывалы. А Игнатъ Голый, зробывъ соби дротянку. Идуть; хазяинъ боицця. А той узявъ мезынцемъ зачепывъ за пидтокы,—такъ воза й повернувъ. Отъ хазяинъ бачыть таку сылу, переставъ боящця. Доихалы до Савуръ Могылы; Игнатъ Голый и каже: Давайте я самъ

ёму гроши однесу. Той давъ скилькось; винъ пишовъ и дротянку съ собою забравъ.—Нате, каже, гроши. А дочка Савурова ще щось ёму сказала. Винъ якъ ударывъ дротянкою, такъ на двое й росколовъ, а посли й ёго. Тоди позабиравъ уси гроши, що винъ грабовавъ у людей и прынисъ хазяину. Соби ничогысинького не зоставывъ. Сили коло осели, седять; ажъ иде чоловикъ и дуже журыцця, и такый наляканый! Росказуе имъ, якъ выскочыло, каже, симъ чоловикъ та й позабиралы рыбу. Игнатъ Голый каже: Ходимъ до тыхъ заразъ: я ихъ розбышакъ усихъ попереводжу, якъ того Савура! Той боицця, а хазяинъ штовхае ёго да каже: да не бійся: винъ сылачъ. Отъ и пишлы. Идучы бачять долыну таку превелыку и тамъ хатка и багаттечко. Подывылысь у виконце: бачять воны, за столомъ сыдять, пъють да гуляють. По стинахъ рыба порозвишована того чоловика, що позабиралы. А хазяинъ лежыть у перынахъ и росказуе имъ. Вы, каже, на одынця николы не нападайте. Одынъ ныколи такъ спроста не поиде, а непреминно зъ якымы-небудь хымородамы. А тутъ Голый у викно: одчыните! Не одчыняють. Винъ узявъ за замкы,—такъ и поодпадалы. Увійшовъ и каже: подайте мени отого крайнёго, що въ перынахъ! да такъ дротянкою и росколовъ, и всихъ повбывавъ. Найшлы погребъ робленый изъ цеглы. Що тамъ срибла, золота! усе позабиралы. Прынеслы, а посли й поихали, тилькы Игнатъ Голый ничого соби не зоставывъ".

„Да годи тоби вже верзты! про таке страхитте!" сказалъ Харко Колотуша. „Ось скоро й обмолотыны будуть. Кинчаймо вже; поздоровъ Боже господыню. Може такы и въ насъ одлыгне на серци".

„Будуть, будуть, да ще й яки!" сказала вдова. „Такыхъ обмолотынъ ще нихто не справлявъ молотныкамъ".

„Чы справди!" заговорили молотники и даже Кавунъ прибавилъ: „Се добра ричъ".

Быстро завершили молотники свою работу. Въ субботу вечеромъ было назначено праздновать обмолотины. Пекарня была убрана попраздничному, а наймычка—въ *чохлатой* сорочкѣ и въ мачкахъ на головѣ.

„Оттакъ вырядысь!" сказалъ Тупотунъ, „неначе молода".

„Вона й е въ мене молода княгыня“ отвѣчала вдова „сёгодни и сватаТымуть?“

„Хто? звидкиля? за кого?“

„Вы сами, добри люде“.

„Ге, ге! теперъ бачымо“ заговорилъ Тупотунъ. „Се жъ того такъ Антонъ ій и вслуговувавъ! Разъ изнявъ у неи коромысло съ плечей, та й понисъ видра въ пекарню. Отъ якъ винъ іи боицця“.

„А що жъ?“ продолжала вдова. „Винъ сырота, вона сырота. Не высоко литають обое. Нехай поберуцця, до веселище буде имъ у мене въ наймахъ. Я й хату имъ збудую и города вдилю, и поля дамъ по десятынци въ руку“.

„Спасенне дило вы робыте, добродійко“, сказалъ Тупотунъ, „тилько я не велю вамъ грунту запысуваты, а чомъ не велю, дакъ ось: люде навчять, покыне винъ васъ. А якъ знатымуть, що земля ваша, дакъ и жытымуть зъ упокоемъ, и Богу й вамъ дякуватымуть. Я свитъ пройшовъ, дакъ надывывсь на всячыну“.

„Спасиби тоби за пораду“ сказала вдова, и не призналась, что она сама такъ думала. „Оце жъ тоби, Иване, прыходыцця буты за свата въ Антона“.

„А мене“ сказалъ Макитра „берите за пидбрихача. Да нехай заразъ ваша дивка внесе намъ воды, щобъ мы побачылы іи ходы“.

„А я хотивъ бы почуты говиркы женыховои“ сказалъ Колотуша. „Женылы мы одного такого, якъ вашъ Антонъ. Отъ и навчаемо: Ты жъ, Дороше, не мовчы, щобъ не сказалы: дурный! А якъ переговорымо свои речи, дакъ и ты скажы що небудь кругленьке. Тилько що замовклы, а винъ якъ бовкне: Обручъ! Боже! якъ лякнувъ—дивка й батько й маты въ одно слово: да се жъ винъ дурный! Тоди мы за шапкы, та за палыци! тилько й бачылы насъ. Боялысь, щобъ ище й не быто за таку насмишку“.

„А то маты ддавала слипувату дочку“ сказалъ Тупотунъ. „Дакъ ся мудро й навчыла: кынула заздалегидь проторга передъ собою, а слипувата дивка нагнулась та й подала: Ось, мамо, голочку вы загубылы! Такъ и взято іі за выдющу. И добра зъ неи була господыня, не пекла гниздюкивъ, такъ якъ та Кучмына Харкова жинка“.

„Усе гараздъ у вашои молодои пары, добродійко“, сказалъ Харко Колотуша, ,,одно не доладу: що чоловикъ буде надто смырный, а жинка лаюча. Бувъ у насъ одынъ такый, що й пидъ пичъ кочергою було зажене, ще й туды штырхае та крычыть: Бачъ якый злый! ажъ за кочергу хапаеццял—А винъ изъ пидъ печы: А на що жъ ты за мене йшла, колы я такый злый“.

„А я тебе, дивонько, пораджу“ сказалъ Тупотунъ: ,,не доймай виры Антоновій смырнòти. Ось я тоби заспиваю писеньку, замисть весильнои. Перенявъ я ii въ лытвынка, якъ бувъ у Чорномории. Туды всякого языка находыть. Инший заволочецця зъ Mòсквы. Ну, въ москаля, звисно, лубъяный языкъ. Чуе, якъ нижненько кругомъ понашому говорять: *плугъ воливъ*, а верне по-своему: *плукъ валофъ*. Ну, а лытвынокъ хыба лыхо ёго нападе, щобъ не дзекнувъ. Не скаже по нашому *винъ, вона*, а *іонъ, яна*, не скаже *есть*, а *ёсть*. Оце жъ и писеньку я тоби заспиваю такъ, якъ винъ спивавъ, по литовськи:

,,Вясѣлитясь, красавицы,
Докуль ёсть уръемъя.
Вы ня въертя жаныхамъ,
Што яны бажàцца.
Жаныхами забажацца,
Мужми пазабудуць,
А надъ вами младёхными
Смѣятися будуць“.

Общій хохотъ былъ наградой пасмурному разскащику, который не имѣлъ въ жизни радостнаго времени и не научился смѣяться, а другихъ смѣшить былъ мастеръ.

Среди веселыхъ разговоровъ появился въ пекарнѣ Антонъ въ длинной новешенькой свитѣ и въ красномъ поясѣ.

„Отъ тоби й Куцый!“ заговорили въ одинъ голосъ молотники. Одарка между тѣмъ показала свою ходу. Начались *законныи рѣчи*, пошло веселое угощеніе.

„Тисна въ васъ, добродійко, пекарня“ говорилъ Тупотунъ, ,,а якъ намъ було й простирно й затышно! Оце бъ мы молотылы въ васъ хочъ до самои косовыци, и про жинокъ своихъ позабувалы“.

„А мени зъ такымы молотныкамы такъ було весело, наче въ гостяхъ“ отвѣчала вдова. „Якъ дасть Богъ, дождемо нового хлиба, дакъ уповаю, що не мынете вдовиной хаты. Мы зъ Одаркою за никольствомъ не понапрядалы на рушныкы, та на хусткы, до я оце крамне вамъ покупыла“.

И счастливая наймичка поднесла всѣмъ четыремъ молотникамъ по длинному рушнику въ тканыхъ орлахъ и по нарядному платку въ разноцвѣтныхъ узорахъ.

„Оттеперъ буде чимъ токову куряву бмитаты“ говорилъ Тупотунъ, принарядясь въ роскошные подарки, „такыхъ рушныкивъ и нашъ соцькый не дававъ за своею одыначкою!“

„Эге“! сказалъ, радуясь молча Кавунъ.

Въ знакъ благодарности Тупотунъ повторилъ вдовѣ свой совѣтъ: „Бо хочъ винъ и дурень, а заразъ васъ покыне. На сели въ насъ не одно таке дыво було. Покы не дае векселя, до й поважае старого. А хто не остерится: Ты, мовлявъ, мене воспытуватымешъ за се до смерти,—дывысь, беззменныкъ та й выпирае старенькыхъ изъ хаты! Иноди и одчепного старый дае, щобъ збавыцця одъ напасти, позбутысь такого лыха, та й ничого не вдіе. То не велю, добродійко, й вамъ даватысь у рукы дурневи. Отъ же й мій тесть видказуе мени на пидпытку: тоди оддамъ, якъ свыни биттымуть сами въ череду“.

„Нехай уже воно на сухый лисъ иде, те не людське лыхо, а въ нашій хати дай Боже, щобъ було тыхо!“ сказала вдова. „Не здывуйте на сырицьки подарункы. Николы було намъ самымъ по напрядаты; нехай за насъ крамъ одвичае. Дакъ за те жъ не дорекатыме и Одарка мени такъ, якъ та дочка матери, що каже:

Скрыне моя, скрыне!
Не годъ, не два пряла,
Не вѐсну билыла,—
За день роздилыла.
Ой дбала жъ я, дбала,—
Маты надибрала
Бояръ даровала.

Ганна Барвинокъ.

НА РУБЕЖѢ.[1]

VII.

Зима прошла среди дѣятельныхъ приготовленій козаковъ къ войнѣ съ Польшею; наконецъ, блеснули первые дни нетерпѣливо и тревожно ожидаемой весны; приближался условленный срокъ борьбы, на которую возлагались надежды освобожденія отъ шляхетскаго господства въ краѣ. Едва сошелъ снѣгъ въ степи, къ Гордію явился посланецъ изъ Сичи съ извѣстіемъ, что охотники изъ Запорожья уже двинулись маленькими отрядами и незамѣтно пробираются вдоль Выси и Кодымы къ западу; хотя трава еще не показалась, разсчитывали пока прокормить лошадей въ степи, то останавливаясь въ уединенныхъ зимовникахъ, то, въ крайности, пользуясь изсохшею прошлогоднею травою; къ этому средству прибѣгали въ Запорожьи неоднократно, и оно, съ грѣхомъ пополамъ, вывозило до новой травы. Запорожцы двигались осторожно и медленно, разсчитывая въ половинѣ пути дождаться свѣжаго корма.

Получивъ это извѣстіе, Гордій понялъ, что и ему пора собираться въ походъ, чтобы во́-время поспѣть въ Немировъ и Шаргородъ для соединенія съ Саввою и Верланомъ. Хотя по общему плану дѣйствія онъ долженъ былъ выступить нѣсколько позже сичовиковъ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ энергично ускорять всѣ необходимыя приготовленія; его болѣе всего задерживала необходи-

---

[1]) „Кіевск. Стар.“, т. XXI, 1888

мость поджидать сбора охотниковъ изъ Гетманщины, эти же послѣдніе собирались медленно и безпорядочно. Притомъ приходившіе вели себя неосторожно и несдержанно; они привыкли къ другимъ, болѣе свободнымъ общественнымъ порядкамъ и не умѣли приноровиться къ обстоятельствамъ правобережной Украины; по мѣрѣ того, какъ они собирались, Гордій размѣщалъ ихъ подъ благовидными предлогами въ сосѣднихъ селахъ и хуторахъ; болѣе развязныхъ и болтливыхъ онъ пряталъ въ степныхъ пасѣкахъ и ярахъ, стараясь по мѣрѣ возможности менѣе обращать на себя вниманіе старостъ и помѣщиковъ. Въ домѣ Гордія происходила лихорадочная дѣятельность. Для всѣхъ участниковъ дѣла ясно было, что онъ долженъ подать сигналъ къ походу, хотя формально никого объ этомъ не предупреждали. Къ нему являлись и пріѣзжіе изъ-за Днѣпра, къ нему за справками и распоряженіями приходили крестьяне и козаки изъ окрестныхъ селъ. На левадѣ за его садомъ, среди зарослей, лозъ и осокорей, въ концѣ зимы еще появились двѣ кузницы: въ нихъ ковали новыя копья, исправляли старыя сабли и другое оружіе.

Домочадцамъ своимъ Гордій не говорилъ ни слова о своемъ предпріятіи,—по принципу онъ не довѣрялъ женской болтливости; онъ зналъ, что, конечно, женщины догадываются,—и пусть ихъ! но точно онѣ ничего знать не должны. Дѣйствительно, и въ его домѣ, и въ мѣстечкѣ было ясное сознаніе, что готовится нѣчто; народъ пережилъ много волненій и сумятицъ и чутьемъ угадывалъ предстоящее возстаніе по такимъ мелочнымъ признакамъ, которые ускользали отъ вниманія самаго чуткаго региментаря; но никто не зналъ подробностей задуманнаго дѣла и его размѣровъ, и потому молва носилась въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ, которыя не много вреда могли принести предпріятію, если бы даже и дошли до слуха старостъ.

Наконецъ Гордій приказалъ прибавлять втеченіе нѣсколькихъ дней корму лошадямъ и каждый вечеръ вни-

мательно наблюдалъ съ крылечка своего дома солнечный закатъ. Домашніе догадались, что приближается время выступленія въ походъ. Въ одинъ изъ вечеровъ Гордій смотрѣлъ на горизонтъ: солнце медленно уходило за безоблачный небосклонъ, отсвѣчивая тихимъ желтымъ свѣтомъ, который медленно исчезалъ, смѣняясь ясною лазурью небеснаго свода. Гордій присѣлъ на скамейку и весело смотрѣлъ впередъ.—Совсѣмъ кстати, сказалъ онъ, погода надолго установилась. Затѣмъ, увидѣвъ стоявшаго на улицѣ Гнатка Голаго, онъ подозвалъ его:—Садись, сыну! сказалъ онъ.

— Что скажете, дядьку?.. Никто уже не является?..

— Нечего ждать долѣе. Кто опоздалъ, пусть старается догнать насъ на пути,—намъ пора. Вчера уже ушли переяславскіе, сегодня уйдутъ батуринскіе, завтра наша очередь. Собирайтесь, хлопцы, и двигайтесь къ Черному шляху; сборный пунктъ на Татарской нивѣ; кто пріѣдетъ раньше, пусть ждетъ сбора.

Въ слѣдующую ночь изъ разныхъ улицъ мѣстечка, повидимому въ различномъ направленіи, выѣхали два отряда всадниковъ. Ночь была темная, глухая; мѣстечко повидимому объялъ глубокій сонъ; среди тишины въ одной изъ отдаленныхъ улицъ слышались шаги и тихій говоръ: это осторожно двигался послѣдній отрядъ, состоявшій изъ двухъ десятковъ всадниковъ. Этотъ отрядъ, котораго неясные силуэты едва были замѣтны среди ночнаго мрака, остановился у воротъ большой бѣлой хаты; одинъ изъ всадниковъ спѣшился и сказалъ тихимъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на домъ: „Темно... спитъ онъ, что-ли“?

Сзади кто-то шепнулъ насмѣшливо:—Онъ сторожитъ молодую жену, боится, чтобы она не ушла въ походъ!—

Спѣшившійся направился черезъ „перелазъ“, прошелъ дворикъ и осторожно постучалъ въ окно хаты, затѣмъ сталъ ждать оклика, но отвѣта не было; въ хатѣ господствовала абсолютная тишина. Пріѣхавшій смутился,

какъ будто явленіе это было неожиданно и неестественно, пожалъ плечами и постучалъ громче.—Въ хатѣ, наконецъ, послышался шорохъ.

— Наконецъ-то проснулись! сказалъ онъ съ укоризною. Онъ продолжалъ стоять у окна и прислушивался; изъ хаты послышался женскій голосъ.

— Гнатко! это ты?

— Я,—разбуди Грыця.

Бѣлая фигура приблизилась къ окну; это была Гандзя, жена Грыця.

— Зайди въ хату!

Вслѣдъ затѣмъ послышалось раздуваніе углей и вскорѣ запылала смолистая „лучина". Гнатко входилъ въ хату въ то время, когда Гандзя освѣтила яркимъ пламенемъ лучины всю избу.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ! отвѣтила хозяйка нѣсколько неувѣреннымъ голосомъ.

Гнатко окинулъ взоромъ избу. Грыцька здѣсь не было.

— Гдѣ мужъ? спросилъ онъ.

— Уѣхалъ въ степь... онъ сказалъ, что знаетъ, куда слѣдуетъ ѣхать, заупрямился и поѣхалъ.

— Напрасно! Мы условились ѣхать вмѣстѣ; онъ зналъ, что завернемъ.

— Что съ нимъ подѣлаешь! Я его удерживала:—не захотѣлъ...

Нечего было дѣлать, Гнатко попрощался съ хозяйкою и ушелъ. Козаки шагомъ выѣхали изъ мѣстечка и направились на западъ въ степь. Гнатко не могъ себѣ объяснить повода, почему Грыцько предпочелъ ѣхать одинъ; онъ не могъ угадать настоящаго повода; на дѣлѣ же вышло то, что жена не пустила его изъ дому; она молчала, пока онъ собирался въ путь, но когда узнала о срокѣ, назначенномъ для выѣзда, то собрала все его оружіе,—самопалъ, списъ, пистолеты и саблю, унесла въ комору и послѣднюю заперла на ключъ. Когда онъ по-

требовалъ ключа, она, вмѣсто отвѣта, напустилась на него съ укоризнами: попеременно то сыпала бранныя слова, то плакала, то приводила резоны.

— Вотъ такъ ладно, нечего сказать! Третій мѣсяцъ, какъ женился, и бросаетъ жену! Не пущу, тай годи!— Вишь рыцарь какой: ему драться захотѣлось... не видали такого богатыря! А если такъ ужъ непремѣнно „кортыть", то иди... бери дубину и иди сражаться съ ляхами, а оружія не дамъ, и не проси. Да и подумай: драться они будутъ не день, не два,—нечего торопиться, переждешь дома до „зеленыхъ святъ" или до „св. Петра-Павла", а тамъ и успѣешь догнать товарищей.

— Послушай, жинко! такъ нельзя,—что обо мнѣ подумаютъ люди, когда узнаютъ, что я остался за печью? Меня одѣнутъ въ юбку, повяжутъ голову платкомъ, саблю подмѣнятъ „кудилью"!

— Пустяки! крикнула Гандзя: посмѣются, да живьемъ тебя не съѣдятъ, а ты сочини что нибудь: скажи, что выѣхалъ въ походъ, да заболѣлъ, или что тебѣ атаманъ приказалъ возвратиться, поджидать да собирать запоздавшихъ и направлять ихъ въ походъ; подумай,—ты вѣдь на выдумки мастеръ: захочешь, такъ „сбрешешъ" такъ гладко, что никто „брехни" не замѣтитъ.

Грыцько спорилъ вяло, чесалъ затылокъ, но, видимо, не сдавался; въ глубинѣ души шевелилось у него какое-то неловкое, крайне непріятное ощущеніе; первый разъ ему приходилось сознавать полную свою несамостоятельность, склоняться передъ предпріимчивостью и настойчивостью жены, да еще въ такомъ дѣлѣ, вмѣшательства въ которое онъ не ожидалъ. Въ его легкомысленной натурѣ вспыхнуло чувство досады, жена ему показалась противною; но чувство это вызвало лишь минутную вспышку; сладить съ энергіею жены онъ не умѣлъ и почувствовалъ инстинктивно, будто на рукахъ его затягиваются пута, которыя его крайне раздражаютъ, но снять которыя онъ не въ состояніи. Онъ уныло задумался: „отъ тоби вими-

нявъ шыло за швайку", мелькнуло въ его головѣ. Ему вспомнились прожитые три мѣсяца и ясно обрисовались отношенія къ женѣ: вся ея природа мало по малу уходила въ одно господствующее чувство ревности; вслѣдствіе этого постоянное ея стремленіе не разлучаться съ мужемъ, не отпускать его отъ себя ни на шагъ. При каждой попыткѣ съ его стороны возвратить себѣ часть потерянной свободы происходили тяжелыя сцены, въ которыхъ она вела себя столь рѣзко и энергично, что легкомысленный супругъ отступалъ шагъ за шагомъ и сталъ въ грустную роль „попыхача" своей жены, не давая себѣ въ томъ яснаго отчета. Теперь наступилъ рѣшительный моментъ семейной драмы: она вѣдь ограничиваетъ его общественную дѣятельность, не допускаетъ его исполнять то, что общественное мнѣніе признаетъ священнымъ долгомъ; она его не считаетъ козакомъ, поступаетъ, будто съ мальчишкою, конфискуетъ его оружіе... Грыцько вспылилъ; онъ вскочилъ со скамьи и подбѣжалъ къ женѣ.

— Послушай, гадюко! вскричалъ онъ:—давай ключъ!

— А зась тоби! крикнула Гандзя, вооружившись на всякій случай рогачемъ.

Но первый взрывъ вспышки мужа быстро прошелъ. Не столько видъ рогача, сколько рѣшительное выраженіе лица женщины, ея спокойно блестѣвшіе глаза, стиснутыя губы, на которыхъ мелькала ироническая улыбка, и вызывающая поза смирили его порывъ. Онъ перемѣнилъ тонъ и повелъ разговоръ нерѣшительнымъ, задыхавшимся голосомъ:

— Послушай, тебѣ вѣдь стыдно будетъ; про твоего мужа пройдетъ молва, что онъ трусъ, баба, что спрятался „за пичъ", что сидитъ „пидъ запаскою" въ то время, когда всѣ его товарищи пошли „на ляха". Вѣдь на меня дѣти будутъ пальцами показывать. Мнѣ насмѣшками глаза выколютъ.

— Не ихъ дѣло! А тебѣ бродяжничать нечего! Коли называешься хозяиномъ, сиди дома и присматривай за

хозяйствомъ: справься съ пахатью, а тамъ придетъ „косовыця“, а тамъ „жныва“, а послѣ живъ, если тебѣ такъ сильно захотѣлось „козаковать“, то „й пидешъ къ бису“.

Прокричавъ рѣзкимъ голосомъ послѣднюю фразу, Гандзя бросила съ досадою рогачъ на мѣсто и вышла изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью. Грыцько остался посреди избы въ недоумѣніи. Очевидно объясняться вторично съ женою онъ не посмѣетъ, необходимо на нѣкоторое время исполнить ея волю, а тамъ можно будетъ улучить удобную минуту и догнать товарищей; нужно только придумать благовидный предлогъ, чтобы объяснить людямъ причину своей остановки, а тамъ подойдетъ нѣсколько человѣкъ запоздавшихъ молодцовъ, и онъ укатитъ съ ними въ степь!... Тамъ меня и розыщи!...

Утѣшаясь такимъ образомъ, Грыцько взялъ свиту и благоразумно ушелъ на ночь въ „клуню“, обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій; онъ зналъ, что вечеромъ долженъ былъ по условію заѣхать Гнатко и, не давая самъ себѣ яснаго отчета, устраивался такъ, чтобы избѣгнуть съ нимъ встрѣчи и объясненія. Гандзя, увидѣвъ, что мужъ удалился въ клуню, самодовольно улыбаясь, внесла въ комору сѣдло и уздечку и, надѣвъ на коня „обороть“, увела его черезъ садъ въ огороженную леваду и пустила на пашу; затѣмъ, не принимаясь за приготовленіе ужина, улеглась спать.

На другой день послѣ выступленія козаковъ въ походъ, Грыцько весь день просидѣлъ безотлучно дома. Ему стыдно было показаться на улицѣ; чѣмъ болѣе тяготѣло надъ нимъ неопредѣленное и неловкое положеніе, въ которомъ онъ очутился, тѣмъ болѣе росло раздраженіе по отношенію къ женѣ; она его обезчестила передъ людьми и унизила въ собственныхъ глазахъ. Маленькая, до сихъ поръ незамѣченная имъ трещина стала теперь медленно разширяться, превращаясь въ глубокую пропасть, раздѣлившую его отъ жены; и по мѣрѣ того, какъ углублялась эта пропасть, все живѣе и явственнѣе шевелилось

въ душѣ его сожалѣніе; передъ нимъ вставалъ образъ тихой, кроткой, брошенной имъ дѣвушки... „Безуменъ я, просто глупъ, думалъ онъ, исполненный безотрадной тоски: я промѣнялъ добрую, искреннюю, горячо и давно меня любившую дѣвушку на веселую и бойкую, но безсердечную змѣю“.

Грыцько погрузился въ подобнаго рода размышленія, но кромѣ безплоднаго сожалѣнія, кромѣ сознанія своего безвыходнаго положенія и унизительнаго малодушія ни до чего не могъ додуматься. Минуло нѣсколько дней, онъ поблѣднѣлъ, исхудалъ, двигался апатично, равнодушно смотрѣлъ тусклыми глазами, говорилъ мало и неохотно. Сосѣди, заходившіе въ его хату, сочли его дѣйствительно больнымъ и стали утѣшать; тогда Грыцько отважился выходить изъ дому, но общества избѣгалъ и обыкновенно вечеромъ отправлялся за „царину“ и безцѣльно бродилъ по полямъ. Возвращаясь съ прогулокъ, онъ всегда направлялъ путь мимо хаты Гордія, вида которой прежде онъ тщательно избѣгалъ; теперь какая-то сила тянула его мимо воли въ ту сторону.

Разъ, возвращаясь вечеромъ по излюбленной дорогѣ, онъ замѣтилъ издали Марусю, сидѣвшую на улицѣ у „перелаза“; сердце его тревожно забилось; онъ остановился въ недоумѣніи: идти ли дальше, или бѣжать назадъ? Маруся сидѣла неподвижно, смотрѣла въ его сторону, какъ бы поджидая его прихода. Постоявъ немного, онъ двинулся впередъ; чѣмъ ближе подходилъ къ дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ потребность остановиться, обмѣняться хотя бы однимъ словечкомъ,—но ему было неловко и стыдно; онъ опустилъ голову и медленно подошелъ къ воротамъ; наконецъ рѣшился взглянуть на Марусю. Она сидѣла неподвижно и съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматривала его своими кроткими голубыми глазами.

— Добрый вечеръ! сказалъ онъ застѣнчиво.

— Добрый вечеръ, отвѣтила спокойно Маруся:—откуда Богъ привелъ?

— Съ поля: иду домой... Онъ чувствовалъ себя неловко; ему казалось, что Марусѣ все извѣстно: и причина, почему онъ не ушелъ въ походъ, и его внутреннія тревоги и побужденія, заставлявшія его въ послѣднее время бродить около ея хаты. Онъ рѣшился пройти не останавливаясь.

— Спѣшишь домой? Съ того времени, какъ ты женился, полюбилъ ты свою хату. Люди тебя и встрѣчать перестали.

Голосъ Маруси былъ спокоенъ, но это именно спокойствіе показалось Грыцьку выраженіемъ глубокой ироніи, хуже самой язвительной насмѣшки. Онъ сознавалъ, что былъ неправъ по отношенію къ ней, онъ ожидалъ встрѣтить оскорбленное самолюбіе, нескрываемое озлобленіе и укоры, вызвать по этому поводу объясненіе и вмѣсто того встрѣтилъ невозмутимое спокойствіе и тотъ же прежній добрый взглядъ голубыхъ глазъ. Все это усилило его смущеніе.

— Да нѣтъ!... Ничто особенно не привлекаетъ меня домой.

— А жена?

Отвѣта не было. Она взглянула на собесѣдника; онъ стоялъ блѣдный, съ опущенными глазами. Она почувствовала къ нему глубокое состраданіе. Неужели такъ скоро случилось то, что она предугадывала? Неужели ихъ любовь уже кончилась? Неужели звонкій хохотъ Гандзи вызываетъ уже въ легкомысленномъ мужѣ не веселость, а досаду и злобу? Скоро же кончилась ихъ любовь! Не желая продолжать разговора на эту, очевидно непріятную тему, Маруся быстро перешла къ другому предмету.

— Почему ты не ушелъ въ походъ?

— Я заболѣлъ, долженъ былъ возвратиться съ дороги, „нездужаю“: немного поправлюсь и пойду съ батуринцами, которые должны подойти на дняхъ.

— Да батуринцы вѣдь давно ушли.

— Ушли, да не всѣ; ожидаю новаго отряда.

Онъ поднялъ глаза; въ нихъ виднѣлась тяжелая скорбь, какая-то нѣмая, сердце раздиравшая жалоба.

— У тебя тяжелая „журба“ на сердцѣ?

— Да, тяжело мнѣ здѣсь, сказалъ Грыцько, отчаянно махнувъ рукою: хочу поскорѣе въ степь, на волю, да можетъ быть ляшская пуля не минетъ меня.

— Пожалѣлъ бы ты жены.

— Жены? Что ее жалѣть? Тебя я буду жалѣть. Любились мы съ тобою долго и разошлись безъ толку: должно быть нечистая сила попутала меня, и вышла доля моя такая горькая, такая безталанная, что лучше бы мнѣ сидѣть на турецкой каторгѣ или висѣть на ляшской „шибеницѣ“.

Дѣвушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и какъ-будто не понимала его словъ. Грыцько вдругъ повернулся и опустилъ голову.

— Прощай!... Пойду искать для себя счастія въ томъ, въ чемъ люди видятъ несчастіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстрыми шагами удалился.—Маруся осталась на перелазѣ въ томъ же положеніи; она сидѣла неподвижно и смотрѣла вслѣдъ за уходившимъ, пока онъ не скрылся изъ ея глазъ. Немного спустя, изъ хаты вышла тетка Ярына.

— Зачѣмъ онъ сталъ вновь ходить? сказала она вслухъ, будто про себя: кончится это хожденіе бѣдою.

Дѣвушка упорно молчала. Въ душѣ ея волновались разнообразныя страсти: и сожалѣніе, и гнѣвъ, и неукротимая ревность; ей казалось, что сердце ея разрывается на части; она не думала, хорошъ ли, плохъ ли Грыцько... она чувствовала только, что другая отбила у нея „милого“, лишила ее „доли“, но не сумѣла ни ему доставить счастья, ни сама имъ не воспользовалась. Маруся чувствовала, что этого счастья ей не вернуть, но не была въ силахъ сладить съ прежнею любовью; ею овладѣла всецѣло ревность, и жажда мести мало по малу охватывала ея кроткую до того времени душу. Месть нашептывала ей: онъ твой, былъ твоимъ раньше, отними его у разлучницы, пусть она понесетъ кару за посягательство на твое добро.

Солнце уже зашло за небосклонъ, а Маруся все еще сидѣла въ раздумьи на томъ же мѣстѣ, и мысли ея вылились невольно въ пѣснѣ:

„Два голубы воду пылы, а два колотылы.
„Бодай лыхо тыхъ побыло, шчо насъ розлучылы!

Ярына опять вышла изъ хаты и прикрикнула на племянницу.

— Годи вже тоби, годи! ступай домой. Еще лѣто не наступило, еще рано по ночамъ сидѣть на улицѣ: насидишь себѣ „пропасныцю“ или другую бѣду!

Маруся поднялась и обѣ женщины вошли въ хату.

Между тѣмъ весь трагическій порывъ Грыцька ограничился сказанными имъ жалкими словами; возвратившись домой, сталъ онъ раздумывать, какъ бы ему отправиться поискать „лядськои кули“,—думалъ онъ, тосковалъ, но не трогался съ мѣста, откладывая выѣздъ со дня на день подъ разными, болѣе или менѣе благовидными предлогами; онъ увѣрялъ самого себя, будто поджидаетъ товарищей, на приходъ которыхъ въ сущности не могъ разсчитывать; то его будто задерживала ненастная погода; наконецъ, онъ остановился на мысли, что онъ не знаетъ, куда слѣдуетъ ему ѣхать, что необходимо подождать вѣсти отъ Гордія, который исчезъ вмѣстѣ съ отрядомъ въ степи, какъ чайка въ открытомъ морѣ, не оставивъ слѣда и не сообщивъ о направленіи всего похода. Такъ онъ и порѣшилъ ожидать извѣстія и на томъ успокоился. А между тѣмъ жилось ему невесело: жена стала ему ненавистна, его устрашало общественное мнѣніе, которое могло проснуться и придавить его тяжелымъ позоромъ; но болѣе всего подавляло его сознаніе собственнаго безсилія и малодушія; онъ старался о немъ не думать, отбивался отъ этого сознанія всевозможными софизмами, но оно тѣмъ не менѣе все явственнѣе и яснѣе росло въ глубинѣ его души и подавляло его унизительными укорами и угрызеніями совѣсти. Чѣмъ тяжелѣе слагалась его жизнь личная и семейная, тѣмъ болѣе тянуло его къ хатѣ

Гордія; но въ хату эту онъ не имѣлъ доступа;она была ограждена отъ него и церковнымъ обрядомъ, и незыблемымъ обычаемъ предковъ. Общественное мнѣніе, строгое и непреклонное, стояло на сторожѣ обычая, и Грыцько ясно сознавалъ, что „не годыться“ ему, женатому человѣку, вести себя по прежнему, „по-парубоцьки“,—что если бы онъ и попытался стать въ прежнія отношенія, то Маруся, каковы бы ни были ея чувства, не только не пойдетъ ему навстрѣчу, но рѣзко дастъ ему почувствовать безнравственность его поведенія. Потому онъ не ходилъ въ домъ Гордія, не смѣлъ и помыслить о свиданіи съ Марусею; но каждый день, возвращаясь съ поля, невольно попадалъ на ту же улицу и самъ себя увѣрялъ, что совершенно случайно встрѣчается съ дѣвушкою и обмѣнивается двумя-тремя, повидимому безразличными, обыденными фразами.

Между тѣмъ Гордій съ своимъ отрядомъ человѣкъ въ 300 или 400 „ярамы та манивцямы“ пробирался къ границамъ Брацлавщины. Не желая обращать на себя вниманія, Гордій раздѣлилъ свой отрядъ на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая подвигалась на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, но иною дорогою, сносясь на пути одна съ другою. Козаки двигались по лѣсной полосѣ, тянувшейся мимо Таращи, Володарки и Тетіева, по южному берегу Роси, стараясь не выѣзжать изъ лѣсной мѣстности въ поле, во избѣжаніе встрѣчи съ польскими разъѣздами „украинской партіи“, и сохраняли на пути строгій порядокъ и всевозможныя предосторожности.

По тому же направленію, по которому выступилъ Гордій, вслѣдъ за нимъ выѣхалъ изъ сѣкирянской корчмы его сосѣдъ, Орунъ. Согласно волѣ регаментаря и иструкціи, сообщенной ему Цалинскимъ, еврей возвратился въ свою корчму; втеченіе зимы онъ наблюдалъ исправно за всѣмъ, что происходило вокругъ него, и, отъ времени до времени, давалъ отчеты черезъ посыльныхъ, которые пріѣзжали къ нему изъ Немирова; очевидно, отчеты его

были точны и обстоятельны: они обратили на себя вниманіе военнаго начальства. Орунъ сообщалъ свѣдѣнія и о гонцахъ, ѣздившихъ къ Гордію изъ Сичи и Шаргорода, и о сборѣ охотниковъ изъ-за Днѣпра, и объ агитаціи, которая велась въ селахъ и хуторахъ въ окрестности Мошенъ; онъ, конечно, не зналъ подробностей предположеннаго похода, но отчеты его давали возможность составить точное понятіе о настроеніи крестьянъ и о приготовлявшемся движеніи. Недѣли за двѣ до выступленія Гордія, къ Оруну явился послѣдній гонецъ изъ Немирова; онъ привезъ ему приказъ отъ Цалинскаго немедленно послѣ выступленія козаковъ изъ его мѣстности явиться въ Немировъ съ подробными свѣдѣніями о силахъ отряда, о пути, по которому онъ направится и вообще обо всѣхъ провѣданныхъ имъ подробностяхъ. Для того, чтобы поощрить рвеніе Оруна, гонецъ этотъ привезъ ему важный документъ: это было письмо отъ немировскаго губернатора (главноуправляющаго имѣніемъ) къ региментарю; въ письмѣ этомъ губернаторъ заявлялъ, что по ходатайству регментаря, въ виду доказанной вѣрности и полезныхъ для Речи-Посполитой услугъ „старозаконнаго“ Оруна Менделевича, губернаторъ намѣренъ предоставить вышепоименованному Оруну „генеральную корчемную аренду“ во всемъ немировскомъ „ключѣ“, въ случаѣ, если сообщенія, доставляемыя Оруномъ, региментарь найдетъ вполнѣ достовѣрными. Такимъ образомъ будущее богатство Оруна было вполнѣ обезпечено. Онъ сталъ щедро угощать заѣзжавшихъ къ нему козацкихъ гонцовъ и заходившихъ въ корчму гетманцевъ и за послѣднее время успѣлъ по частямъ выпытать кое-какія новыя важныя свѣдѣнія; онъ узналъ о выходѣ въ степь запорожцевъ, о числѣ охотниковъ, собранныхъ Гордіемъ, и о времени выступленія его отряда; онъ радостно потиралъ руки, не сомнѣваясь, что эти извѣстія окончательно утвердятъ за нимъ обѣщанную награду. Онъ немедленно снарядилъ возъ, для виду нагрузилъ его вяленою рыбою, и пустился въ путь, направ-

ляясь къ западу, но не придерживаясь большаго купеческаго „тракта“; онъ заѣзжалъ по сторонамъ въ мѣстечки. уединенные еврейскіе шинки и мельницы и тщательно собиралъ свѣдѣнія о времени и направленіи, по которому проходили гайдамацкіе отряды.

Вслѣдствіе необходимыхъ предосторожностей отрядъ Гордія подвигался медленно; пять дней спустя послѣ выступленія онъ остановился на ночлегъ на небольшой лѣсной полянѣ между Володаркою и Лобачевымъ, среди болотъ и озеръ, образуемыхъ лѣсною рѣчкою Торчею. На разсвѣтѣ Гордій, по обыкновенію, снарядилъ патруль для того, чтобы предварительно развѣдать безопасность предстоящаго пути. Патруль этотъ, состоявшій изъ четырехъ козаковъ, находился подъ начальствомъ Гнатка Голаго. Выѣхавъ изъ стоянки, онъ направился внизъ по теченію рѣчки и вскорѣ выѣхалъ на песчаный берегъ Роси, окаймленный дикою лѣсною пущею; козаки внимательно разсматривали мѣстность, въ надеждѣ встрѣтить пасѣку или хуторъ, въ которомъ бы они могли разспросить о состояніи мѣстности и безопасности пути,—но кругомъ не было никакого жилья. Пустынные берега Роси были окаймлены очеретомъ и аиромъ, за каймою котораго виднѣлась черная зеркальная поверхность рѣки, изъ которой поднимался сѣрый утренній туманъ. Наконецъ, на противоположномъ берегу рѣки блеснулъ крестъ, и вскорѣ всадники увидѣли группу домовъ, покрытыхъ частью красною черепицею, частью соломенными крышами. Передъ ними лежало небольшое мѣстечко.

— Это Володарка! сказалъ одинъ изъ всадниковъ.

— Да, Володарка,—отвѣтилъ Гнатко; поѣдемъ дальше.

Козаки повернули обратно въ лѣсъ и, не выѣзжая на опушку, двигались параллельно теченію Роси. Проѣхавъ версты двѣ, они очутились въ широкой долинѣ, спускавшейся къ Роси. Передъ ними вновь была рѣка, окаймленная камышемъ, и по ту сторону ея въ отдаленіи виднѣлось мѣстечко. Гнатко остановился и внима-

тельно осмотрѣлъ мѣстность; въ концѣ онъ замѣтилъ небольшую полоску дыма, расзтилавшуюся по верхушкамъ деревьевъ.

— Должно-быть паромъ? замѣтилъ одинъ изъ козаковъ.

— Вѣроятно, паромъ, отвѣтилъ Гнатко: у парома должна быть хата.

Они молча направили лошадей въ ту сторону и вскорѣ увидѣли нѣсколько лачугъ, стоявшихъ на опушкѣ лѣса, а за ними виднѣлся паромъ, устроенный на дорогѣ, соединявшей Володарку съ Уманью.

Гнатко направился къ ближайшей хижинѣ, расположенной на песчаномъ холмѣ надъ рѣкою; возлѣ хаты, на кустахъ развѣшены были сѣти, среди аира стояла „душегубка"; очевидно, хозяинъ занимался рыбнымъ промысломъ.

На встрѣчу козакамъ изъ дверей хижины показалась сгорбленная фигура старика.—Ты кто такой? спросилъ Гнатко.

— Сторожъ при паромѣ.

— На панской службѣ?

— А тожъ.

— Кто живетъ въ другихъ хатахъ?

— Такіе же старики, какъ я. Кто „не здужае" отбывать панщины, того посылаютъ сюда ловить рыбу на шабасъ жидамъ.

— Что у васъ слышно, старый?

— Все спокойно... Я, впрочемъ, знаю не много, никуда не хожу... Вотъ распросили бы вы у парома,—его арендуетъ жидъ: онъ долженъ знать все, онъ ѣздитъ „по всимъ свитамъ".

Козаки направились къ парому. На берегу стоялъ еврей, дававшій распоряженія перевощикамъ; тутъ-же остановилось нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, ожидавшихъ переправы; рядомъ около еврейскаго дома, въ которомъ помѣщался шинокъ, стоялъ большой кованный возъ, нагруженный товаромъ и запряженный парою ло-

шадей. Гнатко окинулъ быстрымъ взглядомъ и группу, стоявшую на берегу рѣки, и корчму, и возъ; послѣдній особенно поразилъ его вниманіе: онъ узналъ хорошо ему знакомыхъ лошадей. Онъ подъѣхалъ къ еврею; послѣдній, замѣтивъ вооруженныхъ всадниковъ, нѣсколько струсилъ, но, стараясь сохранить спокойный видъ, пошелъ на встрѣчу козакамъ и, приподнявъ шапку, спросилъ:

— Вы, господа, въ Володарку?

— Можетъ быть и въ Володарку, отвѣтилъ Гнатко.

Неопредѣленный отвѣтъ, а еще болѣе видъ всадниковъ, которыхъ съ перваго взгляда нельзя было признать ни жолнерами, ни козаками любой „надворной милиціи“, усилили смущеніе еврея; онъ чувствовалъ, что можетъ случиться нѣчто неладное.

— Прошу обождать съ минутку, паромъ сейчасъ будетъ готовъ, сказалъ онъ и поспѣшно удалился въ корчму. Трое козаковъ спѣшились и, передавъ лошадей четвертому товарищу, послѣдовали за нимъ.

— Послушай, обратился Гнатко къ хозяину: не знаешь ли, гдѣ по близости стоитъ ляшская команда?

— Команда? спросилъ еврей, улыбаясь подобострастно; я не знаю, она мнѣ не нужна, мнѣ самому лучше жить безъ жолнеровъ.

— Смотри только,—не „бреши“, не виляй хвостомъ, какъ лисица, говори правду!

— Не вѣрите мнѣ, такъ у людей спросите: въ нашихъ мѣстахъ давно уже не видно жолнеровъ; больше я ничего не знаю... военныя дѣла ко мнѣ не относятся, я человѣкъ мирный, я занятъ своимъ промысломъ.

Гнатко подошелъ къ группѣ крестьянъ, стоявшимъ у парома, и сталъ съ ними бесѣдовать; очевидно, онъ собралъ нужныя извѣстія, потому что вскорѣ вошелъ въ корчму, спокойно сѣлъ на скамью у стола и приказалъ подать козакамъ пива. Посматривая какъ будто случайно въ окно, онъ спросилъ равнодушно хозяина:

— Чей это возъ съ товаромъ?

Еврей замѣтно поблѣднѣлъ. Не знаю, сказалъ онъ,—какой-то еврей пріѣхалъ на разсвѣтѣ, попросилъ присмотрѣть за его товаромъ, а самъ по дѣлу пошелъ въ Володарку и еще не возвращался.

— Откуда пріѣхалъ этотъ еврей? спросилъ Гнатко, всматриваясь пристально въ хозяина.

— Не знаю... Пріѣзжій, „тай годи“!

— Странно! Ты принялъ лошади и товаръ отъ проѣзжаго, не спросивъ, ни кто онъ, ни откуда?

Еврей растерялся; онъ пытался дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, сбивался, путался и, чувствуя это, дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страха. Смущеніе хозяина, равно какъ и исчезновеніе владѣльца повозки усиливали все болѣе и болѣе подозрѣнія Гнатка. Онъ вскочилъ изъ-за стола и прикрикнулъ:

— „Брешешъ, собача віра“!—говори, кто такой пріѣзжій и гдѣ онъ! При этомъ онъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса.

Еврей мгновенно выскочилъ съ крикомъ въ открытое окно; вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ Гнатко и схватилъ его за воротъ халата.

— Гевультъ! ратуйте! разбой! кричалъ еврей, барахтаясь и стараясь освободиться отъ сильной руки Гнатка.

Но крестьяне, стоявшіе у возовъ, смотрѣли хладнокровно на происходившую сцену; никто не спѣшилъ подать помощи арендатору,—крикъ его напрасно оглашалъ пустынный берегъ рѣки и лишь откликался эхомъ въ лѣсной чащѣ.

— „Алежъ крычыть, неначе въ судный день въ школи“, замѣтилъ одинъ изъ зрителей, флегматично потягивая дымъ изъ коротенькой трубочки.

— „Крычыть невирна душа!“ — такъ же флегматично подтвердилъ другой.

— Говори, гдѣ проѣзжій! кричалъ Гнатко,—а то мы тебя свяжемъ и бросимъ въ рѣку... „тутъ тоби буде й капутъ“!

— Ей-Богу, панове козаки, я не знаю!.. Можетъ быть онъ спрятался...

Передавъ арендатора въ руки одного изъ товарищей, Гнатко вмѣстѣ съ другими отправился обратно въ избу. Они стали тщательно обыскивать всѣ углы; осмотрѣли „горище", зашли въ сарай, на сѣновалъ, приказали отпереть кладовую, буравили „ратыщами" сѣно и солому, смотрѣли въ бочки, заглянули въ погребъ, но нигдѣ не оказывалось и слѣда таинственнаго проѣзжаго, наконецъ зашли въ „валькиръ", въ которомъ помѣщалась спальня хозяина. Комната была небольшая; у окна стоялъ столъ и рядомъ съ нимъ двѣ скамейки; у одной стѣны помѣщался огромный шкафъ съ посудою на верхнихъ полкахъ и съ выдвижными ящиками для склада одежды и бѣлья внизу; противоположная стѣна занята была громадною хозяйскою кроватью, на которой высилась цѣлая гора перинъ и подушекъ; бѣлая простыня спускалась съ кровати, заслоняя ее почти до пола. Гнатко приподнялъ эту простыню и увидѣлъ въ углу какую-то темную массу, прислонившуюся къ стѣнѣ; не разсмотрѣвъ ее въ полумракѣ, онъ на всякій случай ткнулъ въ нее ратыщемъ; масса была мягкая; подъ вліяніемъ укола она вдругъ вздрогнула и испустила стонъ.

— Есть! сказалъ Гнатко.

— Ой вей! пане отамане! раздалось изъ-подъ кровати: оставьте меня несчастнаго въ покоѣ... я передъ вами ничѣмъ не провинился.

— Вылѣзай! познакомимся и поговоримъ: если ты не провинился, то нечего тебѣ и прятаться отъ людей. Вылѣзай, а то вновь пущу въ ходъ ратыще.

— Зачѣмъ ратыще?—Я сейчасъ выйду.

Дѣйствительно, изъ подъ кровати показалась рыжая голова, затѣмъ выползла вся человѣческая фигура и, привставъ на колѣни, глянула на Игнатка,—это былъ Орунъ.

— Тьфу, нечиста сыла! Какой чортъ загналъ тебя подъ кровать? спросилъ Гнатко.

Орунъ, блѣдный и встревоженный, медленно приподнимался на ноги, стараясь сохранить необходимое присутствіе духа. Онъ обратился къ Игнату развязно, съ принужденною улыбкою.

— Это вы, панъ Гнатко! ну слава Богу! а я такъ испугался... я думалъ, что пришли гайдамаки.

Гнатко смотрѣлъ на него подозрительно. Онъ спросилъ спокойнымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я?.. ничего!.. хозяинъ сказалъ, что ѣдутъ гайдамаки; я испугался, растерялся... ну, и залѣзъ подъ кровать. Теперь—слава Богу!.. я вижу, что это вы.

— Ну, ладно!—Откуда и куда ты ѣдешь?

— Я по торговымъ дѣламъ; я везу товаръ продавать.

— Какой товаръ?

— Ну, извѣстно: какой попался... рыбу!

— Куда же ты везешь ее?

— Да туда, гдѣ купятъ;—продамъ, гдѣ найду сходнѣе цѣну!

— „Говори здоровъ“! рыба не оксамитъ и не китайка, далеко возить не зачѣмъ; ты могъ ее сбыть и въ Мошнахъ и въ Черкассахъ. Говори толкомъ: куда ѣдешь?

— Да мнѣ нужно посѣтить родственниковъ въ Немировѣ: при случаѣ продамъ товаръ,—тамъ цѣны лучше—да и дорога окупится.

Гнатко мрачно покачалъ головою.

— Кто же твои родственники въ Немировѣ? Не региментарь ли случайно?

Орунъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но продолжалъ вести разговоръ въ развязномъ тонѣ.

— Зачѣмъ шутить нехорошія шутки? У меня въ Немировѣ много настоящихъ родственниковъ: я вѣдь родомъ оттуда.

Онъ сталъ называть своихъ родныхъ, указывалъ ихъ занятія, перечислялъ ненужныя подробности, переплеталъ разсказъ торговыми соображеніями,—словомъ, старался придать своей поѣздкѣ самый обыденный характеръ

и, по мѣрѣ возможности, съиграть роль человѣка недалекаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе личные интересы и соображенія.

Гнатко слушалъ разсказъ спокойно и внимательно, соображая, какъ ему слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Онъ давно не довѣрялъ Оруну, замѣчалъ, что еврей очень искуссно, будто не́хотя, всегда умѣлъ свести со своими посѣтителями бесѣду на текущія общественныя событія, незамѣтно выпытывалъ все, что было возможно, и подбиралъ по мелочамъ весьма щекотливыя свѣдѣнія. Онъ былъ увѣренъ, что еврей далеко не такъ простъ, какимъ хотѣлъ казаться; притомъ его выѣздъ одновременно съ выступленіемъ отряда, поѣздка въ Немировъ, очевидное желаніе уклониться отъ встрѣчи и неловкія объясненія при разспросѣ,—все это усиливало его подозрѣнія; оставить Оруна продолжать путь ему казалось опаснымъ,—выспросить больше онъ не былъ въ состояніи; потому рѣшился предоставить рѣшеніе дѣла атаману.

Онъ поднялъ голову и спокойно прервалъ разсказъ Оруна.

— А я думаю, что ты „брешешъ"; но, чтобы выяснить дѣло, ты поѣдешь съ нами: тамъ правды добьемся.

Орунъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на окружающихъ, будто не понялъ предложенія.

— Ну, панъ Игнатъ, вы шутите, мнѣ съ вами нечего ѣхать: у васъ свои дѣла, у меня свои, вамъ одинъ путь, мнѣ другой.

— Тебѣ необходимо проѣхаться съ нами, сказалъ рѣшительно Гнатко:

Еврей попытался сопротивляться, но козаки быстро схватили его и вывели на дворъ; они посадили его на лошадь за сѣдломъ одного изъ товарищей и, связавъ его руки поясомъ, прикрѣпили ихъ къ сѣдлу; затѣмъ, вскочивъ на лошадей, отправились въ обратный путь.

Пріѣхавъ на стоянку, Гнатко далъ отчетъ Гордію о собранныхъ свѣдѣніяхъ и передалъ кратко свои подо-

зрѣнія по отношенію къ Оруну и причину его поимки. Еврея развязали и сняли съ лошади; отъ страха и непривычной верховой ѣзды онъ до того усталъ, что едва могъ держаться на ногахъ. Козаки, окруживъ его, шутили.

— Что, братъ, не любишь ѣздить верхомъ?

— Куда ему? онъ привыкъ ѣздить на языкѣ.

— Да, должно быть языкъ у него длинный, не придется ли его отрѣзать?

Между тѣмъ Орунъ обратился къ Гордію съ униженнымъ видомъ:

— Пане сотнику! Зачѣмъ это ваши хлопцы дѣлаютъ мнѣ непріятности? Они захватили меня на дорогѣ безъ всякой вины, потащили въ лѣсъ, не знаю зачѣмъ. Я бросилъ безъ присмотра лошадей и товаръ, перепугался, измучился... это совсѣмъ не умныя шутки: по-сосѣдски такъ не поступаютъ!

Гордій перекинулся между тѣмъ нѣсколькими словами съ окружавшими его козаками и сказалъ спокойно.

— Да, нужно разъяснить наши сосѣдскія отношенія. Говори просто и ясно: куда и зачѣмъ ты ѣхалъ?

— Я ѣхалъ въ Немировъ по своимъ торговымъ и семейнымъ дѣламъ. Что же, развѣ мнѣ нельзя ѣздить по своей надобности? У меня есть родня, мнѣ нужно ихъ посѣтить.

— Поздно ты вспомнилъ про родню!—То сидѣлъ десять лѣтъ въ корчмѣ и забылъ объ ней, а теперь вотъ уже второй разъ я тебя встрѣчаю на пути къ Немирову.

— Ну!.. у меня тамъ случились дѣла: я вмѣстѣ съ своякомъ взялъ подрядъ въ экономіи; мнѣ необходимо получить слѣдуемое у губернатора и свести счеты съ компаньономъ, потому и приходится ѣздить почаще.

— Посмотримъ! сказалъ Гордій и затѣмъ обратился къ Гнатку: вы осмотрѣли его возъ?

— Не догадались. Да онъ говорилъ, что везетъ рыбу.

Гордій неодобрительно покачалъ головою.—Обыщите же его! сказадъ онъ отрывисто. Козаки сняли съ Оруна

халатъ, затѣмъ принялись снимать особаго покроя жилетъ, такъ называемое „цыцеле“, и въ подкладкѣ ощупали зашитую бумагу; Грыцько разрѣзалъ ножемъ полотно и вынулъ сложенный вчетверо плотный листъ бумаги. Онъ развернулъ его и подалъ сотнику. Орунъ вздрогнулъ, но сейчасъ же оправился и подошелъ къ Гордію. Онъ зналъ, что сотникъ былъ грамотенъ и учился когда то въ школѣ, и въ головѣ его промелькнула послѣдняя надежда: должно быть Гордій знаетъ только русскую грамоту, бумага же была написана по-польски, а на оборотѣ были многочисленныя помѣтки, сдѣланныя имъ на еврейскомъ языкѣ.

— Я вамъ говорилъ, что у меня подрядъ въ экономіи: это мой контрактъ; вы, панъ сотникъ, человѣкъ ученый, вы знаете всякое письмо... посмотрите сами: это подпись немировскаго губернатора.

— Вижу, сказалъ Гордій, пробѣгая глазами бумагу съ безстрастнымъ видомъ. Орунъ вздохнулъ свободнѣе; онъ былъ увѣренъ, что Гордій, не желая признаться въ незнаніи передъ козаками, просмотритъ бумагу для виду и подтвердитъ его слова; спокойный видъ сотника и мнимое, какъ онъ полагалъ, чтеніе имъ бумаги про себя нѣсколько его успокоили.

— Да, это, дѣйствительно, контрактъ, сказалъ Гордій: а какой товаръ подрядился доставить Орунъ ляхамъ,— выслушайте, панове громадо.—Онъ медленно и отчетливо сталъ читать въ переводѣ письмо немировскаго губернатора къ региментарю; съ первыхъ же словъ Орунъ смертельно поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что дѣятельность его вполнѣ открыта. Кончивъ чтеніе, Гордій сложилъ бумагу и спросилъ окружающихъ:—Такъ что жъ теперь?

— Повѣсить! отвѣтили въ одинъ голосъ гайдамаки.

— Пане Гордію! крикнулъ Орунъ, повалившись къ ногамъ сотника: помилуй меня, я человѣкъ семейный:—у тебя вѣдь также дѣти!..

Лицо Гордія на мгновеніе передернулось выраженіемъ страданія и досады, но вслѣдъ затѣмъ оно приняло грозный видъ.—А ты думалъ о нашихъ дѣтяхъ, когда продавалъ ляхамъ наши головы? Ты разсчитывалъ, можетъ быть, что они насъ помилуютъ?—Юда!.. ты торговалъ человѣческою кровью и смѣешь просить помилованія?! Нѣтъ,—собакѣ собачья смерть... тащите его на „гиляку"!

Два дюжіе козака схватили Оруна за руки, третій накинулъ на шею веревку; его увели на край поляны.

— Паны козаки! кричалъ Орунъ: подарите мнѣ жизнь,—буду по гробъ вашимъ другомъ!

— Хороша дружба, отвѣчалъ козакъ,—нечѣмъ хвалиться!

— Послушайте!.. пустите меня, я васъ озолочу: у меня много золота, много серебра, больше, чѣмъ вы воображаете: я все вамъ отдамъ до послѣдняго шеляга, самъ нищимъ останусь, только простите мнѣ, не убивайте...

— Подавись ты своимъ проклятымъ золотомъ, сказалъ мрачно козакъ, перекидывавшій веревку черезъ вѣтвь дуба, и онъ сильно потянулъ ея конецъ. Горло Оруна судорожно сжалось, голосъ его оборвался. Всѣ три козака потянули веревку; Орунъ поднялся на аршинъ отъ земли, по тѣлу пробѣжало нѣсколько судорожныхъ движеній, и оно вытянулось неподвижно. Козаки молча постояли нѣсколько минутъ, затѣмъ одинъ изъ нихъ толкнулъ слегка рукою висѣвшее тѣло и, убѣдившись, что все кончено, медленными шагами направился къ Гордію.—Вже! сказалъ онъ отрывисто.

— Ну, теперь въ походъ! скомандовалъ сотникъ.

Черезъ полчаса весь отрядъ пробирался уже по лѣсной чащѣ въ направленіи къ западу; на полянѣ видна была только измятая трава; вѣтеръ подбрасывалъ клочки разорванной бумаги, а въ сторонѣ мрачно покачивался окоченѣвшій трупъ Оруна.

Послѣ отъѣзда Гнатка съ Оруномъ, арендаторъ перевоза побѣжалъ въ мѣстечко и оповѣстилъ въ замкѣ о появленіи гайдамаковъ и похищеніи ими проѣзжаго купца;

но погони за ними не снаряжали: въ замкѣ была небольшая команда, состоявшая изъ 20 жолнеровъ надворной милиціи, но губернаторъ счелъ болѣе удобнымъ не рисковать своими незначительными силами, не зная численности гайдамацкаго отряда; онъ только принялъ мѣры предосторожности для охраненія мѣстечка и замка. Втеченіе нѣсколькихъ дней ходили конные патрули осматривать берега Роси, и на ночь, у воротъ замка, возводили подъемный мостъ и ставили стражу у палисада; но гайдамаки не появлялись, и черезъ недѣлю предосторожности были оставлены, и жизнь въ мѣстечкѣ потекла обыденнымъ порядкомъ. Въ то время появленіе мелкихъ гайдамацкихъ партій и нападенія ихъ на проѣзжихъ были дѣломъ слишкомъ обычнымъ и не особенно волновали публику. Прождавъ нѣсколько дней, арендаторъ перевоза доставилъ Оруновъ возъ и лошадей въ мѣстечко и сдалъ ихъ на попеченіе кагала. Владѣлецъ исчезъ безъ вѣсти, на томъ порѣшили и успокоились, не предпринимая поисковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ потрєбна єстъ мова", сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „хто не глупый, зажъ не тотъ, що не мовитъ слова?"

Отсюда—важность грамматики, которая „ѹчитъ слѡвъ и мовы" и даетъ возможность „то познати, гдє позволено по нєкомъ мѣстцє" человѣку, какъ „розумному звѣрати".

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мови, говоритъ онъ, знать ретора, поету"...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своебразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплетаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось

[1] „Кіевская Старина", 1888 г., май.

и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Събранїе короткои наꙋки ѡ артикꙋлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ предназначалась эта книга. „Пꙋбликꙋетсѧ“ она, сказано въ *предмовѣ* къ ней, „длѧ сынѡвъ церкви православнѡкадѡлическои веходнеи, в тотъ цель и конецъ, абы не тылко самые Їерее в парафѣѧхъ своихъ... наꙋкꙋ... подавали на кождый день“, но чтобы „и свѣцкїе православные оумѣючїи читати, не ꙋмѣючимъ и простѣишимъ с повинности способомъ наꙋкꙋ преподаючи заправовали, а наипрзѣй родичѣ дѣтей своихъ, панове челѧдь, преложоные собѣ подлеглыхъ, ѡсоблившимъ єднакъ способомъ, абы по школахъ всѣ дидаскалѡве яко наипилнѣй своихъ оучневъ заправовали“...

Такимъ образомъ народныя стихіи рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, напримѣръ, въ Тріодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадные сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоанникія Галятовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита — всякаго рода *виршахъ* и апокрифическихъ сказаніяхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобраться въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами

были выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распредѣлены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отношеніяхъ предмета къ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными навыками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, напримѣръ, былъ Іоанникій Галятовскій, составитель схоластической риторики, извѣстной подъ заглавіемъ: „Наўка альбо способъ зложеніа казаніа“. *Наука* эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзкій колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли своему вліянію его своеобразные пріемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ и формъ и донынѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчіи великорусскомъ.—Нужно выдѣлить затѣмъ изъ книжной

малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію.* Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторые изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы.* Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большею частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчіяхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устраненія всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоявшія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ

книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звукъ е безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое *е* безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *вітер*, *сестéр*; б) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *ер*, *ре*: *бéрег*, *простéртый*, *хрéст*; в) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствуетъ церковнославянскому *ь*: *дéнь*. Церковнославянское *ѥ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *сѝньейе*, *третьейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весíлльe*, *насíнньe*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѥ*. Слѣды этого превращенія *ѥ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножѣнья*, *курѣ глашѣнья* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)[1]. Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое е (= *ѥ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи:[2]) по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѥ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *е*: *клѥвета*, *оумножитиѥ*, (Сбор. 1073 г.), *о сѥмъ* (Ж. Ѳ. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѥ* вмѣсто *е*: *тебѥ*, *всѥю* (Луц. еван. XIV в.)[3].

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

Въ замѣнъ этого *ѥ* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчіи широкое *е*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчіи, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *ѥ*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчіи это широкое *е* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было простое, не іотированное *е*: *менѐ*, *тебѐ*, *себѐ* (род. ед.), *нé*, *нéбо*, *ведéть* и проч. Вотъ это старое *е*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *е*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчіе, поэтому іотированное *е* (*ѥ*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „ны́нѣшними писцы̀ ѻста́вися". Въ правописаніи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ є установилось долгоязычное Є [1]). Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „Єммануи́лъ", а также въ падежахъ множ. ч. для отличія ихъ отъ падежей един. ч: „то̀й клевре́тъ, тѣ́хъ клевре́тъ". Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *е* въ началѣ словъ: Є҆го̀, Є҆́же, Є҆́сть и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчіями, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *всякій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Это та особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ", и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка". Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка" онъ признаетъ языкъ Остромірова евангелія, Туровскаго евангелія, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII

---

[1]) Є встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Московс. синод. библіот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять Є, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографія, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).

словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевской псалтири[1]). Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остроміровомъ евангеліи часто стоитъ *ъ* вмѣсто *ь* послѣ шипящихъ,—буквы *а*, *о*, *ѫ* вмѣсто *я*, *ю*, *ѧ*, послѣ *з* и *р*: кънѧза, пѣнѧзоу, алтара и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *ъ* и *ь* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ вслѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отвердѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *е* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные[2]). Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчіи предъ *і* изъ *ѣ*, *о*, *е*, а гортанные—предъ *і* изъ *о* и основнымъ *и*, въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными[3]). Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту мало-

---

[1]) Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, 169—184.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 248—253.

[3]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

русскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорамъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи [1]). Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: **цр҃ковъ** (Рад. Ог. 156), **любо́въ** (Г. М. 202), *кровъ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ **ѧ**: **лю́бѧтъ** (Рад. Ог. 392), **мо́вѧтъ** (Ib. 301), **па́нѥтво** (Ib. 42), **мѧ́со** (Ib. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: **здоро̀вѥ** (Рад. Ог. 29), **безпра̀вѥ** (Ib.), **ѐю** (Ib. 1016). **ю̇тъ** (Ib. 1123). Только предъ *ѣ = і* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отступаетъ отъ древнѣйшихъ образцевъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были къ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчіи съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и донынѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно передъ *е*, они переходятъ въ шипящіе: *небо́же*, *коза́че*, *пта́ше*, а передъ *і*—въ свистящіе: *небозі*, *на річці*, *у стрісі*. Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: **дрꙋже** (Г. К. 24), **въ доро́зѣ** (Ib. 213), **въ кни́зѣ** (Г. М.), **въ рꙋцѣ** (Ib.) **въ наꙋцѣ** (Г. К. 219), **въ фля́шцѣ** (Ib. 210), **мона́рсѣ** (Ib. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза со-

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

храненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарб*, *рів*, *торг*, *город*, *ниж*, *віз* и проч. Но и въ рединѣ словъ звучные согласные выдерживаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *гребтй*, *стерегтй*, *везтй*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчія, то въ этомъ отношеніи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ рединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованіи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ [1]), считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношеніе ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненію на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчіи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*. Въ такихъ, напримѣръ, начертаніяхъ, какъ трйдцѧти (Рад. Ог. 385), найдорожшихъ (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчіи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ [2]), объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчіи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссіянина не представляетъ никакого затрудненія выдержать въ правописаніи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованіе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоитъ болѣе или менѣе равномѣрное чередованіе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

[2]) Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

оттѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленныя и особенно четырехчленныя согласныя группы, нерѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи [1]). Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-ржа́*, *И-львовъ* [2]), *и-шовъ*, **и-шлѧ** (Перес. еван. 26), *о-селе́децъ*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-весь*, **ѹ въ огонь** (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошла* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *льва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *в-огонь*, *в-овця* (Гал. ев. XIII в.) [3]), *в-олтарь* (Полик. ев. XIV) [4]), *в-окно* (Грам. XV в.) [5]), *г-оріх*, *j-ангол*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализація согласныхъ для той же цѣли: *голка*, *му* вмѣсто *ему* [6]), *мамъ* (Полик. ев. XIV в.) [7]), **спо́вѣдь** (Г. кл. 31), *уся*. *уси* вмѣсто *вся*, *всі* (Грам. XV в.) [8]), *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350) [9]). Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ [10]). Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчіи они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчіи, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

[2]) АЗР. I. 30.

[3]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.

[4]) Ibidem.

[5]) АЗР. I. 43.

[6]) АЮЗР. II. 102.

[7]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.

[8]) Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.

[9]) Гол. гр. № 2.

[10]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 93.

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *а* съ темой *у* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птахове* (Чуб. V, 223), *ляхове* (Пис. Б. Х.)„а мои *сватове*—у воді *ракове*" (Гол. I. 74), „що то в полі за *димове* (Ib. 37),—даже въ женск. р. *громадове* (Ib. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: па́нове, мона́рхове (Г. К. 62), *жидове, туркове и вси еретикове* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣе древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. Л.), *мниси* (ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовці, птасі, слузі* [1]). Вовсе нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *а, я* для именъ существительныхъ муж. р. [2]).

Родительный падежъ множ. ч.

Архаическія формы во множ. ч: *сім год, сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людій* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *а* мягкаго склоненія: *плечій* (Гол. III. 100), *коній* (ib. 226). Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*людій погубили*" (Хм. л.), ра́зїй вмѣсто *разъ* или *разовъ* (Рад. Ог. 396).

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

[2]) Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчіи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: господеви (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ была это форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и современномъ малорусскомъ нарѣчіи: *кумові*, *коневі* (въ галиц. *кумови*, *коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненіи именъ женс. р. *землі*, *душі*,—утраченное въ великорусскомъ нарѣчіи. [1])

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і:* въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличія отъ церковнославянскихъ: *костем*, *людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненіемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а*—звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ [2]). Въ книжной малорусской рѣчи часто возстановлялись церковнославянскія окончанія *омъ*, *емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленіи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ*, *татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. Б. Х)., ро́дичомъ (Г. К. 172), *непріятелемъ* (Льв. П.), лю́демъ (Г. М. 84) и т. п.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ:

---

[1]) Объ этомъ см. ниже.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

„ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, мої *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Львв. п.); „**Мессїѧ правдивый мѣлъ ѿкинꙋти старозаконныи ѻфѣры — волы, козлы, бараны, ѻвцы, голꙋбы, горлицы, воробѣ**“ (Г. М. 224); „*невѣсты* псотили“ (Хмѣл. л.); „на *козаки* пошли ляхи“, но въ той же фразѣ: „побили *козаковъ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиже*“ есть „*михаилъ архистратигъ*“. [1]) Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о, е*: *жінко. земле, куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю, коню, батьку, дядьку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящіе предъ гласнымъ *е*: *друже, чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче, жено*: „ой, *отче* мій, преч від мене, не роскравай серце мое“ (Гол. I. 141); „ой рік же я до жени: ходимъ, *жено*, до куми“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа старинные малорусскіе писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: **матко** (Г. Чуд. 136), **мамо** (Рад. Ог. 783), **прїѧтелько** (Г. К. 149), **надѣе моѧ** (Стр.), **дꙋше** (Г. Чуд. 134), **дрꙋже** (Г. К. 24), **старче** (Г. Чуд. 134), **сынꙋ** (Ib. 107), **татꙋ**,

[1]) Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О незначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звук. и форм. особенностей народнаго рус. языка, Колосова, 214.

мꙋ́чителю (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *i*: „о лю́кости земна́ѧ“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *у*: короживитове (Г. К. 168), па́нове, свѧ́тове (К. Х.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчіи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою*, *ею*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой*, *ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: рꙋ́кою, землѐю, даже копі́ею (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *а*: *берегы*, *волы*, *плугы*, *цвіты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слёзы*,—такъ и въ именахъ темы *i*: *кістьмй*[1]), при чемъ вліяніе первыхъ на послѣднія замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кіньми*, *гріхми*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *а* съ темой *i* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчія этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ[2]). Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *а* отъ темы *i*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчію, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: па́стыри, свѣди́тели, врачѝ, зна́меніи и па́стырми, свѣди́телми, врачмѝ, зна́менми. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженіяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святы*“ (Льв. П.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *а* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на коні*, *на полі*, *на землі*. Въ вели-

[1]) Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

[2]) Обзоръ зву.. и форм. особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 223

корусскомъ нарѣчіи старинное *и* замѣнено мягкимъ *е* (*ѣ*). Весьма можетъ быть, что *і* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи, благодаря раннему превращенію въ соотвѣтствующихъ окончаніяхъ твердаго склоненія *ѣ* въ *і*, но отрицать непосредственную связь этого *і* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи, нѣтъ никакого основанія. Если это *і* образовалось изъ *ѣ* твердаго склоненія, какъ думаетъ г. Потебня [1]), то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленія въ немъ *і=ѣ*, какъ не тотъ же звукъ *і* (*и*)? А если это былъ тотъ же звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончаній. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: при коньци (Г. К. 155), въ мори (Ib. 52), *въ Полщи* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчіяхъ старинныя окончанія *ех* и даже *ох*: *сынех, монастырех, грісех, столовех, торгох* [2]), *громох* [3]). Окончаніе *ех* появилось въ темѣ *а* изъ темы *і*, а *ох*, по нашему мнѣнію, есть остатокъ старинняго смѣшенія темы *а* съ темой *у*. Уже въ Остроміровомъ евангеліи есть слѣды этого смѣшенія, напр: къ домѣхъ. Въ Добриловомъ еван. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *ѣ* посредствомъ *о*: *домохъ* [4]). Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торгохъ*, (Ib. 513), *о поляковохъ* (Гр. 1543 г.) [5]), стольцохъ (Перес. еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанія *охъ*, но окончаніе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *і*, но и въ именахъ темы *а*, какъ въ мягкомъ склоненіи именъ мужес. и сред. р., напр: пастырехъ, врачехъ, сердцехъ, такъ и въ твердомъ: конехъ, древехъ. Вся разница, по его мнѣнію, твердаго склоненія отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно ря-

[1]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 782.

[2]) Studien... Ogonowski, 127, 128.

[3]) Отчетъ о занятіяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.

[4]) Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 115.

[5]) АЗЮР. I. 99.

домъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *і*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчіи на имена темы *а*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *охъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), на ко́нехъ (Г. К. 36), *въ пѣснехъ* (Лям. Бѣлоз.), ѡ звѣро́хъ (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ех*, окончаніе *ох* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчіи чрезъ *јох* въ *јіх*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчіи: „вина *дві скляниці*" (Гол. I. 186), „назадъ *руці* звязали" (ib. I. 139), дві *яблучці* дала" (ib. I. 69), даже *дві слові* (ib. III. 217), *очі*, *очима*, даже *крыльма* (Гол. I. 38), *дворома* (ib. I. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойст. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи*, *очима* (Лям. Бѣлоз.), двѣ наўцѣ (Г. М. 86), а черезъ строку: двѣ наўки (ib.), двѣ причи́нѣ (Рад. Ог. 45). Творит. двойст. большею частію попадается въ именахъ числительныхъ: шестьма̀ (Г. К. 62), ѡсьма̀ (ib. 72), двана́дцатьма (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *горща̀*, *колісча̀*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ церковнославянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчіи великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля̀*, *ягня̀*, *порося̀*, *утя̀*, *лоша̀* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям*, *ягням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „будучи дитя́мъ малымъ" (Г. М.

227), звѣрятъ (Г. Каз. 24), межи звѣряты (Рад. Ог. 375), въ звѣрятахъ (Г. М. 94.), осля, на осляти (Г. К. 61), звѣряти (Г. М. 227), пташата, пташатъ (Г. Каз. 49), близнятамъ, близнятахъ (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчіе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. наклоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчіи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *даси̇*, *ѝіси̇*, *дастѐ*, *ѝістѐ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа[1]),—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи[2]). Нерѣдки эти формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка: оуѣси (Г. М. 304), выдаси (Рад. Ог. 386), даси̇, дастѐ (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бих* до сестриці, сестриця ми мила" (Гол. I. 222); „ой дам же вам, ледіники, по пив-золотого, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову" (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лъ* съ *jex*: *був jex*", при чемъ въ помощь къ *jex* появляется иногда *есми*: „косив *jex сми*", „дивив *jex* си *сми* з горы на нёго"[3]). Это *jex* (*ѥсъ*) образовалось по аналогіи съ *быx* въ слѣдствіе смѣшенія формъ

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

[2]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

[3]) Studien... Ogonowski, 145.

аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: єхмо вм. *есмо*: „видѣли єхмо“. Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „мыслѣмо ѡ томъ иакъ быхмо могли тѣло єго стое съ крта сняти“ (Стр. 46); „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли“ (Львов. П.); „то вабъ на васъ, же *быстe* не програли за выгране“ (ibid). Рядомъ съ *быхмо, абыхмо* встрѣчаются формы: *быхмы* (Пал. З. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *хмы, хмо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы, смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили“ (Пал. З. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховалисмы* (ib. 320), *слышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. І. Галятовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголъ онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лъ* и въ формѣ аориста или прошедшаго продолженнаго, напр: „добрая єсть дорога верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, которыи ходячи по свѣту плакали, ведлугъ ѱаломисты: и плакахуся“ (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *лъ* и вспомогательнаго глагола *тесмь*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Въ народныхъ думахъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *учинив еси* ясу и між козаками великую трусу“ (Дум.). Изрѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *лъ*: „не *есть* се насъ куля яничарська *постреляла*, а *есть* се отцева и паніматчина молитва покарала“ (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголъ *есть*, очевидно, не имѣетъ морфологи-

ческаго значенія: онъ служитъ только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *есть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*есть* сія галера не *блудить*, ні світом *нудить*" (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л: „не *есть* ви козаки, *есть* ви гайдамаки" (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *iесмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *лъ*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *сьмо учинили*, же *сьмо* Теклю *загубили*" (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч: „а насъ *есте повінчали*, що би ми ся били" (Чуб. V. 576) [1]). Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „взялъ еси собѣ жону лѣпшую" (Алек.),—„се звѣрь лютъ изялъ естъ его—(Г. К. 5),—якъ есмо жили на свѣтѣ" (Ib. 45),—„гдѣ есте ся подѣли" (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совсѣмъ иное дѣло *есмь* и *суть* съ причастіемъ на *лъ*: „отмстила есмь" (К. X), „грѣшныи люде суть затвердѣлые" (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лъ*: „не *будеш* ти въ насъ *робила*,—сріблом-злотом *будеш шила*" (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка [2]),—но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы видѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо мусѣли*" (Пал. З. К. 1062), „діаколъ не будетъ моглъ зрадити и окрасти" (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣй-

[1]) Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *есмь* и *суть*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитане! пусти мене до дому, хоть *есмь* заволаный" (Гол. III. 91); „*суть* бо в мене два вартивниченьки" (Ib. 157); „ой *суть* у мене чари готові - білее личко, чорниі брови" (Ib. I. 202 III. 30).

[2]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, II. 211.

шимъ памятникамъ славянской письменности.[1]) Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно[2]). Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ[3]). Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчіи и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ глагола[4]). Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагулялам ся, не находилам ся, тилько молоденька щом нажурилася" (Чуб. V. 218); „я таки ся, моя мати, втікаты надію" (Гол. I. 151); „не смій же ся, дівчинонько, колы з тя сь не смію" (Ib. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ[5]). Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не бꙋдꙋ сѧ тѧ боѧти ꙗко тꙋтъ боѧлисѧ" (Г. К. 185); „кровїю сѧ ѡбливала (церковь), кгды сѧ кровъ сынѡвъ еѧ стрꙋменями точила" (Кир. Транк. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчіи церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

П. Житецкій.

---

[1]) Vergleichende Syntax der Slavichen Spr. Miklosich, 806.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.

[3]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.

[4]) Глаголы эти, по Миклошичу, соотвѣтствуютъ, какъ медіальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).

[5]) Ibidem 271.

ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ АРХИВѢ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

I.

Архивъ Государственнаго Совѣта заключаетъ въ себѣ историческій матеріалъ высокаго интереса, особенно важный и назидательный для исторіи нашего законодательства въ 19 столѣтіи. Со времени окончательнаго образованія Госуд. Совѣта въ 1810 г., всякій законодательный вопросъ обсуждался въ немъ, и изъ него восходилъ на Высочайшую санкцію. Вотъ почему журналы Госуд. Совѣта, со множествомъ приложенныхъ къ нимъ справочныхъ актовъ и документовъ—живая лѣтопись нашего новѣйшаго законодательнаго развитія, меморіи-же, съ Высочайшими замѣтками и конфирмаціями—карандашемъ, увѣковѣченнымъ наведеннымъ на него лаковымъ составомъ въ такой степени, что автографы Александра I начала 19 в. какъ бы вчера написаны—завѣтный памятникъ государственной дѣятельности трехъ императоровъ. Подчасъ эти лаконическія замѣтки, эти категорическія конфирмаціи—представляютъ дорогія черты для историческихъ характеристикъ. Иногда особенности почерка и орѳографіи, сантаксиса и слога даютъ живыя рельефныя черты, изъ которыхъ слагаются цѣльные историческіе образы. Вотъ, напримѣръ, размашистый почеркъ, крайне неправильная орѳографія, чисто французская конструкція фразы Александра I. Какъ разнится отъ нихъ старательная и четкая каллиграфія, не вполнѣ литературное, но здравое и дѣловитое слово и чисто русская конструкція Николая I. Совсѣмъ другой видъ носятъ элегантный почеркъ, безукоризненная правильность орѳографіи, литературная округлен-

ность фразы и какой-то аристократизмъ мысли Вѣнценоснаго ученика идеалиста Жуковскаго.

Работать въ Архивѣ Государственнаго Совѣта—работать, можно сказать, въ той лабораторіи, въ которой зарождались и слагались акты и законоположенія, опредѣлявшіе судьбы русской земли. Духъ захватываетъ отъ высокаго интереса архивнаго матеріала; читаешь—не начитаешься, и теряешь необходимое для всякой ученой работы самообладаніе: растериваешься, не зная за что схватиться.

Къ сожалѣнію, занятія въ Архивѣ Госуд. Совѣта затрудняются двумя обстоятельствами: нѣкоторою его недоступностію и разбросанностію прежнихъ его помѣщеній. Во-1-хъ, для этихъ занятій необходимо разрѣшеніе госуд. секретаря, которому нужно точно указать предметъ занятій, чтобы онъ формально сообщилъ г. помощнику статсъ-секретаря, завѣдывающему дѣлами архива, о допущеніи въ архивъ и сообщеніи документовъ по указанному предмету.

Архивъ Госуд. Совѣта, во-2-хъ, до сихъ поръ не имѣлъ одного помѣщенія и находился въ трехъ мѣстахъ: въ Зимнемъ дворцѣ, при прежнемъ помѣщеніи Госуд. Совѣта, въ дворцѣ Маріинскомъ, гдѣ такъ великолѣпно устроенъ Госуд. Совѣтъ въ настоящее время, и въ зданіи Сената, въ низкомъ и мрачномъ первомъ этажѣ, глядящемъ на сырую, холодную Неву.

Въ Зимнемъ дворцѣ, какъ мы слышали—дѣла Комитета 6 декабря 26 г., крайне интересныя, крестьянская и судебная реформы. Наибольшая же и главнѣйшая часть—въ сенатскомъ зданіи: здѣсь всѣ журналы и меморіалы и масса другаго драгоцѣннаго матеріала, о которомъ мы скажемъ ниже.

Нѣкоторая недотупность архива, а еще болѣе его разбросанность, объясняютъ, можетъ быть, почти полную неразработанность его драгоцѣннаго матеріала, составляющаго едва початую ниву.

Изданіе Архива Государственнаго Совѣта, задуманное и начатое незабвеннымъ Калачевымъ, за смертью его пріостановилось, хотя, сколько мы знаемъ, Государственная канцелярія поручила продолженіе этого капитальнаго дѣла помощнику статсъ-

секретаря Г. Кауфману. Отъ автора записки „Дѣлопроизводство по комитету министровъ и присоединенныхъ къ комитету учрежденіямъ“ можно ожидать успѣшнаго продолженія дѣла столь важнаго для нашей исторической науки, начатаго покойнымъ Калачевымъ.

Въ Архивѣ Госуд. Совѣта работаютъ вообще очень мало: въ 1887 г., втеченіе 3 мѣсяцевъ изо дня въ день мы занимались въ немъ, и за все это время встрѣчали по временамъ одного только г. Дубровина, собиравшаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, матеріалы для исторіи декабристовъ.

Впрочемъ, нынѣшній просвѣщенный Государственный Секретарь не отказываетъ въ допущеніи въ архивъ русскихъ ученыхъ. Вообще онъ обратилъ на архивъ гораздо большее вниманіе, чѣмъ его предшественники. Можетъ быть, по его почину устроено одно помѣщенія для сосредоточенія въ одномъ пунктѣ разбросаннаго матеріала архива, съ приспособленіемъ этого помѣщенія для ученыхъ занятій. По мысли его, одинъ изъ чиновниковъ госуд. канцеляріи, г. Добряковъ былъ прикомандированъ къ археологическому институту для изученія, подъ руководствомъ Калачева, архивнаго дѣла. Подъ его наблюденіемъ возведено особое зданіе на Милліонной улицѣ, въ которомъ будетъ помѣщаться архивъ Госуд. Совѣта съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ актовъ изъ Государств. архива. Это образцовое зданіе, сооруженное по всѣмъ правиламъ архивнаго дѣла, будетъ заключать въ себѣ прекрасно освѣщенную залу для ученыхъ занятій. Русская историческая наука скажетъ глубокое спасибо нынѣшнему Государственному Секретарю, понявшему и оцѣнившему важность историческихъ матеріаловъ, накопившихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, для русской исторической науки.

Сообщаемыя ниже свѣдѣнія коснутся только того матеріала, который сохраняется въ зданіи сената, и съ которымъ мы познакомились въ общихъ чертахъ втеченіе ежедневныхъ занятій въ архивѣ втеченіе трехъ мѣсяцевъ прошлаго года.

Мы перебирали тѣ журналы и меморіи, которые касаются только нѣсколькихъ занимавшихъ насъ вопросовъ: по исторіи

крѣпостнаго права и дворянства, по службѣ гражданской, компетенціи Госуд. Совѣта и т. п.

Но кромѣ меморій и журналовъ, главнымъ образомъ наполняющихъ архивъ, въ немъ сохраняются и многіе другіе матеріалы, драгоцѣнные не только для исторіи русскаго права, но и вообще для исторіи нашей культуры и нашихъ соціальныхъ отношеній.

Изъ этого матеріала мы обозрѣли слѣдующія категоріи:

1) Завѣтный историческій матеріалъ, состоящій изъ актовъ великой государственной важности, хранящихся въ отдѣльномъ портфелѣ.

2) Дѣла комитета охраненія общей безопасности, учрежд. 13 янв. 1807 г.

3) Записки частныхъ лицъ: Жеребцова, Калашникова, Берха и др.

4) Бумаги нѣкоторыхъ госуд. лицъ, сохраняющихся въ архивѣ: Трощинскаго, Сперанскаго, кн. А. Н. Голицына, Д. Н. Блудова.

О содержаніи каждой изъ этихъ категорій—нѣсколько словъ.

I. Въ первой категоріи, между прочимъ, сохраняется пакетъ, адрессованный императоромъ Александромъ I на имя предсѣдателя Госуд. Совѣта князя Лопухина, въ которомъ содержался актъ отреченія Константина Павловича отъ престола въ пользу Великаго Князя Николая Павловича, и который былъ предъявленъ кн. Лопухинымъ Госуд. Совѣту въ чрезвычайномъ засѣданіи 15 окт. 1823 г. Здѣсь также документъ высокаго историческаго интереса, и одинъ изъ наиболѣе характеризующихъ великую личность Государя-Страдника Николая I, для котораго русскіе государств. интересы были дороже семьи, друзей, его самого,—это его письмо къ пресѣдателю Госуд. Совѣта князю Кочубею—мелко исписанный автографъ, на листѣ почтовой бумаги большаго формата,—въ которомъ Государь изъявляетъ свое неудовольствіе на членовъ Госуд. Совѣта, допустившихъ недосмотръ, затронувшій нѣкоторыя пріобрѣтенныя права, при обсужденіи таможеннаго тарифа, Государемъ конфирмованнаго, и преподаетъ, въ чемъ должны состоять обязанности членовъ Госуд.

Совѣта, и какъ онѣ должны быть исполняемы. Документъ, который можно было бы вставить въ зерцало, наравнѣ съ указами Петра В., поучительными столько же для Государей, какъ и для подданныхъ.

Здѣсь же сохраняются и журналы чрезвычайныхъ собраній Госуд. Совѣта [1]), изъ которыхъ особенно достопамятны 27 ноября 1825 года, когда сдѣлалась извѣстной кончина Александра I, 13 и 14 декабря 1825 г. Между этими чрезвычайными засѣданіями: 26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высочайшаго указа относительно управленія въ случаѣ внезапной кончины Государя и 1 ноября 1828 г. чтобы этотъ указъ былъ взятъ изъ Госуд. [2]) Совѣта и представленъ Государю. Достойно вниманія также чрезвычайное засѣданіе 25 іюля 1834 г. по дѣлу о жестокихъ поступкахъ вдовы генералъ-майора Твороговой съ родной своей дочерью Елизаветой. По этому дѣлу послѣдовала Высочайшая

---

[1]) Сохраняются журналы слѣдующія *чрезвычайныхъ* засѣданій Госуд. Совѣта.

15 окт. 1824 г. когда кн. Лопухинъ предъявилъ совѣту запечатаный пакетъ, въ которомъ хранился актъ отреченія Цесаревича.

27 ноября 1825 г., когда сдѣлалась извѣстной кончина И. Александра I.

13 и 14 дек. 1825 г.

26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высоч. указа относительно управленія Государствомъ въ случаѣ внезапной кончины Императора.

1 ноября 1828 г., чтобы этотъ секретный указъ былъ взятъ изъ Госуд. Совѣта и представленъ Императору.

19 и 20 дек. 1829 г. о пониженіи банковыхъ процентовъ.

19 января 1831 г. о состояніи арміи.

25 мая 1831 г. о билетахъ Госуд. Казначейства.

25 іюля 1834 г. по страшному уголовному дѣлу о Твороговой.

2 янв. 1836 г. для выслушанія Высоч. рескрипта съ изъявленіемъ благодарности Госуд. совѣту, за успѣшное окончаніе всѣхъ дѣлъ въ 1835 г.

19 февр. 1855 г. для выслушанія Высочайшаго манифеста о кончинѣ Имп. Николая I.

19 апр. 1865 г, по случаю кончины наслѣдника Николая Александровича.

26 мая 1867 г. по случаю покушенія на жизнь Императора Александра II, въ Парижѣ.

19 февр. 1880 г. по случаю 25-лѣтія царствованія Императора Александра II

[2]) Вотъ текстъ этого секретнаго указа, даннаго дѣйствит. тайному совѣтнику гр. Кочубею, генералу отъ инфантеріи гр. Толстому и д. т. сов. кн. Голицыну.

„Поручивъ Вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ Государствѣ, Я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно пресѣчь дни мои во время

резолюція „хотя дѣло сіе подлежитъ въ обыкновенномъ порядкѣ Уголовному Суду, но не желая сего для чести дворянства, предоставить сужденіе собранію дворянскихъ предводителей Московской губ., подъ предсѣдательствомъ губернскаго, облекая сіе собраніе властію Уголовнаго Суда".

Воспослѣдовавшій приговоръ Высочайше назначеннаго собранія предводителей дворянства министръ Внутр. дѣлъ внесъ на ревизію не въ сенатъ, а въ Госуд. Совѣтъ, который обсуждалъ это дѣло въ упомянутомъ чрезвыч. засѣданіи. Эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ въ исторіи отношенія Верховной Самодержавной власти къ суду.

II. Считаемъ не лишнимъ, по поводу дѣлъ второй категоріи, изложить исторію комитета 13 янв. 1807 г. весьма мало извѣстную.

5 сент. 1805 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для совѣщанія по дѣламъ высшей полиціи. Этотъ комитетъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военно-сухопутныхъ силъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Секретное наставленіе въ 11 пунктахъ опредѣляло программу его дѣятельности. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, сноситься съ дирекціей почтъ, дабы получать немедленныя и скорыя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ. Существованіе комитета и его дѣятельность должны были сохраняться въ строжайшей тайнѣ, дабы не возро-

---

отсутствія Моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Оффиціальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ Любезнѣйшимъ Братомъ Моимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если Онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ-же случаѣ Начальникомъ Моего Главнаго Штаба, или тѣмъ, кто въ сіе время при Мнѣ старшій находиться будетъ..

2) Къ извѣстію имѣетъ быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины Моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей;

3) До полученія сего оффиціальнаго извѣстія, вы обязаны наблюдать, чтобы несмотря на бо́льшую или мѐньшую достовѣрность всякихъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ Имперіи продолжали дѣйствовать именемъ Моимъ, на основаніи Законовъ, получивъ-же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ Любезнѣйшему Брату Моему Великому Князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленій Манифеста Моего

дить въ обществѣ напрасныхъ опасеній. Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи этого комитета скрѣплено по листамъ товарищемъ министра юстиціи Новосильцевымъ и хранилось у министра военно-сухопутныхъ силъ Вязмитинова.

Дѣятельность этого комитета, можно думать, не вполнѣ оправдала виды правительства. Онъ скоро былъ замѣненъ другимъ. Именно: 2 Генваря 1807 г. послѣдовало Высоч. повелѣніе объ учрежденіи *Комитета охраненія общей безопасности*, по поводу тревогъ новой войны. Составъ комитета былъ образованъ изъ министра юстиціи кн. Лопухина и тайныхъ совѣтниковъ Новосильцева и сенатора Макарова—преемника Шешковскаго по Тайной экспедиціи. Къ этому составу, по мѣрѣ надобности, могли быть присоединяемы: министръ внутреннихъ дѣлъ и главнокомандующій въ столицѣ министръ военно-сухопутныхъ силъ. Комитету были предоставлены всѣ дѣла высшей полиціи, а существованіе его хранилось въ величайшей тайнѣ. Указъ Сенату объ учрежденіи комитета былъ изданъ 13 января 1807 г. Датой этого указа именовался и самъ комитетъ во все время своего существованія „Комитетъ 13 января 1807 г.“.

Засѣданія комитета открылись 15 января 1807 года, въ ночное время, въ домѣ министра юстиціи. Вязмитиновъ и графъ Кочубей присутствовали только въ первомъ засѣданіи. Обыкновенно же въ немъ бывали три члена: кн. Лопухинъ, Новосильцевъ и Макаровъ. А за отъѣздомъ Новосильцева за границу, засѣданія составлялись только изъ двухъ членовъ. Въ теченіе существованія комитета членами его были назначены слѣдующія

отъ 28 Генваря 1826-го года облекается саномъ и властію Правителя Государства и за подписаніемъ своимъ издаетъ Манифестъ отъ лица Наслѣдника Моего, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной Ему присягѣ;

4) Если въ сіе время Любезнѣйшій Братъ Мой Великій Князь Михаилъ Павловичъ будетъ въ отсутствіи, то Манифестъ Наслѣдника Моего, въ слѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей Указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія Правителя Государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго Императора, за общимъ вашимъ подписаніемъ.

Императорскаго Величества рукою:
Николай.

лица: въ 1808 г. министръ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинъ и министръ просвѣщенія Завадовскій, въ 1809 году об-гофмейстеръ Кошелевъ и министръ полиціи Балашевъ, въ 1810 г. министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ, въ 1812 министръ полиціи Вязмитиновъ, въ 1814 г. министръ юстиціи Трощинскій, въ 1815 г. Аракчеевъ, въ 1817 г. министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, въ 1819 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, въ 1824 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланской, въ 1825 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Куракинъ. Изъ всѣхъ этихъ членовъ неизмѣнно оставался въ комитетѣ кн. Лопихинъ—съ самаго его основанія и до закрытія.

При комитетѣ состояла особая канцелярія: изъ правителя, секретаря, двухъ переводчиковъ и трехъ писцовъ. Правителемъ канцеляріи неизмѣнно былъ Лавровъ. Журналы канцеляріи подносились на высочайшее благоусмотрѣніе. Въ первыя засѣданія Комитетъ самъ назначалъ наказанія, но очень скоро, 31 янв. 1807 г., Государь повелѣлъ отсылать преступника въ надлежащее судебное мѣсто. Подсудимые содержались обыкновенно въ Петропавловской крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Указъ Сенату о закрытіи Комитета послѣдовалъ 17 янв. 1829 г., вслѣдствіе образованія въ іюлѣ 1826 г. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, замѣнившей комитетъ, подобно тому какъ этотъ послѣдній былъ преемникомъ дѣйствовавшей при Екатеринѣ II и Павлѣ I Тайной экспедиціи, упраздненной Александромъ I 25 сент. 1802 г.

Такимъ образомъ, предметъ дѣйствій комитетовъ 5 сент. 1805 г. и 13 янв. 1807 г.—однороденъ съ предметомъ дѣйствій Тайной Экспедиціи и III отдѣленія: дѣла, входившія въ комитетъ, были преимущественно *политическаго* характера.

Значительную часть дѣлъ составляли дѣла о лицахъ разнаго рода—преимущественно французскихъ эмигрантахъ, патерахъ, аббатахъ, учителяхъ, гувернерахъ, а также польскихъ и другихъ иностранцахъ, проживающихъ въ Россіи или шатавшихся по разнымъ мѣстамъ и подозрѣваемыхъ въ тайной перепискѣ и сношеніяхъ съ непріятелемъ: патеръ Монсо, французъ Стадлеръ и др.

Дѣла о разглашателяхъ слуховъ относительно возстановленія Польши. Между прочимъ въ февралѣ 1807 г. въ этомъ заподозрѣнъ былъ визитаторъ Кіевскихъ училищъ тайный совѣтникъ Чацкій, и по донесенію Кіевскаго военнаго генералъ губернатора гр. Голенищева-Кутузова онъ былъ вытребованъ полицейскимъ образомъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ отданъ подъ строгій присмотръ. Но едва комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его дѣла, какъ 18 іюля состоялся рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, коимъ повелѣвалось уничтожить дѣло Чацкаго, съ почотомъ возвратившагося въ Кіевъ, дабы еще успѣшнѣе, при сильной поддержѣ Государева друга Чарторыйскаго, продолжать полонизацію искони русскаго края.

Въ комитетъ поступало не мало дѣлъ о возбужденіи народа молвою о вольности крестьянъ, между которыми ходилъ, напримѣръ, слухъ, что Бонапартъ де писалъ Государю, чтобы тотъ освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, а безъ того де война никогда не прекратится. Слухи объ освобожденіи крестьянъ волновали общество и послѣ окончанія отечественной войны.

Въ 1817 г. одинъ изъ подсудимыхъ показывалъ въ Комитетѣ: „слухъ о вольности крестьянъ общій"...

Не мало также бывало дѣлъ по подозрѣнію и извѣтамъ о заговорахъ противъ Государя.

Между прочимъ, знаменитое дѣло о Турчаниновой, будто бы намѣревавшейся произвесть революцію въ Россіи. Въ 1814 г. служившій въ провіантскомъ штатѣ коллежскій регистраторъ Баришевскій—Честнѣйшій донесъ на служащаго въ Петербургскомъ ополченіи подпоручика Калинина, будто бы послѣдній открылся ему въ томъ, что въ Петербургѣ де уже существуетъ заговоръ, имѣющій цѣлью принудить Государя отказаться отъ короны и просить императрицу Елисавету Алексѣевну принять оную. Калининъ, при его допросѣ въ Комитетѣ, показывалъ, что онъ де во время нашествія французовъ уже сочинилъ конституцію. Комитетъ постановилъ: запереть Калинина въ Шлиссельбургскую крѣпость навсегда, въ которой и содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ безъисходно. Въ томъ же году саксонскій подданный Игналинцевъ, служившій берейторомъ въ кавалергардскомъ полку

сдѣлалъ извѣтъ, что существуетъ де заговоръ на жизнь Государя и Наслѣдника съ тѣмъ, чтобы возвести на престолъ Великую Княгиню Екатерину Павловну. Такъ какъ извѣтъ былъ слишкомъ невѣроятенъ, то извѣтчикъ, по приговору комитета, былъ посаженъ для безвыходнаго содержанія въ Динамидскую крѣпость. Но извѣты все-таки не прекращались: въ 1815 г. канцеляристъ Снѣжницкій донесъ, что Нижегородское дворянство покушается на жизнь Государя Императора за его намѣреніе отобрать крестьянъ въ казенное вѣдомство.

Много также бывало дѣлъ по поводу составленія и распространенія возмутительныхъ воззваній и вредныхъ сочиненій. Напримѣръ: въ 1807 г. разсматривалось дѣло о шляхтичѣ Малицкомъ, у коего найдены прокламаціи къ полякамъ. Въ 1810 г. о задержанныхъ въ Гроднѣ книгопродавцахъ Щепинскомъ и Клецинскомъ, у которыхъ были найдены сатирическія сочиненія на польскомъ языкѣ, съ переложеніемъ молитвъ: Отче Нашъ, Вѣрую, Богородице Дѣво и Заповѣдей въ пародіи.

Не рѣдко разсматривались дѣла о тайныхъ обществахъ и и запрещенныхъ сходбищахъ. Напримѣръ: громадное дѣло гр. Грабіанки. Въ 1810 г. колонистъ Киршбаумъ донесъ на переводчика Новгородской опекунской конторы губернскаго секретаря Олея, что послѣдній де собираетъ шайку развратныхъ людей изъ русскихъ и нѣмцевъ „корпусъ рыцарей льва", и обязываетъ ихъ присягою уйти съ нимъ въ Крымъ, а оттуда къ туркамъ, стараться возвратить Крымъ Турціи, сдѣлавъ его, Олея, Крымскимъ королемъ. Вытребованный въ Петербургъ, Олей въ комитетѣ показалъ, что на него и на его волонтеровъ большое уныніе произвелъ указъ 1809 г., запрещавшій производить въ высшіе чины тѣхъ чиновниковъ гражданской службы, которые не учились; что, желая сдѣлать ихъ полезными отечеству, онъ выдумалъ превратить ихъ изъ приказныхъ въ воиновъ и идти съ ними противъ турокъ. Взявъ же Константинополь, онъ былъ намѣренъ требовать, чтобы ему было назначено герцогство.

Дѣла о лицахъ, выдававшихъ себя или принимавшихся за особъ Высочайшей фамиліи. Напримѣръ; въ 1822 г. красноярскій мѣщанинъ Старцевъ доносилъ о поселенцѣ Петровѣ, что по-

слѣдній имѣетъ у себя на крыльцахъ между лопатками возложенный крестъ, котораго изъ подданныхъ никто имѣть не можетъ, кромѣ Высочайшей власти, а потому и онъ долженъ быть не простолюдинъ и не изъ дворянъ, а едвали не покойный Государь Императоръ, подъ образомъ смерти лишенный званія и подвергнутый отъ ненавистныхъ особъ на сію страдальческую жизнь.

Дѣла о преступленіяхъ по службѣ. Напримѣръ: дѣло чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Жерве, обвиняемаго въ передачѣ бумагъ бывшему Государственному секретарю Сперанскому.

О вредныхъ книгахъ: по донесенію попечителя Казанскаго округа Магницкаго о Нѣмецкомъ изданіи Real Encycl.

О грозившихъ общественному благоприличію поступкахъ разныхъ лицъ: въ 1808 г. взятъ въ крѣпость, а потомъ заключенъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, гр. Кириллъ Андреевичъ Разумовскій, сынъ министра народнаго просвѣщенія Андрея Кирилловича, за безсразсудные поступки во время путешествія за границей и по возвращеніи въ Россію.

III. Изъ записокъ частныхъ лицъ въ архивѣ Госуд. Совѣта встрѣчаются записки: 1) капитанъ лейтенанта Берха, подавшаго Императору Николаю Павловичу записку въ которой онъ излагалъ два предложенія: a) о возстановленіи коллегій и учрежденіи гласнаго судопроизводства и b) о повышеніи въ чины по государственной службѣ нераздѣльно съ мѣстомъ и о наградахъ за долговременное пребываніе въ одномъ и томъ же чинѣ. Эти предложенія обсуждалъ департаментъ законовъ 19 ноября 1830 г. Замѣчательно, что въ этомъ засѣданіи, въ которомъ обсуждалось и предложеніе Васильчикова о положеніи преграды къ полученію дворянства чрезъ чины, принималъ участіе и Сперанскій, болѣе всѣхъ содѣйствовавшій упраздненію коллегій.

2) Въ 1856 г. представлена была Жеребцовымъ записка объ устройствѣ министерствъ вообще и министерства финансовъ въ особенности. Она заключаетъ въ себѣ интересныя мысли о превосходствахъ коллегіальнаго порядка и недостаткахъ системы министерствъ.

3) По содержанію сходна записка Ив. Калашникова „Взглядъ вѣрноподданнаго на настоящее состояніе Россіи“. Развивается

то же мнѣніе о министерствахъ, что они—учрежденія болѣе пригодныя въ государствѣ представительнаго строя.

Интересно очень, что традиція Петровскихъ коллегій такъ долго не исчезала, да едва ли она вполнѣ исчезла и въ настоящее время, несмотря на столь продолжительное существованіе нашихъ министерствъ. Найдется и нынче не мало людей, готовыхъ повторить великія слова великаго создателя нашихъ коллегій „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее".

IV. Бумаги Трощинскаго были привезены изъ Кагарлыка командированнымъ туда чиновникомъ, по смерти Екатерининскаго Статсъ-Секретаря. Между ними обращаетъ на себя вниманіе записка о Прибалтійскомъ Краѣ, которая могла бы быть руководительной для администраторовъ этой окраины и въ настоящее время. Основная ея мысль—возстановленіе екатерининской программы — полное отождествленіе онѣмеченной окраины съ другими частями Имперіи. Въ бумагахъ Трощинскаго сохранилась его докладная записка о недоумѣніяхъ, встрѣченныхъ при редакціи дворянской грамоты. Въ ней сказано, что раздѣленіе книги дворянскихъ родовъ на части, дѣлая различіе между породою и заслугою, можетъ питать высокомѣріе, и что во избѣжаніе сего, лучше бы составить сію книгу по алфавиту. Резолюція „сіе раздѣленіе дѣлано не мною, но предками моими, какъ о томъ явствуетъ указъ Царя Ѳедора Алексѣевича $^{7190}/_{1682}$". Здѣсь же встрѣчается упоминаніе о мнѣніи Теплова о существѣ формы въ нашемъ правительствѣ и ея недостаткахъ до восшествія на престолъ Екатерины II. Видно также, что Теплову принадлежалъ проэктъ установленія Верховнаго Императорскаго Совѣта въ январѣ 1763 г.

Очень богата связка бумагъ Сперанскаго: черняки его проектовъ по образованію нашихъ государственныхъ учрежденій—особенно Сената, съ обозрѣніемъ основныхъ фактовъ по его исторіи. Между бумагами автографъ Екатерины II—то на русскомъ, то на французскомъ языкахъ—*О Сенату*. Мѣстами текстъ перечеркнутъ, а изложенъ на поляхъ въ другой редакціи. Иногда и текстъ на поляхъ перечеркнутъ. На такомъ мѣстѣ пришпиленъ булавками, по преданіямъ архива, собственноручно вынутыми

изъ волосъ самой великой государыни, лоскутокъ бумаги, на которомъ излагается мысль въ новой редакціи. Обращаетъ также вниманіе автографъ Александра I о распредѣленіи членовъ новообразованнаго Госуд. Совѣта между департаментами: намѣчено мѣсто на общемъ планѣ помѣщенія Госуд. Совѣта рукою самого императора для каждаго его члена. Такъ много заботился Государь объ этомъ созданіи Сперанскаго!

Въ бумагахъ кн. А. Н. Голицына встрѣчается интересная „Записка для составленія законовъ Россійскихъ", составленная Безбородкомъ въ 1799 году. Вотъ нѣкоторыя изъ нея выдержки:

„Не было бы противно Самодержавной власти, если бы Государь (при коронованіи), по изреченіи Символа вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя являли бы народу Его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное. Такая присяга могла быть въ слѣдующей силѣ". Сенаторы „для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаемъ епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ".

Сенатъ слѣдуетъ раздѣлить на департаменты „1) Дѣла политическія и исполнительныя (Губ. правленіе) 2) уголовныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ дѣлъ и 4) казенныхъ дѣлъ. Второй и третій могли бы быть раздѣлены на два и болѣе. Полезно было бы имѣть таковыхъ два въ Москвѣ и два въ Кіевѣ".

Эта мысль, очевидно, согласуется съ проэктомъ Екатерины, столь много думавшей объ организаціи сената, дабы привесть ее въ соотвѣтствіе съ системой губернскаго управленія по закону 7 ноября 1715 г. Въ ней также зародышъ основной идеи Сперанскаго децентрализовать сенатъ, распредѣливъ его составныя части по важнѣйшимъ городамъ имперіи.

Говоря о сенатѣ, Безбородко цитуетъ выраженіе Державина „Петръ В. сдѣлалъ, что сенатъ былъ въ немъ, а онъ въ сенатѣ".

Интересна мысль объ учрежденіи, напоминающемъ missi dominici Карла Великаго „Государь, не могучи объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обозрѣваетъ оную по губерніямъ чрезъ довѣренныхъ его особъ, а именно одного сенатора, 2 дворянскихъ, 2 мѣщанскихъ и 2 *поселянскихъ* депу-

татовъ, которые всѣ раздѣляются такъ, чтобъ каждые 3 года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности".

Особенно интересны бумаги гр. Блудова. Высокопросвѣщенный другъ и товарищъ Карамзина, былъ близкимъ совѣтникомъ двухъ императоровъ. Перомъ его написаны важнѣйшіе госуд. акты двухъ царствованій. Къ нему обращались государи по всѣмъ вопросамъ ученымъ, литературнымъ. Ему порученъ былъ, напримѣръ, просмотръ арестованныхъ бумагъ кн. Долгорукова, убѣжавшаго заграницу. Къ нему нерѣдко посылалъ карандашемъ записки Императоръ Николай. Глубокій патріотъ и вѣрноподданный, онъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею служилъ Россіи и ея Вѣнценоснымъ Руководителямъ. Его сослуживцы по госуд. совѣту вспоминаютъ, что, когда онъ умеръ, то секретарь госуд. совѣта Бутковъ донесъ Государю Императору, что у одного изъ первыхъ сановниковъ Имперіи не нашлось въ домѣ денегъ на похороны, на устройство которыхъ щедротами Императора Александра II была ассигнована потребная сумма. Честное и свѣтлое имя покойнаго гр. Дмитрія Николаевича всегда будетъ украшать сонмъ лучшихъ государственныхъ мужей въ Россіи, всегда будетъ дѣлать честь Государямъ, выдвинувшимъ и приблизившимъ его къ себѣ.

Въ богатомъ, по своему содержанію, портфелѣ гр. Блудова встрѣчается, между прочимъ, въ двухъ экземплярахъ (одинъ изъ нихъ испещренъ замѣтками Императора Николая) проэктъ секретнаго манифеста о состояніяхъ. Этотъ проэктъ, можно думать, относится къ 1830 г. Онъ могъ быть однимъ изъ результатовъ реформаторской дѣятельности комитета 6 дек. 1826 г., учрежденіе котораго—одинъ изъ замѣчательныхъ, хотя и мало оцѣненныхъ, памятниковъ государственной дѣятельности Императора Николая, реакціонная политика котораго еще ждетъ правильной оцѣнки историческаго психолога. Судьба этого проэкта секретнаго манифеста о состояніяхъ намъ неизвѣстна. По содержанію своему онъ настолько интересенъ, что считаемъ не излишнимъ привести изъ него нѣкоторыя выдержки:

„Дворянское состояніе въ началѣ пріобрѣталось или происхожденіемъ отъ родовъ именитыхъ, или возведеніемъ въ сіе

достоинство за отличныя отечеству заслуги по усмотрѣнію верховной власти.

Къ симъ первоначальнымъ двумъ путямъ въ послѣдствіи времени присоединился третій: дворянство содѣлалось принадлежностію чиновъ.

Но чины въ намѣреніяхъ Великаго ихъ Учредителя были нераздѣльно соединены съ мѣстами. Рѣдки и малочисленны, они достигались долголѣтнею и многотрудною службою, и уваженіе къ нимъ естественно сливалось съ уваженіемъ къ роду.

Въ послѣдствіи мѣсто и чинъ раздѣлились. Чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю ихъ связь и соразмѣрность съ мѣстами. Но при семъ существенномъ ихъ измѣненіи не измѣнилось право, съ прежними чинами сопряженное, право на дворянство.

Отсюда общее стремленіе всѣхъ къ одному состоянію; отсюда непрестанная зыблемость въ путяхъ службы, частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое, отсюда и нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы, когда измѣряются онѣ не внутреннею ихъ силою, но внѣшними въ чинахъ успѣхами и быстрымъ въ нихъ прохожденіемъ. Изъ всѣхъ же сихъ послѣдствій бѣдственнѣйшее есть то, что дворянское достоинство, предостановленное въ началѣ быть вѣрнымъ изображеніемъ истиннаго благородства и чести, знаменемъ избраннѣйшей части народа, высшею наградою истинныхъ заслугъ Престолу и Отечеству, отъ безпредѣльнаго его раздробленія и смѣшенія, теряя первобытную его чистоту, можетъ наконецъ содѣлаться удѣломъ праздности и тяжкимъ бременемъ государству.

Давно уже было помышляемо о мѣрахъ къ предупрежденію сихъ послѣдствій. Сначала (1790) лѣтами службы затруднены были способы къ переходу изъ сословія личныхъ дворянъ въ потомственные. Потомъ (въ 1809) остановленъ былъ и вовсе переходъ изъ перваго сословія во второе, исключая только по успѣхамъ въ наукахъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ разстояніяхъ времени, мудрость законодателей видѣла однѣ и тѣже неудобства, и искала прекратить ихъ сообразно обстоятельствамъ.

Время настало довершить сіи начатія, установить порядокъ службы не на чинахъ, но на должностяхъ, присвоивъ каждому мѣсту свойственное ему значеніе...

Для сего отнынѣ, возвращаясь къ своему первобытному установленію и свойству, чины гражданскіе будутъ неразрывно соединены съ мѣстами; всякое производство въ высшій чинъ безъ опредѣленія къ соотвѣтствующей оному должности прекращается, и дворянское достоинство, преставая быть принадлежностію чиновъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, будетъ особою наградою за отличныя заслуги, даруемое по усмотрѣнію верховной власти...

„По всѣмъ симъ уваженіямъ, *внявъ мнѣнію госуд. совѣта*, повелѣваемъ:

О порядкѣ гражданской службы.

1. Производство въ чины по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства прекратить.

2. На будущее время чины въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень службы въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ...

3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвоенъ чинъ.

. . . .

О гражданствѣ.

Въ состояніи гражданства установляются четыре сословія:

1. Гражданъ чиновныхъ.
2. Гражданъ именитыхъ.
3. Гражданъ почетныхъ.

и 4. Мѣщанъ.

Граждане чиновные, сверхъ общихъ правъ, надѣляются слѣдующими особенными преимуществами: 1) служебными, 2) правомъ быть избираемыми на мѣста, отъ выборовъ дворянства зависящія, исключая предводителя и депутата дворянства; 3) правомъ имѣть родовый гербъ, но безъ короны, составляющей отличительный знакъ дворянскаго достоинства; 4) правомъ помѣщать

своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, наравнѣ съ дѣтьми дворянъ, за исключеніемъ только пажескаго корпуса и лицея (Училища Правовѣдѣнія въ то время еще не существовало).

Преимущества *чиновнаго гражданства* пріобрѣтаются 1) рожденіемъ; 2) службою (въ военной об.-офиц. чиномъ, а въ гражданской VIII степени) и 3) орденомъ.

. . . .

О дворовыхъ господскихъ людяхъ.

Въ проэктѣ указа сенату объ ограниченіи раздробленія имѣній въ § 6 постановлялось „приписанныя къ селеніямъ земли могутъ быть продаваемы, даримы и инымъ образомъ отчуждаемы безъ крестьянъ, по усмотрѣнію и волѣ помѣщиковъ“. Противъ этихъ словъ на полѣ собственноручная замѣтка Императора Николая Павловича *„что же будутъ дѣлать крестьяне, когда они безъ земли останутся“*: антецедентъ аграрной идеи генерала Ростовцева и другихъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Къ проэкту манифеста приложена таблица „Общее Сравнительное росписаніе мѣстъ и должностей“, раздѣленныхъ на 12 степеней. Прежніе названія чиновъ оставлены только для II, III, IV и V классовъ, а затѣмъ: чинъ VI, VII и т. д. степени.

Кто писалъ проэктъ секретнаго манифеста о состояніяхъ? Едвали самъ Блудовъ: карамзинскій стиль автора многихъ другихъ государственныхъ актовъ двухъ императоровъ замѣтно отличается отъ языка проэкта, на одномъ экземплярѣ котораго рукою Императора Николая написано „сообщить Блудову“. Какая участь постигла этотъ проэктъ? Онъ такъ и остался проэктомъ, но можетъ служить илюстраціей къ нѣкоторымъ законамъ Николая Павловича: напримѣръ учрежденія почетнаго гражданства—личнаго и потомственнаго, повышенія чиновъ, дающихъ право дворянства и многихъ постановленій по организаціи службы гражданской, которая всегда такъ сильно занимала Государя. Основная его мысль возстановить Петровскую идею чина, не отдѣляемаго отъ должности, сказалась и въ образованіи, вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи гр. Панина 18 ноября 1846 г., комитета для пересмотра Уставовъ о службѣ гражданской изъ това-

рищей министровъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Танѣева, а впослѣдствіи генералъ-адъютанта Анненкова 2-го. Въ руководство комитету были предложены начала, заимствованныя изъ разсмотрѣннаго нами проэкта секретнаго манифеста о состояніяхъ: возвращеніе къ мысли, руководившей творцомъ табели о рангахъ. Занятія комитета продолжались 3 года и 9 мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ 88 засѣданій и представилъ окончательный отчетъ государю 9 ноября 1850 г. Уставы о службѣ гражданской были сокращены на 306 статей, а всѣ статьи вновь проэктированныхъ уставовъ основывались на XI классной табели.

Интересны тѣ статистическія данныя относительно русской бюрократіи, которыя комитетъ приводилъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ. Общее число чиновъ, занимавшихъ должности въ 1847 г.—81,000 человѣкъ. Въ числѣ ихъ чиновниковъ отъ XIV до V класса, служившихъ въ однихъ и тѣхъ же должностяхъ, было 1 янв. 1847 г.

Прослужившихъ	5	лѣтъ	—	15.165	человѣкъ.
„	10	„	—	6.077	„
„	15	„	—	2.614	„
„	20	„	—	1.194	„
„	25	„	—	968	„

Расходъ госуд. казначейства на содержаніе этихъ чиновъ съ 1 янв. 1847 г. простирался до 20 милліоновъ рублей.

Комитетъ предлагалъ росписаніе должностей по VI класной табели. Всѣхъ должностей имѣло бы быть 10.155. Изъ нихъ:

I	класса	—	—	7	должностей
II	„	—	—	28	„
III	„	—	—	75	„
IV	„	—	—	149	„
V	„	—	—	335	„
VI	„	—	—	680	„
VII	„	—	—	861	„
VIII	„	—	—	1318	„
IX	„	—	—	2557	„
X	„	—	—	2444	„
XI	„	—	—	1801	„

Возвращаясь къ портфелямъ гр. Блудова, отмѣтимъ составленную имъ 28 марта 1858 г., по повелѣнію государя, записку, заключавшую въ себѣ краткое историческое обозрѣніе законовъ о порядкѣ представленія и разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ министровъ. Интересно очень, что государь занятъ былъ этимъ вопросомъ, на практикѣ очень запутавшимся. Не менѣе интересно и разрѣшеніе вопроса такимъ опытнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ покойный графъ Дмитрій Николаевичъ.

Интересны также мнѣнія гр. Блудова о двухъ важныхъ памятникахъ нашей литературы: Запискѣ о древней и новой Россіи Карамзина и Исторіи Руссовъ Г. Кониского. Считаемъ не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ.

Первое было отвѣтомъ на письмо тогдашняго министра императорскаго двора кн. П. М. Волконскаго, отъ 19 янв. 1852 г., слѣдующаго содержанія:

Мил. Государь Гр. Дмитрій Николаевичъ!

По Высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство увѣдомить меня, для доклада Е. И. Величеству, существуетъ ли рукописное сочиненіе Н. М. Карамзина: „Мысли о Россіи“, и въ какомъ духѣ оно написано?

Кн. *Волконскій*.

Милостивый Государь Петръ Михайловичъ!

Исполняя Высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ въ отношеніи Вашей Свѣтлости отъ 19 сего Генваря за № 256, поспѣшаю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что особаго рукописнаго сочиненія покойнаго исторіографа Н. М. Карамзина, подъ заглавіемъ: Мысли о Россіи, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Но можетъ быть, что иные такъ называютъ писанную имъ въ 1811 году для Великой Княгини, въ послѣдствіи Королевы Виртембергской Екатерины Павловны, записку о древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; или же другую читанную имъ самимъ (уже въ 1819 году) императору Александру, по случаю возникавшей въ то время мысли о присоединеніи части возвращенныхъ отъ Польши областей къ царству Польскому. Первая, какъ я сказалъ выше, составлена Карам-

зинымъ по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, вручена имъ Ея Высочеству въ Твери въ 1811 году, и, какъ должно полагать, Ею передана Императору. По крайней мѣрѣ она не была возвращена Карамзину, который, оправдывая довѣренность Великой Княгини, требовавшей отъ него глубочайшей тайны, не оставилъ у себя и копіи съ сей записки. По кончинѣ императора Александра, онъ имѣлъ случай говорить о семъ съ благополучно царствующимъ нынѣ Государемъ и просилъ Его Величество приказать отыскать его записку въ бумагахъ покойнаго Императора: но ее не могли найти въ нихъ ни тогда, ни въ послѣдствіи. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, если не ошибаюсь въ 1834 или 1835 году (вскорѣ послѣ смерти Графа Аракчеева), вдругъ появилось нѣсколько экземпляровъ сей записки и одинъ доставленъ мнѣ. По слогу и содержанію оной, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что сія записка есть точно та, о которой мнѣ часто разсказывалъ покойный историографъ. Другая о присоединеніи нашихъ западныхъ губерній къ Царству Польскому оставалась въ рукахъ Карамзина; но онъ сохранялъ ее въ тайнѣ также, или еще болѣе, нежели первую, и только чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Александра показалъ ее мнѣ и еще двумъ или тремъ своимъ пріятелямъ, не дозволивъ намъ даже и въ то время списать ее. Теперь, однакожъ, есть копіи и сей послѣдней записки, но не знаю, совершенно ли вѣрныя.

Что касается духа, въ коихъ написаны, какъ одна такъ и другая, то на каждой страницѣ, можно сказать въ каждой строчкѣ оныхъ, мы находимъ выраженія самыхъ лучшихъ чистѣйшихъ намѣреній, самыхъ искреннихъ и живыхъ чувствъ, какъ истиннаго благоразумнаго патріотизма, такъ и пламенной безкорыстной приверженности къ престолу вообще и къ лицу императора Александра. Но сіи чувства и личная привязанность къ императору не препятствовали Карамзину по любви къ истинѣ, первому коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, можетъ быть до нѣкоторой степени и не совсѣмъ справедливо, иныя дѣйствія правительства. Онъ какъ будто заранѣе объявилъ о томъ, избравъ эпиграфомъ своей записки (о древней и новой Россіи) стихъ изъ 138 псалма. „Нѣсть льсти

въ языцѣ моемъ". Основная, общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія, какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ; что въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, гибельныя для нея послѣдствія.

Съ сею главною мыслію и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя и тѣмъ объясняются отзывы его, какъ я сказалъ уже, иногда слишкомъ рѣзкіе или не вполнѣ основательныя о преобразованіяхъ Петра Великаго, и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія Александра. Впрочемъ, читая сію записку его, надобно не терять изъ виду, что она есть почти конфиденціальная, составлена для одной близкой къ государю особы и что авторъ никогда никому другому ее не показывалъ [1]). Записка его о Польшѣ, составленная послѣ разговора о семъ съ императоромъ Александромъ, въ продолженіе одной ночи, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ патріотическимъ его дѣйствіямъ, и въ ней можетъ быть краснорѣчивѣйшія страницы изъ всѣхъ вышедшихъ изъ подъ пера его. Особеннаго замѣчанія достойно все сказанное имъ о духѣ и свойствѣ вѣры христіанской, о примѣненіи вѣчныхъ заповѣдей ея къ дѣламъ политическимъ. Иныя мѣста сей записки можно почти назвать пророчествами. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ императору: „Государь! если вы возстановите древнюю Польшу, то или падетъ Россія или русскіе снова зальютъ Польшу кровью и возьмутъ Прагу штурмомъ". Впрочемъ Карамзинъ, не являетъ себя въ семъ случаѣ и вообще никогда не былъ какимъ либо непримиримымъ врагомъ всего польскаго. Вотъ слова его въ самомъ заключеніи записки: „Пусть существуетъ и благоденствуетъ царство польское подъ скипетромъ Александра, какъ оно есть;

[1]) Часть чисто историческая, то есть первые листы сей записки напечатаны Пушкинымъ въ его Современникѣ (въ 1835 или 1836 г.), и потомъ въ концѣ Исторіи Государства Россійскаго въ пятомъ компактномъ оной изданіи Г. Эйнерлинга.

но да существуетъ да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ она оставлена вамъ Екатериною".

Имѣю честь быть съ высокопочитаніемъ и преданностью Вашей Свѣтлости.

Мнѣніе объ Исторіи Руссовъ Г. Кониcкаго было изложено въ письмѣ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому отъ 19 февр. 1859 г. Стоя во главѣ Главнаго Управленія цензуры, высоко-просвѣщенный и либеральный, покойный Ковалевскій согласился съ его постановленіемъ о запрещеніи исторической работы архіепископа могилевскаго. Чтобъ понять этотъ актъ столь благопріятно относившагося къ свободѣ печати тогдашняго министра нар. просвѣщенія, слѣдуетъ припомнить, что 21 янв. 1859 г. былъ учрежденъ „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія", на обязанность котораго было возложено принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы. Членами этого комитета были назначены: тайный совѣтникъ Мухановъ, генералъ-адъютантъ Гр. Адлербергъ 2 и свиты Е. В. г.-майоръ Тимашевъ. Съ этимъ обстоятельствомъ покойному Ковалевскому тѣмъ болѣе нужно было считаться, что, будучи малороссомъ, по своему мѣсту рожденія въ харьковской губ., онъ долженъ былъ уклоняться отъ всякихъ подозрѣній въ украинофильствѣ, въ каковомъ, дѣйствительно, и готовы были упрекать его, когда сталъ выходить журналъ *Основа*.

Приводимъ письмо Гр. Блудова къ Ковалевскому въ полномъ его текстѣ:

Милостивый Государь Евграфъ Петровичъ!

Возвращая при семъ доставленный мнѣ отъ Вашего Превосходительства Журналъ Главнаго Управленія Цензуры 10-го Генваря сего года, имѣю честь сообщить Вамъ, что я не подписалъ сего журнала, ибо меня остановила 21-ая онаго статья. По совѣсти и литературной и политической я не могу согласиться съ постановленіемъ сей статьи.

„Исторія Руссовъ" Георгія Кониcкаго, одно изъ замѣчательныхъ, если не самое замѣчательное сочиненіе объ исторіи

Малороссіи, всѣмъ извѣстна, не столько еще по первому оной изданію въ 1846 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, сколько и гораздо болѣе и гораздо прежде сего изданія по рукописямъ, которыя во множествѣ распространены по всюду. Сочинитель сей книги, коего можно назвать самого лицемъ историческимъ, доказалъ всею своею жизнію преданность къ Православію и Россіи. Уважаемый не только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, гдѣ онъ въ послѣдствіи, какъ Архіепископъ, боролся съ Римско-Католицизмо-Прозелитизмомъ и преобладаніемъ Польскаго элемента, онъ былъ удостоенъ особой милости и довѣренности Императрицы Екатерины II, и конечно никогда не думалъ оставлять въ тайнѣ сего сочиненія своего, писаннаго имъ по желанію депутатовъ Малороссіи на собраніи (въ 1767 году) Государственныхъ чиновъ въ Москвѣ. Съ того времени оно пріобрѣло такую общую извѣстность, что въ губерніяхъ Полтавской, Черниговской, Харьковской и Кіевской нѣтъ почти ни одного семейства, между людьми болѣе или менѣе образованными, которое не имѣло бы списка сей исторіи. Сія извѣстность не ограничивается предѣлами бывшей Малороссіи и жители оной высоко цѣнятъ книгу Конисскаго, не по тѣмъ словамъ и выраженіямъ, въ коихъ дѣйствительно замѣчается нѣкоторый односторонній, такъ сказать провинціальный патріотизмъ, а по ученому и, осмѣлюсь прибавить, артистическому оной достоинству. Запрещать новое изданіе такого сочиненія, могущаго служить всегда важнымъ пособіемъ, а въ иныхъ случаяхъ и необходимымъ источникомъ для всѣхъ занимающихся исторіею, едва ли полезно и удобно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Едва ли также по мнѣнію моему возможно согласиться съ мыслію, довольно странною, что лучше запретить всю книгу, которую мы сами признаемъ хорошею, нежели исключить изъ нее нѣсколько выраженій или разсужденій, не совсѣмъ умѣстныхъ и приличныхъ.

Я съ своей стороны полагаю, что слѣдовало бы даже разрѣшить изданіе Исторіи Руссовъ, безъ сокращенія и безъ выпуска тѣхъ мѣстъ, которыя прежде могли произвести дурное впечатлѣніе, но въ настоящее время утратили всякую возможность, какъ явленіе давно прошедшее. Впрочемъ, если сіе по-

чему либо найдено будетъ неудобнымъ, то во всякомъ случаѣ кажется должно позволить новое оной изданіе въ томъ видѣ, какъ первое съ немногими незначительными сокращеніями и пропусками.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписалъ Графъ *Д. Блудовъ.*

Оканчивая эти бѣглыя замѣтки о нѣкоторыхъ матеріалахъ архива государственнаго совѣта, я не могу не сказать, что занятія въ немъ считаю въ высокой степени полезными для русскаго государствовѣда,—можетъ быть болѣе полезными, чѣмъ слушаніе лекцій въ иностранныхъ аудиторіяхъ, чѣмъ изученіе нѣмецкихъ лербуховъ и хаотической политической литературы разныхъ вѣковъ и народовъ. Архивъ госуд. совѣта—школа, изъ которой можно вынести цѣльное, отчетливое пониманіе духа и структуры отечественныхъ государственныхъ установленій. Работая въ архивѣ госуд. совѣта, перебирая его журналы и меморіи, нельзя не вынести чувствъ истинной и глубокой лояльности и піетета къ нашимъ монархамъ, которые были главными и неустанными работниками для блага и преуспѣянія родной земли. Вотъ почему я не могу не считать краткосрочнаго періода моихъ занятій въ архивѣ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ въ моей ученой біографіи. Министру н. пр., разрѣшившему мнѣ пребываніе въ Петербургѣ для моихъ ученыхъ работъ, я буду вѣчно признателенъ. Не могу также не сказать моего задушевнаго спасибо нынѣшнему государственному секретарю, дозволившему мнѣ доступъ въ архивъ, и статсъ-секретарю Красовскому, одному изъ питомцевъ университета св. Владиміра, которымъ всегда будетъ гордиться alma mater, и который съ такимъ вниманіемъ и предупредительностію отнесся къ ученымъ трудамъ своего бывшаго профессора. Самое симпатичное воспоминаніе я всегда буду также сохранять о всѣхъ служащихъ въ госуд. архивѣ, трехмѣсячное общеніе съ которыми доставляло мнѣ столько удовольствія. За общее вниманіе и участіе я постараюсь отблагодарить тѣми результатами моихъ архивныхъ занятій, которые, смѣю надѣяться, скажутся на дальнѣйшей разработкѣ мною вопросовъ роднаго государственнаго права.

А. Романовичъ-Славатинскій.

Критика.

Сводная Галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца Августа 1772 года.—Составилъ А. С. Петрушевичъ.—Часть I. Львовъ 1887.

Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, названъ первою частью вслѣдствіе того, что составитель намѣренъ помѣстить въ новомъ томѣ свѣдѣнія, относящіяся къ концу XVIII столѣтія, собственно-же говоря, вышедшій въ концѣ прошлаго года томъ есть 2-ой по отношенію ко всей серіи изданія. Первый томъ, содержащій историческій матеріалъ для XVII столѣтія, вышелъ еще въ 1874 году подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ.

Изданіе, предпринятое А. С. Петрушевичемъ, должно совмѣщать, по мысли автора, всѣ письменные памятники, оставшіеся отъ даннаго періода времени: рукописные дневники и мемуары, записи на церковныхъ и богослужебныхъ книгахъ, надписи на надгробныхъ камняхъ, крестахъ, церковныхъ стѣнахъ, церковной утвари и т. п. Всѣ эти извѣстія издатель группируетъ по годамъ и помѣщаетъ въ хронологическомъ порядкѣ; методъ и цѣль группировки онъ самъ объясняетъ въ предисловіи къ I тому (1874 г.) слѣдующимъ образомъ: „Подъ каждымъ годомъ старался я размѣстити матеріалъ по относительной важности его, думая такимъ способомъ предлежащимъ хронологическимъ собраніемъ хотя-бы на первый взглядъ кажущихся маловажныхъ данныхъ, сдѣлати прислугу любознательному читателю, доставляючи тому способность пользоватись съ большимъ трудомъ собраннымъ богатымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ найдетъ много любопытного по части исторіи нашого русского края и церкви..., тоже по части русской словесности такъ церковной якъ мірской, старопечатанныхъ книгъ и другихъ художественныхъ памятниковъ, наконецъ, по части произшествій элементарныхъ (стихійныхъ?) и другихъ природныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ.“

Дѣйствительно матеріалъ, собранный г. Петрушевичемъ, очень богатъ и разнообразенъ и изданная имъ книга по количеству данныхъ можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими археографическими сборниками. Въ теченіе многолѣтней своей ученой и литературной дѣятельности издатель успѣлъ списать или собрать при посредствѣ своихъ корреспондентовъ огромное количество надписей и краткихъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ червонорусскаго края на церковныхъ книгахъ, зданіяхъ, памятникахъ и т. д.; притомъ онъ пріобрѣлъ, повидимому, значительное количество неизданныхъ рукописей, мемуаровъ, записокъ и т. п. и всѣ эти извѣстія онъ издалъ въ „сводной лѣтописи". Этимъ онъ оказалъ значительную услугу русской исторіографіи, спасъ многія болѣе или менѣе важныя историческія свѣдѣнія отъ гибели и сдѣлалъ ихъ общедоступными для лицъ, интересующихся русскою исторіею.

Изданный матеріалъ тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе спеціалистовъ, что собранъ онъ и изданъ ученымъ, пользующимся извѣстностью въ качествѣ автора, давно и очень усердно трудящагося на полѣ научной литературы. Въ прошломъ именно году г. Петрушевичъ праздновалъ сорокалѣтнюю годовщину своей литературной дѣятельности; началъ онъ ее въ 1847 году поэтическимъ произведеніемъ: „Радостная пѣснь русина Галичанина въ день праздника св. Архистратига Михаила, а именинъ такожъ его Превосходительства, преосвященнаго архіепископа Митрополита Львовскаго, Галицкаго и епископа Каменецкаго, Кvръ Михаила" (это произведеніе есть нѣчто въ видѣ торжественной оды въ честь уніатскаго митрополита Михаила Левицкаго, при которомъ г. Петрушевичъ состоялъ тогда „капеляномъ и нотаріемъ" [1]). Съ того времени г. Петрушевичъ писалъ очень много и по многимъ отраслямъ знанія; кажется, что излюбленныя его занятія посвящены были филологіи и библіографіи, но онъ нерѣдко писалъ статьи и историческаго содержанія, по большей части разрабатывая исторію церкви галицко-русской. Въ числѣ большаго количества статей, принадлежащихъ перу г. Петрушевича, правда, не встрѣчаемъ работъ, которыя бы обнимали цѣльныя и сколько нибудь обширныя эпохи—это по большей части коротенькія монографіи, посвященныя разработкѣ частныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ вопросовъ, относящихся къ исторической жизни Червоной Руси. Этотъ именно характеръ дѣятельности почтеннаго автора и

---

[1]) Литературный сборникъ Галицко-Русской матицы 1887 г. стр. V.

заставляетъ предполагать развитіе въ немъ по преимуществу критическаго направленія и выработку строгаго критическаго метода, который конечно необходимъ и прежде всего желателенъ при изданіи сборника, составленнаго изъ столь разнородныхъ и разнообразныхъ источниковъ какова „Сводная галицко-русская лѣтопись".

Къ несчастію эти ожиданія, основанныя на репутаціи автора, не вполнѣ оправдываются изданною имъ книгою. Вслѣдствіе-ли недосуга и поспѣшности, или по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ, издатель не только не соблюлъ критическихъ пріемовъ, обязательныхъ для издателя всякаго археографическаго сборника, но какъ будто съ умысломъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы затруднить „любознательнаго читателя" при пользованіи его сборникомъ и лишить его возможности критическаго отношенія къ богатому его матеріалу. Мы постараемся указать главныя погрѣшности въ способѣ редакціи „сводной лѣтописи."

Не ограничиваясь сводомъ разрозненныхъ и собранныхъ имъ рукописныхъ источниковъ, г. Петрушевичъ вводитъ въ свою лѣтопись огромное количество выписокъ изъ печатныхъ общеизвѣстныхъ историческихъ сочиненій, превращая такимъ образомъ свой археографическій сборникъ какъ-бы въ историческую христоматію, притомъ весьма плохо составленную. Плохо потому, что какъ въ выборѣ имъ авторовъ, такъ и въ выборѣ цитируемыхъ мѣстъ онъ руководился по видимому исключительно субъективными побужденіями. Такъ, чаще всего мы встрѣчаемъ выписки изъ Исторіи Малороссіи Маркевича, Исторіи Россіи Соловьева, изъ лѣтописей, изданныхъ г. Бѣлозерскимъ и изъ Исторіи кабаковъ въ Россіи Прыжова; на ряду съ ними вся книга испещрена цитатами изъ всевозможныхъ сочиненій, безъ всякаго вниманія къ степени компетентности компилируемыхъ источниковъ. Мы встрѣчаемъ рядомъ цитаты изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей и изъ Холмскаго народнаго календаря, Газеты Львовской за 1875 г., Врачебнаго Журнала Полунина и даже изъ беллетристическихъ сочиненій (Украинскихъ оповиданій Стороженка) и этнографическихъ сборниковъ (Головацкаго). Затѣмъ къ крайнему нашему удивленію встрѣчаемъ выписки изъ цѣлаго ряда минералогическихъ и технологическихъ нѣмецкихъ сочиненій [1]) и т. д. Со-

---

[1]) Zerrener. Erdkunde des Gouvernements Perm.—Von Turner. Russlands Montan—Industrie. Grätze. Beiträge zur Geschichte des Gefässbilderei etc. bei den verschiedenen Nationen и т. п.

ставитель не поясняетъ ни въ предисловіи, ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ, почему онъ оказалъ предпочтеніе этимъ именно авторамъ, а не какимъ либо инымъ, и, не будучи въ состояніи догадаться о причинѣ этого предпочтенія, мы невольно полагаемъ ее въ случайности или въ произволѣ составителя. Выборъ нѣкоторыхъ пособій только необъяснимъ; мы, напримѣръ, не знаемъ почему, цитируя Соловьева, г. Петрушевичъ игнорируетъ сочиненія Ешевскаго, Устрялова, Семевскаго, Корсакова и т. д.; почему онъ оказываетъ предпочтеніе лѣтописямъ Бѣлозерскаго передъ лѣтописями Рубана, Ригельмана, Симоновскаго, Лукомскаго и т. д.—Мы также не знаемъ, почему, находя нужнымъ внести свѣдѣнія естественно-научныя, г. Петрушевичъ ограничился минералогіею и технологіею и отрицаетъ ботанику, зоологію, антропологію, исторію медицины и т. п. Но иногда выборъ пособія крайне неудаченъ и болѣе, чѣмъ страненъ со стороны писателя, извѣстнаго многолѣтнею дѣятельностью и дающаго право ожидать съ его стороны строго критическаго выбора: таково по нашему мнѣнію предпочтеніе, оказанное имъ „Исторіи Малороссіи Маркевича", сочиненію, котораго недостатки видны были еще во время его выхода въ свѣтъ и которое при настоящемъ состояніи науки ниже всякой критики; а между тѣмъ каждый годъ въ „сводной лѣтописи" начинается огульнымъ перечнемъ фактовъ, заимствованнымъ изъ исторіи Маркевича, какъ поясняетъ самъ г. Петрушевичъ въ примѣчаніи на 1 страницѣ.—Конечно, значеніе цитатъ изъ беллетристическихъ сочиненій въ сборникѣ археографическомъ не требуетъ, по нашему мнѣнію, комментарія.

Если кажется намъ непонятнымъ выборъ цитируемыхъ авторовъ, то еще въ большее неудомѣніе приходимъ отъ выбора мѣстъ, приведенныхъ изъ этихъ авторовъ въ „сводной лѣтописи". При всемъ искреннемъ желаніи уразумѣть схему, по которой выбиралъ извѣстія г. Петрушевичъ, мы ее постичь не были въ состояніи. Извѣстія выбраны и не по относительной важности самыхъ событій, и не по связи ихъ съ исторіею „Галичско-русскою", какъ можно бы предполагать на основаніи заглавія изданія. Для образца приведемъ на угадъ нѣсколько выписокъ г. Петрушевича; можетъ быть кто нибудь будетъ счастливѣе насъ и уразумѣетъ, почему и къ чему они помѣщены въ сводной лѣтописи:

„1700 Всѣмъ питейнымъ дѣломъ въ Россіи завѣдывали бурмистры и т. д. (Прыжовъ Исторія кабаковъ).

1714. Учреждены Петромъ В. маіораты и т. д. (Полное Собр. Зак.).

1733. Заведена почта между Москвою и Тобольскомъ (Чулковъ). Вторично запрещ*ено* всякаго рода азардов*ые* игры. (Безъ ссылки).

1749. Папа соизволяетъ Гнезненскимъ архіепископамъ, яко прима*сом*ъ королевства, употребленіе пурпуры (Безъ ссылки).

1750. Начало Россійской горновой музыки. Марешъ. Нарышкинъ (?)

1755. Трусъ земный разрушилъ городъ Лисабонъ, распространился на три дес*яти* части (sic) міра. (Безъ ссылки).

1756. Импер. Елисавета основала близъ С.-Петербурга первый фарфорный заводъ (Porcellanfabrik) и т. д. (Graetze).

1771. Появленіе русскихъ въ Мингреліи, взятіе Кутаиса. (Безъ ссылки).

1771. Возстаніе Яицкихъ козаковъ по причинѣ притѣсненія ихъ и приказа бритія бороды. (Castera).

1772. Открыты Олонецк*іи* перв*ыи* мѣдн*ыи* рудокопы (sic). (Безъ ссылки).

Такого рода цитатъ можно бы набрать въ сводной лѣтописи многіе десятки; предоставляя „любознательному читателю“ рѣшить причину ихъ появленія и ихъ назначеніе въ книгѣ, мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что почтенный авторъ смотрѣлъ на свою лѣтопись до нѣкоторой степени какъ „кунсткамеръ, сирѣчь на собраніе курьезовъ и раритетовъ“ и старался набрать извѣстія подиковиннѣе, иначе въ нее не попали бы ни „трусъ лисабонскій“, ни тобольская почта, ни „пурпура примасовъ“ ни „мѣдные рудокопы“, ни „горновая музыка“, „маіораты, „Porcellanfabrik“ и безконечное количество другихъ монстровъ, которыхъ для краткости не перечисляемъ.

Если исключимъ изъ книги всѣ выписки изъ печатныхъ сочиненій, то объемъ ея уменьшится по меньшей мѣрѣ на половину; то, что за тѣмъ останется, и есть собственно настоящая сводная лѣтопись, составленная по плану издателя изъ расположеннаго по годамъ рукописнаго матеріала; впрочемъ въ отношеніи къ этому матеріалу пріемы составителя также заставляютъ многаго желать и о многомъ сожалѣть: значительное количество извѣстій или вовсе не отмѣчено ссылками, или же ссылки проставлены въ столь неопредѣленномъ и общемъ видѣ, что не даютъ возможности судить о достоинствахъ и качествѣ источника; какое, напримѣръ, можно себѣ составить понятіе о рукописи, о которой сказано только: „рукопись въ моемъ посиданіи“ или „изъ библіотеки епископскаго собора въ Перемышли“, или „по источникамъ польскимъ“, или „по современной запискѣ“ и

т. п. Кромѣ мелкихъ надписей и отрывочныхъ помѣтокъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько объемистыхъ записокъ современниковъ, каковы напримѣръ: записки уніатскаго митрополита Льва Кишки, записки піярскаго монастыря въ Межиричѣ Корецкомъ, записки Павла Свѣдзѣнскаго, священника Лодинскаго. Конечно, изданіемъ этихъ записокъ онъ оказалъ бы большую услугу русской исторіографіи и притомъ отъ г. Петрушевича, какъ отъ человѣка вполнѣ знакомаго съ правилами исторической критики, можно было ожидать соблюденія хотя важнѣйшихъ условій, необходимыхъ при изданіи историческихъ памятниковъ, т. е. описанія имѣющихся у него рукописей, возможныхъ данныхъ объ исторіи этихъ рукописей, біографическихъ данныхъ, опредѣляющихъ общественное положеніе, характеръ и убѣжденія ихъ составителей и т. п. Но мы ничего подобнаго не находимъ въ сводной лѣтописи, за то самъ текстъ записокъ распредѣленъ по годамъ и интерполированъ среди другихъ замѣтокъ и выписокъ; при этомъ издатель не объясняетъ: помѣстилъ ли онъ весь текстъ имѣющихся у него записокъ или только избранныя изъ нихъ по своему усмотрѣнію мѣста, чѣмъ конечно онъ отнялъ у читателя послѣднюю возможность критическихъ о нихъ соображеній.

При группировкѣ самыхъ извѣстій въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается большая небрежность; иногда одно и тоже извѣстіе помѣщено по одному и тому же источнику два раза; такова, напримѣръ, выписка замѣтки изъ Минеи церкви села Иванова о цѣнахъ на хлѣбъ въ Перемышлѣ 1737 г. (стр. 139 и 140); иногда тождественныя надписи изъ различныхъ книгъ списываются подъ рядъ безъ видимой нужды, напримѣръ надписи о подаркѣ церковныхъ книгъ Скитскому монастырю архимандритомъ Михаиломъ Чирскимъ (стр. 214); иногда, безъ всякихъ поясненій и комментаріевъ, приводятся въ качествѣ современныхъ записокъ, весьма наивныя и невѣжественныя мудрствованія книжниковъ XVIII столѣтія; вотъ для примѣра замѣтка священника Григорія Гаванскаго, составленная въ 1750 г. о времени основанія церкви въ селѣ Бущѣ: „Церковь эту поставила святая царица Елена въ то время, когда вела войну съ Бунякомъ Солодывымъ, во имя святыхъ Глѣба и Бориса, сыновей восточнаго царя Владиміра, убитыхъ собственнымъ братомъ... Баколарь изъ Почаева показалъ мнѣ книгу, въ которой записано было однимъ старикомъ, почаевскимъ монахомъ, что это событіе происходило въ 1180 году, слѣдовательно до настоящаго 1750 года прошло лѣтъ 570“

(стр. 186). Замѣтку эту, можетъ быть представляющую значительный историко-этнографическій интересъ, наврядъ ли можно помѣщать въ археографическомъ сборникѣ безъ комментарія или хотя бы краткаго примѣчанія о ея значеніи.

Въ иныхъ случаяхъ г. Петрушевичъ приводитъ извѣстіе объ одномъ и томъ же событіи въ теченій нѣскольких лѣтъ подъ рядъ, оставляя читателя въ недоумѣніи, повторялось ли это событіе періодически или, можетъ быть, существуетъ сомнѣніе къ какому году его слѣдуетъ отнести—сомнѣніе впрочемъ нѣсколько странное, такъ какъ сборникъ посвященъ исключительно событіямъ XVIII столѣтія. Вотъ примѣръ такой необъяснимой оплошности: возстаніе крестьянское, извѣстное подъ именемъ Коліивщины, происходило въ 1768 году и продолжалось въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Даты его можно весьма точно опредѣлить по документамъ; между тѣмъ въ „сводной лѣтописи“ возстаніе Желѣзняка, взятіе Умани и усмиреніе движенія Стемпковскимъ разсказаны 3 раза подъ 1768, 1769 и 1770 годомъ (стр. 272, 287, 293) и притомъ разсказаны отъ лица самого издателя, безъ указанія источниковъ и не въ качествѣ выписки изъ современныхъ замѣтокъ, а въ видѣ краткихъ положеній самого составителя. Вѣдь для читателя мало знакомаго съ исторіею этого событія книга г. Петрушевича явится источникомъ крайнихъ недоумѣній или грубыхъ ошибокъ. Мы совершенно не понимаемъ съ какою цѣлью почтенный авторъ устроилъ всю эту путаницу? Вѣдь въ знаніи его сомнѣваться нельзя, остается приписать эту ошибку весьма непохвальной небрежности. Впрочемъ по отношенію къ Коліивщинѣ, мы можемъ указать одну ясную ошибку со стороны составителя: на 281 страницѣ приведены общеизвѣстныя вирши, надписывавшіяся на схематическомъ изображеніи запорожца XVIII столѣтія, такъ называемаго „Мамая“; вирши эти озаглавлены г. Петрушевичемъ „Стихи на портретъ Гонты“. Намъ непонятно вслѣдствіе какой предвзятой мысли г. Петрушевичъ отнесъ какъ самое изображеніе, такъ и вирши къ Гонтѣ; вирши эти давно уже извѣстны [1]) и не имѣютъ ничего общаго съ біографіею Гонты, напротивъ того въ самомъ текстѣ изображенный на картинѣ козакъ пространно поясняетъ, что онъ самъ точно не знаешъ ни своего имени, ни происхожденія и разсказываетъ, что онъ родился и воспитался въ запорожскихъ

[1]) Онѣ напечатаны, если не ошибаемся, въ первый разъ въ „Запискахъ о южной Руси“ Кулиша въ 1856 г. (т. I, стр. 316—319).

степяхъ, что онъ не имѣетъ никакой осѣдлости, „бурлакуетъ", занимается гайдамачествомъ, уже состарѣлся среди бездомной жизни и т. д. Что тутъ общаго съ Гонтою, человѣкомъ домовитымъ, семейнымъ, богатымъ и занимавшимъ видное служебное положеніе въ уманской милиціи?

Въ числѣ отрицательныхъ качествъ изданія мы не можемъ не отмѣтить неприличествующаго историческому писателю вообще, и издателю матеріаловъ въ особенности, субъективизма, заставляющаго невольно сомнѣваться въ безпристрастіи относительно полноты и выбора приводимыхъ фактовъ. Г. Петрушевичъ очень часто вставляетъ въ „сводную лѣтопись" свои разсужденія и полемическія выходки, противъ разныхъ мнѣній и тенденцій, проявляющихся какъ въ современной литературѣ, такъ и въ текущей общественной жизни. Разсужденія эти могутъ быть очень почтенны по своему содержанію, но мѣсто для нихъ подобающее было бы на столбцахъ любой газеты, на страницахъ же археографическаго сборника они только роняютъ научное достоинство послѣдняго и возбуждаютъ сомнѣніе въ объективномъ подборѣ научнаго матеріала.

Наконецъ, придавъ своему сборнику видъ весьма хаотической silvae rerum, г. Петрушевичъ счелъ лишнимъ приложить къ нему хоть бы указатель личныхъ и географическихъ именъ. Если комулибо понадобится забрать справку о любомъ историческомъ фактѣ по матеріаламъ изданнымъ г. Петрушевичемъ, онъ каждый разъ долженъ будетъ пересмотрѣть всю книгу отъ начала до конца; странствовать же въ этомъ лабиринтѣ не легко безъ указателя, который служилъ бы спасительною нитью Аріадны.

Вообще приходится искренно пожалѣть о томъ, что богатый историческій матеріалъ, собранный г. Петрушевичемъ, изданъ имъ въ столь небрежномъ видѣ, при совершенномъ отсутствіи даже элементарныхъ критическихъ пріемовъ.

В. А.

Diebold Wladimir.—Ein Beitrag zur Antropologie der. Kleinrussen. Dorpat. 1886 (Дибольдъ. — Къ антропологіи Малороссовъ—Дерптъ. 1886 г.).

Книжка эта написана въ качествѣ диссертаціи для полученія степени доктора медицины и защищена авторомъ въ Дерптѣ. Въ предисловіи г. Дибольдъ поясняетъ, что онъ выбралъ указанную тему для своего сочиненія потому, что онъ жилъ во время его со-

ставленія на югѣ Россіи и имѣлъ возможность пользоваться, какъ онъ полагалъ тогда, весьма легко матеріаломъ для наблюденій въ средѣ мѣстнаго населенія; притомъ онъ желалъ выразить этимъ выборомъ свои симпатіи къ ближайшей своей родинѣ (sollte dieses ein Act der Pietät gegen meine engere Heimath und ihre Bewohner sein). Работа предпринята имъ была послѣ совѣщанія съ извѣстнымъ знатокомъ антропологіи, профессоромъ Штидою, по указаніямъ котораго онъ рѣшился сдѣлать выводы, собравъ точныя наблюденія надъ 200 мужчинами и 100 женщинами; но, неожиданно для автора, онъ встрѣтилъ большія препятствія при собираніи матеріала. Крестьяне, озадаченные небывалыми вопросами и осмотромъ, отнеслись къ антропологу съ нѣкоторою подозрительностью и неохотно соглашались на предложенные имъ сеансы; его подозрѣвали то въ томъ, что онъ дѣлаетъ предварительные помѣры по порученію присутствія по исполненію воинской повинности, то въ томъ, что онъ выбираетъ людей способныхъ для предположеннаго будто переселенія въ приамурскій край и на Кавказъ, то считали его тайнымъ агентомъ, распространяющимъ штунду и т. п. Съ большимъ трудомъ удалось ему помѣрять и записать наблюденія о 200 мужчинахъ, что-же касается женщинъ, то онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ наблюденій надъ ними, ибо по мотивамъ стыдливости и вслѣдствіе страха передъ общественнымъ мнѣніемъ женщины на отрѣзъ отказались служить субъектами для его наблюденій.

Всѣ наблюденія автора произведены въ 36 селахъ уманскаго уѣзда и только немногія данныя взяты имъ изъ наблюденій надъ лицами сосѣднихъ уѣздовъ; г. Дибольдъ обращалъ строго вниманіе на чистоту племеннаго происхожденія и потому совсѣмъ устранилъ чиншевиковъ и мѣщанъ; затѣмъ онъ обращался къ субъектамъ не моложе 18 лѣтъ. Измѣренія и распросы произведены были по схемѣ, составленной Брока (Instructions générales pour les recherches anthropologiques à faire sur les vivants) и добытый матеріалъ тщательно внесенъ въ таблицы, въ которыхъ проставлены данныя о каждомъ изъ 200 субъектовъ по 76 вопросамъ, намѣченнымъ въ схемѣ.

Само сочиненіе распредѣлено на 3 главы: первая, самая впрочемъ слабая, представляетъ очеркъ историко-географическій и этнографическій малорусскаго населенія. Авторъ, какъ не спеціалистъ, разсказывая общеизвѣстныя данныя, заимствованныя по большей части изъ труда Чубинскаго, дѣлаетъ нѣсколько довольно крупныхъ ошибокъ въ подробностяхъ; такъ онъ утверждаетъ, что южная Русь

была присоединена къ Польшѣ въ 1471 г. (вмѣсто 1569), полагаетъ, что кіевская губернія была возсоединена съ Россіею по Андрусовскому договору 1667 г. (вмѣсто 1792), приводя сравнительныя данныя, относящіяся къ антропологіи другихъ славянъ, къ числу послѣднихъ причисляетъ литовцевъ и латышей и т. п.

Во второй главѣ авторъ стоитъ на почвѣ своей спеціальности и потому она отдѣлана имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ здѣсь разсказываетъ пріемы своихъ наблюденій и измѣреній и излагаетъ добытые имъ выводы.

Подводя общій итогъ на основаніи приведенныхъ имъ цифръ, г. Дибольдъ рисуетъ средній типъ малоросса слѣдующими словами: „Малороссы по большей части роста выше средняго, тѣлосложенія крѣпкаго. Преобладающій цвѣтъ кожи бѣлый (только 21% представляли разные оттѣнки смуглой кожи), распространеніе волосъ на кожѣ весьма слабое, довольно рѣдко умѣренное и еще рѣже сильное. Голова покрыта волосами темно-коричневыми, весьма рѣдко курчавыми. Блондины встрѣчаются рѣдко (29%), еще рѣже брюнеты (10%). Лице въ большинствѣ случаевъ овальное, иногда удлиненное (31%). Малороссы брѣютъ бороду, но если они ее отпускаютъ, то борода бываетъ довольно густая. Борода служитъ признакомъ почета, которымъ пользуется извѣстное лице вслѣдствіе возраста или положенія, занятаго имъ въ общинѣ.—Глазницы расположены горизонтально. Глаза средней величины, хотя встрѣчаются глаза большіе (43%) и малые (12%). По цвѣту преобладаютъ глаза каріе (43%) и сѣрые (41%), голубые встрѣчаются рѣдко (16%). Преобладающая форма носа прямая (71%), хотя вcртѣчаются также носы горбатые (12%) и сѣдлобразные (17%). Губы довольно толстыя. Зубы хорошо сохраняются до преклоннаго возраста; карьезная порча встрѣчается рѣдко (19%), еще рѣже потеря нѣсколькихъ зубовъ.

Вообще малороссы хорошаго тѣлосложенія и члены тѣла развиты пропорціонально“ (стр. 36).

Къ этой характеристикѣ автора прибавимъ еще одну существенную, опущенную имъ подробность: по произведеннымъ имъ измѣреніямъ череповъ, всѣ безъ исключенія оказались короткоголовыми; средній черепной указатель=84,53.

Третья глава сочиненія посвящена сравненію типа малорусскаго съ антропологическими типами другихъ славянскихъ и неславянскихъ народовъ и сличенію этого типа съ среднимъ типомъ индоевропейца (Canon du beau) по Топинару. Хотя сравненія эти

дѣлаются по совершенно точнымъ пріемамъ науки, но намъ кажется, что авторъ выбралъ для сравненія народности, случайно попавшіяся ему типы въ пособіяхъ, которыми онъ пользовался, а не тѣ, сличеніе съ которыми представляло бы дѣйствительно этнологическій интересъ. Мы не ясно понимаемъ, какіе выводы можно извлечь изъ сопоставленія типа малорусскаго съ типами ливовъ, латышей, эстовъ, нѣмцевъ, евреевъ, минуя всѣ посредствующія звенія племеннаго родства. Намъ потому кажется, что сравнительная часть работы г. Дибольда носитъ характеръ нѣсколько случайный и произвольный.

Конечно, книжка д-ра Дибольда какъ по незначительному размѣру изслѣдованной имъ территоріи, такъ и по количеству собранныхъ наблюденій не можетъ доставить данныхъ для антропологической характеристики малороссовъ вообще, самъ авторъ не придаетъ ей такого значенія, почему онъ и озаглавилъ скромно свое сочиненіе только вкладомъ (Beitrag) къ изученію антропологіи малороссовъ. Тѣмъ не менѣе она въ числѣ весьма немногочисленныхъ работъ, посвященныхъ избранному имъ сюжету, занимаетъ почетное мѣсто. По научному характеру пріемовъ она стоитъ на одномъ уровнѣ съ изслѣдованіемъ гг. Коперницкаго и Мейера (Физическая характеристика народонаселенія Галиціи), превосходитъ точностью изслѣдованія, хотя уступаетъ по количеству матеріала труду Чубинскаго (Малоруссы юго-западнаго края) и гораздо опредѣленнѣе и точнѣе работы г. Эмме (Антропологія и медицина кобыляцкаго уѣзда). Мы полагаемъ, что появленіе трудовъ, подобныхъ сочиненію г. Дибольда, заключающихъ въ себѣ антропологическія данныя, научно и добросовѣстно собранныя, для каждой отдѣльной мѣстности края, въ высшей степени желательно. Въ общей сложности, онѣ дадутъ со временемъ возможность опредѣлить какъ общій схематическій типъ южноруссa, такъ и указать дифференцировку этого типа на извѣстныя разновидности. Во всякомъ случаѣ мы искренно благодаримъ нашего земляка за полезный вкладъ въ небогатую пока литературу русской антропологіи. **В. А.**

Czyński Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsiedlenia ludności polskiej. Warszawa 1887 r.

Почтенный трудъ Эдуарда Чинскаго (псевдонимъ) изданъ въ первомъ томѣ молодаго польскаго географическо-этнографическаго журнала „Wisła“.—Авторъ задался цѣлью дать болѣе или менѣе точный

отвѣтъ на поставленный въ началѣ очерка вопросъ: „сколько насъ (поляковъ) и какъ мы размѣщены на занимаемой нами территоріи? Только послѣ разрѣшенія этого вопроса, заявляетъ авторъ, мы можемъ дать себѣ отчетъ *о нашемъ общественномъ и политическомъ значеніи*".

Къ сожалѣнію, эта то ближайшая практическая цѣль, совершенно посторонняя для научной этнографіи, послужила отчасти помѣхой автору и до нѣкоторой степени испортила прекрасно задуманную и прекрасно исполненную работу. Разсматривая вопросъ о національности болѣе съ точки зрѣнія польскаго патріотизма, чѣмъ этнологіи, авторъ въ самомъ началѣ дѣлаетъ грубую ошибку, принимая для опредѣленія въ данномъ населеніи его народности два разнородные признака: національное самосознаніе и языкъ. Первый признакъ ненаучный и не поддающійся счисленію, присущъ только немногимъ и вытекаетъ изъ высшаго духовнаго развитія. Очень часто можно встрѣтить народныя массы безъ всякаго національнаго самосознанія, но это однако не значитъ, что эти массы не принадлежатъ ни къ какому племени. Принявъ самосознаніе за признакъ народности, авторъ допускаетъ новыя ошибки. Такъ напр., онъ не постѣснялся въ этнографическомъ трудѣ причислить къ польскому племени всю еврейскую интеллигенцію Царства Польскаго и Галиціи, на томъ единственно основаніи, что они будто бы сознательно считаютъ себя членами польскаго народа. Что интеллигентные евреи могутъ быть даже ярыми патріотами польскими, французскими, германскими и т. д., спорить не буду, но никакая логика не позволитъ отнести этихъ патріотовъ къ другому племени, кромѣ семитическаго. Съ другой стороны авторъ по отношенію къ ю.-з. краю, не имѣя точныхъ данныхъ о языкѣ населенія, совершенно неосновательно признаетъ всѣхъ католиковъ поляками и, выдѣливъ предварительно изъ ихъ числа весьма проблематическія цифры нѣмцевъ и чеховъ, находитъ въ трехъ нашихъ губерніяхъ свыше $^1/_2$ милліона поляковъ. Въ дѣйствительности же около 400,000 изъ этого количества приходится на долю такъ называемой мелкой шляхты, при опредѣленіи народности которой приходится поставить большой вопросительный знакъ. Во всякомъ случаѣ авторъ не найдетъ въ нихъ ни національнаго польскаго самосознанія, ни польской рѣчи, о которой развѣ въ десятой хатѣ осталось смутное представленіе. Молятся они, правда, еще по-польски. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ скоромъ будущемъ они совершенно сольются съ малорусскимъ населеніемъ и въ дѣлѣ общественнаго и политическаго значенія польскаго народа никакой ровно роли играть не будутъ.

Не менѣе страннымъ въ этнографичей работѣ показалось мнѣ ограниченіе территоріи польскихъ поселеній политическими границами польскаго государства 1772 года. Съ тѣмъ же успѣхомъ можно было расширить предѣлы напр. на востокъ за Черниговъ и Полтаву, а на югъ до Овидоваго озера. Вѣдь и эти края были подъ скипетромъ польскимъ, и въ нихъ живутъ поляки, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской, херсонской и бессарабской губ. они населены даже плотнѣе, чѣмъ, напр., въ разсмотрѣнныхъ авторомъ ольгопольскомъ, гайсинскомъ, звенигородскомъ, каневскомъ, чигиринскомъ черкасскомъ и уманскомъ уѣздахъ, гдѣ плотность польскаго населенія въ общемъ еле достигаетъ 1%. Между тѣмъ эти искусственныя рамки заставили автора пройти молчаніемъ такія значительныя польскія колоніи, какъ петербургская, одесская, вѣнская и американскія, не смотря на то, что въ ихъ средѣ національное самосознаніе далеко сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ разсмотрѣнныхъ авторомъ мѣстностяхъ.

Не смотря на эти и другія въ сущности второстепенныя погрѣшности, авторъ собралъ весь доступный для него матеріалъ и сдѣлалъ изъ него все, что только было возможно. Статистическіе матеріалы для опредѣленія польской народности оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно по отношенію къ Царству Польскому. „У насъ богаче и точнѣе статистическій матеріалъ о французскомъ Индокитаѣ, чѣмъ о варшавской или келецкой губ.“, жалуется авторъ. Въ виду этого пришлось пополнять прямой матеріалъ косвенными данными изъ исповѣдныхъ росписей, неточными указаніями памятныхъ книжекъ и календарей и данными изъ русскихъ и нѣмецкихъ статистическихъ монографій. Надо отдать справедливость автору, что онъ весьма осторожно и умѣло воспользовался матеріаломъ, обрабатывая его съ помощью сличенія и выдѣленій, но цифры его и процентныя отношенія, какъ онъ самъ признаетъ, все-таки далеко не непреложны и имѣютъ лишь значеніе первой серіозной попытки къ счисленію народности. Въ 36 таблицахъ съ подробными къ нимъ комментаріями авторъ обозрѣваетъ послѣдовательно провинціи, находящіяся подъ прусскимъ и австрійскимъ скипетрами, затѣмъ западныя губерніи и наконецъ Царство Польское. При этомъ по каждому уѣзду показана плотность польскаго населенія и отношеніе его къ другимъ народностямъ. Вообще на разсмотрѣнной территоріи поляковъ числится:

Въ Пруссіи	2.672.000	душъ, т. е.	$21{,}_8$% всѣхъ поляковъ
„ Австріи	2.930.000	„ „	$23{,}_2$% „ „

Въ девяти зап. губерніяхъ	1.500.000 душъ	55%
„ Царствѣ Польскомъ.	5.400.000 „	

Всего около $12^1/_2$ милліоновъ; но если, по мнѣнію автора, прибавить число поляковъ, живущихъ внѣ разсмотрѣннаго района, то можно безъ ошибки опредѣлить число всѣхъ поляковъ на земномъ шарѣ въ 13.000.000 душъ. По вѣроисповѣданію поляки почти всѣ католики, за исключеніемъ только 4%, исповѣдующихъ другія религіи, а именно: лютеранъ—425.000, уніатовъ свыше 65.000, *поляковъ-евреевъ* 18.000, *поляковъ-магометанъ* 9.000 и православныхъ 8.000 душъ.

Только по отношенію къ прусскимъ полякамъ удалось добыть кое-какія данныя о движеніи населенія, при чемъ обнаружено неожиданное явленіе. Начиная съ 1831 г. число поляковъ вплоть до 1867 года постоянно уменьшается, но съ того времени по 1880 годъ почти вездѣ довольно быстро возрастаетъ, такъ что „въ общемъ польская народность въ Пруссіи за послѣднія 13 лѣтъ успѣла пополнить ущербъ, причиненный германизаціей послѣ 1831 года“.

Въ Галиціи изъ 75 повѣтовъ, только въ 30 западныхъ поляки составляютъ преобладающее населеніе, въ остальныхъ преобладаютъ малороссы, при чемъ въ восточной Галиціи, какъ и у насъ въ западномъ краѣ, поляки по преимуществу принадлежатъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ. Подобное явленіе, только въ обратномъ отношеніи замѣчается въ Силезіи; тамъ на народной польской массѣ наслоена нѣмецкая богатая интеллигенція.

Въ западномъ краѣ поляки вездѣ составляютъ значительное меньшинство. Плотнѣе прочихъ они населяютъ гродненскую (29%) и виленскую губ. (23,6%). Еще довольно значительное ихъ число показано въ губ. минской (13,4%), волынской (10,7%) и подольской (10%), но здѣсь произошла указанная мною выше ошибка, вслѣдствіе причисленія къ полякамъ „шляхты“. Остальныя губерніи представляютъ совершенно ничтожный процентъ поляковъ.

Въ предѣлахъ Россіи только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, да въ двухъ уѣздахъ гродненской губ. (сокольскомъ и бѣлостоцкомъ) польское населеніе составляетъ безусловно преобладающій элементъ.

Какъ интересную подробность къ характеристикѣ этнографическихъ отношеній, отмѣтимъ здѣсь, что евреи оказываются неравномѣрно разселенными на территоріи старой Польши. На западѣ ихъ очень мало; въ Пруссіи они почти незамѣтны. Но затѣмъ по направленію къ востоку плотность ихъ постепенно увеличивается и

достигаетъ максимума въ могилевской губ. (35,7%), въ оршанскомъ уѣз. (34,7%) и въ бердичевскомъ (37,4%). Въ 23 уѣздахъ западнаго края евреи составляютъ больше 1/6 части всего населенія.

Ц. Нейманъ.

Александра Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. Спб. 1888.

Въ октябрѣ 1885 года на страницахъ „Кіевской Старины" мы познакомили своихъ читателей съ этимъ выдающимся изслѣдованіемъ нашего даровитаго историка; тогда мы обозрѣли четыре его книги „Рода Шереметевыхъ"; послѣдняя изъ нихъ оканчивалась 1658 годомъ, подъ которымъ авторъ изобразилъ происходившія по смерти Богдана Хмельницкаго смуты на Украинѣ, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока истомленные ими жители Украины не обратились къ царю съ просьбой назначить въ Малороссію для успокоенія умовъ боярина Василія Борисовича Шереметева; мы указали тогда, что причиной этой просьбы была добрая память, сохранявшаяся о Шереметевѣ, какъ объ искренномъ пріятелѣ Богдана Хмельницкаго и доброжелателѣ украинцевъ. Теперь передъ нами пятая книга, въ которой продолжается прерванный разсказъ; онъ начинается сообщеніемъ о назначеніи Василія Борисовича Шереметева воеводой въ Кіевъ 6-го апрѣля 1658 года, чѣмъ желаніе мѣстныхъ обывателей было такимъ образомъ удовлетворено; изъ дальнѣйшаго изложенія этого разсказа мы узнаемъ, что нѣкоторое время смуты еще продолжались; среди нихъ избранъ былъ въ гетманы Иванъ Выговскій, но избраніе его не только не прекратило этихъ смутъ, а напротивъ было поводомъ къ проявленію ихъ въ болѣе рѣзкой формѣ; противникомъ Выговскаго открыто объявилъ себя полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь и запорожцы. Московское правительство тогда еще довѣряло гетману и предоставило ему возможность подавить неудовольствіе. Въ этой домашней войнѣ Шереметевъ не принималъ дѣятельнаго участія; онъ стоялъ лишь на сторожѣ; къ этому обязывали Шереметева отчасти наказы, данные ему изъ Посольскаго и Разряднаго приказовъ; дружбы съ Выговскимъ у него быть не могло: послѣдній былъ неискреннъ и дѣйствовалъ такъ, что легко возбуждалъ подозрѣнія; натянутыя отношенія между гетманомъ и воеводой съ перваго же дня назначенія Шереметева въ Кіевъ выразились въ жалобахъ гетмана на непокорность ему воеводы; Выговскій зна-

комъ былъ съ Шереметевымъ еще при жизни Хмельницкаго и потому зналъ теперь, какого опаснаго противника его планамъ назначили въ Малороссію; эти натянутыя дипломатическія отношенія перешли скоро въ открытую вражду, когда Выговскій вооруженной рукой хотѣлъ выпроводить непокорнаго воеводу изъ Кіева; началась открытая ожесточенная война, которая закончилась пораженіемъ Шереметева подъ Чудновымъ и татарскимъ плѣномъ его въ 1660 году,—пораженіемъ, которое было достигнуто лишь вслѣдствіе союза противниковъ да измѣны Юрія Хмельницкаго и полковника Тимофея Цицюры; съ окончаніемъ описанія чудновскаго побоища, оканчивается и пятая книга; вся она такимъ образомъ отъ начала до конца касается исторіи южной Россіи и въ частности гетманства Выговскаго и Юрія Хмельницкаго; на пространствѣ почти 500 страницъ этого тома авторъ излагаетъ событія мѣстной исторіи, въ которой однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является В. Б. Шереметевъ; важнѣйшія событія этой исторіи съ большей или меньшей обстоятельностью уже извѣстны изъ произведеній корифеевъ нашей исторіи; тѣмъ не менѣе, г. Барсуковъ, излагая дѣятельность кіевскаго воеводы, сообщаетъ такую массу совершенно новыхъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ подробностей, что его трудъ является высокоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для южно-русской исторіи; напр., подробности о борьбѣ Выговскаго съ Пушкаремъ, прибытіе въ Кіевъ Шереметева, одинъ изъ наказовъ ему (именно изъ Разряднаго приказа), описаніе состоянія Малороссіи, раздираемой усобицами, описаніе состоянія Кіева, которому угрожала осада козаковъ Выговскаго и татаръ; подробности объ осадѣ и побѣдахъ Шереметева; о наградахъ Шереметева и его сподвижниковъ; милостивое отношеніе царя къ кіевскому воеводѣ и просьба побыть еще малое время въ Кіевѣ; приказъ двинуться въ Польшу; подробности о движеньи Шереметева къ Межибожу и обратно; объ измѣнѣ Юрія Хмельницкаго и Цицюры; подробности боя подъ Любаромъ, Чудновымъ и проч. Всѣ эти новыя данныя авторъ заимствуетъ или изъ неизданныхъ матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, или изъ портфелей неизданныхъ документовъ Г. Карпова и Малиновскаго, или изъ старопечатныхъ польскихъ мемуаровъ, хранящихся въ Римской библіотекѣ и доставленныхъ автору въ переводахъ обязательными библіотекарями; мы не перечисляемъ массы новыхъ фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ указанныхъ источниковъ, потому что такое перечисленіе заняло бы у насъ не мало мѣста.

Къ выдающимся достоинствамъ новаго произведенія г. А. Барсукова, на которыя мы отчасти указали въ прежней статьѣ о первыхъ его четырехъ книгахъ, надо отнести любовь автора къ изображаемому имъ герою, которая согрѣваетъ разсказъ, возбуждаетъ къ нему, герою, то же чувство въ читателѣ; не смотря на это, авторъ не закрываетъ глазъ и передъ недостатками героя, указывая на нихъ въ своемъ мѣстѣ; оживленію разсказа много содѣйствуютъ удачно дѣлаемыя авторомъ цитаты изъ сыраго матеріала, которыя какъ бы переносятъ читателя къ давно минувшимъ временамъ. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что работы, подобныя разбираемой, рѣдко приходится читать въ нашей исторической литературѣ, какъ-будто обѣднѣвшей на изслѣдованія, касающіяся важныхъ и продолжительныхъ эпохъ въ народной жизни или дѣятельности выдающихся историческихъ героевъ.

Но какъ въ каждомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ есть всегда нѣкоторое несовершенство, такъ и въ трудѣ г. Барсукова мы желали бы видѣть больше вниманія къ общественнымъ настроеніямъ, выразителями которыхъ являются герои; а между тѣмъ, авторъ исключительно говоритъ о лицахъ; намъ кажется, что ему не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ указаніе на одно изъ лицъ, какъ предметъ его монографіи.

Настоящая книга такъ же роскошна по внѣшности, какъ и предъидущія, и такъ же снабжена приложеніями, коихъ здѣсь два: 1, снимокъ съ современнаго гравированнаго портрета боярина Василія Борисовича Шереметева, работы Лауренчіо, приложеннаго къ сочиненію графа Галеацо Пріорато: Historia di Leopoldo Cesare. Viena, 1670 г., и 2, снимки въ естественную величину съ подлинной отписки боярина Василіи Борисовича Шереметева, отъ 22 мая 1658 года, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа (столбецъ № 5850). Сочиненіе г. Барсукова заканчивается личнымъ, географическимъ и предметнымъ указателями.

Пожелаемъ, чтобы и слѣдующій томъ былъ такъ же интересенъ и важенъ для историка, какъ настоящій.

И. Каманинъ.

P. S. Авторъ, говоря о приходѣ полковника Гоголя съ Левенцами подъ Кіевъ въ августѣ 1658 года, замѣчаетъ: „что это за Левенцы, мы не знаемъ. Всѣ розысканія о нихъ остались тщетными“. Намъ кажется, что Левенцы—это былъ отрядъ добровольцевъ, всякаго

сброда „гультяевъ“, получившихъ свое названіе отъ имени ватажка; кромѣ Левенцевъ извѣстны еще Дейнеки и гораздо раньше Лисовчики т. е. „своевольныя купы“, отряды Дейнеки и Лисовскаго. Сколько намъ помнится, Липинскій и Балинскій въ своей „Starozytna Polska“ называетъ левенцевъ „opryszkami“, опричиной, разорявшими города юго-западнаго края.

Левенцы—терминъ, которымъ опредѣлялись исключительно жители или впослѣдствіи возстававшіе крестьяне подольскаго побережья т. е. нынѣшней южной части приднѣстровской подол. губерніи. Не знаю производства слова; если оно не турецкаго и не молдаванскаго происхожденія, то можетъ быть означаетъ жителей лѣваго берега Днѣстра.

Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ., изданный по распоряженію преосв. Симона Мартина Козловскаго, еп. луцко-житомірскаго, доктора богословія, на 1888 г. Житоміръ 1887, стр. CL+108.

Книжка эта, вышедшая недавно въ Житомірѣ, содержитъ много любопытныхъ данныхъ относительно состоянія католицизма въ нашемъ краѣ. Здѣсь мы находимъ подробный перечень всѣхъ костеловъ по деканатамъ (благочиніямъ), число прихожанъ, годъ основанія костела, перечень всѣхъ ксендзовъ, монаховъ и т. п.

Въ настоящее время весь юго-западный край, т. е. губ. кіевская, подольская и волынская, составляетъ одну р. католическую луцко-житомірскую епархію, составившуюся изъ нѣсколькихъ епархій, ранѣе существовавшихъ.

Первое появленіе католицизма въ ю. з. краѣ относится къ XIV вѣку, когда въ 1364 г. при Казимирѣ Вел. была учреждена каѳедра во Владимірѣ, въ 1427 г. перенесенная въ Луцкъ [1]). По присоединеніи края къ Россіи, къ луцкой епархіи была присоединена кіевская, епископы которой жили въ Житомірѣ. Съ 1798 г. начинается рядъ луцко-житомірскихъ епископовъ, жившихъ въ Луцкѣ. Послѣ 1831 г. резиденція епископовъ была перенесена въ Житоміръ, гдѣ она пребываетъ и понынѣ. Въ 1866 г. къ луцко-житомірской епархіи была присоединена каменецкая, просуществовавшая около

---

[1]) Stecki Łuck, 147.

5 вѣковъ, и так. обр. въ настоящее время луцко-житомірская епархія обнимаетъ 3 губерніи съ территоріей ок. 3 000 кв. миль.

На этомъ пространствѣ живетъ теперь ок. 555.000 католиковъ, составляющихъ во всемъ краѣ ок. 8%; по губерніямъ католики распредѣлены такъ: въ кіевской ок. 86.000, подольской ок. 238.000 и волынской ок. 230.000, костеловъ всѣхъ 253 приход. и 53 филіальныхъ (приписныхъ): въ кіевской 53 прих., 23 фил., подольской 97 прих. и 6 фил., и въ волынской 103 прих. и 24 фил. Приходы составляютъ деканаты, которыхъ всѣхъ въ епархіи 27: въ кіевской 6, подольской 10 и волынской 11. Число прихожанъ по костеламъ совершенно неравномѣрно; есть приходы напр.. Новоградволынскъ, гдѣ болѣе 8.600 пр. и Старая Ушица, гдѣ всего ок. 200.

Любопытно распространеніе католикоьъ по деканатамъ. Въ кіевской губ. болѣе всего католиковъ въ сѣверо-западныхъ деканатахъ; такъ въ радомысльскомъ болѣе 15.000 кат. и 10 кост., сквирсломъ 13.000 кат. и 14 кост., Бердичевскомъ 29.000 кат. и 19 кост., тогда какъ въ южныхъ деканатахъ,—въ уманскомъ, обнимающемъ уманскій, таращанскій и часть липовецкаго и каневскаго уѣздовъ, всего ок. 8000 кат. съ 7 пр. и 6 фил. костелами, а въ звенигородскомъ (звенигородскій, черкасскій и чигиринскій уѣзды) ок. 4500 катол. съ 6 пр. 4 фил. костелами.

Въ подольской губ. также бросается въ глаза неравномѣрное распредѣленіе католиковъ въ восточной и западной частяхъ губерніи. Какъ извѣстно, до конца XVIII в. нынѣшняя подольская губ. раздѣлялась на два воеводства—подольское и брацлавское. Первое раньше подверглось вліянію Польши, второе, находясь на самой окраинѣ Польши, всегда упорно держалось за свою вѣру, и католицизмъ здѣсь не успѣлъ пустить глубокихъ корней. Это раздѣленіе сказывается въ большемъ распространеніи католиковъ въ западныхъ деканатахъ чѣмъ въ восточныхъ: въ каменецк. дек. ок. 34.000 кат. съ 14 кост., проскуровскомъ ок. 32.000 съ 12 кост., въ ушицкомъ ок. 29.000 съ 15 костелами; въ брацлавскомъ, обнимающемъ два большихъ уѣзда—брацлавскій и гайсинскій, всего ок. 13.000 кат. съ 9 кост., а въ балтскомъ дек. на населеніе ок. 550.000 душъ, всего ок. 18.000 кат., съ 9 кост.

На Волыни болѣе всего католиковъ въ житомірскомъ деканатѣ, гдѣ ихъ числится до 43.000 съ 14 кост., менѣе всего въ острогскомъ—11.000 съ 5 кост.

Что касается времени возникновенія костеловъ, то болѣе всего древнихъ костеловъ мы встрѣчаемъ въ зап. Волыни, гдѣ нѣкоторые костелы основаны еще въ XV вѣкѣ, большинство же костеловъ устроено въ XVIII вѣкѣ. Въ кіевской губ. и Брацлавщинѣ многіе костелы основаны въ XIX вѣкѣ, въ первой губ. 25 кост., а въ двухъ нынѣшнихъ деканатахъ брацлавскомъ и балтскомъ изъ 18 въ XIX вѣкѣ основано 8.

Въ прежнее время кромѣ приходскихъ костеловъ существовало въ нашемъ краѣ множество кляшторовъ различныхъ орденовъ; въ подольской губ. послѣднихъ было 28, въ кіевской 7, не говоря о Волыни, гдѣ въ одномъ Луцкѣ было 7. Въ настоящее время, послѣ событій 1831 и 63 годовъ, число это сильно уменьшено и теперь въ луцко-житомірской епархіи существуетъ только 4 монастыря: 3 мужскихъ—въ Заславѣ, волынской губ. бернардинскій съ 8 бернард., въ Дедеркалахъ, т. губ. реформатскій съ 8 мон., и въ Винницѣ подольской губ. капуцинскій съ 19 монах., и 1 женскій въ Дубнѣ кармелитокъ съ 9 монахинями.

Большинство монаховъ живутъ по приходскимъ костелахъ, въ должностяхъ настоятелей и викаріевъ; такъ въ Заславѣ живетъ 2 бернардина, а ост. 6 по приходамъ, въ Дедеркалахъ 4, и по приходамъ 4, въ Винницѣ 5 капуц. и по приход. 14.

Кромѣ монаховъ вышеупомянутыхъ орденовъ, въ нашемъ краѣ доживаетъ свой вѣкъ нѣсколько монаховъ, оставшихся послѣ упраздненія ихъ монастырей: 1 тринитаръ, 1 доминиканъ, 3 кармелита, 3 доминиканки и 7 францисканцевъ. Всѣхъ монашествующихъ въ луцко-житомірск. епархіи въ настоящее время только 56.

Численность ксендзовъ едва превышаетъ 300, что весьма недостаточно для 253 приходовъ; весьма немногіе костелы имѣютъ викаріевъ, а многіе управляются настоятелями ближайшихъ костеловъ; такихъ костеловъ мы насчитали въ кіев. губ. 7, подольской 10, волынской 11, всего 28. Въ семинаріи католической учится всего 48 чел., на послѣднемъ курсѣ 7 чел. а между тѣмъ ежегодно умираетъ отъ 10 до 15 ксендзовъ и все большее число настоятельскихъ мѣстъ остается незамѣщеннымъ.

Михаленко-Юрковскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

О происхожденіи гетмана Павла Тетеры.

(*Письмо г. Э. Руликовскаго къ М. Александровичу*) [1]).

Происхожденіе и родословная Павла Тетеры весьма не ясны, и намъ случилось встрѣтить лишь нѣсколько неопредѣленныхъ намековъ, относящихся къ этому предмету. Это общая судьба многихъ историческихъ дѣятелей, достигшихъ въ теченіи своей жизни значительнаго положенія, но вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества.

Въ источникахъ нашихъ встрѣчаемъ двѣ только замѣтки о происхожденіи Тетеры. Первую—у Анонима Рачинскаго, вторую—у Перетятковича. Въ первомъ источникѣ сказано очень глухо: что Павелъ Тетера родился на „Полѣсьѣ"; во второмъ—что Тетера былъ родомъ изъ Переяславля за Днѣпромъ, и что воспріемникомъ его при св. крещеніи былъ Богданъ Хмѣльницкій (былъ его крестнымъ отцемъ).

Значитъ, мы имѣемъ два сказанія о происхожденіи Тетеры. Между тѣмъ не безъизвѣстно, что „Тетера"—это было прозвище (przydomek) гетмана, дѣйствительная же его фамилія была „Моржковскій"; (по крайней мѣрѣ самъ онъ подписывался такъ: „Павелъ Тетера Моржковскій) [2]). Казалось бы, что выше помянутыя, разно-

---

[1]) Письмо это было найдено въ бумагахъ покойнаго М. Н. Александровича и сообщено обязательно редакціи А. М. Лазаревскимъ. Мы помѣщаемъ его въ переводѣ (подлинное писанно по польски), желая подѣлиться съ читателями мнѣніемъ по неизслѣдованному вопросу одного изъ ученѣйшихъ знатоковъ южно-русской старины. Хотя съ предположеніями почтеннаго ученаго мы во многихъ случаяхъ не вполнѣ согласны, но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ представить вниманію читателей К. Старины, мнѣніе г. Руликовскаго, какъ мнѣніе лица авторитетнаго, обладающаго громаднымъ запасомъ фактовъ, относящихся къ исторіи южно-русскаго края.—*Ред.*

[2]) Происхожденіе такого рода двойныхъ фамилій южно-русскихъ дворянъ по нашему мнѣнію объясняется иначе: то что почтенный авторъ считаетъ прозвищемъ,

рѣчивыя два сказанія о происхожденіи Тетеры (т. е. Анонима и Перетятковича) можно было бы примирить слѣдующимъ образомъ: „Полѣсьемъ“ мы привыкли называть мѣстности, лежащія вокругъ Житоміра и Овруча. Также небезъизвѣстно, что на Полѣсьѣ овруцкомъ жили, такъ называемые, „боярове Овруцкіе“. Жили они въ селахъ, отъ которыхъ получали и свои фамиліи; такъ напр., жившіе въ селѣ Васьковичи—носили фамиліи Васьковскихъ, Чоповичи—Чоповскихъ, Ходаковъ—Ходаковскихъ и т. п. И вотъ, въ староствѣ Овруцкомъ имѣлось село „Мошки“—жили въ немъ „Мошковскіе“. Быть можетъ, что гетманъ Тетера, а скорѣе отецъ его, былъ выходцемъ изъ „Мошекъ“ Овруцкихъ, слѣдовательно изъ „Полѣсья“, какъ это утверждаетъ Анонимъ. Но почему гетманъ Тетера писалъ свою фамилію не черезъ „*ш*“ (т. е. Мошковскій), а черезъ „*рж*“ (т. е. Моржковскій)? Могло это произойти отъ того, что Тетера, сдѣлавшись гетманомъ, хотѣлъ уничтожить слѣды происхожденія отъ „бояровъ“ Мошковскихъ изъ Овруча, не признанныхъ еще въ то время дворянами и потому нарочно произвелъ замѣну буквъ въ своей фамиліи. Недоразумѣніе это могло бы быть разъяснено житомірской дворянской коммиссіей. Слѣдовало бы справиться въ ея архивѣ, какой гербъ, въ настоящее время, присвоенъ дворянамъ Мошковскимъ изъ Овруча. Если у нихъ гербъ „Радванъ“ каковымъ пользовался и гетманъ Тетера, то это было бы яснымъ доказатель-

---

по нашему мнѣнію есть настоящее древнее русское фамильное названіе, то-же имя, которое авторъ считаетъ фамиліею, есть позднѣйшая прибавка, заимствованная изъ прилагательной формы, составленной изъ названія помѣстья, принадлежавшаго дворянскому роду; такихъ примѣровъ можно привести десятки и сотни: Сущанскіе-Проскуры, Тышкевичи-Логойскіе, Дедовичи-Трипольскіе, Обухи-Вощатынскіе Ленькевичи-Ипогорскіе и т. д. Всѣ эти дворяне до второй половины XVI в. называются просто Проскуры, Тышкевичи, Дедовичи, Обухи Ленькевичи и т. д. и только впослѣдствіи, послѣ Люблинской уніи, стали сочинять себѣ вторыя фамиліи изъ названій своихъ помѣстій, фамиліи болѣе похожія на фамиліи, вошедшія въ употребленіе у польскихъ дворянъ. Относительно Тетеры мы полагаемъ, что было-бы натяжкою подпись его „*Моржковскій*“ передѣлывать на *Мошковскій* и вслѣдствіе этого искать его предковъ среди бояръ, населявшихъ село Мошки. Намъ кажется гораздо проще предположить, что самъ Павелъ Тетера, послѣ того, какъ оставилъ гетманство и уѣхалъ въ Польшу, прибавилъ себѣ фамилію Моржковскій, составивъ ее на польскій ладъ изъ названія одного изъ пожалованныхъ ему помѣстій. Намъ извѣстны два села, носящія названія *Моржковъ*: одно въ дубенскомъ уѣздѣ волынской губ.,—другое въ соколовскомъ уѣздѣ сѣдлецкой. Полагаемъ, что скорѣе всего послѣднее могло принадлежать Тетерѣ, такъ какъ на сеймѣ 1658 г. ему были пожалованы обширныя имѣнія въ лежащей рядомъ землѣ Берестейской (Акты южной и запад. Рос. т. IV, стр. 215).—*Ред.*

ствомъ, что гетманъ Тетера происходилъ изъ бояровъ Мошковскихъ изъ Овруча, а не отъ польскихъ дворянъ Моржковскихъ, гербъ которыхъ „Слеповронъ".

Идемъ дальше; откуда же Тетера, родившись на „Полѣсьѣ", (какъ этого хочетъ Анонимъ),—очутился онъ самъ или его отецъ въ Переяславлѣ, какъ это утверждаетъ Перетятковичъ? Случилось это, кажется, такимъ образомъ, что шляхта или какъ ихъ звали „боярове" Овручскіе, хлопотавшіе объ утвержденіи ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, вели, въ описываемые времена, процессы съ своими старостами, которые не признавали ихъ дворянами, а „боярами", подлежащими какъ замковому управленію, такъ и обязанными отбывать повинности въ пользу замка. Нечего и говорить, что помянутая шляхта, во что бы то ни стало, желала освободиться отъ замковаго управленія. Процессуальныя дѣла объ этомъ были запутаны и безконечно длились; конецъ этимъ процессамъ окончательно былъ положенъ только во времена короля Понятовскаго признаніемъ помянутыхъ бояръ дворянами [1]).

Такимъ образомъ и отецъ Тетеры могъ имѣть какія нибудь неудовольствія съ мѣстнымъ старостой, вслѣдствіе чего бѣжалъ изъ Мошекъ въ Переяславль и тамъ уже записался въ козаки.

Извѣстно, что въ спискахъ козаковъ, находившихся подъ Зборовомъ, много было Мошковскихъ въ рядахъ войскъ Хмѣльницкаго. Это могли быть большею частью недовольные люди, поссорившіеся

---

[1]) Присутствіе околичныхъ шляхтичей (бывшихъ бояръ Овруцкаго замка). въ козацкихъ рядахъ было явленіемъ далеко не рѣдкимъ и не исключительнымъ. причины ихъ участія въ козацкихъ движеніяхъ, намъ кажется не возможно усматривать исключительно въ ихъ процессѣ съ Овруцкими старостами. Процессъ этотъ тянулся 200 лѣтъ съ лишнимъ, проходилъ различные фазы, но по большей части не выходилъ за границы хроническаго юридическаго спора. Тяготѣніе околичныхъ шляхтичей къ козачеству было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ тождества этнографическаго, національнаго, религіознаго и бытового со всею массою южно-русскаго народа. Въ рядахъ козаковъ Хмѣльницкаго были не одни Мошковскіе; жители всѣхъ боярскихъ овручскихъ селъ зачислились въ составъ овручскаго козацкаго полка и приняли дѣятельное участіе въ войнѣ. Изъ рядовъ ихъ вышли: гетманъ Иванъ Выговскій, полковники: Даніилъ и Константинъ Выговскіе, сотники: Самуилъ и Криштофъ Выговскіе, Григорій Закусило и т. д. Въ рядахъ козаковъ мы встрѣчаемъ представителей почти всѣхъ боярскихъ околицъ какъ во время Хмѣльницкаго, такъ и впослѣдствіи при Паліѣ; въ актахъ упоминаются многочисленные „оказачившіеся": Выговскіе Недашковскіе, Ущаповскіе, Кубылинскіе, Кончаковскіе, Сынгаевскіе, Пашковскіе, Закусилы, Меленевскіе, Барановскіе и т. д. (См. Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, т. I).—*Ред.*

съ своими старостами и преслѣдуемые послѣдними, вслѣдствіе чего искавшіе убѣжища у козаковъ. Это же самое могъ продѣлать отецъ Тетеры, только немного ранѣе. Все это мои догадки, на которыхъ я не настаиваю, но полагаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ точныхъ данныхъ, невольно приходится ихъ замѣнять гипотезами. Продолжая слѣдить за біографіею Тетеры, мы встрѣчаемъ свѣдѣніе о томъ, что онъ учился въ Минскѣ, гдѣ учителемъ его былъ уніатскій священникъ Яковъ Суша, впослѣдствіи холмскій уніатскій епископъ (Гораневичъ annales eccles: ruth. стр. 348). Анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера „смолоду учился не дурно". Окончивъ ученіе въ Минскѣ, куда же дѣвался ученикъ уніатъ-священника Суши, крестный сынъ Хмѣльницкаго и будущій гетманъ украинскій?

Мы находимъ его въ Мазовшѣ, въ селѣ Пражмовѣ, у пановъ Пражмовскихъ. Самъ Тетера въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „что былъ издавна слугою ихъ семьи".

Какимъ же образомъ онъ попалъ къ Пражмовскимъ? Это новая загадка. Въ прежней Польшѣ большею частью всё дѣлалось черезъ семейныя связи. Не случилось ли такъ, что въ то время, когда Тетера учился въ Минскѣ у свящ. Суши, воеводой минскимъ былъ Гедеонъ Раецкій, близкій родственникъ Пражмовскихъ, не по его ли рекомендаціи былъ онъ принятъ Пражмовскими?

Имѣть на своихъ замкахъ козаковъ было въ обычаѣ польскихъ пановъ; это была, такъ сказать, тогдашняя мода, продолжавшаяся и во время Хмѣльницкаго.

Историкъ Морачевскій говоритъ: „что Хмѣльницкому подробно было извѣстно все, что происходило на совѣтахъ въ Польшѣ, потому что не было пана, при дворѣ котораго не было бы русина... отъ этихъ служилыхъ людей главные агенты козацкіе собирали свѣдѣнія по всей Польшѣ и быстро посылали таковыя на Украину".

Тетера въ Пражмовѣ подружился съ молодымъ Николаемъ Пражмовскимъ, который впослѣдствіи, какъ извѣстно, былъ канцлеромъ и помогъ прежнему слугѣ или домочадцу отца своего утвердиться въ должности гетмана Украины. Еще одинъ фактъ бросающійся въ глаза: анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера въ молодости „много путешествовалъ". Слово „путешествовалъ" на тогдашнемъ польскомъ языкѣ употреблялось только по отношенію къ дальнему и заграничному путешествію. Насколько намъ извѣстно изъ послѣдующаго жизнеописанія Тетеры, онъ только разъ ѣздилъ съ посольствомъ

въ Москву и можетъ быть еще разъ, но это сомнительно, въ Царьградъ; но путешествія эти онъ совершалъ, будучи среднихъ лѣтъ, но не въ „молодости". Итакъ не ѣздилъ ли онъ въ Римъ, въ качествѣ компаньона съ молодымъ Пражмовскимъ (впослѣдствіи канцлеромъ и примасомъ), который, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Римъ для дополненія своего образованія, гдѣ въ томъ же Римѣ, впервые, встрѣтился и познакомился съ путешествовавшимъ по Италіи Яномъ Казиміромъ (будущимъ королемъ); тогда то будущій король близко познакомился съ Пражмовскимъ, и потомъ въ продолженіи своего царствованія благоволилъ къ нему и, какъ извѣстно, возвелъ его на самую высшую іерархическую ступень.

Тамъ же и Тетера, какъ товарищъ „путешественника", могъ приглянуться королю; конечно это только возможная догадка.

Изъ „путешествія" Пражмовскій возвратился до 1648 года; около того же времени находимъ Тетеру въ должности „подписка" или регента луцкой гродской канцеляріи. Писаремъ въ томъ же гродѣ былъ, впослѣдствіи извѣстный своими дѣяніями, Станиславъ-Казиміръ Бѣневскій; отсюда начались знакомство и дружба Тетеры съ Бѣневскимъ, бывшимъ впослѣдствіи каштеляномъ волынскимъ и очень вліятельнымъ человѣкомъ, содѣйствовавшимъ наравнѣ съ Пражмовскимъ, какъ извѣстно, къ достиженію гетманства Тетерою. Въ Луцкѣ также завязалось повидимому первое знакомство Тетеры съ проживавшимъ тамъ временно Иваномъ Выговскимъ, (тоже будущимъ гетманомъ), на сестрѣ котораго Павелъ Тетера женился. Но вотъ наступили войны Хмѣльницкаго. Козаки сожгли Луцкъ;— въ это время Тетера очутился въ рядахъ войскъ крестнаго своего отца, Богдана Хмѣльницкаго вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ Иваномъ Выговскимъ, который еще въ 1648 г., въ Желтоводской битвѣ, находясь въ рядахъ польскихъ войскъ, былъ взятъ татарами и выкупленъ отъ нихъ Хмѣльницкимъ.

Дальнѣйшее пребываніе Тетеры среди козаковъ, а равно и роль, какую онъ тамъ игралъ, въ достаточной степени ивѣстны исторіи.

Мнѣніе г. Алекс. Яблоновскаго о томъ, что Певелъ Тетера, боярынъ остерскій, упомянутый въ сказкахъ (люстраціи) за 1639 г., былъ впослѣдствіи „несомнѣнно" гетманомъ, не имѣютъ достаточнаго основанія,—такъ какъ около того же времени (т. е. 1637 г.) ксендзъ Суша, учитель Тетеры, уѣхалъ изъ Минска въ Холмъ, начальникомъ тамошняго училища,—а вѣдь Тетера, послѣ выѣзда ксендза Суши, быть можетъ еще нѣсколько времени продолжалъ

ученіе въ Минскѣ,—но во всякомъ случаѣ также „несомнѣнно", что въ 1639 г. онъ долженъ былъ быть въ Пражмовѣ, въ Мазовшѣ.

И такъ, дѣйствительная фамилія Тетеры была, какъ это мы видѣли, „Моржковскій или Мошковскій"; а „Тетера", было только прозвище (przydomek).

Яковъ Собѣскій повѣствуя о козакахъ говоритъ: „есть между ними (козаками) не мало дворянъ, приговоренныхъ къ лишенію дворянскаго достоинства, которые, забросивъ родовыя названія, принимали простонародныя прозвища" (o wojnie Chocimskey st. 43).

По Костомарову же, „Тетерою" называлась у козаковъ пища, родъ каши.

Въ тогдашней Украинѣ, много людей носило названіе Тетеръ. Кромѣ Терешка и Павла Тетеръ, упоминаемыхъ въ сказкахъ (люстраціяхъ) за 1639 годъ, я встрѣтилъ еще, въ моихъ бумагахъ, относящихся къ г. Остру, Ивана Тетеру боярына Остерскаго подъ 1550 г., который долженъ былъ служить военную службу „о дву конь" и при этомъ былъ обязанъ, наравнѣ съ другими боярами Остерскаго Староства, объѣзжать и досматривать татарскіе шляхи. Въ тѣхъ же моихъ бумагахъ находимъ еще одного Тетеру, который былъ атаманомъ въ селѣ Летковцахъ. Однако, мнѣ кажется, что всѣ эти Тетеры изъ Остра никакой не имѣютъ связи съ родомъ извѣстнаго дѣятеля, гетмана Павла Тетеры-Моржковскаго.

В. А.

Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелецъ [1]).

Въ первыхъ числахъ сентября 1751 г. въ Глуховѣ распространился слухъ, что гетманъ К. Г. Разумовскій выѣзжаетъ отсюда на дняхъ осматривать г. Козелецъ и новую свою резиденцію—г. Батуринъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвердился и оффиціальнымъ извѣстіемъ объ отъѣздѣ гетмана. Скучный городъ на время оживился. По улицамъ Глухова, а особенно возлѣ гетманской квартиры замѣчалось значительное движеніе: конные козаки чаще пріѣзжали за распоряженіями, старшины полковые и сотенные чаще заглядывали въ гетманскіе покои. Въ самомъ гетманскомъ дворѣ шли оживленныя приготовленія къ отъѣзду: въ одномъ мѣстѣ укладывали посуду

---

[1]) Харьковск. Историч. Архивъ, № 22151.

гетмана, въ другомъ десятки рукъ возились съ постелью „ясневельможнаго“, для перевозки которой понадобилось 6 лошадей, въ третьемъ—лѣкарь и фельдшеры укладывали походную аптеку, въ четвертомъ—егеря чистили охотничьи принадлежности; словомъ всей дворнѣ гетмана, скучавшей подчасъ отъ бездѣлья, нашлась теперь работа. Суетились въ Глуховѣ, но еще больше суетились въ другихъ городахъ Черниговщины (Кролевцѣ, Батуринѣ, Борзнѣ, Нѣжинѣ, Носовкѣ и Козельцѣ), по которымъ приходилось проѣзжать гетману. Распоряженія генеральной старшины, привезенныя сюда курьерами, заставили встрепенуться и мѣстную старшину и обывателей. Полковники и сотники спѣшили поскорѣе сдѣлать смотръ своимъ командамъ, такъ какъ „при слѣдованіи его ясневельможности надлежало быть стрѣльбѣ (по городамъ) и препровождать гетмана самимъ панамъ сотникамъ съ командами своими и знаменами, а въ Козельцѣ всѣмъ господамъ полковымъ старшинамъ съ полковыми клейнотами надлежало встрѣчу учинить господину гетману съ салютаціей пушечной“. Обыватели суетились съ доставкой подводъ; нужно было выставить къ каждому городу—станціи по 116 лошадей: подъ карету его ясневельможности—10, подъ коляску четвероместную—6, подъ постель (гетмана)—6, подъ постель другихъ чиновъ—6, архитектору—4, лѣкарю—4, генеральному писарю—6, канцеляристамъ—7, полковнику Кочубею—3, ординарцамъ—7, фелькнеру—3, подъ фуры—6, подъ фрязскій погребъ—3, подъ серебро—3, подъ кофейную—3, подъ кухню—12, камердинерамъ—4, фельдъегеру—3, подъ охоту—10, егерамъ—2, лакеямъ—6, ихъ помощникамъ—2; да между станціями нужно было выставить по 30 лошадей „въ случаѣ усталости какой“, при этомъ требовалась крѣпкая ременная упражь. Такія требованія значительно затрудняли обывателей; тѣмъ болѣе, что всѣхъ лошадей необходимо было доставить въ теченіе 3-хъ дней. Однако настойчивыя приказанія старшины взяли свое: къ сроку все было приготовлено и „гетманскій поѣздъ“, двинувшись 13 сентября съ Глухова по улицамъ, запруженнымъ народомъ, продолжалъ безпрепятственно свое путешествіе; а спустя недѣлю въ скарбовую канцелярію потянулись обыватели получать поверстную плату по копѣйкѣ за лошадь. Не много истратилъ войсковой скарбъ: онъ выдалъ лишь 350 рублей; но и этотъ расходъ былъ чувствителенъ,—конечно, не скарбу войсковому, а мѣстному обывателю.

Николай Бакай.

Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ.

Въ началѣ 1828 года дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Михайловичъ Кочубей, бывшій нѣкоторое время полтавскимъ губернскимъ маршаломъ (1803—5 гг.), подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

„Всемилостивѣйшій Государь! Принадлежавшіе мнѣ крестьяне деревни Кочубеевки Херсонской губерніи въ 1815 году вышли изъ повиновенія отъ невѣжественнаго ихъ мечтанія, якобы они могутъ сдѣлаться свободными, и отъ того, что таковыя внушенія дѣлалъ имъ коллежскій регистраторъ Фурнаевъ, за что и преданъ былъ онъ суду. Съ моей же стороны не было подано крестьянамъ никакой причины къ неповиновенію. Я просилъ Правительство, непокорныхъ изъ нихъ принять, куда оно заблагоразсудитъ, а меня удовлетворить на основаніи законовъ. По положенію Комитета Министровъ, состоявшемуся въ 1821 году, всѣ крестьяне упомянутой деревни Кочубеевки съ ихъ семействами, числомъ мужескаго пола 162 и женскаго 172 души, сосланы въ Сибирь на поселеніе, а мнѣ не сдѣлано никакого удовлетворенія за столь значительную потерю собственности. Претерпѣвъ отъ сего великое растройство въ моемъ ограниченномъ состояніи, я пріемлю смѣлость повергнуть къ Престолу Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее мое прошеніе. Обратите, Всемилостивѣйшій Государь, на оное дѣло Высочайшее Ваше вниманіе и по отеческимъ попеченіямъ Вашимъ о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ повелите оказать мнѣ за упомянутыхъ крестьянъ соотвѣтственное удовлетвореніе по милосердію Вашему. Да возмогу чрезъ таковую Высокомонаршую милость Вашего Императорскаго Величества хотя нѣсколько улучшить разстроенное свое состояніе. Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Семенъ Михайловъ сынъ Кочубей. 10 генваря 1828 г. Жительство имѣю Полтавской губ. и уѣзда въ д. Демидовкѣ“.

Въ концѣ января 1828 г. статсъ-секретарь Лонгиновъ извѣстилъ С. М. Кочубея, что прошеніе его по Высочайшему повелѣнію передано на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ передалъ прошеніе управляющему министерствомъ юстиціи князю Алексѣю Долгорукову съ тѣмъ, чтобы онъ „по соображеніи онаго съ существующими узаконеніями и съ бывшими въ подобныхъ случаяхъ примѣрами представилъ комитету свое заключеніе“.

По распоряженію князя Долгорукова были выянены обстоятельства дѣла. Оказалось слѣдующее:

С. М. Кочубей, получивъ въ 1811 году въ херсонской губ. и уѣздѣ, по Высочайшему повелѣнію, 12,000 десятинъ земли, *перевелъ* туда въ 1812 году *изъ полтавской губ. 250 крестьянъ съ ихъ семействами.* Въ 1815 году Кочубей продалъ это и еще одно полтавское имѣніе съ крестьянами коллежскому совѣтнику Михайлу Кирьяку. Крестьяне скоро вышли изъ повиновенія у новаго владѣльца и, несмотря на всѣ принятыя мѣстными властями мѣры, ничего нельзя было съ ними подѣлать, такъ что Кочубей въ 1817 году принужденъ былъ вернуть въ свое владѣніе оба имѣнія и уплатить Кирьяку полученныя за имѣніе деньги, съ вознагражденіемъ за убытки, всего 367,000 рублей. Послѣ этого крестьяне полтавскаго имѣнія успокоились, а херсонскаго все-таки продолжали волноваться и выражали желаніе попасть въ число казенныхъ крестьянъ. Кочубей обратился къ властямъ съ просьбой принять строгія мѣры къ усмиренію крестьянъ, вслѣдствіе чего *была сослана въ Сибирь на поселеніе цѣлая деревня,* въ количествѣ 162 душъ мужскаго и 172 душъ женскаго пола, *кромѣ одной только дѣвки.* Кочубей въ этомъ распоряженіи, несмотря на то, что оно было послѣдствіемъ его просьбы, увидѣлъ нарушеніе своихъ имущественныхъ правъ и нанесеніе убытка, а потому и сталъ просить о выдачѣ ему денежнаго вознагражденія или же зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за тѣхъ изъ сосланныхъ крестьянъ, которые по своему возрасту годятся въ рекруты.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 1 мая 1828 года, выслушавъ составленную на основаніи этихъ данныхъ записку князя Долгорукаго, постановилъ слудующую резолюцію:

„Просьба Кочубея о пожалованіи ему какого-либо вознагражденія за сосланныхъ крестьянъ не можетъ быть удовлетворена; впрочемъ, какъ случай сей есть необыкновенный, ибо крестьяне по заблужденію своему были столь упорны въ неповиновеніи, что правительство принужденнымъ нашлось сослать въ Сибирь на поселеніе цѣлую деревню, кромѣ одной дѣвки, и помѣщимъ Кочубей повидимому безъ всякой съ его стороны вины лишился своей собственности, то въ семъ уваженіи комитетъ полагаетъ просьбу его предать на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе".

Въ засѣданіи 19 іюня комитету было объявлено, что на просьбу Кочубея послѣдовало слѣдующее собственноручное повелѣніе Государя: *„я не вижу причины уважить просьбу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея.*

Приведенный эпизодъ изъ исторіи крѣпостнаго права, по нашему мнѣнію, въ высшей степени типиченъ: помѣщикъ перевелъ крестьянъ изъ насиженныхъ родныхъ мѣстъ въ пустынныя и не всегда удобныя херсонскія степи, крестьяне взволновались, по просьбѣ помѣщика власти приняли участіе въ ихъ усмиреніи и принуждены были прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ, и послѣ этого помѣщикъ еще проситъ о вознагражденіи за понесенные чрезъ ссылку крестьянъ убытки. Глубокое чувство справедливости подсказало благородному Императору Николаю I истинное рѣшеніе.

Н. Стороженко.

Изъ быта крѣпостнаго времени.

Въ мало изслѣдованной еще эпохѣ крѣпостнаго быта есть уголокъ, сообщенія о которомъ могли бы представить значительный интересъ, рисуя съ одной стороны помѣщичій нравъ и произволъ въ его утонченныхъ видахъ, съ другой—изображая положеніе людей изъ народа въ условіяхъ совершенно исключительныхъ. Мы говоримъ о крѣпостныхъ помѣщичьихъ хорахъ, музыкантскихъ оркестрахъ, театральныхъ труппахъ и т. п. Въ литературѣ попадались уже свѣдѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ такого рода, но невѣроятный теперь, бытъ подневольныхъ артистовъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго наблюденія. Извѣстное значеніе могутъ представлять и нотныя партитуры, бывшія въ употребленіи крѣпостныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ: въ нихъ попадаются пѣсни, неизвѣстныя собирателямъ, и сохранена музыка многихъ извѣстныхъ, по большей части, впрочемъ, слабо переданная.

Намъ доставлена г. А. Залѣсскимъ коротенькая справка о явленіяхъ этого рода въ одной мѣстности полтавской губерніи.

„Въ пирятинскомъ уѣздѣ, въ 30-хъ годахъ, пишетъ онъ, существовалъ оркестръ Марковича, пользовавшійся извѣстностью въ околодкѣ. Оркестръ состоялъ исключительно изъсобственныхъ крестьянъ, употреблявшихся и для другихъ надобностей. Такъ, существуетъ преданіе, что большая каменная церковь въ с. Кулажинцахъ (пирятинскаго уѣзда) была построена музыкантами изъ оркестра Марковича.

Можно думать, что музыкальное образованіе крѣпостныхъ артистовъ было болѣе или менѣе удовлетворительне, судя по тому, что крѣпостные оркестры исполняли пьесы классическихъ авторовъ. Намъ

приходилось видѣть партитуру И. П. Томары, слывшаго въ свое время за большого меломана. Здѣсь встрѣчаются увертюры и аріи изъ оперъ Беллини, Галеви, Доницетти, Мееребера, Моцарта и др. Русскихъ композиторовъ нѣтъ.

Что до хоровъ, то они главнымъ образомъ организовались для церковныхъ богослуженій. Хористы, какъ и музыканты, исполняли работы наравнѣ съ остальными крестьянами.

Въ репертуарѣ духовныхъ пьесъ главенствовали: Бортнянскій и Львовъ; народныя пѣсни были также необходимымъ элементомъ прежнихъ барскихъ пирушекъ. Большой хоръ существовалъ (тоже въ 30-хъ годахъ) у извѣстнаго хлѣбосола пирятинскаго Д. П. Селецкаго.

Вотъ перечень пѣсень этого хора. *Малорусскія:* Болыть моя головонька; Дивчино, серденько, здорова була; И сплю и мени снытьця; Симъ день молотыла; Ой за гаемъ, гаемъ; Ихавъ козакъ за Дунай; Ой бида чайци небози; Переходомъ въ чистымъ поли зацвилы волошкы; И шумыть и гуде; Северынъ; Ой выихавъ козакъ да изъ Украины; Ой послала мене маты зеленого жыта жаты; Хожу я по улыци да не нахожуся; Да не люблю ни Стецька не Грыцька; Добрывечоръ дивчино; Самило, пожены козы на стигло. *Великорусскія:* Наши въ полѣ не робѣютъ; Я цыганка молодая; Скажи лапушка моя; Охъ зачѣмъ было огородъ городить; Ахъ, барыня, ахъ сударыня; Чта такъ рано сольнце встало; Господь природы; Сватался на вдовушкѣ. *Польская:* Поѣдемъ на вловы и др.

Преданія крѣпостныхъ увеселеній сохранились, какъ видно, въ полтавской губерніи довольно прочно и до сихъ поръ. Намъ передавали за вѣрное, что въ одномъ изъ уѣздовъ этой губерніи проживаетъ господинъ содержащій домашній балетъ, Кадры артистокъ его пополняются изъ крестьянъ той же деревни, получающихъ плату и господское содержаніе. Выстроены и особыя постройки, какъ для квартиръ артистокъ такъ и для театральныхъ представленій. Въ свободное время помѣщикъ дѣлитъ свои досуги съ импровизированными артистками. Тоже предоставляется и его гостямъ. На „сценѣ" идутъ небольшіе балеты, вродѣ „Свадьбы въ Ойцовѣ" и т. п. Всѣ артистки вольнонаемныя. Разница этой безобразной затѣи отъ крѣпостныхъ предпріятій того же рода въ томъ, что свою блажь помѣщикъ оплачиваетъ и вѣроятно не дешево. Но въ „партитурахъ" его театра едва ли найдется ужь хоть слово достойное вниманія.

А. Залѣсскій.

Картины, рисунки и офорты Шевченка.

Въ двухъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ „Кіевск. Стар." (1886 г. № 2 и 1888 №№ 1—3), отмѣчено мною нѣсколько художественныхъ работъ Шевченка, принадлежащихъ частнымъ лицамъ или находящихся въ печатныхъ изданіяхъ. Я имѣю возможность продлить теперь этотъ списокъ, хотя и въ этомъ видѣ онъ будетъ все же токько началомъ перечня шевченковскихъ рисунковъ и гравюръ. Они разсѣяны по рукамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, попадали случайно къ лицамъ не дававшимъ имъ цѣны, будучи проданы или самимъ поэтомъ или его друзьями, многіе погибли. Печатая эти случайныя замѣтки, просимъ тѣхъ изъ владѣльцевъ рисунковъ Ш—ка кому попадутся на глаза эти строки сообщать въ редакцію нашего журнала хотя краткія свѣдѣнія о нихъ. Болѣе или менѣе полный перечень живописныхъ трудовъ Ш—ка полезенъ и для біографіи его и какъ пособіе коллекціонерамъ. Работъ Ш—ка масляными красками намъ извѣстно очень мало. Рисунковъ его—сепіей, акварелью и карандашомъ сохранилось, сравнительно, довольно много. Свѣдѣнія о тѣхъ и другихъ дорисовываютъ кругъ духовныхъ интересовъ, наблюденій и вкусовъ поэта, какъ бы раздвигаютъ предъ нами его творческій горизонтъ Офорты Ш—ка и теперь уже очень рѣдки. Современемъ они сдѣлаются конечно еще рѣже и, сообразно съ этимъ, возрастетъ и ихъ стоимость. Работать этимъ способомъ Ш—ко началъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи. Его гравюры интересны уже по этому одному. Но достоинство ихъ признается и лицами спеціально вѣдающими дѣло, граверами и художниками, ставящими ихъ очень высоко, Послѣ первыхъ своихъ опытовъ въ 40-хъ годахъ Ш—ко занимался гравюрой въ послѣдніе три года жизни. Сверхъ шести листовъ „Живописной Украины", мнѣ извѣстно еще четырнадцать офортовъ его, списокъ которыхъ я сообщаю. Едва ли наберется еще нѣсколько неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ, если сохранившіеся картины и рисунки Ш—ка нельзя опредѣлить числомъ, то количество его гравюръ можно установить почти уже близко къ настоящей цифрѣ. Всѣхъ ихъ сдѣлано имъ двадцать или двадцать съ небольшимъ.

Рисунки Ш—ка дѣланы большею частью съ натуры. Это или виды мѣстностей, этюды природы, или бытовыя сценки, фигуры и лица. Малороссійскіе мѣстности и типы наполняютъ альбомы академической поры; отдѣльные рисунки почти всѣ изображаютъ виды

надъ Каспіемъ или въ пустынѣ, киргизскіе типы, сцены изъ жизни ссыльныхъ и казарменныя сцены. Въ своемъ послѣдоватсльномъ ходѣ, всѣ они—наилучшія иллюстраціи къ жизни самого художника, рисующія и людей и природу, косорые окружали его въ разныя годины его жизни. Рисунки-композиціи (кромѣ первыхъ, этнографическихъ и историческихъ), опять таки взяты изъ среды и жизни проходившей передъ гсазами художника. Серія „Блудный сынъ", описаніе которой сообщается ниже, вся наполнена отмѣтками того что видѣлось имъ въ его печальной жизни. Герой этой серіи—глубоко несчастный человѣкъ, безумно увлекавшійся и жестоко наказанный судьбой. Удары судьбы ведутъ эту безпокойную натуру, эту отчаянную голову отъ неистовой оргіи—къ цѣпямъ каторжника и къ ужасной сценѣ наказанья шпицрутснами. Такихъ „несчастныхъ" не разъ видѣлъ поэтъ въ своемъ изгнаніи... Одинъ изъ офортовъ его изображаетъ падшую женщину. Она вернулась домой съ своего промысла и здѣсь, хоть на минуту, она, всѣмъ принадлежащая,—„сама соби господыня въ хати". Такъ и называется эта гравюра, отъ которой вѣетъ глубокой горечью, ѣдкимъ сарказмомъ, какой встрѣчаемъ въ бытовыхъ рисункахъ Гойя и Гаварни.—Нѣтъ надобности говорить о томъ, какимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ было бы воспроизведеніе и изданіе всего этого, помощью одного изъ усовершенствованныхъ новыхъ способовъ, въ формѣ совмѣстнаго собранія. Тогда только опредѣлилась бы физіономія Ш—ка какъ рисовальщика, тогда можно было бы подвести итогъ его прерванной дѣятельности живописца-художника.

Сюжетами офортовъ Ш—ка служатъ или воспроизведенія картинъ великихъ мастеровъ (Рембрандта, Мурильо, Брюллова, Лебедева) или портреты. Изъ жанровъ, кромѣ только что указаннаго, мнѣ извѣстна только копія хорошенькой картины Соколова „Пьяницы". Два портрета изображаютъ художниковъ бар. Клодта и Бруни. Существуетъ еще, кажется, портретъ академика Горностаева; мнѣ не удалось его видѣть. Большая часть портретовъ изображаетъ самого поэта. Это обстоятельство объясняется не тщеславіемъ, а инымъ, весьма далекимъ отъ этого, мотивомъ. На этихъ портретахъ Ш—ко учился своему любимому офорту и, для оригиналовъ, ему незачѣмъ было тратиться на наемъ натуры, когда, по обычаю художниковъ, онъ могъ при посредствѣ зеркала, рисовать себя самого. Портреты эти, при жизни поэта, извѣстны были только небольшому кружку ближайшихъ лицъ, дѣлались въ самомъ ограниченномъ количествѣ

и не продавались. Во всякомъ случаѣ не мы будемъ сѣтовать на то, что по смерти кобзаря осталось нѣсколько изображеній имъ самимъ съ себя писанныхъ.

Списокъ нашъ дѣлимъ на три группы и располагаемъ по возможности хронологически. Намъ извѣстны еще собранья рисунковъ Ш—ка у Л. М. Жемчужникова, В. В. Коховскаго и А. В. Прахова. Усердно просимъ этихъ лицъ не отказать подѣлиться свѣдѣніями о нихъ.

Картины Шевченка масляными красками.

Пасичникъ—рисунокъ на холстѣ, въ формѣ удлиненнаго треугольника. Писанъ до ссылки, кажется въ 1846 г. и оставленъ Ш—комъ въ видѣ визитной карточки одному знакомому въ конотопскомъ уѣздѣ, котораго онъ не засталъ дома. Принадлежитъ А. М. Лазаревскому.

Портретъ г-жи Маевской, 1843 года, съ подписью художника и датой. Принадл. В. Горленку.

Собственный портретъ, круглый. Былъ въ Петербургѣ на академической выставкѣ 1859 или 1860 гг.—Оригиналъ пріобрѣтенъ Вел. Княгин. Еленой Павловной. Повтореніе, работы Ш—ка, принадлежитъ В. М. Лазаревскому, въ Петербургѣ.

Рисунки разными способами.

Сцена изъ „Тараса Бульбы“ Гоголя. Рисунокъ сепіей, сдѣланный въ 40-хъ годахъ. Принадлежалъ петербургскому коллекціонеру Н. Д. Быкову. Нынѣ собраніе его распродано.

Итальянка у фонтана. Акварель съ Брюллова. Въ февралѣ нынѣшняго года была въ Петербургѣ на выставкѣ въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, въ академіи художествъ.

Слѣдующіе рисунки, до новой отмѣтки, принадлежатъ В. М. Лазаревскому.

Пять отдѣльныхъ рисунковъ сепіей.

1) Сцена изъ жизни ссыльныхъ. Ш—ко сидитъ за столомъ въ казармѣ и рисуетъ кого то изъ товарищей, который взялъ рисунокъ и разсматриваетъ его. На полу, возлѣ самовара, сидитъ третій и пьетъ чай. На землѣ валяется книжка съ заголовкомъ: G. Sand 1851. На стѣнѣ видна сабля, на землѣ—манерка съ ремнемъ, снятыя послѣ ученія. Ш—ко изображенъ въ бородѣ.

2) Возлѣ малороссійской хаты, подъ стрихою, два скованныхъ между собою человѣка, одинъ въ бородѣ, постарше, другой, русскаго типа, безъ бороды, полуобнаженный. Караульные солдаты расположились по сторонамъ. Одинъ спитъ возлѣ бочки, близъ которой стоитъ чумакъ. Въ сторонѣ видна какая то пляшущая женщина и смутныя очертанія людей, несущихъ „корогву“.

3) Внутренность кибитки киргизовъ. Киргизка на ручныхъ жерновахъ мелетъ муку. На первомъ планѣ лежитъ киргизъ и играетъ на балалайкѣ удлиненной формы. Въ отверстіе юрты заглядываетъ корова.

4) Внутри комнаты Ш—ко лежитъ на кровати. Передъ нимъ столъ и родъ чайника причудливой восточной формы. Посреди комнаты, лицомъ къ зрителю, стоитъ

полуобнаженный человѣкъ. Съ этого рисунка были сдѣланы воспроизведенія въ иллюстраціяхъ.

5) Внутренность кибитки. Киргизъ грѣется возлѣ огня. Стоитъ сосудъ для варки кирпичнаго чаю. Киргизка въ малахаѣ сидитъ на полу.

Пять листовъ видовъ (сепіей и акварелью).

a) Полуоткрытый грошъ. Стоитъ пара осѣдланныхъ лошадей. Близъ нихъ, на землѣ сидитъ человѣкъ въ широкополой шляпѣ и рисуетъ. Подписано: Далисменъ-мула-аулье.

b) Соборъ и часть городской площади въ Нижнемъ Новгородѣ. Подписано: Соборъ Благовѣщенія. (См. „Дневникъ" Шевченка въ „Основѣ" 1861 г.—Сентябрь 1858 г.

c) Видъ церкви и площади, тамъ же. Подпись: Архангельскій соборъ. „Дневникъ" 10—12 окт. 1858 г.

d) Берегъ рѣки въ Нижнемъ Новгородѣ, съ барками и фигурами. Подпись: Видъ на Заочье („Дневникъ". 15 окт. 1858 года).

e) Акварельный рисунокъ рѣчнаго побережья съ фигурами.

Похожденія Блуднаго Сына (8 листовъ рисованныхъ сепіей).

1) Сцена игры въ карты близъ стойки шинка.

2) Убійство женщины. Снимаютъ съ убитой крестъ; вдали гротъ съ разбойниками.

3) Сцена въ трактирѣ. Блудный сынъ полуобнаженъ. Нѣсколько фигуръ.

4) Блудный сынъ въ опьяненіи, съ бутылкою въ рукахъ.

5) Блудный сынъ на кладбищѣ, въ рубищѣ.

6) Блудный сынъ, скованный съ другимъ преступникомъ, на привалѣ. Онъ изображенъ полуголымъ. На головѣ бѣлая шапка.

7) Блуднаго сына только что прогнали сквозь строй. Его, полумертваго, одѣваютъ. Цѣпи сняты. Видны ряды солдатъ.

8) Блудный сынъ въ казармѣ, съ колодкой вложенной въ ротъ. Внутренность казармы въ перспективѣ.

В. М. Лазаревскому принадлежатъ еще 2 портрета тушью и бѣлымъ карандашомъ: М. М. Лазаревскаго (1858 г.) и А. А. Лазаревской (1859 г. 9 августа).

У него же находится *Альбомъ рисунковъ* перомъ, сепіей и карандашомъ: виды въ Мошнахъ, Черкасахъ, Межиричьи, Корсуни (хата, бережокъ, деревья) около Канева (низкій берегъ Днѣпра) этюды деревьевъ, два вида съ подписью „въ Лыхвыни" (тульск. губ.) Рисунки перомъ: малороссіянки, идущія съ водой отъ криницы, Мулла передъ раскрытой книгой.

Г. Н. Честоховскому принадлежитъ два рисунка Ш—ка.

— Рисунокъ сепіей для офорта „Сама соби господыня въ хати".

— Калька съ офорта „Малороссіянки у криницы". Въ глубинѣ картинки видны кобзарь съ хлопцемъ, на гравюрѣ отсутствующіе.

Въ статьѣ г. Суханова—Подколзина „Воспоминанье о Ш—кѣ" (Кіевск. Стар. 1885 № 2) указаны слѣдующіе рисунки, принадлежащ. автору статьи:

1) Рисунокъ тушью, изображающій Ш—ка въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, угощающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка.

2) Портретъ меньшаго брата г. Подколзина, простымъ карандашомъ, помѣченъ 1858 г.

3) Большая сепія. Сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ ведрами у колодца; вдали сидитъ кобзарь.

4) Сепія. Мать, стоящая на колѣняхъ у колыбели ребенка.

— Портретъ ребенка итальянскимъ карандашомъ и бѣлилами. Принадлежитъ А. Ф. Новицкому, въ Кіевѣ.

Офорты Ш—ка по годамъ ихъ исполненія.

1858 г. *Святое Семейство.* Съ картины Мурильо. Дата 1858 г. 16 іюля. Въ экземплярѣ, принадлежащемъ г. Честоховскому, на оборотѣ рукой Ш—ка написано его стихотвореніе „На панщыни пшеныцю жала“...

— Два офорта съ картины Рембрандта „*Притча о виноградѣ* (1637 г.) одинъ пробный, съ едва намѣченными фигурами, другой болѣе оконченный.

1859. *Лѣсной пейзажъ.* Подпись на лѣво: Лебедевъ 1836 г. На право: Грав. Шевченко 1859. Оригиналъ картины Лебедева, съ котор. сдѣлана гравюра, находится въ музеѣ петербургской академіи художествъ.

— *Пьяницы*, съ картины И. Соколова, принадлежащей П. А. Кочубею. Три малороссіянина у стола въ шинкѣ.

— *Сама соби господыня въ хати.* Подпись на лѣвой сторонѣ. Женщина, раскинувшись, спитъ на кровати. На стѣнѣ виситъ кринолинъ; на столикѣ, у кровати, свѣча и коробка съ пудрой.

1860. Портретъ Ѳед. Ант. Бруни. Подпись на правой сторонѣ, на оборотѣ. Дата также.

— Вирсавія (съ картины Брюллова). На право подпись: Карлъ Брюлловъ 1831 г. На лѣво—Шевченко 1860. Одинъ изъ самыхъ большихъ офортовъ Ш—ка.

— Собственный портретъ въ молодости. Бюстъ, со свѣчей въ рукахъ, въ шарфѣ, безъ бороды и усовъ. Съ портрета сепіей, сдѣланнаго до ссылки.

— Портретъ въ бѣломъ лѣтнемъ пальто. Копія была помѣщена въ „Художественномъ Листкѣ“ Тима.

— Портреты въ черномъ сюртукѣ, безъ шапки; первый—чорной манерой (pointillage), второй съ бѣлымъ фономъ, болѣе отдѣланный.

— Портретъ въ шапкѣ и шубѣ. Типъ извѣстный по позднѣйшимъ литографіямъ, сначала въ воспроизведеніи Лемерсье (для перваго выпуска парижскаго изданія „Портретовъ украинскихъ писателей“), потомъ петербургской работы Мюнстера. Онъ же, въ искаженномъ видѣ приложенъ при изданіи „Кобзаря“ 1867 г. Направо подпись: Т. Шевченко 1860. Въ срединѣ кружокъ съ монограммой: Т. Ш.

1861. Портретъ барона П. К. Клодта, 1861 г. Дата вышла на оборотъ. Обѣ подписи на правой сторонѣ.

Неизвѣстнаго года. Малороссіянки у криницы. Крестьянки, идущія съ ведрами отъ криницы, изображаютъ портреты г-жъ Кулишъ и Бѣлозерской. Сохранился, кажется, одинъ лишь пробный оттискъ этой гравюры.

Существовали еще мѣдныя доски, съ награвированными на нихъ Шевченкомъ рисунками. Не знаю, были ли сдѣланы оттиски со всѣхъ этихъ досокъ, но ихъ видѣли многія лица въ числѣ вещей, оставшихся послѣ смерти Ш—ка. Доски эти приготовлены были для слѣдующихъ офортовъ:

a) „Ростовщикъ" (съ карт. Рембрандта).
b) Пейзажъ (съ карт. Мещерскаго).
c) Нищіе на кладбищѣ.
d) Портретъ гр. Ѳ. П. Толстаго.

Кѣмъ куплены эти доски и у кого находятся теперь—мнѣ неизвѣстно.

В. Г.

Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился въ Курскѣ въ 1826 году. Онъ получилъ художественное образованіе въ петербургской Академіи художествъ; академикомъ живописи состоитъ съ 1861 г. [1]). Въ Малороссіи имя К. А. Трутовскаго пользуется почетной извѣстностью, какъ имя художника, во многихъ рисункахъ талантливо воспроизведшаго характерныя явленія южнорусскаго народнаго быта. Къ сожалѣнію, рисунки Трутовскаго разбросаны въ разныхъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ художественныхъ изданіяхъ, и тѣ рисунки, которые наиболѣе извѣстны публикѣ, помѣщенные въ Пчелѣ и Нивѣ, большею частью не принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ художника.

Не претендуя на полноту обзора рисунковъ Трутовскаго, укажемъ здѣсь только нѣсколько выдающихся и притомъ малоизвѣстныхъ его произведеній.

К. А. Трутовскій неоднократно останавливался на Гоголѣ, именно на его разсказахъ изъ малорусскаго народнаго быта. Къ 1872 г. относится его прекрасная картина „*Сорочинская ярмирка*". Здѣсь на полотно взятъ тотъ моментъ, когда на мостъ взъѣхалъ возъ, на которомъ сидѣла красивая дивчина и ея злая мачиха, и толпа стоявшихъ на мосту парубковъ привѣтствуетъ первую похвалами, а вторую насмѣшками. Въ картинѣ К. А. Трутовскаго всѣ подробности въ высшей степени граціозны, характерны и вѣрно воспроизводятъ малорусскій народный бытъ. У Гоголя эта сцена происходитъ на берегу Псла; на картинѣ Трутовскаго вдали на возвышенности виднѣется городъ со многими церквами. Кто бывалъ въ г. Сумахъ, тотъ легко ихъ припомнитъ, смотря на картину,—такъ много въ ней правды и точности. Лица, положенія и костюмы парубка въ сѣрой свитѣ, дивчины и ея отца въ высшей степени характерны и ти-

---

[1]) *Собко*, 25 лѣтъ рус. искусства. 1882. 34.

пичны для массы украинскихъ дивчатъ, парубковъ и „плохихъ“ т. е. добродушныхъ и слабохарактерныхъ мужиковъ. Чтобы оцѣнить картину Трутовскаго съ точки зрѣнія бытовой ея вѣрности и характерности, нужно сравнить ее съ рисункомъ г. Рѣпина, изображающимъ тотъ же эпизодъ изъ Сорочинской ярмарки Гоголя. Не смотря на то, что г. Рѣпинъ является первостепеннымъ талантомъ, въ данномъ случаѣ онъ остается далеко позади Трутовскаго. На рисункѣ г. Рѣпина хорошо вышли волы и отчасти дивчина; все же прочее представляется крайней утрировкой гоголевскаго разсказа. Мачиха и въ особенности парубки носятъ каррикатурный характеръ, по грубости лица и положеній. Парубки всѣ безобразны, а одинъ изъ нихъ просто уродливъ, что не оправдывается даже разсказомъ Гоголя, гдѣ одинъ изъ парубковъ обрисованъ красивымъ молодцомъ.

К. А. Трутовскій помѣстилъ нѣсколько весьма удачныхъ рисунковъ въ извѣстномъ изданіи Голяшкина „*Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*—Н. Гоголя“ 1874 г. Какъ извѣстно, въ Гоголевскихъ разсказахъ изъ малорусскаго быта много фантастическихъ преувеличеній и романтическихъ прикрасъ. Художнику иллюстратору здѣсь нужно сдерживать свою личную фантазію. К. А. Трутовскій и здѣсь почти вездѣ удержался въ предѣлахъ изящнаго.

Карандашъ К. А. Трутовскаго касался также произведеній другаго выдающагося южно-русскаго писателя Т. Г. Шевченка. Въ „Сѣверномъ Сіяніи“ Генкеля мы находимъ *четыре* весьма любопытныхъ *рисунка Трутовскаго къ „Наймичкѣ“*. Рисунки эти мало извѣстны, и на нихъ нѣтъ указанія въ составленномъ г. Комаровымъ „Библіографическомъ указателѣ матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Шевченка“ [1]). Первый рисунокъ на слова Шевченка: „якъ тополя похилилась молодыця молодая, щось до лоня пригортае, та съ туманомъ розмовляе“. Въ открытомъ полѣ на пригоркѣ сидитъ молодица, грустно склонивъ голову и прижавъ къ груди своего малютку; вдали небольшіе курганы. Другой рисунокъ на слова „та доворитъ... прибѣгаютъ“... Рѣчь идетъ о подкидышѣ. Домохозяинъ и жена его, стоящіе у воротъ и съ изумленіемъ смотрящіе на непрошенаго маленькаго гостя, очень типичны. На лицахъ ихъ, особенно на лицѣ жены, лежитъ печать добродушія и человѣколюбія. Глядя на нихъ, легко угадать, что они примутъ ребенка, какъ роднаго сына. Третій рисунокъ на слова: „и внучатамъ изъ клуночка гостынци выймала,

---

1) *Кіевская Старина* 1886. III. 577.

а дидови три свичечки"... самый содержательный и изящный. Наймичка, возвратившись изъ Кіева съ богомолья, раздаетъ подарки подъ хатой на присьбѣ. Тутъ и невѣстка ея, и внучата, и ихъ общій благодѣтель дѣдъ. Всѣ лица, ихъ положеніе и костюмъ вполнѣ украинскіе. Въ особенности хороши дѣдъ, богомолка-наймичка и молодыця. Вообще, этотъ рисунокъ производитъ отрадное, успокоительное впечатлѣніе. На зрителя вѣетъ отъ него чѣмъ то въ высшей степени благодушнымъ и сердечнымъ. На лицѣ богомолки-наймички столько доброты и ласки; на лицѣ ея невѣстки столько любопытства... Четвертый рисунокъ на слова наймички „просты мене, мій сыночку, я... твоя маты" представляетъ кончину наймички.

Къ числу наилучшихъ въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ рисунковъ Трутовскаго изъ украинскаго быта принадлежитъ *Сцена у креста*. Этотъ малоизвѣстный рисунокъ былъ на академической выставкѣ 1869 г. Снимокъ съ него находится въ Художественномъ Автографѣ, изданномъ петербургской артелью художниковъ. Содержаніе рисунка: на дорогѣ на деревяннномъ столбикѣ въ трехъ-угольной деревянной рамѣ или кіотѣ стоитъ икона. На верху рамы крестикъ, а на одной ея сторонѣ шитый ручникъ. Около креста сидитъ старикъ съ небольшимъ кошелемъ въ рукахъ, куда прохожіе бросаютъ деньги на икону. Передъ иконой двѣ женщины; одна стоитъ, имѣя въ правой рукѣ грабли, въ лѣвой ребенка, сзади на спинѣ дѣтскую колыбель; другая молодая, но уже замужняя, что видно изъ головной повязки, стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ и горячо молится. Около нея лежатъ серпъ и грабли; вблизи на краю дороги виднѣется высокій созрѣвшій хлѣбъ. Женщины—типичныя семьянинки труженицы, и горячая мольба одной изъ нихъ естественно наводитъ зрителя на вопросъ, о чемъ она такъ усиленно молитъ?—Знакъ ли это благодарности за созрѣвшее жито, или тутъ скрыта горькая жалоба на тяжелую семейную долю.

Въ иллюстрированныхъ журналахъ разбросано довольно много рисунковъ Трутовскаго изъ малорусскаго быта, напримѣръ, *Возвращеніе съ праздника* (толпа подвыпившихъ крестьянъ обоего пола съ музыкой и пляской возвращается домой въ зимнее время), *Колядки въ Малороссіи* (дѣти колядуютъ подъ окнами хаты), *Въ бурю* (въ полѣ находитъ гроза и крестьянская семья, убиравшая жито, спѣшитъ домой), *Чумакъ у колодца* (пьетъ воду у дѣвушки изъ ведра) и нѣкоторыя другія. Однимъ изъ характерныхъ въ мѣстномъ этнографическомъ смыслѣ рисунковъ представляется *Подрѣзываніе со-*

товъ на малороссійской пасѣкѣ слѣдующаго содержанія: въ уединенномъ садикѣ не вдалекѣ отъ хаты, покрытой очеретомъ, старый пасѣчникъ присѣлъ къ улью и осторожно залѣпливаетъ круглое отверстіе, или очко, служащее для выхода пчелъ, чтобы потомъ подкуриваніемъ перегнать пчелъ въ другой улей, и вырѣзать медъ. Красивая дивчина, дочка или племянница, стоитъ подлѣ улья, держа на—готовѣ расписную деревянную чашку, что-бы принять душистые круги полныхъ сотовъ. Лица типичныя малорусскія. Старикъ серіозенъ, даже суровъ. Дѣвушка красива. На пасѣкѣ стоитъ на пнѣ въ треугольной деревянной рамѣ образъ Зосимы и Савватія, святыхъ покровителей пчеловодства. Рисунокъ чрезвычайно оригинальный и содержательный. Здѣсь выраженъ и подчеркнутъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ въ трудовой жизни крестьянина, когда самый трудъ озаряется радостнымъ свѣтомъ. „Подрѣзываніе сотовъ" Трутовскаго помѣщено въ „Пчелѣ" 1876. № 2. Характерныя малорусскіе особенности картины опредѣляются по сравненію ея съ оригинальнымъ выпуклымъ офортомъ И. И. Шишкина: *Пчельникъ*, бывшимъ на пятой передвижной выставкѣ картинѣ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ той же „Пчелѣ" 1876 г. № 7. Пчельникъ г. Шишкина имѣетъ своеобразный великорусскій характеръ.

Кромѣ рисунковъ изъ малорусской народной жизни, Трутовскому принадлежитъ еще довольно много рисунковъ съ содержаніемъ, взятымъ изъ семейной жизни мелкопомѣстнаго дворянства, напримѣръ, *Пріѣздъ гостей, Земское собраніе, Дѣтская, Поминки, Любители* (три старичка разсматриваютъ картинки съ нагими женщинами), *Имянины* (дѣти поютъ отцу поздравительный стихъ), *Отцы* (толстяки помѣщики смотрятъ на домашней вечеринкѣ, какъ танцуютъ ихъ молоденькія дочки) и др. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ напоминаютъ слободско-украинское дворянство прошлаго и начала текущаго столѣтія, какъ оно изображено въ разсказахъ Г. Ѳ. Квитки на русскомъ языкѣ.

К. А. Трутовскій настойчиво разрабатываетъ излюбленныя темы изъ украинскаго народнаго быта. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ трудится надъ воспроизведеніемъ разныхъ сторонъ этого быта на полотнѣ, съ неослабнымъ интересомъ къ южнорусскому народу, къ его семейной и общественной жизни. На послѣдней академической выставкѣ, еще не выѣзжавшей изъ Петербурга, есть картина К. А.

Трутовскаго „Праздничная бесѣда“ съ содержаніемъ изъ малорусскаго быта,—новое доказательство старыхъ симпатій художника къ южнорусскому народному быту.

Н. С.

Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской духовной семинаріи.

Харьковскій коллегіумъ, нынѣ духовная семинарія, возникъ въ 1726 году, и тогда же въ его библіотеку вошло много старопечатныхъ книгъ по богословію, философіи и церковной исторіи. Въ составъ библіотеки коллегіума вошла часть библіотеки Стефана Яворскаго, заключавшая много весьма рѣдкихъ книгъ церковно-славянской и польской печати семнадцатаго вѣка. Въ составленномъ въ 1866 г. каталогѣ однихъ латинскихъ книгъ значится 1707 названій. Въ рукописномъ каталогѣ библіотеки мы насчитали 169 книгъ шестнадцатаго и 678 книгъ семнадцатаго вѣковъ.

Пробѣгая каталогъ мы находимъ здѣсь Словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды въ 2 изданіяхъ, Лиѳосъ Петра Могилы, „Okulary“ Кассьяна Саковича, „Kalendarz prawdziwy“ Яна Дубовича „Іерахію“ и „Голіафъ“ Рутки, почти всѣ сочиненія Іоанникія Галятовскаго, нѣсколько сочиненій Лазаря Барановича. Книги находятся въ порядкѣ. На многихъ книгахъ есть помѣтка о принадлежности ихъ Стефану Яворскому причемъ видно, что Стефанъ Яворскій нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣлъ еще будучи іеромонахомъ.

Въ семинарской библіотекѣ находится большая часть тѣхъ сочиненій, на которыя ссылаются южнорусскіе ученые XVII вѣка, какъ на пособіе, напримѣръ, сочиненіе Корнелія и Ляпиде—комментаріи на Ветхій и Новый Завѣтъ, Іоанна Картагенскаго—Homiliae catholicae libri XIV 1618 г., Кальвина—Institutio christ. religionis женевскаго изданія 1590 г., тридцать томовъ Исторіи Польши Кромера 1589 года, Colloquia familiaria Эразма Ротердамкаго базельскаго изданія *1525* года, Ennarationes Ѳомы Аквинскаго парижскаго изданія *1540* г., Summa totius Theologiae Ѳомы Аквинскаго въ трехъ изданіяхъ 1570, 1604 и 1624 годовъ, сочиненія Беллярмина противъ еретиковъ 1608 г. и о псалмахъ 1611 г., De purgatorio igne Петра Аркудія 1637 г., Compendium Theologiae veritatis Альберта Великаго изданія 1649 г., Opera omnia theologica Гуго Гроція амстер-

дамскаго изданія 1679 г., 23 тома Corpus Historiae bizantinae Филиппа Лаббе парижскаго изданія 1648 г., Meditationes de prima philosophia Декарта амстердамскаго изданія 1642 г. въ 2 экз., полныя собранія сочиненій Раймунда Люлія 1651 г., Гассенди 1658 г., Бэкона 1665 г., Theatrum historicum Стратемана 1681 г., Всеобщая географія Бернгарда Варенія Ис. Ньютона 1681 г.

Кто возьметъ на себя трудъ обозрѣть харьковскія изданія, тотъ въ семинарской библіотекѣ найдетъ подходящій матеріалъ. Такъ, здѣсь находится любопытный сборникъ рѣчей,, сказанныхъ при погребеніи перваго ректора харьковскаго университета Рижскаго, сочиненія горемычнаго прафоссора Шада Institutiones philosophie universae 1812 г., и De viris illustribus urbis Romae 1815 г., и сочиненія многихъ другихъ старинныхъ харьковскихъ писателей.

Н. Сумцовъ.

Для справокъ.

Замѣтка объ указателѣ къ лѣтописи по Ипатскому списку.

Давно занимаясь Ипатской лѣтописью, я не могъ не убѣдиться, что приложенный ко второму ея изданію (1872 г.) указатель (составленный г. Труворовымъ) не отличается ни полнотой, ни точностью.

Хорошій указатель къ лѣтописямъ, актамъ и всякимъ вообще историческимъ памятникамъ во 1) вещь вполнѣ необходимая ибо въ значительной степени облегчаетъ ученымъ пользованіе изданнымъ памятникомъ, во 2) далеко не такая легкая и простая вещь, какъ можно бы думать. Составитель указателя не просто переписчикъ,—это долженъ быть ученый, хорошо знакомый съ исторіей времени, къ которому относится памятникъ, человѣкъ умѣющій вчитаться въ самый памятникъ. Не даромъ извѣстный знатокъ архивнаго дѣла П. М. Строевъ такъ высоко цѣнилъ составленный имъ указатель къ исторіи Карамзина и надѣялся даже получить за него премію.

Конечно, мы не можемъ требовать отъ составителя указателя ряда изслѣдованій и объясненій по поводу отмѣченныхъ имъ въ памятникѣ словъ и именъ, но извѣстнаго рода изслѣдовательская, т. ск. негласная работа непремѣнно должна быть имъ произведена, если только указатель претендуетъ на какое-нибудь значеніе. Въ случаяхъ спорныхъ, сомнительныхъ, неясныхъ, лучше оставлять названіе или имя такъ, какъ оно стоитъ въ памятникѣ, но тамъ, гдѣ раскрытіе т. ск. скобокъ

совершенно очевидно, составитель указателя имѣетъ не только право, но даже обязанъ это сдѣлать, иначе въ его указаніяхъ произойдетъ путаница: одно и тоже лице, мѣстность или предметъ появятся подъ различными наименованіями въ разныхъ мѣстахъ указазателя и совершенно затруднятъ пользованіе имъ. Составитель указателя къ Ипат. лѣтописи отнесся къ своей своей задачѣ довольно небрежно, списывая названія подъ рядъ, не вчитываясь въ лѣтопись, не справляясь съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Въ результатѣ—множество ошибокъ и притомъ ошибокъ тѣмъ болѣе странныхъ, что отъ нихъ легко могло спасти составителя одно только внимательное чтеніе текста.

Приведу нѣсколько примѣровъ подобныхъ ошибокъ.

Бастѣева чадь—*дѣти* Берендея Бастія—тутъ составитель указателя превратился въ учителя—и неудачно.

Борисъ, *кн.* Межибожскій—откуда взялъ составитель свѣдѣніе о княжескомъ достоинствѣ Бориса?

Василій, кн. Белзскій Ип. 485—какъ новое лице, происхожденіе котораго неизвѣстно. Стоило только перевернуть страницу, дабы узнать, что это Василько Романовичъ, братъ Даніила—Александръ прия Угровескъ... да Василкови Бѣлзъ (Ип. 483).

Левъ Даніиловичъ (с. Дан. Ром-ча)—509—а здѣсь читаемъ: „в томъ же гонѣше Левъ съ боденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти умертъ... Ясно, что дѣло идетъ *о бояринѣ* или воинѣ Львѣ, такъ какъ Левъ Даніиловичъ тогда еще (1231) вѣроятно и не родился т. к. 1245 онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ участвовать въ сраженіи (Данилъ же и Василко посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити младу сущу.

Кондратъ Сомовитовичъ *кн. литовскій*—никогда имъ не былъ, былъ княземъ польскимъ.

Романъ Даніиловичъ, сынъ кн. Даніила Романовича кн. Галицкій *428*, *479*, *480*, *483*, *484*, *489*, *492*, *494*—всѣ эти мѣста относятся къ знаменитому Роману Мстиславичу, дѣду Романа Даніиловича. Ошибка тѣмъ болѣе непростительная что въ періодъ, къ которому относятся указанныя мѣста лѣтописи о Романѣ Даніиловичѣ не могло быть и помину, ибо самому то Даніилу было всего нѣсколько лѣтъ (а 428 Даніила и не существовало на свѣтѣ).

Тугортоканъ—жена *в.* кн. Святополка Изяславича—157 въ указанномъ мѣстѣ—„святополкъ поя дщерь Тугортоканю, князя Половецкаго, т. е. дочь Тугортокана.

Святая Гора—не *Аѳонъ*, а монастырь подлѣ Владиміра.

Родна, баня, *минер. воды* въ Карп. горахъ; баня не значитъ минеральныя воды, а копи (соляныя или рудники).

Примѣровъ подобныхъ этимъ можно бы привесть множество. Очень жаль. что къ хорошему изданію Ип. лѣтописи приложенъ столь небрежно составленный указатель. Будемъ надѣяться, что при новомъ изданіи этой лѣтописи будетъ обращено болѣе вниманія на указатель, имѣющій для всякаго обширнаго историческаго памятника весьма важное значеніе.,

Д. К.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

1. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія* (№№ 3—4) 2. *Вѣстникъ Европы* (3—5). 3. *Русская Мысль* (2—4). 4. *Русскій Филологич. Вѣстникъ* (1, т. XIX). 5. *Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества* (1.) 6. *Филологическія Записки* (1). 7. *Русское Богатство* (1—4). 8. *Юридическій Вѣстникъ* (1—4). 9. *Наблюдатель* (3—4). 10. *Новь* (т. т. XIX—XXI). 11. *Сѣверный Вѣстникъ* (3—5). 12. *Пантеонъ Литературы* (1—5). 13. *Русскій Вѣстникъ* (1—4). 14. *Русская Старина* (3—5). 15. *Русскій Архивъ* (1—5). 16. *Журн. Гражд. и Уголовн. Права* (1—4). 17. *Православный Собесѣдникъ* (1—4). 18. *Историческій Вѣстникъ* (3—5). 19. *Странникъ* (1—4). 20. *Экономическій Журналъ* (1—3). 21. *Восходъ* (1—2). 22. *Кіев. Университетскія Извѣстія* (1—4). 23. *Kwartalnik historyczny* (1—2). 24. *Вѣстникъ Народнаго Дома* (64—66). 25. *Русскій Паломникъ* (1—19). 26. *Зоря* (1—9). 27. *Недѣля* (7—17). 28. *Сѣверъ* (1—18). 29. *Нива* (1—16). 30. *Русское Судоходство* (1—15). 31. *Glos*. 32. *Kraj*. 33. *Церковный Вѣстникъ* (1—20). 34. *Кіевлянинъ* (92—105). 35. *Кіевское Слово* (376—391). 36. *Кіев. Епарх. Вѣдомости* (1—14). 37. *Волынь* (37—54). 38. *Волынск. Епарх. Вѣд.* (13—14). 39. *Подольск. Епарх. Вѣд.* (17—19). 40. *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (8—9). 41. *Черниг. Губ. Вѣд.* (33—39). 42. *Харьк. Губ. Вѣд.* (87—124). 43. *Южный Край* (2511—2534). 44. *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (31—36). 45. *Крымъ* (18—25). 46. *Донъ* (45—52). 47. *Донская Рѣчь* (46—52) 48. *Орловскій Вѣстникъ* (52—59). 49. *Смоленскій Вѣстникъ* (41—55). 50. *Червоная Русь* (24—50). 51. *Кубанскія Вѣдомости* (1—16). 52. *Сибирскій Вѣстникъ* (1—45).

1, **Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. № 3 и 4.** *«Паденіе Польши» въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 3 стр. 1—71); продолженіе слѣдуетъ. Начало этой статьи, помѣщенное въ № 1 текущаго года (смотри извѣстіе въ «Кіевск. Стар.» 1888 г. т. XX), познакомило читателей съ мнѣніями объ этомъ вопросѣ польскихъ публицистовъ 18-го вѣка. Теперь является еще двѣ главы, изъ которыхъ первая представляетъ сводъ мнѣній польскихъ историческихъ школъ 19-го вѣка по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой, а вторая—воззрѣнія на этотъ вопросъ западно-европейской публицистики прошлаго вѣка.

Очерки изъ исторіи русской драмы П. О. Морозова (№ 3 стр. 72—117 и № 4 стр. 348—379 продолженіе слѣдуетъ). Въ 5-ой главѣ своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ русскую драму въ новый періодъ ея существованія, когда при Алексѣѣ Михайл. появился театръ иноземнаго происхожденія. Тутъ въ концѣ статьи въ № 3 находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ рѣшенію вопроса, кто былъ переводчикъ «Іудифи», что приписывалось обыкновенно Симеону Полоцкому, но что отвергается авторомъ; въ статьѣ же въ № 4 находимъ краткія извѣстія о Степанѣ Чижинскомъ, Львовскаго повѣту шляхетскомъ сынѣ, стоявшаго въ послѣдній годъ царствованія Алекс. Михайл. во главѣ руководителей комидійнаго дѣла въ Москвѣ.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго (№ 3) (161—197 стр.). Это—окончаніе статьи, начатой въ № 1 журнала. Данныя объ этихъ сношеніяхъ касаются 1680—82 г.г., при чемъ здѣсь сравнительно меньше находимъ свѣдѣній объ отношеніи Малороссіи къ Польшѣ.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова кн. V-я—реценз. К. Бестужева—Рюмина (№ 3) (стр. 198—201); 2) Очерки изъ психологіи славянскаго племени М. Урсина—реценз. И. Филевича, гдѣ между прочимъ говорится о мнимомъ мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3) (стр. 201—207); 3) Poczet rodów w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Adam Boniecki—реценз. П. Н. Петрова (№ 3) (стр. 274—282); 4) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Е. Барсова—реценз. И. Анненскаго (№ 4, стр. 501—512).

Новыя свѣдѣнія о Каффѣ и Крымскихъ татарахъ изъ начала XV вѣка. Александ. Веселовскаго (№ 4) (332—338 стр.). Это есть краткое сообщеніе о книгѣ, изданной Черрути въ Генуѣ по рукописи, написанной около 1421 года Альбертомъ Альфіери, генуезскимъ гражданиномъ, учителемъ латинскаго яз. въ Каффѣ. Содержаніе книги составляютъ разговоры о прошломъ Генуи и сѣверной Италіи, среди чего не мало мѣста удѣлено воспоминаніямъ о Каффѣ и о татарахъ—скиѳахъ.

Замѣтка о Супрасльской рукописи. П. Бобровскаго. (№ 4, 339—347 стр.). Написано по поводу напечатанныхъ В. Ягичемъ двухъ писемъ М. К. Бобровскаго объ этой рукописи (Archiv für slavische phihologie, X Band). Приведены въ этой замѣткѣ оба письма въ русскомъ переводѣ. (Въ связи съ этой замѣткой см. статью «Судьба Супрасльской рукописи» П. Бобровскаго въ Ж. М. Н. П. 1887 г. № 10).

2, **Вѣстникъ Европы 1888 г. 3, 4 и 5.** *Среди Крымскихъ татаръ. Θ. Воропонова.* (№ 3, стр. 148—179). Статья представляетъ рядъ наблю-

деній во время путешествія автора по Крыму преимущественно надъ экономическимъ положеніемъ сельскаго татарскаго населенія, а также надъ нѣкоторыми частностями его быта.

Русскія сочиненія Шевченка. А. Пыпина. (№ 3, стр. 247—286). Статья написана по поводу книги: «Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченка,» изданной редакц. «Кіевской Старины» въ началѣ текущаго года. Начало ея посвящено уясненію положенія малорусской письменности въ прошломъ и настоящемъ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору содержанія и значенія этихъ русскихъ произведеній Шевченка, находя въ нихъ черты, связывающія ихъ съ малорусской его поэзіей.

Сибирь и изслѣдованія ея. А. Пыпина. (№ 4; стр. 684—724). Въ этой статьѣ находимъ нѣсколько страницъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Григоріи Новицкомъ, малороссіянинѣ по происхожденію и воспитанникѣ Кіево-могилянской академіи, сосланномъ въ началѣ XVIII в. въ Сибирь, гдѣ онъ и составилъ въ 1715 г. «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ».

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Очерки изъ психологіи славянскаго племени. М. Урсина, въ которыхъ затрогивается между прочимъ вопросъ о мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3, стр. 413—419); 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. *П. Владимірова.*

3, **Русская Мысль 1888 г. 2, 3 и 4.** *Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣтій. И. Дитятина.* (№ 4; стр. 48—71). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы автора, нѣсколько страницъ посвящено краткому обзору дѣятельности Малороссійской коммиссіи, учрежденной при Петрѣ II для Свода въ одно цѣлое и перевода на великороссійскій языкъ тѣхъ правъ, которыми судится малороссійскій народъ.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ т. XV-й. Кролевецкій уѣздъ сотавилъ Петръ Червинскій (№ 2, стр. 82—83); 2) Семейная старина. Г. Данилевскаго. (№ 3, стр. 118); 3) Исторія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Часть 1-я. (№ 3, стр. 125—127); 4) Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ Гадячскомъ и Лубенскомъ (№ 3, стр. 135—136); 4) Kwartalnik Historyczny, organ Towarzystwa historycznego pod redakcya Xawerego Liskego. Lwow. (№ 4, стр. 173—174).

Во внутреннемъ обозрѣніи № 4 затронутъ вопросъ о ходатайствѣ полтавскаго дворянства о предоставленіи ему права учреждать заповѣдныя имѣнія (стр. 186—193).

4, **Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. 1-й (т. XIX).** *Говоръ Пинчуковъ. М. Карпинскаго.* (стр. 45—54). Небольшая замѣтка написана по поводу труда г. Карскаго «Обзоръ звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи,» въ которомъ говоръ Пинчуковъ причисленъ къ бѣлорусскимъ говорамъ. Авторъ замѣтки, на основаніи нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей этого говора, причисляетъ его къ сѣверно-малорусскому нарѣчію.

Южно-русскій Апостолъ XV вѣка. М. Карпинскаго. (стр. 68—73). Эта маленькая замѣтка знакомитъ насъ съ палеографическими особенностями рукописи XV вѣка, доставленной недавно изъ кременецкаго уѣзда (Волын. губ.) въ Археологическій музей при Кіевской духовной Академіи. На основаніи особенностей языка, авторъ замѣтки причисляетъ рукопись къ памятникамъ южной Руси, вѣроятнѣе всего Волынской земли. Въ концѣ приложенъ отрывокъ изъ рукописи для знакомства съ особенностями текста.

Разборъ книги В. Шимановскаго: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ"; съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 года. А. Смирнова (стр. 74—117). Это обширная и обстоятельная критическая статья, указывающая громадное количество промаховъ, допущенныхъ г. Шимановскимъ, какъ при изданіи текста Сборника Святослава, такъ и въ его изслѣдованіи.

Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г.— краткая рецензія А. С. (стр. 118—121). Авторъ рецензіи придаетъ громадное значеніе труду г. Соболевскаго, считая, что эта книга составитъ у насъ эпоху въ ознакомленіи общества съ исторіей русскаго языка, т. к. по достоинству своему она является выше работъ Срезневскаго, Буслаева и Колосова.

Въ библіографическихъ замѣткахъ помѣщена небольшая рецензія на книгу *П. Владимірова:* «Докторъ Франционскъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ» (стр. 122—123).

5, **Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. № 1.** *Въ отдѣлѣ библіографическомъ* помѣщенъ разборъ книги *Омеляна Огоновскаго* „Исторія литературы рускои". Часть 1-я. Львовъ—рецензія Е. П. (стр. 45—47). Авторъ рецензіи упрекаетъ г. Огоновскаго въ тенденціозности и считаетъ книгу его не отвѣчающей самымъ элементарнымъ требованіямъ, которыя теперь могутъ быть предъявлены къ научному сочиненію.

6, **Филологическія Записки. 1888 г. вып. 1-ый.** *Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. А. Потебни* (продолженіе; стр. 45—60). Въ настоящей 5-ой главѣ уясняется значеніе множественнаго числа при обозначеніи времени, при чемъ дается весьма много примѣровъ изъ современной малорусской рѣчи въ сопоставленіи ея съ памятниками старинной русской письменности.

7, **Русское Богатство. №№ 1—4.** № 2. *М. К. Башкирцева.* Біографико-психологическій этюдъ *Л. Гуревичъ* (стр. 73—122). Возбудившая своими картинами самые восторженные отзывы французовъ и преждевременно сошедшая въ могилу (на 24-мъ году), Марья Константиновна Башкирцева была, какъ извѣстно, уроженка южно-русскаго края: она была дочь полтавскаго предводителя дворянства и родилась въ имѣніи своей матери (урожденной Бабониной) въ харьковской губерніи. На родинѣ своей М. К. Башкирцева провела только дѣтство до 10-ти лѣтняго возраста, а затѣмъ послѣдующіе годы ея жизни и дѣятельности принадлежатъ Франціи, откуда М. К. наѣзжала на родину только изрѣдка, и на короткое время. Въ одной изъ залъ люксембургскаго музея въ Парижѣ, какъ разсказываетъ г-жа Гуревичъ, есть сдѣланная по заказу французскаго правительства статуя скульптора Лонжепье: она изображаетъ молодаго генія, умирающаго у ногъ ангела смерти, который въ рукѣ своей держитъ списокъ великихъ людей, преждевременно сошедшихъ въ могилу, но уже завоевавшихъ себѣ безсмертіе на землѣ; статуя эта такъ и называется—„Безсмертіемъ“; здѣсь, въ этомъ спискѣ, среди восьми французскихъ именъ, стоитъ имя М. К. Башкирцевой. Это показываетъ, на сколько высоко цѣнили во Франціи талантъ Башкирцевой.

Преждевременная смерть М. К. Башкирцевой напоминаетъ намъ преждевременную смерть другой женщины-художницы, также малороссіянки по рожденію: Ольги Антоновны Шишкиной, урожденной Лагода. Хотя отзывы о картинахъ Лагоды-Шишкиной были скромнѣе сравнительно съ отзывами французовъ о картинахъ Башкирцевой, тѣмъ не менѣе многіе находили (таково, напримѣръ, было мнѣніе „Художественнаго Журнала“), что это былъ самый сильный художественный талантъ изъ всѣхъ когда либо писавшихъ картины русскихъ женщинъ-художницъ. Такимъ образомъ, обѣ эти женщины, умершія приблизительно въ одномъ возрастѣ, за свои художественныя произведенія удостоились: одна—въ Россіи, другая—во Франціи признанія ихъ самыми сильными художественными талантами между когда либо существовавшими женщинами-художницами, и обѣ эти женщины были малороссіянки.

8, **Юридическій Вѣстникъ №№ 1—4** (Январь—Апрѣль). 2. Отчетъ о рефератѣ В. Ф. Левицкаго въ московскомъ юридическомъ обществѣ „о чиншевомъ владѣніи“ и о преніяхъ по поводу этого реферата.

9, **Наблюдатель №№ 3—4. 3.** О неотчуждаемости крестьянскихъ земель—г. Сазонова.

4. Переселенческая эпопея—Я. В. Абрамова (стр. 26—76).—Авторъ даетъ данныя о первомъ фазисѣ переселенческаго движенія, начинающемся съ появленія мысли о переселеніи и оканчивающемся выходомъ переселенцевъ изъ роднаго села.—Среди данныхъ обѣихъ статей многія относятся и къ южной Россіи.

10, **Новь 1888 г. Т. XIX, XX, XXI.** Въ отдѣлѣ „по Россіи". Виды городовъ и замѣчат. мѣстностей „Харьковъ—видъ съ университетской горки" фот. съ натуры Дасѣкинъ (№ 1). „Гурзуфъ Аю Дагъ" фот. съ нат. (№ 2). „Ялта"—видъ набережной съ гостинницей Россія фот. съ нат. (№ 4). „Малороссы херсонской губерніи" съ фот. Федоровца въ Одессѣ (№ 5). „Одесса—зданіе новаго городскаго театра" рисун. съ нат. (№ 7). „Въ Балаклавской бухтѣ" фот. съ нат. (№ 11).

Въ отдѣлѣ иллюстрацій къ произведеніямъ клас. лит. „Мазепа" картина г. Маркса (№ 7).

Исторія Россіи въ картинахъ русскихъ художниковъ: „Свиданіе Святослава I съ Іоанномъ Цимисхіемъ" карт. Малышева (№ 7). „Обрядъ св. крещенія кн. Ольги" карт. Дмитріева-Оренбургскаго (№ 9).

Деревенскій романъ (изъ хроники южно-русской деревни) И. П. Потапенко (№№ 8, 9, 10, 11, 12). Не оконченъ.

11, **Сѣверный Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—5. 3. 4. 5.** *А. Шабельская.* Три теченія, ром. въ 3 ч.

3. Степь (Исторія одной поѣздки) Антона Чехова. Художественное описаніе нынѣшнихъ южно-русскихъ степей.

Областной отдѣлъ: Странствующіе учителя и подвижныя школы въ курской губерніи—Б. Кислякова (стр. 48—57).

Въ отдѣлѣ новыя книги: Рецензія на книгу пр. Багалѣя. „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства".—Л. В. Ходскаго.

4. Областн. Отд. Ф. Щербина. Крестьянскіе бюджеты—результатъ разработки бюджетныхъ данныхъ крестьянскаго хозяйства по острогожскому у. воронежской губ. по статистическимъ свѣдѣніямъ 1885 г. (стр. 50—77) и нѣкоторыя сообщенія, взятыя изъ мѣстныхъ изданій южной Россіи въ отдѣлѣ „Изъ провинціальной печати".

12, **Пантеонъ Литературы №№ 1—5. 1888 г. 1**. Въ отдѣлѣ Современная Лѣтопись замѣтка библ. о книгахъ: „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень"—А. Потебни (стр. 20). Ив. Ем. Левицкій Галицко-русская библіографія XIX ст. съ увзгляднеіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Буковинѣ и Угорщинѣ (1801—1886) (стр. 26—27) и въ хроникѣ извѣстія о сочиненіяхъ Н. И. Костомарова „Славянская миѳологія" 1847 г., задержанной въ типографіи въ томъ же 1847 г. и „Семейныя пѣсни малорусскаго народа" не появившейся въ печати, и служащей продолженіемъ его статей, помѣщенныхъ въ Бесѣдѣ и Русской Мысли.

2. Въ томъ же отдѣлѣ С. Л. библ. замѣтки о книгахъ: Е. Р. Романова. „Бѣлорусскій Сборникъ Т. I. Губ. Могилевская Вып. 3. Сказки" (стр. 11).

13, **Русскій Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—4. С.-Петербургъ № 1**. *Г. П. Данилевскаго.* Имянины Прабабушки. Разсказъ изъ семейной старины. Бытовая картинка жизни конца XVIII в. Слободской Украины (стр. 47—67).

3. *И. А. Бычковъ. Пріобрѣтеніе Имп. Публ. Библ. Архива В. С. Попова* (въ отд. Сообщенія и извѣстія стр. 348—352) отъ его правнука изъ с. Рѣшетиловки полтав. губ. Архивъ этотъ бывшаго правителя канцеляріи кн. Потемкина и Статсъ Секретаря Импер. Екатерины II заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго неразработаннаго матеріала.

Древности Россійскаго Государства Кіевскій Софійскій Соборъ. Изд. Имп. Русск. Археологич. Общества вып. IV. Рецензія (въ отд. Новости литературы стр. 266—271), съ оцѣнкою трудовъ Проф. Прахова по возстановленію археологическихъ кіевскихъ памятниковъ.

3. 1) *Барсовъ Н.* Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова архіеп. Херсонскаго и Таврическаго. Вып. II. С.-Пб. 1888 г. 2) *Кн. Щербатовъ* Ген.-Фельдм. кн. И. Ѳ. Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Т. I. С.-Пб. 1888 г. Двѣ рецензіи въ отдѣлѣ Новости литературы (стр. 324—330).

4. *Любимовъ А. Н.* Михаилъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ). Въ главѣ 6. «Годы общественнаго броженія, предшествовавшіе польскому возстанію 1863 г.» нѣсколько словъ удѣлено и украинофильству того времени (стр. 289—295).

Каптеревъ Н. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. I. Время патріаршества Іосифа М. 1887 г. Рецензія подчеркиваетъ выводъ автора, что патріархъ Іосифъ былъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ какъ онъ первый рѣшился обратиться для книжныхъ исправленій къ грекамъ и кіевлянамъ и онъ первый встрѣтилъ сопротивленіе, а Никонъ продолжалъ борьбу. (Отд. нов. литературы ст. 384—389).

14, **Русская Старина 3—5**. *Николай Васильевичъ Гоголь.* Неизданная его статья «1834 г.» и письма къ гр. Уварову и Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ. Весьма важный матеріалъ для біографіи великаго писателя.

Къ біографіи Н. В. Гоголя Сообщ. Н. В. Быковъ.

Петръ Кононовичъ Меньковъ. Эпизодъ изъ его жизни 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ. Имѣетъ отношеніе къ извѣстной исторіи съ Н. И. Костомаровымъ.

Замѣтки ко дню XXVII годовщины 19 февр. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Редакція заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія о С. И. Зарудномъ и бывшемъ впослѣдствіи черниг. губернаторомъ кн. С. П. Голицынѣ.

4. *А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь.* Сообщ. Шенрокъ.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, основатель и первый президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Николай Ивановичъ Костамаровъ. Къ 3-й годовщинѣ дня его кончины. Сообщ. А. Ѳ. Селивановъ. Къ статьѣ приложены два письма Костомарова, имѣющіе значеніе для Харькова и пожертвованныя авторомъ статьи Харьковскому университету для основанія при немъ Костомаровскаго музея.

По поводу 900-лѣтія крещенія Руси. Письмо Д. И. Иловайскаго къ редактору Рус. Старины.

5. *Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и 1-й полов. XIX в.* Очеркъ В. И. Семевскаго.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біографич. изслѣдованіе. Очеркъ 1-й Н. А. Бѣлозерской.

Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина объ Ив. Ник. Крамскомъ.

Въ библіографическомъ листкѣ отзывы о слѣдующихъ книгахъ: Въ № 5. Письма гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмарш. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому, 1762—1779 г.г. съ портретомъ и факсимиле. Изд. гр. Д. А. Толстой. С.-Пб. 1888 —В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до нач. XVIII в. С.-Пб. 1887 г.—Евреи земледѣльцы 1807—1887 г. В. Н. Никитина С.-Пб. 1887.

15, **Русскій Архивъ 1888 г. 1—5. № 1.** Нѣмецкія письма Екатерины В. къ фонъ-Польману съ объясненіемъ и послѣсловіемъ издателя. Между этими письмами письма 29 апр., 14 марта имѣютъ непосредственное отношеніе къ ю.-р. краю. (стр. 1—16). *Мелочи* Н. К. Загряжская—изъ воспоминаній княжны Репниной.

№ 2. Путешествіе Стольника Петра Андреевича Толстого 1697, съ предисловіемъ Гр. Д. А. Толстого.

№ 4 и 5. Записная книжка гр. Павла Христофоровича Граббе 1828—1855 годы. Въ ней мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни того времени въ кіевской и полтавской губерніи.

№ 5. Встрѣча съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 г. Изъ дѣтск. воспом. кн. Н. В. Репниной.

16, **Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1888 1—4. № 1.** Критика и Библіографія: Рецензія на книгу *Н. Д. Градовского.*—«Торговыя и другія права евреевъ въ Россіи» С.-Пб. 1886 г. ч. I. (стр. 123—128).

№ 2. Крит. и Библіогр. рецензія на книгу *М. В. Шимановскаго* «Законъ о чиншевикахъ съ приведеніемъ статей, на которыя сдѣланы въ немъ указанія» Од. (стр. 112.) Систематизированный указатель къ журналу Гражд. и Уг. Права за 1887 г. (стр. 1—8).

17, **Православный Собесѣдникъ. Изданіе Казанской духовной академіи 1888. 1—4. № 1.** *Е. Будринъ:* Отношеніе разума къ откровенію по доктринѣ социніанъ (стр. 51—88.).

18, **Историческій Вѣстникъ. 3—5. 3**. 1) «Изъ семейной хроники» Павлищева (продолженіе.) 2) «Воспоминанія М. А. Кретчмера» интересны по даннымъ о бытѣ кантонистовъ на югѣ (продолженіе ихъ въ 4 и 5 №.)

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Москва и Лондонъ» —С. Б. Ищо С.-Пб. 1888; 2) «Матерьялы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго» —Н. И. Барсова в. II. С.-Пб. 1888; 3) «Руководство по исторіи и обличенію старообрядскаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ мистическихъ и раціоналистическихъ.» Въ трехъ частяхъ. Составилъ Н. Ивановскій. Казань 1887 г.

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки»: Еще къ вопросу о могилѣ іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ,» —Пушилова.

4. «Изъ семейной хроники», Павлищева.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія»: интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) Викентій Лоурео. Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ 1547, 1578 г.г. и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику римской куріи въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ Архивѣ и изданныя Ѳедоромъ Вержбовскимъ, профессоромъ Варшавскаго Университета. Варшава. 1887 г.

2) «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ.» Изданъ подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. Рисунки К. А. Гезенкампфа. Изданіе комитета грамотности. С.-Пб. 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: 1) «Девятисотлѣтіе крещенія Руси» съ изложеніемъ церемоніала торжества. 2) «Юбилей Ѳеодора Григорьевича Солнцева» —который 1843—1853 г. работалъ въ Кіевѣ надъ возстановленіемъ древнихъ фресокъ въ Софійскомъ соборѣ и Лаврѣ.

5. Бильбасова: «Шлюссельбургская нелѣпа», —интересно по новымъ даннымъ о дѣлѣ Мировича.

А. С. Трачевскій: «Пруссія въ Крымскую войну».

«Карьера Паскевича». Паскевичъ былъ сынъ полтавскаго дворянина.

Въ отдѣлѣ «критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Евреи—земледѣльцы». Историч., законодат. и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. 1807—1887. В. И. Никитина С.-Пб. 1887 г. 2) «Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ государствѣ» Цвѣтаева. Москва. 1887. 3) «Двадцатипятилѣтіе церковно-литературной дѣятельности протоіерея А. Ѳ. Хойнацкого. (7 Октября 1862 г.—1887 г.). Почаевъ. 1887г. 4.) Личность и дѣя-

тельность Симеона Полоцкаго. (По поводу сочиненія о немъ Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: «Древности Винницы».

19, **Странникъ т. I. №№ 1—4.** *Мои воспоминанія объ Иннокентіѣ.* VII—X. Палимпсестова (стр. 44—58, 266—290, 486—507). Продолженіе и и окончаніе интересныхъ воспоминаній объ архипастырѣ, оставившемъ о себѣ несомнѣнную память въ Кіевѣ и Одессѣ.

Оффиціальныя записки о дарованіи раскольникамъ правъ и свободы въ отправленіи богослуженія. Отзывъ проф. Спб. дух. акад. И. Ѳ. Нильскаго (стр. 59—97, 334—355, 524—553).

Какъ въ простотѣ люди живутъ. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. IV—XV. Прот. И. Г. Наумовича (стр. 115—135, 356—399, 554—572).

Изъ воспоминаній о недавнемъ. Устные разсказы объ архіепископѣ Смарагдѣ Крыжановскомъ (стр. 432—438).

Равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. Ив. Матченка (стр. 663—699).

Обзоръ журналовъ: Перепечатка изъ „Руков. для сельск. пастырей" обращенія къ пастырямъ по случаю 900-лѣтія крещенія Руси. Два анекдота объ одесскихъ архіереяхъ (перепеч. изъ «Сѣвера») стр. 400—407. Перепечатка изъ «Черниг. Епарх. Изв.» воззванія къ жертвователямъ для возобновленія черниг. каѳедр. собора. (стр. 419—422). Двадцатипятилѣтіе святительскаго служенія преосв. Іоанна, бывш. архіеп. полтавскаго (стр. 422—425).

Православяое Свято-Владимірское Братство въ г. Владимірѣ-Волынскомъ (стр. 619—621).

Одесское Свято-Андреевское Братство въ 1886—87 г. (стран. 621—24).

20, **Экономическій журналъ. №№ 1—3. № 1.** Городъ Харьковъ и его хозяйственная дѣятельность. Извлеченіе изъ отчета городск. управл. за 1886-й г.

2. *А. Исаевъ.* Для чего нужна земская статистика. Упоминается о статистикѣ въ черниговс., херсонской и др. губ.

А. С. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. V. Бѣлостокъ и его районъ.

21, **Восходъ 1888. №№ 1—2.** *Минскій*— «Осада Тульчина» драмма въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ—написана бѣлыми стихами. Сюжетъ заимствованъ изъ временъ Хмѣльницкаго 1648 г. по разсказу заславскаго раввина Натанъ-Нета-бенъ-Мозе, помѣщенному въ его сочиненіи, озаглавленномъ Яванъ-Мезула.

22, **Университетскія Извѣстія. 1888. Кіевъ. № 1—2.** № 1, январь. Записка о состояніи и дѣятельности императорскаго университета св. Владиміра въ 1887 г.

Отчетъ о состояніи кіевскаго центральнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губ. кіевской, подольской и волынской въ 1887 году.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго общества естествоиспытателей за 1887 г.

Лоначевскій-Петруняка. Техническій контроль по газоснабженію г. Кіева, организованный кіевскимъ городскимъ управленіемъ.

23, **Kwartalnik historyczny**—органъ историческаго львовскаго общества, издается подъ редакціей профессора Ксаверія Лиске (почти исключительно посвящено исторической библіографіи)—Львовъ, 1888. **№ 1.** Помѣщены пространныя рецензіи на слѣдующія историческія сочиненія.

Стасовъ—Славянскій и восточный орнаментъ—рецензія М. Соколовскаго.

Кондаковъ—Histoire de l'art byzantin—его-же.

Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова—его-же.

О. Огоновскій—Исторія литературы русской—І. Третяка.

Nogaj—Rozbiór krytyczny sielanek Bartłomieja Zimorowicza (критическій разборъ «Селянокъ» Б. Зиморовича)—Мазановскаго.

Nehring—Z młodych lat Bohdana Zaleskiego (воспоминанія о молодости Богдана Залескаго)—Б. Чарника.

Архивъ князей Сангушковъ—Квятковскаго.

Akta grodzkie i ziemskie, томъ XII—Бальцера.

Пташицкій—Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики—Прохаски.

Барвинскій—Русская историческая библіотека т. V и VI—А. Левицкаго.

Партицкій—Скандинавщина въ древней Руси—Цѣдицкаго.

Кіевская Старина, 1887, т. XVIII—Гоздавы.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской губерніи, т. III—его-же.

Похилевичъ—Уѣзды кіевскій и радомысльскій—его-же.

Городецкій—Памятники древняго православія въ мазовецкомъ уѣздѣ—его-же.

Петровъ—Кременецкое православное Богоявленское братства—его-же.

Пыпинъ—Бѣлорусская этнографія—его-же

Павлищевъ—Седмицы польскаго мятежа—его-же.

2. *Прохаска*—Переводъ русскаго лѣтописца на латинскій языкъ. Помѣщенъ отрывокъ перевода древнѣйшей литовско-русской лѣтописи (изданной Даниловичемъ и Поповымъ) переводъ найденъ въ книгѣ «Liber legationum», т. III, 1502 г., хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Слѣдовательно текстъ перевода древнѣе обоихъ дошедшихъ до насъ списковъ подлинника. Изданію перевода предпосланъ весьма обстоятельный комментарій и изданный текстъ сличенъ съ текстомъ Длугоша.

Лисевичъ. Новыя матеріалы для біографіи Станислава Хвальчевскаго. Это выборка данныхъ изъ русскихъ археологическихъ изданій, относящихся къ біографіи Хвальчевскаго.

Помѣщены рецензіи на слѣдующіе сочиненія:

Stecki—Radziwiłłowska Ołyka—рецензія Горчака.

Rokossowska—Przyczynek do etnografji ludu ruskiego na Wołyniu (къ этнографіи русскаго народа на Волыни)—И. Франка.

Урсинъ—Очерки изъ психологіи славянскаго племени—его же.

Заклинскій—Географія Руси, часть I—его-же.

Лучаковскій—Антонъ Любичъ Могильницкій, его жизнь и значеніе—его-же.

Андріяшевъ—Очеркъ исторіи волынской земли—И. Линниченка.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси—его-же.

Архивъ юго-западной Россіи, часть VII, т. I—И. А. М.

Кіевская Старина 1887 года, томъ XIX—Гоздавы.

Мельникъ—На Днѣстровскомъ побережьи—И. А. М.

Бобровскій—Судьба Супрасльской рукописи—его-же.

Boniecki—Poczet rodów w W. X. Litewskim (Родословная книга В. К. Литовскаго) Радзиминскаго.

Пузыревскій—Польско-русская война 1831 г.—Лисицкаго.

24, **Вѣстникъ Народного Дома. №№ 64—66. 64, 65, 66.** *О предградіи Галича за рѣкою Днѣстромъ.*

25, **Русскій Паломникъ 1888 г. №№ 1—17. № 1.** *Высокопреосв. архіеп. Θеогность, владимірскій.* Краткая біографія и портретъ владыки, бывшаго ректоромъ подольской семинаріи, викаріемъ подольской епархіи и епископомъ подольскимъ.

Святыни Кіева. Рядъ очерковъ по поводу предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. 1-й очеркъ посвященъ церкви Спаса на Берестовѣ. Къ статьѣ приложенъ и видъ храма.

Лѣтопись наукъ и искусствъ. Здѣсь рѣчь идетъ о собираемыхъ имп. академіею художествъ свѣдѣніяхъ о памятникахъ древняго зодчества посредствомъ разосланныхъ по епархіямъ метрикъ съ вопросными пунктами. По 5 октября 1887 г. было разсмотрѣно до 3000 метрикъ съ описаніемъ памятниковъ, поступившихъ изъ разныхъ епархій, въ томъ числѣ: изъ волынской—281 памятн. (съ X в.), кіевск.—157 (съ X в.), курской—90 (съ XVI в.), литовск.—33 (съ X в.). минск.—42 (съ XII в.), могилевск.—37 (съ XII в.), полтавск.—71 (съ XVII в.), таврич.—7 (съ VI, сюда не вошли пещерные храмы), харьковской—22 (съ XVII в.), холмско-варшавск.—39 (съ языч. капища, построеннаго, по преданію, въ легендарное время Щека и потомъ обращеннаго въ христіанск. храмъ), черниговск.—108 (съ XI в.).

2. *Рецензія* на книгу свящ. Н. Лопатинскаго «Поученія для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа».

3. *Почаевская икона Божіей Матери. А. Величкова.* Вкратцѣ разсказана исторія этой святыни и приложено ея изображеніе.

Василій Григоровичъ Барскій. Ѳ. Ч-на. Краткая біографія знаменитаго паломника и нѣсколько словъ объ изданіяхъ его путешествія.

7. *Преосв. Гермогенъ, еписк. псковскій.* Краткая біографія и портретъ преосвященнаго, занимавшаго въ теченіе 3 лѣтъ таврическую каѳедру и издавшаго описаніе таврическ. епархіи (Псковъ. 1887).

Святыни Кіева. Богородицкая Десятинная церковь. Къ статьѣ приложенъ видъ храма, хотя снятый, повидимому, очень давно, такъ какъ построекъ, нарисованныхъ возлѣ храма, теперь уже не существуетъ.

8. *Преосвященный Владиміръ, еписк. алеутскій,* съ портретомъ его. Преосв. Владиміръ родомъ изъ с. Великой Паськовки (Жирковки), полтавской губ. константиноград. у.

9. *Ѳ. Г. Солнцевъ и его художеств. церк.-археологич. дѣятельность.* Проф. Солнцевъ былъ въ 1843 г. командированъ въ Кіевъ для исправленія Успенскаго собора въ Лаврѣ, открылъ фрески и мозаику XI в. въ Софійскомъ соборѣ и трудился надъ возобновленіемъ ихъ до 1853 г., иллюстрировалъ изданія Кіево-Печ. Лавры, рисовалъ кіевск. виды для митр. Филарета, приготовилъ рисунки для серебряной раки и сѣни надъ нею въ церкви св. великомуч. Варвары въ кіевск. Михайл. Златоверхомъ м-рѣ, составилъ проектъ бронзовой ниши и каменнаго гроба для мощей лѣтоп. Нестора. Къ статьѣ приложенъ портретъ Ѳ. Г. Солнцева.

10 и 12. *Русскія церковныя древности.* Приведены результаты разбора г. Кибальчичемъ матеріаловъ (метрикъ) о памятникахъ древне-русскаго искусства, поступившихъ въ имп. акад. художествъ отъ епархіал. архіереевъ и и губ. стат. комитетовъ. Всѣхъ метрикъ представлено 6114, изъ нихъ 449 безъ отмѣтокъ. Приводимъ число метрикъ, внесенныхъ въ списокъ памятниковъ и не внесенныхъ, поступившихъ изъ западной и южной Россіи:

Епархіи.	Вошедшихъ въ списокъ.	Не вошедшихъ.
волынская	329	96
витебская	9	—
воронежская . . .	31	—
донская	32	91
екатеринославская .	18	61
кіевская	158	29
курская	101	500

литовская	33	—
минская	42	5
могилевская . . .	39	12
полтавская	71	5
таврическая . . .	10	—
харьковская . . .	26	4
холмско-варшавская	49	4
черниговская. . .	113	8

Въ списокъ не вошли: а) нѣсколько пещерныхъ храмовъ Крыма; б) языч. капища, обращенныя въ храмы, в) монастыри (всѣ постройки въ нихъ приняты за единицу); г) приходскія и приписныя къ нимъ церкви. Списокъ этотъ, по мнѣнію составителя, долженъ еще значительно пополниться, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ епархій получено мало матеріаловъ, а изъ нѣкоторыхъ (изъ южныхъ— подольской и херсонской) и вовсе не доставлены. Кромѣ списка памятниковъ (по епархіямъ), предполагается издать еще карту монументальныхъ художественныхъ памятниковъ Россіи съ первыхъ вѣковъ христіанства по 1764 г. (годъ учрежденія акад. худож.). Въ списки вносятся: годъ основанія памятника, имя мастера и всѣ предметы, относящіеся къ искусству даннаго района.

12. *Русская церковная лѣтопись.* Извѣстія о реставраціи церквей: Трехсвятительской въ Кіевѣ, Успенской въ Переяславлѣ и каѳедральнаго собора въ Черниговѣ.

13. *Русская церковная лѣтопись*. Извѣстія: о предполагаемой постройкѣ въ Каменецъ-Подольскѣ церкви св. Александра Нев. въ память 100-лѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи въ 1893 г., о присоединеніи къ православію уніатовъ въ холмско-варш. епарх. и чеховъ въ волынской, о рефератѣ проф. Соболевскаго въ общ. Нестора-Лѣтописца о годѣ крещенія Руси.

14. *Святыни кіевскаго края.* I. Кирилловское урочище.

17. Святыни кіевск края. II. Межигорскій монастырь.

26. **Зоря** (письмо литературно-наукове, Львовъ), **№№ 1—9**. *Исторія литературы рускои.* Написавъ Омелянъ *Огоновскій.* Періодъ новый III Амвросій *Метлинскій* (№ 1).—IV. Тарасъ *Шевченко* (№№ 2—5).—Продолженіе обширнаго труда, который печатался въ прошломъ году и о началѣ котораго было извѣстіе въ „Кіевской Старинѣ“ (1877, № 2, стр. 345—349). Настоящія главы, посвященныя А. Л. Метлинскому и Т. Г. Шевченко (послѣдняя еще не окончена), заключаютъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о жизни авторовъ и оцѣнку ихъ литературной дѣятельности.

Олена Пчѣлка, Біографична замѣтка (№№ 1 и 3). Краткая автобіографія г-жи Ольги Косачъ, пишущей подъ псевдонимомъ Олены Пчилки (псевдонимъ этотъ раскрывается въ настоящей автобіографія).

Де лѣпше? Економични ескизы, написавъ Семенъ *Жукъ* (№№ 3 и 4). Сравнительный очеркъ экономическаго благосостоянiя народа въ Галицiи и Украинѣ.

Въ библiографическомъ отдѣлѣ журнала *рецензiи* слѣдующихъ книгъ: 1) *Kleinrussische Volkslieder*. Metrisch übersetzt von Ludwig Adolf Staufe-Simiginowicz». Leipzig, 1888 (№ 1).—2) *Про руско-українські народні читальні*, зложивъ М. Павликъ. Науково-библiотекi, кн. II—III (№ 1).—3) *Руска исторична библiотека*, пôдъ ред. Ол. Барвѣньского, т. IX: Богданъ Хмельницкiй, Мик. Костомарова (№ 4).

Въ указанныхъ номерахъ «Зори» (1--9) помѣщенъ переводъ на малорусскiй языкъ (еще не оконченный) повѣсти И. Левицкаго: «*Старосвѣтскiе батюшки и матушки*», печатавшейся по русски въ «Кiевской Старинѣ» 1884 г.

6. Замѣтка М. Зубрицкаго о старанiи Мих. Максимовича убѣдить Дениса Зубрицкаго писать по южно-русски и о симпатiяхъ Максимовича къ галицкому письменству.

7. Замѣтка О. Я. Конисскаго объ Анатолiѣ Свидницкомъ.—Небольшая замѣтка о библiографiи Е. Левицкаго.

8. Огоновскiй въ своихъ очеркахъ новой малорусской литературы переходитъ отъ Шевченка къ Петренку.

Цурковскiй. Къ бiографiи Федьковича.

9. *Огоновскаго* Ол. Чужбинскiй и Як. Щеголевъ.

27, **«Недѣля» № 7**. «Научныя работы на земскiя средства»—изъ дѣятельности херсонскаго земства.

9. «Столѣтняя параллель» (по поводу выхода XV т. Матерьяловъ для оцѣнки земельныхъ угодiй черниговской губернiи). Тутъ же въ «Недѣльныхъ замѣткахъ»—о образованiи «Свято-Владимiрскаго братства во Владимiрѣ-Волынскомъ».

12. «Великое передвиженiе русскихъ людей»—затрогивается весьма интересный и для насъ вопросъ переселенческiй.

14. «Фальшивая статистика»—по поводу неточностей земскихъ отчетовъ о больницахъ и школахъ.

17. «Запущенный городъ»—письмо изъ Харькова.

«Книжки Недѣли». Мартъ.—«Лихiе подарки»—разсказъ Руновой. Сюжетъ взятъ изъ южно-русскаго быта.

Май.—«Умершее сословiе»,—«изъ юношескихъ воспоминанiй» Лѣскова. Очеркъ имѣетъ мѣстный кiевскiй интересъ по нѣкоторымъ даннымъ о губернаторѣ Фундуклеѣ и др.

28, **Сѣверъ**. Спб. 1888 г. **№ 1—18. № 2**. И. Н. Крамской съ портретомъ (стр. 15—17). Краткая біографія талантливаго живописца, уроженца г. Острогожска, ворон. губ.

3. Титяна, рисунокъ Рѣпина (стр. 13—15).

Масловъ: Изъ разсказовъ старыхъ людей: а) Архипастырское правосудіе, б) Добрый архипастырь,—относятся къ быту южно-русскаго духовенства 1830—50 годовъ (№ 1).

Шалости военныхъ—изъ быта культурныхъ слоевъ той же мѣстности и тѣхъ же годовъ (№ 16).

№ 10. *Надъ бездною.* Этюдъ Вячеслава Потапенко изъ жизни украинскаго села.

14. Тарасъ Бульба оригин. рисун. Р. Ф. Шейна (стр. 5 и 15).

17. В. М. Гаршинъ. Краткій біографическій очеркъ съ портретомъ. (Стр. 16).

29, **Нива**. Спб. 1888 г. **№ 1—16. 1**. Иллюстрація «Домой съ базара» лѣпная работа П. А. Сомонова съ фотогр. грав. Г. Флюгеля (стр. 13 и 20).

4. Иллюстрація «Село Павловка на Днѣпрѣ въ кіев. губ.». Акварель К. Крыжицкаго грав. М. Рашевскій (стр. 100 и 109).

11. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ рис. Гюбнера (стр. 285, 290).

15. Портретъ Гаршина съ его некрологомъ (стр. 394, 396).

16. Церковь въ м. Великой Бураткѣ (полтав. губ.) и могила Княжевича съ фотографіи гр. Рашевскій (стр. 416).

30, **Русское Судоходство № 1—15. № 4**. *Предстоящія работы на рѣкахъ кіевскаго округа.* Въ этой замѣткѣ приводится смѣта расходовъ по исправленію русла рѣкъ Припяти, Днѣпра, Сожа и Десны.

6. *Каналъ отъ Херсона.* Доказывается выгода отъ соединенія каналомъ Херсона съ Джарылгацкимъ заливомъ (на протяженіи около 50 верстъ). Приложенъ чертежъ проэктируемаго авторомъ канала.

Въ статьѣ «Наше судоходство» приводится цѣлый рядъ свѣдѣній изъ мѣстныхъ (кіевскихъ) газетъ, касающихся исторіи урегулированія Днѣпра главнымъ образомъ у Кіева, а также очеркъ судоходства по Днѣстру.

7. *Отъ Ялты до Одессы.* Путевой очеркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткое описаніе и характеристика рейсовыхъ линій по Черному морю.

9. *Добровольный флотъ и Русское общество пароходства и торговли передъ государствомъ М. И. Кази.* Статья эта занимаетъ весь № (70 страницъ). Въ концѣ приложены подробныя таблицы приходовъ и расходовъ по всѣмъ предположеннымъ линіямъ сообщеній добровольнаго флота.

10 *По поводу декабрьской бури въ Азовскомъ морѣ* (бывш. 19 декабря 1887 г.) Гидрографическое изслѣдованіе, основанное на соч. П. Е.

Бѣлявскаго „Донскія гирлы“ и „Что такое Таганрогскій портъ?“ Приводится также извѣстіе о сильной бурѣ, разразившейся въ 1698 г. надъ таганрогскимъ портомъ.

11. *Русское судоходство.* Рядъ извѣстій, касающихся географическаго гигрографическаго и статистическаго описанія портовъ: Николаева, Севастополя, Ялты, Поти, Новороссійска, Батума и торговаго ихъ значенія.

30, **Głos (Голосъ). № 10 и 11**. *Ѳ. Рыльскій* «Изъ исторіи Коліивщины» записки современника Ромуальда Рыльскаго о бѣгствѣ его изъ Умани въ 1768 году (переводъ былъ помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1887 годъ кн. I) Съ предисловіемъ объ историческомъ значеніи этого народнаго движенія.

10. *Адамъ Новицкій.* Рецензія на сочиненіе «Ганка, повѣсть подольская И. С. Вержбицкаго». Г. Вержбицкій издалъ стихотворную повѣсть подъ вышеизложеннымъ заглавіемъ. По словамъ рецензента сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ современнаго быта подольскихъ крестьянъ и отличается совершенно реальнымъ воспроизведеніемъ крестьянской жизни. Рецензентъ при этомъ сообщаетъ весьма мѣткія замѣчанія о развитіи и постепенной перемѣнѣ направленій такъ называемой «украинской» школы въ польской литературѣ.

11. Р. Р. Рецензія на сборникъ «Степъ», вышедшій въ Херсонѣ — очень сочувственный отзывъ о разсказахъ Д. Марковича.

12. *Иванъ Франко.* „Очерки изъ исторія русской литературы въ Галиціи“ (продолженіе). Оживляющее вліяніе на Галицію возрожденія и новыхъ направленій въ другихъ славянскихъ литературахъ (Дубровскій, Копитаръ, Ганка, Шафарикъ и т. д). Вліяніе новой школы польской литературы (Бродзинскій). Первыя собранія народныхъ южно-русскихъ сборниковъ: Поль (отецъ) и Вацлавъ изъ Олеска (Залевскій). Отголоски харьковскаго литературнаго движенія: Котляревскій, Гоголь (отецъ). Появленіе сборника стихотвореній Падурры. Сочиненія Котляревскаго и Падурры распространяются въ Галиціи въ рукописныхъ копіяхъ. Образованіе среди молодежи литературныхъ кружковъ польскихъ и русскихъ.

№ 18. *Р. Р.* Рецензія драмы Карпенка-Карого «Наймычка». Рецензентъ упрекаетъ автора въ излишней сентиментальности, по его мнѣнію, характеры дѣйствующихъ лицъ неестественны и напоминаютъ ошибъ идиллическихъ писателей французской литературы XVIII ст. Въ драмѣ интересъ дѣйствія раздвоенъ и одинъ сюжетъ слабо связанъ съ другимъ. Замѣчается несамостоятельность творчества и заимствованіе характеровъ и положеній у Шевченка.

31, **Kraj 1888. № 8.** *Обертинъ*—Корреспонденція изъ Черневца— Краткое обозрѣніе состава народонаселенія въ Буковинѣ.

Въ литературномъ прибавленіи къ № 8. (Przegląd literacki Kraju). *Янъ Иловскій* „Экскурсія въ степь“. Это путевые замѣтки изъ путешествія по кіевской губерніи, въ которыхъ обращено по преимуществу вниманіе на предметы древности, коллекціи археологическія и нумизматическія и библіотеки.

33, **Церковный Вѣстникъ. 1886. №№ 1—20. № 1.** *Положеніе религіозныхъ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ.* Указывается, какъ на отрадный фактъ, на ослабленіе распространенія штунды. Переходя затѣмъ къ фактамъ рѣзко характеризующимъ постоянный антагонизмъ между католическимъ и православнымъ духовенствомъ въ юго-зап. краѣ, авторъ въ то же время приводитъ примѣры, показывающіе, что не всѣ католическіе ксендзы питаютъ традиціонную вражду къ русскому духовенству и что между ними попадаются люди, которые за свою толерантность подвергаются даже гоненію со стороны представителей высшаго катол. духовенства. Далѣе авторъ говоритъ о затруднительномъ положеніи чеховъ-колонистовъ, желающихъ принять православіе, но не могущихъ при богослуженіи употреблять церковно-славянскій языкъ по причинѣ отъ непониманія его.

Святитель Тихонъ Задонскій. Разсказъ объ его житіи и прославленіи. Сост. протоіерей П. Троицкій. Кіевъ 1887. Библіографическая замѣтка.

Корреспонденціи: Изъ ставропольской епархіи. (Объ епархіальномъ съѣздѣ духовенства). Изъ полтавской епархіи. (По поводу увольненія преосвящ. Іоанна).

3. Въ обозрѣніи духовныхъ журналовъ изложено содержаніе статьи г. Малышевскаго „Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ“, помѣщ. въ Тр. Кіев. дух. Ак.

4. Корреспонденція изъ Владиміра-Волынскаго *о новомъ православномъ братствѣ на Волыни.*

Замѣтка о томъ, что с.-петербургское славянское благотворительное общество въ память 900-лѣтія крещенія Руси издаетъ въ сотняхъ тысячъ экз. житіе св. равноапостольнаго кн. Владиміра, составленное пр. Малышевскимъ.

6. Обращаетъ на себя вниманіе статья: *Что способствуетъ подрыву и упадку религіозно-нравственныхъ началъ въ южно-русскомъ народѣ?*

Черниговскій каѳедральный соборъ церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской. Историческая замѣтка.

8. *О штундистахъ и ихъ молитвенныхъ домахъ.* (Корреспонденція изъ Кіева). Очеркъ состоянія штунды въ Кіевѣ и характеристика ея выдающихся дѣятелей: Андреева, Образцова и Сибрина. Мѣры мѣстнаго духовенства и администраціи въ борьбѣ со штундой.

12. Краткое извѣстіе о смерти бывшаго редактора „Кіевской Старины“ Ѳ. Г. Лебединцева.

14. Церковное пѣніе въ народныхъ училищахъ юго западнаго края. Положеніе православія въ нѣкоторыхъ деревняхъ радомысльскаго уѣзда. (Ссылки по этимъ вопросамъ на статьи въ „Гражд.").

16. *Святыни и древности холмскаго края. Составилъ М. П. Г. Съ 21-мъ рисункомъ. Спб. 1888 г.* Библіографическая замѣтка.

18. О духовно-просвѣтительной дѣятельности военнаго духовенства. (Корреспонденція изъ Дубно, волын. губ.).

19. Причины успѣха сектантской пропаганды на югѣ Россіи. (Изложеніе мнѣній по этому вопросу нѣкоторыхъ епархіальныхъ и свѣтскихъ органовъ).

34, **Кіевлянинъ №№ 92—105. 93**. *Состояніе церковно-приходскихъ школъ въ юго западномъ краѣ.*

97. *Некрологъ ген.-ад. графа Ад. Ад. Ржевусскаго*, уроженца кіевской губ.

100. *Некрологъ Н. И. Зибера*, уроженца таврич. губ., бывшаго доцента универс. св. Владиміра по каѳедрѣ политической экономіи.

101. *Интересная археологич. находка.* О вислой свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ и принесенной въ даръ кіев. церковно-археол. музею.

102. *Библіографическая замѣтка.* По поводу соч. Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-русская библіографія XIX ст.".

104. *Изъ раскопокъ въ Аккерманѣ.* О присылкѣ г. Чеменою въ кіев. церк.-археологич. музей глиняной небольшой урны, высотою фута въ 2, глиняной ручки отъ амфоры, съ клеймомъ мастера, нѣсколькихъ бронзовыхъ тессаръ (монета), бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и маленькаго глинянаго свѣтильника.

105. *Мозаики и фрески кіев. Софійскаго собора.* Разсказывается исторія снимковъ въ изданіи имп. русск. археол. общества „Кіево-Софійскій соборъ" и о предположеніи возстановить одну изъ фресокъ, обезображенную при реставраціи ея.

Рядъ замѣтокъ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

35, **Кіевское Слово №№ 376—391. 376**. *Къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси.* Краткая исторія г. Василькова—древняго Васильева.

378. *Золотыя ворота. А—ва.* Краткая исторія Золотыхъ воротъ.

379—380. *Волостное безправіе.* Н. К—аго.

382. Замѣтка о неудачной реставраціи одной изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора.

383. Замѣтка о горѣ Щекавицѣ и Щекавицкомъ кладбищѣ.

Борзенскій уѣздъ (корреспонденція). Рецензія на „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій по кролевецкому уѣзду".

386. *Церковно-археологическая замѣтка. І. Августина.*

О началѣ празднованія въ Кіевѣ дня перенесенія мощей св. Николая Мирликійскаго.

387. *Литературная хроника.* Перепечатанъ изъ разсказа Н. С. Лѣскова, „Умершее сословіе" (майская книжка „Недѣли") анекдотъ о бывшемъ кіевскомъ губернаторѣ И. И. Фундуклеѣ и кн. П. И. Трубецкомъ.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ №№ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

36, **Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 1—14. 5.** Сообщеніе духовнаго собора Кіево-Печерской Успенской лавры 27 янв. 1888 г. № 609 въ редакцію Кіев. Еп. Вѣд. для напечатанія письма унтеръ-офицера Ломака объ исцѣленіи его малолѣтней дочери, совершившемся въ Кіево-Печ. лаврѣ (стр. 75—79).

8. Предложеніе Его Высокопреосвященства о сборѣ пожертвованій на устройство Кіево-Межигорскаго монастыря и предполагаемыхъ при немъ учрежденій (стр. 117—119).

9—10. Опредѣленіе святѣйшаго сунода отъ 17 фев. 1888 г. № 375 о празднованіи 900-лѣтія крещенія русскаго народа (стр. 137—141).

37, Волынь №№ 37—54. 51, 53, 54. *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

52. Краткій *некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.*

54. Краткій *некрологъ Н. И. Зибера.*

38, **Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13. 14. 13. 14**. Историкостатистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи: ровенскій уѣздъ: с. Колоденка, с. Кустинъ, с. Коптевичи, с. Милостовъ, с. Новый-Жуковъ, с. Ново-селки, с. Оржевъ, с. Омеляна, с. Пересопница (стр. 491—507). Предметный указатель содержанія неоф. ч. Вол. Епарх. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 127—134).

39, **Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 17—19. 17. 18.** Отчетъ священника Іоанна Мироновича по осмотру херсонскаго свѣчнаго завода оконч. (стр. 251—256).

19. О св. антиминсахъ конца XVII, XVIII и начала XIX столѣтій, представленныхъ изъ разныхъ церквей подольской епархіи и хранящихся при крестовой архіерейской церкви (стр. 423—434). Высокопреосвященный Платонъ митрополитъ кіевск. (стр. 434. 443). Поминки или „проводы" (переп. изъ „Кіевл.").

40, **Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 8. 9. № 8.** Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной консисторіи. Прод. (стр. 331—372).

8. Библіографія «Поученія для сельскаго возсоединенаго отъ уніи народа» Лопатинскаго К. 1887 г. (Перепеч. изъ «Рус. Палом»).

41, **Черниговскія Губернскія Вѣдомости** 1888 г. **№ 33—39. № 33.** Къ исторіи края: «Чорна могила» преданіе о курганѣ, находящемся въ Черниговѣ. Іосифа Ж—аго.

36. Некрологъ члена стародубскаго окруж. суд. Ив. И. Надпорожскаго, заслужившаго своею почтенною дѣятельностью общее уваженіе.

42, **Харьковскія Губ. Вѣд. №№ 87—124. № 92.** Извлеченіе изъ печат. стенограф. отчета о засѣданіи спб. собранія сельскихъ хозяевъ; сообщеніе г. Бильдерлинга о харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ.

98. Сообщеніе въ мѣстной хроникѣ о состоявшемся 9-го апрѣля засѣданіи историко-филологическаго общества, гдѣ членомъ его, учителемъ исторіи Н. Н. Бакаемъ, былъ прочитанъ рефератъ „о колонизаціи Сѣверщины и Полтавщины въ 15 и 16 вв.“, представляющій введеніе къ его работѣ о колонизаціи этихъ мѣстъ въ 17 и 18 вв. Указавъ на незначительность историческихъ данныхъ для взятаго имъ періода, референтъ на основаніи имѣющихся скудныхъ свидѣтельствъ исторіи набросалъ вѣрную картину служилой, монастырской и уходнической колонизаціи лѣвобережной Украины, доведши свой трудъ до начала 17 в. Послѣ сдѣланныхъ нѣсколькихъ поясненій по поводу реферата со стороны Д. И. Багалѣя и Н. О. Куплевасскаго, члены общества приступили къ обсужденію вопроса объ изданіи «Сборника историко-филологическаго общества» и малорос. пѣсенъ и сказокъ Манжуры; но не пришли ни къ какому заключенію за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о расходахъ за печатаніе предполагаемыхъ изданій. Затѣмъ обществомъ были утверждены нѣкоторые мелкіе расходы, касающіеся архива малороссійской коллегіи, состоящаго при историко-филологическомъ обществѣ.

99. Корреспонденція изъ Чугуева о скончавшемся бывшемъ тамъ соборнымъ діакономъ Улановѣ 90 л., отличавшемся въ свое время необыкновеннымъ голосомъ, за который не разъ былъ награжденъ императоромъ Николаемъ I.

104. О памятникѣ В. Н. Каразину. Н. К.

106. О защитѣ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ харьк. унив. М. Е. Халанскимъ магистерской диссертаціи «Великорусскія былины кіевскаго, цикла».

109. Народныя празднества и обычаи въ Свѣтлую недѣлю. «Красное яичко».

112. Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ труда г. Эварницкаго «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

115. Садовые параллели.—Н. Ф. Сумцова.

116. Библіографическая замѣтка Н. К. К. о вышедшей книгѣ «Харьковскій сборникъ», литературное и научное приложеніе къ харьков. календарю на 1888 г., очень цѣнному сборнику, о которомъ мы дадимъ особый отчетъ.

117—20. Некрологъ б. директора 1 харьков. гимназіи Поликарпа Васильевича Тихоновича.

118. «Недѣля Ѳомина» этнографическая замѣтка.

119. «Врачебный калейдоскопъ»; подъ этимъ заглавіемъ помѣщена библіограф. замѣтка о вышедшей въ 1887 г. въ г. Полтавѣ книгѣ «Изъ записокъ Д. А.», въ которой излагаются профессіональныя наблюденія врача, занятаго практикою ежедневно не менѣе 12 часовъ.

124. Чествованіе 50-лѣтней дѣятельности Н. И. Морера, посвященной преимущественно южной Россіи.

43, **Южный Край №№ 2511—2534. № 2520**. *Корреспонденція изъ Полтавы* о раскопкахъ въ открытыхъ тамъ подземныхъ галлереяхъ. Найдено много серебряныхъ и золотыхъ монетъ, шлемъ и кольчуга, желѣзная наковальня и тяжеловѣсный молотъ.

Корреспонденція изъ Василькова. Въ нѣсколькихъ словахъ излагается исторія города.

2525. *Торгово-промышленная жизнь г. Харькова сто лѣтъ тому назадъ*. Очеркъ этотъ составленъ по сочиненіямъ: «Топографическое описаніе харьковск. намѣстничества съ историч. предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ. М. 1878 г.» и Д. И. Багалѣя «Краткій историч. очеркъ торговли въ харьковск. краѣ въ XVII и XVIII ст.» въ «Харьк. сборникѣ».

2526. О празднованіи 600-лѣтняго юбилея Успенскаго свѣнскаго монастыря (въ 3 в. отъ Брянска), основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ. Перепечатка изъ «Рус. Курьера».

2528—30. О диспутѣ г. Гурова, защищавшаго въ харьк. унив. диссертацію «Геологическое описаніе полтавской губ.».

2533. Корреспонденція изъ Кіева о принесенной въ даръ кіев. церк.-археол. музею «вислой» свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ.

44, **Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости** 1888. **№№ 33—36. № 32**. Библіографическая замѣтка о книгахъ— «Воспоминанія декабриста А. С. Гангеблова», уроженца екатериносл. губ. и Бораковскаго «Сборникъ драмат. произвед. на малор. языкѣ».

33. Такая же замѣтка о кн. «Очеркъ коммерческой географіи и хозяйств. статистики Россіи сравнительно съ другими государствами»—Д. Морева.

35. Нѣсколько словъ о задолженности частныхъ владѣльческихъ хозяйствъ—М. Б—въ.

35. Къ исторіи Запорожья (грамота тур. султана къ запорожскимъ козакамъ съ отвѣтомъ отъ запорожцевъ. Титулъ султана) Я. Новицкаго.

36. Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова: городъ Подрядчикъ.

45, **Крымъ 18, 25, 19, 21, 24, 25.** ***Какъ мы защищались.*** (Народно-бытовой очеркъ)

20. *Корреспонденція изъ с. Веселаго*, мелитопольскаго уѣзда о вырытомъ кладѣ въ 3½ фунта турецкой мелкой серебряной монеты; есть монеты 176 года магомет. эры.

22. *Экскурсія симферопольской мужской гимназіи.*

Народные благодѣтели. Очеркъ изъ народнаго быта.

23. *Библіографическая замѣтка* о книгѣ Д. И. Эварницкаго «Запорожье».

25. *Экскурсія къ пещернымъ городамъ Крыма.* К. Д—на.

46, **«Донъ» № 45—47.** № 46 47. Веселовскій «Колыбель рус. флота» продолженіе).

47, **«Донская Рѣчь» № 46—52.** № 50, 51, 52. «Къ вопросу объ открытіи на Дону ученой архивной коммиссіи».

48, **«Орловскій Вѣстникъ» № 52—59.** № 52. «600-лѣтній юбилей брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря», замѣтка интересна для насъ, ибо Брянскъ вначалѣ былъ удѣльнымъ городомъ черниговo-сѣверской области, а потомъ въ концѣ XIII в. главнымъ ея городомъ. Монастырь основанъ послѣднимъ выдающимся ея княземъ Романомъ Михайловичемъ.

59 и **60.** «600-лѣтіе основанія брянскаго Свѣнскаго монастыря». (1288—1888 гг.). Описаніе (интересное) самаго монастыря и исторія его возникновенія.

49, **«Смоленскій Вѣстникъ» 41—55.** № 51. Замѣтка по поводу 600-лѣтняго юбилея брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря, основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ.

52. *Географическая номенклатура смоленской губерніи.*

50, **«Червоная Русь» № 24—50.** № 24. *О картѣ Австріи и Галичины*, изд. обществомъ Качковскаго.

О старинномъ иконостасѣ въ Свистельникахъ, около Рогатина въ Галиціи.

25, **26** и **27.** *Вопросъ церковныхъ пѣвцевъ.* Объ организаціи церковнаго пѣнія въ Галиціи.

26. *Изъ Угорской Руси.* О мадьяризаціи русской церкви въ Угорщинѣ.

28. *Caveant consules!* Статья по поводу проекта проф. Черновицкаго универс. Смаль-Стоцкаго и Гартнера объ оффиціальномъ введеніи фонетическаго правописанія («кулишовки») въ народныхъ и среднихъ школахъ Галичины и Буковины.

Библіографія. Краткія рецензіи на брошюры Я. Ѳ. Головацкаго: «Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьи» и «Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина».

29. *Москалефильство 100 лѣтъ тому назадъ.—А. Е.* Приведенъ рескриптъ Іосифа II о введеніи въ Буковинѣ метрикъ.

30. *Юбилей крещенія Руси.* Передовая статья о необходимости праздновать юбилей и въ Австріи.

Библіографія. Краткія рецензіи на книги: «Галицко-русская библіографія за 1887 г. составилъ Иванъ Эм. Левицкій», II и III вып. «Русской библіотеки», содержащія 1 ч. «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и «Княжна Галя», изд. общ. Качковскаго.

Некрологъ Мих. Банаха, писавшаго по сел. хозяйству въ изд. общ. Качковскаго.

30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и **37**. *О лингвистично-историческихъ разсужденіяхъ А. С. Петрушевича,* докладъ Вас. Залозецкаго.

34. *Въ которомъ году состоялось крещеніе Руси?* Изложеніе реферата проф. А. И. Соболевскаго въ истор. общ. Нестора-Лѣтописца.

38. *Земля въ Галичинѣ.* Извлеченіе изъ «Статистичныхъ извѣстій о краевыхъ отношеніяхъ».

39. *Некрологъ д-ра Эмилія Чирнянскаго,* проф. химіи въ краков. университетѣ, русина по происхожденію и греко-уніата по вѣроисповѣданію.

40, 41, 45 и **48.** *Звониміра. Картина изъ нашего языческаго быта. Написалъ Вас. Залозецкій.* Дѣйствіе происходитъ въ III в. по Р. Х. на берегахъ р. Черемоша.

42. *Библіографія.* Объ «Исторіи литературы русской» Эм. Огоновскаго.

43. *Смаль-Стоцкій.* Полемическая статья по поводу проекта о введеніи фонетическаго правописанія въ школахъ.

Библіографія. Рецензія на IV вып. «Галицко-русской библіографіи XIX ст.» Ив. Эм. Левицкаго.

47 и **48.** *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

51, **«Кубанскія областныя вѣдомости». 1888. № 1—16.** *Фелицынъ* «Статистическія свѣдѣнія о бывшемъ Черноморскомъ войскѣ». Сравнительное статистическое описаніе за 1821 и 1887 года 49-ти станицъ, лежащихъ въ ейскомъ, екатеринодарскомъ и кавказскомъ уѣздахъ кубанской области (продолж. впереди).

52, **«Сибирскій Вѣстникъ» № 1—45.** № 30, 38, 41, 45. *На новыхъ мѣстахъ.* Крестьянина-старожила. Очеркъ жизни переселенцевъ. Рѣчь идетъ, между прочимъ, и о переселенцахъ изъ южной Россіи.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Волынь. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1888.

Галаганъ I. Къ торжеству открытія въ Одессѣ училища для слѣпыхъ мальчиковъ. Одесса 1888 г., 8 д., 18 стр.

Г. М. Н. Святыни и древности Холмскаго края. Спб. 1888 г., 8 д., 68 стр.

236-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 3 февр. 1888 г. Одесса 1888 г., 8 д., 8 стр.

Дмитренко. Кумъ-мирошникъ, або сатана у бочци. Украинська шутка-водевиль въ 1-й діи. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Замысловскій Е. Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Өеодора Алексѣевича. Спб. 1888 г., 8 д., 90 стр.

Квачевскій А. Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, съ объясненіемъ статей положенія по ихъ основаніямъ, судебнымъ рѣшеніямъ и дополненіямъ другими законами. Варшава 1888 г., 8 д., 203 стр.

Кондаковъ Н. П. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4 табл. Спб. 1888 г., 8 д., 20 стр.

Малышевскій. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Спб., 4 д.

Маценко В. А. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи, въ 2-хъ частяхъ съ картой уѣзда и съ планомъ города. Ромны 1888 г., 8 д., 238 стр.

Носороговъ В. Харьковскій календарь-альманахъ на 1888 г. Харьковъ 1888 г., 8 д., 151+13 стр. не нум.

Носъ Ст. Д. (врачъ). У всякаго народа своя природа (путешествіе къ родному пепелищу). Черн. 1888. 31 стр.

Описаніе Кіево-Печерской Лавры. 3-е изд. Москва. 1888. 16 д., 60 стр.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго медицинскаго общества за 1888 г., Харьковъ. 1888 г., 8 д., 77 стр.

П. А. Дѣтскій театръ. Гетманъ Мазепа. Москва. 1888 г., 32 д., 8 стр.

По поводу приближенія 1000-лѣтней годовщины успенія святѣйшаго патріарха Фотія. Кіевъ. 1888.

Процессъ о Вишневецкомъ имѣніи по иску графа Плятеръ противъ Толли. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 78 стр.

Рисунокъ: изображеніе Божіей Матери Козельщанской. Одесса.

Русская правда. Текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ А. Б. Гинцбургомъ. Спб. 1888 г., 8 д., 48 стр.

Соболевскій. А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 216 стр.

Соколовъ А. Зиновій-Богданъ Хмельницкій освободитель Малороссіи. Истор. романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1888 г., 8 д., 393 стр.

Токмаковъ И. Историко-статистич. описаніе города Мглина, черн. губ., въ связи съ церковно-археологич. обзоромъ священныхъ достопримѣчательностей этого края со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историч. очерка мѣстечка Почепа. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 119 стр.+1 карт.

Харьковскій Сборникъ подъ ред. чл. секр. В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г., вып. 2.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królestwa Polskego i innych krajów slowiańskich. Wedlug planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 99. T. IX. Варшава. 1888 г., 4 д., съ 161—240.

Эварницкій Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 т. Спб. 1888.

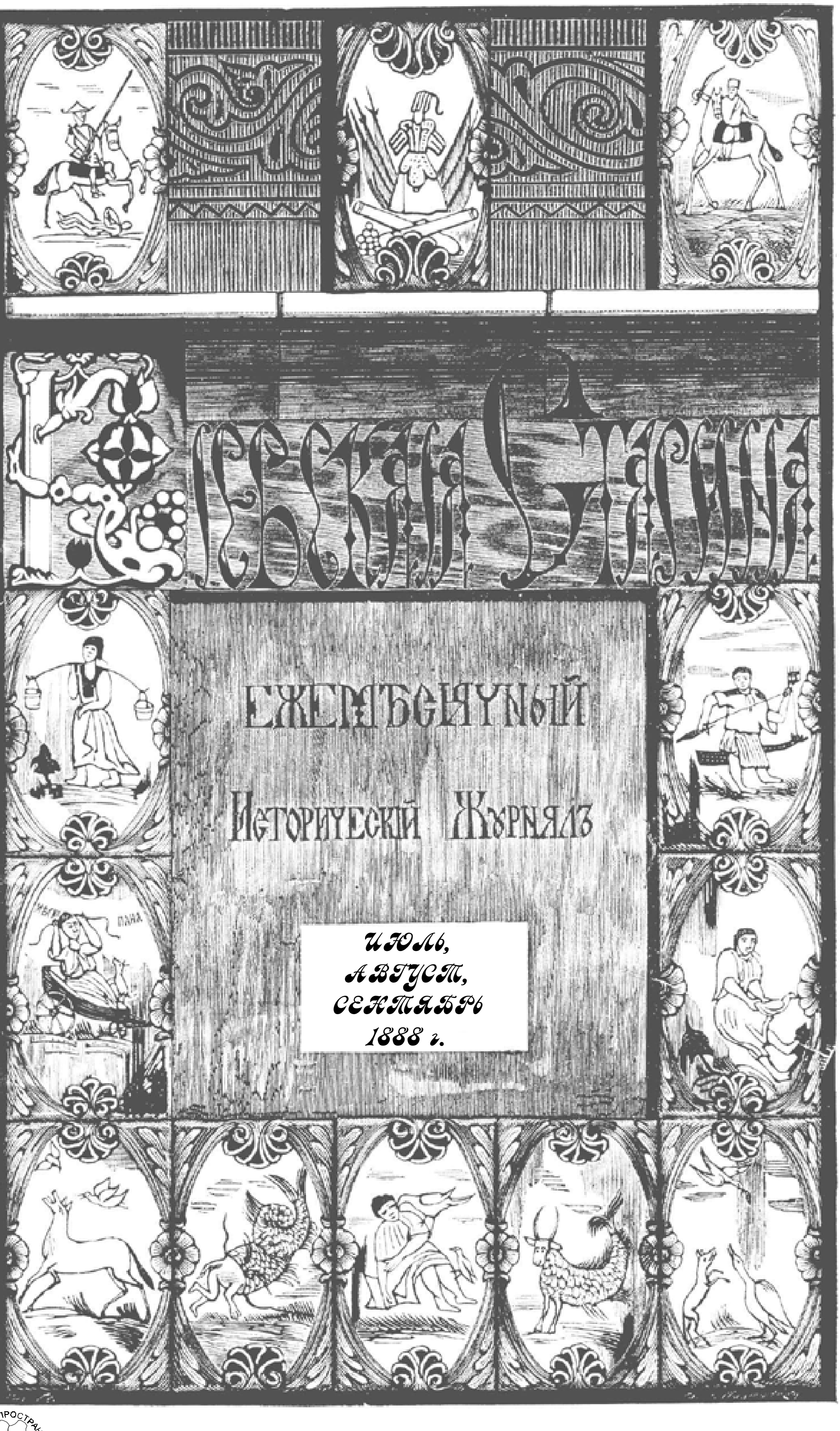
Въ ст. А. В. Романовичъ-Славатинскаго на стр. 245 въ строкѣ 14 сверху вм. „Андреевичъ“ слѣдуетъ читать „Алексѣевичъ“, а въ строкѣ 15 вм. „Андрея“ — „Алексѣя“.

Въ номер. стр. напечатано: 235, 236, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258.

Слѣдуетъ читать: стр. 409, 410, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1888 г.



Кіевъ   Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXII. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ XXII.

ІЮЛЬ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Іюня 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXII. Іюль, Августъ и Сентябрь 1888 г.

Желая выразить участіе свое въ кіевскомъ торжествѣ, соединяющемъ имена двухъ великихъ дѣятелей русской земли,

ВЛАДИМІРА СВЯТАГО

и

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО,

редакція „Кіевской Старины“ посвящаетъ іюльскую книгу журнала памяти равноапостольнаго князя и знаменитаго гетмана малороссійскаго.

ТИП. Г. Т. КОРЧАКЪ-НОВИЦКАГО. С Ъ АКВАРЕЛИ ХУДОЖНИКА В. М. ВАСНЕЦОВА.

Св. равноапостольный великій князь Владиміръ.

СВЯТЫЙ ВЛАДИМІРЪ,

благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій.

(*Лѣтописное сказаніе*).

Просвѣтитель земли русской, св. и равноапостольный Владиміръ былъ сынъ кіевскаго князя Святослава Игоревича и внукъ св. княгини Ольги, супруги кіевскаго князя Игоря Рюриковича. Матерью его была *Милуша*, родомъ изъ г. Любеча (нынѣ мѣстечко черниговской губерніи), дочь Малка, племянница Добрыни, одного изъ бояръ Святослава. Въ то время, когда родился Владиміръ, страна русская пребывала въ идольской прелести, не зная истиннаго Бога и Сына Его Іисуса Христа. Таковыми, невѣдущими истиннаго Бога были родители св. Владиміра и всѣ жители кіевской области. Богами у нихъ были идолы или истуканы, сдѣланные изъ дерева, серебра и золота; имъ воздавали предки наши божескую честь, имъ покланялись, имъ молились и приносили жертвы. Первымъ и главнымъ богомъ былъ у нихъ *Перунъ*, богъ грома и молніи, идолъ котораго, въ видѣ человѣка съ серебряною головою и золотыми усами, стоялъ въ Кіевѣ, на горѣ, надъ Боричевымъ взвозомъ, гдѣ теперь церковь св. Василія, иначе называемая Трехсвятительскою. Вторымъ богомъ былъ *Велесъ*, скотій богъ, котораго истуканъ стоялъ въ концѣ Кіево—Подола, на оболоньѣ Днѣпра. Третьимъ богомъ былъ *Ладо*, богъ веселія; четвертымъ богомъ—*Купало*, богъ земныхъ плодовъ, въ честь котораго язычники возжигали костры и скакали чрезъ

огонь съ пѣснями, въ вѣнкахъ изъ зелени. Много было и другихъ боговъ у нашихъ предковъ.

Но были въ то время въ русской землѣ и начатки христіанства; первѣе всего появилось оно въ Кіевѣ. Въ Кіевъ издавна приходили на судахъ по Днѣпру греки по торговымъ дѣламъ, и наши кіевскіе купцы, или гости ходили тѣмъ же путемъ въ греческія поселенія, бывшія въ Крыму и въ устьяхъ Днѣпра, для обмѣна произведеній своей страны на товары Востока, а по Черному морю доходили и до Царьграда, гдѣ, знакомясь съ христіанами, знакомились и съ христіанской вѣрой. Болѣе значительное обращеніе русскихъ въ христіанскую вѣру произошло за 100 лѣтъ до рожденія св. Владиміра, когда *Аскольдъ* и *Диръ*—предводители военной дружины, овладѣвши Кіевомъ и освободивши его отъ дани козарамъ, напали на Царьградъ съ многочисленною ратью, собранною въ Кіевѣ. Потерпѣвъ здѣсь чудесно пораженіе по молитвамъ грековъ въ Влахернскомъ храмѣ, многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ своими предводителями крестились тогда въ Царьградѣ и приняли пресвитеровъ и епископа отъ патріарха Фотія, съ которыми возвратились въ Кіевъ. Извѣстно также, что при Олегѣ, опекунѣ малолѣтняго князя Игоря, и при самомъ Игорѣ, дѣдѣ св. Владиміра, христіанамъ дозволено было въ Кіевѣ имѣть и свою церковь во имя св. пророка Иліи. Она стояла у днѣпровскаго берега на углу Хозарской и Пасѣнчиной улицъ, надъ ручьемъ Почайною, протекавшею тогда по восточной окраинѣ Подола, гдѣ нынѣ стоитъ каменный храмъ того же имени, на углу Ильинской и Почаевской улицъ. Еще свободнѣе стало христіанамъ въ Кіевѣ послѣ того, какъ увѣровала во Христа правительница русской земли, мудрая княгиня Ольга, бабка св. Владиміра, супруга кіевскаго князя Игоря. Для принятія св. крещенія она путешествовала по Черному морю въ Царьградъ съ значительною свитою, въ которой были ея родственницы и племянникъ, и удостоилась принять св. крещеніе въ храмѣ св. Софіи отъ патріарха, при чемъ воспріемникомъ ея отъ купѣли былъ самъ греческій императоръ Константинъ Порфирородный. Ея примѣру послѣдовали бывшіе съ нею въ Царьградѣ многіе изъ кіевлянъ, по возвра-

щеніи ея въ Кіевъ съ пресвитеромъ Григоріемъ. Св. княгиня Ольга была для Россіи зарею утреннею, предвѣстницей полнаго свѣта Христовой вѣры.

Но этотъ свѣтъ долженъ былъ еще нѣкоторое время бороться у насъ съ тмою идолослуженія и невѣрія. Большинство жителей Кіева продолжало оставаться въ язычествѣ. Языческую вѣру содержалъ и сынъ Ольги, воинственный князь Святославъ Игоревичъ. Ольга убѣждала Святослава принять христіанскую вѣру, но онъ не внималъ словамъ своей матери, потому что его военной дружинѣ не по душѣ было мирное евангельское ученіе. Вѣровать во Христа при Святославѣ не воспрещали, но ругались надъ принимавшими св. крещеніе. Въ этой же языческой вѣрѣ возрасли и оставались сыновья Святослава, внуки св. Ольги, Ярополкъ и Олегъ, княжившіе въ удѣлахъ. Такимъ же язычникомъ былъ и третій сынъ Святослава Владиміръ, доколѣ лучъ св. вѣры не проникъ въ его сердце. Къ обращенію въ христіанство не располагала его вначалѣ и самая жизнь, потому что еще юношей онъ посланъ былъ отцемъ своимъ на княженіе въ дальній отъ Кіева Новгородъ и послѣ того нѣсколько лѣтъ провелъ за моремъ, въ варяжской языческой землѣ, куда бѣжалъ изъ Новгорода, опасаясь за свою жизнь по убіенія Ярополкомъ брата Олега. Овладѣвши послѣ того Кіевомъ съ помощію приведенныхъ изъ-за моря варягъ-язычниковъ и сдѣлавшись самодержавнымъ обладателемъ всей русской земли по смерти брата Ярополка, коварно убитаго въ Роднѣ, Владиміръ не только не переставалъ жить по-язычески, но показалъ себя даже ревнителемъ язычества: ставилъ идоловъ, приносилъ имъ жертвы и сквернилъ землю пролитіемъ предъ ними крови. Послѣ побѣды надъ ятвягами онъ не страшился служить идоламъ принесеніемъ и человѣческихъ жертвъ. Жертвою идолослуженія тогда имѣли быть и пострадали за исповѣданіе Христа два варяга—христіане, отецъ и сынъ, прибывшіе къ намъ изъ Греціи, а жительствовавшіе тамъ гдѣ, нынѣ Десятинная церковь. Варягъ-сынъ былъ юноша, красивый лицемъ и прекрасный душею. И вотъ, когда Владиміръ приносилъ жертвы идоламъ за побѣду, одержанную надъ ятвягами, старики и вельможи сказали: „бросимъ жребій,

на юношу и на дѣвицу, и на кого падетъ жребій, того принесемъ въ жертву богамъ". По зависти злаго духа, жребій палъ на молодаго варяга, исповѣдовавшаго христіанскую вѣру. Посланные пришли къ его отцу и сказали: жребій палъ на твоего сына, полюбился онъ богамъ, мы и принесемъ его имъ въ жертву. Отецъ отвѣтилъ: „то не боги, а дерево; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, сдѣланы руками изъ дерева, а дерево сегодня существуетъ, а завтра сгніетъ. Единъ есть истинный Богъ, которому служатъ греки и покланяются. Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну, солнце и человѣка и далъ ему жить на землѣ, а эти боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы. Не дамъ сына злымъ духамъ". Посланные пошли и передали гражданамъ отвѣтъ варяга. Язычники устремились къ нему съ оружіемъ и разобрали дворъ его дома. Варягъ спокойно стоялъ съ сыномъ въ крыльцѣ, на сѣняхъ. Ему кричали: „дай сына въ жертву богамъ!" Онъ отвѣчалъ: „если идолы дѣйствительно боги, то пусть пришлютъ одного изъ боговъ и возьмутъ моего сына, а вы зачѣмъ требуете его заранѣе? „Язычники бросились тогда на домъ варяга съ гнѣвомъ и крикомъ, подрубили сѣни и подъ развалинами дома пали мертвыми оба варяга—отецъ и сынъ. Неизвѣстно, гдѣ они схоронены, а Господь украсилъ ихъ мученическими вѣнцами. Такъ еще 7 лѣтъ прошли для Владиміра въ языческомъ нечестіи. Во все это время некогда было ему подумать о своей душѣ: онъ занятъ былъ мірскими дѣлами, а болѣе всего военными, ограждая свою страну отъ внѣшнихъ враговъ; ходилъ на ляховъ и занялъ ихъ города—Перемышль, Червень и другіе, которые долгое время потомъ находились подъ властію русскихъ князей; покорилъ вятичей и заставилъ ихъ платить дань отъ плуга; ходилъ и на болгаръ, жившивъ на срединной Волгѣ, и побѣдивши ихъ, заключилъ съ ними вѣчный миръ.

Возвратясь опять въ Кіевъ и успокоившись отъ военныхъ трудовъ, Владиміръ вспомнилъ о вѣрѣ, которую содержала его бабка Ольга, размыслилъ и о вѣрѣ языческой и созналъ тщету идоловъ. Въ то же время явились къ нему представители разныхъ народовъ, приглашая каждый въ свою вѣру. Поклонники Магомета—болгаре предлагали законъ Магометовъ, разрѣшающій всѣ

плотскія удовольствія здѣсь на землѣ и обѣщающій продолженіе ихъ въ будущей жизни, но воспрещающій пить вино. Нѣмцы отъ римскаго папы говорили Владиміру о единомъ, истинномъ Богѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшали по своему закону ѣсть и пить все, а поститься лишь сколько кто въ силахъ. И жрецы хозарскіе говорили Владиміру о своей вѣрѣ, выдавая ее за вѣру истинную, и по этой вѣрѣ требовали подвергнуться обрѣзанію и не ѣсть свинины. Владиміръ здравымъ своимъ умомъ отвергъ предложенія этихъ проповѣдниковъ. Болгарамъ отвѣтилъ: „мы—русскіе не можемъ обойтись безъ вина". Нѣмцамъ сказалъ: „идите домой, отцы наши не принимали вѣры отъ папы". Евреевъ спросилъ: „гдѣ ваша земля?". Въ Іерусалимѣ—отвѣчали они, но Богъ разсѣялъ насъ по разнымъ странамъ за грѣхи нашихъ отцевъ.—„Какъ же вы, отверженные Богомъ, сказалъ имъ Владиміръ, хотите учить другихъ своей вѣрѣ? Не хотите ли, чтобы и насъ постигла та же участь?" Наконецъ явились къ Владиміру посланные отъ грековъ. Мудрый греческій проповѣдникъ, философъ Кириллъ разсказалъ Владиміру о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхопаденіи прародителей и обѣтованномъ Спасителѣ, потомъ передалъ въ краткихъ словахъ всю исторію промышленія Божія о спасеніи рода человѣческаго и наконецъ изложилъ ученіе о пришествіи Господа Іисуса Христа на землю и спасеніи человѣковъ Его страданіями и смертію, о необходимости вѣры въ него и крещенія для полученія этого спасенія, о вѣчной жизни и воздаяніи въ ней каждому по дѣломъ Его, о блаженствѣ праведныхъ въ раю и мученіи во адѣ, которое постигнетъ грѣшниковъ и всѣхъ, кто не вѣруетъ во Іисуса Христа и не крестится въ Него. При этомъ въ заключеніе своей проповѣди, грекъ показалъ Владиміру картину страшнаго суда, на которой съ правой стороны отъ Сына Божія—Судіи вселенной, изображены праведники, радостно идущіе въ рай, а по лѣвую сторону—грѣшники, гонимые въ адъ. „Добро симъ одесную", сказалъ со вздохомъ Владиміръ, „и горе симъ ошуюю".—„Крестись, и ты будешь съ первыми", отвѣтилъ ему философъ. Но Владиміръ рѣшился подождать еще немного съ перемѣной вѣры, а греческаго проповѣдника отпустилъ съ честью и богатыми дарами. Потомъ

Владиміръ созвалъ къ себѣ бояръ и стариковъ и сказалъ имъ: „приходили ко мнѣ болгаре, нѣмцы и греки; всѣ они хвалили свой законъ, а другихъ законъ хулили. Что вы скажете на это, какъ быть?“ Бояре и старики отвѣчали: „князь, ты знаешь, что всякій хвалитъ свою вѣру. Есть у тебя много умныхъ людей, пошли ихъ узнать на мѣстѣ, которая вѣра лучше.

Князю и всѣмъ людямъ угодно было это. Избрали тогда 10 мужей разумныхъ и надежныхъ и отправили ихъ въ чужія земли. Пошли они сначала въ землю болгарскую, потомъ къ нѣмцамъ, наконецъ пришли въ Царьградъ. Греческій царь принялъ ихъ съ великою почестью, а патріархъ приказалъ устроить по праздничному службу въ храмѣ св. Софіи—Премудрости Божіей, приготовить лучшіе церковные уборы и лучшее пѣніе и поставить русскихъ пословъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ, откуда можно было имъ видѣть всю красоту храма и службу Божію, архіерейскую и слышать пѣніе церковныхъ хоровъ. Приставленные къ нимъ изъ знающихъ русскую рѣчь объясняли значеніе богослуженія. Послы наши пришли въ умиленіе и изумленіе отъ всего видѣннаго въ этомъ великолѣпнѣйшемъ храмѣ [1]), и возвратясь въ Кіевъ, говорили князю, боярамъ и старикамъ такъ: „были мы въ землѣ болгаръ и смотрѣли, какъ они молятся въ своей ропатѣ (мечети). Нѣтъ у нихъ ничего веселящаго душу, но все печально и омерзительно; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и въ землю нѣмцевъ; видѣли у нихъ много службъ церковныхъ, но красоты никакой не видѣли. Наконецъ пришли мы въ Царьградъ; греки повели насъ туда, гдѣ они служатъ своему Богу, и мы не знаемъ, на небѣ или на землѣ мы стояли. Нѣтъ нигдѣ на землѣ такой красоты. Трудно выразить то, что мы видѣли; знаемъ только, что тамъ Богъ обитаетъ среди людей и что служба грековъ лучше, чѣмъ служба всѣхъ другихъ странъ. Не можемъ мы забыть видѣнной красоты. Всякій человѣкъ, вкусившій сладкаго, не захочетъ горькаго. Такъ и мы не можемъ оставаться въ старой языческой вѣрѣ“. Бояре сказали:

---

[1]) Храмъ этотъ, построенный императоромъ Юстиніаномъ въ 6 вѣкѣ по Рожд. Хр., существуетъ донынѣ, но турками обращенъ въ главную ихъ мечеть.

„еслибъ греческій законъ былъ худъ, то не приняла бы его и бабка твоя Ольга, которая была мудрѣе всѣхъ людей".—Гдѣ же мы примемъ крещеніе, спросилъ тогда Владиміръ, который еще прежде увѣровалъ въ истиннаго Бога.—Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчали бояре.

Послѣ сего прошло лѣто, но не было еще рѣшено, гдѣ креститься Владиміру съ дружиной,—здѣсь ли въ Кіевѣ, или тамъ, гдѣ такъ хороша церковная служба,—въ греческой землѣ. Но вотъ самъ Богъ привелъ князя Владиміра и его бояръ въ эту землю. Случилась надобность князю Владиміру идти съ войскомъ въ греческій городъ Корсунь, который былъ въ Крыму, близъ нынѣшняго Севастополя. Жители этого города заперлись въ стѣнахъ и не хотѣли сдаться русскимъ; Владиміръ обложилъ городъ войскомъ и велѣлъ сыпать вокругъ него валъ, чтобы совсѣмъ запереть его; но корсунцы, сдѣлавъ подъ городскими стѣнами подкопъ, постоянно уносили насыпаемую землю и ссыпали ее посреди своего города. Долго потому, шесть мѣсяцевъ стоялъ Владиміръ съ войскомъ подъ Корсунемъ и не могъ его взять. Помогъ одинъ корсунецъ, по имени Анастасъ, пустивъ изъ города стрѣлу, на которой было написано: „перекопай и перехвати трубы, которыми вода изъ родниковъ проведена въ городъ, и городъ сдастся". Услышавъ объ этомъ, Владиміръ, поднявъ глаза къ небу, сказалъ: „если это сбудется, то я крещусь". По приказанію князя были тогда выкопаны трубы, вода перехвачена и жители г. Корсуня, оставшись безъ воды, должны были сдаться. Владиміръ, занявъ городъ, послалъ сказать греческимъ царямъ Василію и Константину: „слышу, что у васъ есть сестра дѣвица, отдайте ее за меня; если же не отдадите, то вашъ столичный городъ—Царьградъ постигнетъ та же участь, что и этотъ". Цари опечалились, получивши это требованіе, но, подумавъ, дали такой отвѣтъ Владиміру: „намъ христіанамъ не слѣдуетъ выдавать никого въ замужество за язычниковъ; если же ты крестишься, то получишь желаемую невѣсту и царствіе небесное наслѣдуешь, а если не хочешь принять крещеніе, то не можемъ выдать за тебя свою сестру". Тогда Владиміръ объявилъ посламъ греческихъ царей: „скажите царямъ, что я хочу кре-

ститься; вѣра ваша и ваша церковная служба мнѣ нравятся, я и прежде зналъ о вашемъ законѣ". Цари обрадовавшись сему, уговаривали свою сестру Анну идти за Владиміра и отправиться къ нему съ нѣсколькими вельможами своего двора и священниками. Неохотно согласилась Анна; „какъ въ плѣнъ иду, говорила она, лучше бы мнѣ здѣсь умереть". Но братья-цари сказали: „а можетъ быть чрезъ тебя Богъ обратитъ къ вѣрѣ Христовой всю русскую землю и избавитъ чрезъ то греческую землю отъ губительной войны. Развѣ ты не видишь, сколько бѣдъ надѣлали тамъ русскіе? То же сдѣлаютъ и намъ, если не пойдешь". Царевна простилась съ родными, сѣла на корабль и съ плачемъ отправилась въ море. По прибытіи корабля въ Корсунь, жители этого города встрѣтили свою царевну также со слезами, ввели въ городъ и поселили во дворцѣ. По Божію изволенію у Владиміра въ это время разболѣлись глаза такъ, что онъ ничего не могъ видѣть и отъ сего былъ въ большой скорби. Анна послала сказать ему: „крестись, и ты избавишься отъ этой болѣзни". Владиміръ отвѣчалъ: „если такъ сбудется, то великъ христіанскій Богъ", и велѣлъ крестить себя. Корсунскій епископъ немедленно крестилъ его, преподавъ предварительно наставленіе въ христіанской вѣрѣ, и какъ только возложилъ на него при крещеніи руку, Владиміръ прозрѣлъ глазами и прославилъ Бога, сказавъ: „теперь то позналъ я истиннаго Бога". Видя это чудо, тогда же крестились и многіе изъ дружины князя.

Крещеніе Владиміра совершилось въ церкви св. Василія, которая стояла на торговой площади посреди г. Корсуня. Дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, находился подлѣ этой церкви, а дворецъ царевны былъ позади алтаря. За крещеніемъ Владиміра послѣдовало бракосочетаніе его съ царевной Анной. Такъ крещеніе Владиміра совершено въ городѣ Корсунѣ, иначе Херсонесѣ. Только невѣжи, незнающіе ничего основательно, утверждаютъ, будто оно происходило въ Кіевѣ или въ Василевѣ или гдѣ индѣ. Въ Корсунѣ Владиміръ воздвигъ и церковь на холмѣ изъ кирпичей, выдѣланныхъ изъ глины, которую уносили жители съ валовъ во время осады Корсуня и ссыпали среди города; церковь эта стояла тамъ долгое время.

Городъ Корсунь Владиміръ возвратилъ грекамъ въ вѣно за ихъ царевну, а самъ пошелъ въ Кіевъ, взявъ съ собою жену свою, царевну Анну, Анастаса и корсунскихъ священниковъ. Онъ взялъ еще на благословеніе себѣ мощи св. Климента и Ѳирса, его ученика, много церковныхъ сосудовъ и иконъ, двѣ большихъ мѣдныхъ купѣли и 4 мѣдныхъ коня, которые поставлены въ Кіевѣ за церковью св. Богородицы. По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ, иныхъ разрубить и бросить въ огонь, а Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту и волочить по Боричеву взвозу на ручай (Почайну), приставивъ 12 человѣкъ бить его палками. Это не для того, чтобы чувствительно было дереву, а на поруганіе бѣсу, который въ видѣ этого идола прельщалъ людей. Когда Перуна волокли по ручаю въ Днѣпръ, люди невѣрніи, еще не просвѣщенные св. крещеніемъ, плакали. Приволокши, бросили его въ Днѣпръ. Владиміръ послалъ еще нѣсколько человѣкъ сопровождать Перуна по теченію Днѣпра и приказалъ: „если гдѣ прибьетъ его къ берегу волною, отталкивайте его, пока пройдетъ пороги, а тамъ уже оставьте его". Повелѣніе князя исполнено. Перуна пустили по Днѣпру, онъ прошелъ пороги, но тамъ выбросило его на берегъ, и отъ сего мѣсто сіе прозвано Перуновымъ. Послѣ этого Владиміръ послалъ объявить по всему городу: „кто не явится на рѣку—будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, тотъ мнѣ противенъ". Слыша это, люди шли съ радостію и говорили: „еслибъ сіе не было добро, то его не приняли бы князь и бояре". На другой день утромъ князь Владиміръ вышелъ на Днѣпръ съ попами царицыными и корсунскими, и сошлось людей безъ числа: одни, влѣзши въ воду, стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малолѣтніе стояли ближе къ берегу, другіе держали малолѣтнихъ на рукахъ, возрастные вбрели совсѣмъ въ воду, а попы, стоя на берегу, совершали молитвы. И радовались небо и земля о спасеніи такого числа людей, а діаволъ, стеня, вопіялъ: „увы мнѣ, меня гонятъ и отсюда. Я думалъ имѣть здѣсь себѣ жилище на всегда, потому что здѣсь не было проповѣди апостольской и люди не знаютъ Бога; я радовался ихъ идолослуженію, которымъ чествовали меня; но вотъ я потерпѣлъ уже пораженіе и

не отъ апостоловъ или мучениковъ, а отъ простыхъ людей, и мнѣ уже не царствовать въ этихъ странахъ". По крещеніи люди пошли въ свои домы, а Владиміръ радовался, что и самъ онъ позналъ и люди познали Бога. „Боже, сотворивый небо и землю, сказалъ онъ, воззрѣвъ на небо, призри на новыя люди твоя и дай имъ, Господи, познать Тебе истиннаго Бога, какъ познали Тебя въ странахъ христіанскихъ; утверди въ нихъ вѣру праву и невозвратну, а мнѣ помоги на супротивныя враги, да надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣжду козни діавола". Произнесши эту молитву, Владиміръ приказалъ строить церкви и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы, и поставилъ церковь св. Василія на томъ холмѣ, на которомъ стоялъ Перунъ, и другія церкви поставилъ тамъ, гдѣ князь и люди прежде совершали идольскія требы. Также приказалъ поставить церкви и поповъ по другимъ городамъ и приводить людей къ св. крещенію въ городахъ и селахъ. У знатныхъ людей онъ началъ чрезъ посланныхъ брать дѣтей и отдавать въ ученіе книжное, а матери плакались по тѣхъ дѣтяхъ, какъ по мертвыхъ, потому что они еще не утвердились въ вѣрѣ. Тогда сбылось надъ русскою землею пророчество: *въ оные дни услышатъ глухіи словеса книжная и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.* Предки наши не слышали прежде книжнаго слова, но по Божіему промыслу и по его милости дано имъ и это, какъ сказано у пророка: *помилую, его же аще милую.* Помиловалъ Богъ и насъ, даровалъ намъ баню пакибытія и обновленія св. Духа—по своему изволенію, а не ради нашихъ дѣлъ. Потому, павши предъ Нимъ, скажемъ: „благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, который возлюбилъ новую рускую землю и просвѣтилъ ее крещеніемъ. Господи, Іисусе Христе! что воздадимъ мы тебѣ за все, что ты сдѣлалъ для насъ грѣшниковъ? Недоумѣваемъ, чѣмъ возблагодарить Тебя за Твои дары. Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои; величію Твоему нѣтъ предѣла, роды родовъ восхвалятъ дѣла Твои. *Пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, предварнмъ лице Его во исповѣданіи, яко благъ, яко въ въ вѣкъ милость Его,* потому что онъ избавилъ насъ отъ враговъ нашихъ, т. е. отъ идоловъ суетныхъ. Скажемъ еще съ

Давидомъ: *Воспойте Господеви пѣснь нову, воспойте Господеви вся земля; воспойте Господеви, благословите имя Его, благовѣстите день отъ дне спасеніе Его, яко велій Господь и хваленъ зѣло и величію Его нѣсть конца.* О сколь велика наша радость! Господь сказалъ: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся, а здѣсь не одинъ, не два приступили ко Господу, а приступило къ Нему безчисленное множество людей, просвѣщенныхъ св. крещеніемъ, по сказанному у пророка: *воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся отъ идолъ вашихъ и отъ грѣхъ вашихъ.* Апостолъ Павелъ говоритъ: *елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся. Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ. Ветхая мимоидоша, се вся нова быша; нынѣ приближися намъ спасеніе, нощь убо прейде, а день приближися.* Мы же возопіимъ ко Господу Богу нашему: *благословенъ Господь Богъ, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ; сѣть сокрушися, и мы избавлени быхомъ отъ прелести діаволи.* Погибла память его съ шумомъ, а Господь пребываетъ во вѣки, въ Тройцѣ святой прославляемый отъ сыновъ русскихъ, демоны же проклинаются благовѣрными мужами и вѣрными женами, принявшими святое крещеніе и покаяніе во отпущеніе грѣховъ, новыми людьми, христіанскими, избранными Богомъ. Просвѣтившись св. крещеніемъ, Владиміръ крестилъ и сыновей своихъ и всю землю свою, а у него было 12 сыновей: Вышеславъ отъ чехини, Изяславъ, Ярославъ и Всеволодъ отъ Рогнѣды, дочери Полоцкаго князя Рогволода, Святополкъ отъ гречанки, бывшей женой брата Владимірова Ярополка, Святославъ и Мстиславъ отъ другой гречанки, Борисъ и Глѣбъ отъ болгарки, Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ и двѣ дочери. Посадилъ Владиміръ на княженіе Вышеслава въ Новгородѣ, Изяслава въ Полотскѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ, а по смерти Вышеслава перевелъ его въ Новгородъ, Бориса въ Ростовѣ, Глѣба въ Муромѣ, Святослава у древлянъ, Всеволода въ Владимірѣ-Волынскомъ, Мстислава въ Тмуторокани. Сказалъ еще Владиміръ: мало городовъ подлѣ Кіева, и началъ строить города по

рѣкамъ—Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ, по Сулѣ и по Стугнѣ, и населилъ ихъ лучшими мужами, набранными изъ славянъ, кривичей, чуди и вятичей. Воевалъ онъ после сего съ Печенѣгами и побѣдилъ ихъ.

Живя свято въ христіанскомъ законѣ, Владиміръ въ 989 году задумалъ создать церковь во имя Пресвятыя Богородицы, а для сего послалъ призвать мастеровъ изъ числа грековъ. Окончивъ постройку этой церкви, онъ расписалъ стѣны иконными изображеніями и предоставилъ служить въ ней корсунскимъ священникамъ, отдавъ въ нее иконы, сосуды, кресты и все, что взялъ въ Корсунѣ. Окончена она въ 996 году. Радуясь окончанію ея, Владиміръ вошелъ въ нее и помолился Богу, говоря: „Господи Боже, призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей и доверши то, что насадила десница Твоя, содѣлай новыми этихъ людей, которыхъ сердца ты обратилъ къ себѣ и даровалъ имъ разумъ познать Тебе—истиннаго Бога. Призри на эту церковь, которую создалъ я, недостойный рабъ Твой, во имя родившей Тебя Матери, Приснодѣвы, Богородицы; ради молитвъ Пречистыя Богородицы услышь того, кто помолится въ этомъ храмѣ“. И помолившись, Владиміръ сказалъ: „даю сей церкви святой Богородицы десятую часть дохода отъ своего имѣнія и отъ городовъ моихъ“. И далъ о семъ запись въ церковь подъ клятвою, сказавши: „кто перемѣнитъ это, да будетъ проклятъ“. И выдалъ тогдаже десятину Анастасію Корсунянину, которому поручилъ эту церковь. Въ этотъ день сотворилъ онъ большой праздникъ боярамъ и старикамъ народнымъ, а бѣднымъ роздалъ много изъ своего имѣнія.

Пришли послѣ того печенѣги къ Василеву, Владиміръ выступилъ противъ нихъ съ малою дружиною; произошла битва, Владиміръ не могъ устоять, обратился въ бѣгство и едва спасся отъ враговъ, укрывшись подъ мостомъ. Тогда онъ далъ обѣщаніе построить въ Василевѣ церковь во имя Преображенія Господня, такъ какъ помянутая битва произошла въ день Преображенія Господня. По миновании опасности отъ враговъ, Владиміръ поставилъ здѣсь церковь и сотворилъ большой праздникъ. Сваривъ 300 кадій меду, онъ звалъ своихъ бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ изъ всѣхъ городовъ и много людей, а бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ. Праздновалъ князь 8 дней и возвращался послѣ

того въ Кіевъ къ Успенію Богородицы, здѣсь опять устроялъ большой праздникъ, созывая безчисленное множество народа. Видя же, что люди живутъ истинно по-христіански, радовался душею и тѣломъ, и такъ дѣлалъ онъ каждое лѣто. Любилъ онъ чтеніе св. книгъ и, слыша однажды слова Евангелія: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ; продадите имѣнія ваша и дадите нищимъ; не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, но скрывайте себѣ сокровища на небеси, идѣже ни тля тлитъ, ни татье крадутъ*, слыша также слова Давида: *блаженъ мужъ милуяй и даяй*, дозволилъ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все потребное—пищу и питье и деньгами изъ своей казны. Онъ сдѣлалъ и больше сего. Сказавши: „больніе и немощніе не могутъ дойти до моего двора", приказалъ развозить по городу на возахъ хлѣбъ, мясо, рыбу и различную овощь, а въ бочкахъ медъ и квасъ и раздавать, расспрашивая, гдѣ больніи и нищіи, которые не могутъ ходить. И вотъ еще что дѣлалъ онъ: установилъ приготовлять у себя на дворѣ, въ гридницѣ, пиръ каждую недѣлю, на который приходили бояре и гридни, составлявшіе княжескую охранную стражу, сотскіе, десятскіе и именитые мужи, при князѣ и безъ князя; всего было тамъ изобильно—мяса, скота, дичи всякой. Однажды подпивши, посѣтители этихъ пировъ стали роптать на князя, говоря: „бѣдныя наши головы! намъ даютъ ѣсть деревяными, а не серебряными ложками". Узнавъ объ этомъ, Владиміръ приказалъ сдѣлать для стола своей дружины сребряныя ложки, говоря: „сребромъ и золотомъ я не достану дружины, а дружиной достану золота и серебра". Подобно своему отцу и дѣду, Владиміръ любилъ дружину и совѣщался съ нею о земскихъ порядкахъ, о военныхъ дѣлахъ и законахъ для своей страны. Съ сосѣдними князьями—Болеславомъ польскимъ, Стефаномъ венгерскимъ и съ Андреемъ чешскимъ жилъ онъ въ мирѣ и любви. Владиміръ, живя въ страхѣ Божіемъ, не хотѣлъ никого казнить смертію. Но умножились разбои, и епископы сказали ему: „зачѣмъ ты не казнишь разбойниковъ?"—„Боюсь грѣха", сказалъ имъ, а они отвѣтили ему: „ты, князь, поставленъ отъ Бога для того, чтобы казнить злыхъ—порочныхъ, а награждать добрыхъ; слѣдуетъ казнить раз-

бойниковъ, но по надлежащемъ изслѣдованіи". Послѣ сего Владиміръ пересталъ уже брать денежные штрафы и началъ казнить разбойниковъ. Когда же епископы и старѣйшины сказали: „у тебя много войска, деньги нужны на покупку оружія и на лошадей", тогда Владиміръ сталъ брать опять и денежные штрафы. Жилъ Владиміръ, по примѣру отца своего и дѣда.

Были и печальныя для него событія: около 1000 года померли Мальфреда и Рогнѣда, бывшія его женами въ язычествѣ; въ 1001 г. умеръ старшій сынъ Изяславъ, въ 1003 г. умеръ внукъ Всеславъ, сынъ Изяслава, а въ 1011 году померла и законная супруга его, греческая царевна Анна. Не менѣе прискорбно было ему узнать, что посланный имъ на княженье въ Новгородъ сынъ Ярославъ отказался съ новгородцами вносить ему обычную дань. Въ то же время готовились напасть на Русь печенѣги. Владиміръ послалъ противъ печенѣговъ сына своего Бориса, а самъ хотѣлъ идти съ войскомъ на новгородцевъ, но разболѣлся очень и въ этой болѣзни скончался въ 15-й день іюля, 1015 г., на Берестовѣ, въ загородномъ своемъ дворцѣ, подлѣ нынѣшней Кіево-печерской Лавры. Ночью, проломавши полъ и обернувши тѣло ковромъ, спустили его на землю изъ верхнихъ клѣтей и, положивши на сани, отвезли къ церкви Пресвятой Богородицы Десятинной, которую онъ создалъ, и въ ней положили его. Узнавши о семъ, сошлось безчисленное множество народа и плакали по немъ: бояре о защитникѣ русской земли, бѣдные о своемъ кормителѣ, и вложивши тѣло блаженнаго князя въ мраморную гробницу, похоронили его съ плачемъ великимъ. Это былъ Константинъ новаго Рима; подобно ему онъ крестился самъ и крестилъ свой народъ. Хотя прежде онъ предавался похотямъ плотскимъ, но въ послѣдствіи показалъ прилежное покаяніе, по Апостолу, который говоритъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать*. Прежде, во дни невѣдѣнія о Богѣ, были у него грѣхи, но потомъ онъ загладилъ ихъ покаяніемъ и милостынею. Есть много людей, которые, живя праведно, подъ конецъ жизни совращаются съ праваго пути и погибаютъ, а другіе, проведя жизнь во грѣхахъ, подъ конецъ жизни приходятъ въ сознаніе своей грѣховности и очищаютъ себя добрымъ покаяніемъ, какъ сказано у Пророка:

егда реку нечестивому: „смертію умреши", и той обратится отъ пути своего и сотворитъ судъ и правду, вся грѣхи его, яже сотворилъ есть, не помянутся, яко судъ и правду сотворилъ есть, и живъ будетъ въ нихъ. А сей умеръ въ добромъ исповѣданіи, очистивъ грѣхи свои покаяніемъ и милостынями. Удивительно одно: сколько Владиміръ сдѣлалъ добра руской землѣ, просвѣтивъ ее св. крещеніемъ, а мы, ставши христіанами, не воздаемъ ему должной почести. Если бы онъ не крестилъ насъ, мы оставались бы въ идольскомъ нечестіи и погибли бы подобно нашимъ прародителямъ. Будемъ же приносить Богу молитвы и моленія въ день его преставленія! Богъ прославилъ его, а мы должны со тщаніемъ молиться и благодарить за него Господа, потому что чрезъ него мы познали Бога. Да дастъ Господь ему по сердцу его и да исполнитъ всѣ прошенія его. Благовѣрный княже! Ты желалъ царствія небеснаго, и Господь далъ тебѣ вѣнецъ праведныхъ и райское веселіе со Авраамомъ и съ прочими патріархами. Соломонъ сказалъ: *умершу мужу праведну, не погибнетъ его надежда,* и имя св. Владиміра да сохранятъ всегда въ памяти своей русскіе люди, воспоминая святое крещеніе, и да прославляютъ Бога въ молитвахъ, пѣсняхъ и псалмѣхъ, поюще Господеви, какъ новые люди, просвѣщенные святымъ Духомъ, въ надеждѣ, что великій Богъ и Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ даруетъ каждому, соотвѣтственно дѣламъ его, неизреченную радость, получить которую да сподобитъ Господь всѣхъ насъ, христіанъ.

ХЕРСОНЕСЪ ВО ВРЕМЯ КРЕЩЕНІЯ ВЪ НЕМЪ СВ. ВЛАДИМІРА И ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА ГОРОДА [1]).

Въ исторіи принятія Русью христіанства Херсонесъ игралъ очень важную роль. Можно смѣло сказать, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ второе мѣсто послѣ Византіи. Находясь въ сосѣдствѣ съ русскими владѣніями и обладая богатствами вслѣдствіе своей промышленности и торговли, Херсонесъ привлекаетъ вниманіе русскихъ князей уже вскорѣ послѣ основанія Русскаго государства. Такъ, въ договорахъ Игоря и Святослава поставлены условія, чтобы князья русскіе не завоевывали корсунской страны. Договоръ Игоря (945 г.) касательно Херсонеса гласитъ слѣдующее: „А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь Рускій да воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ" [2]). Въ этомъ же договорѣ кн. Игорь обязывается удерживать черныхъ болгаръ отъ войны съ Херсонесомъ [3]). Въ договорѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ (971 г.) Святославъ даетъ слѣдующее обязательство: „Николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, *ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ*" [4]).

---

[1]) Краткая исторія языческаго Херсонеса и христіанскаго—до X вѣка сообщена мною въ газетѣ „Крымъ" подъ заглавіемъ: *„Херсонесъ, какъ купѣль св. Владиміра"*, *№№ 2, 4, 5, 9 и 10.*

[2]) Лаврент. Лѣт. стр. 21.

[3]) Ibid. стр. 22.

[4]) Лавр. Лѣт. 31.

Это обязательство вскорѣ было нарушено; сами греки первые давали примѣръ нарушенія договоровъ. Такъ, они тотчасъ послѣ заключенія договора съ Святославомъ, подняли противъ него печенѣговъ, которые и убили его у пороговъ днѣпровскихъ.

Изъ договоровъ этихъ видно, что Херсонесъ составлялъ предметъ особой заботливости для византійскихъ императоровъ; и не удивительно: Херсонесъ занималъ прекрасное мѣсто, находился въ сосѣдствѣ съ плодородными землями, велъ обширную торговлю, славился греческой цивилизацiей и искусствами, такъ что былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ византійской имперіи. Кромѣ того, Херсонесъ былъ важенъ и въ стратегическомъ отношеніи: онъ находился въ сосѣдствѣ съ хазарами, печенѣгами, русскими,—я беру эпоху времени крещенія Руси,—т. е. съ тѣми варварскими народами, которые безпокоили Византію. Византійскіе императоры въ отношеніи этихъ народовъ держались политики, начертанной въ наставленіи Константина Порфиророднаго [1]). Обыкновенно императоры заключали договоры съ этими народами и вооружали ихъ другъ противъ друга, дабы отвлечь отъ нападенія на имперію. Договоры велись при посредствѣ Херсонеса, и въ Херсонесѣ оставлялись заложники [2]). Когда императору Никифору Фокѣ понадобилась помощь Святослава, онъ заключилъ договоръ при посредствѣ Калокира, сына намѣстника херсонесскаго; по этому договору Святославъ обязался завоевать Болгарію.

Несмотря на всѣ договоры, Владиміръ рѣшается взять Херсонесъ. Событіе это Карамзинъ ставитъ въ связь съ крещеніемъ Владиміра и всей Руси, доказывая, что Владиміръ, отправляясь въ Херсонесъ, хотѣлъ, такъ сказать, *завоевать* себѣ новую вѣру [3]). Это положеніе оспаривается Голубинскимъ и вообще оно имѣетъ мало вѣроятія. Несомнѣнно, что поводомъ къ завоеванію Херсонеса были причины политическія. Владиміръ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ императоромъ Василіемъ II, которому по-

---

[1]) De administrando imperio, 947 г.

[2]) Кёне, Херсонисъ, 232.

[3]) Истор. Госуд. Росс. Т. I, гл. 9.

могъ въ войнѣ противъ взбунтовавшихся полководцевъ Варды Фоки и Варды Склира. Приглашая Владиміра на помощь, императоръ обѣщалъ князю руку сестры своей Анны, но по минованіи опасности онъ отказалъ, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что не принято выдавать порфирородную дочь за язычника. Оскорбленный этимъ, Владиміръ и рѣшился завоевать Херсонесъ.

Лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, какимъ путемъ отправился Владиміръ въ Херсонесъ; но то обстоятельство, что Владиміръ остановился въ заливѣ[1]) и что русскіе привыкли пользоваться воднымъ путемъ для походовъ въ Византію, можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что Владиміръ отправилъ войска къ Херсонесу по Днѣпру и Черному морю на ладьяхъ.

Чтобы сообразить обстоятельства осады Херсонеса, сообщаемыя въ лѣтописи, надобно установить точно топографію Херсонеса. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ осадилъ такъ называемый *новый* Херсонесъ, развалины котораго и часть стѣнъ сохранились до настоящаго времени. Древній же Херсонесъ, по описанію Страбона, находился верстахъ въ 12 отъ *новаго*, и въ первомъ уже вѣкѣ былъ въ развалинахъ[2]). Почти весь камень изъ зданій древняго города взятъ и перенесенъ для постройки новаго города; хотя слѣды построекъ, какъ свидѣтельствуютъ Палласъ, Сумароковъ и Аркасъ, сохранились и до нашего времени. Новый Херсонесъ лежалъ на сѣверо-восточномъ мысѣ Ираклейскаго полуострова, называемаго иначе Трахейскимъ (скалистымъ), или Херронейскимъ, между Херсонесской, нынѣ Карантинной, бухтой и Стрѣлецкой. Херсонесская бухта находится съ восточной стороны города; она очень удобна для стоянки судовъ: въ ней находилась главная гавань Херсонеса. Въ этой бухтѣ Владиміръ едва ли могъ высадиться, такъ какъ входъ въ нее сравнительно узокъ и флотъ херсонесскій могъ преградить входъ въ нее, какъ это уже одинъ разъ и случилось во время войны Митридата Эвпатора съ скиѳами (въ I в. до Р. Хр.), о чемъ упоминаетъ Страбонъ[3]). Владиміръ, вѣроятнѣе всего, осадилъ городъ съ за-

[1]) Лавр. лѣт. 46.

[2]) Страбонъ, кн. VII.

[3]) Страбонъ, кн. VII (Зап. Од. Общ. И. и Др., т. X, стр. 90).

падной стороны и остановился въ Стрѣлецкой бухтѣ, что согласно будетъ съ текстомъ лѣтописи: „И ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино“ [1]). Дѣйствительно, Стрѣлецкая бухта находится по ту сторону Херсонеса, если приближаться къ нему съ суши и съ моря отъ русскихъ владѣній, и находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города.

Обстоятельства осады, излагаемыя въ лѣтописи, почти всѣ подтверждаются археологическими раскопками и изслѣдованіями Херсонеса. Такъ, въ лѣтописи говорится, что Владиміръ осадилъ городъ и велѣлъ сдѣлать насыпь, чтобы съ высоты ея удобнѣе обстрѣливать осажденныхъ: „Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ“ [2]). По взятіи Херсонеса, какъ сказано въ лѣтописи, Владиміръ построилъ церковь на этой насыпи, которая существовала еще во время лѣтописца: „Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне“ [3]). Теперь среди развалинъ Херсонеса видна еще земляная насыпь съ юго-восточной стороны города. Дюбуа и за нимъ Кёне согласны видѣть въ ней насыпь св. Владиміра. Г. Мурзакевичъ, изслѣдовавшій эту насыпь, отрицаетъ сооруженіе ея Владиміромъ, тѣмъ болѣе возведеніе церкви на ней. „Позволяю усомниться“, говоритъ онъ, „въ этомъ случаѣ, показанію г. Дюбуа. Нѣкогда я самъ такъ думалъ и вѣрилъ [4]), но посѣтивъ вновь классическія развалины Херсониса въ 1840, 45, 47 и 49 годахъ, по внимательномъ разсмотрѣніи мѣстности, я долженъ отказаться отъ перваго своего мнѣнія и убѣдиться въ томъ, что насыпь, которая и теперь видна среди слѣдовъ Херсониса, не можетъ быть тою, которая насыпана осажденными жителями во время осады Херсона Владиміромъ, поелику на ней, ни прежде ни послѣ, не было замѣ-

[1]) Лавр. лѣт., 46.

[2]) Лавр. лѣт., 46—47.

[3]) Ibid., 50.

[4]) Журналъ М. Н. Пр. 1837, кн. XIII, 648. „Поѣздка въ Крымъ въ 1836 г.“.

чено никакого фундамента зданія. Да и какъ можно строить зданіе, положимъ хотя и небольшую церковь, на свѣжей земляной насыпи, которая не токмо отъ давленія на нее сверху, но и сама собою должна была осѣсть, вскорѣ расплыться, и слѣд. подвергнуть церковь разрушенію" [1]).

Владиміръ, какъ извѣстно, имѣлъ трудную осаду, но ему помогъ монахъ Настасъ, который пустилъ въ станъ Владиміра стрѣлу съ слѣдующею надписью: „Кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими" [2]). Слѣды водопровода уже открыты и изслѣдованы и существуютъ до настоящаго времени.

По взятіи Херсонеса, Владиміръ потребовалъ отъ византійскихъ императоровъ Василія и Константина въ замужество сестру ихъ Анну, давши обязательство прежде креститься. Крестился же онъ, по сказанію лѣтописи, въ церкви св. Василія: „Крести же ся въ церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина палата за олтаремъ" [3]). Послѣ крещенія Владиміръ возвратилъ Херсонесъ византійскимъ императорамъ въ видѣ вѣна. Изъ Херсонеса онъ взялъ священниковъ, мощи, священные сосуды и нѣсколько памятниковъ искусства: „Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ... Взя же ида (идя) мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я мраморяны суща" [4]).

Послѣ возвращенія Херсонеса Византіи, въ немъ еще продолжаетъ процвѣтать торговля около столѣтія, но затѣмъ соперничество въ торговлѣ Судака и генуэзцевъ низводитъ его на одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Генуэзцы въ 1350 году заключили

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. II, отд. 2 и 3. 708—709.

[2]) Лавр. лѣт., 47.

[3]) Ibidem.

[4]) Лавр. лѣт., 50.

договоръ съ греками, по которому запрещено было посылать грекамъ суда въ Херсонесъ. Херсонесъ утрачиваетъ даже свое имя и называется Zurzona и другими именами [1]). Наконецъ Херсонесъ испыталъ страшное разореніе со стороны литовскаго князя Ольгерда въ 1363 г., послѣ котораго онъ уже никогда не возставалъ. Въ 1475 г. Мухаммедъ II послалъ въ Крымъ войско, которое взяло Кафу, Мангубъ; но Херсонесъ былъ уже такъ бѣденъ, что не возбудилъ жадности побѣдителей: турки его не заняли и только увезли мраморныя колонны и многіе памятники искусства въ Константинополь. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, въ 1783 г. Херсонесу еще разъ пришлось испытать тяжелую судьбу: по приказанію Потемкина [2]), остатки стѣнъ и зданій пошли на постройку новаго города Севастополя, въ 1785 году. Но уже вскорѣ древній и новый Херсонесъ подвергаются обслѣдованіямъ ученыхъ путешественниковъ, къ которымъ принадлежатъ: Палласъ, путешествовавшій по Крыму въ 1793 и 1794 г. [3]), П. Сумароковъ („Досуги Крымскаго судьи", Спб. 1803 г.), И. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г."), Дюбуа, въ 1833 г. (Fr. Dubois de Montpéreux), академикъ П. Кеппенъ („Крымскій Сборникъ", Спб. 1837). Затѣмъ Херсонесъ дѣлается достояніемъ археологической науки. „Одесское Общество Исторіи и Древностей", учрежденное въ 1839 г., занимается изслѣдованіемъ и раскопками въ Херсонесѣ. Члены этого общества Мурзакевичъ и Юркевичъ особенно много потрудились для объясненія надписей и предметовъ, находимыхъ при археологическихъ разысканіяхъ. Затѣмъ графъ Ал. С. Уваровъ по именному императорскому указу явился для археологическихъ изслѣдованій въ Херсонесъ; онъ здѣсь встрѣтился съ знаменитымъ русскимъ іерархомъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ, и вмѣстѣ они открыли на городской площади нѣсколько церквей. Одну изъ нихъ, въ которой нашлись два углубленія—крещальни, они признали за церковь св. Василія, въ которой

---

[1]) Херсонисъ, Кёне. 256.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XII, 321.

[3]) Bemerkungen auf einem Reise in die südlichen Stathalterschaften des Russichen Reiches. Leipzig, 1801.

крестился св. Владиміръ. На этомъ мѣстѣ теперь построенъ, но еще далеко не оконченъ, величественный храмъ св. Владиміра. Гр. Уваровъ открылъ въ одномъ изъ храмовъ великолѣпный мозаичный полъ и мраморную колонну съ барельефами; все это велѣно было перевезти въ Петербургъ въ Эрмитажъ, и на перевозку употреблено было 3364 р. $86^1/_2$ коп. [1]). Затѣмъ гр. Уваровъ открылъ и изслѣдовалъ погребальные склепы—пещеры, которыя тянутся въ нѣсколько ярусовъ по восточной и юго-восточной окраинамъ города. Оказывается, что многіе семейные склепы носятъ въ себѣ слѣды погребенія языческаго, а затѣмъ христіанскаго [2]). Воспользовавшись надписями (псифизмами) въ честь Аристона, Агасикла, Димократа, г. Латышевъ изслѣдовалъ внутренній государственный бытъ Херсонеса въ статьѣ: „Этнографическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго“ [3]). Въ настоящее время, подлѣ археологическаго музея и въ аллеѣ, ведущей къ новостроющемуся храму, находятся обломки колоннъ, капители іоническаго, коринѳскаго и византійскаго стилей, въ музеѣ же находятся барельефы, мозаики и другіе предметы, свидѣтельствующіе о процвѣтаніи искусства въ Херсонесѣ; самые же цѣнные предметы находятся въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и въ иностранныхъ британскомъ, парижскомъ и другихъ, такъ какъ иностранные агенты скупаютъ все, что попадается при случайныхъ находкахъ.

Ко дню 900-лѣтняго юбилея предстоитъ въ Херсонесѣ освященіе храма въ честь св. Владиміра. Вопросъ о постановкѣ памятника на знаменательномъ мѣстѣ крещенія Владиміра поднятъ морскимъ вѣдомоствомъ, именно: адмиралъ Грейгъ показывалъ развалины Херсонеса Императору Александру Благословенному въ 1825 г. и Николаю I-му, и „по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія кн. Христофора Андреевича Ливена Его Императорское Величество повелѣть соизволили, чтобы на пер-

---

[1]) Дѣло № 7, 5 авг. 1854 г.

[2]) Разысканія близь Симферополя и Севастополя. Пропилеи, кн IV, 525—537.

[3]) Журн. М. Н. Пр. 1884 г. Іюнь, 35—77.

вый случай былъ построенъ обелискъ по одному изъ чертежей члена Академіи Беретти, какой по смѣтѣ обойдется дешевлѣе"[1]. Въ 1829 г. главное управленіе черноморскаго флота и портовъ открываетъ подписку на сооруженіе храма на развалинахъ Херсонеса въ память величайшаго въ отечествѣ нашемъ событія. Въ этомъ документѣ обращаетъ наше вниманіе по своему глубокому смыслу слѣдующее воззваніе: *„Что можетъ быть священнѣе для всякаго истиннаго сына Россіи и добраго христіанина воспоминанія о введеніи въ отечествѣ нашемъ ученія Христова, какъ источника славы и величія его, и о виновникѣ ихъ—нашемъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, память котораго, послѣ многихъ столѣтій, соизволилъ почтить нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ?"*

Поэтому приглашаются жертвовать на дѣло, „которое грядущимъ вѣкамъ могло бы свидѣтельствовать о нелицемѣрномъ въ Россіи чувствѣ религіи и народной признательности къ великому виновнику нашего христіанскаго просвѣщенія"[2]. Военный николаевскій и севастопольскій губернаторъ, вице-адмиралъ Лазаревъ пишетъ, что ему Государь лично изволилъ дать согласіе на постройку храма не въ Херсонесѣ, а въ самомъ Севастополѣ[3].

Такимъ образомъ, это дѣло не увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ; но на помощь пришла мощная мысль преосвященнаго Иннокентія. По его иниціативѣ, послѣдовало прошеніе жителей Симферополя, Алушты и др. мѣстъ объ открытіи монастырей и киновій въ мѣстахъ, прославленныхъ греческими святынями. Преосвященный въ своей исторической запискѣ высказываетъ мысль сдѣлать Крымъ русскимъ Аѳономъ, такъ какъ здѣсь есть все, что возбуждаетъ богомысліе. На это предложеніе послѣдовалъ указъ св. синода (отъ 3 апр. 1853 г.) объ основаніи киновіи въ Херсонесѣ во имя св. Владиміра[4]. Построенная здѣсь цер-

---

[1]) Дѣло № 229, 1829 г.

[2]) Дѣло № 54, 1848 г.

[3]) Дѣло № 49, 1843 г.

[4]) Дѣло № 196, 1849 г. Я пользуюсь архивными документами Таврической ученой архивной комиссіи.

ковь во имя св. Ольги, освященная въ 1853 г. 28 февр., вскорѣ была разрушена французскими войсками, которыя устроили въ киновіи пороховые склады и по древнему городу провели множество траншей. По окончаніи войны севастопольскіе купцы П. и М. Телятниковы построили (въ 1857 г.) новый храмъ во имя седми херсонесскихъ священномучениковъ. Въ 1858 г. въ память крещенія св. Владиміра и окончанія крымской кампаніи установленъ, по Высочайшему повелѣнію, крестный ходъ 15 іюля изъ севастопольскаго адмиралтейскаго собора въ Херсонесъ. 1861 г. 18 марта, по Высочайшему утвержденію, херсонесская киновія возведена на степень первокласснаго монастыря [1]).

Благодаря ходатайству преосвященнаго Иннокентія, земля Херсонеса перечислена отъ морскаго вѣдомства въ епархіальное и проектированъ храмъ на мѣстѣ купѣли св. Владиміра, въ которомъ соблюдены были бы архитектурные детали византійскихъ храмовъ IX вѣка. Въ 1858 г. 10 февр. послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить храмъ по плану профессора архитектуры Д. И. Гримма. Наружный фасадъ и внутреннее расположеніе церкви заимствованы отъ константинопольской церкви святыхъ Сергія и Вакха, обращенной турками въ мечеть [2]). Храмъ этотъ двухъ-этажный; нижній храмъ, какъ въ футлярѣ, заключаетъ въ себѣ фундаментъ, часть алтарной абсиды древняго храма и купѣль св. Владиміра. При закладкѣ храма, 23 авг. 1861, присутствовалъ покойный Государь Императоръ Александръ II, Государыня и в. кн. Константинъ Николаевичъ. В. кн. Владиміръ Александровичъ, принявшій на себя званіе ктитора храма, положилъ (въ 1867 г. 15 авг.) первый камень на горнемъ мѣстѣ втораго этажа [3]). Величественный храмъ, отстроенный вчернѣ, долго не могъ быть конченъ, такъ какъ на внутреннюю отдѣлку его потребовались громадныя суммы, и только въ концѣ прошлаго года нынѣшній настоятель монастыря архимандритъ Иннокентій исходатайствовалъ на отдѣлку храма 300 тысячъ. Теперь профессоръ

---

[1]) Дѣло № 93, 1861 г.

[2]) Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. V, 996—7.

[3]) „Таврическая епархія“ Гермогена, еп. псковскаго и порховскаго, бывшаго таврическаго и симферопольскаго. Псковъ, 1887. Стр. 464—367.

Гриммъ занятъ отдѣлкой нижняго храма во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, который предположено освятить 13 іюля. 14 и 15 іюля предполагается въ Херсонесѣ большое религіозное торжество, которымъ желаютъ почтить священное мѣсто, изъ котораго православная вѣра проникла въ Кіевъ, а оттуда распространилась по всей Руси.

Хр. Ящуржинскій.

БОЛГАРЫ и ХАЗАРЫ,

ВОСТОЧНЫЕ СОСѢДИ РУСИ ПРИ ВЛАДИМІРѢ СВ.

(Историко-этнографическій очеркъ).

Лѣтопись въ своемъ повѣствованіи о крещеніи русской земли разсказываетъ, что къ князю Владиміру приходили миссіонеры изъ Болгаріи волжской, изъ Хазаріи, отъ нѣмцевъ и грековъ[1]). До сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно вопросъ, дѣйствительно ли были присылаемы къ русскому князю посольства изъ этихъ странъ. Возможно, что представители всѣхъ этихъ народовъ, жившіе по торговымъ дѣламъ въ Кіевѣ, старались склонить князя къ принятію исповѣдываемой каждымъ изъ нихъ религіи, что̀, конечно, повлекло бы за собой значительныя выгоды и могло сильно послужить ихъ торговымъ интересамъ. Исторія русской земли весьма тѣсно связана съ исторіей двухъ восточныхъ народовъ, болгаръ и хазаръ, и попытка ихъ сдѣлать на Руси господствующей свою религію является вполнѣ естественной. Въ ту эпоху, когда только что начинается для насъ исторія русскаго государства, тѣсныя отношенія между Болгаріей, Хазаріей и Русью являются вполнѣ прочно установившимися, и если сильное культурное вліяніе распространялось на русскихъ славянъ съ незапамятныхъ временъ отъ грековъ, то не менѣе важное значеніе имѣли для Руси давнія сношенія наши съ Востокомъ, съ болгарами и хазарами, а чрезъ нихъ и съ странами передней и средней Азіи.

Первыя извѣстія о болгарахъ мы находимъ у армянскаго писателя, Моисея Хоренскаго. Приблизительно между 149—127 гг. до Р. Х. многочисленныя болгарскія колоніи, вслѣдствіе междоусобій на родинѣ, устремились въ Арменію и заняли тамъ земли. Отъ этихъ переселенцевъ стало извѣстно, что болгаре очень сильное племя, жи-

---

[1]) Лаврентьев. лѣтоп. изд., 1872 г., стр. 82—84.

вущее гдѣ-то очень далеко отъ Кавказа[1]). Отголосокъ преданій о о какой то внутренней борьбѣ среди болгаръ мы находимъ и у византійскихъ писателей[2]). По всей вѣроятности, движеніе изъ Азіи новыхъ кочевыхъ массъ дало толчокъ болгарамъ, которые принуждены были или покориться новымъ завоевателямъ, или покинуть свою родину. Начало движенія болгаръ въ разныя стороны относится къ концу V в. по Р. Х. Въ это время они жили по берегамъ Азовскаго моря и рѣкамъ Кубани, Дону и Волгѣ[3]). Прародиной болгарскаго народа признается мѣстность при сліяніи рѣкъ Камы и Волги[4]). Новый народъ, явившійся изъ Азіи и частью покорившій, частью вытѣснившій болгаръ на западъ или назадъ къ ихъ прародинѣ, были хазары. Произошло это приблизительно въ VII в., хотя первое движеніе болгаръ, какъ мы сказали, относится къ V в., а въ половинѣ VI в. они на нѣкоторое время подпали подъ власть аваръ[5]). Со времени окончательнаго утвержденія хазаръ по берегамъ Волги, Дона и Каспійскаго и Азовскаго морей, часть болгаръ, оставшаяся на своихъ мѣстахъ, по берегамъ Волги и Камы, пошла совершенно отдѣльнымъ историческимъ путемъ, и никогда уже не возстановляла никакой связи съ своими братьями, поселившимися на Дунаѣ. Къ какому племени принадлежитъ болгарскій народъ,—до сихъ поръ окончательно не рѣшено въ наукѣ. Нѣкоторые ученые считаютъ ихъ народомъ чудскаго, т. е., финско-угрскаго происхожденія[6]). Другіе не прочь видѣть въ нихъ славянъ[7]). Есть, наконецъ, мнѣніе, что болгары народъ тюркскаго племени[8]). Дѣло въ

---

[1]) Nouvelles Annales des voyages, 1851. v.v. II. и III.

[2]) Stritter. Memoriae populorum, Petr. 1774, v. II, p. 504—5.

[3]) Ibidem, p. 502—3.

[4]) Nouvelles Annales des voyages, 1851, v. II и III; Григорьевъ. „Волжскіе Булгары“. Сборникъ „Россія и Азія.“ Спб. 1876 г. стр. 81. Neümann. Die Völker des südlichen Russland's in ihrer geschichtlichen Entwichelung. Leipzig. 1847., s. 106.

[5]) Nouvelles Annales des voyages, 1850. v. II.

[6]) Neumann, Völker des südlichen Russland's, s. 107; Vivien de S Martin. Nouvelles Annales des voyages, Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succedès au nord du Caucase; Иречекъ. Исторія Булгаръ. Перев. съ нѣм. Яковлева. стр. 126—128. Указаніе и разборъ мнѣній другихъ ученыхъ, державшихся такого же взгляда на происхожденіе булгаръ см. у Vambèry, Der Ursprung der Magyaren. Leipzig 1882, erste Abtheilung, V, s. 50 etc.

[7]) S. Uvarov. De Bulgarorum utrorumque origine et sedibus antiquissimis. Dorpati 1853. См. особенно съ 80 стр. и далѣе. Къ этому же мнѣнію повидимому склоняется и Григорьевъ: „Россія и Азія,“ стр. 94—99. Въ послѣднее время сильнымъ защитникомъ славянскаго происхожденія болгаръ явился г. Иловайскій въ „Розысканіи о началѣ Руси“ стр. 167 и слѣд.

[8]) Куникъ. Сначала въ III приложеніи къ сочиненію Дорна „Каспій“ стр. 385—7, примѣч., а потомъ въ розысканіи „О родствѣ Хагано-Болгаръ съ Чувашами

томъ, что для рѣшенія этого вопроса у насъ имѣется сравнительно мало данныхъ. Извѣстія средневѣковыхъ писателей отличаются неясностью, а сообщенія арабовъ, которые, какъ мы увидимъ ниже, не только путешествовали въ Болгарію и Хазарію, но жили тамъ, полны противорѣчій. Такъ, посолъ халифа Муктедира, Ибнъ-Фоцланъ, лично посѣтившій Болгарію въ 922 году, называетъ болгаръ славянами [1]). По другому арабскому извѣстію, болгарскіе богомольцы, пришедшіе вскорѣ послѣ принятія болгарами магометанства въ Мекку, на вопросъ о ихъ происхожденіи отвѣчали, что они происходятъ отъ смѣшанной расы турокъ и славянъ [2]). Знаменитый арабскій путешественникъ, Аль-Масуди, пріѣзжавшій въ Хазарію въ X в. и потому имѣвшій возможность лично наблюдать болгаръ, посѣщавшихъ Итиль, столицу хазаръ, для торговли, считаетъ ихъ народомъ тюркскаго племени [3]). Другой не менѣе извѣстный арабскій туристъ и ученый, писавшій во второй половинѣ X в., Ибнъ-Гаукаль, выражается очень темно, говоря, что „языкъ Булгаръ сходенъ съ языкомъ Хозаръ“ [4]). Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ говорили хазары, едва ли можетъ считаться рѣшеннымъ и въ настоящее время, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Правда, въ распоряженіи ученыхъ имѣются остатки болгарскаго языка въ видѣ топографическихъ названій, нѣкоторыхъ именъ собственныхъ и нарицательныхъ. Кромѣ того до насъ дошелъ интересный памятникъ—именникъ *болгарскихъ* князей, въ которомъ находятся цѣлыя фразы на неизвѣстномъ языкѣ [5]). Анализъ помѣщенныхъ тутъ именъ болгарскихъ князей и другихъ словъ привелъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ выводу, что болгары были народъ тюркскаго племени [6]), но и тутъ является разногласіе во мнѣніяхъ: одни считаютъ теперешній чувашскій языкъ за древне-болгарскій, но современемъ значительно измѣнившійся, другіе отрицаютъ всякое сходство между этими двумя

по славяно-болгарскому именику,“ въ приложеніи къ „Извѣстіямъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ“ Спб. 1878 г. Vambéry. Op. cit.

[1]) Frähn. Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen (Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit, v. 1, livrais. 6, p. 566.

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris. 1828. p. 216.

[3]) Хвользонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста. Спб. 1869 г. стр. 81.

[4]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей. Спб. 1870 г. стр. 219.

[5]) Открытъ Поповымъ. Не имѣя подъ руками его „Обзора хронографовъ“, приводимъ двѣ фразы изъ „Именника“ по „Розысканію о началѣ Руси“ Иловайскаго, стр. 219, примѣч: „Авитохолъ жилъ лѣтъ 300. Родъ ему доуло, а лѣтъ ему диломъ твиремъ... Еспериxъ князь 60 и едино лѣто; родъ ему доуло, а лѣтъ ему веренналемъ“... и т. д.

[6]) См. Куника, Вамбери и сюда, кажется, склоняется Березинъ въ статьѣ: „Булгаръ на Волгѣ“ въ „Учен. запискахъ казан. университета“ 1852 г. кн. III, стр, 74.

языками [1]). Какъ кажется, болѣе близкимъ къ истинѣ слѣдуетъ признать мнѣніе, что волжскіе болгары дѣйствительно представляли собою смѣсь чудскаго, тюркскаго и славянскаго элементовъ [2]). Въ вопросѣ о происхожденіи болгаръ можетъ нѣкоторую услугу оказать и антропологія. Найденные при раскопкахъ въ древнемъ Булгарѣ черепа оказываются длинноголовые; короткоголовыхъ всего 20%, слѣдовательно болгары представляютъ собою довольно чистый этнографическій типъ, лишь съ небольшою примѣсью тюркскаго или славянскаго элемента—короткоголоваго [3]). Первобытное длинноголовое племя, нѣкогда занимавшее почти всю территорію нынѣшней Россіи, есть племя угрское, къ которому принадлежало и племя мери и веси; къ нему-то, можетъ быть, слѣдуетъ отнести и коренныхъ болгаръ [4]). Есть данныя, которыя позволяютъ отождествлять языкъ волжскихъ болгаръ съ языкомъ нынѣшнихъ чувашей. Такъ были открыты на надгробныхъ памятникахъ въ Булгарѣ надписи, которыя по изслѣдованіи ихъ оказались писанными на чувашскомъ языкѣ. Формы чувашскихъ словъ на этихъ надгробіяхъ представляютъ нѣчто среднее, переходное между тюркскимъ и нынѣшнимъ чувашскимъ [5]). Послѣднія изслѣдованія надъ чувашскимъ языкомъ показали также, что онъ, имѣя тюркское основаніе, заключаетъ въ себѣ элементы и нетюркскія [6]). Если мы обратимся къ

---

[1]) Первое мнѣніе принадлежитъ Радлову и Кунику (ссылка раньше), второе—Вамбери въ указанномъ „Ursprung der Madgyaren". Сбоевъ въ трудѣ „Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ" Москва, 1865 г. старается доказать, что болгары не чуваши, а послѣднихъ принимаетъ за буртасъ, (См. стр. 178 и слѣд.), о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Савельевъ, въ „Мухамеданской нумизматикѣ", Спб. 1846 г., кажется, также признавалъ чувашъ за потомковъ болгаръ (стр. 100 и слѣд). Френъ также. См. слѣд. ссылку.

[2]) Кеппенъ. „О Волжскихъ Болгарахъ" въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г. октябрь. Frähn. „Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen" въ Mémoires de l'Academie des Sciences de St-Pétersbourg. t. I, livraison 6, p. 549.

[3]) Богдановъ. „Жители древнихъ Болгаръ по краніологическимъ признакамъ".

[4]) Къ угрскому племени принадлежатъ и теперешніе венгры, родные братья нашихъ вогуловъ и остяковъ, предки которыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ назывались югра. См. Европеуса: „Объ Угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей". Спб. 1874 г. Антропологическія подтвержденія см. у Богданова въ статьяхъ: 1) „Доисторическіе Тверитяне по курганнымъ раскопкамъ", 2) „Курган. жители Сѣверянской земли по раскопкамъ въ Черниговъ. губ.", 3) „Меряне въ антропологич. отношеніи" и др.

[5]) Письмо Ильминскаго къ Григорьеву о фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками (въ Извѣстіяхъ Имп. Археолог. Общества, т. V, стр. 80—84).

[6]) Winkler „Uralaltaische Völker und Sprache". Berlin. 1884. s. 413—414.

этнографическимъ даннымъ о нынѣшнихъ чувашахъ, то должны будемъ придти къ твердому заключенію, что они финскаго происхожденія; ихъ вѣрованія, обычаи и нравы общи съ вѣрованіями, обычаями и нравами не только сосѣднихъ, но и далеко живущихъ отъ нихъ финскихъ племенъ [1]). Изъ всего сказаннаго возможно пока сдѣлать лишь предположеніе, что когда-то, въ очень отдаленныя времена, небольшая тюркская орда явилась среди поволжскихъ финско-угрскихъ племенъ, подчинила одно изъ нихъ своей власти, осѣлась среди него, затѣмъ смѣшалась съ нимъ, передавъ ему въ значительной степени свои этнографическія черты въ видѣ обычаевъ и языка, но и сама въ свою очередь усвоила, можетъ быть, отъ этого племени нѣкоторыя религіозныя вѣрованія. Антропологическій типъ угрскій сохранился, но языкъ этого угрскаго племени сохранилъ лишь немного своихъ первоначальныхъ чертъ [2]).

Центромъ волжскоболгарскаго царства была мѣстность, гдѣ рѣка Кама впадаетъ въ Волгу. Къ сѣверу и югу отъ устья Камы и вверхъ по самой Камѣ лежали главные болгарскіе города. Въ тридцати верстахъ ниже впаденія рѣки Камы въ Волгу, въ 6 верстахъ отъ послѣдней, лежала столица болгарскаго царства городъ Булгаръ, основаніе котораго теряется во мракѣ временъ. Бо́льшая часть построекъ этого города была выстроена изъ дерева [3]), но остатки зданій указываютъ также, что много было и каменныхъ сооруженій. Этотъ городъ былъ великъ и пользовался, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ связямъ, большою извѣстностью на всемъ Востокѣ [4]). Въ настоящее

[1]) См. Георги. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ". Спб. 1799 г., ч. I, стр. 35 и слѣд.; Сбоевъ „Чуваши", особенно глава VI, стр. 62 и слѣд.; Миллеръ „Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ—яко-то Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ, 1743 г.". Спб. 1791 г., Кастренъ: Vorlesungen über die finnische Mythologie, S. Petersbourg. 1853, ss. 107, 122, 178—179, 214—215.

[2]) Тюркская орда, явившись среди дунайскихъ славянъ, окончательно была поглощена ими и утеряла всѣ свои племенныя черты. Здѣсь она встрѣтилась съ племенемъ духовно болѣе сильнымъ, чѣмъ племена финско-угрскія, большая часть которыхъ на территоріи нынѣшней Россіи была поглощена славянскимъ племенемъ.

[3]) Березинъ. „Булгаръ на Волгѣ". Учен. записки казанскаго университета, 1852 т., ч. III, стр. 76; Шпилевскій, „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ казанской губерніи", Казань, 1877 г., стр. 1 и слѣд. и 195 и слѣд.; Невоструева: „О городищахъ древняго волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ", въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ, т. II, 1871 г., стр. 523. О деревян. постройкахъ говоритъ арабъ Якутъ. (Frähn.: „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen" въ Mémoires de l'Academie des Sciences, VI-e serie, sciences politiques, v. I, livr. 6, p. 565.

[4]) Ибнъ-Эль-Варди у Хвользона „Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-Али-Ахмеда Бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста", Спб. 1869 г., стр. 89.

время сохранились развалины его укрѣпленій и каменныхъ зданій, которыя и даютъ намъ возможность представить хоть небольшое описаніе этого знаменитаго нѣкогда города. Онъ былъ расположенъ на горѣ и обведенъ валомъ и рвомъ; кромѣ того городъ окружала высокая дубовая стѣна [1]). Съ сѣверной стороны было природное укрѣпленіе въ видѣ горнаго обвала. Въ южномъ концѣ къ городскому валу примыкало другое укрѣпленіе, состоящее изъ невысокаго вала и неглубокаго рва, отдѣлявшееся отъ главнаго поселенія городскимъ валомъ и рвомъ. Это была цитадель города. Окружность собственно города, судя по длинѣ вала, простиралась до 9 верстъ. Въ этомъ пространствѣ, при скученности построекъ мусульманскихъ городовъ, помѣщалось до пятидесяти тысячъ жителей [2]). Внутри цитадели находился царскій дворецъ. Онъ занималъ почти средину ея и былъ обведенъ особеннымъ неглубокимъ рвомъ и имѣлъ два входа—сѣверный и южный, при которомъ находились четыреугольныя каменныя башни; у сѣвернаго входа стояло двѣ башни, у южнаго же только одна большая. Сѣверный входъ былъ обращенъ къ городу и считался главнымъ; здѣсь между двумя башнями были широкія ворота. Къ сѣверо-восточному углу дворца примыкалъ четыреугольникъ, обведенный валомъ; здѣсь по предположенію были дворцовыя службы [3]). Въ самомъ городѣ, какъ показываютъ развалины, существовало нѣсколько замѣчательныхъ зданій. Тутъ находилась одна изъ лучшихъ болгарскихъ мечетей. Можетъ быть, она была соборной царской мечетью, какъ можно предполагать по высотѣ и красотѣ зданія. Мечеть была построена изъ камней съ известью, снаружи обложена тесанными довольно большими камнями, а внутри вся выштукатурена. У нея былъ только одинъ ходъ съ сѣверо-восточной стороны, а на противоположной сторонѣ находился „михрабъ“—указаніе мекксной стороны. Разною фигурою кладки мечеть какъ бы дѣлится на четыре яруса, что составляло ея оригинальность. Окна съ овальными или острыми сводами, тонкіе пилястры съ длинными и многогранными капителями, большія звѣзды по бокамъ оконъ третьяго яруса, фальшивыя арки, переходъ изъ четыреугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ—все это соотвѣтствуетъ вполнѣ условіямъ арабской архитектуры, притомъ месопотамской. Вокругъ мечети были пристроены къ ней такъ называемые „утаги“—комнаты для „хадамэ“—служителей мечети, а съ сѣ-

---

[1]) Березинъ: „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 82. Хвользонъ: „Извѣстія Ибнъ-Даста“, стр. 87.

[2]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 82—84.

[3]) Ibidem, стр. 97.

верной стороны примыкало къ ней особое строеніе, можетъ быть, что-нибудь въ родѣ „медресэ"—духовнаго училища [1]). Но это былъ не единственный мусульманскій храмъ въ городѣ. Долгое время [2]) сохранялся въ цѣлости большой минаретъ, который формою своею походилъ на арабо-месопотамскіе и сирійскіе минареты небольшихъ мечетей. Минаретъ примыкалъ къ четыреугольнику стѣнъ съ четырмя башнями по угламъ, въ которыхъ, можетъ быть, помѣщалось духовенство; внутри этого четыреугольника стѣнъ помѣщалось, вѣроятно, собственно зданіе соборной мечети („джум'а джам'и"). На востокъ и на сѣверъ отъ мечети находились двѣ „тюрбэ"—надгробныя молельни [3]). Наконецъ была еще третья такая же мечеть съ малымъ минаретомъ, на дворѣ которой было кладбище, гдѣ покоились какіе-нибудь болгарскіе чтимые мужи [4]). Трудно сказать, о какой изъ этихъ трехъ мечетей упоминаютъ арабскіе писатели Аль-Балхи и Мукадесси (оба X в.), какъ о главной [5]). Городъ Булгаръ славился на востокѣ также своими банями, которыхъ арабскій географъ Абульфеда насчитываетъ три [6]). Развалины одной изъ нихъ сохранились. Это зданіе состояло изъ главной четыреугольной большой залы съ куполомъ въ центрѣ, въ четырехъ углахъ которой находилось по квадратной комнатѣ. Такая форма постройки употребляется въ мусульманскихъ баняхъ: въ угольныхъ комнатахъ находятся бассейны съ водою разной температуры для ваннъ посѣтителей, а въ средней залѣ подъ куполомъ находится полокъ, на которомъ моютъ и растираютъ приходящихъ. Зданіе было построено изъ камня, но внутри былъ употребленъ кирпичъ; вся же сѣверная пристройка была сложена изъ большихъ кирпичей, форма которыхъ напоминаетъ большіе багдадскіе кирпичи, взятые изъ Вавилона. Залъ и угольныя комнаты были выштукатурены и украшены лѣпнымъ карнизомъ въ арабскомъ вкусѣ [7]). Сохранившіеся въ большомъ числѣ фундаменты каменныхъ построекъ, частью видимые, частью скрытые подъ буграми наносной земли, между большою мечетью и малымъ минаретомъ, показываютъ, что здѣсь былъ центръ города, тѣсно застроенный и густо заселеный. Судя по находимымъ въ развалинахъ

---

[1]) Ibidem, стр, 86--89,

[2]) Минаретъ еще стоялъ до 1841 г., когда развалился (Шпилевскій· „Древніе города" etc. стр. 204).

[3]) Березинъ: „Булгаръ на Волгѣ", стр. 89—92.

[4]) Ibidem, стр. 92—93).

[5]) Извѣстія Аль-Бальхи и Мукадесси приводитъ Хвользонъ „Извѣстія Ибнъ-Даста", стр. 82 и 84.

[6]) Извѣстіе Абульфеды у Хвользона (ibidem, стр. 88).

[7]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ", стр. 93—97.

Булгара и большимъ и малымъ водопроводнымъ трубамъ изъ красновато-желтой гончарной глины, можно думать, что въ городѣ были бассейны и фонтаны [1]). За городскимъ валомъ по самой горѣ и внизу ея находились торговыя предмѣстья [2]). Въ 6 верстахъ была пристань города Булгара на Волгѣ. Тутъ встрѣчаются при раскопкахъ остатки старинныхъ строеній [3]). Эти предмѣстья заселялись, по всей вѣроятности, пріѣзжими иностранцами, являвшимися въ Булгаръ для торговли [4]). Уцѣлѣли развалины бывшей въ нагорномъ предмѣстьи церкви, при которой было кладбище, вѣроятнѣе всего армянское, судя по могильнымъ камнямъ съ армянскими, какъ думаютъ, надписями [5]), хотя несомнѣнно, какъ мы увидимъ далѣе, что въ Булгарѣ жили и всякіе другіе иностранцы, въ числѣ которыхъ должны были быть и православные христіане. Городъ Булгаръ, извѣстный подъ такимъ именемъ на востокѣ, на Руси назывался Бряхимовъ съ приложеніемъ эпитета „славный" [6]). Прямо на востокъ отъ столицы лежалъ, верстахъ въ 70 отъ нея, второй городъ государства, извѣстный на Руси подъ именемъ Великаго града [7]), городъ Бюларъ. Онъ стоялъ на берегу рѣки Малаго Черемшана и былъ сильно укрѣпленъ. Его окружали три высокихъ вала и три глубокихъ рва. Судя по каменнымъ развалинамъ, между наружнымъ валомъ и вторымъ были городскія строенія, а центральный валъ, болѣе всѣхъ укрѣпленный, заключалъ въ себѣ кремль города. Среди развалинъ кремля въ прошломъ столѣтіи возвышался еще каменный столпъ изъ краснаго кирпича и дикаго камня, имѣвшій въ окружности 24 аршина [8]). Въ X в. былъ въ болгарскомъ царствѣ еще третій важный городъ, Суваръ или Сиваръ. Арабскіе писатели говорятъ, что онъ лежалъ недалеко отъ города Булгара на Волгѣ; дома его были деревянные и въ немъ, какъ и въ столицѣ, была главная мечеть [9]).

---

[1]) Шпилевскій: „Древніе города", стр. 220 и 285.

[2]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ", стр. 81.

[3]) Ibidem, стр. 80. Урочище, гдѣ была эта пристань, носитъ теперь названіе Ага-Базаръ.

[4]) Ibidem, стр. 81.

[5]) Шпилевскій: „Древніе города", стр. 225—229. Надгробные камни съ армянскими надписями найдены въ развалинахъ Булгара (Березинъ, ibidem, стр. 135—7).

[6]) Лаврент. Лѣт. изд. 1872 г., стр. 334.

[7]) Невоструевъ: „О городищахъ др. волжско-болгарскаго и казанскаго царствъ" въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ", т. 2, стр. 543; Шпилевскій „Дредніе города", стр. 138; Лаврентьев. лѣт., стр. 369—370 и 422.

[8]) Невоструевъ, ibidem. На мѣстѣ этого города стоитъ теперь пригородъ Билярскъ.

[9]) Извѣстія Аль-Балхи и Мукадесси у Хвользона („Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 82 и 84.

По всей вѣроятности, этотъ городъ игралъ весьма важную роль въ торговлѣ болгаръ, такъ какъ первая дошедшая до насъ монета болгарская чеканена въ Суварѣ [1]). Гдѣ находился этотъ городъ, съ точностью опредѣлить пока нѣтъ возможности. Можно съ нѣкоторою долею вѣроятности предпологать, что Суваръ стоялъ или тамъ, гдѣ теперь находится городище Балымеръ съ слѣдами довольно значительныхъ укрѣпленій, или на мѣстѣ Симбирскаго городища, на лѣвой стороны Волги, верстахъ въ 13 ниже нынѣшняго города Симбирска [2]). Но города болгарскіе существовали и на правой сторонѣ р. Волги. Къ числу ихъ принадлежалъ Ошелъ, находившійся ниже устья Камы, при впаденіи въ Волгу р. Кирелки. Онъ былъ сильно укрѣпленъ двойнымъ дубовымъ оплотомъ, валомъ и рвомъ [3]). Это были важнѣйшіе центры болгарской земли въ политическомъ или торгово-промышленномъ отношеніи. Но сохранилось очень много слѣдовъ другихъ поселеній въ видѣ развалинъ каменныхъ зданій, валовъ и рвовъ и пр. [4]). Большая часть этихъ поселеній намъ совершенно неизвѣстна по названіямъ. Есть однако и такіе города, имена которыхъ дошли до насъ, но опредѣлитъ ихъ мѣстонахожденіе нѣтъ никакой возможности. Такъ арабъ Мукадесси говоритъ о какомъ-то городѣ, лежавшемъ на берегу другой рѣки, который былъ больше Булгара и Сувара [5]). Имя этого города читаютъ Ходаръ [6]). Въ географіи арабскаго ученаго Эдриси между прочимъ разсказывается, что „въ странѣ Булгаръ существовалъ городъ по имени Табунъ (или Хамуни), котораго укрѣпленія, расположенныя на вершинѣ одной горы, окружены плодородными полями и поселеніями [7]). Къ числу такихъ же городовъ, мѣстность которыхъ не можетъ быть опредѣлена въ настоящее время, нужно отнести и упоминаемый въ нашей лѣтописи городъ Торческій [8]), который лежалъ, несомнѣнно, къ югу отъ рѣки Камы. Булгары, какъ народъ

---

[1]) См. ниже.

[2]) Различныя догадки о мѣстонахожденіи Сувара см. у Шпилевскаго: „Древніе города“, стр. 50—52. Предположеніе Невоструева („О городищахъ др. волжско-болгарскаго царства“, Труды I арх. с. т. 2, стр. 552), что этотъ городъ находился гдѣ-то въ воронежской или тамбовской губерніи, совершенно противорѣчитъ извѣстію Аль-Бальхи и Мукадесси. Что Суваръ находился южнѣе Булгара, доказывается обстоятельствами войнъ суздальцевъ съ болгарами.

[3]) Лаврент. лѣтоп. изд. 1872 г., стр. 422; Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 152.

[4]) См. указанныя выше работы Невоструева и Шпилевскаго passim.

[5]) Извѣстія Мукадесси у Хвользона („Извѣстія Ибнъ-Даста“, стр. 84).

[6]) Шпилевскій: „Древніе города“, стр. 53, примѣч. 1.

[7]) Ibidem, стр. 53.

[8]) Ипатьев. лѣтоп. изд. 1871 г. стр. 423.

торговый, понимали значеніе рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія въ то отдаленное время. Такими торговыми путями являлись рѣки Волга и Кама. Послѣдняя кромѣ того протекала среди самаго болгарскаго царства, раздѣляя его на двѣ части, южную и сѣверную. Вотъ почему почти въ устьѣ Камы мы находимъ укрѣпленіе Тухчинъ [1]). Въ сѣверной части болгарской земли были города: Соба, Куль, Тямти, память о которыхъ сохранилась въ названіяхъ деревень лежащихъ къ сѣверу отъ р. Камы и, очевидно, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли нѣкогда указанные города [2]). О густотѣ населенія къ сѣверу отъ р. Камы свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ большомъ количествѣ городища [3]).

Опредѣлить политическую границу болгарскаго царства съ точностью нельзя. Въ эпоху процвѣтанія его, то есть съ X в. и до начала XIII столѣтія, южная граница его простиралась до рѣки Урала, на которой находилась постоянная болгарская стража [4]). Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что власть болгарскаго царя простиралась далеко на сѣверъ. По крайней мѣрѣ, есть основаніе думать, что берега рѣкы Камы на всемъ почти ея теченіи съ сѣвера на югъ были заняты болгарскими городами [5]). Какъ далеко на западъ шли владѣнія болгаръ, возможно говорить только приблизительно. Вѣроятно, граница собственно болгарскаго царства доходила до р. Суры [6]). До XI в., т. е. до появленія въ южно-русскихъ степяхъ половцевъ, болгарское царство граничило съ юга съ Хазаріей, но затѣмъ массы кочевниковъ, не встрѣчая себѣ никакой задержки послѣ паденія хазарскаго каганата, придвинулись съ юга къ болгарской землѣ. На востокѣ и сѣверѣ жили угрскіе народы, частью находившіеся подъ властью болгаръ, частью сохранявшіе свою независимость. Это были пермь, югра, вотяки, черемиса. Всѣ эти народцы, даже признавая свою зависимость отъ болгаръ, сохраняли своихъ племенныхъ князьковъ и выражали свою покорность лишь платою дани, заключавшейся главнымъ обра-

---

[1]) Лавретьев. лѣтоп. изд. 1872 г., стр. 369—370; Шпилевскій: „Древніе города", стр. 139.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 423; Шпилевскій „Древніе города", стр. 144.

[3]) Шпилевскій и Невоструевъ—указанные труды. Мы указали лишь тѣ поселенія болгарской земли, которыя, по имѣющимся у насъ письменнымъ источникамъ, указываются какъ болгарскія, но археологическія данныя, какъ я уже сказалъ, указываютъ такихъ поселеній гораздо больше. Интересующихся отсылаемъ къ работамъ гг. Невоструева и Шпилевскаго.

[4]) Лаврентьев. лѣтоп., изд. 1872 г. стр. 430.

[5]) Воскресенская лѣтопись подъ 1220 г. (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 127).

[6]) Перетятковичъ. Поволжье. М. 1877 г., стр. 38.

зомъ въ мѣхахъ [1]). Между Волгою и Окою, по рѣкамъ Сурѣ, Мокшѣ съ ея притокомъ Цною и по верховьямъ Дона и его верхнихъ притоковъ жило сильное племя мордва, дѣлившаяся на два колѣна— мокшу и эрзу. Мокша занимала сѣверную часть этого пространства по р. Мокшѣ и сѣвернѣе ея по теченію рр. Оки и Волги. Мокша въ X в. была извѣстна у восточныхъ писателей подъ именемъ буртасъ, имя, подъ которымъ могло однако разумѣться и все племя мордвы [2]). До сихъ поръ еще въ области, занимаемой мокшей, сохранилось имя Буртасъ у одной рѣки и многихъ селеній и урочищъ. Но на востокѣ была извѣстна также и эрза [3]). Мордва принадлежала уже не къ угрскому, а финскому племени [4]). Сначала мордва находилась подъ властью хозарскаго каганата и зависимость ея выражалась въ доставленіи вспомогательныхъ отрядовъ кагану [5]). Оба колѣна, и мокша и эрза, управлялись своими князьями. У послѣдней былъ одинъ князь и существовалъ одинъ главный городъ [6]). Въ началѣ XIII ст. мы находимъ у мокши князей Пурейшу и Пургаса [7]). Кромѣ того въ каждомъ селеніи у нихъ было по одному или по двое старшинъ, обладавшихъ судебною властью [8]). Мордва жила въ деревянныхъ домахъ, имѣла укрѣпленія и, какъ сильное племя, само отбивалось отъ своихъ южныхъ сосѣдей, кочевниковъ [9]).

---

[1]) Барсовъ. „Очерки Рус. Ист. Географіи". Варшава 1885 г. стр. 55—57. Князья пермскія существовали и въ гораздо позднѣйшія времена. См. „Распространеніе христіанской вѣры въ предѣлахъ пермской губерніи" въ Ж. М. Н. Пр. . 93, отд. II, стр. 227. О вотякахъ см. Георги: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійской Имперіи народовъ", ч. I, тамъ же и о черемисахъ. О пермякахъ, какъ племени угрскомъ см. труды Европеуса, Шегрена и др. О землѣ Перми см. „Житіе св. Стефана пермскаго", (Памятники старин. рус. литературы, т. IV). О князьяхъ югорскихъ см. Лерберга „Изслѣдованія, служащія къ объясненію др. Рус. Исторіи", Спб. 1819 г. стр. 8, 14 и 15.

[2]) О буртасахъ сообщаютъ Аль-Масуди, Аль-Балхи и Ибнъ-Дастъ (Хвольсонъ, „Извѣстія Ибнъ-Даста" стр. 19, 71 и 73). Мы основываемъ свое мнѣніе на извѣстіи Ибнъ-Даста, что буртасы жили между хазарской и болгарской землей, были подвластны Хазаріи и выставляли ей вспомогательныя войска, чего не могло быть, по географическому положенію, если бы дѣло шло объ одной только мокшѣ.

[3]) Савельевъ „Мухамеданская нумизматика, стр. LXV и CXIX. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 84.

[4]) Племя мордва сначала жили на западѣ въ сосѣдствѣ съ литвою, что доказывается многочисленностью литовскихъ словъ въ ихъ языкѣ. (Европеусъ „Объ Угорскомъ народѣ". Стр. 14). Краніологическія данныя подтверждаютъ мнѣніе Европеуса. См. Winkler. „Uralaltaische Völker und Sprachen". ss. 31—34.

[5]) Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвольсонъ, стр. 19).

[6]) Савельевъ „Мухамеданская нумизматика", стр. CXIX.

[7]) Лаврентьев. лѣтоп. подъ 1228 и 1229 годами.

[8]) Извѣстіе Ибнъ-Даста, у Хвользона, стр. 20.

[9]) Ibidem, и извѣстіе Аль Балхи (Хвользонъ, стр. 73), а также Лаврентьев. лѣтоп. подъ 1228 г.

Это финское племя играло важную роль въ исторіи болгарскаго царства, занимая области, лежавшія между послѣднимъ и русскою землею.

О политическомъ строѣ Болгаріи мы знаемъ, хотя и не особенно много, изъ записки арабскаго посланника Ибнъ-Фоцлана, ѣздившаго къ болгарскому царю Альмусу, по порученію халифа Муктедира въ 921—922 г. Власть въ Болгаріи была наслѣдственная, и престолъ переходилъ отъ отца къ сыну [1]). Царь пользовался такими же почестями какъ и всѣ азіатскіе государи. Никто не смѣлъ предъ нимъ сидѣть. Когда онъ выѣзжалъ изъ двора, то всѣ при встрѣчѣ съ нимъ вставали, снимали съ головы свои шапки и брали ихъ подъ мышку, оставаясь съ непокрытой головой, пока царь не проѣзжалъ. Входя во дворецъ, даже дѣти и братья царя обнажали свои головы, падали ницъ, затѣмъ поднимались и садились на колѣни [2]). Въ торжественныхъ случаяхъ, когда происходило, напр., принятіе особенно важныхъ посольствъ, царь возсѣдалъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчей; рядомъ съ нимъ помѣщалась его супруга; дѣти его сидѣли предъ нимъ на отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; по правую сторону отъ престола занимали мѣста цари и вельможи болгарской земли. Въ такихъ случаяхъ происходило угощеніе пословъ. Царю приносили отдѣльный столъ, на которомъ было жареное мясо. Онъ бралъ ножъ, отрѣзывалъ имъ кусокъ и съѣдалъ; затѣмъ, съѣвъ нѣсколько кусковъ, онъ отрѣзывалъ одинъ и подавалъ почетному гостю или кому-нибудь изъ присутствовавшихъ тутъ знатныхъ особъ. Сейчасъ же получившему кусокъ мяса приносился отдѣльный столъ. Въ этой раздачѣ кушанья соблюдался, какъ видно, извѣстный порядокъ старшинства, да и вельможи сидѣли по степени ихъ важности, при чемъ первымъ мѣстомъ считалось ближайшее у царскаго трона. Остававшееся кушанье каждый уносилъ съ собою домой. По окончаніи стола, по приказанію царя, подавался медъ, который пили всѣ присутствующіе [3]). Какъ видно, болгарское царство дѣлилось на нѣсколько частей, во главѣ которыхъ стояли или туземные царьки, или намѣстники царя. Они играли важную роль и, можетъ быть, нѣсколько ограничивали власть болгарскаго владыки. Такъ Альмусъ отложилъ чтеніе письма халифа, пока не съѣдутся всѣ цари его земли и вельможи;

[1]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана у Френа: „Die ältesten Nachrichten über die Wolga—Bulgharen“ въ „Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg“, v. I, livrais. 6, p. 566. До насъ дошелъ списокъ болгарскихъ царей (Шпилевскій „Древніе города“, стр. 39), подверждающійся какъ запиской Ибнъ-Фоцлана, такъ и нумизматическими данными.

[2]) Ibid., p 575.

[3]) Ibidem, p. 569.

при заключеніи мира они также приносили присягу. Мы не знаемъ, какіе доходы получались болгарскимъ правительствомъ. По извѣстіямъ арабовъ, болгарскій царь въ видѣ подати получалъ съ каждаго двора по бычачьей шкурѣ, а также лошадей. Всякій вступающій въ бракъ долженъ былъ дать царю верховую лошадь. Со всѣхъ купеческихъ судовъ, пристававшихъ къ гавани города Булгара, бралась пошлина въ видѣ десятины отъ всѣхъ товаровъ. Царь получалъ также часть добычи послѣ похода [1]. Вотъ и все, что мы можемъ сказать о политическомъ строѣ болгарскаго государства. Гораздобольше данныхъ имѣется у насъ для очерка торговли и промышленности болгарскаго народа.

Еще за долго до образованія болгарскаго государства населеніе областей по среднему теченію р. Волги, Камы и далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ обладало значительно развитою культурою и имѣло довольно отдаленныя торговыя связи [2]. Болгарское царство, образовавшись въ самомъ центрѣ Поволжья, должно было унаслѣдовать и промышленность и торговыя связи, развившіяся и установившіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ гораздо раньше.

Бóльшая часть пространства, занимаего болгарскимъ царствомъ, покрыта толстымъ слоемъ чернозема, который представляетъ неоцѣненныя достоинства для земледѣлія; луговая сторона Волги и все

---

[1]) Ibidem, p. 568, 534 и 575. Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24). Троицкая лѣтопись подъ 1230 г. у Карамзина. (Цитата у Шпилевскаго „Древніе города", стр. 156). Наша лѣтопись знаетъ серебряныхъ болгаръ и челматъ (Ипат. лѣтоп. изд. 1871 г., стр. 423). По объясненію Шпилевскаго, серебряные болгары имѣли городъ Бюларь, который стоялъ на р. Серебрянкѣ, а челмата=болгары прикамскіе, ибо Кама на татар. языкѣ называется Челманъ или Чулманъ (Древніе города", стр. 138 и 144).

[2]) О богатствѣ и торговлѣ Перми свидѣтельствуютъ скандинавскія саги, называя ее Біарміей (см. соображеніе объ этомъ у Sjogren'a въ статьѣ: „Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolotschen Tschuden Russisch?" сначала въ „Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg", sciences politiques, v. I, livrais. 6, serie VI-e, p. 525 и слѣд., а потомъ въ „Gesammelte Schriften", Band. I). Затѣмъ для краткости укажемъ: Невоструева, „Ананьинскій могильникъ" съ замѣчательными предметами глубокой древности (въ „Трудахъ I археолог. съѣзда въ Москвѣ", т. II, стр. 595), Лихачева, „Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ" (въ „Трудахъ VI археологич. съѣзда въ Одессѣ", т. I, стр. 135) и др. Указаніемъ на давность торговыхъ сношеній съ отдаленными странами служатъ найденныя въ Булгарѣ монеты римскія императора Авреліана (270—275 г.) и другія римскія же III и IV в. (Лихачева, „Скиѳскіе элементы", „Труды VI а. с." стр. 170 и Шпилевскій, „Древніе города", стр. 258). Можетъ быть эти монеты дошли западнымъ путемъ, т. е. чрезъ Волгу и Зап. Двину; на это указываетъ, м. б., тотъ фактъ, что въ области Мери, т. е. суздальской, найдены были монеты Филиппа Македонскаго (361—336 г. до а масса римск. монетъ временъ императоровъ и греческихъ республикъ и Р. Х.), и императора Домиціана (81—86 г. по Р. Х), царей была отыскана въ землѣ ливовъ и эстовъ (Kruse, „Necrolivonica". Dorpat.

пространство между рр. Камой и Самарой очень выгодны для скотоводства [1]). Болгарія отличалась богатствомъ естественныхъ произведеній. Въ ней росли березовые и орѣховые лѣса, а изъ фруктовыхъ деревьевъ—яблони [2]). Берега Волги изобиловали драгоцѣннымъ растеніемъ ревенемъ [3]). Изъ животнаго царства мы находимъ въ этой странѣ пчелъ, бобровъ, бѣлокъ, выдру, куницу [4]). Рѣки Волга и Кама изобиловали всевозможной рыбой [5]). Строительный матерьялъ доставляли лѣса, но также берега Камы и Волги доставляли камень; глина, известь, гипсъ, алебастръ и мѣлъ были также въ изобиліи [6]). И болгары воспользовались свойствами своей земли и ея естественными богатствами. Они занимались земледѣліемъ въ широкихъ размѣрахъ, воздѣлывая рожь, пшеницу, ячмень, просо [7]). Для внутренняго потребленія шло, главнымъ образомъ, просо [8]), а масса хлѣба вывозилась за границу. Такъ наша суздальская область и даже Новгородъ Великій получали хлѣбъ изъ Болгаріи, а въ неурожайные годы населеніе сѣверной Руси спасалось отъ голода именно только хлѣбомъ, привозимымъ изъ болгарской земли [9]). Болгары развили у себя скотоводство, и продукты, отъ него получаемые, составляли не маловажную статью ихъ торговли и промышлен-

---

1842. s, 19—24 и Уваровъ „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" („Труды I арх. с. въ Москвѣ", т. II, стр. 659), въ настоящее же время много отыскано монетъ близь г. Россіенъ, ковенской губерніи., консульскихъ и императорскихъ (Иверсенъ „О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ", въ „Трудахъ VI арх. с. въ Одессѣ", стр. 273). Могъ быть путь и по Днѣпру, такъ какъ въ Поднѣпровьи находили греческія и римскія монеты, напр. около др. Коростеня (Kruse, „Necrolivonica", s. 19), а недавно въ обоянскомъ уѣздѣ курской губ. отысканъ былъ значительный кладъ такихъ монетъ (Иверсенъ, ibidem).

[1]) Перетятковичъ. Поволжье, стр. 38.

[2]) Извѣстіе Ибнь-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, sciences politiques, v. I, livrais. 6, p. 574).

[3]) Савельевъ. „Мухамеданская нумизматика", стр. LXXXVII—LXXXVIII.

[4]) Пословъ угощали напиткомъ медомъ (см выше); извѣстіе Ибнъ-Гаукаля (Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 219), Ибнъ-Даста и Андалуси (Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 24 и 88).

[5]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen. Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie, v. I, livrais. 6, p. 575.

[6]) Березинъ, „Булгаръ на Волгѣ", стр. 85. и Шпилевскій. „Древніе города", стр. 236—237 и 354.

[7]) Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 23) и Ибнъ-Фоцланъ (Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 575).

[8]) Ибнъ-Фоцланъ, ibidem.

[9]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 103, Лаврент. лѣтоп. стр. 144. О Новгородѣ, см. Борзаковскаго, „Исторія Тверскаго княжества", Спб. 1876 г. стр. 61.

ности. Лошади были имъ необходимы, такъ какъ главныя военныя силы ихъ состояли изъ конницы[1]). Лошадиное мясо также употреблялось болгарами въ пищу[2]). Овцы и рогатый скотъ вывозились въ большомъ количествѣ въ Бухарію[3]). Кожи выдѣлывали въ самой Болгаріи, и въ обработанномъ видѣ онѣ шли на далекій востокъ, гдѣ славилась болгарская юфть, которая тамъ до настоящаго времени называется „булгари" [4]). Но этотъ продуктъ обработывающей промышленности болгаръ шелъ въ значительномъ количествѣ на обувь мѣстному населенію: всѣ болгары были въ сапогахъ, что̀ такъ поразило нашу лапотную Русь въ X ст., почувствовавшую силу этого промышленнаго народа и выразившую свое сознаніе въ простодушныхъ словахъ Добрыни: „смотрѣлъ я плѣнныхъ (болгаръ); всѣ они въ сапогахъ: не будутъ они намъ дани платить, пойдемъ, поищемъ лапотниковъ" [5]). Изъ продуктовъ растительнаго царства въ Ховарезмъ (нын. Бухарія) отправлялись въ значительномъ количествѣ дерево березы[6]) и орѣхи, послѣдніе и теперь еще въ Средней Азіи носятъ названіе болгарскихъ „гюзи булгаръ" [7]). Береза и самимъ болгарамъ доставляла матеріалъ строевой, а кромѣ того они добывали изъ нея сокъ, который употреблялся, какъ напитокъ[8]). Но главнымъ предметомъ болгарской торговли съ востокомъ были мѣха. Не смотря на то, что Болгарія сама изобиловала мѣхами, въ Азіи лучшими признавались тѣ, которые приходили изъ Руси и страны Яджуджъ и Маджуджъ (Гога и Магога)[9]). Подъ послѣдними на востокѣ разумѣлись земли на далекомъ сѣверѣ, населенныя угрскими народами, югрой или угрой, живущей теперь подъ именемъ вогуловъ и остяковъ по ту сторону Уральскихъ горъ, а въ тѣ времена обитавшей по С. Двинѣ и Печорѣ; подъ этимъ же именемъ Гога и Магога разумѣлась, очевидно, и весь, жившая въ теперешней тверской губерніи и далѣе на востокъ, и пермь, сосѣдившая на на сѣверѣ съ югрой. Все это, въ представленіи арабовъ, была страна мрака.

---

[1]) Извѣстіе. Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 575).

[3]) Извѣстіе Мукадесси (Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 282).

[4]) Frähn, Die ältesten Nachrichten, s. 542 и Савельевъ, „Мухамеданская нумизматика", стр. LXXXIV.

[5]) Ипатьев. лѣтопись, изд. 1871 г. стр. 56.

[6]) Извѣстіе Мукадесси (Гаркави, „Сказанія мусульманск. писателей", стр. 282).

[7]) Frähn, Die ältesten Nachrichten über din Wolga-Bulgharen, s. 542 и Савельевъ, Мухамедан. нумизматика, стр. LXXXIV—LXXXV.

[8]) Frähn, ibidem, p. 574—575.

[9]) Извѣстіе Ибнъ-Гаукаля (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей, стр. 219).

Со всѣми этими странами болгары вели оживленную торговлю. Торговля съ весью и югрой была мѣновая и при томъ нѣмая. Когда болгары приходятъ въ землю веси, то раскладываютъ свои товары на одномъ мѣстѣ, гдѣ и оставляютъ ихъ на нѣкоторое время, потомъ приходятъ опять и подлѣ своихъ товаровъ находятъ то, что̀ жители хотятъ имъ за нихъ дать; если они довольны, то берутъ, а если нѣтъ, то оставляютъ, показывая этимъ, что желаютъ еще прибавки. Ни покупщикъ, ни продавецъ не видятъ другъ друга. Предметами сбыта со стороны болгаръ были, какъ произведенія ихъ собственной страны, такъ и восточныя, что̀ доказывается археологическими данными[1]). Также производилась торговля и съ отдаленной Угріей, куда болгары привозили гарпуны для ловли морскихъ рыбъ своей собственной выдѣлки, а въ замѣнъ получали моржовые клыки, весьма цѣнившіеся на востокѣ, куда они отправлялись[2]). Точно также мѣха получались изъ Руси[3]), хотя, какъ мы увидимъ ниже, послѣдніе и сами ѣздили внизъ по Волгѣ въ Хазарію. Такимъ образомъ, въ Болгаріи скоплялось много пушнаго товара, который шелъ въ Бухарію. Вывозились мѣха выдры, собольи, горностаевые, бѣличьи, бобровые, но главное богатство составлялъ мѣхъ куній. Послѣдній замѣнялъ собою у болгаръ монету; сначала своей чеканенной монеты у нихъ не было, а серебряные диргемы приходили къ нимъ изъ мусульманскихъ странъ путемъ мѣны за ихъ товары; каждый куній мѣхъ равнялся по цѣнности $2^1/_2$ диргемамъ, что̀ составитъ на наши деньги, по нормальному курсу, 45 к. серебр.[4]). Изъ естественныхъ произведеній страны изъ Болгаръ чрезъ Хазарію на востокъ вывозился также медъ, а часть его шла для мѣстнаго потребленія[5]). Есть извѣстіе, дающее право предполагать, что изъ болгарской земли добывалась также мамонтова кость, которая шла въ Бухаріи на различныя подѣлки[6]). Кромѣ выдѣлки

---

[1]) Уваровъ. „Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ" (Труды I арх. с. въ Москвѣ. т. II, начиная съ 633 стр. passim).

[2]) О торговлѣ съ весью и югрой: D'Ohsson, Les peuples du Caucase, Paris, 1828. pp. 81—83; Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, sciences politiques, VI serie, v. I, livr, 6, p. 573; Géographie d'Aboulfeda, traduite par Reinaud. Paris 1848. v. II, 284. Ср. Лерберга, „Изслѣдованія, служащія къ объясненію др. Русской исторіи", Спб. 1819 г. стр. 38—41 и Савельева, „Мухамедан. нумизматика", стр. LXXX, CXXII и слѣд.

[3]) „Ибнъ-Гаукаль (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей", стр. 219).

[4]) Извѣстія Ибнъ-Гаукаля и Мукадесси (ibidem, стр. 219 и 282). Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 24—25). О стоимости диргема см. тамже, стр. 101.

[5]) Извѣстіе Ибнъ-Гаукаля (Гаркави, Сказанія Мусульм. писателей, стр. 219) и Андалуси (Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 88).

[6]) Савельевъ. „Мухамеданская нумизматика", стр. CXXX и слѣд.; Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 88.

кожъ, кромѣ приготовленія гарпуновъ, въ Болгаріи дѣлались прекрасныя кольчуги. Образцы ихъ найдены: одна кольчуга очень тяжелая съ продольнымъ разрѣзомъ спереди; другая цѣльная и легкая, составленная изъ мелкихъ и тонкихъ колечекъ [1]). Онѣ частью шли для болгарскихъ войскъ [2]), частью вывозились на востокъ [3]). Нельзя утвердительно сказать, выдѣлывались ли въ Болгаріи мечи, хотя изъ Булгара они отправлялись въ Бухарію, а оттуда расходились по разнымъ странамъ Азіи [4]). Можетъ быть, это были мечи франкской работы и привозились въ Булгаръ руссами, такъ какъ, по сообщеніямъ арабовъ, именно такими мечами были вооружены руссы, да и наша лѣтопись свидѣтельствуетъ, что обоюдоострый мечъ былъ излюбленнымъ оружіемъ русскаго славянина. Нужно сказать еще, что восточные рынки снабжались изъ Булгара и живымъ товаромъ: на Востокъ шли чрезъ Болгарію и славянскіе невольники [5]). Въ замѣнъ всѣхъ этихъ произведеній съ Востока производились предметы роскоши: драгоцѣнныя каменья, бисеръ, золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, браслеты, кольца, булавки, рукоятки, шолковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино [6]). Нельзя не упомянуть еще о талисманахъ и круглыхъ металлическихъ зеркалахъ съ куфическими надписями [7]); такія же точно зеркала найдены были близь Багдада. Интересно, что на берегу р. Оби, у остяковъ, потомковъ югры, найдено было въ прошломъ столѣтіи такое же самое зеркало, той же самой эпохи (X и XI ст), что̀ служитъ подтвержденіемъ сказаннаго раньше о торговыхъ связяхъ болгаръ съ отдаленнымъ сѣверомъ [8]). Всѣ эти товары расходились изъ Болгаріи на сѣверъ и западъ, къ сосѣднимъ племенамъ и Руси и даже въ з. Европу, что̀ доказывается находками всѣхъ этихъ издѣлій въ прибалтійскихъ странахъ [9]). Болгары были также посредниками въ

---

[1]) Коллекція Лихачева, у Шпилевскаго: „Древніе города“, стр. 279.

[2]) Извѣстія Ибнъ-Даста (Хвальзонъ, стр. 24).

[3]) Извѣстія Мукадесси (Гаркави, Сказанія мусульм. писателей стр. 282).

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem. Славянскихъ невольниковъ доставляли главнымъ образомъ руссы (Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 35). На привозъ изъ З. Европы мечей въ Булгаръ можетъ между прочимъ указывать и фактъ находки тамъ меча, имѣющаго насѣчки серебромъ и золотомъ въ видѣ рунъ, которыя отчасти походятъ на скандинавскія (Шпилевскій, „Древніе города“. стр. 279).

[6]) Савельевъ. Мухамеданская нумизматика, стр. LXXXIX—XC.

[7]) Шпилевскій, „Древніе города“, стр. 260 и слѣд.

[8]) Савельевъ. „О важности изученія восточной нумизматики“. Ж. М. Н. Пр. ч. LIII, 269—70.

[9]) См. описаніе кладовъ у Савельева въ „Мухамедан. нумизматикѣ“, стр. 55 и слѣд.

передачѣ издѣлій византійскихъ и западно-европейскихъ странамъ отдаленной Азіи. По всей вѣроятности, изъ з. Европы привозились въ Булгаръ мечи; кромѣ того изъ Византіи въ Булгарѣ получалась парча, извѣстная на Руси подъ именемъ паволоки. Торговля этимъ продуктомъ византійской обработывающей промышленности была на столько важна, что руссы старались обезпечить ее для себя договорами[1]). Парча на востокѣ была извѣстна подъ именемъ „румскаго дибаджа“[2]). Въ Булгарѣ встрѣчаются также бусы изъ тонкаго стекла, покрытыя серебромъ и золотомъ, сверхъ которыхъ наведенъ опять тонкій слой стекла, имитирующія жемчугъ и напоминающія, по способу производства, извѣстную византійскую мозаику. По времени эти бусы относятъ къ X—XII ст. По всей вѣроятности, онѣ получались изъ Византіи. Однимъ изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ произведеній природы, вывозившихся чрезъ Булгаръ на востокъ, былъ янтарь, шедшій съ береговъ Нѣмецкаго моря[3]). Самыми вѣскими указателями обширности болгарской торговли являются сохранившіяся до нашего времени находимыя при раскопкахъ восточныя монеты. Онѣ находятся на всей территоріи нынѣшней Россіи по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей[4]). Онѣ даютъ возможность довольно точно опредѣлить и время, къ которому относится начало этихъ обширныхъ связей. Въ нынѣшней пермской губерніи, близь береговъ р. Камы, найдены монеты сасанидскія и индо-бактріанскія V вѣка послѣ Р. Х.[5]), показывающія, что съ этого именно столѣтія и началась торговля прикамскихъ странъ съ отдаленнымъ востокомъ.

Болгары, держа въ своихъ рукахъ почти всю торговлю запада съ востокомъ, старались не допускать азіатскихъ купцовъ далѣе своей столицы. Какъ гораздо раньше финикійскіе купцы старались распространить самыя ужасные толки о посѣщаемыхъ ими отдаленныхъ странахъ, такъ и болгары пугали своихъ южныхъ гостей разными небылицами. Отсюда происходятъ разсказы, находимые у арабскихъ

---

[1]) См. договоръ Игоря съ греками 945 г. (Ипатьев. лѣтоп. стр. 30).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана (Frähn, Die ältesten Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Petersbourg, VI serie, sciences polit, v. I, livr. 6, p. 541 et 569).

[3]) Лихачевъ у Шпилевскаго (Древніе города, стр. 288—289). Савельевъ, „Мухамедан. нумизматика“, стр. LXXXIII.

[4]) Желающихъ ознакомиться ближе съ этими данными отсылаю къ трудамъ Савельева, „Мухамедан. нумизматика“ и Григорьева; „О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи“, въ сборникѣ „Россія и Азія“. Спб. 1876 г.

[5]) Археологич. находки въ пермской губерніи, Ж. М. Н. Пр. 1852 г. іюль. Смѣсь. стр. 25—26.

ученыхъ, о странѣ мрака, о томъ, что мордва убиваетъ всѣхъ иностранцевъ, попадающихъ въ ихъ страну [1]).

Благодаря торговымъ интересамъ, въ Булгарѣ постоянно жило много иностранцевъ. Туда часто путешествовали хoварезмійцы (жители нынѣшней Бухаріи) [2]). Въ Булгаръ пріѣзжали русскіе купцы [3]) и оставались тамъ по торговымъ дѣламъ [4]). Были тамъ и христіане. Есть указанія, что въ Булгарѣ, кромѣ армянъ, жили еще и греки. Эти иностранцы, какъ мы раньше видѣли, жили въ нагорномъ и подгорномъ предмѣстьяхъ Булгара. Тутъ, вѣроятно, было и то кладбище, гдѣ погребались христіане, о которомъ говорятъ намъ наши лѣтописи [5]). Предположеніе, что въ столицѣ Болгаріи былъ православный храмъ или монастырь, подтверждается археологическими данными. Такъ въ болгарскихъ развалинахъ найденъ былъ мѣдный вызолоченный образъ древней греческой работы; онъ имѣетъ около одного фута въ діаметрѣ и заключаетъ въ себѣ десять изображеній святыхъ ликовъ, написанныхъ золотомъ по красному полю; несмотря на то, что образъ долго находился въ землѣ, краски и позолота на немъ еще живы и довольно свѣжи; отысканъ и другой образъ—Божіей Матери, на четыреугольной пластинкѣ, переломленной на двое; сюда же нужно отнести и обломокъ мѣднаго креста [6]). Все это неопровержимо указываетъ, по крайней мѣрѣ, на пребываніе въ Булгарѣ православныхъ христіанъ. Этотъ фактъ подтверждается также находкой сабельнаго клинка, на которомъ находится изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и греческая надпись, насѣченныя золотомъ; по шрифту буквъ онъ можетъ быть отнесенъ къ X в. [7]).

Главнымъ торговымъ путемъ у болгаръ была р. Волга. Это та старая дорога на востокъ, о которой говоритъ наша древняя лѣтопись [8]). Волгой товары направлялись на западъ, затѣмъ переходили на З. Двину или на Днѣпръ, направляясь или въ прибалтійскія страны, или въ южную Русь. Этимъ путемъ могли ѣздить и мусульманскіе купцы изъ Булгара въ Кіевъ [9]). Но существовала

---

[1]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase". 84; Гаркави. „Сказанія мусульм. писателей", стр. 193.

[2]) Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 219 и D'Ohsson, „Les peuples du Caucase", pp. 79 et 80.

[3]) Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 219 и 130.

[4]) Frähn. Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte. S. Petb. 1823.

[5]) Воскресен. лѣтопись подъ 1229 г. (П. С. Р. Л. т. VII стр. 135).

[6]) Шпилевскій, „Древніе города", стр. 254, 266—7.

[7]) Ibidem, стр. 279.

[8]) Ипатьев. лѣтоп., стр. 4.

[9]) Извѣстія Аль-Масуди, (Гаркави, „Сказанія мусульм. писателей", стр. 137).

другая дорога, болѣе короткая. Она шла изъ Булгара сначала вверхъ по Волгѣ, потомъ по р. Окѣ до ея верховьевъ; тутъ товары волокомъ перетягивались въ р. Десну и по ней достигали Кіева [1]). Изъ столицы Булгаріи на югъ товары отправлялись двумя путями: воднымъ, или сухопутнымъ. Первый шелъ р. Волгой къ берегамъ Каспійскаго моря. Переволочивъ суда въ р. Донъ тамъ, гдѣ онъ сближается съ Волгой, можно было доставить товары на азовское побережье [2]). Второй совершался караванами изъ Булгара въ Ховарезмъ и обратно [3]). Дорога водная была гораздо удобнѣе сухопутной во-первыхъ потому, что была открыта во все продолженіе весны, лѣта и части осени, а сухопутная чрезъ степи представляла удобства лишь въ весеннее время, когда степи, по которымъ приходилось двигаться караванамъ, изобиловали водой и травой [4]); а во-вторыхъ потому, что она была безопаснѣе степной, на которой караваны должны были опасаться нападенія кочевыхъ ордъ [5]). Впрочемъ, въ X в., когда хазарскій каганатъ былъ еще силенъ, для торговаго движенія по степямъ не представлялось особенныхъ препятствій, такъ что посолъ халифа Муктедира, Ибнъ-Фоцланъ, благополучно прибылъ изъ города Джурджаніи (въ Туркестанѣ) въ Булгаръ въ маѣ мѣсяцѣ 922 года, употребивъ на это путешествіе семьдесятъ дней [6]).

Мы видѣли уже, что въ Булгарѣ существовали нѣкоторые виды обработывающей промышленности. Можно предполагать, что нѣкоторые предметы роскоши, какъ кольца, серьги, цѣпочки, словомъ металлическія издѣлія приготовлялись и мѣстными мастерами. На это есть указанія въ находимыхъ среди булгарскихъ развалинъ вещахъ [7]). Результатомъ сношеній съ востокомъ явилось у болгаръ умѣнье чеканить монету. Восточныя монеты въ огромномъ количествѣ расходились изъ рукъ болгаръ къ сосѣднимъ народамъ въ обмѣнъ на товары. Въ X ст. сталъ ощущаться недостатокъ въ нихъ. По крайней мѣрѣ, до насъ дошло три монеты, чисто болгарскія, чека-

---

[1]) Объ этомъ пути ясно говоритъ наша лѣтопись подъ 964 и 965 гг. (Ипатьев. лѣтоп. стр. 41—42). Интересныя соображенія объ этомъ пути см. Савельева, „Мухамеданская нумизматика", стр. CXLII—CXLIII.

[2]) Аль-Масуди (Гаркави. „Сказанія мусульман. писателей", стр. 130 и слѣд). Этотъ путь перевозки товаровъ былъ столь обыкновененъ, что не только арабы, но и греки считали Волгу и Донъ за одну рѣку (См. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ. 1884 т. гл. I и II).

[3]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 79.

[4]) Савельевъ „Мухамеданская нумизматика", стр. XCIV и слѣд.

[5]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 79.

[6]) Frähn, „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen (Mem. de l'Acad. de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit., v. I, livrais. 6, p. 568).

[7]) Шпилевскій, „Древніе города", стр. 273, 281 и др.

ненныя въ Булгарѣ и Суварѣ, при царяхъ Талибѣ и Муминѣ [1]), и относящіяся къ 950 и 976 годамъ. Учителями болгаръ въ строительномъ искусствѣ явились также восточные зодчіе. Въ своемъ письмѣ къ халифу Муктедиру болгарскій царь Альмусъ просилъ прислать ему знающихъ людей, которые построили бы мечети и укрѣпленія [2]). Желаніе его было исполнено: „Всѣ каменныя зданія въ Булгарѣ построены по тому же простому способу, по которому строится почти весь мусульманскій Востокъ: кладутъ по краямъ большіе необдѣланные камни съ известью, а середину стѣны наполняютъ известью съ мелкими камнями и такимъ образомъ возводится любое зданіе. Лучшія постройки снаружи обкладываются гладко отесаннымъ камнемъ, а внутри штукатурятся; незначительные же дома обмазываются, впрочемъ не всегда, известью, для гладкости стѣнъ, изъ которыхъ все таки торчатъ острые углы камней. Въ большихъ зданіяхъ болгары употребляли постоянно круглый куполъ, сводя его большею частью одинаково, углубленіями въ углахъ четвероугольнаго корпуса“ [3]). Для насъ сохранились лучшіе образцы древней болгарской архитектуры—мечети и баня. Изъ нихъ видно, что болгары строили свои зданія по образцу месопотамо-арабскихъ, и что успѣхи архитектуры здѣсь были довольно значительны [4]). Строительное искуство послѣ X в. развилось въ Булгарѣ настолько, что на Руси болгарскіе архитекторы пользовались извѣстностью наравнѣ съ нѣмецкими. Такъ въ 1230 г. одинъ изъ князей суздальской земли, Святославъ Всеволодовичъ, пригласилъ болгарскаго архитектора для постройки церкви въ Юрьевѣ Польскомъ [5]). Строительный матерьялъ для каменныхъ зданій также привозился изъ Болгаріи [6]). Нужно сказать, что подъемъ болгарской культуры не есть результатъ именно факта принятія болгарами исламизма. Конечно, послѣдній связалъ болгарскую землю съ далекимъ Багдадомъ еще болѣе тѣсными дружественными узами, но главнымъ цивилизующимъ факторомъ явились торгово-промышленныя связи, начавшіяся съ V в., т. е., еще раньше появленія самаго ислама въ Аравіи. Магометанская религія, благодаря старымъ, уже установившимся сношеніямъ съ во-

---

[1]) Не имѣя подъ руками работы Фрэна „Drei Münzen der Wolga-Bulgharen“, ссылаемся на его трудъ: „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen“, p. 543.

[2]) Ibidem. 566.

[3]) Березинъ „Булгаръ на Волгѣ“, стр. 85.

[4]) Ibidem стр. 99.

[5]) Татищевъ „Исторія Россійская“, книга третья. 1774. стр. 456.

[6]) Рукописное житіе Андрея Боголюбскаго. (Доброхотовъ „Древній Боголюбовъ городъ“. Беремъ у Шпилевскаго „Древніе города“, стр. 114).

стокомъ, стала проникать въ болгарскую землю, несомнѣнно, еще до X в. А вмѣстѣ съ ней явилось въ Булгарѣ подражаніе арабской образованности и образу жизни. Это доказывается тѣмъ, что посольство халифа въ 922 г. нашло уже въ столицѣ болгарскаго царства мечети, магометанское духовенство; у царя придворный портной былъ изъ Багдада, этого центра цивилизаціи и моды на востокѣ въ то время; самъ царь Альмусъ зналъ арабскій языкъ, такъ какъ безъ переводчика прочелъ письмо халифа, въ присутствіи своихъ подручныхъ царей и вельможъ, что заставляетъ предполагать и съ ихъ стороны пониманіе арабскаго языка [1]). Послѣ принятія ислама у нихъ являются начальныя училища [2]). Обширныя торговыя связи вели къ тому, что люди разныхъ племенъ и религій стекались въ Булгаръ и даже жили тамъ. Мы видѣли тамъ хоразмійцевъ, хазаръ, руссовъ, армянъ, грековъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и среди самихъ болгаръ были послѣдователи разныхъ религій. Языческая религія, конечно, была еще до X ст. господствующей. О ней мы не знаемъ ровно ничего и можемъ только предполагать, что она мало чѣмъ отличалась отъ религіи другихъ финско-угрскихъ племенъ [3]). Но, по нашему мнѣнію, на основаніи приведенныхъ раньше фактовъ, вполнѣ достовѣрно сообщеніе одного изъ арабскихъ писателей, что болгарскіе пилигримы въ Меккѣ разсказывали, что они до принятія исламизма были христіанами [4]). Конечно, не всѣ болгары были раньше христіанами, а именно только эти, разсказывавшіе, которые могли съ утвержденіемъ ислама въ Болгаріи перейти въ магометанство. Нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что среди болгаръ были послѣдователи юдаизма. Самыя тѣсныя связи у Болгаріи были съ Хазаріей, а тамъ, какъ мы ниже увидимъ, юдаизмъ былъ довольно силенъ и даже является религіей правительства. Въ одномъ изъ болгарскихъ городовъ жители сначала были евреями, а потомъ сдѣлались мусульманами [5]). Такимъ образомъ, до окончательнаго утвержденія магометанства болгарскій народъ раздѣлялся между всѣми религіями.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько бытовыхъ чертъ, сохраненныхъ Ибнъ-Фоцланомъ въ его запискѣ. Въ Булгарѣ бывали видимы

---

[1]) Frähn. „Die ältesten arabischen Nachrichtsen über die Wolga-Bulgharen" (Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg. VI serie, sc. polit., v. I, l. 6., pp. 568, 570—572).

[2]) Извѣстіе Ибнъ-Даста (Хвользонъ, стр. 23).

[3]) Очеркъ религіозн. вѣрованій финно-угрскихъ племенъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко въ сторону, а потому мы отсылаемъ интересующихся къ тѣмъ этнографическимъ матерьяламъ, которые указаны нами раньше.

[4]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 216.

[5]) Аль-Мукадесси (Хвользонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 84).

сѣверныя сіянія. Это явленіе показалось жителю средней Азіи чудеснымъ, а южная фантазія заставила его видѣть въ облакахъ людей, сражающихся между собою. „Когда мы спрашивали, говоритъ онъ, объ этомъ царя, то онъ сказалъ, что его предки говорили, будто это сражаются поклонники и противники дьяволовъ древняго времени и дѣлаютъ это постоянно [1]). „Гроза тамъ бываетъ очень часто. Если молнія ударитъ въ домъ, то они (болгары) тотчасъ уходятъ изъ него и оставляютъ его, пока вѣтеръ и погода совсѣмъ не разрушатъ его, говоря, что на немъ гнѣвъ Божій" [2]). За нарушеніе цѣломудрія и за воровство было одинаковое наказаніе—смертная казнь" [3]). Интересенъ также обычай осыпать почетныхъ гостей серебряными монетами [4])

Начало политической исторіи болгаръ теряется для насъ во мракѣ древности. Мы можемъ считать ее достовѣрною лишь съ того времени, когда появляются о Болгаріи первыя извѣстія нашей лѣтописи и арабскихъ писателей. Мы начнемъ изложеніе внѣшней политической жизни болгарскаго народа съ первой половины X ст. [5]).

Какъ зарождалось болгарское государство, какъ происходило подчиненіе ему сосѣднихъ угрскихъ племенъ, мы не знаемъ. Мы лишь имѣемъ полное право думать, что ни съ сѣвера, ни съ востока болгарамъ не пришлось выдерживать серьезной борьбы и ждать какой-нибудь опасности: угрскіе народцы, при всей своей древней культурѣ, не могли бороться съ болгарскимъ государствомъ. Опаснотъ могла угрожать только съ юга, гдѣ сосѣдями болгаръ были хазары и кочевыя орды, и съ запада, гдѣ съ IX ст. организуется сильное русское государство. Болгарія была по преимуществу государство торговое, промышленное. Интересами чисто промышленнаго характера объясняется и вся ея внѣшняя исторія. Первый разъ болгары приняли незначительное участіе въ политическихъ событіяхъ на югѣ въ 912—13 году, когда руссы, послѣ своего грабительскаго похода на востокъ, были на голову разбиты въ Хазаріи. Часть ихъ бросилась было въ Болгарію, но здѣсь всѣ они были перебиты [6]). На время спокойствіе, необходимое для развитія торговли и промыш-

---

[1]) Frähn. „Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen", Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg. VI serie, sc. polit., v. I, livr. 6, p. 571.

[2]) Ibidem, p. 576.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, p. 568.

[5]) Имѣя въ виду дать здѣсь лишь краткій очеркъ политической исторіи болгаръ, мы отсылаемъ за болѣе подробнымъ изложеніемъ фактовъ къ трудамъ Корсакова, „Меря и Ростовское княжество" и Шпилевскаго „Древніе города Булгарскаго царства".

[6]) Аль-Масуди (Гаркави. „Сказанія мусульм. писателей", стр. 133).

ленности, возстановилось. Но въ 968 г. Болгаріи самой пришлось испытать богатырство кіевскихъ удальцовъ. Раньше руссы мирно пріѣзжали въ Булгаръ, жили тамъ, торговали, не встрѣчая никакихъ препятствій или притѣсненій [1]). Но въ этомъ году они напали на Булгаръ, страшно ограбили и разорили его [2]). Этотъ разгромъ былъ долго памятенъ на всемъ Востокѣ, гдѣ быстро разошлась вѣсть о постигшемъ Болгарію несчастіи. Современные арабскіе писатели говорятъ объ этомъ печальномъ фактѣ, а нѣкоторые думали даже, что Булгаръ послѣ этого обратился въ развалины [3]). Но Булгаръ скоро оправился. Послѣ окончательнаго паденія хазарскаго каганата въ въ началѣ XI ст., произошло, вѣроятно, присоединеніе къ Болгаріи сѣверныхъ его частей, такъ какъ въ XIII ст. болгарскимъ городомъ является Саксинъ, лежавшій на р. Уралѣ и прежде входившій въ составъ каганата [4]). Съ юга теперь придвинулись кочевые народцы, сначала печенѣги, потомъ торки и половцы. Обязанность охранять восточную торговлю отъ этихъ непріятныхъ сосѣдей выпадаетъ теперь всецѣло на долю болгарскаго царства. Мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ кочевникамъ, но, какъ видно, болгарское правительство круто расправлялось съ этими своими сосѣдями. Такъ въ 1117 г. въ Булгарѣ было отравлено нѣсколько половецкихъ князей, неизвѣстно для чего туда явившихся [5]). Кочевники могли однако играть очень непріятную для Булгара роль въ его отношеніяхъ къ Руси.

Набѣгъ на Болгарію, сдѣланный въ 968 г. Святославомъ мимоходомъ на пути въ Хазарію, могъ лишь на нѣкоторое время ослабить торговое движеніе по Волгѣ. Торговля, собственно говоря, и не прекращалась, что̀ доказывается цѣлыми кладами восточныхъ монетъ X в., находимыми у насъ въ Россіи и въ з. Европѣ. Въ это столѣтіе происходило подчиненіе власти кіевскихъ князей племенъ, обитавшихъ на территоріи теперешней Россіи, какъ славянскихъ, такъ и инородческихъ, и отыскиваніе, на кого бы можно было еще наложить дань. Булгаръ былъ черезчуръ извѣстенъ на Руси для того, чтобы кіевскіе князья не попытались заполучить дань и съ болгарскаго народа. Такая попытка и была сдѣлана въ 985 г. Владиміромъ, но, какъ видно, неудачно, хотя походъ былъ заду-

[1]) Ибнъ-Гаукаль (ibidem, стр. 219).

[2]) Ibidem.

[3]) Ибнъ-Саидъ (Charmoy. Relation de Mas'oudy. Mém. de l'Acad. de S. Pétersbourg, VI serie, sciences polit., v. II, livraison 4 et 5-e, p. 341). Объ этомъ походѣ см. ниже.

[4]) Лаврентьев. лѣтопись, стр. 430. Объ этомъ городѣ см. также ниже.

[5]) Ипат. лѣтоп., стр. 205.

манъ хорошо: князь кіевскій съ своимъ дядей Добрыней двинулись по Волгѣ, а съ юга направили на Булгаръ кочевниковъ—торковъ, занимавшихъ въ то время степи между Дономъ и Волгой. Безсиліе тогдашней, еще лапотной, Руси предъ этимъ воинственнымъ и промышленнымъ народомъ обнаруживается въ словахъ, сказанныхъ, по преданію, Добрыней Владиміру: „смотрѣлъ я плѣнныхъ, и всѣ они въ сапогахъ; имъ дани намъ не платить, пойдемъ искать лапотниковъ!“ Между двумя народами былъ заключенъ миръ, который могъ нарушиться лишь „когда камень начнетъ плавать, а хмѣль тонуть [1])“. Въ 1006 году мы видимъ подтвержденіе этого договора. Чрезъ пословъ своихъ, явившихся въ Кіевъ, болгары выговорили себѣ право свободной и безопасной торговли въ городахъ по Волгѣ и Окѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній болгарскіе купцы должны были являться съ особыми печатями отъ своего правительства; это правило относилось и къ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Болгарію. Обычай снабжать купцовъ печатями, какъ паспортомъ, кіевскіе князья переняли изъ Византіи, гдѣ это постоянно практиковалось [2]). Эти печати съ одной стороны обезпечивали болгарскихъ купцовъ отъ грабежей, которымъ они, какъ увидимъ ниже, иногда подвергались въ русской землѣ, съ другой стороны предохраняли самый Булгаръ отъ появленія въ немъ подъ видомъ русскихъ купцовъ людей съ „богатырскими“ замашками. Интересно также условіе, по которому болгарскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ по мелочамъ въ селахъ и деревняхъ, а равно и скупать тамъ мѣстныя произведенія, но должны были вести торгъ только лишь съ русскими купцами [3]). Это постановленіе вполнѣ понятно: нужно было удержать внутреннюю торговлю въ своихъ рукахъ, что̀ являлось бы абсолютно невозможнымъ, если бы былъ допущенъ мелочной торгъ иностраннымъ купцамъ, съ которыми Русь не только въ то время, но и гораздо позже, не могла конкуррировать въ торговой опытности и ловкости [4]). Установившіяся мирныя торгово-промышленныя отношенія между Булгаромъ и Русью, обезпечившія свободное пребываніе русскихъ купцовъ въ Булгарѣ и болгарскихъ въ Кіевѣ, повлекли за собой тѣ возможныя попытки съ обѣихъ сторонъ обратить сосѣда въ свою

---

[1]) Ibidem, стр. 56.

[2]) См., напр., договоръ Игоря съ греками 945 г. (Ипат. лѣт. стр. 30), а также Эверса: „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“. Перев. съ нѣм. Платонова. Спб. 1835 г., стр. 220, 221, 223.

[3]) Татищевъ. Россійская исторія. 1773 г. стр. 88—89.

[4]) Это повторялось потомъ и въ московскій періодъ нашей исторіи постоянно въ отношеніи купцовъ западно-европейскихъ.

вѣру, о которыхъ говорятъ намъ наши лѣтописи [1]). Если даже разсматривать эти факты какъ легендарные, то и самая легенда отражаетъ здѣсь память народную о тѣсныхъ дружественныхъ связяхъ двухъ народовъ. Такія отношенія продолжались и далѣе. Мы уже видѣли, что въ 1024 г. болгары выручили Русь изъ бѣды, отпустивъ сюда значительное количество хлѣба [2]). Тоже самое случилось и въ началѣ XIII ст. Въ 1229 году по всей землѣ русской былъ страшный голодъ, сопровождавшійся моромъ. Болгары, возобновивши съ Русью торговый договоръ послѣ недавно бывшей войны, возили хлѣбъ по Волгѣ и по Окѣ. Царь болгарскій прислалъ въ даръ в. кн. суздальскому Юрію тридцать насадовъ съ житомъ, за что Юрій отблагодарилъ его посылкой суконъ, парчи, рыбьей кости и другихъ дорогихъ вещей [3]). Мы знаемъ уже, что изъ Болгаріи въ суздальскую землю приходили строительные матерьялы и вызывались архитекторы [4]). Но болгары жили въ русскихъ поволжскихъ городахъ не единицами, а, надо думать, въ весьма значительномъ количествѣ. Суздальско-владимірскіе князья, заботясь о заселеніи своей малолюдной области, приглашали между прочимъ переселяться къ нимъ и болгаръ, которые и селились тамъ по городамъ. Особенно Юрій Долгорукій старался привлекать къ себѣ переселенцевъ всевозможными льготами, выдачей пособій [5]). Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и сынъ его, Андрей Боголюбскій, при которомъ болгары жили въ Владимірѣ. Онъ старался расположить ихъ къ принятію христіанства, приказывалъ водить ихъ въ церкви, показывать украшеніе церковное. Болгары наравнѣ съ другими жителями Владиміра выказывали горесть по случаю смерти Андрея [6]).

Но, несмотря на общность торговыхъ интересовъ, несмотря на такія дружественныя отношенія между двумя народами, миръ между ними не могъ быть проченъ, и мы видимъ, что исторія Болгаріи наполнена войнами съ Русью. Та же самая торговля, которая связы-

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 56—57. Никонов. лѣт. изд. Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1767 г., ч. 1, стр. 95, подъ 990 годомъ, гдѣ разсказывается, что Владиміръ св. посылалъ къ волжскимъ болгарамъ философа Марка Македонянина для обращенія ихъ въ христіанство, о неудачѣ этой миссіи, о пріѣздѣ затѣмъ въ Кіевъ четырехъ болгарскихъ князей и крещеніе ихъ здѣсь. Останавливаться надъ вопросомъ о степени достовѣрности этихъ извѣстій здѣсь не мѣсто.

[2]) См. выше.

[3]) Никонов. лѣт., ч. 2, стр. 362—363; Тверской Сборникъ, Спб. 1863 года, стр. 354 и слѣд.; Татищева. Исторія Россійская, ч. 3, стр. 76.

[4]) См. выше.

[5]) Ibidem.

[6]) Ипат. лѣт. изд. 1871 г., стр. 401.

вала оба народа, была причиной ихъ столкновеній. Иногда мелкія обстоятельства вызывали эти столкновенія. Какъ видно, напримѣръ, изъ договора, заключеннаго въ 1229 году между болгарами и суздальской землей, предшествовавшая ему война была вызвана недоразумѣніями, вышедшими между русскими и болгарскими рыболовами, можетъ быть, также какими-нибудь спорами изъ-за торговыхъ пошлинъ [1]). Несомнѣнно также и то, что среди Руси находились люди, которые не прочь были поживиться на счетъ иностранныхъ купцовъ и производили по Волгѣ и Окѣ разбои. Такъ, съ большою вѣроятностью, объясняется война между болгарами и Русью въ 1184 году. Какіе то вольные люди изъ рязанской земли начали грабить болгарскихъ купцовъ по Волгѣ и разорять по ея берегамъ болгарскія села и города. Болгарское правительство два раза жаловалось Всеволоду Суздальскому, который хотя и сдѣлалъ распоряженіе о поимкѣ разбойниковъ, но рѣшительнаго ничего не предпринялъ. Выведенные изъ терпѣнія болгары рѣшили сами дѣйствовать для защиты своихъ торговыхъ интересовъ и съ значительными силами чрезъ Волгу и Оку, а также сухимъ путемъ, явились въ области муромо-рязанскія и предали ихъ разоренію [2]). Нападеніе было на столько сильно, что Всеволодъ принужденъ былъ просить помощи черниговскаго князя Святослава Всеволодовича. Походъ, предпринятый соединенными силами нѣсколькихъ русскихъ князей, былъ удаченъ. Русскіе спустились по Волгѣ ниже впаденія въ нея Камы, высадились затѣмъ на берегъ и осадили Великій Городъ, подъ стѣнами котораго и былъ заключенъ миръ. Но не эти мелкіе случаи составляютъ суть борьбы между болгарами и Русью. Подобныя недоразумѣнія могли оканчиваться и мирнымъ путемъ. Надо думать, основаніемъ борьбы между болгарами и Русью была одинаковость преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Булгару, и въ политическомъ, и въ торгово-промышленномъ отношеніяхъ, важно было обладаніе устьями р. Камы и Оки. Первымъ они владѣли вполнѣ. Въ ихъ власти находилось и устье р. Вятки. Но вполнѣ безопасно могла существовать Болгарія лишь въ томъ случаѣ, если колонизація ея продвинулась бы какъ можно дальше по берегамъ этихъ рѣкъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Дѣло въ томъ, что верховья этихъ рѣкъ сближаются съ системой Сѣв. Двины, вслѣдствіе чего Болгарія могла всегда ожидать нападенія по Вяткѣ и Камѣ, такъ какъ Волга, сближаясь, въ свою очередь, съ С. Двиной, давала возможность Руси изъ земли новгородской и суздальской

---

[1]) Ссылку см. выше.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 423; Лавр. лѣт., стр. 369—370. Татищева, Ист. Рос., ч. III, стр. 248—249.

проникнуть въ самый центръ Болгаріи съ сѣвера. Не забудемъ, что торговый путь на югъ изъ болгарской земли, къ Кіеву и Византіи шелъ чрезъ Волгу, затѣмъ Оку до верховьевъ ея, потомъ р. Десной. Слѣд. для болгаръ мало было обладанія устьемъ Оки; въ ихъ торговыхъ интересахъ было продвинуть свою колонизацію какъ можно далѣе по берегамъ этой рѣки и, если можно, завладѣть областью верхней Десны. Но, въ свою очередь, и Русь, съ незапамятныхъ временъ начавъ свою колонизацію на востокъ по р. Волгѣ и изъ области р. Десны на сѣверо-востокъ по теченію р. Оки, стремилась захватить и закрѣпить за собою приволжскія страны. Чтобы болгарамъ и Руси можно было достигнуть этой цѣли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, имъ раньше необходимо было колонизовать, подчинить своей власти обитавшія по берегамъ Волги и Оки финско-угрскія племена.

Угрскія племена Веси и Мери въ отдаленное уже время подверглись значительному культурному вліянію русскихъ славянъ, и области ихъ были сильно колонизованы послѣдними. Болгары и Русь столкнулись въ земляхъ двухъ другихъ племенъ—Муромы и Мордвы. Племя Муромы жило по нижнему теченію р. Оки. Центромъ ея былъ городъ Муромъ. Славянская колонизація проникла сюда еще въ доисторическія времена, и въ народныхъ преданіяхъ сохранились глухіе поэтическіе отголоски борьбы между славянами и туземцами [1]). Въ началѣ нашей исторіи Мурома является племеменемъ вполнѣ подчиненнымъ Руси, и уже въ X ст. мы видимъ тамъ отдѣльнаго русскаго князя, Глѣба, сына Владиміра св. [2]). Археологическія данныя указываютъ, что это племя стояло на довольно значительной ступени культуры и было участникомъ торговли съ Востокомъ [3]). Эта то близость сосѣдняго болгарскаго царства и препятствовала прочно утвердиться въ муромской землѣ власти русскихъ князей почти до XII ст. Болгары оказывали сильное вліяніе на это племя. Есть основаніе думать, что болгары жили въ самомъ Муромѣ. Съ усиленіемъ русскаго государства власть кіевскихъ князей упрочивается у этого племени, но болгарское вліяніе остается еще сильнымъ. Въ 1088 году болгары сдѣлали попытку утвердиться на нижнемъ теченіи р. Оки, взяли городъ Муромъ, пользуясь сильными усобицами въ русской землѣ. Но, какъ видно, вскорѣ принуждены

---

[1]) См. Житіе свв. Петра и Февроніи Муромскихъ (въ Памятникахъ древн. рус. литературы, т. I).

[2]) Ипат. лѣт., стр. 83.

[3]) Мы пользовались дневникомъ раскопокъ въ муромской области В. Б. Антоновича въ рукописи, за что приносимъ ему глубокую благодарность.

были его оставить. Въ концѣ XI или началѣ XII в. происходитъ послѣдняя ожесточенная борьба въ муромской области. Князь Ярославъ, сынъ Святослава Черниговскаго, принужденъ былъ штурмомъ брать городъ Муромъ, въ которомъ ожесточенно защищали свою независимость туземцы. Городъ былъ взятъ [1]), и съ этого времени въ землѣ Муромы образуется отдѣльный княжескій удѣлъ муромо-рязанскій. Такимъ образомъ, Русь близко придвинулась къ устью р. Оки. Торговля по этой рѣкѣ должна была остаться во власти того, кто будетъ владѣть ея устьемъ. И вотъ съ обѣихъ сторонъ, и съ болгарской, и съ русской, мы видимъ стремленіе подчинить себѣ Мордву, занимавшую своими поселеніями и самыя принизовья Оки и берега Волги. Мы отчасти уже познакомились съ этимъ племенемъ, извѣстнымъ у восточныхъ писателей подъ именемъ Буртасъ. Они являются въ X в. племенемъ довольно культурнымъ и принимаютъ участіе въ торговлѣ съ Востокомъ, возя свои товары внизъ по Волгѣ [2]). Они имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду. Земля ихъ покрыта лѣсами, преимущественно березовыми. Главное ихъ богатство состояло въ куньихъ мѣхахъ. Занимались они также и земледѣліемъ [3]). Въ X в. Мордва была подъ властью хазарскаго каганата, но уже тогда болгары начали тревожить ее, дѣлая набѣги, производя грабежи и уводя народъ въ плѣнъ [4]). Съ паденіемъ хазарскаго каганата, Мордва начинаетъ подвергаться сильному давленію съ двухъ сторонъ: со стороны Руси и болгаръ. Первыя попытки русскихъ князей были неудачны. Такъ, князь муромскій Ярославъ въ 1103 году былъ разбитъ Мордвой [5]). За то успѣшнѣе, какъ видно, шли здѣсь дѣла болгаръ. Въ 1107 году они осадили самый городъ Суздаль, одинъ изъ главныхъ центровъ ростово-суздальской области, и только чудомъ онъ спасся отъ взятія [6]). Дѣла начинаютъ идти для Руси иначе, когда въ концѣ второй четверти XII ст. въ Суздалѣ образуется княжскій удѣлъ. Уже первый князь его, Юрій Долгорукій, наноситъ болгарамъ пораженіе въ 1120 г. [7]). Особенно учащенные походы на Мордву предпринимаются в. князьями суздальско-ростовскими съ конца XII и начала XIII ст. Въ то же

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 145; Лавр. лѣт., стр. 201. О введеніи христіанства въ Муромѣ см. Памятн. старин. рус. литер. т. I.

[2]) Объ Эрзѣ см. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 84.

[3]) О Буртасахъ см. Извѣстія Ибнъ-Даста. Хвольсонъ, стр. 23.

[4]) Ibidem, стр. 24.

[5]) Лаврент. лѣт., стр. 269.

[6]) Изъ рукописной Ростовской лѣт. (Корсаковъ. Меря и Ростовское княжество, стр. 103).

[7]) Лаврент. лѣт., стр. 277.

время болѣе энергическая борьба завязывается между болгарами и Русью. Иногда мы видимъ со стороны Руси неожиданныя экспедиціи [1]), иногда вполнѣ правильные походы [2]). Въ началѣ XIII ст. русскимъ князьямъ удается утвердиться на устьѣ р. Оки, гдѣ князь суздальскій строитъ городъ и называетъ его Новгородъ-Нижній. Вслѣдъ затѣмъ этотъ пунктъ укрѣпляется русской колонизаціей [3]). Можно сказать, что болгары проиграли: теперь вся ихъ западная торговля была во власти Руси. Но Булгаръ сдѣлалъ попытку найти себѣ другой путь для сношенія съ Западомъ. Въ 1218 году болгары предприняли походъ на сѣверъ, взяли неожиданно Устюгъ, стоящій при сліяніи рѣкъ Сухоны и Юга, двинулись затѣмъ къ городу Унжѣ, осадили его, но взять не могли [4]). Фактъ весьма важный: завладѣвъ Устюгомъ, болгары могли свободно сноситься съ Новгородомъ Великимъ, а утвердившись въ Унжѣ, они имѣли возможность всегда угрожать русской торговлѣ на Волгѣ, по всему ея теченію вверхъ отъ впаденія р. Унжи. Но предпріятіе не удалось выполнить, и въ 1219 г. мы снова видимъ Устюгъ въ рукахъ Руси [5]). Послѣ этого борьба возгарается съ новой силой на побережьи Волги. Мордва теперь является раздѣленной по своимъ симпатіямъ: часть ея старается держаться Болгаріи, другая, видимо, стоитъ на сторонѣ князей русскихъ. Представителемъ первой является князь мордовскій Пургасъ, на сторонѣ Руси стоитъ князь Пурейша, который сдѣлался присяжникомъ суздальскаго князя Юрія. Обѣ стороны находятъ себѣ поддержку у сосѣдей. Въ началѣ XII ст. русскіе князья предприняли въ Болгарію походъ съ значительными силами и взяли болгарскій городъ Ошель, лежавшій, какъ мы видѣли, на правой сторонѣ Волги. Это было въ 1220 г. [6]). Но противная сторона дѣлаетъ еще разъ попытку оттѣснить Русь отъ устья Оки. Въ 1229 г. мордовскій князь Пургасъ явился къ Нижнему Новгороду. Но Мордва была разбита, и дѣло ограничилось сожженіемъ монастыря Пресвятыя Богородицы [7]). Въ самой мордовской землѣ въ 1228 г. начинается междоусобная борьба между Пургасомъ и Пурейшей. Юрій послалъ въ Мордву одного изъ своихъ подручныхъ князей, затѣмъ двинулся самъ, разорилъ волость Пур-

---

[1]) Наприм., въ 1173 г. (Ипат. лѣт., стр. 385).

[2]) Въ 1164 г. (Лаврент. лѣт., стр. 334—335).

[3]) Нижегородскій лѣтописецъ подъ 1212 г. (Древняя Россійская Вивліоѳика. М. 1791 г., ч. XVIII, стр. 72).

[4]) Никонов. лѣт. Спб. 1768 г., ч. II, стр. 340.

[5]) Лавр. лѣт., стр. 422.

[6]) Ibidem.

[7]) Никонов. лѣт. Спб. 1768 г., ч. II, стр. 362.

гаса. Царь болгарскій дѣйствовалъ нерѣшительно: явившись на русскаго присяжника Пурейшу, онъ быстро отступилъ назадъ. Въ слѣдующемъ году болгарской сторонѣ въ Мордвѣ было нанесено почти рѣшительное пораженіе. Сынъ Пурейши нанялъ половцевъ, разбилъ Пургаса и заставилъ его бѣжать [1]).

Въ 1229 году прибѣжала въ Булгаръ съ р. Урала пограничная болгарская стража и объявила о приближеніи татаръ къ границамъ этого государства [2]). Въ 1232 г. татары заняли южную часть земли болгарской, и остановились не дошедши до Великаго Города [3]). А подъ 1236 годомъ мы читаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ: „того же лѣта пришли безбожные Татары, попленили всю землю Булгарскую, и Городъ великій взяли, перебили и женъ и дѣтей, а другихъ въ пленъ увели“ [4]). Видно, что болгары выказали сильное сопротивленіе, судя по такому медленному движенію татаръ. Такъ закончилось самостоятельное существованіе болгарскаго царства.

Въ то время, когда Болгарія только что начала разцвѣтать, другое волжское государство, хазарскій каганатъ уже кончалъ свое политическое существованіе. „Когда величайшее безначаліе, фанатизмъ и глубокое невѣжество оспаривали другъ у друга владычество надъ западною Европою, держава хазарская славилась правосудіемъ и вѣротерпимостью, и гонимые за вѣру стекались въ нее отовсюду. Какъ свѣтлый метеоръ блистала она на мрачномъ горизонтѣ Европы и погасла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Оттого всѣ подвиги хазаровъ, народа, столь рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнаго для историка, являются въ какомъ-то сумракѣ, подернутые туманомъ сбивчивыхъ извѣстій разныхъ иноземныхъ писателей, которые своими повѣствованіями дѣлаютъ еще болѣе невѣроятными иногда и безъ того странныя установленія хазаровъ [5])“. Дѣйствительно, при всемъ интересѣ исторіи этого замѣчательнаго народа, мы знаемъ о немъ очень немного. Кто-были хазары? Мнѣнія и здѣсь, какъ въ вопросѣ о болгарахъ, раздѣляются. Одни считаютъ ихъ тюрками [6]) другіе причисляютъ къ финско-угрскимъ племенамъ, думая, что одно изъ нихъ было покорено въ отдаленныя времена какимъ-нибудь

---

[1]) См. Лаврент. лѣт. подъ 1228 и 1229 г.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 430.

[3]) Ibidem., стр. 437.

[4]) Ibidem, стр. 486.

[5]) Григорьева, „О двойственности верховной власти у Хазаръ“. Сборникъ „Россія и Азія“, стр. 66.

[6]) Neumann. Die Völker des südlichen Russland's. s. 105; Wambery. Der Ursprung der Magyaren. s. 73 и слѣд.

тюркскимъ народцемъ, который далъ хазарамъ династію ихъ кагановъ[1]). О языкѣ хазаръ мы имѣемъ два сообщенія: во первыхъ, что онъ сходенъ съ языкомъ болгаръ[2]), и во вторыхъ, что онъ не похожъ на языкъ ни тюрковъ, ни персовъ[3]). Для исторіи сохранились изъ ихъ языка имена правительственныхъ лицъ, какъ каганъ (хаканъ), хатунъ, илкъ и др., такъ и названія нѣкоторыхъ городовъ. Сторонники той и другой теоріи признаютъ, что первыя несомнѣнно тюркскія, но расходятся лишь въ объясненіи слова „Саркелъ", какъ назывался одинъ изъ хазарскихъ городовъ, объясняя его одни изъ языка тюркскаго[4]), другіе изъ чувашскаго[5]) или вогульскаго[6]). До насъ дошло также письмо одного изъ хазарскихъ кагановъ, Іосифа, въ которомъ онъ говоритъ о своей родословной. По однимъ, эта родословная указываетъ на тюркское[7]) происхожденіе хазаръ, по другимъ—на финское[8]). Средневѣковые писатели Византіи называютъ хазаръ турками[9]). Но, очевидно, они могли это дѣлать, имѣя въ виду господствовавшую у хазаръ династію. Въ подтвержденіе мнѣнія о смѣшанномъ составѣ хазарскаго народа имѣется и сообщеніе одного ученаго арабскаго географа XIII в., черпавшаго свои данныя изъ источниковъ болѣе давнихъ. „Хазары, говоритъ онъ, не походятъ на турокъ; у нихъ волосы черные, и они распадаются на два вида: одни, называемые Караджуръ, шатены и притомъ столь темнаго цвѣта, что онъ подходитъ къ черному; ихъ считаютъ индійской расой; другіе — бѣлы и очень красивы" [10]).

Границъ хазарской земли, въ собственномъ смыслѣ, указать нельзя. Съ большею или меньшею точностью можно говорить о гра-

---

[1]) Nouvelles Annales des voyages. 1848. v. IV. Etudes ethnographiques et historiques... par M. Wivien de S. Martin, pp. 284—285, 305; Григорьева, op. cit. стр. 74 и слѣд.; Nouvelles Annales des voyages 1851. v. II и III. Sur les Khazars, par Vivien de S. Martin; Memoires relatifs à l'Asie. 1828. v. I, Mémoires sur les Khazars, par Klaproth, p. 155; Frähn, Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Academie de S. Pétersbourg, VI serie sc. pol., v. I, livr. 6, p. 543. Что хазары были смѣшанной расы, признаетъ и D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 204.

[2]) Ибнъ-Гаукаль (Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 219).

[3]) Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. Спб. 1878 года, стр. 61.

[4]) Wambéry, op. cit. s. 75—76.

[5]) Frähn. loco cit.

[6]) Klaproth, loco cit.

[7]) Wambery, op. cit. s. 76—77.

[8]) Vivien de S. Martin, Nouvelles Annales des voyages, „Sur les Khazars".

[9]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 549—550.

[10]) Géographie d'Aboulféda ed. par Reinaud. Paris. 1848. v. II, p. 303.

ницахъ хазарскаго государства. Въ эпоху самаго большаго развитія его могущества южная граница каганата переходила за Кавказскія горы и простиралась до рр. Куры и Аракса. Хазарскіе гарнизоны стояли по городамъ, расположеннымъ, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Закавказьи [1]). Но, какъ мы увидимъ, ко второй половинѣ VIII в. хазары были вытѣснены арабами изъ Закавказья, и границей сдѣлались Кавказскія горы. На западѣ въ VIII в. они распространяютъ свою власть на часть Крымскаго полуострова и затѣмъ подчиняютъ своей власти русско-славянскія племена: полянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ. Подчиняютъ себѣ даже на нѣкоторое время Волжскую Болгарію. Изъ хазарскихъ городовъ намъ извѣстны: Итиль, Баланджаръ, Саркелъ или Бѣлая Вежа (м. б. онъ же назывался и Бейда [2]), Семендеръ, Камлидзэ и Саксинъ. Намъ болѣе или менѣе точно извѣстны лишь нѣкоторые изъ нихъ. Городъ Баланджаръ лежалъ гдѣ то недалеко отъ Кавказскихъ горъ по сю сторону отъ нихъ. Онъ былъ сначала столицей хазарскаго кагана [3]), но, послѣ потери закавказскихъ областей, резиденція кагановъ была перенесена въ городъ Семендеръ, лежавшій приблизительно тамъ, гдѣ городъ Тарху. Семендеръ былъ извѣстенъ по торговлѣ въ Азіи. Въ немъ жили христіане, мусульмане и евреи, и существовали церкви, мечети и синагоги. Населеніе занималось, главнымъ образомъ, садоводствомъ, особенно разведеніемъ винограда, такъ что въ Семендерѣ насчитывали до 4000 виноградныхъ лозъ [4]). Но, хотя этотъ городъ, оставался постоянно въ рукахъ хазаръ, однако столица была перенесена на устье Волги, въ городъ Итиль. Онъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Волги и дѣлился ею на двѣ части. Въ западной было мѣстопребываніе царицы со всѣмъ ея штатомъ; кромѣ того тутъ-же жили купцы—магометане, евреи, русскіе и славяне. Эта часть города называлась Казеранъ и была торговымъ центромъ, куда съѣзжались купцы и привозились товары изъ всѣхъ окрестныхъ странъ: изъ Азіи, Болгаріи, Руси. Въ восточной части помѣщался самъ каганъ съ своими вельможами и войсками. Но на одномъ изъ островов р. Волги былъ построенъ еще отдѣльный ка-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 47; Извѣстія о хазарахъ восточн. историка Табари. Пер. Дорна Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 82, 84.

[2]) Сближеніе Саркела или Бѣлой Вежи съ Бейдой см. у Хвользона (Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 45).

[3]) О мѣстонахожденіи Баланджара приблизительно можно говорить на основаніи извѣстій о ходѣ борьбы между хазарами и арабами. См. также Хвользонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 52.

[4]) Ibidem, стр. 53, 62, 63; Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 220, 229 Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 87.

ганскій дворецъ. Городъ былъ окруженъ стѣнами. Онъ имѣлъ бани, мечети и, какъ торговый центръ, нѣсколько рынковъ [1]). Намъ еще остается сказать объ одномъ хазарскомъ городѣ, Саркелѣ. Онъ былъ построенъ византійскими инженерами въ IX в. и лежалъ на томъ мѣстѣ р. Дона, гдѣ послѣдній сближается съ р. Волгой. Это было не только укрѣпленіе, но и торговый пунктъ, такъ какъ здѣсь суда, нагруженные товарами, должны были останавливаться и переноситься сухопутьемъ изъ одной рѣки въ другую. Саркелъ у нашихъ предковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлой Вежи (башни), что составляетъ буквальный переводъ перваго имени. Бѣлымъ называли его и византійцы [2]). Объ одномъ изъ хазарскихъ торговыхъ городовъ мы уже говорили раньше. Это—Саксинъ, лежавшій на р. Уралѣ. О немъ говорятъ, какъ о большомъ торговомъ центрѣ, куда пріѣзжало много иностранныхъ купцовъ и путешественниковъ Главное же населеніе составляли магометане. Городъ имѣлъ мечети, много каналовъ, и изобиловалъ деревьями [3]).

Изъ этого краткаго описанія хазарскихъ городовъ мы получаемъ болѣе или менѣе полное представленіе объ огромныхъ торговыхъ связяхъ хазаръ, что̀ уже мы видѣли отчасти въ очеркѣ торговли волжскихъ болгаръ. Вся восточная торговля была въ рукахъ хазарскаго каганата. Кромѣ товаровъ, которые шли въ Хазарію по Волгѣ чрезъ Булгаръ, хазарамъ доставлялись также для передачи въ Азію отъ славянъ ковры [4]). Хазары едва-ли занимались сами обработывающей промышленностью. Все, что было имъ необходимо для жизни, доставлялось изъ сосѣднихъ странъ. Мѣновая торговля происходила также между хазарами и кочевымъ народомъ, печенѣгами. Непосредственныя сношенія были у Хазаріи съ Византіей, Крымомъ [5]) и Персіей. Хазары занимались ловлею рыбы, которая вмѣстѣ съ рисомъ составляла ихъ главную пищу, и скотоводствомъ [6]). Даже въ X в., при существованіи богатыхъ, прекрас-

---

[1]) Гаркави. Ibid. стр. 92, 191, 228, 282. Хвользонъ, ibid. стр. 59, 60. Аль-Бекри, изд. Розена и Куника, стр. 60. Charmoy Relation de Mas'oudy. Mém. de l'Akad. de S. Pétersbourg., VI serie, sciences polit., v. II, livrs. IV et V, p. 317. Journal asiatique. 1865 v. V, serie VI. Le livre des routes et de provinces par Ibn-Khordadbeh, publ. par Barbier de Meynard, p. 514.

[2]) О мѣстонахожденіи Саркела см. „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ", стр. 75.

[3]) Хвользонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 63.

[4]) Charmoy. Relations de Mos'oudy, p. 322.

[5]) Stritter. Momoriae populorum, v. III, p. 574; Гаркави, Сказанія евр. писателей, стр. 103—105.

[6]) Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 92 и Хвользонъ. Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 45.

ныхъ городовъ, хазары остаются полукочевымъ народомъ. Хазарское населеніе оставалось въ городахъ только во время зимы. Съ наступленіемъ-же весны всѣ жители выселялись въ степь. „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, пишетъ хазарскій каганъ Іосифъ, мы выходимъ изъ города и каждый изъ насъ отправляется къ своимъ полямъ, садамъ и полевымъ работамъ, и каждое семейство, имѣющее вотчину, радостно и съ пѣніемъ отправляется туда и проводитъ здѣсь все лѣтнее время“ [1]... Занимались хазары разведеніемъ винограда и земледѣліемъ вообще. Лѣтомъ жители Итиля собирали жатву и перевозили хлѣбъ въ городъ на повозкахъ или лодкахъ [2]). Можетъ быть, у нихъ существовалъ и горный промыселъ [3]).

Населеніе хазарскаго каганата было, какъ мы видѣли, самое разнообразное. Тутъ сталкивались люди всѣхъ національностей и религій и жили тамъ постоянно, составляя большинство населенія городовъ. Въ числѣ ихъ было очень много евреевъ. Въ Крыму евреи поселились весьма давно, еще въ первыя вѣка христіанства въ Керчи (др. Пантикапеѣ) была еврейская синагога, а въ VII в. существовала тутъ еврейская община [4]). Особенный наплывъ этого народа начинается съ VII ст., когда на нихъ было поднято сильное гоненіе во всѣхъ областяхъ византійской имперіи. Это повторилось потомъ въ X вѣкѣ [5]). Въ первой половинѣ VIII столѣтія правительство хазаръ по политическимъ видамъ принуждено было принять исламъ, но, какъ видно, это обращеніе было чисто наружное, потому что почти въ то же время при каганѣ Буланѣ была принята вѣра іудейская, хотя утвердилась она тамъ окончательно лишь въ IX в. при каганѣ Овадіи. Юдаизмъ исповѣдывалъ однако не весь народъ, а лишь каганъ, его дворъ, высшее сословіе и только, можетъ быть, незначительная часть народа [6]). Остальная часть собственно хазарскаго населенія исповѣдывала исламъ или христіанскую религію, или продолжала держаться язычества. И христіанство и исламъ, конечно, могли въ Хазаріи распространиться, благодаря

---

[1]) Хвользонъ, стр. 17 и 68

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 33.

[3]) Ibidem, p. 43.

[4]) Брунъ. Черноморье. Ч. II, стр. 310; Гаркави. Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ, стр. 142.

[5]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 36 и. Гаркави, ibidem.

[6]) Дорнъ. Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 88; письмо кагана Іосифа къ раввину Хасдаи въ Испанію у Хвользона, Извѣстія Ибнъ-Даста, стр. 57; см. также Григорьева, „Очеркъ политической исторіи хазаръ“ въ сборникѣ „Россія и Азія“, стр. 58, примѣч. 41.

именно постояннымъ связямъ съ мусульманскими и христіанскими странами, какъ торговымъ, такъ и политическимъ. О распространеніи ислама среди массы хазарскаго народа разсказывали въ XIII ст., что вскорѣ послѣ принятія высшими хазарскими классами юдаизма на хазаръ напали турки, и когда стѣсненная Хазарія обратилась въ среднюю Азію за помощью, то ховарезмійцы обѣщали помочь имъ подъ условіемъ принятія ислама; когда помощь была оказана, народъ за исключеніемъ кагана принялъ мусульманство [1]). Отличавшееся замѣчательною вѣротерпимостью и уваженіемъ ко всѣмъ религіямъ, хазарское правительство, какъ видно, было осаждаемо со всѣхъ сторонъ исповѣдниками разныхъ религій и допускало между ними пренія [2]). Мало этого. Оно, очевидно, интересовалось вопросомъ: гдѣ истина? Этимъ объясняется отправленіе изъ Хазаріи пословъ къ византійскому императору съ просьбой прислать свѣдущихъ людей для преній съ мусульманскими и еврейскими проповѣдниками. Туда отправленъ былъ св. Кириллъ. Остановившись на нѣкоторое время въ Херсонесѣ, онъ изучилъ хазарскій языкъ и затѣмъ чрезъ Азовское море прибылъ въ Хазарію. Тутъ произошли пренія между проповѣдниками всѣхъ трехъ религій, результатомъ которыхъ явилось крещеніе до 200 человѣкъ и позволеніе со стороны хазарскаго правительства креститься всѣмъ, кому угодно [3]).

Едвали въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ на земномъ шарѣ существовалъ болѣе оригинальный политическій строй, чѣмъ въ Хазаріи. Во главѣ хазарскаго каганата стоялъ каганъ (хаканъ), котораго власть была наслѣдственная [4]). Фамиліи, къ которымъ принадлежали каганы, не пользовались ни силой, ни богатствомъ. Если прямая линія династіи прерывалась, то каганомъ становился ближайшій родственникъ, хотя бы до этого случая онъ былъ самымъ бѣднымъ человѣкомъ [5]). Каганъ пользовался безграничною властью; особа его считалась священной. Когда каганъ выѣзжалъ изъ своего дворца, что случалось весьма рѣдко, то за милю предъ нимъ ѣхала его гвардія; всѣ, встрѣчавшіеся на пути, падали ницъ и не смѣли

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 203.

[2]) Извѣстія Ал-Бекри, изд. Куника и Розена, стр. 61.

[3]) Кирилло Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865 г., стр. 15—17.

[4]) См. перечисленіе кагановъ въ письмѣ Іосифа; дѣлаемъ ссылку на изданіе его въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 6, отд. III, стр. 6.— Титулъ хаканъ употреблялся у тюркскихъ народовъ. Journal asiatique 1865. v. 5, serie VI. Le livre des routes et des provinces par Ibn-Khordadbeh, publ. par. B. de Meynard, p. 256.

[5]) Григорьевъ. „Россія и Азія", стр. 70—71.

подняться, пока каганъ не скрывался изъ вида [1]). Проходя или проѣзжая даже мимо могилы кагана, каждый падалъ ницъ и затѣмъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, пока могила совершенно не исчезала изъ глазъ [2]). Однакоже, каганъ иногда самъ предводительствовалъ войскомъ, что́ происходило, какъ кажется въ крайнихъ обстоятельствахъ. Въ такомъ случаѣ онъ двигался въ колесницѣ, покрытой шелковымъ покрываломъ [3]). Доступъ къ кагану былъ почти невозможенъ. Въ его дворецъ могли входить только намѣстникъ его, хаканъ-бегъ, и два самыхъ высшихъ сановника, кендеръ-хаканъ и чаушіаръ. Всѣ падали ницъ и ожидали позволенія встать и говорить. Исключеніе дѣлалось лишь для намѣстника, который однако же являлся къ кагану не иначе какъ босымъ, затѣмъ зажигалъ кусокъ дерева и садился рядомъ съ каганомъ лишь тогда, когда кусокъ дерева сгоралъ [4]). Повиновеніе власти кагана было безгранично. Если ему нужно было отдѣлаться отъ кого нибудь даже изъ самыхъ высшихъ сановниковъ, то онъ приказывалъ такому лицу самому лишить себя жизни, и тотъ безпрекословно исполнялъ приказаніе [5]). Считая личность кагана священною, хазары думали, что онъ посредникъ между народомъ и небомъ, и всѣ бѣдствія объясняли вліяніемъ его личности. Въ случаѣ какихъ нибудь продолжительныхъ несчастій, народъ обращался къ хаканъ-бегу и требовалъ смерти кагана, говоря: „этотъ хаканъ приноситъ намъ несчастіе“ [6]). Вообще, каганъ не могъ править болѣе 40 лѣтъ, такъ какъ по убѣжденію хазаръ умъ его тогда ослабѣвалъ и разсудокъ разстраивался [7]). Когда каганъ умиралъ, надъ рѣкой строили дворецъ съ 20 комнатами, въ каждой устраивали могилу, въ одной изъ которыхъ въ рѣку ставили гробницу кагана, затѣмъ всѣмъ погребавшимъ его отсѣкали головы [8]).

Управленіе государствомъ сосредоточивалось въ рукахъ намѣстника, хаканъ-бега. Онъ распоряжался безотчетно всѣми дѣлами и командовалъ войсками. Когда онъ выступалъ въ походъ, то надъ нимъ устраивался родъ зонтика, который везъ всадникъ впереди его. За нимъ ѣхалъ хаканъ-бегъ, за которымъ слѣдовали войска, ни-

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 38.

[2]) Ibidem.

[3]) Дорнъ. Извѣстія Табари. Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 83—4.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, 34, 35 и 36; Григорьевъ въ „Россія и Азія“, стр. 68.

[5]) Григорьевъ. Ibidem, стр. 69.

[6]) Ibidem, стр. 72.

[7]) Ibidem.

[8]) Ibidem, стр. 70.

когда не выпуская изъ вида этого зонтика[1]). Управленіе отдѣльными городами поручалось родственникамъ кагана, которые, какъ и онъ, исповѣдывали юдаизмъ. Такихъ правителей мы видимъ въ Баланджарѣ и Семендерѣ[2]). Во всѣхъ подвластныхъ хазарамъ городахъ стояли, какъ мы видѣли, хазарскіе гарнизоны.

Будучи принуждены вести постоянныя войны съ сосѣдями для защиты своихъ границъ и для выполненія своихъ политическихъ плановъ, хазары имѣли прекрасно вооруженное войско. Кромѣ гвардіи самаго кагана, въ распоряженіи правительства было всегда 10000 всадниковъ, снабженныхъ знаменами, бронями, копьями, луками и саблями[3]). Часть его состояла изъ постоянныхъ наемныхъ войскъ, получавшихъ жалованье отъ хаканъ-бега. Опи состояли изъ мусульманъ Ховарезма называвшихся въ Хазаріи ларсіями, а также изъ руссовъ и славянъ[4]). Всѣ зажиточные и богатые люди, сообразно съ количествомъ своего имущества и успѣшностью промысловъ, должны были поставлять извѣстное количество всадниковъ. Это была государственная повинность[5]). Для перевозки тяжестей, можетъ быть, употреблялись верблюды[6]). Дисциплина въ хазарской арміи была очень велика. Воины, бѣжавшіе съ поля сраженія, наказывались смертною казнью. Хазарскіе генералы, въ случаѣ неисполненія своего долга, приводились къ своему государю, который въ присутствіи ихъ раздавалъ членовъ ихъ семьи всѣмъ кому угодно, а самихъ подвергалъ смертной казни[7]). Войска хазаръ бывали очень велики[8]), что можетъ объясняться присылкой вспомогательныхъ отрядовъ изъ подчиненныхъ земель. Добыча вся собиралась въ лагерь. Изъ нея сначала выбиралъ себѣ, что понравится, хаканъ-бегъ, а все остальное дѣлилось между воинами[9]). Командовалъ войсками обыкновенно хаканъ-бегъ, но иногда во главѣ ихъ становился и сынъ кагана; командованіе поручалось также и терханамъ, высшимъ сановникамъ государства[10]).

Доходы хазарскаго правительства состояли, главнымъ образомъ, изъ торговой пошлины съ привозившихся въ Хазарію товаровъ, а

---

[1]) Извѣстія Ибнъ-Даста, Хвользонъ, стр. 16, 17 и 19.

[2]) Гаркави. Сказанія мусульм. писателей, стр. 220; Извѣстія Табари, Ж. М. Н. Пр., ч. XLIII, отд. II, стр. 24.

[3]) Гаркави, ibidem, стр. 30 Хвользонъ, стр. 18—19 и 69; Ипат. лѣт., стр. 9.

[4]) Гаркави и Хвользонъ, ibidem и D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 36.

[5]) Хвользонъ, стр. 18.

[6]) Ibidem.

[7]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 38.

[8]) Извѣстія Табари, passim.

[9]) Хвользонъ, стр. 19.

[10]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 58; Табари, Ж. М. Н. Просв. ч. XLIII, отд. II, стр. 87.

также изъ дани, получавшейся въ видѣ мѣховъ и денегъ съ подчиненныхъ народовъ. Хазарское правительство, понимая всѣ выгоды обширныхъ торговыхъ связей, старалось обезопасить у себя права каждаго и устроило судъ самымъ цѣлесообразнымъ способомъ. Въ столицѣ Хазаріи были 7 судей: двое для мусульманъ, двое для хазаръ, которые судили по законамъ Пятикнижія, двое для тамошнихъ христіанъ, которые судили по законамъ Евангелія, и одинъ для язычниковъ. Если встрѣчались дѣла, которыя были трудно разрѣшимы для судей, тогда они должны были обращаться къ судьямъ мусульманскимъ [1]), которые были, очевидно, государственными. При такомъ разнообразномъ населеніи, какое было въ Хазаріи, когда весьма возможно столкновеніе между людьми различныхъ религій, хазарское правительство должно было обладать большимъ тактомъ. Какъ видно, оно держалось принципа: „не дѣлай другимъ, чего себѣ не желаешь", и, можетъ быть, этимъ только предупреждало недоразумѣнія. Когда однажды мусульмане разорили храмы евреевъ, оно приказало разрушить главную мечеть въ Итилѣ и казнить муэдзиновъ [2]).

Первыя достовѣрныя извѣстія о хазарахъ восходятъ къ концу II в. по Р. Х. Съ этого времени начинаются ихъ столкновенія съ Персіей. Враждебныя отношенія между этими двумя народами были прерваны на нѣкоторое время нашествіемъ гунновъ, которые подчинили себѣ хазаръ, и Аттила далъ имъ въ правители своего сына. Съ паденіемъ гунскаго царства хазары стали быстро развивать свое могущество. Въ VI столѣтіи южныя границы ихъ составляли уже р. Кура и Араксъ [3]). Тогда опять возобновилась борьба съ Персіей. Въ VI ст. персидскій государь Нуширванъ Справедливый построилъ укрѣпленіе Дербентъ, оттѣснивъ хазаръ изъ Закавказья. Чтобы возвратить себѣ утерянныя области, хазары вошли въ союзъ съ византійскимъ императоромъ Иракліємъ, прорвались черезъ Дербентъ и предали Персію разоренію. Императоръ обѣщалъ отдать свою дочь, Евдокію, за хаканъ-бега, и только смерть послѣдняго разстроила этотъ бракъ [4]). Въ VII ст. для хазаръ въ Азіи явился опасный врагъ, арабы. Проникнутые религіознымъ фанатизмомъ, они устремились на завоеванія и въ странахъ закавказскихъ столкнулись съ

[1]) Гаркави, стр. 129—130.

[2]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 43.

[3]) Первоначальн. исторію хазаръ см. Nouvelles Annales des voyages 1851, vs II et III; Григорьева „Обзоръ политич. исторіи хазаръ, въ сборникѣ „Россія и Азія" и D'Ohsson. Les peuples du Caucase.

[4]) D'Ohsonn. Les peuples du Caucase, p. 49. Stritter, Memoriae populorum, v. III, p. 549 и слѣд.

хазарами. Начинается цѣлый рядъ кровопролитныхъ войнъ, ведшихся съ перемѣннымъ счастіемъ. Войска обоихъ народовъ проникаютъ иногда далеко въ глубь непріятельскихъ владѣній; съ одной стороны хазары доходятъ до Моссула, съ другой—арабы берутъ хазарскіе города: Семендеръ, Баланджаръ [1]). Борьба заканчивается въ самомъ концѣ VIII ст. (799 г.). Хазары навсегда утратили закавказскія области. Понесши потери на югѣ, хазарскій каганатъ обратилъ свое вниманіе на западъ и сѣверо-западъ. Еще въ половинѣ VII в. хазары подчинили своей власти берега Азовскаго и Чернаго морей [2]). Въ началѣ VIII в. отношенія каганата къ Византіи становятся еще болѣе тѣсными. Согнанный съ престола Византіи Юстиніанъ Ринотметъ бѣжалъ въ Крымъ и затѣмъ выпросилъ у кагана позволеніе поселиться въ его владѣніяхъ въ Фанагоріи (на Таман. полу о-вѣ, потомъ рус. удѣльн. городъ Тмуторакань), гдѣ и женился на сестрѣ кагана, Θеодорѣ [3]). Спустя нѣкоторое время сынъ византійскаго императора Льва Исаврянина, Константинъ Копронимъ, женился на дочери кагана, принявшей при крещеніи имя Ирины, и въ 888 году хазары являются на помощь сыну ея, Льву, въ его борьбѣ съ Симеономъ Болгарскимъ [4]). Сохраняя дружественныя отношенія къ Византіи, каганатъ въ то же время поддерживаетъ въ таврическихъ городахъ людей, недовольныхъ византійскимъ правительствомъ, которые и находятъ себѣ убѣжище въ Хазаріи [5]). Византійцы сознавали силу каганата и старались поддерживать съ нимъ дружественныя связи. Грамоты, отправляемыя къ владыкѣ хазаръ, адресовались: „благороднѣйшему и славнѣйшему кагану Хазаріи“ и запечатыватись золотою печатью въ три солида—честь, которой удостоивались отъ Византіи немногіе государи [6]).

Къ VIII же столѣтію, вѣроятно, относится и покореніе русскихъ славянъ. Какъ мы уже сказали, хазарамъ платили дань поляне, сѣверяне, радимичи и вятичи [7]). Это было время высшаго развитія могущества хазарскаго каганата. Съ IX в. онъ начинаетъ слабѣть. У него начинаются внутреннія неурядицы. Причинъ ихъ мы не знаемъ; извѣстно только, что побѣжденная сторона должна была удалиться изъ государства. Цѣлое колѣно кабаровъ, а за нимъ

---

[1]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, pp. 49, 57, 60, 67.
[2]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 553.
[3]) Ibidem, p. 553—554.
[4]) Ibidem, p. 565, 570.
[5]) Ibidem, p. 559, 563.
[6]) Ibidem, p. 576.
[7]) Ипат. лѣт., стр. 11, 14.

еще какихъ-то семь колѣнъ покинули Хазарію и ушли къ венграмъ [1]). Это должно было сильно ослабить хазаръ. Въ это же время съ сѣвера каганатъ ведетъ борьбу съ кочевниками, печенѣгами, обитавшими между Волгой и Ураломъ. Хазарія не могла уже справиться съ этими врагами сама и вошла въ союзъ съ другимъ кочевымъ народомъ, торками, который жилъ за р. Ураломъ. Общими силами союзники вытѣснили печенѣговъ за Волгу, но все таки дѣла Хазаріи не измѣнились къ лучшему. Изъ союзниковъ торки обратились во враговъ, и въ X в. каганатъ принужденъ былъ вести съ ними упорную борьбу. Еще въ IX в. хазарское правительство нашло необходимымъ укрѣпить пунктъ сближенія Волги и Дона и при помощи византійскихъ инженеровъ выстроило здѣсь укрѣпленіе Бѣлую Вежу или Саркелъ. Въ X ст. оно служило къ удержанію отъ набѣговъ на Хазарію торковъ. Но и старые враги, печенѣги, остались въ степяхъ и продолжали дѣлать набѣги на Хазарію [2]). Съ X в. начинаютъ развиваться и силы русскаго государства. Еще въ концѣ IX в. (880 г.) какіе-то вольные русскіе люди, зная по торговымъ связямъ о богатствахъ востока, пробрались на Каспійское море и пограбили тамъ нѣкоторыя прибрежныя области. То же самое повторилось и въ 909 г. Въ 913 году руссы въ большомъ числѣ прибыли на судахъ къ Бѣлой Вежѣ по р. Дону и послали просить у кагана разрѣшенія пройти чрезъ Волгу въ Каспійское море, обѣщая по возвращеніи отдать половину добычи. Хазарское правительство согласилось на эти условія. Трудно объяснить это согласіе. Какимъ образомъ хазары, народъ до того времени оберегавшій торговлю востока, согласились пропустить грабителей и нанести этимъ ущербъ торговымъ сношеніямъ. Единственное предположеніе, какое можно сдѣлать, что Хазарія уже была на столько слаба въ данное время, что не могла быстро сосредоточить необходимыхъ силъ къ угрожаемому пункту для отраженія руссовъ. Походъ руссовъ былъ удаченъ. Съ большой добычой возвратились они къ устью Итиля (Волги) и отправили къ кагану условленную часть. Но мусульмане и христіане Итиля вытребовали у кагана разрѣшеніе наказать грабителей. Каганъ увѣдомилъ объ этомъ руссовъ. Въ кровопролитномъ сраженіи послѣдніе были разбиты и только въ числѣ 5000 ушли вверхъ по Волгѣ, потомъ хотѣли далѣе пробраться сухимъ путемъ, но были перебиты буртасами и болгарами [3]). Этотъ фактъ является совершенно слу-

---

[1]) Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 572.

[2]) См. „Печенѣги, Торки и Половцы", гл. III.

[3]) Разсказъ Массуди у Гаркави, стр. 133. Вообще о походахъ руссовъ на Востокъ см. Дорна, „Каспій" и Григорьева„ О древнихъ походахъ руссовъ на Востокъ" въ сборникѣ „Россія и Азія".

чайнымъ, но затѣмъ въ 968 году князь русскій, Святославъ, пробрался чрезъ Десну и Оку въ Волгу, ограбилъ мимоходомъ болгаръ и затѣмъ явился въ Хазаріи, страшно разорилъ ее, ограбилъ Итиль, Семендеръ. Часть жителей послѣдняго спаслась на острова Каспійскаго моря [1]). Историки объясняютъ этотъ походъ обычаемъ мести, господствовавшимъ у руссовъ: они должны были отомстить за смерть соотечественниковъ, избитыхъ въ Хазаріи въ 913—14 году. Но это объясненіе едвали можно считать удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что промежутокъ времени между обоими походами очень великъ. Никакъ мы не можемъ найти въ этомъ предпріятіи и какихъ-нибудь государственныхъ цѣлей.

Послѣ этого разгрома Хазарія уже не оправлялась. Правда, у нея оставались еще значительныя владѣнія по берегамъ Черного и Азовскаго морей, но и ихъ она постепенно теряетъ. При Владимірѣ св. въ Тмутаракани (Фанагоріи) образуется русскій княжескій удѣлъ, куда Владиміръ сажаетъ своего сына Мстислава. Въ 1016 г. послѣдній, въ союзѣ съ византійскимъ императоромъ Василіемъ, приславшимъ греческій флотъ въ Азовское море, разбилъ хазарскаго кагана Георгія Тзулу и въ первомъ же сраженіи взялъ его въ плѣнъ [2]). Хазарія политически перестала существовать, но память о ней еще долго сохранялась: Каспійское море называлось хазарскимъ, а часть Крыма Газаріей. Въ XV в. еще слышалось это имя около Кафы, а далѣе все замираетъ [3]). Только лезгины и другіе народцы Кавказа до сихъ поръ еще называютъ евреевъ именемъ „хазаръ“ [4]).

Мы обозрѣли въ краткихъ чертахъ историческую и бытовую жизнь двухъ народовъ, бывшихъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи въ самыхъ тѣсныхъ и преимущественно дружественныхъ отношеніяхъ съ Русью. Одно изъ этихъ государствъ, Болгарія начинаетъ развиваться именно во время правленія св. Владиміра, и мы видимъ, какъ онъ старается, среди общихъ заботъ о своемъ государствѣ, закрѣпить дружественную торгово-промышленную связь между русскимъ и болгарскимъ народами, связь, которая могла принести Руси много пользы въ культурномъ отношеніи. Вообще послѣ принятія христіанства мы не видимъ у Владиміра св. никакихъ слѣдовъ безцѣльнаго богатырства а только стремленіе устроить свое

---

[1]) Гаркави, стр. 219—220.

[2]) Stritter. Memoriae populorum, III, p. 577.

[3]) Vivien de S. Martin. Sur les Khazars. Nouvelles Annales des voyages. 1851, v. III.

[4]) D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 212.

молодое государство внутри и внѣ, связавъ его узами дружбы съ сосѣдними народами.

Другое государство, Хазарія, въ эпоху Владиміра св. падаетъ. Владычество хазаръ надъ русско-славянскимъ племенами продолжалось около двухъ столѣтій. Зависимость нашихъ предковъ отъ Хазаріи выражалась, главнымъ отразомъ, лишь въ платежѣ дани мѣхами, можетъ быть, также деньгами и продуктами промышленности и торговли [1]). Можно предполагать также, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стояли у насъ хазарскіе гарнизоны, на что указываютъ сохранившіяся доселѣ городища, носящія названія хазарскихъ, но это могли быть также и торговыя хазарскія факторіи, гдѣ подъ охраной хазарскихъ отрядовъ жили восточные купцы. Хазары несомнѣнно жили и въ Кіевѣ [2]). Имѣя предъ собою факты замѣчательной религіозной и національной терпимости хазарскаго правительства, мы не можемъ предполагать, чтобы владычество хазаръ было тяжко для нашихъ предковъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на враждебныя отношенія русскихъ славянъ къ Хазаріи. Напротивъ, самое преданіе о присылкѣ пословъ отъ хазаръ для обращенія Владиміра въ юдаизмъ является отголоскомъ нѣкогда бывшихъ тѣсныхъ, дружественныхъ отношеній между Русью и Хазаріей. Культурное вліяніе хазаръ на первую дожно было быть очень сильнымъ. Русь своимъ князьямъ даетъ титулъ, который носили государи Хазаріи, и современники Владиміра св. называютъ его каганомъ [3]). Не выражается ли въ этомъ можетъ быть совершенно случайно, идея передачи Руси миссіи Хазаріи—быть оплотомъ Европы противъ Азіи? Кромѣ цивилизующаго вліянія на русско-славянскія племена, кромѣ защиты восточной торговли, имѣвшей большое значеніе для всей Европы, Хазарія въ эпоху высшаго развитія своего могущества оказывала огромную услугу, являясь оплотомъ Европы съ востока противъ безчисленныхъ кочевыхъ массъ Азіи, а съ юга противъ завоевательныхъ стремленій арабовъ. На западѣ франкамъ удалось сдѣлать Пиренеи границей арабскихъ завоеваній, хазары на востокѣ положили имъ предѣлъ у кавказскихъ горъ. Паденіе Хазаріи открыло широкую дорогу въ Европу для кочевыхъ обитателей средне-азіатскихъ степей, передало всю тяжесть борьбы съ Азіей русскому народу, результатомъ чего явилось замедленіе въ культурномъ развитіи Руси во всѣхъ отношеніяхъ.

П. Голубовскій.

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 42 и 9.

[2]) Въ Кіевѣ существовала даже мѣстность „Козари", гдѣ, очевидно, жили нѣкогда козары (хазары).

[3]) Такъ называетъ Владиміра св. митрополитъ Иларіонъ въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати". Аристовъ. Христоматія по русской исторіи, стр. 28.

КІЕВЛЯНЕ И БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

„Мій Кіевъ, я панъ и воевода кіевскій!“ властно, съ сознаніемъ своего права, объявилъ Хмельницкій польскимъ коммиссарамъ въ началѣ 1649 года при переговорахъ о мирѣ. И это не были слова, сказанныя гетманомъ подъ вліяніемъ увлеченія побѣдами. Напротивъ, они проникнуты истинно-правдивымъ, глубокимъ смысломъ и доказываютъ тѣсную нравственную связь между Хмельницкимъ и Кіевомъ, указываютъ на общую имъ обоимъ цѣль, на проникновеніе единымъ духомъ. Кіевляне, какъ бы подтверждая ихъ, отвѣчали выраженіемъ своей полной преданности самому герою и своего полнаго сочувствія его дѣятельности. Ерличъ свидѣтельствуетъ, что 17 декабря 1648 года[1]), когда Хмельницкій торжественно въѣзжалъ въ Кіевъ, то кіевляне радовались его пріѣзду и оказывали ему при встрѣчѣ почести вдвое, а можетъ быть и въ десять разъ, большія, чѣмъ когда-либо воеводамъ[2]). „При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа“, какъ резюмируетъ Н. И. Костомаровъ слова южно-русскихъ лѣтописей[3]), „предводитель со всѣми старшинами въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя Яросла-

---

[1]) Мы принимаемъ здѣсь дату М. А. Максимовича (Собр. сочин. т. I, стр. 414 и 415), переведшаго дату новаго стиля (у Ерлича) на дату стараго. Въ портфелѣ древнихъ актовъ, собранныхъ О. И. Левицкимъ и обязательно предоставленныхъ имъ въ наше пользованіе, мы встрѣтили универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный имъ „у Киеве, 1648, дек. 22“, какъ охранный листъ, одному шляхтичу. Этотъ универсалъ вполнѣ подтверждаетъ выводъ Максимовича.

[2]) Ерл., I, 72.

[3]) Богданъ Хмельницкій, т. II, 54.

вовы Золотыя ворота и у стѣнъ св. Софіи былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи". Изъ послѣднихъ (бурсаковъ) весьма многіе возсе не возвратились въ свою школу; побуждаемые любовью къ родинѣ, они стали въ ряды козачества, предводимаго богоданнымъ гетманомъ, и Кіево-могилянская коллегія опустѣла почти на 25 лѣтъ. Этотъ моментъ встрѣчи и увлеченія учащейся молодежи произвелъ на современниковъ столь глубокое впечатлѣніе, что память о немъ нашла себѣ выраженіе даже въ началѣ XVIII в. въ драмѣ славнаго кіевлянина Θеофана Прокоповича: „Милость Божія Украину, отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана-Зиновія Хмельницкаго, преславнаго войскъ запорозкихъ гетмана, свободившая" et c [1]).

Понять причину такого рода отношеній, между кіевлянами и Хмельницкимъ очень не трудно,—стоитъ лишь вспомнить главные моменты многовѣковой жизни Кіева, а умѣстнѣе всего вспомнить ихъ теперь, когда мы празднуемъ открытіе памятника народному вождю, памятника, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ, кто живетъ и жилъ „не о хлѣбѣ единомъ", памятника, на отсутствіе котораго у насъ постоянно слышались сѣтованія; это же воспоминаніе объяснитъ, почему такого, а не иного рода льготы дарованы были гетманомъ Кіеву въ универсалахъ, которыя печатаются нами ниже и обязательно сообщены проф. В. Б. Антоновичемъ, О. И. Левицкимъ и П. С. Калачевскимъ изъ своихъ портфелей.

Возникновеніе Кіева и его ростъ обусловились географическимъ положеніемъ; находясь въ мѣстности, гдѣ большія притоки Днѣпра уже слились въ одно русло, гдѣ начинался водораздѣлъ, по направленію къ западу, между рѣками, текущими на сѣверъ въ Балтійское море, и на югъ въ Черное онъ представлялъ большія естественныя удобства для переправы безпрестанно кочевавшихъ по территоріи южной Руси народовъ въ первыя вѣка нашей эры; недаромъ его основаніе приписывается перевощику Кію; положеніе Кіева на большой судоходной рѣкѣ,

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, 486—509.

долго служившей главнымъ путемъ „изъ варягъ въ греки", содѣйствовало съ своей стороны раннему его торговому значенію: чрезъ Кіевъ народы двигались съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ и обратно; здѣсь перекрещивались дороги и необходимо долженъ былъ происходить обмѣнъ товаровъ между встрѣчавшимися племенами; то и другое сдѣлало Кіевъ главнымъ политическимъ центромъ, что способствовало впослѣдствіи, послѣ принятія крещенія Владиміромъ св., его значенію, какъ центра просвѣщенія и вѣры. Борьба и соперничество князей изъ-за княженія въ стольномъ городѣ Кіевѣ привело къ тому, что вокругъ „матери русскихъ городовъ" возвысились другіе политическіе центры, Кіевъ же былъ униженъ и неоднократно разоряемъ врагами и своими и чужими; но неумиравшая сила вѣчевыхъ традицій помогала горожанамъ выносить всѣ тяжкіе удары судьбы и удержать первенствующее значеніе, какъ средоточіе русской народности. Унижаемый, подавляемый Кіевъ боролся подъ предводительствомъ своихъ послѣднихъ князей Владиміра Ольгердовича, Скиргайла, Свидригайла, Александра (Олелька) Владиміровича, его сыновей: Симеона и Михаила Львовича Глинскаго за свое политическое значеніе, за предковскую вѣру и обычаи противъ наступавшей все сильнѣе „лядской неволѣ" но безуспѣшно; „очевидно", какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. В. Б. Антоновичъ [1]), „княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ: его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло.... Но въ нѣдрахъ Кіевской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ бóльшимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху". Этими силами были сословія: земянское, мѣщанское, боярское, крестьянское и, особенно, козачье, внесшія въ свою внутреннюю жизнь старые принципы вѣчеваго строя. Ко времени Хмельницкаго эти силы успѣли уже развиться настолько, что ожидали лишь вождя, который повелъ бы ихъ за собой; такимъ вождемъ

---

[1]) Монографіи, I, 244.

и былъ Хмельницкій; знаменемъ его было православіе и народность, и это знамя какъ бы воплощалось въ святыняхъ Кіева и въ преданности мѣщанъ русской народности; отсюда связь духовная между гетманомъ и его *„столечнымъ мѣстомъ“*.

Религіозное значеніе Кіева, поколебленнаго княжескими усобицами въ XIII вѣкѣ, съ XVI вѣка снова поднимается, благодаря учрежденію особой митрополіи; и по мѣрѣ того, какъ усиливалось гоненіе на русскую вѣру со стороны Польши, возрастало и значеніе Кіева. Съ этихъ поръ Кіевъ и становится страшенъ врагамъ, преимущественно какъ очагъ православія и просвѣщенія, съ чѣмъ неразрывно связывалась и идея національная; въ силу то этого еще до Хмельницкаго Кіевъ не разъ принималъ участіе въ козацкихъ возстаніяхъ, избивая, вмѣстѣ съ нападавшими козаками, приверженцевъ католицизма и полонизма; въ возбужденіи массы народа принимало нерѣдко участіе даже высшее мѣстное духовенство. Но вотъ раздался могучій призывъ Богдана благословеннаго на великое дѣло народнаго освобожденія отъ иновѣрнаго ига его предтечей, поборникомъ просвѣщенія, митрополитомъ Петромъ Могилой, и, какъ море, заволновалась южная Русь; волны возстанія подходили къ Кіеву все ближе и ближе; вокругъ него разгорался бунтъ крестьянъ; Кіевъ понялъ, что наступаетъ рѣшительное время, и также поднялся; послѣ корсунской побѣды мѣщане начали избивать шляхту и ксендзовъ. Въ декабрѣ 1648 года подходилъ къ Кіеву гетманъ; возбужденные его приближеніемъ, кіевляне подняли жесточайшее гоненіе на католиковъ и уніатовъ; они врывались въ дома, схватывали укрывавшихся и топили въ водахъ Днѣпра; многіе спасались въ стѣнахъ монастырей, особенно Печерскаго; преслѣдованія и убійства продолжались съ 11-го по 14 декабря, а 17-го, какъ мы уже сказали, кіевляне восторженно привѣтствовали избавителя; тутъ же ожидалъ Хмельницкаго іерусалимскій патріархъ Паисій. „Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ“, скажемъ словами Н. И. Костомарова[1]), „онъ приносилъ ему поздравленія и побуждалъ на новую войну противъ папизма“.

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, 54, 55, 74.

Въ началѣ 1649 года, когда польскіе коммиссары въ Переяславѣ вели переговоры о мирѣ, когда Хмельницкій требовалъ для жителей Кіева, его школъ и монастырей неприкосновенности и свободы, горожане, вмѣстѣ съ набѣжавшими возставшими крестьянами, возобновили рѣзню, которая продолжалась до мая мѣсяца и прекратилась лишь потому, что жертвы ненависти были всѣ уничтожены.

Послѣ зборовской битвы гетманъ опять имѣлъ торжественную встрѣчу въ Кіевѣ. Здѣсь, по словамъ лѣтописца, „онъ, лежа ницъ предъ гробами святыхъ, заливался слезами благодарности и воздавалъ хвалу Всевышнему“.

Въ 1650 г., когда польскіе коммиссары явились въ Кіевъ для новыхъ переговоровъ, имъ не было оказано никакихъ почестей, свойственныхъ сану; напротивъ, мѣщане обнаружили сильное раздраженіе и злобу.

Но съ 1651 года обстоятельства приняли неблагопріятный для запорожскаго войска оборотъ и Кіеву пришлось, вмѣстѣ съ нимъ, испытать превратность судьбы; въ августѣ козаки подъ Кіевомъ были разбиты польскими и литовскими войсками; послѣдніе заняли городъ, и 17 августа Кіевъ былъ преданъ огню и мечу; церкви не были пощажены; въ Успенской церкви сгорѣли городскія и земскія книги этотъ неоцѣненный матеріалъ для исторіи того времени; горожане просили пощады; но, само собою разумѣется, напрасно; поляки отомстили за гибель своихъ собратовъ; разоренье продолжалось до конца августа. Однако, успѣхи поляковъ были непродолжительны; батогская битва нанесла имъ рѣшительное пораженіе и окончательно опредѣлила намѣренія вождя. Истомленный Кіевъ откликнулся на побѣду еще разъ избіеніемъ шляхты въ началѣ іюня 1652 года. Съ этихъ поръ онъ, разоренный войной, ходатайствуетъ уже предъ гетманомъ о льготахъ, и 8 іюня 1652 года получаетъ универсалъ, въ которомъ Богданъ Хмельницкій запрещаетъ войсковымъ людямъ и козакамъ проходить черезъ Кіевъ и его перевозъ, предъявлять какія-либо убыточныя для мѣщанъ требованія о провіантѣ, фуражѣ, квартирахъ; въ то же время и лица, проѣзжающіе черезъ городъ оффиціально, не должны

требовать болѣе того, что означено въ выданной имъ бумагѣ; универсалъ этотъ выданъ Хмельницкимъ своему „мѣсту столечному" въ виду „великого спустошеня мѣста Киева, которое од войска лядзького понесло".

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Запорозскимъ.

Всѣмъ в обецъ и кождому з особна, кому о томъ вѣдати належитъ, меновите паномъ полковникомъ, асауломъ, сотникомъ, атаманомъ и всему товариству нашему войска Запорозского, за войском идучим и назад поворачаючим, до вѣдомости доносимъ, ижъ счо *видечи мы великое спустошене мѣста Киева, которое од войска лядзького понесло,* теды мы тому забегаючи, абы *мѣсто наше столечное* и церкви Божие при вѣрѣ нашой православной хрестиянской в цале зоставали, вышменованое мѣсто Киевъ беручи подъ оборону нашу, и тотъ универсалъ нашъ для вшелякое обороны онымъ даемъ, сурово приказуючи, абы се жаденъ не важилъ с товариства нашого, до войска идучи и назадъ поворочаючи, на перевозъ киевский и черезъ мѣсто Киевъ ити и жадныхъ становискъ, ночлеговъ, покосовъ, въ ономъ не отправовали; а хто бы з листом нашимъ хто-колвекъ посланый будет, теды не повиненъ нѣчого вымысляти, опроч того, счо оному од насъ в листе нашом доложоно будет; а ежели бы который колвекъ своеволникъ, лекце поважаючи сей унѣверсалъ нашъ, вымысли якие непотребные вымышляючи, кривды чинити в мѣсте мѣлъ, таковаго кождого своеволника полковникови киевскому, а въ небытности наказному, позволяемъ вибесекцею карати, росказуем, жебы того постерег, абы найменшое кривды мешчане киевские нѣодкого не поносили бы, иначей не чинечи. Данъ з табору, з-под Каменца Подолского, дня 8 июня, 1652 [1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля П. С. Калачевскаго).

---

[1]) Приписка на оборотѣ: „Универсал его мл. п. гетмана войска Запорозского с. под Камеенца-Подолского, на помѣрное от збожа црkви соборной належачое од его мл. пна гетмана ясневелможного п. Богдана Хмелницкого даный року 1652, іюня 8 дня"

Спустя годъ онъ защищаетъ неприкосновенность городскихъ сѣнокосовъ и полей въ новомъ универсалѣ отъ 2 іюня 1652 г.:

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Запорозскимъ.

Ознаймуемъ сымъ нашимъ писанемъ обывателемъ преорскимъ и козакомъ, ижъ мещане киевъские, яко од давныхъ часовъ до майстрату киевъского кгрунта и сѣножати маютъ наданые и оные правами держатъ, и теперъ мѣти хочемъ, абы в оных жадное одмѣны (першею ласкою нашею упевнены) не мѣли, кривды, принагабаня найменшого ни од кого абы не терпѣли в оных сѣножатяхъ, такъ на Оболоню, яко и индей, где толко свои кгрунта мают и оных от давных часовъ заживают, жаденъ силомоцне, так з козаковъ, яко и поспулства, оные собѣ привлащаючи, косыти абы се не кусыл, сым писанем нашим сурове росказуемъ. А ежели бы котрий своеволникъ, спротивлячисе волѣ и сему выразному нашему писаню з обывателей преорских албо з козаков в надѣю козацьства мѣл бы якую найменшую кривду албо перешкоду въ оных сѣножатяхъ помененымъ мѣщаномъ киевским чинити и оные неналежъне кусил се собѣ привлащати, таковых мы теды кождого томуж пану полковныкови киевъскому сурове без холкгы карати росказуемъ, иначей не чинячи. Дат. з подъ Бару, іюня 2, року 1653.

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля проф. В. Б. Антоновича).

Въ универсалѣ отъ 4 августа 1654 года гетманъ поставленъ былъ въ необходимость охранять одно изъ важнѣйшихъ по своей доходности право мѣщанъ на винокуреніе и медо-и пивовареніе, право, изъ за котораго шли у города нескончаемыя тяжбы то съ монастырями, то съ козаками. Хмельницкій разрѣшаетъ ду-

---

Приписка эта не соотвѣтствуетъ содержанію акта и, въ виду несомнѣнности документа, мы объясняемъ ее тѣмъ, что канцеляристъ, надписывавшій, надо думать въ одно время нѣсколько универсаловъ и въ томъ числѣ мѣщанамъ кіевскимъ и соборной (конечно, Успенской на Подолѣ) церкви, по ошибкѣ написалъ содержаніе одного на другомъ.

ховенству варить медъ, но не по десяти или пятнадцати бочекъ, а только по двѣ, чтобы интересы мѣщанской пропинаціи не несли убытку:

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Его Царского Величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ тымъ писанем нашим кождому, кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ що есмы позволили капитуле киевской кануни сытити, теды и тепер того не одменяем; одно поменение священники меду не по десяти албо по петнадъцати кадей ситити, але, водлуг давного звычаю, по кадей двѣ ситити мают, а не болшей; з которых канунов воскъ на фалу Божую ити маетъ, иначей не чинечи. Данъ з табору, з-под Фастова, дня 4 августа, 1654[1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля П. С. Калачевскаго).

Но какъ видно духовенство не соблюдало предписанія гетмана и продолжало нарушать городскіе интересы; чтобы пресѣчь возможность злоупотребленія и оградить кіевлянъ, Хмельницкій въ новомъ универсалѣ отъ 6-го апрѣля 1655 года подчиняетъ сыченіе меда духовенствомъ въ томъ же количествѣ двухъ кадей контролю горожанъ, обязавъ священниковъ сытить медъ только „в бровары месцъком ратушномъ“:

Богданъ Хмелницъкий, гетманъ,
з войском его Царского Величества Запорозкимъ.

Ознаймуемъ тым писанемъ нашим, ижъ що надалисьмо унѣверъсалъ свещеником капитулы киевъской на сыченіе кануновъ, теды, ведлугъ наданого унѣверсалу од насъ, свесченицы маютъ по двѣ кади медъ сытити, и то в бровары месцъком ратушном; а ежелибы который свесченикъ мѣлъ где индей канонъ

---

[1]) На оборотѣ приписка: „Що попомъ канонъ ситити, данный въ року 1654, августа 4 дня од Богдана Хмелницкого“.

сытити и болшъ, нѣжъ двѣ кади, теды од того наданя певне отпадутъ. Дан в Чигирыне, априля 6 дня, року 1655

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(По списку О. И. Левицкаго изъ бумагъ В. П. Горленка).

Въ универсалѣ 26 ноября 1655 года гетману снова пришлось защищать мѣщанъ отъ даванья „вшелякихъ непотребныхъ датковъ“: подводъ, сапогъ и чулокъ, при чемъ нарушитель этихъ льготъ, кто бы онъ ни былъ, прямо отдавался въ руки магистрата „на суровое каранье“.

Богданъ Хмелницкий, гетманъ,
з войском Его Царского Величества.

Паном полковником, асаулом, сотником, атаманом и всему товариству войска Его Царского Величества Запорозкому, старшинѣ и черни, в тягненю за войском идучим, яко и з войска назад поворачаючим, конъним и пѣшим, и на якой колвекъ услузе нашой будучим, вшелякое кондыци и людем и каждому, кому бы сіе наше писаніе показано было, доносим до ведомости, ижъ непоеднокротъ од майстрату киевского доходит до нас скарга, же такъ од посланцовъ наших, яко и од инших розныхъ наѣздовъ, великие пренагабанъе и докуки поносят, чого мы, болшъ не хотячи слухати оный маестрат киевский и всѣх месчанъ тамошних, пры ласцы нашой захователи, од вшелякихъ непотребных датков и даваня подвод уволняемъ, сурово напоминаючи, абы се жаденъ з козаковъ товариста нашого и вшелякое кондиции людей, за оказанемъ сего листу нашого, на помененъных (мѣщанахъ) а ни подвод, а ни чобот и панчос и инших вымыслов вытягати не важил, и хочай бы хто и з листомъ нашим на якой колвекъ послузе нашой войсковой мѣл се знайдовати, теды и тот ничого вымышляти и подводъ жадныхъ вытягати у помененыхъ (мѣщанъ) не мают, одно того пильновати, счо бы му в листе нашом было доложено кгде инъде выехавши, с Киева на своих конях, подвод упоминати се; кгды того потреба была; которые бы, безъ писаня нашого, з перначами наехавъши вымыслы якие починити мѣли и тому суровому пи-

саню нашему были спротивъными, теды мы кождого таковего, яко своеволника, тому жъ майстратови киевскому, и до насъ не отсылаючи, сроrго карати позволяемъ, чего особливе панъ полковникъ нашъ киевский постерегати мает, якобы онымъ ни одъ кого найменьшая кривда не дѣялася, иначей не чинячи. Дат. в Паволочи, новембра 26, року 1655[1]).

Богданъ Хмелницкий,
рука власна. (М. П.)

(Изъ портфеля проф. В. Б. Антоновича).

Путешественникъ—современникъ (Павелъ Алеппскій, архидіаконъ патріарха Макарія, сопутствовавшій послѣднему въ Москву въ 1653 году и описавшій эту поѣздку), умиленный зрѣлищемъ въ Кіевѣ всеобщаго сочувствія гетману восклицаетъ: „Что ты такое, о Ахмиль (искаженіе: Хмель, Хмельницкій)! Недавно ты еще носилъ холопскіе путы (по крайней мѣрѣ твои враги поляки говорятъ это о тебѣ), а теперь короли и королевы посылаютъ тебѣ посольства и предлагаютъ богатые дары. Слава единому Богу, который поднялъ тебя и унизилъ твоихъ противниковъ къ твоимъ ногамъ!“ [2]).

Но изъ присылавшихъ ему дары королей гетманъ избралъ „царя православнаго“, которому присягнулъ 8 января 1654 года, а 14 января присягнулъ и вѣрный Хмельницкому Кіевъ, устроивъ торжественную встрѣчу посламъ царя Алексѣя Михайловича.

И. Каманинъ.

---

[1]) Послѣдній документъ особенно важенъ по своему почерку; намъ кажется, что онъ отъ начала до конца писанъ собственноручно гетманомъ, судя по твердости пера, одинаковости чернилъ и начертанію многихъ отдѣльныхъ буквъ; написанъ онъ школьнымъ кіевскимъ почеркомъ и ясно доказываетъ, что Хмельницкій былъ воспитанникомъ кіево-могилянской коллегіи, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ даже польскіе историки.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева. Отд. II, стр. 74 (Изд. Кіев. Археогр. Коммиссіи).

ПЕРЕДВИЖЕНІЕ ЮЖНО-РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ
ВЪ ЭПОХУ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Съ самого XIII в. ни одно изъ историческихъ событій не вызвало такого громаднаго передвиженія населенія на территоріи южной Руси, какъ эпоха Богдана Хмельницкаго. Это поистинѣ великое переселеніе народовъ въ упомянутой мѣстности произвело тройной переворотъ въ составѣ населенія южной Россіи; а именно: 1) масса народа передвинулась съ запада къ востоку (съ Волыни и Червонной Руси въ Днѣпровскую, Донскую и Бужскую Украину); 2) разнообразныя чужеродныя этнографическія примѣси, накопившіяся вѣками въ составѣ этого населенія, отчасти устранены, отчасти претворены, и такимъ образомъ установился вполнѣ цѣльный этнографическій составъ населенія; 3) польскія соціальныя различія въ составѣ населенія уничтожены вполнѣ. Въ настоящую минуту насъ интересуетъ только первое и отчасти второе послѣдствія переворота, вызваннаго Богданомъ Хмельницкимъ.

I. Судьба населенія Волыни въ 1648—57 г. [1]).

Войны Богдана Хмельницкаго и ожесточенныя нападенія польскихъ войскъ привели къ значительному уменьшенію населенія вообще въ южной Россіи; мало того, что двѣ славянскія націи—польская и русская, взаимно истребляли себя съ свирѣпою энергіею, но еще болѣе пагубно было вмѣшательство сосѣд-

[1]) Свѣдѣнія заимствованы изъ присяжныхъ показаній при сборѣ подымнаго, хранящ. въ Кіев. Ц. Арх.: Кременец. ящ. № 49, 50, 51, 53, 54—55, Луцк. кн. №—2492, 2494, 2496, 2497, 2498 Владимір. кн. № 1018—1026 и друг.

нихъ народовъ—татаръ, турокъ и волоховъ. Дошедшія до насъ историческія данныя рисуютъ ужасающую картину запустѣнія въ западныхъ частяхъ южной Россіи. Но, для надлежащей оцѣнки этихъ данныхъ, нужно постоянно имѣть въ виду, что одновременно совершается приливъ населенія въ пустынныхъ мѣстахъ востока. Приведемъ сначала нѣсколько данныхъ о запустѣніи Волыни и ближайшихъ къ ней мѣстъ другихъ воеводствъ.

По присяжнымъ показаніямъ 1650—57 годовъ въ *кременецкомъ повѣтѣ* уменьшеніе населенія опредѣляется такими данными: гор. Кременецъ разрушенъ; въ Дубенскомъ предмѣстьѣ этого города изъ 85—осталось 19 домовъ. Городъ опустошенъ особенно во время берестецкаго похода. Въ мѣстечкѣ Ляховцахъ и 27 селахъ той же волости изъ 276 домовъ осталось 55, при чемъ въ 9 селахъ этой волости не осталось ни одного человѣка; волость разорена переходами коронныхъ войскъ и двоекратнымъ нападеніемъ козаковъ съ татарской ордой; много жителей попало въ татарскую неволю и уничтожено мечемъ, другіе погибли отъ голода и моровой язвы; оставшіяся хаты по большей части стоятъ пустыми. Въ имѣніи Чолганской—селахъ: Малыновцахъ, Бакотѣ и другихъ (всего въ 8 селахъ), послѣ перваго погрома 1648 г., осталось 29 домовъ, а въ 1653—54 г.—только 4. Особенному опустошенію подверглись имѣнія князей Вишневецкихъ; напр. въ с. Маневѣ не осталось ни одного дома, въ м. Новомъ Вишневцѣ—только два, но оба необитаемые; евреи этого мѣстечка всѣ перерѣзаны; въ мѣстечкѣ Маначинѣ и 22 селахъ, принадлежащихъ къ нему, владѣнія кн. Дм. Вишневецкаго, осталось всего 6 дымовъ (3 въ мѣстечкѣ и по 1 въ трехъ селахъ). Въ Бѣлой Криницѣ, Антоновцахъ, Еловицѣ, Стожкѣ, Тылявкѣ и Угорскомъ, принадлежавшихъ кн. Вишневецкимъ, не осталось ни одного подданнаго. Въ гор. Збаражѣ и волости его, состоявшей изъ 35 селъ, осталось только 19 домовъ, при чемъ въ 22 селахъ не осталось ни одного дыма, ни пустыхъ хатъ. Огромная волость Збаражская стала пустынею. Въ м. Ямполѣ (Познанскаго) не осталось ни одного еврейскаго дома; два еврея, оставшихся въ живыхъ, проживали въ домахъ христіанскихъ. Тоже въ м. Андреевкѣ. Въ м. Клевани (Юрія Чарторыйскаго) и его волости изъ 120 домовъ

уцѣлѣло только 32, при этомъ въ одномъ селѣ (Старосельцахъ) не осталось ни одного жителя. Въ 12 селахъ пановъ Фрикачовъ (Волицѣ, Татариновцахъ, Ясновцахъ и т. д.) не осталось ни одного жителя и ни одного дома. Ни одного дома не осталось также въ селахъ Клесовѣ, Подвысоцкомъ, Холонахъ, Людвищахъ, Лосятинѣ, Бублиновщинѣ, м. Козинѣ, с. Иванѣ, Люлинцахъ, Уляшиновцахъ, Соколовцахъ, Гришковцахъ, Плисцахъ, Буглавѣ, Печерномъ, Доманинѣ, Коростовѣ, Брухарщизнѣ, Кутищахъ, Подлисцахъ, Желобахъ, Сапоновѣ, Дунаевѣ, Млыновцахъ, Полянахъ, Голохвостахъ, Копіовцахъ, Кутахъ, Морозовцахъ, Ожоговцахъ, Кошлякахъ, Высшей Бѣлозоркѣ, Москалевкѣ, Ивановцахъ, Пальчинцахъ, Колесцахъ, Ялчинцахъ, Кошлячкѣ, Голодкахъ, Зарубечкѣ, Лазучинѣ, Корсовкѣ, Трѣскахъ, Гриненкахъ, Малыхъ Жеребкахъ, Чухолкахъ, Старыхъ Чухолкахъ, Куликовѣ, с. Глухомъ, Ивашкахъ, Завидовѣ, Берегѣ, м. Полонномъ, с. Янковцахъ, м. Олексинцѣ, м. Вышгородкѣ, Киковѣ, Грицовѣ, Забужинѣ, Новогородчичахъ, Курноваккѣ, Дмитровкѣ, Батковцахъ, Борщовкѣ, Устечкѣ, Столпцѣ, Комаровкѣ, Богдановцахъ, Скрибовцѣ, Тихомлѣ, Криволкѣ, Михновкѣ, Вилчовкѣ, Коровьей, Курянкахъ, м. Корницѣ, с. Рудцѣ, Волковцѣ, Дедеркалахъ, Старожинцахъ, Вязовой, Коршиловкѣ, Грузской, Поляной, Контѣ, Куринцѣ, Ст. Збаражѣ, Половицѣ, Черниковцѣ, Охримовцѣ, Стрыевѣ, Ивановѣ, Плоской, Оженинѣ, Стадникахъ, Рыдомлѣ, Хотовицахъ, Мартыновцахъ, Мишковцѣ, Дорофіевцахъ, Писаровкѣ, Берецковцѣ, Красной Лукѣ, Голубицѣ, Курначовкѣ, Старикахъ, Барановкѣ, Михаловцѣ, Ситномъ и мн. др. За такія села присягали жители изъ сосѣднихъ селъ, за неимѣніемъ въ нихъ ни одной живой души. Иногда самое мѣсто бывшаго села было сравнено съ землею и означалось только грудою пепла.

Владимірскій и луцкій повѣты опустошены не менѣе кременецкаго. Прежде большой и богатый г. Владиміръ, по показанію райцевъ и мѣщанъ, въ 1650 г. имѣлъ уже только 55 домовъ, въ 1653 г. 33, въ 1654 году 15, въ 1658 году 2. Опустошеніе частныхъ владѣній внутри города и въ его предмѣстьяхъ изображается слѣдующими чертами: изъ 5 домовъ, принадлежащихъ церкви св. Пятницы во Владимірѣ, въ 1653 г. уцѣлѣлъ одинъ,

а въ 1658 ни одного; изъ 23, принадлежавшихъ плебаніи владимірской, къ 1653 г. осталось 11, а къ 1658—9; изъ 21 дома предмѣстья Владиміра—Завалья (п. Тесельскихъ) осталось 7; изъ 3 предмѣстья Залужа (п. Лыховскаго)—одинъ; изъ 7 домовъ п. Стемпковскаго предмѣстья Поѣздникъ осталось 3, изъ 4-хъ того же владѣльца предм. Подзамча—одинъ. На предмѣстьѣ Глинщизнѣ, кн. Юрія Вишневецкаго, въ 1658 г. осталось всего 20 домовъ. Въ предмѣстьѣ Козинщинѣ п. А. Фарлея въ 1658 г. оставалось только 5 домовъ. Въ г. Луцкѣ уже въ 1649 г. (въ іюнѣ) мѣщане показывали, что 137 усадебъ стоятъ пустыми; съ оставшихся подымнаго получено было тогда 364 злот. Въ 1650 г. мѣщане луцкіе, кромѣ шляхтичей и жидовъ, показывали у себя 182 дыма; тогда городъ послѣ козацкихъ погромовъ 1648 и 1649 г. былъ окончательно разрушенъ жолнерами во время походовъ и постоевъ ихъ. Въ 1653, по показаніямъ магистрата, изъ 133 домовъ осталось только 50. Въ 1658 г., по показанію выборнаго отъ бурмистровъ и радцевъ, въ Луцкѣ оставалось 14 дымовъ; дома были разрушены; люди или разбѣжались или вымерли отъ моровато повѣтрія. Относительно прочихъ поселеній двухъ повѣтовъ находимъ, что въ нихъ по мѣстамъ опустошеніе было полное; такъ волость звягельская разорена окончательно; во многихъ мѣстахъ ни одного дыма; въ г. Берестечкѣ 750 чел. или замучены, или уведены въ неволю татарскую. Въ лабунской волости Юр. Любомирскаго м. Судилковъ сожжено до основанія, за исключеніемъ шпиталя; нѣсколько тысячъ людей убито или взято въ плѣнъ татарскій. Въ 22 поселеніяхъ гр. Опалинскаго изъ 1369 домовъ осталось 541; города, села и мѣстечки этого владѣнія разграблены и опустошены огнемъ и мечемъ. С. Сухая Воля сожжено до основанія, осталось 3 землянки. С. Кнегининъ и Перекалъ истреблены огнемъ до основанія, кромѣ 3-хъ халупъ; въ с. Жоравицахъ только „голые пляцы стоятъ". Г. Тайкуръ сожженъ до основанія. С. Кораевичъ „сожжено все, однѣ печи съ трубами стоятъ"; такая же судьба постигла села Зличовку и Соколовку, Корытище, Правотинъ, Мухаревъ, Жеребиловку, Хиловку, Кошелевъ, гдѣ моровое повѣтріе не оставило ни одного дыма, Тихотинъ, Ляшки, Жуковцы, Невирково, Кобылье, Осташовку,

Богушовку, Рудную, Мощоное, Подлужъ, м. Красиловку, Любаши, Острополь, Быщу, м. Корчикъ съ приселками, Крытное, Хотинь, Рытково, Полоничную, Будища, Клембовецъ, Криволуки, Кіянку, Филиповичи, Княжу и еще 18 селъ звягельской волости; города Ст. и Нов. Заславъ въ 1655 г. вовсе лишены жителей; за эти города присягали мѣщане, живущіе въ Дубнѣ.

Вообще запустѣніе луцкаго и владимірскаго повѣтовъ можетъ быть представлено въ слѣдующихъ примѣрахъ.

ГОРОДА и СЕЛА.	До 1648.	1649.	1650.	1653.	1655 и т. д.
	число	дымовъ.			
Ковель	360	250	—	—	—
Ковельское староство	1369	541	—	—	—
Берестечко	315	150	—	—	—
Н. Голятинъ	141	21	—	—	—
Соколь (Курчичъ)	224	120	—	—	—
Выжва	310	109	—	—	—
Н. Четвертня съ селомъ	407	246	201	—	88
Торчинъ	320	209	—	—	—
Коблинъ	213	—	107	—	—
Андреевъ	328	—	202	25	—
Тучинъ	854	—	558	—	—
Звягль съ волостью	1932	—	542	156	—
Ст. и Нов. Острогъ и его вол.	1659	—	1097	246	205
Жорковка съ селами	797	—	612	—	364
Береьздовъ съ селами	90	—	197	—	—
Заславъ и его села	—	—	97	} 45	0
Н. Заславль и села	—	—	204		
Г. Константиновъ и м. Козминъ	—	—	—	—	0
М. Деражня	306	—	221	—	—
Г. Владимірецъ съ селами	545	—	175	—	—
Трояновъ	160	100	70	43	—
Колоковъ (Романовъ)	376	246	—	—	—
Гороховъ съ селами	336	211	—	162	—
Миляновичи съ селами	1217	795	—	—	—
Кошовградъ съ селами	251	126	—	—	—
Радивиловъ	206	—	—	199	—

ГОРОДА и СЕЛА.	До 1648.	1649.	1650.	1651.	1653.	1658.
	число			дымовъ.		
С. Шумбаръ и 17 селъ. . .	—	—	240	56	21	—
Ярмолинскаго г. Чарторыскъ съ селами	—	—	—	296	—	—
Г. Ровно.	—	—	—	394	322	—
Ст. и Нов. Корецъ съ 87 селами.	—	—	4731	3052	541	—
М. Нов. Малинъ и 11 селъ .	—	—	—	0	—	—
Г. Дубно и волость	—	—	520	577	395	255
М. Полонное и Любартовъ съ приселками	—	958	—	504	—	—
Г. Лабунь и его села . . .	—	—	698	469	—	—
М. Гоща и 6 селъ	—	—	272	109	100	—
М. Турискъ и села его . .	—	—	542	376	136	—
М. Птичь	—	—	139	51	—	—
С. Плужное и др. 30 селъ Ходкевичевой	—	879	—	567	—	—
М. Клевань Ник. Чарторыскаго и 26 селъ	—	—	970	—	480	—
М. Дорогобужъ и села . . .	—	—	411	—	291	—
С. Збужъ и 2 другихъ . . .	—	—	203	—	32	—
М. Нѣсухоѣжъ	—	—	227	—	183	119
М. Берескъ и села его . . .	—	—	195	—	141	—
Яновъ съ приселками . . .	—	—	—	269	158	—
М. Литовижъ съ приселками .	—	—	—	114	—	76
М. Киселинъ	93	—	50	—	—	—
М. Немиричовъ и села . . .	92	—	—	—	30	—

Причины уменьшенія населенія указываются присяжными показаніями различныя. Важнѣйшая изъ нихъ, конечно, есть война. Самая обыкновенная отмѣтка въ упомянутыхъ показаніяхъ такова: „непріятели коронные козаки съ татарами, соединившись, всѣ указанныя села (берестецкой волости) снесли огнемъ, такъ что ни одного дома въ нихъ не осталось. Въ г. Берестечкѣ нѣсколько домовъ осталось, но оба предмѣстья сожжены. Оставшіеся жители всѣ умерли съ голоду", или: „подданные забраны въ Орду". Примѣръ другой версіи этихъ показаній таковъ: „м.

Шумскъ разорено хоругвію кн. Іер. Вишневецкаго въ 1648 году; много жителей поранено и избито на смерть". Въ 1653 г. „Шумскъ и Куты, въ нихъ церковь и все имущество истреблены, такъ что не осталось ни одного дома, паномъ Стемпковскимъ, ротмистромъ хоругви кн. Іер. Вишневецкаго и татарскою хоругвію подъ его региментомъ". При этомъ обыкновенно прибавляется: „оставшіеся жители умерли отъ голоду и моровой язвы". или: „жители перебиты". Итакъ народонаселеніе гибло отъ истребленія оружіемъ, взятія въ плѣнъ, голода, эпидеміи.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что хотя большая часть показаній приписываетъ опустошенія татарамъ—союзникамъ козаковъ (какъ и слѣдовало ожидать), но и опустошенія хоругвями польскихъ войскъ (особенно кн. Дом. Заславскаго и Іер. Вишневецкаго) конкуррируютъ съ татарскими погромами. Такъ, при разореніи м. Новомалина и его селъ ротмистрами королевскихъ хоругвей (Сонницкимъ и Суховецкимъ), а также Цариною и Хоецкимъ, когда „крестьяне бѣжали въ лѣсъ, то жолнеры ихъ разыскивали и мучили; Мик. Зелинскаго убили кольями, другихъ ранили до смерти, а хлѣбъ весь и разное имущество разграбили". Такъ, въ кременецкомъ повѣтѣ села Жолобки и Сотыщи разорены жолнерами хоругви Казиміра Тарновскаго, при чемъ хаты разрушены и осталось одно только пустопорожнее мѣсто. „Предмѣстья гор. Кременца Запоточье и Липовицы опустошены (изъ 132 домовъ осталось 35) притѣсненіями жолнеровъ; люди вымерли, или разошлись". Такая же судьба постигла подгородняя села Дворецъ и Загорецъ, а также Башкевецъ, Подлисцы, Жолобокъ, Млыновецъ, Сапановъ, Дунаевъ („подданные, разогнанные жолнерами, прочь пошли, а другіе съ голоду вымерли; хаты разрушены; уцѣлѣвшія стоятъ пустыми"). Въ предмѣстьѣ Кременца—Дубенскомъ изъ 123 домовъ осталось 52; дома разобраны жолнерами, остальные пустуютъ; жители или умерли отъ голода или разошлись. Подобное же произошло въ слободѣ Кременецкой, въ селѣ Высшихъ Березцахъ, м. Ямполѣ съ приселками, гдѣ изъ 91 дома осталось 15, по причинѣ перехода жолнеровъ. Села Боложовка, Васковцы, Литовищи и Кутовъ разорены Статковскимъ, ротмистромъ хоругви кн. Іер. Вишневецкаго въ 1650 г.;

м. Почаевъ разрушено компаніею Орловскаго; села Солонеевъ и Пляшово—хоругвію кн. Заславскаго вмѣстѣ съ разною шляхтою польскою и волошскою; села Вилія, Шпиколосы, Писаровка, Цеціоновцы—хоругвію кн. Дим. и Юр. Вишневецкихъ. Села Губче, Москвитиновка, Латовка, Онышковцы, Грицово—компаніею Царины въ 1650 г.; с. Минковцы—ротмистромъ Севицкимъ. Села Ясковичи, Берега, Завидово, Бухарово, Ухолицы, Симоново, Букойма, Зузулинъ, Каменица, Туриновичи, Кножницы, Борисово, Кривинъ, Бильчинъ, Плужное, гор. Старый и Новый Острогъ, Б. и М. Боровицы, Добринь, Вельбойна, Головль, Нараевка, Улашиновичи, Глинники, Синица, Войтовцы, гор. Дубно, м. Могилевъ, Несолоное, Смолдыревъ, Кожушки, Закриниче, Островецъ, Немильна, Черницы, Бильскъ, Кильковцы и множество другихъ опустошены хоругвями кн. Заславскаго, с. Бородчичи—хоругвію Конецпольскаго. Подобными же опустошеніями ознаменовали себя хоругви кварцяныя кн. Дмитрія и Юрія Вишневецкихъ, Віельгорскаго, даже Адама Киселя, Стефана Немирича, Михаила Аксака и многихъ другихъ. Всего въ кременецкомъ повѣтѣ разорено жолнерами около 250 городовъ, мѣстечекъ и селъ.

Въ луцкомъ и владимірскомъ повѣтахъ опустошенія совершались не только коронными, но и литовскими войсками; такъ гор. Владимірецъ и его волость, послѣ козацкаго разоренія 1648 г., окончательно опустошены жолнерами войска литовскаго. Жолнеры же докончили запустѣніе г. Луцка (въ 1650 г., вторично въ 1653 и въ 3-й разъ въ 1655 г.); ими опустошенъ въ 1653 году г. Владиміръ, такъ что дома были сожжены или разобраны, а люди разбѣжались и потомъ вымерли отъ язвы; окончательно гор. разрушенъ ими въ 1658 г.; жолнеры же разорили волости володимірскую и кунечовскую, г. Кошовградъ и его волость, гор. Торчинъ, громадное имѣніе (22 насел. мѣста) гр. Опалинскаго; они были причиною запустѣнія с. Краснаго, с. Пясечна, Коростовой, Восневы, Шубкова, Речицы, Тумахова, Бабина, м. Полоннаго и Любартова съ приселками, с. Клочковичъ, м. Четвертни, Залюбеча, с. Гнидавы, Щуровецъ, Васковичъ, Жилинецъ, Разважа, Ставка, Бусы, Мокраго, Руды, м. Бережницы,

Немовичъ, Чуднова, Махоловца, Воли, Рылавицы, Загорецъ, Виткова, Подлисокъ, Острова, Жидичика, Клепачева, Боремца, Подгаецъ, Былича, Кудиновичъ, Молодкова, Княжей, м. Береска, Ст. Береска, Стырина, Кошовой Воли, Ворончина, одинадцати селъ Вацлава Гулевича (при чемъ дома разрушены, а люди погибли отъ голода и эпидеміи), м. Свинюхъ, м. Деражни, с. Ружина, г. Соколя, гор. Троянова, г. Острога, г. Каменя, с. Секуня, Печихвостъ, Смыкова, Навколысокъ, Милятина, м. Нов. Острова, (Вишенки), Мощонаго, с. Городища, с. Залисецъ, Краснодуба, с. Бытня, Сашницы, Ст. Колковъ, Рашникъ, Радова, гор. Тучина, с. Михлина, всѣхъ имѣній епископа владимірскаго Іосифа Мукосѣя-Баковецкаго, состоявшихъ изъ предмѣстья г. Владиміра и 33 селъ, также селъ: Бубнова, Блудова, Десятины и Пустомытъ, г. Колковъ (Романова), при чемъ дома были разрушены и сожжены, м. Берестечка, с. Шпакова, г. Кашовки и другихъ селъ олыцкой волости, состоявшей изъ 33 селъ кн. Радзивила, г. Дорогобужа съ селами, г. Ровна, м. Жарковни, селъ Жидичинскаго монастыря. Всего, по отмѣткамъ, которыя можно было собрать изъ неполныхъ и разрозненныхъ показаній при сборѣ подымнаго, въ луцкомъ и владимірскомъ повѣтахъ разрушено жолнерами около 370 поселеній. При этомъ обыкновенно дома сожигались или разбирались; люди, лишенные крова и имущества, бѣжали, вымирали голодною смертью, или дѣлались жертвами моровой язвы, или спасались въ козачину и на Украину.

Многимъ можетъ показаться, что все это не выходитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ явленій междоусобныхъ войнъ; но едва ли государство, обладающее задатками дальнѣйшаго здоровья и жизни, можетъ позаимствоваться отъ возставшихъ ихъ же пріемами, опустошать части собственной территоріи или доканчивать неоконченный погромъ. Банды кн. Дом. Заславскаго, Іер. Вишнезецкаго, Чарнецкаго и всѣхъ другихъ были такими же бушующими толпами, какъ и козацкіе полки, они были столь же враждебны государству и его порядкамъ. Они продолжаютъ свое разрушительное дѣло и тогда, когда правительство заключало миръ съ козаками, надъ оставшимся мирнымъ населеніемъ. Впрочемъ правительство польское отнюдь не поощряло жолнеровъ къ

звѣрскимъ репрессаліямъ, обращалось къ нимъ съ увѣщаніями, а къ населенію съ совѣтами не давать имъ ничего сверхъ законнаго. Но дѣло именно въ томъ, что въ распоряженіи правительства были только „совѣты“ и „увѣщанія“; государство оказывалось безсильнымъ для исполненія самыхъ элементарныхъ задачъ своихъ.

Въ связи съ предыдущимъ не можемъ не отмѣтить одновременнаго усиленія одной изъ старыхъ причинъ запустѣнія страны. Не разъ въ промежутки многолѣтней взаимной рѣзни устанавливалось перемиріе, и даже мнимо-вѣчный миръ (Зборовскій и Бѣлоцерковскій трактаты). Тогда крестьяне и мѣщане возвращались въ свои разрушенныя поселенія, руководясь надеждою, что дальнѣйшая гражданская жизнь ихъ обезпечена; тщетная надежда. На другой же день мирные жители терпятъ новый жесточайшій погромъ отъ кого бы ожидать нельзя, именно отъ своихъ же мѣстныхъ пановъ, взаимно грабившихъ другъ друга. Отнюдь не умудренные опытомъ, они, напротивъ, получили новые поводы ко взаимнымъ распрямъ, такъ какъ въ эпоху смутъ границы владѣній уничтожены, документы утрачены или истреблены, суды, и прежде бездѣйствовавшіе, не существуютъ; массы бездомныхъ бродягъ всегда къ услугамъ наѣздника. И вотъ мирное гражданское населеніе, едва начавшее старую трудовую жизнь, подвергается разгрому не отъ разбойника—татарина, не отъ бродячаго козака или голоднаго жолнера, но отъ сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, долженствующаго быть опорою и защитою государственнаго порядка. Было бы скучно и безполезно приводить многочисленные примѣры панскихъ наѣздовъ, совершавшихся среди разгара знаменитой Хмельнищины. Не будемъ останавливаться на другихъ причинахъ запустѣнія страны, которыя были прямыми послѣдствіями долговременной и жестокой войны, именно голодѣ и эпидеміи. Народъ, лишенный крова, рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и хлѣба, даже во время перемирій не могъ начать обработку земли; поля оставались незасѣянными нѣсколько лѣтъ сряду. Понятно, что цѣлые округи вымирали отъ голода и отъ необходимаго спутника его—эпидеміи.

Такъ гибли тысячи народа отъ меча, голода и моровой язвы. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что большая часть исчезнувшаго народа погибла; напротивъ, громадное большинство его бѣжало, или, попавши въ плѣнъ татарамъ, впослѣдствіи возвращалось. Истреблено было преимущественно еврейское населеніе, если не успѣвало спасаться бѣгствомъ. Такъ „въ м. Корницѣ татары христіанъ забрали въ Орду, а жидовъ перебили". Часть бѣглецовъ скрывалась въ ближайшихъ мѣстахъ и потомъ возвращалась на старыя пепелища. Здѣсь они поселялись, за неимѣніемъ хатъ, въ погребахъ и землянкахъ (такъ напр. отмѣчено въ актахъ о жителяхъ м. Лановецъ, селъ Млыновецъ, Забужанъ, Орышковецъ, Новогородчичъ и о всей мѣстности вокругъ гор. Кременца), или продолжали проживать въ шалашахъ внутри лѣсныхъ трущобъ. Но не всѣ могли вновь основаться на прежнихъ мѣстахъ, потому что средствъ для жизни уже не оставалось никакихъ; тогда наступала для нихъ или голодная смерть, или необходимость уходить въ отдаленныя мѣста за поисками средствъ жизни. Оставались на мѣстѣ поневолѣ только „хорые, нендзные и для голоду знендзялые" (въ м. Ожеговцѣ и его волости, влад. кн. Дм. Вишневецкаго). Вѣрнѣйшимъ средствомъ, конечно, было превратиться изъ состоянія жертвъ въ состояніе наѣздниковъ, т. е. примкнуть или къ козацкимъ полкамъ, или (рѣдко) къ польскимъ хоругвямъ. Множество народу потянулось на Украину. Такъ въ кременецкомъ повѣтѣ о селѣ Кушлинѣ показано, что изъ 27 домовъ этого села „крестьяне, по причинѣ голода, частію умерли, частію ушли на Украину". О селахъ Цеценовцѣ, Вилеѣ, Шпиколосѣ, Плясовой, м. Старомъ Вишневцѣ, Предмиркѣ, Волицѣ, Писаровкѣ, Тытыльковцѣ, Березянцѣ, Романинцахъ, Гнилорудкѣ, Номадовкѣ, Сенявкѣ, Заболотцахъ, Кусновицахъ, Жуковцахъ, Барсуковцахъ и Силиновцахъ отмѣчено, что жители ихъ одни умерли съ голоду, а другіе ушли на Украину. Изъ м. Андреева и 12 селъ, тянувшихъ къ нему, жители, за неимѣніемъ хлѣба для посѣвовъ и прокормленія, разошлись на Украину; осталось болѣе 50 пустыхъ хатъ. Въ м. Ямполѣ съ приселками (гдѣ изъ 91 дома осталось только 15) „часть подданныхъ умерла съ голоду, другіе ушли на Украину".

Изъ м. Вышгрода и 8 селъ Конецпольскаго, „часть крестьянъ, оставшаяся въ живыхъ, пошла на Украину"; три села ихъ числа этихъ восьми „до щенту знесены, одно только поле осталось". Изъ 19 селъ имѣнія Крист. Даниловичевой (урожд. кн. Вишневецкой) въ шести не осталось ни одной хаты; въ остальныхъ же селахъ все снесено огнемъ и мечемъ; крестьяне одни перебиты, другія съ женами и дѣтьми забраны въ Орду; оставшіеся по причинѣ голода разошлись на Украину. Изъ Лозовой, Шляхтинца и Курниковца, имѣній кн. Юр. Вишневецкаго, подданныхъ частію перебили, частію забрали въ плѣнъ татары; прочіе ушли на Украину. Жители селъ Пискова, Дидовичъ, и Богатаго, „потерпѣвъ разоренія отъ хоругви кн. Заславскаго, лишенные хлѣба и зерна для посѣвовъ, не будучи въ состояніи обработывать землю, разошлись на Украину, а хаты ихъ остались пустыми". Въ селѣ Лосятицѣ „мѣстце голое, также подданныхъ немашъ, а въ нихъ татарове выбрали, а другіе померли, а третіе на Украину поутекали". Изъ селъ: Обаранцы, Гродища, Дубовцы и Березовица жители разошлись на Украину для заработка. Крестьяне Ляндскоронской изъ селъ Тихомля, Воробьевки и другихъ девяти или погибли подъ мечемъ татаръ, или уведены въ Орду, или ушли въ Украину для заработковъ, или же вымерли отъ голода и моровой язвы. Изъ Рыдомля и Хотовицъ крестьяне разошлись на Украину. Подданные кн. Дм. Вишневецкаго изъ м. Маначина и его волости (состоявшей изъ 21 села), уцѣлѣвшіе отъ истребленія и татарскаго плѣна, разошлись на Украину для заработковъ. Изъ имѣнія Конецпольскаго м. Вышгородка и селъ его волости (11-ти) уже послѣ первыхъ погромовъ (1648, 1649) крестьяне разошлись на Украину.

Кромѣ отмѣченныхъ случаевъ бѣгства населенія именно въ Украину, сюда же могутъ быть отнесены почти всѣ глухія отмѣтки о томъ, что „жители разбѣжались", ибо кромѣ Украины некуда было бѣжать (какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ). А такія отмѣтки о бѣгствѣ сопровождаютъ показанія о разореніи всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ почти безъ изъятія. Въ луцкомъ повѣтѣ къ тѣмъ же причинамъ бѣгства на Украину (т. е. голоду и отсутствію безопасности) уже присоединяется другая,

именно активное стремленіе свергнуть съ себя панское иго. Такъ крестьяне Д. Балабана изъ с. Хорохорина, взбунтовавшись, ушли. Крестьяне луцкаго каѳедр. костела изъ селъ Садова, Высочна, Воли, Кошова, Вольки Кошовской, Горзвила, Жуковецъ и Городца частію уведены въ татарскую неволю, частію добровольно перешли къ козакамъ. Крестьяне с. Любатова со всѣмъ имуществомъ добровольно перешли къ козакамъ. Населеніе гор. Новой Четвертни и его волости уменьшилось почти на половину, потому что крестьяне частію замучены, частію, взбунтовавшись, пошли съ козаками. Жители гор. Мельницы и его селъ (102-хъ домовъ) добровольно ушли съ козаками и лишь частію погибли отъ моровой язвы. Точно также ушли съ козаками крестьяне с. Обура, гор. Колокова, иначе Романова, с. Луковой, Навоза, Загорова, Суска, Турычанъ, Ягодной, Витонина (жители котораго, уходя съ козаками, спалили свои халупы), с. Городища, Лаврова, м. Миляновичъ и его волости, состоявшей изъ 21 села („жители частію замучены, частію добровольно пошли козаковать"), с. Пожарокъ, Городичъ, Росоловки, Бѣлаювки, Ордынки, м. Берездова, Клопотина, и 11 селъ, принадлежащихъ къ нимъ, гор. Звягля и его волости (состоявшей изъ 17 поселеній), гор. Стар. и Новаго Острога и его волости (состоявшей изъ 44 поселеній), м. Кунева и его волости (6 селъ), г. Константинова и м. Козмина (откуда большая часть мѣщанъ ушла добровольно съ козаками), с. Серединецъ, Пашуновъ, Решневки, с. Вел. Деражни и др.

Вообще по мѣрѣ приближенія къ вольнымъ юго-восточнымъ степямъ, притягательная сила свободы дѣйствовала все настойчивѣе и увлекала населеніе къ центру новообразующагося свободнаго козачьяго общества. Но постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду, что лишь незначительная часть переселенцевъ руководилась идеею легкихъ промысловъ добычи и военнаго грабежа; главная масса искала себѣ возможности мирнаго и трудоваго существованія и, не находя на своей родинѣ безопасности для жизни и имущества, шла „отъ нестерпимаго, великаго голода *на заработки*". Мы увидимъ результаты этого въ населеніи Украины того же времени.

Кромѣ бѣглецовъ, спасшихся на Украину, другія тысячи населенія Волыни взятыя въ плѣнъ татарами, также не погибли. Эти тысячи не могли быть проданы на рынкахъ Кафы и Бахчисарая, но большею частью возвратились въ силу договоровъ съ Хмельницкимъ, но уже немногіе изъ нихъ возвратились въ свою опустошенную родину, а осѣли въ тѣхъ же степахъ украинскихъ.

Одновременно съ такимъ массовыми движеніемъ главнаго—русскаго населенія къ востоку, совершается, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, обратное *движеніе на западъ* иноплеменныхъ примѣсей населенія.

Еврейское племя, какъ мы видѣли, было истребляемо болѣе другихъ частей населенія; изъ присяжныхъ показаній убѣждаемся, что избіеніемъ евреевъ занимались преимущественно не козаки, а татары; послѣдніе почему то не брали евреевъ въ плѣнъ; обыкновенно отмѣчается, что въ извѣстномъ городѣ христіанское населеніе взято въ плѣнъ, или разбѣжалось, а евреи перебиты татарами. Тѣмъ не менѣе поголовному истребленію евреи подверглись лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ пунктахъ, близкихъ къ Украинѣ и застигнутыхъ войною врасплохъ; остальная главная часть успѣла бѣжать. Путь бѣгства его направлялся на западъ къ Вислѣ и за Вислу въ коренныя польскія земли. Какъ населеніе наиболѣе подвижное, евреи, при всякой временной перемѣнѣ военныхъ удачъ, опять возвращались, слѣдуя за успѣхами польскихъ войскъ, и, что особенно замѣчательно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также содѣйствовали опустошенію страны, участвуя вмѣстѣ съ жолнерами въ грабежѣ остальнаго имущества въ городахъ. Но вообще еврейское населеніе южной Россіи 1649—1657 годовъ уменьшилось приблизительно на 90%. Такъ въ гор. Кременцѣ изъ 169 евр. домовъ осталось 11; послѣ погрома, произведеннаго въ 1648 году и повтореннаго во время берестецкаго похода, евреевъ осталось тамъ лишь „нѣсколько человѣкъ". При разгромѣ еврейскіе дома разбивали желѣзными ломами и все имущество, выброшенное на улицы, истреблено. Въ 1653 г. осталось только 5 домовъ. Въ м. Клевани, послѣ разоренія его жолнерами, а потомъ козаками не осталось ни

одного еврейскаго дома; оставшіеся два еврея живутъ въ домахъ христіанскихъ; въ м. Андреевѣ также не уцѣлѣлъ ни одинъ еврейскій домъ и двое евреевъ проживаютъ въ чужихъ домахъ. Въ м. Козинѣ, въ самый день Пасхи 1652 г. татары перерѣзали почти всѣхъ евреевъ; осталось однако два дома. Въ м. Нов. Вишневцѣ „евреи всѣ перерѣзаны и ихъ дома уничтожены" весною 1653 г. при возвращеніи татаръ изъ-подъ Берестечка. Въ м. Базаліѣ „еврійскіе дома всѣ снесены огнемъ и ни однаго еврея не осталось" при движеніи татарской орды въ 1651 г. Въ м. Корницѣ „татары христіанъ забрали въ Орду, а жидовъ перебили". Въ м. Ямполѣ „осталось пустыхъ жидовскихъ хатъ 45".

Въ гор. Луцкѣ въ 1648 г. было еврейскихъ раввинскихъ 84 дома, а въ 1649 и 1650 осталось 29; караимскихъ было 20, осталось 3. Въ гор. Владимірѣ въ 1649 г. осталось 39 еврейскихъ домовъ; въ 1650 г.—41 домъ; въ предм. Владиміра—Подзамчѣ изъ 7 къ 1655 осталось 4 дома. Въ гор. Киселинѣ до 1648 г. было евр. 37 дом., а въ 1649—20, въ 1650 г.—8. Въ Нов. Островѣ изъ 25 осталось 5. Въ Радзивиловѣ осталось 7, а въ 1650—4., въ 1653 г.—1; Въ Кашовгродѣ „9 халупъ жидовскихъ сгорѣло, а 24 разрушено"; въ 1650 г. осталось 5. Въ г. Олыкѣ изъ 30 осталось 20 дом., а въ 1653 г.—18 домовъ; халупы сожжены, хозяева убиты. Въ м. Гулевичевѣ въ 1649 изъ 20 ост. 8. Въ гор. Ковлѣ въ 1650 и 1653 гг. изъ 80 домовъ ост. 20,—дома стоятъ пустые, такъ какъ жиды одни убиты въ бѣгствѣ, другіе потоплены въ рѣкѣ, третьи съ дѣтьми и женами зарѣзаны. Въ гор. Колкахъ въ 1650 г. осталось 6 евр. домовъ. Въ м. Езеранахъ къ 1650 г. осталось 2 дома. Въ гор. Соколѣ тогда же 10, а въ 1653—4; въ Торчинѣ (изъ 21 дома) 8; въ м. Свинюхахъ—4 (а остальные дома сожжены); въ м. Бережинцахъ—5; въ гор. Дубнѣ оставалось въ 1650 г. 47 евр. домовъ; въ м. Муравицѣ въ 1653 г. осталось 10; въ гор. Ровнѣ—6, а въ 1655 г.—2; въ Александріи—4 и Жорковѣ—2; въ Корцѣ—10; въ Межиричѣ—8; въ м. Торговицѣ—7; въ м. Степани—20; въ Деражнѣ—12; въ м. Нов. Четвертнѣ—1, а въ г. Володимерцѣ ни одного; въ г. Чарторыскѣ—3; въ Несухоѣжѣ—4; въ м. Бережинцахъ—5; въ Тросяновѣ—3; въ гор. Острогѣ—5; въ

Новомъ Островѣ—2; Ляховцахъ—4; въ Мосорѣ—1; въ Тучилѣ—5; въ Стобухвѣ—3; Лешневѣ—5; въ Берестечкѣ—12; Кашовкѣ—5; въ гор. Красиловѣ—ни одного; въ Полонномъ—3; въ Ст. Заславѣ изъ 30 евр. домовъ къ 1655 г. не осталось ни одного и присягалъ въ томъ еврей, живущій въ г. Дубнѣ.

Что касается до отлива польскаго населенія, то мы для опредѣленія его не имѣемъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, но въ безчисленномъ количествѣ протестацій, занесенныхъ въ актовыя книги шляхтичами о разореніи и утратѣ ими документовъ во время козацкихъ войнъ, вездѣ одинаково находимъ, что протестующій убѣгалъ въ Варшаву, Львовъ, Люблинъ и др. западные города, бросивъ и зарывши свое имущество и спасая жизнь свою. Безошибочно можно сказать, что до берестецкой битвы только въ составѣ военныхъ хоругвей можно было найти поляковъ на всей территоріи южной Руси. Все, исповѣдующее католическую вѣру, все говорящее по польски, исчезло. Мечъ, поднятый Богданомъ Хмельницкимъ, провелъ рѣзкую черту между двумя національностями, уничтоживъ тѣ межеумочные элементы, которые до того времени сами не знали, куда себя причислить. Это особенно нужно сказать о людяхъ русской національности, но примыкавшихъ къ панскимъ дворамъ и исповѣдывавшихъ уніатскую вѣру. Тогда силою жестокой необходимости приходилось мгновенно рѣшить, кто изъ нихъ принадлежитъ къ какому лагерю и политическому строю, какому Богу вѣруетъ. Многіе изъ такихъ предпочли русскую національность и козацкій строй, хотя были несомнѣнными шляхтичами и помазанными польской культурой. Въ числѣ ихъ были нѣкоторые изъ главныхъ сподвижниковъ Богдана, особенно Выговскій. При общихъ смутахъ, въ особенности въ кіевскомъ воеводствѣ, люди шляхетскаго происхожденія иногда изъ побужденій личныхъ собирали толпы вольныхъ людей—козаковъ, иногда же сознательно принимали начальство надъ шайками, раздѣлявшими вполнѣ цѣли возставшаго народа. Въ 1650 г. въ кіевскомъ воеводствѣ дворянинъ Бялецкій сталъ писаремъ у козаковъ. Кіевскій городничій Вигура собираетъ самъ козацкую дружину. Дворянинъ Цеклинскій предводительствуетъ вильскими козаками. Во главѣ козац-

кихъ толпъ становятся какъ дворяне, такъ и священники; подобными ватажками были бѣлоцерковскій староста Черный, дворянинъ Лесевичъ, двор. Лосицкій, двор. Яцковскій; въ 1651 году дворяне Бережецкій, Выговскій и Филиповскій дѣлаются козацкими сотниками; дворян. Родаковскій самъ составляетъ козацкую толпу [1]).

Однако внѣ всякаго сомнѣнія, на сторону козаковъ перешло самое незначительное меньшинство шляхетскаго населенія; остальныя потянулись къ западу; такъ все черниговское шляхетство испомѣщено во владимірскомъ повѣтѣ (послѣ того, какъ Волынь осталась за Польшею). Остальныя массы дворянъ скоплялись вокругъ Варшавы.

Приведя вышеуказанныя черты запустѣнія Волыни, считаемъ умѣстнымъ упомянуть, что эта страна довольно скоро заселилась потомъ вновь (несмотря на выгодныя обстоятельства возстановленныхъ здѣсь порядковъ Рѣчи Посполитой),—и заселилась по прежнему безпримѣсною южно-русскою расою.

II. Населеніе Украины во время присоединенія ея къ московскому государству.

Послѣдуемъ за главною, т. е. русскою массою, которая, какъ мы видѣли, бѣжала изъ западныхъ частей южной Руси на Украину, въ восточные предѣлы Кіевщины, въ Брацлавщину и на лѣвый берегъ Днѣпра. Одновременно съ уменьшеніемъ населенія Волыни, увеличивается населеніе здѣсь; заселяются и такіе предѣлы, которые искони вѣковъ были пустынями.

Въ какомъ же состояніи очутились здѣсь эти пришлецы? Много ли ихъ было? Какая этнографическая группа преобладала въ нихъ? Что получило московское правительство изъ рукъ Богдана? Полукочевыя ли толпы взволнованнаго народа, еще болѣе одичавшія въ шестилѣтній періодъ кровавыхъ битвъ? Сбродъ ли всякихъ удальцовъ въ родѣ искателей приключеній на крайнемъ западѣ Америки?

---

[1]) Кіев. центр. арх № 19 и 20.

По счастію, сохранились несомнѣнные и важные акты для рѣшенія этихъ вопросовъ, именно переписи населенія Малороссіи, совершенныя тотчасъ по присоединеніи, въ 1654 г. Онѣ опубликованы уже довольно давно, но, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не обратили на себя должнаго вниманія[1]). Здѣсь попытаемся сдѣлать нѣсколько выводовъ о положеніи страны, населенности ея и этнографическомъ составѣ населенія Украины, въ 1654 году.

Страна, составлявшая при польскомъ правительствѣ три воеводства кіевское, черниговское и брацлавское и соединенная при Богданѣ Хмельницкомъ въ одно цѣлое, нѣкогда (именно въ XIV и XV в. в.) составляла т. н. кіевскую землю и черниговское княжество (Волынь и Подолія не были освобождены Хмельницкимъ). Теперь страна эта, уничтоживъ всѣ прежнія, т. е. польскія черты государственнаго устройства, отнюдь не пришла въ хаотическое состояніе; въ ней установились порядки своеобразные, отчасти напоминающіе первобытное государственное устройство, когда гражданское общество складывалось по военному образцу,—но порядки твердые и стройные. Страна раздѣлялась на 17 полковъ, а именно по правой сторонѣ Днѣпра были слѣдующіе полки: 1) брацлавскій, 2) черкасскій (съ протяженіемъ и на лѣвый берегъ), 3) бѣлоцерковскій, 4) корсунскій, 5) кіевскій (съ протяженіемъ и на лѣвый берегъ), 6) каневскій, 7) уманскій, 8) винницкій, 9) паволочскій, 10) чигиринскій (съ протяженіемъ на лѣвый берегъ). На лѣвомъ берегу Днѣпра: 11) переяславскій, 12) нѣжинскій, 13) миргородскій, 14) черниговскій, 15) кропивенскій 16) полтавскій, 17) прилукскій. Въ спискѣ полковъ, представленномъ московскому правительству, (А. ю. и з. Р. IX, № 8, XVII) нѣтъ полка винницкаго, за то поименованъ калницкій (что одно и тоже). Въ исчисленіи полковъ за 1650 г., представленномъ Н. И. Костомаровымъ („Богданъ Хмельницкій“ ч. II гл. 1) именуются 16 полковъ; между ними нѣтъ паволочскаго полка, вѣроятно воз-

---

[1]) Разумѣемъ X-й томъ Актовъ южной и западной Россіи, изд. Петерб. Арх. Ком.

никшаго послѣ 1650 года. Впослѣдствіи, кромѣ исчисленныхъ полковъ образовался еще полкъ стародубскій (отдѣлившись отъ нѣжинскаго), полкъ гадячскій и нѣкоторые другіе. Полки отчасти соотвѣтствуютъ прежнимъ староствамъ; это можно сказать преимущественно о правой сторонѣ Днѣпра; здѣсь полки распредѣлены по 2 староствамъ брацлавскаго воеводства и 7 кіевскаго. На лѣвомъ же берегу въ нынѣшней Полтавщинѣ, новая административная организація устроилась на непочатой почвѣ и не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ прежнемъ польскомъ управленіи. Но и упомянутое соотвѣтствіе полковъ староствамъ есть чисто внѣшнее, географическое. Внутренній строй полка представляетъ явленіе оригинальное и весьма интересное въ историко-юридическомъ отношеніи. Сдѣлаемъ сначала общій обзоръ полковъ.

Полкъ *брацлавскій* заключалъ въ себѣ (по переписнымъ книгамъ 1654 г., составленнымъ чиновниками, приводившими къ присягѣ) 20 городовъ, 35 мѣстечекъ, одну слободку, да 10 селъ. По „росписи", врученной посланнымъ для приведенія къ присягѣ, исчисляются слѣдующіе города: Бряславль, Тульчинъ, Тимоновка, Балановка, Сомовка, Тростянецъ, Клебаны, Ободовка, Жабокрицкое, Соколовка, Куничее, Демковка, Александровка, Мясковка пуста, Вербка, Сарапановка, Китай-городъ, Чачалникъ Таркановка, Хрестища, Равковъ, Каменка, Доместрешкова (по переп. кн.), Звенигородка, Калны-болото, Гуляй-поле, Вязовецъ, Мыглѣевъ, другой Мыглѣевъ, Беренковецъ (Деренковецъ?), Сахновка, Олшаная, Тарасовка, Капустина-Дупина, Водяники. Всѣ послѣдніе города, начиная съ Звенигородки, въ переписныхъ книгахъ отнесены къ полку корсунскому, что, кажется, и было въ дѣйствительности. Всѣхъ исчисленныхъ переписными книгами мѣстъ 34, а между тѣмъ въ „росписи" итогъ подведенъ такъ: „19 мѣстъ". Вообще, приводившіе къ присягѣ брацлавскій полкъ нашли, что въ дѣйствительности въ немъ многое не соотвѣтствуетъ показаніямъ данной имъ росписи: это нужно имѣть въ виду и для прочихъ полковъ: населеніе Украины расло не по днямъ, а по часамъ, а потому статистическія показанія одного года уже не годились для слѣдовавшаго за нимъ. Въ 1650 г. по показанію

Н. И. Костомарова, въ брацлавскомъ полку считалась 21 сотня, въ томъ числѣ города: Могилевъ, Ямполь, Мурахва, Браиловъ; въ 1654 г. этихъ городовъ въ составѣ полка уже нѣтъ. Впрочемъ и по переписнымъ книгамъ 1654 г. къ брацлавскому полку присоединены нѣкоторые города по Днѣстру, которые составили послѣ особый полкъ подольскій; а именно города Буша, мѣст. Яруга („и того гор. Яруги козаки живутъ въ гор. въ Бушѣ жъ“), мѣст. Косницы, м. Черновцы, м. Драницы, м. Шпиково, м. Вербицкое, с. Янкулово, г. Каменица Доместрешкова, м. Хрустовая, м. Трикловское, м. Пищаное и м. Кобиля. Вообще искусственныя границы, проведенныя нѣкогда между Подоліею, принадлежавшею Польшѣ, и Брацлавщиною, т. е. частію Подоліи, принадлежавшею в. кн. литовскому, теперь сглажены и измѣнены.

Уманскій полкъ по переписнымъ книгамъ состоялъ изъ слѣдующихъ городовъ: Умань, Осевка, Боршевка, Верховка, Ладыжинъ, Соболевка, Кубличь, Вербичь, Манковка, Буки, Иванка, Бабани, Бузувка, Цимерхимановка, итого изъ 14 городовъ. Да сверхъ того тотъ же полкъ заключалъ въ себѣ мѣстечки: Кирѣевку, Манчюлку, Мшарову, Демовку, Пенковку, Бундуровку, Иваньково, Устье, Стражгородокъ, Степановку, Псаревку, Оредовку, Егубецъ, Сушковку, Хрестиполя, Коневую. Въ источникахъ не указано, включаются ли эти мѣстечки въ округи вышеисчисленныхъ городовъ, или нѣкоторыя изъ нихъ были мѣстами самостоятельнаго сотеннаго управленія. Въ 1650 году въ полку было 13 сотенъ.

Винницкій полкъ по переписнымъ книгамъ заключалъ въ себѣ города: Рахни, Дашевъ, Калникъ, Линцы, Жерновища, Немировъ, Комаревъ, Винницу, Зенковцы, острожекъ Соколевъ; да сверхъ того пустые города: Прилуки, Липовецъ, Чюзовъ, Чернявка, Чагуй, Бабинъ Урать.—Мѣстечекъ—8, селъ 33, деревень 3. Затѣмъ въ переписныхъ книгахъ подведенъ такой итогъ: „жилыхъ городовъ—3, острожковъ и мѣстечекъ, и селъ и деревень 46, да пустыхъ городовъ—6 и всѣхъ жилыхъ городовъ и острожковъ, и мѣстечекъ и селъ, и деревень и пустыхъ городовъ 62“. Что называется здѣсь острожками въ отличіе отъ городовъ сказать трудно, по всей вѣроятности—одни укрѣпленныя мѣста

безъ поселеній (посадовъ). Въ 1650 г. здѣсь (въ кальницкомъ полку) было 18 сотенъ.

Черкасскій полкъ по росписи состоитъ изъ городовъ: Черкасы, Мошны, Домонтовъ, Пещаное, Золотоноша, итого 5 городовъ. Къ этому роспись присоединяетъ еще 9 поселеній, большая часть которыхъ въ переписныхъ книгахъ отнесена къ полку брацлавскому. Къ сожалѣнію въ переписныхъ книгахъ черкасскаго полка нѣтъ. Въ 1650 г., по Н. И. Костомарову, въ полку считалось 19 сотенъ.

Каневскій полкъ составляютъ 7 городовъ: Каневъ, Иржищевъ, Стайки, Межирѣчь, Михайловка, Бубновка, Конончъ. Переписныя книги присоединяютъ къ этому еще Терехтемировскую слободу (въ которой показанъ сотникъ). Въ 1650 г. въ немъ было 15 сотенъ.

Корсунскій полкъ по росписи заключалъ въ себѣ только шесть городовъ (съ ихъ округами): Корсунь, Стеблевъ, Богуславль, Синица, Медвинъ, Лысянка. Но переписныя книги къ этому прибавляютъ города: Воденики (не указывая въ немъ сотника), Звенигородку, Кални-Болота (съ сотниками), Гуляй-поле, Капустину Долину (безъ сотниковъ), Тарасовку, Олшаную, Везовокъ, Новый Мыглѣевъ (съ сотниками), Старый Мыглѣевъ (безъ сотника), Дерянковцу и Сахновку (съ сотниками); это показаніе и слѣдуетъ принять. Въ 1650 г., по Н. И. Костомарову, въ этомъ полку было 19 сотенъ.

Бѣлоцерковскій полкъ состоитъ изъ 17 городовъ (съ ихъ округами, которые, впрочемъ, въ переписныхъ книгахъ не обозначены), а именно: Бѣлая Церковь, Ставища, Насташка, Лесевичи, Кофшеватая, Боярка, Каменной Бродъ, Олховецъ, Шавулиха, Черный Каменецъ, Рокитна, Ольшанка, Гирмановка, Фастовъ, Бышевъ, Трилѣсы (см. А. ю. и з. Р. т. X, прилож). Въ 1650 г. къ этому полку принадлежалъ Паволочь, отдѣлившійся со своимъ округомъ къ 1654 г. въ особый полкъ.

Въ кіевскій полкъ включаются 22 города, а именно: Кіевъ, Васильковъ, Бѣлогородка, Триполе, Обуховъ, Мотовиловка, Макаровъ, Бородянка, Гостомля, Вышгородъ, Димеръ, Ходосовка, Лесники, Преварка, Чернобыль, Бровары, Рожовка, Остръ, Кар-

пиловка, Козелескъ, Бобровица, Заворичи. Итого 15 на правомъ берегу Днѣпра и 7 на лѣвомъ. По Костомарову, въ 1650 г. здѣсь было 17 сотенъ,—въ томъ числѣ овручская, которой теперь нѣтъ, потому что овручскій повѣтъ не вошелъ въ освобожденную Малороссію.

Паволочскій и *чигиринскій* полки не описаны ни въ росписи, ни въ изданномъ отрывкѣ переписныхъ книгъ. Въ 1650 г. въ чигиринскомъ полку было 18 сотенъ, въ томъ числѣ Кременчугъ, Крыловъ, Медвѣдовка, Смѣлая.

Переходимъ на лѣвый берегъ Днѣпра и начнемъ съ той части страны, которая обладала древнѣйшимъ и постояннымъ населеніемъ. Сѣверная часть Черниговщины была театромъ усиленной борьбы, а потому въ 1654 г. мы находимъ тутъ явные слѣды запустѣнія.

Черниговскій полкъ, весьма небольшой, состоитъ изъ городовъ Чернигова, Слабуна, Сѣднева, Любяча (пустого), Лоева (пустого). Въ переписныхъ книгахъ этого полка нѣтъ. По показанію Н. И. Костомарова, въ 1650 г. въ черниговскомъ полку было 6 сотенъ, что отчасти совпадаетъ съ показаніями нашихъ источниковъ. Но по словамъ Костомарова, въ то время къ этому полку относились Сосница, Борзна, Конотопъ съ ихъ округами, которые въ 1654 г. входятъ уже въ составъ нѣжинскаго полка. Невѣроятно, чтобы при такомъ составѣ полкъ заключалъ въ себѣ только 6 сотенъ.

Нѣжинскій полкъ описанъ въ нашихъ источникахъ съ особенною подробностію. По переписи онъ заключалъ въ себѣ слѣдующіе города: Нѣжинъ, Борзну, Батуринъ, Конотопъ, Глуховъ, Кролевецъ, Бахмачъ, Березную, Мѣну, Сосницу, Погаръ, Стародубъ, Почабъ (sic), Млынъ городъ, Носовку, Кобыщу, всего 16 городовъ. Но здѣсь упущены слѣдующіе города и мѣстечка (указанные въ переписныхъ книгахъ): Дѣвица Володкова, Иванъ-городокъ, Олшевка, Дѣвица Салтыкова, Сиволочъ (древній Всеволожъ), Олиновка, с. Волынь, с. Поныри, м. Рожествено, Новгородъ-Сѣверскъ, с. Синявское, с. Киселевское м. Татульское (Топольское?), м. Поногорское (Попогорское?), сотня села Бобовскаго, м. Дроковское, с. Шеповаловка, с. Подлинное, м. Новые-

Млины. Во всѣхъ послѣднихъ указаны сотники, и сверхъ того городокъ Козари и с. Колчанка (Колчинъ) безъ сотниковъ. Всего 35 мѣстъ сотеннаго управленія. Въ 1650 г. было 9 сотенъ и въ томъ числѣ три въ самомъ г. Нѣжинѣ. Къ югу отъ границъ нѣжинскаго полка идетъ страна, остававшаяся пустынею со времен XIII в. и едва начавшая колонизоваться съ конца XVII в., т. е. за 50—60 лѣтъ до Хмельничины. Это—глубокое гнѣздо козачины; польскіе писатели любятъ рисовать его, какъ царство дикарей, среди которыхъ съ трудомъ могъ водворять насильственный порядокъ грозный бичъ князей Вишневецкихъ. Посмотримъ, въ какомъ положеніи очутилась она, когда этотъ бичъ выпалъ изъ рукъ знаменитаго Еремы и край попалъ въ безраздѣльную власть мнимо-дикихъ колонизаторовъ его—козаковъ.

Переяславскій полкъ заключалъ въ себѣ города: Переяславль, Гелмязовъ, Яготинъ, Быковъ, Березань, Басань, Барышовку, Борышполе, Воронковъ, Гоголевъ, Крукъ-поле, всего 11. Въ переписныхъ книгахъ этого полка нѣтъ. Въ 1650 году въ немъ было 18 сотенъ, въ томъ числѣ Остеръ, который по нашимъ источникамъ относится уже къ кіевскому полку.

Прилуцкій полкъ по переписнымъ книгамъ заключалъ въ себѣ города, Прилуки, Монастырище, Галицу (?), Ичню, Переволочну, Варву, Сребряное, Красный, Голянцы, Корибутово. Каждый изъ исчисленныхъ городовъ былъ мѣстомъ сотеннаго управленія. Въ 1650 г. въ полку было 19 сотенъ.

Миргородскій полкъ по росписи состоялъ изъ городовъ: Миргородъ, Лубны, Лохвица, Сенча, Комышная, Краснополе, Жигимонтовъ, Хороль, Глинской, Ромовъ, Смѣлое, Константиновъ; всего изъ 12 городовъ. Переписныя книги относятъ два послѣднія поселенія къ мѣстечкамъ (однако съ сотеннымъ управленіемъ); но сверхъ того—именуютъ мѣстечки Грески и Писки тоже съ сотеннымъ управленіемъ и два мѣстечка—Барановку и Хомутецъ безъ сотниковъ. Итого всѣхъ мѣстъ сотеннаго управленія—14. Въ 1650 г. показывается въ немъ 16 сотенъ.

Кропивенскій полкъ заключалъ въ себѣ 9 городовъ: Кропивну, Ирклѣй, Пирятинъ, Чернухи, Яблоновъ, Оржицу, Журавку, Куринку, Городище. Въ 1650 г. считалось въ немъ 11 сотенъ.

Полтавскій полкъ по переписи заключалъ въ себѣ города: Полтаву, Гадячее, Веприкъ, Зѣнковъ, Ряшавку, Лютенку, Борки, Боганку, Балаклыйку, Опушленское, Черкасскую, Куземинъ, Санжаровъ Старый, Кобылякъ, Лукомль; всего 15 городовъ и сверхъ того 6 слободъ: Бѣлоцерковцы, Бурки, Решетиловку, Котелву Заворскаго, Бѣлско, Санжаровъ Новый. По переписнымъ книгамъ узнаемъ, что сверхъ того въ полку были мѣстечко Ковалевка и „мѣсто“ Подольскъ, первое безъ сотника, второе съ сотникомъ. Изъ прочихъ поименованныхъ поселеній сотниковъ не показано въ слободкѣ Бѣлоцерковцахъ, въ сл. Буркахъ, сл. Решетиловкѣ, г. Кобылякахъ, гор. Стар. Санжарахъ, сл. Новыхъ Санжарахъ, мѣстѣ Буркахъ, мѣстечкѣ Ковалевкѣ. Всего сотниковъ 15 человѣкъ. Сверхъ того въ г. Гадячѣ, кромѣ лицъ сотеннаго управленія, показаны судья и обозный (въ Полтавѣ не показаны эти чины полковаго управленія; потому слѣдуетъ думать, что полковое управленіе полтавскаго полка помѣщалось въ Гадячѣ). Въ 1650 г. въ полку считалось 17 сотенъ.

Таковъ внѣшній—географическій составъ новоприсоединяемой Малой Россіи. Здѣсь прежде всего поражаетъ огромное количество городскихъ поселеній. Для точности выводовъ о благоустройствѣ страны мы должны помнить, что городомъ называется не только укрѣпленіе, но укрѣпленное поселеніе, которое сверхъ укрѣпленія, заключаетъ въ себѣ жилища военныхъ и торговыхъ людей. Большею частію такія укрѣпленія располагаются на мѣстахъ древнѣйшихъ (удѣльно-вѣчевыхъ) городовъ; напр. „гор. Березовая (нѣжин. полка) стоитъ на старомъ „городищѣ“. Въ с. Киселевскомъ „поставленъ острожекъ на старосвицкомъ городищѣ“. Въ Глуховѣ „на старосвицкомъ городищѣ два вала земленыхъ“ и т. д.

Величина площади, занимаемой собственно укрѣпленіями, весьма незначительна, даже въ самыхъ большихъ городахъ, напр. въ Кіевѣ и Нѣжинѣ; пригородокъ, сдѣланный въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ городовъ въ 1672 г. имѣлъ 37 саженъ въ окружности. Отношенія укрѣпленія къ поселенію весьма разнообразны; простѣйшая форма—это пустой острогъ (цитадель) и вокругъ его открытыя слободы. Напр. „въ гор. Березовой (Березнѣ) жилыхъ

дворовъ въ томъ острогѣ нѣтъ". Въ гор. Сиволочи „жилыхъ дворовъ въ томъ острогѣ нѣтъ". Въ гор. Борзнѣ „жилыхъ дворовъ въ томъ середнемъ городѣ нѣтъ". Въ г. Конотопѣ „въ томъ земленомъ городѣ и въ панскомъ дворѣ жилыхъ дворовъ нѣтъ, толко стоятъ въ томъ дворѣ панскіе хоромы". Внутри острога помѣщались въ такомъ случаѣ (но не всегда) церковь и склады оружія. Иногда укрѣпленный цвинтарь церкви и составлялъ укрѣпленіе; напр. въ с. Лохнинскомъ (Локнистомъ) „около церкви погостъ огороженъ въ заборъ бревеньемъ вмѣсто острога"; въ с. Стольномъ „погостъ огороженъ заборомъ дубовымъ бревеньемъ".

Вторая форма, кромѣ острога, заключала въ себѣ укрѣпленіе, обнимавшее посадъ—„мѣсто". Наконецъ, послѣдняя (довольно рѣдкая) форма—это та, когда не только посадъ, но и слободы окружены валомъ. Всѣ города, перечисляемые переписными книгами на лѣвой сторонѣ Днѣпра, пріурочиваются къ самымъ населеннымъ пунктамъ (за исключеніемъ немногихъ, временно запустѣвшихъ отъ войны, что будетъ указано ниже), или иначе: самыя значительныя поселенія (козаковъ и мѣщанъ) снабжены укрѣпленіями. Укрѣпленій, стоящихъ въ ненаселенномъ мѣстѣ, охраняемыхъ лишь стражею (гарнизономъ), здѣсь нѣтъ,—въ украинныхъ юго-западныхъ полкахъ такія укрѣпленія, вѣроятно, были; они то и носятъ названіе остроговъ или острожковъ. По крайней мѣрѣ въ переписныхъ книгахъ тѣхъ полковъ эти названія стоятъ рядомъ съ названіями городъ и мѣстечко и именно въ отличіе отъ нихъ.

Назначеніе всѣхъ этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ не ограничивается защитою лишь того населенія, гдѣ они находятся. Въ опасное военное время въ нихъ стекается все населеніе окрестныхъ открытыхъ селъ и мѣстечекъ. Еще въ 1669 г. гетманъ Многогрѣшный, извѣщая стародубскій полкъ о нашествіи татаръ, писалъ: „чтобы вы, безопасно не имѣючи по селамъ житія, городовъ держались...; старшина вышеписанная, чтобъ не лготя всенародію, въ крѣпости ихъ держали" (А. ю. и з. Р. IX, № 32).

Само собою разумѣется, что для этого необходимо, чтобы укрѣпленныя мѣста были отвсюду близки. Вотъ причина, почему число укрѣпленныхъ мѣстъ чрезвычайно велико. Извѣстно, что

въ старыя времена вездѣ, въ отличіе отъ нынѣшнихъ крѣпостей, защищающихъ государство на его границахъ, укрѣпленія защищали внутри государства по возможности каждое поселеніе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ доисторическое время въ земляхъ славянъ насчитываются тысячи городовъ.

Въ нашихъ источникахъ (изъ которыхъ, однако трудно, сдѣлать точные выводы по неполнотѣ ихъ) указывается слѣд. общее число городовъ въ 15 полкахъ (о двухъ вовсе не имѣемъ свѣдѣній):

въ брацлавскомъ. . . .	20	
„ бѣлоцерковскомъ. . .	17	
„ черкасскомъ	5	
„ корсунскомъ. . . .	17	
„ кіевскомъ.	22	
„ каневскомъ	7	
„ уманскомъ.	14	
„ винницкомъ	10	
„ переяславскомъ . . .	11	
„ нѣжинскомъ	16	(а по переписнымъ книгамъ 35).
„ миргородскомъ . . .	12	(а по переписнымъ книгамъ 14).
„ черниговскомъ . . .	5	
„ кропивенскомъ . . .	9	
„ полтавскомъ	15	
„ прилуцкомъ	10	
Всего. . . .	191	городовъ.

Итакъ, на неполномъ пространствѣ нынѣшнихъ четырехъ губерній (кіевской, подольской, черниговской и полтавской), гдѣ нынѣ находится около 50 городовъ, въ то время насчитывалось 190. На пространствѣ одной нынѣшней полтавской губ. находилось тогда до 60 городовъ.

Однако, эти числа далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительно бывшимъ. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія объ одномъ нѣжинскомъ полку, и въ немъ разница росписи съ переписными книгами доходитъ до того, что въ первыхъ показано 16 городовъ, а во вторыхъ 35, т. е. болѣе чѣмъ вдвое.

Но если бы мы, руководясь этимъ единичнымъ примѣромъ, увеличили представленный итогъ вдвое, то и тогда это не выра-

жало бы дѣйствительнаго числа укрѣпленныхъ мѣстъ, потому что большая часть поселеній, отнесенныхъ къ разряду мѣстечекъ и селъ, также снабжены укрѣпленіями (хотя и весьма первобытными). Для уясненія этого послѣдняго обстоятельства воспользуемся детальными цифрами нѣжинскаго полка (единственными находящимися въ нашихъ рукахъ).

Въ этомъ полку было слѣдующее отношеніе поселеній по сотнямъ.

	Городъ.	Мѣстечка и села. укрѣпл.	неукрѣпл.	Всего.
1. Дѣвицы Салтыковой . . .	1	—	3	4
2. Березенской.	1	3	2	6
3. Ивангородской.	1	—	5	6
4. Сиволочской	1	1	1	3
5. Нѣжинской	1	2	2	5
6. Борзенской	1	—	6	7
7. Новомѣсской (не обознач.)				
8. Кустовской (не обознач.)				
9. Шеповаловской.	—	—	6	6
10. Бахмачской.	1	—	3	4
11. Конотопской.	1	—	3	4
12. Подлипинской	—	—	1	1
13. Батуринской.	1	—	3	4
14. Новомлинской	—	—	4	4
15. Сосницкой	1	—	3	4
16. Мѣнской.	1	—	4	5
17. Сѣнявской	—	—	1	1
18. Киселевской.	—	1	—	1
19. Волынской	—	—	3	3
20. Понырской	—	—	9	9
21. Рожественской.	1	—	5	6
22. Кролевецкой	1	—	4	5
23. Глуховской	1	—	8	9
24. Новгородъ-Сѣверской . .	1	—	4	5
25. Шептаковской	—	—	1	1
26. Стародубской	1	1	3	5
27. Почепской	1	—	10	11

	Городъ.	Мѣстечка и села укрѣпл.	нѣукрѣпл.	Всего
28. Топольской	—	—	2	2
29. Попогорской.	—	—	1	1
30. Бобовской.	—	—	1	1
31. Дроковской	—	1	—	1
32. Мглинской [1])	—	1	—	1
Итого	17	10	98	124

Так. обр., почти на три открытыхъ поселенія приходится одно укрѣпленное. Въ другихъ полкахъ это отношеніе еще болѣе измѣняется въ пользу укрѣпленныхъ мѣстъ; такъ мы видѣли, что въ брацлавскомъ полку исчисляются 20 гор., 35 мѣстечекъ, да 10 селъ. Изъ мѣстечекъ б. ч. должны быть признаны тоже укрѣпленными пунктами. Здѣсь нерѣдко весь „уѣздъ" города ограничивается самымъ городомъ, или въ его округѣ есть нѣсколько мѣстечекъ и ни одного села; напр. „гор. Мясковка, того жъ города мѣстечко Горятчковское, мѣстечко Волшенка" и только. Или такъ: „гор. Тимоновка: мѣстечко Жабокричъ, село Марковки". Въ винницкомъ полку, какъ показано выше, на 10 городовъ и 8 мѣстечекъ приходится 33 села и 3 деревни. Но и эти цифры не вполнѣ выражаютъ дѣло. Изъ переписныхъ книгъ очевидно, что переписчики далеко не были сами во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ; они собирали народъ для присяги изъ окрестныхъ селъ въ городъ и о селахъ сообщали свѣдѣнія очевидно по словамъ самихъ жителей, отмѣчая обыкновенно только въ нихъ церкви и имена служащихъ поповъ.

Къ городскимъ поселеніямъ не въ смыслѣ укрѣпленій должны быть также отнесены такія, которыя носятъ названія *мѣсто*, *мѣстечко*. Два эти названія различаются въ источникахъ; такъ напр., въ полтавскомъ полку указано *мѣсто* Подольскъ, *мѣсто* Бурки, *мѣсто* Куземинъ, *мѣсто* Котельва и рядомъ *мѣстечко* Ковалевка и др. Слѣдуетъ замѣтить, что это различіе отмѣчается только въ полтавскомъ полку. Какое основаніе для него—источники не рѣшаютъ; прежде подъ именемъ мѣста ра-

[1]) Объ остальныхъ сотняхъ свѣдѣній нѣтъ, а именно: Дѣвицы Володковой, Кобышевки (городъ), Козарей (городъ), Носовки (городъ), Олшевки (мѣст).

зумѣлось такое открытое поселеніе, которое, состоя изъ жителей свободнаго состоянія, пользовалось полными правами самоуправленія (магдебургскаго права); подъ именемъ же мѣстечка разумѣлось такое же поселеніе свободныхъ жителей, которое однако пользовалось неполными правами самоуправленія. Теперь же, можетъ быть, этими двумя названіями различалась лишь относительная величина поселеній. Во всякомъ случаѣ для мѣстъ и мѣстечекъ (безразлично) черта, отличавшая ихъ отъ селъ и деревень на основаніи польскаго и литовскаго права, т. е. самоуправленіе и полное или неполное освобожденіе отъ частной власти, во времена Хмельницкаго, разумѣется, перестала быть отличительною, такъ какъ свобода распространена и на села и на деревни.

Разрядъ поселеній съ названіями *слобода* и *слободка* сохраненъ изъ прежнихъ отношеній, когда новозаселяемое мѣсто получало отъ владѣльцевъ временную льготу. Отношеніе всѣхъ означенныхъ разрядовъ къ административному дѣленію довольно произвольно: полковое управленіе находится всегда въ городѣ, но сотенное управленіе можетъ находиться въ городѣ, мѣстечкѣ и селѣ.

Изъ большаго числа поселеній укрѣпленныхъ и неукрѣпленныхъ и ихъ состоянія мы уже въ правѣ сдѣлать нѣкоторые выводы; а именно: Украина не только не имѣетъ такого образа запустѣнія, какой представляетъ Волынь, но несомнѣнно становится болѣе населенною и благоустроенною, чѣмъ при польскомъ правительствѣ, несмотря на несмолкавшіе удары войны; несомнѣнно, что въ числѣ многочисленныхъ городовъ, особенно въ Полтавщинѣ, есть такіе, которые возникаютъ въ первый разъ въ эту эпоху. Внѣшніе элементы цивилизованной жизни, какъ то укрѣпленія, церкви, богадѣльни, даже панскіе дворы (замки) не только не разоряются, но нѣкоторые изъ нихъ получаютъ новое лучшее назначеніе (такъ панскіе дворы превращаются въ добавочныя укрѣпленія для защиты страны). Здѣсь не слышно ни о голодѣ, ни объ эпидеміи. Земля обрабатывается, промыслы не прекращены.

Эти выводы подкрѣпляются данными о населенности Украины въ 1654 году.

Число населенія можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно. Хотя приводившіе къ присягѣ Малороссію исчисляли

и даже именовали всѣхъ присягавшихъ, а присягать приглашали всѣхъ взрослыхъ лицъ муж. пола, но далеко не всѣ дѣйствительно присягали. Многіе были въ отлучкѣ въ походѣ, многіе не явились къ присягѣ (изъ селъ и мѣстечекъ въ города) по разнымъ личнымъ причинамъ. Наконецъ, о двухъ полкахъ чигиринскомъ и черкасскомъ мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній.

Однако цифры, которыя мы сейчасъ приведемъ, тѣмъ не менѣе драгоцѣнны; на основаніи ихъ можно весьма близко подойти къ дѣйствительнымъ общимъ цифрамъ населенія.

Общее число приведенныхъ къ присягѣ во всѣхъ 17 полкахъ въ переписныхъ книгахъ показано *127,338* ч. (такая сумма выставлена въ началѣ акта; въ концѣ приведена другая съ нѣсколько иными низшими цифрами; но кажется, эта послѣдняя составляетъ итогъ лицъ, приведенныхъ къ присягѣ чиновниками, командированными въ сотни, за исключеніемъ тѣхъ, которые приведены къ присягѣ непосредственно самими послами Бутурлинымъ съ товарищами въ городахъ Переяславлѣ, Кіевѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ).

Въ частности по полкамъ:

Въ каневскомъ полку	2577
„ корсунскомъ	6141
„ нѣжинскомъ	20566
„ полтавскомъ	5605 [1])
„ бѣлоцерковскомъ (со включеніемъ чигиринскихъ козаковъ, случившихся въ то время здѣсь) . .	6668
„ миргородскомъ	4798

Объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Принявъ во вниманіе отношеніе присягавшихъ къ неприсягавшимъ въ полтавскомъ полку (1 : $2^1/_2$), можно бы сдѣлать выводъ, что вообще къ присягѣ было приведено менѣе половины всѣхъ подлежавшихъ ей, т. е. взрослыхъ мужчинъ. Но быть можетъ, какія-либо особыя обстоятельства увеличили въ полтавскомъ полку цифру неприсягавшихъ, а потому, откидывая часть на

[1]) Да сверхъ того оставшихся неприведенными 7639; слѣд. всѣхъ 13,244 ч.

эту предполагаемую особенность, можемъ принять, что вообще для цѣлой Малороссіи приведенная цифра 127,338 ч. должна быть увеличена вдвое, именно до 250,000 чел. взрослыхъ мужчинъ. — Въ 1654 г. Б. Хмельницкій увѣрялъ въ Переяславлѣ Бутурлина, что у него подъ Зборовымъ запорожскаго войска было 360,000 (А. ю и з. Р. IX, стр. 243). Это сходно съ тѣмъ, что говоритъ Костомаровъ („Богд. Хм.“, ч. II, гл. 1): „число вступившихъ въ непосредственное вѣдомство козацкаго начальства было довольно значительно и доходило до 300 т.“

А такъ какъ численность взрослыхъ мужчинъ къ общему числу народонаселенія должна относиться какъ 1: 4, то все народонаселеніе Малороссіи муж. и жен. пола можетъ быть принято въ количествѣ ок. 1 мил.

Изъ представленныхъ цифръ видно, что это число весьма неравномѣрно распредѣлялось по полкамъ, при чемъ изъ всѣхъ прочихъ особенно выдается величиною цифры (какъ и пространствомъ) полкъ нѣжинскій, а каневскій, напротивъ, незначительностію ея. Отбросивъ эти крайности, для остальныхъ 4-хъ полковъ получимъ среднюю цифру 5753 чел. присягавшаго населенія.

Эти цифры распредѣляются по сотнямъ еще неравномѣрнѣе; такъ въ бѣлоцерковскомъ полку:

въ бѣлоцерковской сотнѣ	1149
„ ставищанской	677
„ насташковской	273
„ синявской	527
„ лесевичской	426
„ ковшеватской	483
„ боярской	354
„ каменно-бродской	547
„ олховецкой	316
„ шавулихской	196
„ черно-каменецкой	399
„ рокитенской	359
„ ольшанской	292
„ германовской	199
„ фастовской	160

въ бышевской	65
„ трилѣсской	139

Любопытно распредѣленіе числа жителей по населеннымъ мѣстамъ. Интересно видѣть, каковы были по численности населенія тогдашніе города, мѣстечки и села.—Свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ далеко не обо всѣхъ тогдашнихъ населенныхъ мѣстахъ Малороссіи; ограничимся примѣрными:

Приведено къ присягѣ:

въ Кіевѣ	1460
„ Нѣжинѣ	1944
„ Черниговѣ	1105
„ Переяславлѣ	284

Такимъ обр., при нашемъ способѣ исчисленія, тогда должны имѣть:

Кіевъ	7800
Нѣжинъ	11,600
Черниговъ	6600
Переяславль	1700

Но эти цифры, быть можетъ, подлежатъ сокращенію: въ названные города, при приводѣ ихъ къ присягѣ Бутурлинымъ, стекалось не мало народу изъ окрестныхъ мѣстъ.—Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что самымъ значительнымъ городомъ Малороссіи по населенію былъ тогда Нѣжинъ.

О населенности прочихъ городовъ мы имѣемъ данныя только относительно нѣжинскаго полка. Отмѣтимъ болѣе значительные (цифры относятся къ однимъ присягавшимъ):

въ Иванъ-Городѣ	262
„ Сиволочи	291
„ Борзнѣ	178
„ Бахмачѣ	868
„ Конотопѣ	565
„ Батуринѣ	680
„ Сосницѣ	558
„ Мѣнѣ	859
„ Кролевцѣ	267

„	Глуховѣ	382
„	Новгородѣ-Сѣвер.	470
„	Стародубѣ	460
„	Мглинѣ	339

Так. обр., самые населенные города нѣжин. полка были Бахмачъ, Мѣна, Батуринъ. Глуховъ, будущая столица Малороссіи, не могъ заключать въ себѣ болѣе 2300 жит. об. пола.

Судя по этимъ цифрамъ городскаго населенія, можно бы подумать, что населенность мѣстечекъ и селъ гораздо ниже; но оказывается не такъ:

въ с.	Колчинѣ	174	
„	Стольномъ	130	(мѣщанъ)
„	Мищенкахъ	342	
„	Синявкѣ	483	
„	Киселевкѣ	253	

Изъ переписи видно, что лишь нѣкоторыя (немногія) поселенія запустѣли отъ разгромовъ, произведенныхъ преимущественно польскими войсками. Пострадала Брацлавщина; именно, въ брацлавскомъ полку указано одно пустое поселеніе, въ винницкомъ поименовано 6 запустѣвшихъ городовъ, въ томъ числѣ Прилуки и Липовецъ. Запустѣніе также коснулось значительно черниговскаго полка, именно сѣверной его окраины: Любечъ и Лоевъ въ переписныхъ книгахъ именуются „пустыми". Достойно замѣчанія, что это запустѣніе поразило окраины Малороссіи, примыкавшія или къ странамъ, оставшимся за Польшею, или къ Литовскому в. княжеству; населеніе тѣснится къ югу.

За указанными исключеніями страна представляется для того времени очень густо заселенною. Не забудемъ, что наши цифры относятся къ 1654 году; между тѣмъ въ слѣдующіе затѣмъ года (1654—1657) причины, выталкивавшія населеніе съ Волыни на Украину, продолжали дѣйствовать, а на самой Украинѣ водворилась относительная безопасность; слѣдовательно, населеніе здѣсь должно было еще увеличиться.

Но для насъ еще важнѣе убѣдиться, что это населеніе среди самаго разгара страшной борьбы отнюдь не все предано военному ремеслу, не живетъ исключительно надеждами воен-

ной добычи и грабежа. Переписи 1654 года показываютъ, что, за уничтоженіемъ прежнихъ сословныхъ различій, вся масса жителей дѣлится на два класса: козаковъ и мѣщанъ, со включеніемъ въ этотъ послѣдній разрядъ крестьянъ. Правда, рѣзкаго различія между этими двумя классами предположить нельзя: и мѣщане въ случаѣ надобности превращали рала въ мечи, и козакъ ходилъ за плугомъ и занимался ремесломъ и торговлею, особенно же рыболовствомъ и пчеловодствомъ.

Но въ обычномъ теченіи вещей различіе между ними было очевидное и твердое; иначе въ переписи не вносились бы опредѣленныя цифры того и другаго класса по каждой сотнѣ и поселенію. Оба эти класса распредѣляются довольно правильно, составляя около половины населенія каждой сотни и полка[1]). Оба эти класса не пріурочиваются къ двумъ разрядамъ поселеній; тѣ и другіе живутъ одинаково въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ. Достойно также замѣчанія, что численное равновѣсіе нарушается въ пользу преобладанія козаковъ не въ южныхъ полкахъ (этомъ исконномъ гнѣздѣ козачины), а въ полкахъ сѣверной Черниговщины, гдѣ прежде козачины вовсе не было. Наоборотъ, до Хмельницкаго въ черкасскомъ староствѣ (по люстраціи 1622 г.) существовала такая пропорція между мѣщанами и козаками: „въ городѣ Черкасахъ мѣщанъ послушныхъ 120...; домовъ козацкихъ непослушныхъ въ городѣ и по хуторамъ болѣе 1000. Мѣст. Арклій (Ирклѣевъ)—въ немъ домовъ послушныхъ 50, а непослушныхъ козацкихъ болѣе 400. Мѣст. Голтва—въ немъ домовъ послушныхъ 20, а козацкихъ непослушныхъ болѣе 200". Въ Богушковой слободѣ первыхъ 3 дома,—вторыхъ 40. Какъ объяснить такое неожиданное уменьшеніе пропорціи военнаго населенія въ отношеніи къ населенію, преданному мирнымъ занятіямъ, среди обстоятельствъ, которыя во всякомъ случаѣ вызывали необходимость увеличенія военныхъ силъ, усиленія военной профессіи, а не наоборотъ? Очевидно, что прежде украинскіе колонисты не желали попасть въ сословіе мѣщанъ, т. е. подъ гнетъ старостинскаго управленія; съ освобожденіемъ

---

[1]) Не приводимъ детальныхъ цифръ, боясь утомить читателя.

же Украйны такая причина пала сама собою и так. обр. открылось свободное поприще для дѣйствія прямыхъ инстинктовъ народной массы, тянувшей къ мирнымъ гражданскимъ занятіямъ. Здѣсь на Украинѣ находимъ провѣрку тѣхъ заявленій, которыя встрѣчали на Волыни: измученное тамъ населеніе бѣжитъ сюда *на заработки*, а не для легкой добычи удалаго разбойника.

Народъ, населяющій всѣ полки, принадлежитъ почти исключительно одной національности. Ни одного поляка, но одного еврея нѣтъ въ цѣлой огромной странѣ. Если между фамиліями шляхты (въ правобережныхъ полкахъ) встрѣчаются польскія и литовскія (Яблонскій, Шимановскій, Кочкилда и др.), то эта иноземная черта ихъ и состоитъ только въ звукахъ фамильныхъ именъ и ни въ чемъ больше.

Часто предполагаютъ въ составѣ южно-русской козачины смѣсь всякихъ восточныхъ и западныхъ этнографическихъ элементовъ (благодаря отождествленію Запорожья съ Малороссіею и благодаря предположенію о ненаціональности запорожскаго братства). Но изъ опубликованныхъ поименныхъ списковъ (къ сожалѣнію, напечатаны имена только одной бѣлоцерковской сотни) можно убѣдиться, что элементы этой національности почти совершенно чистые, однородные. Изъ 1149 именъ этого списка можно подыскать лишь десятокъ сомнительнаго иноземнаго происхожденія, напр. Савка Турченинъ, Яцко Добышъ, Петръ Гречукъ, Янко Волошинъ, Левко Леховенко, Сенко и Гришко Ляховцы, Васко Волошинъ, Андрюшка Джеджула, Митка Волошенъ, Алешка Турчинъ. Быть можетъ, большая часть такихъ иноземныхъ названій означаютъ только прозвища, не указывая на этнографическое происхожденіе лицъ, которымъ онѣ приписаны. Но мы нарочно выписываемъ ихъ всѣ, чтобы показать, что только 10 такихъ прозваній приходятся на 1149 всѣхъ именъ цѣлой сотни. Полагаемъ, что если бы были опубликованы именные списки всѣхъ прочихъ сотенъ всѣхъ полковъ, то процентъ иноземной примѣси остался бы такимъ же. Между именами мѣщанъ встрѣчаются рѣже прозвища, указывающія на иноземное происхожденіе, чѣмъ между именами козаковъ. Изъ списка именъ бѣлоцерковской сотни видно, что значительный процентъ прихо-

дится на долю москалей; а именно, мы здѣсь находимъ имена Яковъ Москаль, Ивашко Москаль, Савка и Иванъ Москаленко, Костка Москаль, Ивашко Москаль, Гришка Москаль, Москаль Думаненко, Васка Москаль, Володка Москаль. Какъ объяснить такое неожиданное присутствіе жителей московскаго государства въ такомъ относительно далекомъ полку, какъ бѣлоцерковскій? Принадлежали ли эти москали (или ихъ предки) къ числу плѣнныхъ, вывезенныхъ въ смутное время, испомѣщенныхъ въ качествѣ крестьянъ и потомъ попавшихъ въ козаки? Или это добровольные эмигранты изъ Москвы? Во всякомъ случаѣ фактъ остается весьма характернымъ для исторіи сближенія двухъ русскихъ племенъ въ эпоху Богдана Хмѣльницкаго.

Для населенія Малороссіи, въ смыслѣ національности, постоянно употребляется какъ въ польскихъ, такъ и въ русскихъ актахъ терминъ „Русь". Тотъ народъ, который колонизовалъ извѣчныя пустыни, расширилъ тѣмъ предѣлы не Польши, а Руси. Ни одинъ изъ польскихъ писателей, приписывающихъ колонизацію украинныхъ степей Польшѣ, не будетъ утверждать, чтобы Украйна когда-либо именовалась Польшею. Сознаніе національности русской никогда не угасало среди украинскаго населенія, но съ особенною ясностью оно проявилось и выражено въ лицѣ лучшихъ представителей его именно въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Для выраженія отличія собственно южно-русскаго населенія (въ отношеніи къ московскому) постояннаго термина еще не подыскано. Въ московскомъ оффиціальномъ языкѣ усвоенъ терминъ—*черкасы* (см. рѣшеніе Земскаго Собора 1 окт. въ А. ю и з. Р. IX № 2), кромѣ термина „Войско Запорожское". Тогда же входитъ въ общее употребленіе и терминъ „Малая Россія". Такъ протопопъ въ рѣчи послу Бутурлину передъ въѣздомъ его въ Переяславль (А. ю и з. Р. IX № 4, стр. 206) говорилъ: „Господь Богъ пришествіемъ вашимъ усердное желаніе исполнилъ православія нашего, еже совокупитися во едино Малой и Великой Россіи подъ единою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго крѣпкою рукою". Этотъ же терминъ употребилъ и Богданъ Хмельницкій въ своей рѣчи къ Переяс-

лавской радѣ: „А православный христ. великій государь царь восточный есть съ нами единаго благочестія греческаго закона, единого исповѣданія, едино есмы тѣло церкви православіемъ Великія Россіи.... Той великій государь христіанскій, зжалившися надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православныя церкви въ нашей Малой Россіи"... и т. д. Тотъ же терминъ употребляетъ и митрополитъ Сильвестръ Коссовъ въ грамотѣ царю 1654 г. 3 марта (А. ю и з. Р. IX, № 6, VIII и IX). Самъ митрополитъ титулуется „Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Малыя Россіи". Наконецъ тотъ же терминъ вошелъ въ титулъ московскихъ государей. Но эти термины образовались въ сношеніяхъ съ московскимъ государствомъ; въ отношеніи же къ Польшѣ Малороссія титулуетъ себя просто „Россіею"; такъ напр. сказано въ просительныхъ пунктахъ Богдана Хмельницкаго на счетъ правъ тѣхъ изъ шляхтичей, которые не ушли въ Польшу, а остались дома: „въ Россіи обрѣтаются".

Въ сношеніяхъ по поводу присоединенія къ Москвѣ указывается какъ на единовѣріе, такъ, хотя и рѣже, на единоплеменность. Сообразно съ этимъ старыя историческія воспоминанія изъ древняго времени, когда вся Русь управлялась однимъ родомъ Рюриковичей, оживаютъ вновь. Дѣятели эпохи Хмельницкаго связываютъ свою историческую роль съ общею исторіею цѣлаго русскаго народа.

Намеки на это историческоее основаніе національнаго единства исходятъ какъ отъ московскихъ чиновъ, такъ и отъ малороссійскихъ. Напр., въ жалованной грамотѣ Вас. Вас. Бутурлину этому боярину ставится въ заслугу то, что онъ „великія княжества Кіевское и Черниговское и всю Малую Русь подъ нашу государственную высокую руку приялъ" (А. ю. и з. Р. IX, № 4, X). Предъ Переяславскою радою 1654 г. гетманъ и писарь Иванъ Выговскій говорили: „милость де Божія надъ нами, якоже древне при великомъ князѣ Владимірѣ, такъ же и нынѣ, сродникъ ихъ вел. гос. и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ... призрилъ на свою государеву отчину Кіевъ и на всю Малую Русь милостью своею"... (ibid. стр. 216). Изъ малороссійскихъ чиновъ вспомнилъ эти историческія традиціи и митрополитъ

Сильвестръ Коссовъ (который, однако, далеко не былъ жаркимъ приверженцемъ присоединенія къ Москвѣ) въ рѣчи къ посламъ въ Кіевѣ: „внегда приходите отъ благочестиваго... царя..., желаніе имуще еже посѣтити благочестивое древнихъ великихъ князей русскихъ наслѣдіе..., внидите... яко да вашимъ пришествіемъ обновится яко орлу юность наслѣдіе благочестивыхъ великихъ князей русскихъ“ (ibid. стр. 252). Нерѣдко въ малороссійскихъ актахъ для обозначенія всей совокупности жителей къ словамъ „всему войску запорожскому“ прибавлялось: и „всему міру христіанскому“. Такимъ образомъ, опять прибѣгаютъ къ той формулѣ, которою въ древнее время (послѣ Владиміра св.) старались отличить русскую національность отъ невѣрныхъ и иновѣрныхъ (см. А. ю. и з. Р. IX, № 17). Такъ невольно въ умахъ тогдашнихъ дѣятелей, событія XVII в. связываются съ событіями X-го вѣка. Дѣло Богдана Хмельницкаго является продолженіемъ болѣе великихъ дѣлъ стараго Владиміра“. Христіанство въ первый разъ связало разрозненныя племена восточной Европы въ одинъ національный союзъ. Много вѣковъ спустя, дѣлу Владиміра, угрожалъ большой ущербъ: связь цѣлой половины Руси съ католическою Польшею готовилась порвать національный союзъ, установленный при Владимірѣ. Подвигомъ Богдана эта опасность устранена, что̀ одинаково важно и для Великой и для Малой Россіи.

Заключаемъ: ужасы борьбы, поднятой Богданомъ, привели къ торжеству цивилизаціи—заселенію пустынь и водворенію въ нихъ гражданскаго порядка, и еще важнѣе—къ подъему русскаго національнаго сознанія до высоты, свойственной великой исторической націи.

М. Владимірскій-Будановъ.

Обозрѣніе предметовъ великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, и хранящихся въ музеѣ древностей и въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра.

Среди многочисленныхъ предметовъ древности, найденныхъ въ чертѣ города Кіева и хранящихся въ университетскомъ музеѣ, мы относимъ къ эпохѣ великихъ князей кіевскихъ 3 группы предметовъ: 1) находки, время которыхъ можетъ быть точно опредѣлено по самому ихъ содержанію, т. е. такіе предметы, въ числѣ которыхъ встрѣтились монеты, дающія намъ право, хотя приблизительно, датировать находку; 2) предметы, найденные въ развалинахъ, фундаментахъ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ зданій, воздвигнутыхъ при великихъ князьяхъ кіевскихъ, около которыхъ сосредоточивалась жизнь и группировались духовные и гражданскіе интересы жителей древняго города; 3) наконецъ, предметы, которые по сличенію съ предыдущими принадлежатъ несомнѣнно къ одному съ ними времени, хотя не могутъ быть болѣе точно датированы и найдены были спорадически въ разныхъ частяхъ города, впрочемъ по большей части въ чертѣ Стараго Кіева.

Начнемъ нашъ перечень съ первой категоріи, т. е. съ предметовъ, время которыхъ можетъ быть довольно точно обозначено.

Древнѣйшій датированный памятникъ, найденный въ чертѣ города Кіева, это *оболонскій кладъ*. Въ 1876 году въ усадьбѣ Магурина на Оболони при закапываніи свай, рабочіе нашли кладъ на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ, на границѣ культурнаго слоя почвы съ песчаною подпочвою, состоявшій изъ бронзовыхъ греко-

римскихъ монетъ числомъ, насколько можно судить по разсказамъ рабочихъ, болѣе 200; монеты эти были разобраны рабочими и лишь съ большимъ трудомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, удалось пріобрѣсти для мюнцъ-кабинета университета 57 экземпляровъ[1]). Монеты оболонскаго клада распадаются на 2 группы: первая, болѣе численная (45 экземпляровъ) состоитъ изъ колоніальныхъ римскихъ монетъ, чеканенныхъ для города Антіохіи въ Пизидіи въ III столѣтіи послѣ Рождества Христова, а именно: 4 монеты чеканены при императорѣ Гордіанѣ III (238—244), 3 при Филиппѣ Аравитянинѣ (244—249), 1 при Траянѣ Деціѣ (249—251), 35 при Волюзіанѣ (251—254) и 3 при Галліенѣ (253—568). Вторая группа, состоящая изъ 12 экземпляровъ, представляетъ римскія монеты IV столѣтія византійскаго чекана, а именно: 3 Константина Великаго (306—323), 8 Констанція II (323—361) и одна Прокопія (узурпатора при императорѣ Валенсѣ (365—366).

Всѣ эти монеты, найденныя въ общемъ кладѣ, составляли, вѣроятно, въ свое время имущество одного лица, зарывшаго ихъ въ землю; присутствіе этого клада на территоріи Кіева даетъ намъ возможность предполагать, что уже въ исходѣ IV столѣтія на устьи Почайны существовало торговое поселеніе, сношенія котораго были на столько развиты, что къ его жителямъ проникали монеты византійскія и малоазіатскія и скоплялись въ значительномъ количествѣ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ томъ же 1876 году въ усадьбѣ г. Марра по Кирилловской улицѣ, вблизи Іорданской церкви случайно открыта была языческая гробница; большинство вещей, найденныхъ въ ней, г. Марръ пожертвовалъ въ музей университетскій (№№ 2072—2087); въ числѣ этихъ предметовъ находится серебряный абассидскій диргемъ, къ которому впослѣдствіи придѣлано было ушко для того, чтобы онъ могъ служить привѣскою или дукачемъ; надпись на диргемѣ была прочитана казанскимъ оріента-

[1]) Монеты эти хранятся въ мюнцъ-кабинетѣ подъ №№ 10,548—10,565, 10,938—10,944, 11,523—11,544, 11,551—11,554, 11,830—11,835, 12,333 и 12,335.

листомъ І. Ѳ. Готвальдомъ—это монета халифа Абу-Джафара-аль Мансура, чеканенная въ Куфѣ въ 764 году. Благодаря присутствію этого диргема, мы можемъ всю могилу отнести къ концу VIII или къ IX столѣтію. Кромѣ этой монеты въ могилѣ найдены: большая фибула, служившая для застегиванія корзна; она состоитъ изъ двухъ серебряныхъ позолоченныхъ ажурныхъ овальной формы бляхъ, наложенныхъ другъ на друга и украшенныхъ весьма изящнымъ узоромъ; на вогнутой сторонѣ фибулы помѣщается мѣдная игла и такая же петля. Подобнаго рода фибулы употреблялись въ западной Европѣ и европейскіе археологи относятъ ихъ къ послѣднему періоду желѣзнаго вѣка (съ 700 года до половины XI ст.). Другой совершенно тождественный съ нашимъ экземпляръ этой фибулы найденъ былъ въ Упландіи въ Швеціи и изданъ Монтеліусомъ[1]). Кромѣ того въ могилѣ найдены 4 серебряныя и одна золотая серьги, состоящія изъ металлической проволоки, на которую надѣты по 1, 2 или 3 бусы изъ горнаго хрусталя, стекла или глинистыхъ композицій, затѣмъ 2 серебряные бляшки, вырѣзанныя въ формѣ крестиковъ съ разширенными концами и небольшой брусокъ изъ разноцвѣтнаго точильнаго камня съ просверленнымъ отверстіемъ для привѣшиванія.

Всѣ металлическіе предметы ясно свидѣтельствуютъ, что искусство спаивать металлы неизвѣстно было еще кіевлянамъ во время сооруженія могилы. Концы проволокъ въ серьгахъ или оставлены свободными, или скручены узлами; одна изъ крестообразныхъ бляшекъ сломана и исправлена такимъ образомъ, что на нее наложена полоска серебряной бляхи и прибита гвоздиками къ обоимъ обломкамъ сломаннаго предмета, точно такимъ же образомъ приложено ушко къ диргему. Эта подробность даетъ намъ весьма цѣнное руководство для опредѣленія времени происхожденія металлическихъ предметовъ, находимыхъ въ славянскихъ языческихъ гробницахъ: всѣ предметы, приготовленные безъ спаекъ, мы имѣемъ основаніе относить приблизительно ко времени до половины IX столѣтія.

---

[1]) Montelius. La Suède préhistorique, стр. 118 и его же Antiquités Suédoises, стр. 159, фиг. 556.

Въ 1862 году консерваторомъ музея древностей Я. Я. Волошинскимъ была разрыта такъ называемая *Батыева могила*, большой курганъ, возвышающійся на взгорьи, лежащемъ на правомъ берегу Лыбеди. Курганъ этотъ носитъ имя Батыева можетъ быть потому, что у него была ханская ставка во время осады Кіева Батыемъ, но самъ курганъ былъ насыпанъ въ гораздо болѣе древнее время и, какъ видно по найденнымъ въ немъ предметамъ, составлялъ погребальный памятникъ языческаго времени. Найденные въ немъ предметы поступили въ музей университета (№№ 1260—1272). Въ немъ найдена большая погребальная урна вышиною въ 8 вершковъ, формою похожая на кувшинъ—она до половины была наполнена жжеными человѣческими костями, затѣмъ въ могилѣ найдены двѣ бусы—сердоликовая и костяная и 5 колечекъ,—одно серебряное и 4 бронзовыхъ—всѣ они не спаянные, подобно находкѣ въ усадьбѣ г. Марра.

Къ исторіи кіевской торговли въ X столѣтіи относятся два клада, хранящіеся въ мюнцъ-кабинетѣ подъ №№ 2204—2228 и 7042—7232; первый изъ нихъ, найденный въ Кіевѣ въ 1851 году и пожертвованный въ мюнцъ-кабинетъ И. И. Фундуклеемъ, содержитъ 25 экземпляровъ саманидскихъ диргеммъ; второй найденъ былъ въ 1863 году на кладбищѣ у Іорданской церкви и состоитъ изъ 191 экземпляра такихъ же диргеммъ. По надписямъ, уцѣлѣвшимъ на монетахъ, оказывается, что всѣ онѣ чеканены между 895 и 936 годами христіанской эры въ разныхъ городахъ Туркестани, входившихъ въ составъ Саманидскаго царства, а именно: въ Шашѣ, Самаркандѣ, Балхѣ, Нисабурѣ, Фарсѣ, Эндерабе и Мервѣ. Присутствіе обоихъ кладовъ въ Кіевѣ указываетъ на интенсивность торговыхъ сношеній этого города съ Левантомъ въ X столѣтіи.

Ко времени княженія Владиміра св. относятся слѣдующія монеты, хранящіяся въ мюнцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра: золотой солидъ, на которомъ съ одной стороны помѣщено изображеніе Спасителя въ сіяніи, на другой же бюстъ в. к. Владиміра

въ діадемѣ, украшенной жемчугомъ; князь держитъ въ правой рукѣ длинный жезлъ, заканчивающійся вверху крестомъ; въ лѣво отъ него въ полѣ изображеніе хоругви съ двумя откосами, обращенное верхнею частью въ низъ. Кругомъ надпись: Владимиръ, а се его злто (злато) [1]).

Затѣмъ есть 20 монетъ серебряныхъ, носящихъ имя в. к. Владиміра; онѣ представляютъ три разновидности, отличающіяся другъ отъ друга второстепенными признаками изображенія и по классификціи гр. Ив. Ив. Толстаго, представляютъ описанные имъ типы 2-й, 3-й и 4-й. Вообще на этихъ монетахъ на лицевой сторонѣ изображенъ во весь ростъ в. к. Владиміръ, сидящій на княжескомъ столѣ, въ вѣнцѣ; онъ держитъ въ правой рукѣ длинный жезлъ съ крестомъ на верху. Кругомъ изображенія князя надпись въ болѣе или менѣе сокращенномъ видѣ: „Володимиръ на столѣ". Но оборотной сторонѣ монетъ изображена хоругвь съ двумя откосами и кругомъ надпись, также съ сокращеніями: „а се его сребро" [2]).

Прямое продолженіе этой серіи монетъ Владиміра св. составляютъ въ коллекціи университетскаго мюнцъ-кабинета монеты ближайшихъ его преемниковъ, великихъ князей Святополка и Ярослава Владиміровичей. Съ именемъ Святополка хранится 6 монетъ и 2 монеты обозначены христіанскимъ именемъ в. к. Ярослава Мудраго. Изображенія какъ на лицевыхъ, такъ и на оборотныхъ сторонахъ этихъ монетъ совершенно похожи на изображенія монетъ Владиміра св., онѣ только разнятся надписями; надписи эти на монетахъ Святополка гласятъ: „Святополкъ на столѣ—а се его сребро" и на монетахъ Ярослава на обѣихъ сторонахъ представляютъ лишь болѣе или менѣе сокращенное христіанское имя этого князя „Гюргии" [3]).

---

[1]) Монета эта описана подробно въ сочиненіи Шодуара: Aperçu sur les monnaies Russes т. I, стр. 102—103; она хранится въ отдѣлѣ „Новой коллекціи" мюнцъ кабинета подъ № 3.

[2]) Монеты эти подробно описаны въ сочиненіи гр. Ив. Ив. Толстаго—Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. С.-Петербургъ 1882, подъ номерами: 13, 14, 20, 22, 26, 31, 32, 36, 39, 42, 49, 50, 51, 55, 56, 63, 66, 71, 72 и 78.

[3]) Тамъ же №№ 87, 95, 96, 99, 100, 101, 103 и 104.

Въ 1873 г. въ с. Гвоздовѣ (въ 25 верстахъ къ юго-западу отъ Кіева) одинъ изъ крестьянъ, распахивая поле, находившееся до того времени подъ лѣсомъ, нашелъ кладъ, состоявшій изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) семь серебряныхъ новгородскихъ гривенъ, отлитыхъ въ форму ладіи, и 3 отрубка такихъ же гривенъ; 2) шесть ордынскихъ монетъ, которыя были прочитаны извѣстнымъ оріенталистомъ, д-ромъ Блау (изъ Одессы) и оказались чеканенными при ханахъ Гайатъ-Эддиннѣ (1330 г.), Мухамедѣ (1359 г.) и Мюридѣ 1364 г.), наконецъ 3) двѣ серебряныя монеты, на которыхъ съ одной стороны находится изображеніе воротъ съ крестомъ на наружной ихъ сторонѣ, на оборотѣ же ханская тамга съ надписью кругомъ „*Володимиръ*“. Судя по характеру чекана и совмѣстному нахожденію съ монетами ордынскими 1330—1364 гг., монеты эти признаны монетами кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича (1362—1392 г.). Съ мнѣніемъ этимъ согласились гр. Э. Гуттенъ-Чапскій и гр. Ив. Ив. Толстой.— Весь Гвоздовскій кладъ былъ пріобрѣтенъ для мюнцъ-кабинета университета св. Владиміра и хранится въ немъ подъ номерами 7925—7942.

Изъ числа древнихъ зданій, существовавшихъ во время великихъ князей кіевскихъ, болѣе всего богаты памятниками древностей окрестности Десятинной церкви. Этотъ храмъ основанъ по свидѣтельству лѣтописи равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ 989 г. и оконченъ въ 996. Онъ находился въ центрѣ верхняго княжаго города, почти рядомъ съ княжескимъ теремомъ; вѣроятно, вблизи храма стояли дворы самыхъ знатныхъ и зажиточныхъ гражданъ. Церковь была разрушена, какъ извѣстно, во время монгольскаго погрома въ 1240 году и возстановлена только въ первой четверти текущаго столѣтія. Такимъ образомъ древняя Десятинная церковь просуществовала въ теченіи всего христіанскаго княжескаго періода жизни Кіева. Указанными обстоятельствами объясняется какъ характеръ, такъ и численность предметовъ древностей, найденныхъ какъ среди древнихъ фундаментовъ, такъ и въ ближайшей окрестности этой церкви.

Вотъ важнѣйшіе изъ этихъ предметовъ, поступившіе въ музей древностей университета св. Владиміра:

Первую группу составляютъ обломки строительнаго матеріала и архитектурныхъ украшеній самаго зданія; это квадратные тонкіе кирпичи, связанные толстымъ слоемъ характеристическаго розоваго цемента, изъ которыхъ состояла кладка всѣхъ каменныхъ зданій княжеской эпохи (№№ 1, 6, 7); точно такіе же кирпичи собраны въ музеѣ и изъ развалинъ другихъ зданій того же времени: изъ Золотыхъ воротъ (№ 13, 18, 19), церквей: Трехсвятительской (№№ 126, 127), Ирининской (416), Михайловской (171) и т. п. Затѣмъ мраморныя разноцвѣтныя плитки, которыми выложена была половая мозаика въ древней Десятинной цекви (№№ 3, 539—540, 1295, 1601) и нѣсколько десятковъ зеренъ муссіи изъ мозаики, которою украшены были внутри стѣны этой церкви. Такія же зерна муссіи собраны въ музеѣ изъ мозаики церквей: Софійской (№ 1406), Михайловской (№ 1407) и Ирининской (№ 422—423).

Кромѣ этихъ остатковъ самаго зданія, при открытіи фундаментовъ древней церкви въ 1824 г. найдены были многочисленные предметы, составлявшіе украшеніе костюма того времени; сюда относятся три золотыя серьги (№№ 143, 448, 449), состоящія изъ толстой проволоки, на которой укрѣплены неподвижно на каждой по три золотыя бусы, покрытыя узорами или вырѣзанныя ажурно. Этотъ типъ серегъ признанъ характеристическимъ для княжескаго періода русской жизни и за нимъ утвердилось названіе „кіевской серьги". Серьги эти, замѣтимъ, носились не въ ушахъ, а пришивались къ наушникамъ, бывшимъ на шапкѣ или другомъ головномъ уборѣ. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе большой золотой медальонъ (№ 450), на одной сторонѣ котораго изображены эмалью двѣ птицы съ женскими головами и съ нимбами вокругъ головъ, на другой двѣ меньшія птицы, окруженныя вѣтвями растеній.—Птицы съ женскими головами, по сличенію покойнаго профессора А. А. Котляревскаго, похожи на описаніе птицы „Сирены", встрѣчающееся въ богумильскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ.—Далѣе, въ коллекціи хранятся два серебряные браслета, (№№ 444—447), состоящіе изъ двухъ тол-

стыхъ серебряныхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, съ плоскими свободными концами въ видѣ треугольниковъ, украшенныхъ орнаментомъ изъ эмали.—Наконецъ, у развалинъ древней Десятинной церкви найдено было множество обломковъ браслетовъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго стекла; такіе браслеты составляютъ постоянную принадлежность княжеской эпохи во всѣхъ городахъ и городищахъ, населенныхъ въ то время; въ университетскомъ музеѣ они находятся въ большемъ количествѣ и были находимы какъ у Десятинной церкви (№ 1357), такъ и у церквей: Трехсвятительской (№№ 128—132), Михайловской (№№ 148, 168, 217), Іорданской (№ 1505), а также спорадически въ разныхъ мѣстностяхъ древняго Кіева; въ томъ числѣ на склонахъ Андреевской горы найдено было 20 экземпляровъ цѣльныхъ браслетовъ изъ стекла коричневаго цвѣта (№№ 758—777). Всѣ перечисленные предметы найдены были разновременно при закладкѣ фундаментовъ новой Десятинной церкви и пожертвованы въ университетскій музей ея строителемъ А. С. Анненковымъ.

Изъ кладовъ, найденныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ Десятинной церкви, два поступили въ музей университета; это клады, найденные въ усадьбахъ гг. Масютина и Лѣскова. — Первая усадьба помѣщалась на углу Владимірской улицы и Десятиннаго переулка, вторая находится по другую сторону этого переулка по Владимірской улицѣ. Въ усадьбѣ Масютина въ 1872 г. случайно найденъ былъ кладъ (№№ 1668—1708), содержащій 5 серебряныхъ кіевскихъ серегъ, серебряный разломанный браслетъ и ожерелье, состоящее изъ 32 полуцилиндровъ серебряныхъ; въ каждомъ изъ нихъ находится три поперечныя сквозныя отверстія, посредствомъ которыхъ они нанизывались на три нитки.

Самая богатая коллекція предметовъ княжеской эпохи найдена была въ усадьбѣ г. Лѣскова въ 1876 году и почти цѣликомъ поступила въ университетскій музей (№№ 2320—2336), въ составъ ее входятъ: золотая шейная цѣпь и висѣвшая на ней золотая, покрытая орнаментами звѣзда, ожерелье, состоящее изъ 7 крупныхъ золотыхъ бляхъ, сдѣланныхъ на подобіе цвѣта лиліи съ ушками для нанизыванья, и 7 раздѣлявшихъ ихъ золотыхъ бусъ; два большіе золотые медальона, на одной сторонѣ которыхъ

изображенъ эмалью человѣческій бюстъ въ широкой діадемѣ или шапкѣ, на другой двѣ птицы, раздѣленныя жезломъ; два золотые перстня съ площадками для печатей, на одномъ изъ нихъ можно ясно отличить изображеніе льва съ приподнятою переднею лапою, на другомъ изображеніе изгладилось; около сорока золотыхъ полуколецъ, изъ которыхъ 4 заканчиваются эмальированными площадками; полукольца эти нанизывались на толстый свертокъ полотна или войлока и составляли украшеніе женскаго головнаго убора, окаймляя его съ двухъ сторонъ: на челѣ и на шеѣ ниже затылка. Объясненіе это назначенія золотыхъ полуколецъ мы заимствуемъ изъ сличенія ихъ съ такими же полукольцами, найденными на скелетѣ въ курганѣ у села Зеленки (каневскаго уѣзда): послѣднія вынуты изъ могилы нанизанными на полотняный валекъ и были расположены на черепѣ въ указанномъ порядкѣ. Далѣе, въ кладѣ г. Лѣскова находятся три золотыя кіевскія серьги и двѣ серебряныя цѣпи, вѣсомъ въ $1^1/_2$ фунта, которыя князья и знатныя лица носили на шеѣ поверхъ одежды [1]). Всѣ перечисленные предметы были спрятаны въ мѣдномъ сосудѣ, съ весьма искустно придѣланною крышкою, очевидно запиравшеюся на замокъ.

Лѣтописи наши не сохранили точныхъ указаній относительно мѣстоположенія древняго княжескаго терема, но, сопоставляя нѣсколько лѣтописнымъ текстовъ, намъ кажется, что возможно опредѣлить двѣ противуположныя другъ другу окраины теремнаго двора. Подъ 980 годомъ лѣтопись, разсказывая о сооруженіи кн. Владиміромъ кумировъ, такъ опредѣляетъ мѣсто ихъ нахожденія: „и постави кумиры на холму, внѣ двора теремнаго“, затѣмъ, послѣ принятія св. крещенія, Владиміръ низвергъ кумиры „и постави церковь св. Василія на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунь и прочии“ [2]). Такимъ образомъ церковь св. Василія (Трехсвятительская) построена была на Перуновомъ холмѣ, лежавшемъ внѣ теремной ограды. Съ другой стороны мы имѣемъ ука-

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ подъ 1147 годомъ: „Михаля же бьюще, отторгоша на немъ крестъ и *чепи* и гривну золота“.

[2]) Лаврентьевская лѣтопись стр. 77 и 116.

заніе на то, что теремъ княжескій находился вблизи Десятинной церкви, отъ которой отдѣлялся небольшою площадью, такъ называемымъ „Бабинымъ торжкомъ“. Въ разсказѣ объ убіеніи кіевлянами кн. Игоря Лаврентьевская лѣтопись (стр. 301) говоритъ, что кіевляне волокли тѣло полумертваго Игоря „сквозѣ Бабинъ торжекъ до святое Богородицы“; Ипатская же лѣтопись передаетъ тотъ же фактъ такъ: „и волокоша и́ сквозѣ Бабинъ торжекъ на княжъ дворъ“ (стр. 249); изъ сопоставленія обоихъ варіантовъ намъ кажется возможнымъ предположеніе, что на Бабинъ торжекъ выходилъ съ одной стороны фасадъ церкви св. Богородицы (Десятинной), съ другой фасадъ княжаго терема или ограда его двора.—Такимъ образомъ княжій дворъ помѣщался въ мѣстности между Бабинымъ торжкомъ (площадь нынѣшней Владимірской улицы у ея конца) и Трехсвятительскою церковью, т. е. занималъ нынѣшнія усадьбы кн. Трубецкаго, г. Агѣева и можетъ быть площадь нынѣшней Трехсвятительской улицы и отчасти усадьбъ, расположенныхъ по лѣвую сторону этой улицы (считая отъ Андреевской церкви). Археологическія развѣдки въ данной мѣстности подтверждаютъ до нѣкоторой степени это предположеніе. Лѣтъ 50 тому назадъ нынѣшнія усадьбы кн. Трубецкаго и г. Агѣева принадлежаи одному владѣльцу—Климовичу; послѣдній при постройкѣ дома наткнулся на фундаменты какого-то древняго зданія и среди нихъ сталъ находить многіе цѣнные предметы древностей; впослѣдствіи, по соглашенію съ владѣльцемъ, существовавшій тогда комитетъ для изысканія древностей обнажилъ часть фундамента и нашелъ остатки стѣнъ значительнаго зданія, построеннаго повидимому въ видѣ многоугольника; къ несчастью, существовавшія уже тогда новыя строенія остановили изысканія комитета, который не имѣлъ возможности составить плана цѣлаго зданія.—Многіе предметы какъ найденные Климовичемъ, такъ въ послѣдствіи встрѣтившіеся при изслѣдованіяхъ членовъ комитета, поступили въ университетскій музей и составляютъ довольно богатую коллекцію древностей княжеской эпохи (№№ 145—161, 1235—1249). Въ ея составѣ мы находимъ обломки строительныхъ матеріаловъ и архитектурныхъ украшеній, квадратные кирпичи съ розовымъ цементомъ, зерна муссіи изъ мозаики,

обломки щекатурки съ слѣдами фресковой живописи, цѣнинные квадратики, окрашенные разными цвѣтами, которыми вымощенъ былъ полъ, и наконецъ, обломки досокъ изъ краснаго шиффера, матеріала, употреблявшагося для архитектурныхъ украшеній во всѣхъ кіевскихъ постройкахъ княжескаго времени. Кромѣ того около фундаментовъ зданій найдены слѣдующіе предметы: золотой медальонъ, съ прекраснымъ изображеніемъ Спасителя, сдѣланнымъ эмалью, маленькій золотой крестикъ, золотая ажурной работы буса, пять золотыхъ перстней, изъ которыхъ 3 имѣютъ въ гнѣздахъ разноцвѣтные камни, два же знаки печатей: на одномъ въ видѣ латинской буквы S, на другомъ сложный рисунокъ, состоящій изъ соединенія шести крестовъ и двухъ посоховъ; затѣмъ четыре золотыя серьги кіевскаго типа, серебряный медальонъ, окруженный ажурнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ на средней площадкѣ эмальированныхъ птицъ [1]), часть серебряной цѣпочки, обломки стекляныхъ браслетовъ и 3 двустворчатые бронзовые креста съ изображеніемъ святыхъ и съ небольшою полостью внутри, назначавшеюся для храненія частицъ мощей. Такіе кресты составляютъ характеристическую принадлежность находокъ княжескаго времени и были находимы въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ стараго Кіева: въ развалинахъ церкви св. Ирины (№№ 20, 21), у Трехсвятительской церкви (№ 135), вблизи церкви св. Георгія (№ 1353) и т. п.—Изъ бытовыхъ предметовъ въ усадьбѣ Климовича найдены двѣ серебряныя гривны кіевскаго типа, большая костяная игла, служившая, вѣроятно, для плетенія рыболовныхъ сѣтей, глиняный, покрытый глазурью шарикъ съ погремушкою внутри и т. п.—Впослѣдствіи часть усадьбы Климовича перешла во владѣніе г. Агѣева, который при рытьи фундаментовъ для дома въ 1882 г. встрѣтилъ также совершенно аналогическіе предметы: одну створку бронзоваго креста (№ 1637), двѣ гривны кіевскаго типа (кол. мюнцъ-кабинета №№ 12128, 12,129), обломки бронзовой рѣшетки (№ 2719—2722), фрагменты стекляныхъ браслетовъ и т. п.

---

[1]) Въ музеѣ есть 2 другіе точно такіе же медальона, найденные на склонахъ Андреевской горы (№№ 90, 91).

Въ 1833 году при планированіи Владимірской улицы пришлось срыть старый валъ, перегораживавшій эту улицу около зданія нынѣшней духовной консисторіи. Валъ этотъ былъ насыпанъ въ 1679 году въ то время, когда правительство, ожидая угрожавшаго Кіеву нападенія турокъ, разорившихъ Чигиринъ, приняло энергическія мѣры для того, чтобы привести городскія фортификаціи въ надежное оборонительное состояніе. При съемкѣ вала оказалось, что онъ покрывалъ собою фундаментъ и развалины обширнаго каменнаго церковнаго зданія,—это были остатки церкви св. Ирины, основанной в. к. Ярославомъ въ 1037 году. Многочисленные предметы древности, встрѣтившіеся среди развалинъ, были доставлены въ университетскій музей комитетомъ для изысканія древностей; изъ числа архитектурныхъ остатковъ зданія, кромѣ квадратныхъ кирпичей, цемента, многочисленныхъ плитокъ окрашенной цѣнины (№№ 23, 415) особенное вниманіе обращаютъ на себя толстыя, очень большія плиты краснаго шифера (№ 25), покрытыя красивыми рѣзными узорами; плиты эти весьма похожи на тѣ шиферныя плиты, которыя понынѣ служатъ перилами на хорахъ Кіево-Софійскаго собора; одна изъ нихъ, къ несчастью разбитая и не вполнѣ сохранившаяся, вмѣсто узора украшена рѣзьбою, представляющею воина, стоящаго на одномъ колѣнѣ съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ, сражающагося со звѣремъ, котораго уцѣлѣли только переднія лапы.—Изъ другихъ предметовъ, кромѣ упомянутыхъ выше (кіевскихъ золотыхъ серегъ, створчатаго креста, серебряной гривны) въ университетскомъ музеѣ хранятся части бронзовыхъ подсвѣчниковъ (№ 27), фрагменты бронзовой рѣшетки, часть бронзоваго оклада отъ иконы, покрытаго мозаикою (№ 428), части бронзоваго паникадила (№ 424), бронзовый крестикъ и какое то орудіе въ видѣ острія съ поперечною длинною полосою, на которой помѣщено изображеніе пѣтуха (№ 27). Сверхъ того, въ числѣ вещей, найденныхъ у развалинъ церкви св. Ирины, укажемъ два предмета, весьма характеристическія для находокъ княжескаго времени: это пряслицы изъ краснаго шифера, бывшія во всеобщемъ употребленіи на Руси по меньшей мѣрѣ до исхода XIII столѣтія, и остродонныя амфоры (№№ 417 и 418). Пряслицы встрѣчаются

повсемѣстно на всей территоріи древней княжеской Руси, въ томъ числѣ и въ различныхъ мѣстностяхъ Стараго Кіева. Въ музеѣ хранятся экземпляры, найденные вблизи ограды Михайловскаго монастыря (№ 139), въ усадьбѣ Лѣскова, въ усадьбѣ Климовича, на Прорѣзной улицѣ (№ 1728—1740) и т. д. Относительно амфоръ, есть данныя, указывающія на то, что онѣ употреблялись для храненія жидкостей и сыпучихъ тѣлъ до начала XV столѣтія; онѣ имѣли форму остродонную и стѣнки весьма толстыя изъ хорошей, отлично обожженной глины, горло довольно широкое и короткое, края котораго соединялись съ выпуклою частью сосуда посредствомъ двухъ короткихъ толстыхъ ушей. Черепки такихъ амфоръ, а иногда, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, и цѣльные сосуды встрѣчаются повсемѣстно на территоріи древней княжеской Руси; изъ многочисленныхъ находокъ подобнаго рода, встрѣтившихся въ чертѣ Кіева, въ университетскомъ музеѣ особенно выдаются двѣ большія цѣльныя амфоры: одна, емкостью около двухъ ведеръ, была найдена въ 1875 г. на Прорѣзной улицѣ въ усадьбѣ г. Тарновскаго (№ 1757), другая, вмѣщавшая отъ 5—6 ведеръ, открыта была въ 1876 году въ усадьбѣ г. Лавровской по Житомирской улицѣ (№ 2272).

Въ университетскомъ музеѣ хранятся довольно численные предметы древности, найденные спорадически въ различныхъ мѣстностяхъ Кіева; чаще всего находки княжескаго времени встрѣчались въ Старомъ Кіевѣ и въ Плоской части вдоль по Кирилловской улицѣ. Всѣ эти предметы представляютъ повтореніе типовъ, описанныхъ раньше и потому мы не станемъ ихъ перечислять; болѣе другихъ интересна группа предметовъ, найденныхъ при планировкѣ площади для постройки нынѣшняго зданія присутственныхъ мѣстъ (№№ 1006—1017); въ числѣ ихъ мы находимъ двустворчатый бронзовый крестъ, три золотыя кіевскія серьги и бронзовый перстень, состоящій изъ двухъ бронзовыхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ.—Затѣмъ обратимъ вниманіе лишь на большой золотой браслетъ, также составленный изъ двухъ скрученныхъ проволокъ, найденный вблизи бывшаго Пустынно-Николаевскаго монастыря (№ 680).

Среди другихъ предметовъ древности княжескаго времени относительно рѣже встрѣчается оружіе, вѣроятно потому, что оно въ разсматриваемое время было исключительно желѣзное и потому въ немногихъ только случаяхъ сохранилось въ сколько-нибудь цѣльномъ видѣ; по большей части въ раскопкахъ встрѣчаются массы перержавленнаго желѣза, которыя ломаются подъ ударами кирки или заступа и добываются въ видѣ желѣзныхъ обломковъ и комковъ безформенной ржавчины, утерявшихъ совершенно свою первоначальную форму. Потому въ музеѣ университета среди большаго количества древностей архитектурныхъ, церковныхъ и бытовыхъ, сдѣланныхъ изъ камня, золота, серебра и бронзы, хранится только небольшая коллекція оружія княжеской эпохи; вотъ важнѣйшіе предметы, входящіе въ ея составъ:

Въ 1838 году на площади Стараго Города (мѣстность точно не опредѣлена) найдена была желѣзная кольчуга и цѣльный желѣзный шишакъ отъ шлема (№ 81); оба предмета входили въ составъ вооруженія въ княжеское время какъ до-христіанское, такъ и христіанское; особенно интересенъ шлемъ: онъ по формѣ совершенно тождественъ съ тѣми экземплярами, которые находимы были въ полянскихъ и сѣверянскихъ могилахъ языческаго времени (напримѣръ, въ черниговскомъ курганѣ, раскопанномъ г. Самоквасовымъ), а также совершенно похожъ на шлемъ в. к. Ярослава Ярославича (XIII ст.), хранящійся въ московской оружейной палатѣ и изданный въ „Древностяхъ Россійскаго государства“. Шлемъ этотъ представляетъ большой, конической формы шишакъ, заканчивающійся вверху небольшимъ тупымъ шпицемъ; отъ шишака спереди спускается внизъ длинная переносица; на нижнемъ краю шишака сохранились желѣзныя ушки, къ которымъ привѣшивалась кольчужная ткань, покрывавшая шею сзади и съ боковъ, а на переносицѣ рядъ отверстій, къ которымъ прикрѣплялись наличники. Но въ кіевскомъ экземплярѣ какъ кольчуга, такъ и наличники не сохранились.

Въ 1870 году въ усадьбѣ, принадлежащей кіевскому товариществу пивоваренного завода, при планировкѣ мѣста у самаго подножія горы найдена была громадная коллективная могила,

вмѣщавшая до 4,000 скелетовъ; несмотря однако на огромное количество покойниковъ, среди костей найдено было ничтожное количество предметовъ: это были маленькіе мраморные крестики, обломки стеклянныхъ браслетовъ, черепки отъ остродонныхъ амфоръ, нѣсколько бронзовыхъ перстней и т. п. Впрочемъ, среди нихъ встрѣтились два экземпляра желѣзныхъ мечей; одинъ изъ нихъ, къ несчастью разломанный, хранится въ университетскомъ музеѣ (№ 1497). Мечъ этотъ длиною въ 20 вершковъ, широкій ($1^1/_4$ вершка), прямой, обоюдоострый съ тяжелою рукоятью (длина ея до 3 вершковъ), сохранилъ слѣды деревянныхъ ноженъ. Подобные мечи составляли постоянную принадлежность славянскаго вооруженія въ княжеское время; ихъ находили въ славянскихъ курганахъ языческаго времени на всей территоріи древней Руси въ княжествахъ: кіевскомъ, переяславскомъ, черниговскомъ, смоленскомъ, ростовскомъ. О мечахъ этихъ сохранились свѣдѣнія и въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ о вооруженіи, которымъ отличались славяне отъ кочевниковъ, носившихъ кривыя сабли. Такъ, въ лѣтописной легендѣ о первомъ столкновеніи полянъ съ хазарами, передается слѣдующій отзывъ хазарскихъ старцевъ о русскихъ мечахъ: „Мы доискахомся оружіемъ одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюдоостро, рѣкше мечи". Потомъ въ разсказѣ объ осадѣ Кіева печенѣгами подъ 968 годомъ лѣтопись передаетъ, что сѣверянскій воевода Претичъ подарилъ печенѣжскому князю мечъ и получилъ отъ него въ замѣнъ въ подарокъ саблю[1]). Впрочемъ, эти широкіе, длинные, обоюдоострые мечи были принадлежностью вооруженія не только русскихъ славянъ; они въ средніе вѣка употреблялись въ западной Европѣ многими германскими народами: франками, алеманами, саксами, англами и скандинавами; мы встрѣтили рисунокъ меча, найденнаго въ Англіи совершенно тождественный съ кіевскимъ экземпляромъ[2]).

Оружіе, чаще всего находимое въ Кіевѣ, это наконечники желѣзныхъ стрѣлъ; нѣсколько экземпляровъ ихъ найдено при раскопкѣ вала у Золотыхъ воротъ (№№ 15—17), другіе при

[1]) Ипатская лѣтопись, стр. 9 и 43.

[2]) Specht—Geschichte der Waffen, т. I, стр. 349—351, таб. X, фиг. 31.

планировкѣ того же вала на Львовской площади (№№ 1432—1433) и у развалинъ церкви св. Ирины (№ 430), а также въ разныхъ мѣстностяхъ Стараго Кіева. Всѣ наконечники стрѣлъ, различные по величинѣ, представляютъ безъ исключенія ромбическую форму, болѣе или менѣе съуженную и вытянутую; среди найденныхъ въ Кіевѣ экземпляровъ мы не встрѣтили ни одного, который бы уклонялся отъ формы ромба.

Наконецъ, въ коллекціи оружія княжеской эпохи въ университетскомъ музеѣ находимъ нѣсколько наконечниковъ копій и одинъ желѣзный боевой топоръ (№ 1723), найденный въ упомянутой выше усадьбѣ г. Агѣева.

В. Антоновичъ.

ДВА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТА КІЕВСКАГО ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при кіевской духовной академіи учрежденъ церковно-арх. музей. За такое сравнительно незначительное время онъ достигъ, можно сказать, цвѣтущаго состоянія. Разнообразныя коллекціи его заключаютъ массу предметовъ. О быстромъ ростѣ музея свидѣтельствуетъ, наприм., то обстоятельство, что указатель музея, составленный въ 1880 г., оказывается неудовлетворяющимъ своему назначенію, т. к. количество предметовъ съ того времени увеличилось слишкомъ въ два раза. Причина такого развитія музея обусловливается какъ дѣятельностью церковно-арх. общества, при которомъ состоитъ музей, такъ и тѣмъ сочувствіемъ публики, какимъ онъ пользуется.

Общество и музей учреждены для разработки церковной археологіи и сохраненія церковныхъ древностей, но т. к. въ Кіевѣ нѣтъ общественнаго музея, гдѣ бы сосредоточивались памятники мѣстной старины, то въ ц.-арх. музей начали стекаться кромѣ церковныхъ и разныя другія древности. Т. о. въ настоящее время въ музеѣ находится масса предметовъ, начиная съ каменнаго вѣка и кончая памятниками новѣйшихъ временъ. Но, конечно, церковный отдѣлъ самый богатый въ музеѣ. Въ этомъ отдѣлѣ большой интересъ представляетъ коллекція крестовъ и образковъ, относящихся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи. Тутъ находятся какъ маленькіе мраморные и бронзовые крестики—тѣльники, очень изящной и оригинальной формы, такъ и большіе бронзовые складные кресты—„энколпіоны“. Эти по-

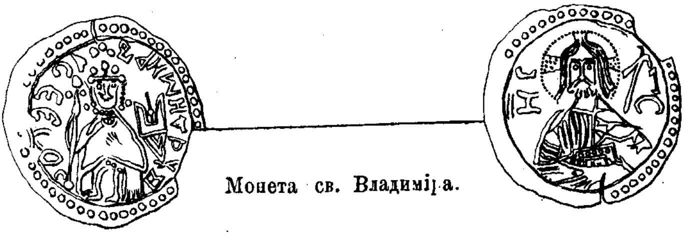
слѣдніе перешли къ намъ изъ Византіи. Они состоятъ изъ двухъ складывающихся половинокъ, между которыми помѣщались, вѣроятно, мощи или амулеты. Въ большинствѣ случаевъ на одной сторонѣ креста находится изображеніе распятія, а на другой Богоматерь. Очень многіе изъ этихъ крестовъ украшены эмалью.

Между образками замѣчательно составленная также изъ двухъ половинокъ очень древняя мѣдная панагія. Она найдена въ д. Феневичахъ радомысльск. у. кіевск. губ.

Изъ другихъ предметовъ, относящихся къ велико-княжеской эпохѣ, большой интересъ представляютъ, хранящіяся въ музеѣ, монета св. Владиміра и древняя висячая печать.

Серебряная монета св. Владиміра очень хорошей сохранности найдена въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими подобными монетами въ 1876 г. на Вознесенскомъ спускѣ въ усадьбѣ Кушнерова. Она пожертвована въ музей членомъ ц.-арх. общ. архитекторомъ Николаевымъ.—На лицевой сторонѣ ея въ ободкѣ изъ бусъ изображена фигура князя во весь ростъ, повидимому сидящаго. Верхняя часть тѣла его несоразмѣрно велика сравнительно съ нижнею. На голову князя надѣта діадема съ крестомъ на верху, отъ нея спускаются на плечи длинныя подвѣски. Князь одѣтъ въ плащъ, застегнутый большою круглою запоною, въ правой рукѣ онъ держитъ жезлъ съ крестомъ на верху, лѣвая рука покоится на груди. Съ лѣвой стороны князя находится неопредѣленная фигура. Вокругъ изображенія снизу на право идетъ надпись: В л а д и м и р ъ а с е е г о с (Владиміръ а се его сребро).

На оборотной сторонѣ монеты также въ ободкѣ изъ бусъ находится почти поясное изображеніе Спасителя. Голову окружаетъ вѣнчикъ изъ точекъ. Въ лѣвой рукѣ Спаситель держитъ евангеліе. По бокамъ головы монограммы: ІС — ХС.

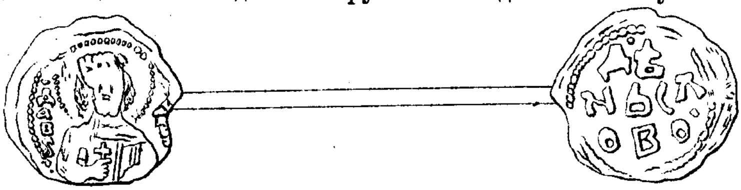


Монета св. Владиміра.

Другая замѣчательная вещь—это свинцовая вислая печать, найденная въ этомъ году въ г. Переяславѣ полт. губ. и пожертвованная музею мѣстнымъ жителемъ Шая Абрамовичемъ Найдисомъ.

Такого рода печати очень рѣдки и ихъ извѣстно только нѣсколько экземпляровъ. Въ настоящей печати на ободкѣ видны отверстія, въ которыя продѣвался шнурокъ для привѣшиванія къ грамотѣ.

На лицевой сторонѣ ея въ ободкѣ изъ бусъ находится погрудное изображеніе святаго, такъ какъ вокругъ головы идетъ кружекъ изъ мелкихъ бусъ. На голову, повидимому, надѣтъ вѣнецъ, по бокамъ ея видны пряди длинныхъ волосъ, святой въ правой рукѣ у груди держитъ четвероконечный крестъ. Съ правой стороны изображенія расположена вертикальная надпись: о д а в ъ (можетъ быть сокращенное Давидъ), причемъ буква ъ вышла наоборотъ. Съ лѣвой стороны также видны слѣды буквъ. На оборотѣ печати въ трехъ строкахъ находится надпись: д ѣ | н ь с л | о в о. Надпись окружена ободкомъ изъ бусъ.



Переяславская вислая печать.

Если эту печать пріурочить Давиду Святославичу, княжившему по сосѣдству съ Переяславомъ въ Черниговѣ (отъ 1097 по 1123), то время ея опредѣлится началомъ XII столѣтія.

Н. Бѣляшевскій.

КЛАДЫ

великокняжеской эпохи, найденные въ Кіевѣ.

Въ исторіи Кіева період X, XI и XII вѣковъ является блестящей эпохой. Въ то время въ Кіевѣ сосредоточивалась жизнь всей русской земли. Причина такого значенія Кіева заключается въ его выгодномъ географическомъ положеніи. Черезъ него проходилъ главный путь въ Константинополь изъ сѣверной и восточной Руси; въ Кіевъ же, ради торговыхъ цѣлей, являлись какъ хитрые византійцы, такъ и мудрые арабы. Слава о Кіевѣ, какъ о богатомъ и обширномъ городѣ, распространилась далеко на западъ и востокъ.

Какъ бы иллюстраціей того славнаго для Кіева времени служатъ богатые клады, находимые въ его почвѣ. Клады эти можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) клады монетные и 2) клады, состоящіе изъ разныхъ вещей, въ большинствѣ случаевъ украшеній. Что касается кладовъ перваго рода, то они представляютъ капиталы, иногда довольно большіе, ввѣренные землѣ, какъ самому надежному банку, гарантированному отъ всякихъ краховъ. Они очень интересны вслѣдствіе того, что, прежде всего, сами въ себѣ заключаютъ указанія на мѣсто своего происхожденія, затѣмъ даютъ точное обозначеніе времени, къ которому относятся.

Всѣ почти монетные клады, относящіеся къ данной эпохѣ, найденные до сихъ поръ въ Кіевѣ,—восточнаго происхожденія. Они состоятъ изъ т. н. куфическихъ монетъ или диргемовъ, привезенныхъ въ Россію изъ арабскихъ халифатовъ. Клады эти по-

падаются на окраинахъ города, тамъ, гдѣ, вѣроятно, въ старину находились дворы иностранныхъ гостей.

Мы знаемъ 5 кладовъ, состоящихъ изъ куфическихъ монетъ.

I. Въ 1706 г., во время постройки Мазепой печерской крѣпости, найдено 2380 монетъ. Изъ нихъ 10 штукъ было послано Петру I, находившемуся тогда въ походѣ. Кладъ этотъ въ послѣдствіи послужилъ основаніемъ нумизматическому кабинету азіатскаго музея Императорской академіи наукъ.

II. Въ 1845 г. возлѣ Кирилловскаго монастыря въ глиняномъ горшкѣ найдено до 200 штукъ мѣдныхъ восточныхъ монетъ. Древнѣйшая изъ нихъ выбита въ Бухарѣ въ 148 г. гиджры (=765 г. нашей эры), а самая новая 651 г. гиджры (=1253 г.) бита также въ Бухарѣ. Рядъ этихъ монетъ обнимаетъ т. о. почти пять столѣтій.

III. При устройствѣ новой крѣпости въ 1851 г. былъ найденъ кладъ также въ глиняномъ сосудѣ. Серебряныхъ куфическихъ монетъ было 2 и 3 тысячи; ихъ разобрали рабочіе, такъ что только 60 штукъ удалось достать нумизмату Савельеву. Онъ ихъ подарилъ музею Императорскаго археологическаго общества. Самая древняя изъ нихъ—154 г. (=771) бита въ Багдадѣ, а новѣйшія, битыя въ Самаркандѣ и Балхѣ, относятся къ 293 г. (=905 или 906 г.).

IV. Въ томъ же году на уступѣ горы, склоняющейся къ Днѣпру, найдено 25 серебряныхъ куфическихъ монетъ. Онѣ пожертвованы кіевскимъ губернаторомъ Фундуклеемъ въ мюнцъкабинетъ университета св. Владиміра.

V. 27 октября 1863 г. возлѣ Іорданской церкви (въ Плоской части) на горномъ кладбищѣ найденъ кладъ, состоявшій изъ сереб. куфическихъ монетъ, двухъ сереб. перстней, сереб. привѣски и куска сереб. проволоки. Кладъ находился на 2-хъ арш. глубинѣ въ глиняномъ сосудѣ. Одна монета изъ этого клада пріобрѣтена Имп. эрмитажемъ, а 191 университетомъ св. Владиміра. Крайніе годы этихъ монетъ—282 и 318 гиджры, что соотвѣтствуетъ 895 и 930 гг. нашей эры.

Страненъ тотъ фактъ, что, несмотря на наши частыя сношенія съ Византіей, сначала имѣвшія враждебный характеръ,

а послѣ принятія христіанства—мирный, въ Кіевѣ до сихъ поръ не найдено ни одного клада византійскихъ монетъ. Случались только находки единичныхъ экземпляровъ.

Особое мѣсто въ ряду другихъ монетныхъ кладовъ занимаетъ кладъ, найденный въ 1876 г. на Вознесенскомъ спускѣ въ усадьбѣ мѣщанина Кушнерова. Онъ состоялъ изъ серебряныхъ монетъ, приписываемыхъ св. Владиміру. Монеты эти т. н. кіевскаго типа, т. е. съ изображеніемъ на одной сторонѣ фигуры великаго князя, а на другой Спасителя. Онѣ были найдены при снесеніи горы подъ постройки, въ черноземѣ, на глубинѣ около двухъ аршинъ. Лежали онѣ прямо въ землѣ, завернутыя въ вышитое полотенце, истлѣвшіе куски котораго были вырыты вмѣстѣ съ монетами. Монеты были слиты въ одинъ комъ и попытки находчиковъ отдѣлить одну отъ другой кончились неудачей. При этихъ попыткахъ много монетъ было изломано и брошено. Только тогда удалось разъединить монеты, когда ихъ положили въ нашатырный спиртъ. Всѣхъ монетъ оказалось около 120 штукъ. Большинство изъ нихъ разбрелось по рукамъ любителей и только нѣсколько экземпляровъ находится въ нумизматическомъ кабинетѣ университета св. Владиміра и въ музеѣ при кіевской духовной академіи.

Переходя теперь къ кладамъ не монетнымъ, нужно замѣтить, что они попадаются исключительно на старо-кіевской возвышенности, тамъ, гдѣ собственно находился древній *городъ*. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна сѣверо-восточная часть Стараго Кіева, такъ какъ здѣсь находился княжескій дворецъ и главная святыня города—Десятинная церковь; здѣсь же, по всей вѣроятности, сосредоточивались жилища богатыхъ и знатныхъ людей города. Тутъ положительно съ каждымъ ударомъ лопаты появляются на свѣтъ Божій все новые и новые памятники глубокой старины. Не говоря уже о многочисленныхъ находкахъ различныхъ единичныхъ предметовъ, въ этой мѣстности найдено также нѣсколько кладовъ, отличающихся разнообразіемъ и цѣнностью вещей. Вотъ описаніе наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ кладовъ.

I[1]). 25 мая 1824 г. кіевскій мѣщанинъ Василій Харщевскій поднимался утромъ по тропинкѣ въ гору къ Михайловскому монастырю. Вблизи монастырской ограды онъ случайно наступилъ на выдавшійся изъ впадины красный кирпичъ. Кирпичъ разломился и подъ нимъ оказался конусообразный сосудъ изъ красной глины 9-ти вершковъ высоты, накрытый покрышкой. Въ сосудѣ сверху лежала истлѣвшая парчевая матерія, а подъ ней находились слѣд. золотыя и серебряныя вещи:

1) Серебряная чаша на низкой подножкѣ съ выпуклыми изображеніями по сторонамъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и Іоанна Златоустаго. На ободкѣ чаши находится греческая надпись: „пійте отъ нея вси" и т. д. На чашѣ сохранились слѣды позолоты. Вѣсу въ ней 68 золот.

2) Серебряный дискосъ безъ подножки, въ видѣ тарелки, $4^2/_3$ верш. въ поперечникѣ. По краямъ дискоса также находится греческая надпись: „ядите, сіе есть тѣло мое" и т. д. Въ срединѣ изображеніе Божіей Матери. Вѣсу 25 золот.

3) Круглый золотой медальонъ въ родѣ архіерейской панагіи съ выпуклымъ эмалевымъ изображеніемъ Спасителя. Медальонъ украшенъ 10 рубинами и бирюзами. По ободку его шла нитка жемчуга. Вѣсу $12^3/_4$ золот.

4) Другой такой же золотой медальонъ, немного поменьше. На немъ эмалью изображенъ ликъ неизвѣстнаго святаго или мученика съ четвероконечнымъ крестомъ и щитомъ. Вѣсу $9^1/_2$ зол.

5) Мраморный равносторонній крестикъ, величиной около 1 верш., съ золотыми эмальированными накладками по угламъ.

6) Двѣ круглыя серебряныя серьги или подвѣски, имѣющія 1 верш. въ поперечникѣ. Онѣ густо вызолочены, выпуклы на обѣ стороны и въ срединѣ пусты; къ каждой придѣлано кольцо для привѣшиванія. На выпуклыхъ сторонахъ ихъ разноцвѣтной эмалью изображены крылатые грифоны. По ободкамъ онѣ были украшены жемчугомъ, уже осыпавшимся. Вѣсу въ обѣихъ 14 золот.

---

[1]) Описанія этого клада помѣщены въ Зап. и Труд. Общ. Ист. и Древн. ч. III, кн. 1. 1826 г., стр. 152 и въ Ж. М. Н. П. 1836 г. ч. XII, стр. 275.

7) 8 золотыхъ полуколецъ сканной работы, украшенныхъ негранеными камнями. Онѣ составляли, можетъ быть головную повязку.

8) 25 золотыхъ привѣсокъ филигранной работы. Большинство ихъ разломано, цѣлыя же имѣютъ по угламъ грушевидныя подвѣсочки и украшены жемчугомъ и камнями.

9) Золотая треугольная пластинка съ пестрой эмалью.

10) 20 тонкихъ серебряныхъ ажурныхъ пластинокъ, съ одной стороны вызолоченныхъ. Онѣ, вѣроятно, были нашиты на матерію.

Всѣ эти вещи хранятся въ Имп. эрмитажѣ.

II [1]). Въ 1827 г. въ августѣ, на Старомъ Кіевѣ, по Львовской ул. возлѣ Срѣтенской церкви, при копаніи погреба въ усадьбѣ Августиновича, найдены въ мѣдномъ, проѣденномъ ржой, сосудѣ слѣд. вещи:

1) Четыре пары золотыхъ дутыхъ серегъ. Изъ нихъ двѣ цѣлыя, вѣсомъ $12^1/_2$ золот., а отъ двухъ другихъ обломки въ $3^1/_8$ золот. Золото 60 пробы.

2) Дутая золотая цѣпочка, въ видѣ мониста, состоящая изъ 23 звеньевъ, вѣсу $16^1/_8$ золот.; 60 пробы.

3) Кусочекъ тонкой цѣпочки въ $^1/_4$ золот. вѣсомъ; 74 пробы.

4) 11 золотыхъ крючковъ, $14^1/_4$ золот. вѣсомъ; 74 пробы. На днѣ складня нашлость также немного вывѣтрившагося жемчуга.

III. Возлѣ Десятинной церкви на углу Десятинной и Владимірской улицъ въ д. Масютина въ 1872 г. найденъ кладъ въ глиняномъ горшкѣ. Кладъ этотъ хранится въ музеѣ древностей университета св. Владиміра за №№ 1668—1725.

IV. Въ той же мѣстности, въ усадьбѣ Лѣскова на углу Большой Владимірской у. и Десятиннаго переулка, въ 1876 г., найдены вещи въ двухъ сосудахъ, мѣдномъ и глиняномъ. Глиняный былъ разбитъ рабочими, похитившими 14 череб. шестиугольныхъ слитковъ т. н. кіевскихъ гривенъ. Мѣдный сосудъ въ видѣ ведерка, 4-хъ вершк. вышины, съ узкимъ цилиндрическимъ горлышкомъ. Кладъ этотъ вмѣстѣ съ сосудомъ поступилъ въ

---

[1]) Описаніе этого клада помѣщено въ Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XII, стр. 278.

музей древностей унив. св. Владиміра, гдѣ и хранится за №№ 2320—2335.

V. Въ 1885 г. на востокъ отъ Софійскаго собора, приблизительно въ 12 саж. отъ ограды, въ усадьбѣ М. С. Есикорскаго, находящейся въ Троицкомъ (Рыльскомъ) переулкѣ, 16 апрѣля, при очисткѣ мѣста для фундамента подъ домъ, рабочими найденъ кладъ. Кладъ находился въ глиняномъ горшкѣ обыкновенной формы, послѣдній былъ накрытъ другимъ, болѣе древняго вида. Въ кладѣ находилось 9 серебр. кіевскихъ гривенъ и слѣд. вещи:

1) Двѣ золотыя серьги, или подвѣски; онѣ состоятъ изъ двухъ выпуклыхъ пластинокъ въ 1 верш. діаметромъ. Вверху серегъ у замка—выемка. На одной изъ сторонъ разноцвѣтной эмалью изображены двѣ сирены, между которыми въ срединѣ кружекъ съ орнаментами; на другой сторонѣ, по срединѣ серьги, розетка въ видѣ креста съ загнутыми концами; по бокамъ—эмалевые орнаменты въ видѣ сегментовъ.

2) Пара серебряныхъ серегъ, похожихъ на первыя, ободки серегъ въ видѣ аркады, филигранной работы. На одной сторонѣ по срединѣ серьги въ отдѣльномъ медальонѣ находится изображеніе двухъ грифоновъ; на другой—орнаментъ изъ круглыхъ линій въ такомъ же медальонѣ.

3) 30 золотыхъ серегъ, каждая съ тремя шипами,

4) 30 такихъ же серебряныхъ серегъ.

5) 12 золотыхъ колецъ изъ проволоки безъ спайки.

6) 2 такихъ же серебряныхъ кольца.

7) Золотое кольцо съ круглымъ розовымъ стекломъ.

8) Золотое кольцо въ видѣ ленточки, безъ спайки.

9) Серебряный перстень съ изображеніемъ льва, идущаго направо, въ четыреугольникѣ, украшенномъ орнаментами.

10) Серебряный перстень, щитъ котораго, въ видѣ четыреугольника, поддерживается двумя рѣзными головками и 4 лапками; на щитѣ въ ромбѣ изображена фигура, состоящая изъ продольной прямой линіи, двухъ поперечныхъ, образующихъ на концахъ продольной линіи какъ бы два креста, и линіи въ видѣ буквы S, пересѣкающей продольную въ косомъ направленіи.

11) 5 серебряныхъ перстней съ изображеніями равносторонняго креста разнообразной формы.

12) 57 дутыхъ штампованныхъ продолговатыхъ палочекъ, составлявшихъ ожерелье; въ каждой находится по 3 отверстія, въ которыя продѣвались нитки.

13) Большая серебряная шейная гривна изъ витой толстои проволки, перевитой тонкой двойной серебряной ниткой; концы сплюснуты и оканчиваются завитками, служившими для скрѣпы.

14) Три серебряные витые браслета; концы ихъ имѣютъ видъ приплюснутыхъ змѣиныхъ головокъ, украшенныхъ черныо.

15) Два желѣзныхъ заржавленныхъ предмета въ родѣ замковъ.

16) Куски серебряныхъ украшеній, какъ бы отъ ноженъ маленькаго кинжала, восточной работы.

Вмѣстѣ съ вещами находились куски истлѣвшей ткани, затканной металлическими нитками; на нихъ замѣтны слѣды узоровъ; нашелся также кусочекъ съ признаками мѣха.

Всѣ вещи находятся въ Имп. эрмитажѣ.

VI. Осенью 1878 г. въ Михайловскомъ монастырѣ производились работы по устройству отопленія въ главной церкви. При этихъ работахъ былъ найденъ кладъ изъ различныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ. Кладъ былъ вынутъ вполнѣ цѣлымъ; онъ находился въ глиняномъ сосудѣ и заключался въ золотыхъ вещахъ, составлявшихъ головной уборъ женщины. Кромѣ вещей, уже встрѣчавшихся въ прежде найденныхъ кладахъ, какъ напр. двухъ подвѣсокъ съ эмалевыми изображеніями сиренъ и головной повязки изъ 20 золотыхъ дужекъ, въ немъ находилось также нѣсколько новыхъ предметовъ. Большой интересъ представляетъ кубикъ или ковчежецъ изъ золотыхъ пластинокъ высотой въ $4^1/_2$ сант. съ золотыми плетеными проволоками. Онъ могъ висѣть на груди или прикрѣплялся на головномъ уборѣ. Затѣмъ замѣчательны также два ряда золотыхъ пластинокъ съ эмалью—онѣ могли служить подвѣсками къ головной повязкѣ и ниспадали на плечи. Кладъ этотъ поступилъ въ Имп. эрмитажъ.

Изъ выше приведенныхъ описаній кладовъ видно, что они состояли изъ предметовъ постояннаго употребленія. Поэтому,

владѣльцы вынуждены были спрятать ихъ только въ виду явной опасности. Это могло быть какъ при нападеніяхъ на Кіевъ русскихъ князей, такъ въ особенности при нашествіи Батыя. Что касается происхожденія вещей, то вліяніе Византіи несомнѣнно; нѣкоторыя вещи можно назвать вполнѣ греческими. Но за то большинство другихъ по оригинальной формѣ, рисункамъ, на нихъ изображеннымъ, и по своему назначенію были результатомъ требованій древне-русскаго вкуса. Это потверждается также отсутствіемъ находокъ аналогичныхъ вещей въ самой Византіи. Сначала, конечно, производство этихъ предметовъ находилось въ рукахъ византійцевъ, но впослѣдствіи могло быть унаслѣдовано и русскими мастерами. Всѣ вещи отличаются изяществомъ формъ и художественной работой, что указываетъ на развитость вкуса. Вообще клады, найденные въ Кіевѣ, взятые въ совокупности, представляютъ обильный неразработанный еще матеріалъ для исторіи культуры нашихъ предковъ.

Н. Бѣляшевскій.

Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Памятникъ Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.

Памятникъ Богдану Хмельницкому.

(Историческій очеркъ его сооруженія) [1].

Мысль о сооруженіи памятника освободителю Малороссіи возникла почти одновременно съ возбужденіемъ вниманія къ южнорусской старинѣ въ кружкѣ кіевскихъ ученыхъ, виднымъ представителемъ котораго въ 40—50-хъ годахъ былъ профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ. Въ дружеской перепискѣ его съ М. П. Погодинымъ о Богданѣ Хмельницкомъ, печатавшейся въ издаваемомъ имъ же въ 1859 г. альманахѣ „Украинецъ", находится слѣдующее мѣсто: „Когда въ виду московскаго Кремля любуюсь я великолѣпнымъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, то всегда говорю себѣ: зачѣмъ же и до сихъ поръ нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Переяславѣ подобнаго памятника Освободителю Малороссіи отъ того же самаго ига, тяготѣвшаго надъ нею еще болѣе и долѣе, чѣмъ надъ Москвою! И если уже не попеклись объ этомъ Разумовскіе, Завадовскіе, Безбородьки, Трощинскіе и другіе малороссіяне, то хоть бы вы, великороссіяне, вздумали наконецъ выплатить этотъ долгъ своей благодарной памяти славному гетману, руками котораго вся Малороссія, восточная и западная, оторвалась отъ Рѣчи Посполитой польской и примкнула къ Москвѣ, въ общій составъ русскаго міра".

Мысль эту Максимовичъ неоднократно повторялъ въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ исторіи Малороссіи. Ее вполнѣ раздѣ-

---

[1] Очеркъ этотъ составленъ Комитетомъ по сооруженію памятника на основаніи имѣющихся у него документальныхъ свѣдѣній.—*Ред.*

лялъ ученый другъ его, бывшій тогда ректоромъ кіевской духовной академіи, Иннокентій (Борисовъ), впослѣдствіи архіепископъ херсонскій, и другіе ученые кіевляне, группировавшіеся въ новоучрежденной тогда въ Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Но мысль эта, по перемѣщеніи Иннокентія изъ Кіева въ Вологду и по выходѣ въ отставку Максимовича, замолкла и какъ бы угасла, пока новыя обстоятельства опять не разбудили ее.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ обнаружились польско-шляхетскія притязанія, которыя выразились и въ обвиненіяхъ противъ кіевской археографической коммиссіи, будто искажающей и поддѣлывающей въ своихъ интересахъ издаваемые ею историческіе акты, и въ жалобахъ на беззащитность поляковъ, лишенныхъ цензурой свободы изобличать эти поддѣлки. Чтобы дать отпоръ этимъ нападкамъ, предсѣдатель коммиссіи счелъ справедливымъ открыть всѣмъ желающимъ свободный доступъ въ центральный архивъ для повѣрки печатныхъ документовъ посредствомъ сличенія ихъ съ подлинниками въ актовыхъ книгахъ, чѣмъ нѣкоторые успѣли воспользоваться лишь для того, чтобы, всплеснувъ руками, восклицать въ изумленіи „Boże! tego ja nie mysliał!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ полякамъ свою помощь для борьбы съ цензурою и для печатанія ихъ статей въ русскихъ журналахъ, съ однимъ условіемъ—соблюдать въ нихъ внѣшнее приличіе. Кромѣ того, онъ самъ помѣстилъ двѣ статьи по русско-польскому вопросу съ своею подписью въ заграничной газетѣ „Le Nord“. Этихъ двухъ статей не могли перенести противники и заставили умнаго своего литератора М. Грабовскаго написать на нихъ возраженіе. Грабовскій не желалъ открытой полемики, но, уступая общему требованію, „à son corps défendant“, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, составилъ статью на французскомъ языкѣ, но въ такомъ смыслѣ, чтобы она никакъ не могла быть пропущена цензурой, и передалъ ее предсѣдателю коммиссіи для напечатанія по его усмотрѣнію, согласно данному имъ обѣщанію. Послѣдній нашелъ однакожъ путь провести ее мимо цензуры и исходатайствовать при этомъ Высочайшее разрѣшеніе не только напечатать эту статью безъ всякой перемѣны, но и предоставить полякамъ право печатно защищаться и вести полемику. Статья Грабовскаго была

напечатана въ московской газетѣ „День“ безъ всякихъ пропусковъ и перемѣнъ, въ самомъ точномъ и превосходномъ переводѣ, какъ признавалъ самъ авторъ. Въ ней онъ приравнялъ Богдана къ Пугачеву. Автору было замѣчено словесно, что такое приравниванiе его очень неудачно, такъ какъ русская царица держала Пугачева въ желѣзной клѣткѣ на показъ народу, а польскiй король посылалъ къ Хмельницкому пословъ съ дарами. Въ печатномъ же ему отвѣтѣ предсѣдатель коммиссiи выразился такъ: „Нѣтъ, г. Грабовскiй! Историческое мѣсто Хмельницкаго не то, которое вы ему указываете: его мѣсто—на Софiйской площади Кiева, на бронзовомъ конѣ въ доспѣхахъ вождя народнаго, указывающаго мечомъ на востокъ и этимъ движенiемъ руки рѣшающаго судьбу Польши. Вы намъ напомнили про долгъ, оставшiйся у Богдана за Россiею, и мы вамъ за это искренно благодарны“.

Такъ было пробудилась уснувшая мысль о памятникѣ народному южно-русскому герою.

Сооруженiе памятника осуществлялось медленно, но настойчиво. Началось оно съ того, что предсѣдатель коммиссiи, которой были ввѣрены интересы мѣстной исторiи, счелъ себя въ правѣ подготовить предварительно почву для этого патрiотическаго дѣла и обратился непосредственно къ художнику Микѣшину, который въ то время занимался у насъ спецiально сооруженiемъ монументовъ, съ вопросомъ: не пожелаетъ ли онъ заняться изготовленiемъ проекта памятника Хмельницкому въ Кiевѣ, какъ освободителю русской вѣры и народности отъ чуждаго ига и какъ возстановителю единства русской земли? Г. Микѣшинъ не только принялъ на себя эту задачу, но и самъ прибылъ въ Кiевъ, гдѣ и набросалъ первоначальный эскизъ памятника, оставивъ этотъ рисунокъ на память г. Юзефовичу. Было условлено, чтобъ въ Петербургѣ художникъ занялся окончательной обработкой своего проекта въ большомъ размѣрѣ и постарался, если возможно, довести о своей работѣ до свѣдѣнiя Государя, что и было имъ исполнено очень удачно, и въ 1869 г. проектъ г. Микѣшина былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденiя.

По полученіи о томъ извѣстія, кіевскій генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ испросилъ 16 янв. 1870 г. Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки на сооруженіе въ Кіевѣ памятника Б. Хмельницкому, и одновременно съ тѣмъ министромъ финансовъ сдѣлано было распоряженіе о пріемѣ всѣми губернскими и уѣздными казначействами поступающихъ пожертвованій и отсылкѣ ихъ въ главное госуд. казначейство для храненія.

По проекту г. Микѣшина, памятникъ имѣлъ бы слѣдующій видъ: „конная статуя гетмана (приводимъ подлинное описаніе самого автора проекта) изображена взлетѣвшею на верхъ необдѣланной гранитной скалы. Въ правой, высоко поднятой рукѣ его—булава, которою онъ указываетъ по направленію къ сѣверо-востоку, т. е. къ Москвѣ. Лѣвой рукой онъ крѣпко осадилъ своего дикаго коня. Подъ копытами лошади распростертъ трупъ іезуита, покрытый изорваннымъ польскимъ знаменемъ; тутъ же и обрывки разорванныхъ цѣпей. На пути Хмельницкаго, за конемъ его, помѣщается сброшенная копытомъ коня, падающая со скалы фигура польскаго пана. Еще ниже—трупъ еврея—арендатора, руки котораго судорожно закостенѣли на просфорахъ, пасхахъ и награбленной имъ церковной утвари". Эти три фигуры, по мысли автора проекта, должны были „наглядно изображать три недуга, противъ которыхъ боролся Хмельницкій на Украинѣ и которые послужили гибелью для политическаго существованія Польши".—Гранитная скала эта, со всѣми названными фигурами, стоитъ на четырехъ-гранномъ конической формы пьедесталѣ изъ кіевскаго лабрадора, а ниже къ землѣ идутъ гранитныя ступени. На трехъ сторонахъ пьедестала—три бронзовыхъ барельефа: 1) Збаражская битва; 2) Переяславская рада и 3) торжественная встрѣча гетмана-освободителя въ Кіевѣ, у Софійскаго храма, духовенствомъ и народомъ. На переднемъ фасѣ памятника, ниже Хмельницкаго, имѣла быть помѣщена группа изъ пяти фигуръ: въ центрѣ ея, подъ навѣсомъ скалы, сидитъ малороссійскій „кобзарь", поющій славу народному герою, а его задумчиво слушаютъ—съ одной стороны великороссъ и бѣлоруссъ, а съ другой—малороссъ и червоноруссъ. Надъ ними,

на скалѣ, ниже конной статуи, надпись: „Единая недѣлимая Россія гетману Богдану Хмельницкому". Подъ фигурой же кобзаря на пьедесталѣ надпись изъ народной думы временъ Хмельницкаго:

„Та не буде лучше, та не буде краще,
Якъ у насъ на Вкраини—
Що немае жида, що немае ляха,
Не буде й унiи"!

Въ маѣ 1870 г при управленiи кiевскаго генералъ-губернатора былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ М. В. Юзефовича, особый комитетъ, въ составъ котораго первоначально вошли слѣдующiя лица: М. А. Максимовичъ, протоiерей П. Г. Лебединцевъ, Н. А. Ригельманъ, А. Ѳ. Воронинъ, бывшiй тогда директоръ 2-й гимназiи И. И. Слѣпушкинъ и инспекторъ—И. О. Самчевскiй, проф. В. Б. Антоновичъ и дѣлопроизводитель археографической коммиссiи К. Е. Козловскiй. Комитету было поручено: а) приглашать публику и отдѣльныя вѣдомства и учрежденiя къ пожертвованiямъ на памятникъ; б) озаботиться составленiемъ исторической записки о значенiи Б. Хмельницкаго въ русской исторiи, и в) избрать въ Кiевѣ мѣсто для постановки памятника. Черезъ два мѣсяца была напечатана въ 50,000 экземпляровъ составленная предсѣдателемъ краткая записка о значенiи Хмельницкаго, съ воззванiемъ ко всему „русскому земству" о пожертвованiяхъ на памятникъ „тому, кто возвратилъ русскому народу кiевскую святыню, кто спасъ, можетъ быть, православiе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданiю всея Россiи". Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ обратился циркулярно съ просьбою о содѣйствiи въ сборѣ пожертвованiй къ епархiальнымъ архiереямъ, къ губернаторамъ, попечителямъ учебныхъ округовъ, къ предводителямъ дворянства, къ городскимъ головамъ, начальникамъ военныхъ округовъ, въ земскiя управы, въ присутствiя по крестьянскимъ дѣламъ и другiя учрежденiя, а также въ редакцiи газетъ и журналовъ и ко многимъ отдѣльнымъ лицамъ, на участiе которыхъ можно было особенно разсчитывать [1]).

---

[1]) Вотъ краткiя свѣдѣнiя о денежныхъ сборахъ на сооруженiе памятника Хмельницкому. Подробный отчетъ по этому предмету Комитетъ опубликуетъ впослѣдствiи, по совершенномъ окончанiи памятника и по заключенiи всѣхъ разсчетовъ.

Въ сентябрѣ того же года рѣшенъ былъ и вопросъ о мѣстѣ постановки памятника. Вопросъ этотъ въ кіевскомъ обществѣ породилъ самыя разнообразныя мнѣнія, находившія выраженіе отчасти и въ мѣстныхъ газетахъ. Одни совѣтовали поставить памятникъ на площади противъ университета, другіе хотѣли видѣть его въ скверѣ у Золотыхъ воротъ или противъ театра; третьи—на Бессарабской площади, благодаря чему площадь эта слыла нѣкоторое время подъ именемъ „площади Б. Хмельницкаго". Комитетъ призналъ наиболѣе соотвѣтствующимъ мѣстомъ для памятника площадь передъ Софійскимъ соборомъ, руководствуясь историческимъ соображеніемъ, что у стѣнъ этого храма—хотя не въ этомъ именно мѣстѣ, а со стороны Золотыхъ воротъ—27 декабря 1648 г. происходила торжественная встрѣча Хмельницкаго кіевлянами,—а равно и тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что эта площадь наиболѣе посѣщается богомольцами, приходящими на поклоненіе святынямъ стараго города.

Лѣтомъ 1872 года получена была въ Кіевѣ изготовленная г. Микѣшинымъ бронзовая модель памятника и выставлена для публичнаго осмотра въ одной изъ дворцовыхъ залъ. При ближайшемъ и, такъ сказать, наглядномъ и непосредственномъ ознакомленіи членовъ комитета съ видомъ будущаго памятника многіе изъ нихъ остались не вполнѣ довольными проектомъ г. Микѣшина и высказывали желаніе измѣнить нѣкоторыя его детали. Особенно не понравились фигуры ксендза, растоптаннаго лошадью, пана, сброшеннаго ею верхъ ногами, и трупъ еврея. Одни находили эти фигуры по меньшей мѣрѣ излишними, безъ нужды лишь увеличивающими стоимость памятника на весьма значительную сумму; другіе же признавали ихъ совершенно неумѣстными, могущими вредить художественному впечатлѣнію монумента, и настаивали на ихъ удаленіи. Хотя мнѣніе это раздѣ-

---

Общее количество денежныхъ суммъ, собранныхъ на памятникъ какъ путемъ добровольныхъ пожертвованій, такъ равно и путемъ процентнаго ихъ приращенія, составляетъ сумму около 44-хъ тысячъ рублей; количество суммъ, израсходованныхъ на сооруженіе памятника, достигаетъ той же цыфры. Сверхъ того въ 1886 г. изъ государственныхъ источниковъ была отпущена сумма въ 12000 рублей, которая пока еще не вся израсходована.

лялъ и бывшій тогда генералъ-губернаторъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, но такъ какъ проектъ памятника еще ранѣе удостоился Высочайшаго одобренія, то комитетъ былъ уже не въ правѣ проектировать въ немъ какія-либо существенныя измѣненія, тѣмъ болѣе, что на это рѣшительно не хотѣлъ согласиться авторъ проекта.

Между тѣмъ осенью того же года прибылъ въ Кіевъ художникъ Микѣшинъ и представилъ комитету составленную имъ смѣту стоимости художественныхъ и бронзовыхъ работъ по изготовленію памятника на сумму 145,200 рублей, не считая металла. Это колоссальная цыфра сильно озадачила членовъ комитета: такой значительной суммы они ни въ какомъ случаѣ не могли надѣяться собрать путемъ добровольныхъ пожертвованій. Въ виду этого г. Микѣшинъ заявилъ, что, „желая съ своей стороны содѣйствовать скорѣйшему осуществленію патріотическаго дѣла“, онъ рѣшается сдѣлать сбавку въ 49,500 рублей изъ смѣтной суммы и готовъ принять на себя изготовленіе всѣхъ художественныхъ и бронзовыхъ работъ за сумму въ 95,700 рублей, не включая стоимости металла и каменныхъ работъ. За это патріотическое пожертвованіе г. Микѣшинъ, по представленію генералъ-губернатора, награжденъ былъ впослѣдствіи земельнымъ участкомъ въ тысячу десятинъ въ екатериносл. губ.

Въ февралѣ 1873 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ складовъ морскаго вѣдомства 1600 пудовъ лома зеленой мѣди для отливки фигуръ къ памятнику Хмельницкаго [1]); въ то же время по справкѣ, полученной изъ главнаго госуд. казначейства, оказалось, что общая сумма сбора достигла къ тому времени до 25 тысячъ рублей. Въ виду этого признано было возможнымъ приступить къ изготовленію если не цѣлаго монумента, то по крайней мѣрѣ главной его части, т. е. конной статуи гетмана. Получивъ на то разрѣшеніе со стороны министра внутр. дѣлъ, комитетъ 4 іюля 1873 г. заключилъ съ г. Микѣшинымъ контрактъ на изготовленіе конной статуи памятника на

¹) Къ сожалѣнію, этимъ металломъ комитетъ не могъ воспользоваться по причинамъ, зависѣвшимъ исключительно отъ г. Микѣшина.

слѣдующихъ условіяхъ: за художественную часть труда, т. е. лѣпку въ глинѣ, формовку, отливку и расчистку скульптурныхъ оригиналовъ въ гипсѣ г. Микѣшинъ имѣлъ получить—за конную статую 6000 рублей и за фигуру іезуита, лежащую подъ конемъ, 2000 р., да сверхъ того за отливку всей группы изъ отпущеннаго на то казеннаго металла 15000 р., а всего—23000 р. Срокомъ окончанія заказа назначено было 1 мая 1875 года.

Для руководства художнику данъ былъ хорошій портретъ Хмельницкаго, а извѣстный археологъ и знатокъ стариннаго южно-русскаго быта проф. В. Б. Антоновичъ снабдилъ его подробными указаніями относительно костюма и вооруженія гетмана. Въ томъ же году г. Микѣшинъ приступилъ къ работамъ въ мастерской адмиралтейства, гдѣ онъ въ то время исполнялъ художественные заказы для морскаго вѣдомства. Работы эти значительно подвинулись уже впередъ, когда въ августѣ 1874 г. послѣдовалъ со стороны временно-управляющаго морскимъ министерствомъ приказъ немедленно очистить помѣщеніе въ адмиралтействѣ. Тогда г. Микѣшинъ перенесъ свою мастерскую въ манежъ, принадлежащій вѣдомству путей сообщенія, но черезъ мѣсяцъ вынужденъ былъ оставить и это помѣщеніе и заняться постройкой собственной мастерской. Всѣ эти обстоятельства отчасти служили причиною значительнаго замедленія въ окончаніи заказа, такъ что гипсовые оригиналы статуи были сданы г. Микѣшинымъ на заводъ для отливки лишь весною 1878 года. 3-го мая состоялся Высочайшій осмотръ этихъ оригиналовъ, при чемъ послѣдовало повелѣніе Государя, чтобы лежащая подъ ногами лошади Хмельницкаго фигура іезуита была совершенно снята и уничтожена, вмѣстѣ съ покрывающимъ ее польскимъ знаменемъ, и чтобы памятникъ состоялъ только изъ одной конной статуи Хмельницкаго. Въ такомъ видѣ статуя была отлита въ Петербургѣ на заводѣ Дж. Берда, заключившаго о томъ контрактъ не съ г. Микѣшинымъ, а непосредственно съ комитетомъ, при чемъ ему было уплочено по 30 рублей съ пуда за отливку вмѣстѣ съ металломъ, тогда какъ въ контрактѣ съ г. Микѣшинымъ эта сумма была выговорена лишь за одну отливку. Въ августѣ 1880 г. статуя была отлита и доставлена въ Кіевъ. При этомъ за про-

возъ ея по Николаевской желѣзн. дорогѣ взята была плата лишь въ половинномъ размѣрѣ, а правленія обществъ московско-курской и курско-кіевской жел. дорогъ согласились на безплатную перевозку.

Теперь комитету предстояло рѣшить важный вопросъ: какъ поступить далѣе съ конной статуей памятника? Когда въ 1873 г. она была заказываема, то предполагалось, что по мѣрѣ поступленія новыхъ пожертвованій будутъ изготовляемы постепенно и остальныя фигуры и части памятника. Но случилось такъ, что съ 1875 г. поступленіе жертвованій значительно уменьшилось, а скоро и совсѣмъ почти прекратилось. Наступилъ за тѣмъ самарскій голодъ, герцоговинское и болгарское возстаніе, сербская война и, наконецъ, русско-турецкая война 1877—78 гг. Все это были такія событія, которыя исключительно приковывали къ себѣ вниманіе русскаго общества и безпрестанно требовали отъ него громадныхъ матеріальныхъ жертвъ. Не удивительно, что подписка на памятникъ Б. Хмельницкому была почти забыта въ это тревожное время, и комитетъ остался лишь при тѣхъ средствахъ, какія были собраны въ предшествовавшіе годы. А этихъ средствъ было достаточно лишь на изготовленіе верхней группы памятника, да еще, пожалуй, на устройство недорогаго постамента къ ней. Нельзя же было сдать ее куда-либо на храненіе впредь до того времени, пока новый сборъ пожертвованій составитъ сумму, достаточную для окончанія остальныхъ частей памятника. Да и кто могъ сказать, скоро ли наступятъ времена, благопріятныя для возобновленія подписки, въ виду начавшагося тогда въ Россіи экономическаго кризиса. Притомъ же, статуя, доставленная съ завода въ отдѣльныхъ частяхъ, могла быть окончательно собрана, спаяна и расчищена только на своемъ постоянномъ мѣстѣ; безъ того работа осталась бы неоконченною. Поэтому признано было необходимымъ поставить статую на опредѣленное ей мѣсто, т. е. на каменномъ постаментѣ, возведенномъ въ надлежащую высоту. Но такъ какъ оставить статую на голомъ каменномъ столбѣ было бы безобразно, то комитетъ пришелъ къ мысли временно устроить какой-либо недорогой постаментъ, который впослѣдствіи могъ бы быть замѣненъ настоящимъ, сообразно первоначальному плану.

Было предложено нѣсколько проектовъ подобнаго временнаго постамента. Первый проэктъ въ особенности заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности.—Предположено было обсыпать постаментъ памятника землею, облицевать дерномъ и придать ему такимъ образомъ видъ кургана, въ родѣ тѣхъ „высокихъ могилъ"—нѣмыхъ свидѣтелей подвиговъ и славы козацкой, какими въ изобиліи усѣяны поля Украины. Проектъ этотъ, удостоенный 7 марта 1880 г. одобренія со стороны покойнаго Государя, при ближайшемъ разсмотрѣніи техниками-спеціалистами, признанъ былъ, однако, неудобнымъ по своей непрочности, и взамѣнъ его составленъ былъ однимъ изъ членовъ комитета, академикомъ-архитекторомъ В. И. Сычуговымъ новый проектъ постамента въ видѣ кургана изъ нетесанныхъ камней. Но и этотъ проектъ былъ оставленъ—отчасти въ виду техническихъ трудностей его осуществленія, главнымъ же образомъ по недостаточности наличныхъ денежныхъ средствъ. Наконецъ, комитетъ остановился на проектѣ того же В. И. Сычугова, предложившаго устроить постаментъ въ видѣ четырехъ-гранной усѣченной пирамиды изъ гранитныхъ тесанныхъ плитъ. Такой постаментъ былъ вполнѣ по средствамъ комитета, тѣмъ болѣе, что незадолго предъ тѣмъ, по Высочайше утвержденному 19 сент. 1880 г. постановленію военнаго совѣта, въ распоряженіе комитета отпущено было кіевскимъ крѣпостнымъ инженернымъ управленіемъ до 30-ти кубич. сажней гранитнаго, наполовину тесаннаго камня, оставшагося еще отъ постройки цѣпнаго моста. Составивъ подробную смѣту и чертежъ проектированнаго постамента, комитетъ представилъ ихъ г. генералъ-губернатору для исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на предположенныя измѣненія, а тѣмъ временемъ приступилъ къ производству подготовительныхъ работъ.

Между тѣмъ 28 апрѣля 1883 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы постаментъ къ памятнику Б. Хмельницкаго былъ устроенъ въ видѣ кургана изъ нетесанныхъ гра-

нитныхъ камней неправильнаго вида. Приступивъ къ исполненію Высочайшей воли, комитетъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія: съ одной стороны его денежныя средства совсѣмъ почти истощились, а съ другой—ни одинъ изъ мѣстныхъ архитекторовъ не соглашался принять на себя постройку требуемаго кургана, въ виду новости и трудности подобной задачи. Такъ прошелъ 1883-й и 1884-й годы, и лишь въ октябрѣ 1885 г. кіевскій городской архитекторъ В. Н. Николаевъ изъявилъ согласіе принять на себя руководство работами по сооруженію требуемаго постамента и составилъ подробный проектъ и смѣту въ 12000 р. Этотъ проектъ и смѣта были утверждены техническо-строительнымъ комитетомъ при министерствѣ внутр. дѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ, согласно постановленію Государственнаго Совѣта, удостоенному 4 марта 1886 г. Высочайшаго утвержденія, на окончаніе памятника Хмельницкому отпущена была сумма въ 12000 рублей изъ государственнаго казначейства. Въ октябрѣ того же года г. Николаевъ приступилъ къ производству работъ, а въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ имѣетъ послѣдовать торжество открытія памятника.

Такимъ образомъ медленность сооруженія дала время и возможность самому Государю отнестись къ памятнику съ критической стороны и довести его до той величавой простоты, въ какой онъ теперь является достойнымъ своего назначенія и вполнѣ согласнымъ съ высокимъ завѣтомъ нашего великаго поэта, выраженномъ въ знаменитомъ его стихотвореніи на взятіе Варшавы въ 1830 году:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ:

Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца".

Критика.

Е. В. Барсовъ. Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. Москва. 1887 г. Т. 1 и 2.

Несмотря на то, что нашъ замѣчательный памятникъ южнорусской поэзіи XII вѣка вотъ уже почти цѣлое столѣтіе подвергается всестороннему изслѣдованію, объясненію и многоразличному толкованію; несмотря на то, что о немъ написано чуть ли не болѣе, чѣмъ о всякомъ другомъ памятникѣ нашей старины,—онъ все же оставляетъ и до сихъ поръ обширное поле для новыхъ работъ и толкованій, что и засвидѣтельствовано въ минувшемъ году выходомъ въ свѣтъ новаго почтеннаго труда г. Барсова, не разъ уже выступавшаго въ литературѣ съ отдѣльными статьями о Словѣ о Полку Игоревѣ. Въ настоящемъ трудѣ авторъ не затрогиваетъ уже какого-нибудь одного вопроса, а представляетъ намъ, такъ сказать, сводъ всего, относящагося къ данному памятнику, какъ по части библіографической, такъ и по исторіи самаго памятника и его критической разработки со всѣми разнообразными толкованіями въ цѣломъ и въ частностяхъ; при чемъ значительная часть труда посвящена самостоятельной разработкѣ Слова авторомъ, много потрудившимся надъ изученіемъ этой—можно сказать—загадки для насъ въ древнерусскомъ поэтическомъ творчествѣ. Отсюда ясно, что трудъ г. Барсова, печатавшійся разновременно въ періодическихъ изданіяхъ и вышедшій теперь отдѣльно, представляетъ собой необходимую настольную книгу для всякаго словесника, который можетъ всегда въ этомъ трудѣ не только отыскать интересующую его справку, но во многихъ случаяхъ и воспользоваться весьма цѣнными толкованіями отдѣльныхъ мѣстъ. Не говоримъ уже о томъ, что эта обширная работа изложена такъ увлекательно, съ такой любовью къ дѣлу, что

читатель многіе отдѣлы въ ней прочтетъ безъ труда и усилія, не взирая на часто встрѣчающіеся мелкіе факты, освѣщающіе тотъ или другой вопросъ. Трудъ г. Барсова распадается на слѣдующіе отдѣлы.

1) *Библіографія Слова*, гдѣ указаны всѣ изданія, переводы, изслѣдованія и замѣтки, касающіяся Слова, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на славянскихъ нарѣчіяхъ и иностранныхъ языкахъ; указатель этотъ доведенъ до 1882 года (дополненія, доведенныя до 1887 года, см. въ концѣ II тома). Говорить о значеніи такого указателя считаемъ излишнимъ: онъ говоритъ самъ за себя; вопросъ только въ томъ, насколько можно считать его полнымъ. Указатель этотъ составленъ въ 1875 г. и помѣщенъ былъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. въ 1876 г., но въ настоящемъ изслѣдованіи онъ дополненъ не только новыми изслѣдованіями (по 1882 г.), но и указаніемъ пропущенныхъ первоначально нѣкоторыхъ библіографическихъ данныхъ. Зная, какъ трудно составить совершенно полный библіографическій указатель по какому бы то ни было вопросу, мы не сомнѣваемся, что и въ трудѣ г. Барсова, имѣвшаго въ этой области такихъ предшественниковъ, какъ профессора Ждановъ и Смирновъ, найдутся пропуски, несмотря на всю тщательность выполненія работы съ его стороны. Не занимаясь никогда спеціально библіографическими розысканіями о „Словѣ“, мы совершенно случайно можемъ, напримѣръ, указать одинъ маленькій пропускъ въ трудѣ г. Барсова, а именно: въ „Молвѣ“ 1833 г. № 102 помѣщена небольшая „журнальная замѣтка“, подписанная В. П. (Черниговъ), съ нѣсколькими замѣчаніями на извѣстную статью Полеваго по поводу изданія „Слова“ Вельтманомъ. Замѣтка эта ни по объему, ни по содержанію не представляетъ особенной цѣнности, но считаемъ умѣстнымъ при случаѣ отмѣтить ее, чтобы она не исчезла безслѣдно и вошла въ видѣ пополненія обширнаго ряда статей по литературѣ „Слова“.

2) *Критическій очеркъ литературы Слова.* Въ этомъ отдѣлѣ, распадающемся на 5 главъ, авторъ вводитъ читателя въ подробную исторію открытія памятника, первыхъ извѣстій о немъ, перваго изданія его, первыхъ попытокъ скептиковъ подорвать довѣріе къ подлинности памятника и первыхъ поддѣлокъ его, а затѣмъ переходитъ къ самому сложному вопросу изъ всѣхъ, касающихся „Слова“: что̀ это была за рукопись, въ которой помѣщено „Слово“, какимъ письмомъ была она писана, къ какому вѣку относилась и какъ пользовались ею первые издатели? Для рѣшенія этихъ вопросовъ г. Барсовъ обра-

щается не только къ мнѣніямъ лицъ, видѣвшихъ рукопись, но еще болѣе—къ мелкому анализу всѣхъ частностей рукописи, по которымъ можно догадываться о времени написанія ея, какъ-то: заглавіе рукописи, составъ статей, правописаніе ихъ, а особенно самого „Слова", при чемъ пришлось сличить московскую копію рукописи, редактированную Малиновскимъ, съ петербургской копіей, писанной Мусинымъ-Пушкинымъ (Екатерининскій списокъ), и съ выписками Карамзина изъ подлинной рукописи „Слова", а также съ черновыми бумагами Малиновскаго, изъ которыхъ видѣнъ процессъ чтенія и изученія имъ памятника. Это кропотливое сличеніе, осложненное сопоставленіями со многими другими памятниками, годъ написанія которыхъ датированъ, приводитъ изслѣдователя къ выводу, что рукопись „Слова" должна быть отнесена къ XVI в. и что многія темныя мѣста памятника зависятъ, съ одной стороны, отъ неправильнаго чтенія первыхъ издателей, а съ другой—отъ ошибокъ въ самой рукописи. Важность же опредѣленія вѣка рукописи опирается на томъ, что критическому изслѣдованію открывается, благодаря этому, новый путь къ объясненію темныхъ мѣстъ, путь аналогій съ подобными мѣстами въ другихъ рукописяхъ того же вѣка. Покончивъ съ этимъ многосложнымъ и труднымъ вопросомъ, авторъ обращается къ обзору изданій „Слова" и его изслѣдованій, при чемъ предъ глазами читателя проносится мѣтко очерченный рядъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга мнѣній и взглядовъ на этотъ памятникъ съ характеристикой и тѣхъ скептическихъ воззрѣній, которыя второй волной нахлынули въ 30-хъ годахъ. Заканчиваетъ авторъ этотъ обзоръ новѣйшими пріемами толкованій „Слова" въ трудѣ г. Потебни—позднѣйшими глоссами, т. е. приписками на поляхъ, поправками, вводившими переписчика въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить[1]). Вслѣдъ за обзоромъ научныхъ изданій и изслѣдованій, мы знакомимся съ поэтическими переложеніями „Слова", съ педагогическими и популярными изданіями его и наконецъ—съ переводами и объясненіями его на иностранныхъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Говоря о поэтическихъ переводахъ, авторъ сначала коснулся очень интереснаго вопроса, есть ли „Слово" произведеніе

[1]) Не можемъ здѣсь не замѣтить, что авторъ, вполнѣ основательно, по нашему мнѣнію, увлекаясь красотами „Слова" и становясь рьянымъ защитникомъ цѣльности и неиспорченности текста его, впадаетъ въ нѣкоторую крайность, обнаруживающуюся въ той горячности защиты, которая вредитъ серьезности научнаго изслѣдованія.

книжное, или народное? Приведши отвѣты на этотъ вопросъ предшественниковъ, г. Барсовъ высказываетъ и свое мнѣніе, что „Слово, несмотря на всѣ признаки литературныхъ на него воздѣйствій, является съ преобладаніемъ въ немъ народно-поэтическихъ мотивовъ"; иначе—пѣвецъ былъ человѣкъ книжный, но воспитавшій въ себѣ поэтическій даръ на почвѣ народнаго творчества. Перечисляя поэтическія переложенія „Слова" и указывая таковыя на малорусскомъ языкѣ, авторъ, между прочимъ, въ примѣчаніи упоминаетъ о рукописномъ малорусскомъ переводѣ А. С. Афанасьева, сдѣланномъ по порученію академика Срезневскаго. Если въ счету стоятъ рукописныя переложенія, то мы въ такомъ случаѣ прибавимъ еще одно, о которомъ гдѣ-то въ печати (не можемъ вспомнить теперь), кажется, упоминалось,—это переводъ г. Руданскаго, извѣстнаго въ малорусской письменности переводомъ Иліады, а также многими мелкими своими стихотвореніями. Переводъ этотъ мы имѣли въ рукахъ и считаемъ его довольно удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ, неизмѣримо лучшимъ, нежели совсѣмъ никуда негодный переводъ г. Кендзерскаго, изъ котораго г. Барсовъ даже дѣлаетъ выписки, ни словомъ не заикаясь о его полной безталанности.

3) Указавши ранѣе, что въ „Словѣ" отражаются двѣ струи—книжная и народная, авторъ въ слѣдующей главѣ „Слово, какъ выраженіе школы кіевской дружинной Руси" желаетъ болѣе точно установить характеръ этого смѣшаннаго стиля. И надо отдать полную справедливость тому талантливому пріему г. Барсова, при которомъ ему вполнѣ удается выяснить, на основаніи тщательнаго разбора переводной повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, что въ дружинный вѣкъ выработался уже на Руси своей особый стиль, сложившійся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ греческой письменности, а съ другой—живаго народнаго языка. Важенъ же для автора этотъ разборъ повѣсти Флавія потому, что онъ находитъ въ „Словѣ о Полку Иг." множество выраженій, вполнѣ отвѣчающихъ по духу и по пріемамъ стилю этой повѣсти, что̀ даетъ ему полное право сдѣлать такой заключительный выводъ: „Слово носитъ на себѣ печать стиля той же литературно-повѣствовательной школы Кіевской Дружинной Руси, къ которой относится и переводъ Флавія" (т. I, стр. 272). Но этотъ выводъ не исключаетъ, однако, желанія читателя пойти еще дальше и попросить отвѣта на вопросъ, гдѣ же границы этихъ двухъ элементовъ въ стилѣ дружинной Руси—книжнаго и народнаго; но увы! отвѣта почти нѣтъ въ трудѣ г. Барсова,

т. к. въ началѣ этой главы онъ самъ признается, что „сдѣлать это, при существующей разработкѣ древне-русской письменности и нашей народной словесности, довольно затруднительно“ (т. I, стр. 213). На этомъ вопросѣ, впрочемъ, мы остановимся еще впереди.

4) Слѣдующая, сравнительно небольшая, глава „Слово, какъ историческая повѣсть“ представляетъ менѣе интереса, такъ какъ въ ней выясняется только, что авторъ „Слова“ былъ несомнѣнно дружинникъ черниговскаго князя, при чемъ, конечно, трудно доказывать это очень осязательными данными[1]), а затѣмъ устанавливается, на основаніи параллельныхъ характеристикъ изъ „Слова“ и кіевской лѣтописи, бытовая картинка приднѣпровской Руси XII вѣка, тоже не особенно яркая, хотя имѣющая свое значеніе въ трудѣ, носящемъ характеръ свода въ одно цѣлое всѣхъ чертъ, раскиданныхъ по разнымъ мѣстамъ памятника.

5) Третья глава труда г. Барсова, какъ мы видѣли, установила то положеніе, что „Слово“ принадлежитъ къ литературно-повѣствовательной школѣ кіевской дружинной Руси. Въ 5-ой главѣ „Слово, какъ пѣснь, подобная Бояновой“, авторъ долженъ былъ остановиться на вопросѣ: что̀ же представляетъ изъ себя Бояново пѣснопѣніе и въ какомъ отношеніи къ нему находится „Слово“. Опредѣливъ, что ранѣе этой школы, приблизительно до Владиміра Мономаха, была особая школа писателей, прибѣгавшихъ всегда къ *украшеннымъ словесамъ*, г. Барсовъ относитъ къ этой послѣдней и Бояна, находя, что авторъ „Слова“ не отрекся совершенно отъ пріемовъ Боянова пѣснотворчества, а напротивъ, желая разсказывать „по былинамъ“, постоянно обращается за вдохновеніемъ къ своему литературному предшественнику. Все это, какъ извѣстно, давно уже стало обычнымъ при объясненіяхъ „Слова“ и вошло даже во всѣ учебники русской литературы; но въ послѣднее время всплыла опять гипотеза о византійско-болгарскомъ образцѣ для „Слова“ и между прочимъ о болгарскомъ происхожденіи Бояна, выраженія котораго пѣвецъ „Слова“ вставилъ въ свое произведеніе, не давая себѣ яснаго отчета въ нихъ. Взглядъ этотъ, высказанный Вс. Миллеромъ въ книгѣ „Взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ“ въ 1877 г., болѣе или менѣе рѣшительно поддержанъ былъ и другими учеными. Вотъ почему г. Барсову

---

[1]) Припоминаемъ, что этому вопросу былъ посвященъ лѣтъ 6—7 тому назадъ рефератъ г. Багалѣя, читанный въ Историч. Общ. Лѣтописца Нестора, гдѣ референтъ болѣе подробно доказывалъ ту же мысль.

пришлось теперь посвятить не мало мѣста, какъ опроверженіямъ этой гипотезы, такъ и обоснованію прежняго воззрѣнія, сильнымъ защитникомъ котораго состоитъ онъ самъ. Такъ какъ Вс. Миллеръ, ищучи аналогичныхъ „Слову" оборотовъ въ книжной словесности, болѣе всего останавливается на повѣсти о Дигенисѣ, то и г. Барсовъ обращается къ ней, разбирая два вопроса: представляетъ ли извѣстный списокъ этой повѣсти непремѣнно болгарскій изводъ? и когда появился у насъ этотъ изводъ: до или послѣ написанія „Слова?" Для рѣшенія перваго вопроса, авторъ дѣлаетъ анализъ стиля повѣсти и приходитъ, по нашему разумѣнію, къ весьма убѣдительному выводу, что стиль этотъ въ очень многомъ подходитъ къ стилю указанной выше литературно-повѣствовательной школы кіевской Руси,—слѣдовательно, болгарскій изводъ оказывается очень сомнительнымъ. Второй же вопросъ, о времени появленія у насъ повѣсти, рѣшается на основаніи немногихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что она могла появиться не раньше конца XII или начала XIII вѣка, слѣдовательно—послѣ появленія „Слова". Отсюда выводъ г. Барсова—совершенно обратный выводу Вс. Миллера, т. е. „не передѣлка Византійской поэмы должна была вліять на „Слово", а напротивъ—стиль „Слова" вліять на передѣлку повѣсти". Вслѣдъ за этимъ нетрудно г. Барсову возразить и противъ остальныхъ положеній Вс. Миллера, будто „никакого пѣснопѣвца Бояна на Руси не было; будто Боянъ не историческое лицо, а маска"; тутъ пришлось автору только нѣсколькими, очень мѣтко впрочемъ обрисованными, сопоставленіями показать, что естественнѣе и ближе искать Бояна среди русскихъ пѣвцовъ дружиннаго вѣка, нежели гдѣ-то въ Болгаріи рыскать за царевичемъ Бояномъ—*вѣдуномъ* и *кобникомъ*.

Естественно, что въ связи съ вопросомъ о Боянѣ ставитъ гипотеза Вс. Миллера и названія божествъ, упоминаемыхъ въ „Словѣ". Но мы не будемъ слѣдить далѣе за возраженіями г. Барсова, т. к. споръ этотъ, вѣроятно, читанъ былъ въ свое время на страницахъ журналовъ, а укажемъ только, что и тутъ авторъ разбираемаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, остается побѣдителемъ, если не въ положительныхъ доказательствахъ, то въ весьма сильныхъ возраженіяхъ. Поэтому, не можемъ не согласиться съ заключительными словами автора: „если Слово въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружинно-кіевскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наивно ли думать, что авторъ „Слова" лишь нѣсколько миѳическихъ выраженій взялъ изъ бол-

гарской книжки, чтобы прикрѣпить ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и, не изучивъ этого миѳа по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византійско-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ? (т. I, стр. 390).

6) Слѣдующій, шестой, отдѣлъ посвященъ разработкѣ вопроса: въ какомъ отношеніи находится „Слово" къ былевому эпосу. Авторъ, указавши вначалѣ на разныя теоріи, объясняющія происхожденіе былинъ, склоняется самъ къ мнѣнію, что главная черта въ былинѣ—фактъ, а не миѳъ, и именно—фактъ борьбы со степью, чѣмъ и обусловливается отношеніе былины къ главному сюжету „Слова". „Слово есть произведеніе чисто дружинное; былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ" (т. I, стр. 401),—иными словами: дружинно-кіевскую Русь очертилъ въ „Словѣ" бояринъ, въ былинѣ—мужикъ (стр. 426) И вотъ г. Барсовъ ведетъ вслѣдъ за этимъ рядъ аналогій въ изображеніи этихъ дружинныхъ чертъ по былинамъ и по „Слову".

Но такъ какъ былина, помимо историческаго факта, въ основѣ своей имѣетъ и миѳъ, то дальнѣйшая часть этой главы посвящена отысканію аналогій между чудеснымъ въ былинѣ и миѳологіей въ „Словѣ." Глава эта, по нашему мнѣнію, разработана не такъ обстоятельно, какъ можно было бы ждать, судя по той обширной литературѣ былеваго эпоса, которая распадается на нѣсколько школъ съ своеобразными воззрѣніями каждой на происхожденіе былинъ и освѣщеніе фактовъ въ нихъ.

7) Весьма любопытный вопросъ разсматривается авторомъ въ седьмой главѣ „Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ". Весьма любопытный—говоримъ—потому, что „Слово", появившись въ концѣ XII вѣка какъ бы для того, чтобъ доказать, какого высокохудожественнаго творчества достигла древне-русская поэзія, совершенно не оставляетъ послѣ себя наслѣдниковъ, хоть бы въ ничтожной долѣ напоминавшихъ намъ своего предка.

Г. Барсовъ главную причину этого явленія видитъ въ фактѣ паденія послѣ татарскаго погрома кіевской дружинной Руси, хотя въ то же время онъ признаетъ на нѣкоторое время остатки въ поэзіи ея воинскихъ преданій, и, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачно ищетъ въ дальнѣйшихъ повѣстяхъ отголосковъ того же художественнаго стиля, какимъ поражаетъ „Слово." Не совсѣмъ удачно—гово-

римъ—потому, что онъ въ этихъ повѣстяхъ обращаетъ вниманіе на отдѣльныя выраженія и думаетъ въ нихъ видѣть тѣ же дружинные образы, что и въ „Словѣ." Но незачѣмъ, намъ кажется, искать того чего нѣтъ. Можно найти отдѣльное слово, даже выраженіе; но не, найти въ этихъ повѣстяхъ того рѣзко выдающагося, своеобразнаго стиля, какимъ вѣетъ отъ „Слова"; каждая строка этихъ повѣстей, даже для непривычнаго уха, показываетъ вамъ, что иная взята тутъ основа, что существуютъ иные мотивы вдохновенія, иное поэтическое чутье. Вотъ почему такъ непріятно рѣжутъ ухо тѣ же самыя выраженія „Слова", будучи повторены въ подражательныхъ „Задонщинахъ"; вы сразу чувствуете, что здѣсь сошлись два противоположные элемента, которые только мѣшаютъ другъ другу, нарушая цѣльность впечатлѣній. Однимъ словомъ, надо признать, что поэтическій стиль древней Руси покончилъ свое бытованіе вмѣстѣ съ „Словомъ", что послѣ него начался періодъ колебанія, упадка этого стиля, новой формировки его подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ началъ, и этотъ новый стиль, съ своимъ особымъ отпечаткомъ, окончательно выработался нескоро—только въ новый періодъ русской письменности.

Гдѣ же причина этого паденія древняго поэтическаго стиля?

Кромѣ указанной раньше г. Барсовымъ причины—паденія кіевской дружинной Руси,—мы находимъ у него и еще двѣ, упомянутыя вскользь и неясно отмѣченныя, но, по нашему мнѣнію, первенствующія. На стр. 443-й читаемъ: „такъ-то образъ Бояна и его старыхъ словесъ, образъ столь живой и опредѣленный, столь высокій и поэтическій для *Кіевской* дружинной Руси, помрачился въ *Заокской сѣверной* Руси"; а на стр. 454-й встрѣчаемъ еще и такія строки: „начала Кіевской дружинной Руси—начала рыцарской чести и славы, развитыя въ „Словѣ", были чужды Руси Московской; *здѣсь вступило въ силу и дѣйствовало уже начало вѣры.*" Мы постараемся привести это къ одному знаменателю. Художественно-поэтическій стиль, поэтическіе образы и картины вырабатываются обыкновенно подъ вліяніемъ многихъ элементовъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени дѣйствующихъ на умы пишущей братіи; сюда входятъ и народно-бытовыя черты, и условія общественной формы жизни, и тотъ центръ, къ которому стремится, такъ сказать, душевная лирика общества въ данное время. Древне-русская художественная поэзія выработалась на основѣ народной поэзіи, съ тѣмъ естественнымъ совершенствованіемъ послѣдней, которое должны были внести въ нее современные культурники, не отрывавшіеся отъ народнаго на-

чала. Въ области поэзіи они жили тѣмъ народно-поэтическимъ чутьемъ, которое выработано было помимо началъ христіанства, и увлекались тѣми народными идеалами, которыми увлекались даже и не поэты (вспомнимъ увлеченіе лѣтописца, передающаго преданія о князьяхъ-язычникахъ Олегѣ, Ольгѣ и Святославѣ, поступавшихъ далеко не по-христіански). Вотъ эта-то близость въ области поэзіи началъ народнаго и культурнаго (книжнаго) и создала увлекающій насъ и понынѣ стиль дружинно-кіевскій, какъ выражается г. Барсовъ. Вотъ почему мы очень сожалѣемъ, что не видимъ въ трудѣ почтеннаго автора еще одной главы—объ отношеніи „Слова" къ современной народной южно-русской поэзіи, а говорится объ этомъ очень немного по поводу труда г. Потебни на стр. 152-й, а въ этомъ отдѣлѣ можно бы очень много указать тѣхъ аналогій въ картинахъ и образахъ, которые сами напрашиваются на сопоставленія. Но это отступленіе,—и потому, продолжимъ нашу рѣчь далѣе. Что же сдѣлалось позже съ тѣми условіями, при которыхъ вырабатывался поэтическій стиль древней Руси? Нить южной письменности временно оборвалась, а культурный центръ началъ формироваться на сѣверѣ, гдѣ книжники-поэты оказались безъ традицій того поэтическаго творчества, которое такъ блистательно начато было на югѣ. Они очутились съ церковной письменностью въ рукахъ, съ религіозными идеалами въ мысли—и попробовали съ этими данными создавать *новую поэзію, но по старинной формѣ.* Естественно, что, не имѣя народно-поэтическаго начала въ основаніи и не успѣвъ выработать поэтическихъ пріемовъ на новыхъ христіанскихъ началахъ, они оказались весьма слабыми въ своемъ творчествѣ и должны были черпать матеріалъ творческій изъ старыхъ образцовъ. Что вышло изъ этого неестественнаго заимствованія народно-поэтическихъ основъ юга для сѣверной лиры и изъ смѣшенія внѣ христіанства стоящихъ образовъ съ религіозными идеалами,—прекрасно видно изъ многоразличныхъ безобразныхъ редакцій „Задонщины".

Такъ мы хотимъ понимать мысль почтеннаго автора въ этой главѣ, но не можемъ не признать, что глава эта разработана гораздо слабѣе прочихъ, и потому основная мысль только какъ бы скользитъ по поверхности, не затрогивая глубины вопроса. Намъ кажется, что причина этого скрывается въ не совсѣмъ понятномъ для насъ стремленіи автора отрицать спеціальную южно-русскую стихію въ языкѣ „Слова," не скрывая южно-русскаго происхожденія самого памятника. Значительно раньше этой главы г. Барсовъ на стр. 212-й

высказался по этому поводу опредѣленно: „языкъ Кіевской дружинной Руси, изъ среды коей вышло „Слово,“ отнюдь не былъ какимъ-нибудь народнымъ нарѣчіемъ, но онъ былъ уже языкомъ образованнаго класса, языкомъ—такъ сказать—культивированнымъ, литературнымъ“; и далѣе: „самый языкъ ихъ не былъ нарѣчіемъ того или другаго народа, но возвышался надъ ихъ діалектическими особенностями и былъ языкомъ дружинно-боярскимъ, развившимся изъ историческихъ, политическихъ и культурныхъ взаимодѣйствій *Кіева и Новгорода*“. Соглашаясь съ тѣмъ, что языкъ этотъ не былъ какимъ-нибудь народнымъ діалектомъ, а былъ языкомъ литературнымъ, мы въ то же время думаемъ, что художественно-поэтическій стиль древней Руси не могъ далеко уйти отъ діалекта той области, въ которой онъ зарождался и воспитывался. И самъ авторъ далѣе мимоходомъ признаетъ это, говоря: „Если предъидущіе примѣры указываютъ, какъ не отчетливы были списки „Слова“ XV—XVII вв., то слѣдующія даютъ понимать, какъ далеко отстояла въ то время *книжность сѣверно-русскаго человѣка отъ Кіевской передовой образованности и въ частности дружинной поэзіи. Авторы Задонщинъ мало были знакомы съ живыми мѣстными говорами:* только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить замѣну выраженія—„о русская земле, уже за *шеломянемъ* еси!“ такого рода оборотомъ: „земля еси русская! какъ еси была доселева за царемь за *Соломономъ*“ (стр. 444). И это не единственное мѣсто! А вѣдь нужно повторить слова самаго же г. Барсова: „достойно вниманія, что наибольшая часть дошедшихъ до насъ Задонщинъ *Новгородскаго* происхожденія“ (стр. 440), т. е. того самого Новгорода, который, какъ мы видѣли, признается авторомъ за одинъ изъ основныхъ элементовъ дружинно-кіевскаго стиля.

8) Маленькой 8-й главой „Слово въ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства“ авторъ заканчиваетъ 1-й томъ своего обширнаго изслѣдованія. Сѣтуя здѣсь на отсутствіе среди нашихъ художниковъ людей съ солиднымъ общимъ образованіемъ, г. Барсовъ видитъ въ этомъ и причину того, что въ области искусства нельзя указать ни одного замѣчательнаго произведенія, относящагося къ „Слову.“ Въ музыкѣ авторъ отмѣчаетъ только одну попытку г. Акатова. Мы можемъ прибавить еще двѣ музыкальныхъ піесы, относящихся къ „Слову,“—это музыкальныя воспроизведенія Плача Ярославны: одно принадлежитъ извѣстному малорусскому композитору Н. В. Лисенку, а другое—магистру классической филологіи, чеху по происхожденію, В. И. Петру.

Второй томъ изслѣдованія г. Барсова состоитъ изъ трехъ отдѣловъ съ дополненіями къ библіографіи „Слова“ академика А. Ѳ. Бычкова.

Первый отдѣлъ „Слово о Полку Игоревѣ въ его цѣломъ и частяхъ“ имѣетъ задачей, по словамъ автора, облегчить для читателя разумѣніе этого геніальнаго и глубокаго творческаго произведенія кіевской Руси. Разбивши все „Слово“ на части, авторъ объясняетъ мысль каждой изъ нихъ и затѣмъ приводитъ текстъ памятника, но не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на современный русскій языкъ, что̀—можетъ быть—очень удобно для обыкновеннаго читателя, но мы думаемъ, что въ такомъ капитальномъ изслѣдованіи желательно было бы видѣть параллельный текстъ подлинника и перевода, подобно тому, какъ это сдѣлалъ г. Дубенскій.

Второй отдѣлъ „Новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту Слова“ въ бо̀льшихъ подробностяхъ разсматриваетъ тотъ же вопросъ, который разбирался авторомъ въ 1-мъ томѣ, въ критическомъ очеркѣ литературы „Слова.“ Изъ этого послѣдняго мы уже знаемъ, какъ относится г. Барсовъ къ попыткамъ ученыхъ вносить поправки въ текстъ „Слова“ на основаніи воображаемыхъ пропусковъ, перестановокъ переписчиковъ, переплетчиковъ и пр. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ вначалѣ возражаетъ основателю у насъ этого направленія въ разработкѣ „Слова,“ г. Потебнѣ, приводя тѣ поправки, перестановки и пропуски, которые, по его мнѣнію, совершенно ничѣмъ не оправдываются и безъ всякой нужды измѣняютъ дошедшій къ намъ текстъ памятника. Но особенный упрекъ ставитъ авторъ г. Потебнѣ за то, что его скептицизмъ породилъ такихъ подражателей этого направленія, какъ гг. Прозоровскій и Андреевскій, которые дошли до крайнихъ предѣловъ и стали искажать памятникъ въ самомъ его основаніи. Къ ихъ-то догадкамъ и обращается затѣмъ г. Барсовъ и совершенно основательно заканчиваетъ этотъ отдѣлъ словами: „при подобномъ направленіи дальнѣйшихъ работъ, литературѣ грозитъ опасность переполниться такимъ мусоромъ, котораго не въ силахъ будетъ расчистить ни одинъ изслѣдователь“ (стр. 119).

Третій, самый обширный, отдѣлъ во 2-мъ томѣ посвященъ „Палеографической критикѣ текста Слова.“ Указавъ вначалѣ на значеніе для уясненія неисправныхъ и темныхъ мѣстъ въ Словѣ критики исторической, филологической и эстетической, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что палеографія есть надежнѣйшій путь къ ихъ возстановленію и уясненію, и затѣмъ даетъ новый опытъ

объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, приводя тутъ же различные комментаріи другихъ изслѣдователей.

Не будемъ останавливаться на обзорѣ этихъ комментаріевъ, т. к. это заставило бы насъ значительно расширить нашу рецензію, а главная задача наша была обратить вниманіе читателей на эту почтенную работу г. Барсова, умолчать о которой нельзя „Кіевской Старинѣ“, какъ въ виду того, что изслѣдованіе автора касается вопроса, имѣющаго ближайшее отношеніе не только къ журнальной, но и къ дѣйствительной кіевской старинѣ, такъ и потому, что самый сюжетъ работы освѣщаетъ намъ типичный памятникъ дружинно-кіевскаго періода, характернымъ представителемъ котораго является князь Владиміръ Святой, 900 лѣтъ назадъ положившій основы единенія старинныхъ преданій дружиннаго быта съ новыми началами христіанскаго братолюбія.

В. Науменко.

Андріяшевъ. Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1887 г. 232 стр.

Трудъ г. Андріяшева распадается на слѣдующія части: 1) вступленіе, 2) источники, 3) страна, 4) населеніе, 5) географическій очеркъ, 6) историческій очеркъ.

„Уже давно высказано и теперь общепринято, говоритъ авторъ, то мнѣніе, что только изученіемъ и разработкой исторіи отдѣльныхъ частей, составлявшихъ древнюю Русь, возможно довести познаніе ея исторіи до должной высоты“. Первая половина текущаго столѣтія ознаменована въ нашей наукѣ появленіемъ цѣлаго ряда капитальныхъ трудовъ, охватывающихъ историческую жизнь русскаго народа на всемъ ея протяженіи. Этотъ періодъ разработки русской исторіи заканчивается трудомъ С. М. Соловьева, представляющимъ замѣчательный примѣръ огромной эрудиціи въ области исторіи. „Исторія Россіи“ г. Иловайскаго относится уже къ тому времени, когда у насъ устанавливается новое направленіе разработки нашей исторіи по областямъ, когда появился уже трудъ самаго автора „Исторіи Россіи“ по областной исторіи, именно „Исторія Рязанскаго княжества“, Корсакова“ Меря и Ростовское княжество“ и др. Несомнѣнно, что съ развитіемъ новаго направленія въ русской исторической наукѣ многія явленія древне-русской жизни получили новое болѣе правильное освѣ-

щеніе, пріобрѣли иное значеніе. И это вполнѣ естественно. Задавшись цѣлью представить полную картину прошедшей жизни народа, историкъ легко можетъ быть подавленъ массой фактовъ, подлежащихъ предварительному уясненію; многое можетъ ускользнуть отъ его вниманія, а иное будетъ принято имъ за явленіе мелкое, не стоющее особеннаго вниманія, и это будетъ величайшая ошибка съ его стороны. При новомъ направленіи въ нашей исторической наукѣ, историкъ, имѣя предъ собою меньшую сумму фактовъ, не развлекаясь ихъ безконечнымъ разнообразіемъ, имѣетъ возможность болѣе сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, глубже проникнуть въ смыслъ каждаго явленія жизни, подвергнувъ болѣе тщательному анализу свои источники и принявъ во вниманіе мѣстные факторы, оказывавшіе вліяніе на ходъ историческихъ событій. Если все сказанное вполнѣ примѣнимо къ исторіи каждаго народа вообще, то тѣмъ болѣе къ исторіи народа русскаго, жизнь котораго съ незапамятныхъ временъ развивалась при столь разнообразныхъ условіяхъ чисто мѣстнаго, областнаго характера. Эти отдѣльные труды по разработкѣ исторіи отдѣльныхъ областей служатъ, такимъ образомъ, болѣе правильному возсозданію всей прошедшей исторической жизни русскаго народа и установленію яснаго пониманія ея во всей совокупности ея проявленій. Слѣдовательно, эти труды заслуживаютъ особеннаго вниманія и строгаго къ себѣ отношенія критики. Размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ останавливаться на подробномъ разборѣ всѣхъ деталей труда г. Андріяшева и заставляютъ ограничиться общей оцѣнкой его.

Разсматриваемая книга распадается собственно на двѣ части: географо-этнографическій очеркъ волынской земли и очеркъ историческій. Намъ кажется, что весь матеріалъ, заключающійся въ первыхъ главахъ труда г. Андріяшева, могъ быть сгруппированъ въ одну, такъ какъ всѣ онѣ имѣютъ между собою неразрывную органическую связь. При томъ раздѣленіи на главы, которое мы находимъ въ „Исторіи Волынской земли", авторъ долженъ иногда забѣгать впередъ и ставить положенія, которыя могутъ быть подкрѣплены лишь данными, сгруппированными въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Такъ совершенно необоснованнымъ является положеніе въ I главѣ, будто древнѣйшая лѣтопись застаетъ волынянъ разселенными по нынѣшнимъ уѣздамъ волынской губерніи: владимірскому, луцкому, каменецкому, дубенскому и прилежащимъ частямъ другихъ уѣздовъ волынской губерніи, Галиціи и люблинской губерніи. Древняя лѣтопись

совсѣмъ ничего такого не говоритъ, а знаетъ только, что къ словенскому языку принадлежатъ „Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне“. Болѣе или менѣе это положеніе можетъ найти себѣ оправданіе въ тѣхъ данныхъ, которыя приводятся авторомъ въ его „географическомъ очеркѣ“ волынской земли, о чемъ мы скажемъ ниже. Вообще первая глава не чужда гипотезъ, которыя не могутъ имѣть за себя почти никакихъ доказательствъ. Не менѣе гипотетично пріуроченіе извѣстій Геродота о будинахъ, Ибнъ-Даста и Мукадесси объ островѣ, на которомъ живутъ русь, къ волынской землѣ. Разныя объясненія этихъ извѣстій дѣлались не разъ, обставлялись болѣе или менѣе остроумными соображеніями, но оставались всетаки болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами. Несомнѣнно, весьма интересна первая часть II главы, которая знакомитъ читателя съ данными, добытыми археологіей, о доисторическихъ временахъ русской земли, но намъ кажется, что автору слѣдовало сдѣлать нѣкоторыя оговорки, чтобы представить факты въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Самъ авторъ говоритъ: „въ нашемъ изложеніи мы вовсе опустили разсмотрѣніе всего того, что обыкновенно понимается подъ общимъ заглавіемъ „внутренняго состоянія страны“, т. е. развитіе торговли, промышленности, образованности и проч.“. Словомъ, прибавимъ отъ себя, всего того, что составляетъ бытъ народа, включая сюда его религію, семейныя и общественныя отношенія и т. д. Если для характеристики быта племени волынянъ у насъ мало, или почти нѣтъ данныхъ, а имѣются лишь общія, относящіяся къ быту русскаго славянства вообще, то тѣмъ болѣе для характеристики быта доисторическихъ автохтоновъ Волыни у насъ нѣтъ ничего спеціальнаго, а имѣются археологическіе матерьялы о бытѣ человѣка въ доисторическій періодъ въ Россіи, и, по нашему мнѣнію, пока еще нѣтъ возможности выдѣлить оригинальныхъ чертъ доисторическаго быта волынскаго населенія, если даже и сдѣлать предположеніе, что въ эти отдаленныя эпохи, какъ каменный вѣкъ, территорія Россіи была занята не одной расой. Поэтому, выпуская совершенно очеркъ быта племени волынянъ, авторъ не принесъ бы ущерба своему труду, если бы также прошелъ молчаніемъ бытъ автохтоновъ Волыни. По крайней мѣрѣ, необходимо было оговориться, что здѣсь берутся лишь общія данныя и примѣняются къ волынскому населенію, какъ такому, которое также переживало эти первобытныя эпохи или составляло часть какой-то великой расы, населявшей нѣкогда всю территоріи нынѣшней европейской Россіи.

Лучшими главами въ трудѣ г. Андріяшева несомнѣнно должны быть признаны III и IV, особенно первая изъ нихъ. Въ своемъ географическомъ очеркѣ авторъ слѣдуетъ строго обдуманному, вполнѣ вѣрному и удачно выполненному плану. Онъ послѣдовательно опредѣляетъ сначала границу этнографическую, затѣмъ политическую границу волынской земли; указавъ на составныя части послѣдней, авторъ старается, наконецъ, провести границы всѣхъ удѣловъ Волыни. По нашему мнѣнію, г. Андріяшевъ выполняетъ свою задачу весьма удачно. Имъ собрано много разнообразнаго матерьяла, и бóльшая часть историческихъ мѣстностей опредѣляется довольно точно. Не нужно забывать, что наши источники даютъ весьма несовершенныя указанія, вслѣдствіе чего не трудно впасть въ ошибки и увлеченія. Вообще надо сказать, г. Андріяшевъ весьма осторожно пользуется своими матерьялами и если и допускаетъ гипотезы при опредѣленіи границъ или историческихъ мѣстностей, то обставляетъ ихъ болѣе или менѣе вѣскими соображеніями. Единственное слабо обставленное положеніе автора относится къ опредѣленію этнографической границы. Здѣсь авторъ уклоняется отъ обычной своей осторожности и выходитъ на путь метода, о слабости котораго онъ самъ говоритъ нѣсколькими строками выше. Историкъ можетъ сказать только вмѣстѣ съ лѣтописью: „сѣдоша по Бугу", а подобныя топографическія названія, какъ Дулонбенъ, Божкевичи, Богуши, Богушовка, Бужки, Божонка, Божова, Бужаны, Бужскъ, Божскій не могутъ указывать никоимъ образомъ на районъ распространенія племени дулѣбовъ или бужанъ. Очевидно, нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ отъ „богъ", другія отъ фамилій владѣльцевъ; Бужаны, Бужскъ, Божскій — отъ р. Буга. Авторъ приводитъ еще имя рѣкъ „Бугъ" (западный и южный), но это уже совсѣмъ странно: вѣдь не эти рѣки назвались по бужанамъ, а бужане по имени этихъ рѣкъ. Остальныя топографическія названія относятся къ дулѣбамъ и не подтверждаютъ положенія автора о пространствѣ, которое занимало это племя. Но это единственное слабое мѣсто нисколько не отнимаетъ цѣны у всей главы и несомнѣнно авторъ принесъ значительную услугу разработкѣ нашей исторической географіи, по которой, не смотря на существующіе труды Барсова, Бѣляева, Погодина и др., сдѣлано все-таки еще очень мало. Послѣдняя глава разсматриваемаго сочиненія посвящена „Историческому очерку". Несомнѣнно, при обработкѣ матерьяла этой главы автору значительно помогло то обстоятельство, что у него были предшественники на томъ же полѣ, какъ гг. Линниченко, Дашкевичъ,

Шараневичъ, на труды которыхъ авторъ во многихъ случаяхъ и опирается но это нисколько не уменьшаетъ заслуги г. Андріяшева, представившаго полную картину политическихъ судебъ Волыни до половины XIV столѣтія. Намъ кажется только, что историческій очеркъ выигралъ бы еще болѣе, если бы авторъ для объясненія нѣкоторыхъ политическихъ событій обратился къ тѣмъ чертамъ внутренняго быта, на которыя мы находимъ указанія въ лѣтописи. Такъ необходимо было, по нашему мнѣнію, яснѣе опредѣлить значеніе боярства волынской земли, дать читателю болѣе свѣдѣній о боярствѣ галицкомъ. Не указано совершенно значеніе вѣча Волыни, не разъяснено отношеніе его къ Даніилу въ Галичѣ. Если боярство является у автора еще нѣсколько живымъ, то вѣче вполнѣ безжизненно, а между тѣмъ несомнѣнно, что и оно должно было оказывать значительное вліяніе на ходъ политическихъ событій. Осторожность автора, воздерживающагося отъ всякихъ обобщеній и сосредоточивающаго все свое вниманіе исключительно на событіяхъ въ землѣ волынской, иногда заставляетъ его упускать изъ вида теченіе политической жизни всей Руси, явленія которой оказывали другъ на друга сильное взаимодѣйствіе. Этимъ обстоятельствомъ объясняется неполнота характеристики дѣятельности Романа Мстиславича, вслѣдствіе невыясненности его отношеній къ Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. А между тѣмъ интересны въ этомъ отношеніи извѣстія Лаврентьевской и Воскресенской лѣтописи [1]), не говоря уже о замѣчательномъ извѣстіи южной же Ипатьевской лѣтописи, объясняющемъ намъ истинную причину, по которой Романъ на время долженъ былъ оставить Галичъ въ покоѣ: „и сѣлъ Владимиръ Ярославичъ на столѣ дѣда своего и отца своего, на Спасовъ день, и послалъ къ Всеволоду, дядѣ своему, въ Суздаль, моляся ему: отче господине! удержи Галичъ подо мною, а я—Божій и твой со всѣмъ Галичемъ". Всеволодъ же Суздальскій прислалъ ко всѣмъ князьямъ и къ королю въ Ляхи и водилъ ихъ ко кресту не искать Галича никогда подъ его племянникомъ. Владимиръ утвердился въ Галичѣ, и съ тѣхъ поръ не было на него никого" [2]). Авторъ совершенно иначе и не совсѣмъ правильно толкуетъ дѣйствія Романа въ этомъ случаѣ. Размѣры рецензіи не допускаютъ насъ до болѣе подробнаго разсмотрѣнія историческаго очерка Андріяшева. Скажемъ въ заключеніе, что эта глава

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 109; Лавр. лѣтоп. стр. 397, изд. 1872 г.

[2]) Ипатьев. лѣтоп. стр. 448—9, изд. 1871 г.

имѣетъ безусловныя достоинства. Прекрасная группировка фактовъ дѣлаетъ изложеніе весьма живымъ и интереснымъ. Иногда являются полныя жизни характеристики князей. Изъ нихъ особенно удались автору, по нашему мнѣнію, характеристики Мстислава Удалаго, князя рыцаря, воина, но плохаго политика, и Владиміра Васильковича, идеальный типъ въ отношеніи всѣхъ временъ.

П. Голубовскій.

Завитневичъ. Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. Кіевъ. 1888 г.

Безспорно, блестящее изложеніе, полнѣйшая доступность излагаемаго для всякаго читателя есть заслуга г. Завитневича, но едва ли можно согласиться вполнѣ какъ съ его выводами, такъ и съ нѣкоторыми объясненіями фактовъ, которыя мы находимъ въ разсматриваемомъ трудѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ положеніяхъ, самыхъ, какъ намъ кажется, главныхъ въ разбираемой брошюрѣ. Походъ 913 года руссовъ на востокъ, указывающій самъ по себѣ, что дорога въ этомъ направленіи была найдена еще до Святослава, оказывается не первымъ, такъ какъ раньше извѣстны походы въ 880 г. въ Абелунъ, въ 909 г. въ Табористанъ, т. е. за время княженія Олега [1]). Были ли это предпріятія великихъ князей кіевскихъ, или частные набѣги вольныхъ русскихъ людей,—этого мы не знаемъ, но для насъ важно одно, что стремленіе руссовъ на востокъ существовало задолго до Святослава. Затѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что угрскія племена меря и весь подверглись сильной славянской колонизаціи еще въ наши доисторическія времена, что племя мурома въ отдаленную эпоху уже ведетъ борьбу съ славянскими колонистами [2]), то мы никакъ не можемъ приписывать Святославу чести указанія, куда должна направляться русская колонизація. Нѣсколько преувеличеннымъ кажется намъ и взглядъ автора на роль Святослава въ политической жизни восточной Европы. Едва ли возможно разсматривать освобожденіе славянскихъ племенъ отъ дани, которую

[1]) Дорнъ. „Каспій“. Спб. 1875 г., стр. 531.

[2]) Ославяненіе мери и веси въ сильной степени еще въ доисторическія времена видно изъ легенды о призваніи князей, а на доисторическую борьбу славянъ съ муромой указываетъ Житіе свв. Петра и Февроніи Муромскихъ (Памятники старинной русской литературы, т. I).

они платили хазарамъ, какъ значительное измѣненіе политическаго положенія на европейскомъ востокѣ. Хотя и подорванный въ своихъ силахъ, хазарскій каганатъ продолжаетъ тѣмъ не менѣе существовать, и въ началѣ XI в. противъ него, какъ извѣстно, понадобился союзъ Византіи и тмутараканскаго князя, сына Владиміра[1]). Еще менѣе, въ смыслѣ измѣненія политическаго положенія восточной Европы, имѣетъ значеніе набѣгъ на волжскую Болгарію въ 968 г. [2]) съ его чисто случайнымъ характеромъ. Болгарское царство процвѣтаетъ на Волгѣ по прежнему до самаго татарскаго нашествія. Владиміру св. пришлось опять вести борьбу съ болгарами, и безсиліе Руси предъ этимъ могущественнымъ народомъ выражено такъ вѣрно въ словахъ Добрыни: „всѣ они въ сапогахъ; пойдемъ поищемъ лучше лапотниковъ" [3]). Военное могущество болгаръ продолжаетъ быть столь велико, что въ концѣ XI в. они захватываютъ Муромъ[4]); во все время XI—XIII вв. они продолжаютъ энергически бороться съ русскими князьями, и борьба остается нерѣшительной до самаго татарскаго нашествія. Мы не говоримъ уже о томъ культурномъ вліяніи, какое продолжалъ оказывать на Русь этотъ промышленный, развитой народъ. Несомнѣнно, молодое русское государство могло сгруппировать около себя славянскія племена, лишь освободивъ ихъ отъ власти иноземцевъ, но едва ли можно видѣть въ разгромѣ хазарскаго каганата величайшую заслугу Святослава предъ Европой вообще и предъ Русью въ частности. Власть хазаръ не влекла за собой никакой опасности для славянской культуры, благодаря величайшей религіозной и національной терпимости этого народа, а культурное вліяніе, которое чрезъ хазаръ распространялось съ Востока на русскихъ славянъ, не приносило послѣднимъ ничего кромѣ пользы. Мы не видимъ со стороны каганата никакихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ Руси. Предположеніе, что крѣпость Саркелъ была построена противъ руссовъ, не можетъ быть доказано. Очевидно, авторъ разбираемой брошюры былъ введенъ въ заблужденіе однимъ мѣстомъ въ письмѣ хазарскаго царя Іосифа, который говоритъ между прочимъ: „я занимаю входъ въ рѣку Юзагъ и не позволяю, чтобы руссы, которые ходятъ на судахъ, проходили чрезъ нее, ни чтобы ихъ враги, которые ходятъ по землѣ, приходили въ страну рус-

---

[1]) Georgius Cedrenus. Bonnae. 1839. v. II, p. 464.

[2]) Гаркави „Сказанія мусульманскихъ писателей", стр. 218 219 и 223—224.

[3]) Лаврентьев. лѣт. 1872 г. Спб., стр. 82.

[4]) Ипатьев. лѣт., стр. 145, Лавр. лѣт., стр. 201.

совъ" [1]). Даже и этотъ отрывокъ письма скорѣе указываетъ на заботу хазарскаго правительства о руссахъ, чѣмъ на враждебное къ нимъ отношеніе. Но эта крѣпость построена гораздо раньше, какъ видно изъ извѣстій византійцевъ, именно при императорѣ Θеофилѣ, т. е., въ 829—842 гг. [2]), а первое извѣстіе о походахъ руссовъ на востокъ относится къ 880 г. Эта крѣпость въ IX в., какъ ясно говоритъ объ этомъ Кедренъ, служила оплотомъ противъ печенѣговъ [3]). Относительно же назначенія Саркела въ X в. мы находимъ ясное указаніе у Массуди, который разсказываетъ, что при соединеніи двухъ рукавовъ хазарской рѣки (Донъ+Волга) хазары построили крѣпость, въ которой находится гарнизонъ для удержанія кочевыхъ народовъ, особенно узовъ (торковъ) [4]), которые, преимущественно зимой, переходя по льду, дѣлаютъ набѣги на области Хазаріи. Иногда царь хазарскій бываетъ принужденъ являться самъ на помощь своему укрѣпленію [5]). Слѣдовательно, сооруженіе его было первоначально направлено именно ко благу осѣдлаго русско-славянскаго населенія, и не вина хазарскаго правительства, что эти самые руссы объявились потомъ такими разбойниками. Нельзя поэтому не раздѣлять мнѣнія г. Куника, что съ паденіемъ хазарскаго каганата дикія печенѣжскія, а за ними половецкія орды могли свободно бродить по обширнымъ равнинамъ между низовьями Днѣпра и Волги, а съ ними было справиться труднѣе, чѣмъ съ нѣсколько уже цивилизованными хазарами [6]). Послѣдующія событія русской исторіи вполнѣ оправдываютъ этотъ взглядъ уважаемаго ученаго. Мы остановились на подвигахъ Святослава на востокѣ потому, что результаты ихъ вполнѣ ясны и не требуютъ никакихъ догадокъ и предположеній: ворота изъ Азіи въ Европу съ паденіемъ хазарскаго каганата были настежъ открыты для кочевыхъ массъ, и не Европа одержала тутъ побѣду надъ Азіей, а наоборотъ,—дана была возможность, хотя временной, побѣды Азіи надъ Европой въ лицѣ русскаго народа. Что касается подвиговъ Святослава въ дунайской Болгаріи, то и тутъ мы не

[1]) Nouvelles Annales des voyages. 1851 v. III, p. 13.

[2]) Krug. „Kritische Versuch zur Aufklärung der byzantischen Chronologie", s. 325.

[3]) Georgius Cedrenus. Bonnae. 1839. v. II. p. 129—130.

[4]) См. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы", гл. II.

[5]) D'Ohsson. „Les peuples du Caucase", p. 117; Frähn. „Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte". S. 60.

[6]) Дорнъ. „Каспій", стр. 523.

имѣемъ никакихъ вѣскихъ данныхъ, никакихъ доказательствъ для утвержденія, что эти подвиги были предприняты съ ясно обдуманной цѣлью, и только можемъ строить гипотезы о пользѣ, какую они могли принести русской землѣ. Результатомъ дѣятельности Святослава явилось временное ослабленіе восточной торговли, которая мирно процвѣтала подъ покровительствомъ хазарскаго каганата, ослабленіе силъ русскаго государства и усиленіе на его границахъ опаснаго врага, печенѣговъ. Походы этого князя имѣютъ очень много общаго съ морскими предпріятіями готовъ у насъ на югѣ и норманновъ на сѣверѣ. Говоря все это, мы далеки отъ мысли установить окончательно взглядъ на историческое значеніе дѣятельности Святослава Игоревича, но, по нашему мнѣнію, едва ли также возможно считать вѣрной ту оцѣнку ея, какую мы находимъ въ брошюрѣ г. Завитневича. Вообще, нельзя не сказать, что разсматриваемая работа грѣшитъ догматизмомъ изложенія и слабостью анализа источниковъ и самыхъ фактовъ.

П. Голубовскій.

Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы кіево-софійскаго собора. Спб. 1888

Русская наука въ послѣдніе годы обогатилась превосходными изслѣдованіями о византійскомъ искусствѣ и вліяніи его на древнерусское искусство. Въ этой области знаній сдѣланъ цѣлый рядъ блестящихъ завоеваній и пріобрѣтеній, главнымъ образомъ благодаря трудамъ Н. П. Кондакова, Ѳ. И. Буслаева, А. И. Кирпичникова, Н. В. Покровскаго спеціально по исторіи искусства, и общимъ изслѣдованіямъ по византійской исторіи г. Васильевскаго и г. Успенскаго. Изслѣдованія Ѳ. И. Буслаева о лицевомъ Апокалипсисѣ, Н. П. Кондакова о византійскихъ церквахъ и памятникахъ Константинополя, Н. В. Покровскаго объ изображеніяхъ Страшнаго суда, А. И. Кирпичникова объ иконописныхъ изображеніяхъ Пресвятой Дѣвы Маріи могутъ служить украшеніемъ русской научной литературы и даютъ ей почетное мѣсто въ научной литературѣ западно-европейскихъ народовъ.

Небольшая брошюра Н. П. Кондакова о фрескахъ лѣстницы кіево-софійскаго собора отличается обиліемъ драгоцѣнныхъ фактическихъ данныхъ, строгой системой въ ихъ распредѣленіи, яснымъ

и простымъ изложеніемъ. Авторъ вполнѣ овладѣлъ обширнымъ научнымъ матеріаломъ и пользуется имъ, какъ мастеръ своего дѣла, свободно и смѣло, давая каждой мелочи соотвѣтствующее ей мѣсто и надлежащее освѣщеніе.

Фрески, покрывающія стѣны и внутренніе столбы обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры кіево-софійскаго собора, представляются любопытнымъ памятникомъ русско-византійскаго искусства. Проф. Н. П. Кондаковъ, оставляя въ сторонѣ полное описаніе и истолкованіе всего памятника, заботится объ установкѣ извѣстнаго общаго взгляда на его содержаніе. Основное положеніе Н. П. Кондакова состоитъ въ томъ, что содержаніе лѣстничныхъ фресокъ кіево-софійскаго собора, какъ и ихъ стиль, взято исключительно изъ древности византійской и никакого прямаго отношенія къ древне-русскому быту не имѣетъ. Положеніе это доказывается анализомъ главнѣйшихъ фресковыхъ сюжетовъ. Оказывается, что мы имѣемъ здѣсь рядъ изображеній византійскихъ цирковыхъ представленій съ варварами, затѣмъ зрѣлищъ константинопольскаго ипподрома, переданныхъ съ большими историческими реальными подробностями, наконецъ, изображенія воинскихъ игръ, различныя ряженія и византійскія коляды. Въ историко-бытовомъ и историко-литературномъ отношеніяхъ весьма любопытными представляются иллюстраціи древнѣйшихъ колядъ, разсѣянныя тамъ и сямъ по стѣнамъ и сводамъ лѣстницъ кіево-софійскаго собора, въ медальонахъ, клеймахъ и остаткахъ сценъ и фризовъ. „Врядъ ли когда-нибудь, замѣчаетъ Н. П. Кондаковъ, можно будетъ доказательно разъяснить тѣ мотивы, которые вызвали исполненіе фресокъ, было ли это дорогое для кіевскаго князя воспоминаніе о посѣщеніи имъ Цареграда, пріемахъ и празднествахъ, пирахъ и играхъ, которыми они сопровождались, или же искусный декораторъ, призванный въ Кіевъ, самъ озаботился расписать въ веселомъ и праздничномъ вкусѣ эти лѣстницы хоровъ кіево-софійскаго собора. Несомнѣнно, прежде всего, что роспись была въ духѣ времени и не въ одномъ Кіевѣ, какъ то доказываетъ живопись мавританскаго плафона Палатинской капеллы въ Палермо... Именно и тамъ мы видимъ охоты на медвѣдя и за козулями, и цѣлый рядъ играющихъ на зурнѣ и свирѣли рабынь, и пиръ царя и царицы въ восточной обстановкѣ, и нагихъ борющихся атлетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фантастическихъ грифоновъ, львовъ, павлиновъ и коршуновъ, уносящихъ козулю, и царственныхъ орловъ въ легендарныхъ сюжетахъ... Но въ то время, какъ сицилійскіе или, м. б.,

мавританскіе мастера брали цѣликомъ свои сюжеты изъ восточной живописи, кіевскій декораторъ зналъ только византійскій стиль иску ства, его содержаніе, а вмѣсто мавровъ, зналъ варяговъ, хазаръ". Далѣе, Н. П. Кондаковъ развиваетъ ту мысль, что византійскій стиль и константинопольская тема кіевскихъ фресковыхъ сюжетовъ основаніе имѣютъ азіатское, восточно-варварское. Византійская цивилизація воспринимала восточныя вліянія частью изъ Персіи, при чемъ иранское вліяніе шло черезъ Сирію и Малую Азію, частью изъ глубины Средней Азіи и отъ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей, при чемъ вліяніе это шло по пути колоссальныхъ народныхъ передвиженій съ востока на западъ во время великаго переселенія народовъ. Восточныя культурныя вліянія въ Византіи сливались въ цѣльный сплавъ, въ которомъ роль основнаго металла играло національное греческое искусство, и уже въ обработанномъ видѣ шли изъ Византіи на православную Русь и римско-католическій Западъ.

Статья Н. П. Кондакова о фрескахъ лѣстницъ кіево-софійскаго собора составляетъ отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Императорскаго Русскаго Археолог. Общ". т. III, стр. 287—306, гдѣ она помѣщена въ видѣ предисловія къ издаваемому Рус. Археол. Обществомъ атласу рисунковъ фресокъ и мозаикъ кіево-софійскаго собора.

Н. С.

Скиѳскія древности. Изслѣдованія А. Лаппо-Данилевскаго. Спб. 1887.

Скиѳія и главный литературный источникъ для изученія ея— Геродотъ породили огромную ученую литературу на Западѣ и у насъ. Но изученіе быта народовъ, населявшихъ югъ Россіи въ „скиѳскую" эпоху, впервые поставлено на реальную почву въ текущемъ столѣтіи, благодаря археологическимъ раскопкамъ, давшимъ ничѣмъ незамѣнимый, богатый матеріалъ для провѣрки и пополненія данныхъ, оставленныхъ отцомъ исторіи. Съ характеромъ случайнымъ были производимы раскопки въ Новороссіи еще въ прошломъ вѣкѣ. Такъ, въ 1763 году генералъ-поручикъ Мельгуновъ разрылъ богатый курганъ въ урочищѣ Кучеровы Буераки на р. Тясминѣ. Въ началѣ текущаго столѣтія производили раскопки близь Керчи и на Тамани Дюбрюксъ, Ашикъ и Корейша. Въ 1830 году наука обогатилась раскопкой знаменитой Куль-Обской могилы, въ 6 верстахъ отъ Керчи, раскопкой, давшей первую яркую иллюстрацію къ разсказу Геродота о похоро-

нахъ скиѳскихъ царей и открывшею для науки драгоцѣнную вазу съ барельефами, изображающими сцены изъ скиѳской жизни. Учрежденное въ 1839 году, съ пособіемъ отъ правительства, Одесское Общество Исторіи и Древностей въ дѣлѣ раскопокъ заявило себя мало, хотя ему и предоставлено было съ самаго начала право производить раскопки. Въ 50-хъ годахъ вниманіе археологовъ обращается на побережье Днѣпра. Въ 1852—1856 годахъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго, Терещенко и Люценко изслѣдовали Луговую могилу близь с. Александрополя екатеринославскаго уѣзда; въ 1856 г. Савельевъ, по его же порученію, раскопалъ близь того же села Долгую могилу. Учрежденная въ 1859 г. Археологическая Коммиссія энергически продолжала начатое дѣло. Не оставляя окрестностей Керчи и Таманскаго полуострова, она поручила производство раскопокъ въ екатеринославскомъ уѣздѣ своему члену Забѣлину, раскопавшему въ 1860—63 гг. толстую Краснокутскую могилу, Острую, двѣ Близницы, Каменную и толстую Чертомлыцкую и много другихъ безъименныхъ. Въ 1884 г. Самоквасовъ изслѣдовалъ на средства той же Коммиссіи значительное число могилъ въ александровскомъ уѣздѣ екатериносл. губ. Въ то же время не ослабѣвала и частная предпріимчивость. Такъ, землевладѣлецъ верхнеднѣпровскаго уѣзда А. Н. Поль много лѣтъ уже производитъ на свои средства раскопки въ названномъ и иныхъ уѣздахъ екатеринославской губ.; ближайшее отношеніе къ скиѳскимъ древностямъ имѣютъ раскопки г. Мазараки въ полтавской губ. и гр. Бобринскаго — въ кіевской. Слѣдуетъ однако замѣтить, что по части раскопокъ особенно посчастливилось лѣвобережной, восточной Новороссіи, тогда какъ западная почти совсѣмъ еще не изслѣдована и ждетъ изыскателей.

Такимъ образомъ, для изученія степнаго пространства юга Россіи, въ извѣстной мѣрѣ совпадающаго съ границами Геродотовой Скиѳіи, сдѣлано наукою довольно много, хотя несравненно больше остается работы на будущее время. Г. Лаппо-Данилевскій въ названной выше книгѣ дѣлаетъ первый опытъ подробнаго, кропотливаго и внимательнаго свода добытыхъ доселѣ археологическихъ данныхъ о Скиѳіи, сличая ихъ съ свѣдѣніями историковъ, главнымъ образомъ, разумѣется, Геродота. Правда, раньше его г. Забѣлинъ далъ обзоръ скиѳскихъ древностей въ главѣ „Скиѳія въ своихъ могилахъ", въ I томѣ „Исторіи русской жизни"; г. Полевой, въ популярной „Русской исторіи въ памятникахъ быта", посвящаетъ Скиѳіи также главу, въ

которой приняты во вниманіе и результаты новѣйшихъ раскопокъ. Но изслѣдованіе г-на Данилевскаго имѣетъ передъ ними преимущество въ полнотѣ, разносторонности и детальности. Разсмотрѣвъ въ первой главѣ вопросы о границахъ Геродотовой Скиѳіи и о народности скиѳовъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія по исторіи ихъ, обращая преимущественное вниманіе на ихъ торговлю съ югомъ Европы и съ Азіею; во второй главѣ онъ переходитъ къ изложенію свѣдѣній о матеріальномъ бытѣ скиѳовъ: объ ихъ занятіяхъ, пищѣ, жилищахъ, одеждѣ, вооруженіи и утвари; главы третья и четвертая посвящены изображенію быта духовнаго: обычаевъ, семейныхъ и общественныхъ отношеній, умственнаго и нравственнаго развитія скиѳовъ, ихъ письменности, искусствъ, знаній и религіи. Исходя изъ того положенія, что наименованіе *скиѳы* у Геродота и у другихъ древнихъ писателей не было терминомъ строго этнографическимъ для обозначенія одной цѣльной народности, а географическимъ, авторъ старается вездѣ прослѣдить различіе между западной и восточной половинами Скиѳіи, раздѣляемыми естественной границею—рѣкою Днѣпромъ. Восточная половина была занята населеніемъ кочевымъ и воинственнымъ, западная, напротивъ, земледѣльческимъ и мирнымъ; при этомъ послѣднее находилось въ зависимости отъ восточныхъ своихъ сосѣдей. Къ сожалѣнію, эта плодотворная мысль—подмѣтить областныя особенности въ древностяхъ Скиѳіи—выполнена г. Данилевскимъ неудовлетворительно, въ чемъ нельзя винить только автора; дѣло въ томъ, что Геродотъ останавливается съ большею подробностью на скиѳахъ—властителяхъ, т. е. восточныхъ, оставляя въ тѣни подвластныхъ имъ западныхъ скиѳовъ; мы упоминали уже, что западная Скиѳія мало изслѣдована, или почти вовсе не изслѣдована и археологами. Важно, впрочемъ, и то уже, что намѣченъ новый путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій и указанъ существенный пробѣлъ въ наукѣ.

Не можемъ не засвидѣтельствовать большой эрудиціи автора по избранному имъ предмету. Кромѣ главнаго письменнаго источника—Геродота, который по праву занялъ мѣсто во главѣ угла его изслѣдованія, г-мъ Данилевскимъ тщательно разсмотрѣны и сличены извѣстія, даже самыя мелкія, и другихъ древнихъ авторовъ; извѣстія письменныя поставлены въ связь со множествомъ археологическихъ данныхъ; добытое такимъ образомъ подвергнуто сличенію съ данными другихъ европейскихъ и азіатскихъ странъ; кое гдѣ подысканы аналогіи у современныхъ варварскихъ и дикихъ народовъ,

хотя не вездѣ удачно и не съ подобающею точностью. Главный недостатокъ труда тотъ, что авторъ не выяснилъ, какіе именно археологическіе памятники и почему считаетъ онъ скиѳскими. Положимъ, совпаденіе разсказа Геродота о похоронахъ царей съ данными, добытыми раскопками большихъ, такъ называемыхъ—толстыхъ могилъ въ екатеринославской губерніи, такъ поразительны, а хронологическія указанія вещей, открытыхъ въ нихъ, такъ неоспоримы, что принадлежность этихъ могилъ скиѳамъ можетъ оставаться внѣ сомнѣнія; но г. Данилевскій насчитываетъ нѣсколько группъ скиѳскихъ могилъ, съ различными типами погребенія, относя эти группы къ разнымъ кланамъ скиѳскаго населенія; вотъ тутъ то и требовался тщательный анализъ источниковъ вещественныхъ, ибо письменные даютъ подробныя свѣдѣнія только о похоронахъ царскихъ, упоминая о похоронахъ простолюдиновъ въ общихъ чертахъ и при томъ такъ, что археологъ ничего здѣсь важнаго почерпнуть для себя не можетъ. Почему эти бѣдныя могилы, которыми усыпанъ югъ Россіи и въ которыхъ нерѣдко никакихъ предметовъ быта не находятъ,—почему онѣ принадлежатъ скиѳскому простонародью и почему нельзя отнести ихъ къ другой народности, жившей тутъ же раньше или позже скиѳовъ,—остается не выясненнымъ. Отъ этого у автора встрѣчаются рискованныя положенія. Къ таковымъ мы относимъ, напримѣръ, причисленіе къ скиѳскимъ могилъ по рр. Роси и Рассавѣ, съ трупосожженіемъ и со слѣдами совсѣмъ особой культуры (стр. 143). Положеніе памятника въ мѣстности, которая одно время (хотя бы и продолжительное) занимаема была скиѳами, не есть еще доказательство того, что онъ непремѣнно принадлежитъ скиѳамъ; степи южнорусскія по природѣ своей такъ открыты, а историческія судьбы ихъ столь давни, разнообразны и въ то же время темны, что вопросъ о народности безчисленныхъ могилъ ихъ—въ высшей степени трудный. Самъ авторъ какъ будто понимаетъ это, что̀ видно по колебаніямъ и сомнѣніямъ, выражаемымъ имъ не разъ по частнымъ вопросамъ о народности памятниковъ.

Пожалѣемъ еще и о невыработанности формы, особенно слога, которая нерѣдко затемняетъ смыслъ. Приведемъ примѣры: „Начиная съ внѣшней стороны насыпи этихъ могилъ, мы сталкиваемся прежде всего съ вопросомъ о томъ, находятся ли въ какомъ либо отношеніи (къ чему?) тѣ каменныя бабы, которыя встрѣчаются на нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (стр. 125). „Первые (западные скиѳы) употребляли для этого (для рыбной ловли) особаго рода приборъ—удочку

съ бронзовымъ крючкомъ, подобно древнимъ египтянамъ или даже современнымъ рыболовамъ, способъ, извѣстный лишь немногимъ дикимъ племенамъ, при чемъ (?) они пользуются не спеціально приготовленными для этого орудіями, а когтями птицъ или острыми раковинами“ (стр. 155). „Этотъ обычай (обычай побратимства) съ незначительными измѣненіями *существуетъ* у весьма разнообразныхъ народностей, какъ то: Татаръ, *Лидянъ* и *Ассирійцевъ*, Армянъ и *Иберійцевъ*“ и пр. (стр. 165). Иногда попадаются странныя или ошибочныя мысли; таково, напримѣръ, опредѣленіе слова культура: „этотъ духъ народный непосредственно выражается въ умственномъ и религіозно-нравственномъ развитіи народа, *т. е. культурѣ*“ (стр. 149)—и т. п.

В. Ястребовъ.

Solidy Bolesława z napisem słowianskim. Studium numizmatyczne. K. Bołsunowskiego. Кіевъ 1887 г.

Эта небольшая (въ 40 страницъ), очень дорогая по цѣнѣ (1 р), но изящная брошюрка съ прекрасно выполненными чертежами 13 монетъ, затрогиваетъ весьма важный вопросъ въ исторіи славянства вообще и Польши въ частности: употреблялась ли въ послѣдней (т. е. Польшѣ) въ X—XI вв. кириллица и не стояло ли употребленіе ея въ связи съ исповѣданіемъ народомъ православія, хотя самъ князь принялъ уже католичество? Дѣло въ томъ, что существуетъ 13 монетъ (шеляговъ, solidus) съ именемъ Болеслава и патріаршимъ крестомъ; одни изъ нихъ, именно 7, съ славянской надписью имени; остальные 6 съ латинской; монеты съ славянской надписью найдены одна въ Пинчовѣ, одна въ Новомъ Дворѣ, три на остр. Борнгольмѣ и двѣ неизвѣстнаго происхожденія пріобрѣтены въ Кіевѣ; одна изъ послѣднихъ находится въ богатомъ нумизматическомъ музеѣ, принадлежащемъ автору. Всѣ семь монетъ съ славянской надписью сходны между собой въ изображеніи князя и расположеніи буквъ на лицевой сторонѣ, и въ изображеніи патріаршаго креста на оборотной. Разнятся онѣ лишь тѣмъ, что на одной, пинчовской, Болеславъ изображенъ молодымъ, а на другой, принадлежащей автору, есть незначительное отличіе въ одеждѣ. Все свое вниманіе авторъ посвящаетъ пинчовской монетѣ, потому что она одна можетъ помочь опредѣленію принадлежности ея тому или иному Болеславу; эту же

монету подробно изслѣдовалъ г. Стрончинскій и призналъ ее за монету польскаго князя Болеслава Храбраго (992—1025), чеканенную для Руси въ Кіевѣ въ 1018 году, во время захвата имъ нашего города. Пинчовская монета найдена въ кладѣ среди англо-саксонскихъ, венгерскихъ, чешскихъ и друг. монетъ X—XI вѣка; многія изъ нихъ были поломаны, нѣкоторыя обращены въ слитки и лишь небольшая часть уцѣлѣла; по мнѣнію г. Стрончинскаго этотъ кладъ относится къ концу XI-го вѣка и зарытъ, по неизвѣстной теперь причинѣ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; но если кладъ, дѣйствительно, зарытъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ въ болѣе позднее, чѣмъ XI в., время, то онъ могъ переливать и ломать монету лишь вышедшую уже изъ употребленія; если же кладъ зарытъ купцомъ, не успѣвшимъ всей монеты обратить въ слитки, то онъ могъ имѣть лишь ходячую монету своего времени, и тогда кладъ надо отнести къ XI-му вѣку; во всякомъ случаѣ, монету Болеслава нельзя отнести къ позднѣйшимъ вѣкамъ, но только къ XI-му вѣку, къ которому относятся всѣ другія монеты того же клада. Между тѣмъ авторъ, г. Болсуновскій, не представляя никакихъ основательныхъ возраженій г. Стрончинскому, думаетъ, что монета Болеслава почему то принадлежитъ XIV вѣку и что самый кладъ зарытъ въ томъ же вѣкѣ. Но такъ какъ время зарытія клада опредѣлить невозможно, за отсутствіемъ какихъ либо болѣе прочныхъ основаній, то мы склоняемся къ весьма вѣроятному мнѣнію г. Стрончинскаго, относящаго кладъ ко времени, ближайшему къ позднѣйшей монетѣ Спитекнева Гешскаго (1055—1061 гг). Далѣе, г. Болсуновскій пытается приписать болеславову монету кому-либо изъ русскихъ князей съ этимъ именемъ; такихъ князей онъ называетъ три: 1) неизвѣстнаго Болеслава, объ обращеніи котораго въ католичество ходатайствовалъ въ Римѣ Владиславъ Локотокъ въ 1327 году; но намъ кажется, объ оставленіи имъ монеты не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе его неизвѣстности; 2) Болеслава Тройденовича (1337—1340), послѣдняго князя галицкой Руси; но и этотъ князь не могъ оставить монеты съ этимъ именемъ, ибо извѣстенъ болѣе подъ христіанскимъ именемъ Юрія и княжилъ слишкомъ не долго, чтобы оставить по себѣ значительное количество монеты съ именемъ Болеслава; и 3) Свидригайла-Болеслава, литовскаго князя (1430—1437 г); этотъ также никогда не писался именемъ Болеслава, но Швидригайла. Изъ этихъ трехъ князей авторъ облюбовалъ Болеслава Тройденовича и относитъ монету къ нему на томъ лишь слабомъ и шаткомъ основаніи, что не могла же Червоная Русь, будучи

страной торговой, не имѣть своей монеты. Если и правда, что въ Червонной Руси могла быть своя монета, то все-таки ей нельзя приписывать монету болеславову, по указанной выше причинѣ. Вообще авторъ не допускаетъ возможности, чтобы кто-либо изъ польскихъ князей чеканилъ монету съ славянской надписью.

Мы не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго автора и, напротивъ, думаемъ, что монеты съ славянскимъ именемъ Болеслава принадлежатъ именно польскому князю Болеславу Храброму (992—1025 гг.), чеканившему такую монету для самой Польши. Такое предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ фактахъ:

1) Употребленіе въ Польшѣ славянской азбуки (кириллицы) въ X—XIV вв. признается какъ польскими, такъ и русскими историками; поэтому нѣтъ основанія отрицать употребленіе ея Болеславомъ Храбрымъ.

2) Употребленіе латинскаго алфавита рядомъ съ кириллицей и въ Польшѣ и въ Литвѣ составляетъ обычное явленіе, которое мы видимъ въ грамотахъ королей и князей даже въ XVI вѣкѣ; поэтому возможно, что Болеславъ Храбрый чеканилъ, быть можетъ, свои монеты и съ латинской надписью.

3) Употребленіе патріаршаго креста свидѣтельствуетъ объ исповѣданіи народомъ (если и не княземъ) православія, которое распространено здѣсь славянскими первоучителями св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, просвѣтившими и русскаго князя Владиміра св., чему мы празднуемъ теперь девятсотъ-лѣтіе и въ чемъ должны были бы принять участіе и наши польскіе братья. Но хотя и извѣстно, что Болеславъ подчинялся вліянію Запада, то не слѣдуетъ забывать, что различіе между исповѣданіями восточнымъ и западнымъ не было еще очень рѣзко и разрыва между церквями не произошло, хотя онъ уже былъ близокъ; римскіе епископы могли стараться не столько объ искорененіи различія, сколько о подчиненіи вообще и, уступая поэтому народному желанію оставаться при прежнихъ формахъ славянскаго исповѣданія, допускали и кириллицу и патріаршій крестъ; даже одна монета (у г. Болсуновскаго № 10) съ латинской надписью Болеслава имѣетъ тотъ же патріаршій крестъ; что народъ дѣйствительно не былъ доволенъ римскимъ вліяніемъ, это видно изъ того реакціоннаго движенія противъ духовенства, которое обнаружилось при преемникахъ Болеслава и сдерживалось лишь силою послѣдняго при жизни: „и вьставша людье, и избиша епископы и попы и бояры

своя, и бысть мятежь въ нихъ", говоритъ о Польшѣ Ипатская лѣтопись подъ 1030 годомъ.

4) Мѣсто нахожденія большей части славянскихъ болеславовыхъ монетъ (пять изъ семи)—сѣверная половина польскихъ владѣній и ближайшаго къ ней острова Борнгольма.

5) Всѣ славянскія болеславовы монеты, какъ мы сказали раньше, сходны по наружному виду и лишь пинчовская изображаетъ князя юношей; но это не противорѣчитъ истинѣ, ибо мы знаемъ, что Болеславъ вступилъ на престолъ по смерти своего отца Мечислава въ въ 992 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду; остальныя такія же монеты изображаютъ Болеслава въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Итакъ, въ брошюрѣ г. Болсуновскаго мы находимъ лишь новое доказательство употребленія въ Польшѣ общеславянскаго кирилловскаго письма и исповѣданія вѣры по восточному обряду, этихъ двухъ важныхъ явленій, связывавшихъ Русь съ Польшей, о чемъ такъ умѣстно вспомнить теперь, когда мы возвращаемся въ памяти къ отдаленному отъ насъ на девять столѣтій времени и стараемся воскресить его въ своемъ воображеніи.

Тѣмъ не менѣе однако же, мы высказываемъ здѣсь лишь наше крайнее разумѣніе и желали бы, чтобы указанный въ началѣ весьма важный научный вопросъ былъ обстоятельнѣе разобранъ нашими нумизматиками-спеціалистами.

И. Каманинъ.

Юбилейныя изданія: a) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ профессоръ кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій. Изданіе с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Спб. 1888 г. b) Житіе святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Составилъ протоіерей Г. С. Дебольскій. Спб. 1888 г. c) Е. Де-Витте. Равноапостольный князь Владиміръ Святый. Ковно. 1888 г.

a) Къ числу литературныхъ трудовъ, которыми долженъ быть отмѣченъ приближающійся юбилей 900-лѣтія крещенія Руси и должно быть запечатлѣно въ памяти народной великое событіе, относится трудъ уважаемаго профессора кіевской духовной академіи И. И. Малышевскаго: „Житіе святаго и равноапостольнаго князя Владиміра". По нашему мнѣнію, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ своему

назначенію—дать обществу всѣхъ слоевъ общедоступное, живое описаніе жизни великаго князя, великаго не только потому, что онъ былъ княземъ Кіева, „матери городовъ русскихъ", но и по великой заслугѣ его предъ русской землей, выдвинутой имъ на путь христіанскаго, т. е. общечеловѣческаго развитія. Указанная цѣль, говоримъ мы, вполнѣ достигается, ибо „Житіе", составленное И. И. Малышевскимъ, будетъ понятно и интересно не только для читателя вполнѣ интеллигентнаго, но и для всякаго грамотнаго человѣка. При составленіи „Житія" авторъ воспользовался всѣми русскими источниками, которые могли дать свѣдѣнія о жизни Владиміра св. Такъ, въ составъ „Житія" вошли извѣстія лѣтописей не только древнѣйшихъ, но и позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, „Память и Похвала" Іакова Мниха, „Слово о законѣ и благодати" митрополита Иларіона, „Уставъ церковный" Владиміра св. и др. Въ „Житіи", конечно, не могло быть допущено никакой критики, никакого возстановленія фактовъ въ ихъ дѣйствительномъ видѣ, такъ какъ этимъ самымъ уничтожилась бы его общедоступность. Избѣгая спорныхъ вопросовъ, авторъ держится хронологіи лѣтописи, не принимая совершенно во вниманіе показаній Іакова Мниха, которыя требуютъ еще весьма строгой критической провѣрки. Несомнѣнно, изъ источниковъ почерпнуто много данныхъ, достовѣрность которыхъ не вполнѣ еще установлена русской исторической наукой, хотя и существуетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ уже значительная литература. Къ числу такихъ сомнительныхъ извѣстій источниковъ, нерѣшенныхъ вопросовъ относятся разсказъ лѣтописи о поселеніи русскихъ славянъ на Дунаѣ, о посольствахъ съ предложеніемъ вѣры къ Владиміру св. отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ: болгаръ волжскихъ, хазаръ, нѣмцевъ и грековъ, и объ испытаніи вѣръ этихъ народовъ русскимъ княземъ чрезъ своихъ собственныхъ пословъ, о посылкѣ Владиміромъ св. послѣ его крещенія миссіонеровъ для распространенія христіанства у волжскихъ болгаръ, о крещеніи князей печенѣжскихъ; нерѣшеннымъ окончательно является еще вопросъ о племенномъ происхожденіи болгаръ и объ „Уставѣ церковномъ" Владиміра св. Послѣдній документъ, какъ извѣстно, одними признается за вполнѣ достовѣрный; другіе же не прочь отнести его происхожденіе къ болѣе позднему времени и, такимъ образомъ, готовы считать его подложнымъ. Но, какъ мы уже сказали, въ разсматриваемой брошюрѣ не было мѣста для изслѣдованія. Мало этого, мы думаемъ, что воспользоваться всѣми этими данными и другими леген-

дарными извѣстіями лѣтописи было безусловно обязательно. Житіе должно представить намъ личность князя Владиміра такъ, какъ его представлялъ себѣ народъ въ ближайшія послѣдующія по его смерти времена, а это представленіе народное о самомъ фактѣ крещенія Руси и о виновникѣ его св. князѣ именно и могло найти себѣ мѣсто лишь въ преданіяхъ и легендахъ о нихъ народа. Вотъ почему составитель „Житія" не пользуется данными, находимыми въ источникахъ иностранныхъ, какъ хроника Титмара Мерзебургскаго, сага о св. Олавѣ и др.

Нельзя однако же сказать, что всѣ народныя сказанія о св. Владимірѣ, находимыя въ лѣтописи, вошли въ „Житіе", хотя они могли бы внести нѣсколько живыхъ чертъ въ характеристику князя и, какъ намъ кажется, не противорѣчили бы характеру „Житія", сдѣлавъ еще болѣе рельефнымъ перерожденіе, совершившееся съ Владиміромъ подъ вліяніемъ христіанства. Заканчивая нашъ отчетъ, считаемъ не лишнимъ указать содержаніе „Житія" по главамъ, какъ это сдѣлано самимъ составителемъ: 1) „Русскіе славяне на пути къ христіанству.—Первые христіане въ Кіевѣ. Св. Ольга". 2) „Князь Владиміръ до обращенія его къ христіанству". 3) „Обращеніе князя Владиміра къ христіанству". 4) „Крещеніе князя Владиміра въ Корсуни". 5) „Крещеніе славяно-русскаго народа въ Кіевѣ и по всей землѣ Русской". 6) „Христіанскія дѣла князя Владиміра". 7) „Земскія дѣла и семейная жизнь князя Владиміра въ христіанствѣ". 8) „Послѣдніе дни князя Владиміра, кончина его и священная въ церкви и народѣ память о немъ, какъ просвѣтителѣ земли Русской" и 9) „Да будетъ во благо намъ священная память о святомъ просвѣтителѣ земли Русской". Не можемъ въ заключеніе не обратить вниманія на превосходное изложеніе „Житія". Его языкъ—безукоризненно литературный, но вмѣстѣ съ тѣмъ блещетъ народнымъ колоритомъ, приближаясь и къ языку мѣстному и былинному, и къ языку нашихъ житій древняго періода, по способу построенія рѣчи.

b) Извѣстно, что до насъ дошли очень многія житія въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Житія древнѣйшихъ редакцій отличаются живостью красокъ, своею художественностью и вмѣстѣ съ тѣмъ полной поэзіи простотой, богатствомъ бытовыхъ чертъ, близостью къ описываемой жизни; личности святыхъ тамъ являются передъ нами полными жизни, производящими глубокое впечатлѣніе, а не отвлеченными образами. Совсѣмъ другое мы видимъ въ редакціяхъ позд-

нѣйшихъ: сухость изложенія, отсутствіе какого бы то ни было отраженія эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ святой, скудость фактовъ, но за то высокопарныя, риторическія украшенія, не имѣющія никакой цѣны ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи, не могущія тронуть ни ума, ни сердца. Нужно сказать, что въ такомъ же отношеніи стоятъ наши древнѣйшія лѣтописи, Ипатская и Лаврентьевская, къ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникамъ московскаго періода. „Житіе", составленное о. Дебольскимъ, вполнѣ можетъ быть отнесено къ разряду позднѣйшихъ редакцій. Авторъ не повѣствуетъ намъ о всей жизни св. князя, а даетъ лишь немногіе факты изъ нея въ сжатомъ и весьма сухомъ видѣ. А мы увѣрены, что о. Дебольскій знакомъ съ житіемъ св. Ѳеодосія, написаннымъ препод. Несторомъ. Тамъ вся жизнь великаго подвижника проходитъ предъ нами и со всѣми бытовыми красками ея времени. Авторъ подъ вліяніемъ бывшихъ у него источниковъ увлекся пошибомъ писаній позднѣйшихъ житій, и бо̀льшая часть его брошюрки наполнена риторическими выдержками изъ лѣтописей, притомъ именно позднѣйшихъ, изъ „Слова о благодати" митрополита Иларіона, изъ службы св. Владиміру. Для насъ положительно непонятно, почему о. Дебольскій не воспользовался нашими древнѣйшими лѣтописями, а лишь позднѣйшими лѣтописными сборниками. На Лаврентьевскую лѣтопись авторъ ссылается всего лишь одинъ разъ и то неудачно, будто князья Олегъ и Игорь были распространителями христіанства на Руси, чего ни въ Лаврентьевской, ни въ Ипатской лѣтописи положительно нѣтъ. А между тѣмъ древнѣйшія то лѣтописи и заключаютъ въ себѣ преданія людей болѣе близкаго къ Владиміру поколѣнія. Трудъ о. Дебольскаго скорѣе представляетъ собою проповѣдь, чѣмъ житіе, да и проповѣдь, которая едва ли можетъ произвесть глубокое впечатлѣніе на слушателей.

с) Брошюра Е. Де-Витте есть трудъ уже чисто историческій. Источники и пособія, хотя и немногочисленные, дали автору возможность вполнѣ удовлетворительно справиться съ своей задачей: дѣятельность Владиміра охвачена и обрисована съ достаточной полнотой. Трудъ де-Витте распадается на 8 главъ: 1) религія восточныхъ славянъ, 2) ихъ нравъ и культура, 3) развитіе и значеніе Кіева и распространеніе христіанства въ Руси до Владиміра св., 4) в. кн. Владиміръ, 5) крещеніе Руси, утвержденіе христіанства, 6) Владиміръ-христіанинъ, 7) состояніе западнаго славянства въ эпоху крещенія Руси и въ эпоху предшествующую, 8) всеславян-

ское значеніе Владиміра. Незнакомство со всѣми тѣми источниками первой руки, которые могутъ служить для исторіи Владиміра св., незнакомство съ нѣкоторыми спеціальными трудами по тому или иному вопросу, вводитъ иногда автора въ ошибки. Такъ Новгородъ В. у Е. де-Витте является при впаденіи въ оз. Ильмень р. Мсты, а не при истокахъ р. Волхова (18); Хвалынское море отдѣляется отъ Каспія (19); авторъ пишетъ „по Востри" (45), очевидно, не зная, что это р. Остеръ, впадающая въ Десну. Ясно также, что авторъ не вчитался какъ слѣдуетъ въ наши древнія лѣтописи, ибо предполагаетъ у насъ сентябрскій годъ, а не мартовскій, какъ было въ дѣйствительности (34). При перечисленіи иноземцевъ, жившихъ въ Кіевѣ, упущены болгары-мусульмане, а вмѣсто нихъ поставлены печенѣги-мусульмане, тогда какъ первое указаніе на попытку распространить у нихъ исламъ относится лишь къ 1009—1010 г. [1]). Кромѣ того, авторъ, находясь подъ польскимъ вліяніемъ, бывшихъ у него подъ руками пособій, ставитъ иногда положенія, которыя не отличаются прочною обоснованностью. Къ числу такихъ положеній относится напр. объясненіе всѣхъ междуусобій древняго періода нашей исторіи обычаемъ кровавой мѣсти, что указываетъ на слабое знакомство автора съ событіями удѣльно-вѣчеваго періода: сюда же надо отнести и разсужденіе г. де-Витте о защитѣ южныхъ границъ сѣвернымъ населеніемъ; отсюда же проистекаетъ и та путанница въ хронологіи, какую мы видимъ у автора на стр. 35. Несмотря на всѣ эти неточности, брошюру Е. де-Витте должно причислить къ числу лучшихъ компилятивныхъ, популярныхъ трудовъ по исторіи Владиміра св., которые могутъ представить интересъ для интеллигентнаго человѣка и дать ему довольно точныя и достаточно вѣрныя свѣдѣнія о жизни древней Руси въ эпоху св. Владиміра.

П. Голубовскій.

Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. М. 1888.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ двухъ „житій" св. Владиміра, одного очерка его жизни. Упомянемъ въ заключеніе еще объ одномъ юбилейномъ изданіи, заглавіе котораго мы выписали выше. Разсказъ несомнѣнно составленъ не по первоисточникамъ, а по пособіямъ и

[1]) Defrémery. Fragments des géographes, p. 15—16.

представляетъ изъ себя очень слабое произведеніе и въ историческомъ, и въ литературномъ отношеніи. Мы не найдемъ здѣсь фактической полноты, но за то къ удивленію своему узнаемъ, что „Владиміръ сильно любилъ свинину" (стр. 6). Неизвѣстно также почему авторъ считаетъ г. Овручъ, который былъ данъ Олегу, лучшимъ надѣломъ, чѣмъ Новгородъ В., который принялъ къ себѣ Владиміра, а между тѣмъ о новгородской торговлѣ съ Западомъ и Востокомъ имѣются положительныя данныя, а объ Овручѣ мы не знаемъ ничего. Въ этой раздачѣ удѣловъ былъ совершенно другой смыслъ, котораго авторъ не понимаетъ. По старинному шаблону, не давая фактовъ, авторъ голословно говоритъ о грубости нравовъ русско-славянскихъ племенъ, не обращая вниманія на то, что этому противорѣчитъ масса фактовъ историческихъ и археологическихъ, съ которыми авторъ, какъ видно, не знакомъ. Мы не приводимъ еще другихъ фактовъ изъ произведенія неизвѣстнаго автора, фактовъ, указывающихъ на весьма малое знакомство автора съ древне-русской жизнью. Разсматривая „Разсказъ" съ литературной точки зрѣнія, мы должны сказать, что языкъ его отличается неправильностью; самое изданіе сдѣлано небрежно; текстъ не чуждъ ошибокъ въ правописаніи, въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Вообще „Разсказъ", даже украшенный изображеніемъ св. Владиміра, производитъ грустное впечатлѣніе.

П. Голубовскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Имѣя въ виду предстоящее торжество въ память крещенія Руси при Владимірѣ святомъ, редакція „Кіевской Старины“ находитъ умѣстнымъ дать краткіе очерки старинныхъ церквей г. Кіева, связанныхъ съ именемъ равноапостольнаго князя. Это: 1) церковь, св. Василія, 2) Десятинная и 3) св. Спаса на Берестовѣ. Хотя послѣдняя и не построена самимъ Владиміромъ, но она пробуждаетъ живыя воспоминанія о великомъ просвѣтителѣ Руси, такъ какъ стоитъ на томъ мѣстѣ, на которомъ нѣкогда стоялъ загородный дворецъ великаго князя, гдѣ любилъ онъ проводить часы досуга, гдѣ онъ и скончался въ 1015 году.

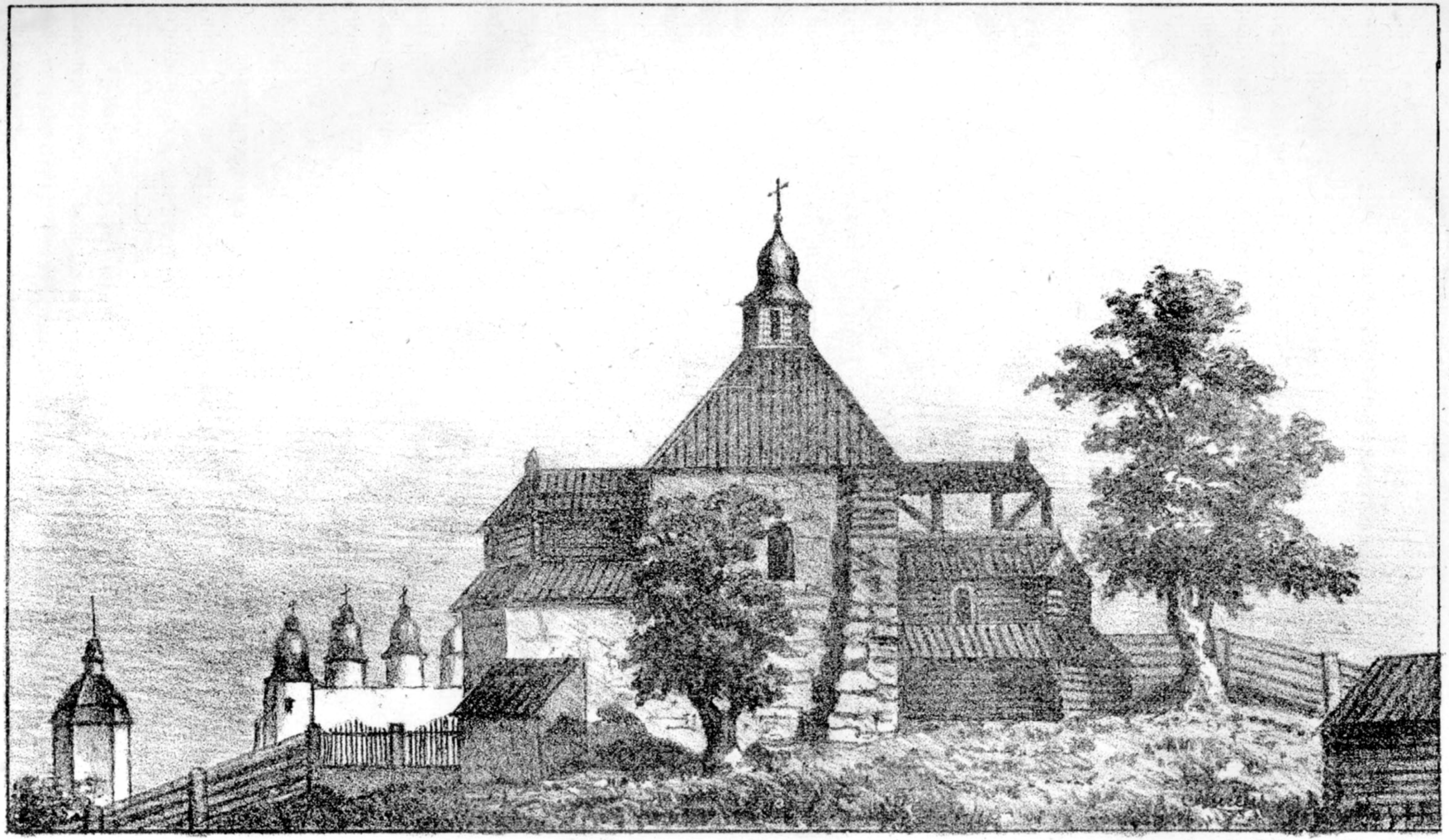
Ред.

Церковь св. Василія.

Церковь св. Василія находится въ старокіевскомъ участкѣ г. Кіева, между Михайловскимъ монастыремъ и Андреевскою церковью, на окраинѣ горной возвышенности, на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ главный идолъ Перунъ; между этою церковью и Михайловскимъ монастыремъ проходилъ *Боричевъ взвозъ*, по которому низвергнутаго идола влекли въ Днѣпръ, привязавъ къ конскому хвосту. Первую церковь поставилъ здѣсь св. Владиміръ по принятіи крещенія въ 988 году, когда повелѣлъ *рубити церкви.* Она была также срублена изъ дерева; спустя сто лѣтъ послѣ сего, вмѣсто этой деревянной, великій князь кіевскій Святославъ Всеволодовичъ создалъ небольшую каменную церковь, которую 1 янв. 1184 г. освящалъ митрополитъ кіевскій Никифоръ. Подлѣ этой церкви былъ *большой Ярославовъ дворъ;* здѣсь, вѣроятно, былъ *княжескій дворецъ и при*

св. Ольгѣ, такъ какъ она могла изъ него видѣть несеніе къ себѣ древлянскихъ пословъ на ладьяхъ по Боричеву. Нѣкоторые описатели Кіева полагали, будто отъ древней церкви св. Василія уцѣлѣлъ только кусокъ сѣверной стѣны съ щелеобразнымъ окномъ; но это совершенно невѣрно, потому что при починкѣ внѣшней и внутренней штукатурки этой церкви вездѣ въ стѣнахъ оказалась древняя кладка изъ тонкаго краснаго кирпича съ толстымъ слоемъ цемента изъ браиловской извести, смѣшанной съ толченымъ кирпичемъ, какъ во всѣхъ кіевскихъ зданіяхъ XI и XII вѣка. Не уцѣлѣлъ только куполъ древней церкви и ея сводъ; они складены въ началѣ XVIII вѣка. У Боплана, гдѣ говорится объ остаткахъ церкви св. Василія съ гробами князей, нужно разумѣть развалины Десятинной церкви, такъ какъ изъ лѣтописей не видно, чтобы кто-нибудь изъ князей былъ погребенъ въ Васильевской церкви, а о Десятинной Бопланъ вовсе не упоминаетъ. Переживъ татарскій погромъ Кіева и запустѣніе его въ теченіи XV и XVI вѣковъ, церковь св. Василія въ 1638 г. по грамотѣ королевской перешла въ вѣдѣніе Кіево-Братскаго монастыря со всѣми своими землями, данными ей отъ великихъ князей, и переименована въ *Трехсвятительскую.* Въ 1651 г. 17 авг. она сгорѣла и, какъ запустѣлая, обращена была въ хлѣбный амбаръ для кіевскаго гарнизона московскихъ войскъ, при чемъ при ней были построены и деревянные магазины для той же цѣли числомъ 9. Въ 1691 году эту запустѣлую церковь испросилъ въ свое вѣдѣніе у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей митрополитъ кіевскій Варлаамъ Ясинскій, обновилъ и учредилъ при ней мужской монастырь. Въ 1787 г. монастырь Трехсвятительскій упразднень и церковь обращена въ приходскую. Въ прошломъ 1887 г. она обновлена извнутри и снаружи съ устройствомъ въ ней отопленія, а въ настоящемъ 1888 г. по постановленію консисторіи, съ утвержденія митрополита кіевскаго Платона, переименована по древнему въ церковь св. Василія, а пристроенный къ ней митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, придѣлъ Нерукотвореннаго образа переименованъ во имя св. Ольги.

П. Л.



Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Видъ церкви, устроенной изъ остатковъ древней Десятинной Митрополитомъ Петромъ Могилою.

Десятинная церковь.

Послѣ крещенія кіевлянъ св. Владиміръ, не довольствуясь постройкой деревянныхъ церквей, „помысли создати каменную церковь святыя Богородицы“ (Ип. 83). Для этой цѣли онъ пригласилъ греческихъ мастеровъ и художниковъ, и „придоша изъ Грекъ въ Кіевъ ко Володимеру каменосѣчцы и зиждателѣ палатъ каменныхъ“ (Ник. I. 103).

Мѣсто для церкви было выбрано вблизи княжаго двора, на сѣверо-западной сторонѣ тогдашняго Кіева,—то самое мѣсто, гдѣ такъ трагически кончили жизнь два варяга-христіанина, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ.

Въ 996 г. церковь была окончена и освящена. Св. Владиміръ „вдалъ“ въ новоустроенную церковь все, что вывезъ изъ Корсуня: главу св. Климента[1]) и мощи ученика его Фивы, церковные сосуды, иконы, кресты, книги и разную другую утварь; приставилъ къ церкви „попы корсунскіе“ и поручилъ ее Анастасу Корсунянину. На содержаніе церкви и клира онъ положилъ „десятину“ отъ своихъ доходовъ, которую во время освященія въ первый разъ и передалъ тому же Анастасу. Отсюда и церковь получила названіе Десятинной. Названіе это упоминается уже въ первоначальной лѣтописи.

Возлѣ церкви находилась торговая площадь, т. н. Бабинъ торжокъ; здѣсь св. Владиміромъ были поставлены два „мѣдянѣ капищи“ и четыре мѣдныхъ коня, вывезенные имъ изъ Корсуня. Они стояли и во время Нестора Лѣтописца. За церковью былъ дворъ деместиковъ (пѣвчихъ).

Церковь была построена изъ тонкаго квадратнаго кирпича, изъ какого строились всѣ зданія въ велико-княжескую эпоху, на особенномъ цементѣ, состоящемъ изъ смѣси извести и измельченнаго кирпича. На отдѣлку ея употреблены мраморъ, гранитъ и масса краснаго шифера, который привозился изъ теперешняго овручскаго уѣзда волынской губ.

О наружномъ и внутреннемъ видѣ Десятинной церкви у лѣтописца мы не находимъ свѣдѣній. Но все таки, на основаніи этихъ отрывочныхъ извѣстій и въ особенности благодаря даннымъ, добы-

[1]) Голова эта, по словамъ іер. Августина (замѣтка въ К. Сл. 88 г. № 386), была перенесена во Францію и пожертвована клунійскому аббатству въ августодунской епархіи (теперь Отенъ), гдѣ она хранилась въ своемъ прежнемъ серебряномъ ковчегѣ.

тымъ при позднѣйшемъ изслѣдованіи развалинъ этой церкви, можно болѣе или менѣе правдоподобно возстановить древнѣйшій видъ ея и форму.

Длина церкви, какъ это обнаружено на остаткахъ фундамента, была около 24 саженей, ширина—16 саж. Толщина стѣнъ $1^{1}/_{2}$ арш. Съ восточной стороны находились три полукружія; изъ нихъ среднее, удлиненное, гдѣ было горнее мѣсто алтаря, выдавалось впередъ, два же другія были поменьше.

Воскр. лѣтопись говоритъ, что церковь была „о полутретьятцати върсѣхъ“ (Вос. 240).

Внутри церкви, на разстояніи 10 саж. отъ горняго мѣста, проходила стѣна, отдѣлявшая настоящую церковь отъ притвора. Въ фундаментѣ этой стѣны былъ устроенъ каналъ, служившій, вѣроятно, для отвода грунтовой воды.

Въ западной части обнаружены продольные и поперечные фундаменты, на которыхъ, вѣроятно, были уставлены колонны и арки, поддерживавшія хоры.

Внутренность церкви была расписана фресковой живописью. Полъ вокругъ престола состоялъ изъ мозаическихъ круглыхъ розетъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, яшмы и стекла. Мѣсто же самого престола устлано тесанными плитами. Полы сѣвернаго и южнаго отдѣленій алтаря, предназначавшихся для жертвенника и діаконика, покрыты цѣнинными плитками зеленаго цвѣта. Стѣны алтаря были украшены мозаикой.

Церковь, устроенная св. Владиміромъ, находясь на возвышенномъ мѣстѣ, отличаясь грандіозностью размѣровъ и богатствомъ украшеній, представляла величественное, невиданное еще кіевлянами, зрѣлище.

Въ 1007 г. перенесены въ Десятинную церковь святыя мощи или иконы, вѣроятно привезенныя изъ Греціи. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ Владиміръ перенесъ въ эту церковь и гробницу своей бабки, св. кн. Ольги и мощи перваго кіевскаго митрополита св. Михаила. Въ 1011 г. умерла супруга Владиміра греческая царевна Анна. Тѣло ея было положено въ каменную гробницу и поставлено въ Десятинной церкви. Рядомъ съ этой гробницей въ 1015 г. поставлена гробница самого равноапостольнаго Владиміра.

Въ 1017 г. случился большой пожаръ въ Кіевѣ. Пожаромъ этимъ повреждена и Десятинная церковь. Ярославъ Мудрый возобновилъ ее и въ 1039 г. она была вновь освящена митр. Ѳеопемптомъ. Онъ же

въ 1044 г. положилъ въ ней кости своихъ дядей-язычниковъ Ярополка и Олега, предварительно окрестивши ихъ.

Въ ней впослѣдствіи погребены в. кн. Изяславъ Ярославичъ— въ каменной ракѣ и Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Изяслава.

Въ теченіе послѣдующихъ ста лѣтъ Десятинная церковь не подвергалась никакимъ существеннымъ измѣненіямъ. Но вотъ тутъ одна за другой начались бѣды какъ для всего Кіева, такъ въ томъ числѣ и для Десятинной церкви.

8 марта 1171 г. Андрей Боголюбскій съ союзными князьями взялъ Кіевъ, въ которомъ заперся Мстиславъ Изяславичъ. Впродолженіе двухъ дней весь городъ былъ разграбленъ. Была ограблена и Десятинная Богородица.

Въ 1203 г. Кіевъ подвергся новому еще большему опустошенію отъ Рюрика Ростиславича, добывавшаго вмѣстѣ съ половцами столицу, отнятую у него Романомъ Галицкимъ. Всѣ церкви были разграблены; вся церковная утварь—иконы, книги, оклады съ иконъ, кресты, одежды первыхъ князей, висѣвшія въ церквахъ, какъ память объ нихъ, все было растащено. Но эти бѣдствія были незначительны сравнительно съ тѣмъ, какое постигло Кіевъ въ 1240 г., при нашествіи Батыя. Во время геройской защиты Кіева, Десятинная церковь служила послѣднимъ оплотомъ для осажденныхъ. Когда татары пробили стѣны, то горожане въ ночь на 6 декабря устроили возлѣ этой церкви новыя укрѣпленія, на которыхъ утромъ произошла послѣдняя ожесточенная битва. Тогда же масса народа укрылась съ своимъ имуществомъ на церковныхъ комарахъ, т. е. на сводахъ церкви, но послѣдніе не выдержали тяжести и рухнули. Татары овладѣли городомъ. Отъ славной Десятинной церкви остался только юго-западный уголъ, да и тотъ былъ заваленъ мусоромъ отъ развалившихся стѣнъ.

Прошло 400 лѣтъ. Въ Кіевѣ митрополитомъ былъ знаменитый Петръ Могила. Онъ заботился о возстановленіи древнихъ церквей и обратилъ вниманіе также на развалины Десятинной церкви. Вотъ слова Сильвестра Коссова, современника Петра Могилы и впослѣдствіи преемника его на митрополичьей каѳедрѣ: „приказалъ онъ (Петръ Могила) Десятинную церковь пресв. Дѣвы, находящуюся у воротъ кіевскихъ, выкопать изъ мрака подземнаго и открыть дневному свѣту“ (Paterikon XLVI).

Въ 1635 г. къ оставшемуся юго-западному углу древней церкви были придѣланы алтарная и сѣверная стороны, впереди устроенъ

деревянный придѣлъ и такимъ образомъ составилась маленькая церковь. Въ это же время, при очисткѣ развалинъ, были найдены двѣ мраморные гробницы. Ихъ признали за гробницы св. Владиміра и супруги его Анны на основаніи подписей, находившихся будто бы на нихъ. Изъ первой гробницы Петръ Могила взялъ голову и кисть правой руки. Голову онъ положилъ сначала въ Преображенской церкви (Спасъ на Берестовѣ), а потомъ перенесъ въ великую лаврскую церковь, гдѣ она находится и въ настоящее время. Кисть же правой руки отдалъ въ Кіево-Софійскій соборъ. Послѣ этого гробницы были вновь зарыты въ землю.

Петру Могилѣ не удалось вполнѣ окончить начатую реставрацію Десятинной церкви, и онъ на окончательное устройство ея назначилъ въ завѣщаніи изъ своихъ денегъ тысячу злотыхъ.

Въ 1758 г. эту церковь, пришедшую въ ветхость, поправила монахиня Флоровскаго монастыря Нектарія, въ мірѣ княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. И при этомъ ремонтѣ найдены двѣ мраморныя надгробныя плиты. Онѣ также снова зарыты были въ землю.

Устроенная Петромъ Могилою церковь существовала до 1828 г. Въ ней было два этажа—нижній каменный и верхній деревянный. Въ нижнемъ находился престолъ въ честь Рождества пресв. Богородицы, а верхній былъ посвященъ св. апостоламъ Петру и Павлу. Въ верхнемъ же этажѣ была устроена и маленькая колокольня. Въ этой церкви издавна стоялъ древній образъ святителя Николая, отчего и сама церковь часто называлась Десятинной Николаевскою.

Остатки древней, первой на Руси каменной церкви могли бы просуществовать еще много лѣтъ, напоминая намъ о томъ великомъ событіи, которое случилось 9 вѣковъ назадъ, и о томъ великомъ князѣ, который былъ виновникомъ этого событія, но случилось иначе.

Въ 1820 г. пріѣхалъ въ Кіевъ отставной поручикъ курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ. Думая найти въ развалинахъ Десятинной церкви скрытыя тамъ сокровища, онъ предложилъ выстроить новую церковь, если ему будетъ позволено обслѣдовать остатки древней церкви. Между тѣмъ дѣла отвлекли Анненкова изъ Кіева, а раскопками въ 1824 г. занялся ученый археологъ кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Вести раскопки онъ поручилъ священнику Десятинной церкви Михаилу Качаровскому и любителю древностей Кодрату Лохвицкому.

По снесеніи мусора обнаружился древній фундаментъ. При чемъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно, въ двухъ меньшихъ

алтарныхъ округлостяхъ и въ средней части сѣверной стѣны, онъ былъ вынутъ, вѣроятно, окрестными жителями, такъ что остались только рвы, засыпанные щебнемъ. Въ алтарной части древней церкви въ мусорѣ найдено много мелкой мозаики, а подъ этимъ мусоромъ устланное плитами мѣсто престола и вокругъ него мозаическій полъ. Посрединѣ церкви найдена масса обломковъ отъ различныхъ каменныхъ украшеній, а также куски фресковой живописи. Западная часть состояла изъ нѣсколькихъ пересѣкающихся фундаментовъ, между ними находились обломки мраморныхъ колоннъ, капителей и карнизовъ. Въ этой же западной части съ лѣвой стороны найдены три склепа, а съ правой мраморная гробовая крышка, переломанная на три части, съ высѣченными украшеніями. Подъ ней находился женскій остовъ, при которомъ былъ крестикъ и перстень. За выѣздомъ митрополита Евгенія раскопки остановились, и только въ 1826 г. ихъ началъ снова уже Анненковъ. Онѣ производились подъ руководствомъ назначеннаго изъ академіи художествъ архитектора Ефимова. Во время этихъ изысканій къ востоку отъ устроенной Петромъ Могилою церкви найдена гробница изъ шиферныхъ плитъ, соединенныхъ желѣзными скрѣпами, въ ней находился скелетъ безъ головы и правой руки. Гробницу эту признали принадлежащей св. Владиміру. Съ сѣверной стороны древней церкви, внѣ фундамента, открыта другая шиферная гробница съ высѣченными орнаментами. Въ ней найденъ полный скелетъ съ остатками парчеваго покрывала, женской одежи и башмаковъ. Кромѣ этихъ предметовъ въ щебнѣ найдено много кусковъ различныхъ архитектурныхъ украшеній, мозаики и фресокъ; между послѣдними замѣчательны фрагменты съ изображеніемъ головы и руки ангела.

Найдено также нѣсколько мелкихъ вещицъ: крестовъ, перстней, шестиугольныхъ кіевскихъ гривенъ и обломковъ различныхъ церковныхъ предметовъ.

Согласно своему обѣщанію, Анненковъ приступилъ къ постройкѣ новой церкви. Планъ былъ составленъ архитекторомъ Стасовымъ. По настоянію другихъ архитекторовъ древнія стѣны, уцѣлѣвшія впродолженіе 8 съ половиною вѣковъ были снесены и такимъ образомъ отъ церкви, устроенной св. Владиміромъ, не осталось ничего.

Новая церковь заложена 2 августа 1828 г. За ея постройкой наблюдалъ комитетъ изъ митрополита Евгенія, кіев. губернатора Катеринича и Анненкова.

16 іюля 1842 г. новоустроенная церковь была освящена кіев. митроп. Филаретомъ. Главный престолъ ея освященъ въ честь Рождества Пресв. Богородицы, а два придѣла посвящены: правый—св. равноапостольному кн. Владиміру, лѣвый—святителю Николаю.

Архитектура церкви не представляетъ ничего изящнаго и оригинальнаго: квадратный ящикъ, на которомъ водружены 5 главъ съ куполами луковицей. Внутренность церкви гораздо лучше ея наружнаго вида—она высока, свѣтла и просторна. Рѣзной иконостасъ украшенъ хорошей работы иконами; весь полъ сдѣланъ изъ шиферныхъ и мраморныхъ квадратовъ, вытесанныхъ изъ остатковъ древней церкви; помостъ возлѣ престола составляетъ мозаическій полъ въ томъ видѣ какъ онъ найденъ въ алтарѣ древней церкви. Въ придѣлѣ св. Владиміра возлѣ фундамента южной стѣны вдѣлана гробница, приписанная св. князю, и надъ ней устроено мраморное надгробіе. Для симметріи такое же надгробіе съ частицами св. мощей поставлено и у сѣверной стѣны. Снаружи въ южную стѣну храма надъ нижними окнами вставлены уцѣлѣвшія отъ греческой надписи буквы.

Въ церкви находится шкафъ, гдѣ хранятся различные предметы, найденные при раскопкахъ. Между ними обращаетъ на себя вниманіе небольшой древній колоколъ, найденный въ 1838 г. возлѣ Десятинной церкви. Онъ, по всей вѣроятности, былъ вывезенъ св. Владиміромъ изъ Корсуня.

Н. Б.

Спасъ на Берестовѣ.

Церковь Спаса на Берестовѣ находится у экономическихъ воротъ Кіево-Печерской лавры, въ углу крѣпостнаго вала. Берестовымъ называлась въ древности мѣстность этой церкви потому что она была покрыта берестовымъ лѣсомъ, среди котораго находился загородный дворецъ княжескій съ церковью св. Апостолъ. Это было любимое мѣстопребываніе св. Владиміра, Ярослава и Владиміра Мономаха; св. Владиміръ здѣсь и скончался 15 іюля 1015 г. Церковь св. Спаса съ монастыремъ при ней становится извѣстною съ конца XI вѣка подъ 1072, 1138, 1157, 1172, 1185 и 1230 годами. Изъ игуменовъ его извѣстны: Германъ, участвовавшій въ 1072 г. при перенесеніи мощей св. мученикъ Бориса и Глѣба; Лука, поставленный въ 1185 г. во епископы г. Ростову и Володимірю, и Петръ Акеро-

вичъ, присутствовавшій въ 1231 г. при посвященіи въ св. Софіи кіевскаго игумена Кирилла во епископы Ростову. Въ церкви св. Спаса на Берестовѣ погребены: въ 1138 г. дочь Владиміра Мономаха Ефимія Владиміровна, въ 1157 г. сынъ его вел. князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій и въ 1172 г. внукъ Владиміра Мономаха князь Глѣбъ Юрьевичъ. Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ Печерской лавры въ своей книгѣ *Тератургима* и митрополитъ Петръ Могила въ надписи, сдѣланной славянскими буквами надъ входными дверьми извнутри церкви, созданіе церкви Спаса на Берестовѣ приписывали св. равноапостольному князю Владиміру. Но какъ объ этой церкви лѣтописи не упоминаютъ до 1072 года и о построеніи ея св. Владиміромъ не говорятъ, то мнѣніе это не можетъ быть признано вѣрнымъ. Гораздо вѣроятнѣе полагать, что церковь Спаса на Берестовѣ построена Владиміромъ Мономахомъ, такъ какъ она сдѣлалась усыпальницей его дочери, сына и внука. Къ началу 17 вѣка отъ древней Спасской церкви оставались лишь развалины, о которыхъ Кальнофойскій такъ говоритъ: по дорогѣ отъ Печерскаго монастыря къ сѣверу проходятъ мимо Спасскаго угла, т. е. мимо Спасской церкви, которую создалъ св. Владиміръ, но отъ нея уцѣлѣли лишь стѣны, развалины ея покрываютъ землю. На рисункѣ Кіева, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго, Спасская церковь изображена объ одномъ маленькомъ куполѣ, едва видномъ за передней, прямолинейной стѣной. Митрополитъ Петръ Могила (1632—1647 г.) возобновилъ Спасскую церковь и расписалъ ея стѣны перстами греческими греческихъ художниковъ, какъ гласитъ надпись надъ входомъ изъ притвора въ церковь, сдѣланная греческою вязью. По точнѣйшемъ изслѣдованіи зданія этой церкви въ настоящемъ ея видѣ оказывается, что отъ древней церкви уцѣлѣла только западная часть съ двумя придѣлами съ боковъ, изъ которыхъ въ южномъ помѣщалась лѣстница, которая шла вокругъ каменнаго столба и вела въ башню, въ другомъ—сѣверномъ была крестильня или ризница. Основаніе столба, вокругъ котораго шла лѣстница, уцѣлѣло подъ поломъ. Митрополитъ Петръ Могила къ уцѣлѣвшей западной части пристроилъ изъ древнихъ кирпичей три алтаря со сводами и средній алтарь во имя Преображенія Господня расписалъ греческою живописью, обновивъ и уцѣлѣвшія фрески въ коробовомъ сводѣ древней части. Что древняя фресковая живопись была здѣсь, доказательствомъ сего служитъ уцѣлѣвшій подъ крышею фрескъ ангела на обломкѣ стѣны южнаго придѣла. Боковые алтари Петръ Могила посвятилъ св. Космѣ и Да-

міану (южный) и св. князю Владиміру (сѣверный). Въ 1814 г. къ реставрированной Петромъ могилой Спасской церкви пристроена каменная колокольня и небольшой Могилинскій притворъ замѣненъ большимъ, составивъ значительное дополненіе къ самой церкви; но при этомъ перемазана вся могилинская и древняя фресковая живопись грубымъ малярствомъ съ черным фономъ. Такъ какъ высокимъ иконостасомъ, плотно прилегавшимъ къ самому своду алтаря, прегражденъ былъ и доступъ свѣта изъ оконъ алтаря, а въ средней части храма не было оконъ, то церковь эта представляла какой-то темный подвалъ, въ которомъ нужно было стоять и днемъ съ огнемъ. Въ такомъ видѣ засталъ ее въ 1862 г. поступившій въ семъ году новый настоятель, пр. П. Л. сначала освѣтилъ этотъ храмъ, снявъ одинъ изъ 2-хъ верхнихъ ярусовъ иконостаса, а потомъ исходатайствовалъ чрезъ г. кіев. воен. и подольскаго генералъ-губернатора отпускъ 4.500 рублей изъ суммъ министерства внутр. дѣлъ на реставрированіе замѣчательной иконописи этого храма, которое и произведено въ 1863—65 гг. комитетомъ, состоявшимъ подъ его предсѣдательствомъ изъ церковнаго старосты, помѣщика Степана Ивановича Лашкевича и священника Іосифа Жолтоножскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и производителемъ иконописныхъ работъ. При этомъ на сумму до 1500 рублей, пожертвованную Ст. Ив. Лашкевичемъ, устроенъ новый одноярусный иконостасъ, сдѣланы новыя дубовыя двери во всѣ придѣлы и уложенъ новый полъ въ средней части, составляющей Преображенскую церковь, вмѣсто пола изъ желѣзныхъ плитъ, уложенныхъ въ притворѣ. Тогда же, при пониженіи пола всей церкви до древняго уровня, нѣсколько пониженъ каменный престолъ Спасскаго алтаря чрезъ снятіе на 1/4 арш. верхней части кирпичной кладки. При снятіи кладки, подъ серебряной напрестольной доской оказалась доска мраморная, полированная, а подъ ней небольшая краснаго шифера плита, вложенная въ верхній слой, съ небольшимъ углубленіемъ, въ которомъ находились въ серебряномъ ящичкѣ св. мощи, залитыя воскомастикой. На верхней дощечкѣ этого ящичка вычеканенъ крестъ и слова 1643 г. Все это оставлено опять, какъ было, на своемъ мѣстѣ. При освидѣтельствованіи почвы внутри фундаментовъ оказались: 1) у сѣверной и южной стѣнъ, сзади клиросовъ—два гроба, въ которыхъ еще цѣлы были куски одежды, въ первомъ изъ шолковой красной матеріи, а въ послѣднемъ церковной изъ парчи; 2) въ сѣверной половинѣ древняго престола—у западной стѣны деревянные гробы одинъ на другомъ,

и въ южной половинѣ засыпанная землей съ щебнемъ яма во всю ширину притвора; подъ аркой на срединѣ церкви, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени 2 скелета, на головы которыхъ надѣты круглые клобучки изъ бѣлаго войлока; 3) у сѣверной стѣны—сѣвернаго, Владимірскаго придѣла, подъ нишей, высокій склепъ или пещерный ходъ, изъ котораго можно было доставать щипцами только черную пыль или туфъ; 4) подъ поломъ круглаго, Космодаміановскаго придѣла, открыто, какъ сказано выше, основаніе круглаго столба древней кладки.

Въ Спасской церкви сохраняются: 1) серебряный осмиконечный крестъ съ литымъ распятіемъ на немъ и съ чеканнымъ на оборотной сторонѣ изображеніемъ крещенія Господня, подъ которымъ гербъ м. Петра Могилы и буквы: П. М. М. К. А. П., т. е. Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, архимандритъ печерскій. Внизу надпись: „сей крестъ сотворити повели смиренный Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ кіевскій во славу распятаго Христа и даде его въ храмъ Преображенія Его на Берестову его же самъ разоренный обнови въ 1640 въ ное. 1-го дня". 2) Евангеліе напрестольное, печатанное въ Львовѣ 1636 г., оправленное въ зеленый бархатъ и серебряныя бляхи, съ гербомъ Петра Могилы на верхней круглой серебр. бляхѣ и съ слѣдующею надписью на нижней бляхѣ: „Въ славу Христа Бога, въ память себѣ и родителей своихъ Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ кіевскій, въ лѣто 1641". 3) Бархатная священническая риза съ оплечьемъ, на которомъ вышиты золотомъ Іисусъ Христосъ съ предстоящими Божіею Матерью и св. Іоанномъ Предтечей и 10 апостоловъ, по 5 на каждой сторонѣ, епитрахиль къ этой ризѣ малиноваго бархату, по которому вышиты 2 херувима и 8 святыхъ ликовъ, по два въ рядъ. Внизу подпись: „сей епитрахиль созданъ 1653 года". **П. Л.**

Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго.

Помѣщаемый здѣсь универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго сохранился лишь въ копіи, снятой съ подлинника, по удостовѣренію извѣстнаго составителя „Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества" Аѳанасія Филимоновича Шафонскаго, владѣльцемъ с. Липоваго Рога, подъ г. Нѣжиномъ, коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Николаевичемъ Мотонисомъ, въ бытность Ша-

фонскаго въ с. Липовомъ Рогѣ 20-го ноября 1784 года, въ его присутствіи. Подлинникъ, представлявшій собою, по словамъ Шафонскаго, автографъ Хмельницкаго, принадлежалъ Мотонису. Рукопись эта найдена нами въ числѣ другихъ бумагъ Дмитрія Николаевича Бантыша-Каменскаго въ яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина [1]).

„Богданъ Хмелницкій, гетманъ Войска Его К. М. Запорозкого. Пану Шумейкови, будучому полковникови Нѣжинскому, тымъ писаннемъ нашимъ ганимъ, ижъ не ведлугъ рады и постановення нашого за Орсклом выправуетъ войска на Черкасы, а приѣхавши до полку нѣжинского неслушные поступки ваши, чегосмы и въ радѣ не споминали, яко бы я самъ гетманъ мѣвъ казать заразъ Ляховъ и урядниковъ, шляхту, такъ на Украинѣ, яко и у Сѣверу выбивать. Естемъ казалъ, абы все товариство, яко звычай войсковый, на кождый часъ въ дѣлахъ рыцерскихъ, такъ въ оружью, конехъ, живности готовыми были, а жебы не были такъ отъ Ляховъ, яко ни откуль безпечными, а зарывки жаднои ни с кимъ не казалисмо чинить. Волно уже въ миру и шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ приѣзжать, а меновите того его м. пана Лаврентія Лысковского, посланного от его м. пана Краковского (каштеляна), яко гетмана великого коронного, пилновать напоминаемъ и сурово росказуемъ, абысте такъ ему самому, яко и иншимъ жаднои кривды и перешкоды въ пожиткахъ панскихъ чинить не важилися, с чого бы покой не могъ быть разрушоный. Кождый нехай изъ свого ся тѣшитъ: козакъ нехай свого глядитъ и своихъ волностей постерегаетъ, а до тыхъ, котори не суть приняты до реестру нашого, абы дали покой, и въ засѣвкахъ которие на ланахъ панскихъ збоже лѣта военного позасѣвали, знявши збоже теперъ, нивы поотдавали; а которые збоже по примирью сего лѣта на ланѣхъ панскихъ сѣяли ярину, абы десятую копу дали; бо уже по примирью не годылося того чинить, досыть бы тѣшитися ласкою божіею и войсковою, що до волностей своихъ принялисмо, а жебы толко при своемъ добромъ зоставались, иначей абы не чинили, подъ срогимъ каранемъ войсковымъ. А ты, пане Шумейку, скоро сіе писанне наше васъ дойдетъ, абы заразъ до насъ, до Переяславля ставився, або где насъ знайдешъ. Пану Богу васъ при томъ поручаемъ. Данъ з Ирклѣя, дня 31 іюля 1650 року. Богданъ Хмелницкій рукою власною".

---

[1]) Исторія составленія „Топографическаго описанія черниговскаго намѣстничества" Шафонскаго. Кіев. Университ. Извѣстія 1886 г.

Какъ видимъ, приведенный здѣсь универсалъ Богдана Хмельницкаго имѣетъ большой историческій интересъ. Въ эпоху Богдана Хмельницкаго всѣ прежніе поземельные акты, по выраженію того времени, были *козацкою шаблею скасованы* и земля становится войсковою. Гетманъ, будучи представителемъ войска, могъ раздавать войсковую землю старшинѣ и рядовому товариству за ихъ „войсковую“ службу. Хмельницкій раздачу земель началъ подтвержденіемъ прежнихъ поземельныхъ правъ монастырямъ; затѣмъ, онъ утвердилъ поземельныя права тѣхъ изъ прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые помогали ему въ войнѣ за освобожденіе, и, наконецъ, щедрою рукою сталъ раздавать земли за войсковыя заслуги [1]). Приводимымъ здѣсь универсаломъ Богданъ Хмельницкій выдѣляетъ изъ общей безсословной массы населенія козаковъ, записанныхъ въ реестръ, а невнесеннымъ въ реестръ приказываетъ, по снятіи, посѣяннаго на захваченныхъ владѣльческихъ земляхъ, хлѣба, выдать возвращавшимся владѣльцамъ десятую копу хлѣба за пользованіе ихъ землею, а затѣмъ возвратить земли въ ихъ владѣніе. Въ этомъ же универсалѣ мы читаемъ и разрѣшеніе Хмельницкаго „шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріѣзжать“. Такимъ образомъ, несмотря на то, что земля въ лѣвобережной Украинѣ и была признана войсковою собственностью съ правомъ гетмана на раздачу кому бы то ни было по заслугамъ, все таки, какъ видимъ, Хмельницкій признавалъ права собственности прежнихъ землевладѣльцевъ, преимущественно польскаго происхожденія, и подтверждалъ ихъ своими универсалами [2]).

О нѣжинскомъ полковникѣ Прокофіѣ Шумейкѣ сохранилось мало извѣстій. Въ 8 т. Актовъ ю. и з. Р. (Дополненія, № 71) помѣщено письмо его къ брянскому воеводѣ о возвращеніи пограбленныхъ московскимъ человѣкомъ товаровъ нѣжинскаго мѣщанина Корнѣя Ананіевича, помѣченное 21 іюля 1649 года.

Великимъ короннымъ гетманомъ и краковскимъ каштеляномъ въ 1650 году былъ Николай Потоцкій, преемникъ Станислава Конецпольскаго, умершаго въ 1646 году.

Н. Стороженко.

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне. Черниговъ. 1866.

[2]) Универсалъ этотъ былъ прямымъ послѣдствіемъ Зборовскаго договора, по 3-й статьѣ котораго Хмельницкій, вопреки общественному мнѣнію народа, обязался сохранить маетности бывшимъ ихъ владѣльцамъ. (Kochowski. Annales, climacter I, стр. 151). *Ред.*

Два памятника изъ эпохи Богдана Хмельницкаго.

I. Универсалъ Хмельницкаго, возбуждающій чернь къ войнѣ.

Bohdan Chmielnicki, wieliki hetman woyska Zaporowskiego y całoie woysko Boże Zaporowskie.

Wiadomo czynię a mianowicie ludziom duchownym: władykom, archimandrytom, protopopom, humenom, popom y inszym sługom domow Bozych, także y ludziom przełożonym, bedącym wiary greckiey: woytom, burmistrzom, raycom y na iakim kolwiek urzędzie bedącym wiary greckiey: iz maiąc nie mało szkod, krzywd, łamania praw naszych y zniewagę woyska naszego Zaporowskiego przes lachow y pp. roznych, przes co by Ukraina nasza y sława y domy Boze zaginąc musiały, y mieysca swietę y swietych ciała, ktore do tego czasu za wolą Bozą na pewnych mieyscach są y lezą, sławy by iuz żadney nie miały y my z nich pociechy zadney, do tego krwie srogie rozłanie oycow naszych, matek, braci, siostr, oycow duchownych, dziatek niewinnych, na ktorych sroga szabla wisiała Lachow y teraz sie wywarła, owo zgoła płacze, krzyki, łamania rąk, szarpanie włosow, matka dziecięcia, oyciec syna, syn oyca — wszystkiey Ukrainy ten lament głosami niebo przebiia, prosząc pomsty od Pana Boga, — chcę szablą znosic tego nieprzyiaciela, przebieraiąc się ku Wisle za nimi.— Upraszam tedy łask waszych dla miłosierdzia Panskiego, aby, ied-

Богданъ Хмельницкій, великій гетманъ войска Запорозского, и все Войско Божее (sic) Запорожское.

Вѣдомо чиню а меновите: людемъ духовнымъ: владыкамъ, архимандритамъ, протопопамъ, игуменамъ, священникамъ и иншимъ слугамъ домовъ Божихъ, также и людемъ преложонымъ (начальствующимъ), будучимъ вѣры греческои: войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и на якомъ-колвекъ урядѣ будучимъ вѣры греческои: ижъ маючи не мало шкодъ, кривдъ, ламанья правъ нашихъ и зневагу войска нашего Запорозского отъ ляховъ и пановъ розныхъ, черезъ що бы Украина наша и слава и домы Божии загинути мусили, и мѣстца святыи и святыхъ тѣла, которыи до того часу за волею Божою на певныхъ мѣстцахъ суть, славы бы южъ жаднои не мѣли и мы зъ нихъ потѣхи жаднои, до того крови срогое розлянье отцовъ нашихъ, матокъ, братьи, сестръ, людей духовныхъ, дѣтокъ невинныхъ, на которыхъ срогая шабля ляховъ висѣла и тепѣръ ся выварла (обрушилась), ово згола (вообще) плачи, крики, ламанья рукъ, шарпанья влосовъ матки по дитятку, отца по сыну, сына по отцу, всеи Украины той ляментъ голосами въ небо сягае (niebo przebije), благаючи помсты отъ Пана Бога,—хочу шаблею зносити того неприятеля,

nego Boga y iedney wiary krwie ludzmi będący, gdy się daliey was z woyskami przyblizac bedę, mieli oręzę swoię, strzelbę, szable, kolbaki, konie, strzały, kosy y insze żelaza do obrony wiary starozytney greckiey; a gdzie mogli iakimî siłami, sposobami, sposobiaycie się na tych nieprzyiacioł naszych y wiary starozytney naszey, lachow, niechętnych przeciwko narodowi naszemu: tak swoich pp. y sług ich, jako y żydow, wybiiaycie, scinaycie, wytracaycie dla czystosci ziemie naszey, ktorą za błogosławieną bydz obiecuiemy; a w prochy naybardziey y ołow pieniądze sposobiaycie się dla pewnych przyczyn, o ktorych dam wam znac potym, czego się trzymac będziecie; a iezli co wiecie albo słyszycie od przeiezdzaiących y od przechodzących o woyskach iakich narodow cudzoziemskich, zaciągnionych przeciwko nam od krola, dawaycie znac y przestrzegaycie nas; co się ma rozumîec y w ziemi lackiey, iezli tez woysko iakie iest y potęga, przes tego, ktorego do was posylam, oznaymicie nam, prosimy. Za tę waszę dobroczynnosc y zyczliwosc obiecuię wam łaskę moię y woyska mego Zaporowskiego; ktorym wszystkim moię powołnosc do łask powtore oddaię. Działo się w Czechrynie.

прибираючись за нимъ ку Вислѣ. Прошу теды ласкъ вашихъ для (ради) милосердя Божого, абы вы, одного Бога и однои вѣры и крови людьми будучи, коли ся далѣй до васъ зъ войскомъ приближати буду, мѣли на поготовѣ зброю свою: стрельбу, шабли, кульбаки, кони, стрѣлы, косы и иншую зброю до обороны вѣры старожитнои греческои, а где могли якими силами и способами, способляйтесь на тыхъ неприятель нашихъ и вѣры старожитнои нашои, ляховъ, неприхильныхъ противко народови нашому: такъ своихъ пановъ и слугъ ихъ, якъ и жидовъ, выбивайте, стинайте, вытрачайте для чистости земли нашои, которую за благословенную быти обѣцуемъ; а въ порохъ найбарзѣй и олово и пенези способляйтесь для певныхъ причинъ, о которыхъ дамъ вамъ знати потымъ, чого ся тримати будете; а коли що знаете або слышите отъ переѣзжаючихъ и отъ переходячихъ про войска якие чужоземские, затягненные противко насъ одъ короля, давайте знати и перестерегайте насъ; такъ тежъ и въ земли лядской, если войско якое есть и потуга, черезъ того, которого до васъ посылаю, ознаймуйте насъ, прошу. За ту вашу доброчинность и зычливость обѣцую вамъ ласку мою и войска Запорозского; всимъ вамъ мою поволность ознаймивши, до ласкъ вашихъ повторе ся отдаю. Дѣялося въ Чегринѣ.

Примѣч. Универсалъ этотъ, въ польскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: „Uniwersał Chmielnickiego, do pobudki czerni na woynę

wydany“, находится въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Императ. публ. библіотекѣ (IV, F., 129). Мы помѣщаемъ его въ переводѣ на языкъ подлинныхъ универсаловъ Б. Хмельницкаго, что гораздо болѣе приближаетъ его къ той эпохѣ, нежели переводъ на современный русскій языкъ. Трудно, конечно, утверждать рѣшительно, что это есть списокъ съ подлиннаго универсала 1648 года; но во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть къ нему гораздо ближе, чѣмъ тотъ знаменитый бѣлоцерковскій универсалъ, который помѣщенъ въ лѣтописи Величка и въ Актахъ ю и з. Россіи и подлинность котораго справедливо была давно уже заподозрѣна покойнымъ Н. И. Костомаровымъ.

О. Л.

II. Пасквиль по поводу заключенія мира съ козаками.

Coniunctae Simulationes między niektoremi pp. chrzescianskimi. P. kanclerz do kr. jego m-ci mowi, gdy iuz stanely pacta między kr.. jego m-cią, chanem y Chmielnickim: „Ecce, quam bonum et quam iucundum habitare in unum!“ Na to kr. jego mość: „nos quidem coniunxit unicus amor tibique vere servatae patriae debetur honor“. Odpowie pan kanclerz, obaczywszy Kisiela: „Ecce, salvator et redemptor patriae!“ zanatychmiast cum prece devota zawoła go: „Veni, dilecte noster, propera dulcedo cordis mei, coronaberis!“ Wtym metropolit Kiiowski rzekł: „Tu—gloria Hierusalem, tu—laetitia schismaticorum, tu—honorificentia sedis meae et exaltator!“ Na to Kisiel odpowiedzial: „Hoc verum, et tu sedebis supra numerum duodecem episcoporum regni“. Zatym p. Gremboszewski(?), wyskoczywszy, na skrzypiczkach wygrawa y spiewa: „Haec dies,

Взаимное притворство нѣкоторыхъ христіанскихъ господъ. Панъ Канцлеръ говоритъ королю его милости, когда уже состоялись мирныя условія между его королевскою милостью, ханомъ и Хмельницкимъ: „Се, что добро или что красно, еже жити вкупѣ!“ На это отвѣчаетъ его милость король: „Да, насъ соединила одна лишь любовь, и тебѣ принадлежитъ честь спасенія отечества“. Панъ канцлеръ, увидѣвши Киселя, замѣчаетъ: „Вотъ спаситель нашъ и искупитель отечества!“ и вмѣстѣ съ тѣмъ взываетъ къ нему съ мольбой: „Гряди, возлюбленный нашъ, спѣши, сладость сердца моего, да возложиши вѣнецъ на главу свою!“ Тутъ кіевскій митрополитъ изрекъ: „Ты—слава Іерусалима, ты—радость схизматиковъ, ты—честь и возношеніе престола моего!“ На это Кисель отвѣтилъ: „Истинно сіе, и ты сядеши превыше двунадесяти

quam fecit Dominus, exultemur et laetamur in ea!“ Potym pan kanclerz rzek: „Pro hoc accipe mercedem praemii, quam mecirsti(?) o care fili“—y podał mu przywiley na starostwo Urzendowskie, naco Kisiel rzekl: dignum et iustum est, poniewasz nostrae fortunae frater“, y tu, mile salve sobie dawszy, roziechali się. A ‘wtym kanclerz rzecze: „O quam sidera applaudent nobis na co mu ieden z cnotliwych rzekl: „Vobis, non nobis“. Co usłyszawszy, pan kanclerz: „A tak, tak. nón dum finis!“ Ow cnotliwy rzekł: „Perversa nón crescunt; ale iescze credo videre bona patriae in terra viventium, quae tu nón videbis“. Co ucłyszawszy, pan kanclerz wołà swego y pyta: „Podobno ten fraus pana woyewody Ruskiego?“ naco odpowiedzial: „to pewne y tak; dato silentio in astucia cordis“, mowę zamkuąl.

A ow odiezdaiac: „wale, si valere potes, tu, quidem gressus nostros dinumerasti, nos vero te emendare, cupimus“ [1]).

епископовъ королевства“. Тутъ панъ Грембошевскій, выскочивши, играетъ на скрыпочкахъ и поетъ: „Сей день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онь!“ Тогда п. канцлеръ реклъ: „За сіе, любезный сынъ, прійми воздаяніе, которое ты заслужилъ“—и подалъ ему привилей на староство урженговское, на что Кисель замѣтилъ: „Достойно и праведно, понеже онъ есть собратъ нашъ“ (нашего поля ягода?), и затѣмъ они оба, любезно простившись, разъѣхались. Между тѣмъ канцлеръ говоритъ: „О, какъ же звѣзды рукоплещутъ намъ!“ на что одинъ изъ честныхъ людей ему замѣтилъ: „вамъ, а не намъ!“ Услышавъ это, п. канцлеръ: „а такъ, такъ, еще не конецъ!“ А честный человѣкъ продолжалъ: „что вывернуто съ корнемъ, то не ростетъ болѣе; но я еще надѣюсь видѣть такія блага отечества на землѣ живущихъ, какихъ ты не увидишь“. Услышавъ это, панъ канцлеръ зоветъ своего клеврета и спрашиваетъ: „Ужъ не изъ партіи ли воеводы русскаго этотъ франтъ (плутъ)?“ а тотъ ему: „да, это вѣрно“—и хитро умолкъ.

А онъ (честный человѣкъ?), уѣзжая, сказалъ: „будь здоровъ, если можешь быть здоровымъ; ты...

Рукопись Императ. Публ. Библіотеки, IV, F., № 129, л. 422—423

Примѣч. Очевидно, это—пасквиль по поводу заключенія Зборовскаго мира, условія котораго очень не понравились полякамъ.

---

[1]) Возстановить правильное правописаніе и исправить ошибки въ универсалѣ и пасквилѣ, за отсутствіемъ подъ руками оригиналовъ ихъ, хранящихся въ Императ. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, было весьма затруднительно

Канцлеръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—это Юрій Оссолинскій; *Кисель*—это извѣстный воевода Кіевскій, Адамъ, сенаторъ православнаго исповѣданія, главный посредникъ въ сношеніяхъ короля съ Хмельницкимъ. *Митрополитъ*—кіевскій правосл. митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, которому по статьямъ Зборовскимъ было выговорено мѣсто въ сенатѣ польскомъ. Личность п. *Грембошевскаго,* о которомъ упоминается въ пасквилѣ, неизвѣстна. **О. Л.**

Новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ.

Представляемые нами вниманію читателей новые историческіе матеріалы о Богданѣ Хмельницкомъ всѣ касаются его отношеній къ московскому государю. Какъ извѣстно, Москва наканунѣ войнъ Хмельницкаго находилась въ мирѣ съ Польшей, и въ случаѣ опасности для послѣдней, могла подать ей руку помощи. Гетманъ, какъ искусный дипломатъ, не могъ не предвидѣть опасности для себя; поэтому, онъ тотчасъ же послѣ первыхъ своихъ успѣховъ въ борьбѣ съ поляками заводитъ переговоры съ московскими воеводами и царемъ, стараясь склонить ихъ на свою сторону; но въ первомъ письмѣ своемъ къ Алексѣю Михайловичу, въ 1648 году, Хмельницкій высказываетъ лишь неопредѣленно желаніе имѣть въ южной Руси государя самодержца, подобнаго московскому; точно также и московское правительство, посылая Хмельницкому подарки, не выражало опредѣленно своихъ намѣреній. Въ маѣ 1649 года, когда ожидалось начало новыхъ военныхъ дѣйствій, когда поляки старались удержать татаръ отъ союза съ козаками, Хмельницкій пишетъ царю: „а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ Ваше Царское Величество, правдивый и православный государь, былъ надъ нами царемъ и самодержцемъ“. Московское посольство въ Польшѣ, отправленное туда вслѣдъ за этимъ, искало какъ бы повода къ разрыву съ Рѣчью Посполитой, чтобы начать войну въ союзѣ съ козаками. Несмотря на всѣ придирки московскихъ пословъ, польскіе паны старались всевозможными уступками успокоить государя и исполнить его требованія. Это было въ 1650 г.; полякамъ удалось тогда предупредить войну съ Москвой; началась дипломатическая переписка пановъ съ козаками; Хмельницкій искалъ покровительства и союзника въ Турціи; переговоры не привели къ желанному результату; въ 1651 году открылись

военныя дѣйствія, но они были весьма неблагопріятны для Хмельницкаго и закончились невыгоднымъ для Малороссіи бѣлоцерковскимъ договоромъ; само собою разумѣется, созданное этимъ договоромъ положеніе дѣлъ долго продержаться не могло; Украина начала волноваться; весною 1652 года, выступая въ походъ противъ Польши, Хмельницкій опять отправилъ посольство къ царю, умоляя его о покровительствѣ и разрѣшеніи переселиться на его территорію; въ то же время онъ искалъ поддержки и среди бояръ, посылая имъ письма; одно изъ нихъ, именно къ стародубскому воеводѣ князю Хилкову мы и печатаемъ ниже; въ этомъ письмѣ Хмельницкій указываетъ на поводы своего похода противъ поляковъ и проситъ ходатайства воеводы предъ государемъ о помощи, обѣщая вѣрную службу. Письмо отправлено имъ на пути къ Батогу (мѣсто оказалось невозможнымъ разобрать въ оригиналѣ), гдѣ козакамъ досталась блестящая побѣда надъ своими врагами. Но какъ ни рѣшительны были эти побѣды, тѣмъ не менѣе соперничество сосѣдей вынуждало Хмельницкаго къ рѣшительному шагу въ его отношеніяхъ, который и былъ имъ сдѣланъ въ январѣ 1654 года.

По присоединеніи Кіева и Малороссіи къ московскому государству, царскія войска ведутъ совмѣстно съ козаками борьбу противъ Польши. Послѣдняя въ 1656 году оказалась окруженною врагами со всѣхъ сторонъ; поляки ищутъ теперь защиты у царя и гетмана; они отправляютъ посольство къ тому и другому; Москва, прельщаемая возможностью мирнаго присоединенія Польши путемъ избранія Алексѣя Михайловича польскимъ королемъ, склоняется на сторону Рѣчи Посполитой. Въ Украинѣ умы были въ волненіи, вслѣдствіе ходившихъ слуховъ, будто царь отдастъ козаковъ обратно Польшѣ. Козацкіе послы, недопущенные до переговоровъ Польши съ Москвой, вопили: „Погибло войско Запорожское! Нѣтъ намъ помощи ни откуда! Негдѣ головы преклонить!“ Хмельницкій при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ старается предупредить договоръ царя съ панами и посылаетъ печатаемое ниже письмо отъ 20 іюня 1656 года къ ближнему боярину Борису Ивановичу Морозову „о ляцкихъ хитростяхъ“, предостерегая, что поляки помирятся на время, что они въ то же время собираютъ союзниковъ и противъ сѣверной и противъ южной Руси, что они переговариваются и съ венграми и со шведами. Хмельницкій, по заключеніи договора, предупредилъ въ письмѣ и самого царя, но его писемъ не принимали въ резонъ. Между тѣмъ дѣла Польши поправились; она стала грозить козакамъ. Послѣдніе

соединились съ седмиградскимъ княземъ Ракочіемъ и разорили Польшу. Но Ракочій долженъ былъ скоро возвратиться въ свое княжество, которому угрожалъ Леопольдъ, венгерскій король; въ то же время Турція, подговариваемая Польшей, обѣщала двинуться въ южную Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ король Янъ-Казимиръ доносилъ царю, что Хмельницкій заключаетъ договоры съ Швеціей и Ракочіемъ, чтобы напасть на московскія владѣнія и, однако же, самъ велъ переговоры съ Хмельницкимъ, ища сближенія съ нимъ; посломъ отъ короля явился къ Хмельницкому хитрый и ловкій дипломатъ того времени волынскій каштелянъ Станиславъ Бенёвскій; тѣмъ не менѣе „ляцкая хитрость" не укрылась отъ Хмельницкаго; онъ зналъ Бенёвскаго, зналъ о его цѣляхъ и намѣреніяхъ, зналъ и его програму, выработанную гетманами для „козацкой погибели". Эту програму, которая имѣла въ виду прельстить и привлечь козацкую старшину на сторону Польши, поссорить чернь съ старшиною, разорвать союзъ гетмана съ царемъ, чтобы, воспользовавшись всѣмъ этимъ, подчинить опять себѣ южную Русь, Хмельницкій опять посылаетъ въ Москву, какъ бы предупреждая, что словамъ поляковъ не слѣдовало бы вѣрить; тогда же онъ долженъ былъ оправдываться и предъ послами московскаго государя за союзъ съ Ракочіемъ. Событія какъ будто подтверждаютъ статьи договора, приводимаго нами ниже, „о козацкой погибели". Посолъ къ козакамъ (хитрый Бенёвскій), какъ мы видѣли, былъ посланъ съ льстивыми обѣщаніями; король своими сообщеніями въ Москву хочетъ, дѣйствительно, возбудить ссору между царемъ и Хмельницкимъ; проявилась также рознь между козаками и черныо (бунтъ козаковъ противъ полковника Адама Ждановича во время похода ихъ на помощь Ракочію), а по смерти Хмельницкаго ходили даже слухи объ отравленіи его.

И. Каманинъ.

1.

Письмо гетмана Богдана Хмельницкаго къ окольничему и воеводѣ стародубскому князю Ѳеодору Андреевичу Хилкову, съ просьбой ходатайствовать предъ царемъ о пособіи козакамъ, 17-го мая 1652 года.

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царского величества околничему и воеводѣ князю Ѳедору Ондрѣевичу Хилкову стародуб-

скому Богданъ Хмелницкий, гетманъ войска Запорожского, доброго здоровья и щасливого повоженья въ долъгий вѣкъ отъ Господа Бога жычимъ и поклонъ нашъ отдаемъ.

Писать ваша милость рачилъ ко намъ и путивлица Максима Плешивого съ товарищами прислать для провединю задержаныхъ въ Варшаве пословъ его царского величества, до сейму пришлого, который сеймъ отложили на далшый часъ, ажъ до августа мѣсяца, ляхи и пословъ его царского величества ради дѣлъ каковыхъ держатъ и поки задержатъ, невѣдаемъ; однакъ ляхи, неприятели наши, хрестияномъ бѣду великую чинятъ и на два обозы войска збираютъ, зачимъ и мы рушилисмося зъ войскомъ, а просимъ рачь ваша милость причинится до его царского величества, жебы его царское величество насъ отъ милостивое ласки своей не откидалъ и руку помощи намъ давалъ противко неприятелемъ нашимъ, а мы служить готовыемо его царскому величеству прямо и вѣрне. При семъ буди здравъ и Богомъ хранимъ а къ намъ друголюб...

Данъ съ табору отъ... совъки 17 дня мѣсяца мая, року 1652 г.

Вашей милости всего доброго жычливый приятель и слуга Богданъ Хмельницкий, гетманъ войска Запорозского.

Надпись на оборотѣ: Божиею милостию великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, его царского величества околничему и воеводѣ князю Ѳедору Ондрѣевичу Хилкову стародубскому, приятелеви нашему великому отдати.

Архивъ М. И. Д.; подлинныя малороссійскія грамоты за 1652 г., по рег. № 44.

2.

Письмо гетмана Богдана Хмельницкаго къ боярину Борису Ивановичу Морозову „о ляцкихъ хитростяхъ", 26 іюня 1656 года.

Списокъ з белорускͦого писма, что писалъ къ боярину къ Борису Івановичю Морозову войска Запорожского гетманъ Богданъ Хмелницкой съ столникомъ съ Васильемъ Кикинымъ въ нынешнемъ во 164 (1656) году, июня въ 26 день:

Божиею милостию великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца и инымъ многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя его царского величества Богданъ Хмелницкиі, гетманъ съ войскомъ его царского величества Запорожскимъ, ближнему боярину і воеводе дворовому Борису Івановичю Морозову доброго отъ Господа Бога во многие лѣта желаемъ здоровья.

Велми утѣшаемся и премногую и неищетную его царского величества къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и слугамъ его царского величества, милость познаваемъ, что его царское величество милостивый государской свой указъ намъ со всѣмъ своего царского величества войскомъ Запорожскимъ прислати и о всѣхъ дѣлахъ, православной вѣре и государствамъ его царское величества полезныхъ, милостивно известити изволилъ, за что мы его царскому величеству со всѣмъ войскомъ его царского величества Запорожскимъ ниско, до лица земли упадаючи, челомъ бьемъ. Ныне тебе господина и ближнаго боярина велми просимъ, чтобъ ты, господинъ, его царскому величеству о хитростяхъ ляцкихъ известилъ, которые что иные дѣлаетъ, еще иные насъ и о государствахъ его царского величества промышляютъ, какъ о томъ пространно изустно столникъ Василей Петровичь Кикинъ тебѣ, господину, о томъ известитъ, и что мы тому жъ столнику до его царского величества изустно говорить вручили. И тебѣбъ, господину, въ тѣхъ дѣлехъ заступникомъ и помощию намъ у его царского величества быти и старатися, чтобъ его царское величество ляхомъ ни въ чемъ не вѣрилъ, бо они ляхи ныне на время помиритися хотятъ, а потомъ всѣ земли на православную вѣру и на государство его царского величества побужати будутъ; а ныне со многими землями не задирать, но толко ляховъ воевать, но и мы до князя семиградцкого и до господаревъ волоского и мултянского послали, чтобъ ляхомъ помочи не давали и ни въ чемъ не помогали. А мы всегда однолично на всѣхъ неприятелей вѣры православные и его царского величества наступовати за помощию Божиею и за указомъ его царского ве-

личества, сколко намъ Богъ всемогущий поможетъ, при томъ милостивой приязни твоей милости отдаемся. Данъ въ 1656 году.

Также тебѣ, господину, вѣдомо чинимъ, что изъ Венгръ вѣсти пришли вновь, что ляхи розныхъ земель собираютъ на насъ, а съ королемъ шведцкимъ помиритися хотятъ, а тѣмъ временемъ съѣздомъ продолжити хотятъ.

Вашей милости всего добра желателный приятель и слуга Богданъ Хмелницкиі, гетманъ съ войскомъ его царского величества Запорозскимъ.

Москов. Архивъ М. Ю.; дѣла за 1656 г. Опись малороссійскаго приказа, л. 284, № 9128—93.

3.

Переводъ со статей договора, состоявшагося между польскими гетманами о „козацкой погибели“, 24-го іюля 1657 года.

„Переводъ съ полского писма, съ статей; переведены въ нынешнемъ во 166 (т. е. въ 1658) году, февраля въ 1 день:

Лѣта 1657 года, дня 24 мѣсяца июля, по постановленномъ покою съ Ракоцею и по побѣде была дума межъ ихъ милостями паны гетманы на то время: съ его милостью паномъ Станиславомъ Пототцкимъ а съ его милостью паномъ Юрьемъ Любомирскимъ и съ его милостью паномъ Чарнецкимъ и съ его милостью паномъ Яномъ Сапѣгою, обознымъ корунным, и съ другими полковники, на то время будучими противъ Юрья Ракоцы князя Седмигратцкого, тѣми ниже описанными 4 статьями о козацкой погибели:

1-я статья.

Посылать такова посла до казаковъ, чтобъ имъ обещалъ всякую его королевской милости милость и чести, имянно: гетману запорожскому удѣлное княжество, полковникомъ староства, другимъ казакомъ шляхетство і всякие волности по ихъ воле, на что какъ изволятъ присягу учинить, а потомъ какъ учиня вѣру, подождавъ годъ и или другой, а самимъ опочиня на Москву итти; а какъ не похотятъ, тогда самихъ воевать, а случитца на ту войну съ татары.

2-я статья.

А буде то не учинитца, тогда промышлять о томъ, чтобъ чернь ссорить на старшину, указуя имъ, что болшие терпятъ обиды отъ казаковъ, нежели отъ ляховъ, въ откупахъ, въ подагехъ, въ пашне і въ иныхъ докукахъ; а какъ то здѣлаетца, тогда мочно къ своему прійти.

3-я статья.

Потщатца всякими мѣрами, чтобъ союзъ казацкій розорвать съ Москвою, показуя имъ, что пану своему природному изменили, а царю крестъ целовали и, не додержавъ, Ракоце служили, съ шведомъ перемѣрье чинятъ, съ Волохъ и съ Мултянъ людей призываютъ; а тѣмъ самѣмъ какъ ссоримъ ихъ, тогда удобнее мочно межъ ими, какъ въ отчаянияхъ, своего поискать.

4-я статья.

Естли и то не пригодитца, въ конецъ порадѣть, чтобъ смѣлыхъ послать передовщиковъ, которые моглибъ началнѣйшихъ головъ какъ межъ казаками, такъ и въ Москвѣ, тайно отравить; а тѣмъ обычаемъ мочно своего достать, какъ головъ разумныхъ изведутъ.

Архивъ М. И. Д.; дѣла польскія за 1657 г., св. 115, л. 188 на об., № 20.

Для справокъ.

Двадцати-пятилѣтіе Высочайшаго указа 30 іюля 1863 г. 30 іюля 1888 года исполнится двадцати-пятилѣтіе Высочайшему указу 30 іюля 1863 г., установившему прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ ю.-з. краѣ, съ учрежденіемъ тогда же въ г. Кіевѣ временной коммиссіи для исполнительныхъ дѣйствій по приведенію этого указа въ исполненіе.

Временная коммиссія, состоя подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Н. Н. Анненкова, изъ вице-предсѣдателя Г. П. Галагана и членовъ: въ началѣ А. Ѳ. Воронина, Ф. Н. Сабанѣева, а потомъ прибавленныхъ П. А. Скуратова и Н. А. Ригельмана и просуществовавъ немного болѣе года (8 янв. 1864 г.—26 февр. 1865 г.), оказалась вполнѣ на высотѣ той задачи, къ какой она была призвана Высочайшею волею Царя-Освободителя. Работая надъ

опредѣленіемъ количества надѣла и размѣра выкупной ссуды за земли, подлежащія выкупу, коммиссія проектировала опредѣленіе инвентарнаго надѣла не исключительно по показанію инвентарей, въ свое время составленныхъ одною только заинтересованною стороною и никѣмъ не провѣренныхъ, а по границамъ ея, розысканнымъ и опредѣленнымъ всякій разъ на мѣстѣ мировыми съѣздами. Далѣе, коммиссія проектировала выкупъ крестьянскихъ садовъ и левадъ, о которыхъ въ инвентаряхъ часто умалчивалось, а въ мѣстномъ положеніи не было ничего опредѣленнаго. Затѣмъ, стремясь къ тому, чтобы временно-обязанные крестьяне, перейдя въ разрядъ собственниковъ, не были стѣснены въ пользованіи своею собственною землею, коммиссія проектировала воздержаться отъ обязательныхъ разверстаній, предоставивъ его, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ добровольному соглашенію между владѣльцами и крестьянами, а также приведеніе въ извѣстность и предоставленіе къ выкупу всѣхъ тѣхъ сервитутовъ, въ томъ числѣ и выпаса скота на общихъ толокахъ, въ лѣсахъ и т. п., какими искони пользовались крестьяне. Наконецъ, имѣя въ виду, что многіе владѣльцы, измѣнивъ составъ инвентарнаго крестьянскаго надѣла вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили хозяйство въ своихъ имѣніяхъ настолько, что возвращеніе крестьянамъ инвентарнаго надѣла въ его границахъ уничтожало бы ихъ хозяйство,—коммиссія проектировала и въ этихъ случаяхъ способы удовлетворенія крестьянъ за потерянный ими инвентарный надѣлъ, равно какъ и въ случаяхъ заключенныхъ выкупныхъ договоровъ до 30 іюля 1863 г.—Въ вопросѣ о пониженіи выкупныхъ платежей коммиссія проектировала размѣръ платежей, обусловленный не только качествомъ выкупаемаго надѣла, но и состоятельностью плательщиковъ, что составляло для правительства необходимую гарантію при выдачѣ имъ выкупныхъ ссудъ. Всѣ эти проекты, съ самыми незначительными въ нихъ измѣненіями, удостоены черезъ главный комитетъ Высочайшаго утвержденія.—Независимо отъ этого подробною и обстоятельно составленною инструкціею крестьянскимъ мировымъ учрежденіямъ коммиссія преподала имъ цѣлую систему правильной повѣрки уставныхъ грамотъ прежде обращенія ихъ въ выкупные акты, инструкціею настолько подробною и вмѣстѣ съ тѣмъ приноровленною къ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго быта, что при обязательномъ руководствѣ сю крестьянскія учрежденія обязательно не обходили ни одного изъ вопросовъ, относившихся до обезпеченія быта крестьянъ.—Къ работамъ этого рода коммиссіи должны быть отнесены всѣ тѣ мелкія, но существенныя для дѣла, постановленія ея разъяснявшія примѣненіе мѣстн. полож. 19 фев. 1861 г. при разрѣшеніи отдѣльныхъ случаевъ, возникавшихъ при повѣркахъ уставныхъ грамотъ, какъ то о рыбныхъ ловляхъ, водопояхъ, правѣ на отдѣльно растущія деревья и пр. и пр.

Наконецъ коммиссія старалась ближе стать къ вновь образованнымъ въ силу указа 30 іюля 1863 г. крестьянскимъ учрежденіямъ, ознакомить составъ ихъ съ краемъ, въ большой части до того имъ незнакомымъ, съ условіями его экономическаго быта, согласить ихъ во взглядахъ на предстоявшую имъ дѣятельность, чтобы провести ее съ необходимымъ для успѣха дѣла однообразіемъ....

Много было положено коммиссіею, особенно въ лицѣ вице-предсѣдателя ея Г. П. Галагана и члена отъ министерства финансовъ А. Ѳ. Воронина, энергіи и труда для выполненія всего вышесказаннаго, много было и недовольныхъ въ свое время ея дѣятельностью.... Наше же дѣло, какъ мѣстнаго историческаго органа,

вспомнить во время благотворную для юго-западнаго края дѣятельность коммиссіи Высочайше учрежденной для исполнительныхъ дѣйствій по указу 30 іюля 1863 г., и выразить надежду, что наше воспоминаніе о ней вызоветъ среди лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу крестьянской реформы, болѣе подробныя воспоминанія и о дѣятельности коммиссіи вообще и мировыхъ учрежденій въ частности, чему мы съ охотою дадимъ мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1888 г.

До Хортыци. Слова Щоголева. До дня 25 роковынъ смерты Т. Шевченка, съ портретомъ, цѣна 50 коп.

Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спивы про жоночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки такъ и гуртови:

Серія перша[1]).

1. Ой, одна я, якъ былыночька въ поли (про сопрана), 30 к.
2. Туманъ, туманъ долыною (про сопрана), 30 к.
5. На городи коло броду (про сопрана), 30 к.
4. Садокъ вышневый коло хаты (про сопрана або тенора), 30 к.
5. Ой, чого ты почорнило, зеленое поле (про баритона), 30 к.
6. На що мини чорни бровы (про сопрано або тенора), 40 к.
7. Ой, люли, люли (про сопрано), 30 к.
8. Якъ бы мени, мамо, намысто (про сопрана), 40 к.
9. Надъ днипровою сагою (про контральто), 50 к.
10. Сонце заходыть (Тріо, про 2 сопрана та тенора), 80 к.
11. Полюбылася я (про меццо-сопрано або альто), 20 к.
12. Закувала зозуленька, 20 к.
13. Утоптала стежечку, 30 к.

(№ 1—13 въ идному зшытку 2 р.).

Серія друга[2]).

14. Мынають дни (про баритона) 40 к.
15. Огни горятъ (про тонора) 20 к.
16. тежъ (про баритона) 20 к.
17. „Ой Днипре мій, Днипре". Спивъ Яремы зъ Гайдамакивъ (про баритона), 30 к.
18. „Гетьманы, гетьманы" ...Свято въ Чыгрыни, зъ Гайдамакивъ (про баритона), 30 к.
19. Не женыся на багатій. Думка (про баритона), 20 к.
20. Зацвила въ долыни червона калына. Дуетъ про сопр. та тенора, 50 к.
21. Не тополю высокую витеръ нагынае (сопрано), 20 к.
22. За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ, сопрано, альтъ, теноръ, басъ), 60 к.
23. Ой по гори роменъ цвите. (Теноръ), 30 к.
24. Якъ бы мени черевыки, 30 к.
25. Бьютъ пороги ...Кантата про одиноки голосы чоловичи, мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра. Фортепьян. укладъ (Klavierauszug) авт. 1 р. 30 к.

(№ 14—26 въ идному зшытку 2 р.).

---

[1]) Власнисть выдавци.

[2]) Власнисть автора.

Приложеніе къ № 7 „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“.

СЛОВО

Ѳеофана Прокоповича

ВЪ ДЕНЬ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНАГО

КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

и

ДУМА

О БОГДАНѢ ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ,

съ мотивомъ.

КІЕВЪ
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

От Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 24 Іюня 1888 года.

Цензоръ прот. *Павелъ Преображенскій.*

Въ замѣнъ „Наказовъ“ помѣщаемъ въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины“ въ видѣ приложеній: „Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра“, написанное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ то время, когда онъ былъ еще простымъ іеромонахомъ въ Кіевѣ, и одну изъ думъ о Богданѣ Хмельницкомъ, съ мотивомъ. При выборѣ матеріала мы имѣли въ виду общій составъ выходящей въ свѣтъ книги.

Ред.

Было бы любопытно сдѣлать сводъ мнѣній о Владимірѣ святомъ, высказанныхъ южно-русскими писателями въ XVII и XVIII в. „Слово“ Ѳеофана Прокоповича представляетъ интересъ въ этомъ отношеніи, какъ отраженіе лѣтописнаго Владиміра въ сознаніи знаменитаго проповѣдника, который называетъ его не только княземъ, но и царемъ, совмѣстившимъ въ себѣ всѣ добродѣтели идеальнаго царя.

Печатаемъ „Слово“ по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ кіевской духовной академіи, подъ № 0, 4°, 8. Это громадный сборникъ разнообразныхъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича (908 страницъ). Въ немъ помѣщены, между прочимъ, списки съ писемъ его къ разнымъ лицамъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Всѣхъ писемъ 47: три изъ нихъ—одно на латинскомъ и два на русскомъ языкѣ—писаны собственною рукою автора. Весь сборникъ написанъ однимъ почеркомъ: на послѣднемъ листѣ его рукою переписчика сдѣлана приписка: „*Іюня 30 дарилъ Іерей Мойсей Лѣнцевскій 1751 года*“. Почеркъ мелкій,

но разборчивый. Удареній и титлъ сравнительно мало: надъ строку выносятся только нѣкоторыя буквы и слоги, напр: *в, от, мъ.* Правописаніе во всей рукописи малорусское первой половины XVIII вѣка: буква *ѣ* пишется по-малорусски—для обозначенія звука *і*, какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ словъ; замѣтно также рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ очень часто *и* употребляется вмѣсто *ы*; обратныхъ случаевъ почти нѣтъ. Точно такое же правописаніе мы видимъ въ одномъ изъ раннихъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича, которое напечатано было въ 1709 году въ типографіи кіево-печерской лавры, подъ заглавіемъ: „Панегѷрїкосъ или слово похвалное о преславной на войсками свѣйскими побѣдѣ“ [1]). Безъ сомнѣнія, брошюра эта напечатана была подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора и, полагать надобно, съ его подлинной рукописи. Если такъ, то мы можемъ приблизительно судить о томъ, какимъ стилемъ писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ. Для болѣе подробныхъ соображеній объ этомъ, представляемъ въ скобкахъ разночтенія и добавленія по печатному изданію сочиненій Ѳеофана Прокоповича, вышедшему спустя 29 лѣтъ послѣ его смерти—въ 1765 году, въ Петербургѣ. Кѣмъ сдѣланы позднѣйшія поправки въ правописаніи и даже въ языкѣ подлинника, самимъ ли авторомъ въ его собственномъ автографѣ, или же издателями его сочиненій, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Слова и выраженія, которыхъ недостаетъ въ петербургскомъ изданіи, печатаемъ курсивомъ.

П. Ж.

---

[1]) Это рѣдкое изданіе хранится въ библіотекѣ кіевской духовной семинаріи подъ № 65.

Слово въ день святаго равноапостола (равноапостолнаго) великаго князя владиміра (Владиміра), *проповѣданное честнѣйшимъ іеромонахомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.*

Сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ. [1])

Вѣдомо всѣмъ есть, яко симъ псаломническимъ гласомъ, аки торжественною трубою всѣхъ обще православнихъ христіянъ (православныхъ христіанъ) ко (къ) духовной радости возбуждаетъ духъ святый: Сіономъ бо нарицается церковь святая, в (въ) нейже царь Хрістосъ есть, сынове же Сіони, людіе благочестивіи, имже самъ той царь даде власть чады божіими быти вѣрующымъ во имя его. Обаче возирающе (взирающе) мы на самихъ себе, православніи сынове Россійстіи, и разсуждающе, паче инѣхъ (иныхъ) изящнѣйшую изліянную *на насъ* благодать божію, познаемъ яко кромѣ того, яко сынове церковніи, еще и того ради, яко (и) сынове есмы Россійстіи, приличная намъ веселая сія вѣсть есть, и опрочь (кромѣ) посполитой (общія) радости, особливое намъ утѣшеніе возвѣщаетъ: *сынове Сіони возрадуются о царѣ своемъ.* Кому бо нѣсть явно, яко богоспасаемый градъ сей Кіевъ, мати градовомъ, и всея земли нашея пространная слава и великое украшеніе, отъ всѣхъ христіанъ вторый Іерусалимъ (и) новый Сіонъ единогласно нарицается, и тако вся наша, начало свое отсюду пріемшая, православнороссійская церковь, обрѣтающеся въ соборной и по всемъ (всему) мірѣ (міру) разсѣянной церквѣ (церкви), аки драгоцѣнный бисеръ въ перстенѣ (перстнѣ), Сіонъ въ Сіоновѣ (Сіонѣ), Іерусалимъ во Іерусалимѣ именоватися можетъ. А се (сіе) вѣдуще, вѣмъ, яко кождый (кійждо) отъ васъ, истинніи сынове Сіона сего! вѣсть несумѣнно (несомнѣнно): кто есть Сіона нашего царь, о немже радоватися намъ велитъ духъ святый? воистинну именуется зде (здѣ) празднуемый (празднуемый) нынѣ святый равноапостолный Князь владиміръ (Владиміръ) основатель духовнаго въ земли нашой (нашей) Сіона, царь чувственно и духовно, Царь словомъ и дѣломъ, Царь вещію и именемъ. Мню бо, яко не безъ смотренія божія и в (во) святомъ кре-

[1]) Псалт. 149, (ст. 2).

щеніи царскимъ именемъ нареченъ бысть: Василій. И се видимъ, слыш. православн: (слышателіе православніи), яко намъ удвояется блаженство. Дважды сынове Сіони есмы: и яко родъ православный, и яко родъ россійскій. Дважды и радоватися намъ подобаетъ: и яко сыномъ церкви, о Царѣ *своемъ Хрїстѣ, и яко сыномъ россійскимъ о царѣ своемъ* святомъ равноапостолномъ Князѣ владимїрѣ (Владимірѣ), и сего ради, что давидъ (Давидъ) святый о таинственномъ нѣкоемъ глаголѣ Божїемъ дивно изрече: *единою глагола Богъ двоя сія слышахъ* [1]), тожде мы рещи можемъ о словесахъ (словесѣхъ) помянутыхъ: *сынове Сїона возрадуются о царѣ своемъ.* Единою (едино) се глагола Богъ усты псаломническими, мы же дважды се слышимъ, и обще, и свойственно и аки бы днесь глаголалъ ко (къ) намъ. Тако намъ свойствуютъ словеса Павла святаго дважды ко (къ) радости возивающїя (взивающе): [2]) *радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку радуйтеся.* До которой (къ сей) радости возивающу (взывающе) васъ, Православ. Слыш: (православніи слышателіе), Духу святому, не потребно бы было уже слово мое, но понеже яко скорбь великая нѣма есть, такъ (тако) великая радость отъ естества своего есть многоглаголива и не терпитъ молчанія, того ради помощїю божїею показати хощу: кїя вины веселія (великїя радости) обрѣтаются въ празднуемомъ Царѣ нашемъ владимїрѣ (Владимірѣ)? Аще достоинъ есть, да о немъ радуемся? васъ же, слышателіе православніи! смиренно молю о радостное (радостномъ) и нестужаемое (нестужаемомъ) слышаніе (слышаніи).

Двоихъ ради винъ найпаче достойни бываютъ Царїе, да о нихъ радуются людіе, имъ подчиненнїи. Первая есть: аще враговъ державы своея побѣждаютъ, вторая: аще добро творятъ подданнымъ своимъ, хранящe правду, на честь возводяще достойныхъ, недостойныхъ же низлагающе, тихостїю, кротостїю и любовїю повелѣвающе, и словомъ рещи: аще такъ (тако) царствуютъ, да царствія ихъ ради блаженную жизнь имутъ людіе. Уважмо жъ (разсудимъ же), право-

---

[1]) Псал. 61, (ст. 12).

[2]) Филип. гл. 4, (ст. 4).

славніи сл. (слышателіе), чи знайдуются (обрѣтаются ли) радостніи сіи (тѣ) добродѣтели в (въ) царѣ нашемъ святомъ владимірѣ (Владимірѣ)? и першъ (первѣе) о побѣдахъ его кратко разсмотрѣмъ (разсмотримъ).

Подобно (можетъ быть) ктось (кто) разумѣетъ, же (что) я побѣды Святаго владиміра (Владиміра) надъ врагами тѣлесными хощу оповѣдати. Великій онъ воистинну и в (въ) такой славѣ былъ не безъ силы; единовластителство во всѣхъ странахъ россійскихъ въ руцѣ свои принялъ не безъ крѣпости; дружбы и сродства царей греческихъ достигъ (достиглъ) не безъ мужества; самое имя россійское страшное и громогласное всѣмъ инороднымъ учинилъ, латво, (легко и) скоро и въ маломъ числѣ, яко молнійна стрѣла многія страны облетѣвши, всюди (всюду) разсѣявъ (разсѣялъ) язвы, одержалъ побѣды, отвсюди (отвсюду) приведе плѣнники, приносе користи (корысти), всюду значніи (знатныя) слѣди (слѣды) храбрости своей (своея) водрузивъ (водрузилъ) во Радимичахъ, во Вятичахъ, в (во) Угрехъ (Угрѣхъ), в (въ) Болгарехъ (Болгарѣхъ), въ царствующей тогда странѣ гречестѣй; а що (что) дивнѣйшое (дивнѣйшее) есть, родъ печенѣзкій (Печенѣжскій) такъ тогда крѣпкій и силный былъ, же (что) Константинъ Полскій (sic) (Багрянородный) в (въ) книзѣ своей, в (въ) которой сыну своему подаетъ правила добраго царствованія, совѣтуетъ и велитъ ему мирній (мирный) завѣтъ имѣти с (съ) Печенѣгами, яко родомъ страшнимъ (страшнымъ) и непобѣдимимъ (непобѣдимымъ) и который бы былъ яко щитъ царству его, всѣмъ инороднымъ (противу всѣхъ инородныхъ); отъ такъ страшнаго и силнаго рода не толко (токмо) владимірь (Владиміръ) святый защищенія державѣ своей не потребовалъ (требовалъ), але (но) еще часто зъ (со) онимъ (онымъ) воюющи (воюя), побѣдною рукою покорилъ его подъ ноги свои (своя). Такъ силный и страшній (страшный) былъ и въ мірскихъ бранехъ! Але (но) я не отъ сихъ его побѣдъ и ему славы, и намъ радости взискую (взыскую). Есть брань духовная, противъ (противу) якой (которыя) всѣ мірскія войны единимъ отрочищнимъ (отрочищнымъ) игралищемъ Златоустый святый называетъ. Во бранехъ духовнихъ (духовныхъ) ими же непре-

станно востаютъ на насъ, три неукротиміи и зѣло лютіи супостати: міръ, плоть и діяволъ, сихъ всѣхъ толь (столь) ратно (крѣпко) и мужественно порази владиміръ (Владиміръ) святый, яко аще бы нѣкій живописецъ духовную сію брань шарами чувственними (чувственными) изобразити хотѣлъ, владиміра (Владиміра) святаго, яко воина возбранна при самомъ боку вождa своего Хріста, долженъ бы былъ написати. То самое, же (что) отвергши идолослужителство (ідолослуженіе) вѣру Хрістову воспріялъ, не есть ли изобилно (изобилное) свидѣтелство побѣды его надъ міромъ [1])? *Сія есть побѣда побѣждающая* (*побѣждшая*) *міръ вѣра наша* православная, мовитъ (глаголетъ) апостолъ святый. А якимже (какимъ же) еще способомъ пріялъ вѣру? Водхнувшу (вдохнувшу) в (въ) сердце его Духу святому попеченіе спасенія и живота вѣчнаго, заразъ (абіе) самъ посилаетъ (посылаетъ) избранныхъ мужей на западъ и востокъ увѣдати, гдѣ есть вѣра добрая? гдѣ церковь, в (въ) ней же бы имѣлъ надежду спасенія? Ибо уже и западная церковь в (въ) то время со иними (иными) погибелними (погибелными) соборищами отъ тѣлесе Хрістова отдрала себе бяше (отторгнулась). Понеже убо міръ сѣнною своею славою и гордостію на души человѣческія ратуетъ, кому тутъ не явно, яко сію мірскую силу сломи владиміръ (Владиміръ) святый, яко славолюбіемъ не побѣдися, яко духъ гордини (гордый) преславнимъ своимъ дѣломъ испраздни. Чи не приносилъ до сердца (не наносилъ ли сердцу) его бѣсъ горделивый высокого (высокаго) помышленія: отъ кого вѣры учитися имаши владиміре (Владиміре)? отъ Хрістіянъ (Христіанъ) ли, иже имени твоего ужасаются, и множицею тобою суще (были) побѣжденни (побѣждены)? Побѣдителіе (побѣдители) даютъ законъ пріяти отъ побѣжденнихъ? Толикій владика (Владыка) рода твоего, отъ инороднихъ (отъ инородныхъ) ученія просиши. Господь отечества твоего, отъ странниxъ (странныхъ), наслѣдникъ князей россійскихъ, отъ пришелецъ? Еще же и во (въ) возрастѣ совершенномъ? Посмѣются тебѣ велможи твои, и кто не речетъ: яко еще (аще) нынѣ учишися? Убо отъ млада доселѣ безуменъ былъ еси. Къ

---

[1]) Іоан. л. 1 (Іоан. гл. 5, ст. 4).

тому и отъ безумныхъ отецъ и праотецъ рожденъ наречешися. Явѣ бо сотвориши, яко весь родъ твой чтуще боги своя, невѣдяше истинны (истины) и слѣпъ и невѣжда бяше. Не буди тако. Чи не наводилъ (не наводилъ ли), мовлю (сказую), такого высокоумія духъ гордини (гордыни)? Обаче не преклонился на совѣтъ его владиміръ (Владиміръ) святый. Посла по странахъ (странамъ) вѣры испытовати, пускаючи (пуская) и славу (слухъ) по себѣ, яко невѣжа (невѣжда) есть, яко неимать истинны (истины), яко отъ иныхъ помощи требуетъ. Кто сему смиренію не удивится? Нікодимъ святый Князь сый жидовскій ко (къ) самому владицѣ (владыцѣ) своему Хрісту не смѣяше прійти во дни, но *сей* нощію прійде (пріиде) ко Іисусу: владиміръ (Владиміръ) же святый ясно и явно во всемъ мірѣ Хрістова ученія искати не стыдился (устыдился). Кто, и когда, и въ коемъ народѣ слыша подобное дѣло? Который Царь, который Князь самъ посилаше (посылаше) *для* испытанія Хрістова? Великая добродѣтель бяше, аще кто готовой проповѣди послуша, а владиміръ (Владиміръ) святый самъ посылаетъ по Апостоловъ. И что о Хрістѣ слыша, еже по толикомъ (толикому) увѣренію божества его сердце княжеское подвигнуло? Яко сынъ тектоновъ бѣ, нищій, странній (странный), неимѣющій гдѣ главы преклонити (приклонити) таже яко злодѣй со злодѣями повѣшенный (повѣшенъ) на древѣ сему подобаше кланятися, сего Бога нарицати, сего рабомъ нарицатися. О тяжко (о тяжестное) слышаніе княжескому сердцу! Сіе найпаче отъ проповѣди евангелской древнихъ Філософовъ и Царей отвращало. Сіе Павелъ *святый* свидѣтелствуетъ [1]): *слово*, рече, *крестное погибающимъ юродство есть*. Распятому яко Богу служити и кланятися? Поклонися смиренно, и въ работу себе распятому вдаде, толикаго Благородія (благородія) сынъ, толикихъ странъ обладатель, владиміръ (Владиміръ) святый. Крестивыйся же во Хріста онъ воистинну, по словеси (слову) апостолскому, во Хріста онъ воистинну облечеся. Кая бо добродѣтель Хрістоподобна человѣка творитъ, аще не смиреномудріе и кротость? [2]) *Научѣтеся* (научитеся), рече, *отъ мене яко кротокъ*

---

[1]) (1 Коріне. гл. 1. Ст. 18).

[2]) (Мате. гл. 14. Ст. 29).

есмь и смирень сердцемъ. Святый убо владиміръ (Владиміръ), иже первѣе толь звѣрскаго (полузвѣрскаго) и жестокаго сердца бяше, яко и брата своего, аки вторый каинъ (Каінъ) лютѣ уби, *а* облекшися в (во) Хріста на крещеніи святомъ всѣмъ бысть приступенъ, любовенъ и милосердъ. Храбрый той побѣдитель побѣждаше любовію ближняго. Крѣпкій и силный той воинъ не можаше терпѣти нужды, нищихъ, страннихъ (странныхъ), голоднихъ (голодныхъ), немощнихъ (немощныхъ), по свидѣтелству святаго Нестора Печерскаго, всегда весь домъ царскій, вся палаты пространнія (пространныя) всегда полни (полны) бяху убогихъ и страннихъ (странныхъ), и яко не вси можаху входити въ домъ княжій недугомъ или иними (иными) нуждами удержани (удержанніи) по всѣмъ градомъ изобилнія (изобильныя) обѣды и иная (иныя) угодія посилахуся (посылахуся). Сія вся плоды суть смиренномудрія, и аки побѣднія (побѣдныя) знаменія низложенной гордини (гордыни). И сія есть побѣда, ею же побѣди владиміръ (Владиміръ) святый перваго супостата гордаго и славолюбнаго міра (гордый и славолюбивый міръ).

Силу же его и мужество, ими же (имже) втораго врага плоть сластолюбную испроверже, кто достойно исповѣсти можетъ? воистинну не можно не дивитися, якъ (яко) того, который отъ дѣтства во всѣхъ сластехъ плотскихъ погруженній (погруженный) валялся, не устрашило новое ученіе Хрістіанское, повелѣвающее в (въ) великомъ трезвеніи (трезвѣніи) животъ исправляти! А что есть найболшая (найболшее), толь необузданнимъ (необузданнымъ) устремленіемъ за похотьми (похотми) плотскими течаше, и тако раздизашеся (раздирашеся) отъ огненнаго блуднаго бѣса, яко по свидѣтелству Нестора святаго, кромѣ [1]) шести женъ, пять сотъ ктому (къ тому) наложницъ имѣяше. Якая (какая) же тутъ война на сердце его наступила, когда отъ евангелскаго ученія сказоваша (казоваше) ему, яко и возрѣти (воззрѣти) на жену со (съ) похотію, воеже вожделѣти ея есть скверное прелюбодѣяніе, есть грѣхъ смертелный (смертный), есть

---

[1]) Выноска рукою переписчика: *„в трагедо-комедіи три ста женъ воспоминаетъ“*.

дѣло, за которое правда Божія вѣчнимъ (вѣчнымъ) огнемъ казнити будетъ. О трудное ученіе на сластолюбивихъ (сластолюбивыхъ) и плотскихъ!

Мнѣ видится, же (что) владимїръ (Владиміръ) имѣючи въ себѣ сердце, пять сотъ (пятію сотными) пристрастіями обложенное, нѣчимъ (ни чемъ) не рознился отъ онаго бѣсноватого (бѣсноватаго) Евангелскаго, в (въ) которомъ бысть (былъ) легеонъ, сіесть (сіе есть) множество бѣсовъ. Изринути убо вся сїя отъ сердца, чи малая (малая ли) кому мнится (быти) побѣда? Такъ разумѣти подобаетъ, яко болшая крѣпость и сила была владимїра (Владиміра) святаго, отторгнутися отъ всего полчища женскаго, нежели вся тія (тыя) народи (народы) побѣдити, съ которыми брань ему бываше. Скажу слово великое и дивное, но истинное: колико женъ отверглъ отъ себе владимїръ (Владиміръ) святый, толико пламенныхъ стрѣлъ діяволскихъ (діаволскихъ) сломи (сломилъ); толико *огненнихъ* столповъ демонскихъ опроверже; толико сѣтей хищнаго душъ ловителя растерза; толико рукъ страшному бойцу адскому отсѣче; толико погуби огнедушнихъ (огнедышущихъ) змѣевъ пекелнихъ (адскихъ). О чудеси (чудесе) страшнаго! Едина (единая) жена Адама, Сампсона, Давида, Соломона отъ благочестія низрине (низрину), а владимїра (Владиміра) святаго пять сотъ женъ и шесть въ злочестіи не удержаша! Кая се сила и крѣпость! коликая побѣда надъ плотїю!

Третая (третія) побѣда надъ діяволомъ (діаволомъ) явная всѣмъ есть: богомерзскія (богомерзкіи) и бездушнїя (бездушныи) идоли (ідолы) опроверже. Что иное (симъ) сотворилъ, *ежели* не самаго (ли) в нихъ почитаемаго побѣди діявола (діавола)? И да не речетъ кто, яво латво (удобно) и не трудно идоли (ідолы) бездушнїя (бездушныи) и нечувственнїя (нечувственныи) разбивати. Тому толко (токмо) латво (удобно), кто силою Хрїстовою вооруженъ, можетъ попрати и самихъ демоновъ по свидѣтелству внѣшнихъ историковъ (Істориковъ). Попущеніемъ божїимъ многїя казни наносили діяволи (діаволы) на своихъ идолослужителей (ідолослужителей), отъ которыхъ имъ было нѣкое озлобленіе. Между иними (иными) повѣствуютъ, же (что) коли (когда) Камвизисъ (Камвісъ) король (царь перскій)

з (съ) войскомъ ишолъ (шелъ) на разграбленіе якогось (нѣкоего) капища славного бога аполина (Аполлина) все воинство его якъ (какъ) дивное якое (нѣкакое) волненіе пѣски (пески) въ дорозѣ (въ дорогѣ) зосипали (засыпали). Како можетъ кто внійти (внити) в (въ) домъ крѣпкаго сосуди (сосуды) его расхитити, аще не первѣе свяжетъ крѣпкаго и тогда домъ его расхититъ, самъ Хрістосъ глаголетъ. Аще убо владимірь (Владиміръ) святый разоривъ (разорилъ) доми (домы) діяволскїя (діаволскія), расхитилъ сосуди (сосуды) ихъ и кумири (куміры) бездушнія (бездушныя), кому не явѣ есть, яко связа крѣпкаго, побѣди, поверже, попра торжественно самаго діявола (діавола)? Сію побѣду несумнѣнно (несомнѣнно) вси вѣдуще, разсмотрѣмъ (разсмотримъ) еще во кратцѣ: що (что) за добро за (во время) царствованія своего учинилъ намъ владимірь (Владиміръ) святый? Приведѣмъ (приведемъ) себѣ на мысль (память) нещасливыя (несчастливая) и погибелнїя (погибельная) времена преждніи (прежняя), когда еще свѣтомъ евангелскимъ непросвѣщеннный родъ нашъ в (въ) глубокой тмѣ и сѣнѣ (сѣни) смѣртнѣй долго сидѣлъ. Що за (какое) ослѣпленіе було (было) глинянымъ, срѣбрянымъ (сребрянымъ), древянымъ кланятися богомъ (богамъ) и отъ онихъ (нихъ) помощи просити? Що за (коликая) погибель не вѣдати, на якій (какій) конецъ и отъ кого рожденъ бысть (былъ) человѣкъ? не знати и не надѣятися живота вѣчнаго? Вси тіи великородніи Князи, вси хоробрыи (храбріи) воини, вси всякого чина людіе, кто по долгомъ, кто по короткомъ (краткомъ) житіи пошли въ огнь вѣчній (вѣчный), и тамъ заблужденіе познали свое, где уже (идѣже) поправы (исправленія) нѣ (ни) откуду (откуду) немашь (нѣсть) и не будетъ. Кто еще безъ плача воспомянути можетъ до (въ) якого (какое) свирѣпства (свирѣпство) и безчеловѣчія (безчеловѣчіе) пришелъ былъ (было) родъ россійскій (и) ослѣпъ угождати хотячи (хотяй) діяволу (діаволу). Довлѣетъ на тое (сіе) едину привести повѣсть отъ святаго Нестора еще непросвѣщенного (непросвѣщеннаго) лѣтописца. Уже за (при) державы (державѣ) владиміра (Владиміра) страшное и самому естеству противное дѣло видѣлъ Кіевъ.

---

[1]) Мав. 3. (Матв. гл. 12, Ст. 29).

Собравшися великое множество народа на якуюсь (нѣкуюсь) службу богомерзскую (и) наущеніемъ діяволскимъ (діаволскимъ) неслыханнаго безумія учинили (учинивши) раду (совѣтъ), крикнули вси единогласно: на кого з (изъ) людей жребій падеть (падетъ), того убити на жертву богомъ нашимъ. О злобы діяволскія (діаволскія)! не довлѣло тебѣ, супостате Божій, воловъ (волами), козловъ (козлами) и звѣрей (звѣрями) дикихъ (дикими) в (въ) мерзкихъ (мерзскихъ) жертовникахъ (жертвенникахъ) насыщатися? Жаждеши уже крови (крове) человѣческія. Велиши убити на жертву себѣ человѣка, надъ которымъ ты жадной (никакой) власти не имаши (не имѣеши), (котораго) самому себѣ жерти убійствомъ не велитъ Богъ, всего созданія Господь! вѣрити не хощется, жебы (чтобы) такъ безбожная (безбожный) рада (совѣтъ) людемъ подобалася (угоденъ былъ), а вси на тое пристали. У якогось (нѣкоего) человѣка рода варяжскаго единаго тогда хрїстїанина былъ сынъ единородный юнъ зѣло возрастомъ и лицемъ красенъ; на того жребій упалъ (палъ). Прибѣжитъ (прибѣгаетъ) безчисленное звѣрей дикихъ, а не людей множество, ознаймуетъ (возвѣщаетъ) о волѣ боговъ своихъ отцу того младенца, которая вѣсть якимъ (каковымъ) жалемъ (жалѣніемъ) сердце отеческое уязвила, слова (словомъ) мнѣ равнаго немашь (неможно) до изреченія (изобразити). Досить (доволно) змовити (рещи): отецъ и хрїстіянинъ (христіанинъ) сына своего единаго юнака (юна) краснаго на смерть толь безчестную дати понуждается. Укрѣпився болѣзнію и ревностію великою, всѣмъ ясно отповѣдалъ (отвѣщалъ): на толь (тотъ) беззаконный позоръ (соборъ) глядѣти (взирати) не буду, и не видаетъ (выдаетъ) сына, чимъ безчисленныхъ тихъ (тѣхъ) людей до такой (толикой) подвигъ ярости, же (что) звѣрскимъ свирѣпствомъ устремившися, весь его домъ заграбили (разграбили), а тѣлеса святыхъ мучениковъ невѣдомо где (гдѣ) подѣлися. Що (что) се за диво такое! *Чи* сее (сіе) в (въ) Русѣ (Руси или) в (во) иншомъ (иномъ) родѣ было? Кто бувъ (былъ) такъ обезумивъ (обезумилъ) родъ нашъ? Откуду сіе піянство (піанство)? Откуду такое ума погубленіе? Родъ отъ славы названній (названный) славенскій якимъ (какимъ) безчестіемъ осквернилъ славу свою. Коли (когда) о такихъ его жертвахъ

вѣсть проносилася? Коли (когда) хто (кто) кого пяного (піанаго) отведеть (отведетъ) отъ такого (таковаго) дѣла, которого (о которомъ онъ) на по тимъ (послѣ) жаловалъ (жалѣть будетъ), як (какъ) тому дякуетъ (благодаритъ) протверезившися (протрезвившися): то якое (какое) благодѣяніе намъ учинивъ (учинилъ той), кто родъ нашъ отъ того (таковаго) отвѣвъ (отвелъ) безумія, отъ такихъ (таковыхъ) скверпъ очистивъ (очистилъ). О едина похвала наша, святый равноапостолный Княже владимiре (Владиміре)! Кое благодареніе равное благодѣяніямъ твоимъ воздати можемъ? Тебѣ благодарственнія (благодарственная) восписуемъ, яко отъ толь темной тмы ко великому Евангелія свѣту воспрянухомъ; тебѣ восписуемъ, яко отъ невѣрія ко (къ) вѣрѣ, отъ отчаянія ко (къ) надеждѣ живота вѣчнаго прійдохомъ. Тебѣ восписуемъ, яко величавія (величавыи) демоны: Перуны, Волосы, Подзвизды, Лады, Купалы и малымъ у насъ дѣтемъ (дѣтямъ) единъ (единнымъ) поруганіе и смѣхъ (смѣхомъ) зостали (остались). Тебѣ восписуемъ, яко на самую повѣсть мерзкихъ (мерзскихъ) прежднихъ жертвъ рода нашего плюемъ и гнушаемся. Кто жъ (же) уже изрещи можетъ, яко (како) Россія (Россіа) отъ святаго владимiра (Владиміра) просвѣщенна (просвѣщенная) процвѣла въ добродѣтели! Коликими чудесами прославилася! Коликихъ угодниковъ Божіихъ породила и раждаетъ! а тому всему, яко зданію нѣкоему, основаніе положилъ владимiръ (Владиміръ). Хощетъ (ли) кто совершенно вся благодѣянія его исчислити, нехай (да) изочтетъ всѣхъ в (въ) Россіи просіявшихъ чудотворцевъ, преподобнихъ (преподобныхъ), мучениковъ, архіереовъ, учителей. Нехай (да) злѣчить (исчислитъ) въ семъ градѣ видѣнная и во всей державѣ Россійской безчисленная чудеса, нехай (да) обидетъ (обыдетъ) умомъ многонародное и пространное Монархы (монарха) нашего царство, коль многія обители (храмы) *Церковнія*, палати (палаты), престоли (престолы) архіерейскія (архіерейскіи, церковныи) сосуды, орудія, украшенія, пѣнія, книги евангелскія! Чи не собываются (не собываются ли) дни предреченніи Андрея Первозваннаго, предрекшаго о имущемъ просіяти в (въ) земли нашой (нашей) благочестію (благочестіи) и многимъ церквамъ божiимъ воздвигнутися? А всему тому начало, при-

чина и поводъ владимiръ (Владимiръ) святый. Подобное чтось (нѣчто) ключилося владимiру (Владимiру) со святымъ андреемъ (Андреемъ), яко иногда соломону (Соломону) со давидомъ (Давiдомъ): давидъ (Давiдъ) святый предъ смертiю своею давъ (далъ) сыновѣ (сыну) своему соломону (Соломону) вся описанiя церкви, которую мавъ (имѣлъ) создати соломонъ Соломонъ), где (гдѣ) были описанни (описаны) вся (вси) притворы, коморы (камеры), горницы, полагалища внутренняя, и иная (иныя) части церковнiя (церковныя), и ведлугъ (по) того (оному) абрису (образу) соломонъ (Соломонъ) устроивъ (устроилъ было) потомъ домъ божiй. Подобнимъ (подобнымъ) смотренiемъ и духовное зданiе Православнороссiйскiя нашея Церкве воздвиже Богъ. Андрей святый, же (что) ему не случилося судбами божiими мысленнаго сего храма устроити, подавъ (подалъ) описанiе в (въ) пророчествiи своемъ всѣхъ духовнихъ (духовныхъ) украшенiй Церкви нашей: *Здѣ*, рече, *возсiяти иматъ слава божiя.* Аки бы реклъ: пролiются крови мученическiя, процвѣтутъ цвѣты дѣвственническiя (дѣвственническiи), примутъ крѣпость догматы православнiя (православныи), вся потребная ко славѣ божой (Божiей) не оскудѣютъ. Тако предначиса андрей (Андрей) святый. Святый же владимiръ (Владимiръ) яко соломонъ (Соломонъ) премудрый все тое преднаписанное дѣломъ соверши. О великаго благополучiя землѣ (земли) нашой (нашей)! Коей странѣ уступитъ в (въ) похвалахъ своихъ? отъ коихъ мѣстъ славою будетъ побѣжденна (побѣждена)?

Не довлѣютъ ли сiя, слышателю (слышателiе) православный (православнiи), ко (къ) духовной радости, ею же радоватися намъ подобаетъ о Царѣ нашемъ великомъ владимiрѣ (Владимiрѣ)? Слышахомъ о его побѣдахъ, познахомъ благодѣянiе его ко (къ) намъ. Сынове Сiони радуйтеся о толицѣмъ царѣ своемъ. Аще давиду (Давiду) великая похвала бяше нарицанну (нарицаему) быти побѣдителемъ десяти тысящъ, и сiе (съ) великимъ кликомъ (ликомъ) дѣвы и жены израилскiя (iсраилскiя) воспѣваху:[1] *побѣди Саулъ со (съ) тысящами, а давидъ (Давiдъ) со (съ) тмами,* колми паче достоинъ радости нашей (нашея) и торжества царь

[1]) (I. Царст. Гл. 18. ст. 8).

нашъ владимїръ (Владимірь) святый, не тмы, но тмами темъ побѣдитель, и не тѣлесныхъ, но невидимыхъ враговъ духовнихъ (духовныхъ). Трехъ тилко (токмо) супостатовъ воспомянухомъ, но тіи вожди (вожды) суть безчисленнія (безчисленная) полчища имущіи. Многія суть прелести мїрскїя, многія (многая) подвизанія похотей плотскихъ, многая (многіи) навѣти (навѣты), козни и искушенія діяволская (діаволская). О колико радоватися намъ подобаетъ о побѣдившемъ сія вся царѣ нашемъ владимірѣ (Владимірѣ)! Благодѣянія же его ко (къ) намъ коего сердца не подвигнутъ ко (къ) веселію? взійдѣмъ (взидемъ) умомъ на небо: что разумѣти подобаетъ яко самое небо радуется о царѣ нашемъ; аще бо по словеси Господню великая на небеси радость о единомъ бываетъ грѣшницѣ кающемся, кая радость имать быти о святомъ владимїрѣ (Владимірѣ), иже со (съ) собою не единаго грѣшника, но безчисленнія (безчисленныя) роди (роды) державы своея обрати ко Господу! Вѣмъ несумѣнно (несомнѣнно), яко вси угодници (угодницы) божіи в (въ) нашей земли просіявшіи великія ему похвалы и благодаренія радостніи (радостно) воздаютъ. О Сынове Сіони, Сынове Россійстіи! Чи радостно (не радостно ли) вамъ есть, яко отъ сыновъ гнѣва божія сыны бысте благодати его? *Чи радостно вамъ есть, яко сынове Сіони, а не вавилонстіи?* Чи радостно (не радостно ли) вамъ есть, яко надеждитеся (надѣетеся) быти сынами горняго Сіона оного (онаго?) Сею убо всею радостію радуйтеся о ходатаю (ходатаѣ) радости вашея, основателю (основателѣ) новаго израиля (Іcраиля), о великомъ царѣ нашемъ владимїрѣ (Владимірѣ) святомъ, торжественно благодаряще прославившему его Господу нашему Іисусу Хрїсту со безначалнимъ (безначальнымъ) его отцемъ, и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

ДУМА О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Настоящая дума записана мною въ началѣ 70-хъ годовъ въ г. Нѣжинѣ отъ кобзаря *Павла Братыци.*

Репертуаръ кобзы П. Братыци, въ сравненіи съ репертуаромъ кобзаря О. Вересая, гораздо бѣднѣе, ограниченнѣе по всѣмъ отдѣламъ творчества. Объ исполненіи и говорить нечего: той драматизаціи въ выраженіи историческихъ думъ, высокаго, героическаго паѳоса, замѣчательнаго разнообразія въ интерпретаціи, способствующей удерживать даже интеллигентнаго слушателя въ сильномъ напряженіи при исполненіи многихъ сотенъ стиховъ думы на одинъ и тотъ же монотонный мотивъ,—ничего подобнаго у Братыци я не нашелъ. Видимое дѣло, что, кромѣ личной одаренности пѣвца, у Вересая и школа была несравненно выше и гораздо старѣе (Братыця по лѣтамъ много моложе Вересая).— Это обстоятельство неотразимо сказалось на богатствѣ его репертуара, не вывѣтрившагося еще изъ памяти его учителей-рапсодовъ, и на его въ высшей степени выразительномъ исполненіи.

Строй бандуры П. Братыци слѣдующій:

(Сравн. со строемъ бандуры О. Вересая, въ 1-мъ т. Записокъ Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ., 1873 года).

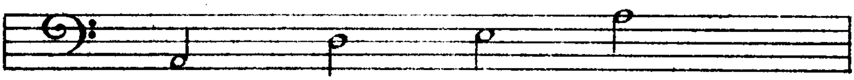
Сравнивая музыку этой думы съ музыкою думъ, пѣтыхъ Вересаемъ, мы тотчасъ замѣтимъ въ этихъ послѣднихъ признаки архаичности мелодическаго рисунка. Если исключить въ этомъ рисункѣ запѣвъ каждой новой строфы, начинающійся обыкновенно съ нижней октавы [1]), то весь онъ вмѣщается въ предѣлѣ

[1]) Запѣвъ этотъ укладывается въ строѣ бунтовыхъ струнъ бандуры, и кобзарь неуклонно держится этого пріема въ теченіи всей думы.

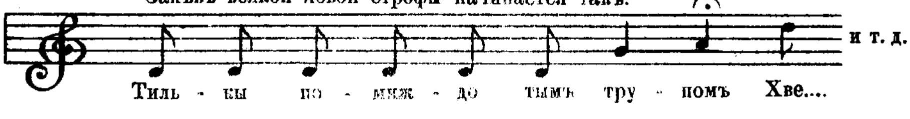
кварты—квинты съ типичною каждый разъ фигурой на квинтѣ строя для цезуры. Есть въ этомъ мотивѣ подъемы на сексту и на септиму даже; но эти ходы не составляютъ содержанія мотива: они служатъ къ освѣженію монотоннаго, скуднаго мелодіей речитатива; они рисуютъ драматизмъ положенія въ текстѣ думы; наконецъ, возбуждаютъ и притягиваютъ ослабѣвающее вниманіе слушателей [2]).

Чѣмъ древнѣе мотивъ, тѣмъ ограниченнѣе его тесситура. Это легко провѣрить на бытовыхъ даже пѣсняхъ, въ особенности на обрядовыхъ, принадлежащихъ въ основѣ своей эпохѣ дохристіанской.—Музыкальныя мысли думъ изъ репертуара Вересая ограничиваются въ основѣ своей 4—5 нотами; это и есть свидѣтельство относительной ихъ древности.

Дума про Хмельницкаго изъ репертуара Братыци сохраняетъ въ мелодическомъ своемъ теченіи также весь характеръ думы. Это тотъ же мелодическій речитативъ, типично повторяющійся въ своемъ незамысловатомъ рисункѣ; но онъ ближе къ намъ по времени созданія; отъ него вѣетъ складомъ пѣсни; въ мотивѣ думы больше лирической мягкости; въ немъ отсутствуетъ ригоризмъ древняго безстрастнаго речитатива. Въ техникѣ тоже

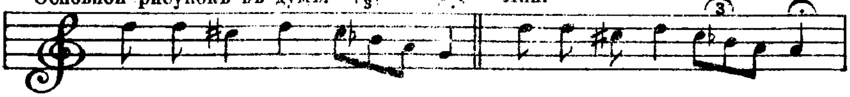


Запѣвъ всякой новой строфы начинается такъ:



[2]) Изъ думъ, пѣтыхъ О. Вересаемъ.

Основной рисунокъ въ думѣ. Или:



Запѣвъ каждой строфы. Или:

Промежуточные мелодическіе ходы. Или:

значительныя отличія: цезура на квинтѣ строя отсутствуетъ; каждая музыкальная фраза, отвѣчающая словесному періоду текста, заключается всякій разъ ферматой на основномъ тонѣ гаммы, тогда какъ въ думахъ, пѣтыхъ Вересаемъ, такое паденіе на тонику или,—примѣнительнѣе къ ладамъ, въ которыхъ созданы старыя историческія думы,—паденіе на первую ступень основнаго тетрахорда совершается лишь въ самомъ концѣ думы. *Ею* обыкновенно оканчивается дума. Типическаго, присущаго старой козацкой думѣ, запѣва, расположеннаго въ строѣ 4-хъ основныхъ басовыхъ струнъ бандуры (такъ называемыхъ, бунтовъ), здѣсь, въ нашей думѣ, нѣтъ; строгій діатонизмъ древнихъ церковныхъ ладовъ какъ бы сдѣлалъ здѣсь уступку времени, окружающимъ историческимъ обстоятельствамъ, этнологическимъ комбинаціямъ, преобразившись въ современный европейскій миноръ съ вводнымъ тономъ (gis).

Музыка настоящей думы отличается отъ музыкальнаго типа старой думы болѣе широкимъ мотивомъ, болѣе свободнымъ, незамкнутымъ складомъ мелодіи: все это приближаетъ ее къ типу историческихъ пѣсенъ козацкихъ и даже чумацкихъ, которыя въ музыкальномъ построеніи своемъ не мало заимствовали у думы строгихъ красотъ своихъ.

Тѣмъ не менѣе, глубоко оригинальный, самобытный складъ старой думы, отличающій ее во всей славянщинѣ, строго замкнутая, неизмѣнная форма речитатива--характера восточнаго, меланхолическаго, сильныя душевныя движенія, ярко обрисовываемыя отдѣльными музыкальными фразами, наконецъ, древніе лады, служившіе звуковымъ матерьяломъ для созданія думъ,—всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, создавшія монументальный типъ исторической украинской думы, служили и будутъ по преимуществу служить для истинныхъ цѣнителей народнаго творчества предметомъ высокаго интереса и изученія.

Чтобы сдѣлать болѣе доступнымъ знакомство съ музыкой настоящей думы, я позволилъ себѣ придѣлать къ строчкѣ пѣнія фортепьянное сопровожденіе, придерживаясь въ фактурѣ пріемовъ по возможности близкихъ гармонизаціи и фигураціи у кобзарей.

Н. Лисенко.

Текстъ думы.

Якъ зъ день-годыны счынылысь велыки войны на Украини.
То тогди-то не могъ нихто обибратьця за виру хрыстыянську одностайне статы,
Тилькы обибрався Барабашъ, та Хмельныцькій та Клыша Билоцеркивській.
Оттоди воны одъ своихъ рукъ лысты пысалы, до короля Радыслава посылалы.
Тогди-то король Радыславъ лысты прымае, чытае, а въ лыстахъ пропысуе, назадъ одсылае,
У городи Черкаському Барабаша́ гетьманомъ настановляе:
„Будь же ты, Барабашъ, у городи Черкаському гетьманомъ.
А ты, Клыша, у городи Билий Церкви полковны́чымъ,
А ты, Хмельныцькій, у городи Чыгрыни́ пысаремъ вийсковымъ“.
Тогди жъ то небагато Барабашъ, гетьманъ молодый, гетьмановавъ,—тилькы пивтора года.
Тогди жъ то Хмельныцькій добре дбавъ, кумомъ до себе гетьмана молодого Барабаша зазывавъ,
А ще дорогымы напыткамы витавъ и стыха до ёго словамы промовлявъ:
„Эй куме, каже, куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Чы не моглы бъ мы зъ тобою у-двохъ королевськыхъ листивъ прочытаты,
Чы не моглы бъ мы козакамъ козацькыхъ порядкивъ подаваты,
Чы не моглы бъ мы за виру хрыстыянську достойно, праведно статы“?
То вже тогди Барбашъ, гетьманъ молодый, нехороши соби мысли мавъ,
До свого кума стыха словамы промовлявъ:
„Ой куме, куме, каже, пане Хмельныцькій, пане писару вийсковый!
На що намъ зъ тобою у-двохъ королевськи лысты чытаты,
На що намъ козакамъ козацьки порядкы даваты.

На що намъ за виру хрыстыяньску достойно, праведно стояты?
Лучче намъ изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы, хлибъ-силь зъ упокоемъ вичный часъ ужываты."
Тогди жъ то панъ Хмельныцькій одъ свого кума си слова зачувае,
То ще й лучче ёго дорогымы напыткамы витае.
То вже тогди Барабашъ, гетьманъ молодый, у свого кума дорогого напытку напывся,
То тогди въ ёго доми и спать повалывся.
Оттогди-то Хмельныцькій добри соби мысли мавъ:
У свого кума изъ ливои кышени ключы вынымавъ,
А зъ-пидъ пояса шовковый платокъ высмыкавъ,
Зъ правои рукы, зъ мызинного пальця, щырозлатный перстень изнымавъ.
На слугу свого повирного добре клыкавъ-поклыка́въ:
„Эй ты, слуго, каже, мій вирный, велю тоби оци значкы одъ моихъ рукъ забраты,
Самому на доброго коня сидаты,
До города Черкаського скорымъ времьемъ, пилною годыною прыбуваты,
Барабашевій паніи нызькый поклонъ послаты,
Сіи значкы добре до іи рукъ оддаты,
А королевськи лысты одъ неи прыняты".
Тогди-то слуга тіи значкы до своихъ рукъ забравъ,
Самъ на доброго коня сидавъ
И до города Черкаського скорымъ времьемъ, пилною годыною прыбувавъ,
До пани Барабашевои у двиръ уизджавъ;
Въ синечкы ввійшовъ—нызькый поклонъ пославъ,
Барабашевій паніи значкы на столи поклада́въ,
А ще стыха словамы промовлявъ:
„Эй пани, каже, ты, пани Барабашева, гетьманьшо молодая!
Уже жъ теперъ твій панъ Барабашъ, гетьманъ молодый, зъ Хмельныцькимъ на славній Украини велыки бенкеты счынають;

Велилы воны тоби сіи значкы до рукъ прыйматы, а мыни королевськи лысты оддаты,—
Чы не моглы бъ воны зъ кумомъ своимъ Хмельныцькымъ удвохъ прочытаты,
Чи не моглы бъ воны козакамъ козацьки порядкы подаваты,
Чи не моглы бъ воны за виру хрыстыянську достойно, праведно статы“?
Тогди жъ то пани Барабашова, гетьманша молодая,
Якъ ударытця да объ полы рукамы, обиллетця гарячымы слезамы, промовыть стыха словамы:
„Эй не зъ гора-биды мойму пану Барабашу схотилося на славній Украини
Зъ кумомъ своимъ Хмельныцькимъ велыки бенкеты счынаты!
На що бъ имъ королевськи лысты чытаты, на що бъ имъ козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ же имъ зъ ляхамы, зъ мостывымы пананы, хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты.
А теперъ нехай не зарикаетця Барабашъ, гетьманъ молодый,
На славній Украини огнивъ да тернивъ изгашаты,
На степи своимъ панськымъ тиломъ комаривъ годоваты.
Велю жъ я тоби, служителю, до воритъ одхождаты, королевськи лысты у шкатули зъ земли выйматы,
На доброго коня сидаты и до города Чыгрынà скорымъ времьемъ, пылною годыною прыбуваты“.
Тогди то служытель Хмельныцького до воритъ одхождавъ, шкатулу зъ земли выньмавъ,
Самъ на доброго коня сидавъ и до города Чыгрына скорымъ времьемъ, пылною годыною прыбувавъ,
Да своему пану Хмельныцькому шкатулку зъ королевськымы лыстамы до рукъ оддавъ.
То вже тогди Барабашъ, гетьманъ молодый, одъ сна проспався
И ставъ у свого кума Хмельныцького королевськи лысты въ рукахъ заглядаты,
То не ставъ й дорогого напытку пидпываты.

Да ставъ до свого кума стыха словамы промовляты:
„Эй куме, каже, куме, пане Хмельныцькій, пане пысару військовый!
На що бъ намъ королевськи лысты чытаты, на що бъ намъ козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ намъ изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы, хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты“.
Тогди то панъ Хмельныцькій до свого кума згóрда словамы промовляе:
„Эй куме, куме, каже, якъ будешъ ты мини симы словамы досаждаты,
То не зарикаюсь я тоби зъ пличъ голову, якъ галку, зняты,
А жену твою зъ дитьмы жывцемъ забраты, турському салтану въ подарунку одислаты“.
То вже тогди Барабашъ, молодый гетьманъ, якъ одъ свого кума си слова зачувае,
Стыха изъ двора его изъиздjае, да на свого старосту Крачевського кличе—поклыкае:
„Эй старосто, каже, ты, мій старосто Крачевській!
Чы не моглы бъ мы кума мого Хмельныцького жывцемъ забраты,
Ляхамъ, мостывымъ панамъ, до рукъ податы?
То ще бъ насъ ляхы, мостывыи паны, за билозоривъ почыталы“.
Тогди поихавъ Барабашъ, молодый гетьманъ, путемъ-дорогою,
А панъ Хмельныцькій лугомъ по-за лугомъ (Базавлукомъ),
Случилось ёму зъ правои рукы чотыри полковныкы:
Одынъ полковныкъ Максымъ Ольшанській,
Другый полковныкъ Мартынъ Полтавській,
Трейтій полковныкъ—Иванъ Богунъ,
А четвертый—Матвій Бороховичъ.
Оттоди-то воны на славну Украину прыбувалы,
Королевськи лысты чыталы, козакамъ козацьки порядкы давалы.
Тогди-то у святый божественный день у вівторокъ Хмельныцькій козакивъ до сходъ сонця пробуждае
И стыха словамы промовляе:

„Эй козакы, диты, друзи, молодци, добре дбайте.
Одъ сна уставайте, руськый Оченашъ чытайте.
На лядськи табуры наизджайте, лядськи табуры на тры часты розбывайте,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубайте, кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишайте,
Виры своеи хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подайте“.
Оттогди жъ то козакы, друзи, молодци добре дбалы,
Одъ сна уставалы, руськый Оченашъ чыталы,
На лядськи табуры наизджалы, лядськи табуры на тры часты розбывалы,
Ляхивъ, мостывыхъ панивъ, у пень рубалы, кровъ ихъ лядську у поли зъ жовтымъ пискомъ мишалы,
А виры своеи хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подалы.
Оттогди-то Барабашъ, гетьманъ молодый, конемъ пидъизджае,
Плаче—рыдае и стыха словамы промовляе:
„Эй куме, каже, пане Хмельныцькій, пане пысару військовый.
На що бъ тоби королевськи лысты у пани Барабашевои було вызволяти,
На що бъ тоби козакамъ козацьки порядкы даваты?
Лучче бъ тоби зъ намы изъ ляхамы, зъ мостывымы панамы хлибъ-силь зъ упокоемъ вишный часъ ужываты“.
Оттогди-то Хмельныцькій стыха словамы промовляе:
„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!
Якъ будешъ ты мини симы словамы досаждаты,
Не зарикаюсь я тоби самому зъ пличъ голову, якъ галку, зняты
Жену твою и дитей у полонъ жывцемъ забраты,
Турському салтану въ подарунку одислаты“.
Оттогди то Хмельныцькій якъ сіи слова зговорывъ, дакъ барзе-добре й учынывъ:
Свойму куму Барабашеви, гетьману молодому, зъ пличъ голову, знявъ,

Жену его зъ дитьмы жывцемъ забравъ, турському салтану въ подарунокъ одиславъ,—
То тогди жъ то панъ Хмельныцькій гетьмановать ставъ.
Оттогди жъ то козакы—диты, друзи, молодци, стыха словамы промовлялы:
„Эй пане, пане Хмельныцькій, Богдане Зиновій, нашъ батю, гетьмане чыгрынській!
Дай, Господы, щобъ мы за твоеи головы пылы и гулялы
И не́прыятеля пидъ ногы топталы,
А виры хрыстыянськои на поталу въ вишный часъ же не подалы!“
То тогди воны померлы, а ихъ слава не помре й не поляже
Утверды, Господы, люду царського, императорського
И всимъ слушающимъ, всимъ православнымъ хрыстыянамъ.
Пошлы, Боже, много литъ до конця вика!

ДУМА про ХМЕЛЬНЫЦЬКОГО та БАРБАША.

одъ Кобзаря Павла Братыци, у Нижыни, спысавъ М. Лисенко.

1.

шчо то - дижъ то не мигъ ни - хто о - би - бра - ты - ся,
а за ви - ру хры - сты - янсь - ку до - стой - но,
пра - вед - но ста - ты.
Тиль - кы о - би - брав - ся Бар - башъ та Хмель-

ныдь - кый да ще Клы - ша Би - ло - цер - кивсь - кый.
Що то - дижъ то во - ны одь сво - ихъ рукъ
лы - сты ны - са - лы, та до ко - ро-
ля Ла - ды - сла - ва по - сы - ла - лы.

А ко - роль Ла - ды - славъ лы - сты прый - ма-
е, чы - та - е и въ лы - стахъ пры-
пы - су - е, на - задъ имъ по - сы - ла - е.

А Бар - ба - ша у го - ро - ди Чер - кась - ко - му
геть - ма - номъ на - ста - но - вля - е, а Клы - шу
въ Би - лій цер - кви пол - ков - ны - чымъ,
Хмель - ныць - ко - го у го - ро - ди

Чы - гры - ни ны - са - ромъ
війсь - ко - вымъ.

Въ вышедшихъ 1—7 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.,**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., И. М. Каманина, Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана, И. П. Новицкаго, Ѳ. Н., А. А. Русова, Н. С., В. Ястребова.

Въ отдѣлѣ „Документы, извѣстія и замѣтки" помѣщены сообщенія: В. Б. Антоновича, Н. Н. Бакая, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. П. Горленка, В. С. Иконникова, А. И. Залѣсскаго, И. М. Каманина, П. А. Китицына, М. О. Комарова, И. Л—аго. А. Л., П. Л., И. И. Манджуры, Н. М., Ѳ. М., Д. И. Петровскаго, Н. В. Стороженка, Н. Ѳ. Сумцова, И. В. Теличенка, В. Н. Чеважевскаго, Х. Н. Ящуржинскаго.

Обозрѣніе журн. и газетъ. Библіографич. указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевск. Стар." за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма, портретъ А. А. Перовскаго. Слово Ѳеоф. Прокоповичу, дума о Б. Хмельницкомъ и БарабаПѣ съ нотами Н. В. Лисенка, Изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова, Памятникъ Б. Хмельницкому по рис. В. Н. Николаева, видъ Десятинной церкви, постр. П. Могилою.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXII.

АВГУСТЪ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловская улица, д. № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АВГУСТЪ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXII. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

Въ вышедшихъ 1—8 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.— „Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**— Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченко.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., И. М. Каманина, П. К—аго, М. Л., Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана, И. П. Новицкаго, Ѳ. Н., А. А. Русова, Н. С., В. Ястребова.

Въ отдѣлѣ „Документы, извѣстія и замѣтки" помѣщены сообщенія: В. Б. Антоновича, Н. Н. Бакая, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, А. Востокова, В. П. Горленка, В. С. Иконникова, А. И. Залѣсскаго, И. М. Каманина, П. А. Китицына, М. Ѳ. Комарова, И. Л—аго. А. Л., П. Л., И. И. Манджуры, Графа Г. А. Милорадовича, Н. М., Ѳ. М., Д. И. Петровскаго, П. Петрова, Н. В. Стороженка, Н. Ѳ. Сумцова, И. В. Теличенка, В. Н. Чеважевскаго, Х. П. Ящуржинскаго.

Обозрѣніе журн. и газетъ. Библіографич. указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевск. Стар." за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма, портретъ А. А. Перовскаго, слово Ѳеоф.

Дозволено цензур. Кіевъ, 31-го Іюля 1888 г.

Кіевское торжество 15 іюля было омрачено печальною вѣстью о скоропостижной смерти начальника края, генералъ-адъютанта, генерала отъ инфантеріи **Александра Романовича Дрентельна,** скончавшагося въ 10-мъ часу утра при объѣздѣ войскъ.

Историкамъ послѣдующихъ поколѣній придется произнести свой приговоръ надъ дѣятельностью покойнаго въ юго-западномъ краѣ, нашъ же долгъ, какъ мѣстнаго историческаго органа, помянуть добрымъ словомъ однаго изъ лучшихъ мѣстныхъ администраторовъ, безукоризненно честнаго и гуманнаго человѣка.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

(*Продолженіе*) [1].

IV.

Одновременно съ дѣломъ о растратѣ излишне собранныхъ податей возбуждено было и другое громкое дѣло: нами было уже упомянуто, что въ декабрѣ 1823 года Кравченко въ своихъ представленіяхъ губернскому начальству указалъ на растрату городскими представителями послѣ пожара 1811 года „частно-общественной“ городской суммы въ количествѣ до 600,000 руб.; тогда въ доказательство ея существованія онъ представилъ „два баланса“ и какое то „доношеніе“, утверждая, что члены кіевскаго магистрата, воспользовавшись пожаромъ 1811 г., присвоили себѣ эти деньги. Къ дѣлу оказались причастными тѣ же лица городскаго управленія, которые умѣли прятать концы, фигурировавшіе уже въ процессѣ о растратѣ излишне собранныхъ съ мѣщанъ налоговъ и отъ которыхъ слѣдователи нетолько не узнали количества растраты но даже не узнали и количества „частно-общественной городской суммы“; губернское правленіе почему то игнорировало совершенно заявленіе Кравченка, и только вслѣдствіе предписанія г. министра внутр. дѣлъ 12 сент. 1827 г. назначило коммиссію для приведенія въ извѣстность количества общественной суммы. Дознаніе въ началѣ поручено было той же коммиссіи, что производила дѣло о растратѣ излишне собранныхъ налоговъ, но потомъ, вслѣдствіе

[1]) См. „Кіевск. Старина“, т. XXI, 1888 г.

встрѣченныхъ ею разнаго рода неудобствъ и затрудненій, передано особому слѣдователю губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему Дротаевскому.

Слѣдствіемъ этимъ раскрыто, что растрата произведена чинами магистрата не одной какой-либо общественной городской суммы, а цѣлаго ряда ихъ, бывшихъ въ распоряженіи городской общественной коммиссіи, вѣдавшей свободные городскіе капиталы и ихъ обороты. Обратимся сперва къ дѣятельности общественной коммиссіи въ ея ссудо-сберегательныхъ операціяхъ.—Когда возникла эта коммиссія, по чьей инициативѣ, на основаніи чьего разрѣшенія и пр.,—всѣ эти и подобные вопросы слѣдствіемъ не разъяснены, такъ какъ члены магистрата, даже начавшіе свою службу городу въ концѣ прошлаго вѣка, на вопросахъ у слѣдователя ничего не отвѣчали, отзываясь полнымъ незнаніемъ этихъ обстоятельствъ дѣла.

Изъ представленной же войтомъ Кисилевскимъ слѣдователю приходо-расходной книги общественной коммиссіи за 1805 и 1806 г. можно заключить, что коммиссія начала свою дѣятельность до 1805 г., но и никакъ не ранѣе 1785 г., такъ какъ учрежденіе ее могло состояться только по ст. 42 Высоч. утвержд. 21 апр. 1785 г. положенія, въ силу которой „городскому обществу дозволяется составить особую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять по общему согласію"; вѣроятно, вскорѣ, по обнародованіи этого положенія, путемъ вкладовъ, налоговъ, зачисленія остатковъ и др. способами образовалась городская сумма, которую и не замедлили пустить въ оборотъ, отдавая ее въ ссуды по 8—12% въ годъ, отъ чего она и возросла довольно быстро до почтенной величины, ибо „къ сему роду учрежденія возимѣли довѣріе и сторонніе, въ сословіе гражданъ не входившіе лица"; послѣдніе вносили въ кассу общественной коммиссіи свои капиталы за „умѣренные" проценты, размѣръ которыхъ остался неизвѣстенъ. Далѣе, изъ дѣла видно, что операціи банковаго характера коммиссія производила подъ предсѣдательствомъ войта въ составѣ особо избранныхъ для сего „почетнѣйшимъ обществомъ" членовъ магистрата и гражданъ;

но слѣдствіе не раскрыло ни именъ первыхъ учредителей коммиссіи, ни тѣхъ порядковъ, какіе въ ней практиковались, ибо всѣ дѣла ея счеты, книги и пр.—однимъ словомъ, всѣ вещественные памятники ея существованія ко времени производства слѣдствія оказались сгорѣвшими во время пожара 9 іюля 1811 г.[1]); извѣстно только, что наканунѣ пожара въ дѣлахъ коммиссіи участвовали бургомистръ Константинъ Балабуха и ратсгеръ Алексѣй Островскій; въ 1811 г. ихъ замѣнили въ коммиссіи ратсгеръ Матвѣй Филипповичъ и Иванъ Могилевскій, оставаясь въ ней до 2-го августа 1817 г., а въ этомъ году ихъ мѣсто занялъ бургомистръ Филиппъ Лакерда, извѣстный уже намъ, какъ главный участникъ послѣ войта Григоренка въ дѣлѣ незаконныхъ поборовъ съ мѣщанъ. Онъ одинъ[2]) распоряжался въ коммиссіи до самой своей смерти въ февралѣ 1827 г. Послѣ Лакерды дѣла коммиссіи были ликвидированы, такъ какъ онъ совершенно убилъ довѣріе къ ней общества.

Бухгалтерія этого перваго кіевскаго банковаго учрежденія велась сначала акуратно, если судить по приходо-расходной книгѣ за 1805 и 1806 г., представленной въ слѣдств. коммиссію войтомъ Кисилевскимъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, она могла была быть написанною и во время производства слѣдствія; въ ней каждая статья прихода и расхода тщательно записаны; съ 1811 г., при Филипповичѣ и Могилевскомъ, бухгалтерскій порядокъ и способъ веденія книгъ измѣняется: книги замѣняются журналами, не имѣющими ни опредѣленной формы, ни послѣдовательности, похожими скорѣе на черновыя тетради. Какъ велось дѣлопроизводство во время управленія коммиссіею Лакерды,

[1]) Уцѣлѣла одна только книга, изъ которой видно, что до 1805 г. ходъ дѣла въ коммиссіи зависѣлъ отъ бургомистра Евфима Митюка, Акима Барскаго и Стефана Рыбальскаго, а съ 1805 по 1807 г. отъ Ивана Могилевскаго, Акима Барскаго и Андрея Скородуба.

[2]) Въ дѣлѣ не упоминается о другомъ лицѣ, производившемъ вмѣстѣ съ Лакердой операціи въ коммиссіи, но изъ выданнаго коммиссіею тит. сов. Григорію Барвинскому 2 авг. 1824 г. заемнаго письма на 6000 руб. видно, что кромѣ Григоренка и Лакерды въ коммиссіи участвовалъ бургомистръ Григорій Кисилевскій, принимавшій на себя обязательства и подписавшій документъ вмѣстѣ съ первыми двумя.

осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ сыновья его Антонъ и Иванъ, не смотря на многократныя требованія слѣдователей и побужденія губернскаго начальства, не представили никакихъ документовъ для оправданія своего отца, кромѣ отчета, составленнаго письмоводителемъ общественной коммиссіи кол. рег. Гурковскимъ и писаннаго на бумагѣ 1826 года, хотя содержаніе его относится къ періоду времени 1817—1827 г.

Назначеніе и увольненіе членовъ общ. коммссіи происходило, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, „по распоряженію войта, въ присутствіи почетнѣйшихъ гражданъ", т. е., говоря яснѣе, войтъ назначалъ ихъ по своему произволу, и общество безмолвно соглашалось съ его волей; въ дѣлѣ же есть намеки на то, что прежде избраніе членовъ производилось самимъ обществомъ, которому потомъ избранные давали отчетъ о своей дѣятельности; слѣдовательно, мало по малу магистратъ успѣлъ захватить въ свои руки банковыя операціи коммиссіи капиталами, которые и остались въ рукахъ его членовъ. По заведенному въ коммиссіи порядку, обязательство и заемныя письма подписывались войтомъ, членомъ общественной коммиссіи и членомъ магистрата; въ случаѣ неуплаты по нимъ въ срокъ долга, неисправные должники привлекались къ суду, куда представителемъ отъ коммиссіи являлся, по ея уполномочію, ея же письмоводитель; должниками были по преимуществу мѣщане и купцы—домовладѣльцы Кіева, а вкладчиками, кромѣ коренныхъ обывателей, и лица другихъ сословій и мѣстностей.

Отъ производства по жалобамъ Кравченка слѣдствія относительно банковыхъ операцій общественной коммиссіи остался намъ одинъ только экстрактъ и приговоры суда, но и изъ этихъ остатковъ дѣлопроизводства мы узнаемъ большія или меньшія подробности, рисующія самоуправство и злоупотребленія членовъ городскаго представительства, которое допускало ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, благодаря пріобрѣтенной имъ власти надъ личностью и имуществомъ гражданъ, упадку общественнаго контроля надъ его дѣйствіями и возможности подкупа ривизующихъ чиновниковъ.

О дѣятельности членовъ обществ. коммиссіи до 1811 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, съ 1811 же года по 1817 годъ мы

узнаемъ объ оборотахъ коммиссіи по отчетамъ Могилевскаго и Филипповича, представившими его „почетнѣйшему обществу“ 8 авг. 1817 г., при передачѣ дѣлъ бургомистру Филиппу Лакердѣ, съ докладомъ о своей дѣятельности за этотъ періодъ времени. Въ первыхъ числахъ іюля 1811 г., когда они, по предложенію общества, приняли на себя „коммиссійскія обязанности“, то тотчасъ же приступили къ пріему векселей отъ своихъ предмѣстниковъ Константина Балабухи и Алексѣя Островскаго. 7-го іюля Балабуха отлучился по своимъ дѣламъ на короткое время изъ Кіева, а черезъ два дня, т. е. 9 іюля, произошелъ знаменитый пожаръ 1811 г., истребившій почти всю подольскую часть города. Векселя и книги общественной коммиссіи находились у Филипповича; какъ только огонь сталъ угрожать тому дому, гдѣ помѣщалась канцелярія коммиссіи, то Могилевскій, стараясь сохранить столъ съ документами, вынесъ его изъ дому на улицу и поручилъ присмотръ за нимъ разсыльному Максиму Спорнику, а самъ отправился хлопотать о спасеніи своего собственнаго имущества, которому тоже угрожалъ пожаръ. На третій день, когда уже пожаръ сталъ утихать и пострадавшіе стали считать свое уцѣлѣвшее добро, Могилевскій узналъ отъ Спорника, что столъ, порученный ему, со всѣмъ въ немъ находившимся, пропалъ безслѣдно, что пропажа эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ, которыя Спорникъ приводилъ въ свое оправданіе, именно, и что когда онъ стоялъ у стола, то къ нему подошелъ ратсгеръ Островскій и приказалъ итти за собой; Спорникъ ему повиновался и, возвратясь на мѣсто, стола уже не нашелъ.

Въ настоящее время этотъ фактъ можно толковать на всѣ лады: можно предполагать, что Островскій, сдававшій вмѣстѣ съ Балабухой векселя и др. денежные документы коммиссіи, были лично заинтересованы въ ихъ исчезновеніи; можно обвинять членовъ магистрата и полицію въ небрежности при розысканіи документовъ: Спорникъ, преданный суду Могилевскимъ, былъ допрошенъ о пропажѣ стола бургомистромъ Акимомъ Барскимъ, дѣйствовавшимъ по приказанію войта коллеж. ассесора Юрія Рыбальскаго, послѣ чего отправленъ въ полицію, а оттуда выпущенъ „для розысканія“, какъ впослѣдствіи говорили, „стола“, который все таки не былъ

найденъ; въ свою очередь, можно предполагать, что Островскій, вслѣдствіе всеобщей паники на пожарѣ, отозвалъ Спорника безъ всякой задней мысли, и столъ самъ собою какъ то затерялся.... Одно только вѣрно, что къ розысканію его во время не было принято мѣръ, и онъ пропалъ безслѣдно, оставивъ мѣсто всякимъ предположеніямъ и догадкамъ. По словамъ Могилевскаго, въ столѣ, кромѣ векселей и книгъ, было деньгами рублей 600—700.

Среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ ничего болѣе обществ. коммиссіи не оставалось дѣлать, какъ составить изъ уцѣлѣвшихъ книгъ списокъ лицъ, взявшихъ изъ коммиссіи ссуды; работу эту принялъ на себя Константинъ Балабуха; для провѣрки списка онъ призывалъ должниковъ, которые, пользуясь пропажей подлинныхъ векселей, утверждали—одни, что долгъ ими погашенъ; другіе, что хотя и должны, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ значится по спискамъ, и т. п., то есть давали отвѣты, которыхъ въ этомъ случаѣ и слѣдовало ожидать. При этомъ, такъ какъ ни Могилевскому, ни Филипповичу не была извѣстна съ точностью величина общественнаго капитала до пожара (дѣла и счеты не были ими вполнѣ приняты и пожаръ произошелъ до сдачи имъ дѣлъ), то для отклоненія отъ себя всякихъ нареканій и подозрѣній они, „коммиссіанты", отдавая теперь отчетъ, просили общество и членовъ магистрата позволить имъ принесть присягу въ томъ, что они по возложенной на нихъ обязанности „дѣйствовали по всей справедливости, безъ малѣйшаго корыстолюбія или похищенія, хотя бы и то въ малой части, денегъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили выдать имъ аттестатъ о службѣ.— Вновь избранный въ 1817 г. почему то единственный членъ коммиссіи Филиппъ Лакерда долженъ былъ обревизовать отчетъ Могилевскаго и Филипповича, но почему то, несмотря на неоднократныя просьбы послѣднихъ, оттягивалъ повѣрку, отдѣлываясь сначала обѣщаніями, а впослѣдствіи отговариваясь тѣмъ, что въ вѣрности отчета не сомнѣвается и во всемъ его утверждаетъ.

Такъ проходило время; капиталами общественной коммиссіи безконтрольно, подъ покровительствомъ и при участіи войта Григоренка, разпоряжался, какъ мы уже знаемъ, одинъ членъ ея Филиппъ Лакерда. Въ февралѣ 1826 г. умеръ войтъ Григоренко, а

въ октябрѣ того же года почувствовалъ приближеніе смерти и старикъ Лакерда; вести дѣлъ онъ уже не могъ и потому, представивъ отчеты о своей дѣятельности, просилъ объ увольненіи; между тѣмъ магистратъ медлилъ съ разрѣшеніемъ вопроса объ увольненіи Лакерды и разсмотрѣніи его отчетовъ; общества не собиралъ и не избиралъ преемника Лакердѣ, пока онъ былъ живъ; въ день же его смерти, о которой какъ будто въ магистратѣ никому не было извѣстно, состоялось, по предложенію войта Кисилевскаго, магистратское опредѣленіе въ томъ смыслѣ, чтобы Антонъ Лакерда и своякъ его Павелъ Романовскій приняли деньги и книги отъ своего отца, и тогда же состоялось опредѣленіе въ томъ, чтобы Антонъ Лакерда, совмѣстно съ Василіемъ Тохаемъ, обревизовали отчетность Могилевскаго и Филипповича, поданную, какъ мы видѣли выше, около 10 лѣтъ тому назадъ.

Вновь назначенные ревизоры не замедлили донести магистрату, что дѣла коммиссіи въ весьма печальномъ положеніи: вкладчики требуютъ обратно свои капиталы, должники не могутъ своевременно возвратить занятыхъ ссудъ и къ тому же коммиссія по рѣшенію Сената обязана немедленно уплатить полковнику Понятовскому 96,776 р. за поручительство по откупу; денегъ же въ наличности почти что нѣтъ: очевидно, коммиссія запуталась въ долгахъ. Независимо отъ сего, Тохай и А. Лакерда, обревизовавъ отчеты Могилевскаго и Филипповича, въ то же время донесли магистрату, что они открыли въ ихъ отчетахъ 3946 р. $80^1/_2$ к. недостачи и 6150 р., отданныхъ купцу Тернавіоту безъ всякаго документа, что вмѣстѣ составляло начетъ на Могилевскомъ и Филипповичѣ 10096 руб. $80^1/_2$ к.

Въ такихъ обстоятельствъ А. Лакерда, вѣроятно, понявъ, какая отвѣтственность за „коммиссійныя“ дѣла падаетъ на имущество, доставшееся ему отъ отца его, заправлявшаго ими съ 1817 по 1827 г., просилъ магистратъ уволить его отъ участія въ дѣлахъ общ. коммиссіи и, желая выгородить отца своего, сталъ утверждать, что причиною всѣхъ безпорядковъ въ коммиссіи былъ войтъ М. Григоренко, ибо онъ руководилъ дѣломъ самъ, а отецъ его Ф. Лакерда войту только „вспомоществовалъ“. Въ свою очередь, за покойнаго войта М. Григоренка сталъ защитникомъ сынъ его ратсгеръ Иванъ Григо-

ренко, заявившій, что хотя отецъ его и подписывалъ векселя и заемныя письма коммиссіи, но деньги и книги были всегда на рукахъ у Ф. Лакерды и что, умирая, М. Григоренко, въ присутствіи членовъ магистрата, заявилъ, что денегъ у него нѣтъ, а всѣ деньги находятся у Лакерды, чрезъ котораго онъ также далъ обществ. коммиссіи въ займы 40,000 р. для уплаты долга Понятовсколу и что, сверхъ того, коммиссія должна ему, Григоренку, 15,000 руб.—Въ виду всего вышеизложеннаго, магистратъ въ январѣ 1828 г. постановилъ учредить новую коммиссію изъ шести гражданъ, членовъ своихъ: Василія Тохая, Павла и Ивана Романовскихъ, Федора Коробки, Климента Терновскаго и Ивана Лакерды, которымъ поручилъ привести въ извѣстность общественный капиталъ „для соображенія“ [1]).—Что сдѣлала эта новая коммиссія, неизвѣстно; самый составъ ея изъ сына Ф. Лакерды и Романовскихъ, близкихъ ихъ родственниковъ, уже показываетъ, что избрана она была не для разъясненія дѣлъ коммиссіи, а для того, чтобы еще болѣе запутать ихъ и тѣмъ тормозить и безъ того мало подвигавшуюся впередъ работу слѣдователей. Начала свою дѣятельность эта коммиссія съ того, что обратилась къ наслѣдникамъ Ф. Лакерды, какъ завѣдывавшаго коммиссіонными дѣлами до 1827 г., за свѣдѣніями о нихъ, что и повлекло за собою обширную переписку; такъ, напримѣръ, коммиссія требуетъ отъ братьевъ Лакердъ „коммиссійскаго сундука“, въ которомъ хранились деньги и векселя; тѣ въ началѣ хранятъ на всѣ эти требованія упорное молчаніе, затѣмъ отказываются признавать законность требованія коммиссіи изъ шести гражданъ, какъ полноправнаго учрежденія, и изъявляютъ готовность отвѣчать только одному магистрату; вмѣшивается магистратъ и требуетъ отъ нихъ тѣхъ же отвѣтовъ, что и коммиссія, но только отъ своего имени,—опять въ началѣ долгое молчаніе и только въ августѣ 1829 г. (т. е. черезъ полтора года послѣ перваго запроса) А. и И. Лакерды увѣдомляютъ магистратъ, что сундукъ

[1]) Подобная коммиссія была уже разъ учреждена войтомъ Григоренкомъ, подъ руководствомъ гражданина Ив. Котляревскаго, которая и опредѣлила величину городскаго капитала болѣе чѣмъ въ 300,000 руб.; отчетъ этой коммиссіи, поданный Григоренку, вступилъ въ обществ. коммиссію только въ 1828 г.

стоитъ въ той комнатѣ, гдѣ помѣщается городская о приходахъ и расходахъ коммиссія (т. е. въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ помѣщался и магистратъ), что ключъ отъ сундука находится у П. Романовскаго, что въ сундукѣ находятся всѣ векселя, росписки, счеты и пр., которыми будто бы завѣдывалъ самъ войтъ, что отецъ ихъ Ф. Лакерда никогда не былъ распорядителемъ общественныхъ денегъ, что онъ былъ только членомъ городской о приходахъ и расходахъ и строительной коммиссій, но ни въ той ни въ другой не завѣдывалъ кассой, такъ какъ для такого завѣдыванія были особые казначеи, и что, наконецъ, пріемъ векселей и денегъ по смерти Ф. Лакерды производилъ одинъ П. Романовскій. Послѣдній поспѣшилъ снять съ себя ссылку Лакерды и заявилъ, что ключъ отъ сундука и понынѣ находится въ рукахъ Антона Лакерды, послѣ того, какъ они вмѣстѣ просматривали и принимали векселя и счеты по порученію магистрата по смерти Ф. Лакерды. Дѣйствительно, ключъ оказался у у Антона Лакерды и находился у него до тѣхъ поръ, пока самый сундукъ не пришлось передать въ камеру словеснаго суда, гдѣ стали производить свои засѣданія новая нарочно выбранная коммиссія изъ членовъ Ивана Лакерды, Романа Барскаго, Демьяна Миславскаго и Федора Коробки для взысканія долговъ по ссудамъ общественной коммиссіи.—Слѣдователи обратили вниманіе на исключительное, если не комическое, положеніе братьевъ А. и И. Лакердъ въ дѣлѣ растраты капиталовъ обществ. коммиссіи: съ одной стороны, они имущественные отвѣтчики за растрату, произведенную покойнымъ ихъ отцемъ Ф. Лакердою; съ другой, они уполномочены городомъ произвести изслѣдованіе и взысканіе растраченнаго капитала и до времени его хранить. Слѣдователи ставятъ это на видъ одному изъ нихъ—А. Лакердѣ, указывая что ему, какъ сыну, не слѣдовало принимать на себя ревизію дѣлъ своего отца; но тотъ отвѣтомъ не затруднился и оправдывался тѣмъ, что отецъ его вовсе не распоряжался въ дѣлахъ обществен. коммиссіи, а что онъ „упрошенъ былъ градскимъ обществомъ помогать Григоренку“, почему будучи избранъ А. Лакерда считаетъ свое назначеніе (это въ день смерти отца его) въ помощь отцу до его выздоровленія и то не для пріема и ревизіи дѣлъ, а лишь для присут-

ствованія при сдачѣ ихъ отцемъ П. Романовскому; наконецъ, онъ потому будтобы подчинился опредѣленію магистрата и принялъ участіе въ дѣлахъ коммиссіи, что отказъ его могъ быть истолкованъ „за ослушаніе и дерзновеніе противъ начальства". Въ дальнѣйшихъ своихъ показаніяхъ А. Лакерда шелъ по этому же избранному имъ пути; такъ, напр., о ключѣ отъ „коммиссейскаго" сундука онъ сообщилъ, что, розыскавъ его по смерти отца, онъ отослалъ его П. Романовскому, и тотъ уже этимъ ключемъ отперъ сундукъ и столъ съ дѣлами и документами; если же Романовскій не сдѣлалъ описи документамъ и книгамъ, то потому, что находился въ родствѣ съ Могилевскимъ (послѣдній былъ тестемъ Романовскаго), завѣдывавшимъ дѣлами обществ. коммиссіи съ 1811—1817 г., на котораго отцемъ его Ф. Лакердою сдѣланъ былъ начетъ. Показанія эти вызвали опроверженія со стороны Романовскаго, доказывавшаго, что при открытіи въ его присутствіи Антономъ Лакердою сундука никакихъ денегъ въ немъ не оказалось и что вновь вступавшія деньги они принимали и записывали совмѣстно,—отсюда возникъ предъ слѣдователями, съ одной стороны, передъ коммиссіею изъ шести гражданъ съ другой цѣлый рядъ взаимныхъ пререканій между А. Лакердою и Романовскимъ, клонившійся къ тому, что Лакерда старался доказать, что онъ только присутствовалъ при сдачѣ дѣлъ отца своего Романовскому, не принимая въ послѣдствіи никакого участія въ ихъ завѣдываніи. Романовскій, напротивъ, настаивалъ на участіи въ дѣлѣ семьи Лакерды. Пререканіямъ этимъ не видно было конца, такъ какъ братья Лакерды часто оставляли запросы слѣдователей и коммиссіи изъ 6 гражданъ безъ отвѣта, и когда послѣдніе поставили имъ, наконецъ, на видъ, что за подобное поведеніе они подвергнутся закономъ положенной отвѣтственности (п. 191., глава 10 Наказа коммиссіи о составлепроекта новаго уложенія), то Лакерды объявили, что коммиссію изъ шести гражданъ они не считаютъ правительственнымъ учрежденіемъ и готовы ей отвѣчать не иначе, какъ черезъ магистратъ, а слѣдователямъ совѣтуютъ производить дознаніе лишь о растратѣ, а не дѣлать о нихъ оскорбительныхъ заключеній и угрозъ и не принимать на себя несвойственной имъ роли судей; въ заключе-

ніе же они выразили сомнѣніе въ безпристрастіи слѣдователей, такъ какъ послѣдніе возлагаютъ всю вину растратъ на ихъ отца Ф. Лакерду, а не на членовъ магистрата. Въ дальнѣйшемъ все поведеніе братьевъ Лакердъ на слѣдствіи направлено было къ тому, чтобы выгородить какъ покойнаго отца своего Ф. Лакерду, такъ и себя отъ участія въ дѣлахъ коммиссіи, доказать, что дѣлами коммиссіи завѣдывалъ войтъ Григоренко, а Ф. Лакерда „чинилъ ему только вспомоществованіе", что у войта находились на рукахъ капиталы, документы и все дѣлопроизводство, и что общественная коммиссія по банковымъ операціямъ не обязана была давать отчеты обществу, разъ она посылала ихъ на ревизію казенной палаты, и что, наконецъ, отца ихъ при жизни его не привлекали ни разу къ допросу слѣдователи, такъ какъ извѣстна была его непричастность къ дѣлу растраты общественныхъ денегъ. Показанія же свидѣтелей далеко не шли въ пользу Лакердъ; изъ нихъ отмѣтимъ лишь нѣкоторыя: а) Могилевскаго, заявившаго, что онъ сдалъ книги, векселя и пр. не Григоренку, а Лакердѣ въ присутствіи всего общества, что отчетъ его и Филипповича прочитанъ былъ тогда же для всеобщаго свѣдѣнія и положенъ при зерцалѣ и что вмѣстѣ съ векселями Ф. Лакерда принялъ въ свое вѣдѣніе и денежный сундукъ коммиссіи; б) зять и наслѣдникъ войта Григоренка, капитанъ Филимоновъ, поддерживалъ Могилевскаго въ разоблаченіи имъ дѣятельности Ф. Лакерды и старался выгородить своего тестя отъ взводимыхъ на него обвиненій братьями Лакердами въ единоличномъ управленіи обществ. коммиссіей и въ растратѣ имъ обществ. денегъ; кромѣ извѣстнаго уже намъ заявленія Григоренка передъ своей смертью о томъ, что онъ далъ взаймы черезъ Лакерду обществ. коммиссіи 40,000 р. для уплаты долга Понятовскому, Филимоновъ прибавилъ, что, при покупкахъ въ бакалейной лавкѣ Лакердъ товаровъ, ему не разъ приходилось видѣть, какъ товары заворачивались въ приходо-расходныя книги обществ. коммиссіи періода 1817—1827 г., писанныя рукою Ф. Лакерды и отданныя его сыновьями на обертки съ цѣлью ихъ уничтоженія, и что, наконецъ, тесть его Григоренко за время своего войтовства ничего не пріобрѣлъ, между тѣмъ какъ Ф. Лакерда въ періодъ времени съ

1812 по 1827 годъ т. е. во время производства имъ растраты обществ. денегъ купилъ для себя два большихъ каменныхъ дома, два постоялыхъ двора, каменныя лавки въ гостинномъ ряду, сѣнокосъ и два хутора съ мѣльницами, все это стоющее не малыхъ денегъ и „независимо отъ того для дочери, выданной въ замужество за гражданина Ивана Романовскаго купилъ онъ хуторъ съ кирпичнымъ заводомъ за 10,000 руб.“. Показанія Тохая и братьевъ Бубновыхъ были также не въ пользу Лакердъ, въ опроверженіе ихъ послѣдніе только и могли заявить, что де „Тохай издревле имѣетъ враждебныя чувства ко всему ихъ роду“, а братья Бубновы ведутъ съ ними процессъ, касающійся дѣлъ обществ. коммиссіи.

Болѣе же важнымъ и основательнымъ свидѣтельствомъ растраты общественныхъ денегъ служили представленные Кравченкомъ документы: 1) балансъ 1806—1807 г., писанный рукою Акима Барскаго, безъ его подписи, но удостовѣренный и признанный сыномъ Ак. Барскаго лавникомъ Семеномъ Барскимъ балансъ этотъ писанъ для необходимыхъ канцелярскихъ справокъ при веденіи дѣлъ въ коммиссіи и по этому заслуживаетъ полнаго довѣрія; изъ него видно, что общественный капиталъ въ то время составлялъ сумму въ 405,486 руб. 30 коп., въ числѣ которыхъ было вкладовъ 110,028 р. и собственно принадлежащихъ городу 295,457 р. 87 к. и 2) балансъ Диковскаго; хотя онъ составлялъ копію баланса Барскаго, но въ общемъ итогѣ разнился съ послѣднимъ у Диковскаго онъ выходилъ въ 700,000 р. Кравченко давалъ преимущество итогамъ Барскаго, войтъ же Кисилевскій, чтобы подорвать свидѣтольства балансовъ и показать въ гораздо меньшихъ размѣрахъ обороты общественной коммиссіи представилъ приходо-расходную книгу коммиссіи за 1805—1806 годы. При помощи этихъ только документовъ слѣдователи исчислили растрату и, закончивъ свое первоначальное дознаніе, передали дѣло на ревизію въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которая, разсмотрѣвъ все дѣлопроизводство, пришла къ выводу [1]), что растратой слѣдуетъ признать только а) непра-

[1]) По ревизіи казенной палаты итого дѣятельности общественной коммиссіи по долговымъ операціямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

вильно израсходованные Могилевскимъ и Филипповичемъ 6,021 р. 70 к.; б) непредставленный ими остатокъ въ 76 к.; в) неправильно записанные Ф. Лакердою 5,401 р. 93 к.; г) не оказавшійся на лице остатокъ отъ операцій до 1827 г. въ 130,741 р. 99 к.; д) невозвращенныя ссуды въ 113,852 р. $80^1/_2$ к. е) и невозвращенные вклады 172,316 р. 30 коп., а всего 428,335 руб. $48^1/_2$ к., изъ коихъ, такимъ образомъ, болѣе 400,000 р. растратилъ Ф. Лакерда. Кромѣ того контр. отдѣл. казенной палаты нашло, разсмотрѣвъ всѣ счеты и книги, что дѣлопроизводство велось „по домашнему“, въ видѣ черновыхъ записокъ и притомъ въ страшномъ безпорядкѣ; книги были не прошнурованными, не скрѣпленными, съ многочисленными поправками и помарками.

Такъ печально окончилъ свои дни, родъ, по выраженію подсудимыхъ, „частнаго банка въ Кіевѣ, производившій обороты занятыми суммами“ (т. е. вкладами)...

Въ 1805 г. поступило:

а) вкладовъ. . . . . 103,229 р. 42 к.
б) % по ссудамъ . . 9,510 р. $23^3/_4$ к.

Въ 1805 г. возвращено:

а) вкладовъ. . . . . 9,800 р. — к.
б) % по вкладамъ. . 5,244 р. — к.

Въ 1806 году поступило:

а) вкладовъ . . . 37,200 р. — к.
б) % по ссудамъ . . 5,995 р. 26 к.
в) неоказав. на лице (?) 644 р. 40 к.

Всего въ приходѣ было 146,877 р. $51^3/_4$ к.

Въ 1806 году возвращено:

а) вкладовъ . . . . 10,601 р. — к.
б) выдано % по вкл. . 4,810 р. 30 к.

Всего въ расходѣ было. 30,455 р. 43 к.

Затѣмъ къ 1807 оставалось:

а) вкладовъ . . . 110,972 р. 83 к. (
б) % по ссудамъ. 5,449 р. $25^3/_4$ к. (всего . . . . 116,422 р. $8^3/_4$ к.
в) въ ссудахъ же находилось . . . . 123,429 р. $69^3/_4$ к.

Съ 1811 по 1817 годы, когда операціи обществ. коммиссіи производились Филипповичемъ и Могилевскимъ, состояніе счетовъ выражалось

А) по ссудамъ:

а) выдано ссудъ . . 304,830 р. 84 к.
б) получ. % по ссуд. 24,299 р. — к.
в) возвращено ссудъ. 112,413 р. $6^1/_2$ к.
г) невозвращ. ссудъ . 192,417 р. $77^1/_2$ к.

Б) по вкладамъ:

а) поступило вкладовъ 190,925 р. 92 к.
б) выдано по вклад. %. 33,356 р. 14 к.
в) возвращ. вкладовъ . 122,153 р. 76 к.
г) невозвращено вклад. 68,772 р. 16 к.

По вычисленію контроля приходъ за то же время достигалъ 173,362 р. 20 к. а расходъ 173, 361 р. 44 к.—въ остаткѣ должно было оставаться 76 к.

Съ 1817 по 1827 г., когда веденіе оборотовъ находилось въ рукахъ Филиппа Лакерда, они выражались въ слѣдующихъ цифрахъ:

А) по ссудамъ:

а) выдано ссудъ . . 198,972 р. $92^1/_4$ к.
б) получ. % по суд. . 17,096 р. 59 к.
в) возвращено ссудъ. 85,120 р. $13^3/_4$ к.
г) невозвращ. ссудъ . 113,852 р. $80^1/_2$ к.

Б) по вкладамъ:

а) принято вкладовъ. 306,910 р. 26 к.
б) выдано % по вклад 82,710 р. $14^1/_2$ к.
в) возвращено. вклад. 134,593 р. 96 к.
г) невозвращ. вклад. 172,316 р. 30 к.

V.

Право кіевскихъ мѣщанъ на „корчемную аренду", т. е. на производство спиртныхъ напитковъ и торговлю ими въ чертѣ города, принадлежало имъ издревле. Въ первыхъ жалованныхъ польскими королями грамотахъ г. Кіеву упоминается уже объ этомъ правѣ; оно предоставлялось мѣщанамъ подъ условіемъ ежегодного взноса въ королевскую казну двухъ копъ литовскихъ грошей; по грамотѣ кор. Сигизмунда-Августа 5 мая 1558 г. налогъ былъ увеличенъ до 800 копъ, которые могли быть вносимы въ 2 срока; съ этимъ увеличеніемъ налога, винокуреніе и пивовареніе запрещалось всѣмъ другимъ сословіямъ въ Кіевѣ, отчего и жизнь кіевлянъ во всѣ послѣдующія времена изобиловала спорами о нарушеніи пропинаціоннаго права то духовенствомъ, то жолнѣрами, то козаками, то польскими, то московскими людьми. Съ переходомъ Кіева подъ власть московскаго Государя корчемная аренда была удержана за мѣщанами, съ обязательствомъ платить въ государеву казну по 600 р. ежегодно, вмѣсто прежнихъ 800 копъ литовскихъ грошей. Позже, въ концѣ ли прошлаго столѣтія или въ началѣ настоящаго, эта откупная плата была увеличена, тѣмъ не менѣе корчемная аренда въ Кіевѣ по прежнему оставалась за мѣщанами; но вотъ въ концѣ 1810 г., когда окончился срокъ откупу мѣщанъ кіевскіе бургомистры: Иванъ Кирисевскій (отецъ послѣдняго войта) Филиппъ Лакерда и Петръ Барщевскій,

---

Приходъ за все это время составлялъ 496,331 руб. 97¾ коп., а расходъ 365,589 р. 98¾ к. Слѣдовательно, въ наличности должно было оставаться 130,741 р. 99 к., но на дѣлѣ сундукъ оказался пустымъ.

Независимо отъ сего, въ періодъ времени съ 1811 по 1827 г. изъ суммъ коммиссіи быси сдѣланы слѣдующіе расходы, оставшіеся непополненными:

1. Выдача Кисилевскому, Лакердѣ и Барщевскому при поѣздѣ ихъ въ Спб. за полученіемъ аренды питейнаго откупа въ Кіевѣ	50,000 р.
2. На иостройку гостиннаго каменнаго дома на Подолѣ.	22,285 р.
3. Въ подольскую питейную контору П. П. Барщевскому	15,000 р.
4. Полковнику Понятовскому по обязательству за залогъ имъ 1000 душъ крестьянъ въ обеспеченіе правильной уплаты откупной суммы	5,000 р.
5. Тому же Барщевскому	1,000 р.
6. По приговору Сената уплочено Понятовскому	96,776 р.
Такимъ образомъ, всего израсходовано.	193,561 р.

взявъ изъ капиталовъ общественной коммиссіи 50,000 руб., отправились въ С.-Петербургъ подъ предлогомъ хлопотъ по дѣламъ городскаго общества; прибывъ же туда они въ Сенатѣ заключили откупной контрактъ на свое имя, при чемъ правительство, какъ оказалось впослѣдствіи, видя въ нихъ представителей городскаго управленія, полагало, что откупъ по прежнему взятъ кіевскими мѣщанами. Контрактъ былъ заключенъ на четыре года съ ежегодною платою въ казну по 371,500 р. подъ поручительствомъ полковника Ціолка Понятовскаго, давшаго въ залогъ своихъ тысячу душъ крестьянъ, за что откупщики обязывались платить ему по 5000 руб. ежегодно. Условіе съ Понятовскимъ подписали еще, кромѣ названныхъ нами Кисилевскаго, Лакерды и Барщевскаго, М. Григоренко, И. Котляревскій, А. Барскій, И. Могилевскій, И. Кармалѣй, А. Кобецъ, А. Островскій и К. Балабуха, которыя и составили первоначальную кіевскую откупную компанію (составъ ея за смертью Кисилевскаго, главнаго члена не измѣнился, потому что права его перешли къ сыну Григорію). Въ томъ же 1811 году къ участію въ этой компаніи были привлечены еще 40 человѣкъ изъ кіевскихъ гражданъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) они добровольно входятъ въ „компанійское“ товарищество, 2) обязываются выполнять всѣ условія договоровъ, какія Лакерда и Барщевскій признаютъ необходимымъ заключить съ казной или съ частными лицами; 3) должны будутъ, по мѣрѣ возможности, помогать личнымъ трудомъ или деньгами Лакердѣ и его товарищамъ; 4) обязываются собрать капиталъ въ 250,000 руб. и выбрать изъ своей среды членовъ правленія и лицъ, которые бы наблюдали за торговлей и веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ, представляя о своей дѣятельности ежегодно отчетъ членамъ компаніи, и наконецъ, 5) получаютъ право участія въ прибыляхъ, отвѣтствуя при этомъ и за убытки, если бы они оказались [1]). Такъ просто

[1]) Имена компанейскихъ товарищей: М. Григоренко, Г. Кисилевскій, А., К. и С. Балабухи, А. Барскій, И. Могилевскій, М. Безсмертный, И. Карамалѣй, И. Атанасѣвичъ, Т. Заремба, Ф. Барановичъ, А. Кобецъ, А. Островскій, М. Филипповичъ, П. Коробкинъ, Г. Иванченко, А. Гроздовскій, М. Гоцаенко, Ф. Рябчиковъ, И. Селецкій, Г. Бѣлоусовъ, И Бушевъ, А. Хотяновскій, М. и А. Бубновы, А. Брилин-

корчемная аренда, дававшая до сихъ поръ весьма значительные доходы городскому обществу, перешла въ руки нѣсколькихъ гражданъ, стоявшихъ у дѣлъ городскаго управленія главнымъ образомъ, Лакердъ. Бо́льшіе подробности этого захвата общественныхъ доходовъ въ свои руки общественными дѣятелями, обязанными блюсти въ интересахъ города, эти доходы мы узнаемъ изъ показаній И. Могилевскаго и др. лицъ; по ихъ словамъ, „общество кіевскихъ гражданъ имѣло свою общественную сумму и по опредѣленію почетнѣйшихъ гражданъ, учиненному 7 апр. 1816 года, была составлена коммиссія, которой поручено было потребовать „отъ управлявшихъ винными сборами довѣренныхъ особъ, экономовъ и шафарей“ книги и отчеты для обривизованія; и дѣйствительно, отъ „управлявшихъ винными сборами съ 1811 по 1815 г. именитыхъ гражданъ Ф. Лакерды и Петра Барщевскаго истребованы были коммиссіею приходо-расходные книги и по онымъ открытъ собственно принадлежащій кіевскому обществу и подлежащій ему въ возвратъ капиталъ болѣе чѣмъ въ 300,000 руб., о коемъ подробно составленныя вѣдомости въ 1818 г. въ присутствіи магистрата поданы были войту Григоренку“; впослѣдствіи эти вѣдомости въ 1828 г. были переданы въ слѣдственную коммиссію, учрежденную для приведенія въ извѣстность всѣхъ городскихъ капиталовъ. Но по вѣдомостямъ этимъ затруднительно было, вслѣдствіе ихъ противорѣчивыхъ показаній, опредѣлить количество не только прибылей, но и самаго городскаго откупнаго капитала; изъ болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о послѣднемъ и прибыляхъ слѣдственная коммиссія остановилась на балансѣ, представленномъ Кравченкомъ, гдѣ капиталъ опредѣленъ въ 459,585 р. 65$^1/_2$ к.; изъ этой суммы она исключила недоплоченные въ казначейство 60,065 р., долгъ дворянину Вишневскому 3000 руб. и сгорѣвшей во время пожара 1811 г. водки на 91,776 р. 63$^3/_4$ коп., что составитъ капиталъ съ при-

скій, А. Дейнека, И. Карасѣвичъ, П. Призъ, С. Горбиковскій, М. Приходько, И. Пятница, А. Мерцаловъ, В. Барбикъ, І. Диковскій, Г. Бугаевскій, М. Логвиновъ, Ф. Птицкій, М. Калиновскій и Е. Лисенко.

былями въ 304,734 р. [1]), т. е. подходящую къ той, которую болѣе чѣмъ въ 300,000 р. опредѣлила коммиссія изъ гражданъ. Контрольное отдѣленіе казенной палаты не согласилось съ слѣдственною коммиссіею и исчислило, что отъ питейнаго откупа городу должно было оставаться 358,835 р. 15 к., въ томъ числѣ 224,059 руб. 71½ к. внесенныхъ въ казначейство откупныхъ суммъ, но не записанныхъ въ книги, отчего весь недочетъ откупныхъ суммъ исчислился ими въ 134,775 р. 44 коп. Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной коммиссіи братья Лакерды доказывали, что операціи общественными деньгами въ откупномъ дѣлѣ, не только не давали барышей, но еще привели къ убыткамъ въ 206,179 руб. 70½ к., къ тому же еще они утверждали, что судъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ откупъ и соединенныя съ нимъ операціи общественной коммиссіи—дѣло частное, отчетъ о которомъ, если кто и имѣетъ право требовать, то развѣ лишь тѣ лица, что участвуютъ въ немъ. Вообще, во время производства всего этого дѣла, Лакерды до того смѣшивали свое хозяйство и торговлю съ общественнымъ городскимъ, что, на основаніи приведеннаго нами условія, съ 40 компаніонами по содержанію откупной аренды предъявили въ судѣ къ нимъ искъ о возвратѣ имъ братьямъ Лакердами 96,977 р., уплоченныхъ ими будто бы поручителю полков. Понятовскому изъ своихъ собственныхъ денегъ; въ судѣ дѣло они выигрываютъ, рѣшеніе суда утверждается Сенатомъ, въ пользу ихъ даже взыскивается эта сумма, но задерживается и отсылается въ приказъ общественнаго призрѣнія въ виду производившагося разслѣдованія о сдѣланныхъ Ф. Лакердою растратахъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ изъ потерпѣвшихъ откупщиковъ успѣли воспользоваться только братья Михаилъ и Алексѣй Бубновы. Имъ удалось доказать, что подписка 40 человѣкъ, сдѣлавшихся товарищами по содержанію откупа въ Кіевѣ, не имѣетъ юридическаго значенія, какъ писанная на простой бумагѣ, не заявленная въ судѣ и уничтоженная 28 октября 1816 года, при окончаніи срока откупа, опредѣленіемъ магистрата который по-

---

[1]) По счетамъ слѣдователей сюда входила и прибыль отъ пивоваренія—24,535 р. 65 к. и по медоваренію—8266 р. 37 к.

становилъ тогда уплатить Понятовскому 96,977 р. изъ суммъ общественной коммиссіи, ибо откупъ принадлежалъ не Ф. Лакердѣ, Кисилевскому и Барщевскому, а городской общинѣ, коею Лакерда и всѣ лица, служившіе въ откупѣ, были избраны и пользовались за свою службу обществу правами и преимуществами, но что впослѣдствіи Ф. Лакерда присвоилъ себѣ какъ капиталы, такъ и имущество откупа Доводы Бубновыхъ были признаны слѣдственною коммиссіею совершенно справедливыми.

VI.

Кравченко, между прочимъ, указывалъ также въ своихъ заявленіяхъ слѣдственной коммиссіи и на растрату пожарной или поземельной (иначе посаженной) суммы. Городской капиталъ подъ этимъ именемъ, какъ оказалось при слѣдствіи, образовался послѣ пожара 9 іюля 1811 г., истребившаго въ Кіевѣ большую часть Подола при сѣдующихъ обстоятельствахъ: 12 апрѣля 1812 г. министръ полиціи доставилъ генералъ-губернатору Милорадовичу новый Высочайше утвержденный планъ для застроенія погорѣвшей части города; по этому плану, вмѣсто бывшихъ на Подолѣ до пожара 2000 домовъ, разрѣшалось воздвигнуть вновь не болѣе 600. Для приведенія въ исполненіе этого Высочайшаго повѣленія относительно застроенія города, генералъ-губернаторъ подъ ближайшимъ надзоромъ губернатора (тогда де-Санти) назначилъ коммиссію изъ совѣтника казенной палаты, ассесора губернскаго правленія, войта, бургомистра, представителей отъ купечества и мѣщанства, изъ духовнаго депутата и городскаго архитектора; въ обязанности коммиссіи входило: увеличеніе однихъ усадебныхъ участковъ и уменьшеніе другихъ, отводъ пострадавшимъ отъ пожара гражданамъ городскихъ свободныхъ участковъ въ замѣнъ отобранныхъ въ пользу ли то города или частныхъ лицъ, съ вознагражденіемъ однихъ за убытки, происшедшіе отъ потери ими участковъ, и со взиканіемъ съ другихъ за большія выгоды, пріобрѣтенныя ими при увеличеніи ихъ усадьбы. Собирались такимъ образомъ, значительныя суммы, и такихъ суммъ, со включеніемъ сюда денегъ, пожертвованныхъ кожемяцкими жителями

за площадь и „помойницкій каналъ“ въ коммиссіи скопилось 68,679 руб. 89 коп.; изъ коихъ выдано было гражданамъ за отошедшія отъ нихъ усадьбы 42,072 р. 59½ коп., а 26,000 по распоряженію губернатора де-Санти положены были въ приказъ общественнаго призрѣнія до востребованія, при чемъ требовать можно было всякій разъ не болѣе 2 т. руб. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ городскомъ капиталѣ въ дѣлахъ слѣдственной коммиссіи мы не нашли.

VII.

Тогда же Кравченко возбудилъ вопросъ и о доходахъ съ городскаго театра. Свѣдѣнія, полученныя слѣдственною коммиссіею объ этихъ доходахъ, крайне скудны; изъ нихъ мы можемъ указать только на то, что хозяйство театра въ началѣ находилось въ рукахъ Филиппа Лакерды и за его время т. е. до 1826 г. доходы отъ театра не фигурируютъ въ графѣ городскаго прихода. Въ 1826 году [1]) театръ былъ отданъ въ аренду антрепренеру Ленковскому, неуплатившему однако въ городскую кассу арендныхъ денегъ, вслѣдствіе Высочайше наложеннаго въ томъ году траура; въ 1827 г. театръ, по словесному будто бы предложенію генералъ-губернатора Желтухина, какъ впослѣдствіи объяснялъ

[1]) Кстати припомнимъ здѣсь, со словъ Закревскаго и Вигеля, исторію перваго кіевскаго театра: до 1800 г. въ Кіевѣ не было постояннаго театра и зданіе для него, между 1803 и 1806 г., выстроено было временное, деревянное на Крещатикѣ, противъ Царскаго сада, гдѣ нынѣ Европейская гостинница, городомъ. Въ театрѣ давались сначала представленія малороссійской труппы помѣщика черниговской губ. Ширая, а въ контрактовое время играли польскіе актеры; въ 1820 годахъ стали появляться въ Кіевѣ послѣдовательно антрепренеры частныхъ труппъ: Ленковскій, Недзельскій и Рыкановскій; въ 1830 г. временно появилась въ Кіевѣ труппа Шейна, въ которой участвовалъ знаменитый впослѣдствіи артистъ Щепкинъ, и только въ 1835 г. позволено учредить при кіевскомъ театрѣ постоянную русскую труппу актеровъ, на что было ассигновано ежегодно изъ город. доходовъ 3 т. р. Дирекція театра состояла изъ 3-хъ членовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора (она разрѣшала представленія и на французскомъ языкѣ). Крещатицкій театръ въ 1850-хъ годахъ былъ сломанъ и мѣсто изъ подъ него долго оставалось пустымъ и потомъ отдано г. Гудимъ-Левковичу, выстроившему большое каменное зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается Hotel de l'Europe. Театральныя же представленія послѣ того давались на Подолѣ.

магистратъ, былъ сданъ безденежно тому же антрепренеру Ленковскому, въ рукахъ которато и находился до ноября 1829 г., а съ этого времени и по 1833 г. онъ находился въ хозяйственномъ завѣдываніи зятя Ф. Лакерды, Ивана Романовскаго. Въ ноябрѣ 1833 г. Романовскій сообщилъ магистрату что за четыре года его управленія театромъ въ приходѣ было 5580 р., изъ которыхъ израсходовано на подчинку зданія и др. расходы 4315 р. 96 к. и на погашеніе въ коммиссію о городскихъ приходахъ и расходахъ театральнаго долга 1000 р., а остатокъ въ 184 руб. $3^1/_4$ к. доставленъ имъ въ магистратъ. Губернаторъ Лашкаревъ тогда же передалъ завѣдываніе театромъ въ городскую о приходахъ и расходахъ коммиссію.

VIII.

На сколько небрежно относились городскіе представители къ общественнымъ суммамъ видно изъ того, что слѣдователямъ пришлость признать неоплаченнымъ расходъ, сдѣланный изъ общественнаго капитала въ 22,285 р. на постройку гостинаго двора, начатаго въ 1809 г. Могилевскій объявилъ, что эти деньги не имъ выданы, но имъ только записаны со словъ его предмѣстника по управленію дѣлами общественной коммиссіи Константина Балабухи, говорившаго ему, что деньги эти выданы строителямъ гостинаго двора гражданамъ Ивану Котляревскому и Акиму Барскому, которые должны записать эти деньги приходомъ въ свою книгу, спеціально назначенную на предметъ приходовъ и расходовъ по постройкѣ двора. По справкѣ слѣдователей съ этою книгою 22,285 р. въ ней оказались неоприходанными. Впослѣдствіи судъ, принявъ во вниманіе, что о деньгахъ этихъ далъ показаніе только одинъ Могилевскій, а всѣ причастные къ дѣламъ общественной коммиссіи лица поумирали, не рѣшился признать ихъ подлежащими взысканію съ членовъ обществ. коммиссіи.

Небрежность вела за собою и злоупотребленіе городскихъ представителей въ противозаконномъ пользованіи и распоряженіи городскими имуществами. Слѣдователями было констатировано,

что Ф. Лакерда купилъ въ гостиномъ ряду на Подолѣ лавку № 29 на свое имя за 2288 р., взятыхъ изъ „коммиссейскаго сундука“, по вѣдомостямъ показанную въ числѣ прочаго городскаго имущества; но Ф. Лакерда пользовался ею на правахъ собственника; на тѣхъ же правахъ послѣ его смерти она перешла къ его сыну Антону и только съ 1829 года поступила въ завѣдываніе другихъ членовъ общественной коммиссіи.

Домъ, чтó противъ царскаго сада, купленъ былъ ратсгеромъ А. Островскимъ тоже на свое имя, но на городской счетъ, за 850 р.; затѣмъ онъ перешелъ къ Ф. Лакердѣ, какъ „коммиссіанту„ (завѣдывающему дѣлами обществ. коммиссіи), которымъ и уступленъ капитану Линовскому за 5 т. р., деньги эти онъ тутъ же записалъ въ приходъ общественной коммиссіи, какъ невозвращенный Линовскому вкладъ его въ 5 т. р.; наконецъ, въ счетъ этихъ же 5 т. р., впослѣдствіи, Лакерда отдалъ ему же, Линовскому, лавку, оцѣненную въ 2 т. р.; на всѣ эти переходы изъ рукъ въ руки имущества совершены были купчія крѣпости, на которыя магистратъ по невѣдѣнію далъ разрѣшенія.

Домъ на Подолѣ между кузницами на берегу Днѣпра, весьма ветхій, давалъ ежегодно 25 р. доходу; но деньги эти нигдѣ не были оприходованы.

Кромѣ того, оказалось, что принадлежавшіи городу котлы цѣною въ 442 р. 50 к. перешли къ П. Романовскому, но денегъ онъ за нихъ не уплатилъ хотя по городскимъ книгамъ они были записаны.

IX.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя данныя, уголовная палата, на основаніи ст. 306, 310, 317, 318 т. IX Св. зак.; ст. 1379—1392 т. X, ст. 1—5, 10, 16, 19, 20, 24, 42, §§ 1 и 4 т. XII и ст. 1—4, 11, 13, 305, 107, 108, 119, 145, 150, 256, 257 и 260 т. XIV и въ силу всемилостивѣйшихъ манифестовъ 22 августа 1826 года и 16 апрѣля 1842 года, рѣшила а) 76 коп., не представленныя на лицо Филипповичемъ и Могилевскимъ; 6021 руб. 70 коп., незаконно израсходованные ими,

да 5401 руб. 93 коп., истраченные Лакердой, хотя бы и слѣдовало взыскать, но такъ какъ изъ дѣлъ не видно, чтобы эти суммы были израсходованы безъ согласія общества (хотя не видно также, чтобы они были израсходованы съ согласія общества) и въ виду того, что члены магистрата не повѣрили ихъ отчетовъ своевременно, когда подсудимые могли представить въ свое оправданіе какіе-либо доводы, то отъ взысканія этихъ денегъ освободить Филипповича, Могилевскаго и Ф. Лакерду; б) 130,741 руб. 99 коп., которые должны были оставаться къ 1827 году отъ суммъ общественной коммиссіи, хотя также слѣдовало бы взыскать съ членовъ магистрата, завѣдывавшихъ дѣлами коммиссіи, но въ виду того, что книги не сопровождались оправдательными документами и велись „какъ домашніе записки“, а общество само не заботилось о цѣлости своихъ капиталовъ, то, не дѣлая окончательнаго постановленія, палата предполагала предоставить самому обществу, буде пожелаетъ, произвести разсчетъ съ наслѣдниками лица, управлявшаго общественной коммиссіей съ 1817 по 1727 годы, т. е. съ наслѣдниками Ф. Лакерды; в) 172,416 руб. 30 коп., составляющіе невозвращенные вклады должно пополнить взыскиваемыми ссудами; въ случаѣ недостачи послѣднихъ, привлечь къ уплатѣ того, кто завѣдывалъ коммиссіей въ 1817—1827 годахъ, т. е. все того же Лакерду; г) вмѣстѣ съ тѣмъ, палата признала откупъ въ Кіевѣ съ 1811 по 1814 годы не частнымъ, а общественнымъ, какъ потому, что лицамъ, выдававшимъ себя за это время откупщиками были переданы всѣ припасы, посуда и капиталъ, оставшіеся отъ откупа 1810 года, такъ и по тому, что всѣ расходы по потребностямъ откупа дѣлаемы были изъ общественныхъ суммъ, поэтому и рѣшила взысканіе растраченныхъ 134775 руб. 44 коп. предоставить на волю общества; виновными же палата признала тѣхъ, кто бралъ на себя откупъ въ 1811 году и обязанъ былъ давать отчетъ по торговлѣ напитками; д) компанію изъ 40 человѣкъ, къ которымъ Лакерда предъявилъ искъ объ уплатѣ 96776 руб. освободить отъ уплаты, потому что эти деньги были общественной собственностью; е) деньги съ капитана Линовскаго 5000 руб. за домъ и лавку на Крещатикѣ, такъ же какъ и съ Романовскаго 442 руб.

50 коп. за котлы должно взыскать въ пользу общества; ж) доходы съ дома на берегу Днѣпра и доходы съ театра палата находила необходимымъ привести въ точную извѣстность и тогда только взыскать ихъ съ того, кто завѣдывалъ домомъ и театромъ; наконецъ з) относительно 22285 руб. она рѣшила потребовать отъ общества доказательства, что деньги эти дѣйствительно были выданы, но не возвращены въ кассу общественной коммиссіи. Въ заключеніе палата замѣчаетъ, что хотя членовъ магистрата и слѣдовало бы на основаніи законовъ подвергнуть „лично строгому взысканію“ за злоупотребленія по должности, но въ виду манифестовъ 1826 и 1841 годовъ опредѣляетъ „сужденіе о нихъ прекратить“. Исчисленіе процентовъ съ растраченнаго капитала и взысканіе ихъ съ виновныхъ уголовная палата передала гражданскому суду. Такой приговоръ былъ произнесенъ палатой въ 1841 году 31 декабря.

Соглашаясь съ этимъ приговоромъ, губернаторъ передалъ дѣло, прибавивъ къ нему и свое мнѣніе, на разсмотрѣніе Сената, который только 25 іюля 1846 года утвердилъ приговоръ палаты. Такимъ образомъ возврату должны были подлежать, по вычисленію суда, точно опредѣленная сумма въ 363672 руб. $81^1/_2$ коп.; если же сюда присоединить все то, что по недостатку точныхъ данныхъ, палата предоставила опредѣлить самому обществу, то растрата превзойдетъ сумму въ 400,000 руб.; цифра эта еще болѣе увеличится, если прибавить проценты, опредѣленіе которыхъ предоставлено гражданской палатѣ, причемъ проценты должны были высчитываться со дня обнаруженія растраты и по день утвержденія приговора Сенатомъ, т. е. съ 1821 по 1846 г. слѣдовательно за 25 лѣтъ. Не слѣдуетъ забывать также, что коммиссіей 1816 года высчитано прибылей отъ питейнаго откупа болѣе 300,000 руб.; да по балансу А. Барскаго должно было находиться на лицо общественной суммы 405,486 руб.; мы умалчиваемъ уже о ссудахъ, которые самъ магистратъ призналъ безнадежными, и готовы допустить, что всѣ онѣ могли быть возвращены; съ отнесеніемъ къ растратѣ и этихъ денегъ окажется, что представителями городскаго общества было растрачено болѣе милліона рублей.

Хотя по приговору уголовной палаты самому обществу предоставлялось начать искъ противъ членовъ магистрата, но мы не видимъ, чтобы оно когда-либо этимъ правомъ, воспользовалось; да и трудно было ожидать отъ кіевскихъ мѣщанъ такого шага, когда, съ одной стороны, для доказательства иска требовались особенныя условія и главное солидарность членовъ общества, отсутствовавшая даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ она хоть сколько нибудь могла проявиться (напр.: выборы, протесты Кравченка, подписка и проч.), а съ другой, вліятельные члены магистрата, находившіеся подъ слѣдствіемъ, продолжали, и послѣ отмѣны магдербургскаго права, вліять на мѣщанъ, являясь представителями словеснаго суда и кіевскаго магистрата, какъ учрежденія судебнаго.

X.

Рядомъ съ этими крупными растратами совершались и болѣе мелкія. Такъ, напр.: въ 1827 году губернское правленіе сообщило слѣдователямъ объ оказавшемся отсутствіи въ городской кассѣ двухъ суммъ: въ 4324 руб. и въ 15,250 руб.; отсутствіе ихъ было обнаружено комитетомъ 1806 года, учрежденнымъ въ Кіевѣ для приведенія въ порядокъ финансоваго управленія; онъ нашелъ, что предшествовавшій ему въ Кіевѣ въ 1804 и 1085 году такой же комитетъ объ уравненіи городскихъ повинностей, разсмотрѣвъ приходы и расходы города указалъ на двѣ суммы, которыя должны быть возвращены въ городскую кассу: остатокъ отъ суммы, образовавшейся изъ собранныхъ пожертвованій за записываніе жителей въ обывательную книгу, и остатокъ отъ капитала, пріобрѣтеннаго городомъ по винному откупу до 1806 года. Магистратъ, спрошенный комитетомъ объ этихъ деньгахъ, отговаривался невѣдѣніемъ, ссылаясь на пожаръ 1811 года, въ дальнѣйшемъ же объяснилъ, что 4324 были употреблены на постройку кузницъ, а 15250 руб. находятся въ оборотѣ по винному откупу и, вѣроятно, израсходованы. Комитетъ этимъ не удовлетворился и потребовалъ разслѣдованія, которое было поручено извѣстнымъ уже намъ слѣдователямъ

Стринжѣ и Долинскому. По обыкновенію началась переписка между слѣдственной коммиссіей, магистратомъ и общественной коммиссіей; магистратъ стоялъ на одномъ: „свѣдѣній де неимѣется“, но и этотъ краткій отвѣтъ онъ посылалъ мѣсяца чрезъ три или четыре по полученіи запроса. Слѣдователи грозили „за уклонность и медленность“ предать суду членовъ магистрата, но ничто не помогало, и послѣдній съ замѣчательнымъ постоянствомъ отвѣчалъ, что въ дѣлахъ магистрата свѣдѣній объ этихъ суммахъ нѣтъ; войтъ же Киселевскій доносилъ, что онъ стороною развѣдывалъ объ этихъ деньгахъ у разныхъ лицъ, но также нигдѣ не встрѣтилъ указаній и сослался на то, что магистратъ есть учрежденіе, вѣдающее одни судебныя дѣла; городская же коммиссія, хотя и вѣдаетъ доходы и расходы подъ непосредственнымъ надзоромъ гражданскихъ губернаторовъ и отдаетъ отчеты казенной палатѣ, но она существуетъ съ 1807 года, т. е. послѣ изчезновенія названныхъ суммъ. Спросили еще нѣсколькихъ старожилыхъ мѣщанъ, но и тѣ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтили отрицательно, хотя замѣтили, что кузницы строились не на счетъ города, а изъ собственныхъ средствъ кузнецовъ. Нашелся, однако, одинъ свидѣтель, который показалъ, что кузницы строились подлѣ памятника Владиміра подъ горой, что они были сдѣланы изъ плетня и только обмазаны глиной; всѣхъ ихъ было выстроено тогда около тридцати и за работой надсматривалъ мѣщанинъ Григорій Шень; послѣдній призналъ справедливость показанія и прибавилъ, что деньги выдавались и записывались гражданиномъ Григоріемъ Ковалевскимъ, что общее число кузницъ равнялось 35, которые и отдавались мѣщанамъ на выплатъ по 70 и 120 руб.; но кузнецы не успѣли выплатить всѣхъ денегъ, вслѣдствіе постигшаго ихъ несчастія: гора обвалилась и разрушила постройки. Что же касается до 15250 руб., то члены магистрата стояли на одномъ: сумма находится въ питейномъ откупѣ, о которомъ производится особенное слѣдствіе. Уголовная палата, не имѣя никакихъ иныхъ данныхъ, должна была принять это объясненіе; впослѣдствіи же, при разборѣ дѣла объ откупѣ, вопросъ объ этой суммѣ вовсе слѣдователяли не былъ затронутъ. Сумма въ 4324 руб. была признана за своевольный

расходъ, вопреки 155 ст. городоваго положенія, и потому подлежащей взысканію съ тѣхъ членовъ, которые засѣдали въ общественной коммиссіи въ 1804 и 1805 годахъ, именно: съ войта коллежскаго ассесора Юрія Рыбальскаго, Евфима Митюка, Ивана Котляревскаго и Матвѣя Филлиповича, наслѣдники которыхъ перенесли дѣло въ Сенатъ, рѣшеніе которяго намъ неизвѣстно.

Слѣдующій за симъ эпизодъ изъ разсмотрѣнныхъ нами дѣлъ покажетъ, какъ пользовались члены магистрата всякимъ удобнымъ случаемъ, что либо урвать въ свою пользу изъ городскихъ средствъ. 6 сентября 1832 года гражданскій губернаторъ Г. С. Лашкаревъ призвалъ къ себѣ войта Киселевскаго и, сообщивъ ему объ ожидавшемся пріѣздѣ въ Кіевъ 7-го сентября Государя, приказалъ сдѣлать на счетъ городскихъ суммъ закупки провизіи для свиты Его Величества. Киселевскій передалъ въ городской коммиссіи распоряженіе губернатора и назначилъ для закупокъ бургомистра Ивана Романовскаго, и ратсгера Демьяна Миславскаго выдавъ имъ для записыванія издержанныхъ денегъ „зашнурную книгу“. По отъѣздѣ Высокаго Гостя подведены были итоги, и оказалось, что закупокъ сдѣлано на 2843 руб. 5 коп.; губернаторъ Лашкаревъ потребовалъ „зашнурную книгу“ на свое „благоразсмотрѣніе“; магистратъ по обыкновенію медлилъ и только послѣ неоднократныхъ и внушительныхъ настояній исполнилъ требованіе начальника; это было уже 24 ноября. Губернаторъ передалъ счетъ на ревизію въ казенную палату, контрольное отдѣленіе которой нашло, что Романовскій и Миславскій, имѣвшіе порученіе сами дѣлать закупки, противозаконно передали его другимъ лицамъ: Исааку Червинскому и Григорію Новицкому; что счетъ написанъ безъ объясненія, у кого что куплено, безъ представленія справочныхъ цѣнъ, безъ росписки продавцевъ въ полученіи денегъ (оправдательныхъ документовъ), съ подчистками и поправками и, вообще, съ нарушеніемъ формъ счетоводства; наконецъ, что расходъ сдѣланъ безъ Высочайшаго разрѣшенія, которое, согласно положенію 17 сентября 1831 о городскихъ доходахъ и расходахъ, необходимо должно быть испрашиваемо въ такихъ случаяхъ. Въ свое оправданіе, Киселевскій опирался на словесное приказаніе губернатора, на необходи-

мость безусловнаго повиновенія волѣ начальства и проч. Но все это мало помогло ему, потому что губернаторъ утверждалъ, что онъ такого приказанія никогда не давалъ, да и давать не могъ, помня приведенное нами выше положеніе 1831 года, а уголовная палата, принявъ сторону губернатора, присудила взыскать съ Киселевскаго деньги; послѣдній предупредилъ приговоръ суда, покрывъ заблаговременно сдѣланный на него начетъ. Дѣло стало извѣстнымъ и Государю, повелѣвшему поступить съ виновнымъ по всей строгости законовъ. Приговоръ былъ объявленъ 1 мая 1835 г. Но въ ту пору, когда дѣло это уже заканчивалось, В. Кравченкомъ была подана въ губернское правленіе жалоба о томъ, что войтъ Киселевскій, во время пріѣзда Государя собралъ для угощенія его и царской свиты большую сумму денегъ съ кіевскихъ мѣщанъ, а между тѣмъ не оприходовавъ этого сбора по книгамъ городской коммиссіи поставилъ ее въ расходъ, какъ будто она была взята изъ кассы коммиссіи; въ доказательство своей жалобы онъ ссылался на обывателей, вносившихъ деньги для угощенія, имѣвшихъ у себя квитанціи и готовыхъ представить ихъ на судъ. Протестъ Кравченка остался „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ [1]).

---

[1]) Приводимъ счетъ Кисилевскаго по пріему и угощенію свиты:

1. За 2 п. 25½ ф. сахару, изъ коихъ 2 п. 8¼ ф. по 43 р. за пудъ а 17½ ф. по 1 р. 10 к. за пудъ, всего	114 р. 12 к.
2. За 3 ф. цвѣточнаго чаю по 12 р. и за 10 ф. кофе по 2 р. за фунтъ.	56 р. — к.
3. За вина: 4 ведра, по 10 р. каждое, и 205 бутылокъ, изъ коихъ 36 бутыл. по 10 р., 6 бутыл. по 6 руб., 24 бутыл. по 5 руб, 13 бут. по 4 руб., 50 по 2 р. 50 коп. и 76 бут. по 1 р. 80 коп. за каждую, всего	869 р. 80 к.
4. За водки: 20 бутыл. по 5 р., 8 бут. по 4 р. и 5 ведеръ „пѣнной“ по 10 р. да 24 штофа на 74 р.	215 р. 92 к.
5. За пиво и портеръ 6 ведеръ, по 3 р. 50 к. каждое, за 12 бут. по 3 р. и за 60 бут. по 40 к., да за 40 бут. 16 р.	95 р. 80 к.
6. За 2 бутыл. сиропу по 2 руб. и зельтер. воды за 2 бут. 6 руб.	10 р. — к.
7. Уксусу за 2 бутыл. по 2 руб. и 2 штофа по 2 руб.	12 р. — к.
8. За 1 боченокъ и 20 бутыл. квасу	3 р. 50 к.
9. За 6 бочекъ воды и ледъ	8 р. — к.
10. За 40 лимоновъ	7 р. 50 к.
11. За разную говядину	103 р. 80 к.
12. За птицы домашнія и дикія	101 р. 80 к.
13. За рыбу соленую и свѣжую	126 р. 55 к.

Кромѣ Киселевскаго выступаютъ предъ судомъ и братья Лакерды.

Старшій изъ нихъ Антонъ Лакерда обвинялся въ томъ, что въ апрѣлѣ 1829 года ратсгеръ магистрата Иванъ Григоренко, сынъ покойнаго войта, продавъ свои двѣ каменныя лавки въ гостиномъ ряду за 7000 руб. купчихѣ Смородиновой и ея сыновьямъ, эти деньги внесъ въ магистратъ подъ условіемъ, чтобы 2000 изъ нихъ были употреблены на уплату его долговъ, а остальные положены на проценты въ приказъ общественнаго призрѣнія до возраста дѣтей. Между тѣмъ завѣдывавшій въ магистратѣ приходомъ и расходомъ денегъ бургомистръ Антонъ Лакерда, получа деньги Григоренки употребилъ ихъ въ свою пользу, а ему сталъ выдавать, по мѣрѣ надобности, проценты и по частямъ капиталъ, а впослѣдствіи и вовсе прекратилъ всякую выдачу; отсюда возникло дѣло о растратѣ бургомистромъ А. Лакердою ввѣренныхъ ему суммъ. На судѣ и Лакерда и члены магистрата утверждали, будто-бы И. Григоренко самъ добровольно отдалъ деньги на проценты А. Лакердѣ. Григоренко же и его жена отрицали это, особенно послѣдняя; она заявила даже

---

14. За 2 боченка огурцовъ.	8 р. — к.
15. За горчицу и пикулей 18 банокъ, изъ коихъ за 4 банки по 4 р., 8 банокъ по 2 р. и 6 банокъ по 1 р. 50 к.	41 р. — к.
16. За разной хлѣбъ.	73 р. 50 к.
17. За 500 яицъ, по 1 р. 60 к. за сотню, а 8 копъ по 1 р. за копу.	16 р. — к.
18. За 19 фун. изюму, изъ коихъ за 10 фун. по 80 коп., а за 9 фун. по 40 коп. каждый, да особо изюму на 2 руб., всего	13 р. 60 к.
19. За огородныя овощи и зелень.	15 р. 91 к.
20. За разные фрукты садовые	79 р. 20 к.
21. За фруктовое варенье, 21 ф., по 2 р. 50 к. за каждый	52 р. 50 к.
22. За варенье для кухни	5 р. — к
23. За грибы разнаго рода.	4 р. — к.
24. За масло коровье, сливки и молоко	65 р. 87 к.
25. За сыръ швейцарскій, копорцы и оливки.	30 р. 25 к.
26. За прованское масло, 3 бутылки по 3 руб. и 4 фун. по 1 р. 20 к. каждый.	15 р. 30 к.
27. За соль.	1 р. 90 к.
28. За рыбій клей $1^1/_2$ фунт. по 12 руб. каждый.	18 р. — к.
29. За макароны, перловые крупы, рыть (рисъ), крупичатую муку и бульёнъ	48 р. 20 к.

прокурору, что магистратъ, призвавъ ее, побуждалъ написать прошеніе о томъ, что она и ея мужъ добровольно отдали деньги Лакердѣ и что еще 1000 руб. изъ нихъ онъ желаетъ употребить на уплату долговъ. Уголовная палата, имѣя при этомъ въ виду, что магистратъ сдѣлалъ опредѣленіе о пріемѣ денегъ и отправкѣ ихъ въ приказъ, а между тѣмъ допустилъ то, что Антонъ Лакерда свободно взялъ 5000 руб. въ свое пользованіе, рѣшила взыскать съ послѣдняго 3500 руб., такъ какъ изъ взятыхъ имъ 5000 р. Григоренко въ разное время получилъ раньше 1500 р.; войтъ и члены магистрата были приговорены къ штрафу за допущеніе безпорядковъ при производствѣ дѣлъ: первый въ 30 руб., а послѣдніе: бургомистры—въ 15 р. и ратсгеры въ 10 р. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе палаты, прибавивъ, что деньги 5000 р., если бы были отосланы по назначенію, дали бы приростъ; но этого прироста въ настоящемъ случаѣ нѣтъ, и его должны пополнить члены магистрата. Въ дѣлѣ не лишено интереса то обстоятельство, что во время споровъ и переписки, тянувшейся съ 1829 по 1843 годъ, обнаружилось неудовольствіе между старымъ магистратомъ, существовавшимъ по магдебургскому праву, и новымъ магистратомъ, возникшимъ по городовому положенію, которое введено было въ 1835 году. Такъ какъ неудовольствіе обнаруживается при оффиціальной перепискѣ, то,

---

30. За пряныя коренья . . . . 21 р. — к.
31. За бумагу и сургучъ . . . . 4 р. 20 к.
32. За свѣчи восковые и сальные, изъ коихъ 2 п. по 70 руб., а 2 п. по 7 руб. каждый . . . . 154 р. — к.
33. За 20 арш. холста, изъ коихъ 10 арш. по 85 коп. и 10 арш. по 60 коп., и голландскія нитки 25 коп. . . . . 9 р. 75 к.
34. За 2 сита для кухни, табакъ, чубуки, щетки и метелки . . . . . 9 р. 50 к.
35. За дрова и уголіе . . . . 30 р. — к.
36. За разбитое стекло въ квартирѣ фельдъегерей . . . . 4 р. — к.
37. Куплено веревокъ и цыновокъ кучеру на . . . . 6 р. — к.
38. За работу повару, его 4 помощникамъ, 5 лакеямъ, 4 рабочимъ и 5 женщинамъ при кухнѣ . . . . 201 р. — к.
39. За 7 дрожекъ для разъѣздовъ . . . . 115 р. — к.
40. За 6 повозокъ, нанятыхъ для привоза и отвоза разной посуды и разныхъ закупокъ . . . . 75 р. — к.

Итого . . . . . 2843 р. 52 коп.

само собою разумѣется, оно чрезвычайно сдержанно; слѣдовательно, въ обыденной жизни неудовольствіе принимало болѣе или менѣе острый характеръ, который и отразился въ извѣстной „скорби кіевлянъ“.

Въ другомъ дѣлѣ фигурируетъ Иванъ Лакерда. Въ 1831, 1832 и 1833 годахъ онъ завѣдывалъ какъ частными, такъ и казенными суммами, пересылаемыми черезъ магистратъ; въ теченіи года чрезъ его руки ихъ проходило болѣе 200,000 руб.; Лакерда обязанъ былъ по указамъ магистрата то отправлять деньги въ приказъ общественнаго призрѣнія, то выдавать ихъ частнымъ лицамъ; вслѣдствіе отсутствія будто-бы кладовой при магистратѣ, деньги не отсылались „по надлежащему“ въ казначейство для храненія, но находились, по объясненію подсудимаго, въ собственномъ его домѣ и распоряженіи. Въ мартѣ 1834 года мѣсто И. Лакерды занялъ его шуринъ И. Романовскій; но магистратъ, назначая послѣдняго, не упомянулъ въ своемъ постановленіи и не настоялъ, чтобы деньги Лакердой были сданы; магистратъ также не принялъ мѣръ къ повѣркѣ суммъ и обнаруженію растраты до тѣхъ поръ, пока въ февралѣ 1835 года Романовскій не подалъ доклада о томъ, что Лакерда не только не представляетъ ему оставшихся денегъ, но и не отсылаетъ въ приказъ общественнаго призрѣнія тѣхъ, которые были по его распоряженію записаны въ расходъ. Романовскій просилъ Лакерду доставить деньги въ магистратъ, но тотъ считалъ болѣе выгоднымъ для себя отмалчиваться. Магистратъ, повѣривъ книги, нашелъ, что Лакердой растрачено, или, какъ тогда говорили, „удержано“ 6846 р. 19 к. кредитными билетами да 203 р. 37 коп. серебромъ, и донесъ объ этомъ губернскому правленію. На слѣдствіи и судѣ Лакерда утверждалъ, что онъ сдалъ деньги Романовскому еще въ мартѣ 1834 года и съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого „касательства“ до дѣлъ магистратской кассы; въ доказательство же правдивости своихъ словъ онъ сослался на то, что первая мѣсячная ревизія послѣ его смѣны не нашла растраты; слѣдовательно, деньги были сданы имъ Романовскому; ревизіи суммъ до 1834 года, а также повѣрка ихъ гражданскимъ губернаторомъ Корниловымъ, въ свою очередь,

никогда растратъ не обнаруживали; но если какое количество денегъ и не оказалось на лицо, а потомъ было пополнено, то Лакерда находилъ безразличнымъ, внесъ-ли онъ самъ эти деньги, или, „по какимъ-либо разсчетамъ", за него сдѣлали это члены магистрата; если же послѣдніе сами пополнили растраченную имъ сумму, то, во всякомъ случаѣ, не имѣютъ права брать свои деньги назадъ или привлекать его къ суду за растрату, но должны предъявлять къ нему, Лакердѣ, иски, какъ частныя лица. Романовскій возражалъ, что растрата была обнаружена еще въ 1833 году, когда недоставало болѣе 20,000 руб., и Лакерда упросилъ войта оставить его еще хотя на годъ при завѣдываніи суммами, надѣясь въ теченіи этого времени пополнить недостававшую сумму, на что бывшій тогда войтъ Кисилевскій согласился; прошелъ годъ; Лакерда не въ состояніи былъ возвратить всѣхъ данегъ; тогда магистратскіе „чиновники" придумали такую сдѣлку: въ постановленіи своемъ они предоставили Лакердѣ право самому расходовать оставшуюся у него сумму и въ этомъ смыслѣ потребовали отъ него росписки на самой книгѣ; но такъ какъ въ томъ же постановленіи опредѣлено городскую кассу изъ вѣдѣнія Лакерды изъять и передать ее въ руки Романовскаго, то умышленно и не показано въ немъ количество денегъ, которое должно было находиться у Лакерды. Въ теченіи 1834 года, послѣдній самъ производилъ высылку и уплату денегъ, такъ что, вмѣстѣ съ переданными Романовскому 6,000 руб., уменьшилъ свой долгъ почти на половину. Въ декабрѣ того же года, желая отдѣлаться отъ докучливыхъ настояній своихъ товарищей относительно взноса денегъ, И. Лакерда продѣлалъ такую штуку: явился въ магистратъ и велѣлъ повытчику Стоцкому писать указъ о высылкѣ въ приказъ общественнаго призрѣнія двухъ суммъ: въ 921 и въ 27 руб., показывая на карманъ, что деньги у него для этого заготовлены на лицо. Указы написали, расходъ вывели по книгѣ, хватились Лакерды, а его и слѣдъ простылъ: „скрытно вышелъ изъ магистрата"; когда же его розыскали и привели въ присутствіе, то денегъ все таки не оказалось. Что Лакерда дѣйствительно не передалъ кассы Романовскому, тотъ сослался на дворянина Ивана Высоц-

каго, неоднократно будто-бы являвшагося въ магистратъ съ требованіемъ принадлежащихъ ему денегъ, и при появленіи котораго войтъ Киселевскій, призывалъ всегда И. Лакерду, приказывая ему удовлетворить Высоцкаго. Послѣдній дѣйствительно повторилъ и призналъ показаніе Романовскаго, добавивъ, что Лакерда каждый разъ просилъ принять отъ него вексель въ уплату слѣдуемыхъ ему денегъ. Въ числѣ растраченныхъ Лакердой денегъ были 600 руб., принадлежавшіе кладбищенской церкви и уплоченные имъ уже въ то время, когда вступилъ въ управленіе городомъ новый составъ городскаго управленія, т. е. уже послѣ 1836 года. Тотъ же Романовскій сообщаетъ не менѣе интересныя подробности о ревизіи гражданскимъ губернаторомъ дѣлъ магистрата. Онъ говоритъ, что при этомъ никакая сумма не была свидѣтельствована, потому что за два или три дня до ревизіи, Киселевскій посылалъ разсыльныхъ, чтобы отыскать Лакерду и заставить его внести въ кассу магистрата тѣ деньги, которыя находились у него въ завѣдываніи, или, точнѣе, пользованіи; но всѣ поиски были напрасны: Лакерда скрывался и не показывался до тѣхъ поръ, пока ревизія не окончится. Что же оставалось дѣлать ревизорамъ? Имъ оставалось, конечно, послѣ радушнаго пріема со стороны магистрата, заключить, что по приходо-расходнымъ книгамъ должно оставаться такое-то количество денегъ на лицо. Потомъ, при очной ставкѣ Романовскаго съ Лакердой, въ виду разнорѣчія ихъ показаній, каждый стоялъ на своемъ и Лакерда заявлялъ, что росписка Романовскаго на представленные имъ деньги касается ихъ частныхъ счетовъ. Войтъ Киселевскій въ своихъ отвѣтахъ старается не много поддержать обвиняемаго; по словамъ этого свидѣтеля, Лакердѣ, какъ одному изъ членовъ магистрата, „по издревле заведенному порядку“, поручено было завѣдываніе кассой не по одному только выбору его, Киселевскаго, а „за согласіемъ всѣхъ членовъ магистрата“, „которые были увѣрены въ немъ, какъ въ благонадежномъ человѣкѣ“, что Лакерда всегда оправдывалъ довѣріе общества и деньги будто-бы всегда были цѣлы у него и представлялись имъ при ревизіи; въ магистратѣ же надежнаго помѣщенія для казнохранилища не имѣлось; это и объясняетъ,

почему Лакерда росписался, что вся наличная сумма находится у него. Остальныя подробности показанія Романовскаго подтверждаетъ и Кисилевскій, но оговаривается: „въ разсужденіи неблагонадежности Лакерды никто не могъ усумниться, а цѣль удержанія суммы никому не извѣстна; почему я и не могъ и не имѣлъ ни съ какого повода къ очерненію Лакерды доносить начальству“. Членамъ магистрата, изъ страха отвѣтственности, конечно, не понравилась ссылка на ихъ согласіе Киселевскаго въ дѣлѣ порученія городской кассы Лакердѣ: Миславскій, Коробка и Митюкъ прямо заявляютъ, что Лакердѣ была передана касса „по собственному назначенію одного войта Киселевскаго“ (что признаетъ и самъ обвиняемый) и Лакерда „подъ его (войта) непосредственнымъ завѣдываніемъ распоряжалъ суммами, прочіе же члены не могли имѣть никакого вліянія на то“. Тѣ же свидѣтели показываютъ, что „войтъ Киселевскій и бургомистръ И. Лакерда, будучи старшими членами и состоятельными, младшихъ членовъ увѣряли, что ими сохраняется сумма“. На другіе вопросы слѣдователей относительно растраты, члены отвѣчали незнаніемъ и невѣдѣніемъ, отговариваясь то болѣзнью, то пребываніемъ въ командировкѣ, хотя добавили, что повѣрка суммъ не производилась, потому что ихъ увѣряли (или они сами были увѣрены—это какъ-то трудно разобрать изъ ихъ показаній) въ несомнительности существованія на лицо всѣхъ денегъ; имъ оставалось подписывать „оныя статьи“ журналовъ, что и дѣлали они не укоснительно, выжидая всегда напередъ, когда старшіе подпишутъ. Все сказанное о поведеніи Лакерды повторили и канцеляристы магистрата.

При дополнительномъ допросѣ, подробностей котораго мы не будемъ излагать, какъ менѣе интересныя, обнаружились еще разъ нѣкоторыя характерныя особенности порядковъ въ магистратѣ. Лакерда, напр., старался доказать, что за всѣ упущенія въ дѣлопроизводствѣ и расходованіи суммъ долженъ отвѣчать не только онъ, но и предсѣдательствующій, вмѣстѣ съ секретаремъ. Киселевскій прибавилъ, что Лакерда могъ получать деньги въ его отсутствіе, и потому будто бы онъ не знаетъ отчего деньги кладбищенской церкви Лакерда оставилъ „безгласными“. Кстати

онъ указалъ на то, что растрата можетъ быть пополнена изъ доходовъ отъ домовъ Лакерды, которыхъ уже собрано болѣе 10,000 руб. и вся эта сумма находится на сохраненіи въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Миславскій и Коробка, въ свою очередь, дополнили свои прежнія показанія, заявивъ, что настаивать на своевременной высылкѣ Лакердою суммъ не могли, „ибо это значило бы побуждать самаго войта Киселевскаго, что нарушило бы приличіе противу старшихъ". Этимъ и закончилось слѣдствіе. Уголовная палата, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и найдя растрату Лакердой 6846 руб. 19 коп. ассигн. да 203 р. 37 коп. серебромъ правильно исчисленной магистратомъ, рѣшила, что всю эту сумму слѣдуетъ взыскать съ И. Лакеры; но такъ какъ растрата произошла вслѣдствіе слабости надзора со стороны войта, то, освободя Лакерду отъ личной отвѣтственности, подвергнуть его и Киселевскаго штрафу по 20 руб. съ каждаго; что же касается до Миславскаго, Романовскаго и Митюка, то палата, находя виновными и ихъ въ допущеніи растраты, оштрафовала каждаго 10-ю рублями. Приговоръ этотъ состоялъ 4 февраля 1841 г.; потомъ оно было передано на разсмотрѣніе гражданскаго губернатора, а отъ него перешелъ на окончательное утвержденіе въ Сенатъ. Послѣдній, принявъ во вниманіе мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, постановилъ на остнованіи ст. 318, 323 и 333 т. XV Свода Закон. изд. 1842 года взыскать растраченныя казенныя суммы вдое со всѣми процентами, какіе получилъ бы приказъ общественнаго призрѣнія, еслибы они своевременно были переданы туда на храненіе. Къ сожалѣнію, въ опредѣленіи Сената не показана общая сумма взысканія, а между тѣмъ изъ вѣдомости о растратѣ И. Лакерды видно, что казенныхъ денегъ въ общей суммѣ было только 127 руб. 44 коп. ассигнаціями, слѣдовательно Лакерда долженъ былъ внести въ казначейство 254 руб. 88 коп.; такимъ образомъ, въ общей сложности, вмѣстѣ съ капиталами частныхъ лицъ, растрата Лакерды достигла 6973 р. 63 к. кредитными билетами да 203 р. 37 к. деньгами; для однообразія нашего счета послѣдню сумму переложимъ также на ассигнаціи: каждый серебряный рубль по тогдашнему курсу стоилъ 4 руб. асигн. ($3^1/_2$ руб. по нарица-

тельной цѣнѣ), слѣдовательно 203 руб. 37 коп. составляетъ 813 руб. 48 коп. (711 руб. 78$^{1}/_{2}$ коп. по нарицательной цѣнѣ); итакъ всего вообще Лакерда долженъ былъ уплатить 7787 руб. 11 коп. Конечно это наказаніе была для него весьма не тяжело, потому что, какъ мы уже знаемъ со словъ войта Киселевскаго однихъ доходовъ съ домовъ подсудимаго еще до утвержденія приговора было достаточно, что бы пополнить эту небольшую сумму.

Менѣе выдающимися судебными процессами о членахъ магистрата были слѣдующія дѣла: войтъ Михаилъ Григоренко, бургомистры Константинъ Балабуха и Григорій Кисилевскій, ратсгеры Павелъ Романовскій, Семенъ Балабуха да альтерманы-оцѣнщики Козырь и Лукьяненко обвинялись (31 декааря 1831 года) уголовной палатой въ незаконной продажѣ имущества сиротъ Малафѣевыхъ, утайкѣ нѣкоторыхъ вещей и проч. При слѣдствіи же оказалось, что веще присвоила себѣ мать сиротъ, вышедшая потомъ замужъ во второй разъ. Магистратъ же, хотя и признанъ виновнымъ, но лишь въ низкой оцѣнкѣ имущеста да незаконномъ разрѣшеніи продажи его на удовлетвореніе долговъ Малафѣева (почти 4$^{1}/_{2}$ тысячъ рублей), но въ виду того, что наслѣдники послѣдняго достигли уже совершеннолѣтія и получили то, что имъ слѣдовало, и такъ какъ преступленіе членовъ магистрата совершено ими до изданія всемилостивѣйшихъ манифестовъ 1826 и 1841 годовъ и при томъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ уже умерли, то и рѣшено было, „отъ отвѣтственности ихъ освободить, дѣло настоящее предать забвенію и сдать въ свое время въ архивъ“.

Не такъ благополучно окончилось дѣло о растратѣ капитала и имущества, принадлежавшаго гражданину Бильцову; къ суду были привлечены члены мигистрата, заправлявшіе городскими дѣлами въ періодъ съ 1816 по 1825 годъ; окончательный приговоръ состоялся только въ 1847 году; подсудимые должны были пополнить растрату, которая была опредѣлена въ 16,776 рублей.

Не отсталъ отъ отца и товарищей и ратсгеръ Иванъ Григоренко. Избранный въ члены магистрата въ 1822 году онъ,

скоро воспользовался выгодой своего положенія и выдалъ отъ имени магистрата бѣглому крестьянину Лапицкому свидѣтельство о принадлежности его къ числу кіевскихъ мѣщанъ бондарскаго цеха, снабдивъ его при этомъ и свидѣтельствомъ для женитьбы. 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда подвелъ преступленіе Григоренка подъ дѣйствіе манифеста 22 августа 1826 года и освободилъ его отъ отвѣтственности.

Базарные, противъ которыхъ ратовалъ еще въ 1821 году на выборахъ В. Кравченко, также имѣли своихъ представителей на судѣ .въ лицѣ Кобца и Попова. Послѣдніе обвинялись въ томъ, что стѣсняли торговлю на базарѣ, то требованіемъ лишнихъ вѣсовыхъ пошлинъ, то запрещеніемъ продавать тотъ или другой товаръ подъ предлогомъ его негодности, то безпошлинной торговлей отъ своего имени. Признанные по суду виновными, Кобецъ и Поповъ были обязаны отсидѣть два мѣсяца въ тюрьмѣ и отказаться на всегда отъ службы по выборамъ.

Отъ членовъ магистрата не отставали и ремесленные головы; мы видѣли уже раньше участіе ихъ и въ дѣ ѣ о сборѣ податей и въ дѣлахъ общественной коммиссіи и питейнаго откупа; теперь, для болѣе полной характеристики, укажемъ на обвиненіе одного изъ нихъ, именно ремесленнаго головы Василія Шафаровскаго, „за взятіе якобы у солдатки Маріи Нехтѣевой поросенка, съ обѣщаніемъ освободить брата ея кіевскаго мѣщанина Мартина Медвѣдскаго отъ рекрутской повинности", обвиненіе начато было Нехтѣевой вслѣдствіе того, что Шафаревскій, невыполнивъ обѣщанія, отказался возвратить поросенка лишь потому, что онъ его нѣкоторое время кормилъ. На судѣ онъ совершенно отговаривался незнаніемъ о судьбѣ поросенка, котораго пустила въ кухню ремесленнаго головы просительница, и только прислуга обличила хозяина, показавъ, что онъ разговѣлся этимъ поросенкомъ на Рождество.

Шествіе магистратскихъ „чиновниковъ" передъ судомъ замыкали ихъ канцеляристы. Напр., реентъ кіевскаго магистрата Сивицкій обвинялся въ томъ, что выдалъ паспортъ и хотѣлъ приписать къ купечеству 3-й гильдіи старообрядца Константина Колычева; потомъ тотъ же Сивицкій, вмѣстѣ съ письмоводите-

лемъ ремесленной управы Лучинскимъ и цехмистромъ Зайкинымъ, обвинялись въ незаконной припискѣ въ кіевское мѣщанство бѣглыхъ крестьянъ калужской губерніи и, наконецъ, въ такой же припискѣ бродяги Ивана Головшенки.

Не безъинтереснымъ намъ кажется также дѣло, хотя и не относящееся къ исторіи городскаго хозяйства, но характеризующее нѣкоторыхъ лицъ, которые принимали участіе въ завѣдываніи этимъ хозяйствомъ,—это именно дѣло о продажѣ съ торговъ домовъ братьевъ Балабухъ и Карамалѣя на пополненіе штрафа, присужденнаго съ нихъ Сенатомъ въ февралѣ 1827 года за найденные въ ихъ лавкахъ контрабандные товары. Товары эти имъ удалось получить путемъ какой то хитрости, благодаря существованію въ Кіевѣ таможни. Судя по цифрѣ взысканія, можно предполагать, что ихъ привезено было на довольно значительную сумму; такъ напр. Семенъ Балабуха долженъ былъ уплатить 6731 руб. 27 коп., Александръ Балабуха 8932 руб. 95 коп., Константинъ Балабуха—6033 руб. 5 коп., Иванъ Балабуха—10,793 руб. 90 коп. и Иванъ Карамалѣй—3394 руб. 63 коп., всѣ же вмѣстѣ 35,885 руб. 82 коп. Покупателямъ ихъ домовъ на торгахъ явились Григорій Кисилевскій, Антонъ Лакерда, Гавріилъ Барщевскій, Иванъ Смородиновъ и друг., т. е. все свои же люди. Легко могло случиться, что и торги былификтивными.

Наконецъ, мы не перечислили бы всѣхъ взысканій, падавшихъ на членовъ магистрата, если бы не указали на положеніе комитета министровъ, Высочайше утвержденное 18-го декабря 1835 года[1]). Въ силу этого положенія повелѣвалось: для приведенія въ порядокъ дѣлъ бывшей городской коммиссіи учредить при думѣ временный столъ и исчисленную по штату сумму на содержаніе стола 1750 р. употребить изъ остатковъ городскихъ суммъ на счетъ тѣхъ, кои по суду признаны будутъ виновными въ допущеніи въ бывшей городской коммиссіи безпорядковъ, и чтобы постановленіе о взысканіи этихъ денегъ съ виновныхъ предписывается судебнымъ мѣстамъ, которыя дѣло о безпорядкахъ тѣхъ разсматривать будутъ, внести въ свое время въ приговоръ.

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, собр. второе, т. X, № 8685, стр. 1191.

Намъ остается теперь подвести итогъ всѣмъ вообще растратамъ, произведеннымъ членами кіевскаго городскаго магистрата съ 1812 по 1835 годъ; къ числу растратъ мы относимъ:

Излишне взысканныя съ мѣщанъ подати въ 1813—1821 гг.	119,145 р. 99¼ к.
Суммы общественной коммиссіи:	
Остатокъ отъ оборотовъ ея до 1817 г. . .	— р. 76 к.
Неправильно израсходованные Филипповичемъ и Могилевскимъ	5,401 р. 93 к.
Неправильно израсходованные Лакердой .	6,021 р. 70 к.
Остатокъ отъ оборотовъ коммиссіи до 1827 г.	130,741 р. 99 к.
Невозвращенные вклады	172,316 р. 30 к.
Прибыль питейнаго откупа	134,775 р. 44 к.
Расходъ на постройку кузницъ	4,324 р. — к.
Угощеніе царской свиты въ 1832 году . . .	2,843 р. 52 к.
Растрату А. Лакердой.	3,500 р. — к.
Растрату И. Лакердой.	7,787 р. 11 к.
Вознагражденіе наслѣдниковъ Бильцова . . .	16,776 р. — к.
Содержаніе стола въ думѣ	1,570 р. — к.
Если же присоединить къ этому суммы бывшія до пожара 1811 года, т. е. сумму общественной коммиссіи	405,486 р. — к.
и сумму питейнаго откупа	300,000 р. — к.

да прибавить сюда невозвращенныя ссуды, забытые 193,561 р., которыя еще нужно было вычислить и опредѣлить (доходъ съ театра, домовъ и проч.), то получимъ, что растрата достигала 1,400,000 руб. ассигнаціями. Чтобы точнѣе представить себѣ, какъ велика была бы эта сумма въ наше время, переведемъ ее на цѣну хлѣба, какъ величину съ болѣе постоянной цѣнностью; по даннымъ составленнаго И. Фундуклеемъ „Статистическаго описанія кіевской губерніи“, въ 1795 году четверть ржи стоила въ іюнѣ 4 р. 55 к. и въ ноябрѣ—2 р. 75 к. ассигнац., а въ 1845 году въ іюнѣ около 9 р. 10 к., и въ ноябрѣ—около 16 р. 50 к.; такимъ образомъ средняя годичная цѣна четверти ржи въ 1795 году доходила до 3 р. 65 коп., а въ 1845—до 12 р.

80 коп.[1]); отсюда средняя цѣна за пятидесятилѣтіе (1745—1845) была приблизительно равна 8 р. $22^1/_2$ к. Принимая теперь, вмѣстѣ съ издателемъ „Описанія", въ одной четверти, среднимъ числомъ 9 пудовъ[2]), получимъ, что пудъ хлѣба стоилъ $91^1/_4$ коп. ассигнаціями. Слѣдовательно, за всю сумму денегъ, растраченную членами магистрата, можно было пріобрѣсти около 1,400,000 пудовъ ржи, стоющіе, при настоящихъ цѣнахъ на хлѣбъ, также 1,400,000 руб., но уже не ассигнаціями, а серебромъ. Такова была громадность растраты при переводѣ ея на наши деньги. Но значеніе растраты, мы думаемъ, можетъ быть опредѣлено только отношеніемъ ея къ годовымъ доходамъ города. По вѣдомости магистрата въ 1829 году поступило окладныхъ и неокладныхъ доходовъ 144,635 р. $8^1/_4$ к.; слѣдовательно, растрата равнялась въ девять разъ увеличенному годовому доходу города. Теперь въ такой же пропорціи растрата превзошла бы сумму въ семь милліоновъ руб.

И. Каманинъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

---

[1]) Стр. 369.

[2]) Стр. 385.

„Бунтъ“ Сквирскаго Магистрата. [1])

I

Дѣло происходило 1 апрѣля 1798 года.

Надъ старымъ городкомъ Сквирою спукались сумерки и луна поднималась надъ горизонтомъ. Въ домахъ и хатахъ зажигались уже огни.

Всегда скромная и тихая въ эти часы—Сквира представляла теперь необычайное оживленіе. Со всѣхъ концовъ небольшаго городка (только три года назадъ возведеннаго въ званіе „уѣзднаго“) бѣжали по улицамъ группы людей, направляясь къ градскому магистрату, находившемуся вблизи базарной площади. У небольшаго одноэтажнаго зданія магистрата, съ соломенной крышей (какъ и большинство тогдашнихъ домовъ въ городѣ), чернѣла уже значительная толпа, съ каждой минутой пополнявшаяся подбѣгавшими мѣщанами, крестьянами и евреями.

Толпа звонко гудѣла. Гулъ не одной сотни человѣческихъ голосовъ далеко разносился по городу и невольно заставлялъ всѣхъ прислушиваться и бѣжать по направленію звуковъ.

Не всѣ еще знали причину сборища у магистрата, но всѣ бѣжали туда на шумъ, предполагая, что онъ вызванъ или пожаромъ, или другимъ какимъ особеннымъ происшествіемъ.

Но и подбѣжавшіе къ магистрату не сразу могли разобрать—въ чемъ тутъ дѣло? Вся толпа, казалось, говорила, пе-

---

[1]) См. хранящееся въ Московск. Архивѣ М-ва Юстиціи дѣло „*Кіев. Главнаго Суда* Уголовн. Департамента“ (кіевск. уголовн. палаты по 1-ой описи дѣло № 117).

ребивая другъ друга. Трудно было разобраться въ этомъ перекрестномъ огнѣ сыпавшихся отовсюду вопросовъ, отвѣтовъ, восклицаній. Видно было, что толпа крайне возбуждена. Находившіеся тутъ евреи увеличивали общую сумятицу своей нервной жестикуляціей и суетливымъ шмыганьемъ отъ одной группы къ другой.

Мѣщане толпились ближе къ крыльцу и окнамъ магистрата. По временамъ показывались въ окнахъ головы засѣдавшихъ тамъ лицъ, переговаривавшихся оттуда съ толпою.

Тамъ собрались почти всѣ выборныя власти города. Это были—городской голова Ѳедоръ *Закутный*, бургомистры Яковъ Кондратенко и Данило Власенко, ратманы Николай Цимбалъ и Михайло Мельникъ, староста Уласъ Константиненко и др. члены магистрата и нѣкоторые гласные градской думы. Здѣсь же находились магистратскіе чиновники—секретарь Петръ Твердянскій, регистраторъ Андрей *Пашкевичъ* и нѣсколько писцовъ. Случайно забрели въ магистратъ на шумъ толпы, да такъ и остались тутъ и совершенно стороннія лица—архиваріусъ сквирскаго повѣтоваго суда Александръ Дмитревичъ, губернскій регистраторъ Яковъ Гвоздѣвичъ, шляхтичъ Игнатій Янскій и др. Изъ дѣтскаго любопытства попали какъ-то сюда и трое мальчиковъ, одинъ изъ нихъ—сынъ головы. Всего собралось въ магистратѣ около 50 человѣкъ.

Всѣ они были возбуждены не менѣе толпы, стоявшей подъ окнами на улицѣ. Особенно волновался голова Ѳ. Закутный. Его круглое, полное лице, съ сѣдыми густыми усами и бровями, всегда носившее на себѣ печать добродушія, съ малою дозою неглубокаго лукавства, на тотъ разъ пылало огнемъ, губы дрожали, глаза искрились. Вся его плотная и невысокая фигура, съ порядочнымъ брюшкомъ, съ коротко остриженною сѣдою головою на толстой красной шеѣ выражала сильное волненіе. Ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ то вскакивалъ съ своего предсѣдательскаго стула, подбѣгалъ къ бургомистру Кондратенку или къ Твердянскому и Пашкевичу, о чемъ-то переговаривался съ ними, то подскакивалъ къ окнамъ магистрата, пытливо всматриваясь вдоль улицы и по направленію къ базарной площади,

то снова усаживался на своемъ мѣстѣ, грозя куда-то вдаль своимъ кулакомъ и посылая кому-то „бисову матиръ"... Подлѣ него все время вертѣлся и нашептывалъ какія-то рѣчи Пашкевичъ—молодой человѣкъ, сухой, крѣпкій брюнетъ, съ очень энергическимъ, даже отчасти злымъ лицемъ. Его начальникъ Твердянскій—пожилой, довольно полный и добродушный мужчина, держалъ себя, напротивъ, сравнительно спокойно и старался успокоить другихъ.

Бургомистры, ратманы и др. члены магистрата и думы шумно спорили между собою и съ сторонними лицами, переговаривались въ окна съ толпою, всматривались на улицу и чего-то ждали.

Толпа у магистрата все росла. Вдругъ вся она встрепенулась: съ базару вихремъ пронеслась къ магистратскому крыльцу необычайно тощая и длинная фигура еврея Аврумка Чернаго (перваго цырульника въ городѣ), кричавшаго: „гевалтъ!... воны йдуть, йдуть!... зъ війскомъ!..."

Толпа еще больше загалдѣла и придвинулась къ магистрату. Аврумко влетѣлъ съ тѣмъ же крикомъ въ магистратъ и произвелъ тамъ неменьшее движеніе. Члены магистрата и думы заторопились усаживаться на стульяхъ и лавкахъ, стороннія лица столпились у входа въ канцелярію. Всѣ притихли и молча ждали тѣхъ, о комъ оповѣстилъ Аврумко. Твердянскій пробовалъ удалить стороннихъ лицъ—Дмитревича, Янскаго и др. Но тѣхъ одолѣвало любопытство и они упросили секретаря оставить ихъ въ комнатѣ. Аврумко и 2—3 другихъ еврея нервно посматривали по сторонамъ въ нерѣшительности—что имъ лучше сдѣлать: уйти ли подальше отъ грѣха въ толпу, или остаться здѣсь и „своими очыма побачыты" все то, что тутъ должно было происходить?—Но пока они такъ колебались, отступленіе изъ магистрата было имъ отрѣзано и волей—неволей они остались тутъ.

Толпа на улицѣ вдругъ стихла. Со стороны базарной площади показалось грозное шествіе: во главѣ шли земскій исправникъ Василій *Красникъ*, городничій *Никитинъ*, „штатной команды" поручикъ Андрей *Самойловъ* и шляхтичъ Николай *Поляновскій*, поссесоръ подгородной деревни *Дементовки* (Дов-

монтовка тожъ). За ними двигалось окого 40 солдатъ штатной команды („драгуны“) и рекрутъ, вооруженныхъ саблями и „дручьемъ“. Около властей шло нѣсколько человѣкъ любопытныхъ изъ чиновниковъ и шляхтичей.

· Власти города о чемъ то озабоченно переговаривались между собою. Особенно возбуждены были городничій и поручикъ. Оба красные отъ волненія, они не слушали успокоительныхъ рѣчей исправника и грозились по адресу магистрата. Поляновскій и др. шляхтичи ловко поддерживали ихъ возбужденіе, зло подсмѣиваясь надъ неповиновеніемъ этого „быдла“, засѣвшаго въ магистратѣ... Эти подзадориванія раздражающимъ образомъ начинали дѣйствовать и на болѣе спокойнаго и разсудительнаго Красника...

Подойдя къ толпѣ, очистившей дорогу для прохода властей въ магистратъ, городничій Никитинъ налетѣлъ на перваго подвернувшагося подъ руку мѣщанина Никиту Марунича, схватилъ его за „потылицю“ и крикнулъ:

— Якого бисового батька вы тутъ зійшлысь? Чого вамъ тутъ треба?... Геть по хатамъ!...

Опѣшенный Маруничъ вырвался изъ лапъ городничаго и, бросаясь въ толпу, отвѣтилъ:

— Мы про те не знаемо... спытайте старшыхъ, воны уже знають...

Толпа молчала, зорко поглядывая на городскихъ властей... Никитинъ погрозилъ Маруничу кулакомъ, обругалъ его и всю толпу какъ нельзя хуже и бросился вслѣдъ за исправникомъ, уже всходившимъ на магистратское крыльцо. За ними двинулась туда же и большая часть солдатъ съ рекрутами. Человѣкъ 10 тѣхъ и другихъ осталось на улицѣ, по приказу городничаго, и принялись разгонять народъ. Однако, имъ удалось очистить отъ народа только небольшое пространство около крыльца. Нѣсколько отодвинувшись отъ него, толпа продолжала стоять тутъ же, а нѣкоторымъ мѣщанамъ удалось даже прорваться на крыльцо и наполнить сѣни магистрата. Оставшіеся на улицѣ напряженно прислушивались къ тому, что дѣлалось въ магистратѣ...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Но скоро въ магистратѣ сразу поднялось сильное движеніе, началась какая-то свалка, раздались крики, послышались пронзительные вопли...

Изъ магистратскихъ сѣней, едва протискавшись сквозь наполнявшую толпу, стремительно выскочилъ страшно блѣдный, перепуганный Аврумко Черный и юркнулъ въ народъ, съ крикомъ: „бьють! бьють!...“

Толпа заговорила, всколыхнулась, смяла находившихся на улицѣ солдатъ и бросилась къ крыльцу. Стоявшіе въ сѣняхъ смѣло вскочили въ двери магистратскаго покоя и—глазамъ ихъ предстала возмутительная сцена насилія надъ представителями города!... Вскочившіе ринулись въ общую свалку на помощь своимъ... Шумъ и гвалтъ разрослись до крайнихъ предѣловъ...

II.

Вернемся, однако, нѣсколько назадъ.

Это „непріятное происшествіе“—какъ скромно выразился впослѣдствіи присланный изъ Кіева на слѣдствіе чиновникъ—подготовлялось уже давно. Нѣсколько лѣтъ шелъ у города споръ съ „романовскимъ старостою“ паномъ Флоріаномъ Залѣсскимъ, поссесоромъ „старостинскихъ имѣній“ князя Любомирскаго, о лѣсѣ и землѣ (въ 3 вер. отъ Сквиры) при дер. Довмонтовкѣ, отданной Залѣсскимъ въ поссесорское владѣніе шляхтичу Николаю Поляновскому. Какъ горожане Сквиры, такъ и Поляновскій предъявляли довольно сомнительныя документальныя доказательства своихъ правъ на спорную землю. Не столько документами, сколько всеобщимъ голосомъ города, особенно его „дидовъ“, мѣщане ссылались на то, что эта земля изстари принадлежала имъ и только въ недавнее время отнята у нихъ всесильными прежде кн. Любомирскими. Вѣра въ это право города на землю была такъ крѣпка среди горожанъ, что они не могли равнодушно смотрѣть, какъ ихъ собственностію безнаказанно пользовались поссесоры Довмонтовки. Прекрасный строевой лѣсъ и богатые сѣнокосы въ Пасѣчискахъ (такъ называлась спорная земля), дѣйствительно, представляли весьма лакомый кусочекъ, который ревниво оберегался поссесорами отъ покушеній мѣщанъ. Пока сами Любомирскіе владѣли своимъ „староствомъ“, мѣщане не рѣшались заводить процесса съ могучими панами. Но когда старостинскія

имѣнія перешли въ поссесію Залѣсскаго, городъ рѣшился предъявить права на свое давнее владѣніе.

Залѣсскій стойко отстаивалъ спорную землю и употреблялъ всѣ усилія удержать ее за собою. Начались ухаживанія за мѣстной администраціей... Залѣсскій великодушно уступилъ исправнику Краснику старостинскій дворъ въ Сквирѣ, не требуя за то никакой платы, такъ какъ находилъ неприличнымъ, чтобы представитель власти шатался по неудобнымъ мѣщанскимъ и жидовскимъ хатамъ....

Мѣщане хорошо видѣли куда клонится дѣло и на чьей сторонѣ можетъ быть тутъ побѣда. Дѣло ихъ еще не доходило до суда и находилось пока въ рукахъ администраціи. Опасаясь, что Красникъ постарается все сдѣлать въ пользу Залѣсскаго и Поляновскаго, мѣщане рѣшились фактически показать свои права на спорную землю. Для этого они прибѣгли къ нерѣдкому тогда пріему: въ іюлѣ 1797 г. подъ предводительствомъ бургомистра Власенка они сдѣлали „наѣздъ“ на довмонтовскій лѣсъ, нарубили нѣсколько возовъ лѣса и покосили часть сѣнокоса.

Поляновскій немедленно пожаловался Краснику, а тотъ отписалъ о томъ въ Кіевъ. Въ сентябрѣ того же года кіевское губернское правленіе предписало Краснику выдать Залѣсскому „отдаточный листъ“ на временное владѣніе спорною землею, пока дѣло не рѣшится судомъ. Городу было предоставлено „право иска гдѣ слѣдуетъ“ и запрещено „входить во владѣніе“.

Хотя это было временное распоряженіе администраціи и городъ сейчасъ же перенесъ дѣло въ судебныя учрежденія, но мѣщане сильно пріуныли, опасаясь за благополучный для нихъ исходъ процесса. Неудовольствіе и противъ городскихъ властей, и противъ поссесоровъ Довмонтовки все болѣе и болѣе росло и грозило перейти въ открытую вражду. Не доставало пока только искры, чтобы зажечь этотъ пожаръ... Но скоро она нашлась.

Спорная земля лежала въ сосѣдствѣ, межа съ межою, съ городскимъ лѣсомъ, которымъ мѣщане владѣли безспорно. Пользуясь этимъ послѣднимъ, они невольно каждый разъ заглядывались и на сосѣдній лѣсъ, который всегда считали своею собствен-

ностью. Начались порубки деревьевъ въ спорномъ лѣсу, скашиваніе тамъ сѣна, выпускъ туда скотины на пастьбу и т. п.

Поляновскій, понятно, не дремалъ, а боролся съ мѣщанами ихъ же оружіемъ, но съ гораздо большимъ нахальствомъ, надѣясь на покровительство властей. Если мѣщане тащили изъ спорнаго лѣса нѣсколько деревьевъ, или подбирали тамъ „форостъ", Поляновскій приказывалъ своимъ крестьянамъ нарубить въ городскомъ лѣсу нѣсколько возовъ дровъ или захватить на городскомъ сѣнокосѣ нѣсколько „копиць" сѣна. Мѣщане страшно возмущались такимъ образомъ дѣйствій Поляновскаго: если они и самовольничали, то вѣдь въ томъ лѣсу, который считали своею собственностію, а Поляновскій завѣдомо покушался на чужую собственность, на которую не имѣлъ ни малѣйшаго права. Жалобы на него магистрата, приносимыя исправнику и городничему, не имѣли никакого успѣха.

Возбужденіе обѣихъ сторонъ увеличивалось. Такъ дѣло тянулось всю осень и зиму 1797—8 г. Къ веснѣ отношенія совсѣмъ обострились и 31 марта разразились открыто непріязненными дѣйствіями. Нахальство Поляновскаго и открытая поддержка его администраціей города раздули дѣло до степени явнаго „бунта"...

III.

Рано утромъ 31 марта Поляновскій выслалъ изъ Довмонтовки своихъ крестьянъ на рубку дровъ, приказавши имъ произвести ее не въ своемъ, а въ городскомъ лѣсу. Онъ былъ раздраженъ тѣмъ, что, проѣзжая наканунѣ вечеромъ мимо спорнаго лѣса, замѣтилъ 2 мѣщанъ, рубившихъ тамъ деревья. Поссесоръ погнался за ними, но догнать не могъ. Въ досадѣ онъ пригрозилъ имъ въ догонку, что завтра прикажетъ нарубить въ городскомъ лѣсу 100 „фуръ" дровъ!... Конечно, этой угрозы онъ не могъ исполнить и вмѣсто 100 фуръ 31 марта выѣхало только 8 фуръ.

Выѣхавши еще до разсвѣта, они безъ всякой помѣхи успѣли 2 раза отвезти на поссесорскій дворъ въ Довмонтовку по

8 фуръ дровъ. Въ третій разъ они отправились въ лѣсъ съ самимъ Поляновскимъ, но только что наложили фуры дровами и хворостомъ, какъ нагрянула туда толпа мѣщанъ подъ предводительствомъ самого головы Ѳ. Закутнаго и бургомистра Кондратенка и въ сопровожденіи поручика Самойлова. Дѣло сразу приняло острый оборотъ.

Угроза, пущенная Поляновскимъ наканунѣ, стала въ тотъ же вечеръ извѣстна головѣ и мѣщанамъ. Голова приказалъ городскому лѣсничему Никифору Возному въ оба глаза оберегать лѣсъ и немедленно донести ему, какъ только пріѣдутъ туда люди Поляновскаго. Всю ночь лѣсничій не спалъ, а рано утромъ, какъ только пріѣхали въ лѣсъ довмонтовцы, самъ побѣжалъ къ головѣ и доложилъ о происшедшемъ.

Закутный немедленно отправилъ къ городничему секретаря Твердянскаго съ жалобой, что Поляновскій рубитъ городской лѣсъ, и съ настоятельной просьбой остановить эту рубку. Городничій не могъ лично ѣхать за городъ, потому что былъ занятъ отправкою срочной почты въ Кіевъ, да и не хотѣлъ впутываться въ это непріятно дѣло, а потому вмѣсто себя отправилъ туда поручика Самойлова, позволивши ему взять съ собою 1 солдата и 1 рекрута. Уже за городомъ эта небольшая команда догнала Закутнаго съ большою толпою мѣщанъ, спѣшившихъ къ городскому лѣсу въ Пасѣчискахъ, гдѣ уже въ 3-й разъ наполнялись дровами фуры Поляновскаго.

Когда толпа прибыла на мѣсто рубки и узнала, что уже 16 фуръ отвезены въ Довмонтовку, она страшно заволновалась и грозно стала надвигаться на небольшую группу крестьянъ. Поляновскій, бывшій верхомъ, какъ и двое его дворовыхъ людей, порядкомъ струхнулъ при видѣ возбужденной толпы. Однако, онъ нѣсколько успокоился, увидѣвши Самойлова, и смѣло подъѣхалъ къ Закутному, напустившемуся на поссесора за его вызывающія дѣйствія.

Самойловъ велѣлъ прекратить рубку лѣса, а нарубленный хворостъ оставить на мѣстѣ, до распоряженія городничаго. Поляновскій началъ протестовать, нахально увѣряя, что онъ рубитъ не въ городскомъ, а въ „старостинскомъ лѣсу“, отданномъ

ему въ поссессію. Поручикъ повѣрилъ ему и разрѣшилъ ѣхать съ лѣсомъ домой, а голову сталъ упрекать, что онъ напрасно потревожилъ его...

Это взорвало Закутнаго. Онъ крикнулъ своимъ: „вертайте фуры до города!... тамъ насъ робзеруть“...

Мѣщане бросились къ фурамъ и стали поворачивать воловъ. Довмонтовцы попробовали было остановить, ихъ, но были смяты толпою. „Разъяренный до крайности“, народъ сталъ ихъ бить, крестьяне не выдержали и всѣ разбѣжались, кромѣ Гната Артемчука, оставшагося подлѣ своей подводы. Подъ конвоемъ мѣщанъ фуры съ хворостомъ, топорами и пр. тронулись въ городъ.

Двухъ верховыхъ народъ сбросилъ съ коней, которыхъ также захватилъ и повелъ въ городъ. Подступали было и къ Поляновскому, хотѣли и его стащить съ коня, но Самойлову удалось отстоять его и панъ поссесоръ немедленно поскакалъ въ Сквиру къ исправнику.

Самойловъ пытался было остановить расходившихся мѣщанъ, но его не слушали, да и голова посовѣтовалъ ему: „мовчить-бо... знаемъ, що робымо“... Самойлову ничего не оставалось дѣлать, какъ обогнать толпу и ближайшею дорогою отправиться въ городъ, съ донесеніемъ къ городничему.

Толпа, плотно окруживши свою добычу, медленно подвигалась туда же, предшествуемая головою.

Въ городъ эта процессія съ фурами направилась къ зданію земскаго повѣтоваго суда, гдѣ „возный“ Александръ Нелепецъ „чинилъ осмотръ“ захваченныхъ подводъ, описалъ все и оцѣнилъ, въ присутствіи свидѣтелей шляхтичей Янскаго и Богатко. Затѣмъ, по приказу „повѣтоваго писаря“ Конопацкаго, возный отдалъ подводы головѣ „впредь до востребованія“, при чемъ объявилъ, что забранный скотъ мѣщане могутъ держать у себя „до трехъ дней“.

Соблюдя эту формальность, голова приказалъ бургомистру Кондратенку поставить фуры во дворѣ мѣщанина Василенка, а самъ съ „славетнымъ судьею“ Иваномъ Петренкомъ и съ 2 другими мѣщанами отправился къ городничему.

У Никитина Закутный засталъ уже и Самойлова и Поляновскаго, явившагося вмѣстѣ съ „экономомъ“ Залѣсскаго, шляхтичемъ Францишкомъ Добровольскимъ. Всѣ они вмѣстѣ съ городничимъ напустились на голову, обвиняя его въ „ограбленіи“ Поляновскаго... Голова стойко доказывалъ неправоту поссессора и свое право принять мѣры къ охранѣ городской собственности. Произошелъ споръ. „Славетный судья“ Петренко горячо замѣтилъ между прочимъ:

— Я стративъ на цее дило уже 500 рубливъ, и ище страчу, хочъ и остатню хату свою продамъ, а докажу свое: не будете володиты мищанскою землею!...

Городничій принялъ сторону Поляновскаго и грубо приказалъ головѣ вернуть „пограбленное“... Голова ничего не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ на него и, видимо сдерживаясь отъ рѣзкаго отвѣта, молча повернулся и вышелъ отъ городничаго вмѣстѣ съ Петренкомъ и товарищами.

Городничій былъ такъ увѣренъ въ исполненіи своего требованія, что не принялъ никакихъ мѣръ къ провѣркѣ дальнѣйшихъ дѣйствій головы.

Поляновскій съ Добровольскимъ спокойно разъѣхались по домамъ.

Между тѣмъ голова вовсе не думалъ исполнить требованіе городничаго, и фуры преспокойно простояли во дворѣ Василенка, подъ карауломъ особо наряженныхъ мѣщанъ, весь остатокъ 31 марта и слѣдующую ночь.

Среди мѣщанъ было много разговоровъ о событіи этого дня. Всѣ обвиняли и Поляновскаго, и городничаго, и твердо стояли на томъ, чтобы не уступать ихъ незаконнымъ требованіямъ, а въ случаѣ нужды довести дѣло до кіевскихъ властей. „Славетнаго судью“ Петренка уговаривали ѣхать въ Кіевъ и выступить тамъ на защиту попираемыхъ правъ города...

IV.

Настало 1 апрѣля, (въ четвергъ), оказавшееся очень чреватымъ событіями.

Утромъ было въ городѣ спокойно. Всѣ власти какъ будто забыли о вчерашнемъ происшествіи и ничего не предпринимали. Но около 3 часовъ дня явился къ исправнику Поляновскій и заявилъ, что своихъ фуръ и скота онъ не получалъ и доселѣ. Красникъ немедленно приказалъ городничему принять „должныя мѣры", чтобы побудить голову отдать все требуемое Поляновскому. Никитинъ опять отрядилъ поручика съ небольшою командою—„возвратить грабежъ".

Самойловъ отправился во дворъ мѣщанина Василенка. Явившіеся туда довмонтовскіе крестьяне запрягали воловъ въ фуры, взяли 2 захваченныхъ вчера лошадей Поляновскаго и, подъ прикрытіемъ поручика съ командою, двинулись къ дому Добровольскаго, эконома пана Залѣсскаго. Но только что этотъ обозъ выѣхалъ на улицу, какъ на встрѣчу ему изъ переулка показалась значительная толпа мѣщанъ, во главѣ которой были голова, „городовой староста", гласный Рижукъ, Пашкевичъ, Янскій и др.

Утромъ въ тотъ день голова ѣздилъ въ Пасѣчиска, вмѣстѣ съ повѣтовымъ возным Александромъ Нелепцомъ, городовымъ старостою и шляхтичами Янскимъ и Богаткомъ осматривать „шкоду", надѣланную наканунѣ Поляновскимъ въ городскомъ лѣсу. Возный долженъ былъ сдѣлать опись порубки, для представленія ея въ повѣтовый судъ. Для этого требовалось присутствіе на мѣстѣ обѣихъ сторонъ. Послали старосту и Богатка въ Довмонтовку за Поляновскимъ, но его не оказалось дома: онъ уѣхалъ въ Сквиру хлопотать о своихъ фурахъ.

Тогда голова и остальные отправились обратно въ городъ. Голова пошелъ въ повѣтовый судъ, чтобы предъявить тамъ Поляновскому „позовъ" къ суду. Но только что Закутный расположился здѣсь, какъ прибѣжали караулившіе фуры мѣщане и дали ему знать, что поручикъ забираетъ скотъ и фуры со двора Василенка...

Голова побѣжалъ туда, вмѣстѣ съ городовымъ старостою и другими бывшими съ нимъ въ судѣ лицами. Дорогою присоединился къ нимъ Пашкевичъ и стали подбѣгать мѣщане, случайно узнавшіе о дѣйствіяхъ поручика, такъ что ко двору Василенка, когда выходилъ оттуда обозъ, подбѣжала толпа человѣкъ въ 50,

между тѣмъ какъ у поручика было не болѣе 10 солдатъ, считая здѣсь и рекрутъ.

Довмонтовскіе крестьяне, увидѣвши надвигавшуюся толпу и ея угрожающія движенія, и вспомнивши вчерашнее побоище въ лѣсу, невольно остановили своихъ воловъ. Поручикъ закричалъ на нихъ, приказывая ѣхать далѣе. Но крестьяне замялись и не трогались съ мѣста. Къ воламъ подскочили солдаты, стали тормошить и воловъ, и погонщиковъ, но нагрянувшая толпа мѣщанъ остановила ихъ попытки, плотно окруживъ фуры.

У передней фуры суетился взволнованный поручикъ Самойловъ, растеравшійся и незнавшій, что ему дѣлать.

На него, не успѣвшаго еще хорошенько обдумать свое положеніе и взять надлежащій тонъ, налетѣлъ продравшійся сквозь толпу голова, такой же взволнованный, какъ и самъ поручикъ.

— Чого ты лизешъ?... це не твое дило!—накинулся Закутный на поручика.

— Какъ не мое дѣло!?... мнѣ городничій приказалъ!... Отстоによる
ронись, дай дорогу...

— Покажы бумагу городнычого!

— Нѣтъ у меня бумаги! Пусти съ дороги!

— Не пущу, докы не даси предпысанія... Намъ судъ повитовый виддавъ воливъ...

— Берите его!—крикнулъ Самойловъ солдатамъ.

— Колы власть маешь—бый мене!—отвѣчалъ Закутный.

Солдаты бросились было къ головѣ, но мѣщане не допустили ихъ, оттиснули отъ головы и втащили въ толпу. Около поручика и головы образовалось пустое пространство...

Толстый голова не могъ стоять на мѣстѣ и все подвигался къ худощавому поручику, прижавшемуся къ воламъ первой фуры, у которой происходила вся эта сцена. Наконецъ, поручикъ не выдержалъ, „пришелъ въ великій азардъ“ и, кинувшись на голову, нѣсколько разъ *ударилъ* его...

Голова схватилъ Самойлова за мундиръ на груди, встряхнулъ его нѣсколько разъ и, прижавъ къ воламъ, приговаривалъ.

— Жывы, колы живешъ!... чортъ бы побравъ твою матиръ!... ижъ хлибъ, колы хочешъ!...

Пашкевичъ, Янскій и др. бросились разнимать остервенѣвшихъ противниковъ и съ трудомъ оттащили голову отъ поручика.

Противниковъ растащили въ разныя стороны и оба они, опомнившись, стали приходить въ себя; но голова не забылъ своего главнаго дѣла и сейчасъ же сталъ приказывать мѣщанамъ заворачивать воловъ опять во дворъ Василенка.

Поручикъ снова закипятился, попробовалъ было опять взять начальническій тонъ и сталъ отталкивать мѣщанъ отъ фуръ. Но голова грозно на него прикрикнулъ:

— Не лизь, бо багато биды буде!...

Поручикъ отретировался къ городничему. Мѣщане дали ему дорогу и отпустили всѣхъ людей его команды.

Мѣщане торжествовали. Фуры опять вернулись во дворъ Василенка. Довмонтовскихъ крестьянъ голова прогналъ, а у фуръ поставилъ усиленный караулъ, велѣлъ запереть ворота и никого не впускать, въ случаѣ же посылки отъ городскихъ властей—немедленно дать знать ему. Самъ же Закутный съ бывшими тутъ членами магистрата и думы немедленно отправился въ магистратъ, приказавши Пашкевичу собрать туда, на засѣданіе, и остальныхъ членовъ, какіе случатся въ городѣ.

V.

„Въ великомъ разстройствѣ и огорченіи“ вернулся поручикъ Самойловъ къ городничему, съ отчетомъ о полной неудачѣ своей миссіи.

Вѣсть о новомъ скопищѣ мѣщанъ и стычкѣ головы съ Самойловымъ быстро облетѣла городъ и взволновала его администрацію.

Власти поняли, что дѣло начинается очень серьезное...

У городничаго стали собираться чиновники и дворяне. Пріѣхали сюда: исправникъ Красникъ, уѣздный казначей Урманскій, почтмейстеръ Постоленко, приставъ провіантскаго магазина корнетъ Петръ Стефанскій, коммиссаръ Кобылинскій, Поляновскій, Добровольскій и др. Разсказъ явившагося Самойлова однихъ

напугалъ, другихъ озлобилъ противъ мѣщанъ, но на всѣхъ вообще произвелъ сильное впечатлѣніе и всѣхъ заставилъ призадуматься.

Поручикъ разсказывалъ, что за все время своей службы „никогда и ни отъ кого такъ безвинно обиженъ не былъ“, какъ сегодня — при исполненіи „сего посольства“... Голова и вообще вся толпа — говорилъ онъ—не вняли его „кроткимъ совѣтамъ“, отказались отдать скотъ и фуры, обругавъ его и бывшихъ съ нимъ солдатъ „наисильнѣйшимъ образомъ“. Мало того, голова схватилъ его за мундиръ и хотѣлъ бить... О томъ, что онъ первый нанесъ удары головѣ, Самойловъ умалчивалъ, въ заключеніе, говорилъ онъ, „при *снисхожденіи* его все дѣло якобы окончилось однимъ только ругапіемъ“...

Власти всполошились. Городничій, имѣя въ виду „*привычку* здѣшняго народа къ *ослушностямъ*“, настаивалъ на принятіи самыхъ энергичныхъ мѣръ, чтобы „какъ нибудь *ускромить*“ возбужденную толпу... Всѣ чиновники и шляхтичи поддерживали его, но исправникъ рѣшилъ испробовать еще въ послѣдній разъ какое-нибудь мирное средство. Рѣшено было послать за головою унтеръ-офицера („фурьера“) Лукьянова съ нѣсколькими солдатами и попросить Закутнаго къ городничему.

Лукьяновъ, съ 5 солдатами, отправился въ магистратъ, гдѣ въ это время собрались уже почти всѣ члены его и думы и обсуждались событія сегодняшняго утра и дальнѣйшія дѣйствія. Когда вошелъ туда Лукьяновъ и грубо потребовалъ, чтобы голова шелъ за нимъ къ городничему, Закутный наотрѣзъ отказался, въ чемъ поддержали его и всѣ присутствовавшіе. Голова велѣлъ передать городничему, что ждетъ отъ него письменнаго заявленія его требованій.

Лукьяновъ сталъ вѣжливѣе настаивать на своемъ и голова началъ, повидимому, поддаваться. Онъ понималъ, что нѣсколько далеко зашелъ въ своей борьбѣ съ властями и что въ стычкѣ съ Самойловымъ онъ велъ себя не совсѣмъ безупречно... Но общее настроеніе собравшихся горожанъ совсѣмъ противорѣчило этому пробудившемуся у Закутнаго голосу благоразумія. Подъ вліяніемъ этого настроенія Закутный быстро подавилъ свое доб-

родушное настроеніе и снова отказался слѣдовать за Лукьяновымъ...

Общій говоръ засѣдавшихъ въ магистратѣ поддерживалъ въ Закутномъ его рѣшеніе не итти къ городничему. Особенно убѣдительно въ этомъ смыслѣ повліяла на голову рѣчь Пашкевича, обращенная къ Лукьянову:

— Мы не знаемъ городнычого, не слухаемъ его и слухаты не хочемо! Нихто до ёго не пиде, не треба!... Нехай винъ самъ до насъ прыде... мы ему покажемо!... Городнычый повыненъ доглядаты вулыцы, щобъ було тамъ усе чысто, а до насъ ему ніякого нема дила: у насъ свій магыстратъ... Ось наши командыры— и наши городнычи!... Мы ихъ поважаемо... а тамъ уси—и городнычый, и справныкъ, и поручыкъ—уси злодіи!... Не боимось мы ихъ и знать не хочемо!...

Лукьяновъ попробовалъ опять подѣйствовать угрозами—говорилъ, что силою возьметъ голову и поведетъ къ городничему.

Но голова закричалъ на него:

— Не смієшъ тутъ мене браты!... тутъ я началныкъ!... Вонъ!...

Мѣщане зашумѣли, нѣкоторые подскочили къ Лукьянову и солдатамъ и стали ихъ выгонять. Лукьяновъ уступилъ и, выйдя изъ магистрата съ своей командой, поспѣшилъ къ городничему.

Тамъ его ожидали съ нетерпѣніемъ. Гостепріимный Никитинъ въ ожиданіи Лукьянова изрядно угостилъ своихъ гостей домашней наливкой. Гости повеселѣли и смѣло выслушали разсказъ Лукьянова. Подъ вліяніемъ наливки и Красникъ, и всѣ порѣшили дѣйствовать поэнергичнѣе—идти самимъ въ магистратъ, подъ прикрытіемъ команды солдатъ и рекрутъ. Пока собирали ихъ и принимали на всякій случай другія мѣры, приблизился вечеръ. И только въ сумерки отправилось въ магистратъ то шествіе властей города „зъ військомъ“, о которомъ мы разсказали въ началѣ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу о „нападеніи“ (какъ говорили мѣщане) сквирскихъ властей на магистратъ.

VI.

Когда исправникъ, городничій, поручикъ и Поляновскій, сопровождаемые солдатами и рекрутами, вошли въ магистратъ, все собраніе сидѣло или стояло тамъ очень чинно, напряженно вглядываясь въ возбужденныя лица вошедшихъ и подавляя собственное волненіе.... Городничій обогналъ шедшихъ впереди Красника и Самойлова, подлетѣлъ къ столу и злобно закричалъ на голову:

— Почему не отдаешъ воловъ?...

Голова приподнялся со стула, облокотился обѣими руками о столъ и учтиво спросилъ, какъ бы не разслышавши:

— Що кажете, добродію?

Городничій, словно передразнивая позу головы, также оперся руками о столъ и, наклонившись къ стоявшему напротивъ Закутному, продолжалъ кричать:

— Я тебя звалъ къ себѣ, почему ты не пришелъ? Зачѣмъ ты собралъ ночью это скопище?... Почему не возвращаешь воловъ?...

— Дай мени на бумази предпысаніе...

— Якого тоби бисового батька предпысанія! Хыба не знаешъ, с... с..., що я городнычый: я тоби прыказую, ты долженъ меня слушать, с... с...! Я требую, чтобы это скопище розошлось! Зачимъ собрались сюда оціи злодіи?!...

Мѣщане взволнованно зашумѣли, стали приподыматься... Голову взорвали эти ругательства городничаго и онъ, не помня себя, закричалъ въ отвѣтъ ему:

— Ты брешешъ! якый ты отутъ городнычий надъ намы?... мы тебе не знаемо... самъ чортъ тебе поставывъ!...

— А—а!... берите его!—крикнулъ городничій солдатамъ. Тѣ бросились, но впопыхахъ вмѣсто головы схватили за волосы стоявшаго около Закутнаго гласнаго Уласа Рижука, смяли его подъ себя и принялись бить... Голова бросился къ нему на помощь, ударилъ палкою одного, другаго солдата. Тѣ бросили Рижука и накинулись на голову... Всѣ мѣщане закричали, вскочили съ мѣстъ и бросились къ столу. Одни схватились съ солдатами,

бившими голову и Рижука, другіе принялись за остальныхъ солдатъ и рекрутъ. Началась всеобщая свалка...

Начальство сгруппировалось у стола и подбадривало солдатъ и рекрутъ...

Секретарь Твердянскій подбѣжалъ къ городничему и уговаривалъ его остановить побоище. Никитинъ отстранилъ его, съ сердцемъ говоря:

— Пойди прочь! и тебя буду бить!... За все отвѣчаю!...

Твердянскій бросился въ другую комнату, опасаясь, что потушатъ свѣчи и пойдетъ такая свалка, въ которой никого не будутъ разбирать... Никитинъ подскочилъ къ бившемуся съ солдатами головѣ, самъ *ударилъ* его нѣсколько разъ палкою по плечамъ и закричалъ:

— Тащить його вонъ, пидъ калавуръ!...

Солдаты потащили было Закутнаго, но тотъ вырвался отъ нихъ, упалъ на землю съ крикомъ: „гвалтъ! ратуйте!"... и цѣпко ухватился за ножку стола. Солдаты накинулись на него, мѣщане бросились на солдатъ... Все смѣшалось въ одну кучу. Въ жаркой схваткѣ какъ то перевернули „присутственный столъ"; лежавшіе на немъ законы, указы и другія бумаги—все полетѣло на полъ, чернило полилось на книги, бумаги и на лица дравшихся... Сукно, покрывавшее столъ, было изорвано въ клочки...

Ревностный „регистраторъ" магистрата Пашкевичъ, деселѣ не принимавшій прямаго участія въ схваткѣ, возмутился такимъ безпорядкомъ и закричалъ исправнику:

— Ваше высокоблагородіе! на що вы законы разбрасываете?!...

Исправникъ, державшій себя вообще довольно спокойно, вспылилъ и крикнулъ солдатамъ:

— Берить Пашкевича! тащить його пидъ калавуръ!...

Солдаты схватили того. Пашкевичъ сорвалъ саблю съ ножнами у одного солдата и принялся ею отмахиваться отъ нападавшихъ, а затѣмъ кинулся на ругавшаго его городничаго и хотѣлъ его ударить. Но Никитина защитили 2 солдата, принявшіе на себя удары Пашкевича. Съ трудомъ отняли у него саблю, совершенно оборвавши его мундиръ.

И вездѣ, въ разныхъ углахъ „магистратской избы“ шли схватки отдѣльныхъ кучекъ мѣщанъ съ солдатами. Крики, стоны, ругань, звуки ударовъ, трескъ падающей мебели, звонъ разбиваемыхъ стеколъ—стояли въ воздухѣ... Въ свалкѣ большая часть свѣчей потухла и люди копошились въ полумракѣ...

Исправника давно уже подмывало уйти отсюда, такъ какъ онъ сознавалъ что теперь не образумить ему освирѣпѣвшей толпы, почему и поспѣшилъ кое-какъ продраться сквозь толпу на крыльцо къ оставшемуся тамъ резерву, съ трудомъ сдерживавшему напоръ стоявшей на улицѣ толпы.

Поляновскій еще раньше, въ самомъ началѣ схватки, удралъ изъ магистрата чрезъ заднее крыльцо и поспѣшилъ спрятаться въ квартирѣ городничаго, гдѣ и ждалъ вѣстей.

Въ магистратѣ остались только Никитинъ и Самойловъ, энергично продолжая тамъ распоряжаться по своему. Мѣщанамъ какъ-то удалось извлечь своего избитаго и окровавленнаго голову изъ-подъ стола и отвести въ сосѣднюю избу канцеляріи, гдѣ пріютились почти всѣ ея чины и стороннія лица. Одинъ только Пашкевичъ продолжалъ оставаться въ главной избѣ и руководить дѣйствіями мѣщанъ. Но головѣ не сидѣлось въ канцеляріи: выпивши кружку воды и передохнувши нѣсколько минутъ, онъ, несмотря на уговариванія Твердянскаго, Янскаго, Дмитревича и др., опять побѣжалъ въ главную избу, гдѣ, однако, благоразумно не полѣзъ въ самую схватку, а вскочивши на стоявшую у входа въ канцелярію лавку, издали распоряжался оттуда ходомъ сраженія. Подлѣ него собрались бургомистры, ратманы, судьи и проч.

Городничему сильно хотѣлось взять въ плѣнъ голову и онъ снова послалъ въ аттаку на него нѣсколькихъ солдатъ, предводимыхъ самимъ поручикомъ. Но аттака была отбита подоспѣвшимъ Пашкевичемъ съ мѣщанами. До головы солдаты такъ и не добрались, но вырвали изъ среды окружавшихъ его одну жертву—ратмана Мельника и потащили его къ выходу. Однако старостѣ Константиненку и другимъ мѣщанамъ удалось отбить Мельника.

Вообще, побѣда видимо стала клониться на сторону горожанъ... Городничій и поручикъ увидѣли, что ихъ солдаты и рекруты очень ослабѣли. Солдаты „штатной команды“ были по большей части люди пожилые—въ возрастѣ отъ 40 до 60 лѣтъ; имъ трудно было бороться съ здоровымъ мѣщанствомъ. Больше помощи оказывали властямъ рекруты. Но они еще не прониклись духомъ воинской дисциплины и какъ то неохотно и неумѣло дрались за невѣдомые имъ и непонятныя интересы Поляновскаго... Да и тѣхъ и другихъ—солдатъ, и рекрутъ—было меньше, чѣмъ мѣщанъ.

Городничій скоро замѣтилъ, что большая часть его рати оттиснута къ выходу... Приходилось думать объ отступленіи. Но этого ему не хотѣлось и онъ еще разъ воззвалъ къ энергіи своей команды. Однако, всѣ послѣднія усилія ея не могли взять верхъ надъ мѣщанами. Они дружно налегли на солдатъ и рекрутъ и армія городничаго пришла въ полное разстройство. Въ пылу боя многіе мѣщане стали налетать на самого городничаго и поручика и едва удерживались отъ рукопашной схватки съ ними. Тѣ поняли, что авторитетъ ихъ власти окончательно палъ въ глазахъ толпы, явно возмущенной всѣми ихъ дѣйствіями, и что пора подумать о спасеніи своихъ персонъ отъ негодующей толпы... Самойловъ поспѣшилъ убѣдить городничаго, что пора подумать объ отступленіи.

Отступать же было трудно: приходилось проходить чрезъ узкія магистратскія сѣни, густо набитыя народомъ, также лѣзшимъ въ драку съ солдатами. Сзади налегали засѣдавшіе въ магистратѣ, съ удвоенной энергіей выталкивая отступавшихъ солдатъ и рекрутъ. Дѣло могло бы принять очень дурной оборотъ, если бы стоявшій на крыльцѣ съ своею командою исправникъ не догадался помочь отступавшимъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему очистить сѣни отъ наполнявшихъ ихъ мѣщанъ и соединиться съ городничимъ и поручикомъ и ихъ сильно пострадавшими и въ конецъ измученными солдатами... На свѣжемъ воздухѣ они нѣсколько пришли въ себя и принялись продолжать свое дѣло...

Хотя по требованію исправника прибыло новое подкрѣпленіе изъ солдатъ и рекрутъ (солдаты даже были съ карабинами), и силы администраціи стали превосходить силы мѣщанъ, бывшихъ въ магистратѣ, но никто уже не рѣшался и думать о новой аттакѣ. Всѣ знали, какъ это трудно, особенно въ виду стоявшей около и все болѣе и болѣе прибывавшей, сильно возбужденной толпы мѣщанъ. Приходилось подумать о другихъ мѣрахъ.

VII.

Прежде всего принялись за сидѣвшихъ въ магистратѣ. Чтобы они не ушли оттуда, пользуясь темнотою, исправникъ съ городничимъ порѣшили всѣхъ ихъ подвергнуть аресту въ самомъ магистратѣ. Всѣ двери его были наглухо забиты, „оконницы“ подперты „колодами“, на улицѣ и со двора вокругъ всего зданія поставлено около 50 караульныхъ—солдаты съ карабинами, а рекруты съ дручьемъ. Строго на строго было приказано имъ никого не впускать и не выпускать изъ магистрата.

Пока Самойловъ устанавливалъ эти караулы, Красникъ и Никитинъ занялись толпою на улицѣ. Приказавши двумъ прибывшимъ барабанщикамъ бить тревогу, Красникъ подошелъ затѣмъ къ отброшенной отъ крыльца толпѣ и сталъ ее уговаривать, чтобы она расходилась по домамъ. Толпа молчала, передніе ряды тихо отодвигались отъ исправника, какъ бы желая исполнить его требованіе, но задніе стояли недвижною стѣной и не пропускали переднихъ. Оттуда, изъ заднихъ рядовъ, послышался какой-то невнятный сначала говоръ, мало по малу перешедшій въ крики. Слышалось: „не розійдемось, докы не побачымо головы и нашыхъ старыковъ“!...

Исправникъ пробовалъ грозить, увѣряя толпу, что онъ уже послалъ курьера въ Кіевъ, откуда придетъ цѣлый полкъ съ пушками, станутъ-де стрѣлять въ народъ... Но эта угроза не показалась мѣщанамъ страшною и они продолжали стоять на мѣстѣ... Грозилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что сейчасъ прикажетъ стрѣлять, но въ отвѣтъ услышалъ ироническіе возгласы заднихъ рядовъ на счетъ малочисленности его команды...

Исправникъ отошелъ къ городничему, сидѣвшему на крыльцѣ, передалъ все дѣло въ руки его—Никитина, объявивъ послѣднему, что идетъ домой писать въ Кіевъ и посылать туда эстафету. Уходя, Красникъ настоятельно просилъ Никитина не прибѣгать къ стрѣльбѣ, а дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ. Городничій и самъ былъ того же мнѣнія, зная хорошо, что стрѣльба немногочисленной команды не произведетъ „должнаго эффекта" и только еще болѣе раздразнитъ толпу, и безъ того достаточно возбужденную...

Исправникъ одинъ пошелъ домой, смѣло пробираясь сквозь толпу и продолжая уговаривать ее, чтобы она расходилась. Его любили въ городѣ за добродушіе и ласковое обхожденіе и свободно пропустили, не тронувши и словомъ.

Оставшійся на мѣстѣ городничій сразу измѣнилъ тактику исправника. Собравши около себя вооруженныхъ палками человѣкъ 20 солдатъ и рекрутъ, онъ внезапно ринулся съ ними на толпу и сталъ крушить направо и налѣво. Толпа загудѣла и быстро стала подаваться назадъ, а нѣкоторые со всѣхъ ногъ бросились бѣжать, преслѣдуемые командою. Впрочемъ, паника толпы, происшедшая вслѣдствіе неожиданности натиска, продолжалась недолго. Скоро народъ опомнился, сталъ напирать на нападающихъ и такимъ образомъ подвигаться къ магистрату.

Нѣсколько разъ городничій и поручикъ ходили въ аттаку на толпу и съ каждымъ разомъ толпа становилась озлобленнѣе и сама переходила въ наступленіе. Одного только и достигъ Никитинъ—очистилъ небольшое пространство передъ крыльцемъ магистрата, гдѣ ему удалось расположить главный караулъ—около 20 человѣкъ съ карабинами, и тѣмъ охранить главный входъ въ магистратъ. Аттаки на толпу онъ прекратилъ, но погрозилъ ей, что если она ринется на крыльцо, то онъ начнетъ стрѣлять. Этой угрозѣ толпа повѣрила, зная характеръ городничаго, и уже не предпринимала никакихъ покушеній прорваться въ магистратъ, ограничиваясь только переговорами съ запертыми тамъ. Эти переговоры сейчасъ же начались, какъ только измученный городничій куда-то на время отлучился, передавши команду у магистрата поручику Самойлову.

Какъ только городничій и поручикъ были „вытиснуты" изъ магистрата, всѣ сидѣвшіе тамъ весело торжествовали свою побѣду, зло подсмѣиваясь надъ неудачею противниковъ. Всѣ прильнули къ окнамъ, наблюдая, что предпримутъ дальше исправникъ и городничій. Нѣкоторые вскорѣ толкнулись къ выходамъ, но нашли ихъ, къ большому удивленію, запертыми и убѣдились, что неожиданно очутились въ положеніи арестованныхъ...

Вѣсть о томъ мигомъ облетѣла весь магистратъ и всѣхъ поразила. Всѣ призадумались, многіе порядкомъ струхнули и принялись искать лазеекъ изъ магистрата... Однако, уйти изъ магистрата никому не пришлось. Только болѣе робкимъ удалось попрятаться въ укромныхъ уголкахъ—на чердакѣ, въ комнатѣ сторожа и пр. Большинство же попрежнему оставалось въ „главной избѣ", облѣпивши окна на улицу, или группируясь около головы.

Особенно непріятно было положеніе попавшихъ сюда изъ любопытства стороннихъ чиновниковъ—Дмитревича и Гвоздѣвича. Они надѣялись, что городничій выпуститъ ихъ изъ магистрата, и завели объ этомъ переговоры съ нимъ въ окна. Но тотъ, озлобленный всѣмъ происшедшимъ, не обратилъ никакого вниманія на ихъ просьбы--особенно въ виду ихъ отношеній къ Пашкевичу, котораго онъ считалъ однимъ изъ главныхъ воротилъ „бунта".

Пашкевичъ, дѣйствительно, и теперь, когда магистратъ очутился запертымъ, не потерялъ присутствія духа; увидѣвъ, что многіе мѣщане пали духомъ, что даже голова нѣсколько пріунылъ, онъ сталъ разсѣевать неосновательные страхи, убѣждая, что ни стрѣльбы и никакихъ рѣшительныхъ мѣръ начальство не предприметъ, такъ какъ законъ на сторонѣ мѣщанъ... Нужно де только немедленно дать знать въ Кіевъ и высшее начальство пойметъ всю обиду, нанесенную магистрату, и остановитъ беззаконіе мѣстныхъ властей. Совѣтовалъ онъ также, на всякій случай, дать знать свободнымъ отъ ареста мѣщанамъ, чтобы тѣ были на сторожѣ и не упускали изъ виду своихъ осажденныхъ братій...

Эти рѣчи отрезвляюще подѣйствовали на болѣе робкихъ, а въ остальныхъ, не падавшихъ духомъ, возбудили еще большую энергію къ отстаиванію своихъ интересовъ. Голова и другіе избитые солдатами граждане, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученныхъ оскорбленій, всею душою поддержали ободряющія рѣчи Пашкевича и скоро настроеніе почти всего магистрата сразу поднялось...

Озлобленные мѣщане стали посылать въ окна угрозы караулившимъ ихъ солдатамъ и рекрутамъ. Слышались голоса: „не втечете вы видъ насъ! усихъ въ кускы порижемо"!...

Стоявшій въ толпѣ мѣщанинъ Гичка, наэлектризованный происходящимъ, съ угрожающими движеніями бросился къ крыльцу, гдѣ сидѣлъ поручикъ, и принялся ругать его и солдатъ. Поручикъ приказалъ его схватить. Солдаты взяли и повели Гичку въ тюрьму, сильно избивши его дорогою.

Одинъ изъ сидѣвшись въ магистратѣ мѣщанинъ крикнулъ толпѣ:

— Не бійтесь! ратуйте насъ!... Прыбувайте, бо воны всю ничь тутъ стоятымуть...

Изъ толпы послышались взволнованные голоса:

— Добре робыте... Не бійтесь, заразъ уси прыбудемо, не покынемо васъ!... Де одынъ гыне, нехай же тамъ и уси!...

Голова приказалъ мѣщанину Трегубенку вылѣзть съ магистратскаго чердака на крышу и кричать оттуда народу:

— Панове мѣщане! не розходьтесь! збирайтесь уси городомъ! не здаймось!...

Въ отвѣтъ ему неслось снизу:

— Не бійтесь! не выдамо васъ!...

Трегубенко продолжалъ:

— Рушайте до Кіева, до губернатора!... Подайте висть повитовому суду и пану возному...

Эти воинственные крики арестованныхъ и толпы подѣйствовали на собравшихся было къ магистрату любопытствующихъ чиновниковъ, шляхтичей и вообще городскую „интеллигенцію": она стала расходиться, особенно послѣ того, какъ на ея гла-

захъ разыгрался слѣдующій эпизодъ съ двумя изъ собравшихся тутъ чиновниковъ.

Молодые чиновники Павелъ Витонскій, бухгалтеръ сквирскаго уѣзднаго казначейства, и Яковъ Синеоковъ, регисстраторъ того же учрежденія, изъ любопытства подошли поближе, къ самимъ окнамъ магистрата, за линію караула, посмотрѣть, что дѣлается тамъ и особенно—въ какомъ положеніи находятся тамъ ихъ пріятели Дмитревичъ и Гвоздѣвичъ. Увидѣвши въ одномъ изъ растворенныхъ оконъ голову, они подскочили туда и Витонскій, какъ бы ничего не зная обо всемъ происшедшемъ, крикнулъ головѣ Закутному:

— Что это за шумъ и драка?

Синеоковъ подлилъ масла въ огонь, закричавши на голову начальническимъ тономъ:

— Какъ ты смѣлъ поднять такую тревогу?...

Голова, взбѣшенный нахальствомъ этихъ юнцовъ, не говоря ни слова, ударилъ Витонскаго своею окровавленною (во время стычки съ солдатами) палкою въ грудь, а кто-то изъ стоявшихъ подлѣ головы мѣщанъ — палкою же треснулъ по лбу Синеокова... Отъ неожиданности и испуга оба чиновника присѣли на землю подъ окнами, а потомъ вскочили и побѣжали, преслѣдуемые хохотомъ мѣщанъ.

Впослѣдствіи Витонскій жаловался слѣдственной коммиссіи не столько на ударъ, полученный имъ отъ головы, сколько на то, что Закутный своею окровавленною палкою „замаралъ его сюртукъ"...

Когда на другой день Витонскій проходилъ мимо магистрата и снова увидѣлъ въ окнѣ Закутнаго, то, остановившись на почтительномъ отъ окна разстояніи, спросилъ съ сердцемъ:

— Какъ ты смѣлъ вчера меня ударить?!...

— Чортъ тебе знае, чого ты вчора прыходывъ пидъ викно!— замѣтилъ голова.

Снова послышался хохотъ изъ магистрата и изъ стоявшей около толпы. Спорить съ головою при такой обстановкѣ показалось Витонскому неудобно и онъ, какъ разсказывалъ впослѣдствіи, почувствовавъ въ словахъ головы „крайнюю обиду и на

чести порокъ", ничего ему не отвѣтилъ и молча „удалился отъ него прочь"...

Возвратимся къ тому, что произошло въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля.

VIII.

Съ уходомъ чиновниковъ и шляхтичей, напуганныхъ эпизодомъ съ Витонскимъ и Синеоковымъ, у магистрата остались только мѣщане, да караулившіе солдаты и рекруты, съ поручикомъ Самойловымъ, присѣвшимъ отдохнуть на магистратское крыльцо. Поручика одолѣвала дремота и онъ заснулъ бы, если бы ему не мѣшали крики переговаривавшихся изъ магистрата арестованныхъ тамъ съ толпою и шумъ вновь подбѣгавшихъ къ толпѣ мѣщанъ.

Городъ видимо волновался въ виду всего происшедшаго... Никто, кажется, не спалъ въ эту ночь въ Сквирѣ. Кто не былъ на улицѣ, подлѣ магистрата, тѣ собирались по домамъ и дворамъ, и толковали о событіяхъ дня на всѣ лады. Всѣхъ волновала одна мысль—что будетъ дальше и чѣмъ все это закончится?... Было надъ чѣмъ задуматься и властямъ города и не разъ пожалѣть, что своими неправильными дѣйствіями они развили дѣло до такихъ крайнихъ предѣловъ, за которыми мерещились имъ Богъ знаетъ какія ужасныя перспективы...

Тѣмъ не менѣе власти не дремали. Исправникъ, придя домой изъ магистрата, сейчасъ же засѣлъ писать рапортъ кіевскому губернатору о „важномъ происшествіи, сего числа (1 апрѣля) ввечеру случившемся". Разсказавши о всѣхъ событіяхъ 31 марта и 1 апрѣля—конечно, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ обѣляя и себя, и городничаго съ поручикомъ, Красникъ всю вину взвалилъ на голову, Пашкевича и мѣщанъ и въ заключеніе доносилъ, что весь городъ въ волненіи, что мѣщане продолжаютъ „скрыто собираться въ партіи" и что ему „неизвѣстно—что далѣе послѣдовать можетъ"... Съ этимъ донесеніемъ полетѣлъ въ Кіевъ въ ту же ночь особый „нарочный", котораго исправникъ отправилъ „на свой коштъ".

Городничій въ это время былъ занятъ другимъ дѣломъ: онъ принималъ мѣры, чтобы не дать мѣщанамъ возможности послать съ своей стороны въ Кіевъ жалобы на властей. Необходимо было, что бы донесеніе исправника пришло въ Кіевъ раньше мѣщанскихъ жалобъ. По его мнѣнію слѣдовало, чтобы первые шаги губернатора въ этомъ дѣлѣ были бы сдѣланы подъ вліяніемъ рапортовъ начальства, а не жалобъ на его дѣйствія мѣщанъ, почему относительно послѣднихъ Никитинъ сталъ принимать такія мѣры, какъ будто бы Сквира находилась въ осадномъ положеніи. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ Сквиры, были разставлены караулы изъ солдатъ и рекрутъ; всѣ ворота на выѣздахъ были заперты, или закрыты рогатками; изъ города никого не выпускали—ни конныхъ, ни пѣшихъ. На главномъ выѣздѣ въ Кіевъ стоялъ усиленный караулъ въ 10 человѣкъ, съ унтеръ-офицеромъ Лукьяновымъ, посылавшимъ дозоры вправо и влѣво отъ дороги, по окраинамъ города, чтобы и пѣшіе люди не пробрались какъ нибудь по огородамъ и пустырямъ къ выѣзду изъ города. На другихъ выѣздахъ стояло меньше—по 2—3 человѣка, почему и надзоръ тамъ былъ слабѣе.

Устроивши это, Никитинъ принялся слѣдить въ городѣ за тѣми лицами, которыя могли бы отправиться въ Кіевъ. Такихъ лицъ было двое—бургомистръ Яковъ Кондратенко и „славетный судья" Иванъ Петренко. Имъ удалось уйти изъ магистрата въ тотъ моментъ, когда оттуда отступали городничій съ поручикомъ. Это были единственные, оставшіеся на свободѣ, представители мѣщанскаго общества,—по всѣмъ соображеніямъ, они должны были ѣхать въ Кіевъ.

Стали ихъ искать по всему городу и нигдѣ не могли найти—ни въ ихъ хатахъ, ни подлѣ магистрата, ни въ другихъ мѣстахъ. Это какъ будто провалились сквозь землю. Городничій распорядился поставить караулы подлѣ ихъ дворовъ. Особенно его интересовало не допустить поѣздки въ Кіевъ судьи Петренка—одного изъ вліятельнѣйшихъ лицъ среди горожанъ. Сѣдой благообразный старикъ, честный, неподкупный, открыто говорившій всѣмъ правду въ глаза, ревниво и умѣло отстаивавшій всегда и теперь особенно права мѣщанъ,—такой ходатай предъ лицемъ губерна-

тора, да еще хорошо знавшій всѣ грѣшки уѣздныхъ властей и умѣвшій краснорѣчиво поговорить, былъ очень опасенъ... Нужно было во что бы то ни стало городничему удержать Петренка въ Сквирѣ. Тѣмъ болѣе, что у того были отличные кони, на которыхъ онъ къ вечеру слѣдующаго дня могъ бы поспѣть въ Кіевъ (отъ Сквиры до Кіева—116 в.).

Но на бѣду ни Петренка, ни Кондратенка нигдѣ не находили разосланные повсюду гонцы... Искали ихъ и добровольцы изъ чиновниковъ и шляхтичей, охотно помогавшіе въ эту ночь городскимъ властямъ, но тоже безуспѣшно.

Въ этихъ поискахъ городничій особенно приказывалъ наблюдать и искать—„не пишетъ ли кто писемъ въ Кіевъ"... Въ этихъ же видахъ онъ прибѣжалъ на квартиру магистратскаго столоначальника Наума Гвоздѣвича и, не заставъ его дома и перерывъ у него всѣ ящики, столы, постель, отыскивалъ, повидимому, какихъ нибудь слѣдовъ писанія бумаги въ Кіевъ... Не найдя, ничего городничій сталъ расспрашивать прислугу Гвоздѣвича: „не писалъ ли онъ чего мѣщанамъ?" Тѣ отвѣчали, что „панъ какъ ушелъ къ магистрату, гдѣ былъ запертъ его братъ Яковъ, то и не возвращался еще оттуда"... На другой день городничій призвалъ къ себѣ Наума Гвоздѣвича и „устрашалъ" его, чтобы онъ не смѣлъ ничего писать „до Кіева"...

Однако, всѣ эти поиски городничаго ни къ чему не привели. Онъ упустилъ изъ виду, что главныя дѣятели магистратской канцеляріи—Твердянскій и Пашкевичъ—сидятъ въ магистратѣ, гдѣ имъ всего удобнѣе заняться писаніемъ донесенія. Дѣйствительно, какъ только въ магистратѣ нѣсколько поуспокоились, Твердянскій составилъ по всей формѣ „доношеніе" кіевскому губернатору отъ имени сквирскаго городоваго магистрата и думы. „Доношеніе" подписали Закутный, ратманъ Михайло Мельникъ, „гласный" Уласъ Рижукъ и „за секретаря" Петръ Твердянскій. Въ этомъ рапортѣ представители города, разсказавши о событіяхъ дня, жаловались на „неуваженіе" администраціи „къ присутственному мѣсту", къ законамъ и „указамъ Его Величества" и просили произвести разслѣдованіе дѣла не

чрезъ мѣстныхъ, заинтересованныхъ чиновъ, а чрезъ „особенныхъ губернскихъ чиновниковъ"...

Эту бумагу удалось передать изъ магистрата судьѣ Петренку черезъ „соцкого" Степана Носенка. Послѣдній все время вертѣлся у оконъ магистрата, ловко показывая видъ, будто онъ, какъ членъ полиціи, находится на сторонѣ городскихъ властей... Для видимости онъ принималъ участіе въ удаленіи народа отъ магистрата, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ поручика, а остальное время вертѣлся у оконъ, перешептываясь о чемъ-то съ сидѣвшими тамъ и мимоходомъ передавая мѣщанамъ какія-то приказанія изъ магистрата... Солдаты косо посматривали на него, но у нихъ и безъ того было не мало дѣла, такъ что никто не обратилъ особеннаго вниманія на то, что Носенко, очутившись разъ подлѣ окна, гдѣ стоялъ Пашкевичъ, схватилъ и спряталъ въ широкомъ рукавѣ своей свитки скомканную бумагу и стремглавъ полетѣлъ съ нею въ толпу... Этотъ неожиданный, неосторожный прыжокъ Носенка отъ окна въ толпу выдалъ его и обратилъ вниманіе поручика. Онъ приказалъ остановить Носенка. Солдаты бросились въ толпу искать его, но его и слѣдъ простылъ. Кто-то изъ солдатъ доложилъ поручику, что онъ замѣтилъ въ рукѣ Носенко что-то бѣлое... Поручикъ былъ внѣ себя отъ досады, что допустилъ такой промахъ.....

Между тѣмъ ловкій сотскій благополучно выбрался изъ толпы и полетѣлъ ко двору шляхтича Шимона Скорупки, гдѣ, какъ онъ зналъ, собрались Кондратенко и Петренко съ нѣкоторыми другими мѣщанами. Объ этомъ дворѣ Никитинъ совсѣмъ позабылъ въ своихъ поискахъ. А между тѣмъ, именно здѣсь, въ большомъ саду шляхтича, шло совѣщаніе мѣщанъ. Передавши имъ бумагу головы, Носенко побѣжалъ за своими лошадьми и скоро привелъ ихъ. Запрягли ихъ въ легкій возокъ Скорупки. Мѣщане попросили шляхтича вывести подводу „за рогатки", надѣясь, что патрули пропустятъ его, какъ не мѣщанина, Скорупка, по разнымъ своимъ дѣламъ близко стоявшій къ Закутному и другимъ мѣщанамъ, охотно согласился исполнить ихъ просьбу. Онъ сѣлъ въ возокъ и поѣхалъ къ одному (не главному) выѣзду изъ Сквиры, условившись съ ѣхавшими въ Кіевъ

Петренкомъ и Кондратенкомъ, что тѣ проберутся за городъ окольными путями и встрѣтятъ его въ сосѣднемъ лѣсу.

Выслушавши послѣднія напутствія мѣщанъ, послы ихъ тайно выбрались изъ города, перейдя въ бродъ неглубокую и неширокую рѣчку Сквиру.

Между тѣмъ Скорупку легко пропустили у одной рогатки знавшіе его солдаты. Они, впрочемъ, поинтересовались узнать, куда онъ ѣдетъ, и удовольствовались отвѣтомъ, что панъ направляется къ поссессору сосѣдняго села, своему пріятелю. Выѣхавши за рогатки, Скорупка въ условленномъ пунктѣ, въ лѣсу, встрѣтилъ Кондратенка и Петренка и посадилъ ихъ къ себѣ. Быстро покатили они впередъ, опасаясь погони изъ Сквиры.... Въ сосѣднемъ селѣ Скорупка, дѣйствительно, остался у своего пріятеля поссессора, а мѣщане выѣхали на почтовую дорогу и полетѣли въ Кіевъ, не жалѣя лошадей.

IX.

Вѣсть объ отъѣздѣ въ Кіевъ Петренка и Кондратенка мигомъ облетѣла мѣщанъ и значительно ихъ успокоила. Большинство стало расходиться по хатамъ, измученное всѣми треволненіями дня. У магистрата осталось не болѣе 20 мѣщанъ, положившихъ между собою караулить здѣсь до разсвѣта, когда должны будутъ прибыть на смѣну ихъ другіе, подкрѣпленные сномъ.

Однѣ женщины—матери, жены, сестры заключенныхъ въ магистратѣ—не думали расходиться, несмотря на всѣ уговариванія мущинъ и самого пана поручика, не переносившаго женскихъ слезъ. А тутъ какъ нарочно стоны, слезы и причитанія бабъ стояли въ воздухѣ... Женщины бѣгали подъ окнами, узнавали своихъ мужей, братьевъ, звали ихъ, перекликались, принимались голосить какъ по покойникамъ..... Иныя отъ изнеможенія надорвавши голосъ, бросались на землю и лежали, испуская слабые стоны...

Особенно убивались 3 женщины—матери 3 мальчиковъ, попавшихъ въ магистратъ. Одна изъ нихъ была „пани головиха“, страдавшая и за сына, и за мужа. Она первая бросилась къ по-

ручику и стала просить объ освобожденіи сына, а за нею потянулись и остальныя женщины, каждая съ просьбою о заступничествѣ за близкаго человѣка.

Поручикъ совсѣмъ смутился, когда его окружила толпа плачущихъ женщинъ, протягивающихъ къ нему руки съ какими-то узелками и просящихъ передать ихъ въ магистратъ. Это была провизія, принесенная ими для своихъ заключенныхъ... Онъ послалъ за городничимъ Никитинымъ солдата и просилъ придти къ магистрату, чтобы успокоить женщинъ.

Городничій и самъ спѣшилъ въ это время туда же. До него уже дошла чрезъ одного жидка вѣсть объ отъѣздѣ Петренка въ Кіевъ... Помогавшій этому дѣлу сотскій Носенко уже былъ пойманъ солдатами и приведенъ къ поручику. Городничій торопился наказать его въ виду всѣхъ заключенныхъ имъ въ магистратѣ, чтобы отбить у нихъ охоту къ повторенію подобныхъ попытокъ.

Когда разъяренный Никитинъ подлетѣлъ къ поручику и набросился на него за слабый надзоръ за магистратомъ, тотъ не рѣшился и заикнуться ему о просьбѣ женщинъ. Тѣ сами смѣло окружили городничаго. Но онъ такъ грозно раскричался на нихъ, что онѣ съ плачемъ разбѣжались и стали подлѣ, наблюдая, какъ чинили жестокую расправу съ Носенкомъ....

Сотскаго солдаты раздѣли до рубашки, разложили передъ окнами магистрата и стали наносить ему палочные удары... Городничій стоялъ надъ нимъ и наблюдалъ, чтобы солдаты били „аккуратнѣй“...

Въ толпѣ женщинъ послышались вопли, крики, стоны... Многіе изъ нихъ бросились бѣжать отъ магистрата. Нѣкоторые мущины также не выдержали и попрятались въ сосѣднихъ дворахъ, затыкая уши, чтобы не слышать раздирающихъ душу воплей истязуемаго....

Изъ магистрата неслись по адресу городничаго страшныя ругательства, проклятія, угрозы... Стоявшіе на улицѣ, подзадориваемые несшимися оттуда криками, тоже принялись кричать городничему, что они сейчасъ собьютъ народъ къ магистрату и силой отнимутъ Носенка, если Никитинъ не прекратитъ его истязаній... Именно такой совѣтъ подавался народу изъ оконъ

магистрата. Нѣкоторые, дѣйствительно, бросились собирать побольше народу.

Городничій опомнился, понялъ, какъ раздражаетъ онъ народъ, и велѣлъ прекратить истязаніе сотскаго. Оно прекратилось на 60-мъ ударѣ... Почти замертво потащили солдаты Носенка въ „тюремную избу“, гдѣ уже сидѣлъ мѣщанинъ Гичка.

Осмотрѣвши еще разъ караулы подлѣ магистрата, городничій ушелъ оттуда, разрѣшивши и поручику сходить отдохнуть домой. Караулы у магистрата были поручены на это время унтеръ-офицеру Лукьянову, снятому съ большею частью своей команды съ большой кіевской дороги, такъ какъ за выѣздомъ въ Кіевъ Петренка и Кондратенка, не было уже нужды въ усиленной охранѣ города.

Подлѣ магистрата оставалось немного народа, да и тотъ, возбужденный было истязаніями Носенка, теперь поуспокоился и молча лежалъ на землѣ, одолѣваемый дремотою.

Постепенно утихло все и въ магистратѣ. Большинство спало тамъ. Но голова и другіе старики, а также Пашкевичъ и Твердянскій бодрствовали почти всю ночь, на всѣ лады обсуждая свое положеніе и возможный выходъ изъ него. Они примирились бы съ своимъ настоящимъ положеніемъ, если бы не мучили ихъ голодъ и жажда. Большинство за всѣми тревогами и хлопотами этого дня не успѣло пообѣдать, надѣясь вознаградить себя ужиномъ. Женъ ихъ и матерей, приносившихъ провизію, не пропустили къ нимъ. Въ магистратѣ, понятно, ничего не нашлось, кромѣ горшка съ кашей и нѣсколькихъ паляницъ у магистратскаго сторожа; всю кашу съ аппетитомъ съѣли вечеромъ трое неожиданно попавшихъ въ общую бѣду мальчиковъ, а паляницы оставили имъ же на завтра, не зная, когда именно кончится ихъ общій невольный арестъ.

Особенно мучила всѣхъ жажда. Бой былъ очень жаркій, да и потомъ всѣ были возбуждены, взволнованы,—внутренній жаръ одолѣвалъ всѣхъ. Въ магистратѣ, при такомъ многолюдствѣ, было очень душно, несмотря на настежъ растворенныя окна Весь запасъ воды, какой нашелся у сторожа, давно былъ выпитъ. Пробовали подкупить солдатъ, обращались съ просьбами

о водѣ къ поручику; но вездѣ былъ отказъ. А между тѣмъ какъ разъ напротивъ магистрата, во дворѣ старосты Константиненка виднѣлся журавель колодца, извѣстнаго всему городу отличною ключевою водою... Мука была нестерпимая, подавлявшая всѣ другія заботы и непріятности...

Когда вновь, уже передъ свѣтомъ, появился у магистрата поручикъ Самойловъ, голова не выдержалъ и, высунувши въ окно 2 мѣдныхъ „двухкопѣечника“, насмѣшливо закричалъ ему:

— Ондрій Мыроновычъ! ось тоби 4 копійкы! визьмы ихъ соби да подай мини напыться...

Въ окнахъ магистрата захохотали. Самойловъ вспыхнулъ и закричалъ:

— Я—офицеръ, а не водоносъ для тебя!...

Послышался новый взрывъ хохота. Пашкевичъ крикнулъ поручику:

— Отто важнецькая фыгура!... Не велыкая, еднако, ты птыця—ты поручыкъ—зауряда!...

— Брешешъ!—отвѣчалъ сконфуженный поручикъ.

— Самъ ты брешешъ—не унимался Пашкевичъ: О тоби и доси нема ніякого указу...

Поручикъ поспѣшилъ укрыться на магистратскій дворъ. Пашкевичъ закричалъ ему въ догонку:

— Скажы—но городнычому: счаслывъ ёго Богъ! Хотивъ я ёго вдарыть шаблюкою, а попало другому...

Къ разсвѣту все успокоилось съ обѣихъ сторонъ. Всѣ спали, кромѣ караульныхъ солдатъ и рекрутъ. Даже поручикъ заснулъ на магистратскомъ крыльцѣ.

X.

На другой день (2 апрѣля, въ пятницу) всѣ проснулись поздно—и власти, и заключенные въ магистратѣ.

Все оставалось по вчерашнему... По прежнему двери магистрата были заперты и кругомъ стояли караульные, но ихъ значительно прибавилось. Утромъ подошли новыя партіи собиравшихся тогда рекрутъ. Ихъ направляли къ магистрату, на смѣну

уставшей со вчерашняго дня стражѣ. Теперь подлѣ магистрата стояли не одинокія фигуры часовыхъ, а сплошною стѣною чернѣли темныя свитки прибывшихъ рекрутъ. Поручика не было и всѣмъ распоряжался Лукьяновъ.

По прежнему противъ караульныхъ стояла большая толпа мѣщанъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣтей. Какъ и вчера они пришли съ узелками провизіи, но теперь держали себя значительно спокойнѣе. Рѣдкія изъ нихъ плакали. Большинство сжилось съ своимъ горемъ и стояло молча, не имѣя возможности переговариваться съ заключенными, загороженными отъ нихъ стѣною рекрутъ. Они только посматривали на магистратъ, да вздыхали, переминаясь съ ноги на ногу. Иныя прислушивались къ тому, что говорили между собою мущины, и сами принимали участіе въ разговорѣ. Другія заняты были дѣтьми, которыхъ набралось тутъ видимо невидимо и которыхъ никакъ нельзя было отогнать отъ толпы.

Появилось въ толпѣ и немало евреевъ, вчера благоразумно попрятавшихся при схваткѣ въ магистратѣ... Теперь они при дневномъ свѣтѣ повыходили изъ своихъ жилищъ и съ свойственнымъ имъ жаромъ обсуждали совмѣстно съ мѣщанами положеніе дѣлъ, скорбя спеціально о своихъ собратахъ... „бидныхъ“ Мовшѣ и Пейсахѣ, попавшихъ неожиданно для себя въ магистратѣ подъ заключеніе...

Немало было въ толпѣ крестьянъ и крестьянокъ сосѣднихъ селъ, то пріѣхавшихъ сдавать и провожать своихъ рекрутъ, то прибывшихъ въ городъ на базаръ съ своими продуктами, или по другимъ дѣламъ. Многіе изъ нихъ нарочно прибыли посмотрѣть что дѣлается въ городѣ... Все знающіе евреи уже успѣли растрезвонить по окрестностямъ, что въ Сквирѣ „бунтъ“, что мѣщанъ бьютъ, изъ Кіева идутъ войска и пр. и пр.

Мѣщане обсуждали, что имъ теперь дѣлать, какъ помочь заключеннымъ въ магистратѣ? Изъ совѣщанія ничего не выходило за отсутствіемъ лучшихъ силъ города, находившихся подъ арестомъ, отчего не было у нихъ ни руководителей, ни духа единенія. Иные успѣли уже охладѣть къ общему дѣлу и махнули на него рукой... Другіе были напуганы распоряженіями

начальства и боялись попасть въ такую передѣлку, какая выпала Носенку... Всѣ вообще соглашались, что теперь къ силѣ прибѣгать не слѣдуетъ, а лучше идти къ начальству съ раскаяніемъ, просить и молить его если не о полномъ освобожденіи заключенныхъ, то хотя бы о возможномъ облегченіи ихъ участи— о снабженіи ихъ пищею и питьемъ. Особенно евреи настаивали на такомъ рѣшеніи, въ чемъ и успѣли склонить большинство. Рѣшено было, чтобы немедленно отправить къ исправнику и къ городничему нѣсколько человѣкъ изъ болѣе состоятельныхъ мѣщанъ и евреевъ просить ихъ за заключенныхъ... А чтобы убѣдительнѣе подѣйствовать на властей, рѣшено пустить слѣдомъ за депутаціей толпу женщинъ и дѣтей, у которыхъ всегда богатый запасъ слезъ...

Среди этихъ толковъ къ толпѣ подошла пани головиха, предупредившая мѣщанъ въ ихъ ходатайствѣ за заключенныхъ предъ начальствомъ и вездѣ уже побывавшая. Она побывала и у исправника, и у повѣтоваго маршала, только что прибывшаго въ городъ, и у членовъ повѣтоваго суда, и даже у протопопа. Вездѣ она начинала свои ходатайства съ хозяекъ домовъ, а потомъ уже переходила къ мужьямъ ихъ. Всѣ охотно выслушивали ее и обѣщали свое содѣйствіе, исправникъ же обѣщалъ, что, посовѣтовавшись съ другими властями, онъ, можетъ быть, выпустить мѣщанъ изъ магистрата, но во всякомъ случаѣ разрѣшитъ снабженіе ихъ провизіей. Совѣщаніе чиновниковъ у исправника уже идетъ— говорила мѣщанамъ головиха—и скоро власти придутъ сюда, къ магистрату.

Мѣщане рѣшились ожидать здѣсь прибытія начальства.

Съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ и въ магистратѣ. Всѣ здѣсь тревожились, чѣмъ и какъ разрѣшится ихъ положеніе... Тѣмъ болѣе, что силы сидѣвшихъ въ магистратѣ значительно ослабѣли. Всѣ чувствовали большой голодъ и жажду. Нетерпѣливѣе другихъ были чиновники и евреи, хорошо помнившіе, что сегодня пятница, почему вечеромъ предстоитъ имъ шабашъ.

Томительно тянулось время въ магистратѣ. Переговариваться съ толпою мѣщанъ мѣшали рекруты. Всѣ сидѣли или лежали

молча, посматривая въ сторону базарной площади, откуда ждали прихода властей съ принятыми относительно ихъ рѣшеніями.

Но прошелъ уже полдень; прошелъ часъ и два, а властей все еще не было... Нетерпѣніе одолѣвало заключенныхъ. Послышались вопли, крики, ругательства...

XI.

Между тѣмъ за завтракомъ у исправника шло совѣщаніе о томъ, что дѣлать съ магистратомъ. Исправникъ и большинство чиновниковъ стояло за кроткія мѣры, справедливо ожидая изъ Кіева большаго нагоняя за рѣзкости вчерашняго дня. Мѣщанское посольство, несомнѣнно, не скроетъ отъ губернатора всѣхъ подробностей происшествія, говорящихъ не въ пользу сквирскихъ властей. Мало того: оно можетъ многое преувеличить, прикрасить. Во всякомъ случаѣ—живое слово очевидцевъ событія должно будетъ взять верхъ надъ мертвою, наскоро составленною бумагою исправника.... Не сегодня-завтра долженъ прибыть кто-нибудь изъ Кіева на слѣдствіе. Все говорило о необходимости поворота на иную дорогу—о смягченіи недовольства мѣщанъ и о болѣе законныхъ дѣйствіяхъ администраціи. Большинство собравшихся настаивало на немедленномъ освобожденіи заарестованныхъ въ магистратѣ, кромѣ 5 главныхъ „зачинщиковъ", коими считались голова, Пашкевичъ, Твердянскій, городовой староста Константиненко и мѣщанинъ Маруничъ. Послѣдній послѣ извѣстной вчерашней стычки съ городничимъ предъ магистратомъ проникъ туда вслѣдъ за властями и во все время всеобщей свалки болѣе другихъ кипятился и возбуждалъ мѣщанъ къ отпору... Константиненко же былъ большимъ пріятелемъ головы и постояннымъ его совѣтникомъ. Во вчерашнихъ событіяхъ онъ игралъ одну изъ видныхъ ролей.

Городничій хорошо понималъ разумность приводимыхъ доводовъ въ пользу немедленнаго освобожденія мѣщанъ, но все таки всѣми силами боролся противъ нихъ. Онъ доказывалъ, что если выпустить теперь магистратскихъ заключенныхъ, озлобленныхъ всѣмъ вчера происшедшимъ и долгимъ сидѣніемъ взаперти,

то они немедленно взбунтуютъ весь городъ, ожесточатъ противъ властей все мѣщанство и чуть ли не повторятъ „уманьской рѣзни“... Если сейчасъ мѣщанство сравнительно спокойно, то именно потому, что некому имъ руководить. Онъ мало обращалъ вниманія на возраженія присутствовавшихъ, что сидѣнье въ магистратѣ отбило у мѣщанъ охоту сопротивляться властямъ, и если бы они и возстали всѣмъ городомъ, то и у властей теперь сила немалая—рекруты съ каждымъ часомъ прибываютъ и прибываютъ въ городъ...

Долго спорили съ городничимъ и съ большимъ трудомъ уломали его, повидимому, подчиниться рѣшенію большинства—освобожденію всѣхъ заключенныхъ въ магистратѣ, исключая 5 лицъ. Только въ 3 часа пошелъ Никитинъ съ Самойловымъ и нѣкоторыми другими чиновниками къ магистрату приводить въ исполненіе это рѣшеніе. Къ сожалѣнію, исправникъ оставался дома, довѣрившись городничему. Тотъ же шелъ къ магистрату съ твердымъ намѣреніемъ поставить на своемъ...

Когда измученные голодомъ и жаждою заключенные увидѣли городничаго, подходившаго къ магистрату, то разразились страшнымъ потокомъ ругательствъ и проклятій..

— Злодій!—кричали они, между прочимъ:—нашои смерти захотивъ!... неповынныхъ младенцивъ мучышъ!... кровъю нашою хочешъ упытысь!...

Городничій вспыхнулъ. Только того ему и нужно было. Онъ обратилъ вниманіе сопровождавшихъ его чиновниковъ на всю озлобленность мѣщанъ, на то, что они больше и больше „свирѣпѣютъ“... что такихъ „скаженыхъ собакъ“ онъ не смѣетъ распустить по городу, зная, что они перекусаютъ другихъ собакъ и заразятъ бѣшенствомъ весь городъ... Чиновники пробовали было возражать, но Никитинъ не слушалъ ихъ болѣе и принялся осматривать караулы вокругъ магистрата, откуда продолжали нестись ругань и вопли. Городничій молчалъ и только грозилъ кулакомъ смотрѣвшимъ въ окна.

Оставивши у магистрата поручика, городничій пошелъ обратно къ исправнику въ сопровожденіи чиновниковъ.

Головиха и толпа мѣщанъ, обманувшіяся въ своихъ ожиданіяхъ немедленнаго освобожденія арестованныхъ, бросились слѣдомъ за городничимъ и со слезами и воплями стали молить его о помилованіи... Городничій на минуту пріостановился, махнулъ рукой и велѣлъ выпустить 3 мальчиковъ, но болѣе никого!...

Толпа отстала, довольная пока и этою милостью... Но когда мальчики были спущены изъ оконъ магистрата на руки къ обрадованнымъ матерямъ, чувство зависти загорѣлось у другихъ матерей и женъ, сыновья и мужья которыхъ продолжали сидѣть въ магистратѣ... Онѣ опять пристали къ собравшейся толпѣ съ просьбою идти съ ними къ исправнику и просить о голодающихъ заключенникахъ. Толпа согласилась и двинулась къ Краснику.

Не успѣлъ послѣдній выслушать докладъ Никитина о крайней возбужденности арестованныхъ и объ опасности выпуска ихъ на свободу, какъ на улицѣ, подъ окнами, показалась толпа мѣщанъ и евреевъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей. Женщины и дѣти плакали, мущины просили о милости... Красникъ вышелъ къ нимъ и сказалъ, что отпустить арестованныхъ не можетъ, но разрѣшаетъ доставить имъ провизію, о чемъ и сдѣлаетъ сейчасъ распоряженіе. Толпа ушла успокоенная. Но исправникъ, къ сожалѣнію, опять не пошелъ самъ къ магистрату, а приказалъ городничему идти туда наблюсти за передачею заключеннымъ провизіи въ магистратъ. Городничій молча выслушалъ приказаніе исправника и пошелъ отъ него, но не къ магистрату, а домой—обѣдать...

Между тѣмъ мѣщане съ провизіей въ рукахъ съ нетерпѣніемъ ожидали его у магистрата. Евреи какъ-то узнали, что городничій направился къ себѣ домой, почему и рѣшились относительно смягченія прибѣгнуть къ болѣе вѣрному средству: взявъ въ своихъ лавкахъ нѣсколько штукъ разныхъ матерій для семейства городничаго, а для него лично—кульки съ бутылками и провизіей, они все это снесли на заднее крыльцо къ городничихѣ... передавъ черезъ нее свою просьбу ея мужу. Средство подѣйствовало, особенно, когда раскошелившіеся евреи прибавили къ подношенію и нѣсколько ассигнацій... Городничій сейчасъ же послалъ съ солдатами записку къ поручику, чтобы онъ пе-

редалъ въ магистрадъ провизію для евреевъ, но чтобы остальнымъ—мѣщанамъ и чиновникамъ—ничего не пропускалъ...

Евреи пробрались на дворъ магистрата и въ окна передали туда нѣсколько узловъ съ провизіей Обрадованные заключенные евреи не только себѣ разрѣшили трапезу раньше времени (было около 6 часовъ вечера), но братски подѣлились своими припасами и съ остальными заключенными...

Предпочтеніе, оказанное евреямъ, возмутило не только мѣщанъ, но и бывшихъ здѣсь караульныхъ солдатъ, рекрутъ и начальника караула поручика, почему онъ и команда его смотрѣли сквозь пальцы, когда взбѣшенныя мѣщанки изъ болѣе смѣлыхъ бойко прорывались сквозь цѣпь караульныхъ и подавали въ окна свои узелки съ провизіей... Такіе же смѣльчаки изъ мѣщанъ бросились съ давно заготовленными ведрами къ колодцу Константиненка и, наполнивши ихъ водою, передавали чрезъ рекрутъ въ магистратъ.

Не были, конечно, забыты своими семьями и знакомыми и арестованные чиновники со шляхчичемъ Янскимъ. Еще утромъ шляхтичъ Александръ Старжинскій пробовалъ передать провизію Дмитревичу и другимъ, но унтеръ-офицеръ Лукьяновъ не допустилъ тогда его. Теперь же, вечеромъ, явился съ провизіей для чиновниковъ ихъ же собратъ—„архивистъ“ повѣтоваго суда Іосифъ Костецкій. Самойловъ настолько былъ любезенъ, что разрѣшилъ ему не только передать провизію, но даже пробраться въ магистратъ со двора и такимъ образомъ навѣстить пріятелей... Это было такъ неожиданно со стороны Самойлова, что и голова, и Пашкевичъ разчувствовались и стали извиняться предъ нимъ за вчерашнія насмѣшки надъ „заурядъ—поручикомъ“... Самойловъ вполнѣ примирился съ своими недавними противниками, подошелъ къ окошку, гдѣ съ аппетитомъ закусывали повеселѣвшіе голова, Твердянскій, Пашкевичъ и другіе, и сталъ благодушно бесѣдовать съ ними, осуждая жестокость городничаго и передавая городскія новости. Увлеченный бесѣдою, поручикъ и не замѣтимъ, какъ неожиданно подошелъ къ магистрату городничій и мигомъ нарушилъ общее мирное настроеніе...

Городничій вышелъ изъ себя, увидѣвъ, какъ исполняется его приказаніе... На его глазахъ нѣсколько мѣщанокъ передавало въ окна узелки съ провизіей, мѣщане и рекруты туда же тащили ведра съ водою. Мало того: многіе рекруты развязывали свои котомки, вынимали оттуда съѣстные припасы и тютюнъ, и все это добродушно вручали закюченнымъ... У одного окна группа евреевъ вытаскивала изъ кармановъ штофы съ горилкой и бойко торговала ими съ заключенными чиновниками, а подлѣ стоялъ Самойловъ и угощалъ Пашкевича кисетомъ съ табакомъ...

Подъ крики и ругательства разсерженнаго городничаго картина въ одинъ мигъ перемѣнилась: мѣщане, бабы, рекруты отскочили отъ оконъ и попрятались въ толпу. Замѣтивши 2—3 рекрутъ, угощавшихъ заключенныхъ, городничій собственноручно учинилъ имъ немалую потасовку, а затѣмъ налетѣлъ на переконфузившагося поручика и принялся пробирать его за то, что не исполняетъ его приказаній и якшается съ арестованными... грозилъ, что сейчасъ арестуетъ его, даже посадитъ въ тюрьму и пр. Поручикъ пробовалъ оправдываться, что евреямъ дали провизію, то какъ же не дать ея христіанамъ? Заключенные заговорили на ту же тему, чѣмъ еще болѣе взбѣсили городничаго. Онъ схватилъ поручика за руку и потащилъ вонъ изъ толпы, но на базарѣ опомнился и велѣлъ ему идти домой, а самъ, вернувшись къ магистрату, передалъ начальство надъ карауломъ болѣе исполнительному унтеръ-офицеру Лукьянову, строго-настрого приказавъ ему, что если въ магистратъ пройдетъ хотя одна крошка хлѣба или капля воды, то онъ забьетъ Лукьянова до смерти...

Подкрѣпившіеся и повеселѣвшіе мѣщане въ магистратѣ насмѣшливо благодарили городничаго за присылку провизіи, предлагали ему выпить „крючекъ горилки“, приглашали къ себѣ поиграть въ карты, которыя развернулъ передъ городничимъ Пашкевичъ, добывшій ихъ отъ Костецкаго...

Все это страшно бѣсило городничаго. Онъ только и дѣлалъ, что отругивался въ отвѣтъ...

Насталъ вечеръ. Заключенные въ магистратѣ, оставивши часть полученныхъ запасовъ на завтра, благодушно проводили вечеръ, кто въ бесѣдѣ, кто за картами, кто спозаранку залегъ спать. Евреямъ отвели канцелярію и они принялись тамъ читать положенныя въ вечеръ шабаша молитвы.

Народъ на улицѣ почти весь разошелся, кромѣ караульныхъ, да небольшой кучки мѣщанъ, оставшихся тутъ на ночное добровольное дежурство.

Скоро все успокоилось и въ магистратѣ, и около него. Только часовые мѣрно расхаживали подъ окнами, да Лукьяновъ, чтобы прогнать дремоту, мирно бесѣдовалъ о чемъ-то съ собравшимися около него рекрутами.

XII.

Утро слѣдующаго дня (3 апрѣля, въ субботу) заключенные въ магистратѣ провели довольно спокойно, свыкшись отчасти съ своимъ положеніемъ. Евреи нѣсколько волновались, такъ какъ были лишены возможности побывать на субботнемъ богослуженіи въ своей синагогѣ... Безпокоились отчасти и болѣе состоятельные изъ мѣщанъ, вотъ уже вторыя сутки не знавшіе, что дѣлается въ ихъ хозяйствахъ и дѣлахъ.

Голодъ не мучилъ, потому что остатками припасовъ вчерашняго дня понемногу всѣ подкрѣпились. Болѣе всего мучила заключенныхъ неизвѣстность о томъ, что и когда отвѣтитъ Кіевъ на ихъ жалобы.

Толпа мѣщанъ и евреевъ на улицѣ также держала себя спокойнѣе и собиралась къ магистрату болѣе изъ любопытства.

По временамъ появлялись у магистрата городничій и любопытные изъ интеллигентной публики. Самойловъ не показывался. За то приходили даже исправникъ съ о. протопопомъ. У послѣдняго было какое-то дѣло къ Пашкевичу, занимавшемуся кромѣ магистратской канцеляріи и въ сквирскомъ духовномъ правленіи. О. протопопъ побесѣдовалъ въ окно съ Пашкевичемъ и утѣшилъ своихъ духовныхъ чадъ увѣреніемъ, что они сегодня будутъ выпущены „изъ темницы“...

Дѣйствительно, передъ вечернею собралось у исправника новое совѣщаніе властей. Прибыли и Добровольскій съ Поляновскимъ, съ ходатайствомъ объ отдачѣ имъ скота и фуръ. Фуры по прежнему были во дворѣ Василенка, но мѣщане со вчерашняго дня уже не сторожили ихъ. Съ разрѣшенія исправника Поляновскій тотчасъ отправился за ними и взялъ ихъ въ Довмонтовку.

Городничій на этотъ разъ уже не противился освобожденію всѣхъ мѣщанъ, кромѣ упомянутыхъ на вчерашнемъ совѣщаніи 5 „зачинщиковъ“, но настаивалъ, чтобы главнѣйшій изъ нихъ—Пашкевичъ былъ посаженъ въ тюрьму, а остальныхъ 4 держать подъ строгимъ карауломъ въ магистратѣ. Всѣ согласились съ нимъ и послали Самойлова объявить головѣ—на какихъ условіяхъ власти готовы отпустить заключенныхъ. Самойлову строго было внушено, чтобы онъ ни за что не соглашался на какія-либо другія условія съ заключенными.

Уже въ сумерки Самойловъ прибылъ съ своимъ порученіемъ къ магистрату, населеніе котораго начинало опять испытывать приступы голода и жажды, и волноваться вслѣдствіе этого.

Условія властей не понравились заключеннымъ и они собирались отвѣтить требованіемъ, что если освобождать, такъ освобождать уже всѣхъ...

Но голова, Пашкевичъ и остальные, предполагавшіеся къ заключенію, великодушно уговаривали расходившихся согражданъ принять предлагаемыя условія и примириться съ участью своихъ главныхъ руководителей... Мѣщане съ своей стороны великодушничали и долго не уступали. Наконецъ, кое-какъ ихъ уломали. Самойловъ отправился съ отвѣтомъ къ исправнику.

Въ ожиданіи властей всѣ заключенные собрались около 5 заарестованныхъ на далѣе и дружески прощались съ ними. Голова и Пашкевичъ были видимо взволнованы, въ глазахъ у Закутнаго стояли слезы...

Глубокимъ уже вечеромъ, ровно черезъ двое сутокъ послѣ начала осады магистрата, явились туда исправникъ, городничій, поручикъ съ толпою чиновниковъ и шляхтичей и приказали взломать двери магистрата...

Молча выходили оттуда заключенные и угрюмо останавливались по очереди на крыльцѣ, гдѣ городничій записывалъ, при свѣтѣ фонаря, ихъ имена и отпускалъ затѣмъ на волю... Толпа мѣщанъ встрѣчала своихъ заключенныхъ собратій радостными восклицаніями, слезами, объятіями...

Послѣднимъ вышелъ Пашкевичъ. Его немедленно повелъ въ тюрьму Лукьяновъ, въ сопровожденіи 4 солдатъ.

Остальныхъ арестованныхъ—Закутнаго, Твердянскаго, Константиненка и Марунича—перевели въ магистратскую канцелярію, выходившую окнами на дворъ, и заперли тамъ, приставивши наружный и внутренній караулы солдатъ. Предварительно, впрочемъ, позволили заключеннымъ повидаться съ родными и переговорить съ ними о семейныхъ дѣлахъ. Доставка имъ пищи была разрѣшена.

Голова съ товарищами пробыли въ этомъ заключеніи до утра 5 апрѣля т. е. до пріѣзда слѣдователя изъ Кіева.

Весь день 4 апрѣля (воскресенье) въ городѣ прошелъ довольно спокойно. Мѣщане, правда, продолжали собираться толпами то у магистрата, то въ другихъ пунктахъ города, но никакихъ враждебныхъ дѣйствій не предпринимали, а только тихо совѣщались между собою.

Вечеромъ евреи сообщили полученную ими словно по телеграфу вѣсть о томъ, что слѣдователемъ изъ Кіева ѣдетъ старшій совѣтникъ губернскаго правленія Николай Ивановичъ *Ергольскій*, что онъ уже выѣхалъ и долженъ быть въ Сквирѣ или ночью, или завтра рано утромъ. Нѣсколько мѣщанъ отправились на кіевскую заставу и рѣшились хотя всю ночь ожидать здѣсь совѣтника.

Назначеніе слѣдователемъ именно Ергольскаго было непріятно сквирскимъ властямъ, хорошо знавшимъ о его строгости и неподкупной честности...

XIII.

Петренко и Кондратенко прибыли въ Кіевъ поздно вечеромъ 2 апрѣля, немного позже послѣ нарочнаго, прибывшаго

съ донесеніемъ отъ сквирскаго исправника. Всѣ они представились губернатору—Василію Ивановичу *Красно-Милашевичу*—уже на другой день, т. е. утромъ 3 апрѣля. Кромѣ „*доношенія*“ сквирскаго магистрата, Кондратенко представилъ губернатору еще собственное „прошеніе“, составленное уже въ Кіевѣ. Подобно головѣ бургомистръ разсказываетъ о „*нападеніи* на присутствіе“ сквирскихъ властей, о нанесенныхъ ими побояхъ и безчестіи засѣдавшимъ въ магистратѣ, и отъ имени всѣхъ сочленовъ магистрата и думы проситъ „отъ таковаго насилія защитить“ и виновныхъ предать суду...

Губернатора непріятно поразило это происшествіе и онъ самъ хотѣлъ ѣхать въ Сквиру, но другія дѣла не позволили ему оставить Кіевъ. Красно-Милашевичъ рѣшилъ послать туда Ергольскаго. Какъ и предполагали сквирскія власти, ихъ донесеніе совсѣмъ было поколеблено въ глазахъ Милашевича живыми и убѣдительными разсказами Петренка и Кондратенка. Хотя губернаторъ не одобрилъ многихъ самовольныхъ дѣйствій мѣщанъ, особенно „гвалтовнаго заграбленія“ скота Поляновскаго, но изъ словъ ихъ представителей увидѣлъ, что сквирская администрація въ своемъ самовольствѣ далеко превзошла мѣщанъ... И Милашевичъ, и Ергольскій, у котораго также побывали послы, сразу стали на сторону обиженныхъ мѣщанъ и рѣшили принять самыя энергическія мѣры къ ихъ успокоенію.

Среди этихъ переговоровъ и совѣщаній прошло все 3 апрѣля и утро 4-го, такъ что только послѣ полудня 4 апрѣля Ергольскій могъ выѣхать въ Сквиру, снабженный отъ губернатора самыми обширными полномочіями. Кондратенко и Петренко увѣрили губернатора, что посылка войскъ въ Сквиру не нужна, такъ что Ергольскій выѣхалъ изъ Кіева только съ чиновникомъ для письмоводства. Слѣдомъ за Ергольскимъ поѣхали въ Сквиру и мѣщанскіе послы. Они не хотѣли вернуться домой раньше пріѣзда въ Сквиру Ергольскаго, такъ какъ боялись со стороны Никитина всевозможныхъ насилій.

Утромъ 5 апрѣля Ергольскій пріѣхалъ въ Сквиру. Не смотря на раннее утро, весь городъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій совѣтника, былъ на ногахъ. Подлѣ магистрата и у приготовлен-

ной Ергольскому квартиры толпами расхаживалъ и сидѣлъ народъ.

Всѣ чиновники собрались представиться Ергольскому. Онъ принялъ ихъ очень сухо, сурово выговаривая, что они довели городъ до такой „смуты“... Особенно досталось Краснику и Никитину.

Послѣ пріема Ергольскій немедленно отправился къ магистрату, гдѣ по прежнему стоялъ караулъ изъ штатной команды и рекрутъ. Народъ молча, но въ волненіи встрѣтилъ совѣтника, ожидая, что̀ онъ предприметъ относительно сидѣвшихъ подъ арестомъ въ магистратѣ головы и др. Радости и благодарности мѣщанъ не было конца, когда Ергольскій тотчасъ по приходѣ освободилъ изъ заключенія голову Закутнаго, секретаря Твердянскаго, старосту Константиненка и мѣщанина Марунича. Всѣ они со слезами на глазахъ благодарили совѣтника...

Довѣріе мѣщанъ къ Ергольскому сразу выросло такъ, что когда онъ лично и чрезъ полицейскихъ чиновъ приказалъ народу расходиться, всѣ безпрекословно сейчасъ же разошлись по домамъ. Во все пребываніе Ергольскаго въ Сквирѣ мѣщане не сходились уже болѣе толпами и городъ оставался безусловно спокойнымъ.

Пашкевичъ просидѣлъ въ „тюремной избѣ“ до 9 апрѣля, когда Ергольскій уступивъ настоятельнымъ просьбамъ головы и о. протопопа, позволилъ Пашкевичу заниматься дѣлами въ магистратѣ и духовномъ правленіи, но ходить туда подъ особымъ „присмотромъ“ караульнаго солдата. Къ дому его также былъ приставленъ караулъ. Вообще, Ергольскій сильно винилъ его за явныя подзадориванія мѣщанъ въ предъидущіе смутные дни Сквиры, находя, что при своемъ вліяніи на мѣщанъ Пашкевичъ долженъ былъ дѣйствовать въ совершенно противоположномъ духѣ—примиренія и покорности властямъ... Въ письмѣ къ губернатору Ергольскій особенно выставлялъ на видъ, что во время битвы въ магистратѣ Пашкевичъ первый бросилъ въ толпу слово „*гвалтъ*“!...—„слово, которое у простолюдиновъ и безъ всякаго замѣшательства можетъ произвести непріятныя послѣдствія“, а при возбужденномъ настроеніи собравшейся тамъ толпы „легко

могло бы подвигнуть людей на дальнѣйшія и худшія предпріятія"....

6 и 7 апрѣля Ергольскій производилъ допросы обѣихъ сторонъ въ присутствіи нижняго земскаго суда, такъ какъ повѣтовый судъ не имѣлъ въ то время засѣданій и большинство его членовъ было въ отъѣздѣ. Допрошены были какъ всѣ главные дѣятели событій—Красникъ, Никитинъ, Самойловъ, Закутный, Пашкевичъ, Твердянскій, такъ и всѣ второстепенные участники и свидѣтели—чиновники, шляхтичи, мѣщане, крестьяне и евреи [1]). Многіе свидѣтели показывали подъ присягою.

Пострадавшіе въ свалкѣ были осмотрѣны уѣзднымъ лекаремъ Андреемъ Арндтомъ. Осмотръ „боевыхъ знаковъ" производился спустя нѣсколько дней послѣ нанесенія ихъ, когда слѣды боя были уже незначительны [2]).

Особенно подробно составлено было письменное объясненіе слѣдователю, поданное городничимъ Никитинымъ. Онъ называетъ происшествіе „*заговоромъ* всѣхъ почти г. Сквиры мѣщанъ, подъ руководствомъ губернскаго регистратора Пашкевича и его родственника секретаря магистрата Твердянскаго"... Собраніе 1-го апрѣля въ магистратѣ онъ выставляетъ не какъ законное засѣданіе, но какъ „*скопище*". По „штату" въ магистратѣ должны присутствовать только голова, 2 бургомистра и 4 ратмана. Разрѣшено собираться и „градской думѣ", но въ опредѣленные часы, а никакъ не вечеромъ и не ночью. При томъ же, въ магистратѣ были и посторонныя лица—Гвоздѣвичъ, Дмитревичъ, даже 3 мальчика и пр., не принадлежащіе къ составу ни думы, ни магистрата...

Никитинъ просилъ не вѣрить всѣмъ направленнымъ противъ него показаніямъ мѣщанъ, такъ какъ всѣ они были „*согласниками* въ семъ неблагонамѣренномъ скопищѣ"... „Особливо" онъ отмѣчаетъ слѣдующихъ мѣщанъ: Никиту Марунича, Уласа Ри-

---

[1]) Именно на основаніи главнымъ образомъ этихъ разнообразныхъ и интересныхъ показаній очевидцевъ событій и набросанъ настоящій очеркъ.

[2]) Такъ, у мѣщанъ Ивана Загребельнаго и сотскаго Степана Носенка (онъ же Французенко) найдены были Арндтомъ „боевые синебагровые знаки" только на плечахъ и рукахъ, тогда какъ извѣстно, что Носенко получилъ 60 палочныхъ уда-

жука, Петра и Василія Константиненковъ, Уласа Олейника, Трохима Реента, Өедора Штундыренка и др. „Особливо„ же онъ старается замарать шляхтичей и чиновниковъ, такъ или иначе помогавшихъ мѣщанамъ, или только высказывавшихъ имъ свое сочувствіе. Всѣхъ вообще прикосновенныхъ къ дѣлу шляхтичей онъ величаетъ „именующимися шляхтичами“, т. е. намекаетъ, что они будто бы незаконно присваиваютъ себѣ это „благородное“ званіе... Всѣ они, по словамъ городничаго, шатаются по городу безъ дѣла и „обращаются“ между мѣщанами. Особенно близкими къ мѣщанамъ онъ называетъ шляхтичей Скорупку (давшаго возможность мѣщанскимъ посламъ выѣхать въ Кіевъ) и Богатка (участвовавшаго въ досмотрѣ вознымъ порубокъ Поляновскаго и пр.). Богатко при томъ же имѣлъ какое-то „дѣло“ въ магистратѣ.

Не забылъ озлобленный Никитинъ и „архивиста“ повѣтоваго суда Іосифа Костецкаго, пробравшагося 2 апрѣля въ магистратъ съ провизіей для арестованныхъ тамъ чиновниковъ... Городничій увѣряетъ, что въ повѣтовомъ и нижнемъ земскомъ судахъ производится дѣло о покражѣ архивистомъ меду изъ пасѣки коллежскаго ассесора Бутовича...

Также характерны и обстоятельны показанія Закутнаго, Пашкевича, Самойлова и др.

10 апрѣля Ергольскій уѣхалъ изъ Сквиры, оставивъ обѣ стороны „въ покоѣ“ въ ожиданіи дальнѣйшаго хода дѣла.

15 апрѣля губернаторъ Милашевичъ передалъ произведенное Ергольскимъ слѣдствіе и всѣ другіе документы по дѣлу въ уголовный департаментъ кіевскаго главнаго суда.

По внѣшности Сквира оставалась спокойною, но въ сущности всѣ главные участники „бунта“ волновались въ ожиданіи приговора главнаго суда. Особенно не спокойны были Никитинъ и Красникъ, отъ которыхъ Ергольскій не скрылъ грозившую имъ

равъ.. Возможно, что и Арндтъ, и Ергольскій въ дѣлѣ Носенка не желали взваливать новую вину (истязаніе соцкаго) на достаточно провинившагося и безъ того городничаго, судьба котораго была уже предрѣшена губернаторомъ...

У Пашкевича Ергольскій нашелъ на груди только два знака „какъ бы отъ царапины ногтями“.

потерю мѣстъ... Городничій продолжалъ по немногу задирать мѣщанъ и, особенно, чѣмъ могъ, донималъ Пашкевича по прежнему находившагося подъ домашнимъ арестомъ (съ правомъ выхода только на службу). Въ концѣ апрѣля все „градское общество“ Сквиры „христіанскаго и еврейскаго закона“, съ „шляхетствомъ“ и представителями другихъ званій (нѣсколько чиновниковъ, шляхтичъ Янъ Тренбецкій и др.), отправило въ Кіевъ мѣщанина Алексѣя Василенка, съ просьбою главный судъ объ отдачѣ обществу на поруки Пашкевича. „Вѣрющее письмо“ Василенку, подписанное головою и др. выборными властями города, чиновниками и шляхтичами, было „явлено“ въ сквирскомъ духовномъ правленіи и подписано „присутствующимъ“ іереемъ Андреемъ Оржежевскимъ. Главный судъ уважилъ просьбу общества и разрѣшилъ отдать Пашкевича на поруки „благонадежнымъ мѣщанамъ“.

Однако городничій не обратилъ вниманія на это разрѣшеніе главнаго суда и у дома Пашкевича по прежнему продолжалъ стоять караулъ изъ 2 солдатъ и 1 рекруга... Въ маѣ Пашкевичъ подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ домашняго ареста. О томъ же просилъ и магистратъ, такъ какъ Пашкевичъ, по указу главнаго суда, уже состоялъ на порукахъ мѣщанскаго общества. Главный судъ сдѣлалъ строгое внушеніе Никитину о немедленномъ освобожденіи Пашкевича. Но и послѣ того городничій не снималъ караула до 2 іюня, пока не получилъ указа отъ губернскаго правленія.

Послѣ этого эпизода дѣло затихло до осени 1798 г., когда главный судъ объявилъ свой приговоръ по дѣлу о сквирскомъ „бунтѣ“.

XIV.

Кіевскій главный судъ рѣшилъ дѣло очень гуманно и справедливо. Къ насиліямъ и самовольству чиновниковъ онъ отнесся болѣе строго, чѣмъ къ провинившимся въ такомъ же самовольствѣ мѣщанамъ. Судъ разумно нашелъ, что мѣщане менѣе отвѣтственны за свои грѣхи, чѣмъ лица, обязанныя по своему

положенію къ точному знанію и исполненію законовъ и обладающими при томъ и большимъ развитіемъ. На сквирскихъ горожанъ судъ посмотрѣлъ, какъ на обозленныхъ ребятишекъ, обиженныхъ своими взрослыми, болѣе разумными, но безтактными наставниками...

Приговоръ уголовнаго департамента, объявленный 28 сентября 1798 г., состоялся на основаніи дѣйствовавшихъ въ то время въ Малороссіи законовъ—„Правъ Книги Статута“, „Высочайшаго о губерніяхъ Учрежденія“, „Генеральнаго Регламента“, „Уложенія“, „Городоваго Положенія“ и проч.

Интересны мотивы этого приговора. Главный судъ нашелъ, что взятіе головою скота и фуръ Поляновскаго за порубку городскаго лѣса и представленіе забраннаго возному сдѣлано согласно съ „Правомъ Статутовымъ“, такъ что городничій не имѣлъ права отбирать у мѣщанъ скотъ и пр. „Нападеніе“ на магистратъ 1 апрѣля, избіеніе головы и др., истязаніе Носенка и пр.—все это незаконные поступки исправника и городничаго. Оба они „неосновательно описали голову и гражданъ *взбунтовавшимися* злоумышленниками“: они въ магистратѣ *защищались*, а не нападали... Нападеніе же сдѣлано именно чиновниками, которые „*наглымъ* образомъ нашли“ на магистратъ съ военною командою и „*раздражили*“ мѣщанъ „боями, насиліями и заключеніями въ арестъ“... Вмѣсто этого самовольства и беззаконыхъ поступковъ городничій долженъ былъ немедленно донести о происшествіи высшему начальству. Что и онъ, и исправникъ чувствовали себя виновными—это отлично доказываетъ ихъ боязнь, что мѣщане проникнутъ въ Кіевъ, и тѣ мѣры, какія для этого принимали—караулы вокругъ города и пр. Хотя во всѣхъ событіяхъ городничій игралъ первую роль, и исправника почти не видно было, но главный судъ не сомнѣвается, что всѣмъ дѣйствіямъ Никитина предшествовали его „совѣты“ съ Красникомъ. Не одобряетъ судъ и явнаго содѣйствія исправника планамъ Залѣсскаго относительно спорной съ мѣщанами земли, которую Красникъ „отдавалъ въ сторону“ посессора... Эту близость Красника къ Залѣсскому судъ объясняетъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что исправникъ жилъ въ домѣ послѣдняго...

Но и голову Закутнаго судъ далеко не оправдываетъ. Онъ находитъ въ немъ „склонность къ непослушанію"... Сдѣлай голова уступку городничему, когда тотъ требовалъ обратно скотъ Поляновскаго, когда 1 апрѣля звалъ его къ себѣ на домъ и пр.—городничій, вѣроятно, смирился бы и граждане не были бы такъ сильно изобижены имъ.

На основаніи этихъ мотивовъ главный судъ постановилъ—городничаго Никитина и исправника Красника „*отрѣшить отъ должности*"...

Любопытна въ „дѣлѣ" слѣдующая подробность: тѣ 2¼ строки „приговора", гдѣ выражено опредѣленное судомъ наказаніе Краснику, кѣмъ-то *выскоблены*, такъ что о наказаніи Красника узнаемъ только изъ слѣдующаго документа—отношенія губернскаго правленія въ главный судъ, гдѣ говорится объ утвержденіи приговора генералъ-губернаторомъ... Если бы и въ послѣднемъ документѣ выскоблены были строки о Красникѣ, мы не знали бы о его судьбѣ. Очевидно, объ этомъ документѣ забыло то лице, которое хотѣло уничтожить слѣды понесеннаго Красникомъ по суду наказанія. Несомнѣнно, что эта подчистка оффиціальнаго документа сдѣлана кѣмъ-то въ интересахъ и по просьбѣ Красника, для какихъ-то его цѣлей...

Голову Закутнаго—говоритъ далѣе судъ въ своемъ приговорѣ—также „надлежало бы отъ должности удалить", но принимая во вниманіе, что онъ „учинилъ сіе впервое" и что онъ „можетъ еще отъ подобныхъ ослушаній исправиться", судъ находитъ достаточнымъ ограничиться относительно головы слѣдующимъ: „обязать только его *подпискою*, что впредь въ подобныхъ случаяхъ поступать будетъ *скромнѣе*"...

Относительно Пашкевича, Твердянскаго, Самойлова и др. прикосновенныхъ лицъ въ приговорѣ не встрѣчаемъ никакихъ постановленій.

Чрезъ мѣсяцъ, 23 октября, приговоръ главнаго суда былъ вполнѣ утвержденъ генераломъ отъ инфантеріи Александромъ Андреевичемъ *Беклешовымъ*, малороссійскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и „управляющимъ по гражданской части въ кіевской и малороссійской губерніяхъ". На мѣсто отрѣшен-

наго отъ должности Никитина сквирскимъ городничимъ опредѣ-ленъ Беклешовымъ титулярный совѣтникъ Софоновъ. Красникъ еще раньше, по собственной просьбѣ, перешелъ изъ Сквиры исправникомъ же въ Радомысль. Но это не спасло его отъ отрѣшенія отъ должности и на его мѣсто назначенъ исправникомъ радомысльскаго повѣта провинціальный секретарь Бѣленихинъ.

Итакъ, главные виновники сквирскаго „бунта“ получили должное возмездіе. Чѣмъ окончился споръ города съ Залѣсскимъ о землѣ и лѣсѣ при деревнѣ Довмонтовкѣ — не имѣю свѣдѣній.

Н. О.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]

III.

Общерусскіе звуки и формы.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

Въ предыдущей главѣ указаны были нѣкоторые изъ общерусскихъ звуковъ и формъ, совпадающихъ съ церковнославянскими,—теперь же мы займемся тѣми изъ нихъ, которые чужды были нарѣчію церковнославянскому.

Одни изъ общерусскихъ звуковъ и формъ не уступаютъ въ древности церковнославянскимъ архаизмамъ: они напоминаютъ о томъ моментѣ въ жизни русскихъ нарѣчій, который выражается въ наукѣ идеей русскаго праязыка. Другіе возникли на памяти исторіи, въ тотъ или другой вѣкъ древнерусской письменности. Но есть между ними такіе, о которыхъ трудно высказаться въ рѣшительномъ направленіи: составляютъ ли они общерусское наслѣдство отъ предполагаемой эпохи праязыка русскаго, или же они возникли на почвѣ древнерусскихъ нарѣчій, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались нарѣчія великорусское и малорусское. Особенную трудность въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ звуки, которые не повсемѣстно распространены въ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и не составляютъ исключительной принадлежности одного изъ нихъ, потому что встрѣчаются, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., іюнь.

Мы считаемъ эти звуки общерусскими, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ нѣтъ теперь въ томъ или другомъ говорѣ великорусскаго или малорусскаго нарѣчія. По мѣрѣ развитія этихъ нарѣчій, объемъ распространенія этихъ звуковъ съуживался, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы они по своему происхожденію не были общерусскими, тѣмъ болѣе, что и въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, они представляютъ обычное явленіе.

Итакъ, начнемъ обзоръ свой съ звуковъ гласныхъ и согласныхъ.

Буквы ѧ *и* ꙗ.

Извѣстно, что въ самую раннюю эпоху славянорусской письменности, русскіе, какъ говоритъ Востоковъ, „не имѣли звуковъ, выраженныхъ буквами ѫ, ѧ кирилловской азбуки и вмѣсто оныхъ выговаривали *у* и *я*" [1]). Уже въ Остроміровомъ евангеліи есть случаи замѣны юсовъ чистыми гласными. Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. вовсе нѣтъ большаго юса, а малый юсъ постоянно стоитъ послѣ мягкихъ согласныхъ—тамъ, гдѣ по современному великорусскому и малорусскому произношенію требуется *я* или послѣ шипящихъ *а*: копьющѧго, исхожаше и проч [2]). Есть и въ Галицкомъ евангеліи ꙗ, но оно употребляется только въ началѣ словъ или слоговъ, при чемъ ꙗ стоитъ иногда тамъ, гдѣ, согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ, должно было бы стоять ѥѧ, напр. юꙗ [3]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это правописаніе видоизмѣнилось такимъ образомъ, что ꙗ заняло мѣсто въ началѣ словъ, а ѧ въ срединѣ и въ концѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ. М. Смотрицкій говоритъ: „ꙗ и ѧ различествꙋютъ: ѻномꙋ сопереди реченій, ѻномꙋ во средѣ и во конци полагаемꙋ: ꙗвлѧшесѧ" и проч.

---

[1]) Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, Востокова, 8.

[2]) Матеріалы для исторіи письменъ, Буслаева, 12.

[3]) Ibidem.

Глухіе гласные ъ и ь

Не менѣе древней чертой всѣхъ русскихъ нарѣчій мы считаемъ паденіе глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*. Говоримъ это въ виду того мнѣнія, по которому „*древніе* глухіе звуки во многихъ случаяхъ были еще въ XIV—XV в., особенно въ сѣверныхъ говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ, на концѣ, въ сѣверно-великорусскомъ (спорадически) доходятъ *вплоть до нашего времени*“ [1]). Считаемъ вполнѣ убѣдительнымъ замѣчаніе, высказанное по этому поводу Колосовымъ, который самъ записывалъ народныя пѣсни въ сѣверномъ краѣ. Онъ говоритъ, что глухіе гласные, слышные въ концѣ словъ (*идуты, крылечико, колодецы* вмѣсто *идутъ, крылечко, колодцы*), вызваны условіями стихотворнаго размѣра, составляя принадлежность народной метрики, а не народной фонетики [2]). Что касается до существованія глухихъ гласныхъ въ XIV—XV в., то оно утверждается на такомъ правописаніи словъ, которое, во всякомъ случаѣ, можно объяснять различно. Извѣстно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности мы встрѣчаемъ случаи замѣны глухихъ гласныхъ чистыми, а также обратные случаи постановки глухихъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ, наконецъ, случаи совершеннаго исчезновенія глухихъ гласныхъ. Изъ вѣка въ вѣкъ можно слѣдить за этими тремя особенностями правописанія *ъ* и *ь* въ древнерусскихъ памятникахъ, при чемъ каждая изъ нихъ увеличивается въ размѣрѣ по мѣрѣ накопленія письменныхъ памятниковъ [3]). Легче всего понять послѣднюю особенность, т. е. совершенное опущеніе на письмѣ *ъ* и *ь*: полагать надобно, что оно соотвѣтствовало дѣйствительной потерѣ этихъ звуковъ въ произношеніи. Но какъ понимать *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е*, и особенно—обратные случаи? Защитники поздняго паденія *ъ* и *ь* усматриваютъ въ этихъ двухъ способахъ начертанія глухихъ гласныхъ доказательство ихъ жизни. Но мы не видимъ логи-

---

[1]) Къ исторіи звуковъ рус. яз. Потебни, 72.

[2]) Обзоръ... Колосова, 4.

[3]) Матеріалъ собранъ въ книгѣ Колосова: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. съ XI по XVI в.

ческаго основанія изъ двухъ противоположныхъ явленій извлекать одинъ и тотъ же выводъ. Намъ могутъ возразить, что одни и тѣ же случаи правописанія въ разные вѣка древнерусской письменности могутъ имѣть разныя значенія. Но въ опредѣленіи этихъ значеній, по нашему мнѣнію, и заключается вся трудность вопроса. Кто имѣетъ расположеніе слышать глухіе гласные и въ современномъ ритмѣ сѣверно-великорусскихъ пѣсенъ, тотъ истолкуетъ *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и обратные случаи въ древнерусскихъ памятникахъ въ пользу своего мнѣнія. Но, пока не устраненъ произволъ въ толкованіи древнерусскаго правописанія посредствомъ болѣе точныхъ наблюденій надъ его особенностями, мы не имѣемъ логическаго основанія считать глухіе гласные долговѣчными въ русскихъ нарѣчіяхъ [1]). Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „пока не будутъ указаны точныя орфографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствіе глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцевъ, до тѣхъ поръ невозможны попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ“ [2]). Совсѣмъ другое дѣло вопросъ о томъ, когда глухіе гласные *начали* падать въ русскихъ нарѣчіяхъ. Положительно можно сказать, что этотъ моментъ выступаетъ въ самомъ началѣ документальной исторіи ихъ въ древнерусскихъ памятникахъ, т. е. въ XI в. Употребленіе *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и этихъ послѣднихъ буквъ вмѣсто *ъ* и *ь*, возникшее въ XI в., по нашему мнѣнію, указываетъ на звуковую близость этихъ зву-

---

1) По поводу словъ: *гонеци*, *Боровескъ*, *царество* (XIV—XV в.) Колосовъ ставитъ вопросъ: „есть ли *е* этихъ формъ чистый гласный звукъ, или приблизительное выраженіе глухаго, или обозначеніе мягкости предшествующаго согласнаго“, — и затѣмъ изъ трехъ предположеній считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ второе (Обзоръ, 12). Почему онъ предпочитаетъ второе предположеніе первому и третьему, не видно изъ его книги. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ произвольнаго отношенія къ данному вопросу. Можно, конечно, на основаніи замѣны ъ и ь чистыми гласными разсуждать о неопредѣленности гласныхъ, которые выражались посредствомъ ъ и ь, но весь вопросъ въ томъ, какая это неопредѣленность —та ли, которая искони была присуща глухимъ гласнымъ и составляетъ, такъ сказать, ихъ индивидуальную природу, или неопредѣленность позднѣйшая, возникшая въ эпоху паденія ихъ.

2) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 66.

ковъ, которые въ произношеніи почти не различались между собою, поэтому переписчики и смѣшивали чистые гласные съ глухими. Ясно, что индивидуальная природа *ъ* и *ь*, сознанная творцами славянской азбуки, затмилась уже въ то время, когда начали писать эти буквы вмѣсто *о* и *е*, и наоборотъ. Трудно сдѣлать отсюда иной выводъ, хотя и отрицать спорадическое существованіе *ъ* и *ь* въ XI в. тоже трудно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то мы положительно не считаемъ въ немъ возможнымъ существованіе глухихъ гласныхъ въ XVI—XVII в., какъ доказываетъ это г. Огоновскій [1]), который, вопреки мнѣнію г. Потебни, полагаетъ, что *ъ* и *ь* удерживались долѣе въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. Онъ ссылается на ударенія надъ *ъ* и *ь* въ рукописяхъ XVI—XVII в: **мръ́довати**, **дль́го** (Перес. еван.), **съ́вѣсть**, **плъ́ть** (Берында), но ударенія здѣсь показываютъ только, что *ъ* и *ь* произносились, какъ гласные звуки. Для подтвержденія своей мысли онъ указываетъ также на преобладаніе въ малорусскомъ нарѣчіи звучныхъ согласныхъ надъ отзвучными. Но это явленіе во всякомъ случаѣ не тождественно съ дѣйствительною жизнію глухихъ гласныхъ въ народномъ употребленіи. На звучные согласные перенесенъ былъ оттѣнокъ гласности, принадлежавшій вообще гласнымъ звукамъ, а не однимъ только глухимъ гласнымъ, поэтому мы можемъ сказать только, что въ звучныхъ согласныхъ сильнѣе выступаетъ гласный элементъ, чѣмъ въ отзвучныхъ, не болѣе того, но опредѣлить частныя свойства этого элемента, тотъ или другой спеціальный характеръ его, мы не имѣемъ никакой возможности. Кто утверждаетъ, что преобладаніе звучныхъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи доказываетъ существованіе глухихъ гласныхъ въ такое позднее время, какъ въ XVI—XVII в., тотъ долженъ признавать существованіе глухихъ гласныхъ и въ наше время, потому что и теперь звучные согласные не перестали быть звучными въ малорусскомъ нарѣчіи. Съ другой стороны, еслибы М. Смотрицкій произносилъ *ъ* и *ь*, какъ глухіе звуки, то онъ охотно приписалъ бы это произношеніе и церковнославянскому

---

[1]) Studien .. Ogonowski, 48.

языку, которому онъ усвоилъ множество звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго произношенія. Между тѣмъ, о ъ и ь онъ выражается самымъ рѣшительнымъ образомъ, что они „са́ми собо́ю гла́са изда́ти не мо́гꙋтъ".

Полногла́сіе.

Полногласіе, какъ исконная черта всѣхъ русскихъ нарѣчій, проходитъ чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. полногласныя формы встрѣчаются въ особенномъ изобиліи: со́ромъ (Бер. 154), нагоро́да (Рад. Ог. 367), оволокъ (Ib. 371), ѡ́короча́ютъ (Ib. 394), коло-са́ница (Ib. 400), соло́дкїи (Ib. 475). Такъ называемое второе полногласіе (сѣвернорус: *молонья*, *беревно* = церковносл: млънии, бръвно) встрѣчается, какъ извѣстно, въ малорусскомъ нарѣчіи довольно рѣдко.[1]) Такъ же рѣдко встрѣчается оно и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галиц. еван. 1144 г. г. Ягичъ нашелъ всего два примѣра: *дългжніка*, *пъръстъ*[2]). Въ старину, какъ и теперь, оно, видимо, было свойственно главнымъ образомъ сѣвернорусскому говору. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ этого явленія и въ позднѣйшей малорусской письменности XVII в. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, не есть ли употребленіе двухъ полугласныхъ при плавныхъ *л*, *р* признакъ затменія слогообразовательной природы этихъ звуковъ, повидимому, не утраченной въ нѣкоторыхъ горскихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Думаютъ, обыкновенно, что *ь* въ словахъ: *връхъ*, *трьвати*, *тепьрь*, *рьчи*, *рьчете* (Головац. Розправа о яз. южнор. 50), *кърма*, *крътыця*, *кърныця* (Кочуб. 1 Отчетъ, 1876 г. 41) слышится въ произношеніи, какъ глухой гласный звукъ[3]). Слѣды слогообразовательнаго употребленія плавныхъ звуковъ замѣтны и въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ: *дъври*, *дъверемъ*, *клънущая* (Галиц. еван. XIII в.), *крве*, *крви* (Поликарп. еванг. XIV в.), *кълнеться* (Луц. еванг.

---

[1]) Studien... Ogonowski, 53.

[2]) Четыре критико-палеогр. статьи, Ягича, 97.

[3]) Studien... Ogonowski, 42.

XIV в.)[1]). Въ южнорусской печати XVII в. есть начертанія: по крви (Г. Мес. 212), кръвавый (Ib.), на брвѧхъ (Ib. 214), хотя при *р* въ подобныхъ случаяхъ большею частію стоитъ *и* или *ы*: обжирство (Г. К. 185), окрываленое (ib. 5), дрыжатъ (ib. 50).

Буква ѣ для выраженія і изъ ѣ и основнаго и.

Къ общерусскимъ звукамъ мы причисляемъ и тѣ звуки, которые въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ соотвѣтствуютъ церковнославянскому *ѣ*[2]). Объ этихъ звукахъ высказано было много мнѣній, но вопросъ о томъ, какіе именно звуки скрывались въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ подъ церковнославянскою буквою *ѣ*, до настоящаго времени остается спорнымъ. Принимаютъ обыкновенно за исходную точку этихъ нарѣчій въ произношеніи буквы *ѣ* долѣе *е*. И мы въ своемъ изслѣдованіи о буквѣ *ѣ* не отрицали этого мнѣнія, допуская, что въ *праязыкѣ русскомъ* возможно было долгое *е*, какъ выразитель того звука, для котораго въ церковнославянскомъ нарѣчіи придумана была буква *ѣ*[3]). Но можно ли въ звукахъ *е* или *ѥ*, посредствомъ которыхъ въ памятникахъ XI и особенно XII в. замѣняется буква *ѣ*, видѣть долгое *е*?[4]) Одни считаютъ это *е*

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 72.

[2]) Мы продолжаемъ считать тождественными звуками малорусское и сѣверно-великорусское *і* = *ѣ*, вопреки мнѣнію г. Потебни, который высказался противъ нашей мысли въ разборѣ сочиненія нашего „Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія" (Отчетъ о 20 мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 791—794). Тождественны эти звуки 1) по своему происхожденію, если допускать, что это *і* образовалось изъ долгаго *е* = *ѣ*; 2) по результатамъ, если будемъ разсматривать ихъ съ качественной стороны. Повидимому, *і* = *ѣ* малорус. и сѣверно-великорус. не представляютъ сходства только по условіямъ образованія своего или, какъ говоритъ г. Потебня, по процессамъ измѣненія своего. Но эти процессы отличаются полною ясностію только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Если мы допускаемъ, что они были возможны и въ украинскомъ говорѣ, то почему не допуститъ того же и для сѣверно-великорусскаго говора? Если въ немъ мы не видимъ ихъ теперь, то также точно не видимъ и въ украинскомъ говорѣ. Но то, что утрачено теперь въ этомъ послѣднемъ, могло быть утрачено и въ первомъ. *Навѣрное* можно сказать только одно, что условія измѣненія *ѣ* въ *і*, какъ остатки старины, въ настоящее время сохранились только въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 93—94.

[4]) Случаи такой замѣны см. Колосова Очеркъ... 60 и Соболевс. Очерки... 81.

приблизительнымъ выразителемъ долгаго *е*, но эта *приблизительность*, очевидно, не рѣшаетъ вопроса о томъ, существовало ли долгое *е* = *ѣ* въ самомъ началѣ древнерусской письменности [1]). Другіе высказываются болѣе опредѣленно, утверждая, что въ то время, когда произошло исчезновеніе глухихъ гласныхъ, *ѣ* былъ еще долгимъ звукомъ [2]). Но и это мнѣніе нуждается въ доказательствахъ. Поэтому мы остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „*въ историческую эпоху* долгое *е* въ русскихъ нарѣчіяхъ не было звукомъ, присущимъ живому чувству русскаго языка" [3]). Мы признаемъ долгое *е* вмѣсто *ѣ* за исходную точку для русскихъ нарѣчій, стоящую за предѣлами документальныхъ данныхъ, которыя представляютъ намъ древнѣйшіе памятники русской письменности. Здѣсь уже мы видимъ не только *е* и *ѥ* вмѣсто *ѣ*, и обратно *ѣ* вмѣсто *е*, но также *и* вмѣсто *ѣ*, а равно *ѣ* вмѣсто *и*. Тотъ и другой обмѣнъ *ѣ* то съ *е*, то съ *и*, встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ XI в., какъ сѣверныхъ (въ новгородскихъ Минеяхъ 1096—97 г.), такъ и южныхъ (Сбор. 1073 г.). Можно объяснить эту двойственность произношенія буквы *ѣ* тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сознаніи русскихъ писцевъ были два представленія объ этой буквѣ—одно книжное, а другое народное. Первое принесено было вмѣстѣ съ священными книгами южнославянскими учителями, произносившими *ѣ*, какъ *е*. Само собою разумѣется, что оно могло совпадать съ народнымъ произношеніемъ *ѣ*, какъ *е*, въ тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говорахъ. Но и помимо этого условія, такое произношеніе *ѣ* могло установиться въ кругу грамотныхъ людей при чтеніи и перепискѣ богослужебныхъ книгъ. Этимъ объясняется преобладаніе *е* вмѣсто *ѣ* надъ *і* вмѣсто *ѣ*. Что касается до произношенія буквы *ѣ*, какъ *і*, то оно не имѣло за собою въ XI в. книжнаго преданія, и потому появленіе *и* вмѣсто *ѣ* въ письменности объясняется только вторженіемъ въ нее народнаго выговора. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію,

[1]) Очеркъ... Колосова, 38.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 94.

что въ XI в. буква *ѣ* въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ звучала не одинаково.—Гораздо сложнѣе вопросъ о происхожденіи *е*, *и* вмѣсто *ѣ*. Примыкаютъ ли эти звуки прямо и непосредственно къ долгому *е*, или между ними и долгимъ *е* посредствующими звуками были дифтонги *йје*, *ијѐ*, сохранившіеся въ сѣверныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія? Мы имѣли случай высказаться за это послѣднее предположеніе и не имѣемъ причинъ предпочитать ему первое. Мы думаемъ, что сѣверно-малорусскихъ дифтонговъ нельзя вывести изъ краткихъ *е*, *и*, смѣнившихъ *ѣ*: они могли появиться только изъ долгаго *е*. Если же они существуютъ теперь, какъ архаизмы, то еще болѣе могли существовать нѣкогда, какъ новообразовавшіеся звуки, давшіе жизнь великорусскому *е* и малорусскому *и* вмѣсто *ѣ*. Къ сожалѣнію, по письменнымъ памятникамъ нельзя опредѣлить времени ихъ появленія въ устахъ народа, и въ этомъ заключается слабая сторона нашего предположенія. Тѣмъ не менѣе оно имѣетъ за себя всѣ теоретическія основанія. По крайней мѣрѣ, въ чешскомъ нарѣчіи *ie* было посредствующимъ звукомъ между древнѣйшимъ *ѣ* и позднѣйшими *е*, *i* [1]. Правда, въ чешскихъ памятникахъ *ie* появляется сравнительно поздно — въ XIV в., но въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ дифтонги могли появиться въ разное время. Нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что латинская азбука болѣе располагала къ фонетическому письму, чѣмъ церковнославянская. Если бы чешскіе писатели употребляли эту послѣднюю, то, можетъ быть, чешское *ie* пришлось бы возстановлять апріорнымъ путемъ такъ же, какъ и предполагаемые нами въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ дифтонги *йје*, *ијѐ* вмѣсто *ѣ*. Древнерусскіе писцы получили букву *ѣ* вмѣстѣ съ юсами, вмѣстѣ съ ѱ, ѯ, ѳ, ѵ и другими условными знаками, подъ которые должны были подставлять звуки того языка, на которомъ сами говорили,—и вотъ мы видимъ, что они употребляютъ букву *ѣ* для выраженія разныхъ звуковъ, которыхъ, надо полагать, вовсе не имѣлъ въ виду изобрѣтатель ея. Они ставятъ букву *ѣ* не только тамъ, гдѣ она требуется церковнославянскимъ

[1]) Hattala, Zvukaslovi, 69.

правописаніемъ, но и тамъ, гдѣ она была вовсе неумѣстна. Въ этомъ случаѣ они руководствовались то книжнымъ произношеніемъ этой буквы, то народнымъ. Можно, однакоже, въ южнорусской письменности прослѣдить изъ вѣка въ вѣкъ постепенный ростъ народнаго произношенія этой буквы, какъ *і*. Все чаще и чаще она выступаетъ, какъ выразитель не только *і* изъ *ѣ*, но и *і* изъ *е*. Въ XVII в. буква *ѣ* равнозначительна буквѣ *и*: она постоянно употребляется для выраженія звука *і*. Встрѣчается буква *и* тамъ, гдѣ, по требованію славянскаго правописанія, должна стоять буква *ѣ*. Вотъ нѣсколько примѣровъ: **не идѧтъ и не ѣдѧтъ** (Г. М. 238), **изи́лъ** (Г. К. 5), **зѣлъ** (ib. 8), *изъѣвъ* (Хмел. л.), *поили* (Льв. п.), *издилъ* (ib.), **прии́здъ** (Лям. Острож.), **вы́ихаию** (ib.). Гораздо чаще встрѣчаются обратные случаи: нерѣдко даже основное *и* пишется черезъ *ѣ*: **ка́ѣноки** (Г. К. 40), **напо́ѣтъ** (ib. 44), **по́ѣтъ** (ib. 155), **поѣла** (ib. 198), **нѣ бивъ, не ла́жлъ** (ib. 62), **бо́ѣнокъ** (ib. 57), **кꙋзѣй** (*козій*), **ба-ра́нѣй, коро́вѣй, еленѣй** (Бер. 140) и т. п. Особенно рѣзко бросается въ глаза эта особенность правописанія въ такихъ иностранныхъ словахъ, какъ *Унѣя, комисѣя* (Хм. л.), *лѣтеръ* и тамъ же: *литерами* (Пал. З. К. 999), **мѣнꙋта** (Г. К. 16), **ѣнтел-лѣгѣбиле** (intelligibile) „**то́е що̀ розꙋмѣетсѧ**“ (Г. М. 301).

Превращеніе неударяемаго а въ о.

Извѣстно, что въ окающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія неударяемый гласный звукъ *о*, за немногими исключеніями, не переходитъ въ *а*. То же консервативное отношеніе къ звуку *о* мы видимъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, которое не превращаетъ неударяемаго *о* въ *а*: *зоря, козак, отаман, Олекса, Опанас* и проч. Это предпочтеніе звука *о* звуку *а* есть старинная черта древнерусскаго вокализма, въ которомъ замѣчается склонность превращать неударяемое *а* въ *о*: *полатѣ* (Чуд. псал. XII в.), *сотона* (Ж. Б. и Гл. XII в.) и т. п.[1]). Она утрачена въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ говорахъ, гдѣ, наобо-

[1]) Очерки исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 77, 91.

ротъ, неударяемое *о* превращается въ *а* [1]). Въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в., ударяемое и неударяемое *а* часто превращается въ *о*: **ко́ждый** (Г. Каз. 145), **ро́зный** (Г. М. 220), **ро́зумъ** (ib. 206), **млоде́нцъ** (ib. 298), **розмовля́ли** (Г. Каз. 143), *Озовъ* (Меж. л.) и т. п.

Превращеніе е въ о (je въ jo).

Еще рѣшительнѣе въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ выступаетъ превращеніе начальнаго *ѥ* въ *о*. Такъ, въ Остроміровомъ еван: *олеи* вмѣсто *ѥлеи*, въ Сбор. 1073 г: *оже* вмѣсто *ѥже* и т. п. Мнимая ли это особенность древнерусскаго вокализма, или подлинная, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ современныхъ нарѣчій русскихъ она сохранилась главнымъ образомъ въ малорусскомъ и отчасти въ сѣвернорусскомъ [2]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. она встрѣчается рѣдко.

Превращеніе *е* въ *о (jo)* послѣ мягкихъ согласныхъ есть тоже давнее явленіе въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ [3]). Въ XIII в. появляется превращеніе *е* въ *о* подъ вліяніемъ ударенія: *жонъ*, *шолъ*, *у чомъ* [4]). Это, какъ извѣстно, черта современнаго южно-великорусскаго говора, въ которомъ для перехода *е* въ *jo*, *о* послѣ согласныхъ требуется удареніе надъ *е* вмѣстѣ съ твердостію слѣдующаго за *е* слога. Эти условія не всегда обязательны въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ и совершенно не обязательны въ малорусскомъ нарѣчіи. Не были они обязательны и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ. Весьма вѣроятно предположеніе г. Соболевскаго, что ограниченіе перехода *е* въ *о* въ южно-великорусскомъ говорѣ стоитъ въ зависимости отъ развитія въ немъ такъ называемаго *а́канья* [5]). Въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ XII—XIII в. появляется *ю* вмѣсто *е*: *ужасаються*—3 л. един. ч. (Добр. ев. XII в.),

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей русскаго яз. Колосова, 54—56.
[2]) Ibid. 69—70; Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 139.
[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 52—53.
[4]) Очеркъ .. Колосова, 93.
[5]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 55.

гюдњюмъ (Галиц. ев. XIII в.), *щюдръ* (Типогр. ев. XII—XIII в.) [1]) Полагать надобно, что это *ю* образовалось изъ посредствующаго *jo*, и что оно стоитъ внѣ всякой зависимости отъ ударенія. Во всякомъ случаѣ, *о* вмѣсто *е* послѣ согласныхъ, и именно шипящихъ, представляетъ обычное явленіе и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: чого̀ (Г. М. 301), нѣчого (Стр. 25), цокою (Г. Каз. 141), пришовши (Г. М. 307) и т. п.

Перегласованіе о, а въ е.

Широко развито въ великорусскомъ нарѣчіи перегласованіе звука *о* и особенно *а* въ *е* и даже въ *и* подъ вліяніемъ предшествующей іоты и даже шипящихъ согласныхъ, заключающихъ въ себѣ іоту, и вообще согласныхъ мягкихъ. Разница въ этомъ отношеніи между сѣверно-великорусскимъ и южно-великорусскимъ говоромъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не допускаетъ перегласованія въ ударяемомъ *а*, тогда какъ въ первомъ перегласованіе составляетъ обычное явленіе, какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ *а*. За исключеніемъ украинскаго говора, въ остальныхъ малорусскихъ говорахъ—въ сѣверномъ, и особено въ галицкомъ, перегласованіе составляетъ органическую принадлежность народной фонетики. Въ галицкихъ говорахъ оно представляетъ полное сходство съ сѣверно-русскимъ, т. е. послѣ всѣхъ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ іота, подлежитъ перегласованію ударяемое и неударяемое *а*: *пам'єть, р'ебий, жєль, щєстє, мєсо.* Не переходитъ *а* (*я*) въ *є*, когда съ гласнаго начинается слово или слогъ: *я, по́ясъ, сто́яти*,—изрѣдка и послѣ согласныхъ, особенно послѣ *л*: *дл'я, л'ях, гул'яти.* Въ свою очередь и *є* перегласуется дальше—въ *і* (*йі*): *щісьтє, місіць* и т. п. Перегласованіе отмѣчено уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: въ Сбор. 1073 г: *възраштеѥмыхъ, доброствореније дѣля, сего дѣле, камыкъ преточеније* [2]); въ новгородской Минеѣ 1091 г: *вєждедая, сураже-*

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93.

[2]) Ibidem, 103.

нинъ[1]). Въ Галицкомъ евангеліи 1144 г. послѣ шипящихъ стоитъ, какъ мы видѣли, ѧ, изрѣдка *а*[2]), иногда *ѣ*: *множьйша*[3]). Послѣдній случай можно объяснить перегласованіемъ, какъ бы ни звучала буква *ѣ*, какъ *е* или какъ *і*. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV—XV вв. нерѣдко встрѣчаются такія формы, какъ *розвезати*, *поглядать* и т. п.[4]). Подобныхъ примѣровъ немало найти можно и въ книжной малорусской рѣчи, особенно въ произведеніяхъ, написанныхъ въ первыя десятилѣтія XVII в. Такъ, въ Учительномъ евангеліи 1604 г: кни́жнєго, подорожнєго; въ *Казаньяхъ* Карповича 1615 г: *се* вмѣсто *ся* (90), *хотечи* (89); въ Кіевской лѣтописи 1621 г: *бачечи*, *светого* (81), *поднялсе* (80), *наставлъшего* (82), *езыкъ* (87) и т. п. Впрочемъ, примѣры, выписанные нами, напоминаютъ бѣлорусское перегласованіе неударяемаго *а* въ *е*[5]).

Замѣна ы звукомъ у въ формахъ отъ глагола быти.

Во всѣхъ формахъ глагола *быти* въ малорусскомъ нарѣчіи является звукъ *у* вмѣсто *ы*: *бути*, *був*, *бувши*, отсюда—*бувати*, *бував*, *бувавши*. Это *у* вмѣсто *ы* свойственно и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, особенно бѣлорусскому[6]). Одни объясняютъ *у* въ глаголѣ *быти* „памятью о низкомъ произношеніи *ы*“,[7]) другіе выводятъ его изъ двоегласнаго *уі*, предполагая, что *у* вытѣснило *і*[8]), но, принимая во вниманіе, что въ другихъ случаяхъ, за исключеніемъ немногихъ словъ, въ сѣверно-малорусскомъ говорѣ *ы* не измѣняется въ *у*, можно скорѣе всего согласиться съ мнѣніемъ гг. Брикнера и Огоновскаго, что *у* здѣсь появилось изъ формы *буду* = церковносл. бѫдѫ.[9]) Мало-

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 67.

[2]) Четыре критико-палеографическія статьи, Ягича, 91—93.

[3]) Матеріалы для исторіи пис. Буслаева, 12.

[4]) Dokumenta mold. Kałužniacki, 8. См. также Acta grodzkie i ziemskie... Lwów (1868), т. 1.

[5]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 46.

[6]) Ibidem, 55.

[7]) Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз. Потебни, 122.

[8]) Ягичъ, Archiv, II, 358.

[9]) Ibidem,—Studien... Ogonowski, 39—49.

русскіе писатели XVII в. большею частію удерживали коренное *ы* въ формахъ отъ *быти*, но встрѣчаются и формы съ *у*: *був*, *були* (Хм. л.), *бувши*, *збути* (Сл. о безд.).

Замѣна о звукомъ у въ глаголахъ съ тематическимъ ова.

Такъ же точно встрѣчается въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *у* вмѣсто *о* въ глаголахъ съ тематическимъ *ова*, какъ и въ малорус: *дарувати, панувати*, бѣлорус: *дарувацы, панувацы* [1]). Это послѣднее *у*, равно какъ и предыдущее, мы не можемъ считать въ бѣлорусскомъ нарѣчіи заимствованіемъ изъ малорусскаго, потому что оно распространено въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ малорусскаго народонаселенія, напр. въ витебской губерніи. Малорусскіе писатели XVII в. избѣгали употребленія *у* въ глаголахъ на *ова*, хотя въ народной рѣчи, безъ сомнѣнія, въ то время слышалось въ этихъ случаяхъ и *у* рядомъ съ *о*. Въ нѣкоторыхъ формахъ этихъ глаголовъ появляется *у* и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Смѣшеніе у съ в.

Смѣшеніе *у* съ *в*, какъ въ начальныхъ, такъ и въ серединныхъ слогахъ, есть явленіе рѣдкое въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, болѣе частое въ южно-великорусскомъ, обычное — въ бѣлорусскомъ и во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Начиная съ XI вѣка, оно встрѣчается въ памятникахъ только южныхъ, напр. въ Сбор. 1073 г: *уселенѣи*, *вьгодно*, *вьчинены;* въ Ж. Ѳ. XII в. *вгодникъ, вгодникомъ* [2]). Съ XIII в. мы видимъ его, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ [3]). Очевидно, смѣшеніе *у* съ *в* не было одинаково распространено и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, хотя, съ другой стороны, оно не было свойственно исключительно южнорусскимъ говорамъ. Въ современномъ малорусскомъ нарѣчіи оно проведено съ безусловною строгостію: въ немъ невозможно, напримѣръ, превращеніе *в* въ *ф* передъ отзвучными согласными (*лафка*, *фторникъ*), какъ въ большинствѣ говоровъ великорусскаго нарѣчія. Проходя

---

[1]) Обзоръ... Карскаго, 55.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62—78.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 87—88.

съ особенною настойчивостію чрезъ всѣ вѣка южнорусской письменности, смѣшеніе *в* съ *у* постоянно встрѣчается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: **оувѣсь, ѵвесь** (Бер. 14), **невроҗа́й, на Ѵкраинѣ, ѵчитель** (Г. М. 35), **оутѣкаетъ** (Рад. Ог. 473).

Смѣшеніе л съ в и вокализація в въ у.

Нѣкоторое сходство съ предыдущимъ явленіемъ представляетъ смѣшеніе *л* съ *в* и затѣмъ вокализація этого послѣдняго звука въ *у*. Обыкновенно это бываетъ тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи стоитъ согласный + лъ + согласный: *влъкъ = вовк = воук, плъный = повний = поуний*. Въ причастіи прошедшемъ на *лъ* конечное *л* тоже превращается въ *в*, *у*: *далъ, ходилъ = дав, ходив = дау, ходиу*. Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ серединнымъ превращеніямъ соотвѣтствовало сочетаніе *ъл* вмѣсто церковнослав. *лъ*. Во всякомъ случаѣ, вокализація *л* чрезъ *в* въ *у* находится въ связи съ потерей *ъ*, въ которомъ твердый согласный *л* нѣкогда имѣлъ свою поддержку, какъ имѣетъ и теперь въ гласныхъ звукахъ *а*, *о*, которые являются въ томъ же причастіи женс. и сред. р: *дала̀, дало̀, ходи́ла, ходи́ло*. Что касается до формъ: *сокіл, орел*, въ которыхъ удерживается *л*, то весьма вѣроятно, что здѣсь глухой *ъ* потерянъ былъ позже [1]). Какъ бы то ни было, только превращеніе *л* въ *в* и *у* свойственно не только малорусскому нарѣчію, но и бѣлорусскому, отчасти и нѣкоторымъ сѣверно-великорусскимъ говорамъ [2]). Въ малорусской письменности въ первый разъ мы встрѣчаемся съ этимъ явленіемъ въ концѣ XVI в: **выдо́вкꙋю** (Лексисъ Зизанія 1596 г.) [3]), въ XVII в. оно встрѣчается очень часто: **ко́вна, мовчꙋ** (Бер. 157), **сто́вчный** (ib. 156). Въ спрягаемомъ причастіи рядомъ съ *л* не менѣе часто встрѣчается и *в*, и притомъ у одного и того

---

[1]) Studien... Ogonowski 68. Тамъ же приведены оригинальныя формы, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи: *соків, кужів, горівка* вмѣсто *сокіл, кужіль, горілка*.

[2]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особен. народнаго рус. яз. Колосова, 165—166.

[3]) Studien.. Ogonowski, 68.

же писателя: „Хс нѣкого не зневажалъ, нѣ бивъ, нѣ лаѧ“ (Г. К. 62), *ишолъ* и *ишовъ* (Льв. П.), *збивъ, погнавъ, звоевивъ* (Меж. л. 97), *спаливъ* (ib. 98) и *спалилъ, взялъ* (ib. 99).

Различныя формы смягченія д и т.

Изъ общерусскихъ явленій въ сферѣ согласныхъ звуковъ самымъ давнимъ и наиболѣе распространеннымъ нужно считать смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*. Оно постоянно выдерживается и въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *потвержаетъ* (Пал. З. К. 1025), ко́жъ, кожа̀ (Г. М. 152), оупреѫжа́ючи (ib. 212), накоро́члвтъ (ib. 215).

Какъ малорусскому, такъ и великорусскому нарѣчіямъ свойственно и *жд* изъ *дj*, но въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи есть еще *дж* изъ того же *дj*=церковнославянскому *жд*, а также *ждж* изъ *здj*, напр: *приiжджати*, бѣлорус. *прийажджаць*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи *дж* къ *жд*, замѣтимъ, что *жд*, *ждж*, есть одна изъ старинныхъ примѣтъ малорусскаго консонантизма. Она встрѣчается уже въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ Галицкомъ евангеліи 1144 года: *дъжчить, рожчье, изжченетъ* и проч.[1]). Можно полагать, что здѣсь *жч* образовалось изъ *ждж* посредствомъ диссимиляціи *дж* съ предыдущимъ *ж*, или *ж* съ предыдущимъ *жд* (у Берынды: кыеждча́ю 155), а затѣмъ въ современныхъ малорусскихъ формахъ: *дощ*, *рiшче* (*рожджиѥ*) произошла ассимиляція *ж* съ звукомъ *ч*—можетъ быть, подъ вліяніемъ отвердѣнія *ч*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. есть та и другая форма: до́жчъ, дожчѝ (Г. К. 53) и *дощъ* (Льв. П.), кържча́ти (Бер. 50), ро́жчка (Г. Каз. 193), наконецъ, ро́счкою (Бер. 77), ро́щкою (Рад. Ог. 1130), рощцѣ (ib. 893)[2]). Всѣ формы смягченія *д* встрѣчаются у малорусскихъ писателей XVII в: гордж8, брыдж8ся (Бер. 180), прикл8дж8ю (ib. 123), дрождж'ѣ (Бер. 170),

---

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 86.

[2]) Въ *исправленіи погрѣшеній* при *Огородкѣ* Радивиловскаго правильнымъ считается з рощкою, а не з ро̑кою.

наиждждютъ (Рад. Ог. 2), *отъжджали* (Льв. II.). Впрочемъ, они охотно замѣняютъ *жд*, *жджж* простымъ *ж*, а при сочетаніи *ж* и другихъ шипящихъ съ свистящими во многихъ случаяхъ они слѣдуютъ народному выговору: **въ оубозствѣ** (Г. Каз. 105) и **оубозтва** (Рад. Ог. 293), **пророцтво** (Г. Каз. 72), **свѣдоцтво** (Г. М. 151), **товариство** (ib. 109) и проч. Здѣсь *жьс*, *чьс*, *щьс* путемъ ассимиляціи превратились въ *зс*, *цс*, *сс*, при чемъ второе *с* неслышно въ произношеніи. Форма **людзкій** (Г. М. 392) явилась по аналогіи съ формой **бозкій** (ib. 303), иногда встрѣчается и **людскій** (Рад. Ог. 390); въ бѣлорус. *боській* изъ *бозькій*, *люцкій* изъ *лютскій*, *людскій* [1]). Мы не встрѣтили, между прочимъ, народной формы *різдво*, (въ бѣлорус. *роство*) [2]), которая образовалась изъ *рождьство* чрезъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ: *рожество*, *рожство*, *розство*, *роство*, *роздво* (*д* въ *т* посредствомъ прогрессивной ассимиляціи), наконецъ, *різдво*. Вмѣсто этой формы постоянно употребляется подновленная въ русскомъ вкусѣ церковнославянская форма: *рождество*.

Отвердѣніе шипящихъ.

Шипящіе согласные, образовавшіеся посредствомъ переходнаго смягченія зубныхъ *д* и *т*, а также гортанныхъ согласныхъ, въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ произносились мягко. Только съ XIV в. появляются слѣды отвердѣнія шипящихъ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ древнерусскихъ памятникахъ [3]). Теперь мягкость шипящихъ соединяется въ галицкихъ говорахъ большею частію съ перегласованіемъ гласныхъ: *жнль*, *чнс*, *шнстн*, *шнпка* и т. п. Независимо отъ случаевъ перегласованія, въ горныхъ діалектахъ, преимущественно въ гуцульскомъ, шипящіе произносятся мягко: *начяти*, *чесати*, *чёго*, *чюжий* и т. п. [4]). Эта древнерусская мягкость шипящихъ сохранилась и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, но въ южно-великорусскомъ и бѣлорус-

---

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 74.

[2]) Ibidem, 79.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93—94.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

скомъ шипящіе большею частію отвердѣли [1]). То же нужно сказать и объ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, въ которомъ мягкіе шипящіе слышатся только въ существительныхъ на *иѥ* и *ѧт*: *збіжжя, лоша*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в шипящіе тоже постоянно тверды, вѣроятно, подъ вліяніемъ украинскаго говора: **мечъ** (Г. Каз. 71), **полночъ** (Рад. Ог. 151), *дожчу* (Сл. о безд.), **идучы** (Лям. острожс.), **молчы, межы** (ib.), **чого** (Г. М. 301) и т. п.

Мягкость свистящихъ.

Зато вполнѣ сохранилась въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія древнерусская мягкость свистящихъ согласныхъ. Согласный *с* въ малорусскомъ нарѣчіи произносится мягко въ суф. *ьск: жидивський, паньский* [2]), отсюда же по аналогіи и мягкое произношеніе *з* въ словахъ: *низький, близький*. Слѣды мягкаго *с* есть и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ: *галилѣйськую, сидоньськыя* (Луц. ев. XIV в. [3]). Въ именахъ существительныхъ съ тематическимъ *ц* этотъ звукъ только предъ *е* произносится твердо, предъ остальными гласными—мягко: *отець, отця, отцю, лице, лиця, лицю, молодиця, молодиць* и проч. Въ галицкомъ говорѣ это *ц* отвердѣваетъ, особенно въ имен. пад. ед. ч. [4]). Сѣверно-великорусскій говоръ въ этомъ отношеніи сходенъ съ малорусскимъ,—въ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ *ц* отвердѣло [5]). Мелетій Смотрицкій призналъ за церковнославянскимъ нарѣчіемъ твердое *ц*: **ѻтецъ, ѻтца, ѻтцу, пїаница**,— поэтому и въ малорусской *печати* подобныя формы представляютъ твердое *ц*, но въ *письменныхъ* малорусскихъ памятникахъ XVII в. нерѣдко можно встрѣтить мягкое *ц*, напр. въ Львовской лѣтописи: *сонця, сонцю* и т. п.

---

[1]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. Колосова, 156—157.

[2]) Г. Огоновскій объясняетъ мягкое *с* въ этихъ словахъ мягкостію слѣдующаго за *с* гортаннаго (Studien... 72).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 75.

[4]) Studien... Ogonowski, 74.

[5]) Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народнаго яз. рус., Колосова, 155.

Обмѣнъ свистящихъ съ шипящими.

Извѣстно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго письма, начиная съ XI вѣка, встрѣчается взаимный обмѣнъ *ц* и *ч*: *циновъ, лѣцьба, младеньча, вѣньчемь* (Минея 1096 г.) [1]) Эта черта вполнѣ сохранилась въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ [2]), Она чужда малорусскому нарѣчію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ діалектовъ галицкаго говора: *чемный* и *цемный, ніче* и *ніце, чюю* и *цюю* [3]). Не есть ли это остатокъ древнерусской старины? Мы ставимъ этотъ вопросъ, имѣя въ виду обмѣнъ согласныхъ *ц* и *ч* въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка [4]). Даже въ XVII в. изрѣдка встрѣчается этотъ обмѣнъ въ малорусской письменности: *ци* вмѣсто *чи* (Уч. ев. 1604 г.), *цили* вм. *чили* (Стр.), *цудне* вм. *чудне* (ib.).

Смягченно-удвоенные согласные.

Гораздо болѣе своеобразно для малорусскаго нарѣчія смягченіе согласныхъ, соединенное съ удвоеніемъ ихъ, хотя и это явленіе, чуждое говорамъ сѣверно-великорусскому и южно-великорусскому въ именахъ существительныхъ сред. р. темъ *ja*, свойственно, какъ извѣстно, бѣлорусскому говору. Оно имѣетъ мѣсто въ именахъ существительныхъ съ суфиксомъ *иѥ*, причемъ *и* сокращается въ *ь*, а *j* ассимилируется съ предыдущимъ согласнымъ, смягченнымъ посредствомъ *ь*. Такъ получается изъ *веселиѥ* чрезъ *веселье* сѣверно-малорус. *весільле*, украинс. *весілля*. Въ галицкихъ говорахъ стягивается обыкновенно *ије* въ *је*, при чемъ смягчается предшествующій согласный звукъ часто безъ удвоенія. Конечно, исходной точкой въ этомъ удвоеніи нужно признать сокращеріе *и* въ *ь*. Оно встрѣчается уже въ Сборн. 1073 г. (*причатьѥ, очьѭ*) и въ другихъ памятникахъ XI вѣка. Хотя это *ь* вмѣсто *и* не составляетъ исключительной принадлежности древнерусской письменности, но въ ней оно явилось

[1]) Изв. Ак. т. X, вып. II, стр. 431—435.
[2]) Обзоръ... Колосова, 181—184
[3]) Studien... Ogonowski, 75.
[4]) Очерки... Соболевскаго. 111.

совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ древнерусскихъ говоровъ. Оно было свойственно преимущественно тѣмъ изъ нихъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе. Такъ можно думать въ виду рѣшительнаго предпочтенія сокращенныхъ сочетаній *ье, ья, ью, ьи* предъ полными *ие, иа, ию, ии* въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Въ Галицкомъ еван. 1144 года, говоритъ г. Ягичъ, „такъ много примѣровъ этого рода сочетаній, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила имѣется полная форма [1]). Въ XIV в. появляются въ южнорусскихъ грамотахъ подобныя формы, но уже безъ ъ: *гадання* [2]), *по божіемъ нарожень, обличе* [3]); *печатю, милостю, широкостю* [4]); XVI в: **одѣнѧ, вырєчєнѧ, змилованѧ, зкожѧ, написанѧ** (Перес. ев.). Отсутствіе ь ясно указываетъ на то, что въ этихъ формахъ произошелъ уже процессъ удвоенія согласныхъ [5]). Въ малорусскомъ правописаніи XVII в. удвоенныя согласныя пишутся рѣдко: намъ встрѣтился одинъ только случай такого рода: **свинне** вм. **свинню** (Уч. ев. 1604 г.),—если не считать, вѣроятно, подновленныхъ издателемъ формъ: *въ навиженьню, для збыраньня, кореньня* (Сл. о безд.); обыкновенно отмѣчается только мягкость согласныхъ посредствомъ надстрочнаго знака, а не удвоеніе самихъ согласныхъ: **каміне** (Г. К. 57), **каменемъ** (ib. 33), **каменѧ** (ib. 166). Иногда же согласные непосредственно присоединяются къ іотированнымъ гласнымъ безъ всякаго знака смягченія: *на свитаню* (Льв. Н.), *за помочю* и *за помочу* (ib.) и т. п.

Согласный г.

Въ малорусскомъ нарѣчіи и въ большей части южно-великорусскихъ говоровъ нѣтъ звука *г = g*; только въ иностранныхъ словахъ употребляется *г = g*: *ганокъ, гудзъ*. Сохранились однако же въ малорус. рефлексы этого звука: въ словахъ *дзвін, джерело*.

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 90

[2]) АЗР. I. 23.

[3]) АЮЗР. I. 1.

[4]) Гол. гр. №№ 3, 9.

[5]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 213—217.

какъ *дз*, такъ *дж*, изъ г = g[1]). Въ виду этого обстоятельства, а также соображеній объ отношеніи церковносл. ѕ къ ζ, мы не считаемъ возможнымъ настаивать на своемъ прежнемъ мнѣніи, что *г* въ церковнославянскомъ нарѣчіи всегда произносилось, какъ *h*, и что г = h древнѣе въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ г = g Есть слѣды образованія *h* = *г* изъ *г* = *g* въ XII—XIII в.: *бласловите, бласловленъ* изъ *благословите, благословленъ*[2]),—хотя, конечно, не всякое малорусское *г* = *h* образовалось изъ *г* = *g*. Мы совершенно согласны съ Колосовымъ, что древнерусскій языкъ зналъ, какъ придыхательное *h*, такъ и нѣмое *g*. Но сознательное различеніе того и другаго звука въ малорусскихъ памятникахъ началось только въ XIV вѣкѣ, когда для выраженія нѣмаго *г* начали употреблять начертаніе *кг*: *Скиркгайло* (Гр. 1387 г.), *буркгимистру* (Гр. 1393 г.)[3]). Вмѣсто сложнаго начертанія *кг* въ XVII придумана была для обозначенія *г* = *g* особенная буква ґ: ѝґꙋменъ, тѵпоґрафїа (Бер.).

Согласный ф.

Нѣтъ также въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ бѣлорусскомъ, звука *ф*. Никогда не переходитъ въ малорусскомъ произношеніи звучный *в* въ отзвучный *ф* ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ предъ отзвучными, какъ въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ. Звукъ *ф* замѣняется въ малорусскомъ нарѣчіи согласнымъ *х*, особенно въ сочетаніяхъ съ *р*: *хрест, хранцуз*, или *хв*: *Хведор, хвортуна, хвіялочка*. Только въ галицкомъ говорѣ, и то большею частію въ словахъ заимствованныхъ, слышится *ф*: *фляшка, файный, фрасуватися*. Тѣмъ же путемъ заимствованія переходилъ звукъ *ф* и въ древнерусскія нарѣчія, изъ коихъ одни были расположены къ нему больше, другія—меньше[4]). Въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ *х* не только вмѣсто *ф*, но и вмѣсто *к*: *нехталимля* (Галиц. ев. XIII в.), *хролъ* (Луц. ев. XIV в.)[5]),—*хрьститель, хрьщѧю, хрьщенью* (Галиц.

[1]) Studien.. Ogonowski, 72—75.
[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 106.
[3]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, Потебни, 71.
[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 99.
[5]) Ibidem.

св. 1444 г.) [1]), *хто* (Грам. XIV в.) [2]) Изрѣдка встрѣчается это народное правописаніе и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *хто* (Хм. л.), *нѣхто* (Льв. П.). Но вообще говоря, малорусскіе писатели охотно слѣдовали совѣту Мелетія Смотрицкаго—строго различать *ф* отъ *хв*, т. е. писать: *форма*, а не *хворма*, *хвала*, а *фала*, поэтому въ иностранныхъ словахъ они постоянно удерживаютъ *ф*: фо́рма (Г. Каз. 43), фѣ́кра (ib. 39), фраѯ́нскъ (ib. 46).

Извѣстно, что въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ существовали многія формы имени и глагола, сходныя съ церковнославянскими. Но само собою понятно, что перемѣны въ области звуковъ должны были непосредственно отражаться на искаженіи и потерѣ самыхъ формъ. Особенно сильное вліяніе въ этомъ отношеніи должно было производить паденіе глухихъ гласныхъ, которое вызвало цѣлые ряды словъ съ согласными окончаніями. Старыя звуковыя комбинацій, смѣшиваясь съ новыми, давали богатый матеріалъ для нивеллирующаго дѣйствія такъ называемой аналогіи, которая не только сама шла по слѣдамъ звуковыхъ превращеній, но и вызывала эти послѣднія. Такимъ образомъ, въ замѣнъ однихъ морфологическихъ пропорцій, являлись другія, то сходныя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, то различныя.

Согласно съ нашимъ планомъ, мы остановимся сперва на сходныхъ, т. е. на общерусскихъ формахъ имени существительнаго.

Буква ѣ въ мягкомъ склоненіи именъ существ. женс. р. родит. един. и винит. множ., и мужес. р. въ именит. и винит. множ. ч.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ родит. пад. единс. ч., а также именит. и винит. множественнаго въ темахъ *ja* именъ женс. рода оканчивается на *и*, при чемъ единс. число отъ множ. отличается только удареніемъ: *землі́*, *душі́* (родит. ед.), *зе́мли*, *ду́ши* (именит. и винит. множ.) [3]). То же и въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ мужс. р., какъ въ сѣверныхъ,

---

[1]) Четыре критико-палеографич. статьи, Ягича, 97.

[2]) АЗР. I. 20

[3]) Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ встрѣчается вмѣсто *и* окончаніе *ѣ* (см. Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 309).

такъ и въ южныхъ нарѣчіяхъ, винит. множ. въ слѣдствіе смѣшенія съ именит. множ. принялъ форму этого послѣдняго падежа: *му́жи*, *ко́ни*, *лучи̂*, при чемъ въ именахъ одушевленныхъ уже въ XIII в. этотъ падежъ началъ смѣшиваться съ родит. множ. Этому *и* въ церковнославянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ ѧ, а въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, *ѣ*: такъ, уже въ Остроміровомъ еван: *недѣлѣ* (родит. ед.), въ Сбор. 1073 г: *пътицѣ* (именит. множ.), въ Сбор. 1076 г: *въдовицѣ* (винит. множ.) [1]). Въ XII—XIII вв. вмѣсто *ѣ* встрѣчаются въ этихъ падежахъ звуки *ꙗ* (послѣ шипящихъ—*а*) *е* и *и*: ст҃ꙑꙗ бц҃а (родит. ед. въ Ж. Б. и Г. XII в.), *про свое муже* (винит. множ. въ гр. 1230 г.), *бортнои земли* (родит. ед. въ Р. Прав. XIII в), *овци* (винит. множ. ibid.) и т. п. [2]). Существуетъ мнѣніе, что *ѣ* во всѣхъ этихъ формахъ есть окончаніе праславянское, искони отличавшее русскій языкъ отъ церковнославянскаго, что оно соотвѣтствуетъ ѧ, такъ же, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ *ы* соотвѣтствуетъ ѫ [3]). Но мы не видимъ *ѣ* во всѣхъ тѣхъ счучаяхъ, гдѣ стоитъ *ꙗ* въ соотвѣтствіи съ ѧ: нѣтъ, напримѣръ, *ѣ* въ формахъ: *бия*, *время*. Если бы *ѣ* = ѧ такъ же, какъ *ы* = ѫ, то получились бы формы: *биѣ*, *времѣ*. Поэтому необходимо перенести замѣну ѧ посредствомъ *ѣ* съ праславянской почвы на древнерусскую. Какъ же произносилось въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ это *ѣ?* Г. Соболевскій утверждаетъ, что *ѣ* произносилось иначе, чѣмъ *е*, потому что въ противномъ случаѣ это *ѣ* = *е* превратилось бы въ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ—звуковой процессъ, который начался въ XIII в., и котораго не замѣчаемъ мы въ *ѣ* [4]). Съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что если съ *е* изъ *ѣ* не сдѣлалось того же, что съ основнымъ *е*, то потому именно, что *е* изъ *ѣ* еще до XIII в. въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ получалось изъ дифтонговъ—такъ же, какъ въ другихъ говорахъ оттуда же образовалось и

---

[1]) Много примѣровъ изъ памятниковъ XI, XII, XIII вв. см. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. Колосова, 69, 82–83.

[2]) Подробнѣе—ibidem, 83, 94–96.

[3]) Русскій филологич. Вѣст., 1881 г. № 3.

[4]) Ibidem, 1881 г. № 3, 5.

и, слѣдовательно, въ чувствѣ языка не исчезло еще въ то время различеніе *е* изъ *ѣ* отъ основнаго *е*, потому-то *е* изъ *ѣ* и не пошло тѣмъ путемъ превращенія послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* (*јо*), какъ основное *е*. По нашему мнѣнію, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ буква *ѣ* прозносилась въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, какъ звукъ мягкій, который можно было противопоставить твердому *ы*, слѣдовательно, буква *ѣ* выражала звукъ, вызванный аналогіей отъ этого самаго *ы*, звукъ *не тождественный съ ы, но подобный ему*. Весьма можетъ быть, что это былъ звукъ *и* въ тѣхъ древнерусскихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *и*, но ничего нѣтъ невѣроятнаго и въ томъ, что въ другихъ нарѣчіяхъ, въ которыхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *е*, этотъ звукъ *е*, выраженный посредствомъ *ѣ*, сохраняя слѣды своего происхожденія изъ *ѣ*, противопоставлялся твердому *ы*. Когда въ этихъ послѣднихъ нарѣчіяхъ смѣнилось *е* на *и*, то, полагать надобно, это было уже дѣйствіе фонетическаго закона —такъ называемаго перегласованія, хотя и нельзя объяснять однимъ этимъ закономъ появленія *и* въ мягкихъ окончаніяхъ, гдѣ нѣкогда въ церковнославянскихъ нарѣчіяхъ стоялъ ѧ въ противоположность юсовому *ы* твердыхъ окончаній. Поэтому мы думаемъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ звукъ *и* въ разсматриваемыхъ формахъ утвердился вмѣсто церковнославянскаго ѧ только подъ вліяніемъ аналогіи отъ *ы*, въ другихъ—при помощи перегласованія, но въ томъ и другомъ случаѣ *разные* писцы пользовались буквою *ѣ* для выраженія неодинаковыхъ звуковъ—то *е*, то *и*. Южнорусскіе писцы выражали буквою *ѣ* преимущественно этотъ послѣдній звукъ, сохраняя и въ XVII в. преданіе древней южнорусской письменности. Вопреки славянской грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, который въ родит. един. и винит. множ. именъ существительныхъ мягкихъ окончаній пишетъ ѧ (с҃нѧ, мре́жѧ), они употребляли во всѣхъ этихъ случаяхъ букву *ѣ*, которую произносили, конечно, какъ *и*. Такъ, родит. единс: ꙁ҆ ꙁемлѣ̀ (Г. К. 39), есть и ꙁемлѝ (ib. 187), *зо всеи душѣ* (Пал. З. К. 978), слꙋжебницѣ (Стр. 26), *до ролѣ* (Льв. П.);—именит. множ: *кулѣ* (Льв. П.); винит. множ: сꙋ́кнѣ (Г. К. 81), ѻ҆панчѣ̀ (К. Х.), кро-

плѣ (Рад. Ог. 642), шаблѣ (ib 1081). То же *ѣ* и въ винит. падежѣ мужес. р., гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи былъ ѧ: *конѣ* (Хм, л.), есть и *кони* (ib.), *олтарѣ* (ib.). Но такъ какъ *ѣ* произносили, какъ *и*, то и въ имен. множ. ч. мужс. рода, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *и*, въ малорусской книжной рѣчи часто видимъ *ѣ: гостѣ, приходнѣ* (Каз. Л. Карп.), *учителѣ* (Пал. З. К. 977), кнѧзѣ, кролѣ, царѣ (Г. К. 61), *нѣмцѣ, огнѣ* (Льв. П.).

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ дѣйствіе аналогіи въ тѣхъ формахъ имени существительнаго, которыя появились въ слѣдствіе смѣшенія темъ, а также смѣшенія родовыхъ окончаній и падежей.

Смѣшеніе темъ въ именахъ существительныхъ.

Къ давнимъ явленіямъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ относится смѣшеніе именъ темы *а* съ именами темы *у* въ род. един. (*льну* Сбор. 1073 г.) и въ предлож. един (*въ пиру* Рус. Правда по спис. ок. 1282 г.) [1]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. это смѣшеніе представляетъ тоже одно изъ заурядныхъ явленій, особенно послѣднее: о чл҃вкꙋ (Г. Каз. 104), *по отцю, у великомъ страху* (Льв. П.), к казню (Г. Каз. 116).

То же нужно сказать и о смѣшеніи именъ темы *а* съ именами темы *і* въ родит. и дат. един. ч: *гостя, огня* вмѣсто *гости, огни*. Въ малорусскихъ памятникахъ XVII в. послѣднія, болѣе древнія формы вовсе не встрѣчаются. Въ родит. множ. уже въ XIV в. появляется форма: *людей* [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, образовалась ли она изъ *ьи*, замѣтимъ только, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ она глубоко проникла въ темы *а*: даже въ славянской грамматикѣ М. Смотрицкаго встрѣчаемъ: пастырей, мжей и проч.

Въ томъ же родит. множ. уже въ XI в. обнаружилось смѣшеніе именъ темъ *а* съ именами темѣ *у: грѣховъ* (Остр. ев.

¹) Лекціи по исторіи русскаго языка Соболевскаго, 121, 122.
²) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 109.

255 в.), *врачевъ* (ib 243 в.), *вождевъ* (Сбор. 1076 г.)[1]. Съ развитіемъ древнерусской письменности постепенно усиливается преобладаніе окончаній *овъ, евъ* надъ *ъ, ь*. Въ малорусской книжной рѣчи XVII в. замѣтно колебаніе въ этомъ падежѣ между темами *у* и *і*; **непріѧтеліовъ** (Г. К. 17) и **непріѧтелей** (ib.), **звѣріовъ** (ib. 56) и **звѣрей** (ib.).

Смѣшеніе родовыхъ окончаній въ именахъ существительныхъ.

Въ дат., творит. и предлож. падежѣ множ. ч. имена существительныя мужес. и сред. р. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ принимаютъ окончанія именъ существительныхъ женс. р: *амъ-ямъ, ами-ями, ахъ-яхъ*. До XVI в., повидимому, держались еще старинныя окончанія этихъ падежей. Въ одномъ памятникѣ XII в. мы встрѣтили окончанія *ами, ями: прекраснами лучѧми* (Монаст. уст.)[2], но этотъ единственный случай не можетъ служить доказательствомъ ранней аналогіи въ этихъ формахъ отъ именъ существительныхъ женс. р. Зато въ XIV вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, рѣшительно выступаетъ дѣйствіе этой аналогіи[3]. Вѣроятно, раньше всего подчинились ей имена существительныя средняго р., въ которыхъ именит. множ. оканчивается на *а*. Въ предложномъ падежѣ посредствующей формой отъ *ѣхъ* къ *ахъ* могли быть окончанія *ѣхъ, охъ*, перешедшія изъ темы *а* въ тему *у* и весьма нерѣдкія въ южнорусскихъ памятникахъ, даже сравнительно позднихъ[4]. Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. разсматриваемыя нами формы, безъ сомнѣнія, были уже во всеобщемъ употребленіи, какъ и теперь въ народной рѣчи. Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго стоятъ рядомъ формы: **пророками, дрꙋгами** и **пророки, дрꙋги**, но падежи дат. и предлож. выдержаны по церковнославянски.

---

[1]) Изв. Ак. т. X, 5.

[2]) Ibidem.

[3]) Примѣры у Колосова, с . Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка, 109—110.

[4]) См. „Кіевс. Старина", іюнь, 403.

Смѣшеніе родовыхъ окончаній выразилось также въ имен. пад. един. ч. собственныхъ именъ, которыя послѣ паденія глухихъ гласныхъ охотно начали принимать окончаніе *о*, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ: *Данило, Федорко* (Смол. гр. 1284 г.), *Михайло* (Нов. гр. 1317 г.) [1]).—То же въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в.: *Стецко, Васько, Осташко, Глѣвко, Михайло* [2]). Для объясненія этого явленія едвали можно обращаться къ теоріи о долговременномъ существованіи глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ сѣверномъ, гдѣ обыкновенно встрѣчаются такія формы, какъ *Ролфо, Тумаше* (Смол. гр. 1229 г.), *Павле, Игнате* (Новгор. купч. XIII—XIV в.), *Окынфо, Марке, Ѳедоро, Ивановиче* (Новгр. гр. XIV в.). Смѣшеніе глухихъ гласныхъ съ чистыми въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, по нашему мнѣнію, есть ничто иное, какъ графическая замѣна однихъ буквъ другими, легко объясняемая привычкой малограмотныхъ писцевъ произносить *ъ* и *ь*, какъ *о* и *е*, поэтому въ сѣверныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ эти последнія буквы вмѣсто первыхъ, и наоборотъ. Такъ, иногда въ одной и той же грамотѣ одни и тѣ же слова пишутся двоякимъ образомъ: *миро* и *миръ, будьте* и *будьть, битосѧ* и *битъсѧ, око* и *окъ* (Смол. гр. 1229 г.). Къ такимъ же ошибкамъ въ правописаніи мы относимъ аналогическія формы въ южнорусскихъ памятникахъ: *ѥсте* вмѣсто *ѥсть, придьте* вмѣсто *придьть* (Добр. ев. XII в.), *дамо* вмѣсто *дамъ* (Типогр. ев. № 7, XIII в.), *къ июдеѥмо* вмѣсто *къ июдеѥмъ* (Луц. ев. XIV в.) [3]). Что касается до именъ существительныхъ, относящихся къ названію лицъ и званій, то въ великорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе родовыхъ окончаній въ этихъ именахъ пошло дальше, чѣмъ въ малорусскомъ. Уже въ XIII—XIV вв. въ сѣверно-великорусскихъ грамотахъ встрѣчаемъ окончаніе *а* рядомъ съ *о* съ соотвѣтствующими косвенными падежами женс. р: *Самуйлѣ* (дат. ед.), *Гаврилу, Данилу* (винит. ед.) и т. п. [4]). Въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

---

[1]) Изв. А т. X, 5, 6.

[2]) Гол. гр. №№ 3, 7.

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 71.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 132.

господствуетъ окончаніе *о:* **Марко** (Г. М. 336), *Михайло*, *Григорко* (Гус. л. 372) и т. п. Нерѣдки также формы: *митрополйта* (Г. Чуд. 143), *патріарха*, *екзарха*, *езуита* (Густ. л. 369—370). Впрочемъ, *а* въ этихъ формахъ, очевидно, явилось, какъ и въ польскомъ языкѣ, подъ вліяніемъ латинскихъ формъ.

Смѣшеніе падежей въ именахъ существительныхъ.

Зват. падежъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ мы видѣли, сохранился до настоящаго времени, не замѣняясь падежемъ именительнымъ. Обратная замѣна именит. падежа звательнымъ въ именахъ сущесвит. мужес. р. встрѣчается иногда въ народныхъ пѣсняхъ: „приїзжае *синку* к своему двору" (Чуб. V. 706), „ой занедужав молодый *чумаче*" (ib. 1048). Это явленіе общерусское, и притомъ давнее, возникшее въ XII — XIII в. [1]). Встрѣчается оно и у малорусскихъ писателей XVII в: **Николае** вмѣсто *Николай* (Г. Каз. 20), **Ӑріе** вмѣсто *Арій* (Рад. Ог. 709).

Не менѣе древнею общерусскою особенностью въ формахъ имени существит. нужно считать смѣшеніе винит. падежа въ именахъ одушевленныхъ мужес. рода съ родительнымъ, а также во множ. ч. смѣшеніе винит. падежа съ именительнымъ. Первое смѣшеніе встрѣчается уже въ памятникахъ XI—XII в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ: „**имать живота вѣчьнаго**" (Остр. ев. 8, в.), „**възлюбі бг҃ всего мира**", „**ядъій хлѣба**" (Галиц. еван. 1144 г.) [2]). Употребленіе винит. вмѣсто именит., и обратно, во множест. ч. началось не позже XIII в. [3]). Всѣ эти общерусскія явленія составляютъ обычную черту и книжной малорусской рѣчи XVII в. Въ винит. множ. Мелетій Смотрицкій старается приблизиться къ церковнославянскимъ формамъ: **бра́ты, па́стыря, вра́чя**, но **ко́нина, дру́га, сы́на, врача̀** и тому подобныя замѣны винительнаго падежа формами родительнаго онъ приписываетъ, какъ мы видѣли, и языку славянскому.

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 137.

[2]) Описаніе славянскихъ рукописей, Горскаго и Невост. отд. I. 214.

[3]) Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 139.

Не менѣе значительны общерусскія отклоненія отъ церковнославянскихъ глагольныхъ формъ.

Суффиксы неопред. наклоненія ти, ть, чь.

Въ неопр. накл. съ XII в. началось уже колебаніе между формами *ти* и *ть*. Такъ, въ договорной грамотѣ Ярослава Владиміровича съ нѣмцами (1195 г.) читаемъ: „а кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ миръ *потвердить*“ [1]). Нужно, впрочемъ, сказать, что форма *ть* встрѣчается довольно рѣдко не только въ XIII, но и въ XIV в: „оу желѣза *оусадить*“ (Смол. гр. 1229 г.), [2]) „жидове мають утягати и *выстерегаться*“ [3]) Гораздо чаще встрѣчается *ть* въ XV в. [4]), не устраняя и въ послѣдующихъ вѣкахъ стариннаго *ти*. Эта живучесть окончанія *ти* не можетъ служить въ пользу предположенія, что достигательное наклоненіе начало выходить изъ употребленія въ XV в. подъ вліяніемъ превращенія *ти* въ *ть* и послѣдовавшаго затѣмъ смѣшенія этого послѣдняго окончанія съ суффиксомъ достигат. накл. *тъ*. Можно указать въ древнерусскихъ памятникахъ примѣры появленія *ть* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ старину употреблялось *тъ*; даже *ти* въ древнѣйшихъ памятникахъ стоитъ иногда вмѣсто *ть*, напр: „идѫ оуготовати мѣсто вамъ“ (Остр. ев. 45, в). Поэтому мы полагаемъ, что удобнѣе говорить о замѣнѣ достигат. наклоненія посредствомъ неопредѣленнаго, чѣмъ о фонетическомъ воздѣйствіи одной формы на другую. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ вмѣсто достигат. накл. является неопредѣлен. съ общерусскимъ окончаніемъ *чи* [5]), которое въ настоя-

---

[1]) Грамоты, касающіяся сношенія сѣверозап. Россіи съ Ригою, Напіерскаго, изд. Археогр. комис.

[2]) Славянская христоматія Воскресенскаго, 65. Колосовъ считаетъ въ этомъ случаѣ ь графической замѣной звука *е*, который въ свою очередь стоитъ вмѣсто *и* (Очеркъ... 98). Это, очевидно, фонетическая натяжка. Нельзя также считать *оусадить* формой повелит. накл., потому что она не соотвѣтствовала бы контексту рѣчи, въ которой постановленія договаривающихся сторонъ всюду выражены въ формѣ неопред. наклоненія.

[3]) АЗР. I, 25.

[4]) Ibid. I, 71, 83.

[5]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потебни, 299.

щее время сохранилось, какъ въ сѣверномъ великорусскомъ, такъ и въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ.

Вызвано это *чи* вліяніемъ согласныхъ темъ наст. времени. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ окончаніе *чи* послѣдовательно идетъ, начиная съ XIV в: *рѣчи* (Гр. 1385 г.) [1]), *отверечися* (Гр. 1386 г.) [2]), *мочи* (Гр. 1486 г.) [3]), **пожечи, стеречи, оукеречи** (Пересоп. ев. XVI в.), *забѣчи* (Пал. з. К. 1083), *высѣчи* (Льв. П), **вымочи** (Рад. Ог. 385), **печи** (Г. К. 185.).

Личныя окончанія наст. времени изъявит. наклоненія.

Въ изъявит. наклоненіи не всѣ личныя окончанія наст. времени сохранились въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и малорусскомъ. Съ XIII в. начали колебаться формы двойст. ч. [4]), въ XIV в. онѣ постепенно вымирали. Какъ ни усиливался Мелетій Смотрицкій поддержать эти формы въ своей грамматикѣ, онѣ не привились къ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ единс. и множес. числахъ настоящаго времени личныя окончанія получили не тотъ видъ, какой они имѣли въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Такъ, юсы уже въ XI в. иногда замѣняются чистыми гласными въ 1 л. единс. и въ 3 л. множес. ч: *пригимоу* (Туровс. ев. XI в.) [5]), *розоумѣю, глаголють* (Сбор. 1076 года) [6]). Архаическое окончаніе 1 л. единс. ч. *мь* тоже въ XI в. начало превращаться въ *мъ:* уже въ Остром. евангеліи съ особенною настойчивостію употребляется форма **имамъ.** Подобныя формы встрѣчаются также въ XII и XIII в. [7]) Глаголъ *ѥсмь,* вѣроятно, подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. единс. ч. *ѥси*, съ давнихъ временъ получилъ форму *ѥсми* [8]). Въ слѣдствіе пре-

---

[1]) АЗР. I. 27.

[2]) АЗЮР. II, 102.

[3]) АЗР. I, 80.

[4]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

[5]) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, Срезневскаго, №45, 108.

[6]) Историческая христоматія, Буслаева, 300.

[7]) Свѣдѣнія и замѣтки... Срезневскаго, № 31, стр. 4. Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 192, 214, 227, 232.

[8]) Колосовъ указываетъ одинъ примѣръ изъ XII в. (Очеркъ .. 85). Въ XIII и XIV в форма сложнаго прошедшаго съ *ѥсми* рѣдко встрѣчается, а въ XV в. она

вращенія *мь* въ *мъ* 1 л. множес. ч. совпало съ 1 л. единс. ч. Можетъ быть, это обстоятельство было поводомъ къ превращенію во множ. ч. *мъ* въ *мы*: уже въ Сбор. 1073 г.—*ѥсмы* [1]): Вообще же въ глаголахъ сохранилось во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ окончаніе 1 л. множ. ч. *мъ*—конечно, безъ всякой примѣси глухаго гласнаго звука.

Во 2 л. един. ч. рано появилось окончаніе *шь* вмѣсто *ши*: въ памятникахъ XII—XIII в. находимъ: *тружаешь* (еван. XII в. кіевс. церковно-арх. муз.), *прѣткнешь* (еван. XII—XIII в. Рум. муз. № 104) [2]), *вѣдаешь, дѣлаешь, посулишь* (гр. 1229 г.) [3]). Допуская въ русскихъ нарѣчіяхъ раннюю потерю глухихъ гласныхъ, думаемъ, что окончаніе *шь* уже во время появленія своего означало не болѣе, какъ мягкій шипящій звукъ, поэтому не лишено основанія предположеніе г. Соболевскаго, что окончаніе *ши* въ древнерусскихъ памятникахъ есть особенность церковнославянская, а не русская [4]). Послѣ отвердѣнія шипящихъ, ь въ окончаніи *шь* не было уже знакомъ мягкости согласнаго *ш*, а въ книжной малорусской рѣчи XVII в., согласно съ народнымъ произношеніемъ, принято было за правило писать *шъ*, а не *шь*: наѹча́ешъ, ма́ешъ, ѕна́йдешъ (Г. М. 122, 123).

Въ 3 л. един. и множ. ч. украинскій говоръ малорусскаго нарѣчія вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ и южно-великорусскимъ ближе стоитъ къ церковнославянскому нарѣчію, удерживая мягкое *т*, т. е. *ть*. Въ галицкомъ малорусскомъ и сѣверномъ великорусскомъ, а также въ литературномъ русскомъ, *т* отвердѣло. Хотя предъ *ся* это отвердѣніе *т* встрѣчается уже въ Мстиславовомъ еван. XII в. (оуѧрамлѧютсѧ, оставлѧютсѧ) [5]), но явленіе это съ особенною силою выступаетъ въ болѣе позднихъ памятникахъ XV в. [6]). Мелетій Смотрицкій, примѣняясь къ западнымъ мало-

составляетъ обыкновенное явленіе, какъ въ южнорусскихъ, такъ и въ сѣвернорусскихъ памятникахъ.

[1]) Описаніе слав. рукописей, Горскаго и Невостр. Отд. II, кн. 2, 392.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 112.

[3]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 97.

[4]) Лекціи... Соболевскаго, 112.

[5]) Историческая христоматія, Буслаева, 37, 38.

[6]) Очеркъ .. Колосова, 145.

русскимъ говорамъ, установилъ для 3 л. един. и множ. ч. окончаніе *тъ*: оно принято было и въ книжную малорусскую рѣчь XVII в.—Что касается до опущенія *ть*, *тъ* въ 3 лицѣ един. и множ. ч., то оно отвергнуто было малорусскими писателями XVII вѣка, какъ особенность простонародной рѣчи. Между тѣмъ, это одна изъ характерныхъ ея особенностей. Является она уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности—въ припискѣ къ Остромірову евангелію, въ Сборникѣ 1073 г. Въ настоящее время формы безъ *ть*, *тъ* въ 3 л. един. ч. распространены преимущественно въ малорусскомъ и сосѣднихъ съ малорусскими бѣлорусскихъ говорахъ; гораздо рѣже встрѣчаются онѣ въ остальныхъ великорусскихъ говорахъ.

Замѣна прошед. простыхъ прошедшими сложными.

Относительно прошедшихъ простыхъ установилось мнѣніе, что въ первые вѣка славянорусской письменности они не чужды были древнерусскимъ нарѣчіямъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ аористъ, такъ и прошедшее продолженное время, составляютъ обычное явленіе. Такъ, въ болѣе поздней редакціи ихъ XII и XIII в. мы видимъ прежде всего рѣзкое преобладаніе такъ называемаго аориста, который въ глаголахъ 1 класса на гласную тему иногда употребляется въ 3 л. един. ч. безъ *тъ*, *ть*: *нача* (Пролог. новгор. соф. билбл. 1150 г.), *поча* (Кормч. 1284 г.)[1] и т. п. Наоборотъ, въ прошед. продолженномъ времени 3 л. един. и множ. ч. часто является съ окончаніемъ *ть*, которое встрѣчается иногда и въ южнославянскихъ памятникахъ, но преимущественно—въ памятникахъ древнерусскихъ. Видно, что это окончаніе не было навѣяно вліяніемъ южнославянской письменности. Особенно интересно въ древнерусской книжной рѣчи своеобразное построеніе прошед. продолжен. времени: большею частію оно образуется подъ вліяніемъ аналогіи отъ темъ глагольныхъ на *а*: **ицѣаше** (Остр. ев. 4 в.), **идѧаше** (ib. 34, б), **живѣаше** (ib. 9, в.), — есть и **идѣаше** (ib. 95, г.), **живѣаше** (ib. 41, в.). Гораздо чаще встрѣчаются сокращенныя формы: *идяше*, *живяше* (Арх. ев. 1092 г.), *търъпяше*, *идяше*

[1]) Древніе памятники русскаго пис. и яз. Срезневскаго, 234, 237.

(Мин. 1095 г.) [1]). Въ XII—XIII вв. эта однообразная форма прошед. продолжен. времени встрѣчается еще чаще, указывая на затменіе этой категоріи времени въ живой рѣчи. Вообще же нужно сказать, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской редакціи замѣтно уже предпочтеніе сложныхъ формъ времени простымъ. Можетъ быть, ближайшимъ поводомъ къ этому предпочтенію служило стремленіе отличить 2 л. един. ч. въ прошедшихъ простыхъ отъ 3-го, поэтому для втораго лица сперва употреблялась сложная форма, а затѣмъ она начала проникать и въ другія лица. Такое предположеніе мы допускаемъ на томъ основаніи, что въ древнерусскихъ памятникахъ съ особенною настойчивостію употребляется сложная форма прошед. времени во 2 л. един. ч. Въ XIII в. встрѣчаются уже ошибки въ употребленіи прошедшихъ простыхъ: такъ, въ галицкомъ спискѣ еванг. чтеній конца XIII в. встрѣчается: „другая не *имѣше* глубины землѧ“ [2]). Формы прошедшихъ простыхъ казались тѣмъ менѣе обязательными, что съ опущеніемъ вспомогат. глагола въ сложныхъ прошедшихъ, которое нерѣдко встрѣчается уже въ XII в. („язъ *далъ*“ Грам. Мстисл. 1130 г., „се *вдале* Варламе“ Грам. хут. 1192 г.), [3]) формы сложныхъ прошедшихъ являлись въ упрощенномъ видѣ. Какъ бы то ни было, въ XIII—XIV вв. формы прошед. простыхъ были уже пережитымъ моментомъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, хотя и были понятны народу, поэтому онѣ и не выходили изъ книжнаго употребленія не только тогда, но и гораздо позже. Конечно, вымираніе этихъ формъ происходило не сразу: нѣкоторыя изъ нихъ могли продолжать свое существованіе, какъ остатокъ старины. Судить объ этомъ мы можемъ по тому, что и теперь еще жалкіе остатки ихъ, какъ мы видѣли, не исчезли окончательно. Вообще говоря, въ обыденной рѣчи онѣ казались излишними: здѣсь причастіе спрягаемое на *лъ* сдѣлалось замѣстителемъ прошедшихъ простыхъ. Впрочемъ, и въ книжной малорусской рѣчи XVII в. онѣ тоже отсутствуютъ.

---

[1]) Лекціи.. Соболевскаго, 114.

[2]) Свѣдѣнія и зам. о малоизвѣс. и неизвѣс. памятникахъ, Срезневскаго, № 15, 413. Примѣры ошибокъ въ употребленіи прошедшихъ простыхъ изъ разныхъ вѣковъ см. Лекціи.. Соболевскаго, 165.

[3]) Древніе памятники русскаго письма и яз. Срезневскаго, 408, 510.

Виды глаголовъ въ южнорусской письменности XV, XVI, XVII вв.

Въ связи съ этимъ явленіемъ, по нашему мнѣнію, находится развитіе въ русскихъ глаголахъ тѣхъ особенностей, которыя въ грамматикахъ принято называть *видами* глаголовъ или *степенями дѣйствія*, выражаемаго посредствомъ глаголовъ [1]).

Извѣстно, что въ образованіи кратной степени во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ самое рѣшительное вліяніе имѣетъ гласный звукъ *а*, поэтому глаголы V класса съ тематическимъ гласнымъ *а* представляютъ наиболѣе удобную почву для передвиженія глаголовъ изъ продолженной степени въ кратную. Тема этихъ глаголовъ расширяется посредствомъ суффикса *а*, который видоизмѣняется въ нарѣчіи великорусскомъ въ звукъ *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ, и въ звукъ *и* послѣ гортанныхъ, а также послѣ мягкихъ согласныхъ, при чемъ для устраненія зіянія между суффиксомъ кратной степени и тематическимъ гласнымъ вставляется *ѣ*, удареніе же большею частію передвигается съ тематическаго гласнаго на корень, въ которомъ гласный звукъ иногда усиливается: *дѣлать-дѣлывать*, *толкáть-тáлкивать* и т. п. Форму кратной степени могутъ принимать и глаголы другихъ классовъ, но всегда подъ условіемъ перехода этихъ глаголовъ

---

[1]) Миклошичъ раздѣляетъ славянскіе глаголы на *совершенные* и *несовершенные*, и затѣмъ - въ послѣднихъ различаетъ дѣйствіе длящееся (verba durativa) отъ дѣйствія повторяющагося (verba iterativa). Эти послѣдніе глаголы, обыкновенно обозначаемые суффиксомъ *а*, усиливаютъ итерацію посредствомъ удвоеннаго суффикса *а*, являясь такимъ образомъ итеративными второй степени: чешс. *sedám* — глаголъ итеративный отъ *sedu*, *sedávám* — итеративный отъ sedám (Vergleich. Syntax der Slav. Spr Miklosich, 276—277).—Некрасовъ раздѣляетъ русскіе глаголы по *степенямъ дѣйствія* на *краткіе*, *продолженные* и *кратные*. „Краткость и кратность, говоритъ онъ, суть виды общаго, родоваго понятія продолжительности. Въ нихъ противоположность представляется конкретнѣе, съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ (О значеніи формъ русскаго глагола, 1865 г., 155). Недостатокъ этой послѣдней классификаціи заключается въ томъ, что въ ней не дано надлежащаго мѣста глаголамъ совершеннымъ, которые не имѣютъ суффикса краткой степени *ну*,—зато она представляетъ менѣе сбивчивости въ разграниченіи первой и второй степени По Некрасову, *кидáть*, *бросáть* —глаголы просто продолженные (у Миклошича verba iterativa первой степени), *кúдывать*, *брáсывать*—глаголы кратные (у Миклошича verba iterativa второй степени). Поэтому, принимая общепринятое въ славянскихъ грамматикахъ дѣленіе глаголовъ на совершенные и несовершенные, мы будемъ держаться терминологіи Некрасова въ отношеніи къ глаголамъ несовершеннымъ.

въ V классъ, хотя переходная форма эта въ глаголахъ великорусскихъ не всегда употребляется. Такъ, отъ глагола *дать* (1 кл.) чрезъ *дава* (*давáть*)—*дáвывать,*—отъ *быть* (1 кл.) чрезъ *быва* (*бывáть*)—*бывывать,*—отъ *сидѣть* (III кл.) чрезъ *сидѣ+а, сидя+а—сúживать,*—отъ *ходить* (IV кл.) чрезъ *ходи+а, хожа—хáживать* и т. д. Иногда глаголы 1 класса, принимая тематическій гласный звукъ глаголовъ V класса, сразу получаютъ значеніе кратной степени: *ѣсть—ѣдáть, пить—пивáть* и т. п. [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ отношенія между степенью продолженной и кратной въ великорусскомъ нарѣчіи. Само собою разумѣется, что они установились не сразу. Собственно говоря, кратная степень возникла уже на памяти исторіи. Она неизвѣстна была церковнославянскому нарѣчію въ тѣхъ комбинаціяхъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіи великорусскомъ, хотя, по мнѣнію Миклошича, въ сферѣ славянскихъ нарѣчій система глаголовъ совершенныхъ и несовершенныхъ послѣдовательно была выдержана уже до начала славянской письменности, т. е. до IX вѣка [2]). Во всякомъ случаѣ, только съ того времени, по мѣрѣ появленія памятниковъ славянской письменности, является возможность слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ степеней дѣйствія въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не былъ еще разработанъ съ историко-сравнительной точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ движеніе глаголовъ по степенямъ дѣйствія не остановилось на той стадіи, которую мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи. Особенно это нужно сказать о нарѣчіяхъ великорусскомъ и чешскомъ, въ которыхъ кратная степень дѣйствія проведена съ большею силою и выразительностію, чѣмъ въ остальныхъ нарѣчіяхъ.

Что же представляютъ въ этомъ отношеніи древнерусскія нарѣчія?

Мы видѣли въ древнерусскихъ памятникахъ прошедшее продолжен. время въ особенной, или лучше сказать, стяженной

---

[1]) Замѣну звука *а* звуками *ы, и* въ великорусскомъ нарѣчіи Миклошичъ объясняетъ отсутствіемъ надъ *а* ударенія (Vagleich. Syntax der. Slav. Spr. 300).

[2]) Vergleich. Syntax der. Slav. Spr. Miklosich, 294.

конструкціи на *ахъ, яхъ*. Это была, конечно, вымиравшая форма, но такая однако же, въ которой весьма замѣтно обнаружилось стремленіе языка восполнить старое новымъ. Самая форма прошедшаго продолженнаго времени выходила изъ употребленія, но функція его была присуща живому чувству рѣчи, которая нуждалась въ выраженіи дѣйствія незаконченнаго, продолженнаго. И вотъ мы видимъ въ древнерусской книжной рѣчи то же явленіе, которое наблюдали во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ при образованіи кратной степени дѣйствія, т. е. переходъ глаголовъ разныхъ классовъ въ V классъ. Поэтому намъ кажется, что аористъ раньше вышелъ изъ употребленія, чѣмъ прошедшее продолженное время, въ которомъ чувствовалась болѣе настоятельная нужда. Окончательное паденіе прошед. продолженнаго времени, по нашему мнѣнію, наступило тогда, когда вполнѣ окрѣпла аналогія отъ глаголовъ V класса. Такимъ образомъ прошед. продолженное время мало по малу получило въ кратныхъ формахъ глагола свое выраженіе, т. е. онѣ сдѣлались какъ бы описательными формами прошед. продолженнаго времени. Можно было бы назвать этотъ способъ выраженія прошед. продолженнаго времени *степеннымъ* описаніемъ его.

Слѣды кратной степени можно замѣтить уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ древнерусской письменности. Такъ, въ Остроміровомъ евангеліи мы встрѣчаемъ формы: **отъвѣщавати** (есть и **отъвѣщати** 83. а), **отъвѣщакааше** (185 в.) и, что особенно важно, **отъвѣщакаюши** (162)—въ наст. времени, какъ въ народномъ великорусскомъ нарѣчіи. Въ XII—XIII в. является и характеристическое *ы* вмѣсто *а*: *утърпывати* (Ж. Б. и Г. XII в.) [1], *повѣдываемъ* (Тріодь XIII в.) [2], *посуживати* (Гр. полоц. кн. Изясл. около 1265 г.), *поискивати* (Гр. литовск. кн. Герденя 1264 г.) [3]. Въ XIV в. являются эти формы и въ малорусскихъ памятникахъ: *слюбова́ти* (Гр. 1393 г.) [4], *потвержывати* (Гр.

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 99.

[2]) Ibidem.

[3]) Грамоты... Неnіерскаго, изд. Археогр. Коммиссіи.

[4]) АЗР. II. 204.

1375 г. [1]). Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ онѣ встрѣчаются въ малорусскихъ памятникахъ въ самой разнообразной конструкціи. Приведемъ возможно большее число примѣровъ въ неопр. накл. для того, чтобы сдѣлать приблизительный расчетъ относительно движенія этихъ формъ въ малорусскомъ нарѣчіи.

XV вѣкъ: *бирати* [2]), *даивати* [3]), *тягивати* [4]), *хоживати* [5]), *розпахивати* [6]), *поискивати* [7]), *осаживати* [8]), *заступовати* [9]), *отправовати* [10]), *приймовати* [11]), *пригожатися* [12]).

XVI вѣкъ: *дѣливати* [13]), *ловливати* [14]), *опытывати* [15]), *отказывати* [16]), *переховывати* [17]), *подпрохиватися* [18]), *проробливати* [19]), *спрошивати* [20]), *узрушивати* [21]), *даивати* [22]), *пивати* [23]), *заслуговати* [24]), *найдовати* [25]), *поступовати* [26]), *справовати* [27]), *выймовати*, *запорожновати*, *захововати*, *звѣдовати*, *наглядовати*, *оболокиватися*, *отхожовати*, *перекажовати*, *помаговати*, *послу-*

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорус. нарѣчія, 355.
[2]) АЗР. I. 110.
[3]) Ibidem.
[4]) АЗЮР. I. 19.
[5]) АЗР. I. 110.
[6]) АЗЮР. I. 10.
[7]) Ibidem. II. 109.
[8]) Ibid. I. 10.
[9]) АЗЮР. II. 109.
[10]) АЗР. I. 50.
[11]) Ibid I. 49.
[12]) Ibid. I. 39.
[13]) АЗЮР. I. 49.
[14]) Ibid. I. 54.
[15]) Ibid. I. 51.
[16]) АЗЮР. I. 51.
[17]) Ibid. I. 108.
[18]) Ibid. I. 39.
[19]) Ibid. I. 52.
[20]) Ibid. I. 130.
[21]) Ibidem.
[22]) Ibid I. 56.
[23]) АЗЮР. I. 28. Пересопн. еван. 32.
[24]) АЗЮР. I. 88.
[25]) Ibid. I. 144.
[26]) Ibid. I. 98.
[27]) Ibid. I. 41.

говати, *прихожовати*, *пророковати*, *прошовати*, *розгороватися*, *розрывовати*, *хожовати*, *чиновати*, *оучовати*, *ядати* [1]), *зготовати* [2]), *нагорожати* [3]), *наъздчати* [4]), *стискати* [5]), *стягатися* [6]).

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ три типа кратныхъ степеней: 1) *ива* 2) *ова* 3) согласный + *а*. Два послѣдніе типа сохранились и въ современномъ намъ малорусскомъ нарѣчіи съ тѣмъ различіемъ, что *ова* въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучитъ, какъ *ува* [7]), и притомъ чаще употребляется въ обыденной рѣчи, чѣмъ третій типъ, сохранившійся преимущественно въ народной поэзіи [8]). Что касается до глаголовъ на *ива*, то въ настоящее время ихъ почти нѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ двухъ-трехъ глаголовъ 1 класса съ односложнымъ корнемъ, оканчивающимся на *и* [9]). Образованіе глаголовъ на *ива* до такой степени чуждо малорусскому нарѣчію,

---

[1]) Пересоп. еван. 35, 70, 3—5, 22, 22, 38, 18, 62, 111, 16, 70, 3—4, 88, 113, 38, 3—8, 3—24, 72, 78.

[2]) АЗЮР. I, 57.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibid. I. 33.

[5]) Ibid. I. 148.

[6]) Ibid. I. 89.

[7]) По мнѣнію г. Потебни, это *у* явилось не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго вліянія звука *в* (Замѣтки о малорус. нарѣчіи, 50). Ягичъ думаетъ, что *у* въ *ува* появилось подъ вліяніемъ аналогіи отъ 1 л. един. ч. (Arch. für Slav. Philol. II. 358). Во всякомъ случаѣ, это явленіе сравнительно позднее. Въ грамотѣ Александра, господаря молдавскаго (1407 г.), есть форма *торгувати* (АЗР. I. 31). Но единственному случаю нельзя придавать особеннаго значенія—тѣмъ болѣе, что самая грамота напечатана не съ подлинника, а со списка, доставленнаго Д. Зубрицкимъ.

[8]) „Будуть дівки *приходжати*, тое зілье рвати" (Гол. I, 93); „по світлоньці походжае, у скляночці мед *ношае*" (Чуб. I, 1088); „в чистим полю, край дороги, на конику все *їизджае*" (Гол. I. 265); „з вербів грушок не *зїйдала*, дівок в злоті не *видала*" (Чуб. V. 336); „ой и сказав пан Каніваскій рублі поміняты, абы его бондарівні три дні *видзвоняти*" (Гол. I. 65); „ой де твоїі, Абазине, писаниї скрині? Ой побрали вражі ляхи, що *пасали* свині" (ibid. 13).

[9]) „Хто тую горілку *пивае*, від нейі біди зазнае" (Чуб. V. 1088); „прощай мене, мати, як я *живав* в світі" (Гол. I. 135); „мене мати годувала, в головоньку не *бивала*" (Чуб. V 610).

что въ заимствованныхъ великорусскихъ пѣсняхъ окончаніе *ивать* обыкновенно передѣлываться въ *увать* [1]).

Всегда ли такъ было?

Судя по даннымъ, приведеннымъ нами выше, въ XIV и XV в. нерѣдки были глаголы на *ива*. Въ XVI в. они замѣтнымъ образомъ начали выходить изъ употребленія, уступая свое мѣсто глаголамъ на *ова*, т. е. начали идти по аналогіи съ глаголами VI класса, пока эти послѣдніе не смѣшались съ первыми въ общемъ образованіи на *ува* [2]). Рядомъ съ этимъ образованіемъ шло стяженіе *ива* въ *а* съ перенесеніемъ ударенія на этотъ послѣдній звукъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. любимою формой являются образованія на *ова*, въ которыхъ, какъ и въ глаголахъ VI класса, тема наст. времени оканчивается на *у*: **знайдова́лися** (Г. Каз. 110), **прійимовали** (Рад. Ог. 1111), **приступова́ли** (ib. 1112), **зако́люетъ** (Тр. п. 22), **прійимꙋ́етъ** (ib. 915), **подстꙋпꙋ́ютъ** (ib. 945). Эти образованія предпочитаются стяженнымъ формамъ: **садовимо̀** (Лекс. Бер. 99), а не *сажаемо*, **похо́жꙋю** (ib. 186), а не *похожа́ю*. Впрочемъ, есть **перешкожаю и перешко́жꙋю** (ib. 100); даже Мелетій Смотрицкій, перечисляя въ своей славянской грамматикѣ глаголы, сложенные съ предлогами, обронилъ народную форму: **похожа́ю.** Изрѣдка встрѣчаются образованія на *ива*, при чемъ *и* относится къ корню глагола: *бирала* (Пал. З. К. 992), **пика́лъ** (Рад. Ог. 880), **мѣка́ли** (ib. 767). Не менѣе рѣдки и народныя образованія на *ува*: **поскꙋпо́вꙋвалъ** (Рад. Ог. 915), *подкопували* (Хм. л.) и т. п. Вообще говоря, этихъ послѣднихъ избѣгали малорусскіе писатели, регулируя народное произношеніе книжнымъ употребленіемъ, которое въ данномъ случаѣ казалось имъ болѣе правильнымъ.

---

3) „Журавушка по бережку *похо́жуває*, шовковую та травушку *сощі́пуває*, холодною водицею *закусуває*“ (Чуб. V. 805).

1) Въ сербскомъ нарѣчіи, по наблюденіямъ Даничича, до самаго конца XVII в. существовали еще образованія на *ова* и *ева*, смѣнившіяся теперь образованіемъ на *ива* (Историја облика, 254). Склонность къ образованію на *ыва*, *ива* замѣтна и въ польскомъ нарѣчіи, тогда какъ въ чешскомъ господствуетъ *ава*.

Прошедшее условное время.

Во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ условное прошедшее образуется при помощи частицы *бы* изъ аориста *быхъ*, который до XIV в., повидимому, составлялъ принадлежность живой рѣчи. Въ XIII—XIV в. является рядомъ съ *быхъ* и *бы* въ соединеніи съ разными союзами: *а*, *ажъ*, *алижъ*: „што есте просили насъ, *а быхомъ* васъ пустили торговатъ, *а бы* вамъ не закажали, мы хочемъ ради то учинити“ [1]; „*ажъ бы* то было не измешано“ [2]; „судья жидовскій ...... къ суду не маетъ предъ себе приводити, *оли жъ бы* чрезъ скаргу былъ наведенъ“ [3]. Впрочемъ, въ книжной малорусской рѣчи XVII в. рядомъ съ *бы* часто употребляется, какъ мы видѣли, и *быхъ*, *быхмо*, *бысмо*, *бысте* подъ вліяніемъ западныхъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ эти формы и теперь еще живутъ въ устахъ народа.

Повелительное наклоненіе.

Въ повелит. накл. 2 л. един. ч. во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ теперь звучитъ одинаково: подъ удареніемъ выдерживается суф. повелит. накл. *и* (*иди*), безъ ударенія онъ замѣняется посредствомъ *ь*, т. е. посредствомъ смягченія согласнаго звука (*стань*) [4], послѣ гласныхъ *и* превращается въ іоту (*гамай*). Потеря суффикса *и* изъ един. ч. перешла и во 2 л. множ. ч. (*ста́ньте*). Это—давнее явленіе въ русскихъ нарѣчіяхъ: уже въ XIII вѣкѣ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ, встрѣчаются формы: *украдь*, *оставьте*, *обидьте* (Галиц. еван. XIII в.), *сядьте* (Вѣнск. окт. XIII в.) [5], *не двиньте*, *не*

---

[1]) Изв. Ак. т. X., вып. 6: снимокъ съ грамоты послѣ 1341 г.

[2]) Ibidem., 688.

[3]) АЗР. I. 25.

[4]) Въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ даже ударяемое *и* переходитъ въ неударяемое, т. е. удареніе переносится на корень со смягченіемъ послѣдняго звука въ корнѣ и безъ смягченія: *хваль*, *подь*, *прид*, *под* (у лемковъ). Изрѣдка въ этихъ случаяхъ нѣтъ смягченія и въ украинскомъ говорѣ: *подерж* (Studien... Ogonowski, 141—142).

[5]) Очерки изъ исторіи русскаго яз., Соболевскаго, 79.

обидьте (Новг. купч. XIV в.)[1]. Тѣ же формы повторяются и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Не менѣе древнею общерусскою особенностію нужно считать смѣну *ѣ* на *и* подъ удареніемъ въ 1 и 2 л. множес. ч. повелит. наклоненія, которая, полагать надобно, произошла подъ вліяніемъ аналогіи отъ 2 л. един. ч. Мы видимъ эту смѣну въ памятникахъ XI—XII в: приведите (Остр. еван. 73, б.), останитеся (ib. 230, а). Въ XIII—XIV вѣкахъ *и* вмѣсто *ѣ* не составляетъ уже рѣдкости, особенно въ сѣверныхъ памятникахъ[2]. Въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ гораздо настойчивѣе удерживается въ этихъ случаяхъ *ѣ*, но объ этомъ *ѣ* въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы скажемъ ниже.

Къ общерусскимъ явленіямъ нужно отнести также вліяніе наст. врем. изъявит. накл. 1) на тематическіе согласные повелительнаго наклоненія, хотя самимъ качествомъ согласныхъ великорусское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго: *пеки́*, *пеки́те*, *помоги́*, *помоги́те* (великорус.) *печи́*, *печі́ть*, *поможи́*, *поможі́ть* (малорус.); 2) замѣну 1 л. множеств. повелит. накл. 1 лицемъ множеств. ч. изъявит. наст. времени съ значеніемъ будущаго: *пойдёмъ* (великорус.), *підемо* (малорус.). Первое явленіе вовсе не встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, второе—очень рѣдко.

Причастія наст. и прошед. врем. дѣйст. залога.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на причастіяхъ наст. и прошед. времени дѣйст. залога, какъ на отглагольныхъ формахъ общерусскаго происхожденія, имѣвшихъ немаловажное значеніе въ конструкціи книжной малорусской рѣчи XVII в.

Извѣстно, что въ согласныхъ темахъ причастія наст. врем. дѣйст. зал. въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, оканчивается на *а* въ именит. един. мужес. рода, а не на *ы*, какъ въ языкѣ славянскомъ; *река* (Сбор. 1073 г.), *мога* (Мин. 1096 г.), *чьтаи* (Добр., еван. 1164

---

[1]) Историческая христоматія, Буслаева, 560.

[2]) Свѣдѣнія и замѣтки.., Срезневскаго, № 29, стр. 79.

г.) [1]). Другая форма того же причастія, соотвѣтствующая церковносл. ѧ, есть *я*. Съ теченіемъ времени эта послѣдняя форма вытѣснила первую. Самые древніе слѣды замѣны *а* посредствомъ *я* относятся къ XIV в. [2]) Рядомъ съ формами *идя*, *ведя* появляются въ XIII и особенно въ XIV в. окончанія: *яче*, *ячи*, *учи*, *ючи*: *исправяче* (въ записи Пантел. еван. XIII в.) [3]), *исправлеваюче* (Галиц. еван. XIII в.) [4]), *чинячи*, *мовячи*, *хотячи* (Гр. 1388 г.), [5]) *рекучи* (1361 г.) [6]) *вживаючи* (Гр. 1340 г.) [7]). Въ малорусскомъ нарѣчіи эти послѣднія окончанія, соотвѣтствующія именительному множ. (въ церковносл. *щте*) сдѣлались господствующими. Формы на *а*, *я* въ народномъ языкѣ встрѣчаются рѣдко, большею частію въ пословицахъ: „у Бога все *мога*"; „хліб та одежа, йів бы козак *лежа*"; „худоба переходя живе" [8]). Можно полагать, что уже при самомъ появленіи своемъ формы *ячи*, *учи* имѣли значеніе такъ называемыхъ дѣепричастій: въ древнерусскихъ памятникахъ мы не встрѣтили этихъ формъ въ склоняемомъ видѣ. Любопытно, однако же, что въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. онѣ являются уже въ видѣ членныхъ причастій: „князь Өедоръ, воевода Луцкій, *будучій* того часу"; „мы, Александръ, або Витовтъ, знаменито чинимъ тымъ нашимъ листомъ нинѣшнимъ и потомъ *будучимъ*"; „*заказуючіи* (жидамъ) вину намъ мають заплатити" [9]). Формы эти не находятъ подтвержденія въ народномъ языкѣ, но въ памятникахъ южнорусской письменности, отличающихся народнымъ складомъ рѣчи, онѣ составляютъ обычное явленіе. То же мы видимъ и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: ма́ючїй (Г. М. 161), мо́вѧчого (Г Каз. 111), *маючому* (Сл. о безд.) и т. п.

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 116. Другіе примѣры тамъ же

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 14. Лекціи.. Соболевскаго, 185.

[3]) Лекціи... Соболевскаго, 183.

[4]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. его же, 20.

[5]) АЗР. I, 23.

[6]) АЮЗР. I. 1.

[7]) Ibid. II. 102.

[8]) Украінські приказки и прислівъя, Номиса, 36.

[9]) АЗР. I. 26, 23, 26.

Въ народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской, сохранилась краткая форма прошед. прич. дѣйст. залога, употребляемая въ смыслѣ дѣепричастія, съ окончаніемъ *ши*, которому въ гласныхъ темахъ предшествуетъ согласный *в*. Это окончаніе соотвѣтствуетъ именит. множ. (церковносл. *ше*). Оно утвердилось въ народной рѣчи въ замѣнъ литературнаго русскаго *въ*, а также старинныхъ формъ съ тематическими согласными: *идъ, сѣдъ, несъ, възьмъ, начьнъ* (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ *ьм, ьн*, изъ ѧ) Что касается до членныхъ прошед. причастій дѣйст. залога, то ихъ нѣтъ въ народныхъ нарѣчіяхъ ни великорусскомъ, ни малорусскомъ. Они существуютъ только въ литературномъ русскомъ языкѣ, какъ существовали и въ книжной малорусской рѣчи, въ которую перешли изъ книжной славянорусской рѣчи.

П. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОРЧЕННАЯ.

(БЫТОВАЯ ПОВѢСТЬ).

I.

Глубокая осень. Сильный морозный вѣтеръ злобно срываетъ кое-гдѣ оставшіеся листья съ вѣтокъ осиротѣлыхъ голыхъ дерёвъ и высоко подымаетъ ихъ надъ крышами низенькихъ домовъ мѣстечка Червонаго. Маленькій снѣжокъ, капризно кружась въ воздухѣ, едва прикрываетъ мёрзлую землю. Сады, лучшее украшеніе Червонаго, совершенно опустѣли: не видно болѣе въ нихъ роскошной зелени и душистыхъ, пестрыхъ цвѣтовъ... Холодно, пусто и непріютно теперь въ м. Червономъ.

Но сегодня день ярмарочный; и вотъ уже съ самого ранняго утра здѣсь началось замѣтное движеніе. Возы, запряженные парой воловъ, одинъ за другимъ тянутся по улицамъ, вплоть до самой торговой площади, прилегающей къ церкви. Бабы, закутанныя въ платки, въ теплыхъ „свитахъ" и „кожухахъ", торопливо несутъ свои пожитки на ту же площадь. Кое-гдѣ видны и „дивчата", головы которыхъ, несмотря на морозъ, открыты и щедро увѣнчаны бѣлыми и розовыми цвѣтами, купленными, вѣроятно, здѣсь же въ мѣстечкѣ. На лицахъ ихъ не видно болѣе загара и слѣдовъ тяжелой полевой работы; яркій румянецъ, вызванный морозомъ, играетъ на щекахъ этихъ деревенскихъ красавицъ, придавая ихъ хорошенькимъ личикамъ необыкновенную привлекательность. „Парубки" гурьбой слѣдуютъ за ними, не смѣя подойти къ своей возлюбленной, боясь „поговору". У нихъ тоже

лица праздничныя, веселыя... Кое-гдѣ даже слышится робкая, неувѣренная игра парубка—музыканта на вновь купленной гармоникѣ и тихая, заунывная пѣсня...

Ярмарка въ полномъ разгарѣ. Не только уже вся площадь занята торговымъ деревенскимъ людомъ, но и многія улицы мѣстечка Червонаго переполнены возами, крестьянами и крестьянками. Суета, шумъ, скрипъ колесъ и говоръ слышатся всюду... И этотъ говоръ, переходящій иногда въ крикливыя рѣчи, брань и непріятное взвизгиваніе, несется нестройнымъ потокомъ, сливаясь съ мычаньемъ и ревомъ скота, съ ржаніемъ лошадей и бряцаньемъ мѣди и желѣза... Какой-то неуловимый, лихорадочный гулъ и шумъ ярмарки наполняютъ воздухъ и постепенно возбуждаютъ нервы барышниковъ и торгашей...

Люди, возы, лошади, волы, мѣшки—все спуталось, смѣшалось въ одну пеструю громадную массу и, колыхаясь, какъ волна, изъ стороны въ сторону, медленно, чуть замѣтно двигается, расползается и тянется по всѣмъ улицамъ мѣстечка Червонаго, стремясь неминуемо попасть въ главный центръ всей ярмарки—на торговую площадь, переполненную лошадьми, рогатымъ скотомъ и красными товарами... Здѣсь замѣтно какое-то особенное лихорадочное оживленіе, жизнь и суета... Крестьяне, не желая ударить лицомъ въ грязь, одинъ передъ другимъ, медленно, умѣло перечисляютъ достоинства своей коровы или вола и, лукаво поглядывая на своихъ соперниковъ, стараются отыскать подходящихъ покупателей...

— Моя ряба тры видра молока дае... слышится молодой голосъ брюнета, держащаго конецъ веревки, привязанной къ большимъ рогамъ рослой коровы.

Онъ, прищуривъ одинъ глазъ, лукаво посмотрѣлъ на своего сосѣда, пожилаго брюнета, продававшаго старую, тощую корову, и подсыпалъ подъ ноги „рябой“ немного соломы.

— Мабуть затымъ ты іи и годуешъ соломою, щобъ ще бильшъ дала!—желчно замѣтилъ пожилой брюнетъ, растягивая каждое слово.

Продавецъ „рябой“ молча посмотрѣлъ на сосѣда, смѣрялъ его съ ногъ до головы и съ покойнымъ видомъ отвѣчалъ:

— Моя ряба стоить соби на соломи, тай не дывытся на неи, а твоя рыжа, глянь, якъ умына!

Пожилой брюнетъ изъ-подлобья взглянулъ на свою голодную старую „рыжую“ и, отвернувшись, сталъ молча поправлять на возу мѣшки.

Молодой брюнетъ самодовольно улыбнулся и, передавъ „рябу“ своей женѣ, сидящей на возу, взялъ за „налыгачъ“ пару рослыхъ, крѣпкихъ воловъ и, проталкиваясь среди двигающейся толпы, поплелся дальше по площади.

— А що за ци сири?—спросилъ, останавливая его, низенькій сѣдой крестьянинъ.

— Десять![1])—отвѣчалъ на ходу брюнетъ.

— А що скынешъ зъ сотни?

— Э! не можно!... Десять!

Они оба на мгновеніе остановились, помолчали, какъ бы что-то соображая и, не глядя другъ на друга, разошлись.

А недалеко возлѣ воза съ „рябой“ идетъ болѣе оживленный торгъ: очевидно, и покупатель, и торговецъ мысленно рѣшили каждый про себя, что торговая сдѣлка состоится, но все еще упорно стоятъ на своемъ, безпрестанно ударяя другъ друга по рукамъ и повторяя не въ первый разъ:

— Ну, беры жъ былетъ![2]) — говоритъ сѣдой, почтенный старикъ низенькому молодому крестьянину, продающему пару прекрасныхъ молодыхъ воловъ.

— Ни, зъ карбованцемъ!—упорно твердитъ молодой продавецъ.

— Беры былетъ! Ось тоби и гроши...

— Ни, зъ карбованцемъ!

Старикъ почесалъ затылокъ, потоптался на одномъ и томъ же мѣстѣ и снова рѣшительно сказалъ:

— Ни, былетъ!

— Ни, зъ карбованцемъ!

Старикъ досадливо махнулъ рукой и медленно отошелъ отъ продавца.

---

[1]) Сотня предполагается сама собой и потому никогда при торгѣ не упоминается.

[2]) 25 рублей.

— Ой, брате, беры былетъ! — еще разъ, оглядываясь и останавливаясь, сказалъ старикъ.

— Ни, зъ карбованцемъ!—рѣшительно заявилъ брюнетъ.

Старикъ снова почесалъ затылокъ, немного подумалъ и, не двигаясь, крикнулъ:

— Молодый, а такій завзятый! Нема чого зъ тобою робыты: беры вже былетъ зъ карбованцемъ!

Онъ подошелъ къ продавцу, вынулъ изъ-за „пазухи“ цвѣтной платочекъ, бережно завязанный въ узелокъ, досталъ оттуда деньги и, передавая ихъ одной рукой, другою черезъ полу свитки принялъ отъ продавца „налыгачъ“, при чемъ не обошлось безъ обычнаго посыпанія землей спины воловъ и стереотипной фразы: „ижъ гноёкъ, та держы лоёкъ!“

Немного дальше отъ нихъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ торгъ лошадьми, слышны громкія взвизгиванья цыганъ, молодцовато и ловко стегавшихъ своихъ лошадей плеткой... Отъ этихъ удачныхъ стеганій лошади вздрагиваютъ и дѣлаютъ особенные прыжки, скачки, выказывая всю свою удаль, то сгибая шею, то потряхивая гривой...

На площади особенно бѣгаютъ, суетятся и снуютъ барышники—евреи, сопровождая каждое свое слово быстрыми тѣлодвиженьями и жадно высматривая выгодную сдѣлку... Всюду раздается ихъ шибкій гортанный говоръ; на каждомъ шагу они стараются перехитрить на столько же хитрыхъ цыганъ и обмануть простоватыхъ покупателей... Какъ саранча, затемняютъ они площадь, слѣдуя неотступно за торговымъ людомъ...

Кругомъ площади разбросаны небольшія лавки и балаганы съ красными и галантерейными товарами. Евреи умѣло завлекаютъ сюда покупательницъ—крестьянокъ, предлагая имъ пестрые платки, ленты, мѣдныя кольца и серьги, поддѣльные кораллы и многія бездѣлушки, отъ которыхъ у деревенскихъ бабъ и дивчатъ разбѣгаются глаза...

Между балаганами и лавками снуютъ офени, обращая все свое вниманіе на „господъ“, понимающихъ толкъ въ ихъ „отличномъ товарѣ“, и относясь крайне критически и заносчиво къ „необразованнымъ, грубымъ хохламъ и хохлушкамъ“... А „хох-

лушки" и сами сторонятся и избѣгаютъ „рудыхъ боридъ" и обращаютъ свои взоры съ полнымъ восторгомъ и восхищеніемъ на „жыдивьски крамы", гдѣ для нихъ готовъ и привѣтъ, и пріемъ...

И неумолкаемо шумитъ и движется ярмарка, сосредоточиваясь на площади; снова раздаются говоръ, крикъ, мычанье, ревъ, звонъ и скрипъ колесъ, не прекращающіеся въ мѣстечкѣ Червономъ чуть не цѣлую недѣлю... Благо, время осеннее и людъ свободенъ: хлѣбъ собранъ; табуны дома; рогатый скотъ не погонишь на луга. А урожай этотъ годъ выдался рѣдкій,— вотъ и ярмарка идетъ на славу!...

На бойкомъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются главныя и многолюдныя улицы м. Червонаго, уныло пріютился слѣпой старецъ, съ протянутой „Христа ради" рукой. Онъ сѣлъ на мёрзлую землю, подогнувъ подъ себя ноги и, съ непокрытой сѣдой головой, затянулъ невеселую пѣсню... Перекинутая черезъ плечо его небольшая сумка щедро наполнялась хлѣбомъ, яблоками и прочими подаяніями прохожаго люда; но скупъ былъ этотъ людъ на деньги: карманъ слѣпаго старца оставался все пустъ...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старца, подъ высокимъ дощатымъ заборомъ, неподвижно стояла блѣдная и худая молодая дѣвушка—крестьянка, устремивъ куда-то вдаль свой задумчивый, печальный взоръ. И ея короткая, узкая ситцевая „спидныця", и порванная свитка, и старенькій полинялый платокъ, которымъ она повязала свою красивую головку, и босыя, посинѣлыя отъ холода ноги—все говорило о ея бѣдности...

За ея спиной, на томъ же заборѣ, видна большая вывѣска съ фотографическими карточками мѣстной интеллигенціи: худощаваго священника въ непомѣрно-длинной рясѣ, нѣсколькихъ желѣзнодорожниковъ, какой-то барыни со шлейфомъ и съ поднятымъ бокаломъ въ рукѣ, сѣдаго еврея съ цитрой и проч. Возлѣ вывѣски собралось нѣсколько ярмарочныхъ зѣвакъ.

— Ось глянь, Мыхайло! онъ де и нашъ батюшка намалёваный!... Тай ловкій маляръ!—замѣтилъ одинъ изъ группы зѣвакъ, молодой парубокъ, Грицько, обращаясь къ своему товарищу.

— А онъ дывысь, яка краля!—сказалъ тотъ, безцеремонно ткнувъ пальцемъ въ карточку дамы съ бокаломъ.

Оба весело засмѣялись.

— А що, брате мій! мабуть и цю кралю добре бъ маляръ росписавъ, колы вже нашого батюшку, якъ жывого намалювавъ!—хихикая, сказалъ Михайло, подмигнувъ на близь стоявшую дѣвушку.

— Ходимъ до маляра! — сказалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ: нехай винъ и тебе намалюе; а то доки от-тутъ стоятымешъ, та выглядатымешъ свого парубка? Ходимъ! Маляръ и тебе, босоногу кралю, от-тутъ повисыть, поручъ изъ цимъ жыдомъ!—И парень слегка дернулъ дѣвушку за рукавъ.

Дѣвушка нервно вздрогнула и злобно сверкнула глазами въ сторону Михайла. Ея блѣдныя щеки чуть-чуть покрылись румянцемъ и двѣ крупныя слезы сверкнули на большихъ черныхъ глазахъ...

— Не чипай! хыба не бачышъ, що це Ганна зъ Грушевки!... зурочена [1])... сказалъ Грицько.—Грихъ сміятысь!...

И Грицько отошелъ отъ своего товарища и медленно поплелся по направленію къ площади.

Какъ бы пристыженный, Михайло отошелъ отъ Ганны и, запустивъ руки въ карманъ, вытащилъ какую-то мѣдную монету и, не смотря, бросилъ ее въ протянутую руку слѣпаго старца.

— Спасыби, добріи люде! спасы васъ Пречыста Матиръ!—сказалъ нищій и осѣнилъ свою впалую грудь большимъ крестомъ.

Ганна тяжело вздохнула и рукавомъ свиты вытерла непрошенныя слёзы.

— Босонога краля, — едва слышно произнесла дѣвушка и грустно взглянула на свои босыя ноги...

Мимо нея проѣзжали возы за возами, наполненные птицей, сѣномъ, мѣшками и разными сельскими продуктами;—проходили бабы, дивчата и парубки... Каждый изъ нихъ спѣшилъ на ярмарку: кто покупать, кто продавать...

Безучастно смотрѣла Ганна на суетившуюся толпу, на возы, мѣшки, сѣно... Всё ей было чуждо, а толпа—незнакомая и не-

[1]) „Зурочена" или „прычынна" у малороссовъ называется личность, которая, по ихъ мнѣнію, одержима нечистой силой или которую сглазили недобрымъ взглядомъ,—порченная.

привѣтливая... Взоръ ея, грустный и задумчивый, машинально скользилъ съ одного предмета на другой и вдругъ остановился на высокомъ красивомъ „парубкѣ“, покупающемъ „кожухъ“...

Что-то знакомое показалось ей въ его осанкѣ, въ добрыхъ глазахъ и въ возмужаломъ красивомъ лицѣ...

Глаза ея оживились, блѣдное лицо повеселѣло; она пристально всматривалась въ него и что-то припоминала... Вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то очень пріятное, радостное и отдалённое, она улыбнулась и снова стала всматриваться и припоминать...

Ей показалось, что глаза ихъ встрѣтились и она, вся встрепенувшись, покраснѣла, тихо окликнула его по имени и ждала... Ждала, что онъ, вотъ вотъ, узнаетъ ее, подойдетъ къ ней, такъ просто и ласково, какъ прежде, и заговоритъ съ ней... Но онъ все осматривалъ „кожухъ“, ворочая его на всѣ стороны и, мало по малу, удалялся отъ нея все дальше и дальше, не замѣчая ея пристально тревожнаго взгляда, не слыша ея тихаго голоса..

Нахлынула новая толпа крестьянъ, показались новыя лица, подъѣхали новыя подводы съ сѣномъ и соломой, и она его совсѣмъ утеряла изъ виду...

— Ни, мабуть не винъ... не Петро! — подумала она, тяжело вздохнувъ и отвернувшись отъ толпы...

Откинувъ назадъ голову и крѣпко сжавъ худыя руки, Ганна снова погрузилась въ невеселыя думы, изрѣдка заботливо поглядывая на слѣпаго старца...

Вотъ уже больше года, какъ ея семью постигло страшное горе.

Былъ теплый весенній день. Мать Ганны, простудившись на поденной работѣ, сильно заболѣла и лежала безъ памяти. Пять дней, какъ ничего не ѣстъ... Пора же настала рабочая, трудно стало сидѣть Ганнѣ дома и безотлучно ухаживать за больной. И вотъ молоденькая Ганна, полная тревоги, сварила незатѣйливый обѣдъ, приготовила, по совѣту знахарки, питье для больной матери изъ какихъ-то цѣлебныхъ душистыхъ травъ и

отправилась въ поле, гдѣ съ ранней зари поджидалъ ее слабый и престарѣлый отецъ „дядько Остапъ"—какъ называли его въ селѣ.

Вся Грушевка тоже поднялась рано, и бабы гурьбой, съ грудными ребятишками на рукахъ, поплелись за своими мужьями. Закипѣла въ полѣ работа! Благо дни стоятъ такіе солнечные, теплые...

Всюду слышатся пѣсни, говоръ, смѣхъ... Солнце поднялось высоко, и цѣлая группа усталыхъ крестьянъ и крестьянокъ присѣла подъ тѣнью вербъ на берегу маленькаго ручейка. Десятки рукъ потянулись съ кувшинами къ журчащему ручейку...

— Ой лышенько! гляньте—неначе горыть!—сказавъ худощавый, хилый мужикъ, дядько Остапъ, приложивъ руку ко лбу и тревожно всматриваясь въ даль.

— Де, тату?... вскричала Ганна, обращаясь къ отцу.

Она поспѣшно встала съ травы и, съ сильно бьющимся сердцемъ, начала всматриваться въ ту сторону, куда показывалъ отецъ.

— Та де ты бачышъ, що горыть?—отозвались въ одинъ голосъ переполошившіеся крестьяне.

— А онъ бачыте щось курыть?—спросилъ дядько Остапъ упавшимъ голосомъ, указывая на маленькій дымокъ по направленію къ Грушевкѣ.

— Ой лыхо жъ намъ! да це жъ наша Грушовка горыть!... Боже, Святая Твоя воля!... раздалось нѣсколько голосовъ, и крестьяне бросились въ село...

Грушевка, дѣйствительно, горѣла. Ярко пылающее пламя, сверкая жадными, то широкими, то узкими языками, быстро уничтожало бѣленькія хатёнки, клуни, скирды сѣна и молодые вишневые „садочки", оставляя за собой лишь пепелъ, мусоръ и дымящіяся головни... Со всѣхъ сторонъ пожарища слышались вопли, стоны и крики людей...

Въ воздухѣ, наполненномъ густымъ дымомъ и цѣлымъ дождемъ вспыхивающихъ искорокъ, сильно пахло гарью...

Вечерѣло...

Солнце тихо спускалось за горизонтъ, бросая косые, дрожащіе лучи на обгорѣлыя березы и вербы, печально поникшія по-

мертвѣлыми вершинами, и на разрушенныя осиротѣлыя хатёнки... Синее небо, безоблачное и прозрачное, какъ хрусталь, неподвижно, безчувственно смотрѣло на обезумѣвшихъ, метавшихся изъ стороны въ сторону, грушевцевъ...

Хата дядька Остапа сгорѣла одной изъ первыхъ. Бѣдный Остапъ бросился спасать больную жену, но вытащилъ только обуглившійся трупъ бѣдной страдалицы, а самъ, получивъ сильные обжоги, грузно упалъ безъ чувствъ на груду мусора, выпустивъ изъ рукъ тѣло жены...

Ганна металась кругомъ горящей хаты, рвалась проникнуть во внутрь погибающаго жилища и отчаянно звала о помощи. Лицо ея, страшно поблѣднѣвшее, вытянулось и сразу похудѣло; глаза, устремленные на хату, блестѣли лихорадочно, испуганно; волосы ея давно расплелись и длинными прядями путались по спинѣ и плечамъ, покрывая вздрагивающее тѣло и сжатыя руки...

Она, шатаясь и дрожа съ головы до ногъ, отнесла, съ помощью крестьянъ, трупъ матери и безчувственнаго отца на зеленую поляну, отдѣлявшую горящую часть села отъ рѣки и другой, гористой части того же села. Какимъ то разбитымъ горшкомъ черпала она воду изъ рѣки и молча, сосредоточенно обливала дрожащими руками то трупъ матери, то безчувственнаго отца... Крупныя слёзы медленно катились по блѣднымъ щекамъ и, сливаясь со свѣжей холодной струей воды, омывали отца и мать....

Дядько Остапъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и слабо стоналъ...

— Тату... тату!... послышался замирающій голосъ Ганны.

Она осторожно приподняла голову отца и съ мольбой смотрѣла на его опухшее лицо.

Онъ медленно, съ трудомъ, повернулъ лицо къ дочери и снова тихо простоналъ.

Ужасъ всецѣло овладѣлъ Ганной; она уронила голову отца на смятую высокую траву и, какъ прикованная, сидѣла, не шевелясь.

— Тату... безъ очей... слипый!... шептали ея блѣдныя сухія губы.

Она безумно всматривалась въ налитые кровью, неподвижные глаза отца, и горькія, неудержимыя рыданія вырывались изъ ея груди.

Солнце давно скрылось за могучими дубами густаго лѣса, виднѣвшагося вдали, за рѣкой, прозрачной и чистой, какъ слеза. Синее небо мало по малу покрылось миріадами сверкающихъ звѣздъ; въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада; роса освѣжила задымленную траву и обгорѣлыя деревья.

Пожаръ почти прекратился. Догорала только какая-то маленькая хатёнка, и пламя какъ-бы уставши, слабо вспыхивало и чуть освѣщало дымящееся пожарище. Усталые, грустные грушевцы толпились группами, разбирая остатки своихъ пожитковъ и молча переносили ихъ въ уцѣлѣвшія хаты, бѣлѣвшія по ту сторону рѣки, подъ самымъ лѣсомъ.

Глубокая ночь...

Блѣдная луна высоко поднялась надъ пожарищемъ, сіяя во всемъ своемъ величіи и блескѣ. Окутывая разрушенныя хатёнки и деревья серебристо-бѣлымъ саваномъ, она облекала ихъ въ причудливую, странную форму: хатёнки казались фантастическими кораблями, а деревья—гигантами, вооруженными необыкновеннымъ оружіемъ... Надъ рѣкой поднялся молочно-бѣлый туманъ, пронизывающій своей сыростью до костей. Со стороны лѣса громкими трелями заливался соловей...

На полянѣ, въ травѣ, одиноко стрекоталъ неугомонный кузнечикъ, разбуженный легкимъ прохладнымъ вѣтеркомъ и сильнымъ опьяняющимъ запахомъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ...

Бѣлѣющій силуэтъ несчастной Ганны, освѣщенный со всѣхъ сторонъ блѣднымъ мягко-голубымъ свѣтомъ луны, строго выдѣлялся, какъ мраморное изваяніе на темномъ горизонтѣ... Забытая всѣми, оставленная здѣсь среди обширной поляны, заросшей душистой сочной травой и пестрыми полевыми цвѣтами, среди ночнаго шепота засыпающей природы, среди безлюдія и фантастическихъ видѣній—она страшно страдала... Слабый, хриплый стонъ больнаго отца, сливаясь съ ропотомъ рѣки, быстро бѣгущей по извилистому руслу, и звонкимъ пѣніемъ соловья, холодили ея усталыя члены и наполняли ея душу мучительной тоской.. Рядомъ съ метавшимся отцомъ лежалъ обезображенный трупъ матери съ большими черными отверстіями, вмѣсто глазъ и рта...

Она долго, затаивъ дыханіе и не отрываясь, всматривалась въ эти зіяющія ужасныя отверстія, вытянувшись во весь ростъ и широко открывъ глаза. Казалось, она замерла на мѣстѣ не дыша и не шевелясь...

— Мамо!... мамо!... безпомощно кричала она измѣнившимся, глухимъ голосомъ, ломая руки.

Эхо далеко несло этотъ отчаянный вопль, терявшійся гдѣ то далеко за рѣкой...

Съ помутившимся взоромъ и надрывающими душу стонами, прижимала Ганна къ своей высоко подымающейся груди трупъ матери и нервно, порывисто прикрывала его какими-то остатками обгорѣлаго тряпья...

А кругомъ ея тянулись длинныя тѣни прибрежныхъ деревьевъ, простирая къ ней свои громадныя руки, и, терялись, утопая въ серебристомъ морѣ луннаго свѣта. Она, цѣпенѣя отъ ужаса, сторонилась отъ надвигающихся причудливыхъ великановъ, боясь, что они косматыми страшными руками задавятъ ее и похитятъ отца и трупъ матери...

Утренняя заря чуть-чуть занималась на востокѣ, отливая блѣдно-красноватымъ свѣтомъ. Поблекшая луна и звѣзды, конфузливо мигая, скрывались одна за другой... Проснувшіеся кузнечики и жучки, стараясь перекричать другъ друга, задорно стрекотали, затѣявъ неумолкаемый споръ. Соловьи то умолкали, то томно заливались утренней любовно-страстной пѣсней, завидя красную полоску, привѣтливо зардѣвшуюся на блѣдномъ небосклонѣ... Стройныя тополи и вербы, растущія на берегу быстрой рѣченки и колеблемыя утреннимъ прохладнымъ вѣтеркомъ, таинственно шептались, грустно склоняя вѣтки въ сторону своихъ жалкихъ обнаженныхъ товарищей, уныло стерегущихъ пожарище...

Блуждающимъ, помутившимся взоромъ Ганна пугливо всматривалась въ пробуждающуюся природу, слушала, порывисто, тяжело дыша, стрекотаніе кузнечиковъ, трели соловья и шелестъ листьевъ, и все ей шептало, страшно оглушая ее: „ты сирота, ты—сирота!...“ Она нервно хваталась за голову, закрывала усталые, воспаленные глаза, отвернувшись отъ пожарища, этой ужасной, страшной картины, старалась не думать о своемъ горѣ, но

взглядъ ея невольно останавливался на трупѣ матери и метавшемся въ забытьи бѣдномъ обожженномъ отцѣ, съ кровавыми глазами, вышедшими изъ орбитъ,—и снова шепотъ, звенящій, какъ разбитый металлъ, раздавался надъ самымъ ея ухомъ: „ты—сирота, ты—сирота!...“ И этотъ страшно назойливый, дребезжащій шепотъ, упрямый и безжалостный, она слышитъ весь вечеръ и всю ночь и все утро... Онъ жжетъ все ея тѣло, мутитъ глаза, обезсиливаетъ члены и, какъ-бы желѣзнымъ молоткомъ, стучитъ въ виски...

Гдѣ-то вдали ей смутно послышались чьи-то голоса... Вотъ-вотъ они раздаются все ближе, все яснѣе... Она напрягаетъ послѣднія свои силы, приподымается съ помятой травы и слушаетъ; звонъ въ ушахъ на мгновеніе затихъ, и она отчетливо различаетъ, чьи это голоса: то говоритъ добродушная дядына Оксана и престарѣлый садовникъ Грыцько... Она даже слышитъ ясно, что они, перекидываясь отрывочными фразами, ищутъ кого-то...

Вотъ дрогнулъ прибрежный камышъ и сильно зашелестѣлъ... Какая то дикая ночная птица, испуганная этимъ шумомъ, громко крикнула и высоко взвилась надъ рѣкой...

Тихо и пусто кругомъ...

Снова въ ушахъ Ганны звенитъ и дребезжитъ шепотъ, снова туманитъ глаза...

Томительное ожиданіе давитъ ея больную грудь и захватываетъ дыханіе...

Еще мгновеніе—и снова послышался шорохъ, раздвинулись вѣтки молодыхъ лозъ и орѣшника, и передъ ней выросла высокая фигура Грыцька, а за нимъ показалась толстенькая и низенькая дядына Оксана.

— Ось де воны!—громко сказалъ Грыцько, увидѣвъ несчастную семью.

— Ну, слава Господу, що знайшлы!—крестясь, сказала дядына Оксана.

Ганна подняла на нихъ мутные глаза, затряслась всѣмъ тѣломъ, повернула къ нимъ свое безкровное, вытянувшееся лицо, беззвучно зашевелила запекшимися, сухими губами и покатилась безъ чувствъ на траву, какъ подкошенный цвѣтокъ...

Дядына Оксана глубоко вздохнула и пугливо, вопросительно посмотрѣла на Грыцька.

— Ось тоби, дядыно, и доля людськая: вси трое покотомъ лежать!... произнесъ онъ угрюмо, почесывая себѣ затылокъ.

— Гай-гай! що жъ намъ теперъ, дядько, робыты?—спросила она, покачивая головой и снова вздыхая.

Грыцько упорно молчалъ и, переминаясь съ ноги на ногу, почесывалъ только затылокъ.

Красная полоса на востокѣ становилась все шире, все ярче; безоблачное небо, неподвижное и спокойное, синѣло какъ бирюза. Хаты и деревья, облитыя первыми лучами восходящаго солнца, казалось, снова были охвачены чуть-чуть вспыхнувшимъ пламенемъ... За рѣкой, на зеленомъ пригоркѣ, ведущемъ прямо къ мосту, показалось нѣсколько крестьянъ. Они шли шибко и прямо направлялись къ пожарищу.

— Дядько, беры на оберемокъ Остапа, тай несы до мене въ хату, а я тоби пидсоблю... Докыжъ стоять?—отозвалась дядына Оксана, видя, что Грыцько по прежнему стоитъ не двигаясь.

— Ни... не донесу!—Ось люды идуть, треба пидождать,— сказалъ печально Грыцько и, понуривъ голову, пошелъ на встрѣчу приближающимся крестьянамъ.

Дядына Оксана была дальней родственницей дядька Остапа. Во время пожара, который навелъ панику на все село, она, вмѣстѣ съ другими крестьянами, возвратилась съ поля и кинулась къ своей хатѣ. Пожаръ свирѣпствовалъ далеко отъ той части села, гористой и обильной садами, гдѣ была ея хата, но она, видѣвшая въ своей жизни не одинъ страшный пожаръ въ селахъ, растерянная ходила возлѣ своихъ воротъ, боясь, что вѣтеръ перенесетъ пламя черезъ рѣку. Уже вечеромъ, когда пожаръ сталъ утихать, она бросилась отыскивать Остапа и его семью, но грушевцы, подавленные своимъ личнымъ горемъ, давали ей сбивчивыя, невѣрныя указанія. Наконецъ, садовникъ Грыцько, ея сосѣдъ и кумъ, узналъ отъ кого-то, что вся семья Остапа находится на зарѣчной полянѣ, куда они и отправились на разсвѣтѣ.

Пока Грыцько ходилъ за отысканіемъ подмоги, дядына Оксана, увидѣвъ валявшійся на травѣ горшокъ, зачерпнула съ

рѣки воды и тихо подошла къ хрипло стонавшему дядѣ Остапу.

— Выпый, Остапко,—може трошкы полегчае!...

Онъ что-то невнятно пробормоталъ и шевельнулся всѣмъ корпусомъ. Его худая старческая рука слабо скользнула на траву и вытянулась, какъ у мертвеца...

Дядына Оксана поняла этотъ усиленный жестъ и осторожно влила нѣсколько капель холодной воды въ запекшійся ротъ Остапа.

Онъ снова шевельнулся всѣмъ тѣломъ и снова рука его слабо задвигалась по травѣ.

— Ще дать, Остапко?—ласково спросила Оксана, низко нагнувшись надъ больнымъ.

— Дд-да-й... едва слышно, глухо раздалось, точно изъ подземелья, это душу холодящее „Дд-да-й"!...

Оксана старательно напоила Остапа, впавшаго снова въ забытье, и, тяжело вздыхая, боязливо взглянула на страшно обезображенный трупъ кумы Параски, жены Остапа, и на неподвижную Ганну съ судорожно сжатыми посинѣвшими губами.

— Гай-гай! жалко дивчыны, да чипать іи теперь не можна; це мабуть ій такъ уже зроблено! какъ бы про себя протяжно сказала Оксана, заботливо качая головой и крестясь при словѣ „зроблено".

Солнце уже было высоко и ярко блестѣло своими жгучими лучами, когда большой возъ, запряженный парой рослыхъ воловъ, выѣхалъ изъ поляны. Жалобно поскрипывая немазанными колесами, онъ двигался медленно, оставляя за собой цѣлый столбъ густой пыли.

— Гей! гей!... мѣрно раздавался старческій голосъ Грыцька, понукавшаго лѣнивыхъ рослыхъ воловъ.

По бокамъ воза шло нѣсколько запыленныхъ крестьянъ и дядына Оксана. Изъ-за слоя густой пыли смутно виднѣлось блѣдное лицо Ганны съ неподвижными, мутными глазами и сѣдая полу-обожженная голова дядька Остапа, безпомощно качавшаяся изъ стороны въ сторону...

Ганна не выдержала потрясенія и заболѣла нервной горячкой, а дядько Остапъ, хотя выздоровѣлъ довольно скоро, но остался совершенно слѣпымъ.

Добрая дядына Оксана пріютила ихъ у себя и ухаживала за ними, какъ за близкими родными.

Исхудалая, слабая Ганна долго не могла оправиться и, поднявшись съ кровати, блѣдная и грустная, съ опущенной головой, ходила по селу, какъ тѣнь, всюду сопутствуя своему слѣпому отцу...

Часто они ходили изъ села въ село, а въ ярмарочные дни— въ мѣстечко Червоное: то холодъ, то голодъ были неизбѣжными ихъ спутниками. Если, порой, въ суму слѣпаго старца попадалъ свѣжій, мягкій кусокъ хлѣба, то бѣдный отецъ, сжавъ его крѣпко въ рукѣ, цѣликомъ отдавалъ злосчастной, голодной Ганнѣ...

Задумчивая, серьезная Ганна не принимала никогда участія въ веселыхъ играхъ молодыхъ дѣвушекъ; чуждо ей было это веселье! При видѣ беззаботныхъ, смѣющихся лицъ деревенской молодёжи, сердце ея болѣзненно сжималось и слёзы душили ее...

Когда-то и она, еще до семейной катастрофы, нарядная, цвѣтущая юной красотой и здоровьемъ, охотно веселилась со своими молоденькими подругами.... Теперь онѣ и сами какъ будто отшатнулись отъ нея... Дочь нищаго, всегда молчаливая, угрюмая, истеричная и больная—она внушала имъ какой то затаенный страхъ...

Часто усталая, голодная Ганна, пріютивъ своего слѣпаго отца въ какой-нибудь доброй семьѣ на ночлегъ, забившись въ безлюдный уголъ попутнаго села, припадала лицомъ къ травѣ и, горько рыдая, испуганно всматривалась въ каждую чернѣющую груду земли...

— Мамо моя, мамо!... дико вскрикнетъ она и поспѣшно, порывисто прикрываетъ чернѣющую землю своей дырявой юбкой...

Ея вопли и стонъ далеко несутся по селу, вспугивая заснувшихъ птицъ... Иной разъ, завидя нервно вздрагивающую и въ отчаяніи ломающую себѣ руки, истеричную Ганну, крестьяне съ испугомъ сторонились отъ порченной, осѣняя себя крестомъ...

II.

Прошелъ еще годъ. Ганна по прежнему ходила съ отцомъ изъ села въ село, по прежнему однообразно и печально тянулись для нея дни за днями. Еще больше похудѣла она, поблѣднѣла, еще больше сдѣлалась задумчивой и молчаливой. Сильные истерическіе припадки повторялись чаще, а молодыя силы становились все слабѣе и слабѣе...

Дядько Остапъ, сильно состарѣвшись и ослабѣвъ, съ каждымъ днемъ требовалъ больше ухода, больше заботъ. Прежде онъ ходилъ самъ, слегка опираясь на плечо Ганны и слѣдуя за ней бодро и увѣрено; теперь Ганна съ трудомъ поддерживала обѣими руками еле двигающагося, дряхлаго отца... Пройдутъ нѣсколько шаговъ и, задыхаясь, остановятся.

— Тату, годи... еле слышно проговоритъ она и, усадивъ отца, въ изнеможеніи опустится на землю.

Отдохнутъ и снова поплетутся неувѣренно, тихо и молчаливо...

Но и это невеселое хожденіе скоро совсѣмъ прекратилось: дядько Остапъ слегъ и больше не вставалъ. Опять добрая дядына Оксана пріютила ихъ у себя, въ Грушевкѣ, и помогала, чѣмъ могла.

Ни одной слезы не скатилось съ воспаленныхъ глазъ Ганны, когда вылетѣлъ послѣдній хриплый, протяжный вздохъ изъ впалой, обнаженной груди отца и все тѣло судорожно вздрогнуло и потянулось...

Много безсонныхъ, тяжелыхъ ночей провела Ганна у изголовья умирающаго отца, теряя послѣднія надломленныя силы, послѣднюю искру надежды и энергіи... Закрылъ глаза этотъ желтый, высохшій старикъ и Ганна почувствовала себя одинокой, круглой сиротой, безъ друзей, безъ родныхъ и безъ крова; закрылъ онъ глаза и унесъ съ собой все, что было ей дорого и свято во всемъ этомъ чуждомъ и холодномъ для нея мірѣ...

Она тихо, медленно приподнялась со скамьи, безпомощно обвела широко открытыми глазами пустую хату и замерла на мѣстѣ безъ слёзъ, безъ скорби, безъ движеній...

Вошла дядына Оксана въ сѣни и, прислушиваясь, нерѣшительно остановилась у порога полуотворенной двери хаты.

— Ганно!—тихо окликнула она ее изъ сѣней.

Ганна не шевельнулась.

— Ганно, а що?... такъ же тихо спросила ее дядына, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ хату.

Ганна сильно вздрогнула и пошатнулась всѣмъ тѣломъ...

— Боже, чы вже?... почти вскрикнула, всплеснувъ руками, Оксана, увидя вытянувшагося, неподвижнаго Остапа.

Тяжелыя слезы страшной муки неудержимо полились изъ глазъ очнувшейся Ганны, какъ бы смывая весь блескъ жизни съ ея сильно поблѣднѣвшаго лица и проводя по немъ страдальческія морщины...

Оксана перекрестилась, присѣла на скамью и завыла на всю хату, приговаривая и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Ганна снова пошатнулась всѣмъ тѣломъ, вскрикнула и въ сильныхъ нервныхъ судорогахъ повалилась, какъ снопъ, къ ногамъ воющей Оксаны...

— Охъ, лышенько!—крикнула испуганно дядына и, вскочивъ, какъ ужаленная, со скамьи,—выбѣжала изъ хаты...

Скоро всѣ сосѣди собрались на дворѣ возлѣ хаты дядыны Оксаны, и съ любопытствомъ выслушивали ея сбивчивые разсказы объ умершемъ дядькѣ Остапѣ и порченной Ганнѣ, бьющейся съ судорогахъ объ полъ, но никто изъ нихъ не рѣшался войти туда.

— Треба попрохаты батюшку, щобъ покропывъ свяченою водою,—то може нечыста сыла й покыне іи,—послышался въ толпѣ чей-то грубый голосъ.

— Охъ, лышенько! причитывала, крестясь, дядына Оксана,—боюсь я теперъ, добри люды, своеи хаты, боюсь!... Якъ заведется въ неи нечыстый, то не буде мени жыття!...

— Безпреминно треба іи трычы обыгнати въ ночи кругомъ церквы, та ще й полываты холодною водою, щобъ прогнаты нечыстого: заразъ же пройде, бо це вже ій такъ зроблено!—отозвалась авторитетно изъ толпы высокая плечистая баба, первая грушевская знахарка.

— Зроблено, люде добри, зроблено!... сказала дядына Оксана, покачивая головой и вздыхая.

Среди самаго разгара разныхъ пересудовъ и толковъ о „нечыстомъ“ и порченной, когда боязнь чего то сверхъестественнаго и суевѣріе всецѣло овладѣли переполошившейся толпой, на порогѣ хаты показалась блѣдная, изнуренная Ганна съ широко раскрытыми, воспаленными глазами и съ растрёпанной, полураспустившейся черной, какъ смоль, длинной косой.

Она стояла, какъ тѣнь, облокотившись усталой головой о косякъ двери и, казалось, не замѣчала многочисленной и шумной толпы крестьянъ. .

Одна изъ трусливыхъ бабъ, боязливо и нерѣшительно оглядываясь на дверь, неожиданно увидѣла Ганну и, сильно толкнувъ локтемъ свою сосѣдку, тихо спросила ее:

— Чы бачышъ?...

— Эге! бачу, бачу!... отвѣчала та и въ свою очередь толкнула рядомъ стоявшую съ ней высокую дивчыну и что-то поспѣшно шепнула ей.

— Де?... спросила дивчина и стала кругомъ осматривать дворъ дядыны Оксаны, пока, наконецъ, не увидала „зурочену“...

Мало по малу вся толпа обратила вниманіе на Ганну, но ни сочувствія, ни сожалѣнія ни у кого изъ нихъ не вызвалъ страдальческій, изнуренный видъ несчастной дѣвушки. Они, поболтавъ еще немного на ту же тему и посматривая кто съ нѣкоторымъ любопытствомъ, а кто и совершенно безучастно на Ганну, разбрелись по домамъ...

Солнце плавно спускалось за вѣтки высокихъ вербъ и стройныхъ тополей, растущихъ кругомъ бѣлой хатёнки дядыны Оксаны; дрожащіе лучи его, мѣрно переливаясь, сверкали мягкимъ вечернимъ свѣтомъ, озаряя густые ряды желтыхъ подсолнечниковъ, раскинутыхъ справа и слѣва картофельнаго поля, и стадо грушевскихъ овецъ и рогатаго скота, медленно возвращавшагося съ прибрежной поляны въ село...

Слабѣющіе лучи солнца окрасили блѣдное лицо измученной дѣвушки розоватымъ отблескомъ; она прищурила глаза, ста-

раясь избѣжать ласкающихъ, прощальныхъ лучей и, опустивъ низко голову, думала невеселую думу.

У забора сосѣдней хаты, густо заросшаго орѣшникомъ и хмѣлемъ, давно уже наблюдалъ всю происходившую сцену молодой паробокъ Петро, тотъ самый, котораго Ганна видѣла на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ Червономъ торгующимъ „кожухъ“.

По красотѣ, богатству и грамотности онъ считался первымъ женихомъ въ Грушевкѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился изъ N—ска, гдѣ служилъ нѣсколько лѣтъ у графа Б—скаго садовникомъ, онъ на деревенскихъ дѣвушекъ—невѣстъ не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ единственный сынъ знакомаго намъ уже садовника Грицька. Годъ тому назадъ умерла его мать, а теперь недавно онъ похоронилъ старика—отца и, оставивъ службу у графа Б—скаго, поселился въ Грушевкѣ и принялся самъ хозяйничать. Ганну, какъ мы уже видѣли, онъ зналъ еще до ея семейной катастрофы очень юной дѣвочкой и всегда любовался ея красотой; въ дѣтствѣ же онъ часто игралъ съ ней на улицѣ, вмѣстѣ съ другими ребятишками, хотя былъ старше ея на нѣсколько лѣтъ. Все это время онъ не видѣлъ Ганны, хотя часто приходилось ему слышать въ N—скѣ отъ своихъ же грушевцевъ о томъ, что она стала порченной и ходить съ отцомъ просить милостыню...

И вотъ теперь пришлось ему увидѣть ее, стоящую неподвижно у порога, блѣдную, съ распущенной косой чуть не до колѣнъ, точь въ точь, какъ та статуя, что стоитъ въ графскомъ саду у большаго фонтана, окруженная роскошными заграничными розами...

Онъ еле еле узналъ ее...

Вспомнилось ему беззаботное дѣтство, игры на улицѣ и эта пухлая, краснощекая и быстроглазая Ганна, качающаяся кубаремъ въ пескѣ и заливающаяся звонкимъ хохотомъ...

Она страшно перемѣнилась: румяныя щеки—совершенно были блѣдны; глаза, большіе и черные, стали еще больше, еще чернѣе; правильный, тонкій носъ вытянулся; безпечное, веселое выраженіе лица исчезло; возлѣ красивыхъ, когда то улыбающихся губъ образовалась чуть замѣтная складка, придававшая

всему лицу оттѣнокъ сильной грусти и нравственныхъ страданій...

Ему стало невыразимо жалко своего любимаго друга дѣтства,—жалко безпріютной, измученной дѣвушки, къ которой вся эта грубая, холодная толпа отнеслась такъ безучастно, и онъ, быстро раздвинувъ обѣими руками кусты орѣшника и перескочивъ однимъ прыжкомъ черезъ заборъ, подошелъ близко къ Ганнѣ.

— Здорова була, Ганно! Чы пизнала? спросилъ онъ ее тихо и ласково.

Дѣвушка сильно вздрогнула, пугливо посмотрѣла въ сторону Петра, хотѣла что-то сказать, но еще ниже нагнула голову и стала порывисто, смущенно перебирать пряди густыхъ волосъ расплетённой длинной косы.

— Не пизнаешъ?

— Ни... чуть слышно произнесла она и снова посмотрѣла на него пугливо и робко.

— Хыба не памьятаешъ Петра?...

Едва замѣтная краска покрыла ея впалыя щеки, а глаза, устремлённые прямо на него, радостно, удивленно расширились и вспыхнули лихорадочнымъ блескомъ...

— Петро!... Петро!... почти вскрикнула она, до боли сжимая его протянутую руку.

Въ этомъ не то радостномъ, не то тревожномъ крикѣ слышался вопль наболѣвшей души, вопль утопающаго пловца, смутно завидѣвшаго вдали спасительную лодку...

Бывали у ней минуты, когда ее непреодолимо влекло къ людямъ, когда ей такъ страстно желалось слышать добрыя людскія слова, дружескіе отвѣты на всѣ мучительныя думы, вопросы, возникающіе въ ея отзывчивой молодой душѣ, во время безмолвно печальныхъ и уединенныхъ прогулокъ со слѣпымъ отцомъ, среди томящей тишины обширныхъ полей... То была страшная мука человѣческаго духа въ слабомъ, безсильномъ тѣлѣ... Ни въ комъ она не находила опоры въ своемъ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи. Она, порченная, нищая, давно вычеркнута изъ общей массы людей, отшатнувшихся отъ нея навсегда!... Ея безотрад-

ныя думы, ея интересы не могли слиться съ холодной толпой. Съ каждымъ днемъ становилось ей больнѣе переносить свою отчужденность, свое горе; а между тѣмъ, съ каждымъ днемъ она чувствовала, какъ росла все выше и выше какая то нерушимая стѣна, отдѣляющая ее отъ всѣхъ людей на свѣтѣ! Она—и люид! О, какъ далека она отъ всего, что ихъ веселитъ, что ихъ поддерживаетъ въ ихъ ежедневной жизни! Да и она никому не нужна, никто не откликнется на ея отчаянный зовъ и глухіе вопли..... Она—и люди! Она идетъ своей печальной дорогой, они—своей; и не сойтись имъ никогда, какъ дню не сойтись съ ночью, какъ свѣту съ тьмой, какъ землѣ съ небомъ!.... Одна дядына Оксана, одна во всемъ мірѣ, относясь къ ней теплѣе всѣхъ, подчасъ облегчала ее своими старческими недалекими совѣтами. Но и эти теплыя отношенія и совѣты были условны: Оксана не выносила нервныхъ припадковъ Ганны и всегда, замѣчая приближеніе ея страданій, говорила ей:

— Памьятай, Ганно, що моя хата свячена: краще бъ ты пишла хочъ у городъ!

Этотъ намёкъ на нервные припадки Ганны, какъ проявленіе „нечистаго“ въ лицѣ „порченной“ дѣвушки, оскверняющей хату, острой болью отзывались въ душѣ бѣдной больной, и она, шатаясь, покорно уходила изъ хаты куда нибудь подальше отъ глазъ людскихъ...

Узнавши Петра, съ которымъ въ дѣствѣ такъ часто проводила цѣлые дни, и видя по прежнему его ласковое, доброе лицо, Ганна, разбитая и брошенная даже дядыной Оксаной въ самую тяжелую для нея минуту, съ дикимъ отчаяніемъ бросилась къ его ногамъ.

— Петро, Петро, ратуй мене!... ратуй!... шептали ея поблѣднѣвшія сухія губы, и она крѣпко, судорожно сжала его руку.

— Богъ зъ тобою, Ганно, встань!—глухо произнесъ онъ поддерживая ее.

Она, какъ послушное дитя, приподнялась и, тяжело дыша, смотрѣла на него пытливо, тревожно.

III.

Утро. Моросилъ мелкій дождь; все небо заволокло сѣровато-бѣлыми сплошными тучами. Со стороны лѣса надъ рѣкой подымался густой туманъ; деревья, колеблемыя вѣтромъ, издавали жалобно протяжный шумъ, напоминающій отдаленное слабое завываніе волковъ. Въ воздухѣ было сыро и пахло дымомъ...

На одной изъ улицъ села Грушевки показалась толпа крестьянъ и уютная крашенная повозка Петра, запряженная одной лошадкой. Онъ быстро погонялъ лошадь, стараясь обогнать толпу. Въ повозкѣ неподвижно лежала Ганна, закутанная свитой и большимъ платкомъ. Глаза ея были закрыты, такъ что можно было подумать, что она спитъ.

Дождь моросилъ все больше и больше; вѣтеръ становился холоднѣе; на улицѣ толпа значительно рѣдѣла...

Петро, далеко опередивъ толпу, подъѣзжалъ къ хатѣ дядыны Оксаны, которая, завидѣвъ его, молча отворила ему ворота и изъ подлобья взглянула на лежащую, какъ снопъ, Ганну.

— Зновъ зъ нею таке саме?—спросила его Оксана почти сурово, оглядывая обезсиленную Ганну.

— Зновъ,—произнесъ онъ угрюмо, не смотря на дядыну.

Только что похоронили дядька Остапа, и Петро дѣйствительно поднялъ на кладбищѣ Ганну въ сильномъ нервномъ припадкѣ безсознательно катавшуюся на свѣжей могилѣ отца...

Не взирая на восклицанія галдѣвшей суевѣрной толпы: „не чыпай прычынну!“ онъ, выждавъ, когда она немного утихла, закуталъ ее потеплѣе и привезъ прямо къ дому дядыны Оксаны.

Сначала дядына, насмотрѣвшаяся за эти дни на страшные припадки Ганны, не соглашалась принять къ себѣ въ хату порченную, но послѣ долгихъ увѣщаній Петра суевѣрная, но добрая старуха вмѣстѣ сосвоей „наймычкой“ уложила ее на печи и напоила какими-то теплыми травами.

Больная Ганна, потерявъ совершенно сознаніе, не помнила, кто и какъ оторвалъ ее отъ дорогой свѣжей могилы отца и привезъ въ эту свѣтлую, обширную хату. Она судорожно прижималась холоднымъ лицемъ къ твердой подушкѣ, дрожа съ головы

до ногъ отъ новаго мучительнаго наплыва мыслей, которыя разрывали ей грудь, холодили усталые члены... Она снова боролась со спазмами, спиравшими ея дыханіе, и сильно страдала, чувствуя себя несчастной, больной, одинокой и никому ненужной..

Пролежавъ нѣсколько часовъ въ страшныхъ нравственныхъ мученіяхъ и выбившись изъ силъ, Ганна мало по-малу стала забываться; взоръ ея затуманился, губы крѣпко сжались, лицо жалобно, болѣзненно вытянулось, и она, первый разъ за все это время, уснула крѣпкимъ, долгимъ сномъ...

Проснулась Ганна подъ вечеръ, пробужденная какимъ-то необычайно-оживленнымъ движеніемъ въ хатѣ Оксаны и говоромъ. Раскрывъ глаза, она увидала какую-то молодую незнакомую дѣвушку въ черномъ платьѣ, низко нагнувшуюся надъ ней и державшую ее за руку, Петра со свѣчой въ рукахъ и пригорюнившуюся дядыну Оксану.

Ганна порывисто приподнялась съ подушки, вырвала свою руку и съ сильно бьющимся сердцемъ и широко открытыми глазами оцѣпенѣла отъ ужаса, не понимая, гдѣ она и что именно съ ней произошло.

— Не бійся, голубко! я тоби ничого злого не зроблю,—ласково сказала молодая дѣвушка:—ось я пастараюся тоби запомогты...

— Це жъ наша нова дохтурша,—таинственно сказала дядына Оксана, нагнувшись къ Ганнѣ.

— Тилькы фельдшерыця,—улыбаясь, поправила ее дѣвушка.

— Нехай хвелшерыця!—согласилась дядына Оксана, махнувъ рукой.

— Ось трошкы поличыссся, сылъ прыбуде—тай одужаешъ зовсимъ!—сказала фельдшерица, выслушивая пульсъ взволнованной Ганны.

Ганна отчаянно замотала головой и еле слышно произнесла:

— Ни! Це вже мени такъ зроблено!... Я прычынна! Нихто мени не запоможе!...

— Заспокой себе, дивчыно! такои болисти нема на свити; сылъ тоби тилькы треба набратысь, той одужаешъ,—ласково говорила фельдшерица, садясь возлѣ Ганны и гладя ея худую руку.

Ганна удивленно и недовѣрчиво посмотрѣла на нее и снова замотала головой.

— Ни, я прычынна, прычынна!... сказала она съ отчаяніемъ, и непрошенныя слезы блеснули на ея длинныхъ, роскошныхъ рѣсницахъ.

Она порывисто, тяжело дышала и, безпомощно опустивъ дрожащія руки на подушку, тихо рыдала...

— Не плачъ тилькы и не журысь, прошу я тебе, Ганно... произнесъ тихо, грустно Петро, подойдя близко къ ней.—Колы хочешъ одужаты, то слухайся тилькы барышни и робы те, що вона скаже...

Ганна перестала рыдать, подняла прекрасные, полные слёзъ глаза и посмотрѣла на него робко, дѣтски довѣрчиво: въ нихъ блеснулъ неуловимо слабый лучъ надежды на выздоровленіе, на что то лучшее, и ея блѣдное, грустное, но прекрасное лицо впервые покрылось тихой еле замѣтной улыбкой...

Молодая дѣвушка Вѣра Ѳедоровна Красовская, окончивши курсъ ученія въ фельдшерскомъ училищѣ, была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ назначена земствомъ фельдшерицей въ N—скій уѣздъ. Въ ея участокъ входило и село Грушевка, гдѣ она нѣсколькими удачными случаями вылечиванія больныхъ успѣла уже пріобрѣсть довѣріе и любовь крестьянъ. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи двѣ большихъ волости, Красовская, за неимѣніемъ достаточно свободнаго времени, рѣдко бывала въ селѣ Грушевкѣ.

Проѣзжая теперь Грушевку, она остановилась у одной знакомой старушки-крестьянки, отъ которой узнала печальную исторію порченной Ганны. Заинтересовавшись больной, Красовская, немного отдохнувъ, немедленно пошла къ дядынѣ Оксанѣ. Осмотрѣвъ тщательно Ганну и поразспросивъ ее подробно о всѣхъ проявленіяхъ ея болѣзни, она убѣдилась, что эти нервные припадки, при тщательномъ уходѣ за больной и при извѣстной благопріятной обстановкѣ должны совершенно пройти. Обо всемъ

этомъ она сообщила дядынѣ Оксанѣ и Петру, поручивъ имъ исполнить все, что необходимо для больной.

Отъ души радуясь возможному выздоровленію Ганны, Петро просилъ фельдшерицу почаще навѣщать больную, обѣщая исполнять въ точности всѣ ея требованія. Рѣшившись помочь одинокой сиротѣ, онъ нанялъ наймычку собственно для Ганны и далъ дядынѣ Оксанѣ достаточно денегъ на лекарства для больной.

— Буде мени спасеніе зъ неба!—разсуждалъ Петро, улыбаясь:— все однаково—я однымъ-одынъ, а грошей нисля батька доволи зосталося!

— Такъ то такъ, сыну! та чы буде що зъ того?... вздыхая и покачивая недовѣрчиво головой, замѣчала ему печально дядына Оксана.

И хваля поступки Петра передъ сосѣдями, добрая старушка оставалась при своемъ и настойчиво, увѣрено твердила имъ одно и то же:

— Колы вже такъ ій зроблено, колы це йде видъ самого нечыстого,—то вже ни хвелшырыця, ни ликарства ничого не вдіють! Зурочена вона,—тай годи!

Много толковъ во всемъ селѣ Грушевкѣ породило вмѣшательство богатаго, красиваго парубка Петра въ судьбу отчужденной „порченной“, нищей—Ганны. Бабы гурьбой собирались по хатамъ и на улицахъ, пересказывая одна другой чуть не въ сотый разъ всѣ подробности похоронъ дядька Остапа, сдѣланныхъ Петромъ, о небываломъ леченіи порченной и о его каждодневномъ, аккуратномъ посѣщеніи ея...

— И скажить на мылость Бога! Ще й наймычку прыставывъ до неи, неначе отій хазяйци!... Годуе іи мьясомъ, неначе якусь панночку!... тараторили на всѣ голоса деревенскія кумушки.

Однѣ, очень немногія, стали смотрѣть на Ганну болѣе дружелюбно, чѣмъ прежде, забывая о „нечистомъ“; другія, особенно имѣющія взрослыхъ дочерей, сыпали бранью, называя ее

„видьмою", желающей „нечыстою сылою" приворожить къ себѣ перваго жениха во всемъ селѣ...

Нѣкоторыя даже увѣряли, что видѣли Ганну ночью съ распущенными волосами въ длинной бѣлой сорочкѣ, покрывающей ее съ головы до ногъ, на метлѣ,—какъ та вѣдьма, что выдоиваетъ ночью коровъ,—перебрасывающей въ огородъ Петра „чары" и произносящей заклинанія подъ его хатой...

Юлія Левицкая-Пащенко.

(До слѣд. №).

НА РУБЕЖѢ.[1]

VIII.

Игуменъ Досиѳей, какъ мы видѣли выше, былъ искренно преданъ дѣлу освобожденія Украины отъ польскаго владычества и не жалѣлъ ни времени, ни силъ для успѣшнаго окончанія этого дѣла: онъ изъѣздилъ край изъ конца въ конецъ, стараясь повсюду своимъ авторитетомъ поддержать въ народѣ готовность къ возстанію. Но, какъ лице духовное, обращалъ вниманіе исключительно на одну только сторону дѣла—на достиженіе свободы религіозной; и въ церковныхъ проповѣдяхъ, и въ личныхъ сношеніяхъ онъ развивалъ одинъ мотивъ: преслѣдованіе поляками православной церкви. Мотивъ этотъ съ давнихъ поръ, еще со времени Сагайдачнаго, игралъ роль важнаго стимула въ подымавшихся козацкихъ возстаніяхъ и окончательно признанъ былъ знаменемъ народнаго движенія при Хмельницкомъ.

Этотъ несомнѣнно весьма важный мотивъ въ духовной жизни народа производилъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что онъ былъ вообще всего доступнѣе пониманію народной массы, которая, вслѣдствіе слабой степени развитія, не умѣла ясно формулировать другихъ своихъ потребностей въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ, національномъ и пр. Отецъ Досиѳей не могъ примириться съ мыслью, что цѣлая половина Украины, лежа-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1888 г. Іюнь.

щая на правомъ берегу Днѣпра, находясь подъ властью Польши, подвергается опасности насильственнаго обращенія въ унію, а впослѣдствіи постепеннаго перехода изъ уніи въ католичество. Теперь, по его мнѣнію, настала давно желанная минута освободиться отъ этой опасности.

Дѣйствительно, внутреннее состояніе польскаго государства давало поводъ питать такія надежды; подъ управленіемъ недальновидныхъ королей саксонскаго дома, Польша теряла послѣдніе остатки энергіи и самодѣятельности. Продолжительная внутренняя борьба партій привела къ вмѣшательству сосѣднихъ государствъ въ ея домашнія распри. Русскія войска много разъ вступали въ предѣлы Польши, поддерживая то одну, то другую партію, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно возрастало и политическое вліяніе Россіи на Польшу. Въ данную минуту русскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой съ цѣлью оказать поддержку такъ называемой саксонской партіи, желавшей доставить престолъ сыну умершаго короля Августа II, будущему королю Августу III. Отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ полковника Полянскаго расположился въ окрестностяхъ Умани, какъ для поддержанія въ южныхъ областяхъ сторонниковъ саксонскаго дома, такъ и для наблюденія за турецкою границею.

Что касается народонаселенія и его стремленій, то въ этомъ отношеніи Полянскій не высказывался ясно: онъ не имѣлъ точныхъ инструкцій въ этомъ смыслѣ, но, поставленный въ необходимость занять то или другое положеніе среди волнующейся массы, на собственный рискъ рѣшился воспользоваться этимъ движеніемъ для того, чтобы увеличить свои силы и вліяніе въ краѣ и направить народный взрывъ въ ту сторону, какая могла быть указана ему при дальнѣйшемъ ходѣ событій. Онъ вошелъ въ сношенія съ представителями подготовлявшагося возстанія и, правда въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, давалъ имъ обѣщанія, исполненіе которыхъ далеко превы-

шало его полномочія и совсѣмъ отъ него не зависѣло. Впрочемъ, въ этихъ переговорахъ Полянскій всегда старался отклонить принципіальную постановку вопроса и на первый планъ выдвигалъ дѣйствительно данное ему порученіе—поддерживать саксонскую партію и противодѣйствовать другому кандидату на польскій престолъ—Лещинскому; для этой цѣли онъ и старался утилизировать народное волненіе и всѣ тѣ силы, которыя оно должно было пробудить къ дѣйствію. Верланъ какъ нельзя лучше понялъ эту двойственность цѣлей и разсчитывалъ въ свою очередь, сблизившись съ Полянскимъ, повернуть дѣло такъ, чтобы принудить его поддерживать не только саксонскую партію, но и тѣ побужденія, изъ-за которыхъ собственно народъ и готовился возстать; а именно,—отторженіе края отъ Польши и введеніе въ немъ козацкихъ порядковъ по образу гетманщины.

Въ свою очередь и отецъ Досиѳей понималъ разсчеты Верлана и хотя считалъ дѣломъ не существенной важности такіе вопросы, какъ отмѣну крѣпостнаго права и козацкое сомоуправленіе, но не противорѣчилъ имъ, имѣя въ виду, что мотивы эти помогутъ значительно усилить и расширить ту пропаганду, какую онъ велъ съ своей точки зрѣнія. Хорошо зная край, имѣя точныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, гдѣ сосредоточивалось народное движеніе и о лицахъ, руководившихъ имъ, игуменъ еще въ началѣ весны отправился въ путь; побывалъ и въ монастыряхъ, лежавшихъ въ южной лѣсной полосѣ Кіевщины, и въ Сичи, завернулъ наконецъ и въ окрестности Умани для того, чтобы повидаться съ Полянскимъ, узнать, какого образа дѣйствій намѣренъ держаться полковникъ, и опредѣлить его отношеніе къ народному движенію. Съ Полянскимъ онъ познакомился и сблизился еще въ Кіевѣ и постоянно поддерживалъ добрыя съ нимъ отношенія.

Квартира полковника Полянскаго находилась въ небольшомъ мѣстечкѣ Соколовкѣ вблизи Умани; въ концѣ

великаго поста туда явился неожиданно игуменъ Досиѳей. Полковникъ встрѣтилъ его весьма радушно.

— Вотъ такъ пріятная неожиданность! Куда васъ Богъ несетъ, отецъ игуменъ?

— Возвращаюсь домой, въ свою обитель. Я посѣщалъ несчастныхъ страждущихъ единовѣрцевъ нашихъ, старался утѣшить ихъ и поддержать въ нихъ надежду,—отвѣчалъ смиренно о. Досиѳей.

— Благое дѣло! Благодареніе Господу, что не забыли меня, отецъ игуменъ. Сижу я здѣсь, въ этомъ проклятомъ захолустьѣ, людей не вижу и дѣла не дѣлаю; остается одно—пьянствовать отъ скуки. Если бы скорѣе приказъ выступать въ походъ на ляховъ или на турокъ, а то солдаты отъ бездѣлья совсѣмъ плошаютъ.

— И тѣ и другіе враги Господни. Придетъ время и вы справитесь съ ними; сбудутся слова молитвы „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіе Его“...

— Вамъ лучше знать, отецъ игуменъ, что гласитъ священное писаніе; что до меня касается, я отношусь къ дѣлу просто: исполняю въ точности приказанія начальства, предоставляя ему обсуждать цѣли и выбирать направленіе дѣйствій.

Собесѣдники посмотрѣли другъ на друга и улыбнулись; они поняли, что идутъ къ одной общей цѣли, но идутъ разными путями и по различнымъ побужденіямъ; оба считали излишнимъ вступать въ споръ. Помолчавъ немного, игуменъ возобновилъ бесѣду.

— Что хорошаго слышно у васъ, полковникъ?

— Пока ничего особеннаго: ляхи грызутся между собою, а мы смотримъ со стороны и ждемъ той минуты, когда придется разливать ихъ водою.

— Пусть ихъ грызутся, лишь бы не обижали при этомъ святой церкви нашей. Чѣмъ сильнѣе они перегрызутся между собою, тѣмъ легче будетъ держать ихъ въ рукахъ.

— Правда святая, отецъ игуменъ! по всему видно, что

ляхи такъ и лѣзутъ сами къ намъ въ мѣшокъ; намъ остается только выжидать время, когда придется затянуть мѣшокъ. Теперь вся шляхта споритъ о томъ, кому быть королемъ у нихъ, Лещинскому или Саксонцу? Послѣдній для насъ, конечно, выгоднѣе, потому что будетъ намъ обязанъ побѣдою, слѣдовательно, долженъ будетъ подчиниться нашему вліянію. Шляхтичи посуетятся, подерутся не больно и успокоятся на томъ, что ихъ вольности останутся неприкосновенными; и странно же они понимаютъ свои вольности: откармливать брюхо, пить безъ мѣры, да кричать безъ толку на сеймикахъ—это тѣ вольности, которыя они берегутъ, какъ зѣницу ока. Совсѣмъ никуда негодный народъ! Чтобы завести у нихъ порядокъ, да какой-нибудь толкъ, нужно будетъ долго учить ихъ дубинкою.

Игуменъ слушалъ внимательно и съ видимымъ удовольствіемъ.

— Пріятно слушать ваши рѣчи, полковникъ, вы судите правильно и вполнѣ безошибочно оцѣниваете положеніе дѣлъ.

— Я лично полагалъ бы,—продолжалъ Полянскій, польщенный похвалою,—что настало уже время подумать о болѣе серьезныхъ послѣдствіяхъ; лишь бы хохлы принялись за дѣло. Во всякомъ случаѣ они—наиболѣе заинтересованная сторона, имъ и слѣдуетъ взять на себя почин въ этомъ дѣлѣ. Вотъ я со дня на день ожидаю полковника Верлана, а это человѣкъ умный и рѣшительный, на него, кажется, можно положиться. Вы, отецъ игуменъ, могли бы повліять на него въ надлежащемъ смыслѣ. Среди хохловъ вообще слово церковныхъ пастырей пользуется громаднымъ вліяніемъ, не говоря уже о томъ, что вашъ личный авторитетъ давно признанъ всѣми.

Лице игумена приняло сосредоточенное выраженіе.

— Я вѣрно служу народному дѣлу, сказалъ онъ сдержанно, и надѣюсь, что Ея Величество оцѣнитъ мои скромныя заслуги по достоинству. Я заѣхалъ къ вамъ, полковникъ, сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія; народъ уже поды-

мается, изъ Сичи уже выступили охотники, мошенскій сотникъ Грыва тронулся изъ Черкащины; они двигаются медленно, но черезъ двѣ—три недѣли возстаніе должно вспыхнуть въ широкихъ размѣрахъ.

— Куда же они направляются? Какой у нимъ планъ дѣйствій? спросилъ полковникъ.

— Все это я знаю подробно: запорожцы пошли къ Жванцу, оттуда двинутся къ Бродамъ, а когда ляхи выступятъ противъ нихъ изъ Украины, тогда Верланъ, Грыва и Чалый намѣрены соединить свои силы и ударить на нихъ съ тыла.

Полянскій слушалъ со вниманіемъ, но не вполнѣ былъ увѣренъ въ точности сообщенныхъ извѣстій.

— Придумано недурно, замѣтилъ онъ; впрочемъ, надо бы еще поразспросить Верлана, этотъ долженъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія,—только бы поскорѣе увидѣться съ нимъ; я, впрочемъ, вызвалъ его сюда, такъ какъ имѣю сообщить ему нѣчто весьма важное. А вы, отецъ игуменъ, имѣете свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ?

— Мнѣ говорили участники дѣла.

— Такъ подождемъ Верлана, тогда дѣло выяснится окончательно. Отецъ Досиѳей тоже рѣшилъ подождать; ему очень любопытно было знать, какое извѣстіе Полянскій намѣревался сообщить Верлану, но выпытывать онъ не считалъ приличнымъ, при томъ же онъ зналъ, что шаргородскій полковникъ былъ главнымъ руководителемъ движенія и разсчитывалъ при свиданія съ нимъ дополнить собранныя свѣдѣнія. Ожидать ему пришлось не долго. На слѣдующій день въ Соколовку прибылъ Верланъ съ двумя асаулами своего полка; онъ торопился, такъ какъ получилъ уже извѣстіе о вступленіи сичевниковъ и Гордія Грывы и теперь спѣшилъ покончить всѣ приготовленія до того времени, когда и ему придется двинуться въ походъ. Зная, что отрядъ Гордія подвигается медленно, въ разсыпную, онъ разсчитывалъ, что его очередь наступитъ еще недѣли черезъ двѣ, и еще улучилъ время прі-

ѣхать къ Полянскому, чтобы окончательно выяснить взаимныя отношенія и узнать опредѣленно, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на поддержку русскихъ военныхъ силъ. Верланъ вполнѣ подтвердилъ сообщенныя игуменомъ свѣдѣнія.

— Что же, полковникъ, теперь за вами очередь, сказалъ Полянскій.

— Это точно, отвѣчалъ Верланъ, но я пріѣхалъ къ вамъ, полковникъ, спросить, дадите ли вы мнѣ возможность выставить какія либо основанія, которыя бы мотивировали политическими соображеніями наше движеніе, или не дадите? Мнѣ это необходимо знать не только для того, чтобы обставить свое движеніе тѣми или иными политическими побужденіями передъ лицемъ Рѣчи Посполитой, но еще болѣе для того, чтобы такъ или иначе оформить воззваніе къ народонаселенію, отъ участія котораго въ дѣлѣ только и можетъ зависѣть сила и успѣхъ нашего предпріятія.

— Зачѣмъ тебѣ политическія мотивы? Возразилъ игуменъ. Мотивъ у тебя единственный и непреложный: прослѣдованіе поляками святой православной церкви. Основываясь на этомъ мотивѣ, Хмѣльницкій въ свое время поднялъ всю Украину и побѣдилъ ляховъ. Иди по его слѣдамъ; за единовѣрцевъ вступится и Россія и всегда окажетъ тебѣ необходимую помощь.

— Это правда, замѣтилъ Полянскій, но я думаю, отецъ игуменъ, что нападать на врага слѣдуетъ не съ одной только стороны. У меня есть въ виду другое еще средство, болѣе скорое, вѣрное и, какъ мнѣ кажется, болѣе всесторонне отвѣчающее желаніямъ народа.

— Хорошо, послушаемъ! сказалъ Верланъ. На лицахъ обоихъ слушателей выразилось сосредоточенное вниманіе.

— Я получилъ распоряженіе немедленно занять Умань и тотчасъ исполню приказъ—займу городъ отъ имени саксонской партіи, которую Ея Величество изволила принять подъ свое покровительство; затѣмъ разошлю оповѣщеніе къ панамъ, шляхтѣ и козацкимъ милиціямъ съ требованіемъ оказать мнѣ содѣйствіе противъ сторонниковъ Ле-

щинскаго и всѣхъ, кто выступитъ съ оружіемъ въ рукахъ, призову къ совмѣстному дѣйствію въ качествѣ союзниковъ Россіи, состоящихъ подъ ея покровительствомъ. Вотъ вамъ достаточный мотивъ для того, чтобы подняться на ляховъ и стать въ опредѣленное политическое положеніе.

Съ этими словами Полянскій вынулъ и подалъ Верлану экземпляръ воззванія; тотъ внимательно прочелъ его и по мѣрѣ того, какъ читалъ, лице его прояснялось и принимало выраженіе спокойствія и рѣшимости; зная почву, онъ сознавалъ, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ воззваніе это можетъ подать надежду на осуществленіе основныхъ народныхъ пожеланій и тѣмъ самымъ произведетъ огромное впечатлѣніе въ массѣ. Правда, въ документѣ ни слова не было сказано ни объ отдѣленіи края отъ Польши, ни о возстановленіи козачества, но для начала достаточно было и то, что возстаніе начнется подъ покровительствомъ и какъ бы по почину русской власти. Верланъ разсчитывалъ, что разъ начатое движеніе естественнымъ образомъ приведетъ къ осуществленію всего того, къ чему инстинктивно стремилась народная масса и что самъ онъ и его друзья ставили какъ, цѣль возстанія.

— Что же вы думаете объ этой бумагѣ, полковникъ? спросилъ Полянскій.

— Хорошо, отвѣчалъ Верланъ, мы пойдемъ за одно съ вами.

Отецъ Досиѳей осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ.

— Да благословитъ тебя Богъ на благое дѣло, да будетъ надъ тобою крестъ Господень! Подъ его святымъ знаменіемъ сражайтесь съ врагами нашей церкви и уповайте на Господа! Оба полковника молча склонили голову и почтительно подошли подъ благословеніе.

— Итакъ, началъ Полянскій послѣ нѣкотораго молчанія, теперь вамъ представляются такія удобныя условія для борьбы съ ляхами, какихъ потомъ не скоро дождетесь. Вы можете начать, войну не объявляя ее ни Рѣчи Посполитой, ни шляхтѣ вообще, а только мотивируя ваше движеніе противодѣйствіемъ партіи Лещинскаго, при чемъ

будете пользоваться могущественнымъ покровительствомъ Ея Величества. Такимъ образомъ вы примете участіе, повидимому, только въ междоусобной борьбѣ самихъ шляхтичей и никто не можетъ считать васъ ни бунтовщиками, ни гайдамаками. Верланъ слушалъ молча, еще разъ взвѣшивалъ свои планы и соображалъ ихъ съ новымъ положеніемъ; дѣйствительно, обстоятельства слагались весьма выгодно и слѣдовало воспользоваться ими. Предлогъ къ возстанію представлялся самъ собою, а разсчетъ на могущественное покровительство долженъ былъ, на первыхъ же порахъ, значительно увеличить его силы. Правда, онъ понималъ, что въ первую минуту придется замаскировать посторонними интересами настоящую цѣль движенія, но онъ разсчитывалъ на то, что возстаніе, усилившись въ самомъ началѣ, вскорѣ будетъ въ состояніи освободиться отъ постороннихъ цѣлей и вліяній и открыто поставить вопросъ объ отложеніи Украины отъ Рѣчи Посполитой.

— Если пришла пора, то нужно приниматься за дѣло, отвѣтилъ онъ Полянскому. Начинайте вы съ одной стороны, мы начнемъ съ другой; теперь я поспѣшу домой, обнародую вашъ циркуляръ и открыто начну дѣло.

Возвратившись въ Шаргородъ, Верланъ промедлилъ еще нѣсколько дней, все поджидалъ приближенія Гордія Грывы, а главнымъ образомъ извѣстія о занятіи Умани Полянскимъ. Послѣднее обстоятельство было особенно важно въ виду имѣвшагося у него воззванія; оно должно было служить подтвержденіемъ циркуляру и усилить довѣріе къ дѣлу среди массы народонаселенія. Впрочемъ, въ Шаргородѣ онъ могъ ждать совершенно безопасно: и замокъ, и городъ охранялись исключительно козацкою надворною милиціею, состоявшею подъ его начальствомъ, другаго войска не было въ окрестности.

Вскорѣ пришло извѣстіе о томъ, что Полянскій занялъ Умань и разсылаетъ свое воззваніе: въ то же время отряды Гордія появились въ южной Брацлавщинѣ и рас-

положились небольшими группами въ близлежащихъ лѣсахъ: у Дзыговки, Боровки и Вербки, а самъ Гордій ежедневно обмѣнивался гонцами съ Верланомъ; со дня на день ожидались вѣсти о первыхъ стычкахъ запорожцевъ съ поляками. Верланъ сознавалъ, что наступила рѣшительная минута.

За недѣлю до праздника св. Тройцы, въ воскресенье, въ Шаргородѣ должна была собраться большая годичная ярмарка, которою Верланъ рѣшилъ воспользоваться, какъ наиболѣе удобнымъ временемъ для своихъ цѣлей. Еще съ утра вся козацкая милиція была въ сборѣ, лошади выкормлены, таборъ выстроенъ въ порядкѣ, какъ передъ походомъ, а въ полдень полковникъ выслалъ на ярмарочную площадь сурмачей, которые, расположившись на четырехъ углахъ площади, разомъ заиграли въ сурмы и въ то же время на церковной колокольнѣ раздался громкій звонъ колоколовъ. Крестьяне толпою окружили сурмачей; каждый интересовался знать причину тревоги. Когда народъ густою массою столпился вокругъ нихъ, сурмачи прекратили игру и начали во весь голосъ выкрикивать оповѣщеніе.

— Гей! люде добри! вильни козакы, славетни мищане, честни хлиборобы! Хто мае охоту погуляты зъ ляхамы й татарамы, добуты воли, славы и золота, той нехай иде до замку—послухайе царського указу. Нехай сидлае коня, бере мушкетъ, шаблю и ратыще! Гей люде добри! вильни козакы, славетни мищане, честни хлиборобы! Поспишайте до замку!

Услышавъ это необычное воззваніе, крестьяне толпами повалили въ замокъ и въ нѣсколько мгновеній запрудили всю площадь передъ замковыми воротами. На площади стояли уже подъ ружьемъ двѣ сотни надворныхъ козаковъ въ боевомъ порядкѣ, совершенно готовыхъ къ походу; на внутреннемъ дворѣ замка стояли ряды запряженныхъ возовъ, гремя цѣпями, приготовленными для того, чтобы скрѣплять ихъ на случай необходимости соста-

вить таборъ. Позади возовъ виднѣлись двѣ маленькія пушки. также запряженныя и готовыя къ выступленію. Между рядами казаковъ и возами бѣгали асаулы и вѣстовые, передавая распоряженія; лошади стояли неподвижно, опустивъ головы, люди были сдержаны, на всѣхъ лицахъ выражалась рѣшимость и сосредоточенное ожиданіе чего-то важнаго, давно желаннаго.

Около часу дня на площадь передъ замкомъ выѣхалъ Верланъ. Быстрымъ взглядомъ окинулъ онъ изъ подъ густыхъ, нависавшихъ бровей столпившійся народъ и на минуту остановился молча, словно что то обдумывая или разсчитывая, затѣмъ медленно поѣхалъ по фронту. При его приближеніи хорунжій развернулъ большое красное знамя съ изображеніемъ архистратига Михаила; козаки встрѣтили полковника громкимъ привѣтствіемъ и народъ дружно подхватилъ ихъ окликъ; гулъ голосовъ разлегался по цѣлому мѣстечку до самыхъ закраинъ.

Ярмарка въ мѣстечкѣ приняла необычный видъ: крестьяне прекратили всю торговлю и съ большимъ оживленіемъ посматривали на замковыя ворота, въ нетерпѣніи ожидая вѣстей отъ тѣхъ, кто успѣлъ во время проникнуть на замковую площадь; тревожно забѣгали и засуетились евреи, поспѣшно запирали лавки и прятались внутри своихъ домовъ, только немногіе смѣльчаки остались на площади, шныряя между группами крестьянъ и внимательно прислушиваясь къ ихъ толкамъ.

Между тѣмъ въ замкѣ затрубилъ сурмачъ, сопровождавшій Верлана,—въ знакъ того, что полковникъ намѣренъ сказать слово. Держа въ одной рукѣ поводъ, Верланъ другою развертывалъ бумагу; когда водворилось молчаніе, онъ обратился къ народу:

— Честна громадо, вильни козакы и славетни мищане! Всѣ вы знаете, что въ настоящее время въ Рѣчи—Посполитой происходитъ междоусобная война: шляхтичъ Лещинскій желаетъ отнять престолъ у законнаго короля. Русская императрица рѣшилась не допустить такого без-

законія и прислала свое войско въ помощь королю; она призываетъ и насъ, козаковъ, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Вотъ указъ Ея Величества, который выслушайте со вниманіемъ.

Онъ развернулъ бумагу и сталъ читать:

„Божьею милостью Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр.

Руководимыя сосѣдскою пріязнью къ польскому королевству и желая, чтобы всѣ обыватели польской короны, въ особенности же возлюбленные наши единовѣрцы могли пользоваться достодолжнымъ спокойствіемъ и благополучіемъ, мы вняли просьбамъ польскаго короля Августа III и рѣшились оказать ему помощь. Симъ призываемъ всѣхъ начальныхъ людей, полковниковъ козацкихъ милицій и весь единовѣрный православный народъ присоединиться къ нашимъ войскамъ и совмѣстно съ ними стремиться къ укрощенію бунтовщиковъ, нарушающихъ повсемѣстно спокойствіе въ польскомъ государствѣ и уклоняющихся отъ признанія власти своего законнаго короля“.

Разумѣется, подобный указъ никогда не существовалъ въ дѣйствительности; онъ былъ составленъ Верланомъ на основаніи воззванія и инструкцій, сообщенныхъ ему полковникомъ Полянскимъ. Онъ употребилъ этотъ пріемъ для того только, чтобы въ глазахъ народа надлежащимъ образомъ обставить свое предпріятіе и санкціонировать его высшимъ политическимъ авторитетомъ. Этой цѣли онъ достигъ вполнѣ: по прочтеніи указа въ толпѣ поднялся шумъ, послышались раздраженные возгласы: „Вси пидемъ на ляхивъ! Повыгоныты ляхивъ та жыдивъ!“ и т. п. Полковникъ переждалъ, пока восклицанія нѣсколько утихли, и вновь обратился къ народу.

— Кто захочетъ отправиться въ походъ, пусть идетъ на замковый дворъ записаться въ реестръ; тамъ каждому реестровому дадутъ рушныцю, саблю и ратище, а коня всякій долженъ имѣть собственнаго.

Сказавши это, Верланъ повернулъ коня и скрылся въ глубинѣ замковаго двора; среди народа началось возбужденное движеніе; изъ толпы выдѣлялись люди и рѣшительными шагами направлялись въ замокъ. Здѣсь посреди внутренняго двора стоялъ столъ и сидѣвшій за нимъ писарь тщательно вписывалъ охотниковъ въ реестръ; послѣ записи каждаго десятка онъ проводилъ на реестрѣ черту, а стоявшій рядомъ сотникъ шаргородской милиціи предлагалъ записавшимся избрать десятника: имя избраннаго лица писарь отмѣчалъ въ спискѣ крестомъ. Охотники стали переговариваться, односельчане и сосѣди подходили вмѣстѣ и такимъ образомъ десятки возникали естественно, какъ контингенты отдѣльныхъ селъ и деревень,—устанавливалась сразу старая козацкая территоріально-военная организація. Каждый сформированный десятокъ получалъ обѣщанное вооруженіе и тутъ же становился въ строй подъ предводительствомъ своего десятника.

Такимъ образомъ часа черезъ три послѣ прочтенія мнимаго манифеста уже сформировались двѣ новыя сотни, совершенно готовыя къ походу. Крестьяне выпрягали лошадей изъ возовъ и отдавали ихъ неимущимъ изъ охотниковъ, другихъ приводили шаргородскіе мѣщане, недостающія были взяты въ качествѣ военной реквизиціи отъ прибывшихъ на ярмарку шляхтичей и евреевъ; владѣльцы ихъ мрачно посматривали на свои осиротѣлые экипажи и съ презрѣніемъ комкали въ рукахъ квитанціи, выданныя имъ козацкимъ писаремъ. На ярмарочной площади образовались группы, на всѣ лады толковавшія о случившемся. У церковной колокольни помѣстился слѣпой бандуристъ и пѣлъ думу „про Нечая“, его окружала густая толпа народа, всѣ съ видимымъ одушевленіемъ слушали пѣсню и въ шапку слѣпаго дѣда щедро сыпались *шаги, трояки, шеляги*. Возлѣ лавокъ какой то еврей усердно убѣждалъ усатаго, тучнаго шляхтича купить у него за полцѣны квитанцію на взятую козаками лошадь, поставляя на видъ, что вельможный панъ во всякомъ случаѣ взыщетъ то, что ему слѣ-

дуетъ, между тѣмъ какъ на „бѣднаго жидка“ никто не обратитъ вниманія. Панъ громко ругалъ своего собесѣдника и отплевывался отъ его предложенія.

— Съѣшь лучше свою квитанцію и, если хочешь, закуси моею, кричалъ онъ. Хоть подавись ими вмѣстѣ съ тѣми, кто ихъ писалъ!

Дружный хохотъ и шутливыя замѣчанія покрыли возраженія еврея.

Посреди главной улицы мѣстечка стояла тяжелая рессорная „ландара“, въ ней сидѣла богато одѣтая пани, метавшая на всѣ стороны грозные взгляды, и крикливымъ голосомъ сыпала проклятія и ругательства; лошадей при экипажѣ не было, только валялась на землѣ брошенная упряжь, кучеръ тоже отсутствовалъ; онъ давно уже былъ на замковой площадѣ въ ряду другихъ охотниковъ верхомъ на одной изъ выпряженныхъ лошадей.

— Проклятые хлопы, кричала пани, поплатитесь вы за этотъ „дешпектъ“, нанесенный шляхетскому званію! Вотъ погодите, придетъ коронное войско,—будете вы всѣ торчать на кольяхъ, хамово отродье!

— Яки жъ бо вы, пани, сердыти! обратился къ ней изъ толпы сѣдой, сгорбленный старикъ, вы гвалтуете, що у васъ взято двп пары коней, та ще й квытокъ маете, а нанысь дома въ васъ стоять на стайни ще не таки цугы; а ось я и безъ квытка виддавъ свою едыну пару, да теперъ пишкы помандрую до дому. Хочете, ходимъ разомъ, я васъ заведу?

— Бачъ, старый, та ще хоче проводыты паню, отозвалась веселая молодыця; не пишлы бъ вы краще на прощу, да и ихъ узялы бъ зъ собою, замолылы бъ разомъ грихы. Идите, пани, до Почаива: и грихы спокутуете, и свое горенько забудете!

Послѣдовалъ взрывъ хохота; пани побагровѣла, но, чувствуя себя беззащитною отъ проявленій хлопскаго юмора, замолчала, окинувъ толпу презрительнымъ взгля-

домъ, закуталась въ широкій лѣтникъ и отвернулась въ сторону.

Между тѣмъ въ замкѣ и вербока и всѣ приготовленія къ походу были окончены; четыре сотни козаковъ въ стройномъ порядкѣ выступили изъ замковой „брамы“, за ними слѣдовали двѣ пушки и двигались въ два ряда возы для табора. Впереди ѣхалъ Верланъ съ перначемъ въ рукахъ, за нимъ развѣвалось красное знамя съ архистратигомъ. Лице полковника было серьезно и спокойно. Онъ уже обдумалъ и взвѣсилъ всѣ шансы предпріятія и хотя сознавалъ, что силы его слишкомъ незначительны даже для начала, но его одобряло настроеніе народа, дружно и восторженно откликнувшееся на первый призывъ къ оружію и дававшее поводъ разсчитывать на быстрое увеличеніе козацкихъ дружинъ. Кромѣ Верлана, его асауловъ и сотниковъ никто не зналъ, въ какую сторону направится отрядъ, но всѣ ѣхали бодро и беззаботно довѣряли свою судьбу опытному полковнику. Отрядъ прошелъ шагомъ по улицамъ мѣстечка и выѣхалъ въ поле по джуринской дорогѣ.

XI

Послѣ ухода слѣпаго Матвія, Савва Чалый съ лихорадочною поспѣшностью занялся приготовленіями къ предстоявшей борьбѣ съ поляками, въ которой онъ обѣщалъ принять участіе. Приготовленія эти ни въ комъ не возбуждали подозрѣнія, напротивъ того, всѣ, даже самъ региментарь, ставили ему въ заслугу то, что въ виду тревожнаго положенія края онъ старался упражнять свой полкъ и держать его на готовѣ къ походу. Дѣятельность Саввы казалась тѣмъ естественнѣе, что наступила весна, то время года, когда обыкновенно гайдамаки, перезимовавши въ пустынныхъ степныхъ зимовникахъ и лѣсныхъ хуторахъ, собирались въ „своевольныя купы“ и начинали обычные

набѣги на панскіе дворы, замки и мѣстечки. Предусмотрительность Саввы въ этомъ отношеніи снискала ему одобреніе военнаго и экономическаго начальства. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ предпринималъ со своими сотнями частыя экскурсіи въ степи для того, чтобы пріучить ихъ къ походу и въ то же время завязать сношенія съ народонаселеніемъ въ возможно широкомъ районѣ.

Однако, чѣмъ ближе наступалъ срокъ рѣшительныхъ дѣйствій, тѣмъ сильнѣе возрастало волненіе и тревога въ душѣ Саввы Чалаго. Съ одной стороны пробуждались въ немъ воспоминанія молодости, проведенной на свободѣ въ вольныхъ степяхъ Запорожья, сознаніе солидарности съ народомъ и его духовными интересами, съ другой волновало воспоминаніе совершенной имъ измѣны и страстное желаніе сохранить то обезпеченное и почетное положеніе, какое досталось на его долю вслѣдствіе этой самой измѣны. Поддаваясь попеременно то одному, то другому теченію мыслей, Савва переживалъ страшный внутренній разладъ; бросался на всѣ стороны и нигдѣ не находилъ выхода; его тяготила домашняя обстановка, стѣсняло общество. Часто вечеромъ, покончивъ дѣла, отправлялся онъ верхомъ въ степь и безъ всякой цѣли бродилъ до разсвѣта. Въ душѣ его кипѣла борьба между собственной совѣстью и честолюбіемъ, борьба, ему одному только вѣдомая, которой никто не замѣчалъ и даже не подозрѣвалъ.

— Выросъ я, думалось ему, подобно дикому коню на свободѣ, не зналъ ни удилъ, ни сѣдла, а теперь самъ добровольно подчинился чужой волѣ, перешелъ на службу къ врагамъ своей родины; подобно собакѣ допустилъ надѣть на себя ошейникъ, привязать на цѣпь и, въ надеждѣ на подачку, лаю и бросаюсь на свою же братью. Но скоро придетъ время, когда я сброшу ошейникъ и разорву цѣпь... Но вслѣдъ за этими мыслями раздавался голосъ честолюбія, пробуждалась жажда славы, почета, богатства, ожидавшихъ его на службѣ гетмана и Рѣчи Посполитой;

онъ сознавалъ, что достичь желанныхъ благъ онъ можетъ исключительно лишь угождая тѣмъ, въ чьемъ распоряженіи они находились, и помогая имъ въ борьбѣ съ своими единоплеменниками и бывшими товарищами.

— Если бы, думалось ему, они хоть награждали по заслугамъ, но нѣтъ! мнѣ приходится больше другихъ трудиться, за всѣхъ бодрствовать, за всѣхъ дѣйствовать и подвергаться опасностямъ, а между тѣмъ награды за все это получаютъ другіе, жалкіе, бездарные тунеядцы, умѣющіе только задабривать начальство и присваивать себѣ большую часть моихъ заслугъ. Въ чемъ же причина этой несправедливости?

Савва сознавалъ прекрасно, что извѣстная приниженность въ положеніи зависѣла исключительно отъ его происхожденія, отъ того, что онъ, по словамъ шляхтичей, былъ „хамское отродіе“, не имѣлъ за собою рода вельможныхъ предковъ, не владѣлъ гербомъ. Въ той средѣ, въ которую онъ попалъ, плебейско-русинское происхожденіе налагало на человѣка неизгладимое клеймо, въ виду котораго закрывались всѣ пути къ карьерѣ и никакіе личные таланты и заслуги не въ силахъ были открыть ихъ „худородному выскочкѣ“. При этой мысли Савва бѣшено сжималъ кулаки:—Погодите, ляхи! восклицалъ онъ, для васъ не стоитъ рисковать жизнью, не стоитъ проливать за васъ кровь! Пришло время свести съ вами счеты!

Среди такихъ колебаній ожидалъ Савва Чалый условленнаго извѣстія о началѣ возстанія и готовъ былъ ринуться въ него съ неукротимою страстностью своей порывистой, необузданной натуры, подстрекаемый всею горечью обманутаго честолюбія.

Между тѣмъ въ Немировъ начали проникать тревожные слухи, въ началѣ, правда, неясные, но постепенно усиливавшіеся и приводившіе въ смущеніе шляхтичей и евреевъ; послѣдніе уже провѣдали, что гайдамаки двинулись изъ Украины крупными отрядами, и разсказывали о нихъ всякіе ужасы: утверждали, будто они разоряютъ

и грабятъ панскіе дворы, жгутъ корчмы и вѣшаютъ евреевъ. Слухи были, разумѣется, преувеличены и пока не подтверждались точными фактическими указаніями, но въ воздухѣ носилась паника, хотя, повидимому, безпричинная. Болѣе степенные изъ шляхтичей толковали о постоянной наклонности хлоповъ къ своеволію, какъ о явленіи давно констатированномъ, обычномъ, не придавая ему особаго значенія въ данную минуту. Люди болѣе нервные, особенно евреи суетились и тревожились, то повторяли и преувеливали тревожные слухи, то опровергали ихъ, старались вывѣдать самыя точныя извѣстія отъ офицеровъ и писарей военнаго штаба, но вообще чувствовали какъ то инстинктивно, что надвигается какое то бѣдствіе, тѣмъ болѣе страшное, что опредѣлить его характеръ и размѣры пока не было возможности. Одинъ Савва понималъ настоящее значеніе слуховъ и причину паники, но онъ молча прислушивался къ неяснымъ толкамъ и только соображалъ про себя, какая доля правды скрывалась среди тревожныхъ предположеній и неосновательныхъ толковъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ тревожные слухи все больше и больше распространялись въ публикѣ, при дворѣ региментаря начали внимательнѣе и любезнѣе относиться къ Чалому; его приглашали на званные обѣды и вечера въ замокъ, обходились съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ, превозносили его умѣнье выслѣживать и истреблять гайдамаковъ и вообще его военныя заслуги. Любезности знатныхъ пановъ опьяняющимъ образомъ дѣйствовали на непосредственную, страстную натуру Саввы: теперь онъ гордился своимъ положеніемъ и заискиванія пановъ пріятно щекотали его самолюбіе; въ мечтахъ его вновь возникали заманчивые образы блестящей карьеры и удовлетвореннаго честолюбія.—Да, думалъ онъ, ляхи наконецъ сознали, что я для нихъ необходимъ, пусть же даютъ мнѣ дорогу въ силу этого сознанія. Дѣйствительно, военное начальство поняло, что сдѣлало крупную ошибку, не обезпечивши вѣрности Чалаго какою либо вѣс-

кою наградою за его службу и рѣшилось теперь загладить эту ошибку въ виду предвидѣвшейся смуты.

Однажды Чалый былъ вызванъ въ замокъ и воротился домой позднею ночью. Домъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ, только въ одномъ окнѣ слабо мерцалъ красноватый свѣтъ лампады: въ полуосвѣщенной комнатѣ помѣщалась кормилица и его сынъ, родившійся мѣсяца за два передъ тѣмъ. Савва прошелъ въ эту комнату; и дитя, и кормилица спали спокойно, глубокая тишина царила въ цѣломъ домѣ. Отецъ тихими шагами приблизился къ колыбели и съ выраженіемъ гордости и надежды смотрѣлъ на спящаго ребенка.

— Сынъ мой, произнесъ онъ въ полголоса, ты воспользуешься плодами моихъ трудовъ и пойдешь дальше отца; я какъ волкъ рыскалъ по степи, тебѣ же приготовилъ лучшую будущность теперь...

Голосъ его оборвался; онъ замѣтилъ, что кормилица проснулась и приподняла голову. Она тоже увидѣла высокую фигуру Саввы, склонившуюся надъ колыбелькою, увидѣла огромную тѣнь его на стѣнѣ, колебавшуюся при свѣтѣ лампады и какъ то страшно шевелившую громадными усами; испугъ овладѣлъ женщиною; она привставала и смотрѣла, полусонная, неподвижными глазами, стараясь привести въ порядокъ мысли и дать себѣ отчетъ въ своемъ впечатлѣніи.

— Ты не спишь? спросилъ Савва съ какимъ то особенно мягкимъ оттѣнкомъ въ голосѣ, какого она никогда отъ него не слыхала.

— Не сплю, я недавно кормила дитя.

— Ступай же, разбуди жену, скажи, чтобы пришла ко мнѣ.

Кормилица вышла исполнить порученіе.

— Чего ему нужно? спросила Елена, встревоженная.

— Не знаю, не сказалъ.

— Онъ пріѣхалъ изъ степи?

— Нѣтъ, кажется, изъ города.

— Сердитъ онъ?

— Напротивъ, такой добрый, мягкій, какимъ я никогда его не видала. Когда я проснулась, онъ стоялъ надъ *колыскою* и такъ весело и ласково смотрѣлъ на ребенка.

Елена все таки съ чувствомъ страха открыла дверь и вошла въ комнату мужа. Савва сидѣлъ у стола, передъ нимъ лежала развернутая бумага; онъ поднялъ голову, привѣтливо взглянулъ на жену, подвинулъ къ ней бумагу и тихо сказалъ:

— Прочти.

Елена стояла въ недоумѣніи и вопросительно смотрѣла на мужа.

— Прочти, повторилъ онъ настойчиво и еще ближе придвинулъ къ ней бумагу.

Елена робко взяла документъ, но по мѣрѣ того какъ читала, лице ея постепенно прояснялось и выраженіе смущенія исчезало.

Окончивъ чтеніе, она посмотрѣла на мужа.

— Рубань принадлежитъ намъ, произнесъ Савва съ разстановкою.

Дѣйствительно, это былъ дарственный актъ, которымъ гетманъ Потоцкій уступалъ Саввѣ Чалому въ потомственное владѣніе село Рубань „cum attinentiis“.

— А что? видишь!... сказала она, не докончивъ фразы, смыслъ которой былъ понятенъ обоимъ.

— Теперь иди спать, а на завтра приготовляй, что слѣдуетъ: завтра будемъ крестить сына, сказалъ Савва спокойно. Елена молча вышла изъ комнаты: она давно привыкла къ лаконической, рѣшительной рѣчи мужа, слово котораго было закономъ въ домѣ, и не считала нужнымъ продолжать разговора.

Какъ видно Чалый намѣренъ былъ торжество по случаю полученія подарка пріурочить къ семейному торжеству—крещенія сына, и отпраздновать оба вмѣстѣ. Еще съ утра предупредилъ онъ священника, затѣмъ, поручивъ женѣ озаботиться приготовленіями къ пріему гостей, самъ занялся разсылкою пригласительныхъ писемъ, которыя по

указаннымъ адресамъ составлялъ полковой писарь, и вскорѣ нѣсколько верховыхъ козаковъ поскакали съ ними въ разныя стороны. Савва давно уже водилъ знакомство съ сосѣднею шляхтою: съ арендаторами имѣній, „официјалистами“ (т. е. служащими въ экономіяхъ), офицерами и мелкими чиновниками; шляхтичи бывали въ Рубани, пользовались гостепріимствомъ, но держали себя по отношенію къ хозяину съ извѣстнымъ оттѣнкомъ превосходства. Въ самыхъ вѣжливыхъ формахъ, въ самыхъ утонченныхъ пріемахъ обращенія постоянно сквозилъ оттѣнокъ сословной гордости; даже самые бѣдные шляхтичи въ цѣлой массѣ мелкихъ подробностей постоянно давали чувствовать, что они, люди гербовные, „урожоные“, дѣлаютъ нѣкоторое снисхожденіе, удостоивая своимъ знакомствомъ бывшаго запорожца, раскаявшагося и принятаго въ панскую службу, гайдамака. Самолюбіе Чалаго сильно страдало отъ этого, онъ болѣзненно чувствовалъ этотъ оттѣнокъ въ обращеніи и, приглашая подъ предлогомъ крестинъ, желалъ на этотъ разъ въ свою очередь дать всѣмъ почувствовать, что теперь онъ достигъ положенія равнаго съ ними и даже гораздо болѣе обезпеченнаго. Теперь онъ былъ землевладѣлецъ, „possessionatus“, какъ говорили шляхтичи, а сверхъ того ему обѣщано было и шляхетское званіе. Регментарь уже показывалъ ему составленное по распоряженію гетмана представленіе, въ которомъ Потоцкій горячо рекомендовалъ Чалаго королю и штатамъ Рѣчи Посполитой какъ человѣка заслуженнаго и вполнѣ достойнаго „нобилитаціи по скартабеллату“ [1]).

Эти давно желанныя награды оказали на Савву очень сильное вліяніе. Особенно вскружило ему голову обѣщаніе шляхетскаго званія; оно являлось какъ нельзя болѣе

---

[1]) По законамъ Рѣчи Посполитой гетманъ имѣлъ право представлять лицъ, отличавшихся военными заслугами, къ нобилизаціи, т. е. къ возведенію въ шляхетское званіе, получившіе дворянство такимъ путемъ назывались шляхтичами ex charta belli, или, какъ говорили въ обыденной рѣчи по „скартабеллату“.

кстати именно въ то время, когда честолюбивый полковникъ совершенно потерялъ всякую надежду на нолибитацію и съ досады, подъ вліяніемъ неудовлетвореннаго честолюбія возненавидѣлъ поляковъ и готовился измѣнить имъ точно также, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ измѣнилъ своимъ единоплеменникамъ, увлеченный видами на блестящую карьеру въ польской службѣ. Уступая побужденіямъ честолюбія, отрекся онъ отъ интересовъ родины, перешелъ въ чужой лагерь, но лагерь этотъ, отталкивая его, держалъ въ приниженномъ состояніи, пользуясь въ тоже время его услугами. Онъ готовилъ уже новую измѣну и въ тихомолку острилъ мечъ, но теперь снова спряталъ его въ ножны. Подъ впечатлѣніемъ подарка, почестей и обѣщаній раздраженіе его улеглось, проекты возстанія казались ему и несбыточными, и ненужными и только изрѣдка, въ глубинѣ души, шевелились еще все болѣе и болѣе ему неясные образы Верлана, Гордія, слѣпаго дѣда Матвія и развѣвающагося надъ ними краснаго знамени съ изображеніемъ архистратига Михаила, невнятнымъ шопотомъ звучали ихъ рѣчи о свободѣ, вѣрѣ, народности. Савва всѣми силами старался прогонять изъ мыслей эти образы и новую измѣну оправдывалъ передъ самимъ собою обязанностями гражданина и вѣрностью данной присягѣ. Однако, не смотря на всю эту мотивировку, гдѣ то въ глубинѣ души шевелилась совѣсть и по временамъ примѣшивала струю горечи къ торжественной радости полковника.

На крестины прибыло много гостей, въ числѣ ихъ былъ и поручикъ Цалинскій, старавшійся сохранить самыя дружественныя отношенія къ полковнику. Тому льстила предупредительность Цалинскаго; онъ и не подозрѣвалъ отношеній поручика къ его женѣ, прикрывавшихся незамѣтно для глазъ различными формулами многосложнаго шляхетскаго этикета и салонной любезности, всѣхъ тонкостей которой Савва не понималъ и не умѣлъ различать ея оттѣнковъ.

Теперь онъ старался выдержать роль радушнаго гостепріимнаго хозяина, весело бесѣдовалъ съ шляхтичами, щедро угощалъ ихъ медомъ, виномъ и наливками, зная хорошо, что расположеніе шляхты всего легче пріобрѣталось такимъ путемъ; но потчуя гостей, онъ не забывалъ и себя—пилъ едва ли не больше всѣхъ, словно хотѣлъ утопить въ винѣ какое-то непріятное, невольно волновавшее его чувство.

Когда готовились приступить къ обряду крещенія, панъ подсудокъ, уже порядочно выпившій, обратился къ хозяину съ вопросомъ:

— Какое же имя долженъ носить будущій владѣлецъ Рубани?

Взоры всѣхъ обратились къ Еленѣ.

— Пусть пани добродѣйка выберетъ имя,—произнесъ любезно панъ поручикъ, между героями Рѣчи Посполитой и цѣлаго свѣта можно сдѣлать выборъ... я предложилъ бы назвать его Александромъ, пусть онъ со временемъ прославится завоеваніемъ языческихъ странъ и сдѣлается другимъ Александромъ Македонскимъ.

Торжественное слово поручика показалось для всѣхъ лестнымъ и убѣдительнымъ.

— Пусть пани выбираетъ.

— Просимъ...

Елена, нѣсколько встревоженная, вопросительно смотрѣла на мужа. Савва стоялъ мрачный, угрюмый, видно вино ударило ему въ голову; онъ обводилъ собраніе сверкающимъ взглядомъ, обдававшимъ холодомъ и тревогою всѣхъ присутствовавшихъ. Проснулись ли въ немъ старыя воспоминанія, пробудились ли завѣтныя мысли, уносившія его къ прошлому? Между тѣмъ, среди всеобщаго молчанія Савва приблизился къ священнику и опустилъ руку ему на плечо.

— Панотче! окрести его Саввою! Такъ звали моего отца, дѣда и меня самого...—произнесъ онъ рѣзко, рѣшительно; видно было, что никакія возраженія невозможны. Отдѣ-

лившись изъ толпы гостей, тесть его какъ то не смѣло, бокомъ подошелъ къ хозяину и заговорилъ самымъ убѣдительнымъ тономъ:

— Пане зятю, не лучше ли было бы для будущаго наслѣдника носить имя нашихъ гетмановъ и воеводъ... имя привлекаетъ, имя и отталкиваетъ людей.

— Пане тестю, рѣзко возразилъ хозяинъ, пусть мой сынъ называется Саввою... въ родѣ не было ни гетмановъ, ни воеводъ, за то были вольные козаки, пускай носитъ ихъ имя.

При этихъ словахъ все собраніе приняло какой то невеселый, принужденный характеръ, но никто не посмѣлъ возражать. То была прихоть полковника, ему хотѣлось назвать сына своимъ именемъ, казалось бы и только, тѣмъ болѣе, что никто не могъ перемѣнить этого, но упрямство козака не понравилось благороднымъ гостямъ.

Едва оконченъ былъ обрядъ крещенія, какъ хозяину дали знать, что пріѣхалъ гонецъ отъ его милости региментаря съ письмомъ, которое долженъ лично вручить полковнику. Савва приказалъ ввести гонца, принялъ письмо, затѣмъ призвалъ полковаго писаря, заперся съ нимъ съ глазу на глазъ и велѣлъ читать письмо. Писарь читалъ медленно, а Савва сидѣлъ у стола и слушалъ, опустивъ голову на руки; по мѣрѣ чтенія голова его подымалась, слухъ напрягался сильнѣе, онъ горячечнымъ взглядомъ слѣдилъ за строками: глаза его горѣли, чело прояснялось, на губахъ пробѣгали улыбка довольства и счастья.

— Правду читаешь? спросилъ онъ писаря. Тотъ сложилъ на крестъ указательные пальцы обѣихъ рукъ и поднесъ къ губамъ.

— Правду... вотъ тебѣ крестъ честной.

— Повѣшу завтра, если не правда! грозно сказалъ полковникъ.

Когда чтеніе было кончено, онъ взялъ письмо изъ рукъ писаря, для виду пробѣжалъ его глазами, позвалъ

слугъ и приказалъ держать писаря подъ стражею до другаго дня.

— Если правду прочиталъ, получишь завтра награду,— сказалъ онъ и съ письмомъ въ рукѣ вышелъ къ гостямъ.

Все собраніе было сильно заинтересовано содержаніемъ письма, поэтому, когда показалась сіяющая физіономія хозяина, всѣ сразу догадались, что извѣстіе не изъ дурныхъ. Дѣйствительно, региментарь увѣдомлялъ Чалаго, что Данцигъ взятъ Минихомъ, Станиславъ Лещинскій бѣжалъ за границу; такимъ образомъ междоусобія прекращаются сами собою. По распоряженію фельдмаршала русскіе войска должны заняться водвореніемъ порядка въ Рѣчи Посполитой, что можетъ служить залогомъ скораго окончанія внутреннихъ неурядицъ—теперь самое подходящее время для того, чтобы наградить вѣрныхъ слугъ государства. Поэтому региментарь счелъ для себя пріятнымъ долгомъ представить его величеству Августу III заслуги Чалаго въ дѣлѣ обереганія границъ и ходатайствовать передъ королемъ о нобилитаціи такого доблестнаго рыцаря. Его величество, склоняясь на просьбы регментаря, обѣщалъ поддержать ихъ передъ штатами Рѣчи Посполитой.

Итакъ, самыя завѣтныя мечты Чалаго наконецъ осуществлялись. Онъ видѣлъ, какъ глубоко ошибался въ оцѣнкѣ своей службы полякамъ. Рѣчь Посполитая нуждалась въ энергичныхъ, преданныхъ ей представителяхъ въ русинскомъ лагерѣ; этого требовала политика времени. Со времени распаденія Украины на двѣ половины подъ двумя различными режимами, общественное мнѣніе поляковъ было въ постоянной тревогѣ: всѣ подозрѣвали какое то постороннее вліяніе во всѣхъ, даже самыхъ слабыхъ народныхъ волненіяхъ. По какому то странному недомыслію, по своей традиціонной близорукости во внутренней политикѣ польское общество видѣло несомнѣнные признаки вліянія агентовъ съ лѣваго берега Днѣпра въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя являлись, какъ неизбѣж-

ные результаты въ высшей степени ненормальныхъ и несправедливыхъ племенныхъ, междусословныхъ и экономическихъ отношеній въ краѣ. Больше всего на свѣтѣ дворяне опасались всякихъ постороннихъ вліяній и вмѣсто того, чтобы постараться прочнымъ законодательнымъ порядкомъ установить болѣе правильныя отношенія между двумя народностями, основанныя на принципахъ толерантности и справедливости, они были заняты преслѣдованіемъ мнимаго врага. Сверхъ того однимъ изъ отличительныхъ, характерныхъ свойствъ шляхты было какое-то хроническое бездѣйствіе: каждый всегда готовъ былъ предоставить другому работать за себя, общество постоянно искало людей, готовыхъ принять на себя тотъ или другой общественный трудъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, для будущаго поборника прочнаго объединенія съ Польшею открывалось широкое поле дѣятельности. Такой человѣкъ былъ нуженъ обществу, его искали—почему же Савва Чалый не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ? Это былъ человѣкъ отважный, смѣлый, энергичный, полный честолюбивыхъ стремленій, изворотливый, находчивый, бывалый; въ рукахъ умѣлыхъ онъ могъ бы сдѣлаться прекраснымъ орудіемъ для политическихъ цѣлей. Нужно было только для виду оставить ему нѣкоторое подобіе самодѣятельности—это вполнѣ удовлетворило бы его—такъ думали поляки. Подобныя комбинаціи невольно выдвигали впередъ фигуру Чалаго. Кромѣ внѣшнихъ политическихъ причинъ большое вліяніе въ этомъ случаѣ имѣли соображенія чисто внутренняго характера: Чалый вооружилъ противъ себя русскія власти, которыя уже дважды требовали его выдачи, но такъ какъ онъ не былъ выданъ, то это обстоятельство осталось однимъ изъ главныхъ поводовъ, обусловливавшихъ его вѣрность Рѣчи Посполитой. И та, и другая сторона имѣла свой интересъ.

Между тѣмъ Чалый съ его прямымъ, не утонченнымъ здравымъ смысломъ, въ неожиданной милости правительства не видѣлъ ничего подозрительнаго; онъ попросту

видѣлъ въ себѣ самомъ единственную причину и всѣ милости принималъ, какъ должное за его заслуги. Ни для кого не было тайною, что на окраинахъ государства, въ лѣсахъ и монастыряхъ, подготовлялось какое то движеніе противъ Рѣчи Посполитой и шляхты, можно было даже догадываться о томъ, какія личности руководили народнымъ движеніемъ, но слабое, ничтожное правительство никогда не умѣло найтись въ трудную минуту, не умѣло единственнымъ возможнымъ образомъ уладить обострившіяся отношенія и вмѣсто справедливаго удовлетворенія народныхъ нуждъ, прибѣгало лишь къ однимъ репрессіямъ, если только располагало потребными для этого средствами. Въ противномъ случаѣ приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ тому самому сосѣду, вліянія котораго наибольше старались избѣгать.

Съ своей стороны и сосѣдъ не всегда охотно вмѣшивался во внутреннія неурядицы западно-русскаго края, поэтому нерѣдко правительству приходилось довольствоваться тѣми малочисленными отрядами, которые состояли на частной службѣ польскихъ пановъ въ качествѣ надворныхъ милицій и потому какъ будто нѣсколько ближе стояли къ интересамъ государства. Отряды эти содержались главнымъ образомъ для парада и для насильственныхъ заѣздовъ пана на его сосѣдей, но въ случаѣ крайней надобности ихъ старались привлечь на свою сторону, чтобы имѣть хоть какую нибудь опору, такъ какъ короннаго войска никогда не было подъ рукою. Къ числу лицъ, обратившихъ на себя вниманіе региментаря, принадлежалъ и Савва Чалый; не удивительно поэтому, что въ ту минуту, какую переживала Рѣчь Посполитая, когда начали собирать справки о состояніи надворныхъ милицій и настроеніи ихъ предводителей, вниманіе правительства остановилъ на себѣ Чалый—онъ больше другихъ заслужилъ этого.

Когда Савва вышелъ къ гостямъ, всѣ привѣтствовали съ выраженіемъ необыкновенной радости выпавшія на его

долю отличія; въ недалекомъ будущемъ прибудетъ новый братъ шляхтичъ, съ которымъ сжилась уже цѣлая околица, котораго невольно привыкли уважать и не разъ ввѣряли ему защиту своей безопасности. Одинъ только Цалинскій, хоть и раздѣлялъ повидимому всеобщую радость и съ сіяющею улыбкою на лицѣ пилъ за здоровье короля, новаго помѣщика и шляхтича въ недалекомъ будущемъ, но въ глубинѣ души испытывалъ непріятное чувство. Ему не нравилось быстрое повышеніе неотесаннаго козака, съ которымъ у него были свои личные счеты,—мучила зависть къ преждевременному, по его мнѣнію, отличію его товарища по оружію и мужа Елены, которую Савва трактовалъ по-козацки и которая была далеко не безразлична для пана поручика. Цалинскій давно уже намѣренъ былъ свести свои счеты, какъ вдругъ неожиданныя милости региментаря совершенно разрушали его планы и выдвигали далеко впередъ ненавистнаго человѣка... Впрочемъ онъ, съ привычкою свѣтскаго человѣка, скрывалъ какъ можно глубже тѣснившіеся въ головѣ соображенія и такъ сердечно обнимался и цѣловался съ паномъ Саввою, что казалось, не было на свѣтѣ двухъ лучшихъ друзей.

Прошло едва нѣсколько дней со времени этого пиршества, какъ вдругъ разнеслось достовѣрное извѣстіе, что Жванецъ взятъ запорожцами, что значительный отрядъ ихъ двинулся на Броды, а изъ дзыговецкихъ и джуринскихъ лѣсовъ выступилъ также отрядъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, соединился съ шаргородскою надворною милиціею и также направился къ западу. Въ добавокъ къ такимъ тревожнымъ вѣстямъ прошелъ слухъ, что русскія войска именемъ императрицы заняли Умань и, подъ предлогомъ поддержки саксонской партіи, на самомъ дѣлѣ поддерживаютъ гайдамацкое движеніе. Болѣе точныя извѣстія получены были только съ депешею отъ региментаря, предписывавшею гусарской хоругви, квартировавшей въ Немировѣ, выступить противъ гайдамаковъ, взявши въ помощь себѣ надворную милицію подъ предводительствомъ Чалаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ приказъ Цалинскому войти съ соглашеніе съ полковникомъ Полянскимъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій на основаніи послѣднихъ извѣстій, полученныхъ изъ главнаго штаба русской арміи. О чемъ велись переговоры и какое состоялось соглашеніе—этого никто не зналъ; извѣстно было только, что черезъ два дня по полученіи депиши отъ региментаря, Цалинскій съ польскою хоругвью, а Савва со своимъ полкомъ, каждый съ легкою полевою пушкою, собравши свѣдѣнія о движеніи непріятеля, выступили вмѣстѣ на встрѣчу уже сформированному гайдамацкому отряду. Нужно было разбить его до тла, истребить всѣхъ или въ оковахъ препроводить въ замокъ. Ослѣпленный счастьемъ, убаюкиваемый удовлетвореннымъ тщеславіемъ, Чалый забылъ уже объ измѣнѣ, о данныхъ Матвію обѣщаніяхъ. Какая то дикая жажда мести своимъ пробуждалась въ немъ, онъ обвинялъ ихъ въ собственной измѣнѣ. Онъ шелъ, обуреваемый какою-то непонятною и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимою жаждою крови: ему нужно было все уничтожить, всѣхъ истребить вокругъ, лишь бы только заглушить охватившее его бѣшенство. Онъ прекрасно сознавалъ тѣ побужденія, которыя отталкивали его отъ своихъ единоплеменниковъ, казалось, видѣлъ руку, манившую его въ польскій лагерь, но и тамъ не находилъ пристани, въ которой могъ бы наконецъ отдохнуть спокойно послѣ всѣхъ тревогъ и превратностей своей бурной жизни. Тамъ, въ польскомъ лагерѣ, сосредоточивались всѣ его мечты, надежды, всѣ его честолюбивыя стремленія; не удивительны поэтому его старанія выслужиться и достигнуть въ будущемъ еще большихъ отличій. Онъ забывалъ всѣхъ и вся и внѣ себя шелъ впередъ, сгорая нетерпѣніемъ отличиться.

Между тѣмъ отряды Верлана и Гордія Грывы сошлись и расположились станомъ между Джуринымъ и Боровкою, поджидая прибытія немировской милиціи, чтобы соединенными силами поддержать смѣлую аттаку запорожцевъ и съ своей стороны открыть наступательныя дѣй-

ствія. Послѣ свидѣнія Матвія съ Чалымъ едва ли можно было сомнѣваться въ томъ, что послѣдній пристанетъ къ общему украинскому движенію, послѣдніе слѣды сомнѣнія исчезли, когда сдѣлалось извѣстно, что Савва выступилъ со своими козаками, какъ будто противъ гайдамаковъ. Со дня на день ожидали его прибытія въ лагерь. Наконецъ, желанный день насталъ; подъ вечеръ лѣсничій джуринскихъ лѣсовъ далъ знать, что Савва идетъ и вѣроятно будетъ ночевать въ полѣ подъ Джуринымъ. Неутѣшительнымъ было только извѣстіе, что идетъ онъ въ сопровожденіи поляковъ, но лѣсничій клялся всѣми святыми, что видѣлъ только нѣсколько десятковъ гусаръ. Обоимъ—и Гордію, и Верлану это послѣднее обстоятельство казалось не вполнѣ естественнымъ; извѣстно было, правда, что въ Немировѣ квартировала хоругвь гусаръ, но ей слѣдовало бы остаться дома для защиты мѣстечка, тѣмъ болѣе, что на вѣрность и отвагу Саввы начальство вполнѣ могло положиться. О томъ, чего стоила его вѣрность, лучше всего знали Верланъ и Матвій. Впрочемъ, они скоро успокоились относительно присутствія польскаго отряда, разсчитывая что Савва успѣетъ справиться съ ними одинъ.

Таково было положеніе дѣлъ, какъ вдругъ, послѣ первыхъ пѣтуховъ, Верлану дали знать, что Чалый не остановился на ночлегъ, а оставилъ Джуринъ въ сторонѣ и идетъ дальше. Вѣсть эта заставила Верлана призадуматься, въ одно мгновеніе весь лагерь былъ на ногахъ и въ какой нибудь часъ все было готово къ битвѣ или къ походу. Въ тишинѣ свѣтлой лунной ночи ясно можно было различить глухой, отдаленный гулъ движущагося войска, лошадиный топотъ, отъ котораго дрожала земля. Еще удивительнѣе казалось то, что такой же шумъ, усиленный глубокою тишиною ночи, доносился и съ другой стороны, изъ-за лѣса. Въ лагерѣ наступило нѣкоторое замѣшательство, раздались голоса объ измѣнѣ. Когда начали укрѣплять таборъ для защиты, передовая стража дала знать, что прибылъ посланный съ письмомъ отъ Ча-

лаго; вѣроятно, письмо заключало благопріятныя извѣстія, потому что Верланъ оставилъ Гордію начальство надъ таборомъ и въ сопровожденіи небольшаго отряда козаковъ выѣхалъ на встрѣчу союзнику.

Тотъ съ своей стороны спѣшилъ къ гайдамацкому лагерю. Едва успѣлъ Верланъ отъѣхать нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ въ степи стали показываться со всѣхъ сторонъ кучки всадниковъ. Сперва появлялись изъ травы сверкавшія при свѣтѣ мѣсяца копья, отливая холоднымъ стальнымъ блескомъ; затѣмъ показывались конскія головы, за ними фигуры всадниковъ выступали на ясной синевѣ неба, залитыя трепетными лучами мѣсяца, принимали какія-то огромныя, причудливыя очертанія небывалыхъ сказочныхъ великановъ. Вытянувшись длинною шеренгою, передовая колонна шла медленно, словно на братскую встрѣчу, а не на бой. Ея темная линія рѣзко выдѣлялась на серебристомъ фонѣ облитаго луннымъ свѣтомъ поля, вилась, какъ лента, вдали, потомъ по мѣрѣ того, какъ войско подымалось изъ долины, она росла въ объемѣ, становилась темнѣе и матовымъ блескомъ стали отливала на безбрежномъ, свѣтло-зеленомъ фонѣ степи. Но вотъ движущаяся темная волна на мгновеніе остановилась и разорвалась на двѣ половины... Каждая начала отклоняться въ свою сторону, а по срединѣ образовалась какъ будто темная раскрытая пасть, обращенная въ сторону гайдамацкаго табора. Все это длилось не больше минуты, потомъ въ глубинѣ этой пасти блеснулъ огонь— другой, раздался громъ пушечныхъ выстрѣловъ, эхомъ протянулся по равнинѣ и замеръ вдали.

Всѣ поняли, что означали эти два выстрѣла: то была новая, неожиданная измѣна Саввы Чалаго.

При первомъ звукѣ выстрѣловъ весь лагерь козацкій бросился въ битву; отозвались въ разсыпную выстрѣлы козацкихъ самопаловъ, на которые отвѣчали пушками и залпами изъ гусарскихъ карабиновъ и мушкетовъ надворной милиціи; всѣ звуки, смѣшавшись вмѣстѣ, разомъ огла-

сили тихую, безмолвную степь, словно голосами разгнѣванныхъ титановъ.

Послѣ перваго пушечнаго выстрѣла Верланъ бросился обратно въ таборъ, чтобы вести его на бой съ измѣнникомъ, но уже передніе ряды по командѣ Гордія начали обмѣниваться выстрѣлами съ непріятелемъ и описывали на степи полукругъ, чтобы неожиданно ударить сбоку на польскую хоругвь. Старый Грыва во весь духъ мчался на перерѣзъ Верлану, спѣшилъ стать во главѣ своихъ козаковъ и самому вести ихъ въ аттаку. Поровнявшись съ полковникомъ, онъ придержалъ коня.

— Измѣнилъ... польская собака!—произнесъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства—поскорѣе заходи за Котлубаеву могилу!... я ударю сбоку!...

Прямо за курганомъ тянулся густой лѣсъ, въ которомъ легче было укрыться отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Казалось, Савва отгадалъ этотъ планъ, потому что со стороны милиціи послышался вдругъ оживленный гулъ людскихъ голосовъ, отрывистыя восклицанія и быстрый топотъ конскихъ копытъ—то была аттака на отступавшій къ лѣсу таборъ гайдамацкій. Верланъ замѣтилъ издали это движеніе въ степи, но въ то же мгновеніе схватился за грудь и безсильно опустился на сѣдлѣ. Игнатъ поспѣшилъ на помощь, раненый наклонился къ нему.

— Погубилъ насъ... произнесъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянія. Ему было невыносимо тяжело, что первая, а не послѣдняя пуля сразила его; по крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ бы до послѣдней возможности отстаивать свое дѣло и дорого продать свою жизнь.

Между тѣмъ со стороны непріятеля градомъ сыпались пули, а конныя шеренги съ каждою минутою все больше и больше приближались къ стройно отступавшему гайдамацкому табору. Игнатъ поддерживалъ одною рукою полубезчувственнаго Верлана и изо всѣхъ силъ гналъ коня, чтобы подъ прикрытіемъ кургана и лѣсной чащи снова завязать бой съ предателемъ.

Вдругъ со стороны лѣса раздался новый залпъ изъ пушекъ, направленный въ самую середину табора. Отъ этихъ выстрѣловъ загорѣлся порохъ на возахъ. Среди отступавшихъ произошло невообразимое смятеніе. Трескъ разбиваемыхъ возовъ, оглушительный ревъ обезумѣвшихъ отъ страха воловъ, которые ломали ярма и убѣгали изъ горящаго табора, опрокидывая и разрывая на пути тѣсные ряды гайдамаковъ, и производили переполохъ хуже, нежели отъ непріятельскихъ выстрѣловъ,—все это придавало какой-то необыкновенный отпечатокъ дикости этой грозной картинѣ, съ одной стороны озаряемой матово-блѣднымъ свѣтомъ мѣсяца, съ другой яркимъ движущимся пламенемъ пожара. Начиналось безпорядочное бѣгство, вызванное паникою новаго неожиданнаго нападенія; по обширной степной равнинѣ бѣшено неслись волы и лошади, увлекая за собою горящіе возы, а между клубами бураго дыма, разстилавшагося по степи, мчались конныя фигуры гайдамаковъ подъ перекрестнымъ огнемъ Чалаго, Цалинскаго и еще невѣдомаго третьяго непріятеля.

Игнатъ поддерживалъ лѣвою рукою склонившагося къ нему на плечо Верлана и мчался, какъ вихрь, вмѣстѣ съ частью отряда, которая отступала къ Стинѣ, гдѣ должны были собраться остатки *недобитковъ* и готовиться къ новой битвѣ. Небольшой худощавый конь вытягивалъ шею и храпѣлъ подъ тяжестью огромнаго тѣла Верлана, но, гонимый страхомъ, напрягалъ всѣ силы на быстроту бѣга и, казалось, не долженъ былъ знать усталости. Верланъ, чуть живой, время отъ времени раскрывалъ глаза, поворачивалъ голову и окидывалъ угасающимъ взглядомъ обширное поле битвы, оглашаемое криками бѣгущихъ гайдамаковъ, ревомъ перепуганнаго скота, пушечными и ружейными выстрѣлами—все это сливалось въ одинъ страшный, безконечный стонъ.

— Гдѣ Гордій? спрашивалъ раненый. Лишь бы ему добраться до могилы...

Въ эту минуту на самой вершинѣ кургана блеснулъ огонекъ и новый взрывъ пронесся надъ равниною.

— Слишкомъ поздно... произнесъ онъ про себя; на могилѣ уже поставлены пушки... есть тамъ кто то похитрѣе насъ.

А лошади неслись все впередъ и впередъ... громъ выстрѣловъ, звонъ оружія—всѣ отголоски битвы становились все слабѣе и слабѣе, раздавались все дальше и рѣже. Бѣглецы исчезали изъ виду и скрывались въ глухихъ хуторахъ, по ярамъ и урочищамъ, имъ однимъ извѣстнымъ, гдѣ они уже чувствовали себя въ безопасности.

К. М.

(До слѣдующаго №).

АРХИВЫ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую страстную привязанность къ своему прошлому, такое ревнивое оберeганіе памятниковъ родной старины, какъ у поляковъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только одни чехи могутъ соперничать съ ними. Не входя здѣсь въ разборъ причинъ этого явленія, замѣтимъ только, что уваженію и любви къ родной старинѣ мы могли бы поучиться у поляковъ. Наше довольно индифферентное отношеніе къ вещественнымъ остаткамъ прошлаго довольно извѣстно и не разъ вызывало жалобы людей, вполнѣ понимающихъ значеніе родныхъ памятниковъ и не только въ одномъ научномъ отношеніи. Конечно, наше равнодушіе вовсе не является результатомъ тенденціознаго презрѣнія ко всему прошлому, а происходитъ исключительно отъ вошедшей въ пословицу безпечности русскаго человѣка. Къ чему дескать особенно заботиться о сохраненіи памятника, коли онъ и безъ всякой заботы сохранился? Авось и впредь не пропадетъ. Такъ безпечно разсуждаютъ у насъ, а между тѣмъ оставленные на произволъ всесокрушающаго времени памятники постепенно разрушаются и гибнутъ, не успѣвъ стать прочнымъ достояніемъ науки. Не такъ поступаютъ наши близкіе по крови родственники—чехи и поляки. Къ каждому остатку своего прошлаго они относятся не только съ уваженіемъ, но даже съ благоговѣніемъ, лелѣютъ и оберегаютъ его, какъ слабое и беззащитное дѣтище. Откроется ли гдѣ библіотека, архивъ или музей, каждый, владѣющій цѣнной книгой, рукописью или какимъ либо инымъ остаткомъ старины, спѣшитъ увеличить подаркомъ новое общественное хранилище, понимая

отлично, что тамъ оно болѣе на мѣстѣ, тамъ его лучше оцѣнятъ. Почти всѣ общественныя библіотеки и музеи въ Польшѣ и Чехіи составлены исключительно изъ приношеній частныхъ лицъ. Мало того, основаніемъ и поддержаніемъ эти собранія также обязаны въ большинствѣ случаевъ лицамъ частнымъ, жертвовавшимъ на нихъ нерѣдко все свое состояніе. Въ Польшѣ и Чехіи всякій магнатъ, потомокъ исторической фамиліи, является какъ то уже по традиціи меценатомъ. У него есть всегда фамильный архивъ, прекрасная библіотека, музей; имѣть все это вошло въ обычай „хорошаго тона“. Если даже самъ владѣтель по обстоятельствамъ или характеру не обладаетъ склонностью къ изученію науки и искусства, то тѣмъ не менѣе, для поддержанія старыхъ традицій, заботится о своихъ собраніяхъ, поручая ихъ вѣдѣнію извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, отпуская ежегодно немалыя суммы на содержаніе, приведеніе въ порядокъ и увеличеніе своихъ собраній. Нерѣдко и сами магнаты, получивъ хорошее образованіе подъ руководствомъ какого нибудь извѣстнаго ученаго или литератора, перенимаютъ отъ послѣднихъ любовь къ наукѣ и сами изучаютъ свои коллекціи, становятся въ центрѣ литературнаго и научнаго движенія, обширными своими средствами и связями поддерживаютъ разныя ученыя предпріятія. И не только одни представители древнихъ историческихъ фамилій играютъ тамъ роль меценатовъ; нерѣдко лица, по роду своихъ занятій, повидимому, ничего съ наукою общаго не имѣющія, оказываютъ ей однако немаловажныя услуги собраніемъ цѣнныхъ коллекцій, издательской дѣятельностью и т. д. Не могу при этомъ не вспомнить частнаго научнаго собранія, которое я имѣлъ случай осмотрѣть въ Прагѣ,—собранія г. Войта Наперстка (Voyta Naprstek). Владѣлецъ его, купецъ по ремеслу, но человѣкъ весьма образованный и горячо преданный наукѣ, обращаетъ всѣ свои значительныя средства на научныя цѣли. Имъ устроенъ обширный этнографическій музей, для котораго онъ въ послѣднее время выстроилъ огромный домъ. Музей этотъ постоянно пополняется покупкой и частными приношеніями; многіе изъ путешественниковъ—чеховъ принесли ему въ даръ, собранныя въ разныхъ частяхъ земнаго шара, коллекціи. Самъ г. Наперстекъ много

путешествовалъ, особенно по Америкѣ, къ которой и понынѣ сохранилъ особенную любовь, съ большимъ интересомъ слѣдя за ея научнымъ и общественнымъ развитіемъ. Кромѣ музея г. Наперстекъ собралъ прекрасную библіотеку, выписываетъ массу книгъ и журналовъ. Видное мѣсто въ его библіотекѣ отведено этнографіи, особенно этнографіи излюбленной имъ страны—Америки. Владѣлецъ этой библіотеки, доступной для публики, какъ и музей, съ закрытыми глазами укажетъ вамъ мѣсто каждой книги или брошюры. Свое богатое собраніе, вмѣстѣ съ выстроеннымъ для него домомъ, г. Наперстекъ завѣщалъ чешскому народу.

Нельзя сказать, чтобы и у насъ не было благородныхъ и щедрыхъ любителей народнаго просвѣщенія, жертвовавшихъ цѣлыя состоянія на служеніе наукѣ; достаточно вспомнить всѣмъ извѣстныя имена Н. П. Румянцева и А. С. Уварова. Но число такихъ преданныхъ общественному дѣлу людей изъ среды нашихъ магнатовъ весьма не велико, сравнительно съ числомъ болѣе чѣмъ обезпеченныхъ лицъ у насъ. Одно время и среди купечества у насъ было не мало литературныхъ меценатовъ, но во многихъ случаяхъ такое меценатство было только результатомъ, такъ сказать, моды. Многія изъ такихъ лицъ, жертвовавшихъ не малыя суммы на литературныя и научныя предпріятія, порою вовсе не читали изданныхъ ими книгъ. Будемъ надѣяться, что съ развитіемъ образованія стремленіе къ поддержанію научной и литературной дѣятельности перейдетъ изъ области подражанія въ сферу сознанія необходимости общественной поддержки дѣла, въ правильномъ развитіи котораго лежитъ вся наша будущность.

Въ настоящей статьѣ я вовсе не имѣю намѣренія описать всѣ архивы Галиціи; помимо того, что многія частныя собранія малодоступны, такой трудъ былъ бы не по силамъ одному человѣку. Я постараюсь только указать на важный для нашей отечественной исторіи матеріалъ, хранящійся въ тѣхъ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ мнѣ приходилось нѣкоторое время работать. Я долженъ буду при томъ ограничиться часто однимъ пере-

численіемъ заглавій рукописей, интересныхъ для насъ, т. к. ознакомиться съ содержаніемъ весьма многихъ мнѣ не позволило ни время, ни спеціальныя занятія. Притомъ въ архивахъ Галиціи хранится такая масса важныхъ для насъ рукописей, что для ознакомленія съ ними не хватило бы и цѣлой жизни отдѣльнаго человѣка. Но такъ какъ въ доступныхъ мнѣ общественныхъ собраніяхъ существуютъ по большей части лишь рукописные каталоги манускриптовъ (полный печатный каталогъ издала только Ягеллоновская библіотека въ Краковѣ, директоръ библіотеки Оссолинскихъ, г. Кентржинскій началъ печатать каталогъ рукописей этого собранія, но до сихъ поръ успѣлъ напечатать лишь 2 тома, содержащихъ въ себѣ описаніе едва шестой части всего собранія; вышелъ въ концѣ истекшаго года и первый выпускъ описанія библіотеки Чарторійскихъ въ Краковѣ, но описаніе это составлено весьма неудовлетворительно и пока содержитъ лишь краткое оглавленіе хранящихся въ этомъ богатомъ собраніи текъ Нарушевича), то, я полагаю, будетъ не безъинтереснымъ указать хотя заглавія интересныхъ для русской исторіи рукописей изъ этихъ хранилищъ.

Существуетъ, правда, и общее обозрѣніе галицкихъ архивовъ, составленное Бэда-Дудиномъ (Archiv für Oesterr. Geschichte, Bd. 39. Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien), но это обозрѣніе, составленное лѣтъ двадцать назадъ, уже устарѣло. Притомъ, составитель его отмѣчалъ лишь рукописи наиболѣе важныя по его мнѣнію въ научномъ отношеніи вообще, мы же постараемся указать только интересные для русской исторіи памятники.

Изъ частныхъ описаній укажемъ еще на краткое описаніе перемышльскихъ архивовъ въ соч. Гаузера, Перемышль (Hauser, Monografia miasta Przemysla). Отдѣльныя замѣтки Бѣловскаго о галицкихъ архивахъ (въ Dodatek do Gaz. Lwowskiej) слишкомъ уже кратки. Объ архивѣ такъ наз. Бернардинскомъ свѣдѣнія можно найти въ первомъ томѣ издаваемыхъ во Львовѣ Akta grodzkie i ziemskie. Наконецъ, укажемъ еще на сочиненіе Радзишевскаго, содержащее перечень всѣхъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ и архивовъ въ Польшѣ, на Литвѣ, въ юго-за-

падной Руси и Галиціи, но перечисленіе это слишкомъ кратко, въ немъ нѣтъ даже часто указанія на составъ библіотекъ; притомъ со времени изданія этого описанія весьма многіе библіотеки и архивы перешли въ другія руки и другія мѣста, такъ что ученый, который бы вздумалъ теперь дѣлать поиски по указаніямъ г. Радзишевскаго, очутился бы въ довольно комическомъ положеніи.

Главные общественные архивы и книгохранилища въ Галиціи находятся въ Львовѣ и Краковѣ. Въ первомъ особенно замѣчательны: 1) архивъ т. наз. Бернардинскій (archivum krajowe), 2) архивъ городской (archivum miejski), 3) библіотека Оссолинскихъ, 4) библіотека университетская, 5) библіотека Павликовскаго, 6) библіотека Дѣдушицкихъ, 7) библіотека Народнаго Дома. Изъ частныхъ собраній особенно замѣчательны библіотека гр. Виктора Баворовскаго (недоступная даже для польскихъ ученыхъ) и библіотека извѣстнаго галицко-русскаго ученаго о. Антонія Петрушевича, содержащая тысячъ 15 томовъ и нѣсколько сотъ рукописей. Часть ея, впрочемъ, уже передана о. Петрушевичемъ въ Народный Домъ, которому почтенный ученый завѣщалъ все свое богатое собраніе.

Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, архивы отличаются отъ другихъ собраній рукописей большей цѣльностью и однородностью своего содержанія. Между тѣмъ какъ въ рукописныхъ отдѣленіяхъ разныхъ библіотекъ вы найдете и матеріалъ для мѣстной исторіи и литературы, и матеріалъ для исторіи чужихъ земель, списки разныхъ классическихъ произведеній, научные трактаты и пр., содержаніе архивнаго матеріала стараются обыкновенно пріурочить къ той области, въ центрѣ которой помѣщается архивъ. Хотя нѣкоторые изъ ученыхъ и стояли за централизацію архивнаго матеріала, но практика показываетъ, что для успѣшнаго изученія хранящихся въ архивахъ памятниковъ децентрализація всегда была выгоднѣе. Мѣстные ученые съ особеннымъ интересомъ и любовью работаютъ надъ изученіемъ прошлаго своей родины; знакомые хорошо съ настоящимъ,

гдѣ нерѣдко находятъ любопытные факты переживанія старины въ нравахъ, обычаяхъ, языкѣ, они легче понимаютъ темныя мѣста старыхъ родныхъ памятниковъ, чѣмъ люди пришлые. Многія мелкія подробности, иногда весьма важныя, легко ускользаютъ отъ вниманія посторонняго наблюдателя. Кромѣ научнаго, архивы часто имѣютъ и важное практическое значеніе; къ нимъ нерѣдко обращаются за разными справками по вопросамъ о принадлежности къ тому или другому сословію, въ дѣлахъ наслѣдства, при разныхъ земельныхъ сдѣлкахъ и пр. Въ виду этого опять таки помѣщеніе мѣстнаго архивнаго матеріала въ мѣстныхъ центрахъ весьма важно, ибо въ такомъ случаѣ нужныя справки возможно сдѣлать легче и съ меньшими расходами.

Конечно, помѣщеніе архивовъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа образованныхъ людей, умѣющихъ обращаться съ архивнымъ матеріаломъ, приноситъ мало пользы. Но за то сосредоточеніе ихъ въ крупныхъ центрахъ, особенно тамъ, гдѣ существуютъ университеты съ обширными библіотеками и контингентомъ вполнѣ подготовленныхъ для научной дѣятельности лицъ, всегда имѣло прекрасные результаты; стоитъ только вспомнить о прекрасныхъ изданіяхъ кіевской археографической коммиссіи (Архивъ юго-зап. Россіи) и изданіяхъ варшавскаго центральнаго архива (Żródla dziejove), чтобы стать вполнѣ на сторону архивной децентрализаціи.

Порядка децентрализаціи архивнаго матеріала держатся и въ Галиціи. Кромѣ множества городскихъ архивовъ (въ каждомъ почти городѣ при городскомъ магистратѣ существуютъ архивы, иногда, какъ напр. въ Перемышлѣ, весьма цѣнные), тамъ существуютъ два главныхъ архива (Archivum krojowy)—одинъ для восточной (русской) Галиціи во Львовѣ, другой для западной (польской) въ Краковѣ.

Львовскій главный архивъ, или т. наз. Бернардинскій, вслѣдствіе того, что помѣщается въ зданіи Бернардинскаго монастыря, (оффиціальное его названіе—Caesareo-regium antiquorum actorum terrestrium et castrensium galiciensium tum corroborationis documentorum officium) составился въ концѣ XVIII в., когда, послѣ присоединенія Галиціи къ Австріи, сюда стали, по прика-

занію австрійскаго правительства, свозить книги упраздненныхъ гродскихъ и земскихъ судовъ изъ разныхъ галицкихъ городовъ. Первоначально здѣсь было собрано болѣе 15 тысячъ судебныхъ книгъ, но въ 1828 г. выданы были, по требованію русскаго правительства, акты грабовецкіе, городельскіе, брацлавскіе, кіевскіе, волынскіе и черниговскіе, чѣмъ львовскій архивъ сократился на половину. Въ настоящее время въ немъ находится около 7 тысячъ судебныхъ книгъ и болѣе тысячи отдѣльныхъ связокъ, относящихся преимущественно къ русской Галиціи (но кромѣ того здѣсь находятся еще акты бѣчкіе, чховскіе, сандецкіе, пильзненскіе, освѣцимскіе и заторскіе). Древнѣйшіе изъ нихъ (бѣчкіе) относятся къ концу XIV в. Судебныя книги русской Галиціи начинаются только со времени введенія въ Галиціи польскаго права, т. е. съ 1435 г. (только одни саноцкія книги начинаются нѣсколько раньше, съ 1423). Никакихъ книгъ или судебныхъ записей за время русскихъ князей или за первое столѣтіе польскаго владычества не сохранилось. Всѣ дошедшія до насъ древнѣйшія судебныя книги галицкой земли вплоть до XVI в. писаны на языкѣ латинскомъ (лишь въ 1543 г. позволено было вести ихъ и на языкѣ польскомъ). Между тѣмъ несомнѣнно, что до введенія польскаго права въ Галиціи не только многіе акты, но и общія постановленія издавались здѣсь на языкѣ русскомъ, это доказываютъ сохранившіеся отдѣльные акты въ оригиналахъ и т. н. облятахъ, и особенно одно весьма любопытное постановленіе мѣстной шляхты, записанное въ галицкія судебныя книги (оно напечатано въ только что изданномъ XII томѣ Akta grodzkie i ziemskie). Послѣ 1435 г. (за исключеніемъ указаннаго постановленія) мы не находимъ ни одного акта на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ, какъ видно ясно изъ древнихъ судебныхъ книгъ, судопроизводство происходило несомнѣнно на языкѣ мѣстномъ; въ судѣ фигурируютъ постоянно крестьяне, которые, разумѣется, не имѣли ни малѣйшаго представленія о языкѣ латинскомъ и польскомъ. Сами писцы, составляя протоколы судебныхъ преній на языкѣ латинскомъ, вводятъ въ свое изложеніе массу мѣстныхъ словъ, иногда и цѣлыя фразы—интерпелляціи сторонъ.

Древнѣйшія судебныя книги писаны на длинныхъ и узкихъ листочкахъ (въ родѣ тѣхъ, на которыхъ теперь доктора пишутъ свои рецепты), т. наз. дуткахъ. Нужна большая практика (кромѣ хорошаго знакомства съ варварской средневѣковою латынью) и отличное зрѣніе для того, чтобы разбирать ихъ исполненное всевозможныхъ сокращеній письмо. Судебные писцы, составлявшіе протоколы, были по б. ч. людьми малограмотными. Оттого мы не только находимъ въ ихъ писаніи весьма индифферентное отношеніе къ склоненіямъ и спряженіямъ, но часто лишь съ большимъ трудомъ можемъ отыскать и самый смыслъ. Особенно это нужно сказать о галицкихъ судебныхъ книгахъ, способныхъ своимъ варварскимъ изложеніемъ довести до самоубійства ревниваго оберегателя чистоты языка Цицерона и Горація.

Отъ XIV и XV в. до насъ дошло всего около тридцати судебныхъ книгъ, но изъ нихъ едва ли половина хорошо сохранилась. Кромѣ вліянія времени и разныхъ стихійныхъ невзгодъ, эти драгоцѣнные памятники старины много потерпѣли отъ варварства разныхъ непріятелей, громившихъ галицкую Русь. Въ этомъ отношеніи особеннымъ варварствомъ отличились шведы при Карлѣ XII. Помѣщеніе львовскаго архива солдаты Карла обратили въ конюшню и вмѣсто соломы устроили для себя и своихъ лошадей подстилки изъ актовыхъ книгъ. На многихъ переплетахъ и по сіе время сохранились слѣды лошадиныхъ копытъ. Послѣ ухода шведовъ завѣдывавшіе архивомъ собрали остатки архива, что можно было привели въ порядокъ, отдѣльныя клочки наклеили на листы чистой бумаги и переплели въ книги. Благодаря безцеремонному хозяйничанью шведовъ, цѣлыя книги представляютъ теперь только рядъ небольшихъ клочковъ, въ которыхъ уже ничего нельзя разобрать, но которыя тщательно сохраняются въ назиданіе потомства.

Администрація архива состоитъ изъ директора, вице-директора и 5 чиновниковъ. Директоромъ архива львовскаго состоитъ въ настоящее время проф. Ксаверій Лиске, помощникомъ его извѣстный изслѣдователь времени Витовта д-ръ Антоній Прохаска, остальные чиновники молодые люди съ университетскимъ образованіемъ (юристы и филологи). Занятія въ архивѣ состоятъ

въ выдачѣ разныхъ справокъ, въ описаніи архива и извлеченіи матеріала для архивнаго изданія Akta grodzkie i ziemskie. Въ архивъ поступаетъ ежегодно отъ 300—400 требованій по выдачѣ копій съ разныхъ документовъ, но, конечно, доходомъ съ платы за эти справки архивъ не можетъ существовать. Сознавая важность архива въ научномъ и практическомъ отношеніи, мѣстный сеймъ отпускаетъ ежегодно извѣстную сумму на содержаніе архива. На два архива львовскій и краковскій ежегодно отпускается 12 тысячъ гулденовъ. Архивъ подлежитъ непосредственному вѣдѣнію т. наз. Wydział krajowy (учрежденіе, соотвѣтствующее нашей губернской земской управѣ). Посторонніе ученые, желающіе безплатно работать въ архивѣ, должны обращаться за разрѣшеніемъ въ краковскую академію наукъ.

Занятія въ архивѣ для лицъ, не принадлежащихъ къ его администраціи, были въ прежнее время совсѣмъ невозможны, ибо до 1848 г. за одпись каждаго отдѣльнаго документа требовалась плата въ 10 гульденовъ, а послѣ 1848 г.—въ 5 гульд. Въ настоящее время, какъ уже мы сказали, ученые пользуются правомъ безплатнаго чтенія и списыванія документовъ архива. Администрація его, состоящая изъ лицъ высокообразованныхъ и составившихъ себѣ уже прочное научное имя, отличается необыкновенной любезностью и готовностью помочь каждому въ ученыхъ разысканіяхъ. Не можетъ не выразить здѣсь нашей глубокой благодарности завѣдывающему архивомъ проф. Лиске и д-ру Прохаскѣ, сдѣлавшимъ все возможное для облегченія нашихъ занятій въ этомъ столь важномъ для исторіи юго-западной Руси хранилищѣ.

Въ Бернардинскомъ архивѣ существуетъ опись его, составленная еще въ концѣ прошлаго вѣка. Несмотря на громадный объемъ (опись эта состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ, т. к. почти для каждой книги актовъ составленъ отдѣльный томъ указателя) эта опись признана совершенно справедливо мало пригодною, и въ настоящее время служащіе въ архивѣ заняты составленіемъ новой, болѣе удовлетворяющей научнымъ и практическимъ цѣлямъ описи. Дѣло въ томъ, что въ старой описи находится только перечень именъ собственныхъ и географическихъ,

притомъ для каждой книги актовъ отдѣльно, что крайне затрудняетъ поиски. Въ настоящее время составляется не только общій алфавитный указатель именъ собственныхъ и географическихъ, но и краткіе регесты всѣхъ важнѣйшихъ актовъ, занесенныхъ въ книги. Образецъ послѣдней описи можно видѣть въ изданномъ архивомъ описаніи важнѣйшихъ актовъ львовскихъ книгъ (Akta grodzkie, т. X). Такая же опись уже окончена для судебныхъ книгъ перемышльскихъ. Такимъ образомъ описано уже около половины всѣхъ книгъ архива (книгъ львовскихъ съ перемышльскими около 3 тысячъ). Работа по описанію архива идетъ почти безъ перерыва, и можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ весь архивъ будетъ описанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разысканія въ немъ значительно облегчатся.

Важнѣйшіе изъ матеріаловъ львовскаго архива печатаются въ издаваемыхъ при архивѣ Akta grodzkie i ziemskie. Изданіе это явилось въ свѣтъ благодаря необыкновенной любви къ наукѣ и щедрости извѣстнаго галицкаго ученаго гр. Александра Стадницкаго. Умершій въ 1861 г. этотъ польскій ученый, много поработавшій надъ исторіей Галиціи (въ числѣ его трудовъ особенно цѣнны статьи о поселеніяхъ на валашскомъ правѣ въ Галиціи) и занимавшійся въ Бернардинскомъ архивѣ, лучше кого другаго могъ оцѣнить важное значеніе собраннаго въ немъ историческаго матеріала. Все свое состояніе онъ завѣщалъ на изданіе важнѣйшихъ документовъ этого драгоцѣннаго собранія. Въ настоящее время завѣдывающая этимъ изданіемъ коммиссія выпустила уже 12 томовъ актовъ подъ заглавіемъ Akta grodzkie i ziemskie z czasow Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie, w skutek fundacyi s. p. Alexandra hr. Stadnickiego wydane staraniem galicyjskiego wydziału krajowego, Lwow 1868—1887, т. I—XII. Начиная со втораго тома, главное редакторство этихъ актовъ перешло къ теперешнему директору Бернардинскаго архива, проф. львовскаго университета Ксаверію Лиске. Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ весьма извѣстномъ въ Галиціи ученомъ. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить человѣка, который при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ находится этотъ труженикъ, проявилъ бы

такъ много энергіи и силы воли. Прикованный уже много лѣтъ къ постели тяжелымъ недугомъ, владѣя только однѣми руками и головой, мучимый вѣчно жестокою болью, отъ которой находитъ единственное спасеніе въ вспрыскиваніи морфія, этотъ человѣкъ находитъ въ себѣ однако еще достаточно силы для чтенія лекцій студентамъ, собирающимся къ его одру, ведетъ историческій семинарій съ ними, состоитъ предсѣдателемъ, и не по одному имени, историческаго общества во Львовѣ, читаетъ рѣшительно все, выходящее по исторіи Польши и каждый годъ издаетъ по тому актовъ, которые самъ прочитываетъ, провѣряетъ и корректируетъ, наконецъ издаетъ историческій журналъ, Kwartalnik historyczny, статьи котораго редактируетъ самымъ внимательнымъ образомъ и самъ же исправляетъ ихъ корректуру. По истинѣ замѣчательна эта энергія духа въ тѣлѣ столь немощномъ. Каковы бы ни были политическія его убѣжденія, но какъ человѣкъ высокообразованный и горячо преданный наукѣ, онъ всегда умѣетъ отличать политику отъ науки и съ рѣдкой любезностью готовъ всегда придти на помощь совѣтомъ и всякимъ пособіемъ лицу, въ которомъ видитъ вполнѣ искреннее стремленіе къ наукѣ. Эти рѣдкія качества г. Лиске вполнѣ проявилъ и по отношенію къ намъ лично, стараясь сдѣлать все возможное для облегченія нашихъ занятій въ подвѣдомственномъ ему архивѣ, за что не можемъ еще разъ не принесть ему самой искренней благодарности.

Въ I—IX томѣ Akta grodzkie заключаютъ въ себѣ разные отдѣльные документы разнороднаго содержанія, какъ то королевскія грамоты городамъ, частнымъ лицамъ, наданія земель, общія постановленія и пр., уставы цеховъ, частныя сдѣлки разныхъ лицъ и пр. Печатались эти документы или съ оригиналовъ, или съ позднѣйшихъ облятъ. Относятся они преимущественно къ XIV—XV в. Въ изданіе вошли не только документы изъ архива Бернардинскаго, но и изъ другихъ архивовъ, львовскаго магистратскаго (такъ, въ этомъ изданіи напечатаны всѣ сохранившіяся въ этомъ архивѣ грамоты, касающіяся исторіи Львова вплоть до XVI в.), библіотеки Оссолинскихъ, разныхъ частныхъ собраній и пр. Недостаткомъ изданія слѣдуетъ признать развѣ то, что матеріалъ въ немъ не расположенъ въ строго хронологи-

ческомъ порядкѣ, а въ каждомъ томѣ акты начинаются съ XIV или даже XIII в. и идутъ до конца XV или начала XVI в. (въ I-й даже до конца XVIII в.). Но этотъ недостатокъ объясняется тѣмъ, что издатели не имѣли сразу всего наличнаго матеріала, который поступалъ къ нимъ постепенно; ждать же, пока соберется весь матеріалъ, хотя бы за одинъ дипломатическій періодъ, значило отодвинуть печатаніе еще на много лѣтъ впередъ.

Съ десятаго тома въ издательской дѣятельности упомянутой коммиссіи наступаетъ поворотъ. X-й томъ содержитъ въ себѣ, какъ мы сказали выше, краткія regesta важнѣйшихъ документовъ, занесенныхъ въ львовскія судебныя книги. Съ XI тома началось печатаніе цѣликомъ и самихъ судебныхъ книгъ. Разумѣется, издатели не могутъ имѣть намѣренія отпечатать всѣ судебныя книги архива, но они разсчитываютъ по крайней мѣрѣ напечатать хоть всѣ судебныя книги XV в., которыхъ сохранилось около 30. Исполнить это тѣмъ возможнѣе, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ остались лишь обрывки. Лучше другихъ сохранились книги саноцкія (древнѣйшія изъ судебныхъ книгъ восточной Галиціи), галицкія (земскаго суда, отъ гродскихъ сохранились лишь жалкіе остатки), львовскія и перемышльскія. До сихъ поръ отпечатаны книги саноцкія и галицкія (первыя съ 1423, вторыя съ 1435), приготовляются къ печати книги перемышльскія и преворскія, за ними наступитъ чередъ львовскихъ. Несмотря на то, что и первыя9 томо въ Akta grodzkie заклю чаютъ въ себѣ весьма цѣнный историческій и бытовой матеріалъ, нельзя не сказать, что по важности и интересу послѣдніе томы изданія львовскаго архива оставляютъ за собою далеко всѣ предъидущіе. Какъ матеріалъ для бытовой исторіи, судебныя книги представляютъ драгоцѣнный источникъ. Такъ какъ въ жизни рѣдко кому не приходилось судиться, то передъ нашими глазами проходятъ здѣсь представители всѣхъ сословій, каждое съ своими спеціальными интересами и особенностями. Мы находимъ въ этихъ источникахъ прочный матеріалъ для изученія этнографическаго состава населенія, раздѣленія общества на классы (въ судебныхъ книгахъ всплываютъ передъ нами совсѣмъ до сихъ

поръ неизвѣстные классы общества), нравовъ и обычаевъ современныхъ и пр. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное изученіе всего богатаго матеріала, которое даютъ эти драгоцѣнные источники (этому мы намѣрены посвятить отдѣльное сочиненіе), ограничимся только указаніемъ на то, что историкъ русскаго права найдетъ въ этомъ матеріалѣ много для себя цѣннаго.

Польское право, введенное въ Галицію въ 1435 г., не могло сразу войти въ жизнь; населеніе продолжало долго еще жить по своимъ стародавнимъ обычаямъ, съ которыми постоянно приходилось считаться новому суду. Борьба русскаго права, русскихъ обычаевъ съ польскими идетъ почти черезъ весь XV вѣкъ и представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ и почти вовсе нетронутыхъ историками сторонъ жизни юго-западной Руси.

Нельзя не обратить еще вниманія на превосходную систему указателей къ послѣднимъ томамъ разбираемыхъ актовъ. Указатели эти трехъ родовъ—указатели мѣстъ и именъ личныхъ, указатель предметный (преимущественно правовыхъ институтовъ) и указатель словъ нелатинскихъ (издатели озаглавили послѣдній— index словъ *польскихъ*, но это не точно, т. к. въ судебныхъ книгахъ попадается масса словъ и выраженій чисто русскихъ какъ батько (попъ), князь, тіунъ, громада и т. д.).

Библіотека и музей Оссолинскихъ во Львовѣ (Zakład narodowy imienia Ossolinskich) былъ основанъ на частныя средства польскимъ ученымъ Іосифомъ - Максимиліаномъ Оссолинскимъ. Получивъ отъ австрійскаго правительства разрѣшеніе на основаніе музея, онъ сталъ скупать библіотеки упраздненныхъ монастырей, купилъ для помѣщенія музея зданіе одного изъ закрытыхъ кляшторовъ и приспособилъ его для помѣщенія собранныхъ имъ научныхъ коллекцій Все свое довольно значительное состояніе (приносящее тысячъ 30 гульденовъ) онъ завѣщалъ основанному имъ учрежденію. Кураторомъ музея Оссолинскій передъ своей смертью († 1826) назначилъ одного изъ польскихъ магнатовъ гр. Генриха Любомирскаго. Попечительство надъ этимъ учрежденіемъ переходитъ по наслѣдству къ представителямъ фамиліи Любомирскихъ, что врочемъ приноситъ музею мало пользы, т. к. польскіе магнаты не особенно привязаны къ

своей родинѣ, предпочитая ей веселый Парижъ. Администрація музея состоитъ изъ директора и его помощниковъ. На мѣсто директора назначаются обыкновенно извѣстные польскіе ученые. Такъ, долго состоялъ директоромъ извѣстный Бѣловскій, кромѣ многихъ сочиненій, положившій начало прекрасному изданію польско-латинскихъ лѣтописей, вышедшему подъ заглавіемъ Monumenta Poloniae historica (т. I—IV. О жизни и трудахъ Бѣловскаго см. статью С. Л. Пташицкаго въ Ж. М. Н. П.). Въ настоящее время директоромъ музея состоитъ тоже почтенный польскій ученый г. Кентржинскій, продолжающій изданіе Monumenta Poloniae (въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ 5-ый томъ этого изданія) и начавшій издавать описаніе рукописей завѣдываемой имъ библіотеки; до сихъ поръ имъ издано два большихъ тома описанія рукописей, въ которыхъ однако почтенный ученый успѣлъ описать лишь около $^1/_6$ части всего собранія (всѣхъ рукописей въ библіотекѣ Оссолинскихъ болѣе 3200). Кромѣ библіотеки въ учрежденіи Оссолинскихъ находится еще историко-археологическій музей и читальная зала. Для научныхъ занятій библіотека открыта ежедневно съ 9—2 часовъ. Администрація музея съ директоромъ ея во главѣ отличается рѣдкой любезностью и предупредительностью. Количество рукописей, выдаваемыхъ для пользованія заразъ, неограниченно.

Музей и библіотека пополняются не столько покупкою, сколько частными приношеніями. Въ библіотекѣ по послѣднимъ отчетамъ болѣе 80 тысячъ томовъ и болѣе 3,200 рукописей. Ежегодно въ помѣщеніи музея бываетъ публичное собраніе, на которомъ обыкновенно читается какой нибудь научный рефератъ и отчетъ музея за истекшій годъ.

Рукописное отдѣленіе библіотеки Оссолинскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и цѣнныхъ собраній въ Галиціи. Хотя по числу рукописей оно и уступаетъ, напр., собранію университетской библіотеки въ Краковѣ, гдѣ насчитывается болѣе 4000 рукописей, но по цѣнности собраннаго далеко превосходитъ послѣднюю. Составъ собранія весьма разнородный, но значительная часть его относится къ исторіи и литературѣ. Мы постараемся здѣсь отмѣтить, руководясь каталогомъ (писаннымъ)

и отчасти личнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми рукописями, только тѣ рукописи, которыя представляютъ интересъ для русской исторіи (преимущественно исторіи юго-западной Руси, для которой это собраніе имѣетъ огромную важность). Быть можетъ, наши указанія заохотятъ кого изъ русскихъ ученыхъ лично ознакомиться съ этимъ цѣннымъ собраніемъ.

Въ числѣ рукописей библіотеки Оссолинскихъ не мало манускриптовъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, но большинство изъ нихъ (польскія и чашскія missalia и пр.) содержанія церковнаго и, важныя въ отношеніи языка, мало представляютъ интереса для историка.

Изъ славянскихъ рукописей историческаго содержанія особенно важна для исторіи юго-западной Руси рукопись подъ заглавіемъ „Лѣтописцы Волыни и Оукраины (№ 2168)“. Это лѣтописный сборникъ, въ родѣ такъ наз. Густинской лѣтописи (изданной во II т. Пол. Собр. Лѣт.). Кромѣ выписокъ изъ разныхъ польскихъ историческихъ сочиненій (Стрыйковскаго, Гвагнини, Бѣльскаго) въ этомъ сборникѣ есть много извѣстій, неизвѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ. Подробно описывать этого сборника мы не станемъ, т. к. вся самостоятельная часть его только издана проф. В. Б. Антоновичемъ въ числѣ другихъ южнорусскихъ лѣтописей (Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевск., под. и вол. генералъ-губернаторѣ, Кіевъ, 1888); тамъ же въ предисловіи проф. Антоновичъ даетъ и подробное описаніе всей рукописи. Отдѣльную статью этой рукописи — записки кіевскаго мѣщанина Богдана Балыки о судьбѣ перваго Лжедимитрія и объ осадѣ Москвы въ 1612 г. (заглавіе ея „о Москвѣ и о Дмитрію, царику Московскомъ ложномъ. Сіе писалъ мещанинъ кіевскій, именемъ Божко Балыка, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ) тотъ же уважаемый ученый напечаталъ еще раньше въ „Кіевской Старинѣ“ за 1882 г. т. III.

Краткія лѣтописныя замѣтки 1648—1700 г., веденныя священникомъ добромильской церкви Рожд. Пресв. Богородицы

Симеономъ Коростенскимъ (№ 2166) точно также напечатаны въ указанномъ изданіи В. Б. Антоновичемъ.

Въ числѣ рукописей библ. Оссолинскихъ находится фотографическій снимокъ и fac simile нѣсколькихъ страницъ русской лѣтописи, сохраняющейся въ библіотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ. Такъ какъ въ бытность мою въ Варшавѣ библіотека Замойскихъ была уже недоступна для занятій, то я позволю себѣ сообщить здѣсь объ этой лѣтописи, то, что можно извлечь изъ тѣхъ нѣсколькихъ листочковъ fac simile, которые г Кентржинскій, директоръ музея, любезно предложилъ мнѣ для разсмотрѣнія.

Рукопись эта представляетъ собою, повидимому, томикъ въ 16°. Всѣхъ листовъ въ ней 359. На стр. 1-й находимъ слѣдующее заглавіе:

Блгодатію и млтію пртыя живоначальныя трца и помощію и заступленіемъ пртыя Бци напсіана бы книга сія во пренмѣнитомъ Бгоспаемы градѣ пскове в соборную и бжественную цркви пртыя и живоначальныя и нераздѣлимыя трца. Лѣта ҂знѕ (1548) повелѣніем собора престыя трца свщнико и дьяконо клементія з братіею.

Подъ этой припиской какія то замазанныя подписи.

Съ боку приписка: Hic liber continet gesta quorundam principum Russorum.

Съ втораго листка начинается самый текстъ лѣтописи.

Княжение вел(и)кое суздальское
о селе наста кнзем одрѣемъ ю-
евичем. а сто великии всѣмъ
кнзем. град володимерь. в лѣ-
то ҂ѕхоз. чюдо сотвори
Бог новое. изгна Бог и стая бца а злаго
нестиваго лестьца пронырливаго
врага Феодра бѣлого клобука
от стеи бцы и от всея земля росто-
скія. Того же лѣта пособи бог
и стаия бца михалку юревичю за
домъ стеи бцы. вниа с полоцы

посла бо его брат глѣ. Михаиловичъ
скоро иде аки на ловы з братом
всеволодомъ. А воевода
л. 2 об. у него волостнаго изяславя брата и победи полоч
цы. а полоцы взаша полоное ї се
мьцє. о знамении стей бцы в но
вѣгородѣ. В то время приї
доша ратнїи к великому новугра
ду князя романа судалскїи. и инїи князя
зи мнози от многих стран что є рускїе
земли. Со множеством вои и все
и князи ов. аще бо и православ
нїи нехотяху приняти града и разоря
ти и сроны собѣ члкъ и едино
вѣрны предати напраснои смерти
и пленити неповинных суща. но
1. вагради члвцы бяху всякобѣ велицє и недоумѣнїи
и ни от куду же помощы надѣющеся
л. 3 а токмо всю надежу на Бга и на пречистую
его матерь возложыше . . . .
. . . .

Оканчивается списокъ (л. $359/_2$) грамотой князя Всеволода новгородской церкви Іоанна на Опокахъ:

(ни про) давати моего данія кнзїа великаго всеволода. А кто почнет вѣсъ отимати или продавати или дом обидѣти стго вели-ка Ивана и стго прорка Захарїи. ино на того Спсъ и прчтая. и стыи великїи иван и стыи пророк захарїи. и будеть им тма и огнь. и соблазнъ. и казни бжиїа. от них же да избавит ны гдь нашь Ісу Хс Ему же слава и нинѣ и присно (списываю здѣсь въ строку, ибо характеръ письма ясно можно видѣть изъ предыдущаго отрывка.

Подъ этимъ окончаніемъ приписка скорописью (лѣтопись писана довольно крупнымъ полууставомъ).

Книга таія взіата зам̃ку полоцкаго с церкви свіатои Софеи из Москвою которие есмы же замко были взіатые року а (1579) девіатого мисіаца августа трицатого днія року ҂аф̃од августа ла и дана есть гетману и канцлеру великому короному вемоному его милости пану Іану Замоиском̃у [1])

Насколько можно судить изъ тѣхъ немногихъ листочковъ fac simile, которые я имѣлъ подъ рукою, эта лѣтопись есть списокъ одного изъ софійскихъ сводовъ [2]). Насколько этотъ списокъ отличается отъ извѣстныхъ намъ списковъ софійскихъ лѣтописей, судить не берусь. Я хотѣлъ только замѣткой объ этомъ спискѣ обратить на него вниманіе нашихъ русскихъ ученыхъ въ Варшавѣ, которымъ быть можетъ удастся проникнуть въ библіотеку Замойскихъ и ознакомиться вполнѣ съ содержаніемъ этого списка.

Между fac simile библ. Оссол. находится еще литовская лѣтопись пространной редакціи, извѣстная подъ названіемъ Познанскаго списка литовской лѣтописи (оригиналъ находится въ познанской публичной библіотекѣ; впервые свѣдѣнія объ этой рукописи сообщилъ О. М. Бодянскій въ статьѣ „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ"), но описывать этой рукописи я не стану, такъ какъ она будетъ вскорѣ цѣликомъ напечатана въ начатомъ уже петербургской археографической коммиссіей изданіи литовскихъ лѣтописей. При томъ весьма подробное изложеніе ея содержанія можно найти въ статьѣ проф.

---

[1]) Cf. Соловьевъ. Ист. Рос. т. 6. р. 322 „Добыча, найденная въ Полоцкѣ, обманула ожиданія осаждающихъ; самую драгоцѣнную ея часть составляла библіотека, содержавшая въ себѣ много лѣтописей и твореній св. отцовъ греческихъ въ славянскомъ переводѣ; *все это погибло*". Данная рукопись однако указываетъ, что кое что уцѣлѣло.

[2]) Съ вышеприведеннымъ отрывкомъ cf. Соф. I: „Въ лѣто 6677 (1169) Отъ селѣ наста княженіе Суздалское княземъ Ондрѣемъ Юрьевичемъ, а столъ великое княженіе Володимерь. Пособи Богъ князю Михаилу Юрьевичю за домъ святыя Богородици бися съ Половци, послалъ бо его братъ князь Глѣбъ, Михалко же скоро иде, аки на ловъ съ братомъ Всеволодомъ, и воевода у него Володиславъ, Яневъ братъ, и побѣди Половци. А Половци взяша Полоное и Семичъ" далѣе см. Лавр. р. 157 (первое изд.), отъ словъ: „тое же зимы князь Андрѣй посла сына..." Въ Соф. I послѣ описанія похода Ярослава и пожалованія Новгороду грамоты идетъ Русская Правда, Судебникъ Константина и пр.

Шараневича „O latopisach i chronikach litewskich“, напечатанной въ Rozpraw'ахъ Крак. Акад. Наукъ.

Изъ другихъ лѣтописей, касающихся исторіи юго-западной Руси, особеннаго вниманія заслуживаютъ: лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзефовича и лѣтопись львовскаго кармелитскаго монастыря. Громаднымъ трудомъ Юзефовича обильно пользовались историки города Львова: Зиморовичъ, Ходынецкій и Зубрицкій. Лѣтопись Юзефовича не была до сихъ поръ напечатана въ полномъ объемѣ; часть ея въ польскомъ переводѣ напечаталъ Пивоцкій въ 1854 г. во Львовѣ. Разсказъ о событіяхъ 1624—1700 въ юго-западной Руси напечаталъ по подлинной рукописи библ. Оссол. В. Б. Антоновичъ въ уже упомянутомъ сборникѣ южно-русскихъ лѣтописей. Имъ же напечатана и историческая часть лѣтописи львовскаго кармелитскаго монастыря, содержащая разсказъ о событіяхъ 1648—1676 г. и главнымъ образомъ повѣствующая объ осадѣ 1648 г. Львова Хмельницкимъ (тамъ же).

Что касается древнѣйшихъ латино-польскихъ лѣтописей, хранящихся въ библ. Оссол., то большинство ихъ напечатано въ 4 томахъ Monumenta Poloniae.

Русскихъ и церковнославянскихъ рукописей въ библіотекѣ Оссолинскихъ вообще немного, большинство изъ нихъ церковнаго характера. Таковы: Евангеліе, писанное кириллицей (1597 г.) (№ 37), Прологъ 1603 г. (№ 38), Бесѣды церковныя на великій постъ (17 в. кирил.), Тетраевангеліе XIV в. (№ 368), Минея 1492 г. (январь и февраль). Подъ № 827 сборникъ статей духовнаго содержанія на языкахъ греческомъ, латинскомъ, церковнославянскомъ и польскомъ. Внѣшній видъ этого сборника весьма любопытенъ. На верху каждой страницы обозначено мѣсяцъ и число разноцвѣтными чернилами, попеременно по гречески, по латыни, по польски и по русски (вѣроятно, числа обозначаютъ день, когда переписана соотвѣтственная страница). Порядка никакого; очевидно, списывалось то, что попадалось подъ руку. Сначала идутъ латинскія проповѣди и толкованія псалмовъ Давида, p. 84 отрывки какой то славянской проповѣди, p. 86 Canones Sanctorum apostolorum по гречески и латыни. Начало сборника утрачено, рукою Бѣлевскаго приписано, что это сборникъ Ки-

рилла Ставровецкаго (архим. черниговскій). Въ числѣ славянскихъ статей здѣсь между прочимъ находится; Предсловіе избранно от книгї Никоновыи (р. 160); Никона Мниха изложеніе от посланїа еже къ игумену церкве стго Сумеона чюдотворца куръ петру от слова лѱго (р. 164 замѣтка, что Никонъ былъ монахомъ въ глаголемѣи Чрънѣй горѣ въ 1072 г); р. 171 Поученіе при погребѣ Софїеи княгынї Чарторыскои чыненое от сщенноїерея Лаврентїа Зїзанїего протопопы Корецкого; р. 177. Поздоровлѣнїе братїамъ инокумъ котреемъ чинїлъ въ скути у старца Їезекїилїа за селомъ Марковомъ к пустинѣ мѣкаючымъ року 1618 мѣсяца ноемврыя кѱ в суботу; р. 179 об благословленїе глаголанное въ братїамъ уневскїмъ на отходъ лѣта 1618 їанyарыя к; р. 181 об. Молитва дше полезна на всякъ днь. Рук. in 16°[1]).

Подъ № 2180 (17 в. in 32, р. 205) сборникъ: р. 1. Завѣт духовный многогрѣшнаго и худаго и недостойнаго въ їеромонасѣхъ Θеодосїа, игумена бывшаго обители стои скитскои къ воспоминанїю и свѣдителству духовному настоятелю иже по мнѣ сущему игумену и всим їаже о хѣ отцемъ и братїам моим и чадомъ по дху ихже собра благодать Бжїа.

р. 106. Житїе и жизнь прпвнаго отца нашего Іова ї о скончанїи его ї о съставленїи стыя обители скитскыя въ кратцѣ списана.

р. 145. Регула или устав, паче правило постническаго иноческаго живота.

р. 205 приписка: сїе житїе написася мною грѣшным їеромонахом Дороѳеомъ бывши игуменомъ в то время. Прощенїа прошу їако оуломнимъ бывши к тое время, в болезны моеи сеи завѣт прпдных оць нших Іова и Θеодосїа скитскихъ много погрубих рукою и чернилом.

р. 83. Завѣщаніе Θеодосія, который назначаетъ послѣ себя игуменомъ брата Дороѳея.

[1]) См. объ этой рукописи также статью проф. Ем. Калужняцкаго, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ (Труды III-го Археологич. Съѣзда, т. II).

Въ припискѣ на отдѣльномъ листкѣ Бѣлевскій замѣчаетъ, что это житіе основателя скитскаго монастыря (основанъ 1612, выстроенъ 1619) Яна Книгинецкаго, въ монашествѣ Іова.

p. 185. Составитель житія называетъ себя Игнатіемъ (? по cf. выше). Бѣлевскій говоритъ, что это тотъ самый, который списалъ рукопись Патерика Печерскаго, находящуюся въ львовской универс. библіотекѣ (написася сіа книжица іеромонахомъ Игнатіемъ—но Игнатій могъ только быть переписчикомъ житія). Въ другой припискѣ Бѣлевскій пишетъ: W rękopismie Gunaszewskiego Michała L. I p. 259 jest lyst Ihumena skitskoho obszczy do wsich inokow. W koncu te słowa: w kinowii skitskim miesiaca Maja 16 dnia roku 1620 Teodocy Jhumen. Zas w rękopisu № 827 (cf. выше) p. 167 List Iowa Jhumena skitskiego do Kiryly Staurowieckiego z dnia 23 Sierpnia 1614 roku.

Не лишена интереса (особенно для занимающихся старопечатными книгами) рукопись № 2170 (17 в. in 16°). „Инвентаръ, сирѣчъ порядное описаніе вещей обрѣтающихся в скарбцы церковномъ при храмѣ успеннія прчтыя прнодвы Марія во градѣ Львовѣ в мѣстѣ. Списаный в року збавенномъ ҂хлз марта в з дня мною негодным рабомъ Бжымъ Костантиномъ Мерзапечою на сей часъ писаремъ братскимъ з старого инвентара и з прыбыткомъ“. (Лист. 80, но много пустыхъ страницъ).

p. 1 об. „по лѣты старѣйшыхъ во братніахъ зацне славетныхъ п. Гавриліа Ланкчиша, пна Григорыіа Романовича, пна Миколаіа Добранскаго, пна Александра Прокоповича.

Описаніе церковныхъ вещей начинается съ перечисленія напрестольныхъ евангелій:

„Еvліе виленского друку все в срѣбро злоцѣстое дѣломъ златарскимъ прекрасно оправное и црквн Бжои благовѣрнымъ господаремъ Мірономъ Брунавскимъ даное, такъ іакъ само в собѣ естъ с паперомъ важытъ грывенъ 26 лотъ 10“.

Всѣхъ напрестольныхъ евангелій 9, затѣмъ перечисляются кресты, келихи, дискосы, кадильницы, каціи, при чемъ часто указываются и лица, ихъ подарившія.

Съ р. 26 идетъ инвентарь книгъ церковной (братской) библіотеки; сначала перечисляются книги (и рукописи) „розные славенскіе“ потомъ „книги грецкие розные“ и наконецъ латинскія.

Книги славянскія исключительно церковнаго содержанія. Тутъ мы находимъ изданія *кіевскія*: три книги Бесѣды Златоуста на дѣянія, Минѣіа избраннаіа кіевского друку, двѣ Тріоди постныя, Трефологъ; изданія *московскія*: Бесѣда Златоуста на дѣянія и ди посланіе, уставъ Московский, прелогъ Московскый; изданія виленскія „евангеліе учительное, псалтырь, служебникъ и требникъ; изданія *острожскія*: „Василіа Великаго сенигидронъ“; „библіа славенскаіа“ „библіа другаіа тогожъ друку“; „часословъ“, „тестаметъ“, „молитвы острозского друку“, „охтоихъ“; *львовскія* изданія: часословъ (in octavo), трефолой; „шесть охтаевъ новыхъ друку лвовскаго безъ богородичниковъ“; псалтирь in quarto; изданія *Мамоничьскія*: „Служебникъ друку мамоничовского просто оправный; часословъ мамоничовский; служебникъ мамоничовский аксамитомъ чирконымъ покрытыи з осма нарожницами великими, таблица великаіа з распіатиемъ в посродку и з двома клавзуламн, а тое все срѣбрное“; изданія *стрятинскія*: евангеліе учительное; служебникъ in quarto, требникъ; *пражскаго* изданія—премудрости Соломона.

Годъ изданія нигдѣ не означенъ. Что касается другихъ книгъ, то рѣдко обозначено, писаная ли это книга, или печатная. Тутъ мы находимъ бесѣды Златоуста, книгу Дамаскина, Шестодневникъ, соч. Діонисія Ареопагита, Маргаритъ, Аѳанасіево толкованіе псалтыри, Максима инока книга, Іоанна Лѣствичника, апокалипсисъ толковый, лѣкарство духовное, уставъ іерусалимскій, Дорофтей, житіе Григорыево, множество богослужебныхъ книгъ (евангелія, служебники, требники, псалтыри, богородичники, минеи, тріоди и пр.). При нѣкоторыхъ книгахъ указано и лице, подарившее ее: „библиіа острозкого друку въ червономъ аксамитѣ осма нарожницами и двома клавзулами срибрными украшена, тую даровалъ церквы отець Василии Боіарский священникъ мѣстский“; „отець Захарыіа Копыстенскии архімандрытъ кіевскии двѣ книгі до скарбцу даровалъ: на апостола

Павла посланіе, а другое на святыхъ апостолъ дѣіаніе омѣліи Златаустаго“.

Изъ греческихъ книгъ перечислены:

Іоана Златоустаго осмъ томовъ, каждыи особно.

Мѣнеи чтыри всѣхъ дванадцати мѣсіацеи.

Типік албо уставъ грецкии—приписка—от отца Петра Могилы, митрополита Кіевского.

Кромѣ того: Діонисій ареопагитъ, Анѳологіонъ, пендикостаріонъ, тріодионъ, параклѣтики, евхолокгионъ, анагностиконъ, новый тестаментъ, Никифоръ греколатинонъ, адилонъ писапаіа в полѣтурѣ, литургии грецкое початокъ, псалтиріонъ, органонъ Аристотеля, опера Лукиіанѣ (s.), псалмы вѣршемъ друкованые малые, евангеліе грецкое in quarto, Сvнозаръ грецкии ин кварто, Еvстафіа Архіепископа книга in folio, Pentarxos in f. Ἀπομνημομνεολον Thucidades (s.), Pauli Egmira, Xenophon, Eusebius, opera Aristotelis вшыстко грецкіе in f., De virginitate in qu., Aristotelis de arte in qu.

Что изъ этихъ книгъ по сіе время сохранилось, намъ неизвѣстно, такъ какъ архивъ и библіотека львовской Ставропигіи только теперь приводится въ порядокъ.

Подъ № 72 (въ листѣ всѣхъ л. 6, писана ок. 1572). Титлы правиломъ сочтеныя и подобнымь къемуждо титлоу главамъ титель, нашимъ же языкомъ именоуется грань. Грань же іаснѣе сказается съчтаніе или съвокупленіе.

Внизу съ л. 2-го приписка (начала недостаетъ, т. к. одинъ листъ вырванъ)... повеленїемъ и бласвенїемъ гна архимандрита Антонїа Радиловьского игоумена Ѹпльскаго, а написасїа сїа книга рукою раба Бга Дмитрїа при арх епп҇ѣ Іонѣ, не бы тогда кралиа в полскои земли, но гладъ бы великь и морь повѣтрїе барзо всіакое, иж никто такого не знаетъ. И приданы быша сїа книгы правила стыхъ оцъ Ѹнѣвѣ манастыри ку храму Ѹспеніа Прчтыіа Бца абы ихъ никто сїа книги не смѣлъ отдалити ани дати никому отъ сеа стыіа обители, да аще кто дїше тлѣнень члкь преслушаетъ сїа словеса да будетъ на немъ клiатва стыхъ оць т҇ ей иже въ никеи и боудетъ судъ мѣти предъ Бгомъ егда прїидетъ судити всему миру и въздати комуждо по дѣломъ его аминь.

Рук. № 1798 (въ листъ, письмо конца XVIII в., л. 158). Каждая страница раздѣлена на двѣ части: слѣва „Лютеранскои пашквилъ на кнігу Каменъ вѣры. Разсужденіе о книгѣ каменъ вѣры“, справа „возражение на пашквилъ“. Пасквиль раздѣленъ на пункты, и на каждый пунктъ идетъ возраженіе, каждый § называется „пашквилемъ“, такихъ пашквилей 40.

§ 1. „въ сказаніи о творце книги сея написано: сей роділ ся в полши отъ благородныхъ родителѣи шъляхетскои фамиліи, хотя сие до предлежащаго не касается и толковать бы непотребно, но первое сказание первая неправда естъ, ибо онъ хотя имя Яворскій шляхетской фамиліѣ носитъ, да нешляхтичъ родомъ, отецъ его былъ и протчіе родственники инѣ на Волыни в полскомъ местечкѣ Яворовѣ мещаны суть и называются по отечеству, а самъ въ Киевъ пришедъ отъ места Яворскій назвался; а хотябъ они с теми шляхтичами яворскими от единаго произхожденя были, да по правамъ того государства, ежели кто торгуетъ на аршинъ, лотъ и в кварту, уже предки (sic) его тоя чести и преимущества лишились“.

На это возраженіе: „отъ устъ твоихъ сужду тя рабе лукавый, самбо признавал, сто сіе, кто былъ родомъ и фамиліею преосвященный Стефанъ Яворскій до предлежащаго дела не касается, сиречь книги камень веры не порочятъ“; затѣмъ доказывается, что если бы Яворскій происходилъ изъ мѣст. Яворова, то назывался бы Яворовскимъ.

Во 2-мъ пасквилѣ сочинитель утверждаетъ, что родители Яворскаго были уніатами; возражатель говоритъ, что они скончались въ благочестіи.

Кромѣ того въ библіотекѣ Оссолинскихъ находятся еще: Вызнанне вѣры святаго Аѳанасия архіепископа Александр. и святаго Геннадиіа патриарха Константинопольскаго о вѣрѣ (№ 2187) 18 в. Зерцало Богословія 18 в. (№ 2172), Славинецкаго славянскій лексиконъ (№ 1452), Исторія о разбойническомъ феррарскомъ соборѣ (№ 2188), собраніе славянскихъ статей—проповѣдей, легендъ и т. д.— послѣдняго сборника намъ, къ сожалѣнію, не удалось просмотрѣть, такъ какъ въ нашу бытность во Львовѣ эта рукопись кѣмъ то читалась. Преподобнаго отца нашего Симеона новаго богослова

бывшаго ограды св. Мамонта слова (18 в. № 2959) и нѣсколько другихъ маловажныхъ, кромѣ того копіи и fac simile нѣсколькихъ русскихъ и славянскихъ рукописей.

Документовъ историческихъ на языкахъ польскомъ и латинскомъ въ библ. Оссол. масса; правда, для древняго періода ихъ немного, но за то для XVI и особенно XVII—XVIII вв. очень много цѣннаго. Очень много здѣсь всевозможныхъ памятниковъ, такъ или иначе касающихся Руси, и не только южной, но даже и сѣверной. Чтобы ознакомиться со всѣми ими, потребовалось бы нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, спеціальныя наши занятія въ архивѣ Бернардинскомъ не позволяли намъ удѣлить много времени рукописямъ библ. Оссол., тѣмъ болѣе, что часы занятій въ обоихъ хранилищахъ одни и тѣ же. При томъ изученіе матеріаловъ для русской исторіи затруднительно еще по той причинѣ, что многихъ важныхъ изданій русскихъ памятниковъ во Львовѣ нѣтъ, такъ что въ каждомъ данномъ случаѣ невозможно почти бываетъ провѣрить, какіе изъ находящихся здѣсь документовъ напечатаны или насколько списки львовскіе отличны отъ изданныхъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ далеко не лишнимъ выбрать изъ рукописнаго каталога хотя заголовки нѣкоторыхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи, въ той надеждѣ, что кто нибудь изъ русскихъ ученыхъ обратитъ на наши указанія вниманіе и постарается кое съ чѣмъ ознакомиться на мѣстѣ.

Въ библ. Оссол. масса сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Silvae rerum. Разные любители просвѣщенія вслѣдствіе дороговизны книгъ въ старину, или иныхъ какихъ либо причинъ, тщательно списывали въ отдѣльную книгу всевозможные письменные и печатные памятники, попадавшіеся имъ подъ руку, королевскіе указы, постановленія сеймовъ, частныя письма, памфлеты, путешествія, дневники, всевозможные акты, стихотворенія и т. д. Благодаря любознательности подобныхъ любителей, сохранилась масса историческаго матеріала, часто весьма любопытнаго. Въ изданныхъ пока двухъ томахъ описанія рукописей библ. Оссол. г. Кентржинскій описываетъ множество подобныхъ сборниковъ, отмѣчая содержаніе каждой отдѣльной статьи. Въ

рукописномъ каталогѣ, къ сожалѣнію, о сборникахъ говорится въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ.

Отмѣтимъ сначала то, что относится къ Руси сѣверной; въ числѣ подобнаго рода памятниковъ, какъ увидимъ, есть немало относящихся ко времени Самозванца. Насколько важны эти документы, мы сказать не умѣемъ, такъ какъ не имѣли времени осмотрѣть ихъ, хотя львовскіе списки, какъ намъ сообщали, полнѣе изданныхъ.

№ 58. м. пр. письмо къ московск. вел. князю 1581 г.

№ 113. Сборн. м. пр. о Москвѣ, о бракѣ Димитрія и вообще много для исторіи сношеній Польши съ Русью XVI—XVII в.

№ 120. Historia belli Moschovitici.

№ 168. Сборн. 16—17 в. Lament o carowej (Маринѣ).

№ 16. Kronika ruska albo chrzesh stary ruski.
o Moskwie niewola na szlachte.
Nowiny z wojny Mosk.
Письмо Ивана Васильевича къ Стефану Баторію.
Pobranie ludzi na Podolu ot Tatar.
Nova Moschovitica 1605.
Regestr pobitych w Moskwie 27 мая 1606.
Письмо Димитрія Самозванца изъ Стародуба 1607.

№ 185. Сборн. Письмо Федора Иван. моск.
Письмо московскихъ бояръ къ панамъ польскимъ.
Легація московскаго посла 1635 (о титулѣ Мих. Феодоровича).

№ 189. Сб. 17 в. Письмо Алекс. Мих. къ панамъ р. лит.

№ 190. Сб. 17 в. Przywitanie z winszowaniem Dymitra hosp. Mosk.

№ 196. Сп. 17 в. Proces powodzenia Dymitra Iwanowicza.
Legacya do Moskwy p. Kisielowa 1647.

№ 200. Сб. 17—18 в. Summarius Żolda wojska stolecznego Mosk.
Письма Смоленщанъ 1612.

№ 204. Сб. 18 в. Deploratio belli Moschov. (время Стеф. Бат.)
Pakta z Moskw.

Wiadomosci z Moskwy przez róźne sposoby z zamkow ukrainskich 1626.

№ 206. Письма и документы за время 1620—90 г. м. пр. короля къ моск. послу.

№ 207. Разн. докум. нач. XVII в. м. пр. votum w tajemnej radzie po seymie jesli KJM znowa ma isc do Moskwy.

List pod stolice Mosk.

№ 221. Сб. 18 в. List prywatny od cara Mosk. Dymitra къ Сигизм.

Liczba pobitych w Moskwie 1606.

Elegia woyny Mosk.

Копія письма Петра В. въ Польшу 1715.

Копія письма Григ. Долгорукаго къ Рыбинскому.

№ 225. Сб. 17 в. Relacya mosk. legacyi 1647.

№ 612. Stan. Zolkiewskiego Początek wojny Mosk. (при Сигизм. III).

№ 1951. Выпись 17 в. изъ гродскихъ актовъ гостынскихъ о смерти Шуйскихъ въ 1612 г. (см. эт. актъ ниже).

№ 2024. Porodzenie Dym. Iwan. (съ рукоп. Стан. Немойовскаго, cf. Устр. т. IV и Turg Hust. Russ. Mon. т. II, тоже № 845).

№ 2169. Лѣтопись со временъ Димитрія (копія 19 в.).

№ 2256. О пребываніи Александра I въ Сѣнявѣ 1818 г.

№ 2321. Articula pacis inter Regnum Sueciae et MD. Moschoviae 1610 (17 в.).

№ 2414. Дневникъ путешествія въ Москву Юрія Мнишка 1606 (Бѣл. замѣч., что эта копія обширнѣе № 2024 и напечатанной у Тургенева въ Hist. R. Mon. t. II).

№ 2432. Письма Бодянскаго и др. къ Бѣловскому.

№ 2619. Указы, рескрипты и пр. м. пр. Петра В.

№ 2618—2708. Архивъ Мнишковъ—гл. обр. фамильныя бумаги 17—18 в. Но въ № 2686 есть кое что, относящееся къ Димитрію Самозв.

№ 2868. Дѣйствія Муравьева на поприщѣ административномъ и военномъ въ сѣв.-зап. краѣ.

№ 2947. Hist. wojny m. Moskwa a Polską 1772.

№ 3064. Переписка Алекс. Мих. съ Фридрихомъ Бранденб. (17 в.).

Для исторіи Руси литовской, галицкой и юго-западной въ библ. Оссол. масса цѣннаго матеріала; особенно много здѣсь всевозможныхъ источниковъ для эпохи козацкихъ войнъ. Кое что изъ этихъ памятниковъ уже издано (М. пр. много важнаго издалъ В. Б. Антоновичъ въ „Кіевской Старинѣ" и изданномъ кіевск. археогр. коммиссіей сборникѣ южно-русскихъ лѣтописей). Кое чѣмъ пользовались при своихъ изслѣдованіяхъ разные польскіе ученые (Kubała и др.), тѣмъ не менѣе для занимающихся исторіей литовской и южной Руси здѣсь еще предстоитъ обильная жатва.

Отмѣтимъ по печатному и рукописному каталогу нѣкоторые №№.

№ 58. Сб. м. пр. Dzial potomkow kz. Ostrożskiego.
Zapiski historyczne 1507—1575.

№ 66. Собр. писемъ и актовъ, относящихся къ князьямъ Острожскимъ.

№ 95. Annuae разныхъ коллегій (Остр. Перем.).

№ 112. Polonentichia (1612—13) Андрея Любинецкаго (часть издана Ал. Батовскимъ).

№ 113. Сб. XVII в. о козакахъ.
Ист. Записки 16 в.
Границы Червоной Руси.
О Иванѣ вол. господарѣ.
Nowiny z Ukrainy.
Xięstwo Smolenskie.
„ Nowog. Wielk.
Письма Хмельницкаго къ Киселю.

№ 124. Annales urbis Leopoliensis (Юзефовича и № 147 id).

№ 125. Ист. гор. Львова Зиморовича.

№ 134. Inventarium Cromeri (списковъ этого инвентаря актовъ изд. 1862 въ Парижѣ много разсѣяно по разнымъ мѣстамъ; м. пр. экз. находится и въ церковно-археолог. музеѣ въ Кіевѣ).

№ 16. Акты конфедераціи Гостинской.
Стихи на ударъ молніи въ домѣ Репнина.
Uniwersał do chłopow.

№ 163—4. м. пр. описаніе Уманской рѣзни.

№ 167. (17 в). Notata hist. 1500--1580.
Żolnierz kwarciany na Podołu.

№ 168. Сб. Kronika litewska o narodzie litewskim wywod.
Указъ Сигизм. III въ Литву 1602.
Pobranie ludzi na Podołu ot Tatar 1574.
Litewsky urazy.

№ 175. Сб. 16—17 в. Письма гетмана запор. Ханенка къ гетману польному 1607.
Transakcya o kozakach zapor.
Konstit. odnos. się do Litwy

№ 184. Разныя грамоты въ копіяхъ XVI в.
м. пр. 1439 обѣщаніе подолянъ выбрать по смерти Владислава королемъ его сына.
Грамота Курбскому на Ковель.

№ 185. м. пр. формула присяги разныхъ чиновъ литовскихъ.

№ 189. Сб. 17 в. Истор. зап. 1648—64 (Manuscr. Mart. Golicki).
Письма Хмельницкаго, Киселя.
Mowa kozaka iegnego.
Описаніе опустошеній городовъ на Волыни и въ Подоліи.

№ 190. Сб. 17 в. Relacya z obozu na kresach ruskich 1655.
Письма Хмельницкаго къ Шеремету.

№ 196. Сб. 17 в. Переговоры Киселя съ запор. козаками.
Письма Хмельницкаго.

№ 198. Сб. 17 в. Piesn o kozackiej wojnie.
О войнѣ 1648.
Письма Хмельницкаго.

Подобнаго же рода документы еще въ сборникахъ № 204, 208, 209, 210, 212, 214, 221, 224, 225.

№ 893. 18 в. Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam explicatio

№ 965. Прошеніе королю отъ диссидентовъ 1766. Рѣчь Репнина на сеймѣ.
№ 1009. 18 в. Границы староства каневскаго.
№ 1054. 18 в. Rocznik wojin kozackich 1648--1704.
№ 1087. 18 в. Собр. Сарчинскаго, и пр. ист. базиліанскихъ монастырей.
№ 1251. 17 в. Akta jndicii terrestri Premisliensis.
№ 1255. 17 в. Люстр. Самборской экономіи за время Яна III.
№ 1386. 18 в. Sinopsis albo krótkie spisanie praw rusk. narodu.
№ 1423—4. Memorialy gospodarskie dobr Beresteczka 17 в.
№ 1425. „ „ „ Lubcza.
№ 1449. 17 в. Акты розграниченія Польши отъ Литвы.
№ 1460. 17—19 в. Оригин. акты дѣятельности францисканцевъ на Руси.
№ 1476. Соч. Конисскаго.
№ 1480. Okup miasta Lwowa od oblęzenia Chmieln. 1648.
№ 1582. Инвентарь староства хмельницкаго 1785.
№ 1584. Документы, относ. къ им. Beysce, Leżaysk, Zbaraż, Brody (важны для ист. князей Збаражскихъ и Вишневецкихъ).
№ 1603—4. 17—18 в. Метрика церкви св. Юрія въ селѣ Hryniowśe около Бобрки (бережанск. пов.)
№ 1632. Инвентарь экономіи самборской 1760.
№ 1640. Люстр. 17 в. Ст. сандом. воев. мазов., Глинянъ Wisniowa.
№ 1645. Prawa kramarzow Lwowskich 17 в.
№ 1646—8. Czynnosci Ormian Lwowskich.
№ 1650. Fundatio братства св. Тройцы при армянской каѳедральной церкви.
№ 1771. Права и артикулы львовск. купеч. братства.
№ 1772. Compus королевскихъ и земянскихъ селъ 1563.
№ 1802—3. Права и прив. кн. Острожскихъ (17 в.) (и № 1924).
№ 1854. Мат. для ист. княж. варшавскаго.
№ 1868. Галицкая рѣзня 1846.
№ 1884. Мат. для исторіи возстанія 1863.
№ 1892. Люстр. корол. земель галицк., тереб., колом. 1762.

№ 1895. Зиморовича Viri illustres urbis Leopol.
№ 1905. Docum. 16—17 в. woloskie, kozackie.
№ 1932. Выписки изъ луцкихъ гродск. книгъ актовъ, касающихся Радзивиловъ.
№ 1954. Проповѣди 17 в. въ Вильно, Гродно.
№ 2016. Легенда о св. Юріѣ XV в.
№ 2070. Fic simile Познанскаго списка лит. лѣтописи.
№ 2093. 18 в. Документы львовск. ставропиг. братства (и № 2125).
№ 2111. Зап. Петра Каназтуапа львовск. мѣщанина 1663—94.
№ 2128. Люстр. гал. стар. 1556—1661.
№ 2132. Генеалогія лит. князей (копія 19 в.)
№ 2171. Зап. Яна и Павла Свидзинскихъ 1664—1768.
№ 2174. Metryka i opominki Samborskie 1571—1706.
№ 2235. Люстр. гал. стар. 1656.
№ 2238. Русскія литургич. пѣсни 16 в.
№ 2264. Diplomatariusz Galicyski собр. гр. Ал. Стадницкимъ.
№ 2319. Люстр. любачевскаго стар. 1570 (17 в.)
№ 2335. Выпись изъ земск. владим. книгъ 1790.
№ 2339. „ „ „ кіевск. книгъ 1575.
№ 2345. Разнаго рода генеалогія (кн. Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Заславскихъ).
№ 2346. Зап. Каз. Кушевича, льв. райцы 1648—1657.
№ 2399. Опис. зборовской битвы (копія).
№ 2409. Люст. льв. земли 1570 (копія).
№ 2411. Соч. Вагилевича.
№ 2413. Хронологич. перечень червонорусскихъ земянъ, сост. Ал. Стадницкимъ [1]).
№ 2472—82 Acta terminorum terrestrium Belzensium 1485—1783.
№ 2512. Вып. изъ кн. луцк. влад. кремен. 17—18 в.
№ 2513. Acta castr. Camenec 18 в.
№ 2514. Вып. изъ кн. земск. новгор. воев. 1774—76.
№ 2514. „ „ „ „ воев. брацл., черниг., кіевск.

---

[1]) Матеріалы для изданнаго Стадницкимъ соч. Ziemia Lwowska ze rządow polskich (Bibl. Ossol. poczet nowy t. III).

драгич., луковск., мѣльницк., летичевск., виленск. (17—18 в.)

№ 2530. Рѣчицкій архивъ.

№ 2545. Sprawy kniaziow Lubickich.

№ 2572. Инвентарь житом. стар. 1770.

№ 2586—7. Опис. Кременца и Луцка.

№ 2589. Прив. Остр. князей 16 в. (копія).

№ 2839. Люстр. белзск. стар. 1765.

№ 2836—7. Реестръ документовъ pro parte oppidorum in R. Galic. et Lodom.

№ 2858. Повѣсть о благополучной Зиновія Богдана Хмельницкаго войнѣ (переводъ Сам. Твардовскаго 1718).

№ 2870. Опис. эконом. могилевской 1722.

№ 2896. Актъ конфедераціи воев. волынскаго 1733.

№ 2901. Акты дорогобужск. замка 1753—69.

№ 2945. Акты относ. къ освобожденію галицк. крестьянъ.

№ 3090. Listy wloscian unitow o wypadkach w Podlasiu 1866—75.

№ 3099. Копія писемъ Наполеона I, относ. къ Польшѣ 1809—10.

Помимо того масса сборниковъ разныхъ актовъ въ оригиналахъ и копіяхъ. Среди нихъ навѣрное найдется не мало и для исторіи Руси.

И. Линниченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Краткій очеркъ исторіи города Умани.

Умань лежитъ подъ 48° 50' с. ш., простираясь по обоимъ берегамъ рѣчки *Умы*, или *Уманки*, получающей свое начало близъ села Пиненшкова; ниже Умани рѣчка эта сливается въ *Ятранью* и впадаетъ въ р. *Синюху*, одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ южнаго Буга̀. Въ самой Умани она соединяется съ другой незначительной рѣчкой *Осташевской*, а далѣе за городомъ—съ рѣчкой *Каменкой*. Возвышенные берега этихъ рѣчекъ, тамъ и сямъ пересѣченные балками, и мѣстами небольшіе лѣса сообщаютъ всей мѣстности, среди которой лежитъ Умань, довольно живописный видъ. Черноземная почва мѣстности залегаетъ на обыкновенной глинѣ, подъ которой простирается пластъ сѣраго гранита, годнаго лишь для изготовленія небольшихъ колоннъ, надгробныхъ памятниковъ и особенно для мощенія улицъ. О рѣчкѣ Умѣ, давшей, вѣроятно, названье Умани, въ первый разъ упоминается въ исторической хроникѣ подъ 1497 г. Въ этомъ году русскіе князья Михаилъ и Константинъ Острожскіе, поразивши на голову татаръ на берегахъ р. Сороки, въ Брацлавщинѣ, преслѣдовали ихъ до истоковъ р. Умы и тутъ истребили всѣхъ ихъ до одного. Въ этой кровавой битвѣ погибъ и сынъ крымскаго хана, Ахматъ.—Несомнѣнно также и то, что въ половинѣ XV вѣка окрестности нынѣшней Умани принадлежали, на основаніи дарственныхъ грамотъ литовскихъ князей, выходцу изъ Волыни Семену Кошкѣ и другимъ знатнымъ и въ то время еще православнымъ фамиліямъ — Четвертинскимъ, Корецкимъ, Козарамъ, Красносельскимъ, Семашкамъ и др. Въ описываемое время Уманщина находилась подъ мощной охраной литовскихъ

князей и была свободна отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, а потому начала быстро заселяться слобожанами. Но эта первая эпоха заселенія продолжалась не долго [1]). „Послѣ счастливыхъ лѣтъ настали лихія времена“,—говоритъ современный лѣтописецъ.

Со вступленіемъ на ханскій престолъ Менгли-Гирея добрыя отношенія Крыма къ Литвѣ были порваны; съ этого времени начинается длинный рядъ татарскихъ набѣговъ на Уманщину. Населеніе ея, по всей вѣроятности въ то время еще незначительное, или сдѣлалось жертвою ясыра, или же погибло въ многочисленныхъ битвахъ съ татарами на поляхъ уманскихъ и брацлавскихъ. Колонизація края прекратилась; возникшія было тамъ и сямъ въ странѣ цвѣтущія поселенія исчезли навсегда съ лица земли, и единственнымъ воспоминаніемъ о нихъ служили впослѣдствіи лишь такъ называемыя „урочища“ и „селища“. Начиная со второй половины XV в. въ нынѣшнемъ уманскомъ уѣздѣ снова залегала безлюдная степь подъ названіемъ Уманщины, и тамъ, гдѣ недавно проходила торговая дорога, соединявшая берега Днѣстра и Днѣпра, теперь тянулись „татарскіе шляхи“. Земли, оставшіяся свободными послѣ гибели владѣльцевъ, какъ никому не принадлежащая собственность, были пріобщены къ коронным владѣніямъ Рѣчи Посполитой. Той же участи подверглась и уманская степь, въ которой не разъ теперь разыгрывались кровавыя сцены. Такъ, въ 1558 г. здѣсь были разбиты на голову татары. Но если уманская степь служила удобнымъ полемъ для татарскихъ вторженій въ южную Русь, то съ другой стороны въ ней иногда находили себѣ временное убѣжище предводители козацкихъ отрядовъ во время то и дѣло возобновлявшейся національной борьбы южной Руси съ поляками. Такъ, въ концѣ XVI в. въ этой дикой степи нѣкоторое время держался съ отрядомъ козаковъ Наливайко, извѣстный предводитель козацкаго возстанія, вспыхнувшаго при самомъ началѣ введенія уніи. Но уже въ царствованіе короля Сигизмунда III (1587—1632), когда татары были усмирены и нѣкоторые богатые землевладѣльцы снова пріобрѣли въ собственность земли въ

[1]) Słownik geogr., F. Sulimierskiego etc, tom III, 1882, str. 208—209.

уманской степи, послѣдняя вторично начала населяться людьми. На сеймѣ 1588 г. было постановлено привести въ извѣстность земли, остававшіяся еще незаселенными какъ въ Кіевщинѣ, такъ и въ Брацлавщинѣ, особенно въ мѣстностяхъ, чаще другихъ подвергавшихся нападеніямъ татаръ, и всѣ такія земли раздать въ собственность частнымъ лицамъ для заселенія. Въ 1609 году снаряжена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ Валентина—Александра Калиновскаго, которой поручено было объѣхать „уманскій грунтъ“ и сдѣлать сейму докладъ о его пространствѣ; коммиссія опредѣлила точно границы уманской пустыни: „она лежитъ, писали коммисары, миляхъ въ 10 съ лишнимъ отъ Брацлава, между татарскими шляхами называемыми *Крывошаравскій* и *Удицкій*“, затѣмъ слѣдуетъ точное опредѣленіе ея граней по рѣчкамъ и урочищамъ отъ верховья рѣчки Кублича до впаденія Синюхи въ Бугъ и оттуда до верховья рѣчки Бабанки. „И такъ, говорятъ коммисары, вся окружность этой пустыни съ урочищами и рѣчками, впадающими въ р. Уманку, простирается на семь миль“ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ сеймовымъ актомъ 1609 года „*пустыня*, называемая Уманью“, пожалована въ вотчинное владѣніе брацлавскому, винницкому и звенигородскому старостѣ Валентину-Александру Калиновскому [2]), оказалось только, что предсѣдатель коммиссіи ошибся въ опредѣленіи ея объема, пожалованная ему пустыня имѣла въ дѣйствительности не 7 миль (49 верстъ), а до 300 верстъ въ окружности. Съ первой половины XVII в. уманская степь снова стала заселяться и къ этому же времени относится возникновеніе Умани, какъ населеннаго пункта, который появился сначала въ видѣ села, а затѣмъ постепенно развился въ мѣстечко и городъ. Населеніе Умани въ то время составляли, главнымъ образомъ, греческіе, армянскіе и еврейскіе купцы. Окруженная степями, Умань часто подвергалась набѣгамъ татаръ, а потому для защиты отъ непріятелей въ ней построенъ былъ замокъ, обнесенный рвами и валами. Замокъ охраняли козаки, набиравшіеся Калиновскимъ изъ мѣстныхъ жителей.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, часть VII, т. I, стр. 204.

[2]) Volumina legum II, стр. 466.

Весною 1629 года уманскіе козаки, преслѣдуя татаръ послѣ произведеннаго ими грабежа въ уманскихъ хуторахъ, настигли ихъ въ степи, когда они возвращались въ Крымъ съ ясыромъ, и разбили на голову [1]). Еще болѣе крупное столкновеніе съ татарами въ предѣлахъ Уманщины произошло въ 1644 году; на сѣверной границѣ этой области, между Воронымъ и Ахматовомъ гетманъ Конецпольскій и князь Іеремія Вишневецкій разбили 20,000 орды, ворвавшейся въ Украину подъ начальствомъ перекопскаго мурзы Тугай-бея, извѣстнаго впослѣдствіи въ качествѣ усерднаго союзника Хмельницкаго [2]).

Когда въ 1648 году вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, богатая и хорошо укрѣпленная Умань, служившая мѣстомъ убѣжища для брацлавской шляхты, послѣ непродолжительной осады была взята казаками подъ предводительствомъ Кривоноса и уманскаго полковника Ганжи [3]); съ того времени Умань на долго переходитъ во власть козачества. Когда Хмельницкій раздѣлилъ Малороссію на полки, то въ числѣ полковъ, находившихся на правой сторонѣ Днѣпра, былъ и уманскій. Онъ обнималъ нынѣшній уѣздъ уманскій, восточную часть гайсинскаго и липовецкаго и западную часть звенигородскаго. Въ немъ было 13 сотенъ. Умань была полковымъ городомъ этого полка—тутъ находилось его полковое правленіе и полковые старшины: полковникъ, обозный, асаулъ, писарь, судья и хорунжій [4]). Въ уманскомъ полку, находившемся въ эпоху Хмельницкаго подъ начальствомъ полковника Іосифа Глуха, было 3472 козака [5]). Въ 1651 г., послѣ несчастной для козачества битвы подъ Берестечкомъ, Глухъ, узнавъ, что союзники Хмельницкаго татары, разбѣжавшись изъ-подъ Берестечка, начали въ его полку грабить, догналъ ихъ на Синихъ-Водахъ и жестоко поразилъ 10000 этихъ хищниковъ [6]).

---

[1]) Słownik geogr., стр. 210.

[2]) Дневникъ Освѣцима, стр. 14—23.

[3]) Szajnocha—Dva lata dziejów, II, стр. 307.

[4]) Богданъ Хмѣльницкій, Н. Костомарова, изд. 4-е Спб. 1884 г. т. II. стр. 219—220.

[5]) Реестры Запорожскаго войска, изд. Бодянскаго, стр. 131.

[6]) Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 4-е изд. Спб. 1884, II, 394.

Заключенный Хмельницкимъ съ поляками бѣлоцерковскій миръ былъ нарушенъ и въ 1652 г. война снова вспыхнула. Весною въ 1653 году Умань была осаждена поляками, находившимися подъ начальствомъ Станислава Потоцкаго и Стефана Чарнецкаго; они заняли такъ называемый новый городъ и нѣсколько разъ ходили на приступъ, но взять стараго города не могли: его защищалъ храбрый винницкій полковникъ Богунъ. Но во время штурма сгорѣла значительная часть стараго и новаго города [1]). Въ томъ же году Умань посѣтилъ антіохійскій патріархъ Макарій проѣздомъ въ Москву. Когда высокій путешественникъ приблизился къ городу, жители, по обычаю того времени, встрѣтили его съ хоругвями и зажженными свѣчами, въ присутствіи полковника и войска. Патріархъ присутствовалъ на богослуженіи въ церкви, потомъ былъ въ гостяхъ у полковника и на другой день отправился въ дальнѣйшій путь. Есть извѣстіе, что въ это время въ Умани было 8 церквей (Кіев. Епарх. Вѣд. 1874 г.).

Въ томъ же 1653 году въ октябрѣ Хмельницкій назначилъ Умань мѣстомъ жительства для бывшаго молдавскаго господаря Василія Лупула, который и поселился здѣсь со свитою въ 50 человѣкъ, но вскорѣ Хмельницкій узналъ, что Лупулъ завелъ тайныя сношенія съ поляками; въ наказаніе за эту интригу онъ выдалъ Лупула въ плѣнъ крымскому хану и выпроводилъ его изъ Умани въ Крымъ. Въ Умани съ 4 по 17 декабря ожидали возвращенія Хмельницкаго изъ жванецкаго похода царскіе послы.

Въ 1654 году, послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи, когда царь Алексѣй Михайловичъ изъ-за Малороссіи объявилъ Польшѣ войну, Станиславъ Потоцкій снова подступилъ къ Умани, гдѣ въ то время находились Богунъ и Глухъ. Расположившись въ хуторахъ, польскій гетманъ посылалъ Богуну увѣщаніе вступить съ нимъ въ переговоры, но Богунъ не отвѣчалъ ему. Осаждавшіе отошли отъ Умани, разорили и сожгли нѣсколько окрестныхъ поселеній и ушли [2]).

---

[1]) Памятники Кіевской Коммиссіи т. III, ч. III, стр, 42—17.

[2]) Богданъ Хмельницкій, Н. Костомарова, III, стр. 161.

Въ 1655 году, зимою, соединенное польско-татарское войско снова обступило Умань, находившуюся подъ защитой полковниковъ Богуна и Зеленскаго. Городъ Умань въ то время былъ обнесенъ тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Кромѣ 12000 казаковъ, тамъ были вооруженные крестьяне и мѣщане; по извѣстію, сообщаемому современнымъ польскимъ историкомъ (Rudawzki, I, стр. 258), въ этомъ городѣ было 30 т. жителей,— число, по мнѣнію Костомарова, преувеличенное. Богунъ приказалъ полить валы водою; покрывшись льдомъ, они сверкали, какъ стекло, при утреннемъ солнцѣ. На приглашеніе Потоцкаго сдаться и покориться, уманцы, говоритъ современникъ, „показали намъ свое повиновеніе пушечною пальбою“. На другой день осаждавшіе ходили на приступъ, но безуспѣшно. Тогда непріятели начали бросать въ городъ гранаты, но произвести пожаръ имъ не удалось. Козаки покрывали крыши домовъ мокрыми кожами и къ тому же настала сырая погода. Непріятели, однако, овладѣли первымъ валомъ и вступили въ ровъ, но Богунъ сдѣлалъ вылазку и обратилъ въ бѣгство огромную толпу враговъ. Въ это время получено было извѣстіе, что Хмельницкій съ большими силами козаковъ и царской рати идетъ къ Умани отъ Бѣлой-Церкви, съ цѣлью обойти осаждающихъ. Поляки покинули Умань и двинулись подъ Охматовъ на встрѣчу Хмельницкому. Тогда Богунъ выступилъ изъ крѣпости и ночью ударилъ въ тылъ отступавшимъ. Эта внезапность до того поразила непріятелей, что они смѣшались, оставили Хмельницкаго и вступили въ сраженіе съ Богуномъ. Три тысячи жолнѣровъ погибли въ этой сѣчи. Богунъ между тѣмъ съ казаками разрѣзалъ ряды непріятелей и соединился съ Хмельницкимъ [1]).

Послѣ смерти Хмельницкаго слѣдуетъ то печальное время въ исторіи Украины, которое извѣстно подъ именемъ „руины“; особенно тяжело было положеніе той части края, которая лежала на правой сторонѣ Днѣпра, послѣ того какъ въ 1667 г. заключенъ былъ андрусовскій договоръ между Россіей съ Польшей, по которому Малороссія, противъ своего желанія, была

[1]) Ibidem, стр. 190—193.

разорвана на двѣ половины. Обстоятельство это повело къ ужаснымъ смутамъ, терзавшимъ эту страну въ теченіе почти всей второй половины XVII вѣка. Крайнее непостоянство политическихъ симпатій составляетъ одно изъ главныхъ явленій въ жизни Малороссіи въ разсматриваемую эпоху: одни тянули къ Москвѣ и такіе составляли огромное большинство населенія, другіе готовы были поддаться Турціи, иные не прочь были снова примкнуть къ Польшѣ. Отсюда непрерывныя колебанія то въ одну, то въ другую, то въ третью сторону. То же происходило и въ Умани, бывшей въ описываемое время однимъ изъ важныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ Малороссіи на правомъ берегу Днѣпра. Такъ, въ 1664 г. Умань, гдѣ тогда засѣлъ запорожецъ Сацко Туровецъ съ его козаками и отрядомъ царской рати, передалась на сторону Россіи и твердо держалась противъ соединенныхъ силъ правобережнаго гетмана Тетери и его союзниковъ—татаръ и поляковъ [1]), чему не мало, впрочемъ, помогли и хорошія укрѣпленія города. Тетеря долженъ былъ снять осаду. Въ слѣдующемъ году уманцы, предводительствуемые полковникомъ Иваномъ Сербиномъ, вторично отбили нападавшихъ, а потомъ, выступивши изъ Умани, отвоевали много селъ, захваченныхъ подъ свою власть покровителями гетмана Тетери [2]). Въ томъ же году послѣ бѣгства Тетери въ Польшу, когда въ западной Малороссіи открылось поле для честолюбцевъ, искавшихъ гетманской булавы, одинъ изъ козацкихъ предводителей Степанъ Опара хитростью овладѣлъ Уманью и здѣсь, при поддержкѣ татаръ, провозгласилъ себя гетманомъ правобережной Малороссіи [3]). Но противъ Опары выступилъ другой искатель власти — Петръ Дорошенко, бывшій генеральный асаулъ въ войскѣ Тетери; Дорошенко получилъ гетманство тоже при помощи татаръ [4]). Это было въ 1665 году. Съ тѣхъ поръ до 1677 г. исторія южнорусскаго народа главнымъ образомъ вращается около этой личности. Цѣлью всѣхъ стремленій Дорошенка было соединить

[1]) Руина, Н. Костомарова, 1882, стр. 58—69.

[2]) Ibid., стр. 73.

[3]) Ibid., стр. 82.

[4]) Ibid., стр. 87—88.

всю Малороссію подъ властью Россіи; но вслѣдствіе условій андрусовскаго договора, цѣли этой онъ не могъ достичь и поставленъ былъ въ трагическую необходимость дѣйствовать въ одно и то же время и противъ Москвы, и противъ Польши. Кромѣ того, ему приходилось еще вести борьбу и со своими. Такъ, въ 1669 году Запорожье выбрало гетманомъ правобережной Малороссіи Суховіенка, который пригласилъ татаръ и вступилъ во владѣнія Дорошенка. Шесть полковъ, и въ числѣ ихъ уманскій, покорились ему. Обстоятельство это побудило Дорошенка предложить подданство Малороссіи Турціи. По настоянію козаковъ, Суховіенко отказался отъ гетманства, но вслѣдъ затѣмъ гетманская булава досталась уманскому уроженцу и полковнику уманскаго полка Михайлу Ханенку, который въ этомъ званіи былъ утвержденъ Польшей [1]). Такимъ образомъ въ Малороссіи явилось разомъ три гетмана: двое на правой, одинъ на лѣвой сторонѣ. Городъ Умань, бывшій не долго резиденціей Ханенка, нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки то отъ Ханенка къ Дорошенку, то отъ Дорошенка къ Ханенку. Въ 1672 г. Дорошенко, возвращаясь отъ Каменца въ Чигиринъ, шелъ мимо Умани и остановился въ Христиновкѣ. Уманцы, державшіеся Ханенка, собрались на раду и разсудили, что теперь Дорошенко опасенъ для нихъ и что надобно ему поклониться. Послали ему въ гостинецъ „скоромнаго и постнаго провіанта“ и разныхъ напитковъ. Ханенка въ то время не было въ Умани, а его мѣсто занималъ полковникъ Бѣлогрудъ. Онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ духовными и мірянами на поклонъ Дорошенку. Дорошенко принялъ ихъ ласково, но упрекнулъ за то, что они поддались Ханенку и Польшѣ. Въ заключеніе угостилъ депутатовъ обѣдомъ и отправился въ Чигиринъ, а черезъ полторы недѣли потребовалъ въ Чигиринъ нѣкоторыхъ знатныхъ уманскихъ козаковъ и приказалъ ихъ—кого повѣсить, кого разстрѣлять, а жену Ханенкову и Бѣлогрудову прислать въ Чигиринъ. Эти поступки вызвали наконецъ ропотъ среди уманцевъ. Тогда Дорошенко прислалъ въ Умань 2 полка—компанѣйцевъ и серденятъ.

---

[1]) Рунна, стр. 289—291, а также 314.

Гарнизонъ этотъ уманцы должны были содержать на свой счетъ и, сверхъ того, они обязаны были, по распоряженію Дорошенка, снабжать татарскій отрядъ шапками, полушубками и сапогами. Поборы эти въ связи съ безчинствами, которыя позволяли себѣ серденята и компанѣйцы, вызвали въ Уманѣ открытое возстаніе. Дѣло происходило въ 1673 г. на второй день Пасхи. Въ этотъ день былъ обѣдъ, устроенный братствомъ въ Воскресенской церкви; на обѣдѣ присутствовали многіе знатные жители и начальные люди компанѣйцевъ и серденятъ. Во всемъ городѣ много пили по случаю праздника. Когда полковники серденятскій и компанѣйскій возвращались верхомъ съ пира, пьяные стали задирать ихъ на улицѣ оскорбительными словами, а когда они начали отмахиваться нагайками, пьяные бросились на нихъ съ кольями; на помощь полковникамъ явились компанѣйцы и серденята. Ударили въ набатъ. По этому сигналу каждый хваталъ въ руки самопалъ и спѣшилъ на улицу, гдѣ между тѣмъ происходилъ на всѣхъ пунктахъ бой. Весь гарнизонъ Дорошенка былъ истребленъ поголовно. Одинъ изъ полковниковъ былъ убитъ, другаго уманцы отправили въ Чигиринъ къ Дорошенку [1]).

Въ отместку за это Дорошенко въ 1674 году призвалъ на Умань турокъ. Вмѣстѣ съ турками къ Умани прибыли Дорошенковы старшины и стали дѣлать уманцамъ предложеніе сдаться, обѣщая милость. Уманскій полковникъ Яворскій, соблазнившись такимъ обѣщаніемъ, отправился въ турецкій станъ на поклонъ: его объявили плѣннымъ и заковали. Умань осталась безъ начальника. Турки требовали безусловной покорности. По этому требованію въ турецкій станъ прибыли полковые чины, знатнѣйшіе козаки и мѣщане. Турки объявили всѣхъ плѣнными и принялись палить по городу. Уманцы храбро защищались. Тогда турки повели подъ замокъ шанцы отъ Грекова лѣса, насыпали валы вровень съ городскими, палили изъ пушекъ и въ то же время посредствомъ подкопа взорвали часть замковой стѣны. Уманцы заложили проломъ возами, навозомъ, землею... но турки проникли въ городъ подземнымъ ходомъ. Уманцы отчаянно отби-

[1]) Лѣтопись Величка, т. II стр. 332—340.

вались отъ нихъ съ заборовъ, съ кровель жилищъ; кровь лилась потоками, турки умерщвляли всѣхъ. Остатокъ храбрецовъ столпился около городскихъ воротъ, называвшихся Рашевскою брамою, и тамъ они защищались, пока турки всѣхъ не перебили; нѣкоторые заползли въ погребъ; турки натащили туда соломы, зажгли и всѣхъ подушили дымомъ. Есть извѣстіе, что съ козацкихъ старшинъ турки сняли кожу, набили ее соломою и отослали султану, стоявшему подъ Ладыжиномъ. Мѣсто, гдѣ находился турецкій лагерь подъ Уманью, до сихъ поръ называется Туркомъ.—Такъ погибла Умань въ 1674 году. Въ то же время истреблены были Тростянецъ, Маньковка, Малое Полонное и другіе городки и села, а жители ихъ были угнаны въ турецкую неволю [1]).

Съ того времени до конца XVII в. городъ Умань оставался пустымъ. Въ концѣ этого вѣка вся вообще правобережная половина Малороссіи превратилась въ такую же безлюдную пустыню, какою она была въ началѣ XVI ст. Гдѣ прежде были красивые города и села, говоритъ современникъ,—тамъ теперь нельзя было встрѣтить ни человѣческаго жилья, ни человѣческаго лица; только дикіе звѣри скитались по краю, да мѣстами встрѣчались кучи человѣческихъ костей, для которыхъ покровомъ служило одно небо. Такова была въ концѣ XVII в. вся правобережная Малороссія, которую въ началѣ этого столѣтія называли второю обѣтованною землею [2]). Объ Умани до насъ дошло извѣстіе, относящееся къ 1686 году; по свидѣтельству современнаго документа городъ лежалъ въ развалинахъ, жителей въ немъ вовсе не было, на окрестныхъ же поляхъ кочевала татарская орда [3]).

Вслѣдствіе перехода жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, козачество на правомъ его берегу исчезло. Попытка, сдѣланная польскимъ правительствомъ къ возстановленію его здѣсь, не имѣла успѣха, но она произвела въ краѣ новую суматоху. Въ началѣ XVIII в. въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ стали составляться самовольные отряды удальцевъ изъ шляхты и простаго народа,

[1]) Ibidem, стр. 479—480.
[2]) Ibidem, стр. 654—655.
[3]) Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, томъ V, стр. 192.

начавшаго снова переходить изъ-за Днѣпра. Отряды эти, извѣстные въ XVIII в. подъ названіемъ „гайдамаковъ", продолжаютъ старую борьбу съ Польшей, съ цѣлью добиться соединенія праваго берега съ остальной Малороссіей, находившейся уже подъ властью Россіи. Борьба эта сопровождалась такими же безчеловѣчными жестокостями съ обѣихъ сторонъ, какъ и во время гетманства Дорошенка. Поляки, занятые войною съ Швеціей, не могли собраться съ силами для возстановленія порядка въ краѣ. Напуганное междоусобной войною населеніе снова бросилось уходить изъ своей родины—кто въ Молдавію, кто на лѣвый берегъ [1]). При такихъ условіяхъ г. Умань, доставшійся въ началѣ XVIII в. по наслѣдству во владѣніе фамиліи Потоцкихъ, хотя и началъ заселяться вновь, но вообще медленно, задерживаемый въ своемъ развитіи набѣгами гайдамаковъ. Такъ, въ 1737 г., вторгшись въ Умань, они ограбили городъ и мучительски перебили евреевъ [2]). Въ 1750 году 12 ноября, когда въ городъ съѣхалось много шляхты по случаю отпуста, гайдамаки снова напали на Умань, съ цѣлью отомстить Потоцкому за безчеловѣчные поступки начальника надворной его милиціи, Ортинскаго. Ворвавшись неожиданно въ городъ, гайдамаки произвели нѣсколько убійствъ, сожгли нѣсколько домовъ и затѣмъ ушли, угнавши весь принадлежавшій городу скотъ и нѣсколько десятковъ лошадей [3]). Послѣ этого набѣга о гайдамакахъ не было слышно въ Уманщинѣ въ продолженіе безъ малаго 20 лѣтъ, и Умань снова начала оживать. Городомъ въ то время управлялъ поставленный Францишкомъ Потоцкимъ комиссаръ Младановичъ, человѣкъ дѣятельный и энергичный. По его распоряженію, въ Умани снова построенъ былъ замокъ, обнесенный палисадомъ и снабженный тремя воротами; въ воротахъ стояло по двѣ пушки. Для защиты города былъ сформированъ полкъ надворныхъ козаковъ, подъ начальствомъ полковника Обуха, численностію въ 2600 челов.; полкъ этотъ рекрутировался и получалъ содержаніе

[1]) Р. Исторія въ жизнеописаніяхъ, Н. Костомарова, 1876, вып. 6, стр. 795—796 и слѣд.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, часть III, т. III, стр. 266.

[3]) Тамъ же стр. 444—445.

на счетъ мѣстнаго сельскаго населенія. Такіе частные полки, называемые надворной милиціей, или надворными козаками, содержали въ то время многіе изъ богатыхъ владѣльцевъ. Вообще около 1768 г. Умань была лучшимъ, хотя и маленькимъ городкомъ во всей западной Малороссіи: русскіе, турки, армяне и евреи вели въ ней значительную торговлю; 60 поссесоровъ арендовали уманскую волость и постоянно жили въ городѣ, опасаясь оставаться въ деревняхъ, вслѣдствіе частыхъ гайдамацкихъ набѣговъ [1]). Городу было даровано магдебургское право и въ немъ установлена ярмарка съ 24—29 число іюня, на которую, кромѣ мѣстной шляхты, съѣзжались купцы изъ Россіи, Турціи и Крыма; приходили на ярмарку и запорожцы и привозили множество возовъ съ различнаго рода рыбой, солью, сыромъ, вязигой и рыбьимъ жиромъ. Было, кромѣ того, основано въ Умани на счетъ владѣльца базиліанское училище [2]). Вообще это было время все большаго и большаго заселенія Умани и Уманщины. Какъ вдругъ послѣдовала катастрофа 1768 г., кровавыми буквами записанная въ лѣтописяхъ Умани. Пройдемъ молчаніемъ подробности этой кровавой драмы. Замѣтимъ только, что она стоила жизни 15 тысячамъ жителей Умани, не говоря уже о тѣхъ тысячахъ несчастныхъ, которые, послѣ уничтоженія подъ Уманью гайдамацкаго отряда, понесли кару кто мечомъ, кто висѣлицей. Причиною ужасной „Уманской рѣзни“ были все тѣ же печальныя отношенія, сложившіяся въ Малороссіи исторически, въ теченіе предшествовавшихъ двухъ вѣковъ, и если гайдамачество проявилось въ формѣ разбоя и насилія, то не надобно забывать, что само оно было вызвано также насиліемъ.

Катастрофа 1768 г. служитъ какъ бы гранью, отдѣляющею бурный кровавый періодъ въ исторіи Умани отъ новѣйшаго, мирнаго, когда послѣдовало вторичное возстановленіе города и началось спокойное, уже непрерывавшееся его развитіе. Но до какой степени городъ упалъ послѣ 1768 года, это видно, между прочимъ, изъ того, что даже въ самомъ концѣ XVIII в. въ

---

[1]) Записки Вероники Кребсъ, перев. П. М. Ревы, Кіевъ, 1879 г., стр. 16.

[2]) Ibidem.

немъ числилось всего 1415 душъ жителей, въ томъ числѣ 136 д. христіанъ и 1279 чел. евреевъ. Съ цѣлью распространенія среди малорусскаго населенія католической вѣры, на средства владѣльца имѣнія Щенснаго Потоцкаго базиліане построили каменное зданіе для монастыря и при немъ основали 6—классное училище по образцу такихъ же училищъ, существовавшихъ въ то время въ Каневѣ, Клевани, Межиричѣ, Меджибожѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Барѣ [1]). Базиліанское уманское училище привлекало на свои скамьи многочисленныхъ учениковъ изъ шляхетскихъ семействъ всей южной Кіевщины и Подоліи. Когда въ 1827 г. правительство сочло нужнымъ сократить чрезмѣрное число уніатскихъ монастырей, то рѣшено было уманскій монастырь оставить въ виду его численной школы впредь до устройства въ краѣ школьнаго дома на болѣе раціональныхъ основаніяхъ [2]).—О направленіи училища можно сказать то же, что и о всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ юго-западнаго края до 1831 года; это были училища сословныя, дворянскія и въ отношеніи національномъ исключительно польскія. Относительно уманскаго училища назовемъ лишь имена двухъ болѣе извѣстныхъ его воспитанниковъ; это польскій поэтъ Богданъ Залѣсскій и извѣстный полуфанатикъ, полуюродивый, псевдо-историкъ и псевдо-этнографъ Духинскій. Въ 1793 году Умань вмѣстѣ со всей западной Малороссіей присоединена къ Россіи. Въ 1795 г., по желанію Щенснаго Потоцкаго и на его средства, начато устройство Софіевскаго сада, продолжавшееся 10 лѣтъ [3]); въ томъ же году Умань назначена уѣзднымъ городомъ. Въ 1831 году послѣдовало закрытіе базиліанскаго монастыря и училища. Въ 1834 году Умань, вмѣстѣ съ прочими помѣстьями графа Александра Потоцкаго, конфискована и поступила въ казну, а въ 1839 году сдѣлана военнымъ городомъ, главнымъ въ пяти округахъ кіевскаго и подольскаго военнаго поселенія. Въ бытность Умани центромъ военныхъ поселеній положено начало ея внѣшнему благоустрой-

---

[1]) Записки Ив. М. Сбитнева, см. Кіевск. Стар., за апрѣль и май 1887 г.

[2]) Записки литовскаго митрополита Іосифа т. I, стр 464.

[3]) Słownik str. 215.

ству, для чего въ 1842 г. учрежденъ въ немъ строительный комитетъ и назначенъ отъ казны вспомогательный капиталъ въ 15000 р. Изъ этого капитала въ 1849 году разрѣшена выдача бѣднымъ жителямъ Умани безвозвратныхъ пособій на постройку домовъ [1]). Затѣмъ важнѣйшими событіями въ исторіи Умани болѣе близкаго къ намъ времени были: закрытіе военнаго поселенія, основаніе училища садоводства и земледѣлія, перенесеніе въ Умань окружнаго суда, возникновеніе частнаго женскаго училища и, наконецъ, учрежденіе уманской прогимназіи, лѣтомъ 1883 года.

К. И. Т—ій.

[1]) Городскія поселенія въ Россійской имперіи. Спб. 1861, т. 2, стр. 456—461.

Критика.

Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884 г.). Томъ II. Одесса. 1888.

Въ свое время мы давали отчетъ о первомъ томѣ „Трудовъ" одесскаго съѣзда; вслѣдъ за нимъ появился, годъ тому назадъ, третій, заключавшій большое изслѣдованіе проф. Н. П. Кондакова о византійскихъ церквяхъ и труды нѣсколькихъ другихъ лицъ, посвященные почти исключительно древностямъ византійскимъ и сѣверно-русскимъ церковнымъ. Вновь вышедшій второй томъ „Трудовъ" содержитъ въ себѣ рефераты по классическимъ древностямъ, которые занимаютъ большую половину его, и нѣсколько сообщеній по другимъ областямъ археологіи. Укажемъ на статьи, имѣющія отношеніе къ югу Россіи.

На первомъ мѣстѣ стоитъ рефератъ В. И. Модестова „О русскомъ произношеніи и правописаніи греческихъ словъ, особенно въ приложеніи къ собственнымъ именамъ всякаго рода, относящимся къ древне-греческимъ колоніямъ на берегахъ Понта Эвксинскаго". Далѣе слѣдуетъ сообщеніе И. В. Помяловскаго „О танаитскихъ коллегіяхъ".

Потомъ находимъ „Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія", принадлежащія перу одесскаго ученаго В. Н. Юргевича. Ученый референтъ останавливаетъ свое вниманіе на слѣдующихъ географическихъ пунктахъ юга Россіи: 1) древній городъ Тира; авторъ оспариваетъ мысль о мѣстонахожденіи Тиры близъ нынѣшнихъ селъ Коротнаго и Чобручи, повидимому, оставаясь при прежнемъ мнѣніи, которое пріурочиваетъ этотъ городъ къ мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ Аккерманомъ; 2) Евпаторіонъ, помѣщаемый авторомъ на мѣстѣ

теперешняго Инкермана; 3) устье Тилигула, гдѣ нѣкоторые ученые помѣщали древній городъ Одиссосъ; авторъ считаетъ это заключеніе преждевременнымъ и признаетъ необходимымъ произвести раскопки въ указанномъ мѣстѣ; 4) древній городъ Тана; авторъ высказываетъ сомнѣніе въ томъ, что городъ этотъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Азова, и предполагаетъ возможность искать его на самомъ устьѣ Дона.

П. И. Люперсольскій: „О Каллипидахъ у Иродота (IV, 17)"; авторъ держится мнѣнія, что Каллипиды—эллинизированные скиѳы.

В. В. Латышевъ помѣстилъ двѣ статьи: 1) о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Черпаго моря, и 2) о календаряхъ Ольвіи, Тиры и Херсониса таврическаго; они весьма важны для классиковъ и нумизматовъ.

А. М. Подшивалову принадлежитъ статья „Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ".

А. В. Орѣшникову—„Босфоръ Коммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ".

П. Ѳ. Бурачкову—замѣчанія на предъидущую статью.

Хр. Гилю—„О босфорскихъ монетахъ съ монограммами" (изображеніе ихъ здѣсь передано быть не можетъ).

Л. Ф. Бруну (сыну покойнаго одесскаго профессора)—о тирасскихъ монетахъ императора Адріана.—Содержаніе названныхъ изслѣдованій въ общихъ чертахъ передать невозможно, по крайней дробности и фактичности выводовъ

Л. Ф. Воеводскій (одесскій профессоръ) напечаталъ свое сообщеніе „О происхожденіи названія Чернаго моря". Разсмотрѣвъ ходячія и возможныя объясненія названія Чернаго моря, по его мнѣнію несостоятельныя, референтъ показалъ возможность успѣха при рѣшеніи вопроса, если онъ будетъ изслѣдованъ съ точки зрѣнія миѳологической науки.

Сообщеніе И. К. С順учапа (мѣстнаго ученаго) „Опытъ доказательства мѣстонахожденія скиѳскаго укрѣпленія Алектора и Золотаго берега Константина Багрянороднаго"; Алекторъ онъ помѣщаетъ на мѣстѣ нынѣшняго Очакова, а Золотымъ берегомъ считаетъ берегъ бугскаго лимана противъ остатковъ Ольвіи, гдѣ была въ древности богатая рыбная ловля и гдѣ находятъ много золотыхъ древнихъ вещей.

В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ съѣзду записку покойнаго керченскаго археолога Дюбрюкса „Нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи". Гробницы, изслѣдованныя Дюбрюксомъ въ 1816—1818, 1820, 1821, 1826 и 1828 годахъ, раздѣляются на 6 видовъ; одинъ изъ нихъ Дюбрюксъ приписываетъ киммеріянамъ, остальныя содержали остатки греческой культуры.

C. G. Curtis: „De quelle nation étaient ces étrangers venus de la Crimée, qui se présentaient à Busbecq, ambassadeur allemand à Constantinople? (Какой народности были крымскіе выходцы, представлявшіеся Бузбеку, германскому послу въ Константинополѣ?). Бузбекъ былъ посломъ при германскихъ императорахъ Фердинандѣ и Максимиліанѣ (XVI ст.). Въ своихъ донесеніяхъ онъ говоритъ о крымскихъ выходцахъ нѣмецкаго происхожденія, затрудняясь причислить ихъ къ какой либо вѣтви нѣмецкаго народа; онъ приводитъ много словъ изъ ихъ нарѣчія и даже начало ихъ пѣсни. Авторъ сообщенія приходитъ къ тому выводу, что это были потомки варяжскихъ гвардейцевъ, служившихъ византійскимъ императорамъ.

Рефератъ М. Н. Бережкова „Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму". Охарактеризововавъ разныя стороны татарскаго ига, авторъ останавливается на одной, наименѣе изслѣдованной въ наукѣ, именно на тяжести ига въ отношеніи экономическомъ. Сверхъ дани, взимаемой съ покореннаго населенія, татары уводили и людей, въ качествѣ военноплѣнныхъ, рекрутовъ и ремесленниковъ, обращали въ рабство лицъ безсемейныхъ, бобылей и нищихъ. Крымскіе татары пользовались розныю Москвы и Польши и нападали на обоихъ враговъ своихъ. Численность русскихъ плѣнниковъ, уводимыхъ въ Крымъ, была чрезвычайно велика; во время частыхъ набѣговъ татаръ, они уводились тысячами; на нихъ татары охотились въ степи и похищали постоянно и въ одиночку. Въ эпоху, слѣдовавшую за возстаніемъ Хмельницкаго, Малороссія подверглась особенно частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ татаръ; Чигиринъ обратился тогда въ обширный невольничій рынокъ. Постепенно смягчаясь, такое положеніе дѣлъ продолжалось до конца XVIII вѣка, т. е. до присоединенія Крыма, послѣ чего татары практиковали еще нѣкоторое время кражу русскихъ людей. Положеніе русскихъ плѣнниковъ въ Крыму было тяжелое. Не говоря о дурномъ содержаніи, ихъ предавали изнурительнымъ работамъ и истязаніямъ. Положеніе ихъ становилось еще тяжелѣе, когда они попадали на каторги, т. е. на турецкія га-

леры. Главнымъ рынкомъ русскихъ невольниковъ въ Турціи былъ Константинополь. Ежегодно извѣстное число плѣнниковъ и плѣнницъ посылалось изъ Крыма султану въ качествѣ дани. Но иногда онъ и самъ требовалъ доставленія невольниковъ для каторгъ, что побуждало татаръ производить нарочитые набѣги на Русь и на Польшу. Въ Крыму главными невольничьими рынками были Кафа, Карасубазаръ, Евпаторія и Бахчисарай, особенно первый изъ названныхъ городовъ. Часть невольниковъ оставалась въ Крыму, въ услуженіи у своихъ хозяевъ: невольники обрабатывали землю, занимались ремеслами и торговлей, несли всякую хозяйственную службу; встрѣчаются также указанія на осѣдлыхъ плѣнниковъ, имѣвшихъ, повидимому, земельные надѣлы: эти нерѣдко свыкались съ своимъ положеніемъ, забывали родину, вѣру и языкъ. Но, съ другой стороны, вновь прибывавшіе русскіе плѣнники усиливали вновь христіанскій элементъ, поддерживали и сберегали христіанскія святыни, нѣкоторыя изъ коихъ пользовались почитаніемъ и у мусульманъ. Красивѣйшія изъ плѣнницъ, принявъ мусульманство, становились женами и госпожами дома. Почти единственнымъ средствомъ освобожденія плѣнниковъ былъ выкупъ. Выкупъ имѣлъ разныя формы: плѣнника освобождали или родственники, отправлявшіеся для того въ Крымъ, или крымскіе купцы, привозившіе выкупленнаго плѣнника въ Россію, или, наконецъ,—государство, при посредствѣ своихъ пословъ. Въ московскомъ государствѣ выкупъ плѣнныхъ былъ правильно организованъ, и цари московскіе не щадили на него средствъ. Полоняничный сборъ, ежегодно отправляемый въ Крымъ и Турцію на выкупъ русскихъ плѣнныхъ, значительно превышалъ сумму поминокъ, посылаемыхъ крымскому хану. Нерѣдко бывали случаи побѣговъ плѣнниковъ. Наконецъ, козачество оказало весьма важныя услуги дѣлу освобожденія русскихъ плѣнниковъ. Оно вело безпрерывныя войны съ турками и съ татарами въ степи, на морѣ и въ устьяхъ черноморскихъ и азовскихъ рѣкъ, осаждали турецкія крѣпости, предпринимали походы въ Крымъ, громили берега азіатской и европейской Турціи, никогда не забывая своихъ русскихъ братьевъ, томившихся въ неволѣ.

Г. И. Перетятковичъ (одесскій профессоръ) напечаталъ свое сообщеніе: „Малороссіяне въ Оренбургскомъ краѣ при началѣ его заселенія“. Въ дѣлѣ колонизаціи оренбургскаго края малороссіянами толчкомъ послужило успѣшное заселеніе ими Илецкаго городка. Мысль о малороссійской колонизаціи, удачно осуществленная при

Татищевѣ, возникла раньше; малороссіянъ, какъ колонизаторовъ, авторъ признаетъ не ниже великоруссовъ, а неуспѣшность дальнѣйшей колонизаціи малороссіянами оренбургскаго края приписываетъ неумѣлости руководителей.

За сообщеніемъ г. Перетятковича помѣщенъ рефератъ другаго одесскаго историка, А. И. Маркевича, подъ заглавіемъ „Одесса въ народной поэзіи". Установивъ сначала ту точку зрѣнія, что Одесса—городъ по преимуществу малорусскій, точно также какъ и другія поселенія новороссійскаго края, авторъ затѣмъ переходитъ собственно къ развитію своей темы. Одесса служила цѣлью поѣздокъ чумаковъ за солью и хурщиковъ для перевозки ея товаровъ; туда направлялись бѣглые крѣпостные крестьяне. „Городъ Одесса—веселый, можно тутъ не только покутить, но и совсѣмъ прокутиться, можно даже свихнуться и погибнуть, или стать разбойникомъ". Но простаго человѣка привлекала въ Одессу надежда разбогатѣть, стать паномъ. Вотъ тѣ основныя черты, въ которыхъ рисуется Одесса въ южнорусской поэзіи.

Настоящій томъ заключенъ сообщеніемъ недавно скончавшагося Я. Ѳ. Головацкаго „Объ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи", въ сопровожденіи его краткаго некролога, написаннаго А. А. Кочубинскимъ.

В. Ястребовъ.

Украинскіе народные разсказы на французскомъ языкѣ.

Въ майской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1888 годъ помѣщена замѣтка г. Горленка „Украинскія легенды во французскомъ журналѣ",—по поводу появленія украинскихъ легендъ изъ собранія М. Драгоманова въ „*Revue des traditions populaires*" въ переводѣ г. Энса (Hins).

Это обстоятельство навело насъ на мысль сдѣлать библіографическій обзоръ попытокъ передачи на французскій языкъ украинскихъ народныхъ разсказовъ. Считаемъ нужнымъ впрочемъ оговориться, что мы не имѣемъ претензіи исчерпать весь матеріалъ. Кажется, первый опытъ изложенія украинскихъ легендъ на французскомъ языкѣ принадлежитъ поляку *А. Ходзку*, извѣстному оріенталисту, до недавняго времени профессору славянскихъ литературъ въ Collège de France; сдѣлано это въ книгѣ Contes des paysans et des

pâtres Slaves. Paris 1864. Книга эта стала теперь библіографической рѣдкостью[1]). Мы ея теперь не имѣемъ подъ рукою, а потому и не можемъ сказать, какіе собственно украинскіе разсказы тамъ переведены.

Въ 1882 г. пр. Louis Leger, хорошо извѣстный русской публикѣ, помѣстилъ въ свою книгу *Recueil de contes populaires slaves*, которая составляетъ томикъ въ *Collection de contes et chansons populaires*, издаваемой фирмой Leroux, — переводъ двухъ сказокъ изъ сборника Рудченка „Бідный вовкъ“ (Le loup vigaud) и „Чоловикъ и лыха жинка“ (La bavarde). Переводъ не дословный, но довольно близкій. Женевскій профессоръ сравнительной литературы, романистъ и поэтъ Маркъ Монье (Monnier) напечаталъ въ книжкѣ *Récits et monologues* стихотворное изложеніе двухъ легендъ изъ сборника г. Драгоманова, по подстрочному переводу, доставленному ему однимъ украинцемъ.

Въ 1883 г. г-нъ Энсъ (Eugène Hins), жившій 8 лѣтъ въ Россіи воспитателемъ, а теперь состоящій профессоромъ классическихъ языковъ въ королевскомъ Атенеѣ въ Шарлруа (Atheneé Royal de Charleroi) въ Бельгіи, издалъ книгу *La Russie devoilèe au moyen de la littérature populaire. L'épopée animale* (Paris, Beullière et Messager). Въ предисловіи г. Энсъ говоритъ и о малорусскомъ языкѣ, его границахъ (пропуская впрочемъ венгерскую Русь) и литературѣ, высказывая послѣдней свое полное сочувствіе, вмѣстѣ съ надеждой на ея дальнѣйшее развитіе. Въ самой книгѣ онъ даетъ переводъ нѣсколькихъ сказокъ изъ сборниковъ Аѳанасьева и Рудченка: Лисичка и курочка (p. 29), Животныя въ ямѣ (медвидь, вовкъ, лисичка та заець, p. 41), Видный вовкъ (le loup pauvre, p. 48), Лисичка сестричка (p. 65), Коза-Дереза (La chèvre écorchée, p. 116), Вьюнъ и Щука (p. 163), Два товарища (Кинь и Пакинь, p. 164).

Въ 1885—1886 гг. нѣсколько украинскихъ разсказовъ было переведено и срезюмировано г. Драгомановымъ въ *Mélusine*, парижскомъ журналѣ, спеціально посвященномъ народной словесности, быту и вѣрованіямъ.

Наконецъ, какъ уже извѣстно читателямъ „К. Ст.“, въ 1887 г. г. Энсъ (который, замѣтимъ, успѣлъ передъ тѣмъ напечатать пере-

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пр. Ходзко издалъ книгу переводовъ украинскихъ историческихъ пѣсенъ и думъ по сборнику гг. Антоновича и Драгоманова, но прибавилъ къ нимъ пѣсни латышскія и большую дозу старомоднаго польскаго патріотизма.

водъ *Катерины* Шевченка—прозою, - и *Сорочинской ярмарки* Гоголя, началъ печатать въ *Revue des Traditions populaires* переводъ украинскихъ легендъ (*Legendes chretiennes de l'Oukraïne*). Переводъ г. Энса довольно точенъ, но слабую сторону труда его составляютъ объясненія. Въ книгѣ своей г. Энсъ держится старой точки зрѣнія на европейскую народную словесность,—видя въ ней произведенія мѣстной почвы или остатокъ арійской древности. Въ примѣчаніяхъ къ легендамъ, впрочемъ короткихъ, г. Энсъ нѣсколько подвинулся къ идеямъ исторической школы, но все таки считаетъ за спеціально украинское то, что явно зашло изъ еврейскихъ, мусульманскихъ и даже индійскихъ преданій, какъ легенды о Соломонѣ, столь прекрасно разъясненныхъ и на русскомъ языкѣ академикомъ А. Веселовскимъ.

Да будетъ намъ позволено сказать здѣсь, что г. Горленко, по нашему мнѣнію, еще болѣе г. Энса удаляется отъ правильнаго мнѣнія о легендахъ, переведенныхъ бельгійскимъ профессоромъ, когда видитъ въ нихъ только „фантазіи народа на библейскія темы въ духѣ своихъ понятій и представленій",—фантазіи, какъ слѣдуетъ понимать по дальнѣйшимъ словамъ г. Горленка, „самостоятельныя", и когда онъ нападаетъ на историческое направленіе въ изслѣдованіи народнаго быта, словесности и вѣрованій,—въ слѣдующихъ словахъ:

„Теперь господствуетъ сравнительная теорія, изыскивающая у народовъ преемственность идей и представленій. Но недалеко, конечно, время, когда насытившись сближеніями и исканіями *сходства*, адепты сравнительнаго метода обратятся къ пунктамъ *различія* и, достаточно убѣдивши себя въ общности нѣкоторыхъ человѣческихъ чертъ (другіе въ этомъ и не сомнѣваются), умѣрятъ свои головоломныя экскурсіи по лицу земнаго шара".

Во первыхъ „*духъ* народныхъ понятій и представленій", если онъ и существуетъ въ дѣйствительности, не представляетъ, какъ и все на свѣтѣ, чего нибудь неподвижнаго и изолированнаго, ни даже однороднаго, а во вторыхъ адепты сравнительнаго метода не только имѣютъ цѣлью убѣдить себя (!) въ общности нѣкоторыхъ (!) человѣческихъ чертъ, но и въ прямомъ *заимствованіи однимъ народомъ отъ другаго*,—заимствованіи, которое, (какъ это имѣетъ мѣсто, напр., по отношенію къ легендамъ Соломоновскаго круга) доказывается документально анализомъ и общаго основанія, и частностей данныхъ легендъ. А во вторыхъ, по крайней мѣрѣ многіе, если не

всѣ изъ упомянутыхъ адептовъ всегда имѣли въ виду указывать не только *сходство*, но и *различіе* въ изслѣдуемомъ ими матеріалѣ разныхъ народовъ. Но для того, чтобъ установить прочно это *различіе*, надо именно еще „много сдѣлать экскурсій по лицу земнаго шара". Къ тому же спеціально въ области украинской этнографіи протестъ противъ историческаго направленія и сравнительнаго метода кажется намъ еще во всякомъ случаѣ преждевременнымъ, такъ какъ въ этой области еще всецѣло царствуютъ идеи старыхъ школъ.— Но возвратимся къ переводамъ украинскихъ разсказовъ на французскій языкъ.

Уже послѣ напечатанія замѣтки г. Горленка, въ *Revue des traditions papulaires* появилось продолженіе перевода г. Энса,—Легенды новозавѣтныя; пока появилось только *Христосъ въ ясляхъ* (Быки и кони), *Конецъ свѣта и страшный судъ* и одна изъ легендъ *о хожденіи по міру Христа съ святыми*, да въ примѣчаніи *о волкахъ и святомъ Юріи* и о томъ, *кому быть богомъ?* Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ пропустилъ легенды и вѣрованія, помѣщенныя въ первомъ отдѣлѣ сборника, изъ котораго онъ переводитъ: о сотвореніи горъ, лѣсовъ, животныхъ и растеній богомъ и чортомъ, о собакѣ при сотвореніи человѣка, о первоначальной пшеницѣ и о происхожденіи разныхъ животныхъ и растеній (свинья, медвѣдь, черепаха и пр.), объ изобрѣтеніи водки и т. д. По всей вѣроятности, его сбила классификація г. Драгоманова, который, очевидно, уступая идеямъ старой почвенной школы, помѣстилъ эти легенды въ отдѣлъ I „объективныхъ наблюденій народа надъ природой", тогда какъ имъ всѣмъ почти скорѣе мѣсто въ отдѣлѣ VIII, куда внесены легенды „библейско-христіанскаго происхожденія".— Нѣкоторыхъ изъ этихъ легендъ касается г. Сумцовъ въ своей работѣ объ апокрифическихъ сказаніяхъ въ южно-русской народной словесности, напечатанной въ прошлогодней „Кіевской Старинѣ",— но коснулся только слегка. При томъ же г. Сумцовъ во всей своей работѣ ограничилъ свое сравненіе южно-русской народной словесности съ печатными славянскими апокрифами, а не привлекъ къ сравненію всѣхъ библейско-евангельскихъ апокрифовъ восточныхъ (изданныхъ теперь въ переводахъ на латинскій и даже на новые языки), греческихъ и латинскихъ, а также преданій еврейскихъ и мусульманскихъ о библейско-христіанскихъ лицахъ и событіяхъ. А между тѣмъ одно сравненіе съ малорусскими разсказами напр. латинскаго, татарско-богумильскаго евангелія св. Іоанна (Liber S. Ioannis) или

евангелія о дѣтствѣ Христа (Evangelium Infantiae arabicum у Thilo, Codex Apocryphus N. Testamenti), да хоть тѣхъ мусульманскихъ и раббиническихъ разсказовъ, которые собраны были еще Вейлемъ (Weil, Biblische Legenden der Muselmanner),—могло бы навести на интересныя соображенія. Мы думаемъ, что теперь уже наступило время и для постановки вопроса о томъ, что такое сами письменные апокрифы, въ какихъ они находятся отношеніяхъ къ вѣрованіямъ не только народнымъ въ странахъ христіанскихъ, (что̀ заимствовала устная словесность изъ письменныхъ апокрифовъ и наоборотъ), но и къ вѣрованіямъ болѣе древнихъ народовъ, не только евреевъ (Талмудъ и пр.), но и египтянъ, вавилонянъ, персовъ, индусовъ и др., а также къ народной словесности на Востокѣ, особенно въ передней Азіи. Уже и теперь, при нѣсколько болѣе обширномъ сравненіи, чѣмъ то, которое обыкновенно дѣлается, можно утверждать, что ни оффиціальная религіозная литература, ни писанные апокрифы, а особенно славянскіе, вовсе не были исключительными проводниками извѣстныхъ религіозныхъ (космогоническихъ и этическихъ) идей, которыя шли съ Востока въ сознаніе и словесность европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и нашего, а что рядомъ съ этими двумя руслами шло, быть можетъ, даже болѣе широкое теченіе устное и отчасти художественное (при помощи скульптуры, орнаментики, живописи). Оно то занесло къ европейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и къ нашему, цѣлую массу восточныхъ идей и образовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, если ужъ говорить спеціально объ апокрифахъ, попали изъ разныхъ каналовъ этого теченія и въ позднѣйшія писанія апокрифическія и даже оффиціально церковныя. Въ виду этого и желательно было бы возможно полное изданіе въ переводахъ на западно-европейскіе языки нашихъ народныхъ вѣрованій и разсказовъ, такъ какъ оно вдвинуло бы этотъ матеріалъ въ число предметовъ изслѣдованія западно-европейскихъ ученыхъ, если уже нашимъ ученымъ недосугъ подвергнуть его всестороннему изученію.

Между прочимъ очень жаль, что г. Энсъ далъ переводъ только одного изъ четырехъ варіантовъ разсказа о путешествіи святыхъ, которые помѣщены у г. Драгоманова подъ №№ 18 и 19. Эта группа легендъ представляетъ украинскую обработку той темы (о мудрости Промысла), которая между прочимъ составляетъ предметъ эпизода l'ange et l' ermite въ Вольтеровскомъ романѣ *Zadig*. Разсказамъ на эту тему посвятилъ недавно небольшое изслѣдованіе (впредь до обнародованія болѣе полнаго) парижскій профессоръ Gaston Paris

(перепечатано и въ сборникъ статей его *Sa poésie du moyen âge*), статья котораго своимъ изяществомъ обратила на себя вниманіе и „большой публики", а въ спеціальной вызвала интересныя дополненія гебраиста Леви въ Revue des Etudes juives 1884, Janvier—Mars, 64—74, и Avril—Juin, 202—205; г. Леви стоитъ за арабское происхожденіе данной легенды, помѣщенной въ Коранѣ, гл. 18, тогда какъ г. Парисъ признаетъ еврейскую редакцію ее за болѣе древнюю. Любопытно, что украинскіе варіанты ближе къ еврейскому какъ въ подробностяхъ о коровѣ, которую Богъ позволяетъ—отнять у бѣднаго человѣка (подробность, которая изъ всѣхъ западно европейскихъ варіантовъ пока усмотрѣна только въ исландскомъ, у H. Gering, Islendzk Aerentyri, № C,—что говоритъ о ея древности, не восходящей однако за христіанское время), такъ и въ томъ, что три украинскіе варіанта оканчиваются картиною рая, т. е. что эти варіанты слили въ одинъ два разсказа, изложенные еврейскимъ писателемъ Р. Ниссимомъ, имѣвшимъ въ виду доказазать премудрость и справедливость Промысла, при кажущемся вопіющемъ безпорядкѣ и неправдѣ въ житейскихъ явленіяхъ. Полный переводъ украинскихъ легендъ, которыя, несмотря на крестьянскія наивности и мѣстами путаницу въ передачѣ разсказа, первоначально составленнаго глубокомысленными казуистами восточныхъ деистически-фаталистическихъ религій, заключаютъ въ себѣ столько старинныхъ чертъ, былъ бы очень полезенъ для ученаго, который бы занялся полною исторіей сложенія и распространенія такихъ разсказовъ въ Азіи и Европѣ.

Оставляя работу г. Энса, сообщимъ, что и г. Сиклеръ (Sichler) живописецъ, который родился въ Россіи и далъ уже переводъ десятковъ 2—3-хъ великорусскихъ сказокъ (Contes populaires russes, съ иллюстраціями) и курсъ исторіи русской литературы,—(не вездѣ удачный, но съ многими выдержками), объявилъ о приготовленіи имъ перевода великорусскихъ и украинскихъ легендъ. Это изданіе будетъ необходимо и для славянъ, т. к. ни собранія Русскихъ народныхъ легендъ Аѳанасьева, ни Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ, изданныхъ кіевскимъ географ. обществомъ, теперь нѣтъ въ продажѣ, и переизданія ихъ въ оригиналѣ въ скоромъ времени не предвидится.

П. К—ій.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ познакомить южно-русскую публику съ образцемъ того, какъ выглядятъ украинскія ле-

генды (изъ коихъ одна,—о *гориллѣ* самостоятельная, по крайней мѣрѣ на три четверти) въ французской стихотворной обработкѣ, и даемъ здѣсь изъ упомянутой книги Marc Monnier

La création du monde.

Légende ukranienne.

Aux premiers temps où tout n'etait que mer et ciel,
Dieu fit venir à lui, voulant créer le monde,
L'archange le plus grand de tous, Sataniel.
Alors, l'ayant conduit au bord de l'eau profonde
Et noire comme un gouffre, il éleva la voix
Et dit:
„Vois—tu ce gouffre?
—Oui, Seigneur, je le vois.
– Plonge et va jusqu'au fond, remplis ta main de sable
Que tu m'apporteras, mais dis en le prenant
Que tu le prends au nom de Dieu. Va maintenant.
Sataniel plongea dans le gouffre insondable,
Mais il dit en ouvrant la main: Je prends ce sable
Au nom de Dieu d'abord, puis je le prends au mien".
Soudain l'eau de la mer emporta la poignée
De sable, et quand l'archange, ouvrant sa main baignée,
La tendit au Seigneur, il n'y restait plus rien.
Dieu murmura le frond sillonné d'une ride:
„Redescends l'eau sombre et fais ce que j'ai dit".
Sataniel au fond de l'eau redescendit,
Fit encore à sa tête et revint la main vide;
Mais Dieu qui n'aime pas qu'on résiste a ses lois
L'envoya dans le gouffre une troisième fois.
Sataniel chercha du sable au fond de l'onde
Et quand il en eut pris au nom seul du bon Dieu
Hors de l'eau dans sa bouche il en mit quelque peu.
„Je verrai, pensa-t-il, comment Dieu fait son monde
Et je saurai m'en faire un qui sera mon nid."
Le bon Dieu modela la terre et la bénit.
On la vit aussitôt d'une manière étrange
Grossir; en même temps, Sataniel sentait
Le sable se gonfler dans sa bouche d'archange;
Sa joue était bouffie et sa lèvre éclatait.
Comme il eût, en crachant, découvert sa malice,
Jl râlait, ecumait, roulait des yeux ardents,
Souffrait plus qu'un damné sans desserres les dents.

„Crache“, dit le Seigneur, touché de son supplice.
Partout où cracha l'ange, un grand mont décharné
Surgit, plein de rocher qui nous font perdre l'haleine,
Sans lui le monde entier ne serait qu'une plaine.
Et voilà, mes enfants, comment le monde est né.

L'eau-de-Vie.

Fabliau ukranien.

Vous, buveurs d'eau-de-vie, ivrognes
Aux yeux hagards, aux rouges trognes,
Divinez quel mauvais garçon
Imagina cette boisson.
C'est, pensez vous, un pauvre sire
Ayant soif et voulant occire,
Par ce feu qu'il but à longs traits,
Lui d'abord et vous tous après?
Mais point. L'inventeur effroyable.
Du fléau, ce fut qui? Le Diable
Dans un temps si vieux que, ma foi,
Nul ne l'a vu, ni vous ni moi,
La soif était vite assourie,
Les gens vivaient sans eau-de-vie,
Tous en paix en santé;
Seul le diable en fut tourmenté:
Aussi mit il son industrie
A trouver quelque diablerie
Contre l'homme, heureux animal
Dont le bonheur lui faisait mal,
Et grattant sa tête sauvage:
„Inventons, dit-il, un breuvage
Qui detruise le genre humain
Car je veux l'avoir sous ma main,
Pour mon enfer je le recrute:
Il sera semblable à la brute.
Et fera, gorgé de liqueur,
Le mal qui rejouit mon coeur“.
Cela dit, le Diable avec rage,
Commençant aussitôt l'ouvrage,
Fit un bûcher, y mit le feu;
La fumée alla jusqu'à Dieu.

Le Seigneur était dans sa gloire
Et tous les saints du Consistoire
L'environnaient au firmament.
„Il fume ici terriblement,
Dit-il.
—Nous sentons la fumée,
Répondit la céleste armée;
Mais d'où vient-elle? On ne voit pas.
—Vous, Saint Pierre, allez de ce pas,
Dit le Père, et, courant l'espace,
Voyez un peu ce qui s'y passe".
Saint Pierre, ayant mis son manteau
Quitta le ciel et subito
Vit sur la terrestre limite
Le Diable chauffant sa marmite:
„Que fais-tu là, vieux polisson?
—Je fais pour l'homme une boisson:
N'ayant que de l'eau sur la table,
Il en boit trop.
—Est-ce potable?
—C'est excellent, fit le Maudit:
Goûtes-en, si le coeur t'en dit".
Le saint qui s'en passa l'euvie
N'ayant jamais bu de sa vie,
S'endormit du loup, et si fort
Que les passants le croyaient mort.
Le Diable reprit de plus belle
Sa besogne; une ribambelle
De pauvres fous venaient en coeur
Gueuser un peu de sa liqueur;
La fumée encore plus noire
Monteait jusqu'au trône de gloire,
Et les saints se frottant les yeux
Eternuaient à qui mieux mieux.
Le Seigneur dit:
„Il fume encore.
Où donc est Saint Pierre?
—On l'ignore.
—Saint Paul, allez donc voir un peu
Ce qu'il fait. Dit le Seigneur Dieu.
Saint Paul descendit comme l'autre
Et surprit son collègue apôtre

Couché de son long, dormant
Tous près du feu profondément.

—„Qu'a donc Saint Pierre?
—Il fait sa sieste,
Dit le Diable; il est vieux du reste
Et vite ereinté, courbatu.
—„Mais-toi, dit Saint Paul, que fais-tu?
—Une boisson.
Est-le bon?
—Goûte.
Pour en boire une seule goutte
Les hommes se battent là-bas".

Saint Paul but, fit un pas, deux pas,
Et sentant comme un fere qui flambe
Au cou, du plomb dans chaque jambe,
Tremblant, titubant l'oeil éteint,
Il tomba près de l'autre Saint.

La voûte du ciel embrumée
Se remplit encore de fumée;
On toussait là-haut comme ici,
Et Dieu le Père ayant aussi
Des picotements dans la gorge
Dit à son cosaque saint George:
—„Va, mon brave, et cherche partout
Saint Pierre et Saint Paul, mais surtout
Plus de fumée, ou dare dare
J'y descends moi-méme: alors gare!"

Saint George ne badine point,
Aussi prit-il sa lance au poing
Ceignit l'épée et sur la terre
Tomba comme un coup de tonnerre:
Il y vit de quoi se facher.

—„Hein? Comment? Quel est ce bûcher?
Cria-t-il au diable avec rage:
C'est ce maraud qui nous outrage?
Nous veut-il avec ses charbons
Enfumer comme des jambons?
Viens çà, pendard, qu'on te terrasse!
Si ton do sa perdu la trace
Des coups de pied qu'il a reçus
J'en mettrai d'autre par dessus".

Il allait brandir sa rapière,
Quand il vit Saint Paul et Saint Pierre
Qui, tout près du bûcher fumant
Darmaient imperturtablement.
Il chatouilla leur indolence
Avec la hampe de sa lance:
Le bon Saint Pierre s'eveilla
Le premier, s'étira, bailla,
Disant:
„Mon manteau des Dimanches
Est brûlé preçque jusqu'aux manches!
Triste boisson et mauvais jeu!
L'eau-de-vie est une eau de feu:
Ah! mes amis vive l'eau claire!"
Sur quoi les trois Saints en colère
Tombèrent à grand coup de pied
Sur le demon estropié
Qui s'esquiva, hargneux et rogue,
Il a donc payé cher ca drogue,
Mais n'en est pas moins satisfait
Voyant le mal qu'elle nous fait.

Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. В. Д. Бублика.

Хорошо изданная книжечка содержитъ въ себѣ довольно толковыя свѣдѣнія для пріѣзжихъ, весьма полезныя для пріѣзжающихъ въ Кіевъ и выѣзжающихъ изъ него, затѣмъ слѣдуетъ описаніе кіевскихъ достопримѣчательностей съ краткимъ историческимъ очеркомъ древностей, наконецъ—справочный (самый большій) отдѣлъ, который, впрочемъ, можно найти и въ кіевскихъ календаряхъ. Историческій очеркъ представляетъ довольно удачную компиляцію изъ статей о судьбахъ кіевскихъ древностей. Изложеніе этихъ статей часто переходитъ въ простую переписку (наприм. въ описаніи Кирилловск. ц. изъ статьи Прахова о кирилловскихъ фрескахъ). Но и при такомъ способѣ работы встрѣчаются ошибки въ родѣ того, что авторъ приписываетъ постройку церкви Спаса на Берестовѣ Владиміру святому (ст. 54), упоминаніе о постройкѣ деревянной церкви св. Михаила въ Выдобичахъ, будто бы сооруженной въ концѣ X в. первымъ русскимъ митрополитомъ Михаиломъ, а затѣмъ возобновленной въ концѣ XI в. Всеволодомъ Ярославичемъ—также невѣрно

(стр. 99); первое точное извѣстіе объ этой церкви сохранилось въ Лаврентьев. лѣтописи подъ 1070 г., а годъ освященія церкви митрополитомъ Іоанномъ II—1088-й. Есть и другія неточности. Любопытно также выраженіе составителя книжки о населеніи Кіева: „преобладающимъ элементомъ населенія являются русскіе *(съ малороссами)* болѣе 85%..." (стр. 26).

Но, несмотря на нѣкоторые промахи, путеводитель по Кіеву г. Бублика представляетъ одну изъ лучшихъ справочныхъ книжекъ для человѣка, незнакомаго съ Кіевомъ и его достопримѣчательностями.

И. Ж.

С. Р. Кіевъ и его прошлое. Херсонъ 1888 г. 61 стр. ц. 30 к.

Этотъ разсказъ о судьбѣ Кіева отъ доисторическихъ временъ до настоящаго времени написанъ хорошимъ языкомъ и чрезвычайно популярно, не загроможденъ балластомъ годовъ и именъ, что затрудняло бы память средняго читателя и нарушало чисто разговорный тонъ повѣствованія. Конечно, книжка не разсчитана на человѣка, ищущаго точнаго серьезнаго знанія, но ея сила—въ прекрасномъ живомъ изложеніи событій прошлаго, долгаго и шумнаго періода жизни Кіева—города, который являлся всегда сосредоточіемъ южной Руси. Настроеніе автора мягкое и честное проглядываетъ всюду и освѣщаетъ разсказъ хорошими, чистыми мыслями. Заслуга автора въ томъ, что онъ сумѣлъ очень удачно сконцентрировать и хорошо разсказать всѣ данныя о судьбахъ стариннаго города за тысячелѣтній періодъ его существованія—задача нелегкая. Правда, мѣстами мы наталкиваемся на смѣлыя фразы въ родѣ: „въ Кіевѣ уже въ первые вѣка послѣ Рождества Христова былъ князь" (ст. 10), „Запорожцы жили въ куреняхъ по 150 человѣкъ въ каждомъ" (ст. 47), или на неудачныя выраженія, напримѣръ: „если не было въ семьѣ старшаго мущины, ею управляла старшая въ семьѣ женщина. Но по смерти мужа жена сжигалась вмѣстѣ съ нимъ" (ст. 12). Описывая видъ Кіева съ днѣпровской пристани, авторъ говоритъ: „*за* этой церковью (Андрея Первозваннаго) возвышаются купола Златоверхаго Михайловскаго монастыря, *за* нимъ Софійскій возноситъ къ небу свою высокую бѣлую колокольню" (ст. 57). Это *за* сомнительно. Авторъ нѣсколько поспѣшилъ, сообщая объ открытіи въ 1888 году собора св. Владиміра и т. п. Но при всемъ томъ книжечка С. Р. чрезвычайно хоро-

ша для читателя, мало сознающаго историческія судьбы своего города. А такихъ людей не мало среди кіевлянъ. Открытіе памятника Богдану Хмельницкому и 900-лѣтній юбилей крещенія Руси возбуждаютъ широкій интересъ къ прошлому города. Первое чтеніе въ этомъ случаѣ—брошюра „Кіевъ и его прошлое" С. Р., такъ прекрасно окончившаго разсказъ о нашемъ городѣ: „Кіевъ, единственный изъ всѣхъ русскихъ городовъ, интересуетъ приходящихъ въ него издалека не столько богатствами, науками и искусствами, сколько воспоминаніями (sic!) о людяхъ высокой нравственности."

И. Ж.

Православіе на Западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ (?) представителяхъ, или Патерикъ волыно-почаевскій, въ двухъ частяхъ, съ изображеніями св. угодниковъ Волынскихъ, чудотворной иконы Божіей Матери Почаевской, видомъ Лавры Почаевской и пр. Протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго (съ портретомъ автора). Издано въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія церковно-литературной дѣятельности автора. Москва. 1888.

Классикамъ хорошо извѣстно, что о мѣстѣ рожденія Гомера спорили многіе греческіе города. Древніе литовскіе магнаты старались вывесть свой родъ отъ римскихъ императоровъ. Даже гуси, по словамъ незабвеннаго И. А. Крылова, хвастались тѣмъ, что ихъ предки Римъ спасли. Чѣмъ незамѣтнѣе потомки славныхъ людей, тѣмъ болѣе выставляютъ они свое происхожденіе отъ знаменитыхъ предковъ, требуя къ себѣ изъ за одного только имени, того уваженія, котораго эти предки заслужили дѣлами. И не только потомки стараются возвеличиться предками, даже земляки знаменитыхъ людей убѣждены, что лучи славы послѣднихъ освѣщаютъ собственные ихъ темные лики. Подобная родовая и мѣстная гордость имѣетъ, пожалуй, и свою хорошую сторону, если постоянная память о величіи предковъ заставляетъ потомковъ соревновать славѣ первыхъ; къ сожалѣнію, это бываетъ очень рѣдко, гораздо чаще на славу предковъ смотрятъ, какъ на законный наслѣдственный капиталъ, и пользуются имъ, какъ благопріобрѣтеннымъ. Это чувство родовой и мѣстной гордости имѣетъ для историка часто весьма непріятныя послѣдствія. Желаніе возвеличить свой родъ или свою родину заставляетъ часто потомковъ пріурочить къ своимъ предкамъ какъ можно болѣе знаменитыхъ историческихъ дѣятелей. Польскіе и литовскіе магнаты

въ своихъ генеалогіяхъ напрашиваются въ родство и къ королямъ польскимъ, и къ князьямъ русскимъ и литовскимъ, и къ самимъ императорамъ западнымъ, начиная съ римскихъ. Поэтому то въ польско-литовскихъ гербаріяхъ (родословникахъ) находимъ такую путаницу, изъ которой часто невозможно бываетъ выбраться.

Да проститъ намъ читатель столь длинное отступленіе (едва ли, впрочемъ, длиннѣе заглавія книги о. Хойнацкаго), но всѣ эти мысли невольно рождаются при чтеніи волынскаго Патерика о. Хойнацкаго. Имѣя предъ собою вполнѣ опредѣленную задачу—составить патерикъ *волынскихъ* святыхъ, о. Хойнацкій почему то включилъ въ число *волынскихъ* угодниковъ не только волынцевъ по происхожденію или по крайней мѣрѣ такихъ святыхъ, дѣятельность которыхъ протекла главнымъ образомъ на Волыни, но и лицъ, только проѣзжавшихъ черезъ Волынь или даже просто только думавшихъ о Волыни.

Вотъ, напр., св. Варлаамъ, игуменъ Кіево-Печерской лавры, сынъ воеводы кіевскаго Яна Вышаты. Отправившись путешестовать на Востокъ, онъ на возвратномъ пути дошелъ до Владиміра, заболѣлъ здѣсь и умеръ. О. Хойнацкій на основаніи сего послѣдняго обстоятельства не замедлилъ произвести Варлаама въ *волынскіе* святые. Въ числѣ *волынскихъ* святыхъ находимъ въ разбираемомъ Патерикѣ Ольгу и Владиміра, ибо они посѣщали и устроили Волынь. Но тогда Ольгу и Владиміра съ такимъ же правомъ можно считать и новгородскими, и черниговскими, и смоленскими святыми, ибо эти области они также посѣщали и устроили. Препод. Лѣтописецъ Несторъ попалъ тоже въ число волынскихъ святыхъ, ибо въ его лѣтописи есть не мало свѣдѣній о Волыни (это все равно, какъ считать Карамзина за историка волынскаго); при томъ, по мнѣнію автора, преп. Несторъ посѣщалъ Волынь частью съ цѣлью историко-археологической—для ознакомленія съ исторіей и историческими памятниками края, частью какъ ревизоръ-инспекторъ мѣстныхъ народныхъ училищъ (которыя, по мнѣнію о. Хойнацкаго „были самыя замѣчательнѣйшія и общирнѣйшія" (?). Относительно послѣдняго обстоятельства замѣтимъ почтенному автору, что онъ съ малымъ вниманіемъ прочиталъ относящееся къ сему мѣсто лѣтописи. Разсказъ объ ослѣпленіи Василька представляетъ собою отдѣльный отрывокъ, вставленный въ лѣтопись. Авторъ этого отрывка самъ себя именуетъ *Василіемъ* (Давидъ говоритъ автору, посылая его къ Васильку: „да се *Василю*, шлю тя, ѣди к Василкови"... (Ип. 173).

Не можемъ не указать также на далеко неудачную передачу авторомъ лѣтописной рѣчи. Сжатый, сильный и образный языкъ лѣ-

тописи получаетъ въ переводѣ о. Хойнацкаго слащаво-сантиментальный оттѣнокъ. Послушайте, напр., какъ переговаривается кн. Ольга съ древлянами. Послѣдніе выражаются у г. Хойнацкаго не хуже современныхъ пословъ, Ольга отвѣчаетъ въ такихъ изысканныхъ выраженіяхъ, точно получила воспитаніе гдѣ нибудь въ салонѣ 18-го вѣка. „Наши князья, говорятъ древлянскіе послы, стараются устроить землю и водворить всеобщее довольство. Пославшій же нашъ правитель лучше всѣхъ: онъ кротокъ, милостивъ и къ тому еще молодъ и миловиденъ собою (?). Чтобы тебѣ пойти замужъ за него? Ты была бы госпожею не только надъ Русью, но и надъ нами, надъ нашею древлянскою землею". Скрывая чувство негодованія и печали, Ольга отвѣчала: „Люба мнѣ рѣчь ваша, вѣдь мнѣ не воскресить уже мужа, вдовою же оставаться и при малолѣтствѣ сына управлять державою я не вижу никакой возможности, такъ что дѣйствительно мнѣ остается одно—выйти за вашего молодаго князя. Идите же теперь на покой (?) въ лодки ваши, скромно прибавила Ольга"... Не лучше стоитъ дѣло и съ научной стороной книги. Авторъ безразлично пользуется лѣтописью и Длугошемъ, Карамзинымъ и Стебельскимъ. При этомъ цитаты взяты часто изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Многія статьи, какъ напр. о кн. Өеодорѣ Острожскомъ, требовали бы полной переработки по новоизданнымъ документамъ.

Вообще намъ кажется, что московскій книгопродавецъ оказалъ плохую услугу почтенному историку переизданіемъ его статей, писанныхъ много лѣтъ тому назадъ. Съ научной стороны Патерикъ о. Хойнацкаго мало кого удовлетворитъ, а здѣсь одна высокая цѣна лишаетъ книгу характера популярнаго.

И. Л.

Протопоповъ. Св. Владиміръ Равноапостольный, великій князь кіевскій и всея Руси. Москва 1888 г.

Къ числу юбилейныхъ изданій, посвященныхъ изложенію исторіи и жизни св. князя Владиміра, изданій, которыя должно причислить къ лучшимъ, относится брошюрка, заглавіе которой мы выписали. Въ началѣ своего труда г. Протопоповъ приводитъ постановленіе Святѣйшаго Синода о празднованіи юбилея и въ краткихъ чертахъ опредѣляетъ историческое значеніе этого великаго событія. Разсматривая ходъ нашей исторіи, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что говоритъ авторъ: „св. вѣра наша есть сила, могущественнѣе ко-

торой нѣтъ въ нашей исторіи. Св. вѣра сплачивала и собирала разрозненныя русскія силы—удѣлы и княжества въ единую сильную державу; св. вѣра въ годины разныхъ тяжкихъ испытаній давала русскому народу силу безропотно и мужественно переносить и выдерживать эти испытанія. Св. вѣра всегда поддерживала Россію въ ея самобытности". Въ концѣ этого своего предисловія авторъ указываетъ и цѣль своего труда: „но чтобы свѣтлѣе было духовное торжество и празднованіе, нужно православному русскому христіанину знать жизнь св. равноапостольнаго князя Владиміра, съ именемъ котораго связано крещеніе русскаго народа". И вотъ, затѣмъ въ прекрасномъ, ясномъ изложеніи г. Протопоповъ излагаетъ исторію св. Владиміра. По способу изложенія трудъ автора не предназначается для народной массы, но съ большимъ удовольствіемъ и пользою будетъ прочтенъ и многими изъ нашей такъ называемой интеллигенціи.

Для составленія своего труда авторъ пользовался русскими источниками, главнымъ образомъ нашими лѣтописями, какъ древнѣйшими, такъ и позднѣйшими. Не всегда авторъ одинаково относится къ сообщаемымъ ими даннымъ. Въ однихъ случаяхъ онъ указываетъ, что приводимый фактъ есть преданіе, взглядъ людей болѣе поздняго времени, иногда же не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ и беретъ извѣстіе за вполнѣ исторически вѣрное. Но такъ какъ такихъ мѣстъ въ трудѣ автора, гдѣ ему приходится пользоваться позднѣйшими сборниками, немного, и подвергать критическому разбору весь разсказъ нашихъ древнѣйшихъ лѣтописей о крещеніи Руси было неумѣстно, то и это отсутствіе въ иныхъ мѣстахъ оговорокъ о характерѣ сообщеній позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, не отниметъ нисколько достоинства у самого разбираемаго труда, имѣющаго цѣлью ознакомить читателя съ фактами жизни св. князя, какъ она представлена нашей первоначальной лѣтописью.

Не можемъ не указать на то, что авторъ дѣлаетъ иногда объясненія передаваемыхъ имъ фактовъ, и нѣкоторыя изъ этихъ объясненій довольно удачны. Наоборотъ иныя изъ нихъ исторически вполнѣ невѣрны. Таково, напр., утвержденіе автора, что женщина у русскихъ славянъ была въ положеніи рабы. Этотъ взглядъ вполнѣ противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя имѣются и въ Русской Правдѣ, и въ литературныхъ памятникахъ, и въ извѣстіяхъ иностранцевъ и даже въ нашей лѣтописи. Заканчивая нашъ краткій отчетъ о трудѣ г. Протопопова, мы должны сказать, что этотъ трудъ долженъ быть причисленъ къ числу популярныхъ трудовъ, изданныхъ по случаю 900 лѣтняго юбилея крещенія Руси.

П. Голубовскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Кіевская Публичная Библіотека.

Кому доводилось жить и заниматься въ Кіевѣ научной работой, тотъ хорошо знаетъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится въ нашемъ городѣ дѣло книжныхъ пособій. Не принадлежа къ ученой корпораціи и не имѣя возможности пользоваться библіотеками учебныхъ заведеній, приходится или пріобрѣтать всякое нужное сочиненіе самому, или откладывать задуманную книжную работу до возможности поѣздки въ центръ болѣе интеллигентный. Порядочныя общественныя библіотеки существуютъ во многихъ губернскихъ городахъ. Публичная Библіотека въ Одессѣ имѣетъ собственное прекрасное зданіе и разростается годъ отъ году. Маленькая кіевская Публичная Библіотека существуетъ благодаря только данной когда-то дворянствомъ поддержкѣ и скромной казенной субсидіи. Городское представительство Кіева на поддержку этого учрежденія не даетъ ни гроша, хотя къ такой поддержкѣ его обязываетъ ужъ даже второй параграфъ городскаго положенія, если польза поддержки просвѣтительныхъ учрежденій кажется ему слишкомъ странною. Тѣмъ болѣе вниманія и сочувствія заслуживаетъ это небольшое, но единственно-общедоступное кіевское книгохранилище, среди общаго равнодушія отстаивающее свое право на существованіе.

Библіотека открыта въ 1866 году по мысли бывшаго кіевскаго губернатора Н. Г. Казнакова, который, изъискивая нужныя средства, обратился къ дворянству кіевской губерніи въ лицѣ представителя его, тогдашняго кіевскаго губернскаго предводителя дворянства г. Горвата. Предводитель дворянства откликнулся на вызовъ слѣдующей оффиціальной бумагой, текстъ которой мы проводимъ буквально, какъ историческій документъ:

„Милостив. Госуд. Николай Геннадіевичъ! На почтеннѣйшее письмо Вашего Превосход. отъ 3 сент. за № 11414, имѣю честь отвѣтить, что для меня всегда будетъ лестно и весьма пріятно содѣйствовать всѣми зависящими отъ меня средствами исполненію всѣхъ полезныхъ для сего края предначертаній, знаменующихъ управленіе Вашего Превосходит. Посему спѣшу увѣдомить Ваше Превосход., что для помѣщенія въ Кіевѣ Публичной Библіотеки по мнѣнью моему казались бы самыми удобными въ зданіи дворянскаго дома три комнаты, изъ коихъ двѣ крайнія по Крещатицкой улицѣ, соединяющіяся между собою, каждая длиною въ 12, шириною въ 9 аршинъ, съ особыми входами съ улицы и третья смѣжная съ ними же комната длиною въ 12, шириною въ $4^1/_2$ арш. Еслибы впослѣдствіи съ расширеніемъ Библіотеки понадобилось болѣе помѣщенія, то можно будетъ добавить четвертую комнату со двора, длиною въ 13, шириною въ 12 аршинъ. Угольныя же двѣ комнаты, занимаемыя подъ магазины, на котор. Ваш. Превосх. угодно было указывать при личномъ со мною разговорѣ, неудобны потому, что ихъ только двѣ и размѣромъ онѣ гораздо меньше первыхъ.

Въ началѣ Января 1865 г. означенныя три комнаты я постараюсь на свой счетъ очистить, полы, двери, окна покрасить и стѣны оклеить обоями, а также обязываюсь поставить $1^1/_2$ сажня дровъ на отопленіе Библіотеки.

Прошу Ваше Превосх. принять увѣреніе и т. д. А. Горватъ. 1864 г. Сент. 4.

Почтенный г. Горватъ, такъ охотно содѣйствовавшій полезному дѣлу, былъ католикъ и полякъ по происхожденію. Въ отведенномъ имъ помѣщеніи дворянскаго дома и открылась библіотека и существовала первое время. Когда повѣяли новыя вѣянія и на патріархальный Кіевъ дохнула банковая зараза, помѣщеніе библіотеки понадобилось подъ банкъ, который открывалъ слѣдующій предводитель дворянства П. Д. Селецкій совмѣстно съ г. Виноградскимъ. Но объ отнятіи права библіотеки на помѣщеніе не могло быть рѣчи, и за квартиру, взятую назадъ, дворянство стало уплачивать библіотекѣ 1000 рублей въ годъ. Вскорѣ банкъ пріобрѣлъ собственный домъ и прежняя квартира обратно отдана была библіотекѣ. Правленіе библіотеки совершенно основательно рѣшило, что оставаться въ помѣщеніи, которое можетъ быть обращено въ очень доходные магазины, не было никакого разсчета. Сдѣлавъ нужныя приспособленія, оно стало нанимать свою квартиру подъ магазины (г-жи Куликовской и Рейзе), а библіотеку поревело въ болѣе дешевую квартиру, пріобрѣтя возможность изъ квартирной суммы 2500 р. и 800 р. казеннаго пособія покрывать настоятельнѣйшіе расходы.

Такова краткая, но выразительная исторія кіевскаго книгохранилища. Къ этому слѣдуетъ прибавить развѣ, что попытки лишить библіотеку квартиры въ дворянскомъ домѣ, въ которой она существуетъ, дѣлались нѣсколько разъ, но по счастью успѣхомъ не увѣнчались.

Книжный запасъ библіотеки состоитъ въ настоящее время изъ отдѣльныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній и повременныхъ изданій въ 3018 названій и 8312 томахъ, изъ 560 брошюръ, 47 географическихъ картъ и 26 атласовъ. Отдѣлъ повременныхъ изданій составляется изъ изданій, выписываемыхъ на собственныя средства библіотеки, изданій, получаемыхъ безплатно, изданій, жертвуемыхъ редакціей „Кіевской Старины" и выписываемыхъ Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ. Въ общей сложности библіотека получаетъ почти всѣ періодическія изданія, выходящія въ Россіи, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго списка.

Выписываются библіотекою на свои средства: Библіографъ, Военный Сборникъ, Врачъ, Всемірная Иллюстрація, Вѣра и Разумъ, Вѣстникъ Европы, Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ, Вѣстникъ Краснаго Креста, Гражданинъ, Еженедѣльное Обозрѣніе, Женское Образованіе, Живописное Обозрѣніе, Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Журналъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства, Земледѣльческая Газета, Зодчій, Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Историческій Вѣстникъ, Кіевлянинъ, Кіевское Слово, Кіевская Старина, Лучъ, Московскія Вѣдомости, Наблюдатель, Народная Школа, Недѣля, Недѣля Строителя, Нива, Новь, Новости, Новое Время, Петербургскія Вѣдомости, Петерб. Сенатскія Вѣдомости, Правительственный Вѣстникъ, Православный Собесѣдникъ, Православное Обозрѣніе, Природа и Охота, Ремесленная Газета, Русскій Архивъ, Русскій Вѣстникъ, Русскій Инвалидъ, Русскій Паломникъ, Русскій Пчеловодный Листокъ, Русскій Слѣпецъ, Русскій Филологическій Вѣстникъ, Русскій Начальный Учитель, Русская Медицина, Русская Мысль, Русская Старина, Русское Богатство, Русское Дѣло, Сельскій Хозяинъ, Семья и Школа, Собраніе узаконеній, Современныя Извѣстія, Стрекоза, Сѣверный Вѣстникъ, Судебная Газета, Творенія св. Отецъ, Труды Кіевск. Духовн. Академіи, Труды Императ. Вольно-Экономич. Общества, Христіанское Чтеніе, Художественныя Новости, Церковный Вѣстникъ, Чтенія въ Императ. Обществѣ Истор. и Древностей, Экономическій Журналъ, Электричество и Юридическій Вѣстникъ.

Всего журналовъ и газетъ на свой счетъ Библіотека выписываетъ 69, т. е. гораздо больше, чѣмъ какая бы то ни было изъ частныхъ кіевскихъ библіотекъ, при чемъ между ними много спеціальныхъ, частными библіотеками вовсе не выписываемыхъ.

Безплатно библіотека получаетъ: Варшавскій Дневникъ, Военно-Медицинскій Журналъ съ приложеніями, Воскресное Чтеніе, Вѣстникъ Судебной Медицины, Вѣстникъ Финансовъ, Гомеопатическій Вѣстникъ, Другъ Слѣпыхъ, Екатеринбургская Недѣля, Журн. Минист. Путей Сообщенія, Записки Императорск. Академіи Наукъ, Зап. Кіевскаго Отдѣл. Импер. Р. Техническ. Общества, Зап. Кіевскаго Общ. Естествоиспытателей, Зап. Ново-Александрійск. Института, Звѣзда, Земледѣліе, Извѣст. Геологич. Комитета, Извѣст. Кіевск. Городск. Думы, Инженеръ, Кіевлянинъ, Кіевское Слово (вторые экземпляры), Кіевск. Губерпск. Вѣдомости, Кіевск. Епарх. Вѣдом., Кіевск. Университетск. Извѣстія, Листокъ Сельскихъ Ссудо-сберега-

тельныхъ Товариществъ, Морской Сборникъ, Моск. Церковн. Вѣдомости, Подольскія Губернск. Вѣдом., Приложенія къ газетѣ Свѣтъ, Руководство для сельскихъ пастырей, Сборникъ 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, Сборникъ Херсонскаго земства, Свѣтъ, Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовн. Просвѣщенія. Отъ редакціи „Кіевской Старины" поступили слѣдующія изданія: Виленскій Вѣстникъ, Волынь, Волынскія Епарх. Вѣдомости, Донская Рѣчь, Литовскія Епарх. Вѣдом., Новороссійскій Телеграфъ, Одесскій Вѣстникъ, Полтавскія Епарх. Вѣдомости, Подольскія Епарх. Вѣдомости, Русскія Вѣдомости, Севастопольскій Листокъ, Сибирская Газета, Смоленскій Вѣстникъ, Южанинъ, Южный Край. Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ выписываются: Глас Црногорца, Нова уставност, Новый Проломъ и кажется еще два—три изданія того же оттѣнка.

Затрачивая изъ своихъ скромныхъ средствъ большую часть на выписку періодическихъ изданій, библіотека имѣетъ мало возможности пополнять составъ книгъ пріобрѣтеніемъ капитальныхъ сочиненій и выдающихся новостей литературы. Въ печатномъ каталогѣ Библіотеки, изданномъ ею на свой счетъ въ текущемъ году, можно наблюдать огромные пробѣлы въ подборѣ книгъ по различныхъ отраслямъ знаній. Благодаря той же скудости средствъ, Библіотека вынуждена назначить небольшую входную плату (30 к. въ мѣсяцъ).

Мы имѣли возможность пересмотрѣть вѣдомости и отчетъ библіотеки за 1887 годъ и сообщаемъ нѣкоторыя, касающіяся ея дѣятельности цифры. Всѣхъ подписчиковъ въ 1887 г. въ библіотекѣ было 1894, которыми сдѣлано 12.983 посѣщенія. Наибольшее число посѣщеній приходилось на осенніе, зимніе и начало весеннихъ мѣсяцевъ, т. е. на такъ называемый сезонъ, при чемъ больше всего посѣтителей было въ мартѣ (1583) и наименѣе въ августѣ (773). По званіямъ и профессіямъ посѣтители распредѣлялись различно. Наибольшія числа приходятся на долю студентовъ университета (440) и духовной академіи (197), но посѣщали библіотеку также и чиновники, военные, лица духовнаго званія, женщины (82) и разночинцы (687). Распредѣленіе требованій по отдѣламъ представляетъ такія данныя: больше всего, какъ во всѣхъ библіотекахъ, требовалось періодическихъ изданій, затѣмъ сочиненій юридическихъ (651), богословскихъ (512), по библіографіи (364), естествознанію (313), русской исторіи (292), психологіи и логикѣ (227), филологіи (213), всеобщей исторіи (185) и т. д. Всѣхъ требованій на журналы въ 1887 г. было предъявлено 3227. По количеству требованій журналы распредѣлялись въ такомъ порядкѣ: Вѣстникъ Европы (552), Русская Мысль (449), Сѣверный Вѣстникъ (259), Русская Старина (216), Новь (206), Русское Богатство (197), Природа и Охота (128), Наблю-

датель и Библіографъ (по 132), Историческій Вѣстникъ (120), Кіевская Старина (101). Остальныя изданія требовались всѣ менѣе ста разъ, при чемъ наименьшая цифра падаетъ на Экономическій Журналъ (11). Изъ извѣстныхъ авторовъ больше всего читался Л. Толстой (113 требов.), Достоевскій (60), Гончаровъ (27), Шпильгагенъ (25), Гоголь (24), Данилевскій (23) и т. д.

Просматривая каталогъ библіотеки, нельзя не обратить вниманія на скудость того отдѣла, на пополненіе котораго должно бы быть обращено особенное вниманіе. Это отдѣлъ, названный въ каталогѣ „Исторіей Кіевской Губерніи“, т. е. посвященный Кіеву и кіевской землѣ. Перечень книгъ, сюда относящихся, занимаетъ въ каталогѣ мѣста менѣе двухъ страницъ и содержитъ въ себѣ 56 номеровъ. Тутъ недостаетъ иногда самыхъ капитальныхъ сочиненій, посвященныхъ Кіеву. Между тѣмъ литература о Кіевѣ и кіевской землѣ громадна и гдѣ и быть бы ей сосредоточенной, какъ не въ общественной Библіотекѣ матери городовъ русскихъ. Винить за эти пробѣлы правленіе библіотеки, конечно, невозможно: мы видѣли, что самое существованіе этого учрежденія случайно и что оно поддерживается только аккуратнымъ веденіемъ дѣла и нѣкоторыми спеціальными условіями. Косность городскаго управленія, его невѣжественное отношеніе къ просвѣщенію—всему причиною и на одно это управленіе падаетъ какъ отвѣтственность за бѣдность городской библіотеки, такъ и должны упасть хлопоты и работы по ея развитію и поддержкѣ.

Библіотека, если станетъ въ лучшія условія существованія, должна постараться непремѣнно собрать у себя полный подборъ всѣхъ книгъ, изданныхъ въ Кіевѣ, всѣхъ періодическихъ изданій и брошюръ, когда либо въ немъ выходившихъ. Такихъ книгъ и изданій чаще всего невозможно добыть именно въ Кіевѣ. Въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры невозможно достать громаднаго большинства книгъ, напечатанныхъ знаменитой древней печерской типографіей. Если Публичная кіевская Библіотека не въ состояніи будетъ и со временемъ восполнить этотъ пробѣлъ, то она не должна упускать времени для собиранія во едино кіевской литературы гражданской печати. Но когда явится ей возможность заняться этимъ и скоро ли прійдетъ ей на помощь общество роднаго города?

В. Г.

Новое пріобрѣтеніе Церковно-Археологическаго Музея.

Единственный публичный музей г. Кіева Церковно-Археологическій—обогатился на дняхъ высоко-цѣннымъ приращеніемъ, которое въ то время, какъ эти строки появятся въ печати, будетъ доставлено уже по назначенію. Этотъ предметъ—плащаница работы знаменитаго Боровиковскаго, хранившаяся до настоящаго времени въ Воскресенской церкви г. Миргорода. Осматривая церкви Миргорода и его уѣзда для разысканія работъ Боровиковскаго (тамъ встрѣчается живопись его первой эпохи), въ Воскресенской церкви я увидѣлъ эту плащаницу въ первый разъ. Какъ старая и болѣе не употребляемая, она висѣла въ кіотѣ подъ новою плащаницей, вмѣстѣ съ другой, еще болѣе древней. Настоятель церкви, уважаемый о. Тимофей Гиренко, хорошо зналъ ея художественную цѣнность и вполнѣ согласился съ мыслью о необходимости передачи ее въ общественный музей. Для этого требовалось разрѣшеніе высшаго епархіальнаго начальства, случай къ чему и представился весною этого года. Во время объѣзда епархіи епископомъ полтавскимъ преосв. Илларіономъ и посѣщенія имъ Воскресенской церкви, от. Гиренко доложилъ ему объ этомъ дѣлѣ, показавъ и самую плащаницу. Преосв. Иларіонъ отнесся къ заявленію о. настоятеля съ просвѣщеннымъ вниманіемъ и выразилъ согласіе на передачу плащаницы въ кіевскій Церковно-Археологическій Музей.

Плащаница эта прислана В. Л. Боровиковскимъ изъ Петербурга въ періодъ полнаго развитія его таланта и творчества. Какъ извѣстно, художникъ былъ уроженцемъ Миргорода, гдѣ и жилъ до отъѣзда своего въ Петербургъ. Его домикъ стоялъ возлѣ самой Воскресенской церкви, которой онъ былъ прихожаниномъ. Тамъ на берегу тихаго Хорола, гдѣ высятся гигантскія вербы и бересты, въ зеленомъ затишьѣ, работалъ онъ въ молодые годы. Отецъ и братья его,—вся семья,—занимались живописью. Извѣстность ихъ, какъ иконописцевъ, распространена была по Украинѣ. Случай выдвинулъ самаго даровитаго изъ этой общины тружениковъ и увлекъ далеко отъ родины. Но онъ никогда не прерывалъ связей съ нею и сохранялъ къ ней сыновнюю любовь. Онъ присылалъ произведенія своей кисти въ ея скромные храммы. Такъ присланы были имъ мѣстныя иконы въ церкви соборную и Троицкую (живопись эта теперь или исчезла, или попорчена). Своей приходской церкви онъ сдѣлалъ приношеніе, писанное съ особенною любовью.

Холстъ плащаницы наклеенъ на атласѣ, теперь изорванномъ. Характеръ всей живописи необыкновенно трогательный.

Молодое тѣло добровольнаго Страдальца покрылось землистымъ цвѣтомъ смерти. Голова, нѣсколько приподнятая однимъ изъ ангеловъ, полна кротости. Руки безсильно упали вдоль тѣла. Лицо Христа—юное, гораздо моложе 33 лѣтъ, времени Его крестной смерти. Кругомъ тѣла—лики плачущихъ ангеловъ, и лентою вокругъ холста, слова херувимской пѣсни. Плащаница закапана воскомъ, къ ней прикладывались цѣлыя поколѣнія, ей молилось населеніе Миргорода, и въ особенности прихожане Воскресенской церкви, по большей части козаки, мало думающіе объ искусствѣ. Но живопись плащаницы такъ хороша, что когда ее ставили прежде въ церкви, эти простые люди приходили смотрѣть на нее.

Нельзя не порадоваться о передачѣ въ музей этого прекраснаго произведенія искусства. Случаи исчезновенія изъ нашихъ церквей памятниковъ старины и творчества въ послѣднее время стали повторяться такъ часто, что съ дѣломъ ихъ спасенія надо торопиться какъ можно, во избѣжаніе того положенія, когда спасать будетъ ужъ нечего.

В. Г.

Библіотека барона Шодуара и вновь открытое древнее изображеніе свв. Бориса и Глѣба и, можетъ быть, св. Владиміра.

Отрасль французской фамиліи Шодуаровъ поселилась въ юго-западной Россіи съ 1795 года и въ настоящее время насчитываетъ уже четыре поколѣнія. Резиденціей ихъ служитъ мѣстечко Ивница, житомирскаго уѣзда. Второй изъ русскихъ Шодуаровъ Станиславъ Яновичъ (+ 1857 г.), извѣстенъ у насъ въ Россіи по своимъ нумизматическимъ коллекціямъ и печатному описанію ихъ, составляющему теперь библіографическую рѣдкость. Но онъ замѣчателенъ былъ и въ другихъ отношеніяхъ. Женившись въ первый разъ на тиролькѣ, а въ другой—на англичанкѣ, онъ поддерживалъ живыя связи съ западною Европою и интересовался состояніемъ науки и искусства какъ на западѣ Европы, такъ и въ Россіи. Кромѣ нумизматическихъ коллекцій, онъ собралъ громадную библіотеку, заключавшую въ себѣ до 30,000 томовъ, большую коллекцію гравюръ,

преимущественно западно-европейскихъ, составилъ картинную галлерею изъ произведеній болѣе или менѣе замѣчательныхъ художниковъ и положилъ начало небольшой коллекціи классическихъ греко-римскихъ и русскихъ первобытныхъ древностей. Даже внѣшняя обстановка его ивницкаго дворца получила при немъ археологическо-художественный характеръ. Въ громадномъ, роскошномъ саду ивницкаго дворца устроены были два лѣтніе домика, одинъ въ китайскомъ, а другой въ готическомъ вкусѣ. Въ память первой жены своей баронъ Станиславъ де-Шодуаръ устроилъ въ Ивницѣ мавзолей, въ которомъ помѣщено скульптурное изображеніе усопшей и генія, погашающаго факелъ жизни и любви, работы Торвальдсена, а внутреннія двери и окна застеклены древними западно-европейскими изображеніями на стеклѣ XIV—XV вѣковъ. Преемникъ его Станиславъ Максимиліановичъ Шодуаръ († 1881 г.) занимался энтомологіей, передавъ свои энтомологическія коллекціи и библіотеку французской академіи наукъ. Сынъ его, нынѣшній владѣлецъ Ивницы, баронъ Янъ Максимиліановичъ де-Шодуаръ, избравъ своею спеціальностію химію, обратилъ также вниманіе на коллекціи своего дѣда и желаетъ сдѣлать ихъ доступными для изслѣдованій ученыхъ. Съ этою цѣлію въ октябрѣ прошлаго 1887 года онъ обратился къ секретарю церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи Н. И. Петрову съ предложеніемъ осмотрѣть находящіяся въ Ивницѣ коллекціи его дѣда, а также указать спеціалиста для осмотра находящихся въ его имѣніи древнихъ земляныхъ городищъ и кургановъ, или могилъ. Церковно-археологическое общество, выслушавъ докладъ о семъ секретаря своего профессора Петрова, командировало въ м. Ивницу его, Петрова, и доцента академіи В. З. Завитневича, пріобрѣвшаго опытность въ изслѣдованіи городищъ и кургановъ. Они пробыли въ Ивницѣ съ 16-го по 19-е іюня и успѣли ознакомиться только съ нѣкоторыми отдѣлами коллекцій покойнаго барона Станислава де-Шодуара, и при томъ поверхностно и въ общихъ чертахъ.

Нумизматическихъ коллекцій барона Шодуара давно уже нѣтъ въ Ивницѣ. Часть ихъ передана самимъ собирателемъ въ Эрмитажъ, а остальныя уступлены имъ второй женѣ его англичанкѣ и перевезены въ Англію. Въ наличности оказалось нѣсколько десятковъ монетъ, повидимому поступившихъ уже по напечатаніи описанія и не представляющихъ особенной цѣнности. Между ними мы отмѣтили двѣ—три куфическія монеты и серебряную монету со

всадникомъ и остатками латинской надписи, повидимому, литовской XV вѣка.

Коллекція классическихъ греко-римскихъ и первобытныхъ русскихъ древностей, къ сожалѣнію, не имѣетъ описи или католога. Въ этой коллекціи больше всего находится сосудовъ глиняныхъ и терракоттовыхъ, ручекъ отъ глиняныхъ сосудовъ съ греческими штемпелями, плитокъ съ остатками греческихъ надписей, золотыхъ и бронзовыхъ вещей и украшеній, — повидимому изъ раскопокъ на мѣстахъ греческихъ древнихъ колоній по берегамъ Чернаго моря; нѣсколько бронзовыхъ статуетокъ, вывезенныхъ изъ Рима; каменная головка грубой работы, можетъ быть славянскаго происхожденія; образцы польскаго вооруженія XVI вѣка и проч. Но самую интересную для насъ находку въ этой коллекціи представляетъ одинъ изъ трехъ мѣдныхъ складныхъ древнерусскихъ крестиковъ, или энколпіоновъ, XIII—XIV в., длиною въ $1^1/_2$ вершка, а шириною въ 1 вершокъ съ небольшимъ. Крестикъ этотъ четвероконечный. Центръ его образуетъ изъ себя квадратъ, обрамленный полустертыми и стертыми надписями, къ которому со всѣхъ сторонъ примыкаетъ по закругленному концу. На одной сторонѣ креста, лучше сохранившейся, въ центрѣ изображены два святые князя, стоящіе рядомъ; каждый изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ по кресту на груди, а въ лѣвой—по мечу съ крестообразной рукояткой. Вверху надъ главами ихъ надписи: (Бор)*ис*, *Глѣб*. На продольныхъ концахъ креста вверху изображенъ нерукотворенный образъ Спасителя, а внизу, повидимому, святитель Николай; на поперечныхъ концахъ изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ, съ оружіемъ въ правой рукѣ.—На другой сторонѣ креста въ центрѣ изображенъ князь, можетъ быть, св. Владиміръ. Къ сожалѣнію, надпись надъ нимъ почти совершенно стерлась. Князь изображенъ стоящимъ. Правою рукою онъ держитъ вертикально стоящее копье, обхвативъ его рукою пониже острія, а лѣвою рукою, полуопущенной внизъ и немного въ сторону, держитъ щитъ. На князѣ двѣ одежды: верхняя *корзно*, застегнутая у праваго плеча и правою полою обхватывающая нижнюю часть копья, и нижняя узкая, препоясанная, съ двумя висящими концами отъ подпояски. На концахъ креста—тѣ же изображенія, что̀ и на другой сторонѣ, съ тою только разницей, что на верхнемъ концѣ Спаситель изображенъ со скипетромъ въ правой и съ державой въ лѣвой рукѣ.

Картинная галлерея состоитъ изъ картинъ и портретовъ, писанныхъ извѣстными западно-европейскими и польскими художни-

ками. Больше всего встрѣчаются произведенія Лампи и Соколовскаго. Кисти послѣдняго принадлежитъ портретъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, съ которымъ баронъ Станиславъ де-Шодуаръ находился въ живыхъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ.

Собраніе гравюръ заключаетъ въ себѣ преимущественно произведенія западно-европейскихъ граверовъ. Русскихъ гравюръ здѣсь очень мало, и при томъ онѣ не выдѣлены въ особую группу. Мы заглянули лишь въ двѣ—три папки съ гравюрами. Повидимому, коллекція составлена была не столько съ историческими, сколько съ художественными цѣлями. Подробный каталогъ собранія гравюръ предполагается передать для разсмотрѣнія извѣстному знатоку и собирателю русскихъ гравюръ, сенатору Д. А. Ровинскому.

Главное вниманіе наше обращено было на библіотеку барона Шодуара. Систематическій каталогъ ея, составленный самимъ собирателемъ, состоитъ изъ семи томовъ. Къ сожалѣнію, онъ не напечатанъ и потому мало извѣстенъ спеціалистамъ. Библіотека заключаетъ въ себѣ книги по всѣмъ отраслямъ знанія. Есть въ ней богатый отдѣлъ по нумизматикѣ, составлявшей предметъ спеціальныхъ занятій барона Станислава де-Шодуаръ. Осмотрѣнное нами по каталогамъ и по наличности можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: А) актовъ и грамотъ; Б) рукописей; В) церковно-славянскихъ книгъ; Г) книгъ западно-русскихъ и польскихъ и копій съ нихъ, касающихся полемики между православными и латино-уніатами.

А) Къ первому отдѣлу прежде всего нужно отнести большую папку „автографовъ", въ которой находятся грамоты патріарха Іереміи II, грамоты и посланія западно-русскихъ митрополитовъ XVI вѣка и въ томъ числѣ Михаила Рагозы, посланія и воззванія Львовскаго братства, документы, касающіеся города Кіева, письма м. Евгенія Болховитинова, Иннокентія Борисова, Сковороды и проч. Вообще эта папка заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя и, безъ сомнѣнія, дастъ очень многое для исторіи юго-западной Россіи. Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отнести отдѣльныя книги документовъ, а именно: „Pisma, tyczące się Kapituły Kathedralniey Wilenskiey" XVI в., заключающія копіи документовъ римско-католическимъ костеламъ и кляшторамъ виленскимъ, витебскимъ, полоцкимъ, пинскимъ и многимъ другимъ; документы на владѣніе мѣстечкомъ Ивницей съ 1602 года; „Акты Баришпольскіе" 1630—1700 г., заключающіе выписи изъ книгъ уряда мѣского Баришпольскаго.

Б) Изъ рукописей могутъ быть отмѣчены слѣдующія: 1) пергаменный Трефологъ XIV в., за сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы, со слѣдующею позднѣйшею надписью на передней доскѣ; „лѣта 7108-го поновлена бысть книга сія Николы Чюдотворца Хоробровского повелѣніемъ многогрѣшнаго раба Божия Івана Крюкова"; 2) Іакова de Cossoli Dominikana Traktat o wynaleženiu и проч.,—латинская рукопись 1448 года; 3—5) три рукописныя евангелія XVI—XVII вв., 6) „Минея на мѣсяцы іюнь, іюль и августъ" 1606 г., съ такою замѣткою въ концѣ: „Списана повелѣніемъ Межигорскаго Игумена Агаѳона инокомъ Герасимомъ 1606 года, 7 мая" 7) Толочанова посольство въ Имеретію 1650 г., къ царю Александру, съ подписью по листамъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, рукопись XVII вѣка, начатая 19 марта 7181, а оконченная 10 октября 7183 года; 8) „Уставъ церковный Святія лавры преподобнаго отца Савы", XVII в., со службой св. Владиміру; 9) „Житія святыхъ", сборникъ XVII в.; 10) Сборникъ XVII в. in 4, начинающійся сказаніемъ „о взятіи Царяграда Махметомъ сыномъ Амуратовымъ". Между прочимъ, въ немъ находятся слѣдующія статьи: „О Албанской странѣ і княжествѣ ихъ", „О прѣмудрѣ Іудиѳѣ, како Олоѳерну главу отсече Иудивъ" (театральная пьеса), „Слово о напрасномъ татѣ", „Сказаніе о куре і о лисице, какъ сѣдѣл на древѣ, а лисица кура къ себѣ зъ древа манила", и проч.

В) Между церковнославянскими печатными книгами мы не нашли неизвѣстныхъ доселѣ нашимъ библіографамъ изданій; но въ общемъ этотъ отдѣлъ отличается такою полнотою, какую рѣдко можно встрѣтить въ провинціальныхъ библіотекахъ. Особенно тщательно составленъ отдѣлъ церковнославянскихъ книгъ южно-русской печати. Интересенъ экземпляръ Острожской библіи, повидимому, дающій ключъ къ рѣшенію вопроса о томъ, было ли одно изданіе этой библіи, или два. Основной составъ библіи по этому экземпляру оконченъ печатаніемъ въ 1581 году; но въ самомъ концѣ экземпляра приплетенъ листъ, по послѣднему счету 78-й, который почти вполнѣ соотвѣтствуетъ 78-му же листу библіи 1581 года, но съ датой 1580 года и безъ послѣсловія издателей, заключающаго въ себѣ обращеніе къ читателямъ съ просьбой извинить недостатки изданія. Поэтому, нужно думать, что библія Острожская напечатана еще въ 1580 году, но не выпущена въ свѣтъ, и что изданіе 1581 года представляетъ изъ себя только перепечатку нѣкоторыхъ листовъ библіи 1580 года. - Къ числу рѣдкихъ книгъ принадлежитъ „Казанье св. Кирилла объ Анти-

христѣ“ съ дополненіями Стефана Зизанія, 1596 года, къ сожалѣнію безъ начала и конца, въ славяно-русскомъ переложеніи, перепечатанное потомъ въ книгѣ „Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго поучительныя слова“, Москва, 1644 года. Собраніе южно-русскихъ церковно-славянскихъ книгъ, кромѣ содержанія, интересно и по заключающимся въ нихъ гравюрамъ. Такъ напр., въ „Наукѣ кающемуся грѣшнику“ 1671 г., кіевской печати, мы нашли гравированный видъ великой церкви Кіево-Печерской лавры, а въ кіевскомъ Евхологіонѣ 1681 г.—гравированныя изображенія великой лаврской церкви. Троицкой надъ св. вратами и звонницы.

Г) Весьма тщательно составленъ отдѣлъ полемическихъ сочиненій между православными и латино-уніатами въ XVI—XVII вв. Такъ какъ нѣкоторыя изъ сочиненій этого рода представляютъ величайшую рѣдкость, то собиратель по большей части ограничивался только снятіемъ рукописныхъ копій съ этихъ изданій. Вотъ перечень попавшихся намъ въ библіотекѣ барона де-Шодуаръ полемическихъ сочиненій: 1) „Ключъ Царства небеснаго“, 1587 г.; 2) „Книжица Острожскаго клирика Василія“, 1588 г., 3) „Унія альбо выкладъ преднѣйшихъ артикуловъ“ И. Поцѣя, 1595 г; 4) вышеупомянутое „Казанье св. Кирилла объ Антихристѣ“ съ толкованіями С. Зизанія, 1596 г.; 5) Антиррисисъ, 1597 г.; 6) „Книга въ десяти отдѣлахъ, Острогъ, 1598 г.“, заключающая трактахъ объ исхожденіи св. Духа отъ единаго отца, 7-мъ листовъ Мелетія, патріарха александрійскаго, листъ князя К. Острожскаго ко всѣмъ православнымъ и листъ аѳонитовъ къ К. Острожскому; 7) Отписъ на листъ унитовъ Виленскихъ, Андрея Мужиловскаго, 1616 г.; 8) Obrona jednosci Cerkiewniey, Іос. Вельямина Рутскаго, 1617 г.; 9) Werificatia, 1621 г.; 10) Sovita wina, 1621 г.; 11) Obrona werificaciey, 1621 г.; 12) Examen Obrony, 1621 г.; 13) List do zakonnikow monasterza S. Ducha 1621 г.; 14) Elenchus, 1622 г.; 15) Antelenchus, 1622 г.; 16) Parugoria, Мороховскаго, 1622 г.; 17) Discurs, его же, 1622 г.; 18) Аполлія Апологіи, 1628 г.; 19) Протестація противъ собора кіевскаго, 1628 г., М. Смотрицкаго; 20) Paraenesis, его же, 1629 г.; 21) Exaetesis, его же, 1629 г.; 22) Iednosc swięta Cerkwie Wschodniey y Zachodniey, 1632 г.; 23) Книга о вѣрѣ, московской печати 1642 г., 24) Λίθος, Петра Могилы, 1644 г.; 25) Hierarchia, Дубовича, 1644 г.; 26) Кириллова книга московской печати 1644 г.; 27) Ekphonemata Liturgiy Greckiey i Harmonia, Пахомія Огилевича, 1671 и 1672 гг.; 28) Unio ecclesiarum Dei, Броцкаго, Краковъ, 1681 г.; 29) Quaestiunculae controv. cum mo-

dernis graecis antilatinis p. unum Rom. Latin. Oliva. 1681 г.; 30) Na stary Kosciol Zachodny Galatowskiego questyiki. Oliva. 1682 г; 31) Wiara prawoslawna, Кулеши, 1704 г. и др.

Есть также значительные отдѣлы книгъ, касающихся ученія и судьбы протестантскихъ сектъ въ бывшей Польшѣ и козацкихъ возмущеній противъ поляковъ и особенно уманской рѣзни 1768 года, Wypis z Pamiętnika Życia xiędza Ochockiego opata Owruckiego (описаніе путешествія въ Сибирь), и др.

Что касается земляныхъ валовъ, городищъ и кургановъ, находящихся въ ивницкомъ имѣніи, то описаніе ихъ сдѣлано будетъ В. З. Завитневичемъ. Въ настоящее время замѣтимъ только, что въ ивницкомъ имѣніи проходитъ извѣстный „Зміевъ валъ“ и находятся два городища и нѣсколько могилъ, или кургановъ. Одно изъ городищъ—безымянное, а другое обширное носитъ названіе „Гороховщины“. Изъ могилъ одна называется „Раскопаною могилою“, но въ дѣйствительности представляетъ изъ себя интересный экземпляръ довольно сложнаго землянаго укрѣпленія. Какъ городища, такъ и „Раскопаная могила“ принадлежатъ къ типу литовскихъ укрѣпленій; остальныя же могилы, или курганы, повидимому, славянскаго типа.

Н. Петровъ.

Приданое П. И. Шереметевой [1]).

20-го марта 1685 г. боярыня Прасковья Ивановна Шереметева дочь гетмана Самойловича, бывшая замужемъ за бояриномъ Ѳедоромъ Петровичемъ Шереметевымъ, послѣ рожденія сына Василья скончалась. Извѣщая о постигшемъ его горѣ, гетманъ писалъ въ Москву, чтобъ великіе государи пожаловали его, велѣли отдать ему на воспитаніе его внука и отобрать у Шереметева приданое, данное имъ за дочерью, для береженья до возраста внука. Узнавши о такой просьбѣ гетмана, Шереметевы, бояринъ и оружейничій Петръ Васильевичъ и сынъ его Ѳедоръ Петровичъ, а равно и другіе родственники въ свою очередь били челомъ государямъ, чтобы челобитье гетмана оставить безъ послѣдствій. Чтобы удовлетворить требованіямъ обѣихъ сторонъ, московское правительство разрѣшило спорный вопросъ такимъ образомъ, что внука гетмана приказало оставить на воспитаніе въ

[1]) Столбецъ Сибирскаго Приказа № 7612.

Москвѣ у отца его, а приданое, полученное Шереметевымъ за дочерью гетмана, возвратить отцу. Для отобранія приданаго у Шереметева со стороны правительства былъ посланъ изъ Сѣвска въ Кіевъ воевода Семенъ Неплюевъ, а со стороны гетмана для полученія отобранныхъ вещей—Иванъ Степановичъ Мазепа, бунчужный Константинъ Ивановъ и писарь Василій Кочубей. Когда Неплюевъ и гетманскіе довѣренные прибыли въ Кіевъ съ государевою грамотой, бояринъ Θедоръ Петровичъ былъ смертельно боленъ и не могъ присутствовать при разборѣ его имущества; не дожидаясь его выздоровленія прибывшіе занялись отобраніемъ приданаго Прасковьи Ивановны по росписи, какую имъ далъ Иванъ Самойловичъ.

Вотъ эта любопытная роспись, по которой Неплюевъ передавалъ гетманскимъ довѣреннымъ приданое боярыни Шереметевой:

Божія милосердія, образъ нерукотвореннаго Спаса, обложенъ;

да серебра два пуда 22 ф. съ полуфунтомъ, и въ томъ вѣсу:

12 полумисковъ мѣстами золоченыхъ,

24 тарелки,

20 ложекъ,

24 стакана,

солонка мѣстами золочена. То серебро въ одномъ сундукѣ и одного мастера; да иного дѣла 24 ложки, мѣстами золочены;

кубокъ большой, золоченый, съ кровлею, а на верху орелъ:

другой кубокъ меньшій съ цвѣтами;

два кубка малые, ломаные, стараго дѣла;

двѣ стопы, мѣстами золоченыхъ;

стопа серебряная съ крышкою;

пугарь золоченый съ цвѣтами;

кружка серебряная, мѣстами золочена;

два стакана, мѣстами золоченые;

шанданъ серебряной, мѣстами золоченой;

чарка золоченная съ бирюзой и съ цвѣтами;

погребецъ серебряной, а въ немъ семь сулеекъ, мѣстами золоченыхъ.

Да сверхъ росписи великой полумисокъ серебрянной, мѣстами золоченой, въ 6 фунтовъ.

Мѣсто жемчужное о пяти мониостахъ въ 55 нитей большаго, середняго и меньшаго жемчуга;

кокошникъ, жемчугомъ низанный, тринадцать на немъ репейковъ жемчужныхъ и кругомъ обнизанъ жемчугомъ; на немъ же 39

зернь бурминскихъ въ репейкахъ, пять каменей изумрудовъ и яхонтовъ въ серебрѣ;

вершокъ шапочной, низанный жемчугомъ, сплошь репейки, въ репейкахъ каменья изумруды малые, въ репейкахъ большія и малыя жемчужины, кругомъ вершка низано крупнымъ жемчугомъ;

наметка низаная, на ней восемь канаковъ въ золотѣ съ яхонтами и съ изумрудами, низано крупнымъ жемчугомъ, кругомъ каначковъ обнизано среднимъ жемчугомъ; а та наметка кисейная, концы золотомъ тканы;

повивальникъ жемчугомъ низанъ съ изумруды и съ яхонты малыми, въ томъ повивальникѣ низанаго мѣста мѣрою въ длину полдва аршина съ двѣмя вершки, въ ширину пол-два вершка;

куколь, что на голову кладется дитячью, а на немъ шито по красному атласу Деисусъ: Спасовъ образъ, Пр. Богородицы, Іоанна Предтечи, Михаила Архангела, Гавріила Архангела; вверху надъ Деисусомъ три херувима обнизанные, внизу Деисуса поднизочка и кругомъ вѣнцовъ, что росписываются ризы кругомъ херувимовъ, и крылѣ, низаны мелкимъ жемчугомъ;

вершокъ атласный осиновый, среднимъ жемчугомъ низанъ въ шахматъ;

восемь репейковъ жемчужныхъ, особно низаныхъ нить мелкаго жемчуга мѣрою два аршина;

вторая нить мелкаго жемчуга впол-два аршина;

25 жемчужинъ среднихъ на ниткѣ;

82 жемчужины бурминскія;

18 перстней самыхъ золотыхъ съ алмазы, яхонты красными и лазоревыми; одинъ перстень серебряный, золоченый;

крестъ золотой съ чернью, съ четырьмя каменьи съ яхонты краснымъ и съ изумруды;

двѣ цѣпочки золотыя, мѣрою пол-два аршина;

каначокъ большой съ изумруды и яхонты красными;

зарукавы съ чернью, съ яхонты красными въ золотѣ; изъ тѣхъ зарукавей восемь мѣстъ на наметкѣ, а четыре мѣста отданы на лицо;

зарукавье алмазное въ золотѣ, изъ которой изломаны были и въ шапку между жемчугъ вставлены, а посемъ изъ него выметки;

зарукавье изумруды 44, жемчугомъ кругомъ обнизаны, въ золотѣ;

зарукавье съ чернью, яхонты красными, въ золотѣ;

каначокъ маленькій съ яхонты съ красными и съ жемчугомъ въ золото вставлено гдѣ три репейки испорчено:

крестъ маленькой серебряной, золоченой, съ четырьмя каменьи простыми; три двойные червонные золотые;

серьги съ коначками съ алмазцами, въ чистомъ золотѣ;

серьги съ коначками съ красными яхонты и съ изумруды, въ золотѣ;

серьги съ коначкомъ съ яхонты красными и лазоревыми, въ золотѣ, съ зернами; жемчужины бурминскія на подвѣскахъ, два каменя изумруды;

серьги съ коначками въ золотѣ на подвѣскахъ, да шесть изумрудовъ;

серьги двойныя на кольцахъ съ каменьемъ простымъ серебряныя, на нихъ восемь зернь кафимскихъ;

корольки большіе, что были на мониcтѣ.

Платье женское:

Лѣтникъ атласный желтый, во швы шитый по красному бархату аксамитнымъ швомъ серебромъ съ золотомъ, подбитъ киндякомъ алымъ;

лѣтнихъ объяринной, во швы бархатъ зеленой, травы серебряныя, подбитъ киндякомъ желтымъ;

тѣлогрѣя атласная, алая, кружево серебряное нѣмецкое, на ней двадцать четыре пуговицы серебряныхъ, золоченыхъ; подложено киндякомъ алымъ:

тѣлогрѣя красная атласная, кружево золотое кованое; безъ пуговицъ, подложена киндякомъ алымъ;

шуба бѣлая, камчатая, травы золотныя, безъ кружева, мѣхъ черевій бѣлій, опушена бобромъ, двѣ пуговицы серебряныя, золоченныя;

тѣлогрѣя объяринная, серебрянная, бѣлая, по ней травы золотыя, кружево большое нѣмецкое съ городы; двадцать четыре пуговицы серебряныя, золоченыя, съ финифтью, подложена тафтою красною;

шуба алтабасная золотая, травы серебряныя, кружево большое нѣмецкое серебряное, мѣхъ хребтовый соболій, одинадцать золотыхъ пуговицъ съ чернью;

тѣлогрѣя алтабасная серебряная, травы золотыя, кружево большое нѣмецкое серебро съ золотомъ съ городами, подпушка камка красная, подложена камкою желтою;

шуба столовая бархатная, травы на ней серебро съ золотомъ, подложена тафтою желтою;

шуба атласъ цвѣтной, земля бѣлая, травы золотныя съ разными цвѣты, кружево большое нѣмецкое золотое съ городами, мѣхъ пупки собольи, двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ съ финифтью, опушена бобромъ;

шуба атласная красная, кружево большое золотое нѣмецкое съ городами, двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ съ финифтью, мѣхъ соболій хребтовой;

шуба обьярь красная, травы золотныя, кружево серебряное большое нѣмецкое съ городами, мѣхъ горностаевой, пуговица серебряная золоченая, сканная;

шуба обьярь серебряная бѣлая, травы золотныя, кружево золотое съ серебромъ широкое нѣмецкое съ городами, 20 пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ, мѣхъ пупки собольи;

шуба обьярь рудожелтая, травы серебряныя, кружево серебряное нѣмецкое съ городами, двѣнадцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ съ финифтью, мѣхъ хвостинчатый соболій опушевъ бобромъ;

тѣлогрѣя объяринная осиновая, трава по ней золото съ серебромъ, кружево золотое съ городами, 24 пуговицы серебряныхъ, золоченыхъ, подложена кумачемъ зеленымъ;

дылея рудожелтой камки, хребтами лисьими подшита;

тѣлогрѣя обьярь золотая, травы золото съ серебромъ, 22 пуговицы серебряныя золоченыя, подложена киндякомъ зеленымъ, кружево нѣмецкое золото съ серебромъ;

тѣлогрѣя *изарбаѳная* (?) красная, травы золотныя, кружево золото съ серебромъ нѣмецкое, 16 пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ, подложена киндякомъ алымъ;

тѣлогрѣя бѣлая атласная, кружево нѣмецкое золоченое, 22 пуговицы серебряныя золоченыя, подложена бязью бѣлою.

лѣтникъ аксамитной, травы золото съ серебромъ, во швы по черному бархату шиты высокимъ швомъ золотомъ и серебромъ;

одѣяло пластинчатое соболье, мѣрою въ подолѣ трехъ аршинъ безъ четверти въ ширину два аршина съ четвертью, покрыто атласомъ краснымъ, по атласу шиты травы волоченымъ золотомъ;

одѣяло хребтовое песцовое, черное, покрыто изарбаѳомъ рудожелтымъ травчатымъ цвѣтомъ;

треухъ аксамитной золотной, травы серебряныя, опушенъ соболями, подложенъ объярью золотою;

камки зеленой 9 аршинъ.

Бѣлаго платья:

18 кисей разныхъ;

три постели:

простыня золотомъ и серебромъ съ цвѣтами шитая, а къ нему наволочки три одного шитья;

простыня зеленымъ шелкомъ съ золотомъ шитая, а къ нему шесть наволокъ;

простыня краснымъ шелкомъ съ золотомъ густо шито, къ нему шесть наволочекъ;

три постели краснаго полотна, шитая съ травами, ко всякой по четыре наволочки;

рубашекъ золотомъ шитыхъ пять; да пять рубахъ золотомъ и серебромъ шитыхъ, да разной еще работы двѣ рубашки;

пять скатертей.

Да сверхъ росписи московской отдано:

шестнадцать сорочекъ;

девять килимовъ турскихъ;

десять среднихъ ковровъ, не самоотборныхъ;

ножницы, турскія работы, съ двѣма ножиками, ветхіе;

три косяка рубиковъ;

косякъ полотна шпанскаго;

полтора свертка московскаго полотна;

полсвертка простаго полотна;

одѣяло красное атласное, а по немъ цвѣты золоченымъ золотомъ шитыя къ нему златоглавныхъ три наволочки;

зерцало большое московскаго дѣла;

два занавѣса; одно златоглавное красное, держаное, другое бѣлое, также златоглавное, ветхо;

одѣяло турское, Болское (?), Безинное (?);

коверъ здѣшняго дѣла;

наволка большая перинная камчатая, желтая;

двѣ перины большія.

шесть пудъ олова, изъ котораго вѣсу полумисковъ большихъ и малыхъ 88 тарелокъ.

Въ составъ этой росписи, судя по словамъ Н. И. Костамарова [1]) вошли не только вещи приданаго Прасковьи Ивановны, но и подарки, которые дѣлала старшина по случаю свадьбы гетманской до-

[1]) Н. И. Костомаровъ: Ист. мон. и изсл. т. XV стр. 642, 1882 г.

черк. Изъ челобитья боярина Ѳеодора Петровича Шереметева оказывается нѣчто иное. По низложеніи Самойловича съ гетманскаго уряда, когда правительство приказало описать все его имущество, въ Москву стали поступать челобитныя о возвращеніи имъ изъ имущества бывшаго гетмана тѣхъ вещей, которыя были будто бы взяты гетманомъ силою или угрозами. Началась раздача гетманскаго имущества. Тогда и Шереметевъ, не желая терять приданое жены, въ свою очередь подалъ челобитную, въ которой писалъ, что лица, присланныя Самойловичемъ для принятія приданаго, платья, низанья и всякой ссребряной посуды, взяли все, „да не токмо что онъ бывшій гетманъ Ив. Самойловъ далъ за дочерьею своею, тѣ его присыльные люди то все взяли, и его многое платье, и всякой рухляди и домашняго заводу, и сосудовъ серебряныхъ и мѣдныхъ и оловянныхъ взяли много; а онъ въ то число, какъ они были присыльные люди брали жены его приданые животы, лежалъ при смерти, безъ памяти". По челобитной Шереметева состоялся слѣдующій указъ: „196 (1687) г. Октября въ 15 д. Великіе государи, слушавъ сего челобитья и выписки, пожаловали боярина Ѳедора Петровича Шереметева да сына его Василья, велѣли приданое жены его, боярыни Прасковьи Ивановны, которое, по ихъ великихъ государей указу, отдано было на сбереженье отцу ея, бывшему гетману Ивану Самойлову, по росписи до вырослыхъ лѣтъ сына его, боярина Ѳедора Петровича, Василья, отдать нынѣ все по той росписи ему боярину Ѳедору Петровичу и сыну его Василью. И о томъ указали великіе государи послать своихъ великихъ государей грамоты и съ росписью къ гетману Ивану Степановичу Мазепѣ и къ Семену Неплюеву, и къ дьяку Михаилу Жаденову".

А. Востоковъ.

Рядная приданому,

данному графомъ Ильею Андреевичемъ Безбородко за дочерью его Клеопатрою Ильиничною, которая вышла въ замужество за князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго въ ноябрѣ 1811-го года.

1. Серебра 20 пудъ 37 фунтовъ на . . . . 87.082 р.
2. Бриліантовъ и жемчуговъ на . . . . 176.793 р.
3. Фарфору и стеклянныхъ вещей на . . . . 15.657 р.

4. Бронзовыхъ картинъ, мебелей, комнатныхъ уборовъ и экипажей на . . . . 51.115 р.
5. Гардеропу, платья крожева и прочее . . . . 99.775 р.

430.422 р.

6. Кретьянъ въ подольской губерніи 3.128 душъ.

Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ.

№ отцовскій.

Колѣно 1.

1) Предокъ Кочубеевъ, крымскій татаринъ Кучукъ-Бей, выѣхалъ въ Малороссію въ половинѣ XVII в. и принялъ православіе подъ именемъ Андрея.

Колѣно 2.

2) Леонтій Андреевичъ, молороссійскій войсковой товарищъ 1

Колѣно 3.

3) Василій Леонтіевичъ, малороссійскій генеральный писарь † 14 іюня 1708 г.; женатъ на Любови Федоровнѣ Жученко 2

Колѣно 4.

4) Василій Василіевичъ, полковникъ полтавскій, женатъ на Янковской 3

5) Ѳедоръ Василіевичъ. 3

Анна Василіевна за Обидовскимъ. 3

Матрена Василіевна (крестница гетмана Мазепы) за генеральнымъ судіею Чуйкевичемъ 3

Колѣно 5.

6) Семенъ Василіевичъ, генеральный обозный, членъ Малороссійской коллегіи, потомъ тайный совѣтникъ . . . 4

7) Василій Василіевичъ, женатъ на Марфѣ Демьяновнѣ Оболонской 4

8) Павелъ Василіевичъ, † 1780 г. женатъ на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко 4

№ отцовскій.

9) Петро Василіевичъ 4

Анна Василіевна, замужемъ за Степаномъ Василіевичемъ Томарою 4

Колѣно 6.

10) Михаилъ Семеновичъ, женатъ на Агафіѣ Степановнѣ Лашкевичъ 6

Надежда Семеновна, за полковникомъ Потемкинымъ. 6

11) Василій Василіевичъ, женатъ на Еленѣ Василіевнѣ Туманской † 1836 г. въ г. Орлѣ 7

Елизавета Василіевна за Иваномъ Андреевичемъ Марковичемъ 7

12) Аполлонъ Павловичъ, камергеръ 8

13) Викторъ Павловичъ, съ 1799 г. 4 апрѣля *графъ*, съ 6 дек. 1831 г. князь, дѣйств. тайн. сов. и съ 1834 г. госуд. канцлеръ, председатель Государственнаго совѣта, р. 11 ноября 1768 г., † 2 іюня 1834 г., женатъ на Маріѣ Василіевнѣ Васильчиковой 8

Аграфена Павловна за бригадиромъ Алексѣемъ Фроловымъ Багрѣевымъ.

Александра Павловна, р. 1772 г., † 1838 г., замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ, р. 1765 г., † 1828 г.

Колѣно 7.

14) Семенъ Михайловичъ, дѣйст. ст. сов., женатъ на Прасковьѣ Яковлевнѣ Бакуринской 10

15) Василій Василіевичъ, р. 1784 г. † 1845 г., тайный совѣтникъ, женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Рахмановой . . 11

16) Демьянъ Василіевичъ, р. 1787 г., † 1859 г. 19 апр. дѣйств. тайн. сов., членъ Государственнаго совѣта. 11

17) Александръ Василіевичъ, р. 1788 г.,† 1866 г., дѣйств. тайн. сов., членъ Государственнаго совѣта 11

18) Аркадій Василіевичъ, р. 1790 г. † 1878 г. 4 марта дѣйств. тайн. сов., почетный опекунъ, сенаторъ, женатъ на княжнѣ Софіѣ Николаевнѣ Вяземской 11

№ отцовскій.

Елена Василіевна, р. 1793 г. † 1862 г., замужемъ за дѣйств. ст. совѣт. Алексѣемъ Ивановичемъ Масоровымъ † 1848 г. 11

19) Графъ, съ 1834 г. князь Левъ Викторовичъ, р. 1810 г. тайный совѣтникъ, съ 1839 г., женатъ на Елизаветѣ Василіевнѣ Кочубей (см. № 15), р. 1821 г. 13

20) Графъ, съ 1834 князь Василій Викторовичъ, р. 1 янв. 1811 г. † янв. 1850 г. дѣйств. стат. сов. камергеръ, женатъ на Еленѣ Павловнѣ Бибиковой, р. 1812 г. въ первомъ бракѣ бывшей за кн. Эсперомъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, нынѣ кавалерственная дама. Статстъ дама и гофмейстерина Ея Величества † 15 Февр. 1888 г. 13

21) Графъ, съ 1834 г. князь Михаилъ Викторовичъ, р. 1816 г., † 1876 г., тайный совѣтникъ, гофмейстеръ, женатъ въ первый разъ на княжнѣ Маріѣ Ивановнѣ Барятинской, р. 1818 г. † 1843 г., второй разъ на дочери французскаго актера Брессанъ, принявшей православіе Александрѣ Петровнѣ, по смерти мужа вышла замужъ за французскаго префекта Д'Артигъ 13

22) Графъ, съ 1834 г. князь Сергій Викторовичъ, род. 1819 г., † 1880 г., статскій совѣтникъ, женатъ на Софіѣ Александрѣ Бенкендорфъ, † 1864 г., въ первомъ бракѣ бывшей за Павломъ Григоріевичемъ Демидовымъ 13

Графиня Наталія Викторовна, р. 1800 г. † 1854 г. замужемъ за генералъ-адъютантомъ графомъ Александромъ Григоріевичемъ Строгоновымъ, р. 1793 г. 13

Колѣно 8.

23) Николай Семеновичъ, † 1870 г. душевно больной въ Пануровкѣ. 14

24) Василій Василіевичъ † 1878 г., женатъ въ первый разъ на Надеждѣ Михайловнѣ Маркевичъ, второй на Маріѣ Ивановнѣ Драгневичъ 15

Елизавета Василіевна р. 1821 г., замужемъ съ 1839 г. за княземъ Львомъ Викторовичемъ Кочубеемъ 15

Елена Василіевна р. 1822 г., замужемъ за генералъ-

№ отцовскій

адъютантомъ Константиномъ Григорьевичемъ Ребиндеромъ † 1881 г. 15

Екатерина Василіевна р. 1824 г., замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ 15

25) Петро Аркадіевичъ род. 17 іюня 1825 г., дѣйств. ст. сов., предсѣдатель Императорскаго Техническаго Общества, женатъ съ 14 янв. 1851 г. на Варварѣ Александровнѣ графини Кушелевой-Безбородко, р. 1829 г. 21 дек. 18

26) Василій Аркадіевичъ р. 1826 г., камергеръ, статск. сов., женатъ въ первый разъ въ 1853 г. на свѣтлѣйшей княжнѣ Наталіи Петровнѣ Салтыковой, второй разъ въ 1878 г. на графинѣ Маріѣ Алексѣевнѣ Капнистъ 18

27) Николай Аркадьевичъ † 1865 г., надв. сов., женатъ въ первый разъ на Екатеринѣ Аркадіевнѣ Столыпиной † 1855 г., второй разъ въ 1857 г. на Еленѣ Сергіевнѣ Волхонской, дочери декабриста, бывшей въ первомъ бракѣ, за Молчановымъ, а теперь вдова Рахманова 18

Княжна Марія Василіевна, р. 1848 г., замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Петромъ Павловичемъ Дурново . . 20

Княжна Елена Василіевна, р. 1849 г. за дѣйств. ст. сов. Всеволожевымъ 20

28) Михаилъ Николаевичъ р. 1864 г.. 27

29) Князь Левъ Михайловичъ . . . .

30) Князь Викторъ Михайловичъ. . . . .

Княжна Маргата Михайловна, фрейлина Ея Величества 21

31) Князь Александръ Михайловичъ р. 1869 г. . . .

32) Князь Викторъ Сергіевичъ р. 1860 г. Кавалерг. Е. В. п. поручикъ. . . . .

33) Князь Василій Сергіевичъ, р. 1861 г., адъютантъ В. К. Владиміра Александровича, женатъ на дочери испанскаго фельдмаршала герцога Серано, Пепитѣ Серано . . . 22

Колѣно 9.

34) Леонтій Василіевичъ . . . .

35) Василій Василіевичъ 24

Варвара Василіевна. . . . .

		№ отцовскій.
36) Александръ Петровичъ	въ дѣтствѣ умерли	25
37) Аркадій Петровичъ		
38) Демьянъ Петровичъ.		
Софія Петровна.		
Любовь Петровна, р. 22 сент., † 20 марта 1884 г.		25
39) Василій Петровичъ р. февр. 1868 г.		25
40) Аркадій Василіевичъ †		26
41) Петръ Василіевичъ † 1879 г.		
42) Демьянъ Василіевичъ †		
43) Петро Василіевичъ р. 1880 г.		
44) Василій Василіевичъ р. 1882 г.		
45) Николай Василіевичъ р. 1884 г.		26
46) Сынъ князя Василія Сергѣевича		33

Графъ **Г. А. Милорадовичъ.**

О богатыряхъ.

Въ устныхъ памятникахъ народнаго творчества великоросса замѣчено два типа богатырей: бегатыри былинные и богатыри сказочные. Первые, надѣленные сверхъестественной физической силой, группируясь около стольнаго кіевскаго князя Владиміра—Краснаго Солнышка, дѣйствуютъ на полу-исторической почвѣ; вторые же проявляютъ себя исключительно въ фантастической сферѣ и зачастую не личной физической силой, а съ помощью разныхъ волшебниковъ, собственныхъ коней, звѣрей, птицъ и т. п. Былинные богатыри, какъ гласитъ поэтически переложенное Л. Меемъ народное преданіе, перевелись на Руси черезъ свою заносчивость. Перебивъ разъ „силу басурманскую“, они возгордились и потребовали—

Подавай намъ силу, нездѣшнюю
Мы и съ тою силою; витязи, справимся!

На этотъ гордый вызовъ „слетѣли вдвое воителей“. Первымъ бросился на нихъ Алеша Поповичъ и разрубилъ обоихъ пополамъ, но ихъ

Стало четверо—и живы всѣ.

За Алешею кинулся Добрыня, затѣмъ и самъ Илья Муромецъ; стали „Силу колоть—рубить“, а сила за каждымъ ударомъ меча,—все удвоятся и удвоятся, наконецъ—

Бросились на Силу всѣ витязи,
Стали они Силу колоть—рубить...
А Сила все растетъ—да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.

Бились такъ богатыри „три дня, три часа, три минуточки", не могли одолѣть Силы и испугались—

Испугались могучіе витязи;
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окамѣнѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси.

О судьбѣ же великорусскихъ сказочныхъ богатырей, что съ ними сталось теперь, мы ничего не знаемъ.

Такое жъ подраздѣленіе богатырей замѣчается и у малоросса. Причемъ былиннымъ великорусскимъ богатырямъ, какъ кажется, будутъ *соотвѣтствовать* такіе украинскіе *лыцари*, какъ Самійло Кишка, пробывшій сорокъ лѣтъ въ турецкой неволѣ, извѣстный бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Палій, жаботинскій сотникъ Харько и вообще всѣ запорожцы, въ понятіяхъ современнаго украинца превратившіеся въ лыцарей—богатырей. Къ тому же послѣдніе по одному украинскому преданію, подобно былиннымъ богатырямъ, изчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ. Но украинскіе лыцари—личности вполнѣ историческія, притомъ сравнительно недавняго времени и дѣйствовавшіе не съ помощью своей личной гомерической силы, а болѣе таинственными знаніями и находчивостью. Такъ, тамъ, гдѣ бы былинный богатырь избилъ „силу рать великую" собственноручно, Семенъ Палій наводитъ *ману*, какъ напр., на шведское войско, вслѣдствіе которой оно и истребляетъ само себя. Какъ личности вполнѣ историческія, они сошли со сцены естественнымъ путемъ, если не считать преданія о гибели запорожцевъ. На сколько различаются былинные богатыри великоросса отъ украинскихъ историческихъ лыцарей своими пріемами борьбы и правдоподобностью, на столько сказочные богатыри обѣихъ народностей имѣютъ сходственныхъ чертъ, а иногда положительно тождественны. Только у великоросса сказочные богатыри перешли уже въ область миѳовъ, а у малоросса они являются личностями вполнѣ реальными, существующими и дѣйствующими нынѣ. Украинскія старухи непреложно вѣрятъ, что скоро явится богатырь „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ".

истребитъ зло и неправду на землѣ и водворитъ добро и правду. Между ними ходятъ таинственнные слухи, что тамъ то и тамъ онъ уже являлся людямъ... По народнымъ понятіямъ богатыри являются и теперь; назначеніе ихъ охранять христіанскую землю отъ Зміевъ и другой темной силы, гнѣздящейся гдѣ-то по окраинамъ православнаго царства—„у пущахъ". Но лучше приведу нѣсколько разсказцевъ о происхожденіи и свойствахъ такихъ богатырей, почерпнутыхъ прямо изъ устъ народа въ различныхъ мѣстахъ Екатеринославщины.

Багатыри жывуть десь тамъ, де пущы, та стережуть нашу землю одъ зміивъ; отто якый змій прорвется, то багатырь поженется за нымъ та и вбье.

Не докажу—чы воны вмерають, чы ни, а тилко выходять зъ насъ. Выйдуть ёму лита, то винъ прояве себе—тай скрыется.

Багатырь усе одно якъ святый, ёго не побачышъ. Разъ у Марнополи (Маріуполь) торговкы на базари бачылы—йшовъ багатырь. Такъ тилко картузыкъ пиднявъ проты церквы, перехрестывсь—тилко ёго и бачылы. И коня вивъ за собою,—такъ и коня, якъ багатыря, заглядилы на одну мынуту.

У багатыря и кинь багатырськый. Разъ прыбывсь такый кинь до табунщыкивъ, такъ що вже воны ёму не робылы, куды не заганялы, хочь яка тамъ высока загата—перескоче и канатъ ниякый не здерже; такъ и подавсь десь. Та вже дни черезъ тры проходывъ тамъ чоловикъ та пытавъ того коня, отто жъ багатырь шукавъ его по соби.

А то разъ заихавъ чоловикъ у шынкъ, а коня до порога прыпьявъ. Такъ покы винъ тамъ у шынку пывъ, а кинь такый здоровенный каминь коло порога на попилъ побывъ. Тоди вже, якъ поихавъ той чоловикъ, та побачылы, що кинь каменю зробывъ—и взналы, що то йшовъ багатырь.

Коня багатыреви выиздыть святый Юрій. Отто бува въ табуни, або де на конюшни задается такый кинь, що якъ ёго не глядять, а винъ, гляды, все и утече. Тамъ вже черезъ ничь, чы черезъ день—або самъ прыбижыть, або люде де знайдуть; тожъ винъ и бигавъ до св. Юрія у науку. Такого коня чы продай, чы проминяй, бо все одно толку зъ ёго не буде. Або самъ забижыть, або такъ пропаде—щось задаве.

Багатырь якъ стоить коло пущивъ, то ёму коня не треба, а вже якъ поженется за зміемъ, то его кинь самъ найде.

Бувъ у вдовы хлопець та такый не оновирный, усяке ёго було подужа и попобье. Отъ вышло ёму годъ 12, чы 14—попобывъ его хтось. Винъ тоди догнавъ того, знявъ зъ ёго шапку, пиднявъ плечемъ вуголъ у комори, поклавъ туды шапку и надавывъ ту шапку, а самъ не знать де зъ того часу и дився.

А то у друге—тежъ хлопчакъ служывъ у хазяина. Поихалы воны разъ колодкы возыты. Отто навалылы та и загрюзылысь десь у бакаи. Той хазяинъ ажъ плаче та того хлопчака лае за те, що не оберигся. А той слухавъ, слухавъ, та якъ узявъ колоду за комель, пидвивъ проты себе, якъ свичку, та якъ ударе комлемъ у землю—такъ та колода на сажень у землю и ввійшла. Тоди и подавсь, куды ёму було треба.

Разъ прывозе наймытъ до млына мишкы, а мырошныкъ не прыйма. Той узявъ та прямо зъ воза и покыдавъ ему ти мишкы—ажъ на гору у викно, де кишь, тай поихавъ до дому. А тіижъ ночы зъ того млына шось повытаскувало каминня та геть на гору и закотыло. А того наймыта зъ того часу нихто и не бачывъ.

Ив. Манджура.

Слѣды велико-княжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ.

Возвышенность, на которой расположенъ Старый Кіевъ, даетъ отъ себя съ сѣверо-западной стороны нѣсколько отроговъ, вдающихся въ низменность Подола. На одномъ изъ этихъ отроговъ, наиболѣе длинномъ, находится въ настоящее время Флоровскій женскій монастырь. Собственно на горѣ находится только часть построекъ монастыря, большинство же ихъ расположено у подошвы горы. Возвышенность эту зовутъ теперь Флоровской горой, иногда Киселевкой. Прежде гора эта называлась Замковой горой, вслѣдствіе того, что на ней находился кіевскій замокъ. Замокъ этотъ существовалъ уже въ первой половинѣ XV вѣка; онъ былъ выстроенъ изъ дерева, подвергался нѣсколько разъ пожарамъ, вновь отстраивался, и можно предположить, что совершенно былъ уничтоженъ въ половинѣ XVII ст. Въ настоящее время отъ замка никакихъ слѣ-

довъ не осталось. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, обнаружены слѣды болѣе древней эпохи.

Въ оградѣ Флоровскаго монастыря на вершинѣ горы, съ сѣверной стороны ея, находится монастырское кладбище. При копаніи могилъ обнаружено, что почва на нѣсколько аршинъ вглубь состоитъ изъ мусора, въ которомъ попадаются куски тонкаго кирпича въ 1 вер. толщины, характерный для велико-княжеской эпохи цементъ, куски шифера и различной величины валуны. При рытьѣ одной могилы, на глубинѣ приблизительно $2^1/_2$ арш. найдена большая шиферная плита $3^1/_4$ арш. длины, 1 арш. съ немногимъ ширины и 2—$2^1/_2$ верш. толщины. Въ этомъ же мусорѣ находились куски битой посуды, угли и обломки костей.

На склонѣ горы, за оградой, съ сѣверной же стороны, находится ложбина. Бока этой ложбины, вслѣдствіе дѣйствія воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пообвалились и здѣсь видно, что почва, начиная съ поверхности и простираясь вглубь иногда на 2 сажня, состоитъ изъ смѣси золы, углей, которые попадаются и цѣлыми слоями, костей человѣка и различныхъ животныхъ, въ томъ числѣ и рыбъ. Попадаются также въ большомъ числѣ черепки отъ посуды, нѣкоторые очень грубой ручной работы, съ незатѣйливой орнаментикой. Тамъ же найдено:

1) 25 кусковъ браслетовъ и колецъ изъ т. н. византійскаго стекла, различныхъ цвѣтовъ.

2) двѣ бусы изъ сердолика, одна круглая, другая продолговатая граненая.

3) 6 стеклянныхъ бусъ различной формы.

4) половина шиферной, грубо сдѣланной бусы.

5) 4 обломка бронзовыхъ украшеній.

6) обломокъ бронзоваго сосуда.

7) кусокъ бронзоваго пояса.

8) бронзовый крестикъ.

9) желѣзный наконечникъ дротика.

10) 4 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, разной формы.

11) 2 желѣзные ножика.

12) шиферная пряслица и 8 половинокъ костяныхъ пряслицъ; относительно этихъ послѣднихъ нужно замѣтить, что само производство ихъ было тутъ же на горѣ, такъ какъ тамъ найдена четыреугольная костяная пластинка съ просверленной дырочкой и обведеннымъ контуромъ, предназначавшаяся для пряслицы.

Совершенно такой же характеръ носятъ обнаженія и съ юго-западной стороны горы.

Эти данныя даютъ намъ право предположить: во первыхъ, что на вершинѣ горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ выкапываются въ большомъ количествѣ куски кирпичей, цементъ, куски шифера и валуны, могло находиться въ великокняжескую эпоху какое нибудь зданіе, можетъ быть церковь, болѣе ясные слѣды котораго могутъ скрываться подъ однимъ изъ бугровъ, находящихся на вершинѣ горы. Во вторыхъ, что гора Киселевка была обитаема въ велико-княжескую эпоху и отброски пищи жителей горы, перемѣшанные съ остатками различныхъ предметовъ, обнаружены на сѣверномъ и юго-западномъ склонахъ, которые служили мѣстами сбрасываніе сора.

Что касается нашей первоначальной лѣтописи, то она не даетъ прямаго указанія по интересующему насъ предмету, и въ виду вообще запутанности вопроса о топографіи древняго Кіева, трудно сдѣлать даже болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе о томъ, что именно находилось въ великокняжескую эпоху на горѣ Киселевкѣ.

Ник. Бѣляшевскій.

Черниговъ 80 лѣтъ [1]) тому назадъ.

(Замѣтки старожила).

Воспоминанія дней дѣтства нерѣдко освѣжаютъ колоритъ давноминувшаго до мелочныхъ подробностей, смотря потому, какой предметъ тронетъ нервъ съ нарѣзкою впечатлѣнія.

Кажется, будто бы недавно (80 лѣтъ) я началъ помнить Черниговъ, въ которомъ тогда только было двѣ улицы, удобныя для свободнаго проѣзда двухъ повстрѣчавшихся экипажей: улица Александровская и Гончая. Остальные переулки уподоблялись своими извилинами своенравному теченію ручьевъ, завися совершенно выступами и уступами отъ произвола хозяевъ, которыхъ мѣста прилегали къ этимъ жиламъ внутренняго сообщенія. Правда, стояли уже вехи, означающіе предназначенное планированіе города, но это ни сколько не мѣшало Чернигову дымиться изъ подъ навѣсовъ соло-

---

[1]) Настоящія интересныя замѣтки перепечатаны изъ „Черниг. Губ. Вѣд“ 1851 г., № 1, гдѣ они названы—„Черниговъ за 45 лѣтъ“.

менныхъ крышъ, покрывавшихъ почти три четверти города. Нѣкоторые мѣщане старожилы, глядя на вехи, грозящія или сноскою домовъ, или разрѣзомъ дворовъ ихъ, признавали въ этомъ одно своеволіе и личность землемѣра. Во многихъ мѣстахъ еще стояли полуразвалины потухшихъ винокурень, осѣненныя густыми рощами спасовскихъ грушъ и бергамотовъ.

Всѣ форштаты тогдашняго города представляли дичь и глушь.

Московская слобода (составляющая нынѣ кварталъ города внизу противъ церкви св Екатерины), тогда исключительно была заселена нижними воинскими чинами по близости къ крѣпости и жилищу коменданта. Слобода Лѣсковица, смежная съ нею, простиралась, низомъ, до церкви св. Иліи и была заселена торговками, хлѣбницами, булочницами, бубличницами, рыболовами, штатными служителями Елецкаго монастыря и разными мастеровыми людьми, принадлежащими къ сословію мѣщанъ. Лѣсковица тянулась у подножія Болдынскихъ горъ и названіе свое получила отъ густыхъ орѣшниковъ, на срубѣ которыхъ поселились жители. Орѣховый кустъ по малороссійски называется дерево лѣсковое.

Слобода Ковалёвка, составляющая нынѣ сѣверный крайній кварталъ Чернигова, тогда была заселена сплошь одними кузнецами.

Волчья слободка (нынѣ небольшой кварталъ у кіевской заставы) тогда была совершенно отдѣльный отъ города хуторъ, обитаемый нищими и всякою сволочью.

Тогдашніе мѣщанки черниговскія, жившія по этимъ слободамъ, славились бойкостью и языкатостью: при появленіи на слободѣ квартальнаго надзирателя, если это нашествіе сопровождалось хотя малѣйшимъ нарушеніемъ или измѣненіемъ чего нибудь, угоднаго мѣщанскимъ привычкамъ и обычаямъ, высыпала на улицу толпа бабъ въ синихъ бумажныхъ колпакахъ, съ засученными рукавами, въ зеленыхъ байковыхъ исподницахъ съ черными мушками. При спорѣ одной съ квартальнымъ надзирателемъ, другія сосѣдки сначала вслушивались въ сущность рѣчи, а потомъ уже, понявъ, въ чемъ дѣло, поднимали такой гамъ, сопровождаемый маханіемъ рукъ, сверканіемъ очей и непобѣдимостью позъ, что господинъ квартальный, признавая невозможнымъ одержать побѣду, обращался вспять для подкрѣпленія себя сикурсомъ десятскихъ, которые и брали главную зачинщицу въ часть, откуда она освобождалась по ходатайству мужа, приходившаго хлопотать за свою храбрую половину, имѣя за пазу-

хою нѣкоторое возвышеніе, котораго на обратномъ пути уже не замѣчалось.

По темнымъ переулкамъ черниговскимъ весною и осенью грязь бывала знаменитая. Чопорныя мѣщанки, идя въ праздникъ къ обѣднѣ, поднимали синіе китайчатые шушуны; за то уже доставалось черевикамъ (башмакамъ) и синимъ шерстянымъ панчохамъ (чулкамъ) съ красными полосками.

Въ то время въ Черниговѣ весьма было мало большихъ экипажей и именно каретъ. Случалось, во время пріѣзда въ Черниговъ незабвеннаго благодѣтельнаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Борисовича Куракина, супруга его дѣлаетъ визиты и тогда, при появленіи въ переулкѣ кареты съ двумя форейторами, поднималась такая суматоха, описаніе которой теперь не почтутъ за правду. Впереди, бывало, скачетъ верхомъ частный приставъ, за нимъ на дрожкахъ полиціймейстеръ, Карлъ Борисовичъ Саксъ, маленькои человѣчекъ съ большими голубыми глазами, въ рыжемъ парикѣ. Встрѣчаются возы съ сѣномъ, съ хлѣбными копнами, которыя жители города ввозили, имѣя, многіе изъ нихъ, при домахъ своихъ всѣ заведенія, присвоенныя сельскимъ усадьбамъ. Были мелкопомѣстные дворяне, которые жили въ Черниговѣ со всѣми своими крестьянами. Вселенія этихъ подгороднихъ владѣльцевъ, конечно, надобно отнести къ старымъ годамъ и именно къ тому времени, когда разношерстые враги часто осаждали Черниговъ и при сопротивленіи его становилось жарко окружнымъ селамъ и хуторамъ, изъ которыхъ жители и выбирались въ городъ, гдѣ была и крѣпость, и защита.

Возвращаюсь къ каретѣ княгини: пока успѣютъ уладить проѣздъ, она благосклонно и привѣтливо разговариваетъ съ простолюдинами, нисколько не гнѣваясь за остановку. Во время непродолжительнаго присѣста княгини въ домѣ, удостоенномъ ею посѣщенія, толпа народа соберется вокругъ кареты и, снявъ шапки, дивится богатому экипажу съ двумя вершниками. Княгиня входитъ въ карету и народъ кланяется супругѣ всѣми искренно любимаго вельможи.

Наступаетъ зима и мятели занесутъ бывало переулки выше плетней сугробами, разныхъ фантастическихъ формъ.

Вскроется весна и пойдутъ себѣ течь по Чернигову рѣчки и рѣки, избирая каждая свое прошлогоднее русло, т. е. переулокъ. Дѣти ставятъ на этихъ протокахъ мельнички, пока проѣздъ первой

телѣги не переломаетъ дѣтской забавы. Когда сбѣжитъ вода, оказываются ямы, провалья, канавы, которыя дѣятельная воля Сакса тотчасъ приказываетъ жителямъ завалить чѣмъ попало. Въ эти промоины, смотря по глубинѣ ихъ и вмѣстимости, бывало, улегаются разныя домашнія животныя, окончившія курсъ жизни, и весь навозъ, который лѣнь было вывозить на поля.

Назадъ тому 80 лѣтъ — время конечно неблизкое — а Карлъ Борисовичъ Саксъ удивлялъ тогда всѣхъ своимъ молодечествомъ въ полицейскомъ отношеніи: зналъ онъ лично каждаго мѣщанина, его семью и домашній бытъ. Зналъ на перечетъ всѣхъ плутовъ и воровъ и уже кто ему попадался, то не давалъ пардону.

Одна дама на балѣ у князя шепнула Саксу, что у нея, при входѣ въ переднюю, сдернули собольи хвосты. Карлъ Борисовичъ вышелъ въ переднюю и началъ водить большими глазами по лицамъ лакеевъ, которые смертельно боялись его. „Слышишь, кто изъ васъ недавно ѣздилъ или ходилъ домой и опять возвратился сюда?“ Удачно указали на одного, и именно на такого, который былъ по плутнямъ на дурномъ счету у полиціймейстера. „Ты отвезъ домой собольи хвосты!—заревѣлъ Саксъ: драгунъ! веди его домой, пусть принесетъ украденное; я ожидаю!“ Виновный поблѣднѣлъ и отправился съ драгуномъ, а чрезъ четверть часа воръ самъ положилъ хвосты въ треугольную шляпу полиціймейстера. „Дать ему сотню!“... крикнулъ Карлъ Борисовичъ... То пошло своимъ порядкомъ, а Саксъ, подойдя къ дамѣ, и, поднося граціозно шляпу, сказалъ: „ваши хвостики“.

Вотъ какой былъ Карлъ Борисовичъ! Жители любили его потому, что онъ былъ честенъ, доступенъ, справедливъ и строгъ. Любилъ онъ играть въ бостонъ и курить фарфоровую трубку съ резервуаромъ, вмѣщавшимъ въ себѣ добрую ложку табачной тинктуры. Домъ, гдѣ жилъ Саксъ, о сю пору еще существуетъ надъ оврагомъ, противъ воротъ Елецкаго монастыря. Почивайте, гдѣ вы легли, добрый Карлъ Борисовичъ, и да утѣшится душа ваша доброю памятью, которую сохранили знавшіе васъ.

Припоминая экипажи тѣхъ временъ, я вспомнилъ бричку губернскаго казначея. Никакъ не пойму и теперь — почему онъ носилъ польскій костюмъ, саблю и подбривалъ голову. Бричку его тогда почитали за экипажъ аристократическій, но какъ вспомнимъ теперь его форму, то это было нѣчто въ родѣ хлѣбнаго закрома на колесахъ и съ такимъ еще достоинствомъ, что на ходу, какъ гусли-

самоигры, она издавала разнотонные звуки. Ѣздили по городу дрожки, въ родѣ нынѣшняго S, только съ четырехъ-угольными мѣстами, на рессорахъ съ блоками, посредствомъ которыхъ поднимали кузовъ вслучаѣ пониженія. Были коляски многоугольныя: лимоннаго, померанцоваго, ярко-краснаго и свѣтло-зеленаго цвѣта. Бѣгали по городу дрожки: четыре неокованныя колеса съ доскою, покрытою килимомъ (ковромъ). Экипажъ не хитрый, но въ ту пору, какъ это казалось роскошно и удобно, несмотря на то, что ноги ѣдущаго бокомъ висѣли, и грязь, падающая съ колесъ, оклеивала сапоги и платье, которое тогда у такихъ ѣхавшихъ господъ бывало гороховаго, голубаго, свѣтлозеленаго, свѣтлолиловаго и, нерѣдко, ярко-краснаго цвѣта.

Хотя втеченіе этихъ восьмидесяти лѣтъ Черниговъ не сдѣлалъ гигантскаго шага къ улучшенію своей наружности; но, все таки, не зная старины, трудно теперь отыскать мѣста, на которыхъ тянулись первообразы переулковъ заселенныхъ тогда потомками древнихъ черниговцевъ, которые разселялись по улицамъ цѣлыми фамиліями. Зять селился обо—дворъ съ тестемъ; женатые сыновья отдѣлялись ниже, и такъ далѣе. Самая кипучая и населенная часть города, близь стараго базара и Пятницкой церкви, была изрѣзана переулками, гдѣ жили, старѣлись и оживали въ потомствѣ поколѣнія: Лопатъ, Грищенковъ, Лежней, Крутеней, Левошекъ, Калинскихъ, Колядинскихъ, Равичей, Орловъ, Довбишей, Зезюль, Калитокъ, Грибовъ, Пѣрниковъ, Перцовъ, Колбасъ и другихъ. Всѣ эти господа были ни болѣе, ни менѣе, какъ потомки тѣхъ черниговцевъ, которые въ старину рѣзались, кусались и щипались въ рукопашныхъ бояхъ съ печенѣгами, половцами, татарами и иною скверною гусеницею, нападавшею на Черниговъ, ради жажды крови и отъ нечего дѣлать. Много вражескихъ головъ смерть покосила въ стѣнахъ Чернигова, но все ему оттого не было легче: не успѣвали отбиться отъ одной стаи этихъ собакъ, какъ набѣгаетъ другая—и опять рѣзня.

При взглядѣ на нынѣшній Черниговъ, далеко отставшій наружностью отъ другихъ губернскихъ городовъ, слѣдуетъ воздержаться отъ произнесенія ему всякаго незаслуженнаго упрека: въ старину, какъ вѣдомо всякому, Чернигову было не до лѣпоты. Стоя какъ разъ на перепутьи враждебныхъ невеходовъ, его то разоряли, то жгли, и жители помышляли не о постройкахъ, а о цѣлости головъ. Въ позднѣйшее время язва выгубила народонаселеніе, а наконецъ, пожаръ, бывшій при гетманствѣ Скоропадскаго, обратилъ

Черниговъ въ одно сплошное пепелище. Если бы Скоропадскому не присовѣтовали приказать любецкимъ мѣщанамъ доставить въ Черниговъ, въ видѣ пособія, строеваго лѣсу, то жителямъ долго бы пришлось жить въ шалашахъ.

Мѣстное положеніе Чернигова при судоходной рѣкѣ Деснѣ, конечно, хотя и представляетъ удобство къ торговлѣ, но изъ Чернигова ни вверхъ по рѣкѣ, ни внизъ отправлять нечего и потому внѣшней торговли нѣтъ. Отъ соединенія почтовыхъ трактовъ городу также нѣтъ никакой пользы.

Ярмарки Евстафіевская и Крещенская, совпадая сроками съ ярмарками, бывающими въ другихъ городахъ, устраняютъ пріѣздъ сюда иногороднаго знатнаго купеческаго сословія, которому забиваться въ Черниговъ для малой торговли, имѣя въ виду обширную — не рука. О Десятой Пятницѣ бываетъ въ Черниговѣ порядочная хозяйская ярмарка, на которой окружные поселяне сбываютъ свои продукты и лишній скотъ. Эта же ярмарка снабжаетъ Черниговъ годовою пропорціею соленой рыбы, доставляемой поселянами харьковской и екатеринославской губерній.

Возвращаюсь къ прежнимъ днямъ Чернигова, о которыхъ я началъ и продолжаю рѣчь. Именно въ ту эпоху времени, которой я общимъ очеркомъ, слегка коснулся описаніемъ, остались мнѣ въ памяти вечера лѣтнихъ субботнихъ дней. Вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца, бывало, ходитъ по дворамъ человѣкъ 15 семинаристовъ 18, 8 и 7-ми лѣтняго возраста. Ихъ называли бурсаками. Ходили они въ синихъ пестрядиныхъ халатахъ и сюртукахъ такой длины, что закрывали босоножіе. Ставъ въ кружокъ посреди двора, они бывало поютъ согласнымъ хоромъ:

Боже! зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни и т. д.

По окончаніи жалобнаго канта, изъ средины этой толпы вырывается рѣзкій дрожащій дѣтскій голосокъ: „Борщику!“ Изобильно надѣляемые хозяевами, пѣвцы удалялись съ низкими поклонами. Даже и теперь не берусь я рѣшить вопроса: существенный ли недостатокъ въ пищѣ, или прихоть, необузданная сознаніемъ стыда, была поводомъ къ субботнимъ хожденіямъ, которыя, впрочемъ, дѣлались украдкою; — если же псаломники попадались на глаза своимъ прецепторамъ, то, говорятъ, бывало не ладно... Припоминая опять измятую и изорванную ихъ одежду, блѣдность и худобу, кажется не подлежатъ порицанію ходившіе по дворамъ, для выпѣванія пищи.

Странно, какъ слухи о субботнихъ пѣвцахъ не доходили до высшаго духовнаго начальства... Но, оставимъ это, и взглянемъ-те на другое отдѣленіе учащихся, на отдѣленіе дѣтей разныхъ сословій обоего пола гражданскаго вѣдомства. Вся эта смѣсь училась въ народномъ училищѣ. Пестрота одеждъ, неопрятность, непорядочность и въ массѣ, и отдѣльно производила самое непріятное впечатлѣніе.

Первое замерзаніе рѣки Стрижня и первое паданіе снѣга, всегда ознаменовывалось сраженіями, происходившими между семинаристами и учениками народнаго училища, питавшими безсознательную, непримиримую вражду. По первому льду, бывало, вечеркомъ, подкатываются подъ стѣны семинаріи, сначала зачинщики изъ учениковъ народнаго училища, стараясь вызвать семинаристовъ; завязывалась частная стычка, которую, подоспѣвшіе къ обѣимъ сторонамъ сикурсы, обращали въ кулачный бой до такого остервенѣнія, что если бы духовное начальство, узнавъ о баталіи, не розогнало ратоборцевъ, то это легко могло окончиться кончиною котораго нибудь...

Съ первымъ паденіемъ снѣга, возобновлялась драка въ снѣжки, въ средину которыхъ иные любители безразсудства вкладывали камушки, и, въ кого попадала такая снѣжная граната, тотъ получалъ надолго отвращеніе отъ храбрости...

Повторю еще, что масса народнаго училища была отвратительно неопрятна: нагольной тулубъ, байковая шинель, разорванная сермяга, пестрядинный сюртукъ, грязная, китайчатая кофточка на дѣвочкѣ въ изорванныхъ чулкахъ и башмакахъ, лицо и руки, растушованныя черниломъ, а потомъ, при выходѣ изъ класса, дикій гамъ, брани и драка на улицѣ—вотъ вамъ вѣрный очеркъ общей массы народнаго училища того времени. Помня давно минувшее, посмотришь, сравнительно, на нынѣшнія семинарію и уѣздное училище: семинарія—школа ученая, приготовляющая юношество для цѣли высокой служенія Олтарю Вседержителя, нынѣ образуетъ благонравную дружину, руководимую современно-образованными наставниками, несущими свой тяжкій трудъ сознательно съ памятованіемъ отвѣта передъ Господомъ за опущеніе долга. Новое поколѣніе духовенства, преобладая свѣтлыми качествами, составляетъ святую, правдивую и безмолвную похвалу источнику—изъ него же истекли іереи Бога Вышняго.

Перекинувъ взглядъ на нынѣшнее уѣздное училище (правнука описаннаго мною выше), вы видите въ этомъ разносословномъ сборѣ дѣтей одинъ благовидный строй: форменность одежды, опрятность, свѣтлыя личики дѣтей, сіяющія благонравіемъ, все говоритъ вамъ, что наставники знаютъ и любятъ свое дѣло—имъ же честь и похвала...

А. Л.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (№№ 106—140). *Кіевское Слово* (392—420). *Подольскія Епарх. Вѣдомости* (20—27). *Волынскія Епарх. Вѣдомости* (15—19). *Волынскія Губ. Вѣдомости* (28—42). *Екатеринославскія Губ. Вѣдомости* (37—49). *Одесскій Вѣстникъ* (142—189). *Южанинъ* (87—90). *Новороссійскій Телеграфъ* (4045—4126). *Крымъ* (27—42). *Черниговскія Губ. Вѣдомости* (40—48). *Харьковскія Губ. Вѣдомости* (125—158). *Южный Край* (2535—2566). *Смоленскій Вѣстникъ* (56—62). *Донъ* (53—56). *Донская Рѣчь* (53—68). *Червоная Русь* (54—71).

Кіевлянинъ №№ 106—140. 107. *Библіографическая замѣтка.* Рецензія на книгу А. Квачевскаго: „Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ. Варш. 1888".

108. Перепачатка изъ „Волыни" о найденномъ на бер. р. Жерева кладѣ.

109. Библіогр. замѣтка о „Notice sue l'église cathedrale de S-te Sophie de Kiew."

Реставрація Переяславскаго Собора.

Корреспонденція изъ с. Лѣсовичъ таращ. у. кіев. г. объ археологической находкѣ.

111. Переп. изъ Черн. Губ. Вѣд. Легенда о „Черной могилѣ".

112. Некрологъ Н. А. Ригельмана.

Историческое блюдо. О блюдѣ, подаренномъ св. Ольгою цареградскому патріарху.

Юбилейныя изданія. Рецензія на книжки: Въ память 900-лѣтія крещенія Руси и Рождествина, Откуда пошла русская земля и какъ она стала православною.

115. Археологическія раскопки проф. Ѳ. И. Кнауера въ Бессарабіи.

Библіографическая замѣтка о книгѣ Токмакова „Истор. — стат. описаніе г. Мглина".

117. Новинки Владимірскаго Собора.

Библіографич. замѣтка о книгѣ „Волынь“ изд. П. Н. Батюшкова.

118. Археологич. экскурсія студентовъ историко-филологич. фак. университета св. Владиміра подъ руководствомъ проф. А. В. Прахова.

122. Археологич. находки. О найденныхъ въ Кіевѣ кости мамонта и копьѣ великокняжеской эпохи.

Преданіе о дубѣ. Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд.

123. Некрологъ А. И. Гогоцкой, основательницы женской ремесл. школы въ Кіевѣ и издательницы газ. „Кіевскій Телеграфъ“.

134. Некрологъ С. П. Голубцова, попечителя кіевскаго учебнаго округа.

135. Экскурсія въ страну кургановъ. В. Гошкевича. О раскопкахъ въ окрестностяхъ селъ Носачева и Матусова кіев. губ. черкас. у

Кладъ. О найденной на Флоровской горѣ флягѣ съ водой и серебряными копѣйками Петра В.

136. Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд. о монетахъ, найденныхъ въ д. Басихиной стародубскаго у.

138. О древнихъ фрескахъ, открытыхъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ.

140. О фрескахъ Михайловскаго монастыря.

Рядъ замѣтокъ по поводу кіевскихъ торжествъ.

Кіевское Слово №№ 392—420. 393. *Волынскіе мужички въ Парижѣ*. А. Ц. Разсказъ о поѣздкѣ двухъ крестьянъ въ Парижъ къ помѣщицѣ для покупки земли.

394. Замѣтка о Сампсоніевскомъ фонтанѣ въ Кіевѣ, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ „лева“, и о церемоніи, которая совершалась около него до 1835 г. т. е. до отмѣны магдебургскаго права въ Кіевѣ.

396. Замѣтка о Цареконстантиновской церкви на Подолѣ,

398. Некрологъ Н. А. Ригельмана.

Замѣтка о блюдѣ св. Ольги. Перепечатка изъ „Новостей“.

400. Къ вопросу о блюдѣ св. Ольги, І. Августина.

401. Къ вопросу о реставраціи Богоявленскаго храма въ г Острогѣ.

403. Книжное и школьное дѣло въ волынск. губ.

Благотворительныя учрежденія волынск, губ.

408. Забытый уголокъ, С—скаго. Рѣчь идетъ объ Оболони и прилегающихъ къ Днѣпру улицахъ г. Кіева.

409. Некрологъ А. И. Гогоцкой.

Горные промыслы на Волыни.

410. О библіографическо археологич. выставкѣ въ львовскомъ Ставропигійскомъ институтѣ.

О находкѣ въ м. Макаровѣ кіевск. у. монетъ XVIII в. (русскихъ. польскихъ и прусскихъ).

414. Соборъ св. Владиміра.

418. Свято-владимірское братство въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

420. Некрологи попечителя кіевск. учебн. округа т. с. С. П. Голубцова и композитора Г. А. Лишина.

Рядъ замѣтокъ по поводу іюльскихъ торжествъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 №№ 20—27. 20. *О св. антиминсахъ конца XVII, XVIII и начала XIX столѣтій,* представленныхъ изъ разныхъ церквей подольской епархіи и хранящихся при крестовой архіерейской церкви (пр.) № 21 (стр. 484—495), № 22 (стр. 515—525), № 23 (стр. 541—553), № 24 оконч. (стр. 583—593) свящ. Созонта Лобатынскаго.

Высокопреосвященный Платонъ митрополитъ кіевскій (прод.) № 21 (стр. 496—512) № 22 (оконч. стр. 526—532) *А. Глухарева.*

Священникъ Ф. Ѳ. Петрусевичъ—біографія № 23 (стр. 554—567).

25. Житіе св. равноапост. князя Владиміра, нареченнаго въ святомъ крещеніи Василія, просвѣтителя всей Россіи (стр. 609—622), переводъ изъ Чет.—Мин. св. Димитрія Ростовскаго.

26—27. Десятый выпускъ воспитанницъ подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, (стр. 651—671) Отчетъ подольскаго семинарскаго Свято-Іоанно-Богословскаго братства за 7-й годъ его существованія (стр. 676—685).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 15—19. № 15 (стр. 529—541). Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.) *Ровенскій уѣздъ.* с. Пересопница, Понебыль, Сморжевъ, Суховцы, Хоцинъ, Шпановъ, Олексинъ (Великій), Ясеничи, Дятковичи, Андрусіевъ. № 16 (стр. 584—591) Бабинъ, Быстричи, Горынь-градъ, Губковъ, Людвиполь, Даничевъ, Дроздовъ, Великая-Клецка, Козлинъ, Коростятинъ. № 17 (стр. 613—622) с. Воскодавы, Липки, Малая-Любаша, Малыя-Селищи, Маренинъ, Устье, м. Межиричъ, с. Невирковъ, Щикичинъ, Погорѣловка, Друхово. № 18 (стр. 637—644) с. Рѣчица, Самострѣлы, Городыщи, Столпинъ, Сѣнное, Сѣніовъ, Витковъ, Красноселье, м. Тучинъ. № 19 (стр. 667—670) м. *Березно*, с. Бичаль, с. Постойно, с. Бѣлашевка, с. Ленчинъ.

№ 15. (стр. 546—553) Изъ попытокъ къ возсоединенію уніатовъ съ православною церковію до возсоединенія ихъ въ 1839 г. Уніатскіе архіепископы Ираклій Лисовскій и Іоаннъ Красовскій. № 16. (стр. 597—606)—Ч.

15. (стр. 553—557) Памяти І. Ив. Пигулевскаго, бывшаго смотрителя кременецкаго духовнаго училища.

19. Присоединеніе 225 чеховъ къ православію (стр. 681—684) Е. Палецкаго.

17. Библіографическая замѣтка о книгѣ Батюшкова „Волынь" (стр. 625—629).

15. (стр. 580—581) Лѣтопись текушихъ событій и разныя замѣтки Я. Ѳ. Головацкій—некрологъ.

15. (стр. 135—142) Предметный указатель содержанія неофиц. части Вол. Еп. Вѣд. за перв. 20 лѣтъ ихъ существованія. № 16 (стр. 143—158), № 17 (стр. 151—174), № 18 (стр. 175—182), № 19 (стр. 183—190).

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1888. №№ 28—42. 35. Къ хроникѣ атмосферныхъ явленій (о палевомъ дождѣ 9—10 мая 1888 г.) *Братчикова*

36, 38. Изслѣдованіе житомирскаго могильника—С. Гальченко, (прод. и оконч.)

42. Житоміръ. Къ исторіи городскаго благоустройства—Братчикова. Истор. очеркъ устройства бульваровъ и городскаго сада.

Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 37—49. 38. *Я. П. Новицкій*, Къ исторіи Запорожья (оконч.)

39. *Его же*, Къ исторіи запорожской живописи. Интересное описаніе одной изъ многихъ картинъ запорожской кисти, имѣвшихъ до 1860 г. большое распространеніе среди крестьянъ александровскаго уѣзда екат. губ. „У подножія горы вѣковой вѣтвистый дубъ Краснощокій, усатый козакъ сидитъ подъ тѣнью. Бритый. Чуприна закинута за лѣвое ухо. Брянчитъ на бандурѣ, поетъ, не выпуская люльки, ноги поджаты по турецки. Пазуха разстегнута; въ петлицу комира затянута червоная стежка. На плечи накинута богатая красная штофная шуба, обшитая темной мѣховой опушкой. Штаны синія, широкія, на ногахъ тѣлеснаго цвѣта сапьяны. Справа бѣлый конь, привязанный къ воткнутому въ землю ратищу. Около козака фляшка, чарка и шапка; послѣдняя сѣраго смушка съ краснымъ верхомъ. Слѣва повѣшены на сукъ дуба сабля и саква; на послѣдней крупная литера Б., такая же литера и на сѣдлѣ. Внизу картины пѣсня, которую запорожецъ поетъ подъ бандуру:

„Ой бандуро моя золотая,
Колыбъ до тебе жинка молодая!
Була бъ ій одъ мене гарна утиха,
Скакала бъ, та гуляла бъ до свого смиха.
Хочъ дывысь на мене,-та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ звуть, ты не знаешь.
Колы траплялось кому у степахъ буваты,
Той може̂ть прозвыще мое угадаты,
Жыдъ изъ биды за ридного батька почытае,
Мылостывымъ добродіемъ ляхва называе.
Якъ бувъ багатъ
Тоди вси казалы „Иванъ братъ".
А теперъ якъ ничого не мае,
То нихто и не знае.
Нехай лышъ розжывуся золота, та загуляю
То тоди до чорта роду явытьця и всякъ узнае.
Можна жыть; ото горе, якъ здумаю умыраты,
Що никому буде поховаты:
Жыдъ боитьця, ляхъ не преступыть,
Хыба яка звирюка за ногу въ байракъ поцупыть".

14. *Д. Эварницкій*: „Дикій монахъ". Краткій біографическій очеркъ Кирилла Николаевича Тарловскаго, бывшаго до 1744 г. козелецкимъ (черн. губ.) священникомъ, потомъ духовникомъ и учителемъ буд. императора Петра III, затѣмъ инокомъ Печерской лавры, священникомъ въ Запорожской Сѣчи и, наконецъ, землевладѣльцемъ и колонизаторомъ екатеринославскихъ степей.

41. Въ мѣстной хроникѣ: „Коммиссія по устройству народныхъ чтеній" для составленія „исторіи г. Екатеринослава въ лицахъ и памятникахъ" проситъ о доставленіи ей портретовъ (или указаній, гдѣ ихъ можно найти) слѣд. лицъ: архіереп. Амвросія Серебренникова, архіеп. Гавріила Розанова (1828--1837), автора мн. сочиненій о Екатеринославѣ и Новорос. краѣ, правителей екатеринославскаго намѣстничества Ивана Максимовича Синельникова и Василія Васильевича Нечуй-Коховскаго, губернатора гр. Александра Карловича Сиверса; перваго директора гимназіи Дм. Тим. Мизко, протоіерея Іосифа Дергачева, кн. Александра Федор. Кудашева, литератора Влад. Ник. Елагина, купцовъ Ив. Вас. Колесникова и Фед. Софр. Дупленка и др. Портреты и указанія для снятія съ нихъ копій просятъ обращать на имя Митроф. Игнат. Павленко (город. 3 клас. училище) или Ал. И. Егорову (проспектъ д. Штейна).

43. *Я. П. Новицкій*, „Изъ церковной лѣтописи". Указъ Сената 18 апр. 1765 г. о размѣрѣ вознагражденія духовенства за исполненіе требъ.

44. Въ мѣстной хроникѣ о выходѣ въ свѣтъ „Екатеринославскаго календаря на 1888 г.

44. Къ топографіи Екатеринослава.

44. Корреспонденція: *с. Александровка* (александров. у.) Кистрицы съ воспоминаніями о покойномъ мѣстномъ дѣятелѣ Дмитріѣ Титовичѣ Гнѣдинѣ.

45. *Я. Новицкій* „Изъ церковной лѣтописи" Резолюція преосвящ. Афанасія въ защиту причетниковъ 21 іюля 1800 г. „*чтобы протопопы и священники церковнослужителей своими работниками не почитали и работами своими отнюдь не отягощали подъ опасеніемъ штрафа*".

46. Мѣстные музеи: I—И. Чудновскаго „Пѣсни козацкаго вѣка"—Я. П. Новицкаго. Пѣсня о гетманѣ Богданкѣ (Рожинскомъ) съ комментаріями и объясненіями.

47. Изъ церковной лѣтописи (1801). Резолюція Афанасія еп. новорос. и днѣпровскаго о замѣченныхъ непорядкахъ въ епархіи. Я. П. Новицкаго.

48. Новицкій Я. П. Пѣсни козацкаго вѣка: *Овраменко*.

49. Новицкій Я. П. Еще образчикъ духовнаго суда 80 лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе указа свят. прав. сvнода 7 фев. 1807 г. велѣно „находившагося ново-московскаго уѣзда, въ с. Орловщинѣ, при Покровской церкви, вдоваго священника Романа Андреевскаго за блудодѣянія его съ дѣвкою Зиновіею Купивною, за похищеніе куска церковной штофной матеріи и подареніе

сей дѣвкѣ, за явную ослушность и неповиновеніе своему начальству, и за порицаніе онаго, за склонность къ ябедничеству, вздорамъ и неосновательнымъ доносамъ и напослѣдокъ за своевольство, злобный и мстительный нравъ, всегда готовый къ новымъ выдумкамъ и обидѣ ближняго—на основаніи правилъ святыхъ апостолъ и отецъ и государственныхъ установленій, согласно тому оной консисторіи опредѣленію лишить священническаго сана вовсе и въ знакъ онаго остричь ему на головѣ и бородѣ волосы и обовязать подпиской, чтобы онъ впредь себя священникомъ не называлъ, и одѣянія священническаго не носилъ, а за тѣмъ какъ самаго вреднаго, не спокойнаго и ни малѣйшей надежды къ исправленію не подающаго, изъ духовнаго званія исключить вовсе и не по старымъ его лѣтамъ, коихъ ему нынѣ отъ роду 43 года, для опредѣленія въ военную службу отослать его въ губернское правленіе. Что съ нимъ съ Андреевскимъ по присылкѣ его въ оную консисторію изъ здѣшней градской полиціи сего апрѣля 3 дня исполнено.

Одесскій Вѣстникъ №№ 142—189. 142. Цѣнныя археологическія находки на Волыни.

144. Исторія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ херсонской и екатеринославской губ. и ихъ настоящее положеніе.

172. Нѣмецкіе колонисты въ Новороссіи (Нейфельдъ).

189. Земельные передѣлы въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ.

146. „Великій князь Владиміръ св.“. Маркова.

150. Типы въ произведеніяхъ Шабельской и Короленко (журнальная замѣтка).

154. „Кіевская Старина“ подъ новой редакціей.

155. „Егеньевская волость тираспольскаго уѣзда“.

169. „Разсказы про Кіевъ и его прошлое“.

186. „Руска исторична библіотека“ Барвинскаго.

159. Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. II. 1888 г.

176. „Русскія пословицы, поговорки, прибаутки и притчи“ Ландау.

184. „Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ“. Бублика.

Южанинъ №№ 87, 89 и 90. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его на пути культуры. Три лекціи проф. Багалѣя.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4045—4126. 4062. Женщины въ древней Индіи. Шерцля.

4073. Изъ раскопокъ въ Аккерманѣ.

4074. Нѣмцы въ Новороссіи.

4081, 4093, 4106. О малорусскомъ общинномъ землевладѣніи. Д. Д.順учана.

Крымъ. №№ 27—42. 27, 28, 29, 30, 32. Табаководство въ таврической губерніи.

27. Климатич. изученіе Крыма.

27. Рецензія на книгу „Жемчужина“ и ея обитатели. Перекопскій каналъ. Практическій путеводитель по Крыму.

28. О храмѣ св. Владиміра въ Херсонесѣ.

28. Предстоящія въ Херсонисѣ археологическія раскопки.

29. Грамота турецкаго султана запорожск. козакамъ и отвѣтъ козаковъ султану. Перепечатка изъ „Од. Вѣст.“.

33, 34. Надѣляли ли въ Крыму татаръ землею и какъ они лишились земли?

34. Крымскіе цыгане, этнографич. замѣтка К. Д.

36, 37. Путевыя замѣтки I. По Азовскому морю.

37. Рецензіи на книгу В. Пьянкова: „Ѣдущимъ въ Крымъ на грязи“ и на „Кіевскую Старину“ (январь—май).

39, 40, 41. Къ вопросу объ обезпеченіи быта безземельныхъ татаръ Крыма.

39. Къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси.

39. Прогулка въ Кыркоръ (Чуфутъ-Кале) Г. Т.

40, 41. Хозяйскіе радѣтели (Мои знакомые. Картинка съ натуры). Обрисовываются отношенія между землевладѣльцами, ихъ управляющими и рабочими въ Новороссійскомъ краѣ.

42. Путевыя замѣтки. II. По Черному морю. Кук—скаго.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 40—48. Въ отдѣлѣ „Къ исторіи края“ *Іосифа Ж—аго* „Преданіе о дубѣ, посаженномъ преп. Антоніемъ Печерскимъ близь церкви св. Иліи въ Черниговѣ (№ 42). *А. Тищинскаго* „Старинные юридическіе акты: облики“ (№ 43). *Изъ архива графа Г. А. Милорадовича* напечатаны представленные предкомъ его Семеномъ Полуботкомъ, внукомъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, 21 авг. 1747 г. въ черниговскій магистратъ для записи старинныя купчія его рода отъ разныхъ лицъ на земли преимущественно въ черниг. полку начиная съ 1669 г., при чемъ въ 45 № напечатаны купчія 1669 г. (1), 1671 (1), 1674 (2), въ № 46 1674 г. (1), 1675 (1), 1680 г. (1). Въ 47 № 1680 г. (5), въ № 48 1685 г. (2), 1688 (1), 1689 г. (4), 1692 г. (1).

Изъ некрологовъ въ № 42, помѣщенъ некрологъ Н. А. Ригельмана.

48. Мѣстная хроника „Въ дачахъ д. Басихина Стародуб. уѣзда жителемъ ея Ларіономъ Голикомъ 18 Мая сего года найденъ кладъ изъ разныхъ древнихъ серебрянныхъ монетъ, изъ коихъ мелкихъ овальной формы 4 фун. и большаго размѣра круглой формы 2 ф. 80 зол.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости № 125—158 134. Э. О. Линскій — некрологъ одного изъ харьковскихъ педагоговъ.

135. Въ хроникѣ извѣстіе о предполагаемомъ уничтоженіи въ архивѣ хар. окр. суда 29,000 гражд. и 15,000 уголовн. дѣлъ производства 1868—1878 годъ.

137. Въ хроникѣ о пожертвованіяхъ, вступившихъ въ библіотеку хар. историко-филолог. общества, и о неудовлетворительности помѣщенія историческаго архива.

143. Н. И. Чижевскій—некрологъ одного изъ представителей харьков. адвокатуры.

145. Библіограф. извѣстіе о выходѣ 5 кн. „Кіев. Старины".

152. Такое же извѣстіе о предстоящемъ выходѣ „Сборника матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ." Д. Эварницкаго.

156. Валеріанъ Григорьевичъ Лашкевичъ—некрологъ одного изъ лучшихъ профессоровъ медицин. факультета харьковскаго университета.

158. Г. А. Лишинъ—некрологъ.

Южный Край № 2535—2566. 2540. Въ корреспонденціи изъ Александровска (екатер. губ.) сообщено объ образовавшемся тамъ обвалѣ и обнаруженныхъ послѣ этого подземныхъ ходахъ.

2542. Въ мѣстной хроницѣ сообщеніе о защитѣ магистерской диссертаціи въ харьк. унив. И. М. Собѣстіанскимъ „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства".

2546, 2547. „Одинъ изъ промышленныхъ уголковъ 100 лѣтъ тому назадъ и теперь"—очеркъ г. Ельца.

2553. Изъ „Чугуевской Старины" (перепечатка части записокъ Кречмера изъ Истор. Вѣстн.). Краткія біограф. свѣдѣнія о г. Заньковецкой—артисткѣ извѣстной малороссійской труппы. Въ корреспонденціи изъ Симферополя описаніе грамоты 26 августа 1856 года, данной Имп. Александромъ II крымскимъ городамъ.

2555. Библіографія: „Памятная книжка орловской губ. на 1888 г."—Горожанскаго.

2565, 2566, 3568. В. Г. Лашкевичъ—некрологъ и похороны.

Смоленскій Вѣстникъ №№ 56—62. 62. „Бабьи праздники", экскурсія въ область этнографіи—статейка, интересная по даннымъ объ остаткахъ языческихъ обрядовъ у населенія смолен. губерніи, данныхъ, которыя могутъ послужить для объясненія обычаевъ старины и у насъ на югѣ.

Донъ №№ 53—56. 56. Некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

Донская Рѣчь №№ 65—68. „Форма одежды для мужскаго и женскаго пола". Распоряженіе Екатерины II, найденное въ архивахъ курской губерніи, о ношеніи однообразной одежды жителями высшихъ классовъ. Сохранилось цѣлое дѣло курско-орловскаго намѣстничества по этому поводу.

66, 67 и **68**. „Третьяковскій о козакахъ“. Есть интересныя данныя, приводимыя изъ другихъ источниковъ авторомъ фельетона.

Червоная Русь №№ 54—71, 54, 55, 57, 58, 62, 67, 71. Къ чествованію девятисотлѣтія крещенія Руси.

Звониміра. Карт. изъ нашего языч. быта, написалъ Вас. Залозецкій.

60, 61, 62, 67. Отвѣтъ д-ру Омеляну Огоновскому на его статью „Одповѣдь на тенденційну напасть п. Ивана Ем. Левицкаго въ Галицко-руской Библіографіѣ“ (Зоря, 1888, № 10) Ивана Ем. Левицкаго

Рецензія на книгу ‹Einige Bemerkungen zu dem von Universitätsprofessoren d-r Stephan Smal recte Stocki und d-r Theodor Gartner, in Angelegenheit der ruthenischen Orthographie veröffentlichen ‹Nachtrag›.

Некрологъ Н. А. Ригельмана.

66, 67, 68, 69, 71. Уніатскіе церковные синоды.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Baliński M. i T. Lipiński. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym—wydanie drugie, poprawione i uzupełnione przez F. K. Martynowskiego т. I, II, III 1, III 2 i IV. Варшава 1885—1887.

Barański. Z autonomicznych sfer', część I — Husiatyn. Перемышль 1887.

Breza Achilles. Wykopalisko w Siekierzyńcach w powiecie Ostrogskim na Wołyniu. Краковъ 1887.

Widmann. Archiwum miasta Lwowa.—Zeszyt I. Львовъ 1888.

Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка (Походн. Библ. в. IV). Варш. 16°. 54 стр.

Горчакова Е. кн. Женскій Топловскій монастырь св Параскевы въ Крыму М. 16°. 26 стр.

Hube. Wyrok Lwowski 1421 г. Варшава 1888.

Де-Витте Е. Равноапостольный князь Владиміръ св. Ковно 8°. 62 страницы.

Z dziejów Unji. Niedrukowany dotąd pamiętnik X. Grzegorza Micewicza z przedmową: objasneniami X. d-ra. Wł. Chotkowskiego. Познань 1888.

Ziemba. Zwyczaje pogrzebowe w ocolicach Uszycy na Podolu. Краковъ 1888.

Ielinek Edvard. Ukrajinskè dumy (Knihovna kabinetni sv. XXX). Praha 1888.

Kaindt. Zur Geschichte der Stadt Czernowitz und ihrer Umgegend. Beiträge zur Geschichte der Bukowina, № 1. — Черновецъ 1888.

Callier. Szkice geograficzno—historyczne, serja II. Познань 1888.

(Въ числѣ очерковъ: Разграниченіе Украины отъ Новой Россіи 1780—1781 г.).

Кахникевичъ. Якъ робыты гроши, або наука, якъ можна въ короткимъ часи статы ся богачемъ. Львовъ 1888.

Кобринска Марія. Одповідь на критику жіночого альманаха въ „Зори“. Черниві 1888.

Kobryńska. Pani Szumińska, z małoruskiego tłómaszył Sędzisław. Познань 1887.

Kolberg. Pieśni ludu z Podola rossyjskiego w latach 1858 i 1862. Kraków 1888.

Kopernicki. Wesele u gòrali beskidowych z okolic Rabki. Краковъ 1888.

Kraszewski. Budnik z polštiny prêložil Iosef Konerza — Брно (Брюнъ) 1887.

Любовичъ Н.—Къ исторіи езуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава 1888.

Марковъ Н. Вел. кн. Владиміръ св. Ист.-біогр. очеркъ. Елисаветградъ 8° 94 стр.

Martynowski Isidor. — Historische Zeugnisse über die ältesten Beherscher und Einwohner der Bukowina und der Moldau; Übersetzung aus ger Buthenischen Zeitschrift Bukowinskaja Zoria. Черневецъ 1888.

Miklosich. Die Türkischen Elemente in den Südost=und Osteuropäischen Sprachen: Griechisch, Albanisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Grossrusisch, Polnisch. Wien 1888.

Недзѣльскій А. Г. Сборникъ рисунковъ и видовъ древностей Крыма въ память 900-лѣтія крещенія св. Владиміра въ Херсонесѣ Таврич. и русскаго народа въ Кіевѣ въ 988 г. Од. 8°. 8 стр.

Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ 1657—1674 гг. Черн. 1887. 8°. 66 стр.

Павло М. Надъ сиротою, Богъ съ калытою, оповиданіе для народа. Львовъ 1888.

Памятная книжка люблинской губ. на 1888 г. Любл. 12° 221 стр.

Памятная книжка области Войска Донскаго на 1888 г. ч. 1 и 2. Изд Обл. Стат. Комит. Новоч. 8°. 179+200 стр. 1 р. 40 к.

Памятная книжка сѣдлецкой губ. на 1888 г. Сѣдлецъ. 12°. 320 стр. и карта.

Poradowska Yaga. Paris 1888.

Pułaski—Szkice i poszukiwania historyczne. Краковъ 1887.

Самоквасовъ Д. Исторія русскаго права. Университетскій курсъ. Книга первая. Языческая эпоха. Содержаніе институтовъ экономическаго, религіознаго, государственнаго и процессуальнаго права. Варшава 1888.

Siegmeth Karl. Auf die Polonina—Runa. Кашау 1888.

Smal-Stocki et Gartner. Minoritätsvotum in der vom. k. k. Bukowinaer Landesschulrathe behufs Regelung der ruthenischen Schulorthographie eingesetzten Commission abgegeben im November 1887. Черновцы 1888.

Смирновъ А. Замѣтки по исторіи русскаго языка. а) Разборъ книги В. Шимановскаго: «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе съ приложеніемъ полнаго текста сборника Святослава 1076 г.». б) А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка» Кіевъ 1888. (Оттискъ изъ «Русск. Филол. Вѣст.») 8°. 48 стр. Варшава 1888.

Truskawiec, zakład zdrojowo—kąpielowy, sprawozdanie lekarza zdrojowego za rok 1887. Перемышль 1888.

Ханенко А. П. Историч. описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губ. Черн. 1887. 8°. 38 стр.

Хойнацкій А. Ѳ. Православіе на западѣ Россіи въ своихъ ближайшихъ представителяхъ, или Патерикъ Волыно-Почаевскій. Въ 2 ч. съ изобр. и портр. М. 8°. 508 стр.

Chociszewski. Józef, młody jenjec tatarski, powieść z czasu napadów tatarskich w XVII w. na Podole. Познань 1888.

Szajnocha Wł. Przemysł górniczy galicyjski na wystawie krajowej w Krakowie 1887. Львовъ 1888.

Шематизмъ всего клира греко-католической эпархіи Станиславовской на рикъ Божий 1888. Станиславовъ 1888.

Шмурло. Митрополитъ Евгеній какъ ученый 1767—1804. С.-Петербургъ 1888.

Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. С.-Петербургъ 1888.

Въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ нужно исправить слѣдующія опечатки:

Въ ст. „Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра“ стр. 21, строка 9 сн. вм. „Юркевичъ“ слѣдуетъ читать „Юргевичъ“ и въ рецензіи на юбилейныя изданія стр. 31, строка 10 сн. вм. „мѣстному“ — лѣтописному“, а на стр. 33 строка 15 св. вм. „польскимъ„ — „полнымъ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1888 г.

болшимъ наградить и пожаловать обѣщалъ, и оніе договори отъ времени до времени при постановленіи каждого гетмана поновляеми и подтверждаеми были; а болшій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршой къ Малороссійскому народу остался блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Императора Петра Великого, ибо Его Величество публикованними въ народѣ Малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ за подписаніемъ собственнія своея руки манифестами упомянувъ то, что нѣкоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться неможетъ, какъ по Его Императорского Величества милости Малороссійскій народъ, и что Его Императорское Величество ни единаго пенязя въ казну брать съ онаго не велить, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержанъ оной при правахъ и волностяхъ ненарушимо, такъ и впредъ все то свято содержать, что и при принятіи оного въ подданство обѣщано. Таковія предковъ Ея Императорскаго Величества милости чувствуя, Малороссійскій народъ вѣрно и радѣтелно не токмо нѣ на какія прелести Поляковъ, которіе ихъ по прежнему въ свое соединеніе принять старались, не склонился, но еще какъ противъ помянутыхъ Поляковъ, такъ и противъ всѣхъ Россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія с предковъ Ея Императорскаго Величества, а особливо отъ Государя Императора Петра Великого имѣемъ засвидѣтелствованія. Но яко помянутія права, обикновенія, привилегіи и волности и самія договорнія статьи остаются еще отъ Ея Императорскаго Величества безъ подтвержденія, то потому и ми подвержени къ нуждамъ и недостаткамъ нашимъ.

Примѣч. Ред. Слѣдующіе за симъ пункты со 2-го по 14-й здѣсь опускаются, такъ какъ они составляютъ буквальное повтореніе 1—13 пунктовъ помѣщеннаго выше „Прошенія гражданъ и разнаго званія жителей г. Лубенъ“.

15.

Въ сходство вышеписанныхъ государственныхъ привилегіевъ, сочиненны зъ общого нашого согласія двѣ челобитные: одна о под-

твержденіи по примѣру прежныхъ въ Бозѣ почивающихъ великихъ государей, предковъ Ея Императорскаго Величества, Малороссійскихъ правъ, привилегій и волностей и давныхъ обикновеній, которіе предки наши и ми отъ прибытія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмелницкого съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ имѣли, и о видачѣ на то Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоти; а другая съ прошеніемъ сего: 1. дабы всемилостивѣше указано было городъ Лубнѣ... *(слѣдуютъ пункты, въ количествѣ 11, напечатанные выше на стр. 132—133).*

16.

Оные челобитніе старатся вамъ, гдѣ надлежить, подать и испросить резолюціи въ ползу всего общества, а особливо чтобъ права наши, еще отъ королей Полскихъ предками нашими приобрѣтенные и всѣми Всероссійскими монархами всевисочайшими грамотами утвержденые, при насъ цѣло и ненарушимо остались.

17.

Ежели въ Коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія за благо разсужденно будеть сочинить на все государство одно уложеніе, въ такомъ случаи вамъ просить, чтобы права книги Статута во всемъ такъ, какъ оны въ себѣ имѣются, положенны были въ новомъ уложеніи подъ особую главу.

18.

Мы васъ вибрали къ сему дѣлу, находя у васъ всѣ до оного принадлежащые качества, вразсужденіи чего и дали полную довѣренность, уповая, что ви, яко синъ отечества, не пропустите и сверхъ того, что прямо къ ползѣ оного и общому благоденствію успѣшествовать можеть. 1767 году, априля 17 дня. На подлиномъ подписались: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и выше, на стр. 134—137).*

Списокъ о мѣщанскихъ нуждахъ.

1. Просить о тарифѣ.

2. О стояльцахъ.

3. Приходящіе зъ разныхъ мѣстъ Малороссійскихъ и Великороссійскихъ либо изъ заграницы, которіе на гражданскихъ грунтахъ станутъ жить, то отбували бъ гражданскіе повинности.

4. Чтобы мещанъ Лубенскихъ содержано такъ, какъ у Кіевѣ, а не считанно бъ съ посполитими, и виключенно бъ съ подвѣдомства скарбовой канцеляріи.

5. Чтобъ река Сула всему гражданству для уловленія риби била волна; тако жъ и тросникъ, то есть очеретъ, которій для отопливанія зимной пори ни от кого бъ не билъ запрещаемъ.

6. О прежде бывшой толоки Матяшовки, такожъ сенокосовъ, називаемихъ: далнихъ и ближнихъ Пологъ, Ратушного острова и Вишкварокъ, съ коихъ далніе Пологи бившимъ гетманомъ Кириломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ господ. полковнику отдани впредъ до разсмотренія.

7. Чтобъ мещанъ и всѣхъ жителей здешнихъ никто изъ чиновниковъ насиліемъ безъ заплати въ партикулярние работи не употреблялъ.

8. И чтобъ цехи били по давнимъ установлениямъ, даби бродяги переходящіе зъ мѣста на мѣсто, такожъ и жительствующіе въ разнихъ господъ, безъ цеховъ бы не робили.

Съ подлиннымъ читалъ
Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ
Петро Любнѣцкій.

III.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

XIII.

1767.

Наказъ козаковъ Черниговскаго полка [1]).

2.

Какъ прежде Великій Государь, Его Царское Пресвѣтлое Величество, блаженнія и высокославнія памяти Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, при соединеніи Гетмана Богдана Хмелницкого подъ Россійскую державу, 1654 году февраля 17 дня пожаловалъ заслуженнихъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободностьми и преимуществами; такъ и за гетмана Игнатіева Многогрѣшного 7177 году подтверженно и пожалованно: въ недостаткѣ полного числа реестрового войска, велено Гетману набирать въ козаки зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей; и какъ напредъ того козаки заслуженные пожалованны били честію дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали; а которіе и впредъ дослужатся,—что разумѣется о тѣхъ, коихъ Гетманъ зъ войскомъ у число реестровихъ козаковъ зъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей примутъ,—яко же по 13 ст. Богдана Хмелницкого узаконено смотрить:—кто козакъ, тотъ бы волностію козацкою ползовался и честію дворянскою, и чтобы они козаки при томъ же

---

[1]) Въ рукописи вырванъ первый листъ.

чину и чести пребывали, и чтобы отъ козаковъ ни подкакіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали, и въ домахъ козацкихъ постоевъ не становили, а чтобъ впредъ дворы отводили и подводы давали старшина городовая у мѣщанъ и другихъ крестянъ военнымъ россійскимъ людямъ. Такожъ безсмертныя славы въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, въ грамотахъ своихъ, Малороссійскому народу присланныхъ, изобразилъ: въ 1-й 1708 году ноября въ 1-й день, во 2-ой 1709-го году февраля 8 дня, и въ 3-ей 1709 году ноября 3-го дня состоявшихся, между протчимъ тако: „народъ Малороссійскій, подъ високодержавною нашею рукою въ такомъ доволномъ и изрядномъ состояніи при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и волностяхъ своихъ живущій, день ото дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенезя въ казну свою съ оного Малороссійскаго народа не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ высокодержавную отца Нашего блаженныя памяти Великого Государя, Его Царскаго Величества руку свято содерживали и впредъ содерживать будемъ; и они Наши вѣрноподданные по прежнему при правахъ и волностяхъ своихъ вѣчно въ спокоѣ и тишинѣ благополучно жителствовать могутъ. Отъ Насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ.“ То предки наши тоею милостію и честію ползовалися безъ всякого отягощенія до гетманства Апостола, который положилъ къ дачамъ, назвалъ убогихъ козаковъ подпомощиками и положилъ къ дачамъ консистенскимъ: противъ одного мужика два козака,—для облегченія подданнымъ; якій уставъ Гетманскій, а не Императорскій, почитать и не надлежало, однако мы тое несли съ великою нуждою. Но наконецъ всѣ козаки, названные подпомощиками, къ такому несносному окладу обще съ мужиками консистенскою дачею обтягощени, въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждого дому, что не имѣющимъ чемъ платить, какъ подпомощикамъ такъ и виборныхъ козаковъ подсусѣдкамъ, онихъ денегъ виборніе козаки за подсусѣдки

платя, приходять въ крайпее разореніе, что часъ отъ часу и военной службы несть не въ состояніи. Вразсужденіи таковыхъ отягощеній, всеподданнѣйше просимъ, дабы Ея Императорское Величество призрѣла на услуги предковъ нашихъ и ревность нашу къ службѣ Ея Величества; и такъ не сомнѣваемся, что премудримъ и попечительнимъ Ея Величества промисломъ, какъ предки наши служили въ покоѣ и тишинѣ и всѣми волностьми и преимуществами ползовались, такъ мы, въ лучшемъ образѣ и безъ отягощенія, къ службѣ Ея Императорскаго Величества удостоени будемъ, то чтобъ кромѣ должностей, къ содержанію той служби принадлежащихъ, никакихъ другихъ податей и повинностей не несли, но при всѣхъ вигодахъ и вислуженной козаками чести дворянской всѣ обще и волностяхъ прежнихъ пребывали.

3.

Должная отъ насъ Россійской Имперіи служба, изъ дворовъ нашихъ отправляемая, намъ тягостна по причинѣ той: ибо издревле, какъ предки наши вовремя союза Малой Россіи съ Полскою Короною, еще прежде бытія съ осѣдлостьми Малороссійского народа подъ державою Всероссійскою, т. е. въ 1569 году декабря 13 дня, короля Полского Жигмунта Августа, подъ названіемъ Княженія Литовского Короны Полской, явствуетъ сіе въ данныхъ отъ оныхъ королей Польскихъ привилегіяхъ: что козаки отправляли военную службу во всякомъ благополучіи и легкости затѣмъ, что имѣли подъ собою довольные какъ то: пахатныя поля, сѣнокосы, лѣса, мельницы и всякіи угодіи; а нынѣ, за утѣсненіемъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ козачихъ, грунта—насыльствомъ, по куплѣ и всякими способи, коими бы можно было имъ къ себѣ присовокупить, такожъ духовными монастырскими владѣлцами и жалованними въ сотни сотниками и сотенными старшинами не осѣдлими, кои, по вступленіи толко на команди, тотъ часъ ищутъ козачого грунта, первѣе на постройку жилыхъ ему избъ пространного двора, а потомъ къ дворамъ искупляютъ и подъ видомъ замѣнъ, чрезъ угроженія и ласкательства, въ козаковъ пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы

и всякіе гдѣ есть лучшіе грунта завлаживають и всякими хитрыми способы козаковъ утискають, а двори, по витиски оныхъ козаковъ зъ ихъ дворовъ, късебѣ привлащають, и владѣнія съ козачихъ земель приумножають, а иныхъ козаковъ въ партикулярныя свои работы употребляють, что другіе козаки за таковихъ, кои подъ укривателствомъ въ сотниковъ и сотенныхъ старшинъ живутъ,—несуть двойную службу съ великимъ отягощеніемъ; а иные отъ великихъ тяжебъ, отъ боевъ и страховъ, отъ сотниковъ задаваемихъ, оставляютъ жены и малыя дѣти, двори и со всѣми угодіями, и исходятъ въ безъизвѣстныя мѣста, отъ чего въ службѣ Государевой дѣлается отъ таковихъ непорядковъ умаленіе; ибо многіе духовные и мирскіе владѣлцы и старшины нетолько имѣнія козачіи поотнимали насильно, по куплѣ и всякими сдѣлками, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство, и несуть общіе съ мужиками тяжбы. И за тѣмъ мы всѣ въ крайней обидѣ находимся, что многое число козаковъ какъ по искуплѣ вишеписанной козачіихъ грунтовъ, такъ и завладѣніемъ насильствомъ всякого званія владѣлцами, сотниками и старшинами, а иные козаки съ великого утѣсненія и отъ видимихъ страховъ, оставя свои грунта козачіе владѣлцамъ поневолѣ, порасходились въ подсусѣдки за рубежъ и въ иныя мѣста. Почему въ умаленіи козачихъ грунтовъ немалое изъ волностей козачихъ число отошло, а козаковъ отъ служби военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лице имѣются, то тѣ, за таковихъ несучи излишную службу, приходятъ въ крайное разореніе и оплошность. А въ многихъ высокомонаршихъ указѣхъ завладѣніе козачихъ добръ, какъ духовнимъ, мирскимъ и всякого званія владѣлцамъ, сотникамъ и старшинамъ найстрожае запрещено; но оные часто поминаемые владѣлцы и старшины, не въ сходство тѣхъ высокомонаршихъ указовъ, и до нынѣ завлаживають, отнимать, покупать и подъ видомъ заставъ козачихъ добръ не престають. Въ отвращеніе таковыхъ бѣдствій, да будетъ вгодно Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, чтобъ освободить отъ вишеписанныхъ владѣлцовъ какъ духовнаго, такъ и мирского чина, сотниковъ и всякого званія старшинъ, утѣсненій; чтобъ они всѣ напрасно завладѣнніе грунта, такъ и купленные,

какъ вишеписано, коихъ за силу высокомонаршихъ указовъ имъ владѣть ни подъ какимъ видомъ запрещено, и самихъ козаковъ, коихъ поподвергали себѣ въ подданство, крестянскую работу, дабы оные по прежнему въ обществѣ Россійской Имперіи и паки между козаки въ службу причтенны были, отъ чегобъ мы могли познать Вашего Императорскаго Величества вящшую милость и матернее милосердіе; но чтобъ только было вольностями и преимуществами козачими ползоватся козакамъ, между собою продавать, въ застави отдавать, замѣнять или какъ хотѣть въ лучшой порядокъ себѣ употреблять, и самимъ козакомъ въ Малой Россіи (и ихъ подсусѣдкамъ) съ мѣста на мѣсто, гдѣ кто пожелаетъ, волной переходъ Вашею Высочайшею милостію дозволить. А сотниковъ и сотенныхъ старшинъ отъ сего времени дозволено бъ было,—какъ прежде сего въ Малой Россіи за предковъ нашихъ волними голосами збираны,—избирать въ тѣхъ сотняхъ жителство свое имѣющихъ, осѣдлыхъ, зъ сотенныхъ старшинъ или съ козаковъ, къ той должности достойныхъ. Да благоволить Ваше Императорское Величество, какъ о вишеупомянутыхъ разореніяхъ и отборѣ отъ духовныхъ и мирскихъ владѣлцовъ и всякого званія старшинъ завладѣнниxъ козачихъ земель и самихъ козаковъ, такъ о продажѣ и о куплѣ между козаками и о вольномъ переходѣ и о протчемъ всемъ вишеписанномъ, да благоволить Ваше Императорское Величество частоупоминаемой общей всѣхъ насъ обидѣ Всемилостивѣйшее матернѣе охраненіе и къ служби военной, какъ предки наши служили, учинить и намъ облегченіе милостиво повелѣть, и паки волные наши земли и люде, отъ оныхъ отобравъ, во владѣніе намъ къ общей ползѣ поручить, а вишеписаннымъ всякого званія владѣлцамъ и старшинамъ впредъ оные куплей и всякими способи завлаживать козачихъ земель—запретить, и о избраніи между нами вольними голосами сотниковъ и сотенныхъ старшинъ подтвердить привилегіею и узаконить.

4.

До сего времени отправляемъ мы службу съ крайнимъ намъ отягощеніемъ, ибо висылаемы бываемъ для рубки при засѣкѣ границъ лѣса, и висылаеми бываемъ на Донъ въ ново-заведенной го-

родъ, прозываемый Ростовъ, для дѣланія тамъ крѣпости,—которая работа принадлежитъ до самыхъ толко мужиковъ,—и для другихъ делъ употребляеми бываемъ всегда почти въ отправленія, не вовся званію и должности нашей соотвѣтствующія, какъ то: подводы для возки колодъ, мачитъ и тѣмъ подобныхъ матеріяловъ и протчіе крестянскія работы. По сей причинѣ наша служба, съ великою тягостію исправляема, отъ многихъ вменяется не въ службу военныхъ людей, и вольностямъ Малороссійскимъ въ противность,—отъ чего мы часъ отъ часу приходимъ въ крайнее оскуденіе и оплошность. А издревле узаконенны по всимъ полку Черниговского сотеннымъ мѣстечкамъ были ратушы; какъ отъ королей и княжатъ Полскихъ, такъ и отъ царей Россійскихъ на вольности тѣмъ ратушамъ привилегіи подтверждено, при которыхъ ратушахъ людей свободныхъ было не малое число, кои люде оныхъ при мѣстечкахъ бывшихъ ратушъ отправляли всѣ подлежащія мещанскія и крестянскія работы, яко то: подводы, проводники, мосты, гати и другія подобныя тѣмъ тягости. А нынѣ оныхъ свободныхъ людей отъ висшеписанныхъ ратушъ съ ихъ привилегіями разными гетманами поотдавано владѣльцамъ во владѣніе, и такъ тѣ владѣльцы оныхъ людей къ общей ползѣ, яко то: подъ проѣжающихъ гонцовъ, подъ посланниковъ, мостовъ, гатѣй и другихъ къ тому подобныхъ работъ не допускаютъ за своими партикулярными работами, а козаки за таковыхъ свободныхъ всѣ общіе тягости съ великою нуждою несуть. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше просимъ, чтобъ Ея Императорское Величество благоволили, призрѣвъ на знатные предковъ нашихъ оказанные государству услуги и наше престолу Ея Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать насъ въ Императорской своей милости, и какъ предки служили до того времени, пока насъ неустройства не одолѣли отъ многихъ, команду надъ Малороссіею имѣющихъ и волности нарушившихъ отъ вѣка заключенные, непорядки устроившихъ, и всѣхъ насъ отяготившихъ, и такъ отъ нынѣшняго неустройства у лучшемъ порядкѣ чтобъ военные наши труды были полезны отечеству, и при томъ неотяготительны подводами и работами крестянскими. Въ чемъ полагаемся на Ея Императорскаго Величества милость.

5.

Судиться намъ по силѣ прежнихъ обичаевъ, какъ то гетману Скоропадскому на чинъ его, 1711 года генваря 5 д. грамотою данною, между инымъ изображено: воинскіе и гражданскія дѣла въ Малой Россіи управлять ему, гетману, по войсковимъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ высокодержавную руку отца Нашего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Великого Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царского Величества гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ;—такъ и нынѣ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по тѣмъ же даннымъ отъ королей Полскихъ и царей Всероссійскихъ правамъ и постановленнымъ пунктамъ козакамъ всѣмъ обще быть судимимъ.

6.

Всенижайше просимъ, чтобъ выслуженные предками нашими въ королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности: во владѣніи добромъ наслѣднымъ, купленнымъ, наданнымъ и занятымъ, въ промислахъ, и особливо въ винокуреніи и в продаваніи оного куфами и въ рознь всякому козаку внутрѣ Малой Россіи, безъ всякого отъ кого либо запрещенія и пошлинъ, и другими напитками и всякими товарами—дозволить. Въ подтвержденіе и нынѣ благополучно государствующею Императрицею несомнѣнно надѣемся на Всевысочайшую Ея къ намъ вѣрнымъ подданнымъ милость, что привилегіею подтвердитъ, о всѣхъ высшеписанныхъ нашихъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, въ заключеніе намъ у вѣчной покой и благополучіе утвердитъ на вѣки.—1767 году, априля 2 дня.

Подленной подписанъ такъ: Козаки полку Черниговского: Сотнѣ Седневской: Герасимъ Збанъ, Данило Самоненко, Семенъ Грибовець, Иванъ Неня, Мина Шупикъ, а вместо ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію и за себе Павелъ Шевель руку приложилъ. Козакъ Демянъ Гребянка саморучно подписался. Сотнѣ Кисилевской:

Дорошъ Заець, Оникѣй Бабичъ, Савва Романець, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Синявской Иванъ Николаевъ руку приложилъ. Сотнѣ Вибелской: Климъ Панфиленко, Григорій Муцкій, Федоръ Борисенко, Яковъ Лѣщинецъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Семенъ Дяченокъ руку приложилъ. Козакъ сотнѣ Вебелской Василь Гвоздикъ саморучно подписался. Сотнѣ Белоуской козаки: Романъ Павленко, Кирило Полѣй, Иванъ Койданъ, Павелъ Богданенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Иванъ Литвиненко руку приложилъ. Сотнѣ Слабинской козаки: Федоръ Сурмило, Данило Шило, Григорій Дундарь, а вместо ихъ яко неграмотныхъ, по ихъ прошенію подписался умершого Войскового товариша Никити Райполского синъ Иванъ Райполскій. Сотнѣ полковой: Иванъ Белонужка, Иванъ Чумакъ, Василь Ковтунъ, Яковъ Гузъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Яковъ Згурскій руку приложилъ.

Сотнѣ Синявской козакъ Иванъ Ященко, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Захарій Мищенко руку приложилъ. Козакъ Иванъ Николаевъ саморучно подписался. Сотнѣ Менской: Семенъ Олѣйникъ, Семенъ Смаль, Мойсей Сердеченко, Гаврило Коворотній, Марко Кроха, Михайло Пудъ, Матвѣй Зеленскій, Иванъ Сидоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Трохимъ Падалка руку приложилъ. Козакъ Прокопъ Соломяникъ подписался. Сотнѣ Березинской козакъ Иванъ Кислій саморучно подписался. Козма Стасюкъ саморучно подписался. Козакъ Михайло Котляревскій саморучно подписался. Карпъ Литвиновъ саморучно подписался. Григорій Харченко саморучно подписался. Козакъ Семенъ Станиславскій саморучно подписался. Сотнѣ Столинской: Максимъ Пилипенко, Якимъ Савченко, Павелъ Антоненко, а вместо ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе Остапъ Охрѣменко руку приложилъ. Сотнѣ Сосницкой козаки: Андрей Коленко, Иванъ Кузька, Федоръ Чинчикъ, Стефанъ Глоба, Яковъ Скрилъ, Стефанъ Федосенко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козакъ сотнѣ Понурницкой Данило Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Волынской

козакъ Иванъ Петровъ саморучно подписался. Козакъ Федоръ Поплавскій саморучно подписался. Козакъ Яковъ Редка саморучно подписался. Козакъ Михаилъ Грищенко, а вместо его неграмотного по его прошенію, Иванъ Петровъ руку приложилъ. Сотнѣ Любецкой козаки: Сидоръ Бугушъ, Сава Брехунъ, Павелъ Пилиповичъ, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Федоръ Савицкій руку приложилъ. Сотнѣ Роиской козаки: Климъ Ярошенко, Василь Ященко, Козма Петрущинецъ, Василь Кужильній, Гаврило Ильленко, а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Омельянъ Коржъ руку приложилъ. Козакъ Матвей Коваленко саморучно подписался. Козакъ сотни Городницкой Иванъ Бояриновъ саморучно подписалъ. Козакъ Василь Гуторь, а вместо его неграмотного по его жъ прошенію и за себе козакъ Григорій Глущенко руку приложилъ. Козакъ Никифоръ Черевачъ саморучно подписался. Козаки: Василь Редченко, Василь Борсукъ, Андрей Борсукъ а вместо ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и са себе козакъ Афанасій Кулажинскій руку приложилъ. Сотнѣ Понурницкой козакъ Дмитро Кострубъ, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію и за себе козакъ Данило Савицкій руку приложилъ. Козаки: Ничипоръ Гавриленко, Семенъ Карпенко, Домянъ Кипоренко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козакъ Стефанъ Осадшій руки приложилъ.

XIV.

1767.

Прошеніе козаковъ Стародубскаго полка.

По Высочайшемъ титулѣ:

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше бьютъ челомъ Малороссійскаго Стародубского полку козаки.

Премудрыя и неусыпныя Вашего Императорскаго Величества дѣла являютъ намъ неизреченное Вашего Величества всемилости-

вѣйшее матернее попеченіе къ возстановленію благоденствія вѣрноподданныхъ своихъ, Богомъ врученныхъ народовъ; мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, найсовершеннѣе увѣрены, что вмѣстѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ царствуетъ правда и милость. Почитаемъ мы за особливый залогъ монаршей Вашего Императорскаго Величества милости, когда Ваше Императорское Величество высочайшимъ своимъ обнародованнымъ манифестомъ, въ 14 день декабря 766 году состоявшимся, всемилостивѣйше созывать изволите какъ отъ другихъ обширной Всероссійской Имперіи краевъ, такъ и отъ насъ, вѣрноподданныхъ своихъ, депутатовъ въ столичный городъ Москву, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки здѣшнихъ мѣстъ и допустить ихъ въ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія. И за такову оказываемую намъ Высочайшую милость Вашему Императорскому Величеству всенижайшее наше подданническое приносимъ благодареніе, моля притомъ со усердіемъ Всевышняго, да сохранитъ дражайшее Вашего Императорскаго Величества здравіе на многія лѣта, и да укрѣпитъ державу Вашу при непремѣнномъ благѣ во вѣчные роды. Какія же наши главнѣйшія нужды и прошенія, оныя въ слѣдующихъ пунктахъ дерзаемъ поднесть, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

1.

Болѣе уже ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійскій народъ, отторгнутый было въ прежнихъ вѣкахъ къ Польшѣ и имѣвшій съ поляками одинакія вольности и права, а напослѣдокъ будучи озлобленъ и утѣсненъ многими неправдами, нарушеніемъ вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ долголѣтней кровопролитной войны и многихъ геройскихъ побѣдъ надъ нимъ полученныхъ, чрезъ гетмана своего Богдана Хмѣльницкаго, съ войсками козацкими, иго ихъ зъ [1]) себе свергль и по добровольному подданству пришелъ подъ державу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Царя

[1]) *Зъ* вмѣсто *съ*.

и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійского, на договорныхъ статьяхъ, въ которыхъ, и особливо въ жалованныхъ своихъ гетману, старшинѣ и войску запорожскому, такъ какъ и другимъ чинамъ, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ: не токмо содержать и сохранять Малороссійской народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, привиллегіяхъ и вольностяхъ, на которыхъ оный былъ подъ королями Полскими и великими князями Литовскими, но и особливыми своими милостьми жаловать обѣщалъ. Сіи статьи, отъ времени до времени, при постановленіи прочихъ, по Хмѣльницкому бывшихъ, гетмановъ, а сверхъ того и вновъ отъ иныхъ подаваемыя, подтверждаемы были отъ свято усопшихъ предковъ Вашего Императорскаго Величества Всероссійскихъ Монарховъ. По тѣмъ же привиллегіямъ и постановленнымъ статьямъ, вольности козачіи состоятъ: въ вольномъ избраніи старшинъ, отъ которыхъ оные и судились; свобода въ своихъ добрахъ, винной промыселъ и продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; они обязаны къ военной только службѣ, а отъ податей и прочихъ должностей были свободны. При всемъ томъ, однакожъ, нынѣ и другіе, равно какъ и мужики, несемъ мы тягости, о которыхъ ниже показано будетъ. Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества, призирая на многія усердныя престолу Всероссійскому предковъ нашихъ службы и на нашу къ онымъ же ревность, подтвердить намъ Высочайшею Своею грамотою прежнія наши привиллегіи и вольности: чтобъ мы имѣли избраніе вольными голосами межъ себя старшинъ; чтобъ добра наши, яко то: грунта, мельници, отчины и всякія угодья, наслѣдныя, наданныя, купленныя и занятыя, по крѣпостямъ и по природному праву владѣемыя, въ безпрепятственомъ владѣніи и употребленіи намъ всегда тверды были; чтобъ свободный былъ намъ промыселъ, особливо винокуреніе, продажа разныхъ напитковъ въ своихъ домахъ, а сверхъ того, родячимись здѣсь продуктами, т. е. пенькою, олеемъ, медомъ, воскомъ, саломъ и тому подобными, найпаче же тѣмъ козакамъ, кои достаточнаго грунта не имѣютъ, а живутъ въ городѣ и вышеозначенными продуктами про-

мышляютъ, снабдѣвая тѣмъ себя къ службѣ Вашего Императорскаго Величества; и чтобъ мы сохранены были отъ всякихъ налоговъ, также бы вдовы козачіи, остаючіясь по смерти мужей съ малолѣтними сиротами, вольности предковъ ихъ имѣли, и до возрасту таковыхъ дѣтей отъ козачихъ повинностей были уволены. Чтожъ принадлежитъ до правъ, то какъ Малороссійскіе козаки издревле состояли на тѣхъ же, которые для шляхетства узаконены, правахъ, и какъ особливыми по своимъ привиллегіямъ вольностями, такъ тѣми же, что и шляхетство, преимуществами по правамъ пользовались, исключая, что по статямъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго козаки никакому другому, точію отъ старшинъ своихъ суду подвержены. Почему всенижайше просимъ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы мы въ правахъ и выгодахъ содержаны были противъ шляхетства [1]). Какое же ближайшее для насъ, яко военно-служащихъ и въ судныхъ порядкахъ и процесахъ рѣдко упражняющихся, и больше неимущественныхъ, можетъ быть средство къ скорѣйшему достиженію прямого правосудія, равнымъ образомъ, какія въ правахъ малороссійскихъ сходственныя съ нынѣшними временами и обстоятельствами слѣдуютъ поправленія, во всемъ томъ возлагаемъ крѣпкую нашу надежду на правосудіе и милость Вашего Императорскаго Величества, великой и всещедрой своей Монархини, что Ваше Императорское Величество, по данной отъ Бога прозорливости, чрезъ учреждаемую подъ собственнымъ своимъ руководствомъ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія, доставите совершенное и съ обычаями нашими сродное правило, къ благоденствію всего народа Малороссійскаго. Чего мы со всеподданнѣйшимъ нашимъ послушаніемъ несумѣнно ожидаемъ.

2.

Домы козачіе, также какъ и мужичіе, занимаются подъ постой квартирующихъ въ Малой Россіи и переходящихъ полковъ и командъ; козаки же съ лошадьми въ подводы и проводники берутся, къ чувствительному ихъ отягощенію. А по договорнымъ статьямъ, они отъ

[1]) Т. е. такъ же, какъ и шляхетство.

таковыхъ повинностей свободны. Да и нынѣ находячіесь въ Малой Россіи разные иностранцы, отставные гусаре, которые прежде служили въ Россійскомъ войскѣ, пользуются по опредѣленіямъ Правителствующаго Сената свободою домовъ ихъ, гдѣ живутъ, отъ постою. Для того Вашего Императорскаго Величества всенижайше просимъ: домы жилые козачіе отъ постоевъ увольнить, а лошадей козачьихъ и козаковъ въъ подводы брать запретить.

3.

За нѣсколько назадъ лѣтъ сравнены мы съ мужиками и въ томъ, что наложено на козаковъ, названыхъ подпомощниками, выстачать порціоны и раціоны на состоящіе въ Малой Россіи на безплатномъ довольствѣ полки, съ ихъ генералитетомъ, полевою аптекою и Глуховской гарнизонъ. Сіе выстатченіе въ прежнихъ годахъ чинили они въ-полъ противъ мужиковъ, а съ подсусѣдковъ козачихъ взималось въ лѣтнихъ мѣсяцахъ на каждой мѣсяцъ по одной копѣйкѣ, а въ зимнихъ по двѣ, и продолжалось по 765 годъ по октябрь мѣсяцъ. А съ того времени, хотя съ нѣкоторою выгодою въ разсужденіи увольненія отъ провіанта и фуража выстаченія, бывшаго съ великими затрудненіями, точію же равной, какъ и на мужиковъ, положенъ на козаковъ и ихъ подсусѣдковъ платежъ отъ всякой хаты по рублю. Таковыми табельми козаки будучи обременены, приходятъ въ нищенство и ослабленіе; сего ради всенижайше просимъ Вашего Императорскаго Величества отъ оныхъ облегченія, и ежели вовсе козаковъ уволнить не можно, то хотя половинную часть противъ мужиковъ повелѣть снять; а другую половину расположить по имуществамъ каждаго, а подсусѣдковъ козачихъ оставить при томъ платежѣ, которой до окладу рублевого былъ: ибо они столько бѣдны, что едваль у иного и имущества на рубль найдется. Хотя же и велѣно въ собраніи оного рублевого окладу дѣлать уравненіе по имуществамъ между самими козаками атаманамъ, а между прочими— хозяевамъ, однакожъ, какъ у козаковъ живетъ подсусѣдковъ по самому малому числу, да и то весьма бѣдныхъ, въ такомъ случаѣ

П. ЖИТЕЦКІЙ.

СЛОВАРЬ
КНИЖНОЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ

ПО

РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул. д. № 4.
1888.

Въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, подъ № XII, 17, хранится помѣщаемая нами въ видѣ приложенія къ „Кіевской Старинѣ“ рукопись подъ заглавіемъ: „Синонима славенороссская“. Она переплетена въ одну книгу съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго. Экземпляръ грамматики полный, съ фортой, на которой обозначенъ 1619 годъ. Грамматика отдѣляется отъ рукописи двумя листками. Первый листокъ чистый, на второмъ написанъ „уставъ, како чернило дѣлати“. Пагинаціи въ рукописи нѣтъ. Всѣхъ листковъ 185, на которыхъ однимъ и тѣмъ же почеркомъ написаны „Синонима славенороссская“. Это—ничто иное, какъ словарь книжной малорусской рѣчи съ объясненіемъ каждаго слова посредствомъ синонимическихъ славянскихъ словъ.

Словарь расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Алфавитъ строго не выдержанъ, особенно въ третьихъ буквахъ. Алфавитъ второй буквы (напр. *ба*, *бе*, *би* и проч.) отмѣчается въ новой строкѣ, составляющей заглавіе, подъ которымъ помѣщаются соотвѣтствующія слова. Между отдѣльными группами словъ оставлены пустыя мѣста неодинаковыхъ размѣровъ, иногда на цѣлую страницу, для вписыванія новыхъ словъ. Гдѣ нѣтъ пустыхъ мѣстъ, тамъ встрѣчаются приписки на поляхъ рукописи. Иногда слова одного корня разнесены по недосмотру въ разныя группы: такъ, слово *гнѣвъ* стоитъ послѣднимъ въ ряду словъ, начинающихся слогомъ *го*, а *гнѣваюся* стоитъ первымъ въ группѣ словъ, начинающихся буквами *гн*. Иногда два объясняемыя слова пишутся въ одну строку, напр: „*Англія—Британія; Анѣмушъ—щапство*“. Нерѣдко также черезъ нѣсколько словъ повторяется выше стоящее съ тѣми самими или же иными синонимическими объясненіями. Нѣкоторыя слова оставлены безъ всякихъ объясненій, другія объясняются посредствомъ простыхъ повтореній объяс-

няемаго, напр. *„дуга — дуга; духъ — духъ; женихъ — женихъ"* и т. п.

По всему видно, что мы имѣемъ дѣло съ черновой работой, предназначенной не для печати, а для личнаго употребленія. Видно это, между прочимъ, изъ правописанія рукописи. Знаки препинанія поставлены случайно. Двоеточіе встрѣчается иногда между объясняемымъ словомъ и объясняющимъ, но большею частію между этими словами нѣтъ никакого знака. То же и съ запятой: иногда она стоитъ, гдѣ слѣдуетъ, иногда же нѣтъ ея тамъ, гдѣ слѣдовало бы поставить. Надстрочныхъ знаковъ мало: они стоятъ только надъ *о* (ѡ̑) и надъ *и* (н̏), титла—надъ немногими словами, такими, напр., какъ блг҃о, гдь҃ и проч. Изъ гласныхъ буквъ ıа предпочитается буквѣ ѧ: послѣдняя изрѣдка встрѣчается только въ словахъ славянскихъ; напр: *„брıацало*—бряцало; *вырѣкаюсıа*—отмѣтаюсѧ". Во всей рукописи замѣтно рѣзкое смѣшеніе *ы* съ *и* съ рѣшительнымъ преобладаніемъ перваго надъ послѣднимъ. Это обстоятельство произвело значительную путаницу въ алфавитномъ распредѣленіи словъ, которыя начинаются предлогомъ *вы*. Для звука *у* есть три буквы: ȣ, оу и ѵ: первая встрѣчается чаще другихъ, послѣдняя рѣже другихъ. Согласный *h* отличенъ отъ согласнаго *g*: первый отмѣчается посредствомъ обыкновенной буквы *г*, а послѣдній посредствомъ прописной буквы *Г*, которая пишется не только въ началѣ, но и въ срединѣ слова. Въ печати она получила бы форму ґ, поэтому мы и передаемъ ее посредствомъ этой буквы.

Лексическіе пріемы составителя словаря нельзя назвать удачными. Часто синонимы не соотвѣтствуютъ другъ другу грамматической формой словъ, напр: *„забавно—коснію; забытися—изумленіе"*. Начальной формой глагола, какъ и П. Берында, составитель принимаетъ 1 л. наст. времени изъявит. накл., но иногда объясняетъ глаголъ не въ этой начальной формѣ, а въ косвенной, напр: *„засмѣялося—возсмѣяся; заволай—вопій"*,—объясняетъ также цѣлыя фразы, не возстановляя основнаго слова въ его начальной формѣ: *„за волею Божею—волею Божіею; за мя—мене ради"*. Ко многимъ словамъ синонимы подобраны крайне неточно и даже противорѣчиво, напр: *„гуденіе—воскликновеніе; дерево—на пнѣ стебель; дрождѣ—тина; дѣвчина—юнота; затвердѣ-*

лость—умиленіе". Встрѣчается масса сочиненныхъ словъ, никогда не существовавшихъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, напр: „*высокость—преиметелство; ганю—соменшаю, пятвю; гамую—сопрятовак; гину—погиблю; збитнее богатство — вящшество, лишество*" и т. п. Не смотря на эти недостатки, словарь представляетъ значительный научный интересъ уже по тому самому, что наглядно показываетъ намъ, съ какимъ напряженіемъ работала мысль въ старину надъ матеріаломъ славянскимъ, чтобы извлечь изъ него все, что было возможно, для своего выраженія. Многія изъ этихъ словъ не вошли въ литературный оборотъ рѣчи ни славянорусской, ни книжной малорусской, другія—пережили ту и другую, и нынѣ существуютъ въ литературной русской рѣчи, поэтому словарь нашъ можетъ способствовать до нѣкоторой степени уясненію состава и происхожденія этой послѣдней.

Что касается до словъ объясняемыхъ, то это отчасти слова польскаго, отчасти народнаго малорусскаго происхожденія. Мы не видимъ въ словарѣ и сотой доли этихъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, потому, что составитель словаря мало интересовался конкретными словами, обращая главное вниманіе на слова съ отвлеченнымъ значеніемъ, которыя переходили въ книжную малорусскую рѣчь большею частію изъ языка польскаго. Можно предполагать, что и задуманъ былъ словарь именно съ цѣлію вытѣснить изъ нея польскія слова синонимическими славянскими словами. Впрочемъ, не мало разсѣяно въ словарѣ любопытныхъ малорусскихъ словъ, проливающихъ свѣтъ на старинныя представленія и понятія, и донынѣ сохранившіяся въ народѣ.

Кто былъ составителемъ словаря, объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній въ рукописи. Видно только, что въ рукахъ составителя былъ „Лексїконъ Славенороссїйскїй" П. Берынды, трудомъ котораго онъ постоянно пользовался. По поводу глагольныхъ формъ *былъ*, *бѣ*, есть даже ссылка на „Лексиконъ" Берынды: „*зри о сихъ словахъ въ лексиконѣ словенскомъ*", гдѣ подъ формами „бѣ: былъ, была, было" читается слѣдующее: „тое реченіе ѡ нашемъ оубо глаголѣ естествѣ, прошедшее время знаменуетъ намъ, и сїе оуказано: егда же ѡ Бозѣ превѣчномъ и присносущїе намъ ѕавлѧетъ". Такимъ образомъ „Синонима славенороссская" составлены не раньше

1627 года. Судя по употребленію буквы *у*, а также ꙗ вмѣсто ѧ и по рѣшительному преобладанію *и* надъ *ы*, можно полагать даже, что рукопись словаря относится не къ первой, а ко второй половинѣ XVII вѣка.

Печатаемъ словарь съ подлинника, отъ котораго мы рѣшились сдѣлать слѣдующія отступленія:

1) Всѣ слова приведены нами въ надлежащій алфавитный порядокъ.

2) Устранены слова, стоящія безъ объясненій, а также тѣ слова, въ которыхъ объясняющее слово есть ничто иное, какъ повтореніе объясняемаго.

3) Соединены вмѣстѣ слова, объясненныя нѣсколько разъ въ разныхъ группахъ.

4) Сведены къ одному слову выраженія, посредствомъ которыхъ объясняется это слово.

5) Слова не разобранныя обозначены точками.

6) Слова, начинающіяся предлогомъ *вы* (въ подлинникѣ то *вы*, то *ви*), сведены въ одну группу словъ съ начальнымъ *вы;* въ остальныхъ случаяхъ слова, въ которыхъ смѣшивается *ы* съ *и*, переданы согласно съ подлинникомъ.

7) Такъ какъ надстрочныхъ знаковъ и титлъ мало въ подлинникѣ, то словарь напечатанъ обыкновеннымъ шрифтомъ, при чемъ раскрыты сокращенія и титла, въ которыхъ предполагаемыя буквы не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

П. Ж.

А.

Або—зане, яко.
Абовѣмъ—или, ибо, поне.
Аболшъ—прочееже.
Авйдже—обачеже.
Авшакъ—убо, сице, обаче.
Адалѣй—прочее, прочееже.
Аеднакъ—ибо, аще, негли.
Ажъ—дондеже, донѣлеже, даже.
Азажъ—еда.
Азали—еда.
Азбука—алфавитъ, буква.
Азвлаща—найпаче, паче, обаче.
Аиншее—потомъ, прочее.
Албо—или.
Алюбарта—дреколь.
Англія—Британія.
Анѣмушъ—щапство.
Анѣмушовато—щапственнѣ.
Апеляція—нареченіе.
Апрето—тѣмъ же, убо, поне.
Аптека — врачебница, хранителница.
Арфа—гусль.
Арфиста—гудецъ.
Астрономія, *астрологія*—звѣздословіе, звѣздозаконіе, звѣздозорство.
Атакъ—убо.
Атоли—убо, аще.
Афектъ — страсть, причастіе, движеніе сердечное.
А хотяй же—и убо, аще и.
Ахъ, *ахже*—горе, увы, оле.
Ачъ, *ачъ кольвекъ*—убо, аще убо, ащежъ убо.

Б.

Баба—старица, баба.
Бабка—зѣля троскотъ.
Бавлю—продолжаю.
Бавлюся—косню, медлю, закоснѣваю, замедлѣваю.
Баволна—бумага.
Баданная — испитанная, истязанная.
Бадачъ—испитатель, истязатель.
Бадаюся—истязую, испитую.
Байка—баснь, блядобаяне.
Байки повѣдаю—баснословлю, блядословлю.
Байстеръ—прелюбодѣйчищъ.
Баламутъ—ложъ, блядивый.
Баламутня—ложъ, блядъ.

Балванъ—идолъ, кумиръ.
Балванъ вылитый—истуканъ.
Балвохвалство—идолослуженіе.
Банка—для оливы чванецъ.
Банкетъ—пиръ, пированіе, пиршество, вечера, учрежденіе, чрежденіе гощенія, гоститва, ликованіе.
Банкетовци—пиряне.
Банкетуюся — сонаслаждаюся, совоспитываюся.
Баня где соль робятъ—слатина.
Баранъ—овенъ, агнецъ.
Бардишъ—сѣчиво.
Барзо—зѣло.
Барзо мало—премало.
Барзо много—премного, колже паче, множае, наипаче же.
Барзо радъ—нетяжестенъ.
Бачность-благоухищреніе, мудрость, остроуміе, острозуміе.
Бачный—благоухищренный.
Бачмаги—виступцѣ.
Бачу—вижду, созерцаю.
Бачъ—мнѣніе, васнь, мудрованіе.
Башта—вежа, столпъ, пиргъ.
Баюра або зтѣкъ водъ—сонмъ водъ.
Бедра—лядвія, чресла.
Безбожность—беззаконіе.
Безбожный—беззаконникъ.
Безвстыдный — мѣдноличенъ, безстуденъ.
Безвонтпеня—право, явѣ, истиннѣ, извѣстнѣ исповѣдуемъ.
Безвстиду—дерзостнѣ, дерзко.
Бездолюкъ—безкровный.
Безецный—нечестивъ.
Безецность—нечестіе.
Безжарту—тщиво.
Безженецъ—холостый.
Безодня—бездна.
Безпечно—извѣстно, дерзостнѣ, дерзновенно, дерзко.
Безпечность — извѣство (sic), отрада, необиновеніе, опаство, утвержденіе, дерзновеніе.
Безъ—кромѣ, развѣ, свѣне.
Безъ замѣреня кресу—неустаннѣ, непредѣлнѣ.
Безъ наганы—непорочный.
Безъ омешканія — безъбѣдно, безъвещественнѣ, непреткновенно, невозбранно, непресѣкомо.
Безъ перешкоды—безъ спони возбраненія.
Безърозсудку—безъ разсужденія, всуе, туне.
Безъ ума—безумнѣ.
Бенкартъ — прелюбодѣйчищъ, рабичищъ.
Бервено—бервно.
Берегъ—брегъ.
Берегъ морскій—поморіе, приморіе.
Берегъ прикрий—стремнина.
Берло—скипетръ.
Беру—емлю, поемлю, приймую, возимаю.
Бесѣда—бесѣда.
Бесѣда знаменитая—гощеніе.
Бирки или ліоси—жребія.
Бисага—чпагъ, ташка, капса.
Битва—брань, подвигъ, рать, страданіе, страдалчество.

Битвуюся—разсвѣрѣпѣваю.
Бичую—уязвляю.
Бичъ—жезлъ, бичъ.
Благаю—умилостивляю, умилосержаю
Блазенство—уродство.
Блазенъ—коцунникъ..., уродъ, юродъ, уродословъ.
Блазнованіе—буесловіе.
Блазную—кощунствую, юродствую.
Близкій—искренній, ближній.
Близко—близъ, искръ (sic).
Близна—рана.
Близнякъ—близнецъ.
Блискавица—молніе, блистаніе.
Блукаю—скитаю.
Блукаюся—скитаюся.
Блѣхарня або прачка—бѣлилница.
Блѣхаръ или прачъ—бѣлилникъ.
Блюзнѣрство — хула, хуленіе, гажденіе.
Блюзнѣрскій—хулный.
Блюзнѣрца—хулникъ.
Блюзную—хулю.
Блясkъ—блистаніе.
Бо—убо, понеже, зане, занеже.
Богатыръ—храбрый.
Богатство—богатество, обиліе, имѣніе, держава, газа.
Богобойность—благочестіе, богобоязненіе.
Богобойнный — благоговѣйный, говѣйнъ.
Благомислецъ — скитникъ, подвижникъ, обучителникъ, страдалецъ.
Богомисльности мѣсце—скитъ.
Бодецъ—стрекало, остенъ.
Бондаръ—пугаръ.
Боду—ухопляю, угризаю.
Божница—капище, сонмище, оборище.
Божуся—рочуся.
Бой—зри *битва*.
Бой—брань, борба.
Бокотливый (sic) *або заикуючійся*—медленоязычный, косноглаголивый и проч.
Бокъ—бедро, чресло.
Болезнь задаю—оболестняю (sic).
Болотный—тинявый.
Болото—бреніе, гной, тина.
Болтъ—стрѣла, ратище.
Болше личбою — колми паче, множае.
Болшій — болій, вящшій, множайшій.
Болѣсть—болѣзнь, скорбъ, туга съ тяжестію, безсластіе.
Болю—недугую.
Болячка—вредъ, гной, рана.
Борецъ—страдалецъ.
Борода—брада.
Бороню—предстателствую.
Боруся—съражаюся, соплѣтаюся.
Боти—сапоги, обуци, пестягавы.
Бочка—делва.
Бошію—убо, спроста, надаремно, отнюдъ.
Боюю—подвизаюся.
Боязливость—говѣніе.
Боязливый—малодушный, страшливый.

Боятися починаю—утерпаю.
Брама—врата.
Брамы—фалди рясны.
Браня—поемленіе.
Братство—братство, содружество.
Брви—брови.
Бреханіе—лаяніе, рыканіе, лжа.
Брехачъ—лаятель, ложъ.
Брешу—лаю.
Бридкость—мерзость, гнюсъ, туга, безсластіе, несладость, скорбъ, сокрушеніе.
Брижуся—гнушаюся, недугую, унедостояю, омержаю.
Брмьня—звѣцаніе, звукъ.
Врмю—помикаюся (sic).
Бродъ—водотечъ.
Бронь—оружіе, броня.
Брязкало—бряцало.
Бубонъ—тимпанъ.
Будка—куща, колиба, сѣнь, скинія, селеніе.
Будованя — зданіе, зиждителство, созданіе, тектура.
Будовникъ—здатель, созидатель, сождитель, строитель, тектонъ, архитектонъ.
Будучее—сущее.
Будучій—сущій.
Будую—жижду, зидаю, созидаю, сооружаю, соустрояю.
Буженее мясо—сушеница.
Буй—юродъ, невѣжа, неблагоразуменъ, неистовъ, юродивый, юродословъ.
Буйволъ—буйвулъ.
Буйный—величавый, великоумный.
Бунтовникъ—возмутитель, ковникъ, крамолникъ, мятежникъ, расколникъ, раздорникъ, ..., распрѣтворецъ, распрѣватель.
Бунты—возмущеніе, ковъ, расколъ, крамола, мятежъ, раздоръ.
Бунтуюся—возмущаюся, крамолюся.
Бура—буреніе, волна, волненіе, навалность вѣтровъ, примракъ.
Бурда—звада, молва.
Бурштинъ... прудъ.
Бута—гордость, досада, кичение, гординя, явленіе.
Бутный естемъ или роспутный—шатаюсь бутно.
Бучно—хупиво.
Буяю—разсверепѣваю.
Быдло—скотъ, говяда.
Быдля—говядо.
Быдлячій—скотскій, говяжій.
Быкъ молодикъ—юнецъ ярокъ... быкъ.
Былье—зеліе.

Былъ, бы, Была Было	Зри о сихъ словѣхъ въ лексиконѣ славенскомъ.

Бынамный—невелико, премало, чимало.
Быстраго ока—быстрозрѣніе.
Быстрость—острость, скорость.
Быстрость розуму — высокоуміе, остроуміе.
Быстрость водняя—быстрь.

Быстрый—острый, скорый.
Бытность—бытіе, существо.
Бѣганя—рыстаніе.
Бѣгаю—выскакую, рыщу, рыстаю.
Бѣглецъ—бѣгунъ, бѣглый.
Бѣглость—благоискушеніе, козацтво (sic).
Бѣгунка—студженіе чрева.
Бѣда—напасть, искушеніе, увы, горе, уфъ.
Бѣда мнѣ—увы мнѣ.
Бѣдкій—бурный, вредный.
Бѣдженяся — подвизаніе, подвигъ, борба, рать, страдалчество.
Бѣжалъ—выминулъ, угонзнулъ.
Бѣлю—убѣляю.
Бѣнда албо чепецъ, *бѣндалникъ*—вѣнецъ.

В.

Вабъ—овава (sic), оваяніе, овавленіе.
Вага—мѣрило, превѣсъ, вѣсъ.
Важнѣйшій—усилный.
Важуся — которуюся, боруся, ратуюся.
Валахъ — каженикъ, евнухъ, скопецъ.
Валашеный—требный.
Валечный—ратуючій, возбранный, храбрый.
Валка—подвигъ, борба, страданіе, противленіе, страдалчество, подвизаніе.
Валъ—на водѣ волна.
Валъ—стѣна.
Вандрованіе — странствіе, шествіе.
Вандровный — странный, путникъ, шествующій.
Вандрую — шествую, странствую.
Ванна—банка.
Вапно—мѣлъ.
Варґи—уста, устна.
Варило—вареніе.
Варстатъ — дѣлателница, дѣлателище.
Варуюся—уклоняюся.
Вацокъ або торба—чпагъ, влагалище, пира.
Ввергаю—вмѣтаю.
Ввиваю—ваяю, изваяю, чертаваю.
Вгору подношу—возвожду, воздежду, воздѣю.
Вданіе—врученіе.
Вдобрый часъ—благовременно.
Вдова—вдовица.
Вдовецъ—вдовъ.
Вдячне—благодарнѣ, изряднѣ, усердно.
Вдячне приймую — благопріемлю.
Вдячность—благодарствіе, усердіе.
Вдячный—благодарный, благодарственъ, изрядный, коварный (sic).
Ведлугъ—по.

Веду—влеку.
Вежа зри *башта*.
Вежа вянзеня—хранило, хранилище.
Везголовокъ—возглавіе, возглавница.
Велблю—величаю.
Велетъ—ґіґантъ, исполинъ, ґіґансъ, щудъ.
Великіе рѣчи молвлю—велерѣчую.
Великій—велій, високъ, голѣмій.
Велико—голѣмо.
Великость-величіе, величествіе.
Велможа—властелинъ, властитель.
Велможность—велелѣпота, величествіе, держава, достоинство.
Велможный—силный, могущественный.
Венцъ—убо, болѣй, заправды.
Верескъ—грохотъ, вопль, кличъ.
Верненяся — возвратъ, возвращеніе.
Веровка—вервъ.
Верста—четвертая часть милѣ.
Верутный лотръ—сквернавый.
Верховнины (sic)—явленіе.
Верховый—конный всадникъ.
Верхъ — вершокъ, високость, крайнина.
Верхъ одержую—одолѣваю.
Вершки деревяніе—пружіе, акриды.
Веселій—благоувѣтливый, шуменъ.
Веселость—празднованіе, смѣхотвореніе.
Веселюся—радуюся, плещу.
Веселя—радость, радованіе, сладость.
Веселя або женитва—бракъ.
Веселя справую — бранѣкую, брачуся.
Весло корабленное—гребло.
Весна—пролѣтіе, весна.
Веснякъ—поселянинъ.
Весь-свѣтъ—вселенная, міръ.
Ветую—истрясую.
Взадся вернути—воспяти.
Взброяю-прибираю, в зброю вооружаюся.
Взгарда — щапство, малодушіе, поносъ, уничиженіе, отриновеніе, нерадение, преобыдѣніе, презорство, укоризна, безчестіе, оклеветаніе.
Взглядъ—умиленіе.
Взгордитель — презоривъ, свѣрѣпяйся, напрасививъ, дерзкій.
Взгордѣлъ—попралъ, отверже.
Взгоржаю — презираю, пренебрегаю.
Взгорженъ — уничиженъ, обезчествованъ, укоренъ, посмѣянъ, поруганъ, смиренъ.
Взмѣнка—поменъ.
Взношу— воздвизаю.
Взростъ—возрастъ.
Взрушую—движу.
Взятя—поемлепіе.
Видится—мнится, подобится.
Видокъ—позорище.
Вижу—вижду.

Виненъ есмъ—долженъ есмъ.
Винная — матица, лоза, винничіе.
Винникъ—винаръ.
Винница—виноградъ.
Винный—виновный, повинный.
Винный прутъ—лоза.
Вино молодее—мустъ.
Виную—порицаю, оглаголую.
Виграю—перу.
Виръ в водѣ—сопреобращеніе, заверхъ, примракъ.
Витаніе—рукодаяніе, цѣлованіе.
Витаю—цѣлую, витаю.
Вкидаю—вмѣтаю.
Вкладалъ—вѣдѣаше.
Вкладаю—вѣдѣяю.
Вколо—стояніе, обстояніе.
Вкушеніе—вкусъ, вкушеніе.
Влада—владыка, Господь, властелинъ,властитель,строитель.
Владну — обладаю, властителствую, державствую, строю.
Власность—естество.
Власный—истый, свойственный, присвоенный, усвоенный.
Влочня—луща, дреколь, ратище.
Вмякости—безщука (sic).
Внебитности — не сущи, внебытіи.
Внего—вонь.
Внетъ—абіе.
Внутрности—внутрняя.
Внутрѣ—внутръ.
Внѣвецъ обертаю—испражняю, упражняю, истребляю, искореняю.

Военный—храбрый.
Вожъ—князь, вождь, началникъ, народоводитель, настоятель, правитель, наставникъ, учитель.
Вездерживость—воздержаніе.
Возница, звозчикъ — звозникъ, управитель, снузникъ, возотай (sic).
Возница надъ мулами—прилежай о мулахъ.
Возный — проповѣдателникъ, проповѣдникъ.
Возъ—колесница, ящденіе (sic).
Война—борба, брань, рать, пря, прѣніе, рвеніе, тяжба, распря, подвигъ.
Войну подношу—ратую, рать движу, брань подвизаю.
Войско—полкъ, полчище, воинство.
Войско шикуючій—подвигоположникъ.
Воистинну—тако есть, правда, неложно.
Воланя—вопль, кличъ, грохотъ, вопіеніе, воскликновеніе.
Волаю — возглашаю, воззиваю, вопію, восклицаю.
Волнимъ зостаю — свобождаюся, измѣняюся.
Волнимъ чиню—упразняю, свобождаю.
Волно—лѣпѣ естъ, послѣдователно.
Волность—отрада, свобода, самовластіе, любочестіе, любодарованіе, наслажденіе.

Волоки—поля, ланы.
Волоку—рѣю, влеку.
Волоцюга—бѣгунъ, лестецъ.
Волоченіе—рѣзаніе, рѣніе, резба (sic)
Волоченя се—скитаніе.
Волочуся—скитаюся.
Волхованіе—образованіе.
Воля—разумъ, предложеніе, хотѣніе, маніе, мановеніе, помааніе.
Вонность—воня, благоуханіе.
Вонтпливость—недоумѣніе,...., недослишаніе, закоснѣніе, размышленіе, неудобство, сумнѣніе.
Вонтпливый—сомнѣнникъ, сомнителникъ.
Вонтплю—сумнѣваюся, недоумѣваюся, усумнѣваюся, сумнюся.
Воркотаніе—роптаніе, ропотъ, хухнаніе.
Воробецъ—врабій.
Воробчикъ—птичищъ.
Вороговання—вражда.
Ворогую—враждую.
Ворогъ—врагъ, супостатъ.
Ворожбитъ—вражбитъ, волхвъ.
Ворожбитво—враженіе, волшба.
Ворожу—вражу.
Воронъ—вранъ.
Воронъ ночный—вранъ нощный.
Ворота—врата.
Воротило ткацкое—вратило ткущихъ.
Воротный вратаръ—вратный дверникъ, вратникъ, свузникъ (sic).
Ворцъ (sic)—ропщу, хухнаю.
Впередъ—предъ.
Вподозреню маю—взираю (sic).
Впосполитости—обще.
Впровожаюся—водворяюся.
Вродъ—вредъ, раны, гной.
Вродоватый—вредный.
Всегда—присно, всегда.
Всерединѣ—внутръ, посредѣ, внутруду.
Всеобразно—весма.
Все що живо—всяческая.
Вскокъ—абіе.
Вспакъ—противообразнѣ.
Вспаняле—влѣпоту, вресноту, изящне.
Вспомагаючій—съпоспѣшникъ, успѣшный.
Вспомагаю—ползую, успѣваю, поспѣшествую, поспѣшаю.
Вспоможеня—успѣхъ.
Встанливъ или пилный—тщаливъ.
Встеченя—вскоктаніе, неистовство.
Встидливе шаную—говѣю.
Встидливый—цѣломудрій.
Встидъ—срамъ, студъ.
Встиркаю—ваяю, изваяю (sic), начертиваю.
Встремежливость—воздержаніе.
Вструченный—возграженъ.
Встькаюся—неистовляюся, скоктаю, скокощу.

Встяґаю—встягаю, въсклацаю.

Всходъ—степень.

Всходъ солнца—востокъ.

Всюди—веcде.

Всякій—всякъ.

Всякимъ способомъ—всяко, всячески.

Втикаю—водружаю.

Въ той час—въ то время, въ еже, вънегда.

Вторинъня—зри *битва*.

Втѣленіе—воплощеніе, вочеловѣченіе.

Вуй, вуяшко, уецъ — матчинъ братъ.

Вшакъ же—обаче.

Вшеляко — весма, всячески, всякъ, отнюдъ, бошію.

Вшетеченство—блудъ, студнодѣяніе, студодѣйство, нечистота, разсверѣпѣніе.

Вшетеченство з кимъ полню—приблужаю.

Вшетечникъ—блудникъ, блудодѣй.

Вшетечница—блудница народная.

Выбавитель—спаситель, избавитель, спасъ.

Выбавленіе—избавленіе, спасеніе, свобожденіе.

Выбавляю—свобождаю, избавляю, спасаю, сохраняю, изимаю.

Выбадаюся—востязаю.

Выбадованіе—востязаніе, взысканіе.

Выбираю—избираю.

Выборне—изряднѣе.

Выборный — изрядный, изящный, инокъ, лишній.

Выбранный—избранный, нарочитъ, найлучшій.

Вывернення—разсипаніе, разореніе, развращеніе.

Вывертаю — превращаю, развращаю, обращаю, разоряю, опровергаю, оставляю.

Выводне—прителне.

Выганяю — отлучаю, изганяю, отмѣтаю, извергаю

Выганнымъ быти — отлучитися.

Выгоженіе—упокоеніе, угожденіе.

Выдаю—предаю.

Выѣжджаю противу или стрѣтаю—сряпцаю.

Вызволяю—зри *выбавляю*.

Вызнаваю—послушествую, засвѣдителствую.

Выкладаю — толкую, сказую, прелагаю, изясняю.

Выкладнѣ—сказателнѣ.

Выкладъ—толкъ, толкованіе, сказаніе.

Выколюю—истикаю.

Выконтерфектованный — възрачный.

Выконтерфектованя або виписаніе, киталтъ—образованіе.

Выкриканіе — восклицаніе, восклинкновеніе, вопіеніе.

Выкрикаю—восклицаю, вопію.

Выкупую—искупую.

Выкупъ—искупъ.

Выливаня—истуканіе.
Выливаю—истукаю.
Вылучаю—ищитаю.
Выляный—истуканный.
Вымагаю—истязую.
Вымагую—истребляю.
Вымерзаю—изсякаю.
Выминулъ—убѣгъ, гонзе, гонзнулъ, избѣже.
Вымысли в убіорахъ—щапство.
Вымишляю—умишляю, изобрѣтаю, смышляю, снискаю, притворяю.
Вымовка—извѣтъ.
Вымовленя ся—отрицаніе, прирокъ, непщеваніе.
Вымовляюся — обѣщаю, отвѣтъ или извѣтъ творю, отрицаюся.
Вымовность—благоязычіе, благорѣчіе.
Вымовный—обрѣтословецъ, благоязичный, благорѣчивый, рѣчивый.
Вынайдованя—возисканіе.
Вынайдую—возискую, востязую, изобрѣтаю.
Выникаю—возникаю, изникаю.
Вынищую—упражняю, испражняю.
Выношу—любопочитаю, плещу, величаю, благословляю.
Выображеніе—образъ.
Выпартокъ или дитя изверженное—извергъ.
Выпасую—..., испасую.
Выпираю—испираю.
Выпитаніе — стязаніе, возисканіе.
Выпитую — состязую, испитословлю, истязую, испитую.
Выполненіе—совершеніе, исполненіе, кончина.
Выполняю—належу, совершаю, исполняю.
Выпорожненіе—истощеніе, умаленіе.
Выпорожняю—умаляю, истощеваю, испражняю.
Выпотрошую—истребляю.
Выпытую — испитую, истязую, испитословлю.
Выраженіе—изображеніе.
Вырастую—прозябаю.
Выраховаіне — сочетаніе, разсужденіе, сочисленіе.
Выриваю—исторгаю, истребляю.
Выриганя—отрыганіе.
Выригаю—отрыгаю.
Выринаю—происхожду.
Выродъ—скверный, скверпавый.
Вырозумѣваю—сразумѣваю.
Вырозумѣваніе —съразумѣваніе, мудрованіе.
Вырозумѣніе — разумѣніе, свѣдѣніе, вѣдѣніе.
Выростокъ—отрокъ.
Вырѣзанный—изваянъ.
Вырѣзованіе—изваяніе.
Вырѣзую—начертаваю.
Вырѣкаюся — отмѣщуся, отмѣтаюся.
Высихаю—изсякаю, изсихаю.
Выславленіе—празднованіе.
Высокая пѣснь—степенная пѣснь
Высокій — выспрный, крайный, вышный.

Прокоповича, дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка, изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова, памятникъ Б. Хмельницкому по рис. В. Н. Николаева, видъ Десятинной церкви, постр. П. Могилою, Словарь книжн. малор. рѣчи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXII.

СЕНТЯБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 31-го Августа 1888 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ пасмурный осенній день, на кладбищѣ Покровскаго монастыря въ Москвѣ, среди могилъ именитаго купечества происходили небывалыя на этой окраинѣ столицы „литературныя похороны“. Измученный болѣзнью, утомленный жизнью, полною разочарованій, Котляревскій нашелъ здѣсь послѣдній пріютъ.

Проводы были сердечныя и грустныя. Но горе провожавшихъ было не одинаково. Молодежь, наполнившая церковь, знала покойнаго по ученымъ трудамъ его послѣдняго періода; кіевская депутація, чествовавшая его отъ лица своего университета, находилась подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней профессорской дѣятельности умершаго собрата; на сердцѣ же московскихъ его друзей было вдвойнѣ тяжело. Въ то время, какъ быстро густѣвшій слой земли навсегда скрывалъ его отъ нихъ, имъ вспоминалась его молодость, блестящее вступленіе въ жизнь, неотразимое обаяніе таланта, потомъ невзгоды, долгій искусъ, запоздалое благополучіе,—и печальная развязка.

Прошли годы; первое впечатлѣніе утраты должно бы, казалось, ослабѣть. Но и теперь для близко знавшихъ Котляревскаго съ памятью о немъ неразлучно представленіе о разбитыхъ надеждахъ и неудавшейся жизни. Повидимому и для него настаетъ часъ безпристрастнаго суда; историки русской науки уже заносятъ въ свои обзоры имя автора „Погребальныхъ обычаевъ“; быть можетъ, вскорѣ біографъ возсоздастъ его жизнь и характеръ. Нѣсколько воспоминаній одного изъ свидѣтелей наименѣе

извѣстнаго ранняго періода этой жизни, того періода, когда всего сильнѣе оттѣнялась борьба свѣта и тьмы, всего рѣзче сталкивались надежды и желѣзная дѣйствительность, и мимолетныя *tempi felici* смѣнялись долгими сѣтованіями о нихъ,— нѣсколько такихъ воспоминаній, быть можетъ, кому нибудь пригодятся.

Съ середины пятидесятыхъ годовъ въ студенческихъ кружкахъ Москвы стала замѣтно выдвигаться необыкновенно своеобразная личность; и по типу, и по говору это былъ кровный малороссъ; жизнь била въ немъ ключемъ, въ умныхъ глазахъ сверкалъ огонь, рѣчь поражала остроуміемъ; подвижный до нельзя, главный зачинщикъ серьозныхъ споровъ и самыхъ потѣшныхъ шалостей, онъ въ то же время удивлялъ всѣхъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой. Въ его скромной студенческой комнатѣ на самой вышкѣ одного изъ старыхъ домовъ Арбатской площади понемногу скоплялась рѣдкая для студента библіотека, главное его сокровище,—и среди иныхъ товарищей она вызывала къ нему какое-то особое, почти пугливое, уваженіе. Въ иныя минуты онъ могъ казаться въ кельѣ своей, среди книгъ, средневѣковымъ мудрецомъ,—а потомъ, спустившись на землю и замѣшавшись въ толпу, молодой отшельникъ становился веселымъ собесѣдникомъ, мѣтко и живо судилъ о злобѣ дня и всей душою сочувствовалъ возрождавшемуся общественному движенію. Вмѣстѣ съ своими сверстниками онъ переживалъ одинъ изъ отраднѣйшихъ моментовъ новой русской исторіи, всеобщее пробужденіе послѣ долгой летаргіи; приливъ силъ, жажда жизни проникали всюду, и не было, кажется, отъявленнѣйшаго буквоѣда, нелюдима или брюзги, котораго не потянуло бы на вольный воздухъ. Для такой же натуры, какая съ блестящей оригинальностью проявлялась у студента—украинца, то была самая желанная, идеальная обстановка; движеніе, борьба, ломка отжившаго были для него необходимы, полны особой прелести. Какъ бы ни судили о немъ люди, знавшіе его въ послѣдніе годы, утомленнаго, уходившагося, въ немъ несомнѣнно были скрыты богатые задатки общественнаго дѣятеля, публициста, вліятельнаго и руководящаго критика.

Нѣсколько такихъ личностей знала тогда Москва, нѣсколько кружковъ группировало ихъ единомышленниковъ. Здѣсь горячо обсуждались насущные русскіе вопросы, сюда проникали новыя соціальныя и философскія ученія запада; при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ петербургскими кружками (напр. М. Свириденка), устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что проповѣдовала тогдашняя передовая журналистика. Нетерпѣливо рвалась на волю эта молодежь, въ ожиданіи очереди дѣйствовать; она не давала спуску тѣмъ, въ комъ видѣла оплотъ стараго порядка, и тѣмъ идеямъ и произведеніямъ, которыя пытались задержать поступательное движеніе. Въ такіе періоды броженія важнымъ орудіемъ борьбы является смѣхъ, доводящій противника до абсурда; вспомните его значеніе въ началѣ англійскаго просвѣтительнаго вѣка или въ вольтеровской школѣ. То же было и у насъ. Съ порою „гласности" совпало необыкновенное развитіе сатиры, обличенія; сарказмъ Добролюбова жегъ и ранилъ не меньше, чѣмъ серьозныя и глубокія его статьи. Такое же царство смѣха охватило и молодые московскіе кружки; Котляревскій шелъ и тутъ впереди. Если даже впослѣдствіи, среди страданій, его никогда не оставлялъ юморъ, легко представить себѣ, какъ неистощима была эта сторона его таланта въ молодые годы. Способность налету схватить слабость или недостатокъ противника и воспроизвести ихъ въ меткомъ разсказѣ, такъ и просившемся въ печать, умѣнье дать человѣку одно изъ тѣхъ прозвищъ, которыя какъ клеймо никогда не разстанутся потомъ съ нимъ, изобрѣтательность въ пародіи, неожиданныхъ сравненіяхъ, шаловливое обращеніе къ помощи церковно-славянской торжественности или народной бойкости рѣчи,—все это обличало въ немъ юмористическій талантъ первой величины, кое-гдѣ сквозящій въ его произведеніяхъ (напр. въ *Старинѣ и народности*, въ *Библіологіи*), но, къ сожалѣнію, не развившійся до художественности. И не мало враговъ создалъ онъ ему въ теченіи жизни; остроты передавались, разносились, слагали репутацію безсердечнаго и на все раздраженнаго человѣка; осторожности въ этомъ отношеніи онъ не зналъ никогда, съ увлеченіемъ отдаваясь сатирическому задору. Мало кто давалъ себѣ трудъ загля-

нуть въ глубь этой натуры и увидѣть, сколько глубокихъ думъ и благородной серьозности скрывало за собой неизсякаемое остроуміе обличителя.

Эта чуткость и отзывчивость, не дававшая интересамъ съузиться, напротивъ, приводившая человѣка въ соприкосновеніе со всѣмъ, что было живаго вокругъ него, наложила свой отпечатокъ и на любимый предметъ занятій студента; онъ не былъ способенъ топтаться на одномъ мѣстѣ, воздѣлывать крошечный уголокъ поля и воображать при этомъ, что внѣ подобнаго труда нѣтъ спасенія; онъ рано умѣлъ соединять основательное изученіе отдѣльнаго вопроса съ обобщеніями, широкіе горизонты манили его, и въ мысли, что онъ хоть сколько нибудь участвуетъ въ прогрессѣ науки, была всегда для него какая то почти поэтическая прелесть. Такъ отнесся онъ еще въ университетѣ къ вопросу о народности и старинѣ. Совершенно чуждый славянофильскимъ восторгамъ, для оцѣнки которыхъ онъ не жалѣлъ остраго словца, онъ страстно увлекся невѣдомымъ и чарующимъ міромъ. То была вообще пора примѣчательнаго разцвѣта разнородныхъ изученій прошлаго, счастливо совпадавшая съ новою эрой; близились къ концу собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго и словарь Даля; сказки Аѳанасьева, какъ нѣкогда сборникъ Перро во Франціи, одерживали побѣду надъ вкусами непосвященной публики; выходили на путь собиранія народныхъ памятниковъ новые дѣятели, Рыбниковъ, Якушкинъ; журналы давали наряду съ статьями, подготовлявшими близкое уже крестьянское освобожденіе, ученыя работы о народной старинѣ, подписанныя именами Буслаева, Аѳанасьева, Пыпина, и читавшіяся всѣми; наконецъ, въ 1857 г. сдѣлалось возможнымъ изданіе спеціальнаго журнала по литературной старинѣ (*Лѣтописи* Тихонравова). Москва была въ то время главнымъ центромъ этого движенія, дѣятели котораго, за немногими исключеніями, группировались около ея университета, испытывая сильное вліяніе Буслаева, чьи курсы древней русской словесности являлись для нихъ откровеніемъ. Тамъ, гдѣ еще держались допотопныя воззрѣнія на народныя вѣрованія, на богатырство, самобытное эпическое творчество и старую культуру, водворялся подъ воздѣйствіемъ теорій Гриммовъ и

позднѣйшей школы научный методъ; неожиданныя сличенія проливали новый свѣтъ на загадочные вопросы; сравнительное языкознаніе, факты всеобщей литературы, археологія, исторія искусства являлись на помощь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ; все оживало, и изъ хаоса выступали осязательные, стройные образы. Молодежь видѣла, что передъ нею открывается непочатый край работы, и тѣмъ увлеченнѣе устремлялась въ слѣдъ учителю. Никогда не забудется заслуга Ѳ. И. Буслаева, этого родоначальника и вдохновителя всѣхъ донынѣ дѣйствующихъ изслѣдователей русской народной старины.

Котляревскій сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ. Если проповѣдь гуманности въ устахъ Кудрявцева привлекала его, если сердечно любимая имъ эпическая личность Бодянскаго связывала его съ родиной и манила общеславянскими симпатіями, то еще сильнѣе овладѣлъ имъ интересъ къ той отрасли знаній, въ которой добытые уже Буслаевымъ результаты возбуждали къ соревнованію. Еще не кончилось его студенчество, а уже онъ могъ считать себя спеціалистомъ въ ней; оттого-то въ первыхъ же его печатныхъ работахъ такъ замѣтно обладаніе предметомъ и свободное пользованіе большимъ ученымъ арсеналомъ. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ эти работы, тѣмъ несомнѣннѣе становилось, что это будетъ неизмѣнною, безповоротною его страстью.

Такимъ онъ вступилъ въ настоящую жизнь и отдался разнообразнымъ влеченіямъ, которыя она съ каждымъ годомъ все сильнѣе вызывала въ молодомъ и хоть маломальски даровитомъ поколѣніи. Кружокъ его быстро сталъ расширяться, и изъ замкнутыхъ рамокъ студенчества переходилъ въ литературные, ученые, педагогическіе слои, и въ ту часть общества, которая въ ту пору считала гордостью участвовать въ новомъ движеніи. Въ этомъ кружкѣ сходились люди, со временемъ достигшіе большой извѣстности, тогда же неопытные дебютанты, полные силъ и готовые къ борьбѣ. Журнальная и газетная дѣятельность, только что пробуждавшаяся, казалась многимъ изъ нихъ наиболѣе подходящею, по крайней мѣрѣ на первое время. Котляревскій нашелъ себѣ радушный пріютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,

въ то время издававшихся Вал. Коршемъ и М. Щепкинымъ; въ литературныхъ прибавленіяхъ къ этой газетѣ, производящихъ теперь добродушное впечатлѣніе своимъ скромнымъ видомъ узкаго листика средняго формата, появлялись сплошь и рядомъ талантливо написанныя статьи по научнымъ и даже общественнымъ вопросамъ, и велась довольно полная библіографія новостей; тамъ появились первенцы Котляревскаго (если не считать небольшой статьи въ Рус. Вѣстн. 1857 года), этюды о русскомъ богатырствѣ,—но тамъ же подъ псевдонимомъ печатались и бойкія, насмѣшливыя замѣтки, дававшія просторъ его воинствующему юмору. Противъ Малаго театра тогда уже высилась огромная и неуклюжая масса, домъ Челышова или, по студенческому прозвищу, *Челыши;* четыре отдѣленія меблированныхъ комнатъ давали убѣжище цѣлой гурьбѣ интеллигентной и просто безденежной богемы. Въ *Челышахъ* перебывало, наряду съ *Палашами* (за Тверскимъ бульваромъ) и другими излюбленными стоянками молодежи, не мало нисходящихъ поколѣній студентовъ. Тамъ приходилось живать и Котляревскому и его товарищамъ. Такимъ образомъ возникъ собирательный псевдонимъ „Н. Челышевскій“, или кратко Н. Ч., подъ которымъ они поочередно скрывались въ своихъ нападкахъ на плохихъ авторовъ, претенціозныхъ ученыхъ и въ особенности на тѣхъ, въ комъ чуяли глухую вражду къ новой наукѣ и прогрессу. Котляревскому случалось и впослѣдствіи (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша) прибѣгать къ этому псевдониму для тѣхъ же цѣлей. Помню, что однажды, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришло на мысль воспользоваться этимъ фельетоннымъ забраломъ, зная, что оно собственно никому не принадлежитъ,—Котляревскаго заинтриговало и вмѣстѣ, казалось, опечалило это неожиданное возрожденіе стараго псевдонима; онъ очевидно сросся въ его памяти съ невозвратимою свѣжестью молодости...

Но и журнальныя работы, представлявшія еще болѣе подходящую форму для заявленія его научныхъ мнѣній, развивались все шире. Благодаря посредничеству П. Е. Басистова, бывшаго тогда чѣмъ-то въ родѣ агента редакціи Отечественныхъ Записокъ въ Москвѣ, Котляревскій вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ

своихъ сверстниковъ по университету обезпечилъ себѣ участіе въ критическомъ отдѣлѣ журнала. Но этого сотрудничества въ иногороднемъ изданіи для нихъ было мало, и они страстно мечтали объ основаніи собственнаго органа. Вскорѣ и это имъ удалось.

Врядъ ли кто нибудь теперь знаетъ исторію этого молодаго и даровито веденнаго журнала, который обреченъ былъ злою судьбою прожить лишь „ce que vivent les roses". Звали его „Московское Обозрѣніе",—титулъ, придуманный въ подражаніе англійскимъ *reviews* и прямо обличавшій намѣренія издателей; четыре раза въ годъ должны были выходить довольно объемистыя книжки журнала, гдѣ въ первомъ отдѣлѣ появлялись бы руководящія статьи научнаго содержанія, большіе критическіе этюды, обозрѣнія литературы по отдѣльнымъ вопросамъ, а затѣмъ велась бы полная библіографія, русская и иностранная. Изданія такого типа не существовало у насъ до той поры; даже впослѣдствіи тѣ журналы, которые сначала хотѣли обойтись безъ беллетристики (напр. Вѣстникъ Европы 1866—67 г.), принуждены были сдѣлать уступку установившемуся вкусу. Въ 1859 же году, когда группа молодежи затѣвала свой *Moscow Review*, почвы для него не было. Къ причинамъ неудачи нужно отнести также и курьозный выборъ издателя. Тѣ, кто видѣлъ внизу книжки подпись „издатель А. Лаксъ", конечно, спрашивали себя, кто этотъ незнакомецъ и что за охота ему вспала выступать въ критическій походъ. Это же имя было единственнымъ открытымъ для читателя; по уговору сотрудниковъ между собою, и опять по англійскому образцу, всѣ статьи должны были печататься безъ подписи. Такимъ образомъ представительство кружка принималъ на себя невѣдомый міру писатель; да онъ, кажется, и не писалъ ничего; впрочемъ, передъ самымъ началомъ изданія чуть ли не убѣдили его гдѣ-то что-то напечатать за своею подписью, съ тѣмъ, чтобъ можно было потомъ говорить объ издателѣ новаго Обозрѣнія, что это тотъ самый, который и т. д. На дѣлѣ же это былъ штабсъ-капитанъ въ кадетскомъ корпусѣ, занимавшій тамъ должность репетитора или учителя въ младшихъ классахъ, очень любезный, очень гостепріимный и—необычайно кро-

хотный. На его квартирѣ сходились члены того кружка, гдѣ вращался Котляревскій, сослуживецъ Лакса по учительству; тамъ обдумали планъ журнала, убѣдили хозяина принять на себя инициативу и рискнуть частью денегъ, принадлежавшихъ его питомцу, зажиточному недорослю, искавшему роли мецената. Но едва дѣло сладилось, и двѣ книжки журнала вышли, какъ издателемъ овладѣли тревога и сомнѣнія; ничего опаснаго тамъ не было высказано, но такъ еще близка была позади пора безгласности, что одного уже независимаго тона молодыхъ редакторовъ и новости научныхъ взглядовъ, прилагаемыхъ ими къ русской жизни и соціальнымъ вопросамъ, было достаточно, чтобъ возбудить переполохъ. Подписчиковъ было мало, но съ выдержкою можно было бы воспитать публику, подходящую для такого изданія,—вдругъ издатель объявилъ, что устраняется отъ дѣла; денежный источникъ изсякъ, нервъ войны былъ подрѣзанъ, и все распалось. Двѣ книжки „Моск. Обозрѣнія“ составляютъ теперь библіографическую рѣдкость; исторія этого журнала поросла быльемъ, а недавно сошелъ со сцены и мимолетный его издатель; онъ вскорѣ перешелъ на службу по жандармскому вѣдомству, а умеръ томскимъ губернаторомъ.

Статья Котляревскаго объ Исторіи русской словесности Шевырева, составляющая одно изъ украшеній „Московскаго Обозрѣнія“, можетъ быть названа типомъ его молодой критической манеры; много знанія, самостоятельный взглядъ, страстность изложенія и повидимому невольныя юмористическія выходки. Его самого занимало обставить свой натискъ нѣкоторою загадочностью: подъ статьею виднѣлось нѣсколько таинственныхъ буквъ—*Sp. a-r* и помѣта *Городище*. Представлялось ему, съ какою недовольною миной непопулярный, отставшій отъ научнаго движенія, въ полномъ смыслѣ отставной авторитетъ приметъ порицаніе и укоры какого-то невѣдомаго *Spiritus asper*. Тою же смѣлостью и желаніемъ побороться съ обветшавшими направленіями въ наукѣ и литературѣ проникнуты были многія изъ статей остальныхъ сотрудниковъ; въ работахъ рано умершаго даровитаго экономиста А. Корсака отражалось новое направленіе науки о народномъ хозяйствѣ, въ статьѣ К. Бестужева-Рюмина предъявлялись по-

добныя же требованія въ области исторіи, талантливые разборы лирики Языкова и романа Писемскаго обнаруживали сочувствія молодой редакціи сближенію литературы съ жизнью и вражду ко всему напыщенному, узко-національному и самодовольному. Уваженіе къ европейской наукѣ и культурѣ сквозило всюду и, далекое отъ ложной скромности и подчиненности, сочеталось съ горячимъ желаніемъ успѣховъ русской научной дѣятельности. Такими остались навсегда взгляды Котляревскаго; кто-то назвалъ его въ некрологѣ однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ всеобщей литературы, и это все не было преувеличеніемъ. Огромная библіотека западныхъ произведеній, постоянно имъ пополнявшаяся, неутомимость въ чтеніи и свойственная однимъ лишь искреннимъ библіофиламъ радость при видѣ появившагося наконецъ по занимающему его вопросу руководящаго труда („добрая книга!" восклицалъ онъ, сіяя и любовно постукивая по корешку), стремленіе познакомиться не съ одною только научною дѣятельностью Запада, но и съ жизнью, поэзіею, типическими и бойкими свойствами языка (особенно нѣмецкаго, которымъ благодаря житью въ Дерптѣ и долгимъ путешествіямъ онъ овладѣлъ до тонкостей),—все придавало ему видъ убѣжденнаго западника. А въ то же время этотъ человѣкъ всю жизнь трудился надъ раскрытіемъ того, въ чемъ скрывается корень народности, и всею душою любилъ родину.

Въ ту же самую пору Котляревскій выступилъ впервые на поприще педагога. Правильно и безъ перерыва эта работа длилась у него пять учебныхъ лѣтъ, 1857—1862 г.; потомъ она возобновилась случайно, краткими вспышками, и наконецъ уступила мѣсто университетскому служенію. Какъ бывшій ученикъ его, съ этого времени близко его узнавшій (до того онъ былъ товарищемъ моихъ братьевъ), я могу засвидѣтельствовать, что и въ этой сферѣ онъ выказалъ ту же рѣдкую талантливость, вносившую всюду жизнь и самодѣятельность. Въ короткое время онъ сталъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей въ Москвѣ; и въ большихъ школахъ (Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ), и въ частныхъ урокахъ стоило ему явиться и нагадать дѣло, и все приходило въ движеніе, заинтересовывалось, бросалось читать

и работать. Правда, военно-учебныя заведенія тогда возрождались, и въ томъ же корпусѣ, куда вступилъ Котляревскій учителемъ русской словесности, дѣйствовали уже Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій, Нилъ Поповъ, М. Капустинъ, Корсакъ и др. Но и въ этой обстановкѣ появленіе энергическаго и оригинальнаго во всемъ молодаго дебютанта-учителя произвело сильное впечатлѣніе. Онъ захватилъ съ собой изъ университетской аудиторіи и изъ своей студенческой каморки все то увлеченіе наукой о народности, которое согрѣло его собственную жизнь, и умѣлъ передать его подросткамъ, до той поры мало задумывавшимся надъ подобными вопросами. Онъ говорилъ имъ объ арійской старинѣ, о миѳологіи, съ жаромъ истолковывалъ народныя пѣсни, уводилъ слушателей, казалось, далеко отъ текущей жизни,—а между тѣмъ въ нихъ пробуждалась бодрость духа, жажда развитія и интересъ къ старинѣ наравнѣ съ сочувствіемъ новому времени. Все встрепенулось и взволновалось. Когда лекторъ переходилъ къ среднему и новому періоду словесности, въ классную комнату врывался тотъ воздухъ, который уже отводилъ душу лучшей части общества; сравнительный методъ и масса интереснѣйшихъ отклоненій въ область иностранныхъ литературъ (не полагавшихся тогда даже въ университетѣ) расширяли кругозоръ учениковъ; въ довершеніе всего передъ ними открылась возможность обширныхъ самостоятельныхъ работъ; годовыя сочиненія съ массой источниковъ, которые увлекавшійся преподаватель добывалъ отовсюду, откапывая рѣдкости, опустошая библіотеки, давали поводъ много прочесть, обо многомъ подумать, а тѣхъ, кто слабо зналъ иностранные языки, заставляли налечь на нихъ, чтобъ въ подлинникѣ изучить все необходимое. Теплое и человѣчное отношеніе къ ученикамъ, живая рѣчь, блестѣвшая образами и остроуміемъ, способность серьезно заинтересоваться развитіемъ отдѣльныхъ болѣе даровитыхъ личностей, направлять ихъ потомъ и дальше въ жизни, все это привязывало молодежь къ Котляревскому неразрывною связью, и его личность осталась для нея найболѣе свѣтлымъ явленіемъ изо всей школьной поры. Такимъ былъ онъ и въ обстановкѣ школы, и въ частномъ преподаваніи; молва, быстро разнесшаяся о немъ по Москвѣ, не была преувеличена; *такіе*

лекторы русской словесности всегда рѣдки; изъ учениковъ его и теперь найдутся люди, способные подтвердить сказанное мною. Я же, одинъ изъ нихъ, многимъ обязанъ въ пору юношескаго развитія тому, кто съ годами превратился изъ наставника моего въ друга, считаю себя счастливымъ, что могъ съ глубокою благодарностью вспомнить здѣсь о его малоизвѣстной просвѣтительной дѣятельности.

Одновременно съ педагогическими успѣхами развивались и литературныя работы Котляревскаго, не менѣе счастливо начатыя. Если слухъ о томъ, какъ необычно ведетъ онъ преподаваніе русской словесности, достигъ высшихъ сферъ, призванныхъ наблюдать за учебною частью въ корпусахъ (напр. акад. Билярскаго и др.), если экзаменъ вызванныхъ въ Петербургъ учениковъ Котляревскаго прошелъ блестящимъ образомъ а „сочиненія", испещренныя учеными ссылками, произвели эффектъ, то и въ журнальныхъ кругахъ обѣихъ столицъ извѣстность недавняго дебютанта быстро возрастала. Новичекъ, почти вовсе не выступавшій еще подъ собственнымъ именемъ въ печати, и любившій выдвигать свою крѣпкую связь съ университетомъ въ привычной подписи „Эк. с—ть" (эксъ—студентъ), все смѣлѣе упрочивалъ себѣ самостоятельное мѣсто въ литературѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ онъ былъ уже постояннымъ сотрудникомъ, и въ 1862 году могъ уже взять на себя веденіе важной части критическаго отдѣла,—обзора всего, что за годъ передъ тѣмъ вышло на Руси, въ формѣ ли книгъ, статей или сборниковъ различныхъ матеріаловъ, по любимому его вопросу. Это именно тѣ въ свое время очень замѣченные обзоры, которые были имъ собраны въ отдѣльную книжку, оттиснутую въ 99 экземплярахъ (въ числѣ капризовъ его, какъ записнаго библіомана, была слабость къ подобнымъ миніатюрнымъ изданіямъ; дошло до того, что одну изъ моихъ книгъ, печатавшуюся подъ его наблюденіемъ въ Прагѣ, онъ сверхъ выпуска для публики напечаталъ еще in 4° всего въ *двухъ* экз.) и озаглавленную „Старина за 1861 годъ." Слегка иронизируя надъ доходившими очевидно до него слухами о недовольствѣ, которое возбуждаетъ онъ среди старшаго ученаго поколѣнія, обиженнаго возраженіями и замѣчаніями „какихъ то не-

давнихъ школьниковъ“, онъ увѣренно и съ большимъ знаніемъ дѣла производитъ генеральный смотръ всему наличному составу дѣятелей и трудовъ, безпристрастно отдѣляя слабыя стороны отъ достоинствъ у писателей противуположной ему школы (напр. г. Безсонова), остроумно разграничивая два направленія въ изученіи старины, „патріотическое или славянофильское“ и „сравнительно—историческое“, допытываясь точнаго метода въ изслѣдованіи словесности и мимоходомъ уже намѣчая себѣ предметъ ближайшихъ своихъ работъ; такъ, здѣсь мы находимъ въ зародышѣ планъ его будущей книги о погребальныхъ обычаяхъ, при помощи которыхъ ему хотѣлось бы возсоздать воззрѣнія и культуру предковъ. Даже позднѣйшій читатель, коснувшись этого любопытнаго сборника критическихъ обзоровъ, навѣрно признаетъ, что передъ рецензентомъ такой силы и независимости открывалась почетная будущность.

Но и въ петербургскихъ интеллигентныхъ кружкахъ уже знали о Котляревскомъ, и въ особенности въ томъ, который былъ для него всего ближе, такъ какъ связывалъ его съ родиной. То былъ именно украинскій кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ *Основы*. Несмотря на глубокія симпатіи, сроднившія Котляревскаго съ Москвою и московскими друзьями, и на всѣ признаки, предвѣщавшіе, что дѣятельность его разовьется именно въ великорусской средѣ, въ немъ никогда не замирала искренняя любовь къ Украинѣ; и, быть можетъ, она именно придавала ему въ разнохарактерномъ, но почти одноплеменномъ кругу друзей особенную типичность. Сношеній съ родиною у него сначала было немного; но рѣдкія письма съ нея, и въ особенности свиданія съ умною и какъ то величаво высматривавшею матерью, которую онъ необыкновенно уважалъ, всегда поднимали въ немъ живыя воспоминанія о юности, проведенной на югѣ, о другой природѣ и другихъ людяхъ. Пѣсни и сказки малорусскія онъ зналъ превосходно. Въ иныя минуты, когда особенно развертывалась на распашку его натура, онъ казался удалымъ и безпечальнымъ запорожцемъ. Ужъ если припадавшій на ногу и угловатый, неподражаемо гротескный и столь же неотразимо привлекательный Бодянскій могъ скрываться подъ миѳической ли-

чиной козака Иська Матерынки, надѣюсь, запорожскій нарядъ болѣе присталъ бы къ его вѣрному ученику... Начавшееся съ середины пятидесятыхъ годовъ усиленіе занятій украинскою народной стариною живо интересовало его. *Записки о южной Руси* были имъ встрѣчены сочувственно, хотя сразу онъ почуялъ недостаточно научное отношеніе къ собиранію и изданію памятниковъ народности. Каково же должно было быть его удовольствіе при видѣ осуществленія въ Петербургѣ завѣтной мечты его земляковъ, основанія спеціально малорусскаго журнала! Наряду съ лучшими силами его родины и онъ привлеченъ былъ къ участію въ *Основѣ*, и онъ появился на тѣхъ оживленныхъ, многолюдныхъ редакціонныхъ вечерахъ, гдѣ столько бывало интересныхъ и даровитыхъ людей, столько оригинальныхъ рѣчей и преній, памятныхъ до сихъ поръ и тѣмъ, кому приходилось быть только сочувствующими зрителями. Задумавъ нѣсколько статей для новаго органа, А. А. помѣстилъ въ немъ для начала полемическую статью „О томъ, были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ", какъ утверждалъ тогда Погодинъ, опираясь на филологическія разысканія Лавровскаго.

Такимъ образомъ передъ Котляревскимъ открывалась разнообразная и увлекавшая его дѣятельность; педагогъ и публицистъ, археологъ и широкій знатокъ народности, историкъ литературы и независимый, внѣ партій стоящій критикъ, онъ могъ считать жизнь свою удавшеюся; и дѣйствительно, она никогда не была потомъ у него такою полною, возбуждающею всѣ силы. Женитьба еще болѣе скрасила ее.

Въ эту-то пору, въ разцвѣтѣ медоваго мѣсяца и литературныхъ успѣховъ, внезапно разразилась буря, и все разстроила и переломила. Въ нашей будничной жизни бываетъ иногда такой чисто трагическій переломъ.

Въ лѣтописяхъ выдающихся процессовъ всегда отводится видное мѣсто такъ называемымъ судебнымъ ошибкамъ. Читать подробное изложеніе ихъ гдѣ нибудь въ *Gazette des tribunaux* бываетъ очень заняты; каково было лицамъ прикосновеннымъ переживать ихъ!... Котляревскій былъ поставленъ судьбою имен-

но въ такое положеніе. Бѣда обрушилась на него совершенно неожиданно. Впослѣдствіи среди болѣе серьозныхъ тревогъ, на его „прегрѣшеніе“ врядъ ли обратили бы особое вниманіе. Занимавшій второстепенное мѣсто въ лондонской эмиграціи, очень подвижный и падкій на приключенія, Кельсіевъ удачно пробрался тогда съ турецкимъ паспортомъ въ Москву. Живо интересовавшійся народнымъ бытомъ и въ особенности расколомъ, (по которому издалъ нѣсколько книгъ въ Англіи), онъ искалъ возможности ближе изучить ихъ и вращался въ разныхъ слояхъ московскаго населенія; бывалъ онъ, разумѣется, и въ литературныхъ кружкахъ. Разъ или два встрѣтился онъ за обѣдомъ съ Котляревскимъ; чуть ли ихъ не познакомилъ издатель *Библіограф. записокъ* Касаткинъ. Разговорились они, и, должно быть, оригинальная бесѣда и мѣткія сужденія молодаго ученаго произвели извѣстное впечатлѣніе на Кельсіева; возвратившись въ Лондонъ, онъ по крайней мѣрѣ счелъ умѣстнымъ въ письмѣ къ третьему лицу послать поклонъ Котляревскому, Аѳанасьеву и еще кому то изъ столу же случайно встрѣченныхъ имъ людей, что вовсе и не означало знакомства или близости. На Котляревскаго же встрѣча съ нимъ подѣйствовала совершенно мимолетно; всегда не прочь потолковать съ интереснымъ человѣкомъ, онъ видѣлъ въ пріѣздѣ Кельсіева скорѣе затѣйливую новинку, курьозъ. Не разъ выражался онъ потомъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ разгадывать людей, распознавать ихъ слабыя стороны и не щадить ихъ въ своихъ отзывахъ, чтобы довольно поверхностная натура Кельсіева могла ему сколько нибудь импонировать. Ихъ встрѣча была одною изъ безчисленныхъ житейскихъ случайностей, которыя скоро забываются. Богъ вѣсть какъ всему этому придано было другое значеніе Неосторожные поклоны Кольсіева заставили предположить тѣсную близость; другія подозрѣнія, а, можетъ быть, и извѣты помогли сгустить краски, и А. А. былъ заключенъ въ крѣпость, до разслѣдованія дѣла и допроса.

Когда послѣ полугодоваго ожиданія состоялся наконецъ допросъ, безъ труда обнаружена была вся безсодержательность обвиненія и понята была сдѣланная ошибка. Оставалось только

выпустить узника на свободу. Это и сдѣлали; по словамъ Котляревскаго, встрѣтившаго въ теченіи этого тяжелаго времени участіе и симпатіи со стороны нѣкоторыхъ изъ лицъ надзора, ему выразили при разставаніи сожалѣніе о случившемся, обѣщали выдать (а, можетъ быть, и выдали) удостовѣреніе въ томъ, что съ него снята напраслина и что дѣятельность его ни въ чемъ не будетъ стѣснена.

Но въ прежнюю среду возвратился какъ будто другой человѣкъ. Въ болѣзненномъ существѣ съ осунувшимися чертами лица, принявшаго зловѣщій блѣдно-зеленоватый отливъ, потускнѣвшими глазами, хриплымъ кашлемъ, ввалившеюся грудью, напрасно стали бы искать сходства съ прежнею горячею, искрометною натурою. Нервы расшатались, а грудная болѣзнь, подъ конецъ сведшая А. А. въ могилу, рѣзко обозначалась. Впереди, однако, было еще много мелкихъ испытаній, въ которыхъ то и дѣло отзывалась только что пережитая тревога. Когда, придя въ себя, онъ попытался приняться за прежнія занятія, успокоительныя петербургскія увѣренія не оправдывались. Преподаваніе въ казенныхъ заведеніяхъ оказалось немыслимымъ; въ частныя школы, женскіе пансіоны ему удавалось проникать словно украдкой, и то не надолго. Только что устроится онъ гдѣ нибудь и поотдохнетъ душою, какъ содержательница школы, конфузясь и краснѣя, проситъ его прекратить уроки, потому что она не знала и т. д. Снова приходилось приниматься за поиски уроковъ гдѣ нибудь въ иномъ, болѣе снисходительномъ заведеніи. Какъ будто чья то рука не въ мѣру усердствовала и не давала человѣку оправиться и обезпечить себѣ заработокъ. Формальнаго запрещенія учить, очевидно, не существовало, потому что все таки нашлась школа, гдѣ, не взирая ни на что, Котляревскаго удержали, и самъ онъ мало по малу пересталъ сознавать надъ собою близость Дамоклова меча. Оставалась, конечно, ученая дѣятельность, и онъ сосредоточилъ всѣ силы на ней, хотя въ новой, семейной обстановкѣ встрѣчалъ людей, осуждавшихъ безплодное корпѣніе надъ книгами. Но и эта дѣятельность не могла не принять особаго направленія. Очевидно подъ вліяніемъ перенесенной невзгоды вся та сторона его писательства, которая сближала его съ текущею

жизнью и ея запросами и открывала передъ нимъ широкіе горизонты, отпала; безопаснѣе было углубиться въ изученіе далекой старины, всегда его привлекавшей, и сдѣлать изъ такихъ занятій вполнѣ нейтральную область. По взглядамъ онъ остался навсегда такимъ, какимъ былъ до того, но многое затаилъ про себя и на первый взглядъ казался вскорѣ лишь сосредоточеннымъ спеціалистомъ-археологомъ. Тѣ науки, которымъ онъ отнынѣ посвятилъ свои силы,—доисторическая археологія, исторія древняго права, славянскія древности, чрезвычайно много выиграли, пріобрѣтая ученую силу первой величины, но кругъ литературно-общественныхъ дѣятелей, способныхъ сочетать воздѣлываніе науки съ служеніемъ новой жизни, понесъ чувствительную утрату. Когда друзья Котляревскаго высказывались передъ нимъ впослѣдствіи въ этомъ смыслѣ, замѣтно было, что это—его больное мѣсто, котораго но слѣдуетъ касаться.

Опять основавшись въ Москвѣ, онъ затратилъ не мало энергіи на оживленіе ученой дѣятельности въ ней. Сблизившись съ мѣстными знатоками старины и заручившись поддержкой гр. Уварова, онъ велъ усиленную агитацію въ пользу основанія московскаго археологическаго общества, былъ однимъ изъ его учредителей, участвовалъ въ предварительныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, нашелъ деньги для изданія, кромѣ *Трудовъ* общества, ежемѣсячнаго „Археологическаго Вѣстника", который выходилъ подъ его редакціею. Почти съ такимъ же рвеніемъ отнесся онъ и къ другому, старѣйшему изъ московскихъ обществъ, тогда возрождавшемуся послѣ долгой летаргіи, „Обществу любителей россійской словесности", понимая, какъ много пользы можетъ принести оно для разработки языка и литературы, для развитія вкусовъ и взглядовъ публики, привыкшей стекаться массами на его открытыя засѣданія. Но въ числѣ „любителей" было тогда еще немало одряхлѣвшихъ обломковъ „временъ очаковскихъ", уцѣлѣвшихъ отъ дореформеннаго періода; кромѣ того послѣ возрожденія общества въ немъ одно время подбирались сторонники славянофильства, внесшіе въ него духъ партіи и нетерпимость. Котляревскому пришлось испытать это на себѣ. Не зная даже путемъ, какіе за нимъ есть грѣхи, иные изъ москвичей вообще

подозрительно смотрѣли на него; невоздержность его въ сужденіяхъ, разносимыхъ сплетнею, и печатно высказанное и раньше порицаніе узкому націонализму вызвали въ извѣстныхъ слояхъ глухую вражду. Она обрушивалась на него наравнѣ съ его даровитѣйшимъ другомъ Аѳанасьевымъ, который также пострадалъ за нелѣпую кельсіевскую исторію. Не выбирать въ члены такихъ людей нельзя было, наряду съ стариками уже образовывалась группа молодежи, вліявшей иногда на выборы. Но постоянное присутствіе ихъ и оживленная дѣятельность въ обществѣ раздражала хранителей добрыхъ преданій.

Котляревскій слишкомъ очевидно для всѣхъ ратовалъ за разнообразіе и научную серьезность работъ общества, содѣйствовалъ изданію имъ „Толковаго словаря“ Даля и привѣтствовалъ его окончаніе, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ и въ журналѣ общества, составлялъ содержательные годовые отчеты, полные проектовъ важныхъ работъ. Такого неутомимаго труженика нельзя было не выбрать въ секретари,—и, несмотря на оппозицію правой стороны, Котляревскій былъ выбранъ. Каждый подобный фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, приближалъ его къ полной реабилитаціи. Но и тутъ не обошлось безъ обиды; видно было, что искупленіе все еще считалось незаконченнымъ.

Это было въ предсѣдательство Погодина. Одинъ изъ его присныхъ, бывшій масонъ, а потомъ извѣстный сельско-хозяйственный дѣятель С. А. Масловъ, по непонятнымъ литературнымъ заслугамъ попавшій въ общество словесности, не затруднился во всеуслышаніе предложить на засѣданіи кассировать выборъ Котляревскаго, какъ человѣка „неугоднаго“. Если эта выходка и была подстроена, какъ догадывался А. А., она потерпѣла полнѣйшее пораженіе. По мѣрѣ того, какъ Масловъ развивалъ мотивы своего предложенія, одинъ за другимъ члены вставали и выходили изъ залы; ораторъ, замѣтивъ это, сталъ конфузиться, запинаться, наконецъ замолкъ, изъ боязни фактически вопіять въ пустынѣ. Поспѣшно бросились въ прихожую и упрашивали уходившихъ вернуться и продолжать засѣданіе, такъ какъ Масловъ говорить больше не станетъ... Нужно было

видѣть Котляревскаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой обиды и слышать, какъ онъ безподобно разсказывалъ въ лицахъ всю сцену, чтобъ понять, какъ подняла она въ немъ оскорбленное достоинство.

Тѣмъ сильнѣе, быть можетъ, повлекло его къ одинокимъ занятіямъ, въ глубь старины; тутъ ждалъ его рядъ успѣховъ. Появились его „Погребальные обычаи", укрѣпили его ученый авторитетъ и открыли передъ нимъ возможность университетской дѣятельности. И влеченіе къ родинѣ, и предпочтеніе болѣе теплаго климата, понятное у человѣка неотвязно мучимаго болѣзнью груди, внушали ему желаніе добыть себѣ каѳедру въ Кіевѣ. Но и вакантнаго мѣста, кажется, не было,—и сразу такое возстановленіе правъ гражданства сочтено было неудобнымъ. Каѳедра въ Дерптѣ являлась поэтому подготовительною промежуточною стадіею. Котляревскій порадовался и ей, какъ началу чего-то лучшаго, но необходимость оторваться отъ близкаго ему дѣла, отъ друзей, и очутиться одинокимъ на чужой сторонѣ, среди людей, впередъ расположенныхъ къ нему недружелюбно, въ иныя болѣе грустныя минуты казалась ему ссылкой. Отсутствіе мелкихъ національныхъ счетовъ въ его характерѣ помогло ему сначала и тамъ установить приличныя отношенія, тѣмъ болѣе что въ числѣ дерптскихъ своихъ коллегъ онъ нашелъ нѣсколькихъ настоящихъ, европейскихъ ученыхъ, общеніе съ которыми было для него особенно пріятно. Но, если эти отношенія испортились въ конецъ, вина была не его; съ одной стороны его сильно стала раздражать мелочность и кляузность крохотнаго уѣздно-университетскаго мірка, съ другой онъ коренныть образомъ расходился съ сослуживцами во взглядѣ на крупнѣйшій политическій фактъ того времени, франко-прусскую войну. Его сочувствія были всѣ на сторонѣ Франціи, а кругомъ широкими волнами поднималось германофильство. „Съ нѣмцами по поводу войны, писалъ онъ мнѣ, я разошелся въ чистую: они вообразили, что прусскія побѣды сдѣлали ихъ (т. е. моихъ нѣмцевъ) *геніально умными*, я же разсматриваю ихъ яко обыкновенныхъ смертныхъ, и сверхъ того лишенъ

ныхъ, и сверхъ того лишенъ благодати восхищаться пруссаками и ихъ *гуманностью.* Обозлились на меня страшно". Къ началу слѣдующаго года положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось и стало невыносимымъ. Отрывокъ изъ другаго письма 1872 г. разскажетъ это лучше всякихъ поясненій: „Не отвѣчалъ мгновенно потому, что болѣлъ—и болѣлъ скверно: опять старая исторія съ кровохарканіемъ, исторія, сведшая друга моего Аѳанасьева въ могилу! Не стану распространяться объ этомъ: жизнь моя здѣсь исполнена такого убійственно-грустнаго мрака, что выносить ее передъ друзей—непригоже. Будемъ же бесѣдовать весело, насколько это возможно. Все далѣе и далѣе отхожу отъ моихъ нѣмцевъ; но разстаюсь съ идеальнымъ воззрѣніемъ на нихъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Не могу, по совѣсти, сказать, чтобъ они были—дурные люди, нѣтъ,—но и хорошаго въ нихъ мало; такая все сѣрая будничность, посредственность, мелкота, такое отсутствіе всякаго высокаго элемента, всякаго рыцарскаго благородства, что послѣдній изъ нашихъ братій кажется гигантомъ передъ ними. На дняхъ разошелся съ лучшимъ и чистѣйшимъ изъ нихъ, Лео Мейеромъ а—почему? потому что при выборѣ въ деканы факультета подалъ голосъ не за него, а за другого. Не подумайте, что здѣсь дѣло идетъ о честолюбіи, нѣтъ,—о деньгахъ, о прибавочномъ деканскомъ содержаніи! Вотъ камень, о который претыкается всякая *нѣмецкая* дружба! Какъ ни глупы славянофильскія яренія противъ нѣмцевъ, а здѣсь они становятся мнѣ понятны. Золъ, батюшка мой Ал. Н., дѣлаюсь я! Конечно, въ такой средѣ не можетъ спориться работа—и я прозябаю, и притоки жизни подымаютъ меня на ноги только тогда, когда приходитъ хотя какая нибудь вѣсточка съ *того свѣта* (т. е. съ вашего)".

Когда передъ отъѣздомъ въ Дерптъ А. А. собралъ у себя въ послѣдній разъ пріятелей, и мы вышли провожать его, на его нервно возбужденномъ лицѣ мелькали, смѣняя другъ друга, выраженія грусти, смѣха, пытающагося разогнать ее, и какой то фаталистической рѣшимости. Съ напускной удалью закинулъ онъ назадъ голову, посматривая на прохожихъ, въ то время какъ экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ на улицу; съ такимъ видомъ

въ старые годы уходилъ изъ дому рекрутъ, стараясь бодростью разсѣять жуткое ожиданіе долгой неволи. .

А потомъ,—потомъ все измѣнилось къ лучшему; существенно поправилась матеріальная сторона жизни, обезпечивъ полный достатокъ, сдѣлались возможными долгія заграничныя путешествія, осуществилась кіевская профессура; не измѣнилась только болѣзнь. „Буду здоровъ—въ слѣдующемъ семестрѣ прочту исторію романской литературы до XVI в., писалъ онъ. Говорю *буду здоровъ* и смѣшно звучитъ мнѣ сей глаголъ. Когда же я здоровъ буду? Развѣ—когда *успокоюсь!*"...

Но пора остановиться и предоставить слово тѣмъ, кто лучше и ближе зналъ Котляревскаго во время его дерптскаго и кіевскаго житья.

Но я не могъ не коснуться и этого поздняго періода, протекшаго не на моихъ глазахъ; съ одной стороны о немъ напомнили приведенныя выдержки изъ писемъ,—самъ Котляревскій далъ въ нихъ какъ бы свое показаніе о томъ, какъ ему жилось тогда;—съ другой хотѣлось возстановить всю связь, которая соединяла блестящаго юношу-писателя съ захирѣвшимъ страдальцемъ, какимъ онъ сошелъ въ могилу. Одно изъ послѣднихъ его писемъ ко мнѣ (1879) показываетъ, какъ дорога для него была всегда возможность переноситься въ то давнопрошедшее время. „Цѣлыхъ двѣ недѣли болѣлъ, и болѣлъ нешуточно; дня два тому назадъ поднялся на ноги, все въ организмѣ еще дрожитъ, колеблется, мозгъ неистовствуетъ, языкъ ругается... Въ такую пору только воспоминанія стараго времени, старыхъ добрыхъ друзей низводятъ миръ на душу, и „звѣрей" возвращаютъ къ человѣку. Въ такую минуту пишу, къ вамъ дорогой мой, потому что едва ли я найду между *своими* другаго, въ отношеніяхъ съ которымъ у меня все было бы такъ чисто и ясно, какъ въ отношеніяхъ съ вами".

Послѣ этихъ сердечныхъ словъ читатель проститъ, быть можетъ, нѣкоторое излишество подробностей въ настоящихъ воспоминаніяхъ, и пойметъ, какую отраду доставляла писавшему ихъ возможность вызвать изъ прошлаго образъ друга.

Алексѣй Веселовскій.

Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ [1]).

Знаменитая судебная волокита, взяточничество и лицепріятія судей, злоупотребленія генеральной и полковой старшины, державшей въ своихъ рукахъ администрацію и юстицію Малороссіи, достаточно извѣстны каждому, чтобы говорить о нихъ снова. Всѣ эти злоупотребленія въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ достаточно выяснены и справедливо лежатъ темнымъ пятномъ на совѣсти лицъ, заправлявшихъ судьбами Малороссіи; но было бы крайне недобросовѣстно и односторонне объяснять дѣло личными недостатками старшины и не коснуться тѣхъ сторонъ и причинъ злоупотребленій, которыя умышленно пропускались самими выдающимися людьми того времени. Извѣстно, напримѣръ, что Петръ I, отмѣняя гетманское управленіе, главной причиной этой реформы выставилъ злоупотребленія старшинъ и не обратилъ никакого вниманія на такіе крупные пороки въ государственной жизни Малороссіи, какъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ судебныхъ и административныхъ функцій и отсутствіе въ странѣ единаго и строго кодифицированнаго права. Совмѣщеніе высшихъ административныхъ и судебныхъ функцій, признаваемое теперь большимъ зломъ тамъ, гдѣ оно еще удержалось, само предрасполагаетъ къ злоупотребленіямъ независимо

[1]) №№ дѣлъ Южно-русскаго архива: 68, 1220, 1687, 2398, 2588, 2735, 2788, 3648, 3928, 5115, 5398, 5478, 5705, 8497, 9836, 11307, 12153, 12743, 12744, 14956, 19563, 19564 и рѣшеніе черниговскаго гродскаго суда и полковой канцеляріи.

отъ дурныхъ или хорошихъ качествъ людей, потому что облекаетъ ихъ судебной и исполнительной властью; отсутствіе же точнаго и единообразнаго права дѣлаетъ управленіе и судъ въ странѣ рѣшительно невозможными даже при хорошихъ правителяхъ, а между тѣмъ оба вышеуказанныя обстоятельства имѣли мѣсто у насъ во всей своей силѣ. Несмотря на то, что по силѣ арт. 2 раздѣла 4-го Статута административная власть отдѣлялась отъ судебной [1]), малороссійская старшина одновременно занимала мѣста военачальниковъ, управляла полкомъ, судила въ полковыхъ канцеляріяхъ, завѣдывала денежными суммами и т. д, такъ что большаго смѣшенія воинскаго и гражданскаго, административнаго и судебнаго управленій нельзя себѣ и представить.

Что же касается до законовъ, которыми судились малороссіяне прошлаго вѣка, то они являютъ собою не только большое разнообразіе, но часто и такія противорѣчія, изъ которыхъ трудно бывало выпутаться людямъ даже съ большой юридической эрудиціей и опытностью—дѣло въ томъ, что по силѣ арт. 54-го раздѣла 4-го нашего національнаго и основнаго кодекса,—Литовскаго Статута, на случай его неполноты допускалось примѣненіе правъ другихъ христіанскихъ народовъ [2]); этими дополняющими Статутъ правами были Магдебургское право, иначе называемое Порядокъ, и Саксонское Зерцало, вошедшія къ намъ подъ иноземнымъ вліяніемъ и не всегда отвѣчавшія народнымъ правовоззрѣніямъ; кромѣ этого нужно помнить, что дѣйствіе Статута не распространялось на „упривиліованные“ города, пользовавшіеся магдебургіей: жители ихъ судились по Магдебургскому праву и не признавали надъ собой силы статутоваго; впрочемъ, имъ судились не всѣ жители привилегированныхъ городовъ, но

---

[1]) Розд. 4, арт. 2: „уставуемъ ихъ на тые вряды яко на судъство и на писарство не маютъ быти выбрами духовные особы, а ни каштелянове, маршалки и старостове судовые, а ни подкоморые, войские, а ни хоружие дворьные и повѣтовые и никто таковой, которой бы иншимъ земськимъ врядникомъ былъ“.

[2]) Р. 4, арт. 54: „а где бы чого в томъ статуте недоставало, тогды судъ прихиляючися до ближъшое справедливости водле сумненья своего, *и прикладамъ иншихъ правъ христіанскихъ то отправовати и судити маетъ.*

только купцы, мѣщане и посполитые, козаки же оставались подсудными не магистрату, а полковымъ канцеляріямъ, употреблявшимъ Статутъ, какъ право „шляхетское".

Нечего говорить, что Статутъ, Порядокъ и Саксонское Зерцало нерѣдко приходили между собою въ столкновеніе и, внося безпорядокъ въ матеріальное право, тѣмъ самимъ вредили быстрому и правильному судопроизводству. Особенно велика была неурядица въ тѣхъ случаяхъ, когда судебныя рѣшенія, постановленныя магистратами на основаніи Магдебургскаго права, поступали по аппелляціи въ Войсковую Генеральную канцелярію, гдѣ онѣ перерѣшались по Статуту и правые становились виноватыми, а виноватые правыми, потому что нормы Статута иногда противорѣчили нормамъ Магдебургскаго права [1]).

Кромѣ того, мы не должны упускать изъ виду, что безпорядокъ въ малорусскомъ правѣ увеличивался и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія правоположенія Статута по публичному и въ частности по уголовному праву послѣ соединенія Малороссіи

[1]) Вотъ одинъ примѣръ изъ второй половины прошлаго вѣка, доказывающій, какая происходила отъ этого путаница и умноженіе судебной волокиты. Въ 1761 году нѣжинскій магистратъ обратился къ гетману съ жалобой на дѣйствія Генеральной канцеляріи, рѣшавшей поступавшія отъ него дѣла не по силѣ правъ Магдебургскихъ, а по Статуту, между тѣмъ какъ многія постановленія послѣдняго несогласны съ ихъ правомъ, въ доказательство чего нѣжинскій магистратъ указалъ на 7-ой раздѣлъ, арт. 1-й Статута, по которому каждый собственникъ имѣній материнскихъ или отцовскихъ, купленныхъ или выслуженныхъ можетъ отчуждать ихъ продажей, даромъ, записью, обходя своихъ дѣтей и родственниковъ, между тѣмъ по Магдебургскому праву никто не можетъ отчуждать „дѣдизнаго" имѣнія, если на это несогласны наслѣдники; продажа, состоявшаяся безъ согласія наслѣдниковъ считается ничтожной. Или, напримѣръ, по 14 арт., разд., 5-го всякое материнское имѣніе наслѣдуется въ равной мѣрѣ какъ сыновьями, такъ дочерьми, а отцовское, наслѣдственное имѣніе переходитъ только на сыновей и ихъ нисходящихъ, между тѣмъ какъ по Магдебургскому праву оно одинаково переходитъ какъ на сыновей, такъ и дочерей. Приведенными примѣрами, конечно, не исчерпываются противорѣчивыя положенія двухъ правъ; ихъ было настолько много, что нѣжинскій магистратъ обратился къ гетману за резолюціей, по какимъ правамъ должны рѣшаться дѣла, поступающія отъ него по аппеляціи въ Войсковую Генеральную канцелярію, и добился отъ гетмана распоряженія рѣшать эти дѣла *вездѣ* по однимъ и тѣмъ же правамъ Магдебургскимъ.

съ Великороссіей подверглись отмѣнѣ или сильнымъ измѣненіямъ. Положеніе Литовскаго Статута, касающіяся административнаго, финансоваго и государственнаго правъ, должны были измѣниться или совсѣмъ прійти въ забвеніе подъ вліяніемъ режима московскаго правительства; въ уголовное право Статута также вторгалось это вліяніе, и малороссійскимъ судьямъ приходилось считаться не только съ нимъ, но и съ царскими указами, его отмѣнявшими [1]).

Конечно, нельзя не радоваться гуманнымъ измѣненіямъ въ системѣ уголовныхъ наказаній Статута, ибо послѣднія дѣйствительно нуждались въ радикальномъ обновленіи, такъ какъ давно уже перестали соотвѣтствовать обстоятельствамъ своего времени; но дѣло въ томъ, что всѣ подобныя постановленія не были приведены въ систему и часто отсутствовали въ сотенныхъ и полвыхъ канцеляріяхъ, развязывая такимъ образомъ руки нашимъ судьямъ и правителямъ. Намъ кажется, что указанные два порока въ государственной жизни Малороссіи объясняютъ причины всѣхъ злоупотребленій больше, чѣмъ пресловутые недобросовѣстность и эгоизмъ малороссійской старшины и обвиненія ея московскимъ и петербургскимъ правительствомъ въ продажности. Однако до гетманства Данила Апостола, впервые обратившаго вниманіе на устарѣлость, противорѣчіе и разнообразіе дѣйствовавшаго у насъ законодательства, мы не встрѣчаемъ со стороны центральной власти никакихъ попытокъ къ упорядоченію мате-

---

[1]) Таковы, напримѣръ, указы Петра I, отъ 1721 г., о нечиненіи надъ ворами за первое и второе преступленія иного наказанія, какъ битье плетьми и отдача на поруки, между тѣмъ по Статуту за воровство вещи дороже 4-хъ копъ полагалась смертная казнь. Такого же рода и другой извѣстный намъ указъ Петра I, значительно облегчающій наказаніе разбойникамъ, если ими не учинено смертнаго убійства—по этому указу Петра I повелѣвалось разбойниковъ за первый и второй разбои, не сопровождавшіеся смертными случаями, вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную каторжную работу, между тѣмъ по § 3, арт. 32-го, раздѣла 13-го за эти преступленія положена безусловно смертная казнь. Таково же распоряженіе и Елизаветы Петровны за 1761 г. о замѣнѣ смертной казни ссылкой въ Сибирь на вѣчное жительство.

ріальнаго и процессуальнаго права. Великорусское правительство ограничивалось только смѣной лицъ съ ихъ урядовъ, не касаясь глубины вещей, и даже Петръ I, сдѣлавшій столько для законодательства своей родины, ограничился въ Малороссіи маловажными измѣненіями „формы“ производства дѣлъ въ Войсковомъ Генеральномъ Судѣ. Только Д. Апостолъ вскорѣ послѣ назначенія его на гетманскій урядъ сдѣлалъ представленіе въ Верховный Тайный Совѣтъ о необходимости упорядоченія малорусскаго законодательства, и Совѣтъ, соглашаясь съ гетманомъ, призналъ за наилучшее перевести права, которыми судились малороссіяне, на великорусскій языкъ и свести ихъ въ одно. До представленія гетмана о законодательной неурядицѣ, царствовавшей въ Малороссіи, великорусское правительство повидимому едва ли даже знало, какими законами пользуется присоединившійся къ нему край, по крайней мѣрѣ указъ Петра II о назначеніи коммиссіи для перевода и свода правъ малороссійскихъ выражается о нихъ очень неопредѣленно—„малороссійскій народъ судятъ разными правами, которіе сими словами названи: Майдебурскіе да Саѯонскіе Статуты“. Какъ бы то ни было, но этимъ указомъ Петра II, заключавшимся въ 20-мъ параграфѣ рѣшительныхъ пунктовъ, сдѣланъ сильный толчекъ вопросу, давно назрѣвшему въ правовой жизни Малороссіи, чтобы не сказать перезрѣвшему. Прошло около полутора вѣка со времени изданія главнаго кодекса—Статута, въ продолженіе которыхъ рука законодателя не касалась малорусскаго права, между тѣмъ понятно, что въ этотъ періодъ времени могло устарѣть самое совершенное законодательство. Правда, въ первоначальномъ указѣ Петра II цѣль коммиссіи понималась довольно узко, ибо она призывалась не для сочиненія новаго права, не для юридическаго творчества, а для простаго перевода и сводки имѣвшагося въ наличности права, но за то послѣдующими указами Анны Ивановны и Елизаветы Петровны цѣль и задача коммиссіи были расширены до самостоятельнаго творчества права, ибо ей поручалось отжившія узаконенія выбросить или измѣнить, а по вопросамъ назрѣвшимъ въ жизни, но не пред-

усмотрѣннымъ въ существующемъ правѣ, составить проекты законовъ и подать на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества.

Въ силу такого широкаго назначенія, какъ правосозиданіе, коммиссія эта составляетъ крупный фактъ въ исторической жизни Малороссіи; она давала возможность выступить на сцену юридическимъ способностямъ народа и обнаружить ту высоту правоваго развитія, которой онъ достигъ путемъ полуторавѣковой жизни и соціальной борьбы и прогресса.

Какъ на важное дѣло смотрѣли на правную коммиссію и и великорусскіе современники, какъ, напримѣръ, это видно изъ слѣдующаго отзыва Миниха: „полтавскій полковникъ Кочубей имѣетъ въ Москвѣ *важное порученіе при составленіи новаго Уложенія для Украйны*—для такой земли, гдѣ никакого права нѣтъ, но кто болѣе даетъ, тотъ и дѣло въ судѣ выиграетъ".

Благодаря трудамъ покойнаго проф. Кистяковскаго, впервые издавшаго сводную работу этой коммиссіи и познакомившаго насъ съ ея исторіей во введеніи къ самому своду, мы знаемъ главнѣйшіе ея моменты и даже небольшія подробности; но покойный ученый не имѣлъ многихъ архивныхъ данныхъ, а потому его очеркъ, въ общемъ совершенно вѣрный, отличается краткостью и неполнотой, которыя мы и намѣрены восполнить на основаніи дѣлъ, имѣющихся въ южно-русскомъ архивѣ. Подробности наши касаются персонала, обстановки и дѣятельности коммиссій, а такъ же и другихъ вопросовъ, не вполнѣ выясненныхъ г. Кистяковскимъ, какъ напр. вопросъ—въ какой редакціи употреблялся Статутъ въ судахъ прошлаго вѣка и пр.

ГЛАВА I.

Персоналъ коммиссіи.

Въ 1728 году Его Императорское Величество Петръ II въ 20-мъ рѣшительномъ пунктѣ, рѣшительныхъ пунктовъ, данныхъ гетману Апостолу, указалъ: „для пользы и правосудія народа малороссійскаго, тѣ права по которымъ судится малороссійскій

народъ перевесть на малороссійской языкъ и опредѣлить изъ тамошнихъ сколько персонъ пристойно искуснихъ и знающихъ людей для свода изъ тѣхъ трехъ правъ въ едно и для аппробаціи прислать ко двору Его Императорскаго Величества". Этимъ указомъ, мало опредѣленнымъ и краткимъ, все дѣло исправленія законовъ возлагалось на усмотрѣніе самого гетмана; ему не было сообщено ни плана работъ, ни указаній, кого привлечь къ трудамъ коммиссіи, можетъ быть именно потому, что ей сначала не придавали болѣе значенія, чѣмъ простой компилятивной работѣ, требующей одной канцелярской техники, а не знанія права, народной жизни и юридическихъ обычаевъ.

Посмотримъ, какъ поступилъ гетманъ, какъ онъ составилъ коммиссію и какихъ привлекъ въ нее членовъ, но прежде всего предупредимъ читателя, что первые годы работъ намъ мало извѣстны за недостаткомъ архивныхъ данныхъ.

Получивъ указъ объ избраніи „искуснихъ и знатнихъ персонъ" въ 1728 году, гетманъ, какъ кажется, не особенно торопился ихъ избраніемъ, такъ какъ мы не встрѣтили за этотъ годъ ни одной бумаги, относящейся къ начинанію дѣла; только въ слѣдующемъ году былъ составленъ по усмотрѣнію Д. Апостола реестръ лицъ преимущественно изъ полковой старшины, духовенства и магистратскихъ писарей, достаточно искусныхъ для предполагаемаго дѣла, Число намѣченныхъ лицъ достигало 30-ти человѣкъ, но изъ нихъ были выбраны гетманомъ, какъ видно изъ приложеннаго къ реестру списка, только слѣдующія лица: протопопъ полтавскій Величковскій и глуховскій—Галяховскій, бунчуковый товарищъ Семенъ Чуйкевичъ, гадяцкаго полка сотникъ В. Велецкій, писарь полковой переяславскій Черняховскій, нѣкій Рощаковскій, полка черниговскаго тов. значковой Кузьменскій, писарь полка полтавскаго Буглевскій, писарь магистрата нѣжинскаго Конисскій, бурмистръ кіевскій Ѳ. Силичъ, атаманъ города Нѣжина Богдановскій, Данило Кутневскій и хорунжій полковой лубенскій С. Столповскій. Такъ какъ персоналъ коммиссіи не былъ ограниченъ опредѣленнымъ числомъ членовъ, то гетманъ обратился съ просьбою къ преосвященнымъ кіевскому и черниговскому о присылкѣ къ нему въ коммиссію по одному

игумену отъ какого нибудь монастыря, но особенно требовалъ гетманъ у кіевскаго преосвященнаго высылки нѣкоего Пироцкаго, бывшаго сотника полка нѣжинскаго.

Былъ ли высланъ упомянутый отецъ, бывшій сотникъ,— мы не знаемъ, но извѣстно, что изъ Кіева былъ опредѣленъ въ коммиссію монахъ Кіево-Печерской лавры Гервасій Савицкій. Приведенныя въ спискѣ особы, какъ это видно изъ указовъ, разсылавшихся имъ, должны были прибыть въ Глуховъ къ мироносичной недѣлѣ, приходившейся тогда въ маѣ мѣсяцѣ; дѣйствительно, члены коммиссіи, съѣхавшись въ Глуховъ къ этому времени, приступили къ предварительнымъ вопросамъ, касавшимся возложеннаго на нихъ перевода и свода, но не имѣя отъ гетмана надлежащей инструкціи и не получивъ резолюціи на поданные ему пункты, коммиссіанты первое время работали очень неувѣренно и, какъ сами потомъ выразились, „имѣли великую трудность въ начатіи дѣла." Молчаніе Д. Апостола на просьбы объ инструкціи и резолюціи сомнительныхъ пунктовъ объясняется со стороны гетмана тѣмъ, что онъ не менѣе самихъ членовъ затруднялся отсутствіемъ руководящаго плана работъ и опредѣленныхъ взглядовъ на ихъ характеръ и направленіе, что особенно обнаружилось въ 1731 г., когда имъ были отправлены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ первыя три главы свода, дабы узнать, такимъ ли образомъ продолжать дѣло, какъ оно начато, или иначе?

Въ такомъ состояніи неопредѣленности и смутнаго представленія о характерѣ работъ составители свода провели время отъ мая до половины іюля, когда согласно установившемуся въ Малороссіи обычаю имѣть каникулярное время, они были распущены по домамъ до осени. Въ сентябрѣ члены должны были снова собраться для продолженія дѣла, но съѣзжались ли они,— мы не можемъ положительно утверждать за отсутствіемъ данныхъ, хотя есть нѣкоторые факты, говорящіе въ пользу съѣзда. Такимъ фактомъ слѣдуетъ признать сообщеніе кіевскаго преосвященнаго, отправленное въ сентябрѣ 1729 года къ гетману, о своемъ большомъ сомнѣніи и затрудненіи—посылать ли ему духовныхъ персонъ, находившихся въ коммиссіи, снова въ Глуховъ,

или нѣтъ? Причиной этого затрудненія послужилъ указъ святѣйшаго Синода, запрещавшій свѣтскому и военному начальству брать духовныхъ персонъ на какія нибудь дѣла безъ вѣдома архіереевъ и вообще духовныхъ начальниковъ. Благодаря ему кіевскій преосвященный и колебался—высылать ли ему бывшихъ лицъ безъ вѣдома святѣйшаго Синода, или нѣтъ? На основаніи этого доклада мы думаемъ, что коммиссіанты снова съѣзжались въ Глуховъ, ибо въ противномъ случаѣ нечего было бы безпокоиться кіевскому преосвященному о своихъ „персонахъ", бывшихъ при правной коммиссіи; но и на этотъ разъ надлежащаго начала дѣлу положено не было, такъ какъ въ 30-мъ году только—докладывали потомъ коммиссіанты—они приступили къ занятіямъ „по своему разумѣнію и смыслу", очевидно, не получивъ отъ гетмана ни резолюціи, ни инструкціи. Изъ обзора лицъ, привлеченныхъ къ переводу и своду книгъ правныхъ, мы убѣждаемся, что цѣль коммиссіи въ началѣ понималась очень скромно, и въ мнѣніи самихъ собравшихся работа ихъ должна была ограничиться одной механически-канцелярской частью, не касаясь нисколько существеннаго измѣненія наличнаго права. Этимъ, намъ кажется, объясняется и составъ коммиссіи изъ людей не сильно выдававшихся своимъ общественнымъ положеніемъ; этому же мы приписываемъ отсутствіе въ ней членовъ генеральной старшины и большое участіе полковыхъ и магистратскихъ писарей, какъ лицъ, практически знакомыхъ съ малороссійскимъ правомъ. Очевидно по всему, что ни гетманъ, ни генеральная старшина и высшее духовенство не придавали въ началѣ этому дѣлу инаго значенія, какъ простой сводкѣ трехъ правъ въ одно и оно обстояло такимъ образомъ до самаго 1734 года, когда указами Анны Ивановны рамки коммиссіи были значительно расширены и ей были приданы болѣе широкій смыслъ и значеніе.

Въ 30 году, какъ мы сказали, коммиссія начала занятія „по своему разумѣнію и смыслу". Въ чемъ заключалось разумѣніе коммиссіи, иначе сказать, планъ работъ, мы будемъ говорить въ главѣ о ея дѣятельности, а теперь продолжимъ нашъ разсказъ о внѣшней ея исторіи, касающейся персонала коммис-

сіи, ея засѣданій, перерыва ихъ, переѣзда изъ одного города въ другой и пр...

Каковъ былъ составъ коммиссіи въ 30 и 31-мъ годахъ, намъ точно неизвѣстно; могли, конечно, въ ней оставаться и прежніе члены, но могло случиться, что въ это время тамъ участвовали уже новыя силы, извѣстныя намъ въ началѣ 1732 года. Среди нихъ мало встрѣчается прежнихъ членовъ и новый составъ коммиссіи отличается инымъ характеромъ—въ немъ совершенно отсутствуютъ полковые и магистратскіе писаря, бывшіе раньше въ изобиліи. Вотъ самый перечень лицъ за 1732 г.: значковый товарищъ переяславскаго полка Андрей Дробовицкій, войсковой тов. Ст. Максимовичъ, бунчуковый тов. В. Думитрашко-Райча, значковый тов. стародубскаго полка Г. Кузьменскій, намѣстникъ миргородскій честный отецъ Адамъ Конашевичъ, протопопъ роменскій В. Савицкій, протоп. нѣжинскій Ст. Ольховскій, протоп. лохвицкій Г. Рогачевскій, хорунжій лубенскаго полка С. Столповскій и значковый товарищъ полтавскаго полка Гавр. Гавронскій. Что составъ коммиссіи въ 30 и 31-мъ годахъ былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ 1732 г., видно изъ того, что въ ней принимали участіе въ эти годы лохвицкій сотникъ В. Стефановъ и бунчуковый тов. Огроновичъ, имена которыхъ не встрѣчаются въ спискѣ 1732 года. Вообще нужно замѣтить, что персоналъ коммиссіи въ продолженіи 15 лѣтъ ея трудовъ измѣнялся очень часто, такъ что довольно трудно услѣдить за всѣми перемѣнами въ ея составѣ, а потому мы будемъ отмѣчать только главнѣйшія изъ нихъ.

Первые годы перевода и свода книгъ правныхъ происходили въ Глуховѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого гетмана. По крайней мѣрѣ, князь Шаховскій въ своемъ отвѣтѣ на письмо генеральн. судьи Борозды говоритъ, что гетманъ во время своей резиденціи въ Глуховѣ „имѣлъ смотреніе“ надъ занятіями коммиссіи; само правительство не оставляло гетмана и коммиссіантовъ своими напоминаніями и подтвержденіями о скорѣйшемъ окончаніи переводнаго и своднаго дѣла,—первое напоминаніе было сдѣлано Д. Апостолу въ 1730 г. изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, второе состоялось въ 32 году чрезъ Нарыш-

кина въ шестомъ пунктѣ данной ему инструкціи о наблюденіи надъ составленіемъ свода. Центральное правительство, едва узнавшее въ 28-мъ году одни названія правъ, которыми судились малороссіяне, очевидно представляло сводку очень легкой и требовало скорѣйшаго ея окончанія, нисколько не подозрѣвая, чтобы она могла затянуться на много лѣтъ и потребовать массы людей и знаній.

Впервые составители Свода собрались, какъ мы видѣли, въ Глуховѣ и оставались тамъ первые 4 или 5 лѣтъ, потому что въ началѣ 1734 года мы видимъ ихъ засѣдающими въ мѣстечкѣ Ичнѣ прилуцкаго полка, а изъ челобитной С. Столповскаго и другихъ отрывочныхъ свѣдѣній видно, что коммиссіанты перебрались туда не сразу, но побывавши предъ этимъ въ самихъ Прилукахъ. Если теперь вспомнить, что еще въ 32-мъ году члены коммиссіи засѣдали въ Глуховѣ, а въ началѣ 34-го находились въ Ичнѣ, переѣхавъ туда изъ Прилукъ, то прійдется съ нѣкоторою вѣроятностью отнести конецъ 32 года, 33-й и начало 34-го на пребываніе ихъ въ указанныхъ двухъ мѣстахъ. Благодаря отъѣзду составителей Свода изъ Глухова, г. Кистяковскій, какъ кажется, и могъ высказать свое ошибочное предположеніе о томъ, что въ послѣдніе два года гетманства Апостола дѣло составленія заглохло и коммиссія распалась.

1-го іюня 1734 г., когда за смертью гетмана высшее управленіе въ Малороссіи перешло къ кн. Шаховскому съ шестью членами, коммиссія получила приказаніе снова перебраться изъ Ични въ Глуховъ; приказаніе это было встрѣчено съ большимъ несочувствіемъ и на него было отвѣчено составителями Свода, что Д. Апостолъ перевелъ ихъ въ Ичню ради удобства и выгоднаго положенія этого мѣстечка, между тѣмъ какъ Глуховъ представляетъ массу затрудненій при проѣздѣ къ нему чрезъ сеймовые луга, во время весны и осени. Однако, несмотря на это представленіе, просьба коммиссіи не могла быть уважена, потому что при кн. Шаховскомъ дѣло получило иной оборотъ и на будущій годъ по силѣ 3 пункта указа 8 авг. 1734 г. коммиссія собралась даже не въ Глуховѣ, но въ самой Москвѣ. Въ виду таковой перемѣны члены коммиссіи вмѣсто обычнаго отпуска

на каникулы были распущены въ іюлѣ 1734 г. совершенно впредь до полученія новаго указа, а дѣла ихъ приказано было сдать въ Войсковую Генер. Канцелярію. Мысль пр. Кистяковскаго о разстройствѣ коммиссіи въ послѣдніе годы жизни Д. Апостола находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе во первыхъ въ томъ, что въ 34 году на бумагахъ, отправляемыхъ отъ нея въ В. Г. Канцелярію, подписывались на половину не всѣ члены, а во-вторыхъ въ томъ, что многіе изъ нихъ работали не въ коммиссіи, но по домамъ, какъ это явствуетъ изъ находившихся у нихъ по домамъ дѣлъ. Конечно, такая домашняя работа, лишенная надзора и совѣтовъ со стороны своихъ товарищей, указываетъ уже на нѣкоторое разложеніе и безначаліе, царствовавшія въ то время въ коммиссіи, но отъ нихъ еще очень далеко до замиранія работъ и роспуска членовъ.

Итакъ, если нельзя согласиться съ г. Кистяковскимъ, что къ 34 году коммиссія заглохла, то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что она отличалась за это время крайнею вялостью и требовала новаго почина, обновленія персонала и измѣненія условій самой дѣятельности; само правительство сознавало это и рѣшило прибѣгнуть къ перенесенію мѣста занятій изъ Малороссіи въ Москву и къ перемѣнѣ бывшихъ „искусныхъ и знатныхъ персонъ“ на новыхъ. Произошло это по силѣ III-го пункта грамоты, данной на имя Ал. Ив. Шаховскаго и гласившей слѣдующее: „права названніе Майдебурскіе и Саξонскіе, Статуты по которымъ судятся малороссійской народъ перевесть на великороссійской язикъ и свесть изъ 3-хъ правъ въ едно, *при томъ, какъ возможно стараніе приложить о сумнительствахъ, какія въ нихъ находятся ясное поправленіе на аппробацію Ея Императорскаго Величества здѣлать*“. Какъ видимъ изъ сравненія этого пункта съ предыдущимъ указомъ Петра II, онъ отличается новой чертой:—на коммиссіантовъ, кромѣ перевода и свода, возложена обязанность дѣлать поправленіе сумнительствамъ, т. е. самимъ создавать новыя нормы права въ замѣнъ „сомнительныхъ“ старыхъ. Далѣе грамота продолжала: „тѣ права перевесть и свесть и *что надлежитъ сократить и прибавить въ пользу малороссійскаго народа* и что къ вѣрному Ея Император-

скаго Величества подданству отъ такого народа приличествуетъ, *о томъ учинить проэктъ и подать для разсмотрѣнія кому отъ Ея Императорскаго Величества повелѣно будетъ*". Послѣ этихъ словъ грамоты не остается сомнѣнія, что отъ прежней почти канцелярской работы коммиссія должна была перейти въ сущности къ составленію проекта новаго Уложенія, придерживаясь и руководясь при этомъ своимъ тройственнымъ правомъ. Придавая новой коммиссіи важное порученіе, грамота Императрицы позаботилась также о надлежащемъ ея составѣ и скорѣйшемъ окончаніи дѣла: „а чтобъ оніи права для пользи малороссійскаго народа скорѣе въ совершенство приведены были, собравъ къ тому сочиненію изъ малороссійскаго народа знатнихъ особъ, такъ духовныхъ персонъ изъ каждой епархіи и отъ Кіево-Печерскаго монастира, яко изъ мірскихъ, — генеральной старшины, полковниковъ и протчихъ чиновъ по сколько надлежитъ, тѣ права... и т. д."... Сначала всѣхъ членовъ коммиссіи въ 1735 году было 12, пять изъ духовныхъ персонъ и 7 изъ свѣтскихъ, но потомъ къ нимъ были присоединены еще 6 челов. исключительно для перевода книгъ. Приводимъ здѣсь имена всѣхъ членовъ, участвовавшихъ въ 1735 г., и замѣтимъ, что нашъ списокъ, взятый изъ бумагъ этого года, отличается отъ приведеннаго Кистяковскимъ изъ дневныхъ записокъ Маркевича тѣмъ, что онъ полнѣе и достовѣрнѣе. Для перевода и свода книгъ правныхъ были назначены: 1) архимандритъ кіевскій Амвросій Дубневичъ, ректоръ и преподаватель богословія въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, 2) игуменъ Кіево-Печерской лавры Гедеонъ Онисевичъ, а не Юскевичъ, какъ неправильно сообщаетъ г. Кистяковскій со словъ Маркевича, 3) изъ черниговской епархіи игуменъ Макошинскаго монастыря Бѣлинскій—у Маркевича сказано просто иг. Макошинскій, 4) изъ переяславской епархіи игуменъ Михайловскаго монастыря Германъ Прохоровичъ и 5) протоп. роменскій Савицкій. Мірскія персоны: 6) генеральный судья Ив. Борозднa, 7) полтавскій полковникъ В. Кочубей, 8) бунч. тов. С. Чуйкевичъ, 9) бунч. тов. Семенъ Столповскій, 10) бунч. тов. В. Думитрашко-Райча, 11) сотникъ ичанскій Гр. Стороженко и 12) отъ магистрата кіевскаго дѣйствительно первоначально былъ опредѣленъ

бурмистръ Нечай, какъ напечатано у Кистяковскаго, но такъ какъ онъ за старостью и болѣзнью не только отправляться въ Москву, но „и до божественной литургіи дойти не могъ“, то послѣ мединскаго освидѣтельствованія на его мѣсто былъ назначенъ Филевичъ.

Исключительно для одного перевода книгъ были опредѣлены: бунч. тов. Гр. Кузьменскій, войск. тов. Дробовецкій, войск. тов. Лисаневичъ, войск. канцеляристъ Ф. Ладонка и войск. тов. П. Ласкевичъ.

Для переписки и прочихъ канцелярскихъ работъ было назначено 10 писарей—по одному отъ каждаго полка. Несмотря на то, что по требованію Войск. Генер. Канцеляріи всѣ перечисленныя лица надлежали явиться въ Москву къ 1-му января 1735 года и были оповѣщены объ этомъ указами за нѣсколько мѣсяцевъ до срока пріѣзда, всѣ обнаружили замѣчательную неисправность: немногіе изъ нихъ прибыли ранѣе февраля въ Глуховъ, чтобы отсюда разомъ всѣмъ отправиться въ Москву, но были и такіе, какъ Думитрашко-Райча и еще нѣсколько, что только въ концѣ февраля заѣзжали въ Глуховъ за правными книгами, сданными и хранившимися въ Войск. Генер. Канцеляріи. О писцахъ нужно сказать то же самое — въ продолженіи всего февраля встрѣчаются доношенія изъ полковъ въ Войск. Генер. Канцелярію объ отправкѣ ихъ въ Москву. Итакъ, если принять во вниманіе время на проѣздъ отъ Глухова до Москвы, то нужно думать, что засѣданія коммиссіи открылись въ Москвѣ *in pleno corpore* не ранѣе марта, но неизвѣстно почему продолжались тамъ весьма недолго. По просьбамъ ли членовъ коммиссіи, неохотно жившихъ внѣ родины, или по усмотрѣнію самого правительства, но въ февралѣ 1736 г. она снова была перемѣщена въ Глуховъ, гдѣ и продолжала свои занятія до того же мѣсяца слѣдующаго года. Въ февралѣ 1737 года всѣ члены коммиссіи по высочайшему указу были распущены, книги и дѣла по прежнему сданы въ Войск. Генер. Канцелярію, а вмѣсто правныхъ занятій всѣмъ повелѣвалось готовиться къ очаковскому походу. Впрочемъ, въ походъ выступили не всѣ члены коммиссіи—генер. судья и предсѣдатель Ив. Бороздна при сдачѣ

правныхъ книгъ доложилъ Войск. Генер. Канцеляріи, что онъ по своей старости и болѣзни отправляться въ походъ не можетъ, и просилъ освободить его отъ этого труда. Дѣйствительно, просьба Ив. Борозды была уважена, и вмѣсто похода онъ былъ опредѣленъ въ коммиссію, назначенную для разбора жалобъ по претензіямъ между стороной польской и подданными Ея Императорскаго Величества. Въ правную коммиссію онъ болѣе не возвращался и вскорѣ умеръ—около 1740 г. Итакъ, за отъѣздомъ свѣтскихъ членовъ коммиссіи труды ея въ 1737 г., можно сказать, не подвинулись ни на волосъ, ибо по силѣ инструкціи, данной коммиссіи, духовныя персоны не могли продолжать дѣла сами безъ прочихъ членовъ генеральной и полковой старшины. Коммиссія находилась въ такомъ положеніи, что кн. Барятинскій, замѣнившій въ управленіи Малороссіей кн. Шаховскаго, сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ, чтобы на время военныхъ дѣйствій совсѣмъ оставить переводное и сводное дѣло, и мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что лица, уже привыкшія къ этимъ занятіямъ и знающія дѣло, находятся въ отлучкѣ или при другихъ должностяхъ, новымъ же персонамъ придется браться за это дѣло не иначе какъ съ большимъ трудомъ и неудобствами. Но Императрица не согласилась съ доводами Барятинскаго и повелѣла отсутствующихъ персонъ замѣнить новыми. Послѣ этого въ концѣ декабря того же года Борятинскій вошелъ въ Кабинетъ министровъ съ мнѣніемъ о назначеніи для перевода и свода книгъ лицъ, оставшихся дома, и просилъ по этому поводу разъясненій и указовъ, но умеръ ранѣе полученія отвѣта изъ Кабинета министровъ. Заступившій его мѣсто генералъ-аншефъ Румянцевъ получилъ въ 38 году отвѣтъ на представленіе Барятинскаго, которымъ предписывалось продолжать труды, но никакихъ разъясненій къ этому приложено не было. Согласно этому отвѣту В. Г. Канцелярія, справясь о духовныхъ и мірскихъ особахъ, бывшихъ въ прошлые годы при коммиссіи, распорядилась снова созвать этихъ лицъ въ Глуховъ для сочиненія свода, а въ случаѣ отлучки ихъ, требовала прислать новыхъ одинаково искусныхъ съ прежними. На мѣсто бывшихъ ранѣе духовныхъ особъ теперь были опредѣлены слѣдующія: 1) архимандритъ Софроній

Михалевичъ, начальникъ монастыря гамалѣевскаго, 2) печерской обители іеромонахъ Манасея Косачъ, 3) начальникъ переяславского Михайловскаго монаст. Германъ Прохоровичъ, 4) протоп. лохвицкій Рогачевскій, 5) іеромонахъ Товія Смаржевскій и 6) игуменъ Успенскаго монаст. Рябчевскій.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, составъ коммиссіи въ отношеніи духовныхъ лицъ совсѣмъ измѣнился, и изъ старыхъ членовъ въ нее попалъ одинъ только Германъ Прохоровичъ. Въ составѣ мірскихъ особъ произошли слѣдующія перемѣны: на мѣсто предсѣдателя Ив. Борозды опредѣленъ 6) ген. обозный Яковъ Лизогубъ; на мѣсто полтавскаго полковника В. Кочубея назначенъ 7) полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ, вмѣсто бунч. тов. Думитрашка-Райчика опредѣленъ 8) П. Валькевичъ, а къ этимъ вновь опредѣленнымъ были присоединены и участвовавшіе раньше—9) бунч. тов. С. Чуйкевичъ, 10) писарь лубенскій С. Столповскій, 11) сотникъ ичанскій Стороженко, 12) бунч. тов. Гр. Кузьменскій, 13) войск. тов. Ап. Дробовицкій, 14) войск. тов. Лисаневичъ, 15) П. Ласкевичъ, 16) Ф. Ладонка, 17) войск. писарь Лозынченко (Лозынскій). Отъ кіевскаго магистрата по прежнему оставался Филевичъ, но такъ какъ онъ скоро умеръ, то на его мѣсто былъ отправленъ канцеляристъ Галицкій; однако коммиссіанты сочли, что ему непристойно находиться среди знатныхъ духовныхъ и мірскихъ особъ и потребовали чрезъ Ген. Канцелярію отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева присылки вмѣсто Галицкаго одного знатнаго и искуснаго человѣка изъ урядниковъ кіевскаго магистрата. Такой новой искусной персоной отъ кіевскаго магистрата былъ лавникъ Як. Величковскій.

Опредѣленные на 1738 г. въ коммиссію члены съѣзжались очень медленно и только немногіе изъ нихъ собрались къ маю мѣсяцу, но и тѣ не могли приступить къ дѣлу за отсутствіемъ остальныхъ членовъ и обратились съ просьбой къ Румянцеву разрѣшить имъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, не дожидаясь непріѣхавшихъ товарищей. Румянцевъ удовлетворилъ желаніе просителей и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ ко всѣмъ неявившимся строжайшее приказаніе ѣхать въ Глуховъ, угро-

жая въ противномъ случаѣ строгими мѣрами взысканія. Въ началѣ іюня члены коммиссіи репортовали, что они приступили къ занятіямъ, не дождавшись своихъ собратьевъ и многихъ писарей; продолжали же они свои работы до половины іюля, когда „по силѣ малороссійскихъ правъ и по обычаю прежнихъ временъ" были распущены въ домы до 10 августа, но мы уже знакомы съ аккуратностью членовъ, а потому и не должны удивляться, что большинство ихъ едва собралось къ сентябрю, отговариваясь тѣми или другими причинами.

Встрѣчались, конечно, случаи, когда составители Свода не могли явиться къ своимъ обязанностямъ, потому что одновременно были опредѣлены къ нѣсколькимъ должностямъ—такой случай произошелъ, напримѣръ, съ Гр. Стороженкомъ, опредѣленнымъ, кромѣ правной коммиссіи, и въ коммиссію размежеванія земель; но такіе случаи рѣдки, большинство же не являлось въ срокъ по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Въ осеннюю сессію составъ коммиссіи немного измѣнился: на мѣсто лохвицкаго протопопа сначала былъ назначенъ глуховскій, но отказался отъ этого назначенія по болѣзни (послѣ бывшаго паралича, говорилъ онъ, „частое въ рукахъ и ногахъ происходитъ стяженіе") и его мѣсто занялъ протоп. баришовскій (изъ переясл. епархіи) Іоаннъ Киселіовскій. Въ отношеніи плодотворности занятій осеннюю сессію коммиссіи нельзя считать особенно удавшейся, потому что два самые важные ея члена—Я. Лизогубъ и П. Апостолъ—въ августѣ уже были выряжены съ войсками къ линіи „на суккурсъ", ибо продолжавшаяся съ турками война требовала большихъ военныхъ напряженій со стороны Россіи. Работа безъ предсѣдателя и главнаго члена въ продолженіи конца 38 года и начала 39-го представляла для коммиссіантовъ немалыя затрудненія, на что указываютъ многочисленныя жалобы и частыя просьбы о возвращеніи въ коммиссію отсутствующихъ членовъ. Особенно въ большомъ затрудненіи и неувѣренности находились составители при сочиненіи седьмой главы Свода „о судахъ и процессѣ": „начатая къ производженію глава о судахъ и процессѣ судовъ", писали они въ Войск. Ген. Канцелярію, „самая трудная, да и впредь слѣдую-

щой главѣ къ совершенному своему сочиненію за важностью матеріи о кримѣнальнихъ и протчихъ дѣлахъ великую трудность въ себѣ содержатъ", однако Войск. Ген. Канцелярія ничѣмъ не могла помочь коммиссіантамъ, но только подтвердила свое разрѣшеніе работать самимъ членамъ безъ предсѣдателя ихъ.

Къ сожалѣнію занятія составителей Свода и въ такомъ видѣ продолжались недолго—сначала они прервались только на рождественскія святки, но потомъ по возобновленіи засѣданій въ 1739 г. онѣ вскорѣ снова были пріостановлены по случаю выступленія всѣхъ свѣтскихъ чиновъ коммиссіи къ границамъ для защиты ихъ отъ непріятеля, вторгнувшагося въ миргородскій полкъ, подъ мѣстечко Городище. Оставшіяся духовныя персоны также разъѣхались по домамъ и коммиссія въ этомъ году болѣе не собиралась, такъ что весь 39 годъ слѣдуетъ вычеркнуть изъ времени ея дѣятельности. Постоянныя войны и необезпеченность внѣшнихъ границъ Малороссіи оказывали, какъ видно изъ упомянутыхъ фактовъ, существенное вліяніе на успѣшность коммиссіонныхъ занятій; не разъ приходилось составителямъ Свода переходить отъ пера къ саблѣ и отъ книгъ къ военнымъ занятіямъ, пока обстоятельства времени снова не позволяли взяться за правные труды. На этотъ разъ новое постановленіе о съѣздѣ составителей въ Глуховъ состоялось 14 января 1740 г., но оно не возымѣло рѣшительнаго дѣйствія, и члены коммиссіи, вѣроятно, утомленные военнымъ походомъ, собирались очень недружно и неохотно. По крайней мѣрѣ, такъ мотивировалъ свою неявку самъ Лизогубъ и на требованіе Войск. Ген. Канцеляріи быть въ Глуховѣ къ 6 февраля онъ отвѣчалъ, что $1^1/_3$ года находился на линіи для защиты границъ, а теперь, возвратясь предъ Рождествомъ домой, онъ не успѣлъ еще осмотрѣть своего разореннаго хозяйства и просилъ объ увольненіи его отъ занятій на цѣлый постъ. Съ такою же просьбою, какъ и Лизогубъ, обратился въ Войск. Ген. Канцелярію въ мартѣ мѣсяцѣ и П. Апостолъ и ходатайствовалъ объ освобожденіи его отъ участія въ коммиссіи до конца мая, выставивши при этомъ на видъ то обстоятельство, что съ самаго 1735 г. и до послѣдняго крымскаго похода включительно онъ находился въ утомительныхъ военныхъ походахъ

и только половину 1738 года ему удалось пробыть при коммиссіи перевода и свода книгъ, откуда его отправили сначала на Днѣпръ, а потомъ опредѣлили къ разбору молдавскихъ кобылицъ, гдѣ онъ и до настоящаго времени участвовалъ. Кромѣ этихъ двухъ прошеній, были еще и другія, но Ген. Канцелярія не удовлетворила ихъ, пока не увидѣла, что изъ всего персонала коммиссіи съѣхались очень немногіе, да къ тому же и не задолго до праздника Пасхи; тогда она рѣшила отпустить всѣхъ собравшихся съ условіемъ непремѣнно съѣхаться въ Глуховъ къ 15 апрѣля.

Случаи подобныхъ неисправныхъ пріѣздовъ были обыкновеннымъ явленіемъ, но невозможно упрекать коммиссіантовъ въ халатномъ отношеніи къ порученному дѣлу и отлыниваніи отъ своихъ обязанностей, происходившихъ, какъ могутъ подумать, отъ недостаточнаго ихъ развитія и непониманія важности затѣянной правительствомъ работы — заявленія Я. Лизогуба и П. Апостола, представленныя въ Ген. Канцелярію, достаточно, я думаю, объясняютъ неисправность коммиссіантовъ; невозможно было иначе поступать, когда каждый изъ нихъ занималъ нѣсколько должностей, постоянно отвлекался военною службою и утомительными походами, и нисколько не странны намъ желанія составителей Свода освободиться, хотя бы подъ угрозой штрафа, отъ всякихъ дѣлъ, чтобы устроить свои покинутые дома, разоренныя хозяйства и пр. Занятія коммиссіи не могли состояться предъ Пасхой еще и потому, что для нея не было отведено двора, квартиръ и даже самыя правныя книги и черновыя дѣла неизвѣстно гдѣ находились, ибо войск. канцел. Лозынскій, которому онѣ были поручены на храненіе, безъ вѣдома исчезъ и не мало было исписано бумаги и потрачено усилій на его розысканіе.

Послѣ Святой, въ назначенный срокъ 15-го апрѣля почти никто изъ коммиссіантовъ не явился въ Глуховъ, несмотря на многократное подтвержденіе имъ, что въ переводѣ и сводѣ книгъ „Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ состоитъ", и весь конецъ этого мѣсяца прошелъ въ изданіи Генер. Канцеляріей указовъ о немедленной явкѣ членовъ коммиссіи и писарей „съ чистыми и добрыми характерами" въ Глуховъ. Нако-

нецъ, послѣ долгихъ проволочекъ коммиссія 13-го мая приступила къ производству дѣлъ, не дождавшись однако духовныхъ особъ отъ черниговской и переяславской епархій, а изъ мірскихъ П. Апостола, Кузьменскаго, Лисаневича, Думитрашка-Райчика и Стороженка. Казалось бы, теперь, по окончаніи войны и отдохновеніи членовъ отъ утомленія и бѣдствій походовъ, коммиссія должна вступить въ спокойное и правильное отправленіе своихъ обязанностей, но какъ будто какой то злой рокъ тяготѣлъ надъ ея дѣятельностью и не давалъ ей правильнаго хода... Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ мірскіе члены снова были распущены по своимъ полкамъ, но уже по совершенно новой причинѣ — для приведенія малороссійскаго народа къ присягѣ Ея Императорскому Величеству Елизаветѣ Петровнѣ и ея внуку Іоанну. Отъѣздъ случился неожиданно, и отсутствіе коммиссіантовъ предполагалось недолгимъ, такъ что духовныя особы, несмотря на ихъ ходатайства объ отпускѣ, были удержаны въ Глуховѣ до скораго пріѣзда своихъ коллегъ, но впослѣдствіи, когда выяснилось, что уѣхавшіе не могутъ скоро возвратиться, и духовныя особы были отпущены домой по 10 янв. 1741 г. подъ условіемъ 50-ти рублеваго штрафа на случай неявки въ срокъ. Такъ несчастливилось коммиссіи въ ея дѣятельности!

Отмѣтимъ теперь измѣненія, которыя произошли въ персоналѣ коммиссіи за это время отъ 1738—1741 г. Прежде всего слѣдуетъ сказать о Лисаневичѣ, который еще въ сентябрѣ 1739 года вышелъ изъ коммиссіи по болѣзни („совсѣмъ было десполовался на смерть“ писалъ онъ), среди духовныхъ особъ за все время не произошло почти никакихъ перемѣнъ, если не считать вновь приглашеннаго кролевецкаго протопопа Калиновскаго; но за то большія перемѣны произошли въ средѣ мірскихъ чиновъ коммиссіи: П. Апостолъ былъ замѣненъ переяславскимъ полковникомъ Сулимой, П. Валькевичъ—бунч. тов. Д. Покорскимъ, Кузьменскій, уволенный по болѣзни, былъ замѣщенъ бунч. тов. Макс. Турковскимъ, объ увольненіи же просилъ и войск. канц. Дробовицкій, но Войск. Ген. Канцелярія, снесшись съ коммиссіей, нашла совершенное его увольненіе до чтенія и слушанія составленной имъ главы невозможнымъ, но отпустила до той

поры, когда „его дѣло прійдетъ къ слушанію“. Вообще нужно замѣтить, что отъ частыхъ перемѣнъ въ персоналѣ коммиссіи нерѣдко происходили затрудненія при общемъ чтеніи составленныхъ главъ, такъ какъ трудно бывало рѣшить въ отсутствіи самого составителя, что зачѣмъ прибавлено или выключено, поэтому Войск. Ген. Канцелярія почти всегда справлялась съ коммиссіей—не послѣдуетъ ли какого замѣшательства отъ увольненія того или другаго члена-составителя. Въ томъ же 1740 г. былъ уволенъ и Дм. Райча, неявившійся къ сроку въ Глуховъ, потому что онъ состоялъ въ это время при счетной коммиссіи и переводилъ „съ латинскаго, нѣмецкаго и сербскаго діалектовъ на россійскій языкъ“. Наконецъ, Я. Лизогубъ и П. Апостолъ, хотя не были уволены изъ коммиссіи, но также были откомандированы—первый, какъ знающій степныя мѣста и уже бывшій при разграниченіи земель, былъ наряженъ къ ген. Неплюеву, производившему разграниченіе земель съ Оттоманскою Портою; второй же былъ отправленъ къ г. Леонтьеву. Такимъ образомъ, коммиссія лишилась главныхъ своихъ дѣятелей и ея работы, требовавшія согласно инструкціи необходимаго присутствія лицъ генеральной старшины, могли остановиться безъ движенія; поэтому въ началѣ іюля 1740 г. въ коммиссію былъ временно опредѣленъ генеральный хорунжій Я. Горленко, а вмѣсто П. Апостола былъ назначенъ, какъ мы уже сказали, переяславскій полк. Сулима, отговаривавшійся впрочемъ отъ явки въ Глуховъ своей болѣзнью, ранами, полученными въ турецкой войнѣ, необходимостью лѣченія и пр... Неявка Сулимы въ коммиссію послужила причиной тому, что въ августѣ мѣсяцѣ Правительствующій Сенатъ по представленію Войск. Ген. Канцеляріи опредѣлилъ П. Апостола снова въ правную коммиссію, удаливъ его отъ разбора молдавскихъ и буджакскихъ кобылицъ, гдѣ онъ находился.

Послѣ приведенія малороссійскаго народа къ присягѣ коммиссіанты собрались въ Глуховъ только въ февралѣ 1741 г. и работали на этотъ разъ до самаго окончанія своднаго дѣла безъ неожиданныхъ перерывовъ. Въ этомъ году въ составѣ коммиссіи произошли слѣдующія перемѣны: иг. Германъ Прохоровичъ замѣненъ быковскимъ игуменомъ Ст. Деревецкимъ, а архм. Ми-

халевичъ игуменомъ Петропавловскаго монастыря Грибовскимъ; вмѣсто Манасеи Косача былъ опредѣленъ іеромонахъ Палладій Городецкій, а въ замѣнъ выбывшаго Величковскаго былъ назначенъ бурмистръ черниговскаго магистрата Ст. Россовскій. Кромѣ отмѣченныхъ перемѣнъ, въ этомъ году въ коммиссіи появились еще слѣдующія новыя лица: бунч. тов. Пилатовичъ, смѣненный потомъ отставнымъ писаремъ лубенскаго полка Ст. Савицкимъ, бунч. тов. Огроновичъ и войск. канцеляристъ Закровіецкій; остальные члены удержались прежніе, даже Я. Лизогубъ и П. Апостолъ принимали въ этомъ году участіе въ дѣлахъ коммиссіи, хотя и не постоянно—Лизогубъ въ маѣ отлучался для произведенія смотра всѣмъ малороссійскимъ полкамъ, а мѣсто его временно замѣщалъ Н. Ханенко; П. Апостолъ находился въ коммиссіи до самаго отъѣзда въ Петербургъ, случившагося въ ноябрѣ 1741 года.

Въ слѣдующемъ 42 году занятія коммиссіи открылись опять подъ предсѣдательствомъ Я. Лизогуба, возвратившагося изъ своей командировки еще въ предыдущемъ году; однако присутствіе его въ коммиссіи было теперь менѣе плодотворнымъ, чѣмъ прежде, потому что, сдѣлавшись генеральнымъ судьей, онъ до обѣда находился въ судѣ и только послѣобѣденное время могъ посвящать занятіямъ въ коммиссіи. На мѣсто уѣхавшаго въ Петербургъ Апостола никто въ коммиссію назначенъ не былъ, но когда она потребовала опредѣленія къ ней другаго полковника, то Войск. Ген. Канцелярія отвѣтила, что уже гораздо ранѣе въ нее опредѣленъ на это мѣсто генеральный хорунжій Н. Ханенко. Но не такъ думалъ самъ генеральный хорунжій. Въ своемъ отвѣтѣ, поданномъ въ Ген. Канцелярію, онъ писалъ, что во первыхъ къ присутствію въ коммиссіи онъ не имѣетъ никакихъ указовъ, такъ какъ прежнее его участіе вмѣсто Лизогуба состоялось по словесному приказанію ген. Леонтьева, а во вторыхъ, согласно данной коммиссіи инструкціи, въ ней должна находиться только одна генеральная персона и поэтому вмѣсто Апостола надлежитъ быть другому полковнику, „а мнѣ на полковничьемъ мѣстѣ и по рангу всемилостивѣйше мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества пожалованному и по силѣ вышенамѣчен-

наго имяннаго указа присутствоватль неприлично". Такимъ образомъ Н. Ханенко отдѣлался отъ участія въ коммиссіи, занятія которой теперь много страдали отъ того, что Лизогубъ все дообѣденное время находился въ судѣ, а коммиссіанты припуждены были вести дѣло сами, отмѣчая сомнительныя мѣста и возникавшія недоразумѣнія для разрѣшенія ихъ предсѣдателемъ въ вечернихъ занятіяхъ. Конечно, такой образъ занятій не представлялъ никакихъ удобствъ, и составители Свода скоро потребовали отъ Войск. Ген. Канцеляріи полнаго освобожденія Лизогуба отъ присутствія въ судѣ, но послѣднею было отвѣчено, что не только у нихъ, но и въ коллегіяхъ „многія персоны въ двухъ мѣстахъ присутствіе имѣютъ безъ всякаго затрудненія", а посему прошеніе коммиссіантовъ оставлено безъ послѣдствій. Однако, чрезъ нѣкоторое время сама Ген. Канцелярія воочію убѣдилась, что безъ предсѣдателя дѣла правныя идутъ плохо, поэтому, увольнивши Лизогуба, она назначила вмѣсто него въ коммиссію Н. Ханенка теперь уже „на рангъ генеральной персоны". Къ концу правныхъ занятій, благополучно оконченныхъ въ іюлѣ 1743 г., мы встрѣчаемъ слѣдующихъ лицъ, подписавшихъ свои имена на послѣднемъ постановленіи коммиссіи: 1) ген. хорунжій Н. Ханенко, 2) бунч. тов. Чуйкевичъ, 3) бунч. тов. Огроновичъ, 4) полк. писарь лубенскій Ст. Савицкій, 5) С. Столповскій, 6) сотникъ прилуцкій Ст. Лукомскій, 7) сотникъ мглинскій Лисаневичъ, 8) войск. канц. Т. Закровіецкій, 9) игум. монастыря Троицкаго Товія Смаржевскій, 10) соборный старецъ Кіево-Печерскія лавры Варнава Старицкій (б. опредѣленъ вмѣсто умершаго Пал. Городецкаго), 11) епархіи переяславской игуменъ Ст. Деревецкій.

Мы перечислили, наконецъ, всѣ перемѣны въ персоналѣ коммиссіи, происходившія въ продолженіе 15-лѣтней ея дѣятельности; скучный и длинный перечень именъ, фамилій и чиновъ, смѣнявшихъ другъ друга, можетъ быть, занялъ у насъ слишкомъ много времени и мѣста, но онъ казался намъ необходимымъ, и мы его сдѣлали. Невозможно было бы представить себѣ отчетливо дѣятельность коммиссіи, не зная вполнѣ ея состава и частыхъ его колебаній; непонятными также оставались бы для читателя

та продолжительность и медленность работъ, съ какою онѣ производились, по случаю частыхъ перерывовъ, переѣздовъ и пр... Окончивъ сухой перечень именъ и фамилій лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи Свода, намъ слѣдовало бы познакомить читателя и болѣе подробно съ авторами оставленнаго намъ кодификаціоннаго труда; было бы весьма полезно знать, какимъ кто обладалъ образованіемъ и гдѣ его получилъ, особенно же важно бы знать объ ихъ юридической эрудиціи и индивидуальныхъ взглядахъ на значеніе порученной имъ работы и пр., но къ сожалѣнію у насъ рѣшительно не имѣется объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Чтобы не оставить однако читателя въ полномъ невѣдѣніи относительно хотя бы главныхъ членовъ коммиссіи, мы сообщимъ здѣсь краткія данныя о тѣхъ немногихъ лицахъ, о коихъ намъ удалось кое что почерпнуть у гг. Лазаревскаго[1]), Маркевича и другихъ малороссійскихъ историковъ.

О первомъ предсѣдателѣ коммиссіи, или, какъ тогда выражались, о первенствующей особѣ, генеральномъ судьѣ Ив. Борозднѣ намъ извѣстно, что онъ былъ внукъ Лаврентія Борозды, кореннаго обитателя Стародубья съ давнихъ временъ. Родъ Бороздпъ, одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ въ Малороссіи, обладалъ въ свое время обширными помѣстьями и пользовался большимъ значеніемъ, такъ что назначеніе Ивана Борозды предсѣдателемъ коммиссіи составленія Свода указываетъ на высокую степень довѣрія къ нему и признанія за нимъ, какъ за судьей, юридическаго образованія. Объ Иванѣ Бороздиѣ извѣстно также, что онъ первый попалъ въ генеральную старшину, получивъ въ 1729 году урядъ генер. бунчужнаго, а чрез два года послѣ этого онъ былъ назначенъ, по представленію Д. Апостола, генер. судьей и оставался въ этой должности до самой смерти. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, гдѣ предсѣдатель коммиссіи получилъ свое образованіе, но судя по тому, что всѣ богатые малороссіяне обучались въ кіевскихъ латинскихъ школахъ, о генеральномъ судьѣ можно предполагать то же самое.

---

[1]) „Очерки малороссійскихъ фамилій“ „Люди старой Малороссіи“ и пр.

Немного можно сообщить и о слѣдующихъ двухъ лицахъ, занимавшихъ одновременно съ Бороздной видное положеніе въ коммиссіи—мы говоримъ о В. В. Кочубеѣ и Амвросіѣ Дубневичѣ. О первомъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери Д. Апостола и по избраніи его въ гетманы, получилъ полтавскій полкъ вмѣсто прежняго полковника, смѣненнаго чрезъ измѣну Мазепы. Происхожденіе, связи и самая женитьба на дочери гетмана—все говоритъ въ пользу того, что В. Кочубей занималъ видное мѣсто среди малорусской знати и пользовался выдающимся положеніемъ въ обществѣ. Объ Амвросіѣ же Дубневичѣ намъ извѣстно только то, что онъ былъ преподавателемъ богословія въ Братскомъ монастырѣ и видимо пользовался, какъ преподаватель, большимъ уваженіемъ, потому что кіевская академія неоднократно просила замѣнить его мѣсто въ коммиссіи другимъ лицомъ въ виду происходящихъ чрезъ его отсутствіе затрудненій въ преподаваніи богословія. У г. Кистяковскаго онъ названъ даже ректоромъ.

Съ уходомъ Борозды изъ коммиссіи его мѣсто занялъ ген. войсковой обозный Я. Лизогубъ, происходившій также изъ очень богатаго и знатнаго малорусскаго рода. Окончивъ курсъ ученія въ кіевской академіи, Лизогубъ очень рано успѣлъ выдвинуться на служебномъ поприщѣ—уже въ юности Мазепа посылалъ его въ Москву къ царю съ какими то порученіями; при Скоропадскомъ мы видимъ его въ ряду генеральной старшины, а послѣ его смерти онъ былъ однимъ изъ правителей Малороссіи, но за свое единомысліе съ Полуботкомъ былъ взятъ въ Петербургъ и содержался тамъ въ теченіи 5 лѣтъ. При гетманѣ Апостолѣ онъ былъ сдѣланъ генер. обознымъ и оставался имъ до назначенія своего въ генеральные судьи, участвуя въ это время въ различныхъ коммиссіяхъ, экспедиціяхъ и пр. Вообще же о Лизогубѣ можно сказать какъ о лицѣ, очень замѣтно выдававшемся въ современномъ ему обществѣ по богатству, служебному положенію и незаурядному образованію. О П. Д. Апостолѣ, младшемъ сынѣ гетмана, замѣнившемъ въ коммиссіи В. В. Кочубея, Маркевичъ въ своей исторіи Малороссіи передаетъ, что онъ получилъ прекрасное образованіе—хорошо говорилъ и писалъ по латыни, по итальянски, по французски, по нѣмецки, по польски и по рус-

ски и былъ къ тому же очень свѣдущъ въ точныхъ наукахъ. Своимъ прекраснымъ образованіемъ сынъ гетмана обязанъ той случайности, что при Петрѣ Великомъ онъ былъ взятъ въ Москву ко двору, едва ли не въ качествѣ заложника, и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меньшикова. При вступленіи Петра II на престолъ сынъ гетмана получилъ лубенскій полкъ и былъ отпущенъ изъ Москвы на родину, гдѣ и оставался въ продолженіи своей жизни, играя въ Малороссіи довольно видную роль, благодаря своимъ связамъ и образованію. Изъ другихъ особъ, бывшихъ при составленіи Свода, слѣдуетъ упомянуть о ген. хорунжемъ Н. Ханенкѣ, (авторѣ извѣстнаго дневника), занявшемъ въ коммиссіи предсѣдательство послѣ выбытія изъ нея Я. Лизогуба. Николай Д. Ханенко, по происхожденію потомокъ правобережнаго гетмана, получилъ образованіе въ кіевской академіи, но неудовлетворенный имъ, доканчивалъ свое ученье въ Львовѣ. Благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, уму и образованію, а также родственнымъ связямъ, молодой Ханенко скоро выдвинулся на служебномъ поприщѣ и 30 лѣтъ уже былъ „старшимъ канцеляристомъ“, т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря, лица очень близкаго къ гетману. Дальнѣйшая служебная карьера Ханенка была также удачна, какъ ея начало, а женитьбой на дочери Корецкаго онъ породнился со всѣми богачами Стародубовщины и значительно поправилъ свое матеріальное положеніе; но личность автора дневника для насъ гораздо интереснѣе со стороны его прекраснаго образованія и высоко просвѣщенныхъ взглядовъ, высказанныхъ въ извѣстномъ увѣщаніи своему сыну предъ отправленіемъ его за границу. Въ немъ отецъ—Ханенко совѣтуетъ сыну прилежное изученіе латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, и если возможно, то и другихъ языковъ для чтенія, письма и разговора, рекомендуетъ ему читать на этихъ языкахъ „высокихъ авторовъ“ и требуетъ, чтобы сынъ познакомился чуть ли не со всѣми науками—исторіей, поэтикой, риторикой, логикой, физикой и метафизикой, политикой, экономіей, юриспруденціей и пр.

Конечно, высказывать такія желанія могъ только человѣкъ съ широко развитымъ пониманіемъ значенія наукъ въ обще-

ственной жизни, потому что самъ вкусилъ отъ плодовъ наукъ... Образованіе Н. Ханенка цѣнилось настолько, что во время своего невольнаго пребыванія въ Петербургѣ, послѣ освобожденія отъ ареста, онъ былъ назначенъ учителемъ офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей въ гарнизонной школѣ.

Что касается остальныхъ, менѣе важныхъ членовъ коммиссій, то о нихъ извѣстно еще менѣе, чѣмъ о генеральныхъ особахъ и полковникахъ. Въ каждомъ изъ нихъ, судя по тому, что они знали латинскій, польскій, а нѣкоторые и нѣмецкій языки и исполняли нелегкую обязанность составленія свода, можно предполагать лучшее по тому времени образованіе и знаніе права. О нѣкоторыхъ наше предположеніе вполнѣ подтверждается фактами; такъ, напр. А. Горленко, замѣнявшій нѣсколько времени Лизогуба, получилъ образованіе въ „латинскихъ школахъ въ Кіевѣ", о Валькевичѣ митрополитъ Евгеній [1]) говоритъ, что хотя онъ былъ и дикаго нрава, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче *знаніемъ правъ*. „Государь Императоръ Петръ Великій", продолжаетъ онъ, „познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищами, предложилъ ему остаться при своей особѣ, но онъ не согласился по склонности своей къ родинѣ и желая видѣть себя въ ней въ большемъ чинѣ". Какъ на знатока права, можно указать и на бунч. тов. Ѳ. Чуйкевича, написавшаго для гетмана К. Разумовскаго очень толковый трактатъ о разныхъ предметахъ права подъ заглавіемъ „*Судъ и расправа въ судахъ малороссійскихъ*".

Не меньшимъ юридическимъ образованіемъ, полагаемъ мы, отличался и мглинскій сотникъ Лисаневичъ, которому была поручена самая трудная глава „О судѣ и процессѣ" и къ которому, какъ юристу, прибѣгали до самой глубокой старости. Объ остальныхъ членахъ коммиссіи у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, и мы ограничиваемся поэтому только вышеизложеннымъ очеркомъ біографическихъ свѣдѣній о главныхъ ея членахъ; конечно, они очень скудны, но тѣмъ не менѣе довольно ясно указываютъ, что въ коммиссію были привлечены дѣйствительно „искусные и

[1]) Въ біографическомъ словарѣ русскихъ писателей.

знатные персоны", т. е. лица, рѣшительно выдававшіяся по своему юридическому и общему образованію, а равно и общественному положенію среди своихъ современниковъ. О нихъ, вмѣстѣ съ г. Кистяковскимъ, можно сказать, какъ о людяхъ, стоявшихъ на высотѣ возложенной на нихъ задачи и исполнившихъ ее довольно умѣло и разумно, особенно если вспомнить хаотическое состояніе тогдашняго малорусскаго права. Окончивъ наше изложеніе о неоднократно мѣнявшихся мѣстахъ дѣятельности и персоналѣ коммиссіи, а также о ея многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ перерывахъ и пріостановкахъ, мы переходимъ къ изложенію матеріальныхъ условій дѣятельности коммиссіантовъ, что составитъ вторую главу нашей статьи.

ГЛАВА II.

Матеріальныя условія дѣятельности составителей Свода.

Немаловажной причиной, объясняющей медленный ходъ работъ коммиссіи, мы считаемъ матеріальныя условія, въ которыя она была поставлена. Извѣстно каждому, что безъ надлежащихъ удобствъ, требуемыхъ обстоятельствами дѣла, не можетъ идти никакая работа, а между тѣмъ коммиссія нерѣдко ставилась въ положеніе, исключающее всякую возможность правильныхъ и постоянныхъ занятій. Мы здѣсь обратимъ вниманіе только на такія главныя стороны, какъ матеріальная необезпеченность членовъ, отсутствіе удобнаго помѣщенія, частые перерывы и переѣзды съ мѣста на мѣсто, недостатокъ въ правныхъ книгахъ и другихъ юридическихъ пособіяхъ, наконецъ, скудость въ деньгахъ для необходимыхъ расходовъ и нерѣдкое отсутствіе писарей и нижнихъ служителей. Если прибавить къ этому еще неудобства отъ длиннѣйшей канцелярской переписки по поводу всякаго пустяка, вродѣ свѣчей или дровъ, то мы должны еще удивляться, какъ коммиссіанты совсѣмъ не разбѣжались изъ нетопленныхъ и незащищенныхъ отъ вѣтровъ и дождей комнатъ отведеннаго имъ помѣщенія. У насъ имѣется масса свѣдѣній

объ условіяхъ дѣятельности коммиссіантовъ до 1735 г., а потому мы начнемъ говорить прямо съ этого года, который, какъ кажется, слѣдуетъ признать самымъ свѣтлымъ изъ всѣхъ въ матеріальномъ отношеніи, потому что члены коммиссіи, проживавшіе до сихъ поръ въ Глуховѣ, Ичнѣ и Прилукахъ на своемъ кошту, въ этомъ году въ первый и послѣдній разъ получили денежное содержаніе изъ Войсковаго Скарба. Невозможнымъ казалось, даже по тому времени и нравамъ, запасаться коммиссіантамъ своимъ провіантомъ на цѣлый годъ пребыванія въ Москвѣ, какъ это раньше практиковалось въ Глуховѣ, Ичнѣ и Прилукахъ. Размѣръ выданнаго различнымъ членамъ жалованья былъ такой: архимандриту Братскаго монастыря Амвросію Дубневичу и другимъ первенствующимъ персонамъ—Ив. Борозднѣ и Вас. Кочубею—по 100 руб., прочимъ же 14 особамъ по 60 руб., а 10 писцамъ по 25 руб. Къ этому жалованью кн. Шаховской, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, опредѣлилъ нѣкоторымъ искуснѣйшимъ персонамъ еще по 20 руб. Всѣхъ денегъ для чиновъ коммиссіи было истрачено въ этомъ году 1390 руб. Не нужно однако обольщаться назначеніемъ опредѣленнаго жалованья, такъ какъ оно было очень скудно и высылалось неисправно и писцы, напримѣръ, не разъ жаловались на свое крайне горькое положеніе въ Москвѣ. Кромѣ этого года, ни до 1735, ни послѣ его никто изъ членовъ коммиссіи не получалъ никакого вознагражденія, что составляло немаловажную причину, заставлявшую отлынивать отъ участія въ засѣданіяхъ ради устроенія своихъ домовъ и хозяйствъ. Встрѣчаются не разъ въ перечитанныхъ нами бумагахъ покорнѣйшія донесенія въ Войск. Ген. Канцелярію отъ членовъ коммиссіи, исполненныя просьбъ объ увольненіи ихъ въ домы по несостоятельности; такъ, напримѣръ, въ 1736 году лохвицкій протопопъ Рогачевскій въ своемъ донесеніи Войск. Ген. Канцеляріи говоритъ, что, живя въ Глуховѣ безъ опредѣленнаго жалованья, онъ пришелъ въ крайнее разореніе, ибо за нимъ никакихъ угодій и маетностей „респектомъ войсковымъ наданыхъ неимѣется“. Упомянувъ далѣе о томъ, что „дѣло перевода и свода правнаго, какъ по частямъ имѣлось съ его стороны исправно“, онъ просилъ назначить вмѣсто себя

кого нибудь изъ протопоповъ болѣе близкихъ къ Глухову и „которые въ своихъ имѣніяхъ довольнѣе мене“. Такія же доношенія въ различное время были поданы и со стороны Дробовицкаго и нѣкоторыхъ другихъ нуждавшихся въ поправленіи своихъ домашнихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, переяславскій полковникъ Сулима, назначенный въ коммиссію, обратился съ просьбой объ увольненіи, потому что, состоя до 1740 года въ походахъ, онъ потерялъ не только свое, но даже отцовское имущество, разстроилъ здоровье и нуждается теперь въ поправленіи хозяйства и здоровья. Большинство составителей поступало проще: отпущенные на каникулярное или праздничное время домой, они не являлись въ срокъ, несмотря ни на какія приказанія Ген. Канцеляріи; обыкновеннымъ отвѣтомъ съ ихъ стороны было въ этомъ случаѣ указаніе на необходимость остаться дома ради уборки хлѣба, сѣна и пр., такъ какъ, живя въ Глуховѣ, запасы ихъ истощились, а хозяйство безъ нихъ пришло въ оскудѣніе. Впрочемъ, иные отговаривались болѣзнью, но Войск. Канцелярія не вѣрила этимъ отговоркамъ и посылала иногда взять отговаривавшихся насильно. Такъ было поступлено съ лохвицкимъ протопопомъ, когда онъ не явился по болѣзни, законно удостовѣренной мѣстнымъ сотникомъ,—Канцелярія не повѣрила и приказала освидѣтельствовать его снова Милорадовичу и, если онъ не боленъ, то съ нарочнымъ выслать въ Глуховъ, а въ случаѣ сопротивленія не останавливаться и передъ физической силой.

Разумѣется, я говорю о большинствѣ членовъ, такъ какъ отдѣльныя единицы, въ родѣ Борозды, Лизогуба, Кочубея и нѣкоторыхъ другихъ представляли первоклассныхъ богачей Малороссіи и разореніемъ своихъ хозяйствъ отговариваться не могли; за то въ коммиссіи принимали участіе, и очень полезное, такія лица, какъ Лисаневичъ, не имѣвшій подъ конецъ свой жизни даже средствъ проживать въ Глуховѣ для перевода и исправленія Статута. Вообще о большинствѣ членовъ нужно сказать, что они обладали, какъ это видно изъ поданныхъ ими по окончаніи работъ челобитныхъ, очень умѣренными достатками, не превышавшими 20—30 дворовъ посполитыхъ, такъ что жалобы ихъ на скудость содержанія, имѣя въ виду и другіе расходы, нельзя не

признать основательными. Лишая коммиссіантовъ опредѣленнаго вознагражденія въ продолженіи работъ, кабинетъ министровъ черезъ Войск. Ген. Канцелярію обѣщалъ имъ, „что сіе причтено будетъ въ знатную войсковую службу", и обнадеживалъ ихъ уповать на награжденіе Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію. Согласно этому нѣкоторые члены по окончаніи работъ въ 1743 году обратились съ челобитными къ Ея Императорскому Величеству о пожалованіи ихъ царскими милостями, заключавшимися главнымъ образомъ въ пожалованіи дворовъ посполитыхъ. Всѣ челобитчики, прошенія которыхъ мы встрѣтили, описавши предковскія и свои заслуги предъ родиной, а наипаче труды въ коммиссіи, оканчивали свои прошенія просьбой о пожалованіи дворовъ съ крестьянами или объ укрѣпленіи за ними прежнихъ. Такъ, Сем. Столповскій просилъ пожаловать его опредѣленіемъ до 30 дворовъ, Сем. Чуйкевичъ просилъ объ утвержденіи за нимъ приселка Песокъ, даннаго ему Апостоломъ, Савицкій, Огроновичъ, Ласкевичъ, Лисаневичъ, Закровіецкій, Лукомскій всѣ единодушно ходатайствовали въ челобитныхъ о пожалованіи ихъ свободными дворами, ссылаясь на свои недостатки и разореніе отъ частыхъ походовъ и постояннаго пребыванія въ коммиссіи.

Что касается до судьбы этихъ челобитныхъ, то хотя мы и не нашли нигдѣ прямаго отвѣта на нихъ, но есть косвенныя данныя, показывающія, что онѣ удовлетворены не были. Мы уже говорили, что мглинскій сотникъ Лисаневичъ, большой знатокъ права, не имѣлъ на что проживать въ Глуховѣ для перевода и исправленія Статута въ 1763 году; но лучше всего подтверждаетъ наше мнѣніе прошеніе Степана Савицкаго, поданное имъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ цѣлью вытребовать плату за труды его отца, роменскаго протопопа, участвовавшаго въ коммиссіи. Это прошеніе возбудило въ Коллегіи вопросъ, получали ли члены коммиссіи вознагражденіе или нѣтъ, и за разрѣшеніемъ его Коллегія обратилась въ Войск. Ген. Канцелярію, которая, отвѣтивши, что вознагражденіе выдавалось только одинъ годъ, упомянула и объ обѣщанныхъ отъ Ея Императорскаго Величества милостяхъ, но ничего не прибавила объ исполненіи ихъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, чтобы она умолчала о пожалованіи коммиссіантовъ дворами, если бы только таковое было въ дѣйствительности.

Посмотримъ теперь, въ какомъ состояніи матеріальнаго обезпеченія чернорабочіе коммиссіи, т. е. писаря, назначенные отъ полковъ для переписки переводнаго и своднаго дѣла. Такъ какъ матеріальное положеніе ихъ одинаково обстояло до 1735 года и послѣ него, то мы приведемъ данныя только за послѣднее время, какъ болѣе полныя. Мы уже знаемъ, что во время пребыванія коммиссіи въ Москвѣ они получали по 25 руб. годоваго содержанія—сумма чрезвычайно низкая, имѣя въ виду, что въ Глуховѣ мѣсячный бюджетъ писаря колебался отъ 3 р.—50 к. до 4 р. Необезпеченность въ данномъ случаѣ очевидна; она усугублялась еще болѣе неисправной высылкой денегъ, вызывавшей неоднократныя жалобы въ Войск. Ген. Канцелярію. Не лучше жилось и писцамъ въ родномъ имъ Глуховѣ: лишенные съ переходомъ въ Малороссію прежняго жалованья, писцы уже въ 1736 году докладывали Войск. Ген. Канцеляріи такъ: „сего же 1736 года, зостаючи ми при означенной переписки книгъ правныхъ въ Глуховѣ пропитаніе и на нужды свои жаднаго опредѣленія ни откуда не имѣемъ на своемъ жежъ коштѣ прожить намъ при дѣлѣ ради убожества нашего весьма невозможно“. Что убожество писарей, оторванныхъ отъ своихъ домовъ безъ всякаго вспоможенія, не было миѳомъ, мы убѣждаемся изъ многочисленныхъ прошеній, направленныхъ то въ Войск. Ген. Канцелярію, то въ свои полки, то въ коммиссію, какъ мѣсто болѣе всѣхъ заинтересованное въ судьбахъ своихъ работниковъ. Иногда эти прошенія, собранныя за годъ отъ одного лица, достигали громадныхъ размѣровъ, (50 листовъ и болѣе, какъ, напримѣръ, въ случаѣ писца черн. полка Константиновича), но, какъ видно, никогда не имѣли успѣха. Генеральная Канцелярія, осаждаемая этими прошеніями, въ 1738 году распорядилась, чтобы каждый полкъ содержалъ самъ своего писца, высылая ему харчевой провіантъ и деньги, но полки не отличались исправностію, и вскорѣ послѣ этого указа мы встрѣчаемъ со стороны писцовъ слѣдующее сообщеніе: „протчіе изъ насъ, продавъ

съ себе одежду или положивъ въ закладъ, взымая заимообразно деньги прокормленіе имѣютъ, иніе же за неимѣніемъ, что въ закладъ положить или продать во всекрайнѣйшей нуждѣ и зачимъ впредъ при коммиссіи переводу и своду правныхъ книгъ въ перепискѣ будемъ обрѣтатись не вѣдаемъ". Безвыходность писцовъ въ данномъ случаѣ доходила буквально до состоянія голода, и Ген. Канцелярія для спасенія ихъ отъ голодной смерти предложила глуховскому мѣщанину Ив. Янову выдать писцамъ въ займы надлежащее количество провіанта впредь до полученія таковаго изъ полковъ. Не нужно однако думать, что 38 годъ былъ особенно несчастнымъ: во все остальное время до конца коммиссіи мы встрѣчаемъ однѣ и тѣже жалобы на свое бѣдственное положеніе, голодъ, недостатокъ въ обуви, платьѣ и пр., заканчивающіяся просьбами замѣнить ихъ лицами болѣе состоятельными. Не разъ писцы коллективно и порознь описывали въ яркихъ краскахъ свое горькое состояніе, но никто не испыталъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ черниговскій писарь Константиновичъ; вотъ что писалъ онъ въ 1742 г. своему полку: „я пребываю безъ всякой гловной вины, какъ на каторги, зостаюсь босъ, нагъ и голодъ неизносимый претерпѣваю, что ужъ довольно Енеральной Канцеляріи и коммиссіи есть извѣстно..., чрезъ что я пришелъ въ крайнее разореніе и скорбъ неизносный, здоровье повредилъ". Такимъ образомъ практика нѣсколькихъ лѣтъ показала, что способъ натуральнаго довольствованія писцовъ изъ полковъ не можетъ обезпечить ихъ существованія, и поэтому подъ конецъ работъ натуральное содержаніе было замѣнено денежнымъ, при чемъ ежемѣсячный бюджетъ писаря достигалъ 4-хъ руб., [1]) а между тѣмъ изъ полковыхъ канцелярій они получали гораздо менѣе. Обыкновенно бывало такъ, что присланныхъ денегъ едва хватало на уплату уже сдѣланныхъ долговъ, и по уплатѣ ихъ снова начиналась жизнь въ счетъ будущихъ благъ.

---

[1]) Вотъ примѣрный ежедневный расходъ писца на содержаніе: рыба—5 к., соли—1 к., пшона—1 к., хлѣба—2 к., варива—1 к., олеи—1 к., итого 11 к. Иногда вмѣсто рыбы покупалось мясо на 4—5 к. Къ этимъ ежедневнымъ расходамъ нужно прибавить еще расходы на квартиру, мытье бѣлья и пр., такъ что въ общемъ расходъ достигалъ 4 руб.

Вотъ что писалъ, напримѣръ, *войсковой* канцеляристъ Закровіецкій: „изъ оныхъ денегъ шести рублей (которыя ему выслали) купилъ себѣ кожухъ за три рубли, за сапоги далъ 75 к., зъ домишка жъ своего за что справлять на себе одежу не имѣю, ибо домишка мой весьма убогій, одежа жъ какая худопахолская была то уже и оное подшарпалъ, въ которой коммиссіи живя здесь уже пришелъ въ крайнюю нищету и разореніе".

Обрисованная нами бѣдность писцовъ была такъ велика, что заставляла ихъ всевозможными способами избѣгать занятій въ коммиссіи, а неаккуратность ихъ въ прибытіи въ Глуховъ довела Войск. Ген. Канцелярію до суровыхъ мѣръ взысканія, какъ это видно изъ слѣдующаго обѣщанія писцовъ: „а когда би ми до показаннаго числа 1-го сентября обратно прибуть въ оную коммиссію не могли, то должны понесть во мѣсто штрафа 50 кіевъ публѣчно, а зверхъ того кіевого публичного наказанія уплатить по 3 р. всенепремѣнно и въ томъ собственноручно подписались съ подтвержденіемъ совѣсти нашей".

Если картина жизни писарей выглядитъ крайне мрачно и непріятно, то еще непріятнѣе было положеніе самой коммиссіи, неимѣвшей у себя сколько нибудь сносныхъ, а главное постоянныхъ канцеляристовъ. Мы уже показали, какъ часто случались невольные и вольные перерывы въ работахъ коммиссіантовъ; перерывы эти обыкновенно сопровождались и переѣздомъ писарей, бѣжавшихъ по возможности отъ безплатнаго труда. Новыя собранія требовали новаго призыва прежнихъ писцовъ, но рѣдко кто изъ нихъ соглашался ѣхать снова и не изобрѣталъ какого нибудь способа ускользнуть отъ непріятной командировки въ коммиссію. Новыя лица пріѣзжали большею частью мало искусныя и неопытныя; ихъ приходилось обучать тому, чему прежнія уже были научены; одни изъ нихъ оказывались совсѣмъ негодными по неумѣнію хорошо и правильно писать, другія были очень малолѣтни и поэтому также неискусны, а между тѣмъ работы коммиссіи задерживались и затягивались до пріѣзда изъ полковъ новыхъ писарей, болѣе искусныхъ въ письмѣ и „съ чистыми и добрыми характерами, которые переписуемое дѣло могутъ по надлежащему разсудить и безпомилочно писать".

Вопросу о доставкѣ писцовъ, замѣнѣ неискусныхъ болѣе способными и о присылкѣ имъ провіанта посвящено столько заботъ со стороны коммиссіи, что переписка объ этомъ составляетъ $^3/_4$ пересмотрѣнныхъ нами дѣлъ. Теперь даже трудно представить себѣ, какъ могла работать коммиссія при такой неурядицѣ и неисправности ея низшихъ членовъ, которыя въ настоящее время кажутся едва вѣроятными.

Начавъ говорить о дурномъ матеріальномъ положеніи составителей Свода, какъ обстоятельствѣ, вредившемъ быстрому ходу занятій, мы должны упомянуть здѣсь еще о двухъ вещахъ: во первыхъ, о недостаткѣ въ правныхъ книгахъ и научныхъ пособіяхъ, требовавшихся для перевода, а во вторыхъ объ отсутствіи для коммиссіонной работы приличнаго или по крайней мѣрѣ опредѣленнаго и сноснаго помѣщенія.

Бѣдность въ правныхъ книгахъ понятна—она объясняется ихъ дороговизною и малой распространенностью. Мы знаемъ, что коммиссія не обладала никакими средствами на покупку книгъ, а получала ихъ на подержаніе отъ различныхъ административныхъ учрежденій, какъ-то сотень, ратушъ, магистратовъ, судовъ и даже частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, отъ Максимовича переяславскаго. Чрезъ неимѣніе собственныхъ книгъ происходили иногда препирательства между учрежденіями, давшими ихъ и коммиссіей: въ 1739 году, напримѣръ, Генеральный Судъ обратился въ Генеральную Канцелярію съ доношеніемъ, въ которомъ жаловался, что за отобраніемъ правныхъ книгъ въ коммиссію перевода и свода у него происходитъ не малая остановка въ рѣшеніи дѣлъ колодничныхъ и челобитческихъ, ибо оставшіяся у нихъ книги весьма обветшали и безъ листовъ. Бывало иногда и наоборотъ: коммиссія принуждена была давать свои книги въ другое мѣсто, потому что онѣ требовались, а достать было невозможно нигдѣ. Понятно само собою, что безъ книгъ коммиссія заниматься не могла, а ожидала обратнаго полученія ихъ. Такой случай, мы знаемъ, былъ въ 1741 году, когда коммиссія требовала чрезъ Войск. Ген. Канцелярію высылки ей трехъ книгъ и между ними польскаго Статута изъ Конотопа, гдѣ въ это время ими пользовалась какая то коммиссія. Безъ польскаго

Статута, говорила коммиссія, нельзя производить никоимъ образомъ правнаго дѣла. Въ этомъ же самомъ году встрѣчается еще новое требованіе отъ Генер. Суда въ коммиссію о присылкѣ ему Статута, Саксона и Порядка. Изъ этихъ нѣсколькихъ фактовъ вполнѣ видно, что даже въ высшихъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Малороссіи чувствовалась большая потребность въ правныхъ книгахъ, а коммиссіанты не разъ жаловались, что имъ приходится при работахъ „позычать книги другъ у друга", а иногда и сидѣть безъ дѣла и „бавиться" во время работы другихъ, но тѣмъ не менѣе книгъ имъ куплено не было, да и вообще въ то время къ покупкѣ книгъ по ихъ дороговизнѣ прибѣгали очень рѣдко, болѣе ограничивались перепискою, потому что печатныхъ новоизданныхъ правныхъ книгъ въ Малороссіи не было, и за покупкою ихъ приходилось обращаться за границу чрезъ какого нибудь купца, чтобы тотъ вывезъ ихъ изъ за рубежа. Одинъ такой случай подряда купцовъ для вывоза правныхъ книгъ изъ-за границы, мы знаемъ, былъ въ 1751 году, когда во время пожара сгорѣли въ Глуховѣ Статутъ, Саксонъ и Порядокъ на польскомъ языкѣ; второй же относится къ 1764 году.—Войск. Ген. Канцелярія приказала черниговскому магистрату купить черезъ жительствовавшаго въ Черниговѣ купца Енку нѣсколько правныхъ книгъ, потому что со времени Богдана Хмельницкаго, говорила она, у нея всякихъ книгъ имѣлось по двѣ, а между тѣмъ теперь явился недостатокъ. На покупку книгъ ассигновано 100 р.; названія книгъ слѣдующія: Статутъ, Порядокъ, Саксонъ, Сеймовыя Конституціи польскія и вышедшіе въ недавнее время гербаріусы (?). Что касается теперь до удобствъ занимаемаго коммиссіей помѣщенія, то онѣ очень часто бывали ниже всякаго минимума. Прежде всего на коммиссіонной работѣ очень непріятно отражались частые перерывы и переборки съ мѣста на мѣсто,—ибо переводы черновые и бѣловые и все, относившееся къ ней, начиная съ столовъ, сукна, стульевъ и кончая бумагой и перьями, обыкновенно при спѣшномъ отъѣздѣ членовъ въ походъ покидалось на сохраненіе старшему канцеляристу. Понятно, что канцеляристъ не сидѣлъ надъ переданными ему бумагами и имуществомъ, но, сложивши его въ сун-

дуки и заперши въ коммиссіонной квартирѣ, уѣзжалъ и самъ, а въ результатѣ къ новому собранію коммиссіи не являлось ни столовъ, ни стульевъ, а часто и самихъ бумагъ, писемъ и инструкцій... Въ 1738 г. новый предсѣдатель коммиссіи Як. Лизогубъ сдѣлалъ доношеніе въ Ген. Канцелярію, что имъ никакъ нельзя вступить въ свои обязанности, не имѣя ни столовъ, ни стульевъ, ни подсвѣчниковъ, ни бумаги, ни перьевъ, ибо, когда указомъ 6-го февраля 1737 года было приказано всѣмъ безъ исключенія выступить для защиты границъ, то все имущество коммиссіи было оставлено за карауломъ, но кто снялъ караулъ и гдѣ растерялись вещи, никто не знаетъ. Остались только, продолжалъ онъ, правныя книги, но и тѣ не всѣ и безъ сундуковъ. Въ другой разъ Лизогубъ, повторяя прежнюю просьбу, прибавлялъ, что у нихъ нѣтъ писцовъ, нѣтъ писемъ и подлинной инструкціи, данной бывшему предсѣдателю коммиссіи Ив. Бороздиѣ, а имѣется только одна копія; книги правныя и дѣла, относящіяся до коммиссіи, также были въ большомъ непорядкѣ и неполнотѣ—часть ихъ даже находилась на рукахъ у бывшихъ членовъ, какъ это положительно извѣстно относительно Думитрашка-Райчи, Лисаневича и др.

Итакъ, немало проходило времени, прежде чѣмъ коммиссіантамъ удавалось собрать разбросанныя и развезенныя по домамъ части работъ; не мало ждали они и тратили чернила и перьевъ, прежде чѣмъ добиться отъ Ген. Канцеляріи необходимыхъ столовъ, стульевъ и проч., и эта исторія повторялась буквально послѣ каждаго перерыва коммиссіонныхъ работъ. Въ 1740 году изъ меморіала о необходимыхъ вещахъ для перевода и свода книгъ мы узнаемъ, что дѣла коммиссіи пребывали въ такомъ запущеніи, что даже неизвѣстно было, у кого находятся печатныя и писанныя книги, и съ большимъ трудомъ пришлось отыскать канцеляриста Лозынскаго, которому онѣ были переданы на сохраненіе. Но возвратимся къ вопросу о помѣщеніи. У насъ очень мало свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но за то имѣющіяся очень характерны для положенія коммиссіи: собравшіеся въ 1738 году члены, не имѣя помѣщенія, просили Войск. Генер. Канцелярію отвести имъ нарочитый дворъ, отведенный же въ

прежніе годы они считали недостаточнымъ по малочисленности хоромъ, неудобству расположенія и отсутствію стульевъ, столовъ, и караульной избы. Какой дворъ отвели коммиссіантамъ въ этомъ году, мы не знаемъ, но извѣстно, что въ 1739 году онъ былъ уже занятъ счетной коммиссіей, а для перевода и свода опредѣленъ дворъ вдовы Дорофеичевой, находившійся почти за городомъ и долго передъ тѣмъ пустовавшій. Каково было благоустройство этого дома, видно изъ слѣдующаго: въ сентябрѣ члены докладывали Войск. Ген. Канцеляріи, что отведенный домъ не огороженъ нисколько, не покрытъ, не обмазанъ, подверженъ всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ и измѣненіямъ погоды и вообще настолько плохъ, что при случающихся дождяхъ, говорили коммиссіанты, приходится переходить изъ угла въ уголъ, прерывать занятія и переносить книги, чтобы онѣ не замочились подъ дождемъ. Караульная изба не имѣла въ себѣ даже печи. Войсковая Генер. Канцелярія, получивъ этотъ докладъ, распорядилась вымазать и починить дворъ Дорофеичевой и возложила ремонтировку его на владѣлицу, но съ тѣмъ, чтобы въ починкѣ этого дома глуховское сотенное правленіе оказывало ей всякое вспоможеніе. Однако, глуховское сотенное правленіе ограничило свои заботы тѣмъ, что предложило самой Дорофеичевой починить домъ, но та отказалась неимѣніемъ у себя подданныхъ и необходимаго матеріала, такъ что долго еще приходилось коммиссіантамъ трудиться подъ дождемъ и завываніемъ вѣтра. Не менѣе печально жилось имъ и на своихъ квартирахъ, если таковыя имѣлись. Изъ нѣсколькихъ сохранившихся замѣчаній по этому поводу видно, что коммиссіантамъ съ большимъ трудомъ приходилось отыскивать себѣ въ Глуховѣ квартиры, такъ что въ 1740 году они, наконецъ, потребовали отъ Генер. Канцеляріи отвода казенныхъ квартиръ всѣмъ, за исключеніемъ первѣйшихъ особъ: войсковаго обознаго Лизогуба, П. Апостола и игум. черниговской епархіи, которые свои квартиры имѣли („дабы имъ съѣхавшись не бродить по улицамъ“). Главнымъ мотивомъ въ томъ прошеніи была выставлена невозможность имъ самимъ найти для себя сколько нибудь приличныя квартиры, но, какъ кажется, желаніе просителей не было удовлетворено, ибо въ сентябрѣ мы встрѣ-

чаемъ снова прошеніе объ отводѣ имъ „порядочныхъ квартиръ“ въ виду приближающейся зимы, такъ какъ теперь, говорили коммиссіанты, мы живемъ, то въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ, то въ дурныхъ домахъ.

Вообще, положеніе коммиссіи и ея членовъ въ квартирномъ отношеніи было изъ рукъ вонъ плохо, и если составителямъ Свода приходилось испытывать удовольствія жизни подъ открытымъ небомъ, то самой коммиссіи иногда приходилось бросать свое помѣщеніе и отыскивать другое ради соблюденія интересовъ какого-нибудь коллежскаго майора Постельникова, пожелавшаго занять помѣщеніе коммиссіи для своей квартиры.

На этомъ мы заканчиваемъ очеркъ матеріальнаго положенія какъ коммиссіи, такъ и ея членовъ и переходимъ къ обзору книгъ, находившихся при ея занятіяхъ.

ГЛАВА III.

Книги и пособія, бывшія въ коммиссіи при составленіи Свода.

Вопросъ о книгахъ, которыми пользовалась коммиссія при сочиненіи ею Свода, почти не затронутъ въ книгѣ проф. Кистяковскаго, но за то въ ней находится довольно подробное описаніе, кромѣ Статута, и всѣхъ книгъ Магдебургскаго права, имѣвшихъ распространеніе въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи. Пользуясь найденными нами данными и книгою Кистяковскаго, мы постараемся изобразить вопросъ о книгахъ въ полномъ и правильномъ видѣ.

Уже извѣстно, что по 20-му рѣшительному пункту, данному Апостолу, Высочайше было повелѣно свести въ одно всѣ права, коими судились малороссіяне; извѣстно также, что коммиссіей были собраны всѣ правовыя книги, примѣнявшіяся въ то время въ жизни Малороссіи, и по переводѣ ихъ на великороссійскій языкъ сведены въ одно. Въ оглавленіи Свода самими его сочинителями заявлено, что онъ сведенъ изъ трехъ книгъ: „Статута Литовскаго, Зерцала Саксонскаго и приложенныхъ при

томъ двухъ правъ, такожде изъ книги Порядокъ по переводѣ изъ польскаго и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ", но, конечно, въ рукахъ коммиссіи были еще и другія, и ниже слѣдующій перечень[1]) покажетъ намъ, какія это были книги и на на какомъ языкѣ.

I. Статутъ Вел. Княженія Литовскаго *русскаго нарѣчія, печатный.* Русскій экземпляръ Статута былъ доставленъ въ правную коммиссію золотоношской сотней и былъ единственнымъ среди книгъ, взятыхъ коммиссіантами въ Москву. Кромѣ русскаго Статута, у составителей Свода было нѣсколько экземпляровъ на польскомъ языкѣ, изданія 1693 года, какъ полагаетъ г. Кистяковскій; съ этихъ то польскихъ экземпляровъ и былъ сдѣланъ переводъ Статута, какъ это заявлено составителями Свода въ заглавіи послѣдняго. Существованіе въ коммиссіи Статута югозападной редакціи даетъ основаніе полагать, что имъ пользовались при переводѣ польскаго Статута, какъ средствомъ провѣрять великорусскій текстъ и держаться такимъ образомъ ближе подлинника, но окончательно этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при сравненіи текста югозападной редакціи съ текстомъ неизвѣстнаго намъ великорусскаго перевода. Гораздо важнѣе, однако, для насъ вопросъ, почему составители Свода пользовались при переводѣ польской редакціей Статута, а не югозападной, которая, какъ это мы сейчасъ покажемъ, никогда не переставала употребляться въ судахъ Малороссіи?

Мы не согласны въ данномъ случаѣ съ проф. Кистяковскимъ, утверждающимъ въ своей книгѣ, что въ Малороссіи второй половины XVII в. и начала XVIII югозападный Статутъ пришелъ въ забвеніе, а его мѣсто занялъ польскій; мы полагаемъ напротивъ, что югозападная редакція Статута никогда не подвергалась забвенію, а обновляемая и исправляемая, удержалась до самаго послѣдняго времени. Какъ доказательство примѣненія въ XVIII вѣкѣ Статута изданія 1588 г. достаточно пока указать на русскій печатный экземпляръ Статута, бывшій въ золо-

---

[1]) Перечень составленъ на основаніи списка книгъ, увезенныхъ въ 1735 г. въ Москву, а ранѣе бывшихъ въ ея распоряженіи въ Ичнѣ.

тоношской сотнѣ и доставленный ею въ коммиссію, другія же доказательства приведены будутъ впереди.

Съ другой стороны, мы нисколько не думаемъ отрицать употребленія въ нашихъ судахъ и Статута польской редакціи, такъ какъ это составляетъ положительный фактъ, не подверженный никакому сомнѣнію, ибо во первыхъ, въ 1764 г. Войск. Генер. Канцелярія искала подрядить какого нибудь купца для покупки ей *нѣсколькихъ правныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, потому что,* говорила она, *съ самаго Богдана Хмельницкаго всякихъ книгъ у нея бывало по два экземпляра;* во вторыхъ, черниговское шляхетство въ наказѣ своему депутату также упоминаетъ объ употребленіи въ судахъ Малороссіи Статута на польскомъ языкѣ, да наконецъ и самый переводъ съ польскаго немогъ бы иначе состояться, еслибы польская редакція не находила себѣ употребленія въ судахъ Малороссіи. Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить кажущееся противорѣчіе? Намъ кажется, что дѣло объясняется довольно просто: извѣстно, что русскій печатный Статутъ въ послѣдній разъ былъ изданъ въ 1588 г. и съ этого года изданіе его не повторялось, между тѣмъ какъ потребность въ немъ была самая необходимая и настоятельная, для удовлетворенія которой имѣлось два способа—1) переписка югозападнаго Статута и 2) замѣна его изданіями польской редакціи, неоднократно повторявшимися послѣ 1588 г. Въ пользу перваго способа говорили какъ интересы южнорусскаго народа, такъ и постановленія самаго Статута, опредѣлявшаго судовому писарю вести всѣ протоколы на русскомъ нарѣчіи, въ пользу же втораго, т. е. введенія польскаго Статута, дѣйствовало быстро возраставшее вліяніе польской цивилизаціи и языка на высшее южнорусское общество, благодаря которымъ наша старшина, воспитавшись въ уваженіи ко всему польскому, вводила въ своихъ судахъ польскій Статутъ вмѣсто исчезавшаго русскаго. Полонизація высшихъ слоевъ правобережной Украины, дѣйствительно, привела къ тому, что югозападный Статутъ былъ забытъ и, вытѣсненный изъ ея судовъ, замѣненъ польскимъ; но не такъ шло дѣло въ лѣвобережной Украинѣ, менѣе подвергавшейся польскому давленію и цивилизаціи: русскій Статутъ въ ней никогда

не только не забывался, но постоянно переписывался, обновлялся и съ поправками въ языкѣ и стилѣ удержался до самаго 1811 г., когда былъ замѣненъ сенатскимъ переводомъ. Однако, отсутствіе новаго печатнаго изданія съ радикальной поправкой устарѣвшаго языка и вынужденное пользованіе писанными экземплярами, часто ошибочными и неполными, заставляли прибѣгать и лѣвобережные суды къ польскимъ изданіямъ, какъ болѣе вѣрнымъ и точнымъ, но это пользованіе польскимъ Статутомъ имѣло на нашъ взглядъ только характеръ провѣрки русскихъ списковъ, не болѣе, ибо въ судебныхъ протоколахъ цитовавшіеся артикулы Статута всегда выписывались не на польскомъ языкѣ и не въ переводѣ даже ихъ на современный русскій, а въ подлинныхъ или немного подновленныхъ словахъ и выраженіяхъ *Статута югозападной редакціи 1588 г.* Итакъ, не забвеніе русскаго Статута и замѣна его польскимъ, какъ думалъ проф. Кистяковскій, были причиною перевода коммиссіантами польскаго Статута, а исчезнувшій, по нашему мнѣнію, русскій печатный текстъ пріучилъ нашихъ судей и всю старшину смотрѣть на польскія изданія съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ на свои русскіе списки, и поэтому составители Свода обратились при переводѣ не къ нимъ, а къ польскимъ печатнымъ изданіямъ. Конечно, могло случиться, что большинство мало знакомыхъ съ исторіей своего права судей и не знали настоящаго происхожденія Статута и принимали, быть можетъ, свои списки за переводы съ польскаго, но этого никакъ нельзя сказать о лицахъ, составлявшихъ коммиссію и имѣвшихъ предъ своими глазами Статутъ печатный русскаго нарѣчія. Переводъ ими Статута польской, а не югозападной редакціи мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ въ судахъ Малороссіи печатныхъ книгъ Статута изданія 1588 г., ибо со времени напечатанія ихъ до 1728 г. прошло 140 лѣтъ.

II. Во вторыхъ, въ распоряженіи коммиссіи находились въ большомъ количествѣ экземпляры Зерцала Саксонскаго въ польской его передѣлкѣ. Судя по тому, что эти экземпляры коммиссіантами назывались простымъ именемъ „Saxon“, (Speculum Saxonum, которое обще зовется у насъ Saxon), мы полагаемъ, что это была польская передѣлка Павла Щербича, дѣйствительно

ходившая подъ общимъ заглавіемъ: Saxon, sew Prawa polsky Maydeburskiy nosywaiące Speculum Saxonum 1581 г. Въ Малороссіи употреблялась, кромѣ этой передѣлки, еще другая латинская, изданная Ник. Яскеромъ при Сигизмундѣ Первомъ въ 1535 году, но коммиссіанты ею не пользовались. Кистяковскій, говоря о книгахъ, бывшихъ въ рукахъ коммиссіи, утверждаетъ, что составители Свода руководились Зерцаломъ Саксонскимъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ польскихъ передѣлкахъ, но это не вѣрно. Когда въ 1734 году коммиссія получила отъ кн. Шаховскаго „высоковажный листовный указъ“ прислать вѣдомость о томъ, когда она приступила къ занятіямъ, что перевела и что еще подлежитъ переводу, то ею было отвѣчено между прочимъ, что, взявши польскіе Саксонъ и Порядокъ, она усмотрѣла въ ссылкахъ этихъ книгъ на Speculum Saxonum невѣрность, путаницу и часто ложь. Въ виду этого открытія она принуждена была добыть самый оригиналъ Saxon'а и сличать съ нимъ переводимые Саксонъ и Порядокъ; послѣ долговременнаго сличенія и сопоставленія коммиссіанты убѣдились, „что оныя двѣ книги совершенно невѣрно и необстоятельно польскими законодателями составлены“, а потому стали переводить на великороссійскій діалектъ и Speculum Saxonum—„тую книгу Зерцаломъ Саксонскимъ названную на латинскомъ языкѣ въ 3 книги собранную самый оригиналъ правъ Саксонскихъ“. Такимъ образомъ, хотя коммиссіанты переводили польскую передѣлку Яскера, какъ думалъ г. Кистяковскій, но ими былъ переведенъ и самый оригиналъ, которымъ повѣрялись польскія передѣлки при ихъ переводѣ и сводѣ.

III. Въ третьихъ коммиссія имѣла у себя довольно много книгъ Порядка, на польскомъ языкѣ называвшагося „Porządek Sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego“. Эта книга, по словамъ Кистяковскаго, есть сборникъ различныхъ сочиненій, въ коихъ польскими юристами изложено Магдебургское право—и дѣйствительно, въ дѣлахъ коммиссіи мы находимъ упоминаніе о переводѣ ею всѣхъ составныхъ частей этого сборника, а именно: I) Книги „Порядокъ“, какъ самостоятельной части сборника, сначала бывшей руководствомъ къ изученію права, а потомъ

обратившейся въ законодательную книгу. II) „Артикулы права Магдебургскаго особенно въ той книгѣ напечатанніе",—сокращенное изложеніе Магдебургскаго права. III) „Артикулы правъ цесарскихъ въ той же книгѣ напечатанніе"—вольная передача Constitutio criminalis Carolina Карла V. IV) „Книга Титулы названная до книги Порядокъ приданная"—обширный трактатъ о разныхъ вопросахъ гражданскаго права, V) „Книга латинская Enchiridion при книгѣ Титулы напечатанная"—ручная книга, представляющая сокращенное изложеніе Магдебургскаго права, составлена войтомъ Іоанномъ Кирштейномъ, всѣ же предыдущія принадлежатъ перу Вареоломея Гросецкаго. Кромѣ этого составители Свода упоминаютъ о книгѣ объ оборонѣ вдовъ и сиротъ, напечатанной въ нѣкоторыхъ Порядкахъ, о правѣ Хелминскомъ и о книгѣ „объ употребленіи добръ женѣ отъ мужа опредѣленныхъ". Наконецъ, въ коммиссіи мы видимъ еще слѣдующія сочиненія: 1) „Регуляментъ русскій печатный", 2) „Книга рукописная русская, переводъ давній Титуловъ изъ Порядка польскаго". Переводъ былъ сдѣланъ Пекалицкимъ и, по замѣчанію самихъ составителей Свода, весьма неисправно. 3) „Книга большая рукописная переводъ давній Студентскаго Саксона польскаго всего—къ дѣлу весьма негодный".

Изъ юридическихъ пособій, не подлежавшихъ переводу, но имѣвшихся въ родѣ справочныхъ книгъ, были: латинская книга „Processus juris" автора Карпцовія, вторая книга того же автора „Definitiones forenses" и третья его же „Practica rerum criminalium".

Всѣ эти три книги были взяты у кіевскаго магистрата, и хотя ихъ не переводили, но „къ своду въ дополненіе права о чести Божіей, государевой русскимъ нарѣчіемъ было нѣчто выписано". Остальныя книги принадлежали то ратушамъ, то магистратамъ, то сотнямъ, а одинъ только экземпляръ Порядка принадлежалъ Максимовичу, жителю переяславскаго полка, да Регуляментъ русскій былъ взятъ у Войсковой Генер. Канцеляріи.

Мы ограничиваемся здѣсь простымъ перечисленіемъ книгъ, бывшихъ у составителей Свода, на томъ основаніи, что большія подробности о нихъ желающіе найдутъ въ книгѣ Кистяковскаго,

а теперь снова займемся вопросомъ—въ какой редакціи употреблялся Статутъ въ малорусскихъ судахъ? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что переводъ коммиссіантами польскаго Статута на великорусскій языкъ можетъ дать поводъ думать, что въ нашихъ судахъ употреблялась исключительно польская редакція Статута, а о западно-русской давно изгладилось всякое воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что съ 1588 года, дѣйствительно, не было русскаго печатнаго изданія Статута. Самъ Кистяковскій въ своемъ очеркѣ исторіи коммиссіи склоняется, какъ мы видѣли, къ тому воззрѣнію, что со 2-й половины 17-го вѣка до самой половины 18-го въ нашихъ судахъ западнорусская редакція пришла въ забвеніе и употребленіе Статута на русскомъ языкѣ возобновилось снова только по переводѣ его коммиссіантами.

Прежде всего остановимся на первомъ положеніи проф. Кистяковскаго, состоящемъ въ томъ, что въ Малороссіи XVIII вѣка мамоничевскій Статутъ былъ мало распространенъ, благодаря стараніямъ польскаго правительства привести его въ забвеніе и замѣнить своимъ. Намъ кажется, что это положеніе, особенно подкрѣпляемое на взглядъ покойнаго профессора тѣмъ, что всѣ рукописные экземпляры Статута, бывшіе въ его распоряженіи, относятся ко второй половинѣ 18-го в., (т. е. къ тому времени, когда въ коммиссіи уже былъ совершенъ переводъ) достаточно опровергнуто В. Н. Баршевскимъ [1]), указавшимъ на невозможность того, чтобы всѣ судьи, выбираемые по силѣ Статута изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ достаточной мѣрѣ знали польскій языкъ и примѣняли его въ судахъ лѣвобережной Украины вопреки 1 арт. 4 розд., обязывающему вести дѣла на русскомъ языкѣ. Во вторыхъ, это утвержденіе не выдерживаетъ критики уже и потому, что въ пересмотрѣнной нами массѣ рѣшеній черниговской полк. канцеляріи и гродскаго черн. суда (отъ 1729—68 г. и далѣе), а отчасти и Войск. Ген. Канцелярія мы встрѣтили въ цитуемыхъ артикулахъ Статута или буквальное повтореніе сходственныхъ артикуловъ мамоничевскаго изданія, или очень близкое съ ними сходство, что исключаетъ вся-

---

[1]) В. Н. Баршевскій. Краткая исторія Л. Статута.

кую возможность предположеній объ употребленіи въ судахъ польскаго Статута даже въ ежечасномъ переводѣ его судовыми писарями на русскій языкъ. Дѣйствительно, если согласиться съ Кистяковскимъ, что малорусскіе судьи знали польскій языкъ и употребляли въ судахъ таковой же Статутъ, то слѣдуетъ также допустить, что въ судебныхъ протоколахъ польскій текстъ приводился въ переводѣ на современный имъ русскій языкъ, но въ такомъ случаѣ этотъ переводъ никогда не могъ бы быть такъ схожъ съ мамоничевскимъ оригиналомъ, какъ это наблюдается въ дѣйствительности.

Что же касается до того явленія, что громадное большинство списковъ, бывшихъ въ рукахъ г. Кистяковскаго, относится ко второй половинѣ 18-го в. и такимъ образомъ даетъ поводъ предполагать въ нихъ переводъ Статута, совершенный коммиссіантами, то, мы полагаемъ, это объясняется не отсутствіемъ въ прежнее время списковъ Статута, а большею рѣдкостью старыхъ списковъ съ одной стороны и случайностью подбора съ другой, ибо существованіе списковъ Статута до перевода его составителями Свода не можетъ подлежать сомнѣнію по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) самъ проф. Кистяковскій имѣлъ списокъ Статута мамоничевскаго изданія, предназначенный для употребленія въ сосницкой ратушѣ, 2) пересмотрѣнныя нами судебныя рѣшенія отъ 1729 г. до 1734 г., въ которомъ былъ переведенъ Статутъ, показываютъ, что до перевода употреблялся въ судахъ незначительно измѣненный текстъ Статута 1588 г., наконецъ въ 3) по силѣ инструкціи 31 янв. 1734 г., данной гетманскому уряду, судоустройство Малороссіи оставлялось на прежнихъ основаніяхъ и вслѣдствіе этого приказано было имѣть правныя книги при всѣхъ сотенныхъ судахъ, *переписавъ ихъ съ экземпляровъ, имѣвшихся въ другихъ судахъ*. Этотъ приказъ вызвалъ со стороны всѣхъ малорос. полковниковъ разсылку къ своимъ сотнямъ ордеровъ съ требованіемъ переписки правныхъ книгъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что переписывался главнымъ образомъ Статутъ, какъ настоятельно необходимый сотеннымъ судамъ для употребленія при рѣшеніи дѣлъ. Относительно же вопроса, какой редакціи переписывался Статутъ, т. е. юго-западной или польской—

то мы думаемъ, что для пріобрѣтенія польскаго текста удобнѣе было бы прибѣгнуть не къ перепискѣ, а покупкѣ печатныхъ книгъ, да и самая переписка *польскаго* Статута едва ли мыслима по распоряженію *русскаго* правительства. Послѣдній фактъ лучше всего доказываетъ нашу мысль о пополненіи правныхъ книгъ въ судахъ Малороссіи путемъ переписки старыхъ, при чемъ эта переписка иногда была, такъ сказать, массовой и всегда, вѣроятно, сопровождалась большимъ или меньшимъ искаженіемъ въ языкѣ и стилѣ. Второе положеніе издателя Свода представляетъ продолженіе перваго и состоитъ въ томъ, что писанные экземпляры Статута, бывшіе въ обращеніи частныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ съ половины 18-го в., являютъ собой переводъ, сдѣланный коммиссіей составленія Свода, потому что дѣятельность ея, говоритъ Кистяковскій, была на виду у всѣхъ, а авторитетъ слишкомъ достаточенъ для того, чтобы совершенная ею работа была признана годной для употребленія въ судахъ, особенно при настоятельной потребности въ Статутѣ. Однако, съ этимъ мнѣніемъ также нельзя согласиться какъ по высказанной уже причинѣ—существованію списковъ уже до коммиссіоннаго перевода,—такъ и потому, что замѣна польскаго Статута въ нашихъ судахъ русскимъ переводомъ не могла бы состояться proprio motu, а потребовалось бы высочайшее повелѣніе, которое однако нигдѣ никѣмъ указано не было; наконецъ, мнѣнію г. Кистяковскаго противорѣчитъ и то обстоятельство, что цитуемые артикулы въ судебныхъ рѣшеніяхъ второй половины 18-го в. нисколько не напоминаютъ великорусскаго перевода, но повторяютъ мамоничевскій текстъ 1588 г. съ большими, правда, отъ него отступленіями, чѣмъ то читали мы въ суд. рѣшеніяхъ 1729 г., хотя даже въ исправленныхъ и искаженныхъ мѣстахъ чрезвычайно ясно слышится духъ и рѣчь юго-западной редакціи.

Для того, чтобы поставить рѣшеніе вопроса о редакціи Статута на болѣе прочную почву, намъ необходимо прибѣгнуть къ единственно возможному и указанному уже гг. Баршевскимъ и Кистяковскимъ методу—къ сличенію статутовыхъ выписокъ, приводимыхъ буквально въ судебныхъ протоколахъ, съ соотвѣтствуюмими мѣстами мамоничевскаго статута. „Если бы

этотъ методъ примѣнить", говоритъ г. Кистяковскій, „не къ одному, а къ множеству рѣшеній малороссійскихъ судовъ на пространствѣ почти двухъ вѣковъ, то онъ далъ бы положительные результаты"—мы не могли сдѣлать такой громадной работы за недостаткомъ судебныхъ рѣшеній ранѣе 20-хъ г. 18-го в., а ограничились сравненіемъ массы дѣлъ черн. полк. канцеляріи и гродскаго суда за небольшое время отъ 1729 г.—68 г., но вынесенныя наблюденія настолько краснорѣчивы и единодушны, что мы считаемъ ихъ достаточными, чтобы принять за положительный фактъ *употребленіе въ малороссійскихъ судахъ русскаго Статута въ спискахъ съ мамоничевскаго изданія при слабой конкурренціи съ нимъ польскаго текста, какъ руководительнаго орудія для лицъ и учрежденій.* Въ этомъ отношеніи мы скорѣе приближаемся къ мнѣнію В. Н. Баршевскаго, высказанному имъ въ упомянутой уже статьѣ, въ томъ смыслѣ, что наши судебныя мѣста безусловно руководились списками мамоничевскаго текста, но мы не можемъ съ нимъ согласиться вполнѣ, ибо въ виду приведенныхъ нами фактовъ и нѣкоторыхъ вѣскихъ замѣчаній г. Кистяковскаго допускаемъ вліяніе на наши списки польскихъ Статутовъ и даже слабое употребленіе послѣднихъ.

Начавъ дѣлать сличенія по рѣшеніямъ черниг. полковой канцеляріи отъ 1729 г., мы нашли: во 1-хъ, во всѣхъ встрѣчавшихся за этотъ годъ дословныхъ выпискахъ буквальное тожество съ соотвѣтствующими артикулами и роздѣлами Статута югозападной редакціи, во 2-хъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Статутъ цитуется не дословно, а приводится въ дѣлахъ in extenso, его содержаніе излагается въ словахъ и выраженіяхъ, безусловно заимствованныхъ изъ мамоничевскаго текста. Иногда при сравненіи такихъ недословныхъ выдержекъ съ соотвѣтственнымъ текстомъ 1588 года въ нихъ встрѣчаются цѣлыя строки, буквально заимствованныя изъ послѣдняго, такъ что изъ сопоставленія характера языка и стиля этихъ выдержекъ съ статутомъ 1588 г. мы приходимъ къ убѣжденію, что онѣ составлены по его тексту. Итакъ, дословныя цитаты и выдержки приводятъ къ заключенію объ употребленіи въ судахъ первой четверти 18-го вѣка Статута югозападной редакціи.

Однако, говоря о близкомъ сходствѣ и тождествѣ цитуемыхъ мѣстъ съ оригиналомъ, мы должны оговориться въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя древнія слова, обветшалыя формы и окончанія Статута замѣнены въ цитатахъ болѣе новыми и современными, при чемъ эта замѣна и подновленіе становятся тѣмъ чаще и замѣтнѣе, чѣмъ ближе подвигаются самыя цитаты къ настоящему времени; кромѣ этого встрѣчаются иногда въ нихъ пропуски и неточности, но они не нарушаютъ общей картины сходства и тождества и вполнѣ относятся къ невольнымъ погрѣшностямъ переписчиковъ. Для образца мы приведемъ здѣсь нѣсколько цитатъ, взятыхъ изъ судебн. рѣшеній за 1729 г., сравнимъ ихъ съ текстомъ 1588 г. и отмѣтимъ недостающія и несходныя съ нимъ слова, поставивъ рядомъ съ ними въ скобкахъ соотвѣтствующія слова Статута 1588 г. Цитата: Розд. 14, арт. 16 „если бы на злодіествѣ въ полѣ (не) [1]) пойманно, але лице въ домъ отдано албо слѣдомъ присочено, то яко и о иншомъ злодействе маеть быть сужоно ведлугъ сего статуту“—въ этомъ отрывкѣ наблюдается полнѣйшее тожество съ мамоничевской редакціей, исключая пропущенной, вѣроятно, по ошибкѣ писца, частицы „не“ послѣ слова въ „полѣ“...

Цит. изъ того же роздѣла, 7-го арт. § 3: „злодѣя, если бы трафилося (кому) поймати повторе з лицемъ хотя бы тое лицо и двохъ копъ грошей не стояло тогди уже (дубцы) у столпа мѣетъ быть битъ [въ Статутѣ: битъ быть маеть], а за шкоды и совистость не будетъ ли мѣть чимъ платить то на выробъ выданъ быти маеть [мѣеть]“—въ этой цитатѣ, кромѣ пропущенныхъ двухъ словъ „кому и „дубцы“ и небольшой перестановки, произведенной безъ всякой нужды и перемѣны смысла, вѣроятно, при перепискѣ, замѣчается такое же тожество съ оригиналомъ, какъ и въ предыдущей.

Не желая обременять статьи новыми цитатами за этотъ годъ, мы скажемъ, что во всѣхъ представившихся намъ судеб-

[1]) Въ дугообразныхъ скобкахъ отмѣчены слова Статута недостающія и пропущенныя въ цитатахъ, въ прямыхъ же—слова переиначенныя и подновленныя. О словахъ прибавленныхъ противъ Статута каждый разъ будетъ упомянуто особо.

ныхъ рѣшеніяхъ—къ сожалѣнію ихъ немногимъ болѣе десятка— усматриваются тѣже сходства и отличія, что и въ приведенныхъ двухъ выпискахъ: обветшалыя, мало понятныя слова и древнія формы замѣнены большею частью новыми, соотвѣтствующими времени ихъ измѣненія, такъ что рѣдко гдѣ встрѣчаются „пакъ-ли бы", „дѣдичъ", „наитіе", „тогди", „маеть", но вездѣ замѣнены словами—также, наслѣдникъ, находъ, теди, мѣеть и пр... Очевидно изъ этого, что полнаго исправленія языка Статута дѣлано не было, а производилось оно само собою, незамѣтно и исподволь, пока, наконецъ, къ концу 18-го вѣка онъ сталъ значительно отличаться отъ своего оригинала и далъ поводъ видѣть въ немъ не старый оригиналъ, а переводъ съ польскаго. Къ большому сожалѣнію, судебн. рѣшенія 1729 г. дали намъ возможность сличить на всѣ роздѣлы Статута, а только нѣкоторыя (X, XI, XIV), но этотъ недостатокъ восполняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сравненіе другихъ роздѣловъ произведено нами по суд. рѣшеніямъ 1730, 35 и 39-го и слѣдующихъ годовъ, когда въ черниговской полковой канцеляріи употреблялся тотъ же Статутъ, что и въ 1729 г. Результаты наблюденій и сличеній остаются тѣ же самые. Для образца и доказательства мы позволимъ себѣ привести еще нѣсколько выписокъ, сопоставивши ихъ по прежнему съ текстомъ 1588 г. Розд. IV, арт. 81, § 1. „Уставуемъ ижъ сторона доводячи рѣчи своей мѣеть доводить трома свѣтками людми вѣри годними и неподозрительными [неподойзренными], а если бы (хто) трохъ свѣтковъ не имѣлъ теди [тогди] въ недостатку третяго при двохъ свѣткахъ [сведецъсвѣ]"...

Розд. IX, арт. 27. „Уставуемъ ижъ у бояръ, людей простихъ княжескихъ, панскихъ, земянскихъ никто землѣ закуповати, а ни на лѣто найняти [послѣдняго слова нѣтъ въ мамонич. изданіи] ку пахатю безъ волѣ пана его у чужого человѣка землю закупилъ, албо [або] нанялъ и что-либо на ней посіялъ теди [тогди] тое посѣянное и деньги тратить [тое сѣянье и пенези тратить]". Въ послѣдней цитатѣ, взятой изъ судебн. рѣшеній за 1739 г., замѣтно уже болѣе поправокъ, чѣмъ въ приведенныхъ ранѣе, но тѣмъ не менѣе, я думаю, никто не задумается признать въ ней

артикулъ изъ Статута юго-западной редакціи, ибо, несмотря на поправки, рѣчь его достаточно хорошо сохранилась. Возьмемъ еще нѣсколько цитатъ, относящихся къ болѣе позднему времени (1768 г.), но предупредимъ читателя, что въ этихъ цитатахъ, часто повторяющихъ оригиналъ 1588 г., иногда встрѣчаются значительно отъ него отличающіяся, особенно въ случаяхъ маловразумительности языка оригинала. Мы приведемъ выписки обоего рода. Розд. X, арт. 15. „Хто бы кому (у гаехъ) въ борахъ, пущахъ, лѣсахъ гвалтовно якую [которую] шкоду въ порубаню дерева учинилъ, если шляхтичъ шляхтичу тогди за тое мѣсто заплатить гвалту дванадцать рублей грошей, а дерево порубанное цѣною нижей описанною заплатить, а если холопъ [мужикъ] шляхтичу дерево порубаетъ тотъ вины шесть рублей грошей, а дерево ценой виненъ [повиненъ] будетъ заплатить"—въ сдѣланной выпискѣ нельзя не усмотрѣть полнаго сходства съ оригиналомъ, писаннымъ 200 лѣтъ назадъ, и это объясняется, по нашему мнѣнію, вразумительностью рѣчи артикула, не нуждавшейся ни въ какихъ поправкахъ, кромѣ незначительнаго измѣненія слова „холопъ" на „мужикъ". То же самое нужно сказать и о слѣдующей цитатѣ: Розд. II, арт. 58. „А еслибъ въ небытности самого того кому гвалтъ (тотъ) станется тогди на томъ, что [ижъ] справедливо о томъ вѣдомость взялъ же (ся то) такъ и неиначей же стало и за тою вѣдомостью тебе яко гвалтовника дому своего подъ присягою..." Но вотъ другой обратный примѣръ, когда мамоничевскій текстъ подвергся передѣлкѣ именно благодаря своей устарѣлости и маловразумительности. Розд. IV, арт. 40 по Мамоничу мы читаемъ: „а есть-ли бы зъ очевистого мовенья стороны жабное зъ урядомъ тое неправное сказанье котораго вряду показало таковая сказнь маеть быти поднесена и на сторону отложона, итакъ укривжонному маеть быти вывезанье дано и оное имѣнье або грунтъ отсужонный за ся ему привернень." Въ судебныхъ же рѣшеніяхъ 1768 г., хотя это мѣсто приводится совсѣмъ иначе, но тѣмъ не менѣе въ немъ удержалось нѣсколько словъ и выраженій, ясно обнаруживающихъ источникъ передѣланнаго артикула: „еслибы зъ очевистой рѣчи стороны жалобной зъ урядомъ исправной приговоръ которого уряду показался, тогда та-

ковой приговоръ имѣетъ быть оставленъ, итакъ обиженному имѣетъ быть вывязанье дано и оное имѣнье или грунтъ отсужени заразъ ему привернуть".

Ограничиваясь приведенными выписками, взятыми нами для образца, мы суммируемъ наши выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) употребленіе Статута въ спискахъ югозападной редакціи въ малороссійскихъ судахъ первой половины 18-го в. несомнѣнно, вопреки мнѣнію г. Кистяковскаго, 2) употреблявшіеся списки по сравненію ихъ съ Статутомъ 1588 г. представляютъ болѣе или менѣе вѣрную его копію въ отношеніи языка, конструкціи рѣчи и пр., а встрѣчающіяся отклоненія недостаточны, чтобы признать списки за переводъ Статута съ польскаго языка, 3) исправленіямъ и замѣнамъ подвергались только тѣ мѣста текста, которыя, сдѣлавшись архаическими, стали мало понятными. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что съ самаго же начала появленія рукописныхъ Статутовъ за истребленіемъ печатныхъ началось и подновленіе устарѣвавшаго языка, и чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться къ настоящему времени, тѣмъ значительнѣе и замѣтнѣе становится это подновленіе. Эта мысль о постепенномъ исправленіи языка мамоничевскаго Статута особенно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что исправленію подвергались слова и выраженія не вообще устарѣвшія, но устарѣвшія и мало понятныя, между тѣмъ какъ, если допустить предположеніе объ единичномъ исправленіи или переводѣ съ польскаго, то мы должны были бы имѣть полное исправленіе всѣхъ окончаній и формъ, а не нѣкоторыхъ. 4) Въ четвертыхъ, во второй половинѣ 18-го вѣка списки Статута юго-западной редакціи не были замѣнены великорусскимъ переводомъ, сдѣланнымъ правной коммиссіей, какъ это полагалъ Кистяковскій, но оставались прежними, продолжая мало по малу измѣняться въ языкѣ путемъ подновленія. Сравненіе выписокъ изъ судебн. рѣшеній даже 1770 г. съ мамоничевскимъ текстомъ убѣждаетъ насъ, что они взяты изъ послѣдняго, но отнюдь не изъ великорус. перевода. Доказывая употребленіе въ малороссійскихъ судахъ русскаго Статута, мы до сихъ поръ умышленно умалчивали объ одномъ важномъ отличіи списковъ отъ самаго оригинала, а именно о

раздѣленіи списковъ Статута не только на роздѣлы и артикулы, но и параграфы, чего нѣтъ въ оригиналѣ 1588 г. На это уже обратилъ вниманіе и покойный профессоръ [1]), видѣвшій въ сдѣланномъ нововведеніи доказательство своего предположенія объ употребленіи въ судахъ второй половины 18-го в. великороссійскаго перевода, но мы не согласны съ нимъ по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, дѣлая сличенія, мы не всегда встрѣчали указанія на раздѣленіе артикуловъ на пункты, иногда этого раздѣленія совершенно не бывало и при цитованіи просто говорится „при концѣ такого то артикула", такъ что пунктированіе очевидно строго не выдерживалось, между тѣмъ какъ, если бы списки представляли переводъ съ польскаго, то подраздѣленіе было бы проведено отъ начала до конца. Самъ Кистяковскій, говоря о томъ, что въ спискахъ, подобно польскимъ печатнымъ Статутамъ, на поляхъ артикуловъ находятся ссылки на артикулы другихъ роздѣловъ, прибавляетъ: „правда, указанія эти въ нашихъ спискахъ написаны небрежно, безъ выдержки, большею частью не доведены до конца". Въ виду этой невыдержанности и случайности пунктированія и упомянутыхъ ссылокъ намъ кажется вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ объяснить эти нововведенія не совершившимся въ коммиссіи переводомъ Статута, *но только вліяніемъ польскихъ изданій на югозападный Статутъ*, особенно когда печатные экземпляры послѣдняго были истреблены временемъ. Вліяніе же это могло произойти по той простой причинѣ, что польскія правныя книги, какъ было уже замѣчено, были въ употребленіи въ Войск. Ген. Канцеляріи, представляя изъ себя образцы болѣе точные и вѣрные подлиннику, чѣмъ писанные русскіе; а если польскій Статутъ держался обыкновенно въ Войск. Ген. Канцеляріи, то не будетъ съ нашей стороны ошибкой допустить и болѣе широкое распространеніе его въ Малороссіи, а слѣдовательно и вліяніе, такъ что упомянутое пунктированіе ради его пользы и удобствъ могло быть сдѣлано путемъ сравненія

---

[1]) В. Н. Баршевскій почему то совершенно умалчиваетъ о раздѣленіи въ спискахъ артикуловъ на §§, раздѣленіи, повидимому, противорѣчащемъ его мнѣнію объ употребленіи въ судахъ Статута мамоничевскаго изданія.

списковъ съ польскимъ текстомъ 1693 г. При этомъ, конечно, могло произойти, что нѣкоторыя подраздѣленія артикуловъ на пункты не были отмѣчены или пропущены по ошибкѣ, откуда и возникла невыдержанность пунктированія и ихъ случайность.

Въ заключеніе нашихъ соображеній о редакціи Статута мы должны еще сосчитаться съ слѣдующимъ заявленіемъ черниг. шляхетства въ наказѣ своему депутату: „8. *Употребленіе, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ*, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали". Заявленіе это, по видимому, противорѣчащее нашему мнѣнію и самому факту употребленія въ черниг. полков. канц. русскаго Статута, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что за неимѣніемъ печатныхъ книгъ Порядка, Саксона и Статута имъ приходилось прибѣгать къ польскимъ изданіямъ и знакомиться съ ними для личнаго употребленія, но не употребленія судебныхъ мѣстъ, ибо въ послѣднихъ строго соблюдалось правило арт. I, розд. IV: „а писаръ земскій маетъ по русску литерами и словы русскими вси листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы". Впрочемъ, это не исключало возможности имѣть малороссіянамъ въ своихъ судахъ и польскія правныя книги, но не для употребленія, а для справокъ, восполненія и пр.

Послѣ сказаннаго о книгахъ намъ слѣдуетъ приступить къ изложенію дѣятельности коммиссіи во время отъ 1729 г.—43 г., что составитъ содержаніе слѣдующей главы.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.

I.

Вмѣсто введенія. — Брошюра г. Вольфа „Еврей министръ короля Сигизмунда“.—Пріемы г. Вольфа.—Пользованіе рукописными источниками.—Напечатанные ранѣе документы въ видѣ рукописей.—Незамѣченныя г. Вольфомъ опечатки.—Мнимыя актовыя книги Метрики Литовской. — Несуществовавшее завѣщаніе Аврама Езофовича.—Истинный смыслъ этого мнимаго завѣщанія.—Пользованіе г. Вольфа печатнымъ матеріаломъ: Томицкій, Volumina legum. — Воззрѣнія г. Вольфа на время возникновенія Рады в. княжества литовскаго. — Болѣе правильныя воззрѣнія на этотъ предметъ короля Сигизмунда Августа.—Составъ Рады по опредѣленію г. В.—Несогласимые элементы этой Рады.—Скрытые г. Вольфомъ вдовы.—Причина затрудненій г. В.—Полная непригодность спорнаго документа г. В. для опредѣленія состава рады.—Истинный смыслъ этого документа.—Наши попытки опредѣлить составъ Рады.—Исключенные г. Вольфомъ члены Рады: бискупы, князья Гедиминовичи, старосты и придворные члены.—Опредѣленіе г. Вольфомъ должностей намѣстника, маршалка, воеводы, подскарбія земскаго.—Ошибочныя предположенія г. Вольфа о враждебности членовъ Рады къ Авраму Езофовичу.—Характеръ отношеній членовъ Рады между собою и отношенія ихъ къ Авраму Езофовичу, на основаніи актовъ.—Сообщеніе г. Вольфа о первыхъ годахъ дѣятельности Аврама Езофовича.—Противорѣчія и недоказанность положенія г. Вольфа о фамиліи Езофовича.—Мнимое изгнаніе Аврама Езофовича изъ Литвы вмѣстѣ съ остальными евреями въ 1495 г. и принятіе имъ христіанства для возвращенія въ Литву.—Напрасныя жалобы г. Вольфа на бѣдность Метрики Литовской свѣдѣніями объ Аврамѣ Езофовичѣ.

Въ прошломъ году въ Краковѣ появилась небольшая брошюра г. І. Вольфа подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Еврей министръ короля Сигизмунда“.

Г. Вольфъ, дебютировавшій сочиненіями по генеалогическимъ и геральдическимъ вопросамъ, захотѣлъ, очевидно, въ небольшомъ историческомъ этюдѣ показать, что ему не чужды и внутреннія отношенія в. княжества литовскаго.

Ожидая брошюры, мы были, правда, въ нѣкоторомъ недоумѣніи: о какомъ евреѣ и какомъ королѣ Сигизмундѣ идетъ рѣчь?

Намъ извѣстно, что у короля Сигизмунда Августа былъ любимецъ еврей Изакъ Бородавка, о которомъ говоритъ А. Горницкій, а еще болѣе акты Метрики Литовской.

Мы знаемъ, что король Сигизмундъ III имѣлъ придворнаго купца („фактора"), знаменитаго въ преданіяхъ литовскихъ евреевъ Шауля Валя.

Но ни тотъ, ни другой еврей не занимали никакой должности въ государственной администраціи.

Наконецъ, въ статьѣ, напечатанной нами въ Еврейской Библіотекѣ за 1879 г.[1]), мы указали на подскарбія земскаго еврея, принявшаго христіанскую религію, Аврама Езофовича, а въ „Документахъ къ исторіи литовскихъ евреевъ" сообщили изъ Метрики Литовской рядъ актовъ, касающихся какъ самаго Аврама Езофовича, такъ и двухъ его братьевъ. Такъ какъ Аврамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ земскимъ *великаго княжества* литовскаго лишь подъ конецъ своей долгой административной дѣятельности, такъ какъ Аврамъ Езофовичъ очень рано переходитъ въ христіанство и ведетъ совершенно самостоятельную, независимую отъ отца и братьетъ жизнь, то намъ казалось въ высшей степени любопытнымъ, какого еврея, въ министры какого короля польскаго Сигизмунда возвелъ г. Вольфъ.

Чтеніе произведенія г. Вольфа привело насъ съ перваго же раза въ глубокое изумленіе.

Не будемъ останавливаться на томъ, что министромъ евреемъ оказался христіанинъ Аврамъ Езофовичъ, не будемъ говорить о томъ, что онъ оказался министромъ не *короля польскаго* Сигизмунда I, а *короля и великаго князя литовскаго*,—не въ этомъ заключались причины нашего изумленія.

---

[1]) Стр. 28, примѣчаніе.

Г. Вольфу былъ извѣстенъ какъ трудъ нашъ, такъ и изданные нами документы, г. Вольфъ пользуется ими, съ тою однако оговоркою, что пользованіе свое онъ ограничиваетъ XV ст., далѣе идутъ повсюду источники первой руки, всюду только и видишь, что ссылки на актовыя книги Метрики Литовской.

Въ виду обилія этихъ ссылокъ, въ виду того, что документы, изданные нами, опять цитируются только въ концѣ брошюры, мы невольно задали себѣ вопросъ: неужели всѣ эти документы, на которые ссылается г. В., не замѣчены были нами раньше?

Появленіе брошюры г. В. въ русскомъ переводѣ несомнѣнно должно возбудить подобнаго же рода недоумѣніе и у русскаго читателя.

Въ виду защиты себя отъ предположенія, будто бы, откапывая различныхъ неизвѣстныхъ исторіи евреевъ, мы не примѣтили такого крупнаго явленія, какъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, и что этотъ пропускъ замѣченъ и пополненъ г. Вольфомъ, мы позволимъ себѣ утрудить вниманіе читателей во 1) критическимъ разборомъ брошюры г. Вольфа какъ со стороны пользованія источниками, такъ и со стороны пониманія ихъ; во 2) представленіемъ личности Аврама Езофовича по актовымъ книгамъ Метрики Литовской.

I.

Остановимся прежде всего на пользованіи источниками.

Г. Вольфъ во всей своей брошюрѣ ссылается постоянно на акты Метрики Литовской. Но если кто либо пожелаетъ сличить приводимыя имъ цитаты съ первымъ томомъ нашихъ „Документовъ и регестъ къ исторіи литовскихъ евреевъ“, то получится слѣдующая таблица [1]):

[1]) Мы начнемъ съ третьей главы, такъ какъ двѣ первыя написаны на основаніи нашей книги и документовъ, а только съ третьей главы начинаются самостоятельныя (!) заимствованія изъ Метрики Литовской.

I. Вольфъ. *„Еврей министръ короля польскаго Сигизмунда“. 1885 г.*	С. А. Бершадскій. *„Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ“, 1882 г.*
Глава III.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1) [1]	№ 60, № 119. № 69, № 159.
„ 3, b (пр. 1, d)	№ 42.
Глава IV.	
Примѣчаніе 2 (пр. 1)	№ 52.
„ 2 b (пр. 2)	№ 54.
„ 3 (пр. 3).	№ 53, b.
„ 3, b (пр. 4)	№ 55.
„ 4 (пр. 1, c)	№ 54, всего одинъ документъ, а не два, какъ у г. В.
„ 5 (пр. 2, c)	№ 55.
Глава V.	
Примѣчаніе 2	№ 54 и 55
„ 3	№ 55.
Глава VI.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1)	№ 159.
„ 4 (пр. 2)	№ 119.
„ 1, b (пр. 2, b).	№ 57.
„ 3, b (пр. 4)	№ 59.
„ 4, b (пр. 1, c).	№ 63.
„ 6, b (пр. 3, b)	№ 65.
„ 1, (пр. 2, d)	№ 62.
„ 2, (пр. 3, d)	№ 60.
Глава VII.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1).	№ 69.
Глава IX.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1)	№ 58.
„ 2 (пр. 1, b)	№ 60, при чемъ дата у г. В. невѣрна, слѣдуетъ 27 рев.
„ 3 (пр. 2)	№ 68, вмѣсто fol, какъ у г. В., слѣдуетъ читать: № документа 35.

[1] Въ скобкахъ цитаты по польскому оригиналу брошюры.

„	4 (пр. 3)	№ 70.
„	5 (пр. 4)	№ 72.
„	6 (пр. 5)	№ 73.
„	7 (пр. 6)	№ 74.
„	8 (пр. 1, c)	№ 78.
„	1, b (пр. 2, b)	№ 83.
„	2, b (пр. 3, b)	№ 96.
„	3, b (пр. 1, d)	№ 108.
„	4, b (пр. 2, d)	№ 109.
	(пр. 3 d)	№ 119.
„	5, b (пр. 4, d)	№ 130 и 154.

т. е. всѣ документы главы IX и значительная часть документовъ предыдущихъ главъ, взятые г. Вольфомъ изъ Метрики Литовской, напечатаны уже за 3 года до появленія произведенія г. В., напечатаны въ томъ самомъ сборникѣ, на который г. В. ссылается только во второй главѣ своей брошюры. Но этого мало.

Заимствуя акты изъ Метрики Литовской, г. В. не только повторяетъ не оговоренные нами недосмотры, напр. въ пр. 2 главы IV приводитъ листъ 87 акт. книги вмѣсто листа 97, какъ бы слѣдовало (№ 52, „Док. и рег.“), но повторяетъ замѣченныя нами и оговоренныя *опечатки;* такъ, напр. невѣрныя даты [1]), воспроизводятся г. В. съ полнѣйшею пунктуальностью; не ограничиваясь нашими документами, г. В. заимствуетъ непосредственно изъ Метрики Литовской и такіе акты, которые напечатаны полвѣка тому назадъ, какъ напр. грамота Сигизмунда I литов. евреямъ отъ 21 марта 1514 г. [2]).

При этомъ, однако г. В. не захотѣлъ обидѣть и наши документы, не потрудившись однако справиться съ подлинными книгами Метрики Литовской и не разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, сдѣланнаго нами заголовка, г. В. помѣстилъ эту грамоту въ двѣ различныя книги Метрики, между тѣмъ какъ въ дѣйствитель-

---

[1]) Срав. пр. 1 (b) и 6 (b) главы VI съ Док. и рег. №№ 57 и 65.

[2]) Напечаталъ впервые *Działyński* въ 1841 г., въ „Zbiór praw Litewskich“, а затѣмъ въ 1848 г. Археогр. ком. напечатала эту же грамоту изъ актовыхъ книгъ Метр. Лит. Обо всемъ этомъ г. Вольфъ могъ бы узнать изъ нашихъ же „Докум. и регестовъ“.

ности, *начало* этой грамоты находится въ IX книгѣ „*Записей*", № акта 500, а конецъ въ IV книгѣ „*Судныхъ дѣлъ*", fol. 142.

Едва ли послѣ приведеннаго можетъ быть сомнѣніе, откуда заимствовалъ г. В. большинство своихъ документовъ.

Но для дополненія позволимъ себѣ еще маленькую подробность: подъ 1507 г., октября 5 помѣщенъ нами документъ объ отдачѣ Авраму Езофовичу въ управленіе таможенныхъ доходовъ въ Ковно и Смоленскѣ.

Прочитавъ *сдѣланный нами заголовокъ* № 52, отъ 5 октября 1507 г., гдѣ говорится, что король Сигизмундъ для погашенія долговъ отдаетъ въ управленіе Авраму Езофовичу таможенныя пошлины въ Ковно и Смоленскѣ, и замѣтивъ на заголовкѣ № 53, отъ 30 ноября того же 1507 года, что Аврамъ Езофовичъ уже покрылъ эти долги *изъ доходовъ ковенской таможни*, г. Вольфъ не задумывается написать: „Менѣе чѣмъ въ 2 мѣсяца Аврамъ погасилъ королевскіе долги".

Между тѣмъ изъ *текста* № 52 очевидно, что распоряженіе *отъ 5 октября подтверждало только* болѣе раннюю грамоту отъ *13 іюля* 1507 г. Т. обр. Аврамъ Езофовичъ погасилъ королевскій долгъ въ 1.960 к. гр. *не въ теченіи мѣсяца съ небольшимъ, а въ теченіи почти полугода.*

Но этого мало, г. В. полагаетъ что Аврамъ Езофовичъ покрылъ долги короля изъ доходовъ ковенской товарной таможни, пошлинъ съ соли и пошлинъ съ воску въ Смоленскѣ,—изъ текста же документа очевидно, что королевскіе долги были погашены одними только пошлинами *съ соли въ Ковно.*

Помимо этихъ документовъ, заимствованныхъ г. В. *прямо* изъ Метрики Литовской и страннымъ образомъ напечатанныхъ уже раньше въ другихъ изданіяхъ, у г. Вольфа приведены нѣкоторые документы впервые.

Однако, и эти документы невольно возбуждаютъ вопросъ, дѣйствительно ли видѣлъ г. Вольфъ то, на что такъ смѣло ссылается.

Главнымъ источникомъ г. В. служатъ здѣсь № 1 и 2 „Записей" Метрики Литовской. 1) Г. В. повсюду ссылается на эти книги, какъ на содержащія въ себѣ такіе же документы, какъ

и другія книги, напр. глава IV, пр. 1 [1]). Между тѣмъ книги записей № 1 и № 2 ничто иное, какъ краткая инвентарная опись отдѣльныхъ документовъ, хранившихся въ Метрикѣ Литовской въ концѣ XVI в. [2]). 2) Цитаты изъ обѣихъ книгъ приводятся г. В. со ссылкою на листы (folium), между тѣмъ, какъ книги скрѣплены по страницамъ (pagina). 3) Листы (sic!) этихъ книгъ цитируются для обѣихъ книгъ одинаково т. е. листъ такой то, книга № I и II, между тѣмъ какъ обѣ книги, тожественныя по содержанію, имѣютъ *различную пагинацію*, поэтому, напр., документъ, находящійся въ I книгѣ на стр. 59, будетъ во II кн. на стр. 46; № I стр. 46 = II стр. 36; № I стр. 94 = № II стр. 80; № I стр. 95 = № II стр. 81 и т. д. 4) Наконецъ, нѣкоторыя извлеченія изъ этой описи сдѣланы съ совершеннымъ непониманіемъ приводимаго документа; напр., въ концѣ VI главы своей брошюры г. В. приводитъ изъ перваго, якобы, завѣщанія Аврама Езофовича выписку слѣдующаго содержанія: „Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, назначаетъ на случай своей смерти двухъ опекуновъ: *воеводу и старосту краковскаго Криштофа Шидловецкаго* для имѣній своихъ, находящихся въ Польшѣ, а для имѣній литовскихъ—*воеводу полоцкаго Ольбрахта Мартиновича Гаштольта*.

Между тѣмъ подлинная инвентарная опись гласитъ слѣдующее:

„Подскарбій литовскій озабочивается назначеніемъ опекуна послѣ своей смерти".

„1518.—Аврамъ Езофовичъ, подскарбій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, отдается подъ охрану

---

[1]) Польскій текстъ пр. 1, 6, или, тамъ же, пр. 4, гдѣ въ подтвержденіе напечатаннаго у насъ оригинала приводится указаніе на книги № I и II, какъ будто бы повторяющія текстъ грамоты!

[2]) Опись эта сдѣлана, вѣроятно, вмѣстѣ съ перепиской актовыхъ книгъ въ канцлерство Льва Сапѣги, между 1593—1595 г., такъ какъ въ ней встрѣчаются документы, помѣченные 1570 г. Отсутствіе въ этой описи документовъ послѣ 1570 г. объясняется: 1) реальной уніей Литвы съ Польшею, въ силу чего документы общегосударственнаго характера стали храниться въ Краковѣ; 2) изданіемъ закона, въ силу котораго копія, явленная въ судѣ, стала равнозначительна оригиналу.

короля его милости. Поименовываетъ и *назначаетъ* по своей смерти *его королевскую милость главнымъ опекуномъ* своего завѣщанія, а также Криштофа Шидловецкаго, воеводу и старосту главнаго краковскаго, *канцлера короннаго* (назначаетъ опекуномъ), своихъ имѣній, которыми владѣлъ въ Польшѣ,—а Ольбрахта Мартыновича Гаштольта, воеводу полоцкаго, державцу мозерскаго—(опекуномъ) имѣній въ Литвѣ. Въ Брестѣ, дня 8 декабря, индиктъ 1".

„Съ печатью. Литера LII" [1]).

И болѣе ничего.

Вотъ образчикъ документовъ книги „*Записей*" № I и № II. Очевидно, что передъ нашими глазами краткая опись подлиннаго документа, это во первыхъ.

Но главное, во вторыхъ, въ томъ, что г. В. не понялъ выраженій такого совершенно яснаго документа. Можно ли называть этотъ документъ завѣщаніемъ, когда нѣтъ ни лицъ, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе, ни предметовъ, которыми бы распорядился наслѣдодатель? Но этого мало.

Главнымъ опекуномъ назначается король, и г. Вольфъ этого не примѣтилъ.

А между тѣмъ какъ въ началѣ своего завѣщанія отъ 1519 г. Аврамъ Езофовичъ обращается къ опекунамъ: „Господару моему милостивому, королю его милости Жыкгимонту", такъ точно въ 1523 г. марта 14 король Сигизмундъ въ предписаніи, адрессованномъ епископу виленскому [2]), говоритъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ назначилъ главнымъ опекуномъ, *насъ, государя*.

---

[1]) М. Л. „*Записей*" № II.

R. 1518. Abram Jozefowicz, Podskarbij W. X. Lit. Starosta Kowienski y Soliecki, poddaie się pod obronę Kro. J. Mci.—*J. Kr. Mc. przednim opiekunem testamentu po smiercy swey mianuie y naznacza*, y Krysztofa Szydłowieckiego Woiewody (sic) y Starosty (sic) głownego Krakowskiego y Canclerza Koronnego, stronny dobr w Polszce które miał, a z strony dobr w Litwie Olbrychta Martynowicza Gasztolta, Woiewody (sic) Połockiego, dzierzawcy Mozerskiego. W Brzesciu, dnia 8, Decembra, indicta I.

S pieczęcia. L-ra LII.

[2]) „Подскарбій земскій, небощикъ п. Аврамъ Езофовичъ *ассекураторомъ* (назначилъ) напередъ насъ, *Господара*". Метр. Лит., Суд. Дѣлъ № 4, f. 26 (b).

Изъ всего указаннаго, кажется, ясно, какъ г. В. пользуется архивными источниками.

Что касается пользованія печатнымъ матеріаломъ, то нельзя сказать, чтобы и здѣсь пріемы г. Вольфа были удачнѣе.

Намъ кажется, что автору, который щеголяетъ своимъ знакомствомъ съ Метрикой Литовской, естественнѣе было бы для опредѣленія того, гдѣ былъ король Сигизмундъ съ 12 февраля 1509 по май 1511 г., обратиться къ актамъ Метрики, или же къ современнымъ лѣтописцамъ, а не случайно выхватывать документы изъ Томицкаго (стр. 21, пр.).

Странность эта увеличивается еще болѣе тѣмъ, что одни и тѣ же документы Томицкаго служатъ г. В. и для доказательства, что король Сигизмундъ въ теченіи полутора года не бывалъ въ Литвѣ, и въ то же время подтверждаютъ, что кор. Сигизмундъ приказалъ арестовать предполагаемыхъ сторонниковъ Глинскаго (стр. 17).

Къ тому же, цитаты изъ Томицкаго относятся къ 1509 и 1511 г. Спрашивается, что же это значитъ? Должны ли мы предполагать, что король, приказавъ произвести арестъ сторонниковъ Глинскаго въ 1509 г., повторяетъ свое приказаніе еще въ другой разъ черезъ 2 года? Или какъ иначе разумѣть эти ссылки?

Точно также мы не можемъ понять, какимъ образомъ показанія Стрыйковскаго можно цитировать рядомъ съ актами Томицкаго. Источникъ въ высшей степени мутный съ несомнѣнными документами изъ государственой канцеляріи.

Непонятно для насъ также, какимъ образомъ собраніе польскихъ законовъ, Volumina legum, могутъ служить источникомъ для выясненія началъ литовскаго права.

А между тѣмъ по мнѣнію г. В., Статутъ короля Александра, опредѣляющій обязанности подскарбія польскаго королевства распространяется и на Литву [1]).

[1]) Стр. 22 гл. V. Правда, г. Вольфъ здѣсь не приводитъ прямо источника, но въ его изданіи „Сенаторы и придворные чины", стр. 184, обязанности подскарбія опредѣляются тѣми же самыми словами, что и въ разбираемой нами брошюрѣ, т. е. „подскарбій обязанъ оберегать казну, собирать государственные доходы, покрывать (государственные) расходы, представлять отчеты по тѣмъ и другимъ и наблюдать надъ чеканкой монеты".

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ обсужденію внутреннихъ достоинствъ брошюры г. В.

Но прежде чѣмъ мы коснемся этого труда, посвященнаго дѣятельности одного изъ выдающихся государственныхъ сановниковъ Литвы XVI в., намъ кажется небезъинтереснымъ познакомиться съ воззрѣніями г. Вольфа на государственный строй Литвы вообще и на характеръ той или другой изъ государственныхъ должностей въ частности.

Намъ кажется совершенно необходимымъ коснуться этихъ сторонъ потому во 1), что вопросы эти до сихъ поръ не достаточно обслѣдованы, въ 2), г. Вольфъ издалъ объемистую книгу, посвященную спеціально сенаторскимъ и придворнымъ чинамъ Литвы, и въ 3), наконецъ, потому что отъ пониманія государственнаго и общественнаго строя данной страны въ опредѣленный историческій моментъ зависитъ правильное пониманіе и освѣщеніе излагаемыхъ событій.

Только что названное изданіе [1]) открывается совершенно естественно опредѣленіемъ государственнаго совѣта Литвы, „Рады в. княжества литовскаго“.

Посмотримъ, что же это за опредѣленіе

„Вступивши въ соединеніе съ Польшею (въ 1413 г.), Литва понемногу начала устраиваться по образцу Польши, заимствуя ея учрежденія. Актъ Городельской уніи положилъ начало сенату литовскому... Однако (!) до самой уніи Литвы съ короною въ Люблинѣ, въ 1569 г., не было, собственно говоря (?), сената литовскаго, а существовала Рада великокняжеская (!), члены которой носили титулъ: пановъ радъ, ихъ милости“. Не останавливаясь на томъ, что трудно, почти невозможно, понять, какимъ образомъ сенатъ, которому начало положено было Городельской уніей, тѣмъ не менѣе въ теченіи полутораста лѣтъ вовсе не существовалъ, что не видно различія сената отъ Рады, мы только замѣтимъ г. Вольфу, что *король Сигизмундъ Августъ еще въ 1563 г.* гораздо правильнѣе указалъ на время возникновенія и характеръ сенаторскихъ должностей въ Литвѣ.

---

[1]) *Senatorowie i Dignitarzy* wielkiego księstwa litewskiego. 1386—1795 Kraków 1885.

„Еще до Городельской привилегіи чины и народы шляхетскіе за свои заслуги государству и нашимъ предкамъ“, говоритъ король Сигизмундъ Августъ, „получили различныя повышенія и почести, какъ это выражено точнымъ образомъ во вступленіи Городельской привилегіи; вотъ эти то вельможи и должностные лица и явились на Городельскій сеймъ“.

Раскрывая для поясненія этихъ словъ текстъ Городельской привилегіи, мы видимъ, что въ средѣ литовской шляхты, принимающей польскіе гербы, встрѣчаются: Монивидъ, *воевода виленскій*, Явнъ, *воевода троцкій*, Минкгалъ, *каштелянъ виленскій*, и Сунигалъ, *каштелянъ троцкій* [1]).

Такимъ образомъ король Сигизмундъ Августъ имѣлъ полное право утверждать, что до Городельской уніи въ Литвѣ уже были воеводы и каштеляны.

Въ подкрѣпленіе этого свидѣтельства мы приведемъ нѣсколько документовъ отъ времени, предшествующаго Городельской уніи.

Въ грамотахъ Витовта трокскимъ евреямъ [2]) отъ 24 іюня 1388 г. и брестскимъ [3]) отъ 2 іюня того же года мы встрѣчаемъ Θеодора, воеводу луцкаго.

Въ прелиминарныхъ статьяхъ мирнаго договора Витовта съ нѣмецкимъ орденомъ отъ 23 мая 1398 г. мы встрѣчаемъ: Монивида, старосту (hauptman) виленскаго, Чупурну, *маршалка*.

Вмѣстѣ съ ними договоръ скрѣпляютъ своими печатями бояре (baiaren), среди которыхъ мы видимъ родоначальника знаменитой фамиліи Гаштольтовъ [4]).

Въ особенности же мы рекомендовали бы вниманію г. Вольфа небольшой документъ в. князя Витовта отъ 26 марта 1410 года, слѣдовательно на 3 года ранѣе Городельской уніи. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующихъ сановниковъ: Николай, *бискупъ виленскій*, Альбертъ, иначе Монивидъ, *староста виленскій*, Стани-

---

[1]) Ак. Ю. и З. Р. т. I.

[2]) *Bolinski*. Historia miasta Wilno, 1836, т. I, p. 225.

[3]) *Działynski*. Zbiór praw Litewskich. 1841, p. 112. Ср. наши „Документы и рег.“, гдѣ обѣ грамоты напечатаны параллельно. Тамъ же № 2, грамота гродненскимъ евреямъ 1389 г., гдѣ снова является Θедоръ, княжа, воевода луцкій.

[4]) *Prochaska*. Codex Witoldianus, № CLXXIX.

славъ, иначе Чупурна, маршалокъ *в. княжества литовскаго*, Михель, иначе Кунзегайлъ, *староста вилькомирскій*, и Ганнусъ, иначе Сунгайлъ, *староста ковенскій*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сановники въ Литвѣ существовали гораздо раньше Городельской уніи.

Сановники эти составляли совѣтъ в. князя.

Роль и значеніе каждаго изъ нихъ опредѣлить не легко, но изъ того, что рядомъ съ воеводами, старостами и тивунами коренныхъ литовскихъ областей мы встрѣчаемъ маршалковъ в. княжества литовскаго, мы должны заключить, что уже въ это время рядомъ съ дѣлами, бывшими въ завѣдываніи отдѣльныхъ сановниковъ, существуютъ дѣла общегосударственныя.

Понятно само собою, что подъ вліяніемъ измѣненія политическихъ и общественныхъ отношеній Литвы, подъ вліяніемъ примѣра сосѣднихъ странъ и т. д. и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей, а равно и характеръ центральнаго государственнаго учрежденія, „Рады в. князя" долженъ былъ измѣниться.

Намъ хорошо понятны трудности точнаго опредѣленія большинства литовскихъ государственныхъ должностей до Люблинской уніи, напр. должности подкоморего, подскарбія дворнаго, маршалка,—но значенія другихъ, какъ напр. воеводы, подскарбія земскаго, старосты и т. д., а равнымъ образомъ опредѣленіе, не скажемъ значенія, но, по крайности, состава Рады в. княжества литовскаго не представляетъ для XVI в. непреодолимыхъ трудностей.

Имѣя передъ глазами массы цитатъ изъ Метрики Литовской, читатель естественно предполагаетъ, что г. В. знакомъ не съ одними только именами сановниковъ и временемъ назначенія ихъ въ ту или иную должность, перемѣщенія съ одной должности на другую и временемъ кончины этихъ лицъ. Поэтому то мы съ большимъ любопытствомъ остановились на опредѣленіи г. В. состава Рады в. княжества литовскаго и затѣмъ характера отдѣльныхъ государственныхъ должностей.

„Составъ этой Рады", говоритъ г. Вольфъ „передъ окончательнымъ (?) упраздненіемъ ея на Люблинскомъ сеймѣ, былъ слѣдующій:

Католическіе епископы (biskupy), воеводы [между ними (?) староста жмудскій, каштеляны виленскій и трокскій (!), гетманъ наивысшій (!), маршалокъ земскій и маршалокъ земли волынской (!)]

Каштеляны (между ними: подканцлеръ, маршалокъ дворный и подскарбій земскій).

Придворные и земскіе чины (подчашій, крайчій, стольникъ, подскарбій надворный, мечникъ, чашникъ, хоружій земскій и дворный).

Маршалки.

Старосты и державцы.

Тивуны жмудскіе (?).

Повѣты (??!).

Князья и паны (?).

Если таковъ былъ составъ Рады передъ ея окончательнымъ упраздненіемъ, скажемъ мы, то весьма понятно, что Сигизмундъ Августъ эту Раду уничтожилъ.

Что ему оставалось дѣлать, если въ составъ Рады вошли не только всѣ князья литовскіе [а ихъ было въ Литвѣ передъ Люблинской уніей до 40 фамилій], но еще и паны. [Какіе паны, что за паны, г. Вольфъ не объясняетъ].

Мало того, въ составъ Рады, т. е. постояннаго великокняжескаго совѣта вступаютъ и юридическія лица, *повѣты*, т. е. *уѣзды!* Мы полагаемъ, что такого вторженія совершенно несогласимыхъ элементовъ было вполнѣ достаточно для разрушенія Рады.

Но г. Вольфъ скрылъ отъ читателей еще одну, и самую важную причину, подвинувшую короля Сигизмунда Августа на уничтоженіе Рады.

Г. Вольфъ не напечаталъ конца приведеннаго имъ документа.

Конецъ же этотъ, вслѣдъ за раздѣломъ „князья и паны", читается такъ: „*Вдовы*". Вообразимъ Сигизмунда Августа, вдовца по прежней женѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ составъ котораго *ex officio* входятъ вдовы!!!

Понятно, что ему не было иного выхода, какъ уничтожить Раду.

Но въ чемъ же однако дѣло?

Почему невольно приходятъ на умъ такіе невозможно-комическіе выводы?

Документъ г. Вольфа дѣйствительно заключаетъ всѣ титулы, приведенные выше, и оканчивается такъ, какъ мы только что указали.

Но что же это значить? Какимъ образомъ однако всѣ литовскіе князья, всѣ паны, повѣты и наконецъ вдовы оказываются членами Рады в. князя, членами литовскаго государственнаго совѣта? Мы знаемъ документы, подписанные членами Рады въ весьма значительномъ числѣ. Мы встрѣчаемъ среди членовъ этой Рады не только важныхъ, но и менѣе значительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ писарей в. князя или же державцевъ, встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Рады двѣ княжескія фамиліи Гедеминовичей, но ни на одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ документовъ намъ не удалось встрѣтить подпись какого либо пана *вообще,* или же повѣта, а тѣмъ менѣе вдовы.

Документъ на лицо, однако, и самъ г. В. не рѣшается ввести въ составъ Рады ни повѣты, ни вдовъ, ни пановъ, ни князей. Какимъ же образомъ г. Вольфъ рѣшился напечатать документъ съ такимъ страннымъ составомъ великокняжеской Рады?

Для отвѣта намъ необходимо ближе познакомить читателя съ тѣмъ документомъ, на который ссылается г. Вольфъ.

Дѣйствительно, въ актовой книгѣ „Публичныхъ дѣлъ" Метрики Литовской, на оборотѣ мы встрѣчаемъ документъ съ заголовкомъ: „Титулы пановъ радъ ихъ милостей".

Какой же смыслъ этого заголовка? Самый документъ не находится въ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ документомъ, нѣтъ въ немъ ни обозначенія мѣста выдачи его, ни числа,—а за приведеннымъ заголовкомъ начинается текстъ слѣдующаго содержанія: *князю Валеріану, бискупу виленскому, князю Юрію Юревичу Слуцкому* и т. д. 17 титуловъ разныхъ лицъ съ обозначеніемъ именъ, отчествъ и фамилій въ дательномъ падежѣ.

Затѣмъ—новый заголовокъ: „*Каштеляны*", и снова списокъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Далѣе другіе заголовки: *„врадники земскіе и дворные“* *„маршалки“*, *„до старость и державецъ“*, *„до Жомоити“*, *„повѣты“*, *„до княжатъ и панятъ“*, *„до вдовъ“*, сопровождаемые каждый спискомъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Такое содержаніе документа заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ передъ собою *не исчисленіе членовъ Рады в. княжества литовскаго,* а нѣчто иное.

Для выясненія истинной природы этого документа нѣтъ надобности ходить слишкомъ далеко. Въ той же книгѣ на листѣ 47 мы встрѣчаемъ подобный же заголовокъ: *„Титулы тивуновъ Жомоитскихъ“*, и затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе тивуновъ съ обозначеніемъ ихъ имени, отчества, фамиліи и званія, напр. князь, или же должности, напр., державца, и т. д.

Документъ на 47 листѣ находится въ прямой связи съ слѣдующимъ за нимъ документомъ, въ которомъ говорится о посылкѣ окладныхъ листовъ („листовъ поборовыхъ“) къ жмудскимъ тивунамъ.

Въ XIX книгѣ „Записей“ f. 258, мы встрѣчаемся съ совершенно такимъ же документомъ: князья, паны, воеводы, повѣты, слѣдуютъ одни за другими въ дательномъ падежѣ.

А въ заглавіи документа говорится: *„Листы по всему Королевству* (sic) *на войну противъ Московскаго царя.* На первѣй, Салтановичъ повезъ ихъ: до Мѣдникъ, до Ошмены и т. д., до Кнегини Мстиславское, до пана воеводы виленскаго“, и т. д.

Раскроемъ теперь любой изъ универсаловъ в. князя Сигизмунда Августа, и мы встрѣтимся со всѣми только что упомянутыми разрядами.

Отсюда, кажется, ясно, что приведенный г. Вольфомъ документъ есть ничто иное, какъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ нужно было адрессовать какіе либо окружныя посланія. Что документъ съ заглавіемъ „Титулы пановъ Радъ“ не можетъ считаться спискомъ членовъ государственнаго совѣта в. княжества литовскаго, это чувствуетъ смутно и самъ г. Вольфъ: онъ не только не приводитъ послѣдняго заголовка документа, но точно также устраняетъ изъ состава Рады не только повѣты, тивуновъ, князей, но даже старостъ (за исключеніемъ двухъ) и державцевъ.

На чемъ основано это исключеніе, г. Вольфъ не говоритъ, но что въ противность приведенному имъ документу—это всякому очевидно. Однако на основаніи именно этого документа построено все сочиненіе г. Вольфа: однѣ должности отнесены къ государственнымъ, другія—къ придворнымъ.

Между тѣмъ для опредѣленія состава Рады в. княжества литовскаго имѣется цѣлый рядъ печатныхъ уже документовъ.

Мы приведемъ нѣсколько данныхъ и притомъ лишь изъ документовъ XVI вѣка.

Въ 1506 году въ земской привилегіи Сигизмунда I въ *числѣ пановъ Радъ* мы видимъ *державцу* мречскаго и *державцу* ясвоинскаго.

Подъ 1509 годомъ въ составѣ Рады мы видимъ *старосту городенскаго* Станислава Петровича.

Подъ 1510 годомъ въ составѣ Рады находится *намѣстникъ* мельницкій.

Въ 1517 году мы встрѣчаемъ серебщизну (подать), опредѣленную для *пановъ Радъ*, которые перечислены слѣдующимъ образомъ: *бискупъ виленскій, бискупъ луцкій, бискупъ жомаитскій, панъ (каштелянъ) виленскій, гетманъ, воевода троцкій, маршалокъ великій, староста городенскій, воевода новгородскій, воевода полоцкій, маршалокъ дворный, воевода подляшскій, конюшій дворный.*

Подъ 1528—1529 годами мы имѣемъ королевское посланіе къ панамъ радамъ о представленіи ими жалованныхъ грамотъ, привилегій и т. д. Въ составѣ Рады мы находимъ *подкоморія, конюшаго.*

Для занимающаго насъ вопроса въ особенности характеренъ документъ отъ 1563 года іюня 7-го. Здѣсь, сверхъ католическихъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и иныхъ обычныхъ, членовъ Рады, мы видимъ *старосту житомірскаго, конюшаго дворнаго, писаря и конюшаго городенскаго, писаря державцу марковскаго и мядѣльскаго*,—но этого мало: приводимый нами актъ заключается слѣдующимъ образомъ: „И иные панове, маршалки, *старосты* и *врядники наши*, земскіе и дворные“.

1) Князь Янъ, бискупъ виленскій [1]), 2) князь Павелъ, бискупъ луцкій и берестейскій, 3) князь Николай, бискупъ жомоитскій, 4) Кгаштолтъ, воевода виленскій, 5) князь Костентинъ, воевода троцкій, 6) панъ виленскій (Юр. Мик. Радивилъ) [2]) 7) Янъ Яновичъ Заберезинскій маршалокъ земскій, державца марковскій, ошменскій и довкговскій [3]), воевода новгородскій, 8) Стан. Станиславовичъ (Яновичъ) п. троцкій, староста жомоитскій, 9) п. воевода кіевскій (Андр. Якубовичъ Немировичъ [4]), 10) п. Григорій (Григор.) Остыковичъ (крайчій) [5]), 11) п. Юрій Григоревичъ, воеводичъ троцкій (державца оникштенскій) [6]), воевода витебскій, маршалокъ, державца мстиславскій и радуньскій [7]), 12) п. Янъ Юревичъ Глѣбовичъ, 13) п. Янъ Миколаевичъ (Радивилъ) *подчашій* господарскій, 14) п. Станиславъ Миколаевичъ, *державца* пененскій, 15) п. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ (*староста* берестейскій), 16) п. Иванъ Андреевичъ, подскарбій дворный, 17) п. Александръ Салтановичъ (маршалокъ), 19) п. Миколай Миколаевичъ Кгесгайловича, 20) п. Матѣй Охмистровичъ (маршалокъ господарскій, староста волковыйскій) [8]), 21) панъ Богданъ Мартыновичъ Хребтовича (дворанинъ господарскій) [9]), 22) п. Василій Богдановичъ Чижъ, *конюшій* дворный, 23) п. Якубъ Михайловичъ Монтовтовича (воеводичъ троцкій), 24) панъ Павелъ Ивановичъ Сопѣга (мечный?), 25) п. Янъ Стецковичъ Цыбулька (маршалокъ господарскій, державца меньскій [10]), 26) п. Венцлавъ (Янушъ?) Костевичъ (воевода подляшскій, маршалокъ, державца

---

[1]) Державца житомірскій, съ 18 сентября 1525 г. Ср. Метр. Лит., Зап., XIII, 270.

[2]) Наши Документы и регесты, т. I, № 125.

[3]) М. Л., Зап. XIII, 382, отъ 1528 г., мая 1.

[4]) Ibidem, Зап. XV, 70.

[5]) Ibidem, Зап. XIV, 299 (b), отъ 27 мая 1527 г.

[6]) М. Л. Зап. XII, 390, отъ 1528 г.

[7]) Записи Метр. Лит. XII, 358, отъ 1527 г.

[8]) *Бершадскій*, Док. и рег., т. I №№ 120 и 121, отъ 1527 г. декабрь.

[9]) М. Л. Зап. XII, 336 „дворанинъ Нашъ" говоритъ король и в. князь, отъ 17 іюля 1528 г. Жена Бг. Хребтовича—княжна Горская. Обоимъ имъ король подтверждаетъ рядъ имѣній. ibid. 391 (b), отъ 20 іюня 1528.

[10]) Ibid., Зап. XIV, 195, отъ 1524, окт. 29.

ожскій и переломскій) [1]), 27) п. Юрій Немировичъ (маршалокъ дворный) [2]), 28) п. Миколай Немировичъ, 29) п. Станиславъ Щитъ [3]), 30) п. Миколай Пацевичъ (подкоморій) [4]), 31) п. Янъ Юревичъ (Илиничъ, державца мстиславскій [5]), 32) п. Иванъ Михайловичъ, староста пинскій, 33) п. Скопъ (Станиславъ Якубовичъ, писарь латинскій, державца скерстомоньскій и тендзинскій), 34) п. Петръ Станиславовичъ, воевода полоцкій [6]), 35) панъ Станиславъ Илиничъ (старостичъ берестейскій), 36) п. Богужъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій, 37) п. Копоть Васильевичъ (маршалокъ и писарь, державца жижморскій), 38) п. Ивашко Горностай (маршалокъ, намѣстникъ дорсунишскій), 39) п. Петръ Громыка (писарь, ключникъ виленскій, намѣстникъ свислоцкій), 40) п. Павелъ Нарушевичъ (писарь господарскій) [7]).

Затѣмъ въ нашемъ документѣ идетъ заголовокъ: „Второго реестру справа", а за нимъ перечисленіе различныхъ незначительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ, напр., Михаила Халецкаго державцы вруцкаго, Льва Чижевича, маршалка *пана старосты городенскаго*, ожаровскаго, *намъстника* князя бискупа виленскаго, Станислава Довойновича, коморника королевы, доктора Чиса, и цѣлаго ряда дворянъ государевыхъ.

Въ общемъ оглавленіи нашего документа оба эти заголовка соединены въ одно цѣлое подъ слѣдующимъ титуломъ: „*Почотъ*

---

[1]) Ibid., XIV Зап., 54, отъ 8 марта 1524 г.

[2]) Ibid., Зап., XII, 101 (b). По челобитью державцы Любошанскаго п. Юрья Немировича даетъ ему маршальство, „которое отъ насъ держалъ старостичъ жомоитскій п. Миколай Станиславовичъ" въ Краковѣ, 1523 года, іюня 18. „Маетъ онъ въ томъ врядѣ будучи на дворѣ Нашомъ Господарскомъ справовати какъ иншіи маршалки".

[3]) Ibid., Зап. XV, 31. „Панъ Станиславъ Щитъ, а братъ его Миколай Щитъ — маршалокъ"; отъ 1526 г.

[4]) Ibid. Зап., XII, 364.

[5]) М. Л. Зап. XII, 397, отъ 15 авг. 1528, въ Вильно. Ему же снова грамота на державу мстиславльскую и радомильскую 15 авг. 1528 г., вл. и держава мстиславская дана и со всими дворы и фольварки *того замку нашого* и съ корчмою и присудили (sic), кромъ дани медовое и грошовое.

[6]) Док. и регесты т. I, № 129. Ср. М. Л. Зап. XV, 69 (b), отъ 1529 (?) г., гдѣ Петр. Стопъ названъ воеводою полоцкимъ, старостою дорогобузскимъ.

[7]) М. Л. Зап. XII, 180, отъ 1524 г., іюля 4, также Зап. XIV, 50 (b).

пановъ Радъ ихъ милости и врядниковъ, также дворянъ Господарскихъ и нѣкоторое шляхты значнѣйшое". Затѣмъ, въ оригиналѣ слѣдуетъ: „То реестръ почтовъ княжецкихъ" (?) „Реестръ сумы паней и вдовъ *воеводиныхъ и старостиныхъ*, многихъ княжнъ и паней" (f. 7). „Повинность ѣхати на службу военную нѣкоторое шляхты, повѣтъ виленскій, повѣтъ троцкій, татарове, воеводство подляшское, Волынь, земля Жомоитская".

Во всѣхъ этихъ спискахъ, дающихъ намъ *всю* наличную шляхту в. княжества литовскаго, мы не видимъ государственныхъ сановниковъ въ рядахъ мѣстной шляхты. Только на Волыни встрѣчаемъ двухъ старостъ луцкаго и володимерскаго, да *вновь* записанъ подскарбій земскій Богушъ Боговитиновичъ.

А такъ какъ законъ, въ силу котораго появился цитируемый нами документъ былъ изданъ по случаю войны, перечисленіе же шляхты сдѣлано на основаніи земскихъ книгъ и „каждый князь и панъ зъ большихъ становъ и до меншихъ на имя описаны суть", то понятно, что иныхъ государственныхъ сановниковъ, кромѣ обозначенныхъ въ приведенномъ выше „почтѣ пановъ Радъ, ихъ милостей", не было и не могло быть.

Поэтому мы вправѣ утверждать, что въ приведенномъ нами спискѣ поименованы всѣ паны Рады.

Только что приведенный списокъ членовъ Рады в. княжества литовскаго не включаетъ въ себѣ ни князей, ни повѣтовъ, ни пановъ, вообще, ни вдовъ; но взамѣнъ ихъ мы найдемъ въ этомъ спискѣ много такихъ лицъ, которыхъ г. Вольфъ почему то не удостоиваетъ помѣстить въ число членовъ Рады, между тѣмъ какъ они несомнѣнно были таковыми.

Прежде всего католическіе епископы (бискупы).

Г. Вольфъ не признаетъ ихъ, въ противность собственному же документу, членами Рады, такъ какъ списокъ сенаторовъ начинаетъ прямо съ воеводъ.

Но почему же такая обида бискупамъ?

Мы видимъ, что католическіе епископы засѣдаютъ вмѣстѣ съ прочими членами Рады на сеймахъ, и при томъ на первомъ мѣстѣ; наравнѣ съ другими участвуютъ въ пограничныхъ коммиссіяхъ,—разбираютъ по порученію в. князя совершенно свѣт-

скія дѣла. Мало того, бискупы наравнѣ съ прочими членами Рады получаютъ отъ в. князя староства и управляютъ ими. Объясняются эти факты тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе бискупы происходили отъ знатныхъ литовскихъ фамилій и весьма часто до принятія духовнаго сана занимали болѣе или менѣе выдающіяся государственныя должности, такъ напр. Вежкгойло, Фальчевскій, Нарушевичъ и т. д.

Помимо этихъ важнѣйшихъ сановниковъ, г. Вольфъ исключилъ также совершенно произвольно изъ числа членовъ Рады Гедеминовичей—князей Слуцкихъ и князей Вишневецкихъ. По крайности, о нихъ, какъ членахъ Рады, мы не встрѣчаемъ въ книгѣ г. Вольфа ни слова.

Также неосновательно исключены имъ старосты и державцы главнѣйшихъ в. княжескихъ волостей, писаря и затѣмъ придворные чины: маршалки, подкоморій, крайчій, мечникъ, конюшій.

Правда, у г. Вольфа трудно понять, кто принадлежитъ къ Радѣ и кто нѣтъ.

Придворныхъ чиновъ мы встрѣчаемъ подъ названіемъ сановники (dignitarze) и далѣе г. Вольфъ говоритъ, что они принадлежали къ Радѣ, но если такъ, то спрашивается: что же значитъ выдѣленіе въ особый *сенаторскій* отдѣлъ; воеводъ, каштеляновъ и министровъ (!).

Но допустимъ, что придворные чины присчитаны къ Радѣ; спрашивается, куда же исчезли изъ Рады паны, князья, тивуны жмудскіе и повѣты? Почему они исключены изъ числа членовъ Рады?

Изъ всего нами сказаннаго, кажется, совершенно ясно, что обширный трудъ г. Вольфа не имѣетъ, по крайности для времени до Люблинской уніи, никакого твердаго отправнаго пункта.

Поэтому, въ противность увѣреніямъ г. В., что литовскій сенатъ (?) сложился въ промежутокъ между первою уніей въ Городлѣ и окончательной уніей въ Люблинѣ (стр. 2), мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что если литовскій сенатъ и сложился въ указанное время, то составъ этого сената остался совершенно неизвѣстенъ г. Вольфу.

Если такимъ обр. составъ центральнаго государственнаго учрежденія г. В. неизвѣстенъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей опредѣленъ г. В. также неудовлетворительно.

Возьмемъ для примѣра должность намѣстника:

На страницѣ 2 г. В. говоритъ: (около 1471 г.) „провинціями (?) управляютъ намѣстники, назначенные королемъ и независимые отъ воеводъ?"

Отлично.

Но что же разумѣетъ г. В. подъ провинціей?

Воеводство, староство, землю, повѣтъ?

Неизвѣстно.

Относительно же воеводъ мы встрѣчаемъ слѣдующее разъясненіе (стр. 7). Воеводы въ Литвѣ, учрежденные по образцу польскихъ [1]), являются *намѣстниками провинціи*, суть совѣтники короля и судьи. Неугодно ли понять послѣ этого, что такое намѣстникъ, что такое воевода? Съ одной стороны намѣстникъ независитъ отъ воеводы, съ другой—воевода есть самъ намѣстникъ!

Возьмемъ другой примѣръ.

„Великій маршалокъ, говоритъ г. В., былъ не только министромъ двора, но еще министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, потому что стоялъ во главѣ правосудія и администраціи страны."

Приведенное только что опредѣленіе стоитъ въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно о внутреннемъ устройствѣ Литвы, что остается только пожалѣть, что г. В. не привелъ, хотя бы изъ Метрики Литовской, которая ему такъ прекрасно извѣстна, тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ построено опредѣленіе имъ обязанности маршалка земскаго. Это было бы, въ высшей степени поучительно!

Насколько намъ извѣстно, управленіе Литвы въ XV и XVI в. отличалось самою широкою децентрализаціею. Единственнымъ центральнымъ органомъ управленія для всей Литвы служили время отъ времени происходившія засѣданія Рады. *По-*

---

[1]) Почему польскихъ? Развѣ древняя Русь не знала воеводъ?

стоянныхъ же органовъ центральнаго управленія вовсе не существовало. Всякая земля, входившая въ составъ в. княжества литовскаго, управлялась своими мѣстными властями, на основаніи жалованныхъ грамотъ и мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, различныхъ для Волыни, Жмуди, Полоцка и т. д.

Поэтому въ литовскомъ государственномъ организмѣ этого времени совершенно напрасно было бы искать чего либо сходнаго съ началами министерскаго управленія.

Но если даже допустить, что въ Литвѣ до Люблинской уніи существовали министры, то спрашивается, какого рода функціи маршалка земскаго даже въ самой отдаленной степени могутъ быть приравнены къ функціямъ современныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ?

Мѣры внутренней безопасности, какъ напр. надзоръ за передвиженіемъ народонаселенія, за бѣглыми, подозрительными и лихими людьми, наблюденіе за безопасностію движенія по дорогамъ, охраненіе спокойствія и порядка въ населенныхъ мѣстностяхъ, предупрежденіе заразительныхъ болѣзней, пожаровъ и т. п., всѣ эти мѣры осуществлялись самостоятельною дѣятельностію мѣстныхъ властей: воеводъ, старостъ, войтовъ, старцевъ, десятниковъ, подорожниковъ, выводныхъ и т. д.

Мѣры внутренняго благосостоянія, насколько они сознавались въ XVI в. осуществлялись точно также отчасти мѣстными властями, отчасти заботами церкви и частныхъ союзовъ, въ родѣ братствъ, цеховъ и т. д. Устройство и содержаніе школъ, больницъ, богадѣленъ, гостинныхъ дворовъ, складочныхъ мѣстъ, рынковъ, мостовъ, перевозовъ, организація призрѣнія бѣдныхъ и т. д.— все это совершилось по почину мѣстности безъ всякаго вмѣшательства и контроля какихъ бы то ни было административныхъ органовъ государственной власти.

Въ этомъ отсутствіи публичнаго элемента можно видѣть недостатокъ, но отвергать существованіе именно такого порядка вещей, на нашъ взглядъ, совершенно невозможно.

Если великій маршалокъ не былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то равнымъ образомъ онъ не могъ быть и министромъ юстиціи.

Правда, на маршалкѣ великомъ и на маршалкѣ дворномъ лежали опредѣленныя судебныя функціи, но съ этой стороны они обое могутъ быть приравнены никакъ не къ министрамъ, а всего скорѣе къ англійскимъ путешествующимъ судьямъ или же къ missi dominici Каролинговъ.

До установленія въ 30 гг. XVI в. ежегодныхъ засѣданій Рады въ опредѣленные сроки, съ спеціальною цѣлью ревизіи вершонныхъ дѣлъ и рѣшенія въ первой инстанціи дѣлъ тѣхъ особъ, „которые въ повѣтахъ не судятся", маршалки, съ особою коммиссіею, разрѣшали всѣ только что указанныя дѣла, путешествуя изъ одного мѣста Литвы въ другое [1]).

Если обязанности маршалка *дворнаго* и подходятъ нѣсколько къ положенію и обязанностямъ современныхъ *министровъ двора*, то все таки мы не видимъ изъ сочиненія г. В., въ чемъ и на сколько существовало такое сходство. И съ этой стороны мы видимъ ничѣмъ недоказанныя утвержденія. Между тѣмъ изъ актовыхъ книгъ Метрики можно было бы указать, что маршалкамъ дворнымъ принадлежало *право* присутствовать при отчетахъ управляющихъ дворцовыми имѣніями, право и обязанность предводительствовать в. княжескими дворянами и т. п.

Но если, какъ мы видѣли, опредѣленіе должности маршалка великаго не удалось г. Вольфу, то быть можетъ ему удается опредѣлить точнѣе обязанности маршалка дворнаго и вообще выяснить значеніе этой должности въ литовскомъ государственномъ строѣ.

---

[1]) Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, приведемъ одинъ образчикъ состава такой коммиссіи: по жалобѣ могилевской волости, король Сигизмундъ I іюля 1, 1536 г. распоряжается для разбора претензій: „З рамени Нашого Господарского казали того межи ними досмотрѣти комиссарамъ нашамъ, которые при дворѣ нашомъ судятъ: *Маршалку* Нашому Князю Андрею Михайловичу Коширскому, Конюшому дворному и держ. Кричовскому и Ахинскому и Вел. Бгд. *Чижу, тивуну Виленскому*, держ. Ушп. Пенялъ и Радун. *Ш. Мацковичу, Городничому Городенскому* князю Одинцевичу и Секретарю Нашому латинскому, державци Скертомольскому п. *Павлу Нарушевичу*". Эта коммиссія сопровождала короля въ его путешествіи по Литвѣ.—Достаточно раскрыть для примѣра М. Л. Суд. Д. кн. III, чтобы на каждой страницѣ встрѣтить маршалка земскаго (великого) Яна Миколаевича, судящаго то въ Вильнѣ (f. 129), то въ Полоцкѣ (130 b), Слонимѣ (134), Брестѣ (1 b) и т. д.

„Маршалки надворные, потомъ (?) дворные", говоритъ г. Вольфъ, „первоначально были частными министрами (ministrami priwatnemi) и начальниками иныхъ придворныхъ чиновъ. Впослѣдствіи (sic) маршалокъ дворный сталъ замѣстителемъ маршалка великаго".

Существовали еще иные маршалки: „маршалки двора или дворскіе, по польски королевскіе, или его королевской милости, по русски господарскіе, а обыкновенно называвшіеся просто маршалками,—до учрежденія королемъ Александромъ специальныхъ (właściwych) маршалковъ надворныхъ исполняли ихъ обязанности. Въ это время они были частными министрами государя и начальниками придворнаго штата. Послѣ учрежденія маршалковства дворнаго титулъ маршалка сдѣлался только (?) почетнымъ, не соединяющимъ съ собою никакихъ правъ. Однако (!) до самой уніи 1569 г. эти маршалки имѣли право засѣдать въ Радѣ в. княжества; а въ служебной іерархіи маршалки шли сейчасъ же за земскими и придворными чинами, но выше старостъ и державцевъ".

Итакъ, со времени короля Александра, т. е. съ 1501 г. появляется должность особаго маршалка надворнаго или дворнаго, строго отличаемая г. В. отъ должности маршалковъ двора или дворныхъ? Прекрасно. Но какимъ же образомъ Гр. Ст. Остыковичъ становится маршалкомъ дворнымъ уже въ 1494, т. е. когда Александръ Ягеллонъ былъ всего только в. княземъ литовскимъ? Далѣе. По словамъ самого же г. В. должность маршалка дворнаго была выше должности просто маршалка, такъ что если бы кто либо занималъ эту должность, то обращеніе его въ маршалки, безъ титула, было бы, такъ сказать, разжалованіемъ. По собственнымъ же словамъ г. В., Г. С. Остыковичъ „Маршалокъ господарскій, намѣстникъ Оникштенскій, *назначенъ* маршалкомъ дворнымъ въ іюлѣ 1494 г." „1494 г. іюня 29 онъ только маршалокъ, а 16 іюля 1494 г. маршалокъ дворный".—Все это совершенно согласно съ источниками. Но какъ объяснитъ г. Вольфъ слѣдующее свидѣтельство актовъ: іюня 14, года 1494 (Зап. V, 18) Гр. С. Остыковичъ бьетъ в. князю челомъ, какъ *маршалокъ дворный*, а 1496 г. ноября 12 (З. VI, 88) тотъ же Г. С. Осты-

ковичъ титулуется снова просто *маршалкомъ*? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что различія между маршалками дворными и просто маршалками вовсе не существовало? Иначе, какъ объяснить, что Остыковичъ 14 іюня маршалокъ дворный, 29 іюня того же года—*просто* маршалокъ, 16 іюля снова маршалокъ дворный, а черезъ два года опять *просто* маршалокъ?

Не будемъ останавливаться на непонятномъ для насъ опредѣленіи „частный министръ", такое сочетаніе словъ, по нашему мнѣнію, невозможно, т. к. есть contradictio in adjecto. Но предположимъ, что даже были такіе частные министры, то все таки спрашивается, какимъ образомъ въ то время, когда эта должность, по словамъ самого г. В., не была еще просто титулярною, напр. при королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ, существовало заразъ четыре маршалка?

Намъ кажется, что и въ теченіи всего времени до Люблинской уніи должность маршалка не была простымъ титуломъ, что не говоря о весьма важномъ правѣ засѣдать въ Радѣ в. княжества литовскаго, на маршалкахъ лежали еще и иныя весьма существенныя и не титулярныя только обязанности.

Но объ этомъ въ другой разъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что г. Вольфъ весьма охотно переноситъ на Литву XVI вѣка представленія, которыя были бы умѣстны только для Польши того времени.

Такъ напр., предполагая совершенно основательно, что уже въ началѣ XVI в. принятіе еврея, хотя бы и католика, въ среду польскаго сената дѣло почти невозможное, г. В. думаетъ, что подобнаго же рода трудности существовали и въ Литвѣ.

„Метрика Литовская, говоритъ г. В. (стр. 21), не сохранила намъ акта о назначеніи Аврама въ должность подскарбія земскаго, а современные источники *упорно* молчатъ не только о подробностяхъ событій (?!), которыя д. б. сопутствовать этому назначенію, но *какъ бы умышленно* не дѣлаютъ упоминанія и о самомъ Аврамѣ Езофовичѣ (?) Во всякомъ случаѣ это назначеніе не могло быть хорошо принято панами и ему *несомнѣнно сопутствовали* энергическіе протесты съ ихъ стороны". На чемъ основываетъ г. Вольфъ свои слова мы не знаемъ, ника-

кихъ актовъ изъ Метрики въ подтвержденіе ихъ онъ не приводитъ.

Мы же беремъ на себя смѣлость утверждать, что всѣ эти соображенія и предположенія г. Вольфа не только голословны, но стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ данными Метрики Литовской.

Что въ Метрикѣ не сохранилось акта о возведеніи Авр. Езофовича въ должность подскарбія в. княжества литовскаго, этому, мы полагаемъ, менѣе всѣхъ долженъ удивляться г. Вольфъ, такъ какъ въ его же спеціальномъ трудѣ о сенаторахъ и сановникахъ литовскихъ мы не видимъ, чтобы такого рода акты сохранились не только для предшественниковъ Аврама Езофовича, но и для цѣлаго ряда его преемниковъ.

Акты Метрики Литовской не сохранили, напр., назначеній въ должность ни Богуша Боговитиновича, ни Ивана Горностая, ни Остафія Богдановича Воловича. Неужели же и противъ нихъ имѣла что нибудь Метрика Литовская?

Мы не знаемъ, о какихъ современныхъ Авраму Езофовичу актахъ говоритъ г. Вольфъ, но извѣстные намъ источники литовской исторіи, въ родѣ лѣтописцевъ, скудны свѣдѣніями о многихъ и гораздо болѣе важныхъ событіяхъ, чѣмъ назначеніе въ должность того или инаго подскарбія.

Можемъ ли мы, напр., сказать съ точностью, каковъ былъ характеръ религіозныхъ притѣсненій короля Александра Литовской Руси, на которыя ссылаются отъѣзжающіе въ Москву князья?

Каковы были ближайшія причины бунта князя Михаила Глинскаго, каково было отношеніе къ нему народонаселенія и т. д.?

Если объ этомъ молчатъ лѣтописцы, то что же удивительнаго, что они не вѣдаютъ объ Аврамѣ Езофовичѣ?

Для насъ также совершенно не понятны предположенія г. В. о непремѣнной враждебности къ Авраму Езофовичу членовъ Рады в. княжества литовскаго.

Обращаясь къ актамъ, мы, напротивъ, видимъ, что отношенія выдающихся членовъ Рады къ Авраму Езофовичу какъ до

возведенія его въ должность подскарбія, такъ и послѣ этого событія были дружественныя; напр., въ 1506 г. *первый членъ Рады виленскій католическій епископъ Войтекъ* ходатайствуетъ передъ в. княземъ, чтобы онъ „не рушилъ“ Аврама Езофовича съ откупа, обѣщаннаго ему королемъ Александромъ.

Въ 1509 г. другой магнатъ—воевода трокскій Николай Николаевичъ Радивилъ ходатайствуетъ у короля объ оказаніи Авраму Езофовичу какой либо милости. „Абыхмо, говоритъ король, чимъ его смотрѣли и пожаловали“.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность подскарбія, Аврамъ Езофовичъ настолько сближается съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Литвы, Юріемъ Ивановичемъ Иличемъ, старостою берестейскимъ, что этотъ послѣдній просватываетъ свою дочь за сына Аврама Езофовича.

Наконецъ, первое лицо въ Литвѣ послѣ в. князя, знаменитый Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштолтъ соглашается быть душеприкащикомъ Аврама Езофовича.

Трудно допустить, чтобы враждебныя отношенія, энергическіе протесты могли бы въ какіе либо 7—8 лѣтъ обратиться въ дружественныя и даже родственныя.

Трудно предположить подобную перемѣну, потому что вообще отношенія между членами Рады далеко не были пріязненными.

Враждуютъ старѣйшіе члены Рады между собою и въ то же время непріязненно косятся на младшихъ.

Въ 1517 г., напр., О. М. Гаштолтъ, воевода трокскій, заявляетъ в. князю, что въ виду своей жестокой ссоры („мерзячки“) съ воеводою виленскимъ, канцлеромъ в. княжества литовскаго Н. Н. Радивиломъ, онъ опасается („не безпеченъ“) посѣщать засѣданія Рады.

Король для обезпеченія жизни и здоровья своихъ поссорившихся совѣтниковъ назначаетъ штрафъ въ 20,000 копъ литовскихъ грошей (около 1,500,100 руб.) на того изъ нихъ, кто осмѣлится позволить себѣ по отношенію къ противнику какія либо насильственныя дѣйствія.

Эти враждебныя отношенія между членами Рады не только носили хроническій характеръ, но подчасъ выражались въ крайне

непривлекательныхъ формахъ. Такъ напр. [1]), князь Михаилъ Глинскій жалуется королю Александру, что Янъ Заберезинскій, воевода трокскій, подкупаетъ дворянина королевскаго Коликрайтера „нашедши часъ подобный, забить“ его, Глинскаго.

Поэтому в. князю не только приходится постоянно возвышать „заруку“, но и грозить непослушнымъ смертною казнію, если бы они, полагаясь на незначительность своего имѣнія сравнительно съ цифрою назначеннаго штрафа, дерзнули бы нарушить повелѣніе в. князя [2]).

Обыкновенно же в. князь предпочиталъ отдавать на время своего отсутствія изъ Литвы слабѣйшихъ членовъ Рады подъ покровительство сильнѣйшихъ, какъ это, напр., мы видимъ въ 1536 г. окт. 29, когда король и в. князь Сигизмундъ I, уѣзжая въ Польшу, отдаетъ подъ покровительство Яна Заберезинскаго, воеводы виленскаго, никого инаго, какъ одного изъ ближайшихъ преемниковъ Аврама Езофовича, а именно подскарбія земскаго Ивана Горностая [3]).

Несмотря на усиливающееся въ Литвѣ вліяніе внѣшней цивилизаціи, сношенія между членами Рады долгое время сохраняютъ не только рѣзкій, но прямо безобразно грубый оттѣнокъ.

Мы видимъ, что за два года до Люблинской уніи тотъ же подскарбій земскій Ив. Горностай благодаритъ Іеронима Ходкевича за обѣщаніе ему помощи противъ п. виленскаго, который грозился Горностая „бить и за бороду рвать“.

Мы привели на выдержку лишь нѣсколько случайно попавшихся намъ фактовъ.

Очевидно, что если бы Аврама Езофовича встрѣтило враждебное настроеніе тѣхъ или иныхъ членовъ Рады, то, вѣроятно, сохранились бы въ Метрикѣ, хотя какіе нибудь, слѣды этой вражды; но ничего подобнаго, ни малѣйшаго намека мы не встрѣчаемъ въ актовыхъ книгахъ.

---

[1]) М. Л. Зап. VI, 459.

[2]) М. Л. CDII, 222. Пакъ ли бы который, думаючи на малость имѣній своихъ, смѣлъ... напротивко уставы е. м. вчинити... король е. м. маетъ имѣнемъ карати,... *„а дастолы тое заруки на горлѣ выступного смотрѣти“*.

[3]) М. Л. Зап. XIX, 275.

Мы видимъ, напротивъ, что *сейчасъ же по вступленіи* въ должность, Аврамъ Езофовичъ подписывается вмѣстѣ съ другими членами Рады подъ болѣе важными документами, вмѣстѣ съ писаремъ контрассигнуетъ по предметамъ своего вѣдомства менѣе важныя распоряженія.

Видимъ его членомъ судебныхъ коммиссій; король даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и иныя болѣе деликатныя порученія, какъ напр., въ 1517 г. поручаетъ ему уговорить вдову п. Литавора Хребтовича не препятствовать своей дочери вступить въ бракъ по ея свободному выбору и т. д.

Въ виду приведенныхъ нами фактовъ, едва ли нужны дальнѣйшія доказательства, что предположеніе г. Вольфа о враждебности къ Авраму Езофовичу литовскихъ вельможъ ровно ни на чемъ не обосновано.

Если мы неправы, то предлагаемъ г. Вольфу доказать свои слова какими либо документами.

Разъ не было розни между Авр. Езофовичемъ и его сотоварищами по Радѣ, то и не было повода Авраму Езофовичу оказывать королю Сигизмунду поддержку на Петроковскомъ сеймѣ, гдѣ, какъ утверждаетъ г. В., Аврамъ Езофовичъ „въ противуположность литовскимъ панамъ, стремившимся къ сепаратизму (sic), принялъ сторону короля".

Утвержденіе это г. В. основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что сейчасъ же по вступленіи Аврама Езофовича въ должность подскарбія, „на сеймѣ въ Петроковѣ постановлено (?), чтобы в. к. литовское и Пруссія участвовали совмѣстно съ Польшей въ податяхъ, установленныхъ для общаго блага или для такъ наз. Рѣчи Посполитой".

Раскрываемъ Volumina legum, т. I, f. 366, на который ссылается г. Вольфъ.

Что же мы видимъ?

Буквально слѣдующее:

„*О присоединеніи Литвы и Пруссіи къ платежу коронныхъ податей*".

„Такъ какъ признано всѣми, что соединенная сила бываетъ и значительнѣе и прочнѣе, чѣмъ раздѣленная; (то) *Мы* (т. е.

король) *обѣщаемъ позаботиться* (promittimus Nos operam daturos), чтобы в. княжество литовское и земли прусскія и иныя земли, лежащія въ границахъ королевства, были соединены во едино и, насколько то возможно будетъ въ дѣйствительности, чтобы всѣ сообща несли общія тягости, чтобы всѣми была принята одинаковая монетная единица, въ особенности же, *когда для всего этого устроимъ* для обоихъ названныхъ государствъ (Литвы и Пруссіи) общій сеймъ" [1]).

Изъ текста, кажется, ясно видно, что дѣло идетъ не объ установленіи налоговъ, а лишь о королевскомъ обѣщаніи позаботиться о реальномъ соединеніи съ Польшей Литвы и Пруссіи. При чемъ же здѣсь могъ быть Аврамъ Езофовичъ, при чемъ сепаратизмъ пановъ литовскихъ? Гдѣ же усмотрѣлъ г. Вольфъ установленіе налоговъ, общихъ для всей „Рѣчи Посполитой"?

Тѣмъ болѣе приходитъ на умъ этотъ вопросъ, что *ни въ одномъ изъ постановленій Петроковскаго сейма 1510 г. нѣтъ и рѣчи о налогахъ.*

Въ виду этого нѣтъ, кажется, надобности останавливаться на психологической несообразности въ поведеніи Аврама Езофовича, несообразности, которая необходимо вытекаетъ изъ утвержденій г. Вольфа.

Черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія въ должность, при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, при нерасположенности и т. д. членовъ Рады, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ не менѣе становится самъ, по своей доброй волѣ, въ открыто враждебныя отношенія со всѣми или съ большинствомъ членовъ Рады.

---

[1]) V. l., т. I, f. 366. Constitutiones conventus Petrokoviensis 1510. *De uniendis Lithvaniae et Prussiae Terris, ad ferenda onera Regni.*

Cum compertum ab omnibus habeatur, quod virtus unita fortior solidiorque esse consvevit, ipsa divisa: promittimus Nos operam daturos, ut Mag. Ducatum Lithvaniae, Terrasque Prussiae, et alias terras in finibus Regni consistentes ad unionem redegamus; et quantum possibile factu erit, omnibus communia, communiter ferenda, simulac monetam aequalem communiter recipiendam imponemus: praesertim, dum Conventum utrisque Dominiis praefatis ob hoc percifiendum constituerimus.

Не слѣдуетъ ли искать причины такого явнаго недоразумѣнія въ томъ, что г. В. вмѣсто Volumina legum прибѣгнулъ къ Скарбцу г. Даниловича?

Помимо внутренней несообразности такого поступка, существуетъ еще одна важная причина, почему Аврамъ Езофовичъ не могъ оказывать поддержки королю на Петроковскомъ сеймѣ. Въ Петроковѣ въ 1510 г. происходило засѣданіе *польскаго,* а не литовскаго сейма.

Да къ тому же Аврамъ Езофовичъ находился не въ Петроковѣ, а въ Литвѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ расходныхъ книгъ короля польскаго, в. князя литовскаго Сигизмунда I. Мы видимъ здѣсь, что ассигновки изъ Петрокова отъ февраля мѣсяца 1510 г. идутъ черезъ руки не Аврама Езофовича, а писаря Богухвала; но этого мало, самъ король упоминаетъ 29 ноября 1510 года, что Аврамъ Езофовичъ, *будучи подскарбіемъ,* пріѣхалъ къ нему въ Краковъ (изъ Литвы) только въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Третью главу своего этюда г. Вольфъ открываетъ слѣдующими словами: „Въ то время самыми знаменитыми евреями въ Литвѣ были три брата Езофовичи изъ Бреста: Абрагамъ, Михель и Айзакъ".

Остановимся на этой небольшой фразѣ: что ни слово, то недоумѣніе! Прежде всего, о какомъ времени говоритъ г. Вольфъ? Что понимаетъ онъ подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „тогда", „въ то время"?

Если г. В. говоритъ о времени до 1495 г., какъ можно предполагать изъ текста, то слова его невѣрны въ томъ отношеніи, что до 1495 г. акты Метрики Литовской ни разу не говорятъ о Михелѣ, одинъ разъ упоминаютъ объ Айзакѣ и два раза объ Аврамѣ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ вскользь.

Знаменитѣйшими же евреями въ это время были совершенно иныя лица, какъ напр., Левонъ Шаломичъ [1]), Зубецъ, Симха, Рабчикъ [2]), Содко и Шамонъ Даниловичи, Самодыка, Рижко [3]) Мордеча Гадаевичъ, Перко Юдиничъ [4]), Меровидъ и Израель [5]) и т. д.

[1]) Док. и рег. № 5, № 13.

[2]) Ibid. № 9.

[3]) Ibid. № 10 13.

[4]) Idid. № 11.

[5]) Ibid. № 24.

Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Вольфъ однако ссылается на документы изъ Метрики Литовской (т. е. правильнѣе „Док. и рег." № 60, 119 (b), 159) которые всѣ относятся не только къ XVI ст., но самый ранній изъ нихъ помѣченъ 1513 г.

Опираясь на эту ссылку, мы въ правѣ предположить, что г. Вольфъ подъ словами „въ то время" понимаетъ XVI ст. и притомъ не ранѣе 1513 г.

Дѣйствительно, въ это время самыми богатыми евреями въ Литвѣ были братья Езофовичи изъ Бреста: Михель и Айзакъ.

Но Аврамъ Езофовичъ въ это время, т. е. въ 1513 г. былъ не только христіаниномъ, но подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады в. княжества литовскаго, поэтому зачислять его въ еврея едва ли правильно.

Не смущаясь нисколько, или, быть можетъ, и не подозрѣваи этихъ противорѣчій [3]), г. Вольфъ спокойно повѣствуетъ далѣе, что, по всей вѣроятности, (*еврей*) Аврамъ Езофовичъ до катастрофы 1495 г. занималъ должность ковенскаго городничаго и что декретъ объ изгнаніи евреевъ заставилъ его явиться въ Вильно для представленія отчетовъ съ имѣній (dzierżow) (!?), которыя находились у него въ рукахъ.

Болѣе мы ничего и не узнаемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ до 1506 г., такъ какъ, по словамъ г. Вольфа, и въ современныхъ источникахъ мы совершенно не встрѣчаемъ слѣдовъ его дѣятельности въ теченіи *послѣдующихъ 10 лѣтъ.*

Вотъ какъ скупа Метрика для Аврама Езофовича! Между тѣмъ, если бы г. Вольфъ потрудился внимательнѣе изучить *только изданные нами документы,* хотя бы даже за то время,

---

[3]) Любопытно однако то обстоятельство, что, приводя документы изъ Метрики, г. Вольфъ на этотъ разъ, въ противность своему обыкновенію, не указываетъ датъ, между тѣмъ какъ обозначеніе года этихъ документовъ сразу показало бы читателю то время, о которомъ говоритъ г. Вольфъ. Мы пополнимъ этотъ пробѣлъ и приведемъ время документовъ въ той послѣдовательности, какъ документы помѣщены у г. Вольфа.

Г. Вольфъ: № 7, f. 585 (Д. и р. № 60) отъ 27 февр. *1514 г.*; *№ 12, f. 365* (Д. и р. № 119) отъ 7 авг. *1527 г.*; *№ 15, f. 109* (Д. и р. № 69) отъ 28 сент. *1519 г.*; *№ 17, f. 454* (Д. и рег. № 159) отъ декабря *1535 г.*

для котораго онъ ими пользовался, то не только братья Езофовичи не стали бы самыми извѣстными евреями конца XV столѣтія, но и біографія Аврама Езофовича могла бы получить гораздо большую точность и опредѣленность.

Что же касается молчанія Метрики о жизни Аврама Езофовича въ теченіи 10 лѣтъ съ 1495 г., то объ этомъ ниже.

С. А. Бершадскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОРЧЕННАЯ.

(Бытовая повѣсть).

(Окончаніе) [1].

IV.

Потянулись скучные дождливые дни глубокой осени. Въ низенькой хатѣ дядыны Оксаны было сумрачно и темно; дождь докучливо барабанилъ въ стекла небольшихъ низенькихъ оконъ, а вѣтеръ жалобно завывалъ въ одинокой трубѣ.

Дядына Оксана мыла бѣлье, съ помощью „наймычки" Одарки, нанятой Петромъ, а Ганна, еще очень слабая и блѣдная, сидѣла у окна и торопливо вышивала дядынѣ сорочку. Изрѣдка она задумывалась и тревожно посматривала на грязную улицу.

— Засвиты, доню, каганецъ,—ласково сказала дядына Оксана, обращаясь къ Ганнѣ:—бо вже ничого не выдно въ хати. Та й ты тамъ щось слипаешъ поночи!

— Заразъ...

Ганна встала и направилась въ сѣни за „каганцемъ". Только что она протянула худую руку къ полкѣ, гдѣ помѣщались разные хозяйственные пожитки, какъ дверь со двора шибко распахнулась и на порогѣ показалась стройная, молодцоватая фигура Петра.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", августъ.

У Ганны сильно забилось сердце и она замерла на мѣстѣ съ протянутой рукой. Вся кровь сразу бросилась ей въ лицо, потомъ отхлынула до послѣдней капли, и она стояла блѣдная, какъ полотно; только ея черные, глубокіе глаза блестѣли, какъ раскаленные угольки... Она въ неподдѣльномъ смущеніи отвернула лицо и прислонилась къ стѣнкѣ, чтобы не упасть.

— Що ты робышъ, Ганно?—раздался за ея спиной симпатичный голосъ Петра.

— Шукаю каганця,—отвѣчала дѣвушка тихо, стараясь не смотрѣть на него.

— А ось стрывай, лышень, то я тоби поможу!

Она молчала, а онъ, порывшись на полкѣ, подалъ ей „каганецъ“ и прошелъ въ хату.

Ганна тяжело вздохнула и задумчиво смотрѣла въ слѣдъ уходящему парню.

— Боже, якый винъ щырый, та гарный!—чуть слышно произнесла она, когда онъ скрылся за дверью.

Она глубоко чувствовала безпредѣльную благодарность къ этому молодому парню, совсѣмъ ей чужому, сдѣлавшему ей столько добра; но каждый разъ, когда она думала объ этомъ, у ней сжималось отъ боли сердце и слезы невольно навертывались на глазахъ.

— Навищо винъ це все робыть, навищо?—съ тоской думала она.—Я прычынна, недужа... я не можу заробляты; не можу ничымъ виддячыты ему! Здается, я бъ и и день, и ничъ робыла на его, та на дядыну, та колы жъ руки мои мліють, а сама я не маю сылы... Охъ, тяжка моя доля!..

И съ каждымъ днемъ ей было все мучительнѣе и мучительнѣе сознавать свое ничтожество, свою слабость и болѣзненность.

Ей было невыносимо больно пользоваться услугами и заботами Петра и, въ одно и то же время, было такъ пріятно, такъ отрадно! Бывали минуты, когда она гордилась тѣмъ, что онъ заботится о ней, порченной, что онъ, такой умный, хорошій и добрый, не хочетъ ни съ кѣмъ знакомиться изъ деревенскихъ дѣвушекъ, а проводитъ вечера у дядыны Оксаны, вмѣстѣ съ ней, весело разсказывая о житьѣ-бытьѣ большихъ городовъ...

Когда Петро не приходилъ къ дядынѣ какой вечеръ,—она скучала и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидала слѣдующаго вечера, въ надеждѣ увидѣть его доброе, открытое лицо и ласковые, веселые глаза, голубые, какъ лѣтнее небо. Завидя же его, она смущалась, краснѣла, и сердце ея начинало то замирать, то биться такъ шибко, такъ тревожно!

— Ганно! чы ты тамъ заснула, чы що, що й доси не несешъ намъ каганця?—отозвалась дядына Оксана, пріотворивъ дверъ.

— Заразъ... несу!—смущенно сказала Ганна, входя въ хату съ зажженнымъ каганцемъ.

Она опустила внизъ глаза и осторожно поставила его на „прыпичокъ".

Слабо мерцающій огонь освѣтилъ ея блѣдное лицо, похудѣвшій станъ и сжатыя губы. Со дня пожара она страшно похудѣла и поблѣднѣла, но лицо ея носило теперь отпечатокъ сосредоточенности и спокойствія, а глаза свѣтились чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ счастья. Несмотря на ея страшную худобу, она все же была очень хороша и мало походила на простую крестьянскую дѣвушку.

Всѣ три женщины усѣлись вокругъ огня, кто на „прыпичку", а кто на „лави" и принялись за шитье и пряжу. Петро сидѣлъ у окна и крутилъ папироску, вынимая табакъ изъ „кисета".

Дождь, по прежнему, крупными каплями барабанилъ по стекламъ, а вѣтеръ злобно шумѣлъ голыми вѣтками деревьевъ и жалобно, монотонно завывалъ въ трубѣ.

— Ну, тай халепа сегодни на двори!—сказала дядына Оксана, качая головой.—Зачыны, Одарко, вьюшку въ комини: може не такъ буде витеръ завываты.

— То вже правда, що негидь на двори! Добрый хазяинъ и собаки не выпустыть зъ хаты, а я таки прыйшовъ до васъ, дядыно!—отозвался Петро, улыбаясь.

— Не штука перейты изъ хаты въ хату! Та й що тоби робыть одному въ хати? Ходы, ходы, мій сыну: все жъ такы веселійшъ буде твоій хрещеній матери!—лукаво улыбаясь, сказала старуха Оксана.

Ганна еще ниже наклонила голову надъ работой, а иголка въ ея блѣдной рукѣ, чуть дрогнувъ, заходила еще быстрѣе по толстому полотну...

Веселая Одарка то и дѣло хихикала и нашептывала что то тихо Ганнѣ, которая слушала ее молча и серьезно.

— А ну, лышень, роскажы намъ, Петро, зновъ про те, якъ ты издывъ зъ грапомъ въ заграныцю куповать квиткы, а ще якись тамъ... Ну бо, скажы вже, бо забула!—заговорила дядына Оксана протяжно и, замолчавъ, громко зѣвнула во весь ротъ.

Петро улыбнулся и весело спросилъ.

— Може ананасы?

— Эге, эге: ананасы!—сказала Оксана, утвердительно кивая головой.

Одарка засмѣялась звонкимъ хохотомъ, а серьезная Ганна чуть чуть улыбнулась.

— Чого жъ ты сміесся, дурна? Хто жъ его тамъ знае, якъ воно у ныхъ зоветця! обиженно сказала дядына Оксана обращаясь къ Одаркѣ.

Та фыркнула отъ смѣха, закрывая ротъ и все свое некрасивое, расплывшееся лицо вышитымъ рукавомъ своей грубой сорочки.

— Добре, роскажу!

И Петро долго и оживленно разсказывалъ о тѣхъ чудесахъ, какія онъ видѣлъ за границей и у богатаго графа, въ его имѣніи въ N—скѣ. Его звучный, молодой голосъ заглушалъ тоскливое завываніе вѣтра и непріятное дребезжаніе стеколъ, дрожавшихъ отъ напора крупныхъ капель осенняго дождя...

V.

Настала зима. Грушевка опустѣла и спала тихимъ непробуднымъ сномъ установившейся уже прекрасной зимы. Обледенѣлыя вѣтки деревьевъ покрылись узорчатыми иглами инея и кокетливо сплетались надъ соломенными крышами бѣленькихъ, какъ снѣгъ, хатенокъ. Улицы стали чистыя, ровныя и бѣлыя. Въ воздухѣ, морозномъ и свѣтломъ, громко чирикая, весело порхали

воробьи и снѣгири. Гдѣ то далеко таинственно раздавался протяжный свистъ скучающаго „парубка"...

Блѣдное солнце то выглядывало изъ за опушки лѣса, осторожно пробираясь своими мерцающими лучами сквозь нарядныя бѣлыя вѣтки величественныхъ, гордыхъ дубовъ, то поспѣшно пряталось, мигая и дрожа, за темныя снѣговыя тучки...

Петро весь день не выходилъ изъ своей хаты и озабоченно, торопливо собирался, какъ видно, въ дальній путь, изрѣдка перекидываясь короткими фразами со своими двумя „наймытами" и укладывая свои вещи въ „скрыню", замѣняющую чемоданъ. Какая то затаенная грусть омрачала его всегда веселое лицо, а глаза, опущенные и серьезные, безпокойно перебѣгали съ „лавы", заваленной вещами, на замерзшее узорчатое окно, выходящее прямо на улицу...

Дѣйствительно, онъ собирался въ дальній путь: на дняхъ онъ получилъ письмо изъ конторы главнаго управляющаго графа, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ N—ское имѣніе замѣнить, на самое короткое время, умершаго эконома, если только его ничто не задерживаетъ въ Грушевкѣ.

— Що жъ мене може тутъ задержать?—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ и каждый разъ, какъ бы въ отвѣтъ, неотступно становился передъ его глазами образъ блѣдной, серьезной и задумчивой Ганны.

— Господы, Боже мій! Хыба не кращыхъ я бачывъ у двору у графа,—съ досадой думалъ Петро, стараясь отогнать отъ себя образъ молчаливой и безкровной дѣвушки, но—онъ снова стоялъ передъ его глазами, снова всецѣло наполнялъ его думы!

— Ни, не поиду я!—рѣшительно крикнулъ онъ и сталъ поспѣшно выбрасывать изъ сундучка вещи, громко ударяя ими объ глиняный полъ.

— Оттаке тоби! не поиду!... Якъ же жъ можна не ихать, колы вже й напысавъ, що безприминно буду завтра ввечери?!—еще громче крикнулъ онъ, когда „скрыня" его совершенно опустѣла.

— Ни, поиду жъ такы! поиду!—настойчиво твердилъ Петро, торопливо совая вещи обратно въ сундучекъ.

А тамъ гдѣ то, внутри у него, что то ныло, что то тоскливо билось и болѣло... Какое то необъяснимое, неиспытанное еще имъ чувство, и мучительное, и пріятное, въ одно и то же время, наполняло все его молодое существо. Была ли то жалость къ одинокой, слабой и болѣзненной дѣвушкѣ и привычка видѣть ее постоянно, чуть не каждый день,—или то было что либо серьезнѣе и прочнѣе простой привычки и жалости—Петро не могъ рѣшить...

И припомнился ему такъ живо вчерашній вечеръ, проведенный у дядыны Оксаны: какъ сильно поблѣднѣла Ганна, какъ испуганно взглянула она на него, когда онъ сказалъ, что долженъ завтра же уѣхать на время въ N—ское имѣніе!..

Петро сильно задумался. Онъ не замѣтилъ, когда и какъ ушли его „наймыты", какъ онъ уложилъ въ сундучекъ вещи и какъ въ его хатѣ, пустой и непріятной, тихо скрипнула дверь...

— Петро!... вдругъ послышался за его спиной тихій, взволнованный шепотъ.

Онъ быстро обернулся и увидѣлъ передъ собой блѣдную Ганну. Она была безъ „свыты" и только небольшой цвѣтной платокъ прикрывалъ ея черные, лоснящіеся волосы. Она быстро, торопливо, не давъ ему опомниться, протянула къ нему дрожащую холодную руку и, задыхаясь, тихо сказала:

— Це иконка Пречыстои... возьмы, Петро: нехай вона тебе сохраняе!...

Слезы блеснули на ея длинныхъ рѣсницахъ, и она быстро выбѣжала изъ его хаты...

Петро стоялъ, какъ ошеломленный...

Образъ Ганны, такъ неожиданно мелькнувшій передъ его глазами, мгновенно освѣтилъ его печальное лицо, разогналъ мрачныя думы и наполнилъ его душу отрадой и счастьемъ... Но... она, какъ молнія, блеснула и исчезла!... И снова внутри его что то заныло и тоскливо забилось; снова онъ, какъ и до прихода ея, остался одинъ въ этой обширной, но непріютной хатѣ,—печальный, скучающій и мрачный!...

Много времени прошло послѣ ухода Ганны, а Петро все стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и только молча прижималъ крѣпко къ взволнованной груди маленькій мѣдный образокъ...

Вечерѣло. Морозъ становился сильнѣе и холодный морозный вѣтеръ сурово осыпалъ иней съ шумящихъ вѣтокъ деревъ. Во всемъ селѣ царила страшная пустота, безлюдіе и мертвая тишина. Но вотъ послышалось нетерпѣливое ржаніе молодой лошади и скрипъ ворстъ... Небольшія сани, съ двумя закутанными сѣдоками, глубоко врѣзываясь въ скрипучій снѣгъ, шибко пронеслись мимо хаты дядыны Оксаны и скоро скрылись за опушкой лѣса, повернувъ на широкую дорогу, ведущую прямо въ мѣстечко Червоное... То ѣхалъ Петро со своимъ „наймытомъ", нетерпѣливо погоняя лошадь, боясь опоздать къ поѣзду...

Никто не замѣтилъ, какъ онъ проѣхалъ черезъ село, никто не провожалъ его,—только два глаза, темные какъ ночь, печально и тревожно глядѣли черезъ щелку Оксаныныхъ сѣней, пока сани совсѣмъ не скрылись далеко за лѣсомъ...

Съ отъѣздомъ Петра, у Ганны работа совсѣмъ не спорилась: возьметъ въ руки сорочку дядыны Оксаны, начнетъ вышивать неконченную „пазуху" и задумается, неподвижно уставивъ глаза въ одну какую нибудь точку... Такъ сидитъ она часъ—другой, пока, наконецъ, дядына Оксана или вертлявая Одарка не выведутъ ее изъ оцѣпенѣнія заботливыми разспросами о здоровьѣ, которые ей казались теперь такими непріятными и докучливыми...

— Що тоби, доню?... Може болыть голова?—спроситъ, бывало, дядына Оксана, подойдя къ ней близко и ласково погладитъ ее по чернымъ, какъ смоль, волосамъ.

Ганна съ мольбой посмотритъ ей прямо въ глаза и тихо скажетъ:

— Ни, не болыть. .

— Гай-гай! хочъ бы панна хвелшериця швыдче прыихала, або Петро, бо я вже й не знаю, що зъ тобою, Ганно, діется!...

Она только судорожно сожметъ губы при его имени и еще ниже наклонитъ голову надъ работой.

Бывали дни, когда она, съ утра до вечера, лежала на „лави", отвернувшись къ стѣнкѣ лицомъ и тихо стонала,—или, забившись за печку, просиживала тамъ безвыходно нѣсколько часовъ.

Иногда Ганна выходила изъ дому, не говоря ни слова ни дядынѣ Оксанѣ, ни Одаркѣ и, шатаясь, возвращалась истомленная и блѣдная, какъ мертвецъ. То были дни для нея самые ужасные: тогда она страдала страшными нервными припадками, истощавшими ее за послѣднее время особенно часто и продолжительно. Нерѣдко, послѣ мучительныхъ припадковъ истерики, она долго просиживала подъ хатой, въ снѣгу, вспоминая свое безотрадное прошлое и недавнюю потерю отца, и ничто не могло ее утѣшить, ничто не могло разсѣять ея мрачныхъ думъ!...

О Петрѣ она старалась не думать, а между тѣмъ все кругомъ ей напоминало о немъ: и „лава", и „прыпичокъ", и „каганецъ", и даже толстый старый котъ, который любилъ дремать на колѣнахъ у Петра, прищуривая хитрые зеленые глаза... Эти напоминанія для нея были ужасны: уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ уѣхалъ Петро, а о немъ нѣтъ ровно никакихъ вѣстей!... Гдѣ онъ? что съ нимъ? увидитъ ли она его когда нибудь?... Быть можетъ, его доброе лицо и ласковый взоръ давно обращены въ другую сторону, гдѣ онъ нашелъ и счастье, и спокойствіе, и взаимную любовь?... Эти вопросы, постоянные, неизбѣжные и упрямые, приводили ее то въ изступленіе и дикое отчаяніе, то въ болѣзненное томленіе и тихую, безмолвную тоску и грусть...

VI.

Было холодное, морозное утро; пролеталъ маленькій снѣжокъ и, сильно кружась въ воздухѣ, быстро опускался на мерзлую землю. Вѣщуньи—вороны, купаясь въ снѣгу, громко каркали, нарушая безмятежную тишину Грушевки... Небо заволокло тучами, а вѣтеръ подулъ прямо съ сѣвера. Готовилась вьюга.

А въ хатѣ дядыны Оксаны было тепло и по прежнему уютно, чисто и просто: въ переднемъ углу, на право, висѣли два небольшихъ образа Божьей Матери и Спасителя, украшенные засохшими вѣточками калины, мяты и „любыстку"; на лѣво, наискосокъ отъ угла съ образами,—большая печка, вымазанная бѣлой глиной и разрисованная красными и синими замысловатыми птицами и пѣтушками; подъ образами—небольшой дере-

вянный столъ, накрытый бѣлой самодѣльной скатертью; подъ стѣнками—нѣсколько „лавъ“; на „килочку“ возлѣ печки—вышитый „рушныкъ“ и длинная деревянная полка съ глиняной посудой...

Дядына Оксана вмѣстѣ съ Одаркой молча мотали толстыя сѣрыя нитки на длинныя „тальки“, а Ганна, сидя на „прыпичку“ съ „куделью“, задумчиво пряла, мѣрно спуская на глиняный полъ жужжащее веретено.

Въ сѣняхъ послышались чьи то тяжелые шаги и въ хату вошелъ высокій закутанный человѣкъ.

Онъ неуклюже поклонился всѣмъ и, переминаясь съ ноги на ногу, хрипло заговорилъ:

— Богъ помичь, добри люде!

Дядына Оксана пристально посмотрѣла на вошедшаго и отвѣтила протяжно, на распѣвъ:

— Спасыби, чоловиче!

— Чы тутъ жыве Оксана Чипурыха?

— Я—Оксана Чипурыха, а чого тоби треба, чоловиче?

— Ось, тее то, до васъ е пысулька...

Человѣкъ медленно отвернулъ тяжелую полу „кожуха“ и, порывшись въ карманѣ „свыты“, досталъ большой засаленный конвертъ и подалъ дядынѣ Оксанѣ.

— Звидкиля жъ це?—спросила дядына.

— Зъ конторы управляющого нашого грапа Б—ко!—отвѣтилъ онъ.

Ганна слабо вскрикнула и, отбросивъ въ сторону кудель, встала съ „прыпичка“ и испуганно, тревожно смотрѣла на человѣка.

— Видъ кого... цей лыстъ?... задыхаясь, спросила она, подбѣжавъ вдругъ близко къ человѣку и теребя его нервно за рукавъ.

Онъ изъ подлобья взглянулъ на блѣдную Ганну съ сверкающими глазами и съ сожалѣніемъ покачалъ головой.

— О-це, дило! О-це, оказія!—бормоталъ онъ смущенно, разсматривая изнуренное лицо дѣвушки.

— Видъ кого?... Видъ Петра?.. Може, слабый?!... почти вскрикнула она надъ самымъ его ухомъ.

Широко открытые глаза ея блеснули страшнымъ отчаяніемъ и уставились прямо на смущеннаго, оторопѣвшаго человѣка.

— Не знаю, тее-то, дивчыно, ничого не знаю!. . Мое дило зъ краю!... въ контори мени дано...

Руки ея опустились, какъ плети, взоръ мгновенно потухъ; полу-закрывъ глаза и низко нагнувъ голову, она стояла тихо, не шевелясь; только порывистое, тяжелое дыханіе сильно колебало всю ея грудь... Ноги у ней дрожали и отказывались служить, а мысль работала ясно, напряженно и ужасно быстро...

Всѣ смолкли и растерянно, выжидательно смотрѣли на нее.

Но вотъ, она подняла голову, протянула руки и, сдѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, повисла на шеѣ дядынѣ Оксанѣ.

— Голубонько!... Сердце мое... пошлить за Даныломъ Гавры-ловычемъ!.. молила она тихо прерывающимся голосомъ, цѣлуя ея морщинистое, какъ печеное яблоко, лицо и крѣпко обнимая ея плотную фигуру холодными, какъ лёдъ, руками...

— Годи, годи бо, доню!... Богъ зъ тобою!... Годи бо, кажу!... Ось, заразъ пошлю!—говорила ласково, слезливо дядына Оксана, стараясь усадить дрожащую Ганну.

Одарка, все время пугливо жавшаяся къ печкѣ, подбѣжала къ дядынѣ и торопливо сказала:

— Я збигаю, дядыно,—добре?..

Оксана кивнула ей головой и прибавила:

— Швыдче жъ тилькы!

Человѣкъ давно уже пятился къ порогу и отыскивалъ свои безпалыя рукавицы и барашковую шапку.

— Будьте здоровы, добри люде! — сказалъ онъ уже у самого порога и вышелъ изъ хаты.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ Одаркой, которая на ходу натягивала на одинъ рукавъ свиту.

— О-це, дило! О-це, оказія!—твердилъ онъ, нахлобучивая шапку и пожимая плечами.—Що це зъ нею робытся?

— Що? та це жъ наша причынна!—шепнула ему тихо Одарка, выбѣгая изъ сѣней.

— Э-ге! ось воно якъ!... протянулъ онъ и, перекрестившись, сѣлъ въ сани...

Данило Гавриловичъ былъ сынъ дьячка, выгнанный бурсакъ, попавшій, по протекціи благочиннаго мѣстечка Червонаго, въ Грушевку учителемъ земской народной школы. Получая въ годъ 60 рублей, онъ не гнушался всякими подаяніями крестьянъ въ видѣ „яичекъ", „мучицы", куръ и прочихъ жертвоприношеній. Кромѣ школы, у него были еще безгрѣшные доходы: слывя въ селѣ первымъ грамотѣемъ и щеголяя передъ грубыми простаками крестьянами своей витіеватой бурсацкой рѣчью, онъ пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ и успѣшно занимался писаніемъ разныхъ прошеній, жалобъ, кассацій и писемъ. Не любили его только одни „парубки", какъ опаснаго соперника и сельскаго Донъ-Жуана: щеголь большой руки, сносной наружности, довольно молодой, ловкій и хитрый, онъ съ легкостью покорялъ сердца деревенскихъ кокетокъ. Эти ухаживанія были чисто ловеласническаго свойства, потому что Данило Гаврилычъ не помышлялъ ни на одной жениться, да и тающія отъ его нѣжностей „дивчата" не смѣли и думать о такомъ недосягаемомъ величіи—сдѣлаться невѣстой „паныча"!.. Онъ пока свободно ухаживалъ за дѣвушками и съ большой осторожностью за „бабами", потому что уже не разъ въ своей жизни „страдалъ", т. е. не разъ уже толстая дубина оскорбленнаго мужа измѣряла его гибкую спину вдоль и поперекъ! Зимой онъ носилъ табачнаго цвѣта пальто „весьма—очень прекрасное"—какъ выражался о немъ самъ Данило Гавриловичъ,—длинныя черныя брюки и своебразную сѣрую шляпу съ широкими полями. Лѣтомъ онъ щеголялъ крахмаленными сорочками, „пинжаками" и пестрыми широкими галстуками... Жилъ онъ вмѣстѣ со своей старухой—матерью, недавно овдовѣвшей дьячихой мѣстечка Червонаго, недалеко отъ Оксаны, въ той же части села, въ домѣ, гдѣ помѣщалась школа.

Данило Гавриловичъ шелъ шибко, широко шагая по глубокому свѣжему снѣгу, стараясь догнать почти бѣгущую впереди Одарку.

Вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо и нагонялъ на него груды снѣга, залѣпливающаго ему, точно рой назойливыхъ мухъ, глаза и покрывающаго все его „весьма—очень прекрасное" пальто и шляпу.

— Безподобная Одарко! тоскливо мнѣ ступать по твоимъ стопамъ, не видя твоего луннаго сіянія съ очами, яко звѣзды, съ медовыми устами, яко кораллы!—сказалъ онъ тоненькимъ теноркомъ, нагоняя Одарку.

— Що вы говорыте, Даныло Гаврыловычъ?—спросила Одарка, хихикая и отряхивая со свиты снѣгъ.

— Вотъ „що"!...

Данило Гавриловичъ обнялъ Одарку, улыбаясь и лукаво прищуривая глаза.

Дѣвушка взвизгнула, вырвалась и, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, побѣжала впередъ.

Ганна, немного успокоившись и поджидая Данила Гавриловича, внимательно разсматривала непонятныя для нея крупныя буквы на конвертѣ и, ощущая въ немъ что то твердое, недоумѣвала, что это, отъ кого и зачѣмъ прислано дядынѣ Оксанѣ? Не отъ Петра ли?.. Всѣ мысли, всѣ ея желанія слились въ одно: скорѣе узнать содержаніе письма!

— Вотъ и я, многочтимая дядына! Мирное, успокоительное пребываніе дому вашему! Бью челомъ и лѣпообразной и благотишной Ганнѣ!... Почто я, сирѣчь, Данило, а по батюшкѣ—Гаврилычъ, почто, глаголю, понадобился я вамъ въ велію непогоду и вьюгу?—спросилъ Данило Гавриловичъ, входя въ хату дядыны Оксаны и кланяясь ей и встрепенувшейся Ганнѣ.

— Сидайте, Данило Гаврыловычъ, та, поки Одарка принесе намъ горилкы, прочитайте намъ оцей лыстъ.

— Отмѣнно!—Онъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, важно усѣлся на „лави", откашлялся и громко прочиталъ, срывая конвертъ: „Въ село Грушевку, Оксанѣ Чипурихѣ. Со вложеніемъ карточки".

Что то сѣрое выпало изъ конверта, скользнуло по его пальто и упало къ ногамъ Ганны...

Она, съ сильно бьющимся сердцемъ, схватила карточку и, забывъ всѣхъ и все, съ безумнымъ восторгомъ, озаряющимъ ея чуть зардѣвшееся лицо, и вспыхнувшимъ неподдѣльнымъ счастьемъ взоромъ, упорно шептала, теряя сознаніе отъ неожиданнаго наплыва радости, послѣ столькихъ мученій:

— Петро!.. Петро!.. якъ жывый... якъ жывый...

Она лишилась чувствъ, сжавъ судорожно—крѣпко въ своей холодной рукѣ карточку улыбающагося Петра...

VII.

Весна была ранняя и прекрасная. Старуха—зима, встрѣтивъ теплый и нѣжно насмѣшливый взглядъ юной красавицы, волшебницы—весны, покорно оторвала свой холодный долгій поцѣлуй отъ жизненной земли и начала собираться въ путь. Она медленно, своими старческими холодными руками, подобрала бѣлый дырявый саванъ, сняла ледяныя цѣпи со стонущей и бьющейся ключемъ рѣки и протянула мертвящія, ледяныя уста къ улыбающейся, расцвѣтающей юной прелестью и нѣгой красавицѣ... Но, почуявъ ея теплое дыханіе и блескъ лучистыхъ глазъ, съежилась и, вздрогнувъ всѣми своими окоченѣлыми, дряхлыми членами, упала и стала жалобно, продолжительно стонать... Она стонала и плакала и слезы ея текли потоками и ручьями... Саванъ, цѣпи и ея окоченѣлые члены—все превращалось въ холодныя слезы и только душа ея взвилась въ видѣ облачка и парила къ голубымъ чистымъ небесамъ... А весна, не переставая, хохотала, заливаясь нѣжнымъ серебристымъ хохотомъ и захватывая безпредѣльное пространство, преслѣдовала полетъ души жалкой старухи! И тамъ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, ей слышался юный, причудливый хохотъ весны! А весна заливалась трелями жаворонка, стрекотаніемъ кузнечиковъ, лепетомъ раннихъ цвѣтовъ и нѣжнымъ шелестомъ оживающихъ деревьевъ... И все кругомъ внимало ей, просыпалось, зеленѣло и ликовало!...

Въ жизни порченной Ганны тоже началась весна, сдѣлавшая переворотъ во всемъ ея организмѣ; и она сочувственно смотрѣла на ликующую, чудную природу!...

Петро писалъ дядынѣ Оксанѣ, что не пріѣзжаетъ въ Грушевку такъ долго потому, что со смертью эконома, въ N—скомъ имѣніи набралось много работы и онъ, вмѣстѣ съ новымъ экономомъ, работаетъ безостановочно все это время. Весной тоже работы будетъ много и онъ не можетъ отказать графу—покро-

вителю его умершаго отца—и не заняться въ его роскошныхъ садахъ. Это будетъ его послѣдняя услуга графу, а затѣмъ онъ пріѣдетъ навсегда въ Грушевку. Далѣе,—онъ проситъ дядыну Оксану заблаговременно заняться посѣвами на его полѣ и огородѣ. Карточку свою проситъ передать собственно Ганнѣ, желая ей скорѣе выздоравливать и не забывать преданнаго ей всей душой...

И Ганна, дѣйствительно, поправлялась скоро. Она вставала рано, лихорадочно принималась вмѣстѣ съ Оксаной копать гряды въ огородѣ, часто ходила въ садъ Петра и собственноручно насадила цвѣтовъ передъ окнами его хаты. Но у ней мало еще было силы и здоровья: поработавши часъ-другой, обезсиленная и вялая, она возвращалась въ хату и лежала безъ движеній, съ закрытыми глазами, пока крѣпкій сонъ не оковывалъ ея усталые члены. Отдохнувши послѣ работы, Ганна становилась оживленнѣе, разговорчивѣе и даже иногда улыбалась. Карточка Петра была при ней безотлучно, и она часто всматривалась въ его добрые глаза и ей было такъ отрадно, такъ весело! Незамѣтно и пріятно проходили у ней дни за днями...

Весна была во всей силѣ и вся Грушевка окуталась бѣлой пеленой цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ; воздухъ, чистый и здоровый, наполнился опьяняющимъ, захватывающимъ дыханіе ароматомъ и чудными таинственными звуками, свойственными только чародѣйкѣ—веснѣ...

Снова дядына Оксана получила письмо отъ Петра. Дѣлая разныя хозяйственныя распоряженія, онъ, между прочимъ, писалъ, что скоро пріѣдетъ и проситъ Ганну беречь свое здоровье, поправляться и не забывать его...

Эти напоминанія „поправляться" были теперь почти излишни, такъ какъ здоровье Ганны съ каждымъ днемъ все больше крѣпло, а нервные припадки почти совсѣмъ прекратились. Вмѣстѣ съ здоровьемъ къ ней возвратилась веселость и бодрость. Одарку дядына Оксана отправила и всѣ ея обязанности съ восторгомъ исполняла Ганна. Вѣра Ѳедоровна Красовская, изрѣдка посѣщая Грушевку, съ радостью замѣчала, какъ здоровый румянецъ покрывалъ пополнѣвшія щеки Ганны, а глаза искрились энер-

гіей и счастьемъ. Высокая, стройная, съ пышными длинными косами и легкимъ румянцемъ на бѣломъ лицѣ—Ганна была дивно хороша. Она поздоровѣла и цвѣла, какъ нѣжный весенній цвѣтокъ. Многіе „парубкы“, забывъ, что она порченная, засматривались на нее и, при встрѣчѣ, кричали ей въ слѣдъ:

— Та и гарна жъ Ганна!...

Даже самъ Данило Гавриловичъ сталъ какъ будто степеннѣе и часто по долгу задумчиво смотрѣлъ въ сторону Оксаныной хаты...

Былъ чудный майскій день. Солнце привѣтливо бросало свои золотистые косые лучи на Грушевку и, заглядывая по сторонамъ, игриво уронило одинъ дрожащій, нѣжный лучъ на маленькую повозочку и ея молодаго, красиваго сѣдока...

Онъ щурилъ голубые глаза и отбрасывая свѣтлые волосы, докучливо спадающіе крупными кольцами на бѣлый лобъ, разсѣянно поправлялъ соломенный деревенскій бриль.

Маленькое облачко пыли, преслѣдуя его, осторожно сыпало пылинки на его бѣлую, какъ снѣгъ, вышитую сорочку... Подъѣзжая къ селу, въ томительномъ ожиданіи и не зная, что его тамъ встрѣтитъ, онъ затянулъ груднымъ молодымъ голосомъ заунывную пѣсню...

Голосъ его, полный грусти и задушевности, разносился далеко надъ лѣсомъ и, съ каждымъ шагомъ усталой лошаденки, становился все слышнѣе, все ближе къ селу...

Ганна бодро и шибко шла къ колодцу, перекинувъ черезъ плечи коромысло съ пустыми ведрами. Солнце, подымаясь выше, жгло довольно сильно; въ воздухѣ, сухомъ и тихомъ, становилось душно. Ганна, обмахнувъ рукавомъ сорочки раскраснѣвшееся лицо, низко нагнулась надъ колодцемъ и, опустивши въ воду ведро, замерла... До ея слуха неясно долетали звуки чьего то голоса, такого знакомаго и симпатичнаго... Она быстро набрала воды въ другое ведро и шибко пошла вдоль улицы, тревожно вслушиваясь въ знакомые звуки... Вотъ ей, какъ будто, почудилось ея имя... еще мгновеніе—и смолкло все кругомъ!... Показался снова, изъ за пригорка, небольшой столбъ пыли и двигался къ ней все ближе, ближе и ближе... Она остановилась и ждала,

притаивъ дыханіе и боясь пошевельнуться, она слышала частые удары своего сильно бьющагося сердца, сливающіеся съ шумомъ колесъ подъѣзжающей повозки...

— Петре!... винъ!—почти крикнула Ганна и невольно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ...

Еще издали Петро замѣтилъ стройную, высокую дѣвушку, съ ведрами на плечахъ, быстро шедшую ему на встрѣчу.

Съ трудомъ онъ узналъ въ этой здоровой, цвѣтущей дѣвушкѣ прежнюю блѣдную порченную Ганну...

Проворно соскочивъ съ повозки, весь въ пыли, Петро подошелъ къ улыбающейся, раскраснѣвшейся Ганнѣ и, ласково ударяя ее по плечу, восторженно вскрикнулъ:

— Ганно, чы ты?...

— А вже жъ я!—смущенно и радостно отвѣтила она, опустивъ слегка дрожащія рѣсницы блестящихъ, ласкающихъ глазъ.

— Хвала Богу, що бачу тебе въ доброму здоровьи!

— Спасыби Богу и... тоби, Петро!—конфузливо проговорила Ганна, поднявъ на него глаза, полные благодарности и безпредѣльнаго счастья...

Глаза ихъ встрѣтились; они оба улыбнулись, и имъ обоимъ было такъ хорошо въ этомъ нѣмомъ созерцаніи, что никакая человѣческая рѣчь не могла сравниться съ нимъ: она профанировала бы только ихъ обоюдное душевное настроеніе и разрушила бы ихъ грезы, полныя радости первой любви и неподдѣльнаго искренняго счастья желанной встрѣчи...

VIII.

Настало время жатвы. Ганна, здоровая и веселая, отправилась съ дядыной Оксаной въ поле. Солнце чуть чуть выглядывало изъ за тучекъ, освѣщая пріятнымъ, мягкимъ, утреннимъ свѣтомъ цѣлый рой молодыхъ дѣвушекъ-жницъ, нанятыхъ Оксаной. Среди нихъ рѣзко выдѣлялась красавица Ганна; откинувъ назадъ роскошную, черную косу, она нагнулась всѣмъ корпусомъ надъ снопомъ и крѣпко вязала его, подбирая непослушные, полные колосья...

Ганна давно не жала; она съ восторгомъ смотрѣла на группы жницъ и что то отрадное, давно забытое, давно не испытанное наполнило все ея молодое существо... Сначала она жала несмѣло и робко, но увлекаясь все больше и больше, скоро перегнала многихъ работницъ.

— Добре, Ганно, добре!.. Та й хутко жъ ты жнешъ!—крикнула ей дядына Оксана, любуясь ея проворствомъ.

Ганна улыбнулась и ласково посмотрѣла на дядыну Оксану.

— Хвалыты Господа, що я одужала: теперъ мыни робота не тяжка!—весело сказала Ганна, перевязывая новый снопъ.

— И я могу воздать сугубую хвалу проворству нашей найбезподобнѣйшей Ганны!—громко раздался писклывый тенорокъ разфранченнаго Данила Гавриловича за спиной Ганны.

— Цуръ вамъ! якъ вы мене налякалы, Даныло Гаврыловычъ!—сказала она серьезно, роняя серпъ.

Данило Гавриловичъ подошелъ къ ней близко, прищурилъ масляные глаза, скользнувшіе по всему стану нагнувшейся надъ снопомъ дѣвушки, и заговорилъ сладенькимъ голоскомъ, не обращая вниманія на остальныхъ жницъ.

— Весьма очень печально мнѣ слышить сіе! Желалъ бы я не пугать тебя своимъ образомъ, а желалъ бы, чтобъ ты, пышная Ганночка, со мной была лас...

Онъ запнулся и замолчалъ: мимо нихъ проходилъ Петро, надвинувъ низко на лобъ бриль и, не смотря на Ганну и Данила Гавриловича, подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ жницамъ.

— Богъ помичъ, дивчата!—сказалъ онъ, поворачиваясь спиной къ Данилу Гавриловичу.

— Спасыби!—весело отозвались жницы.

— Колы жъ, дивчата, прійдете до мене жаты?

— А ось управымось зъ нывою дядыны Оксаны, а тоди и до тебе!—отвѣчали нѣкоторыя дѣвушки, переставая жать.

— Добре, пожду.

Жницы начали перешептываться, хихикать и указывать пальцами на смущеннаго Данила Гавриловича, безмолвно мигавшаго хитрыми бѣгающими глазками.

— Весьма очень жарко здѣсь... въ полѣ!... пробормоталъ Данило Гавриловичъ тихо и, не обращая вниманія на жницъ, пошелъ домой.

Его провожалъ насмѣшливый хохотъ молодыхъ дѣвушекъ, задорно затянувшихъ ему вслѣдъ напутственную пѣсню.

„Тоби, панъ Даныло,
На нисъ муха сила!
Гляды жъ, панъ Даныло,
Щобъ нисъ твій не зъила!“...

Ганна по прежнему, серьезная и раскраснѣвшаяся, молча жала и изрѣдка тревожно и грустно посматривала въ сторону Петра...

Она не разъ уже замѣчала, что онъ какъ будто избѣгалъ ея и каждый разъ, встрѣчаясь съ ней, смотрѣлъ на нее серьезно и пытливо. Говорилъ онъ съ ней мало и то какими то непонятными намеками и загадками... Встрѣтивъ ее какъ то на улицѣ вмѣстѣ съ Даниломъ Гавриловичемъ, онъ повернулъ въ переулокъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ... Въ другой разъ, задумавъ побѣлить „хату“, а „прызьбу“ вымазать красной глиной, Ганна вечеромъ, взявши „заступъ“ и „ряднынку“, пошла копать глину въ „Красный яръ“.—„Краснымъ яромъ“ называли грушевцы отдаленную, мало населенную часть села, гдѣ „бабы“ копали красную глину. Не успѣла Ганна сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услыхала за собой чьи то торопливые шаги; оглянувшись, она увидѣла Данила Гавриловича, поспѣшно нагонявшаго ее. Не знавши, въ чемъ дѣло, Ганна остановилась и спросила:

— А що Даныло Гаврыловычъ, може мене дядына Оксана клыкалы?

Онъ поровнялся съ ней, улыбнулся во весь ротъ и проговорилъ мягко и вкрадчиво:

— Нѣтъ, дражайшая Ганночка, никто васъ не звалъ, только мое сердце ежечасно, безъ удержу, взываетъ до васъ!

Ганна серьезно посмотрѣла на него, пожала плечами и сухо сказала:

— Не знать що вы говорыте!

Тѣмъ не менѣе, Данило Гавриловичъ не унывалъ и, весело болтая, послѣдовалъ за Ганной въ „Красный яръ“.

Многаго Ганна не понимала изъ сладкоприторной болтовни Данила Гавриловича, а многаго и не хотѣла понимать!...

Съ нѣкотораго времени Данило Гавриловичъ всюду преслѣдовалъ Ганну и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. Онъ часто сталъ заглядывать въ поле, въ огороды и на поляну, куда она обыкновенно выгоняла въ „череду“ коровъ дядыны Оксаны, лишь бы только встрѣтить дѣвушку и наговорить ей цѣлый коробъ любезностей. Хотя онъ замѣчалъ расположеніе Ганны къ Петру и видѣлъ въ его лицѣ соперника, но соперника отнюдь не опаснаго, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ преимущества были на его сторонѣ. Онъ настойчиво велъ аттаку противъ холодной и серьезной красавицы Ганны и только одного страшился: здороваго и сильнаго кулака ревниваго „парубка“...

Тихій лѣтній день все больше и больше потухалъ и только на горизонтѣ виднѣлась узкая красная полоска умирающаго солнечнаго свѣта. Было что то особенно пріятное, успокоительное къ этихъ мерцающихъ слабыхъ лучахъ, въ этомъ тихомъ, тепломъ вечерѣ...

Накопавъ цѣлую „рядныну“ глины, Ганна отбросила въ сторону заступъ и, не слушая неумолкавшаго Данила Гавриловича, засмотрѣлась на тлѣющую дрожащую полоску, на зеленую поляну и узкую извилистую тропинку, по которой шли крестьяне и крестьянки, возвращаясь съ поля. Между ними она замѣтила Петра... Она подняла на него свои потемнѣвшіе глаза и яркій румянецъ покрылъ ея щеки: онъ проходилъ мимо нея, разговаривая съ крестьянами, такъ близко, близко и... даже не взглянулъ въ ея сторону...

Поровнявшись съ Даниломъ Гавриловичемъ, Петро, не кланяясь ему, сурово спросилъ:

— Помогаешъ копать глыну?...

Данило Гавриловичъ что то смущенно пробормоталъ въ отвѣтъ и инстинктивно схватился за „заступъ“...

Петро глухо захохоталъ и, презрительно взглянувъ на трусливаго Донъ-Жуана, прошелъ дальше...

Послѣ этого онъ нѣсколько дней не приходилъ къ дядынѣ Оксанѣ и, зайдя какъ то вечеркомъ грустный и задумчивый, говорилъ съ Ганной особенно мало и неохотно...

Ганна ничѣмъ не могла объяснить перемѣны, происходящей съ Петромъ—такой для нея мучительной и незаслуженной, и часто собиралась поговорить съ нимъ откровенно, но у ней не хватало смѣлости. Часто, когда Петро бывалъ по прежнему веселъ и разговорчивъ, она мысленно упрекала себя въ излишней подозрительности и „бабьей“ глупости. Но сегодня она положительно убѣдилась, что онъ сердится и не хочетъ подходить къ ней...

Она тревожно слѣдила за нимъ и, ловя каждое его движеніе, жестъ, каждое слово, продолжала жать безъ отдыха, безъ передышки, безъ утомленія...

IX.

Черезъ нѣсколько дней полоса дядыны Оксаны была совершенно сжата.

Старуха дядына, возвратясь съ поля очень утомленной, отдыхала на „лави“, а Ганна варила „вечерю“.

Кто то постучалъ въ дверь.

— А кого Богъ прынисъ?—отозвалась дядына Оксана, приподнявъ голову.

— Та це я!—послышался за дверью голосъ Петра.

Ганна обрадовалась и покраснѣла.

— Одчыны, доню!—сказала старуха, садясь на „лаву“.

Онъ вошелъ въ хату, низко поклонился и серьезно сказалъ.

— Здоровы булы, дядыно и ты Ганно!

Ганна ничего не отвѣтила и, привѣтливо кивнувъ ему головой, повернулась всѣмъ корпусомъ къ печи и стала суетливо подбирать съ „прыпичка“ соломенки и бросать ихъ въ ярко пылающее пламя.

— Сидай, Петро, чого стоишъ!—сказала дядына Оксана.

— Спасыби.

— А колы вже будешъ почынаты жныва?

— Та оце думаю завтра.

— Трошки пиздненько,—замѣтила старуха.

— Ничого, ще управлюсь...

У дядыны Оксаны отъ усталости слипались глаза и она зѣвнула на всю хату, набожно перекрестивъ широко открытый, беззубый ротъ.

Ганна продолжала суетиться возлѣ печи, а Петро молча слѣдилъ за ея движеньями, грустно, тоскливо смотря на ея раскраснѣвшееся, оживленное лицо.

— Що, Ганно, варышъ вечерю?—спросилъ онъ тихо и серьезно.

— Эге... отвѣтила дѣвушка, потупляя глаза, тоже тихо, безъ улыбки.

— Та спасыби ій, доглядае за мною, старою, якъ за ридною матирью!—сонливо отозвалась дядына Оксана.

— Грихъ вамъ и дякувать мени!—съ ласковымъ упрекомъ сказала Ганна, якъ бы не вы, та панна хвелшериця, та ще... Петро, то, не знаю, чы булабъ я доси жывою!...

— Годи, Ганно! На те була Божа воля!.:. раздраженно сказалъ Петро, не смотря на нее.

Ганна вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на Петра...

Онъ сидѣлъ съ низко опущенной головой и съ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Зновъ сердытся!—подумала Ганна;—але жъ за що, за що?...

Она немного отошла отъ печи, взглянула робко на Петра и тихо, но рѣшительно, проговорила.

— Завтра и я пійду до тебе жаты, Петро, бо тильки своею працею для тебе я и зможу виддячыты тоби за всю твою добристь, за все те добро, що ты для мене зробывъ...

Голосъ у ней дрожалъ, а слезы давили ее; она замолчала и стала передъ нимъ смущенная, съ опущенными глазами и низко наклоненной головой,

— Ганно, послухай!... началъ Петро и замялся.

Ея глаза робко, нерѣшительно взглянули на него изъ за блестящихъ прядей черныхъ волосъ, спутанныхъ на лбу...

— Ганно!... окликнулъ онъ ее снова.

Она молчала и напряженно слушала, не шевелясь, какъ бы боялась малѣйшимъ движеніемъ заглушить этотъ молодой, симпатичный и взволнованный голосъ...

— Ганно...

Послышался снова тихій, сдержанный окликъ и замолкъ, словно растаялъ въ воздухѣ...

— Та що Ганно, та Ганно!—отозвалась полудремавшая дядына Оксана;—говори жъ хутенько, що маешъ казаты!

Петро всталъ съ „лавы", взглянулъ на поблѣднѣвшую, смущенную Ганну и, поклонившись ей въ поясъ, глухо сказалъ.

— Спасыби, Ганно, спасыби!... не треба мени твоеи услугы... обійдусъ!

Онъ говорилъ торопливо, ѣдко, не глядя на нее и избѣгая ея взгляда.

Ганна сдѣлала шагъ впередъ и, широко открывъ глаза, смотрѣла на него пристально и сурово.

— Петро, що зъ тобою?!... Чимъ я провынылась передъ тобою, що ты ставъ такый до мене?...

Она не спускала съ него пытливыхъ глазъ, медленно дышала и съ страшнымъ напряженіемъ ждала его отвѣта.

— Я не хочу твоеи услуги, бо... бо ты мене не любышъ, а любышъ... Данила Гаврыловыча!—задыхаясь, сказалъ онъ и сильно поблѣднѣлъ.

Въ груди ея закипѣла глухая злоба и оскорбленіе, она съ ужасомъ смотрѣла на него, все еще не понимая, что именно онъ сказалъ, но сознавала, что онъ ей сказалъ что то ужасное и невозможное для нея и, въ одно и тоже время, что то невѣроятно смѣшное... Еще мгновеніе—и она все поняла... Безотчетно протянувъ къ нему холодныя руки и придвинувшись близко къ его блѣдному лицу, она сказала тихо, прерывающимся шепотомъ.

— Ось чого ты... сердывся!... Ни, его ни... не бійся!... тебе люблю!

— Мене?... мене?... спрашивалъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ, не вѣря своему счастью. Онъ крѣпко сжалъ ея протянутыя руки, привлекъ къ себѣ и цѣловалъ дорогое, взволнованное лицо и поблѣднѣвшія губы.

— Що це за новына?!—вдругъ вскрикнула проснувшаяся дядына Оксана, увидя Петра, цѣлующаго Ганну.

Ганна сконфузилась, сильно покраснѣла и поспѣшно отскочила отъ Петра.

— Добре Петро, добре Ганно!—сердито сказала старуха, вставая съ „лавы“.

— Дядыно, маты моя хрещена, не гнивайтесь!—весело и восторженно заговорилъ Петро, подойдя къ дядынѣ Оксанѣ;—я дуже люблю Ганну!... Поможить зробыты сватанне!...

Дядына Оксана молча взглянула на восторженнаго Петра и улыбающуюся, счастливую Ганну, и слезы радости блеснули на ея старческихъ глазахъ...

Черезъ двѣ недѣли, въ одной изъ церквей мѣстечка Червонаго, наполненной любопытными и завистливыми Грушевцами, вѣнчался богачъ Петро съ дочерью нищаго Остапа, порченной Ганной...

Юлія Левицкая-Пащенко.

НА РУБЕЖѢ.[1]

(Окончаніе)

X.

Около полуночи на полѣ битвы уже не было непріятеля, только тамъ и сямъ въ густой, примятой травѣ лежали одинокіе трупы гайдамаковъ, козаковъ или поляковъ, виднѣлись изломанные и обугленные остовы возовъ, а рядомъ съ ними, въ послѣднихъ судорогахъ издыхали волы и лошади, или раздавался глухой стонъ какого нибудь недобитка. То вдругъ промчится по степной равнинѣ одинокій конь, оставившій сѣдока гдѣ то въ травѣ на вѣчное успокоеніе, или всадникъ изо всѣхъ силъ гналъ коня и черезъ минуту исчезалъ въ безбрежныхъ волнахъ зеленаго моря. Выстрѣлы дѣлались все рѣже и рѣже и наконецъ прекратились совершенно... битва была окончена.

Игнатъ съ Верланомъ также скрылись вскорѣ на опушкѣ лѣса. Они знали, гдѣ искать спасенія. По указанію раненаго полковника, хорошо знакомаго съ мѣстностью, они углубились въ тотъ лѣсъ, который длиннымъ, узкимъ клиномъ врѣзывался въ степь, однимъ угломъ касаясь Клембовки, другими двумя — Боровки и Дзыговки. Свѣтъ началъ брезжиться на небѣ, когда бѣглецы въѣхали въ глухую чащу; утренняя прохлада и свѣжесть лѣса оживили раненаго.

[1]) См „Кіевск. Стар." 1888 г. августъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ онъ, открывая глаза.

— Близь Дабижинаго хутора; еще немного и мы будемъ въ безопасности...

— А тѣ? что съ ними сталось? что съ Гордіемъ?

— Узнаемъ не сегодня — завтра, успокаивалъ молодой человѣкъ. Ничто еще не потеряно, всѣхъ не перебили...

Верланъ тяжело вздохнулъ и застоналъ — видно, заболѣла рана, а Игнатъ погналъ лошадей дальше безъ дороги, соображая путь по примѣтамъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Наконецъ, въѣхали въ глубокій лѣсной яръ. На днѣ его протекалъ ручей, скрытый отъ глазъ густыми вербами и ольхами, а склоны оврага были одѣты особенно яркою и роскошною зеленью. Въ лѣсу пробуждались птицы, послышались голоса дятловъ и козодоевъ, мелкія птички оглашали воздухъ веселымъ утреннимъ щебетаніемъ, а вокругъ царилъ такой миръ, вся природа дышала такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, словно и не бывало никогда кровавой битвы, происходившей невдалекѣ, словно и не доносились сюда ея отголоски. Моста черезъ потокъ не было, нужно было переправиться въ бродъ; Игнатъ поѣхалъ впередъ, но усталый конь остановился на срединѣ и наклонилъ голову къ водѣ. Молодой козакъ опустилъ поводья, лошадь пила съ жадностью и фыркала, а онъ гладилъ ее, трепалъ по шеѣ, приговаривая: пей, пей на здоровье!

Верланъ снова открылъ глаза и осмотрѣлся вокругъ; мѣстность была ему хорошо знакома.

— Вотъ уже хуторъ... произнесъ онъ.

— Сейчасъ будетъ...

Игнатъ подтянулъ поводья и повернулъ коня вправо по взгорью на зеленую поляну; въ концѣ ея подъ горою показалась сперва старая, развѣсистая груша, дальше садъ, запущенный и одичалый, а въ глубинѣ небольшая хатка, крытая соломою. Къ ней и направились козаки; никто не вышелъ къ нимъ на встрѣчу, даже не залаяла собака — хата была необитаема. Нѣкогда въ этомъ хуторѣ прожи-

валъ козацкій родъ Дабижей, но старики давно умерли, а ихъ единственный сынъ оставилъ отцовскій хуторъ и удалился на Запорожье, съ тѣхъ поръ и вѣсти о немъ не было. Хата стояла, наклонившись на бокъ, безъ дверей и оконъ съ темнѣвшими на ихъ мѣстѣ отверстіями и, казалось, предназначена была къ тому, чтобы служить убѣжищемъ для гайдамаковъ. Небольшой дворикъ густо заросъ подорожникомъ, огромными лопухами и крапивою; всѣ эти растенія свидѣтельствовали о запустѣломъ дворищѣ. Лошади сами остановились передъ хатою, раненый кое-какъ слѣзъ съ сѣдла при помощи Игната, съ трудомъ ступилъ нѣсколько шаговъ и улегся около хаты на мягкомъ подорожникѣ, стараясь заглушить боль и стоны.

Игнатъ разнуздалъ коня, снялъ сѣдло и положилъ подъ голову раненому, потрепалъ коня по шеѣ и пустилъ пастись, а самъ вошелъ въ хату, отыскалъ какой-то черепокъ, зачерпнулъ воды изъ ручья и подалъ Верлану. Тотъ съ трудомъ приподнялся, выпилъ воду и снова опустился на сѣдло. Игнатъ еще разъ принесъ воды и принялся, какъ умѣлъ, осматривать рану; пуля засѣла въ груди, пониже сердца. Онъ промылъ рану, оторвалъ кусокъ рубахи и сдѣлалъ перевязку; больной все время сидѣлъ, стиснувъ зубы и не проронилъ ни слова.

Между тѣмъ взошло солнце и первые лучи его упали прямо въ лицо раненаго; блѣдное лицо его прояснилось, словно вмѣстѣ съ солнечными лучами возвращалась угасающая жизнь.

— Нужно навѣдаться къ нашимъ—сказалъ Верланъ.

— Добре, батьку! только вотъ подмету хату, да принесу тебѣ свѣжей травы для постели.

— Добрый зъ тебе хлопець...

Игнатъ будто не слышалъ этихъ словъ.

— Кто нибудь и къ намъ навѣдается сюда... если не Матвій, такъ Гордій.

— Если живы... замѣтилъ Верланъ.

Тѣмъ временемъ Игнатъ убралъ и привелъ въ порядокъ хату, принесъ нѣсколько охапокъ травы, приготовилъ постель для больнаго и обратился къ нему:

— Теперь, батьку, я съѣзжу на хутора, можетъ быть, достану чего нибудь и бабу приведу.

„Бабы" обыкновенно занимались леченіемъ больныхъ. Верланъ остался на солнцѣ возлѣ хаты, а Игнатъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ лѣсомъ; черезъ два—три часа онъ уже возвращался обратно; теперь онъ шелъ пѣшкомъ, держа за поводъ навьюченную мѣшками и одеждою лошадь, и бесѣдовалъ съ шедшею рядомъ бабою—лѣкаркою. Онъ тотчасъ разобралъ все привезенное и принялся готовить обѣдъ, а баба, тоже не теряя времени, сняла перевязку и начала заговаривать кровь. Повидимому, состояніе раны ей не понравилось: она какъ то сомнительно кивала головою и причмокивала губами, глядя на кровь, все медленнѣе и медленнѣе сочившуюся изъ раны.

На слѣдующій день, около полудня пришелъ Матвій, пришелъ одинъ, не было при немъ ни *михоноши*, ни вѣрной спутницы, бандуры. Старикъ казался совершенно подавленъ какимъ то сильнымъ внутреннимъ страданіемъ, измученъ, словно послѣ тяжкой болѣзни. Видно, выходилъ онъ не мало по лѣсамъ и ярамъ, потому что его сѣрая *свыта* представляла сплошную массу лохмотьевъ; на спинѣ и локтяхъ болтались, чуть держась, оторванныя заплаты, одна пола значительно короче другой—видно пошла на *онучы*; на шеѣ чуть виденъ былъ воротъ черной, какъ земля, рубахи съ раскрытою пазухою на темно-красной, загорѣлой груди. Постолы, совершенно протоптанные на пяткахъ, едва держались на ногахъ при помощи старыхъ потертыхъ бичевокъ со множествомъ узелковъ, мѣстами прикасавшихся къ открытой кожѣ; вообще, вся его одежда пестрѣла дырами и заплатами.

Въ такомъ видѣ показалась его сгорбленная фигура между одичалыми грушами и яблонями. Старикъ направился къ хатѣ; напряженнымъ взглядомъ осматривался

онъ вокругъ, но никого не замѣчалъ; на лицѣ выражалась тревога, изумленіе—онъ искалъ кого то и не находилъ; всматривался, прислушивался къ лѣснымъ голосамъ, замѣтилъ, наконецъ, лежащаго на травѣ Верлана, поспѣшно подошелъ къ нему и остановился, какъ вкопанный: такъ трудно было въ этомъ блѣдномъ умирающемъ узнать еще недавно полнаго силъ и энергіи народнаго вождя. Верланъ лежалъ блѣдный и неподвижный, какъ трупъ; солнечный свѣтъ, падавшій прямо на лицо, казалось, еще усиливалъ эту мертвенную блѣдность: высокій лобъ, изрѣзанный морщинами—слѣдами тяжкихъ заботъ и думъ, носилъ отпечатокъ послѣдней горькой неудачи, выраженіе безъисходной тоски такъ и застыло на немъ. Матвій смотрѣлъ молча, неподвижно. На порогѣ показался Игнатъ и также безмолвно сдѣлалъ рукою знакъ, выражавшій: тише, не разбуди, онъ спитъ. Но въ эту минуту больной раскрылъ глаза, увидѣлъ Матвія и былъ пораженъ его измученнымъ, тревожнымъ видомъ.

— Ну что? спросилъ онъ, предчувствуя новое несчастье.

— Проиграли на этотъ разъ, брате—отвѣчалъ старикъ. А знаешь, кто стрѣлялъ изъ-за Котлубаевой могилы? Русскіе.

Верланъ кивнулъ головою.

— Такъ я и догадывался... мы просто попали въ западню, хотѣли служить своему дѣлу, а сослужили службу другимъ!—Они хитрѣе насъ, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Теперь объяснился весь секретъ неожиданной измѣны Чалаго и еще менѣе понятнаго нападенія на гайдамацкій лагерь со стороны полковника Полянскаго. Матвій сообщилъ, что Чалаго купили милостями и подарками, а Полянскій былъ посланъ вмѣстѣ съ нимъ совсѣмъ неожиданно. Уже по выступленіи Верлана изъ Шаргорода онъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Лещинскій отрекся отъ престола, который долженъ былъ перейти къ слабому, изнѣженному Августу Саксонскому. Вслѣдствіе просьбы новаго короля о содѣйствіи русскихъ властей въ дѣлѣ

подавленія народнаго возстанія Полянскій получилъ приказъ ударить на гайдамаковъ. Соединившись съ польскимъ отрядомъ, онъ только выполнялъ распоряженіе.

Игнатъ, молча, нахмурившись, выслушалъ разсказъ старика объ измѣнѣ Чалаго и поведеніи Полянскаго.

— Чѣмъ же заплатили Саввѣ за измѣну?—спросилъ онъ Матвія.

— Землею и шляхетствомъ.

Наступило глухое молчаніе.

— Не дождетъ онъ пользоваться ни землею, ни шляхетствомъ, грозно заговорилъ молодой козакъ,—не станетъ больше измѣнять своимъ!

— Нужно выждать время!—успокаивалъ его Матвій.

— Будемъ ждать,—возразилъ тотъ,—а тому висѣльнику, Саввѣ, таки сниму предательскую голову!

Подъ вечеръ Игнатъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ на Джуринскіе хутора собирать свѣдѣнія о Гордіѣ и разбитыхъ гайдамакахъ, а Матвій остался при больномъ. Мѣсяцъ уже высоко поднялся на небѣ, когда Игнатъ выѣхалъ изъ лѣсу. Тихо и спокойно было въ степи, а блѣдные лучи мѣсяца отражались серебристымъ свѣтомъ на степной травѣ, мелькавшемъ при малѣйшемъ колебаніи каждаго стебелька. Лошадь медленно переступала въ высокой травѣ, время отъ времени наклоняла голову и щипала высокія головки цвѣтовъ, а козакъ пристально оглядывалъ равнину, на которой еще такъ недавно кипѣла битва. Съ каждымъ шагомъ впередъ нѣмая степь, казалось, все больше и больше оживлялась дикою жизнью своихъ обитателей. Все чаще и чаще попадались въ травѣ людскіе и конскіе трупы, а вдали, за Котлубаевою могилою, раздавался вой волковъ, лай лисицъ, сливавшіеся въ одинъ страшный звукъ, который, не встрѣчая преграды, далеко разносился по равнинѣ, безъ конца повторяемый степнымъ эхомъ; чѣмъ ближе къ могилѣ, тѣмъ сильнѣе вытоптана была трава, тѣмъ чаще попадались трупы—видно, въ этомъ мѣстѣ происходила самая отчаян-

ная битва. На каждомъ шагу можно было замѣтить рядомъ съ недоѣденнымъ трупомъ лежащаго на травѣ волка, который, объѣвшись до отвалу свѣжаго человѣческаго мяса, не могъ уже двинуться съ мѣста и только медленно провожалъ сверкающими глазами коня и всадника, или вдругъ лисица выскочитъ изъ-подъ ногъ съ кускомъ человѣческой руки или ноги въ зубахъ и промчится по степи. Дальше цѣлая стая воронъ и коршуновъ, расположившаяся на ночлегъ на оглоданномъ наканунѣ трупѣ и теперь спугнутая топотомъ копытъ, съ крикомъ поднималась и кружилась въ воздухѣ.

Игнатъ ѣхалъ шагомъ, какъ вдругъ лошадь начала спотыкаться и онъ замѣтилъ нѣсколько десятковъ труповъ, лежавшихъ почти бокъ о бокъ, а вокругъ нихъ были разоросаны изломанныя ружья, сабли и копья—все это свидѣтельствовало объ отчаянной борьбѣ погибшихъ. Онъ началъ присматриваться, ища знакомыхъ лицъ, и передъ однимъ придержалъ коня; трупъ лежалъ лицемъ къ землѣ, но одежда и вся фигура показались ему знакомы. Онъ всталъ съ коня и обернулъ мертвеца—это былъ Гордій Грыва. Голова была раскроена сабельнымъ ударомъ, вѣроятно свалившимъ его съ коня, и все лицо залито кровью; впрочемъ, рана на головѣ не была единственною; нѣсколько дыръ въ одеждѣ наглядно свидѣтельствовали о другихъ ранахъ отъ копья или палаша. По всему видно было, что онъ дорого продалъ свою жизнь: въ пороховницѣ не оставалось ни одного заряда, въ пистолетахъ тоже, копье было переломлено. Игнатъ долго стоялъ надъ трупомъ и о чемъ то думалъ.

— Погоди, предатель! заплотишь ты мнѣ за все это! сказалъ онъ наконецъ, вскочилъ на сѣдло и направился къ Джуринскимъ хуторамъ.

Послѣ полуночи на томъ же самомъ мѣстѣ показалась небольшая кучка всадниковъ—это Игнатъ возвращался съ четырьмя козаками; приблизившись къ мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ Гордія, онъ остановилъ товарищей.

— Здѣсь!—сказалъ онъ кратко.

Козаки слѣзли съ коней, разостлали на землѣ коверъ и положили на него покойника; Игнатъ поднялъ пистолеты, обломокъ копья и прочее оружіе покойнаго.

— Отдамъ все это въ Мошнахъ вмѣстѣ съ головою того перебѣжчика!

Козаки снова сѣли на лошадей, взяли въ руки по концу ковра, такъ что тѣло Гордія лежало какъ будто на носилкахъ, и медленно двинулись къ Дабижиному хутору. Къ утру отрядъ былъ уже на мѣстѣ. Козаки со своею ношею остались на дворѣ, Игнатъ одинъ вошелъ въ хату. Въ углу, чуть вспыхивая, трещалъ *каганецъ*, дымилъ и едва освѣщалъ внутренность хаты слабымъ красноватымъ свѣтомъ. Верланъ не спалъ, рана мучила его, возлѣ него сидѣлъ Матвій. Когда на дворѣ послышались голоса и конскій топотъ, больной обратился къ нему.

— А выгляни-ка, друже, что тамъ такое?

— Должно быть наши...

Старикъ подошедъ къ окну и съ трудомъ могъ разглядѣться въ сѣроватой мглѣ разсвѣта.

— То Игнатъ, сказалъ онъ словно про себя и воротился на прежнее мѣсто. Чрезъ минуту вошелъ Игнатъ.

— Нашелъ Гордія...—началъ онъ.

Оба вопросительно смотрѣли на него.

— Привезли мы его тѣло изрубленное—продолжалъ онъ медленно.

Раненый приподнялся съ чрезвычайнымъ усиліемъ, не спуская пристальнаго взгляда съ говорившаго, и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Не дался таки! потомъ перекрестился и дрожащимъ голосомъ началъ читать молитвы; за нимъ перекрестился и Матвій.

— Царство небесное, вѣчный покой! Нехай ему земля перомъ! Хорошо сдѣлали, хлопцы, что привезли его; схоронимъ его здѣсь, чтобы волки не разносили костей его по полю!

Игнатъ разсказывалъ о дальнѣйшей судьбѣ разбитыхъ товарищей, о ихъ намѣреніи сплотиться снова и идти на помощь запорожцамъ.

— Пусть поудержатся немного, пусть переждутъ бурю, замѣтилъ Верланъ; не вѣкъ же будетъ Богъ карать насъ предателями!

— Не вѣкъ, разумѣется, рѣшительно подтвердилъ Игнатъ. Я подобралъ себѣ товарищей; поѣдемъ въ Немировъ—или воротимся съ головою того *недовірка*, или сами оставимъ тамъ свои головы.

На слѣдующій день схоронили Гордія Грыву, а вечеромъ Игнатъ съ товарищами пустились въ путь, добывать голову Саввы Чалаго; ѣхали цѣлую ночь, день пережидали въ степныхъ *чагарныкахъ,* выпасали лошадей, а на слѣдующую ночь незамѣтно приблизились къ Немирову.

Послѣ пораженія гайдамаковъ подъ Котлубаевой могилой, убѣдившись, что непріятеля нѣтъ и неизвѣстно, гдѣ его искать, такъ какъ гайдамаки, по своему обычаю разбѣжались по лѣсамъ и ярамъ, чтобы вынырнуть гдѣ нибудь далеко, гдѣ ихъ всего меньше можно было ожидать, побѣдители съ тріумфомъ возвратились въ Немировъ. Менѣе всѣхъ остался доволенъ побѣдою Цалинскій, принужденный дѣлить лавры съ ненавистнымъ ему козакомъ, который все больше и больше входилъ въ милость региментаря. Съ другой стороны и Чалый со времени этой побѣды становился еще угрюмѣе и неприступнѣе и началъ менѣе любезно относиться къ пану поручику, словно подозрѣвалъ или предчувствовалъ въ немъ тайнаго врага.

Возвратился онъ домой также очень недовольный, но у него были другіе поводы къ недовольству. Злой духъ, тревожившій его, снова овладѣлъ имъ, иначе говоря, его собственная неустойчивая натура вмѣстѣ съ преступною совѣстью мучила его, не давая покоя. Онъ достигъ уже почти всего, чего могъ желать: онъ былъ землевладѣльцемъ, пользовался отличіями у начальства и расположеніемъ польскаго общества, вскорѣ долженъ былъ получить

еще высшее отличіе—шляхетское званіе; казалось бы, все это должно было доставить ему извѣстное удовлетвореніе, но нѣтъ. Онъ волновался, какъ ребенокъ, стремясь къ достиженію желанной цѣли, а разъ достигнувъ ея, чувствовалъ, что ему чего-то еще не достаетъ. Дѣйствительно не доставало ему одного—спокойной совѣсти. Едва одержавши побѣду надъ своими, онъ уже почувствовалъ угрызенія совѣсти, не дававшія ему покоя, отравлявшія все торжество побѣдителя. Дома также, какъ ни старался забыться, заглушить свою тоску, скрыть ее въ самой глубинѣ души, какъ ни старался оправдать себя въ собственныхъ глазахъ,—все было напрасно, и онъ прибѣгнулъ къ старому средству, къ вину. Но теперь, какъ и прежде, не находилъ въ немъ ни покоя, ни утѣшенія. Ночью онъ вдругъ вскакивалъ съ постели, съ дикимъ крикомъ, съ горящими, какъ угли, глазами схватывалъ въ одну руку саблю, въ другую пистолетъ, стрѣлялъ, размахивалъ саблею, какъ бы отъ кого то отбиваясь, кого то проклиналъ внѣ себя отъ бѣшенства—все это въ какомъ то горячечномъ бреду, безъ всякой видимой причины, потому что въ домѣ все спало, а вокругъ царила глубокая тишина.

Тогда Елена, испуганная, въ слезахъ бѣжала къ нему, просила, умоляла успокоиться; наконецъ, онъ приходилъ въ себя, измученный, съ какою то нервною дрожью и, убѣдившись, что никого нѣтъ, возвращался въ свою комнату

Другой разъ Чалый, измученный безсонницею, стремительно шелъ въ дѣтскую и, стоя надъ колыбелькою, сверкающими глазами всматривался въ спящаго ребенка, что-то думалъ, соображалъ, искалъ сходства; видно, какія то подозрѣнія закрадывались къ нему въ душу и онъ боролся съ ними.

— Слушай!—говорилъ онъ, обращаясь къ малюткѣ, если это правда, задушу своими руками и тебя, и ее... Руки его судорожно сжимались, въ такую минуту онъ дѣйствительно способенъ былъ выполнить угрозу. Мало по малу безмятежный видъ спящаго малютки охлаждалъ эти бѣ-

шенные порывы; это спокойствіе и невинность обезоруживали несчастнаго человѣка, но по мѣрѣ того, какъ онъ успокаивался, вся его ненависть обращалась противъ него самого, и самая тяжелая, безъисходная тоска овладѣвала всѣмъ его существомъ.

— Все у меня есть, думалъ онъ, я бы могъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, а между тѣмъ я самый несчастный, самый отверженный, я—словно бѣшеная собака, которая, гонимая своимъ недугомъ, не знаетъ покоя и бросается на всѣхъ встрѣчныхъ. Гдѣ же конецъ жизни? Если не люди, такъ болѣзнь покончитъ ее... Но вотъ ребенокъ улыбнулся во снѣ. Эта улыбка, способная разсѣять хоть на время самую сильную тревогу, въ душѣ Чалаго вызывала только тоску и горечь.

— Смотри только, не иди по моимъ слѣдамъ, когда выростешь, тихо шепталъ онъ, боясь разбудить ребенка.

Воспоминаніе о послѣдней измѣнѣ преслѣдовало его, ни минуты не давая покоя. Ему хотѣлось бы окончательно заглушить, вырвать изъ своей души чувство привязанности къ родному краю съ его надеждами, мечтами, борьбою за ихъ осуществленіе. Съ этими чувствами онъ выросъ и сжился, боролся съ врагами своего народа, но безграничное, ничѣмъ не сдерживаемое честолюбіе мало по малу подавило эти чувства, смѣнило ихъ иными стремленіями, заглушавшими все то, чѣмъ жила нѣкогда его душа. Безпокойная натура его ни на чемъ не могла остановиться; его тянуло назадъ, къ своимъ, а неудовлетворенное первыми удачами тщеславіе пыталось заслонить всѣ впечатлѣнія молодости и съ своей стороны открывало новые горизонты, указывало иные идеалы, все болѣе близкіе и болѣе достижимые... Увлекаемый этими идеалами, онъ невольно шелъ впередъ, и чѣмъ труднѣе становился возвратъ къ прежней жизни, тѣмъ чаще и настойчивѣе возвращались къ ней его мысли, тѣмъ заманчивѣе казалась ему свободная жизнь Запорожья; жить въ привольныхъ степяхъ между табунами дикихъ лошадей было несравненно привлекательнѣе той

жизни, какую онъ принужденъ былъ вести въ польской службѣ. Не разъ проклиналъ онъ самъ себя и клялся бросить все: жену, сына, имѣніе, службу, бросить всѣ мечты о шляхетствѣ и бѣжать куда нибудь за Донъ въ пріазовскія степи, гдѣ его никто не зналъ и гдѣ онъ могъ пользоваться безграничною свободою.

Теперь жена казалась ему тою цѣпью, которая всего сильнѣе привязывала его къ полякамъ и по общественному положенію, и по родственнымъ связямъ, и онъ возненавидѣлъ ее отъ всей души, какъ ненавидятъ человѣка, испортившаго всю нашу жизнь. Елена сразу замѣтила эту быструю перемѣну въ настроеніи мужа и дрожала при одной мысли, что онъ могъ узнать объ ея отношеніяхъ къ Цалинскому. Далеко отъ родныхъ, отъ друзей она жила совершенно одиноко и только въ кормилицѣ своего сына имѣла преданнаго себѣ человѣка. Обѣ женщины видѣли тревожные, дикіе порывы своего повелителя, но сколько ни старались, не могли объяснить себѣ ихъ причины, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ замѣчали все яснѣе и яснѣе, что происходитъ что то непонятное, наводящее ужасъ своею таинственностью. Кормилица уроженка Рубаня, близко стоявшая къ сельскому населенію, скорѣе успѣла оріентироваться.

— Ой, пани! начала она однажды, что то дурное дѣлается...

— Что такое? спросила Елена, блѣднѣя.

— Не знаю! Что то не ладно, и только... Наши козаки по цѣлымъ ночамъ пьютъ съ гайдамаками, а въ эту ночь пять гайдамаковъ ночевали во дворѣ.

— Ахъ, Боже! нужно пану сказать, воскликнула Елена.

Кормилица не отвѣчала и обѣ женщины задумались о томъ, какъ быть—говорить, или не говорить Саввѣ? Они боялись нападенія, грабежа, убійства—всего самаго худшаго, и едва ли не больше боялись его гнѣва. Недавняя измѣна и предательское пораженіе гайдамаковъ у всѣхъ еще были въ памяти, народъ громко упрекалъ Чалаго, и даже въ самомъ Рубанѣ, на глазахъ полковника, населе-

ніе открыто выражало свои симпатіи гайдамакамъ. Было, слѣдовательно полное основаніе опасаться народной мести.

Предчувствуя возможность внезапнаго нападенія на домъ, Елена немедленно обо всемъ дала знать Цалинскому. У того были свои разсчеты, его мало тревожило то, выйдетъ ли Савва живымъ изъ рукъ гайдамаковъ; въ глубинѣ души онъ даже надѣялся избавиться при этомъ случаѣ отъ ненавистнаго соперника по службѣ и въ личной жизни, но безопасностью Елены онъ дорожилъ и совѣтовалъ ей немедленно переѣзжать въ Немировъ. Она и сама подумывала уже о томъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, т. е. съ самаго возвращенія мужа изъ экспедиціи противъ гайдамакъ, такъ какъ съ этого времени его обычная угрюмость и мрачность быстро возрастали, но со дня на день откладывала выѣздъ, боясь заговорить объ этомъ съ мужемъ.

Съ той минуты, какъ слова кормилицы заронили въ ея умъ подозрѣніе о возможности гайдамацкаго нападенія, Елена не знала покоя, не могла заснуть, и въ ночной темнотѣ передъ глазами ея постоянно сверкали ножи, слышались страшные голоса... Савва смотрѣлъ на нее все болѣе мрачнымъ и грознымъ взглядомъ, по всему видно было, что онъ съ трудомъ сдерживаетъ какой то взрывъ бѣшенства. Вся домашняя атмосфера напоминала затишье въ природѣ передъ грозою.

Наконецъ, страхъ за себя и за ребенка взялъ верхъ; послѣ долгихъ колебаній и размышленій бѣдная женщина рѣшилась просить у мужа позволенія съѣздить къ роднымъ въ Немировъ: придумала даже предлогъ—извѣстіе о болѣзни матери. Савва молча выслушалъ до конца.

— Не поѣдешь! сказалъ онъ рѣшительно.

Елена залилась слезами.

— Что жъ я невольница твоя, что ли? Развѣ ты меня изъ татарской неволи выкупилъ, что держишь какъ на привязи! Я должна ѣхать...

Савва смѣрилъ ее гнѣвнымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Должна? Ждеть тамъ тебя кто нибудь?

— Мать...

— А можетъ быть пріятель?... Знаемъ мы это! Не поѣдешь! закричалъ онъ громко, а если только выйдешь за ворота, сейчасъ прикажу козакамъ повѣсить тебя на грушѣ посреди двора. Слышишь? Довольно уже мнѣ твоихъ прогулокъ и тебя самой! Погнался я за тобою, какъ за свѣтомъ, пока не началъ самъ себя презирать. Ты привела меня къ той пропасти, которую мой отецъ и дѣдъ обходили издалека.

Елена съ плачемъ выслушала эти упреки. Ничего не оставалось больше, какъ воротиться къ ребенку на свою половину. Тамъ, вдвоемъ съ кормилицею начали снова совѣщаться о томъ, какъ бы дать знать родителямъ и Цалинскому обо всемъ происходившемъ, а извѣстить ихъ было необходимо, чтобы предупредить висѣвшую надъ домомъ опасность. Жить дальше въ одномъ домѣ съ этимъ необузданнымъ козакомъ становилось невозможно тѣмъ болѣе, что имъ не разъ уже овладѣвали припадки какого то бѣшенства.

Къ вечеру Елена рѣшилась наконецъ послать надежнаго человѣка, который долженъ былъ на словахъ передать все, что дѣлалось въ домѣ. Посланный могъ воротиться только поздно ночью, но не воротился, потому что еще съ вечера небо заволокли тяжелыя, черныя тучи, ежеминутно грозившія разразиться страшнымъ ливнемъ; очевидно заночевалъ гдѣ нибудь въ дорогѣ. Между тѣмъ какъ встревоженныя женщины съ безпокойствомъ ждали и не могли дождаться посланнаго, Саввѣ тоже не спалось; въ глубокомъ раздумьи ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, покуривая коротенькую трубку.

Потомъ подошелъ къ окну и началъ вглядываться въ безпросвѣтную тьму; вдругъ ему показалось, что изъ-за огромныхъ, старыхъ черешень, окружавшихъ домъ, послышалось конское ржаніе. Онъ началъ прислушиваться, напрягая слухъ и зрѣніе, стараясь что нибудь разсмотрѣть

въ темнотѣ; вѣтеръ колыхалъ верхушки деревьевъ, а шелестъ листьевъ заглушалъ какіе то далекіе, неясные отголоски. Чуткое ухо Саввы отличило какія то другіе звуки, смѣшанные съ шумомъ вѣтвей и листьевъ. Онъ отвернулся отъ окна, медленнымъ шагомъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ висѣвшіе на ней пистолеты, вынулъ шомполъ, опустилъ въ дуло, смѣрилъ, убѣдился, что они заряжены, поправилъ кремни и подсыпалъ свѣжаго пороху. Затѣмъ снялъ саблю, вытащилъ до половины, попробовалъ лезвея и снова вложилъ ее въ ножны; осмотрѣвши оружіе, онъ засунулъ за поясъ пистолеты и съ саблею въ рукѣ медленно подошелъ къ горѣвшему въ углу комнаты ночнику, задулъ его и, остановившись посреди хаты лицомъ къ окну, опершись на саблю, стоялъ въ грозномъ раздумьи и молча прислушивался.

Долго стоялъ онъ въ потьмахъ и чѣмъ дольше слушалъ, тѣмъ яснѣе различалъ сдержанный шопотъ человѣческихъ голосовъ; становилось ясно, что за деревьями скрывались люди, переговаривались, можетъ быть привязывали лошадей. Одну минуту онъ было подумалъ, что это обычная козацкая стража нашептываетъ прощальныя любезности рубанскимъ дивчатамъ и молодыцямъ, спѣшившимъ домой послѣ работъ,—но тревожная совѣсть подсказывала иное...

Онъ обождалъ еще немного, потомъ приблизился къ стѣнѣ, снялъ мѣдный рогъ и потихоньку вышелъ изъ дому, чтобы созвать стражу и справиться, что это за голоса. Непроглядная тьма охватила его на дворѣ, сколько ни напрягалъ онъ зрѣніе, пытаясь различить что нибудь,—все безуспѣшно, а вокругъ царила такая мертвая, наводящая ужасъ тишина. Савва поднесъ рогъ ко рту и затрубилъ призывный сигналъ. Обыкновенно десять голосовъ отвѣчало на знакомый призывъ полковника, теперь словно все вымерло во дворѣ, только эхо повторилось между деревьями и постройками и замерло далеко на левадѣ.

Савва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ группѣ черешень и уже приложилъ было снова трубу къ губамъ,

какъ вдругъ изъ-за деревьевъ раздался выстрѣлъ. Едва ступилъ онъ шагъ назадъ, какъ посыпалось еще нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ. Онъ понялъ, что означали эти выстрѣлы и почему стража не отвѣчала на его сигналъ. Впрочемъ, ни одна пуля не попала въ цѣль. но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ нѣсколько человѣкъ бросились сзади, а одинъ слегка задѣлъ его саблею по лбу. Кровь потекла по лицу, онъ быстро поднялъ лѣвую руку и началъ утирать глаза, отбиваясь правою и отступая назадъ, а удары нападающихъ все чаще и чаще достигали его. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ ослабѣвать и скоро не въ силахъ будетъ сопротивляться, а группа нападавшихъ наступала все настойчивѣе.

Вдругъ. на всѣхъ четырехъ углахъ дома вспыхнулъ огонь и обширный дворъ сразу освѣтился красноватымъ пламенемъ отъ горящей соломенной крыши. При свѣтѣ зарева дворъ оказался переполненъ людьми: одни бѣгали изъ конца въ конецъ съ горящими *вихами* и подкладывали ихъ подъ крыши конюшень, сараевъ и жилыхъ построекъ. другіе держали подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей, наконецъ остальные нападали на отчаянно защищавшагося полковника, который, пользуясь темнотою, успѣлъ прислониться къ толстому стволу черешни, представлявшей для него родъ прикрытія. Во главѣ нападавшихъ былъ Игнатъ.

— А! зрадлыва гадюко!—кричалъ онъ, теперь не выскользнешь! Выкручивался ты отъ запорожцевъ и отъ москалей, а отъ меня не уйдешь! Не будешь больше продавать своихъ!

Савва былъ силенъ и хорошо владѣлъ саблею. Ежеминутно бросался онъ впередъ противъ нападавшихъ, но каждый разъ чья нибудь сабля доставала его и онъ отступалъ къ своему дереву. Игнатъ, отлучившійся на минуту, пробѣжалъ по двору съ копьемъ въ рукахъ, подскочилъ съ боку къ Чалому и ударилъ его подъ сердце съ такою силою, что остріе прошло насквозь и вышло черезъ пра-

вый бокъ. Савва упалъ, а древко копья переломилось подъ тяжестью его тѣла.

— Собакѣ—собачья смерть! крикнулъ Игнатъ, и не ожидая, пока Савва, смертельно раненый, окончитъ жизнь, вынулъ саблю и со всего размаху ударилъ его по шеѣ. Кровь хлынула ручьемъ на окружавшихъ его гайдамаковъ, руки конвульсивно подергивались, скорченные пальцы быстро царапали землю, а голова, на половину отрубленная, хрипѣла предсмертнымъ хрипѣніемъ. Все это продолжалось не больше нѣсколькихъ секундъ. Игнатъ размахнулся еще разъ,—схватилъ за волосы окровавленную голову, страшно мигавшую глазами при заревѣ пожара и, не безъ труда протискавшись къ лошади, поднялъ высоко надъ головою свой страшный трофей и крикнулъ во весь голосъ:

— Такъ кончаютъ предатели!

При звукахъ тревоги и выстрѣловъ Елена пробудилась въ испугѣ; ея комната была освѣщена яркимъ заревомъ пожара, а со двора доносились яростные крики гайдамаковъ. Она сразу поняла, въ чемъ дѣло, схватила сына и бросилась къ выходу, но въ открытую дверь повалили клубы бураго дыма съ огненными змѣйками; она бросилась къ окну, отперла раму, выскочила въ садъ и упала на траву, но холодъ, ночи страхъ и сознаніе неминуемой опасности—все это придало ей силы, она вскочила на ноги и стремглавъ пустилась къ левадѣ. На встрѣчу ей мчался Игнатъ, высоко поднявъ голову Саввы съ крикомъ:

— Смерть! смерть измѣнникамъ!

Елена невольно подняла глаза на окровавленную голову мужа, ей показалось, что голова эта все еще грозитъ, проклинаетъ..., и она безсильно упала подъ лошадь. Игнатъ, ничего не замѣчавшій въ своемъ увлеченіи, перешагнулъ черезъ безчувственную женщину и пришпорилъ коня. Вслѣдъ за нимъ неслись четверо товарищей.

— Ѣдемъ!—крикнулъ онъ имъ; пускай другіе хозяйничаютъ на пожарищѣ; у насъ самая богатая часть добычи!

Пришпорили лошадей, вихремъ промчались по узкимъ улицамъ Рубаня и исчезли въ степи. Погони за ними не было, стража, споенная гайдамаками, спала мертвецкимъ сномъ. Далеко уже на степи Игнатъ оглянулся назадъ; высоко на небѣ подымалось зарево пожара.

— Горитъ еще, замѣтилъ онъ.

— До утра кончится, отвѣчали ему.

По уходѣ гайдамаковъ, кормилица отыскала въ травѣ безчувственную госпожу и проводила ее въ ближайшую хату. Нужно было переждать до утра, чтобы дать знать въ Немировъ обо всемъ случившемся. Самое происшествіе отчасти было уже выяснено заревомъ, посланный могъ прибавить только нѣкоторыя подробности; онъ прежде всего явился съ извѣстіемъ къ Цалинскому, но кромѣ общихъ свѣдѣній о томъ, что гайдамаки сожгли домъ и убили полковника, не зналъ ничего опредѣленнаго. Цалинскій нахмурился, выслушавъ отчетъ, и замѣтилъ про себя:

— Слава Богу! съ козакомъ всѣ счеты кончены.

Однако приказалъ осѣдлать лошадь, поѣхалъ въ Рубань въ сопровожденіи нѣсколькихъ жолнеровъ. Въ селѣ не было ни души, всѣ жители разбѣжались, или попрятались гдѣ нибудь подальше, пока все не успокоится, боясь подвергнуться отвѣтственности; не къ кому было обратиться за свѣдѣніями, село словно вымерло. Всадники проѣхали опустѣвшую улицу, въ концѣ которой показалась усадьба Чалаго. Это было дымящееся пепелище, съ кучею безобразныхъ обломковъ балокъ, обугленныхъ печей и трубъ, а весь дворъ былъ заваленъ обгорѣлыми снопами. Надъ развалинами царила мертвая тишина оконченнаго пожара, вокругъ не было ни души.

Цалинскій медленно въѣхалъ во дворъ и осмотрѣлся по сторонамъ. Сердце его невольно сжалось, ему сдѣлалось жутко при видѣ такого опустошенія; вѣдь здѣсь, въ этомъ домѣ жила любимая имъ женщина и его сынъ. Тревожнымъ взглядомъ озирался онъ вокругъ; вдругъ лошадь споткнулась, Цалинскій посмотрѣлъ внизъ и уви-

дѣлъ обезглавленный трупъ—онъ узналъ Чалаго. Долго смотрѣлъ онъ на безжизненное тѣло соперника не безъ внутренняго удовлетворенія.

— Слишкомъ часто измѣнничалъ, подумалъ онъ, поворотилъ коня и поѣхалъ дальше, ища кого нибудь, чтобы распросить о судьбѣ Елены. Уже на улицѣ замѣтилъ онъ мальчика, который при его приближеніи пытался спрятаться въ *бурьяны* подъ плетнемъ.

— Эй! ты! вылѣзай-ка сюда, позвалъ Цалинскій. Мальчикъ еще глубже зарылся въ бурьянъ.

— Вылѣзай, не то вытащимъ тебя оттуда!

Дитя со страхомъ высунуло голову.

— А гдѣ тѣ, что ушли съ пожара?

Мальчикъ, ковыряя въ носу, указалъ на небольшую хатку, пріютившуюся между деревьями.

— Вонъ гдѣ...

Въ эту минуту дверь хаты отворилась и на порогѣ сперва показалась кормилица, за нею Елена съ малюткою на рукахъ, блѣдная, разстроенная. Узнавши Цалинскаго, она ступила нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Ахъ, Боже, какъ я несчастна! простонала она и громко заплакала. Цалинскій старался успокоить ее и побороть собственное волненіе, чтобы не уронить честь мундира.

— Конецъ уже.... говорилъ онъ нѣсколько утѣшенной женщинѣ; та поняла значеніе этихъ словъ и улыбнулась.

— Я уже думала, что умру здѣсь... что цѣлый адъ, со всѣми чертями, обрушился на нашъ домъ... Пусть отецъ сейчасъ же пришлетъ за мною лошадей, не хочу ни минуты оставаться здѣсь... И при воспоминаніи о пережитой ночи, страхъ охватилъ ее съ прежнею силою и она снова заплакала.

— Успокойся же, вацпани, не слѣдуетъ предаваться отчаянію... всѣ несчастья теперь кончились, а мертвецы не возвращаются съ того свѣта...

Цалинскій остался еще немного утѣшать Елену, а тѣмъ временемъ пріѣхали ея родители и взяли къ себѣ дочку съ внукомъ.

Игнатъ съ товарищами мчался впередъ, ни мало не заботясь о томъ, что дѣлалось въ Рубани; онъ достигъ своего: отомстилъ за всѣхъ и увозилъ голову предателя, въ видѣ трофея привязанную къ сѣдлу, которую спѣшилъ показать Верлану; ѣхали цѣлую ночь, днемъ отдыхали въ безопасномъ мѣстѣ, а на слѣдующую ночь Игнатъ былъ на Дабижиномъ хуторѣ. Было уже такъ поздно, что онъ не рѣшился идти въ хату, боясь разбудить больнаго, и легъ спать на дворѣ, подложивъ подъ голову сѣдло, а торока съ привязанною къ нимъ головою бросилъ на завалинку. Проснувшись по утру, онъ всталъ и вошелъ въ хату. Верланъ сильно измѣнился: похудѣлъ, осунулся, состояніе раны было самое безнадежное—начиналось воспаленіе, грозившее быстрою смертью, не было никакого спасенія, нужно было примириться съ мыслью о смерти, которая могла наступить съ каждымъ днемъ.

Какъ только солнце нѣсколько согрѣвало воздухъ и осушало росу, больнаго выводили изъ хаты и клали противъ солнца, подостлавши мягкой травы. Когда Игнатъ вошелъ къ нему, Верланъ встрѣтилъ его привѣтливымъ взглядомъ.

— Воротился?

— Чалаго уже нѣтъ, отвѣчалъ молодой козакъ.

Верланъ слегка кивнулъ головою.

— Пускай его тамъ Богъ разсудитъ! Погубилъ и насъ, и себя... ни за что пропалъ. Больной умолкъ, будучи не въ силахъ говорить дальше.

Матвій обратился къ прибывшему:

— Помоги-ка мнѣ вывести атамана на солнце.

Бережно поддерживая больнаго подъ плечи, его осторожно вывели изъ хаты и уложили на травѣ; затѣмъ Игнатъ началъ подробный разсказъ о томъ, какъ ему удалось пробраться въ Рубань и выполнить свое намѣреніе.

Молча выслушавши разсказъ до конца, Верланъ невольно бросилъ взглядъ въ ту сторону, гдѣ лежала привезенная голова. Струйки запекшейся крови, присохшей на блѣдномъ лицѣ, рядъ стиснутыхъ зубовъ, блестѣвшихъ сквозь полураскрытыя, зеленоватыя губы, торчащіе усы, забрызганные кровью,—все это придавало лицу какой то дикій, страшный видъ. Почуявъ запахъ свѣжей крови, трудолюбивые муравьи начали еще ночью съ разныхъ сторонъ стекаться къ мертвой головѣ и сновали по ней съ какою то лихорадочною поспѣшностью; одна партія бѣжала вверхъ ко лбу, къ глазамъ, другая возвращалась оттуда на шею, при встрѣчѣ останавливались на минуту, словно о чемъ то переговариваясь, что то сообщая другъ другу, и снова расходились. Когда засіяло солнце, налетѣли зеленыя мухи, садились на сомкнутыя вѣки, прохаживались по нимъ, словно отыскивая, гдѣ бы удобнѣе запустить жало, а по завалинкѣ медленно и осторожно, тяжело переступая, приползъ чорный жукъ, привлеченный запахомъ лакомой пищи.

Больной долго слѣдилъ за этою сценою, потомъ невольно отвернулся съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о своихъ несбывшихся надеждахъ, и проговорилъ:

— Кружился, какъ вихрь... всего для тебя было мало, а теперь ты развѣ имѣешь больше? Успокоился на вѣки... Пройдетъ еще немного времени и останется только голый черепъ, никто и не догадается, что это остатки твоей буйной головы...

Рѣшено было, что Игнатъ отвезетъ голову Чалаго на Сичъ въ доказательство того, что измѣнникъ наказанъ.

— Заѣдешь и въ Мошны, сказалъ Матвій, отдашь Марусѣ отцовскіе пистолеты, иззубренную саблю и сломанное копье; пусть знаетъ, что отецъ ея погибъ славною козацкою смертью.

Однако старикъ все удерживалъ Игната на хуторѣ: состояніе больнаго съ каждымъ днемъ ухудшалось и не было никакой надежды на сохраненіе жизни; всѣ знахари и знахарки твердили въ одинъ голосъ, что пуля, засѣв-

шая у него подъ сердцемъ, заклятая, иначе она давно бы уже вышла.

— Подожди немного, сынку,—видишь, Верлану очень плохо... кто знаетъ, долго ли онъ протянетъ?... Схоронимъ его по-христіански, да и поѣдемъ вмѣстѣ... Можетъ быть, и моя голова найдетъ тамъ покой... пора уже и мнѣ...

Предчувствіе не обмануло старика: больному, дѣйствительно, становилось все хуже и хуже; безпрерывная лихорадка отнимала послѣднія силы, а тревога и неизвѣстность о томъ, какъ устроятся дальнѣйшія судьбы Украины, держали его въ постоянномъ лихорадочно -напряженномъ состояніи. Какъ только наступало малѣйшее облегченіе, онъ немедленно начиналъ развивать ту же тему.

— Знаешь, Матвію, вѣдь старый Мазепа былъ правъ, говоря:

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела диты при бытій дорози ..

Мы стоимъ посрединѣ, все равно, какъ дерево между еврейскими домами; если низкое, козы его общипаютъ, а если высокое, до тѣхъ поръ будутъ тереться объ него, пока не усохнетъ. Знаешь, мнѣ уже недолго осталось жить на свѣтѣ, а передъ смертью умъ человѣка проясняется—онъ можетъ видѣть и понимать то, чего другіе не видятъ. Передъ смертью въ душѣ нашей гаснутъ всѣ личныя страсти, желанія, честолюбіе, человѣкъ уже ничего не желаетъ для себя и потому спокойнѣе можетъ думать о другихъ...

Больной останавливался передохнуть и, собравшись съ силами, продолжалъ.

— Служить кому нибудь, или работать для самихъ себя,—это отъ насъ зависитъ... Если человѣкъ умный и дѣятельный, онъ трудится для себя, если глупый и нерадивый, то его каждый можетъ запречь, какъ вола въ ярмо... Нерѣдко мятель заводитъ насъ на окольныя дороги и не потому, чтобы прямой путь былъ неизвѣстенъ, а потому, что снѣгомъ заметаетъ и хорошо знакомыя дороги... Та-

кая мятель свирѣпствуетъ теперь повсюду у насъ на Украинѣ... нечистый сѣетъ обманъ, предательство, лживыя обѣщанія и, словно снѣгомъ, засыпаетъ глаза...

— Ты, Матвію, пока живъ, старайся снимать людямъ эту завѣсу съ глазъ... Пусть ни на кого не полагаются— свою хату нужно строить самимъ по своему,—пусть ясно сознаютъ, что имъ нужно, и разсчитываютъ только на собственныя силы, чтобы не ошибиться въ разсчетѣ...

Къ вечеру больному сдѣлалось хуже, лихорадка усилилась; пока свѣтило солнце, онъ лежалъ на дворѣ, но передъ заходомъ его внесли въ хату и тутъ онъ продолжалъ бредить на тему изъ своей послѣдней бесѣды. Друзья не отходили отъ него, хотя присутствіе ихъ и не могло облегчить его страданій. Около полуночи больной крѣпко заснулъ; по утру Матвій подошелъ къ нему и взялъ за руку, но рука подымалась съ трудомъ и безжизненно упала на грудь.

— Скончался, помолимся за его душу! произнесъ старикъ и, обернувшись къ окну, началъ набожно креститься на востокъ.

XI.

Грыцько сидѣлъ дома—все выжидалъ удобной минуты, чтобы присоединиться къ гайдамакамъ, но минута эта все какъ то не приходила. Первое одушевленіе миновало, охотники выступили въ поле и объ отрядѣ Гордія Грывы не было никакого извѣстія. Ему наскучило уже сидѣть дома, стыдно было и передъ людьми, и передъ самимъ собою, а вырваться въ степь, одному какъ птица, было бы безразсудствомъ. Нельзя же было ѣздить отъ села до села и разспрашивать по корчмамъ у проѣзжихъ, не проходилъ ли гдѣ отрядъ гайдамаковъ. Такъ недалеко уйдешь! Въ первомъ порядочномъ мѣстечкѣ закуютъ въ „кайданы“ и, какъ бродягу, бросятъ въ тюрьму.

Положеніе было безысходнымъ и тѣмъ сильнѣе расло въ немъ раздраженіе противъ жены, которая на первомъ шагу заставила его оступиться, сдѣлала смѣшнымъ въ глазахъ односельчанъ и теперь отымала всякую возможность выйти изъ фальшивой позиціи. Положеніе. дѣйствительно, было невыносимо тяжело; съ одной стороны немилая жена, съ которою каждый день былъ истиннымъ адомъ въ домѣ, съ другой—полная невозможность удовлетворить давно лелѣяннымъ стремленіямъ. Все то, что еще такъ недавно казалось ему счастьемъ, на самомъ дѣлѣ оказывалось тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ его съ непреодолимою силою, а самъ онъ, разочарованный, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія. Только теперь, когда судьба на вѣки связала его съ другою женщиною, легкомысленный молодой человѣкъ понялъ, какъ глубоко любилъ онъ Марусю.

Какъ тѣнь, бродилъ онъ изъ угла въ уголъ, погруженный въ собственныя мысли, отъ которыхъ никакъ не могъ избавиться, и такъ ему иногда становилось тяжело, такъ горько, что онъ готовъ былъ бѣжать, куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта, лишь бы избавиться отъ нихъ. Тоска закрадывалась въ душу, какъ червь точила сердце: онъ не могъ простить себѣ, что такъ сгубилъ свою жизнь и собственное счастье, а той, кого любилъ дѣйствительно, принесъ только слезы и горе. Все это тѣмъ сильнѣе заставляло страдать, что въ немъ уже начинало пробуждаться сознаніе собственной несостоятельности; пока онъ ожидалъ, что со дня на день можетъ подойти изъ-за Днѣпра новый гайдамацкій отрядъ, къ которому можно было бы примкнуть, для него еще оставалась надежда среди тревожной военной жизни забыть свою любовь къ одной и ненависть къ другой женщинѣ. Между тѣмъ отрядъ не приходилъ, а время шло, и всѣ смотрѣли на Грыця такимъ взглядомъ, словно говорили: не пошелъ, побоялся... предпочелъ остаться съ молодою женою, нежели ночевать на сырой травѣ подъ открытымъ небомъ... Ему дѣлалось

стыдно передъ самимъ собою за свое малодушіе, приковавшее его къ дому въ то время, какъ другіе шли на бой.

Если случалось по дому оставаться одному, его начинала мучить совѣсть, сожалѣніе о потерянномъ счастьи и непоправимости своего положенія и нерѣдко приводили его въ отчаяніе.—Уйду отсюда, думалъ онъ, убѣгу на Сичъ, на Запорожье... лучше каждый день биться съ татарами и турками, нежели жить здѣсь въ постоянной тоскѣ, которая точитъ сердце, какъ ржавчина желѣзо. Зачѣмъ мнѣ сидѣть здѣсь, чего ждать? И такъ уже всѣ указываютъ на меня пальцами, говорятъ: ушелъ отъ своихъ! Пусть же лучше говорятъ: ушелъ къ своимъ! Но разъ принявши рѣшеніе, молодой человѣкъ отступалъ передъ нимъ и колебался.—Еще успѣю, времени довольно на все—твердилъ онъ самъ себѣ въ ночной тишинѣ. Что же удерживало его? Если для него не было безразличнымъ то, какъ посмотрятъ на него люди и что подумаютъ, то мысль, что и Маруся вмѣстѣ съ другими можетъ презирать его, становилась просто невыносимою.—Разскажу ей все, какъ есть, что думаю и чувствую, а тогда—будь здорова! думай себѣ, какъ знаешь...

Но и тутъ природная нерѣшительность удерживала его, да и не представлялось удобнаго случая. Правда, онъ видался иногда съ Марусею, но въ разговоръ не вступалъ и не потому, чтобы они сторонились, избѣгали другъ друга, а просто у обоихъ при встрѣчѣ какъ то сжималось горло и они спѣшили разойтись, едва обмѣнявшись нѣсколькими словами.

Однажды въ воскресенье тетка Ярына съ Марусею возвращались изъ церкви; уже миновали базаръ и своротили въ улицу, ведущую къ ихъ дому, какъ вдругъ неизвѣстно откуда, словно изъ-подъ земли выросъ Грыцько и шелъ прямо на встрѣчу, къ большому неудовольствію Ярыны. Старуха обыкновенно старалась предупреждать встрѣчи между молодыми людьми, чтобы сельскія кумушки не точили языковъ на счетъ ея племянницы, и въ церкви

или на базарѣ всегда успѣвала во время скрыться въ толпѣ, или пройти между возами. Съ той минуты, какъ она увидѣла ихъ разговаривающими около перелаза, ее тревожило какое то дурное предчувствіе и она всячески оберегала дѣвушку. На этотъ разъ не было возможности избѣжать встрѣчи.

Грыць между тѣмъ подошелъ, поздоровался и остановился среди улицы съ очевиднымъ намѣреніемъ поговорить.

— Нѣтъ ли какого извѣстія отъ сотника? началъ онъ рѣшительно.

— Нѣтъ!... Люди говорятъ то—другое, а самъ онъ ничего не *переказывалъ*. Какъ уѣхалъ весною, такъ съ тѣхъ поръ и слуху о немъ нѣтъ... А ты не слыхалъ ли чего?

Грыцько зналъ то же, что и всѣ, но ничего болѣе опредѣленнаго; слышалъ, правда, что была битва, окончившаяся неудачно для гайдамаковъ, но какъ именно и что было дальше, никто не зналъ. Тѣ, кому удавалось спастись, обыкновенно долгое время скрывались по лѣсамъ и хуторамъ, избѣгая мѣстечекъ, гдѣ поиски за ними были усерднѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Кто то видѣлъ того или другаго, что то слышалъ отъ него, но точныхъ свѣдѣній никто не имѣлъ. На вопросъ старухи Грыцько только пожалъ плечами.

— Ничего!... знаю только, что бились съ ляхами...

Ярына вздохнула.

— Если бъ хоть вѣсточку прислалъ!—сказала она и обернулась, услыхавши позади себя какой то шорохъ.

— А, вотъ и Гандзя!

Молодые люди обернулись въ ту сторону; прямо на нихъ спѣшила Гандзя изъ своей хаты и еще издали слышны были ея торопливые шаги. Поровнявшись съ бесѣдовавшими, она остановилась, даже не кивнувши головою, окинула всѣхъ горящимъ взглядомъ и остановила глаза на Марусѣ, ея быстрое, прерывистое дыханіе обличало трудно сдерживаемый гнѣвъ.

— О чемъ это вы разсказываете?

— О нашемъ горѣ, спокойно отвѣтила Ярына.

— Вотъ, не нашли лучшаго мѣста для разговоровъ! Видно, такъ торопитесь разсказать о своей бѣдѣ, что даже людей задерживаете на дорогѣ...

Старуха сдержала негодованіе и промолчала, но Грыцько бросилъ на жену взглядъ, полный гнѣва.

— Я самъ остановился и ихъ задержалъ, думалъ, не узнаю ли чего про дядька Гордія...

Этотъ отвѣтъ ни мало не успокоилъ Гандзю; ее душила злоба, ревность, гнѣвъ противъ мужа, который бросалъ хату, чтобы поговорить съ тою, которую раньше любилъ.

— Неправда!—крикнула она; стыдись... бросаешь жену, а самъ бѣжишь туда, гдѣ на тебя дивчата бровами моргаютъ!

Ярына приняла это замѣчаніе полу-шутя, полу-сердито:

— Отсе! напасть на чыстий дорози! сказала она, глядя съ усмѣшкою на раскраснѣвшееся лицо Гандзи, но Грыця до глубины души оскорбила выходка жены.

— Ты! *навижена!* отвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ, опомнись... люди смотрятъ и слушаютъ.

Но та уже не въ силахъ была сдерживать злости.

— Пусть смотрятъ! пусть слушаютъ! тебѣ стыдъ, а не мнѣ.

Тетка потянула Марусю за руку.

— Идемъ, дитя мое...

Казалось, спокойствіе старухи еще больше раздражало ея соперницу; стиснувъ кулаки, она погрозила въ слѣдъ уходившимъ женщинамъ и продолжала выкрикивать, обращаясь къ Марусѣ.

— На тебя пусть смотрятъ, на тебя!... Прежде манила парубковъ, а теперь чужихъ мужей манишь! Моргай, моргай, сколько хочешь!... теперь уже поздно, не отнимешь его, не отнимешь!... До слуха дѣвушки явственно долетѣли послѣднія слова, особенно рѣзко акцентированныя, и глубоко поразили ее въ самое сердце; она поблѣднѣла,

но не возражала и не оборачивалась, отвѣчая однимъ презрительнымъ молчаніемъ.

Грыць посмотрѣлъ въ разъяренное лицо жены, смѣрилъ ее презрительнымъ взглядомъ и плюнулъ съ отвращеніемъ.

— Пропади, ты, змѣя, съ твоимъ жаломъ!—Отвернулся и пошелъ въ мѣстечко, а Гандзя осталась одна посреди улицы, внѣ себя отъ бѣшенства, проклиная и Марусю, и мужа, и весь свѣтъ.

Поздно вечеромъ Грыць воротился домой мрачный и безмолвный.

Войдя въ хату, онъ даже не взглянулъ на жену, а прямо подошелъ къ вѣшалкѣ надъ кроватью и снялъ свытку. Гандзя возилась около печи.

— А куда это ты собираешься? спросила она заискивающимъ тономъ.

— На пашу съ лошадьми, въ степь...

— Въ степь? А ужинать? Погоди минуту—кулишъ готовъ уже, „*насыплю*" въ миску.

Грыць изъ подлобья взглянулъ на жену.

— Накормила уже, отвѣчалъ онъ.

Гандзя очевидно успѣла придти въ себя послѣ утренней сцены и теперь, видя мужа печальнымъ, ей сдѣлалось жалко, она рада былъ бы поправить дѣло, но Грыць совсѣмъ не былъ расположенъ мириться. Набросивъ на плечи свыту, онъ вытащилъ изъ подъ лавки лошадиныя пута и направился къ выходу. Гандзя отъ печи подскочила къ дверямъ и стала на порогѣ.

— Подожди, ужинъ готовъ... Никогда не скажешь мнѣ добраго слова... бѣжишь отъ меня, какъ отъ зачумленной...

Мужъ посмотрѣлъ на нее съ укоромъ.

— А ты сама? *стежку мени промітаешъ?* Погнался я за твоими поцѣлуями и попалъ, какъ муха въ паутину. . Отстань! произнесъ онъ съ гнѣвомъ, отстранилъ ее рукою и вышелъ, хлопнувъ дверью. Гандзя молча смотрѣла ему въ слѣдъ словно окаменѣлая; казалось, какая то сила при-

ковывала ее къ порогу,—она не могла двинуться съ мѣста, сердце ея замирало отъ какой то еще неизвѣданной боли; сухіе глаза жгло, какъ огнемъ, грудь сжималась будто въ тискахъ—а она все стояла неподвижно, опершись о притолку.

Въ хатѣ становилось темно, въ печи догоралъ огонь, только съ трескомъ вспыхивали по временамъ сухія вѣтки и сыпались искры, на мгновеніе озаряя слабымъ свѣтомъ темную внутренность пустой избы. Гандзя смотрѣла безсознательно въ глубь полуосвѣщенной хаты и грустно прошептала:

— Такъ вотъ мое счастье!

Очевидно, мысль о несбывшемся счастьи тяжело давила ей сердце, потому что вскорѣ среди глубокой тишины, прерываемой только трескомъ огня, послышались сперва чуть внятныя, потомъ все болѣе и болѣе громкія рыданія.

Между тѣмъ Грыцько вывелъ лошадей за хуторъ, спуталъ ихъ и погналъ въ степь, затѣмъ разостлалъ на землѣ свыту, вынулъ изъ кармана трубку, растеръ въ рукахъ листъ махорки, набилъ трубку, выкресалъ огня и, медленно покуривая, легъ на свытку. Протянувшись во всю длину, онъ безсознательно устремилъ глаза въ темное небо, искрившееся безчисленными звѣздами. Ночь была тихая, прохладная, онъ полною грудью вдыхалъ воздухъ, переполненный запахомъ различныхъ травъ. Со стороны села доносились неясные звуки, лай собакъ, въ степи раздавались острые тоны сопилки, на которой наигрывали пастухи, сторожившіе лошадей, да гдѣ то вдали раздавался протяжный стонъ пугача: все эта сливалось въ одну общую гармонію лѣтней ночи. Грыцько лежалъ неподвижно, вслушиваясь въ эти несложные звуки, а мыслью переносился въ вишневый садокъ Гордія, куда влекла его непреодолимая сила воспоминанія. Онъ снова перебиралъ въ умѣ все недавнее прошлое, снова размышлялъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ какое самъ себя поставилъ. А между тѣмъ въ глубинѣ его совѣсти все громче и громче раздавался голосъ, упрекавшій его въ томъ, что онъ не

исполнилъ самаго священнаго долга, что онъ по легкомыслію и малодушіію не съумѣлъ преодолѣть каприза жены. Теперь онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, одинокимъ.

Вдругъ онъ рѣшительно всталъ на ноги и проговорилъ про себя:

— Пойду! можетъ быть встрѣчу... Потомъ какъ будто опомнился и началъ раздумывать—природная нерѣшительность возвращалась снова.

— Зачѣмъ? думалъ онъ, теперь ужь ночь... поздно...

Ему и хотѣлось, и въ то же время становилось страшно пойти еще разъ въ тотъ садъ, гдѣ онъ такъ часто встрѣчался съ Марусею, куда и теперь влекла его непреодолимая сила глубоко затаенной любви. Видно, сила эта наконецъ взяла верхъ, онъ пошелъ. Въ саду никого не было. Ночной вѣтерокъ слегла колыхалъ густую листву, сквозь которую едва замѣчалось слабое мерцаніе звѣздъ.

Грыць остановился подъ тою самою вишнею, подъ которою обыкновенно поджидалъ Марусю, и задумался. Дворовый песъ встрѣтилъ его привѣтливо, какъ стараго знакомаго, и началъ ласкаться радостно, визжа и махая хвостомъ. Грыцько погладилъ его и задумчиво смотрѣлъ впередъ на тотъ домъ, гдѣ жила его милая. Тамъ еще не спали; въ окнѣ видѣнъ былъ ясно красноватый свѣтъ лучины и время отъ времени двигалась по хатѣ чья-то фигура. Молодой человѣкъ стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ окна, и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за этою фигурою. Вдругъ въ сѣняхъ скрипнула дверь и на порогѣ показалась Маруся, словно руководимая какимъ то предчувствіемъ.

Въ хатѣ было душно и тоскливо, она вышла немного подышать свѣжимъ воздухомъ и, стоя на порогѣ, посматривала то на небо, то на свой садокъ, полный воспоминаній для нея. Вдругъ она начала прислушиваться; изъ саду явственно доносился радостный визгъ собаки.

— Къ кому это онъ тамъ ластится? подумала дѣвушка и пошла по направленію голоса, пристально вглядываясь

въ темноту. Вскорѣ она увидѣла собаку, а рядомъ съ нею какую-то тѣнь, прислонившуюся къ завѣтному вишневому дереву. Ее обхватила дрожь и сердце ея сильнѣе забилось при одной мысли, что это можетъ быть воротился милый... Въ эту минуту она забыла обо всемъ, что ихъ раздѣляло, а прежнее чувство охватило ее съ новою силою.

— Кто тамъ? спросила она въ полголоса, это ты?

— Я!... пришелъ къ тебѣ... не могъ дольше вытерпѣть... такъ мнѣ безъ тебя грустно, такъ тяжко...

Голосъ Грыця, мягкій и нѣжный, звучавшій неподдѣльнымъ страданіемъ, болѣзненно поразилъ ее.

— Ой, Боже мой! зачѣмъ ты пришелъ? Нельзя... что скажутъ люди? А Гандзя? Она глаза мнѣ выцарапаетъ, если узнаетъ. Иди... иди себѣ съ Богомъ—шептала Маруся, взволнованная, слегка отталкивая его руками,—между нами все кончено...—Иди себѣ, иди... самъ вѣдь захотѣлъ того, что случилось. Грыцько будто не слышалъ этихъ словъ, взялъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ.

— Что же могутъ люди говорить? А Гандзя? О, ради Бога не вспоминай о ней. Развѣ не она отравила нашу жизнь? Она, какъ волшебница, привязала меня къ себѣ, напоила *любысткомъ*... Лучше бы мнѣ умереть теперь, чѣмъ жить съ нею въ одной хатѣ!

Маруся искала въ своемъ умѣ какого нибудь утѣшенія для него и не находила.

— Она вѣдь любитъ тебя... прошептала она чуть слышно.

Слова эти поразили Грыцька въ самое сердце; онъ весь задрожалъ, глаза его гнѣвно сверкнули.

— Любитъ? Неправда! Какъ можетъ она любить, если не дорожитъ моимъ добрымъ именемъ! Развѣ не по ея винѣ подвергаюсь я теперь всеобщимъ насмѣшкамъ и презрѣнію? Развѣ можно мнѣ было оставаться здѣсь? Мое мѣсто тамъ, гдѣ твой отецъ, гдѣ Игнатъ и другіе... а я сижу здѣсь людямъ на смѣхъ... Ненавижу я ее за свой позоръ.

Маруся съ трудомъ удерживала слезы.

— Что жъ дѣлать? куда идти?

— Я знаю, что мнѣ дѣлать, знаю, куда идти! Здѣсь мнѣ оставаться нельзя!... Пришелъ проститься съ тобою...

Дѣвушка закрыла рукою глаза и припала къ его груди, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Подожди еще... просила она, конвульсивнымъ движеніемъ схватываясь за голову, какъ будто боролась съ какою то страшною мыслью,—подожди... но не въ силахъ была продолжать, слова замирали на устахъ. Вдругъ она подняла голову, глаза сверкнули, какъ у разъяренной волчицы.

— Не достанется ни тебѣ, ни мнѣ! восклинула она, обращаясь къ кому то невидимому.

Между тѣмъ тетка Ярына, встревоженная долгимъ отсутствіемъ Маруси, сама вышла изъ хаты узнать, что съ нею, и услыхала сдержанный шопотъ двухъ голосовъ. Она узнала эти голоса и уже хотѣла было подойти и увести племянницу, какъ вдругъ до слуха ея донеслась горькая жалоба Грыцька.

Въ его голосѣ была столько горя и правды, столько глубокой, безъисходной тоски, что въ сердцѣ старухи невольно проснулось состраданіе. Вспомнились свои молодые годы, своя давно забытая любовь и разлука—послѣднее прощаніе съ милымъ, который также отправился въ Сичъ искать славы и счастья и больше не возвращался, и жаль ей стало этихъ двухъ влюбленныхъ.

— Пускай хоть наговорятся, подумала она и, прислонившись къ стѣнѣ, дала волю собственнымъ воспоминаніямъ молодости, которыя, какъ пчелиный рой, зашевелились гдѣ то на днѣ души. Но вскорѣ холодный разсудокъ взялъ верхъ; старуха выпрямилась, махнула рукою, какъ бы отгоняя какое то видѣнье, и проговорила про себя:

— Одчепысь, маро!

Потомъ громко позвала Марусю въ ту самую минуту, какъ та произносила послѣднюю угрозу. Услыхавъ голосъ тетки, дѣвушка въ испугѣ отскочила отъ милаго.

— Иди уже... иди... тетка услышитъ!

А сама все еще не могла оторваться отъ него; одною рукою отталкивала его, другою держала за шею, еще минуту боролась съ какою то тайною мыслью, наконецъ отпустила его.

— Прощай! зайди къ намъ еще на Петра.

Голоса смолкли. Слышались только съ одной стороны тяжелая походка старухи, съ другой, со стороны сада, тихій шелестъ травы, чуть пригибавшейся подъ легкими шагами Маруси. Тетка Ярына не считала нужными дѣлать долгіе выговоры или замѣчанія.

— Не дури, не дури! сказала она рѣшительно; не накликай новаго несчастья, опомнись! Идемъ въ хату... холодно... ты вся дрожишь.

Вмѣсто всякаго отвѣта Маруся наклонилась и молча поцѣловала руку теткѣ; та поцѣловала ее въ голову и обѣ воротились въ хату, только слышно было, какъ щелкнулъ деревянный засовъ въ дверяхъ, затѣмъ свѣтъ въ окнахъ погасъ и въ домѣ воцарилась полная тишина. Однако ни та, ни другая не могла заснуть. Старая тетка размышляла о томъ, какъ бы отвратить висѣвшее надъ домомъ несчастье, между тѣмъ какъ Марусѣ ночная тишина вмѣсто успокоенія нашептывала новый планъ мести.

Въ мѣстечкѣ начали ходить глухіе слухи о томъ, что отрядъ гайдамаковъ, выступившій подъ предводительствомъ Гордія Грывы, былъ разбитъ гдѣ то въ степи между Шаргородомъ и Джуринымъ, но никто не зналъ, что сталось съ Гордіемъ. Слухъ этотъ сильно опечалилъ его домашнихъ—онѣ начали опасаться за свое хозяйство и вообще за будущее; что если походъ дѣйствительно окончился неудачею? Результатомъ легко могло явиться совершенно нежелательное посѣщеніе поляковъ. Къ прежнимъ тревогамъ прибавилась новая.

Все это особенно повліяло на Марусю; ее нельзя было узнать. Румянецъ сбѣжалъ съ лица, смѣнившись матовою блѣдностью глубокой, затаенной печали; ясные глаза впали и потускнѣли, а когда то быстрый, открытый взглядъ уступилъ мѣсто какому то стеклянному, неподвижному, какъ будто она перестала сознавать, что дѣлается вокругъ, даже самая мысль по временамъ какъ будто отсутствовала. Можно было догадываться, что кромѣ естественной печали, вслѣдствіе неизвѣстности о судьбѣ отца, ее мучило еще какое то тайное горе, котораго она никому не могла или не хотѣла довѣрить.

Ярына замѣтила ненормальное состояніе дѣвушки, встревожилась еще больше и послала ее къ знахаркѣ. Маруся ходила къ знахаркѣ, шепталась съ нею, о чемъ то совѣщалась, но здоровье не поправлялось.

— Приготовь себѣ *роману*, дитя мое; увидишь, какъ тебѣ станетъ лучше... и кашель пройдетъ, и повеселѣешь.

Маруся улыбнулась грустно, недовѣрчиво.

— Добре, титко, приготовлю роману.

Вечеромъ, когда начали варить ужинъ, она придвинула къ огню какой-то горшочекъ, закрытый покрышкою; но едва успѣла отвернуться, какъ любопытная старуха приподняла покрышку и заглянула въ горшокъ.

— Что жъ это ты варишь? спросила она съ удивленіемъ, вѣдь это совсѣмъ не ромашка?

Дѣвушка вспыхнула, захваченная врасплохъ.

— Должна быть ромашка... по чемъ я знаю? Знахарка говорила—поможетъ, если выпить...

Старуха недовѣрчиво покачала головою.

— Эй, дивчыно, бойся Бога! Ты еще, пожалуй, дурману какого нибудь напьешься!

Маруся не возражала. Тетка Ярына, сдѣлавши необходимое предостереженіе, отправилась хлопотать по хозяйству, а Маруся наблюдала за своимъ лѣкарствомъ, мрачная, какъ ночь, и глаза ея поминутно застилались слезами. Противъ воли приходили на память воспомина-

нія о недавнемъ еще прошломъ, полномъ беззаботнаго веселья, радостныхъ надеждъ, привязанностей, а потомъ все это измѣнилось такъ внезапно... Малѣйшіе оттѣнки мысли тотчасъ же отражались въ ея голубыхъ глазахъ: они то загорались отъ гнѣва или ревности, то снова потухали, будто подернутые какимъ то туманомъ, и грустно смотрѣли въ пространство. Въ хатѣ никого не было. Маруся запѣла тихимъ, сдавленнымъ голосомъ:

Не ходы, Грыцю, на вечорныци,
Бо на вечорныци дивкы чаривныци.
Котра дивчына чорноброваяя—
То й чаривныця справедлывая...

Въ голосѣ слышалась глубокая скорбь о томъ, что прошло безвозвратно; видно, слова пѣсни какъ нельзя лучше гармонировали съ настроеніемъ пѣвицы, она продолжала:

Въ нодилю рано зилля копала,
А въ понедилокъ пополоскала,
А у вивторокъ зилля варыла,
А у середу Грыця струила...

Голосъ задрожалъ, оборвался и слезы, одна за другою закапали по блѣдному лицу. Но вотъ горшочекъ началъ закипать; дѣвушка утерла глаза, осторожно вынула его изъ печи, дала остыть немного и, когда вся пѣна осѣла, унесла горшокъ въ погребъ. Воротившись въ хату, Ярына уже не нашла его въ печи и начала безпокоиться. Черезъ полчаса вышла Маруся.

— Ну что? спросила тетка.

— Выстуживала въ погребѣ ромашку... выпила... Дѣвушка казалась нѣсколько встревоженною.

— Зачѣмъ же ты такъ поторопилась? Нужно было на ночь...

— Все равно...

Ложась спать, Ярына снова обратилась къ племянницѣ:

— Ну что? лучше тебѣ?

— Кажется, отвѣчала Маруся и прибавила, махнувъ рукою:—этъ! не стоитъ безпокоиться, все это пройдетъ...

Между тѣмъ Грыцько на этотъ разъ, повидимому, твердо рѣшился сдержать слово и серьезно собирался выѣзжать на Запорожье.

— Нечего дальше ждать, говорилъ онъ самъ себѣ; попробовалъ одного счастья и довольно, нужно еще изъ другой бочки пробовать.

Наканунѣ отъѣзда онъ зашелъ проститься съ семьею Гордія; съ его домомъ онъ сжился съ самаго дѣтства, старый сотникъ былъ для него какъ бы вторымъ отцемъ,— не годилось уѣзжать, не простившись съ тѣми, которые такъ долго были близкими для него людьми, тѣмъ болѣе что собирался онъ въ дальній путь, не зная даже, воротится ли оттуда. Сверхъ того онъ чувствовалъ потребнесть оправдаться въ глазахъ Гордія и хотѣлъ на прощаньѐ откровенно поговорить съ Ярыною, зная, что каждое слово его будетъ передано сотнику по его возвращеніи.—Все уже было готово и день выѣзда назначенъ сейчасъ послѣ Петра и Павла.

Грыцьку хотѣлось въ родномъ мѣстечкѣ встрѣтить годовой праздникъ: какое то неясное предчувствіе шептало ему, что это, можетъ быть, въ послѣдній разъ и что не видать ему больше ни старой матери, ни отцовской хаты.

Грыцько пришелъ домой уже передъ вечеромъ, въ невеселомъ настроеніи. Женѣ онъ не говорилъ ни куда ѣдетъ, ни когда возвратится, и на всѣ распросы отвѣчалъ одно:

— Ѣду къ своимъ... люди сражаются въ полѣ и мнѣ не слѣдуетъ сидѣть за печкою.

Дома онъ вдругъ почувствовалъ какую то особенную боль въ желудкѣ; въ теченіи ночи боль усилилась, онъ волею—неволею принужденъ былъ отсрочить выѣздъ и весь слѣдующій день пролежалъ на лавкѣ въ сильныхъ мученіяхъ. Испуганная Гандзя обѣгала всѣхъ знахарей и знахарокъ въ мѣстечкѣ—ничто не помогало. Всѣ твердили въ одинъ голосъ, что это *пороблено*, и никто въ Мошнахъ не умѣлъ отчитывать такого рода чаръ. Такъ прошло еще два дня. Больному становилось все хуже и хуже, боли

не прекращались, лице сдѣлалось желтое и прозрачное, какъ воскъ, наконецъ, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ двинуться съ мѣста. Въ домѣ Гордія ничего не знали о трудномъ положеніи Грыцька, слыхали только, что онъ не уѣхалъ—кажется заболѣлъ. Обѣ женщины приняли эту новость съ неподдѣльнымъ участіемъ, особенно Маруся; поглядывая на нее украдкою, тетка Ярына замѣтила, что съ нею творится что то необыкновенное, что переходитъ предѣлы обыкновенной человѣческой печали то она ходила, какъ убитая, то вдругъ ея блѣдное лице оживлялось выраженіемъ такой рѣшимости, глаза сверкали такимъ злобнымъ, дикимъ торжествомъ, на губахъ появлялась такая горькая, страдальческая улыбка, что старая тетка просто терялась въ догадкахъ и только просила Бога, чтобы Гордій возвращался скорѣе.

Дня черезъ три послѣ прощанія съ Грыцькомъ, обѣ женщины, передъ заходомъ солнца, сидѣли на *прызьбѣ* подлѣ хаты; старуха споласкивала пшено къ ужину, Маруся держала въ рукахъ какое то шитье и то больше для виду. Вдругъ изъ-за перелаза показалась тетка Луцька съ какимъ то озабоченнымъ лицемъ.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Обмѣнявшись привѣтствіями, женщины умолкли, бесѣда какъ то не клеилась. Гостья первая прервала молчаніе:

— Отсе! а вы ничего не знаете?

— Нѣтъ...

— Бѣдный... вчера умеръ... сейчасъ и хоронить будутъ, я вотъ какъ разъ спѣшила туда и къ вамъ зашла.

Слова эти какъ громомъ поразили ничего не подозрѣвавшихъ женщинъ; онѣ сразу догадались, кто умеръ, и въ то же время боялись повѣрить ужасной истинѣ.

— Кто умеръ? спросили онѣ въ одинъ голосъ.

— А Грыць же! вотъ такъ, Богъ вѣсть отъ чего, умеръ и только!

Снова наступило тяжелое молчаніе. Ярына поднялась съ мѣста, трижды перекрестилась, обратясь къ востоку и снова усѣлась на *прызьбѣ*. Еще нѣсколько времени всѣ молча поглядывали другъ на друга съ выраженіемъ страха, недоумѣнія и какого то тревожнаго любопытства, пробовали было заняться своимъ дѣломъ, но работа сама собою валилась изъ рукъ. Наконецъ Маруся подняла голову и устремила неподвижные, стеклянные глаза въ ту сторону, гдѣ стояла хата Грицька.

— Не натѣшилась... сказала она про себя; въ голосѣ ея слышалось какъ будто торжество побѣды, смѣшанное съ глубокою скорбью. Всѣ подняли головы и смотрѣли на Марусю, словно пробужденные изъ забытья этимъ голосомъ. Въ эту минуту послышался протяжный, жалобный, какъ стонъ, ударъ колокола, за нимъ другой, третій... Женщины машинально встали на ноги, обернулись въ ту сторону и начали креститься.

— Хоронятъ уже, отозвалась тетка Луцька.

Между тѣмъ колоколъ продолжалъ звонить; его жалобные звуки расплывались въ воздухѣ и повторялись эхомъ по степямъ и лѣсамъ. Далеко въ концѣ улицы показалась погребальная процессія. Пара сивыхъ воловъ медленнымъ шагомъ везли возъ, на которомъ стоялъ закрытый гробъ; волы шли печальные, не пережевывая обычной своей жвачки, и казалось, понимали, что оказываютъ послѣднюю услугу своему хозяину. На дубовой крышкѣ гроба, посерединѣ лежалъ большой пшеничный калачъ, рядомъ съ нимъ коровай ржанаго хлѣба, а по обоимъ концамъ стояли двѣ маленькія глиняныя мисочки: въ одной была *грудка* каши, въ другой нѣсколько кусочковъ темной, кристаллической соли. За гробомъ шли съ громкимъ плачемъ жена и мать покойнаго, окруженныя родственниками и друзьями.

Еще издали слышенъ былъ какой то глухой монотонный вой, въ которомъ, по мѣрѣ приближенія кортежа, можно было различить громкій плачъ провожающихъ, прерываемый по

временамъ рѣзкими, душу надрывающими причитаніями женщинъ. Когда кортежъ приблизился къ гордіевой усадьбѣ, всѣ три женщины встали, подошли къ воротамъ и ждали, облокотясь на *тынъ*; вскорѣ гробъ поровнялся съ ними, онѣ перекрестились и снова, скрестивъ руки на груди, слѣдили глазами за удаляющимся возомъ.

— Идемъ на *цвынтарь*, предложила Луцька.

— Идемъ...

Ярына взглянула на Марусю и воскликнула, пораженная:

— Сила Господня! Что съ тобою?

Дѣвушка стояла блѣдная и неподвижная, какъ мертвецъ, а горячечный, безпокойный взглядъ бѣгалъ, какъ у безумной. Она, повидимому, не слыхала обращеннаго къ ней вопроса.

— Что съ тобою? повторила старуха.

— Повезли уже... пробормотала Маруся безсознательно. Потомъ лицо ея искривилось какимъ то болѣзненнымъ раздраженіемъ: она потянула тетку за рукавъ.

— Пойдемъ! Тамъ еще разъ увидимъ его!... Ахъ, эти колокола чего то плачутъ!

Тетка Ярына, до крайности встревоженная такимъ состояніемъ дѣвушки, не знала, что сказать, только смотрѣла на нее со страхомъ и изумленіемъ, повторяя: „что съ тобою?“

Вмѣсто отвѣта Маруся нервнымъ движеніемъ потянула ее за собою.

— Титко! идемъ.

Возражать и сопротивляться было невозможно, всѣ переступили черезъ перелазъ и пошли вслѣдъ за процессіею. У воротъ кладбища гробъ сняли съ воза и понесли на рушникахъ. Маруся съ теткою слѣдовали за гробомъ, остановились недалеко отъ могилы, за кучкою родственниковъ, смотрѣли и слушали какъ священникъ читалъ послѣднія молитвы. Наконецъ онъ поднялъ руку и окропилъ святою водою стоявшій на краю могилы гробъ. Вокругъ ямы произошло движеніе, нѣсколько головъ на-

клонились къ землѣ, послышался шорохъ, потомъ что то глухо ударило въ дно могилы. Затѣмъ каждый бросилъ на гробъ горсть земли,—посыпались короткіе, отрывистые удары, глухо отдававшіеся въ глубинѣ ямы, и вмѣстѣ съ ними послышался отчаянный плачъ женщинъ, переходящій въ долгій, жалобный, безконечный вопль... Яма все больше и больше наполнялась землею и вскорѣ только небольшая насыпь свидѣтельствовала о томъ, что подъ нею покоится человѣческое тѣло.

Когда все было кончено и присутствующіе начали расходиться, вдова замѣтила Марусю. Злость и отчаяніе овладѣли Гандзею; она стиснула кулаки и подскочила къ соперницѣ. Обѣ противницы молча смѣрили другъ друга яростно сверкавшими глазами, наконецъ Гандзя разразилась:

— Ты... ты... ты, вѣдьма свѣтлоголовая, отравила его!

Тетка Ярына спокойнымъ движеніемъ заслонила Марусю. Дѣвушка молча, съ улыбкою пренебреженія оглядывала свою бывшую пріятельницу, которая металась передъ нею и выкрикивала, задыхаясь отъ злости:

— Ты отравила его! отравила!...

— Отравила! отвѣчала Маруся, глядя ей смѣло въ глаза;—ты отняла его у меня, я—у тебя.

Но вдругъ, пораженная, обезсиленная этимъ страшнымъ признаніемъ, она зашаталась и чуть не упала, тетка Ярына поддержала ее. Въ глазахъ у нея потемнѣло—только теперь она въ первый разъ ясно сознала весь ужасъ совершеннаго ею преступленія и не могла повѣрить, чтобы это была правда. Какъ она могла отравить того, кого любила больше всего на свѣтѣ, за кого готова была отдать собственную жизнь, кому даже простила измѣну? Какъ могло это случиться? А между тѣмъ все это было на самомъ дѣлѣ—и какой то непреодолимый страхъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Ей казалось, что умершій шлетъ ей съ того свѣта свое проклятіе, а рыданія и жалобы, раздававшіяся вокругъ, раздирали ей

сердце; несчастная готова была провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать этихъ проклятій и стоновъ. Какъ испуганный ребенокъ прижалась она къ теткѣ и, закрывъ глаза руками, твердила:

— Бѣжимъ! бѣжимъ отсюда!

Ярына схватила ее за руку и тащила за собою въ почти безсознательномъ состояніи, а въ слѣдъ имъ сыпались проклятія.

— Вѣдьма! Отравила его! отравила!...

— ъ воротились они домой: Ярына, пораженная, убитая всѣмъ происшедшимъ; Маруся — утратившая всякое самообладаніе. Она сѣла у стола, но никакія просьбы, никакія убѣжденія тетки не могли заставить ее ни ѣсть, ни спать, а ея порывистыя рыданія то и дѣло смѣнялись не менѣе сильными припадками мрачнаго отчаянія.

Исчерпавши безуспѣшно всѣ средства успокоить Марусю, Ярына сидѣла молча, безсильно опустивши руки, раздумывая о несчастьи, посѣтившемъ спокойную хату Гордія, и старалась утѣшить себя тѣмъ, что такое горе не можетъ продолжаться цѣлую жизнь.

Рано утромъ, чуть только свѣтъ показался на небѣ, Маруся выскочила изъ хаты и побѣжала на леваду; въ сѣняхъ встрѣтила ее тетка Ярына.

— Куда ты идешь?

— Въ садъ, на леваду... мнѣ душно...

Тетка поцѣловала ее въ голову.

— Иди, моя дытыно, иди... она была рада, что Маруся вышла на воздухъ.

— Пусть освѣжится немного, пусть пройдется; можетъ быть повеселѣетъ, скорѣе начнетъ поправляться... А то ходитъ, какъ стѣнка бѣлая!

Прошло больше часу, дѣвушка не возвращалась. Старуха начала безпокоиться, хотѣла уже идти разыскивать ее, какъ вдругъ услыхала со двора какой то шумъ, топотъ, собачій лай: вглянула въ окно—люди, лошади...

— О, Боже мой! можетъ быть, это Гордій пріѣхалъ, подумала она и въ одно мгновеніе была на дворѣ.

Тамъ дѣйствительно было два всадника, она сразу узнала обоихъ: это были Игнатъ и старый Матвій. При видѣ ихъ страхъ овладѣлъ Ярыною; она не рѣшилась спросить, гдѣ Гордій, боясь услышать страшную вѣсть. Пріѣзжіе не торопясь привязали лошадей и медленными шагами направились къ дому.

Зловѣщее предчувствіе старухи смѣнилось увѣренностью при взглядѣ на ихъ печальныя, блѣдныя лица, еще носившія слѣдъ недавно перенесенныхъ страданій.

— А гдѣ же Гордій? спросила она чуть слышно.

— Онъ уже не воротится, отвѣчалъ Матвій; велѣлъ передать вамъ свое послѣднее прощальное привѣтствіе... окончилъ жизнь въ сраженіи.

Ярына всплеснула руками и заголосила;

— Что же я теперь буду дѣлать, несчастная!

Долго стояли они молча, на одномъ мѣстѣ; старуха плакала, ломая руки, какъ вдругъ изъ саду послышался голосъ Маруси. Она шла въ вѣнкѣ изъ барвинку, какъ будто къ вѣнцу и пѣла свадебную пѣсню:

Ой, винку жъ мій, винку,
Хрещатый барвинку,
Куповала тебе рынку,
Замыкала тебе въ скрыньку.
Теперъ тебе рушу,
Заплакаты мушу...

Она прямо подошла къ группѣ стоявшихъ около хаты и, глядя на нихъ безсознательнымъ, помѣшаннымъ взглядомъ, совершенно не давая себѣ отчета во всемъ окружающемъ, спросила:

— А гдѣ же Грыць? Его нѣтъ еще? *Молода княгыня* совсѣмъ готова къ вѣнцу, а его нѣтъ! Вотъ это прекрасно!...

Обвела всѣхъ мутными глазами и продолжала:

— Не прійдетъ теперь, правда... я отравила его... не прійдетъ онъ больше... Дубовыя доски будутъ обнимать его, сырая земля прижметъ къ груди... По дѣломъ ему! Пускай не любитъ двухъ за разъ...

Она запѣла снова жалобнымъ голосомъ, какъ бы иллюстрируя свою мысль:

Ой, маты, маты, жаль ваги не мае—
Нехай Грыценько насъ двохъ не кохае...
Нехай не буде ни ій, ни мени,
Нехай Грыць найиститься сырои земли...

— Титко! обратилась она къ Ярынѣ, не хочу Грыцька! Не пойду замужъ! Она подняла руку и сняла вѣнокъ съ головы.

— Барвиночку мой зелененькій! Жаль тебя, жаль! Росъ ты себѣ тихо, а я вырвала тебя изъ этой тишины, Богъ знаетъ зачѣмъ... А мнѣ ты на что? Уже не нужно!

Матвій съ Игнатомъ смотрѣли, слушали и ничего не могли понять, не зная предыдущихъ актовъ той драмы, какая разыгрывалась теперь у нихъ передъ глазами. Ярына въ отчаяніи всплеснула руками.

— Ой, Боже мой! Она помѣшалась!

Маруся продолжала свои жалобы, безсвязно и безпорядочно, а тетка Ярына объясняла ихъ присутствующимъ. Наконецъ, дѣвушка нѣсколько успокоилась, хотя по прежнему не приходила къ сознанію.

— Иди въ хату, иди... успокойся, убѣждала ее старуха и, взявши за руку, повела за собою.

Маруся покорно повиновалась, но, входя въ комнату, случайно взглянула на столъ и остановилась, какъ вкопанная. На столѣ подъ образами лежали пистолеты Горділя, его ружье, сабля и копье къ обломкомъ древка. Казалось, видъ этого оружія объяснилъ ей все и подсказалъ какую то предательскую мысль. Маруся подошла къ столу и долго не могла отвести отъ него глазъ, потомъ быстро обернулась, посмотрѣла въ упоръ на Игната, какъ будто узнала его и спросила:

— А отецъ? Гдѣ мой отецъ?

Игнатъ печально смотрѣлъ на нее, искалъ и не находилъ въ умѣ своемъ достаточно мягкаго отвѣта, чтобы

не огорчить дѣвушку. Маруся долго ждала, не спуская съ него глазъ, но, не получая отвѣта, снова лихорадочно повторила вопросъ;

— Гдѣ же отецъ? Не воротится? Говори... Ничего больше не осталось послѣ него?

— Осталась слава козацкая, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и желѣзо, свидѣтельствующее о томъ, что умеръ онъ славною смертью...

Въ одно мгновеніе Маруся подскочила къ столу и схватила копье.

— Для меня и этого достаточно! вскрикнула она, размахнулась и, прежде нежели присутствующіе успѣли опомниться, вонзила себѣ въ грудь цѣлый наконечникъ и упала на руки Игната.

Дѣвушку положили на лавкѣ, осмотрѣли рану: не оставалось никакого спасенія—остріе прошло въ самое сердце и смерть послѣдовала мгновенно, безъ страданій.

Когда въ домѣ поднялся плачъ и суматоха, старый Матвій отозвалъ Игната въ сторону.

— Останься немного, сынъ мой... я вижу, твое присутствіе здѣсь необходимо... нельзя оставить ихъ однѣхъ, а я побреду дальше своею дорогою... нужно еще что нибудь дѣлать, нельзя сидѣть сложа руки, пока не все еще потеряно!...

К. М.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]).

(*Продолженіе*) [1]).

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковнославянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Глагольныя формы.

Намъ остается еще сдѣлать обзоръ звуковъ и формъ собственно малорусскихъ, входящихъ въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Гласный і изъ о и е.

Самая рѣзкая особенность малорусскаго вокализма—это превращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ основныхъ *о* и *е* въ *і*.

Объ этомъ явленіи мы въ свое время достаточно высказались [2]). Указавъ на связь его съ потерей глухихъ гласныхъ, мы обратили вниманіе на сѣверно-малорусскія замѣны основныхъ *о* и *е*, допуская три стадіи въ развитіи *і* изъ *о* и *е:* древнѣйшую—*оо*, *ее*, среднюю, на которой подъ вліяніемъ ударенія явились дифтонги *уо*, *юо* и стяженія ихъ *у*, *ю*, позднѣйшую—*уі*, *юі* и стяженіе ихъ *і*. Затѣмъ, сблизивъ сѣверно-малорусскіе дифтонги двухъ типовъ $\bar{уо}$, *уо* съ дифтонгами $\bar{іе}$, *іе* (изъ *ѣ*), мы сдѣлали вѣроятныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи изъ этихъ дифтонговъ ихъ великорусскихъ и малорусскихъ замѣстителей,—о времени появленія малорусскаго *і* изъ *о*, *е*,—наконецъ, по южнорусскимъ памятникамъ, начиная съ XIV вѣка, мы указали превращенія звуковъ *о* и *е*.

---

[1]) „Кіевская Старина", 1888 г., августъ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 107—123.

Противъ этихъ положеній высказано было нѣсколько замѣчаній, сущность которыхъ сводится къ вопросу о времени появленія въ малорусскомъ нарѣчіи той или другой количественной замѣны серединныхъ гласныхъ.

Такъ, г. Потебня полагаетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи возможно было одновременное существованіе серединныхъ глухихъ (*сън*) и удлинненіе чистыхъ (*коонь*). По его мнѣнію, „какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ“. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка', „я, говоритъ Потебня, представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) *ко-нь, съ-нъ;* 2) *ко̄н'*, *съо̄н'* (т. е. *о̄* еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ дифференцированію въ *уо*, а *ъ* еще отличимо отъ *о; коон'*, *сон*“ [1]). Мы получили такимъ образомъ не цѣлые звуки, а только дроби звуковъ, съ которыми, во всякомъ случаѣ, не легко справиться: въ словѣ, напримѣръ, *съон'* три гласныхъ звука, изъ которыхъ первый—полный, другой—отличимый отъ перваго (вѣроятно, половинный), а третій—неизвѣстно какой, такъ какъ онъ означаетъ „ступень паденія глухихъ, *среднюю между нынѣшнею и древнею*“... Все дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ отступилъ отъ прежняго мнѣнія своего о времени потери глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Прежде онъ думалъ, что они потеряны были въ XII в. и даже раньше [2]),—теперь онъ думаетъ, что „до полнаго уничтоженія глухихъ *дѣло не дошло и теперь*, если взять во вниманіе, что сохраненіе разницы въ малорус. между конечными звучными и отзвучными (*біб, піп*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухаго звука“ [3]). Интересно, между прочимъ, сближеніе въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ польскимъ. „Фактъ въ томъ, говоритъ г. Потебня, что въ польскомъ литературномъ языкѣ въ

---

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

[2]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 14.

[3]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

среднихъ слогахъ предъ звучными стоитъ *ó* (изъ *оо*, *ẏо*), а предъ отзвучными *ŏ*: *bób* и *pop*, *chód* и *kot*, *bóg* и *bok*. Объясненіе состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживается здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ), требовавшихъ бóльшаго напряженія дыханія, чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *о* въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ" [1]). Для насъ кажется непонятнымъ, что въ польскомъ нарѣчіи конечный глухой звукъ долѣе удерживается послѣ отзвучныхъ, между тѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи предполагается слѣдъ глухаго звука даже и теперь—именно послѣ звучныхъ, которые отличаются (конечно, какъ и въ польскомъ нарѣчіи) меньшимъ напряженіемъ дыханія, слѣдовательно меньше обезпечиваютъ цѣлость глухихъ гласныхъ. Какъ бы мы, во всякомъ случаѣ, ни отодвигали потерю глухихъ гласныхъ отъ первыхъ вѣковъ древнерусской письменности, все таки едва ли можно утверждать положительно, что „два-три столѣтія назадъ такія слова, какъ *сон* (въ малорусскомъ нарѣчіи) были близки къ двухсложности, а между тѣмъ *о* изъ *ъ* въ нихъ уже существовало" [2]). Если среднее *о* въ словѣ *сон* уже тогда существовало, то не было необходимости въ *ъ*, потому что самое *о* могло быть вызвано не ослабленіемъ, а самой потерей *ъ*, слѣдовательно, слово *сон* не было тогда двухсложнымъ. Если же оно было двухсложнымъ, то средняго *о* не существовало, а былъ на его мѣстѣ глухой гласный звукъ. Если слѣдствіе допускается, то и причина должна быть принята, потому что слѣдствіе безъ причины, какъ извѣстно, не бываетъ. Что касается до тѣхъ соображеній, которыя основываются на положеніи, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ *ъ* въ словѣ *сон* (*сънъ*) звучитъ, какъ *о*, а не какъ *уо*, *у* или *і*, а это неизбѣжно должно было бы случиться въ малорусскомъ нарѣчіи, еслибы въ то время, когда начали говорить *куонь*, *кунь*, *кінь*, глухой *ъ* въ словѣ *сънъ* превратился въ *о*,—то на это можно замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ, какъ *сон* не могло превратиться въ *уо*, *у* или *і* въ слѣдствіе краткости *о*, образовавшагося изъ *ъ*.

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51—52.

[2]) Ibidem.

Недавно явилось въ наукѣ документальное подтвержденіе того положенія, что первоначальнымъ моментомъ въ образованіи *і* изъ основнаго *о* было *оо*, — именно въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. есть формы: *въ воовьця*, *воовьчихъ* (Галиц. еван. XIII в.), *воoца*, *воoци* (Поликар. еван. XIV в.) [1]). Такимъ образомъ долгое *о*, записанное въ одномъ изъ гродненскихъ говоровъ, существуетъ не менѣе шести вѣковъ. Но такъ какъ всякое звуковое явленіе возникаетъ и развивается раньше, чѣмъ появляется въ письменныхъ памятникахъ, то образованіе *оо* можно передвинуть съ XIII къ XII и даже XI в., т. е. къ начальной эпохѣ древнерусской письменности. Отсюда изъ *уо*—*у*, изъ *уі*—*і*. Кромѣ этого пути въ образованіи *у*, *і*, г. Соболевскій предполагаетъ и другой путь. Онъ думаетъ, что послѣ паденія глухихъ гласныхъ „долгое *о* сначала звучало открыто, потомъ стало звучать закрыто и приближаться къ *у*, въ которое оно и стало переходить еще въ XII вѣкѣ, и которое мы находимъ въ *ужасаютьcя* 3. л. ед. ч. (Добр. еван. XII в.), *щюдръ*, *субутный* (Типогр. еван. № 6, XII—XIII в.). Въ современномъ малорус. это *у* изъ *о* долгаго сохраняется во многихъ говорахъ: *буг*, *кунь*, *муй*" и проч.[2]). Но *у* въ приведенныхъ словахъ есть ничто иное, какъ звукъ, стяженный изъ *уо*, какъ доказываютъ тѣ же говоры, въ которыхъ говорятъ *буг* и *буог*, *кунь* и *куонь*, *муй* и *муой*. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности осложнять вопросъ новой гипотезой, предполагая между *оо* и дифтонгами долгое *у*, когда это *у* въ народномъ произношеніи есть звукъ краткій, и когда предъ нами на лицe всѣ градаціи этого звука, какъ вверхъ, такъ и внизъ, изъ коихъ большая часть скрѣпляется свидѣтельствомъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ. Не видимъ скачка въ развитіи *ů* изъ основнаго *о* и въ чешскомъ нарѣчіи: и здѣсь изъ основнаго *о* явилось долгое *о*, изъ этого послѣдняго *uo*, а изъ *uo*—позднѣйшее *ů*. Другое дѣло—образованіе краткаго *у* изъ краткаго (неударяемаго) *о*. Здѣсь нѣтъ условій для образованія дифтонга,

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 97.

[2]) Ibibem, 96—97.

поэтому въ словахъ: *яблуня, упйать, пужар* и т. п. *у* явилось прямо изъ *о*. Это явленіе, собственно говоря, общерусское, но оно не отмѣчено нами въ обзорѣ общерусскихъ звуковъ, между прочимъ, потому что намъ не встрѣтилось оно въ позднѣйшей малорусской книжной рѣчи. Первые слѣды этого явленія относятся къ XI в: такъ, уже въ Сбор. 1073 г. творит. пад. женск. р: *которивуѫ* вмѣсто *которивоѫ* [1]).

По аналогіи съ долгимъ *о* нужно допустить и долгое *е*, но этотъ предполагаемый архаизмъ не отысканъ въ народныхъ говорахъ, можетъ быть, потому что долгое *е* очень рано начало превращаться въ *јоо*, и отсюда обычнымъ путемъ чрезъ *јуо* въ *ју* (*ю*): *ѣдущомъ, мытаромъ* (Холмс. еван. XII—XIV в.), *июдѣюмъ* (Галиц. еван. XIII в.), *отрочищюмъ* (Холм. еван.) [2]). Безъ всякаго сомнѣнія, *е*, подъ вліяніемъ потери конечныхъ глухихъ гласныхъ, уже измѣнилось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы видимъ *ѣ* вмѣсто *е*. Это явленіе рѣзко обозначилось въ XIII в: такъ, въ Добриловомъ евангеліи 1164 г. очень часто пишется *ѣ* тамъ, гдѣ прежде (напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г.) стояло *е: знамѣнье, учѣнье, камѣнье, корѣнья, ремѣнь, учитѣль, зѣлье, пѣщь, сѣдмь, шѣсть, въ нѣмъ, о сѣмь, въ нѣй, сѣй, будѣть* и проч. [3]).

Какъ звучалъ этотъ *ѣ*?

Г. Соболевскій называетъ его *новымъ* въ отличіе отъ древняго *ѣ*, который, по его мнѣнію, одинъ только изъ всѣхъ звуковъ „при распаденіи общеславянскаго языка перешелъ въ отдѣльныя славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и въ русскій языкъ, въ качествѣ долгаго звука“ [4]). Въ древнѣйшее время онъ произносился, какъ мягкое *е*, и вмѣстѣ съ *е* имѣлъ способность

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93. По наблюденію г. Потебни, предъ твердыми согласными и предъ *ј* основное *е* превращается въ *і* чрезъ *јо*: *вев = вјов = вјуов, — јеј = јој = јуој* и т. д., а предъ мягкими согласными *је* прямо превращается въ *јі* (*ї*): *лебідь* изъ *лебедь, весілле* изъ *веселле*. (Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 32, 33).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 2, 3, 4.

[4]) Ibidem, 80. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Соболевскій выражается объ этомъ съ большею осторожностью: „*ѣ*, говоритъ онъ, *какъ кажется*, былъ един-

сильно смягчать предшествующій согласный звукъ, но всегда имѣя склонность къ переходу въ *і*, съ теченіемъ времени онъ началъ отклоняться къ іотному *і*. Относительно новаго *ѣ* г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое *е*, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ „не смотря на исчезновеніе глухаго или *и* въ послѣдующемъ слогѣ, не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ" [1]). Эта двойственность въ воззрѣніи на новый *ѣ* выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый *ѣ* первоначально отличался отъ *е* только количествомъ. Имѣя всѣ качества *е*, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ *о*, которой не имѣлъ древній *ѣ*, онъ никогда не былъ тождественнымъ съ этимъ послѣднимъ" [2]). Впрочемъ, въ этомъ новомъ *ѣ* сохранилась и еще черта, роднящая его съ древнимъ *ѣ*. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что *ѣ* переходитъ въ *о* чаще, чѣмъ *е*, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость" [3]). Такимъ образомъ, новый *ѣ* есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго *ѣ*, но не все, кое-что изъ основнаго *е*, но не все; въ немъ есть всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно. По нашему мнѣнію, удобнѣе говорить о видоизмѣненіяхъ основнаго *е*, которыя происходили подъ разными условіями, а также—объ этихъ самыхъ условіяхъ, которыя породили разные рефлексы звука *е*, выраженные, между прочимъ, и буквою *ѣ*,—а не о новомъ фиктивномъ *ѣ*, составленномъ изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ. Но этого мало: въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ новаго *ѣ* изъ *е*, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ еще два новые *ѣ* [4]). Самъ по себѣ и старый *ѣ* представляетъ не малую загадку въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ разныя эпохи письменности въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій.

ственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода" (Лекціи по исторіи русскаго языка, 40).

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, 89.

[2]) Ibiedem, 92—93.

[3]) Ibidem, 93.

[4]) Ibidem, 93—64.

Теперь же выступаютъ предъ нами нѣсколько *новыхъ ѣ* въ южнорусской письменности, и всѣ они представляютъ варіаціи стараго, въ наукѣ недостаточно выясненнаго, т. е. къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлались ли яснѣе самые звуки послѣ того, какъ обозначающая ихъ буква названа №№ 1, 2, 3? Такую нумерацію можно бы было примѣнить почти ко всякому звуку для обозначенія всѣхъ переходовъ его въ другіе звуки. Такъ, напримѣръ, *ы* въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ *у*, *о*, *е*, *і* [1]),—и вотъ изъ одного *ы*, со включеніемъ основнаго, можно было бы составить пять номеровъ, знаніе которыхъ имѣло бы интересъ болѣе ороографическій, чѣмъ лингвистическій. Намъ кажется, что этотъ методъ изслѣдованія, отвлекая вниманіе отъ звука къ буквѣ, невольно располагаетъ къ *буквенному* представленію звука, т. е. ко внесенію въ это представленіе того, что намъ извѣстно не столько о звукѣ, сколько о буквѣ. А такъ какъ о значеніи буквы *ѣ* въ древнѣйшей русской письменности мы имѣемъ сравнительно немного данныхъ безспорныхъ и точныхъ, то отсюда неизбѣжно должна получиться неопредѣленность и сбивчивость и въ представленіи того звука, который послѣ паденія глухихъ гласныхъ образовался изъ основнаго *е*, и который со второй половины XII вѣка началъ обозначаться въ южнорусскихъ памятникахъ посредствомъ буквы *ѣ* [2]). Можно сказать только, что въ данномъ случаѣ основное *е* могло перейти въ растяженное, долгое *е*, и эта *позднѣйшая*, *секундарная* долгота могла быть выражена посредствомъ буквы *ѣ*. А такъ какъ *е* предъ мягкими согласными переходитъ въ *і* (*ji*), то позволительно думать, что буква *ѣ* уже въ XII вѣкѣ, послѣ паденія конечныхъ глухихъ гласныхъ, могла выражать и звукъ *і* (*ji*), сходный съ тѣмъ *и̇*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является въ XII и даже XI вѣкѣ на мѣстѣ основнаго *ѣ*.

---

[1]) Studien... Ogonowski, 39—40.

[2]) О другихъ недостаткахъ теоріи г. Соболевскаго, пріуроченной къ этнографическому распредѣленію древнерусскихъ племенъ, мы надѣемся поговорить въ другое время.

Считаемъ своею обязанностію отнестись критически и къ собственному мнѣнію о значеніи малорусскихъ дифтонговъ изъ основныхъ *о*, *е*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этихъ звукахъ мы считали ихъ первозвуками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались стяженные гласные, какъ великорусскіе *о*, *е*, такъ и малорусскіе *у*, *ю*, *і*. Мы отодвигали ихъ къ общему моменту въ жизни русскихъ нарѣчій, который соотвѣтствуетъ идеѣ русскаго праязыка. Противъ этого мнѣнія съ особенною убѣдительностію высказано было нѣсколько замѣчаній г. Ягичемъ. „Что удобнѣе, говоритъ онъ, выводить ли великорус. *бог*, *стол* изъ *буог*, *стуол*, или же сказать, что и по паденіи конечнаго *ъ* великорусское *о* удерживаетъ тотъ же вѣсъ безъ всякой количественной перемѣны? Охотно можно согласиться съ тѣмъ, что въ великорусскомъ *бог* звукъ *о* нѣкогда произносился протяженнѣе, какъ и теперь въ сербскомъ *бôг*... Слѣдовало бы и ограничиться этимъ положеніемъ,—слѣдовало бы сказать, что въ великорусскомъ нарѣчіи *о* качественно осталось неизмѣннымъ, а количественно съ теченіемъ времени сократилось, а въ малорус. изъ *бôг* = *боог* явилось не только *буог—буг*, но и *буіг—біг*" [1]). Не споримъ, что въ привлеченіи великорусскаго нарѣчія къ малорусскимъ дифтонгамъ изъ *о*, *е* была добрая доля преувеличенія, объясняемаго желаніемъ вывести великорусскій и малорусскій вокализмъ изъ одного первоисточника, но мы всегда считали мнѣніе свое не болѣе, какъ гипотезой, на смѣну которой должно придти другое болѣе вѣроятное объясненіе, поэтому мы охотно допускаемъ возможность движенія двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій не отъ дифтонговъ, сохранившихся въ подлясскомъ малорусскомъ говорѣ изъ *о*, *е*, а отъ удлиненныхъ, или же, какъ говоритъ г. Ягичъ, растяженныхъ гласныхъ (*оо*, *ее*), образовавшихся въ эпоху паденія *ъ* и *ь*.

Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы вовсе не встрѣчаемъ дифтонговъ, какъ нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Что касается до стяженныхъ звуковъ, то они составляютъ въ ней обычное явленіе: **вȣль** вмѣсто *волъ*

[1]) Archiv für Slaw. Philologie, II, 25!—255.

(Кир. Транк. 56), хо́ръмъ вмѣсто *хоромъ* (ib. 61), плу́тъ вмѣсто *плотъ* (Лекс. Бер. 198), ру́въ вм. *ровъ* (ib. 216), ру́гъ вм. *рогъ* (ib. 140), гру́мъ вм. *громъ* (ib. 174), наме́тъ вм. *наметъ* (ib. 115), к' ню́й вм. *въ ней* (ib. 116), своюй вм. *своей* (Г. К. 218), *облюгъ* вм. *облегъ* (Хм. л.), звыча́юмъ, шпыта́люмъ вм. *звычаемъ, шпыталемъ* (Рад. Ог.). Стяженіе *у, ю* было популярно въ средѣ писателей въ теченіи всего XVII вѣка и, повидимому, распространено было далеко за предѣлами сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ: такъ, мы постоянно встрѣчаемъ эту старинную особенность малорусскаго вокализма въ перепискѣ Богдана Хмельницкаго: *свуй, поклунъ, мугъ, нугъ, попувъ, посланцувъ* и т. п. Что касается до *і* изъ *у, ю*, то оно—тоже не рѣдкость на всемъ пространствѣ XVII вѣка, при чемъ *і*, какъ изъ *ю* (*е*), такъ и изъ *у* (*о*), обозначается иногда буквою *ѣ*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—гласный *і* изъ *у, о* обозначается и буквою *ы*: пі́йде вм. *пойде* (Кир. Транк. 52 об.), о́уки́ръ вм. *уборъ*, зтѣкъ вм. *зтекъ* = со́нмъ ко́нный (ib. 153), *горщикъ* вм. *горщокъ* (Кіев. л. 85), *о укрѣпляющимъ* вм. *щемъ* (Діар. А. Ф. 144), *въ козацкимъ* вм. *комъ* (Льв. П.), *килька, кѣлько* вм. *колько* (ib.), *въ еднѣмъ* вм. *въ едномъ* (ib.), къ грецкимъ вм. комъ (Г. Каз. 104). о̑ чи́мъ вм. о чемъ (ib. 122), на весо́лымъ вм. ломъ (Рад. Ог. 893), по ты́мъ вмѣсто по томъ (ib. 1083), пѣ́чъ и на той же страницѣ: к' пе́чѣ (ib. 695), кы́кѣлъ вмѣсто кыкелъ (ib. 945), *на другій неделі* (Меж. л. 97).

Смѣшеніе основнаго и съ основнымъ ы.

Не мало затрудненій въ исторіи русскихъ нарѣчій представляетъ также звукъ *ы*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этомъ звукѣ мы указали по народнымъ говорамъ и по памятникамъ древнерусской письменности звуковыя замѣны основнаго *ы* въ связи съ образованіемъ этого звука, что привело насъ къ заключенію о вѣроятномъ произношеніи *ы* въ древнерусскую эпоху, какъ *и*. Этимъ объяснили мы развитіе въ XIV в. секундарнаго *ы* вмѣсто основнаго *и*, а также вообще стремленіе малорусскаго вокализма къ губному порядку гласныхъ. Что касается до средняго украин-

скаго *и*, то оно, какъ результатъ смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы* и перехода того и другаго въ широкое *ы*, есть звукъ поздній, не получившій въ южнорусской письменности надлежащаго выраженія [1]).

Противъ этого мнѣнія высказано было не мало возраженій изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются крайнею неумѣренностію тона. Съ особенною рѣзкостію выразился по этому поводу г. Колосовъ [2]). По его мнѣнію, мы не обратили вниманія на губной характеръ звука *ы*. Это положеніе, установленное дедуктивно, Колосовъ защищаетъ прославленіемъ дедукціи, хотя бы она и не согласовалась съ очевидными фактами. „Если бы и не разъ, а много разъ встрѣтилось въ памятникахъ на мѣстѣ *ы* сочетаніе буквъ, которое не соотвѣтствуетъ природѣ этого звука, я бы, говоритъ онъ, попытался объяснить себѣ такое сочетаніе такъ или иначе, но не усумнился бы въ вѣрности сдѣланныхъ выше заключеній". Но самъ Колосовъ, противъ воли своей, выводитъ наружу вредъ чистой дедукціи, указывая на то, что Шлейхеръ, желая подыскать соотвѣтствіе *ы* = *ъв*, допустилъ *и* = *ъј* (*бъюнъ*), тогда какъ здѣсь *и* сократилось въ *ъ*, слѣдовательно, нѣтъ здѣсь ничего похожаго на разложеніе *ы* въ *ъв*. Слѣдуя, однако же, дедуктивному методу, Колосовъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ ряды звуковъ *а, і, у* будто бы никогда не смѣшиваются между собою,—будто бы, сверхъ того, находятся въ *полномъ* соотвѣтствіи между собою. Но въ данномъ случаѣ мы считаемъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе Шлейхера, который ставитъ примѣтой сѣверо-восточнаго семейства языковъ смѣшеніе, напримѣръ, ряда *і* съ рядомъ *а* [3]). Что касается до соотвѣтствія звуковъ, то оно, какъ видно изъ статьи самого Колосова, совсѣмъ *не полное*. Такъ, по его мнѣнію, *ы* (*ъв*) соотвѣтствуетъ *и*, но *и* не разлагается: гдѣ же тутъ *полное* соотвѣтствіе? Затѣмъ, съ тѣми же пріемами дедуктивнаго упрямства Колосовъ вступаетъ въ полемику не съ нами только, но и съ

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 124—143.

[2]) Загадочные звуки въ исторіи русскаго яз. Колосова, 1876 г.

[3]) Compendium, Schleicher, 126.

Миклошичемъ, Шлейхеромъ, Гатталой и Гейтлеромъ, которые не отрицаютъ, какъ извѣстно, небнаго элемента въ звукѣ *ы*. По его мнѣнію, изъ элементовъ *ъв* образовалось *ы*—„звукъ порядка губнаго, произношенія котораго мы навѣрно не знаемъ",—но при этомъ предполагаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ *ы* звучало такъ, какъ звучитъ теперь въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ [1]). „Было ли когда *ы* двоегласнымъ звукомъ, и это, говоритъ онъ, неизвѣстно" [2]). Итакъ, этотъ *неизвѣстный иксъ извѣстенъ* только тѣмъ, что онъ былъ *чисто губной* звукъ. Колосовъ упрекаетъ насъ за то, что мы, какъ и другіе, дали большое значеніе фрейзингенской замѣнѣ *ы* посредствомъ *иі*. Допустимъ, что это такъ, что *иі* въ данномъ случаѣ не выражаетъ дифтонга. Откуда же все-таки *і* въ томъ же фрейзингенскомъ памятникѣ вмѣсто *ы*, т. е. откуда небный элементъ въ *ы*? Случаи замѣны *ы* посредствомъ *і* въ памятникахъ русской редакціи, указанные нами, Колосовъ объясняетъ діалектическими наслоеніями. Допустимъ, что это черта не русская,—но откуда же небность въ *ы*, хотя бы и не русскомъ? И какимъ образомъ славянскія нарѣчія, утратившія *ы*, взяли для замѣны его звукъ изъ другой категоріи, т. е. именно звукъ *і*, если вѣрить Колосову, что въ нихъ категоріи гласныхъ звуковъ не смѣшиваются между собою? Колосовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сбивчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*і* нарѣчій, утерявшихъ *ы*, или непосредственно явилось изъ *ы*, равнаго великорусско-польскому *ы*, или чрезъ ту ступень, которую представляетъ среднее *и* на мѣстѣ *ы* въ малорусскомъ" [3]),—а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что между основнымъ *ы*—(произношеніе котораго намъ невѣдомо) и современной его замѣной *і* посредствующимъ звукомъ было то *ы*, которое удержалось въ русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ по настоящее время" [4]). Но если *і* изъ *ы* явилось непосредственно, то въ *ы* заключался небный элементъ, выступившій въ *і*. Если же между *ы* и *і* былъ посредствующій звукъ, то ка-

---

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 2.

[2]) Ibidem, 19.

[3]) Ibidem, 19.

[4]) Ibidem, 15.

кой именно—великорусско-польское *ы* или малорусское среднее *и*? Одинъ разъ древнѣйшее произношеніе *ы* Колосову вѣдомо, въ другой разъ—невѣдомо. И если невѣдомо, то можно ли говорить о посредствующей ступени между величинами, изъ которыхъ одна совершенно неизвѣстна? Можно ли съ увѣренностію утверждать послѣ этого, что „въ эпоху появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ *ы* произносилось такъ, какъ произносится теперь въ русскомъ и польскомъ?“ [1]) Нужно согласиться, что и это есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть, болѣе вѣроятная, чѣмъ наша гипотеза о древнерусскомъ произношеніи *ы*, какъ *и*. Нужно и то еще сказать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ есть слѣды дифтонга въ произношеніи *ы* [2]), и поэтому догадка г. Потебни объ образованіи нѣкоторыхъ современныхъ звуковъ изъ дифонга *ы* не лишена серіознаго значенія [3]). Въ виду всего сказаннаго можно вполнѣ согласиться съ г. Колосовымъ только въ томъ, что *ы* дѣйствительно одинъ изъ загадочныхъ звуковъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Что касается нашихъ соображеній о звукѣ *ы*, то для насъ они имѣютъ нѣкоторое значеніе лишь на столько, на сколько согласуются съ письменными памятниками. Остается несомнѣннымъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи нерѣдко встрѣчается замѣна основнаго *ы* буквой *и*, а въ южнорусскихъ памятникахъ XV—XVI в.—обратная замѣна основнаго *и* и даже *і* изъ *ѣ* буквой *ы*. Это именно тотъ моментъ смѣшенія *и* съ *ы*, который выразился въ преобладаніи этого послѣдняго звука надъ первымъ, и на которомъ стоятъ современные галицкіе, подольскіе и волынскіе говоры малорусскаго нарѣчія. Онъ отразился довольно рѣзко и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: **свои́мы, надъ ны́мъ, о вѣ́ры** (Уч. ев.), *Володимеровы* (дат. ед. Пал. З. К. 1107), **приспособла́лы** (Тр. п. 10), **запра́вилы** (ib. 131), **прычы́ну, дѣ́ты, оу́тыскъ, выража́лы** (Лям. Острожск.), въ *листы*

---

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 19.

[2]) Отчетъ о занятіяхъ славянс. нарѣчіями, Кочубинскаго, I, 45; II, 47. Grammatyka jezyka małoruskiego, Wagilewicza, 1845 г., предисловіе, стр. XVIII.

[3]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 805—807.

вмѣсто въ *листъ* (Діар. А. Ф. 63), *коло ныхъ* (Льв. П.), *пожи-выты* (Хм. л.), тыранъ (Г. К. 5), нечистоты (род. ед. Рад. Ог. 929), кровы (ib. 1079), къ вѣры вмѣсто *въ вѣрѣ* (ib. 115). Можно думать, что въ это время уже существовало и позднѣйшее украинское среднее *и*. Мы видимъ его тамъ, гдѣ встрѣчаемъ постановку *и* вмѣсто *ы*, которая къ концу XVII вѣка постепенно усиливается: тисяча (Уч. ев.), *владиками* (Пал. З. К. 1045), *пастирству* (ib. 1046), *подстаростимъ* (Хм. л.), скринкии (К. Х.), рибы (Рад. Ог. 433), и т. п.

Коренные согласные въ старинномъ малорусскомъ правописаніи.

Основная черта малорусскихъ согласныхъ—преобладаніе звучныхъ надъ отзвучными и твердыхъ надъ мягкими указана нами выше. Съ этой стороны малорусскіе согласные сравнительно съ церковнославянскими и великорусскими представляютъ различіе въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ, поэтому мы и не могли причислить ихъ къ звуковымъ особенностямъ собственно малорусскимъ, т. е. безусловно чуждымъ тому или другому говору великорусскаго нарѣчія. Такъ, напримѣръ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи губные и гортанные произносятся твердо въ такихъ же случаяхъ, какъ и въ малорусскомъ [1]); звучные согласные устойчивѣе въ бѣлорусскомъ, чѣмъ въ сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ [2]). Что касается до малорусской книжной рѣчи XVII в., то въ ней замѣтно стремленіе держаться словопроизводства, поэтому мы видимъ коренные согласные тамъ, гдѣ въ народномъ произношеніи имѣли мѣсто иные звуки, образовавшіеся путемъ ассимиляціи: *гадка*, а не *гатка*, *молодший* а не *молотший*, *отче*, а не *очче*, *коротший*, а не *корочший*, *лучший*, а не *луччий*, *дочцѣ*, а не *доцці*, *книжцѣ*, а не *книзцѣ*, *хвалишся*, а не *хвалисся*, *хвалится*, а не *хвалиция*, и т. п. Расположеніе къ сохраненію на письмѣ коренныхъ согласныхъ поддерживалось отчасти навыкомъ къ грамматическому сравненію словъ малорусскихъ съ церковнославянскими,

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 70.

[2]) Ibidem, 65, 66, 68, 73, 84.

отчасти твердой позиціей въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ, не подчиняющихся ассимиляціи съ отзучными, на что было указано выше. Впрочемъ, народный выговоръ часто оказывался сильнѣе всякихъ этимологическихъ соображеній. Особеннно охотно слѣдовали ему малорусскіе писатели, когда онъ совпадалъ съ коренными звуками въ словѣ, поэтому нерѣдко можно встрѣтить у нихъ такія формы, какъ бѣгчѝ, а не *бъхчи* (Рад. Ог. 1112), облегтѝ, а не *облехтй* (Г. К. 73)—формы, какъ извѣстно, позднѣйшія, возникшія путемъ народной этимологіи изъ стремленія къ этимологической ясности слова. Еще сильнѣе сказалось вліяніе народной фонетики въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные встрѣчались съ звучными: здѣсь ассимиляція отъ согласныхъ звучныхъ часто брала верхъ надъ коренными согласными: такихъ примѣровъ, какъ *дожчъ* (Г. М. 147), *збырання*, *збуты* (Сл. о безд.), можно было бы привести чрезвычайное множество.

Звуковыя особенности въ склоненіи именъ существительныхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ малорусское нарѣчіе сохранило, какъ мы видѣли, много старинныхъ окончаній, сходныхъ съ церковнославянскими. Есть въ галицкомъ говорѣ немногія оригинальныя формы, возникшія на древнерусской почвѣ: такова, напримѣръ, форма творит. падежа темы *а, ја* въ именахъ существит. женс. р: *рибоу*(*в*), *землеу*(*в*), отсюда и въ именахъ существительныхъ темы *і*: *костеу*(*в*). Объясняютъ эти формы потерей *ј* между *о* и *у* [1]), но мы болѣе склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужес. р: *домовъ*, *доловъ* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ. Форма *домовь* встрѣчается уже въ XII в. въ одной смоленской грамотѣ [2]), *доловъ*—въ южно-русскихъ грамотахъ XIV в. [3]). Не менѣе оригинальна форма того же падежа въ нѣкоторыхъ галицкихъ разно-

---

[1]) Замѣтки о малорус. нарѣчіи, Потебни, 55. Studien Ogonowski, 124.

[2]) Изв. Ак. т. X, вып. 6, 602.

[3]) Приложенія къ Очерку звуковой исторіи малорус. нарѣчія.

рѣчіяхъ: *рибом*, *землем*. По нашему мнѣнію, здѣсь простой обмѣнъ однородныхъ согласныхъ *в* и *м* [1]). Тѣхъ и другихъ формъ мы не встрѣчаемъ въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, конечно, оттого, что онѣ и въ то время не были въ общемъ употребленіи.

Зато писатели малорусскіе не чуждались тѣхъ народныхъ особенностей во флексіяхъ именъ существительныхъ, которыя обусловлены малорусской фонетикой.

Такъ, мы уже приводили не мало примѣровъ переходнаго смягченія гортанныхъ въ шипящіе предъ *е* (зват. падеж.), въ свистящіе предъ *і* (дат. падеж. женс. р. и предложный всѣхъ трехъ родовъ).

Есть флексіи, сложившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ, и при томъ съ превращеніемъ *е* въ *я*, свойственнымъ украинскому говору: **дꙋкѧ́** (имен. ед: Лекс. Бер. 200), **пѣрѧ** = слав. *пёріе* (ib. 102), **пѣ́рѧмъ** (твор. ед. ib.), **камѣнѧмъ** (твор. ед.), есть и **камѣнемъ** (Г. К. 63), **на́чинѧмъ** (Рад. Ог. 641). И въ наращаемомъ *дитя* звукъ *я* по аналогіи съ предыдущими именами въ творит. един. сохраняется: „**бꙋдꙋчи дитѧ́мъ мали́мъ**“ (Г. М. 362).

Такъ же точно оставили свой слѣдъ на формахъ имени существит. и своебразныя особенности малорусскаго вокализма. Стяженные гласные встрѣчаются иногда въ родит. пад. множ. ч. въ именахъ существит. мужес. р., но замѣчательно, что это все то же старинное *у*, болѣе близкое къ дифтонгамъ, чѣмъ *і*, которое, какъ мы видѣли, тоже употреблялось, только не въ родит. множ. Впрочемъ, окончаніе *овъ* считалось болѣе умѣстнымъ въ книжной рѣчи. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаемъ иногда послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ *јов*, послѣ шипящихъ *ов*: **напоїовъ** (Г. Каз. 105), **когачо́въ** (Рад. Ог. 90), *дожчовъ* (Меж. л. 99),—а звукъ *јо* представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ переходныхъ стадій въ развитіи малорусскаго *і* изъ *е*. Въ мягкомъ склоненіи именъ существит. сред. р. есть еще формы родит. п. множ. ч. особаго образованія:

---

[1]) Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782.

ꙋшѐнь (Рад. Ог. 768), пр̾еслѣ́дованъ (ib. 1073), нєспа́н (ib. 853). По видимому, формы эти образовались по аналогіи съ церковнославянскими *полѣ, морѣ*, но такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ народной рѣчи, то самое образованіе ихъ нужно отнести къ разряду грамматическихъ насилій надъ языкомъ, возникшихъ въ средѣ литературной, а не народной. Въ современной галицкой литературѣ формы эти пользуются широкимъ употребленіемъ.

Особенно характерно въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе мягкаго склоненія съ твердымъ въ именахъ темы *a, ja*—въ дат. падежѣ именъ существ. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ. Признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Потебни, что это явленіе нужно объяснить не притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ мягкихъ окончаній, какъ объясняли мы, а простой фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *і* [1]). Той же фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *е* нужно объяснять смѣшеніе твердаго склоненія съ мягкимъ и въ великорусскомъ нарѣчіи. Съ этой точки зрѣнія—въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ твердыя окончанія вытѣснены мягкими съ тою разницею, что въ малорусскомъ выразителемъ мягкости явилось іотное *і*, въ великорусскомъ—іотное *е*, при чемъ для обозначенія *і* въ малорусской письменности употреблялась та самая буква *ѣ*, которая на сѣверѣ означала звукъ *е*: матцѣ (Г. К. 162), пр̾ем̾зѣ (Г. М. 350), на мѣсцѣ (ib.), къ нєбѣ (ib.) и т. д. Иногда вмѣсто *ѣ* является *и*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—эта послѣдняя буква: *въ повѣти* (Діар. А. Ф. 52), *въ Кіеви* (ib. 15), *на дорози* (ib. 91) и тамъ же: *въ дорозѣ* (58), по тѣли (Г. Каз. 118), *въ мѣсти* (Х. л.), *въ вѣры* (Пал. З. К. 1006), *въ листы* (Діар. А. Ф. 63). Это *и* въ соотвѣтствующихъ формахъ есть явленіе ана-

[1]) Отчетъ о 20 присужденія наградъ гр. Уварова, 781—782. Встрѣчается эта замѣна и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, но „она не часта, говоритъ Колосовъ, даже и въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ смѣшяется на *и* почти каждое *ѣ*, принадлежащее корню слова“ (см. Обзоръ... 26).—поэтому *і* вмѣсто *ѣ* въ разсматриваемыхъ формахъ, какъ спорадическое явленіе въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отчисленія самихъ формъ къ разряду общерусскихъ.

логическое съ *е* вмѣсто *ѣ* въ старинной великорусской книжкой рѣчи, напр: *жене* (дат. ед.), *на леднике* (Домост. Сильвест.) и проч. [1]). Въ мягкомъ склоненіи, какъ мы видѣли, удерживалось старинное *и*, но иногда и сюда вторгалось широко распространенное *ѣ*, проникая даже въ имена темы *і*: ѿтерпѣнїѣ (Сбор. ц. ар. м.), ѡмыслѣ (Рад. Ог. 428), есть и ѡмысли (ib.), ѡночѣ (ib.).

Звуковыя и морфологическія особенности въ спряженіи глаголовъ.

Въ спряженіи глаголовъ малорусское нарѣчіе представляетъ своеобразныя особенности не только звуковыя, но и морфологическія. Какъ тѣ, такъ и другія отразились въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

1-е л. множ. ч. во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія удерживаетъ старинное окончаніе *мо*. Появилось оно еще въ XIII в. (*изгонимо* Галиц. еван. XIII в.)[2]) и затѣмъ не исчезало изъ малорусской письменности во всѣ вѣка ея существованія. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. оно составляетъ самое обычное явленіе, рѣшительно преобладающее надъ окончаніемъ *мъ* [3]).

Въ прошед. времени изъявит. наклоненія, которое выражается, какъ извѣстно, причастіемъ на *лъ*, коренные гласные звуки *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ обыкновенно удерживаются въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *могъ* и *моглъ* (Льв. П.), *знеслъ* (ib.), но нерѣдко также, согласно съ народнымъ произношеніемъ, вмѣсто *е* является *ѣ* (*і*): прикѣлъ (Г. Каз. 106), *стерѣгъ* (Льв. П.).

Сложныя формы прошед. времени по своему составу напоминаютъ соотвѣтствующія церковнославянскія формы, поэтому

---

[1]) Историческая христоматія Буслаева, 838.

[2]) Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Шимановскаго, 77.

[3]) Окончаніе *мо* встрѣчается и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (Обзоръ звуковъ и и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 143, 147, 150, 153),—но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній считать эту форму коренною бѣлорусскою, потому что примѣры взяты изъ западныхъ бѣлорусскихъ говоровъ, сосѣднихъ съ сѣверными малорусскими. Въ примѣрахъ, приведенныхъ у Карскаго изъ сборниковъ Безсонова и Носовича (147, 153), вовсе не обозначены мѣстности. Самъ Карскій относится съ недовѣріемъ къ этимъ сборникамъ (стр. 8).

онѣ указаны нами выше въ обзорѣ малорусскихъ формъ, сходныхъ съ церковнославянскими. Что касается до ихъ фонетической окраски, то онѣ представляютъ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ церковнославянскихъ формахъ: начальный звукъ корня *юс* послѣ согласныхъ удерживается, послѣ гласныхъ выпадаетъ; согласный *с* во всѣхъ лицахъ (1 и 2 един. и множ.) постоянно звучитъ мягко, при чемъ самый глаголъ вспомогательный большею частію ставится послѣ причастія на *лъ*, непосредственно съ нимъ сливаясь [1]). Какъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, такъ и въ отдѣльности отъ причастія, сложныя формы прошед. времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в. [2]).

Одна изъ сложныхъ формъ будущаго времени, распространенная во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, своеобразно развита въ немъ и не повторяется ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Образуется она слѣдующимъ образомъ: къ неопред. наклоненію присоединяется глагольный корень *им* (отъ *ѩти*) съ личными окончаніями наст. времени, при чемъ два гласные звука *и* (конечный гласный суффикса *ти* и начальный корня *им*) стягиваются въ одинъ звукъ: *ходити(и)му*, *ходити(и)меш*, *ходити(и)ме*, *ходити(и)мемо*, *ходити(и)мете*, *ходити(и)муть* [3]). Въ горныхъ разнорѣчіяхъ галицкаго говора и въ нѣкоторыхъ

---

1) См. „Кіевская Старина“, № 5, 180—181.

2) Въ галицкихъ грамматикахъ проводятъ обыкновенно сложныя формы прошед. времени по всѣмъ наклоненіямъ, при чемъ накопляются вспомогат. глаголы въ такомъ количествѣ, что самыя формы становятся положительно неудобными въ живой рѣчи. Таковы, напримѣръ, формы страдат. залога: *був бим похвалений був*, *зiстав бим був похваленим* и т. д. (Грамматика руского языка, Осадцы, 181). Мы считаемъ эти формы логической фикціей, потому что онѣ не подтверждены примѣрами народной рѣчи.

3) Г. Карскій приписываетъ эту форму и бѣлорусскому нарѣчію (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 155), но не указываетъ мѣстностей, въ которыхъ она существуетъ. Такъ, онъ отнесъ говоръ пинчуковъ, въ которомъ встрѣчается эта форма, къ бѣлорусскому нарѣчію, между тѣмъ это одинъ изъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ. Поэтому мы считаемъ сложное будущее съ корнемъ *им* въ слитной формѣ особенностью малорусскаго нарѣчія. Если же она и живетъ гдѣ нибудь въ подлинномъ бѣлорусскомъ говорѣ, то, полагать надобно, она проникла туда изъ сѣверо-западныхъ малорусскихъ говоровъ.

разнорѣчіяхъ сѣверно-малорусскаго говора глагольный корень *им* часто ставится впереди неопред. наклоненія, не сливаясь съ нимъ окончательно [1]). Этотъ болѣе архаическій видъ сложнаго будущаго составляетъ обычное явленіе въ памятникахъ XIV—XV в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ. Что касается до слитной формы, то, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ она появилась въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ только въ XVI в. [2]). Затѣмъ она встрѣчается уже довольно часто въ книжной малорусской рѣчи XVII в: дїспꙋтова́тимє̑ (Лекс. Бер. 159), спира́тиме́тсѧ (ib.), мовитиметъ (Г. К. 140), видѣ́тимꙋтъ (ib. 139), ба́читимꙋтъ (ib. 140), лежа́тимемъ, лежа́тимете (Рад. Ог. 281), мѣ́тимꙋтъ, ма́тимꙋтъ (ib. 329).

Въ образованіи сложнаго прошед. времени условнаго наклоненія галицкій говоръ отличается отъ украинскаго присоединеніемъ къ корню *би* (*бы*) корня *ѥс*, отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сь-мо*, *би-сь-те*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. галицкія формы не менѣе часты, какъ и украинскія.

Потеря суффикса *и* въ повелит. наклоненіи, при отсутствіи ударенія, перешла въ малорусскомъ нарѣчіи не только во 2 л. множ., о чемъ была рѣчь выше, но и въ 1 л. множ: *гляньмо*, *станьмо*. Эта форма болѣе употребительна, чѣмъ описательная: *глянем*, *глянемо*, *станем*, *станемо*, въ которой 1 лице множ. повелит. накл., какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, замѣняется 1 ли-

---

[1]) „Прийди, прийди, красный хлопче, щось ти *йму казати*“ (Гол III, 160); „ступай, ступай, Бондарочко, ти *меш мати* муку“ (ib. I, 66); „котрий иде у старости, *ме* горівку *пити*, лише най ся добре варуе, ледви не *мут бити*“ (ib., III, 215); „идіть собі, люде, съ хати, бо ми *мемо спати*“ (ib. I, 50); „ой чи *мете*, выбрапчики, від насъ *утікати?*“ (ib. I, 142). Въ этомъ видѣ, т. е. въ отдѣльности отъ неопред. наклоненія, и при томъ съ сохраненіемъ въ корнѣ *им* начальнаго *и*, форма эта существуетъ въ немногихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Обзоръ, Колосова, 243).

[2]) „Не толко тыхъ, але других людей *иматиму*, *битиму* и вѣшати их буду“ (1561 г. Луцк. кн. л. 159, об.); „то держу и вживаю, и *держатиму*“ (1566 г. Луц. кн. л. 98, об.); „нехай мене у короля позываетъ, я ему *уметиму* отказать“ (1567 г. Луцк. кн. л. 19). Примѣры выписаны изъ рукописей кіевскаго центральнаго архива и сообщены намъ О. И. Левицкимъ.

цемъ множ. изъявит. наклоненія. Подъ удареніемъ суф. *и* въ малорусскомъ нарѣчіи сохраняется въ 1 и 2 л. множ., какъ въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *хвалим*, *хвалите*, малорус. *хвалі̀м*, *хвалі̀те*,—такъ и въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ стоитъ *ѣ*, а не *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *несѣмъ*, *несѣте*, малорус. *несі́м*, *несі́те* [1]). Полагать надобно, что это *и* съ давняго времени въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшалось съ *і* изъ *ѣ*. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ во множ. ч. повелит. наклоненія вмѣсто ожидаемаго *и* мы встрѣчаемъ иногда *ѣ*: *осяжѣте*, *ищѣте*, *съвяжѣте* [2]). Тѣ же формы и въ галицкомъ евангеліи XIII в. [3]), а въ памятникахъ XIV в. *ѣ*, а не *и* даже въ глаголахъ IV класса: *отвалѣте* (Полик. еван.), *хранѣтеся*, *творѣте* (Луцк. еван.) [4]). Окончаніе 1 л. множ. ч. *мо* безусловно сохраняется, когда суф. повелит. накл. *і* превращается въ іоту или замѣняется смягченіемъ согласнаго: *даймо, ста́ньмо*; но когда суф. *і* удерживается, то окончаніе *мо* иногда сокращается въ *м*: *ході́м*, *несі́м*. Окончаніе 2 л. множ. ч. *те* охотнѣе сокращается въ *ть*, въ особенности послѣ *і*: *бері́ть*, *несі́ть* (въ галицкомъ говорѣ: *бері́т*, *несі́т*), но всегда сохраняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ окончаніи *мо*: *да́йте*, *ста́ньте*. Слѣды сокращенія *те* въ *ть* можно уже видѣть въ XII в: *въпросить*, *пьцѣтьса* (Добр. еван.) [5]). Всѣ эти формы повелит. наклоненія въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, при чемъ суф. *і*, по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, почти всегда

---

[1]) Уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи суф. *и* во 2 л. един. ч. повелит. наклоненія представляетъ, по мнѣнію Миклошича, сокращенную форму, замѣняя *ѣ* (соединительная гласная *е*+и=*ѣ*), которое подъ защитой личныхъ окончаній сохранилось въ 1 и 2 л. множ. ч. Миклошичъ объясняетъ это явленіе необходимостью болѣе быстраго произношенія, соотвѣтствующаго самому характеру повелѣнія: *ид-и* вм. *идѣ=ид-е-и* (Vergleich. Formenlehre, 98),—Шлейхеръ — конечнымъ мѣстомъ дифтонга въ словѣ (Die Formenlehre der Kirch. Slav. Spr. 89). Одно объясненіе не исключаетъ другаго, хотя ни то, ни другое неубѣдительно.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 7.

[3]) Ibidem, 20.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 177-

[5]) Очерки... его же, 74.

обозначается посредствомъ буквы *ѣ*: **пла́чмо** (Г. К. 191), **ѹка́жмо** (Рад. Ог. 12), **кыгѹѣмо** (ib. 822), **захова́ймо** (Г. К. 84), **не лѣнѹ́ймоса** (Г. Каз. 121), **шанѹ́ймо** (Рад. Ог. 399), **напи́шѣмъ** (Г. Каз. 212), **и҆дѣмъ** (ib. 6), **пойдѣмъ** (Рад. Ог. 177), **пріймѣмо** (Г. Каз. 40), **молѣмоса** (ib. 44), **гладѣмо** (ib. 269), **пришлѣте** (К. Х.), *чинѣте* (Льв. П.), **згѹбѣте** (Рад. Ог. 861), **любѣтъ** (Лекс. Бер. 74), **носѣть** (ib. 98), *прійм ѣтъ* (Льв. П.), **присмотрѣтъса** (Рад. Ог. 642).

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в. Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская.

Намъ не оставили малорусскіе писатели XVII в. ни одной замѣтки, изъ которой мы могли бы познакомиться съ техническими способами слововыраженія, которые они употребляли въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по малорусски. Каждый изъ нихъ участвовалъ въ созданіи литературной малорусской рѣчи по мѣрѣ своего умѣнья и таланта, независимо отъ той или другой готовой теоріи. Конечно, болѣе или менѣе они знакомы были съ грамматической теоріей Мелетія Смотрицкаго, но она служила для нихъ только исходной точкой, отъ которой далеко отступали они подъ вліяніемъ живыхъ потребностей мысли, давая предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ звукамъ и формамъ общерусскимъ и малорусскимъ предъ церковнославянскими. Группируя разнообразные элементы рѣчи, они вырабатывали такимъ образомъ отчасти грамматическія, отчасти стилистическія требованія, которыя считались обязательными въ литературной практикѣ, хотя и не были возведены въ научную теорію.

Сведемъ всѣ данныя, которыя указываютъ на эти требованія. Для этого остановимся прежде всего на правописаніи, въ которомъ является предъ нами книжная малорусская рѣчь XVII в.

По всему видно, что малорусскіе писатели стремились найти такую норму рѣчи, въ которой книжное начало сохранило бы свою централизующую силу, безъ всякаго однако же

ущерба для народныхъ элементовъ ея, поэтому и въ самомъ правописаніи они старались примирить этимологическое начало съ фонетическимъ.

Въ сферѣ согласныхъ звуковъ малорусскіе писатели избѣгали звуковыхъ комбинацій, появившихся въ народной рѣчи подъ вліяніемъ качественной ассимиляціи согласныхъ (по органамъ произношенія). То же начало они старались выдержать и въ сферѣ количественной ассимиляціи (по способу произношенія). Они сохраняли звучные согласные, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ словъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи послѣ нихъ слѣдовали глухіе гласные, и такимъ образомъ незамѣтно для самихъ себя переходили на почву народной фонетики, которая отклоняла ихъ отъ этимологическаго пути въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные предъ звучными сами переходили въ звучные. Та же двойственность въ принципѣ и то же господство народнаго, фонетическаго начала въ результатѣ замѣчается и въ отношеніи къ смягченію согласныхъ. Такъ, мы видимъ въ малорусскомъ правописаніи XVII в. твердые свистящіе вопреки народному произношенію, но рядомъ съ этимъ и твердые шипящіе, которые составляли принадлежность большинства малорусскихъ говоровъ,—видимъ также народное смягченіе гортанныхъ, совпадавшее съ церковнославянскимъ преданіемъ, и не совпадавшее съ нимъ народное смягченіе зубныхъ, наконецъ, смягченно—удвоенные согласные. Звукъ *л* предъ согласными и въ концѣ словъ большею частію выдерживается, не превращаясь въ *в*, зато этотъ послѣдній согласный нерѣдко смѣшивается съ *у* даже у такихъ писателей, которые обладали достаточными грамматическими познаніями.

Въ сферѣ гласныхъ звуковъ мы видѣли тѣ же два паралельныя теченія—этимологическое и фонетическое, съ преобладаніемъ послѣдняго. Такъ, въ закрытыхъ слогахъ принято было за правило возстановлять коренные гласные *о* и *е*, народное *і* вмѣсто *о* и *е* попадается очень рѣдко, но *у* и *ю*, какъ звуки, въ которыхъ основные *о* и *е* становятся болѣе различимыми, чѣмъ въ *і*, встрѣчаются нерѣдко. Можно полагать, что *і* вмѣсто *о* и *е* въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ

настоящее время, ибо малорусскіе писатели съ нѣкоторымъ выборомъ относились къ особенностямъ родной рѣчи, избѣгая такихъ звуковъ, которые не были во всеобщемъ употребленіи. Такъ, напримѣръ, они не вводили въ правописаніе перегласованія *а* въ *е*, особенно со второй половины XVII вѣка, избѣгали *у* въ глаголахъ на *ова*, потому что это были спорадическія явленія въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи. Зато широкое мѣсто они дали въ правописаніи тѣмъ гласнымъ звукамъ, которые составляютъ органическую принадлежность всѣхъ малорусскихъ говоровъ. Сюда относятся 1) давнія черты общерусскаго вокализма, напримѣръ, обычное выраженіе юсовъ посредствомъ *у*, *ю*, *я*, замѣна глухихъ гласныхъ чистыми и полногласіе 2) спеціальныя черты малорусскаго вокализма, которыя проходятъ чрезъ всѣ говоры малорусскаго нарѣчія. Таково, напримѣръ, смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ замѣтить можно, что къ концу XVII в. все чаще и чаще пишется *и* вмѣсто *ы*—знакъ, что среднее малорусское *и* достаточно созрѣло уже въ устахъ народа. Таково же употребленіе буквы *ѣ* для выраженія звука *і* не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *ѣ*, что составляетъ, какъ мы видѣли, особенность и нѣкоторыхъ великорусскихъ говоровъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда *і* образовалось не изъ *ѣ*.

Эта послѣдняя черта, своеобразная въ старинномъ малорусскомъ правописаніи, наложила рѣзкую печать народной фонетики на формы имени и глагола, отмѣченныя въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли, что буква *ѣ* писалась иногда 1) даже въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ, въ дат. пад. един. ч. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ (вопреки церковнославянскому преданію); 2) въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ женс. р., въ родит. един., именит. и винит. множес. ч., и мужеск. р. въ именит. и винит. множес. (тоже вопреки церковнославянскому преданію, но согласно съ древнерусскимъ преданіемъ); 3) въ 1 и 2 л. повелит. накл. (отчасти согласно, отчасти не согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *і*, смягчая предшествующій согласный звукъ. Независимо отъ всѣхъ этихъ формъ, связанныхъ съ произношеніемъ буквы *ѣ* и

употребленіемъ ея въ книжной малорусской рѣчи XVII в., мы видѣли въ ней самыя типическія формы малорусскаго глагола,— напр. 1 л. множ. ч. съ окончаніемъ *мо* и будущее время изъ неопред. наклоненія, слившагося съ глагольнымъ корнемъ *им*. Но съ особенною охотою пользовались малорусскіе писатели тѣми народными формами имени и глагола, которыя представляли большее или меньшее сходство съ церковнославянскими: въ нихъ они видѣли прочную опору для слiянія народной рѣчи съ книжными преданіями. Мы разумѣемъ слѣдующія формы: 1) звательный падежъ въ именахъ муж. и женс. р.; 2) дательн. един. ч. въ именахъ муж. р. на *ови* и *еви*; 3) именит. множ. ч. въ тѣхъ же именахъ на *ове* и *еве*; 4) неопр. накл. съ окончаніемъ *ти;* 5) передвижное *ся* при глаголахъ; 6) сложное прошед. изъ спрягаемаго причастія на *лъ* и глагольнаго корня *jес*; 7) условное прошед. изъ того же причастія и аориста *бих*. Впрочемъ, послѣднія двѣ формы напоминаютъ церковнославянскія только составомъ своимъ, а не способомъ сложенія.

Таковъ былъ грамматическій матеріалъ, изъ котораго выстроена была книжная малорусская рѣчь XVII в. Въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ онъ выступаетъ предъ нами въ разныхъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, но въ общемъ преобладаютъ народныя стихіи рѣчи надъ книжными, церковнославянскими. Эти послѣднія являются уже въ славянорусской редакціи, въ которую вплетаются черты мѣстныхъ нарѣчій. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтны еще вліянія бѣлорусскія, которыя легко узнать можно по двумъ фонетическимъ признакамъ, если только встрѣчаются они въ одномъ и томъ же памятникѣ: это именно—*е* вмѣсто *ѣ* и переглас͏ованіе *а* въ *е*, которое болѣе свойственно бѣлорусскому, чѣмъ малорусскому нарѣчію. Самымъ типическимъ памятникомъ этого рода можно считать знаменитый „Апокризисъ“ Христофора Филалета, напечатанный въ 1597 г. въ Вильнѣ. Здѣсь мы находимъ: **на то́мъ з҆ѣздѣ, на сино́дѣ и на сино́де, оу роздѣлѣ и в҆ роздѣле, о нау́це и вѣре, освеще́ни, хо́течи** и т. п. Тѣ же особенности бѣлорусской рѣчи встрѣчаются въ Учительномъ евангеліи 1604 г., въ Казаньяхъ Леонтія Карповича 1615 г., въ Кіевской лѣтописи

1621 г., въ Панегерикѣ Петру Могилѣ 1632 г., въ Ляментѣ острожскомъ 1636 г. и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Но по мѣрѣ того, какъ центромъ просвѣщенія становился Кіевъ, особенности народнаго малорусскаго нарѣчія, и прежде сообщавшія главную окраску книжной малорусской рѣчи, выступаютъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію: какъ съ фонетической, такъ и съ морфологической стороны, въ теченіе всего XVII вѣка преобладаютъ особенности сѣверныхъ и западныхъ малорусскихъ говоровъ. Со второй половины XVII в. народныя вліянія становятся замѣтными даже въ произведеніяхъ, напечатанныхъ славянорусскою рѣчью, напр: хранѣмъ (Мечъ Б. 194), пришлѣте (Син. 27), прі́зры (ib. 65), кѣрн (ib.), гвозды (Мечъ Б. 393), лжы (ib. 423) и т. п.

Что касается до церковнославянскихъ звуковъ и формъ, то они далеко не имѣли въ книжной малорусской рѣчи того значенія, какое имѣли въ славянорусской рѣчи. Къ нимъ обращались преимущественно въ текстахъ св. писанія. Такъ, І. Галятовскій, лучшій стилистъ своего времени, пишетъ: на ѡблокахъ и въ текстѣ: на ѡблацехъ (Г. М. 105), кѹрячимся и на той же страницѣ въ текстѣ: кѹрящимся (ib. 162), собѣ и въ текстѣ: себѣ (ib. 368), ста́ршого, бжого и въ текстѣ: чл҃вческаго (ib. 253). Мы уже упоминали о томъ, что прошедшія простыя встрѣчаются у этого писателя тоже исключительно въ текстахъ св. писанія. Большая также рѣдкость встрѣтить у Галятовскаго и у другихъ современниковъ его, писавшихъ книжною малорусскою рѣчью, причастія наст. вр. дѣйст. зал. съ окончаніемъ *щій* внѣ текстовъ св. писанія: всюду господствуетъ народная форма краткихъ причастій съ окончаніемъ *чи* и образованная отъ нея полная форма съ окончаніемъ *чий*. Впрочемъ, нужно сказать, что употребленіемъ причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, книжная малорусская рѣчь больше всего сближалась съ рѣчью славянорусскою, подчиняясь въ то же время вліянію латинскаго синтаксиса, которое выразилось, напримѣръ, въ постановкѣ глагольнаго сказуемаго на концѣ предложенія и вообще въ симметрическомъ расположеніи предложеній, которое свойственно періодическому теченію рѣчи. Нужно

вспомнить при этомъ, что и въ народныхъ малорусскихъ думахъ глагольное сказуемое постоянно ставится на концѣ предложенія, а періодическое построеніе рѣчи составляетъ обычную принадлежность думъ. Полагать надобно, что оно не противорѣчило интеллектуальному настроенію народа, ибо не противно было народному вкусу, тѣмъ болѣе, что въ книжной малорусской рѣчи оно растворялось разговорнымъ теченіемъ ея и оживлялось сравненіями, поговорками, ироническими замѣчаніями, прямо выхваченными изъ жизни. Такими свойствами обладала не только историческая проза, но и ораторская [1]).

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Львовской лѣтописи и изъ „Огородка“ Антонія Радивиловскаго:

„(Потоцкій) досить анѣмушно строфовалъ до Хмельницкаго: хлопче, мовитъ, чимъ же такъ зацному рыцерству ордъ татарскихъ заплатишъ?“ Которому отповѣлъ Хмельницкій не глупо: „тобою и иншими съ тобою“.

„(Дорошенко) завелъ былъ ляховъ хорошенько, а не (sic) бити, мусѣли бо ся просити“.

„Небожата ляхи, повергши пыху, мусѣли пѣхотою ходити“.

„Ото жъ Унія... лежитъ Русь съ поляками“.

„Нѣмцѣ, якъ мухи погинули“.

„Жидовъ рѣзали, якъ куръ“.

„Не хочу я зъ Грицями воевати, нехай идутъ до ролѣ, або свинѣ пасти“ (слова гетмана Жолкевича о козакахъ).

„Умеръ панъ Лукашъ Жолкевскій, староста Переяславскій, що съ козаками орѣхи грызъ“.

„Скоро я встану съ той хоробы (слова канцлера Замойскаго), я тое поганство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто нѣчого не вчинятъ“. И такъ розгнѣвавшися, жебы пророчество его сполнилося, умеръ“.

„Не крычи и не гдачъ, якъ курка, знесши яйце крычитъ и кудкудачетъ“ (Рад. Ог. 39).

„Єстъ давный звычай у посполитыхъ людей, же гды на сей праздникъ з церкви прийдутъ до дому з вербою, звыкли бючи нею домовыхъ своихъ оного уживати присловя: не я тебе бю, верба тебе бе“ (1019).

„Правда вамъ колетъ очи“ (390).

„На тебѣ Бже, что мнѣ негоже“ (637).

„Заживай свѣта, поки служатъ лѣта“ (849).

Приведенныя ниже поговорки и пословицы или прямо взяты проповѣдникомъ изъ устъ народныхъ, или слегка передѣланы имъ на книжный ладъ. Пріемъ этотъ съ точки зрѣнія современной проповѣди считается несовмѣстнымъ съ поучительно-религіознымъ содержаніемъ ея, поэтому южнорусская проповѣдь XVII вѣка вызвала въ наше время довольно рѣзкіе упреки въ безцѣльномъ пустословіи, въ излишествѣ риторическихъ украшеній, расчитанныхъ на то, чтобы доставить слушателю пріятное развлеченіе, а не душевную пользу. „Это было искусство для искусства“, говоритъ одинъ изъ современныхъ критиковъ старинной южнорусской проповѣди, „помимо всякаго практическаго приложенія. Слушатели могли безъ скуки присутствовать при замысловатыхъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ разглагольствованіяхъ проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили“ [1]).

„Искра лихая и поле выжигаетъ, и сама потом гинетъ“ (394).

„Тонꙋчій хватаетсѧ и меча“ (404).

„Накладаетъ (тяжущійся), поки к калитѣ ставаетъ“ (563).

„Мовѧтъ посполите люде: ıакое ѡдѣѧне, такое и пошанованıе; ıак тѧ видѧтъ, так тѧ тежъ и пишꙋтъ“ (382).

„ — : Празникъ безъ мчника не бываетъ“ (382).

„ — : Трафила коса на камень“ (408).

„ — : Ꙋꙋ витомꙋ тылко покажи кїй, ажъ заразъ оутекаетъ“ (473).

„ — : Смѣлшаѧ далеко баба за стѣною, нежели рыцеръ в полю“ (537).

„ — : Палцемъ на него (обѣднѣвшаго человѣка) тыкати бꙋдꙋтъ“ (393).

„ — : А ни на волосокъ заснꙋти неможетъ“ (780).

„ — : гды кто оутѣкъ, ıакъ десѧти побилъ“ (788).

„ — : — Ѡрꙋжїе приноситъ миръ“ (790).

„ — : — : З силнымъ коротисѧ, смерть на ꙋмѣ“ (901).

„ — : Новый цар, новое и право“ (1023).

[1]) Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв., Ф. Терновскаго, 75.

Дѣйствительно, по сознанію самихъ проповѣдниковъ, **„много было в церкви такихъ учителей, что не такъ ся старают о живот прикладный, яко о слова пѣнкный и вымову риторичными фигурами оздобленую“** (Рад. Ог. 596). То было время, когда риторика казалась могущественною силою, ничуть не меньшею, какъ могущество власти: **„що на свѣтѣ**, сказано въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, **могутство ако реторика, то въ церкви стои чиний покора“** (Сб. ц. ар. М.). Могущество это сказалось прежде всего на самихъ проповѣдникахъ, которые, сознавая иногда непригодность риторическаго оружія, тѣмъ не менѣе охотно употребляли его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ помощію этого оружія они добывали матеріалъ для своихъ поученій, извлекая его изъ источниковъ самыхъ разнообразныхъ: изъ апокрифическихъ сказаній, изъ средневѣковыхъ книгъ нетрезваго содержанія **„о звѣрохъ, птахахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, зѣлахъ, камѣняхъ, и розмантыхъ водахъ, которыи в морю, в рѣкахъ, в студняхъ, и на иншыхъ мѣстцахъ знайдуются“** (Г. Наука, 146),—наконецъ, изъ исторіи рода человѣческаго: **„блукаючися по свѣту памятію моею**, говоритъ одинъ изъ нихъ, **„по веселомъ полю исторій свѣтовыхъ, яко межи цвѣтами, межи поважными царей и гетмановъ справами“**, припомнилъ я... далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія о пребываніи Ѳемистокла у Ксеркса, царя персидскаго. Собирая медъ краснорѣчія съ разныхъ цвѣтовъ, они предлагали его слушателямъ своимъ въ видѣ замысловатыхъ діалоговъ, аллегорій, параболъ и всякаго рода сравненій.

Все это такъ.

Но мы должны вспомнить при этомъ, какое назначеніе имѣла южнорусская проповѣдь по понятіямъ самихъ проповѣдниковъ. Апотеоза христіанскихъ добродѣтелей—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль ея, поэтому въ большинствѣ случаевъ южнорусскіе проповѣдники имѣли въ виду нарисовать своимъ слушателямъ свѣтлыя картины христіанской жизни, прославляя подвиги святыхъ, угодившихъ Богу. Они стремились увлечь слушателей въ этотъ идеальный міръ, не похожій на современную имъ дѣйствительность, чтобы найти тамъ, въ этомъ мірѣ,

нравственное успокоеніе отъ тревогъ и невзгодъ жизни и выйти изъ него обновленными и освѣженными, съ вѣрой въ правду и добро. Они старались ободрить своихъ слушателей на пути спасенія, не допуская ихъ до унынія и отчаянія: „старайся“, поучаетъ І. Галятовскій проповѣдника, чтобы ты словомъ своимъ „не привѣлъ людей до ѿчаянїя, до роспачи, бо з роспачи... многіи задаютъ сами смерть себѣ, за ним же бы ты не былъ того грѣха оучастникомъ, не приводи нѣкого до ѿчаянїя“ (Г. Наука, 131). Этимъ объясняется многое въ южнорусской проповѣди: и риторическія краски ея, слишкомъ яркія, и *блуканіе* „по веселомъ полю исторїй свѣтскыхъ“, посредствомъ которыхъ хотѣли „повабити людей до слꙋханя“ (Г. Наука, 243), и популярный, отчасти простонародный тонъ ея, объясняемый тѣмъ же побужденіемъ, и наконецъ, самый языкъ ея, близкій къ народному. Южнорусскіе проповѣдники не чуждались даже поговорокъ и пословицъ народныхъ. Они желали сдѣлать рѣчь свою удобопонятною для слушателей: „єсли бꙋдешъ, говоритъ І. Галятовскій, обращаясь къ проповѣднику, слово Бж҃ое проповѣдати, а нѣкто его не зрозꙋмѣетъ, себе самого бꙋдешъ проповѣдати и выславляти, а не слово Бж҃їе“ (Г. Наука, 244). Вотъ почему онъ предпочиталъ малорусскую рѣчь всякой иной въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Онъ не сомнѣвался въ литературной правоспособности малорусскаго нарѣчія и ставилъ его рядомъ съ польскимъ и латинскимъ, заявляя, что книгу свою „Месїа праведный“ написалъ „малороссїйскїмъ, полскимъ и латинскїмъ дїалектомъ, бо в малой Россїи и в королевствѣ полскомъ и в панствахъ латинскихъ жиды... изъ Хрс҃та праведнаго Месїи и зо всего народꙋ хрстїанскѡ нарꙋгалися“ (Г. М. Предисловіе). Не нужно упускать изъ виду, что это говоритъ ректоръ кіево-могилянскаго коллегіума, первый составитель науки „о зложеню казаня“, талантливый представитель малорусскаго литературнаго слова въ школѣ и въ жизни. Безъ сомнѣнія, понятія Галятовскаго раздѣляли въ его время многочисленные читатели и ученики его.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Галятовскій посвятилъ свое сочиненіе „Мессія Праведный“ Алексѣю Михай-

ловичу, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что „малороссійскій діалектъ" будетъ принятъ въ Москвѣ доброжелательно. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. еще не былъ поставленъ въ Москвѣ вопросъ о „малороссійскомъ діалектѣ". Московское духовенство относилось съ недовѣріемъ къ югозападнымъ ученымъ по вопросамъ вѣры, а не языка. Такъ, въ 1696 году московскій патріархъ Адріанъ далъ свое дозволеніе митрополиту кіевскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія на *малороссійское нарѣчіе* [1]).

Посвящалъ свои сочиненія тому же Алексѣю Михайловичу и другой малорусскій писатель, предпочитавшій славянорусскую рѣчь малорусской, покровитель І. Галятовскаго, Лазарь Барановичъ. И его труды встрѣчали въ Москвѣ полное радушіе.

Такимъ образомъ двѣ школы малорусскихъ писателей, которыя отличались одна отъ другой болѣе языкомъ, чѣмъ міровоззрѣніемъ, существовали въ теченіи всего XVII в. рядомъ, не сознавая, куда прибьетъ ихъ волна политической жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о судьбѣ той и другой школы, считаемъ нужнымъ бросить обратный взглядъ на весь пройденный нами путь.

П. Житецкій.

[1]) Описаніе славянс. рукописей московс. синод. библ. Горскаго и Невоструева, отд. II, 597.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

(Окончаніе) [1].

XI.

Сообщенныя нами выше данныя о хищеніяхъ послѣднихъ кіевскихъ войтовъ рисуютъ полный упадокъ городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ первой четверти XIX вѣка; но начался онъ однако же гораздо раньше этого времени и не былъ явленіемъ исключительнымъ, свойственнымъ только нашему городу, и порожденнымъ условіями, въ которыхъ находился послѣдній предъ окончательной отмѣной стараго права въ 1835 году. Напротивъ, мы замѣчаемъ, что послѣдовавшій за введеніемъ въ южно-русскихъ городахъ нѣмецкаго городскаго самоуправленія повсемѣстный упадокъ ихъ достигаетъ своихъ конечныхъ предѣловъ къ концу XVIII вѣка, и во всѣхъ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, обнаруживаются одинаковыя злоупотребленія мѣстныхъ властей; замѣчательно при этомъ, что въ городахъ съ менѣе ограниченнымъ правомъ, болѣе свободныхъ отъ контроля королевскихъ намѣстниковъ, злоупотребленія проявляются рѣже и въ болѣе слабой формѣ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ право утвержденія выборовъ членовъ магистрата и надзоръ за ними находились въ рукахъ старостъ или намѣстниковъ; можно даже сказать, что въ этихъ послѣднихъ городахъ при самомъ введеніи магдебургіи отъ самоуправленія оставалась одна тѣнь. Мы не будемъ утруждать вниманія читателей пере-

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“, т. XXII, 1888 г.

численіемъ примѣровъ изъ исторіи каждаго города въ отдѣльности въ доказательство сказаннаго нами и предлагаемъ всѣмъ интересующимся этой стороной жизни нашихъ городовъ обратиться къ извѣстнымъ изслѣдованіямъ профессоровъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова[1]) и В. Б. Антоновича[2]); сами же мы теперь возвратимся къ Кіеву и напомнимъ о тѣхъ предшественникахъ Григоренка, Лакерды и комп., которые не менѣе послѣднихъ извѣстны своей убыточной для обывателей дѣятельностью.

Первыми нарушителями городскихъ интересовъ являются, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ документальнымъ даннымъ, войты Ходыки. Дѣятельность ихъ обстоятельно разобрана уже В. Б. Антоновичемъ[3]), и намъ остается только прибавить, что, несмотря на свое вліяніе въ городскомъ управленіи, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ даже кіевскимъ „скарбникомъ" (т. е. казначеемъ), Ходыки не рѣшаются наложить руку на общественное хозяйство и пользуются лишь выгодами своего положенія для пріобрѣтенія богатства и значенія, какъ въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его, не касаясь городской кассы. Съ переходомъ Кіева подъ власть московскихъ государей, пока условія самоуправленія его оставались еще безъ измѣненія, мы не видимъ, чтобы войты злоупотребляли довѣріемъ общества; по крайней мѣрѣ, сохранившіеся памятники ничего не говорятъ объ этомъ, хотя при разборѣ кіевскихъ магистратскихъ книгъ не можемъ не обратить вниманія на то, что въ концѣ XVII вѣка бургомистръ Иванъ Демидовичъ Быковскій, сдѣлавшійся потомъ войтомъ, скупилъ много хуторовъ, усадебныхъ мѣстъ и лавокъ въ городѣ[4]). Ясно, что, пользуясь вліяніемъ на дѣла магистрата и на гражданъ, Быковскій, подобно Ходыкамъ, дешево пріобрѣталъ недвижимое имущество, которое потомъ было продано обратно его сыновьями магистрату. Но

[1]) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1868.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи: Акты о городахъ юго-западной Россіи. Часть V, томъ I. Кіевъ. 1874.

[3]) Кіевская Старина, 1882 г., февраль.

[4]) Книга Кіев. Центр. Архива № 3509, заключающая въ себѣ 30 актовъ, вся состоитъ изъ разнаго рода записей на пріобрѣтенное Быковскимъ имущество.

какъ свѣтлое явленіе на темномъ фонѣ стараго городскаго управленія выступаетъ личность войта Дмитрія Полоцкаго, человѣка, по выраженію лѣтописи Самуила Величка, „учоного и на правѣ знаючогося... до того зъ родичовъ въ славѣ доброй квитнучого," который „яко водлугъ добрыхъ своихъ поступковъ того уряду достойный", и который благодаря своимъ юридическимъ познаніямъ одинъ могъ „за упалыми цѣлостями мѣскими стояти и оныхъ боронити". На выборахъ Полоцкій „много спречался", отговариваясь „нездатностю до таковогo поважного уряду", а особливо трудностію „взглядомъ нарушенныхъ цѣлостей мѣскихъ". Принявъ же на себя званіе войта, онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія согражданъ и все время своего управленія провелъ въ тяжбахъ за „цѣлости мѣскія". Въ дошедшихъ до насъ актахъ мы вездѣ встрѣчаемъ Полоцкаго отстаивающимъ на судѣ неприкосновенность городскихъ правъ и имуществъ противъ духовенства, и всегда онъ, какъ опытный юристъ, выигрываетъ процессъ. Ревность къ отысканію городскихъ земель, захваченныхъ монастырями, достигла, наконецъ, до того, что довела его до политическаго доноса на кіевск. митроп. Варлаама Ванатовича, хотя на этотъ шагъ Полоцкій рѣшился лишь тогда, когда Вонатовичъ обвинилъ его въ подлогѣ документовъ, представленныхъ на судъ [1]). Благодаря пріобрѣтеніямъ и сбереженіямъ Полоцкаго, городская касса стала богата, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали возможны и растраты, которыя послѣдовали по его смерти въ 1729 году. Это были первыя денежныя растраты, какія намъ извѣстны; онѣ относятся къ 1732 году и мимоходомъ только указываются въ изложенномъ нами раньше дѣлѣ о взысканіи излишнихъ податей. По поводу этихъ растратъ въ указахъ Правительствующаго Сената, присланныхъ изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіевскій магистратъ (первомъ 1739 и второмъ 1740 года) было предписано бывшимъ бурмистрамъ и райцамъ дать отчетъ и принести присягу „предъ старшими и знатнѣйшими съ посполитства", съ „неисправными въ сборахъ и въ расходахъ и въ отчетѣ" ма-

---

[1]) *В. Аскоченскій*. Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Кіевъ. 1856 г., ч. II, стр. 34.

гистрату поступить по своимъ правамъ, а книги впредь держать въ порядкѣ; въ концѣ же подтверждались права и привилегіи магистрата.

Спустя около двадцати лѣтъ, въ 1750-хъ годахъ въ захватѣ и присвоеніи себѣ разнаго рода городскихъ имуществъ обвинялся войтъ маіоръ Сичевскій. Въ періодъ съ 1766 и по 1813 годъ мы не имѣемъ указаній на дѣятельность кіевскихъ представителей, но изъ отсутствія такихъ данныхъ все таки не рѣшаемся заключать, что растратъ, „издержаній", не существовало. Скорѣе всего, что дѣла о нихъ находятся до сихъ поръ гдѣ нибудь въ подвалахъ и ждутъ счастливаго случая, который выведетъ ихъ на свѣтъ.

Гдѣ же лежали причины, обусловившія переданные нами печальные факты?

Главная причина ихъ, по нашему мнѣнію, заключалась въ усвоеніи городами чуждаго имъ управленія, возникшаго не изъ условій мѣстной жизни, а выработавшагося среди иныхъ обстоятельствъ, которыхъ не знало наше отечество. Если на западѣ сословное городское управленіе, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ ему событій, было умѣстно и поднимало значеніе городовъ, то перенесенное въ Литву и южную Русь, неправильно понятое и не вполнѣ примѣненное, какъ и весь вообще нѣмецкій строй, оно обнаружило тотчасъ же свои слабыя стороны. Къ числу этихъ слабыхъ сторонъ прежде всего слѣдуетъ отнести сословный характеръ управленія, такъ какъ магдебургское право создало въ городахъ самоуправленіе ремесленнаго и торговаго сословія, экономическое неравенство членовъ котораго ставило одну часть городскаго населенія въ зависимость отъ другой и давало въ результатѣ то, что власть въ городѣ испоконъ вѣка сосредоточилась въ рукахъ немногихъ богатыхъ семей и переходила отъ отцовъ къ сыновьямъ.

Слабой стороной въ самоуправленіи нельзя не признать также и постояннаго смѣшенія сферы дѣйствій •рады и лавы, администраціи и суда, подчиненія ихъ обоихъ войту, участія членовъ магистрата въ разборѣ судебныхъ дѣлъ, права выбора ими лавниковъ и повышенія послѣднихъ въ должности радцевъ

и бургомистровъ. Такимъ образомъ выходило, что одни и тѣ же лица то чинили судъ и расправу, то завѣдывали доходами города. Естественно, что между обоими учрежденіями, радой и лавой, устанавливалась общность интересовъ и единство дѣйствія, приводившія въ концѣ концовъ къ возвышенію и обогащенію однихъ и къ обѣдненію и подчиненію другихъ.

Въ добавокъ къ этому власть членовъ магистрата еще болѣе усиливалась и выдѣляла ихъ, какъ мѣстную аристократію, изъ остальной массы горожанъ вслѣдствіе предоставленія имъ правъ шляхетства польскими королями; въ эпоху русскаго владычества они также пользуются этимъ правомъ и бургомистры носятъ поэтому чины бунчуковыхъ товарищей, а радцы, ратсгеры— войсковыхъ. Войты, въ свою очередь, причисляются къ тому или другому рангу, означенному въ петровской „табели", такъ напр., Сичевскій былъ маіоромъ, Пивоваровъ—коллежскимъ совѣтникомъ, Рыбальскій—титулярнымъ совѣтникомъ; члены магистрата награждались кромѣ того орденами какъ напр. Кисилевскій, и титуловались вообще „магистратскими чиновниками", „урядниками" и „урядовыми людьми". Въ дѣлѣ о растратѣ „частно-общественной" суммы, Антонъ Лакерда, съ сознаніемъ своего достоинства и какъ бы намекая на свое потомственное дворянство, говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ: „мы-де урядовые происходимъ отъ урядовыхъ". Какъ видно изъ упомянутыхъ нами раньше указовъ 1739 и 1740 годовъ, члены магистрата производились до того времени въ чины губернаторами, которымъ запрещается это на будущее время. При условіяхъ выборовъ въ городскія должности, существовавшихъ въ эпоху польскаго владычества и послѣ присоединенія Кіева къ Москвѣ, эти причины содѣйствовали, какъ мы сказали уже, къ выдѣленію изъ среды городскаго сословія правящей касты, сосредоточившей въ своихъ рукахъ знатность, богатство, городское хозяйство и судъ надъ всѣми мѣщанами, и привели, наконецъ, къ тому, что члены магистрата смѣшиваютъ частные интересы съ общественными и потому считаютъ своей личной собственностью разныя доходныя статьи города, какъ напр. питейный откупъ, общественная коммиссія и проч.

При такихъ обстоятельствахъ гражданинъ, разъ избранный въ общественную должность (при чемъ служба его всегда начиналась съ низшихъ степеней), постепенно повышался въ должностяхъ, оставаясь у дѣлъ сколько хотѣлъ и могъ, такъ какъ служба была пожизненная. Эта пожизненность службы городскихъ представителей, въ свою очередь, въ сильной степени содѣйствовала ихъ злоупотребленіямъ, потому что она то главнымъ образомъ и обусловливала образованіе городскаго шляхетства, „почетнѣйшаго общества", порождая наслѣдственность городскихъ должностей, потому что благодаря только продолжительному пожизненному вліянію на городскія дѣла члены магистрата пріобрѣтали возможность, проводя на выборахъ своихъ сыновей, братьевъ и вообще родственниковъ, скрывать при ихъ содѣйствіи самыя вопіющія неправды, обнаруженіе которыхъ, какъ мы видѣли изъ изложенныхъ дѣлъ, всегда было сопряжено съ величайшими трудностями.

Всякаго рода злоупотребленіямъ и, въ частности, „сокрытіямъ", „издержаніямъ", растратамъ городскаго капитала содѣйствовала форма контроля отчетовъ, которые должны были ежегодно представляться членами магистрата городскому обществу. Сначала, до петровской реформы, отчеты были даваемы всему „поспольству" города, общему собранію горожанъ; послѣ реформы отчеты выслушивались только „почетнѣйшимъ обществомъ", а съ 1782 года повѣрялись сверхъ того контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты. По недостатку точныхъ данныхъ мы не можемъ опредѣленно сказать, какое значеніе имѣла ревизія въ первый періодъ, но изъ того факта, что мѣщане могли разсчитаться по своимъ правамъ съ тѣмъ, кто явится „въ сборѣ и расходахъ не исправенъ", и въ виду того, что въ этотъ первый періодъ мы не находимъ „издержаній", можно заключить, что такая форма контроля сдерживала до нѣкоторой степени стремленіе городскихъ правителей къ присвоенію общественной собственности. Во второй періодъ члены магистрата, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ дѣлъ, или совсѣмъ не даютъ обществу отчетовъ, не находя при этомъ нужнымъ даже хотя бы чѣмъ нибудь оправдать себя, или же отдаютъ ихъ только „старшимъ и

знатнѣйшимъ изъ поспольства". Впослѣдствіи, предъ старшими и знатнѣйшими члены магистрата могли отговариваться тѣмъ, что отчетъ находился въ контрольномъ отдѣленіи, отъ котораго они, въ свою очередь отдѣлывались, ссылаясь на общество, одно имѣвшее право признавать расходы правильными или неправильными. Нѣтъ необходимости, кажется, доказывать фиктивность чиновничьяго контроля, такъ какъ отчеты посылались спустя много времени по истеченіи отчетнаго года, а ревизовались еще позже, да и при томъ лицами, которымъ далеки были и чужды городскіе интересы и которые при томъ рѣдко бывали безкорыстны. Нечего говорить также и о почетнѣйшемъ обществѣ, которое, хотя и имѣло право слѣдить за правильностью городскихъ сборовъ и расходовъ, но не дѣлало этого, потому что въ составъ почетнѣйшаго общества магистратъ вводилъ только людей своего лагеря.

Такъ какъ форма городскихъ выборовъ есть одно изъ условій самостоятельности самоуправленія, условіе хотя и второстепенное, но тѣмъ не менѣе вліявшее на дѣятельность городскихъ представителей, то намъ необходимо остановиться и на выборахъ. Въ эпоху польскаго владычества, въ силу королевскихъ жалованныхъ грамотъ и магдебургскаго права, выборы бургомистровъ, радцевъ и лавниковъ происходили въ самомъ магистратѣ безъ всякаго участія поспольства [1]); послѣ реформъ XVIII-го вѣка, хотя въ выборахъ и стало принимать участіе городское общество, но только почетнѣйшее, которое весьма рѣдко проводило въ магистратъ новыхъ лицъ; по большей части оно баллотировало тѣхъ, которые занимали низшія городскія должности и принадлежали къ вліятельнымъ семьямъ. Такъ какъ войтъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ, то и избраніе его было обставлено нѣкоторой торжественностью. Скажемъ объ этомъ подробнѣе. Обыкновенно, въ Кіевѣ, въ силу королевскихъ грамотъ, подтвержденныхъ потомъ московскими государями, въ выборахъ войта принимали участіе всѣ граждане; избирались четыре кандидата, по

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. — Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 181.

большей части изъ членовъ магистрата; имена ихъ представлялись королю, который утверждалъ одного изъ кандидатовъ въ должности войта на всю жизнь. Первая грамота, опредѣляющая такой порядокъ выборовъ, относится къ 28 февраля 1633 года; она подтверждается потомъ грамотами 20 мая 1644 года при утвержденіи въ должности войта Андрея Ходыки и, наконецъ, дѣйствіе ея возстановляется еще разъ 3 апрѣля 1659 года. Съ присоединеніемъ къ московскому государству, выборы въ Кіевѣ около полустолѣтія оставались безъ измѣненія; такъ, въ 1654 г. мѣщане, избравъ по своимъ правамъ въ войты Богдана Сомковича, ходатайствовали предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о выдачѣ ему грамоты на эту должность. Но болѣе подробно намъ извѣстенъ изъ этой эпохи одинъ только случай выборовъ. Разумѣемъ избраніе въ войты Дмитрія Полоцкаго 13 октября 1699 г. Вотъ какъ описываются эти выборы въ лѣтописи Самуила Величка [1]): представители магистрата и все поспольство, собравшись на выборы, опредѣлили прочесть сначала актъ избранія Андрея Ходыки въ 1643 г., потомъ прочтены были „право майдебурское,—въ порядку, на листѣ осмомъ и девятомъ, въ Саксонѣ—подъ титуломъ „сендзя“, на листѣ чтириста первомъ, и въ Саксонѣ, юсь муниципале, въ артикулѣ чотиридесятъ четвертомъ“, которое „учитъ на таковый урядъ выбирати“. Затѣмъ всѣми присутствующими была принесена присяга въ томъ, что новый войтъ будетъ ими избранъ „ни для пріятельства, ни для боязни, ни для позысканя ласки, ни для даровъ и иншихъ тому подобныхъ речей“, что при выборѣ они будутъ имѣть въ виду только общественные интересы. Но, конечно, вся эта формальность и торжественность оказывалась пустой и напрасной въ рукахъ ловкаго человѣка или его партіи, вслѣдствіе того, напр., простаго факта, что избирательные голоса подавались открыто по степенямъ сверху внизъ, а не обратно, т. е. голоса подавали прежде бургомистры, потомъ, одинъ за другимъ, радцы, лавники, цехмистры, цехи и только тогда уже поспольство. Что такой порядокъ выборовъ велъ къ злоупотребленіямъ, къ подавленію

[1]) Т. III, стр. 546.

свободнаго избранія, это сознавалось современниками и въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ. Съ протестомъ выступилъ бургомистръ Тихонъ Даниловичъ, который сказалъ, „абы тотъ былъ обранный войтомъ, кого собѣ люди посполитые улюбятъ и оберутъ за войта". Но Даниловичъ, какъ позже Кравченко, вынужденъ былъ замолчать. Слѣдуетъ замѣтить, что войтъ избирался изъ членовъ магистрата, изъ бургомистровъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ; избраніе въ войты лица, не принадлежавшаго раньше къ магистрату, не практиковалось. Избраннаго сажали „на мѣстцу призвойтомъ войтовскомъ" и вручали ему „весь мѣскій и майстратовый порядокъ"; обычная присяга при этомъ войта происходила, вѣроятно, по полученіи имъ отъ верховной власти грамоты на это званіе. При выборахъ 1699 г. присутствовали со стороны гетмана два значные войсковые товарища. Впослѣдствіи выборъ войта былъ измѣненъ, если не отмѣненъ совершенно, хотя мы не знаемъ точно, когда именно это случилось. Кажется, что несвободный выборъ войта слѣдуетъ отнести къ 1735 г., когда выданъ былъ указъ на эту должность Павлу Войничу. Мотивы такой перемѣны угадать не трудно; намъ кажется, съ одной стороны предполагалось уничтожить и предупредить на будущее время злоупотребленія, обнаруженныя въ 1732 г., съ другой имѣлось въ виду то вліяніе на городскія дѣла мѣстныхъ губернаторовъ, котораго можно было достичь, только держа въ рукахъ войтовскую власть, пользовавшуюся въ городѣ большимъ или меньшимъ почетомъ и силой. Второй мотивъ былъ, конечно, слѣдствіемъ начатаго еще Петромъ I слиянія сѣверной Руси съ южною путемъ отмѣны мѣстной автономіи въ послѣдней и введенія общихъ учрежденій. Несвобода выборовъ еще яснѣе обнаруживается въ 1753 г., когда избраннымъ въ войты оказался маіоръ Сичевскій изъ гренадеровъ лейбъ-кампаніи, т. е. человѣкъ, не подчинявшійся раньше магистрату и независимый отъ него. Само собою разумѣется, что выборы Сичевскаго были произведены такъ же, какъ и выборы Пивоварова, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ. Независимое положеніе войта отъ городской общины не замедлило дать прискорбныя послѣдствія. Сичевскій вскорѣ что то „удержалъ", „издержалъ" или

„присвоилъ“ себѣ; мѣщане стали жаловаться; возникло дѣло и императрица Екатерина II 20 февраля 1766 г. послала кіевск. губернатору Глѣбову указъ, что надобно выбрать въ магистратъ новаго войта, а Сичевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобы четвертымъ кандидатомъ поставили кіевской губернской канцеляріи прокурора Пивоварова“. Глѣбовъ внушалъ, но, несмотря на его внушеніе, Пивоваровъ избранъ не былъ, и кіевскій оберъ-комендантъ Ельчаниновъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и черезъ писаря Давыдовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ; въ противномъ случаѣ, чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города. Глѣбовъ былъ назначенъ сенаторомъ и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ-аншефъ Воейковъ, который началъ тѣмъ, что собралъ магистратъ и все привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; но едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ кандидатовъ довольны; этими кандидатами были: 1, Пивоваровъ; 2, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій; 3, находившійся при великомъ князѣ камердинеръ Андріевскій и 4, кіевскаго магистрата медовый шафоръ Дмитровичъ [1]). Само собою розумѣется, что при такомъ выборѣ войта, онъ переставалъ быть представителемъ города, отвѣтственнымъ передъ гражданами и судимымъ ими по своимъ правамъ, а обращался въ начальника, которому

---

[1]) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 28 и 29.

всѣ были обязаны безпрекословнымъ подчиненіемъ и повиновеніемъ; что дѣйствительно отношенія сложились такъ, подтверждается словами многихъ членовъ магистрата на судѣ. Въ 1785 году реформа городскаго управленія по положенію Екатерины была произведена и въ Кіевѣ [1]); магистратъ былъ упраздненъ, какъ учрежденіе судебно-административное онъ сталъ теперь мѣстомъ исключительно судебнымъ по возникавшимъ въ городѣ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; администрація же перешла въ руки шестигласной градской думы, знавшей одно только городское хозяйство и ремесленной управы, вѣдавшей дѣла цеховъ. Первымъ градскимъ главой былъ избранъ въ 1785 г. бунчуковый товарищъ Василій Копыстенскій, потомъ Евфимъ Митюкъ (около 1787 г.) и Григорій Радзицкій (около 1790 г.), Мы не имѣемъ свѣдѣній о выборахъ въ этотъ періодъ, но естественно, что они должны были производиться согласно новому городовому положенію. Возстановленное по смерти Екатерины старое самоуправленіе по магдебургскому праву удержало формы выборовъ изъ предшествующей эпохи и для характеристики ихъ до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи находится только одно дѣло: это дѣло о выборахъ 20 декабря 1813 г., произведенныхъ магистратомъ для пополненія выбывшихъ членовъ своихъ и членовъ ремесленной управы. Тогда магистратъ долженъ былъ обратиться къ губернатору и просить у него разрѣшенія собрать почетнѣйшее общество. Разрѣшеніе было дано. Магистратскіе чиновники изготовили списки избирателей, составлявшихъ почетнѣйшее общество. Судя по спискамъ, приходится заключать, что это общество было весьма малочисленно: изъ 5517 душъ, числившихся по ревизіи (старожилыхъ—3608 и новоприписныхъ 1909 душъ) въ списки внесено было всего только 166 душъ, т. е. 3%, изъ которыхъ на выборы явилось всего лишь 104 чел.; всѣ избиратели были раздѣлены на шесть группъ; каждый изъ нихъ получалъ списокъ своей группы и въ немъ противъ своего имени

---

[1]) *А. Андріевскій*, Историческіе матеріалы, вып. 2-й, стр. 9; вып. 1-й, стр. 135. О томъ же свидѣтельствуютъ и неизданныя старыя дѣла кіевск. каз. палаты, хранящіяся теперь въ центр. архивѣ университета.

отмѣчалъ собственноручно: „видѣлъ"; потомъ въ назначенный день избиратели приносили присягу; въ 1813 г. къ присягѣ приводилъ священникъ Дмитрій Иванишевъ; выборъ производился шарами, а не голосами и избраннымъ считался тотъ, кто получалъ простое большинство. Такимъ образомъ мы видимъ, что при выборахъ бургомистровъ, ратсгеровъ и проч. были оставлены тѣ порядки, которые имѣли мѣсто въ эпоху господства магдебургскаго права. Такія же перемѣны должны были произойти и при избраніи войта. На выборахъ въ 1821 г. въ качествѣ представителя со стороны власти присутствовалъ полиціймейстеръ; конечно, онъ долженъ былъ присутствовать и на описанныхъ выше выборахъ 1814 г., хотя въ томъ дѣлѣ, изъ котораго мы заимствовали свои свѣдѣнія, объ участіи его не упоминается. Сравнивая теперь выборы 1814 г. съ выборами въ до-петровское время, можно было бы признать первые шагомъ впередъ, если бы избирателей на нихъ было не 104 чел., а всѣ 5000 правоспособныхъ кіевскихъ мѣщанъ; но, къ сожалѣнію, мы этого не видимъ, и потому приходится заключить, что въ началѣ XIX, какъ въ XVI и XVII вв., городскія должности были достояніемъ небольшаго кружка богатыхъ и вліятельныхъ мѣщанъ [1]).

Сказавъ о формахъ выборовъ въ должность войта, мы находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какимъ пользовались войты въ городскомъ управленіи. Изъ разсказа В. Б. Антоновича о Ходыкахъ мы уже знаемъ, что общественное мнѣніе, окружая почетомъ личность войта и ставя высоко его власть, шло иногда наперекоръ его желаніямъ и жестоко расплачивалось съ тѣмъ, который осмѣливался нарушить интересы общины. При московскихъ государяхъ на власть войта было обращено большое вниманіе, особенно же она поднялась послѣ петровскихъ реформъ, когда бюрократизмъ проникъ всѣ сферы общественной жизни, а изъ среды мѣщанъ выдѣлено было почетнѣйшее общество и такимъ образомъ убито вліяніе массы

[1]) Изъ дѣла о взысканіи излишнихъ податей мы знаемъ, что, когда магистрату понадобились подписи мѣщанъ, то онъ увеличилъ составъ почетнѣйшаго общества сначала до 605, а потомъ и до 1000 душъ и увеличилъ бы его еще болѣе, если бы большее число мѣщанъ обнаружило готовность подписываться.

горожанъ на ея представителей, проявлявшееся въ чрезвычайныхъ случаяхъ; вслѣдствіе этого теперь о силѣ войтовской власти выработалось такое понятіе, какого мы не встрѣчаемъ раньше: на войта стали смотрѣть, какъ на единаго начальника города, которому всѣ обязаны безусловнымъ повиновеніемъ даже тогда, когда требованія и дѣйствія его противорѣчатъ предписаніямъ закона. Оттого то члены магистрата, привлекаемые къ суду и подвергавшіеся отвѣтственности, какъ члены коллегіальнаго учрежденія, за противозаконныя постановленія и дѣйствія магистрата, всегда оправдывали себя тѣмъ, что не смѣли будто бы противорѣчить волѣ начальника своего и по закону обязаны повиноваться ему безпрекословно. Конечно, при такомъ отношеніи общества и членовъ магистрата къ войту, онъ пользовался полнымъ произволомъ въ дѣлахъ, приводившимъ, какъ его, такъ и подчинявшихся ему городскихъ чиновниковъ, къ злоупотребленіямъ и въ конецъ убивавшимъ всякое проявленіе общественнаго мнѣнія.

Не менѣе вредно на самостоятельности городскаго самоуправленія отзывались, во 1-хъ, его столкновенія съ представителями центральной власти, сначала съ польскими воеводами, а потомъ съ русскими губернаторами, и во 2-хъ, реформы въ городскомъ управленіи, которыя, не отмѣняя совершенно стараго права, искажали его духъ и лишали магистратъ возможности „поступать по своимъ правамъ“ съ тѣми, „буде кто явится въ сборахъ и росходахъ и въ отчетѣ неисправенъ и противъ тѣхъ правъ виновенъ“, такъ какъ подобная возможность мѣщанскаго самосуда надъ своими представителями была единственной силой, сдерживавшей войта и бургомистровъ отъ крупныхъ хищеній. Уже въ силу жалованныхъ грамотъ мѣщане освобождались отъ всякаго подчиненія королевской администраціи и судамъ въ краѣ; но польскіе сановники, управлявшіе воеводствами и староствами, какъ полные хозяева, стремились распространить свои права и на города, свободные отъ ихъ юрисдикціи. Вслѣдствіе слабости королевской власти, это стремленіе воеводъ и старостъ къ господству было явленіемъ всеобщимъ, возроставшимъ вмѣстѣ съ возростаніемъ шляхетской вольности. Кіеву, въ свою очередь

пришлось испытать на себѣ общую судьбу всѣхъ южно-русскихъ городовъ, и борьба мѣщанъ за пожалованныя имъ льготы наполняетъ ихъ исторію отъ начала до конца. Первыя дошедшія до насъ указанія на столкновенія такого рода мы находимъ въ грамотѣ короля Сигизмунда-Августа отъ 30 сентября 1570 г., въ которой онъ запрещаетъ „справцѣ“ (подвоеводѣ, намѣстнику воеводы) кіевскаго воеводства Михаилу Мышкѣ-Варковскому причинять насилія мѣщанамъ, стѣснять торговлю Кіева съ Москвой и забирать у купцовъ товары за полцѣны. Изъ другихъ грамотъ мы видимъ, что воеводы стараются подчинить своей власти всѣхъ поселяющихся въ городѣ и пріѣзжающихъ купцовъ, между тѣмъ какъ по грамотѣ короля Стефана Баторія отъ 17 нояб. 1576 г. эти купцы были подсудны магистрату. Это право магистрата на разборъ дѣлъ пріѣзжихъ купцовъ подтверждаетъ и Сигизмундъ III въ грамотѣ 13 сент. 1621 г., а въ грамотѣ 1622 г. повелѣваетъ всѣмъ поселившимся въ Кіевѣ мѣщанамъ и пріобрѣвшимъ въ городѣ усадьбы нести какъ натуральныя, такъ и денежныя повинности. Грамотою короля Іоанна Казимира отъ 3 апрѣля 1649 года всѣ новопоселившіяся въ Кіевѣ лица, подчиняющіяся городскому суду, обязываются при этомъ дать присягу въ томъ, что главныя условія поселенія будутъ ими непремѣнно выполнены. Не прошло и года, какъ эта грамота была снова подтверждена. Постоянное подтвержденіе ея указываетъ на постоянное, въ свою очередь, стремленіе воеводъ къ распространенію своей власти надъ мѣщанами и вслѣдствіе того къ ограниченію правъ магистрата. Но послѣдній зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все пожалованное ему строго соблюдалось, и король во всѣхъ спорахъ становился на сторону мѣщанъ; онъ не только не дѣлалъ такихъ распоряженій или реформъ, которыя сдерживали бы власть магистрата, а, напротивъ, издавалъ грамоты, предоставлявшія мѣщанамъ разнаго рода льготы. Какъ мало значили всѣ эти грамоты въ глазахъ воеводъ, видно, во 1-хъ, изъ принесенной въ 1618 г. въ житомирскій гродскій судъ жалобы кіевск. магистрата о томъ, что мѣщане замковой юрисдикціи уклоняются отъ исполненія разнаго рода городскихъ повинностей, взваливая

всю тяжесть ихъ на мѣщанъ „мѣстской“ юрисдикціи [1]), и, во 2-хъ, изъ словъ межигорскаго игумена Өеодосія Васьковскаго [2]), который въ своей, хотя и пристрастной, но имѣвшей все таки нѣкоторое основаніе, запискѣ говоритъ: „всѣ ремесники всякого ремесла кіевскіе належали не до ратушу, але до замку кіевского. Намѣстникъ воеводскій замку кіевскаго и судилъ ремесниковъ всякихъ кіевскихъ и владѣлъ онимы, яко подданнимы пана своего.“ Войны Хмельницкаго причинили, само собою разумѣется, много бѣды кіевскимъ мѣщанамъ. Воевода Янушъ Тишкевичъ, не особенно уважавшій въ мирное время права мѣщанъ, далъ полную волю своей почти неограниченной власти во время смутъ: многіе мѣста, дворы и усадьбы были захвачены разными лицами; корчемная аренда, испоконъ вѣка принадлежавшая мѣщанамъ, была отнята у нихъ и передана еврею; послѣдній пріобрѣлъ себѣ даже домъ на Подолѣ. Король Іоаннъ-Казимиръ требуетъ въ грамотѣ 20 марта 1652 года, чтобы всѣ дома и усадьбы, захваченные у кіевлянъ въ смутное время, такъ же какъ и еврейскій домъ были возвращены мѣщанамъ, но, конечно, это приказаніе осталось безъ исполненія, потому что тогда подоспѣлъ переходъ города подъ власть московскаго государя. Съ этихъ поръ Кіевъ находится подъ ближайшимъ покровительствомъ гетмановъ; послѣдніе, заботясь о сохраненіи правъ и привилегій всей Малороссіи, естественно, поддерживали и Кіевъ въ его ходатайствахъ оставаться при магдебургскомъ правѣ и старыхъ вольностяхъ, которыя такъ смѣло, какъ мы видѣли, отрицалъ Өеодосій Васьковскій въ своемъ показаніи. Борьба кіевлянъ и въ эту эпоху не прекратилась; они непрерывно вели ее съ монастырями, захватывавшими городскія земли, съ козаками и ратными людьми, старавшимися присвоить себѣ разныя доходныя статьи города, и съ представителями власти, привлекавшими ихъ къ платежу всякаго рода налоговъ. Отсюда цѣлый рядъ гетманскихъ универсаловъ, возстановляющихъ права и вольности мѣщанъ. На сколько трудна была борьба мѣщанъ, видно, между

[1]) Опись актов. книги Кіев. Центр. Архива № 13, № акта 354, за 1618 г.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., стр. 114.

прочимъ, изъ того, что гетманъ Мазепа въ своей ревности о поддержаніи независимости городскаго управленія разрѣшаетъ даже самимъ мѣщанамъ ограбить того, кто осмѣлится учинить надъ ними и ихъ правами какое-либо насиліе. Во все это время мы видимъ, что условія, при которыхъ держалось магдебургское право въ Кіевѣ, остаются безъ перемѣны, и только Петръ В., положившій начало сліянію сѣверной и южной Россіи, коснулся отчасти и кіевскаго магистрата; произведенныя имъ измѣненія въ управленіи городомъ не были рѣзки, не бросались поэтому въ глаза, хотя впослѣдствіи постоянно давали себя чувствовать. До 1722 г. Петръ не нарушалъ вольностей Кіева по двумъ причинамъ: во 1-хъ, вслѣдствіе существованія еще въ Малороссіи порядковъ, созданныхъ Хмельницкимъ, во 2-хъ, вслѣдствіе близкаго сходства въ организаціи кіевскаго городскаго управленія съ устройствомъ городовъ, перенесенныхъ великимъ преобразователемъ въ сѣверную Русь съ запада. Остановимся на этомъ устройствѣ и посмотримъ на примѣненіе его къ Кіеву. По Регламенту, изданному 16 янв. 1721 г., въ С.-Петербургѣ учреждался главный магистратъ; ему были подчинены магистраты другихъ городовъ, раздѣлявшихся по числу жителей на пять разрядовъ (Кіевъ принадлежалъ къ первому разряду). Магистраты перворазрядныхъ городовъ состояли изъ президента (въ Кіевѣ—войта) четырехъ бургомистровъ (въ Кіевѣ—шести) и при каждомъ изъ нихъ по два ратмана (въ Кіевѣ—шесть радцевъ, ратсгеровъ). Въ 1724 г. опредѣленъ былъ штатъ губернскихъ магистратовъ, по которому въ нихъ надлежало быть: президенту, двумъ бургомистрамъ и двумъ ратманамъ, секретарю, канцеляристу, двумъ подканцеляристамъ, четыремъ копіистамъ и четыремъ сторожамъ. Въ особыхъ случаяхъ относительно дѣлъ о пользахъ городской общины магистратъ долженъ былъ совѣщаться съ первостатейными и средними „добрыми" и умными гражданами. Въ VII-ой главѣ Регламента главнаго магистрата сказано, что магистрату подчиняются только тѣ граждане, кои состоятъ въ двухъ гильдіяхъ (1-й и 2-й), купцы и ремесленники. „Прочіе же всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и черныхъ работахъ нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не-

считаются". Члены магистрата были несмѣняемы; по табели о рангахъ бургомистры числились въ X классѣ. Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла горожанъ вѣдались магистратомъ. Горожане, какъ тяглая община, сами раскладывали между собой подати и повинности, но самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи была значительно ограничена участіемъ магистрата. Такимъ образомъ, если въ великорусскихъ городахъ появились президенты, бургомистры и ратманы съ правами дворянства, несмѣняемости, суда и администраціи, подобно кіевскимъ войтамъ, бургомистрамъ и радцамъ, то Кіевъ, въ свою очередь, позаимствовалъ изъ петровскаго регламента полный штатъ магистратской канцеляріи, а также, что болѣе всего важно, раздѣленіе горожанъ, прежняго „поспольства", на „почетнѣйшее общество", принимавшее участіе въ выборахъ, управленіи, раскладкѣ податей и повѣркѣ годичныхъ отчетовъ магистрата, и „подлыхъ людей", которые были лишены всѣхъ этихъ правъ. Отсюда мы видимъ, что въ организаціи Кіева, послѣ петровской реформы, было полное сходство съ организаціей самоуправленія великорусскихъ городовъ; но существовала и разница между кіевскимъ магистратомъ и магистратами сѣвернорусскими: въ то время, когда первый подчинялся сначала малороссійской коллегіи, наблюдавшей за денежными и хлѣбными сборами, которые находились прежде въ безотчетномъ распоряженіи войтовъ и бургомистровъ, а потомъ, съ уничтоженіемъ коллегіи,—Сенату, вторые подчинялись с.-петербургскому главному магистрату [1]). Изъ этого сравненія, намъ кажется, можно уже

[1]) Со введеніемъ новаго городскаго устройства въ сѣверно-русскихъ городахъ, тамъ стали обнаруживаться такія же злоупотребленія, какія мы замѣчаемъ въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ: „когда учинены были магистраты по провинціямъ, и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны", пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи, „то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостинные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безъочередными службами и постоемъ.... Если бы велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго притѣснять не могъ бы и купечеству была бы отъ этого ревность". (А. Пригара: „Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи", ч. I. Спб. 1868, стр. 139—169).

вывести заключеніе, что реформа кіевскаго городскаго управленія въ основѣ своей совершена была Петромъ В. около 1724 г., хотя нѣкоторыя изъ старыхъ вольностей, не имѣвшія существеннаго значенія для характера управленія, продолжали еще сохраняться и подтверждались грамотами преемниковъ Петра I. Какъ ревниво мѣщане стояли за ихъ цѣлость, показываетъ слѣдующій примѣръ: въ 1749 г.[1]) кіевскій губернаторъ Леонтьевъ представилъ въ Сенатъ, что великороссійскіе купцы для всенародной пользы просятъ позволенія сидѣть въ Кіевѣ въ рядахъ, сообща съ кіевскими мѣщанами и врозь всякими товарами торговать; подати у себя въ великороссійскихъ городахъ будутъ они платить бездоимочно и кіевскому магистрату всякія повинности отправлять; по мнѣнію кіевской губернской канцеляріи, это слѣдовало бы позволить, ибо кіевскимъ мѣщанамъ отъ этого стѣсненія никакого не будетъ. Но Сенатъ, справившись, что въ грамотѣ Петра В. запрещено пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ сидѣть въ лавкахъ вмѣстѣ съ кіевскими мѣщанами и продавать товары въ локти, фунты и золотники, послалъ Леонтьеву выговоръ, что онъ объ отмѣнѣ существующихъ указовъ не долженъ былъ бы представлять. Еще раньше кіевскій магистратъ, ссылаясь на подтвержденныя Петромъ В. привилегіи, жаловался Сенату, что главный магистратъ привлекаетъ его подъ свое вѣдѣніе, тогда какъ онъ въ вѣдомствѣ главнаго магистрата никогда не бывалъ. Главный магистратъ объяснилъ, что онъ кіевскій магистратъ въ свое вѣдѣніе не привлекалъ, а посылалъ для извѣстія указы о пожалованіи разныхъ людей чинами и объ отставкахъ. Сенатъ приказалъ: „изъ главнаго магистрата въ кіевскій магистратъ никакихъ указовъ не посылать". Сенатъ оберегалъ даже такое преимущество кіевлянъ, какого не имѣли другіе города; это—право городскаго общества требовать отчета отъ своихъ представителей и судить ихъ за злоупотребленія въ управленіи по своимъ правамъ. Такъ, напр., въ 1739 и 1740 годахъ это право мѣщанъ было возстановлено тогда лишь, когда слѣдствіе и судъ въ низшихъ инстанціяхъ были произведены и

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIII, стр. 44.

приговоръ поступилъ на утвержденіе Сената. Въ 1820-хъ годахъ самосудъ мѣщанъ совершенно забытъ (да, пожалуй, едва ли онъ былъ и возможенъ уже). Ясно отсюда, что въ то время, когда высшая власть старалась упрочить за Кіевомъ неприкосновенность уцѣлѣвшихъ его правъ и преимуществъ, мѣстное начальство не признавало за городомъ его привилегированнаго положенія, и самъ магистратъ былъ постоянными столкновеніями настолько уже пріученъ къ этому, что не протестовалъ даже противъ нарушенія своихъ вольностей. Преемники Петра Великаго отмѣнили было въ сѣверной Россіи введенное имъ городовое положеніе; сначала магистраты были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, затѣмъ главный магистратъ упраздненъ, а городовые магистраты замѣнены ратушами со смѣняемыми по выбору бургомистрами; но въ 1740 году петербургское гражданство ходатайствовало о возстановленіи магистрата и 21 мая 1743 года по докладу Сената велѣно было открыть снова въ С.-Петербургѣ главный магистратъ на прежнемъ основаніи. Намъ неизвѣстно, распространялись ли и на Кіевъ эти преобразованія [1]), но послѣдовавшія за тѣмъ измѣненія въ городскомъ управленіи касались и нашего города. Такъ, напр., главный петербургскій магистратъ, несмотря на приведенное выше опредѣленіе Сената, вводитъ въ Кіевѣ два новыя учрежденія: словесный судъ, въ которомъ принимаютъ участіе два великороссійскіе купца, и публичный нотаріатъ для протеста векселей. Какъ несочувственно встрѣчены были эти нововведенія въ Кіевѣ, можно заключить изъ того, что въ 1754 году гетманъ Разумовскій протестовалъ даже противъ этой реформы, когда было спрошено его мнѣніе по вопросу о словесномъ судѣ. Но, кажется, на его

[1]) Изъ указовъ 1739 и 1740 годовъ по поводу первыхъ кіевскихъ растратъ обнаруживается, что войтовъ въ Кіевѣ какъ бы не существуетъ; по крайней мѣрѣ они не упоминаются въ указахъ, точно не были причастны злоупотребленіямъ, чего, однако же, никакъ нельзя допустить въ виду того, что указы обвиняютъ весь тогдашній составъ кіевскаго магистрата. Это странное явленіе только и можетъ быть, по нашему мнѣнію, объяснено тѣмъ, что и въ Кіевѣ преемники Петра замѣнили ратушей учрежденный имъ магистратъ, возстановленный снова въ 1740 году Елисаветой Петровной.

протестъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія, потому что мы весьма рано находимъ доказательства существованія въ Кіевѣ этого новаго суда [1]). Такимъ образомъ судъ лавниковъ былъ раздѣленъ: менѣе важныя уголовныя дѣла и иски на небольшую сумму перешли къ словесному суду. Сильнѣе же всего затронули городское управленіе реформы Екатерины Великой. Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году надзоръ за самоуправленіемъ Кіева распредѣленъ былъ между нѣсколькими новыми учрежденіями: казенная палата контролировала хозяйственную часть города; полицейская и распорядительная части возложены были на кіевскаго губернатора, военная—на коменданта печерской крѣпости, а судопроизводство и внутреннее управленіе предоставлено самимъ жителямъ [2]). Но это судопроизводство и управленіе не находилось уже въ рукахъ рады и лавы, такъ какъ и та и другая были преобразованы и замѣнялись теперь первая—шестигласной думой, завѣдывавшей хозяйствомъ города, и вторая—магистратомъ, какъ учрежденіемъ судебнымъ. Въ то время учреждена была и ремесленная управа, которой подчинялись цехи. Эти перемѣны произошли въ 1785 году, какъ свидѣтельствуютъ о томъ книги кіевской казенной палаты съ отчетами мѣстной думы и изданные г. А. Андреевскимъ „Историческіе матеріалы“, которые онъ извлекъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія и на которые мы имѣли случай ссылаться раньше. По смерти Екатерины управленіе города по магдебургскому праву было возстановлено, но оно подчинялось уже мѣстной администраціи; собственно говоря теперь возстановлено было петровское городовое положеніе, сталкивавшееся съ новоучрежденными присутствіями и всегда имъ подчинявшееся. Въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе ли тяжести новыхъ повинностей, или по другимъ причинамъ, мы не знаемъ,—обнаруживается превышеніе расходовъ надъ доходами, и правительство озабочивается уравненіемъ ихъ. Дефициты въ городскомъ бюджетѣ были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ.

---

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 245 и 246.

[2]) Статистическое описаніе кіевской губерніи, изд. сенаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Спб., 1852 г., т. I, стр. 323.

Вслѣдствіе этого вводятся новыя учрежденія, которыя, не замѣняя старыхъ, имѣютъ одинаковую компетенцію съ послѣдними. Отсюда постоянныя пререканія. Рядъ этихъ новыхъ учрежденій открылся въ 1803 году комитетомъ для приведенія въ равновѣсіе городскихъ приходовъ и расходовъ [1]); въ 1804 году комитетъ, при участіи начальника губерніи, представилъ нѣкоторыя соображенія объ уплатѣ городскихъ долговъ и предположилъ составить особую коммиссію при магистратѣ для управленія городскими доходами и расходами; она должна была состоять, подъ предсѣдательствомъ войта, изъ представителей отъ магистрата, гражданства, купечества и мѣщанства; выходило всегда такъ, что большая часть членовъ коммиссіи состояла изъ членовъ магистрата и ремесленной управы, и была такимъ образомъ тѣсно связана со всѣми этими учрежденіями. Коммиссія о городскихъ приходахъ и расходахъ имѣла опредѣленную смѣту расходовъ, и все, что выходило изъ смѣты, требовало разрѣшенія высшей власти. Коммиссія начала свои дѣйствія въ 1806 году, но, кажется, не удовлетворяла своему назначенію: дефицитъ продолжалъ возрастать, несмотря на введеніе новаго „обывательскаго“ налога [2]). Поэтому, коми-

---

[1]) И. Варадиновъ „Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. Спб. 1861 г., т. I—VIII.

[2]) Въ 1820 году, на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, открытъ былъ новый источникъ городскихъ доходовъ; это—право взимать съ горожанъ, не болѣе, впрочемъ, 100 рублей, за внесеніе имени горожанина въ „обывательскую книгу“, которая дѣлилась на шесть частей: въ 1-ю вносились городскіе обыватели вообще (дворяне, разночинцы и проч.); въ 2-ю—купцы 3-хъ гильдій; въ 3-ю—цеховые мастера; въ 4-ю—иногородные и иностранные гости; въ 5-ю—именитые граждане и въ 6-ю—посадскіе. Отъ платежа не освобождались даже и дворяне, хотя по 6-й и 13-й ст. городоваго положенія они были уволены отъ всѣхъ другихъ повинностей: сборъ опредѣлялся соразмѣрно цѣнности имущества.

тетъ для уравненія городскихъ расходовъ съ доходами снова былъ учрежденъ сначала въ 1822, а потомъ въ 1828 году. Онъ состоялъ изъ начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, полицiймейстера, городскаго головы и депутатовъ отъ всѣхъ сословій, владѣвшихъ домами въ городѣ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что города для покрытія расходовъ дѣлали сами раскладку сборовъ и, что на злоупотребленія при этой раскладкѣ подавались неоднократныя жалобы, предписалъ, чтобы въ сентябрѣ каждаго года дума составляла смѣту прихода и расхода и представляла бы ее начальнику губерніи; на казенныя палаты возложена была повѣрка исполненія смѣты, которая сверхъ того ревизовалась депутатами отъ города.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всѣхъ указанныхъ выше реформъ и вызванныхъ ими столкновеній получалось то, что старое, хотя и слабое, но все же болѣе или менѣе дѣйствительное вліяніе городскаго общества при контролѣ отчетовъ и въ надзорѣ за членами магистрата съ каждымъ разомъ все болѣе устранялось и парализовалось, замѣняясь контролемъ чиновниковъ, преслѣдовавшихъ лишь одну внѣшнюю законность и аккуратное канцелярское веденіе приходо-расходныхъ книгъ. Можно подумать, пожалуй, что не будь городской реформы Петра I, Екатерины II и преемниковъ ихъ, не было бы и крупныхъ хищеній, но такое заключеніе было бы весьма ошибочнымъ. Мы уже сказали, что самыя начала самоуправленія города по магдебургскому праву были по природѣ своей таковы, что раньше или позже приводили къ господству немногихъ богатыхъ семей и къ подавленію общественнаго надзора и вліянія. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя „нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, говоритъ о г. Каменцѣ-Подольскомъ [1]), пользовавшемся

[1]) Стр. 240 и 241.

полнымъ магдебургскимъ правомъ и ближе другихъ подходившемъ къ положенію г. Кіева, что „онъ, Каменецъ, не имѣетъ ни самоуправленія, ни независимости. Онъ не имѣетъ самоуправленія, потому что управляется не лицами, выбранными изъ общества и самимъ обществомъ, а небольшимъ числомъ богатыхъ фамилій, членовъ рады. Онъ не имѣетъ свободныхъ судебныхъ учрежденій, потому что судебная коллегія составляется не изъ лицъ, избранныхъ обществомъ. Слабою опорою самоуправленія служатъ представительныя учрежденія города; но и эти учрежденія не имѣютъ ни широкой власти, ни достаточной силы. Городъ лишенъ независимости, потому что и староста и вообще замковое начальство и военное управленіе безнаказанно распространяютъ на него свою власть. Крайнее раздробленіе самоуправленія приводитъ къ праву сильнаго, къ праву дикихъ". Такую же неприглядную картину состоянія городовъ въ южной Россіи рисуетъ и другой изслѣдователь, В. Б. Антоновичъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ актамъ о городахъ. Полный упадокъ ихъ къ концу XVIII вѣка вызвалъ необходимость измѣненія прежнихъ условій существованія третьяго сословія въ Рѣчи Посполитой. Отмѣна магдебургскаго права конституціей сейма 1776 года не улучшила положенія мѣщанъ; требовалась болѣе важная реформа; это поняла, говоритъ тотъ же изслѣдователь [1]), небольшая группа политическихъ дѣятелей, которая „при составленіи конституціи 1789—1792 гг. употребила всѣ усилія, чтобы возстановить политическое значеніе городскаго сословія. Результатомъ этихъ усилій былъ законъ „о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой, изданный 18 апрѣля 1791 года". Онъ долженъ былъ, хотя отчасти, предупреждать повтореніе въ будущемъ тѣхъ недостатковъ, которые обнаружило магдебургское право.

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I, Кіевъ. 1874. Стр. 504 и слѣд.

Главными началами новаго закона были: неприкосновенность личности каждаго гражданина, на котораго распространялось теперь общее правило: „neminem coptivabimus, nisi jure victum"; признаніе всѣхъ городовъ вольными; возстановленіе ихъ территоріи, на основаніи старыхъ грамотъ; всесословность городовъ, въ силу котораго магистраты обязывались принимать въ городскую общину всѣхъ, желавшихъ вступить въ нее; признаніе ремеслъ и торговли свободными; далѣе, право участія въ выборахъ на городскія должности предоставляется всѣмъ домовладѣльцамъ, записаннымъ въ списокъ обывателей; допускается право участія представителей городовъ въ апеляціонномъ судѣ и въ коммиссіяхъ полицейской (гражданско-военной, какъ ее тогда называли), скарбовой (финансовой), ассесорской и друг., даже, что особенно важно, допускается право городовъ участвовать чрезъ своихъ избранныхъ депутатовъ въ засѣданіяхъ сеймовъ; право нобилитаціи всѣхъ лицъ, занимавшихъ городскія должности, если они не были уже шляхтичами; право горожанъ занимать должности въ гражданской и военной службѣ, быть канониками и прелатами и проч. Подъ вліяніемъ новаго закона города оживились и обнаружили лихорадочную дѣятельность въ приспособленіи себя къ новымъ условіямъ жизни; но жизнь вольныхъ городовъ была очень кратковременна, и мы не можемъ съ точностью указать на тѣ результаты, къ какимъ пришли бы города подъ дѣйствіемъ раньше указаннаго закона; думаемъ, однако же, что имъ совершенно было бы подавлено прежнее городское сословіе, и сильное шляхетство, не сливаясь съ нимъ, все доходное и выгодное захватило бы въ свои руки. Дѣйствіе этой городской реформы въ областяхъ Польши, какъ мы сказали уже, было непродолжительно, потому что вскорѣ началась шляхетская реакція, и постановленіемъ генеральной конфедераціи 29 октября 1792 года законъ о вольныхъ городахъ былъ отмѣненъ. Съ возвращеніемъ

южно-русскихъ городовъ къ Россіи въ 1796 году, наше правительство обратило вниманіе на ихъ положеніе и, пока не выработано было новое городовое положеніе, должно было ввести тотъ уставъ, который дѣйствовалъ въ городахъ сѣверной Россіи, и безпристрастная оцѣнка котораго принадлежитъ будущему, когда изслѣдователю доступно будетъ возможно большее количество матеріала.

Указавъ на размѣры, формы и причины злоупотребленій „магистратскихъ чиновниковъ" въ періодъ отъ XVI до XIX вѣка, намъ остается теперь въ заключеніе разрѣшить вопросъ, отчего же въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевскіе войты и бургомистры не нарушаютъ принципа неприкосновенности общественной собственности съ такою смѣлостью, какую мы видимъ въ слѣдующіе затѣмъ вѣка, XVIII-мъ и особенно XIX-мъ? Въ этомъ случаѣ мы можемъ отвѣтить только, что сказано было уже В. Б. Антоновичемъ въ своемъ чтеніи о „войтахъ Ходыкахъ" [1]), что сдерживающимъ началомъ въ два первые вѣка (XVI и XVII) служили старыя вѣчевыя традиціи кіевлянъ, имѣвшихъ право, „буде, кто явится въ сборахъ и расходахъ и отчетѣ неисправенъ", поступать съ тѣми „по своимъ правамъ". Вѣчевой духъ города, находившій себѣ сначала проявленіе въ политической жизни края, сталъ потомъ, благодаря содѣйствію цеховой организаціи, вліять, какъ общественное мнѣніе, во внутреннемъ управленіи города, сдерживая хищническіе инстинкты „урядовыхъ людей". Постепенное же выдѣленіе изъ массы горожанъ правящей касты еще въ эпоху польскаго владычества и петровская реформа, раздѣлившая „посполиство" на „почетнѣйшее общество"

[1]) „Кіевская Старина" за 1882 г., февраль, стр. 235.

и „подлыхъ людей", вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія войтовской власти, съ назначеніемъ войтовъ, вмѣсто выбора ихъ, и съ контролемъ администраціи, вели къ подавленію общественнаго мнѣнія и протеста и дали въ результатѣ тѣ слѣдственныя дѣла, содержаніе которыхъ мы изложили выше.

И. Каманинъ.

Критика.

Юбилейныя изданія: 1) Въ память празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Составилъ В. Михайловъ. Москва 1888 г.; 2) Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Составилъ В. Д. Сиповскій. Спб. 1888 года. 3) Родникъ. Журналъ для дѣтей Іюль 1888 года. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Юбилей 900-лѣтія крещенія Руси породилъ цѣлую литературу: множество брошюрокъ разныхъ видовъ, размѣровъ, и къ сожалѣнію, различнаго достоинства, появилось въ свѣтъ. Ихъ такъ много, что собрать всѣ вмѣстѣ и дать о нихъ общій отзывъ нѣтъ никакой возможности, но оставить ихъ безъ вниманія мы также не находимъ возможнымъ. Конечно критика не пойдетъ въ народъ, не повліяетъ на выборъ его чтенія, но она можетъ оказать посильную услугу тѣмъ читателямъ, которые имѣютъ возможность ознакомиться и съ разборомъ брошюръ, ибо эти брошюры пріобрѣтаются иногда и людьми интеллигентными и нѣкоторыя, надо сказать, вполнѣ этого заслуживаютъ; можетъ быть также посильныя критическія указанія послужатъ къ улучшенію подобныхъ популярныхъ изданій со стороны содержанія и обработки изложенія въ будущемъ.

Брошюрокъ съ разсказомъ о Владимірѣ св. вышла масса. Въ одной изъ газетъ мы находимъ, напр., такое объявленіе: „Получены при книжномъ складѣ NN газеты брошюры разныхъ *фирмъ*, относящіяся къ бывшему празднованію 900-лѣтія крещенія Руси. Отъ 5 до 40 коп.". Авторовъ не указывается, ибо и указать то ихъ въ большей части случаевъ нельзя: извѣстна только *фирма*, которая выпустила въ свѣтъ то или иное юбилейное произведеніе, какъ извѣстны фирмы чайныя и т. п., какъ будто въ книжномъ дѣлѣ *фирма* можетъ ручаться за доброкачественность содержанія. Въ нашемъ журналѣ разсмотрѣны далеко и далеко не всѣ эти юбилейныя изда-

нія *разныхъ фирмъ*, но мы имѣли случай видѣть и читать ихъ очень много. Кто только ознакомится хотя бы съ частью ихъ, то невольно подумаетъ, что не всѣ онѣ явились результатомъ стремленія принести посильную пользу дѣлу народнаго просвѣщенія, что можетъ быть появленіе въ свѣтъ нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ на нѣсколько иной печальный фактъ—желаніе той или иной *фирмы* выпустить изданіе, сбытъ котораго обезпеченъ подходящими обстоятельствами. *Фирма* заботится выпустить брошюрку подешевле для себя, а насколько составитель ея можетъ быть годенъ для дѣла, это для фирмы вопросъ десятистепенный: для нея важно, чтобы и онъ былъ недорогъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ составителей подобныхъ статеекъ вполнѣ упускаютъ изъ вида, что писать для народа весьма трудно, и что на пишущаго ложится громадная отвѣтственность за то, что онъ даетъ народу. Прежде всего необходимо ясное, удобопонятное, правильное во всѣхъ отношеніяхъ изложеніе, которое давало бы читающему возможность легкаго усвоенія прочитаннаго. А это задача далеко нелегкая. Для ея выполненія нужно быть педагогомъ по натурѣ. Затѣмъ. Пища для ума должна быть свѣжая незалежалая. Факты сообщаемые читателю, должны быть передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ наука даннаго времени. Намъ скажутъ, что многіе вопросы наукой не рѣшены, что существуютъ иногда самыя противорѣчивыя мнѣнія относительно одного и того же факта. Но не нужно забывать, что каждое изъ этихъ мнѣній все же основывается на тщательномъ изученіи источниковъ людьми, привыкшими критически разработывать вопросъ, къ какой бы области знанія онъ ни относился. И лучше, гораздо полезнѣе для читателя усвоить фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется одной научной школой, чѣмъ въ томъ, въ какомъ его отрицаютъ всѣ школы. Полезнѣе сообщить народу какое угодно научное мнѣніе о происхожденіи Кіева или Москвы, чѣмъ говорить ему, что ихъ основали перевощикъ Кій или Мосохъ Іафетовичъ. Не особенно трудно избѣжать этого. Составитель обязанъ ознакомиться лишь съ выдающимися учеными трудами, изслѣдующими факты, о которыхъ онъ хочетъ разсказывать народу. Возьмемъ хоть исторію Владиміра св... Составитель обязанъ ознакомиться съ работами Карамзина, Погодина, Соловьева, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина. Пусть составитель изложитъ исторію Владиміра Св. по сочиненію одного изъ нихъ, если не въ состояніи самъ критически отнестись къ ихъ мнѣніямъ и отыскать мнѣнія большинства,—это гораздо будетъ полезнѣе, чѣмъ

свои измышленія, чуждыя наукѣ, пичкать въ головы народа. Но, возразятъ намъ, не всѣ составители знакомы даже и съ этой литературой. Къ несчастью, это вполнѣ вѣрно. Однако, на такое возраженіе можно отвѣтить: 1) что добросовѣстный человѣкъ всегда можетъ обратиться за указаніями къ другому, болѣе свѣдущему, а 2) такіе составители сдѣлали ли бы лучше и для себя, и для другихъ, еслибы совсѣмъ не брались за народное просвѣщеніе.

Издательскія *фирмы* не имѣли этого въ виду совершенно, да и составители ихъ брошюрокъ не останавливались надъ подобными вопросами. Взять лѣтопись, и то иногда какую попало, переложить ея разсказъ на русскій языкъ, не понявъ и потому переврав нѣкоторыя ея мѣста, подбавить къ этому переложенію нѣсколько толкованій, явившихся Богъ знаетъ на основаніи чего въ головѣ, напустить туману въ видѣ примѣчаній или разъясненій въ самомъ текстѣ, которыя опять неизвѣстно для чего и почему *изобрѣтены* авторомъ,—вотъ трудъ составителей изданій разныхъ *фирмъ*. Къ несчастью, эти слова не есть преувеличеніе, а истина. Насколько нѣкоторыя изданія могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію и производятъ самое отрадное впечатлѣніе, настолько другія заставляютъ сожалѣть о тѣхъ, кто ихъ будетъ читать.

Чтобы закончить нашъ отчетъ объ юбилейныхъ брошюркахъ, разсмотримъ три изданія, заглавія которыхъ мы выставили.

1) Поставленная нами первою брошюрка начинается небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ говорится о цѣли изданія, затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о праздновании 900-лѣтія крещенія Руси и о порядкѣ празднованія юбилея и наконецъ, слѣдуетъ уже исторія Руси до Владиміра св. и принятія христіанства. Историческій разсказъ помѣщенъ на 109 страницахъ довольно крупной, четкой печати и начинается съ разселенія славянъ въ Европѣ и по Россійской низменности. Трудъ автора представляетъ собою переложеніе лѣтописи, но нужно сказать, что съ нею авторъ знакомъ далеко не въ совершенствѣ. На это указываютъ нѣкоторыя неточности, пропуски, невѣрности въ изложеніи фактовъ. Напр., при перечисленіи русско-славянскихъ племенъ не указаны ни сѣверяне, ни уличи, ни тиверцы, а между тѣмъ это были одни изъ самыхъ культурныхъ племенъ. Олегу почему то приписывается построеніе городовъ Чернигова, Переяслава и др., тогда какъ та же лѣтопись называетъ ихъ древнѣйшими русско-славянскими городами. Критики у автора нѣтъ абсолютно, и потому онъ впадаетъ иногда въ интерес-

ныя ошибки, какъ напр. утверждая вмѣстѣ съ лѣтописью, что византійскій императоръ Константинъ Багрянородный плѣнился красотою княгини Ольги и предлагалъ свою руку, не расчитавъ, что наша княгиня была въ 957 г. уже старухой. Не будемъ говорить уже о томъ, что все это сказаніе лѣтописи подвержено сильному сомнѣнію въ своей достовѣрности. О древней этнографіи, о бытѣ нашихъ предковъ въ X в авторъ имѣетъ самыя смутныя понятія. Сказавъ о значеніи христіанской религіи, авторъ говоритъ, что она заставляетъ жить совершенно не такъ, какъ жили наши предки—язычники (это вѣрно), „заботившіеся только: о неправедной добычѣ, кровавомъ мщеніи и вѣчной непріязни ко всѣмъ народамъ иной вѣры". Здѣсь въ послѣднихъ словахъ страшное преувеличеніе, и наши предки язычники не были такими дикарями, какъ ихъ описываетъ авторъ, которому противорѣчитъ масса историческихъ и археологическихъ данныхъ, очевидно, совершенно неизвѣстныхъ составителю брошюры. Національная и религіозная нетерпимость, которую авторъ хочетъ навязать нашимъ предкамъ-язычникамъ, была имъ совершенно чужда. Напротивъ, національная терпимость была именно той силой, которая дала русскому славянству возможность ассимилировать съ собой массу финско-угрскихъ и тюркскихъ племенъ. Положительно непонятно также, почему авторъ счелъ нужнымъ сравнить хазаръ, печенѣговъ, половцевъ съ калмыками. Тутъ уже является отсутствіе всякаго представленія о древней нашей этнографіи. Языкъ брошюры неправильный. Какъ можно „*заботиться о вѣчной непріязни* ко всѣмъ народамъ"? Или вотъ еще такое мѣсто: „онъ (Владиміръ) *завоевалъ Ятвяговъ*, дик*аго*, но мужественн*аго* народ*а*". Такія неправильности языка у автора встрѣчаются довольно часто. Не можемъ также не указать на странность географическихъ опредѣленій въ разбираемой брошюркѣ. Оказывается, напр., что у Владиміра было 300 женъ „*въ нынѣшнемъ Бѣлгородѣ*". Вѣроятно, курской губерніи?! Или: „*городъ Червень около Хелма*". А Хелмъ гдѣ? Едва ли такія географическія указанія объяснятъ что нибудь читателю.

Намъ кажется, что нашъ выводъ не будетъ невѣренъ, если скажемъ, что трудъ автора при указанныхъ недостаткахъ едва ли можемъ считаться полезнымъ для читателя.

2) Небольшая брошюрка г. Сиповскаго, по нашему мнѣнію, отличается важными достоинствами. Не говоря уже объ изяществѣ самаго изданія, она хороша по своему содержанію и по изложенію

сообщаемыхъ фактовъ. Авторъ отступилъ нѣсколько отъ шаблоннаго распредѣленія матеріала и начинаетъ свой разсказъ не съ дѣтства Владиміра, а съ трагическаго момента его жизни съ убіенія варяговъ мучениковъ язычниками—кіевлянами. Принимая лѣтопись за главный источникъ, мы должны признать этотъ моментъ самымъ важнымъ въ исторіи Владиміра св., ибо онъ былъ переломнымъ въ его жизни. Это, такъ сказать, завязка драмы. Вслѣдъ за этой главой, которая озаглавлена: „Первые христіанскіе мученики на Руси", слѣдуетъ вполнѣ естественно разсказъ „О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ". Затѣмъ только выводитъ авторъ главное дѣйствующее лицо князя Владиміра и рисуетъ его жизнь въ языческій періодъ княженія. „Гдѣ же истина, чему вѣрить и какъ жить?—вотъ вопросы, которые должны были мучить его. И сталъ Владиміръ сомнѣваться въ своей языческой вѣрѣ"..., говоритъ авторъ, указавъ на различныя религіозныя вліянія, дѣйствовавшія на князя, и переходитъ къ слѣдующей главѣ: „Иноземные послы у Владиміра". Затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ главы: 1) „Испытаніе вѣръ", 2) „Крещеніе Владиміра и дружины его въ Корсуни", 3) „Крещеніе народа въ Кіевѣ и другихъ городахъ" и, наконецъ, 4) „Христіанская жизнь Владиміра".

Единственное замѣчаніе, какое можно сдѣлать, относится къ отсутствію географическихъ указаній и, хотя бы маленькихъ, этнографическихъ разъясненій. Отчего бы не указать, гдѣ лежала Хазарская земля и кто были ея жители? Это можно было сдѣлать хотя бы въ выноскѣ подъ строкой, чтобы не нарушать цѣльности лѣтописнаго разсказа, который, надо сказать, передается г. Сиповскимъ просто, вѣрно и весьма изящно. Кромѣ того видно, что авторъ прекрасно знакомъ со всѣми необходимыми историческими матеріалами и пособіями, которые были ему необходимы при составленіи его труда. Г. Сиповскій не вдается въ большія подробности, но не упускаетъ изъ вида ничего, что необходимо сказать. Вообще трудъ г. Сиповскаго есть одинъ изъ лучшихъ юбилейныхъ популярныхъ трудовъ и всякимъ будетъ прочтенъ съ большимъ удовольствіемъ.

3) Хотя нѣкоторыя изъ юбилейныхъ брошюрокъ, какъ напр. г. Сиповскаго, могутъ смѣло и съ пользой быть даваемы въ руки дѣтей, тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ изданію юбилейнаго номера редакціей дѣтскаго журнала „Родникъ". Здѣсь о великомъ событіи разсказано въ видѣ отдѣльныхъ историческихъ повѣстей, что дѣлаетъ разсказъ болѣе легкимъ и занимательнымъ для юнаго читателя. При составленіи этихъ повѣстей въ

„Родникѣ" приняты въ соображеніе данныя этнографическія и археологическія, такъ что у читателя можетъ получиться довольно ясное представленіе о бытѣ и жизни нашихъ предковъ въ то отдаленное время. Самое изложеніе отличается легкостью, полною доступностью для пониманія ребенка.

Конечно, отъ повѣсти нельзя требовать полной фактической точности. Важно только, чтобы главные факты были вполнѣ достовѣрны, при чемъ могутъ быть вставлены нѣкоторые эпизоды и подробности, которые хотя и не упоминаются въ историческихъ источникахъ, но, не противорѣча имъ, служатъ къ болѣе яркой обрисовкѣ современной жизни и быта. Не можемъ не сказать, что нѣкоторыя сцены положительно дышатъ поэзіей. Однако всѣ эти подробности, въ видѣ отдѣльныхъ, созданныхъ авторомъ историческихъ сценъ и эпизодовъ, должны стоять какъ можно ближе къ исторической дѣйствительности. Для нихъ авторъ долженъ брать только лишь то, что могло дѣйствительно существовать по соображенію историческихъ фактовъ. Вымышленная сцена, разъ она вымышлена, не достовѣрна исторически, но она можетъ быть *исторически вѣроятна,* если ея детали будутъ вѣрны исторически, этнографически и археологически. Нельзя не указать, что разсказъ „Родника" въ нѣкоторыхъ мѣстахъ погрѣшаетъ противъ этого требованія: попадаются детали, которыя положительно не могли существовать и противорѣчатъ историческимъ фактамъ. Укажемъ на нѣкоторыя слабыя, по нашему мнѣнію, мѣста разсказа. Въ весьма интересной сценѣ, происходящей въ Вышгородѣ, въ теремѣ св. Ольги, авторъ выводитъ плѣннаго хазарина, который разсказываетъ княгинѣ о своей родной земли и о Византіи. И вотъ тутъ одна маленькая историческая неточность портитъ впечатлѣніе. Плѣнный хазаринъ не могъ сражаться противъ Олега, такъ какъ до похода Святослава войны между Русью и Хазаріей не было. Въ 914 г. Русь совершенно случайно была перебита хазарами и ужъ конечно не могла тогда набрать плѣнныхъ. Всѣ другіе извѣстные намъ походы на Востокъ не направлялись противъ Хазаріи. Изъ разсказа оказывается, что хазаринъ самъ не былъ въ Византіи, слѣд. онъ не принадлежалъ къ тому хазарскому отряду, который былъ на службѣ у византійскаго императора, а выведи его авторъ отсюда—историческая вѣроятность была бы соблюдена. Еще проще было бы сдѣлать этого хазарина плѣнникомъ Святослава, который дѣйствительно разгромилъ Хазарію. Точно также исторически невѣрно положеніе св. Ольги, незнавшей будто

бы, что въ Кіевѣ есть много христіанъ, тогда какъ христіанство существовало здѣсь еще при ея мужѣ Игорѣ. Нельзя не указать также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сгущены немного краски и существуютъ преувеличенія. Авторъ такими, напр., словами описываетъ дѣйствіе, произведенное смертью и словами варяга-мученика: „съ того дня, говоритъ авторъ, не стало въ Кіевѣ никакой вѣры. Христіане язычниковъ боялись, а язычники и христіанъ и другъ друга стыдились. Изрѣдка зайдетъ кто нибудь на требище Перуново, посмотритъ на старыхъ боговъ и уйдетъ домой, вспоминая варяговы рѣчи". Тутъ нѣтъ не только вѣрности, но и вѣроятности исторической. Укажемъ еще на одну подробность, которая какъ то рѣзко выдѣляется изъ всей картины жизни того времени своей несообразностью. Говоря о милосердіи Владиміра св. послѣ принятія христіанства, авторъ выражается: „И острога въ городѣ не было"... Да остроговъ и совсѣмъ тогда не было! Это археологическая крупная неточность, которая можетъ сбить съ толку юнаго читателя.

Ограничиваясь этими указаніями, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о приложенныхъ картинахъ. За исключеніемъ изображенія св. апостола Андрея Первозваннаго, всѣ остальныя плохо выполнены, а нѣкоторыя, какъ по выполненію, такъ и по сюжету, могли бы вполнѣ безъ ущерба для изданія и для юныхъ читателей совсѣмъ отсутствовать.

П. Голубовскій.

Edv. Jelinek. Ukrajinské dumy. V Praze 1888 г., ц. 30 кр.

Эта небольшая книжечка, посвященная „памяти русскаго подполковника Николая Матвѣевича Ендогурова", состоитъ изъ восьми небольшихъ разсказцевъ, заложенныхъ на народно-исторической украинской основѣ и долженствующихъ, по замыслу автора, быть художественными воспроизведеніями украинскихъ думъ. Замыселъ, пожалуй, недурной, но выполненъ онъ, на нашъ взглядъ, довольно неудачно. Можетъ быть, чехи, читая книжку г. Елинка, останутся отъ нея въ восторгѣ, благодаря образному и, такъ сказать, отборному языку, какимъ сложены всѣ разсказы, и воображая, пожалуй, что найдутъ въ ней въ самомъ дѣлѣ вѣрное дѣйствительности воспроизведеніе козацкой старины; но на русскаго читателя, ближе знакомаго, и при томъ сколько нибудь научно, съ этой стариною, знающаго дѣйствительный духъ и характеръ украинскаго народа и

понимающаго, какъ слѣдуетъ, смыслъ всей его исторіи, книжка эта произведетъ скорѣе всего отталкивающее впечатлѣніе чего то поддѣльнаго и даже фантастическаго. Читатель вполнѣ пойметъ нашу мысль, когда мы скажемъ, что вся книжка Елинка составлена въ условномъ сентиментально-идилическомъ духѣ, и козацкая старина вызываетъ въ воображеніи читающаго представленія, напоминающія, пожалуй, какъ это ни странно, туманныя и нѣжныя изображенія Оссіана, но никакъ не закаленные въ борьбѣ, мужественно суровые, удаляющіеся отъ женщины образы могучихъ сыновъ Запорожья.

Этотъ характеръ разсматриваемой нами книжки легко объясняется тѣмъ общимъ состояніемъ, въ какомъ находится современная чешская словесность, все еще состоящая подъ вліяніемъ господствующей надъ нею нѣмецкой. Какъ и эта послѣдняя, чешская словесность въ значительной мѣрѣ чужда того здравомыслія и реализма, какіе давно уже царятъ въ русской литературѣ, и напротивъ склонна къ нѣкоторой вычурности и слащавости изображеній, къ заманчивой идилличности въ представленіи далекой, сѣдой древности и даже просто старины.

Въ книжкѣ г. Елинка содержится восемь такихъ историко-идиллическихъ картинокъ: 1) Atamanovo poslední vitání (привѣтъ) zelené stepi, 2) Bajda v osidlech (сѣтяхъ), 3) Pokutnik, 3) V milostném touženi (тоскѣ), 5) Hetmanův milaček (любимецъ), 6) Bohdanův mstitel, 7) Na zakletem jezeře, 8) Dědic (наслѣдникъ) atamanské šaule.

Что касается содержанія этихъ мелкихъ вещицъ, то оно до такой степени незначительно, что почти не поддается передачѣ, или, лучше сказать, сущность каждаго разсказца легко вмѣщается въ пять-шесть словъ. Ихъ нужно читать цѣликомъ, и тогда только незначительность содержанія можетъ окупиться красотою и извѣстнымъ изяществомъ изложенія.

Въ первомъ произведеніи разсказывается, напримѣръ, какъ столѣтній атаманъ, привыкшій ежегодно выѣзжать весною со своими козаками въ степь для привѣтствованія ея бросаніемъ шапокъ вверхъ и питьемъ меду, на этотъ разъ былъ до того слабъ и боленъ, что съ трудомъ сѣлъ на коня и умеръ на немъ во время самаго обряда привѣтствованія степи.. (?).

Изъ втораго разсказа мы узнаемъ, какъ молодой крестьянинъ Байда, попавши въ Сѣчь, презиравшую женщинъ, воспылалъ страстью къ прелестной Марысѣ (Марусѣ?) и какъ навсегда излѣчился, по-

добно прочимъ козакамъ, отъ подобныхъ преступныхъ въ Сѣчи приступовъ страсти: это случилось благодаря тому, что его оставили съ предметомъ его любви какъ разъ во время похода, и что по случаю возвращенія козаковъ, привѣтствованныхъ всѣми женщинами и въ томъ числѣ его Марысею, онъ почувствовалъ свое ничтожество предъ своими товарищами и рѣшился впредь во всемъ уподобиться имъ и хлопотать только о военной славѣ..

Въ такомъ же родѣ содержаніе и прочихъ произведеній, и останавливаться на нихъ долѣе не стоитъ.

Что касается языка книжки, то, какъ мы уже замѣтили, онъ довольно изященъ и поэтиченъ, хотя, къ сожалѣнію, иногда не лишенъ нѣкоторой вычурности. Авторъ то и дѣло уснащаетъ свою рѣчь множествомъ русскихъ словъ, уподобленій и выраженій, каковы, напр., „богатырская грудь", „батька", „задумался атаманъ", „яко снигъ билый вусъ", „молодицы" и пр. Кромѣ общерусскихъ книжныхъ выраженій, попадаются и чисто малорусскія: „ручницы", „що заробляли, то пропивали, а якъ загуляли, музыки наймали" и т. п.

А. Степовичъ.

Долопчевъ В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи). Одесса 1886 г.

Книжечки подобнаго рода могутъ быть очень небезполезны въ особенности, конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ русское населеніе вкраплены въ большомъ количествѣ разныя инородцы и иноплеменники, въ устахъ которыхъ русская рѣчь невольно извращается, что, въ свой чередъ, обратнымъ процессомъ дѣйствуетъ и на выговоръ самихъ русскихъ людей. Если инородцы. перемѣшанные съ русскимъ населеніемъ, состоятъ въ близкомъ племенномъ родствѣ съ нимъ, каковы, напр., поляки, чехи и пр., то искаженіе языка происходитъ главнымъ образомъ въ области удареній и, пожалуй, словосочиненія; въ другихъ же случаяхъ, когда инородцы принадлежатъ совсѣмъ къ иному племенному типу, искаженіе касается и наиболѣе важной стороны языка—звуковой.

Составителю разсматриваемой нами книжки пришлось имѣть дѣло преимущественно съ явленіями перваго порядка, такъ какъ наблюдаемая имъ русская рѣчь употребляется главнымъ образомъ въ краѣ, населеніе котораго издавна находилось подъ сильнымъ

вліяніемъ польскаго разговорнаго языка. Правда, что и тотъ польскій языкъ, какой приходится слышать въ южной Россіи, самъ въ значительной мѣрѣ подвергся, такъ сказать, обрусѣнію, подъ вліяніемъ мѣстнаго русскаго нарѣчія (малорусскаго); но тѣмъ не менѣе и его собственныя воздѣйствія были въ такой мѣрѣ дѣйствительны, что значительно отразились на русскомъ языкѣ, какъ мѣстномъ у сельскаго населенія (малоруссовъ), такъ и образованнаго класса, употребляющаго общерусскій книжный языкъ.

Со стороны исполненія мы должны признать книжку г. Долопчева довольно удачною, особенно въ смыслѣ перваго толковаго опыта. Нижеслѣдующія замѣчанія мы приводимъ съ цѣлію посильно содѣйствовать улучшенію книжки во второмъ изданіи, которое, конечно, не замедлитъ послѣдовать. На 12 стр. обликъ „вареній“ (родит. пад. мн. ч.) исправленъ на „вареньевъ“ (?) Такъ ли это? Ужели отъ словъ: соленье, чтеніе и. т. п. родительный падежъ будетъ: соленьевъ, чтеньевъ? Правда, въ книжномъ языкѣ прошлаго вѣка употреблялись еще подобные облики („сочиненіевъ“ и т. п.), но нынче они, сколько намъ извѣстно, уже вышли изъ употребленія. На стр. 1-й слово: *áдѣ* поправлено: *адý*. А между тѣмъ употребителенъ и этотъ первый обликъ. Такъ, напр., одна изъ „новогреческихъ пѣсенъ“ А. Майкова начинается: „Въ темномъ адѣ подъ землей“. На стр. 2 слово антѝтеза исправлено также въ антѝтеза. Очевидно, простой недосмотръ, который необходимо исправить въ слѣдующемъ изданіи книги. На 3 страницѣ также недосмотръ: слово *арба* стоитъ безъ всякаго ударенія. Мы бы могли отмѣтить и еще нѣсколько подобныхъ недосмотровъ [1]), но считаемъ достаточнымъ и вышеприведенныхъ: очевидно, составителю подобной книги придется много поработать, чтобы слѣдующее ея изданіе вышло безукоризненнымъ.

Этого слѣдуетъ требовать отъ всякой справочной книги, тѣмъ болѣе отъ такой, какъ словарь неправильностей рѣчи. Тутъ, какъ говорится, поставится въ строку каждое лыко, и это вполнѣ естественно и справедливо!

А. С—чъ.

---

[1]) Напримѣръ, на стран. 161 слово *шаровать* объяснено: мыть пескомъ и золой, тогда какъ оно означаетъ собственно: сильно *тереть* (преимущественно вокругъ чего нибудь, отъ слова шаръ); на стр. 161 слово *шалопай* поправлено *шалапай*, безъ сколько нибудь доказательнаго объясненія справедливости такого написанія.

„Збирнык творивъ“ и „Наймычка“ Карпенка-Карого.

Драма воспроизводитъ сложный психическій процессъ, который предполагаетъ въ дѣйствующихъ лицахъ извѣстный складъ убѣжденій, извѣстный подъемъ духа во имя этихъ убѣжденій, характеризующихъ живую личность.

Повидимому, этотъ родъ поэзіи не соотвѣтствуетъ этнографической почвѣ, на которой выросла малорусская беллетристика. Существуетъ мнѣніе, что въ народной жизни преобладаетъ непосредственное міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежатъ преданья старины глубокой, ограничивающія личную жизнь единицъ, принадлежащихъ къ народной массѣ.

Но вотъ передъ нами цѣлый сборникъ малорусскихъ пьесъ Карпенка-Карого. Всѣ онѣ построены на этнографической основѣ: Любопытно, однако же, знать, насколько авторъ сумѣлъ сладить съ этимъ этнографическимъ элементомъ и привесть его въ согласованіе съ развитіемъ психиче каго анализа, обязательнымъ въ драматическомъ творчествѣ?

Первая пьеса Сборника „Бондаривна“—не совсѣмъ удачная попытка изложить чисто драматическое дѣйствіе. Рѣчь звучитъ необычною въ разговорѣ ритмичностью и создана, очевидно, подъ вліяніемъ народнаго творчества, подчиняясь складу малорусскихъ думъ, и можетъ быть названа, по всей справедливости, мѣрною, ритмическою прозою.

Драма неудачна именно потому, что не авторъ осилилъ этнографическій элементъ, а матеріалъ его драмы, пѣсни о Бондаривнѣ, взяли верхъ и потопили въ себѣ весь драматизмъ картины: въ этой пьесѣ Карого нѣтъ почти никакого психическаго анализа, а все построено на эпическомъ началѣ разсказа и пѣсни. „Бондаривна“,—скорѣе всего мелодрама съ комически-драматической фигурой сластолюбиваго старосты, убивающаго Тетяну въ виду развѣ необходимости кровавой развязки въ концѣ, но никакъ не по причинамъ, вытекающимъ изъ свойствъ его личнаго характера.

„Хто вьненъ“—вторая пьеса сборника Карпенка, какъ менѣе претенціозная драма, состоитъ изъ ряда драматическихъ картинъ, исполненныхъ съ немалымъ талантомъ; развитіе драматическаго дѣйствія идетъ рука объ руку съ этнографическимъ элементомъ; такіе же монологи, какъ монологъ Софіи въ 4-мъ актѣ (ст. 89) заставляютъ читателя призадуматься... Но искусственный, рѣз-

кій, неловкій конецъ, гдѣ Гнатъ убиваетъ Софію, принуждаетъ каждаго спросить себя, кто же виноватъ во всей этой драматической судьбѣ героевъ: сельскія ли вечорныци, или распущенность деревенскихъ дивчатъ, или, наконецъ, судьба, случай, нѣчто внѣшнее, давящее неизвѣстно изъ за чего, неизвѣстно зачѣмъ... Въ чемъ хотите, въ томъ и находите вину, авторъ вамъ не даетъ руководящей идеи,—мысль его неясна и неопредѣленна.

Рѣчь Карпенка не всегда чиста: пьесы страдаютъ массой не малорусскихъ оборотовъ. Мы замѣтили до сотни такихъ словъ, которыя съ удобствомъ могли бы быть замѣнены народными малорусскими реченіями, напримѣръ: море *мчало, начатее* дило, *продолжае* танець, *совитую, видáвъ, чудакъ, именне, безумный* и мн. др.

Не останавливаясь на послѣдней пьесѣ сборника—комедіи„ Розумный та дурень", упомянемъ развѣ о томъ, что она служитъ переходомъ къ безспорно лучшему произведенію автора—драмѣ „Наймычка", при чемъ въ комедіи „Розумный та дурень" языкъ чище, дѣйствіе выдержано искуснѣе, и типы, если не поражаютъ оригинальностію, то во всякомъ случаѣ являются живыми лицами, а отдѣльныя картины подкупаютъ отсутствіемъ излишнихъ затѣй со стороны автора.

Содержаніе драмы въ 5 актахъ „Наймычка" таково: Харытына, она же и наймичка, молодая дивчына, какъ безпаспортная, служитъ за ничто у шинкаря Боруха; жена Боруха безсовѣстно отягощаетъ ее работой. Какъ то разъ у еврея наймичку увидѣлъ богатый хозяинъ—Цокулъ и рѣшилъ ее добыть себѣ въ качествѣ слуги, а потомъ сдѣлать любовницей. За 5 четвертей овса Боруху Харытына была отпущена къ Цокулу. Она очень рада бросить ненавистнаго еврея, тѣмъ болѣе, что у Цокула служитъ и тотъ, кого Харытына любитъ—парубокъ Панасъ. Этого Панаса между тѣмъ бросила его любезная—Маруся ради какого то солдата; Панасъ ходитъ самъ не свой, проклиная весь женскій родъ. Цокулъ въ скоромъ времени роскошно одѣваетъ и назначаетъ ключницей Харытыну, выдавая ее за свою крестницу, въ надеждѣ, конечно, добиться своего. Помимо воли Харытыны, она становится любовницей Цокула. Онъ, спустя немного времени, убоялся пересудовъ и рѣшилъ выдать наймичку за Панаса; Панасъ не хочетъ ради дурной славы, которая идетъ о Харытынѣ, но убѣжденный завѣреніями Цокула, будто о наймичкѣ лгутъ, наконецъ, соглашается на свадьбу. Въ 5-мъ актѣ передается, какъ Харытына, убѣжавъ отъ Цокула, встрѣчаетъ Па-

наса и сообщаетъ о мимовольномъ своемъ позорѣ... Панасъ уходитъ, заявляя: „не судылась ты мени". Харытына топится. Панасъ возвращается къ прежнему мѣсту, уже примиренный съ позоромъ наймички и рѣшившись: „скласты два безталання до купы". Входитъ Цокулъ, и при страшной вѣсти о смерти наймички, надъ трупомъ утопленницы, обращаясь къ окружающимъ, кается въ грѣхахъ и заявляетъ о недавно узнанномъ, что онъ, Цокулъ, отецъ Харытыны. Картина.

Глубоко-страдающая, мягкая и нѣжная, привлекающая лучшія симпатіи сердца, Харытына будитъ въ душѣ читателя образы многихъ страдальцевъ, обездоленныхъ тѣми людьми, которые не знаютъ правды и, вѣдая, что творятъ, создаютъ такой порядокъ вещей, гдѣ нѣтъ отдыха измученной, но богатой лучшими силами и стремленіями душѣ. Авторъ стоитъ все время на реальной почвѣ изображаемой картины положенія беззащитныхъ, съ самаго появленія на Божій свѣтъ, людей и, благодаря этому, всѣ типы, какъ наймички, такъ и Цокула, и Маруси, и Боруха, и другихъ остаются вѣрными малорусской бытовой обстановкѣ и художественной правдѣ. Отмѣтимъ нѣкоторые мелочные недостатки, не портящіе, впрочемъ, изображенной въ пьесѣ трогательной картины. Такъ, въ пьесѣ есть сцены рѣшительно ненужныя и замедляющія ходъ дѣйствія (напр., во II-мъ актѣ 3-е явл.); что касается послѣдней сцены, то извѣстіе о томъ, что любовникъ Харытыны, Цокулъ, къ тому же и ея отецъ, нарушаетъ истинно драматическій, волнующій до глубины души, конецъ пьесы.

„Наймычка", кромѣ художественныхъ достоинствъ, важна для насъ еще тѣмъ, что эта пьеса представляетъ одинъ изъ прекрасныхъ образцовъ положенія, въ какомъ находится малорусская драма. Въ „Наймычкѣ" на широкой этнографической основѣ, характеризуемой рядомъ прекрасныхъ бытовыхъ картинъ, строится весь психическій процессъ, опредѣляющій драматизмъ художественнаго произведенія. Въ народной жизни авторъ, при посредствѣ народнаго творчества, открываетъ сложную борьбу интересовъ, настроеній, даже убѣжденій, что позволяетъ раскрыть картину народной жизни въ драмѣ, не отрываясь отъ этнографической почвы и матеріаловъ народнаго творчества. Образцы разработки драмы въ такомъ направленіи являются лучшими произведеніями малорусскаго драматическаго творчества. Намъ именно кажется, что главная задача малорусскихъ драматурговъ—индивидуальнымъ творчествомъ и выясне-

ніемъ сложнаго психическаго процесса отдѣльной личности переработать матеріалъ народнаго эпическаго творчества, тотъ матеріалъ, на почвѣ котораго выросла малорусская беллетристика, не отступая отъ искренности и правды, свойственныхъ народному поэтическому творчеству. „Наймычка" Карпенка-Карого служитъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ выполненій этой задачи малорусскихъ драматурговъ.

Иг. Ж.

Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей подъ редакціею Вс. Мамышева. Томъ I. Вып. четвертый. С.-Пб. 1887. Изд В. Березовскаго.

Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ.

При жизни графа Милорадовича было издано нѣсколько его біографій: въ 1816 г. „Дѣянія" въ 3 частяхъ, въ 1818 г. „Краткое обозрѣніе военной жизни", написанное адъютантомъ графа Фед. Ник. Глинкою, въ 1822 г. въ „біографіяхъ генераловъ", сост. Ушаковымъ, кромѣ того были воспоминанія о М. А. Милорадовичѣ Глинки, Михайловскаго-Данилевскаго, Зотова и другихъ и, наконецъ, статья М. И. Семевскаго въ „Военномъ Сборникѣ" 1869 г. № 10 (октябрь). Прежнія біографіи графа Милорадовича не имѣютъ никакого значенія,—это ничто иное, какъ панегирики, написанные тяжелымъ слогомъ; біографическій очеркъ Семевскаго состоитъ весь изъ Высочайшихъ грамотъ, или рескриптовъ и даетъ развѣ незначительную долю новыхъ свѣдѣній.

Въ прошломъ году изданъ былъ г. Березовскимъ большой томъ жизнеописаній русскихъ военныхъ дѣятелей, и въ четвертомъ выпускѣ этихъ жизнеописаній помѣщена довольно обширная біографія графа Михаила Андреевича Милорадовича, составленная Вс. Ник. Мамышевымъ, который въ теченіи сорока лѣтъ занимается біографіями русскихъ военныхъ дѣятелей.

Біографія графа Милорадовича занимаетъ 202 стр.; при добросовѣстномъ изложеніи въ ней много новыхъ свѣдѣній, особенно о первоначальныхъ годахъ службы Михаила Андреевича, въ Л. Гв. Измайловскомъ полку. Тутъ помѣщены очень интересныя письма графа Завадовскаго 1786 и 1787 гг., адресованныя къ отцу графа, Андрею Степановичу Милорадовичу, съ которымъ Завадовскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

На страницахъ, касающихся итальянскаго похода 1799 г., мы находимъ совсѣмъ лишнимъ и ненужнымъ помѣщеніе стиховъ Державина, относящихся къ знаменитому Суворову. Кстати, жалко, что авторъ не руководствовался въ своемъ сочиненіи тѣмъ методомъ изложенія, съ помощью котораго такъ удачно г. Петрушевскій обрисовалъ великую фигуру Суворова. Во всякомъ случаѣ, хотя книга интересна и въ общемъ составлена недурно, однако читатель остается неудовлетвореннымъ, и Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ не вырисовывается, какъ ясная, опредѣленная личность, такъ что, несмотря на добросовѣстный трудъ Малышева, нужно ждать еще полной біографіи графа. При книгѣ приложенъ портретъ гр. Милорадовича (копія съ Дава) и рисунокъ Шарлеманя (1862) „Смерть графа", гдѣ онъ изображенъ раненымъ пулею Каховскаго на Петровской площади, возлѣ самаго монумента Петра I-го. **М.**

„Зъ згадокъ про дитячи лита". Васыля Чайченка. Кіевъ 1888.

Брошюрки и маленькія книжечки—обыкновенная форма изданій малорусскихъ произведеній. Въ нихъ въ настоящее время заключается вся современная малорусская литература, которая такимъ образомъ вся на виду и потому самое рѣшительное отдѣленіе плевелъ отъ пшеницы можетъ служить только къ установкѣ истинной точки зрѣнія на произведенія малорусскихъ писателей и къ развитію дѣла малорусской литературы. Особенно тщательно нужно отдѣлять хорошее отъ дурнаго среди массы издаваемыхъ брошюрокъ,—потому что много и прекраснаго, и безталаннаго печатается этими болѣе удобными формами изданія: книжечки почти что манухинскаго типа и перлы литературнаго малорусскаго творчества имѣютъ часто одинаковую внѣшнюю форму изданія. Ради этого мы такъ рѣшительно предостерегаемъ читателя малорусскихъ произведеній отъ бездарныхъ сочинителей балладъ, поэмъ, лирическаго нытья, фотографій и др. и съ большою радостью спѣшимъ указать на появленіе такой новой брошюрки, какъ В. Чайченка „Зъ згадокъ про дитячи літа".

Василь Чайченко одинъ изъ наиболѣе популярныхъ современныхъ малорусскихъ писателей, хотя онъ далъ только нѣсколько небольшихъ книжечекъ стихотвореній и разсказовъ и не написалъ ни одной большой вещи. Можетъ быть это свойство его таланта; Чайченко, видимо, серьезно относится къ своей литературной дѣя-

тельности и старается широко ознакомиться и усвоить себѣ литературное творчество другихъ писателей, вліяніе которыхъ замѣтно въ его произведеніяхъ (напр. Некрасова). Чайченко учится, захватываетъ много хорошаго въ другихъ литературахъ, но претворяетъ это въ свои образы, въ свои пѣсни, въ свои разсказы. Чайченка нельзя назвать подражателемъ, потому что сила его таланта при заимствованіи нѣкоторыхъ штриховъ изъ другихъ литературныхъ теченій, видоизмѣняетъ ихъ, придавая новыя оригинальныя черты, влагая новый смыслъ, новое выраженіе въ давно знакомые мотивы... Это новое свое, принадлежащее самому Чайченку вноситъ въ произведенія автора симпатичность, мягкость, трогающую душу, безконечную искренность и правдивость.

Передъ нами одна изъ послѣднихъ новинокъ малорусской литературы: „Зъ згадокъ про дитячи літа“. Эти воспоминанія ясно указываютъ на то, откуда явилась отзывчивость автора и его сердечность по отношенію къ человѣческой скорби,—тамъ въ дѣтской памяти сохранился рядъ образовъ „маленькихъ и большихъ мучениковъ“ Трофима, Ксени и др., которые натолкнули автора на много скорбныхъ думъ. Судьба Трофима Коваля, старика, погубившаго себя женитьбой на молодой женщинѣ, сироты—Ксени, единственной искренней любви автора., трогаетъ душу читателя и будитъ собственныя, подчасъ тяжелыя, болѣзненныя воспоминанія. Вы живо интересуетесь этими селянами и съ задумчивостью слѣдите за розсказомъ автора о тѣхъ ранахъ, которыя были нанесены его дѣтскому сердцу и теперь еще порою даютъ себя чувствовать томительною болью. Въ книжкѣ 56 страницъ, но талантливыхъ, правдивыхъ, прочувствованныхъ...

Только одно: зачѣмъ г. Гомолинскій издалъ и эту хорошую книжку съ такимъ же количествомъ опечатокъ, какимъ почти всегда отличаются его изданія?

И. Ж.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи.

Хотя со времени утвержденія „Правилъ народнаго просвѣщенія", по которымъ среднія, или губернскія училища стали именоваться „гимназіями" (Полн. Собр. Зак. т. XXVII, № 20598), еще не прошло полныхъ ста лѣтъ, но это не помѣшало нѣкоторымъ гимназіямъ уже отпраздновать свое столѣтіе, и въ такомъ же положеніи относительно возможности празднованія столѣтія находится новгородсѣверская гимназія. Чтобъ объяснить это, надо напомнить, что хотя упомянутыя „Правила" были утверждены 24 января 1803 г., но среднія учебныя заведенія существовали и раньше этого времени, только подъ другимъ названіемъ, названіе же „гимназій" въ то время думали присвоить не среднимъ учебнымъ заведеніямъ, а тому типу высшихъ учебныхъ заведеній. который послѣ стали называть „лицеями" (какъ и былъ потомъ открытъ Нѣжинскій лицей подъ названіемъ „гимназіи высшихъ наукъ"). Именно, по уставу Императрицы Екатерины II, утвержденному 4 августа 1786 г. (Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16421), система училищъ была такая: въ уѣздныхъ городахъ должны были быть открываемы такъ называемыя „*малыя народныя училища*", а въ губернскихъ кромѣ того — „*главныя народныя училища*; первыя, съ 2-хъ лѣтнимъ, курсомъ соотвѣтствовали позднѣйшимъ уѣзднымъ училищамъ, а послѣднія, съ 5-ти лѣтнимъ курсомъ, при 4-хъ классахъ (три первые класса имѣли годичный курсъ, а четвертый — двухгодичный) были замѣнены потомъ 4-хъ классными гимназіями. Такое *главное народное училище* было открыто 11-го февраля 1789 г. и въ Новгородсѣверскѣ, который былъ тогда губернскимъ городомъ. Первымъ попечителемъ его былъ правитель новгородсѣверскаго намѣстничества И. Б. Бибиковъ, а директоромъ—

И И. Халанскій (переписка котораго съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Куракинымъ по вопросу объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ была помѣщена мною въ „Кіевской Старинѣ" 1882 г. № 3). Хотя въ 1797 г. новгородсѣверское намѣстничество было упразднено, но, благодаря представленіямъ и ходатайствамъ разныхъ лицъ, новгородсѣверское главное народное училище продолжало существовать. А когда въ 1804 г. былъ утвержденъ новый уставъ училищъ, съ присвоеніемъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ названія „гимназій", это училище было преобразовано въ гимназію, директоромъ которой остался тотъ же И. И. Халанскій. Такимъ образомъ, если временемъ основанія новгородсѣверской гимназіи считать открытіе ея подъ именемъ главнаго народнаго училища, то столѣтіе ея исполнится 11-го февраля 1889 г., т. е. черезъ пять мѣсяцевъ, а если счетъ вести съ того времени, когда она стала называться гимназіею, то столѣтняя годовщина отодвинется значительно позже.

Старые воспитанники новгородсѣверской гимназіи полагаютъ, что правильнѣе будетъ первое, ибо сущность дѣла заключается не въ названіяхъ, которыя измѣняются и на нашихъ глазахъ; такъ, нынѣшнія „классическія гимназіи" еще недавно назывались просто „гимназіями"; на нашей памяти кадетскіе корпуса были переименованы въ военныя гимназіи, а затѣмъ военныя гимназіи—въ кадетскіе корпуса; разумѣется, исторію этихъ учебныхъ заведеній надо начинать не съ того времени, когда въ послѣдній разъ измѣнены названія, а съ того, когда они дѣйствительно начали существовать. Равнымъ образомъ не даетъ основаній поступать иначе и измѣненіе программъ: онѣ мѣнялись много разъ, и не менѣе капитальное, чѣмъ въ 1803 г., измѣненіе гимназіи получили по уставу 1828 г., а также по позднѣйшему уставу, когда онѣ стали называться классическими, частныя же измѣненія въ программахъ дѣлаются безпрерывно, ежегодно, и если бъ исторію учебныхъ заведеній начинать съ того времени, когда получили утвержденіе послѣднія программы, то никакой исторіи ихъ и не было бы. А потому, въ виду того, что открытое 11 февраля 1789 г. новгородсѣверское главное народное училище было среднимъ учебнымъ заведеніемъ, соотвѣтствовавшимъ позднѣйшимъ гимназіямъ, а также въ виду того, что оно не переставало существовать вплоть до преобразованія въ гимназію, которая въ томъ же мѣстѣ, въ тѣхъ же стѣнахъ, подъ управленіемъ тѣхъ же лицъ, преемственно продолжала то же дѣло, которое вела и прежде подъ

фирмою главнаго народнаго училища,—казалось бы, и нѣтъ никакихъ основаній начинать исторію новгородсѣверской гимназіи съ какого нибудь другаго момента времени, кромѣ того, когда она начала существовать подъ именемъ главнаго народнаго училища, т. е. съ 11-го февраля 1789 г., и слѣдовательно, черезъ пять мѣсяцевъ гимназія эта будетъ имѣть возможность отпраздновать столѣтнюю годовщину своего существованія.

Изъ изложеннаго видно, что новгородсѣверская гимназія—одна изъ старинныхъ гимназій. Будучи въ первое время своего существованія удалена на большія разстоянія отъ другихъ существовавшихъ въ то время среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, она была тогда разсадникомъ просвѣщенія для огромнаго района мѣстности, въ нѣсколько разъ большаго чѣмъ тотъ, который теперь поставляетъ для нея воспитанниковъ. И благодаря своимъ первымъ директорамъ, поставившимъ въ ней дѣло преподаванія на надлежащую высоту, она настолько хорошо выполняла свое назначеніе, что, по свидѣтельству Вит. Я. Шульгина (см. объ этомъ въ его „Исторіи Университета Св. Владиміра, Спб. 1860, стр. 30), пріобрѣла въ старину славу лучшей гимназіи въ Малороссіи. Другой профессоръ университета св. Владиміра, посѣтившій гимназію въ 1875 г. и также засвидѣтельствовавшій въ своей статьѣ о Новгородсѣверскѣ, напечатанной въ „Кіевскомъ Телеграфѣ (1875 г., № 104), что новгородсѣверская гимназія фактически доказала, что она честно исполнила свое назначеніе и принесла большую пользу,—будучи очарованъ мѣстоположеніемъ Новгородсѣверска, въ самомъ положеніи города находитъ условія, которыя должны были благопріятствовать „тихому дѣлу воспитанія“. Эта мѣстность, дѣйствительно живописная, и самая гимназія произвели на другаго посѣтителя ея, одного изъ бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія (не считаемъ себя въ правѣ называть по имени) такое пріятное впечатлѣніе, что, высказывая директору, какъ ему понравилась гимназія, онъ сказалъ: „еслибъ я не былъ министромъ народнаго просвѣщенія, то я хотѣлъ бы быть директоромъ новгородсѣверской гимназіи“. Конечно, это была шутка, сказанная въ хорошемъ настроеніи, но шутка характерная для опредѣленія того, какое впечатлѣніе могла производить новгородсѣверская гимназія.

Разумѣется, не въ одномъ положеніи города, какъ бы оно ни было удобно для воспитанія, надо искать объясненія того, какимъ образомъ эта гимназія, далекая отъ всѣхъ большихъ центровъ, могла

когда то, по выраженію Шульгина, пользоваться славою лучшей въ Малороссіи гимназіи. Были между педагогами ея свѣтлыя личности, высоко державшія знамя науки и умѣвшіе внушать любовь къ ней въ своихъ ученикахъ.

Въ древнѣйшую пору существованія новгородсѣверской гимназіи таковъ былъ извѣстный въ свое время педагогъ Илья Ѳедоровичъ *Тимковскій*, второй по времени директоръ ея (съ 1825 по 1838 г.). Уроженецъ с. Турановки, глуховскаго уѣзда, онъ перешелъ на должность директора изъ профессоровъ харьковскаго университета, перешелъ потому, что хотѣлъ служить ближе къ родинѣ и хотѣлъ быть полезнымъ любимой имъ гимназіи. Онъ оставилъ послѣ себя записки, не касающіяся впрочемъ времени директорства его въ Новгородсѣверскѣ, которыя были напечатаны въ Москвитянинѣ 1852 года. Не имѣя подъ рукою этихъ книгъ, отсылаемъ желающихъ ближе познакомиться съ этимъ педагогомъ къ означеннымъ запискамъ.

Изъ педагоговъ болѣе близкаго къ настоящему времени, а именно пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, самыя благодарныя воспоминанія бывшіе воспитанники гимназіи сохраняли объ учителѣ исторіи покойномъ Ѳедорѣ Лукьяновичѣ *Метлинскомъ*, родномъ братѣ извѣстнаго собирателя малорусскихъ пѣсенъ, писавшаго подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы.

Въ высшей степени оригинальный, всегда серьезный, вдумчивый, вѣчно надъ чѣмъ нибудь трудящійся, онъ умѣлъ и ученикамъ своимъ внушать любовь къ труду, умѣлъ будить ихъ мысль, а предметомъ, который онъ преподавалъ, такъ заинтересовывалъ ихъ, что не заниматься этимъ предметомъ считалось между учениками дѣломъ постыднымъ. Ни къ кому изъ своихъ наставниковъ они не относились съ большимъ уваженіемъ, какъ къ Ѳ. Л. Метлинскому. И не потому онъ пользовался ихъ симпатіями, чтобы дѣлалъ поблажки ихъ слабостямъ, или искалъ бы между ними популярности, какъ дѣлали въ его время другіе, напротивъ, строгій къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ слабостямъ и порокамъ другихъ, но въ то же время былъ такъ справедливъ, что ученики готовы были считать его чуть не олицетвореніемъ справедливости. И будучи строгъ и серьезенъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ такъ доступенъ, что никто не стѣснялся обращаться къ нему за разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ и сомнѣній. Квартира его была всегда открыта для учениковъ; его книгами, его свѣдѣніями, его уроками по другимъ пред-

метамъ, напримѣръ, по иностраннымъ языкамъ—безвозмездно пользовался всякій, кто хотѣлъ. Много разъ приходилъ въ эту квартиру искать разрѣшенія занимавшихъ юную голову вопросовъ и самъ пишущій эти строки, бывши когда то школьникомъ этой же гимназіи; и никогда не забыть ему этой одинокой квартиры, въ которой чувствовалось всѣмъ такъ легко, въ которой молодымъ сердцамъ внушалось столько добраго и хорошаго. Замѣчателенъ былъ пріемъ, который употреблялъ Ѳ. Л. Метлинскій въ бесѣдахъ съ учениками по занимавшимъ ихъ вопросамъ. Никогда не навязывая своихъ мнѣній, онъ въ такихъ случаяхъ, казалось, въ совершенствѣ усвоилъ себѣ тотъ методъ, который великій мудрецъ древности сравнивалъ съ искусствомъ повивальной бабки, говоря, что онъ только помогаетъ разрѣшиться отъ бремени истиной. Когда, бывало, ученики обращались къ Ѳ. Л. Метлинскому за разрѣшеніемъ какихъ нибудь общихъ вопросовъ, никогда они не слышали отъ него отвѣта, который былъ бы сказанъ докторальнымъ, не допускающимъ возраженій тономъ: нѣтъ, становясь на ихъ точку зрѣнія, заговоривъ съ ними тономъ старшаго товарища или брата и поставивъ вопросъ еще шире, Ѳедоръ Лукьяновичъ начиналъ наводить на разрѣшеніе занимавшаго ихъ вопроса.—„Такъ вотъ *мы* и рѣшили вопросъ“, скажетъ бывало въ заключеніе Ѳедоръ Лукьяновичъ; и дѣйствительно выходило, что „*мы*“ рѣшили, потому что, ведя бесѣду съ ученикомъ, онъ умѣлъ заставить его работать головою и при помощи умнаго собесѣдника придти къ тому или другому рѣшенію вопроса. Но еще больше, чѣмъ въ умственномъ, Метлинскій вліялъ на учениковъ въ нравственномъ отношеніи, вліялъ—самымъ характеромъ своимъ, въ которомъ ученики не могли разсмотрѣть никакихъ слабостей и недостатковъ, и тѣмъ высокимъ идеаломъ человѣка, который онъ носилъ въ себѣ. Потому его всѣ любили, всѣ хотѣли ему подражать. Потому слово его имѣло для учениковъ большое значеніе: что бывало скажетъ Ѳедоръ Лукьяновичъ, то казалось святой правдой; а его упрека достаточно было, чтобы самый легкомысленный ученикъ серьезно призадумался, а подчасъ—и расплакался.

Въ сохранившемся у насъ письмѣ, которое въ 1862 г. писалъ Ѳ. Л. Метлинскій въ отвѣтъ на письмо трехъ бывшихъ учениковъ его, въ то время студентовъ московскаго университета, онъ, задавая себѣ вопросъ, все ли онъ дѣлалъ, что слѣдовало на его мѣстѣ, говоритъ дальше: „Если я будилъ мысль, то достаточно ли вмѣстѣ съ тѣмъ будилъ и чувство и вкусъ, достаточно ли укрѣплялъ волю

и характеръ, достаточно ли сдѣлалъ съ своей стороны для того, чтобъ развить въ своихъ ученикахъ ту упорную энергію, которая не только начинаетъ съ увлеченіемъ, но и оканчиваетъ съ желѣзнымъ терпѣніемъ; ту предусмотрительность, которая берется за дѣло съ тѣмъ, чтобы кончить, разсчитавши свои силы, взвѣсивши всѣ обстоятельства; ту твердость духа, которая оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ жизнію, не смущается никакими невзгодами; ту любовь къ труду буденному, чернорабочему труду, безъ которой и великіе таланты далеко не все дѣлаютъ, что могли бы сдѣлать; наконецъ, тотъ инстинктъ здоровья и истины, который угадываетъ болѣзнь и ложь подъ самой обольстительной и блестящей оболочкой,—однимъ словомъ, сомнѣваюсь, всегда ли былъ я вѣренъ девизу моего ученія: будьте чисты какъ голуби и мудры какъ зміи".—Изъ приведенныхъ строкъ видно, какой идеалъ учителя былъ у Ѳ. Л. Метлинскаго, и если въ этихъ строчкахъ онъ самъ сомнѣвался въ себѣ, то благодарные его воспитанники могутъ сказать, что онъ былъ вѣренъ этому идеалу.

Характерно также окончаніе письма, въ которомъ Метлинскій, заговоривъ на родномъ ему и любимомъ имъ языкѣ, дѣлаетъ своимъ бывшимъ ученикамъ такое напоминаніе: *„не забувайте матери*, вона васъ годувала и доглядала, якъ то ви ій оддячете? Чи підете въ найми до чужини, понесете свої сили чужині на працю, чужу ниву пахати, чужи тини заплітати, чужи дирки латати? И то добре діло! Аби добри були, а світъ не безъ добрихъ людей. Чи мало вже й такъ Україна вистачила людямъ добрихъ робитникивъ и люде дякують, може й ій хто зъ чужихъ за те попрацює. Прощавайте, мої соколята. Одписуйте, та не прописуйтесь".

Прибавимъ еще одну черту для болѣе полнаго представленія о личности Ф. Л. Метлинскаго. Когда онъ навсегда покидалъ новгородсѣверскую гимназію и городъ Новгородсѣверскъ, то, прощаясь съ нѣсколькими изъ своихъ учениковъ, которые въ послѣдній разъ пришли къ нему на квартиру, онъ, какъ *послѣдній урокъ* свой имъ, далъ имъ совѣтъ неизмѣнно слѣдовать нѣкоторымъ правиламъ, которыя онъ считалъ главными правилами жизни. Именно, онъ продиктовалъ имъ слѣдующее:

„Любите Бога — старайтесь быть совершенными, какъ Онъ. Любите ближняго, какъ самого себя. Будьте чисты какъ голуби и мудры какъ зміи. Берегитесь закваски Фарисейской и Саддукейской.	Завѣтъ Христа.

Будьте мудры — ищите истины. Будьте умѣренны — рѣшайтесь на то, что по вашимъ силамъ и средствамъ. Будьте мужественны — рѣшившись исполняйте. Будьте справедливы.	Четыре добродѣтели Сократа.
За правду — въ огонь и въ воду! Людей слухай, а свій розумъ май.	Завѣтъ моего отца.

Этотъ выборъ правилъ чрезвычайно характеренъ для Метлинскаго (почему мы ихъ и выписали), и тѣ, которые его хорошо знали, могутъ сказать, что истины, заключающіяся въ этихъ правилахъ, онъ дѣйствительно ставилъ выше всѣхъ другихъ и всегда старался быть имъ вѣрнымъ. Добавимъ, что и отъ должности учителя новгородсѣверской гимназіи ему пришлось отказаться именно потому, что онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что считалъ неправдою, расходясь съ дирекціей гимназіи во взглядахъ на разныя мѣры, которыя въ то время принимались относительно учениковъ. Послѣдніе годы жизни своей онъ занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ бѣдныхъ родственниковъ и умеръ на своей родинѣ — въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Такова была личность любимѣйшаго учениками учителя новгородсѣверской гимназіи, по воспитанію — человѣка сороковыхъ годовъ, въ воззрѣніямъ—идеалиста, по симпатіямъ — щираго украинца, по отношеніямъ къ ученикамъ—представлявшаго собою рѣдкій типъ учителя, нѣсколько напоминавшій учителей древности и едва ли существующій между современными педагогами. Въ тишинѣ уѣзднаго захолустья онъ творилъ доброе дѣло, стоившее ему подчасъ тяжелой борьбы, которая роковымъ образомъ отзывалась на его здоровьѣ и въ концѣ концевъ довела до необходимости отказаться отъ любимаго имъ занятія,—творилъ это дѣло невѣдомый читающей публикѣ. Но мы знаемъ—много сердецъ встрепенется при имени Ѳ. Л. Метлинскаго, а тѣ, которые живо вспомнятъ его, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого воспоминанія горячѣе, чѣмъ въ какую нибудь другую минуту, пожелаютъ быть хорошими, добрыми, честными...

Въ долгіе годы своего существованія новгородсѣверская гимназія выставила не мало работниковъ на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Не только трудно, но и невозможно ихъ всѣхъ перечислить (сколько намъ извѣстно, въ архивѣ гимназіи не сохранилось списковъ всѣхъ окончившихъ курсъ въ ней, такъ что и сама гимназія, къ сожалѣнію, хорошенько не знаетъ, кто въ ней воспи-

тывался). Для примѣра можно упомянуть слѣдующихъ воспитанниковъ новгородсѣверской гимназіи: перваго ректора университета св. Владиміра М. А. Максимовича, бывшаго попечителя кіевскаго учебнаго округа П. А. Антоновича, братьевъ Андрея и Павла Парфен. Заблоцкихъ-Десятовскихъ, извѣстнаго педагога Ушинскаго, писателя П. А. Кулиша и другихъ. Пишущему эти строки, во многихъ переѣздахъ его по Россіи, отъ Петербурга до Одессы и Закавказья и отъ Варшавы до Волги, приходилось всюду встрѣчать бывшихъ воспитанниковъ новгородсѣверской гимназіи, разсѣявшихся по разнымъ городамъ и весямъ Россіи. Большею частію это—не громкія имена, а скромные, усердные труженики, честно выполняющіе то дѣло, которое они взяли на себя въ жизни. Случалось между ними встрѣчать старыхъ воспитанниковъ, выпуска тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и съ какой любовью они относились къ новгородсѣверской гимназіи, какъ тепло вспоминали о ней!

Если въ настоящее время трудно собрать всѣ данныя, которыя были бы нужны для того, чтобъ оцѣнить пользу, принесенную гимназіей, и охарактеризовать ея дѣятельность въ разные періоды ея существованія, то, разумѣется, чѣмъ дальше—тѣмъ будетъ труднѣе. Еще не такъ давно живы были старѣйшіе воспитанники гимназіи (какъ напримѣръ П. А. и Н. А. Антоновичи, А. П. и П. П. Заблоцкіе-Десятовскіе, В. И. Тимковскій), которые изъ своихъ личныхъ воспоминаній могли бы доставить драгоцѣнный матеріалъ для исторіи гимназіи; а теперь этихъ людей уже нѣтъ, и тотъ матеріалъ, который они могли бы доставить, безслѣдно исчезъ; того, что еще можно собрать теперь, нельзя будетъ собрать послѣ.

Желательно поэтому, чтобъ истекающее столѣтіе не кануло въ Лету, не вызвавъ въ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, заботу о приготовленіи исторіи гимназіи. Составленіемъ и выпускомъ въ свѣтъ такой исторіи гимназія самымъ достойнымъ образомъ отпраздновала бы свою столѣтнюю годовщину.

Сѣверянинъ.

Императоръ Александръ I и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ.

Послѣ неудачнаго сраженія подъ Аустерлицомъ 20 ноября 1805 г. генералъ Кутузовъ получилъ Высочайшее повелѣніе доставить полныя свѣдѣнія объ этомъ сраженіи и прислать въ непродолжительномъ времени Государю двѣ реляціи: „одну, въ коей по чистой совѣсти и совершенной справедливости, были бы изложены дѣйствія и поведеніе, какъ лично генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и вообще полковъ, которые въ сей день отличили себя, въ честь или поношеніе ихъ; а другую для публикованія, въ коей, между прочимъ, должны быть помѣщены и тѣ обстоятельства, кои были намъ препоною къ удачѣ“. Нѣкоторые изъ начальниковъ войскъ были отданы подъ военный судъ и подверглись разнымъ взысканіямъ. Генералу Ланжерону приказано подать въ отставку,—по приказанію Имп. Александра, ему написанъ слѣдующій отзывъ: „послѣдствія сраженія 20 ноября были особенно гибельны для колонны, состоявшей подъ вашимъ начальствомъ. Государь недоволенъ вашими распоряженіями, но щадя вашу чуствительность, дозволяетъ вамъ просить объ увольненіи отъ службы.“ Генералъ Прибышевскій, обвиненный въ сдачѣ въ плѣнъ, при самомъ началѣ сраженія, былъ отданъ подъ судъ по возвращеніи въ Россію. Генералъ-аудиторіатъ оправдалъ его, но государственный совѣтъ, въ который перенесено было это дѣло, признавъ Прибышевскаго виновнымъ, приговорилъ его „отставить отъ службы, разжаловавъ на мѣсяцъ въ рядовые“,—приговоръ этотъ Высочайше утвержденъ. Шефъ Галицкаго полка, генералъ-маіоръ Лошаковъ также былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые „за то, что безъ спроса и позволенія уѣхалъ послѣ сраженія въ вагенбургъ и потомъ въ Лембергъ“ [1]),—Галицкій полкъ до похода въ Австрію стоялъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ и незадолго до выступленія въ походъ генералъ Лошаковъ женился на молоденькой и красивой кіевлянкѣ, въ которую страстно влюбился, желаніе послѣ сраженія видѣть жену, сопровождавшую его въ походѣ, было причиною ею проступка по службѣ, повлекшаго для него такую строгую кару: его разжаловали въ рядовые того полка, что

---

[1]) Богдановичъ, Истор. Царств. Имп. Александра I и Россія въ его время Т. II стр. 105 106.

стоялъ въ Кіевѣ; здѣсь онъ жилъ на свободѣ и пользовался всѣми удобствами жизни; объ этомъ узнало высшее начальство, объ этомъ довели до свѣдѣнія Государя, и послѣдствіемъ всего этого вышло слѣдующее распоряженіе военнаго министерства.

„Государь Императоръ извѣщенъ будучи, что лишенный по суду чиновъ и разжалованный въ рядовые за преступленія въ примѣръ другимъ ноября въ 17 день 1807 года бывшій Генералъ-маіоръ Лошаковъ, проживая на свободѣ въ городѣ Кіевѣ, бываетъ принятъ во многихъ благородныхъ и почетныхъ домахъ съ неприличнымъ его нынѣшнему званію уваженіемъ, каковую благосклонность къ преступнику судомъ обличенному въ трусости противъ непріятеля, сказываемую пріемлющими въ общества свои особами не предполагая какому либо оскорбленію законной и самодержавной власти, но приписывая неусмотрительному разпоряженію Государственной Военной Коллегіи во исполненіи ея обязанности, ибо естьлибъ оный Лошаковъ по званію его назначенъ былъ въ какой-либо полкъ то отправляя въономъ службу не могъ бы подобно описанному праздно шататься, въ случаѣ-же таковаго замѣчанія можно бъ было строго взыскать за понаровку и съ шефа его или командира. И для того нынѣ повелѣть изволилъ опредѣлить его Лошакова въ Ряжской Мушкатерской полкъ и предписать Кіевскому Коменданту отправить его въ оной полкъ съ нарочнымъ офицеромъ, а въ полкъ и дивизію обьявить волю Государя Императора, что взыскано будетъ по строгости всѣхъ на оной случай существующихъ законовъ, есть ли примѣчена будетъ въ полку къ сему рядовому какая понаровка по службѣ противу другихъ его товарищей или онъ будетъ принятъ въ обществѣ офицеровъ. А что бъ впредъ въ подобныхъ случаяхъ Государственная военная Колегія во исполненіи своихъ обязанностей была осмотрительнѣе и не взирая ни на какое лицо, полагаемое вышнею властію взысканіе или наказаніе было исполняемо во всей его силѣ повелѣлъ здѣлать ей замѣчаніе и обо всемъ ономъ объявить цирку-

лярно по всей арміи." Подлинный подписалъ военный Министръ Графъ Аракчеевъ № 1402 въ С. П. Бургѣ Іюня 14 дня 1808 года въ Государственную военную Коллегію.

Дальнѣйшая судьба Лошакова для насъ неизвѣстна.

Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ.

Во время разъѣздовъ моихъ по херсонской губ. (въ 1886 и 1887 гг.) мнѣ пришлось въ трехъ селахъ натолкнуться на нѣкоторые остатки старины. Несмотря на ихъ незначительность, свѣдѣнія о нихъ все же, мнѣ кажется, имѣютъ нѣкоторый интересъ.

Александрійскаго уѣзда большое с. *Петрово* на р. Ингульцѣ населено теперь государственными крестьянами, бывшими военными поселянами. Крестьяне называютъ осадчимъ села запорожца *Пѣтрыка*, который сидѣлъ сперва на рч. Зеленой (притокъ Ингульца), а затѣмъ перешелъ къ Ингульцу и сѣлъ хуторомъ на мѣстѣ теперешняго села. Ингулецъ былъ тогда глубокъ и рыбенъ; по берегамъ его, гдѣ теперь ряды хатъ, росли лѣса, а въ нихъ было множество дичи. Поэтому мѣсто было очень удобно для поселенія, и на него начали постепенно переселяться выходцы изъ Запорожья. Начало заселенія, по разсказамъ стариковъ, можно отнести къ половинѣ XVIII ст. Вскорѣ поселеніе сдѣлалось значительнымъ селомъ, ибо въ 1774 г. уже имѣло—какъ то будетъ видно ниже—церковь, построенную, очевидно, еще раньше. Поселеніе имѣло непосредственныя и очень близкія связи съ Запорожьемъ, что видно хотя бы изъ копіи рапорта священника с. Спасова [1]) отъ 22 апрѣля 1774 г., сохранившейся при спасовской церкви. Тамъ сказано: „прихода моего роты Спасовой прихожанъ въ Запорожскіе села бѣжало 30 семей, кои изъ числа наличныхъ людей исключены, которые бѣжавшіе христіанскія требы себѣ тамо *отъ опредѣленнаго коша войска Запорожскаго въ сл. Петровой находящагося священника* получаютъ".

Сохранилось преданіе, гдѣ разсказывается, что жители села Петрова участвовали нерѣдко въ военныхъ подвигахъ козаковъ и брали въ плѣнъ татаръ, которыхъ и держали у себя нѣкоторое время въ своихъ хатахъ—впредь до обмѣна плѣнныхъ.

---

[1]) Того же уѣзда, при рч. Верблюжкѣ, притокѣ Ингульца.

Въ церкви и теперь хранятся вещи, бывшія когда то въ Запорожской Сичѣ. Эти вещи слѣдующія: а) фелонь малиноваго бархата съ вышитыми на оплечьѣ изображеніями апостоловъ съ греческою подписью подъ каждымъ; б) двѣ скрыньки изъ кипариснаго дерева, прочно окованныя желѣзомъ, одна длиною 5 четв., шириною 3 ч. и вышиною 3 чт., а другая нѣсколько меньше; в) икона пресв. Тройцы въ золоченой рамѣ, недурной работы, съ четкою надписью на оборотной сторонѣ славянскими буквами киноварью: „Сию Икону Куплено Вцерковъ Сѣчовую Атаманомъ Корсунскимъ Павломъ Куделею Заденги Покойного Сорокопуда. Року 1765 мѣсяца декабря 15“.

Вещи эти, принадлежавшія Сѣчевой церкви, перешли въ село Петрово, вѣроятно, послѣ уничтоженія Сѣчи. На это указываютъ воспоминанія старика Елевферія Свыностры́ги, разсказанныя имъ еще въ 1869 году священнику мѣстной церкви о. А. Менжелею, гдѣ онъ говорилъ, что нѣкій воевода Оболенскій воспользовался во время разрушенія Сѣчи какъ вышеназванными, такъ и многими другими, очень цѣнными, вещами, въ числѣ которыхъ разсказчикъ припоминалъ два литыя изъ серебра паникадила, которыя будто бы цѣнили еще тогда одно въ 40, а другое въ 17 тысячъ рублей.

И дѣйствительно, тогда, когда, по выраженію разсказчика, „у Січі усе розжакувалы“, ловкимъ людямъ легко было воспользоваться львиною частью добычи, представляемой сокровищами Запорожья.

Но изъ всего взятаго Оболенскій передалъ въ петровскую церковь только вышеназванныя вещи, а куда дѣвались остальныя—неизвѣстно (этотъ Оболенскій, по словамъ крестьянъ, поселился въ 17 верст. отъ с. Петрова на р. Зеленой).

Выше Петрова, на той же рѣчкѣ находится тоже бывшее военное поселеніе, теперь село государственныхъ крестьянъ, *Чечелѣевка* (Чѐчеливка); здѣсь въ церкви тоже сохранилась вещь запорожскаго происхожденія, именно, чаша серебряная, на которой надпись: „Сей келѣхъ наданъ отъ козаковъ сѣчи запорожской куреня минского отъ Микити Самбока да Михайла всело чечелѣвку до храму покрова пресвятыя Богородицы 1760 року фе: л: 4“.

Третье село *Шестерня*, уже херсонскаго уѣзда, лежитъ по лѣвой стор. р. Ингульца. Первоначальное образованіе поселенія необходимо отнести къ началу XVII ст. (если не ранѣе), когда, по словамъ старожиловъ, козакъ запорожецъ Шестерня, получившій свое прозваніе отъ того, что у него на рукѣ было шесть пальцевъ, сѣлъ здѣсь хуторомъ.

Къ нему вскорѣ присоединились другіе козаки—запорожцы, какъ то утверждаютъ старожилы, между прочимъ двѣ древнія старухи, Домаха Козыренкова и Параска Орлова, теперь уже умершія, но передававшія бывшему священнику даже фамиліи запорожцевъ. На сельскомъ же кладбищѣ на двухъ крестахъ вырѣзаны надписи, на первомъ: „1784 году мѣсяца Априля 21 дня приставился рабъ Божій Иванъ велыкій, полтавского куриня полковый Отаманъ", а на второмъ „1785 году Іюня 27 дня Здѣшь почиваеть рабъ Божій Андрей Кнукѣнь Дядькивского куриня козакъ, поживе лѣтъ рк (120)". Говорятъ, что въ годъ разоренія Сѣчи основатель Шестерни и козаки Нарепа, Бурсакъ и др. ушли въ Турцію.

Но когда Потемкинъ исходатайствовалъ у Екатерины II указъ съ правами и привилегіями для желающихъ селиться въ краѣ и потомъ въ 1780 г. другой указъ о продленіи срока для явки бѣглецовъ, тогда многіе козаки возвратились назадъ въ Шестерню (Нарепа, Пыхно, Бурсакъ и др.). Явились и выходцы изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи, поселившіеся здѣсь же. Однако характерно то, что бывшіе запорожцы сторонились отъ этихъ новопришельцевъ и составляли отдѣльную громаду, нося и отдѣльное названіе. Такъ, въ 1793 г. по исповѣднымъ книгамъ они писались отдѣльно отъ прочихъ жителей, а именно такъ: „черноморскіе козаки военные и ихъ домашніе", а прочіе жители назывались поселянами.

По словамъ старожиловъ, Екатерина II была во время своего путешествія по югу въ Шестернѣ съ „Потемкою" и „нимецькымъ цисаремъ", какъ то говорили двѣ вышепоименованныя старухи. Для нея устроили въ Шестернѣ временный деревянный дворецъ и обсадили деревьями на скорую руку. Екатеринѣ здѣсь представлялись нѣсколько человѣкъ бывшей запорожской старшины, изъ которыхъ нѣсколькихъ она возвела въ дворянское достоинство и подарила нѣсколько тысячъ десятинъ земли, напр. Сидору Билому, Сичовану.

До 1829 г. Шестерня находилась въ вѣдѣніи казенной палаты государственныхъ имуществъ, а въ этомъ году перешла въ вѣдомство военныхъ поселеній. Объ этомъ переходѣ сохранилось преданіе, что предъ нимъ „наихали въ село чыновныкы (пал. госуд. имущ.) и збиралы сороковыны",—т. е. по 40 руб. асс. съ души, а кто не охочъ былъ платить, того знакомили съ „московською закуціею".

В. Ч.

Три лекціи Ал. Перовскаго.

Къ литературной характеристикѣ Алек. Перовскаго (Погорѣльскаго), представленной нами въ очеркѣ, посвященномъ этому писателю, надо прибавить сообщеніе объ одномъ трудѣ его, составляющемъ большую библіографическую рѣдкость и который намъ удалось достать только по составленіи нашей замѣтки. Это брошюрка, вышедшая въ Москвѣ въ 1808 году, носящая названіе „Три пробныя лекціи, на нѣмецкомъ, французскомъ и Россійскомъ языкахъ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ, при полученіи докторской степени Алексѣемъ Перовскимъ". Книжка посвящена гр. Льву Кирил. Разумовскому и издана въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Лекціи читаны въ силу существовавшаго тогда въ учебномъ мірѣ правила и всѣ три касаются вопросовъ естествознанія—спеціальности лектора. Нѣмецкая лекція трактуетъ вопросъ о разницѣ между растеніями и животными и отношеніи тѣхъ и другихъ къ минераламъ (Wie sind Thiere und Gewächse von einander unterchieden, und welches ist ihr Verhältniss zu den Mineralien?). Касаясь соотношенія двухъ высшихъ царствъ природы, она группируетъ выводы ученыхъ и обличаетъ въ авторѣ знакомство съ идеями французскихъ предшественниковъ дарвинизма. Во второй лекціи, французской, рѣчь идетъ о задачѣ и пользѣ Линнеевой классификаціи растеній. (Sur le but et l'utilité du systeme des peantes de Linné). Изложеніе и критика системы Линнея сопровождаются оговоркой о томъ, что предложенія свои дѣлаетъ не записной ученый, а новичокъ въ наукѣ, страстно любящій ботанику и желавшій бы облегчить изученіе ея. Предмету ботаники посвящена послѣдняя русская бесѣда „О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи". Извѣстно, съ какою любовью предавались садоводству и агрономіи лица семьи Разумовскихъ. Въ научной номенклатурѣ остались цвѣты, окрещенные ихъ именемъ и выращенные впервые въ ихъ теплицахъ. Перовскій наслѣдовалъ ту же страсть отъ родственной ему семьи. Въ своей лекціи онъ называетъ нѣсколько растеній (сарачинское, горное, китайское пшено, сибирская или татарская гречиха, большая рѣпа—Knekelrübe, — новозеландскій ленъ, американскія растенія для хлопчатой бумаги и др.), которыя съ пользой можно было бы разводить въ Россіи, и указываетъ мѣстности, пригодныя для ихъ культуры. Разсуждая о садоводствѣ, онъ отмѣчаетъ странность стараній заниматься имъ на сѣверѣ и

какъ на единственную область садоводства, указываетъ на русскій югъ,—отмѣчаетъ необходимость развитія винодѣлія и обращенія вниманія на корнеплоды и развитіе лекарственныхъ растеній. Русскій языкъ начала нашего вѣка представлялъ матеріалъ порядочно неуклюжій и бѣдный для научнаго изложенія, но Перовскій, съ помощью талантливости своей, искусно справляется съ этими трудностями. Въ общемъ всѣ три лекціи, если не обличаютъ замѣтнаго спеціалиста, то показываютъ блестящее общее образованіе, съ какимъ особенно въ ту пору на литературную дорогу выступали не часто.

В. Г.

Въ очеркѣ нашемъ о Перовскомъ („Кіевск. Стар.", № 4) вкралась ошибка, которую поправляемъ. Ботаникъ, насадившій петербургскій садъ, былъ не Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, а просто Фишеръ.

Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ.

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины" мной помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ „Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ". Въ этой замѣткѣ я сдѣлалъ предположеніе о существованіи какой то постройки и вообще объ обитаемости горы Киселевки въ великокняжескую эпоху. Основаніемъ этого предположенія послужили находки различныхъ предметовъ, относящихся къ той эпохѣ.

Вотъ еще одна находка, подтверждающая мое мнѣніе. На юго-западномъ склонѣ горы, въ почвѣ, состоящей изъ смѣси золы, углей, черепковъ, костей и кусковъ тонкихъ кирпичей, 25 іюля настоящаго года мной найдена вислая византійская печать. Печать эта свинцовая, величиной немного болѣе 20-ти к. Сохранность ея очень плоха: она чѣмъ то побита и разрѣзана почти что до половины.

На одной сторонѣ печати находится погрудное изображеніе Богоматери съ Спасителемъ на лѣвой рукѣ. Голова Спасителя окружена нимбомъ. Правая рука Богородицы съ отставленнымъ большимъ пальцемъ покоится на груди.

Нижняя часть этого изображенія сохранилась довольно хорошо, такъ что видны всѣ складки на одеждѣ Богоматери, за то въ верхней части можно различить только контуръ лица и остатки нимба вокругъ головы. Изображеніе обведено ободкомъ.

На другой сторонѣ помѣщена надпись въ 5-ти строкахъ.

Въ первой строкѣ, послѣ византійскаго крестика, находятся 3 буквы: Θ̄K̄ E; надъ Θ и K стоитъ титло въ видѣ палочки; строка эта заключаетъ въ себѣ сокращенное Θεοτοκη̄ (Богородица). Это единственная строчка, которую можно прочесть.

Во второй строкѣ видны слѣды двухъ буквъ, изъ которыхъ вторая—O; остальныя буквы уничтожены разрѣзомъ.

Третья строка состоитъ изъ 6-ти буквъ: первая неясна, затѣмъ слѣдуетъ N N I, остальныя двѣ также неясны.

Въ четвертой строкѣ сохранились 3 буквы: первыя двѣ—CI, третья неясна.

Что касается пятой строки, то здѣсь видна только одна буква—что то въ родѣ O, хотя, можетъ статься, что это и не буква, т. к. сверху, съ правой стороны ея, видны какъ бы двѣ ленточки.

На гуртѣ печати замѣтны слѣды дырочекъ для шнурка.

Въ виду дурной сохранности печати и за неимѣніемъ подъ руками другихъ образцовъ для сравненія, трудно сказать что нибудь положительное о времени и о лицѣ, которому эта печать принадлежала. Но во всякомъ случаѣ она относится къ глубокой старинѣ.

Н. Бѣляшевскій.

Для справокъ.

—— **Невышедшая книга.** Лѣтомъ 1887 года извѣстная всѣмъ библіоманамъ московская антикварная фирма П. Шибанова въ одномъ изъ своихъ періодическихъ каталоговъ напечатала о поступленіи въ продажу книги „Украинскія народныя преданія. Часть первая: преданія историческія. Собралъ П. Кулѣшъ. Москва 1847 г.“. Запросы на эту рѣдкость, о которой не слыхали даже самые завзятые книголюбцы, полетѣли въ Москву со всѣхъ сторонъ, но были предупреждены покупателемъ, не знающимъ соперниковъ: книгу пріобрѣла Императорская Публичная Библіотека.

Будучи изданіемъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и относясь къ тому времени, когда надъ редакторомъ изданій Общества О. М. Бодянскимъ стряслась бѣда по поводу изданія Флетчера, книга эта есть, очевидно, уцѣлѣвшій отъ уничтоженія экземпляръ оттиска изъ имѣвшаго выйдти тома „Чтеній“, который уничтоженъ былъ весь. Хотя по содержанію своему книга Кулиша не могла сама по себѣ подать повода къ инкриминаціямъ, но кара, постигшая изданія Об-

щества, отразилась и на ней. Уцѣлѣвшій экземпляръ составляетъ, дѣйствительно великую библіографическую рѣдкость, такъ какъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ онъ, повидимому, единственный.

Матеріалъ этой книги цѣликомъ вошелъ въ „Записки о Южной Руси“, изданныя восемь лѣтъ спустя (въ 1855 и 56 годахъ). Изъ сравненія текстовъ оказывается, что въ первомъ, московскомъ изданіи нѣкоторымъ изъ нихъ оставленъ болѣе непосредственный, первоначальный видъ. Подъ всѣми разсказами отмѣчены фамиліи разсказчиковъ и мѣсто записи. Изслѣдованій и описаній странствій собирателя въ московскомъ изданіи нѣтъ. Принимая во вниманіе огромное значеніе, которое имѣютъ въ южнорусской этнографіи „Записки о Южной Руси“, мы думали, что будетъ имѣть интересъ и ихъ литературная исторія. Къ тому же, къ этому источнику будутъ обращаться еще столь многіе, что справки о мѣстѣ записи и о личностяхъ разсказчиковъ могутъ пригодиться еще для разныхъ соображеній. Вотъ почему представляемъ составленное по экземпляру Публичной Библіотеки описаніе этой рѣдчайшей книги, со всѣми отмѣтками, сопровождающими текстъ.

„Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулѣшъ. Москва 1847 г. въ Университетской типографіи. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“. 8°. Предисловіе и 62 страницы текста.

„По опредѣленію Общества 29 марта 1847 года. Москва. Секретарь О. Бодянскій“.

Эпиграфъ. „Разговорный языкъ простаго народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ, достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій“.

Предисловіе. „Изучая источники исторіи южно-русскаго народа, я не разъ объѣзжалъ обитаемыя имъ губерніи для собиранія народныхъ пѣсенъ и преданій. Со временемъ надѣюсь представить любителямъ исторіи и народной поэзіи свой сбрникъ пѣсенъ; теперь издаю только преданія. Предоставляя судить каждому объ ихъ исторической важности и поэтическихъ достоинствахъ, считаю долгомъ сказать только, что я записывалъ ихъ стенографически, какъ пѣсни, дорожа каждымъ оборотомъ и словомъ народной рѣчи. Я позволялъ себѣ исправлять нѣкоторыя фразы только въ тѣхъ преданіяхъ, которыя доставлены мнѣ моими пріятелями, но и объ этомъ жалѣю: гораздо лучше бы было напечатать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были мнѣ доставлены.“ П. К.

Отдѣлъ первый. Преданія историческія

Золотые Кіевскіе ворота.—Разсказывалъ одинъ старикъ нищій въ Кіевѣ. Жидовскіе откупы.— Хмельницкій и Барабашъ.— Царь Петръ и Палій. — Р. Климъ Билыкъ въ Кумейкахъ, Кіевской губерніи.—Козаки и жолнѣры.—Дмитро Погорѣлый въ Звенигородкѣ, Кіевск. губ.—Хмельни́цкій въ Запорожской Сѣчи.—Юрій Хмельницкій, и плата Хмельницкаго за плѣнныхъ.—Омелько Каплаухій, въ Субботовѣ, Кіевск. губ.—Хмельницкій надъ Случью.—Одинъ старикъ въ Корсунѣ. Степанъ Плаха.—Доставилъ П. Е. Чуйкевичъ, а ему разсказывалъ поселянинъ въ степу около Новой Басани, въ Переяславскомъ уѣздѣ. Съ историческими примѣчаніями

издателя о судьбѣ польскаго владычества въ лѣвобережной и правобережной Украинѣ.

Чуприна и Чортоусъ.—Вольный переводъ съ польскаго рукописнаго матерьяла. Шелестъ, Лусконигъ, Гныда и Злизнякъ.—Иванъ Курдунъ, въ Александровкѣ, Кіевской губерніи.

Максымъ Шыло—Наймытъ Гайдамака—Васыль Судденко, въ Черкасахъ.

Гайдамаки въ Черкассахъ—Максымъ Зализнякъ—Бѣгство гайдамакъ (съ историческимъ примѣчаніемъ издателя о Гайдамакахъ и Колiившинѣ)—Цехмыстеръ. Разсказывалъ Харко Цехмистеръ въ Черкасахъ.

Войны Хмельницкаго.—Мазепа и Палій.—Вовчокъ.—Швачка (съ пѣснею).—Благочестіе.—Ярмарки.—Жолнѣры.—Урочища въ Смѣлой.—Прежнія времена въ Украинѣ.—Р. Кондр. Тарануха, въ Смѣлой, Кіевской губ. Подъ послѣднимъ разсказомъ дата 1843 г. августа 12.

Месть за имя жида.—Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ.—Гайдамаки въ Жаботинѣ.—Гайдамаки въ Умани.—Очаковская бѣда.—Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.

Гайдамака и пасичникъ (пріятель Таранухи въ Смѣлой).—Золотая Грамота (старикъ въ Корсунѣ).—Гайдамаки въ Каневѣ.—Гладкій (Климъ Билыкъ, Кумейки).—Неживый (Омелько Каплаухій, Суботово).—Базиліяне.—Урочища въ Звенигородкѣ (Дмитро Погорилый, въ Звенигородкѣ).—Козаки 1790 годовъ.—Война съ Польшею (Сем. Юрченко, въ Мартыновкѣ).—Харко (безъ отмѣтки).—Разсказы о Татарахъ (три разсказа изъ Звенигородки, Кіева и Черкасъ).

Разсказы о запорожцахъ. Двѣнадцать разсказовъ разнаго объема. Первый разсказъ,—о томъ, какъ пріѣзжали въ Кіевъ щеголи-запорожцы, и объ обычаѣ „прощанья съ свѣтомъ" передъ поступленіемъ запорожца въ монастырь сопровождается подписью „Слышалъ отъ Т. Шевченка". Этотъ разсказъ послужилъ матеріаломъ для извѣстной картины, которою открывается глава „Чорной Рады", а эта глава, въ свою очередь, вызвала стихотвореніе Шевченка „Чернець", посвященное П. А. Кулишу. Остальные 11 разсказовъ записаны въ Мотренинскомъ монастырѣ, въ Александровкѣ, кіевской губ., Смѣлой, Звенигородкѣ (р. пасичникъ изъ Кременчуга), Мартыновкѣ, черниговск. губ., въ Корсунѣ и въ Кумейкахъ.

Матеріалъ „Записокъ о Южной Руси", до появленія своего въ этой книгѣ, помѣщенъ былъ еще разъ въ журналѣ „Ruben", издававшемся М. Грабовскимъ.

Желательно было узнать исторію выхода и погибели перваго собранія драгоцѣнныхъ народныхъ преданій, напечатаннаго П. А. Кулишомъ въ Москвѣ, и всего интереснѣе были бы въ этомъ случаѣ разъясненія самаго уважаемаго собирателя.

W.

—— Въ предисловіи къ Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. сказано, что наказъ Коллегіи въ первый разъ появился въ печати въ 43 т. Сборника русскаго историческаго Общества. Это неточно.

Въ первый разъ Наставленіе Малороссійской Коллегіи было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. Свиньинымъ 1830 г., ч 41 и 42, мартъ и апр.

Второй разъ было напечатано въ 3-й книгѣ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1858 года и отпечатано отдѣльными оттисками. М. 1858, стр. 54. При этомъ было напечатано и возраженіе на оное наставленіе депутата Григорія Политики, мною сообщенное О. М. Бодянскому.

Графъ Милорадовичъ.

—— **Акафистъ преподобному Антонію Печерскому. Кіевъ, въ тип. К.-П. Лавры, 1888, изданіе первое.** Въ первыхъ числахъ іюля этого года Кіево-Печерская Лавра издала новый акафистъ преподобному Антонію Печерскому, составленный Андреемъ Өедоровичемъ Ковалевскимъ съ благословенія Святѣйшаго Синода.

А. Ѳ. Ковалевскій, землевладѣлецъ харьковской губ., зміевскаго уѣзда, въ своемъ имѣніи селѣ Высочиновкѣ, недавно основалъ Казанскій Богородичный монастырь, пожертвовавъ свое имѣніе на содержаніе монастыря; онъ извѣстенъ въ духовномъ мірѣ, какъ составитель службъ и акафистовъ въ честь русскихъ святыхъ, двадцать семь такихъ книжечекъ уже изданы съ разрѣшенія Синода.

Преподобный Антоній Печерскій, какъ извѣстно, родился въ городѣ Любечѣ, и здѣсь въ молодыхъ лѣтахъ ископалъ себѣ пещеру, въ которой и подвизался до удаленія своего на Аѳонъ. Возлѣ этой пещеры бываетъ ежегодно крестный ходъ съ молебствіемъ, водоосвященіемъ и чтеніемъ акафиста. Такъ какъ до нынѣшняго года не было отдѣльнаго акафиста, то читался акафистъ общій пр. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ. Ежегодная служба съ 1870 г. побудила владѣльца Любеча графа Григорія Александровича Милорадовича просить А. Ѳ. Ковалевскаго, чтобы онъ составилъ отдѣльный акафистъ, что было Ковалевскимъ исполнено съ благословенія кіевскаго митрополита Платона.

Казалось бы, что лавра кіевская, существующая болѣе восьми сотъ лѣтъ, должна была бы имѣть давно акафистъ пр. Антонію и Ѳеодосію Печ. Служба же пр. Антонію, помѣщенная въ іюльской Минеѣ, была напечатана въ Анѳологіонѣ 1619 г. кіевскаго изд., и въ Трефологіи 1626 и 1638 г.

Между тѣмъ общій акафистъ началъ печататься въ лаврѣ съ 1865 г. при митрополитѣ Арсеніѣ. Въ библіотекѣ лавры нашелся единственный экземпляръ стариннаго акафиста въ 4 долю листа, напечатанный въ концѣ прошлаго вѣка въ лаврской типографіи безъ означенія года, который и былъ перепечатанъ митрополитомъ Арсеніемъ съ разрѣшенія Синода. На печатномъ акафистѣ сдѣланы измѣненія неизвѣстно чьей рукою; въ такомъ видѣ акафистъ и перепечатанъ. Къ этому акафисту приложенъ канонъ, будто бы написанный Димитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ.

Ни въ одномъ библіографическомъ указателѣ церковно-славянскихъ книгъ акафистъ не упоминается. Ни Императорская Публичная Библіотека, ни Румянцевскій Музей, ни одна частная библіотека не имѣютъ этого стариннаго, напечатаннаго въ концѣ прошлаго столѣтія акафиста; и, слѣдовательно, кіевская лавра обладаетъ въ этомъ случаѣ большою библіографическою рѣдкостію.

Обращаемъ на это вниманіе нашихъ библіографовъ, не удастся ли имъ узнать, когда былъ изданъ этотъ акафистъ, и кто былъ его авторъ. Г. М.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Журн. Мин. Нар. Просв. (№№ 5—7). *Вѣстникъ Европы* (6—8). *Русская Мысль* (6—8). *Прав. Обозр.* (2—7). *Русскій Филолог. Вѣстникъ* (2). *Извѣстія С.-Петербур. Славянск. Благот. Общества* (3—5). *Сѣверный Вѣстникъ* (6—8). *Пантеонъ Литературы* (6). *Русскій Вѣстникъ* (5—8). *Русская Старина* (6—8). *Русскій Архивъ* (6—7). *Историческій Вѣстникъ* (6—8). *Юридическій Вѣстникъ* (5—8). *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права* (5—6). *Военный Сборникъ* (1—8). *Морской Сборникъ* (1—8). *Странникъ* (4—7). *Христіанское Чтеніе* (5—6). *Экономическій Журналъ* (4 5). *Новь* (13—18). *Bibliotekа Warszawska* (6). *Kwartalnik Historyczny* (3). *Труды Кiев. Дух. Академіи* (1—8). *Revue politique et litteraire* (1—20). *Русскій Паломникъ* (20—33). *Недѣля* (20—31). *Сѣверъ* (19—32). *Иллюстрированный Міръ* (1—25). *Нива* (17—32) *Живописное Обозрѣніе* (1—33) *Русское Судоходство* (16—28). *Церковный Вѣстникъ* (29 - 33). *Kłosy* (1177—1207). *Gazeta Polska* (1—190). *Зоря* (11—15). *Кiевлянинъ* (141—167). *Кiевское Слово* (427—453) *Кiев. Епарх. Вѣд.* (15—26). *Волынь* (55—88). *Волын. Епарх. Вѣд.* (20—22) *Волын. Губ. Вѣд.* (43—62). *Подол. Епарх Вѣд.* (28—32). *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (1—14). *Черн. Епарх. Изв.* (1—10). *Черн. Губ. Вѣд.* (49—64). *Земскій Сборникъ черн. губ.* (1—5). *Харьковскія. Губ. Вѣд.* (159—209). *Южный Край* (2567—2618). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (50—62). *Крымъ* (44—65). *Одесскій Листокъ* (134—173). *Херсонскія Губ. Вѣд.* (1—58). *Сборникъ Херсонскаго Земства* (1—7). *Бессараб. Губ. Вѣд.* (8—70). *Донъ* (57—68). *Донская Рѣчь* (69—81). *Литовск. Епарх. Вѣд.* (1—32). *Червоная Русь* (70—90).

Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. №№ 5—7. *Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 5, стр. 1—73; № 6, стр. 350—395; продолженіе слѣдуетъ). Первыя три главы, помѣщенныя въ № 1 и 3 текущаго года, познакомили читателя съ мнѣніями по вопросу о паденіи Польши польскихъ публицистовъ 18 и 19 вѣка и съ воззрѣніями западно-европейской публицистики прошлаго вѣка. Новыя двѣ главы (4-я—въ № 5, и 5-я въ № 6) представляютъ обзоръ сочиненій западно-европейскихъ 19-го вѣка (гл. 5-я), а также историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ (гл. 6-я).

Мелкіе замѣтки къ былинамъ. Александра Веселовскаго. (№ 5, стр. 74—90). Это составляетъ продолженіе замѣтокъ, начатыхъ авторомъ еще въ 1885 г. (см. № 12); настоящія замѣтки касаются: 1) легенды о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ и Царьградѣ; 2) сумочки Микулы Селяниновича и византійской *акакіи* т. е. мѣшкѣ, наполненномъ перстью, что напоминаетъ о бренности человѣческой славы; 3) сочиненія проф. Гейнцеля (Ueber die Hervararsaga. Wien 1887.), которое, между прочимъ, въ разборѣ древней саги касается нѣкоторыхъ географическихъ отношеній древней Руси.

Евгеній митрополитъ кіевскій. Е. Ф. Шмурло (№ 5, стр. 91—193; № 6. стр. 257—278). Это окончаніе обширнаго труда, начатаго еще въ прошломъ году. Новыя двѣ главы, 8-я и 9-я, знакомятъ читателя съ петербургскимъ періодомъ служебной и литературной дѣятельности Евгенія Болховитинова (1800—1804 гг.), а также съ общей характеристикой его, какъ человѣка и ученаго.

Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ. В. Васильевскаго (№ 7, стр. 121—150). Признавая, что торговыя сношенія русскихъ съ Германіей существовали въ очень давнія времена (съ 9-го вѣка), авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя данныя этой торговли, случайно собранныя имъ при такихъ занятіяхъ, которыя собственно не имѣли въ виду русской исторіи, почему онъ и не имѣетъ притязанія на совершенную полноту или же цѣльное изслѣдованіе о древней русской торговлѣ.

Некрологъ Я. Ф Головацкаго (№ 6, стр. 110—113).

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи и замѣтки по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Лекціи по исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго (№ 5, стр. 250—251); 2) Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, по актамъ 16 стол. Якова Головацкаго (№ 5, стр. 254); 3) Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатан. въ Вѣстникѣ Европы за 1885—86 г. Якова Головацкаго (№ 5, стр. 255); 4) О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. А. Завитневича—реценз. А. Соболевскаго (№ 6, стр. 396—403); 5) Волынь. Историч. судьбы юго-западн. края. П. Н. Батюшкова (№ 6, стр. 460—463); 6) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси (№ 6, стр. 464—465); 7) Archiw książąt Lubartowiczów Sanguszkòw (№ 6, стр. 465—466); 8) Великорусскія былины кіевскаго цикла. М. Халанскаго—реценз. Ор. Миллера (№ 7, стр. 175—191).

Вѣстникъ Европы 1888 г. №№ 6—8. *Донецкіе углекопы. С. Русовъ.* (№ 6, стр. 493—515). Статья знакомитъ съ условіями жизни русскихъ углекоповъ, на основаніи статистическаго сборника по славяно-сербскому уѣзду екатеринославской губ.

Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи. Александра Веселовскаго (№ 7, стр. 144—165). Статья написана по поводу двухъ изслѣдованій: «Великорусскія былины кіевскаго цикла. Халанскаго» и «Versuch einer Geschihte der russischen Hjasage. Damberg'a», изъ которыхъ критикѣ перваго отведено почти все мѣсто, а объ изслѣдованіи втораго упоминается только въ концѣ статьи по поводу нѣкоторыхъ очень смѣлыхъ выводовъ Дамберга о богатырѣ Ильѣ.

Современные русскіе беллетристы. К. Арсеньевъ. (№ 7, стр. 245—261). Первая часть статьи посвящена разбору произведеній г. Мачтета, изъ которыхъ иныя написаны на темы изъ малорусскаго быта.

Иванъ Куцый и жена его Феська. Разсказъ изъ южно-русскаго народнаго быта. В. Лѣсницкой. (№ 8, стр. 603—621). Этотъ, яко бы бытовой, очеркъ представляетъ очень мало характернаго, а по части малорусскихъ выраженій страдаетъ такими неправильностями, что подчасъ нельзя и догадаться, что это малорусская рѣчь.

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за 16 лѣтъ, съ 1872—88 г. (№ 6, стр. 866—867); 2) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Т. XV-й. Кролевецкій уѣздъ. П. Червинскаго (№ 8, стр. 838—841).

Русская Мысль. 1888 г. №№ 5—8. *Въ научномъ обзорѣ* помѣщена статья П. Милюкова «Русская историческая географія и атласъ проф. Замысловскаго». Въ статьѣ этой, написанной по поводу 3-го изданія атласа Замысловскаго, говорится сначала о современномъ состояніи науки русской исторической географіи, а за тѣмъ дѣлается разборъ историко-географическихъ данныхъ, находящихся въ изданіи, при чемъ они сопоставляются съ такими же данными атласа Павлищева, явившагося въ свѣтъ еще въ 1845 году. (№ 8, стр. 126—143).

Во внутреннемъ обозрѣніи нѣсколько страницъ посвящено размышленіямъ о значеніи и роли Малороссіи въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; написано по поводу 900-лѣтія крещенія Руси и открытія памятника Богдану Хмельницкому (№ 8, стр. 152—162). Тутъ же, далѣе, находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ вопросу о современныхъ правахъ у насъ языковъ разныхъ національностей, и между прочимъ говорится и о языкахъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. (№ 8, стр. 164).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. А. Лазаревскаго. Т. І-й Полкъ Стародубскій. Вып. І-й (№ 5, стр. 226—228); 2) Русская Правда. Текстъ,

изданный по тремъ спискамъ съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ А. Б. Гинцбургомъ. Изд. Е. Гаршина (№ 6, стр. 293—294).

Православное Обозрѣніе 1888 г. №№ 2—7. *Историческое разсмотрѣніе дѣятельности православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія свят. Синода. М. Чистякова.* Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы автора, начатой еще въ 1887 году, находимъ нѣсколько страницъ о дѣятельности Димитрія Ростовскаго (№ 5—6, стр. 78—80), о «Жезлѣ Правленія» Симеона Полоцкаго (тамъ же, стр. 92—103), о «Знаменіяхъ пришествія антихриста» Стефана Яворскаго (тамъ же, стр. 124—126), о «Розыскѣ» Димитрія Ростовскаго (тамъ же, стр. 127—140) *Слово надъ гробомъ Іакова Ѳеодоровича Головацкаго, сказанное Протоіереемъ Іоанномъ Котовичемъ.* Отмѣчается здѣсь значеніе дѣятельности покойнаго для дѣла національнаго самознанія въ Галичинѣ. (№ 5—6, стр. 478—484). Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ и некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго, перепечат. изъ Литовск. Епарх. Вѣд. (стр. 493—496).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. № 2. *Въ библіографическихъ замѣткахъ* есть небольшая рецензія о книгѣ *Я. Головацкаго.* «Черты домашняго быта русскихъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губ. по актамъ 16-го вѣка». (стр. 233—234).

Извѣстія С.-Петерб. Славян. Благотвор. Общества 1888 г. № 3—5. *Я. Ф. Головацкій.* Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Славян. Благотвор. Общества *Ѳ. Истоминымъ,* представляетъ краткую біографію съ указаніемъ научныхъ и литературныхъ заслугъ покойнаго Я. Головацкаго (№ 4—5, стр. 239—243).

Письмо изъ закордонной Руси, въ которомъ сообщается о нѣкоторыхъ текущихъ вопросахъ въ жизни Австрійской Руси.

Сѣверный Вѣстникъ Спб 1888 г. № 6—8. № 6. Изъ провинціальной печати: Переселенцы въ минусинскомъ округѣ (стр. 84—87) и Самобытныя народныя школы (стр. 93—95).

7—8. Большой свѣтъ въ Козловицахъ—переводная повѣсть польскаго писателя Яна Ляма—про жизнь въ Галиціи.

7. Областной отдѣлъ: а) право представительства и платежъ въ земствахъ смоленской губерніи—В. Крыленка (стр. 41—47) Деревенскія письма. 1. Погоня за рублемъ—Берендѣева (стр. 47—56). Описаніе деревенской дѣйствительной жизни с. Мануйловки екатеринослав. губерніи.

— Изъ провинціальной печати: Мальцевское торгово-промышленное общество (стр. 56—64). Луганскій литейный заводъ (стр. 64—65).

8. Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца, 1. Міровое значеніе каменнаго угля и донскаго бассейна, проф. Д. Менделѣева.

— Областной отдѣлъ. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ Я. Абрамова (стр. 78—93). Памяти Богдана Хмельницкаго (стр. 93—96).

— Изъ провинціальной печати: Стачка хлѣботорговцевъ въ ю. з. краѣ, мясопромышленниковъ въ Одессѣ, мукомоловъ въ Керчи (стр. 97—109) и весеннее движеніе рабочихъ на югъ и наемъ на сельско-хозяйственныя работы (стр. 105—114).

Пантеонъ Литературы 1888 г. № 6. № 6. Рецензія на книгу г. П. Батюшкова «Волынь».

Русскій Вѣстникъ 1888 г. № 5—8. № 5. Земство и Статистика— А. Роштока (стр. 137—176). Статья написана съ цѣлью доказать, что сочиненіе г. Вернера «Курская губернія. - Итоги статистическаго изслѣдованія», изданное курск. губ. зем. стат. бюро, исполнено грубыми недостатками съ точки зрѣнія земско-утилитарной и неудовлетворительно въ научномъ отношеніи.

Критика 1. Новыя страницы русской исторіи. Родъ Шереметева. А. Барсукова. Кн. V. Спб. 1888.—И. П. Хрущева.

Сообщенія и извѣстія: III Кіевскій кладъ—Проф. Покровскаго.

6 Въ отдѣлѣ *Новости литературы*: рецензія на книгу П. Н. Батюшкова «Волынь».

7. Въ отд. *Новости литературы*: рецензія на «Письма гр. Е. М. Румянцевой къ мужу ея» изд. гр. Д. А. Толстаго (стр. 259—263).

7—8. М. Н. Катковъ; главы VII—X. Любимова.

8. Каменноугольный кризисъ М. Л. З—ва.

Русская Старина 1888 г. №№ 6—8. № 6 и 7 *А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь*. Девять писемъ Смирновой къ Гоголю, писанныхъ между 1844 и 1851 г. изъ Парижа и Петербурга большею частью о предметахъ религіознаго содержанія. Сообщилъ и снабдилъ ихъ подробными примѣчаніями В. И. Шенрокъ.

7. *Николай Васильевичъ Гоголь* (въ неизд. отрывкахъ его писемъ къ П. А. Плетневу 1846—48 гг.). Мѣста изъ писемъ Гоголя къ Плетневу, пропущенныя въ изданіи г. Кулиша. Письма эти относятся къ ходу предпринятаго Плетневымъ изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Сообщилъ и снабдилъ краткимъ предисловіемъ В. И. Шенрокъ.

6. *Николай Васильевичъ Гоголь* 1841. Письмо Гоголя къ Праск. Ив. Раевской, относящееся къ воспитанію его сестры Елисаветы Васильевны. Сообщила изъ рукоп. Румянц. музея Е. С. Некрасова.

7. *Изображеніе св. равноап. князя Владиміра* Ѳ. Г. Солнцева.

Откуда родомъ была княгиня русская св. Ольга? Сообщ. архим. Леонидъ. Небольшая статейка эта представляетъ огромный научный интересъ. Арх. Леониду удалось открыть въ б-кѣ гр. А. С. Уварова, въ лѣтописномъ отрывкѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ XV в. извѣстіе о происхожденіи св. Ольги изъ болгарскаго городка Плескова (который преданіе отождествило съ Плесковымъ русскимъ, т. е. Псковомъ), что даетъ возможность удовлетворительно объяснить многіе вопросы въ русской исторіи.

Марья Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской. Сообщилъ Трахимовскій. Цѣль статьи измѣнить ту характеристику личности Н. В. Гоголя, какая сдѣлана г-жею Бѣлозерскою при оцѣнкѣ отношеній Н. В. къ матери и сестрамъ.

Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому 1847 г. Сообщилъ В. И Шенрокъ. Отвѣтъ Гоголя на извѣстное письмо Бѣлинскаго.

Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ 1784—1848 г. П. Б.

7—8. Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біограф. изслѣдованіе. Очеркъ 2-й. Н. Бѣлозерской.

8. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академика и профессора А. В. Никитенка.

6. *Библіографическій листокъ.* Рецензіи на 1) Волынь изд. П. Н. Батюшкова, 2) Архивъ юго-зап. Россіи ч. VII, т. I, 3) Святыни и древности холмскаго края.

Русскій Архивъ 1888 г. №№ 6—7. Изъ дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе. Кіевъ. Деревенская, семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи.

Историческій Вѣстникъ №№ 6—8. № 6. Лѣскова. «Первенецъ богемы въ Россіи» — автобіографическія замѣтки Бурнашева, служившаго нѣкоторое время у насъ на югѣ.

Павлищева. «Изъ семейной хроники» —продолженіе.

Трачевскаго. «Пруссія въ крымскую войну»—продолженіе.

Кутейникова. «Колыбель христіанства въ Россіи».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на книги: Пѣтухова — «Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в.»; Е. В. Барсова— «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси»; Kwartalnik Hystoryczny. Rocznik II. Zeszyt 1. 1888; Головацкаго— «Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, по актамъ XVI ст.» Вильно. 1888 г.; графа Д. А. Толстаго—«Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу, фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1762—69)».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: «Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1887 г.»

7. Павлищева—«Изъ семейной хроники»—продолженіе.

Трачевскаго—«Пруссія въ крымскую войну»—окончаніе.

П. П.—«Покорная и вѣрная жена» (графиня Румянцева)—на основаніи ея писемъ.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго — «Миѳологическое значеніе нѣкоторыхъ преступленій, совершаемыхъ по суевѣрію».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» интересны рецензіи на книги: «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Томы: LIX, LXI, LXIII, LXIV и LXV. Спб. 1888 г.; «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ». Томъ сорокъ второй. Спб. 1888 г.; А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ.» Кн. V. Спб. 1888 г.; Н. И. Костомарова «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ.» Томъ II, выпускъ седьмой. Спб. 1888 г.; Н. Д. «Девятисотлѣтіе русской іерархіи.» 988—1888. «Епархіи и архіереи.» Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. М. 1888 г.; Лазаревскаго «Описаніе старой Малороссіи». Томъ I. Полкъ Стародубскій (выпускъ первый). Кіевъ. 1888 г.; «Харьковскій Сборникъ». Литературно-научное прибавленіе къ харьковскому календарю на 1888-й годъ, подъ редакціей Касперева; Соболевскаго «Лекціи по исторіи рускаго языка». Кіевъ 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: Археологическое общество (есть свѣдѣнія о роскопкахъ на югѣ Россіи); Музей г. Поля (археолого-историческій) въ Екатеринославлѣ; некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

8. Павлищева—«Изъ семейной хроники»—продолженіе.

Эварницкаго—«Какъ въ старину передѣлывали старыхъ людей въ молодые» (народное южно-русское преданіе).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на книги: Ѳ. Успенскаго — «Русь и Византія въ X в. Одесса. 1888 г.; Н. Н. Ѳирсова—«Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. Казань. 1888 г.; Wisla, miesięcznik geograficzno—etnograficzny. Tom I, Warszawa, 1887; tom II, Warszawa, 1888; Любовича: «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в.» Варшава. 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: Археологическое общество—замѣтка о рефератѣ В. Г. Васильевскаго: «О торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ придунайскими землями».

Въ видѣ приложенія «Девятисотлѣтняя годовщина крещенія Руси».

Юридическій Вѣстникъ №№ 5—8. №№ 5—8. *Сеймъ въ польской Рѣчи Посполитой.* Н. И. Карѣева (не окончена).

6—7. *Краткій некрологъ Н. И. Зибера.*

— *Курскіе старозаимочники и однодворцы.* П. Звѣрева.

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права Спб. №№ 5—6. № 6. Критика и библіографія: рецензія на книгу С. Л. Птащицкаго «Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики».

Военный Сборникъ 1888 №№ 1—8. № 6. Библіографія. Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884—85 г. А. М. З.

Морской Сборникъ Спб. №№ 1—8. № 8. Въ библіографіи: Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказаніе. Проф. новорос. университета Клоссовскій. В. Иванова.

Странникъ №№ 4—7. №№ 4—7. *Св. равноап. кн. Владиміръ, просвѣтитель Руси.* И. П. Матченко.

4. *Мои воспоминанія объ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ.* И. У. Палимпсестова.

5. Къ вопросу о южно-русскомъ сектантствѣ. Д. Попова.

6—7. *Іаковъ Мнихъ о крещеніи русской земли.* Отрывокъ изъ Іакова Мниха.

Древнѣйшее житіе—чтеніе о св. Владимірѣ (по рукоп. XIII в.). Текстъ проложнаго житія съ краткимъ предисловіемъ.

Похвала Владиміру св. митроп. Илларіона и его молитва къ Богу. Перепечатка текста памятника.

Канонизація св. князя Владиміра и службы ему по памятникамъ XIII—XVII вѣковъ.

Служба св. равноап. князю Владиміру. Изъ Минеи праздничной XIII в. по рукоп. новгор. софійской библіотеки № 382 л. 67—71.

Древне-русская редакція славянскаго перевода евангелія. Проф. Г. А. Воскресенскаго.

Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ прот. И. Г. Наумовича (продолженіе).

Въ обзорѣ журналовъ рядъ небольшихъ замѣтокъ по поводу юбилейныхъ статей въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Рецензіи на житія св. Владиміра И. И. Малышевскаго и Г. С. Дебольскаго и на популярныя книжки о св. Владимірѣ Де-Витте и М. Рубцова.

Извѣстія и замѣтки. Иконописное изображеніе св. княгини Ольги и св. князя Владиміра (перепечатано изъ «Кіевской Старины»). Мѣсто крещенія Владиміра св.—Херсонисъ и таврическій монастырь (переп. изъ «Тавр. Епарх. Вѣд.»). Новый храмъ въ Кіевѣ во имя св. равноап. князя Владиміра.

Христіанское Чтеніе 5, Май—Іюнь, 6, Іюль—Августъ. № 5. О профессорахъ богословскаго факультета виленскаго университета въ настоящемъ столѣтіи (оконч.) П. Жуковича.

5—6. Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси (по поводу предстоящаго 900-лѣтняго юбилея).

5. Греческія школы (преимущественно средневѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія, архим. Сергія.

— Каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки Спб. духовной академіи, А. Родосскаго (въ приложеніи).

6. Разборъ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси, и вліяніе ихъ на народ. произведенія (прод.), В. Сахарова.

Экономическій Журналъ № 4 (Апр.) № 5 (Май и Іюнь). № 4. Статистическій сборникъ орловскаго земства съ податной точки зрѣнія—*Н. Благовѣщенскаго.*

— Въ чертѣ еврейской осѣдлости (отъ Бѣлостока до Полоннаго, волынская губернія) А. С.

Въ библіографіи нѣкоторыя замѣтки относятся къ югу Россіи.

5. Статистическій сборникъ воронежскаго земства съ податной точки зрѣнія—Н. Благовѣщенскаго.

Въ торговомъ обозрѣніи и хроникѣ нѣсколько замѣтокъ относятся къ югу Россіи.

Новь 1888 г. Спб. №№ 13—18. № 13. О новыхъ книгахъ. Сообщено о книгѣ Ф. Щербины «Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду».

13—18. *И. П. Потапенко* «Деревенскій романъ» (изъ хроники южно-русской деревни).

15—17. Д. Л. Мордовцева—Н. И. Костомаровъ. По моимъ личнымъ воспоминаніямъ.—Цѣнный матеріалъ для будущей біографіи талантливаго южно-русскаго историка.

Biblioteka Warszawska. Іюнь. Краткій некрологъ извѣстнаго знатока древностей и исторіи южной Руси Э. Руликовскаго. Приводимъ этотъ некрологъ въ полномъ видѣ:

«Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца текущаго года скончался на 79 году жизни въ селѣ Геленовкѣ (васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи) Эдуардъ Руликовскій, членъ антропологической коммиссіи краковской академіи наукъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства. Покойный былъ человѣкъ обладавшій выдающимся образованіемъ и потому имѣлъ весьма благотворное вліяніе на окружавшее его общество. Въ теченіе всей жизни онъ неутомимо занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно научной разработкѣ исторіи, статистики, этнографіи и археологіи Украины. Онъ составилъ большое сочиненіе «Описаніе по уѣздамъ Украины въ отношеніяхъ: историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ».—Въ полномъ видѣ это сочиненіе не издано, напечатаны

только его отрывки въ Библіотекѣ Варшавской 1852 г. т. IV и въ отдѣльной книжкѣ: «Описаніе васильковскаго уѣзда—Варшава 1853 г.».—Въ трудахъ краковской академіи покойный помѣстилъ слѣдующія статьи: 1) Этнографическія записки изъ Украины, 2) Отчетъ о раскопкѣ могилы въ селѣ Геленовкѣ, 3) О каменныхъ бусахъ, находимыхъ на правой сторонѣ Днѣпра.—Сверхъ того Э. Руликовскій помѣщалъ съ 1876 года въ варшавскихъ повременныхъ изданіяхъ многочисленныя статьи серьезнаго научнаго содержанія. — Воздадимъ должную честь памяти заслуженнаго труженика».

Прибавимъ къ перечню научныхъ трудовъ Э. Руликовскаго рядъ многочисленныхъ монографій, содержащихъ историко-статистическія описанія городовъ и мѣстечекъ кіевской губерніи, помѣщенный въ Географическомъ словарѣ Сулимирскаго, Хлебовскаго и Валевскаго.—Монографіи эти, какъ по количеству матеріала, такъ и по строго критической научной обработкѣ составляютъ лучшее донынѣ описаніе данныхъ мѣстностей.

Kwartalnik Historyczny. № 3. *В. Лозинскій.* «Львовскій торговецъ XVII столѣтія». Это весьма мѣткая характеристика львовскаго торговца средней руки, составленная на основаніи рукописной записной книги Петра Кунащака, жившаго во Львовѣ въ XVII столѣтіи. Рукопись Кунащака хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ подъ № 2111. Характеристика Кунащака представляетъ картину его торговой дѣятельности; онъ торговалъ по преимуществу полотномъ, но сверхъ того продавалъ самые разнородные предметы: русскія богослужебныя книги, издѣлія литейныя:—колокола и пушки и, наконецъ, занималъ деньги въ ростъ, подъ залогъ вещей, на весьма крупные проценты.—Затѣмъ собраны черты семейной жизни Кунащака: онъ является весьма заботливымъ отцемъ, выдаетъ замужъ, снабжая приданымъ, дочерей и, несмотря на большую разсчетливость и скупость, затрачиваетъ значительныя средства на воспитаніе сыновей.—Петръ Кунащакъ не принималъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ и вовсе ими не интересовался. По происхожденію онъ русинъ, въ значительной мѣрѣ ополяченный; книга его писана частью по русски, частью по польски, начинается она сентенціею, которая довольно точно опредѣляетъ кругозоръ узкій и чисто личный львовскаго коммерсанта: «Нигды о тую ричъ не покушайся, которую доступыты не можешъ. Нигды ричы прешлои не жалуй. Ричи неподобнойи николы не вирь. Тыйи тры науки заховай, а добре ся зъ тобою дийаты буде».

Въ № 3 «Kwartalnika» помѣщены слѣдующія рецензіи сочиненій, относящихся къ исторіи южной Руси:

Лиске «О судопроизводствѣ въ Червоной Руси»—рецензія на статью Губе, подъ заглавіемъ «Приговоръ Львовскій 1421 года».

Коперницкій—Брикчипскаго—Этнографическія записки изъ волынскаго полѣсья.

Линниченко—Лазаревскаго.—Описаніе старой Малороссіи.

Линниченко—Стороженка.—Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII в.

Ив. Франко—Кіевская Старина 1888 кн. 1—3.

Ив. Франко—Потебня.—Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень—II. Колядки и щедровки.

И. А. М.—Васильевскаго.—Записки о поставленіи русскихъ епископовъ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ.

И. А. М.—Царвова.—Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу.

И. А. М.—Замысловскаго.—Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Өедора Алексѣевича.

И. А. М.—Хотковскаго.—Изъ исторіи унія (Кс. Хотковскій издалъ записки уніатскаго священника Григорія Мицевича 1834—1869).

А. Прохаска—Пуласкій.—Очерки и изслѣдованія (Въ сочиненіи Пуласкаго есть монографіи: 1) объ управленіи королевою Боною имѣніями ея на Руси: Баръ, Кременецъ и Ковель, 2) объ Адамѣ Киселѣ, 3) объ Евстафіи Дашкевичѣ, 4) о князьяхъ Гольшанскихъ).

А. Левицкій—Дубецкій.—О началѣ Сѣчи Запорожской.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1888 г. №№ 1—8. № 1. *В. Завитневичъ*: О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ (стр. 126—152).

— (стр. 153—162), № 2 (стр. 365—368), № 4 (стр. 365—368), № 7 (стр. 617—618), № 8 (стр. 772—778). Н. И. Петрова: Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи за октябрь, ноябрь и декабрь 1887 года и по 1-ое іюля 1888 года.

2. *С. А. Булатовъ:* Рѣчь въ день поминовенія кіевскою академіею ея основателей, благодѣтелей и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся (стр. 206—216).

— *Н. И. Петровъ:* Археологическія замѣтки. Древнѣйшія руководства по философіи въ кіевской академіи.

3. *В. Завитневичъ:* Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ (стр. 369—391).

4. *Д. Протасовъ:* Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (стр. 583—643).

— Письмо митрополита кіевскаго Евгенія къ Кириллу, епископу подольскому и брацлавскому.

6. *П. Глазуновъ:* Храмы, построенные св. Владиміромъ и другими въ его время (стр. 167—253).

— *Н. П.*: Обозрѣніе сдѣланнаго кіевскою академіею по изученію эпохи св. Владиміра (стр. 254—299).

— *Малышевскій И И.*: Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ (стр. 300—350).

— *В. Завитневичъ*: Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель (стр. 351—441) и въ № 8 (стр. 635—755).

7. *Н. П.*: Древнія изображенія св. Владиміра (стр. 443—462).

— *В. Калинниковъ*: Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ (стр. 463—593).

— *Н. П.*: Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ (стр. 594--616).

8. *И. И. Малышевскій*: Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14-го іюля 1888 года по случаю исполнившагося 900-лѣтія со времени крещенія Россіи (стр. 756—771).

— Въ приложеніяхъ къ Трудамъ академіи находимъ: Извлеченіе изъ протоколовъ совѣта кіевской духовной академіи съ 12-го іюля по 1-ое декабря 1887 года и отчеты о состояніи и дѣятельности Богоявленскаго братства при кіев. духов. академіи для вспомоществованія нуждающимся студентамъ ея за 1886 и 1887 годъ.

Revue politique et littéraire (Revue bleue) №№ 1—20. № 15. Causerie littéraire. Замѣтка о книгѣ: Histoire d'une grande dame au XVII siècle, la comtesse Hélène Potocka, par. M. Lucien Percy.

20. Revue bibliographique. Краткая замѣтка о 4-мъ изданіи книги Francais et Russes, Moscou et Sévastopol, 1812—1854. Par Alfred Rambaud.

Русскій Паломникъ №№ 20—33. № 21. *Васильевская церковь въ г. Владимірѣ Волынскомъ* съ рисункомъ этой церкви, построенной, по преданію, Владиміромъ св.

22. *Свѣнскій монастырь* (1288—1888) въ г. Брянскѣ, основанный въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ. Съ нѣсколькими рисунками.

— *Святыни кіевскаго края*. IV—V. Пустыни Китаевская, Голосѣевская и Ѳеофаніева.

25. *Св. Аѳанасій патріархъ цареградскій*, мощи котораго покоятся въ Преображенскомъ храмѣ лубенскаго монастыря.

— *Святыни кіевскаго края*. VI—VII. Здѣсь описаны: дѣвичій Преображенскій монастырь въ м. Ржищевѣ, с. Скитокъ-Липянскій, уроч. Кладово, села Лѣсники и Ходосовка.

26. *Святыни кіевскаго края.* VIII. Братская Борщаговка. Церкви селъ Горепичъ и Вольшки.

27—31. *Св. равноап. княгиня Ольга.* Съ портретомъ. Ѳ. Ч—на.

— *Святыни кіевскаго края.* М. Бѣлгородка, села Макарово, Дмитровичи, г. Радомысль.

— Заря христіанства на Руси (Историч. повѣсть временъ св. вел. княгини Ольги).

28—30. *Св. равноап. князь Владиміръ.* Съ его изображеніемъ.

— *Херсонесъ Таврическій.*

— *Древнія фрески.* О недавно открытыхъ фрескахъ кіев. Михайловскаго монастыря.

29. *Гимнъ св. равноап. вел. князю Владиміру — просвѣтителю Руси.* Н. Случевскаго.

— *Русская церковная архитектура.* Ист. очеркъ Гр.

30. *Крещеніе Руси.* Стихотв. О. Чюминой.

— *Кіевскіе памятники крещенія Руси* (Изъ записокъ кіев. паломника). И. Совѣтова. Съ рисунками.

— *Владимірскій соборъ въ Кіевѣ.* И. С. Съ рисункомъ.

30—33. *Торжественное празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.*

31—33. *Торжество 900-лѣтія крещенія Руси* (Замѣтка паломника).

— *Любечъ и его святыня* (Замѣтка). Съ рис.

— *Отецъ русскаго иночества, преп. Антоній Печерскій.* Съ его изображеніемъ.

32—33. *Кіево-Печерская Лавра.* Съ рис.

32. *Видѣніе жреца* (Старинное преданіе). Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Кіева, въ до-христіанское время.

33. *Святыни кіевскаго края.* XII. С. Старосельцы, Кочеровъ, Гуменики, Чернобыль, Корыстышевъ, Чоповичи, Денисовичи, Заньки, Волчковъ, Ладыжинъ и Крымская Рудня.

— *Узникъ* (Ист. этюдъ). Разсказъ изъ временъ Владиміра св.

Недѣля №№ 20—31. № 21. *Примѣненіе лѣснаго закона.*

27. *Большая барыня XVIII в.* (Графиня Е. М. Румянцева по ея письмамъ).

31. *Неудержимый потокъ* (Переселенческій вопросъ). Статья имѣетъ отношеніе и къ югу.

Сѣверъ №№ 19—32. Прачка (южнорусскій типъ), рисунокъ К. А. Трутовскаго (№ 20).

Малороссіянка, рисунокъ К. А. Трутовскаго (№ 24).

Ланжеронъ (близъ Одессы) и его купанья. Съ двумя видами (№ 26).

Ночь па Ивана Купала. Рисунокъ (къ повѣсти Гоголя). Нестерова (№ 27).

Г. А. Лишинъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 28).

Гурзуфъ. *П. Васильева.* Съ двумя видами (№ 29).

Бронзовые кони. *К. К. Случевскаго.* Разсказъ изъ времени крещенія кіевлянъ (№ 30).

Девятисотлѣтіе нашего православія. Съ двумя рисунками: а) «Владиміръ—язычникъ и греческій монахъ», рис. К. Брожа и б) «Сватовство византійскаго императора Константина», рис. С. Соломко (№ 30).

Древній Кіевъ. *П. В.* Съ шестью рисунками: а) Гробница Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ,—б) Аскольдова могила,—в) Рождественская церковь,—г) Развалины Десятинной церкви до срытія,—д) Памятникъ св. Владиміру и е) Памятникъ крещенія Руси (№ 30).

Кіевское торжество (№№ 31—32).

А. Р. Дрентельнъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 32).

Иллюстрированный Міръ №№ 1—24. Въ № 22 помѣщены статьи: а) 900-лѣтіе крещенія Руси, б) Первые зачатки христіанства на Руси, в) Принятіе христіанства княгиней Ольгой, г) Князь Владиміръ язычникъ, д) Исканіе вѣры, е) Рѣшеніе принять вѣру, ж) Крещеніе Владиміра и его сыновей, з) Крещеніе Руси, и) Порядокъ празднованія девятисотлѣтія крещенія Руси въ г. Кіевѣ, і) Памятникъ св. Владиміру, к) Крещатикъ (памятникъ крещенія), л) Десятинная церковь, м) Кіево-печерская лавра и ея святыни, н) Церковь Спаса на Берестовѣ, п) Братскій монастырь, р) Златоверхо-Михайловскій монастырь, с) Трехсвятительская церковь и т) Китаевская пустынь. Статьи эти сопровождаютъ слѣдующіе рисунки: 1) Крещеніе кіевлянъ, 2) Св. равноапостольный князь Владиміръ, 3) Памятникъ св. Владиміру, 4) Общій видъ города Кіева, 5) Памятникъ крещенія, 6) Десятинная церковь, 7) Кіево-печерская лавра, 8) Церковь Андрея Первозваннаго, 9) Церковь Спаса на Берестовѣ, 10) Братскій монастырь, 11) Златоверхо-Михайловскій монастырь, 12) Трехсвятительская церковь и 13) Китаевская пустынь.

Въ № 23 помѣщены: а) рисунокъ къ «Полтавѣ» Пушкина, изображающій Мазепу—б) рецензія книги «Историческое описаніе начала Руси и ея крещенія» и в) корреспонденція: «День 15 іюля въ Кіевѣ».

Нива 1888 г. №№ 17—32. № 19. *Рисунокъ* — Праздничная бесѣда (малороссійская сцена). Съ картины академика К. А. Трутовскаго.

23. За водяною мельницею (изъ малороссійскаго быта) — *рисунокъ Оболенскаго.*

28. 1) Рисунокъ Панова Золотыя ворота Ярослава I-го въ Кіевѣ, 2) рисунокъ Лебедева — Кіевляне, принимающіе св. крещеніе въ Днѣпрѣ, 3) Кіево-

печерская лавра (съ фотографіи де-Мезера), 4) Виды Кіева по рисункамъ Животовскаго, 5) Андреевскій спускъ и Андреевская церковь, 6) Подолъ—Фроловскій монастырь и гора Щекавица.

— Статья—900-лѣтіе крещенія Руси.

Живописное Обозрѣніе №№ 1—33. № 5. *Картины Лосева:* Князь Михаилъ черниговскій въ ордѣ.

15. *В. М. Гаршинъ*—Біографическій очеркъ съ его портретомъ.

28. По поводу открытія памятника Богдану Хмельницкому,—Богданъ Хмельницкій, съ иллюстраціею его, воспроизведенною съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.—Рисунокъ памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.—Рисунки пированія во время рады и козакъ былыхъ временъ—послѣдней работы Іосифа Брандта.

29—30. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра по рисунку князя Гагарина.—Статья: 900-лѣтіе крещенія Руси съ рисунками: 1) Первые проповѣдники христіанства въ Кіевѣ (съ картины профессора Верещагина), 2) Убіеніе Аскольда и Дира на берегу Днѣпра (съ оригинальнаго рисунка Топоркова), 3) Послы Владиміра слушаютъ обѣдню въ Царьградѣ (съ рисунка И. Жакевича), 4) Князь Владиміръ разсматриваетъ изображеніе страшнаго суда (съ рисунка Лебедева), 5) Крещеніе князя Владиміра (съ рисунка Кропота), 6) Первыя жертвы христіанъ въ Кіевѣ (съ рисунка Топоркова), 7) Крещеніе кіевлянъ при князѣ Владимірѣ (съ рисунка В. Полякова), 8) Богомольцы предъ Кіевомъ (съ рисунка И. Карпенка), 9) Одежда и вооруженіе кіевлянъ при князѣ Владимірѣ, 10) Монеты временъ князя Владиміра, 11) Сыновья князя Владиміра—Ярославъ Мудрый, Борисъ и Глѣбъ, 12) Развалины Десятинной церкви, построенной при князѣ Владимірѣ и эта церковь въ настоящее время, 13) Виды Кіева: а) Церковь Андрея, б) Десятинная церковь, в) памятникъ князю Владиміру на горѣ, г) Святое мѣсто и памятникъ крещенія, д) Софійскій соборъ, е) общій видъ Кіево-печерской лавры, ж) общій видъ на Подолъ, з) Печерская лавра и пещеры, і) памятникъ крещенія, и) Аскольдова могила и церковь св. Николая и к) Выдубецкій монастырь. Статья: Кіевъ—мать русскихъ городовъ.

31. Рисунокъ: Въ лѣтній зной—художника Глобо.

33. Рисунокъ г-на Зиновьева—Близь родимой хатки.

Ежемѣсячное литературное прибавленіе къ журналу Живописное Обозрѣніе №№ 1—7.

4—5. *Вѣчный праздникъ.* Романъ І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Дѣйствіе романа происходитъ въ одномъ изъ южныхъ губернскихъ городовъ. Оставляя на совѣсти автора правдивость въ изображеніи личной жизни героевъ этого романа, позволяемъ себѣ замѣтить, что къ оцѣнкѣ общественной дѣятель-

ности ихъ слѣдовало бы приступить съ большимъ знаніемъ земскаго дѣла и съ большею широтою въ понимапія общественныхъ явленій жизни.

Русское Судоходство, торговое и промысловое на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Спб. 1888. № 16—28. **№ 19**. Какъ искоренить злостныя аваріи на Азовскомъ морѣ. Р.

— О работахъ въ одесскомъ портѣ по 1-е янв. 1888 г.

20. Рейсы общества пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ.

21. Наше судоходство (Дунай, Днѣстръ).

— Работы на водныхъ путяхъ Россіи въ 1887 г.

22. Возраженіе на докладъ М. И. Каза «Добровольный флотъ и русское общество пароходства и торговли передъ государствомъ» —Фанъ-деръ-Флитъ.

23. Наше судоходство (Днѣпръ, Бугъ).

24. Неутѣшительная лоція на Азовскомъ морѣ—И. Г. Куртумели.

25. Внутренніе рейсы рус. общ. пароход. и торговли.

— Общество пароходства по Днѣпру и его притокамъ.

26. О расширеніи предпріятія общества черноморско-дунайскаго пароходства.

— Наше судоходство (Черное море).

27. Къ вопросу о русск. общ. пароходства и торговли М. Ар.—дъ.

— Правит. извѣстія къ пароходству по р. Днѣпру.

28. Отвѣтъ на возраженія г. Фанъ-деръ-Флита—М. Каза.

Церковный Вѣстникъ №№ 29—33. № 29. *Торжество девятисотлѣтія крещенія Руси*. Передовая статья по вопросу о важности предстоящаго торжества. Авторъ указываетъ на то громадное значеніе, какое имѣло введеніе христіанства на Руси, какъ въ культурномъ ея развитіи, такъ и въ историческихъ судьбахъ русскаго государства.

Памяти святаго равноапостольнаго и великаго князя Владиміра (Историческій очеркъ).

30—32. *Достопримѣчательности Кахетіи* (Изъ дневника поѣздки высокопр. экзарха Грузіи для обозрѣнія церквей и монастырей грузинскаго экзархата).

33. *Изъ Волыни* — корреспонденція о переходѣ чеховъ въ православіе.

Kłosy №№ 1177—1207. № 1188. Народныя увеселенія въ Малороссіи во время Пасхи. Рисунокъ, изображающій пляски крестьянской молодежи, и краткое объясненіе къ нему.

1205. Статья, посвященная 900-лѣтію крещенія Руси. Въ началѣ статьи краткій разсказъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, составленный по лѣтописнымъ сказаніямъ, а затѣмъ слѣдуетъ описаніе кіевскихъ юбилейныхъ празднествъ.

1207. Рисунокъ, изображающій крестьянку подольской губ. въ подвѣнечномъ платьѣ.

Gazeta Polska №№ 1—190. №№ 130, 148, 169—171. Корреспонденціи изъ Кіева о праздновании юбилея крещенія Руси и объ открытіи памятника Богдану Хмельницкому.

Зоря №№ 11—15. №№ 11—15. Старосвѣтскіе батюшки и матушки Нов. Ив. Левицкаго (продолженіе).

11. Свѣчечка. Оповѣдане на пародній мотивъ. З. Петруся.

11, 12, 14, 15. Исторія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Періодъ новый. 10. Осипъ Федьковичъ. 11. Володимиръ Шашкевичъ. 12. Василь Куликъ. 13. Володимиръ Маслякъ.

13—14. Новый кожухъ. Оповѣдане Н. Спôлки.

— Рецензія на книгу А. Я. Ефименко. «Изслѣдованія народной жизни» Д-ра Костя Левицкаго.

— Дежь наша робота. Б. Вôльхôвскаго.

15. Зъ ранку до ночи. Риски справжнього життя. Н. Е. Шукая.

Кіевлянинъ №№ 141—167. № 142. Новооткрытыя фрески Михайловскаго монастыря.

144. Проектъ учрежденія общеславянской академіи наукъ въ Кіевѣ.

— Обращеніе Имп. московск. археологич. общества къ г. начальнику кіев. губерніи о сообщеніи свѣдѣній объ имѣющихся въ кіевск. губ. археолог. коллекціяхъ и доисторич. древностяхъ.

Библіограф. замѣтка. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ В. Д. Бублика.

153. Владимірскій соборъ въ Кіевѣ.

153, 154, 157. Первыя времена христіанства на Руси.

153, 154. Крещеніе Руси. Поэтич. лѣтопись въ 3 частяхъ А. Д. Львовой.

154. Изображеніе св. Владиміра по рис. Васнецова.

— Сказаніе о посѣщеніи Россіи св. апостоломъ Андреемъ.

155. Некрологъ А. Р. Дрентельна.

156. Краткая рецензія на книгу г. Захарченка «Кіевъ теперь и прежде».

159. Объ энколпіонѣ изъ коллекціи барона Шодуара.

160. Крестьянское хозяйство въ кременчуг. уѣздѣ. По поводу VII т. Сборника по хозяйств. статистикѣ полтавск. губ.

Рядъ замѣтокъ по поводу іюльскихъ торжествъ въ разныхъ номерахъ.

Кіевское Слово №№ 427—453. № 430. Юбилей немировской гимназіи. Объ окончаніи реставраціи Кирилловской церкви.

432. Находка фрески въ Михайловскомъ м-рѣ.

179 я годовщина полтавской битвы.

430, 432—435. 437, 439. Звониміра. Картина изъ нашего языческаго быта. Написалъ Вас. Дим. Залозецкій. Переводъ съ галицко-русск. нарѣчія.

435. Легенда о хожденіи св. апостола Андрея.

438. Библіографич. замѣтка о брошюрѣ «Notice sur l'eglise cathédrale s-te Sophie de Kiew».

440, 442—446, 448, 449. Крещеные побѣдили. Разсказъ изъ времени св. Владиміра. М. Доброво.

440. О фрескахъ Михайловскаго монастыря.

441. Некрологъ А. Р. Дрентельна.

443. Къ исторіи памятника Б. Хмельницкаго.

446. Объ открытыхъ въ главной церкви Михайловскаго м-ря склепахъ.

447. Объ обнаруженіи проф. Праховымъ въ Михайловскомъ м-рѣ подземной стѣны.

450. Объ открытіи въ г. Переяславѣ древняго фундамента.

— Колесничество въ с. Ситникахъ, радомысльск. уѣзда Мих. Огіевскаго.

452. О празднованіи дня 1 августа въ Кіевѣ 50 лѣтъ тому назадъ.

— Обращеніе Имп. моск. археол. общества къ г. кіев. губернатору о сообщеніи свѣдѣній объ имѣющихся въ кіев. губ. археол. коллекціяхъ и доисторич. древностяхъ на территоріи кіев. губ.

153. Славяне на Днѣпрѣ.

Въ разныхъ номерахъ рядъ замѣтокъ по поводу іюльскихъ торжествъ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 15—26. №№ 15—16. О присоединеніи 133 душъ колонистовъ-чеховъ римско-католическаго вѣроисповѣданія къ православной церкви.

18, 20. Отчетъ о состояніи Богоявленскаго братства при кіев. духовной академіи за 1887 г.

25—26. Церковныя юбилейныя празднества въ Кіевѣ.

Волынь №№ 55—88. № 55. Корреспонденція изъ с. Закусилъ овручск. у. о найденномъ кладѣ польскихъ монетъ времени Сигизмунда III.

56. *Некрологъ Я. Ѳ Головацкаго.*

57, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 72, 74, 76, 77. *Къ чествованію 900 лѣтія крещенія Руси.*

60. *Н. А. Ригельманъ.* Некрологъ.

— *Карпатскій фельетонъ.* Жизнь крестьянъ въ Галиціи. Галичанина.

63. *Библіографич. замѣтка* о книгѣ «Волынь» изд. П. Н. Батюшкова.

66. *Горные промыслы на Волыни.*

67—68. *Евреи въ нашей деревнѣ.* Корреспонденція изъ ровенскаго уѣзда. Ѳ. З-ча.

68—70. *Состояніе церковно-приходскихъ школъ заславскаго и острожск. уѣздовъ.* Соломоновскаго.

73. *«Курортъ» Славута.* Перепечатка изъ «Новостей».

75. О кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ на Флоровской горѣ.

76—78. О первыхъ правительственныхъ училищахъ на Волыни.

80—81. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Житомирѣ.

81. Некрологъ А. Р. Дрентельна.

81—82. Кіевское торжество 15 іюля.

87. *Бильчанское городище.* В. Б. Описаніе городища, находящагося въ дубенскомъ у., волын. губ. на берегу р. Стыри.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 20—22. № 20. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Ровенскій уѣздъ. С. Великое-Вербче, с. Головинъ, с. Янкевичи, с. Золотолинъ, с. Тростенецъ, с. Крычильскъ, с. Короcть, Князь-село, с. Великая-Любаша (стр. 697—704). № 21. с. Космачевъ, с. Мидзскъ, с. Моквинъ, с. Песковъ, с. Поляны (стр. 725—729). № 22. с. Сельце, с. Ставокъ, м. Степань, (стр. 757—754).

20—22. Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ.—В. Калинникова.

22. Празднованіе 900-лѣтн. юбилея крещенія Руси въ г. Кременцѣ 15 іюля 1888 г.

22. Принятіе св. равноап. вел. кн. Владиміромъ христіанства и крещеніе Руси.

Предметный указатель содержанія неофиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые двадцать лѣтъ ихъ существованія № 20 (стр. 191—198), № 21 (стр. 199—202) № 22 (стр. 203--206).

Въ отдѣлѣ, «Лѣтопись текущихъ событій» и «Разныя извѣстія» нѣсколько замѣтокъ по поводу празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 43—62. № 48. Братчиковъ: сообщенія о существующей въ городѣ Житомирѣ школѣ для полицейскихъ урядниковъ.

51—53. Его же: по поводу чествованія 900-лѣтія крещенія Руси.

54. Его же: къ житомирской хроникѣ происшествій (подземные ходы въ Житомирѣ).

56. Празднованіе въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ крещенія Руси.

57. Братчиковъ: по поводу чествованія 900-лѣтія крещенія Руси.

56. Открытіе Свято-Владиміро-Василіевскаго братства въ городѣ Житомирѣ, при волынскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 28—32. № 28. 10 и 11-е іюня въ кам.-под. мужской гимназіи (актъ)—свящ. Ал. Оп—въ.

29. Какъ предположено праздновать и чѣмъ рѣшено увѣковѣчить въ Кіевѣ 900-лѣтіе крещенія Руси.—Его же.

30. Празднованіе 900 лѣтія крещенія Руси въ г. Каменецъ-Подольскѣ 15 іюля 1888 г.—А. Г.

Полтавскія Епарх. Вѣдомости 1888 г. № 10. Свѣдѣнія о преобразованіи въ 1817 г. полтавской духовной семинаріи и открытіи уѣздныхъ духовныхъ училищъ переяславскаго и полтавскаго, извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной консисторіи.

— Записки объ учрежденіи роменскаго духовнаго училища въ періодъ съ 1874 по 1888 г., читанныя на актѣ по случаю освященія новоустроенной училищной церкви 23 февраля 1888 г.

14. *Матеріалы относящіеся къ первымъ временамъ историческаго существованія переяславской полтавской семинаріи (продолженіе)* В. Д--скаго. Рѣчь идетъ преимущественно о мѣрахъ начальства къ предупрежденію несвоевременныхъ явокъ учениковъ въ семинарію послѣ лѣтнихъ вакацій, въ началѣ второй полов. XVIII в.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1888 г. №№ 1—10. № 5. 50-ти лѣтній юбилей протоіерея Петра Огіевскаго-Охотскаго 1837—1887 г.—священника Т. Стефановскаго.

Протоіерей Огіевскій въ теченіи своей долголѣтней службы напечаталъ много бесѣдъ, словъ и рѣчей на разные случаи отдѣльными изданіями въ разное время, съ посвященіемъ ихъ черниговскимъ архипастырямъ Павлу, Филарету и Веніамину. Кромѣ сего изъ подъ пера его вышло много разныхъ духовно-нравственныхъ статей, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, епархіальныхъ извѣстіяхъ и въ другихъ изданіяхъ; переложилъ на малороссійскій языкъ болѣе 10 басенъ Крылова, съ нравоученіемъ для читателей; составилъ и напечаталъ прочувствованную элегію въ стихахъ на малороссійскомъ языкѣ въ память дочери своей Ирины, скончавшейся въ 16 лѣтъ своей жизни.

10. Описаніе Любецкаго синодика.—Нельзя не благодарить почтенную редакцію за напечатаніе сего замѣчательнаго историческаго памятника.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 49—64. № 49. Стихотвореніе Н. В. Перекрестова: Къ 900-лѣтію крещенія Руси.

54. Программа празднованія 900-лѣтія крещенія Руси въ Черниговѣ 15 іюля 1888 года.

55. Къ исторіи края: Образцы обликовъ, А. Тищинскаго.

56. Памяти 900-лѣтія крещенія Руси 15 іюля 1888 г. Стихи Л. И. Глѣбова: Въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

57. Некрологъ Александра Романовича Дрентельна.

Къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси 15 іюля 1888 года.

58. Къ исторіи края: изъ архива графа Г. А. Милорадовича: документы, относящіеся къ 1693—1698 г. № 60 отн. къ 1698 году, № 60 отъ 1698 по 1607 г. № 61 отъ 1607 по 1608 г.

63. Некрологъ скончавшагося надзирателя черниговской гимназіи А. И. Барскаго.

84. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ—перепечатано изъ Кіевской Старины за 1888 г. № 8-й.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи 1888. 1—5. № 1—2. Наша земская деревенская школа Н. Н. К—В.

— О стремленіяхъ къ сокращенію смѣты въ нашихъ земствахъ. М.

— Протоколы съѣзда земскихъ врачей черниговской губерніи, состоявшагося 1 сентября 1887 года—въ приложеніяхъ.

3—5. Записка объ осушеніи болотъ въ нѣжинскомъ уѣздѣ ген.-маіора Жилинскаго.

— Письмо изъ деревни (объ условіяхъ и улучшеніи нашего сельскаго хозяйства) Н. Н. К. Волка.

— Движеніе народонаселенія въ черниговской губерніи за 1884, 85 и 86 г. Глава 1. Козелецкій уѣздъ—Е. В. Святловскаго.

-- О земской медицинѣ въ глуховскомъ уѣздѣ (матеріалы для исторіи земской медицины) С. Л.

— Журналъ сельско-хозяйственнаго общества 15 декабря 1887 г., въ приложеніи.

— Журналъ XXIII очереднаго черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1887, въ приложеніи.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 159—209. № 159. Библіогр. замѣтка о книгѣ А. В. Маценка «Прилукщина, историч. и статистич. описаніе прилукскаго уѣзда».

160. Проф. А. Стоянова. Памяти В. Г. Лашкевича.

161. Передовая статья о проектѣ соединенія Дона съ Волгою каналомъ.

169. Актъ въ харьков. епарх. женскомъ училищѣ въ настоящемъ году.

172. Корреспонденція изъ Купянска о первомъ собраніи недавно устроеннаго тамъ общества сельскихъ хозяевъ.

181. Сказаніе о великой княгинѣ Ольгѣ (перепеч. изъ Моск. Вѣд.)

182—183. О юбилейныхъ торжествахъ въ Харьковѣ въ день св. Владиміра.

184. Богданъ Хмельницкій (перепеч. изъ Од. В.)

901. Краткій некрологъ уроженца курской губ. тайн. сов. В. И. Дорогобужинова.

190, 207. Замѣтка о сзываніи змѣй. Т.

191. Извѣстіе о смерти харьков. дѣятеля С. Н. Булацеля.

207. Исторія Херсонеса и его древностей.

Южный Край №№ 2567—2618. № 2567. Объ учрежденіи стипендіи Н. Н. Сверчевскаго при харьковскомъ университетѣ.

2571. Передовая статья объ отчетѣ харьковскаго общества сельскаго хозяйства.

2572. Корреспонденція изъ грайворонскаго уѣзда курской губ. о народныхъ школахъ.

2573. Въ мѣстной хроникѣ о судьбѣ пожертвованнаго капитала И. А. Тихановымъ въ 40 тысячъ рублей для постройки ночлежнаго пріюта.

2575. М. Свѣтухинъ. Памяти В. Г. Лашкевича.

2580. Въ корреспонденціи изъ Зміева харьков. губ. находимъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о суевѣріяхъ. Въ Зміевѣ очень многіе изъ крестьянъ вмѣстѣ съ пасхой и другими съѣстными припасами, освящаемыми для разговѣнья, освящаютъ еще и другіе, совершенно не подходящіе предметы, напримѣръ, макъ, перецъ, ладонъ, брусокъ точильный, иголки и проч. Каждый предметъ имѣетъ какое нибудь суевѣрное назначеніе: макъ, вѣроятно, какъ символъ плодородія, дается домашнимъ птицамъ и другимъ животнымъ, назначаемымъ на расплодъ; перецъ дается людямъ и птенцамъ индѣйки для предупрежденія болѣзней; ладонъ употребляется для подкуриванія, а брусокъ для придавливанія больнаго вымени коровъ и, по мнѣнію хозяекъ, спасаютъ корову отъ порчи ея вѣдьмами, о похожденіяхъ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ разсказываютъ самыя фантастическія исторіи. Иголки служатъ для леченія «куриной слѣпоты»: больной долженъ стараться смотрѣть вдаль сквозь игольное ушко, а потомъ закинуть иголку и т. п. Можетъ быть, между упомянутыми болѣзнями и средствами, употребляемыми противъ нихъ, существуетъ какая нибудь причинная физіологическая зависимость, но, во всякомъ случаѣ, непріятно видѣть смѣшеніе христіанскихъ религіозныхъ обрядовъ съ какими то суевѣрными фокусами, имѣющими происхожденіе отъ древняго язычества, побѣжденнаго христіанствомъ 900 лѣтъ назадъ, но, повидимому, еще до сихъ поръ очень привлекательнаго для православнаго мірянина. И священнику, какъ бы то ни было, слѣдовало бы путемъ разъясненій изгонять эти суевѣрные обычаи и повѣрья, а также и подобныя имъ какъ, напримѣръ, хотя бы упомянутыя мною прежде повѣрья объ излѣченіи лихорадки посредствомъ купанья въ рѣкѣ 17 марта (на «теплаго» Алексѣя). Извѣстенъ также всѣмъ удержавшійся до сихъ поръ языческій обычай «Купала», соединяемый съ празднованіемъ въ честь св. Іоанна Крестителя (24 іюня); на Рождественскихъ праздникахъ обычай «колядокъ», не имѣющихъ ничего общаго съ прославленіемъ Христа родившагося; понятіе, что Пантелеймонъ значитъ — «палій», т. е. палящій, сожигающій, что онъ па-

литъ хлѣбъ, наказывая за грѣхи, и тому подобныя повѣрья и понятія, не согласныя и даже противныя ученію христіанской церкви»...

2582, **2598**. Корреспонденція изъ Полтавы о приготовленіи къ празднованію 15 іюля.

2585. Кореспонденція изъ Зміева: О новооткрытомъ Высочиновскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Корреспонденція изъ посада Клинцовъ, черниговъ. губ. о нѣсколькихъ здѣшнихъ старообрядцахъ, обвиняемыхъ въ устройствѣ купола и постановкѣ креста на своемъ молитвенномъ зданіи безъ надлежащаго разрѣшенія.

2589. Днѣпръ (по случаю празднованія 900-лѣтія крещенія Руси) Д. Никольскаго.

— Корреспонденція изъ Полтавы. Краткій некрологъ Д. А. Трощинскаго.

2590. Заря христіанства на Руси.

2592. Два стихотворенія Василія Иванова 1/15 іюля 988—1888 годъ Кіевъ.

Великій князь Владиміръ и крещеніе Руси. Херсонесъ—купель святаго Владиміра.

2593. Дѣти славы (стихотвореніе). К.

Празднованіе въ Харьковѣ 900-лѣтія крещенія Руси. О выходящей въ Одессѣ брошюрѣ «Матеріалъ для біографіи композитора Г. А. Лишина».

2595. Корреспонденція изъ города Зміева. Описаніе городскихъ окрестностей.

2597. Корреспонденція изъ Херсонеса о юбилейномъ торжествѣ.

2599. Библіографическая замѣтка о вышедшей въ Одессѣ біографіи харьковскаго профессора Ценковскаго, составленной Бучинскимъ.

2600. О переселенческомъ движеніи въ изюмскомъ уѣздѣ харьков. губ.

2602. Корреспонденція изъ Севастополя о празднованія 900-лѣтняго юбилея 15 іюля 1888 года.

2604. Корреспонденція изъ Святыхъ горъ харьков. губ. объ изображеніи св. иконы Благовѣщенія, находящейся въ семъ монастырѣ.

2606. Извлеченіе изъ корреспонденціи Новаго Времени о положеніи каменно-угольнаго дѣла въ Донецкомъ бассейнѣ.

2608. Передовая статья о старозаимочныхъ земляхъ.

2610. Корреспонденція изъ Керчи: о торгово-промышленномъ состояніи города.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 50—62. № **50**. Изъ годоваго отчета екатеринославскаго старшаго губернскаго ветеринарнаго врача.

— Выдающіяся лица екатеринославской губерніи, автобіографическая записка Петра Ивановича Хицунова, занимавшагося въ 40—50-хъ годахъ

этого столѣтія статистикою, исторіею, географіею, древностями и естеств. исторіею на Кавказѣ и югѣ Россіи, сообщена И. Чайкинымъ.

51—52. О задолженности дворянскихъ имѣній въ государственный дворянскій земельный банкъ.

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Я. П. Новицкаго № *52*. Изъ времени татарскихъ набѣговъ.

53. Пѣсни козацкаго вѣка. Набѣгъ орды на Донщину. № *61—62*. Изъ недавняго прошлаго, два документа, относящіеся ко времени управленія кр. обществами палаты госуд. имуществъ и окружныхъ начальниковъ: а) о порядкѣ замѣщенія волостныхъ писарей и б) предложеніе сельскимъ властямъ носить болѣе приличныя шляпы и шапки.

53—54. Брянцевская соляная копь въ бахмутскомъ уѣздѣ.

54. Библіогр. замѣтка о выходѣ 7 кн. «Кіев. Стар.» № *58*. Такая же замѣтка о выходѣ книги «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа» Эварницкаго, Шмакова.

54—55. Святый Владиміръ, благовѣрный равноапостольный князь кіевскій (лѣтописное сказаніе) изъ «Кіев. Стар.».

60—62. Перепечатана изъ «Сѣвернаго Вѣстника» статья Берендѣева «Деревенскія письма,—погоня за рублемъ».

61. Фабричная и заводская промышленность въ екатеринославской губ.

Крымъ №№ 44—65. *Путевые замѣтки*. II по Черному морю. Н. Кук--скаго.

46, 47, 49. *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси*.

47—48. *Перекопскій каналъ съ государственной точки зрѣнія*. Субботина.

48. *Археологическія раскопки въ Херсонисѣ—Таврическомъ*.

50, 52, 55, 56. *Цыгане* (Опытъ историко-этнографич. очерка) Николая Святскаго. Есть данныя о цыганахъ въ южной Россіи.

53. *Крещеніе Руси въ 988 году*.

54. *Старый богъ*. По поводу крещенія Руси.

55. Корреспонденція изъ Севастополя о торжествѣ 15 іюля.

61—62. Безземельные въ Крыму.

65. Сивашъ, или Гнилое море.

Одесскій Листокъ №№ 134--173. №№ 137, 138, 143—146, 149, 152, 153, 155, 157—159, 165, 168, 169—171, 173. Къ 900-лѣтію крещенія Руси.

131. Археологическія раскопки въ Херсонисѣ.

147. О состояніи начальныхъ народныхъ училищъ въ Одессѣ.

Замѣтка по поводу письма одного изъ членовъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.

ръ «Русск. Вѣд.», въ которомъ доказывается неосновательность притязаній Археологич. Коммиссіи на подчиненіе себѣ археол. обществъ въ отношеніи къ производимымъ ими раскопкамъ.

150. Замѣтка о работахъ по сооруженію памятника Хмельницкому.

153. Замѣтка о майскомъ выпускѣ Сборника херсонскаго земства.

154. Замѣтка о брошюрѣ Маркова «Вел. кн. Владиміръ».

156. Гимнъ Случевскаго въ честь 900 лѣтія крещенія Руси.

158. Перепечатка изъ «Кіев. Старины» разсказа о высылкѣ въ Сибирь цѣлой деревни крестьянъ Кочубея при Николаѣ Павловичѣ.

162. Къ столѣтнему юбилею Одессы.

168. Некрологъ С. П. Голубцова.

173. Анекдотъ объ Иринеѣ Фальковскомъ, еписк. чигиринскомъ.

Замѣтка о подчиненіи археологич. обществъ Имп. Археол. коммиссіи.

Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1—58. № 54. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ городѣ Херсонѣ 15 іюля 1888 года.

Сборникъ Херсонскаго Земства 1888. **№№ 1—7**. № 1. *Приложенія.* Обзоръ состоянія медицинской части въ херсонскомъ уѣздѣ.—Н. А. Часовникова.

— Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Прод. II отдѣлъ: §§ 15—16). Формы крестьянскаго землевладѣнія и сельско-хозяйственной жизни крест. обществъ. Размѣры засѣянной площади и способы обработки земли.

2. *Приложенія.* Обозрѣніе состоянія медицинской части въ тираспольскомъ уѣздѣ. (Общія свѣдѣнія объ уѣздѣ. Денежныя средства и организація медицинской части. Общее обозрѣніе и частное описаніе больницъ и медицинскихъ участковъ. Приложенія). Вирановскаго.

— Описаніе александрійскаго уѣзда. (Окончаніе II отдѣла: §§ 17—24). Системы полеводства у крестьянъ. Положеніе земледѣльческихъ хозяйствъ разныхъ группъ населенія. Сельско-хозяйственные рабочіе. Обезпеченіе хозяйствъ орудіями и способы обработки почвы. Сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эмиграція.

3. О состояніи начальныхъ школъ въ г. Херсонѣ въ 1887 году. В. Г. Терещенко.

— *Приложенія.* Описаніе херсонской губернской земской больницы (съ 4-мя планами). М. Уварова.

— Евгеньевская волость (тираспольскаго уѣзда херсонской губерн.). Статистико-экономическое описаніе. Предисловіе. I. Территорія. II. Исторія заселенія волости. III. Населеніе. IV. Землевладѣніе. V. Сельское хозяйство. Грамотность. Приложенія. Карта евгеньевской волости съ показаніемъ черезполо-

сицы между землями евгеньевской и розенфельдской волостей. Планъ передѣла земли въ джугастровскомъ товариществѣ.

4. Обзоръ состоянія земской медицины въ херсонской губерніи съ приложеніемъ свода постановленій херсонскихъ губернскихъ земскихъ медицинскихъ съѣздовъ. М. Уварова.

— *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Начало III отдѣла: §§ 25—27. Виды земельныхъ угодій и пространство ихъ. Воздѣлываемыя растенія; относительное количество посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ. Густота посѣва и урожайность разныхъ хлѣбовъ по дачамъ и полосамъ уѣзда за послѣднія 13 лѣтъ. Враги земледѣлія. Производительность толоки и сѣнокоса.

5. *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Окончаніе III отдѣла: §§ 28—30). Роды разводимаго скота и способы скотоводства. Лѣсъ, усадьба, выгонъ, огородъ, садъ, плавни и камышъ. Эксплоатація неудобныхъ земель, глинища, каменоломни. Рыболовныя угодья.

6. Краткій статистико-экономическій отчетъ по губерніи за 1887 г.

— *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Отдѣлъ IV. Сводъ оцѣночныхъ данныхъ, §§ 31—36. Сдаточныя платы, платы за выпасъ скота, арендныя платы, продажныя цѣны (съ картою). Платы за квартиры и за пользованіе усадебной землей).

7. *Приложенія*: Матеріалы для оцѣнки земель александрійскаго уѣзда (Окончаніе). VI. Вѣдомость о пространствѣ земли въ дачахъ, принятыхъ за единицы изслѣдованія (по угодьямъ). VII. Конкретныя записи урожаевъ. VIII. Время начала посѣвовъ.

Бессарабскія Губ. Вѣдомости №№ 8—70. № 8. *Былые и новые лѣса въ южныхъ степяхъ* (перепечатка изъ «Нов. Врем.»).

11. Народное преданіе объ уступкѣ русскимъ царемъ острова Хортицы запорожцамъ (перепечатка изъ «Екат. Губ. Вѣд.»).

21. *Православіе на западной окраинѣ* (перепеч. изъ «Моск. Вѣд.»).

— *Горныя лечебныя станціи въ Крыму* (изъ «Правительственнаго Вѣстника»).

39. *Изслѣдованіе виноградныхъ садовъ бендерскаго уѣзда* (изъ «Правит. Вѣстника»).

— *Движеніе народонаселенія г. Одессы* (статистическая замѣтка).

40. *Выставка произведеній искусствъ и рѣдкихъ вещей* въ Одессѣ.

63. *О домикѣ Петра Великаго въ Дербентѣ* (историческая замѣтка, перепеч. изъ «Свѣта»).

69—70. *Бессарабское табаководство*. Весьма интересная статья, въ которой авторъ на основаніи собранныхъ за два года оффиціальныхъ данныхъ и личныхъ наблюденій приходитъ къ тому грустному выводу, что въ Бессара-

біи 70% табачныхъ плантацій находится въ рукахъ евреевъ—арендаторовъ, которыхъ способъ культуры табака преимущественно спекулятивный, что весьма вредно отзывается на производительности почвы; чтобы освободить мѣстныхъ поселянъ-плантаторовъ отъ экономической зависимости въ дѣлѣ табаководства отъ еврея-спекулянта и сдѣлать табачное хозяйство болѣе раціональнымъ, авторъ предлагаетъ открыть для плантаторовъ не-евреевъ казенный кредитъ и устроить казенные склады табаку.

Донъ №№ 57—78. № 59. Замѣтка о раскопкахъ, производящихся въ г. Полтавѣ.

78. *Степановъ.* Стихотвореніе «Въ память 900-лѣтія крещенія русскаго народа».

Донская Рѣчь №№ 69—81. №№ 78—81. *Сизякина.* Залозный путь. По поводу 900-лѣтія крещенія Руси. Статья интересна по нѣкоторымъ, приводимымъ въ ней даннымъ, но не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 1—32. №№ 6, 8, 11—16, 23—29 и 32. Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.

17. *М. Кояловичъ.* Старое и новое русское пониманіе латинства и отношеніе къ нему Россіи.

18. *С. Лобовичъ.* Латинскій полонъ (изъ церковно-приходской жизни). — Два интересныя описанія пасхальнаго стола у богатыхъ людей въ «старопольское» время.

19. Іаковъ Θеодоровичъ Головацкій. Некрологъ, погребеніе его и сказанныя рѣчи.

20. Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.

26, 27 и **30.** Юбилейные дни въ Кіевѣ и въ Петербургѣ.

31. Юбилейныя торжества 900-лѣтія крещенія Руси въ литовской епархіи.

Червоная Русь №№ 73—90. №№ 73—78, 82, 86, 87, 88 и 90. Уніатскіи церковныи синоды.

74, 77. Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.

76. Общеславянская академія наукъ. По поводу проекта проф. А. И. Маркевича объ учрежденіи общеслав. акад. наукъ въ Кіевѣ.

78. Библіографія. Рецензія на юбилейную книжку «Кіевской Старины» (№ 7, 1888 г.).

80. Статья по поводу юбилея крещенія Руси.

80, 81. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Перепечатка брошюры И. И. Малышевскаго.

80—86. Корреспонденціи объ юбилейныхъ торжествахъ въ Кіевѣ.

90. Въ якомъ видѣ могутъ быти изображены св. равноап. кн. Владиміръ и св. княг. Ольга (По статьямъ П. Л., В. Б. Антоновича и г. Бѣляшевскаго, напечатаннымъ въ «Кіев. Старинѣ»).

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Аристовъ Г. Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей. Спб. 1888 г. 188 стр.

Барбашевъ И. А. Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка. Спб. 1888 г., 8 д., 29 стр.

Барвинокъ Г. Молотники. Бытовой разсказъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 24 стр.

Бахметева А. Н. Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ кн. Владимірѣ. Москва, 16 д., 32 стр.

Бестужевъ-Рюминъ К. О крещеніи Руси, о Владимірѣ св., о сыновьяхъ его и монастырѣ печерскомъ. 7-ое изд. Спб. 1888 г. 8 д., 56 стр.

Блюменфельдъ Г. Ѳ. Крымско-татарское землевладѣніе (Ист.-юрид. очеркъ). Од. 1888. 8°. 112 стр.

Бобржинскій М. Очеркъ исторіи Польши. Т. I. Перев. съ 3-го польск. издан. подъ редакціей Карѣева. Спб. 1888 г., 8 д., II+II+27+291+4 стр. +III табл. +1 карта.

Бубликъ, В. Д. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 183+80 ненум. стр.

Бѣлявскій П. Е. Донскія гирла. 2-е изд. Спб. 1888. 8°. XIV+336 стр.

Вадимъ. Къ крещенію Руси. 900. 988—1888. Спб. 1888 г. Часть 1-я 16 д., 64 стр.; часть 2-я, 16 д., 35 стр.

Великій кн. Владиміръ. Крещеніе Руси 988—1888. Извлечено изъ «Исторіи государства россійск.» Карамзина. Въ память 900-лѣтія. Спб. 1888 г., 8 д., 16 стр.

Голубовскій П. Болгары и хазары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св. Историко-этнограф. очеркъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 43 стр.

Горчакова, Е. С. кн. Херсонесскій монастырь въ Крыму. Въ память 900-лѣтней годовщины крещенія св. равноап. кн. Владиміра. Москва 1888 г., 8 д., 24 стр.

237-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 29 марта 1888 г. Одесса, 8 д., 8 стр.

Добролюбовъ В. А. О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго басейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Спб. 1888. 8°. 224 стр.

Дорошкевичъ В. М. Тарасъ Бульба. Повѣсть изъ козачьей жизни запорожцевъ. Москва 1888 г., 12 д., 108 стр.

Дуванинъ Ѳ. Климатъ Одессы. Одесса. 1888 г., 8 д., 22 стр.

Жгенти И. Родословныя царей и князей русскихъ, литовскихъ, и монгольскихъ хановъ, съ присоединеніемъ хронологической таблицы. Тифлисъ. 1888 г., 2 листа.

Житіе св. равноапостольнаго кн. Владиміра. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Изд. Козлова.

Занковъ М. О крещеніи Руси, въ память 900-лѣтія. Спб. 1888 г., 8 д.

Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи 1837—1887. Изд. А. Суворинъ. Съ факсимиле и 2 портр. Спб. 1888. 8°. XVII+750 стр.

Каманинъ И. Богданъ Хмельницкій, гетманъ. Краткій очеркъ его дѣятельности. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 18 стр.

Карюпольцевъ И. Н. Путеводитель по р. Днѣпру и его порогамъ. Съ приложеніемъ карты Днѣпровскаго бассейна. Екатеринославъ 1888 г., 16 д., 8V+367 стр.

Карскій С. Народныя бѣлорусскія свадьбы въ ошмянскомъ у. виленск. губ. (Обычаи, обряды, пѣсни и пр.) Вильно. 1888 г., 12 д., 72 стр.

Картина «Крещеніе Руси» Изд. журнала «Родина».

Каталогъ русскихъ удѣльныхъ, великокняжескихъ, царскихъ и императорскихъ монетъ и цѣна ихъ. Кіевъ. 1887 г., 8 д., 28 стр.

Кіевское дворянское собраніе. Первое пятидесятилѣтіе. 1838—1888. Кіевъ 1888 г., 8 д., 13 стр.

Козловскій П. Е. Гласный. Малоруська пьеса въ одному акти. Кіевъ 1888 г., д., 36 стр.

Котовичъ І. Памяти Іакова Ѳедоровича Головацкаго, предсѣдателя виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. Вильно, 1888 г., I д., 35 стр.

Крещеніе русскаго народа. Изд. Чиркова. Казань, 1888 г., 16 д., 19 стр.

Левицкій Ѳ. И. Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива, № 2044. Кіевъ, 1888 г., 8 д, 67 стр.

Le Feld-Maréchal Prince Paskévitsch. Sa vie politique et militaire d'apres des documents inédits par le general prince Stcherbatov de l'état-major. Tome I, 1782—1826. Traduit par une russe. Spb. 1888. 8°. 280 стр.

Л. П. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный кн. Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ, 1888 г., 8 д., 6 стр.

Л. П. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанства при св. Владимірѣ. Кіевъ, 1888 г., 8 д, 19 стр.

Л. П. Святой Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный великій князь кіевскій. Лѣтописное сказаніе. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 16 стр.

Менделѣевъ Д. О мѣрахъ для развитія донецкой каменноугол. промышленности. Спб. 1888. 8° 2+44 стр.

Наканунѣ христіанства. 988—1888. Два сказанія изъ жизни св. равноапостольнаго великаго кн. Владиміра. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». Спб 1888. 8 д., 16 стр.

Наумовичъ І. Сочиненія для народа. Кн. III. «Завѣтные тополи». Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 32 стр.

Некрасовъ И. Ю. Великій князь Владиміръ святой, равноапостольный. Разсказъ изъ русской исторіи. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 64+8 стр.

Николай Васильевичъ Гоголь, какъ учитель жизни. Москва, 1888 г., 12 д. 71 стр.

Нордовъ В. Житіе св. равноапостольн. кн. Владиміра, съ приложеніемъ бесѣды о святыхъ въ православной церкви. Спб. 1888 г., 8 д., 16 стр.

Овчинниковъ М. В. Первые христіане на Руси. Сказаніе о жизни св. равноапостольн. кн. Владиміра и крещеніи Руси. Москва, 1888 г., 8 д. 30 стр.

О крещеніи русскаго народа и о святомъ равноапостольномъ кн. Владимірѣ. Москва, 1888 г., 8 д., 32 стр.

П. А. А. Екатеринославскій календарь на 1888 годъ, 8 д., 74 стр.

Палеографическій снимокъ текста «Русской Правды» по новгородской кормчей книгѣ XIII вѣка, скопированный съ подлинника студентами историко-филолог. факульт. Импер. спб. университета, подъ руководствомъ И. Срезневскаго. Спб. 1888 г., 4 д., III+26 стр.

Памятники древней письменности и искусства. Посмертныя чудеса святителя Николая, архіепископа Мvръ-Ликійскаго чудотворца. Памятникъ древней русской письменности XI вѣка, трудъ Ефрема, епископа переяславскаго. Сообщ. архимандр. Леонидомъ. Спб. 1888 г., 8 д., XV+74 стр.

Памятникъ Богдану Хмельницкому. Историч. очеркъ его сооруженія. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 12 стр. +1 рис.

Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмарш. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г. Съ портр. и факсимиле. Изд. гр. Д. А. Толстой. Спб. 1888. 8°. XVI+259 стр.

Протоколы засѣданій общества одесскихъ врачей № 5. 1888 г. Одесса, 8 д., 26+2 стр.

Протоколъ засѣданія одесской филоксерной коммиссіи 24 марта 1888 г. Одесса, 8 д., 16 стр.

Протоколы засѣданій харьковскаго медицинскаго общества №№ 2—6. Харьковъ, 1888 г., 8 д., 11 стр.

Протопоповъ Д. И. Св. Владиміръ равноапостольный, великій князь кіевскій и всея Руси. Москва, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. Москва, 1888 г., 8 д., 16 стр.

Ронталеръ Э. Отчетъ о состояніи новгородсѣверской гимназіи на 1887—8 уч. г. Кіевъ, 1887 г., 8 д., 56 стр.

Р. С. Разсказы про Кіевъ и его прошлое. Херсонъ, 1888 г., 61 стр. +1 рис.

Святый равноапостольный кн. Владиміръ. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 16 стр.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изд. 3-е. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 44 стр. +1 рис.

Случевскій К. Гимнъ св. князю Владиміру.

Сочиненія *П. П. Артемовскаго-Гулака.* Оттискъ изъ «Кіевской Стар.». Кіевъ, 1888 г., 8 д., 26 стр.

Спилка П. Байкы. Харьковъ, 1888 г., 16 д., 18 стр.

Стагнеліусъ І. Е. Владиміръ великій. Поэма въ 3 пѣсняхъ. Пер. со швед. Вл. Головина. Спб. 1888. 8°. 168 стр.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. Опытъ посмертной характеристики. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 29 стр.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію грегоріанскій календарь. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Труды одесскаго городскаго общества. Т. III. Одесса, 1888 г., 8 д., 248+II+ съ 249—301+176+IV стр.

Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса, 1888 г., 2 д., 437 стр. +9 табл.

Успенскій Ѳ. Русь и Византія въ X в. Рѣчь, произнесенная 11 мая 1888 г. въ торжеств. собраніи одесскаго славянскаго благотворит. общества, въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Одесса, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Ф. Г. Крещеніе Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 26 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 101. 321—400 стр., Zeszyt 102, съ 401 по 480 стр. Варшава, 1888 г., 4 д.

Черневъ Н. Замѣтки о древнихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888 года, 8 д. 111 стр.

Шимановскій М. В. О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи. Вып. II Одесса 1888 г. 8 д. IV+175 стр.

Шмурло Е. Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Вып. I Спб. 1888 г., 8 д., 76 стр.

Ящурэжинскій Х. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1888 г., 8 д., 10 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1888 г.

инако невозможно сдѣлать имъ льготы, какъ только сами хозяева принуждены за нихъ производить платежъ.

4.

Нѣтъ почти никакой многотрудной въ государствѣ работы, гдѣ бы Малороссійскіе козаки впотреблены не были. Какъ то: и нынѣ болѣе уже десяти лѣтъ дѣлаютъ по границѣ съ Польшею засѣку; строятъ редуты, расчищаютъ въ лѣсныхъ мѣстахъ дорогу, мостятъ притомъ многіе болотистыя и низкія мѣста и прочія исправляютъ работы; а матеріалы къ тому возятъ на собственныхъ лошадяхъ. Хотя сперва велѣно было для сихъ работъ высылать и мужиковъ, однакожъ въ скоромъ времени они отъ того увольнены, а осталось все то на однихъ козакахъ. Сверхъ того, высылаются Малороссійскіе козаки отъ нѣсколько лѣтъ ежегодно на Донъ къ строенію крѣпости. Сего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше просимъ устроить насъ въ такомъ порядкѣ, дабы мы въ работу, повозки и ни къ чему другому употребляемы не были, какъ къ настоящей воинской и Вашему Императорскому Величеству должной службѣ такъ, чтобы оная прямо исправною и полезною, безъ отягощенія притомъ нашего, быть могла.

5.

Издавна Малороссійскіе козаки какъ во внутреннихъ, такъ и въ заграничныхъ походахъ службу Всероссійскому Престолу, не щадя имѣнія и живота своего, отправляли, не получая изъ казны жалованья, только что въ недавнемъ времени въ прошлую войну оное имъ было выдаваемо. А понеже, въ случай дальнихъ походовъ на службу Вашего Императорскаго Величества, будучи въ заграничныхъ мѣстахъ, козакамъ содержать себя во всей воинской исправности изъ собственнаго капитала весьма трудно, паче когда таковы походы бываютъ продолжительны; для того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: во время заграничныхъ внѣ Малой Россіи козакамъ походовъ, всемилостивѣйше установить изъ казны Вашего Императорскаго Величества производить будущимъ

въ оныхъ походахъ козакамъ денежное жалованье, такожъ провіантъ и фуражъ противъ другихъ[5]) легкихъ Вашего Императорскаго Величества войскъ.

Мы же, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, во всемъ, что къ службѣ Вашего Императорскаго Величества касается, полагаемся на премудрый и милосердый Вашего Императорскаго Величества промыслъ и не сумнимся, что онымъ въ лучшее состояніе приведены будемъ.

XV.

1767.

1) Наказъ козаковъ прилуцкаго полка.

Наказъ полку Прилуцкого выбранному отъ козаковъ всего полку, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія депутату, козаку полку Прилуцкого, сотни Ичанской, Петру Романовичу.

Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Монархини, манифестомъ и приложеннымъ при немъ обрядомъ повелѣно: отъ всей Имперіи Ея Императорскаго Величества, въ томъ числѣ и отъ войскъ козацкихъ, прислать въ городъ Москву депутатовъ въ оную коммиссію и имъ поручить прозьбы въ общественныхъ недостаткахъ и нуждахъ для представленія въ Коммиссію.

По такому Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества позволенію, козаки полку Прилуцкого общественные нужды и недостатки представляютъ чрезъ оного депутата тако:

1.

Въ Малой Россіи первой недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества, дабы

---

[5]) Т. е. такъ же, какъ и для другихъ.

повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетьмана вольными голосами; а о выборѣ въ полковники, полковую старшину, сотники и сотенную старшину осѣдлыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда надобно будетъ старшины, вольными жъ голосами, по поста(но)вленнымъ прежнимъ гетманскимъ статьямъ,—подтвержденія прежнихъ постановленій.

2.

По заключеннымъ гетманами договорамъ поста(но)влено и привилегіями утверждено, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкого зъ городами и землями, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую державу 1654 года состоявшимся, въ подтвержденіе королевскихъ привилегій подтверждено по статьямъ гетмана Юрія Хмельницкого: чтобъ государевымъ ратнымъ людемъ у козаковъ не становиться, а становится у другихъ жителей опрочь козаковъ; и въ козаковъ подъ посланниковъ и гонцовъ подводъ не брать, а взимать въ случаѣ въ городскихъ и деревенскихъ жителей. Да и 709 году на пункта гетмана Скоропадского царскимъ указомъ подтверждено—у козаковъ, безъ крайней нужды, въ домахъ постою не быть, и чтобъ они въ подводы и проводники и въ протчіе крестьянамъ приличные повинности употребляемы не были и, пользуясь своими свободами и преимуществами, исправляли службу государеву. Да и после того тоже, при постановленіи каждого гетмана, отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Всероссійскихъ Монарховъ подтверждено. А нынѣ въ козачихъ домахъ служивыхъ постой имѣютъ, и козаки въ подводы, проводники и работы земляныя употребляются, яко то: на засѣки, на Донъ и на Бѣловѣжскій степъ. Того ради всеподданнѣйше просятъ козаки, дабы Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ милосердіемъ подтверждено прежнія постановленія, чтобъ въ домахъ козачихъ постою не было, и въ подводы, проводники и работы козаковъ не употребляемо, и поборовъ на нихъ не накладывано, а отправляли бъ за то посполитые по постановленіямъ гетманскимъ, дабы козаки состоятельны были къ войсковой козачей службѣ.

3.

Какъ прежде, при соединеніи Малороссійского народу гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ подъ Всероссійскую Державу, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ заслуженныхъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободами и преимуществами, такъ и за гетмана Демяна Многогрѣшного подтверждено и пожаловано: въ недостаткѣ реестрового войска въ Малой Россіи велѣно гетману наб(и)рать въ козаки изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, и какъ прежде того козаки заслуженные честію дворянскою пожалованы были, то чтобъ при томъ же чину и чести пребывали, и отъ козаковъ ни подъ какіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали и въ домахъ козацкихъ постоевъ не ста(но)вили, а отводить въ постой дворы у мѣщанъ и другихъ крестянъ для военныхъ Россійскихъ людей. И въ 708 и 709 годахъ отъ Великого Государя Императора Петра Перваго, Самодержца Всероссійскаго, въ грамотахъ, къ Малороссійскому народу присланныхъ, тако изображено: „Народъ Малороссійскій, подъ высокодержавною Нашею рукою въ такомъ довольномъ и изрядномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ живущій, день отъ дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенязя въ казну съ него не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего, блаженныя памяти Великого Государя, Его Царского Величества, свято содерживали, и впредь содерживать будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ“. То предки козаковъ Малороссійскихъ тоею милостію и честію дворянскою пользовалися безъ всякаго отягощенія. А чрезъ нѣсколько прошедшихъ годовъ козаки, названные подпомощиками, къ дателямъ привернены общо съ мужиками и нынѣ дачею въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждой хаты обложены; съ чего они отягощены, потому что и малые и великіе

жилища, и бѣдные и можнѣйшіе и подсусѣдки, въ козачіихъ домахъ живущіе, не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу, сверхъ окладу, отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ. Въ такихъ будучи отягощеніяхъ, козаки полку Прилуцкого всеподданнѣйше просятъ Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы козаковъ, по прежнимъ постановленіямъ зъ гетманами и грамотамъ Высокомонаршимъ, отъ дателей освобождено и подтверждено имъ дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали не нарушно, понеже и нынѣ, при выборѣ депутатовъ изъ козаковъ, имъ чинятъ выборъ въ Малой Россіи не противъ шляхетства, но противъ однодворцевъ.

4.

Въ Малой Россіи прежде по государственнымъ указамъ, а именно по указу 1734 года блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, ревизія чинена по дворамъ и хатамъ; а теперъ подъ видомъ ревизіи сочиняется по душамъ такъ мужеска, яко и женска полу генеральная опись, и все козачее имущество, отъ мала до велика, переписывается Великороссійскими чинами. Того ради всенижайше просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества милосердія, дабы сія подушная перепись въ Малой Россіи отставлена, а повелѣно бъ сочинять ревизіи Малороссійскимъ командирамъ, по прежнему обыкновенію и указамъ, по дворамъ и хатамъ.

5.

По прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ свободна была купля и продажа козачихъ имѣній, яко шляхетскихъ. Того ради и теперъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ подтверждено имъ между собою имѣть куплю и продажу всякихъ имѣній, а посполству до козачихъ имѣній недвижимыхъ не вступать никакими здѣлками.

6.

До сего опредѣленные шесть полковъ армейскихъ на довольство Малороссійское состояли равномѣрно по ассигнаціямъ капральствами во всѣхъ мѣстахъ, и произвожденіе чинено на наличное число. А нынѣ въ Малой Россіи имѣютъ непремѣнные квартиры и состоятъ въ однихъ мѣстахъ по одному и по два эскадрона, и съ чего однихъ тѣхъ мѣстъ жители и козаки утѣснены. Того ради всеподданнѣйше Высочайшея Ея Императорскаго Величества милости козаки просятъ, чтобъ армейскіе полки въ Малой Россіи расположены по прежнему капральствами не въ однихъ мѣстахъ, но съ перемѣною, и производство имъ чинить по наличеству людей и лошадей натуральное.

7.

Отъ начала присоединенія подъ Всероссійскую Державу гетмана Богдана Хмельницкого съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, козаки однимъ шляхетскимъ правомъ отъ своихъ старшинъ суживалися, и службу войсковую отправляли въ одноконъ подъ комендою Малороссійского гетмана и старшины, и имѣли промыслы свободные, по ихъ козачей вольности. Въ томъ и теперъ Всевысочайшея Ея Императорскаго Величества матернея милости козаки просятъ подтвердить прежніе Малороссійскіе права, вольности и обыкновенія, съ которыми гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ пришли подъ Всероссійскую Державу, и промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь Малой Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть къ войсковой козачей службѣ, и когда случится козакамъ быть въ походѣ, чтобъ они состояли при своемъ старшинѣ.

8.

Малороссійскими козаками и протчими людьми въ Малую Россію ввозилась изъ Крыму соль съ небольшою тарифою, и тогда дешевыми цѣнами въ Малой Россіи соль продавалась; а теперъ соль съ Крыму вывозится съ великою на таможняхъ тарифою, отъ чего и

соль въ Малой Россіи въ продажу дорогими цѣнами, отъ сорока до пятидесяти копѣекъ, возвысилась. За тѣмъ всенижайше козаки просятъ у Ея Императорскаго Величества Высочайшаго благопризрѣнія, чтобъ повелѣно было съ вывозимой съ Крыму соли въ Малую Россію тарифу брать по прежнему.

9.

Всенижайше просятъ Вашего Императорскаго Величества козаки Прилуцкого полку, чтобъ выслуженные предками ихъ у королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности и владѣнія наслѣдными добрами, купленными и занятыми, при нихъ ненарушно оставлено.

И во всѣхъ вышепредставленныхъ нуждахъ козачихъ всенижайше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ благоволили, призрѣвъ на знатные государству оказанные предковъ козачихъ услуги и ихъ самыхъ къ престолу Ея Императорскаго Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать козаковъ въ Императорской милости содержать и представленные прошенія утвердить и дать Всевысочайшую на потомное время привилегію. О подтвержденіи всѣхъ сихъ прошеній и благополучіи на вѣки несумнѣнно надѣятся козаки на Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества къ нимъ, вѣрнымъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества, милость.

Полку Прилуцкого козачіе повѣренные: сотни Иваницкой Куренный Атаманъ Иванъ Лисенко. Сотни Сребранской Андрей Василенко, Хведоръ Харченко, да Второ—Варвинской сотни Иванъ Мошикъ, за которыхъ неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе Второварвинской же сотни повѣренный козакъ Иванъ Потапенко подписался.

Козакъ сотни Ичанской Иванъ Тарара подписался. Козакъ сотни Полковой Матвѣй Петруша, а вмѣсто его неграмотного, по его прошенію, и за себе оной же сотни Полковой козакъ Алексѣй Козаковъ подписался. Козакъ сотни Переволочанской Омельянъ Тернѣцкій. Козакъ тойже сотни Переволочанской Алексѣй Сорока подписался. Козакъ сотни Монастырской Іосифъ Головко подписался.

Козакъ сотни Монастыриской Василь Никитинъ сынъ Плиска подписался. Козакъ сотни Первоварвинской Трохимъ Ивановъ сынъ Андрущенко, за коего, яко неумѣющаго грамоты, по его самоперсональному прошенію, и за себе тоейже сотни Первоварвинской козакъ Иванъ сынъ Рубанъ руку приложилъ. Козаки: сотни Журавской—Максимъ Григоріевъ сынъ Якименко, да сотни Иваницкой Осипъ Семеновъ сынъ Сакунъ, за коихъ, яко неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе я, сотни Журавской козакъ Климъ Стефановъ сынъ Дараганъ руку приложилъ. Козакъ сотни Корибутовской Лука Чернышевъ. Козакъ сотни Красноколядинской Григоріевъ сынъ Мойсей Тетухъ, за коего, яко неумѣющаго грамотѣ, по его самоперсональному прошенію и за себе, я, тоей же сотни козакъ Стефанъ Ивановъ сынъ Иваненко руку приложилъ.

---

2) Прошеніе козаковъ прилуцкаго полка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Прилуцкого полку выбранные отъ сотень козачіе повѣренные, и въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ съ приложеніемъ обряду о выборѣ депутатовъ въ Коммиссію сочиненія проэкта нового уложенія, состоявшійся 14 числа декабря 1766 года, мы, всенижайшіе, слушали; и что Ваше Императорское Величество—по Высочайшей матерней милости позволили, выбравъ депутата, прислать его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества и поручить ему ко представленію челобитья и представленія, такожъ недостатки и нужды,—мы, всенижайшіе Вашего Императорскаго Ве-

личества рабы, показанную Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость чувствуя, чрезъ сіе всеподданнѣйшее наше челобитье приносимъ Вашему Императорскому Величеству благодарность съ непоколебимою нашею вѣрностію.

2-е.

И по такому Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшему позволенію, мы, всенижайшіе, по даннымъ намъ отъ сельскихъ повѣренныхъ повѣреніямъ, выбрали зъ между себе депутатомъ въ показанную коммиссію козака полку Прилуцкого Ичонской сотни Петра Яковлева сына Романовича и, поручивъ ему сіе наше челобитье и наказъ о общенародныхъ недостаткахъ и нуждахъ ко представленію, гдѣ надлежитъ, изъ симъ нашимъ челобитьемъ отправили его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше всеподданнѣйшее челобитье въ Сенатѣ Вашего Императорскаго Величества принять и по представляемымъ отъ нашего депутата по данному ему наказу о недостаткахъ и нуждахъ прошеніямъ учинить всемилостивѣйшее Вашего Императорского Величества разсмотрѣніе и рѣшеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня! просимъ Вашего Императорскаго Величества въ прошеніяхъ оного нашего депутата о недостаткахъ и нуждахъ Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить. Къ подачѣ надлежитъ въ Сенатъ. Писана сія челобитная на простой бумагѣ, за неимѣніемъ въ городѣ Прилукѣ въ продажѣ гербовой бумаги; писалъ оную козакъ сотни Корибутовской Лука Чернишевъ. 1767 года, априля 14 дня.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы, полку Прилуцкого козачіе повѣренные: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и на стр. 161—162).*

XVI.

1767.

Прошеніе козаковъ миргородскаго полка.

Экстрактъ, сочиненъ зъ прошеній козачихъ полку Миргородского, къ представленію оныхъ прошеній въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія.

Въ прошеніяхъ сотень Перво и Второ-Миргородской, Потоцкой, Устивицкой, Шишацкой, Городиской, Хоролской и Богацкой нижеслѣдующіе пункта означены.

1.

Чтобъ въ силу прежнихъ узаконеній и волностей, ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суда воисковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства суженны были; гдѣ три козаковъ, то два третего бъ судили, кроме криминалу; а чего по статямъ недоставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополненно бъ съ права Малороссійского книги Статута; и всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продать и даровать.

2.

О подтвержденіи вольностей и шляхетской чести всѣмъ козакамъ къ вѣчному содержанію.

3.

О утвержденіи занятыхъ предками козачіими земель, на кои никакихъ крѣпостей не имѣютъ, и со всѣхъ оныхъ о невзыманіи никакихъ пошлинъ и платежей.

4.

О подтвержденіи прежнихъ по привилегіямъ и указамъ вольностей, и о невзыманіи съ Малороссійского народа никакихъ податей, и о сложеніи положенного нынѣ въ Малой Россіи съ хатъ на козаковъ рублевого оклада; равно и доправляемыхъ за прежніе года денежныхъ доимокъ, оставшихся за удовольствомъ консистентовъ,— безъ взысканія.

5.

О оставленіи чинимой въ Малой Россіи генеральной всѣмъ по душамъ зъ женами описѣ и мѣры козаковъ и земель.

6.

О дозволеніи козакамъ промислу и торговать всѣмъ вездѣ въ Малой Россіи.

7.

О убавки съ привозимой съ Крымской области въ Малую Россію соли—пошлины.

8.

О неотводѣ по прежнимъ Высочайшимъ указамъ въ постои козачіихъ домовъ и о невзыманіи подъ разныхъ ѣздаковъ лошадей, по статямъ гетмановъ Хмельницкого, Самойловича и изьмѣнника Мазепи, съ прошеніемъ утвержденія.

9.

О увольненіи женъ козачіихъ, коихъ мужѣ въ походахъ, командираціяхъ померли, а они въ сыротствѣ съ малолѣтними дѣтьми остались,—до совершенного возраста сыротъ, либо до выхода въ замужъ, отъ всѣхъ постоевъ и службъ.

10.

О перемѣнѣ опредѣленныхъ въ Малой Россіи для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ.

11.

О благопризрѣніи въ заплатѣ взятыхъ въ бывшіе походы Крымскіе и другіе, такъ и во время Пруского по указу въ армію въ козаковъ: воловъ, возовъ и выборныхъ лошадей на немалую сумму—по оцѣнки.

12.

О подтвержденіи вольностей, чтобъ по прежнему въ Малой Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами.

13.

О неисключеніи выбранного отъ козаковъ и отправленного въ Москву депутата съ числа шляхетскихъ, яко Малороссійскіе козаки имѣютъ равное участіе въ шляхетствѣ со всѣми Малороссійскими старшинами.

Сверхъ того добавлено въ нижеписанныхъ сотняхъ: во Второ-Миргородской—о уволненіи отъ наряду козаковъ къ дѣланію крѣпости и редутъ.

Въ Потоцкой—объ отдачи по прежнему во владѣніе грунтовъ, находячихся подъ новою Сербіею, тѣмъ, кому оныя принадлежали.

Въ Омельницкой—о учиненіи заплаты за продовольство Молдавского гусарского полку фуражемъ по справочнымъ торговимъ цѣнамъ.

Въ Остаповской, Бѣлоцерковской, Яресковской и Голтвянской противъ протчихъ сотень въ прошеніяхъ одинъ пунктъ, о перемѣнѣ для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ—не написанъ, а протчіе сходны.

IV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ и ПРОШЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

XVII.

1768.

1) Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата.

В Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія

Представленіе.

Сограждане мои, малороссійскаго лубенскаго полку шляхетство, по примѣру прочих полковъ и повѣтовъ, почитая за первую и главнѣйшую свою нужду цѣлость правъ, привилегій и заключающихся во оных преимуществъ, волностей и свободъ малороссійскаго шляхетства и народа, в данномъ мнѣ наказѣ предписали просить Ея I. В. всемилостивѣйшую Государыню нашу о утвержденіи оныхъ. Не безизвѣстно же вамъ, почтеннѣйшее собраніе, что Малая Россія во время бытности своей под Полшею имѣла и ползовалась тѣми же самыми правами и привилегіями, которыми ползовались и другіе того королевства и великаго княжества Литовскаго жители, а при доброволномъ своемъ под державу россійскаго Монарха Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича подданствѣ, какъ в договорных статьях, так и в данных всѣмъ чинамъ оныя жалованныхъ грамотах испросила, чтоб ей при тѣхъ же правах и привилегіяхъ содержимой быть безъ всякаго нарушенія в вѣчныя времена, и то ей

подтверждено какъ от всѣхъ Его величества преемниковъ всероссійских государей, такъ и от нынѣ благополучно державствующей, всемилостивѣйшей Монархини нашей, на милосердіе и справедливость которой несомнѣнную полагаемъ надежду, что она и впредь на всегда при тѣхъ же своих правах и привилегіяхъ содержана и сохранена и утверждена будетъ. А какъ порядокъ требуетъ, чтобы при нынѣшнемъ законоположеніи оныя права, привилегіи, преимущества и свободы Малороссійскаго шляхетства такъ, какъ россійскаго и лифляндскаго, вамъ, почтеннѣйшее собраніе, извѣстны были, то я оныя собравъ, при семъ представляю и прошу, чтоб пред вами прочтены были. А при семъ за нужно нахожу увѣдомить васъ, что правъ и привилегій, данных малороссійскому шляхетству и прочимъ чинамъ от королей Полских и великих князей Литовских изѣстность столь велика и силна, что оныя не токмо всему свѣту изданіемъ в разных печатныхъ книгах и на разныхъ языках извѣстны, но и Ея І. В. всемилостивѣйшая Государыня наша тѣж самыя права и привилегіи имѣя основаніемъ, и слѣдуя природному своему великодушію и человѣколюбію, единовѣрную братію нашу, шляхетство и прочих жителей россійскаго народа, обрѣтающихся в Полшѣ под именемъ диссидентовъ, приняла въ свое охраненіе, защитила и привела ихъ въ порвое достояніе, и тѣмъ нынѣ и в предбудущія вѣки пред цѣлымъ свѣтомъ приобрѣла справедливую и безсмертную славу.

Впрочемъ, остъли что в прибавленіе к симъ правамъ и привилегіямъ служить можетъ, а мною здѣсь упущено, то я впредь, когда нужда потребуетъ, почтеннѣйшему собранію сообщить не премину.

Маія „ дня, 1768 года.

XVIII.

Выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается.

Въ привилегіи полскаго короля Сигизмунда Августа Іюня 7 дня 1563 года между прочимъ написано:

По совѣту и согласію всѣхъ господъ сенаторовъ нашихъ духовныхъ и мірскихъ приговариваемъ и имѣть хощемъ, дабы отнынѣ

не только тѣ господа шляхетство и потомки ихъ, всѣхъ земель всего нашего государства, кои послушны церкви римской и коихъ предки принимали въ коронѣ полской клейноты и гербы шляхетскія, но также и прочіе рыцерскаго и шляхетскаго литовскаго и рускаго народов чины, хотя бы предки ихъ клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской и не брали, а были бы только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и данными волностьми и правами земскими въ вѣчныя времена равномѣрно ползовались, и оныя употребляли, и хотя бы чьи предки клейнотовъ или гербовъ въ коронѣ полской не брали, то однако все вышеписанное вѣчными временами равномѣрно употреблять и волностьми своими ползоваться имѣють такъ, какъ прежде сего чинъ рыцерскій и шляхетскій обоихъ народовъ литовскаго и рускаго то употребляли и ползовались. Также чтобъ отнынѣ ко всякимъ достоинствамъ и началствамъ, въ чины сенаторскія, придворныя и земскія были избираемы и поставляемы не только римской церкви повинующіеся, но равномѣрно всѣ рыцерскаго чина и шляхетскаго рода литовскаго и рускаго народовъ чины, только бъ были люди вѣры христіанской, и мы Господарь по заслугамъ и достоинству каждаго изъ нихъ будетъ брать и изъ милости нашей опредѣлять въ знатныя мѣста и возводить на высокія достоинства, и никто изъ рыцерскихъ и шляхетскихъ чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ христіанской вѣры, отлученъ и отдаленъ отъ того не будетъ.

Въ привилегіи тогожъ короля іюля 1 дня 1568 года написано:

По совѣту и согласію сенаторовъ нашихъ и по соизволенію всѣхъ чиновъ, приводя въ равенство народы, опредѣлили и, привилегіею нашею подтвердивъ, объяснили, желая, дабы отнынѣ не только тѣ господа шляхетство и бояре или потомки ихъ, всѣхъ земель, всего нашего государства великаго Княжества Литовскаго, кои повинуются церкви римской и коихъ предки клейноты и гербы въ коронѣ полской принимали, но также и прочіе рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ предки клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской не взяли, а были бъ только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и дан-

ными всѣми волностьми и правами земскими равномѣрно въ вѣчныя времена ползовались, и оныя употребляли такъ, какъ отъ древнихъ временъ оные рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины по нынѣшнее время безпрепятственно всегда всѣмъ тѣмъ ползовалися и употребляли. Равномѣрно чтобъ во всѣ началства и достоинства, въ сенаторы наши и въ чины придворныя и земскія избираемы и производимы не только римской церкви повинующіеся, но и всѣ рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и русскаго народовъ чины, и отъ насъ короля по заслугамъ и достоинству своему во оныя знатныя достоинства и началства жалуемы были. И никто изъ рыцерскаго и шляхетскаго чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ вѣры христіанской, отдаленъ или лишенъ того не будетъ. Сверхъ сего объявляемъ, естьли кто нибудь изъ князей, господъ, шляхетства литовскаго римской или руской, только бъ христіанской вѣры былъ, при королѣ Ягеллѣ и великомъ князѣ Витолтѣ въ Гроднѣ гербовъ не принималъ, ибо при семъ дается знать, что не многихъ домовъ и родовъ тамъ были люди, но только извѣстныя особы посланы были изъ великаго княжества Литовскаго, или тѣ, кои призываны были отъ своихъ государей, королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ,—чтобы таковые приѣзжали и гербы принимали, и то не для другой какой либо причины и нужды, но единственно только для заключенія дружбы и утвержденія общаго согласія и любви. Будучи же предъ тѣмъ отъ давнихъ лѣтъ при древней уже чести и знатности таковой, какову почтенному шляхетству и сего рода людямъ имѣть надлежить, пріѣзжали туда вишеписанныя особы, оставя однако въ домѣхъ не послѣднихъ, но таковыхъ же, собратію свою, и гораздо болшее число, нежели тамо вь Гроднѣ ихъ было, и отъ которыхъ они сами отправлены были, какъ то въ началѣ привилегіи Ягелловой описано и засвидѣтелствовано, съ кѣмъ точно въ то время и съ какими именно людьми учинили они братскій союзъ и соединились; и потому никто возноситься и возвышаться не долженъ, и одинъ народъ предъ другимъ знатнѣйшимъ дѣлать себя и быть не можетъ. Для чего сею привилегію нашею мы все то на вѣчныя времена изъясняемъ, постановляемъ и утверждаемъ, что какъ

Высокій розумъ—мудрованіе.

Высокодишкурую—великомудрствую, велерѣчую.

Высокои мысли—высокоумный.

Высоко о себѣ розумѣю—высокомудрствую, любопочитаюся.

Высокость—преимѣтелство, величество.

Высокость—высиръ, высота, явленіе.

Высокоуміе—гординя.

Выспа—отокъ морскій.

Выставность—ухищреніе.

Выставный—ухищренный.

Выстерегаюся—уклоняюся, сопрятаюсь, прятаюсь, испрятаюсь.

Выстигаюся—ристаю.

Выступокъ—кривина, грѣхъ.

Выстя—исходище.

Выстя съ плачу—мычаніе.

Высушую—изсякную (sic).

Вытучую—истощеваю.

Вытѣчка конная—ристаніе.

Выхваленіе—любочестіе, величаніе.

Выхваляю—восхваляю.

Выхованецъ—питомецъ.

Выхованя—жизнь.

Выховаю—выкормляю.

Выходка—проходка.

Выхоженя—исходъ, распущеніе.

Выхожу противу кого—срѣтаю, срящу, влекуся.

Выцвичоный—ухищренный.

Вышпотитель або зрадливый—навѣтникъ.

Выясняюся—озаряюся.

Вѣданіе—свѣденіе.

Вѣдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.

Вѣдомство—вѣжство.

Вѣдомость даю—возвѣщаю.

Вѣдомца—свѣдитель.

Вѣдро—черпало, почерпало, водоносъ.

Вѣйка...—повѣка (sic).

Вѣкъ долгій—долгота дней, долгоденствіе.

Вѣлґотность—влага.

Вѣно—посагъ, прика (sic).

Вѣншую—молюся, благовѣствую, привѣтствую, привѣтъ творю.

Вѣра—уставъ, веленіе, преданіе, доґлятъ (sic).

Вѣра правдивая—православіе, благовѣріе, благочестіе.

Вѣршъ—ґранесъ, ґранесловіе, стіхъ, рекловѣсть (sic), сословіе.

Вѣтръ—духъ, вѣтръ, трусъ.

Вѣщій—прозорливецъ, пророкъ, прозряй.

Вѣщованіе—баλство, волшебство.

Вѣщокъ—балій, волшебникъ, волхвъ.

Вѣялница—трусъ.

Вязаніе—юза, уза, хранило, хранилище, узница, узилище.

Вязанка—уза або юза.

Вязень—плѣнникъ, юзникъ або усвязень.

Вяну або присвядаю.

Г.

Гадаю—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, накоцу.

Гадина—змія.

Гадка, гаданіе или-и притча—стязаніе, возисканіе, вопросъ, предложеніе.

Гай, гай—словоужасіе (sic),—оль, огъ.

Гайворонъ—вранъ.

Гакъ, гачокъ—вилица.

Гальръ—мѣдница, лепта, сикль.

Галюбарда або рогатина—дреколь.

Гамую—сопрятоваю (sic).

Гамъ або мисурка—шлемъ.

Ганба—безчестіе, гажденіе, поносъ, поношеніе, укореніе, укоръ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, съмѣшеніе.

Ганблю—злословлю, обличаю.

Ганю—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.

Гарфа—брящало, гусль.

Где—идеже, камо.

Гербъ—знаменіе.

Герстникъ—изящникъ, съоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружникъ.

Гетманство—игемонія, владычество, самодержство.

Гетманъ — стратигъ, воевода, тисящникъ, вождъ.

Гимнъ—пѣснь, пѣніе.

Гину — изнемагаю, истаеваю, погиблю.

Гинучій—погибающій, гиблемій, гиблющій.

Гипокрисую—лицемѣрствую.

Гипокрита — лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворникъ.

Глина—бреніе, скудель.

Глиняный — бренный, скуделничій.

Глубокость — бездна, глубина, пучина.

Глупій—безуменъ або буй.

Глупство—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щапство

Гнѣваюся—кручиняюся, недугую.

Гнѣваются на мене—отмѣтають мя.

Гнѣвливе—неистове.

Гнѣвливый—яровидный, сердовидный.

Гнѣвъ—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.

Гнѣвъ застарѣлый—злопомнѣніе.

Гнѣвъ з горячой милости—ревнованіе.

Гнюснимъ чиню—огнюшаю.

Гюснимъ ся ставлю—огнюсаю.

Гнюсно—унило, щапственнѣ.

Гнюсность — униніе, небреженіе, щапство, нечистота.

Гнюсный—унилый, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, небрежникъ.

Гнюснѣю — унываю, огнюсаю, стужаюсь.

Говорю—глаголю, вѣщаю.

Годилося—достояше, лѣпо бѣ.

Година—часъ, годище.

Година—часецъ.

Годинникъ—часословъ.

Годится—достоитъ, подобаетъ, лѣпо есть, лѣть есть, мощно.

Годне—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.

Годнимъ чиню—сподобляю.

Годность—достояніе, достоинство.

Годность отримуючій—удостоеваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.

Годный—достоенъ, праведенъ.

Годный вѣры — подобовѣрный, достовѣрный.

Годный ся стою — сподобляюся.

Гожу—разсмотряю.

Гожу до целю—измѣряю.

Гойный—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.

Гойный на гость—страннолюбецъ.

Гойнѣдарованя — любочестіе, любопочитаніе.

Гойнѣ дарую—ущедряю, щедру, любопочитаю.

Гойнѣ почитаю—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.

Голий—нагий, худий.

Головный—соборный.

Головнѣйшій—роднѣйшій (sic).

Головы болѣніе — головоболіе, главостяжаніе, тажкоглавіе.

Голодность—алканіе, алчба.

Голодный естемъ—алчу.

Голодомъ мрю (sic) — гладомъ таю, гладствую.

Гололедица—голоть.

Голопупокъ—птенецъ.

Голосу неспособнаго—худогласенъ.

Голосъ—гласъ.

Голосъ вдячный -- благогласное вѣщаніе.

Голца адо гулка — з листвіемъ вѣтвь, розга, ваия, вѣія.

Голубка—голубица.

Голю—брію, брю або рену (sic).

Голюнка---голенъ, глезно.

Гомоню—молвлю, плищую, вопію.

Гомонъ—молва, плищъ, вопль, мятежъ.

Гоненіе—изгнаніе.

Гонитва — уристаніе конское, подвигъ, страданіе, бой.

Гоноръ—прагненіе, любочестіе.

Гончарскій—скуделничій.

Гончаръ—скуделникъ.

Гоны — поприще, стадій, стадіонъ.

Горбатый—слякъ, сляченъ.

Гордость—гордыня, презорство.

Гордый—кичливъ.

Горжу — гнушаюся, презираю, отмѣтаюсь, отмѣщуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.

Горкій—горекъ.

Горливость — рвеніе, ревнованіе, ревность.

Горло—гортань.

Горнецъ--медяный конобъ, глиняный скудель.

Горожа — плотъ, оплотъ, градежъ (sic).

Горохъ моченый—ляща (sic).

Горохъ рогатый або крупи—ногутъ (sic), слонутокъ.

Горсть чого—рукоятіє.

Горчица—горушица.

Горячость слонечная — жаръ, некъ.

Господа—виталница.

Господарный—строителный.

Господарство—мшелоимство.

Господаръ—строитель домовый.

Господою стою—гощу, витаю.

Гостинный домъ — виталница, всеприятелище, гостинница.

Гость пріймуючій — страннопріимецъ.

Гость — иноплеменень, страненъ.

Готую — належу, съоружаю, съустрояю.

Граница—предѣлъ.

Гризеніе в животъ—стуженіе болесное.

Гризуся—ухапляюся.

Гробъ—жупище, гробъ.

Грожу--илещу.

Грозба—запрещеніе, прещеніе.

Громада--сонмище, сонмъ, соборище, толпа, чета.

Громъ або перунъ—тутно, трѣсновеніе, молнія.

Гроши--имѣнія.

Грошъ сребрный — дидрахма, цата.

Гроши любячій—сребролюбецъ.

Грубость — толща, дебелство, дебелость.

Грубянъ -- дебелохудожникъ, препростъ.

Грудь—сосецъ

Грузность—тина.

Грязь — бреніе, тина, тименіе (sic).

Губа—уста, устна.

Губка—морская губа.

Гублю—погубляю, растлѣваю.

Гугнивый — медленноязычный, косноязычный.

Гуденіе—воскликновеніе.

Гуканіе—восклакновеніе.

Гукъ -- звукъ, кличь, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).

Гултяй—прелестникъ, лстецъ.

Гумно—житница.

Гунка—милотаръ (sic).

Гуня—милоть.

Гусеница—усенпца.

Гуфецъ—стояніе.

Гуфъ або войско—полкъ, полчище.

Гучу—зри гомоню.

Гуща—чащъ, чаща.

Гущевина—густиня, частиня.

Ґ.

Ґанокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.

Ґвалтовне—зѣло.

Ґвалтовный—зѣлный нуждный, насилствующъ.

Ґвалтъ—насиліе, нужда, напрасноство, устремленіе, зѣлность.

Ґвалчу—насилую, насилствую, принуждаю, напраснствую.

Ґдижъ—и, убо.

Ґды—егда, когда, внегда, елма.

Ґезъ—скоктаніе.

Ґеометрія—землемѣріе.

Ґжуся—скоктаюся.

Ґиґантъ—исполинъ.

Ґмазъ—закровъ (sic).

Ґнюсный—зри гнюсный.

Ґраблюся або чешуся—копошаюся.

Ґрифъ—ногъ, ногнатка (sic).

Ґроно—гроздъ, пародокъ, отрасль.

Ґрубянъ—зри грубянъ.

Ґрунтъ—основаніе, фемеліонъ.

Ґузи на рукахъ—ствердѣлы, упорнилны (sic).

Ґузъ—пугва.

Ґусля що на шіи носятъ—узлоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.

Давнодавный—мимошедшій, ветхій, предваршій (sic).

Далей—болей, болшей, множае, проче, вящшей.

Далекій—долгій.

Далеко—камо, далекъ.

Далеко болшей—колми паче, множае паче.

Дамо—дамы.

Дань или поборъ—урокъ.

Дарда—дреколь, сулица.

Дарды носячій—дардоносецъ.

Даремный—напрасный.

Дармо—всуе, туне, без ума.

Даръ—даръ, корванъ.

Дахъ—здо, кровъ, покровъ.

Даю—подаю, дарствую, дарую.

Даю достатокъ—удовляю.

Даю до схованія—предаю.

Дбай—ради.

Дбалость—радѣніе.

Двакротъ—дващи, дажды.

Двери—врата, дверы.

Дворность—ухищреніе.

Дворскіи жарты—шутовнаа, радостворная.

Двоумєнъ—двоедушенъ, близнецъ.

Двѣ точки або пункти—двоточіе, двоеточіе.

Дебръ—лѣсъ, дебрь, ... стремнина.

Декретъ—судъ, судба, уставъ, преданіе, совѣтъ.

Делькатъ—пренасищникъ.

Делькацтво—сластолюбіе, гортанобѣсіе.

Делья—опона, одежда, тирта.

Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнѣ—стебль.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца свѣта—миродержитель.
Держаніе — стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—съдержу.
Держуся кого—гоню.
Держуся запевне або упевняю—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благогласное вѣщаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ — самогодный, дерзкій, презорливый, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣпяйся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дівство, щудъ.
Дигнѣтарство — санъ, достоинство.
Дикій—дивий, сверѣпъ, прудкій.
Дикое що—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю — свѣрѣпѣю, разсверѣпѣваю.
Дичъ—свѣрѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣлма.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволне — волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродѣй—благодѣтель.
Добродѣйство—благодѣтелство.
Добродѣйство показую—ублажаю.
Добродѣйство заживать—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣлъ, правый, говѣнный, благовѣнный.
Добрый день або поводженіе доброе—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть — благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мисль—благодушіе.

Добрая слава—благоискутство (sic).

Доброе—благое.

Доброе здоровіе—благоимство.

Доброе любячій—благолюбецъ.

Доброе мовлю—благословлю.

Доброе розумѣніе — благоимѣніе, благоразуміе.

Доброи мислы заживаю—благодушествую.

Доброи славы—благоискусный, благоискуствуемый.

Доброго сердца—благосердій.

Добротливость — благостиня, благодѣтелство, благость.

Добротливый — благоувѣтливый, благоволителный, благодѣтелный, благочестивый.

Доброть—благость, благостиня.

Добѣгаю—достизаю.

Довбаю—ваяю.

Доводнѣ — прителнѣ, подобопѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянію, в лѣпоту, в рѣсноту.

Доводъ — указаніе, умышленіе, извѣтъ.

Довожение—извѣствованіе.

Довожу—произношу.

Довцѣпный—коварный, умный, благоумный.

Довцѣпъ—благоразуміе, благоуміе, остроуміе, благоухищреніе, коварство.

Довѣдатися—навикнути, увидѣти.

Довѣдуюся—навѣцаю, навикаю.

Догаданіе — удобство (sic), домышленіе.

Догажаніе—сохожденіе, снисхожденіе, угодіе, упокоеніе.

Догажаю—благоугождаю, угождаю, доброблажу, сохожду, соисхожду, догадуюся.

Догажаючій — снисходителный.

Доганяю — постизаю, ухапую, понуждаю.

Доглядую—блюду, храню, соблюдаю.

До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.

Додѣваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлобляю, возмущаю.

Доеждаю—зри доганяю.

Дожчъ идетъ—дождитъ.

Дозорца—смотритель.

Дозрѣваю—совершеннѣ расту, дозрѣваю.

Дозрѣлость—съзрѣніе.

Дозрѣлый—достилый, зрѣлъ.

Доконченіе—кончина,скончаніе, накончеваніе, совершенство.

Докторъ—врачъ.

Докука—стуженіе.

Докуль—доколѣ.

Докучаю—зри додѣваю.

Докучникъ — стужитель, насиловникъ, насилствующій, нудитель, притужный.

Долгое — протяженное, долгое, зѣлное.

Долгость—часу растояніе.

Долготерпячій — долготерпеливъ, долготерпеливый.

Долегливость—скорбъ, искушеніе, треволненіе.
Долина—удолъ, удоліе, разлой.
Долъ викопанный — ровенникъ или истуденецъ, ровъ.
Доля—случай нужный.
Домашнывый—намѣстный, домашный.
Домнѣманіе—умишленіе.
Домнѣмаю — мню, непщую, вмѣняю, умышляю.
Домовство—зри мшелъ.
Домовый—домашный.
Домовый рядъ — домостроителство.
Домокъ—храмина, хлѣвина.
Домокъ с пѣску—нирище.
Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.
Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.
Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.
Дорога—путь.
Дорогость — многоцѣнность, честность.
Досвѣдчаюсь — навыцаю, навыкаю.
Досвѣдченіе — искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.
Досвѣдченный—искусный.
Доситъ—довлѣетъ, доволнѣ.
Доситъ чиненія—достотвореніе.
Доска златая—петалъ златъ.
Досконале — всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣстнѣ, всяко, весма, всячески, вcѣцѣло.
Досконалость — совершенство, исполненіе, цѣлость.
Досконалый — опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.
Достатечне—зри досконале.
Достатечный—зри досконалый.
Достатокъ — преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.
Достаю — стяжаваю, стяжаю, держу.
Достойность—величествіе, достоинство.
Доступую—получаю, улучаю.
Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.
Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.
Дохожу — достизаю, умышляю.
Дочасный—привременный, временный.
Дочка—дщерь.
До шкоди привожу—напрасиствую.
Доцѣнту — опасно, всесовершеннѣ.
Доцка—доска, дщица.
Драбина—лѣствица.
Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.
Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.
Драґаръ—кровъ.
Драпачинный—драчивъ.
Драница—доска, дска.
Драпѣжство—хищеніе.
Драпѣжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепетъ, колѣбаніе, утерпяніе, страхъ, ужасъ, говѣніе.

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытѣчки— шатаюсь.

Дрождѣ—тина.

Другій разъ — вторицею, другойци.

Друкарня—типоґрафія, печатня, штанчва.

Друкаръ—типоґрафъ.

Друкую—ваяю, изваяю, печатую, типомъ издаю.

Друкъ—до двиганія носило.

Driчу—борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, пакощу.

Дуда—пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ—пречудникъ.

Дудокъ—вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь—ни знемагаю (sic), не немоществую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій—доблій, доблественный, жилищный, твердый, крѣпкій, силный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ—мудрованіе, высокоуміе, гордость.

Дуреніе—луженіе.

Дурень—безуменъ, буй, юродъ или уродъ, несмысленъ, зрословъ.

Дуру—лужду.

Дурѣю — неистовлюся, юродствую.

Дурячій—лядячій.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человѣкъ — внутрный человѣкъ, мысленный, умный.

Дую—дму.

Дѣвка—дѣвица.

Дѣвчина—юнота.

Дѣдицтво—отчество, достояніе, наслѣдіе, жребій.

Дѣдичъ—наслѣдникъ.

Дѣлитися не могучій — несѣкомый, нераздѣлный.

Дѣлицій заживаю — гобзую, пресыщаюсь.

Дѣлне справую — мужаюсь, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескій.

Дѣлъ—участіе, дѣлъ.

Дѣтей множство — многочадіе.

Дѣра—скважня.

Дякованіе—благодареніе.

Дякую—благодару, *дякую тебѣ*—вѣмъ (sic) ти благодать, имамъ ти благодать.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шолкъ, ...
Единакъ—инокъ.
Единецъ—инокъ, монахъ.
Единомыслно—инодушно, обще.
Единорожецъ—инорогъ, единорогъ.
Единостайно—единодушне.
Единочадый—единородый, иночадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе-ходатайство, смиреніе.
Едначъ—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, крощу, укрощаю, молю, смиряю, приповѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирителный.
Едно—точію, кромѣ.
Едность—единостайность, соединеніе, община.
Ездный—сънузникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Елита—утроба.
Енгалоґія—родословіе.
Епатида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели, ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо вѣмъ не—не убо.

Ж.

Жаґель—паруст, вѣтрило, ядрило.
Жадаю—желаю.
Жадною мѣрою—никако же, ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель, спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачиве окаяваю, щажу, пекуся, сѣтую, ревную.
Жаль—жалость, болѣзнь, рыданіе, ревность, ревнованіе, образіе.
Жаль ми на кою—недугую.
Жарливость маю—ревную.
Жарлокъ—гортанобѣсецъ, ласкосердій.
Жартливый—кощунникъ, смѣхотворца.
Жартовнии рѣчи—шуточныя, радостворная.
Жартую—кощунствую, блядословлю, смѣхословлю, любезно и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрицало.
Желѣдба—печаловенъ, желѣнъ, укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіе, пороченіе, сѣтованіе.

Жельзнойшіи—жестоковыйный.

Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.

Женитва—бракъ.

Женюся—брачуся, посягаю.

Жертовникъ—очистилище, требище.

Живность—пища, жизнь.

Живностю опатрую — питаю, ухлѣбляю.

Животъ—духъ, жизнь, животъ, требухъ, утроба, матица, ложесная.

Живу—обитаю, живу.

Жилки маленкіи—стежки духа, огорненіе духа, жилище, артиріи, живіолъ, стихій, составъ.

Жило—жилище.

Жиловатый—жилищный.

Жировный—паственный.

Жито—пиро.

Жмуреніе—мженіе.

Жмуру—мжу, смѣжаю.

Жнецъ—жатель.

Жниво—жатва.

Жолвъ морскій—червленица.

Жолнырская шата—хламысъ.

Жолнырскою ся бавлю (sic),—воинствую.

Жолнѣръ—воинъ.

Жоломѣйка—сопль.

Жолудокъ — животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.

Жолудь—желудь, жиръ.

Жона—жена, супружница.

Жона отгнаная—пущеница.

Жоночій обычай наслѣдую—женсвую.

Жорна—жерновъ.

Жродло—источникъ.

Журавель—у студнѣ водоважца.

Журба—печаль, скорбъ.

З.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.

Забава—закоснѣніе, замедленіе, коснѣніе, неудобство, упражненіе.

Забавляюсь—закоснѣваюсь, медлю, замедлѣваю, косню, упражняюсь.

Забавно—косню (sic).

Забиваю—зарѣзую, заколюю.

Забитіе—забвеніе.

Заборона—препона.

Заборонитель — возбранникъ, возбранитель.

Забороняю—возбраняю.

Забѣгаю—предпріймую.

Завада—реть.

Заверненіе головы—бѣснованіе, неистовство, изумленіе.

Завертаю въ сторону—уклоняюсь.

Завижу—ревную.

Завистникъ доброму — ревнитель, ревностенъ, ревнивый.

Зависть добрая — ревнованіе, рвеніе.

Заводныкъ—ристатель.

Заводи (sic)—страдалчество, подвизаніе, борба.
Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчествую, подвизаюся, боруся.
Завоеваніе—плѣнъ, плѣненіе.
Завоеванный — емлемый, плѣнникъ.
Завой—сударъ.
Заволай—вопій.
За волею Божею—волею Божіею.
Заволую—вопію.
Завора—верія, развора.
Завстыжаю—обличаю, изобличаю.
Завтра—утро, утрѣ.
Завтреніе—утреня.
Завтрешный—утречный, заутреный.
Завше—всегда, выну, присно.
Завше учуся—глумлюся (sic).
Завъси—верія.
Загадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровенъ глаголъ.
Загадую—гадателствую, назнаменовую.
Загамовую—престати творю(sic).
Заглохаю—оледенѣваю.
Заглядую — сматряю, назираю, приничу, приницаю.
Загорода—ограда.
Загорожаю—ограждаю.
Загороженіе—огражденіе.
Загроженіе — прещеніе, запрещеніе.
Загрожую — запрѣщаю, призапрѣщаю.
Загубляю — истребляю, испразняю, упразняю.
Задаваю кому що—належу.
Задатокъ—залогъ.
Задеваю—задѣваю.
Задержаюся—удерживаюся, отступую.
Задерженіеся — терпеніе, воздержаніе.
Задержую—восприемляю, удержую, утоляю.
Задокъ—задняя.
Задуманіе—изумленіе.
Заживаю—пріемлю.
Зажмуреніе—зри жмуреніе.
Зажмурую—смѣжаю.
За зле маю—недугую, стужаюся.
За зле мя маютъ—имѣютъ мя тяжко, стужаютъ ми.
За зле маючій—недугователь.
Зазираніе—наблюденіе.
Зазираю — назираю, смотряю, пренебрегаю, преобыжаю.
Зазросливый—зависный.
Зазрю—ревную.
Зайзрость — зависть, ревность, ревнообразіе (sic).
Заикаючійся—косноязычный.
Заикуючійся — косноязычный, косногласенъ, зри гугнивый.
Заисте—явѣ, ей.
Заказъ — прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.
Закалъ—порокъ.
Закаменьлость до покути — умиленіе (sic).
Закаменьлый—жестокъ.
Закаменьлого сердца—жестокосердій, закаменѣлѣйшій, жестоковыйный, жесточайшій.

Заклепленіе—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклиначъ — волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заколоченіе — смущеніе, соклащеніе (sic).
Заколочую — мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймую—возаконяюсь.
Закритіе—закровъ.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залеценіе—врученіе, составленіе
Заледвѣ—едва, негли, аще, простѣ.
Залицаю—составляю.
Заложеніе — сложеніе, основаніе, ѳемеліонъ.
Замешканіе—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, зеклпи верія.
Замкненіе—заключеніе.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплищаю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замѣна—залогъ.
Замѣшаваю—зри возмущаю.
Замѣшеніе—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.

Заневоленіе—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пренебрегу.
Заночовую—облегаю.
Запалчивость—ярость, реть.
Запалчивъ—яростенъ, яръ.
Запалююсь гнѣвомъ—ярюся.
Запасникъ—подвижникъ.
Запасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіе.
Запахъ шпетный—зловоніе.
Запевне — извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмѣщуся, отмѣтаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наимъ.
Заповѣдаю—завѣщеваю.
Заповѣдь—завѣщаніе, заповѣдь, завѣтъ.
Запомогаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запорока (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпоту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрѣніеся—отреченіе.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразъ—абіе.
Заростую—оледенѣваю.
Зарѣзаніе—закаланіе.
Зарѣзую—закалаю.
Заручаю—прирѣкаю, обручаю.
Зарученіе—обрученіе.
Засиланіе—заточеніе.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.
Засмъялся—возсмѣяся.
Засмъялся трохи — оскабился.
Засмучаю—опечаляю.
Засмучаюся—опечаляюсь.
Застава—залогъ.
Заставлюючійся за кого—возбранный.
Заставлююсь — востягаю, восхлащаю.
Заставую—залагаю.
Заставуюся—предстателствую.
Застарълый—престарѣлый.
Заступаю — воспріемлю, подъемлю.
Засъдаю—возлегаю.
Засъдаю на кого—присѣжу.
Зась—паки.
Затаенно—зри закрыто.
Затвердъваю—ожестѣваю, оледенѣваю.
Затвердълость—умиленіе.
Затвержаю—ожесточаю, ожещаю, окаменяю.
Затраченіе—губителство, всегубителство.
Затрудненіе—неудобство.
Затрудняю справу—накощу.
Затъняю—осѣняю.
Затубованый—оклощенный.
Заулокъ—халуга.
Заушникъ—клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.
Захованіе чиню—угождаю.
Захованый — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.
Захователь—зри вибавитель.
Заховую—блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.
Заходъ—западъ.
Захожу кому въ дорогу—зри выхожу.
Захоръваю — немоществую, изнемогаю.
Зацне—преводителнѣ, велично.
Зацность — величество.
Зацный—благонарочитъ, изящный, преславный, неначаемый.
Зацного роду—благоплеменный, благородный.
Зацнъйшій—лучшій.
Зачервонъваюся — почервонѣваю.
Зашкода—повреда.
Зашкоженіе—повреждеціе.
Зашкожую—повреждаю.
Заятраюся—недугую.
Збазненіе—блазнь.
Збанъ—скудель.
Збиваніеся—зри бой.
Збиваюся—страдалчествую, боруся, подвизаюся.
Збиранія (sic) *вокругъ*—сообращеніе.
Збираю—обымаю.
Збираю въ купу—ищитаю, сопрятую.
Збираю скарбы — сокровыществую.
Збираю вино—обемлю (sic) лозу.
Збитіе—збіеніе.

Збоже—жито.

Зборъ—сонмъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.

Збройный — всеоружный, вооруженъ.

Зброя—бронь.

Збунтованіе—зри бунты.

Збурую—разсипаю, разаряю.

Збытный—лишный, излишный.

Збытнее богатство—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящшество, лишество, мшелоимство.

Збытнее богатство збыраючій — срамноприобрѣтатель, мшелоимецъ.

Збѣгаю до купи — сращаюсь, исрищуся, стицаюся, сорастаюся.

Збѣгъ—стеченіе.

Збѣгъ—бѣгунъ, бѣглецъ, бѣжалецъ.

Зваду чиню—распрѣваю.

Звадца—клеветникъ, ковникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, оболгатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдко, зри бунтовникъ.

Зважую—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.

Зведеніе—совращеніе.

Зверхность—власть, держава.

Зверхный—внѣшній.

Зверхнѣйшій—верховный.

Зверху—внѣ.

Зветшалый—ветхый, обветшалый.

Звиню—брящаю, брячу, звеню.

Звитяжаю—побѣждаю, одолѣваю.

Звитяженъ бываю—повинуюся, покаряюсь, умаляюсь.

Звитязство—побѣда, одолѣніе.

Звитязца—побѣдитель.

Звлаща—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.

Зводникъ—лестецъ, умопрелщатель.

Звожу—прелщаю, возставляю.

Звыклемъ—предпріятій есмъ.

Звыклость—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.

Звыклый—обычайный, обычный.

Звысокости—свышше.

Звѣздарь—звѣздословъ.

Звѣрный покормъ—звѣроядина.

Звѣрско—безсловеснѣ.

Звѣрь—зри животно безсловесно.

Звязки—укрой, повой.

Звязокъ малженскій — брачный союзъ.

Звязокъ—уза, юза, союзъ.

Звязую—связую.

Згажаю — согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдителствую, зганбляю, посрамляю.

Зганбеніе—зри ганба.

Зганяю—зри ганю, ганбю.

Згибель—пагуба, погибель.

Згиненіе—всегубителство.

Згиняю—згибаю.

Зглажую — зри внѣвечъ обертаю.

Згнило—щапственнѣ.

Згнѣтаю ґроно—сожинаю грозди.

Згода—миръ, единомысліе, единомышленіе, сложеніе, согласіе, единство, соединеніе.

Згодливый — единомысленный, единособразный,смирителный.

Згожий—ключаемый.

Згожость—ключимость.

Згола—весма, бохма, отнюдъ, всяко, всяческая.

Згоршеніе — соблазнь, блазнь, преткновеніе, претиканіе, грѣхъ, щапство.

Зготованіе—сотвореніе, устроеніе.

Зготовляю—сотворяю.

Згромаженіе — соборъ, состояніе, составъ.

Згрубѣваю—одебелѣваю, огустѣваю.

Згуба—зри згиненіе.

Згустѣлый—усиренный.

Згущаю— усиряю, огущаю, оледенѣваю.

Зґелкъ—зри замѣшаніе.

Зґрунту—зри згола.

Здается—мнится, видится.

Зданіе—разумъ.

Здаюся—являюся,вознепщуюся.

Здобычъ—добытіе.

Зрада—ложъ, кознь, навѣтъ, лесть, прелесть, лщеніе, предателство.

Здрадливый—навѣтникъ.

Здражаю—прелщаю.

Здрайца—запинатель, прелестникъ, клеветникъ, навѣтникъ, лестецъ, предатель, прелагатай.

Здрой—источникъ.

Здужую—одолѣваю, премаґаю.

Здумѣваюся—удивляюся, усумнѣваюся, изумнѣваюсь, изумляюся, недоумѣваюся, ужасаюся, сумнѣюся, сомнѣюсь, недоумѣніемъ одержимъ бываю.

Здумѣніе—недоумѣніе, неудобство, ужасновеніе, ужасъ.

Зебраніе—проторъ, притяженіе, приобрѣтеніе, соборъ.

Зсднаніе—умовленіе.

Зедноченіе—соединеніе, зри згода.

Зезволеніе—благоволеніе, спредсявзяте, обѣтъ, воля, изволеніе, произволеніе, предложеніе,намѣреніе,сложеніе,миръ, реченіе.

Зезволяю — избираю, изволяю, рачу, помаваю, совѣщеваю.

Зеленость—злакъ.

Зеленыи свята—пятьдесятница, пентикостія.

Зелживость—зри ганба.

Зелжоный — посмѣянъ, поруганъ, поруганый, досаду пріемъ.

Земокъ нашъ, вашъ,—страненъ.

Зепсованіе—врежденіе.

Зестіе—ликъ, состояніе, толща, сотеченіе.

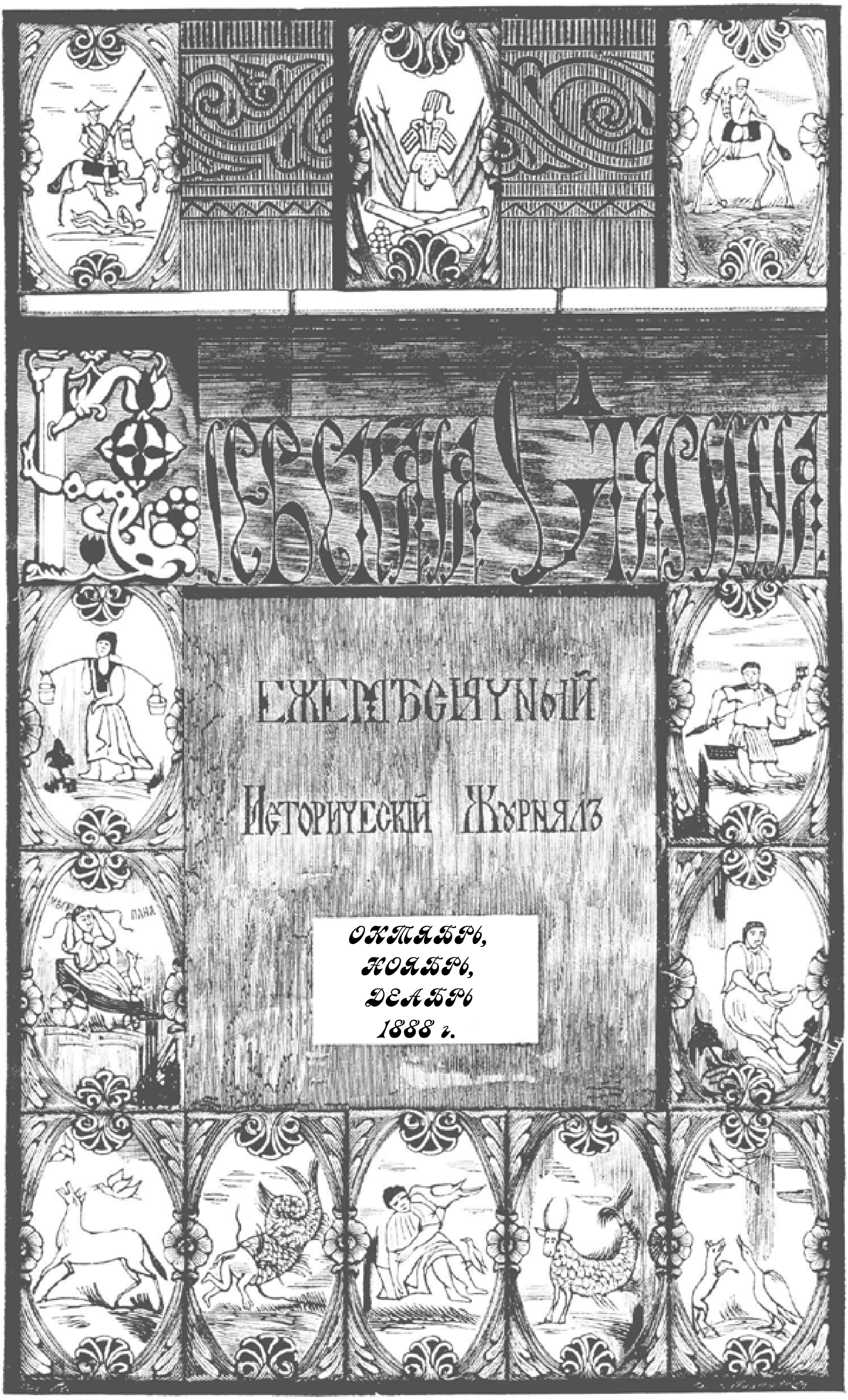
Зестіе спѣваковъ або музикъ—ликъ.

З задy—созади, зади.

Обозрѣніе журн. и газетъ. Библіографич. указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевск. Стар." за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма, портретъ А. А. Перовскаго, слово Ѳеоф. Прокоповича, дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка, изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова, памятникъ Б. Хмельницкому по рис. В. Н. Николаева, видъ Десятинной церкви, постр. П. Могилою, Словарь книжн. малор. рѣчи.



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIII.

ОКТЯБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Сентября 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.

Отъ редакціи.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы, прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной кри-

тики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуютъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ десяти книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж., эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ**: Молотники (бытов. разсказъ). **Проф. С. А. Бершадскаго**: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова**. Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка**: Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Богд. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтописное сказаніе). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **О. И. Левицкаго**: Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко**: Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линниченка**: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ въ 1766 г. **Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **В. П. На-**

уменка: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **Н. О.** „Бунтъ" сквирскаго магистрата. Памятникъ Богд. Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историч. очеркъ попытокъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Х. П. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено большое число рецензій на вновь вышедшія книги, документовъ и замѣтокъ. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ по рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А Милорадовичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, А. А. Руссовъ, Н. В. Стороженко, В. Н. Стороженко, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину" за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Первые четыре года ссылки Шевченка.

Описывая жизнь Шевченка въ ссылкѣ, почтенный біографъ поэта М. К. Чалый [1]) замѣчаетъ, что почти единственнымъ матеріаломъ для этого тяжкаго для Шевченка десятилѣтія служатъ разбросанныя по страницамъ его *Дневника* воспоминанія, да нѣсколько уцѣлѣвшихъ писемъ къ пріятелямъ. Хотя книга г. Чалаго вышла въ свѣтъ всего шесть лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ матеріалъ для біографіи Шевченка значительно увеличился: основанная на оффиціальныхъ данныхъ статья Е. Гаршина *Шевченко въ ссылкѣ* (Истор. Вѣстникъ 1886, январь) дала твердыя хронологическія рамки для всѣхъ будущихъ біографовъ поэта; на страницахъ *Кіевской Старины* (1883 г., январь—апрѣль) появились письма Шевченка къ его другу и товарищу по ссылкѣ Брониславу Залѣсскому (1853—1857 гг.), а газета *Свѣтъ* (1882 г., № 111) напечатала интересныя воспоминанія Наты Усковой, дочери коменданта Новопетровскаго укрѣпленія—оба весьма важныя для характеристики послѣднихъ лѣтъ пребыванія Шевченка въ ссылкѣ. Кромѣ всего этого въ нашемъ распоряженіи находятся неизданныя письма Шевченка къ его другу и покровительницѣ княжнѣ В. Н. Репниной, бросающія яркій свѣтъ на пребываніе Шевченка въ Орской крѣпости. Это тѣ самыя письма, безвозвратную потерю которыхъ оплакивалъ г. Чалый [2]). Нако-

[1]) Жизнь и произведенія Шевченка. Кіевъ, 1882 г. стр. 65.

[2]) За позволеніе воспользоваться для настоящей статьи этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ мы приносимъ глубокую благодарность высокоуважаемой кн. В. Н. Репниной, до сихъ поръ свято хранящей память о своемъ другѣ и живо интересующейся всѣмъ, что пишется о немъ.

нецъ, счастливый случай свелъ насъ съ старымъ другомъ Шевченка Ѳ. М. Лазаревскимъ, знавшимъ поэта еще въ Оренбургѣ. Съ свойственнымъ ему безпримѣрнымъ радушіемъ, за которое отъ имени всѣхъ поклонниковъ поэта приносимъ ему искреннее спасибо, Ѳ. М. не только сообщилъ намъ массу интересныхъ подробностей о жизни Шевченка въ Оренбургѣ (въ 1849—1850 г.), но предоставилъ въ наше распоряженіе одно письмо, нѣсколько неизданныхъ стихотвореній и свои рукописныя замѣтки на книгу г. Чалаго. На Ѳ. М. Лазаревскомъ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ друзей Шевченка и очевидцевъ его жизни въ Оренбургѣ, лежитъ священная обязанность сказать свое правдивое слово и разсѣять туманъ, облекающій въ особенности первые годы жизни Шевченка въ ссылкѣ. Пользуясь имѣющимся у насъ подъ рукой матеріаломъ, попытаемся сдѣлать нѣсколько дополненій и поправокъ къ разсказу г. Чалаго касательно знакомства поэта съ кн. Репниной и первыхъ годовъ его пребыванія на востокѣ Россіи.

Разсказъ г. Чалаго о началѣ знакомства Шевченка съ семействомъ кн. Репнина не совсѣмъ точенъ. „Князь Н. Г. Репнинъ—разсказываетъ г. Чалый—узнавъ о художественномъ талантѣ новоприбывшаго въ Малороссію живописца Шевченка, пригласилъ его къ себѣ для снятія копіи съ своего портрета и когда копія была сдѣлана довольно удачно, то Шевченка просили остаться въ домѣ на болѣе продолжительное время и поэтъ провелъ здѣсь всю зиму 1844 г. (стр. 41). По словамъ кн. Репниной дѣло происходило нѣсколько иначе: Шевченко пріѣхалъ въ ихъ помѣстье Яготинъ не по приглашенію ея отца, а по порученію своего знакомаго Г. С. Тарновскаго [1]), заказавшаго ему копію съ портрета князя; привезъ же его съ собой и представилъ семейству Репниныхъ А. В. Капнистъ, у котораго онъ въ это время гостилъ. Это происходило не въ 1844 г., но лѣтомъ

---

[1]) Извѣстнаго богача и мецената, владѣльца очаровательной Качановки, гдѣ по долгу гостили Глинка, историкъ Малороссіи Н. А. Маркевичъ, Е. П. Гребенка, піанистъ Дрейшокъ и др. Два письма Шевченка къ Г. С. Тарновскому напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ (1883 г. февраль). Орлиный носъ Г. С. черниговскій острякъ Ширай мѣтко назвалъ серпомъ, пожинающимъ гроши.

1843 г., что доказывается между прочимъ написанной осенью того же года и посвященной кн. Репниной поэмой *Безталанный*. Съ перваго разу Шевченко произвелъ на своихъ новыхъ знакомыхъ весьма симпатичное впечатлѣніе. Онъ держалъ себя скромно, просто, но съ большимъ достоинствомъ; въ немъ не было ни стремленія рисоваться своимъ поэтическимъ призваніемъ, ни желанія подыгрываться подъ общій тонъ. Первое время онъ былъ нѣсколько сдержанъ, но простота и радушіе, царствовавшія въ гостепріимномъ домѣ кн. Репниныхъ, подѣйствовали на него благотворно; смущеніе его прошло; чувствуя, что его окружаютъ добрые и симпатизирующіе ему люди, онъ видимо ободрился, завелъ оживленный разговоръ и чуть ли не въ тотъ же день до того разошелся, что сталъ пѣть малороссійскія пѣсни, съ грѣхомъ пополамъ акомпанируя себѣ на фортепьяно. Извѣстно, что Шевченко мастерски исполнялъ народныя украинскія пѣсни, что его пѣніе производило глубокое впечатлѣніе на слушателей. По словамъ г. Кулиша, Шевченко въ ту эпоху своей жизни былъ безспорно лучшимъ во всей Малороссіи пѣвцомъ народныхъ пѣсенъ (Чалый, стр. 61); вспоминая о пѣніи Шевченка, кн. Репнина говоритъ, что оно поразило ее своей глубокой задушевностью, что мягкій, дышащій грустью голосъ нашего кобзаря (баритонъ съ высокими теноровыми нотами) невольно проникалъ въ душу. Ободренный ласковымъ пріемомъ и польщенный приглашеніемъ радушныхъ хозяевъ, Шевченко остался гостить у кн. Репниныхъ. Это почтенное семейство, соединявшее въ себѣ все рѣже и рѣже встрѣчающійся въ наше время аристократизмъ породы съ духовнымъ аристократизмомъ, съ возвышенностью идей и чувствъ, сразу сумѣло оцѣнить въ Шевченкѣ внутренняго человѣка и не усомнилось поставить на равную ногу съ собой бывшаго крѣпостнаго. Особенно подружился Шевченко съ прекрасной и умной дочерью князя, Варварой Николаевной, которая, пренебрегая общественными предразсудками, смѣло протянула ему руку черезъ раздѣлявшую ихъ соціальную бездну и стала близкимъ другомъ, сестрой и воплощенной совѣстью поэта. Какое значеніе имѣла эта дружба для Шевченка—это всего лучше видно изъ писемъ княжны къ поэту, напечатанныхъ въ

книгѣ г. Чалаго (стр. 43—48), и изъ посвященія ей написанной на русскомъ языкѣ поэмы *Тризна* или *Безталанный*, гдѣ Шевченко называетъ княжну добрымъ ангеломъ, пробудившимъ въ немъ своими рѣчами мечты о раѣ[1]). Дружба эта поддерживалась нерѣдкими пріѣздами Шевченка въ Яготинъ и постоянной перепиской. Къ сожалѣнію относящіяся къ этой порѣ письма Шевченка не нашлись въ бумагахъ кн. Репниной, хотя, по словамъ ея, они непремѣнно должны сохраняться въ яготинскомъ архивѣ. Но за то въ бумагахъ поэта сохранилось нѣсколько собственноручныхъ отрывковъ кн. Репниной, написанныхъ большею частью для Шевченка и навѣянныхъ бесѣдами съ нимъ. Одни изъ нихъ (какъ, напримѣръ, *Часовня*, *Пѣснь нищаго*, *Напутственная молитва*) представляютъ собой вольныя переводы изъ Зейдлица; другіе, принадлежащіе перу самой княжны и проникнутые истинно-братской нѣжностью къ поэту, могутъ быть по всѣмъ правамъ отнесены къ тому разряду произведеній, которымъ Тургеневъ далъ названіе стихотвореній въ прозѣ. Таковы: *Марія*, *Сестра и Возлюбленная* и *Пророчество*[2]). Сама княжна Репнина въ письмѣ къ издателю „Русскаго Архива“, желая опровергнуть проникшее въ литературу романическое толкованіе этихъ отрывковъ, такъ объясняетъ происхожденіе ихъ: „Присутствіе поэта въ нашемъ домѣ одушевляло меня и, не имѣя дара выражаться стихами, я выливала мои мысли прозой и мало ли что я тогда писала, не какъ героиня романа, а какъ живая душа, у которой открылся заржавленный вслѣдствіе болѣзни, горестей и долгаго пребыванія заграницей клапанъ. Услышавъ

---

[1]) ... Для Васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ. (Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка на русскомъ языкѣ. Изданіе редакціи „Кіевской Старины“. Кіевъ, 1888 г., стр. 573).

[2]) Въ книгѣ Чалаго напечатаны три изъ нихъ: *Часовня*, *Сестра и Возлюбленная* и *Пророчество*.

поэтическія выраженія наболѣвшей души, я вторила ей своими скромными строками и сообщила нѣкоторыя изъ нихъ симпатичному человѣку, который называлъ меня сестрой, что было совершенно естественно при нашихъ дружескихъ отношеніяхъ" [1]).

Не желая повторять старую исторію о причинахъ ареста и ссылки Шевченка и его друзей, замѣтимъ только, „что въ іюнѣ 1847 г. Шевченко, обвиненный въ сочиненіи пасквиля и каррикатуры на одно высокопоставленное лицо, былъ отправленъ изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался нѣсколько мѣсяцевъ, въ Оренбургъ и зачисленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги, но съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него—какъ сказано въ бумагѣ отъ военнаго министра къ командиру оренбургскаго отдѣльнаго корпуса генералу Обручеву—ни подъ какимъ видомъ не могло исходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій" [2]).

Узнавъ, что Шевченка привезли въ Оренбургъ, служившій въ оренбургской пограничной коммиссіи Ѳ. М. Лазаревскій, тогда еще не знавшій поэта лично, немедленно отправился къ чиновнику особыхъ порученій при Обручевѣ полковнику Е. М. Матвѣеву съ просьбой сдѣлать все возможное для облегченія его горькой участи. „Все, что можно сдѣлать для него—будетъ сдѣлано"—отвѣчалъ бравый полковникъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей въ Оренбургѣ, всегда относившійся къ судьбѣ поэта съ истиннымъ участіемъ. Отъ Матвѣева Лазаревскій прошелъ въ казармы, куда помѣстили Шевченка. Онъ засталъ поэта лежащимъ ничкомъ въ одномъ бѣльѣ на нарахъ и углубленнымъ

---

[1]) Русскій Архивъ, 1887 г. № 6.

[2]) Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ („Истор. Вѣстникъ", 1886 г., январь, стр. 159). Повидимому, это запрещеніе первоначально не распространялось на письма. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ понимали запрещеніе не только самъ Шевченко, но и его ближайшіе начальники, которые очень хорошо знали, что Шевченко переписывается съ своими друзьями и не препятствовали ему въ этомъ. Но впослѣдствіи въ Петербургѣ посмотрѣли на дѣло иначе, и когда при обыскѣ въ Оренбургѣ у Шевченка нашлись письма и рисунки, то ближайшимъ начальникамъ его было сдѣлано строгое внушеніе за допущеніе этихъ послабленій (см. Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ, стр. 168).

въ чтеніе библіи [1]). Проученный горькимъ опытомъ, недавно жестоко поплатившійся за свою довѣрчивость, Шевченко принялъ посѣтителя весьма сдержанно, но звуки родной рѣчи и непритворное участіе, свѣтившееся въ глазахъ вошедшаго, скоро разсѣяли его подозрительность, и онъ далъ слово въ тотъ же день посѣтить Лазаревскаго. Съ тѣхъ поръ до самаго перевода своего въ Орскую крѣпость, который послѣдовалъ въ томъ же іюнѣ, Шевченко былъ частымъ гостемъ въ домѣ Лазаревскаго, гдѣ его встрѣчали съ восторгомъ служившіе въ Оренбургѣ земляки, сдѣлавшіеся изъ почитателей его таланта его искренними друзьями. Благодаря хлопотамъ этихъ друзей, нашедшихъ путь къ двумъ вліятельнымъ лицамъ въ Орской крѣпости, попечителю прилинейныхъ киргизовъ Александрійскому и непосредственному начальнику Шевченка, командиру расположеннаго тамъ батальона Мѣшкову, пребываніе поэта въ этомъ захолустьѣ было сноснѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ, но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи; офицеры обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и если Шевченко тѣмъ не менѣе страдалъ нравственно, то это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе тоски по родинѣ, мучительнаго сознанія безправности своего положенія и тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать. Онъ избѣгалъ этого запрещенія, пиша украдкой или по ночамъ, когда всѣ въ казармахъ спали, но рисовать при такой обстановкѣ, рискуя ежеминутно быть захваченнымъ съ поличнымъ, было почти невозможно, не говоря уже о томъ, что у него не было при себѣ никакихъ принадлежностей для рисованья. А между тѣмъ новый край, куда его забросила судьба, съ его оригинальной физіономіей и живописнымъ населеніемъ представлялъ большой соблазнъ для художника, и запрещеніе рисовать являлось весьма тяжелымъ лишеніемъ. Не будучи

[1]) Это была та самая библія, которую дали Шевченку въ Петропавловской крѣпости, когда онъ, умирая отъ скуки, просилъ что нибудь почитать и съ которой онъ впослѣдствіи никогда не разставался. Въ настоящее время она хранится у Ѳ. М. Лазаревскаго.

въ состояніи выносить этого лишенія, Шевченко вскорѣ по прибытіи своемъ въ Орскую крѣпость обращался къ шефу жандармовъ о разрѣшеніи ему рисовать портреты и пейзажи, но просьба его была оставлена безъ послѣдствій (Гаршинъ, *Шевченко въ ссылкѣ* стр. 159).

Изъ Орской крѣпости Шевченко написалъ свое первое письмо къ кн. Репниной, вложивъ его въ письмо къ общему пріятелю А. И. Лизогубу [1]). Въ письмѣ этомъ Шевченко, какъ истый украинецъ, пытается ударить лихомъ объ землю и отнестись юмористически къ своему положенію, но это ему плохо удается и его смѣхъ сквозь слезы отдается въ сердцѣ больнѣе самаго горькаго плача. „Вы непремѣнно разсмѣялись бы — пишетъ Шевченко—если бы увидѣли теперь меня: вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я! Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать? Такъ угодно Богу; видно я мало терпѣлъ въ моей жизни. Правда, что прежнія мои страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (окромя писемъ). А здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ,—и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами (на верблюдахъ), какъ волны моря зыблющимися вдали и своею жизнью удвоивающими тоску. Я иногда выхожу за крѣпость къ караванъ-сараю или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ! какія прекрасныя головы! и какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости! Если бы мнѣ можно было рисовать, сколько бы я вамъ прислалъ новыхъ и оригинальныхъ рисунковъ, но что дѣлать? Смотрѣть же и не рисовать—это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ“. Не получая долгое время отвѣта отъ кн. Репниной, Шевченко въ

[1]) Письма Шевченка къ Лизогубу напечатаны у г. Чалаго (стр. 67—72).

письмѣ къ Лизогубу (отъ 12-го декабря 1847 г.) осыпаетъ его вопросами о своемъ далекомъ другѣ: „Были-ли Вы въ Яготинѣ лѣтомъ? Что тамъ дѣлается? Гдѣ теперь живутъ яготинскія анахоретки?... Я писалъ черезъ Васъ къ В. Н.; не знаю, дошло ли мое письмо; не знаю, что она, сердешная, подѣлываетъ? Скажите ей, когда увидите, или письменно попросите, чтобы она написала мнѣ хоть строчку. Ея прекрасная и добрая душа вѣроятно часто навѣщаетъ меня въ неволѣ“ (Чалый, стр. 68). Получивъ наконецъ давно ожидаемое письмо, поэтъ до тѣхъ поръ читалъ и перечитывалъ его, пока не выучилъ наизусть[1]). Любо и бодро стало у него на душѣ при мысли, что старыя друзья не отреклись отъ него въ несчастіи; въ такомъ бодромъ настроеніи духа Шевченко встрѣтилъ 25 февраля—день своихъ именинъ. „Я какъ бы отъ тяжелаго сна проснуся—пишетъ онъ кн. Репниной—когда получу письмо отъ кого нибудь не отрекшагося меня, а Ваше письмо перенесло меня кромѣ того изъ мрачныхъ казармъ на мою родину и въ Вашъ прелестный Яготинъ. Какое чудное наслажденіе воображать тѣхъ, которые вспоминаютъ обо мнѣ, хотя ихъ очень мало. Но счастливъ кто доволенъ малымъ, а въ настоящее время я принадлежу къ самымъ счастливымъ: бесѣдуя съ Вами, я праздную 25 февраля не шумно, какъ это было прежде, но такъ тихо, тихо и такъ весело, какъ никогда не праздновалъ. И за эту великую радость я обязанъ Вамъ и Г. И. [2]). Да осѣнитъ Васъ благодать божія! Пишите ко мнѣ такъ часто, какъ вамъ время позволяетъ; молитва и Ваши

[1]) Письмо это вмѣстѣ съ другимъ письмомъ отъ кн. Репниной, отобраннымъ у Шевченка при обыскѣ въ Оренбургѣ весной 1850 г., должно храниться въ архивѣ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

[2]) Глафира Ивановна Бурковская, урожденная Псіолъ. Она и все ея семейство были очень дружны съ семействомъ Репниныхъ. По смерти любимаго мужа Г. И. не разставалась съ кн. Репниной и года два тому назадъ умерла въ Москвѣ въ ея домѣ. Сестры Псіолъ были весьма образованныя и талантливыя дѣвушки. Глафира Ивановна прекрасно рисовала, а Александра Ивановна весьма недурно писала малороссійскіе стихи. Одно изъ ея стихотвореній *Свячена вода* очень нравилось Шевченку, который въ своихъ письмахъ не разъ просилъ прислать ему это стихотвореніе (см. письмо къ Лизогубу въ книгѣ г. Чалаго, стр. 70). Въ письмѣ къ кн. Рѣпниной онъ повторяетъ свою просьбу, прибавляя, что эта святая вода оросить его увядающее сердце.

искреннія письма болѣе всего помогутъ мнѣ нести крестъ мой. Евангеліе я имѣю, а книги, о которыхъ я просилъ [1]), пришлите, это для меня хоть малое, но все же развлеченіе". Далѣе письмо Шевченка принимаетъ видъ дневника (оно писалось отъ 25 по 29 февраля 1848) и бросаетъ много свѣта на среду, въ которой онъ вращался, и на его тогдашнее душевное настроеніе. „26 февраля. Вчера я не могъ кончить письма, потому что солдаты товарищи кончили ученье; начались разсказы, кого били, кого обѣщались бить; шумъ, крикъ, балалайка выгнали меня изъ казармъ. Я пошелъ на квартиру къ офицеру (меня, спасибо имъ, всѣ принимаютъ какъ товарища) и только что расположился кончать письмо... Вообразите мою муку—хуже казармъ, а эти люди (да проститъ имъ Богъ!) съ большей претензіей на образованность и знанія приличій, потому что нѣкоторые изъ нихъ присланы изъ западной Россіи. Боже мой! Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно! Пишите ко мнѣ и присылайте книги. 28 февраля. Вчера я просидѣлъ до утра и не могъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо. Какое то безотчетное состояніе овладѣло мной. *Пріидите вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы.* Передъ благовѣстомъ къ заутрени пришли мнѣ эти слова Распятаго за насъ, и я какъ бы ожилъ, пошелъ къ заутрени и такъ радостно, чисто молился, какъ, можетъ быть, никогда прежде. Я теперь говѣю и сегодня причастился св. таинъ. Желалъ бы, чтобы вся моя жизнь была такъ чиста и прекрасна, какъ сегодняшній день! Ежели Вы имѣете книгу Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу* (переводъ Сперанскаго), то пришлите ради Бога. Весной предстоитъ походъ въ степь на берега Аральскаго моря для построенія новой крѣпости. Бывалые въ подобныхъ походахъ здѣшнюю жизнь въ Орской крѣпости сравниваютъ съ Эдемомъ. Каково же должно быть тамъ, если здѣсь Эдемъ? Но никто какъ Богъ. Одно меня печалитъ—туда не ходитъ почта и прійдется годъ, а можетъ быть и три (коли переживу) не имѣть сообщенія ни съ кѣмъ

---

[1]) Гоголя. *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями* и *Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей.*

близкимъ моему сердцу. Пишите, еще мартъ мѣсяцъ нашъ, а тамъ да будетъ воля Божія!“ Получивъ это отчаянное посланіе, кн. Репнина рискнула написать къ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ, изображая яркими красками нравственную пытку художника, умоляла графа Орлова во имя человѣколюбія разрѣшить Шевченку рисовать, прибавляя при этомъ, что правосудіе, переходящее свои границы, становится жестокостью (la justice qui dépasse des bornes devient la cruauté). Письмо это осталось безъ отвѣта, но мы увидимъ впослѣдствіи, что гр. Орловъ припомнилъ кн. Репниной ея ходатайство за Шевченка. Въ письмѣ къ кн. Репниной Шевченко между прочимъ сообщаетъ любопытный и доселѣ неизвѣстный фактъ, что со дня прибытія въ Орскую крѣпость онъ велъ свой дневникъ и въ грустную минуту сжегъ его на свѣчѣ. „Я дурно сдѣлалъ, мнѣ послѣ жаль было моего дневника, какъ матери своего дитяти, хотя и урода“. Фактъ этотъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ извѣстнымъ заявленіемъ Шевченка въ его позднѣйшемъ дневникѣ (начатомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи въ годъ освобожденія и напечатанномъ въ журналѣ Основа за 1861 годъ), гдѣ онъ радуется, что ему въ продолженіе десятилѣтней ссылки не пришла въ голову мысль обзавестись записной тетрадью. „Чтобы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть, но какъ я смотрѣлъ на все это? Какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатаго окна на свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіе этого времени приводитъ меня въ трепетъ; а что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорацію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ довелось разыгрывать эту монотонную десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбецъ!“ Съ трудомъ вѣрится, чтобы поэтъ въ данномъ случаѣ совершенно позабылъ о своемъ первомъ дневникѣ, чтобы коварная память не подсказала ему такого сравнительно важнаго въ его грустной жизни факта. Скорѣе можно предположить, что онъ сознательно скрылъ истину, не желая подводить подъ отвѣт-

ственность своихъ добрыхъ начальниковъ, которымъ навѣрное досталось бы, если бы дошли слухи, что отданный подъ строжайшій надзоръ Шевченко, вопреки запрещенію, имѣлъ возможность что либо сочинять. Руководимый тѣми же побужденіями, поэтъ въ письмахъ къ друзьямъ постоянно жалуется, что онъ не имѣетъ возможности ничего написать [1]), тогда какъ на самомъ дѣлѣ извѣстно, что онъ даже въ первые самые тяжелые годы ссылки написалъ не мало стихотвореній, что онъ ихъ вписывалъ въ маленькую переплетенную въ дегтярный товаръ книжечку, которую онъ постоянно носилъ при себѣ въ голенищѣ сапога и которую впослѣдствіи въ Петербургѣ показывалъ Костомарову и Тургеневу [2]).

Экспедиція къ Аральскому морю, которой такъ страшился Шевченко, состоялась весной 1848 г. Но она оказалась далеко не такъ тяжелой, какъ онъ предполагалъ. Начать съ того, что начальникъ экспедиціи, добрѣйшій и благороднѣйшій А. И. Бутаковъ относился къ нему въ высшей степени сердечно, что благодаря его ходатайству Обручевъ разрѣшилъ Шевченку снимать виды въ степи и берега Аральскаго моря. Офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, слѣдовали примѣру своего начальника и наперерывъ осыпали любезностями поэта, а одинъ изъ нихъ, штабсъ-капитанъ Макшеевъ, дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ соль и радушно предложилъ ему для ночлега собственную палатку. Въ такомъ отдаленномъ походѣ не могло быть и рѣчи о строгомъ соблюденіи дисциплины; Шевченко ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и отпустилъ себѣ большую бороду, такъ что совершенно пересталъ быть похожимъ на солдата. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ забавному случаю, занесенному поэтомъ въ свой дневникъ. „Въ 1848 г.—разсказываетъ Шевченко—послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта на островѣ Косъ-Аралѣ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли

[1]) Въ письмѣ къ Кухаренку отъ 2[illegible] апрѣля 1857 г. Шевченко говоритъ: „Самъ не напысавъ нічого (да и якъ його було пысать?), а теперъ уже и Богъ його святый знае, чы й напишу що небудь путне. (Основа 1861. № 10).

[2]) Книжечка эта хранится въ настоящее время у В. М. Лазаревскаго.

мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкой, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ, да бацъ передо мною на колѣни. „Благословите, батюшка! Мы, говоритъ, ужь все знаемъ!“ Я тоже, не дуракъ, смекнулъ, въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась“. (Основа 1861 г.).

Аральская экспедиція длилась безъ малаго полтора года. Въ продолженіи этого времени Шевченко почти не имѣлъ извѣстій о своихъ друзьяхъ и едва ли самъ писалъ кому либо изъ нихъ. „Я ни съ кѣмъ не переписывался—писалъ онъ впослѣдствіи къ кн. Репниной—потому что не было возможности; почта ежели и ходитъ черезъ степь, то два раза въ годъ, а мнѣ всегда въ это время не случалось бывать въ укрѣпленіи.“ Въ особенности причиняло ему нравственныя терзанія отсутствіе писемъ съ далекой родины.

И зновъ мыни не прывезла
Ничого пошта зъ Украины!
За гришныи, мабуть, дяла
Караюсь я въ оцій пустыни
Сердытымъ богомъ.

Не желая надрывать свою душу, видя, какъ другіе читаютъ и перечитываютъ полученныя съ родины письма, нашъ Тарасъ уходилъ на берегъ моря, пѣлъ заунывныя украинскія пѣсни или вынималъ изъ голенища сапога завѣтную книжечку и вписывалъ въ нее только что сочиненные стихи. Вообще во время пребыванія своего въ аральской экспедиціи Шевченко написалъ не мало вещей, вошедшихъ потомъ въ собраніе его сочиненій; такъ между прочимъ отсюда онъ прислалъ Ѳ. М. Лазаревскому прекрасное стихотвореніе *на Рождество* (на Різдво).

Осенью 1849 г. экспедиція окончила свою задачу и по ходатайству А. И. Бутакова, бывшаго для поэта не только добрымъ начальникомъ, но братомъ и другомъ, Шевченко былъ отправленъ въ Оренбургъ, чтобы состоять при немъ и доканчивать

подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. Полугодичное пребываніе въ Оренбургѣ (съ ноября 1849 г. по апрѣль 1850 г.) было сравнительно свѣтлой полосой въ ссыльной жизни Шевченка. Друзья-земляки съ Ѳ. М. Лазаревскимъ во главѣ встрѣтили его съ восторгомъ и устроили въ честь его пирушку; кружокъ польскихъ изгнанниковъ (Брониславъ Залѣсскій, Сѣраковскій, Станевичъ и др.), обыкновенно державшихся въ сторонѣ и отъ русскихъ, и отъ малороссовъ, на этотъ разъ измѣнилъ своей привычкѣ и считалъ за честь принимать у себя малорусскаго поэта-страдальца. Состоя при начальникѣ аральской экспедиціи, Шевченко только номинально считался солдатомъ; онъ ходилъ въ партикулярномъ платьѣ, не несъ воинской службы, жилъ не въ казармахъ, а въ домѣ своего пріятеля, адъютанта при Обручевѣ К. И. Герна, любезно предоставившаго въ его распоряженіе цѣлый флигель, гдѣ Шевченко устроилъ настоящую мастерскую. Тотчасъ по прибытіи въ Оренбургъ Бутаковъ представилъ главному начальнику края рисованный Шевченкомъ альбомъ видовъ береговъ Аральскаго моря и при этомъ распространился въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ о художественномъ талантѣ Шевченка и пользѣ, которую онъ принесъ экспедиціи, что Обручевъ обѣщалъ ходатайствовать о производствѣ Шевченка въ унтеръ-офицеры. Этому обѣщанію можно было повѣрить, ибо чуть не половинѣ Оренбурга было извѣстно, что Шевченко пишетъ портретъ жены начальника края М. П. Обручевой, конечно, не безъ вѣдома послѣдняго. По словамъ Ѳ. М. Лазаревскаго, Шевченко велъ въ это время жизнь кочевую: хотя онъ имѣлъ постоянную квартиру въ домѣ Герна, но нерѣдко исчезалъ изъ дому и проводилъ по нѣсколько дней то у Лазаревскаго, то въ польскомъ кружкѣ, за что ему не мало доставалось отъ земляковъ. Въ одинъ изъ своихъ приходовъ къ Лазаревскому Шевченко, находившійся въ веселомъ расположеніи духа, занесъ въ его записную книжку слѣдующее игривое и до сихъ поръ неизвѣстное стихотвореніе:

Ой у саду у саду
Гулялы кокошки,
Чорнавая, билявая

Дзюбатая трошки.
Хочъ я и дзюбата,
Таки жъ бо я пышна...
Сватай мене, сердце мое,
Я бъ за тебе выйшла.
Я бъ тебе любыла,
Ой я бъ тоби що субботы
Кучерыкы змыла.
Ой змыла бъ я, змыла,
Та ще й росчесала,
Ой я бъ тебе, сердце мое
Ще й поцилувала.

Въ записной книжкѣ Ѳ. М. есть еще одно стихотвореніе Шевченка, относящееся къ тому же времени, но оно уже слишкомъ игриво...

Изъ Оренбурга Шевченко послалъ В. Н. Репниной три письма. Первое отъ 14 ноября 1849 г. написано тотчасъ по возвращеніи и носитъ на себѣ слѣды тяжелыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Аральской экспедиціи. Вотъ какими чертами описывалъ Шевченко свое тогдашнее душевное настроеніе: „не много прошло времени, а какъ много измѣнилось; по крайней мѣрѣ сами Вы уже не узнали бы во мнѣ прежняго глупо-восторженнаго поэта. Нѣтъ, я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ. Вообразите! въ продолженіе почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помысла вдохновеннаго... проза и проза или лучше сказать степь и степь. Да, В. Н., я самъ удивляюсь моему превращенію; у меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости; за то есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рыбьяго хладнокровія. Грядущее для меня какъ будто не существуетъ. Ужели постоянныя несчастія могутъ такъ печально переработать человѣка? Да, это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченка—и благодарю Бога“. Едва Шевченко сталъ отогрѣваться душей въ обществѣ лицъ, искренно къ нему расположенныхъ, какъ его постигло новое разочарованіе. Передъ самымъ новымъ годомъ онъ узналъ, что представленіе Обручева о производствѣ его въ унтеръ-офицеры оставлено безъ послѣдствій

и что ему снова подтверждено запрещеніе писать и рисовать; кромѣ того до него дошли слухи, что весной его снова отправляютъ на Аральское море. Сообщая всѣ эти грустныя вѣсти кн. Репниной, Шевченко прибавляетъ: „вотъ какъ я встрѣтилъ новый годъ! Не правда ли весело? Я сегодня пишу В. А. Жуковскому (я съ нимъ лично знакомъ) и прошу его объ исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Напишите и Вы, ежели Вы съ нимъ знакомы; или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ; онъ съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. О большемъ не смѣю Васъ безпокоить. Мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю о киргизской степи. Съ отходомъ моимъ въ степь я долженъ буду переписку съ Вами прервать можетъ быть на много лѣтъ, а можетъ быть и на всегда! Не допусти Господи! Ежели будете ко мнѣ писать, то сообщите свой настоящій адресъ, и сообщите также адресъ Гоголя—и я ему напишу по праву малороссійскаго виршеплета. Я лично его не знаю. Я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться. Ужасна безнадежность! Такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ бороться съ нею. Я Васъ попрошу, достаньте въ Одессѣ, потому что я здѣсь не нашелъ, и пришлите мнѣ Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу*[1]). Единственная моя отрада въ настоящее время—это Евангеліе. Я читаю его безъ изученія ежедневно и ежечасно. Прежде я когда то думалъ анализировать сердце матери по жизни св. Маріи Непорочной, Матери Христовой, но теперь и это мнѣ будетъ въ преступленіе! Какъ грустно я стою между людьми? Но что матеріальная нужда въ сравненіи съ нуждами души, а я теперь брошенъ въ жертву и тѣмъ и другимъ... я Васъ печалю для новаго года, добрая В. Н., своимъ грустнымъ посланіемъ. Но что дѣлать? У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, а мнѣ хоть немного отрадно стало, когда я выисповѣдался передъ Вами".

---

¹) Надо полагать, что эта книга была послана Шевченку, потому что въ числѣ книгъ, отобранныхъ у него при обыскѣ, значится *О подражаніи Христу* (см. Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ, стр. 166).

Въ третьемъ и послѣднемъ письмѣ къ кн. Репниной отъ 7 марта 1850 г. Шевченко не жалуется больше на судьбу и мало говоритъ о себѣ; письмо это отчасти теоретическаго характера и заключаетъ въ себѣ въ высшей степени оригинальный взглядъ на сущность художественнаго таланта Гоголя и на глубокое нравственное значеніе его произведеній. „Всѣ дни моего пребыванія когда то въ Яготинѣ—пишетъ Шевченко—есть и будетъ для меня рядъ прекрасныхъ воспоминаній. Одинъ день былъ покрытъ легкой тѣнью, но послѣднее письмо Ваше освѣтило и это грустное воспоминаніе. Конечно, Вы забыли; вспомните! Случайно какъ то зашла рѣчь у меня съ Вами о *Мертвыхъ Душахъ* и Вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило непріятно, потому что я всегда читалъ Гоголя съ наслажденіемъ и потому что я въ глубинѣ души всегда уважалъ Вашъ благородный умъ, Вашъ вкусъ и Ваши нѣжно-возвышенныя чувства. Мнѣ было больно; я подумалъ—неужели я такъ грубъ и глупъ, что не могу ни понимать, ни чувствовать прекраснаго? Да, Вы правду говорите, что предубѣжденіе ни въ какомъ случаѣ не позволительно, какъ чувство безъ основанія. Меня восхищаетъ Ваше теперешнее мнѣніе о Гоголѣ и объ его безсмертномъ созданіи. Я въ восторгѣ, что Вы поняли истинно-христіанскую цѣль его. Да, передъ Гоголемъ нужно благоговѣть, какъ предъ человѣкомъ, одареннымъ самымъ глубокимъ умомъ и самой нѣжной любовью къ людямъ! Евгеній Сю похожъ, по моему мнѣнію, на живописца, который не изучивъ порядочно анатоміи, принялся рисовать человѣческое тѣло, и чтобъ прикрыть свое невѣжество, онъ его полуосвѣщаетъ. Правда, подобное полуосвѣщеніе эффектно, но впечатлѣніе его мгновенно; такъ и произведенія Сю. Пока читаешь—нравится и помнишь, а прочиталъ—и забылъ. Эффектъ и больше ничего! Не таковъ нашъ Гоголь, истинный вѣдатель сердца человѣческаго! Самый мудрый философъ и самый возвышенный поэтъ должны благоговѣть предъ нимъ, какъ предъ человѣколюбцемъ!“ Ожидая, что 1 мая его погонятъ въ степь, Шевченко просилъ княжну выслать ему Мертвыя Души: „такая книга, говоритъ онъ, будетъ для меня другомъ въ моемъ одиночествѣ. Пришлите ее, В. Н., ради Бога и ради всего свя-

таго, заключеннаго въ сердцѣ человѣческомъ [1])". Въ заключеніе Шевченко проситъ княжну адресовать свои письма въ пограничную коммиссію на имя своего друга Ѳ. М. Лазаревскаго, высокую душу котораго онъ сумѣлъ оцѣнить во время своего двукратнаго пребыванія въ Оренбургѣ: „это одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей! Онъ первый не устыдился моей сѣрой шинели, первый встрѣтилъ меня по возвращеніи моемъ изъ киргизской степи и спросилъ, есть ли у меня что пообѣдать? Да, подобный привѣтъ дорогъ для меня! Напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умѣю за его пріязнь.

О причинахъ обыска, произведеннаго у Шевченка, и послѣдовавшаго затѣмъ отправленія его на берегъ Каспійскаго моря въ Новопетровское укрѣпленіе такъ разсказывалъ намъ свидѣтель и очевидецъ всего происшедшаго Ѳ. М. Лазаревскій: у одного изъ пріятелей Шевченка, оказавшаго ему много услугъ, была хорошенькая жена, за которой ухаживалъ смазливый прапорщикъ оренбургскаго линейнаго батальона нѣкто И...ъ. Весь городъ говорилъ объ ихъ связи; не догадывался о ней только мужъ, благороднѣйшій человѣкъ, слѣпо довѣрявшій своей женѣ. Такое индифферентное отношеніе къ чужому позору возмущало честную натуру Шевченка; ему казалось, что знать и молчать значило въ данномъ случаѣ быть соучастникомъ обмана. Тщетно друзья уговаривали его не мѣшаться въ это дѣло, увѣряя, что самъ мужъ не скажетъ ему спасибо, Шевченко тѣмъ не менѣе рѣшился раскрыть ему глаза. Живя неподалеку, онъ сталъ внимательно слѣдить за влюбленными и, увидѣвши однажды, что, пользуясь отсутствіемъ мужа, прапорщикъ И....ъ тайкомъ прокрался къ своей возлюбленной, Шевченко съѣздилъ на извощикѣ за мужемъ и прямо привелъ его къ дверямъ комнаты, гдѣ происходило свиданіе. Произошла тяжелая семейная сцена; съ виновной женой сдѣлалась истерика, Шевченко съ мужемъ съ по-

---

[1]) Прежде чѣмъ кн. Репнина успѣла выслать Шевченку просимую книгу, онъ былъ уже отправленъ по этапу въ Орскую крѣпость. Впослѣдствіи *Мертвыя Души* были присланы Шевченку въ Новопетровское укрѣпленіе его польскимъ другомъ Брониславомъ Залѣсскимъ. (См. Письма Шевченка къ Бр. Залѣсскому. „Кіевская Старина" 1883 г., январь, стр. 167).

зоромъ выпроводилъ растерявшагося гарнизоннаго Донъ-Жуана изъ дому, а на другой день Обручевъ получилъ доносъ, что Шевченко ходитъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и вопреки Высочайшему повелѣнію пишетъ стихи и занимается рисованіемъ. Доносъ И....а ставилъ самого Обручева въ неловкое положеніе, ибо слѣдствіе могло обнаружить, что Шевченко писалъ портретъ съ его собственной жены въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. При другихъ обстоятельствахъ Обручевъ могъ бы совсѣмъ не дать хода этому дѣлу, если бы былъ увѣренъ, что И....ъ ограничился доносомъ ему, а не послалъ одновременно доносъ къ шефу жандармовъ. Но онъ скорѣе былъ увѣренъ въ противномъ—о чемъ не разъ говорилъ окружающимъ — а это обстоятельство, при натянутыхъ отношеніяхъ его къ графу Орлову, побуждало его дѣйствовать быстро и рѣшительно. Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ приказалъ своему адъютанту Герну, взявши съ собой жандармскаго штабъ-офицера, произвести обыскъ на квартирѣ Шевченка и немедленно донести ему о результатахъ обыска. Это было въ субботу на страстной недѣлѣ. Выйдя отъ генералъ-губернатора, Гернъ, очень любившій Шевченка, забѣжалъ къ Лазаревскому и, разсказавъ все происшедшее, просилъ его предупредить Шевченка, что не далѣе какъ черезъ полтора часа у него будетъ обыскъ. Не малаго труда стоило Лазаревскому разыскать Шевченка; наконецъ съ помощью одного пріятеля Шевченко былъ разысканъ и они втроемъ отправились къ нему на квартиру и весьма энергически принялись уничтожать валявшіеся по столамъ письма и рисунки. Когда большая часть находившихся въ комнатѣ бумагъ была уничтожена, Шевченко, хорошо зная, что у него не найдется ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи, вдругъ заупрямился и энергически возсталъ противъ этой бумажной гекатомбы. „Довольно—сказалъ онъ—закрывая рукою пачку писемъ; оставьте хоть что нибудь для инквизиторовъ, а то они подумаютъ, что добрые люди меня и знать не хотятъ". Благодаря этой неосторожности, попали въ руки жандармовъ два альбома съ рисунками и стихами Шевченка, да болѣе двадцати писемъ къ нему отъ различныхъ лицъ: пять отъ Лазаревскаго, семь отъ Лизо-

губа, два отъ кн. Репниной и т. д. (Гаршинъ, *Шевченко въ ссылкѣ*, стр. 170). Отобранныя при обыскѣ письма были отправлены въ Петербургъ и не замедлили навлечь на его корреспондентовъ большія или меньшія непріятности. Самого же Шевченка велѣно было впредь до окончанія слѣдствія отправить по этапу въ Орскую крѣпость и тамъ заключить въ казематъ. Слѣдствіе шло быстро и уже въ началѣ іюня дѣло политическаго преступника Шевченка, должно полагать вслѣдствіе приписываемой ему государственной важности, было доложено Государю Императору и вскорѣ послѣдовала Высочайшая резолюція, въ силу которой было рѣшено препроводить Шевченка въ Новопетровское укрѣпленіе подъ строгій надзоръ ротнаго командира, а его ближайшимъ начальникамъ Мѣшкову и Бутакову сдѣлать строгій выговоръ.

Въ числѣ лицъ, получившихъ большія или меньшія непріятности изъ за Шевченка, были Ѳ. М. Лазаревскій и кн. Репнина. Перваго обошли мѣстомъ, на которое онъ имѣлъ полное право расчитывать, а послѣдняя получила отъ гр. Орлова строгое внушеніе за переписку съ Шевченкомъ и за участіе, которое она принимала въ немъ. „Переписка Ваша съ Шевченкомъ—говорится въ этой бумагѣ—равно какъ и то, что Ваше Сіятельство еще прежде обращались ко мнѣ съ ходатайствомъ объ облегченіи участи упомянутому рядовому, доказываетъ, что Вы принимали въ немъ участіе, неприличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ“. Въ заключеніе кн. Репниной рекомендовалось на будущее время меньше вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи (?) съ угрозой, что въ противномъ случаѣ она сама будетъ причиной непріятныхъ для нея послѣдствій. Зная, что гр. Орловъ не остановится ни передъ чѣмъ, а съ другой стороны опасаясь, чтобы ея упорство не отразилось вредно на судьбѣ самого Шевченка, кн. Репнина скрѣпя сердце, прекратила переписку съ своимъ другомъ, но не переставала интересоваться его судьбой и получать извѣстія о немъ отъ его друзей. Ничего не зная объ этомъ рѣшеніи и обстоятельствахъ, его вызвавшихъ, Шевченко нѣкоторое время продолжалъ писать кн. Репниной. Въ нашемъ распоряженіи находится одно письмо его—послѣд-

нее писанное изъ Новопетровскаго укрѣпленія и помѣченное 12 января 1851 г. Не сообщая ничего о постигшей его катастрофѣ, Шевченко просто говоритъ, что его перевели изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленіе на восточный берегъ Каспійскаго моря. „Начальники мои добрые люди; здоровье мое, благодаря Бога, хорошо, только чтеніе мое весьма ограниченно, что удвоиваетъ скуку однообразія. Да, въ прошедшемъ моемъ хоть изрѣдка мелькаетъ не то чтобъ истинная радость, по крайней мѣрѣ не гнетущая тоска. Недавно кажется—всего четыре года, а какъ тяжело они прошли надъ моей головой, какъ они измѣнили меня до того, что я самъ себя не узнаю. Вообразите себѣ безжизненную флегму—и это буду я. Не слѣдовало бы и говорить объ этомъ, а лучшаго нечего сказать“.

Не получая отвѣта на свои письма и подозрѣвая что то недоброе, Шевченко и самъ пересталъ писать кн. Репниной, но онъ не пересталъ любить и помнить ее.—Въ перепискѣ съ своими друзьями онъ не разъ спрашиваетъ о своемъ старомъ другѣ въ выраженіяхъ, показывающихъ, что чувства его не измѣнились, что ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія относительно ея не закралась въ его душу. „Благодарю тебя—пишетъ онъ Залѣсскому отъ 20 мая 1853 г.—за память о Варварѣ, и ежели ты получишь о ней какое бы то ни было извѣстіе и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить“. Наконецъ, послѣ десятилѣтней разлуки друзья свидѣлись и свидѣлись въ послѣдній разъ. Въ проѣздъ свой черезъ Москву въ мартѣ 1858 г. Шевченко вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ посѣтилъ кн. Репнину. Подробности свиданія ускользнули у ней за тридцать лѣтъ, но общее впечатлѣніе—и притомъ весьма грустное—живо сохранилось до сихъ поръ. Въ послѣдній разъ княжна видѣла Шевченка въ 1847 г., не задолго передъ его арестомъ; тогда онъ былъ молодымъ человѣкомъ, сильнымъ, здоровымъ, полнымъ надеждъ на будущее; теперь передъ ней онъ явился почти старикомъ, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами (послѣдствія скорбута),

съ усталымъ апатическимъ взглядомъ, разбитый физически, и нравственно. Друзья дѣлали надъ собой усиліе, чтобъ попасть въ прежній тонъ, но это имъ плохо удавалось: между ними лежала непереходимая черта—десятилѣтняя ссылка поэта. По словамъ кн. Репниной, Шевченко показался ей на этотъ разъ совсѣмъ потухшимъ...

Н. И. Стороженко.

Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ.

(*Окончаніе*) [1].

ГЛАВА IV.

Дѣятельность коммиссіи отъ 1729—43 гг.

О первоначальныхъ занятіяхъ коммиссіи до изданія указа 8 августа 1734 г. извѣстно очень немного. Въ 1730 году коммиссіанты, не получивъ отъ гетмана никакой инструкціи, приступили къ исполненію своихъ обязанностей „перевода и свода" и начали это дѣло по своему разумѣнію и смыслу слѣдующимъ образомъ: взявши Саксонъ, Порядокъ и Статутъ, они стали сводить ихъ въ одно право, не сдѣлавъ однако ранѣе полнаго ихъ перевода, а переводя только нѣкоторыя мѣста, имѣвшія войти въ Сводъ.

На первыхъ же порахъ такой работы составители замѣтили, что взятые ими польскій Саксонъ и Порядокъ „совершенно невѣрно и необстоятельно" составлены польскими авторами, а потому, добывши себѣ самый оригиналъ Speculum'а, начали его переводить, повѣряя имъ упомянутыя 2 книги. Такимъ образомъ, выбирая „все непротивное указамъ Ея Императорскаго Величества и обыкновеніямъ здѣшнимъ малороссійскимъ" и исключая все непотребное, были сведены и составлены до 1731 г. три главы: 1 „о чести Божіей", 2 „о чести государевой" и 3 „о

[1]) „Кіевская Старина", 1888 г., сентябрь.

привилегіяхъ" и отосланы гетманомъ Апостоломъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Отсылка первыхъ трехъ книгъ была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что составители Свода, не получивъ ни отъ кого инструкціи, сильно безпокоились относительно правильности принятаго ими метода и желали по этимъ тремъ главамъ узнать, „такимъ-ли образомъ дѣло начисто споражать, или инако можетъ быть дастся инструкція", потому что, добавлялъ лохвицкій сотникъ В. Стефановъ, если мы такимъ образомъ спорядимъ книгу, а она не будетъ принята и прикажутъ составлять иную, то напрасно пропадутъ труды и деньги.

На это представленіе коммиссіи изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ было отвѣчено въ томъ смыслѣ, что сначала слѣдуетъ перевести всѣ правныя книги на великороссійскій языкъ и потомъ уже производить сведеніе ихъ въ одно; но инструкціи, на которую надѣялись составители, по прежнему дано не было и сомнѣнія ихъ остались нерѣшенными.

Главныя черты усвоеннаго коммиссіантами метода состояли въ слѣдующемъ: прежде всего было принципіально допущено измѣненіе системы и порядка изложенія Литовскаго Статута и вмѣсто 14 роздѣловъ послѣдняго теперь было принято 30 главъ съ подраздѣленіемъ ихъ на артикулы и пункты; во вторыхъ, составители выбирали изъ различныхъ частей всѣхъ трехъ правъ *все* содержаніе, относившееся до опредѣленнаго предмета, и сводили его въ одно цѣлое, помѣщая въ Сводъ подъ однимъ заглавіемъ. Главнымъ матеріаломъ при этомъ былъ, конечно, Статутъ; къ нему уже присоединяли подходящій матеріалъ изъ другихъ правъ, иногда въ буквальномъ переводѣ, иногда въ видѣ экстракта; порядокъ Статута нарушался тѣмъ, что, если въ какомъ нибудь артикулѣ находился матеріалъ, относившійся къ нѣсколькимъ предметамъ, то содержаніе его размѣщалось по соотвѣствующимъ рубрикамъ. Дѣлая сводку различныхъ цитатъ изъ всѣхъ правныхъ книгъ, коммиссія указывала на поляхъ, откуда онѣ взяты, чтобы ихъ можно было потомъ повѣрить; если же приводимыя цитаты бывали настолько несогласны между собой, что ихъ нельзя было ни примирить, ни согласить толкованіемъ, то однѣ изъ нихъ, съ которыми коммиссіанты соглаша-

лись, прописывались въ текстъ, а другія противорѣчивыя, какъ мы сказали, приводились на поляхъ. Переводилось не все содержаніе книгъ, а только необходимые для свода отрывки, остальное же совсѣмъ опускалось, равно какъ и все, считавшееся неприличнымъ по обстоятельствамъ и условіямъ времени. Если коммиссіи приходилось пользоваться какими нибудь юридическими пособіями, заключавшими въ себѣ пространныя разсужденія, мнѣнія и прочее (какъ, напримѣръ, при сочиненіи главъ о чести Божіей и государевой), то она излагала сущность и силу права въ видѣ краткаго артикула или §§, не вводя въ текстъ всѣхъ разсужденій и мнѣній. Въ общемъ же система новаго Свода, несогласная съ статутовой, состояла въ томъ, что въ немъ матеріалъ располагался по своему внутреннему родству и юридической связи, такъ что предметы близкіе другъ другу и дополняющіе помѣщались рядомъ, несмотря на свое иное расположеніе въ Статутѣ, и наоборотъ—артикулы, стоявшіе въ Статутѣ рядомъ, размѣщались совершенно иначе, согласно заключавшейся въ нихъ матеріи.

Такой способъ составленія, по словамъ лохвицкаго сотника В. Стефанова, былъ принятъ коммиссіантами потому, что „инако дѣлать показалось намъ непорядочно и немощно". Въ такихъ общихъ чертахъ шелъ переводъ и сводъ правныхъ книгъ отъ начала работъ и до самаго перерыва ихъ въ 1734 году, когда почти передъ самымъ закрытіемъ занятій коммиссіанты получили отъ князя Шаховскаго „высоковажный листовный указъ" съ требованіемъ сообщить ему объ успѣхахъ своихъ занятій въ продолженіи четырехъ съ лишнимъ лѣтъ и объяснить причины медленнаго движенія дѣла. На послѣднее требованіе составители Свода, упомянувъ о томъ, что ихъ дѣло „само въ себѣ есть важное весьма и забавное", дали слѣдующее объясненіе своему промедленію. 1) Во первыхъ, что за неимѣніемъ инструкціи и на сомнительные пункты резолюціи не скоро тое дѣло начали; 2) во вторыхъ, „четвертый зверхъ трохъ книги латинской для обстоятельнѣйшаго и всякихъ найпаче же разсправныхъ дѣлахъ докладу переводъ труда и времени прибавилъ; 3) „что были переводомъ отъ себя сдѣлали до посылки первыхъ 3-хъ главъ въ Москву,

тое послѣ принуждены инако передѣлывать; 4) найпаче, что за справкой одной какой либо части или частицы дѣла всѣмъ намъ бавиться и долго надлежитъ, какъ выше показали".—Объясненіе на столько правильное и краснорѣчивое, что не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Результаты же работъ были приложены въ такомъ реестрѣ.

Переведено и ужъ обще исправлено:

1) Книга Статутъ великаго княжества литовскаго.

2) Книга Порядокъ, на 4 части раздѣленная.

3) Артикулы права магдебургскаго особенно въ той книгѣ напечатанные.

4) Въ той же книгѣ артикулы пановъ цесарскихъ особенно напечатанные.

Переведено но обще неисправлено:

1) Книга Титулы названная, до книги Порядокъ приданная.

2) Книга лат. Енхиридіонъ, при книгѣ Титулы напечатанная.

3) Книга, названная Зерцало Саксонское, на польскомъ языкѣ алфавитомъ собранная и напечатанная.

4) Та же книга Зерцало Саксонское, названная самый оригиналъ права Сакс. на латинск. языкѣ въ 3 книг. собрана—переведено 3 книги.

5) Книга названная право магдебургское переведена $^1/_4$ часть.

6) Книга объ оборонѣ вдовъ и сиротъ (въ нѣкоторыхъ порядкахъ есть напечатана) переведена часть.

Остается переводить:

1) Право Хелминское.

2) Книга объ употребленіи добръ женѣ отъ мужа опредѣленныхъ.

Сведено же въ одно изъ трехъ правъ 11 главъ; остается свести 18—откуда явствуетъ, что первоначально предполагалось раздѣлить весь Сводъ на 29 главъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи онъ былъ раздѣленъ на 30. Эта 30-ая глава была прибавлена послѣ и представляетъ въ напечатанномъ сводѣ первую небольшую главу подъ названіемъ: „О важности и силѣ правъ

малороссійскихъ". На этомъ были прерваны работы коммиссіи, засѣдавшей въ м. Ичнѣ. Съ обновленіемъ ея персонала и переселеніемъ въ Москву, среди новыхъ составителей Свода обнаружились два различныя направленія по вопросу о методѣ дальнѣйшаго составленія Свода. Одни изъ коммиссіантовъ поддерживали методъ составленія, принятый ихъ предшественниками еще при возникновеніи коммиссіи и сообщенный нами выше; другіе же, и въ томъ числѣ самъ предсѣдатель коммиссіи, возставали противъ такого образа дѣйствій, находя, что такимъ путемъ ихъ основное и національное право Статутъ испортится до того, что „исправить оного и разумѣть не могъ бы всякъ изъ малороссіянъ". Планъ составленія, котораго держались Бороздна и его адепты, состоялъ въ томъ, чтобы, положивши въ основаніе свода Статутъ безъ измѣненія его системы и порядка изложенія, недостающее и ошибочное пополнять и исправлять на основаніи Порядка и Саксона, а лишнее и непристойное исключить, но порядка Статута никакимъ образомъ не портить. Послѣ такой выправки, говоритъ Бороздна, можно еще разъ сообща прочитать Порядокъ и Саксонъ, и что явится въ Статутѣ ошибочнаго, неяснаго или неполнаго, то на основаніи этихъ двухъ книгъ исправить.

Разногласіе по этому вопросу членовъ не мало затягивало ходъ работъ и предсѣдатель не разъ обращался въ Войск. Ген. Канцелярію за разъясненіемъ сомнѣній. Изъ имѣющагося у насъ отвѣта князя Шаховскаго отъ сентября 1735 года на письмо Бороздны видно, что главными представителями взглядовъ, противоположныхъ высказаннымъ генер. судьей Бороздною, въ это время былъ архимандритъ старецъ печерскій Онисевичъ, Столповскій и Думитрашка-Райча, которые „хотятъ новымъ якымсь порядкомъ сводъ дѣлать, якъ оніе въ Малороссіи дѣлать зачали, хотячи новое якое право составить непорядочно и необстоятельно, въ которомъ ихъ сочиненіи прежнемъ показуется иное и противное указамъ, а до того не будучи ни при какихъ дѣлахъ и не вѣдаючи ни какого порядка судового и правнаго хиба только на единую обиду Малороссіи здѣлать хотятъ и первоначальное право малоросс. Статутъ попортить и уничтожить". Изъ этого же отвѣта Шаховскаго явствуетъ, что Бороздна жаловался ему

на присутствіе въ коммиссіи людей, незнакомыхъ съ правомъ и не бывшихъ ни при какихъ дѣлахъ, отчего происходитъ болѣе спору, чѣмъ дѣла.

На первое сообщеніе Бороздны по вопросу о методѣ составленія свода Войск. Ген. Канцелярія потребовала отъ него обстоятельнаго и болѣе подробнаго доклада о томъ, всякій ли желаетъ своимъ особеннымъ порядкомъ сводить право или какимъ однимъ? въ чемъ заключается порядокъ свода, начатый еще въ Малороссіи? въ чемъ обида для нея и порча права? На все это требовался подробный отвѣтъ съ прибавленіемъ, кто какого метода держится, а покамѣстъ Бороздиѣ рекомендовалось смотрѣть накрѣпко, чтобы въ сочиненіи дѣла во всемъ поступать какъ въ Ея И. В. указѣ и инструкціи повелѣно. На вторую жалобу Войск. Генер. Канцелярія совѣтовала Бороздиѣ самому усердно и прилежно подавать примѣръ прочимъ, а если же паче чаянія будутъ споры и впредь, то объявить объ этомъ ей. Въ случаяхъ же сомнительныхъ и спорныхъ Войск. Ген. Канцеляріи рекомендовала прежде всего руководиться чувствомъ вѣрноподданности къ Ея Императорскому Величеству, а если этотъ споръ или сомнѣніе нельзя будетъ разрѣшить имъ самимъ, то, показавши, въ чемъ и отъ кого они происходятъ, представлять кн. Шаховскому въ Войск. Ген. Канцел. съ мнѣніемъ обѣихъ сторонъ. Вообще на многіе сомнительные пункты коммиссія получала самые неопредѣленные отвѣты въ родѣ совѣтовъ руководиться чувствами вѣрноподданности и прочее. Такъ, на высказанное Бороздною опасеніе, чтобы за неимѣніемъ общей инструкціи не явилось на нихъ нареканій и жалобъ, если что будетъ составлено не въ обычай, Канцелярія совѣтуетъ руководиться указами, а если таковыхъ въ коммиссіи нѣтъ, то ихъ слѣдуетъ достать у Шаховскаго. Тутъ же Бороздиѣ былъ сдѣланъ упрекъ и напоминаніе о непристойности ему, занимающему судейскую должность, отговариваться незнаніемъ указовъ.

Мы не знаемъ, писалъ ли снова предсѣдатель коммиссіи въ Глуховъ „подробно и обстоятельно“, кто какого метода придерживается и въ чемъ состоитъ методъ сведенія, начатый еще въ Малороссіи, и проч..., но извѣстно, что планъ, составленный

и предложенный имъ, принятъ не былъ и сведеніе продолжалось по прежнему порядку до самаго его конца.

Нужно отмѣтить здѣсь интересный фактъ—когда въ Москвѣ возникли пререканія по вопросу о методѣ сведенія и Борозднa предложилъ свой проектъ, то для разрѣшенія этихъ сомнѣній предсѣдатель вздумалъ обратиться къ генеральной старшинѣ и въ своемъ докладѣ Войск. Ген. Канцеляріи онъ спрашивалъ ее: „таковымъ ли порядкомъ сводъ дѣлать какъ въ проектѣ изображено, или какъ генеральн. старшина объявитъ?" На это самовольное обращеніе Ген. Канц. отвѣтила: „оной генеральной старшинѣ объявлять не почему, ибо всемилостивѣйшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ по выборѣ опредѣленіе и отправленіе въ Малороссію для сочиненія показаннаго дѣла персонъ не генеральной старшинѣ, но генеральному сенатору князю Шаховскому учинить, и для оппробаціи кому отъ Ея Императорскаго Величества повелено быть тотъ и будетъ назначенъ".

Вмѣстѣ съ представленіемъ проекта о сведеніи трехъ правъ въ одно въ то же время Бороздною былъ представленъ и другой проектъ „для скорѣйшаго сочиненія свода книгъ правныхъ", въ которомъ трактовалось о томъ, какимъ образомъ и кому изъ опредѣленныхъ персонъ выписки дѣлать и цитовать, а кому исправлять и прочее. Проектъ по разсмотрѣніи его Шаховскимъ съ присутствующими въ Канцеляріи членами удостоился отъ нихъ похвалы и аппробаціи, и духовнымъ и мірскимъ членамъ коммиссіи было приказано придерживаться его при составленіи свода, но къ сожалѣнію мы не знаемъ его содержанія. Извѣстно только, что въ коммиссіи было допущено раздѣленіе труда и изъ 18 лицъ, опредѣленныхъ туда, 12 занималось сводкой, а 6 только однимъ переводомъ, оконченнымъ вполнѣ въ 1735 году.

Нужно замѣтить, что по окончаніи перевода опредѣленныя къ нему лица отказались было продолжать дальнѣйшія занятія, отговариваясь окончаніемъ своего дѣла, но объ этомъ ослушествѣ Бороздна донесъ въ Войск. Ген. Канцелярію и имъ было приказано оставаться въ коммиссіи и повиноваться во всемъ своему предсѣдателю. Мы видѣли уже, что Бороздна не разъ

жаловался на неимѣніе инструкціи, благодаря чему ему приходилось часто обращаться въ Глуховъ за разъясненіями сомнѣнія, такъ что во время составленія свода въ Москвѣ между Бороздной и Генеральной Канцеляріей установилась переписка, касавшаяся дѣлаемаго Свода; въ ней Генеральная Канцелярія высказала нѣсколько руководительныхъ правилъ, служившихъ составителямъ вмѣсто инструкцій и хранившихся ими во все время сведенія правныхъ книгъ. Мы приведемъ здѣсь немногія изъ нихъ, встрѣтившіяся намъ въ отвѣтѣ, данномъ въ сентябрѣ 1735 г. на письмо Борозды. Во первыхъ, предсѣдателю коммиссіи была дана надъ членами довольно обширная власть, выражавшаяся въ *„смотрѣніи за ними“* и донесеніяхъ объ ихъ неисправностяхъ, отлучкахъ и неповиновеніи въ Войск. Ген. Канцелярію; она, какъ кажется, была установлена вслѣдствіе жалобъ Борозды на великія досады, причиняемыя ему отъ членовъ при понужденіи ихъ къ дѣлу. Второе руководительное предписаніе Войск. Ген. Канцеляріи касается порядка занятій—сводить книги и слагать ихъ по выпискамъ приказывалось имъ въ общемъ собраніи, а не на дому, ибо въ общемъ присутствіи „лѣнивые устыдятся усердно работающихъ и сами пріймутся за трудъ“. Желающимъ не запрещалось работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Однако замѣчаній по существу дѣла въ отвѣтахъ Войск. Ген. Канцеляріи мы встрѣтили очень немного; къ такимъ мы относимъ—позволеніе переносить артикулы одной главы въ другую не иначе, какъ за общимъ согласіемъ, и только въ томъ случаѣ, если артикулъ, неприличный для первой главы, окажется подходящимъ для второй. Во вторыхъ, относительно раздѣленія матеріала по главамъ было обращено особенное вниманіе на то, чтобы вся однородная матерія содержалась въ одной главѣ, какъ бы послѣдняя длинна ни была; для примѣра было указано, что даже четвертый, самый длинный роздѣлъ Статута „о судехъ и судьяхъ“ нельзя разбивать по частямъ. Если же въ Саксонѣ или Порядкѣ нашлось бы только по одному или по два артикула о различныхъ вещахъ, не противныхъ царскимъ указамъ и малороссійскимъ обыкновеніямъ, то заключать ихъ въ одну главу безусловно запрещалось, но требовалось о каждой матеріи составлять

особую, хотя бы и очень краткую, „дабы легче можно было отыскивать“. Изъ тѣхъ же артикуловъ, за малостью которыхъ нельзя было сдѣлать особыхъ главъ, предписывалось Войск. Ген. Канцеляріей составить при концѣ свода „особую общую главу“. Смотрѣть за правильностью всего вышеупомянутаго вмѣнялось въ обязанность предсѣдателю, архимандриту и лубенскому полковнику В. В. Кочубею. Изъ небольшихъ отрывковъ, уцѣлѣвшихъ въ бумагахъ до нашего времени, видно, что духовными составителями Свода былъ поднятъ въ коммиссіи очень важный для нихъ вопросъ о покупкѣ и безмездныхъ пріобрѣтеніяхъ земель, чтобы имъ можно было по прежнему „надавать и куповать земли“ и чтобы объ этомъ были составлены новые и обстоятельные артикулы. Обратившійся въ Войск. Ген. Канцелярію за разъясненіемъ этого вопроса Бороздна получилъ укоризненный отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что ничего подобнаго въ противность Высокомонаршимъ указамъ дѣлать нельзя, „да и мнѣніе о томъ опасно и невозможно, ибо то состоитъ въ единой высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ“. Кромѣ этой заботы духовенства о своихъ интересахъ, коммиссіантами, засѣдавшими въ Москвѣ, были затронуты и болѣе общія и важныя темы, трактовавшія „о повелительствѣ, могуществѣ и указательствѣ самой государевой персоны, яко то: о ассекураціяхъ, присягахъ государевыхъ, о размноженіи и прибавленіи земли, сеймахъ, сеймикахъ и что противно указамъ и въ Малороссіи здавна не было“, т. е. о вопросахъ, касающихся правъ и прерогативъ верховной власти, устройства и созыва народныхъ собраній и прочихъ вопросовъ политическаго характера. Однако составителямъ не пришлось, какъ слѣдуетъ, остановиться на этихъ вопросахъ, ибо Войск. Ген. Канцелярія отвѣтила Бороздне, что объ этомъ „не только Ея Императорское Величество не надлежитъ просить по вашему прошенію старшинѣ духовной и мірской, но и вамъ самимъ о томъ представлять неприлично“, Сводъ же слѣдуетъ сочинять, говорилось далѣе, такъ, какъ это показано въ инструкціи и какъ требуетъ долгъ вѣрноподданства. Изъ приведенныхъ двухъ фактовъ явствуетъ, что члены коммиссіи пытались было подвергнуть пересмотру нормы права, касающіяся государевой особы,

но размахъ коммиссіи въ этомъ направленіи былъ остановленъ распоряженіями Войск. Ген. Канцеляріи. Болѣе того—она не позволила составителямъ Свода назвать послѣдній по ихъ желанію „Книгой правъ малороссійскихъ", ссылаясь на то обстоятельство, что право дать названіе Своду находится не въ ея власти, а „въ единомъ изволеніи Государыни", но Канцелярія разрѣшила установить въ новой книгѣ вмѣсто роздѣловъ—главы съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на артикулы, а артикуловъ на пункты.

Мы уже сказали, что кн. Шаховской не далъ прямаго и положительнаго рѣшенія вопроса о методѣ сведенія книгъ и оно продолжалось тѣмъ же способомъ въ 35 году, который лохвицкій сотникъ В. Стефановъ излагалъ еще въ 1731 г. и который удержался до самаго окончанія правной коммиссіи. Состоялъ онъ въ слѣдующемъ: каждый членъ по взаимному согласію всѣхъ бралъ на себя составленіе одной или нѣсколькихъ главъ и трудился надъ ними самолично до полнаго окончанія, послѣ коего наступало чтеніе въ общемъ присутствіи. Во время чтенія обязательно долженъ былъ находиться авторъ читаемой главы и давать желающимъ объясненія по встрѣчающимся въ ней неясностямъ и затрудненіямъ; въ это время глава подвергалась самой подробной оцѣнкѣ, измѣненіямъ и передѣлкѣ сообразно сдѣланнымъ со стороны присутствующихъ возраженіямъ. Такъ шло дѣло до самаго 1737 г., когда труды коммиссіи были прерваны по случаю открывшейся войны съ турками, а книги и переводы были сданы Бороздною въ В. Г. Канцелярію съ приложеніемъ списка лицъ, указывающаго, кто чѣмъ занимался и какую главу сводилъ [1]).

---

[1]) Вотъ самый списокъ:

1) Отецъ Онисевичъ—о лѣсахъ, пущахъ, ловляхъ и пчелахъ.

2) Отецъ Бѣлинскій—о сельскихъ порядкахъ и о пастухахъ.

3) О. Прохоровичъ—о грабежахъ самовольныхъ, о навязкахъ и наградженіяхъ за грабежъ.

4) У его же и Дробовицкаго—о гвалтахъ, побояхъ, ранахъ и убійствахъ и головщинахъ козачьей породы людей.

Разсматривая на основаніи приведеннаго списка распредѣленіе составленія главъ по лицамъ, мы наблюдаемъ довольно интересное явленіе—въ распредѣленіи ихъ не было положено никакого различія между духовными и свѣтскими персонами и за исключеніемъ одного о. Рогачевскаго, сочинявшаго главу, о чести божіей и государевой", духовныя лица трудились надъ сочиненіемъ главъ, не касавшихся духовенства, и наоборотъ—свѣтскія персоны занимались вопросами, требовавшими участія лицъ духовнаго званія, какъ напр: „О судѣ духовныхъ съ мирскими" „О супругахъ" „О разводахъ" и пр... Изъ этого видно, что духовныя персоны привлекались въ коммиссію не въ качествѣ только спеціалистовъ по вопросамъ, касавшимся ихъ вѣдомства, но какъ представители извѣстнаго сословія и защитники его интересовъ. Что же касается того обстоятельства, что духовныя лица занимались сводкою права, нисколько до нихъ не относившагося и, казалось бы, мало имъ знакомаго, то объясненіе этого можно видѣть въ выборномъ началѣ, дѣйствовавшемъ при замѣщеніи должностей священническихъ, епископскихъ и архимандричьихъ, благодаря которому, говоритъ Кистяковскій „въ Малороссіи было не рѣдкость, что какой нибудь сотникъ или другой ранговой человѣкъ мѣнялъ кунтушъ на рясу и мечъ на крестъ".

---

4) У о. Рогачевскаго—о чести божіей и государевой.

5) У пана Чуйкевича—о походѣ, службѣ военной и о служителяхъ. О головщинѣ и навязкахъ простой породы людей. О цыганахъ, татарахъ и жидахъ.

6) У пана Столповского—о супругахъ, о приданомъ, о вѣнѣ, опекѣ матерней, наслѣдіи мужа по женѣ и жены по мужу и о разводахъ. О записахъ, уговорахъ, продажѣ и куплѣ, о дарахъ, долгахъ, закладахъ, порукахъ, о тестаментахъ или духовныхъ записахъ.

7) У пана Д. Райчи—о порядкахъ и обыкновеніяхъ малороссійскихъ. О судѣ духовныхъ съ мирскими. О наслѣдіяхъ, о рѣкахъ, мельницахъ и подтопѣ. О коммиссарахъ или межовщикахъ.

8) У Филевича—о порядкѣ гражданскомъ и о должности ихъ. О пожарахъ и зажигателяхъ.

9) У пана Кузьменскаго—объ опекѣ, опекунахъ или приставникахъ. Объ оброчныхъ или чиншовыхъ имѣніяхъ и о хоромномъ строеніи. О воровствахъ. О ярманкахъ. О процессѣ, какъ судіямъ пыткою съ злодѣями поступать.

10) У Дробовицкаго—о прелюбодѣяхъ.

11) У Лисаневича—о процессѣ судовъ.

12) У Ладонки—о тайныхъ убійствахъ, отравахъ и чародѣяніяхъ.

Подтвержденіемъ этихъ словъ г. Кистяковскаго можетъ служить и упоминавшійся нами въ началѣ статьи примѣръ отца Пироцкаго, бывшаго ранѣе какимъ то сотникомъ.

Изложивъ порядокъ и распредѣленіе занятій, коснемся теперь вопроса объ успѣхахъ коммиссіонной дѣятельности въ продолженіи двухлѣтнихъ трудовъ отъ 1735 до 1737 года. Нужно сказать, что намъ неизвѣстны точные результаты трудовъ коммиссіи за это время, но судя по тому, что предъ самымъ закрытіемъ занятій въ декабрѣ 1736 г. Бороздна докладывалъ о невозможности „читать въ остатній разъ Сводъ книгъ правныхъ составленный“ за отсутствіемъ пяти членовъ, нужно думать, что сведеніе книгъ вчернѣ было окончено уже къ концу 1736 года. Такой успѣхъ коммиссіи намъ не покажется удивительнымъ, если мы вспомнимъ, что 11 главъ она приняла уже сведенными, а большую часть книгъ переведенными, и результатъ 2-лѣтнихъ работъ, слѣдовательно, выразится въ сведеніи остальныхъ 19 главъ и переводѣ небольшой части книгъ.

Съ открытіемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1738 г. занятій коммиссіи и обновленіемъ ея состава, Сводъ, составленный при Бороздне, подвергся новому чтенію и критикѣ въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ при обязательномъ присутствіи автора читаемой главы, а если таковаго не было, то кого нибудь другаго, къ тому опредѣленнаго коммиссіей [1]).

Послѣ того какъ вся глава надлежащимъ образомъ была обще прочитана и согласно утверждена, составители такимъ же порядкомъ приступали къ слѣдующей. По счастливой случайности въ бумагахъ сохранилась точная копія съ опредѣленія, постановленнаго въ 1738 г. коммиссіантами для руководства въ работахъ; оно даетъ очень подробныя свѣдѣнія о пріемахъ заня-

[1]) Собственно говоря, на нихъ и лежала обязанность чтенія главы и разъясненія встрѣчающихся въ ней сомнѣній; остальные члены только слѣдили за тѣмъ, не найдется ли въ чемъ недоразумѣнія и не надобно ли какого объясненія или исправленія „въ прибавку или убавку“ составленнаго, и если такіе случаи затрудненій происходили, то объясненіе имъ производилось при помощи сличенія затруднительныхъ мѣстъ съ самими автентичными книгами, изъ коихъ они были составлены.

тій, внутреннемъ устройствѣ коммисіи, о контролѣ членовъ другъ за другомъ и пр., а потому мы и приведемъ ее въ подстрочномъ примѣчаніи дословно, съ сохраненіемъ вполнѣ понятнаго и для нашего времени языка оригинала [1]).

---

[1]) 1738 года іюня 5 дня. Опредѣленіе между нами, нижеподписавшимися согласно учиненное въ коммиссіи перевода и свода правъ малороссійскихъ, какимъ образомъ и порядкомъ дѣла тоей коммиссіи намъ порученніе по силѣ имянного Ея Императорскаго Величества Указу и по данной инструкціи справлять имѣемъ, а именно:

I.

По всякъ день единожды поутру всѣмъ намъ безъ выключенія духовнымъ и мірскимъ для перевода и свода правъ опредѣленнымъ персонамъ собираться въ коммиссію, сіе есть въ дворъ для оной коммиссіи ассигнованный и седѣть у отправленія дѣлъ оной же коммиссіи сначала 8 часа по полуночи до окончанія 12-ти неисходно, а въ протчее кромѣ того время имѣетъ всякъ тотъ, чіе дѣло читается оное къ слушанію для общей справки приготовлять, пересмотрѣвъ погрѣшенія и несходства, если якіе суть и протчее что къ дѣлу надлежитъ.

II.

Въ недѣльніе же и праздничніе дни господскіе и другіе отъ церкви установленніе, а особливо же въ дни торжественніе въ коммиссію не собираться, а чтобъ такожде и во время каникули въ іюлѣ и августѣ мѣсяцехъ и въ протчіе дни по силѣ генеральнаго Регламента тоей коммиссіи не отправлять, о томъ доношеніемъ въ Г. В. Канцелярію представлять зобща.

III.

Но буди бы кому з насъ, уховай Боже, случилась болѣзнь или якая необходимая пужда, для которой не возмоглъ бы присутствовать въ коммиссіи въ уреченніе дни тотъ долженъ о томъ случаи объявить въ оной коммиссіи собою или чрезъ кого ни есть и ежели за нимъ дѣло якое перевода и свода правъ имѣется, то другому кому зъ насъ же оное повѣрить, дабы за отлучкою его остановки не было. А буди бы кто безъ правильной нужды, но токмо за приватными своими дѣлами какого дня не присутствовалъ или до конца не досидя съ коммиссіи вышелъ, тѣхъ въ отлучки и недосидѣніи въ книги записывать.

IV.

Что же къ порядку произведенія дѣлъ коммиссіи намъ повѣренной касается, то изъ переведенныхъ книгъ правнихъ сводомъ сочиненніе дѣла хотя всѣ въ томъ сводномъ сочиненіи имѣются одни начерно другіе на бѣло, но понеже не всѣ оніе исправлены, изъ персонъ же въ коммиссію перевода и свода прежде опредѣленныхъ нѣкоторые отъ того дѣла устранилися, а въ ихъ мѣсто по Указу Ея Императорскаго Величества нинѣ опредѣлени, которіе на ономъ сводномъ дѣлѣ, а найпаче на цитаціяхъ мѣстъ правнихъ при сводниxъ артикулахъ положенних увѣрится не могутъ, того ради надлежитъ ввесь сводъ по расположенію главъ прежде состоявшемуся порядкомъ одну главу за другой въ коммиссіи при со-

Придерживаясь выписанныхъ сейчасъ постановленій, составители Свода успѣли къ январю 1739 года шесть первыхъ главъ свести и исправить окончательно, седьмую же главу не могли привести къ концу единственно за болѣзнью составлявшаго ее Лисаневича, восьмая была начата, но неокончена. Работы коммиссіи въ этомъ году особенно торопились Войск. Ген. Канцеляріей, и даже Правительствующій Сенатъ, не мѣшавшійся до сихъ поръ въ сводныя дѣла, потребовалъ отъ коммиссіи копій съ переведенныхъ книгъ Статута, Порядка и Саѯона, которыя (копіи) хотя и были доставлены составителями въ Войск. Ген. Канцелярію немедленно, но въ Сенатъ были отосланы только въ 1740 г. послѣ повторнаго требованія выслать ему „переводовъ правъ малороссійскихъ и саксонскихъ статутовъ, которыми тамошній народъ судится точніе и засвидѣтельствованніе Енерального Суда судіями и судовымъ писаремъ копіи". Высылая въ

браніи всѣхъ изнова читать и слушать. Двохъ же или трехъ главъ вдругъ объ разныхъ матеріяхъ не читать и для того намъ на двѣ или три сессіи не разбиваться.

V.

Во время оного слушанія дѣлъ сводныхъ, которіе по главамъ тотъ всякъ кто оніе сочинялъ или кто другой вмѣсто его опредѣленній читать имѣетъ, когда напримѣръ одинъ артикулъ или партикулярный пунктъ прочитается, надлежитъ спрашивать собща всѣхъ, нѣтли кому какова въ томъ сумнѣнія и ненадобно-ль якого объясненія или исправленія въ прибавку или убавку, а между тѣмъ по приложеннимъ на березѣ цитаціямъ, сискавъ въ переведенниxъ или въ самихъ автентичнихъ книгахъ мѣста откуду тотъ вычитанній артикулъ или пунктъ взятъ, требующимъ того показать или для нихъ вычитать и когда на томъ всѣ согласно утвердятся, то тотъ артикулъ или пунктъ, замѣтивъ, что оній читанъ въ обществѣ и исправленъ, далѣе поступать.

VI.

А когда вся глава одна объ одной матеріи вычитана и исправлена будетъ, то оную тотчасъ дать писцамъ начисто и порядочно переписывать такъ, чтобы на полъ листа по лѣвой сторони цитаціи были, а по правой довольная спація для помѣти тамо во время предбудущей апробаціи по Указу Ея Императорскаго Величества.

VII.

Буди же о якомъ дѣлѣ или единомъ словѣ артикула между нами споръ произойдетъ, такъ требовать отъ всякого мнѣнія или сентенціи на словахъ для крат-

1740 г. въ Сенатъ копіи, Генеральная Канцелярія объяснила свою неисправность относительно отправки тѣмъ, что въ 1738 г. Малороссію посѣтила прилипчивая болѣзнь—моровая язва—и она не могла нарушать карантинныхъ правилъ.

О дальнѣйшихъ занятіяхъ коммиссіи говорить собственно нечего, ибо онѣ продолжались по заведенному разъ образцу и медленными шагами близились къ окончанію; иногда, правда, правительству, повидимому, надоѣдало смотрѣть на безконечныя занятія коммиссіи, и отъ времени до времени составители получали грозные указы трудиться надъ сводомъ съ особымъ стараніемъ и прилежаніемъ, „дабы возможно скорѣе оный переводъ и сводъ на аппробацію Ея Императорскаго Величества представить". Такъ, въ сентябрѣ 1740 г. въ указѣ, данномъ правителю Малороссіи г. Кейту, говорилось, что сведеніе книгъ затянулось „за непримѣненіемъ въ томъ должного старательства и прилеж-

---

кости времени, а въ важныхъ дѣлахъ и на письмѣ и о чемъ болѣе голосовъ или письменныхъ мнѣній будетъ на томъ согласно и утвердиться, а самому кому одному или двоимъ или троимъ токмо лицамъ безъ согласія прочіихъ ничего не постановлять и въ артикулы не вводить.

VIII.

Ежели кто з насъ за болѣзнью или за другими какими препятствіями или за отлучкою въ домъ не будетъ присутствовать въ коммиссіи при слушаніи и исправленіи якого дѣла, тому слободно оное дѣло взять въ партикулярное свое разсмотрѣніе и въ чемъ сумнѣніе или якое несходство найдетъ о томъ въ собраніи всѣмъ представить, а для его самого одного-ль или для двоихъ и троихъ такихъ персонъ изнова дѣла уже слушаннаго и читаннаго въ обществѣ не читать.

IX.

Во время же читанія подлежащихъ сводныхъ дѣлъ всѣмъ обрѣтающимся въ коммиссіи оніе внимательно слушать, другими же своими приватными дѣлами и разговорами тогда не забавляться, и криковъ и смѣховъ не чинить непотребныхъ, да и въ ту пору, когда одинъ зъ насъ къ дѣлу надлежащую рѣчь или мнѣніе свое произносить, другой не долженъ своею рѣчью тому мѣшать, но порядочно одинъ другого поколѣ выговорить дожидаться долженъ.

X.

А з верхъ вышеписанныхъ пунктовъ сего нашего общаго опредѣленія, которіе хранить намъ надлежитъ, буди еще что къ лучшему порядку дѣлъ намъ порученнихъ сисщется и тое за благо въ собраніи принято будетъ, то и оное хранить же и исполнять надлежатиметъ.

Далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ 1738 г.

наго трудолюбія", а посему ему приказывалось сообщить коммиссіантамъ, „дабы они взирая на это возымѣли неусыпное тщаніе и трудъ таковой, чтобъ оной переводъ и сводъ какъ возможно скорѣе дѣйствительно скончень былъ, для чего въ той коммиссіи не только по утрамъ, но и по обѣдѣ собираться и то все безъ и малѣйшаго времени туне провожденія, особливо же всякаго дня вѣрно записывать, кто какова часа въ ту коммиссію придетъ и чтобъ всякую недѣлю, сколько каковой матеріи дѣйствительно къ окончанію сведено будетъ о томъ весьма обстоятельный репортъ чрезъ каждые семь дней въ Войск. Ген. Канцелярію дѣлать". Вышеприведенный указъ не единственный въ этомъ родѣ — въ 1742 г. мы опять встрѣчаемся съ подобными напоминаніями о скорѣйшемъ окончаніи своднаго дѣла, но съ тою разницей, что теперь въ ожиданіи скораго окончанія свода былъ присланъ въ Глуховъ особый курьеръ, проживавшій на содержаніи Войск. Ген. Канцеляріи.

Въ 42-мъ году коммиссію болѣе чѣмъ торопили. Бибиковъ, заступившій мѣсто Кейта, въ виду ожидающаго курьера очень долго не соглашался распустить коммиссіантовъ на каникулы, думая противъ обычая и правъ малороссійскихъ посадить ихъ за работу и лѣтомъ, но коммиссіанты настояли на отпускѣ и предположенія Бибикова не состоялись. На всѣ подобные указы составители Свода очень резонно отвѣчали, что ихъ дѣло не могло быть ранѣе окончено „за многократною въ минувшее время военною остановкою и перерывкою нашей коммиссіи, а другое за отлучкою и употребленіемъ оной коммиссіи нѣкоторыхъ персонъ къ другимъ дѣламъ и коммиссіямъ, а найпаче же за частою однихъ другими перемѣною и непріобыклостью новыхъ членовъ. Въ другомъ случаѣ, но по тому же поводу и въ томъ же году, коммиссіанты говорили, что они посколько силъ ихъ стараются о своемъ дѣлѣ, „ревнуя по подданнической вѣрности Высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу со всякою скорѣйшою возможностью мы и сами отъ начала доселѣ прилежное стараніе и трудъ елико силы нашей прилагали, такъ и нынѣ прилагаемъ ради скорѣйшаго сочиненія того дѣла и крайняго окончанія"..., упомянувъ далѣе о своихъ болѣе чѣмъ 10-ти лѣт-

нихъ бѣдствіяхъ и издержкахъ во время пребыванія въ коммиссіи, они такъ объясняли причины своего промедленія: „между протчимъ и въ томъ немалая въ произвожденіи дѣлъ оной коммиссіи остановка преже чинилась и чинится, *что цѣлаго въ оной коммиссіи персонъ нѣтъ комплекту, а найпаче съ президентовъ нашихъ то енеральную персону, то полковника, а временемъ вдругъ и обоихъ отъ* коммиссіи, а иныхъ членовъ ежечасто перемѣниваютъ откомендировуютъ, какъ и теперь (1742 г.) *ни енеральной персоны, ни полковника въ ту коммиссію прежде опредѣленныхъ не имѣется, безъ которыхъ, а по крайней мѣрѣ безъ единого зъ нихъ, по силѣ данной инструкціи, нельзя намъ дѣйствительно дѣлъ той коммиссіи производить*". Въ заключеніе составители Свода просили ассигновать имъ хоть одну енеральную особу или полковника для дѣйствительнаго, а не фиктивнаго присутствія въ коммиссіи.

Пусть читатель не сѣтуетъ на насъ за длину приведенныхъ выписокъ, ибо онѣ словами самихъ коммиссіантовъ правдиво, краснорѣчиво и убѣдительно объясняютъ намъ тягучесть кодификаціонныхъ работъ и освобождаютъ авторовъ ихъ отъ упрека правительства въ нерадѣніи и лѣни.

Работы коммиссіи, заключающіяся въ черновомъ сведеніи правъ, были окончены, собственно говоря, еще въ ноябрѣ 1741 г.; въ этомъ же мѣсяцѣ было приступлено къ исправленію оныхъ и исключенію пунктовъ и цѣлыхъ артикуловъ, находившихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но гласившихъ объ одной и той же матеріи; въ это же время исправлялся и самый языкъ Свода и правильность выписанныхъ цитатъ: „и самый стиль гдѣ что не противъ великороссійскаго штатскаго нарѣчія нѣкоторыми оной коммиссіи членами къ тому непріобыкшими поисправить нужно, а также и многочисленныя цитаты, откуда какой текстъ, изъ какого артикула или пункта взятъ съ автентичными мѣстами сличить должно".

Приступивъ къ перечитыванію главъ еще въ ноябрѣ 1741 г., коммиссія успѣла къ концу его окончить около 5 главъ, остальныя были прочитаны и исправлены въ теченіи 42-го и января 43-го, въ которомъ, наконецъ, былъ оконченъ трудъ малороссій-

скихъ юристовъ и они были распущены по домамъ, съ условіемъ явиться снова для провѣрки и подписки переписывавшихся въ то время начисто нѣсколькихъ экземпляровъ Свода. Дѣйствительно, въ мартѣ Войск. Ген. Канцелярія снова разослала всѣмъ членамъ коммиссіи указы о явкѣ въ Глуховъ на 5-ое мая, и на этотъ разъ коммиссіанты явились съ большой исправностью и проработали надъ исправленіемъ переписанныхъ книгъ до 8-го іюля 1743 года, когда дѣло сведенія было всецѣло завершено и передано въ Войск. Ген. Канцелярію при слѣдующемъ доношеніи: „Въ Высокомонаршей блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійской грамотѣ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ прошлого 734 года Августа 8-го о переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ повелѣно права названніе Магдебурскіе и Саѯонскіе статуты по которымъ малороссійской народъ судиться, собранными, такъ духовными изъ каждой эпархіи, яко и мирскими знатными особами перевесть и въ едно свесть и что надлежитъ прибавить въ пользу малороссійскаго народа, въ сумнительствѣ же какое въ тѣхъ правахъ находится ясное поправленіе здѣлать и на аппробацію Ея Императорскаго Величества и что къ вѣрному подданству отъ такого народа приличествуетъ о томъ учинить проэкты, а какъ всѣ тѣ права или по главамъ окончени будуть то подавать до разсмотрѣнія кому отъ Ея Императорскаго Величества повелено будеть и по силѣ таковаго указа означенныя права прежде сего уже въ определенной на то нарочитой коммиссіи переведенныя ко Двору Им. Величества изъ Войск. Ген. Канцеляріи посланы нинѣ же и сводъ оnихъ правъ при помощи божіей нами нижеподписавшимися совсѣмъ на апробацію Высочайшую оконченъ. А понеже въ томъ же сводѣ правъ за силу вышеозначенного указу, какое усмотрѣно быть въ разнихъ оныхъ правахъ несходство, тое поправлено и соглашено, а что явилось къ употребленію въ судахъ малороссійскихъ или самодержавной всероссійской имперіи необыкновенное и неприличное, тое убавлено и отставлено, что же и прибавить надлежало, то прибавлено, а пространно съ излишествомъ написанное сокращено, неясное же по возможности

изъяснено и то все на многихъ мѣстахъ исправлено: а для какихъ резоновъ и гдѣ именно таковому исправленію быть надлежало того всего за неприличіе, а въ проэктѣ за немалое число тѣхъ исправленій изобразить никакъ возможно. Того ради коммиссія книгъ правныхъ свода разсуждаетъ, что кому отъ Ея Императорскаго Величества разсмотрѣть объ ономъ правномъ дѣлѣ повелено будетъ отъ тѣхъ уповательно показаніе таковыхъ резоновъ востребуется, почему яко непремѣнная указуетъ потреба при отправѣ оного сводного правнихъ книгъ дѣла отправить въ С.-Петербургъ изъ присутствующихъ при этомъ двухъ или трехъ персонъ такихъ, которіе все оное дѣло зъ основанія и для чего что и въ чемъ исправлено совершенно вѣдаютъ, вручить имъ и подлинныя книги прежнія Статутъ, Саксонское Зерцало и другія, изъ которыхъ тотъ сводъ дѣлался для всякихъ показанія справокъ, такъ оная жъ коммиссія общимъ своимъ разсужденіемъ къ тому при ономъ сводномъ дѣлѣ усмотрѣла паче другихъ быть потребнѣйшаго и угоднѣйшаго войск. генер. хорунжаго Н. Ханенка, который въ той коммиссіи довольнымъ прилежаніемъ и трудомъ чрезъ немалое время и даже до окончанія самого въ первыхъ персонахъ присутствовалъ, а при немъ можетъ же отправиться и сотникъ мглинскій В. Лисаневичъ и еще кто зъ той же коммиссіи третій по благоусмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства (писалось на имя г. Бибикова) и о такомъ общомъ всей нашей коммиссіи разсужденіи въ высокое Вашего Превосходительства и Войск. Генер. Канцеляріи разсмотрѣніе стороны одправы съ сводною правъ книгою означенныхъ персонъ покорнѣйше чрезъ сіе представляемъ“.

Кромѣ самаго главнаго опредѣленія коммиссіи объ отсылкѣ книгъ при персонахъ, могущихъ объяснить, что и зачѣмъ сдѣлано, ею было постановлено еще нѣсколько менѣе важныхъ: 1) просить Правительствующій Сенатъ о пожалованіи авторовъ Свода Высочайшими милостями согласно инструкціи и послѣдующимъ обѣщаніямъ, 2) подписать сводную книгу всѣмъ мірскимъ и духовнымъ членамъ и сдѣлать ей приличное заключеніе, 3) сочинить предъ самимъ началомъ „титлу краткую“ этой книгѣ, 4) составить дедикацію приличную Ея Имп. Величеству съ вы-

ясненіемъ резоновъ, какъ и зачѣмъ сія книга составлена, и приложить реестръ главъ, содержащихся въ книгѣ, 5) приложить инструкцію въ коммиссію данную и обстоятельный алфавитный указатель артикуловъ и пунктовъ, о чемъ какой артикулъ или пунктъ гласитъ по примѣру Статута польскаго, 6) переписать 3 экземпляра и переплесть—одинъ для Сената, другой для Войск. Ген. Канцеляріи, а третій для лицъ посылаемыхъ въ Петербургъ. Четвертый экземпляръ безъ переплета и всѣ черновые труды и прочія бумаги и книги переданы были канцеляристу Закровіецкому для того, чтобы онъ „сложивъ въ сундуки и въ добромъ и сохранномъ спряту содержалъ до указу, какъ о тѣхъ всѣхъ дѣлахъ и книгахъ отъ Войск. Ген. Канцеляріи повелено будетъ".

Всѣ перечисленныя шесть постановленій коммиссіи были ею выполнены—титла и предикація сочинены, три экземпляра Свода переписаны, роскошно переплетены и, украшенные художественными фигурами, виньетками и проч., переданы г. Бибикову для отсылки въ Прав. Сенатъ; не исполнилось только самое выдающееся желаніе и постановленіе коммиссіи: отправка трехъ членовъ въ столицу для объясненій по поводу составленнаго ими труда почему то не состоялась, да и самый Сводъ былъ представленъ Бибиковымъ въ Прав. Сенатъ почти чрезъ годъ—27 іюня 1744 г.; въ Сенатѣ Сводъ, неизвѣстно почему, пролежалъ безъ всякого движенія въ теченіи 12 лѣтъ до обратнаго возвращенія въ Малороссію въ 1756 г.

Итакъ, 1743 годъ положилъ конецъ сочиненію Свода, отитулованнаго составителями „*Правами, по которымъ судится малороссійскій народъ*"; сведеніе трехъ правъ въ одно было совершено почти такъ, какъ это было Высочайше объявлено; не было, правда, сочинено особыхъ проектовъ законовъ [1]), какъ то рекомендовалось въ указѣ 8 авг. 1734 г., но это случилось по той простой причинѣ, что такіе проекты пришлось бы сочинять на добрую половину всѣхъ артикуловъ и пунктовъ Статута, а потому составители сочли, что „въ проэктѣ за немалое число

---

[1]) За исключеніемъ очень немногихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Кистяковскаго въ прибавленіи № 1 подъ заглавіемъ: „Коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ проэкти".

тѣхъ исправленій изобразить никакъ возможно", и вносили въ Сводъ исправленные артикулы и пункты, не составляя относительно каждаго исправленія особыхъ проектовъ. По убѣжденію коммиссіантовъ—и, конечно, совершенно основательному—составленіе проектовъ по поводу каждаго исправленія увеличило бы ихъ трудъ совершенно лишней работой, но съ другой стороны для того, чтобы не оставить Прав. Сенатъ въ невѣдѣніи, что зачѣмъ исправлено или измѣнено, коммиссія рѣшила послать для объясненій трехъ своихъ членовъ, но постановленіе ея, какъ мы уже сказали, не было принято во вниманіе. Съ отсылкою Свода въ Сенатъ должно, казалось бы, наступить вскорѣ его разсмотрѣніе и апробація, такъ какъ, мы видѣли, Сенатъ не разъ справлялся о дѣятельности коммиссіи и торопилъ ее даже спеціальными курьерами, но этого разсмотрѣнія не случилось, и неисправленный Сводъ опять возвратился въ Глуховъ.

Слѣдующая глава представитъ дальнѣйшую судьбу, какъ Свода, такъ и другихъ законодательныхъ починовъ въ прошломъ вѣкѣ, предпринимавшихся правительствомъ.

ГЛАВА V.

Дальнѣйшая судьба Свода.

Вопросъ о разсмотрѣніи Прав. Сенатомъ труда малороссійскихъ законовѣдовъ за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ обстоятельно, однако можно догадываться, что ничего въ этомъ направленіи сдѣлано не было, иначе трудно допустить, чтобы Сенатъ, передавая Сводъ въ 1756 г. на разсмотрѣніе гетмана Разумовскаго, не приложилъ своихъ замѣчаній по этому поводу. Мы думаемъ, что трудъ составителей оставался въ Сенатѣ безъ движенія не по чему иному, какъ по неимѣнію въ немъ лицъ юридически образованныхъ и достаточно знакомыхъ съ совершенно чуждымъ имъ малорусскимъ правомъ; если 15 лѣтъ тому назадъ центральное правительство плохо знало даже названія правныхъ книгъ, употреблявшихся въ судахъ Малороссіи, то мыслимо ли допустить въ немъ въ

1744 г. настолько широкое знакомство съ правомъ, чтобы стать судьей новосоставленнаго Свода? Мы сомнѣваемся.

Какъ бы то ни было, но впервые молчаніе о Сводѣ было прервано въ 1756 г., когда имяннымъ указомъ 20-го мая, даннымъ гетману Разумовскому, повелѣвалось присланный Сводъ разсмотрѣть—„довольно ли по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будетъ того, что въ немъ постановлено и что въ немъ прибавить надлежитъ и буде по разсмотрѣнію явится что либо несходное съ нынѣшнимъ временемъ или что въономъ прибавить разсудится, о томъ представить въ Прав. Сенатъ“. Такимъ образомъ Сенатъ былъ освобожденъ отъ возложеннаго на него непосильнаго труда и послѣдній передавался гетману, какъ лицу, наиболѣе знакомому по своему положенію съ состояніемъ національнаго права Малороссіи. Получивъ порученіе разсмотрѣть Сводъ, Разумовскій посмотрѣлъ на это, какъ на дѣло „касающееся всего малороссійской націи народа“, и рѣшилъ привлечь къ нему представителей отъ народа или, лучше сказать, отъ ранговой козацкой старшины; съ этою цѣлью онъ предложилъ находившимся въ Войск. Генер. Канцеляріи генер. старшинамъ созвать всѣхъ остальныхъ генер. старшинъ, полковниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, сотниковъ и пр., кромѣ лицъ, находившихся при какихъ нибудь національныхъ дѣлахъ или въ отлучкахъ. Генеральная старшина должна была присутствовать вся, полковники также всѣ, бунчуковые товарищи въ числѣ 10, а войсковые въ числѣ 4 человѣкъ; отъ полковой и сотенной старшины должно было явиться по 2 человѣка отъ каждаго полка, такъ что всего имѣлось въ виду 64 человѣка, кромѣ ген. старшины. Сдѣлавъ такія приказанія относительно выбора народныхъ представителей, гетманъ потребовалъ, чтобы избранныя лица, разсмотрѣвши посылаемый имъ Сводъ, представили ему о немъ свои мнѣнія. Такимъ образомъ возникла новая коммиссія, составленная, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всецѣло изъ новыхъ членовъ; засѣданія ея, судя по имѣющимся приказамъ о явкѣ въ Глуховъ, должны были открыться 15-го ноября, но въ дѣйствительности состоялись только въ декабрѣ, да и то при неполномъ комплектѣ избранныхъ въ коммиссію чиновъ; больше всего на этотъ разъ не до-

ставало полковниковъ, отказавшихся пріѣхать по многочисленности работъ, возложенныхъ на нихъ передъ войной. Къ сожалѣнію, первое собраніе коммиссіи окончилось ничѣмъ,—ибо подготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ потребовало полковниковъ и сотниковъ къ своимъ постамъ, а потому коммиссія, не начавши работъ, распалась и члены ея разъѣхались. Войск. Ген. Канцелярія, увидя неудачу, постигшую первое собраніе, обратилась къ гетману съ предложеніемъ составить „особую коммиссію нѣкоторыхъ чиновъ, кои при нынѣшнихъ коммандированіяхъ не столь нужны суть, какъ то: изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей", но гетманъ не согласился съ этимъ предложеніемъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что дѣло разсмотрѣнія Свода касается пользы всего малороссійскаго народа, а посему и сессія коммиссіи должна происходить при наличности всѣхъ избранныхъ въ нее чиновъ.

Въ теченіи слѣдовавшаго затѣмъ 1757 г. коммиссія, какъ это видно изъ документовъ, ни разу не собиралась и новое ея собраніе было назначено только на 1-е сентября 1758 г. Персоналъ коммиссіи въ этомъ году былъ составленъ прежнимъ порядкомъ и въ томъ же числѣ чиновъ, но произошли большія измѣненія въ самихъ лицахъ—многіе изъ бунч. товарищей, сотниковъ и др., избранныхъ въ 1756 году, были замѣнены теперь новыми. Съѣхавшіеся въ сентябрѣ 1758 г. въ Глуховъ чины—ген. старшина, полковники, полковая старшина, бунч. и войск. товарищи, сотники—и во второй разъ къ существу дѣла не приступили, но, отложивъ разсмотрѣніе Свода на будущій годъ, выработали слѣдующій планъ для предстоящихъ занятій: 30 главъ Свода были раздѣлены ими на пять частей, по одной части для каждыхъ двухъ полковъ [1]); Затѣмъ каждые 2 полка въ составѣ своихъ полковниковъ, полковой старшины, бунч. товарищей, судоваго писаря и канцеляристовъ должны были образовать *подкомиссію* и разсматривать свои 6 главъ совершенно особенно

[1]) Стародубскій и черниговскій полкъ получили первыя 6 главъ Свода, кіевскій и нѣжинскій вторыя, прилуцкій и переяславскій третія, лубенскій и гадяцкій четвертыя, миргородскій и полтавскій пятыя.

отъ остальныхъ такихъ же подкоммиссій. Занятія этихъ подкоммиссій, имѣвшія характеръ подготовительныхъ работъ, состояли въ „убавкѣ и прибавкѣ“ Свода согласно обстоятельствамъ времени и предполагались ежедневными; для разсмотрѣнія же сдѣланныхъ подкоммиссіями работъ и окончательнаго ихъ поправленія было положено собираться дважды въ недѣлю при Войск. Ген. Канцеляріи всѣмъ ген. старшинамъ и чинамъ отъ полковъ опредѣленнымъ, „дабы оное поправленіе всѣмъ согласно могло быть“. Въ эти же общія собранія коммиссіи имѣлось въ виду внесть на разрѣшеніе письменныя мнѣнія членовъ, представляемыя ими по поводу неясностей и сомнѣній, возникавшихъ при обсужденіи Свода въ подкоммиссіяхъ.

Установивъ такой планъ занятій и назначивъ слѣдующее собраніе на 19 янв. 1759 г., коммиссіанты кромѣ того позаботились, чтобы слѣдующій ихъ съѣздъ не былъ втунѣ, благодаря отсутствію въ немъ духовныхъ особъ. Полк. А. Горленко доложилъ объ этомъ гетману и очень резонно указалъ ему на необходимость призванія въ коммиссію и духовныхъ лицъ хотя бы по одному тому, что онѣ уже ранѣе участвовали въ составленіи Свода, да, наконецъ, и сами состоятъ подъ однимъ правомъ съ мірскими людьми. Здѣсь намъ нужно замѣтить, что духовенство, обойденное гетманомъ при избраніи представителей для обсужденія Свода, было крайне обижено и оскорблено такимъ поступкомъ Разумовскаго.

Архимандритъ Кіево-Печерской Лавры Лука прежде всѣхъ обратился съ своимъ заявленіемъ о настоятельной необходимости привлечь къ разсмотрѣнію Свода и духовенство на томъ основаніи во первыхъ, что оно уже было ранѣе призываемо въ коммиссію, а во вторыхъ изъ опасенія, чтобы отъ него не послѣдовало какого нибудь „сумнительства и недовольства“, если свѣтскіе чины постановятъ прибавить или убавить что либо изъ того, что обще съ духовными постановлено. Архим. Лука добавлялъ при этомъ, что у него происходилъ по сему поводу „разговоръ съ удивленіемъ“ съ митрополитомъ кіевскимъ и консистористами, вполнѣ раздѣляющими его взгляды и неудовольствіе на поступокъ гетмана. Намъ неизвѣстно, отвѣчалъ ли гетманъ

на докладъ А. Горленка, но фактъ тотъ, что и въ 1759 году духовныя особы не принимали участія въ дѣлахъ коммиссіи. Въ этомъ году, наконецъ, собравшіеся въ Глуховъ чины приступили къ обсужденію Свода, которое на этотъ разъ было немногимъ удачнѣе, чѣмъ предыдущія—дѣло въ томъ, что на первыхъ же шагахъ занятій между коммиссіантами обнаружилось большое разногласіе во взглядахъ на возложенную на нихъ задачу и возобновился старый споръ, бывшій когда то между Бороздною и его оппонентами. Коммиссія раздѣлилась на два лагеря: одни, замѣтивъ, что диспозиція Свода совсѣмъ не та, что у Статута, не согласились съ нею и, какъ покойный Бороздна, доказывали, что Малороссія отъ самаго соединенія съ Россіей пользовалась Литовскимъ Статутомъ, какъ правомъ національнымъ и гарантированнымъ ей царскими грамотами; что Магдебургское и Саксонское права примѣняются у нихъ единственно на случай неполноты Статута и то съ резону арт. 54, розд. IV, „въ которомъ точно положено, что если бы чего въ томъ Статутѣ недоставало, въ такомъ случаи судовые росправы отправлять прикладомъ иншихъ правъ христіанскихъ". На основаніи этихъ соображеній часть коммиссіи поставила принципіальный вопросъ: слѣдуетъ ли имъ вообще допускать къ разсмотрѣнію Сводъ, составленный не въ порядкѣ изложеннаго въ Статутѣ права, а иногда и въ его отмѣну? Не лучше ли подвергнуть разсмотрѣнію и исправленію не Сводъ, а самый Статутъ тамъ, гдѣ онъ недостаточенъ и мало вразумителенъ? Конечно, этого раскола во взглядахъ чиновъ коммиссіи было вполнѣ достаточно, чтобы затормозить работы впредь до выясненія дѣла.

Другая часть коммиссіи, не имѣя ничего противъ новой диспозиціи Свода, понимала задачу своего призванія очень скромно и, придерживаясь буквы указа, готова была заняться обсужденіемъ присланнаго ей гетманомъ Свода, не касаясь его диспозиціи и болѣе принципіальныхъ вопросовъ. Расколъ и возникшая по его поводу борьба между двумя направленіями сдѣлали, конечно, обсужденіе Свода немыслимымъ безъ предварительнаго улаженія поднятаго спора и за разрѣшеніемъ его обратились къ гетману. Кромѣ этого затрудненія, среди чиновъ коммиссіи воз-

никли недоразумѣнія и по другому поводу: письмо архм. Луки произвело свое дѣйствіе и собравшіеся чины безпокоились за будущее своихъ работъ, если къ участію въ нихъ не будутъ привлечены духовныя особы. Въ виду указанныхъ двухъ „сумнительствъ" чины коммиссіи обратились къ гетману съ покорнѣйшимъ доношеніемъ объяснить имъ, какъ быть съ вопросомъ о духовенствѣ и удерживать ли имъ диспозицію Свода или Статута? Далѣе, гетману предлагалось на разрѣшеніе еще одно затрудненіе: начавъ разсматривать Сводъ, коммиссія убѣдилась, что многое въ немъ не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени и не мало артикуловъ надлежитъ привести въ сходство и поисправить; но какимъ образомъ вести это исправленіе и приведеніе въ сходство? Если такъ, чтобы по поводу каждаго исправленія составлять особое письменное мнѣніе и отсылать его въ Войск. Ген. Канцелярію на общее обсужденіе, то прійдется создать книгу уже во всякомъ случаѣ не меньшую Свода; если же какимъ инымъ путемъ, то на это требуются указанія и разъясненія со стороны гетмана. За ними и обратились коммиссіанты къ Разумовскому, который въ концѣ мая 1759 г. отвѣтилъ, что всѣ вопросы, предложенные ему чинами коммиссіи, не могутъ быть разрѣшены заочно, а требуютъ личнаго присутствія его въ Малороссіи, почему онъ считаетъ за лучшее распустить коммиссію до другаго времени, когда обстоятельства позволятъ ему прибыть въ Малороссію. Къ тому же, продолжалъ гетманъ, господамъ полковникамъ и другимъ чинамъ отлучаться отъ командъ ихъ никакъ невозможно—для пониманія послѣднихъ словъ гетмана мы должны напомнить здѣсь, что въ то время предвидѣлась война, и по силѣ грамоты Ея И. В., данной малороссійскимъ старшинамъ, „имъ надлежало имѣть всякую осторожность отъ непріятеля и приготовлять козаковъ къ походу", что было совершенно невозможно при отсутствіи полковниковъ ради засѣданій въ коммиссіи. Распоряженіе Разумовскаго въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше совпадало съ желаніями самой коммиссіи, ибо послѣдняя еще въ февралѣ, т. е. за три мѣсяца предъ этимъ просила объ отпускѣ ради военныхъ приготовленій.

Что же сдѣлано, однако, этой трижды собиравшейся коммиссіей для намѣченной указами Императрицы цѣли? Буквально, можемъ сказать, ничего, потому что занятія коммиссіи, продолжавшіяся въ общей сложности нѣсколько мѣсяцевъ, прошли болѣе въ выработкѣ плана, спорахъ и ожиданіи рѣшенія ихъ гетманомъ, но не въ трудахъ по существу дѣла, конечно, за небольшимъ исключеніемъ [1]).

Для коммиссіонтовъ оказалось невозможнымъ сразу, à livre ouverte, безъ подробнаго знакомства со Сводомъ, сдѣлать что нибудь въ отношеніи исправленія, потому что, говорили они, многіе артикулы вписаны въ Сводъ не всѣ, другіе раздѣлены по частямъ и разбросаны по всей книгѣ, а въ довершеніе всѣхъ затрудненій немалое препятствіе чинится имъ въ томъ, что точность артикуловъ новосложенными терминами очень часто перемѣнена, а иногда значительно сокращена въ ущербъ разумѣнію силы права. Планъ работъ, составленный въ 1758 г., оказался также несостоятельнымъ—не было никакой возможности подготовительнымъ коммиссіямъ ограничиваться своими 6-ью главами, не заглядывая въ остальныя; полнота исправленія требовала отъ каждой изъ подкоммиссій подробнаго знакомства со всѣми частями Свода и такимъ образомъ одна изъ нихъ необходимо вторгалась въ область занятій другой. Конечно, недостатки принятаго плана работъ были поправимы и не могли составить существеннаго препятствія для продолженія занятій, но гораздо большее затрудненіе было внесено въ коммиссію борьбою между сторонниками Статута и приверженцами Свода, такъ какъ первымъ во что бы то ни стало хотѣлось удержать въ Малороссіи

[1]) Вотъ докладъ Разумовскому, излагающій вкратцѣ сущность занятій: „правные артикули проходили довольнимъ онихъ внушеніемъ и разсужденіемъ также самоперсональнымъ свидѣтельствованіемъ точности тѣхъ малороссійскихъ правъ съ коихъ оніе артикули сведены и сложены и по тѣмъ же самимъ артикуламъ, каковы въ чемъ явились несходства, тѣ къ подлежащему поправленію и отмѣчены“. Отсюда слѣдуетъ, что артикулы, нуждавшіеся въ поправкѣ, были только отмѣчены, самой же поправки сдѣлано не было, равно какъ ничего не было сдѣлано въ отношеніи пополненія или убавленія малороссійскихъ правъ на томъ основаніи, что „въ сводномъ Статутѣ диспозиція вся учинена новымъ сложеніемъ, а не такимъ порядкомъ, какъ самъ Статутъ“.

употребленіе чистаго, неиспорченнаго Статута. Защитники національнаго права не убѣдили противную сторону въ непригодности Свода, но, желая удержать за собою побѣду, перенесли этотъ вопросъ на почву закона и доказывали, что введеніемъ Свода нарушается святѣйшая ихъ привилегія—пользоваться своимъ правомъ, данная еще отъ королей польскихъ, а потомъ неоднократно подтвержденная московскими царями. Съ этою цѣлью ими были собраны и выписаны привилегіи королей польскихъ, напечатанныя „въ книгахъ польскихъ печатныхъ въ Краковѣ въ архитипографіи Королевской Лазоревой 1600 г., называемыхъ статуты, правы и конституціи"; изъ этихъ книгъ приведено пять мѣстъ, говорящихъ, что „Русь присозданная къ Польшѣ частью чрезъ войны, частью же чрезъ спадки (наслѣдованіе)" должна пользоваться однимъ правомъ съ Польшею. Кромѣ этихъ выписокъ, члены коммиссіи ссылались на привилегію короля Сигизмунда-Августа III, данную въ 1569 г. въ Люблинѣ и подтверждавшую Малороссіи Литовскій Статутъ; не забыли они также привести и подходящіе пункты изъ договорныхъ статей Богдана Хмельницкаго, изъ грамотъ царя Алексѣя Михайловича и пр. до самаго послѣдняго времени. Словомъ, защитниками Статута было сдѣлано все, дабы убѣдить гетмана въ нарушеніи ихъ привилегій и правъ путемъ допущенія Свода.

Отвѣтъ гетмана намъ извѣстенъ—коммиссія была распущена и 15-ти лѣтній трудъ малороссійскихъ юристовъ, такъ безпокоившій часть коммиссіантовъ, не только не получилъ распространенія, но остался навсегда въ томъ же видѣ, въ какомъ вышелъ изъ рукъ первыхъ законовѣдовъ.

Съ мая 1759 года прекращаются всякія свѣдѣнія о Сводѣ, намѣренно забытомъ правительствомъ, какъ это думаетъ проф. Кистяковскій на томъ основаніи, что въ сенатскомъ указѣ 1761 года, говорящемъ о пересмотрѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, о немъ ничего не упомянуто, хотя со времени послѣдняго обсужденія Свода прошло всего 2 года, и Сенатъ не могъ такъ скоро о немъ забыть.

Упомянутый нами сенатскій указъ 31-го августа 1761 г. былъ изданъ по инціативѣ „коммиссіи новосочиняемаго для

Россіи Уложенія", образованной 11 марта 1754 г. по представленію Шувалова „о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельствамъ нынѣшнихъ временъ въ примѣненіи обычаевъ и нравовъ"; коммиссія эта преслѣдовала общую цѣль исправленія законовъ, дѣйствовавшихъ въ Россійской имперіи, и въ частности обратила вниманіе на Малороссію, гдѣ, по ея словамъ, законы настолько недостаточны, что „судъ и росправа чинится по даннымъ отъ королей польскихъ статутамъ *съ добавленіемъ правъ другихъ христіанскихъ*", поэтому коммиссіи казалось необходимымъ пополнить въ Статутѣ недостающее и отмѣнить излишнее. По ея взгляду все это должно быть совершено въ Малороссіи такимъ же порядкомъ, какъ и „по прочимъ присутственнымъ мѣстамъ повелѣно", т. е. сочинить каждому присутственному мѣсту законы, специально его касающіеся; результаты работъ надлежало, по мысли коммиссіи, прислать къ ней съ депутатомъ, который могъ бы порядочно изложить, что и зачѣмъ сдѣлано.

Вслѣдствіе этихъ соображеній и былъ изданъ указъ 1761 г., дававшій гетману порученіе опредѣлить особыхъ людей для разсмотрѣнія Статута и законовъ, дѣйствовавшихъ въ Кіевѣ среди мѣщанъ, посполитыхъ и купцовъ; такимъ образомъ, исправленіе малороссійскаго права представляло теперь не самостоятельную заботу правительства, а только часть обще задуманнаго исправленія всѣхъ законовъ, и Малороссія въ данномъ случаѣ была уподоблена одному изъ присутственныхъ мѣстъ, имѣвшихъ разсужденіе по дѣламъ, до нихъ относящимся.

Намъ неизвѣстно, какія вызвалъ этотъ указъ распоряженія со стороны гетмана, но судя по тому, что въ бумагахъ за 61 г. и слѣдующіе мы не встрѣтили никакихъ указаній объ исправленіи Статута, мы полагаемъ, что къ нему и не приступали. Есть, правда, за 1761 г. приказаніе гетмана, данное генер. писарю Безбородку „въ подлежащихъ обстоятельствахъ о правахъ и вольностяхъ малороссійскихъ сочинивъ экстрактъ прислать его сіятельству", но это приказаніе нельзя считать отвѣтомъ на указъ объ исправленіи Статута.

Слѣдя далѣе за исторіей правительственныхъ мѣръ относительно малорусскаго права, мы замѣчаемъ, что широкіе за-

мыслы объ исправленіи его чрезъ коммиссіи и представителей ранговаго козачества мало по малу сходятъ совершенно со сцены и ихъ замѣняетъ желаніе прійти, хотя бы путемъ канцелярскихъ работъ, къ какому нибудь концу, разрѣшавшему хаотическое состояніе права въ Малороссіи.

Съ этою цѣлью 14 ноября 1763 г. Разумовскій обратился къ ген. бунчужному г-ну Тарновскому съ ордеромъ, коимъ повелѣвалъ переведенный съ польскаго языка на русскій и утвержденный малороссійскому народу Статутъ освидѣтельствовать и исправить такъ, чтобы онъ, не заключая въ себѣ ни въ чемъ отличій отъ польскаго, былъ вразумителенъ и понятенъ всякому; во-вторыхъ, по силѣ этого же ордера, надлежало перевести и книгу правъ Магдебургскихъ, которая хотя и утверждена для употребленія въ судахъ магистратскихъ, но до сихъ поръ еще, по словамъ ордера, не переведена (?) Такъ скоро изгладилось изъ памяти даже малорусскихъ правителей воспоминаніе о бывшемъ 20 лѣтъ назадъ переводѣ всѣхъ 3-хъ правныхъ книгъ на великороссійскій языкъ! Сверхъ исправленія Статута и перевода Магдеб. права, Разумовскимъ было приказано собрать всѣ имѣющіяся на польскомъ и латинскомъ языкахъ привилегіи малороссійскаго народа и прислать ему вмѣстѣ съ переводами правъ.

Вторымъ ордеромъ, даннымъ тому же Тарновскому, гетманъ приказывалъ всякій роздѣлъ Статута послѣ исправленія представлять въ Войск. Ген. Канцелярію на общее обсужденіе всѣхъ генер. старшинъ, находящихся въ Генер. Судѣ и самой Войск. Канцеляріи, дабы узнать „такъ ли тому переведенному роздѣлу быть или еще что поисправить надлежатиметь“; по окончаніи же перевода и исправленія Статутъ и Магдебургское право надлежало прислать въ Петербургъ *для отпечатанія*. Согласно этимъ ордерамъ Разумовскаго, ген. бунчужный приступилъ къ переводу, выбравъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ сотниковъ— Свирскаго, Терковскаго, Дубовика и уже знакомаго намъ Лисаневича, но послѣдній отказался по своей дряхлости и недостатку средствъ и не измѣнилъ своего рѣшенія даже когда ему одному было предложено особое за это жалованье. Самъ Тарновскій взялъ на себя исправленіе Статута, 3 человѣка были опредѣ-

лены имъ къ переводу Магдебургскаго права, Трибунальное же право и выписки изъ конституцій, привилегій и другихъ полезныхъ для Малороссіи пунктовъ были поручены для перевода нѣкоему Дзѣвовичу съ назначенными къ нему лицами. Гетманъ одобрилъ такое раздѣленіе занятій, но къ сожалѣнію послѣднія ни къ какому концу, какъ кажется, приведены не были, по крайней мѣрѣ въ послѣдующее время объ этомъ не встрѣчается никакихъ извѣстій, да и при изданіи Статута въ 1810 г. пришлось дѣлать новый его переводъ.

Нелишнимъ здѣсь будетъ сказать съ какимъ трудомъ пришлось добывать переводчикамъ книги Магдебургскаго права; замѣчаніе это тѣмъ интересно, что обнаруживаетъ поразительную бѣдность въ правныхъ книгахъ, доходившую иногда до курьезовъ.

Собравшіеся въ Глуховѣ въ мартѣ 1764 г. переводчики доносили Войск. Ген. Канцеляріи, что они напрасно проживаютъ въ городѣ, не имѣя необходимыхъ книгъ Магдеб. права, и просили Канцелярію сдѣлать распоряженіе объ ихъ доставкѣ; по этому прошенію послѣдняя отправила въ черниговскій и нѣжинскій магистраты ордеры выслать книги Магдеб. права, буде таковыя имѣются, на польскомъ, латинскомъ или русскомъ діалектахъ. Замѣчательный отвѣтъ на этотъ ордеръ далъ черниговскій магистратъ: книги такой, писалъ онъ, нѣтъ, ибо еще въ 1750 г. магистратскій домъ погорѣлъ со всѣми книгами, *и самъ магистратъ принужденъ теперь чинить разбирательства по правамъ статутовымъ*. Изъ нѣжинскаго магистрата было отвѣчено, что требуемыя книги, хотя и находятся, но очень неисправны, листы выдраны, Хелминскаго права вовсе нѣтъ и проч., а въ высылкѣ ихъ магистратъ отказалъ на томъ основаніи, что онѣ нужны ему для суда между мѣщанами, но посовѣтовалъ обратиться въ полковую нѣжинскую канцелярію, гдѣ онѣ мало нужны за большимъ употребленіемъ Статута, но и оттуда книги получены не были и только послѣ долгихъ усилій Тарновскій получилъ 1 экземпляръ Магдеб. права въ августѣ 1764 г. Конечно, подобную бѣдность въ руководительныхъ книгахъ Магдеб. права нельзя объяснять ничѣмъ инымъ, какъ отживаніемъ послѣдняго. Съ этого времени у насъ прекращаются архивныя данныя о

дальнѣйшихъ судьбахъ малороссійскаго права до окончательной отмѣны его при Николаѣ I, но чтобы имѣть представленіе, какимъ образомъ оно было приведено къ настоящему его состоянію, мы изложимъ вкратцѣ послѣднюю его исторію по книгѣ проф. Кистяковскаго и статьѣ Баршевскаго „Краткая исторія Литов. Статута".

Мысль объ исправленіи дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ, говоритъ Кистяковскій, не оставляла правительственныя сферы даже послѣ многократныхъ неудачъ, но только не какъ самостоятельная, а прибавочная, въ связи съ общимъ планомъ кодификаціи отечественныхъ законовъ. Дѣйствительно, 1767 годъ очень скоро представилъ удобный случай къ осуществленію заботъ правительства, и мы видимъ, что въ коммиссіи сочиненія проекта новаго уложенія велѣно принять въ соображеніе малороссійскіе законы въ видѣ изъятія изъ общихъ, но такъ какъ изъ этой коммиссіи ничего не вышло, то и малороссійское право осталось statu quo ante.

Въ слѣдующіе годы царствованія Екатерины II попытокъ къ исправленію малорос. законовъ не дѣлалось, но, согласно съ общими централистическими стремленіями государыни, въ 1783 г. былъ сдѣланъ шагъ къ замѣнѣ національнаго права великорусскимъ, путемъ распространенія на Малороссію учрежденія о губерніяхъ, ибо отмѣной старыхъ судовъ и объединеніемъ всего судоустройства былъ открытъ широкій доступъ вліянію великороссійскихъ законовъ, особенно усиливавшемуся благодаря судьямъ-великоруссамъ, знакомымъ только съ своимъ правомъ. Правда, реформа въ судоустройствѣ, произведенная Екатериной II, продержалась недолго и была отмѣнена 30 ноября 1796 г. указомъ имп. Павла, повелѣвавшимъ снова судить по точной силѣ малороссійскихъ правъ.

Въ 1804 г., въ царствованіе Александра I, особенно заботившагося о кодификаціи русскихъ законовъ, было обращено вниманіе и на сочиненіе особыхъ законовъ для Малороссіи; трудъ сочиненія былъ возложенъ на вторую экспедицію коммиссіи составленія законовъ, а послѣ преобразованія 1809 г. на шестое ея отдѣленіе, результатомъ работъ котораго и былъ извѣстный

переводъ Статута, изданный въ 1811 г. для употребленія въ судахъ Малороссіи. Переводъ Литовскаго Статута съ польскаго,— продолжаетъ Кистяковскій, — указываетъ, что въ законодательныхъ сферахъ того времени было потеряно преданіе о первоначальномъ происхожденіи и юго-западной редакціи Статута, и только послѣ работъ проф. Линде, доказавшаго настоящее происхожденіе Статута и обнаружившаго много ошибокъ въ польскомъ текстѣ, въ Комитетѣ Министровъ состоялось постановленіе исправить изданіе 1811 г., сличивъ его съ Статутомъ 1588 г., и отпечатать на бѣлорусскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ для распространенія среди этихъ національностей. Однако, это постановленіе Комитета не было приведено въ исполненіе по причинѣ возникшаго уже тогда намѣренія о полной замѣнѣ Статута особымъ Сводомъ, составленнымъ для западныхъ губерній. Образованный съ этою цѣлью при II Отдѣленіи Собств. Его Им. В. Канцеляріи комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Сперанскаго дѣйствительно успѣлъ сочинить для западныхъ губерній проектъ законовъ, раздѣлявшійся на 3 части: 1) законы о состояніяхъ, 2) законы гражданскіе и 3) судебн. обряды, судопроизводство и мѣры гражд. взысканій; въ 1839 и 1840 гг. проектъ былъ на разсмотрѣніи Государств. Совѣта, но вслѣдствіе указа 25 іюня 1840 г., отмѣнявшаго дѣйствіе Статута въ западныхъ губ. и вводившаго въ нихъ Сводъ Законовъ Рос. имперіи, разсмотрѣніе его было оставлено безъ послѣдствій. Немного спустя та же участь постигла Л. Статутъ и въ черниговской и полтавской губерніяхъ: въ 1843 г. въ нихъ былъ введенъ общій Сводъ Законовъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ западныхъ губерній, что для Малороссіи были сохранены нѣкоторыя постановленія Статута, сохранившія въ ней свою силу до послѣдняго времени. Такъ Малороссія, ровно чрезъ столѣтіе послѣ сочиненія Свода, была введена въ кругъ дѣйствія общерусскаго законодательства, ни разу не воспользовавшись до этого своими вѣковыми трудами въ направленіи кодификаціи особаго малорусскаго права, и прямо перешла отъ Статута къ Своду Законовъ Россійской имперіи.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Магдебургскаго права, сошедшаго въ Малороссіи со сцены немногимъ

ранѣе самаго Статута, но совершенно инымъ порядкомъ. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ можно было отыскать въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка книги Магдеб. права, прежде довольно распространенныя, какъ въ магистратахъ, такъ и прочихъ судахъ; нами былъ также указанъ случай, какъ это право безъ всякаго затрудненія замѣнилось въ черниговскомъ магистратѣ Статутомъ; нужно думать, что такіе случаи замѣны считались не единицами, а были часты и шли crescendo, такъ что къ 1824 г. оно было вполнѣ забыто даже самими судами и пришло въ полное ничтожество само собою. Въ этомъ отношеніи Магдебургское право никакъ нельзя сравнивать со Статутомъ, потому что относительно его не только не было издано указа объ отмѣнѣ, но правительство изъявило обратное желаніе возстановить его дѣйствіе снова, сдѣлавъ съ имѣвшейся въ Сенатѣ книги новый переводъ и напечатавъ его въ сенатской типографіи для всеобщаго употребленія; однако Генеральный Судъ Малороссіи просилъ навсегда прекратить дѣйствіе Магдеб. права на томъ основаніи, что оно потеряло свою силу и, давно забытое въ судахъ Малороссіи, замѣняется при рѣшеніи дѣлъ то Лит. Статутомъ, то общими россійскими законами. Представленіе Генеральнаго Суда было уважено и закономъ 1831 г. оно было отмѣнено окончательно.

Въ то время какъ Магдеб. право само изжило свой вѣкъ гораздо ранѣе, чѣмъ это было завѣрено и подтверждено закономъ, относительно Статута, правительству, повидимому, пришлось ранѣе его отмѣны обратиться къ своимъ органамъ, чтобы черезъ нихъ доказать несовершенства Статута и подготовить малороссійскія и западныя губерніи къ замѣнѣ его Сводомъ Законовъ. Объ этомъ воздѣйствіи правительства сверху вскользь упоминаетъ Баршевскій, говоря: „*по заявленію ген.-губ. Бибикова* дворянство во главѣ своего предводителя графа Тышкевича ходатайствовало о дарованіи западнымъ губерніямъ рус. законовъ“, но лучшимъ доказательствомъ нашей мысли служитъ „мнѣніе предводителя дворянства пирятинскаго уѣзда ген.-майора Селецкаго, объясненное дворянству“, авторъ котораго буквально агитировалъ въ пользу отмѣны Статута не только среди

дворянъ своего уѣзда, но и уѣздовъ черниг. губерніи, стремясь объединить все дворянство въ желаніи замѣны Статута Сводомъ Законовъ. „Мнѣніе“ Селецкаго, написанное имъ въ концѣ 1840 г., настолько интересно, что я приведу его здѣсь in extenso, тѣмъ болѣе, что оно нигдѣ еще не было напечатано.

Настоятельность упраздненія Статута по убѣжденію Селецкаго оправдывается слѣдующими четырмя обстоятельствами: 1) дѣйствіе Литовскаго Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно безразлично для блага Малороссіи, 2) въ нѣкоторыхъ оно даже вредно, 3) прекращеніе дѣйствія можетъ принести во многомъ важную пользу, 4) наконецъ, мнѣніе самаго правительства о Статутѣ невыгодно и можно ожидать ежегодно, что оно уничтожитъ его дѣйствіе.

Первое свое положеніе о безразличіи для Малороссіи Статута или Свода авторъ пытается, основать на совершившемся, по его мнѣнію, фактѣ сліянія двухъ національностей, сліянія, доходящаго въ глазахъ Селецкаго до „единства и тожества жизни Великой и Малой Россіи“. Конечно, авторъ „мнѣнія“ правъ, поскольку его слова относятся къ законамъ о государственномъ устройствѣ, финансамъ, полиціи и вообще публичному праву, ибо здѣсь Малороссія дѣйствительно пришла къ единству и тожеству съ Великороссіей, но онъ грубо ошибается, утверждая, что гражданская часть Статута представляетъ маловажное отличіе отъ россійскихъ гражд. законовъ, доказательствомъ чего можетъ служитъ и взглядъ самаго правительства, удержавшаго въ X т. мѣстныя особенности малороссійскихъ законовъ.

II. Что касается затѣмъ втораго положенія Селецкаго, то нельзя не согласиться съ приводимыми имъ доводами о вредномъ дѣйствіи Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на общественную жизнь, ибо эти доводы вполнѣ справедливы. Главный недостатокъ, а потому и вредъ Статута, состоялъ, какъ это правильно доказывалъ Селецкій, въ его устарѣлости, несоотвѣтствіи состоянію цивилизаціи, образованію и духу времени (объ этомъ еще ранѣе Селецкаго говорило черниговское шляхетство въ наказѣ своему депутату при отправленіи его въ ком. сочиненія новаго уложенія). Справедливость требуетъ также сказать,

что и другой недостатокъ Л. Статута—неопредѣленность круга его дѣйствій изображена авторомъ очень вѣрно: несоотвѣтствіе Статута наличнымъ условіямъ жизни, говоритъ Селецкій, очень часто заставляетъ судей прибѣгать вмѣсто него къ Своду Законовъ, почему одно и то же дѣло рѣшается весьма различно; но этого мало, судьи великороссіяне, не зная Л. Статута или считая его никуда негоднымъ по привычкѣ къ общимъ законамъ, рѣшительно игнорировали Статутъ ради Свода.

III. Третье мнѣніе Селецкаго о благѣ, ожидающемъ Малороссію послѣ отмѣны Статута, подкрѣпляется имъ тѣмъ, что все дѣло сводится къ облегченію законодательной теоріи и практики и полному объединенію двухъ націй „раздѣленныхъ когда то внѣшними обстоятельствами", а единство націй, продолжаетъ авторъ записки, имѣетъ очень важное вліяніе на благоденствіе государства. Очевидно, въ данномъ случаѣ Селецкій путаетъ причины объединенія націй съ его послѣдствіями и придаетъ законодательнымъ мѣропріятіямъ такіе успѣхи, каковыхъ они въ дѣйствительности никогда не имѣютъ.

IV. Наконецъ, желаніе самаго правительства, удобнѣе и вѣрнѣе другихъ сознающаго нужды малороссіянъ, также склоняется на его сторону, говоритъ авторъ „мнѣнія", и доказываетъ это тѣмъ, что правительство неоднократно дѣлало попытки къ исправленію малороссійскаго права или замѣнѣ его великорусскимъ, такъ: a) въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1761 г. была составлена коммиссія, не имѣвшая однако успѣха по различнымъ причинамъ, b) по состоявшемуся 9 окт. 1826 года мнѣнію Госуд. Совѣта въ виду недостатка польскихъ законовъ объ опекахъ было постановлено въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и Малороссіи руководствоваться тѣми же законами объ опекахъ, которые уже изданы или впредь будутъ издаваться для губерній великороссійскихъ, c) мнѣніе Гос. Совѣта 11 іюля 1826 г о недостаткѣ и неудобствѣ въ приложеніи къ дѣламъ постановленій Статута и d) отмѣна Статута въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ.

Въ заключеніе всѣхъ доказательствъ Селецкій писалъ: „пора принять законодательство, дѣйствующее въ великорусскихъ гу-

берніяхъ тѣмъ болѣе, что велико и мало-россіяне соединяются издавна одними и тѣми же указами, одною православною вѣрою, самодержавіемъ и однообразнымъ воспитаніемъ, и только одна остается черта, повидимому отдѣляющая ихъ, это Л. Статутъ, котораго дѣйствіе посему надлежитъ уничтожить навсегда и подвергнуть о семъ всеподданнѣйшее прошеніе на Высочайшее разрѣшеніе".

Результатомъ агитаціи Селецкаго было постановленіе предводителей дворянства полтавской губерніи объ избраніи для рѣшенія этого вопроса почетнѣйшихъ и свѣдущихъ въ правѣ дворянъ изъ каждаго уѣзда.

Неизвѣстно, состоялись ли такія собранія дворянъ въ другихъ уѣздахъ полтавской губ., но въ пирятинскомъ, вѣроятно радѣніемъ самого агитатора, избранные дворяне рѣшили просить распространенія на нихъ общихъ законовъ, находя, что послѣдніе 1) достаточно соотвѣтствуютъ обезпеченію собственности и правъ каждаго въ сравненіи съ Л. Статутомъ и 2) что введеніемъ Свода Законовъ изгладится воспоминаніе о прежнемъ униженіи малороссіянъ и отторженіи ихъ отъ Россіи. Требуя Свода, пирятинское дворянство однако признало весьма полезнымъ и необходимымъ сохранить за собою право распоряженія имѣніями согласно 1 арт. 7 роздѣла Статута.

Хотя мы не желаемъ быть защитниками устарѣвшаго малорусскаго права, но намъ кажется, что постановленіе пирятинскаго дворянства о введеніи въ Малороссію нисколько не измѣненнаго Свода Законовъ было сдѣлано подъ вліяніемъ высшей власти, а не составляло общаго убѣжденія малороссіянъ; это доказывается какъ одиночествомъ пирятинскихъ вожделѣній, такъ и состоявшимся въ 1843 г. опредѣленіемъ дворянъ испросить у Государя соизволеніе на посылку отъ нихъ депутатовъ для принесенія Его Величеству благодарности за отеческое попеченіе о благѣ и пользѣ жителей малорос. губерній *внесеніемъ въ Сводъ Законовъ издревле существующихъ въ ихъ краѣ особыхъ законоположеній*. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что малороссіяне и въ половинѣ 19-го вѣка дорожили своими мѣстными особенностями правъ такъ же, какъ они дорожили ими въ 1767 г.,

когда черниговское шляхетство просило объ оставленіи у нихъ въ дѣйствіи Статута. Явленіе это совершенно понятно: Статутъ представляетъ исконное право южно-руссовъ; онъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ обычая и заключаетъ въ себѣ много правилъ, имѣющихъ и въ наше время примѣненіе въ жизни, а пока законъ не порвалъ связи съ жизнью, имъ дорожатъ, его защищаютъ, отстаиваютъ.

Это случилось и со Статутомъ, нисколько не напоминающимъ Саксонскаго права, заимствованнаго у насъ путемъ рецепціи и исчезнувшаго, можно сказать, само собою.

Окончивши исторію правительственныхъ мѣропріятій относительно малорусскаго законодательства, мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно составленія Свода и приведемъ здѣсь одинъ интересный документъ, трактующій о *„правной копѣ“*, опредѣленной коммиссіантами въ 1 р. 20 к., вопреки дѣйствительности, цѣнившей копу грошей въ 50 к.

Въ началѣ статьи уже говорилось, какіе крупные недостатки въ малороссійскихъ правахъ вызвали коммиссію составленія Свода, но лучше всего эти недостатки изображены въ наказѣ черниговскаго шляхетства своему депутату [1]) и мы позволимъ себѣ привести главнѣйшія изъ нихъ вкратцѣ.

Во первыхъ, по справедливому замѣчанію черниг. шляхетства, Статутъ содержитъ постановленія, противныя самодержавной власти, и говоритъ о такой военной земской службѣ, которой ни государственная польза, ни выгоды жителей возобновить не позволяютъ; во вторыхъ, земскіе и гродскіе суды, установленные въ IV роздѣлѣ, противны существующему дѣленію малороссійскаго народа на классы, но особенно же, по словамъ либеральныхъ черниговцевъ, противно естественному праву неравномѣрное возмездіе за пролитіе шляхетской и простой крови. Въ третьихъ, продолжало шляхетство, на основаніи Статута трудно сообразить видъ существующаго въ Малороссіи правленія и раздѣленіе ея народа по состояніямъ; недостаточныя же денежныя

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1888 г. приложеніе, стр. 11.

взысканія, изображенныя въ Статутѣ, ведутъ къ умноженію своевольства, неистовства и неправосудія. Далѣе, были указаны и другіе недостатки Статута, какъ то: трудность въ пониманіи, дающая возможность сыскать законъ на законъ; устарѣлость его постановленій, много разъ уже подвергавшихся въ Польшѣ пополненію и измѣненіямъ; масса указовъ, отъ верховной власти исходящихъ, въ дополненіе и отмѣну Статута; употребленіе на ряду съ Статутомъ и другихъ правъ христіанскихъ и пр. Словомъ, потребность въ новомъ кодексѣ малорусскаго права въ 1767 г. чувствовалась всѣми слишкомъ живо и настоятельно, но немногимъ развѣ менѣе она ощущалась и въ 1728 г. при изданіи указа о составленіи Свода.

Совершенный въ 1743 г. малороссійскими юристами кодексъ такъ или иначе но могъ бы удовлетворить эту давно назрѣвшую потребность, если бы онъ былъ аппробованъ и введенъ въ судахъ Малороссіи, но этого къ несчастью не случилось и еще долго въ Украинѣ царствовалъ большой хаосъ въ отправленіи правосудія. О немъ можно судить по слѣдующему документу, составляющему распоряженіе Румянцева-Задунайскаго, данное Малороссійской Коллегіи въ 1777 г. дек. 1.

„Для всѣхъ здешнихъ судебныхъ мѣстъ установленни законы, на которихъ они произвожденіе дѣлъ основивать и рѣшать должни; для городскихъ и земскихъ судовъ шляхетское право книга Статутъ, для магистратовъ относительно гражданскихъ дѣлъ магдебургское, а для полковыхъ канцелярій военній уставъ и артикули, но изъ доходящихъ ко мнѣ дѣлъ усматриваю я, что нерѣдко суды рѣшають не въ силу тѣхъ законовъ, по которимъ они рѣшить должны, имѣя точніе на тѣ случаи артикули, напр. магистратъ рѣшитъ гражданское дѣло по Статуту, оставляя магдебургское право, а земскій судъ или гродскій основывается по какому либо дѣлу на магдебургскомъ, не слѣдуя статутовому, а изъ сего происходитъ не только въ дѣлахъ замѣшательство и затрудненіе, но и удаленіе отъ правосудія. Малороссійская Коллегія, яко главное правительство, по доходящимъ дѣламъ прилежно сего смотрѣть обвязанна и взыскивать за то безъ послабленія, а въ предосторожность дабы впредъ отнюдь

въ судахъ безпорядковъ не происходило благоволитъ Коллегія предписать всѣмъ судамъ и магистратамъ, чтобъ они дѣла рѣшили точно по своимъ законамъ, а въ необходимомъ развѣ въ томъ случаѣ можно взаимствовать отъ другихъ, когда въ своемъ законѣ нѣтъ приличнаго на какой случай артикула; касательно же вексельныхъ дѣлъ слѣдовать точности вексельнаго устава".

Конечно, Малороссійская Коллегія, получивъ отъ Румянцева приведенный указъ, не замедлила сообщить его всѣмъ подчиненнымъ судебнымъ мѣстамъ съ требованіемъ поступать согласно съ нимъ въ отправленіи правосудія, но подобными указами нельзя было замѣнить недостатка въ кодексѣ правъ, и вотъ въ 1781 году мы читаемъ снова тоже самое: Румянцевъ-Задунайскій сообщаетъ Малороссійской Коллегіи, что къ нему доходитъ очень много жалобъ отъ лицъ, обиженныхъ въ гвалтахъ, грабежахъ и насиліяхъ, которыя (жалобы) онъ отсылаетъ на разрѣшеніе и удовлетвореніе разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, но послѣднія настолько плохо удовлетворяютъ обиженныхъ, что они снова обращаются къ нему, но уже „съ пріумноженіемъ жалобъ на самыя присутственныя мѣста". Поэтому Румянцевъ-Задунайскій сдѣлалъ новое напоминаніе Коллегіи, дабы она подтвердила всѣмъ подчиненнымъ ей судамъ „*о неотложномъ и сходственномъ съ законами дѣлъ производствѣ и рѣшеніи*" и наблюдала за сохраненіемъ въ рѣшеніи дѣлъ предписаннаго порядка, срока и прочихъ сдѣланныхъ на то узаконеній. Въ послѣдующее время случаи подобныхъ напоминаній также не прекращались, они были въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ, пока, наконецъ, 1843 г. не положилъ имъ желаннаго предѣла.

Мы думаемъ, что Сводъ, составленный въ „коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ", значительно могъ бы уменьшить господствовавшую въ правахъ неурядицу, потому что онъ, несмотря на многіе недостатки, заключалъ въ себѣ и несомнѣнныя достоинства, отмѣченныя уже г. Кистяковскимъ въ его очеркѣ коммиссіи. Не входя далѣе въ разборъ самаго Свода, мы упомянемъ здѣсь о такъ называемой „правной конѣ", положенной составителями Свода въ 1 р. 20 к., между тѣмъ какъ въ дѣйстви-

тельности копа грошей ходила въ 50 к. Вопросъ этотъ занимаетъ насъ потому, что въ бумагахъ, относящихся до сочиненія Свода, мы встрѣтили интересный докладъ кобижскаго сотника П. Симоновскаго[1]), поданный имъ въ Войск. Ген. Канцелярію въ 1759 г. съ цѣлью обратить вниманіе засѣдавшей въ то время коммиссіи разсмотрѣнія Свода на то, что „правная копа" оцѣнена предшествующими коммиссіантами слишкомъ высоко и неправильно.

Мы знаемъ уже, что еще съ 1588 года денежныя взысканія, опредѣленныя въ Статутѣ за различныя преступленія, ни разу не подвергались новой переоцѣнкѣ, несмотря на обезцѣненіе денегъ и увеличившіяся цѣны предметовъ; такая переоцѣнка безъ сомнѣнія являлась дѣломъ первой необходимости и хотя не была пропущена малорусскими кодификаторами, но къ сожалѣнію удалась имъ очень плохо, ибо вмѣсто того, чтобы всѣ денежныя единицы, упоминаемыя въ Л. Статутѣ, перевести на современныя великорусскія, они сдѣлали это въ отношеніи одной только „копы грошей", создавъ для нея миѳическій эквивалентъ въ 1 р. 20 к.; литовскій же „рубль грошей" не былъ переведенъ на великорусскія деньги въ томъ отношеніи, какъ копа, но остался просто „рублемъ", т. е. былъ сдѣланъ менѣе копы, между тѣмъ какъ по Лит. Статуту копа грошей содержала въ себѣ 60, а рубль 100 грошей. Перевернутыя вверхъ дномъ при такомъ измѣненіи денежныя оцѣнки предметовъ и уголовныхъ наказаній особенно непріятно поражали всѣхъ имѣвшихъ дѣло съ судами еще тѣмъ, что цѣна „правной копы грошей" именно была выдуманная, миѳическая, ибо обыкновенная „копа грошей" ходила всего въ 50 к.

Перечитывая рѣшенія черниговскихъ судебныхъ мѣстъ за 1762 г., мы нашли, что въ это время правная копа грошей хо-

---

[1]) Петръ Ив. Симоновскій, кобижскій сотникъ и авторъ исторіи Молороссіи, окончилъ полный курсъ ученья въ кіевской академіи, потомъ доучивался въ Варшавѣ, гдѣ, по словамъ митрополита Евгенія, и самъ былъ впослѣдствіи учителемъ. Малороссійскій генер. подскарбій В. А. Гудовичъ пригласилъ Симоновскаго въ званіи гофмейстера отправиться въ путешествіе съ его дѣтьми заграницу; Симоновскій выразилъ согласіе и заграницей слушалъ чтенія профессоровъ кенигсбергскаго, галльскаго и лейпцигскаго университетовъ, а также посѣтилъ Парижъ. (Изъ введенія къ исторіи Малороссіи П. Симоновскаго).

дила въ судахъ дѣйствительно въ 1 р. 20 коп., какъ объ этомъ сообщалъ еще въ 1759 г. П. Симоновскій, но уже въ 1763 г. копа грошей снова была приравнена 50 к., и совершилось это „по указу Пр. Сената отъ 10 дек. 1763 г. состоявшемуся и въ судъ гродскій черниговскій присланному переводомъ на русскій діалектъ *копа грошей полтина*". Мы не знаемъ, въ силу какихъ соображеній Пр. Сенатъ отмѣнилъ установившуюся оцѣнку копы грошей въ 1 р. 20 к., какъ не знаемъ и того, игралъ ли въ этомъ случаѣ какую нибудь роль докладъ кобижскаго сотника или нѣтъ, но съ 1764 года въ судебн. рѣшеніяхъ уже не встрѣчается особой „правной" копы, а есть одна обыкновенная копа грошей, цѣнимая въ полтину, т. е. въ половину рубля, между тѣмъ по Л. Статуту отношеніе между копой и рублемъ было нѣсколько иное—3: 5. П. Симоновскій въ поданномъ докладѣ въ Войск. Ген. Канцелярію старается доказать, что правная копа оцѣнена составителями Свода въ 1 р. 20 к. неправильно, и предлагаетъ свое „подлое мнѣніе", согласно коему она составляетъ всего 60 к. на великорусскія деньги. Мнѣніе Симоновскаго очень интересно тѣмъ, что въ немъ находятся данныя, указывающія, въ какомъ отношеніи обмѣнивались между собою денежныя единицы различныхъ государствъ, заходившія изъ нихъ и въ Малороссію чрезъ Литву и Польшу. Поэтому, мы помѣщаемъ здѣсь его докладъ въ подлинномъ видѣ, надѣясь, что лица, интересующіяся вопросомъ о деньгахъ, ходившихъ въ Малороссіи въ 18 в., найдутъ въ немъ немало интереснаго и полезнаго для уясненія этого крайне темнаго предмета [1]); къ тому же, добавимъ мы, содержаніе доклада обнаруживаетъ въ авторѣ его довольно видное образованіе, хорошее знакомство съ дѣломъ и даже нѣкоторую эрудицію ученаго.

И. Теличенко.

---

[1]) *Прим.* Для того, чтобы читатель могъ оріентироваться среди денежныхъ названій, встрѣчающихся въ докладѣ Симоновскаго, мы напомнимъ названія литовскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Статутѣ, и ихъ отношеніе къ современнымъ деньгамъ. Въ Литовск. Статутѣ встрѣчаются слѣдующія наименованія монетъ: рубль, копа, грошъ, пенязь. Въ 1588 г. рубль=100 грошей, копа=60 гр., грошъ=10 пенязей. Рубль по изслѣдованію Чацкаго = 35-ти польскимъ злотымъ и $21^{24}/_{50}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги; копа литовская=21 польскимъ злотымъ и

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДОКЛАДЪ.

Правная копа часто поминаемая въ Статутѣ была и нынѣ есть всегда ниже рубля посему что:

I. Въ Роздѣлѣ 10-мъ, артик. 2-мъ между протчею диких звѣрей оцѣнкою положено за вепра т. е. дикого кабана цену рубль грошей, за сарну же или дикую козу копа грошей; но кто не вѣдаетъ, что, какъ нынѣ, такъ и прежде сего здѣсь такъ и вездѣ по другимъ сторонамъ, дикая коза есть и была всегда дешевлѣе дикого кабана; а резонъ сему есть тотъ, чемъ кто чего труднѣе достаетъ, тѣмъ тое и дороже быть должно: сами охотники признать могуть, что вепра, яко сильнѣйшаго звѣря, съ большою достають трудностію, нежели дикую козу: посему слѣдуетъ, что вепръ есть дороже кози, итакъ положенная въ правѣ за него цена рубль, большая отъ копи.

II. Въ Розд. 13-мъ, арт. 12-мъ за домового пса положена цена три копи грошей, за годящихся къ охотѣ собакъ какъ то обсочнаго (?) и боброваго и протчіихъ по три рубли, всѣмъ же извѣстно, охотничіе пси суть дороже отъ надворныхъ: слѣдовательно и здѣсь разумѣется рубль большій отъ копи.

III. Въ Розд. 12-мъ, арт. 3-мъ поголовщина простого стану людямъ положена подлежащимъ порядкомъ, между тѣмъ бортникови, яко промышленному человѣку, 40 копъ грошей, а тяглому человѣку уже ниже сорока копъ только 25 копъ грошей. Такъ же и навязка имъ обоимъ по тому жъ порядку съ прочіими: бортникови респектомъ поголовщины 2 рубли, а тяглому человѣку уже 2 копи.

И такъ, естьлибы рубль не вышше отъ копи считалъся, то бы никогда тяглому человѣку, которому поголовщина почти удвое меньшая отъ бортника положена, неполагано вышшой навязки отъ борт-

---

$12^{43}/_{50}$ грош. или 3 р. $22^{5}/_{7}$ к. Въ литовскомъ грошѣ приходилось по $5^{2}/_{5}$ к. сер По присоединеніи Малороссіи, когда прежняя монета стала замѣняться московской, вошло въ жизненную и судебную практику считать копу грошей въ полтину; такъ было до работы „правной коммиссіи", по предложенію которой „правная" копа, т. е упоминаемая въ кодексѣ правъ, стала цѣниться въ 1 р. 20 к. Такъ шло дѣло до 1763 г.; съ этого года до 1825 г. она снова ходила въ 50 к., когда наконецъ мнѣніемъ Госуд. Совѣта было постановлено копу литовскихъ грошей считать въ 1 р 20 коп. (Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. А. Ханенка).

никовъ, ибо какая препорція быть можетъ кому поголовщина отъ другого менша тому навязка больша! Съ чего кажется лутчему доказательству, что копа есть всегда ниже рубля быть не можно?

Что же по всѣмъ Малой Россіи судамъ правная копа считается болѣе рубля, то оное вычислено чаятельно послѣдовало съ того что грошъ положенный въ Статутѣ считается въ двѣ копейки, и такъ зтѣхъ шесть десятъ грошей по Розд. 4-му, арт. 22 полагаютъ въ едну копу по примѣру шести десяти сноповъ считающихся въ копу всякаго хлѣба.

А понеже съ вышеписанныхъ обстоятельствъ и при томъ резоновъ слѣдуетъ, что правная копа должна быть всегда менше рубля, такъ и грошъ не 2 копейки, но менѣе, что съ нижеслѣдующаго ясно усмотрѣть можно. По всѣмъ государствамъ разные суть гроши, какъ то [минуя объ Россіи далшіе] въ Саксоніи и Пруссіи называеміе добріе гроши сребранои монети: тѣ на нашу Россійскую монету считаються по алтину без мѣлочного чево, въ таляри же курантъ или твардій считаютъ ихъ 24. Въ Австріи, Богеміи, Венгріи и Шлезіи уже меншій грошъ, называемій индѣ ческій, а индѣ *туракъ*, сіи на нашу монету считаются по пяти денегъ, а въ рейхсъ таляръ идетъ их 30.

Сихъ же имѣеться еще сребранная половинная монета ходячая въ Польщѣ, а паче по пограничью отъ Венгріи, подобная древнимъ полскимъ чехамъ, которая индѣ называется *полтура*, а индѣ хотя и рѣдко грошикъ на якомъ надписъ таковъ: Grossus magni ducaqus Litwaniae, т. е. грошъ великаго княжества Литовскаго, якая не инако считается нынѣ какъ четвертая часть шостака бытого полского [въ которомъ числиться полскихъ грошей якіе съ трохъ шеляговъ состоятъ тринадцять], а нашихъ 5 копѣекъ; итакъ тѣхъ малыхъ грошиковъ или полческихъ въ рейхсъ таляръ зачислеться 60, съ которыхъ или подобныхъ симъ и правная копа надежно состоять должна за силу Розд. 4-го, Арт. 22. Равнымъ образомъ когда вышпомянутаго ческого взять половинную часть на россійскую монету будетъ одна копѣйка съ четью сію розбивъ на шесть десятъ разъ выйдетъ сумма сѣмь десятъ пять копѣекъ з якихъ и оній иностранный таляръ, какъ всѣмъ бываемымъ въ тѣхъ сторонахъ извѣстно состоить. Ежелижъ на семъ увѣриться за чемъ не можно будетъ, то въ лутчое того доказательство представляються извѣстныя всѣмъ *тинфи*, которые съ 3 польскихъ шостаковъ, а съ нашихъ 15-ти копѣекъ состоять, оныхъ въ рейхсъ таляръ числиться 5, то—есть ли тѣ 15 коп. размножить чрезъ 5 выходить сумма 75 коп., с которых дѣйствительно по примѣру таляровъ, имѣючихся по всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и оная Литовская положенная въ Статутѣ копа

состоять должна. Съ сих доказательствъ слѣдуетъ, что какъ копа не 1 р. 20 коп., но толко 75 к., такъ и статутовый грошъ не 2 коп., но копѣйка с четью зачитаться должны. А что копа 75 к. и неотмѣнно быть должна доказуетъ намъ государственное блаженнія и вѣчно достойныя памяти Гдря Царя и великого князя Алексѣя Михайловича Уложенье, которое во многихъ статьяхъ зъ статутовыми сходственно правами, яко оное по повелѣнію Его Величества справливанно съ старинными россійскими судебниками, якіе надежно отъ Литвы, яко первѣйшаго пограничного христіанскаго государства взяти были! Тамъ въ главѣ 10-й, статьи 217, 218, 219 совсѣмъ почти съ артикулами 12, 13 и 14 Розд. 10-го сходственны, ибо какъ въ Уложеньи 217 статьи такъ и въ Статутѣ 12 арт. при концѣ положенна цена между протчіимъ тетервиной сѣтѣ 3 рубли, а куропатиной единъ рубль.

Въ 13 арт. пункта „2" напечатано такъ есть ли кто нарочно бортное съ пчелами дерево спортитъ платить долженъ 3 рубли, а безъ пчолъ, в которомъ толко деревѣ напередъ того пчолы были, 2 копи; въ Уложеньи въ ст. 218 противъ сих двохъ копъ положено $1^1/_2$ рубля, якіе виходять зъ взятой дважды суммы 75-ти копѣекъ [75×2 fit 150].

Тамъ же при самомъ конци за дерево на борть вырубленное, гдѣ еще небыли пчоли положенно копа грошей, въ Уложеньи въ той же ст. 218 25 алтинъ, т. е. 75 коп. За всякой кремъ невыдѣланной сколько их кто ни спортитъ по полъ копи грошей, въ Уложеніи тамъ же по 12 алтинъ и 3 деньги, т. е. $37^1/_2$ коп.

Зъ сихъ 12-ти алтинъ и 3-хъ денегъ или $37^1/_2$ коп. ясно (есть) и явно есть, что сія статья въ точность зъ Статута переведена и по тогдашнему употребленію литовской полкопи россійскою монетою считались $37^1/_2$ коп.

Въ 14-мъ арт. за видерте пчолей безъ порчи бортей платится тожъ 2 копи грошей, а по ст. 219-ой против того положено 2 рубля и прочая.

Сверхъ же всего всякъ кто толко прилѣжно на полскомъ язикѣ читаетъ статутъ легко разсудить можетъ, что когда литовскій грошъ считать за россійскіе 2 коп., то какова дешевизна быть можетъ. когда за одну курицу по Розд. 13-му, арт. 7 платить 4 копѣйки, а за индѣйскую 40 коп., что и в малой Россіи рѣдко гдѣ такою великою цѣною покупаеться развѣ въ единое военное время, в Литвѣ же и во всей Польщѣ надежно и нынѣ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ войска стоять дешевле купить можно, какъ то и самимъ мною за восемь лѣтъ доволно дознано было, буди жъ оніе кури за силу того же роздѣла артикулѣ 4-мъ при концѣ, доведеться кому уплачивать

съ навязкою деньгами, то домовая курица 8, а индейская 80 коп. стоять будетъ посему каковое в животныхъ сходство а въ ценѣ справедливость быть имѣетъ, когда навпротивъ того цена по 5 арт. того жъ роздѣлу рабочимъ доморослимъ конямъ положено весьма малая, такожъ и въ артик. 11 цена одежи и другимъ въ домѣхъ дѣланнымъ вещамъ въ иныхъ против нинѣшней куплѣ а въ другихъ и дешевлѣе нежели теперь въ Россіи и Литвѣ достать можно, съ сего явно и ясно быть кажется, что въ Статутѣ какъ протчіе всѣ права кои въ чемъ с другими иностранных государствъ законами несогласни взглядомъ натури и обычаевъ тогдашняго народа учинена такъ и цѣна скоту, звѣру и птицамъ и другимъ вещамъ респектомъ тогдашней продажи и купли положени неотмѣнно.

Мнѣ кажется по моему о грошѣ разумѣнію довольная и безъ навязки за простую курицу цѣна 5 денегъ, а за индійскую 15 копеекъ, т. е. полскій тинфъ, за которого и нынѣ вездѣ индика купить можна, ибо въ тогдашное время не только в Литвѣ, но и въ самой нѣмецкой земли, гдѣ нынѣ чрезвычайная за умноженіемъ народа дорожнета, а паче до 30-ти лѣтной войни, которая съ 1620 года начата продолжалась ажъ до 650 г., какъ из Гисторіи видно и росказовъ старих и учителных иноземцовъ слишно, за крайцер или по крайней мѣрѣ за 2 кр. [что на россійской монетѣ копейка съ 3-ма четмы] купить едну курицу можна было.

Что же къ нашему Малорос. принадлежитъ таляру кой съ 60 коп. стоитъ, то онъ по подлому моему мнѣнію не откуда инуда въ нашъ внійшолъ народъ какъ толко з Австріи, Богеміи и Шлезіи гдѣ въ рейхсъ талярь какъ выше показано числитця 30 тамошних грошей, а и в Россіи не иное что грошъ какъ 2 коп. и такихъ россійских грошей въ малорос. талярь входитъ 30 же.

Каковъ талярь и копою называть можно, потому что въ немъ шестьдесятое находится число, без котораго копа по нонѣшнему употребленію никогда быть не можетъ, хотя она по свойству своему не только къ денгамъ, но и ко всѣмъ вещамъ и не въ шестьдесятомъ числѣ [било бъ толко то все вкупе без ущербу] принадлежитъ.

Въ Саксонѣи разная овощъ продаетца на мандель и шокъ т. е. по 15 и по 60, которое последное слово шокъ на русскомъ языки значится копа сѣна или хлѣба и прочая.

Предъ симъ за нѣсколько лѣтъ в Малой Россіи полскіи битіи шостаки считались только по 4 коп. [почему и нынѣ простой народъ называетъ 4 коп. шостакомъ] слѣдовательно и тинфъ былъ въ 12 копейках, итакъ когда 5 тинфовъ считавшихся въ иностранний талярь размножить 12 разъ [12×5 fit 60] видеть сумма 60 коп. что

кажется сходственнѣе по заобиклости простого народа копою нежели симъ иностраннымъ словомъ таляръ называть должно.

А что простій народъ россійскую полтину называетъ нинѣ копою, то таковое називаніе можеть статься послѣдовало съ сихъ двохъ резоновъ: 1) или что россійскій рубль въ давности считаться моглъ за 40 алтинъ какъ то и нинѣ бытіе полскіе таляри в случай нужди взимаются по сороку алтинъ, или 2) что другой цѣлой серебраной монети состоячой съ 60 коп., которая бы простому народу за копу служить могла нетъ въ употребленіи, кромѣ настоящой серебраной полтины.

Если же соблаговолено будетъ наблюдать и древность въ которую настоящіе полскіе чехи [кои с трехъ лядскихъ, т. е. девяти шеляговъ состоять] считались только за одну копейку такожъ и и дѣйствительніе литовскіе гроши [кои по незнанію взимались здѣсь отъ простого народу толко за осмакъ т. е. три полушки] за одну копейку итить долженствовали, то вправную копу по Розд. 4, арт. 22 нейнако какъ 60 коп. считать должно, однакъ какъ все выше писанное такъ и сіе на волѣ и благоусмотрѣніи Войсковой Генералной Канцеляріи остается.

Сотникъ Кобижскій *Петр Симоновскій.*

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго.

(*Продолженіе* [1]).

II.

Біографія Аврама Езофовича на основаніи документовъ Метрики Литовской.—Рабей или Рабчикъ, отецъ Аврама Езофовича и Симха—дядя Аврама.—Занятія Рабея и Симхи въ Кіевѣ, Луцкѣ и Брестѣ.—Сыновья Рабея—Первое появленіе Аврама Езофовича въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской.—Значеніе присловья „жидъ" въ началѣ XVI в.—Аврамъ Езофовичъ—христіанинъ.—Примѣры перехода евреевъ въ православіе въ XVI в.—Кіевская область въ концѣ XV ст. и вырабатываемые ею типы.—Служебное положеніе Аврама Езофовича въ царствованіе короля Казиміра.—Аврамъ Езофовичъ—городничій ковенскій.—Существенныя черты должности городничаго: его обязанности, какъ строителя крѣпости, финансоваго чиновника и коменданта.—Спеціальныя требованія отъ ковенскаго городничаго въ концѣ XIV в.—Аврамъ Езофовичъ въ Смоленскѣ.—Защита имъ пограничныхъ крѣпостей отъ нападенія войскъ вел. князя московскаго.—Аврамъ Езофовичъ—войтъ минскій.—Управленіе Аврама Езофовича таможенными откупами.—Аврамъ Езофовичъ становится старостою смоленскимъ.—Характерныя черты этой должности въ Смоленскѣ.—Возведеніе Аврама Езофовича въ шляхетское званіе и пожалованіе ему помѣстья Войдуны.—Политическое положеніе Литвы въ концѣ XV в.—Уступки в. князей вотчинникамъ подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій.—Военныя нужды государства.—Вступленіе новыхъ людей въ ряды литовской аристократіи.—Пожалованіе Авраму Езофовичу Волутиной горы и хутора Шейничи.—Размѣры этихъ пожалованій примѣнительно къ помѣстной единицѣ того времени, т. е. „службѣ".—„Служба панцырная" и „служба тяглая".—Размѣры поземельнаго имущества Аврама Езофовича въ концѣ царствованія Александра Ягеллона.

Прежде чѣмъ приступить къ біографіи самого Аврама Езофовича, постараемся установить его происхожденіе.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", сентябрь.

Въ числѣ откупщиковъ таможенныхъ доходовъ при королѣ Казимірѣ Ягеллонѣ мы встрѣчаемъ подъ 1486—87 г. *мытника кіевскаго Рабчика*. Вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ своимъ Симхою онъ получаетъ съ ключа (изъ доходовъ, собираемыхъ в. княжескимъ чиновникомъ—ключникомъ) 10 колодъ (ульевъ, кадей) прѣснаго меду [1]). До разоренія Кіева татарами въ 1482 г. Рабчикъ съ Симхою завѣдывали сборомъ пошлинъ на таможняхъ кіевской, вышегородской и житомирской [2]). Въ 1486 г. іюля 27 въ товариществѣ съ трокскими евреями Симха и Рабей или Рабчикъ берутъ на откупъ таможенныя пошлины и питейный откупъ въ Путивлѣ.

Разореніе Кіева потрясло на нѣкоторое время состояніе Рабея, такъ какъ онъ вмѣсто аренды первоклассной таможни, какою была кіевская, довольствуется небольшою таможенною заставой, да и ту получаетъ въ погашеніе стараго королевскаго долга въ 600 к. гр. [3]), какъ это видно изъ того обстоятельства, что старый товарищъ Симхи и Рабея—Огронъ, не принявшій участія въ этомъ откупѣ, получилъ отъ короля Казиміра особое обязательство на 260 копъ и 80 гр. Въ 1488 г. октября 29 мы видимъ Рабея вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Нисаномъ получающими *съ ключа Луцкаго* колоду меду прѣснаго, а іюня 2—телѣгу соли съ волами съ мыта *Луцкаго*. Въ слѣдующемъ году, іюля 2, Рабей снова получаетъ 2 колоды меду *въ Луцкѣ*. При всѣхъ этихъ дачахъ Рабей называется „старымъ мытникомъ кіевскимъ", такъ что сомнѣнію въ тожествѣ Рабея и Рабчика не можетъ быть мѣста.

Мая 20-го 1489 г. король Казимиръ свелъ счеты со своими откупщиками кіевскими и путивльскими за три года.

Откупная сумма за это время простиралась до 3,950 к. гр., да сверхъ того по королевскимъ ассигновкамъ они выдали 324 к. гр.

Несмотря на то, что Рабей съ Нисаномъ взяли въ 1496 г. на откупъ только путивльскія пошлины и корчмы, а кіевскія

[1]) Документы и регесты къ исторіи лит. евреевъ, т. I, № 9.
[2]) Ibid. № 10.
[3]) Ibid. № 13.

отданы были другой компаніи, тѣмъ не менѣе въ 1489 г. мы видимъ снова во главѣ всего предпріятія Рабея.

Рабей и Симха были родными братьями, что видно изъ документа отъ 1489 г. мая 24-го, гдѣ сынъ Рабея Еско, „жидъ луцкій", жалуется на сына Симхи Нисана „дядковича своего" [1]).

Рабей съ братомъ послѣ татарскаго погрома 1482 г. мѣняютъ Кіевъ на Луцкъ [2]). Недолго однако Рабею жилось и въ Луцкѣ: въ 1494 г. мы видимъ его жителемъ Бреста, снова въ компаніи откупщиковъ таможенныхъ пошлинъ [3]).

Имѣлъ ли Рабей поземельную собственность, мы въ точности не знаемъ; у племянника же его Нисана было небольшое имѣніе на Волыни, въ Тополи, „дворецъ съ двема человѣки", который въ 1496 г. марта 12 былъ пожалованъ въ вотчину волынскому земянину Михаилу Семашковичу [4]).

У Рабея были три извѣстные по актамъ сына: Есько [5]), (Акзахъ [6]), Изакъ [7]), Айзикъ [8]), Айзакъ [9]), Михель [10]) и Аврамъ [11]), впослѣдствіи подскарбій земскій в. к. литовскаго (государственный казначей).

Тождество Рабея съ Езофомъ, отцомъ Михеля, Еска и Аврама Езофовичей вытекаетъ изъ того обстоятельства, что акты называютъ Михеля Езофовича то Михелемъ Ребинковичемъ [12]), то Рябичковичъ [13]), а равнымъ образомъ и Есько называется Ре-

---

[1]) Док. и рег. № 23. „Жаловалсь намъ" говоритъ король Казиміръ Ягеллонъ, „жидъ луцкій Есько Рабеевичъ на дядьковича своего, на Симшина сына, на Нисана".

[2]) Ibid. id.

[3]) Ibidem. № 25. „Мыто Берестейское и Дорогицкое и Кгороденское и Бѣльское" „проданы" жидовѣ Берестейской: Говашу Ограновичу, а Игудѣ, а *Рабею* а *Нисану Имшичу*".

[4]) Документы и регесты, т. I. № 32.

[5]) Ibid. № 23.

[6]) Ibid. № 69.

[7]) Ibid. № 67.

[8]) Ibid. № 72.

[9]) Ibid. № 71.

[10]) Что Михель и Айзакъ были братьями, сравни тамъ же № 69 и № 84, 111.

[11]) Аврамъ братъ Михеля и Айзика №№ 69, 96.

[12]) Ibid. № 51.

[13]) Ibid. № 58.

беевичемъ [1]). Мы же видѣли раньше, что Рабей и Рабчикъ одно и то же лицо.

Изъ сыновей Рабея первымъ мы встрѣчаемъ въ актахъ Аврама.

Уже около 80-хъ годовъ XV ст. Аврамъ Езофовичъ становится самостоятельнымъ, ведетъ свои дѣла независимо отъ братьевъ [2]).

Ближайшею причиною этого отдѣленія было, по нашему мнѣнію, принятіе Аврамомъ Езофовичемъ христіанства.

Всѣ акты, говорящіе объ Аврамѣ Езофовичѣ (первый изъ нихъ относится къ 1488 г.), не сопровождаютъ его имени эпитетомъ „жидъ". Между тѣмъ, если не всегда, то большею частію акты уже XV ст. не забываютъ приложить этотъ эпитетъ тамъ, гдѣ онъ имѣлъ реальное значеніе.

Замѣтимъ къ тому же, что слово „жидъ" не только въ XV но и во все продолженіе XVI в. въ Литвѣ не имѣло какого либо пренебрежительнаго оттѣнка. Слово „жидъ" обозначало просто принадлежность къ извѣстной этнографической группѣ и употреблялось наравнѣ и съ одинаковымъ смысломъ, какъ слова „татаринъ", „москвичъ", „турокъ" и т. д. Мы видимъ, напр., въ актахъ начала XVI ст., что Янъ Яновичъ Заберезинскій, воевода новгородскій, державца марковскій и довкговскій, 4 января 1519 г. заявляетъ, что остался долженъ „*пану* Айзаку Езофовичу" „жиду берестейскому" извѣстную сумму денегъ, которую и обязывается отдать „*его милости*" въ опредѣленный срокъ [3]). Такимъ обр. мы видимъ, что одинъ изъ членовъ Рады великаго князя, самъ „панъ, его милость", придаетъ этотъ важный титулъ еврею, не задумываясь поставить оный рядомъ съ эпитетомъ „жидъ".

Поэтому, если мы въ актахъ не встрѣчаемъ *ни разу* имени Аврама Езофовича съ эпитетомъ жидъ, то слѣдовательно, въ то время, къ которому относятся акты, Аврамъ Езофовичъ не принадлежалъ болѣе къ еврейскому вѣроисповѣданію.

---

[1]) Ср. выше № 23.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 74. „Авраму 3 рубли грошей з винъ въ п. Солтана, а 10 бочокъ ржи у Стрета, а 10 бочокъ ржи у Гринашка" октября 28 индикта 7 (1488 г.).

[3]) Метр. Лит. „Судныхъ Дѣлъ" № VII, f. 200 и 211 (b); срав. также наше изслѣдованіе „Литовскіе евреи" Спб., 1883 г.

Теперь далѣе.

Подъ 1511 г. мы встрѣчаемъ грамоту кіевскаго митрополита Іосифа *Солтана* объ отношеніяхъ между священниками виленскихъ церквей и виленскими мѣщанами[1]). Вопросы, разрѣшенные въ этой грамотѣ митрополитомъ Іосифомъ, касались весьма важныхъ сторонъ религіозной жизни *православнаго населенія* города Вильно. Грамота издана послѣ предварительнаго опроса различныхъ лицъ, главнымъ образомъ священниковъ различныхъ виленскихъ церквей, митрополичьихъ дворянъ и т. д. Такъ какъ вопросъ объ отношеніи клирошанъ въ церквахъ столичнаго города Литвы былъ для того времени весьма важнымъ, то естественно, что въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при разсмотрѣніи этого дѣла, мы встрѣчаемъ архимандрита троицкаго Изосиму, намѣстника митрополичьяго Іону, архимандрита лаврашовскаго Іону, и другихъ духовныхъ лицъ. Но такъ какъ дѣло, о которомъ шла рѣчь, не было только каноническимъ, а включало и свѣтскіе элементы, то на разбирательствѣ присутствовали и свѣтскія лица, значительные православные сановники, находившіеся тогда въ Вильно: объ этомъ митрополитъ выражается такъ: „А при томъ были *дѣти наши, панъ Аврамъ, подскарбій* великій земскій, и панъ Иванъ Кошка, окольничій смоленскій, и панъ Янко, городничій виленскій". Если иногда при выдачѣ грамотъ по духовнымъ дѣламъ православнаго населенія Литвы мы и встрѣчаемъ не только католическихъ свѣтскихъ лицъ, но и бискуповъ, то подобное явленіе объясняется тѣмъ, что бискупы ex officio были членами Рады. Но никогда мы не встрѣчали, чтобы католическій епископъ называлъ православныхъ своими дѣтьми, или же наоборотъ. Поэтому мы утверждаемъ, что присутствіе Аврама Езофовича при выдачѣ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ грамоты, а равно и названіе его со стороны митрополита сыномъ (духовнымъ, конечно), несомнѣнно свидѣтельствуютъ о принадлежности Аврама Езофовича къ православію.

Имѣя въ рукахъ этотъ фактъ, мы можемъ опредѣлить приблизительно и время перехода Аврама Езофовича въ христіанство.

---

[1]) Археографическій Сборникъ, т. VI, № док. 4.

Несомнѣнные документы свидѣтельствуютъ намъ, какъ увидимъ ниже, о пребываніи Аврама Езофовича въ Литвѣ въ 1499 г., т. е. за 4 года до возвращенія королемъ Александромъ изгнанныхъ имъ евреевъ. Поэтому, Аврамъ Езофовичъ въ противность утвержденію г. Вольфа былъ христіаниномъ уже въ моментъ изгнанія евреевъ, т. е. въ 1495 г.

Въ другомъ мѣстѣ намъ, кажется, удалось доказать, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ изгнанія евреевъ былъ ярый прозелитизмъ короля Александра: невозможно допустить, чтобы государь, принуждавшій *свою собственную жену* къ переходу изъ православія въ *католичество,* сталъ бы покровительствовать переходу изъ еврейства въ православіе.

Заслужить благосклонность в. князя переходомъ въ православіе едва ли было возможно, когда однимъ изъ мотивовъ для князей, *отъѣзжавшихъ* изъ Литвы въ Москву, было именно гоненіе на православіе. Еслибы, поэтому, Аврамъ Езофовичъ перешелъ въ христіанство изъ своекорыстныхъ цѣлей во время гоненія на евреевъ, то, очевидно, мы никогда бы его не увидѣли православнымъ.

Мы видимъ, правда, что подъ конецъ жизни онъ переходитъ въ католичество, но опять таки не изъ за какихъ либо корыстныхъ видовъ; переходитъ онъ уже будучи подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады, переходитъ при королѣ, чуждомъ религіознаго фанатизма, и въ то время, когда православная религія ни въ какомъ случаѣ не могла служить помѣхою для служебнаго положенія. Мало того, переходя самъ въ католичество, Аврамъ Езофовичъ оставляетъ своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей православными.

Если, такимъ образомъ, Аврамъ Езофовичъ былъ христіаниномъ еще до изгнанія евреевъ, то станетъ понятно, почему при его имени мы не встрѣчаемъ эпитета „жидъ". Отъ современнаго намъ состоянія актовъ по исторіи Литвы трудно требовать большаго количества свидѣтельствъ и по болѣе важнымъ вопросамъ, чѣмъ принятіе христіанства тѣмъ или инымъ евреемъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ привести для Волыни и Кіевской земли нѣсколько такихъ случаевъ. Такъ, въ 1502 г. мы видимъ

пана Ивана Корсаковича, владѣвшаго во владимірскомъ повѣтѣ двумя селами: предкомъ его былъ мытникъ володимірскій жидъ *Шанъ*, которому эти села были пожалованы великими князьями Витовтомъ и Швитригайломъ [1]). Точно также подъ 1513 г. мы видимъ, что игумену и старцамъ Пустыннаго монастыря подлѣ Кіева присуждено „селищо Борщовка... со всимъ съ тымъ, какъ предокъ ихъ Агронъ, жидъ, изстарины держалъ и послѣ его сынъ его, *будучи въ христіанствѣ, на имя Миколай*, держалъ“. Пожалованіе же Пустынному монастырю этой земли послѣдовало при королѣ Александрѣ *послѣ смерти Николая.*

Замѣтимъ, что и позже на Волыни и въ Кіевской землѣ встрѣчаются подобные же переходы евреевъ въ христіанство: такъ, напр., во второй половинѣ XVI в. *глава* луцкой караимской общины, весьма богатый человѣкъ, Батко Мисановичъ принимаетъ православіе [2]), а сынъ его остается евреемъ.

Что южные евреи, вѣроятно потомки древне русскихъ, гораздо легче переходили въ христіанство, мы видимъ изъ того обстоятельства, что въ числѣ евреевъ, принявшихъ христіанство изъ опасенія быть изгнанными изъ Литвы въ 1495 года, встрѣчаются три кіевскіе еврея: Өедоръ, зять его Петръ и Иванъ, новокрещенные [3]).

Въ концѣ XV ст. кіевская область въ полномъ смыслѣ слова была Украиною, порубежною страною, за которою начинались „дикія поля“. Противу набѣговъ татаръ укрѣпленныя мѣста не всегда представляли достаточную защиту: самъ Кіевъ былъ взятъ татарами въ 1482 г. Между тѣмъ Кіевъ былъ твердынею въ сравненіи съ ничтожными крѣпостцами, какими въ то время были не только Житомиръ, Браславль, но даже Кременецъ, какъ мы видимъ изъ инвентаря 1480 г. *Весь городъ* Кременецъ

---

[1]) Акты З. Р., т. II.

[2]) Ср. наши Матеріалы для исторіи евреевъ въ Литвѣ и ю.-зап. Руси, помѣщенные въ Еврейской Библіотекѣ за 1878 г. Что Батко переходитъ въ *православіе*, мы предполагаемъ на основаніи его имени „*Семенъ*“.

[3]) Что эти новокрещенцы были кіевскими евреями, мы заключаемъ изъ того, что Иванъ названъ бывшимъ мытникомъ путивльскимъ, а такими мы видимъ въ 1490 г. жидову кіевскую: Мероваха и Исраеля и жида слуцкаго (луцкаго?) Аврама. Также переходятъ и караимы: ср. „Лит. евреи“ стр. 25, и „Док. и рег.“ № 37.

состоитъ изъ *30 дворовъ*, а старинная крѣпость вооружена всего 10 пушками и одною пищалью [1]). Между тѣмъ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ было такъ мало безопасности, что населеніе держалось только у замковъ: „На селищахъ", говоритъ ревизія 1545 г., „не смѣютъ передъ татарами жити". Тѣмъ не менѣе богатство кіевской области, такъ краснорѣчиво описанное современниками, постоянно привлекало населеніе изъ Литвы, Червоной Руси, далекой Польши, Богеміи и даже Германіи. Поэтому то въ Кіевщинѣ и на Волыни, въ виду постояннихъ опасностей, долженъ былъ выработаться особый типъ населенія. Высшая государственная власть далека, мѣстная—весьма часто въ отсутствіи, каждый поэтому не только въ „дикихъ поляхъ", но и въ городѣ въ замкѣ долженъ полагаться на свои собственныя силы. Такъ какъ эти условія были для всѣхъ одинаковы, то понятно, что па ряду съ безпокойною шляхтою, предпріимчивымъ и буйнымъ мѣщанствомъ и мѣстные евреи должны были сложиться по иному типу, чѣмъ въ Польшѣ.

И дѣйствительно, не только въ половинѣ XVI в., но и въ началѣ XVII, по отзывамъ современниковъ, „между Русскими, Волынскими, Подольскими евреями было много крѣпкихъ и неутомимыхъ молодцовъ, которые съ саблею на перевязи, лукомъ или ружьемъ за плечами охотно садились на коня и мужественно сражались, гдѣ имъ случится" [2]).

Характеръ Аврама Езофовича, вѣроятно, какъ разъ пришелся къ этимъ условіямъ, а потому мы и встрѣчаемъ его подъ 1488 г. въ спискѣ служебныхъ лицъ, получающихъ жалованіе изъ в. княжеской казны. Въ расходныхъ книгахъ короля Кази-

Любопытно, что случаи перехода евреевъ въ православіе встрѣчаются еще въ концѣ XVI в.; такъ, напр., въ 1594 г., октября 18, Сигизмундъ III жалуетъ своему коморнику Георг. Лавданскому выморочное имущество по „sławetnym Janie, *medyku* miasta N. Wilenskiego, który się z Żydowskiey wiary na religią Russką był okrzscił. М. Л. LXXVI, 529.

[1]) М. Л. Записей № 4, f. 107 (b). Къ этому вооруженію слѣдуетъ впрочемъ прибавить 7 крѣпостныхъ ружей, 3 фуклера и 4 пороховницы. Для всѣхъ этихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ имѣлось пороху полбочки.

[2]) „Литовск. Евреи" стр. 412, изъ современной брошюры ненавистника евреевъ Менчинскаго. Брошюра эта появилась въ Краковѣ въ 1617 году.

міра Ягелона мы видимъ, что Аврамъ (Езофовичъ) получаетъ 10 бочекъ ржи у Стрета (городничаго ковенскаго), 10 бочекъ ржи у Гринашка Ходкевича (городничаго гродненскаго) и 3 рубля грошей изъ судебныхъ штрафовъ („винъ") у п. Солтана.

Судя по мѣстностямъ, изъ которыхъ происходитъ выдача этихъ предметовъ, мы вправѣ заключить, что занятія Аврама имѣли мѣсто въ сѣверозападной части Литвы. По самимъ предметамъ выдачи мы заключаемъ, что получаемое имъ вознагражденіе составляетъ жалованіе, „юргельтъ", по размѣрамъ жалованья мы полагаемъ, что Аврамъ Езофовичъ занималъ должность королевскаго дворянина или же „ключника", такъ какъ подобнаго рода жалованье дворянамъ мы встрѣчаемъ еще въ началѣ XVI вѣка [1]). Т. обр. Аврамъ Езофовичъ живетъ самостоятельно въ то время, какъ его братья живутъ при отцѣ, такъ какъ самостоятельными мы встрѣчаемъ ихъ лишь въ началѣ XVI вѣка.

Въ подтвержденіе нашего предположенія о ранней самостоятельности Аврама Езофовича мы имѣемъ его собственное свидѣтельство. Въ 1512 г Аврамъ Езофовичъ подтверждаетъ передъ королемъ показанія своихъ братьевъ, „восковничныхъ и соленичныхъ Берестейскихъ", Михеля Рябичковича и брата его

---

[1]) Метр. Лит. „Записей" № XV и XIII. Ср. также дачи короля Сигизмунда Августа выходцамъ изъ Москвы „Записей" № XXXVII, 411, четыремъ лицамъ: 4 бочки жита, 8 солоду, 2 ячменю, гороху 2 бочки и т. д. f. 435 и пр.

Приведемъ еще для образца выдержку изъ расходныхъ книгъ кор. и в. князя Сигизмунда I отъ 1510 г., когда Аврамъ Езофовичъ былъ самъ уже подскарбіемъ.

„Пріѣхали до короля *дворяне* тыи, кот. именей не маютъ, м. октября 28 д. индиктъ 14 (1510 г.) Тиша Радогощанинъ, лежанье въ тивуна виленскаго, стирта сѣна, *10 бочекъ жита, 10 бочекъ овса, 37 винъ 3 рубли*, (съ) скарбу 8 копъ з мытъ" и цѣлый рядъ дворянъ, получающихъ такое же точно жалованье.

Мы видимъ, правда, что жалованье это нѣсколько выше того, что получалъ Аврамъ Езофовичъ: прибавлена стирта сѣна и 8 копъ грошей, но не слѣдуетъ забывать, что между 1488 и 1510 г., къ которымъ относятся приводимые документы, лежатъ почти 25 лѣтъ, и что начало XVI в. соотвѣтствуетъ какъ разъ времени постепенно усиливающагося паденія цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ.

Нельзя не отмѣтить любопытной черты консерватизма литовской административной практики: не только главныя дачи хлѣбомъ и размѣръ денежнаго вознагражденія остаются тѣми же, но сверхъ того самый разсчетъ ведется на рубли, между тѣмъ какъ въ иныхъ дачахъ мы видимъ уже замѣну этого счета (русскаго) на копы (польскій счетъ).

Айзака Рябичковича „штожъ они *зъ молодыхъ лѣтъ* посполу торгуютъ и товаръ не раздѣленъ межи собою маютъ. Во всемъ ихъ товарѣ какова *дѣльница* Михелю, такова его брату Айзаку".— Въ 1488 г. городничимъ въ Ковно былъ Васько [1]) вѣроятнымъ его преемникомъ былъ Аврамъ Езофовичъ, т. какъ въ 1494 г. мы встрѣчаемъ его уже въ качествѣ ковенскаго городничаго. „Мая 6, индикта 13 (т. е. 1495 г.), говорится въ актахъ [2]), *Занько, дьякъ,* дѣлалъ личбу (съ) спижового ковенскаго у Вильни. Положилъ 200 и 90 и 1$^{1}/_{2}$ копъ и 16 грошей, а золотыхъ 100 и 40 и 1 золотый и корабельникъ.—Тому расходъ: 100 копъ далъ п. Андрею, подскарбію, а *Авраму* городничому 100 копъ и 40 копъ и 16 золотыхъ. А воску купилъ за 50 копъ безъ 3 копъ, три копы себѣ взялъ, на то листъ вказалъ.—А князю великому далъ 100 золотыхъ и 20 и 6 золотыхъ и корабельникъ (талеръ)".

Вслѣдъ за дьякомъ Занькомъ, того же дня, *Аврамъ,* городничій ковенскій, представлялъ счеты („дѣлалъ личбу") въ Вильно. *Въ приходѣ* показалъ 48 к. и 18 грошей, что съ полученными отъ Занька (дьяка) 145$^{1}/_{2}$ копами, составило 193$^{1}/_{2}$ к. Въ расходѣ же оказалось: за пріобрѣтеніе 4 штукъ (воску) 150 копъ и дано пану Станьку 20 копъ.—Спижоваго сбора Аврамъ показалъ 47 копъ: изъ нихъ еврею Зубу далъ 18 камней (13 пуд. 4 ф.) нетопленнаго воску, и соли пріобрѣлъ 130 бочекъ, а сверхъ того воску пропущено безпошлинно черезъ ковенскую таможню 125 штукъ (4,630 пудовъ). Пошлинъ съ товаровъ на ковенской таможнѣ Аврамъ представилъ 62$^{1}/_{2}$ копы и 10 гр. Изъ собранныхъ имъ денегъ израсходовано 89 копъ, соли же 65 бочекъ.

Въ чемъ же состояла должность городничаго?

Хотя въ современныхъ актахъ она встрѣчается нерѣдко, однако *точное* опредѣленіе ея довольно затруднительно. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ, попытаемся сдѣлать характеристику этой должности. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи должности городничаго: во 1), для того, чтобы уяснить, на сколько основательны

---

[1]) Метр. Лѣт. кн. „Записей" № IV, f. 67... Котюзѣ 2 дякла ржи въ городничого ковенского Васька...

[2]) Ibid. Зап. VI, f. 65.

предположенія г. Вольфа, что Аврамъ Езофовичъ явился въ Вильну потому, что, будучи евреемъ, долженъ былъ покинуть Литву вмѣстѣ со своими изгоняемыми единовѣрцами; во 2), для полученія новаго подкрѣпленія нашему утвержденію, что прежде занятія должности городничаго Аврамъ Езофовичъ долженъ былъ пройти продолжительный служебный искусъ; наконецъ, въ 3), для уясненія вопроса о томъ, насколько деньги, и только одни деньги, играли роль въ дальнѣйшей служебной карьерѣ Аврама Езофовича.

Начнемъ съ того, что обязанности городничаго были тѣсно связаны съ возведеніемъ новыхъ, поддержаніемъ старыхъ замковъ, „городовъ", а равно и заботою какъ о боевой годности оныхъ, такъ и безопасности ихъ въ мирное время. Поэтому, въ XV еще вѣкѣ мы видимъ, что должность эта замѣщается по личному усмотрѣнію в. князя и большею частію соединяется съ должностію намѣстника или же старосты в. князя; т. напр., замокъ Мозырь былъ выстроенъ при Казимірѣ Ягеллонѣ нѣкіимъ Михаиломъ Гагинымъ, который былъ назначенъ въ Мозырь вмѣстѣ старостою и *городничимъ*. Точно также Казиміръ Ягеллонъ по просьбѣ полочанъ соединяетъ должность полоцкаго намѣстника съ должностью городничаго, „какъ было издавна" [1]). Должность городничаго была изстаринною въ Литовской Руси и среди мѣстныхъ в. княжескихъ чиновниковъ городничимъ принадлежало первенствующее положеніе, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ любой грамоты на отдачу въ залогъ любаго изъ в. княжескихъ имѣній. Т., напр., въ 1518 г. король Сигизмундъ, дозволяя воеводѣ новгородскому Яну Заберезинскому выкупить в. княжескій дворъ Меречъ у наслѣдниковъ С. Г. Остиковича, обезпечиваетъ Заберезинскаго въ томъ, что воевода троцкій не будетъ всылать въ мерецкую волость дѣцкихъ (судебныхъ приставовъ), а также „*врадники* наши троцкіе: *городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ* и *подключій* не мають въ ту волость въѣждчати и слугъ своихъ всылати, и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити" [2]). Такъ какъ каждая изъ этихъ должностей,

---

[1]) Ак. З. Р. т. I, № 64, отъ 1460 г.

[2]) М. Л. к. „Записей" № X, f. 29. Ср. также № XI, f. 84, гдѣ сверхъ названныхъ урядниковъ, т. е. чиновниковъ, упомянутъ „Свиренчый" виленскій.

пріурочена была къ осуществленію извѣстныхъ мѣстныхъ цѣлей и такъ какъ вознагражденіе за службу отчасти лишь получалось изъ казны, а главнымъ образомъ слагалось изъ пошлинъ за совершеніе отдѣльныхъ актовъ, т. е. сбора той или иной подати, дозволенія рубить лѣсъ и т. д., то всякая должность пріобрѣталась у короля за извѣстное „челобитье".

Поэтому короли всячески стараются сохранить раздачу этихъ должностей за собою, магнаты же и сами должностныя лица слить эти должности въ возможно большемъ размѣрѣ. Такъ мы видимъ, что въ 1509 г. по челобитью воеводы новгородскаго Я. Я. Заберезинскаго „в. князь и тыи врядцы: городничое и конюшое новгородское ему къ воеводству далъ [1])". Въ Луцкѣ должность городничаго соединялась въ XVI в. съ должностью ключника [2]).

Тамъ, гдѣ не было городничихъ изстари, напр., во вновь построенныхъ замкахъ, мы видимъ, что старосты или державцы, назначаютъ городничихъ отъ себя [3]).

На этой должности встрѣчаются самыя разнообразныя личности: въ концѣ XV в. мы видимъ, напр., въ Слонимѣ городничимъ Солтана [4]), впослѣдствіи подскарбія земскаго; въ Ковнѣ— Богуша Боговитиновича [5]), впослѣдствіи также подскарбія земскаго; п. Иванъ Горностай, также подскарбій земскій, служитъ въ 1486 г. ключникомъ кіевскимъ [6]). Т. обр. должность город-

---

[1]) М. Л. „Записей", № VIII, f. 339, Петроковъ, февраля 30 (sic), индиктъ 13 (1509 г.)

[2]) Ib. Суд. Дѣлъ № VII f. 122, ключникъ и городничій и мостовничій луцк. п. Дохно.

[3]) Васильевичъ 1535 г.Симеону митрополиту.

[4]) М. Л. Зп., № IV f. 11, (b). „Стирта жита въ п. Солтана (1486 г.). f. 1. „Пятнадцать копъ грш. съ *корчомъ* слонимскихъ въ п. Солтана".—Выдача зерна, сѣна и сборъ акциза съ питей составлялъ, какъ увидимъ, обязанность городничаго.

[5]) Ibid, Записей № VIII f. 371, въ 1507 году мы видимъ Б. Боговитиновича городничимъ троцкимъ. Должность эта ему пожалована еще королемъ Александромъ, а въ 1509 онъ уступаетъ ее кор. Сигизмунду взамѣнъ пожизненнаго владѣнія имѣніемъ Довкги; онъ отказывается отъ всякихъ претензій на полученіе 100 копъ гр. „широкихъ" и 100 золотыхъ, занятыхъ имъ королю Александру взамѣнъ пожалованія должности троцкаго городничаго.

[6]) Ib. Зап. IV, f 19.

ничаго какъ бы подготовляла къ занятію высшихъ финансовыхъ должностей въ в. к. литовскомъ.

Замокъ называется въ Литовской Руси городомъ, (огороженное мѣсто), въ противуположность „мѣсту", „подзамчью", русскому „пригороду". Большинство литовскихъ замковъ XVI в. были деревянными. Деревянная ограда возводилась обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ двѣ или даже три стѣны, промежутокъ между которыми заполнялся глиною. Съ внутренней стороны устраивался крытый ходъ („обланки"), съ котораго можно было бы сквозь отверстія въ стѣнѣ стрѣлять въ непріятеля. Съ наружной стороны стѣны покрывались толстымъ слоемъ глины [1]). Стѣны замка дѣлились на участки длиною въ 3, много 4 сажни. Такой участокъ назывался „городнею", каждый замокъ складывался изъ большаго или меньшаго количества городней; такъ, напр., въ владимірскомъ замкѣ въ 1552 г. было 71 городня, въ Кіевѣ 133 и т. д. Такъ какъ мосты, ведущіе непосредственно въ замокъ, или же на дорогахъ къ нему были деревянными и строились на устояхъ, въ клѣтку, то и мосты дѣлились на городни. Такъ, напр., мостъ на Стырѣ въ Луцкѣ состоялъ изъ 167 городень.

Наблюденіе за постройкою и ремонтомъ городень и вообще за состояніемъ укрѣпленій замка составляло одну изъ главнѣйшихъ обязанностей городничаго [2]). Такъ, мы видимъ, что во Владимірѣ люди земянскіе всего владимірскаго повѣта обязаны были весною о св. Юрью вешнемъ показать городничему всѣ свои городни въ цѣлости и надлежащей исправности, каждое село свои городни особо. Городничему же принадлежало наблюденіе за исправностью мостовъ, гдѣ они находились въ связи съ замками, какъ это мы видимъ напр. въ Луцкѣ [3]). Городничіе, далѣе, завѣ-

---

[1]) М. Л. Переписей № VI, А. f. 28 (b); стѣны кіевскаго замка облѣплены глиною „ажъ до бланкованья, толсто на 2 пяди, а отъ земли толстѣй",—1551 г.

[2]) Съ этимъ характеромъ мы встрѣчаемъ городничаго уже въ половинѣ XV в. Ср. грам. Каз. Ягел. отъ 1460 г. Акты Зап. Р. т. 1, № 64.

[3]) А. М. Л. Перп. № VI, А., f. 169. „Первая городня (моста) Муровицкая п. Григорія Ходкевича—ляха, зновъ робити треба. *Городничій* дей князя старосты тамошнего—Янко Боровичъ, взялъ коня *за то въ сесь годъ и не направилъ*"; f. 168. „Робота тыхъ мостовъ" (передъ замкомъ) „робятъ мельники яко Господарскіе, такъ князскіи, панскіи, бискупіи й владычніи и земянскіи, гдѣ и хто колвекъ въ 7

дывали огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами. Такъ, мы видимъ, что въ 1514 г.[1]) виленскій городничій Кучукъ отправляетъ въ г. Смоленскъ, Полоцкъ, Крычовъ ружейный и пушечный порохъ, селитру, свинецъ, орудія, снаряды и т. д.

Вмѣстѣ съ заботами о снабженіи замка военными запасами на обязанности городничихъ лежало и заготовленіе для замковъ съѣстныхъ припасовъ, какъ объ этомъ, мы напр., заключаемъ изъ посланія литовской Рады къ королю Сигизмунду I Старому, около 1520 г. Здѣсь говорится, что Рада в. князя находится въ затрудненіи относительно обезпеченія жизненными припасами пограничныхъ замковъ, потому что на вопросы, обращенные по этому поводу къ великокняжескимъ *городничимъ*, эти послѣдніе заявили, что у нихъ *нѣтъ ни ржи, ни овса* [2]). Сообразно этой обязанности правительства снабжать замки провіантомъ городничимъ предоставлено было съ королевскихъ дворовъ, причисленныхъ къ данному замку, полученіе такъ называемаго „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной дани житомъ, овсомъ и сѣномъ съ тяглыхъ „службъ“ [3]).

Понятно отсюда, почему въ распоряженіяхъ короля Казиміра о выдачѣ разнымъ лицамъ жита, овса и сѣна лица эти направляются за полученіемъ пожалованнаго къ городничимъ.

миляхъ около замку млыны маеть, *яко ихъ Городничій обошлетъ винни прійти и робити* за своею стравою и кромъ всякое помочи“. Ср. также М. Л. „Запис.“ XV, f. 235. Отъ 1528 г., гдѣ распоряженія объ укрѣпленіи Кіева, Полоцка, Витебска оканчивается такою фразою: „А роботу городовую мають имъ (рабочимъ) росказовати *Городничіи тыхъ городовъ*“.

[1]) М. Л. „Записей“ № VII. „Приказаньемъ Господаря нашого, Короля Жикгимонта е. м. Я. Кучукъ, Городничій Виленскій далъ есьми пороху до Смоленска ручничого и гаковничого: Ручничого 60 каменей, а солетры 60 каменей безъ полкаменя“ и т. д. Пониже, индиктъ 2 (т. е. 1514 г.), нояб. 25. Изъ Кракова до Вильни пороховъ привезено (до) тарасницъ 15 бочокъ, до гаковницъ 12 бочокъ, до ручницъ 3 бочки и т. д. „Воеводѣ Смоленскому... на его городъ, на Дубравку далъ есми 3 гаковницы, *въ мене* еще тыхъ гаковницъ остало 100 безъ одное“.

[2]) М. Л. Записей № VII, f. 410.

[3]) Акты З. Р. т. II, № 159. Уставная грамота объ управленіи великокняжескими дворами троцкаго и виленскаго повѣтовъ. § 9 .... „*житá наши данныи и овсы т. е. дякла* державцы наши *обы* суполно *до Городничого отдавали.* И ниже § 11.

На городничихъ же лежала обязанность сбора акциза, „корчомнымъ пенезей“ или, „капщизны“, понятно, тамъ, гдѣ существовала самая должность городничаго, слѣдовательно, во всѣхъ замкахъ. Такъ, по крайности, мы заключаемъ изъ цѣлаго ряда обращеній короля къ различнымъ городничимъ. Въ 1518 г., напримѣръ, 18 ноября, изъ Бреста король (в. князь), извѣщая объ отдачѣ въ пожизненное владѣніе Юрію Глѣбовичу двора Вольковыско „исъ *пенязми корчомными* и зъ дяклы оржаными и овсяными и зъ сѣномъ подякольнымъ“ и т. д., предписываетъ гродненскому *городничему* „въ дякло, а дворянамъ, которые коли будутъ корчомные пенези правити“, не вступаться ни въ эти деньги, ни въ иные доходы [1]). Замѣтимъ здѣсь, пока, что королевскіе дворяне были посылаемы обыкновенно только для производства принудительныхъ взысканій [2]). Въ 1522 году, король Сигизмундъ предписываетъ городничему виленскому Ульриху Гозію и его преемникамъ не требовать „капщизны“ съ корчмы, которую имѣетъ въ своемъ домѣ бояринъ виленскаго повѣта Маркъ Лобковскій [3]). Это распоряженіе подтверждаетъ лишь старинную практику, такъ какъ подобное же предписаніе *городничему* виленскому Занку Ивановичу мы встрѣчаемъ подъ 1508 г. [4]).

На городничаго же возлагалась ближайшимъ образомъ забота о безопасности замка, а потому и надзоръ за стражею у замковыхъ воротъ и по стѣнамъ [5]). Изъ грамоты королевы Боны отъ 1548 г., въ которой подтверждаются старинныя обязанности бурграбія т. е. городничаго кременецкаго, мы видимъ, что на

---

[1]) Метр. Лит. Зап. XI, 25.—Ibid., XII, 78 (b). Мы видимъ слѣдующее исчисленіе мѣстныхъ должностей: „Уряды Городенскіе: Городничое, конюшое, ключництво, лѣсничое“, а пониже: врады: Городничое, пенези корчомные, конюшое, ключництво“.

[2]) М. Л. Зап. VIII, 102 (1508 г.). П. Копоть Васильевичъ, *писарь* гродскій короля е. м., представилъ отчетъ передъ подскарбіемъ п. Иваномъ и передъ п. Ив. Сопегою... „*зъ недополниковъ* дани грошовое, медовое и бобровъ и съ куницъ“.

[3]) М. Л. книга Записей № XII, f. 33.

[4]) М. Л. Зап. № VIII, f. 233.

[5]) М. Л. кн. „Переп.“ № VI, f. 167 (b). Въ Луцкѣ „сторожи въ ночи у воротъ лежать зъ бронями, а въ день въ замку послугують старостѣ и подстаростѣ. А коли обмѣниваються дають *городничему* каждый изъ нихъ по грошу и курицѣ“.—И ниже, жалоба, что староста гонитъ по 6 человѣкъ на сторожу, „а городничій его беретъ на нихъ по грошу“.

городничемъ лежали слѣдующія обязанности: отдача приказаній о закрытіи въ опредѣленное время замковыхъ воротъ; охраненіе замка отъ пожара; наблюденіе, чтобы пушкари всегда ночевали въ замкѣ, а сторожа внимательно стерегли и кликали на замковыхъ стѣнахъ. Ему же принадлежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ арестованные и преступники содержались добропорядочно и подъ крѣпкою стражею. Въ отсутствіе же старосты на городничаго возлагаются и всѣ обязанности по завѣдыванію замкомъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго, естественно, что должность городничаго принадлежала къ числу постоянно замѣщаемыхъ должностей въ каждомъ литовскомъ воеводствѣ и староствѣ, буде въ ономъ находился замокъ. Мы знаемъ городничихъ въ Вильно [2]), Трокахъ [3]), Ковно [4]), Гродно [5]), Кіевѣ, Луцкѣ, Витебскѣ [6]), Новгородкѣ, Кременцѣ, Минскѣ [7]), Каменцѣ [8]).

На основаніи приведенныхъ нами актовыхъ свидѣтельствъ мы вправѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе о должности городничаго. Должность эта по преимуществу военная; приравнять ее на современные нравы можно всего скорѣе къ должности коменданта крѣпости. Сравненіе здѣсь будетъ, правда, только приблизительное, такъ какъ въ военное время обыкновенно замками и крѣпостями въ Литвѣ командовали сами воеводы, старосты, державцы, а городничіе были только ихъ помощниками. Съ другой стороны, въ мирное время о снабженіи замка всѣмъ нужнымъ заботились непосредственно городничіе, хотя прямая отвѣтственность передъ в. княземъ за исправное состояніе замка лежала на старостѣ или же на державцѣ [9]).

---

[1]) Метр. Лит., Записей № XXII, f. 28. „А въ небытности старостиномъ, ижбы вся опатрность замковая на нимъ (т. е. бургграбіи) лежала.

[2]) М. Л. Зап. IV, 53 (b).

[3]) Ibidem, idem.

[4]) Ibid. 67.

[5]) Ibidem, id.

[6]) Сапуновъ. Витебская старина, т. IV, стр. 55.

[7]) М. Л. Сд. Д. I, 71.

[8]) Ibid., f. 87 p., гдѣ городничій б. назначенъ державцею каменецкимъ кн. С. А. Чарторыйскимъ 1513 г.

[9]) Должность городничаго не безъизвѣстна и московскому государству. Ср. напр. Наказъ Іоанна Грознаго полоцкимъ боярамъ и воеводамъ отъ 1563 г., фев-

Сообразно такому значенію должности городничаго, а тѣмъ болѣе на границѣ государства [1]), въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ в. княжества, должность эта не могла быть поручена первому встрѣчному, а лишь только лицу, доказавшему свое знакомство съ обязанностями городничаго, т. е. понимавшему какъ должно строить замки и содержать ихъ въ исправности, какъ содержать въ исправности орудія, снаряды, порохъ и т. д. Если принять, далѣе, во вниманіе буйный характеръ вообще литовской шляхты, и въ особенности пограничной, то очевидно, что обязанности городничаго по надзору за спокойствіемъ и безопасностью замковъ требовали достаточно энергіи и личнаго мужества. Не забудемъ также, что прошло только какихъ нибудь 25 лѣтъ со времени принесенія впервые в. магистромъ ордена ленной присяги польскому королю, что отношенія подданства были крайне непрочны, что въ 1495 и 1512—19 гг. дѣло чуть было не дошло до вооруженнаго столкновенія съ Пруссіей.

По всему этому на должность городничаго ковенскаго могъ быть назначенъ человѣкъ только испытанной вѣрности, осторожности и мужества.

Что касается вопроса, *былъ ли* однако назначенный на эту важную должность *ковенскій городничій Аврамъ Езофовичъ Ре-*

раля 26. Акты Историч., т. I, № 169. „*Городничимъ* Василью Головину и Василью Замытницкому ходити съ фонаремъ по ночамъ, перемѣняясь, по *всѣмъ старожемъ, и замыкать городъ* городничимъ... самимъ"... „А *нарядъ велѣти пушки, пищали по всему городу и по острогу* и зелья (порохъ) и ядра вѣдати *городничимъ*. Пушкарей и воротниковъ вѣдати и управа давати городничимъ". Ср. также А. П. Сапуновъ, „Витебская старина", т IV, 1885 г. (стр. 55) видимъ, что городничій находился въ числѣ военныхъ должностныхъ лицъ.

„И къ Царю и В. К. Полотцкимъ Владыкою и Пол. Воеводою съ Довойномъ и съ Яномъ Глѣбовичемъ Иванъ Черемисиновъ пріѣхалъ, да съ нимъ же пріѣхалъ *городничій Полотцкій Быстрешской* и иные многіе *паны* Полотцкіе".

[1]) Ковно въ началѣ XVI в. далеко еще не утратило значенія пограничной крѣпости. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ того, что король Сигизмундъ назначилъ Васка Дашковича *городничимъ* ковенскимъ „для того, ижъ онъ Намъ подвезался *замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ*". Петроковъ, ян. 11, инд. 14.— Ср. также: Договоръ великаго магистра Прусскаго и магистра Ливонскаго орденовъ отъ 1507 г. въ виду грозящей имъ войны съ *Польшею* и Россіей.

бичковичъ евреемъ, какъ утверждаетъ г. Вольфъ, то въ виду всего сказаннаго и въ виду, наконецъ, специальной грамоты в. князя Александра [1]) отъ *1492 г.*, которою *воспрещено евреямъ жить въ Ковно,*—едва ли представляется надобность въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.—Что Аврамъ Езофовичъ и не думалъ покидать Литвы со своими бывшими единовѣрцами, это очевидно изъ того, что 24 октября 1499 г. (индикта 3) въ Вильно п. Григорій (Хребтовичъ), маршалокъ дворный, и писарь в. князя п. Федько Григорьевичъ съ п. Федькомъ Янушкевичемъ принимали отчетъ („брали личбу") у *мытника* смоленскаго *Аврама* и онъ, завѣдуя (самостоятельно) смоленскою таможнею въ теченіи 5 мѣсяцовъ [2]), представилъ 600 к. гр., т. е. ту сумму за которую были взяты на откупъ смоленскіе пошлины на 3 года, т. е. по 9 іюня 1496 г.

Мы не знаемъ навѣрное, соединилъ ли Аврамъ Езофовичъ съ завѣдываніемъ таможенными пошлинами въ Смоленскѣ еще и какую либо иную должность, какъ ранѣе въ Ковно должность городничаго, но что это болѣе чѣмъ вѣроятно видно изъ того обстоятельства, что въ слѣдующемъ 1500 году [3]) онъ защищаетъ пограничные литовскіе замки, подтверждая на восточной границѣ государства, что предъидущая его служба прошла не въ собираніи только податей и пошлинъ, что сабля была ему также по рукѣ, какъ чернило и счеты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ жалованной грамотѣ самъ король Александръ, объявляя во всеуслышаніе, что во время нашествія непріятельскаго на пограничные замки и города литовскіе Аврамъ Езофовичъ неуклонно служилъ в. князю, не щадя ни своей жизни, ни крови [4]).

---

[1]) *Balinski,* Starożytna Polska, т. III, стр. 407.

[2]) М. Лит. Зап. № 6, f. 536. „И онъ не державши ни полугода отъ св. Петра на личбѣ положилъ 600 копъ гр., што были на три года купили, на годъ по 200 копъ, а звышъ еще тыхъ трохъ годовъ положилъ 20 копъ и 1½ к. и 6 грошей.

[3]) Война в. князя Александра съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ, въ которой произведены были нападенія на Смоленскъ, относится къ 1500 г. Въ первую же войну Александра съ Василіемъ Ивановичемъ въ 1494 г., мы видимъ Аврама еще въ Ковно.

[4]) Бершадскій. „Докум. и р." т. I, № 42, отъ 1506 г., іюня 17, подтверждающая болѣе раннюю грамоту отъ 1503 года: король и в. князь свидѣтельствуетъ,

14 марта 1499 года в. князь Александръ пожаловалъ г. Минску магдебургское право [1]) первымъ войтомъ минскимъ былъ назначенъ одинъ изъ новообращенныхъ евреевъ, а именно Израэль, бывшій мытникъ путивльскій, названный въ грамотѣ Иваномъ *Новокрещеннымъ* [2]). Вотъ этому то Ивану Новокрещенному 29 мая 1503 г. въ Вильно (инд. 6, годъ 7011) король Александръ предоставляетъ должность минскаго войта, *вѣчно*, ему самому и его женѣ и ихъ счадкамъ, съ правомъ полнаго распоряженія оною: войтъ можетъ эту должность не только передать въ пользованіе, но и продать. Другою грамотою отъ того же года Ивану Новокрещенному отданы были *пожизненно* доходы съ питей въ г. Минскѣ, въ вознагражденіе сдѣланной имъ надбавки въ 50 к. гр. къ откупной суммѣ, такъ что казна в. князя должна была получать по 200 к. гр. въ годъ вмѣсто прежнихъ 150 [3]). Иванъ Новокрещенный скоро воспользовался предоставленными ему правами: 7 ноября того же 1503 г. [4]), мы встрѣчаемъ уже Аврама Езофовича съ титуломъ войта минска-

---

„штожъ онъ (Аврамъ Езофовичъ) въ тыи лѣта, часу нахоженья непріятельскаго на граничные замки и мѣста наши, завжды заслуговалъ намъ, *крови своее и горла своего не литуючи*".

[2]) Акты зап. Рос. т. I, № 165.

[3]) М. Л. Зап., VI f. 224, объ этомъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты: „*перво сего* дали ему (Ивану), говоритъ король, войтовство Менское со всими платами и доходами". Сверхъ того: въ 1499 г. Иванъ, Федоръ и зять его Петръ мытники путивльскіе ходатайствуютъ о передачѣ имъ смоленскаго мыта въ Смоленскѣ, предлагая за него в. князю надбавку въ 300 злотыхъ (М. Л. Зап., VI, f. 176) въ чемъ и успѣваютъ, такъ какъ мыто и корчма смоленскіе находятся въ ихъ рукахъ уже въ 1500 г. Но Иванъ Новокрещенный въ томъ же году вмѣстѣ съ женою и дѣтьми попадаетъ въ плѣнъ къ москвичамъ, изъ котораго возвращается въ Литву лишь въ 1502 г., т. какъ ему и его товарищамъ даются въ возмѣщеніе ихъ убытковъ нѣкоторыя льготы грамотою отъ 12 января 1502 г. (М. Л. Зап. VI, f. 202 (b), поэтому мы предполагаемъ, что войтовство было пожаловано ему одновременно съ передачею мыта въ Смоленскѣ, п. ч. трудно предположить, чтобы сейчасъ по возвращеніи изъ плѣна, потерпѣвъ убытки въ таможенныхъ доходахъ отъ войны и въ питейномъ откупѣ отъ смоленскаго гарнизона, который въ теченіи 2-хъ лѣтъ мѣшалъ ему съ товарищами пиво варить и медъ сытить (ibid), Иванъ Новокрещенный могъ бы заплатить за войтовство сколько нибудь значительное „челобитье". А безъ этого полученіе войтовства было немыслимо въ XV в.

[3]) М. Л. Зап. VI, f. 447.

[4]) Ibidem, 523.

го. Но Иванъ Новокрещенный продалъ только свое войтовство. Питейный откупъ, несмотря на грамоту короля, остается въ рукахъ Аврама Езофовича. Не Иванъ Новокрещенный, а Аврамъ представляетъ въ 1505 г., октября 12, отчетъ съ откупныхъ доходовъ минскихъ за $3^1/_2$ года, т. е. съ 12 апрѣля 1502 г. [1]).

Удержавъ за собою въ 1502 г. минскій питейный откупъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ слѣдующемъ году 7 ноября получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за 1080 к. гр. [2]), а черезъ двѣ недѣли, т. е. 20 ноября 1503 г. присоединить къ таможеннымъ доходамъ питейный откупъ въ Смоленскѣ, то и другое на три года за 2,400 к. гр. „дробное личбы, за грошъ по 2 полугрошки [3]), або по 10 пенезей“.

Если попытка Ивана Новокрещеннаго перебить у Аврама Езофовича питейный откупъ въ Минскѣ оказалась неудачною, то, наоборотъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ 1503 г. перебить смоленскій откупъ у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго.

Въ промежутокъ между 1496 и 1505 гг. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ сдѣлаться и смоленскимъ старостою, такъ какъ съ этимъ титуломъ мы встрѣчаемъ его въ актахъ 12 октября 1505 года [4]).

Должность старосты въ Смоленскѣ имѣла совершенно особый характеръ, далеко непохожій на должность остальныхъ польскихъ и литовскихъ старостъ. Подъ именемъ старосты разумѣлось въ XVI в. въ Литвѣ и въ Польшѣ должность, существенныя черты которой вытекали изъ управленія какимъ либо изъ населенныхъ в. княжескихъ помѣстій, дворовъ, державъ съ принадлежащею къ нимъ волостью. Въ Смоленскѣ же должность

---

[1]) Ibidem, f. 232.

[2]) Ibidem, f. 523.

[3]) Вотъ, слѣдовательно, когда уже существуютъ въ Литвѣ полугрошки, несмотря на заявленіе г. Вольфа и его ссылки на Загоровскаго и на несуществующіе въ Метрикѣ акты. Г. Вольфъ въ подкрѣпленіе словъ Загоровскаго ссылается на книгу Зап. VIII, f. 110: но на этомъ листѣ кромѣ напечатаннаго у меня документа нѣтъ болѣе ничего, а слѣдовательно нѣтъ ничего о полугрошкахъ.

[4]) М. Л. Записей, VI, f. 482.—Въ Судомирѣ, октября 12. индикта 9 (1505). Марш. господарскій дворный, намѣстникъ бѣлицкій и утеньскій кн. Мх. Льв. Глинскій принимаетъ отчетъ отъ *старосты* и мытника смоленскаго Аврама.

старосты равнозначительна должности войта магдебургскихъ городовъ, главы мѣщанскаго населенія города. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если обратимъ вниманіе:

Во 1), на порядокъ, въ которомъ исчислены должностныя лица смоленской области: король обращается къ намѣстнику смоленскому, епископу (православному), окольничимъ, казначею смоленскому и, наконецъ, *къ старостамъ*. Староста такимъ образомъ стоитъ ниже всѣхъ. Иногда, впрочемъ, староста не упоминается и вовсе, какъ, напр., въ 1498 г. мая 15 [1]) въ оповѣщеніи в. князя тѣмъ же властямъ объ отдачѣ питейнаго откупа въ Смоленскѣ смоленскимъ же мѣщанамъ, несмотря на то, что *староста* въ это время несомнѣнно существовалъ, такъ какъ въ 1497 г.[2]), 1500 [3]), 1502 гг.[4]) мы встрѣчаемъ его въ правительственныхъ актахъ. Итакъ, въ Смоленскѣ староста не только не былъ начальникомъ замка и тянувшей къ нему области, какъ, напр., въ Брестѣ, Гродно и т. д., но стоялъ ниже казначея и окольничихъ.

Во 2), староста смоленскій всегда упоминается рядомъ съ мѣщанами: такъ, въ 1497 г. *староста* мѣста Смоленскаго и *всѣ мѣщане* жаловались на епископа смоленскаго Іосифа, что онъ „много людей въ мѣстѣ (т. е. въ мѣщанской части города) мѣлъ а въ томъ мѣсту... шкода была". Въ 1500 г. *староста* г. Смоленска бьетъ в. князю челомъ съ мѣщанами отъ всего „мѣста (города) Смоленскаго"; тоже и въ 1503 г., при чемъ „*мѣсто*", т. е. городъ ясно отличается отъ *замка* [5]), что существовало и въ дѣйствительности [6]).

---

[1]) М. Л. Зап., VI, f. 171 (b).

[2]) Акты З. Р. т. I, № 144, 1 и 2.

[3]) Ib. № 182.

[4]) Ib. № 199.

[5]) Акты З. Р. т. I, № 182. „Били намъ челомъ: староста мѣста Смоленского и вси мѣщане, *отъ всего мѣста Смоленского*". Ib. № 199. „Староста мѣста См. и вси мѣщане... повѣдили, што въ тыми разы *тое мѣсто наше Смоленское скарано* и люди вси зграблены отъ служебныхъ нашихъ которые *тамъ жо у Смоленску, на замку нашомъ мѣшкаютъ*".

[6]) *A. Gwagnini.* Rerum Polanicarum etc. Frcf. 1584.

Smolensko civitas ingens et insignis, ad Boristhenem fluvium *arcem ex roboribus* aedificatum in ulteriori fluminis ripa habet.... *civitas ipsa* in vallo sita est, collibus undique, silvis vastissimis cingitur.

Принимая во вниманіе болѣе раннюю службу Аврама Езофовича въ должности городничаго ковенскаго, мы можемъ съ вѣроятностію предположить, что должность старосты смоленскаго была дана ему за заслуги.

О большей доходности смоленскаго староства не только сравнительно съ ковенскимъ и другими городничествами, но даже и со многими литовскими староствами мы заключаемъ изъ того, что ковенское городничество дано Васку Дашковичу подъ условіемъ только *ремонта* замковыхъ укрѣпленій [1]), городничество троцкое даровано королемъ Александромъ въ пожизненное владѣніе Богушу Боговитиновичу за 140 копъ грошей [2]), новгородское *городничество* и ключничество предоставлено воеводѣ новгородскому Я. Я. Заберезинскому въ возмѣщеніе ремонта замка и обязанности „подымать короля стацею всякою на кухню нашу и на оброки (?) а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, поки въ *Новгородѣ* будемъ мѣшкати" [3]). Между тѣмъ смоленскій мѣщанинъ Олисей Лисневъ заплатилъ отъ *староства смоленскаго* королю Александру и его приближеннымъ 250 к. гр. [4]). Около того же времени за староство берестейское съ ключомъ берестейскимъ, т. е. за право управленія и суда въ брестской волости Юр. Ив. Илиничъ даетъ королю „челомбитья" всего 300 золотыхъ, т. е. около 150 к. гр. [5]).

Первый актъ, въ которомъ Аврамъ Езофовичъ опредѣленно названъ смоленскимъ старостою, относится къ 12 октября 1505 г., гдѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ названъ и мытникомъ смоленскимъ [6]), а уже въ предъидущемъ 1504 г., іюня 18, король Александръ жалуетъ ему за вѣрную и безупречную службу имѣнье *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ [7]). Пожалованное имѣнье было довольно

---

1) Зап. № VIII, f. 411 (b).

2) Ibid., f. 371.

3) Зап. № VIII, f. 339, отъ 1509 г.

4) Зап. № VIII, f. 98 (b).

5) Ibid., f. 346, отъ 1510 г.

6) М. Л. Запис., VI, f. 482.

7) Записей № XXXVII, f. 465. Изъ позднѣйшаго перечисленія привилегій на имѣнія вдовы п. троцкаго Мык. Юревича, проданныя ею королю Сигизмунду Августу, между прочимъ: „Листъ короля Александра *на паргаминѣ, съ печатью*

незначительнаго размѣра, а именно 8 тяглыхъ службъ и 8 пущъ. Однако пожалованіе это было важно въ томъ отношеніи, что сопровождалось дарованіемъ Авраму Езофовичу шляхетскаго званія; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вводился въ число земянъ, вступалъ въ составъ литовской осѣдлой шляхты землевладѣльцевъ. При слѣдующемъ пожалованіи король называетъ Аврама Езофовича уже не просто Аврамомъ, а *шляхетнымъ* Аврамомъ Езофовичемъ [1]).

Мы привели выше цѣлый рядъ документовъ за десятилѣтній періодъ жизни Аврама Езофовича. Читатель изъ нихъ уже могъ убѣдиться, насколько основательны сѣтованія г. Вольфа на отсутствіе матеріаловъ. Но этого мало. Изъ сопоставленія приведенныхъ имъ данныхъ съ иными документами той же Метрики представится полная возможность опредѣлить существенныя черты нравственной физіономіи Аврама Езофовича уже въ этотъ, такъ сказать подготовительный, періодъ его дѣятельности. Происходя изъ богатаго семейства откупщиковъ, Аврамъ Езофовичъ, выросши въ кіевской области, успѣваетъ сочетать въ своей личности тѣ существенныя черты характера, которыя пролагали въ его время дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, т. е. искусство пріобрѣтенія съ личною отвагою и преданностію своему государю.

Сравнивая списки литовскихъ должностныхъ лицъ XV и XVI в., мы замѣчаемъ, какъ мало по малу изъ рядовъ литовской аристократіи изчезаютъ древнія княжескія фамиліи, уступая мѣсто неродовитымъ, нетитулованнымъ представителямъ низшей шляхты.

Что именно эти качества цѣнятся болѣе всего въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI в., это объясняется лучше всего тѣми политическими условіями, въ которыя была поставлена въ это время Литва.

завѣсистою, въ которомъ пишеть, ижъ за вѣрные а справедливые службы Аврама Езофовича далъ ему имѣнье у Виленскомъ повѣтѣ на имя Войдуны зъ людми въ томъ же листѣ имены описаными служобъ 8, а въ тому пустовщинъ 8. Дата того листа 1504 г., мц. іюля 18 дня". Что эта грамота не тождественна съ позднѣйшею, это видно изъ того, что это послѣдняя показана особо и съ указаніемъ на присоединеніе къ пожалованному „острова ловищъ" королевскихъ.

[1]) Наши „Док. и рег." т. I, № 42.

Сверженіе татарскаго ига, присоединеніе Новгорода и Пскова, уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ не окончили еще многовѣковой задачи—собиранія Руси: взоры в. князей московскихъ обратились на западъ. Тамъ за литовскимъ рубежомъ лежали древнѣйшія владѣнія Рюриковичей. Со времени паденія рязанскаго княжества борьба съ Литвою стала неминуема: границы московскаго государства и Литвы столкнулись. Между тѣмъ многолѣтнее мирное царствованіе Казиміра Ягеллона ослабило въ значительной степени боевую годность литовской шляхты. Съ другой стороны, успѣхи военнаго искуства вообще выдвигали на первый планъ значеніе спеціальныхъ родовъ войскъ, въ особенности же артиллеріи. Для отпора московскимъ государямъ требовалось, съ одной стороны, возведеніе и поддержаніе цѣлаго ряда пограничныхъ крѣпостей, а съ другой постоянное отбываніе тяжелой сторожевой и гарнизонной службы отъ всего, обязаннаго воинскою повинностію, пограничнаго населенія. Результатомъ такого рода условій мы видимъ, что в. князья по необходимости даруютъ цѣлый рядъ льготныхъ грамотъ пограничнымъ землямъ. Льготы эти естественно идутъ въ ущербъ правамъ центральной власти, т. к. слагаются изъ уступокъ мѣстнымъ, обязаннымъ службою землевладѣльцамъ того или инаго в. княжескаго права.

Такимъ образомъ расширяются права вотчинниковъ. Но это расширеніе ихъ правъ неминуемо лишаетъ в. княжескую казну того или иного источника доходовъ. Поэтому князьямъ не остается ничего иного, какъ пополнять дефицитъ широкою раздачею населенныхъ земель. Раздачи же эти, практикуемыя безъ всякой системы, при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о томъ, что дано въ вотчину и что въ помѣстье, вели къ обращенію сплошь и рядомъ помѣстій въ вотчины. Правда, всякій вотчинникъ долженъ былъ доказывать свои права письменными домументами, но такъ какъ весь административный организмъ в. княжества слагался изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то понятно само собою, что провѣрка основанія и пространства правъ литовскихъ помѣщиковъ была крайне проблематична. Занятые въ это же время польскими дѣлами, в. князья и не пытались до самаго Сигизмунда I произвести подобнаго рода провѣрку. Когда же Сигиз-

мундъ I попробовалъ произвести провѣрку правъ землевладѣльцевъ, приказавъ имъ представить свои привилегіи, то въ большей части Литвы требованіе это разбилось о глухое сопротивленіе шляхты, дѣйствовавшей на этотъ разъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ [1]).

Громадныя территоріальныя потери в. князя Александра, отсутствіе въ теченіи всего XVI в. прочнаго мира съ Москвою, постоянныя войны съ крымскими татарами, угрожающее положеніе турокъ, ненадежность нѣмецкаго ордена—все это требовало такого увеличенія военныхъ силъ, на которое никакъ не могли разсчитывать в. князья. Поэтому то для противодѣйствія москвичамъ Литвѣ приходилось напрягать всѣ свои силы, нужны были деньги, много денегъ. Пушкари требовали за свои услуги огромныхъ денегъ, не меньшаго мастера, приготовлявшіе селитру, и т. д., и все это приходилось выплачивать изъ за границы,—изъ Польши, Богеміи и т. д. Наемныя войска впервые появляются въ Литвѣ при Сигизмундѣ I. Содержаніе ихъ ложится тяжкимъ бременемъ на литовское казначейство; достаточно привести тотъ фактъ, что на уплату жалованья наемнымъ войскамъ напр. въ 1530 г. издержано около 15,000 копъ грошей, т. е. болѣе половины обыкновеннаго государственнаго бюджета, между тѣмъ наемники составляли всего 4,000 человѣкъ на 18,000 человѣкъ помѣстнаго войска. Жалованье не только спеціальнымъ родамъ войска было велико, но и простые кавалерійскіе солдаты получали на готовомъ содержаніи до 5 копъ на человѣка, т. е. до 300 рублей на наши деньги. Поэтому хотя Рада и писала къ в. князю: „Яко Ваша милость почали служебные въ здѣшнемъ панствѣ Вашой милости хавати и што кольвекъ В. м. намъ, слугамъ Вашимъ, розказали на тыи служебныи дати, ничимъ есми не были вымовны, даючи серебщины и поголовщины [2])“, тѣмъ не менѣе и чрезвычайныхъ налоговъ оказывалось недостаточно. При отсутствіи же государственнаго кредита, казнѣ приходилось добывать деньги не иначе, какъ на

---

[1]) М. Л. Переписей, VI. А. Ревизія волынскихъ замковъ.
[2]) М. Л. Запис. № VII, f. 411.

тяжелыхъ условіяхъ, не иначе, какъ подъ закладъ драгоцѣнностей или же залогъ государственныхъ имуществъ. Несмотря, далѣе, на постоянныя старанія казны замѣнить натуральные платежи деньгами, доходы в. княжества въ концѣ XV и началѣ XVI в. все еще въ значительной степени поступали натурою: медомъ, воскомъ, мѣхами, хлѣбомъ и т. д. А деньги становились ежеминутно все болѣе и болѣе нужны. Поэтому то лицу, умѣвшему успѣшно обращать сырье въ деньги, лицу съ готовымъ денежнымъ капиталомъ, Литва представляла въ это время широкое поле для осуществленія самыхъ розовыхъ надеждъ. Замѣтимъ, однако,—подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы денежная сила подкрѣпляема была непремѣнно личною отвагою. Таковъ былъ вѣкъ. Да и самыя деньги требовались прежде всего для защиты государства. Мы видимъ поэтому, что неизвѣстныя дотолѣ лица,—шляхтичи и не шляхтичи, благодаря соединенію только что указанныхъ требованій, быстро достигаютъ значенія и почестей въ государствѣ. Къ числу такихъ „новыхъ людей“ принадлежалъ какъ Аврамъ Езофовичъ, такъ равно и два ближайшіе его преемника—Богушъ Боговитиновичъ и Иванъ Горностай: начавъ службу при королѣ Казимірѣ сначала дворяниномъ, а затѣмъ дьякомъ, Богушъ Боговитиновичъ становится въ княженіе Александра Казиміровича трокскимъ городничимъ, по вступленіи на престолъ Сигизмунда I—державцею довкговскимъ, затѣмъ каменецкимъ, писаремъ, и наконецъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго. Его ловкость въ увеличеніи своего имущества по истинѣ изумительна: одно великокняжеское имѣніе за другимъ переходятъ къ нему то въ собственность, то въ залогъ, то въ державу. А умирая, Богушъ Боговитиновичъ не только оставляетъ своей женѣ и дѣтямъ громадное состояніе, свободное отъ всякихъ долговъ, но еще дѣлаетъ подарокъ в. князю за опеку надъ остающимися вдовою и сиротами; подарокъ въ 5,000 к. гр. т. е. въ 300,000 руб. на наши деньги, кромѣ уступки всѣхъ суммъ, выданныхъ подъ залогъ королевскихъ имѣній. Что огромное имущество Богуша Боговитиновича было плодомъ его личной энергіи, видно всего лучше изъ того,

что отецъ его п. Боговитинъ и братъ Иванъ Боговитиновичъ обладаютъ сравнительно незначительнымъ имуществомъ [1]).

Такимъ же путемъ идетъ и преемникъ Богуша Боговитиновича Горностай. Въ 1486 г. мы встрѣчаемъ его кіевскимъ ключникомъ [2]), въ 1506 г. въ числѣ иныхъ дворянъ и дьяковъ онъ ѣдетъ на Волынь для производства переписи [3]). Мало по малу служебное положеніе Горностая подымается: онъ становится писаремъ, державцею дорсупинскимъ и слонимскимъ, маршалкомъ и, наконецъ, преемникомъ Богуша Боговитиновича и воеводою новгородскимъ [4]). Такимъ же путемъ шелъ и предшественникъ Аврама Езофовича—Ѳедько Хребтовичъ: въ 1463 г. онъ только дьякъ господарскій [5]), въ 1496 г.—онъ уже писарь [6]), и въ началѣ XVI вѣка онъ уже состоитъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго [7]).

Сверхъ имѣнія Войдуны Аврамъ Езофовичъ получилъ отъ короля Александра имѣніе Волутину гору, принадлежавшее ранѣе смоленскимъ мѣщанамъ Волутинцамъ вмѣстѣ съ небольшимъ селомъ на Стыганцы. Все это вмѣстѣ составляло одну „службу", т. е. совокупность земель и угодій, обязанныхъ въ пользу в. князя тѣми или иными податьми и повинностями. Судя по незначительнымъ размѣрамъ этого имѣнія, состоявшаго изъ одной только тяглой службы, и потому, что обращеніе онаго въ вотчину произошло гораздо позже, мы въ правѣ предположить, что пріобрѣтеніе этого имѣнія относится къ весьма раннему періоду дѣятельности Аврама Езофовича въ Смоленскѣ. Это имѣніе составляло часть болѣе обширнаго, лежавшаго въ смоленскомъ повѣтѣ,

---

[1]) М. Л. Публич. Дѣлъ № I, f. 193. Здѣсь мы видимъ Б. Боговитиновича на родинѣ, на Волыни: онъ ставитъ со своихъ имѣній 14 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, братъ его 15, а отецъ 7. Между тѣмъ, какъ членъ Рады, Богушъ Боговитиновичъ, сверхъ волынскихъ имѣній, ставитъ еще 64 тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Что имущества эти не принадлежали женѣ, это видно изъ духов. завѣщ. Б. Б. Акты юж. и з. Р. т. I, № 91.

[2]) М. Л. Зап. IV, f 19 (b).

[3]) Ib. Зп. VIII, f. 291.

[4]) Бершадскій. Литовскіе евреи, стр. 287, примѣч. 62.

[5]) Метр. Литов. Зап. IV, f. 1. Ѳедковъ реестръ.

[6]) Ib. Зап. VI. 552. Пр. Ѳедку писарю.

[7]) Ib. Зап. VIII, f. 414.

села Подгорскаго, въ составъ котораго Волутина гора входила подъ именемъ „тяглой службы Евсюкова на Волутиной горѣ“, все же „село“ состояло изъ 4 панцырныхъ службъ и 2-хъ тяглыхъ“ [1]). Сверхъ только что упомянутыхъ имѣній Аврамъ Езофовичъ получилъ еще въ минскомъ повѣтѣ дворецъ (т. е. хуторъ, фольваркъ) Шейничи на рѣкѣ Свислочи съ двумя службами [2]).

Для опредѣленія хотя приблизительныхъ размѣровъ этихъ имѣній мы должны сказать нѣсколько словъ о терминѣ „служба“, которымъ сопровождаются всѣ эти пожалованія.

Подъ именемъ „службы“ разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли. По характеру этихъ обязанностей различались службы своими названіями и размѣромъ земли. Главные роды службы, извѣстные въ Литвѣ, были службы „панцырныя“ и „тяглыя“. Какъ первый, такъ и второй родъ распадался на множество видовъ.

Панцырная служба, или служба конемъ, военная, шляхетская, состояла въ обязанности по первому требованію в. князя являться въ панцырѣ и на конѣ въ назначенное мѣсто и время. Тяглая служба состояла въ обязанности вносить въ казну опредѣленное мѣстными обычаями количество податей и отбывать тѣ или иныя повинности, напр. подводную, постоялую, дорожную и т. д. Главнымъ признакомъ тяглой службы былъ платежъ т. наз. „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной мѣры ржи, овса и сѣна въ казну. Тяглая служба предполагала живущаго на ней „простого“ человѣка [3]), панцырная—„боярина“.

Сообразно отсутствію замкнутости сословій въ Литвѣ, до самой люблинской уніи между панцырною и тяглою службою существовалъ рядъ переходовъ: „служба щитная“, „служба пу-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 164 (b). „Въ Смоленскомъ повѣтѣ дано ему (Авраму Езофовичу) село Подгорское 6 службъ: 4 панцырныя и 2 тяглыя, на йми Евсюкова на Валутиной горѣ, а Орибѣсова, а Жаворонково, а Бобровниково, а Дмитрово Стрыйголпиково, а Михайлово Сениково“.

[2]) Такъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты, „А у Менскомъ повѣтѣ на рѣцѣ ко Свислочи (дворецъ) на йми Шейничи, а *Нефеда* зъ сынми, а *Малявку Семеновича* зъ братею“.

[3]) (b) М. Л. Суд. VI f. 102.

тная", „ловецкая", съ другой стороны тяглыя службы принимали по мѣстнымъ условіямъ разнообразный характеръ: „соленицкая", „бытовницкая", „рудницкая" и т. д., при чемъ повинности могли носить или совершенно спеціальный характеръ, т. е. съ угольницкой могъ быть, напр., доставляемъ только уголь, съ рудницкой—желѣзо, съ соляницкой—соль, или же эти повинности могли быть соединяемы еще и съ иными, напр., съ двухъ службъ бобровниковъ одно дякло, съ угольницкой по кабану и т. д.; все это мы видимъ, напр., въ королевскомъ дворѣ Волковыйскомъ въ началѣ XVI в. [1]). При чемъ нѣкоторые изъ этихъ „простыхъ" тяглыхъ людей обязаны являться на войну со своимъ „державцею" разумѣется, легко вооруженные.

Изъ сказаннаго очевидно, что размѣры панцырной и тяглой службы не только различались по временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, напр. плодородію, количеству угодій и т. д. [2]), но и по характеру податныхъ отношеній и по количеству земли.

Панцырная служба, т. е. обязанность являться на конѣ въ тяжеломъ вооруженіи, панцырѣ, считалась тяжелою обязанностью, а потому земли, пожалованныя в. князьями съ обязанностью нести эту службу на свой счетъ, обыкновенно освобождались отъ всякихъ иныхъ повинностей. Затѣмъ, по размѣру земли эти равнялись большею частію нѣсколькимъ тяглымъ службамъ. Обыкновенно признавалось за общее начало, что одинъ тяжеловооруженный, т. е. взрослый мужчина („пахолокъ") въ панцырѣ и шлемѣ, съ мечомъ и копьемъ, на хорошемъ конѣ, цѣною не ме-

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 648.

[2]) Вотъ, напримѣръ, что понималось подъ службою въ началѣ XVI в: татаринъ Майко Богдановичъ Тауповичъ продаетъ „посполь зъ жоною и зъ дѣтьми" у селѣ у Броницахъ (новгородск. повѣта) *„службу людей* на имя Бориса и брата его Мартина Наумовича, и зъ ихъ дѣтьми и со всими *землями*, и зъ *гаи*, и *сѣножатыми*, и съ поплатками и зъ службами, ничого на себе не зостовляютъ, за 25 копъ грошей", т. е. на современныя деньги около 1,500 руб. Или вотъ другой примѣръ: Сенько Терешковичъ, возражая золотовлянамъ, людямъ Дубровенскаго пути, „объясняетъ, что „избъ тыхъ отчичовъ на томъ сельци (Золотовичи) только 5, а *другая пять* истобокъ прихожихъ людцей, *дольничниковъ* ихъ. А живутъ уводномъ мѣсти на томъ же сельци, а *служба съ того села идетъ панцырная.* Март. 27, Витебскъ, индиктъ 15 (т. е. 1495 г.) М. Л. Зап. III, f. 89.

нѣе 5 копъ грошей (т. е. 300 руб.), можетъ быть поставленъ безъ отягощенія съ *восьми* тяглыхъ службъ.

И мы видимъ, что большинство литовской шляхты обладаетъ этимъ минимальнымъ размѣромъ: такъ какъ, напр., въ переписи 1528 г. число лицъ, не имѣющихъ восьми тяглыхъ службъ представляется весьма незначительнымъ. Мы въ правѣ, далѣе, предположить, что панцырная служба въ среднемъ размѣрѣ равнялась не менѣе, какъ 5 тяглымъ службамъ т. к. въ критическіе моменты государственной жизни шляхта ставила тяжело вооруженныхъ и съ 5 тяглыхъ службъ.

Изъ другихъ данныхъ мы видимъ, что *тяглая служба* по своимъ размѣрамъ приравнивалась *къ населеной „волокъ“* земли, т. е. 20 десятинамъ[1]), или же двумъ дворамъ („дымамъ“).

Что таковъ былъ размѣръ панцырныхъ службъ въ смоленскомъ повѣтѣ, въ этомъ мы убѣждаемся изъ переписи смоленскихъ князей, бояръ, слугъ панцырныхъ и щитныхъ конца XV в.[2]); напр., въ дубровенскомъ пути считалось „панцырныхъ слугъ“ 131 человѣкъ, но всѣ они составляли только 11 службъ, т. е. на одну службу приходилось среднимъ числомъ около 12 человѣкъ. Что дѣйствительность не рознилась отъ этого вычисленія, возьмемъ, напр., панцырную службу въ мащинскомъ *пути:* „Ахоня Лесутиничъ самъ *пять* чоторы брата въ него, *все слуги добрыи,* а дядя ихъ Ѳома, а *пять* сыновъ у него, а *все молодцы, у подѣлѣ, а служба одна*“, слѣдовательно на панцырномъ участкѣ находятъ возможность жить 11 семей.

Такимъ образомъ уже къ началу царствованія Сигизмунда I Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ принадлежалъ къ числу среднихъ землевладѣльцевъ Литвы, т. е. ставилъ на военную службу 6 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, или владѣлъ около 1,200 десятинъ населенной земли. Если мы прибавимъ доходы отъ минскаго войтовства, т. е. третью часть всѣхъ судебныхъ по-

---

[1]) М. Л. Записей 47, f. 119, отъ 1567 г., сравни также жалобы волынской шляхты въ 1545 г. на то, что „завжды суть неравно большіи *службы* литовскіи, нижели наши *дворища* волынскіи“, М. Л. Переписей VI в. „Попись волынскихъ замковъ“.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 155 и слѣд. до 168 (b).

шлинъ и штрафовъ, право имѣть одинъ не подлежащій акцизу питейный домъ, затѣмъ доходы отъ смоленскаго староства, откупъ таможенныхъ доходовъ и т. д., то станетъ естественно, что уже въ началѣ XVI в. Аврамъ Езофовичъ становится замѣтною величиною среди литовской служилой шляхты.

Проживая въ Смоленскѣ, Аврамъ Езофовичъ не покидалъ однако изъ виду Ковно.

III.

Полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ короля Александра обѣщаніе ковенскаго таможеннаго откупа.—Восшествіе на в. княжескій престолъ Литвы Сигизмунда Ягеллона.—Поддержка виленскаго бискупа Войтеха Табора въ полученіи Аврамомъ Езофовичемъ таможеннаго откупа въ Ковнѣ.—Обстоятельства, при которыхъ этотъ откупъ былъ уступленъ Кгрекгелю.—Несостоятельность этого откупщика.—Переходъ ковенскаго таможеннаго откупа въ руки Авраму.—Полученіе Аврамомъ таможенныхъ откуповъ въ Минскѣ и Новгородкѣ.—Конкурренты Аврама на полученіе смоленскаго таможеннаго откупа.—Андрей Тихій, бывшій минцарь виленскій.—Устраненіе этого соперника.—Переходъ въ руки Аврама таможеннаго откупа и въ Смоленскѣ.—Примиреніе Аврама съ Андреемъ Тихимъ.—Подтвержденіе Авраму всѣхъ его пожалованій и пріобрѣтеній.—Реализація Аврамомъ откупныхъ договоровъ.—Ковенская таможня.—Провѣрка ея доходовъ.—Отказъ Аврама Езофовича въ пользу казны отъ убыточныхъ для нея откупныхъ договоровъ.—Проекты, предложенные Аврамомъ королю относительно управленія ковенской таможнею.—Колебанія Сигизмунда I.—Его неполное довѣріе къ Авраму.—Блистательное оправданіе заявленій Аврама опытомъ со смоленскими питейными доходами.—Поступленіе доходовъ на ковенской таможнѣ.—Счеты, предъявленные королю служебными людьми въ 1508 г.—Затруднительное финансовое положеніе короля.—Появленіе Аврама съ доходами съ ковенской таможни.—Отчетъ о приходѣ суммъ на этой таможнѣ въ 1507—8 гг.—Долгъ короля Авраму.—Передача ему для покрытія долга восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ и Полоцкѣ.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ въ іюлѣ 1509 г. въ Краковѣ.—Назначеніе Аврама Езофовича управляющимъ монетнымъ дворомъ.—Поземельныя пожалованія короля Сигизмунда Авр. Езофовичу.

Важная перемѣна, происшедшая въ началѣ XVI ст. въ направленіи торговли солью, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній Литвы къ Крыму, не ушла отъ вниманія Аврама Езофовича. Поэтому то онъ въ 1506 г. іюня 10 не задумывается предложить королю Александру за таможенный откупъ въ Ковно 603 копы грошей безъ 10 грошей, и 20 поставовъ сукна люньскихъ и новогоньскихъ, т. е. около 50,000 руб. на наши деньги. Оче-

видно, произошла громадная перемѣна въ торговомъ движеніи, такъ какъ не болѣе 10 лѣтъ назадъ всѣ таможенные доходы въ Ковнѣ были отданы минцерю Шлакиру за 450 к. гр.[1]), т. е. ровно за половину. Получивъ право сбора таможенныхъ пошлинъ на одинъ годъ, Аврамъ ничуть не сомнѣвается черезъ самый короткій промежутокъ времени занять королю Александру еще 1,200 злотыхъ[2]).

При возшествіи на престолъ в. князя Сигизмунда Казиміровича первою заботою Аврама Езофовича было укрѣпленіе за собою того служебнаго и имущественнаго положенія, которое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Александра Ягеллона.

Вокняженіе Сигизмунда на литовскомъ престолѣ при затруднительныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ и внутреннихъ и занятіе имъ вскорѣ польскаго престола, понятно, отложили на значительное время подтвержденіе правъ, дарованныхъ различнымъ лицамъ его предшественниками. Ограничившись наиболѣе важными дѣлами, подтвердивъ и расширивъ 7 декабря въ Гродно земскую привилегію Литвы, обезпечивъ пограничные города посылкою въ нихъ надежныхъ лицъ, в. князь ограничился уплатою нѣкоторыхъ наиболѣе нетерпящихъ долговъ и подтвержденіемъ незначительнаго числа привилегій. Только послѣ коронаціи въ Краковѣ Сигизмундъ Казиміровичъ, теперь уже Сигизмундъ I, король польскій и великій князь литовскій, приступаетъ къ обычному подтвержденію привилегій, грамотъ, раздачѣ должностей, откуповъ, уплатѣ жалованья и т. д.

Ранѣе заботъ о подтвержденіи какихъ либо иныхъ правъ, Аврамъ Езофовичъ торопится возстановить данное ему королемъ Александромъ право на таможенный откупъ въ Ковно, такъ какъ в. князь Сигизмундъ успѣлъ отдать уже этотъ откупъ нѣмцу Габріелю Кгрекгелю. Заручившись поддержкою виленскаго бискупа Войтеха Табора, перваго члена Рады, Аврамъ Езофовичъ прислалъ къ королю въ Краковъ: во 1) обязательство короля Александра и Рады в. княжества литов. на 600 копъ

[1]) М. Л. Зап. VI, 169. Городно, марта 1, индикта 14 (1496 г.).

[2]) Т. е. 440 копъ грошей, такъ какъ въ это время злотый считался въ 22 литовскихъ гроша.

грошей, 10 поставовъ сукна луньскаго и 10 новогоньскаго, взятыя у него для государственныхъ нуждъ („ку потребѣ земской“); во 2) такое же обязательство на 1,200 злотыхъ, взятыхъ у него наличными деньгами [1]); въ 3) грамоту короля Александра, данную Авраму на таможенный откупъ въ Ковно въ теченіи 2-хъ лѣтъ [2]).

Представляя эти документы, Аврамъ Езофовичъ ходатайствовалъ о возстановленіи дарованныхъ ему правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и виленскій бискупъ обращался къ королю съ письмомъ, чтобы король Аврама „въ томъ мытѣ не рушилъ“.

Ковенскій таможенный откупъ былъ отданъ Кгрекгелю подъ вліяніемъ настоятельнѣйшей государственной нужды,—въ то время, когда, вступивши на великокняжескій престолъ, Сигизмундъ Казиміровичъ торопился увѣдомить объ этомъ фактѣ сосѣднихъ государей: в. князя московскаго и крымскаго хана. Значительны были расходы на посольство въ Москву [3]), но гораздо еще большіе для Крыма.

Размѣръ этихъ упоминковъ былъ значителенъ уже въ 1501 г. [4]), въ виду же войны съ татарами въ 1506 г. в. князь Сигизмундъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что татары не пропустятъ удобнаго момента для репрессій. Поэтому Сигизмундъ рѣшился значительно повысить количество упоминковъ [5]). И ко-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). „Готовыми пенезьми за золотый беручи по 20 и по 2 гроши“.

[2]) Ibid. „Рочокъ отъ середоностя прійдучого до того жъ року середоностя кот. будетъ индикта 12“, т. е. съ 1507 по 1509 годъ.

[3]) М. Л. Зап. № VIII, f. 414. „Ѣдучи дорогою зъ Мельника давано“... „*Посолъ, имючи до Москвы* маршалку п. Яну Миколаевичу воеводичу виленскому 90 копъ грошей съ скарбу. Кухмистру п. Петру Олехновичу 60 копъ грошей, тамъ же. П. Богдану Сопезѣ 30 копъ грошей съ скарбу“, такъ что издержки эти доходили до 200 копъ грошей, т. е. около 15000 руб. на наши деньги. Здѣсь имѣется въ виду путешествіе в. князя изъ Вильно въ Краковъ для коронаціи, слѣдоват., конецъ 1506 или начало 1507 г.

[4]) Акты З. Р. т. I. № 193.

[5]) Размѣръ ордынщины 1501 г. не превосходилъ 700 или 800 копъ грошей. Если мы прибавимъ къ этой суммѣ расходы на посольство въ Москву, т. е. 200 к. гр., то окажется, что на упоминки татарамъ предполагалось употребить около 1400 к. гр.—почти вдвое противъ 1501 г.

венское мыто было спѣшно отдано Кгрекгелю на 3 года за 2000 копъ грошей съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно внесъ въ казну, въ руки подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича 1,600 к. гр. Этотъ контрактъ съ Крекгелемъ давалъ казнѣ необходимыя для упоминковъ суммы. Съ другой стороны Кгрекгель, повысивъ значительно откупную сумму и уплативъ большую ея часть впередъ, обезпечивалъ себя тѣмъ отъ конкуррентовъ. Однако ни ожиданіямъ в. князя, ни надеждамъ Кгрекгеля не суждено было сбыться. Кгрекгель, не будучи самъ капиталистомъ, не могъ въ то же время составить компаніи для эксплоатаціи ковенскаго мыта. Поэтому в. князю пришлось изыскивать иныя средства для отправки посольствъ. Изъ нихъ посольство въ Москву было отправлено въ концѣ 1506 или самомъ началѣ 1507 г.[1]), посольство же въ орду еще ранѣе, такъ какъ въ концѣ 1506 или началѣ 1507 г. Сигизмундъ уже получилъ благопріятный отвѣтъ отъ хана вмѣстѣ съ ярлыкомъ[2]) на то, что или находилось уже подъ властью в. князя, какъ, напр., Кіевъ, или же на то, что никогда не принадлежало крымскому хану, напр., Псковъ и Великій Новгородъ (!). Однимъ словомъ, это былъ „легкій поклонъ" за полученные уже „тяжелые упоминки".

Между тѣмъ государственный казначей Ѳедко Хребтовичъ донесъ королю въ началѣ 1507 г., что Кгрекгель не далъ въ казну „ни пенезя", казна же по прежнему нуждается въ деньгахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ и не желая нарушить обязательствъ своего прешественника, король Сигизмундъ, въ качествѣ в. князя литовскаго, отдаетъ Авраму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу таможенныя пошлины въ Ковно на тотъ же срокъ и за ту же цѣну, что и Кгрекгелю, съ тѣмъ, однако, чтобы новые откупщики внесли немедленно же въ казну 800 копъ грошей и вознаградили Кгрекгеля за расходы, сдѣланные имъ для полученія откупнаго контракта[3]). Такимъ образомъ

---

[1]) Содержаніе посольству было назначено на дорогѣ в. князя изъ Мельника въ Краковъ, ранѣе коронаціи, которая произошла 25-го января 1507 г. Ср. Tomiciana Т. I.

[2]) Акты зап. Р. т. II, № 6.

[3]) „Што на канцелярью выдалъ отъ оранды". Краковъ, февраля 15, инд. 10 (т. е. 1507 г.) М. Л. Зап. VIII, f. 88 (b).

одна изъ главныхъ таможень в. княжества переходитъ въ руки Аврама Езофовича. Воспользовавшись благопріятнымъ обстоятельствомъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ черезъ 4 дня получить на откупъ таможенные пошлины въ Минскѣ на 3 года за 600 копъ грошей [1]) и въ Новгородкѣ на тотъ же срокъ за 300 копъ гр. [2]).

Смоленская таможня принадлежала къ числу важнѣйшихъ таможень Литвы, и мы видѣли, что уже въ 1499 г. она перешла къ Авраму Езофовичу отъ виленскаго мѣщанина Мартина Янчелевича, которому была отдана въ 1495 г. іюня 9 на 3 года за 600 копъ грошей [3]). Хотя въ 1498 г. іюля 18 смоленское мыто было вновь отдано на откупъ тому же Мартину за тѣ же 600 к. гр., но мы видѣли, что въ 1499 г. Аврамъ Езофовичъ фигурируетъ уже въ качествѣ смоленскаго откупщика, между тѣмъ какъ Мартинъ Янчелевичъ отдаетъ въ томъ же году іюня 21 отчетъ по минскому таможенному откупу.

Мы предполагали выше, что Аврамъ Езофовичъ управлялъ таможеннымъ откупомъ въ Смоленскѣ съ 1496 г. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что смоленское мыто въ 1499 г. марта 12 было передано въ руки путивльскихъ мытниковъ Ивана, Ѳедора и Петра Новокрещенныхъ [4]), во 1) въ виду ихъ жалобъ, что купцы, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, направляются съ товарами, минуя Путивль, прямо на Смоленскъ, отчего откупщики терпятъ убытки, но главное, во 2) потому, что откупщики предложили в. князю надбавку въ 300 злотыхъ, между тѣмъ какъ Аврамъ Езофовичъ уплатилъ за 3 года всего 600 копъ гр. Дѣйствительно, въ теченіи слѣдующихъ

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). Краковъ, февр. 19, индикта 10.

[2]) Ibid., f. 90.

[3]) М. Л. Зап. № VI, f. 167. Іюня 9, индикта 13. Вильно. Таможенные доходы въ Смоленскѣ были отданы Мартину Янчелевичу для возмѣщенія долга в. князя Александра въ 300 к. гр., такъ что М. Янчелевичъ обязанъ былъ уплачивать въ теченіи 3 лѣтъ въ казну только по 100 к. гр. ежегодно, а на 100 к. гр. погашать в. княжескій долгъ.

[4]) Ibid. f. 176, марта 12, инд. 2, Вильно.

3 лѣтъ мы видимъ ихъ въ Смоленскѣ въ качествѣ откупщиковъ таможенныхъ и питейныхъ доходовъ [1]).

Въ 1503 г. ноября 7 Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ, какъ мы видѣли, снова получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ, а въ 1504 г. присоединяетъ къ этому и смоленскій питейный откупъ, перебивъ его у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго. При восшествіи на престолъ Сигизмунда Казиміровича, Андрей Тихій успѣваетъ получить снова таможенный и питейный откупъ въ Смоленскѣ съ 6 января 1507 г. впредь на 3 года и при томъ за половину противъ той суммы, за которую эти пошлины были на откупѣ при королѣ Александрѣ. Одною изъ главныхъ причинъ такого невыгоднаго для казны договора было, всего вѣроятнѣе, то обстоятельство, что Андрей Тихій вмѣстѣ съ полученіемъ откупной грамоты уплатилъ впередъ откупную сумму за 2 года наличными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андрей обезпечилъ за собою откупъ и на третій годъ подъ тѣмъ условіемъ, что если бы кто либо пожелалъ предложить в. князю за этотъ откупъ большую сумму, то онъ, Андрей, имѣетъ право, уплативъ эту надбавку, удержать откупъ за собою и на третій годъ [2]). При такихъ условіяхъ Андрею Тихому, повидимому, нечего было опасаться потери откупа, тѣмъ болѣе, что в. князь Сигизмундъ Казиміровичъ твердо держался ненарушимости разъ заключенныхъ договоровъ. Однако судьба и здѣсь улыбнулась Авраму Езофовичу: находясь въ Краковѣ, онъ напомнилъ королю (в. князю) Сигизмунду о томъ, что его слуги „поймали Андреевыхъ слугъ на дрейскихъ лукахъ [3]) и листъ его (Андрея) въ нихъ знашли, который онъ писалъ до дьяка своего, што на Бѣлой мешпость, о серебро и о свинецъ и о панцыри, хотячи тые речи за границу (т. е. въ Москву) пропустити". А такъ какъ вывозъ этихъ товаровъ настрого запрещенъ королемъ Александромъ, то подобный поступокъ Андрея составляетъ преступленіе. Въ виду же того,

---

[1]) Ibid. f. 182 (b) Извѣщ. кор. Александра объ отдачѣ имъ питейнаго откупа въ Смоленскѣ 7 янв. инд. 4 (1501), ibid. f. 224, отъ 7011 г. (1503 г.), мар. 29, гдѣ. Иванъ Новокрещенный названъ смоленскимъ мытникомъ.

[2]) М. Л. Зап. № VIII, f. 87, января 4, индиктъ 10.

[3]) Позднѣйшій г. Дрисса, на правомъ бер. р.Двины, при сліяніи ея съ р. Дриссою

что Андрей не принялъ никакихъ мѣръ къ своему оправданію, король объясняетъ, что „не годиться *ему того вряду, мыта Смоленскаго*, отъ насъ держати“. Поэтому, уничтожая заключенный съ Андреемъ договоръ, в. князь отдаетъ смоленскую таможню на откупъ Авраму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу на три года за прежнюю сумму, т. е. 1,200 к. гр. [1]). Такимъ образомъ Аврамъ Езофовичъ удерживаетъ за собою таможенныя пошлины въ Смоленскѣ снова на 3 года.

По всей вѣроятности, Андрею Тихому и не пришлось вступить въ управленіе смоленскою таможнею, такъ какъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда ассигновки на смоленскую таможню изъ Кракова (конецъ января и начало февраля) адресованы къ Авраму [2]).

Обвиненіе Андрея Тихаго не имѣло, однако, серьезныхъ основаній и было, всего скорѣе, плодомъ какого-либо недоразумѣнія; это всего лучше видно изъ того, что король приказываетъ новымъ откупщикамъ уплатить Андрею 400 копъ грошей, внесенныхъ имъ уже въ счетъ откупной суммы, но еще болѣе изъ того обстоятельства, что черезъ полгода Андрей Тихій вступаетъ въ компанію съ Аврамомъ Езофовичемъ.

Соединивъ капиталы, они берутъ у короля на откупъ не только смоленскіе таможенные, но и питейные доходы. Изъ королевской грамоты на этотъ предметъ видно, что Аврамъ и Андрей были старыми товарищами по откупу,—поэтому союзъ Аврама съ Яномъ Дитриховичемъ былъ лишь отвѣтомъ на попытку Андрея устранить отъ операцій своего стараго товарища. Такъ какъ откупная сумма доходила до 800 копъ гр. въ годъ (до 50,000 руб. современ.) и 880 Аврамъ съ Андреемъ внесли при полученіи грамоты, то они успѣли выговорить себѣ слѣдующую льготу: оставшуюся половину откупной суммы они уплачивали не вдругъ, а въ теченіи года, по ассигновкамъ („по квитанціи“). Въ управ-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 90 (b), Краковъ, февр. 22, инд. 10 (1507 г.)

[2]) Ibid, Зап. VIII, f. 414 (b). Въ Краковѣ въ числѣ первыхъ ассигновокъ мы видимъ: „Богдану Коровѣ *у Аврама, зъ мыта Смоленскаго*, 7 копъ“ „Олиферу *зъ мыта Смоленскаго*, у Аврама 7 копъ“.

леніе откупомъ товарищи должны были вступить послѣ Успенія 1507 г. и собирать доходы въ теченіи трехъ лѣтъ [1]).

Въ то же время значительнѣйшіе таможенные и питейные откупа на юго-западѣ Литвы поступаютъ въ руки частію нѣмцевъ и частію старыхъ откупщиковъ евреевъ. Такъ, напр., мы видимъ, что таможенный откупъ въ Кіевѣ поступаетъ 28 ноября 1506 года мытнику луцкому Шаману Даниловичу, а 7 марта 1507 г. онъ же передаетъ свои права на луцкій таможенный откупъ краковскому бурмистру извѣстному Бонеру, до 2 апрѣля 1508 года [2]). Уступая Бонеру таможенный откупъ въ Луцкѣ для покрытія долга, Шаманъ однако не думаетъ отказываться отъ этого, такъ близко ему извѣстнаго мѣста и дѣла. Черезъ двѣ недѣли, т. е. 17 марта того же года онъ вмѣстѣ съ другимъ откупщикомъ временъ Казиміра Ягеллона—Нисаномъ Козкою беретъ таможенный откупъ въ Луцкѣ на слѣдующіе 3 года. Въ то же время *брестское мыто* взято на 5 лѣтъ *мѣщаниномъ* Лериномъ Герешомъ, въ возмѣщеніе долга въ 2,000 копъ грошей [3]), а восковыя пошлины въ Городно отданы съ 25 іюля 1507 года въ управленіе „къ вѣрной руцѣ“: бурмистру Ѳедку и мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичамъ, писарю мѣстскому Ганусу и и двумъ евреямъ, Игудѣ и Лазарю [4]).

Что касается другихъ таможенъ и питейныхъ откуповъ, то они были отданы, по всей вѣроятности, въ управленіе мѣстнымъ старостамъ или намѣстникамъ, какъ мы видимъ, напр., въ Овручѣ, гдѣ питейный доходъ былъ предоставленъ намѣстнику п. Сенку Романовичу съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ двухъ пушкарей, привелъ въ исправное состояніе пушки и пріобрѣлъ нужное количество пороха [5]). Мы видимъ далѣе, что въ 1507 г. марта 26,

---

[1]) М. Л. З. № IX.

[2]) Докум. и Р. т. 1, № 46. Замѣтимъ при этомъ, что даже Бонеръ не могъ вытѣснить Шамана Даниловича, несмотря на то, что успѣлъ за мѣсяцъ раньше, т. е. февр. 29, года 1507 получить луцкій таможенный откупъ на два года за ту же сумму, что платилъ Шаманъ.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 94.

[4]) Ibid. f. 95. Въ Вильно, 15 іюля 1507 г.

[5]) М. Л. Зап. VIII, f. 96 (b) отъ 1507 г., ср. также f. 406, гдѣ въ 1509 году король предоставляетъ вновь корчму п. Сенку Палозовичу, п. ч. бояре и мѣщане

въ Краковѣ [1]) восковничему полоцкому Петру Сестренцу Навумовичу вручены 200 „квитанцѣй подъ сыкгнетомъ короля е. м. в. княжества“, которые Петръ и повезъ въ Полоцкъ, а 4 ноября 1506 [2]) въ Гродно такія же квитанціи получаетъ Андрей „минцарь виленскій“.—Во время же пребыванія короля Сигизмунда въ Вильно въ 1507 г. [3]) (лѣтомъ) полоцкіе восковничіе представили отчетъ въ полученіи пошлинъ съ воска отъ 5 декабря 1506 г. по 20 іюля 1507 и т. д.

Вступивъ 13 іюля 1507 г. въ управленіе таможеннымъ откупомъ въ Ковно и закрѣпивъ за собою таможню и питейный откупъ въ Смоленскѣ, Минскѣ и Новгородкѣ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ отъ короля Сигизмунда подтвердительную грамоту на все выслуженное или пріобрѣтенное имъ въ царствованіе Александра. „Билъ намъ человъ“ говоритъ король Сигизмундъ, „*шляхетный* староста мѣста Смоленскаго, войтъ Минскій, Аврамъ Езофовичъ и покладалъ передъ нами данины привиля, листы брата Нашого, щастное памяти, Александра Короля и *Великаго Князя*“ съ просьбою о подтвержденіи за нимъ всѣхъ этихъ пожалованій. Склонясь на его челобитіе, король Сигизмундъ подтверждаетъ всѣ пожалованія, вычисленныя въ представленныхъ Аврамомъ документахъ, а именно: 1) „*имьнье*“ *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ въ ракontишской волости [4]), 2) „*три службы* людей въ той же волости [5]), 3) „*островъ* [6]) *ловищъ*“ королевскихъ, „на имя Студеныя болота и сѣножати котор. тежъ въ

овруцкіе, получивъ питейный доходъ въ свою пользу, не исполняли принятаго на себя обязательства содержать стражу въ полѣ противъ татаръ. Ibid. f. 106 (b). Питейный доходъ въ (О)Ршѣ арендуется на годъ князю Ѳ. Анд. Прихобскому (1508 г.)

[1]) Ibid. f. 268 (b).

[2]) Ibid f. 269.

[3]) Восковничіе эти были: Родивонъ Боровъ, Сава Бернищевъ и Петрашко Наумовичъ.—Что сборъ пошлинъ былъ имъ порученъ „къ вѣрной руцѣ“, это доказывается представленіемъ ими подробнаго отчета о покупкѣ воска, объ остаткахъ его отъ продажи и т. д.

[4]) См. выше.

[5]) Наши „Док. и р“ т. I, № 42, гдѣ эти оба пожалованія соединены въ одной грамотѣ и подтверждены королемъ Александромъ 17 іюня 1506 г.

[6]) Островъ здѣсь понимается въ *охотничьемъ* смыслѣ, т. е. сравнительно небольшой лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ полями.

томъ островѣ суть.“ 4) *село Подгорское* въ смоленскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 6 службъ, „4-хъ панцырныхъ“ и 2-хъ „тяглыхъ“, 5) *дворъ* въ минскомъ повѣтѣ, на рѣкѣ Свислочи, называемый Шейничи, съ двумя службами людей, 6) *войтовство въ г. Минскѣ*, съ правомъ взиманія пошлинъ отъ передѣлки воска [1]), третьею частью судебныхъ пошлинъ и штрафовъ (на ратуши третій грошъ) и двумя свободными отъ всякихъ платежей корчмами въ самомъ городѣ Минскѣ. Изъ только что приведеннаго списка мы въ правѣ заключить, что уже въ 1507 г. Аврамъ Езофовичъ былъ довольно значительнымъ помѣщикомъ „земяниномъ“, „шляхетнымъ старостою Смоленскимъ и войтомъ Минскимъ.“

Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Аврамъ Езофовичъ приступилъ къ реализаціи полученныхъ имъ откупныхъ контрактовъ. Главнѣйшими изъ откуповъ были ковенскій и смоленскій. Въ первомъ Авраму принадлежали таможенныя пошлины, во второмъ таможенныя пошлины и питейные сборы. Какъ мы видѣли, большую часть времени съ 1495 г. Аврамъ провелъ въ Смоленскѣ. Поэтому ему были до тонкости извѣстны всѣ мѣстныя отношенія. Между тѣмъ, съ 1496 г. произошло огромное увеличеніе торговыхъ оборотовъ Ковно. Размѣры эти въ точности не были извѣстны Авраму, хотя не безъ достаточныхъ основаній рѣшился онъ предложить 600 копъ грошей за откупъ той таможни, которая въ его время приносила едва полтораста. Для ознакомленія съ размѣрами и причиною этой перемѣны Аврамъ Езофовичъ имѣлъ довольно времени: со дня вступленія въ управленіе ковенскою таможнею и до прибытія въ Вильно в. князя

[1]) „Воскобойня и капница“, упоминаемыя въ этой грамотѣ, суть синонимы, какъ видно изъ грамоты 1499 г. (А. З. Р. т. I, № 165), гдѣ нѣтъ упоминанія о воскобойнѣ, а говорится только о капницѣ.—Передѣлка воска заключалась въ переплавкѣ свободныхъ отъ меда вощинъ въ полушарія, или „штуки воску“, вѣсомъ до 40 пуд. каждая (Д. и р. № 121); эти „штуки“ выпускались затѣмъ въ продажу съ вытиснутою на нихъ печатью магистрата (Ср. подтверд. грамоту Сигизмунда I Полоцку отъ 1510 г. Ак. З. Р. т. II, № 61). Если воскъ забракуютъ въ Ригѣ или гдѣ либо, то съ продавца штрафъ (ib., № 70). Весьма старое положеніе, восходящее въ XII ст. Ср. Напіерскій Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами. Спб. 1857 г., № VII.

(т. е. со 2 апрѣля 1507 года) [1]) до половины іюня 1507 года [2]) прошло почти три мѣсяца. Авраму хорошо было понятно окончаніе полученной имъ грамоты на ковенскій таможенный откупъ: король приказывалъ здѣсь „внимательно доискиваться не опустили ли прежніе откупщики по своей небрежности какихъ либо пошлинъ. А потому, если окажется, что существовали изстари какіе либо забытые нынѣ сборы, то всѣ эти сборы Аврамъ возстановитъ для выгоды великаго князя [3]). Предчувствія короля Сигизмунда о томъ, что на ковенской таможнѣ теряются казною нѣкоторые доходы, подтвердилось какъ нельзя болѣе. Изъ того, что могъ узнать Аврамъ Ез. за трехмѣсячное управленіе таможнею, сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что казна при откупной системѣ терпитъ громадные убытки. Явившись въ Вильно хлопотать о подтвержденіи на свои недвижимыя имѣнья, Аврамъ Езофовичъ сдѣлалъ въ то же время шагъ, который обезпечилъ за нимъ довѣріе короля Сигизмунда и былъ одною изъ причинъ возвышенія самого Аврама Езофовича. По откупному контракту Аврамъ съ товарищемъ имѣли полное право обратить всѣ доходы съ ковенской таможни въ свою личную выгоду. Однако трехмѣсячное знакомство съ оборотами таможни показало Авраму Езофовичу, что огромная масса пошлинъ исчезла безслѣдно для казны: разница между дѣйствительнымъ поступленіемъ доходовъ и откупною суммой была такъ велика, что уплаченная имъ съ товарищемъ откупная сумма почти въ 10 разъ была ниже дѣйствительности. Почему происходила такая разница и какимъ образомъ истинное поступленіе доходовъ оставалось неизвѣстнымъ въ царствованіе Александра, мы въ точности не знаемъ; можно, впрочемъ, предполагать, что чрезвычайное повышеніе доходовъ въ десятилѣтній промежутокъ съ 1496 по 1506 г. среди тяже-

---

[1]) „ Отъ нынѣшнего середопостя пріидучого“ (10), какъ выражается откупная грамота.

[2]) 7 іюня онъ еще въ Берестьѣ-Литовскомъ (Д. и Р. № 48).

[3]) Мытники должны „довѣдыватися того, естли будуть первыи мытники нѣкогорыхъ платъ мыта Нашого своею недбалостю опустили. И довѣдавшися старины, велѣли есмо имъ тотъ платъ, котор. жо бывалъ зъ вѣку съ того мыта Нашого за ся приводити ку нашаму пожитку“.

лыхъ войнъ съ Москвою, затрудненій отъ восшествія на польскій престолъ, борьбы съ польскими магнатами, напряженныхъ отношеній къ нѣмецкому ордену и т. д. легко укрылоеь при такомъ пассивномъ и слабомъ здоровьемъ монархѣ, какимъ былъ Александръ Ягеллонъ. Быть можетъ, что таможенный откупъ былъ отданъ на долгій срокъ [1]), деньги получены впередъ и сверхъ откупной суммы король вошелъ въ долги откупщику, какъ это постоянно бывало при короляхъ Казимірѣ и Александрѣ, поэтому трудно было обнаружить истинную цифру дохода.

Вмѣсто того, чтобы скрывать, подобно своимъ предшественникамъ, истинный размѣръ пошлинъ на ковенской таможнѣ, Аврамъ Езофовичъ является въ Вильно къ королю и, представляя ему истинное положеніе вещей, предлагаетъ: во 1) уничтожить откупной договоръ на ковенскую таможню [2]), 2) учредить въ г. Ковно особую таможню для сбора пошлинъ съ соли и 3) предоставить управленіе тѣми и другими сборами ему, Авраму Езофовичу.

Принятіе этого предложенія обѣщало королю огромныя выгоды: доходы ковенской таможни превышали откупную сумму почти въ *девять разъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода отреченіе отъ собственныхъ выгодъ для блага государства встрѣчалось и во времена Сигизмунда крайне рѣдко. Съ другой стороны, умѣнье въ теченіи трехъ мѣсяцевъ открыть и установить истинную цифру доходовъ доказывало въ Аврамѣ далеко не заурядныя финансовыя способности. Поэтому то король, принимая предложеніе Аврама Езофовича, остается однако въ выжидательномъ положеніи, очевидно, не вполнѣ еще довѣряя его обѣщаніямъ и

[1]) Какъ это мы встрѣчаемъ напр. въ Новгородкѣ Литовскомъ, гдѣ мытникъ Оливеръ *Оряднинъ* держалъ на откупѣ таможню въ теченіи *пяти* лѣтъ, и король по разсчету остался долженъ еще откупщику 260 к. гр. М. Л. Зап. VI, f. 497, Люб. янв. 17, индиктъ 9.

[2]) Вознагражденіе товарища по откупу Аврамъ Езофовичъ, очевидно, принимаетъ на себя. А такъ какъ въ то же время въ дальнѣйшихъ операціяхъ ковенской, минской и смоленской таможенъ мы не встрѣчаемъ ни Яна Дитриховича, ни Андрея Тихаго, то надо полагать, что вмѣсто откупной системы вступаетъ въ первые годы царствованія Сигизмунда I система отдачи таможенныхъ и питейныхъ доходовъ въ управленіе „къ вѣрной руцѣ“ за опредѣленное вознагражденіе.

прозорливости; такъ, напр., когда въ ноябрѣ 1507 г., въ Городнѣ, Аврамъ Езофовичъ заявилъ королю, что онъ отказывается отъ завѣдыванія питейнымъ доходомъ въ Смоленскѣ, такъ какъ королевскіе „служебные люди" въ широкомъ размѣрѣ занимаются кормчествомъ [1]), то король, какъ бы не вполнѣ довѣряя Авраму, поручаетъ завѣдываніе питейными сборами смоленскому окольничему, намѣстнику высокодворскому, п. Богдану Сопезѣ и казначею смоленскому, князю Тимофею Филиповичу Кроминскому. Результатъ однако оказался тотъ же. Двухмѣсячный опытъ заставилъ ихъ извѣстить короля, что въ виду необузданнаго корчемства солдатъ весь годовой доходъ короля отъ смоленскихъ корчемъ слѣдуетъ считать погибшимъ [2]). Тогда, все еще сомнѣваясь, король передаетъ питейный сборъ на откупъ смоленскому мѣщанину Олисею Лисневу за 400 же копъ грошей,—благо у Лиснева было задавненное обязательство короля Александра на 350 копъ грошей. Лисневъ былъ радъ, очевидно, получить хоть что нибудь, а потому отказался въ пользу казны не только отъ этого долга, но согласился еще уплачивать ежегодно по 400 к. гр. Однако, Лисневъ не могъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, и въ 1509 г. мы видимъ смоленскіе питейные доходы въ управленіи Аврама Езофовича [3]).

Такимъ образомъ король еще разъ убѣдился въ правдивости Аврама. Если онъ отказался отъ ковенскаго откупа потому что здѣсь казна несла огромные убытки, то отъ смоленскаго питейнаго откупа онъ считалъ себя въ правѣ отказаться потому, что здѣсь онъ, Аврамъ Езофовичъ, долженъ былъ понести неминуемыя потери. Такимъ образомъ, въ рукахъ Аврама Езофовича въ 1507 г. находилось *управленіе* доходами ковенской и

---

[1]) Дату ноябрь 1507 г. мы ставимъ на томъ основаніи, что въ откупномъ договорѣ Лиснева, отъ 26 февр. 1508 г., говорится, что Аврамъ Езофовичъ отказался отъ управленія питейными доходами, будучи въ Гродно. Въ Гродно же король Сигизмундъ былъ въ ноябрѣ 1507 г., выѣхавши туда изъ Вильно (Д. и р. № 50, т. I).

[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 98 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 442 (b) „князю Семену Соколинскому 12 локоть адамашки, а 12 копъ съ *корчомъ смоленскихъ*, въ Оврама" (мая 15, индикт. 12, 1509 г.).

смоленской таможень, а равно *откупное* управленіе доходами минской и новгородской таможень.

По отъѣздѣ короля въ Польшу, Рада великаго княжества, въ виду войны съ московскимъ государемъ, не разъ обращалась по королевскому разрѣшенію съ денежными требованіями къ Авраму Езофовичу. Требованія эти, въ видѣ ассигновокъ на тотъ или иной источникъ доходовъ, составляли обыкновенную *форму* расходованія суммъ литовскаго казначейства [1]).

Когда въ 1508 г. іюня 26, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, Сигизмундъ находился въ Минскѣ, то Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ этимъ авансамъ. Въ виду того, что суммы, выданныя Аврамомъ Езофовичемъ, значительно превосходили дѣйствительное поступленіе изъ источниковъ, бывшихъ въ его управленіи, король дозволяетъ ему эту передержку, т. е. 807 копъ и 15 грошей (50,000 руб. на современ. деньги), покрыть изъ соляныхъ пошлинъ въ Ковно. Поступленіе доходовъ изъ этого источника шло такъ успѣшно, что черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. 5-го октября 1508 г. [2]) Аврамъ Езофовичъ получаетъ разрѣшеніе отъ короля Сигизмунда покрыть изъ соляныхъ доходовъ въ Ковно неуплоченные еще Авраму долги короля Александра т. е. 1,200 копъ грошей, а равно и взятые самимъ королемъ Сигизмундомъ 750 копъ грошей, а также и тѣ 10 копъ, которые Аврамъ заплатилъ королевскимъ дворянамъ за вводъ свой во владѣніе ковенскимъ откупомъ [3]).

Черезъ два мѣсяца, т. е. 30 ноября 1508 г., въ Гродно, Аврамъ Езофовичъ доложилъ королю, что согласно его распоряженіямъ, онъ долженъ былъ въ теченіи года со дня св. Маргариты, т. е. съ 12 іюля 1507 г. по тотъ же праздникъ въ 1508 г., погасить королевскіе долги. Назначенный срокъ слишкомъ великъ: онъ, Аврамъ Езофовичъ, не только погасилъ уже въ теченіи минувшаго полугодія эти долги, но еще получилъ излишекъ въ 535 копъ грошей, который и представляетъ королю.

---

[1]) Сравни, напр., расходныя книги короля Казиміра или же Сигизмунда I.

[2]) Док. и рег. т. I, № 52.

[3]) Ibid. № 53. Въ Городнѣ, ноября 30, индиктъ 10.

Въ 1508 г. октября 8 заключенъ миръ между королемъ Сигизмундомъ и в. княземъ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ; и вотъ, со всѣхъ сторонъ предъявляются королю счеты, поступаютъ просьбы, ходатайства о вознагражденіи за военную службу. Король старается удовлетворить всякаго по заслугамъ, сообразуясь, однако, съ наличными средствами казны. Такъ, напр., октября 24, назначая князя Юрія Александровича Гольшанскаго кіевскимъ воеводою, король въ то же время опредѣляетъ ему ежегодное жалованье въ 300 копъ грошей (20,000 руб.)[1]), князю Богдану Желавскому жалуетъ семью дворовыхъ (паробковъ) изъ королевскаго двора Мѣдники; монахамъ (старцамъ) спасскимъ 2 „штуки" воску; казначею смоленскому князю Тимофею Филипповичу Кропинскому—2 куньихъ шубы; князю Вас. Андреевичу Полубенскому—2 постава сукна, Глѣбу Ивановичу Зеновьевичу—жеребца[2]) и т. д., и т. д. За наградами болѣе знатнымъ лицамъ слѣдуетъ вознагражденіе простымъ служилымъ людямъ—боярамъ и мѣщанамъ различныхъ земель и волостей великаго княжества литовскаго, напр., торопчанамъ[3]), полочанамъ[4]) и т. д.

По пріѣздѣ въ Вильно, 16 ноября 1508 г.[5]), король приступаетъ къ общему вознагражденію всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ съ московскимъ государемъ; здѣсь „отправа почата писати князямъ, панамъ и дворянамъ", какъ выражаются книги. Предъявляетъ счеты гетманъ литовскихъ войскъ Константинъ Ивановичъ Острожскій[6]). Удовлетворяются наемныя войска и пушкари кіевскіе[7]). Но уже для удовлетворенія этихъ нуждъ не хватаетъ наличныхъ средствъ и король принужденъ занимать деньги у членовъ Рады, напр., 100 копъ грошей у старосты жомоитскаго, 100 червоныхъ злотыхъ у п. Ст. Кишки[8]).

Понятно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ среди ежеминутно возрастающихъ денежныхъ затрудненій встрѣтилъ король

[1]) Ак. З. Р. т. II, № 44.
[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 427, а слѣд. passim.
[3]) Ibid. f. 426 (b).
[4]) Ibid. f. 428 (b).
[5]) Ibid. f. 429.
[6]) Ib. f. 430—430 (b), напечатанъ въ А. З. Р. т. II, № 45.
[7]) М. Л. З. VIII, f. 430 (b).
[8]) Ibid. 430 (b).

Аврама Езофовича. Ковенская таможня рѣшительно превратилась въ его рукахъ въ золотое дно! Какое сообщеніе могло быть пріятнѣе той вѣсти, что не только значительные долги казны совершенно погашены, но, что ковенская таможня въ то же время представляетъ свободный источникъ для покрытія поступающихъ со всѣхъ сторонъ требованій. Не было надобности обращаться съ просьбами къ окружающимъ магнатамъ, не было нужды поступаться въ ихъ пользу тѣмъ или другимъ королевскимъ имуществомъ. Вмѣсто ничтожныхъ суммъ, которыми съ трудомъ поступались магнаты, таможня давала въ распоряженіе короля огромныя и совершенно свободныя отъ какихъ бы то ни было обязательствъ суммы. И король Сигизмундъ не замедлилъ обратиться къ этому новому источнику.

Въ началѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ королю Сигизмунду отчетъ во всѣхъ доходахъ, полученныхъ имъ за полтора года съ ковенской соляной таможни, и въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ за то же время по предписанію короля.

Съ ковенской таможни съ 12 іюля 1507 г. по Рождество Христово въ 1508 г. получено 7000 копъ грошей (420,000 руб. нынѣшнихъ). Съ 12 іюля 1507 г. по Рождество 1508 г. уплочено наличными деньгами и различными предметами (вѣроятно, солью, сукномъ и пр.), по королевскимъ предписаніямъ 4,665 копъ и 21 гр. (300,000 руб.). По пріѣздѣ въ Смоленскъ, уплочено по королевскимъ предписаніямъ 977 копъ и 10 гр. (60,000 руб. нынѣшнихъ). По предписанію короля уплочено въ Вильно начальникамъ наемныхъ войскъ („ротмистрамъ“) жалованье сукномъ и бархатомъ. Часть уплатилъ самъ Аврамъ, часть же вручилъ государственному казначею (подскарбію земскому), п. Ѳедку (Хребтовичу) сукномъ, бархатомъ и другими предметами, всего на 2,765 копъ и 7 гр. (170,000 р.). Итого 8,407 копъ и 40 гр. (500,000 р. нынѣшнихъ). Такимъ образомъ уже въ концѣ 1508 г. переборъ за счетъ Аврама Езофовича равнялся 3,595 золотымъ или по тогдашнему курсу 1,957 к. гр. [1]).

[1]) Изъ чего вытекаетъ, что золотой, надо полагать червоный, необыкновенно поднялся въ цѣнѣ, т. е. вмѣсто 22 или максимумъ 30 грошей литовскихъ, дошелъ до 34 грош.

Расходы на войну оказались однако настолько велики, что королю для расчета съ кіевскими и смоленскими наемными войсками („жолнерами") и для вознагражденія королевскихъ дворянъ пришлось взять у Аврама Езофовича еще 3,673 к. и 20 гр., такъ что въ началѣ 1509 г. долгъ короля Сигизмунда Авраму Езофовичу возросъ до 5,630 копъ и 50 грош.[1]). Для скорѣйшаго покрытія этого долга король предоставляетъ Авраму Езофовичу, сверхъ ковенской таможни, еще соляныя и восковыя пошлины въ Полоцкѣ и сборъ восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ, „къ вѣрной руцѣ", т. е. король обязался не требовать доходовъ съ этихъ таможенъ впредь до покрытія Аврамомъ взятыхъ у него денегъ.

Размѣръ поступленія восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ не можетъ быть пока опредѣленъ съ точностью, что же касается восковыхъ и соляныхъ пошлинъ въ Полоцкѣ, то съ 20 января 1507 г. по 20 января 1509 г. въ казну поступило таможенныхъ пошлинъ съ воску около 2,000 копъ и съ соли почти та же сумма[2]). Средній же размѣръ ежегоднаго поступленія пошлинъ на полоцкой таможнѣ простирался до 3,000 копъ гр. Уменьшеніе же пошлинъ въ 1507 и 1508 гг. почти на $^1/_3$ объясняется тѣмъ, что 1508 г. приходится на тревожное время бунта М. Глинскаго и на войну съ московскимъ государемъ.

Не успѣвъ, однако, покрыть въ 1508 г. всѣхъ расходовъ и не желая прибѣгать къ новымъ займамъ, король отдаетъ Авраму Езофовичу 20 января 1509 года на откупъ питейные доходы въ Полоцкѣ съ меда, пива и водки на 3 года за 1,200

---

[1]) М. Л. Зап. VIII,. 104. „На намять Аврамъ повѣдалъ ижъ взялъ съ коморы ковенское соленое отъ дня св. Малгореты (12 іюля), которое было индикта 10 (1507 г), до свята Божого Нароженя, которое было индикта 12 (1509 г.), суммою 7,000 копъ гр.".

[2]) М. Л Зап. VIII, f. 105. За первый годъ (т. е. съ 20 января 1507 г.) выпущено на полоцкой коморѣ за границу воску 14,411 камней (т. е. 10,830 пудовъ), а пошлины получено 1,441 копа гр. За второй годъ выпущено 4,812 камней (3,609 пуд.), пошлины поступило 480 копъ 12 гр. Соли за то же время, т. е. въ 1507 году, отпущено 19,374 „мѣховъ" и съ нихъ получено пошлины 1,291 копа и 10 гр.; а въ 1508 г. съ 10,850 мѣшковъ получено 723 копы и 20 гр., т. е. всего за 2 года получено пошлинъ 3,937 копъ и 14 гр.

копъ гр. Получивъ впередъ 1,046 копъ, король говоритъ: а „если бы, Боже сохрани, случилось какое нападеніе (навольность) на Полоцкъ, и Авраму отъ того случился убытокъ, то это ему не въ убытокъ („ино то ему не въ шкоду“), пот. что король приметъ эти убытки на себя“ [1]). Не ограничиваясь Полоцкомъ, король отдаетъ Авраму Езофовичу того же 20 января 1509 г. сборъ таможенныхъ пошлинъ („мыто“) въ Минскѣ на 3 года за 900 копъ грош., при чемъ Аврамъ Езофовичъ ничего не уплачиваетъ королю впередъ, а обязывается разсчитываться по ассигновкамъ, которыя король будетъ давать „на жалованя“ своимъ „князямъ, и панамъ, и дворянамъ“.

Оставшись въ долгу у Аврама Езофовича на 5,630 копъ и 50 гр., король даетъ ему 11 февраля 1509 г. [2]) грамоту, въ которой, упоминая о причинахъ возникновенія этого долга, предоставляетъ ему со дня выдачи этой грамоты собирать на себя таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и съ воску въ Смоленскѣ.

Съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ тяжелою войною съ московскимъ в. княземъ, мы видимъ, что поступленіе доходовъ и погашеніе долговъ идутъ успѣшно рука объ руку. Въ то же время обращенія короля къ Авраму съ денежными предписаніями сравнительно сокращаются, а выдачи по ассигновкамъ незначительны, такъ что сумма *всѣхъ платежей* наличными деньгами, а также товарами, т. е. сукномъ, бархатомъ, атласомъ и т. п. не превышаетъ въ 1509 г. 1,291 копы грошей [3]).

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 113 (b).

[2]) Ib., f. 108 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 109 (b). То же мы видимъ и изъ расходной книги кор. Сигизмунда за 1509 г. Здѣсь за указанное время встрѣчаются: уплата 244 копъ грош. наличными, 3 постава колтринскаго сукна, стоящіе всего 24 копы гр., 5 поставовъ лунскаго – 100 к. гр., 75 локтей аксамиту на золотѣ, стоившіе 187 копъ гр., 126 локтей адамашки въ 48 копъ гр., 23 локтя сукна лунскаго въ 7 копъ и 40 гр.; 16 локтей махальскаго цѣною въ 1 к. 36 гр. Такъ что общая сумма выдачъ 612 копъ гр. Но сверхъ того Аврамъ Езофовичъ уплатилъ жалованье за полгода кіевскому гарнизону; размѣръ этого жалованья точно неизвѣстенъ, но если мы примемъ во вниманіе, что кіевскій гарнизонъ около 1529 года (М. Л. Зап. III, f. 410) равнялся 500 человѣкъ, при чемъ 300 изъ нихъ составляли постоянный

Въ половинѣ 1509 г. Аврамъ явился въ Краковъ для представленія отчета о движеніи доходовъ со ввѣренныхъ ему источниковъ. Еще до представленія отчета король занялъ у Аврама 350 червоныхъ злотыхъ въ счетъ доходовъ отъ чеканки монеты [1]). Черезъ три недѣли Аврамъ представилъ отчетъ въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ по королевскихъ предписаніямъ съ половины февраля [2]) 1509 г. Расходовъ этихъ оказалось 1,391 копа гр., или 2,782 злотыхъ. Прибавивъ сюда занятые королемъ 350 злотыхъ, мы будемъ имѣть 3,132 злотыхъ, т. е. новый долгъ сверхъ подлежавшаго погашенію изъ доходовъ ковенской, полоцкой и смоленской таможенъ. Вслѣдъ затѣмъ Аврамъ Езофовичъ представилъ дополнительный счетъ объ уплатѣ жалованья смоленскимъ служилымъ людямъ: князьямъ, боярамъ и дворянамъ королевскимъ, всего на 809 копъ гр. И эти 809 копъ гр. присоединены были къ упомянутой выше суммѣ. Такъ, по крайности, должны мы заключить изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня 1509 г. [3]) король заявляетъ, что Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ, изъ котораго оказалось, что со времени выѣзда короля изъ Вильны Аврамъ выдалъ по королевскимъ предписаніямъ 5,000 злотыхъ. Принимая во вниманіе, что 23 іюня того же года Аврамъ Езофовичъ представлялъ счетъ всего на 1,391 копу, или 2,782 злотыхъ, мы не можемъ найти никакого иного объясненія этому различію, какъ сдѣлавъ только что указанное предположеніе, т. е. присоединивъ 809 копъ, или 1,619 злотыхъ къ принятымъ раньше королемъ 3,132 злотымъ,

---

гарнизонъ, и что плата въ годъ солдату равнялась 5 коп. грошей, то мы, какъ кажется, можемъ безъ большой ошибки допустить, что жалованье, уплаченное этому гарнизону Аврамомъ Езофовичемъ за полгода, равнялось 750 копамъ грошей. Сложивъ эту сумму съ указанною выше, мы получимъ 1,362 копы гр., что почти тождественно съ приведенною выше суммою.

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 111, Краковъ. 2 іюня, 1509 г.

[2]) Уже 18 февраля 1509 г. король Сигизмундъ находился въ дорогѣ изъ Вильно въ Польшу, какъ видно изъ акт. кн. Метр. Зап. VIII, f. 431. „Отправа давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопегою, княземъ и паномъ и дворяниномъ, лѣта Бож. нар. 1509, м-ца февр. 18 день, индикта 12, *какъ король е. м. ѣхалъ изъ Литвы до Польши.*

[3]) Док. и Рег. т. I. № 54.

т. образомъ мы получимъ 4,950 злотыхъ,—сумму, весьма близкую къ 5,000 злотыхъ.

Источники, бывшіе въ управленіи Аврама, составляли фондъ для покрытія старыхъ долговъ, т. е. 5,630 копъ гр. Не желая мѣшать этой операціи, король назначаетъ для покрытія новыхъ доходовъ изъ доходовъ ковенской таможни всего 1000 злотыхъ; для покрытія же остальныхъ 4000 король указываетъ другіе источники, а именно: 1000 злотыхъ Аврамъ Езофовичъ долженъ получить отъ виленскихъ „восковничихъ“ т. е. Занка (Станкевича), городничаго вилинскаго и слуги королевскаго Андрея (бывшаго минцаря виленскаго); 1000 злотыхъ долженъ былъ уплатить Авраму братъ его Михель Езофовичъ изъ восковыхъ пошлинъ берестейскихъ, луцкихъ и владимірскихъ, а за 1000 зл. позволено Авраму Езофовичу выпустить за границу безпошлинно соотвѣтственное количество воску. Наконецъ, пятая тысяча назначена изъ доходовъ виленскаго монетнаго двора, который вмѣстѣ съ тѣмъ и переданъ въ управленіе Авраму. Такъ мы заключаемъ изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня [1]) Аврамъ

---

[1]) Док. и рег. т. I, № 55.

Что монетный дворъ поступилъ въ управленіе Аврама Езофовича не ранѣе іюня 1509 г., это подтверждается и слѣдующими соображеніями: виленскій монетный дворъ 9 февраля 1509 г. былъ отданъ въ управленіе краковскому мѣщанину Ульриху Гозію, въ рукахъ котораго *чеканка* монеты находилась до 24 августа 1510 года. Представляя королю отчетъ въ Краковѣ въ декабрѣ 1510 (индиктъ 14), Гозій говоритъ о томъ, что онъ получилъ отъ *подскарбія земскаго Аврама Езофовича* 13,000 гривенъ, которыя и перечеканилъ въ монету. Но Аврамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ только въ концѣ 1509 г. Поэтому мы должны допустить, что монетный дворъ стоялъ цѣлый годъ безъ дѣйствія за отсутствіемъ нужнаго для монеты металла, но это предположеніе едва ли можетъ быть принято въ виду извѣстной состоятельности Гозія. Мало того, мы должны допустить, что вся эта масса серебра въ 13,000 гривенъ обращена въ монету только въ 1510 г., между тѣмъ какъ мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что въ 1509 г. монета чеканилась на виленскомъ монетномъ дворѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ серебряные полугрошики отъ 1509 г. со штемпелемъ W (Вильно). Изъ того, что Аврамъ Езофовичъ получилъ въ свои руки управленіе монетнымъ дворомъ, не слѣдуетъ заключать, будто и чеканка монеты началась только съ этого момента: мы видимъ, что еще ранѣе король приказалъ Ульриху Гозію „бити минцу“, т. е. чеканить монету, но „минца“, монетный дворъ, имѣетъ и болѣе широкое значеніе; мы видимъ, что король не разъ назначаетъ выдачи „изъ минцы“ сукна, бархату, воску и т. д. Поэтому передача управленія монетнымъ дворомъ Авраму Езофовичу

Езофовичъ вноситъ для этого королевскаго монетнаго двора 1000 гривенъ серебра или 5000 злотыхъ, изъ которыхъ должна быть постоянно чеканена монета до тѣхъ поръ, пока управлять монетнымъ дворомъ будетъ Аврамъ Езофовичъ. Такимъ образомъ въ половинѣ 1509 г. король Сигизмундъ все еще оставался долженъ Авраму, старостѣ смоленскому, войту минскому, около 8000 копъ гр., или полмилліона рублей на наши деньги. Аврамъ не только не жалуется на это обстоятельство, не только даетъ для увеличенія оборотовъ монетнаго двора 2500 копъ гр. (150,000 руб.), но еще благодаритъ короля за его „ласку и жалованіе великое“.

Пересматривая расходныя книги короля Сигизмунда за 1506—1509 г., мы всего разъ встрѣчаемъ назначеніе Авраму Езофовичу ничтожной суммы въ 10 копъ грошей[1]). Правда, въ другой разъ мы встрѣчаемъ цѣнный знакъ вниманія короля къ Авраму, а именно женѣ его Ганнѣ (Васильевнѣ) король жалуетъ дорогую кунью шубу („торлопъ куній“) изъ смоленской казны[2]). Вотъ и все, что можетъ быть названо жалованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Слѣдовательно, заявляя о королевскихъ милостяхъ и пожалованіяхъ, Аврамъ имѣетъ въ виду нѣчто иное: Аврамъ не могъ разумѣть пожалованія какою либо должностью, такъ какъ съ титулами старосты смоленскаго и войта минскаго мы встрѣчаемъ его уже въ царствованія Александра. Не могъ Аврамъ подъ этими выраженіями разумѣть и передачи въ управленіе различныхъ источниковъ доходовъ, такъ какъ управленіе этими источниками не дало пока Авраму ничего, кромѣ массы непогашенныхъ долговъ. Слѣдовательно, если

не возлагала на него завѣдыванія самою чеканкою монеты. Чеканка продолжала находиться въ рукахъ Гозія, завѣдываніе же оборотами монетнаго двора перешло въ руки Аврама Езофовича. Подтвержденіе этому предположенію мы имѣемъ и въ томъ обстоятельствѣ, что У. Гозій представляетъ отчетъ о прибыли и расходахъ по чеканкѣ монеты, а равно и самую отчеканенную монету Авраму Езофовичу, а лишь спустя полгода послѣ этого преставляетъ особый краткій отчетъ королю. (М. Л. Зап. VIII, f. 114).

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 103. Справа почалася при Богушѣ Писарѣ, у Смоленску, М., сент., 8 д., инд. 12, на Матки Божее послѣднее день (1508).

[2]) Ibid., f. 443.

подъ именемъ жалованія и можно разумѣть что либо, то развѣ пожалованіе населенными землями.

И дѣйствительно, обращаясь къ актовымъ книгамъ, мы видимъ, что Аврамъ Езофовичъ, кромѣ земель, подтвержденныхъ за нимъ въ 1507 г., получаетъ отъ короля Сигизмунда слѣдующія имѣнія: I) первымъ и самымъ раннимъ пожалованіемъ мы должны считать, по ихъ незначительности, „двѣ пустыя землицы", т. е. распаханныя, но покинутыя хозяевами, поля въ трокскомъ повѣтѣ: Кошеневскую и Бутевщину, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ этими землями владѣлъ прежде п. Александръ Манькгирдовичъ; II) „дворецъ" (хуторъ, фольваркъ) Гринковскій, въ трокскомъ же повѣтѣ. То и другое въ *пожизненное владѣніе* („до его живота" [1]). Оба эти пожалованія нужно принять ранѣе 1509 г. Всего вѣроятнѣе, они случились въ концѣ 1508 г., при представленіи отчета съ ковенской таможни [2]).

Явясь въ 1509 г. съ отчетами въ Краковъ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ (по ходатайству трокскаго воеводы Миколая Миколаевича Радивила) „человѣка одного въ сомилишской волости—Некраша Бутевича и землицу пустовскую брата того же человѣка, Петрашевщину" [3]). Съ Бутевщины шла королю тяглая служба, Петрашевщина же была покинута своимъ хозяиномъ. Король, склоняясь на ходатайства Радивила, даетъ Авраму эти земли въ помѣстье („до нашое воли"). Спустя три недѣли король „за вѣрную старательную, неусыпную службу" Аврама Езофовича обращаетъ пожалованныя ему ранѣе помѣстья, т. е. Гринковскій „дворецъ" и пустыя земли Кошеневскую и Бутевщину въ вотчину: „тотъ дворецъ и пустовщины" говоритъ король, „потвердили симъ Нашимъ листомъ ему (Авраму Езофовичу) и его жонѣ и ихъ дѣтемъ".

Вотъ и все жалованье! Очевидно, Аврамъ Езофовичъ не былъ слишкомъ притязателенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). **С. А. Бершадскій.**

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 303 (b).

[2]) Предположеніе наше основывается на томъ, что предпослѣднимъ владѣльцемъ Гринковскаго двора былъ староста городенскій Янъ Заберезинскій, убитый Глинскимъ въ 1508 г.

[3]) М. Л. Зап., VIII f. 305 (b). Краковъ, іюля 3, инд. 12 (1509 г.).

СЛАВА БОГУ, ДЛЯ НАЧАЛА И ЭТО ХОРОШО!

(Этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа).

I.

Натерпѣвшись и холоду, и голоду въ своей жизни, старый Шлёма стремился доставить своему единственному сынишкѣ Гавѣ въ будущемъ вполнѣ обезпеченное положеніе,—въ этомъ стремленіи помѣшала ему чрезмѣрная любовь къ сыну: любовь заставляла его кусать больше, чѣмъ онъ могъ проглотить, ну и подавился старикъ, оставивъ Гаву безъ крейцера, но съ завѣщаніемъ: „Гава! при всякомъ, даже малѣйшемъ, хорошемъ случаѣ въ твоей жизни всегда повторяй: слава Богу, для начала и это хорошо!

Гавѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Росъ онъ въ деревнѣ, проводя цѣлые дни въ играхъ съ своими сверстниками—деревенскими мальчишками, то на улицѣ, то въ ихъ убогихъ хатахъ, или ловилъ раковъ въ ручейкѣ.

Еще ребенкомъ онъ отличался необыкновеннымъ любопытствомъ, проворствомъ и хитростью; эти качества дали ему возможность знать о жизни мужиковъ болѣе и подробнѣе, чѣмъ десятку мужицкихъ мальчиковъ его возраста.

Послѣ смерти отца, опеку надъ Гавою приняла какая то дальняя родственница,—тетушка или бабушка, жившая въ Дрогобычѣ. Это была старая еврейка, мелкая торговка, кормившая своимъ жалкимъ заработкомъ пять душъ собственныхъ дѣтей, кромѣ которыхъ было у нея еще трое взрослыхъ сыновей, жившихъ на собственныхъ хлѣбахъ, работавшихъ на себя и даже не думавшихъ помогать матери.

Опекунша отдала Гаву „до термину“ учиться сапожному ремеслу, но Гавѣ ремесло это не понравилось. Когда на слѣдующій день по его вступленіи въ мастерскую, подмастерье, отправляя его въ шинокъ, вмѣсто денегъ на шкаликъ далъ ему подзатыльникъ, Гава, огорошенный такимъ страннымъ обычаемъ, вспомнилъ послѣднее завѣщаніе своего отца и вскрикнулъ: „Спасибо! Для начала и это хорошо!“, то „острота“ эта такъ понравилась всѣмъ подмастерьямъ, работавшимъ въ мастерской, что съ того же дня постоянно кто нибудь изъ нихъ дѣлалъ Гавѣ „хорошее начало“ то кулакомъ, то шиломъ, то шпандеромъ. Недѣля, прожитая среди такихъ истязаній, довела несчастнаго мальчика до отчаянія. Онъ ушелъ отъ сапожника и со слезами на глазахъ просилъ свою опекуншу взять его обратно.

— Я и безъ этого заработаю себѣ на хлѣбъ, увѣрялъ онъ ее не безъ гордости.

— Какъ же ты заработаешь, дуракъ, когда ремесла никакого не знаешь? спрашивала та.

— Что же я, гой, что ли, вскрикнулъ Гава, чтобъ не сумѣть прожить и безъ ремесла?

Замѣчаніе это опекуншѣ показалось настолько вѣрнымъ и убѣдительнымъ, что она предоставила Гавѣ полную свободу дѣйствій, объявивъ ему, впрочемъ, что болѣе недѣли кормить его не станетъ и позволитъ ему даромъ спать въ своей комнатѣ.

— Недѣлю даромъ! съ радостью вскрикнулъ Гава, значитъ, все, что я въ эту недѣлю заработаю, будетъ мое! Благодареніе Богу, для начала и это хорошо!

II.

Гава вспомнилъ свою деревенскую жизнь на улицѣ, у ручейка, среди полей, въ лѣсу съ деревенскими мальчиками, эту жизнь привольную, полную игръ, движенія и лѣтняго воздуха; но теперь было ему не до игръ... Среди этихъ воспоминаній онъ хотѣлъ отыскать что нибудь такое, чѣмъ можно было бы теперь воспользоваться. Память ему подсказала.

Проходя ежедневно утромъ по рынку, онъ видалъ тамъ старуху, сидящую возлѣ большой корзины, наполненной живыми раками.

Старуха продавала ихъ „на копы". Гава вспомнилъ, какъ когда то искусно ловилъ онъ этихъ самыхъ раковъ, и сейчасъ же бросился распрашивать жидовъ о выгодности ихъ продажи. Такъ какъ дѣло касалось трефнаго (нечистаго), то жиды ему не отвѣчали. Пришлось обратиться къ старухѣ-торговкѣ. Она оказалась женой мельника изъ Вороблевичъ. Мужъ ея ловилъ раковъ въ городскомъ большомъ прудѣ, но обыкновенно въ городѣ было болѣе охотниковъ до раковъ, чѣмъ товара, почему она охотно согласилась покупать ихъ у Гавы, сколько у него будетъ, и платить ему по 10 крейцеровъ за копу, между тѣмъ какъ ей удавалось ихъ продавать по 15—20 и болѣе крейцеровъ за ту же копу. Гава и этимъ былъ доволенъ. Не теряя времени, сшилъ онъ себѣ длинный и узкій мѣшокъ съ веревкою черезъ плечи и утромъ слѣдующаго дня, захвативъ добрый ломоть хлѣба, поплелся за городъ искать мѣста, гдѣ водились раки. Но въ рѣкѣ, протекающей возлѣ Дрогобыча, ихъ было мало,—имъ вредилъ нефтяный „фузель", стекавшій изъ фабрикъ въ воду и отравлявшій ее.

Пошелъ Гава вверхъ по рѣкѣ и наткнулся на ручеекъ, протекающій отъ деревеньки Дерижицъ среди сѣнокосовъ и возлѣ дубоваго лѣса Тептюжа.

Ручеекъ былъ маловодный, плылъ медленно, но имѣлъ много крутыхъ поворотовъ, глубокихъ и тихихъ омутовъ. Берега его почти сплошь были окаймлены лозой и ольхой, нависшими надъ самой водой и какъ бы полоскавшими въ ней свои корни. Гава даже въ ладоши захлопалъ отъ радости.

— Вѣдь это мѣстечко именно какъ будто созданное для раковъ! вскричалъ онъ.

И дѣйствительно, довольно было бросить одинъ пристальный взглядъ на дно ручейка, чтобы убѣдиться, что раковъ въ немъ видимо невидимо. Мѣстные мужики раковъ не ѣли, почему и водиться имъ тамъ было привольно. Гава готовъ былъ почти броситься на землю и цѣловать эти благословенные берега, которые считалъ уже своимъ владѣніемъ.

Немедленно сбросилъ онъ съ себя все платье, не исключая и рубашки, спряталъ все это за кустикъ, черезъ плечи повѣсилъ свои снасти и вошелъ въ воду. Спокойно, систематически, слегка покряхтывая, началъ онъ шарить руками въ рачьихъ гнѣздахъ, почти изъ

каждаго вытаскивая огромнаго рака, тщетно растопыривавшаго свои клешни, махавшаго длинными щупальцами и таращившаго глаза, какъ будто недоумѣвавшаго, что это за новые порядки начались въ ручьѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ никто не обижалъ ихъ породы.

И часу не прошло, какъ Гава имѣлъ уже копу раковъ.

Спустя еще часъ, мѣшокъ былъ такъ полонъ и тяжелъ, что веревка начала въѣдаться ему въ тѣло. Гава почувствовалъ голодъ и утомленіе; къ тому же онъ отъ воды окоченѣлъ, а трава „ризючка", росшая вдоль береговъ, рѣзала его тѣло.

— Э, довольно на сегодня! сказалъ онъ самъ себѣ и пошелъ отыскивать свою одежду, таща за собою по водѣ мѣшокъ съ раками.

— Благодареніе Богу, говорилъ онъ, одѣваясь, для начала это совсѣмъ не плохо. Считая копу только десять крейцеровъ, получу за нынѣшнюю работу болѣе, чѣмъ двадцать крейцеровъ, а на эту сумму я могу прожить цѣлую недѣлю! Э, великъ нашъ Богъ! Затѣмъ, срѣзавъ и обдѣлавъ себѣ суковатую палку, онъ привязалъ къ одному ея концу мѣшокъ съ раками и, взваливъ его себѣ на плечи, пошелъ до Дрогобыча, жуя по пути сухой хлѣбъ, данный ему теткою на весь нынѣшній день.

До города было вовсе не близко, по меньшей мѣрѣ съ полмили. Для Гавы, поработавшаго въ водѣ и съ ношею на плечахъ, этотъ путь былъ даже очень далекій. Только позднимъ вечеромъ дотащился онъ до жалкой лачуги, въ которой жила его опекунша. Сначала онъ боялся, чтобъ раки не подохли безъ воды, и все время своего путешествія прислушивался къ ихъ тихому шелесту въ мѣшкѣ. Убѣдившись, что шелестъ этотъ не ослабѣваетъ, Гава одушевился. Но тѣмъ не менѣе, когда пришелъ домой и высыпалъ своихъ плѣнниковъ въ кадушку съ свѣжей водой, онъ не безъ сожалѣнія убѣдился, что почти полкопы ихъ передохло. Немногаго недоставало, чтобы Гава не расплакался въ виду такой потери. Ворочаясь на своей жесткой постели съ боку на бокъ, въ эту ночь долго онъ думалъ, какъ бы ему въ будущемъ предохранить себя отъ такого рода потерь. Но выдумать самъ не могъ онъ ничего и заснулъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, чтобы завтра же распросить на этотъ счетъ старуху мельничиху, которой онъ подрядился доставлять свой товаръ.

III.

Раки оказались для Гавы очень важнымъ подспорьемъ въ жизни, но не надолго. Мужики, сѣнокосы которыхъ прилегали къ этому ручейку, встрѣчая его почти каждый день въ водѣ, сначала не обращали на него никакого вниманія, но, разузнавъ, что это еврей, а евреи раковъ не ѣдятъ, додумались до того, что должно быть онъ ловитъ ихъ для продажи, и запретили ему эту охоту. Нѣсколько разъ Гава пробовалъ ходить украдкой на ловлю, но, когда разъ мужики, поймавъ его, поколотили, отняли раковъ и еще хотѣли ободрать, то онъ пришелъ къ убѣжденію, что заработокъ его конченъ. Къ тому же появились опасные для него конкурренты. Мужики, видя, что этихъ презрѣнныхъ для нихъ до сихъ поръ раковъ можно превращать въ деньги, бросились сами ловить ихъ, посылая въ ручеекъ цѣлыя толпы своихъ дѣтей. День деньской притаскивали въ городъ цѣлые большіе мѣшки раковъ, такъ что вскорѣ ручеекъ совершенно опустѣлъ, и въ немъ осталась только мелюзга, вовсе не годная къ продажѣ.

Горько плакалъ Гава, не столько отъ побоевъ, сколько отъ этого перваго своего разочарованія, проклиналъ мужиковъ, пропитывался ненавистью къ нимъ, сознавая, впрочемъ, что противъ силы ничего не подѣлаешь. Другаго такого ручья вблизи не было. Оставался только одинъ исходъ – искать какого нибудь другаго заработка.

— Отчего это ты шатаешься такъ безъ всякаго дѣла, Гава?! спросилъ его разъ старый Фавель.

— Что же я буду дѣлать? сказалъ Гава.

— Тебѣ нечего дѣлать? удивился Фавель.—Это плохо, ежели не знаешь, что дѣлать. Жидъ всегда долженъ имѣть, что дѣлать.

Гава разсказалъ ему о своемъ горѣ съ раками.

— Дуракъ ты, Гава, замѣтилъ ему Фавель.—Не жидовское это дѣло ловить трефныхъ раковъ.

— Но деньги за нихъ не трефныя, возразилъ Гава.—Я прожилъ на нихъ слишкомъ два мѣсяца, и еще успѣлъ сберечь цѣлыхъ два гульдена.

— Цѣлыхъ два гульдена! вскрикнулъ Фавель.—Э, такъ ты богачъ! Послушай, Гава, сказалъ онъ, подумавъ немного, пойдемъ со мной по деревнямъ на заработки...

— Какой же у васъ заработокъ?

— Ты не знаешь, какой у меня заработокъ?—„Щетыны, кожушыны, волосыны“,—вотъ что я покупаю. И ты будешь со мною въ компаніи. Придемъ въ село, ты возьмешь одну его сторону, я возьму другую; ты будешь покупать на свой счетъ, а я на свой...

— Ну, а когда накупимъ, что тогда?

— Я тебя научу, что тогда дѣлать, кому и какъ продавать.

— Э, а ежели это плохой гешефтъ?

— Не бойся, дуракъ! Старый Фавель не дастъ тебѣ худаго совѣта и обманывать тебя не станетъ. Я вижу, что ты, хотя малъ, но ловкій парень, и думаю, что тебѣ же лучше заработать что нибудь, чѣмъ здѣсь по городу топтать мостовую. Пойдемъ!

— Скажите прежде, сколько вы можете въ недѣлю этакъ заработать?

— Какъ случится, Гава. Можно заработать гульденъ, а можно и десять, не считая харчей.

Глаза Гавы блеснули дикимъ огнемъ, когда онъ услышалъ о возможности заработать въ недѣлю десять гульденовъ. Какія ужасныя деньги! Нерѣшительность его пропала сразу.

— Хорошо, рѣшилъ онъ, пойду съ вами! Когда пойдемъ?

— Завтра.

— Хорошо, пойду завтра. Только знаете что, ребъ Фавель? Въ воскресеніе мы должны будемъ быть здѣсь опять...

— Я возвращаюсь обыкновенно въ пятницу, а иногда бываю въ городѣ два раза въ недѣлю.

— А въ понедѣльникъ мы должны оставаться въ городѣ.

— Для чего же это?

— Для того, что я въ понедѣльникъ здѣсь придумалъ еще одинъ гешефтъ...

— Вотъ ка-а-а-къ! протяжно сказалъ Фавель, бросивъ на Гаву полный удивленія къ его энергіи, пристальный взглядъ.

IV.

Всю недѣлю проходилъ Гава съ Фавелемъ по деревнямъ, выкрикивая подъ окнами хатъ: „щетыны, кожушыны, волосыны“! Защищался онъ отъ деревенскихъ собакъ толстой палкой, торговался съ

мужиками, какъ старый, привычный къ этому торгашъ, и съ завистью поглядывалъ на мужицкихъ дѣтей, свободно играющихъ на вольномъ просторѣ. Время тогда было рабочее, торговля шла вяло, и оба они съ очень скромной добычей возвратились въ пятницу вечеромъ въ Дорогобычъ. Свиную шерсть занесъ Гава къ щетиннику и продалъ ее хорошо, прочій же товаръ купилъ у него самъ Фавель; весь недѣльный заработокъ за вычетомъ прокормленія не далъ даже гульдена. Гава покривился.

— Не бойся, дуракъ! сказалъ Фавель. — Чего же ты хотѣлъ? Теперь лѣто, полевыя работы, а наша торговля только зимой развертывается. Зимой мужикъ свиней рѣжетъ, тогда и шерсти у него довольно, иногда же и шкурку изъ куницы, барсука или зайца за самую ничтожную цѣну удается купить, — вотъ тебѣ и гешефтъ! Но Гава уже не слушалъ. Для него это было будущее, онъ же заботился о настоящемъ. На завтра, хотя это былъ шабашъ, онъ пошелъ на спичечный заводъ и купилъ оптомъ за гульденъ спичекъ и отдѣльно спичечныхъ коробочекъ. Немедленно, несмотря на праздникъ и брань своей опекунши, уважавшей обычаи шабаша, принялся онъ наполнять пустыя коробочки спичками, уравнивая на ихъ счетъ полныя. Работалъ онъ не спѣша, съ разсчетомъ, и къ вечеру воскресенья имѣлъ уже полныхъ 150 коробочекъ, вмѣсто купленныхъ 100, по крейцеру каждая.

Наступилъ понедѣльникъ, базарный день въ Дорогобычѣ. Гава захватилъ свои спички, бросился на базарную площадь, уставленную мужицкими возами, и выкрикивалъ изо всей силы:

— Сирныки свижи, сирныки!

Для площади это была новинка, почему вскорѣ окружили его и бабы, и мужики. Хотя невдалекѣ на „пидсинню“ было много лавочекъ со спичками и всякою нужною въ хозяйственномъ обиходѣ мелочью, но все таки товаръ его шелъ на расхватъ. Одинъ не хотѣлъ уходить отъ воза, изъ боязни, чтобы кто нибудь чего не стащилъ; другой покупалъ потому, что на „пидсинню“ большая давка, здѣсь же и выбрать, и разсмотрѣть удобнѣй; третій покупалъ просто потому, что другіе покупаютъ. Къ вечеру Гава распродалъ всѣ свои спички и заработалъ 50 крейцеровъ на гульденъ.

— Ну, слава Богу, сказалъ онъ, — для начала это даже очень хорошо!

Съ этихъ поръ торговля его распалась на двое. Всю недѣлю ходилъ онъ съ Фавелемъ по селамъ, покупая щетину и шкурки, а въ понедѣльники бѣгалъ по базару со спичками. Со временемъ эта базарная торговля его распространилась сама собой.

— А не маешъ ты батогивъ, жыдыку? спросилъ Гаву разъ мужикъ, которому онъ предлагалъ свои спички.

— Батогивъ? переспросилъ Гава.—На що батогивъ? Ему казалось, что мужикъ потѣшается надъ нимъ.

— Якъ то на що? На продажъ. Купывъ бымъ, а не хоче ми ся йты на пидсиння.

— А видкы я маю маты батогы?

— Якъ то видкы? Жыдъ усе повиненъ маты.

Эти слова Гава твердо запомнилъ.

— Знаете шо, нанашку [1])? сказалъ онъ, подумавъ немного. Зачекайте хвылыну, заразъ вамъ будуть батогы.

И онъ мигомъ побѣжалъ на „пидсинне" и купилъ съ полдюжины батоговъ на выборъ, конопляныхъ и ременныхъ. Продалъ ихъ въ этотъ день безъ прибыли, потому что не могъ брать дороже, чѣмъ брали на „пидсинни", а и тамъ не хотѣли ему продать дешевле, чѣмъ остальнымъ. Но въ головѣ бойкаго мальчика уже созрѣла мысль—докопаться до источника, изъ котораго продавцы на „пидсинни" получали эти батоги, а съ ними и свои барыши, и тамъ продѣлать такой же гешефтъ, какъ и со спичками, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

V.

Прошла зима, прошелъ и цѣлый годъ среди такой работы. Гава не жалѣлъ ни ногъ, ни рукъ, ни глотки, но и заработывалъ такъ, что даже не одинъ еврей и постарше его ему завидовалъ. Между тѣмъ этотъ заработокъ уже не удовлетворялъ его; болѣе всего злила Гаву конкурренція, которая какъ будто шла за нимъ по пятамъ. Теперь уже всякій понедѣльникъ множество маленькихъ жиденятъ разбѣгалось по городу со спичками, батогами, мазью для телегъ и всякою мелочью; заработокъ оскудѣвалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обманъ,

[1]) Нанашко—въ подгорскомъ нарѣчіи крестный отецъ. *Авт.*

почти грабежъ, дѣлался все наглѣе и наглѣе, что отибвало и покупателей. Гава долженъ былъ искать новыхъ доходныхъ статей.

Съ давнихъ поръ обращалъ на себя его вниманіе старикъ въ старосвѣтскомъ мѣщанскомъ уборѣ, какой носятъ еще кой гдѣ въ малыхъ, глухихъ городишкахъ. Всякій понедѣльникъ онъ являлся на базаръ съ чепцами, бѣлыми и зелеными, очень красивой домашней работы. Носилъ онъ палку съ колокольчикомъ, прикрѣпленнымъ на верхнемъ ея концѣ, среди разноцвѣтныхъ лентъ; нѣсколько ниже на деревяныхъ гвоздяхъ, вбитыхъ въ палку, понавѣситъ, бывало, старичекъ на зеленыхъ веревочкахъ эти чепцы и идетъ по тротуару, что кругомъ рынка, держа палку, поднятую высоко надъ толпой людскихъ головъ и встряхивая ею отъ времени до времени, но никому не говоря ни слова. Были у него покупщики, но мало. Старикъ былъ очевидно меланхолически настроенъ, до разговоровъ не охотникъ и не любилъ торговаться. Первое его слово было всегда и послѣдней цѣной его товара.

— А шо, матуню, спросилъ однажды Гава у какой то женщины, которая только что купила чепецъ у этого человѣка, совсѣмъ не торгуясь,—добри чепци той чоловикъ продае?

— Хто, Старомиськый? О, нема надъ его чепци. Оденъ на десять литъ выстане. Я се для невисткы купыла. Не першый разъ у него беру, и цина у него все однакова.

— А чому жъ у нёго такъ мало купують?

— Або я знаю? Бо не жыдъ. До жыдивъ уси йдуть и беруть послидне дранте, та ще й наторгуватыся мусять до сёмого поту, закы за таку саму цину дистануть.

Гава скоро рѣшился и подошелъ къ мѣщанину.

— Щасты вамъ, пане Старомиськый! сказалъ онъ, кланяясь.

Старикъ удивленными глазами взглянулъ изъ подъ нависшихъ бровей на жалкаго, ободраннаго жидка, здоровавшагося съ нимъ, какъ будто съ старымъ знакомымъ.

— Тьфу на твого батька клапчастого, говорилъ онъ, отплевываясь, а ты видкиля мене знаешъ?

— Ны, пане Старомыськый, хто бы васъ не знавъ. Васъ, Богу дякуваты, вси знають. А по чому чипчыкы продаете?

— По двадцить новыхъ, або шо?

— Бо я бы хотивъ у васъ купыты.

— Агу, а тоби на що? Чы для матеры твоеи лысои?

— Для матеры, або й не для матеры, а вамъ шо до того? Килько ихъ ту маете?

— Ще висимъ, або що?

— Ны, яки жъ бо вы! Висимъ по двадцить новыхъ, то шиснацить шистокъ. А шо спустыте, якъ уси визьму?

— Тю на твою голову паршыву! А на що тоби всихъ?

— Шо спустыте, якъ уси визьму? настаивалъ Гава, улыбаясь.

— Та видчепысь ты видъ мене! закричалъ Старомиській.—Я не твий дурень, щобы ты соби зъ мене кпы робывъ.

— Ны, ны, хочете дванацять шистокъ? Ни? Отъ вамъ трынацять за вси наразъ, готовыми гришмы. Чого вамъ треба? Маете волочытыся зъ нымы ще тры понедилкы, то чы не липше вамъ видразу готови гроши взяты?

Старикъ, не довѣряя происходящему, задумался. Такой продажи ему еще не случалось дѣлать. Въ семьѣ его держался этотъ промыселъ съ незапамятныхъ временъ какимъ то особеннымъ, старосвѣтскимъ обычаемъ. Дѣдъ его и отецъ, люди довольно зажиточные, занимались этимъ промысломъ только иногда, между дѣломъ, плели чепцы „на обсталюнокъ“ и никогда ихъ не носили въ городъ продавать, у него же вышло нѣсколько иначе. Раздѣливъ предковскую землю между своими двумя сыновьями, зажившими всякій про себя хозяинами, хотя довольно бѣдными, старикъ Стромійскій со старухой остались въ своемъ старомъ гнѣздѣ, да еще и не сами; у нихъ было еще три дочери, здоровыхъ, хорошо сложенныхъ и миловидныхъ: у всѣхъ у трехъ ноги были совсѣмъ неразвиты и безсильны, такъ что онѣ только съ большимъ трудомъ и медленно могли передвигаться съ мѣста на мѣсто. Эти бѣдныя обиженныя созданія какъ будто нарочно были предназначены для усидчиваго труда, какой дѣйствительно и выпалъ имъ на долю. Хорошія швеи, онѣ своимъ трудомъ зарабатывали не только на свое собственное пропитаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживали своихъ родителей. Въ минуты отдыха онѣ плели тоже чепцы, помогая въ томъ отцу, мать же ихъ работала или въ маленькомъ огородчикѣ, что возлѣ хаты, или возилась съ коровой и др. домашней живностью. Когда же чепцовъ

набиралось готовыхъ нѣсколько паръ, отецъ отправлялся съ ними въ ближайшіе города, ходилъ съ одного базара на другой, выручая съ продажи, за вычетомъ собственныхъ издержекъ, деньги, рѣдко превышавшія 20 или 30 крейцеровъ. Рѣдко удавалось ему распродать весь вынесенный на базаръ товаръ, а теперь ни съ сего, ни съ того какой то дрянный жиденокъ покупаетъ все сразу!

— Давай чотырнадцять! сказалъ онъ.

— Ны, дай Боже добрый початокъ! сказалъ Гава и отсчиталъ деньги. Але давайте все, зъ лискою.

— А лискы тоби на що?

— На щастя!

— Тьфу на твою голову! Беры й лиску, тильки за дзвинокъ десять крейцеривъ верны.

— Знаете, що? сказалъ Гава. Заждить вы ту въ шынку, я вамъ лиску заразъ прынесу. Я тильки такъ, въ позыку еи визьму.

— Ну, добре, пробормоталъ Старомійскій и отправился въ шинокъ, чтобъ выпить стаканъ пива послѣ такой удачной продажи. Одурывъ мене, проклятый жыдъ! бормоталъ онъ самъ про себя, сидя за столомъ. И чипци за собачи грошы купывъ, и ще й лиска вразъ изъ дзвинкомъ пропаде.

Но бормоталъ онъ это неувѣренно, такъ только, чтобъ времени не терять, потому что на самомъ дѣлѣ былъ доволенъ продажей, а палки нечего было жалѣть,—палка была обыкновенная, изъ дикаго орѣшника, и колокольчикъ не особенный, маленькій...

Между тѣмъ Гава, получивъ въ свои руки чепцы съ палкой, мигомъ очутился на базарѣ сначала между возами, потомъ бросился на базарныя площади и наконецъ по „пидсинням“ и вездѣ надѣлалъ такого шуму, восхваляя свой товаръ, что народъ началъ стекаться вокругъ него, какъ будто онъ привелъ медвѣдей. Не прошло и полчаса, и Гава распродалъ чепцы не по 20, а по 25 крейцеровъ.

— Доброго вамъ здоровля, пане Старомійськый!—съ такимъ возгласомъ влетѣлъ онъ въ шинокъ. Отъ вамъ ваша лиска!

— А чипци де? спросилъ Старомійскій.

— Якъ то де? Занисъ до дому. Знаете що, може выпъете ще склянку пыва?

— Та выпыты бъ то чоловикъ выпывъ, але грошей дасть Бигъ. Треба ще нытокъ на нови чепци купыты.

— Ны, выпыйте за мои гроши. А я вамъ за той часъ буду шось казати.

— Тьфу на твого батька запливомизького! Чы помана якась учепылась мене ныни зъ тымъ жыдюгою? бормоталъ Старомійскій, но улыбался на этотъ разъ совсѣмъ ужъ добродушно, покуда Гава заказывалъ пиво.—Ну, що жъ тамъ таке маешъ мини казаты? Кажы!

— Хотивъ я васъ запытаты, чы багато вы такыхъ чипцивъ на тыждень можете зробыты?

— Якъ до потребы. Звычайно, робымо десять. Але якъ бы тилько нытки, то мы моглы бы зробыты й сорокъ, и пятьдесять. Можна бы вси тры дочкы до роботы засадыты, ще й стару до помочы. Тилько бида, що мало продаемо, то на якого чорта ихъ и робыты такъ много?

— Знаете шо, зробить вы для мене на другый понедилокъ пятьдесять! Я видъ васъ уси куплю. По 15 крейцеровъ за кождый.

— Эге—ге, дешево бъ ты хотивъ!

— Ны, але жъ я беру вси наразъ, то таможъ шось значыть. Не потребуете по ярмаркахъ волочытысь. Ничого васъ те не обходыть, чы буде добрый торгъ, чы ни—вы маете свое. А я ще чы продамъ, чы не продамъ, то тилько Богъ знае.

— Ну, вже бо то ты та не продавъ! Твій предокъ Юда Скарыотськый и Хрыста продавъ, а ты бъ чипца не продавъ! Ни, серденько, дай по висимнадцять за чепець, та й згода.

— Але жъ змылуйтеся, пане Старомійськый! взмолился Гава,— сами бачыте, я бидный жыдокъ, самъ неразъ не маю, що исты, а вамъ заробокъ даю. Ны, нехай буде по шиснадцять! Колы хочете, то й завдатокъ вамъ дамъ, щобы сте малы за шо нытокъ накупыты. А знаете шо, робить по половыни,—половыну чипцивъ билыхъ, а половину зеленыхъ, бо въ де якыхъ селахъ носять били, а зеленыхъ не купують.

— Колы жъ бо зелена нытка мицнійша, отвѣчалъ простодушно Старомійскій.

— Вотъ старый дуракъ! подумалъ Гава. Когда бъ я зналъ, что тѣ крѣпче, а эти слабѣе, то не дѣлалъ бы и не продавалъ бы

крѣпкихъ совсѣмъ. Вѣдь это мнѣ же убытокъ. Развѣ эта баба не говорила, что одинъ чепецъ десять лѣтъ носитъ? А это значитъ, что въ эти десять лѣтъ другаго не купитъ. Тьфу на такую глупую голову!

И добавилъ вслухъ громко.

— Вы вже про те не дбайте, котри мицнійши, а котри слабши, а робить такъ, якъ я васъ прошу. Я знаю, шо ваша робота добра, побачу, якъ пиде розпродажъ. А якъ пиде добре, то мы зъ вамы зробымо таку згоду, що вы будете соби помаленьку плесты и гроши загрибаты, а я буду розпродуваты. Вы позбудетеся клопоту, а може шо й для мене капне.

— Чы ще бы такому шпекулянтови не капнуло! молвилъ Старомійскій и потрепалъ Гаву по плечу. Тебе певно маты въ сами кучкы вродыла та й ще въ слотави, и пидъ самымъ оканомъ поклала, то вже тамъ на тебе добре накапало, не бійся!

Ударили по рукамъ, и Гава немедленно далъ Старомійскому въ видѣ задатка тотъ самый гульденъ, который только что заработалъ на его чепцахъ. Въ слѣдующій же понедѣльникъ, получивъ цѣлую полсотню чепцовъ, онъ ихъ на базарѣ болѣе не продавалъ, а отправился съ ними по селамъ, и тамъ то продавалъ ихъ, то обмѣнивалъ, давая въ придачу и свой товаръ, и рѣдко изъ какой хаты не выходилъ съ хорошимъ барышемъ.

VI.

— Ну, диты! воскликнулъ Старомійскій, входя въ свою убогую избу,—тиштесь, давъ намъ Богъ щасте!

— Богу дякуваты! отвѣтила Старомійская, старая, покрытая морщинами женщина! Богу дякуваты! А яке щасте?

Старомійскій, не говоря ни слова, вытащилъ изъ своей кожаной сумы нѣсколько большихъ свитковъ полушелковыхъ нитокъ, затѣмъ нѣсколько локтей разноцвѣтныхъ лентъ и блестящихъ стеклянныхъ бусъ—для „дѣтей“.

— На, маете! воскликнулъ онъ торжественно, раскладывая всѣ эти сокровища на столѣ. Мать и „дѣти“ только глаза вытаращили.

— А то що? А то видки? спросили въ одинъ голосъ всѣ три дѣвушки.

— Ага, видки? Видъ жыда.

— Ну, знаемо, що не видъ вовка. Але за яки гроши?

— За жыдивськи.

— Та бо говоры на розумъ! перебила старуха. Де чипци?

— Продани вси до 'дного. И не досыть на тимъ. На другый понедилокъ мае буты готовыхъ ще пятьдесять штукъ, и мусыть буты готовыхъ, абы ту незнать що. Я вже завдатокъ взявъ, цилого рымського.

— Пятьдесять штукъ! вскрикнули всѣ четыре женщины.—А то для кого стилько чипцивъ потрибно?

— Певно десь циле село дивчатъ наразъ замужъ иде, шутила старшая дочь.

Старомійскій разсказалъ свое приключеніе съ жидкомъ въ Дрогобычѣ.

— Эй, старый! Задумчиво произнесла Старомійская, вважай тилько, щобъ тебе той жыдокъ въ дурни не пошывъ!

— Якъ мене мае пошыты? воскликнулъ Старомійскій. Я його можу пошыты, бо—мъ узявъ видъ нёго рымського завдатку. А винъ що мини може зробыты?

— Може взяты чепци и не заплатыты.

— Го—го, на таку полову мене не зловыть! Положы гроши, то й беры товаръ, така въ мене встанова.

— Але жъ ты не знаешъ, хто винъ и що винъ, то якъ же жъ можешъ заходыты зъ нымъ у дило?

— А мини що до того, хто винъ и що винъ! Нехай тилько роботу дае и гроши платыть! А тамъ нехай буде соби й чортъ лысый, щобъ тилько мы чесно свое дило зробылы.

— Бійся Бога, чоловиче, що се ты выговорюешъ! воскликнула старуха, набожно крестясь, и уже болѣе на счетъ жида не дѣлала никакихъ замѣчаній.

Немедленно вся семья Старомійскихъ принялась за станки. Всю недѣлю, какъ на машинѣ, шла работа. Всѣ сидѣли, не разгибая спинъ, не досыпая ночей, едва поспѣвая отдохнуть нѣсколько минутъ и то во время обѣда и ужина.

Единственнымъ развлеченіемъ бѣдныхъ дѣвушекъ при этой однообразной и скучной работѣ служили пѣсни. Онѣ пѣли безъ умолку,

изливая въ пѣсняхъ свою наболѣвшую душу. Тутъ слышалось сожалѣніе о невозможности наслаждаться въ юности жизнью, о невозможности вращаться въ этомъ бушующемъ и блестящемъ водоворотѣ, который шумно проносился мимо нихъ и изъ котораго онѣ, какъ имъ казалось, навсегда были исключены, подобно вѣткѣ, занесенной бурею далеко въ море и выброшенной затѣмъ водоворотомъ на сухой и каменистый берегъ.

Старый же отецъ подъ звуки ихъ пѣсенъ, какъ дитя, строилъ розовые планы.

— Не бійтеся, дíты! говорилъ онъ. Якось то Бигъ дасть, буде колысь и на нашій улыци празныкъ. Пождить лышень! Сего тыжня заробымо висимъ рымськыхъ, другого тыжня висимъ, що—тыжня висимъ—Сусе Хрысте! Килько жъ то за рикъ буде! Пятьдесять тыжнивъ по висимъ рымськыхъ—то жъ то цилы чотыры соткы. А намъ же пры тимъ, що маемо, на ввесь рикъ на жыте и вси потребы й одной соткы ажъ занадто буде. То тры соткы будемо моглы готовымы до скрыни зложыты—розуміете, що то значыть?

— Э, чы дасть то ще Богъ нашому теляти вовка спіймати! задумчиво произнесла Старомійская.—Лишe бы то, старый, рахуваты те, що въ рукахъ маешъ, а не те, що ще въ жыдивськiй кышени сыдыть.

— Мовчы, стара! Не зъ тобою говорять! воскликнулъ онъ съ комической строгостью.—Я ту хотивъ нашій Марынци щось сказаты про одного такого пройдысвита, що то называеся Андрусь Тыхый.

— О, также щось! воскликнула старшая дочь, покраснѣвъ до корней волосъ.—Що винъ вамъ за пройдысвитъ такый удався?

— О, выдышъ, якъ за нымъ обстае! шутилъ Старомійскій. А чымъ же не пройдысвитъ, колы покынувъ ридну оселю и десь ажъ за десяту межу забигъ, до Добромыля, доли шукаты? А якъ забигъ, то вже й николы не навидаеся.

— Та до кого ему ту навидуватыся? живо возразила Марынця, низко, низко склонивъ краснѣющее лицо надъ столикомъ и работая съ удвоенною, нервною скоростью.

— Ни до кого навидуватыся! воскликнулъ съ комическимъ сожалѣніемъ отецъ. Не вже такы ни до кого? Нихто его не дожыдае? Нихто про его не згадуе? Марынцю, а?

Вмѣсто отвѣта на эту шутку горячія слезы крупными каплями покатились на зеленую шелковую ткань.

— Бийся Бога, Марынцю! воскликнулъ съ испугомъ отецъ,—ты плачешъ? Цыть, дытыно моя! Я жъ не хотивъ тоби ничымъ докорыты. Протывно, я хотивъ тоби сказаты добру новыну.

Дѣвушка подняла на него свои большіе, еще блестящіе отъ слезъ глаза.

— Яку тамъ новыну?

— А таку новыну, що твий Андрусь добру службу найшовъ. Оноди я здыбавъ его въ Добромыли. Каже: служу у попивъ, у Васылянъ. И добре платять, ще й збоку де що заробыты можна. За пивъ року, каже, ждить мене въ своий хати! Розумиешъ, що се значыть?

Марынця поняла прекрасно, но не отвѣчала ни слова, только щеки ея зардѣлись густымъ румянцемъ и въ глазахъ заигралъ веселый огонекъ.

Этотъ Андрусь, о которомъ шла рѣчь, былъ убогій сирота—батракъ. Служа у хозяина, ближайшаго сосѣда Старомійскихъ, онъ очень часто заглядывалъ въ эту ветхую, покосившуюся, но все таки опрятную и какъ то особенно привѣтливую для него хату. Вскорѣ отецъ съ матерью подмѣтили, что большіе глаза и тихіе, задушевныя рѣчи старшей ихъ дочери Марынци дѣлали для Андруся ихъ хату еще привѣтливѣе и теплѣе. Марынця, несмотря на свои недоразвитыя ноги, была красивой дѣвушкой. Ея физическій недостатокъ и сидячая жизнь придали ея характеру особенную сосредоточенность, мягкость и вдумчивость; жизнь еще не успѣла выработать въ ней того озлобленія, которое бываетъ самымъ печальнымъ удѣломъ всѣхъ обиженныхъ природой. Андрусь часто бывалъ у Старомійскихъ, помогалъ иногда старухѣ въ ея занятіяхъ по хозяйству и когда окончился срокъ его службы, то между нимъ и Марынцей все дѣло ихъ будущей жизни втихомолку было обдумано и улажено. У Андруся былъ небольшой участокъ собственной, батьковской земли, „батькивщына", на которомъ при нуждѣ можно было, съ грѣхомъ пополамъ хозяйничая, хлѣбъ ѣсть, но Андрусь не прельщался этимъ. Ему не хотѣлось быть плохимъ хозяиномъ, на мелкомъ участкѣ.

— Що я буду на такому клаптыку робыты? толковалъ онъ Марынци;—ни я господаръ, ни я жебракъ. Лише я ось що зроблю:

мини ще два рокы чекаты, покы видъ рекруччыны буду вильный и женытыся зможу. Такъ отъ я ще ти два рокы послужу добрымъ людямъ, а землю за той часъ у оренду виддамъ, якъ и доси. А якъ не визьмуть мене до вийська, тоди землю оту продамъ, доложу де що зъ того, що заслужу, куплю добрый визъ, пару коней и визьмуся до зарибку, до фирманкы. Теперъ, чуты, мають по пры наши миста колею зелизну весты, то заробокъ пры ній дуже добрый бувае. Пры будови песокъ, каминне, дерево и всяку всячыну довозыты, а й потому до машыны то збиже, то дерево, то що разъ на разъ довозыты треба. Я се дило знаю, въ Перемышли тры рокы пры такій роботи бувъ и добре до всего прыдывывся.

Уходя изъ Стараго Мѣста, Андрусь объяснилъ родителямъ Марынци свое желаніе жениться на ней и разсказалъ имъ свои планы на будущее. Предложеніе его было принято стариками, такъ какъ его знали, какъ хорошаго работника и добраго, смирнаго „дытыну“.

Марынця дожидала его съ тоской, силу которой и постоянность можетъ понять только узникъ или больной. Новый заработокъ, такъ неожиданно и въ такомъ значительномъ размѣрѣ доставленный имъ Гавою, усилилъ надежду тою мыслью, что и она своимъ трудомъ тоже будетъ въ состояніи помочь осуществленію своей завѣтной мечты и обезпеченію благосостоянія семьи. Бѣдная дѣвушка всякое утро и всякій вечеръ молилась Богу о своемъ неизвѣстномъ, но великодушномъ благотворителѣ. Молилась о немъ и вся семья Старомійскихъ. Молодой, здоровый и къ тяжелому труду способный мужчина былъ крайне необходимъ въ этой хатѣ, населенной старыми и недужными, онъ внушилъ бы всѣмъ новую жизнь, новыя надежды. Младшія сестры съ самаго начала сближенія Андруся съ Марынцею радовались будущему счастью своей сестры, считая его какъ будто задаткомъ своего собственнаго счастья. Чепцы поспѣвали подъ ихъ пальцами и сходили со станковъ съ неимовѣрной быстротой. Головамъ, которымъ когда то суждено носить ихъ, навѣрное никогда даже во снѣ не явятся эти тихія, радужныя надежды, мечты, опасенья и молитвы, которыми сопровождалось ихъ плетеніе изъ тонкихъ нитокъ, всякій узелокъ, всякое мастерски связанное „очко“. Даже старуха Старомійская подъ вліяніемъ всеобщаго подъема чувствъ какъ будто помолодѣла и выпрямила нѣсколько свой сгорбленный станъ.

VII.

Прошла недѣля,—все шло, какъ нельзя лучше. Чепцы были готовы. Старомійскій вручилъ ихъ Гавѣ, получилъ деньги, получилъ заказъ на новыхъ пятьдесятъ чепцовъ и задатокъ на матеріалъ и въ очень радостномъ настроеніи вернулся домой. Работа закипѣла вновь.

Въ слѣдующее воскресеніе къ нему явились неожиданные гости. Самъ благодѣтель ихъ Гава появился въ ихъ хатѣ. Увидя жалкаго, оборваннаго и запыленнаго жидка, Старомійская хотѣла дать ему ломоть хлѣба, думая, что это попрошайка, но въ эту самую минуту мужъ ея узналъ Гаву, вскочилъ съ постели, на которой отдыхалъ послѣ обѣда, и обнялъ Гаву, какъ сына.

— То ты, Гаво? А ты що ту робышъ?

— А що маю робыты? Прыхожу васъ видвидаты. Маю ту гешефты, то й думаю: давай, зайду за однымъ заходомъ и до Старомійського.

— Маешъ ту гешефты? Ту, въ Старимъ Мисти? А яки жъ ты ту зъ Дрогобыча можешъ маты гешефты?

Гава улыбнулся.

— Отъ такъ соби! отвѣчалъ, наклоняя голову,—наши, жыдивськи гешефты. Ны, а чипци готови?

— А якъ же? Готови и спаковани. Власне мавъ я по полудни зъ нымы до городу рушаты.

— Ну, то не потребуете рушаты, я соби самъ заберу.

— А якъ же йде розпродажъ?

— Отъ яко-тако, небрежно отвѣчалъ Гава.—Клопочу багато, а пожытку мало.

— Хто бы тамъ тоби вирывъ! А въ тимъ що жъ, ты молодый, то й поклопотатыся тоби не завадыть.

Гава недолго разговаривалъ съ Старомійскимъ, но все время тщательно присматривался къ его хатѣ и домашней семейной обстановкѣ, взялъ чепцы, уплативъ за нихъ деньги, заказалъ новую партію на слѣдующій понедѣльникъ и просилъ Старомійскаго принести ихъ ему въ Самборъ. Старомійская смотрѣла на все это и не могла отъ удивленія придти въ себя; когда же Гава объявилъ, что долженъ уходить, она изъявила ему благодарность всей семьи тѣмъ, что дала ему на дорогу шесть свареныхъ яицъ, которыя Гава принялъ съ нескрываемой радостью.

Гава не безъ умысла предпринялъ это недалекое путешествіе изъ Дрогобыча въ Старое Мѣсто. Проходя изъ деревни въ деревню, торговалъ онъ чепцами, лентами, бусами, покупалъ шерсть, шкурки куницъ, зайцевъ и выдръ, присматривался и разспрашивалъ, гдѣ и какими промыслами мужики занимаются, и все это укладывалъ въ своей памяти, какъ въ шкатулку, изъ которой при обстоятельствахъ можно и должно будетъ извлекать хорошія деньги.

Особенно же на этотъ разъ хотѣлъ онъ присмотрѣться къ домашней жизни Старомійскаго, развѣдать о его обстоятельствахъ семейныхъ и имущественныхъ и соотвѣтственно найденному имъ устроиться такъ, чтобы эту золотую нить ни подъ какимъ видомъ не упустить изъ своихъ рукъ. Старый Фавель во время ихъ длинныхъ путешествій по деревнямъ преподавалъ ему при всякой оказіи благіе совѣты, какъ поступать съ мужиками. И самого Гаву на счетъ сметливости природа не обидѣла. Теперь уже, несмотря на свой юный возрастъ, онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы превзойти своего наставника, и подчасъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ онъ на старика Фавеля, который, несмотря на свой умъ и опытъ, на шестидесятомъ году жизни былъ такъ же бѣденъ, какъ Гава на шестнадцатомъ.

Отъ старомѣстскихъ евреевъ Гава безъ затрудненій узналъ всю исторію и всю подноготную стараго „чипчаря", узналъ даже объ его намѣреніи выдать дочь, разузналъ все, что было нужно, на счетъ будущаго зятя и, возвращаясь пѣшкомъ въ Дрогобычъ, старался всѣ эти свѣдѣнія разработать въ своей головѣ и составить себѣ опредѣленный планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прежде всего фактъ былъ тотъ, что чепцы раскупались очень хорошо. Гава не продавалъ ихъ поблизу Дрогобыча, но разсылалъ ихъ небольшими партіями по двадцати и болѣе штукъ въ Стрый, Сколе, Турку, Борыню, Комарню, Рудки и другіе городки тамошнимъ купцамъ за наличныя деньги. Товаръ нравился и онъ получалъ все новые и новые заказы. Весь гешефтъ съ чепцами всякую недѣлю давалъ ему пять гульденовъ чистаго барыша при весьма незначительныхъ хлопотахъ и издержкахъ. Значитъ дѣло это было такого рода, что выпускать его изъ рукъ отнюдь не слѣдовало.

Съ другой стороны Гава разсуждалъ, что ежели допустить семью Старомійскихъ стать на собственныя ноги, то очень легко мо-

жетъ случиться, что семья эта выскользнетъ изъ его рукъ или какой нибудь другой еврей перебьетъ ему заработокъ. Особенно безпокоилъ его будущій зять, парень трудолюбивый и энергическій.

— Хорошо было бы, ежели бъ онъ пропалъ куда нибудь къ черту въ зубы или вотъ ежели бъ его въ солдаты взяли, ворчалъ Гава. Но въ тотъ моментъ вспомнилъ, что этотъ будущій зять прослужилъ уже урочные три года въ солдатахъ, и пропадать ему болѣе некуда и не за чѣмъ. Надо было помириться съ фактомъ, и этотъ процессъ совершился въ умѣ Гавы съ замѣчательной быстротой.

— И въ чемъ собственно онъ можетъ мнѣ помѣшать? воскликнулъ онъ почти весело. Бѣднякъ, нищій, къ такимъ же нищимъ и пристанетъ, и что же изъ этого выйдетъ? Будетъ зарабатывать извознымъ промысломъ,—мы знаемъ, сколько онъ тамъ заработаетъ! И какой это заработокъ: сегодня есть, а завтра поминай какъ звали. А когда заработка не станетъ, можно будетъ и его вмѣстѣ съ остальными прибрать къ рукамъ. Это, пожалуй, даже еще лучше для меня. Работу какую нибудь и для него подыщемъ. Хорошо, пусть и такъ будетъ. Пусть женится, пусть идетъ въ домъ къ этой калѣкѣ,—будутъ они всѣ работать на меня. При этомъ онъ склонилъ голову, какъ будто затягивалъ все новые узелки той сѣти, которой хотѣлъ опутать эту злополучную семью.

— Тилько попередъ усёго, Гаво,—сказалъ онъ себѣ въ комически наставительномъ тонѣ и на языкѣ мужиковъ,—не дуже квапся! Маешъ часъ! Тильки не раптомъ! Не думай усе разомъ загарбаты, а помаленьку. Теперъ заробокъ добрый и для мене, и для ныхъ,—нехай заробляють, нехай тишаться, се ничого не завадыть. Хто знае, чы довго се потривае. А въ тимъ—потривае, чы не потривае! Скоро побачышъ, що имъ гребень почынае видростаты, заразъ треба такъ зробыты, щобы троха похудилы. То имъ дасть пизнаты, и що на свити разъ ведеся, другый разъ ни. Потому зновъ ихъ троха пиднимемо,—вдячни будуть, потому зновъ до земли. А тамъ побачымо, що дасться дальше зробыты. Ны, ны, якось буде. Хыба бы не цвила, що бы не родыла!

— А покуда что, разсуждалъ далѣе Гава, нужно смотрѣть въ оба, высматривать новые гешефты. А сколько здѣсь гешефтовъ, и какихъ хорошихъ гешефтовъ! Ей Богу, не понимаю, какъ это такъ

таки никто не думаетъ прибирать все это къ рукамъ. Нашъ братъ еврей позасѣдалъ по шинкамъ да корчмамъ, а ежели кромѣ распаиванья мужиковъ покупаетъ еще у бабъ масло и яйца, то ужъ и думаетъ, что Богъ знаетъ, какую штуку создалъ. А какой же это гешефтъ! Яйца и масло? Тьфу! Здѣсь гешефты совсѣмъ другаго рода, надо только сумѣть взяться за нихъ. Вотъ на горахъ бойки воловъ откармливаютъ, да какихъ воловъ! Ай-ай-ай! Евреи покупаютъ этихъ воловъ на ярмаркахъ и гонятъ въ Вѣну. Дураки! Какіе изъ этого барыши можно получить? Барыши не ахти какіе, потому что бойка на ярмаркѣ не проведешь, цѣны онъ знаетъ твердо и торгуется, какъ одержимый бѣсомъ. А пусть тамъ по пути пара воловъ подохнетъ,—какой громадный убытокъ! Нѣтъ, гешефтъ въ этомъ воловьемъ дѣлѣ есть, да только не съ этого конца. Вотъ ежели бы этого самаго бойка да такъ подойти, чтобъ ему казалось, что волы его, а они въ самомъ дѣлѣ были бы мои! Онъ бы ихъ выкармливалъ и на ярмарку приводилъ, а я бы ихъ продавалъ, бойку на водку, а прочія деньги себѣ въ карманъ—фу! Да тамъ пара воловъ по четыреста, по пятьсотъ гульденовъ! Вотъ гешефтъ такъ именно гешефтъ!

Гава даже глаза прищуривалъ и губы складывалъ, какъ будто, облизалъ ложку съ медомъ,—такимъ заманчивымъ и блестящимъ казался ему этотъ новый гешефтъ, представлявшійся его воображенію пока еще въ неопредѣленныхъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе въ розовомъ освѣщеніи.

VIII.

Прошло полгода. Старомійскіе жили, какъ у Бога за пазухой. Заработокъ не прекращался, напротивъ, даже удвоился послѣ того, какъ Марынця съ мѣсяцъ тому назадъ стала женой Андруся. Андрусь имѣлъ возъ и пару хорошихъ лошадей и возилъ дубовые брусья для строившейся какъ разъ между Хировомъ и Добромилемъ желѣзной дороги, при чемъ зарабатывалъ хорошія деньги. Правда, послѣдніе два мѣсяца Гава заказывалъ уже менѣе чепцовъ, но вмѣсто этого для какихъ то мазурскихъ деревень оказались нужными тонкія, такъ же, какъ и чепцы, плетенныя сѣтки, служащія тамъ вмѣсто вѣнчальной фаты; сѣтки эти давали еще лучшій заработокъ, чѣмъ чепцы.

Былъ прекрасный осенній день, когда Гава опять навѣстилъ хату Старомійскаго. Даже эта ветхая хата подъ рукой молодаго и домовитаго Андруся помолодѣла и приняла видъ порядочной, хозяйской усадьбы. Но Гава не смотрѣлъ на эту обстановку. Въ глазахъ его блуждали какіе то огоньки, какъ въ глазахъ кошки, готовящейся къ прыжку на намѣченную уже добычу.

— Добрый день вамъ, пане Старомійськый! сказалъ Гава, входя въ избу.

— А якъ ся маешъ, Гаво?

— Зле ся маю, отвѣчалъ жидокъ, садясь на лавѣ; кепськи торгы.

— Е, шо тамъ, дасть Бигъ, то й липши будуть.

— Може, колысь и будуть липши, але теперъ кепсько зъ нами. Знаете, вже тры недили чекаю. Видъ трьохъ недиль ани одного чипця не продавъ.

— Не може буты! вскрикнулъ Старомійскій полушутливо, потому что не очень вѣрилъ словамъ Гавы.

— Ба, не може буты, колы такъ е. Вси мають досыть чипцивъ на теперъ, ны, и що имъ зробымо.

— Треба шукаты де дали, де насъ ище не знають.

— Шукавъ я, шукавъ, ничого не помагае. А я думаю, що на якыйсь часъ треба перестаты робыты.

— Перестаты робыты! вскрикнулъ въ свою очередь встревоженный Старомійскій.—Теперъ перестаты робыты, колы саме найлипша пора до роботы? Циле лито, колы можна було въ поли заробыты и соби треба було хочъ де що рушыты, то мы сыдилы за кроснамы, а теперъ, колы сама пора така, щобъ сыдиты дома, то мы маемо перестаты робыты! Ни, Гаво, шуткуешъ!

— Ны, але що жъ я вамъ пораджу? почти сквозь слезы вскрикнулъ Гава, коли у мене нихто уже чипцивъ не купуе. Маю ихъ на склади тры копы, и що зъ ными робыты? А килько я въ ныхъ грошей вбухавъ, самы порахуйте!

— Але бийся Бога, Гаво, що жъ мы будемо робыты?

— Ны, Богъ ласкавъ, и вы не згынете, утѣшалъ, улыбаясь, Гава. Маете неврокы такого доброго зятя, що тилько грошей заробляе пры колии, то якось выжыете. А може за мисяць, за другый и на чыпци знову покупъ пиде. Скоро тилько почнуть купуваты, то будьте певни, що я дамъ вамъ знаты.

— Ну, але ти, що вже готови, що зъ ными буде?

— А багато ихъ маете?

— Сорокъ штукъ.

— Що жъ маю робыты, мушу вже ихъ забраты. Нехай страчу, а слова додержу.

Гава взялъ чепцы и уплатилъ деньги. Старомійскій стоялъ возлѣ стола, посматривая на позаснованныя кросна и опечаленныя лица дочерей, и чесалъ затылокъ.

— Ни, Гаво, сказалъ напослѣдокъ онъ рѣшительно,—то не може буты, щобы мы тепера перестали робыты.

— Ны, то робить! отвѣчалъ Гава равнодушно.

— Слухай, Гаво! Я думаю, чы такъ не буде добре. У насъ е ту ще пару крейцаривъ наскладаныхъ, накупымо матерыялу и будемо робыты, а скоро купець кынеся, то ты будешъ маты товаръ готовый. Добре такъ буде?

Гавѣ только и нужно было того.

— Що жъ, колы хочете, то нехай и такъ буде. Та тильки я вамъ напередъ повидаю, що не знаю, килько часу треба буде чекаты на купця.

— Що робыты! Килько треба буде чекаты, то й почекаемо, а тымъ часомъ будемо робыты. Аджежъ на заробитокъ теперъ никуды не пидемо, а дома дармо сыдиты—грихъ. А такъ роблячы, бодай надию будемо маты, що не дармо робымо.

Гава ушелъ отъ Старомійскихъ въ очень веселомъ настроеніи. Дѣло само собою какъ то стало на ту дорогу, что было легко предвидѣть его неизбѣжный конецъ.

IX.

Прошло два мѣсяца. Гава, казалось, совсѣмъ забылъ о своихъ прежнихъ знакомыхъ, не навѣщалъ ихъ, однимъ словомъ не давалъ о себѣ имъ никакихъ извѣстій.

Но вотъ разъ въ понедѣльникъ, среди ужаснѣйшей слякоти и стужи, встрѣтилъ онъ Старомійскаго на дрогобычевскомъ рынкѣ. Старикъ, весь обрызганный грязью, обнищавшій и изморенный, сгорбился и постарѣлъ какъ будто на десять лѣтъ. Въ окоченѣвшей

отъ стужи рукѣ держалъ онъ свою палку съ колокольчикомъ и на ней связку чепцовъ; никто не обращалъ на него вниманія, никто не подходилъ и не спрашивалъ даже, какая цѣна на товаръ.

— Якъ ся маете, пане Старомійськый? отозвался Гава, подходя къ старику.

— А, якъ ся маешъ, Гаво? проговорилъ Старомійскій какимъ то надтреснувшимъ голосомъ.

— Ны, що тамъ у васъ чуваты?

— Бида, Гаво! Доведеся намъ усимъ на пни вмираты.

— Якъ то вмираты? За що вмираты? По що на пни вмираты?

— Зъ нужды, зъ голоду! Зыма йде, а у насъ заробитку нема, хочъ забийся!

— А то чому? Адже пры колии теперъ заробиткы найлипши, платять добре.

— Що зъ того, колы зятеви оденъ кинь видийшовъ! [1]) Однымъ конемъ и зъ дому выбыратыся ни що.

— Оденъ кинь видийшовъ! Ото зле! Треба купыты другого.

— Ба купыты, а за що купыты? Що було грошей, то мы выдалы на ныткы, наплелы тыхъ проклятыхъ чепцивъ—лежать цили купы, а нихто купуваты не хоче.

— А вы хотилы самы продаваты? спросилъ Гава съ плохо утаеннымъ злорадствомъ.

— Що жъ мавъ чоловикъ робыты? отвѣчалъ Старомійскій, какъ бы извиняясь.—Носывъ я ихъ и до Самбора, и до Перемышля, и до Дрогобыча—ниде нихто ани не дывыться. И що теперъ робытонькы, що початонькы, вже й самъ не знаю.

— И я не знаю, отвѣчалъ Гава, и мои чипци лежать.

— Выдно, що насъ Богъ зовсимъ опустывъ! простоналъ Старомійскій, ударяя рукой объ полу.

— Ны, не кажить такъ, пане Старомійскій, наставительно сказалъ Гава,—не годыться таке говорыты. Знаете що, ходимо разомъ до шынку, выпъемо по скляночци пыва, огриемося троха, бо ту холодно зъ биса, и поговорымо, може найдеся для васъ яка рада.

---

[1]) Подгорскій крестьянинъ никогда не скажетъ: „кинь здохъ", либо „корова здохла"; выраженіе это слишкомъ грубо; а всегда говоритъ: „кинь видийшовъ," „корова видийшла", прибавляя при этомъ обыкновенно: „най ся пречъ каже". *Авт.*

Старомійскій охотно пошелъ вслѣдъ за Гавой. Ему мелькнулъ лучъ надежды впереди.

— Знаете що, пане Старомійскій, проговорилъ Гава, когда они немного отогрѣлись и выпили по стакану пива,—багато вы маете тыхъ чипцивъ готовыхъ?

— Цилыхъ пять кипъ. Чипци якъ золото, а що мыни зъ ныхъ.

— Нихто не купуе?

— Самъ бачышъ, що нихто.

— Я вамъ се давно казавъ. Ны, але що то теперъ говорыты, теперъ треба яку пораду даваты. А багато вамъ треба на коня?

— Та кобы хочъ якого харлака! Теперъ на пашу тисно въ нашыхъ сторонахъ, за трыдцять рымськыхъ можна коня купыты.

— Трыдцять рымськыхъ! — то сума, пане Старомийськый. Ны, але знаете що, я вамъ дамъ трыдцять рымськыхъ—за ваши чипци.

— Якъ то за мои чипци?

— Ны такъ, за вси пять кипъ.

— Бійся Бога, Гаво! вскрикнулъ Старомійскій. Адже я за самый матерыялъ двадцять пять срибла зъ докладомъ заплатывъ, а наша работа!...

— Знаю се, знаю, але що жъ я вамъ пораджу? Я и такъ тилько зъ доброго серця хочу вамъ помогты. У мене ще тамти чипци лежать, а си я купую такъ, на выдыму страту. Пять кипъ! Що я зъ такою купою почну? А не хочете моеи помочи, то я вамъ зъ нею не набываюся!

Старомійскій даже задрожалъ. Лучъ надежды, который блеснулъ ему такъ недавно, теперь началъ потухать и теряться въ туманѣ.

— Ни, Гаво! сказалъ онъ, обхватывая своей старческой рукой худой и жесткій локоть Гавы. Я знаю, ты добрый хлопець, але бій же ся Господа Бога! Трыдцять рымськыхъ за пять кипъ чипцивъ,—адже жъ се выходыть по десять крейцаривъ за чепець— якъ разъ половына того, що варта товаръ.

— Знаю се, знаю,—отвѣчалъ въ упоръ Гава,—та що жъ я можу на се порадыты, колы того товару теперъ навыть за пивъ цины не продамъ.

— Ну, але перечекаешъ троха, то ще й зъ зыскомъ продасы.

— Перечекаешъ! вскрикнулъ Гава, какъ бы задѣтый за живое. Що то значыть перечекаешъ? А чымъ добре чекаты? Чекайте вы,

колы вамъ такъ добре. Вы гадаете, що я грошы роблю, що я господаръ на грунти, що я багачъ, то й можу чекаты? Якъ ныни не маю грошей, то мушу здыхаты зъ голоду, и нихто мини не поможе. Для мене чекаты—смерть, ще гирше, нижъ для васъ.

— Ну, ну, Гаво, не гнивайся, успокаивалъ его Старомійскій.— я се такъ тилько сказавъ, но зъ злого серця. Ну, нехай уже буде по твоему, що маю робыты. Адже жъ не можу власнымы очыма глядиты на грызоту дитей. Охъ, Гаво, якъ бы ты знавъ, яке тамъ у насъ пекло видъ того часу, якъ кинь видійшовъ? Серце краеся. Диты плачуть, а зять ходыть, якъ одурилый, мало що головою о стину не бьеся, ни розмовы, ни роботы ніякои въ хати. Ще якъ бы мы кого поховали зъ помижъ себе, то бы такъ тяжко не було.

И двѣ крупныя слезы повисли на сѣдыхъ рѣсницахъ Старомійскаго. Гава отвернулся, чтобы не видѣть этихъ слезъ.

— Ны, сказалъ онъ, немного помолчавъ, покуда старикъ нѣсколько успокоился,—то якъ же буде зъ чипцями? Прыстаете на мою цину?

— Що вже маю робыты, сказалъ старикъ, нехай и такъ буде. Тилько знаешъ, Гаво, не забувай за насъ на дали! Дай намъ заробитокъ, щобъ мы не сыдилы дармо, бо боюся, що пры тій грызоти вси подуріемо.

— Э, Богъ зъ вамы, пане Старомійскій, що вамъ тамъ до головы прыходыть. Нехай насъ усихъ Панъ Бигъ бороныть видъ того! А теперъ слухайте, що я вамъ скажу. Я ту поклычу пысаря, зробымо контрактъ на ту продажу, пидпышемо контрактъ пры свидкахъ у нотарія, и я вамъ заразъ дамъ грошы.

— А то по що ще пысаты и нотареви платыты? Хиба на слово мини не вирышъ?

— Ны, що тамъ, вирышъ, не вирышъ, усе то лише буты певнымъ свого. А коштъ увесь я самъ понесу, то моя ричъ.

— Га, колы вже такъ хочешъ, то нехай и такъ буде.

Гава вскорѣ нашелъ „покутного пысаря“, сидѣвшаго въ томъ же шинкѣ и тутъ же за стаканомъ пива написавшаго имъ требуемый контрактъ. Гава велѣлъ подать еще два стакана пива для себя и для Старомійскаго и началъ разговоръ съ нимъ еще объ одномъ „дѣльцѣ“.

— А що до дальшого заробитку, то справди не знаю вже, якъ маю братися до тои ричы, говорилъ Гава. Хыба знаете що зробымо? Плетить вы зъ мого матерыялу...

— Що жъ, для насъ то все одно...

— Я вамъ за роботу дамъ видъ штукы по висимъ крейцаривъ.

— Висимъ крейцаривъ, Гаво? То за мало.

— А мини бачыться, що не за мало. Слухайте дальше: що тыжня зробыте мини трыдцять штукъ,—се вже мусыть буты, чы буде торгъ на чипци, чы ни. Въ такимъ рази заробыте що тыжня чыстыхъ два рымськыхъ 40 кр. Мало то, мало, але сами прызнайте, все такы липше, нижъ ничого. И не потребуете вси робыты. Одна дочка може де що шыты, друга прясты, чы якъ тамъ. А скоро тилько покупъ липшый буде, ны, то вже, розумиеся, и роботы буде бильше, и зарибку бильше. Ны, що жъ, прымаете?

Старомійскій повѣсилъ свою сѣдую голову. Чувствовалъ онъ, какое ярмо надѣвалъ ему на шею Гава, но и не видѣлъ возможности избѣжать его и, недолго подумавъ, согласился на предложенную Гавою сдѣлку.

— Ны, то й нате зробымо контрактъ нотарыяльный.

— Контрактъ? А то якымъ способомъ?

— Ны, такъ, по просту, напышемо, що теперъ весь рикъ видъ нынишного дня я маю вамъ що тыжня даваты матерыялъ що найменьше на трыдцять чепцивъ, а якъ треба буде, то й на бильше, и за кождый готовый чепець платыты вамъ по висимъ крейцаривъ. А по роци схочете дали зо мною маты дило, то добре, а ни, то ни. Думаю, що на те можете спокийно пидпысатыся.

И Старомійскій дѣйствительно подписался. Гава только ухмылялся, радуясь изрядному гешефту. Чепцы его шли лучше, чѣмъ когда нибудь прежде, особенно въ горные округа, а плата, какую ему удалось накинуть на Старомійскаго, обезпечивала за нимъ почти 100 процентовъ барышей отъ затраченнаго капитала.

Живо сбѣгалъ онъ за старымъ Фавелемъ, который, какъ опекунъ, по случаю его малолѣтства долженъ былъ отъ его имени заключить контрактъ съ Старомійскимъ.

Старый Фавель даже по колѣнямъ себя хлопнулъ и зачмокалъ, когда Гава разсказалъ ему о своей сдѣлкѣ съ чепцами, о которой онъ до сихъ поръ ничего не слыхалъ отъ своего ученика,—такъ осторожно и изподтишка этотъ послѣдній велъ свое дѣло. Когда оба договора были подписаны и засвидѣтельствованы нотаріусомъ,

Фавель, выходя изъ конторы, съ какимъ то почтительнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на долговязую, сухощавую и вертлявую фигуру своего воспитанника.

— Ны, ни врокы ему! бормоталъ онъ,—изъ него певно щось велыке буде! За моихъ часивъ такыхъ хлопцивъ не бувало. И подумаешъ, що ему ще висимнадцять литъ не мынуло! Що то винъ покаже зъ себе, якъ ему двадцять мыне?

Гава же, спрятавъ въ карманъ своего халата драгоцѣнные документы, отдающіе въ его руки на весь годъ цѣлую мѣщанскую семью, набожно шепталъ, вспоминая завѣщаніе своего отца:

— Слава Богу, для начала и это хорошо!

Миронъ.

Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.

(Записано со словъ разсказчика).

I. ПАНЪ—ПОВѢТОВЫЙ МАРШАЛЪ.

Въ 1817 году, послѣ отечественной войны 1812 г. и вызванныхъ ею заграничныхъ походовъ, рота брата моего была расположена на квартиры въ деревнѣ Гринькахъ, полтавской губерніи, гдѣ жилъ въ своемъ имѣніи, владѣлецъ его, славившійся кругомъ своимъ хлѣбосольствомъ, повѣтовый маршалъ дворянства П. И. Булюбашъ, производившій свой родъ отъ турецкаго паши, что значилось и въ его фамильномъ гербѣ.

Прибывъ на стоянку, мы представились маршалу и любезно были приглашены имъ квартировать въ „его дворѣ", что значило жить во флигелѣ его дома, вмѣстѣ съ сыномъ его, взрослымъ уже молодымъ человѣкомъ. За стѣною нашихъ комнатъ, бокъ о бокъ съ нами, жилъ и самъ хозяинъ. Дочь его, молодая красивая панночка, ставшая впослѣдствіи женою моего брата, жила отдѣльно въ большомъ панскомъ домѣ съ двумя компаньонками при ней и цѣлымъ женскимъ штатомъ прислуги, состоявшимъ изъ мастерицъ всевозможныхъ профессій.

Благодаря радушію и гостепріимству хозяина и всей его семьи мы скоро освоились на новомъ мѣстѣ, сдѣлались какъ бы членами одной семьи и зажили общею жизнью,—жизнью давно отошедшею въ область преданій, — эта то жизнь, прожитая мною много и много лѣтъ тому назадъ, часто встаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Хозяинъ нашъ велъ свой родъ, какъ сказано мною выше, отъ турецкаго паши Булюкъ-паши. По семейнымъ преданіямъ, этотъ Булюкъ-паша что то напроказилъ у себя на родинѣ, за что ему грозила публичная казнь, но султанъ, оказывая ему милость и избавляя его отъ позора казни черезъ палача, прислалъ ему шелковый шнурокъ, что означало приказаніе султана повѣситься на немъ. Булюкъ-паша предпочелъ милости султана бѣгство и, собравъ все свое имущество, бѣжалъ на Прутъ, а оттуда на правую сторону рѣки Днѣпра, во владѣнія тогда Рѣчи Посполитой, гдѣ снискивая расположеніе польскаго панства, принялъ унію, вскорѣ же сообразивъ свое шаткое положеніе въ качествѣ уніата и жителя правобережной Украины, принялъ православіе, перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра и вмѣсто Булюкъ-паши сталъ зваться въ народѣ Булюбашемъ, тогда же вошелъ въ составъ козацкой старшины и, достигнувъ чина бунчуковаго товарища, положилъ начало новому дворянскому малороссійскому роду, давшему въ лицѣ гостепріимно пріютившаго меня съ братомъ Павла Ивановича Булюбаша (внука Булюкъ-паши) маршала повѣтовому дворянству.

Павелъ Ивановичъ въ то время представлялъ изъ себя человѣка уже очень пожилаго, небольшаго роста, толстаго, съ лицемъ, изрытымъ оспою, остриженнаго подъ гребенку, съ характеромъ настойчивымъ, склоннымъ къ деспотизму; своимъ образованіемъ онъ не ушелъ отъ общаго уровня образованія дворянъ того времени т. е. зналъ грамоту, письмо, четыре правила ариѳметики, съ крестьянами жилъ по старинѣ хорошо, не притѣснялъ ихъ, вѣроятно, помня ихъ недавнее закрѣпощеніе и даже продолжалъ содержать „шпиталь", т. е. больницу, при которой содержалъ на свой счетъ фельдшера, что составляло тогда уже рѣдкость.

Сыну своему Николаю онъ не далъ образованія, желая держать при себѣ, дочь же воспиталъ по европейски у какой то родственницы въ Ковелѣ, такъ какъ въ то время онъ уже вдовѣлъ.—Дѣтей своихъ онъ любилъ страстно и, обращаясь съ ними крайне деспотически, въ то же время принималъ близко къ сердцу всякое ихъ горе.

Будучи богатъ, независимъ, занимая видное мѣсто въ повѣтѣ (уѣздѣ), имѣя взрослыхъ дѣтей, да и по природѣ будучи радушнымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ велъ широкую жизнь, славившую его на цѣлый округъ. Дворня повѣтоваго маршала состояла чуть ли не изъ цѣлой сотни крѣпостныхъ слугъ, у пана былъ изъ своихъ крѣпостныхъ *приказчикъ* (экономъ), писаря, ключники, цѣлая дюжина лакеевъ, 25 музыкантовъ, торбонистъ, игравшій только при однихъ мужчинахъ вольныя запорожскія пѣсни, повара (кухари) съ поваренками, кучера, конюхи, берейторы, псари съ охотничьими сворами гончихъ и борзыхъ собакъ, охотники и рыбалки.—Нѣкоторыя лица изъ этого персонала несли и двойныя обязанности,—среди лакеевъ, музыкантовъ, псарей и охотниковъ были люди, обученные какому нибудь ремеслу, большею частью портняжескому, сапожницкому, столярному, слесарному, обойщицкому, что давало возможность пану имѣть все дома и не тратить денегъ на сторонѣ. Женскій персоналъ домашней прислуги былъ также многочисленъ, среди его были: *господыня* (экономка), спеціалистка по части варенья и веденія домашняго хозяйства, *ключница*—по части соленья, изготовленія масла, сыра и пр., *перепечайки* (хлѣбницы), изготовлявшія домашнія печенія, *модницы* по части шитья платьевъ для панночки, *кружевницы*—плетенья кружевъ, *вышивальщицы*—вышиванья на пяльцахъ, *горничныя*—для домашнихъ услугъ, *коверницы, ткачи* и пр. и пр.—все это работаетъ на пана, панскую семью и дворню...

Бывало, въ началѣ или среди недѣли, охотники снаряжаются на дичь, рыбалки на рыбную ловлю въ Днѣпрѣ и его заливахъ,—все это на подводахъ, а мы съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ нашимъ молодымъ лѣтамъ, ожидаемъ результатовъ ихъ охоты;—наконецъ, они возвращаются, нагруженные добычею—все это раскладывается передъ паномъ маршаломъ, внимательно размативающимъ, любующимся, сортирующимъ добычу и заранѣе смакующимъ все это, имѣющее быть изготовленнымъ подъ разными подливами опытными кухарями, послѣ чего часть добычи уносится на кухню, а другая часть отправляется къ сосѣдямъ, при чемъ посланному наказывается просить сосѣда „одвидаты панськои охоты и прыихаты до пана маршала на обидъ и вечерю

въ недилю". Наступаетъ „недиля", еще къ обѣднѣ начинаютъ съѣзжаться гости: сосѣди, чиновники, офицеры расквартированныхъ по сосѣдству полковъ—послѣ обѣдни съ духовенствомъ завтракаютъ, пьютъ водку, чай, кофе, закусываютъ пирогами, разными соленьями, печеньями домашняго издѣлія; вскорѣ послѣ этого завтрака подается обѣдъ; хозяйка, окруженная дамами и дѣвицами, съ примкнувшею къ нимъ молодежью садятся въ одномъ концѣ стола, маршалъ, окруженный своими сверстниками, въ другомъ концѣ того же стола. Музыкантамъ дается знакъ и въ теченіи всего обѣда гремитъ хоръ музыкантовъ, составленный по преимуществу изъ мѣдныхъ и ударныхъ инструментовъ. Въ праздники при тостахъ стрѣляли изъ пушекъ (мажаръ), которыхъ у пана было нѣсколько, и палили изъ ружей. Послѣ обѣда старики отдыхали, а молодежь ухаживала за панночками вплоть до танцевъ, начинавшихся очень скоро послѣ обѣда и заканчивавшихся большою вечерею (ужиномъ), за которою слѣдовали еще танцы, въ которыхъ гросъ-фатеръ, введенный въ моду войсками, вернувшимися изъ за границы, мѣшался съ мѣстными „метелицею" и „журавлемъ". Послѣ танцевъ мужчины шли во флигель и разгулявшаяся компанія пила или наливку, или пунши съ наливкой, слушая или далеко нескромныя пѣсни торбаниста, или же, по требованію старшаго поколѣнія, стародавнія украинскія думы... На другой день послѣ пира жизнь въ панскомъ домѣ для подгулявшихъ съ вечера гостей начиналась рано,—уже въ восемь часовъ утра всѣ мужчины вставали и шли къ хозяину-маршалу на его половину во флигелѣ, гдѣ прибывшихъ ожидалъ хозяинъ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ, со всевозможнымъ печеньемъ, а для курящихъ были приготовлены чубуки съ трубками всевозможныхъ величинъ.—Маршальская комната, по обычаю того времени, была увѣшана по стѣнамъ портретами Богдана Хмѣльницкаго и бывшихъ послѣ него гетмановъ малороссійскихъ [1]), а также и другихъ народныхъ героевъ, тутъ же висѣло по стѣнамъ и старинное, оп-

---

[1]) Портреты эти были принадлежностью каждаго панскаго дома въ черниговской и полтавской губерніи до генералъ-губернаторства кн. Долгорукова 1830—

равленное въ серебро и бронзу козачье и турецкое оружіе, тутъ и аттрибуты бывшей козачьей власти, бунчукъ и булава.—Чаепитіе продолжалось довольно долго, среди разсказовъ о прошломъ и настоящемъ, по преимуществу относившемся къ мѣстной жизни или же къ жизни сильныхъ людей изъ малороссіянъ, проживавшихъ тогда или до того на родинѣ и оказавшихъ или примѣромъ своей жизни или своими связями съ мѣстными людьми много вліянія на текущую жизнь; при этомъ часто вспоминался 1812 годъ, жертвы, понесенныя полтавскимъ дворянствомъ въ числѣ другихъ на защиту отечества [1]), губернское маршальство Трощинскаго, начинавшееся въ то время по жалобамъ польскихъ помѣщиковъ могилевской губерніи громкое дѣло противъ графа Гудовича, бывшаго начальника малороссійскаго ополченія 1812 года, за допущенные имъ грабежи и пр. и пр.

Кто хотѣлъ изъ гостей, тотъ оставался для бесѣды у маршала во флигелѣ, иные же отправлялись гулять—кто въ садъ, кто въ поле съ ружьемъ или съ весломъ на прудъ, рас-

1840 г.; въ періодъ его пребыванія стали исчезать эти портреты изъ панскихъ домовъ, какъ разсказываютъ, по слѣдующему случаю.—Портреты большею частью украшали стѣны столовой, и генералъ-губернатору, любившему вкусно пообѣдать, часто приходилось за столомъ сидѣть противъ портрета гетмана Апостола, одноглазаго и какъ бы дѣлавшаго гримасу при видѣ обѣдавшаго начальника края; гримаса смущала генералъ-губернатора до того, что не разъ онъ замѣчалъ гостепріимнымъ хозяевамъ—малороссіянамъ, что не мѣшало бы убрать изъ столовой противныя рожи, лишающія только его аппетита.

[1]) Тогда среди малороссійскаго дворянства циркулировалъ слѣдующій любопытный документъ, имѣвшій цѣлію доказать, какія бы понесло дворянство траты въ 1812 г., если бы оно не имѣло среди себя сильныхъ ходатаевъ, вотъ текстъ этого документа:

Замѣчаніе.

Коликое число по причинѣ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ (всходство двухъ назначеніевъ, по первому дворянскому отъ 5-го августа и по второму отъ правительства отъ 7 ноября 1812-го года положено полтавской губерніи на помѣщичьи ревизскія души приготовить и своимъ коштомъ поставить до города Минска провіанта, фуража и вина горячего, и сколько во всемъ ономъ вѣсу, полагая при томъ всему оному справочную, а за провозъ до Минска просимую теперь русскими извощиками цѣну по 7 рублей съ пуда. А посему примѣняясь сколько причтется всего онаго Решетиловскаго владѣнія въ коемъ по ревизіи состоитъ 1902 души Генваря 1813.

положенный вблизи сада; такъ шло до 12 часовъ дня, когда лакеи бросались разыскивать гостей и просить ихъ на завтракъ въ большой домъ къ панночкѣ—молодой хозяйкѣ, привѣтливо встрѣчавшей гостей. Столъ былъ накрытъ и уставленъ всевозможными яствіями большею частью, если не исключительно, до-

1.

Количество провіанта, фуража и вина горячаго.	Сухарей.	Ржи.	Крупъ.	Овса.	Вина.
	пуд.	четверти.			ведр.
1. По дворянскому назначенію 5-го августа 1812-го г. положено для ратниковъ на каждую ревизскую душу ржи по 1 мѣркѣ, крупъ по 1 гарнцу и овса по 1 мѣркѣ, а на всѣ 1902 души составитъ	—	237	30	237	—
2. По назначенію отъ Правительства 7-го ноября положено для арміи на каждую ревизскую душу сухарей по 1 пуду, крупъ по $1^1/_2$ гарнца; овса по 6 гарнцевъ и вина горячаго по $2^1/_2$ кварты, а на всѣ 1902 души составитъ. .	1902	—	45	180	475
Итого для ратниковъ и для арміи. . .	1920	237	75	417	475

2.

Сколько полагается во всемъ ономъ вѣсу съ означеніемъ цѣны какъ справочной, такъ и за провозъ до Минска по 7 рублей съ пуда.	Пуды.	Справочная цѣна.	Итого.	За провозъ	Итого.
		Р	У Б	Л	И.
1. Сухарей	1902	по 2 за п.	3804	13314	17118
2. Ржи 237 четв., полагая по 8 пудъ въ четверти	1896	по 7 за ч.	1659	13272	14931
3. Крупъ 75 четвертей, полагая такой же вѣсъ	600	по 10 за ч.	750	4200	4950
4. Овса 417 четвертей, полагая въ четверти по 5 п.	2085	по 4 за ч.	1668	14595	16263
5. Вина горячаго 475 ведръ, полагая по 30 фунтовъ въ ведрѣ.	356	по 3 за в.	1425	2492	3914
Итого	6839	—	9306	47873	57179

P. S. Обошлось на каждую ревизскую душу провозныхъ по 25 рублей съ копѣйками, а полагая за провіантъ, фуражъ и вино справочную цѣну, обойдется всего по 30-ти рублей.

Какъ же въ полтавской губерніи помѣщичьихъ ревизскихъ душъ состоитъ 330286 то, полагая съ каждой души по 30-ти рублей, составитъ съ нихъ всей суммы 9908580 рублей.

Провозъ всего онаго молитвами Ахтырской и Каплуновской Божіей Матери и патріотическимъ представительствомъ здѣшняго губернскаго господина маршала (Дм. Пр. Трощинскаго) отложенъ до подножнаго корму и чрезъ то здѣшняя губернія облегчена отъ великихъ золъ —Слава Богу! Слава хорошимъ русскимъ нашимъ Патріотамъ!

машняго приготовленія; изъ закусокъ подавалась икра, колбасы, ветчина, пражении, пироги всевозможныхъ сортовъ, заливная рыба, заливной поросенокъ и пр. и пр.; изъ напитковъ водки—настойки безъ числа: тутъ были и калгановка, и полыновка, и на сорока травахъ и спотыкачъ, и онисовка, и перчаковка и много другихъ, которыхъ не припомню, далѣе запеканка, варенуха и наливки многихъ и многихъ сортовъ, было также и вино и портеръ, но и то и другое имѣло сравнительно меньше поклонниковъ.

За завтракомъ являлась музыка, игравшая до тѣхъ поръ, пока не подадутъ обѣдъ,—послѣ завтрака обѣдъ наступалъ скоро,—на этотъ разъ кавалеры приглашали дамъ къ обѣду и попарно вели ихъ къ столу, занимая такимъ же порядкомъ за столомъ и мѣсто; все время играетъ музыка; къ обѣду собиралось много гостей—сосѣдей, знавшихъ, что въ одинъ день „недѣлю" не кончается маршальскій пріемъ; кромѣ того въ домѣ маршала строго придерживались стародавняго „звычая" останавливать и зазывать къ пану всѣхъ проѣзжающихъ мимо его селитьбы пановъ на обѣдъ, для этого снаряжались особые дежурные изъ панской прислуги, обязанные просить „до пана на обидъ", и въ случаѣ отказа даже рубить колеса,—вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ обѣды были всегда многолюдны. За обѣдомъ каждое блюдо подавалось прежде всего самому пану—маршалу и, одобренное имъ, подавалось гостямъ, но бѣда, если блюдо почему либо не приходилось по вкусу хозяину: тогда призывался поваръ; разсерженный маршалъ, вмѣсто внушенія, приказывалъ ему тутъ же съѣдать добрую половину его неудачнаго произведенія и затѣмъ скакать на одной ножкѣ вокругъ обѣденнаго стола. Видъ скачущаго повара потѣшалъ всѣхъ насъ и мы просто умирали отъ смѣха... Въ концѣ обѣда подавали шипучее, послѣ чего гости благодарили Бога, хозяина, а молодую хозяйку въ знакъ благодарности целовали въ ручку и молодежь возвращалась въ гостинную на дессертъ, а пожилые во флигель. По вечерамъ молодежь танцовала, какъ и наканунѣ, а пожилые играли въ карты или въ пикетъ, или въ марьяжъ, а то и въ „свои козыри". Изъ обычаевъ того времени помню еще и то, что всякій прибывшій гость обязанъ былъ подойти къ ручкѣ

всѣхъ находившихся въ обществѣ дамъ и дѣвицъ, хотя бы и совершенно ему незнакомыхъ.

Какъ мы сказали выше, маршалъ Булюбашъ пользовался уваженіемъ и почетомъ въ своемъ дворянскомъ округу, что выражалось избраніемъ его въ должность повѣтоваго маршала (уѣзднаго предводителя) нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ; въ этой должности онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ уѣздныя дѣла не только дворянъ—помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ, но и лицъ другихъ сословій, какъ то: духовенства, купечества, мѣщанства, козаковъ и государственныхъ крестьянъ. И по службѣ, и по домашнимъ дѣламъ своимъ панъ-маршалъ выѣзжалъ изъ своей деревни рѣдко, за то всякій выѣздъ производился не иначе, какъ съ помпою,—маршалъ иначе не выѣзжалъ, какъ въ каретѣ или коляскѣ шестерикомъ съ форейторомъ; если выѣздъ былъ въ Кіевъ или куда нибудь, что считалось въ то время отдаленнымъ отъ своего мѣстопребыванія пунктомъ, то панъ выѣзжалъ всегда на своихъ (почтовую ѣзду въ то время паны не одобряли и ѣздить на почтовыхъ избѣгали), окруженный цѣлою свитою своей прислуги, нужной ему и въ дорогѣ, и по прибытіи на мѣсто. Обыкновенно поѣздъ составлялся такъ: впереди за нѣсколько часовъ до выѣзда пана съ мѣста ѣхала его кухня, дабы до прибытія его на мѣсто стоянки, если почему либо ему не приходилось остановиться у знакомаго пана, приготовить ему обѣдъ или ужинъ и распорядиться объ очищеніи для его особы хаты, въ которой можно было бы мирно отдохнуть, затѣмъ впереди панской кареты ѣхало два конюха въ красныхъ курткахъ, на обязанности которыхъ лежало предупреждать трубами встрѣчныхъ проѣзжихъ, чтобы сворачивали пану-маршалу съ дороги,—при непослушаніи тѣхъ, особенно изъ простонародья,—въ дѣло пускалась нагайка. Случалось, что встрѣчный мужикъ на волахъ спитъ, и волы, вдругъ услышавъ неожиданный для нихъ звукъ рожковъ и крики людей, понесутъ и на глазахъ пана-маршала опрокинется возъ съ мужикомъ, послѣ чего все обойдется благополучно, панъ доволенъ, смѣется и приговариваетъ: „такъ ему вражому сыну и треба: нехай не спить и упередъ глядить“. На обязанности этихъ же гофъ-фурьеровъ (такъ титуло-

вались они паномъ) было предупреждать попадающихся по дорогѣ рабочихъ: „звертайте, да не робить курева на дорози“, послѣ чего рабочіе должны были, исполнивши это приказаніе обратиться къ пану лицемъ и отдавать ему низкій поклонъ. При неисполненіи требованій почтенія со стороны встрѣчныхъ по дорогѣ пану-маршалу, супротивники, будь то крѣпостные крестьяне или же вольные козаки, наказывались нагайками. Такъ, разъ проѣзжая изъ своего Жовнинскаго имѣнія въ другое же свое имѣніе Гриньки, на козачьихъ поляхъ, Булюбашъ увидѣлъ много бабъ, жавшихъ жито при дорогѣ, которыя почему то не послушались требованій гофъ-фурьеровъ и не отдали ему почтенія; онъ остановился, приказалъ поставить ихъ въ рядъ и несмотря на ихъ протесты, что онѣ вольныя козачки, а не его крѣпостныя, каждой изъ нихъ было отпущено по нѣсколько ударовъ нагайкой. Въ большую дорогу за каретою тянулся цѣлый обозъ съ необходимою для пана въ путешествіи и по пріѣздѣ на мѣсто рухлядью и прислугою: везли и панскихъ слугъ, везли и постель, и гардеробъ, и посуду, и столовое серебро, и вообще все такое, что могло почему либо понадобиться пану или его семейству въ дорогѣ. Выѣзжали изъ дому въ дальнюю дорогу не иначе, какъ послѣ напутственнаго молебна, за которымъ слѣдовалъ ранній обѣдъ, передъ выѣздомъ садились всѣ въ залѣ, даже и прислугу усаживали, чтобы „все доброе садилось“, послѣ чего крестились и трогались въ дорогу. Въ дорогѣ дневки и ночлеги происходили черезъ каждые 25—30 верстъ, если не у знакомыхъ или родственниковъ, то рѣдко въ заѣзжихъ „постоялныхъ“ дворахъ, а большею частью у „заможнихъ“ хозяевъ изъ козаковъ или крестьянъ... Хаты заблаговременно прибирались панскою прислугою при помощи хозяевъ,—панская постель раскладывалась и стлалась,—прибывшіе повара готовили обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня, а панъ, выйдя на заваленку съ трубкою въ рукахъ, сидя, милостиво разговаривалъ съ хозяиномъ двора объ урожаѣ, цѣнахъ на хлѣбъ, или распрашивалъ про новости дня въ данной мѣстности...

Часто при этомъ вспоминалось прежнее время, когда еще малороссійскіе козаки отбывали свою пограничную службу въ

тѣхъ мѣстахъ, предупреждая набѣги поляковъ съ правой стороны Днѣпра и татаръ съ юга. Рѣка Днѣпръ отдѣляла теперешнюю кіевскую губернію, бывшую во владѣніи Рѣчи Посполитой, отъ Малороссіи, почему часть козацкихъ малороссійскихъ войскъ наряжалась на лѣвый берегъ для защиты отъ вторженія поляковъ, которымъ не особенно довѣряли. Когда въ назначенное время собирался походъ (верстъ за 7, 10, гдѣ теперь мѣстечко Чигиринъ-Дуброва), то всегда походъ этотъ ознаменовывался проводами родныхъ, друзей, часто заручениыхъ невѣстъ и т. п. Въ тѣни садовъ разстилались ковры, приносились всякія яства и питія въ громадномъ количествѣ и начиналось *гостюваніе* (угощеніе съ пожеланіемъ) „щобъ давъ мылосердный Господь вернутыся зъ войны здоровымы и не окаличенными“, и гостюваніе это длилось далеко за полночь, настолько далеко, что солнце заставало пировавшихъ спящими еще тогда, когда ратные козаки выступили уже въ походъ и находилось за нѣсколько верстъ отъ подгулявшаго начальства... Эту то свою службу, въ которой Павелъ Ивановичъ достигъ ранга бунчуковаго товарища, изъ котораго переименовался въ маіоры, любилъ вспоминать онъ при встрѣчѣ съ знакомыми козаками во время своихъ путешествій...

Подобная жизнь, обходилась бы пану-маршалу не дешево, если бы она велась, какъ теперь, на деньги, но въ то время для дворянъ помѣщиковъ все было даровое,—и трудъ и продукты, такъ что за малымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ и бакалейныхъ товаровъ, покупавшихся за деньги, все остальное, необходимое для жизни, приходилось даромъ; тогдашнему пану надлежало только не поддаваться на соблазнительныя предложенія аферистовъ, а сидѣть дома на хозяйствѣ и пользоваться дарованными ему благами,—но не всѣ были благоразумны, а такъ или иначе многіе изъ пановъ увлекались заманчивыми предложеніями аферистовъ и разстраивали свое состояніе. Подъ конецъ своей жизни и Павелъ Ивановичъ очутился въ рядахъ послѣднихъ.—Казнѣ строилъ въ Лубнахъ окружную аптеку съ подряда какой то великороссійскій купецъ за невыгодную для себя цѣну подъ поручительствомъ и залогомъ Павла Ивановича;—подряда онъ почему то не могъ выполнить и скрылся;—

на обязанности поручителя было выполнить его обязательство, и вотъ Павелъ Ивановичъ поднимается всѣмъ домомъ для переѣзда изъ деревни своей за 80 верстъ въ Лубны, чтобы закончить постройку аптеки; въ Лубны перевозится весь домъ, съ музыкантами, прислугою, охотниками, рыбалками, пушками и пр. и пр.—Все необходимое для жизни въ Лубнахъ привозится изъ деревни, оттуда же привозится матеріалъ для постройки аптеки, и наряжаютъ рабочихъ на постройку; выданныхъ казною 30,000 р. на постройку не хватило, пришлось заложить имѣніе въ приказѣ общественнаго призрѣнія и занять еще 30,000 р., чтобы закончить постройку, и въ результатѣ афера дала долгъ на имѣніи и разореніе если не помѣщичьяго, то крестьянскаго хозяйства, несомнѣнное въ виду постояннаго, въ теченіи извѣстнаго періода времени довольно продолжительнаго отсутствія рабочихъ рукъ у своего насущнаго дѣла... За то, окончивъ постройку и освободившись отъ тягостнаго и разорительнаго для него дѣла, панъ маршалъ, собравъ гостей и отслуживъ молебенъ въ монастырѣ, тронулся въ путь къ себѣ въ деревню, окруженный гостями, слугами, рабочими, переѣхалъ рѣку Сулу, послѣ чего остановилъ свой кортежъ, приказалъ всѣмъ снять шапки, перекреститься на всѣ стороны, а затѣмъ, надѣвши шапки, плюнуть на выстроенную аптеку, послѣ чего велѣлъ музыкантамъ играть маршъ „Громъ побѣды раздавайся“, а слугамъ палить изъ пушекъ...

О чудачествахъ пана маршала не мало ходило разныхъ анекдотовъ. Однажды во время жовнинской ярмарки съ нимъ случился такой казусъ. Устройство кукольныхъ балагановъ было очень незатѣйливо; публика пользовалась мѣстами не по нумерамъ и плата была общая: шагъ или грошъ. Представленіе смѣняло посѣтителей черезъ каждые 1/2 часа. Мальчишки, не имѣющіе чѣмъ заплатить, ухитрялись даромъ *дивитъся на кумедію*, ложась на землю и приподнимая полки балагана, но это вскорѣ было замѣчено смотрителемъ и по распоряженію хозяина балагана велѣно было всякій разъ бросать имъ въ лицо песокъ, когда поднимутся полки балагана. Панъ маршалъ отправился со своими гостями осматривать ярмарку и, подойдя къ балагану, который былъ запертъ по случаю начавшейся комедіи, недолго

думая, приподнялъ полки балагана и тотчасъ былъ осыпанъ массой песка. Кто можетъ описать его гнѣвъ, оскорбленіе? Опомнившись, онъ тотчасъ призвалъ казаковъ, велѣлъ созвать музыкантовъ и дворовыхъ съ канчуками, гости окружили балаганъ, а ярмарочная толпа поскорѣй давай Богъ ноги, предчувствуя, что сентенція пана маршала не знаетъ ни апелляціи, ни кассаціи, ни снисхожденій, изрекая при этомъ „гдѣ страхъ, тамъ и Богъ". Хозяинъ балагана скоро былъ вытащенъ, поваленъ на землю, гдѣ ему всыпали 200 канчуковъ и немедленно разодрали балаганъ, отправивъ его въ другой уѣздъ. Этотъ самосудъ не остался однако безнаказаннымъ уже введенными общими судебными учрежденіями въ малорус. губ. и по рѣшенію уголовной палаты маршалъ присужденъ былъ къ уплатѣ 200 руб. потерпѣвшему. Исполненіе приговора было возложено на коммиссара Бочарова, который, зная характеръ Булюбаша, долго не рѣшался объявить ему рѣшенія палаты и, наконецъ, улучивъ минуту, передалъ въ мягкихъ выраженіяхъ свое порученіе, которое противъ ожиданія было принято довольно спокойно; правда, при этомъ не обошлось безъ крѣпкихъ словъ по адресу судившихъ, но маршалъ согласился подчиниться приговору, съ условіемъ, чтобы потерпѣвшій самъ пришелъ за полученіемъ денегъ въ 8 часовъ вечера; по полученіи денегъ потерпѣвшимъ была выдана росписка маршалу, что онъ больше не имѣетъ никакихъ претензій и въ будущемъ имѣть къ Булюбашу не будетъ. Возвращаясь обратно въ сумеркахъ черезъ панскія угодія, жалобщикъ неожиданно былъ схваченъ выскочившими изъ засады людьми, тутъ же положенъ на землю и награжденъ 200 ударами не канчуковъ, а розогъ. Съ того времени его балаганъ не являлся больше на жовнинской ярмаркѣ, а самъ онъ, уѣзжая, сказалъ окружавшимъ его людямъ: „теперъ я понявъ добре, що зъ дужчымъ не борысь и зъ багатымъ не позывайся".

Свою маршальскую службу закончилъ Павелъ Ивановичъ слѣдующимъ эпизодомъ. На послѣднихъ выборахъ, когда ему сообщили, что по большинству бѣлыхъ шаровъ должность предводителя дворянства переходитъ къ Максимовичу, онъ, повернувшись спиной къ публикѣ, отпустилъ дворянству такое непе-

чатное словцо, которое трудно и передать. При своей тучности П. И. любилъ плотно покушать и при томъ нѣсколько разъ въ день, пилъ кофе, шеколадъ, спиртныхъ напитковъ не употреблялъ и часто страдалъ разстройствомъ пищеваренія. Пріѣхавъ на ярмарку въ Градижскъ, куда стекалось всегда множество народу и почувствовавъ себя худо, онъ велѣлъ везти себя въ Гриньки, довѣряя больше всего своему цирюльнику (брадобрѣю) Ивану Степановичу Колотѣевскому (своему крестнику), за которымъ признавалъ немаловажныя медицинскія познанія, отчего тотъ былъ извѣстенъ болѣе въ народѣ подъ названіемъ, „паньского лѣкаря“. Но въ Гриньки онъ привезенъ былъ уже въ полусознательномъ состояніи и помочь было невозможно. На другой день онъ скончался и былъ скромно погребенъ въ сосѣднемъ селѣ Горбахъ.

Л.

ДВѢНАДЦАТЬ ПУНКТОВЪ ВЕЛЬЯМИНОВА.

3-го іюля 1722 года, въ Глуховѣ умеръ гетманъ Скоропадскій. Онъ не пережилъ послѣдняго удара, который нанесъ Петръ гетманской власти учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи.

Смерть избавила престарѣлаго гетмана отъ униженія состоять подъ командой бригадира Вельяминова и другихъ штабъофицеровъ Коллегіи.

Положеніе края было смутно и тяжело. Изъ соціальнаго хаоса, въ какой онъ былъ погруженъ въ половинѣ XVII-го вѣка, уже возникло общество; его элементы вышли изъ первоначальнаго броженія, но еще не окрѣпли, не пришли въ состояніе вполнѣ устойчиваго равновѣсія. А между тѣмъ уже новый страшный толчокъ потрясалъ до основанія это неокрѣпшее общество. Петръ, со всей своей страстной и всесокрушающей энергіей, втиснулъ и Малороссію въ ту общерусскую государственную тягу, которая обязательна была въ Великороссіи.

Уже не говоря о тягостныхъ, истощавшихъ край, постоянныхъ войнахъ, тысячи за тысячами лучшихъ силъ страны гибли на государственныхъ работахъ, при устройствѣ укрѣпленій и крѣпостей, рытьи каналовъ, какъ на сѣверѣ съ его суровымъ климатомъ, тамъ и на югѣ, среди нездоровыхъ знойныхъ степей Каспійскаго прибрежья.

А въ то же время, независимо отъ всего этого, въ малорусскомъ обществѣ шла подпольная борьба. Поспольство чувствовало, что узы его зависимости отъ владѣльцевъ стягиваются все тѣснѣе, жмутъ все больнѣе и больнѣе. Оно не могло и не хотѣло примириться съ такимъ положеніемъ и глухо волновалось. Всякая

катастрофа или просто крупное измѣненіе наверху, на исторической сценѣ, отзывалось взрывомъ, хоть и частичнымъ, народнаго неудовольствія, направленнаго противъ владѣльцевъ. Такимъ взрывомъ сопровождалась и смерть Скоропадскаго.

Съ другой стороны, вновь народившееся изъ козацкой старшины, малорусское панство было цѣликомъ поглощено своимъ соціальнымъ вопросомъ, который былъ для него вопросомъ существованія, роковымъ вопросомъ о томъ, „быть или не быть" ему, какъ дворянству, какъ сословію привилегированному.

Все зависѣло отъ того, успѣетъ ли оно закрѣпить за собой народъ съ землей и трудомъ: только подъ этимъ условіемъ будущность его могла бы быть обезпечена, тогда оно могло бы разсчитывать на прочное общественное положеніе, соединенное съ правами наслѣдственнаго дворянства; въ противномъ случаѣ оно ничто, случайно поднявшійся гребень общественной волны, который спадетъ въ слѣдующій же моментъ по волѣ той или другой стихіи.

Понятно, что передъ этимъ вопросомъ блѣднѣли и стушевывались всѣ другіе вопросы—историческихъ или иныхъ правъ, политической или національной независимости и т. д. А главное, не могло же панство упустить хоть на одинъ моментъ изъ виду того, что въ случаѣ настоящаго, сильнаго народнаго взрыва, его спасеніе было возможно лишь подъ сѣнью русскаго оружія, и нигдѣ больше. Въ свою очередь и народъ былъ убѣжденъ, что только въ центральной правительственной власти онъ могъ найти поддержку противъ пановъ. Съ своей стороны, русское правительство дѣлало все, чтобъ поддержать въ народѣ эту увѣренность: однимъ изъ первыхъ дѣйствій Малороссійской Коллегіи былъ разосланный по краю универсалъ, который высказывался въ этомъ смыслѣ вполнѣ откровенно [1]). Третье главное сословіе малорусскаго общества козачество, съ одной стороны, было до нельзя ослаблено государственными тяготами, которыя ложились почти исключительно на него; съ другой, разбито въ своихъ

---

[1]) Оговариваемся, что мы сами не знаемъ этого универсала, а пишемъ о немъ со словъ Костомарова (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. 14, ст. Павелъ Полуботокъ, стр. 231).

интересахъ, примыкая верхнимъ слоемъ къ панству, нижнимъ къ поспольству.

Слѣдствіемъ этихъ взаимныхъ отношеній между сословіями, а равно отношеній каждаго изъ нихъ къ русской власти было то, что край былъ переполненъ неудовольствіемъ; но оппозиціи по отношенію къ крутымъ мѣрамъ русскаго правительства, сознательнаго и организованнаго сопротивленія, ни даже стремленія, наклонности къ оппозиціи нигдѣ не было и тѣни. Петръ могъ дѣлать, что ему угодно. Малороссійская Коллегія такъ же спокойно водворилась и открыла свои засѣданія въ Глуховѣ, какъ могла бы это сдѣлать въ любомъ изъ городовъ Россійской Имперіи.

Но человѣчеству свойственно питаться иллюзіями... Традиціи старинныхъ правъ и вольностей были такъ привлекательны и еще такъ свѣжи; обѣщанія о ненарушеніи ихъ еще такъ недавни: а вѣдь это были обѣщанія никого инаго, какъ Петра, обѣщанія человѣка страшной, исполинской силы, которая слишкомъ чувствовалась всѣми, силы, не нуждавшейся, какъ иная сила, во лжи и дипломатическихъ уловкахъ. Забывалось только или просто не понималось, что Петръ уже давно успѣлъ включить Малороссію въ свою идею „государства", которая безраздѣльно властвовала надъ его душей. Что были для него всѣ эти обѣщанія, вынужденныя когда то обстоятельствами? Можетъ быть, непріятная, но, во всякомъ случаѣ, ничтожная подробность. Петръ могъ припоминать въ иныя минуты, что люди называютъ это несправедливымъ, что кому то отъ этого больно, могъ искренно пожалѣть старика Скоропадскаго, но въ сущности все это были для него такіе пустяки, съ которыми совсѣмъ не стоило считаться. Вѣдь онъ, Петръ, хочетъ пріобщить и малорусскій народъ къ тому великому благу, которое онъ творитъ для своей родины, творитъ, не щадя ни себя, ни другихъ. Къ чему тутъ эта жалкая старшина съ ея какими то жалкими правами?

Но старшина надѣялась, что Малороссійская Коллегія ограничится ролью высшей аппелляціонной инстанціи по отношенію къ генеральному суду. Однако бригадиръ Вельяминовъ не да-

ромъ былъ выбранъ Петромъ въ президенты Коллегіи. Это былъ человѣкъ крутаго нрава. „Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мной?“ кричалъ Вельяминовъ Полуботку, наказному гетману: „Ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!“ На замѣчаніе Полуботка о неприличіи такого его, бригадирскаго, поведенія при чтеніи высочайшаго указа— „я вамъ указъ!“ было отвѣтомъ. И все это не была одна свойственная тогдашнимъ московскимъ людямъ грубость; дѣло шло за словомъ. Коллегія видимо хотѣла захватить въ свои руки всѣ главныя нити управленія краемъ и энергически принялась за дѣло. Старая войсковая организація скоро должна была сдѣлаться лишь ненужнымъ придаткомъ къ новой власти, въ лучшемъ случаѣ—ея исполнительнымъ органомъ. Вельяминовъ олицетворялъ собою смертный приговоръ всему старому строю. Понятно, что генеральная старшина не могла остаться индифферентной. Бороться съ надеждой на успѣхъ она не могла; но не могла она также хоть чѣмъ нибудь не проявить, что существуетъ. Все время, впрочемъ очень непродолжительное, отъ смерти Скоропадскаго и назначенія наказнымъ гетманомъ Полуботка до отъѣзда Полуботка въ Петербургъ (іюль 1722 г.—августъ 1723 г.) наполнено этой quasi—борьбой Полуботка съ Вельяминовымъ, генеральной старшины съ Малороссійской Коллегіей.

Разумѣется, ничего драматическаго въ этой борьбѣ не было: никакихъ коллизій, ни трагическихъ моментовъ или эффектныхъ положеній. Финалъ всей этой борьбы — вызовъ Полуботка въ Петербургъ со всѣми послѣдствіями, конечно, не лишенъ драматизма, но старые малорусскіе лѣтописцы и историки такъ испортили все, что было въ этомъ эпизодѣ истинно драматическаго, сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивымъ освѣщеніемъ, такъ поспѣшили задрапировать Полуботка въ тогу римскаго гражданина, что пока лучше оставить все это въ покоѣ. Борьба на самомъ дѣлѣ велась самымъ скучнымъ и прозаическимъ способомъ—канцелярской перепиской. Указы, доношенія, промеморіи шли изъ Малороссійской Коллегіи въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и обратно; шли въ полки, сотни, и обратно; нако-

нецъ—и что самое главное—бумаги изъ Малороссійской Коллегіи шли въ Петербургъ и тоже шли обратно.

Рѣшающее вліяніе во всей этой перепискѣ имѣли представленія отъ Малороссійской Коллегіи въ Петербургъ. Условія жизни сложились однако же такъ, что, какъ ни ясенъ былъ смыслъ всей этой канцелярской борьбы, какъ ни отчетливо читался онъ между строкъ, все таки на поверхности стояли вопросы о сборахъ, о привлеченіи козаковъ въ посполъство и о пр. Всѣ эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для характеристики борьбы, если она только можетъ нуждаться въ характеристикѣ, но они имѣютъ значеніе для уясненія положенія дѣлъ въ краѣ, и съ этой точки зрѣнія очень не мѣшаетъ съ ними познакомиться.

Мы совершенно случайно натолкнулись среди листовъ дѣла, взятаго въ харьковскомъ архивѣ[1]), на одинъ интересный документъ. Документъ этотъ—двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ Вельяминовъ формулировалъ свои столкновенія съ генеральной старшиной. Повидимому, съ этими пунктами ѣздилъ Вельяминовъ въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, на нихъ отмѣчено: „поданы Его Императорскому Величеству“ и т. д.; извѣстно, что за этой поѣздкой послѣдовалъ и вызовъ Полуботка. Этотъ документъ, важный и интересный по содержанію, не былъ обнародованъ; поэтому мы и прилагаемъ его цѣликомъ. Здѣсь же разберемъ его постольку, поскольку онъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе Малороссіи.

Вельяминовскіе пункты обнимаютъ собою два главныхъ предмета, на которыхъ происходили по преимуществу столкновенія Малороссійской Коллегіи съ генеральной старшиной: это сборы и отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ, т. е. козацкой старшины къ козачеству и посполъству. Сборы, ихъ организація и все, до нихъ относящееся, естественно, было главнѣйшимъ предметомъ попеченія русскаго правительства, и понятно, почему половина пунктовъ относится именно сюда. Но въ данный моментъ другой вопросъ—объ отношеніяхъ козацкой стар-

---

[1]) Малороссійскій Архивъ при харьковскомъ университетѣ. Дѣло подъ № 995.

шины къ низшимъ классамъ выдвинулся по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ на первый планъ. Въ этомъ вопросѣ были такія нити, посредствомъ которыхъ русское правительство легко могло держать въ рукахъ всѣ общественные элементы края. Выше уже показано отчасти, въ чемъ тутъ было дѣло. Но здѣсь мы еще дадимъ нѣкоторыя объясненія.

Между владѣльцами и посполъствомъ происходила борьба, и это была уже не канцелярская борьба на бумагѣ, а борьба настоящая съ энергичнымъ наступленіемъ и такимъ же сопротивленіемъ, если безъ смертоубійствъ, то, во всякомъ случаѣ, не безъ розогъ, канчуковъ, плетей. Владѣльцы дѣлали все, что могли, чтобъ обратить подданныхъ въ свою живую собственность; крестьяне дѣлали все, что могли, чтобъ отстоять свою недавнюю свободу, свой свободный трудъ, свою собственную землю; однако они должны были отступать шагъ за шагомъ, такъ какъ противъ нихъ была вся организація мѣстнаго войсковаго управленія, спаянная круговой порукой насущнаго личнаго интереса. Закрѣпощеніе шло неизмѣнно и быстро впередъ, хотя и неровными шагами. Къ описываемому нами времени оно еще не успѣло уйти очень далеко: сколько можно судить по драгоцѣннымъ документамъ, приводимымъ г. Лазаревскимъ [1]), для описываемаго нами момента можно было принять за обычную норму повинностей посполитыхъ два дня въ недѣлю работизны и осенщину. Но нормы въ этихъ случаяхъ всегда оказываются растяжимыми, даже когда они закрѣплены закономъ; здѣсь же не было никакого общаго правоваго закрѣпленія. Поэтому эластичность ихъ оказывалась чрезвычайной. Кромѣ того являлись возможными уже и исключенія въ такомъ родѣ, что владѣлецъ, напримѣръ, „могъ зъ кождого двора по человѣку съ конемъ высылать уставичне безъ перемѣны кождого дня на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ [2])“... А надо замѣтить, что исключенія этого рода имѣ-

---

[1]) Записки черниговскаго губ. стат. Комитета 1866 г., книга первая, ст. „Малороссійскіе посполитые кретьяне“.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

ютъ постоянную коварную тенденцію какъ разъ обращаться въ правило, а затѣмъ и въ законъ. Къ этому же моменту относятся и жалобы крестьянъ, приводимыя тамъ же[1]) на пана Ѳедора Гречанаго, одного изъ трехъ малорусскихъ членовъ Малороссійской Коллегіи (назначенныхъ вслѣдъ за смертью Полуботка). Все это дѣло представляетъ картину крайне утѣсненнаго положенія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего могли ждать истцы, подавая просьбы такимъ лицамъ, къ которымъ отвѣтчикъ обращался „полецая себя" ихъ „непремѣнному братерскому назавше аффектови" [2]).

Смерть Скоропадскаго и нововведенія, которыми она сопровождалась, оживили надежды крестьянъ на улучшеніе ихъ участи. Вотъ чрезвычайно характерныя слова изъ одной владѣльческой жалобы, которыми обрисовывается положеніе: „Подданные наши, уже лѣтъ отъ сорока намъ въ послушенствѣ обрѣтающіеся, по мѣрѣ своей служили; а теперь, или съ чьихъ наговоровъ, или сами собой, въ развращеніе пришли, и не хотятъ належитого своего отдавати послушенства; сами между собою бунтъ вчинаютъ до зáводовъ, который сильнѣйшій, то убогого бьетъ, и нѣтъ средствъ какъ ихъ унять бо отказуютъ: не можетъ зъ насъ нихто теперь учинити справедливости, а державцѣ своего не боимося! И осторожно мы теперь съ ними обходимся, боясь, чтобъ отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьѣ не пострадать" [3]). Интересно, что подразумѣвалъ жалобщикъ подъ „чіими наговорами?" Не былъ ли это намекъ на дѣйствія великорусскаго правительства? Недаромъ же Полуботокъ и Чарнышъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, которое производилось надъ ними въ Петербургѣ, говорили, что Вельяминовъ разсылалъ офицеровъ внушать посполььству, чтобъ оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ [4]). Костомаровъ упоминаетъ также и объ универсалѣ, которымъ Коллегія, при самомъ своемъ учрежденіи, оповѣстила по всей Малороссіи, чтобы всѣ, „которые имѣютъ

---

[1]) Ib. стр. 55 и слѣд.

[2]) Ib. стр. 57.

[3]) Ib., стр. 67—68.

[4]) Костомаровъ, стр. 234.

какое нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства, подавали жалобы въ Коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлью, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малорусскихъ властей [1]).

Какъ бы то ни было, поспольство волновалось. Въ іюлѣ Полуботокъ сдѣлался наказнымъ гетманомъ, а уже въ августѣ онъ разсылалъ въ полки универсалы, въ которыхъ были угрозы ослушному поспольству [2]). Но безпорядки продолжались. Въ декабрѣ Полуботокъ и генеральная старшина уже снова „требовали", какъ пишетъ Вельяминовъ въ 10-мъ изъ нижеприлагаемыхъ пунктовъ, „совѣту, чтобъ послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось, будто поспольство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащаго отдавать послушанія, и ежели гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность, такихъ брали въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали". Вельяминовъ объявилъ старшинѣ, „дабы они того не чинили, понеже, усмотря то, прочая старшина станутъ поспольству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины", а совѣтовалъ, „дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять". Полуботокъ и генеральная старшина не приняли этого совѣта и разослали свои универсалы. Изъ-за этого то и загорѣлся сыръ-боръ. Конечно, онъ не загорѣлся бы, еслибъ всѣми прочими условіями не былъ доведенъ до того, что достаточно было къ нему поднести малѣйшую искру, чтобъ онъ ярко вспыхнулъ. Тѣмъ не менѣе, любопытно все-таки, что именно эти универсалы были краеугольнымъ камнемъ обвиненія (на слѣдствіи въ Петербургѣ) противъ Полуботка и его товарищей [3]). Замѣтимъ при томъ, что въ указѣ,

---

[1]) Ib. 231.

[2]) Лазар., стр. 68.

[3]) Костомар., стр. 233.

который представлялъ собою отвѣтъ на пункты Вельяминова, не упоминается объ этомъ, повидимому, такъ обострившемся и такъ интересовавшемъ правительство крестьянскомъ вопросѣ ни одного слова. Очевидно, что интересъ правительства къ этому вопросу былъ интересомъ не по существу дѣла, а лишь по временнымъ политическимъ соображеніямъ. Да и могло ли оно быть иначе? Вѣдь въ то же самое время въ Великой Россіи происходила первая ревизія, которая была существеннымъ шагомъ къ окончательному закрѣпощенію народа, какъ это отчетливо показываетъ Бѣляевъ [1]).

Въ самой тѣсной связи съ этимъ краеугольнымъ пунктомъ обвиненія противъ старшины стоитъ пунктъ 8-й. Здѣсь затрогивается вопросъ, который и потомъ долго возбуждалъ вниманіе правительства, вызвалъ нѣсколько специальныхъ указовъ, загромоздилъ архивы Малороссійской Коллегіи и Генеральной Канцеляріи массою дѣлъ: это переходъ козаковъ въ посполитые (дѣла „о посполитыхъ, ищущихъ козачества"). Вельяминовъ, на основаніи нѣкоторыхъ жалобъ, поданныхъ въ Малороссійскую Коллегію, обвинялъ старшину въ томъ, что она выключаетъ козаковъ изъ козацкой службы и беретъ ихъ насильно себѣ въ подданство; на генеральную же старшину и Полуботка набрасывалась тѣнь сознательнаго потворства и укрывательства всѣхъ такихъ злоупотребленій. Фактъ злоупотребленій былъ, по свидѣтельству Вельяминова, подтвержденъ розысками оберъ-офицеровъ, которые съ этой цѣлью высланы были Коллегіей. Но, повидимому, Вельяминовъ въ этомъ своемъ обвиненіи положилъ слишкомъ густыя краски на поведеніе старшины, и самъ это чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по недостаточно рѣшительному тону этого пункта. „А по розъискамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволи", пишетъ Вельяминовъ, отступая отъ своей обычной

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 251 и слѣд.

категоричности. Само петербургское слѣдствіе, сколько можно судить о немъ по статьѣ Костомарова, громоздившее всевозможныя вины на Полуботка и старшину, не подняло вопроса объ этомъ предметѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, оправдывалось ли подобное обвиненіе положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ такой рѣзкой и категорической его формѣ? Великороссу, человѣку незнакомому съ условіями мѣстной жизни, который натолкнулся бы на два-три факта обращенія козака въ посполитые при давленіи пана, напр. путемъ задолжанія, могло бы bona fide показаться, что онъ имѣетъ дѣло съ страшнымъ злоупотребленіемъ. Но чтобы вѣрно судить объ этихъ фактахъ, надо не упускать изъ виду слѣдующаго соображенія. Конечно, съ великорусской, или вообще съ государственной точки зрѣнія между козакомъ и посполитымъ была огромная разница—это были два общественныхъ элемента съ совершенно различными функціями и значеніемъ; но дѣло въ томъ, что жизнь еще не успѣла отлить эти элементы въ прочныя, соотвѣтствующія ихъ функціямъ формы. Да и когда же было успѣть? Вѣдь все это начало осѣдать и кристаллизоваться изъ хаотическаго состоянія всего какихъ нибудь полстолѣтія съ небольшимъ тому назадъ. Двѣ эти общественныя группы, посполъство и козачество, обозначились тотчасъ же,—но обозначились какъ? „Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе осталися въ мужикахъ“, вотъ какъ говорится объ этомъ въ одной тогдашней рукописи [1]). Кто имѣлъ возможность, по имущественному и семейному положенію, по наклонностямъ и энергіи, записываться въ козаки, записывался; кто не могъ, оставался въ мужикахъ. Этой первоначальной свободѣ не такъ то было легко положить конецъ, хоть она и шла совершенно въ разрѣзъ со всѣми цѣлями государственнаго благоустройства. Удержать не только личность, но даже землю при опредѣленной общественной функціи оказывалось дѣломъ очень труднымъ: только съ 1739 г. вошелъ въ силу законъ о неотчуждаемости козачьей земли лицамъ некозачьяго сословія. До тѣхъ же поръ „за прежній давній обычай и по волностямъ грунта

[1]) Лазар., 6.

по куплѣ и иными образы отъ козаковъ въ посполитые, а отъ посполитыхъ въ козачіи руки отходили безпрепятственно, и непрежде землѣ утвержденія, гдѣ посполитая, а гдѣ козачая неположено" [1]). Понятно, что посполитый, еще лично свободный, покупая, получая въ приданое, въ даръ или по наслѣдству козачью землю, дѣлался или могъ дѣлаться козакомъ; понятно, что и козакъ, получая такимъ же образомъ землю посполитаго, дѣлался или могъ дѣлаться посполитымъ. Все это было дѣломъ доброй воли и желанія владѣльца земли, хотя, при извѣстномъ стеченіи условій, могло имъ и не быть: при благопріятномъ оборотѣ, можно было, пожалуй, освободить себя и отъ всѣхъ обязательствъ, при неблагопріятномъ—можно было быть вынужденнымъ принять тѣ или другія во что бы то ни стало, вынужденнымъ даже при помощи „вязення" или „кіевъ". Все это понятно для общества, еще не отлившагося въ прочныя формы. Если же принять все это въ соображеніе, то едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ о систематическихъ злоупотребленіяхъ со стороны старшины, о насильственномъ обращеніи ею козаковъ въ подданство. Конечно, злоупотребленія могли случаться и, по всей вѣроятности, случались, но въ нихъ не было никакой общей и настоятельной надобности; старшина могла дѣлать то же самое самымъ легальнѣйшимъ образомъ, тѣмъ же путемъ экономическаго давленія богатаго на бѣднаго, какой практикуется испоконъ вѣковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Козакъ могъ и продать свою землю пану, и заложить ее, и такимъ образомъ дать ему права надъ собой; могъ и просто, тяготясь козачьей службой, придти къ мысли о томъ, чтобъ укрыться отъ всего за широкой спиной властнаго и добраго пана. Однимъ словомъ, въ пунктѣ 8-мъ Вельяминовъ, обобщая свое обвиненіе, или задался сознательно намѣреніемъ очернить старшину во что бы то ни стало, или былъ самъ введенъ въ заблужденіе по незнанію мѣстныхъ условій.

Но все таки большая часть пунктовъ была посвящена сборамъ и вопросамъ, къ нимъ относящимся. Государство, да къ

---

[1]) Малор. Архивъ. Дѣло подъ № 2066.

тому же еще Петровское государство съ его страшными потребностями и до нельзя стѣсненными средствами, не могло упускать изъ виду интересовъ фиска. До сихъ поръ Малороссія, можно сказать, не давала никакихъ прямыхъ доходовъ въ государственную казну (не считая консистентскихъ дачъ). Необходимо было измѣнить дѣло: съ одной стороны, надо было увеличить доходы, съ другой, организовать сборъ ихъ такъ, чтобъ они попадали въ государственную казну. Для всего этого уже приняты были нѣкоторыя предварительныя мѣры. Скоропадскій самъ подалъ поводъ къ вмѣшательству. При немъ, какъ извѣстно, войсковымъ скарбомъ завѣдывалъ его частный управляющій Иванъ Даровскій; понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи о строгомъ порядкѣ или отчетности. Его смертью русское правительство воспользовалось, чтобъ, такъ сказать, упорядочить сборы. Сбирать доходы продолжали еще „ихъ же малороссійскіе люди", урядники, войты, бурмистры, райцы, лавники и опредѣленные генеральной старшиной сборщики изъ „людей добрыхъ и пожиточныхъ", которые могли бы гарантировать сборы своимъ имуществомъ. Но сбирались сборы уже подъ строгимъ контролемъ Малороссійской Коллегіи и доставлялись ей. Любопытно, что Малороссійская Коллегія не брезгала даже такими сборами, какъ яица, гуси, капуста и т. д.: все это шло на гетманскую кухню (пунктъ 6). Въ этомъ направленіи оставался еще одинъ послѣдній шагъ—назначеніе фискальныхъ агентовъ самимъ правительствомъ: на необходимость этого шага и намекаетъ Вельяминовъ въ 9 пунктѣ. Не менѣе важно было увеличеніе сборовъ. До сихъ поръ дѣло сборовъ находилось въ такомъ положеніи. Сборы дѣлались на слѣдующія главнѣйшія надобности: на войско, бывшее при гетманѣ, на церкви и монастыри, на гетмана, на ратуши, на полковниковъ, сотниковъ, войтовъ и прочую старшину. Войско содержалось на доходы съ арендъ, хотя при Скоропадскомъ дѣлались также и сборы съ полковъ на сердюковъ и компанейцевъ. На содержаніе гетмана и старшины шли: индукта съ товаровъ, стація съ нѣкоторыхъ посполитыхъ людей, покуховное, показанщина, хлѣбъ отъ мельницъ съ войсковыхъ частей, поколющина и покабанщина, тютюнная десятина, десятина медовая и нѣк.

др. Это были доходы войсковаго скарбу; а гетманскій дворъ имѣлъ еще и свои спеціальные доходы. Ратуши сами дѣлали свои сборы и распоряжались ими.

Отъ сборовъ въ войсковой скарбъ была свободна старшина и все знатное войсковое товарищество. Изъ пунктовъ Вельяминова видно, въ какомъ направленіи дѣлались первые шаги къ увеличенію доходовъ. Это было, прежде всего, уничтоженіе всѣхъ платежныхъ льготъ—мѣра, вызвавшая было даже противодѣйствіе со стороны сената; затѣмъ расширеніе покуховнаго, очень важнаго сбора въ виду распространенности винокуренія; далѣе, привлеченіе ратушныхъ доходовъ въ общій фискальный оборотъ (пункты 2, 4, 5). Нечего и распространяться о томъ, какъ задѣвало все это матеріальные интересы старшины. Но ей ничего не оставалось, кромѣ пассивнаго сопротивленія недоставленіемъ вѣдомостей, справокъ (пунктъ 11), безъ чего Коллегія, впрочемъ, умѣла обходиться. Недостатку свѣдѣній должна была помочь и ревизія, которая имѣла мѣсто въ томъ же 1723 г.

И такъ, нашъ обзоръ Вельяминовскихъ пунктовъ почти законченъ. Остаются не разсмотрѣнными только два пункта. О пунктѣ 7-мъ, касающемся содержащихся подъ карауломъ „поповъ и прочихъ чиновъ тамошнихъ малороссійскихъ обывателей въ непристойныхъ словахъ, касающихся чести Его Императорскаго Величества“, сказать нечего: мы ничего не знаемъ объ этомъ дѣлѣ. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго 12-го пункта—о комендантахъ. Коменданты, какъ начальники мѣстныхъ гарнизоновъ, повидимому, были старымъ учрежденіемъ; но съ появленіемъ Малороссійской Коллегіи нѣкоторымъ изъ нихъ (въ г.г. Стародубѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ) поручена была новая важная обязанность. Изъ нихъ образовано было что то въ родѣ военно-административной цензуры, обязанной слѣдить за сношеніями генеральной старшины съ полковыми управленіями. Установленъ былъ такой порядокъ дѣлопроизводства по важнымъ дѣламъ (важными дѣлами считались, на первомъ планѣ, наряды войска, денежные и хлѣбные сборы, публикованіе смертныхъ экзекуцій и наклады на посполъство, а затѣмъ и другіе). Всякій указъ или универсалъ съ та-

кимъ содержаніемъ, посылаемый генеральной старшиной въ полки, долженъ былъ быть представляемымъ въ копіи въ Малороссійскую Коллегію. Коллегія пересылала эти копіи комендантамъ. Обязанность комендантовъ заключалась въ слѣдующемъ. Получая копіи съ универсаловъ изъ Малороссійской Коллегіи, коменданты должны были свѣрять ихъ съ подлинными документами, получаемыми мѣстной полковой старшиной. Если бы универсалы оказались несходны съ копіями, или еслибъ обнаружились универсалы безъ соотвѣтствующихъ копій, то коменданты обязаны были не допускать такіе универсалы къ исполненію. Сомнительные же подлинники коменданты должны были отбирать и держать при себѣ, посылая съ нихъ копіи въ Малороссійскую Коллегію и ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Коллегіи[1]).

Прилагаемъ въ подлинникѣ пункты Вельяминова и промеморію, заключающую въ себѣ распоряженія Петра по этимъ пунктамъ.

Александра Ефименко.

Пункты, поданные Его Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургѣ марта 31-го дня 1723 года.

1.

Въ Малой Россіи сборы, какъ было начаты собирать въ казну Вашего Величества съ сочиненія Коллегіи до полученія указу изъ Правительствующаго Сената, нынѣ оные попрежнемуль собирать все въ казну Вашего Величества, и ежели собирать—все то такимъ образомъ, какъ сборщики показали, или сбирать во всѣхъ полкахъ и сотняхъ равнымъ образомъ, понеже помянутые сборщики показали, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ, сборы неравные.

2.

Покуховное, показанщина, пчельная, табачная десятины, съ мельницъ войсковая часть, такожъ и прочіе сборы, какъ видно по сборщиковымъ вѣдомостямъ, прежде сего сбирали въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ, сотниковъ и прочую стар-

[1]) Малор. Арх. Дѣло подъ № 995.

шину съ козаковъ убогихъ и съ посполитыхъ людей, а старшина и знатные козаки и полковые товарищи, и монастырскіе и церковные владѣльцы, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, противъ помянутыхъ козаковъ и посполитыхъ надлежащихъ сборовъ не платили, а нынѣ оные со всѣхъ ли равнымъ образомъ сбирать.

3.

Оброчныя статьи, которыя прежде сего въ Малой Россіи были на откупѣ, нынѣ охочимъ людямъ, ежели кто пожелаетъ взять на откупъ съ торгу и съ наддачи, отдавать ли, понеже изъ малороссійскихъ обывателей и прежде сего въ Малороссійской Коллегіи объ отдачѣ имъ тѣхъ статей на откупъ требовали указу.

4.

Во всей Малой Россіи покуховное берется токмо съ шинкарей съ вышинкованныхъ куфъ, а малороссійскіе тамошніе обыватели многіе продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ куфъ по сту и по двѣсти и больше, а покуховнаго, какъ берется съ вышинкованной куфы, не платятъ, а платятъ токмо скатного по 6 алтынъ по 4 деньги и по 8 алтынъ по 2 деньги; а нынѣ съ такихъ продавцовъ или купцовъ противъ вышинкованной куфы покуховное равнымъ образомъ брать ли.

5.

Въ Кіевѣ до ратуши имѣетъ быть разного званія сборы, на которые той ратуши войтъ съ магистратомъ объявили въ Малороссійской Коллегіи Вашего Императорскаго Величества жалованныя грамоты, чтобъ того сбору для всякихъ ихъ отправленій быть при той ихъ ратушѣ; а нынѣ тѣ ихъ ратушскіе сборы противъ другихъ малороссійскихъ ратушъ въ казну Вашего Величества собирать ли.

6.

Съ гетманскихъ маетностей сбираны гетману на булаву и на кухню сборы, кромѣ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, шубы, сапоги, козлины, чулки, рукавицы, полотна, сани, телѣги, всякая пряжа, яйца, яловицы, бараны, гуси, утки, капуста и про-

чіе сборы тому же подобные, которые прежде сего употреблялись въ домъ гетманской на его домовые расходы,—а нынѣ оное по смерти гетманской съ тѣхъ маетностей собирать ли, и ежели собирать, на какіе расходы употреблять, понеже скотину и птицъ ежели держать, то на кормъ онымъ птицамъ въ расходъ хлѣба употребляться будетъ немалое число, а ежели впредь онаго не собирать, то нынѣшнее собранное куда употребить.

7.

По поданнымъ въ Малороссійскую Коллегію доношеніямъ отъ малороссійскихъ обывателей, содержутся во оной Коллегіи подъ карауломъ изъ поповъ и изъ прочихъ чиновъ тамошніе малороссійскіе обыватели въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ Вашей Императорскаго Величества чести, по которымъ доношеніямъ во оной Коллегіи кѣмъ надлежитъ розыскивано, а по розыску оные за ними и явилось, и съ такими что чинить.

8.

Изъ малороссійскихъ посполитыхъ людей бьютъ челомъ въ Коллегіи на генеральную и прочую старшину и на другихъ владѣльцовъ, что дѣды и отцы ихъ, а изъ нѣкоторыхъ и они, челобитчики, многіе годы служили козацкую службу и были въ разныхъ походахъ, а старшина изъ той козацкой службы написали ихъ, а другихъ и по неволи взяли къ себѣ въ подданство. По которымъ ихъ прошеніямъ писано изъ Коллегіи къ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ Коллегію прислали извѣстіе, оные челобитчики, дѣды и отцы ихъ съ козаками по реестру написаны ль; на что они отвѣтствіемъ объявили: давнихъ де козацкихъ реестровъ у нихъ не сыскано, а которые есть реестры, и по тѣмъ имянъ ихъ, челобитчиковыхъ, нѣтъ. Чего ради въ тѣ села, гдѣ оные челобитчики жительство имѣютъ, для розъиску тамошними и сторонними старинными козаками и мужиками посыланы изъ Коллегіи оберъ-офицеры, а по розъискамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и

въ походахъ бывали, а старшина-де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволѣ, и нынѣ оные челобитчики въ Коллегіи просятъ, дабы имъ по прежнему изъ подданства быть въ козацкой службѣ. И по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по розъискамъ оныхъ челобитчиковъ, также и впредь ежели будутъ такіе же подавать о томъ прошенія, изъ подданства по прежнему въ козацкую службу опредѣлять ли.

9.

По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго и на оное въ рѣшительныхъ въ 7-мъ пунктѣ показано въ городѣхъ быть урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе денежные и хлѣбные сбирать на Ваше Императорское Величество и отдавать въ казну тѣмъ людямъ, которые отъ Вашего Величества присланы будутъ, да тѣмъ же присланнымъ людямъ надъ тѣми сборщики смотрѣть, чтобъ дѣлали правду. А нынѣ по указу Вашего Величества изъ Малороссійской Коллегіи для сбора денегъ и хлѣба и прочего сборщики изъ ихъ же людей опредѣлены во всѣ малороссійскіе полки, а для усмотрѣнія надъ тѣми сборщики, чтобъ въ томъ сборѣ дѣлали правду, надлежитъ опредѣлить изъ какихъ чиновъ Ваше Величество изволите десять человѣкъ людей добрыхъ, чтобъ въ каждомъ полку было по одному человѣку, а безъ такихъ нарочно къ тому дѣлу опредѣленныхъ за тѣми сборщики Коллегіи усмотрѣть неможно, понеже многіе малороссійскіе городы отъ Глухова имѣютъ быть въ дальнемъ разстояніи.

10.

По указу Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената велѣно мнѣ съ черниговскимъ полковникомъ Полуботкомъ и генеральною старшиною во всѣхъ ихъ дѣлахъ присутствовать и смотрѣть, дабы ничего противнаго Вашего Величества интересу чинено не было, и буде что усмотрю, того имъ не позволять. А прошедшаго 722 года декабря 15-го дня оной полковникъ и генеральная старшина требовали отъ меня совѣту, чтобы послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось будто посполство, подданные

легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащего отдавать послушанія, и ежели бъ гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность такихъ брали въ тюрмы и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали. Что я усмотря объявлялъ имъ, полковнику и генеральной старшинѣ, дабы они того не чинили, понеже усмотря то прочая старшина станутъ посполъству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины, а объявлялъ имъ, дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, и о такихъ бы прежде освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять; токмо онъ полковникъ и генеральная старшина, не принявъ того моего совѣту, оные универсалы въ Малую Россію послали. И ежели впредь оная старшина будутъ чинить такіе отправленія безъ моего совѣту, и въ томъ какимъ образомъ съ ними поступать.

11.

Въ Малороссійской Коллегіи надлежитъ для всякихъ отправленій имѣть обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, такожъ къ расположенію квартиръ на драгунскіе полки о дворовомъ числѣ да имянные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малой Россіи, и о прочемъ, которые многократно требованы отъ полковника Полуботка и генеральной старшины, токмо они такихъ вѣдомостей въ Коллегію не дали, а нынѣ ежели прилучится изъ Малороссійской Коллегіи взять изъ котораго полку ко исправленію Вашего Величества дѣлъ какія вѣдомости или о чемъ справиться, и для того въ тѣ полки къ полковникамъ или къ кому надлежитъ указы изъ Малороссійской Коллегіи мимо генеральной старшины посылать ли.

12.

Указомъ Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената въ Малороссійскую Коллегію объявлено о бытіи въ малороссійскихъ полкахъ опредѣленнымъ изъ Сенату комендантомъ, а именно въ Стародубѣ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, Полтавѣ, которые въ тѣ полки и прибыли. А велѣно тѣмъ комендантамъ,

будучи во оныхъ городѣхъ, присланные отъ полковника Полуботка и генеральной старшины къ тамошнимъ малороссійскимъ полковникомъ указы и универсалы съ присланными жь къ тѣмъ комендантамъ изъ Коллегіи съ такихъ же указовъ и универсаловъ копіями свидѣтельствовать, а по свидѣтельству ежели будутъ несходны то оныхъ до дѣйства не допущать. О чемъ я письменно предлагалъ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ тѣ полки къ полковникомъ послали отъ себя указы, чтобъ тѣ полковники онымъ комендантомъ присланные къ нимъ отъ нихъ, генеральной старшины, указы и универсалы объявляли. Токмо того онъ, полковникъ, не учинилъ, а объявилъ въ Коллегію промеморіею, что о объявленіи-де тѣмъ комендантомъ оныхъ универсаловъ указу Вашего Величества они у себя о томъ собственнаго не имѣютъ. Того ради дабы указомъ Вашего Величества повелѣно было оному полковнику и генеральной старшинѣ объявить, дабы они впредь по предложенію отъ Малороссійской Коллегіи во отправленіи Вашего Величества дѣлъ имѣли отправленіе безо всякія отговорки, дабы затѣмъ во исправленіи положенныхъ на оную Коллегію дѣлъ не имѣло быть остановки.

Промеморія отъ 3-го іюня 1723 года.

Изъ Коллегіи Малороссійской въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

По именному его Императорскаго Величества указу, который во оной Коллегіи сего іюня 3 дня чрезъ г-на Бригадира Вельяминова полученъ за подписаніемъ Его Величества собственной руки, велѣно учинить слѣдующее: 1. Въ Малороссіи всякіе доходы, денежные и хлѣбные, о которыхъ показали сборщики, сбирать въ казну урядникамъ и войтамъ малороссійскаго народа, такъ какъ сбирано, и принимать у нихъ въ Малороссійскую Коллегію. и изъ тѣхъ сборныхъ денегъ жалованье давать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. 2. Съ малороссійскихъ старшинъ и знатныхъ козаковъ и войсковыхъ товарищей и съ монастырскихъ и съ церковныхъ вла-

дѣльцевъ, которые у себя имѣютъ козаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, съ такихъ со всѣхъ надлежащіе сборы брать равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого. 3. Съ малороссійскихъ же обывателей, которые продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ малымъ и великимъ числомъ куфъ, съ тѣхъ съ такого продажнаго вина въ отвозъ брать равно какъ и съ вышинкованныхъ куфъ. 4. Которые посполитые люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ быть въ козацкой службѣ попрежнему для того, что дѣды и отцы ихъ, а нѣкоторые и сами челобитчики прежде сего служили въ козакахъ многіе годы и были въ походахъ, а старшина и другіе владѣльцы написали ихъ, а иныхъ и по неволѣ къ себѣ взяли въ подданство,—того ради для подлинной о таковыхъ справкѣ изъ войсковой канцеляріи взять съ прежнихъ давнихъ и съ нынѣшнихъ козацкихъ реестровъ списки. А чтобъ оные присланы были конечно немедленно, о томъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Его Императорскаго Величества указъ посланъ изъ Малороссійской Коллегіи. Съ тѣми реестрами справливаться и изъ которыхъ дѣды и отцы и сами челобитчики въ козацкой службѣ прежде были написаны, тѣхъ по ихъ челобитью писать въ козаки по прежнему. А буде прежнихъ давнихъ реестровъ не сыщется, о такихъ свидѣтельствовать малороссійскими жителями, и ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козацкой службѣ были, тѣхъ по тому жъ писать въ козаки. 5. У полковника Полуботка и генеральной старшины взять обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, такожъ къ расположенію квартиръ на полки о дворовомъ числѣ, именные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малороссіи и о прочемъ; во умедленіи же оной или когда надобно будетъ въ Коллегію изъ котораго полку ко исправленію по указу дѣлъ такія вѣдомости или о чемъ справки, то посылать и мимо генеральной старшины. 6. Полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ посылаемые къ полковникамъ всѣ указы и универсалы, которые когда имѣютъ быть посланы о какомъ генеральномъ положеніи и публикованіи какихъ указовъ, о нарядахъ войска, о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ,

о публикованіи смертныхъ экзекуцій и публичныхъ наказаній, о накладахъ на поспольство и о другихъ важныхъ дѣлахъ подписывать обще, а безъ коллежской подписи никуда никакихъ указовъ не посылать и по нимъ въ городѣхъ не дѣйствовать. А о прочихъ, которые не касаются до какого генеральнаго опредѣленія, но токмо въ ихъ партикулярныхъ дѣлахъ, оное имъ не воспрещается и безъ коллежской подписи. Того ради Войсковая Генеральная Канцелярія да благоволитъ о томъ вѣдать и о присылкѣ во оную коллегію означенныхъ вѣдомостей и о прочемъ исполненіе учинить, какъ означенный Его Императорскаго Величества имяпной указъ повелѣваетъ, и что учинено будетъ въ Коллегію Малороссійскую объявить промеморіею.

ГРАФИНЯ Е. М. РУМЯНЦЕВА.

(*Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу графу П. А. Румянцеву—Задунайскому 1762—1779 г. Издалъ графъ Д. А. Толстой*).

Письма гр. Румянцевой, изданныя графомъ Д. А. Толстымъ въ этомъ году, относятся къ послѣднему періоду ея жизни и писаны къ мужу, когда онъ находился на высотѣ своего могущества. Изъ 222 писемъ сборника подлинники 147 хранятся въ маковской библіотекѣ гр. Д. А. Толстаго, а тексты 75 писемъ взяты изъ бумагъ Государственнаго Архива: графъ П. А. Румянцевъ [1]), съ 1775 г. получившій наименованіе Задунайскаго, въ періодъ изданной нынѣ переписки съ женой былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи; въ 1768—1770 г., командуя сперва первою, потомъ второю арміею, прославился въ Турецкой войнѣ: онъ же заключилъ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ въ іюлѣ 1774 г. Жена Петра Александровича Румянцева, Екатерина Михайловна, авторъ упомянутыхъ писемъ, была дочь фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына отъ втораго его брака съ княжною Татьяною Борисовною Куракиною. Родилась 1714 г.; вышла замужъ 34 лѣтъ (въ 1748 г.) за 23-хъ лѣтняго Румянцева и имѣла отъ него сыновей—Михаила, Сергѣя и Николая (р. 1754 г.) впослѣдствіи государственнаго канцлера, предсѣдателя Государственнаго Совѣта и основателя Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Екатерина Михайловна Румянцева, подъ конецъ жизни (1773 г.) пожалованная статсъ дамой и въ 1776 г. награжденная орденомъ св. Екатерины, умерла 22 августа 1779 г.

[1]) Род. 1725 г., ум. 1796 и похороненъ въ Кіево-Печерск. лаврѣ.

Письма Румянцевой важны для насъ, во-первыхъ, какъ матеріалъ для характеристики взаимныхъ отношеній графа и графини,—тѣхъ отношеній, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на нравственный образъ суроваго героя, перваго генералъ-губернатора Малороссіи; во вторыхъ, неменѣе любопытны для насъ письма въ отрывкахъ, касающихся юга Россіи, края, которымъ въ теченіи долгаго времени правилъ мужъ Екатерины Михайловны.

Что на оборотной сторонѣ медали никогда не найдешь того блеска и красоты, какъ на лицевой—старая истина. Но люди всегда увлекаются широкими движеніями, шумнымъ блескомъ, великими, по силѣ производимаго впечатлѣнія, подвигами. И рѣдко кто помнитъ, что есть другая сторона жизни, гдѣ величіе лицъ и событій отражается иначе, гдѣ льются слезы незримыя никѣмъ, невѣдомыя никому... Мемуары, письма, рѣдкіе отрывки историческихъ матеріаловъ даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ отражались эти великія событія и подымавшееся значеніе чиновниковъ ихъ на людяхъ близкихъ героямъ, людяхъ, тѣсно связанныхъ съ ними узами дружбы, любви или родственными отношеніями. Однако, важно знать и для выясненія эпохи, и для характеристики великихъ людей, какова оборотная сторона ихъ жизни,—среди тѣснаго круга близкихъ людей можно искать пружины немалыхъ событій, поражавшихъ потомъ міръ своею грандіозностью и необычайностью.

Подвигъ за подвигомъ возвеличивалъ Румянцева... Но уже съ 1756-го года Петръ Александровичъ не живетъ съ своею супругою, которая любитъ его искренно и вѣрно, но не любима юнымъ и пылкимъ полководцемъ, оторвавшимся среди военныхъ походовъ отъ привычки жить спокойною семейною жизнью. 27-го іюня 1762 года изъ Москвы, гдѣ проживала брошенная Румянцевымъ жена съ тремя сыновьями, она пишетъ графу: „Батюшка мой Петръ Александрычь, въ неописанной горести, что писемъ не получаю. Вчерась пріѣхала княгиня Бѣлосельская, которая присылала сказывать, что тебя видѣла и ты, слава Богу, здоровъ. Казалося бы, знавъ такую оказію вѣрную, можно написать, да, знать, что несчастіе мое часъ отъ часу умножается и въ горести

уже безъ примѣру огорчена, а за что, то Богъ знаетъ, такъ забыта, не для меня сдѣлай милость пока жива, хоть для бѣдныхъ дѣтей того удовольстія не отымай, что пиши. Шесть лѣтъ живучи, и такъ быть огорченной! Боже мой, когда бы конецъ мой, вѣкъ прекратилъ, можетъ быть бы бѣдныя дѣти въ жалость пришли тебѣ. Правда, что я въ горести нонеча много утѣшена. Бѣдныя дѣти уже пятая недѣля были больны все, что я боялася и за тѣмъ и въ деревню по сю пору не ѣду, что бы имъ да справиться послѣ болѣзни и въ грусти сидя, жду почту, думаю, что хоть то утѣшеніе буду имѣть, что письмо получу, анъ нѣтъ ни строчки и ни слуху, ни вѣсти. *Умѣть то все это переносить, конечно, моей натурѣ желѣзной!* И такъ, батюшка мой, самимъ Богомъ тебя прошу, сдѣлай милость сжалься въ мое горестное состояніе, вздумай, что мое благополучіе въ твоихъ рукахъ, жизнь и конецъ мой сдѣлать, за что же такъ меня огорчать, истинно нимало передъ тобою не виновата, а единственно горячностью любви моей къ тебѣ и такъ, окончивъ, пребуду покорная, вѣрная жена Г. К. Румянцева" (стр. 2—3). И у Екатерины Михайловны была желѣзная натура: она постоянно бодрилась, постоянно „всѣ огорченія въ жизни сносила съ тѣмъ, что утѣшалася надеждою, что и (онъ) увидѣвъ (ея) поступокъ противъ (него) сжалится надъ нею" (стр. 6). Но не тутъ то было... Графъ и слышать не хотѣлъ о сближеніи, избѣгая о томъ даже и разговоровъ. Онъ завелъ любовницу, и графиня въ томъ же году съ огорченіемъ пишетъ мужу: „жену бросить и сокрушить, это плюнуть, а матресу покинуть жаль" (стр. 11). Больше всего мучилась бѣдная мать думая, что нелюбовь къ женѣ заставляетъ графа не обращать никакого вниманія и на дѣтей: „дѣти", пишетъ она, „нонѣ отъ меня погибаютъ, какая я имъ мать могу назваться, что отъ меня единственно они страждутъ" (стр. 12). Но за то „всѣ горести безпримѣрныя претерпѣваю", говоритъ она, „не изъ чего другаго, какъ единственно для бѣдныхъ дѣтей" (стр. 19). И изъ наболѣвшей отъ долгаго страданія души вырывается опять скорбный плачъ на свою долю: „не сердись, Бога ради, я сіе истинно безъ сердца пишу, но слезами горькими, видѣть, какъ я несчастна въ свѣтѣ рождена" (стр. 23).

„Вижу уже“, говоритъ она дальше, „что тебѣ совсѣмъ ненадобна, и ты въ жизни уже ничего для меня и сдѣлать не хочешь, а я льщу себя еще надеждою, что человѣколюбія изъ одного ты войдешь въ мое состояніе когда нибудь и увидишь правость мою предъ собою. Боже мой, плача сіе пишу, такая тоска нашла, что жизнь не мила“ (стр. 27).

Но надежда, поздняя, пустая надежда не разъ закрадывается въ ея сердце, измученное долгимъ томленіемъ въ отсутствіи любимаго человѣка... Въ торжественные дни съ необыкновенною нѣжностію и скромностію она поздравляетъ мужа съ наступленіемъ праздниковъ и робко проситъ, не будетъ ли въ будущемъ больше счастья, чѣмъ въ прошлыхъ годахъ, годахъ мучительныхъ для одинокой, не любимой, старѣющей женщины... И все несчастье потому такъ обидно, говоритъ Румянцева, „что тебя много люблю, и себя сокрушаю и тебѣ досаждаю“ (стр. 24). Выразивши нѣсколько разъ болѣе рѣшительно желаніе возвратить прошлое, возвратить себѣ счастье еще на мигъ, желаніе жить вмѣстѣ съ мужемъ, она, когда замѣтила неудовольствіе Румянцева, пишетъ ему: „какъ писать начать сама не знаю, вижу, что въ проступокъ попала тѣмъ, что считала вмѣстѣ съ вами жить для пользы общей и дѣтей, особливо первое“ (стр. 93). Графъ все время съ 1756 г. до смерти жены (1779 г.) избѣгаетъ какъ встрѣчи съ нею, такъ въ особенности совмѣстной съ нею жизни. Раза два, и то на короткое время имъ приходится свидѣться. Въ Москвѣ, гдѣ больше всего жила графиня, мужъ не заѣзжаетъ къ ней въ домъ. Значительная доля его нежеланія жить въ столицахъ зависѣла, можетъ быть, именно отъ необходимости постоянно видаться тогда съ матерью его троихъ дѣтей, статсъ-дамой двора и московской старожилкой. Графиня въ одномъ письмѣ (отъ 11 окт. 1764 г.) проситъ мужа сдѣлать ей удовольствіе, дозволить ей одной безъ дѣтей пріѣхать къ нему (стр. 36). Не знаемъ, согласился ли графъ, но съ женой онъ не жилъ подолгу никогда, послѣ того какъ разошелся въ 1756 году.

Графиня не была только любящей и нелюбимой женой: она—хорошая и толковая хозяйка; письма ея къ мужу полны заботъ о томъ, какъ бы увеличить благостояніе своей семьи, не

растратить накопляющихся богатствъ. То она старается ввесть фабричное дѣло въ своихъ имѣніяхъ, то стремится, сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ бриллiанты, подаренные мужу или преподнесенный ему сервизъ, реализировать мертвый капиталъ въ доходную статью. Екатерина Михайловна накопляла и хранила тѣ средства, которыя создали грандiозное богатство Румянцевыхъ. Но хранить нужно было уже послѣ первой турецкой войны, когда на графа посыпались великiя и богатыя милости, до этого же времени приходилось не копить, а сводить концы съ концами и бояться разоренiя, тѣмъ болѣе что Румянцевы жили на два дома. Въ 1767 г. графиня жалуется, что она принуждена будетъ „для себя съ дѣтьми занять, что бы учителямъ ихъ платить, ихъ и себя содержать“ (стр. 80), а въ 1768 г. еще рѣшительнѣе говоритъ что „со всѣми доходами сочтяся, мы не можемъ ни долгу заплатить, ни дому себѣ построить, и такъ знать вѣкъ доживать“. (стр. 95). Нужно сказать, что, несмотря на обширное хозяйство, графиня часто слѣдила не за общимъ ходомъ дѣла, а увлекалась мелочами по хозяйству, старалась выгадать какiе нибудь пустяки (свойство веденiя хозяйства женщинами) и впадала въ излишнюю расчетливость изъ за копѣекъ. Разсчетъ у нея вездѣ: „Меня дарили штофомъ, я принуждена была по обычаю одаривать и купила двѣ кострюли серебряныхъ, за которыя заплатила 120; разсудилася, что бы табакерка еще дороже пришла, а это виднѣе и мнѣ дешевле обошлось“ (стр. 18). Но не однѣ заботы о хозяйственныхъ мелочахъ, что въ значительной степени развязывало руки ея мужу, занимали жену знаменитаго человѣка... Росли дѣти,—необходимо было дать имъ хорошее образованiе, и такъ какъ тогда существовала система гувернеровъ—учителей, то нужно было найти подходящаго, да при томъ еще человѣка серьезнаго и знающаго. Мать обращается къ графу, которому сподручнѣе найти учителя, такъ какъ онъ гораздо болѣе чѣмъ она вращается среди людей; вотъ графиня и напоминаетъ мужу, что „у етмана (Разумовскаго) всѣ лучшiе учителя были изъ Варшавы, потому что они такой платы не получаютъ въ лучшемъ домѣ, какъ у насъ въ россiи послѣднему даютъ“ (стр. 49). Наконецъ учитель найденъ за дорогую плату—400 р. въ годъ (стр.

50), но за то человѣкъ солидный. Сама Екатерина Михайловна слѣдила за образованіемъ дѣтей и, хотя не могла дать имъ отъ себя никакихъ знаній, но въ дѣлѣ нравственнаго вліянія она, видимо, внесла немало хорошаго и возвышеннаго въ настроеніе своихъ дѣтей. Въ одномъ письмѣ (отъ 27 апр. 1764 г). графиня говоритъ: „дѣтей препоручая въ милость, пишешь, чтобы Миколашкѣ я дала что къ именинамъ отъ тебя; воля твоя, этого не сдѣлаю, что бы не сдѣлать промежду братьевъ завидости. Ты писалъ, Мишѣ пришлешь, а не прислалъ, а этому дать; такъ пускай всѣмъ ничего, а утѣшатся тѣмъ, что съ собой привезешь; я же николи одному предъ другимъ ничего лишняго не давала, даже что и въ одинакомъ платьѣ вожу, что бы не думали одинъ предъ другимъ, что лучше получилъ" (стр. 27—28). Мы должны не забывать, что Николай Румянцевъ, прославившійся своими жертвами для отечествовѣденія и основатель музея—сынъ Екатерины Михайловны и своими добрыми зачатками вполнѣ обязанъ матери—отецъ въ это время устраивалъ Малороссію. Графъ даже когда сыновья подросли, не хотѣлъ ни помогать имъ въ ихъ военной карьерѣ, ни пріучать ихъ къ военнымъ дѣламъ въ своемъ лагерѣ, что казалось вполнѣ естественнымъ и удобнымъ его женѣ. Сама графиня заботится о подрастающихъ сыновьяхъ, съ безпокойствомъ слѣдитъ за первыми шагами въ свѣтѣ, поощряетъ ихъ въ добромъ, руководитъ ими и подаетъ имъ часто мелочные, но необходимые совѣты. Въ 1774 г. она доставила двумъ старшимъ сыновьямъ возможность путешествовать заграницей съ извѣстнымъ Гриммомъ. Всюду видно желаніе, чтобы дѣти оказались образованными людьми.—Хлопотливая дѣятельность Екатерины Михайловны по хозяйству, постоянныя заботы о воспитаніи дѣтей отвлекали брошенную жену отъ скорбныхъ думъ объ одиночествѣ. А одиночество было полное, тоскливое...

Графиня большею частью жила на сѣверѣ, графъ въ Малороссіи. Одно время (1766 г.) Екатерина Михайловна провела въ м. Дубовичахъ (глухов. у.) и въ Глуховѣ (Румянцевъ былъ тогда въ Петербургѣ). Глуховъ графинѣ не понравился: „Пустоты и скуки Глуховской описать невозможно послѣ такого людства и такъ теперь не больше какъ человѣкъ шесть, а то все разъ-

ѣхались и разъѣзжаются“ (стр. 46). Это было въ январѣ, въ іюнѣ „истинно такая тоска и скука; Глуховъ совсѣмъ пустъ, всѣ по деревнямъ разъѣзжаются“ (стр. 61). Даже черезъ годъ на жалобы мужа о глуховской скукѣ графиня пишетъ: „вѣрно, батюшка, что скучно въ Глуховѣ, я знаю, каково было“ (стр. 73). Что бы какъ нибудь разогнать скуку, Екатерина Михайловна ѣздила по окресностямъ: въ февралѣ ѣздила „въ Дубовицы Богу молиться (стр. 49). Въ маѣ „всѣ въ Батуринъ ѣздили и тамъ двѣ ночи ночевали и сюда воротились, время очень хорошо было, и тамъ были на фабрикѣ суконной, гдѣ красильня, да еще гдѣ и ковры дѣлаютъ, и такъ опять сюда воротились на старое жилище“ (стр. 58); въ сентябрѣ „на ярмонку въ Каралевицъ ѣздила и дѣтямъ купила, что надобно, а паче суконъ каждому на двѣ пары и чулковъ, и всякой мелочи для нихъ“ (стр. 65). Но эти поѣздки не могли быть постоянными; въ Глуховѣ графиня все таки скучаетъ, она проситъ мужа приказать „французкія газеты сюда... пересылать по почтѣ“ (стр. 51), а то „я теперь безъ всякихъ сижу, ни русскихъ, ни французскихъ нѣту“ (стр. 54). Въ Малороссіи удивляетъ графиню, что „около Глухова снѣгу множество и третьяго дня только рѣка прошла, а въ Полтавѣ на полѣ цвѣтъ, уже и скотина ходитъ, въ Лубенскомъ полку пашутъ, вотъ какая разнота, а все Украина“ (стр. 53). Но событія ея жизни текутъ на югѣ чрезвычайно медленно и однообразно. Сообщеній и новостей въ письмахъ почти никакихъ, развѣ о балѣ, что она давала въ Глуховѣ 29-го іюня или по поводу слуха, что „въ Кіевъ посылается новый губернаторъ Федоръ Матвѣевичъ Вачиновъ“ (стр. 57). Но Екатерина Михайловна была наблюдательный человѣкъ и хорошо замѣчала многія особенности малорусскаго хозяйства, что выразилось въ ея порученіяхъ о кое какихъ покупкахъ въ Малороссіи, винокуренномъ дѣлѣ и проектахъ по поводу украинскихъ „мазанокъ“. Въ 1767 г. графиня пишетъ мужу: „прикажи, батюшка, купить, въ Глуховѣ продаютъ много подносовъ лаковыхъ, мнѣ для кофе, когда гости случаются“ (стр. 80). Въ 1768 г. Екатерина Михайловна поручаетъ „купить двѣ половинки сукна бѣловатаго для людей на шинели, въ Украйнѣ гораздо дешевле здѣшняго, да дѣтямъ камлоту на

шубы къ зимѣ, потому что въ Глуховѣ камлотъ по 75 коп. такой здѣсь по 120 коп.“ (стр. 99—100). Въ письмѣ 1769 года стоитъ: „въ Полтавѣ будучи, буде увидишь бумажныя матеріи продажныя пожалуй, батюшка, пришли мнѣ, что бы кусочка по два одинакія или бы три одинакихъ, онѣ недороги; княгиня... сюда къ своимъ роднымъ прислала и пишетъ, что по 4 р. кусочикъ; или кисеи хорошей шитыми травочками, то бы просила прислать для платья; здѣсь оное въ великой модѣ, и всѣ носятъ и дорого очень покупаютъ“ (стр. 132).

Винокуреніе въ Малороссіи дало поводъ графинѣ устроить и у себя винокурни на малорусскій маперъ. Екатерина Михайловна писала мужу изъ Глухова: „да еще батюшка хотѣла тебѣ доложить, не прикажешь ли здѣсь поискать винокура нанять, котораго бы въ Чебарчино отправить, потому онъ бы тамъ обучилъ по здѣшнему сидѣть; ты самъ батюшка знаешь, какъ здѣсь вино выгодно передъ нашимъ: мы рады коли по три ведра изъ четверти выходитъ, а здѣсь 6 четвериковъ ржи да два четверика овса—4 ведра хорошаго выходитъ“ (стр. 67). Въ имѣніе Румянцевыхъ Чебарчино былъ отправленъ винокуръ. Графиня взяла у казны подрядъ на доставку вина; объ этомъ она пишетъ мужу такъ: „не думаю, что бы они изъ Украины покупали вино, хотѣли рядить съ поставкою, давали по рублю по десяти копеекъ, а слышу, что они посылали офицеровъ, которые тамъ покупали добровольно по рублю на мѣстѣ за ведро... А что Туманскій тебѣ на меня солгалъ, будто я ведя счетъ на Середину Буду[1]) и хотѣла въ подрядъ, онъ ко мнѣ приступалъ и совѣтовалъ, что бы я вошла, а съ Мельгуновымъ поговорила и обѣщалъ барыша намъ сдѣлать 10 тысячъ. Только ты меня знаешь, какъ мнѣ входить безъ твоей воли въ эдакія дѣла, да и деревни не наши, и я какая управительша, только я нонеча слышала, что будто многіе малороссіяне покупаютъ въ Польшѣ вино и недороже, какъ по 40 и 50 ведро, и продаютъ въ казну по 1 рублю и свыше, такъ это правда барышъ великъ, такъ объ этомъ тебѣ, батюшка извѣстнѣе, правда ли, а что по рублю съ радостію да-

[1]) Мѣстечко новгородсѣв. у., пожалованное Румянцеву „на столъ“.

дутъ здѣсь; я не знаю, что прикажешь дѣлать, буде еще понеча насъ спросятъ къ будущему году пятую часть подряжаться ли?" (стр. 83). Но винокуреніе не удалось; неурожай слѣдующаго (1768-го) года сильно поднялъ цѣну хлѣба; графиня пишетъ Румянцеву: „объ винѣ, какъ и прежде писала, что никаковой надежды нѣтъ... мы рожь и пшеницу по сю пору не меньше, какъ по два съ полтиною покупаемъ четверть, а высѣдимъ вина 3 ведра, а за три ведра въ Балакнѣ беремъ полтора рубли, такъ уже тутъ рубль накладу, а въ Алатырѣ за три ведра беремъ по сороку алтынъ, такъ тутъ прибавляемъ по рублю по тридцати копѣекъ" (стр. 87). Въ 1769 году винокуреніе въ Чебарчинѣ прекратилось совсѣмъ.

Присмотрѣвшись, что въ Малороссіи живутъ въ мазанкахъ, графиня рѣшила устроить такія же мазанки для своихъ крестьянъ, Проектъ она сообщила мужу: „писала въ Глуховъ, князь Платона Степаныча просила, чтобы нанялъ мнѣ 8 человѣкъ такихъ, которые умѣютъ дѣлать мазанки—туда бы ихъ отправить... Не знаю, апробуешь ли ты мою выдумку, только боюся, что сдѣлаютъ ли все такъ; мнѣ черезъ это бы хотѣлося и мужиковъ вести, чтобы они зачали избы себѣ дѣлать, вѣдь въ Украинѣ живутъ же и все въ мазанкахъ" (стр. 139). Но едва ли мазанки особенно пришлись по вкусу великорусскимъ крестьянамъ... Екатерина Михайловна узнала на Украинѣ и о червцѣ. Для ея фабрикъ эта краска казалась выгоднѣе „канцелеи", и графиня пишетъ мужу: „да пожалуй не забудь прислать, пока я здѣсь, этой краски, что въ Украинѣ теперь берутъ, червецъ. Мнѣ хочется при себѣ пробу сдѣлать, не годится ли она вмѣсто канцелеи, которую дорогою цѣною покупаютъ, а слышу, что на другихъ фабрикахъ все украинскую употребляютъ, такъ я бы пробу видѣла при себѣ" (стр. 101).

Таковы были хлопоты подвижной и энергической женщины, озабоченной увеличеніемъ, насколько возможно, богатствъ своей семьи и улучшеніемъ своего обширнаго хозяйства.

Образъ Екатерины Михайловны вырисовывается передъ нами самыми симпатическими чертами. Полная любви къ мужу, она больше двадцати лѣтъ живетъ въ разлукѣ съ нимъ и несмотря

на это, всегда стремится сберечь время и силы своего мужа: она озабочена финансовой стороной жизни, она—охранительница богатства Румянцевыхъ и этимъ въ значительной степени даетъ графу возможность сосредоточить все свое вниманіе на дѣлахъ государственныхъ. Наконецъ, что всего важнѣе, графиня—воспитательница дѣтей и въ числѣ ихъ славнаго Николая Петровича Румянцева. Эти три заслуги Екатерины Михайловны ставятъ ее въ рядъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ.

Съ одной стороны,—въ судьбѣ этой энергичной женщины отразилось много разъ повторяющееся положеніе: оборотная сторона медали не то, что лицевая; за великими подвигами скрыто много слезъ и страданій, и велико бремя, налагаемое знаменитыми людьми на близкихъ своихъ;—съ другой стороны, графиня—женщина своего вѣка. Сама она не уяснила себѣ, что (помимо мужнинаго величія) самый способъ заключенія браковъ по расчету безъ добраго чувства, безъ общей симпатіи и искренняго влеченія—одна изъ причинъ всего горя и мученій, что тяготятъ надъ людьми, устроившими свою судьбу такъ, какъ случилось это съ Екатериною Михайловною. Прочтите письмо, гдѣ заботливая мать говоритъ о желаніи ея женить старшаго сына на богатой невѣстѣ, которой сынъ и не знаетъ... „Я конечно знаю, Михайла Петровичъ изъ воли нашей не выйдетъ; когда это намъ надобно, такъ онъ женится“, добавляетъ мать (стр. 187—188). Таковы нравы времени. Мать своими собственными руками создаетъ сыну, почти навѣрное, то положеніе, какое душу вымучило втеченіи всей ея безпокойной и тоскливой жизни.

Русская историческая наука скажетъ большое спасибо издателю писемъ гр. Румянцевой: они раскрываютъ яркую картину семейной жизни блестящаго вѣка; въ слезахъ любящей матери и „покорной, вѣрной“ жены читается полное осужденіе такого порядка жизни, гдѣ мужъ имѣетъ всѣ права, жена—никакихъ.

И. Житецкій.

АРХИВЫ ВЪ ГАЛИЦІИ.

(*Окончаніе* [1]).

Оригинальныхъ (пергаментныхъ и др.) документовъ (грамотъ, актовъ и др.) въ библ. Оссол. множество. Важнѣйшіе изъ нихъ уже напечатаны въ разныхъ изданіяхъ (Dodatek do Gaz. Lwowsk., Akta grodzkie и пр.). Есть между этими актами и русскіе. Большинство ихъ списалъ проф. черновицкаго универс. г. Калужняцкій и весьма любезно предоставилъ свой списокъ въ наше распоряженіе. Считаемъ не лишнимъ предложить здѣсь содержаніе этихъ актовъ.

1. (№ 550) 1461, дек. 22. Въ Луцкѣ. Панъ Ивашко Васильевичъ продаетъ князю Семену Васильевичу Несвижскому свою отчину, дворъ и село на имя Ровное.

2. 1463, іюля 10. Въ Луцкѣ. Условіе князей Василія и Семена Васильевичей Збаражскихъ относительно спуска ставовъ Ивачевскихъ.

3. 1466, іюня 20. Въ Острогѣ. Панъ Янко Чапличь мѣняетъ свою отчину Голче на дворъ князя Ивана Васильевича Острожскаго Межирѣчье и обязывается служить князю съ этого двора, если же онъ или дѣти его не захотятъ служить князю Острожскому, то могутъ свободно отъѣхать, но лишаются имѣнія.

4. Въ Луцкѣ іюля 4 инд. ӣ (1475—1490). По порученію короля Казиміра кн. Алекс. Сангушковичъ, п. Мих. Монтовтовичъ и п. Олизаръ Шиловичъ разбираютъ споръ между кн. Михаиломъ Васильевичемъ Збаражскимъ и его дядей кн. Семеномъ

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., августъ.

Васильевичемъ о наслѣдствѣ послѣ князя Солтана. По рѣшенію судей наслѣдство дѣлится пополамъ, при чемъ кн. Михаилъ взялъ гор. Вишневецъ и Таражъ, а кн. Семенъ Городокъ, Маневъ и село Лапушное.

5. 1475. Болѣе подробная раздѣльная грамота тѣхъ же князей наслѣдствомъ кн. Солтана.

6. 1478. Тоже разд. грамота на то же имѣніе.

7. 1481, 1 апр. Раздѣльная грамота между кн. Михаиломъ Васильевичемъ Збаражскимъ, его дядиной кн. Марьей Семеновой и ея зятемъ кн. Семеномъ Юрьевичемъ наслѣдствомъ кн. Семена Васильевича Колоденскаго, при чемъ кн. Михаилу Васильевичу отошли Маневъ, Вербовецъ, Передьмирка и Борсуковци, княгинѣ же Марьѣ, ея дочери Настасьѣ и зятю Семену—Городокъ.

8. Іюня 2-го, инд. перваго (1498). Въ Вильно. Корол. грамота пану троцкому Яну Юрьевичу по жалобѣ кн. Конст. Иван. Острожскаго, что Янъ Юрьевичъ „привернулъ" къ Новгородку двухъ человѣкъ Любейка и Богдана Зубовичей, служившихъ къ Зетелѣ (?); король велитъ Яну отдать этихъ людей съ ихъ землями кн. Острожскому.

9. 1507 [1]), ноября 24. Въ Городнѣ. Король подтверждаетъ раздѣлъ наслѣдства между кн. Александромъ Юрьевичемъ, старостою берестейскимъ, и его братаничемъ кн. Юріемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ (наслѣдство послѣ бабки князя Юрія, матери кн. Александра, и дядей кн. Юрія, кн. Василія и Юрія). Кн. Александру достаются имѣнія въ Станковѣ, Житинѣ, Глускѣ, Голшанехъ, Шошолехъ „со всѣми селы боярскими и слугами путными и з людми тяглыми и данники и слободичи со всѣми их землями".

10. 1543 г., мая. 29. Въ Кременцѣ. Раздѣлъ имѣнія (Жижниковцы, Борзовщина) между п. Федоромъ Корницкимъ и сестрой его Филкой, женою Мартына.

11. Инд. 4, іюля 24 (1531?). Въ Острогѣ. Вслѣдствіе жалобы Ивана Покотиловича, служебника кн. Константина Ивановича

---

[1]) По инд. 1508.

Острожскаго, на княгиню Ровенскую Марью Семеновую, отнявшую у Покотила его отчину Богдашовъ, выслуженную его отцомъ на п. Олизарѣ, кн. Конст. Остр., по просьбѣ кн. Маріи, своей тещи, даетъ Покотилу въ замѣнъ за им. Богдашевъ 3 дворища (Пятигорщину и Костиковщину, подлѣ Ровно).

12. 1529, февр. 13. Въ Вильно. Король дозволяетъ кн. Конст. Ивановичу Острожскому въ его замкѣ Чернеховѣ „мѣсто садити и корчмы мѣти", даетъ мѣсту магдеб. право и дозволяетъ учредить еженедѣльный торгъ и ярмарку на Обрѣзаніе Господне.

13. Инд. 5, ноября 6-го (1532). Въ Вильно. Андрей Станковичъ, бояринъ господарскій, переуступаетъ кн. Конст. Ивановичу Острожскому двѣнадцать человѣкъ данниковъ на имя Ючинцовъ „з даню грошовою и медовою и з бобровыми гоны", отданныхъ ему к. Маріей Федоровной Григоревой и ея сыновьями Михаиломъ и Якубомъ въ заставъ за долгъ 30 золотыхъ черленыхъ.

14. 1531, августа 3. Въ Неполомицахъ. Король подтверждаетъ замѣнъ им. Здѣтеля, пожертвованнаго покойнымъ кн. Конст. Иван. Острожскимъ, когда онъ находился въ московскомъ плѣну, митрополіи кіевской къ церкви св. Пречистой, на имѣнія „материстыя" кн. Ильи Конст. Остр.—Шешолы, Свиряны и Крошты.

15. Безъ даты. Въ Городкѣ. Донесеніе королевскаго коммиссара, командированнаго для разсмотрѣнія споровъ между кн. Ильей Константиновичемъ Острожскимъ и его мачихой, вдовой кн. Конст. Ив. Острожскаго.

16. 1531, авг. 4. Въ Неполомицахъ. Королевское подтвержденіе купчей на им. Сатыевъ въ луцкомъ повѣтѣ, купленное покойнымъ кн. Конст. Ив. Острожскимъ у п. Яна Яновича Довойновича.

17. 1531, ноября 5. Въ Пузыришкахъ. Сайдала Менбулатовичъ, хорунжій татарскій, отдаетъ п. Донину Семеновичу, служебнику воеводы виленскаго, въ заставъ за долгъ 80 копъ гр., своихъ данниковъ въ Реваничахъ, „а я Саидала у тотъ час печати своее при собѣ не мѣлъ, ино есми для лепшое справедливости клеино свое на тотъ листъ свои наложил власною рукою своею по татарскии написал же то лист мои справедливыи

вызнаныи как то и в первых листех моих тымже обычаем стоит" (слѣдують слова татарскія).

18. 1534, апр. 2-го. Въ Вильно. Король приказываетъ старостѣ слонимскому и мстиславскому Ивану Горностаю отобрать у Василія и Гаврила Тышкевичей им. Банковичи и Белавичи, которыя имъ, не имѣя на то права, продалъ покойный князь Семенъ Чарторыйскій; но въ видѣ особенной милости велитъ Горностаю вернуть Тышкевичамъ 950 копъ гр., уплоченныхъ ими кн. Семену за эти имѣнія.

19. 1541 [1]), 18 дек. Въ Вильно. Королевское постановленіе въ спорѣ о границахъ им. Блудово (луцк. повѣта, купленнаго королевой Боной у дворянина Богдана Хребтовича и отданнаго ею въ держанье королевскому писарю Михаилу Василевичу) и земли п. Шимка Мацковича.

20. 1544, мая 4. Въ Охматковѣ. Королевскій дворянинъ Грицко Федоровичъ Охматковскій по просьбѣ кн. Василія Конст. Острожскаго указываетъ границы имѣній Везовцы и Здѣтельскъ.

21. 1544 [2]), сент. 29. Въ Брестѣ. По жалобѣ кн. Беаты (жены Ильи Константиновича Острожскаго) на кн. Василія Конст. Остр., задерживающаго документы на доставшіяся ей и ея дочери Алжбетѣ (Елисаветѣ) имѣнія; король вытребовалъ у кн. Василія эти привилегіи и вноситъ въ настоящій актъ документъ на имѣніе Госче.

22. 1546, іюня 25. Въ Вильно. Королевскій позывъ земянину новгородскаго повѣта Ивану Кмитичу Стрѣтовичу по жалобѣ на него кн. Александры Семеновны (жены Конст. Ив. Остр.) о присвоеніи ея имѣнія Любаничи. (Sigillum lithuanicum); подпись: Горностай.

23. 1546 [3]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. постановленіе въ спорѣ кн. Беаты, жены кн. Ильи Конст. Острожскаго, съ кн. Василіемъ Конст. Остр. о волости Кузьминской.

24. 1546 [4]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. подтвержденіе кн.

---

[1]) Инд. 15-го—невѣрно, должно быть 14.

[2]) Инд. 3—долженъ быть 2-ой.

[3]) Инд. 5—приходится на 1547.

[4]) Тоже.

Беатѣ Острожской записи ея мужа, кн. Ильи Конст. Остр., по которой онъ, взявъ у нея въ долгъ шесть тысячъ копъ гр., заставилъ ей въ этой суммѣ свой замокъ Ровно съ принадлежащими къ нему селами и людьми.

25. 1546 [1]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. подтвержденіе кн. Беатѣ Острожской записи ея мужа кн. Ильи Конст. Остр., по которой онъ подарилъ ей замокъ Степань (выслуга его отца) и замокъ купленный Сатыевъ и купленный замокъ Хлапотинъ.

26. 1555, марта 24. Въ Вильно. Король, по жалобѣ кн. Конст. Конст. Острожскаго, посылаетъ дворянина (имя вырвано) „вижемъ", для разслѣдованія кривдъ, причиняемыхъ ему сосѣдями, а особенно п. Михаиломъ Радивиломъ.

27. 1555, ноября 24. Въ Вильно. Корол. указъ воеводѣ троцкому п. Михаилу Юрьевичу Радивилу по жалобѣ на него кн. Конст. Конст. Остр. Король запрещаетъ ему дѣлать насилія людямъ (имѣнія Здѣтельскаго) кн. Острожскаго.

28. 1556, дек. 21. Въ Вильно. Король отдаетъ Олехну и Ивану Яцковичамъ Борзобогатымъ на откупъ на три года мыто волынское, берестейское, подляшское, минское и новгородское за двадцать тысячъ четыреста копъ гр. лит и 900 золотыхъ черленыхъ венгерскихъ и подробно перечисляетъ условія откупа.

29. 1561, генв. 10. Въ Луцкѣ. Василій Михайловичъ Семашко, судья луцкаго повѣта, продаетъ п. Ивану Борзобогатовичу Красенскому, его женѣ Ганнѣ и ея сестрѣ Маріи им. Грушовку, пріобрѣтенное Василіемъ покупкою отъ пановъ Михаила, Остафья, Плакиды и Андреяна Андреевичовъ Короваевъ.

30. 1565, февр. 15. Въ Петроковѣ. По просьбѣ пани Ольбрихтовой Лаской (п. Беаты кн. Острожской въ первомъ замужествѣ) король подтверждаетъ купчую грамоту на им. Сатыевъ волынск. земли, купленное кн. Конст. Иван. Острожскимъ у п. Яна Яновича Довойновича. Купчая затерялась было при наѣздѣ на острожскій замокъ воеводы кіевск. кн. Конст. Конст. Острожскаго и стар. черк. и каневск. кн. Димитрія Өедоровича Сангушковича въ 1555 г., но вмѣстѣ съ другими документами слу-

[1]) Тоже.

чайно найдена въ башнѣ подъ крышей дѣтьми мужа кн. Беаты п. Альбрехта Ласкаго.

31. 1565, февр. 15. Въ Петроковѣ. По просьбѣ той же п. Ольбрихтовой (бывшей кн. Беаты Остр.) король подтверждаетъ купчую, по которой кн. Илья Конст. Острожскій купилъ часть имѣнія Зарѣцка у волынскаго земянина Андрея Михновича.

32. 1574, апр. 24. Въ Краковѣ на сеймѣ коронацыи. П. Альбрехтъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, свидѣтельствуетъ, что по спору о наслѣдствѣ кн. Ильи Конст. Острожскаго, перваго мужа его жены Беаты, съ кн. Конст. Конст. Острожскимъ и кн. Елисаветой, женою п. Лукаша Горскаго, онъ, Альбрехтъ, получилъ съ кн. Конст. Конст—ча Острожскаго сполна всю сумму, записанную ему его женой Беатой, въ колич. 48082 злотыхъ польскихъ.

33. 1576, марта 20. Въ Луцкѣ. Ганна Васильевна Семашковна Реканскаго записываетъ мужу своему Ивану Борзобогатому Красенскому дворъ и им. свое Рыкани и село Тополье и подворье въ Луцкомъ замкѣ.

34. 1583, мая 8. Въ Луцкѣ. Алекс. Пронскій, стар. луцкій, вызываетъ въ судъ п. Ивана Красенскаго и жену его Раину Малинскую по жалобѣ п. Миколаевой Харлинской и п. Ганны Любецкой за наѣздъ.

35. 1485, дек. 14. Въ Городнѣ. По просьбѣ земянъ луцкаго повѣта Ивана и Семена Борзобогатыхъ Красенскихъ король Стефанъ выдаетъ имъ копію привилегіи на им. Воисечь и Вечинъ въ пов. луцкомъ.

36. 1591, іюля 22. Въ Краковѣ. Король отдаетъ въ пожизненное владѣніе князю Янушу Острожскому замокъ и мѣсто *Богуславъ*, основанное имъ для защиты отъ татаръ.

37. 1591, сент. 20. Въ Вислицѣ. Король велитъ дворянину Яну Мешковскому ввести во владѣніе шляхтича Рафала Силистровскаго пожалованнымъ ему королемъ имѣніемъ Лазденицей въ пов. слонимскомъ, „в которомъ волокъ людми оселых деветь, а пустыхъ петнадцат".

38. 1592, іюня 22. Въ Краковѣ. Король дозволяетъ Галжбетѣ Стужинской, княгинѣ Миколаевой Ружинской, уступить князю Янушу Острожскому урочища и городища надъ р.

Сквирь въ кіевск. воеводст., которымъ она владѣетъ на правѣ доживотномъ.

39. 1604, марта 17. Въ Краковѣ. Король подтверждаетъ уступку князя Константина Острожскаго своему сыну Янушу, каштеляну краковскому, старостѣ черкасскому, бѣлоцерковск. и каневскому, староства владимірскаго (уступочная запись кн. Константина писана по польски).

40. 1641, сент. 17. Въ Варшавѣ. Король выдаетъ по чьей то просьбѣ (не сказано чьей) копію завѣщанія кн. Ильи Константиновича Острожскаго (1539 г.)

41. 1507—1522—1537, іюля 11. Богданъ Азъдеръбышевичъ продаетъ свою отчину Пархвековщину въ Паневичахъ за $4^1/_2$ копы гр. Богдану и брату его Темешу Окуличамъ.

42. Авг. 8, инд. 10, между 1507—1537 гг. Въ Минскѣ. Король дозволяетъ княгинѣ Марьѣ Семеновой Васильевича Ровенской брать въ свою пользу мыто съ ярмарокъ въ ея имѣніи Стволовичахъ (новгор. пов.).

43. 1572, марта 22. Павелъ Ивановичъ Сапега, воев. новгор., обѣщаетъ черезъ 6 недѣль произвесть судъ по жалобѣ кн. Конст. Конст. Острожскаго по претензіи къ нему въ суммѣ 1317 копъ гр.

44. Выпись изъ земскихъ книгъ воев. брацлавскаго.

1634, іюня 14. Жалоба п. Юзефа Ободенскаго на притѣсненія и безчинства, произведенныя въ его имѣніи, мѣстечкахъ Старыхъ и Новыхъ Иллинцахъ (брацл. воев.) ротмистромъ кварцянаго войска Осуховскаго пана Ворыжка, поручника и людей ихъ роты, называемой волочной, состоящей изъ поляковъ и чужеземцевъ.

45. 1621, мая 4. Выпись изъ книгъ главн. трибунала воеводства волынскаго.

П. Миколай Гриневицкій свидѣтельствуетъ, что получилъ сполна сумму пять тысячъ злотыхъ, которая ему слѣдовала съ наслѣдниковъ князя Адама Константиновича Острожскаго, кн. Катерины, жены Томоша Замойскаго, кн. Анны, жены Карла Ходкѣвича, и Софьи Станиславовой Любомирской.

46. 1590, генв. 8. Выпись изъ луцкихъ гродскихъ книгъ.

Жалоба п. Ивана Борзобогатаго Красенскаго, мытовничаго луцкаго, на п. Яна Харлинскаго, подкоморья луцкаго, за наѣздъ.

47. 1614, мая 17. Выпись изъ книгъ земскихъ луцкаго повѣта. Въ луцкія гродскія книги вносится королевская грамота князю Янушу Острожскому (1613 г.), по которой король Сигизмундъ III за военныя услуги, оказанныя государству кн. Янушемъ, (...„подъ одездъ нашъ прошлого лѣта до Москвы за вторгненьемъ татарскимъ до панствъ нашихъ, можнаго и военнаго цара татарскаго неприіателя нашего з границъ панствъ нашихъ воиски и людми своими зразилъ и далеи ходити, загоновъ пусчати и пустошити панствъ нашихъ тымъ поганцомъ не допустилъ“) уступаетъ ему на семь лѣтъ волынское цло.

Изъ прочихъ львовскихъ архивовъ намъ пришлось еще нѣсколько позаняться въ городскомъ (магистратскомъ) архивѣ, находящемся въ городской ратушѣ. Для исторіи города Львова это собраніе безцѣнное. Здѣсь находится масса документовъ (въ оригиналахъ и копіяхъ), касающихся Львова—королевскія грамоты, сдѣлки съ разными лицами, судебныя рѣшенія и пр. (съ XIV в.), приходо-расходныя книги (съ конца XIV в.), книги магистратскаго суда, и пр. Почти всѣ оригинальные документы напечатаны въ Akta grodzkie i ziemskie. Архивомъ этимъ пользовался Зубрицкій при составленіи своего извѣстнаго труда Kronika miasta Lwowa, и Rasp въ замѣчательномъ трудѣ Beiträge zur Gesch. der Stadt Lemberg (Arch. für Oesterr. Geschichte, Bd. 43). Впрочемъ, что касается послѣдняго труда, то люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, сообщили мнѣ весьма странный слухъ, будто бы Распъ (бывшій магистратскій секретарь во Львовѣ) только воспользовался трудомъ извѣстнаго галицко-русскаго ученаго Вагилевича, другими словами нросто на просто перевелъ на нѣмецкій языкъ оставшуюся послѣ Вагилевича рукопись и выдалъ этотъ трудъ за свой. На сколько основателенъ этотъ слухъ, рѣшить не берусь. Несчастнаго Вагилевича дѣйствительно эксплоатировали разныя лица на всѣ лады, пользуясь его полной безхарактерностью. Быть можетъ въ бумагахъ Вагилевича (онѣ находятся въ библ. Оссол.) найдутся какія либо данныя для подтвержденія или опроверженія этого слуха.

Въ настоящее время магистратскимъ архивомъ завѣдываетъ городской секретарь, п. райца Карлъ Видеманъ, человѣкъ весьма обязательный и самъ занимающійся архивными розысканіями (краткое описаніе магистратскаго архива начато имъ въ періодическомъ изданіи Przegląd archeologiczny. Lwow, 1882—3, I—II). Однако нельзя не сказать, что, несмотря на любезность г. Видемана, занятія въ городскомъ архивѣ поставлены въ весьма невыгодныя условія. Отдѣльной комнаты для занятій не имѣется, приходится работать въ кабинетѣ самого г. Видемана, къ которому постоянно является масса лицъ по разнымъ городскимъ дѣламъ. Городскому управленію слѣдовало бы позаботиться объ устройствѣ отдѣльнаго помѣщенія для желающихъ работать въ его архивѣ.

Нѣсколько сотъ рукописей, преимущественно церковнаго характера, находится въ львовской университетской библіотекѣ. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Niconi archim. exhordium ad monachos, XVI в., сербск.

3. Tetraevangelium cum figuris Anast. Krimkowicz archiep. Mold.

18. Vocabularium etymologicum, 15 в.

26. Chronica ex graeco in moldav. linguam, 1723.

58. Кирилла Іерусалимскаго cathetreses, XVI в.

62. Патерикъ печерскій, 1619.

72. Малорусская рукопись 17—18 в. о спорныхъ пунктахъ между греческимъ и римскимъ костелами.

101. Vita Petri Magni съ греч. на молдавск. яз. 1753.

103. Varia diplomata ex bibl. Stan. Augusti.

109. Антологіонъ, 1527 (русск.).

110. Гомиліи разныхъ отцевъ (болг.).

111. Statuta M. Duc. Lith.

112. Прологъ, 16 в.

113. Статутъ литовскій, 17 в.

118. Privil. constit. etc. Regni Polon. 1374—1572.

130. Statuta juris armenici.

135. Типиконъ, 16 в. (сербск.).

153. Kazania a homilie.

164. Іоанна Синайскаго Лѣствица.
213. Lexicon armeno-latinum.
253. Догматика православная, нач. 18 в.
257. Superata librorum bibl. Premisl.
258. „ „ „ Sambor.
259—265. Каталоги библіотекъ разныхъ монастырей.
313. Obrazy Rossyi Zubrzickiego.
314. Hist. Wernihory.

Рукописей библіотекъ Павликовскаго и гр. Дѣдушицкаго намъ, къ сожалѣнію, не удалось осмотрѣть (собранія эти вполнѣ доступны для публики); впрочемъ намъ извѣстно, что рукописи этихъ собраній не представляютъ ничего замѣчательнаго, особенно въ историческомъ отношеніи. За то, говорятъ, очень важно обширное собраніе рукописей (около 1000 №№) гр. Виктора Баворовскаго. Но, какъ мы уже раньше сказали, собраніе это недоступно даже для польскихъ ученыхъ. Нельзя не удивляться такому странному поведенію владѣльца (замѣтимъ, литератора), нежеланіе допускать ученыхъ къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ еще понятно у ученаго, изслѣдующаго свои собранія; но, насколько намъ извѣстно, г. Баворовскій только поэтъ, и наукой не занимается. Результаты подобной скрытности въ большинствѣ случаевъ тѣ, что по смерти владѣльца, собранія его расхищаются или распродаются въ разныя (преимущественно еврейскія) руки и очень часто погибаютъ для науки.

Въ львовскомъ Ставропигіальномъ институтѣ (старинное Львовское братство) есть также архивъ, состоящій преимущественно изъ документовъ, касающихся Львовскаго братства [1]), старопечатныя книги и музей. Послѣдній недавно устроенъ нынѣшнимъ сеньоромъ братства, проф. Исидоромъ Ивановичемъ Шаранѣвичемъ. Этотъ музей составленъ исключительно изъ пожертвованій разныхъ лицъ и состоитъ преимущественно изъ ве-

[1]) Перечисленіе документовъ архива Ставропигіальнаго братства см. въ указанной статьѣ Калужняцкаго (Тр. 3-го арх. съѣзда). Тамъ же довольно обстоятельно описаны многіе памятники церковнаго характера, сохранившіеся въ галицкихъ архивахъ.

щей церковнаго характера: евангелій и др. церковныхъ книгъ, древняго церковнаго одѣянія и утвари, портретовъ, въ числѣ которыхъ есть портретъ Зубрицкаго, и пр. Въ нынѣшнемъ году пр. Шаранѣвичъ предполагаетъ устроить въ Ставроп. институтѣ выставку, на которую надѣется собрать важнѣйшія рукописи изъ разныхъ галицкихъ монастырей. Выставка эта будетъ продолжаться съ октября 1888 г. въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока важнѣйшія изъ присланныхъ рукописей не будутъ описаны или списаны и тѣмъ спасены отъ возможныхъ случайностей. Несомнѣнно, что предложеніе почтеннаго ученаго встрѣтитъ общее сочувствіе въ Галиціи, и сама выставка обѣщаетъ быть весьма интересной и плодотворной въ научномъ отношеніи.

Нѣсколько важныхъ архивовъ находятся въ гор. *Перемышлѣ*. Къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили намъ лично посѣтить Перемышль и объ архивахъ его мы знаемъ только изъ описаній Беды Дудика и Гаузера (Monografiam. Przemysla). Считаемъ однако нелишнимъ по этимъ описаніямъ указать на важнѣйшіе изъ хранящихся въ нихъ документовъ.

Въ архивѣ перемышльскаго *греко-катол.* (уніатскаго) *епископства* м. пр. находятся:

Diplom. Reg. Russiae—80 документовъ, въ томъ числѣ 3 грамоты Льва Даніиловича:

1298 (?). Монастырю въ Стришовицахъ подъ Самборомъ (мы имѣемъ, благодаря любезности проф. варшавскаго унив. А. И. Павинскаго, копію этого документа, какъ кажется подложнаго, изъ варшавскаго центральнаго архива).

1302. Надѣленіе имѣніями того же монастыря.

3-я безъ даты.

Документъ Владислава Опольского, 1378, г.

Varia documenta ad episcopatum Premisl.—14 документовъ, изъ нихъ два русскихъ, 1422 и 1424.

Consignatio document. pro Ruthenis—27 докум., изъ которыхъ древнѣйшій 1410 г.

Часть этихъ документовъ напечатана въ Шематизмѣ діецезіи Перем. за 1879 г. и Календарѣ Перемышлянинѣ.

Въ библіотекѣ греко-католич. капитулы м. пр. находится:

Leo Kiszka, Annales Nestoris съ продолж. Есть короткія записки 1306—1768 по исторіи Перемышля, жизнеописанія русскихъ князей, епископовъ и пр.

Городской архивъ. Многіе документы изъ этого важнаго собранія напечатаны въ Akta grodzkie iziemskie. Древнѣйшій—1356, слѣдующій затѣмъ—1443.

Тутъ м. пр. находятся:

Акты перемышльск. цѣховъ—шевскаго съ 1386, рѣзницкаго съ 1400, ковалей съ 1471, сѣдларей 1472.

Книги лавничаго суда съ 1402 г.

Книги завѣщаній съ 1486 г.

Городскіе счеты съ 1472.

Ks. miejskie okoliczniowe съ 1474.

Подъ № 384 интересное собраніе liber legum.

№ 287—9 Liber privilegiorum.

Документы о жидахъ съ 1568 г.

Документы о русскихъ съ 1512 г.

№ 395. Дѣла супружескія.

Дѣла о городскихъ владѣніяхъ съ 1425 г.

Люстраціи съ 1571 г. Счеты съ 1487.

Дѣла магистратскія съ 1409.

Документы о церквахъ съ 1474.

Частные документы съ 1406.

Къ сожалѣнію, этотъ важный архивъ до сихъ поръ весьма мало разработанъ.

Въ *Краковѣ* находится цѣлый рядъ архивовъ и другихъ рукописныхъ собраній, но для насъ имѣютъ значеніе только собраніе университетской (ягеллоновской) библіотеки и богатѣйшее собраніе князей Чарторыйскихъ.

Въ универс. библіотекѣ въ Краковѣ болѣе 4000 рукописей. Каталогъ ихъ напечатанъ г. Вислоцкимъ (Wlad. Wisłocki, Kat. rękop. bibl. uniw. Jagiell. Krak. 1877—1880. Здѣсь описано 4176 рукоп.). Описаніе г. Вислоцкаго довольно кратко и значительно уступаетъ по обстоятельности описанію библ. Оссол., начатому г. Кентржинскимъ. Рукописей историческаго содержа-

нія здѣсь сравнительно немного. Отмѣчу нѣкоторыя, имѣющія отношеніе къ Руси.

№ 2926. Выписки изъ книгъ войтовскихъ виленскихъ (копія 19 в.).

№ 2957. Hrycko Russin z Kolomyi Михаила Готовскаго (†1828).

№ 3065. Rzez Humanska (напеч. въ Tygodnik liter. 1838).

№ 3066. Копія меморіала, поданнаго товіанчиками имп. Александру I.

№ 3168. Копія подлиннаго журнала Петра I (изъ его заграничнаго путешествія).

№ 3433. Стадницкаго родословіе Гедиминовичей.

№ 3573. Содержаніе писемъ Адама Киселя къ Сапѣгѣ 1641—1650 (копія 19 в.).

№ 3691. Wspomnienia archidiec. Mohilewskiej przez Ant. Moszynskiego.

№ 3707. Chron. Polonorum 1516—1526 (ею пользовался Ваповскій, но, по словамъ г. Вислоцкаго, есть и извѣстія, которыхъ нѣтъ у перваго).

Кромѣ того сборники документовъ 16, 17, 18 вв., въ томъ числѣ относящіеся къ войнамъ съ Москвою 17—18 в.

Несравненно важнѣе по своему содержанію рукописное собраніе князей Чарторыйскихъ. Въ Краковѣ это собраніе находится всего нѣсколько лѣтъ, сюда оно перевезено изъ Парижа. Кн. Чартор. построили для него отдѣльное помѣщеніе, здѣсь же помѣстили и свой, весьма любопытный музей и дали средства на его содержаніе. Въ настоящее время музеемъ и библіотекой Чарторыйскихъ завѣдываетъ проф. Маріанъ Соколовскій, человѣкъ очень любезный, знакомый съ русскимъ языкомъ и слѣдящій за русской литературой преимущественно въ томъ, что касается его спеціальности—искусства. Библіотека и музей открыты ежедневно съ 10—2 ч. Единственный недостатокъ музея—ограниченное помѣщеніе и малый доступъ свѣта въ комнатѣ для занятій (окна выходятъ на небольшой, со всѣхъ сторонъ застроенный дворъ).

Въ богатѣйшемъ собраніи кн. Чарторыйскихъ до 4000 рукописей и нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ документовъ. Для тѣхъ

и другихъ есть рукописный каталогъ. Съ прошлаго года г. Корженевскій началъ печатать описаніе рукописей этого собранія (Catalogus codicum manuscriptorum Musei princ. Czartoryski, Cracov. edidit Dr. Ios. Korzeniowki, Crac. 1887). Пока вышелъ только первый выпускъ этого труда, содержащій описаніе текъ Нарушевича. Извѣстно, что для знаменитаго польскаго историка еп. Адама Нарушевича, по приказанію короля, были въ концѣ прошлаго вѣка сдѣланы обширныя выписки изъ разныхъ польскихъ архивовъ. Это собраніе въ настоящее время разбито по разнымъ архивамъ. Часть наибольшая (болѣе 100 фоліантовъ) находится въ музеѣ Чарторыйскихъ, часть въ Петербургѣ, въ библ. генеральнаго штаба, часть въ варшавскомъ центральномъ архивѣ (копія 64 книгъ Литовской Метрики). Къ сожалѣнію, описаніе г. Корженевскаго составлено весьма мало удовлетворительно, содержитъ только одно голое заглавіе каждаго тома. Отмѣтимъ кое что, имѣющее для насъ интересъ:

№ 64. Пописъ замку кременецкого.

№ 69. Relazione di Moscovia.

№ 75. Spisanie kroniki woloskiej.

№ 86. Описаніе втораго похода Стефана Баторія на Москву.

№ 96. Цецорская битва. Ibid. Silvii Antonii ad episcopos Ruthenos oratio 1596.

№ 102. О Димитріѣ Самозванцѣ.

№ 106. Въѣздъ Сигизмунда III въ Вильно 1611.

№ 107. О Димитріѣ Самозванцѣ; Żdanie o narodu ruskiem.

№ 108. Ист. Димитрія Самозванца.

№ 114. Донесеніе римскихъ пословъ о московской религіи.

№ 122. Ист. Руси русскимъ языкомъ, латинскими буквами.

№ 126. Дѣла московскія 1601—13.

Насколько поверхностно составлено это описаніе, можно видѣть изъ слѣд. примѣра. Заинтересовавшись заглавіемъ № 122, мы осмотрѣли эту рукопись. Оказалось, что это просто на просто латинскими буквами сдѣланная копія ипатьевскаго списка. (На 1-й стр. надпись: Rękopism Ruskiej kroniki przez pewnego czernca w miescie Żywotowie z różnych Latopiscow za rozkazem xcia j. mosci Czetwertynskiego, podkomorzego Braslawskiego w roku 1629

napisany, a w roku 1758 po xiędzu Oscimowiczu Bazylianie pozostaly, w R. 1778 j. o. xcia J. M. Czetwertynskiemu oddany). По этой рукописи можно судить, насколько вообще можно довѣрять точности списковъ въ текахъ Нарушевича. Переписчику, очевидно, попалась рукопись плохо переплетенная, съ перемѣшанными страницами, но онъ переписывалъ, не справляясь вовсе съ содержаніемъ, отчего въ текстѣ послѣ событій, напр., X в. идутъ въ строку событія XII, а продолженіе гдѣ нибудь черезъ много страницъ. Списокъ оканчивается нѣсколько раньше ипатьевскаго.

Содержаніе богатаго собранія кн. Чарторыйскихъ стало только недавно, съ перенесеніемъ архива изъ Парижа въ Краковъ, извѣстно польскимъ ученымъ. Краковская академія наукъ, затѣявъ изданіе Monumenta Medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, узнавъ, что въ собраніи Чарторыйскихъ находятся теки Нарушевича, содержащія копіи многихъ, въ значительной части уже утраченныхъ оригиналовъ, обратилась къ владѣльцамъ съ просьбой доставить ей эти теки, что кн. Чартор. съ большой готовностью и исполнили. По этимъ то копіямъ и изданъ академіей Codex epistolaris seculi XV. Но когда весь архивъ переведенъ былъ въ Краковъ, оказалось, что большинство изъ напечатанныхъ по мало исправнымъ (русскіе документы при томъ переписаны въ текахъ Нарушевича латинскими литтерами) спискамъ документовъ находится въ томъ же собраніи въ оригиналахъ—открытіе довольно непріятное, тѣмъ болѣе, что краковская академія печатаетъ свои изданія съ большой осмотрительностью и точностью. Намъ сообщали, что кн. Чарторыйскіе предполагаютъ издать всѣ имѣющіеся въ ихъ собраніи подлинные документы, и что fac simile ихъ уже давно сдѣлано. Нѣкоторые изъ русскихъ документовъ собранія Чарторыйскихъ напечатаны въ вышедшемъ годъ назадъ изданіи Архива Сангушко; однако изданіе это не вполнѣ удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ (разборъ этого изданія см. въ Kwart. histor. 1888, I). Мы сами имѣли случай сравнить нѣкоторые изъ изданныхъ здѣсь документовъ съ подлинниками и убѣдиться въ неисправности изданія; издатели видимо не вполнѣ еще освоились съ чтеніемъ русскихъ документовъ.

Считаемъ нелишнимъ привесть здѣсь древнѣйшую изъ русскихъ грамотъ собранія Чартор., напечатанную также въ Архивѣ Сангушко, такъ какъ тамъ она напечатана весьма неточно.

№ 274. Се їазъ кназь великыи Димитрии докончиваю и повинує са служькою таковою. А се докончаньїе межи королемь польскымь. и кназемь дмитриемь. къ володимирю ѿступаєтьса потолѣ. по оуимицю по пѣсчаныи бродъ. по еоуфимковое село. ѿ еоуфимкова села до Маркова става. ѿ маркова става по львовскую дорогу къ Скоморохомъ. а ѿ пѣсчана броду по пиньскыи мостъ, а ѿ толѣ по турью поколѣ турьїа прошла. А мыта не примышлати но как извѣка пошло. а по старымъ дорогамъ гостемъ поити куда хочеть. а гостиа не приневолити. но куда хочеть туды поидеть. а кназю дмитрию помагати королеви на всакого неприїателиа. опроче своїеѣ братьѣ. безо всакоѣ хитрости и льсти. своимь животомь. если будеть недоспѣшенъ. кназю дмитрию люди своѣ послати. а коли братьїа кнажа поидуть на королиа. кназю дмитрию братьи не помогати. а кто поидеть на мене королеви помагати мнѣ на моѣ неприїателѣ. безо всакоѣ хитрости и льсти. а мнѣ королеви помагати. шльна годъ минеть дмитриїевъ днь. а на то есмь приложилъ свою печать. и сїцъ мои влдка лучьскыи Арсении. кназь данилии. Васко кирдѣевичь. иванъ воевода лучьскыи. иванъ мьстишиньскыи.

(Оригиналъ писанъ на бумагѣ, четкимъ и крупнымъ полууставомъ, на ниткахъ шесть малыхъ печатей).

Въ Краковѣ намъ, къ сожалѣнію, пришлось работать сравнительно недолго, такъ какъ подоспѣли праздники, въ теченіи которыхъ музей Чарторыйскихъ былъ закрытъ. Вслѣдствіе этого намъ удалось просмотрѣть главнымъ образомъ только тѣ рукописи и документы, которые имѣли прямое отношеніе къ нашимъ личнымъ занятіямъ[1]). Тѣмъ не менѣе мы постарались просмотрѣть весь писанный каталогъ рукописей музея и отмѣтить изъ него имѣющее отношеніе къ русской исторіи. Укажемъ и здѣсь на нѣкоторыя изъ такихъ рукописей.

---

[1]) Извлеченныя нами изъ львовскихъ и краковскихъ архивовъ документы будутъ напечатаны въ приготовленномъ нами къ печати „Собраніи матеріаловъ для исторіи внутреннихъ отношеній юго-западной Руси XIV—XV в.“

№ 531. Собраніе разныхъ писемъ, въ томъ числѣ и Петра В. 1704.

№ 751. Akta dyssidentów w Polsce съ 1764 г.

№ 880. Акты коммиссіи, производившей разграниченіе земель Польши, Украины и Новороссіи 1781.

№ 933. Корреспонденція Деболія, посла въ Петербургѣ, съ Хребтовичемъ 1792 г.

№ 934. Pisma różne względem relig. grecko dysunitsk. w Polsce.

№ 961. Rozmowy z poslem rossyiskim 1777—88.

№ 1040. Rachunki dochodow z kwarty w Malopolsce.

№ 1043—4. Rachunki pieniężne dóbr królewskich 1579.

№ 1050. Описаніе королевскихъ имѣній 1739 г.

№ 1056. Tranzakcye odnosz. się do folwarkow 1425—1719.

№ 1118. Zbiòr Lojki и Rus.

№ 1119. „ „ Галичь и Владиміръ.

№ 1120. „ „ Литва.

№ 1121. „ „ Литва, Подоль, Волынь, Подлясье.

№ 1131—2. Zbiór urzędow w Kor. i Litwie.

№ 1133. Собр. относ. къ ординаціи острожской.

№ 1172. Sq., 1180, 1182. Сочиненія, переписка и документы, собранные Чацкимъ.

№ 1270. Евангеліе 1618 (русск.).

№ 1271—2. Гомиліи Іоанна Златоуста (русск.).

№ 1273. Хроники Слейдана и соч. Ипатія Потѣя объ уніи (русск.).

№ 1325. Historya o scytach, gotach i rusinach.

№ 1329. Переводъ на польск. языкъ литовской исторіи Кояловича.

№ 1341. Путешествіе Корба 1698.

№ 1352. Кояловичъ. Гербарій Литовскій.

№ 1354. То же *автографъ*[1]) (рукописей Гербарія Кояловича существуетъ много, есть и у насъ въ Имп. Публ. Библ.; отличный экземпляръ его находится у А. А. Куника; почтенный

[1]) Кажется, однако, это невѣрно—автографъ Гербарія Кояловича находится въ Импер. Публ. Библіотекѣ въ Петербургѣ.

академикъ не разъ выражалъ намъ свое желаніе увидѣть въ печати важный трудъ Кояловича и готовъ для этой цѣли пожертвовать свой экземпляръ).

№ 1369. Ист. Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ (копія 1744).

№ 1416. Славянск. рук. объ Александрѣ Великомъ (Александріада).

№ 1417. Хроника Слейдана (русск.)

№ 1419. Литовскій Статутъ 1529.

№ 1420—21. „ „ 1560 2 экз.

№ 1422—3. „ „ 1565 2 экз.

№ 1424. „ „ 1563 (русск.).

(Разновременные списки перваго Статута?).

№ 1425. Uchwały W. Ks. Lit. aż do unii Łubelskiej.

№ 1426. Wyjątky ze statutow.

№ 1429. Статутъ Волынскій.

№ 1437. Польскій переводъ армянскихъ правъ 1601 (латинскихъ и польскихъ экз. перевода арм. правъ существуетъ много. Обзоръ ихъ сдѣланъ Бишофомъ въ статьѣ Das aelteste Recht der Armenier).

№ 1499. О моровомъ повѣтріи 1679 (въ Галичѣ).

№ 1632. Początek wojny mosk. 1604.

№ 1633. Dziennik o Dym. Iwanowiczu.

№ 1654. Gody mosk. albo process prowadzenia Dym. Iwan.

№ 1718. Project obywat. dla W. Ks. Lit. 1782.

№ 1731. Regestrum perceptorum 1508.

№ 1747. Списки русскихъ и литовскихъ фамилій.

№ 1758—60. Стат. Литовскій.

№ 1762—4. Конституція трибунала литовскаго 1769.

№ 1520. Торунская констит.—de laboribus kmethonum и др. конст. 16 в.

№ 1974. Memoire sur l'ordination d 'Ostrog.

№ 2014. Привилегіи Львова (копія).

№ 2045. Русская литургія 1783.

№ 2048. Псалмы Давида (слав.).

№ 2055. Spiewnik ruski.

№ 2066. Acta eccles. Przeworsc. 18 в.

№ 2091. Апостолъ (слав.).

№ 2094. Привил. Вильно.

№ 2097. Слав. евангеліе пергаментное (liber rarissimus).

№ 2101. Посольство къ Дим. Самозванцу 1605.

№ 2102—2114. Акты XVII в. м. пр. касающ. Андрус. договора; подлинные документы временъ Хмельницкаго.

№ 2204. Res ecclesiae Ruthenae 1639--1797.

№ 2211. Rod wielkich kniaziow ruskich.

№ 2227—33. Евангелія слав.

№ 2266. Dziennik kupcia o niewolie moskiewskiej (кажется, тотъ самый, который напечатанъ В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевск. Стар.“. Дневникъ кіевскаго мѣщанина Божко Балыки).

№ 2294. О Лит. Статутѣ 1566.

№ 2358. Осмогласникъ.

№ 2595. Документы о родѣ Чарторыйскихъ.

№ 2754. Письма московскихъ государей.

№ 2893. Akta ruskie trybunalskie i wojskowe.

№ 2978. Выписки изъ перемышльск. актовъ съ 1470 г.

№ 3585. Акты ординаціи острожской.

№ 3789. Евангеліе слав.

№ 3785. Проповѣди (русск.).

№ 3786. Тріодь.

№ 3787. Осмогласникъ.

№ 3813—и слѣд. Akta grodzkie: белзскіе, перемышльск., саноцкіе, винницкіе, жидачевскіе.

Кромѣ того масса отдѣльныхъ документовъ, цѣлые фоліанты тщательно переплетенныхъ актовъ, десятки томовъ т. наз. Silva rerum и пр.

Оканчивая наши краткія путевыя замѣтки [1]), цѣль которыхъ— обратить вниманіе русскихъ ученыхъ на богатый матеріалъ для русской исторіи въ галицкихъ архивахъ, мы не можемъ не по-

[1]) Кромѣ указанныхъ мною, въ Галицкой Руси существуетъ еще рядъ архивовъ частныхъ и общественныхъ въ повѣтовыхъ городахъ, монастыряхъ, имѣніяхъ разныхъ русскихъ и польскихъ помѣщиковъ и пр., но содержаніе подобныхъ архивовъ не всегда бываетъ доступно, почему только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ

благодарить еще разъ почтенныхъ галицкихъ ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, за ихъ рѣдкое вниманіе, любезность и цѣнные научные совѣты. Въ этомъ отношеніи мы болѣе всего обязаны д-ру Антонію Прохаскѣ, профессору Ксаверію Лиске, роф. Александру Семковичу, проф. Исидору Ивановичу Шаранѣвичу и о. Антонію Петрушевичу. Каждый пріѣзжій ученый встрѣтитъ навѣрное со стороны этихъ почтенныхъ людей тотъ же радушный пріемъ, какимъ былъ удостоенъ и авторъ настоящихъ замѣтокъ.

И. А. Линниченко.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1612. Актъ о смерти Шуйскихъ.

(Bibl. Ossol. № 1951).

Actum in Castro Gostynensi sabbatho in crastino Festi S. Mathei Apostoli et Evangeliste, anno Domini millesimo sexcentesimo duodecimo, regnante serenissimo Sigismundo III Rege Poloniae et Sueciae.

Sławnej pamięci urodzony niebosczyk Wasiel Sujski, który był (jako o tym słychac) wielkim Carem Moskiewskim, który pospołu z urodzonemi Dymitrem Hetmanem, Iwanem Podskarbiem Sujskiemi kniaziami Moskiewskiemi, Bracią Rodzonemi za roskazaniem Najiasniejszego Iego Krolewskiej Mosci Krola Polskiego odesłani na mieskanie na murowany zamek Gostynski czasu starostwa urodzonego Jm. Pana Ierzego Garwaskiego starosty na ten czas Gostynskiego, przy ktorych Jm. Pan Zbigniew Bobrownicki dworzanin Krola Jego

---

собраны болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Такъ у Бэды-Дудика есть свѣдѣнія объ архивѣ въ гор. Тарновѣ; Садокъ-Баранчъ описалъ архивъ доминиканскій въ Ярославѣ, Бѣловскій сообщаетъ нѣкоторыя (впрочемъ слишкомъ краткія) свѣдѣнія о фамильныхъ архивахъ: Тарновскихъ въ Дзиковѣ, Потоцкихъ въ Ланцутѣ, Сангушекъ въ Тарновѣ, Любомирскихъ въ Преворскѣ, Ржевусскихъ въ Подгорцахъ, Сѣнявскихъ въ Брежанахъ (Rzecz o arch. famil. Dodatek do Gaz. Lwowskiej 1854 г.). См. еще указанное соч. Радзишевскаго, ст. Маевскаго въ Roczn. Tow. przyac. Nauk. Warsz. 1816, Powstanski, въ Roczn. Tow. nauk. Krak. т. IX и X. Но, какъ мы уже сказали, многіе изъ указанныхъ въ этихъ перечисленіяхъ архивовъ перемѣщены или распроданы. Нужно надѣяться, что предстоящая львовская археологическая выставка много поможетъ собранію свѣдѣній о мѣстонахожденіи разныхъ рукописныхъ собраній.

Mosci przystawem iest tu na zamku Gostynskim, dnia to jest w sobotę po S. Mateuszu Apostole y Ewangeliscie w pokoju swoym w izdebce murowanej nad bramą murowaną Panu Bogu Ducha swego oddal Żył około Roku swego 70 lat [1]). Actum in castro Gostinensi Feria quinta ante Festum S. Michaelis Archangeli proxima anno Domini millesimo sexcentesimo duodecimo.

Sławnej pamięci Niebosczyk urodzony Dymitr Sujski wielki Hetman Moskiewski, który pospołu z urodzonemi Wasilem Carem Moskiewskim y z Iwanem Podskarbim Sujskiemi, Bracią rodzonemi, za roskazem krola Iego Mosci odeslani są na mięskanie do zamku Gostynskiego na ten czas za starostwa wrodzonego Jm. Pana Ierzego Garwaskiego starosty Gostynskiego, przy których przystawem był urodzony Zbigniew Bobrownicki dworzanin krola Iego Mosci, dnia to jest we czwartek przed S. Michalem Roku ninieyszego tysiącznego szescsetnego dwunastego w Izbie w pokoju swoim murowanym nadolnym ku winnicy będącej przy oblicznosci urodzonej Katarzyny knieiny małzenki swej y ynnych slug Moskiewskich, umarł y Ducha Swego Panu Bogu oddał. Actum in Castro gostinensi, die dominica Festi S. Catherinae Virginis et Martiris [2]) Anno Domini Millesimo Sexcentesimo duodecimo.

Generosa olim Catharina Sujska, consors olim Dimitry Sujski Ducis Moscovitiei, piae memoriae, quae Catharina vocabatur Knieina, quae die hodierna, videlicet die dominico Festi S. Catharinae virginis et Martyris in Castro presenti Gostinensi murato, in hypocausto inferiori versus vineam seu sylvam in dextram partem intrando arcem muratam, circa fenestram angularem pertis seu pentis in mansione seu sessione sua, ex mandato Sacrae Serenissimae Regiae Majestatis habita, hora una cum mediante meridiem, in praesentia generosi Ioannis Sujski dicti kniaz, *Iwan Lewin* (подчеркнутое вписано другимъ черниломъ въ пустое мѣсто, оставленное между словами kniaz и sui) sui germani, ancillarumque et Famularum suorum existens, detenta infirmitate magnae intumescentiae cum pia memoria ultimum diem vitae Snae clansit, valedicta vivis tempore capitaneatus Magnifici Georgii Garwaski Capitanei loci praesentis castri Gostinensis, nec non generosi Zbigniewij Bobrownicki curatoris vulgo przystawa aulici Sacrae Regiae Majestatis.

Рукоп. in f., всего 4 стр.; это послѣднія страницы церковной метрики, какъ видно изъ приписки на 1-й стр. рукописи, прону-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. VIII пр. 81, замѣчаетъ, что по свидѣтельству надгробной надписи въ Архан. Соборѣ царь Шуйскій умеръ 60 лѣтъ.

[2]) 25 ноября.

мерованной 456: Hic liber mortuorum finitur et alius comparatus seorsus est in quo copulati ab initio et circa medium incipiunt metricae mortuorum. Ita est Iacobus Cudnicki C. P. D. (какая то подпись).

Omnes in isto libro mortui requiescant in pace. Amen. Hic finitae sunt metrices (др. рука).

Księga niniejsza składająca się z kart czterysta pięćdzisiąt szesc przez Dziekana Dekanatu Gostynskiego rewidowana pieczęczią tegoz dekanatu i podpisem oznaczona.

Xiądz Kazimir Koburski.

Так. обр. въ книгѣ было 456 стр. Оставались еще пустыя страницы (обознач. 457), на которыхъ кто то и сдѣлалъ выписку изъ гродскихъ гостынскихъ книгъ о смерти Шуйскихъ. Выпись эта сдѣлана въ концѣ 18 в., что видно изъ слѣд. замѣтки на 1-ой (456) стр. Anno Domini 1797 die 16 Maij obiit subitanea morte ab equo occisus Paulus Walęciak annorum 20, cujus corpus Iacobus Cudnicki C. P. D. P. Gost. in Cemeterio Paroch. sepelivi (съ боку Myslownia). А Яковъ Чудницкій, какъ мы видѣли выше, заключилъ этотъ томъ метрики.

Извѣстно, что захваченные поляками Шуйскіе были привезены Жолкѣвскимъ въ Варшаву и и послѣ унизительнаго представленія Сигизмунду были отвезены въ Гостинскій замокъ (недалеко отъ Варшавы). У Костомарова (Московское раззореніе, В. Е. 1867, іюнь, р. 58) находимъ лишь слѣд.: „Царя съ братьями отправили въ Гостынскій замокъ, недалеко отъ Варшавы, и тамъ назначили имъ пребываніе подъ стражею. Впрочемъ, ихъ содержали не скудно, какъ видно изъ описи вещей и одеждъ, послѣ Василія оставшихся большею частью подаренныхъ Сигизмундомъ. Неволя и тоска свели царя черезъ годъ въ могилу. Въ томъ же замкѣ скончался, послѣ него, Димитрій, братъ его, и жена Димитрія, подозрѣваемая въ отравленіи Скопина. Много лѣтъ спустя, костямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю...

Критика.

Новые статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ.

Эти новыя данныя собраны статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской земской управѣ и сведены въ книгу подъ заглавіемъ: „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи". Т. I „Одесскій уѣздъ". Херсонъ. 1883 г. По постановленію херсонскаго губ. земск. собранія мѣстная статистика должна имѣть въ виду практическую цѣль—опредѣленіе платежныхъ средствъ губерніи; поэтому губернская статистич. коммиссія выработала программу собиранія свѣдѣній, касающихся только земледѣлія, какъ исключительнаго средства существованія и источника платежей мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ херсонская статистика и по цѣли, и по исполненію ближе всего подходитъ къ типу черниговскому, и очень мало, лишь нѣкоторыми сторонами, къ вятско-московскому. Главнымъ недостаткомъ херсонской статистики, какъ заявляютъ въ предисловіи составители тома, служитъ неточность и неопредѣленность данныхъ о населеніи, его занятіяхъ, распредѣленіи земли и проч., которыя могутъ быть устранены только при подворномъ описаніи уѣзда; на необходимости такого описанія и настаиваетъ статистическое отдѣленіе одесскаго уѣзда, теперь же ему приходилось брать за единицу изслѣдованія не дворъ, а земскую дачу; такихъ дачъ статистич. отдѣленіе намѣтило 60; онѣ не совпадаютъ съ дачами генеральнаго межеванія (коихъ 147), потому что послѣднія или слишкомъ малы, или слишкомъ велики, а со времени генеральнаго межеванія измѣнили еще и свой характеръ. При раздѣленіи уѣзда на дачи принимались статистиками во вниманіе преобладающіе посѣвы, формы землевладѣнія и способы эксплоатаціи земли. Это первый опытъ статистическаго описанія херсонской губ самимъ земствомъ.

До настоящаго времени херсонскимъ земствомъ изданы слѣдующіе „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи“:

а) Томъ I. Одесскій уѣздъ (съ двумя картами и приложеніями, Херсонъ, 1883).

б) Томъ II. Елисаветградскій уѣздъ (съ двумя картами и приложеніями, Херсонъ, 1886 г.).

в) Мѣстечко Курисово—Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія. Херсонъ 1886 г.

г) Евгеньевская волость (тираспольскаго уѣзда херсонской губерніи). Статистико—экономическое описаніе. Херсонъ 1888.

Съ содержаніемъ этихъ изданій, чрезвычайно богатыхъ новыми данными по географіи и экономіи Новороссіи, мы намѣрены время отъ времени знакомить читателей, и начинаемъ теперь съ одесскаго уѣзда, описаніе котораго, какъ указано выше, составляетъ I-й томъ „Матеріаловъ“.

Границы и пространство. Одесскій уѣздъ занимаетъ площадь, ограниченную съ вост. Южн. Бугомъ, съ зап. р. р. Кучурганомъ и Турунчукомъ, съ юга Чернымъ моремъ отъ устья Днѣстра до Буга; онъ простирается въ длину отъ з къ в. на 150—160 верстъ и въ ширину съ с. на ю. около 50 в. Площадь уѣзда по военно-топографической съемкѣ 1850—52 гг. равна $965{,}871^1/_2$ дес. или $9{,}272^1/_3$ кв. версты. По генеральному межеванію эта площадь безъ пространствъ, находящихся подъ водой, равна только 909,304 дес., или 8,729 кв. верстамъ.

Устройство поверхности. Поверхность одесскаго уѣзда представляетъ равнину, постепенно повышающуюся отъ береговъ Чернаго моря; самые же берега возвышены надъ моремъ на 15—22 саж. Наиболѣе высокая часть полей у д. Капоклоневки и д. Колосовки достигаетъ 60 саженъ высоты [1]).

Изъ низменностей замѣчательно старое русло Днѣстра, возвышающееся не болѣе 1—2 саженъ надъ уровнемъ моря. Долина представляетъ поемные луга, наз. плавнями. Другой родъ низменности у морскихъ береговъ и при устьяхъ рѣкъ; это—„пересыпи“, или дюны.

Орошеніе. Главныя рѣки Бугъ и Днѣстръ со множествомъ притоковъ, впадающихъ въ нихъ, и лиманы орожаютъ одесскій у.

---

[1]) Возвышенная равнина одесскаго у. пересѣкается по направленію съ с. къ ю. балками, оврагами и ярами.

Многія балки образуютъ лиманы, отдѣляющіеся отъ моря пересыпями; они содержатъ въ себѣ очень соленую воду и уподобляются Мертвому морю: флора и фаунаихъ очень бѣдна. Наибольшіе изъ лимановъ: Хаджибейскій съ р. Мал. Куяльникомъ, Куяльницкій съ р. Бол. Куяльникомъ, Тилигульскій (въ немъ вода менѣе солона и водится рыба) съ р. Тилигуломъ, Березанскій и Сасицкій лиманы съ рр. Березанью и Сасикомъ. Лиманами называются также озера, устья Днѣпра, Буга и Днѣстра и морскіе заливы. Изъ озеръ замѣчательно Кучурганъ. Почвенную воду добыть очень трудно; да и она всегда бываетъ солоноватая на вкусъ.

Почва — состоитъ изъ суглинистаго чернозема; средняя толщина ея $^1/_2$ аршина. Черноземная почва при толщинѣ въ $^1/_2$ аршина встрѣчается на склонахъ балокъ и лимановъ. По берегу моря господствуютъ пески. Подпочву для чернозема образуютъ глины и лессъ потретичнаго періода. Глины налегаютъ на известняки, изъ коихъ добывается польный камень. Ископаемыми минералами уѣздъ очень бѣденъ; находится лишь лигнитъ. Растительность уѣзда также бѣдна. Лѣсныя и садовыя насажденія, встрѣчающіяся на возвышенностяхъ,—всѣ искусственнаго происхожденія.

Вообще характеръ мѣстности степной.

Климатъ. Для характеристики климата существуютъ болѣе точныя наблюденія лишь въ Николаевской и Одесской метеорологическихъ обсерваторіяхъ; средняя годичная температура по Цельзію равна 9,9°; высота барометра 757 миллиметровъ; среднее количество осадковъ 434,1 миллиметра.

Ясныхъ дней въ году 65,6, пасмурныхъ 96,4. Средняя температура зимы равна — 1,8, весны = + 8,8, лѣта + 21,7 и осени = + 11. Дождевыхъ дней — 106, но въ виду большой сухости воздуха и зноя выпадающая влага въ большомъ количествѣ испаряется и земледѣльцамъ приходится выносить всѣ невыгоды обработки почти сухой земли. Вѣтры преобладаютъ сѣверные (45%), восточные и южные (36%) и западные—27%.

Поселенія. Всѣхъ поселеній въ одесскомъ уѣздѣ, исключая городовъ (Маяки, Овидіополь и Очаковъ), а также одесскаго градоначальства съ его пригородами и хуторами, — 466. По списку населенныхъ мѣстъ въ 1859 году въ уѣздѣ было 325 поселеній; изъ нихъ девять совсѣмъ исчезли, но появилось новыхъ 150, или 43 $^5/_{13}$% Подраздѣляя уѣздныя поселенія на мѣстечки, села, деревни и хутора, составители описанія находятъ мѣстечекъ 11, колоній—49, рус-

скихъ селъ—26, деревень 106, хуторовъ 264, разнаго рода поселковъ (сол. промыслы, маяки, кордоны)—8. Преобладающая *національность*—малорусская, занимается преимущественно хлѣбопашествомъ; преобладающее *вѣроисповѣданіе* православное.

Всѣхъ дворовъ въ уѣздѣ—23258[1]), изъ нихъ владѣльческихъ 826. быв. помѣщичьихъ крестьянъ—6392, государственныхъ—4115, десятинщицкихъ—4640, чиншевиковъ—336, быв. колонистовъ—5820, колонистовъ собственниковъ—1059.

Жителей въ уѣздѣ, кромѣ городовъ и пригородовъ, 127729 душъ, изъ коихъ мужчинъ 65692 и женщинъ 62037, т. е. на 100 мужчинъ приходится 96 женщинъ. Число жителей увеличилось на 41,32%, т. е. возросло прямо пропорціонально числу поселеній. На одну квадратную версту, за исключеніемъ водъ и болотъ, прійдется 15,35 души. Въ Одессѣ живетъ 160 тысячъ, въ Очаковѣ 5130, Овидіополѣ—4162 и Маякахъ—4000 душъ; если принять во вниманіе городское населеніе, то плотность въ уѣздѣ будетъ равна 32, 46, а при 965,871 десятинахъ придется на душу по 3,2 десятины. Не лишены интереса также и слѣдующія цифры:

Въ рабочемъ возрастѣ тамъ находится 66214 душъ, изъ коихъ 33975 мужчинъ и 32239 женщинъ.

По *вѣроисповѣданіямъ* числится: православныхъ—84892 души, католиковъ—24114, протестантовъ 13169, евреевъ—4037, другихъ (сектантовъ, раскольниковъ)—1517.

По *занятіямъ:*

Хлѣбопашествомъ — 116165 душъ, торговлей — 3766, ремеслами—5645, другими занятіями—2153.

Въ административномъ отношеніи уѣздъ дѣлится на 6 частей: четыре стана и два надзирательства; города Очаковъ и Овидіополь служатъ центромъ надзирательства, а г. Маякъ служитъ центромъ стана. До 1863 года уѣздъ былъ раздѣленъ на 3 стана, а въ городахъ находились надзирательства.

Колонизація, землевладѣніе и *земледѣліе.* Заботы правительства о заселеніи побережья Чернаго моря, занимаемаго южной частью одесскаго уѣзда, начались со времени присоединенія его къ Россіи, потому что жившіе здѣсь татары, ногайцы и русскіе бѣглецы разошлись. Князь Потемкинъ отдалъ сначала эту землю черноморскимъ козакамъ, но послѣ его смерти козаки были переселены на Кубань,

[1]) Въ 1858 г. ихъ было 12414; слѣд. увеличилось на 87,14%

а земли одесскаго уѣзда розданы для заселенія чиновникамъ, польскимъ шляхтичамъ и друг. лицамъ, не имѣвшимъ своихъ крестьянъ, а потому заселеніе шло чрезвычайно медленно. Въ то же время сюда направилась колонизація.

а) *Казенно-слободская.* Государств. крестьяне, переселенные сюда по суду и бѣглецы (малороссы и великороссы) заняли 37000 десятинъ въ Поднѣстровьи,—раздѣлились на 5 селъ и ввели у себя общинное землевладѣніе съ періодическими передѣлами земли по числу наличныхъ душъ; передѣлы происходили въ 1837 г., когда на душу пришлось по $6^2/_3$ десятины; въ 1846—неизвѣстно сколько; въ 1858—по $4^1/_2$; въ 1876—$3^2/_3$ десятин.; въ 1881 г.—по 3; получившимъ участки предоставляется полная свобода въ веденіи хозяйства. Усадебная земля находится въ подворномъ наслѣдственномъ владѣніи. Подъ толоку идетъ выпасъ, солонцы и мокрый сѣнокосъ. Въ Приднѣпровьи числится на общинномъ владѣніи б. государственныхъ крестьянъ 5 селъ и одно съ подворнымъ владѣній, въ степяхъ еще 9 селъ также съ подворнымъ владѣніемъ, 10 селъ позднѣйшей колонизаціи; во всѣхъ 15 селъ находится 3891 дворъ съ 11,808 душами муж. пола съ 59217 десят. земли; такимъ образомъ на дворъ приходится 14,87 душъ, а на душу—5,01 десят.

б) *Народная* колонизація велась бродягами, бѣгавшими съ сѣвера отъ крѣпостнаго гнета и рекрутчины; по распоряженію правительства, они должны были приписаться въ помѣщичьи крестьяне; въ 1860-хъ годахъ помѣщики, предвидя освобожденіе крестьянъ съ землею, стали освобождать бѣглецовъ отъ крѣпостной зависимости: въ настоящее время эти безземельные, приписавшіеся въ мѣщане люди (4600 дворовъ) занимаются уборкой полей за $^1/_{10}$ урожая и называются *десятинщиками;* они кочуютъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя опредѣленныхъ жилищъ; разсѣяны по всему уѣзду.

в) *Помѣщичья колонизація* шла путемъ переселенія помѣщиками своихъ крестьянъ изъ Велико и Малороссіи въ Новороссію; большинство помѣщичьихъ крестьянъ дано народной колонизаціей; въ настоящее время ихъ 109 обществъ, владѣютъ 45,955 дес., дворовъ 6094, при 16,856 душахъ, при 7,54 души на дворъ, а на душу—2,72 десят.

Къ помѣщичьей колонизаціи относятся также *чиншевики* одесскаго уѣзда. Происхожденіе ихъ зависѣло отъ нужды въ торговыхъ и промысловыхъ людяхъ и ограниченія закономъ права землевладѣнія только дворянами; въ пользу помѣщика они платятъ опредѣленный чиншъ и договариваются съ нимъ объ условіяхъ промышленности и торговли; всѣхъ чиншевиковъ въ уѣздѣ 336 дворовъ.

Одновременно съ другими началась и иностранная колонизація одесскаго уѣзда; первыми поселенцами были греческіе эмигранты, служившіе во флотѣ въ турецкую войну 1787—1791 г. въ количествѣ 900 человѣкъ и получившіе 15000 десят.; позже они переименованы въ государств. крестьяне и большую часть земли распродали нѣмцамъ; въ 1801 году явилось 19 семей болгарскихъ и греческихъ; имъ отведено было 36681 десят.; всѣхъ дворовъ ихъ было 1219 при 4188 душахъ; слѣдов., на дворъ приходилось 3,09, а на душу 8,75 десятинъ; съ 1803 года является и нѣмецкая колонизація; въ виду наплыва колонистовъ было сдѣлано въ 1804 году ограниченіе по пріему ихъ; теперь число семействъ, имѣющихъ надѣлы = 1970; число семействъ, имѣющихъ одни усадьбы = 397, число же вовсе не имѣющихъ ни надѣловъ, ни усадебъ, = 996. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 29; въ нихъ 4906 дворовъ, они владѣютъ 129,489 десятинами; слѣд., на дворъ приходится 25,7 десятины. Наконецъ, сербская колонизація, также началась въ 1803 г.; тогда черногорцамъ и герцеговинцамъ было отведено 12000 дес. по р. Балаю.

Городская колонизація, послѣ того какъ опустѣли города съ занятіемъ края русскими войсками, велась путемъ раздачи, на льготныхъ условіяхъ, мѣстъ подъ дома и усадьбы, а также подъ хутора, на правахъ полнаго владѣнія внѣ городской черты, такъ какъ города получили большое количество земли; напр. Одесса была надѣлена 30700 десятинами.

Распредѣленіе владѣній. Земли въ одесскомъ уѣздѣ числится 865,925 десятинъ; она распредѣляется по сословіямъ на такіе отдѣлы: 1) частное землевладѣніе —547061 д. (63,18%) 2) сельско-общественное—271340 д. (31,33%); 3) государственное—24,753 д. (2,85%); 4) городское—18861 д. (2,15%); 5) церковное—4090 д. (0,47%).

Частное землевладѣніе распредѣляется по сословіямъ слѣдующимъ образомъ: дворянству въ настоящее время принадлежитъ 264,625 (или 48,38%) десятинъ; остальныя 282436 (51,62%) десятинъ распредѣляются такъ: у нѣмцевъ 86,931 (15,90%), у евреевъ—59931 (10,95%), у представителей смѣшаннаго владѣнія—34075 (6,23%), у иностранныхъ подданныхъ—26,754 (4,55%), у нѣжинскихъ грековъ—14,442 (2,64%), у купечества—12699 (2,33%), у крестьянства—10,558 (1,92%), у мѣщанства—9,726 (1,78%), у болгаръ, грековъ и арнаутовъ 9,246 (1,70%), у разночинцевъ—2,957 (0,57%), у почетныхъ гражданъ—2,285 (0,42%), у духовенства—2,227 (0,40%),

у нижнихъ чиновъ—573 (0,10%) и, наконецъ, у товарищества Хаджибейско-куяльницкихъ соляныхъ промысловъ—10057 д. (1,98%).

Въ поселянскомъ землевладѣніи различаются: иностранное (нѣмецк. и греко-болгарск.); въ немъ на одинъ дворъ приходится у нѣмцевъ—25,7 дес., у болгаръ — 30,09 дес.; казенно-слободское—14,87 десят. на дворъ, и помѣщичье крестьянское—7,54 десят. на дворъ.

Вообще наблюдая землевладѣніе до и послѣ крестьянской реформы, статистика приходитъ къ выводу, что дворянское землевладѣніе сильно уменьшается, нѣмецкое и еврейское ростетъ, а въ крестьянскомъ мельчаютъ надѣлы.

Сельское хозяйство. Обращаясь къ исторіи сельскаго хозяйства на основаніи опубликованныхъ за послѣдія 30—40 лѣтъ свѣдѣній, статистическое бюро приходитъ къ заключенію, что „съ увеличеніемъ населенія и измѣненіемъ соціальныхъ отношеній, хозяйство въ одесскомъ уѣздѣ, увеличивая напряженность культуры, идетъ быстро по пути развитія земледѣлія на счетъ скотоводства; въ 40-хъ годахъ скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ. Увеличеніе пахатныхъ полей дошло до своего предѣла“.

Организація хозяйствъ чрезвычайно разнообразна у обществъ и частныхъ владѣльцевъ. Общее громадское хозяйство у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вездѣ ведется сообща. Всѣ надѣльныя земли находятся въ рукахъ цѣлыхъ обществъ, „громадъ“, въ хозяйственномъ отношеніи они дѣлятся на усадьбу, кладбище, выгонъ, толоку и царину (пахатное поле). Сѣнокосовъ у одесскихъ обществъ нѣтъ; на выгонъ и толоку идетъ 1/6 земли; вся остальная земля обрабатывается изъ года въ годъ; отдыхомъ для нея служитъ смѣна посѣвовъ; внутренніе распорядки въ участкахъ зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія хозяевъ. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ при передѣлахъ для уравненія подворныхъ участковъ по числу рабочихъ съ перемѣною пользованія землей происходитъ и обновленіе полей. Обычаи эксплоатаціи земли тѣ же, что и у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Наиболѣе установившаяся система переложнаго хозяйства встрѣчается у колонистовъ. У нихъ въ каждомъ обществѣ есть выгонъ, а поля дѣлятся на смѣны: толока, картофель, кукуруза, озимые и яровые хлѣба. Земли городскихъ обществъ отдаются съ торговъ въ обработку разнымъ лицамъ; право дѣленія земли на выгонную и обрабатываемую принадлежитъ думамъ, но послѣднія объ этомъ совершенно не заботятся. Казенныя земли раздѣлены на участки, а

каждый участокъ на 10 смѣнъ, изъ коихъ 4 назначается подъ обработку и посѣвъ хлѣбовъ, а 6 лежатъ въ перелогѣ съ ежегодною замѣною одного участка толоки однимъ изъ пахатнаго поля. У частныхъ владѣльцевъ полный періодъ оборота полей совершается лѣтъ въ 10—15. Орудіями обработки служитъ не старый малороссійскій плугъ, а новый рансомовскій, англо-болгарскій и бугаевскій; мягкую землю орутъ 3-хъ лемешными плугами и 3-хъ зубыми ралами. Борона употребляется четыреугольная, а иногда треугольная. Для удержанія весной влаги въ почвѣ чрезъ уплотненіе верхняго слоя земли пользуются катками. Уборка хлѣба производится косами; машины сѣнокосилки и жатвенныя начинаютъ вводиться въ употребленіе, вслѣдствіе большихъ выгодъ, даваемыхъ ими; для заграмаживанія хлѣба и травы служатъ грабли; употребляются и конныя грабли.

Самый распространенный способъ молотьбы хлѣба—это „горпакъ", т. е. молотьба лошадьми, „гономъ"; существуетъ и болѣе выгодная машинная молотьба.

Молотьба производится также каменными катками съ глубокимъ нарѣзомъ въ формѣ звѣзды; болгары молотятъ досками, „деканками", молотьба цѣпами почти совершенно вытѣснена. Для укладки хлѣба и сѣна въ скирды служатъ пяти и трезубыя вилы, набоины, карполои и орурки; очищается зерно лопатами, рѣшетами и „млинками", вѣялками. Кромѣ того изъ машинъ употребляется: экстирпаторы, культиваторы, вѣялки, сортировки и куколеотборки и старыя галаджійки. Для обработки мягкихъ полей и пропалыванія употребляется новоизобрѣтенный мѣщаниномъ Бурдою инструментъ подъ названеімъ „граса"; онъ употребляется также и при обработкѣ огородовъ.

Орудіями транспорта служатъ воловьи и конные возы, фургоны-драбиняки и фургоны-молочные, гарбы, маджары, платформы, передвижныя ясли.

Обработка земель начинается съ конца февраля или начала марта: „сій ячминь въ грязь, буде зъ тебе князь!" говорятъ пахари, указывая значеніе раннихъ посѣвовъ; къ маю посѣвы обыкновенно всѣ оканчиваются; съ половины мая идетъ косовица травъ, а съ конца іюня уборка хлѣба; къ 15 августа оканчивается уборка хлѣба и тогда же начинается оранка подъ озимые хлѣба; одновременно съ посѣвомъ идетъ оранка на зябль; въ ноябрѣ полевыя работы оканчиваются.

Глубина запашки отъ 2 до 3 вершковъ; глубина задѣлки сѣмянъ $^{1}/_{2}$—1 верш., а подъ плугъ 2—2$^{1}/_{2}$—это въ мелкихъ хозяйствахъ, а въ болѣе крупныхъ запашкахъ доходитъ до 5 вершковъ; при этомъ примѣняются къ погодѣ; отъ этого и выходитъ, что осенью пашутъ гораздо глубже, чѣмъ весною.

Формъ эксплоатаціи земли три: веденіе хозяйства самими собственниками, аренда на долгій срокъ и съемка на лѣто. Изъ земель частнаго владѣнія 20,02% находится въ долгосрочной арендѣ; наиболѣе отдаютъ въ аренду земли крупные хозяева и привилегированныя сословія; чаще всего земли арендуются на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ; наиболѣе земель арендуется нѣмцами и евреями (болѣе половины); товариществами арендуется четверть арендныхъ земель. При веденіи хозяйства самими собственниками употребляются служащіе: управляющій, приказчикъ, отаманъ, объѣздчики, ключники, конторщики и бухгалтеры; при овцеводствѣ—шафмейстеры или отаманы и чабаны. Съемщиками земли являются десятинщики—крестьяне и нѣмцы. При съемкѣ дѣлаются только устные договоры отдавать хозяину извѣстную долю урожая; виды съемки называются копой, оторомъ, отсѣвомъ. Общественная запашка существуетъ въ немногихъ крестьянскихъ поселеніяхъ; вездѣ она замѣняется взносомъ зерна; общественная запашка дѣлается силами всего населенія.

Величина общественныхъ лановъ зависитъ прямо отъ величины крестьянскихъ поселеній; она колеблется между 3 и 56 дес.

Итакъ, въ большей части среднихъ и крупныхъ имѣній земля обрабатывается спольщиками; но, какъ вся промышленность зависитъ отъ капитала и труда, то и земледѣліе завистъ отъ капитала (земли) и отъ труда (рабочихъ рукъ); капиталъ нами разсмотрѣнъ; надо разсмотрѣть и трудъ.

Рабочіе являются въ Новороссіи изъ губерній кіевской, подольской и полтавской на рынки мѣстечекъ Березовки и Ляхова (ананьевск. у.), Яновки (одес. у.) и Петроваровки (тираспол. у.)

Наибольшая плата работнику у нѣмцевъ, но и работа у нихъ труднѣе; меньшая въ уѣздѣ. Поденно наиболѣе получаютъ косари за уборку хлѣба—отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. (у нѣмцевъ) и отъ 1 руб. до 2 (въ уѣздѣ). Наименьшую плату получаетъ погоничъ отъ 25 до 30 коп. поденнаго у нѣмцевъ и отъ 15 до 25 коп. въ уѣздѣ; при годовой платѣ средняя цифра заработка равна 100 рублямъ; высоко цѣнится трудъ спеціалистовъ какого-нибудь дѣла: плотниковъ, кузнецовъ, чабановъ, машинистовъ; годичная заработ-

ная плата первыхъ трехъ доходитъ до 400 руб., а машинистовъ до 800. Пунктами сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ служитя Одесса и Николаевъ.

Сельско-хозяйственныя угодья и ихъ производительность. Въ хозяйствѣ одесскаго уѣзда извѣстны слѣдующіе виды поверхности: поля засухи или солонцеватыя пространства соляныхъ озеръ, гдѣ добываютъ соль; по рѣкамъ встрѣчаются плавни съ лѣсными зарослями, на которыхъ косятъ сѣно и камышъ, низменныя долины у рѣкъ и балокъ—левады, а среди полей—поды. Сухія поля дѣлятся на угодья: усадьбу, садъ, огородъ, виноградникъ, выгонъ, цѣлина и переложный „степъ", наконецъ, земли не эксплоатируемыя: дороги, кладбища, обрывы и проч. Переложное поле подраздѣляется на цѣлину, сбой, твердое поле, мягкое или старополье, пари (баштанища и кукурузища), твердыя, затвердѣлыя, сѣнокосы, пастбища, толока и перелогъ. Опредѣлить качество этихъ полевыхъ угодій, вслѣдствіе ихъ измѣнчивости, очень трудно, ибо урожайность ихъ зависитъ отъ весьма многоразличныхъ условій; наибольшее вліяніе принадлежитъ климату; по метеорологическимъ наблюденіямъ за 12 лѣтъ, всякій годъ, когда влага выпадаетъ за осень, зиму и лѣто менѣе 150 миллиметровъ, грозитъ неурожаемъ; для обильнаго урожая требуется 500 миллиметровъ; такихъ годовъ за 12 лѣтъ былъ лишь одинъ; тогда какъ годовъ съ меньшимъ количествомъ средняго осадковъ было 6; это вполнѣ подтверждаетъ слова хозяевъ, что на 10—12 лѣтъ половину надо считать неурожайными—плохими. Для урожая яровыхъ хлѣбовъ и сѣна важно также, чтобы при хорошей влажности осени и зимы весна дала не менѣе 100—150 миллиметровъ осадковъ; при 250 миллиметрахъ уражай получается отличный.

Естественными врагами урожая являются жукъ, или кузка, гусеница (осельныця), черваки на льнѣ и рапсѣ, черный жукъ, подъѣдающій кукурузу, муравьи, вредящіе хлѣбу при посѣвахъ, блохи, истребляющія ленъ при всходѣ; на сколько распространенъ здѣсь хлѣбный пильщикъ и гессенская муха—неизвѣстно. Что касается до урожайности полей, то образцомъ могутъ служить среднія цифры земель Севериновки за 10 лѣтъ (пространство 10000 десятинъ); по результатамъ воздѣлыванія, хлѣба слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: ячмень (среднее $5\frac{1}{2}$ четвертей съ десятины; самъ—$7\frac{1}{4}$), просо ($5\frac{1}{4}$ четв.; самъ—50), овесъ (5 четв.; самъ—5), жито озимое (3 четвер. самъ—$6\frac{1}{3}$), ленъ ($2\frac{1}{2}$ четвер.; самъ—$16\frac{2}{3}$), чирка ($1\frac{1}{2}$ четвер.; самъ--3) озимая пшеница ($1\frac{1}{4}$ четвер.; самъ—$2\frac{3}{4}$), яровое

жито (1 четвер.; самъ—2). Цифры севериновской экономіи немногимъ разнятся отъ показаній другихъ хозяевъ и только выше показаній крестьянъ объ урожайности ихъ полей. Такимъ образомъ мнѣніе о высокой производительности земель Новороссійскаго края не подтверждается; хотя, дѣйствительно, и встрѣчаются годы съ урожаемъ 8—15 четвертей съ десятины, но годы плохіе или вовсе неурожайные понижають среднюю цифру на 4—4½ четверти съ десятины.

Пространство, занимаемое пахатными полями, занимаетъ почти половину пространства всего уѣзда (48%); на сѣнокосы отходитъ ⅙ часть уѣзда (16%), а подъ выпасъ ¼ его (около 24%).

Не останавливаясь на опредѣленіи качествъ сѣнокосовъ и родовъ травы, замѣтимъ лишь, что южныя приморскія части менѣе урожайны, чѣмъ сѣверныя степныя, и что въ общемъ въ хорошій годъ десятина даетъ 120, въ средній 80, а въ плохой 40 и менѣе пудовъ.

Скотоводство. Лошадей въ уѣздѣ 74895 и рагатаго скота 103585 штукъ; всего 177,480 штукъ. Весь этотъ скотъ пасется на толокѣ 204,877 десятинъ, т. е. на каждыя 10 десятинъ приходится 8 штукъ скота, или другими словами—на одну десятину нѣсколько менѣе одной штуки скота; по мнѣнію мѣстныхъ хозяевъ, на одной десятинѣ свободно могутъ пастись двѣ штуки; на той же толокѣ пасутся еще 272206 штукъ овецъ. У нѣмцевъ на 100 человѣкъ приходится 95 лошадей и 106 штукъ рогатаго скота; у русскихъ—50 лошадей, 42 штуки рогатаго скота. Вообще же скота у русскихъ менѣе, чѣмъ вдвое.

Лѣсоводство наиболѣе распространено въ Днѣстровской долинѣ; здѣсь находится 564 дес. лѣсу или 46,76% всего пространства уѣзда; 9960 плавней (низменныя мѣста, поросшія камышемъ, осокой, рогозой и проч.) или 70,48%; 269 десят. мокраго сѣнокосу или 59,38% и 4000 дес. болотъ или 84,81%. По владѣльцамъ эти угодья распредѣляются такъ: лѣсу

у государства	461 д.	(81,88%), у крестьянск. общ.	103 д.	(19,12%)
плавней . .	6400 „	(64,25%)	3560 „	(35,75%)
мокрыхъ сѣн.	113 „	(42%)	156 „	(58%)
болотъ . .	877 „	(21,90%)	3123 „	(78,10%)

Породы деревьевъ: верба, дубъ, берестъ, ясень, осокорь и тополь; строеваго лѣса (10%), дровяной (70%) и заросли (20%). Десятина строевого лѣса стоитъ 266 руб., а лозы и хвороста—25 руб.

Прибугскихъ плавней 1510 дес. и лѣсовъ 83 десятины; степныхъ плавней очень мало.

Рыболовство. Хотя лиманно-рѣчной уловъ рыбы сравнительно съ уловомъ азовско-донскимъ, черноморско-кубанскимъ или каспійско-волжскимъ не великъ, но благодаря близости одесскаго рынка онъ получаетъ немалое значеніе; крупное рыболовство ведется заводами. Изъ рыбъ здѣсь ловится коропъ, судакъ, лещъ, окунь, рыбецъ, сомъ, щука, севрюга, чечуга и друг. Напротивъ, побережье Чернаго моря въ одесскомъ уѣздѣ издревле славится обиліемъ рыбы; ее вывозится на 1/2 милліона рублей; на побережьи также развита крупная заводская рыбопромышленность. Артельныя предпріятія очень рѣдки. Изъ породъ ловимыхъ рыбъ извѣстны: осетеръ, бѣлуга, пеструга, сѣрюга (севрюга), чечуга, стерлядь, тарань, рыбецъ, чехонь, выризубъ, сельдь, баламутъ, сомъ, судакъ, окунь, щука, коропъ, карась, линь, лещъ, глоссы, камбала, скумбрія, бычки, тюлька, кефаль, анчоусъ, лифара, морской пѣтухъ, устрицы, селинкосы, мидіи, крабы, раки, маленькіе рачки, скакуны или креветки и небольшіе черепахи-архивады. Ловля производится съ марта по ноябрь.

Соляные промыслы находятся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, именно на Куяльницкомъ лиманѣ и солонцахъ Тузлянскомъ и Аджибольскомъ; приготовлялись къ промыслу на Бугазѣ и Карабужскомъ лиманѣ. Среднее количество добыванія соли въ Куяльницкомъ лиманѣ 2—3 милліона пудовъ; въ Тузлянскомъ промыслѣ—900,000 п.

Огороды, сады и виноградники не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ и находятся при усадьбахъ. Лучшіе огороды въ подгородныхъ селахъ; болѣе извѣстны Клейнъ-Либентальскіе, Нерубайскіе и Татарскіе. Изъ садовъ наиболѣе доходны абрикосовые. Сады и виноградники разбросаны повсюду; сборъ винограда начинается въ половинѣ августа, а оканчивается въ октябрѣ. Наибольшій урожай винограда даетъ восточная часть уѣзда, потомъ западная и наконецъ средняя.

Каменоломни находятся не въ уѣздѣ, а въ градоначальствѣ, лучшія въ Нерубайскомъ и его окрестностяхъ Усатовѣ, Большомъ Куяльникѣ и Холодной балкѣ. Камень изготовляется двухъ сортовъ: четверикъ и пятерикъ. Первый имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ квадратъ, ребро котораго 4 вершка, а во второмъ—5 и даже 2 1/2, длина каменнаго бруска каждаго рода 8—10 вершковъ; при 300 рабочихъ въ мѣсяцъ можно изготовить 50,000 брусковъ.

Известковыя печи находятся близь городовъ Одессы и Николаева; каждая печь выжигаетъ до 3000 пудовъ извести.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе одесскаго уѣзда.

Что касается свода оцѣночныхъ данныхъ, которыя въ главныхъ и важнѣшихъ цифрахъ уже приведены нами выше, то мы его опускаемъ. **И Каманинъ**.

Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго очерка мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2-мя чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Составилъ И. Токмаковъ. Кіевъ. 1888. 8°. 119 стр.

На томъ основаніи, что лѣтописное свѣдѣніе о г. Мглинѣ въ первый разъ встрѣчается въ 1387 г., мглинцы возымѣли мысль отпраздновать пятисотлѣтній юбилей своего города. Къ этому юбилею и было заказано городомъ настоящее описаніе. Заказано оно было г. Токмакову, какъ кажется, одному изъ чиновниковъ московскаго главнаго архива мин. ин. дѣлъ.—Авторъ говоритъ, что описаніе имъ составлено „на основаніи точныхъ документовъ и рукописей государственныхъ архивовъ и библіотекъ, а равно археографическихъ и библіографическихъ данныхъ.“ Несмотря на такое громкое указаніе источниковъ, описаніе г. Токмакова немного чѣмъ полнѣе отъ историческаго очерка Мглина, напечатаннаго въ книгѣ „Городскія поселенія въ Россійской Имперіи“, изданной около 30-ти лѣтъ назадъ мин. внутр. дѣлъ. Г. Токмаковъ лишь нѣсколько распространилъ указанный перечень событій внѣшней исторіи этого сѣренькаго городка черниговской губерніи.—Указываемый въ заголовкѣ книжки „обзоръ священныхъ предметовъ края“ заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ изъ книги архіеп. Филарета.—Начавъ обзоръ этотъ съ Аскольда и Дира (стр. 27), и посвятивъ затѣмъ четыре страницы этнографическому очерку лѣтописныхъ сѣверянъ, которые были погружены во мракѣ язычества,“ авторъ „изъ общаго обзора христіанскаго просвѣщенія въ этой мѣстности“ отмѣчаетъ „не вдаваясь въ подробности,“ что „ревностію *архіепископа черниговскаго Лазаря,* мглинскій Воскресенскій храмъ, съ 1632 г. уніатскій, возвращенъ православію.“ А затѣмъ въ рядъ, приводитъ—„отзывъ Иродіона Жураковскаго, архіепископа черниговскаго, *къ гетману Богдану Хмель*

ницкому 1729 г., о духовенствѣ того времени."—Извѣстно, что Лазарь Барановичъ поставленъ былъ черниговскимъ епископомъ только въ 1657 г., 37-ми лѣтъ отъ роду. Извѣстно также, что Иродіонъ Жураковскій, епископствовавшій въ Черниговѣ съ 1722 по 1733 г., не могъ быть современникомъ Хмельницкаго... Затѣмъ „общій обзоръ" наполняется сплошными выписками изъ Филаретовскаго „Описанія черниговской епархіи," [1]) при чемъ г. Токмаковъ и въ примѣчаніяхъ повторяетъ Филаретовскія же ссылки на разнаго рода источники, ни слова не говоря, что это ссылки чужія... Указавъ затѣмъ въ одномъ примѣчаніи (стр. 38) на „Описаніе черниговской епархіи", авторъ, продолжая и затѣмъ дѣлать сплошныя выписки изъ этой книги, уже ни слова не говоритъ объ источникѣ этихъ выписокъ, а лишь буквально повторяетъ Филаретовскія ссылки на источники... Заканчиваетъ свое „описаніе" г. Токмаковъ историческимъ очеркомъ г. Почепа, *буквально переписавъ* таковой изъ книги „Городскія Поселенія въ Рос. Имп." (т. VII, ч. I, стр. 408). Интересно, что списавъ слово въ слово этотъ очеркъ, источники къ нему г. Токмаковъ указываетъ однако же свои. Напр., при описаніи ссоры Скоропадскаго съ Меншиковымъ за Почепъ, г. Токмаковъ дѣлаетъ ссылку на книгу г. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ" т. II, стр. 50, 85 и 454. Хотя на указанныхъ страницахъ этой книги о Почепѣ и говорится, но говорится о событіяхъ, не упоминаемыхъ въ разсказѣ о Почепѣ, взятомъ изъ книги „Городск. Посел." Видно, что г. Токмаковъ стр. 50, 85 и 454 тома II-го книги г. Барсукова просто списалъ изъ указателя, приложеннаго къ этому тому (см. его стр. 522)....

Въ приложеніяхъ къ описанію (стр. 63—119) помѣщено нѣсколько документовъ, изъ числа которыхъ только три говорятъ о Мглинѣ, а остальные относятся къ исторіи Почепа за время Меньшиковскаго имъ владѣнія. Въ числѣ документовъ помѣщена между прочимъ, „запись 1676 г. о размежеваніи земель, принадлежащихъ *Новымъ Млинамъ* и тамошнему дѣвичьему монастырю."—Запись эта имѣетъ въ виду нынѣ закрытый Кербутовскій дѣвичій монастырь, находившійся около сосницкаго мѣстечка Новыхъ Млиновъ, и внесена въ описаніе г. Мглина лишь по созвучію названій....

Просмотрѣвъ книжку г. Токмакова, приходится пожалѣть, что благая мысль мглинцовъ осуществлена такъ неудачно. **А. Л.**

---

[1]) Напр. стр. 36—52 изъ монографіи г. Токмакова составляютъ сплошную выписку изъ книги преосв. Филарета.

И. Каргопольцевъ. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888.

Въ предисловіи г. Каргопольцевъ говоритъ, что „желаніе доставить путешественникамъ и судопромышленникамъ возможность имѣть всегда подъ рукой свѣдѣнія о р. Днѣпрѣ и его историческихъ окрестностяхъ, а во вторыхъ всѣ необходимыя справки и указанія, относящіяся къ судоходству по этой рѣкѣ, заставало насъ предпринять изданіе „Путеводителя по Днѣпру и его порогамъ". Не касаясь справочныхъ свѣдѣній, особенно необходимыхъ судопромышленникамъ, мы обратимъ вниманіе только на историческую и описательную части путеводителя, которыя составлены весьма неудачно. Въ книжкѣ напечатаны очерки: „Днѣпръ", „Пристани и города, лежащіе по Днѣпру", „Историческія свѣдѣнія о селахъ, лежащихъ по порогамъ", „Бѣлоруссы",--принадлежащіе по всей вѣроятности, самому составителю; къ нимъ присоединены очерки и замѣтки, перепечатанныя изъ соч. Овсянникова, Рус. Художеств. Листка, Рус. Судоходства и др. И тѣ, и другія статейки нѣсколько скучны, а къ тому же самостоятельныя произведенія написаны тяжелымъ языкомъ. Мы думаемъ, что путешественники, немного знающіе исторію Днѣпровскаго бассейна, удивятся, когда прочитаютъ въ путеводителѣ г. Каргопольцева, что городъ Черкассы въ 1342 г. былъ назначенъ „гетманскою столицею, въ 1637 сожженъ первый разъ поляками, а въ 1663 году атаманомъ (?) Сошко (?)", что родиной Т. Шевченка составитель путеводителя считаетъ г. Каневъ и что „бѣлоруссы говорятъ старорусскимъ языкомъ, въ которомъ однакоже много словъ польскихъ" (стр. 262). Г. Каргопольцевъ любитъ *рѣдкостныя* слова и оригинальныя выраженія. Потемкинъ имѣлъ въ Кременчугѣ каменный дворецъ, „отъ котораго остался одинъ обширный (нынѣ городской) садъ". Описывая путь по Днѣпру, авторъ, не доѣзжая Кіева (отъ села Навоза), впадаетъ въ чувствительность и разсказываетъ, что вспоминается ему при осмотрѣ окружающихъ береговъ. И многое вспоминается г. Каргопольцеву... вспоминается между прочимъ и „вѣковая борьба православія съ католицизмомъ и злосчастной уніей, съ высокими свѣтлыми личностями этой кровавой эпохи" (стр. 120).

Г. Каргопольцевъ въ предисловіи ставитъ своею цѣлію дать „матеріалъ для чтенія въ долгіе, быть можетъ утомительные, часы

путешествія", но его матеріалъ для чтенія самъ по себѣ утомителенъ такъ, что путешественникъ можетъ развлекаться только разыскиваніемъ историческихъ и стилистическихъ курьезовъ въ путеводителѣ. Большія надежды путешественника останутся тщетными...

И. Ж.

Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ. 1887.

Г. Похилевичъ въ 1864 г. издалъ въ Кіевѣ „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ въ кіевской губерніи," гдѣ по приходамъ, признаннымъ имъ болѣе устойчивымъ дѣленіемъ, сообщилъ историческія, статистическія и церковно-административныя свѣдѣнія о деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ губерніи. Книга эта, удостоенная въ 1865 г. академіею наукъ малой уваровской преміи и сдѣлавшаяся теперь библіографическою рѣдкостью, служила и служитъ справочною книгою для всѣхъ, заинтересованныхъ прошлою жизнью нашихъ селъ, но сама по себѣ, какъ первый опытъ историко-статистическаго описанія кіевской губерніи,—губерніи богатой явленіями прошлой жизни, и къ тому же предпринятая исключительно однимъ лицемъ, и собиравшимъ сырой и печатный матеріалъ, и извлекавши изъ него для своихъ цѣлей все то, что признавалось имъ необходимымъ, заключала въ себѣ много недоговореннаго, отчего рѣдкому изъ читателей не бросалась въ глаза эпизодичность разсказа автора о многихъ мѣстностяхъ губерніи, о которыхъ разсказъ прерывается на сто и болѣе лѣтъ... Въ теченіи 25 лѣтъ, прошедшихъ со времени изданія „Сказаній о нас. мѣст. кіев. губерніи", появилась въ свѣтъ масса новаго печатнаго матеріала и г. Похилевичъ, не перестававшій слѣдить за новостями въ литературѣ предмета, имъ разработаннаго, и ознакомившійся съ матеріаломъ сырымъ, не бывшимъ при изданіи его первой книги у него въ рукахъ, предпринялъ новое изданіе выпусками своего перваго труда, внося въ него и разрабатывая до того неизвѣстные ему факты, отчего въ новомъ изданіи онъ старался: 1) расширить и умножить историко-статистическія данныя, 2) опустить многія изъ тѣхъ подробностей, изображавшихъ положеніе церквей и духовенства, мѣсто которымъ въ мѣстныхъ церковно-періодическихъ изданіяхъ, 3) отмѣтить въ каждой населенной мѣстности результаты крестьянской,

реформы, т. е. опредѣлить размѣръ крестьянскихъ налоговъ и платежей за нихъ, количество выкупленной окончательно въ собственность земли, съ именами этихъ собственниковъ, и 4) прослѣдить всѣ измѣненія, происшедшія въ жизни селъ за послѣднія 25 лѣтъ, для чего онъ отмѣчаетъ перемѣну владѣльцевъ, увеличеніе народонаселенія, ростъ промышленной и заводской дѣятельности отдѣльно по каждой мѣстности,—задача весьма почтенная, увеличившая объемъ книги (для кіев. уѣзда съ 107 стр. на 155, для радомысл. уѣзда съ 81 стр. на 129) почти, что на 50 % и заставившая автора выпускать свой трудъ не книгою, а отдѣльными выпусками. При выполненіи же своей задачи авторъ, хотя и даетъ около полутори сотни названій населенныхъ мѣстностей, не вошедшихъ въ прежнее его изданіе, но при этомъ забываетъ отмѣтить, составляютъ ли эти мѣстности новыя поселенія, или онѣ почему либо опущены были имъ при его первомъ изданіи; подобная отмѣтка была бы гораздо умѣстнѣе въ серьезной книгѣ, чѣмъ публицистическій задоръ въ отдѣлѣ „Указатель нѣсколькихъ предметовъ, выдающихся и болѣе интересныхъ для любознательнаго читателя;“ также точно показанія автора о приростѣ населенія, развитіи земледѣлія, промышленной и заводской дѣятельности населенія относятся къ настоящему положенію дѣлъ и не даютъ никакихъ данныхъ для сравненія съ прошедшимъ. Карты, приложенныя г. Похилевичемъ, составлены по Шуберту, между тѣмъ какъ мы имѣемъ лучшія и болѣе полныя карты, составленныя генеральнымъ штабомъ.

Отмѣтивъ такимъ образомъ болѣе видные недостатки труда г. Похилевича, мы тѣмъ не менѣе должны благодарить почтеннаго автора „Сказаній“ за то, что имъ сдѣлано для бытовой исторіи нашихъ селъ, и выразить надежду, что авось его трудъ на мѣстахъ вызоветъ людей, заинтересованныхъ прошлымъ своего роднаго села, заняться продолженіемъ и исправленіемъ труда г. Похилевича.

И. К.

Сѣверо-западный календарь на 1888 годъ. Изданіе газеты „Минскій Листокъ“. Минскъ 1888 г.

Редакція „Сѣверо-западнаго календаря“ задалась цѣлью пролить немного свѣта на Бѣлоруссію, заявивъ въ объявленіяхъ объ изданіи, что она стремится „пополнить давно уже ощущавшійся недостатокъ въ справочной книжкѣ, въ которой были бы сконцен-

трированы всѣ необходимыя свѣдѣнія для жителя сѣверо-западнаго края и въ которой онъ могъ бы, хотя приблизительно, познакомиться какъ съ прошлою, такъ и текущею жизнью той мѣстности, гдѣ ему приходится вращаться". Къ сожалѣнію, тутъ же въ предисловіи редакція заявляетъ, что задача эта не могла быть выполнена за $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, въ теченіе которыхъ составлялся и печатался Календарь.

Впрочемъ, нѣкоторые отдѣлы, какъ напримѣръ, сельско-хозяйственный, коммерческій и юридическій, составлены вполнѣ добросовѣстно; хотя нѣкоторые изъ нихъ заимствованы, какъ, напр., сельско-хозяйственный отдѣлъ, составленный по „Календарю русск. сельск. хозяевъ", по „Памятной Книжкѣ" П. Калугина и по Лангеталю, что, не уменьшая, конечно, цѣнности этого отдѣла для пользующихся календаремъ, облегчило трудъ составителей.

Какъ особенно пріятное явленіе, отмѣтимъ приложенный редакціей къ каждому мѣсяцу календарь по народнымъ бѣлорусскимъ воззрѣніямъ. Народный календарь составленъ весьма полно (по страницѣ петита на каждый мѣсяцъ), живо и интересно; онъ рисуетъ взгляды бѣлоруссовъ на различныя времена года, праздники, указываетъ суевѣрія и обряды, связанные съ извѣстными днями года.

Статистическія свѣдѣнія, касающіяся собственно Бѣлоруссіи, помѣщаются всего на всего на трехъ страницахъ (99—101), изъ коихъ полторы заняты исчисленіемъ городовъ и мѣстечекъ съ показаніемъ числа ихъ жителей.

Составители „Сѣверо-западнаго календаря" упустили изъ виду одно важное обстоятельство: въ немъ совсѣмъ отсутствуетъ, хоть приблизительная, цифры чисто бѣлорусскаго населенія. Такимъ образомъ, календарь, издающійся спеціально для бѣлоруссовъ (вѣдь календарь нуженъ только для бѣлоруссовъ сѣверо-западнаго края: поляки, литовцы и евреи имѣютъ свои календари), вовсе не указываетъ количества бѣлоруссовъ. Между тѣмъ г. Карскій („Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи", стр. 13) насчитываетъ всего бѣлоруссовъ до 4 милліоновъ, если принять во вниманіе бѣлорусское населеніе смоленской губ., сувалкской и др. Кромѣ того, намъ кажется, что календарь долженъ былъ бы дать намъ свѣдѣнія о распространеніи народонаселенія по уѣздамъ, по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ и вообще обставить вопросъ такъ, чтобы читатель могъ составить ясное понятіе о Бѣлоруссіи. При этомъ замѣтимъ, что редакція „Сѣверо-западнаго календаря" упустила изъ

виду то, что большая часть Смоленской губ населена бѣлоруссами. Такъ, по исчисленію М. Цебрикова, около 1860 г. бѣлорусское племя составляло 54% всего народонаселенія смоленской губ., или 600,678 душъ обоего пола [1]). По этому намъ кажется вполнѣ справедливымъ, чтобы редакція давала въ своемъ календарѣ свѣдѣнія и о смоленской губерніи.

Немного даетъ намъ „Сѣверо-западный календарь" и о состояніи народнаго образованія; свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ по этому вопросу, крайне скудны, и притомъ ими неудобно пользоваться, такъ какъ редакція не подвела даже итоговъ.

Отдѣлъ о фабричной и заводской промышленности составленъ также поверхностно и скуденъ по содержанію. Вообще, было бы желательно встрѣтить въ слѣдующихъ изданіяхъ „Сѣв.-зап. календаря" болѣе обстоятельныя статистическія данныя.

Перейдемъ теперь къ литературному отдѣлу „Сѣверо-западнаго календаря". Въ общемъ онъ составленъ недурно, хотя по объему своему очень не великъ: стихотвореніе „Родной Бѣлоруссіи", народная легенда „Божье наказанье", разсказъ „Потапъ и Тереха" и историческая статья „Изяславль и Туровъ".

Стихотвореніе „Родной Бѣлоруссіи" не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Болѣе интереса представляетъ разсказъ „Божье наказаніе". Легенды такого рода существуютъ не только въ Бѣлоруссіи; онѣ извѣстны въ болгарскихъ, сербскихъ и великорусскихъ сказаніяхъ.

Разсказъ г. Лаппо „Потапъ и Тереха" не имѣетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ и, если бы не было въ заглавіи надписи: „Изъ бѣлорусскихъ картинъ" и нѣсколькихъ бѣлорусскихъ фразъ Потапа, то было бы трудно подозрѣвать, что авторъ хотѣлъ нарисовать картину именно бѣлорусскаго быта.

Гораздо больше имѣетъ для насъ интереса историческая статья „Сѣверо-западнаго календаря", къ разбору которой мы сейчасъ и обратимся.

Редакція календаря сочла нужнымъ высказаться по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, выступивъ со статьей: „Изяславль и Туровъ—разсадники христіанства, основанные Владиміромъ св. въ нынѣшней Бѣлоруссіи" А. Слупскаго. Статейка эта, излагаю-

---

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Смоленская губерн. Спб. 1862 г. стр. 127.

щая краткую исторію названныхъ городовъ и ихъ современное положеніе, а также и народныя преданія, къ нимъ относящіяся, представляетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, хотя историческая ея часть не безъ крупныхъ промаховъ.

Такъ, авторъ утверждаетъ, что Изяславль, нынѣшній Заславль, мѣстечко минской губ., основанъ въ 986 году Владиміромъ св. для покинутой имъ супруги Рогнѣды и сына Изяслава. Между тѣмъ, мы рѣшительно не имѣемъ данныхъ утверждать, что Изяславль основанъ въ 986 году, да и вообще относить основаніе его къ какому либо опредѣленному году, и даже приписывать его Владиміру. Одна только Лаврентьевская лѣтопись говоритъ объ этомъ послѣ извѣстнаго разсказа о покушеніи Рогнѣды на жизнь своего мужа: „Владиміръ устроилъ городъ и далъ имъ (Рогнѣдѣ и Изяславу), и назвалъ этотъ городъ Изяславлемъ“ [1]). Но нужно замѣтить, что въ другихъ спискахъ вовсе не находится этого извѣстія, а въ самой Лаврентьевской лѣт. оно записано подъ 1128 годомъ, и, слѣдовательно, вовсе не указываетъ года построенія Изяславля. Да это противорѣчило бы и прямому свидѣтельству всѣхъ списковъ лѣтописей, въ которыхъ подъ 988 годомъ говорится, что Владиміръ, раздавъ сыновьямъ своимъ княженія, Изяслава посадилъ въ Полоцкѣ [2]). Слѣдовательно, Изяславъ княжилъ въ Полоцкѣ и ему, конечно, принадлежалъ Изяславль. Вѣрнѣе предположить, что Изяславль и былъ основанъ самимъ Изяславомъ, какъ оплотъ противъ Литвы.

Очевидно, г. Слупскій, помѣщая свою статью въ разбираемомъ календарѣ, не позаботился ознакомиться со всѣмъ лѣтописнымъ матеріаломъ по данному предмету. Кромѣ того у него крайне слаба критика нѣкоторыхъ данныхъ, вслѣдствіе чего онъ впадаетъ въ грубыя ошибки. Составленныя такимъ образомъ популярныя историческія статьи могутъ распространять въ обществѣ только ложныя понятія. При этомъ намъ кажется, что г. Слупскій допускаетъ иногда въ своей статьѣ нѣсколько фельетонныя выраженія, которыя не совсѣмъ гармонируютъ съ серьезной работой. Такъ, передавая разсказъ о принятіи Рогнѣдою монашества и не упоминая, что это только вѣроятное преданіе (извѣстіе это помѣщено только въ одной Тверской лѣт., стр. 112—113, въ формѣ, менѣе всего заслуживаю-

---

[1]) Лавр. л., изд. 1872 г. стр. 285.

[2]) Ипат. стр. 83; Тверская лѣт. стр. 113; Никоновская стр. 57 и др.

щей довѣрія), онъ приписываетъ ей даже мысли такого рода: „на предложеніе же бывшаго мужа креститься, по всей вѣроятности *увлекшись перспективою играть въ будущей жизни* (?!) *одну изъ первыхъ ролей*, отвѣчала ему"... и т. д.

Далѣе, авторъ приписываетъ Изяславлю слишкомъ значительную роль въ насажденіи христіанства въ древней Руси. Это не болѣе, какъ гипотеза автора. Скорѣе слѣдуетъ признать, что цѣль его основанія заключалась въ передовомъ постѣ на границахъ съ Литвой, на стражѣ дѣйствительно значительнаго въ то время Минска. Какъ бы доказательствомъ этому служитъ большое число селеній, напоминающихъ своими названіями пограничныя укрѣпленія: къ сѣв.-вост. отъ него мы находимъ по дорогѣ, ведущей къ Логойску, *Городокъ* на р. Вячѣ, *Городокъ* на р. Усяжѣ; къ западу отъ него мы находимъ *Кривичи* и *Городокъ* на Нѣманской Березинѣ, мѣст. виленской губ., къ югу—Рубежевишки и т. д.[1]).

Фактически извѣстно, что Изяславъ, Брячиславъ и Всеславъ преемственно княжили въ Полоцкѣ, а Изяславль, какъ удѣльный городъ, является не ранѣе 1101 года, послѣ смерти Всеслава, но лѣтописи упоминаютъ о немъ, какъ объ удѣльномъ городѣ, только въ 1127 году (Лавр., стр. 283) и затѣмъ подъ 1159 г. (Ипат. 340). Такимъ образомъ, когда Изяславль выступаетъ, какъ удѣльный городъ, христіанство уже распространилось на Руси.

Къ сожалѣнію, и та часть статьи г. Слупскаго, въ которой онъ говоритъ о Туровѣ, не лишена нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ. Говоря о прибытіи въ Туровъ къ Святополку Владиміровичу епископа колобрежскаго Рейнберна съ дочерью Болеслава Храбраго, авторъ невѣрно смотритъ на характеръ его дѣятельности: миссія Рейнберна скорѣе была политическая, чѣмъ религіозная.

---

[1]) Кромѣ того замѣтимъ, что около Заславля по всѣмъ направленіямъ расположены группы кургановъ; рядъ ихъ идетъ по направленію къ юго-вост. черезъ Минскъ по рѣкѣ Свислочи, Березинскому притоку; особенно въ большемъ числѣ курганы группируются около слѣд. мѣстностей по Свислочи: около Заславля, Минска, дер. Замостичья, м. Смиловичъ, Новоселокъ, Блона, Лапичъ, Изборска и др. Затѣмъ послѣдовательныя группы ихъ тянутся по Березинѣ до Днѣпра, и далѣе внизъ по теченію Днѣпра. Такимъ образомъ послѣдовательный рядъ кургановъ какъ бы указываетъ путь изъ Кіева на границу съ Литвой въ Изяславль, а попадающіяся между курганами городища—на укрѣпленія пути. Вышеизложенныя свѣдѣнія мы почерпнули изъ археологической карты минск. г. Татура, еще не вышедшей въ печати и хранящейся при минскомъ статистическомъ комитетѣ.

Несмотря на эти недостатки, статья г. Слупскаго содержитъ много интересныхъ подробностей относительно преданій, сохранившихся въ народѣ, о древнихъ временахъ Турова и Изяславля, о курганныхъ раскопкахъ и археологическихъ находкахъ около послѣдняго, и вообще читается съ интересомъ.

Резюмируя все вышесказанное объ изданіи „Сѣв.-зап. календаря“, мы повторяемъ, что мысль, положенная редакціей въ основаніе изданія, весьма симпатична; если нѣтъ достойныхъ періодическихъ изданій въ Бѣлоруссіи, то и простой календарь, хорошо обставленный, можетъ быть весьма полезенъ. Но содержаніе „Сѣверо-западнаго календаря“ за настоящій годъ, въ особенности статистическій его отдѣлъ, весьма слабо и требуетъ многихъ улучшеній.

М. Запольскій.

Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. I—II. 141. Выпускъ I. До-монгольскій періодъ. М. 1888 г.

Разбираемая брошюра составляетъ I-й выпускъ большаго труда, имѣющаго появиться въ свѣтъ постепенно. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и три главы: 1) Славяне и другіе народы, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, 2) Русь.—Призваніе варяговъ.—Рюрикъ.—Походъ Аскольда и Дира въ Византію.—Княженіе Олега и его войны, 3) Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ—въ первой четверти XIII вѣка. Въ своемъ предисловіи составители высказываютъ мотивы, побудившіе ихъ принять на себя трудъ составить исторію русской военной силы и русскаго оружія. „Такого рода трудъ, говорятъ они, именно теперь, казалось бы, долженъ представлять всеобщій интересъ въ виду того, что современная военная сила всякаго государства выражается не въ обособленной арміи, а въ цѣломъ вооруженномъ народѣ, такимъ образомъ въ наше время всякій русскій долженъ считать себя частицей военной силы Россіи и неизбѣжно интересоваться какъ самымъ военнымъ дѣломъ, такъ и его исторіею“. Предполагается издавать этотъ трудъ отдѣльными выпусками, которые постепенно охватятъ: 1) періодъ княжескій—до монгольскій, 2) монгольскаго ига и начала московскаго государства, 3) царскій періодъ, 4) регу-

лярная армія при императорахъ и 5) новѣйшее время—всеобщая воинская повинность. „Разсматривая же устройство военной силы, продолжаютъ составители, нельзя не касаться и важнѣйшихъ событій военной исторіи, почему въ настоящемъ трудѣ будутъ помѣщены также очерки наиболѣе выдающихся войнъ и походовъ". Вслѣдствіе сказаннаго и первый выпускъ „Русской военной силы" распадается на два отдѣла: историческій, заключающій въ себѣ краткій очеркъ военной исторіи Руси отъ зарожденія государства и кончая княженіемъ Мономаха, и спеціальный, содержащій описаніе оружія, боевой тактики и военныхъ силъ Руси и т. д. въ до монгольскій періодъ ея исторіи. Каждый изъ этихъ отдѣловъ распадается еще на нѣсколько мелкихъ подраздѣленій, имѣющихъ особыя заглавія. Изданіе снабжено исторической картой древней Руси и нѣсколькими рисунками въ текстѣ.

Очеркъ военной исторіи русскаго государства, при всей своей краткости, можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Событія передаются живо, такъ что книжка читается очень легко и можетъ возбудить интересъ среди читающей публики. Конечно, тому, кто болѣе или менѣе интересуется исторіей русскаго народа, факты, сообщаемые въ первой части разбираемаго труда, извѣстны уже изъ другихъ историческихъ сочиненій, но за то читатель найдетъ во второмъ отдѣлѣ работы составителей „Военной русской силы" сгруппированныя данныя о древнемъ русскомъ оружіи, о русскомъ войскѣ, данныя, разбросанныя въ различныхъ трудахъ историковъ. Разбираемый трудъ, издаваемый съ цѣлью ознакомить общество съ прошедшимъ русской военной силы, есть трудъ популярный, представляющій собой удачную компиляцію изъ ученыхъ историческихъ сочиненій, но не могущій, конечно, претендовать на значеніе труда научнаго. Въ концѣ книжки приложенъ „Указатель сочиненій, служившихъ источниками при составленіи очерка". Изъ просмотра этого „Указателя" обнаруживается полное отсутствіе источниковъ первой руки и даже нѣкоторая случайность въ подборѣ пособій. Мы находимъ тутъ трудъ Дорна „Каспій" и вмѣстѣ съ тѣмъ не видимъ статьи Григорьева, извѣстнаго русскаго оріенталиста, „О походахъ руссовъ на Востокъ". Составители трактуютъ о Литвѣ, но совершенно выпустили изъ вида спеціальный послѣдній трудъ профессора В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи В. Кн. Литовскаго". Въ „Указателѣ" показано „Извлеченіе изъ лѣтописи Яхьи Антіохійскаго"—источникъ, почти ничего не дающій для исторіи русской военной силы, но со-

вершенно отсутствуютъ сборники арабскихъ извѣстій Гаркави, Хвольсона и др., которые могли бы дать составителямъ гораздо. больше матеріала по интересующимъ ихъ вопросамъ. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхьи Антіохійскаго—это единственный источникъ первой руки, которымъ воспользовались составители. Но выборъ этого источника и упущеніе болѣе важныхъ и идущихъ къ дѣлу показываетъ вполнѣ всю случайность ихъ выбора и отсутствіе предварительнаго знакомства съ ними. Замѣчательно, что краеугольный камень древней русской исторіи—лѣтопись—оставленъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Составители нѣсколько разъ указываютъ на нее, говорятъ, что о томъ то и объ этомъ повѣствуютъ наши лѣтописи, такъ что можно было бы подумать, что составители знакомы съ этимъ важнѣйшимъ источникомъ, хоть и не выставили его въ своемъ „Указателѣ", но, къ несчастью, обнаруживаютъ противъ своей воли, конечно, полнѣйшее незнакомство съ лѣтописью, да вмѣстѣ съ тѣмъ и съ самымъ общеизвѣстнымъ и замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ древней Руси—со „Словомъ о полку Игоревѣ". На стр. 113 составители говорятъ: „въ *Словѣ о полку Игоревомъ*", напримѣръ, ясно обозначены всѣ эти шесть частей боеваго порядка, описываемаго слѣдующимъ образомъ: „И изрядиша (русскіе) полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожъ, а по лѣву Святославль, на передъ сынъ Володимерь и другой полкъ Ярославль, а третій на передѣ-же стрѣльцы, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены"... Кто хоть немножко знакомъ со „Словомъ о полку Игоревѣ", сразу почувствуетъ, что тутъ языкъ не „Слова", и кто хоть разъ пробѣгалъ этотъ литературный памятникъ, тотъ скажетъ, что такихъ прозаическихъ подробностей, какъ перечисленіе полковъ, въ немъ быть не можетъ. На стр. 114 мы опять находимъ: „Въ томъ-же „*Словѣ о полку Игоревомъ*" говорится"... и далѣе снова идетъ цитата, якобы изъ этого памятника. Но рекомендуемъ желающимъ раскрыть Ипатьевскую Лѣтопись, изданіе Археографической Коммиссіи 1871 года, на стр. 431 и 432 и убѣдиться, что все приписываемое составителями „Слову о полку Игоревѣ" и будто бы взятое ими оттуда, находится только въ лѣтописи и ничего общаго съ содержаніемъ „Слова" не имѣетъ.

Слабое знакомство съ источниками первой руки, полная случайность выбора пособій и нѣсколько поспѣшное и невнимательное, какъ мы только что видѣли, пользованіе ими (пособіями, а не источниками первой руки, съ которыми, какъ показываетъ вышеприве-

денный фактъ, составители совсѣмъ незнакомы)—все это неминуемо должно было приводить къ неточностямъ, мелкимъ ошибкамъ и даже къ пробѣламъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлѣ труда. Не можемъ не указать въ подтвержденіе нашихъ словъ на слѣдующіе два факта. Въ разсказѣ о дѣятельности Святослава составители въ числѣ разоренныхъ имъ городовъ въ Хазаріи ставятъ Козеронъ и Итиль. Города Козерона не было, а былъ Казеранъ, при чемъ это не два отдѣльные города, а первый есть часть втораго, именно западная, гдѣ было мѣстопребываніе хазарской царицы со всѣмъ ея штатомъ; кромѣ того тутъ же жили купцы-магометане, евреи, русскіе и славяне. Затѣмъ составители упоминаютъ половецкаго хана Шурагана. Но такого хана не было, а упоминается и въ лѣтописи, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ ханъ Шаруканъ, или Шарукъ. Подобныя неточности можно объяснить лишь нѣкоторою поспѣшностью работы, такъ какъ въ тѣхъ пособіяхъ, которыми пользовались составители разсматриваемаго труда, такихъ погрѣшностей нѣтъ. Несомнѣнно, изъ двухъ отдѣловъ, на которые распадается книга, болѣе тщательной обработкой отличается отдѣлъ спеціальный. Но и здѣсь, какъ и въ первой части, составители находились въ полной зависимости отъ своихъ пособій и не могли критически отнестись къ сообщаемымъ ими даннымъ, не имѣя подъ руками источниковъ первой руки. По нашему мнѣнію, приступая къ спеціальной части своего труда, составители должны были познакомиться съ лѣтописью, какъ почти единственнымъ и богатымъ источникомъ для исторіи русскаго оружія и военной тактики. Если бы составители прочли лѣтопись съ картой въ рукѣ, то передъ ними открылось бы много интересныхъ стратегическихъ вопросовъ, ускользнувшихъ теперь совершенно отъ ихъ вниманія. При знакомствѣ непосредственномъ съ лѣтописью составители остановились бы съ бóльшимъ интересомъ на войнахъ удѣльнаго періода, во время которыхъ выполнялись иногда важные стратегическіе планы.

П. Голубовскій.

Wlad. Lozinski, Przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt III, 1888).

Въ рукописномъ отдѣлѣ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ подъ № 2111 находятся записки львовскаго торговца Петра Кунащука. Не заключая въ себѣ никакихъ почти историческихъ свѣдѣній,

записки эти однако любопытны въ томъ отношеніи, что иллюстрируютъ намъ бытъ и занятія южнорусской мѣщанской семьи средней руки. Въ сущности, если хотите, это даже не записки, а просто приходо-расходная книга аккуратнаго человѣка, до того погруженнаго въ финансовыя операціи и настолько привязаннаго къ злотому, что и самыя родственныя отношенія свои онъ оцѣниваетъ на деньги.

Кунащукъ русскій и православный; но въ религіозномъ и политическомъ отношеніи это человѣкъ совершенно индифферентный. Записки писаны имъ по польски, лишь изрѣдка попадаются въ нихъ русскія фразы или поговорки. Послѣднее обстоятельство дало случай г. Лозинскому, излагающему содержаніе данныхъ записокъ, распространиться на счетъ значенія польской культуры и преимуществъ ея предъ русской. Но если такіе люди, какъ Петръ Кунащукъ, легко ополячивались, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; индифферентный по всему, кромѣ наживы (изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что главное занятіе Кунащука было ростовщичество), онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые за злотый готовы были продать и вѣру, и народность. Утратѣ такихъ людей можно только радоваться, а привлеченіе ихъ въ свою среду не великая честь.

Начавъ торговое дѣло съ самыми незначительными средствами, Петръ Кунащукъ въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ всякими правдами и неправдами составилъ себѣ порядочное состояніе, пріобрѣлъ даже домъ на Галицкой улицѣ (во Львовѣ) за 7800 зл. Хотя главный предметъ его торговли было полотно, но онъ понемногу торговалъ всѣмъ чѣмъ попало, книгами, металлическими издѣліями и пр. Въ счетахъ его сохранилась цѣна разныхъ книгъ, преимущественно русскихъ богослужебныхъ: такъ *охтоихъ* шелъ по 20 и 15 зл., молитвенники по 2 зл., шестодневъ по 8 и 6 зл. 15 гр., псалтирь по 5 зл., полуставъ по 5 зл., часовникъ 1 зл. 20 гр., номоканонъ 2 зл. 24 гр., служебникъ 9 и 10 зл., требникъ 9 и 5 зл., азбуковникъ по 30 и 24 гр., трефолой по 28, 29 и 30 зл., часословъ 8 и 9 зл., Бесіды св. Макарія по 3 зл. 15 гр.

Изъ металлическихъ издѣлій Кунащукъ торгуетъ колоколами и пушками. Но не торговля составляла главное занятіе его и не торговлей онъ обогатился. Главное его занятіе — ростовщичество.

Деньги онъ отдаетъ только подъ вѣрное обезпеченіе, преимущественно подъ драгоцѣнныя вещи; въ этомъ отношеніи онъ не дѣлаетъ исключенія ни для кого; даже братствамъ церковнымъ онъ занимаетъ не иначе, какъ подъ залогъ, и въ числѣ закладовъ у него не мало церковныхъ вещей. Даже отъ родной дочери онъ беретъ залогъ. Проценты онъ беретъ чисто жидовскіе—не менѣе 26%, но порою до 50 и даже 86%.

Привычка цѣнить все на деньги до того вошла у него въ плоть и кровь, что даже собственныхъ дѣтей онъ, какъ товаръ, оцѣниваетъ на деньги, т. е. тщательно вычисляетъ, во сколько обошлось ему воспитаніе и обученіе каждаго изъ нихъ. Такъ, отмѣчая день смерти одной изъ своихъ дочерей, онъ подводитъ итогъ всей суммы, въ которую ему обошлось ея воспитаніе, замужество и погребеніе—3000 зл. 26 гр.

Кунащукъ имѣлъ двухъ дочерей и 3 сыновей. Дочерей повыдавалъ замужъ, повидимому, за ремесленниковъ или торговцевъ, такъ какъ за одного изъ зятей онъ платитъ въ цехъ, а другому даетъ полотна для торговли.

Мы находимъ въ его запискахъ весьма подробное перечисленіе всѣхъ вещей, данныхъ имъ въ приданое за дочерьми, съ точнымъ обозначеніемъ цѣны каждой вещи—хорошій матеріалъ для исторіи цѣнъ XVII в.

Не такъ легко было ему пристроить сыновей, особенно двухъ младшихъ; въ отличіе отъ своего болѣе нежели практическаго папаши, это были гуляки и пропойцы. Множество разъ отецъ снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ и отправляетъ то въ науку, то на заработки, но каждый разъ они возвращаются обратно, чуть не нагіе и босые, прокутивъ все, данное имъ отцемъ. Особенно много хлопотъ и денегъ стоилъ ему, повидимому, наиболѣе любимый изъ сыновей Янъ, на котораго онъ возлагалъ особенныя надежды и для котораго нанималъ даже учителей русскаго и латинскаго языка. Испытавъ множество разнообразныхъ профессій, этотъ сынъ-гуляка, стоившій отцу цѣлыхъ 1120 зл. и 16 гр., поступилъ наконецъ въ солдаты, но и тамъ не удержался, вернувшись по прежнему оборванцемъ къ отцу. Другой изъ его забулдыгъ-сыновей окончилъ свою разгульную жизнь въ монастырѣ.

Такимъ образомъ Кунащукъ мало видѣлъ утѣшенія въ дѣтяхъ; въ концѣ жизни онъ имѣлъ еще несчастье испытать, какъ одна изъ его невѣстокъ, поселившись въ его домѣ, хозяйничаетъ въ немъ, какъ въ своемъ, и обдираетъ ослабѣвшаго старика.

Таково вкратцѣ содержаніе записокъ Петра Кунащука (1663—1696), изъ которыхъ г. Лозинскій извлекъ почти все существенное.

И. Л.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ.

Люблю я иногда порыться въ семейномъ архивѣ какого нибудь сельскаго батюшки, дьячка, писаря, мелкаго помѣщика, или даже деревенскаго грамотѣя въ сермягѣ. Я не могу равнодушно видѣть запыленную, засаленную, истрепанную тетрадь изъ толстой синей бумаги, чтобы не перелистовать ее отъ начала до конца. Особенное же пристрастіе я питаю къ тетрадкамъ со стихами. Эти тетрадки, имѣющія часто весьма курьезный видъ, представляютъ ничто иное, какъ семейные литературные альбомы, и рѣдкая семья, принадлежащая къ означенному кругу людей, къ такъ называемой деревенской интеллигенціи, не имѣетъ такой завѣтной тетрадки. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, эти альбомы часто мѣняютъ свою физіономію и свой объемъ. Каждое поколѣніе, каждая эпоха вноситъ туда что нибудь свое, налагаетъ свой отпечатокъ, что легко можно замѣтить, если только тетрадь болѣе или менѣе значительнаго объема. Мнѣ кажется, что если бы собрать коллекцію такихъ альбомовъ изъ одной какой нибудь области за извѣстный періодъ времени, то изученіе ихъ могло бы дать не безъинтересную страничку для исторіи данной области, а можетъ быть и всей страны, — такъ много бываетъ любопытнаго, забавнаго, а иногда и поучительнаго въ этихъ тетрадкахъ! Особенно, конечно, любопытны могутъ быть тѣ изъ упомянутыхъ тетрадокъ--альбомовъ, гдѣ сильнѣе отражаются разнородныя вліянія, смѣна которыхъ всегда соотвѣтствуетъ тѣмъ или другимъ историческимъ фактамъ. Одной изъ интереснѣйшихъ въ этомъ отношеніи частей нашего отечества можетъ считаться наша западная окраина, гдѣ историческія перемѣны такъ часто слѣдовали одна за другою, и разнородныя вліянія оставляли по себѣ такіе

глубокіе и неизгладимые слѣды въ жизни народа матеріальной и духовной. Поэтому, если вы заглянете въ какую нибудь старую тетрадь стиховъ, написанную гдѣ нибудь на Волыни или въ Бѣлоруссіи, то тамъ вы найдете ту же пестроту, какая наблюдалась и въ жизни соотвѣтствующаго періода времени: польскій, малорусскій, великорусскій и другіе элементы укладываются иногда здѣсь въ самую причудливую мозаику подъ руками семинаристовъ, разныхъ другихъ студіозусовъ, военныхъ и т. п. людей. Иногда, взявши въ руки такую рукопись, вы сразу угадываете, кто былъ ея составителемъ по своему общественному положенію, по своимъ занятіямъ. Но это возможно только тогда, если черезъ всю рукопись можно прослѣдить ту идею, какая руководила составителемъ, что далеко не всегда удается. Обыкновенно среди невообразимой пестроты подобныхъ сборничковъ нельзя подмѣтить ничего объединяющаго, и составленіе ихъ обусловливалось, очевидно, чистою случайностью. Не всегда даже проводится строгая грань между духовными стихами и свѣтскими: тѣ и другіе слѣдуютъ одни за другими въ перемѣшку. Здѣсь вы встрѣтите и базиліанскій стихъ, выписанный изъ „Богогласника“ почаевскаго, и польскую пѣсню изъ ченстоховской „кантычки“, и гимнъ Костюшку, и „Боже царя храни“, и стихи Пушкина и другихъ поэтовъ русскихъ и польскихъ, и народную пѣсню. Среди этой массы матеріала, перенесеннаго цѣликомъ или изъ общеизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ, или изъ народныхъ устъ, случается натолкнуться и на нѣкоторые опыты самостоятельной, оригинальной работы: на какую нибудь пародію, подражаніе, сатиру или даже элегію хотя бы по названію, которое такъ и обозначено въ заголовкѣ, напоминая собою классическую надпись подъ дурнымъ рисункомъ: „Се конь, а не собака“. Въ прежнее время я имѣлъ возможность просматривать большое количество подобнаго матеріала, но, къ сожалѣнію, я тогда ограничивался лишь удовлетвореніемъ своего любопытства, не придавая этому особеннаго значенія и не задаваясь иными цѣлями. Теперь же, когда я иначе смотрю на это дѣло, у меня нѣтъ подъ рукою достаточнаго матеріала, чтобы можно было полнѣе обслѣдовать этотъ вопросъ. Я выдѣлю въ немъ только два-три пункта, чтобы яснѣе указать на его важность. Во-первыхъ, при разсматриваніи книжечекъ, о которыхъ мы говоримъ, является общая мысль о степени взаимодѣйствія двухъ элементовъ, русскаго и польскаго, на нашей западной окраинѣ. Конечно, на основаніи однихъ только этихъ матеріаловъ нельзя высказывать окончатель-

наго сужденія въ этомъ отношеніи; но все таки и эти сборники пѣсенъ и стиховъ могутъ до извѣстной степени указать намъ, какъ упомянутые элементы уживались другъ съ другомъ, когда и гдѣ замѣчалось преобладаніе одного изъ нихъ, съ какого времени началось ослабленіе одного и усиленіе другаго, и т. п. Во-вторыхъ, не безъинтересно обратить вниманіе на встрѣчающіяся въ этихъ сборникахъ народныя пѣсни. Тутъ мы увидимъ прежде всего, что народныя пѣсни начали записываться гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; а кромѣ того, иногда можно будетъ отмѣтить, какія измѣненія потерпѣла та или другая пѣсня въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пока дожила до настоящаго времени. Бѣда только въ томъ, что большею частью въ подобныхъ тетрадкахъ нѣтъ точныхъ указаній, къ какимъ годамъ онѣ относятся; однако мнѣ извѣстны рукописи 1814, 1818 годовъ, и въ нихъ встрѣчаются народныя пѣсни не только польскія, но и малорусскія и даже великорусскія. Въ третьихъ, особенно интересны стихи самостоятельные, принадлежащіе самому составителю сборника или другимъ неизвѣстнымъ стихослагателямъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этихъ литературныхъ альбомовъ или сборниковъ, можетъ быть, внесло бы въ исторію литературы, по крайней мѣрѣ мѣстной, два-три имени непризнанныхъ поэтовъ. Надо впрочемъ сказать, что обыкновенно эти оригинальные опыты бываютъ анонимны и, чувствуя хорошо, что данное стихотвореніе не народное, зная съ другой стороны, что оно не принадлежитъ какому нибудь извѣстному поэту, вы все таки не можете сказать, кто былъ его авторомъ и когда оно сочинено.

Изъ такихъ мѣстныхъ, непризнанныхъ поэтовъ мнѣ извѣстенъ нѣкто Шимонъ Гловинскій. Имя его, какъ составителя сборниковъ стихотвореній смѣшаннаго характера, выставлено на двухъ тетрадкахъ, доставленныхъ мнѣ изъ Волыни, а въ двухъ другихъ тетрадкахъ онъ упоминается, какъ авторъ нѣкоторыхъ стихотвореній. Во владиміро-волынскомъ уѣздѣ, откуда доставлены тетрадки, долго переходившія изъ рукъ въ руки, никто ничего не знаетъ о Шимонѣ Гловинскомъ, какъ передавалъ мнѣ г. Х. Симоновичъ, вывезшій оттуда эти рукописи. Въ самихъ же сборникахъ свѣдѣнія о его личности слишкомъ скудны. Изъ упомянутыхъ тетрадокъ первыя двѣ имѣютъ такія надписи на заглавномъ листкѣ: 1) Te Kantyczki z pieśniami świątowemi są sporządzone i spisane dla zabawy *w Lubieszowie* w Roku 1814 przez Szymona Głowińskiego, Tom 1-szy. Названіе мѣстечка Любешова написано другой рукою на подчищен-

номъ мѣстѣ. 2) Te Kantyczki są własne Szymona Głowińskiego, zawierające w sobie różne pieśni dla zabawy i rozrywki, spisane R-u 1818, Tom 2-gi. И опять другою рукою и иными чернилами прибавлено; w miasteczku Lubieszowie [1]). Эти поправки, очевидно, не принадлежатъ составителю, такъ что остается не вполнѣ опредѣленнымъ, жилъ ли онъ дѣйствительно въ Любешовѣ и какъ долго. Равнымъ образомъ неизвѣстно, кто онъ былъ, чѣмъ занимался. Изъ другихъ тетрадокъ узнаёмъ только, что онъ родился около 1800 г., потому что въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1837 или 1838 г., онъ говоритъ, что до 38 лѣтъ ему жилось хорошо, а потомъ судьба его измѣнилась. Въ 1820 году онъ женился на Анастасіи, урожденной Дашкевичъ [2]), жилъ съ нею 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; потомъ жена умерла, оставивъ ему шестеро дѣтей, въ томъ числѣ одного сына шести мѣсяцевъ. Утрату своей любимой жены онъ оплакалъ въ стихахъ на малорусскомъ и на польскомъ языкахъ. Въ одномъ изъ такихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ Pieśń po utracie żony najmilszej Anastazyi z Daszkiewiczów Głowińskiej napisana przez męża stroskanego Szymona pozostałego z sześciorgo dziećmi, 1837 roku, dnia 22 Marca, Гловинскій описываетъ скорбь мужа и дѣтей объ утратѣ матери семейства. Мы приведемъ, для образца, 4 начальныя строфы этой пѣсни.

1. Коханеи ся [3]) осталы
Жены мужъ зъ дитмы, рыдалы:
„Ахъ, намъ 2. оплаканый свите!
Маты 2. вселюбезный цвите!

2. Мы тебе, маты, кохалы,
Зъ утихою проживалы:
Ныни 2. зъ туги умираемъ,
Егда 2. тя не оглядаемъ.

3. Не такъ ся мы сподивалы
И тобою утишалы;
Мнилы 2. же чрезъ тебе, маты,
Будемъ 2. въ радосьць оплывати.

4. Теперъ зъ радосьць печалы,
Гды тя, маты, пострадалы,
Живя 2. мужъ зъ дытмы заблудны,
Вси дни 2. стаются намъ трудны.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи авторъ заставляетъ умершую отвѣчать изъ гроба на его жалобы такимъ же количествомъ строфъ, построенныхъ по тому же образцу.

---

[1]) Любешевъ, иначе Любашево (также Новый Долыкъ) находится въ пинскомъ уѣздѣ минской г., на р. Стоходѣ, въ 70 верстахъ къ юго-зап. отъ Пинска и въ 20 приблизительно отъ границы волынской губ. (овруч. у.). Въ 17 вѣкѣ Любашево принадлежало князьямъ Дольскимъ и было деревнею, но уже съ 1693 г. стало называться мѣстечкомъ. Названныя „Кантычки", слѣдовательно, были перенесены въ волын. губ. и прошли до самой западной ея границы (влад.-волын. у.).

[2]) По писцовымъ книгамъ б. Пинскаго и Клецкаго княжества эта фамилія (Daskyewicz) встрѣчается уже въ 1553 г. у пинскихъ мѣщанъ. Какой то Дашкевичъ Кипріанъ былъ товарищемъ Мицкевича, какъ это видно изъ посвященія къ „Дзядамъ".

[3]) Въ подлинникѣ примѣнена польская транскрипція, которую мы замѣняемъ, употребляя ы вмѣсто игрека (кромѣ случаевъ послѣ шипящихъ и послѣ гласныхъ).—Я.

Odpowiedź nayukochańszey Żony.

1. Ахъ, мужу мой любезнійшій,
Въ тузи, смутку послиднійшій!
Знаю 2. несчастну годыну,
Твою 2. котру терпышъ выну.

2. Зъ дитками позосталымы,
Которы суть нещастнымы
Еднакъ 2. пры твоимъ фрасунку
Давай 2. имъ свого ратунку.

3. Бы зналы Бога хвалыты
И зъ собою въ згоди житы,
А такъ 2. буде Богъ ласкавы,
Дастъ имъ 2. способъ житы въ слави.

4. Я зась любящая маты
Буду Бога вамъ благаты,
Бы вамъ 2. въ нещастлывой доли.
Промыслъ 2. дававъ зъ своей воли.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ умершая жена увѣщеваетъ мужа хранить и послѣ ея смерти супружескую вѣрность, говоритъ о невозможности возвращенія съ того свѣта и о необходимости покориться волѣ Божіей.

Языкъ этихъ „пѣсенъ" волынскій, нѣкоторыя формы галицкія. Слогъ только въ иныхъ мѣстахъ тяжеловатъ и какъ будто изобличаетъ въ авторѣ лицо, близко стоявшее къ церкви. Размѣръ выдержанъ довольно правильно. Авторъ назвалъ первое стихотвореніе пѣснью, и они оба, дѣйствительно, предназначались для пѣнія, на что указываютъ и повторенія первыхъ двухъ слоговъ въ 3 и 4 стихахъ каждой строфы. Мы можемъ даже указать приблизительно напѣвъ, который имѣлся въ виду для этихъ пѣсенъ, а можетъ быть и дѣйствительно примѣнялся къ нимъ. Это, именно, польскій великопостный мотивъ пѣсни:

Jezu Chryste, Panie miły,
Baranku bardzo cierpliwy!
Wzniosłeś 2. na Krzyż ręce swoje
Za nie—2—sprawiedliwość moję i t. d.

Мотивъ этотъ былъ настолько распространенъ и у уніатовъ, что почаевскіе базиліаны внесли его въ свой „Богогласникъ", правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, примѣнивъ его тоже къ великопостной пѣснѣ (ч. I, № 41, изд. 1825 г.):

Уже декретъ подписуетъ,
Пилатъ судія всказуетъ
На крестъ 2 агнца неповинна,
Тебе 2. Творца непремѣнна! и т. д.

Этотъ жалобный мотивъ вполнѣ соотвѣтствовалъ плачу объ утратѣ дорогой жены.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ разборѣ приведенныхъ стихотвореній, перейдемъ къ слѣдующимъ, помѣщеннымъ уже въ

другомъ сборникѣ смѣшаннаго характера. Онъ тоже неизвѣстно кѣмъ и когда составленъ. Сборникъ по внѣшнему виду совершенно похожъ на вышеупомянутыя „Кантычки" Гловинскаго и писанъ разными почерками, но стихи Гловинскаго какъ будто написаны тою же рукою, что и вышеприведенные. Тутъ именно находимъ два стихотворенія его: одно малорусское (въ польской транскрипціи), другое польское. Первое озаглавлено

Pieśń [1]) *smutek rzewliwy po naymilszey Nastuni.*

1. Ахъ, пора приходыть по щасцю тужиты,
Що свитъ не малы, мни нема зъ кимъ житы.
Хоць бымъ пройшовъ цилый свитъ,
Нема мылой, щасця нитъ.
Ахъ, бидный, ахъ бидный, бидный чоловикъ! [2])
2. До *тридцять осьмы* литъ добре мни було.
А по тыхъ уже того нестало.
Нестало мни не (=ни) ума,
Едно, друго—всё туга... Ахъ, бидный, и т д.
3. По *симьнадцять* литёхъ житя зъ мылею,
Позоставъ зъ диткамы, зъ злею долею,
Которей перше не знавъ,
Теперъ ажъ надто познавъ...
4. Господарство и диты—моя сухота,
Где-но повернуся—една труднота,
Що мылеи пострадавъ,
Богъ житы зъ нею не давъ...
5. Давныи роскошы завше въ памяты,
Которы згадавши, трудно стрыматы,
Що нема вже Настуни,
Найдрожшей жонуни...

Затѣмъ авторъ выражаетъ желаніе смерти, проситъ умершую молиться о счастьи для дѣтей и высказываетъ намѣреніе дожить въ чистотѣ свой вѣкъ.

Содержаніе и здѣсь, слѣдовательно, то же, что и въ двухъ предыдущихъ стихотвореніяхъ, только форма нѣсколько иная. Эта пѣсня, повидимому, написана позднѣе предшествующихъ и во всякомъ случаѣ не скоро послѣ смерти жены. Авторъ уже успѣлъ хорошо почувствовать недостатокъ женскихъ рукъ въ хозяйствѣ, и само это хозяйство пришло въ упадокъ. Свою прежнюю счастливую

---

[1]) Тутъ поставленъ значекъ, похожій на букву *v* (=vel?).

[2]) Примѣчаніе: Ten wiersz powtarza się za każdą strofą.

супружескую жизнь онъ называетъ „давными роскошами", и вообще по прочтеніи этого стихотворенія не остается впечатлѣнія только что постигшаго горя.

Этой пѣснѣ предпослана писанная тою же рукою „элегія" на польскомъ языкѣ, которая доказываетъ намъ, что Гловинскій владѣлъ и польскимъ стихомъ, при томъ гораздо искуснѣе, чѣмъ малорусскимъ. Изъ біографическихъ подробностей здѣсь между прочимъ видимъ болѣе точное указаніе на продолжительность жизни съ женою, именно 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ предыдущихъ стихотвореніяхъ была показана круглая цифра—17 лѣтъ. Окончаніе предпослѣдней строфы, какъ и нѣкоторыя мѣста изъ предыдущихъ стихотвореній, даетъ право думать, что у Гловинскихъ былъ фамильный склепъ. Что касается времени написанія этихъ стиховъ, то можно только указать на то, что о своей супружеской жизни авторъ и здѣсь вспоминаетъ, какъ о чемъ то давнемъ. Женился ли онъ вторично, не извѣстно; въ стихахъ онъ выражаетъ твердое намѣреніе сохранить до гроба вѣрность своей первой женѣ. То обстоятельство, что авторъ такъ напираетъ на свое нежеланіе жениться вторично, указываетъ на то, что по своему положенію онъ могъ бы жениться; отсюда слѣдуетъ, что онъ не былъ духовнымъ.

О степени дарованія Шимона Гловинскаго, конечно, трудно судить по этимъ стихотвореніямъ, хотя бы уже потому, что всѣ они написаны на одну и ту же тему. Очень можетъ быть, что ему принадлежатъ и еще нѣкоторыя стихотворенія, внесенныя въ его „Кантычкы" и въ тѣ сборники, въ которыхъ встрѣчаются эти несомнѣнно ему принадлежащіе стихи; но, не имѣя на то прямыхъ указаній, не стану вдаваться въ предположенія и выдавать сомнительные стихи за его произведенія. Лучше укажу на тѣ народныя малорусскія пѣсни, которыя Гловинскій внесъ въ свои „Кантычкы". Въ первой части (1814 г.) ихъ всего четыре, хотя сборникъ состоитъ изъ 70 нумеровъ, между которыми четыре великорусскихъ съ такими началами: 1) „Калина(у) съ малиной вода пойняла, на ту пору матушка меня родила" и пр.; 2) „Нуте, русскіе солдаты, пойдемъ нѣмцевъ выручать" (о 1813 годѣ); 3) „Я въ пустыню удаляюсь" и т. д.; 4) „Прости, милая моя, ѣду въ дальніе края". Остальные стихи всѣ польскіе, отчасти народные, отчасти искусственные; между ними сентиментальное произведеніе Княжнина „Laura i Filon", дума о Жолкѣвскомъ (Za szumnym Dniestrem), извѣстные стихи „Jechał żołnierz borem lasem", о которыхъ вспомнилъ и Мицкевичъ въ концѣ своихъ „Дзя-

довъ", „Nasz Kościuszko dobry był", тутъ же передѣлка малорусской пѣсни „У сусида хата била" (U sąsiada domek luby. Ср. Вацл. зъ Ол. 352); переводъ извѣстнаго стихотворенія „Звукъ унылый фортепьяна" (Dźwięku smutny fortepianu wyraź moją tęsknotę) и др. Малорусскія пѣсни привожу цѣликомъ; въ подлинникѣ онѣ написаны польскимъ шрифтомъ (между тѣмъ какъ великорусскіе—русскимъ, хотя и тою же рукою) и помѣщены въ разныхъ мѣстахъ сборника.

(№ 48).

1. Дивойко, рыбойко, чи по гори ходышъ?
 Ажежъ бачъ, гузарынъ, же не по долыни.
2. Дивойко, рыбойко, чи оришкы щиплешъ?
 —Ажежъ бачъ, гузарын, же не ягодойкы.
3. Дивойко, рыбойко, чи любышъ ты мене?
 —Ажежъ бачъ, гузарынъ, платочокъ у тебе.
4. Дивойко, рыбойко, чи пійдешъ за мене?
 —Ажежъ бачъ, гузарынъ, перснычокъ у тебе.
5. Дивойко, рыбойко, ходимо до шлюбу!
 —Ажежъ бачъ, гузарынъ, я твоя не буду...
6. И счернивъ, и стемнивъ, по гори ходячи,
 За тобою серце (мое) такъ бардзо тужачи.
7. Не черній, не темній, не ходы за мною:
 Ты мни мужъ не будешъ, я тоби жоною.

Сюда же непосредственно присоединены слѣдующія строфы другой пѣсни:

1. Любылыся, кохалыся, насъ маты не знала,
 Не дай, Боже, розстатыся, якъ чорная хмара.
2. Любылыся, кохалыся, якъ братъ изъ сестрою,
 Не дай, Боже, розстатыся на викы зъ тобою.
3. Любылыся, кохалыся на часъ коротейкій,
 На дай, Боже, розстатыся черезъ ворожейкы!

Это варіаціи на тему: „Котылыся возы зъ горы". Ср., напр., В. зъ Ол. 353, Закревскій 71.

(№ 69).

1. Ой що жъ кому не сужоно, то не може буты,
 Ой треба намъ, серце мое, о соби забуты.
2. Хоць ты мини не суженый, вольно тя кохаты,
 Ой що жъ кому любо, мыло, трудно занехаты.
3. Давъ жесь мому серцу волю, всемогущій Боже,
 За що жъ тее, що я жичу, статыся не може!

4. Нехъ на мене вси нещастя разомъ спадутъ зъ неба,
Мни зъ тобою розстатыся — бильшъ смутку не треба.
5. Кажутъ люде, судятъ люде, що я люблю кого,
Вшакъ же жъ и я серце маю: що жъ кому до того?
6. А я бильше й не жадаю и много достатковъ (=ów),
Тылько тебе, мій мылейкій, и малую хатку.
7. А якъ тяжко серце тужытъ за тобою, мылый,
Якъ згадаю, що мы зъ тобою завше ся любилы.
8. Въ ночи не сплю, день мни сумный, вся думка о тоби.
Житы буду я для тебе, мылосьць сконьчу въ гроби.

(№ 70).

1. Сусидо моя, сусидо блызенька,
Красна, молода и принадобненька,
Не край очима, не кажы того,
Що ты надъ мене любышъ иншого.
2. Люблю, не люблю — щò тоби пытаты?
Твоя ричъ мене вирно кохаты
Щожемъ завынылъ, що ты пытаешъ,
Чи ты надъ мене иншей не кохаешъ.
3. Не виру тоби, хоцяй прысягаешъ,
Що ты надъ мене иншей не кохаешъ;
Въ той часъ увиру, якъ намъ скажутъ
Клякнуты край прыстола и рученькы звяжутъ.
4. Дай же намъ, Боже, того дочекаты
Дня счастлывого, щобы ся звинчаты:
Въ той часъ ся засмутятъ наши вси ворогы,
Всяки неправосты зтопчемо подъ ногы.

Вотъ и весь малорусскій запасъ пѣсенъ, попавшихъ случайно въ I-ю часть „Кантычекъ" Шимона Гловинскаго. Посмотримъ вторую часть, 1818 г. Въ ней изъ 50 нумеровъ только 17 польскихъ, а остальные русскіе (10) и малорусскіе (23). Никакой опредѣленной группировки пѣсенъ и здѣсь не существуетъ.

Интересно стихотвореніе, содержащее какъ бы *credo* поляковъ временъ Александра I и излагающее подробно тѣ надежды, съ какими обращалась тогдашняя Польша къ императору. Кому принадлежитъ это стихотвореніе, не могу сказать опредѣленно.

Изъ русскихъ пѣсенъ, которыя во 2-й части „Кантычекъ" уже всѣ писаны русскими буквами, одна воспѣваетъ Суворова (№ 13).

Тучи темны, тучи грозны по-подъ небесамъ текуть,
Наши храбры гренадеры ко Измайлову идуть и пр.

Далѣе, двѣ-три солдатскія пѣсни довольно циничнаго содержанія; еще одна поетъ о купающейся пастушкѣ, которая, завидѣвъ подсматривающаго пастуха, хотѣла утонуть со стыда, но онъ ее вытащилъ и получилъ хорошую награду; есть и болѣе извѣстныя, напр., „Я вечоръ въ лугахъ гуляла“ (№ 38), „Соловей мой, соловей“ (№ 11). Есть и передѣлка извѣстной польской пѣсенки: „Córuś moja, dziecie moje, coś w komorze stuka“ [1]) (№ 29):

Наконецъ, отмѣчу слѣдующія четыре строфы сатирическаго содержанія; хотя онѣ перечеркнуты, но прочесть можно (pieśń 28):

1. Ахъ, монахъ съ думными очами,
Посмотри, что смерть за плечами!
Почто въ мирѣ ходишъ,
Почто мисльми блудишъ?
Ахъ монахъ!

2. Ахъ, монахъ, гдѣ твои обѣты,
Что кляяся, мира не любиты?
Гдѣ совѣсть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить мира?
Ахъ монахъ!

3. Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки съ другимъ не парится:
На древахъ зеленихъ,
Цвѣтомъ украшенихъ,
Не сядетъ [2]).

4. Но лѣтыть на поля, на луги
И въ лѣсахъ пущай большой туги (?),
Чтобъ не возвратится,
Да вже не парится
Со другой.

Обращаясь къ малорусскимъ пѣснямъ этого сборника, я выпишу только то, что менѣе извѣстно.

Такъ, въ пѣснѣ „А въ сусида хата била“ есть такіе стихи:

А въ сусида хата била, а въ сусида жинка мыла,
А у мене ны хатынкы, ани жинкы, ны дытынкы...
А вже сусидъ коны мае, куды хоче поиждже,
А у мене ани коны, ани щастя, ани жоны...
Чи я роду докучаю, щасьця-долы тежъ не маю (?)
Чи такіи коны (кумы?) [3]) браты, щастя долы невгадалы...
Гей пійду я въ лисы—боры, шукаючы свеи доли,
Ой стану я нарыкаты, свою долю проклынаты и пр.

Польское переложеніе этой пѣсни, какъ выше сказано, внесено въ 1 ч. „Кантычекъ“ Гловинскаго (№ 41).

Въ другой жалобѣ парня на бѣдность (Ахъ, я нещастный“) многое прибавлено сравнительно съ нынѣшними варіантами (напр.

---

[1]) Kolberg, Lud. IV, № 193—5, XII, № 365—8. Wojc. I, 113; срв. Чуб. V, 1188 № 3. Бесѣда 1872, XI, 42 и др.

[2]) Эта строфа перевед. съ польскаго; подлинникъ (Oj ty dziewczyno, ty moje kochanie) въ этой же рукописи:

Synogarlica, gdy pary pozbędzie,
Na zieloném drzewie nigdy nie usiędzie,
Tylko się tuła pod lada drzewiny,
Cożto za miłość kochać się w dziewczynie!.

[3]) Строфа съ упоминаніемъ кумовъ есть само собою въ рукописи.

Коципинск., 1 дес. № 1; В. зъ Ол. 325, 358; Чуб. V, 116, 252, 491), и въ этихъ прибавкахъ видно искусственное развитіе темы съ строго проведеннымъ діалогомъ. Привожу выдержки (№ 28):

Чтожъ бо я вынёнъ, что въ мя грошп мало,
Ахъ чи-жъ тылько на мене такъ пало?
Колыбъ-но на мене, проклынавъ бы неба:
Чи-жъ то убогымъ сердца не потреба! [1])
Ахъ, мой хлопчыно, хоцяжъ ты убогы,
Колы тебе люблю, не дбай на ворогы,
А отець и маты того не докажутъ:
Кого не люблю, зъ тымъ рукы не звяжутъ.
Я нещастлывша, что мъ тя полюбыла,
Я того не знаю, чи я тоби мыла.
Скажу тоби правду, что нехочу грошп,
Бось ты у мене и безъ нихъ хороши.
Моя дивчино, знаю, что кохаешъ,
Жаднеи облуды въ соби не прымаешъ.
Любывъ бы мя отець, кохала бы маты,
Ахъ тольки нужда, что я небогатый!...
(*Она*). Безъ перестанку я соби думаю,
Ахъ что я тебе надъ жите кохаю;
Тольки скажи правду, чи ты мене любышъ,
Бо якъ не скажешъ, на вики загубышъ.
Я зарекуся передъ цилымъ свитомъ,
Что вирне любытыму во викы викомъ,
Поки буду житы, по тоби тужиты,
Иншой надъ тебе не буду любыты.
Не зарекайся иншой не любыты:
Ты безъ кохання не можешъ житы,
Забудешъ ты о мни, что я тоби мыла,
Ахъ я нещастна чтомъ тя полюбыла.
Пойду въ край пусты тамъ на мешкане,
Нарыкаючи на тое кохане,
Бо теперъ въ свиты тольки такымъ житы:
Хто мае грошы, то того любыты...
О Боже, Боже, глянь на серце мое:
Сколько ранъ въ серцу, а то все за тое,
Что я тебе люблю, дивчину одную,
За тобою въ свити жите оплакую.

Слѣдующая пѣсня (№ 5) еще яснѣе обнаруживаетъ фантазію неизвѣстнаго поэта на мотивъ извѣстной народной пѣсни:

---

[1]) Это строфа и 4-я поются, впрочемъ, съ варіантами въ полтавской губерніи (Чуб. V, 310).

a) Męzka.

Ой не свиты, мисячейку, теперъ для ныкого,
Тылько свиты въ мій куточокъ для мене бидного.
Свиты жъ мини, мисячейку, черезъ ночъ цилую,
Нехай пры твымъ свитли плачу за мою любую [2]).
Бувесь свидкомъ мого щасця, будзи теперъ плачу,
Ой, засвиты еще ясній, чи ей не зобачу.
А колы ей пры твымъ свитли вже бильше не зочу,
Ой то зайды вже за хмару, бо я жить не хочу.
Булы тыи часы мылы, колы я кохався,
И веселый вразъ зъ мылою къ тоби прыглядався,
А теперъ я нещаслывый самъ жію на свиты.
Хочай же ты ясно свитышъ, я не могу житы.
Але вже ты, мисячейку, зайшовъ за облокы:
Не мылы тя (ти) мои слезы, ны мій жаль глубокы.
Будь же здоровъ, мисячейку, зъ твоимы лучамы,
А я бидный ляжу спаты зъ моимы слёзамы.

b) Żeńska.

Вже ты зыйшовъ, мисячейку, вже зыйшлы и зоры,
Вже твымъ свитломъ освитылы долыны и горы.
Вже цилому свиту свитышъ твымы променямы,
А мене есь якъ покынувъ, такъ знайшовъ зъ слёзамы.
Чи ты всходышъ, мисячейку, свитышъ, чы заходышъ,
Мене бидну покыдаешъ, биднійшу знаходышъ.
Завше тужу нещастлыва, мучуся и плачу,
Бо протывно всё нахожу и щасця не бачу.
Колы твои, мисячейку, луча освитылы
И того, кого я люблю, и хто мини мылы,
Скажи ёму мисячейку, що я всё вздыхаю,
А нымылыхъ и нывдячныхъ ривно проклынаю
Але вже ты, мисячейку, за гору змыкаешъ
И знову мя нещаслыву въ слёзахъ покыдаешъ.
Прошу жъ тебе, мисячейку, якъ взыйдешъ зъ зорою,
Прынесы мни покой, радосць, альбо смерть зъ собою.

Продолжительное, безуспѣшное ухаживаніе, на тему пѣсни „Заиздывъ коныка“ (Чуб. V, 116. Вацл. зъ Ол. 341) изложено довольно безпорядочно въ слѣдующемъ номерѣ (6) съ измѣненіями и добавленіями:

Теперъ мене берешъ красну молодую,
Красну молодую, на всимъ уродную;

---

[2]) Авторъ считаетъ строфу въ 4 стиха, съ повтореніемъ двухъ послѣднихъ, такъ что напѣвъ пѣсни, имѣющей такое же начало, сюда не подойдетъ.

Не дай же, Боже, недугы,
Ты не вдавайся до другыхъ.
Скарай мене, Боже, на гладкой дорози,
Колы я помыслю о иншой небози;
Скарай мя Боже на души,
Колы я помыслю о иншій.
Изъиздывъ коныка, изъиздывъ другого
До тебе, дивчыно, до тебе, небого:
Скажи правду, чи будешъ, чи ни (?)
Не задавай жалю серцу и мни.
Ой два голубойкы, тыи мылосць маютъ,
Тыи мылосць маютъ: у пари лытаютъ.
Дай же намъ, Боже, пожиты
И васъ (?) въ паройку злучыты.
Дознала, дознала, що кохане мыле,
Що мое сердейко безпрестанне ные:
А якъ не бачу коханя,
То я подношу вздыханя.
Сывая орлыця очкамы проводытъ,
Чомъ до мене моя мыла не говорытъ.
Ой промовъ, мыла, хочъ словце,
Потишъ мое смутнее серце.
Ой лыхо, лыхо (и) за ворогамы,
Вже копаютъ долы но подъ ногамы.
Короткій викъ ворогамъ,
Завяжемъ уста брехунамъ.
Прысягаю Богу и щиро до неба,
Що мни твій посагъ не конечне треба:
Ты въ мене посагъ самая,
Якъ у саду вышня красная.
А якъ мы станемъ на шлюбнымъ коберци,
Скажу тоби правду, що маю на серци,
Якъ звяжутъ руку зъ рукою,
Возьмутъ повезутъ зъ собою.

Рядомъ съ этой пѣсней я поставлю и другую, вполнѣ сходную по размѣру, а отчасти и по содержанію, но чрезвычайно любопытную вслѣдствіе чередованія малорусскихъ строфъ съ польскими (№ 46):

Ой дай же мни, Боже, щаслыву годыну,
Колыбъ я обачывъ любую дивчину!
Бога на помочъ взываю,
Же я еи вирне кохаю.
Wcale niepotrzebne te twoie azardy,
Bo ty w swoim losie uparty i hardy.
Wcale twej klątwy nie trzeba,
Widzą to ludzie i nieba.

Не я жъ тому вынёнъ, то ворогы самы,
Же копаютъ ямы теперъ по подъ намы;
Ворогы вынны, а не я:
Давно бысь была вже моя.
O płonna nadziejo, o jak że mnie zwodzisz,
Że nie tylko *w zdrowiu*, ale w szczęściu *szkodzisz*;
Tracisz me serce daremnie,
Jeśli nie kochasz wzajemnie.
Знаешъ, дивчинонько, же *умру зъ темносты* [1],
Прыймы серце мое хочъ до тебе въ госты
Ричъ то естъ добра любыты,
Тылько не годытця зводыты.
Знаешъ, дивчинонько, же я твоимъ буду,
Поки житя мого, тебе не забуду;
Закрыю очы ворогамъ,
Завяжу уста брехунамъ.

А вотъ опять пѣсня (№ 15) съ извѣстнымъ началомъ „Добрый вечиръ, дивчыно, куды йдешъ", къ которой присоединена другая извѣстная пѣсня (Закревск. 119 № 184):

Эй стояла сосонка край току,
Чекай мене, дивчино, до року

съ такимъ прибавленіемъ въ концѣ:

Хыбабъ же я зъ розуму изыйшла,
Що бъ я соби иншого незнашла?
Которая розуму не мае,
Нехай тебе до року чекае.

Варіантъ пѣсни „Коло млына, коло броду", весьма близкій къ варіанту ушицкому (Чуб. V, 130 и 1087; ср. В. зъ Ол. 391, Баллинои, стр. 66), имѣетъ на концѣ такую прибавку (№ 16):

Сидлай коня вороного,
Зъиждждай, серце, зъ двора мого.
Якъ я маю одъиждждаты:
Тебе, серце, жаль кыдаты.
Оглянуся коло млына,
Дивчинонько моя мыла;
Озирнуся коло дуба,
Дивчинонько моя люба.
Хочъ поиду, то вернуся,
Бо зъ тобою кохаюся.

---

[1]) Трудно сказать, имѣютъ ли эти намеки какое нибудь отношеніе къ Гловинскому.

За знакомымъ началомъ иногда скрывается совершенно иное содержаніе. Вотъ между прочимъ походная пѣсня полурусская, и потому написанная русскими буквами; это именно „Засвыстали козаченькы“. Послѣ двухъ строфъ, сходныхъ съ началомъ каневскаго варіанта (Чуб. V. 1006; ср. 532 = Закревск. 59, Баллин. № 53), и послѣ обѣщанія назвать Марусеньку „хоть сестрою не родною — солдацкой жаною“, читаемъ слѣдующее (№ 20):

Не далече походъ сказанъ: отъ Гродня до Варшавы,
А одъ Гродня до Варшавы шалоные мили.
На горашкѣ (?), на писочкѣ стоялъ панъ Косцюшка;
Онъ ранѣшенька вставаеть, жолнѣръ побуждаеть:
„Эй, вставайте, жолнѣрушки, сѣдлайте вы кони:
Мы поедіомъ, жалнѣрушки, во чистое поле
Вигляднвать, висматривать россійскаго войска.
Россійское храброе войско оченно велико.
Идіотъ оно со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ со четирохъ,
Идіотъ шляхта на три трахта, москалъ на четири.
Начинаеть панъ Касцюшка изъ пушокъ зъ картечи,
Генералъ козакъ Денисовъ изъ мѣлкихъ оружей.
Показался огонь жарокъ, Косцюшка утікаеть:
Черезъ рѣчку, черезъ Вислу переправи нѣту.
Рабятушки, гранадери, дайте логку шлюбку!
Мы Косцюшку тутъ догонимъ, въ полонъ его возмемъ.
Онъ не будетъ, онъ не станетъ съ Масквой воѣвати,
Съ Масквой, съ Масквой воѣвати Полшу разорати.

Наоборотъ, по измѣненному началу иногда можно не узнать знакомую пѣсню, напр. (№ 26):

И кывала, и моргала очыма на мене:
Прыйды, прыйды, гарный хлопче, въ недилю до мене.
Якъ я маю, моя люба, до тебе ходыты?
Естъ у тебе старенькій мужъ, хвалывся набыты.
Прыйды, прыйды, гарный хлопче, въ четвертой годыны,
А я вышлю старенького у лугъ по калыны и т. д.

Затѣмъ идетъ очень близкій варіантъ къ Чуб. V, 649—655, ср. 844; Лисенко III, № 12; Закревск. 89, № 130. На тотъ же мотивъ о непутной женѣ есть еще двѣ пѣсни въ этомъ сборникѣ. Въ одной (№ 41) изображается пьяница и при томъ спорщица, заставляющая мужа плясать по своей дудочкѣ. Это общеизвѣстная пѣсня, варіанты которой между прочимъ у Чуб. V, 685 (№ 293) и 682 (№ 286), ср. Коцишинскаго, V дес., № 3. Начало такое:

Чоловикъ иде съ поля, волы поганяе,
А невиста иде зъ миста, гопкы вытынае и т. д.

Въ другой (№ 42) представлены дурныя послѣдствія женитьбы по разсчету, сказывающіяся между прочимь въ отсутствіи семейнаго согласія:

Тамъ одъ вечора до рана
То стрыжено, то голяно [1]),

а также въ необходимости выслушивать попреки:

Заразъ она скажетъ ему:
Тысь немылый серцу мему,
Бось ты голый, я богата:
Моя правда, моя хата.

За исключеніемъ указанныхъ стиховъ, нашъ рукописный варіантъ совпадаетъ съ вар. Вацлава зъ Олеська (388). Въ томъ же сборникѣ Вацл. зъ Олеська (406) есть варіантъ, правда, не исправный, и къ слѣдующей пѣснѣ (№ 35), гдѣ, въ противоположность предыдущей, превозносится любовь безъ разсчета:

Ой ты, хлопче гожи, живи,
Люблю твои очи сывы;
    Очи сывы, бровы чорны:
    Люблю хлопця, бо моторны.
Щомъ кохала, то кохала,
Тебе вирне сподобала.
    Зле то в(з)носятъ тыи люде,
    Що пры грошахъ щасце буде.
Бо не одна зъ нашыхъ плаче,
Що пры грошохъ бида скаче.
    Гляну на бокъ—ажъ тамъ грошы,
    Гляну въ другый—ажъ хорошы.
(Стань ты, хлопче гожи, любы,
Серце храныть ажъ до згубы) [2]).
    Не хочу я гроши много,
    Только хлопця хорошого.
Лучше въ биди викъ свій гнаты [3]),
Колы зъ кимъ ся естъ кохаты,
    Ныжъ зъ богатымъ, брыдкимъ житы,
    Красу свою зле стравыты.

Одна пѣсня (№ 30) почти каждымъ стихомъ напоминаетъ какой нибудь знакомый пѣсенный мотивъ, но при всемъ томъ я не

---

[1]) Намекъ на извѣстный анекдотъ, внесенный и въ „Великое Зерцало", и въ наши рукописные сборники фацецій 17 вѣка (ср. Памятн. древней письмен., 1878—9, стр. 129—30).

[2]) Это неуклюжее двустишіе вписано позднѣе между строкъ.

[3]) Полонизмъ: pędzić lata.

могу указать ближайшаго къ ней варіанта, соотвѣтствующаго ей въ цѣломъ. А именно:

Самъ я ся зажурывъ, що вже ся оженывъ [1])
—Не журыся, серце мое, добре есь чинывъ.
Залёты мои далыся мни знаты;
Липшей було биле лычко пырцемъ протыраты—
Ой не такъ пирцемъ, якъ оливою,
Ой не карай, моцны Боже, жоной лынывею.
Ны лынывею, ны дрымлывею,
Еще къ тому, моцны Боже, нещаслывею.
И сюлы гора, и туды гора,
Между тымы горойками ясная зора.
Ой я жъ то думавъ, що зора зыйшла,
Ажъ то моя дивчинонька по воду прыйшла.
А я за нею по-надъ горою,
Сывымъ конемъ по-надъ полемъ за дивчыною.
Дивчино моя, заручоная,
Чого ходышъ, чого блудышъ засмучоная?
Чи я тебе бывъ, чи маты моя,
Чи такая, дивчинонько, натура твоя?
Ты мене не бывъ, ны маты твоя,
Но такая, козачейку, натура моя.
Пушовъ старенькій до стодолоньки,
Прыложивъ винъ головонку до соломойки.
Ани перыны, ны подушины,
Еще къ тому, моцны Боже, ны радюжины [2]).
Ой я сырота, ты невелыкый панъ,
Ой я скыну фартушину, а ты свій жупанъ.

Среднія строфы сходны съ пѣснею: „Ой по сей бикъ гора“ или „Ой учора оравъ“ (Мар. Вовч. „Двісти укр. пісень“ съ муз. Эдуар. Мертке, № 8, Лейц. 1866; Лисен. I, № 33; Чуб. V, 158, 120, 155).

Довольно близкіе варіанты (нпр. Чуб. V, 474, 361; Лисен. IV, № 25; Коципинск. IV дес. № 5), хотя и съ немалыми отличіями, можно указать для слѣдующей пѣсни (№ 43) на тему стиха „О горѣ злосчастіи“ въ примѣненіи къ женщинѣ:

Эй выросла калынойка въ лузи прыкуточку:
Породыла мене маты нещаслывую дочку.
Породыла мене маты въ проводную недилю,
Дала мини лыху долю, що негде не подію.
Повезла бъ я на ярмарокъ ту биду продаваты:
Уси знаютъ лыху долю, не хотятъ куповаты.

[1]) Въ подлинникѣ: „зажурывся... оженывся“; для рифмы я *ся* отдѣлилъ.
[2]) Т. е. дерюжины: ср. рядно.

Пойды соби, лыха доле, у вири утопыся.
А одъ мене молодои соби пречъ одступыся.
Дывная ты, молодыце: хоць въ вири утоплюся,
Якъ ты прыдешъ воды браты, за видро учеплюся.
Хиба тебе, лыха доле, зъ васылейкомъ посію,
Нехай же я молодая на свитойку пожію.
А вжежъ тая лыха доля зъ васылейкомъ изыйшла,
Такы мене молодую и на вкраини знайшла.

Не останавливаясь на номерѣ „Якъ то тяжко, якъ то нудно" (№ 33), который, за исключеніемъ двухъ-трехъ выраженій, сходенъ съ вар. В зъ Ол. (93), но на другомъ (№3); „Радятъ мини, щобъ ся звинчаты (Вацл. зъ Ол. 450; Коцишинск. VI д. № 1), перехожу къ пѣснѣ (№ 36), носящей на себѣ явные слѣды искусственности:

Ахъ я нещасный, безъ доли вродывся,
Що часъ немалы, а я не женывся;
Я на те небардзо дбаю,
Чужихъ жонокъ одмовляю
Для своей выгоды,
Серцу охолоды, и т. д.

Варіантъ опять находится у В. зъ Ол. (373), но неполный. Четвертая строфа въ рукописи читается такъ:

Я до полёваня бардзо добре знаю:
На двохъ ногахъ сарну безъ хортывъ споймаю;
А дежъ я еи споймаю,
Тамъ я зъ ею ночлигъ маю.
Добре було спаты,
Не хтилося вставы.

Пятая неполная:

Ахъ запалыла тыжъ мою душу,
Я безъ тебе жиры не мушу;
Я не дбаю темной ночи
Йду до тебе хоць въ пивночи...

Далѣе слѣдуетъ то же, что у В. зъ Ол., начиная съ 4 строфы и до конца, съ тѣмъ же пропускомъ въ послѣднемъ куплетѣ.

Заканчивая обзоръ „Кантычекъ" Шимона Гловинскаго, приводу въ заключеніе выдержки изъ послѣдней малорусской пѣсни этого сборника (№ 34), имѣющей нѣкоторое отношеніе къ составителю. Она начинается.

Кто хоче Настуню знаты и пр.

Имя Настуни, какъ это ясно изъ поправокъ въ рукописи, подставлено позднѣе вмѣсто другаго. Очевидно, это сдѣлано никѣмъ

инымъ, какъ только самимъ Гловинскимъ, можетъ быть, уже въ пору его счастливой жизни съ Анастасіей Дашкевичъ. Воспользовавшись готовою пѣснею (ср. В. зъ Ол., 303; Закревск. 87), Гловинскій, можетъ быть, по недостатку собственной фантазіи, захотѣлъ воспѣть въ этой пѣснѣ свою милую, присочиняя, впрочемъ, кое что и свое. Такъ напр., красоту Настуни онъ расписываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (строфа 3):

Уста, якъ корааь, червоны,
Очи черны и моторны (sic),
Кудры висятъ за плечима,
Русы бровы надъ очима..

Настуня для него дороже и милѣе всего на свѣтѣ:

Хоць бы мни кто скарбы давъ,
Тобъ Настуни не оддавъ;
Не дамъ еи за весь свитъ,
Другой ныгде такой нитъ...
Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Весело йду на роботу;
Жадна бида не докучитъ,
Якъ (ся) [1]) Настуня зъ мною злучитъ.

Дальнѣйшіе стихи, очевидно, иного склада, изъ отдѣла шумокъ (стр. мою „Малор. свадьбу", № 197 и примѣч.):

Тече вода зъ пидъ города,
Тяжко ей заперты;
Я Настуню вирно люблю
До самои смерты.
Тече вода съ пидъ города
Заложоны (в)ятеръ,
Колы мя...

Неокончено, а затѣмъ, повидимому другою рукою, приписано въ недоконченную строку: „Не любытъ—трыста въ батька, въ матеръ!" съ оставленнымъ передъ этими словами мѣстомъ какъ бы для имени. Какъ знать? можетъ быть, эта рѣшительная приписка свидѣтельствуетъ о тяжелой душевной борьбѣ, о приливѣ ревности; можетъ быть возлюбленная Настуня не достаточно платила взаимностью нашему автору, когда онъ еще только искалъ ея руки. Если

---

[1]) *Ся* въ рук. зачеркнуто, какъ оказавшееся лишнимъ для размѣра при подстановкѣ другаго имени (прежнее имя Гандзя, какъ и въ варіантахъ, и. ч. замѣтна буква *д*).

такъ, то передѣлка этихъ стиховъ происходила въ періодъ 1818—20 г., т. е. до женитьбы, а не послѣ, какъ предположено выше. Подтвержденіе этому, можетъ быть, можно видѣть и въ стихахъ:

Жадна бида недокучить
Якъ (ся) Настуня зъ мною злучить,

хотя здѣсь легко можетъ быть и намекъ на взаимную помощь живущихъ уже въ супружествѣ.

Воспѣвая свою милую, Гловинскій, конечно, не могъ предчувствовать того горя, какое его ожидало, и не могъ предвидѣть, что со временемъ ему придется оплакивать ея раннюю смерть, свое вдовство и сиротство дѣтей. Удрученный горемъ, онъ, какъ мы видѣли, писалъ уже самостоятельные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ и прежнимъ пріемомъ подстановки имени въ чужое стихотвореніе. Такъ, въ концѣ 2-й части „Кантычекъ" помѣщено длинное стихотвореніе на польскомъ языкѣ (№ 44), въ которомъ представленъ 90-лѣтній патріархъ семьи, пережившій свою подругу жизни и собирающійся поминать ее торжественнымъ образомъ въ кругу дѣтей и внуковъ, на 12 году послѣ ея смерти. Стихотвореніе начинается:

Jakże jutrzenki miłe promienie
Pomiędzy temi różami,
Jak blask przebija przez śliwek cienie,
Co są pod memi oknami.

Между прочимъ въ 17 строфѣ старикъ говоритъ:

Tylko to dla mnie najsrożcza chwila.
Gdzie oko me we łzach tonie,
Kiedy kochana moja Amaryla (Maryla?)
Konała na moim łonie.

И здѣсь то вмѣсто упомянутаго имени Марыли (Маріи) поправлено: Nastunia, несмотря на искаженіе риѳмы. Очевидно стихотвореніе пришлось Гловинскому кстати, и онъ отожествлялъ себя съ этимъ старикомъ, хотя ему и не могло быть 90 лѣтъ. Стихотвореніе богато подробностями семейной жизни, но трудно сказать, насколько онѣ приложимы къ самому Гловинскому, исключая только одного главнаго сходства—утраты жены.

Намъ остается только сказать „вѣчную память" „милой Настунѣ", а относительно ея пѣвца ждать болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній отъ тѣхъ, у кого они имѣются подъ руками.

Н. Янчукъ.

Придворный бандуристъ въ бѣгахъ.

Послѣ установившихся съ начала прошлаго вѣка непосредственныхъ сношеній малороссіянъ съ столицами и съ оффиціальными сферами, вслѣдъ за выѣздомъ на сѣверъ духовныхъ особъ, проповѣдниковъ и учителей, явился оттуда запросъ и на артистовъ, которыми всегда была богата музыкальная и пѣвучая Малороссія. Пѣвчіе, взрослые и дѣти, наперерывъ увозятся въ Петербургъ и Москву, ко двору и въ домашніе хоры вельможъ. Требуются регенты и учителя пѣнія, попадаютъ въ столицы артисты на гусляхъ и пользующіеся славою, слѣпые украинскіе бандуристы. Помимо двора, мы видимъ ихъ и у знатныхъ людей того времени. Мемуаристы прошлаго вѣка Ханенко и Марковичъ упоминаютъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ отмѣткѣ отъ 3 янв. 1748 г. Ханенко, находившійся тогда въ Петербургѣ, пишетъ: „надъ вечеръ приходили къ намъ гуслистъ и бандуристъ графа Гендрикова"; Марковичъ разсказываетъ о придворномъ гуслистѣ Маньковскомъ, за котораго вышла замужъ дочь одного изъ черниговскихъ дворянъ—Карпѣки и т. п. Самымъ извѣстнымъ изъ артистовъ этой категоріи былъ Григорій Михайловичъ Любистокъ, бандуристъ двора Елизаветы Петровны.

Его имя встрѣчается часто въ замѣткахъ Марковича и Ханенка, относящихся къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка. Оказывается, что при дворѣ Елизаветы Петровны, тогда еще цесаревны, появился онъ гораздо раньше, въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, т. е. до возвышенія еще Разумовскаго и начала малороссійскаго вліянія. Первые шаги его въ столицѣ, въ новой, придворной обстановкѣ, были, какъ видно, не легки. Разница новыхъ условій жизни и окружающей среды должна была давать себя сильно чувствовать этимъ дѣтямъ деревни и то, что испытывалъ Любистокъ, испытывали, должно быть, и другіе его товарищи. Едва попавъ ко двору, около 1730 года, въ слѣдующемъ—1731 году, онъ уже *бѣжалъ* оттуда, найдя какую то возможность скрыться, особенно удивительную въ его положеніи слѣпаго. Въ старинной „Указной книгѣ" архива Трехсвятительской церкви города Прилукъ мы нашли помѣченный 31-мъ годомъ указъ „о бѣжавшемъ бандуристѣ черкасину Григорію Михайлову сину", объявленный въ догонку бѣглецу по всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ учрежденіямъ. Указъ императрицы Анны Іоанновны шлется „по доношенію отъ двора ея величества Государнѣ Цесаревнѣ Елисавети Петровни":

„Велено опубликовать объономъ Григорію къ синодальнимъ членамъ и во всѣ епархіи ко Архиереамъ в духовную дикастерію в Санктъ-Петербурское Духовное Правленіе и ставропигиялніе монастырѣ к властямъ указы послать, чтобъ его, какъ въ домѣхъ Архиерейскихъ, такъ и въ монастырахъ и пустиняхъ и нигдѣ отнюдь не постригали и в которихъ мѣстяхъ онъ объявится, то взять и прислать его в Москву в Святѣйшій Правителствующій Синодъ за калауромъ для сисканія к двору Ея величества по прежнему. А оной бандуристъ росту средняго, глазами слѣпъ, лицемъ бѣлъ и гладокъ, волосы русіе....“

Какъ видно, цесаревна очень желала вернуть Любистка, цѣня или музыкальность его, или голосъ, т. к. вслѣдъ за первымъ указомъ шлется, по тому же предмету, понудительный, второй. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Въ 1732 году мы видимъ уже Любистка въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Ханенко, записывая о свиданьи съ нимъ въ столицѣ, 8 іюля 32 г. („Дневникъ“ стр. 53). Съ тѣхъ поръ Любистокъ примирился съ своей судьбой и свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о немъ впослѣдствіи, носятъ совершенно иной характеръ. Бандуристъ вступаетъ на стезю отличій и обогащенія.

Въ запискахъ Марковича мы читаемъ о немъ разновременно слѣдующее:

3 апрѣля 1742 г. „Рано я, братъ и Андрей Горленко ѣздили во дворецъ, были у Разумовскаго, у духовника, у бандуриста Григорія Михайловича и у Михаила Алексѣевича кофешенка“ (Зап. Ч. II, 161).

14 ноября 1742. „Во дворцѣ бандуристъ слѣпой Григорій Михайловъ женился. (Зап. Ч. II, 182).

4 мая 1743 г. Бандуристъ и Божко (придворный пѣвчій) въ дворяне пожалованы.“ (Зап., ч. II, 191.).

Дѣловитый Ханенко передаетъ факты изъ послѣдующихъ лѣтъ жизни Любистка.

20 декабря 1747 г. „20-го были во дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антонъ Івановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичцѣ и дѣтямъ ея на футоръ Шнаковскій на Галицкомъ степу, проданный отъ него за 1500 р. на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свидѣтелство подписались“ („Дневн.“ стр. 340.).

7 генв. 1748 г. „Былъ у съ Антономъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей отъ него данной Раковичу

на хуторъ Шнаковскій и на дворы въ Монастырищѣ проданные за 1700 р. всѣ мы трое подписались" („Дн." 345 с.)

18 мая 1748 г. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ, уставщикъ, Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, Кирило Степанов. Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистокъ, слѣпый, а подполковничимъ Пучковскій („Дн." 371).

А. М. Лазаревскій на основаніи подлинныхъ старинныхъ документовъ, сообщаетъ, что Любистокъ пріобрѣлъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича дѣдовскія ихъ имѣнія село Хорошки и деревню Пулинцы и отцовскія—села Ходолѣевку и степь Строкачи, нынѣ село хорольскаго уѣзда. (Примѣч. къ „Дневн." Ханенка, стр. 54). Менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ бѣжавшій отъ придворной жизни робкій „черкасинъ Григорій Михайловъ" волею судебъ превратился въ богатаго помѣщика и въ особу, украшенную немаловажнымъ чиномъ.

В Г.

Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 г.

Свѣдѣній о старинныхъ южнорусскихъ школахъ, въ особенности начальныхъ и среднихъ, покуда обнародовано чрезвычайно мало. Предлагаемый списокъ печатается съ подлинной рукописи, сохранившейся въ одномъ семейномъ архивѣ въ переяславскомъ уѣздѣ. Изъ него мы можемъ усмотрѣть какъ характеръ всесословности старой южнорусской школы[1]), такъ и отсутствіе нормъ относительно возраста учащихся (который отмѣченъ противъ фамиліи каждаго изъ учениковъ). Подлинникъ озаглавленъ „Роспись в школахъ славенолатинскихъ при домѣ Архиерея Переяславскаго имѣющихъ ся учениковъ со изявленіемъ о бытіи ихъ во Святую Четиредесятницу у исповѣди и Святихъ таинъ причастія. 1744 года". По листамъ рукопись (8 страницъ in 4°) скрѣплена подписями начальствующихъ въ училищѣ лицъ: „Къ сей росписи руку приложилъ Григорій (?), іерей Михаилъ Ісаевичъ, Іоанъ, Префектъ училищъ славенолатинскихъ переяславскихъ". Бывшими на исповѣди оказались, конечно, всѣ. Вотъ текстъ самого списка:

---

[1]) Отмѣченныя звѣздочками фамиліи принадлежатъ дѣтамъ мѣстной старшины.

Школа фари.

*1. Максимъ Василіевъ Мелесъ 12 л.
2. Сумеонъ Івановъ Богдановичъ 14 „
3. Василій Прокопіевъ Коленскій 17 „
4. Василій Івановъ Өеодоровичъ 16 „
5. Павелъ Петровъ Петровскій . 13 „
6. Артемій Димитріевъ Левѣцкій 14 „
7. Василій Івановъ Савлучинскій 15 „
8. Александръ Івановъ Станкевичъ 14 „
9. Матөей Козмовъ Вродовскій . 12 „
*10. Петръ Ісаіевъ Ісаевичъ . . . 17 „
*11. Стефанъ Ісаіевъ Ісаевичъ. . . 15 „
12. Антоній Іванновъ Кустовскій . 13 „
13. Онисимъ Іванновъ Волчанецкій 13 „
14. Іосифъ Іоанновъ Волчаніецкій 12 „
15. Михаилъ Іоанновъ Полонскій. 13 „
16. Іоанъ Василіевъ Максимовичъ 12 „
17. Өеодоръ Димитріевъ Дмитровскій . . . . 13 „

Інфима.

18. Іосифъ Григоріевъ Тумановскій 11 „
19. Андрей Григоріевъ Тумановскій 12 „
20. Тимоөей Павловъ Подгаецкій. 12 „
21. Григорій Варлаамовъ Булацель 11 „
22. Сумеонъ Івановъ Соханскій. . 18 „
23 Александеръ Өеодоровъ Лабѣнскій . . . . 16 „
24. Өеодоръ Димитріевъ Могилевскій . . . . 16 „
25. Сава Івановичъ Гарачевичъ . 12 „
*26. Өеодоръ Алексѣевъ Добронѣзкій . . . . 13 „
*27. Сумеонъ Алексѣевъ Добронѣзкій . . . . 14 „
28. Өеодоръ Григоріевъ Медведовскій . . . . 13 „
29. Григорій Григоріевъ Медведовскій . . . . 11 „
30. Петръ Кириловъ Ружинскій. . 15 „
31. Василій Өеодоровъ Өеодоровичъ . . . . 17 „
32. Арсеній Івановъ Бѣлоцерковець . . . . 16 „
33. Петръ Іосифовъ Волѣнскій. . 12 „
34. Павелъ Іакимовъ Іакимовичъ . 15 л.
35. Василій Өеодоровъ Сливковскій 14 „

Граматика.

*36. Михаилъ Савинъ Граневичъ . 13 „
37. Іоанъ Іаковлевъ Іакубовичъ . 13 „
38. Евстафій Івановъ Іановскій. . 20 „
39. Іоанъ Петровъ Лебединскій. . 11 „
40. Назарій Яковлевъ Сунявскій . 18 „
41. Стефанъ Өеодоровъ Кисиліовскій . . . . 16 „
42. Даніилъ Іосифовъ Нѣчкевичъ . 18 „
43. Леонтій Семеновъ Сумоновичъ 15 „
44. Мойсей Степановичъ Вѣржинскій . . . . 17 „
45. Матөей Степановичъ Вѣржинжинскій . . . . 16 „
46. Гавріилъ Онисіевъ Онѣскіевичъ 17 „

Синтаксима.

47. Василій Николаевъ Козловскій 15 „
48. Іоанъ Григоріевъ Григоровичъ 14 „
50. Григорій Матөеевъ Козачинскій . . . . 14 „
*51. Өеодоръ Петровъ Завойка . . 14 „
52. Сумеонъ Димитріевъ Карповичъ 15 „
53. Петръ Евстафіевъ Жуковскій 11 „
54. Павелъ Василіевъ Нѣскевичъ 14 „
55. Максимъ Іосифовъ Нѣскевичъ 14 „
56. Іоанъ Герасимовъ Щетковскій 16 „
57. Іаковъ Михайловъ Чаруковскій 16 „
58. Андрей Іліинъ Турчиновскій . 16 „
59. Андрей Петровъ Орнацкій . . 14 „
60. Василій Захаріевъ Калѣновскій 17 „
61. Василій Тимофеевъ Каневецкій 21 „
62. Матөей Өедоровъ Лучаковскій 16 „
63. Іоанъ Аөанасіевъ Соколовскій 20 „
64. Григорій Іоановъ Стефановичъ 15 „
65. Петръ Григоріевъ Тичиновскій 15 „
66. Карпъ Іоановъ Іановскій . . . 14 „
67. Дисолій Өеодоровъ Ходоровскій . . . . 14 „
68. Даніилъ Өеодоровъ Ходоровскій . . . . 13 „
69. Василій Іоанновъ Волчаніецкій. . . . . 17 „

70. Леонтій Ѳеодоровъ Ѳеодоровичъ . . . . 18 л.
*71. Даніилъ Петровъ Требѣнскій . 16 „
72. Михаилъ Андреевъ Волотковскій . . . . 14 „
73. Іаковъ Андреевъ Волотковскій 13 „
74. Стефанъ Савинъ Буцкій . . . 18 „
75. Стефанъ Димитріевъ Могилевскій . . . . 20 „
76. Лука Ѳеодоровъ Тумковскій . 20 „
77. Карпъ Іакимовъ Гонскій . . . 20 „
78. Ѳеодоръ Марковъ Бораковскій 20 „
79. Василій Іродионовъ Квятковскій . . . . 15 „
80. Іоанъ Григоріевъ Скавѣцкій . 21 „
81. Григорій Ѳеодоровъ Лучаковскій . . . . 18 „
82. Іоанъ Андреевъ Староліескій . 16 „
83. Димитрій Романовъ Романовскій . . . . 14 „
84. Захарій Василіевъ Злотнѣцкій 20 „
85. Стефанъ Івановъ Бенедиктовичъ . . . . 20 „
86. Іоанъ Григоріевъ Маероновскій 25 „

Поетика.

87. Ѳеодоръ Демяновъ Островскій 20 „
88 Евстафій Іоановъ Полонскій . 18 „
89. Димитрій Василіевъ Злотнѣцкій 15 „
90. Іоанъ Григоріевъ Чмеліовскій . 13 „
91. Леонтій Івановъ Савлучинскій 17 „
92. Кирилъ Савинъ Савѣцкій . . 17 „
93. Алексѣй Василіевъ Молдавскій 14 „
94. Стефанъ Нестеровъ Нестеровичъ . . . . 18 „
95. Іосифъ Савинъ Тоцкій . . . . 17 „
96. Ѳеодоръ Ѳеодоровъ Жежеліовскій . . . . 21 „
97. Ѳеодоръ Леонтьевъ Коржевскій 19 „
*98 Михаилъ Карповъ Бурляй . . 15 „
*99. Романъ Карповъ Бурляй . . . 14 л.
100. Іоанъ Іаковлевъ Іакубовскій. . 17 „
101. Ѳеодоръ Тихоніевъ Тихоновскій . . . . 18 „
102. Іоанъ Петровъ Савѣцкій . . . 18 „

Реторика.

103. Кирилъ Евстафіевъ Жуковскій 19 „
104. Ѳеодоръ Естафіевъ Жуковскій 16 „
105. Григорій Марковъ Карпѣнскій 24 „
106. Іаковъ Александровъ Журавскій . . . . 19 „
107. Іоанъ Іоановъ Святковскій . . 19 „
108. Демянъ Петровъ Петрашевичъ 20 „
109. Михаилъ Моисеевъ Базилевичъ 22 „
110. Лазарь Ивановъ Голтвѣнскій . 23 „
111. Григорій Семеновъ Красовскій 23 „
112. Алексѣй Іліинъ Турчиновскій . 20 „
*113. Петръ Іоановъ Рустановичъ . 18 „
*114. Іаковъ Іоановъ Рустановичъ. 18 „
115. Іаковъ Николаевичъ Соховичъ 15 „
*116. Іоанъ Александровичъ Бахчевскій . . . . 16 „
117. Прокопій Захаріевъ Покорскій 24 „
118. Іоанъ Іосифовъ Туржанскій . 23 „
119. Іоанъ Пантелеймоновъ Тимковскій . . . . 18 „
*120. Естафій Петровъ Завойка. . 16 „
121. Петръ Івановъ Иванѣцкій . . 17 „
*122. Максимъ Івановъ Чернявскій 21 „
123. Петръ Ѳеодоровичъ Ѳеодоровичъ . . . . 16 „
124. Евфимій Іоановъ Іванѣцкій. . 25 „
125. Михаилъ Іаковлевъ Нѣчкевичъ 21 „
126. Герасимъ Іоановъ Зорнѣцкій . 22
127. Іоанъ Григоріевъ Риза. . . . 17 „
128. Григорій Семеновъ Петроневскій . . . . 17 „
129. Стефанъ Івановъ Соханскій . 19 „
130. Михаилъ Петровъ Рембаловичъ 21 „

Такимъ образомъ, по числу учениковъ отдѣленія училища распредѣляются такъ: въ фарѣ—17, инфимѣ—18, граматикѣ—11, синтаксимѣ—40, поэтикѣ—16 и риторикѣ—28. Возрастъ учащихся чрезвычайно разнообразенъ. Самые младшіе ученики—одинадцатилѣтки, при чемъ любопытно, что ихъ не встрѣчается совсѣмъ въ

первомъ отдѣленіи—фарѣ и есть нѣсколько во второмъ и въ третьемъ. Въ фарѣ, напротивъ, мы видимъ двухъ юношей 17 лѣтъ. Двадцатилѣтніе „мальчики" попадаются, начиная съ „граматики", а въ „синтаксимѣ" есть одинъ 25-лѣтній, маститый Маероновскій, два 21-лѣтнихъ и семь 20-лѣтнихъ. Въ „риторикѣ" эти годы попадаются ужь сплошь и рядомъ. Самому юному ритору—16 лѣтъ, но у него—два 23-лѣтнихъ товарища и одинъ 25-лѣтній. Безсмертные гоголевскіе образы „пищащихъ дискантомъ" грамматиковъ, солидныхъ риторовъ, съ неожиданными „украшеніями на лицахъ въ видѣ реторическихъ троповъ" и богослововъ „въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями" невольно возстаютъ въ памяти при чтеніи этого списка.

В. Г.

Турецкое посольство въ 1793-мъ году.

По окончаніи 2-й турецкой войны, императрица Екатерина II заключила съ Портой Оттоманской миръ, назначивъ для подписанія трактата о „вѣчномъ мирѣ" графа Безбородка; это было исполнено имъ въ Яссахъ 29 декабря 1791 года. Спустя болѣе года послѣ заключенія мира, въ 1793 году, произведенъ былъ размѣнъ ратификаціи этого договора, для чего назначены были со стороны Россіи чрезвычайнымъ посломъ генер. пор. Голенищевъ-Кутузовъ и коммисаромъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Пассекъ, а со стороны императора оттоманскаго [1]) беглеръ—бегъ румелійскій Рассихъ Мустафа Эффендій. Посламъ предписано было съѣхаться на границѣ Россіи и Турціи, въ г. Дубоссарахъ на Днѣстрѣ, между 1-го и 10-го апрѣля 1793 г. Послѣ обмѣна ратификаціи договора, турецкое посольство должно было отправиться въ Петербургъ и для сопровожденія его по Россіи былъ назначенъ приставомъ генералъ-маіоръ графъ Безбородко. Изъ Указа Екатерины II-й отъ 26 января 1793 года Правительствующему Сенату видно, что турецкое посольство изъ г. Дубоссаръ должно было отправиться черезъ екатеринославское намѣстничество на гг. Алексополь, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ и т. д. Для посла и его свиты тѣмъ же указомъ повелѣно было выставить отъ тѣхъ губерній, чрезъ которыя лежалъ путь посольству,

---

[1]) Такъ называетъ турецкаго султана графъ Безбородко въ сообщеніи своемъ Екатерин. намѣстн. правл. отъ 4 февраля 1793 года.

по 1000 лошадей съ упряжью и проводниками; отъ екатеринославскаго же намѣст., какъ пограничнаго, назначено было выставить съ пособіемъ отъ Малороссіи по 1000 лошадей въ двухъ пунктахъ: Дубоссарахъ и Елисаветградѣ. За поставленные лошади велѣно было платить владѣльцамъ ихъ прогоны и сверхъ того простойныя деньги, по 2 руб. на лошадь. На содержаніе турецкаго посольства, въ распоряженіе пристава гр. Безбородко было отпущенно 60 тысячь руб. Графъ Безбородко потребовалъ отъ екатер. намѣст. правленія: выставить по 1200 лошадей въ назначеныхъ пунктахъ, 50 крытыхъ повозокъ, на кованныхъ колесахъ, при особыхъ приставахъ, и прислалъ списокъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ въ пути для посольства. Количество съѣстныхъ припасовъ было заготовленно, примѣняясь къ тому, которое приготовлялось для турецкаго посольства въ 1773 году, а именно: на каждый день 2,800 пшеничныхъ хлѣбовъ, вѣсомъ въ 70 пудовъ, для печенія которыхъ отводилось на станціяхъ по 6-ти печей въ обывательскихъ домахъ. Поэтому гр. Безбородко просилъ правленіе объявить поставщикамъ изъ „Маркитантеровъ", чтобы они явились въ Елисаветградъ, куда имъ былъ отправленъ для заключенія съ ними условій кросъ-коммиссаръ Анисимовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ правленіе отвести въ г. Елисаветградѣ для него, состоящихъ при немъ офицеровъ и солдатъ 155 квартиръ. Можно полагать, что всѣ лучшіе дома въ городѣ были заняты для пристава, такъ какъ въ то время не легко было найдти въ Елисаветградѣ столько квартиръ. Намѣстническое правленіе, указомъ 4 марта 1793 года, предписало земскимъ исправникамъ собрать для посольства съ каждыхъ 263 душъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ, исключая козаковъ, по 1 лошади, а съ каждыхъ 57 душъ купцовъ по 1 повозкѣ. Въ то же время правленіе поручило исправникамъ поправить мосты и переправы на рѣкахъ, возлагая это на ихъ отвѣтственность, „яко въ дѣлѣ важномъ и самоскорѣйшаго исполненія требующемъ". Елисаветградскому городничему сверхъ того было предписано приготовить въ Елисаветградѣ для гр. Безбородка и состоящихъ при немъ офицеровъ 50, а для солдатъ его 100 квартиръ. Мы извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ дѣла алексопольскаго [1]) земскаго суда, въ которомъ приложено письмо исправника секундъ-маіора Миргородскаго къ городничему колл. ассес.

---

[1]) Алексополемъ въ то время именовалось м. Нехворощъ, константиногр. у. полт. губ., а въ 1794 г. м. Царигонка было переименовано въ г. Алексополь.

князю И. Манвелову. Вслѣдствіе этого письма, городничій кн. Манвеловъ 13 марта отправилъ изъ г. Алексополя, въ которомъ считалось тогда 1329 жит., на сборное мѣсто въ м. Кишенку [1]) лошадей съ 3 погонщиками, *упряжью и продовольствіемъ,* при особомъ приставѣ отставномъ вахмистрѣ Кашляковѣ. Отмѣтимъ, что въ спискѣ съѣстныхъ припасовъ, которые нужно было приготовить для турецкаго посольства, поименованы всевозможные припасы, въ томъ числѣ мыло турецкое, сахаръ канарскій, свѣчи восковыя, рыба сердели, мостика (?), вино волоское, чечевица, ячмень зерномъ и толченный, говядина, птицы—каплуны, индѣйки, гуси, а въ концѣ списка значится даже ледъ. Изъ этого видно, что приставъ гр. Безбородко не забылъ ничего для того, чтобы обставить путешествіе турецкаго посла всѣми удобствами. Возвращеніе турецкаго посольства изъ С.-Петербурга послѣдовало въ слѣдующемъ году: 28 января 1794 года посолъ выѣхалъ изъ столицы, 14 апрѣля прибылъ въ г. Кременчугъ, и 10 мая, наконецъ, пріѣхалъ въ г. Дубоссары. Маршрутъ его на возвратномъ пути былъ измѣненъ по екатеринославскому намѣстничеству и посольство слѣдовало, имѣя остановки въ гор. Полтавѣ, мѣст. Рѣшетиловкѣ, с. Хорошкахъ, м. Омельникѣ, г. Кременчугѣ, г. Елисаветградѣ, д. Кривомъ Озерѣ, м. Балтѣ (?) и въ Дубоссарахъ. Такимъ образомъ пребываніе турецкаго посольства въ Россіи продолжалось болѣе года, считая проѣздъ его изъ Дубоссаръ въ С.-Петербургъ. Пребываніе посольства около 5 мѣсяцевъ въ столицѣ объясняется тѣмъ, что посолъ Рассихъ Мустафа пріѣхалъ въ Петербургъ во время празднествъ, происходившихъ по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича съ принцессой Баденской. При возвращеніи посольства намѣстническое правленіе 21 января 1794 года распорядилось наготовить для него по 1200 лошадей въ 2-хъ мѣстахъ, на основаніи указа Екатерины II-й, даннаго Сенату 24 декабря 1793 г., съ кибитками или прочными повозками и сѣдлами для проводниковъ, и, сверхъ прогоновъ, по 2 рубля на лошадь простойныхъ денегъ, какъ прежде было назначено. На расходы по возвращенію турецкаго посольства тѣмъ же указомъ было отпущено 160 тысячъ р., а всего съ прежними было израсходовано 220 тысячъ руб. По расчету намѣстническаго правленія, съ каждыхъ 233 душъ крестьянъ было назначено собрать по

---

[1]) М. Кишенка, при р Днѣпрѣ, принадлежитъ теперь къ кобылякскому уѣзду полтавской губ.

1 лошади, и по кибиткѣ со 100 душъ купцовъ, проводнику и сѣдлу на каждыя 3 лошади. Лошадей велѣно было земскимъ исправникамъ при особыхъ приставахъ отправить въ г. Елисаветградъ къ 5 апрѣля, а потомъ срокъ этотъ продолженъ до 20 апрѣля. Вслѣдствіе указа намѣстническаго правленія алексопольскій земскій судъ 29 января 1794 года сообщилъ въ управу благочинія о назначеніи для обратнаго проѣзда турецкаго посольства 6 лошадей отъ жителей г. Алексополя, „видныхъ и къ подъему тяжестей способныхъ, не изнуренныхъ и не престарѣлыхъ" и „оные съ погонщиками вѣжливыми, нестарыми и не малолѣтними, съ провьянтомъ и фуражей на 2 мѣсяца отправить въ м. Кишенку на сборное мѣсто". Въ заключеніе указа правленіе предписываетъ исправникамъ сопровождать посольство по уѣздамъ, салютуя послу въ городахъ изъ пушекъ, гдѣ есть артиллерія. Приставъ гр. Безбородко сообщилъ 14 января въ екатеринославское намѣстническое правленіе, чтобы было выставлено въ Елисаветградѣ и Дубоссарахъ по 1400 лошадей, т. е. болѣе на 200 лошадей въ каждомъ пунктѣ, ради множества экипажей, подъ посольствомъ находящихся, и дурныхъ дорогъ, и 70 крытыхъ повозокъ, и просить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посольству назначены дневки, фуражъ для 700 лошадей. При распредѣленіи числа повозокъ, которое назначено было выставить жителямъ городовъ, въ г. Таганрогѣ показано было 3,366 купцовъ, съ которыхъ слѣдовало взять для турецкаго посольства 33 повозки. Но по свѣдѣніямъ, собраннымъ таганрогскимъ комендантомъ, бригадиромъ Каспаровымъ, оказалось, что въ г. Таганрогѣ было 66 купцовъ; это произошло потому, что казенная палата насчитала, по ошибкѣ, въ г. Таганрогѣ 804 души купцовъ и 2,562 мѣщанъ, а на вторичный запросъ правленія палата показала купцовъ въ немъ на 1794 г. только 66 душъ и 2 души мѣщанъ. Поэтому намѣстническое правленіе предписало 28 февраля 1794 года земскимъ исправникамъ потребовать по крытой повозкѣ съ каждыхъ 50 душъ купцовъ, а съ купцовъ г. Таганрога—взять только одну повозку.

П. Китицынъ.

Образованіе ланд-милиціи въ полтавской губерніи въ декабрѣ 1806-го года и о избраніи командующаго оною ланд-милиціею [1]).

Ничто не можетъ сравниться съ пріятными чувствованіями, которыя могъ испытать каждый благомыслящій и приверженный къ отечеству человѣкъ, имѣвшій счастіе быть зрителемъ происходившаго здѣсь на сихъ дняхъ.

Образованіе Ланд-Милиціи въ многихъ Губерніяхъ имперіи, въ числѣ коихъ равномѣрно находится и Полтавская, было побудительною причиною всеобщаго собранія дворянства въ семъ городѣ. Сія мѣра столь важная по случаю нынѣшнихъ чрезвычайныхъ происшествій подала случай видѣть во всемъ своемъ блескѣ истинную преданность къ Отечеству и ревность къ Государю.

24-го сего мѣсяца было первое собраніе дворянства. Князь Куракинъ, малороссійскій Генералъ-Губернаторъ, открылъ оное лично, объявилъ благородному обществу Высочайшее изволеніе по сему предмету, и менѣе нежели въ одну недѣлю все приведено къ концу и устроено на такихъ основаніяхъ, кои обѣщая совершенный успѣхъ, въ тоже время отвращаютъ всякія непотребства, сопряженныя часто со всѣми новыми учрежденіями. Тако производятся всѣ предпріятія подъ руководствомъ Начальника, который съ неутомимою дѣятельностью соединяетъ всѣ отличныя дарованія, свойственныя государственному человѣку.

Что касается до избранія Командующаго Губернскимъ Земскимъ войскомъ, то единодушно нареченъ въ сіе званіе Тайный Совѣтникъ Поповъ, извѣстный по многимъ важнымъ должностямъ, кои онъ занималъ въ царствованіе великой Екатерины. Дѣятельность и опытность въ службѣ, ему свойственная, доказали уже при самомъ вступленіи въ должность до какой степени онъ достоинъ довѣренности, возложенной на него. Число Губернскихъ ратниковъ простирается до 26000. Чрезъ двѣ недѣли всѣ будутъ вооружены, снабжены съѣстными припасами на три мѣсяца и совсѣмъ готовы къ выступленію по первому повелѣнію. Всѣ офицеры выбранные дворянствомъ снабжены нужными наставленіями и отправлены къ мѣстамъ.

---

[1]) Настоящая замѣтка взята нами изъ рукописнаго сборника конца XVIII и начала XIX в. и составляетъ, вѣроятно, отрывокъ изъ письма писаннаго кѣмъ нибудь изъ Полтавы къ кому либо изъ оффиціальныхъ лицъ.

Среди всѣхъ силъ движеній вездѣ и во всякомъ состояніи видно одинакое усердіе и рвеніе для блага общаго. Между прочимъ одинъ купецъ города Хорола внеся довольную сумму въ Казну, не удовольствовался послѣдовать во всемъ примѣру собратіи своихъ, но сего настоялъ, ато-бы оба его сына были вписаны въ число новыхъ ратниковъ.

Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля волынск. губ.

Рѣка Горынь, прежде чѣмъ войти въ г. Заславль, дѣлаетъ небольшую излучину. Внутренняя часть этой излучины называется „Остроня“—передѣлка съ польскаго устронь. Мѣстность здѣсь довольно низменна и покрыта старымъ дубовымъ лѣсомъ. Въ этомъ-то лѣсу, въ восточной его части, и сосредоточены могильныя насыпи. Ихъ всѣхъ 17; онѣ также поросли лѣсомъ и расположены надъ самымъ прилегающимъ къ рѣкѣ лугомъ. Могильникъ заключаетъ въ себѣ курганы двухъ видовъ, различающіеся величиной. Къ первому относятся насыпи окружностью приблизительно въ 80 метровъ и высотой до 3-хъ мет. Онѣ куполообразной формы и ихъ всего 3. Остальныя 14 имѣютъ видъ небольшихъ расплывшихся бугорковъ, окружностью доходящихъ до 25 метр. и высотой до 1 м. Почва здѣсь черноземная и курганы насыпаны изъ черной земли. Подпочву составляетъ желтая глина.

Могильникъ начинается большимъ курганомъ (№ 1), затѣмъ къ сѣверу идутъ малые и заключается могильникъ также большимъ курганомъ; на бокахъ этого послѣдняго находятся 3 углубленія: на сѣверо-востокъ, юго-востокъ и юго-западъ. Третій большой курганъ расположенъ въ сторонѣ отъ могильника по направленію къ западу.

Благодаря любезности графа М. Валевскаго и при участіи его сына, мной было разрыто 8 кургановъ: 1 перваго вида и 7 втораго.

Курганъ № 1.

На верху его небольшая площадка. Окружность 72 мет. Высота 3,15 м. Раскопка производилась колодцемъ діаметромъ въ 6 метровъ. На глубинѣ 0,2 м. встрѣтился въ центрѣ черепокъ обыкновеннаго горшка; еще черезъ 0,2 м. въ восточной части—черепокъ изъ красной глины, толщиной въ 8 миллим.; на немъ видны продольныя полоски, онъ неправильной формы и дѣланъ отъ руки. На

глубинѣ 0,6 м. снова попался небольшой черепокъ, повидимому, также сдѣланный отъ руки. Въ разныхъ мѣстахъ найдено нѣсколько небольшихъ кремневыхъ валуновъ. На глубинѣ 1,45 м. стали попадаться угли; они были разсѣяны небольшими гнѣздами по всей насыпи до самаго материка. Черезъ 0,3 м., т. е. на глубинѣ 1,75 м. встрѣтились остатки костяка. Сохранились только задняя часть правой височной кости съ частями теменной и затылочной, правый сочленовный отростокъ нижней челюсти и кусокъ правой лопатки. Кромѣ этого на протяженіи 0,25 м. находился слой истлѣвшихъ костей толщиной въ 0,01 м. Сохранившіяся кости черепа лежали на юго-юго-западъ. Съ лѣвой стороны височной кости, сейчасъ же возлѣ нея, лежалъ каменный молотокъ. Онъ пятиугольный, сдѣланъ изъ діорита и хорошо отшлифованъ. Одинъ конецъ его острый и удлиненный, другой, составляющій тылье, тупой. Длина его 0,12 м., толщина—0,035 м. и ширина въ самой широкой части—0,047 м., въ этой же части сдѣлано цилиндрическое отверстіе. Видно, что это послѣднее было дѣлано въ нѣсколько пріемовъ, т. к. внутри замѣтны неровности и діаметры отверстія съ одной и другой стороны не равны: съ одной—0,019 м., а съ другой—0,021 м. Тылье молотка представляетъ шероховатую и неровную поверхность съ небольшими углубленіями,—что указываетъ на то, что молотокъ былъ въ употребленіи. Вѣситъ онъ 63½ золот. На той же глубинѣ, какъ и костякъ, найденъ небольшой черепокъ, а на 0,15 м. ниже—другой довольно грубый черепокъ и нѣсколько кусочковъ отбитыхъ кремней. На глубинѣ 2,9 м. въ желтой глинѣ обозначился неправильный кругъ черной земли діаметромъ въ 1,2 м., представлявшій какъ бы яму; въ немъ на той же глубинѣ найденъ большой кремневый валунъ; черезъ 0,2 м. черная земля прекратилась и далѣе шла чистая материковая глина. Затѣмъ было прокопано еще до глубины 3,75 м. и раскопка кургана окончена.

Курганъ № 2.

Онъ расположенъ у подошвы № 1 съ восточной стороны. Насыпь его вполнѣ слилась съ насыпью № 1. Окружность—24,5 м. Высота 1,1 м. Раскопка его, какъ и всѣхъ послѣдующихъ, производилась колодцемъ. На глубинѣ 0,7 м. обнаруженъ костякъ головой на западъ. Лежалъ онъ навзничъ; руки вытянуты вдоль туловища. Кисти рукъ, ступни ногъ и вообще тонкія части костей плохо сохранились, но все таки можно было различить, что кисть правой

руки находилась на тазовой кости, а кисть лѣвой—подъ тазовой. Подъ лѣвой же частью тазовой кости найдено небольшое окислившееся серебряное колечко изъ тонкой проволоки; діаметръ его—0,018 м.; края не спаяны, а только согнуты и закруглены. На костякѣ въ разныхъ мѣстахъ найдено 3 желѣзныхъ гвоздя. Длина костяка отъ головы до пятъ—1,53 м. Затѣмъ была прорыта до материка поперечная канава, ничего не обнаружено и раскопка прекращена. Такія же поперечныя канавы были вырываемы и во всѣхъ остальныхъ курганахъ.

Курганъ № 3.

Расположенъ возлѣ № 2. Окружность 21 м. Высота 0,75 м. На глубинѣ 0,4 м.—костякъ. На немъ 2 гвоздя. Длина костяка 1,75 м. Голова на правомъ вискѣ, на сѣверо-западъ; руки вдоль туловища; кости рукъ и ступни ногъ сгнили. Между ступнями найденъ небольшой черепокъ отъ обыкновеннаго горшка, тамъ же находился кусочекъ истлѣвшей березовой коры. Снаружи кургана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходились ступни ногъ, находился небольшой, отдѣльный отъ кургана бугорокъ.

Курганъ № 4.

Расположенъ въ 10 метр. на сѣверъ отъ № 1.

Окружность 21 м. Высота 0,95 м. На глубинѣ 0, 54 м.—костякъ, головой на западъ. Длина костяка—1,72 м. Голова на лѣвомъ вискѣ; руки вдоль туловища. Кисти рукъ и ступни ногъ полусгнили; кисть правой руки находилась подъ тазовой костью; ноги разставлены и правая нога лежала выше лѣвой. Между ступнями ногъ найдено 6 кусковъ отъ дна и верхней части горшка; горшокъ дѣланъ на гончарномъ кругѣ. Возлѣ черепковъ найденъ небольшой кусочекъ истлѣвшей березовой коры. Снаружи кургана, съ восточной стороны находился небольшой бугорокъ, какъ и въ № 3. Изъ этого кургана взятъ черепъ.

Курганъ № 5.

Расположенъ возлѣ № 4, надъ лугомъ. Окружность 24 м. Высота 0,65 м. На глубинѣ 0,65 м. обнаруженъ костякъ, головой на западо-западо-сѣверъ. Голова на лѣвомъ вискѣ; руки лежатъ вдоль туловища; кисть лѣвой руки подъ тазовой костью, тамъ же небольшой кремень. Длина костяка 1,72 м. Это единственный вполнѣ сохранившійся остовъ: всѣ конечности у него оказались цѣлыми. На ко-

стякѣ, въ средней его части, найденъ черепокъ отъ верхушки горшка, дѣланнаго на гончарномъ кругѣ.

Курганъ № 6.

Расположенъ сѣвернѣе № 5. Окружность 25,5 м. Высота 0,85 м. На глубинѣ 1,3 м.—костякъ, головой на западъ; голова на правомъ вискѣ. Длина костяка 1,65 м. Почва пропитана водой.

Курганъ № 7.

Расположенъ возлѣ № 6. Окружность 22 м. Высота 0,8 м. На глубинѣ 1,1 м. находился костякъ, головой на западъ. Руки вдоль туловища; голова на правомъ вискѣ. Длина костяка 1,7. Почва также пропитана водой.

Курганъ № 8.

Расположенъ въ срединѣ могильника. Окружность 22,5 м. Высота 0,85 м. На глубинѣ 0,71 м. обнаружена красная выжженная земля, здѣсь же, въ перемежку съ дубовыми углями, находились пережженныя человѣчьи кости, большей частью отъ нижнихъ конечностей; тутъ найденъ также черепокъ отъ горшка, дѣланнаго на гончарномъ кругѣ. Пережженная земля, кости и угли шли до материка.

На основаніи вышеприведеннаго дневника раскопокъ можно сдѣлать слѣд. заключенія.

Курганъ № 1 своей величиной, сохранностью заключавшагося въ немъ костяка и предметомъ, найденнымъ у этого послѣдняго, существенно отличается отъ прочихъ разрытыхъ кургановъ и относится къ эпохѣ гораздо старѣйшей. Нахожденіе шлифованнаго молотка съ хорошо сдѣланной сверлиной и отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ бронзы или желѣза указываетъ на конецъ каменнаго вѣка, на т. н. неолитическій періодъ въ послѣдней фазѣ его развитія.

Къ числу предметовъ той же эпохи относится найденный въ прошломъ году при вспахиваніи поля сейчасъ же возлѣ лѣса кремневый клинъ, любезно предоставленный намъ графомъ М. Валевскимъ. Сдѣланъ этотъ клинъ изъ сѣроватаго кремня, которымъ изобилуютъ берега рѣки Горыни; верхняя часть его какъ бы отбита, онъ превосходно отшлифованъ и къ лезвію расширяется. Длина его—0,15 м., ширина у лезвія—0,075 м., у противоположнаго конца—0,06 м. и толщина въ самой толстой части—0,025 м. Вѣситъ онъ 88 золот.

Что касается кургановъ № 2—7, то мы здѣсь встрѣчаемъ два вида погребенія: въ курганахъ №№ 2, 3, 4 и 5 трупъ былъ схороненъ въ могильной насыпи, въ №№ 6 и 7—на незначительной глубинѣ въ материкѣ. Присутствіе въ курганахъ № 2 и № 3 желѣзныхъ гвоздей съ приставшими къ нимъ кусочками истлѣвшаго дерева даетъ поводъ предположить погребеніе въ гробахъ. Интересно также нахожденіе въ курганахъ № 3 и № 4 черепковъ отъ горшковъ и березовой коры возлѣ ступней. Серебряное колечко съ согнутыми, но не спаянными концами, указываетъ на незнаніе спайки. Типъ погребенія, обнаруженный въ курганахъ №№ 2—7, уже извѣстенъ. Онъ обыкновенно приписывается древлянамъ и относится къ концу VIII или началу IX в.в. Какъ на примѣръ аналогичнаго погребенія, можно указать на могильникъ у с. Ягнятина сквирск. у. кіевск. губ., изслѣдованный въ прошломъ году проф. В. Б. Антоновичемъ. Въ этомъ могильникѣ также встрѣтились два вида погребенія: въ насыпи и въ материкѣ; положеніе костяковъ было также на западъ и найденныя тамъ серебряныя кольца совершенно подобны кольцу изъ кургана № 2.

Курганъ № 8 занимаетъ особое мѣсто. Въ немъ обнаружено сожженіе трупа. Сожженіе было произведено прямо на землѣ и надъ остатками насыпанъ небольшой холмикъ.

Н. Бѣляшевскій.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 31-го ЯНВАРЯ.

Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* представилъ *характеристику древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ.*

Въ теченіи послѣдняго лѣта референтъ раскопалъ 215 кургановъ; при производствѣ раскопокъ онъ старался, слѣдя за подробностями погребальнаго типа, опредѣлить южныя границы разселенія древлянъ. По полному сходству погребальнаго обряда онъ опредѣляетъ эту границу теченіями рѣкъ: Ирпеня, Унавы, Каменки и Раставицы. Къ сѣверу отъ указанной границы самыя численныя раскопки были произведены имъ на урочищѣ „Грубскѣ" въ окрестности м. Ходоркова и на среднемъ теченіи Тетерева. Древлянскіе курганы расположены вообще густыми группами въ нѣсколько де-

сятковъ или сотень въ каждой (у с. Ягнятина ихъ болѣе тысячи). Величина кургановъ незначительна (отъ 1—1½ метра); они окружены у подножія канавами, совершенно явственными. Покойники лежатъ въ неглубокихъ ямахъ, дно которыхъ совпадаетъ по большей части съ верхнею поверхностью подпочвы; очень часто яма выстлана деревянными брусьями; въ нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, курганахъ, въ самой насыпи, значительно выше скелета встрѣчались деревянныя постройки въ видѣ сруба или крыши.—Скелеты лежали навзничь, головою къ западу, съ протянутыми ногами.—Руки находились въ различномъ положеніи; чаще всего онѣ были скрещены на поясницѣ или на лобковыхъ костяхъ, рѣже всего протянуты вдоль тѣла, весьма часто онѣ были сильно изогнуты въ локтяхъ и ручныя кисти приходились подъ мышками. Форма костей не представляла уклоненій отъ формы костей современнаго скелета. Въ одномъ только случаѣ (у с. Ягнятина) найденъ былъ скелетъ съ черепомъ искусственно деформированнымъ. Черепъ этотъ принадлежалъ, повидимому, женщинѣ очень преклонныхъ лѣтъ; деформація состояла въ томъ, что на заднихъ частяхъ темянныхъ костей находились 3 сильно вдавленныя, довольно обширныя плоскости.

Древлянскія могилы бѣдны предметами. Въ нихъ замѣчается совершенное отсутствіе сосудовъ и только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается оружіе. Въ каждой могилѣ встрѣчается большое количество желѣзныхъ гвоздей, расположенныхъ оригинальнымъ образомъ; гвозди эти расположены по контурамъ скелета и по большей части встрѣчаются въ отвѣсномъ положеніи, шляпками вверхъ; можно предполагать, что покойника накрывали мягкимъ покрываломъ и послѣднее прикрѣпляли къ землѣ гвоздями по контурамъ тѣла.

Въ числѣ вещей, находимыхъ у скелетовъ, чаще всего встрѣчались перстни, кольца и серьги; предметы эти сдѣланы изъ бронзы или серебра; они иногда литые, чаще же всего сдѣланы изъ проволокъ, концы которыхъ или свободны, или скручены узломъ, но никогда не спаяны—очевидно, умѣніе паять не было извѣстно туземцамъ во время сооруженія кургановъ; встрѣчаются перстни, составленные изъ двухъ скрученныхъ вмѣстѣ проволокъ. Довольно часто у покойниковъ находились бусы, весьма разнородныя по составу. Чаще другихъ встрѣчались бусы стеклянныя, обтянутыя тонкимъ листкомъ золота, затѣмъ бусы, состоящія изъ разныхъ глинистыхъ композицій, а также отлитыя изъ бронзы; рѣже другихъ сердоликовыя. Въ немногихъ случаяхъ найдены поясныя бронзовыя

и серебряныя пряжки. У нѣсколькихъ женскихъ скелетовъ замѣченъ былъ особый способъ украшенія волосъ: коса опускалась вдоль праваго плеча и конецъ ея былъ украшенъ рядомъ металлическихъ колецъ отъ 2 до 8. На нѣкоторыхъ пряжкахъ и кольцахъ встрѣтилась орнаментика—она представляла извилисто согнутыя вѣтки растеній съ листиками и отростками.

Слѣды одежды встрѣчались весьма рѣдко, такъ какъ она истлѣла отъ времени, въ нѣсколькихъ случаяхъ уцѣлѣла часть ворота, состоявшая изъ цвѣтной ткани и сохранившаяся на двухъ или трехъ скелетахъ, благодаря тому обстоятельству, что она пропиталась окисью отъ бронзовой пуговицы, которою воротникъ былъ застегнутъ; судя по этимъ немногочисленнымъ остаткамъ, можно заключить, что въ одеждѣ древлянъ воротникъ состоялъ изъ узкой стоячей полосы цвѣтной матеріи и застегивался на срединѣ шеи. Въ двухъ случаяхъ найдена была обувь; она сшита изъ тонкой кожи (сафьяна?), сложенной въ два пласта, и имѣла форму остроконечныхъ полусапогъ безъ отдѣльной подошвы; мягкая кожа сшита продольнымъ швомъ отъ пальцевъ до пятки на нижней части обуви; голенища невысокія, едва закрывавшія мыщелки берцовыхъ костей, и края ихъ отворочены наружу; отвороты эти шириною въ три пальца.

Оружіе весьма немногочисленно, оно встрѣтилось только въ 5 случаяхъ и курганы, въ которыхъ оно находилось, стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ группы остальныхъ кургановъ и отличались значительно большимъ объемомъ. Оружіе это состояло изъ небольшихъ желѣзныхъ длинныхъ и тонкихъ наконечниковъ копій, большихъ ножей и въ одномъ только случаѣ найденъ короткій широкій желѣзный мечъ или, можетъ быть, кинжалъ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого сообщенія было представлено д. чл. *В. З. Завитневичемъ.*

II. ЗАСѢДАНІЕ 21-го ФЕВРАЛЯ.

Д. чл. *В. С. Иконниковъ* прочелъ сообщеніе: *„Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ"* [1]).

Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія *объ архивѣ Государственнаго Совѣта* и остановился въ частности

[1]) Въ болѣе полномъ изложеніи этотъ рефератъ напечатанъ въ іюньской книжкѣ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій" 1888 г. и вышелъ затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ.

на мнѣніяхъ графа Блудова: 1) о запискахъ Карамзина, касательно древней и новой Россіи и касательно Польши; 2) объ исторіи Руссовъ Конисскаго [1]).

По баллотировкѣ единогласно избранъ въ д. члены Общества профессоръ университета св. Владиміра *А. В. Праховъ*.

III. ЗАСѢДАНІЕ 13-го МАРТА.

а) Предсѣдатель *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* выразилъ отъ имени Общества соболѣзнованіе по случаю кончины д. чл. Ѳ. Г. Лебединцева.

б) Д. чл. *А. И. Соболевскій* читалъ сообщеніе по вопросу: *въ какомъ году было крещеніе Руси?* По мнѣнію референта, лѣтописная дата крещеніе Владиміра—988 г. заслуживаетъ вѣры, такъ какъ подобное событіе не могло не быть отмѣчено кѣмъ нибудь изъ современниковъ и такъ какъ другіе источники, русскіе и иноземные, ей не противорѣчатъ. Показаніе „Памяти и похвалы" Іакова Мниха („Владиміръ прожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ"), если сдѣлать вычисленіе такъ, какъ дѣлали въ древности, говоритъ въ пользу 988 г.; арабскій лѣтописецъ Яхъя и греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, разсказывая о женитьбѣ Владиміра на греческой царевнѣ, не противорѣчатъ 988 г. Та же дата можетъ быть признаваема и за дату крещенія Руси, такъ какъ Владиміръ крестился въ Корсунѣ не одинъ, а со всѣмъ своимъ войскомъ, и такъ какъ это войско можно съ бóльшимъ основаніемъ признавать представителями всей Руси, чѣмъ не находившуюся въ войскѣ часть кіевскаго населенія [2]).

Д. чл. *В. З. Завитневичъ* представилъ возраженіе противъ положеній А. И. Соболевскаго, но послѣдній остался при своемъ мнѣніи.

Сущность разногласія выясняется въ слѣдующихъ тезисахъ, извлеченныхъ изъ реферата А. И. Соболевскаго, и въ отвѣтныхъ положеніяхъ В. З. Завитневича.

Тезисъ. О времени крещенія св. Владиміра есть даты въ трехъ русскихъ памятникахъ. Первый изъ нихъ самый важный—Несторова лѣтопись, которая относитъ крещеніе Владиміра къ 988 году. Эта лѣтописная дата сама по себѣ не внушаетъ никакихъ сомнѣ-

---

[1]) См. іюньскую кн. „Кіевской Старины" 1888.

[2]) Рефератъ А. И. Соболевскаго напечатанъ во 2-мъ выпускѣ „Чтеній" Общества.

ній. Лѣтописецъ для событій IX и X вв. нерѣдко выставляетъ года на угадъ; но есть достаточно основаній думать, что у него были подъ руками какія то старыя записи второй половины IX и начала X в., изъ которыхъ онъ извлекъ даты нѣкоторыхъ событій: смерти Ольги и Владиміра, прихода на Русь печенѣговъ и др. Эти записи, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ и дату столь важнаго событія, какъ крещеніе Владиміра съ дружиною и войскомъ, которое не могло не обратить на себя вниманія какъ бывшихъ уже въ Кіевѣ христіанъ, такъ и греческаго духовенства, прибывшаго въ Кіевъ съ только что принявшимъ крещеніе Владиміромъ.

Антитезисъ. Нѣтъ сомнѣнія что мы вправѣ требовать отъ лѣтописца, чтобы онъ точно передалъ намъ хронологическую дату такого крупнаго событія, какъ крещеніе Владиміра. Но въ разсказѣ о событіяхъ эпохи Владиміра лѣтописецъ дѣлаетъ рядъ хронологическихъ ошибокъ, заставляющихъ историка относиться къ его показаніямъ съ большою осторожностью. Занятіе, напр., Владиміромъ кіевскаго стола лѣтописецъ относитъ къ 980 году; эта дата стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ показаніемъ самого же лѣтописца, что Владиміръ княжилъ 37 лѣтъ. И дѣйствительно, другой древній русскій писатель Іаковъ Мнихъ точно показываетъ, что Владиміръ занялъ кіевскій столъ 11 іюня 978 года. Далѣе, подъ 988 годомъ у лѣтописца нагромождена цѣлая масса фактовъ, которые, уже въ силу одной физической невозможности, не могли совершиться въ одномъ и томъ же году. Мало того. Лѣтописецъ сознается, что у него подъ руками были источники, которые совершенно иначе говорили о крещеніи Владиміра, чѣмъ самъ онъ думаетъ. Эти источники, утверждая, что Владиміръ крестился у себя дома (въ Кіевѣ или въ Василевѣ), отдѣляли фактъ крещеніе отъ похода на Корсунь, а слѣдовательно и хронологическія даты для этихъ двухъ событій у нихъ были не одинаковыя. Все эго вынуждаетъ историка относиться къ лѣтописцу съ недовѣріемъ и его хронологическія показанія принимать только послѣ строгой критической провѣрки.

Тезисъ. Второй памятникъ, упоминающій о крещеніи Владиміра, это—древнее „Житіе Владиміра" (Іакова Мниха), составленное въ XII или началѣ XIII вѣка. Авторъ „Житія" несомнѣнно пользовался какимъ то древнимъ источникомъ, заключавшимъ въ себѣ нѣсколько фактическихъ данныхъ, не отмѣченныхъ лѣтописью, и нѣсколько датъ, отличающихся отъ датъ лѣтописи. Въ „Житіи" между проч. говорится, что Владиміръ послѣ крещенія жилъ 28

лѣтъ; а смерть его, согласно съ показаніемъ лѣтописи, относится къ 1015 г. Въ лѣтописи часто встрѣчаются случаи, когда цифры, взятыя круглымъ числомъ, превышаютъ дѣйствительную продолжительность обозначаемыхъ ими событій. Въ виду этого и здѣсь 28 лѣтъ жизни Владиміра послѣ крещенія должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что Владиміръ прожилъ только 27 лѣтъ и умеръ на 28 году. Поэтому годомъ крещенія Владиміра по „Житію" долженъ быть признанъ 988 годъ, т. е. годъ, указанный въ лѣтописи. При этомъ нужно помнить, что при счетѣ лѣтъ за первый годъ послѣ событія иногда принимался самый годъ событія, такъ что вторымъ годомъ назывался годъ, слѣдующій за годомъ событія.

Антитезисъ. Цифра 28 въ разсматриваемомъ „Житіи" несомнѣнно означаетъ число истекшихъ лѣтъ. Для означенія текущаго года въ „Житіи" употребляется особое выраженіе: „на другое лѣто" и т. д. Въ данномъ же случаѣ прямо сказано, что Владиміръ поживе 28 лѣтъ послѣ крещенія, а не сказано, что онъ умеръ на 28 лѣто по крещеніи. Вотъ почему, если въ данномъ случаѣ и можетъ быть рѣчь о неточности круглой цифры, но развѣ въ томъ смыслѣ, что Владиміръ жилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ и умеръ на 29 году. Это значитъ, что 1 марта 1015 г., т е. съ началомъ новаго года, кончилось 28 лѣтъ послѣ крещенія Владиміра и наступилъ 29-й годъ. А такъ какъ Владиміръ умеръ 15 іюля этого года, то значитъ послѣ крещенія онъ прожилъ 28 лѣтъ 4 мѣсяца и 15 дней. Въ виду этого факта, если даже будутъ приняты во вниманіе всѣ условія, неблагопріятствующіе нашему вычисленію, все же годомъ крещенія Владиміра, по Іакову, неизбѣжно окажется 987 г.

Тезисъ. „Житіе Владиміра" говоритъ, что Владиміръ взялъ городъ Корсунь на третій годъ послѣ крещенія. Мѣсто это противорѣчитъ показанію лѣтописи, свидѣтельствующей, что Владиміръ крестился послѣ взятія Корсуня. Для устраненія этого противорѣчія необходимо предположить или то, что Владиміръ послѣ крещенія во второй разъ ходилъ на Корсунь, или то, что въ „Житіи" вмѣсто „взя" нужно читать „основа", т. е. основалъ г. Корсунь на рѣкѣ Роси.

Антитезисъ. Разъ доказано, что по „Житію" Владиміръ крестился въ 987 году, всѣ эти догадки не имѣютъ мѣста: замѣна глагола „взя" глаголомъ „основа" является произвольнымъ искаженіемъ текста древняго памятника; а предположеніе, что Владиміръ непосредственно послѣ перваго похода на Корсунь взялъ его *второй*

разъ не только не оправдывается источниками, но и само по себѣ неправдоподобно. Самая попытка отыскать въ „Житіи“ основаніе для двоякаго похода Владиміра на Корсунь не выдерживаетъ критики при внимательномъ анализѣ „Житія“, какъ литературнаго памятника: мысль, что въ „Житіи“ сначала перечисляются дѣянія Владиміра язычника, а потомъ христіанина, опровергается тѣмъ, что непосредственно предъ первымъ перечисленіемъ передаются факты, имѣвшіе мѣсто послѣ крещенія Владиміра.

Тезисъ. Третій памятникъ—„Житіе Бориса и Глѣба“ Нестора Діакона относится, вѣроятно, къ самому началу XII в. Авторъ его, упомянувъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, прибавляетъ: „се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 90“. Такъ читается въ спискахъ XIV вѣка, но, по всей вѣроятности, лицо, писавшее этотъ списокъ, опустило въ концѣ цифры находившуюся въ оригиналѣ букву *е* (5), принявъ ее за окончаніе вин. пад. ед. чис. порядковаго числительнаго. Въ виду этого для оригинала „Житія“ возможно возстановить цифру 5,495, т. е. 987 годъ. Эта дата повидимому не согласна съ лѣтописной датой; но обѣ онѣ легко могутъ быть приведены къ одной, если предположить, что Владиміръ крестился между 1 марта и 1 сентября въ одинъ изъ пяти послѣднихъ мѣсяцевъ 987 сентябрскаго года, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ начальными мѣсяцами 988 мартовскаго года.

Антитезисъ. Еще Погодинъ въ полемикѣ съ Хавскимъ доказалъ, что не мартовскій годъ предшествовалъ сентябрскому, какъ предполагаетъ выше констатированная догадка, а наоборотъ, сентябрскій мартовскому, вслѣдствіе чего послѣдніе мѣсяцы сентябрскаго 987 года соотвѣтствовали первымъ мѣсяцамъ того же 987 мартовскаго года. Вотъ почему, если предположить, что въ „Житіи“ Нестора дата крещенія Владиміра выставлена по сентябрскому счету, то, при переводѣ ея на мартовскій годъ, фактъ крещенія Владиміра можно переносить или на конецъ 986 г., или на начало 987 г., но на 988 годъ онъ никакимъ образомъ переносимъ быть не можетъ. И такъ, и Несторъ согласно съ Іаковомъ крещеніе Владиміра относитъ къ 987 году.

Тезисъ. Лѣтописный годъ крещенія Владиміра (988) находитъ себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ лучшихъ иностранныхъ источниковъ—Яхъи, Кедрина и пр.

Антитезисъ. Названные иностранные писатели не даютъ ни малѣйшаго основанія относить крещеніе Владиміра къ 988 году.

Другіе же иностранные писатели для рѣшенія даннаго вопроса не даютъ никакихъ хронологическихъ указаній.

Тезисъ. Огненные столбы, явившіеся, по свидѣтельству Яхъи, 7 апрѣля 989 года, предвѣщали, по словамъ Льва Діакона, взятіе русскими Корсуня; слѣдовательно, Корсунь взятъ былъ Владиміромъ не раньше 989 года. Но такъ какъ это свидѣтельство противорѣчитъ лѣтописи, то необходимо признать, что Левъ Діаконъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ событія разныхъ годовъ, при чемъ для него легче было смѣшать событіе 989 г. съ событіемъ 988 г., чѣмъ съ событіемъ 987, 986 и еще болѣе ранняго года.

Антитезисъ. Левъ Діаконъ ничего не смѣшивалъ: его показаніе совершенно согласно съ показаніемъ Іакова Мниха, по которому Владиміръ, крестившись въ 987 г., *на третье лѣто,* т. е. въ 989 г. взялъ Корсунь. Заподозриваніе въ смѣшенія событій современника этихъ событій, признаваемаго къ тому же самымъ добросовѣстнымъ между византійскими историками, является дѣломъ печальной необходимости, вызванной тенденціознымъ желаніемъ во что бы то ни стало оправдать ошибку нашего лѣтописца, и поэтому наукою не можетъ быть принято [1]).

в) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ замѣткѣ о первомъ самозванцѣ и его отношеніи къ Польшѣ по водвореніи въ Москвѣ [2]) обратилъ вниманіе на недавно напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ документъ, извлеченный изъ архива Краснохолмскаго монастыря, о сборѣ лошадей съ монастырскихъ вотчинъ „для польского похода“, въ концѣ правленія Дмитрія Самозванца. Сопоставляемый съ другими, напр., съ свидѣтельствомъ секретаря Самозванца Бучинскаго и съ иностранными извѣстіями (голландца Массы и др.), документъ этотъ подтверждаетъ мнѣніе о существовавшемъ у Дмитрія Самозванца планѣ—начать войну съ Польшей, отношенія къ которой въ послѣднее время его правленія настолько обострились, что дѣлали такой выходъ естественнымъ и необходимымъ. Тѣмъ болѣе возможнымъ казалось это предпріятіе, что въ то время было собрано уже значительное войско и артиллерія для войны съ Турціей, а между тѣмъ, отчасти по винѣ короля Сигизмунда III, планъ этотъ былъ разстроенъ,

---

[1]) Мнѣніе А. И. Соболевскаго объ аргументаціи г. Завитневича см. въ іюньской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г.

[2]) Замѣтка эта предназначена къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ“.

война же съ Польшей могла принести Самозванцу громадную популярность.

Избранъ въ дѣйствительные члены по баллотировкѣ редакторъ-издатель „Кіевской Старины" Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 3-го АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ сообщеніи *„Къ исторіи X-й главы Екатерининскаго наказа"* [1]) представилъ исторію отмѣны пытки въ Россіи. Референтъ указалъ сначала на смягченіе пытки до Екатерины II и измѣненіе, происшедшее во взглядахъ на примѣненіе пытки до „Наказа", отчасти выразившееся и въ законодательствѣ. Затѣмъ онъ указалъ на важность того факта, что X-я глава „Наказа", столь категорически высказавшаяся противъ пытки, вскорѣ послѣ закрытія Екатерининской коммиссіи вошла уже въ силу, а отступленія отъ нея вызвали повсемѣстное и безусловное запрещеніе производить пристрастные допросы и пытки. Значеніе этого извлеченнаго недавно изъ одного мѣстнаго архива распоряженія, какъ законодательнаго акта, подтверждается послѣдующими правительственными постановленіями по тому же предмету. Того же взгляда держалась императрица Екатерина II и въ отношеніи процессовъ политическаго характера. Губернская администрація, отступавшая иногда отъ указанныхъ началъ „Наказа" (на который постоянно ссылаются акты), подвергалась замѣчаніямъ и выговорамъ. Но такъ какъ означенныя распоряженія имѣли секретный характеръ, то и отступленія отъ нихъ являлись болѣе возможными. Такими же отступленіями вызванъ былъ и извѣстный актъ въ началѣ царствованія Александра I (1801 г.), безусловно отмѣнявшій пытки и пристрастные допросы съ тѣмъ, чтобы и самое названіе пытки, наносящее стыдъ и укоризну человѣчеству, изглажено было навсегда изъ памяти народной. Этотъ актъ разсматриваетъ бывшіе случаи пристрастныхъ допросовъ, вызывавшихъ его, какъ злоупотребленіе закономъ и притѣсненіе со стороны властей. Несмотря на это, кое-гдѣ встрѣчаются еще злоупотребленія орудіями пытки, которыя отбираются по распоряженію правительства (напр., въ 1827 г.). Особенно долго существовали нѣкоторые виды пытки (колодки) въ лютеранскихъ приходахъ, подвѣдомственныхъ петербургской протестант-

---

[1]) Предназначено для „Русскаго Архива".

ской генеральной консисторіи, примѣнявшіеся по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ къ крестьянамъ.

б) Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ *объ* изслѣдованныхъ имъ лѣтомъ 1887 г. *городищахъ Кіевской земли*[1]).

в) Д. чл. *И. В. Лучицкій* въ сообщеніи *о сябренномъ землевладѣніи* указалъ: 1) на отсутствіе въ литературѣ работъ по вопросу о сябренномъ землевладѣніи и 2) на тѣ источники, которыми онъ пользовался, именно: а) Румянцевскую опись,—томы, относящіеся до Любечской сотни (Черниговскій архивъ), б) документы рода Константиновичей, Стаховичей и др. Вопросъ въ рефератѣ г. Лучицкаго шелъ главнымъ образомъ о томъ, что такое сябръ и сябренное владѣніе. Послѣ разсмотрѣнія данныхъ о патронимическомъ названіи селъ, о семейной организаціи малороссовъ прежняго времени въ большія семьи соединенныя, затѣмъ данныхъ объ общемъ владѣніи землями, о передѣлахъ земель, сдѣлано общее заключеніе, а именно, что сябренное землевладѣніе есть особая форма землевладѣнія, одинаково отличная и отъ подворнаго, и отъ общиннаго. Она обязана своимъ возникновеніемъ разложенію единой и цѣльной семейной общины, распавшейся на группы семей, поселенныхъ въ отдѣльныхъ дворахъ, но связанныхъ общностью происхожденія, представляющихъ собою „родъ", „племя", и при раздѣленіи на дворы сохранившихъ нераздѣльное пользованіе отчинами и дѣдизнами, т. е. разнаго рода угодьями, распредѣляемыми на паи. Эти паи переходятъ изъ рукъ въ руки путемъ передѣла, но каждый дворъ пользуется ими не равномѣрно, а пропорціонально, сообразно размѣру родственныхъ правъ. Отъ общиннаго землевладѣнія сябренное отличается неравенствомъ участковъ и правомъ свободной продажи своего права на идеальную долю пользованія (на всю цѣликомъ или на нѣкоторую часть ея); отъ подворной—тѣмъ, что владѣніе участкомъ не было постояннымъ, а переходило изъ рукъ въ руки путемъ передѣла между дворами, изъ которыхъ каждый имѣлъ право собственности на *участіе* въ землѣ, а не на самую землю, другими словами пользовался идеальнымъ, а не реальнымъ участкомъ.

Избраны въ д. члены Общества А. И. Булгаковъ и Ѳ. И. Кнауэръ.

---

[1]) Изложеніе этого сообщенія см. въ майской кн. „Кіевской Старины".

Для справокъ.

—— **Нѣсколько словъ о „Журналѣ“ генер. хор. Якима Горленка (1736).** Въ Румянцевскомъ Музеѣ подъ № 1156 (1870 г.) хранится среди рукописей, перешедшихъ туда послѣ смерти извѣстнаго въ свое время въ Малороссіи собирателя книгъ и рукописей Ив. Як. Лукашевича, рукопись, озаглавленная имъ „Журналъ Якима Горленка, генеральнаго хоружаго, веденный (sic) въ крымскомъ походѣ въ 1736 г.“— Заинтересовавшись многообѣщавшимъ намъ заглавіемъ этой рукописи и надѣясь въ ней найти что либо, напоминающее своимъ содержаніемъ извѣстные дневники Маркевича, Ханенка и т. п., мы постарались ближе ознакомиться съ нею и нашли, что рукопись эта (129 листовъ съ пропусками) составляетъ входящій и исходящій журналъ, веденный Горленкомъ въ крымскомъ походѣ 1736 г. Въ журналъ этотъ Горленко вносилъ собственноручно по порядку дневные приказы, рапорты, лозунги, вѣдомости о количествѣ выбывшихъ людей и лошадей и т. п., сюда же вносились имъ оффиціальныя доношенія подначальныхъ ему лицъ (Томары, Мелеся, Колотовскаго и др.), по которымъ составлялись общія вѣдомости по его отряду,—свѣдѣнія, имѣющія, можетъ быть, интересъ для лица, спеціально занятаго исторіей крымскаго похода 1736.

Данныхъ, хоть немного имѣющихъ общее значеніе, въ высшей степени мало. Изъ такихъ данныхъ можно упомянуть „вѣдомость сколко и в яком малороссійскомъ полку с сего юня д. 4: по настоящое числа под Козловом пало лошадей, також сколко тогож юня 8 д: людей татарми побыто ранено и взято и сколко лошадей отогнано и побито 1736 году юня 9 д. учинена“. Вотъ эта „вѣдомость“ (Л. 117):

Званіе полковъ.	Число людей			Число лошадей	
	убитіе.	ранени.	татарми взяти.	догнаних.	палих.
Миргородского. . .	3	—	—	14	37
Лубенского	1	—	—	21	81
Прилуцкого	—	1	—	8	24
Чернѣговского . . .	—	—	1	9	19
Киевского	—	—	—	—	35
Переяславского . .	—	—	—	1	16
Охокомонного (sic) .	—	—	—	—	11 [1])
Нѣжинского	2	1	—	21	71
Полтавского	—	—	—	—	85
Гадяцкого	—	—	—	—	38
Итого. . . .	6	1	1	74	417

„Такова вѣдомост послана к князю Гессенготбускому (sic) юня 9 при доношеніи“.

На слѣдующемъ (118-омъ) листѣ „1736 Іюня 9 д. ч. вѣдомость от полку Мыргородского подается в команду ннѣ имѣючуюся в походѣ над малороссійскими полками, коликое число под Козловомъ убило и лошадей што ниже значить а іменно

[1]) Въ рапортѣ отъ этого полка не 11, а 31.

Іюня 8 числа тарми (sic) убытихъ

радовихъ козаковъ. 1

Гспдна Полковника Павла Апостола фурманчиковъ. 2

Ито (sic) 3

Убылихъ лошадей

упало 37

Татарми занятихъ 14

Итого 51

Наказний полковникъ Мыргородскій Семенъ Галаганъ а вмѣсто *его неграмотного* по Его веленію подписалъ Стефанъ ... правящій за писара полкового [1])".

„На черниговскомъ рапортѣ подпись: „за болѣзнію правящаго в настоящом походѣ наказного полковника обозного чернѣговского полкового Павла Сан...ского Асаулъ полковій чернѣговского полку Стефанъ Славатинскій подписалъся".

Конечно, эти крупицы очень незначительны, но намъ казалось нелишнимъ привесть ихъ и дать общее представленіе о „Журналѣ" Горленка, о которомъ, насколько мы помнимъ, въ печати еще не было упоминанія.

Вл. Каллашъ.

—— **Извѣстія тамбовской ученой архивной коммиссіи. Выпуски I—XIX. Указатель къ описи тамбовскаго историческаго архива. Часть I. Составилъ правитель дѣлъ коммиссіи М. Розановъ. Тамбовъ. 1888.** По иниціативѣ покойнаго основателя и перваго директора Археологическаго Института, Н. В. Калачова, съ 1884 года стали появляться въ разныхъ губернскихъ городахъ Россіи ученыя архивныя коммиссіи. Положеніемъ о нихъ, Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля того года, на нихъ возлагалось: 1) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ архивахъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ бумагъ, которыя, по ихъ научному интересу, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ, 2) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ описей и указателей и 3) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. Сверхъ того, ученымъ коммиссіямъ предоставлено право включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ мѣстной старины.

Такимъ образомъ, учрежденіе областныхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій было событіемъ величайшей важности въ исторіи русскаго просвѣщенія и науки, ибо оно ставило предѣлы тому варварскому истребленію, которому подвергались (и подвергаются доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) драгоцѣнные памятники древности со стороны лицъ и учрежденій, не понимающихъ цѣны ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало средство областнымъ жителямъ поучиться своей исторіи и поучить ей другихъ, давало имъ возможность, сидя на мѣстѣ, своими мѣстными средствами и путями стремиться къ одной общей великой цѣли—народному самосознанію. Понятіе о русской народности—чрезвычайно сложное по крайнему разнообразію этнически-областныхъ единицъ, его составляющихъ, различно проявившихъ себя въ теченіе

[1]) Изъ подписи на л. 127 слѣдуетъ, что прилуцкій полковой асаулъ Михайло Мовчанъ былъ тоже неграмотенъ.

тысячелѣтней исторіи и до сихъ поръ не утратившихъ своей бытовой жизненности. Показать участіе областей въ общемъ ходѣ отечественныхъ событій, вынести на свѣтъ Божій бытовыя отличія и особенности края—какое обширное поприще для дѣятельности мѣстныхъ историческихъ обществъ!

Передъ нами печатный слѣдъ трудовъ одной изъ первыхъ по времени учрежденія коммиссій — тамбовской. „Извѣстія" тамбовской коммиссіи составляются: 1) изъ журналовъ засѣданій, 2) изъ рефератовъ членовъ коммиссіи, 3) изъ описи историческаго архива и 4) изъ приложеній. Рефераты (большинство которыхъ принадлежитъ предсѣдателю коммиссіи, И. И. Дубасову) посвящаются обозрѣнію и оцѣнкѣ архивнаго матеріала и рѣдкихъ книгъ рукописныхъ и печатныхъ, поступающихъ въ коммиссію. Описаніемъ архива дѣятельно занимаются члены коммиссіи П. И. Пискаревъ и М. Г. Розановъ; въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ извѣстій помѣщены описи 2267 дѣлъ, составленныя такъ подробно, что во многихъ случаяхъ вполнѣ замѣняютъ собою самый документъ. Въ приложеніяхъ печатаются полностью наиболѣе важные изъ документовъ, а иногда цѣлыя собранія однородныхъ по содержанію, описаніе матеріаловъ по тамбовскому краю, хранящихся въ другихъ архивахъ, главнымъ образомъ въ московскихъ, и пр. Наконецъ, въ видѣ приложенія, особой книжкою, напечатанъ указатель къ описи тамбовскаго архива, составленный весьма тщательно и подраздѣляющійся, какъ и слѣдуетъ, на отдѣлы предметный, географическій и личныхъ именъ. Тамбовская коммиссія имѣетъ въ настоящее время собственное помѣщеніе, владѣетъ интереснымъ археологическимъ музеемъ; средства ея... средствъ она не имѣетъ почти никакихъ, если не считать членскихъ трехъ-рублевыхъ взносовъ (членовъ числится не болѣе 100), да ничтожныхъ крохъ, ассигнуемыхъ министерствомъ юстиціи на вознагражденіе лицъ, занимающихся разборомъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, любопытныя данныя изъ отчета за 1887 годъ. Членскихъ взносовъ (въ томъ числѣ 26 р. взносовъ за 1888 г.: значитъ, передержка!)—176 р., выручено отъ продажи изданій 9 р., перечислено изъ министерскихъ суммъ 100 р.: вотъ и весь приходъ—итогъ 285 р. Расходъ—287 р. 62 к. Передержано 2 р. 62 к. Благо, изданія печатаются безплатно въ губернской типографіи, по распоряженію губернатора, состоящаго непремѣннымъ попечителемъ коммиссіи. При такихъ тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, трудъ тамбовскихъ піонеровъ историковъ вызываетъ невольное уваженіе, а патріархально любовное отношеніе къ дѣлу изученія мѣстной старины, которое сквозитъ особенно въ рѣчахъ и сообщеніяхъ И. И. Дубасова, просто умилительно.

Но обращаемся къ ближайшему поводу, заставившему насъ остановиться на изданіяхъ удаленнаго по мѣсту ученаго учрежденія на страницахъ „Кіевской Старины". Просматривая „Указатель" г. Розанова, мы нашли въ немъ довольно матеріала по югу Россіи; нашли мы такой матеріалъ и не въ одной описи архива, а также и въ другихъ отдѣлахъ „Извѣстій". На этихъ то матеріалахъ и позволимъ себѣ остановиться съ нѣкоторой подробностью.

Начнемъ съ журналовъ засѣданій коммиссіи. Въ сообщеніи И. И. Дубасова о рукописной книгѣ „Сказаніе о чудесахъ Богородицы" (журналъ 8 марта 1885 г.) мы нашли указаніе на чудеса южно-русскихъ иконъ Богородицы теребовльской и лаврской. Въ письмѣ Д. В. Ильченка на имя предсѣдателя (напечатано въ журналѣ того же засѣданія) о четырехъ печатныхъ книгахъ прошлаго столѣтія, жертвуемыхъ имъ, упоминается объ „универсалѣ", видѣнномъ въ подлинникѣ авторомъ

письма лѣтъ 25 назадъ у одного малороссійскаго помѣщика (Апостола Кегича, нынѣ умершаго) и заключающемъ воззваніе къ запорожскимъ и украинскимъ казакамъ отложиться отъ Петра и стать подъ защиту Карла. Въ журналѣ засѣданія 4 октября того же года находимъ свѣдѣніе о каменной бабѣ, поступившей въ музей коммиссіи. Въ журналѣ засѣданія 3 декабря—списокъ книгъ, поступившихъ въ коммиссію, между которыми нѣкоторыя касаются польскаго возстанія 1863 года. Въ журналѣ засѣданія 22 апрѣля 1886 года есть краткое свѣдѣніе о рукописномъ житіи Іосафа Горленка, епископа бѣлгородскаго, пожертвованномъ въ музей коммиссіи.

Изъ рефератовъ, напечатанныхъ особо, въ приложеніяхъ къ журналамъ, укажемъ на рефератъ В. А. Заринскаго о книгѣ, глаголемой *лусидоріосъ* или *многоцѣнный бисеръ* (засѣданіе коммиссіи 3 декабря 1885 г.), принадлежащей къ числу памятниковъ отреченной литературы; въ ней заключаются данныя, важныя для сравнительнаго изученія христіанской легенды вообще и въ частности малорусской. Въ приложеніи къ журналу засѣданія 14 марта 1888 года находимъ цифровыя данныя о малороссахъ въ тамбовской губерніи по третьей ревизіи. Въ самомъ городѣ Тамбовѣ считалось ихъ 30 душъ и 5 дворовъ, въ тамбовскомъ уѣздѣ 116 душъ и 10 дворовъ, въ гор. Шатскѣ 8 душъ и 2 двора, въ Козловѣ 24 души и 5 дворовъ, въ козловскомъ уѣздѣ 116 душъ и 22 двора, въ лебедянскомъ уѣздѣ 3 души, въ липецкомъ—30 душъ и 2 двора. Однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ шатскаго уѣзда былъ графъ К. Г. Разумовскій, которому принадлежало 11 поселеній и винокуренный заводъ съ крѣпостнымъ населеніемъ въ числѣ 4174 души.

Въ приложеніи къ журналу засѣданія 28 декабря 1887 года напечатанъ ордеръ генералъ маіору Сухтелену (1796 г.), предписывающій ему собрать свѣдѣнія о мѣстахъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, которыя могли бы быть укрѣплены, и письмо (1806 г.) гр. Румянцева къ нему съ изъявленіемъ благодарности за увѣдомленіе о Высочайшемъ распоряженіи о сочиненіи проекта къ исправленію крутостей при кіевскихъ пещерахъ.

Переходимъ къ описи историческаго архива. По „Указателю“ находимъ слѣдующія описи дѣлъ съ упоминаніемъ о *малороссахъ* и *черкасахъ*:

№ 445. Вѣдомость кадомскаго уѣзднаго суда о находящихся въ уѣздѣ черкасахъ (1777 г.).

№ 1050. Дѣло шатской провинціальной канцеляріи объ открытіи тамбовскаго намѣстничества: въ немъ свѣдѣніе о черкасскихъ дворахъ (1779 г.).

№ 1190. По челобитью повѣреннаго штатсъ-дамы Нарышкиной о самовольномъ поселеніи въ крѣпостныхъ дачахъ ея при р. Хопрѣ, Воронѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елани... разнаго званія людей и малороссовъ (1761 г.).

№ 1221. О возмущеніи священникомъ с. Елани Буханцемъ и малороссомъ Дубровскимъ съ товарищи поселившихся на землѣ Нарышкиной по Хопру и Медвѣдицѣ малороссовъ къ неповиновенію Нарышкиной (1767 г.).

№ 1222. О приведеніи въ повиновеніе малоросовъ слободы Алексѣевской графини Разумовской подполковникомъ хоперскаго батальона Анучинымъ съ командой (1767 г.).

№ 1350. Челобитье трехъ малороссовъ въ шатскую канцелярію на подполковника Ивана Богданова изъ дер. Рузановой нижеломовскаго уѣзда о томъ, что онъ довелъ ихъ до нищеты и прошенія милостыни (1766 г.).

№ 1513. Дѣло о „полякахъ", желающихъ поступить въ подушный окладъ (1778 г.).

№ 1546. Репортъ прапорщика Протопопова въ шатскую канцелярію о взысканіи рекрутскихъ денегъ съ „черкасъ" шатскаго уѣзда загородноценскаго и подлѣсскаго становъ, съ показаніемъ селъ, гдѣ поселены были „черкасы" (1776 г.)

№ 1656. Допросъ малороссіянина Дудкина о поѣздкѣ его съ четырьмя товарищами его въ команду Пугачева, ибо де онъ набираетъ вольное войско (1774 г.).

№ 1799. Дѣло о поселившихся по рр. Хопру и Воронѣ въ дачахъ г-жи Нарышкиной невѣдомыхъ людехъ... изъ коихъ нѣкоторые называются малороссіянами (1761 г.; ср. № 1190).

№ 1958. Объ именующемся малороссіяниномъ крестьянинѣ Яковѣ Романовѣ Поляковѣ (1761 г.). Ссылаясь на свое вольное малороссійское происхожденіе Яковъ Поляковъ требовалъ исключить его изъ подушнаго оклада.

№ 2079. Объ освобожденіи малороссіянина Андрея Рухли изъ рабства помѣщика Протасьева (1746 г.).

№№ 2086 и 2087. О припискѣ малороссіянъ Трофима Семенова и Марка Васильева въ окладъ.

Затѣмъ, подъ № 889 записано дѣло о сборѣ провіанта съ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, съ обывателей воронежской и бѣлгородской губерній и о доставкѣ его въ крѣпость (1736 г.).

О гр. Разумовскомъ и семьѣ его, кромѣ указаннаго выше, находимъ слѣдующія дѣла:

№ 1364. Контрактъ о постановкѣ съ 771 по 775 годъ въ Нижній Новгородъ простаго вина по 10000 ведеръ въ годъ съ завода графини Разумовской.

№ 1476. О бѣглой крестьянской дѣвкѣ Иринѣ Петровой (1774 г.). Ирина Петрова укрывалась въ вотчинѣ гр. Г. Разумовскаго с. Нарышкинѣ.

№ 1906. О крестьянахъ гр. К. Г. Разумовскаго Иванѣ Сычевѣ съ прочими. Нѣсколько человѣкъ бѣглыхъ крестьянъ изъ вотчины гр. Разумовскаго Черной Слободы, шатскаго уѣзда, составивъ шайку, занялись кражами и грабежами (1775 г.).

№№ 1969 и 1970. О разбояхъ, производимыхъ крѣпостными людьми гр. Разумовскаго (1761 г.).

Сверхъ того, въ опись вошло еще нѣсколько дробныхъ дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, а именно:

№ 1452. Вѣдомости касимовской, наровчатской и краснослободской воеводскихъ канцелярій за 771, 772 и 773 годы: въ какія мѣста, кто именно наряжены и отправлены были работники въ Бахмутъ, Таганрогъ, въ Кіевъ, въ Петровскую крѣпость и въ крѣпость св. Елисаветы.

№ 2117. Нарядъ о переселеніи церковниковъ и оставшихся за штатомъ и ненадобностью для церкви дьячковъ на обширныя земли таврической области (1785).

Такихъ церковниковъ и заштатныхъ дьячковъ въ шатской провинціи было 131 семейство.

Таковы матеріалы „Извѣстій" тамбовской архивной коммиссіи. имѣющіе отношеніе къ исторіи южно-руссовъ. Понятно, матеріалы эти вообще дробны и случайны, что объясняется удаленностью тамбовскаго края отъ Малороссіи; но мы считали полезнымъ привести ихъ въ извѣстность на страницахъ южно-русскаго историческаго журнала, потому что, во всякомъ случаѣ, они могутъ оказаться полезными при занятіяхъ южно-русской исторіей; къ тому же, изданія тамбовской коммиссіи мало кому на югѣ Россіи могутъ быть извѣстны.

В. Ястребовъ.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (168—200). *Кіевское Слово* (454—484). *Русскій Лѣсопромышленникъ* (1—26). *Подол. Епарх. Вѣд.* (33—36). *Волын. Епарх. Вѣд.* (23—25). *Волынь* (89—105). *Черн. Губ. Вѣд.* (65—70). *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (16). *Харьковскія Губ. Вѣд.* (210—235). *Южный Край* (2619—2644). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (63—70). *Бессараб. Губ. Вѣд.* (71—93). *Новорос. Телеграфъ* (4126—4185). *Одесскій Вѣстникъ* (190—248). *Елисаветградскій Вѣстникъ. Одесскія Новости. Крымъ* (66—79). *Донская Рѣчь* (82—100). *Орловскій Вѣстникъ* (122). *Смоленскій Вѣстникъ* (63—107). *Донъ* (79—101). *Минскій Листокъ* (57—73). *Литов. Епарх. Вѣд.* (33—36). *Червоная Русь* (91—104). *Сибирская Газета* (23—56).

Кіевлянинъ №№ 168—200. 174. *Находки древностей въ Святополковой церкви Михайловскаго монастыря.* В. Гошкевича. Еще 2 года тому назадъ при выкопкѣ земли подъ поломъ въ с.-зап. углу храма были найдены 2 большіе сосуда: одинъ изъ желтой глины, шаровидный съ заостреннымъ дномъ, окружность его до 1, 4 метра, высота уцѣлѣвшей части 0, 7 метра, по обѣимъ сторонамъ обломки ушей; весь сосудъ покрытъ рядами правильныхъ поперечныхъ рельефныхъ полосокъ; другой сосудъ меньше, конусообразный, изъ красной глины, разбитъ на нѣсколько частей, верхняя часть утрачена, дно плоское, діаметръ—0,24 метра, высота 0,5 м., толщина стѣнокъ—1,5 сантим. Среднюю часть его опоясываетъ прямолинейная, слегка вдавленная кайма, такая же кайма и вокругъ нижней части сосуда, а въ верхней ей соотвѣтствуетъ волнообразная кайма; на бокахъ остались основанія обломанныхъ ушей. Теперь, когда сняли чугунный полъ, то оказалось, что находившіяся ниже его части стѣнъ и столбовъ расписаны фресками. Въ притворѣ найдена каменная гробница изъ нескрѣпленныхъ м. с. толстыхъ тесанныхъ каменныхъ плитъ, длина ея 2,19 метра ширина и высота—0,74 м. Дно ея изъ каменной плиты, а накрыта она шиферной плитой. Надписей нѣтъ. Въ ней свалены кости нѣсколькихъ покойниковъ и истлѣвшій деревянный гробъ. На лѣво отъ гробницы древняя кладка изъ кирпича, вѣроятно, остатокъ хода на хоры; подъ этой ступенью открывается

углубленіе, полузасыпанное землею и мусоромъ. Подъ срединой церкви разбросаны въ безпорядкѣ человѣческія кости. Въ лѣв. отдѣленіи посрединѣ найденъ большой склепъ изъ краснаго кирпича, пустой. Входъ былъ закрытъ большой шиферной плитой съ высѣченными на оборотѣ широкими каймами. Въ притворѣ—склепъ новѣйшаго происхожденія. Въ правомъ отдѣленіи церкви—3 склепа; ближайшій къ притвору—пустъ; въ слѣдующемъ—деревянный гробъ, здѣсь, по преданію, погребенъ игум. Ѳеодосій; въ 3 мъ деревянный гробъ съ скелетомъ, завернутымъ въ сѣть.

183. *Пятидесятилѣтіе кіевск. института благор. дѣвицъ съ 1838 по 1888 г. Рѣчь инсп. классовъ М. М. Захарченка.*

190. *Археологическія раскопки.* О раскопкахъ кургановъ въ бассейнѣ р. Сулы (полтав. г.) проф. Д. Я. Самоквасовымъ.

— *Г. Винница, подольской губ*

192. *Драгоцѣнная археологическая находка.* О раскопкѣ Е. Д. Фелицынымъ кургана близь ст. Крымской, кубанск. обл. Найдены 2 погребальныя комнаты, соединенныя корридоромъ. Стѣны украшены фресками. Въ 1 комнатѣ остовъ женщины въ богатомъ нарядѣ, во 2-й остовъ мужчины, вѣроятно, царя. Найдена масса драгоцѣнныхъ вещей изящной греческой работы. Курганъ относится, вѣроятно, къ III—IV в. до Р. Х.

133. Извѣстія о командировкѣ академіей художествъ г. Татарова для изученія и описанія церкви, построенной въ с. Субботовѣ, чигир. у. кіев. губ., Богданомъ Хмельницкимъ.

197. *Рогатый идолъ.* «Въ селѣ Букахъ, сквирскаго уѣзда, надъ рѣчкою Растовицею, стоитъ теперь каменный рогатый истуканъ, вытащенный изъ этой рѣчки нѣсколько лѣтъ тому назадъ Истуканъ высѣченъ изъ цѣльной глыбы гранита, высотою въ сажень. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ, такъ называмыя, каменныя бабы, но отдѣлка здѣсь болѣе тщательная: голова не сливается съ туловищемъ, и на макушкѣ торчатъ два рога, въ родѣ бычачьихъ. По мѣстному преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено с. Буки, стоялъ встарину большой городъ «Бакожинъ», или «Мокошинъ», жители котораго поклонялись этому идолу и приносили ему жертвы, а когда кн. Владиміръ, крестившись, свергъ въ Днѣпръ кіевскихъ истукановъ, бакожинскій богъ потерпѣлъ ту же участь—и девять вѣковъ пролежалъ на днѣ Растовицы.

Обращаясь отъ этихъ темныхъ преданій къ дѣйствительности, мы знаемъ, что раскопки кургановъ вблизи с. Букъ, произведенныя профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, показали, что здѣсь жило славянское племя; предметы, найденные имъ при скелетахъ, относятся къ языческой эпохѣ IX или начала X вѣка. Въ самомъ с. Букахъ сохранилось древнее городище надъ р. Растовицею. Оно расположено у подошвы горы, защищающей его съ одной стороны; съ другой

протекаетъ рѣка, а съ третьей прилегаетъ яръ. Вокругъ обведено оно тройнымъ валомъ, имѣющимъ мѣстами до 8 сажень высоты.

Бучанскій идолъ не есть ли древнерусскій богъ Волосъ или Велесъ, покровитель скота и родоначальникъ поэтовъ, богъ сильный, которымъ, наряду съ Перуномъ громовержцемъ, клялись Святославовы воины»?

198. «*Старинная посуда*, вырытая 4-го сентября въ усадьбѣ Товстопаловой по Кіяновскому переулку, представлена была завѣдывающему музеемъ духовной академіи проф. Петрову, для опредѣленія археологическаго значенія этой находки. Посуда состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: сосудъ въ родѣ соусника изъ красной мѣди, луженый, тазъ изъ желтой мѣди, съ отверстіемъ для ручки, которая не сохранилась, другой тазъ, меньшихъ размѣровъ, оловяное блюдо и 11 оловяныхъ тарелокъ. На блюдѣ и тарелкахъ оказались штемпеля и вырѣзанные отъ руки иниціалы и монограммы—латинскими буквами. Между штемпелями встрѣчаются—съ изображеніемъ одноглаваго орла, лиліи, льва, луны, окруженной звѣздами, и двухъ на крестъ сложенныхъ ключей. Иниціалы также разнообразны; они состоятъ изъ буквъ: S и R, H и D, H и M, F и K, S и K, K и H; на одной изъ тарелокъ вырѣзана буква, похожая на греческую сигму. Интересно изображеніе на блюдѣ: стоитъ женщина съ распущенными волосами; въ правой рукѣ она держитъ птицу, а въ лѣвой, повидимому, лукъ. Кругомъ нѣмецкая неразборчивая надпись, готическими буквами, судя по шрифту, XVIII вѣка. Мѣдная посуда, повидимому, должна быть отнесена къ XVII вѣку».

Кіевское Слово №№ 454—484. 456. *Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси.* Корреспонденціи изъ Умани и Староконстантинова.

458. *Поѣздка въ Китаевъ.* Нѣсколько историч. свѣдѣній о Китаевѣ.

459, 460, 465, 466, 472, 473, 475, 476. *Воля и счастье.* Повѣсть І. Ясинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ сѣверной части черниг. губ.

462. *Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси.* Корресп. изъ села Степанцевъ, канев. у. кіевск. г.

467. *О находкахъ въ Михайловскомъ монастырѣ.*

469. *50-лѣтній юбилей кіев. института благор. дѣвицъ.*

472. *Археологическая находка.* Въ днѣпровскомъ у. найдены и препровождены въ Имп. археолог. коммиссію древнія вещи, среди которыхъ замѣчательны: серебряная съ позолотой и гравировкой пряжка, золотая пластинка и украшенія съ красными стеклами и различными узорами.

473. *Изъ области народной медицины. Мих. Огіевскаго.* Приведено нѣсколько заговоровъ.

478. *Замѣчательная археологическая раскопка.* О раскопкѣ Е. Д. Фелицына близь ст. Крымской, кубанск. обл.

481. *Церковно-археологическая замѣтка.* І. Августина. Объ изображеніи патр. Фатія въ кіевскихъ храмахъ.

482. Библіографич. замѣтка о Владимірскомъ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси, изд. кіев. дух. академіей.

— *Археологическія раскопки въ системѣ р. Сулы N. N.* Рѣчь идетъ о раскопкахъ проф. Д. Я. Самоквасова въ двухъ группахъ кургановъ: герасимовской на лѣвомъ и аксютинской на прав. берегу Сулы. Въ первой группѣ у д. Герасимовки въ 2 в. отъ Роменъ (г. Самоквасовъ 1-й перенесъ раскопки на лѣвый степной берегъ Сулы) найдены: бронзовое зеркало, нѣсколько бронзовыхъ бляхъ отъ уздечки, слѣды желѣзныхъ удилъ, бусы, песчаниковая подставка и нѣсколько булавокъ, повидимому, серебряныхъ. Курганы эти принадлежатъ къ типу *скиѳскихъ* кургановъ, они *этажные*, т. е. надъ скиѳскими покойниками въ насыпи кургана погребены другіе или въ скорченномъ видѣ (мож. б. степные кочевники), или по христіанскому обряду. На правомъ берегу г. Самоквасовъ раскопалъ самый большой курганъ изъ аксютинской группы, т. наз. Старшую Могилу, ок. 25 арш. высоты и 350 арш. въ окружности, склепъ который, къ сожалѣнію, оказался залитымъ водою, п. ч. ранѣе почтеннаго профессора здѣсь уже похозяйничалъ одинъ коммерсантъ, выдающій себя за археолога (жаль, что авторъ не называетъ этого господина по имени, можетъ быть это послужило бы предостереженіемъ для тѣхъ, кому придется столкнуться съ этимъ спекуляторомъ во время его дальнѣйшихъ подвиговъ) и, поведя раскопку самымъ неумѣлымъ образомъ, при чемъ былъ задавленъ одинъ изъ рабочихъ, докопался до склепа и принужденъ былъ бросить курганъ; яма осталась незасыпанной и склепъ заливался водою отъ дождя и таявшаго снѣга. Г. Самоквасовъ д. б. отложить дальнѣйшую раскопку. При изслѣдованіи другихъ кургановъ той же группы г. Самоквасову опять пришлось встрѣтить слѣды опустошеній, произведенныхъ тѣмъ же «бичемъ археологичекой науки». Выдавъ себя въ Ромнахъ за профессора, онъ чрезъ полицію вытребовалъ рабочихъ и разграбилъ нѣсколько десятковъ кургановъ, пока, по счастью, не былъ обличенъ въ самозванствѣ и неубрался по добру по здорову. Два изъ остальныхъ кургановъ этой группы, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ, оказались попорченными грабителями или звѣрьками и въ нихъ нашлись только два желѣзныхъ наконечника копья, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и нѣсколько кусочковъ желѣза, повидимому, отъ удилъ. Въ нѣсколькихъ мелкихъ курганахъ были найдены костяки и при нихъ бронзовыя стрѣлки, небольшія горшечки и разныя украшенія. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: бронзовое зеркало съ центральной ручкой и съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ плоскости какого то животнаго, напоминающаго эхидну, и желѣзный браслетъ у кисти правой руки мужскаго скелета.

Русскій Лѣсопромышленникъ №№ 1—26. 6. *Корреспонденція изъ Екатеринослава* о неудобствахъ въ движеніи лѣснаго матеріала вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія на пристани хлѣбныхъ грузовъ.

7. *Корресп. изъ уманскаго уѣзда.* Краткое описаніе состава лѣсовъ и очеркъ мѣстной торговли лѣсными продуктами.

7, 9 и **11.** *Лѣса волынской губерніи, состоящіе подъ надзоромъ казны.* Очеркъ исторіи размежеванія лѣсныхъ пространствъ въ югозападномъ краѣ. Авторъ игнорируетъ фактъ присоединенія Польши къ Россійской имперіи въ концѣ XVIII вѣка.

8. *Корресп. изъ Остра.* Краткій очеркъ мѣстной лѣсопромышленности.

— *О распредѣленіи казенныхъ лѣсныхъ дачъ курской губерніи по уѣздамъ и о доходности этихъ дачъ за 1887 г.* Статистическій очеркъ.

11. *Лѣсное хозяйство въ южной Россіи.*—Передовая статья по поводу хищническаго истребленія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

12. *Предстоящее лѣсоистребленіе* (въ острожскомъ уѣздѣ)—передовая статья, въ которой авторъ, между прочимъ, предлагаетъ для сбереженія лѣсныхъ богатствъ деревни, расположенныя внутри лѣсныхъ дачъ и не могущія существовать хлѣбопашествомъ (вслѣдствіе чего истребляютъ лѣсъ) переселить на свободныя казенныя земли на югъ Россіи.

23. *Лѣсная промышленность александровскаго уѣзда (херсонской губ).* Очеркъ лѣснаго хозяйства и промышленности и торговли лѣсными матеріалами.

25. *Кустарныя производства изъ дерева въ курской губерніи.* Статистическій очеркъ лѣсной кустарной промышленности. Распредѣленіе разныхъ видовъ промысла по уѣздамъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 33—36. 33. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

34. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ м. Сатановѣ проскуровскаго уѣзда 15 іюля 1888 г.

35—36. Замѣтки учителя церковно-приходской школы.

— Порфирія Семеновича Пашута некрологъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 23—25. 23 Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.). *М. Степань*, с. Студынь, с. Тынное, с. Зносичи, с. Яблонное, с. Голубное, с. Казимірка, с. Яполоть, с. Збужъ, с. *Жалинь*; 4. благочиническій округъ ровенскаго уѣзда: с. Бережки, с. Велюны (стр. 805—819) № 24 м. Высоцкъ, м. Домбровица, (стр. 854—868). № 25: м. Добровица, с. Селище, с. Берестье, с. Залѣшаны, с. Каменное, с. Карпиловка, с. Карасинъ, с. Курашъ, с. Любиковичи, с. Немовичи, с. Озеряны, с. Сарны, с. Люхъ, с. Малые Селища, с. Ельно, с. Клесовъ, с. Стрѣльскъ, с. Удрицкъ, с. Чубель (стр. 899—918).

23—24. *С. Бѣляевъ.* Принятіе св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ христіанства и крещеніе Руси (прод. и оконч.).

24. Н. К. Село Малые Дорогостаи дубенскаго уѣзда (истор. очеркъ).

— Бесѣда сказанная Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ кіевскимъ, въ день празднованія 900-лѣт. юбилея крещенія Россіи 15 іюля 1888 года.

23. Лѣтопись текущихъ событій и разн. замѣтки: торж. актъ въ кіев. дух. академіи. 15 іюля въ Кіевѣ. Владиміръ-Волынскъ.

24. Въ этомъ же отд. празднованіе 900-лѣт. юб. въ Севастополѣ и Херсонесѣ.

25. Открытіе Владиміро-Волынскаго братства въ Житомірѣ.

23. Предметный указатель содержанія неоффиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 207—212), № 24 (стр. 213—216), № 25 (217—230).

Волынь №№ 89—105. 93. Корреспонденція изъ Луцка. Сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Крестовоздвиженскомъ соборѣ и Крестовоздвиженскомъ братствѣ.

97. Кладъ въ 17 милліоновъ. Извѣстный слухъ о кладѣ близь г. Остра черн. губ.

97—105. Порченная. Пов. Ю. Левицкой-Пащенко. Перепечатка изъ «Кіевской Старины».

100—101. Извлеченіе изъ отчета о состояніи житомірской мужской гимназіи за 188⁷/₈ уч. г.

100. Краткій некрологъ протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго.

102. Археологическіе раскопки въ Переяславѣ. О раскопкахъ проф. кіев. дух. ак. П. А. Лашкарева на мѣстѣ Успенской церкви.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 65—70. 65. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ (окончаніе); перепечатка изъ «Кіевской Старины» 1888 г. № 8-й.

69. Я. А. Селюкъ (некрологъ)—бывшій черниговскій городской голова.

70. Къ исторіи края--изъ архива графа Г. А. Милорадовича. Купчія на земли, пріобрѣтенныя Павломъ Полуботкомъ 1708 (2), 1710. (2) и универсалъ ему же, Полуботку, отъ гетмана Мазепы на постройку мельницы 1706 г.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости № 16. 16. *Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи.* Списокъ, составленный по клировымъ вѣдомостямъ 1886 года Порфиріемъ Мартиновичемъ и Василіемъ Горленкомъ. (Не оконченъ).

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 210—235. 215. Нѣкоторыя подробности о домашней жизни Гр. Ѳед. Квитки-Основьяненка: «Григорій

Θедоровичъ, по словамъ его старичка слуги, былъ человѣкъ добрый и сострадательный. Крестьянъ своихъ онъ не притѣснялъ; съ прислугою обращался ласково, бѣднымъ всегда помогалъ; нищихъ никогда не отпускалъ безъ подаянія. Жилъ онъ въ небольшомъ деревяномъ флигелькѣ (онъ существуетъ и теперь; въ немъ живетъ по найму французъ красильщикъ) и въ хозяйственныя дѣла совсѣмъ не вмѣшивался. Вставалъ рано, часовъ въ 6 и, надѣвши свой сѣренькій халатъ, отправлялся въ садъ на прогулку; послѣ прогулки, продолжавшейся обыкновенно часъ-два, пилъ чай; затѣмъ садился читать или уѣзжалъ по дѣламъ въ городъ, до обѣда, который былъ всегда въ 2 часа; спать ложился часовъ въ 12 и позже. По вечерамъ всегда писалъ свои сочиненія. Въ праздничные и воскресные дни Г. Θ. съ первымъ ударомъ колокола отправлялся въ церковь, и тамъ принималъ участіе въ богослужебномъ пѣніи и чтеніи. Изъ своей прислуги Квитка-Основьяненко больше всего былъ привязанъ къ своему кучеру Грицю, природному малороссу, и часто любилъ съ нимъ бесѣдовать. Иногда, во время ѣзды, баринъ и возница до того увлекались своей бесѣдой, что послѣдній совсѣмъ забывалъ свою обязанность, и нерѣдко лошади, предоставленныя полному произволу, привозили собесѣдниковъ вовсе не туда, куда нужно было. Основяне глубоко уважали Гр. Θед., и когда онъ умеръ, то старые и малые со слезами провожали его прахъ на кладбище».

215—216. Передовая статья о вновь открываемомъ «Обществѣ пчеловодовъ и любителей пчеловодства».

222. Д. Б. Библіографическая замѣтка на книжку С. Р. «Разсказы про Кіевъ и его прошлое».

225. Корреспонденція изъ Воронежа о празднованіи 25-лѣтняго юбилея Николаевской женской прогимназіи.

229. Сообщеніе о присужденіи премін И. Г. Вучины въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ.

Южный Край 1888. № 2619—2644. 2625. О. В. На стражѣ православія и народности (Д. И. Эварницкій—Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа).

2620. Библіогр. зам. объ имѣющемъ выходить въ Львовѣ малороссійскомъ журналѣ «Правда».

2622. Некрологъ О. Е. Лозинскаго—уроженца подольской губ., бывшаго въ 1871 году редакторомъ «Современности».

2630. Баснословное богатство—выдержки изъ статьи профес. Менделѣева «Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца».

— Извѣщеніе о томъ, что въ Императорскую археологическую коммиссію поступили найденные древніе цѣнные предметы, среди которыхъ серебрян. съ

позолотой и гравировкой пряжка, золотая пластинка и украшенія съ красными стеклами и различными узорами.

2632. Корреспонденціи: а) иза бердянскаго уѣзда о яко бы существующемъ кладѣ въ ур. Черемошномъ и б) изъ Мглина о праздновании 500-лѣт. юбилея его существованія.

2639. О ростѣ харьковской общественной библіотеки.

2642. Корреспонденція изъ Новомосковска о состояніи народныхъ школъ.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 63—70. 63. Деревенскія письма. Погоня за рублемъ (оконч.) Берендѣева.

64. Открытіе екатеринославскаго епархіальнаго братства св. равноапостольнаго кн. Владиміра.

— Библіографическія замѣтки о пьесѣ Д. Манфельда въ сотрудничествѣ съ артистомъ малорусской труппы Старицкаго г-мъ Косиненко, «Не судылось» и о книгѣ г. Маценко «Прилукщина».

65. Техническое и профессіональное образованіе въ екатеринославской губерніи Н. Б.

66. Библіографическая замѣтка «Путеводитель по р. Днѣпру и порогамъ» — Карнольцева.

67. О богатыряхъ — Ив. Манджуры, — перепеч. изъ «Кіевской Старины».

69. Важное открытіе -- И. Шмакова (о находкѣ каолина вблизи Екатеринослава).

70. Торговля въ екатеринославской губерніи въ 1887 г.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости. 1888. № 71—93. 85. Археологическія раскопки въ Переяславѣ — перепечатано изъ Прав. Вѣстн.

„Въ послѣднихъ числахъ минувшаго іюля, профессоромъ кіевской духовной академіи П. А. Лашкаревымъ сдѣланы весьма любопытныя и важныя археологическія находки въ городѣ Переяславѣ, полтавской губерніи. По церковнымъ лѣтописямъ извѣстно о построеніи въ городѣ Переяславѣ церкви Успенія еще Владиміромъ Мономахомъ. Во время татарскаго нашествія эта церковь была разрушена и возобновлена только въ 1586 году, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Острожскимъ въ видѣ большой деревянной церкви, гдѣ происходило торжественное принесеніе присяги на подданство Россіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 году. Въ концѣ XVI столѣтія, эта церковь сгорѣла и была вновь отстроена при помощи царя Алексѣя Михайловича. Въ 1786 году новый пожаръ разрушилъ этотъ храмъ, вскорѣ возобновленный мѣстными средствами. Въ 1824 году церковь была передѣлана, но за ветхостью, богослуженіе въ ней прекращено съ 1876 года. Въ настоящее время церковь разобрана для возведенія новой каменной, которая сохранила бы память объ этомъ славномъ историческомъ храмѣ. При нивеллировкѣ холма подъ новую постройку были

обнаружены, въ мѣстѣ бывшаго алтаря, древнія каменныя стѣны въ восточной половинѣ холма, имѣющія видъ и характеръ церковныхъ построекъ кіевскаго великокняжескаго періода. Кладка этихъ остатковъ оказалась имѣющею всѣ признаки древнѣйшихъ кіевскихъ церквей. Кирпичи имѣютъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины, $5^{1}/_{4}$ вершковъ ширины и 1 вершокъ толщины. Цементомъ служила известка съ толченымъ кирпичемъ. Кромѣ того открыты двѣ стѣны болѣе поздняго происхожденія, примыкающія къ древнѣйшей постройкѣ въ направленіи съ сѣвера на югъ. Длина послѣдней составляетъ 13 аршинъ 13 вершковъ при ширинѣ въ 9 аршинъ 10 вершковъ. Столь небольшіе размѣры этого древняго храма, по мнѣнію профессора Лашкарева, даютъ много вѣроятія въ пользу предположенія, что упомянутый древній каменный храмъ служилъ домовою церковью при великокняжескомъ дворцѣ Владиміра Мономаха. Весьма любопытно то обстоятельство, что храмъ, совершенно подобный открытому въ Переяславѣ, извѣстенъ только одинъ, именно—церковь на хорахъ Кирилловскаго монастыря, построенная супругою великаго князя Святополка.

Остатки найденныхъ въ Переяславѣ стѣнъ возвышаются съ небольшимъ на одинъ аршинъ, при весьма низкомъ фундаментѣ, не превышающемъ $^{3}/_{4}$ аршина. Все внутреннее пространство храма, наполненное щебнемъ, остается пока не раскопаннымъ, исключая небольшаго участка въ южной части, гдѣ профессоромъ Лашкаревымъ открытъ полъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ кусковъ. По рѣшенію строительнаго комитета, найденные остатки будутъ цѣликомъ помѣщены подъ поломъ новаго храма, съ особеннымъ нижнимъ ходомъ для обозрѣнія и производства окончательныхъ раскопокъ. Стѣны сохранились (въ упомянутой высотѣ) на восточной, сѣверной и южной сторонахъ; въ западной же открытъ только небольшой участокъ стѣны съ полукруглымъ пилястромъ, каковые имѣются и въ другихъ сторонахъ. Во время раскопокъ найдены: круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся, шиферная красная плита, съ отчетливыми слѣдами византійскаго орнамента; три куска четырехъ-угольныхъ такихъ же плитъ византійскаго орнамента, но нѣсколько отличнаго рисунка, и нѣсколько другихъ кусковъ красныхъ шиферныхъ плитъ. Въ западной части найдено множество могилъ съ остатками костей и гробовъ. Покуда найдены два перстня: мѣдный и серебряный, причемъ, въ отсутствіе профессора Лашкарева, послѣдній былъ испорченъ во время очистки, и бывшее на немъ какое то изображеніе уничтожено. Въ настоящее время, какъ передается въ «Кіевлянинѣ», изъ прежнихъ святынь этого храма сохранена икона Богоматери, извѣстная подъ именемъ Ченстоховской, нынѣ находящаяся въ кладбищенской церкви апостола Ѳомы. Кромѣ того, существуетъ Евангеліе, на которомъ, по преданію, присягалъ Хмельницкій съ народомъ. Оно хранится въ Переяславской Покровской церкви (П. В.).

86. Херсонъ Таврическій, его раскопки и празднованіе юбилея крещенія Руси (Н. В.)

89. Библіографич. зам. о книгѣ «Путеводитель по Кавказу». Вейденбаума.

Новороссійскій Телеграфъ (№ 4126—4185). 4128—4129. 900 лѣтній юбилей крещенія Руси.

4131. Многознаменательный юбилей.

4130, 4140. *Суручанъ*. По поводу 20-лѣтія реформы 14-го іюля 1868 въ Бессарабіи.

4151, 4167. *Суручанъ*. Чиншевики Бессарабіи и десятинщики Новороссіи.

4182. *Суручанъ*. Еще о положеніи 14-го іюля 1868 г.

4170. *Безсоновъ*. Десятилѣтіе Батума.

— *Кирпичниковъ*. Өедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

Одесскій Вѣст. (190—248). 190. Новый соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

194. *Гильдебрандъ*. Къ вопросу о менонитахъ въ Новороссіи.

209, 212. *Н. П. Б—въ*. Водоснабженіе въ херсонскихъ степяхъ.

226. *Максимовъ*. Островъ Элеоноры (бытовой одесскій этюдъ).

228, 229, 230. *Сергѣй Венгрженовскій*. Игнатій графъ Сциборъ-Мархоцкій (историко-бытовой этюдъ о помѣщикѣ въ подол. губ. начала XIX вѣка).

229. Воспоминанія стараго солдата (о временахъ имп. Николая Павловича).

238. *Сумароковъ*. Письмо въ редакцію по поводу этихъ воспоминаній.

233. Раскопка кургановъ въ екатериносл. уѣздѣ.

Библіографическія замѣтки: **194**. Лѣтопись с. Ольшанки.

196. *Тарасевичъ*. Къ 900-лѣтнему крещенію Руси.

197. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ.

222. «Правда». Галицкій журналъ.

227. Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи.

248. *Эварницкій*. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ.

«Елисаветградскій Вѣстникъ». 104. Возраженія «стараго солдата» на статью Сумарокова, помѣщенную въ № 238 «Од. В».

«Одесскія Новости». № 1061. Библіограф. рецензія о трудѣ Эварницкаго «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

Крымъ №№ 66—79. 69. Возстановленіе древнихъ святынь въ Крыму. Г. Т. Письмо въ редакцію.

70. Путевыя записки II. По Черному морю (окончаніе) Кук—скаго.

71—73. Соляной промыселъ въ Крыму.

74. Вниманію археологовъ. Нѣсколько словъ о раскопкахъ проф. Самоквасова на бер. р. Сулы, близь селъ Аксютинцы и Пустовойтовка.

75, 76, 78. Крестьянскій банкъ и малоземелье въ Крыму.

75. Тридцатилѣтіе синопской битвы. Письмо въ редакцію.

Донская Рѣчь, №№ 82—100. № 83. Юбилейныя телеграммы. Адресъ отъ Дона въ Кіевъ. Кіевъ (описаніе города и юбилейнаго торжества). Празднованіе 900-лѣтія крещенія въ Ростовѣ на Дону.

№№ 85—88. Сизякина. Азовская епархія.

Орловскій Вѣстникъ. №№ 102—122. № 102 Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

№№ 103—4. Поѣздка въ Кіевъ (фельетонъ). Статейка весьма прочувствованная.

Смоленскій Вѣстникъ. №№ 63—107. № 100. Въ отдѣлѣ «Театръ и музыка»: «Гастроли русско-малорусской труппы подъ управленіемъ М. П. Старицкаго».

№ 102. Въ томъ же отдѣлѣ: «Малороссійская труппа М. П. Старицкаго».

№ 98. Объ открытіи клада въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Донъ. №№ 79—101. № 92. Объ открытіи клада въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Минскій Листокъ. №№ 57—73. 59. Корреспонденція изъ Кіева о праздновапіи 900 лѣтія крещенія Руси.

67—68. Къ спектаклямъ малорусской труппы Н. Корницкаго. Біографическія свѣдѣнія о М. П. Старицкомъ, Н. В. Лисенкѣ и нѣкоторыхъ артистахъ труппы г. Старицкаго.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости. 1888. №№ 33—36. № 33. 23-я годовщина виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства 6 авг. 1888 г.

— Дополненіе къ «сообщенію о Я. Ѳ. Головацкомъ».—И. Корнилова.

№ 34. Извлеченіе изъ отчета виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства за XXIII (1887—1888) годъ.

№№ 35 и 36. Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (прод.).

— Мелкіе статьи во всѣхъ №№ о празднованіи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи 900-лѣтія крещенія Руси.

Червоная Русь. №№ 91—104. 91—98. Уніатскіи церковныи синоды.

92—96. Соединеніе церквей. Архим. Владиміра Терлецкаго.

92. Краткая библіограф. замѣтка о книгѣ Ф. И. Свистуна «Споръ о варягахъ и началѣ Руси».

94. Тайна примиренія нарѣчій русскаго языка. По поводу сочиненія Гумецкаго подъ тѣмъ же заглавіемъ.

98. 900-лѣтіе крещенія Руси.

— Дѣятельность общества имени М. Качковскаго.

99. Генеральное собраніе общества имени М. Качковскаго въ Дрогобычѣ.

103. Юбилей крещенія Руси въ Галичинѣ.

Сибирская Газета. №№ 23—56. № 25. Передовая статья о переселенческомъ дѣлѣ, имѣющая интересъ и для жителей юга.

№ 29. То же.

№ 33. Некрологъ Вс. Мих. Гаршина. Покойный—уроженецъ юга.

Некрологъ Мареы Петровны Грабовской—врача-ординатора тобольской городской больницы и преподавательницы тобольской повивальной школы. Покойная—уроженка и воспитанница южной Россіи.

Слово, произнесенное ректоромъ тобольской духовной семинаріи, протоіереемъ П. Голосинымъ, при погребеніи женщины-врача Мареы Петровны Грабовской, 28-го марта 1888 года. «Слово» это весьма интересно.

№ 36. Письмо къ редактору «Сибирской Газеты» отъ г. Кораблева, старшаго производителя работъ по устройству переселенческихъ участковъ въ Сибири.

№ 37. Въ отдѣлѣ «Сибирская хроника» помѣщены нѣкоторыя интересныя данныя о дѣятельности временнаго комитета помощи переселенцамъ въ Тюмени съ 1-го ноября 1885 г. по 1-е ноября 1886 года.

№ 40. Въ отдѣлѣ «Сибирская хроника»—статистическія данныя о переселенцахъ, прослѣдовавшихъ въ теченіи 1887 года чрезъ Омскъ въ семипалатинскую и семирѣченскую области и въ Туркестанскій край.

Некрологъ Н. Ив. Зибера. Покойный—уроженецъ и воспитанникъ юга. Первая ученая дѣятельность его прошла въ Кіевѣ, въ здѣшнемъ университетѣ.

№№ 43, 47, 48, 49, 51, 53, 54, 56. «Хроника переселенческаго движенія».

№ 45. Въ передовой статьѣ о началѣ правильной системы переселенческаго движенія въ Сибирь.

№ 47. Передовая статья объ отношеніи общества къ дѣлу образованія въ Россіи. Имѣетъ интересъ по приведеннымъ фактамъ изъ кіевской жизни.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Бранкенгеймеръ. С. О значеніи христіанства въ исторіи русскаго государства (ко дню девятисотлѣтія крещенія Руси). Рѣчь, произнесенная 15 іюля 1888 г. въ собраніи одесск. славян. благотв. общества. Одесса 1888 г., 8 д., 43 стр.

Всенародное юбилейное изданіе въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Историч. описаніе начала Руси и ея крещенія. Подъ ред. Б. Толстаго. Съ

изображеніемъ св. благов. равноап. вел. кн. Владиміра, рисованнымъ проф. Ѳ. Г. Солнцевымъ. Съ 54 изображен. государей и государынь. Спб. 1888.

Всероссійское торжество. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси. Съ 7 рис. Изд. И. Морозова. Москва. 8 д. 47 стр.

Въ память 900-лѣтія крещенія Руси гимнъ святому равноапостольному князю Владиміру. *Слова Случевскаго.*

Гессенъ, И. Ю. Двадцатипятилѣтіе дѣятельности русскаго общества пароходства и торговли на Днѣстрѣ. Одесса. 1888 г. 8 д. 96 стр.

Глубоко-сердечное привѣтствіе изъ Москвы и нѣкоторыхъ городовъ и весей богоспасаемому граду Кіеву и благостнѣйшимъ архипастыремъ его высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Платономъ во главѣ, а также и всѣмъ дорогимъ гостямъ, собравшимся на торжество празднованія 900-лѣтія крещенія Руси. Москва. 8 д., 82 стр.

238-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 23-го мая 1888 г. Одесса.

Знаменскій А и Тимковскій Д. Ко дню 900-лѣтія крещенія Руси. 988—1888. Историческое описаніе церкви во имя св. равноапостольнаго и благовѣрнаго князя Владиміра, что въ Садѣхъ, въ Москвѣ, близъ Солянки, съ приложеніемъ краткаго очерка жизни св. Владиміра и крещеніе Руси. Москва, 8 д., 42 стр.

Ивановъ А. Историческій очеркъ по поводу празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Калуга, 8 д. 10 стр.

Игнатій, архим. Св. славный равноапостольный князь Владиміръ. Спб., 4 д., 8 стр.

К. А. Нѣсколько замѣчаній на книгу проф. М. Бобржинскаго: «Очеркъ исторіи Польши», въ переводѣ подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1888. 8 д., 20 стр.

Канаевъ. Какъ крестился русскій народъ. 8 д., 3 стр.

Крещеніе Руси и житіе равноапостольнаго князя Владиміра. Ко дню девятсотлѣтія крещенія Руси. 988—1888. Москва, 16 д., 54 стр.

Мойсеенко И. Л. Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. 988—1888 (стихотвореніе). Пермь.

Равноапостольный князь Владиміръ святой. Изд. 2-ое. Спб. 16 д.

Св. равноапостольный князь Владиміръ. Спб. 8 д., 44 стр.

Св. равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель русскаго народа. Казань, 1888. 8 д., 14+ нен. 2 стр.

Сиповскій В. Д. Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Спб. 8 д., 16 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1888 г.

всѣ тѣ, кои въ Гроднѣ, гербы получая, соединились и дружбу заключили, такъ и тѣ, кои туда не издили, и обрѣтаясь вь Литвѣ и вь Руси вь домѣхъ своихъ, того не учинили, равномѣрно и одинаково, какъ бы и тѣ, кои вь Гроднѣ были, княжескія, господскія, земскія и рыцерскія поколѣнія и особы почитаемы, сохраняемы и счисляемы будутъ, и всякія достоинства, какъ то сенаторскія, воеводскія, каштелянскія, земскія и придворныя чины великаго княжества Литовскаго каждый изъ нихъ по заслугѣ и достоинству своему получать могуть, и во оныя отъ насъ и потомковъ нашихъ нынѣ и во всѣ послѣдующія времена допущаемы будутъ безъ всякаго униженія и отмѣны такъ, какъ будучи во всемъ равные господскіе и шляхетскіе чины и ползуясь отъ насъ и предковъ нашихъ волностями и свободами своими въ Полшѣ, всякія чины и достоинства получали, и нынѣ изъ милости нашей получають [1]).

Изъ Статута великаго княжества литовскаго, роздѣла 3:

Артикулъ 19.

О доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ. Установляемъ, есть ли бы кто кому сказалъ, что онъ не шляхтичъ, тогда тотъ, кто себе очищаетъ, имѣетъ поставить съ отцовской и съ матерней стороны по два шляхтича природныхъ, то есть двухъ отцовскихъ а двухъ матернихъ сродственнихъ, и вь томь имь присягу учинить должно, что тотъ есть ихъ фамиліи природный и прямый шляхтичъ; а когда бы родъ извелся, а онъ бы былъ уроженецъ здѣшняго государства, тогда изъ бояръ сосѣдственнаго шляхетства долженъ поставить двухъ шляхтичей, которые съ нимъ присягнуть имѣютъ, что онъ шляхетской природы, а по таковомъ доказательствѣ опороченный при шляхетствѣ останется, а тотъ, который опо-

---

[1]) Вышеписанныя обѣ привилегіи упоминаються и утверждаються какъ въ Статутѣ великаго княжества литовскаго, которымъ Малая Россія судиться, в разныхъ онаго раздѣлахъ и артикулахъ, такъ упомянуты онѣ и въ сочиненіи названномъ Объясненіе правъ диссидентскихъ (Exposition des droits des dissidents) и напечатанномъ въ Санктпетербургѣ 1766 года, и въ трактатѣ вѣчномъ между Россійскою Імперіею и Рѣчью посполитою полскою, заключенномъ февраля 13 дня 1768 года.

рочилъ, имѣетъ за такія предерзостныя слова сидѣть въ крѣпости или въ дворѣ нашемъ судовомъ двадцать недѣль, а сопернику своему заплатить безчестіе вдвое.

Артикулъ 21.

О иноземцѣ въ шляхетствѣ опороченномъ, и какимъ образомъ помѣстье приобрѣсть можетъ.

1. А такожде, естьлибы котораго иноземца опорочилъ кто въ шляхетствѣ, тогда онъ имѣетъ ѣхать въ свою землю, съ которой пріѣхалъ, и тамъ въ судебномъ мѣстѣ доказать шляхетство свое, и отъ онаго судебнаго мѣста за печатьми присутствующихъ принесть свидѣтелство, которымъ здѣсь шляхетство свое доказать имѣетъ. А естьли бы въ той землѣ была война, откуда онъ есть, то имѣетъ поставить двухъ особъ прямыхъ шляхтичей съ тойже своей земли, или здешнихъ людей, бывалыхъ въ той землѣ, которые были бы о его шляхетствѣ свѣдомы, а тѣ также имѣють вмѣстѣ съ нимъ присягнуть, что онъ есть шляхтичь; таковымъ образомъ иноземецъ доказыватъ долженъ свое шляхетство. А когда уже тотъ опороченный докажетъ шляхетство свое, тогда тотъ, который его опорочилъ, какова бы онъ ни былъ чина, долженъ проторы и убытки, на чемъ тотъ, кто очистится, присягнетъ, наградить ему.

2. А когда бы который иноземецъ, пріѣхавъ въ здѣшнее государство наше, купилъ или какимъ нибудь порядочнымъ образомъ пріобрѣлъ себѣ имѣніе шляхетское, и хотѣлъ бы волностьми шляхетскими ползоваться, то первее имѣетъ предъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ купилъ имѣніе, доказать, что онъ есть прямый шляхтичь; а буде того не докажетъ, то хотя и имѣніе купитъ, однако волностьми шляхетскими ползоваться и оныхъ употреблять и въ хоругвѣ равно съ шляхетствомъ служить не можетъ; но ближайшіе сродственники имѣють то его имѣніе выкупитъ, цѣною написанною ниже въ семъ статутѣ, въ артикулѣ о исполненіи дѣлъ рѣшенных, и службу земскую изъ того служити; а однако иноземецъ достоинствъ и чиновъ имѣть не долженъ, хотя бы и шляхтичь былъ. Тожe разумѣть надлежитъ и о здѣшнихъ уроженцахъ не шляхтичахъ.

Артикулъ 22.

Естьли бы тотъ, кто кого въ шляхетствѣ опорочилъ, самъ не былъ шляхтичъ.

Установляемъ такожде, будибы кто самъ, будучи не шляхтичь, опорочилъ человѣка честнаго шляхтича, а тотъ шляхтичь въ томъ чину своемъ шляхетскомъ былъ бы знатный и свѣдомый, и на шляхетство доказателство учинилъ бы, и по доказателствѣ и изъясненіи своего шляхетства естьли бы такожде тотъ шляхтичь соперннику своему сказалъ, что онъ самъ есть не шляхтичь, а тотъ бы шляхетства своего по артикулу 19-му сего раздѣла не доказалъ, но явилось бы предъ судомъ, что онъ есть человѣкъ простой породы и не шляхтичь, таковаго, чій бы онъ ни былъ, то судное мѣсто наше, предъ которымъ то здѣлается, имѣетъ приказать палачу до столба весть и тамъ его метлами бить и прогнать, а по приведеніи къ наказанію и прогнанію его изъ города имѣетъ судъ повелѣть обнародовать, что онъ такими словами шляхтича безчестилъ.

РОЗДѢЛА 11.

Артикулъ 50.

О доказателствѣ шляхетства и приговорѣ платежа за безчестіе или увѣчье.

Естьли бы послѣ приговора о награжденіи за безчестіе или увѣчье шляхетское отвѣтчикъ сказалъ, что я по приговору судовому пеню челобитчику заплатити готовъ, только не знаю, шляхтичь ли онъ есть или нѣтъ, и хочу о томъ вѣдать, тогда тотъ сказующій себе быть шляхтичемъ имѣетъ ѣхать въ ту землю или повѣтъ, гдѣ родился, и тамъ, собравъ братовъ, дядей или сродниковъ своихъ, въ судѣ тамошнемъ градскомъ или земскомъ, до котораго ему ближе будетъ, имѣетъ свое шляхетство доказать, а судъ тоей земли или повѣта имѣетъ въ тотъ судъ, гдѣ дѣло производилось, писать открытымъ листомъ и засвидѣтелствовать, что онъ есть шляхтичь, и когда то свидѣтелство о себѣ принесетъ, тогда сторону свою противную

имѣетъ въ судъ позвать на другій срокъ, для выслушанія того доказательства его, а тотъ позванный по первому позыву, такъ какъ бы на неотлагаемый срокъ, стать долженъ будетъ и онаго доказателства на шляхетство выслушать, а по доказателствѣ шляхетства, вмѣсто награжденія убытковъ, пеню положенную за безчестіе или увѣчіе шляхетское вдвое платить имѣетъ.

Конституціи 1654 года статья 15:

Безопасность честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго.

Понеже у жителей сихъ воеводствъ непріятель не только имѣнія нѣкоторыя поотбиралъ, а другія опустошилъ, но и книги земскія и гражданскія пожегъ; того ради, по согласію всѣхъ чиновъ, установляемъ, дабы жители сихъ воеводствъ, получивши свидѣтелство отъ чиновниковъ и урядниковъ земскихъ о истребленіи архивныхъ дѣлъ тогожъ воеводства, для доказателства своего шляхетства не были понуждаемы въ судахъ показывать старыхъ писменныхъ на имѣнія своя крѣпостей; но по свидѣтелству и присягѣ въ томъ двухъ шляхтичей отъ рода отцовскаго, а другихъ двухъ отъ рода матерняго, а прежде самыхъ ихъ въ томъ, что имѣли крѣпости въ истребленныхъ архивныхъ дѣлахъ, и что подлинно суть прямые шляхтичи, на сеймикѣ, на которомъ шляхетство доказывать будетъ, доводъ ихъ утвержденъ быть имѣетъ [1]).

Договорныхъ статей гетмана Богдана Хмелницкаго 7162 года.

3. Статья.

Шляхта, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру по непорочной заповѣди Христовой тебѣ великому Гдрю нашему, твоему цар-

---

[1]) Сія конституція, яко состоявшаяся въ томъ же самомъ году, въ которомъ Малая Россія поддалась уже Россійской Імперіи, приводитъся только для одного свидѣтельства, чтобъ извѣстно было, что многіе изъ малороссійскихъ шляхтичей могли бъ шляхетство свое доказать и утвердить писменными доводами, естьли бы архивы не сожжены были.

скому величеству учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали, и межъ себе старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и волности имѣли, какъ при королѣхъ полскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ областъ и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ; суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ доброволно оберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; такожъ шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ, тогда и нынѣ любо чтоб имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Сей статьѣ указалъ Гдрь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью [1]).

Договорныхъ статей гетмана Демьяна Ігнатова 7177 года.

6. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженые пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а Гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ къ тойже дворянской чести изволилъ пожаловать; а кому Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню и универсалы свои дадутъ и царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ, и чтобъ царское величество пожаловалъ на тѣ маетности свои царскаго величества грамоты,

Великій Гдрь его царское пресвѣтлое величество пожаловалъ их по ихъ челобитью [2]).

Договорныхъ статей гетмана Івана Мазепы 7195 года.

4. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а ко-

---

[1]) Сія статья подтверждена особливою царя Алексѣя Михайловича данною въ томъ же году малороссійскому шляхетству грамотою съ пространнѣйшимъ изъясненіемъ.

[2]) Сія статья подтверждена шестою статьею гетмана Івана Самойловича сими жъ точными словами.

торые впредъ заслужатъ, а гетманъ и старшина бити челомъ объ нихъ великимъ Гдремъ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству учнутъ, чтобъ царское величество и тѣхъ тою же дворянскою честію изволили пожаловать. А какъ Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню, или кто у кого купить и универсалы свои на то дастъ, и они великимъ Гдремъ ихъ царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ въ подтвержденіе того о ихъ государскихъ жалованныхъ грамотахъ, и чтобъ Царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ, велѣли имъ на тѣ маетности и свои царскаго пресвѣтлаго величества дать милостивые и жалованные грамоты.

И великіе Гдрь и великая Гдрня ихъ царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ по тому ихъ челобитью, и кому даны будутъ ихъ гдрскіе жалованные грамоты, и по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ тѣми мелницами и деревнями владѣть непремѣнно, а гетману тѣхъ грамотъ у нихъ не отнимать, и ихъ Гдрскаго млстиваго указу ни чемъ не нарушивать; также какіе жалованные грамоты даны будутъ кому старшинѣ и знатнымъ особамъ войсковымъ, и тѣмъ ихъ гдрскимъ жалованнымъ грамотамъ быть въ своей силѣ, и гетману у нихъ тѣхъ грамотъ не отнимать же. И гетманъ и старшина и все воиско Запорожское на ихъ гдрской милости били челомъ и приняли то радостно [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ вышеписанныхъ статей явствуетъ, что малороссійское шляхетство не токмо тѣ, кои пришли въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи въ подданствѣ, заслуги свои оказали, и за то награждены чинами, деревнями и мелницами, имѣють такоежъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство; ибо не одно имя дворянина, но болше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же. Сверхъ же того малороссійская старшина всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: до учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссій-

XIX.

1768.

Прошеніе Малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія.

Бьютъ челомъ малороссійскіе депутаты отъ шляхетства, отъ мѣщанъ и отъ козаковъ, а въ чемъ наше прошеніе—тому слѣдуютъ пункты:

1.

По высочайшему вашего Імператорскаго величества манифесту декабря отъ 14 дня 1766 года, выбраны мы нижайшіе отъ сограждадъ нашихъ депутатамы, и съ данными намъ полномочіями, наказами и челобитными отправлены въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья, для представленія прозбъ, нуждъ, недостатковъ и отягощеній нашихѣ.

2.

Находясь во оной Коммиссіи, ожидали мы, что оныя наши прозбы, нужды, недостатки и отягощенія выслушаны и милостиво рѣшены будутъ; но по прочтеніи проекта правъ благородныхъ, когда чрезъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ депутатовъ представили мы, что оныя

скіе имѣли и великороссійскихъ столниковъ чинъ, который по тогдашнему счисленію былъ четвертаго класса. По учрежденіи же регулярной службы, малороссійскихъ полковниковъ, служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 года, государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ, компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковника, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ, что имѣющіяся въ малороссійскихъ архивахъ и во многихъ партикулярныхъ домахъ писменныя доказателства свидѣтелствуютъ, а въ подтвержденіе сему и то служить можеѣъ, что многіе изъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правителства, а имянно, гдрственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733, правителствующій сенатъ въ 1756, коммиссія о дворянской волности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ старшинъ съ великороссійскими армейскими чиновниками, хота и съ униженіемъ противъ бывшаго при гдрѣ Петрѣ Великомъ счисленія.

новосочиненныя права великіе несходства и недостатки имѣютъ съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и, почитая за первую и главнѣйшую нашу нужду, въ силу данныхъ намъ наказовъ, просили, дабы въ оный проектъ внесено было, что малороссійское шляхетство должно остаться при своихъ правахъ и привилегіяхъ; то напротивъ того сентября 9 дня прошедшаго 1768 года оной Коммиссіи отъ господина маршала его превосходителства Александра Ильича Бибикова объявлено намъ, что представленія наши о семъ Коммиссіи не принадлежатъ, и она въ разбирательство ихъ входитъ не можетъ, а касаются оныя до правленія и зависятъ единственно отъ монаршей вашего Імператорскаго величества власти.

3.

Сколь нечаянное намъ сіе объявленіе было, столь не оставило намъ никакаго другаго средства, какъ толко, чтобъ воспріятъ прибѣжище наше къ милосердію и правосудію вашего Імператорскаго величества и, падъ къ монаршимъ вашимъ стопамъ, изъявитъ прозбы, нужды, недостатки и отягощенія наши.

4.

Вашему Імператорскому величеству совершенно извѣстно, какимъ образомъ малороссійскій народъ подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмелницкаго, свергнувъ съ себя иго республики Полской, въ 1654 году, доброволно и презря всѣхъ постороннихъ государей приглашенія и обнадеживанія, пришелъ въ подданство подъ крѣпкую и высокую руку россійскаго монарха, государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и его наслѣдниковъ; извѣстно и то, что сіе доброволное подданство учинено на такомъ, договорами и данными привилегіями утвержденномъ, основаніи, чтобъ всѣмъ оного малороссійскаго народа чинамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями полскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отмѣны.

5.

Ползъ всѣхъ, которыя отъ сего доброволнаго Малыя Россіи соединенія Россійской імперіи произошли, не вычисляемъ, осмѣливаемся только представитъ самыя важнѣйшія и ощутителныя. Изъ оныхъ первая естъ присовокупленіе толь пространныхъ и плодоносныхъ земель безъ всякаго кровопролитія. 2. Вмѣстѣ съ подданствомъ Малыя Россіи завоеваніе великаго княжества Смоленскаго, въ которомъ малороссійское войско не малое имѣло участіе, о чемъ свидѣтелствуютъ россійскія и полскія історіи. 3. Населеніе россійскихъ пустыхъ земелъ малороссійскимъ народомъ, чему въ доказателство служитъ Слободская, Бѣлогородская и Воронежская и прочія губерніи. 4. Прикрытіе сею частію земли многихъ внутренних Россійской Імперіи областей отъ нахожденій непріятелскихъ; ибо вмѣсто того, что прежде татарскіе набѣги простиралисъ гораздо внутръ Великой Россіи, нынѣ естъли когда случатся, кончатся на границахъ Малой Россіи. 5. Продолжающаяся чрезъ сто четырнадцатъ лѣтъ безъ жалованья малороссійскаго шляхетства и козацкаго войска служба. 6. Безплатное содержаніе 1711 года великороссійскихъ регулярныхъ полковъ. 7. Обыкновенные поборы и подати съ самого времени подданства Малыя Россіи исправно и безъ отрицанія платимыя, которыя, естъли отъ бывшихъ малороссійскихъ правителей когда либо не такъ, какъ должно, употребляемы были, въ томъ малороссійскій народъ не можетъ быть виновный. 8. Поборы чрезвычайные, взятые въ разныя времена для государственныхъ нуждъ хлѣбомъ, быками, лошадъми и прочими нужными припасами и вещъми, изъ которыхъ хотя нѣкоторыя взымаемы были безплатно, а другіе нащетъ заплаты, однако оной, кромѣ нѣкоторой неболшой суммы за быки, не получено. 9. Вспомоществованіе людми какъ во время военныхъ, такъ и мирныхъ случаевъ, для употребленія въ погонщики, къ строенію крѣпостей, линій, шанцовъ, каналовъ, засѣкъ и прочаго, кои какъ изъ козаковъ, такъ и изъ помѣщичьихъ мужиковъ высылаемы были, и во всегдашнихъ воинскихъ походахъ и внутренныхъ нарядахъ служатъ и служили со всякимъ радѣніемъ такъ, что многіе для того имѣнія свои попроживали. 10. Таможенныя пошлины

платимыя на малороссійскихъ границахъ несравненно противъ прежняго болше. За всѣ же свои службы, за всѣ, хотя съ немалымъ правъ и привиллегій своихъ ущербомъ, принесенныя и приносимыя Россійской імперіи полэы малороссійскій народъ за лучшее и всѣхъ сокровища дражайшее возмездіе почиталъ и почитаетъ слѣдующія всемилостивѣйшія монарховъ своихъ при толь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и волностяхъ, а въ томъ бы вамъ на нашу Государскую милость быть благонадежнымъ.

6.

Но когда милосерднымъ окомъ воззрите ваше Імператорское Величество на состояніе Малыя Россіи, въ которомъ она отъ лѣтъ нѣсколькихъ пребываетъ, то не можетъ укрыться отъ проницанія вашего расличіе нынѣшняго ея состояиія отъ прежняго. Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня, въ Малой Россіи ни одного чина людей, который бы сказать могъ, что онъ при цѣлости прежнихъ своихъ правъ и привилегій находится, а которые еще при которомъ либо изъ нихъ и остались, то и тѣ служатъ только къ весма слабому ихъ защищенію и охраненію потому, что подвержены оныя произволному распоряженію и благоизобрѣтенію главныхъ надъ Малою Россіею правителей, какъ то ниже сего яснѣе ваше імператорское Величество усмотрѣть изволите. Видно, что Провидѣніе Божіе оставило оный народъ до временъ великія Екатерины, которая (полагая) славу и удоволствіе свое въ благоденствіи подвластныхъ себѣ народовъ, можетъ и насъ возставить и привесть въ первобытное состояніе.

7.

И такъ пріемлемъ дерзновеніе всеподданѣйше и всенижайше ваше імператорское Величество просить о ниже слѣдующихъ всѣмъ чинамъ общихъ нуждахъ. Оныя суть: 1. сохраненіе и цѣлость всѣхъ прежнихъ правъ, привилегій, преимуществъ, волностей, свободъ и обыкновеній всѣхъ обще и каждаго особливо чина, а именно: шляхетства, духовенства, мѣщанъ, козаковъ и всего малороссійскаго народа, данныхъ и утвержденныхъ имъ отъ королей польскихъ и

великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего імператорскаго величества всероссійскихъ Государей, а особливо Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича во время подданства Малыя Россіи, которыя хотя въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и отъ вашего імператорскаго Величества подтверждены, чрезъ что мы въ несомнѣнной находимся надеждѣ, что вашего імператорскаго Величества высочайшее намѣреніе есть сохранить и всѣ оныя при своей ненарушимой цѣлости; однако какъ для насъ, такъ и для потомковъ нашихъ просимъ всеобщаго на оныя вашего імператорскаго Величества подтвержденія съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ изъясненіемъ, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія и отмѣны, и въ такомъ точно разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ обще, такъ и каждый особливо оными во всѣхъ случаяхъ пользоваться и себя охранять могли и чтобъ о семъ вашего імператорскаго Величества всемилостивѣйшемъ подтвержденіи упомянуто было въ новомъ уложеніѣ по примѣру тому, какъ о состоящихъ на своихъ привилегіяхъ провинціяхъ генеральнаго регламента въ 27 главѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Імператоръ Петръ Великій предписалъ.

2. Учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями нашими въ Малой Россіи правленій есть также одна изъ главнѣйшихъ нашихъ общихъ нуждъ. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ, чтобъ малороссійскія правительства учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ, то есть чтобъ гражданскія и земскія дѣла управляемы и судимы были по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ особливыми изъ тамошнихъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ в силу тѣхъ же правъ и обыкновеній выбранными людми, и никогда бы одни дѣла съ другими смѣшиваемы не были; ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ Малой Россіи, то есть, когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла, а верхнюю апеляцію себѣ, и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воин-

ской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ гетмана Богдана Хмелницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло; ваше імператорское Величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствителны, естьли главное правителство не на такомъ же основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оныя. 3. Внутреннія учрежденія, какъ то: наложенія податей, поборовъ, высылка на работы и прочія чинимыя главнымъ правителствомъ безъ согласія нашего служатъ также къ крайней нашей обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ должны дѣлаемы быть и дѣланы были в прежнія времена съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего імператорскаго Величества къ гетману присылаемы были, то всегда во оныхъ предписывано, чтобъ онъ гетманъ дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласіемъ старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа, и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться или не соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягченію. Въ недавнихъ же временахъ гетманы и учреждаемыя на ихъ мѣста главныя правителства стали дѣлатъ таковыя весма отяготителныя и несносныя для малороссійскаго народа распоряженія по присылаемымъ къ нимъ указамъ, а иногда и по своему произволенію, не призывая никого изъ общества въ совѣтъ. Изъ числа таковыхъ суть: опись по душамъ малороссійскаго народа, рублевый окладъ, положенный на хаты для содержанія шести драгунскихъ полковъ Глуховскаго гарнизона и главной полевой аптеки, на что все исходило до ста тысячъ рублей, а нынѣ собирается около трехъ сотъ тысячъ рублей, описаніе и мѣряніе всѣхъ всякаго чина земель и угодій и бываемыхъ съ нихъ доходовъ, переписъ всякаго скота и живности, а въ озерахъ

и прудахъ рыбы, собираніе съ шляхетскихъ, мѣщанскихъ и козачихъ домовъ квартирныхъ денегъ, естьли кто не желаетъ въ домахъ своихъ постоевъ, вѣсовыя деньги, платимыя отъ дѣлъ, пересылаемыхъ по аппеляціи къ верхнимъ судебнымъ мѣстамъ, и прочія симъ подобныя учрежденія, дѣлаемыя отъ малороссійскаго главнаго правителства не токмо безъ согласія и совѣта общаго, но еще съ угрозеніемъ за неисполненіе наказаній, секвестровъ и прочаго, отъ которыхъ въ Малой Россіи никогда небывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій малороссійскій народъ въ такій пришелъ страхъ и смущеніе, что многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другіе изнуряются бѣдностью и нищетою. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ всемилостивѣйше отвратить всѣ таковыя нововведенныя отягощенія и указать таковыхъ учрежденій впредъ никогда не дѣлать, но чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правителство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновь наложитъ не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ согласія.

Всемилостивѣйшая Государыня! представивъ всеподданнѣйше важнѣйшія общія наши прозбы, нужды о собственныхъ каждаго чина, хотя также великихъ, важныхъ и многихъ, ваше імператорское Величество утруждать не дерзаемъ. Оныя ваше імператорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ поданныхъ отъ насъ в коммисеію о сочиненіи проекта новаго уложенья наказовъ и челобитенъ, а сверхъ того, ежели ваше імператорское Величество укажете, всякій чинъ собственныя свои нужды и отягощенія обстоятелно изъяснитъ можетъ. Отъ исправленія общихъ воспослѣдуетъ собственныхъ исправленіе. Исполненіе же сихъ нашихъ прозбъ и отвращеніе нуждъ и отягощеній нашихъ почитаемъ мы и всегда почитать будемъ за главнѣйшее и всѣхъ лучшее благоденствіе наше. Кто жъ можетъ намъ даровать оное, какъ не ваше імператорское Величество, премудрая, человѣколюбивая и милостивая монархиня? Послушайте, всемилостивѣйшая Государыня, гласа толъ многихъ тысящей народа, чрезъ насъ къ вашему імператорскому Величеству прозбы и слезы

свои простирающаго, и въ помилованіи его послушайте совѣтовъ великой вашей души и человѣколюбиваго сердца. Совѣты ихъ будутъ вашему імператорскому Величеству всѣхъ вѣрнѣйшія, а ему спасителныя. Послѣдуя онымъ, ясно увидите, сколъ справедливы и основателны оного прозбы и сколъ тяжки и велики угнѣтающія его нужды безъ всякой его прослуги и винности. Согласуясь со оными, имѣемъ надежду несомнѣнную, что ваше імператорское Величество оставите насъ при всѣхъ прежнихъ нашихъ привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ, что учредите сходствующія со оными и по онымъ поступающія правителства и отвратите всѣ нужды, недостатки и отягощенія какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо, и тѣмъ самымъ утвердите спасителное ваше Коммиссіи предписанное намѣреніе, то естъ цѣлость імперіи и народнаго благополучія. Сколъ славно естъ для вашего імператорскаго Величества возстановленіе одновѣрной братіи нашей, обитающихъ въ Полшѣ, въ прежнія ихъ права и преимущества, столъ преславнѣе будетъ утвержденіе въ томъ же самомъ вѣрноподданнаго вашего імператорскаго величества Малороссійскаго народа, который, видя свое благоденствіе, отъ всѣхъ странъ ежедневно умножаться будетъ. Заставте, всемилостивѣйшая Государыня, толъ многочисленный народъ за возобновленіе свое воздвигнуть вамъ монументы и жертвенники не на землѣ и воздухѣ, но на сердцахъ. Сколъ славныя, сколъ великолѣпныя, сколъ долговременныя таковыя зданія! Будучи не подвержены ветхости и тлѣнію, заставятъ народъ сей на вѣки почитать имя Екатерины великой, премудрой и Матери отечества, и ей одной возстановленіе свое и избавленіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ неустройствъ и насилій приписывать.

V.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ВЫБОРОВЪ ДЕПУТАТОВЪ.

1767.

Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ.

Циркулярный листъ.

Благороднымъ господамъ Шляхетству и Рицарству, въ повѣтѣ Зѣнковскомъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, Гражданству и Земству.

Вы уже имѣете въ полученіи манифестъ, отправленный въ вашъ повѣтъ для обнародованія о учрежденіи въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Изъ оного извѣстны вамъ, какія причины побудили Ея Императорское Величество на сіе обратить свое всевысочайшее примѣчаніе и какія милосердыя средства Ея Императорское Величество изобрели къ достиженію сего вожделенія. Онѣ являютъ намъ свойственную Ея Императорскому Величеству любовь къ правосудію и истинное Ея Величества матернее о благоденствіи всѣхъ подданныхъ Ея державѣ попеченіе, подтверждаютъ они во всѣхъ насъ возлагаемую на Ея къ намъ милость, надежду, что правосудіе и доброй порядокъ, составляющіе въ цѣломъ человѣческое благо, мудрыми Ея Величества мѣроположеніями возведутъ на степень совершенства. Я, приводя во исполненіе сіе Ея Императорскаго Величества Всевысочайшее повелѣніе, созываю Васъ для выбора въ повѣтъ вашъ Предводителя и Депутата къ „числу“ „мѣсяца въ“ и при желаніи лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ успѣховъ отвѣчая должности званія того, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю

примите вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и здѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бъ вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало. Обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключатся можетъ, отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите со вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ, розыщите рачительно всѣ причины, вредившіе общему Вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшіе суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотреблѣнія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчиномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданского упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не токмо къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здешней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удалятся жилищъ, своихъ имуществъ. Помышляйте всегда, что во основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило—доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоватся плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между Вами Предводителя и Депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя во обрядѣ, имѣли, и объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не о своихъ собственныхъ, помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то есть: лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненного; явитесь Вы прямыми соревнователями прочихъ провинцей въ признаніи чувствительномъ являемой къ намъ отъ Ея Императорского Величества всевысочайшей и матерней милости, изявите благодарность вашу Ей безсмертнымъ доказательствомъ, поставте потомству вашему тѣмъ сего златого для насъ времени память, оправдайте мое здѣланное о васъ къ Ея Императорскому Величеству

З збитку—отизбитка.

Зищеніе—исполненіе, совершеніе.

Зкидаю—извергаю.

Злитоване—милость, милосердіе, милостиня, простиня, прощеніе, помилованіе, состраданіе, соболѣзнованіе, щедрота.

Злитовуюсь—сострaжду, соболѣзную, ущедряю, щедру.

Злицаю—вовѣряю, возлагаю.

Зличаю—восперяю, воскриляю.

Зло—злоба, безчеловѣчіе, лукавство, строптивость.

Злорѣчіе—зри ганба.

Злорѣчую—зри ганю, порѣкаю.

Злостникъ—беззаконникъ, лукавозлобивъ, неблаґоразуменъ, непреподобенъ, строптивъ, скварнавый.

Злото виборное—искуса златая.

Злочинство—злодѣйство.

Злочинца—злодѣй.

Злый—золъ, строптивый, растлѣнный.

Злый обычай—зри злого приложеня.

Злый прикладъ—соблазнъ.

Злого прироженя—злонравный.

Злупеніе—расхищеніе, разслабленіе.

Злучаю—растворяю, совокупляю, смѣшаю, составляю.

Злучаюсь—сочетаваюся.

Злученіе—сочетаніе, совокупленіе, союзъ.

Змаза—порокъ.

Змазаніе—скверна, нечистота.

Змерзаю—оледенѣваю.

Змерканіе—сумракъ.

Змертвыхъ встаніе—воскрешеніе, еслы хто презъ коо иншого встаетъ.

Змертвыхъ встаніе—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскрешеніе [1]).

Змилованіе—зри злѣтованіеся.

Змиловуюся—зри злѣтовуюся.

Змова—съмиреніе, миръ.

Змовлююсь—совѣщаюсь.

Змолочую—стлачаю.

Змордованный—истомленный, измозжденный.

Зморщенный—врескaный.

Зморщка—вреска.

Змоцненіе—утвержденіе, укрѣпленіе, крѣпость.

Змоцняю—утверждаю, укрѣляю.

Змышленіе—лицемѣріе, притвореніе.

Змышлячъ—лицемѣръ.

Змышляю—притворяю, лицемѣрствую.

Змышляючій—притворитель, лицемѣръ.

Змѣраю на що—намѣраю.

Змѣшую—растворяю, зри злучаю.

Змѣщаю—вмѣщаю.

Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.

Знаемость—разумѣніе.

Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

[1]) Въ подлинникѣ отличаются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ слово *з мертвыхъ* написано съ надстрочными буквами *р* и *х*.

Знайденіе—обрѣтеніе.
Знайдуюсь—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знамьнитость-преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благонарочитъ, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назнаменую.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри ганю.
Зневоляю—порабощаю, зри ганблю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—снисхожденіе.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжденіе, оскудѣніе.
Знову пойди—паки гряди.
Зной—жаръ, скваръ.
Зноснѣ—отраднѣ.
Зношу — воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Знывдѣваю—унываю.
Знидѣлый—унидѣлый, унилый.
Зобохъсторонъ-обоюду,зособна.
Зову—глашу, глашаю, возиваю.
Зогненный—согбенъ.
Золотарь — златарь, сереброкузнецъ.
Золотый—златникъ.
Зопсованіе — истлѣніе, растлѣніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
Зопсованое—растлѣнное, лестное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зопхни—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузъ.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зреница—зѣница.
Зрожуеться—угобжаеться.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣй—внемли.
Зрозумѣло — внимателно, розумно.
З розуму зводитель—умопрелщатель.
Зростъ—возрастъ.
Зрублюю—сострояю.
Зрѣдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелне—зри досконалне.
Зупелность—зридосконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалный — дерзокъ, дерзостенъ, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, снисканіе, прибытокъ, стяжаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.

Зачливый — присный, рачитель.

Зычу—желаю.

Зѣваю—зѣяю, прозияваю.

Зѣдлость—напраснство, бѣда, напасть.

Зѣдлый—лютый, безчеловѣчный, лютъ, дивый, напрасный, безстуденъ.

Зѣліе—быліе, зеліе, зель, тросқоть.

Зѣнка або человѣчокъ у оцѣ—зѣница.

И.

Играчъ—сопецъ.

Игриско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.

Игри справуючій—сѣновникъ.

Игуменъ бывшій—проигуменъ.

Иду—граду, шествую.

Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.

Изали—уболи.

Избыти—спастись, избавитися.

Изгиблій—истребленный.

Иле—елико, елма.

Иле кротъ—елижды, колькротъ.

Имаюсь—емлюсь.

Ими—емли.

Иначей—инако.

Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).

Инквизиція—истязаніе выны.

Инквизиціючиню-выны истязую.

Иншимъ кшталтомъ — инообразно.

И овшемъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.

Истинѣ—вѣрно, истинно.

Истность—существо.

Исторія—сказаніе, повѣсть.

Истотне—зри заправды.

Истотный—истовый.

К.

Каганецъ—свѣтилникъ.

Кадило—ладанъ.

Кадь—делва.

Кадь винная—точило.

Кажу—псую, растлѣваю.

Казалница—сѣдалище, катедра.

Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.

Казаніе кажу—проповѣдословлю.

Казка—баснь.

Казнодѣя — проповѣдникъ, соборникъ.

Казнь—вины.

Кайданы—вериги, путы.

Калвикаторъ—ристатель.

Калита—чпагъ.

Калюжа—ровъ.

Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.

Камень млинный—жерновъ.

Камѣнь—камень.

Камѣнь верхный млинный — жерновъ оселскій.
Каня—пилюкъ (sic).
Канлѣръ—книгочій.
Капланство—жречество.
Капса—зри калита.
Караценъ—броня.
Караніе — наказаніе, приятіе, казнь, учен е удерж аніе, язва
Караю—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, выни истязую.
Караючій—казнитель, казняй, казатель, наказатель.
Карность—ученіе.
Кармазинъ—червень.
Карти играю—хартіи употребляю, тавліи употребляю.
Карчмарь—гостинникъ, всепріятникъ.
Катедра—зри казалница.
Катъ—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.
Кафаръ що воду тягнетъ—водовожца.
Каюся — з болестію умиляюся, сокрушаюся.
Кваплюся — спѣшуся, спѣюся, тщуся, понуждаю, припонуждаю, постизаю, устребляюся вседушно.
Квасно—кисло.
Кватигъ--кій...
Квашеніе—сланутокъ.
Квестія—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, прекословіе, недоумѣніе.
Квѣтъ—красный злакъ.
Келихъ—скляница, кубокъ.
Киваніе—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.
Киваюсь—згибаюсь, колѣбаюся.
Кидаръ—клубукъ.
Кидаюсь на кого—устремляюся.
Кій—жезлъ, палица.
Кисло—кисело.
Кистка—стручецъ.
Кишеня—чпагъ.
Кламство—ложъ, зри тая же.
Кламца—ложъ, зри зрайца.
Клейнотъ—гривна, увясло.
Клекощу—крокощу, хлохощу.
Клепало—бряцало, было.
Клепецъ—оскордъ.
Клирикъ—чтецъ, читатель.
Клирошанинъ—клирикъ.
Кличу—возглашаю, глашаю, воззиваю.
Клокотаніе—хлохотаніе.
Клопотъ—страданіе.
Клубы—лядвы, бедры.
Клуня—житница.
Клѣтка—дѣлателница, камора, клѣщики (sic).
Клямка—развора, верія.
Кляча—подяремникъ.
Книжникъ—дидаскалъ.
Кобилки—пружіе, прузи, сверщіе.
Коваль—ковачъ, кузнецъ.
Ковчанъ до стрѣлъ—тулъ.
Ковшъ—почерпало.
Когутъ—пѣтель, алекторъ.
Кождоденный—всегдашній, на-

сущный, насущественный, присный.
Кождый—всякъ, койждо, кождо.
Кожемяка—усмаръ.
Коли—егда, когда.
Колибка—колесница.
Колка—боль сердечный, коленіе, умиленіе.
Колко—колико, елико.
Колкокроть—зри иле крать.
Колкость—количество.
Колнъръ—обшляръ.
Колодязь—студенецъ, кладязь, кладецъ, роденникъ (sic).
Колосокъ—стручецъ.
Колотникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущенникъ.
Колочу—пакощу.
Колѣно—нѣдро, лоно.
Колѣя—чреда.
Колю—ухапляю, угризаю.
Коляція—пированіе, вечера.
Комната—зри клѣть.
Комора—зри клѣть.
Коморка—колибка.
Коморникъ—подсусѣдникъ, селникъ, содомникъ (sic), слуга.
Компутъ личби—согляданіе.
Конва—водоносъ, почерпало.
Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.
Конечне—ей.
Коники—зри кобилки.
Конный—всадникъ.
Конституція—состояніе.
Контентація—достотвореніе.
Контентую—удовляю, довляю.
Контентъ естемъ—доволенъ есмь.
Конфекти—сладости.
Кончаръ—улица.
Конь—клюся (sic), конь.
Коняктурую—усмотряю, соразсмотряваю.
Копаю—копитомъ кописаю.
Копенякъ—хламисъ.
Коперштихеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.
Копѣя—гвоздъ, архетипонъ, антиґрафонъ, парадиґма, копіе.
Корабелное начиніе—ядрило.
Корабль—ковчегъ.
Корецъ—кобель, кобль, спудъ.
Коритися—малитися, смирятися, покорятися, охуждатися.
Корито—поило.
Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.
Кормя—брашно, паствина, пища, питаніе, паства.
Корнетиста—сопецъ, пищанникъ.
Корнѣтъ—сопѣль, сопль.
Коробка—спудъ.
Коробникъ—пударъ.
Корова—крава.
Короватый—коравъ.
Корона—вѣнецъ.
Корона святителская—митра, увясло.
Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.
Коронную—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропатва—рябка.
Коростити—красти.
Коростпъль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепріятелница.
Корчмаръ—зри карчмаръ.
Корънніе—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри котва.
Котелокъ—панвица.
Котелъ—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), кій.
Котрое—кое.
Котрого—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ — самоугодіе, самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Кохановъ—рачитель.
Коханый—любимый, вожделѣнный, довлимый, другъ, рачитель, возлюбленный.
Кохаюсь—благоволю, наслаждаюсь, ревную, упитовляюся (sic).
Кошникъ—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣяй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштъ—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитонъ.
Кошъ плетеный—кошница.
Кравецъ—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомъ—отай, втайнѣ.
Крадьжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣпота, честность, утваръ, благолѣпіе, украшеніе, красованіе.
Краса приправная—красованіе.
Краситись—щапствоватися.
Красный—благолѣпный, благоподобный, изрядный, лѣпій, коварный, ухищренный, лѣпотный, добрый.
Красомовца — вѣтий, риторъ, хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамѣ (sic)—хлябь (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность — немощъ, ужичество.
Кревный—преискрный, ужикъ.
Крейда—мѣлъ.
Кресло—стулъ, полкружникъ.
Кресъ—кроторія, нарокъ, предѣлъ, черта.
Креть (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривда—обида, досада, неправдованіе, неправда.
Кривжу — обыжу, неправдую, беззаконую.
Кривий—косвенный, стропотный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноокій.
Кривоприсяжца — неправедно кленийся.
Кривость—кривина.

Крикъ—вопль, вопіеніе, кличъ, плищъ, мятежъ, молва.

Крикъ чиню—возмущаю, плищъ творю.

Криница—источникъ.

Криска—черта, йота.

Кричу—зри гомоню.

Крию—таю, утаеваю.

Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.

Крогулецъ—крагуй.

Крокъ—степень.

Кролевскій столецъ—престолъ.

Кролюю—царствую.

Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.

Кромѣ—освѣне.

Кропива—стволіе.

Кропля—капля.

Кружула—круга и круги.

Кругъ всего неба—твердь.

Крукъ—вранъ.

Крукъ—гакъ, висилица.

Крупи—сланутокъ.

Крушецъ—руда.

Крыло—перія.

Крыла распростираю—раскриляю.

Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.

Ксіонже—князь, народоводитель.

Кубокъ—чаша, потыръ, кратиръ, сткляница.

Кугълярскій—призорный.

Кугълярство—призоръ, призрачіе, призракъ, привиденіе, мечетъ.

Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется клобукъ.

Кумовство—приемничество.

Кумъ—приемникъ.

Кунштую—смѣхословлю.

Кунштъ—смѣхотворство.

Купа—составъ, толпа, состязаніе.

Курва—блудница.

Куревство—блудъ, скверна.

Куря—врабій, птица.

Кусаю—угризаю, ухапляю.

Кусаюсь—угризаюсь.

Куситель—искуситель.

Кутасъ—пугва.

Кутя—коливо, колюва.

Куфа—вать, ровъ (sic).

Кухня—щегнюша.

Кучка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.

Кушеніе—искушеніе, начинаніе.

Кушу—искушаю.

Кушуся—ополчаюся, постизаюся.

Кшталтую—образую, творю.

Кшталтъ—благоимство, имѣтелство, образъ, устроеніе.

Л.

Лагодне—присердно (sic).

Ладанъ—кадило.

Лазня—баня.

Лазуцство—скитаніе.

Лайно—мотило, гной.

Лакненіе—алканіе.

Лакну—алчу.

Лакомство—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.

Лакотникъ—ласкосердій, ядецъ, гортанобѣсецъ.

Лакотокъ—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.

Лакотяный—скорпеный (sic).

Ланцужокъ плетеный—тресня (sic).

Ланцухъ—уза, юза, веріе.

Ланцухъ золотый—гривна злата.

Ласиться—ласкаетъ.

Ласка—благодать.

Ласкавость—благостиня.

Ласкавый—благодатный, благодѣтелный, благоугодный, благосердій.

Ласкотаніе—скоктаніе.

Ласку показую—уважаю.

Ласьне—лицемѣріе.

Латаный—скортный.

Латво—удобно.

Латвость—удобство, благомощіе.

Латвочинный—удобезденъ (sic), латвый до пойманя.

Латвый—удобный.

Латвѣй—удобѣе.

Лаю—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголую, зазираю.

Лаяніе—гажденіе, злохуленіе, лаятелство, обличеніе.

Лгаръ—ложъ, зри зрадца.

Лгу—лжу, клевещу.

Левъ—леонъ, левъ.

Легкій—воспѣренъ, пернатъ.

Легкимъ чиню—воспѣряю, воскриляю.

Легко—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).

Легкомислный—легкота, непостоянный.

Леґуменами опатрую—ухлѣбляю.

Легце важу—зри ганблю.

Легчу—восперяю, воскриляю.

Ледащо збираючій—мшелоимецъ.

Ледва—едва.

Лененіе—сіяніе, блистаніе.

Ленуся—сіяю.

Ленья—правило, черта.

Лескотаніе—зри лоскотаніе.

Лечъ—же.

Лжа—ложъ, зри зрада.

Лженіе—зри лаяніе и ганба.

Лжѣй—отраднѣе.

Ли—егда.

Лина грубая—велблюдъ (sic).

Листокъ—хартія.

Листъ—посланіе, грамота, епистолія.

Литера—писмо.

Литость—милость, зри змилованіе.

Литостивый—щедрый, благодѣтель.

Литость показую—зри литовуюсь.

Лихва— росты.

Лихота—окаянство, окаяніе.

Лице—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.

Личба—число.

Личбу чиню—слово говорю, сказаюся о словесы.

Личбу здиймую — зри личбу чиню.

Личманъ—чисма (sic).

Ліоси—жребія.

Лодо (sic)—лодія, корабецъ.

Ложко—ложе, одръ.

Ложница — чертогъ, невѣстникъ.

Локоть—мѣрило.

Лоскотаніе—скоктаніе.

Лоскочу—скоктаю, скокочу.

Лотрикъ—поясникъ.

Лотровскій—непреподобный.

Лотрская штука—тожъ що и лотръ.

Лотръ—скверный, сквернавый, омраженный, непреподобнодѣлатель.

Лука—удолъ, село, расло.

Лукъ—чеснокъ.

Лукъ—оружіе.

Лупѣжца—хищникъ.

Лупъ—користь, обрапца (sic).

Луска—рибная чешуя.

Лущинка (*котораго орѣха або що жолудь выпадаетъ*)—плѣска.

Лысая гора—краніево мѣсто.

Лысій—плишивъ.

Лысина—плѣшъ.

Лытка—листа (sic).

Лѣвый—шуй.

Лѣдъ—голодь, ледъ.

Лѣкарня або домъ, що лѣчатъ—врачебница.

Лѣкарство — биліе, балство, лѣчба, цѣлба, ликованіе.

Лѣкаръ—балій, врачъ, цѣлитель.

Лѣниво—щапственнѣ.

Лѣниство имаю—щапствую.

Лѣнивый—унилый, лѣнивъ, дебелый, немощный, гнюсный, лѣностивъ, праздный, нетягъ.

Лѣнивѣю—унываю, стужаюся, ослабѣваю, лѣнюся.

Лѣность—гнюсъ, уныніе, щапство.

Лѣпше—лучше, уніе, уне, унше.

Лѣпшій—лучшій, унший.

Лѣска—жезлъ.

Лѣта—времена, годы.

Лѣтаніе—пареніе.

Лѣтаю—парю, прудко перу, теку.

Лѣторасль—отрасль, народокъ.

Лѣторастка — пружіе, розга, сучецъ.

Лѣхтаръ—свѣщникъ.

Лѣченіе—цѣленіе, врачевство, врачеваніе, исцѣленіе, врачба.

Лѣчу—цѣлю, врачую.

Любимый—желаемый.

Люблю—вожделѣваю.

Люблю велми—ревную.

Любовъ—раченіе, согласіе.

Любовъ горячая—рвеніе, разжеженіе, раченіе, ревнованіе, ревнообразіе.

Любую—благословляю.

Любячій Бога—Боголюбецъ.

Любячій доброе—благолюбецъ.

Любъ—или, аще же.

Людемъ подобанѣеся—человѣкоугодіе.

Людзкій—друголюбивъ, друголюбный.

Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.

Людъ—народъ.

Люнатикъ—лунящійся на новъ (sic), бѣсится (sic).

Лютій—дивій, свѣрѣпій, жестокій.

Лютость—сверѣпство, безчеловѣчіе, сверѣпіе, бридость.

Лядвы—лядвія, лядвины.

Ляинъ—людинъ.

Лякаюсь—ужасаюся.

Ляк.ливый—малодушный.

Ляментую—плачу, рыдаю.

Ляментъ—плачъ, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.

Лямпа—свѣтилникъ.

Лятра—бедры.

М.

Маестатъ—престолъ.

Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.

Маетный—имовитъ.

Макула—порокъ.

Малженство—женитба.

Малюваніе—повапленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное воображеніе.

Малюванный—повапленный.

Малюванный образъ—иконный зракъ.

Малпа—піѳикъ.

Малюю—живописую.

Малярство—живописателство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.

Маляръ—иконникъ, живописецъ, зоѓрафъ, живописатель, иконописецъ.

Мамка—доилица, кормилица, питателница.

Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.

Манелъ—запятіе.

Манка—шуйница, шуя, рукавъ.

Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.

Мара—мечтаніе, зри куґлярство.

Маркотаніе—зри воркотаніе.

Маркотливъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.

Маркочу—зри ворчу.

Мармаровый—мраморный.

Марморъ—мраморъ.

Марне—туне, всуе, безума.

Марность—суета.

Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.

Марнотравца—изнуритель, лотига.

Маршалокъ—архитриклинъ, служебначалникъ.

Мары—одръ, рака.

Масть—шаръ.

Матерія—вещество, вещь, грѣза.

Матица—утроба, животъ, ложесна, брухъ.

Маю — имамъ, имѣю, держу, одержу.

Маю баченіе — маю возглядъ. намѣраю.

Маю волю—хощу.

Маючій—имий, имѣяй.

Мгла—мракъ, примракъ, тма.

Мгненіе ока—мановеніе, маяніе, накиновеніе.

Мдлость—малодушіе.

Мдлый—малодушный.

Мдлью—малодушествую.

Медведица—мечка.

Меду плястръ—сотъ.

Межа—межда.

Менжне що справую—мужаюся, храбрствую.

Менжний—зри дужий.

Менжство—зри дужесть.

Менованіе—именованіе, нарицаніе.

Мерзеный—зри лотръ.

Мерзитъ мя, мерзю чимъ—гнушаюсь, недугую.

Мерзость - безсластіе, бридость, несладость, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.

Мертвость—умерщвленіе.

Мешканецъ — обитатель, обиталникъ.

Мешканіе—житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скинія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.

Мешканіе займую — вселяюсь, водворяюсь.

Мешканьечко — кровъ, хлѣвина.

Мешкаю — жителствую, живу, обитаю.

Мигаю—помизаю, мизаю.

Миндаловое древо—кляпишъ.

Мигтимъ въ очахъ—мжитъ.

Милосердіе — благостыня, благость.

Милосердіе показую—зри злитовуюсь.

Милосердія годный — умиленный.

Милосердный — благоутробный, простителный, милостивъ.

Милосница—рачителница.

Милостникъ—рачитель, ревнитель.

Милосшь горячая—зри любовъ.

Милость утробы—благоутробіе, благостиня, любовъ.

Миліонъ—тма, легеонъ.

Милый—благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.

Миля—поприще.

Мірянинъ—людинъ.

Миса широкая—діскосъ.

Миска—блюдъ, поница.

Мисюрка—шлемъ.

Митра—увясло.

Млинный камень—жерновъ.

Млинокъ ручный—жерновъ.

Млоденецъ—младенецъ, юнота и юноша, отрокъ.

Многократь — множицею, многажды, многащи, намнозѣ, колькрати.

Многомовность— многоглаголаніе, велерѣчіе.

Многомовный—велерѣчивый.

Множуся—возрастаю, умножаюся, гобзуюся, спѣю, преуспеваю.

Мнозтво — множество, многое, бездна.

Мнѣманіе—мнѣніе, непщеваніе, мечтаніе, васнь.

Мнѣманемъ дохожу — разсмотрю.

Мнѣмаю—мню, непщую, вмѣняю. мечтаю.

Мнѣмаючій—непщеватель.

Мова нѣкчемная—блядословіе, лихословіе.

Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.

Мовлю—глаголю, вѣщаю.

Мовность—велерѣчіе.

Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.

Модрый едвабъ—синета.

Можно—мощно.

Можность — зри владычество, господство, держава, могуство, зѣлность.

Можный—велможный, велможа, зри дужий.

Мозокъ—мозгъ.

Мозоль на рукахъ—утерплины, ствердѣлы (sic).

Мокну—омокаю.

Мокрота—влага.

Молва—глаголъ, слово.

Молитва—моленіе.

Молоденецъ—зри младенецъ.

Молодецкій—юношескій.

Молодица—[...]ютка.

Молодость—юность.

Молодостный—юностный.

Молодый—юный, младый.

Молодее *вино* — мустъ, мощъ (sic).

Молотба — вершба, вершитба, млаченіе.

Молотокъ, которимъ струны направляютъ,—било.

Молотокъ робячій—млотобіецъ.

Молотый—сомленый.

Молотъ—млатъ.

Молчаніе—безмолвіе.

Молюся за кого—ходатайствую.

Монастиръ—обитель.

Монета—дидрахма, златица.

Монисто—гривна, утварь, украшеніе.

Мордерца—мучитель, томитель.

Мордованіе—томителство.

Мордую—томяю (sic).

Море—составъ водный, озеро.

Морочный—мрачный.

Моршу—посмражую.

Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.

Мосіондзъ—прудъ (sic).

Мостокъ—мясо, груды говяжи.

Мотузъ—уже, вервь.

Моцаръ—исполинъ, изящъ.

Моцне що справую—зри менжне.

Моцно—зри зѣло, дуже.

Моцный—зри дужий.

Моцованіе—зри валка.

Моцовникъ—подвижникъ.

Моцуюся—подвизаюся.

Моць—сила, держава, дѣтель. *моць божая*—маніе, мановеніе, маяніе.
Мошенка—мошонка, зри вацокъ.
Мошка—мшица.
Мрокъ—мракъ.
Мруѓаю—моргаю, зри мигаю.
Мудрость—разумъ.
Мудрость любячій—любомудръ, философъ, любопремудръ.
Мудростію ся забавляю—мудрствую.
Мудре—прямо.
Мудрецъ — философъ, любомудръ.
Мудрый—умный, худогъ, мыслный, искусный.
Мужа не знаючая панна—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.
Мука—страсть, страданіе, мученіе.
Мулъ—мескъ.
Мунштукъ—брозда.
Мурава—лѣхъ, лѣха.
Муращокъ—мравый.
Муръ—стѣна.
Мусъ—насиліе.
Мученикъ—страдалецъ, страстотерпецъ.
Мучу — блядословлю, смѣхословлю.
Мщеніе—месть.
Мщуся—отмщеваю.
Мылня—баня.
Мыслы прозорливіи — промышленія, мечтанія.
Мыслію понятіе речи—умная, мыслная.
Мысль—помышленіе, умъ, разумъ.
Мытникъ—мытарь, мытоимецъ.
Мышленіе—мудрованіе.
Мышлю—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.
Мѣзерія—окаянство, бѣдности.
Мѣзерный — бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.
Мѣй на баченью—ради.
Мѣлемъ—имѣхъ.
Мѣлемъ волю—хотѣхъ.
Мѣнута—зри мгненіе ока.
Мѣняю—измѣняю.
Мѣра—правило, умѣреніе спуду (sic).
Мѣры не маючій—безмѣрный.
Мѣрность—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.
Мѣрный—мѣрный, умѣренный, смиренъ.
Мѣру до целю—намѣряю, размощряю (sic).
Мѣскій—градскій, гражданскій.
Мѣсто—градъ.
Мѣсце замѣренное — намѣреніе.
Мѣсяцъ—луна.
Мѣсячникъ—лунящійся.
Мѣховникъ—усмошвецъ.
Мѣхъ—ярта (sic).
Мѣшкорѣзъ—мошнорѣзъ.
Мѣшокъ—зри вацокъ.
Мѣщанинъ—гражданинъ.
Мѣщка—гражданка.

Мяккій—благоувѣтливъ, благоугодителнъ.

Мясо сушеное—сушеница.

Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отправую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умиленъ, говѣнъ, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, сънабдѣваю, сонискаю, приобрѣтаю.

Набиваю непристойне—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ—зри имѣніе, здобычъ.

Набытокъ непристойный — мшелъ, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—пороченъ, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напраснивъ, сверѣпъ, стромнителенъ.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належай.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворѣ—внѣ, внѣуду.

На дворѣ—вонъ.

Надглядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафионъ, катафалкъ.

Наддеръ—попремногу, попреизлиха, изобиліе, преизящество, преизълишество, премножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—кичу.

Надкланяюсь—ничу.

Надмнѣманіе або надсподѣваніе.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посупленъ.

Надорудю(sic)—наружи, приручно.

Надприроженье—пр...тественнѣ.

На другомъ мѣсяци—другоици.

Надслушность — презпотребство.

Надто—зри наддеръ.

Надто маю—изобилую, избыточествую.

Надто размножую—тое жъ.

Надуто—хупаво.

Надутость—гордость, напыщеніе, хупавость, киченіе, надменіе, превозношеніе, кручина.

Надутый—напыщенъ, хупавъ, напраснивъ, самоугодный, гордостенъ, презоривъ, отяглаваемый, посупленъ, дерзый, яростенъ.

Надхожу—надстою.

Надѣюся—уповаю.

Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.

Надѣи немаючій—отчаянный.

Надѣю трачу—отчаяваюсь.

Надѣявся—уповахъ, начаявся.

Надъ—вишше, паче.

Надъ власность—выше мѣры, существеннѣ.

Наежджаю—устремляюся.

Назадъ иду—послѣдую, послѣдствую.

Назадъ—воспять.

Назбытъ—зри наддеръ.

Названный—рекомъ, зовомъ.

Назвиско—имя.

Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный—...знаме...анъ, избранный, на...кованний, на...рѣ...енъ, уставленный.

Най—...е.

Найбарзѣй — паче, найпаче, израднѣе, ко...и паче, множае паче.

Найболше—премноже...во, множае паче.

Найграванье—зри ганьба.

Найгравaю—изобличаю, подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюсь, подражаю.

Найлѣпше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдовательнѣе.

Найлѣпшій—найлучшый, нарочитъ, добрѣйшый, лучшый, изрядный.

Найменшый—премалъ.

Наймую—наймаю.

Наймилъ—наялъ.

Найнизшый—преисподный.

Найпереднѣйшее—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.

Наказую—вразумляю, руководствую.

Накараніе—уцѣломудріе.

Накладаю—задѣваю, налагаю, изпуряю.

Наклоняюся—ничу.

Наколенный—набоденный.

Накормленіе—насыщеніе.

Накормленный—насыщенный.

Накормлюю—насищую.

Наливка—изливалница.

Налогъ—нравъ (sic).

Наложница—заложница.

Нал[illegible]іе—належеніе.
Нальп[illegible]—[illegible]тою.
На малихъ мпьсцахъ—на м[illegible]ѣ.
Наметы робячій — ски[illegible]отворецъ, сѣннотворе[illegible].
Наміотъ—село, [illegible]еніе, скинія, сѣнь.
На многи[illegible] мпьсцахъ—на мнозѣ, мн[illegible]йцѣ, множицею.
На обохъ мпьсцахъ—обонполъ, обоюду.
На обп стороны—обоюду.
На особности—особѣ, наединѣ.
На остатокъ—на послѣдокъ, послѣди, прочее, наконецъ.
На очи выкидаю—обличаю.
Напасникъ—дерзокъ, дерзитель, напраснывъ, досадитель.
Напастую—напаствую.
Напасть—бѣда, искушеніе.
Наплечникъ—нарамникъ.
Напой вшелякій окромъ вына—оловина.
На полы—полма.
Напоминаніе—нравоученіе, наказаніе.
Напоминачъ—научитель, наказатель, руководитель.
Напоминаю—увѣщеваю, обличаю, увѣряю, зри наказую.
На порохъ стираю—истнѣваю.
На порохъ стертый—истеренъ.
На потымъ—тоже по семъ.
На початку—искони, испервa, вначалѣ.
Направляю—исправляю, устрояю.
Напраснивъ—зри напрасникъ.
Напрас[illegible]—зри знагла.
Наприкраюся — пакощу, стужаю.
Напуцнпьваю—разботѣваю.
Напущеніе—попущеніе.
Народу повпданіе — народувѣщаніе.
Нарушеніе—истненіе.
Нарпьканіе—плачъ, вопль, ридaніе, ропотъ, хухнаніе.
Нарпькаю—ропщу, негодую.
Наскакую—угнѣтаю, сотѣсняю, нахожу.
Наслпьдовца—подражатель, подобникъ.
Наслпьдую — подражаю, гоню, подобляюся.
Насмпьваюся—поругаюся, ругаюся, уничижаю, унедостояю.
Насмпьвиско—агавіе, огавность.
Насмпьявца—пересмѣшникъ.
Настрояю—устрояю.
Наступица—пріемникъ.
Насыщеніе—ситость.
Насъ, ны, наю—двойственнаго числа.
Натираю—устремляюся.
Натрентъ — буесловъ, велеречивъ, оплазивъ.
Натура — естество, имство, имѣнство.
Натягаю—напрягаю, наляцаю.
Наука — наказаніе, поощреніе, уставъ, ученіе, догматъ, поученіе, указаніе, устроеніе, веленіе.
Науки початокъ—оглашеніе.
На умп маю—мудрствую.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXIII. **1888 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.**
2) **Наказы малор. депутатамъ 1767 г.**
3) **Словарь книжной малорусской рѣчи.**

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

Въ вышедшихъ 1—11 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**—Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**—Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ? **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**—Леонардъ Совинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича-Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**—Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**—Порченная (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго**—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго, В. П. Горленка, И. Ж., Г. З., М. Запольскаго, И. М. Каманина, И. К—аго. А. Л., И. Л., Мирона, Михаленко-Юрковскаго, Н. В. Молчановскаго, И. М., Ц. Г. Неймана,

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуетъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ одиннадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ**: Молотники (бытов. разсказъ). **Проф. С. А. Бершадскаго**: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова**: Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка**: Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Богд. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтописное сказаніе). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго**: Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго**: Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко**: Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линниченка**: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ

въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. **проф. В. Б. Антоновича. Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **В. П. Науменка**: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О.** „Бунтъ" сквирскаго магистрата. Памятникъ Богд. Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **Ѳ. Р. Рыльскаго**: Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историч. очеркъ попытокъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго**: Тарасъ изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. К. М. **Х. Н. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 66 документовъ и замѣтокъ. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. І. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ.*

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIII.

НОЯБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. №

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Октября 1888 г.

Профессоръ Александръ Александровичъ Котляревскій.

СТАНИСЛАВЪ ОРѢХОВСКІЙ.

Въ исторіи польской литературы Станиславъ Орѣховскій, извѣстенъ, какъ талантливый ораторъ и публицистъ. Въ скромномъ положеніи перемышльскаго каноника онъ своими сочиненіями, горячими спорами съ польскимъ духовенствомъ, въ особенности своей женитьбой и противодѣйствіемъ безбрачію духовенства пріобрѣлъ въ половинѣ шестнадцатаго вѣка громкую извѣстность въ Польшѣ, обратилъ на себя вниманіе короля и римскаго папы. Крайне тревожная жизнь Орѣховскаго отразила на себѣ почти всѣ характерныя стороны современной ему польской гражданственности и культуры, хорошія и дурныя.

Личность и сочиненія Орѣховскаго представляются во многихъ отношеніяхъ любопытными и для историка южнорусской литературы XVII вѣка. Орѣховскій—украинецъ по происхожденію, и онъ хорошо это сознавалъ и даже гордился. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ указываетъ на свое русское происхожденіе, и почти всѣ они въ заглавіи имѣютъ: „Stan. Orichowii Rutheni“, или „Stan. Orichowii, gente Roxolani, natione vero Poloni“. Имя Орѣховскаго пользовалось почетной извѣстностью среди выдающихся по уму и образованію южнорусскихъ писателей XVII вѣка, преимущественно за оппозиціонное отношеніе Орѣховскаго къ безбрачію духовенства, рѣзкія отзывы о папѣ и нѣсколько сочувственныхъ замѣчаній о православныхъ. Захарія Копыстенскій въ „Палинодіи“ (составлена въ 20-хъ годахъ XVII в.) говоритъ: „Зацный оный и высоце учоный мужъ Станиславъ Орѣховскій, каноникъ премыскій, который року 1561 маючи справу въ Варшавѣ на синодѣ провинціальномъ предъ арци-

бискупами и бискупами ляцкими, гдѣ судомъ ихъ за укривженого себе розумѣючи, до столицы апостольской константинопольской отзывался, што ся видѣти даетъ зъ словъ ораціи его, которую до того жъ синоду чинилъ... То правый и старый правды мовца ляхъ! О! гды бы и нынѣшніи панове поляци такъ чтили, шановали и поважали св. столицу константинопольскую, отъ которой научени правдиваго Бога познали, поганство поверглии крещеніемъ при княжати польскомъ Мстиславѣ (?) просвѣтилися" [1])... Въ другомъ мѣстѣ Палинодіи Копыстенскій извлекаетъ изъ „Діатрибы" Орѣховскаго слѣдующее его сочувственное замѣчаніе о православныхъ: „абы Грекове зъ Русью прето, ижъ въ нихъ посполство келиха уживаетъ, а іереи жены маютъ, на сторонѣ непобожныхъ и въ личбѣ непріятелей Божіихъ почитаны быти мѣли, не здаетъ ми ся и овшемъ розумѣю то о нихъ, же суть христіане и же суть въ церкви" [2]). Эти замѣчанія Копыстенскаго показываютъ, какія стороны въ дѣятельности Орѣховскаго нашли сочувствіе на православной Руси, несмотря на то, что южнорусскіе люди вообще не могли считать его своимъ человѣкомъ, по причинѣ принадлежности его католической церкви, и считали его ляхомъ.

Орѣховскій родился въ 1513 г. (по Вишневскому [3]) или въ 1515 г. (по Оссолинскому [4]). Отецъ его былъ земскимъ писаремъ въ Перемышлѣ; мать—дочь православнаго русскаго священника. Католицизмъ въ родѣ Орѣховскихъ утвердился незадолго до появленія на свѣтъ Станислава Орѣховскаго, и память о томъ, что нѣкогда предки его были православными, жила еще въ семьѣ, какъ фамильное преданіе. Уже въ дѣтскихъ годахъ Орѣховскій обнаружилъ большую память, сильное воображеніе и быструю сообразительность. Первоначально онъ учился въ родномъ городѣ. На 14-мъ году онъ былъ отправленъ въ Вѣну; но во время осады Вѣны турками въ 1529 г. бѣжалъ въ Витем-

---

[1]) *Русск. Историч. Библ.* IV. 606; подробнѣе тамъ же, на 997 стр. и 1163 стр.

[2]) Тамъ же, 931.

[3]) *Wiszniewski*, Hist. liter. polsk. IX, 35.

[4]) *Ossolinski*, Wiadomosci hist.—krytyczne. III. 3.

бергъ и здѣсь прожилъ три года, при чемъ познакомился съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Нѣмецкіе реформаторы произвели на Орѣховскаго сильное впечатлѣніе. Хотя Орѣховскій не вышелъ изъ лона католической церкви, хотя впослѣдствіи онъ даже писалъ противъ Лютера, но при всемъ томъ близкое знакомство съ Лютеромъ и Меланхтономъ оставило на немъ неизгладимую печать, въ смыслѣ стремленія къ духовной свободѣ и въ особенности нерасположенія къ безбрачію духовенства. По настоянію отца, Орѣховскій переѣхалъ въ 1532 г. въ Италію. Онъ слушалъ лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ преимущественно въ Болоньѣ, затѣмъ въ Падуѣ, Венеціи и Римѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ покровителя въ лицѣ кардинала Контарини. Пробывъ заграницей 17 лѣтъ, Орѣховскій, по желанію отца, возвратился на родину, гдѣ ему уже припасли мѣсто приходскаго священника. Свободолюбивому вольнодумцу Орѣховскому вовсе не по сердцу была дѣятельность священнослужителя. Посвященіе его состоялось въ 1542 году, послѣ предварительнаго сильнаго угощенія виномъ.

Во время Орѣховскаго Польша не отличалась большою религіозностью. Короли Сигизмундъ I и въ особенности Сигизмундъ II Августъ довольно равнодушно относились къ интересамъ церкви, а послѣдній даже обнаружилъ симпатію къ протестантамъ. Католическое духовенство было поглощено матеріальными житейскими заботами и отличалось большей безнравственностью. Безбрачіе вело къ разврату. По словамъ Орѣховскаго, польское католическое духовенство его времени представляло Содомъ и Гоморру. Власть папы въ Польшѣ была ограничена властью короля, и въ этомъ отношеніи особенно большой неуступчивостью отличался Сигизмундъ Августъ. Равнодушіе къ католицизму въ половинѣ XVI в. стало всеобщимъ среди высшаго дворянства и шляхты. Слабымъ развитіемъ религіознаго чувства обусловлена была большая вѣротерпимость и свобода совѣсти, что въ свою очередь содѣйствовало распространенію протестантизма и социніанства, только что появившихся въ это время, а потому свѣжихъ и сильныхъ [1]).

---

[1]) Подробности въ соч. *Любовича*, Исторія реформаціи въ Польшѣ. В. 1883.

Орѣховскій занялъ перемышльскую канонію, которая давно уже была для него выхлопотана отцомъ, и сверхъ того получилъ еще два прихода, одинъ въ Журовицахъ въ перемышльской епархіи, другой въ Побѣдникахъ, въ краковской. Перемышльскій бискупъ Тарло хотѣлъ удалить его изъ Журовицъ; но Орѣховскій отправился въ Варшаву съ жалобой къ королю и примасу Гамрату, расположилъ послѣдняго въ свою пользу и удержалъ за собой журовицкій приходъ. Орѣховскій оказался очень безпокойнымъ плебаномъ; въ короткое время онъ нажилъ много враговъ, особенно среди мѣстнаго духовенства, которое третировалъ свысока. Оссолинскій по этому поводу рѣзко отзывается объ Орѣховскомъ, становясь вполнѣ на сторону его враговъ. По его словамъ, Орѣховскій дѣйствовалъ, какъ собака, спущенная съ цѣпи, сплетнями и ябедами смущалъ сосѣдей, насмѣхался надъ духовенствомъ, пренебрегалъ мѣстными обычаями[1]). Болѣе справедливую и основательную оцѣнку его плебанской дѣятельности даетъ Любовичъ: „Заграничное путешествіе Орѣховскаго не осталось безъ вліянія на него. Онъ не могъ смотрѣть безучастно на безнравственную жизнь духовенства, на постоянныя уклоненія его отъ предписаній католической церкви, на насилія по отношенію къ православному населенію, котораго было такъ много въ перемышльской епархіи. Уклоненія отъ предписаній церкви, злоупотребленія, съ которыми католическое духовенство уже такъ свыклось, что даже не замѣчало ихъ, все это, однако, оскорбляло его религіозное чувство“[2]).

Въ первыхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Орѣховскій выступаетъ украинцемъ по своимъ симпатіямъ и мнѣніямъ, во всемъ томъ, гдѣ не примѣшалось латинство. Борьба съ турками составляла историческое призваніе южнорусскаго народа въ древнее время, что подтверждается всѣми памятниками южнорусской старины, актами, лѣтописями, пѣснями и сказаніями. И первые, самые ранніе литературные труды Орѣховскаго говорятъ намъ объ этой борьбѣ, объясняютъ отчасти ея значеніе и на-

---

[1]) *Ossolinski*, III. 11.

[2]) *Любовичъ*, 75.

правленіе; но такъ какъ Орѣховскій былъ только gente roxolani, natione vero poloni, то и рѣчь его обращена не къ южнорусскому народу, а къ польской шляхтѣ, и стремленія его опредѣлены въ значительной степени польскими интересами, въ данномъ случаѣ совпавшими съ южнорусскими народными желаніями. Въ 1543 г. Орѣховскій составилъ на латинскомъ языкѣ первую *турцику*, въ 1544—другую, два сочиненія противъ турокъ, съ названіемъ по образцу демосѳеновскихъ филиппикъ. Первая турцика посвящена шляхтѣ, вторая королю Сигизмунду I. Въ обѣихъ заключается горячее призваніе къ борьбѣ съ турками за Польшу и все христіанство. Появленіе турцикъ Орѣховскаго обусловлено было военными успѣхами турокъ, въ то время опустошавшихъ Венгрію. Солиманъ Великолѣпный въ 1541 г. осаждалъ Буда-Пештъ. Приглашая шляхту и короля на войну съ турками, Орѣховскій говоритъ, что Солиманъ, овладѣвши Валахіей, укрѣпившись на Днѣстрѣ, покоривъ Венгрію, обратитъ свои войска на Польшу, въ которой ему все противно,—вѣра, обычаи, законы, и опустошитъ край огнемъ и мечемъ. Въ первой турцикѣ Орѣховскій высказываетъ сожалѣніе, что польская шляхта стала терять воинственный духъ и предалась земледѣлію и торговлѣ. „Вся мысль шляхты, говоритъ онъ, ушла въ умноженіе богатствъ. Шляхтичи тѣмъ только и занимаются, что роются въ старыхъ документахъ и справляются въ законахъ, чтобы какъ нибудь оттягать въ свою пользу чужую деревню или отрѣзать кусокъ земли отъ сосѣда. И дѣлами подобнаго рода заваливаютъ они сеймы и судебныя собранія“. Турцики отличаются высокими литературными достоинствами, силой, простотой, ясностью. Онѣ были вторично изданы въ 1551 г., въ третій разъ въ польскомъ переводѣ подъ названіемъ Oksza na Turków (Сѣкира на турокъ) въ 1590 г. и въ четвертый въ Римѣ въ 1594 г. Послѣдніе Ягеллоны смирялись передъ грозной силой турокъ и старались сохранить съ ними мирныя отношенія. Потому турцики Орѣховскаго не заслужили ихъ вниманія. Значеніе этихъ произведеній усилилось при Сигизмундѣ III, когда турки, по причинѣ запорожскихъ набѣговъ, стали враждебно относиться къ Польшѣ, и затѣмъ польское правительство стало

склоняться на увѣщанія папъ и западныхъ государей принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ врагами христіанъ. Нунцій Маласпина многое заимствовалъ изъ турцикъ Орѣховскаго въ рѣчи своей на варшавскомъ сеймѣ 1596 о польско-турецкихъ дѣлахъ[1]).

Крупнымъ свидѣтельствомъ расположенія Орѣховскаго къ южнорусскому народу служитъ изданная имъ въ 1544 г. брошюра „*Крещеніе у русскихъ*". Въ посвященіи этой брошюры архіепископу гнѣзненскому Гамрату Орѣховскій говоритъ о необходимости установить согласіе между различными вѣроисповѣданіями и совѣтуетъ начать это дѣло съ уничтоженія предразсудковъ относительно русскихъ. Онъ доказываетъ, что въ сущности нѣтъ большаго различія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ католиковъ и православныхъ, даже относительно ученія объ исхожденіи св. Духа. Такъ какъ католическое духовенство требовало вторичнаго крещенія православныхъ при переходѣ ихъ въ католицизмъ, то Орѣховскій приводитъ въ латинскомъ переводѣ всѣ обряды и молитвы при совершеніи этого таинства у русскихъ въ доказательство тождественности ихъ у православныхъ и католиковъ, а въ заключеніе перепечатываетъ буллу папы Александра VI 1501 года, которая воспрещаетъ вторично крестить русскихъ[2]).

Сочиненіе Орѣховскаго о крещеніи у русскихъ произвело такое непріятное впечатлѣніе на католическое духовенство, всегда презрительно и враждебно относившееся къ православной Руси, что ближайшее затѣмъ сочиненіе Орѣховскаго противъ Лютера не могло его достаточно обѣлить и избавить отъ судебнаго преслѣдованія. Въ *сочиненіи о лютеранствѣ* 1546 г. Орѣховскій защищаетъ римскую церковь и папство. Онъ возражаетъ Лютеру вѣжливо и мягко, помня дружественное къ нему расположеніе Лютера въ Витембергѣ. Опровергая протестантовъ, онъ не скрываетъ слабыхъ сторонъ католическаго духовенства, его нравственную распущенность, равнодушіе къ проповѣди, и обращается къ папѣ съ просьбой созвать вселенскій соборъ для исправленія

---

[1]) *Ossolinski*, III, 186—214.

[2]) *Любовичъ*, 75; *Ossolinski*, III, 214—216.

церковныхъ недостатковъ [1]). Лютеръ умеръ въ 1546 г., не ознакомившись съ сочиненіемъ Орѣховскаго.

Еще во время пребыванія въ Италіи Орѣховскій въ бесѣдахъ съ своимъ пріятелемъ Мартиномъ Кромеромъ высказывался противъ безбрачія духовенства. Всю тяжесть целибата почувствовалъ онъ по принятіи сана плебана. „Видя черезъ свое невольно принятое священство дорогу къ женитьбѣ запертой, признавался онъ впослѣдствіи, я набралъ толпу наложницъ и развратно жилъ съ ними, какъ Геліогабалъ" [2]). Это признаніе Орѣховскаго показываетъ, что въ немъ сильна была нравственная сторона, что онъ строго осуждалъ увлеченія молодости и стремился къ устойчивой и спокойной семейной жизни. Врядъ ли можно сомнѣваться, что Орѣховскій намѣренно преувеличилъ свои пороки въ данномъ случаѣ, чтобы оправдать свою борьбу противъ римско-католическихъ установленій о целибатѣ, и потому совершенно напрасно польскіе ученые, въ особенности Оссолинскій, напираютъ на безнравственность Орѣховскаго и его споры съ латинскимъ духовенствомъ о целибатѣ стараются объяснить плотскими вожделѣніями. Въ основѣ противодѣйствія Орѣховскаго целибату лежало глубокое нравственное чувство, вліяніе Лютера и вліяніе строя семейной жизни православнаго духовенства. Созваніе вселенскаго собора въ Тридентѣ дало Орѣховскому случай публично высказаться по этому поводу. Онъ изготовилъ *трактатъ о безбрачіи* духовенства и отправилъ его въ Краковъ друзьямъ для просмотра и напечатанія, что послѣдними и было немедленно выполнено въ 1547 г. Сочиненіе Орѣховскаго отвѣчало общему неудовольствію на латино-польское духовенство за его роскошь, развратность и корыстолюбіе. Оно быстро разошлось по всей Польшѣ, Пруссіи и русскимъ землямъ. Въ особенности сильное сочувствіе оно встрѣтило въ русскихъ земляхъ среди православнаго населенія. Но такъ какъ и реформаціонныя западно-европейскія ученія требовали, чтобы духовенство вступало въ бракъ, то и среди мѣстнаго католическаго на-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 216—231.

[2]) *Ossoliński*, III, 15.

селенія, особенно среди шляхты, затронутой уже этими ученіями, сочиненіе Орѣховскаго принято было сочувственно [1]). Съ тѣмъ большимъ озлобленіемъ къ нему отнеслось духовенство. Въ іюнѣ 1547 г. Орѣховскій былъ вызванъ на судъ въ перемышльскую консисторію. Въ виду полной покорности Орѣховскаго, перемышльскій епископъ Янъ Дзядускій, человѣкъ мягкаго характера, назначилъ ему легкое наказаніе: наложилъ на него церковное покаяніе и запретилъ проповѣдывать народу, но вскорѣ снялъ и это наказаніе. Сочиненіе Орѣховскаго было обречено на сожженіе.

Любопытнымъ эпизодомъ этого суда было обвиненіе Орѣховскаго въ томъ, что онъ поддерживалъ православную Русь въ ея заблужденіяхъ, обвиненіе, которое повторяютъ и польскіе ученые, писавшіе объ Орѣховскомъ, напримѣръ Оссолинскій (III, 14). Русь въ первой половинѣ XVI вѣка была очень бѣдна образовательными средствами; почти всѣ ея силы въ это время уходили на пограничную борьбу съ татарскими полчищами и на земледѣльческій трудъ въ укромныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Польское духовенство презирало эту скромную Русь, безъ школъ, безъ людей науки; но въ то же время оно опасалось возможности появленія православной южнорусской науки и подозрительно смотрѣло на всѣхъ тѣхъ польскихъ писателей, сочиненія которыхъ могли послужить опорой для православныхъ въ дѣлѣ научнаго разъясненія и подтвержденія ихъ религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ обрядовъ. Трудно, однако, спрятать или заглушить мысль, въ особенности когда она прошла черезъ печатный станокъ, и еще труднѣе заранѣе опредѣлить, кто и какъ ею воспользуется. Наступило вскорѣ время, когда Русь нашла возможнымъ и необходимымъ обратиться къ книгѣ и поработать въ интересахъ духовнаго просвѣщенія, и тогда то, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст., оправдались отчасти опасенія ненавистниковъ южнорусскаго народа. Малороссіяне ознакомились съ сочиненіями гонимаго краковскаго профессора Лятоса для защиты юліанскаго календаря и пріютили у себя самого автора. Далѣе, малороссіяне воспользовались также сочиненіями „стараго

---

[1]) *Любовичъ*, 76.

мовцы правды" Орѣховскаго, какъ мы видѣли уже изъ Палинодіи Копыстенскаго.

Миръ, установившійся въ отношеніяхъ Орѣховскаго къ духовенству въ 1547 г., недолго продолжался. Страстный, быстро увлекающійся и энергичный Орѣховскій не могъ спокойно сносить церковныхъ нестроеній. Духовенство не могло забыть его прошлой дѣятельности. Сначала Орѣховскій молчалъ и смирялся; но враги не оставили его въ покоѣ и бросали въ него укоризнами, насмѣшками и памфлетами, при чемъ упреки шли и отъ нѣкоторыхъ его друзей, упреки въ малодушіи и бездѣятельности. Такъ или иначе ему надо было стать или на сторону шляхты, ненавидѣвшей духовенство, или на сторону послѣдняго, но въ такомъ случаѣ пришлось бы порвать съ наукой, отказаться отъ свободномыслящихъ друзей, отрѣшиться отъ всего того, что давало практическую силу и значеніе его литературному дарованію. Общество требовало отъ Орѣховскаго открытой борьбы съ духовными властями, и онъ поддался этому требованію, высказавшись одобрительно о бракѣ приходскаго священника Валентина въ с. Кржчоновѣ краковской епархіи, прямо нарушившаго такимъ образомъ пресловутый целибатъ. Вскорѣ затѣмъ женился пробощъ (протоіерей) изъ Вишни Мартинъ Кровицкій, и свадьбу его справляли въ Журовицахъ въ домѣ Орѣховскаго [1]). Наконецъ, прошла молва, что и Орѣховскій собирается вступить въ законный бракъ. На сеймикѣ въ Вишнѣ въ апрѣлѣ 1550 г. Орѣховскій въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ русскаго воеводства заявилъ, что постановленіе о безбрачіи духовенства есть дьявольское ученіе и что онъ не думаетъ повиноваться ему, хотя бы ангелъ съ небесъ увѣщевалъ его. На вопросъ перемышльскаго епископа, не думаетъ ли Орѣховскій въ самомъ дѣлѣ жениться, послѣдній отвѣчалъ утвердительно. Вызовъ былъ сдѣланъ. Латинское духовенство забило тревогу и стало готовиться къ борьбѣ съ Орѣховскимъ. Теперь къ Орѣховскому охотно пошла на помощь малопольская шляхта, свободолюбивая, отчасти затронутая западно-европейскими рефор-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 39.

маціонными ученіями, питавшая ненависть къ разжирѣвшему на готовыхъ хлѣбахъ и большихъ маетностяхъ духовенству. Озлобленное духовенство направило всѣ свои усилія къ тому, чтобы стереть съ лица земли дерзкаго русина, навлечь на него кары свѣтскихъ и церковныхъ законовъ. Въ противность духовенству гордая и воинственная шляхта вездѣ идетъ съ Орѣховскимъ рядомъ, бряцая саблей и показывая кулаки. Жизнь Орѣховскаго въ пятидесятыхъ годахъ получаетъ высокій историческій интересъ, какъ фокусъ, въ которомъ сосредоточились разнообразныя теченія жизни политической, общественной и семейной, при чемъ элементъ собственно любовный, романическій совсѣмъ поглощается элементами соціальнымъ и бытовымъ.

Два дня спустя послѣ упомянутаго заявленія Орѣховскаго на сеймикѣ, перемышльскій епископъ оповѣщаетъ запрещеніе вступать ему въ бракъ, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви, и требуетъ его на судъ. Орѣховскій заявилъ Дзядускому, что не подчинится ему, и обратился съ жалобой на него въ сеймъ, собравшійся въ Петроковѣ. Земскіе послы отнеслись къ Орѣховскому сочувственно и высказались противъ духовной юрисдикціи въ томъ смыслѣ, что право изгнанія и конфискаціи имущества должно принадлежать исключительно королю. Король согласился выслушать самого Орѣховскаго. Только что выступилъ передъ королемъ Орѣховскій и началъ рѣчь въ пользу брака духовенства, какъ епископы сорвались съ своихъ мѣстъ и подняли такой шумъ, что онъ долженъ былъ замолчать. Вынужденный такимъ образомъ отказаться отъ произнесенія рѣчи противъ целибата, Орѣховскій обратился къ королю съ просьбой о снятіи съ него отлученія. Король, не желая открыто нарушить права духовенства, отложилъ окончательное рѣшеніе по этому дѣлу, а духовенство, опасаясь дальнѣйшаго вмѣшательства короля, само пошло на встрѣчу къ Орѣховскому съ цѣлью примиренія съ нимъ. Орѣховскій обѣщалъ вступить въ бракъ по полученіи разрѣшенія со стороны папы. Въ 1550 г. Орѣховскій сложилъ съ себя обязанности каноника и плебана, о чемъ заявилъ коронному писарю, или нотаріусу, при чемъ также, что, оставаясь преданнымъ сыномъ католической церкви, онъ не мо-

жетъ примириться съ ея внѣшнею формальною набожностью и не можетъ допустить, чтобы при обсужденіи вопросовъ вѣры свѣтское общество было совершенно устранено и оставалось внѣ живой связи и единенія съ церковью[1]). Въ этомъ случаѣ Орѣховскій, очевидно, гораздо ближе стоялъ къ православной Руси, чѣмъ къ католической Польшѣ, той православной Руси, которая долгое время послѣ Орѣховскаго крѣпко держалась принципа религіозно-церковнаго единенія свѣтскаго сословія съ духовенствомъ въ формѣ jus patronandi, церковныхъ братствъ и свободнаго выбора священниковъ прихожанами.

Въ 1551 году передъ началомъ великаго поста Орѣховскій вступилъ въ бракъ. Польская шляхта устраивала въ честь его пиры и празднества. Со всѣхъ концовъ Польши Орѣховскій сталъ получать поздравительныя письма, такъ что уставалъ даже отвѣчать на нихъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ одномъ письмѣ. Все это ободрило Орѣховскаго. Онъ рѣзко напалъ на целибатъ въ своихъ рѣчахъ, письмахъ и сочиненіяхъ. Онъ отправилъ смѣлое *посланіе къ папѣ Юлію III*, въ которомъ требовалъ отъ него признанія своего брака законнымъ. Здѣсь онъ папу Сириція, котораго считали первымъ уставщикомъ целибата, и затѣмъ папъ Григорія VII, Александра III, Бонифація VIII, Николая II и Каликста II называетъ преступными злодѣями за проведеніе целибата. Орѣховскій угрожаетъ Юлію поднять на него весь свѣтъ, если онъ будетъ поддерживать целибатъ. „Подумай, Юлій, говоритъ Орѣховскій, и многократно подумай, съ кѣмъ тебѣ приходится имѣть дѣло, не съ итальянцемъ, а съ русскимъ, не съ слугой своимъ, а съ обывателемъ того королевства, гдѣ и монархъ признаетъ права и вольности (шляхты). Въ Италіи ты можешь однимъ словомъ изгнать человѣка изъ отечества, лишить его духовнаго сана и имущества. Терпятъ то твои римляне, какъ бы въ наказаніе за то, что предки ихъ нѣкогда гордо повелѣвали царями и народами, и склоняютъ они свои колѣни передъ толпой твоихъ слугъ. У насъ не такъ. Король не можетъ у насъ поступать по своему произволу, и онъ не захочетъ изгнать меня,

---

[1]) *Любовичъ*, 92—95, 123.

если бы ты указалъ на меня твоимъ рыбацкимъ колечкомъ (перстень съ изображеніемъ св. Петра)" [1]).

Еще болѣе суровое нападеніе на папъ и все римское духовенство произведено Орѣховскимъ въ сочиненіи „*Repudium Romae*". Орѣховскій увѣрялъ, что онъ немногимъ только лицамъ показывалъ это сочиненіе; но врагъ его Модржевскій утверждаетъ, что оно было напечатано [2]). Послѣ мягкаго Юлія III, папскій престолъ занималъ короткое время суровый и энергичный Павелъ IV, не допускавшій никакихъ нарушеній римской обрядности, ревностный защитникъ целибата. Орѣховскій называетъ его тираномъ, безбожникомъ, хищнымъ волкомъ, старымъ плутомъ, злодѣемъ, антихристомъ, врагомъ всякаго просвѣщенія и науки. „Если, говоритъ Орѣховскій, гнусный Караффа именующійся Павломъ IV, съ святаго престола бранилъ Моисея и Христа, то я охотно желаю претерпѣть отъ него поруганіе, и его проклятіе было бы моимъ вѣнцомъ и защитой". Онъ совѣтуетъ королю не довѣрять Риму, выставляетъ епископовъ измѣнниками отечеству и папскими шпіонами, всецѣло подчиняющимися своему римскому самодержцу, а монаховъ называетъ сыщиками, грабителями, саранчой, высматривающей и пожирающей богатыя нивы. „Свѣтлѣйшій государь, обращается Орѣховскій къ королю, окинь окомъ враговъ своихъ, загляни въ монастыри, конвенты, капитулы, синоды; сколько найдешь тамъ людей съ гуменцомъ (т. е. выстриженнымъ теменемъ—духовныхъ лицъ), считай ихъ заговорщиками. Ни о чемъ другомъ они не думаютъ, ничего другаго не хотятъ, какъ наложить на насъ ярмо. Эти лѣнтяи и тунеядцы только жирѣютъ въ своихъ хлѣвахъ на сало для Люцифера. Прогони изъ своего сената рогатыя шапки; совѣты ихъ погубили венгровъ. Пусть они крестятъ и учатъ народъ въ церквахъ, но не хозяйничаютъ въ Рѣчи Посполитой. Прилично ли имъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла? Пусть въ такомъ случаѣ они снимутъ свои сутанны (платье духовныхъ лицъ). Пусть выберутъ они одно изъ двухъ, или отечество, или рим-

---

[1]) *Ossoliński*, III, 50—51.

[2]) *Wiszniewski*, IX, 37.

скаго султана, который, называясь ихъ братомъ, сѣлъ имъ на шею". Далѣе Орѣховскій хвалитъ константинопольскихъ патріарховъ, что они не подчинились папамъ и не пили изъ ихъ чаши лжи, за что папы, какъ гордые фараоны, обвинили ихъ въ отступничествѣ [1]).

Въ 1551 году въ апрѣлѣ Орѣховскій прибилъ на главныхъ дверяхъ церкви въ Пржеворскѣ слѣдующее объявленіе: „Я, Станиславъ Орѣховскій, русинъ, извѣщаю вѣрныхъ христіанъ, что благодаря особенной милости Божіей, спасся отъ истребленнаго Содома и проклятой Гоморры, изъ которыхъ меня высвободила святая дѣвушка изъ почтеннаго дома, Магдалина изъ Хелма, въ настоящее время моя жена... Итакъ, обѣщаю вамъ..., что буду непоколебимо пребывать въ этомъ святомъ бракѣ съ дѣвицей Магдалиной изъ Хелма на посрамленіе, на презрѣніе и на погибель тѣхъ, которые извратили Божеское право своими дьявольскими постановленіями, а также и всѣхъ тѣхъ, которые лживо хвалятся дѣвственностью, такъ какъ они суть вредные волокиты, явные прелюбодѣи и тайные содомиты" [2]). Орѣховскій выполнилъ свое обѣщаніе. Онъ не разстался съ женой, всегда впослѣдствіи отзывался съ любовью о ней, и злѣйшіе его враги не могли указать темнаго пятна въ его семейной жизни.

Перемышльскій епископъ Дзядускій объявилъ Орѣховскаго еретикомъ, отлучилъ его отъ церкви, лишилъ правъ и чести и постановилъ изгнать его изъ перемышльской епархіи. Орѣховскій аппелировалъ на приговоръ Дзядускаго въ петроковскій синодъ; но синодъ не обратилъ на него вниманія, подтвердилъ рѣшеніе епископа и приказалъ ему довести до свѣдѣнія короля, что Орѣховскій признанъ еретикомъ. Уступая настояніямъ духовенства, король предписалъ перемышльскому старостѣ Петру Кмитѣ привести въ исполненіе приговоръ епископа, но Кмита, боясь возстановить противъ себя мѣстное общество, затянулъ исполненіе приговора до петроковскаго сейма 1552 г. На сеймѣ Кмита стоялъ на томъ, что женитьба Орѣховскаго не должна

---

[1]) *Ossoliński*, III, 319—320.

[2]) Ib. 42; *Любовичъ*, 125.

вести къ спорамъ и волненіямъ по всей Польшѣ. Краковскій епископъ Жебрыдовскій указалъ на высокое научное образованіе и литературное дарованіе Орѣховскаго. Съ него сняли клятву и только обязали его просить папу о прощеніи. Католическіе епископы опасались, что Орѣховскій, доведенный до отчаянія, перейдетъ въ православіе, и какъ большая научная и литературная сила очень пригодится православнымъ южноруссамъ. Король просилъ папу признать бракъ Орѣховскаго законнымъ, при чемъ высказалъ опасеніе, что Орѣховскій въ противномъ случаѣ можетъ отпасть отъ католической церкви и пристать къ партіи Лютера, что будетъ большимъ ущербомъ для католицизма [1]).

Въ пятидесятыхъ годахъ Орѣховскій потерялъ нѣсколько сильныхъ друзей своихъ: въ 1550 г. умеръ познанскій каштелянъ Андрей Гурка, въ 1553 г. краковскій воевода Петръ Кмита, въ 1561 г. Янъ Тарновскій. Изъ оставшихся въ живыхъ вліятельныхъ друзей его воевода познанскій Мартинъ Зборовскій устарѣлъ и облѣнился, а коронный подкоморій Николай Тржебуховскій упалъ во мнѣніи двора и потерялъ вліяніе. При такихъ обстоятельствахъ Орѣховскому пришлось смириться, тѣмъ болѣе, что и матеріальное его положеніе было не совсѣмъ удовлетворительно. Духовенство возобновило преслѣдованіе Орѣховскаго, подняло снова дѣло о его женитьбѣ, вспомнило, что онъ былъ одно время подъ проклятіемъ, и въ 1561 г. Орѣховскій былъ потребованъ на судъ въ варшавскій синодъ. Здѣсь Орѣховскій повторилъ свое исповѣданіе вѣры, уже разъ признанное за строго католическое, и въ своей рѣчи похвально отозвался о духовномъ санѣ вообще. Ставя свѣтскихъ людей ниже духовенства, признавая даже безбрачіе духовенства, въ чемъ нельзя не видѣть со стороны Орѣховскаго уступку подавлявшимъ его обстоятельствамъ, онъ, однако, по прежнему настойчиво отстаиваетъ свой бракъ: „Уже достаточно, говорилъ онъ, несчастье меня преслѣдовало, много я перестрадалъ, и пусть хоть въ концѣ жизни я немного отдохну отъ гоненій злой судьбы, отдохну съ моей женой и дѣтьми въ лонѣ католической церкви. Если вы снова

---

[1]) *Любовичъ*, 127, 137: *Ossoliński*, 54—60.

будете меня преслѣдовать, что тогда скажутъ православные, мои земляки и родичи русины. Они не могутъ понять, откуда у католиковъ явился дикій обычай болѣе преслѣдовать бракъ, чѣмъ развратъ... Если вы изъ за жены моей выбросите меня за двери римской святыни, то куда я дѣнусь, куда обращусь? Не могу же я блукать въ мірѣ одинокимъ, не приставъ ни къ какой овчарнѣ. Я не создамъ новой вѣры, новой церкви. Мнѣ тогда останется только повернуть на сторону моихъ предковъ съ материнской стороны и искать убѣжища въ наидостойнѣйшей въ ряду четырехъ патріархій восточныхъ—въ константинопольской, которой еще Халкедонскій соборъ подчинилъ нашу Русь подъ названіемъ варварскихъ странъ. Если вы этого желаете, то мнѣ остается только выполнить ваше желаніе... Я не могу оставить жену... Это значило бы нанести жестокое оскорбленіе женщинѣ знаменитаго шляхетскаго рода; Хелмскіе и Зарембы не простили бы мнѣ обиды, нанесенной безъ причины ихъ сестрѣ, и нанесенное имъ оскорбленіе смыли бы моей кровью. Наконецъ, на такой поступокъ я не могу рѣшиться уже потому, что далъ клятву быть хорошимъ мужемъ, что имѣю дѣтей; въ преклонныхъ лѣтахъ мнѣ не позволительно даже и помышлять о такомъ безчестномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе совершить его [1])". И на этотъ разъ брачное дѣло Орѣховскаго ничѣмъ рѣшительнымъ не окончилось. Польское духовенство нашло выходъ изъ неловкаго и затруднительнаго положенія, обязавъ Орѣховскаго просить папу, но и папа не хотѣлъ рѣшительнымъ осужденіемъ оттолкнуть Орѣховскаго отъ римскаго престола и предоставлялъ рѣшеніе вопроса польскому католическому примасу. Такъ тянулось это любопытное дѣло о бракѣ Орѣховскаго до самой смерти его жены въ 1566 году. Орѣховскій справилъ торжественные похороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ похороненъ былъ и самый споръ о его женитьбѣ. Въ это время у Орѣховскаго уже были взрослые дѣти—пять душъ обоего пола. Непрерывная борьба съ многочисленными врагами, постоянная литературная работа, потеря друзей, наконецъ, потеря жены—все это надломило физическое

---

[1]) *Ossoliński*, III, 89.

здоровье Орѣховскаго и одновременно лишило его бодрости духа и энергіи. Вскорѣ послѣ смерти жены онъ писалъ своему пріятелю: „Много бурь пронеслось надо мной, многимъ я увлекался, и теперь уже минуло для меня время борьбы, сѣдые волоса усыпаютъ мою голову; уплываетъ уже пятидесятый годъ жизни; пора собираться въ путь вѣчности; пора уплатить долги, загладить грѣхи и думать только о душѣ". Смерть Орѣховскаго не была замѣчена современниками и время ея точно не опредѣлено. Извѣстно только, что онъ скончался вскорѣ послѣ смерти своей жены, предположительно въ концѣ 1566 года [1]).

Сочиненія Орѣховскаго многочисленны и разнообразны. Какъ писатель, Орѣховскій пользовался обширной извѣстностью въ Польшѣ и далеко за ея предѣлами. Знаменитый ученый того времени Кромеръ, защищая безбрачіе духовенства, писалъ Орѣховскому: „Не думай, мой Орѣховскій, что твое имя неизвѣстно за границей. Въ Италіи, Испаніи, Франціи и Германіи мнѣ приходилось слышать похвальные отзывы о твоихъ сочиненіяхъ, составляющихъ гордость и защиту нашего отечества. Я не встрѣчалъ ученаго, который не читалъ бы ихъ и не превозносилъ бы до небесъ твоего остроумія, краснорѣчія и учености. И я гордился твоей славой, такъ какъ имѣю въ тебѣ соотечественника и друга, и потому малые лучи отъ твоей славы освѣщаютъ и меня". Епископъ Дудичъ писалъ Орѣховскому, что онъ не находитъ никого, кто могъ бы не только спорить съ Орѣховскимъ о научно-литературномъ первенствѣ, но хотя стать съ нимъ рядомъ [2]). Что слава Орѣховскаго, какъ писателя, проникла не только на католическій Западъ, но и на православный Востокъ, именно въ южную Русь, достаточно видно изъ ссылокъ, цитатъ и похвальныхъ о немъ отзывовъ Захаріи Копыстенскаго. Нѣкототорыя сочиненія Орѣховскаго переизданы за границей въ прошломъ столѣтіи. Въ настоящее время они забыты и встрѣчаются рѣдко даже въ большихъ книгохранилищахъ, за исключеніемъ библіотеки

---

[1]) *Ossoliński*, 176; *Кондратовичъ*, Ист. п. лит. II, 38.
[2]) *Ossoliński*, 133, 175.

университета св. Владиміра, гдѣ находятся почти всѣ сочиненія Орѣховскаго [1]).

Для исторіи южно-русскаго края и литературы нѣкоторыя сочиненія Орѣховскаго представляются любопытными, во первыхъ, тѣ его сочиненія, въ которыхъ обнаруживается его южнорусское происхожденіе и его сочувствіе къ своимъ единоплеменникамъ, и во вторыхъ, тѣ сочиненія, на которыя ссылается Захарія Копыстенскій. Сочиненія Орѣховскаго съ симпатіями къ православнымъ русскимъ написаны имъ въ первые годы его научной и литературной дѣятельности; они отличаются бодрымъ духомъ, свѣтлой мыслью и силой изложенія. Таковы уже разсмотрѣнныя наши выше сочиненія его противъ турокъ (1543) и о крещеніи у русскихъ (1544 г.). Копыстенскій ссылается на „Діатрибу“ Орѣховскаго. „Разсужденіе противъ клеветы“ (Diatriba contra columniam) издано Орѣховскимъ въ 1548 г. Здѣсь онъ нападаетъ на епископа Тарла, предшественника Дзядускаго, за враждебное къ нему отношеніе епископа.

По мѣрѣ того, какъ улегалось въ Орѣховскомъ озлобленіе противъ современнаго ему католическаго духовенства, по мѣрѣ его подчиненія послѣднему, идейное достоинство его сочиненій падаетъ. Какъ противникъ целибата, онъ высказывалъ много правды; съ переходомъ въ ряды ревностныхъ защитниковъ папъ и духовенства, Орѣховскій наговорилъ много страннаго и нелѣпаго. Человѣкъ крайне страстный, горячій, быстро и до крайности увлекающійся, онъ скрытыя стремленія и желанія католическаго духовенства развилъ до бьющей въ глаза рѣзкости, преимущественно въ сочиненіи „Химера, или о пагубной для польскаго королевства сектѣ Франциска Станкара“ 1563 года. Здѣсь онъ уже прославляетъ польское духовенство съ свойственной ему страстностью и стремительностью. Онъ требуетъ безусловнаго подчиненія государства церкви, свѣтскихъ лицъ духовенству. Въ сочиненіи „Политика польской республики“ 1564 г. онъ идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи, утверждая, что „въ Польшѣ до тѣхъ поръ не будетъ добра, пока у ней не установ-

[1]) *Алфавит. указатель* книгъ библ. унив. св. Владиміра XV, 178.

вится могущественная власть духовенства, когда король будетъ вполнѣ подчиняться примасу, а примасъ папѣ"[1]). Орѣховскій, очевидно, въ концѣ своей жизни, подавленный разными невзгодами и потерями, сжегъ все то, чему прежде поклонялся, и поклонился тому, что сжигалъ въ пору разцвѣта своихъ умственныхъ силъ.

Кромѣ названныхъ сочиненій Орѣховскому принадлежатъ краснорѣчивая *рѣчь* на смерть Сигизмунда I (1546 г.), сочиненіе „*О заботливости и добромъ управленіи подданными*" (1549), посвященнное Сигизмунду Августу, затѣмъ *Idea Apocaliptica*, или „Сонъ на яву", гдѣ говорится о состояніи польскаго государства и находятся предсказанія о его будущности, польскія *лѣтописи* (Анналы), обнимающія первые годы царствованія Сигизмунда Августа, *Разсказъ о будущемъ паденіи Польши по причинѣ Лютеровой ереси* 1561, Споръ съ Фричемъ Модржевскимъ *объ авторитетѣ апостольскаго престола*, рѣчь на варшавскомъ сеймѣ 1561 г. *о духовномъ званіи*, „*Quincunx*" т. е. „образецъ польской короны" 1564, гдѣ превозносится похвалами духовенство, „*Діалогъ* объ исполненіи польской короны" 1562, съ похвалами духовенству и порицаніемъ шляхты, „*Политика* польской республики" и много писемъ къ разнымъ лицамъ. Большинство сочиненій Орѣховскаго изложено на латинскомъ языкѣ, которымъ Орѣховскій владѣлъ превосходно; нѣсколько—на польскомъ и нѣтъ ни одного на южнорусскомъ. Послѣднее обстоятельство не служитъ еще доказательствомъ, чтобы Орѣховскій не зналъ южнорусскаго языка. Есть основаніе думать, что онъ лишь не пользовался имъ при составленіи своихъ сочиненій, но зналъ его, такъ какъ въ сочиненіяхъ его на польскомъ языкѣ встрѣчаются лексическіе элементы малорусскаго языка. На страницахъ „Кіевской Старины" было уже замѣчено, что „въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малополь-

---

[1]) *Maciejowski*. Pism. polskie, II, 774.

ское нарѣчіе, которое составляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Кохановскій и Рей были малополяне; послѣдній родился и выросъ въ Червоной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы Шимоновичъ (1557—1629) и Зимоpовичъ (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его"[1]). Къ этимъ именамъ можно присоединить еще имя Орѣховскаго. Заслуживаетъ вниманія попытка Орѣховскаго ввести въ польскій литературный языкъ нѣкоторыя слова и выраженія церковно-славянскаго языка, попытка, обнаруженная въ его предисловіи къ Политикѣ[2]). Очевидно, Орѣховскій былъ знакомъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и высоко цѣнилъ его.

Крашевскій и Кондратовичъ находятъ, что Орѣховскій былъ „страннымъ явленіемъ религіознымъ и политическимъ". На поприщѣ религіозномъ онъ вооружилъ противъ себя католиковъ и протестантовъ, на поприщѣ политическомъ шляхту и духовенство. Польскимъ католическимъ писателямъ личность и дѣятельность Орѣховскаго представляются несимпатичными и малопонятными, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Оссолинскій часто прибѣгаютъ къ суровымъ осужденіямъ Орѣховскаго. Кондратовичъ находитъ, что „рыцарская отвага Орѣховскаго на поприщѣ литературномъ, его блестящій даръ слова, его битвы оставили одно только воспоминаніе". Онъ не видитъ, чтобы „выросли хоть какіе нибудь плоды для отечества изъ сѣмянъ той мысли, которую Орѣховскій бросалъ такъ настойчиво" и съ чувствомъ гуманности восклицаетъ: „Жаль великаго генія!"[3]).

Если въ исторіи Польши Орѣховскій оказывается страннымъ явленіемъ, то въ исторіи южной Руси личность и дѣятельность его представляются явленіемъ печальнымъ и глубоко-поучительнымъ. Этотъ блестящій талантъ поросъ терніемъ и волч-

---

[1]) *Житецкій*, въ „Кіев. Стар". 1888. V. 177.

[2]) *Maciejowski*, Pism. polskie II. 339.

[3]) *Кондратовичъ*, Исторія польск. литер. II. 38.

цемъ подъ вліяніемъ чуждой ему латино-польской культуры. Эта могучая умственная сила безплодно погибла среди внутреннихъ противорѣчій между своимъ прирожденнымъ русскимъ gens и культурно-привитымъ польскимъ natio, наслѣдственнымъ расположеніемъ къ южнорусской народности, прежде всего наиболѣе характерной ея особенности—греко-восточному вѣроисповѣданію, и усвоеннымъ отчасти въ семьѣ отъ отца-католика, а большею частью въ западныхъ католическихъ университетахъ, расположеніемъ къ латинской образованности, латинскому и польскому языкамъ, схоластическимъ диспутамъ и всему польско-шляхетскому строю жизни.

Орѣховскій постоянно указываетъ, что онъ родомъ русскій (gente Roxolani), говоритъ „наша Русь", считаетъ русскихъ своими соплеменниками и родичами (macierzysty krewniaki moi Rusiny), и при всемъ томъ южноруссъ и землякъ его Захарія Копыстенскій называетъ его ляхомъ, и ни одинъ православный южноруссъ не могъ признать своимъ соплеменникомъ Орѣховскаго, католика, въ концѣ жизни завзятаго паписта, особенно послѣ того, какъ онъ сталъ требовать, чтобы король былъ „подножкой" примаса, а примасъ „подножкой" папы. Въ національномъ отношеніи это былъ потерянный человѣкъ; никто не дорожилъ имъ соотвѣтственно его громаднымъ дарованіямъ; онъ самъ страдалъ отъ свившихся въ немъ въ клубокъ національныхъ и религіозныхъ противорѣчій, то поднимался на грозную высоту отрицанія и критики, то падалъ въ пучину клерикальнаго застоя и обскурантизма. Орѣховскій заявляетъ въ одномъ своемъ письмѣ, что онъ не закопаетъ своихъ талантовъ, и, дѣйствительно, онъ пустилъ ихъ въ оборотъ, только безполезный, и въ концѣ концовъ истратилъ ихъ, разсѣялъ по пустому свою великую силу, безъ всякой пользы для „своей" Руси и съ сомнительной пользой для Польши.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(*Продолженіе* [1]).

IV.

Отрѣшеніе отъ должности земскаго подскарбія Ѳедка Хребтовича.—Въ чемъ состояла должность подскарбія земскаго?—Выдѣленіе государственныхъ доходовъ изъ доходовъ вотчинниковъ при первыхъ Ягеллонахъ.—Вотчинные доходы в. князя.—Подскарбій дворный и подскарбій земскій; различіе ихъ обязанностей.—Сравненіе должности подскарбія земскаго съ должностью современныхъ министровъ финансовъ.—„Писаря", т. е. статеъ—секретари в. княжества литовскаго. Ихъ роль въ финансовомъ управленіи.—Богушъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій.—Время его назначенія и отставки; причины ея. Вступленіе Аврама Езофовича въ должность подскарбія. Мѣры, принятыя имъ для погашенія государственныхъ долговъ.—Расширеніе операцій монетнаго двора.—Первый отчетъ Аврама Езофовича по управленію государственными фанансами, представленный въ 1511 г. на Брестскомъ сеймѣ.—Общая цифра государственныхъ доходовъ в. княжества.—Второй отчетъ отъ 1514 года.—Серебро королевы Елены.—Конфискація долговыхъ требованій московскихъ купцовъ.—Дефицитъ въ бюджетѣ.—Причины дефицита.—Дѣятельность Аврама Езофовича по снабженію пограничныхъ крѣпостей орудіями и артиллерійскими снарядами.—Обезпеченіе авансовъ Аврама Езофовича таможенными доходами Берестья Литовскаго.—Погашеніе долговъ Авраму со стороны государственнаго казначейства залогомъ г. Ковно.—Аврамъ Езофовичъ—староста ковенскій.—Новыя затрудненія казны.—Залогъ въ 1518 г. в. княжескихъ вотчинъ.—Отчетъ Аврама Езофовича въ 1518 г. за четырехлѣтнее управленіе государственными финансами.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ.—Послѣдніе займы короля у Аврама.—Заботы Аврама Езофовича о назначеніи своихъ душеприкащиковъ.

Въ концѣ 1508 г. король Сигизмундъ отрѣшилъ отъ должности подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича вмѣстѣ со многими иными государственными сановниками, заподозривъ ихъ въ сочувствіи къ Глинскому, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Вольфъ. Подозрѣнія короля были неосновательны: Ѳедко Хреб-

[1]) См. „Кіевск. Стар.", октябрь.

товичъ и его товарищи были вскорѣ освобождены изъ подъ ареста и нѣкоторые, какъ напримѣръ, Ольбрахтъ Мартыновичъ, Кгаштолтъ вновь назначены на должности; тѣмъ не менѣе Литва осталась съ 1509 г. безъ земскаго подскарбія[1]).

Ѳедко Хребтовичъ не возвращался болѣе къ своей должности.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, кѣмъ, какъ и когда была замѣщена должность подскарбія и какое значеніе имѣло это замѣщеніе для дальнѣйшей судьбы Аврама Езофовича, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о самой должности подскарбія земскаго в. княжества литовскаго.

Пусть не посѣтуетъ читатель, что намъ опять приходится обращаться къ сырому матеріалу: прибѣгать для выясненія характера этой должности къ выпискамъ изъ наказа польскому земскому подскарбію, какъ это дѣлаетъ г. Вольфъ, мы считаемъ противорѣчіемъ надлежащему обращенію съ историческимъ матеріаломъ.

Трудность опредѣленія характера этой должности заключается не столько въ отсутствіи надлежащаго количества матеріаловъ, сколько въ недостаточномъ разграниченіи обязанностей подскарбія земскаго отъ обязанностей подскарбія дворнаго. Въ чемъ состояли функціи одного и въ чемъ другаго, гдѣ кончалась компетенція одного и гдѣ начинались права другаго? Вотъ вопросъ! Затрудненіе, ничуть не уменьшаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что тотъ, и другой несли одновременно со своею должностью еще и другія обязанности, напр., управленіе тѣмъ или инымъ в. княжескимъ имѣніемъ или же волостью, со связаннымъ съ этимъ правомъ суда и т. д. Несмотря на эти затрудненія, мы попытаемся съ одной стороны опредѣлить права каждой изъ этихъ должностей, а съ другой, въ частности, тѣ особыя черты должности подскарбія земскаго, которыя налагала на него самая финансовая система литовскаго государства и весь строй литовскаго народнаго хозяйства.

Государственные доходы в. княжества литовскаго поступали въ XV и XVI стол. главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ

[1]) М. Л. Зап. VIII f. 303 (b). Въ Краковѣ, іюля 25, индикта 12, года 1509.

источниковъ: таможенныхъ пошлинъ, акциза съ питей и судебныхъ штрафовъ („винъ“)[1]. Въ 1492 г. Александръ Ягеллонъ далъ обѣщаніе эти доходы собирать и сохранять въ особомъ государственномъ казначействѣ. Собранныя здѣсь суммы могли быть затѣмъ обращаемы, съ согласія Рады, только на общегосударственныя потребности. Поэтому, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, в. князь не имѣлъ права, безъ согласія Рады, распоряжаться этими суммами государственнаго казначейства или же переводить оныя за границу. Постановленіемъ отъ 1492 г. литовскіе магнаты старались юридически разграничить доходы государства отъ доходовъ в. князя. Къ собственнымъ же доходамъ в. князя относились всѣ платежи, поступавшіе съ такъ называемыхъ державъ, т. е. населенныхъ имѣній, принадлежавшихъ в. князю на вотчинномъ правѣ и причисленныхъ къ тому или иному административному центру,— замку, двору. Литовское право весьма рано отличаетъ вотчинные платежи и подати отъ общегосударственныхъ. Еще въ Городельской привилегіи 1413 г. мы видимъ, что вотчинники обязаны не только отбывать военную службу и строить замки, но и платить подати, согласно старинному обычаю[2]. Какія же это были старинныя подати? Не имѣя мѣста входить въ болѣе подробное изслѣдованіе этого вопроса, мы ограничимся текстомъ жалованной грамоты короля польскаго, великаго князя литовскаго, Казиміра Ягеллона, данной имъ въ 1437 г.[3] Литвѣ, въ которой эти подати исчислены такъ: серебщина, дякло,

[1]) Что именно эти источники были главнѣйшими, видно какъ изъ необнародованныхъ еще доселѣ расходныхъ книгъ королей Казиміра и Сигизмунда Ягеллоновъ, такъ точно изъ напечатанныхъ уже документовъ, напр., грамоты в. князя литовскаго Александра отъ 1492 г. гдѣ источники государственныхъ доходовъ опредѣлены такъ:... Census Theloneorum, tabernarum et allii et poenis et undecunque Nobis proventuentes.

[2]) *Działyński*. Zbiór etc. стр. 13. Przywiley Horodelski § VIII... baronis ad constructionem et erectionem castrorum, vias expedicionales facere et tributa dare, iuxta antiquam consuetudinem adstringantur.

[3]) Акты Зап. Россіи, т. I, № 61. Впервые напечатана у Дзялынскаго въ вышеупомянутомъ изданіи, стр. 28—35, срав. у Dz. § XI. Списокъ археографической коммиссіи, хотя значительно отличается по языку отъ списка Dz., но существенныхъ отклоненій въ содержаніи не имѣетъ, какъ то можно видѣть изъ варіантовъ, напечанныхъ также по списку Дзялынскаго.

подводы, доставка дровъ для обжиганія кирпичей и извести для постройки замковъ, сѣнокосъ и иныя „работы малосправедливыя“. Отъ права требовать всѣхъ этихъ повинностей и податей съ людей, живущихъ на частныхъ земляхъ, в. князь отказывается въ пользу вотчинниковъ, оставляя за собою лишь право требовать „стаціи поборы, мостовъ новыхъ будованье, старыхъ поправованье, дорогъ направованье“. Опираясь на этотъ документъ, мы можемъ сказать, какіе именно доходы принадлежали в. князю, какъ государю литовской земли, и какіе составляли частную собственность на одинаковомъ правѣ со всѣми остальными литовскими вотчинниками. Такъ какъ великимъ князьямъ литовскимъ еще въ 1513 г. принадлежало на правѣ частной собственности 50 волостей, между которыми были, напр., Брестъ Литовскій, Дорогичинъ, Мельникъ, Каменецъ, Браславъ и т. д., то станетъ понятно, что подскарбію дворному было довольно дѣла.

Доходы великаго князя съ волостей группировались вокругъ трехъ главнѣйшихъ податей мѣстнаго происхожденія, т. е. „дякла“, „медовой дани“ и „куницъ“. Хотя всѣ эти виды податей существовали во всѣхъ в. княжескихъ вотчинахъ, но преобладаніе того или инаго вида опредѣлялось мѣстными условіями: гдѣ существовали благопріятныя условія для земледѣлія, тамъ на первомъ планѣ стояло „дякло“, гдѣ успѣшнѣе шло пчеловодство—тамъ „медовая дань“, гдѣ звѣроловство—тамъ „куницы“.

Подъ именемъ *„дякла“* разумѣли уплату в. князю съ каждой „службы“ 4 бочекъ жита и 4 бочекъ овса, воза или двухъ сѣна „подякольнаго“, и опредѣленнаго количества куръ, гусей и яицъ. *„Медовая дань“* состояла изъ различнаго по мѣстности количества жидкаго, прѣснаго меду. Дань эта взымалась обыкновенно сообразно величинѣ и доходности каждаго участка, иногда же огуломъ съ волости. Къ этой главной дани присоединялись иные болѣе мелкіе платежи, какъ напр. „бобры“, „тивунщина“, „серебро грошовое“. „дубовщина и воловщина“ и т. д. [1]).

[1]) Такъ мы полагаемъ, опираясь на уставъ, данный свислоцкой волости кор. Сигизмундомъ I. Здѣсь прежде всего идетъ: „Дань на Насъ, Господаря, даютъ со всее волости подле давнаго обычаю, мѣраючи у пудовню по 4 безмены“... „*За данью* бобры шерстью... а за *куницу данную* по 6 грошей... А коли тивунщины въѣдутъ

„*Куницы*“—одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ обложенія, по преимуществу въ лѣсныхъ мѣстностяхъ. Къ этимъ куницамъ обыкновенно прирастаютъ и иные платежи. Въ то время какъ въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ куница—въ родѣ „выводной“, „змирской“ составляетъ незначительный случайный платежъ, на Жмуди мы видимъ, что подать съ сохи наоборотъ составляетъ придатокъ къ „куницамъ“, даже и тогда, когда она по своимъ размѣрамъ превышаетъ основной платежъ [1]). Къ куницамъ же присоединялись платежи „неводничіе“, „льняные“ и т. д.

Помимо этихъ платежей, подданные в. князя были обязаны извѣстными натуральными повинностями, напр., обязательно доставлять содержаніе в. князю, давать „стацію“ во время проѣзда его черезъ данную мѣстность, ставить подводы ему или же подъ пословъ и гонцовъ, свозить хлѣбные запасы, медъ, куницы, бобры и т. д. въ опредѣленные мѣста. Сюда же должны быть отнесены „толоки“, „кгвалтъ“ и нѣкоторые другіе. Естественно, что всѣ эти вотчинные доходы составляли такую же неприкосновенную частную собственность в. князя, какъ и любаго изъ вотчинниковъ.

Отсюда ясно, какого рода раздѣленіе обязанностей и правъ должно было существовать между подскарбіемъ земскимъ и подскарбіемъ дворнымъ: первый вѣдалъ общегосударственные доходы и расходы, второй—частные доходы в. князя. Трудно требовать, конечно, чтобы въ началѣ XVI в. этотъ принципъ раздѣленія производился съ безусловною послѣдовательностью, но все же, сравнительно съ XV в., мы рѣдко встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ смѣшеніе этихъ различныхъ областей. Только при выдачѣ жалованья королевскимъ дворянамъ мы встрѣчаемъ назначеніе изъ доходовъ в. князя, т. е. жито, барановъ, мясо и т. д. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ назначенія идутъ только изъ слѣдующихъ источниковъ: таможенныхъ пошлинъ („мыта“), питейнаго дохода („карчомныхъ пенезей“), судебныхъ пошлинъ и штра-

---

брати, на страву съ пудавни по 3 гроши“... „А къ тому серебро грошовое и дубавщины и воловщины за даню дають.“—Что эти подати составляли именно в. княжескій доходъ, видно изъ того, что на замокъ, вряднику, идутъ особые платежи.

[1]) Акт. З. Р. т. II, №№ 149 и 160.

фовъ („винъ“). Какъ воспоминаніе объ отживающемъ смѣшеніи в. княжескихъ доходовъ съ государственными, мы изрѣдка встрѣчаемъ выдачи изъ „куницъ Вядскихъ“, „з бобровщинныхъ пенезей“ (428, 416 b.), или „жеребца третьяка у Конюшаго“ (419) и т. п.

Единственнымъ серьезнымъ исключеніемъ изъ указаннаго начала могло бы служить причисленіе къ государственнымъ доходамъ „дякла“, такъ какъ мы встрѣчаемъ въ расходной книгѣ в. князя Сигизмунда Казиміровича довольно многочисленныя назначенія, адресованныя на этотъ именно источникъ. Но не слѣдуетъ забывать, что даже въ половинѣ XVI в. литовская шляхта смотрѣла на содержаніе замковъ, а тѣмъ болѣе на снабженіе ихъ провіантомъ, какъ на частное дѣло в. князя.

Такимъ образомъ обязанности земскаго подскарбія состояли: въ полученіи доходовъ изъ указанныхъ выше источниковъ, въ расходованіи этихъ доходовъ по предписаніямъ короля, въ надзорѣ за правильнымъ поступленіемъ податей; въ пріемѣ (вмѣстѣ съ назначенными в. княземъ сановниками) отчетовъ отъ управляющихъ казенными доходами или же отъ откупщиковъ.

Этимъ, можно сказать, и ограничивалась вся дѣятельность подскарбія земскаго.

Всякая новая государственная подать назначалась в. княземъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ, или же, по крайней мѣрѣ, крупнѣйшихъ вотчинниковъ.

Собираніе этихъ налоговъ производилось лицами не подчиненными подскарбію, точно такъ же, какъ и взысканіе недоимокъ [1]). Отношеніе подскарбія къ откупщикамъ ограничивалось присутствіемъ при заключеніи договоровъ и повѣркою отчетовъ, такъ какъ по всѣмъ остальнымъ дѣламъ откупщики и ихъ слуги подлежали суду самого в. князя. Поэтому административный персоналъ финансоваго управленія былъ не великъ, а дѣятель-

[1]) Чрезвычайные доходы собирались въ вотчинныхъ имѣніяхъ князей и членовъ Рады самими собственниками или же уполномоченными отъ нихъ лицами; въ в. княжескихъ имѣніяхъ: съ шляхты сборъ производили *хоружіе*, а съ остальныхъ лицъ—*державцы* (Ак. З. Р. т. II; № 17, отъ 1507 г.). Недоимки обыкновенно взыскивались королевскими дворянами, которые вообще были употребляемы для производства всякаго рода экзекуціи.

ность его направлялась не предписаніями подскарбія, а незапамятными обычаями.

Не было еще ни бумажныхъ денегъ, ни фондовъ, ни заграничныхъ долговъ. Не подымались вопросы о поддержкѣ курса, конверсіяхъ, отверждeніи долговъ и т. д. Не задумывались надъ переложеніемъ податей и надъ вліяніемъ той или иной изъ нихъ на народное хозяйство. Поэтому должность подскарбія земскаго не требовала отъ лица, которому она ввѣрялась, никакихъ особыхъ финансовыхъ дарованій. Достаточно было умѣнья вести счеты и практическаго знакомства съ механизмомъ государственнаго управленія. Поэтому то мы и видимъ, что большинство подскарбіевъ земскихъ начинаютъ свою службу въ качествѣ дворянъ в. князя, затѣмъ чрезъ различныя мелкія должности въ родѣ дьяка, подвигаются къ „писарству" и затѣмъ переходятъ отъ него къ должности подскарбія. Такъ двигались, напр., Ѳедко Хребтовичъ, Богушъ Боговитиновичъ, Ивашко Горностай, Павелъ Нарушевичъ, Остафій Воловичъ и т. д. Переходъ отъ писарства къ подскарбству былъ тѣмъ естественнѣе, что распоряженія о выдачахъ изъ казны тѣхъ или иныхъ суммъ производились в. княземъ посредствомъ ассигновокъ, изготовляемыхъ и скрѣпляемыхъ подписью находившагося при в. князѣ писаря. У писарей же хранились справочныя свѣдѣнія о размѣрахъ поступленія съ того или инаго источника государственныхъ доходовъ; они же вели реестры расходовъ. Завѣдывая въ то же время изготовленіемъ всѣхъ вообще государственныхъ актовъ, эти „писаря", или по современнымъ условіямъ—статсъ-секретари, естественно не только въ совершенствѣ знакомились съ техническою стороною государственнаго дѣлопроизводства, но въ частности со всѣми тонкостями государственнаго хозяйства. Должность писаря сама по себѣ на столько была почетною и доходною, что ею не гнушаются знатнѣйшіе изъ литовскихъ пановъ. Изъ среды писарей обыкновенно выбираются лица для посольствъ къ иностраннымъ государствамъ и т. д. Но для занятія должности земскаго подскарбія требовалось еще одно и весьма важное условіе, а именно значительная имущественная самостоятельность. Поэтому то въ подскарбіи переходятъ лишь богатѣйшіе изъ писарей. Причина, по-

чему отъ подскарбія требовалось огромное состояніе и преимущественно въ наличномъ капиталѣ, заключалась въ совершенномъ отсутствіи государственнаго кредита, въ неустойчивости государственныхъ доходовъ, въ отсутствіи опредѣленнаго бюджета, въ несовершенствѣ контроля надъ поступленіемъ податей и т. д. Если мы припомнимъ къ этому, что уже конецъ XV ст. и начало XVI составляютъ для Литвы эпоху крупныхъ войнъ съ сосѣдями— Москвою, Татарами, Молдавіей, что для веденія этихъ войнъ помѣстныя войска оказываются несостоятельными, какъ по отсутствію боевой подготовки, такъ и по медленности мобилизаціи, что для охраненія неприкосновенности государственной территоріи приходится прибѣгать къ наемнымъ войскамъ, выписывать изъ за границы пушкарей, строить новыя крѣпости, снабжать ихъ артиллеріей, что для поощренія самихъ помѣстныхъ войскъ приходится прибѣгать къ денежному жалованью и т. д., то станетъ понятно, что казна сплошь и рядомъ не могла ждать, пока поступятъ деньги отъ того или инаго откупщика, пока медъ, воскъ, куницы, бобры и т. д. будутъ обращены въ наличность. Между тѣмъ казна всегда находила съ большимъ трудомъ деньги у купцовъ и другихъ частныхъ лицъ [1]). Понятно само собою, что в. князья при назначеніи того или инаго лица въ должность подскарбія непремѣнно должны были принимать во вниманіе денежную состоятельность и кредитоспособность назначаемаго. Отсутствіе же правильной отчетности и точныхъ свѣдѣній о количествѣ поступающихъ суммъ, въ связи съ безотлагательною необходимостью удовлетворенія той или иной нужды, вели къ

---

[1]) Въ этомъ, конечно, никто не станетъ винить капиталистовъ Литвы XV или XVI ст., такъ какъ казна уплачивала свои долги крайне неаккуратно, напр. королю Сигизмунду приходилось покрывать долги не только своего брата (напр., 5000 злотыхъ жалованья войскамъ въ 1510 г., т. е. по крайности черезъ 5 лѣтъ послѣ ихъ приглашенія на службу, мѣщанину смоленскому Лисневу 250 копъ грошей, объ уплатѣ которыхъ онъ тщетно ходатайствовалъ передъ кор. Александромъ), но даже долги своего отца короля Казиміра, напр., въ 1506 г. „жиду Троцкому Зубцу 200 к. гр. у подскарбего, зъ корчомъ волостныхъ за долгъ *Казиміра короля*". Между тѣмъ подъ залогъ имущества обыкновенный размѣръ процентовъ былъ 15%. Ср. Д. и Р. т. I, № 318.—Естественно, что было немного охотниковъ среди купцовъ и мѣщанъ ссужать свои деньги казнѣ.

тому, что в. князья постоянно находились въ долгу у подскарбіевъ, такъ какъ дефициты покрывались ими изъ собственныхъ средствъ подскарбія. Если же собственные рессурсы подскарбія были недостаточны, то в. князю по необходимости приходилось прибѣгать къ весьма невыгоднымъ займамъ у членовъ Рады, расплачиваясь за одолженія или пожалованіями населенныхъ имѣній, или же передачею оныхъ въ управленіе или же залогъ. Полученіе отъ откупщиковъ впередъ откупной суммы также было невыгодно для в. князя, п. ч. чувствительно отзывалось на размѣрахъ откупной суммы, такъ какъ откупщикъ естественно дѣлалъ значительный дисконтъ. Имѣя дѣло съ однимъ лицомъ было гораздо легче свести съ нимъ счеты, чѣмъ съ десятками разнородныхъ кредиторовъ.

Вотъ вѣроятныя причины, почему король Сигизмундъ почти полгода оставлялъ должность подскарбія вакантною, тѣмъ болѣе, что большинство лицъ, на которыхъ могъ бы остановиться выборъ в. князя, находились въ походѣ на Молдавію.

Въ числѣ другихъ служилыхъ людей мы встрѣчаемъ здѣсь писаря королевскаго Богуша Боговитиновича. Во Львовѣ, 25 октября 1509 г., при раздачѣ жалованья и наградъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ походѣ противъ молдавскаго господаря Стефана, мы встрѣчаемъ Богуша Боговитиновича уже съ титуломъ земскаго подскарбія. Мы видимъ, что за свое участіе въ этомъ походѣ онъ получаетъ значительное вознагражденіе изъ денегъ, находящихся у него же въ государственномъ казначействѣ—„въ скарбѣ". Спрашивается, когда же именно Богушъ становится подскарбіемъ?

31 января 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ, писарь, отправляется съ посольствомъ въ Москву [1]). Посольство, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, не могло возвратиться скоро, такъ какъ на дорогу изъ Вильны въ Москву требовалось около мѣсяца [2]). Слѣдовательно, возвратиться въ Литву Богушъ могъ не ранѣе

---

[1]) А. З. Росс.; т. II, № 49. Точно также въ реестрѣ писаря Ив. Сапѣги 18 фев., 1509 г. п. Богушъ названъ писаремъ. М. Л. Зап. VIII f. 432 (b).

[2]) *Герберштейнъ*. Записки о Московіи (перев. Анонимова) стр. 206—210 Изъ Вильны Герберщт. выѣхалъ 14 марта, въ Москву прибылъ 18 апрѣля.

конца апрѣля или даже начала мая. До октября мѣсяца 1509 г. мы не встрѣчаемъ Богуша въ актовыхъ книгахъ, и это понятно. Въ отрядѣ князя Пронскаго рядомъ съ иными князьями, панами и дворянами литовскими Богушъ сражается противъ молдавскаго господаря. Въ спискѣ же лицъ, получившихъ вознагражденіе за участіе въ походѣ, Богушъ названъ подскарбіемъ. Такимъ образомъ Богушъ Боговитиновичъ становится подскарбіемъ земскимъ не ранѣе октября 1509 г. Въ этой должности мы встрѣчаемъ его подпись на актахъ уже 30 октября [1]), а ноября 8 онъ подписывается такъ: Подскарбій земской, писарь, намѣстникъ жижморскій и довгковскій [2]).

Спрашивается, кто же завѣдывалъ въ теченіи почти цѣлаго года казною в. княжества литовскаго?

По обычаю XVII в. вакантная должность подскарбія земскаго въ Польшѣ и въ Литвѣ временно замѣщалась подскарбіемъ дворнымъ. Что подобный же обычай существовалъ уже въ XVI вѣкѣ въ Литвѣ, заставляютъ предполагать, повидимому, расходныя книги в. князя Сигизмунда, въ которыхъ подъ 2 августа 1509 г. мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „Отправа (выдача жалованья) тымъ дворянамъ, которымъ панъ Иванъ, его милость, не далъ былъ мѣсяца февраля 18 дня, индиктъ 12 (1509)". Подскарбіемъ дворнымъ литовскимъ въ это время былъ Иванъ Андреевичъ. Пересматривая реестръ расходовъ за 1509 г., мы не разъ встрѣчаемъ его имя (1 стр. f. 437 (b), f. 442). Однако при обозначеніи источника, изъ котораго слѣдуетъ ему выдача жалованья, мы ни разу не встрѣчаемъ характеристической отмѣтки „въ него жъ зъ скарбу" [3]). Обращаясь за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ той же актовой книгѣ, мы видимъ подъ 18 февраля 1509 г. слѣдующій текстъ [4]): „Отправа (жалованье) давана мар-

[1]) М. Л. З. VIII f. 313 (b), Львовъ, **индикта** 13 (1509 г.).

[2]) Ibid., f. 316.

[3]) Напр., М. Л. Записей, VIII, f. 414 „Подскарбему земскому Ѳедку 30 к. гр. *съ скарбу, въ него жъ*"; ему же „14 локотъ аксамиту гладкого, безъ золота, *у него жъ*, (с) *скарбу*". Ib. f. 447 „Подскарбему п. Богушу Боговитиновичу, *писару*, 50 копъ (с) *скарбу въ него*".

[4]) Ibid., f. 431.

шалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопѣгою, княземъ и панамъ и дворянамъ, лѣта Божого Нароженія, 1509 г., м. февраля 18 дня, индикта 12, какъ король е. м. ѣхалъ зъ Литвы до Польски". Новая раздача слѣдуетъ въ Мельникѣ. Затѣмъ въ Краковѣ 1-го августа 1509 г. назначается вновь уплата жалованья сокольникамъ, затѣмъ уплата лицамъ, которыя ничего не получили въ февралѣ и т. д. Послѣдняя раздача до возведенія Богуша въ званіе подскарбія происходитъ въ Львовѣ 6-го октября 1509 г. по пріѣздѣ п. Ивана Сопѣги изъ Кракова [1]) Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ теченіи 1509 г. государственными расходами, подъ руководствомъ короля, завѣдывалъ Иванъ Сапѣга. Кто же вѣдалъ доходы? Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, скажемъ кратко: доходы собирались и хранились тѣми же лицами, которыя управляли тѣмъ или инымъ источникомъ; откупщики и управляющіе доходами выдавали собираемыя деньги тѣмъ лицамъ, которыя представляли королевскія ассигновки и въ размѣрѣ этихъ ассигновокъ. Державцы, писаря, восковничіе, городничіе, ключники, тивуны, старцы и т. д. точно также собирали, хранили и выдавали денежныя суммы и различнаго рода сырые продукты, въ родѣ жита, овса и т. п., поступавшія въ уплату податей. Казна же в. княжеская въ Вильно стояла въ теченіи почти всего 1509 г. пустою: единственныя ассигновки на скарбъ дѣлаются для выдачи жалованья *сукномъ* [2]). Всѣ остальныя назначенія идутъ на мѣстности, напр. (f. 431) князю Өедору Жееловскому назначается 18 февраля 1509 г. 20 копъ жалованья съ „винъ" (судебныхъ пошлинъ) дорогицкихъ и 20 к. съ „винъ" троцкихъ, у Есмана; Михну Держковичу—15 к. съ „винъ" бѣльскихъ; Яцку Держковичу съ „мыта" мѣнскаго; воеводѣ кіевскому князю Юрію—„2 постава сукна лунскаго въ Оврама" и 30 к. съ „сѣнныхъ пенезей и скидельскихъ" и такъ далѣе.

Окончаніе войны съ молдавскимъ господаремъ поставило передъ королемъ вновь вопросъ о вознагражденіи участниковъ

---

[1]) Ibid. 444 (b).

[2]) Ibid. f. 442 (b) Татарину Азіотѣ 6 локоть *сукна* лунскаго *съ скарбу*, Воробью 6 лок. сукна л. *съ скарбу* и т. д.; f. 489 служебному Юрію 6 локоть сукна махальскаго съ скарбу, тамъ же 437.

похода. Между тѣмъ ни на польскомъ, ни на литовскомъ сеймѣ не ассигновали никакихъ средствъ для веденія этой войны [1]). Поэтому королю пришлось вновь прибѣгнуть къ займу. Походъ обошелся для одного только литовскаго казначейства почти въ 2000 копъ гр. [2]), т. е. 120,000 руб. При расплатѣ съ служилыми людьми въ Львовѣ встрѣчаются снова ассигновки на государственное казначейство; такъ, напр., ноября 19 [3]) назначено волынцамъ около 400 копъ грошей и т. д. Новая раздача жалованья происходитъ затѣмъ въ Краковѣ, въ декабря мѣсяцѣ того же года: снова встрѣчаемъ мы назначенія изъ скарба наличныхъ суммъ, снова появляется при выдачѣ жалованья изъ доховъ монетнаго двора или ковенской таможни, а иногда и безъ обозначенія источника, лаконическая помѣтка „у Оврама". Изъ этого мы заключаемъ, что при новомъ подскарбіи наличныя деньги опять появляются въ казнѣ, а Аврамъ Езофовичъ по прежнему вѣдаетъ „минцу", мыто ковенское, минское и т. д. Но вотъ, вслѣдъ за означенною статьею, передъ новымъ отдѣломъ съ заглавіемъ: „Смолнянамъ отправа въ Петрыковѣ, м. февраля 8 дня индиктъ 13" (т. е. 1510 г.) въ расходныхъ книгахъ встрѣчается заголовокъ [4]): „Въ Оврама начато давати оттолѣ", а затѣмъ до самаго конца расходной книги мы не встрѣчаемъ помѣты „въ Оврама", а вмѣсто того подъ 30-мъ маемъ „толмачу Адашу" назначается „4 бочки соли зъ мыта ковенскаго въ подскарбія". Въ виду того, что мыто ковенское остается въ рукахъ Аврама Езофовича до самой его смерти, мы должны заключить, что вышеприведенный артикулъ свидѣтельствуетъ о переходѣ должности подскар-

---

[1]) Szujski. Historyi Polskiej ksiąg dwanaście. 1880 W. стр. 193. Точно также мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній о назначеніи „серебщины" въ Литвѣ на 1509 годъ. Статья расходныхъ книгъ, говорящая о вознагражденіи участниковъ молдавскаго похода, озаглавлена такъ: „отправа давана во Львовѣ княземъ и панамъ и дворянамъ, которые служили Господару на ласку господарскую у Волосѣхъ", т. е. не по обязанности или по договору, а надѣясь, что в. князь вознаградитъ каждаго сообразно оказаннымъ имъ заслугамъ.

[2]) Собственно 1,921 копу. М. Л. Зап. VIII. 445—448.

[3]) Ibid. f. 449 sequentes.

[4]) Не представляютъ противорѣчія выдачи на f. 462, (b) т. к. весь артикулъ относится къ 1508 г.

бія въ руки Аврама Езофовича и указываетъ на время этого перехода, т. е. декабрь мѣсяцъ 1509 г.

Предположеніе наше подтверждается предписаніемъ короля Сигизмунда отъ 7 января 1510 г. изъ Варянъ „до пана Аврама, Подскарбего“, чтобы онъ уплатилъ изъ княжеской казны троцкому воеводѣ, маршалку дворному, п. Гр. Ст. Остыковичу 700 копъ грошей, взятыхъ у него королемъ для своихъ нуждъ („ку потребѣ своей“ [1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ концѣ 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ перестаетъ быть подскарбіемъ земскимъ [2]), а становится снова писаремъ.

Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны, гдѣ искать причины отставки Богуша? Для г. Вольфа причина эта очень проста: „Осенью 1509 г. подскарбіемъ земскимъ литовскимъ былъ назначенъ п. Богушъ Боговитиновичъ, писарь; однако занималъ недолго эту должность и отказался, или былъ устраненъ, за неимѣніемъ надлежащихъ способностей(!)“ [3]). Объясненіе, слишкомъ грѣшащее своею простотою. Самъ отказался или ему отказали!

Что Богушъ Боговитиновичъ обладалъ достаточными для подскарбія способностями, это лучше всего видно изъ того, что чрезъ 10 лѣтъ тотъ же самый Богушъ занимаетъ должность подскарбія и остается въ ней до самой смерти [4]). Лицамъ неспособнымъ едва ли даются серьезныя дипломатическія порученія, а Богушъ много разъ исполняетъ самыя затруднительныя и тонкія дипломатическія миссіи. Мало того, самъ король тор-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII. f. 579 м. генваря 7 день, индиктъ 13 (т. е. 1510) у Варянѣ (Orany, мѣстечко виленской губерніи).

[2]) Мы настаиваемъ на концѣ 1509 г. не только на основаніи приведенной помѣты въ расходныхъ книгахъ, но еще и по слѣдующимъ внутреннимъ соображеніямъ: въ расходной книгѣ Авраму поручено произвести уплату 600 злотыхъ воеводѣ троцкому п. Миколаю Радивилу, слѣдовательно это распоряженіе не позже 1509 г., такъ какъ въ концѣ этого года Николай Радивилъ вступаетъ на мѣсто своего отца Николая Р. (II), воеводы виленскаго, умершаго 16 іюля 1509 г. (Kotlubaj. Galereja Nazwiska).

[3]) Наз. бр., стр. 20.

[4]) См. завѣщаніе его отъ 1529 г. въ Акт. юж. и зап. Р. подъ 1529 г.

бія въ руки Аврама Езофовича и указываетъ на время этого перехода, т. е. декабрь мѣсяцъ 1509 г.

Предположеніе наше подтверждается предписаніемъ короля Сигизмунда отъ 7 января 1510 г. изъ Варянъ „до пана Аврама, Подскарбего", чтобы онъ уплатилъ изъ княжеской казны троцкому воеводѣ, маршалку дворному, п. Гр. Ст. Остыковичу 700 копъ грошей, взятыхъ у него королемъ для своихъ нуждъ („ку потребѣ своей" [1]). Такимъ образомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ концѣ 1509 г. Богушъ Боговитиновичъ перестаетъ быть подскарбіемъ земскимъ [2]), а становится снова писаремъ.

Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны, гдѣ искать причины отставки Богуша? Для г. Вольфа причина эта очень проста: „Осенью 1509 г. подскарбіемъ земскимъ литовскимъ былъ назначенъ п. Богушъ Боговитиновичъ, писарь; однако занималъ недолго эту должность и отказался, или былъ устраненъ, за неимѣніемъ надлежащихъ способностей(!)" [3]). Объясненіе, слишкомъ грѣшащее своею простотою. Самъ отказался или ему отказали!

Что Богушъ Боговитиновичъ обладалъ достаточными для подскарбія способностями, это лучше всего видно изъ того, что чрезъ 10 лѣтъ тотъ же самый Богушъ занимаетъ должность подскарбія и остается въ ней до самой смерти [4]). Лицамъ неспособнымъ едва ли даются серьезныя дипломатическія порученія, а Богушъ много разъ исполняетъ самыя затруднительныя и тонкія дипломатическія миссіи. Мало того, самъ король тор-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII. f. 579 м. генваря 7 день, индиктъ 13 (т. е. 1510) у Варянѣ (Orany, мѣстечко виленской губерніи).

[2]) Мы настаиваемъ на концѣ 1509 г. не только на основаніи приведенной помѣты въ расходныхъ книгахъ, но еще и по слѣдующимъ внутреннимъ соображеніямъ: въ расходной книгѣ Авраму поручено произвести уплату 600 злотыхъ воеводѣ троцкому п. Миколаю Радивилу, слѣдовательно это распоряженіе не позже 1509 г., такъ какъ въ концѣ этого года Николай Радивилъ вступаетъ на мѣсто своего отца Николая Р. (II), воеводы виленскаго, умершаго 16 іюля 1509 г. (Kotlubaj. Galereja Nazwiska).

[3]) Наз. бр., стр. 20.

[4]) См. завѣщаніе его отъ 1529 г. въ Акт. юж. и зап. Р. подъ 1529 г.

жественно заявляетъ о необыкновенныхъ способностяхъ Богуша къ службѣ. Никто не принуждалъ короля употреблять такое именно, а не иное выраженіе, слѣдовательно были основанія для того. Поэтому не отсутствіе способностей было причиною отставки Богуша, а иныя основанія. Попытаемся же разъяснить ихъ, насколько это позволяютъ акты.

Какъ мы видѣли, королю Сигизмунду приходилось принять издержки молдавскаго похода на счетъ текущихъ доходовъ государственнаго казначейства. Между тѣмъ литовское казначейство было пусто. Кромѣ того на немъ лежалъ огромный непогашенный долгъ Авраму Езофовичу. Поэтому королю волей неволей приходилось или прибѣгнуть къ займу на тяжелыхъ условіяхъ у своихъ приближенныхъ, или же, назначивъ подскарбія, возложить на него покрытіе издержекъ молдавскаго похода на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ.

Расходы по экспедиціи простирались до 2000 копъ. Для покрытія этой суммы король занимаетъ *пока*, т. е. на короткій срокъ, безъ залога, у воеводы троцкаго п. Миколая (Миколаевича Радивила) 600 злотыхъ (т. е. 360 копъ гр.) и у маршалка дворнаго п. Григорія 200 копъ гр. Но этого слишкомъ мало, и король обращается къ новому подскарбію. Богушъ отыскиваетъ 800 копъ грош. [1]). Однако для покрытія дефецита еще не хватаетъ почти 600 копъ грошей. Подскарбій не находитъ денегъ. Еще новый долгъ въ 700 копъ грошей. Приходится ихъ занять

---

[1]) Заемъ мы опредѣляемъ въ этой суммѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Богушъ Б. уступаетъ королю свои права на Жижморахъ, полученныя имъ взамѣнъ трокскаго городничества, за которое Б. далъ королю Александру 100 копъ *широкими грошами*, т. е. 150 к. литов. и 75 червон. злот., т. е. $27^1/_2$ копъ лит.—всего 180 копъ гр. литов. Такъ какъ городничество троцкое было взято у Богуша противъ его воли (М. Л. Зап. VIII, f. 371), то надо допустить, что Жижморы были, по крайности, равноцѣнны троцкому городничеству, если не стоили больше. И дѣйствительно, чрезъ 8 лѣтъ подъ залогъ Жижморъ король получаетъ 500 копъ грошей, съ обязательствомъ залогопринимателей уплатить эти деньги въ теченіе 3 хъ лѣтъ изъ текущихъ доходовъ двора, т. е. Жижморы давали въ годъ около 200 коп. гр. (12000 руб.) М. Л. Зап. XII, f. 180, ibid. f. 54, отъ 1519 г.). Дворъ же Довкги былъ заложенъ въ 1000 злот. (М. Л. Зап. VIII, f. 317 (b)) или же въ 600 копъ грош. (ibid., Зап. XI, f. 9).

снова самому королю у одного изъ приближенныхъ, у того же маршала, а теперь уже воеводы троцкаго. Такимъ образомъ оплаченъ молдавскій походъ.

Но вотъ являются къ королю во Львовѣ новые и новые служилые люди: королевскіе дворяне[1]), татары[2]) и т. д. Въ Радыминѣ выступаютъ волынцы: имъ нужно уплатить 400[3]) копъ грош. Откуда же погасить эти новыя требованія?

Король, какъ мы видѣли, нашелъ деньги для покрытія молдавскаго похода. Но, спрашивается, на какихъ условіяхъ? Для отвѣта раскрываемъ актовую книгу Метрики Литовской, Записей № VIII, и на оборотѣ 317 листа встрѣчаемъ слѣдующій актъ отъ 8 ноября 1509 г.: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій, п. Богушъ Боговитиновичъ отказывается въ пользу короля отъ права на управленіе Жижморами, которые были предоставлены ему вмѣсто троцкаго городничества. Отказывается Богушъ, однако, съ тѣмъ, чтобы король, по возвращеніи ему 1000 злотыхъ, занятыхъ подъ залогъ двора Довкги, оставилъ за нимъ управленіе этимъ дворомъ пожизненно. Король, видя его уступчивость и особенныя способности Богуша къ королевской службѣ[4]), склоняется къ его просьбѣ. Какая, повидимому, идиллія! Но обратимъ вниманіе на даты приведенныхъ нами документовъ и окажется—серьезная драма. Въ январѣ 1509 г. Богушъ называется просто писаремъ. Октября 23 того же года онъ титулуется подскарбіемъ земскимъ, писаремъ, и только. А черезъ *недѣлю* мы видимъ его титулъ съ прибавкою: намѣстникъ жижморскій[5]). Еще черезъ недѣлю онъ пишется: подскарбій земскій, писарь, намѣстникъ жижморскій и довкговскій[6]). Изъ сопоставленія датъ этихъ документовъ съ числами,

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 447 (b). Охмистръ королевскій, Янъ Щитъ, мечный к. лит., обрусный Петръ, толмачъ Ильяшъ и т. д.

[2]) Ibid., 448 (b .

[3]) Ib., 449 и 449 (b).

[4]) ...„бачачи его повольпость, и къ тому видячи его *годность* ку службѣ Нашей, то есмо вчинили: какъ тую сумму золотыхъ ему отложимъ, тотъ дворъ Нашъ Довкги дали ему держати до его живота“.

[5]) М. Л. Зап. VIII, f. 313 (b), 1509 г., Львовъ, октября 30.

[6]) Залоговой записи на Довкги намъ не удалось отыскать, но мы заключаемъ по сравненію съ цѣлымъ рядомъ иныхъ документовъ такого же рода, а равно и по

въ которыя происходитъ уплата участникамъ молдавскаго похода, кажется, совершенно ясно, что деньги король получилъ отъ новаго подскарбія не иначе, какъ подъ залогъ своихъ доходнѣйшихъ вотчинъ. Процентовъ король, правда, не платитъ, но вмѣсто нихъ въ пользу Богуша поступаютъ *всѣ королевскіе доходы съ заложенныхъ вотчинъ.* Это было недурное вознагражденіе, т. е. не менѣе 30%. Очевидно, подобныя условія займа не могли показаться королю привлекательными! Но этого мало. Король, какъ мы видимъ, принужденъ былъ обращаться съ займами и къ другимъ лицамъ. Слѣдовательно, новый подскарбій не только ссужалъ деньги королю подъ залогъ и за огромные проценты, по невѣроятному курсу [1]), но сверхъ того не обладалъ самъ ни кредитомъ, ни значительными капиталами.

Среди этихъ неудобствъ, съ перспективою постепеннаго залога всѣхъ своихъ вотчинъ, король невольно сравниваетъ съ новымъ подскарбіемъ своего вѣрнаго и нетребовательнаго слугу Аврама Езофовича. Въ то время какъ Богушъ, подобно остальнымъ приближеннымъ короля, какъ бы стремился осуществить поговорку XVI ст.: „въ Литвѣ всякое слово стоитъ золота", за всякую услугу желаетъ вознаградить себя съ лихвою, Аврамъ Езофовичъ, высоко поднявъ королевскіе доходы, довольствуется незначительными королевскими пожалованіями. Мало того, онъ называетъ эти пожалованія великими милостями и за эти милости ссужаетъ короля безъ всякихъ куртажей и обезпеченій все новыми и новыми суммами [2]).

Въ то время какъ прежній подскарбій Ѳедко принадлежалъ къ знатной фамиліи Хребтовичей, а Богушъ былъ зятемъ князя Андрея Александровича Сангушка Коширскаго, извѣстнаго бо-

---

окончанію документа отъ 10 ноября 1509 г., гдѣ король говоритъ, что только послѣ перехода двора Довкги въ управленіе Богуша онъ будетъ обязанъ „доходы и иные пожитки што на Насъ приходятъ къ Нашимъ рукамъ отдавати".

[1]) Такъ мы думаемъ, потому что 1000 золотыхъ приравнены Богушемъ къ 600 копамъ, т. е. злотый сосчитанъ въ 36 гр., между тѣмъ какъ въ томъ же году 1509 и 1510 копу гр. Аврамъ Езофовичъ ставилъ всего въ 30 гр., т. е. Богушъ беретъ въ свою пользу куртажъ въ 18%!

[2]) Герберштейнъ в. н. соч. стр. 166.

гача[1]), старосты володимірскаго[2]), Аврамъ Езофовичъ среди литовской знати былъ человѣкомъ совершенно чужимъ. Для него единственною опорою могъ быть только король.

Съ помощью искуснаго, обладающаго значительнымъ капиломъ и кредитомъ Аврама Сигизмунду видѣлось осуществленіе иныхъ, неудавшихся въ Польшѣ плановъ. Какъ извѣстно, Сигизмундъ мечталъ объединить всѣ источники государственныхъ доходовъ, переложить натуральные платежи на деньги, замѣнить отживающее посполитое рушеніе постоянными войсками, при помощи установленія особаго налога обезпечить казнѣ постоянную наличность и т. д. Осторожный, привыкшій къ канцелярской рутинѣ Богушъ оказывался мало пригоднымъ для осуществленія этихъ плановъ.

Что же касалось, такъ сказать, формальныхъ условій, то съ этой стороны не могло быть ни малѣйшаго препятствія къ возведенію Аврама въ званіе земскаго подскарбія. Не говоря уже о томъ, что переходъ Аврама въ христіанство совершился въ такія отдаленныя времена, что у большинства не могло быть и представленія о его еврейскомъ происхожденіи, Аврамъ Езофовичъ былъ не просто Аврамъ, а „шляхетный Аврамъ Езофовичъ, староста смоленскій, войтъ мѣнскій, управляющій монетнымъ дворомъ в. княжества и начальникъ цѣлаго ряда таможенныхъ округовъ, помѣщикъ („земянинъ“) литовскій“. Мало того. Это важное положеніе пріобрѣтено имъ не столько съ помощью денегъ, сколько личнымъ мужествомъ и отвагою. Мало ли откупщиковъ было въ Литвѣ въ его время, и христіанъ, и евреевъ,— однако однѣ деньги никого изъ нихъ не сдѣлали ни земяниномъ, ни старостою, не говоря уже о бо̀льшемъ. Назначеніе Аврама не могло встрѣтить неудовольствія со стороны членовъ Рады, потому что важнѣйшіе изъ ея членовъ, напр., Войтѣхъ, бискупъ виленскій, или Миколай Радивилъ, воевода троцкій, принимали прямое участіе въ Аврамѣ, съ другими, какъ напр., Ив. Б. Со-

---

[1]) За дочерью далъ въ приданое 1000 копъ грошей.

[2]) Съ 1508 г. мая 27, когда король дозволилъ ему выкупить замокъ Володимірь у вдовы Өедора Янушевича. М. Л. Зап. VIII, f. 211.

пѣгою или Юріемъ Зеновевичемъ онъ былъ старымъ сослуживцемъ по Смоленску. А что и другіе члены Рады ничего не имѣли противъ Аврама Езофовича, видно изъ его отношеній къ Илиничу и О. М. Кгаштолту. Итакъ, въ концѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ мирно вступилъ въ число меньшихъ членовъ Рады в. княжества литовскаго [1]).

Какова же была финансовая дѣятельность Аврама Езофовича? Ограничился ли онъ прежнею рутиною, или же сталъ въ уровень съ тѣми требованіями, которыя король пытался провести по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія?

Г. Вольфъ, по своему обыкновенію, говоритъ [2]): „совершенное отсутствіе матеріаловъ не позволяетъ очертить финансовой дѣятельности Абрагама (sic) Езофовича, его вліянія на экономическое состояніе Литвы и пользу или вредъ, какой онъ могъ на своемъ высокомъ посту принести краю". Такъ какъ читатель достаточно ознакомленъ съ пріемами г. Вольфа, то мы не станемъ продолжать полемики, а на заявленіе г. Вольфа отвѣтимъ просто послѣдующимъ изложеніемъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1509 г. Аврамъ оставилъ Краковъ, имѣя на королѣ 8000 копъ грошей долгу, а въ своемъ завѣдываніи указанные выше источники. До назначенія въ должность подскарбія новыя требованія къ нему короля не превосходятъ 150 копъ грошей [3]). Въ декабрѣ 1509 г. король поручаетъ Авраму покрыть занятыя имъ у п. Радивила, воеводы троцкаго 300 к. гр., у маршалка дворнаго Григорія 200 к., а 7 января 1510 г. 700 к. грошей у того же Григорія Остыковича. Съ февраля 1510 г. жалованье назначается различнымъ лицамъ изъ Петрокова, а въ мартѣ изъ Кракова. Такимъ образомъ по 30-е мая 1510 г. къ Авраму направлено ассигновокъ на 4185 копъ гро-

---

[1]) Мы причисляемъ подскарбія земскаго къ меньшимъ членамъ Рады по мѣсту, которое онъ обыкновенно занимаетъ въ документахъ. Старѣйшими членами всегда были бискупы, канцлеръ, гетманъ великій, маршалокъ земскій и воеводы.

[2]) Выше наз. бр. стр. 22.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 440—451, passim. Собственно наличными деньгами Аврамъ уплатилъ 100 копъ гр., выдалъ въ счетъ доходовъ монетнаго двора 56 локтей атласа по 23 гр. локоть и 15 локтей бархату по 2 копы гр. локоть.

шей. Въ іюлѣ 1510 г. Аврамъ является въ Краковъ для представленія королю документовъ объ уплатѣ имъ „бурмистру мѣста Краковскаго, п. Яну Бонару 5000 злотыхъ". Деньги эти были заняты у Бонара еще королемъ Александромъ для уплаты жалованья служилымъ людямъ. Король квитуетъ Аврама Езофовича въ уплатѣ этой суммы [1]). Такимъ образомъ пассивъ короля подымается почти до 15,000 копъ, т. е. до 900,000 руб. на наши деньги! Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года Аврамъ представляетъ, однако, королю докладъ объ операціяхъ по погашенію этихъ долговъ. И ноября 29 король отъ своего вѣрнаго подскарбія слышитъ пріятную вѣсть, что старый долгъ въ 5630 копъ и 50 грошей (т. е. 350,000 руб.), для покрытія котораго Авраму были предоставлены таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и Смоленскѣ,—совершенно погашенъ, что Аврамъ „тую вышереченную сумму 5000 и 600 и 30 копъ и 50 грошей собѣ съ тыхъ коморъ сполна выбралъ и што есмо ему тое сумы пенезей ничого не остали винни" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Аврамъ представилъ и королевскія ассигновки, по которымъ онъ выдавалъ деньги изъ вышеназванныхъ источниковъ. Король приказалъ эти ассигновки принять и сохранять впредь до разсчета, который онъ сдѣлаетъ съ Аврамомъ по пріѣздѣ въ Литву.

Одновременно съ Аврамомъ пріѣхалъ въ Краковъ и мѣщанинъ краковскій Ульрихъ Гозій, которому король поручилъ 9 февраля 1509 г. „быти минцу (монету) нашу у в. княжествѣ литовскомъ, у мѣстѣ Виленскомъ [3])". Изъ представленнаго имъ отчета оказалось, что Аврамъ не даромъ получилъ въ управленіе монетный дворъ. Гозій не могъ жаловаться на недостатокъ матеріала, а казна литовская на малую прибыль: со времени вступленія въ управленіе монетнымъ дворомъ Аврамъ вручилъ Гозію для чеканки монеты 13,619 гривенъ, 12 лотовъ, 22 скойца, 8 пенязей, или 6,809$^3/_4$ фунта чистаго серебра, цѣною около

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 112.
[2]) Ib. Зап. VIII, f. 113 (b).
[3]) Ib. f. 114.

34000 копъ грошей[1]) (около 2,000,000 рублей). За покрытіемъ издержекъ производства, казна получила чистой прибыли 12,000 злотыхъ (6000 копъ гр. литов.) т. е. 18%. Эти деньги Гозій передалъ „до скарбу (королевскаго) и на руки подскарбію п. Авраму".

Подтверждая заявленіе Гозія, Аврамъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ въ употребленіи этихъ денегъ. Опять все ушло на покрытіе государственныхъ нуждъ. Подводя итоги къ началу декабря, мы видимъ, что за уплатою Авраму 11,000 копъ грошей, король все таки остается ему долженъ около 4000 копъ грошей (240,000 р.). Значительная сумма! Но, однако, не слѣдуетъ забывать, что общая сумма обыкновенныхъ доходовъ литовскаго казначейства превышала эту передержку, по крайности, въ четыре раза. Поэтому в. князь литовскій, король польскій, ни ранѣе этого времени, ни позже, какъ мы увидимъ, не находился въ денежной зависимости отъ Аврама. Доходы казны были довольно велики, но поступали они медленно и въ значительной мѣрѣ сырьемъ. И мы еще разъ видимъ, почему в. князь долженъ былъ дорожить подскарбіемъ, который могъ ссужать сейчасъ же, не ожидая поступленія того или инаго дохода, нужную *именно въ данный моментъ* сумму.

Мы видимъ, что 4500 копъ грошей[2]) составляли какъ бы тотъ необходимый денежный запасъ, при помощи котораго казна могла покрывать всѣ свои нужды даже при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сумма эта переходитъ, какъ мы увидимъ, изъ одного счета въ другой и, наконецъ, въ видѣ 10,000 червоныхъ злотыхъ, поступаетъ къ наслѣдникамъ Аврама.

На общелитовскомъ сеймѣ 1511 г. въ Берестьѣ Литовскомъ Аврамъ Езофовичъ, въ качествѣ подскарбія земскаго, представилъ в.

---

[1]) Собственно 34,049 копъ съ нѣсколькими грошами, принимая во вниманіе, что гривна серебра стоила въ 1509 г. 5 злотыхъ или $2^1/_2$ копы грошей литовскихъ; ср. наши Док. и регесты, т. I, № 55.

[2]) Мы нѣсколько разъ встрѣчали долгъ короля Авраму 5630 к. грошей, который, наконецъ, погашенъ окончательно 29 ноября 1509 г. Но въ этомъ долгу заключена сумма въ 1,200 к. гр., занятая еще королемъ Александромъ, слѣдоват. на долю кор. Сигизмунда приходится всего 4,430 копъ.

князю, окруженному Радой, свой первый отчетъ о приходѣ и расходѣ литовской казны.

Засѣданіе, на которомъ утвержденъ этотъ отчетъ, происходило третьяго октября „у вилію св. Франтишка, въ пятницу, у великой свѣтлицѣ". Въ виду важнаго интереса этого отчета для характеристики финансовой дѣятельности Аврама Езофовича, мы приводимъ его почти цѣликомъ.

Король и великій князь, вмѣстѣ въ Радою в. к. л., разсмотрѣвъ документы, квитуетъ Аврама въ томъ, что онъ въ теченіи отчетнаго времени принялъ слѣдующіе доходы:

I. Таможенные доходы въ Ковно отъ 23 февраля 1511 г. по 24 августа (или же 29 сентября) того же года [1]) дали . . . . 3,366 к. гр.

II. Монетный дворъ съ 24 августа 1510 г. по 20 апр. 1511 г. [2]). . . . . 1,000 к. гр.

III. Пошлины съ воска на виленской таможнѣ, полученныя отъ управляющихъ ею Занка, городничаго виленскаго, и Ѳедора восковничаго, за тотъ же срокъ . . . . 1,000 к. гр.

IV. Таможенныя пошлины въ Полоцкѣ отъ 24 августа 1510 г. по 23 февр. 1511 г. . . . . . 1,350 к. гр.

V. Таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за тотъ же срокъ. . . . . $798^1/_2$ к. гр.

VI. Таможенныя пошлины въ Брестьѣ и Луцкѣ, находящіяся въ управленіи Михеля (Езофовича) отъ 24 авгуcта 1510 г. по 29 сентября 1511 г. . . 1,000 к. гр.

VII. Особые таможенные сборы въ Луцкѣ, находящіеся въ управленіи Аврама Шахчовича, въ тотъ же срокъ . . . . 195 к 17 гр.

VIII. Таможенныя пошлины въ Володимірѣ (Волынскомъ) подъ управленіемъ Майка . . . . . . 67 к. 6 гр.

---

[1]) „Отъ мясопустъ индикта 14", по какой срокъ, неизвѣстно; но принимая во вниманіе: 1) что большинство платежей пріурочено къ св Бартоломею или св. Михаилу, т. е. 24 августа или же 29 сентября, 2) что отчетъ представленъ за 14 индиктъ, т. е. за $^{1510}/_{1511}$ *сентябрскій* годъ, мы полагаемъ, что предѣльный срокъ долженъ быть не дальше „29 сентября".

[2]) „Отъ св. Болтромея, индикта 13 до Велика дня индикта 14".

IX. Таможенныя пошлины въ Бѣльскѣ . . . 200 к. гр.

X. Таможенныя пошлины въ Дрогичинѣ . . 24 к. гр.

XI. Акцизъ съ питей („корчомные пенязи") за 1510—1511 годъ (индиктъ 14) и иныя мелкія поступленія. . . . . 667 к. гр.

Итого 9,668 к. 23 грош.

Приведенный итогъ, однако, далеко еще не показываетъ истинной цифры годоваго дохода литовскаго казначейства, такъ какъ доходы изъ *важнѣйшихъ* государственныхъ источниковъ показаны только за полгода. Поэтому, предполагая равномѣрное поступленіе суммъ въ теченіи всего года, мы получимъ *14,876 копъ грошей;* цифра, какъ мы увидимъ ниже, весьма близкая къ годовому доходу литовскаго государственнаго казначейства.

Всѣ полученные доходы Аврамъ Езофовичъ израсходовалъ по письменнымъ и устнымъ приказаніямъ короля (в. князя) и сверхъ 9,668 копъ оказался дефицитъ въ 7,020 копъ, который и былъ покрытъ собственными деньгами Аврама Езофовича. Для возмѣщенія этихъ суммъ Авраму Езофовичу предоставляются таможенные доходы в. княжества литовскаго.

Утвержденіе счетовъ послѣдовало, какъ мы сказали, на великомъ сеймѣ Берестейскомъ 1511 г. въ присутствіи наличной Рады, т. е. воеводы виленскаго, канцлера, п. Миколая Миколаевича Радивила, воеводы троцкаго, маршалка дворнаго, п. Григорія Ст. Остыковича, пана троцкаго, старосты жомоитскаго, п. Стан. Яновича, воеводы полоцкаго, п. Станислава Глѣбовича, старосты городенскаго пана Станислава Петровича и, наконецъ, воеводы витебскаго, маршалка и секретаря королевскаго п. Ивана Сопеги [1]).

Второй отчетъ по управленію государственнымъ казначействомъ Аврамъ Езофовичъ представилъ черезъ два года съ половиною [2]), т. е. 6 марта 1514 г., „вступивши въ постъ великій, на другой недѣлѣ, въ понедѣлокъ". Къ сожалѣнію, въ акто-

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 116.

[2]) Ibid., f. 117 (b). „Отъ сейма великаго Берестейскаго", бывшаго октября 3 дня (1511 г.).

выхъ книгахъ не сохранилось подлиннаго отчета, какъ въ 1511 г., а только квитанція короля Авраму Езофовичу, которая ограничивается перечисленіемъ главнѣйшихъ статей доходовъ и голою цифрою поступленія суммъ за отчетный періодъ. Впрочемъ, и въ этомъ видѣ квитанція не лишена интереса, а потому мы и приведемъ изъ нея существеннѣйшія черты. Въ теченіи указаннаго времени въ казну поступили доходы изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ источниковъ: прибыль отъ чеканки монеты („зъ минцы"), таможенныя пошлины съ воску и соли, акцизъ съ питей, доходы „съ поднѣпрскихъ волостей"[1]) и съ жмудскихъ оброчниковъ („куничныхъ грошей жамоитскихъ") и со всѣхъ иныхъ (менѣе важныхъ) платежей, которые обыкновенно поступаютъ въ казну. Таковы ординарные доходы. Но въ теченіи этихъ двухъ съ половиною лѣтъ въ казну поступили чрезвычайные доходы, а именно: въ 1513 г. умерла бездѣтною королева Елена. Имущество ея, какъ выморочное, перешло къ королю Сигизмунду. Въ общей массѣ наслѣдства оказалось значительное количество серебра, которое по приказанію короля Сигизмунда перечеканено въ монету. На монетный дворъ пошла какъ серебряная утварь королевы Елены, такъ равно и значительное количество старинной монеты („гроши широкіе"), хранившейся въ ея имуществѣ.

Около 1512 г. началась новая война съ в. княземъ московскимъ. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Вильны съ Москвою, естественно, существовали въ каждый данный моментъ непогашенныя на той и другой сторонѣ кредитныя обязательства. На объявленіе ему войны Сигизмундъ отвѣчалъ конфискаціей въ пользу литовской казны долговыхъ обязательствъ виленскихъ купцовъ москвичамъ. Виленскіе купцы объявлены должниками не москвичей, а литовской казны и вносятъ свои долги въ руки Аврама Езофовича.

---

[1]) Подъ именемъ поднѣпрскихъ и задвинскихъ волостей разумѣлись слѣдующія (Ак. З. Р. т. II, №, 75 отъ 25 октября 1511 г.): Кричовъ, Пропойскъ, Чечерскъ, Горволь, Рѣчица, Брягинъ, Мозырь, Бгичь, Бобруйскъ, Свислочъ, Любошаны, Усвятъ, Озерище.

Быть можетъ, что къ этой же категоріи, т. е. къ числу конфискованнаго имущества относится и серебро, особо полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ воеводы троцкаго, маршалка дворнаго п. Григорія Остыковича. Какъ бы то ни было, всѣ эти доходы въ совокупности дали казнѣ 46,436 копъ 25 грошей, или среднимъ числомъ на годъ около 18,000 копъ; цифра, близкая къ бюджету 1511 г. Изъ этихъ доходовъ Аврамъ погашаетъ обязательство короля на 7020 копъ грошей, выданное ему на Брестскомъ сеймѣ 1511 г.[1]). Остальныя же деньги онъ роздалъ по приказанію короля (в. князя) и Рады разнымъ „князямъ и панамъ, и дворянамъ и служебнымъ". Доходовъ казны снова оказалось мало и дефицитъ въ 6016 к. гр. былъ опять покрытъ Аврамомъ изъ „своихъ власныхъ пенезей".

Дефицитъ 1511 г. былъ результатомъ первой московской войны. Передержка 1514 г. станетъ совершенно понятною, если мы ознакомимся съ положеніемъ важнѣйшихъ пограничныхъ крѣпостей наканунѣ второй московской войны. Такъ, напр., въ 1511 г. въ Смоленскѣ (при передачѣ онаго отъ Юрія Глѣбовича Николаю Илиничу), ни въ крѣпостныхъ сараяхъ, ни въ погребахъ, ни въ закромахъ, а равно и на гумнѣ не было никакихъ запасовъ. Артиллерія же этой огромной крѣпости состояла всего изъ 8 пушекъ[2]). Не въ лучшемъ видѣ находился и Витебскъ при передачѣ его п. Ивану Сопѣгѣ; есть пули для крѣпостныхъ ружей („гаковницъ"), а самихъ ружей нѣтъ. Часть пушечнаго пороха собрана изъ пушекъ, когда то покинутыхъ москвичами (хорошъ порохъ!). Селитры на всю крѣпость 2 фунта. Въ замковомъ погребѣ нѣтъ никакой провизіи и т. д.[3]). Поэтому, кромѣ выдачи жалованья служилымъ людямъ, король поручаетъ Авраму позаботиться о снабженіи этихъ крѣпостей огнестрѣльными орудіями и припасами.

---

[1]) Упоминая объ этомъ, король говоритъ, что Аврамъ „уплотилъ себѣ" эти 7020 копъ „и тотъ листъ вашъ (т. е. королевское обязательство) и квитунокъ намъ вернулъ".

[2]) М. Л. Зап. VI, pag. 559.

[3]) М. Л. Зап. VI, f. 52.

Ноября 23, индикта 2 (1513 г.), изъ Кракова приходитъ въ Вильно артиллерійскій транспортъ [1]). Еще ранѣе, т. е. въ 1510 г., апрѣля 11, Аврамъ Езофовичъ принялъ казну в. княжества литовскаго, а съ нею и арсеналъ [2]). Получивъ королевское предписаніе, Аврамъ Езофовичъ немедленно же, по прибытіи краковскаго транспорта, отправляетъ изъ Вильно запасы пороху, селитры, свинцу, крѣпостныхъ ружей, пуль и т. д. не только въ главнѣйшія пограничныя крѣпости, Смоленскъ и Полоцкъ, но и въ менѣе значительныя крѣпостцы, въ родѣ Кричева, Дубровны и т. п. [3]). Намъ удалось отыскать одинъ только документъ подобнаго рода, но несомнѣнно, что и остальные пограничные замки точно также нуждались въ дорого стоющихъ военныхъ припасахъ, поэтому появленіе въ отчетѣ 1514 года новаго дефицита въ 6016 к. гр. представляется вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Мало того, отсутствіе наличныхъ денегъ и неотложныя государственныя нужды побудили короля съ совѣта Рады занять у Аврама Езофовича еще вновь 4000 копъ грошей. Пергаментный документъ на этотъ заемъ съ висячею королевскою печатью сохранился до настоящаго времени въ Литовской Метрикѣ. Содержаніе его слѣдующее: „Заботясь объ удовлетвореніи государственныхъ потребностей в. княжества литовскаго, говоритъ король Сигизмундъ, мы заняли у любезнаго намъ, благороднаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, 4000 копъ грошей литовской монеты. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить болѣе надежнымъ способомъ какъ самого Аврама Езофовича, такъ и его законныхъ наслѣдниковъ въ возвращеніи занятой суммы, мы записываемъ ему оную на имуществахъ нашихъ, т. е. соляныхъ и восковыхъ пошлинахъ въ Брестѣ, а равно и на всѣхъ иныхъ доходахъ и платежахъ, взымаемыхъ на этой таможнѣ. Управленіе доходами брестской таможни съ правомъ избранія того или инаго способа для эксплоатаціи этихъ доходовъ предо-

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 651 (b).

[2]) Ibid. Судныхъ Дѣлъ, № III, 147. „Реестръ посполитый речей скарбныхъ“, 1510 года.

[3]) Ibid. Зап. VII, f. 651 (b).

ставляется Авраму Езофовичу впредь до покрытія сполна изъ доходовъ этой таможни вышеупомянутой суммы. Послѣ чего означенные таможенные доходы возвращаются къ королю и его наслѣдникамъ. Вильно, 4-го января 1515 г.".

Такимъ образомъ, бюджетъ 1515 г. былъ заключенъ снова съ значительнымъ дефицитомъ, а между тѣмъ паденіе Смоленска и угрожающее движеніе русскихъ войскъ въ Литву не позволяло и думать о заключеніи мира. Чтобы остановить успѣхи непріятеля, требовались новые расходы, новое напряженіе силъ.

Мы только что видѣли, что король занялъ у Аврама вновь 4000 копъ грошей. Но оставался непокрытымъ старый дефицитъ въ 6000 копъ грошей. Впереди же выростали новыя и новыя нужды. Для облегченія государственнаго бюджета, король Сигизмундъ прибѣгаетъ по неволѣ къ несимпатичному для него средству, т. е. къ залогу в. княжескихъ вотчинъ. Замокъ Ковно съ волостью и дворъ Румшишки (Rumsziszki) поступаютъ въ залогъ къ Авраму Езофовичу за 10,000 червоныхъ злотыхъ. И казначейство освобождается такимъ образомъ отъ дефицита, переходившаго въ теченіи 7 лѣтъ изъ одного бюджета въ другой.

Что именно эти 6,000 копъ грошей были сняты со счетовъ государственнаго казначейства, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онѣ болѣе не встрѣчаются въ отчетахъ Аврама Езофовича. Къ тому же 6000 копъ, переведенныя на червоные злотые, по курсу 36 грошей, составятъ именно 10000 злотыхъ, но разница могла произойти отъ уступки в. князю части суммы въ видѣ челобитья.

Отдача въ залогъ в. княжескаго имѣнія вела за собою непремѣнно и передачу залогодержателю всѣхъ или почти всѣхъ правъ в. князя [1]).

---

[1]) Изъ множества примѣровъ укажемъ два—три: Въ 1507 г. декабря 11 король говоритъ, что п. Өеодору Янушевичу „въ *тыхъ пенезехъ въ 1000 и въ 400 золотыхъ даетъ* и дали есмо ему *замокъ нашъ Володимеръ* зъ местѣчкомъ Нашимъ Литовижомъ и зъ монастыремъ св. Спаса и со всими дворы нашими и фольварки и волостями... што *на замокъ всякую работу робятъ и дань даютъ* и тежъ люди служебныи и зъ мытомъ великимъ и малымъ, што на Насъ бирано и съ корчмами Володимерскими и Турейскими и со *всими платы* и доходы и зъ данями всякими грошовыми и медовыми и съ цинши всякими и съ припадки... *А маемъ его старостою въ*

Залогъ той или иной вотчины различается отъ передачи ея въ управленіе („въ державу", въ „держанье") лишь размѣромъ статей, уходившихъ изъ рукъ в. князя: находилась ли вотчина въ залогѣ или же въ управленіи, титулъ лица оставался одинъ и тотъ же, точно также какъ и его служебныя отношенія. Но изъ того, что залогъ вотчины предоставлялъ залогодержателю извѣстныя права, не слѣдуетъ думать, будто только деньги служили основаніемъ для пріобрѣтенія вмѣстѣ съ вотчиною того или инаго служебнаго положенія. До конца XVIII в. судебныя должности во Франціи пріобрѣтались за деньги; до послѣдняго времени покупались офицерскіе чины въ англійской арміи. Можно ли отсюда, однако, заключить, что всякій капиталистъ во Франціи могъ сдѣлаться членомъ судебной палаты, въ Англіи полковникомъ или генераломъ? Несомнѣнно, что въ Литвѣ в. князья получали еще въ XVI в. денежные подарки „челобитье" [1]) съ каждаго служебнаго назначенія, но едва ли кто либо докажетъ,

листехъ нашихъ писати". (Зап. VIII, f 198). Здѣсь, правда, были особенныя обстоятельства, т. к. король, взявъ у Ѳ. Янушевича староство луцкое, маршалство волынской земли, хотѣлъ его вознаградить. Но вотъ другой, чистый примѣръ: Годъ спустя, король дозволяетъ „князю Андрею Александровичу Сонкгушку" выкупить у вдовы Ѳ. Янушевича замокъ „Влодимеръ" и владѣть имъ на тѣхъ же правахъ, какія были предоставлены Ѳ. Янушевичу. (Ibid. f. 24). —Точно также залогъ какой либо менѣе важной вотчины, намѣстничества, державы, тивунства—давалъ залогопринимателю титулъ намѣстника, державцы, тивуна. Ср. вышесказанное о Богушѣ Боговитиновичѣ: закладываетъ ему король Жижморы, онъ пишется державцемъ жижморскимъ присоединяются къ залогу Довкги — присоединяется и титулъ—державца довкговскій

[1]) Челобитье достигало иногда огромныхъ размѣровъ: такъ напр., Венцл Ст. Костевичъ за предоставленіе ему въ пожизненное „держанье" замка Кобриня вноситъ в. князю 1000 к. гр. (60000 руб.) М. Л. Зап. XI, f. 38, апр. 7, 1516 г.—А въ 1523 г. самъ король вспоминаетъ, что съ кухмистра своего Юрія Михайловича за отдачу ему въ держанье двора Мойшакгояы „взяли немалое челобитье" Ibid. XII, f 106, августа 27. г. 1523.—Въ 1510 г. мая 4 въ Краковѣ, король Сигизмундъ даетъ обѣщаніе пожаловать Юр. Ив. Илинича, маршалка, намѣстника лидскаго, староствомъ берестейскимъ съ „ключомъ Берестейскимъ тотъ *ерядъ, замокъ Нашъ Берестейскій* одъ Насъ держати". При чемъ король заявляетъ, что уже теперь п. Юр. Илиничъ далъ „Намъ отъ того: *челобитья* 100 золотыхъ: а какъ маемъ ему въ тотъ замокъ Берестей увязоне дати, тогды п. Юр. Илиничъ маетъ Намъ 200 *золотыхъ* еще дати" (Зап. VIII, f 346).

что в. князья, при назначеніяхъ на ту или иную должность, руководились только соображеніями о челобитьи.

Сдѣлавшись ковенскимъ старостою, Аврамъ Езофовичъ удержалъ по прежнему управленіе и ковенскою таможнею, какъ можно видѣть изъ того факта, что таможня поступаетъ въ управленіе къ Гонусу Судорману только послѣ смерти Аврама Езофовича, т. е. съ 30 ноября 1519 г. [1]).

Если побѣда подъ Оршею остановила рѣшительные успѣхи русскаго оружія, то все же она не рѣшила судьбы войны. Не даромъ в. князь Василій Ивановичъ двинулся воевать, „пока копья и меча станетъ!“ Поэтому дефицитъ продолжалъ увеличиваться и королю волей неволей приходится закладывать одну волость за другою. Еще до начала 1518 года заложены Ушполье и Пеняны воеводѣ троцкому, маршалку дворному Гр. Ст. Остыковичу въ 2000 копъ грошей, а дворъ *Утены* въ 1000 копахъ [2]) грошей Яну Яновичу Заберезинскому. 1518 годъ подымается съ новыми и еще болѣе грозными требованіями. Безуспѣшность посольства Герберштейна и Дакколо заставляетъ приготовлять къ весеннему времени новыя войска, пополнять артиллерійскіе запасы, заботиться о фуражѣ и т. д. Поэтому король 1518 г. апрѣля 25 занимаетъ у Богуша Боговитиновича 400 копъ грошей подъ залогъ Каменца [3]) (Литовскаго), а 12 мая того же года, въ Краковѣ, 2,500 коп. грошей подъ залогъ двора Бирштанъ, въ троцкомъ повѣтѣ [4]).

Возрастающія затрудненія заставляютъ короля чаще являться въ Литву для уясненія положенія дѣлъ и для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

---

[1]) М. Л. Зап. № XI, f. 88. Судорманъ по ковенской таможнѣ представилъ отчетъ со дня св. Андрея, индикта 7, т. е. съ 30 ноября 1519 г.—Но *самъ* „держалъ три года; до Громницъ индикта 10“.

[2]) Ibid. Зап. XI, f. 37 (b), гдѣ крайчему, державцѣ мерецкому, п. Ст. Григ. Остыковичу въ вознагражденіе за согласіе его погасить этотъ долгъ въ 9 лѣтъ, предоставляются королевскіе вотчины Ушполье и Пеняны въ пожизненное управленіе—Ibid. f. 34. Дворъ королевскій Утени, съ волостью, дозволяется выкупить Кгаштолту.

[3]) М. Лит. Зап. XI, f. 9.

[4]) Ibid. f. 6 (b).

На Виленскомъ сеймѣ 1518 г., въ среду, 18 іюня передъ королемъ и всѣми панами Радами Аврамъ Езофовичъ представилъ отчетъ за минувшіе четыре года, т. е. отъ Брестскаго сейма 1514 г. Точная цифра поступленій за это время намъ неизвѣстна. Сохранившійся же документъ указываетъ только на дефицитъ въ 7,832 копы грошей (около 450,000 руб.). Сверхъ того настоятельныя государственныя нужды не дали возможности Авраму воспользоваться даннымъ ему правомъ на покрытіе прежняго дефицита изъ доходовъ брестской таможни. Такъ какъ, несмотря на особое королевское разрѣшеніе, старый долгъ Авраму, т. е. 4000 к. г., все еще не былъ покрытъ и въ 1518 г., то весь дефицитъ простирался до 11,832 копъ грошей (до 700,000 р.).

Вѣроятно ни одинъ литовскій подскарбій до этого времени не открывалъ в. князьямъ такого широкаго кредита. Можно думать, однако, что кредитоспособность Аврама была близка къ истощенію, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, что съ разрѣшенія короля онъ въ началѣ 1517 г. выкупилъ солецкое староство. Поэтому королю не оставалось инаго средства получить деньги, какъ новымъ залогомъ вотчинъ.

Заложенныя прежде вотчины перезакладываются въ болѣе значительныя суммы. Такъ, напр., Янъ Яновичъ Заберезинскій вноситъ къ 1000 к. грошей, за которыя ему Рада в. князя заложила дворъ *Мархово*, еще 200 к. грошей [1]). Замокъ и волость свислоцкая переходятъ отъ Гр. Исаев. Громыки въ руки Войтеха Ян. Насиловскаго по новой закладной, вмѣсто 600 копъ—въ 1,000 копъ гр. [2]); дворъ Довкги, бывшій въ залогѣ за 600 к. у Богуша Боговитиновича, перекладывается въ 800 коп. гр. Юрію Немировичу [3]).

Въ виду незначительности суммъ, полученныхъ отъ этихъ вторыхъ закладныхъ, король принужденъ заложить вновь еще цѣлый рядъ вотчинъ: такъ, утверждая 28 іюля 1518 г. закладную въ 750 копъ грошей, выданную Радою в. княжества городенскому старостѣ п. Юрію Миколаевичу подъ Мойщаголь, король

[1]) М. Л. Зап. XI, f. 21 (b), 18 ноября 1518 г. Брестъ,—а въ 1000 копъ заложенъ въ Краковѣ, 1518 г., августа 2 (ib. X, f. 14).

[2]) Ib. Зап. X f. 11 и 18. Ср. также Зап. XI f. 22, 1518 г., декабрь.

[3]) Ib. Зап. X., f. 10.

самъ закладываетъ тому же Юрью Миколаевичу дворы городенскаго повѣта: *Озера и Крынки* въ 1000 к. гр. со всѣми принадлежащими королю правами, впредь до уплаты занятой суммы; Юрію Ивановичу Илиничу замокъ и городъ Берестье (Брестъ-Литов.) за 500 коп. гр. [1]), Якубу Кунцевичу дворъ Василишки съ волостью за 1,000 коп. гр. [2]), Юрію Немировичу волость *Любошаны* за 500 коп. гр. [3]). Замокъ Мозырь съ волостью мозырскою и пчицкою заложенъ воеводѣ троцкому Олб. М. Кгаштолту въ 2,500 коп. гр. [4]).

Эти энергическія мѣры даютъ возможность нѣсколько возстановить равновѣсіе бюджета. Съ 18 іюня по 15 декабря 1518 г. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ покрыть 3,832 копы грошей, такъ что казна остается ему въ долгу всего 8,000 к. г. Для того, чтобы погасить, наконецъ, и этотъ долгъ, король отдаетъ Авраму Езофовичу не только соляное и восковое мыто въ Брестѣ, какъ то было въ 1514 г., т. е. съ дорогицкою, лосицкою и цехановскою таможенными заставами [5]), но со всѣми мытами старыми, какъ было"... за Казиміра короля е. м.: зъ *Городенскимъ*, а Дорогицкимъ, зъ *Бѣльскимъ*, зъ Каменецкимъ, зъ *Мельницкимъ*, што по дорогамъ и на перевозѣ суть, которые здавна (т. е. во время короля Казиміра) къ тому мыту берестейскому прислухали. И тежъ комору Берестейскую восковую и солянуюˮ [6]). Такимъ образомъ не только для погашенія долга возстановленъ старинный таможенный округъ, но и самыя пошлины отданы не къ „вѣрной руцѣ", а на откупъ, на 8 лѣтъ, считая каждый годъ въ 1000 к. гр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король обязывается за себя и за свою Раду въ теченіи этихъ восьми лѣтъ съ брестской таможни у Аврама „ничого не брати на наши потребы земскіе, а ни на отправу и на страву посламъ и гонцамъ, ани на квитанціи нѣкоторыхъ отправъ, а ни данинъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати". Далѣе король обезпечиваетъ Аврама,

---

[1]) М. Л. Зап. X, f. 16, 1518 г., октября 1, Краковъ.

[2]) М. Л. Зап. X. f. 18 (b), тоже ib. Зап. XI, f. 22 (b), 1518 г., въ Брестѣ, ноябрь.

[3]) Ib. X. f. 26.

[4]) Точной даты мы не имѣемъ, но на Петроковскомъ сеймѣ 1519 г. Кгаштолтъ отказывается въ пользу в. князя отъ 1000 копъ гр. изъ залоговой суммы.

[5]) Наши Док. и Регесты, къ исторіи лит. евреевъ т. I, № 66.

[6]) М. Л. Зап. XI, f. 27 (b).

что, въ случаѣ его смерти, откупъ останется все таки за тѣмъ, кому онъ его передастъ самъ. Точно также ему не будетъ поставлено въ счетъ то время, когда по случаю повѣтрія или же нашествія непріятеля, брестскій таможенный округъ не будетъ очищать товаровъ пошлинами.

Такимъ образомъ король могъ считать себя поквитавшимся съ Аврамомъ, а потому могъ съ легкимъ сердцемъ занять передъ выѣздомъ изъ Литвы въ Польшу вновь 2000 к. грошей литовскими полугрошками [1]). Сверхъ того по порученію короля Аврамъ купилъ собольихъ и куньихъ шубъ и горностаевъ на 270 копъ грошей [2]).

С. Бершадскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Объ этомъ займѣ мы узнаемъ: во первыхъ, изъ завѣщанія Аврама Езофовича, изъ котораго видно, что король сдѣлалъ у него этотъ заемъ въ Вильнѣ. Король проводитъ въ Брестѣ конецъ 1518 и начало 1519 г. [М. Л. Зап. XI. f. 21, ноября 18 1518 г. Брестъ; ib. f. 22, тамъ же, декабрь 10; f. 30 (b)—2 января; fol. 42—8 января; 20 марта король въ Петроковѣ на „великомъ сеймѣ" (ib. f. 35) апрѣля 7 король находится въ Краковѣ (ib. f. 38), гдѣ мы его и встрѣчаемъ въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ (ib. f. 42, 55 и 55 (b)]. Между тѣмъ завѣщаніе Аврама Езофовича написано въ Брестѣ 28 сентября 1519 г. По составленіи же завѣщанія Аврамъ отправился къ королю въ Польшу, но, не доѣзжая до Польши умеръ въ Ламазахъ. Слѣдовательно, заемъ этотъ не могъ быть заключенъ въ Вильнѣ въ ноябрѣ 1519 г., а раньше. Поэтому весьма возможно, что заемъ этотъ былъ заключенъ 30 ноября 1518 г. въ Вильнѣ, въ день св. Андрея, какъ видно изъ инвентаря Литовской Метрики (Записи № II, стр. 224). Годъ показанъ въ инвентарѣ 1517. Если принять его, то неразъясненнымъ остается: 1) какимъ образомъ эта сумма не входитъ въ общій списокъ 1518 г. и объ ней Аврамъ Езофовичъ упоминаетъ отдѣльно и въ своемъ духовномъ завѣщаніи; 2) какимъ образомъ одинадцатый годъ королевствованія Сигизмунда I могъ прійтись на 1517 г., тогда какъ Сигизмундъ вступилъ на польскій престолъ въ 1507 г.—Слѣдующій документъ въ инвентарѣ совершенно вѣрно показываетъ 1519-й годъ двѣнадцатымъ годомъ королевствованія Сигизмунда I.

Если мы признаемъ, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ правильно, то вытекаютъ слѣдующія несообразности: занимая въ 1517 г. 30 ноября у Аврама Езофовича 2,000 к. гр. король обѣщаетъ ему своимъ королевскихъ словомъ уплатить эти деньги на Пасху 1518 г. и не только не уплачиваетъ ихъ, но и на пріемѣ отчета отъ Аврама Езофовича въ іюнѣ 1518 г. за прошлые годы, ни однимъ словомъ не обмолвливается объ этомъ долгѣ. Между тѣмъ долги королевскіе вносились въ общій списокъ расходовъ и подлежали уплатѣ наравнѣ съ остальными расходами. Этотъ же долгъ и въ завѣщаніи Аврама Езофовича отмѣченъ, какъ подлежащій покрытію изъ казны при представленіи новаго отчета „кромъ того што теперь новая личба будетъ". Док. и рег., т. I, № 69. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что 1517 г. поставленъ въ инвентарѣ ошибочно.

[2]) А не 3,217 копъ, какъ въ инвентарѣ и у г. Вольфа.

КЪ ИЗУЧЕНІЮ
УКРАИНСКАГО НАРОДНАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

I.

Мнѣ хочется подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины" нѣкоторыми наблюденіями и замѣтками, касающимися міровоззрѣнія украинскаго народа. Не претендуя на систематическій обзоръ народнаго міровоззрѣнія, я ограничусь опытомъ приведенія въ нѣкоторый порядокъ моихъ воспоминаній и наблюденій въ этой области. Цитируя слышанные мною изъ народныхъ устъ разсказы, пѣсни и т. п., я не буду особенно стѣсняться тѣмъ, помѣщены ли они въ томъ или иномъ варіантѣ въ томъ или другомъ этнографическомъ сборникѣ, но съ другой стороны я желаю ограничиться видѣннымъ и слышаннымъ мною, если же понадобится отступленіе отъ этого правила въ интересахъ большей ясности мысли, то это отступленіе будетъ всегда отмѣчаемо указаніемъ источника. Тамъ, гдѣ мнѣ кажется, что въ народномъ міровоззрѣніи послѣдовали нѣкоторыя видоизмѣненія за тридцатилѣтнее время моихъ наблюденій—я постараюсь ихъ отмѣтить. Что при подобнаго рода изслѣдованіи я считаю для себя обязательнымъ соблюдать елико возможно полную объективность, не умалчивать ничего сознательно изъ вѣдомаго мнѣ, не прикрашивать и не охуждать—считаю лишнимъ прибавлять.

Я начну съ понятій, связанныхъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наша привычка къ шаблоннымъ обобщеніямъ затрудняетъ науч-

ное объективное изученіе. Мы слишкомъ склонны воображать, что знаніе о принадлежности того или инаго народа къ тому или иному исповѣданію съ одной стороны и знакомство съ главными принципами этого исповѣданія—съ другой—исчерпываютъ данный вопросъ. Тотъ поверхностный способъ отношенія къ явленіямъ общественной жизни, къ которому пріучаютъ насъ наши школьные учебники исторіи, проникаетъ насъ обыкновенно глубже, чѣмъ мы предполагаемъ. Мы не безъ недоумѣнія замѣчаемъ давній языческій складъ жизни у народовъ, крещенныхъ наканунѣ, подобно тому, какъ мы не безъ труда представляемъ себѣ „легкомысленныхъ французовъ" серьезно и настойчиво преданными интересамъ производства, науки и искусства, англичанъ свершающихъ кой какія дѣянія безъ помощи машинъ и т. п. Разъ свершилось явленіе, которое мы называемъ эпохой, и разъ намъ дана общая характеристика этого явленія—и мы уже склонны видѣть въ послѣдующемъ періодѣ общественной жизни безусловное, всепоглощающее подчиненіе этой жизни данному направленію. Но дѣйствительная жизнь слагается болѣе осложненно, менѣе прямолинейно, чѣмъ наши обобщенія; тѣ или иныя отдѣльныя понятія не поглощаютъ никогда всецѣло общественной жизни, новыя не искореняютъ сразу давнихъ, взаимнодѣйствіе ихъ, а также вліяніе постороннихъ причинъ вызываютъ разныя модификаціи, а потому неудивительно, что и въ понятіяхъ народной массы, связанныхъ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ, мы встрѣчаемъ наслоеніе разныхъ историческихъ періодовъ, переработанное и переработываемое подъ вліяніемъ общаго сложнаго теченія общественной жизни, неудивительно, что въ преданіи мы встрѣчаемъ иногда отголоски давно минувшей прямой борьбы одного міровоззрѣнія съ другимъ, не говоря уже о неудобосвязываемыхъ отдѣльныхъ представленіяхъ, истекающихъ часто изъ весьма неоднородныхъ источниковъ.

Я не разъ слышалъ въ Кіевщинѣ слѣдующій довольно извѣстный разсказъ[1]: „Бувъ соби чоловикъ, що жывъ у лиси и

---

[1]) Передаю по возможности точно слова и обороты рѣчи той мѣстности, въ которой я слышалъ данный разсказъ, пѣсню и т. п.

скакавъ зъ колоды на колоду, прыговоруючы: оце тоби, Боже, а це мени, Боже. Отакъ винъ соби спасався и такій вже спасенный бувъ, що мигъ зверху по води ходыты. Колы тимъ лисомъ иде чернець. Прыйшовъ винъ до того чоловика, тай пытайеться: що це ты, чоловиче добрый, робышъ? — Спасаюся, каже.—То не такъ же треба спасаться. И навчывъ його всихъ молытвъ якъ треба, сказано по церковному. Радійе вже тай чоловикъ; годи вже скакать зъ колоды на колоду; молыться вже такъ, якъ його научено. Колы забувъ винъ йідно слово. Бижыть винъ, доганяйе ченця, щобъ його навчывъ того слова. Прыбигайе до мора, ажъ бачыть—чернець вже поплывъ, куды йому треба. Той чоловикъ давай бигты по води; колы бачыть, вода йому ногы ажъ за кистки займайе. То винъ вернувся и давай зновъ скакать зъ колоды на колоду, та прыговарувать: „оце тоби, Боже, а це мени, Боже" и ставъ винъ зновъ ходыты по води, якъ перше".

А вотъ другой разсказъ, слышанный мною много лѣтъ тому назадъ въ кіевскомъ уѣздѣ въ семьѣ, обезпокоенной тѣмъ, что на принадлежащемъ ей полѣ въ житѣ была „закрутка". Послали за *дидомъ*, который умѣетъ подобающимъ образомъ вырывать „закрутки", за *горилкою* для угощенія *дида*, а пока шла бесѣда о зловредности *закрутокъ*. Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ слѣдующее: „Ото ще якъ Господь ходывъ по свитахъ—бачыть винъ: якась жинка закрутку закручуйе.—„Ахъ ты, каже, злая, необачная, щобъ же тоби це жыто не далось у руки". Ото та жинка ловыть та ловыть жыто, а воно все въ рукы не дайеться.—Чекай же, каже жинка, колы такъ, то щобъ ты не зайшовъ, куды тоби треба. Иде Господь, а ногы все на йідному мисци ступають. Ото Винъ позволывъ тейі жинци закрутыть вже ту закрутку, а Самъ пишовъ, куды намирывся".

Здѣсь уже не только вопросъ о томъ или иномъ значеніи данной формы религіознаго поклоненія, но о взаимномъ противодѣйствіи могущественныхъ противуположныхъ началъ.

Преданія въ родѣ цитируемыхъ крайне рѣдки, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы при самомъ тщательномъ ихъ собираніи можно было бы ихъ собрать сколько нибудь законченный циклъ, и по-

тому для даннаго изслѣдованія онѣ представляли бы мало интереса, если бы онѣ не свидѣтельствовали о сохраненіи въ народномъ преданіи отголосковъ весьма отдаленной старины. Въ народной массѣ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она принадлежитъ всецѣло христіанству, но тѣмъ не менѣе она сохраняетъ и преданія, подобныя цитируемымъ, и приписываетъ громадное значеніе такъ называемымъ сверхъестественнымъ силамъ, стоящимъ положительно внѣ христіанскаго міровоззрѣнія. Не говоря уже о значительной, довольно самостоятельной роли чорта, о его мѣстныхъ добродушныхъ видахъ въ родѣ „домовыкивъ" и т. п., я хочу обратить вниманіе на усвоеніе значительной силы разнымъ видамъ вѣдуновъ и вѣдуній, развѣнчаннымъ, но тѣмъ на менѣе могущественнымъ остаткамъ жрецовъ до-христіанскаго культа.

Кто изъ насъ не слышалъ о людяхъ, которые умѣютъ „замовлять" кровь, зубы, выводить крысъ изъ дома, переводить „горобцивъ" съ проса даннаго хозяина на другое или же сѣять просо такъ, чтобы гарантировать его отъ „спыванья" воробьевъ, о „прирожденныхъ и наученныхъ" вѣдьмахъ и ихъ многочисленныхъ продѣлкахъ съ коровами и т. п.? И вѣдьмы, впрочемъ, не только вредъ, но и пользу могутъ приносить владѣльцамъ коровъ; онѣ то и умѣютъ ихъ лечить,—вотъ почему чрезвычайно щекотливый вопросъ обращаться къ сельской женщинѣ „за порадою" по поводу болѣзни коровы, оттого и совѣты между хозяйками по этому вопросу ведутся всегда съ значительною таинственностью. „Хто се тутъ наплутавъ про мою матирь?" говорилъ мнѣ обиженно мой сосѣдъ, къ матери котораго я когда то въ невѣдѣніи данныхъ тонкостей обратился за совѣтомъ, какъ къ опытной хозяйкѣ. Вѣдьмы же, какъ извѣстно, могутъ заставлять и летать человѣка, и мнѣ случалось слышать разсказы о летаніи по волѣ вѣдьмы отъ людей, которые утверждали это вполнѣ убѣжденно, такъ какъ, по ихъ словамъ, они сами летали такимъ образомъ. О способностяхъ вѣдьмы обращаться по произволу въ разныхъ животныхъ слышалъ, вѣроятно, всякій, и очень многіе утверждаютъ, что они видѣли подобныя превращенія. Это происходитъ обыкновенно такимъ образомъ, что разсказчикъ видѣлъ ночью

нѣчто женоподобное вблизи какой нибудь „повитки", это нѣчто потомъ исчезло, и онъ увидѣлъ собаку или свинью и т. д. Я помню разговоръ двухъ стариковъ, которые скептически относились ко многимъ „бабськымъ забобонамъ", но по вопросу о вѣдьмахъ они не только признавали фактъ несомнѣннымъ, но и разсказывали о видѣнныхъ ими превращеніяхъ и т. п. Извѣстно также, что если животное, въ которое превратилась вѣдьма, избить или окалѣчить, то слѣды побоевъ или искалѣченія можно найти у женщины, чѣмъ и обнаруживается ея „видьомство". Если вѣдьма типъ вѣдуна, гл. обр. приносящаго вредъ, то другіе вѣдуны преимущественно приносятъ пользу: таковы, напримѣръ, всѣ излѣчивающіе „замовляніемъ" и т. п. Бываетъ такъ, что кто нибудь умѣетъ замовлять одну какую нибудь болѣзнь,—бываютъ и способные излечивать разныя болѣзни. „Ничого вже мойеи жинци не поможе, возывъ вже я йийи и до планетныка—то винъ глянувъ у такье виконце, та сказавъ мени, що ничого зъ неи не буде". Впрочемъ, не только по „планетамъ" можно предугадывать шансы леченія; если вылить яйцо, служившее для „выкачиванья переляку" (въ случаѣ болѣзни, приписываемой испугу, яйцомъ водятъ по тѣлу больнаго, пришептывая подобающія слова), въ воду, то оно будетъ образовывать фигуры, по которымъ глазъ вѣдающій узнаетъ „чы йдеться на жывуще, чы на вмыруще". (Въ послѣднемъ случаѣ виднѣются кресты). При леченіи употребляются разныя средства: и зѣлья и купанья, и скалыванье „щенятъ" во рту въ случаѣ водобоязни, и другія, но всѣ они недѣйствительны безъ соблюденія нѣкоторой обрядности и подобающаго приговариванья. Это и связываетъ народную медицину съ вѣдунствомъ. Но бываетъ и инаго рода полезное вѣдунство. Въ сквирскомъ уѣздѣ мнѣ разсказывали: „То наши люде возылы колысь кулыки до Кыева, ще якъ зализнои дорогы не було, и мій такы батько йиздывъ зъ нымы. Прыйшлось имъ ночувать пидъ Фастовцемъ у коршми. А тутъ сказано всякій народъ пройизжайе, то воны чергуються, глядять своихъ саней. А морозъ велыкій; досадно стоять на двори. Ночувавъ тамъ старенькій чоловичокъ—не знаю вже зъ якого села. Ото винъ каже: „не безпокойтесь, люде добри, не буде въ васъ шкоды". Ото воны

полягалы, спочылы трохы, тай вставать раненько, щобъ то вже йихать дальше, колы глянуть—стоить чоловикъ коло саней, на плечахъ кулыкъ мукы, рукы прымерзлы и нигъ ніякъ не одирве одъ земли. Давай винъ просыться въ того дида, то дидъ вже змылувався, та одпустывъ його". Слушая этотъ разсказъ, я—признаюсь—не сразу понялъ, въ чемъ сила, и предложилъ два-три вопроса въ болѣе реальномъ направленіи, то предполагая, что дѣдъ самъ стерегъ сани, то высказывая догадку, что онъ устроилъ нѣчто въ родѣ капкана, но я скоро почувствовалъ, до какой степени мои вопросы не шли къ дѣлу, и какое невыгодное понятіе о моихъ познаніяхъ составила себѣ аудиторія, слушавшая данный разсказъ. „Я знаю, що паны цьому не вирать—говорилъ мнѣ одинъ знакомый въ сквирскомъ уѣздѣ.—Воны не вирать и тому, що можна такье зробыты, щобъ чоловикъ полюбывъ яку дивчыну, чы жинку. А хиба N не зробляно такъ; чогожъ бы винъ йийи полюбывъ? Чы то жъ въ його жинкы нема, або зновъ вона така краса, чы що?" „Щось винъ мени, проклятый, зробывъ, говорила *дивчына*, що одъ колы його тутъ немайе, въ мене й робота не спорыться, и до йижы не маю охоты". Данную *дивчыну* полюбилъ кто то опять таки потому, что у ея родителей „не дурно жъ ночувала три ночы" баба вѣдунья. Въ пѣсни *дивчына* оправдывается передъ любящимъ ее парубкомъ, что она не знаетъ чаровъ:

„Бодай ты такъ знавъ
Зъ синей до хаты,
Отъ якъ я знаю
Чимъ чаруваты.
Въ мене чароньки—
Чорни бривоньки,
Въ мене прынода—
Сама молода".

(Изъ пѣсни, слышанной въ кіевскомъ и сквирскомъ уѣздѣ).

А всё таки „чорны бривоньки", несмотря на всю ихъ соблазнительность, не всегда достаточны для того, чтобы заставить полюбить. Часто то *дивчыни*, то *парубкови* „щось зробляно". Невѣдомое „щось" наполняетъ вселенную; въ одномъ случаѣ—

оно порожденіе вѣдающей силы, въ иныхъ оно является самостоятельно, какъ неопредѣленное существо. Въ нашемъ селѣ „въ глыныську щось лякайе", то опять таки „щось лякайе" въ томъ или иномъ домѣ и т. д.

Наши культурники и полукультурники, прислушиваясь къ подобнымъ разсказамъ, не находятъ въ отвѣтъ на нихъ ничего, кромѣ улыбки высокомѣрнаго, а то и злостнаго презрѣнія, несмотря на то, что и у нихъ въ мозгу, какъ въ нашемъ сельскомъ *глыныську*, „щось лякайе".

Этотъ „перелякъ" чрезвычайно трудно „одмовлять": подъ его вліяніемъ все, находящееся внѣ міра афоризмовъ, внушенныхъ воспитателями, представляется пропастью бездонною, наполненною злыми духами и помышленіями. „Зализна баба" стережетъ огурцы и горохъ—внушаютъ родители нашимъ сельскимъ дѣтямъ, но живая пытливость дѣтскаго ума, возбуждаемая соблазнительнымъ вкусомъ запрещенныхъ плодовъ, побѣждаетъ страхъ передъ „зализною бабою", стерегущей огурцы; *зализна баба* традиціонныхъ афоризмовъ оказывается весьма часто непобѣдимой.

Выходитъ довольно забавно: люди, мысль которыхъ постоянно „щось лякайе", никоимъ образомъ не могутъ уразумѣвать людей, которыхъ тоже „щось лякайе"; каждая изъ сторонъ претендуетъ на монопольное право „ляканья" для своего нѣчто. Попробуемъ, однако, подражать нашимъ сельскимъ дѣтямъ (извѣстно „молоде—золоте") и разобраться нѣсколько во вкусѣ плодовъ, произрастающихъ внѣ нивы нашего личнаго мышленія.

Критерій, который употребляется обыкновенно при оцѣнкѣ народныхъ понятій данной категоріи, это степень ихъ правдоподобности. Находя данныя представленія неправдоподобными, практическіе наши мыслители дѣлаютъ выводъ о крайней непригодности мыслительныхъ способностей людей, вѣрующихъ въ эти неправдоподобныя вещи, а если въ добавокъ кѣмъ нибудь изъ нихъ было преподнесено безплодно афористическое отрицаніе того или инаго народнаго понятія данной категоріи, то выводъ этотъ еще обостряется и уснащается пріятнымъ сознаніемъ личнаго монопольнаго владѣнія „здравымъ смысломъ".

Какъ ни непріятно мнѣ расходиться съ мышленіемъ нашихъ монополистовъ „здраваго смысла", я осмѣливаюсь значительно усомниться въ пригодности критерія правдоподобности въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которые ему отводятся въ этихъ разсужденіяхъ. Онъ предполагаетъ какое то прирожденное интуитивное существованіе въ нашей мысли знанія возможнаго и невозможнаго въ природѣ. Смѣю сомнѣваться въ томъ, чтобы чья нибудь прирожденная интуиція указала на возможность мгновенной, такъ сказать, передачи нашей мысли на огромныя разстоянія при посредствѣ электричества, на возможность передачи какимъ то аппаратомъ звуковъ нашего голоса много лѣтъ спустя послѣ произнесенія ихъ, на возможность полученія изъ смѣси двухъ тѣлъ опредѣленныхъ свойствъ новаго, утратившаго характерныя свойства составныхъ своихъ частей и пріобрѣвшаго новыя, отсутствовавшія въ нихъ и т. д. А произрастаніе растенія изъ сѣмени и весь процессъ оплодотворенія, вращеніе земли около солнца, морскія теченія, превращеніе съѣдаемыхъ нами веществъ въ нашу плоть и кровь, наслѣдственность—однимъ словомъ, всѣ явленія органической и неорганической жизни—развѣ знаніе всего этого пріобрѣтается путемъ интуиціи? Употребляя послѣдовательно слогъ такъ называемаго „здраваго смысла", слѣдуетъ назвать всѣ эти явленія неправдоподобными. Да, онѣ неправдоподобны, онѣ только дѣйствительны; степень правильности понятія объ этой дѣйствительности зависитъ исключительно отъ степени пригодности метода ея изученія, умѣнья владѣть имъ и размѣровъ района наблюденій.

Степень пригодности того или инаго обобщенія явленій нисколько не зависитъ отъ того, какимъ образомъ оно дѣйствуетъ на нашу впечатлительность, образовавшуюся подъ вліяніемъ предъидущихъ наблюденій и обобщеній, а исключительно отъ того, насколько оно согласуется съ фактами, лежащими въ его основаніи; само по себѣ, für sich und an sich, оно не носитъ никакой печати пригодности или непригодности.

Съ этой точки зрѣнія народныя обобщенія, стремящіяся къ истолкованію жизненныхъ явленій, въ сравненіи съ научными понятіями не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, какъ родъ отъ

рода, а представляютъ только отдѣльный видъ того же рода: стремленіе уяснить себѣ такъ называемую причинную связь явленій; вся разница между ними состоитъ только въ степени совершенства методическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ они добыты.

Привычкой къ даннымъ методическимъ пріемамъ и объясняется безплодность партизанской войны, ведомой иногда культурниками съ тѣми или иными отдѣльными обобщеніями народнаго міровоззрѣнія непосредственно. Борьба обыкновенно ведется аргументами пресловутой правдоподобности, при чемъ забывается, что данныя, на которыя мы ссылаемся, представляются слушателямъ въ такой же мѣрѣ неправдоподобными, въ какой аргументирующему понятія, съ которыми онъ сражается. Мнѣ случалось иногда пытаться дать на иныя вопросы, возбужденные въ разговорѣ крестьянъ, научный отвѣтъ. По вопросамъ, предлагаемымъ мнѣ, или по уступчивому молчанію и дальнѣйшему ходу разговора, я замѣчалъ, что объясненія мои кажутся моимъ слушателямъ на столько же неправдоподобными, на сколько мнѣ объясненіе исхуданія лошади тѣмъ, что *домовыкъ* на ней ѣздитъ, или холерной эпидеміи тѣмъ, что холера въ образѣ женщины ходитъ изъ села въ село и т. д. Когда то зашла рѣчь о холерѣ; я старался разсказать о микроорганизмахъ, о зависимости податливости на зараженіе отъ условій климатическихъ, обстановки, личныхъ свойствъ организма и т. п. Меня слушали внимательно и вслѣдъ затѣмъ пошли дальше разговоры о томъ, какъ ходитъ холера, какъ она душитъ и т. д. Объясняя какъ то при случаѣ устройство фонографа, я чувствовалъ по общему тону дальнѣйшихъ разговоровъ, вошедшихъ въ область такъ называемаго чудеснаго, что фонографъ въ воображеніи большинства моихъ собесѣдниковъ явился или чѣмъ то такимъ неправдоподобнымъ, какъ для меня „видьомская“ сила, или же обладающимъ самъ *видьомскою* силою.

И это въ порядкѣ вещей. Для людей, неподготовленныхъ къ изученію явленій при помощи микроскопа, статистическихъ таблицъ и т. д., результаты микроскопическихъ изслѣдованій, медицинской статистики, акустики и т. д. должны казаться

невѣроятными, и скептическое ихъ отношеніе къ нимъ скорѣе указываетъ на присутствіе критическихъ наклонностей ума, чѣмъ обратно.

Такимъ образомъ тѣ или иныя объясненія явленій становятся удобоусвоиваемыми или отрицаемыми въ зависимости отъ методическихъ привычекъ нашего мышленія.

Въ сущности и методическіе пріемы изслѣдованія въ данномъ случаѣ разнятся не по существу, а по степени ихъ утонченности, вызывающей большую или меньшую чувствительность мыслительнаго аппарата на сходства и различія предметовъ наблюденія. Чѣмъ анализъ тоньше, тѣмъ точнѣе выдѣляются группы аналогичныхъ явленій, чѣмъ онъ грубѣе, тѣмъ больше смѣшенія между отдѣльными группами, тѣмъ больше склонность переносить свойства, подмѣченныя въ одной группѣ явленій, на другія, не заботясь особенно объ установленіи степени ихъ сходства и различія, но въ томъ или иномъ случаѣ сведеніе отдѣльныхъ явленій въ группы на основаніи общности ихъ свойствъ составляетъ основный пріемъ всякаго изслѣдованія. Чѣмъ уже кругъ наблюденій, чѣмъ меньше опытность наблюдателя, тѣмъ несовершеннѣе данная группировка и тѣмъ больше склонность переносить извѣстныя намъ подробности изслѣдованнаго типа явленій на всѣ остальныя, не заботясь особенно объ установленіи степени ихъ сходства и различія.

Подъ вліяніемъ этой примитивной техники изслѣдованія человѣкъ, обладающій малымъ запасомъ знаній, неизбѣжно склоняется къ подведенію всѣхъ явленій движенія къ наиболѣе извѣстному ему типу—типу человѣческихъ движеній. Присутствіе сознанія и волевыхъ ощущеній, присущее значительной части человѣческихъ движеній, разсматривается, какъ необходимое сопровожденіе всякаго движенія, и оттуда неизбѣжный антропоморфизмъ міровоззрѣнія.

Подъ вліяніемъ этого одушевляющаго природу міровоззрѣнія слагались, очевидно, понятія, приписывающія возможность волѣ человѣческой, выраженной въ формѣ заклинаній и т. п., вліять на явленія внѣшняго міра: задерживать кровь, зубную боль, заставлять людей уноситься въ воздухъ, переводить воробь-

евъ съ одного мѣста на другое, вложить въ скрученныя извѣстнымъ образомъ колосья зловредную силу и т. п. Подъ этимъ же вліяніемъ трудно объяснимыя или дѣйствующія поражающимъ образомъ на воображеніе явленія приписываются дѣйствію человѣкоподобныхъ, неизвѣстныхъ естествъ. Но если такъ, то циклъ народныхъ понятій, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не представится намъ болѣе какъ нѣчто произвольное, лишенное всякаго разумнаго основанія—напротивъ, мы увидимъ въ немъ результаты первобытныхъ попытокъ изслѣдовать связь явленій, т. е. стремленіе различное по степени совершенства способовъ, но одинаковое по своей сущности съ стремленіемъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ научныхъ изслѣдованій.

Время зарожденія этихъ понятій относится къ далекому прошедшему, но они лишились бы жизнеспособности, если бы склонность къ антропоморфическому міровоззрѣнію исчезла безслѣдно и не питалась убожествомъ познаній, незнакомствомъ съ болѣе тонкими методами изслѣдованія явленій.

Всѣ языки съ ихъ безразличнымъ перенесеніемъ словъ, относящихся къ жизни человѣческой, на явленія внѣшняго міра и обратно, всѣ *стремленія* пара, химическія *сродства*, *теченія и колебанія* мысли, *тяготѣнія* партій и т. п.—живые признаки антропоморфическихъ наклонностей человѣческаго ума, но освоенное съ даннымъ условнымъ значеніемъ терминовъ ухо наше не поражается ими. Иначе съ народною рѣчью; вмѣсто условныхъ терминовъ мы встрѣчаемъ въ ней живыя выраженія, носящія очевидные слѣды даннаго міровоззрѣнія. „Дарма, що теперъ тепло—зима свого не подаруйе“,—„гарный овесъ, та чы залюбыть винъ нашу землю“, „що цього дощу, слида вже не майе, земля дуже прагнюча“, „всяка всячына любыть выгоду, якъ чоловикъ, якъ скотына, якъ зерно“ и т. п.

Занимаясь въ сельской школѣ, я былъ пораженъ тою наклонностью къ драматизированію, такъ сказать, явленій природы, которую я замѣчалъ въ отвѣтахъ учениковъ. Паръ осадился въ формѣ капель на окнѣ, а на стѣнѣ его не замѣтно, потому что онъ *любитъ* холодное; вода при кипяченіи выливается изъ полнаго горшка, потому что она *хочетъ* занять больше

мѣста; зимой у отворенныхъ дверей хаты клубится туманъ потому, что внѣшній воздухъ *хочетъ* пробраться въ хату, а хатній выйдти и они встрѣчаются тамъ; маятникъ *хочетъ* колебаться постоянно, но воздухъ его *не допускаетъ* и т. д. Несомнѣнно, трудность подобрать болѣе соотвѣтствующія выраженія играетъ тутъ нѣкоторую роль, но я замѣчалъ вообще трудность вызвать стремленіе къ подыскиванію словъ болѣе подходящихъ. Случалось и такъ, что на вопросы, которыми я хотѣлъ обратить вниманіе на несоотвѣтственность выраженія, мнѣ отвѣчали наивнымъ ихъ подтвержденіемъ.—Что же эти два теченія воздуха такъ таки борются?—Ну да, борются. Паръ такъ таки и любитъ холодный топоръ?—Разумѣется, онъ любитъ холодное.

Нужно при этомъ замѣтить, что между дѣтьми, посѣщающими сельскую школу, есть довольно взрослыя, что онѣ сравнительно съ дѣтьми другихъ общественныхъ группъ довольно развиты, такъ какъ онѣ болѣе извѣдали, участвуя въ трудахъ по хозяйству и самостоятельно развлекаясь въ свободное время, что уровень ихъ развитія не такъ значительно разнится отъ уровня развитія старшихъ—чему доказательствомъ, между прочимъ, служитъ и то, что книги, охотно читаемыя старшими школярами, охотно слушаются и ихъ родителями, и что обратно, книги, доставляющія удовольствіе грамотнымъ изъ взрослыхъ, читаются охотно и старшими школьными дѣтьми.

Вслѣдствіе этихъ соображеній я и рѣшился дополнить наблюденія надъ міровоззрѣніемъ взрослыхъ сельчанъ наблюденіями надъ сельскими дѣтьми.

Такимъ образомъ отдѣльныя понятія по міровѣдѣнію въ народной массѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ встрѣчаемъ, представляются мнѣ, какъ естественный продуктъ научнаго стремленія къ изслѣдованію связи явленій и необходимой, при данной суммѣ матеріаловъ изслѣдованія, склонности къ антропоморфизму. Вотъ почему я давно пересталъ поражаться странностью ихъ, почему не сомнѣваюсь въ способности къ усвоенію болѣе точныхъ пріемовъ изслѣдованія со стороны людей, проявившихъ склонность къ самостоятельному изслѣдованію явленій въ формѣ, соотвѣтствующей наличности матеріала, но убѣжденъ въ без-

условной безплодности непосредственной борьбы съ отдѣльными суевѣрными понятіями. Только долгое и постепенное освоеніе съ болѣе совершенною техникою изслѣдованія можетъ приносить серьозный результатъ въ этомъ отношеніи; отдѣльныя понятія находятся въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ. Конечно, данное время не есть время активнаго, созидательнаго проявленія этого міровоззрѣнія, главныя его законченныя понятія относятся къ незапамятной старинѣ, но тѣмъ не менѣе и общія наклонности этого міровоззрѣнія, и связанныя съ нимъ отдѣльныя понятія до сихъ поръ живы въ народной массѣ, появляются даже и новыя приращенія къ традиціонному матеріалу (о телеграфѣ напр., я слышалъ: „не буде вже добра, колы ввесь свитъ зализомъ переплутано“ или въ селахъ, далекихъ отъ мѣстъ распространенія штундизма, образовалось повѣріе о выростаніи роговъ на головахъ штундистовъ); приращенія эти свидѣтельствуютъ объ общей живучести даннаго цикла понятій; они продуктъ умственной жизни народа и наличныхъ средствъ изслѣдованія и способны уступить мѣсто новымъ только въ той мѣрѣ, въ какой эти новыя обнимутъ всю систему его мышленія, подобно тому какъ старыя листья на черномъ дубѣ осыпаются только по мѣрѣ вскармливанія его соками новыхъ.

Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что нѣсколько критическое отношеніе къ даннымъ понятіямъ начинаетъ теперь чаще встрѣчаться среди молодаго поколѣнія сельчанъ, чѣмъ прежде. То вы услышите насмѣшку надъ тѣмъ или инымъ „зобобономъ“, надъ тѣмъ или инымъ суевѣрнымъ страхомъ („не йды, дивко—вова злякайе), то вамъ предложатъ серьезно скептическій вопросъ о силѣ заклинанія, замовлянія и т. п. Значительно болѣе охотное, чѣмъ прежде, обращеніе къ совѣту доктора, если только для этого представится не особенно дорогая возможность, указываетъ также на ослабленіе вѣры въ „выкачуванья переляку“, „одмовлянья прыстриту“ и т. д. Сюда же будетъ относиться и нѣкоторое болѣе свободное обращеніе съ повязкой замужней женщины, хотя оно не вездѣ проявляется съ одинаковой силой и въ одной формѣ; въ данномъ отношеніи я имѣю въ виду сѣв.-вост. часть сквирскаго уѣзда (кіевск. губ.). Дѣло въ томъ, что замуж-

ней женщинѣ не подобаетъ „свитыть волосьямъ". Я помню случай, когда семилѣтній мальчикъ играя сбросилъ „очипокъ" замужней женщины въ обществѣ. Женщина расплакалась отъ огорченія, что онъ заставилъ ее, честную женщину, „свитыть волосьямъ". Я помню, какъ напрасны были когда то мои заботы утишить гнѣвъ одной женщины на другую въ виду главнымъ образомъ того, что эта послѣдняя ее „розчипчыла". Въ циклѣ пѣсней, насмѣхающихся надъ разнузданностью жены и покорностью по отношеніи къ ней мужа, есть такая:

Ой пыла, пыла, чипця згубыла,
Прыйшла до дому, ще й мужа была.
Ой была, была, выгнала зъ хаты:
Ой иды, мужу, чипця шукаты.
Прыйшовъ до корчмы: добры-день, люде!
Прызнайтесь мени, перейма буде,
Перейма буде кварта горилкы,
Хто найде чипця моеи жинкы,
Кварта горилкы, ще й мирка проса,
Бо моя жинка простоволоса.

(Романовка — сквирскаго уѣзда).

Насмѣшка подъ заботливостью мужа тѣмъ язвительнѣе, что жена его своимъ поведеніемъ по отношенію къ нему и по отношенію ко всѣмъ понятіямъ приличія честной женщины этого не заслуживаетъ („пыла, чипця згубыла и мужа была").

Да, но эти понятія видоизмѣняются. Я помню время, когда замужняя женщина въ нашей мѣстности повязывала платокъ на верхъ „очипка" такъ, что никоимъ образомъ не можно было увидѣть волосокъ, помню и то, что маленькій клочекъ волосъ, выглядывавшій изъ подъ очипка и какъ будто нечаянно забытый, былъ разсматриваемъ, какъ признакъ беззастѣнчиваго кокетства; далѣе я наблюдалъ постепенное удаленіе повязки назадъ; въ данный моментъ у насъ она кончается болѣе или менѣе на половинѣ верхней части головы.

Цѣлый рядъ традиціонныхъ, исключительно народныхъ праздниковъ: *наській велыкдень, переплавна середа, девятый четверъ* соблюдаются что дальше, то съ меньшею точностью. Это

коснулось и обычнаго продолженія праздниковъ христіанскихъ. Въ прежнее время съ 25 декабря по 1-ое января никто не работалъ, теперь работаютъ съ 28 декабря; на *великодни святки* до *провидъ* никто не работалъ, теперь работаютъ, начиная съ среды.

Прямаго, систематическаго воздѣйствія на всѣ эти понятія нельзя, кажется, доискаться, но косвенно-видоизмѣненный строй жизни вызываетъ новыя теченія мысли въ самой народной средѣ. Свобода труда и большее разнообразіе экономическихъ отношеній, связанное съ нею, участіе въ самоуправленіи и связанное съ нимъ возрастаніе довѣрія къ личному сужденію, болѣе частое соприкосновеніе общественное съ людьми иныхъ общественныхъ группъ, съ *пидупавшими панками* и *пидпанками* и съ выбивающимися на поверхность *полупанками*, *дерыхвостамы*, болѣе смѣлое обращеніе съ культурными людьми, передвиженіе изъ городовъ въ села и обратно, облегченное желѣзными дорогами, пребываніе въ разныхъ краяхъ солдатъ изъ мѣстныхъ жителей и учащенный приливъ и отливъ ихъ—все это и, вѣроятно, многое другое, здѣсь упущенное, способствуетъ расширенію кругозора, возрастанію довѣрія къ своему сужденію и дѣйствуетъ эманципирующимъ образомъ по отношенію къ традиціонной мудрости не чрезъ непосредственное насажденіе тѣхъ или иныхъ идей, а косвенно, вызывая самодѣятельность мысли въ народной средѣ. Въ такомъ видѣ представляется мнѣ въ общихъ чертахъ характеръ отношенія современной народной мысли къ остаткамъ древнеязыческой религіи. Употребляя, впрочемъ, по принятому обычаю, это слово, не нужно забывать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ настоящею религіею въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли ее понимать подъ вліяніемъ религіи откровенной, что она не только не откровенна, какъ христіанская, но даже и не принесена готовою болѣе развитымъ племенемъ менѣе развитому, какъ въ Индіи или Египтѣ, что, значитъ, она не только по своему содержанію, но и по способу зарожденія и проникновенія въ умы отдѣльныхъ лицъ безконечно разнится.

Религія эта вырабатывалась на мѣстѣ подъ вліяніемъ тѣхъ общихъ наклонностей міровоззрѣнія, которыя и до настоящаго времени не вполнѣ лишены жизненной силы, а потому и отдѣль-

ныя ея понятія являлись, какъ продуктъ мысли, работающей примитивно-научнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ этой генезы жрецы этой религіи—вѣдуны, знахари—только люди болѣе знающіе по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ; иной санкціи, кромѣ спроса на это знаніе, они, вѣроятно, никогда не имѣли въ глазахъ народа или, по крайней мѣрѣ, современные ихъ остатки пользуются въ глазахъ народа нѣкоторымъ авторитетомъ только въ указанномъ смыслѣ и границахъ.

Правда, формулы, къ которымъ приводили данныя изслѣдованія связи явленій, благопріятствовали эксплуатаціоннымъ стремленіямъ прозорливыхъ вѣдуновъ и потому насажденіе вѣрованій, разсчитанныхъ на невѣжество окружающей среды съ корыстною цѣлью, встрѣчалось, вѣроятно, съ ихъ стороны; быть можетъ, что такого рода соображенія дѣйствуютъ у иныхъ изъ современныхъ знахарей, но этого въ большинствѣ случаевъ нельзя утверждать. Они вообще наивно вѣруютъ въ силу своихъ заклинаній, замовляній и т. п. Посмотрите, какъ наивно-добродушно добрая женщина дѣлаетъ діагнозъ недуга, и опредѣливъ, что это *пидвій*, *перелякъ* или *прыстритъ*, предлагаетъ соотвѣтственные *лики*. Я помню, какъ одна добрая старуха, замѣчая мое нездоровье, опредѣлила, что это *прыстритъ*, и какъ наивно-настойчиво совѣтовала мнѣ *взяться за одвирокъ и трейчы плюнуть назадъ;* я помню пріятельскія предложенія нѣсколькихъ лицъ *замовитъ* мнѣ зубную боль; меня поражала настойчивость предложеній, несмотря на мотивированную рѣшительность отказа; я узналъ даже, что одна добродушная женщина изъ состраданія *замовыла* мою зубную боль *до мисяця;* я помню, какъ спокойно-увѣренно во время зимняго ночнаго путешествія въ лѣсу мой возница заявилъ, что разъ я ѣду съ нимъ, никакой опасности отъ волковъ нельзя предполагать, такъ какъ онъ знаетъ такую молитву, которая насъ сдѣлаетъ безусловно недоступными для волковъ.

Мнѣ кажется, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши народные вѣдающіе дѣйствуютъ также наивно, что, конечно, не исключаетъ возможности сознательной эксплуатаціонной дѣятельности со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ, но это исключеніе, а не правило. Они не особенные какіе нибудь люди,

они просто кое что знають и считають своею обязанностью помочь въ бѣдѣ *добрымъ людямъ*. Сознаніе возрастающаго достоинства въ виду пользы, приносимой имъ, главный, кажется, двигатель въ предложеніи услугъ, а если, кромѣ *щирого спасыби*, *перепаде* кусокъ сала, *мыска пшонця*, или *чарочка тіеи*, то нельзя же *гордувать дякою* добрыхъ людей.

Вышеизложенныя общія соображенія о данномъ циклѣ вѣрованій подтверждаются, мнѣ кажется, и особымъ характеромъ критическаго отношенія къ тому или иному изъ нихъ, разъ такое критическое отношеніе проявляется. Я говорилъ о томъ, какъ твердо, убѣжденно они принимаются огромнымъ большинствомъ народа, тѣмъ не менѣе заявленіе сомнѣній по даннымъ вопросамъ не скандализируетъ вѣрующихъ, несмотря на то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ они остаются упорно при своихъ вѣрованіяхъ. Сомнѣніе въ данномъ случаѣ представляется имъ недостаткомъ знанія или легкомысленнымъ выводомъ, но во всякомъ случаѣ безобиднымъ движеніемъ мысли. Этимъ же характеромъ простаго, научнаго, такъ сказать, отношенія къ даннымъ понятіямъ объясняется, мнѣ кажется, и та простота и радикальность вопросовъ, которые вамъ иногда предлагаютъ сомнѣвающіеся въ томъ или иномъ положеніи даннаго цикла понятій. Можно ихъ знать или не знать, вѣрить въ нихъ или не вѣрить; это можетъ опредѣлять вашу степень познаній, вашу бо́льшую или меньшую умѣлость оцѣнить по достоинству сообщаемыя вамъ знанія, но не вліяетъ на опредѣленіе вашей морали. Съ этимъ связывается и то, что, помимо существованія зачатковъ критическаго отношенія къ даннымъ понятіямъ, крайне рѣдки, если не вполнѣ отсутствуютъ, насмѣшливые разсказы и пѣсни о данныхъ вѣрованіяхъ и вѣдунахъ. Я, по крайней мѣрѣ, такихъ пѣсенъ или разсказовъ никогда, насколько помню, не слышалъ. Насмѣшка представляетъ мало соблазна тамъ, гдѣ можно прямо отнестись къ вопросу безъ всякихъ стѣсненій.

Перейду теперь къ сообщенію нѣкоторыхъ данныхъ относительно того, въ какомъ видѣ усвоилось большинствомъ нашего сельскаго населенія христіанское ученіе, какъ оно относится къ религіозному культу и къ его представителямъ.

Съ догматикой вообще народъ мало знакомъ. Богъ, какъ создатель и держитель всего міра, насадитель добра и каратель зла, составляетъ основное понятіе его христіанско-религіозныхъ вѣрованій; Св. Духа упоминаетъ народъ только въ заученныхъ наизустъ молитвахъ, подъ словомъ Богъ онъ подразумѣваетъ всегда Бога Отца; Іисусъ Христосъ извѣстенъ народу не менѣе Бога Отца, какъ учитель христіанской религіи, распятый за нее и за людей на крестѣ; къ Нему же обращается народъ по преимуществу съ нѣкоторыми просьбами, обращенными къ благости Господней. „Давъ бы то Сынъ Господній", чтобы прошелъ дождикъ, чтобы хлѣбъ зародилъ въ этомъ году и т. п.

О созданіи міра и происхожденіи злаго духа я слышалъ когда то слѣдующій своеобразный разсказъ. Разсказчикъ, *дидъ Жукъ*, былъ родомъ изъ Обухова (кіевскаго уѣзда); во время моего знакомства съ нимъ онъ жилъ въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). *Дидъ* былъ вообще молчаливъ, и только иногда, выпивъ *чарку*, дѣлался разговорчивѣе. Въ такомъ нѣсколько возбужденномъ видѣ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ запорожцевъ; въ такомъ же состояніи онъ охотно разсказывалъ *божественне*. Дидъ разсказывалъ о созданіи міра, приближаясь въ началѣ довольно къ библейскому разсказу и вызывая общее удивленіе своей эрудиціей, далѣе—уклоняясь отъ него уже болѣе рѣзко,—онъ разсказалъ, какъ Богъ создалъ чорта. Чортъ былъ одинъ, и ему было досадно оставаться безъ прислуги. „Ото винъ иде до Бога, та просыть, щобъ Богъ давъ йому слугы. То Богъ сказавъ: иды, та махны рукою, то й матымешъ слугы. Чортъ махнувъ рукою, та й явылысь у нього слугы. Але чортъ—сказано—ненасытный, давай махать, та махать рукамы. Ото зъ того ти маленьки чортыкы, розвелась ихъ велыка сыла. Тоди Богъ склыкайе усихъ ангеливъ, архангеливъ, херувымивъ, тай каже: а що жъ вы, хлопци-чорноморци, пиднимить мій престолъ повыже усихъ тихъ вражескыхъ сылъ. Такъ воны и зробылы". Вѣрованіе въ загробную жизнь всеобще; соображеніе о томъ, „якъ то буде на тимъ свити", высказывается очень часто. По вопросу о загробной жизни вы часто услышите фразу: „а Богъ його знайе; нихто зъ того свита не вертався".

На нѣкоторую своеобразность во взглядѣ на святыхъ угодниковъ указываетъ часто повторяемая фраза, имѣющая въ виду рекомендовать празднованіе меньшихъ церковныхъ праздниковъ: „часомъ малый святый и за великого накарайе“.

Значеніе церковныхъ обрядовъ мало извѣстно народу, но онъ очень дорожитъ ими, хотя иногда и истолковываетъ ихъ своеобразно. На вопросъ: почему ты называешься христіаниномъ? начинающій школяръ со словъ родителей всегда отвѣтитъ: потому что я крещусь. Христіане, не употребляющіе крестнаго знамени, для народа вообще непонятны, потому онъ и не признаетъ, напр., штундистовъ христіанами. На ихъ принципъ не употреблять крестнаго знаменія смотрятъ обыкновенно не какъ на извѣстное религіозное ученіе, а нѣсколько таинственно. Дѣло въ томъ, что „злый“ боится креста. Несмотря на эти и имъ подобныя значительныя неточности уразумѣванія христіанской догматики, общій духъ христіанскаго ученія довольно понятенъ народу, хотя и это пониманіе выражается иногда въ своеобразныхъ нѣсколько формахъ.

Въ д. Маковищахъ сквирскаго уѣзда я зналъ когда то Іосипа Пысьменного. Это былъ около тридцати лѣтъ тому назадъ единственный грамотный человѣкъ въ селѣ. Іосипъ мало читалъ, но—что было крайней рѣдкостью между современными ему сельскими грамотѣями—читалъ сознательно. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Іосипъ оживился болѣе обыкновеннаго, досталъ съ „полыци“ Евангеліе и свои разсужденія подкрѣплялъ чтеніемъ текстовъ. Въ его мыслящую голову глубоко запала простонародная обстановка рожденія и жизни Іисуса, ему казалось, что эти обстоятельства преднамѣренно игнорируютъ въ угоду панамъ (то было еще крѣпостное время). Доказательство этого онъ видѣлъ въ обыкновенномъ способѣ изображенія Матери Божіей. „Матиръ Божу малюють завше паньею, а вона була проста людына. Йийи бъ треба малювать у сирій свыти, а то въ мищанському сыньому жупани“.

Евангельская притча о Лазарѣ перешла въ малорусскую народную пѣсенность. Пѣсня эта, или правильнѣе, можетъ быть, дума (по своему складу она вполнѣ напоминаетъ историческія

малорусскія думы), какъ извѣстно, очень популярна. Всякій лирникъ знаетъ ее непремѣнно; простонародные слушатели слушаютъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и волненіемъ речетативъ лирника, акомпанируемый *жалибнымы* звуками лиры, повѣствующій объ униженіи убогаго брата богатымъ, который „брата свого Лазара за брата не мавъ", объ утѣшеніи обиженнаго въ загробной жизни „въ чести та въ хвали".

Къ числу очень распространенныхъ лирницкихъ набожныхъ пѣсенъ принадлежитъ и пѣсня о правдѣ, но лирники стѣсняются обыкновенно пѣть ее передъ „панами" или же поютъ съ значительными сокращеніями. Я слышалъ ее, между прочимъ, когда то въ Фастовѣ (кіевск. губ.) во время ярмарки. Народъ столпился около лирника, пѣвшаго о томъ, какъ теперь нѣтъ на свѣтѣ правды, какъ ее топчутъ подъ ногами, въ то время, когда „тая неправда пьйе выно зъ панамы", о томъ, какъ напрасно бываетъ отстаивать правду въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ. „На судъ изъ нымъ статы, правды не зыськаты, тилько срибломъ-злотомъ панивъ насыщаты". Однимъ словомъ, неправда „увесь свитъ зажерла"—надежда только на Бога. „Бо самъ Господь правда", онъ вселитъ правду, накажетъ неправду и „смырыть гордыню". Среди ярмарочнаго шума и гама группа, окружавшая лирника, отрѣшилась временно отъ всѣхъ заботъ ярмарочнаго дня; виднѣлись только сосредоточенныя лица, слышались отъ времени до времени фразы, подтверждавшія правдивость словъ пѣсни, слёзы навертывались иному на глаза, мѣдные гроши подносились отовсюду пѣвцу правды, иной приносилъ стаканъ квасу оросить „смажныи уста чоловика божого". (Одинъ изъ хорошихъ варіантовъ пѣсни о правдѣ помѣщенъ въ Запискахъ о южной Руси Кулиша).

Противупоставленіе божіей правды людскому „гордуванью"—живая тема для мысли народной. Я ѣхалъ когда то изъ Кіева. Въ вагонѣ 3-го класса ѣхали двѣ кіевскія прачки, одѣтыя, впрочемъ, барышнями, нѣсколько крестьянъ, евреевъ и вообще разнородная публика. Вагонъ былъ для курящихъ. Одинъ изъ крестьянъ закурилъ „люльку", ставъ, впрочемъ, у отвореннаго окна такъ, чтобы дымъ его „люльки" улеталъ въ окно. Барышни-

прачки раздраженно настаивали на томъ, чтобы онъ вышелъ на платформу, и когда „курець“ объяснялъ, что дымъ его трубки не входитъ въ вагонъ, и вообще не уступалъ, то послышались презрительные съ ихъ стороны отзывы о мужикахъ. „То Іисусъ Христосъ, Сынъ Божый—отвѣтилъ мужикъ—страдавъ за насъ всихъ, за простыхъ и благородныхъ, за убогыхъ и багатыхъ, а тутъ... трошки того благородья, а бачъ якъ гордуйе“.

Что касается формъ религіознаго поклоненія, то онѣ соблюдаются вообще тщательно, хотя обыкновенно съ весьма незначительнымъ пониманіемъ ихъ значенія или даже вовсе безъ всякаго инаго пониманія, кромѣ того, что такъ нужно дѣлать набожному человѣку. И здѣсь тоже есть своеобразныя понятія. Такъ, напр., соблюдая праздничный отдыхъ, безусловно нельзя производить нѣкоторыхъ работъ, въ то время какъ за другія „Богъ простыть“. Во всѣ вообще воскресенія и праздники нельзя рѣзать (кромѣ съѣстнаго): ни тесать дерева, ни косить, ни жать и ничего тому подобнаго. Но можно, въ случаѣ экстренной надобности, „въ гаряче время“, возить снопы, гресть сѣно, складывать копны и т. п. Есть церковные и народно-обычные праздники, въ которые можно самому, но „худобою гришно робыты“.

Обыденные молитвы тоже значительно разнятся отъ молитвъ, употребляемыхъ въ церкви. Новичокъ школяръ на вопросъ: умѣетъ ли онъ молитвы?—отвѣчаетъ обыкновенно: „якто? Богу? а вжежъ домашнього *Богу* вмію“. („Богу“ значитъ молитвы). Мужчины, особенно изъ болѣе молодаго поколѣнія, довольно часто знаютъ „церковного Богу“, хотя это далеко не общее правило, женщины же почти безъ исключенія знаютъ только *домашнього*. Эти домашнія молитвы часто значительно разнятся въ отдѣльныхъ семьяхъ одного и того же села, а то бываетъ и такъ, что *хлопци* молятся „по церковному“ (т. е. думаютъ, что они такъ молятся), а *дивчата* по домашнему. Въ иныхъ домашнихъ молитвахъ сквирскаго уѣзда видны сильные слѣды уніи. Вотъ примѣры изъ одного „домашнього Богу“. Въ утреннихъ молитвахъ повторяется десять заповѣдей въ такомъ видѣ: „Есть Божихъ десять заповедень: перша: не мовъ; друга: не беры надаремне Мъя Его; третя: святкуй недилю святу; четверта: шануй отця и матиръ и всихъ

старшыхъ, будешъ довго литъ жыть на земли; пята: не убый; шоста: не чужеложъ; сьома: не украдь; восьма: не будь свидкомъ фальшывымъ противъ блыжнього свойого; девята: не пожадай; десята; не жаднои речы, ни вола, ни осла, ни слугы, ни служевныци". Перечень Св. Таинствъ встрѣчается въ такомъ видѣ: „Симъ сакраментивъ: первойе: хрещеніе; друге: мыропомазаніе; третье: евхарыстія; четверте: покута; пяте: маслосвятіе; шосте: капланство; сьоме: малжинство". А вотъ перечень смертныхъ грѣховъ: „симъ грихивъ моихъ головныхъ: пыха, лакомство, нечыстота, гнивъ, заздрость, обжерство, линыство до хвалы до Божои". Въ томъ же домашнемъ *Богу* встрѣчается слѣдующее: „На сыньому мори, на билому камени, тамъ церковця стояла; въ тій церковци престолы стоялы, на тихъ престолахъ Іисусъ Хрыстосъ седивъ, очыци склепывъ, ручыци скрыжувавъ, на билый каминь кровци пускавъ. Прыйшовъ до його святый Петро и Павло, плачуть-рыдають, на крыжы впадають.—Святый Петре и Павле, не плачъ, не рыдай, на крыжы не впадай, визьмы въ праву руку хрестъ, въ льеву руку кадилныцю, пійды по всьому свиту, закажы всьому свиту,—старому и малому: хто цейи молытвы вмійе, нехай молыть, не забувайе въ четверъ по вечери, въ пятинку до утрени, въ недилю святу до службы божои, то не буде його ни туча, ни гримъ побывать, буде одъ Бога ласку мать; якъ буде помырать, будуть його грихы одпадать, якъ на мори писокъ, на дереви лыстокъ". Нѣкоторыя непонятныя для молящагося слова въ перечнѣ, напр., Св. Таинствъ и т. д. не озабачиваютъ особенно его. Молитва творится, какъ нѣчто обязательное для набожнаго человѣка, съ значительною даже торжественностью въ позѣ, въ выраженіи лица и въ общемъ чувствѣ свершенія важной обязанности, особенно въ праздничные дни, когда заботы по хозяйству не отвлекаютъ мысли и не вызываютъ переплетенія словъ молитвы словами, обращенными къ домашнимъ, и восклицаніями къ животнымъ, но молящійся вовсе не задается мыслью углубленія въ смыслъ произносимыхъ словъ. Это не мѣшаетъ тому, что даннымъ актомъ вызывается нѣкоторое торжественное, молитвенное, такъ сказать, психическое настроеніе. Кто видѣлъ крестьянскую семью „въ билыхъ сороч-

кахъ", въ праздничной одеждѣ, засѣдающую за столъ въ большіе праздники и свершающую молитву передъ трапезой, кто прислушался къ торжественной интонаціи словъ, произносимыхъ хозяиномъ при первой чаркѣ, кто призадумался надъ тѣмъ, какое громадное значеніе для изнуряемаго постояннымъ физическимъ трудомъ при незатѣйливой, а то и скудной, пищѣ составляетъ праздничный отдыхъ и обыкновенное обиліе и разнообразіе праздничныхъ яствъ и питія, тотъ уразумѣетъ то множество разныхъ побужденій, изъ которыхъ слагается чувство набожно-торжественное, вызываемое празднованіемъ „риздвяныхъ" или „велыкодныхъ святокъ", и для того станетъ понятно общее торжественное настроеніе молящагося простолюдина, не взирая на слабое его пониманіе словъ молитвы. То же общее настроеніе набожности присуще ему и въ церкви, несмотря на слабое его пониманіе слышанныхъ словъ и символическаго значенія обрядовъ. Крестьянинъ нашъ податливъ на поэзію внѣшняго культа. Обширное, самое изящное въ селѣ зданіе, множество иконъ, свѣчей, пѣніе, празднично одѣтый народъ, дымъ кадилъ—все это вмѣстѣ взятое производитъ поэтически-торжественное впечатлѣніе.

Набожный въ общемъ смыслѣ склонности къ поэтически-торжественному религіозному настроенію, но плохой богословъ—народъ не особенно точно различаетъ значеніе тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ обрядовъ; мѣстные народные обычаи сливаются для него въ одно цѣлое съ обрядами церковными. „Святыть паскы" на 1-ый день Пасхи такъ же важно, какъ и „дочытаться до Христа"; кутя наканунѣ Рождества, снопокъ *на покути*, колядки—такія же необходимыя принадлежности рождественскихъ праздниковъ, какъ и церковное богослуженіе, и т. д. Насколько важенъ въ глазахъ народа свадебный обрядъ, видно изъ слѣдующаго. Иногда бываетъ такъ, что молодые вѣнчаются, желая скрѣпить взаимное обѣщаніе, но наближается постъ или же у родителей „молодыхъ" нѣтъ заготовленныхъ средствъ для того, чтобы устроить *весилья*, хотя бы „не такъ, якъ у людей, то хочъ такъ, якъ коло людей". Въ такомъ случаѣ послѣ вѣнчанія „молода" не *покрываетъ* головы, ходитъ въ *стричкахъ по-дивоцьки*;

молодой ходитъ къ ней, какъ *парубкомъ* ходилъ къ своей нареченной, но супружеское сожительство не допускается.

Это взаимное проникновеніе понятій христіанско-религіозныхъ и самостоятельныхъ народныхъ понятій, интересовъ и жизненной обстановки сказывается, между прочимъ, въ цѣломъ циклѣ колядокъ, пріуроченныхъ къ рождественскому празднику и не имѣющихъ никакихъ слѣдовъ христіанства. Въ сборникѣ историческихъ пѣсенъ, изданномъ Антоновичемъ и Драгомановымъ, собрано множество колядокъ и щедривокъ, составляющихъ историческія пѣсни княжескаго періода. Есть много поздравительныхъ колядокъ, которыя, не примыкая собственно къ этому историческому циклу, родственны съ нимъ по отсутствію слѣдовъ христіанства; къ нимъ относится, между прочимъ, одна въ высокой степени поэтическая колядка, слышанная мною въ кіевскомъ уѣздѣ, въ честь *дивчыны* въ семьѣ поздравляемаго, гдѣ говорится, какъ „хвалылася береза своимы витамы передъ дубамы, хвалылася дивка Марійка своимы косамы передъ парубкамы". А вотъ колядка, слышанная мною въ Романовкѣ и Кошлякахъ (сквирскаго уѣзда), въ которой старинное, до-христіанское міровоззрѣніе выступаетъ со всей рельефностью.

Та не гнивайся, пане господару, ой дай Боже!
Мы твого двора не мынайемо.
Мы твого двора не мынайемо,
Мы твій двиръ звелычайемо.
Вставай зъ постели, очыняй дверы,
Застеляй столы все тисовыйи,
Клады калачы зъ яройи пшеныци:
Прыбуде до тебе а тройе гостей,
А тройе гостей, тройе радостей.
Що першый гостю—ясенъ мисяцю,
А другый гостю—дрибенъ дощыку,
А третій гостю—яснейе сонечко.
Чымъ ся похвалышъ, ясенъ мисяцю?
—Ой якъ я зійду рано звечора,
Возрадуйеться ввесь звиръ у поли,
Весь звиръ у поли, гисть у дорози.
Чымъ ся похвалышъ, дрибенъ дощыку?

—Ой якъ я зійду трейчы у маю,
Возрадуейться жыто, пшеныця,
Жыто, пшеныця, всякая пашныця.
Чымъ ся похвалышъ, яснейе сонечко?
—Ой якъ я зійду рано въ недилю,
Возрадуйеться весь мыръ хрещеный,
Весь мыръ хрещеный, дитки маленьки,
Дитки маленькы, бабкы стареньки
Ой дай Боже!

Въ такомъ видѣ въ общихъ чертахъ уживаются въ жизни народа его самостоятельныя помыслы, потребности и обряды съ понятіями и обрядами религіозно-христіанскими; мы видѣли, что это не мѣшаетъ ему вѣрно уразумѣвать основную мысль христіанскаго ученія.

Отъ старосвѣцкаго причетника я слышалъ когда то въ Кіевщинѣ слѣдующую пѣснь:

Сиде Адамъ прямо рая
И наготу свою покрываше, рыдая.
А ты, Ево, не смутыся,
Га до мене прыгорныся,
Прошу я тебе!

Господь къ нему глаголаше:
Де ты, Адаме, жывешы?
Осьде въ кутку, охъ мій смутку,
Изъ Евою молодою
Тишу биду свою.

Господь къ нему гласъ даде:
Иды зъ раю, Адаме.
А бачъ, Ево, смутна бабо,
Було жыты, не гришыты.
Выбачаймо!

Лучше було въ раю жыты,
Сладки яблокы въ снѣдь имиты;
Теперъ треба працюваты,
Щобъ кавалокъ хлиба маты
До самои смерты.

Що жъ мы майемо діяты?
Чымъ мы будемо сіяты?
И копаты я не вмію,
И не знаю, чымъ посію,
Бо не маю чого.

А Господь икъ нымъ рече:
Въ поти лыця хлибъ снисте,
Возьмы заступъ, та нагныся,
Копай землю, потрудыся,—
Щось тоби Богъ уродыть.

Встрѣчаются, впрочемъ, и въ народной средѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова разговоры въ вышеуказанномъ тонѣ, то о томъ, не забылъ ли Господь нашу землю, не посылая ей дождя, то о святыхъ, которые „десь загулялы", не обращая вниманія на просьбы людскія и т. п. Въ веселомъ тоже тонѣ разсказывается о человѣкѣ, который удивлялся „що це такее? колы не прыйду до церквы, то все паскы святять". Разъ отецъ поучалъ новобрачнаго сына о томъ, что мужъ долженъ жить въ полномъ согласіи съ женою. Отецъ былъ нѣсколько ознакомленъ съ священною исторіею ....„то, бачышъ, якъ Адамъ спавъ, Богъ вынявъ у нього ребро и создавъ Еву".—„Бо спавъ", отозвался кто то изъ компаніи, вызывая этимъ всеобщее веселіе.—„А то, кажете, якъ бы не спавъ, то й не подався бъ", продолжалъ хозяинъ въ томъ же тонѣ. Встрѣчаются и сказки въ этомъ шутливомъ тонѣ, какъ, напр., сказка „Москаль и Смерть", записанная г. Ильницкимъ въ васильковскомъ уѣздѣ (кіевск. губ.) и помѣщенная въ сборникѣ народныхъ южно-русскихъ сказокъ. Въ сказкѣ этой *москаль* берется стоять у Бога на часахъ вмѣсто смерти, и перемѣняетъ по своему усмотрѣнію порученія, даваемыя Богомъ смерти, скучаетъ въ раю, такъ какъ тамъ нѣтъ ни водки, ни трубки, устраивается болѣе удобно въ аду, находя тамъ искомое.

Но нужно быть слишкомъ мало знакомымъ съ народною жизнію для того, чтобы на основаніи подобныхъ юмористическихъ разговоровъ, пѣсенъ, сказокъ и т. п. выводить заключеніе объ общемъ легкомысленномъ отношеніи народа къ религіи.

Я уже указалъ выше на то, что, несмотря на значительное невѣжество въ вопросахъ богословскихъ, народъ серьезно уразумѣваетъ общія положенія христіанской этики и что съ искреннею поэтичной торжественностью относится онъ къ внѣшнему религіозному культу. Согласовать это наружное противорѣчіе не трудно.

Преобладаніе юмора составляетъ характеристическую черту мужскихъ разговоровъ о всякихъ предметахъ во время ли отдыха среди работы на полѣ или въ клунѣ, въ бесѣдѣ ли *на сели* подъ корчмой, во время ли праздничныхъ собесѣдованій за столомъ, пока *чарка* не особенно подогрѣетъ собесѣдниковъ и не приведетъ ихъ къ болѣе чувствительному и пѣсенному настроенію; даже во время возбужденныхъ собесѣдованій объ общественныхъ потребностяхъ и нуждахъ удачное юмористическое слово никогда не остается безъ отголоска. Въ этомъ отношеніи Гоголь, Котляревскій, Квитка въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ вѣрные представители въ письменномъ словѣ наклонностей народнаго малорусскаго мышленія. При данной силѣ этой наклонности понятна неопреодолимость соблазна, представляемаго юмористическимъ отношеніемъ къ какому бы то ни было предмету. Наклонность эта, конечно, далеко не исключаетъ ни сердечной теплоты, ни глубины чувства—достаточно вспомнить народную малорусскую пѣсенность и вѣрнаго, блестящаго ея продолжателя въ письменной формѣ—Шевченка.

Юморъ составляетъ часто внѣшнюю, будничную оболочку сосредоточеннаго чувства, избѣгающаго обнаженія *à tout propos.*

Этими общими свойствами народнаго малорусскаго характера и объясняются данныя экскурсіи въ область юмора при общей серьезности религіознаго чувства.

Всѣмъ извѣстна общая заботливость народа о благолѣпіи своей церкви; я знаю случаи, когда удовлетвореніе весьма настоятельныхъ экономическихъ потребностей громады было отлагаемо въ интересахъ украшенія сельской церкви, когда самообложеніе для этой цѣли было постановляемо въ трудный, неурожайный годъ. Благолѣпіе своего храма составляетъ предметъ гордости селянина. Освященіе новой церкви — торжественный

день въ жизни села; окончаніе крупной ремонтировки вызываетъ громадный наплывъ народа въ церковь.

Но само благолѣпіе храма не исчерпываетъ спроса на религіозно-поэтическія впечатлѣнія; зависимая отъ личныхъ свойствъ священника степень изящества въ богослуженіи представляетъ живой интересъ для народа. При сужденіи о томъ или иномъ священникѣ вопросъ о томъ, „чы винъ гарно правыть", всегда имѣетъ большое значеніе. Голосъ, жесты, интанація—все это весьма существенно при данной оцѣнкѣ. Въ одномъ селѣ я помню случай, когда было предположеніе о назначеніи приходскимъ священникомъ батюшки, не одареннаго хорошимъ голосомъ и вообще неумѣющаго „гарно правыть". Несмотря на капитальность вопроса о вознагражденіи за требы и на нѣкоторыя данныя, указывавшія на умѣренность въ этомъ отношеніи, прихожане были крайне смущены этимъ предположеніемъ.

Проповѣдью вообще мало интересуется народъ. Вращаясь въ отвлеченныхъ, мало доступныхъ народному пониманію сферахъ, произносимая при томъ на литературномъ языкѣ слогомъ малопонятнымъ,—проповѣдь вообще мало дѣйствуетъ на слушателей. Мнѣ ни разу не пришлось слышать разсужденій о священникѣ, въ которыхъ бы обращено было вниманіе на его проповѣднической даръ слова. Я зналъ одного священника, весьма дорожившаго своей проповѣднической дѣятельностью. „Плетинку плете", говорили его прихожане. Одинъ священникъ говорилъ мнѣ, что онъ вмѣсто проповѣди имѣетъ обыкновеніе читать житія святыхъ и что прихожане интересуются этимъ. Я не имѣлъ случая говорить съ его прихожанами на эту тему, но мнѣ это кажется очень вѣроятнымъ. Живая, проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ жизнь всегда говоритъ незачерствѣвшему сердцу. Я зналъ когда то старика *дзвонаря* при одной изъ малыхъ кіевскихъ церквей. Старикъ и по языку, и по общему складу мысли близко примыкалъ къ народной малорусской массѣ, хотя горизонтъ его былъ нѣсколько шире горизонта селянина. Онъ былъ при томъ живописецъ; писалъ иконы, а также извѣстное изображеніе запорожца съ виршами: „хочъ на мене дывышся, та ба не вгадайешъ" и пр. (Одинъ изъ хорошихъ варіантовъ этихъ

виршей помѣщенъ въ Запискахъ о южной Руси Кулиша). Старикъ любилъ иногда побесѣдовать о козацкой старинѣ, но самой любимой темой его разговоровъ были разсужденія о житіяхъ святыхъ угодниковъ. Во время моего знакомства съ нимъ онъ уже чуть ли не въ сотый разъ прочитывалъ Четіи-Минеи и находилъ въ этомъ чтеніи высокое удовольствіе. Глубокая убѣжденность, готовность на великія жертвы святыхъ угодниковъ вызывала въ немъ неподдѣльное сочувствіе, высказываемое съ трогательною простотой. Несмотря на его глубокую и довольно культивированную религіозность, онъ никогда не обращался къ отвлеченному догматизированію. Мнѣ кажется, что онъ былъ въ этомъ отношеніи хорошимъ представителемъ народнаго типа, его впечатлительности къ поэтическимъ образамъ религіозной жизни и малой склонности къ абстракціи. Этимъ и объясняется, мнѣ кажется, безразличное вообще отношеніе сельскаго люда къ проповѣди.

Это, конечно, не значитъ, чтобы живое слово священника было напередъ обречено на безплодность. Я знаю такой случай. Въ селѣ былъ крестьянинъ, немилосердно и грубо обижавшій мать старуху. Однажды старуха захворала, чуть ли не вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ ей сыномъ. Священника призвали исповѣдывать старуху. Исполнивъ эту обязанность, священникъ старался обратить вниманіе сына на безчеловѣчность его обращенія съ матерью; онъ настаивалъ на томъ, что нравственныя страданія матери облегчатся, если сынъ по народному обычаю упадетъ ей въ ноги и попроситъ извиненія. Сынъ слушалъ нравоученія. „Не пійду", прибавилъ онъ рѣшительно. Тогда священникъ упалъ передъ упорнымъ сыномъ на колѣни, прося его во имя спокойствія его и матери исполнить его просьбу. Мужикъ расплакался, попросилъ извиненія у матери. Старуха осталась жива и не имѣла уже причинъ жаловаться на отношеніе къ ней сына. Но не всякому, конечно, проповѣдуемый имъ духъ кротости и смиренія умѣетъ внушить подобныя слова.

Что касается отношенія къ инымъ исповѣданіямъ, то оно вообще чуждо фанатизма. Въ семьяхъ чиншевиковъ вы встрѣчаете часто смѣшанныхъ православныхъ и католиковъ, но это

никогда не бываетъ поводомъ къ пререканіямъ. Чиншевикъ-католикъ иной разъ присоединяется къ православію, потому что онъ *незаможный чоловикъ*, ѣздить ему не на чемъ, а ходить въ костелъ далеко; это не скандализируетъ никого изъ его единовѣрцевъ въ народной средѣ. Православная выходитъ замужъ за католика, и обратно, и это не вызываетъ никакихъ щекотливыхъ вопросовъ. Я говорю здѣсь о чиншевикахъ, такъ какъ въ этой группѣ простонародной массы чаще встрѣчаются близкія соприкосновенія двухъ данныхъ вѣроисповѣданій. Впрочемъ, послѣ освобожденія крестьянъ встрѣчаются что дальше, то чаще браки между крестьянами въ юридическомъ смыслѣ и чиншевиками; дѣло это еще нѣсколько ново и лѣтъ десятокъ тому назадъ я слышалъ чиншевика, удивлявшагося тому, что „мужыкъ ляхивку бере", но я почти не слышалъ, чтобы по этому поводу религіозный вопросъ былъ выдвигаемъ. Среди народа вы часто услышите, что католики, какъ и православные, „вирать въ йидного Бога и въ Іисуса Хрыста, тилько въ ихъ инакше правыться". Впрочемъ, одинъ старикъ объяснилъ мнѣ, что католическій священникъ читаетъ въ церкви то же самое, что и православный, „тильки не зъ того кинця".

Къ еврейской религіи также относятся съ уваженіемъ, такъ какъ „жыды вирать въ йидного Бога", да при томъ это „дуже стара и дуже тверда вира". Точное исполненіе евреями предписаній религіозныхъ и ихъ солидарность часто ставится въ примѣръ.

Враждебное отношеніе народа къ *панамъ-ляхамъ* и къ *жидамъ* имѣетъ совсѣмъ иную, не религіозную подкладку, но объ этомъ я поговорю въ одномъ изъ дальнѣйшихъ писемъ. Съ тою же вѣротерпимостью относится народъ къ людямъ, стоящимъ внѣ его сферы, индифферентнымъ къ религіозной обрядности, если они не ведутъ себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ народнымъ религіознымъ понятіямъ. Одинъ очень набожный человѣкъ говорилъ о культурникѣ, котораго отношенія къ мѣстнымъ сельчанамъ были довольно гуманны, но который относился индифферентно къ религіозной обрядности: „дарма, що винъ не молыться, заготовывъ винъ соби мисце на тимъ

свити диламы своимы". Довольно дружелюбно вообще и довѣрчиво относилось къ нему мѣстное населеніе.

Переходя къ вопросу о тѣхъ или иныхъ модификаціяхъ, замѣченныхъ мною за время моихъ наблюденій въ данномъ отношеніи, я укажу на менѣе строгое отношеніе къ праздничному отдыху, о которомъ я уже говорилъ, и къ посту. Я помню то время, когда никоимъ образомъ нельзя было уговорить больнаго крестьянина перейти въ интересахъ здоровья къ скоромной пищѣ; въ болѣе недавное время я помню случай, когда школьный мальчикъ, изнуренный великопостною пищею, обомлѣлъ въ школѣ. Я ему предлагалъ напиться молока въ качествѣ лекарства, но онъ никоимъ образомъ на это не соглашался, точно такъ, какъ и вызванная по этому случаю его мать. Теперь больной, особенно изъ болѣе молодаго поколѣнія, безъ особенныхъ затрудненій подчиняется совѣту ѣсть скоромное. Молодежь, находящаяся въ услуженіи въ экономіяхъ, охотно пользуется скоромною пищею въ обыкновенные постные дни, и если вопросъ этотъ предоставить на ея рѣшеніе, то рѣшаетъ его обыкновенно въ смыслѣ скоромной пищи, за исключеніемъ великопостныхъ дней. А то бываетъ и такъ, что кто нибудь изъ молодаго поколѣнія охотно бы ѣлъ скоромное, но стѣсняется родителей и постороннихъ. Разговоры на тему, что оскверняетъ человѣка не входящее въ уста, но выходящее изъ нихъ, вы услышите довольно часто и среди постящихся примѣрно. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что наблюденія мои въ этомъ отношеніи относятся главнымъ образомъ къ сѣверо-восточной части сквирскаго уѣзда, прилегающей къ желѣзной дорогѣ.

Но самое крупное новое явленіе въ этой сферѣ за послѣднюю четверть столѣтія—это безспорно штундизмъ. Мнѣ не случалось бывать дальше въ мѣстностяхъ, гдѣ онъ широко распространился; въ моей мѣстности (с.-в. сквирскаго уѣзда) онъ очень мало распространенъ небольшими группами въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, да кромѣ того, мнѣ случалось раза два встрѣчаться въ вагонахъ съ штундистами изъ болѣе южной Кіевщины. При такихъ условіяхъ свѣдѣнія мои въ данномъ отношеніи очень скудны, но тѣмъ не менѣе я думаю подѣлиться ими.

Не предпринимая изслѣдованія по данному вопросу, я ограничусь только сообщеніемъ двухъ-трехъ наблюденій.

У меня работалъ въ качествѣ мастероваго человѣкъ, который потомъ былъ пресвитеромъ штундистскимъ въ одномъ сосѣднемъ селѣ. Я его знавалъ и прежде. Въ былое время это былъ веселый собесѣдникъ: мастеръ, да къ тому *музыка*, онъ при *оказіи* далеко „не цурався чаркы" и веселыхъ бесѣдъ. Я помню— на одной свадьбѣ, выпивъ немного, онъ былъ въ ударѣ и началъ разсказывать небывалое о своей яко бы жизни съ такимъ юморомъ, оживляемымъ часто словами: „отъ же тутъ и батько йесть; воны не дадуть збрехаты", что кругомъ затихъ свадебный гулъ; всѣ заслушались и только гомерическій смѣхъ раздавался отъ времени до времени. „Якъ бы вы, дядьку, ще ту бурлацьку далы, а то вже въ горли засохло. Ну—очамривъ трохы, де чого не згадаю, та дарма" и далѣе продолжался остроумный разсказъ, сплетенный изъ собственныхъ выдумокъ, отрывковъ изъ сказокъ, обращеній *à propos* къ присутствовавшимъ и т. д. Не таковъ сталъ мой давній знакомый въ то время, когда онъ у меня работалъ. У него стала нѣсколько передъ тѣмъ происходить усиленная, сосредоточенная мозговая работа. Онъ постоянно обращался ко мнѣ съ просьбою дать ему почитать что нибудь. Я давалъ, что у меня было подъ рукою изъ книгъ для народнаго чтенія. Возвращая мнѣ ихъ, онъ всегда выражалъ неудовлетворенность. „Ни, це не те, я правды шукаю". Разъ какъ то онъ увидѣлъ у меня статью объ американскомъ сектантствѣ въ Заграничномъ Вѣстникѣ. Онъ просилъ дать ему почитать; я зналъ напередъ, что многое останется для него непонятнымъ въ виду научно-литературнаго изложенія, но нужно было видѣть, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ какимъ усердіемъ онъ старался бороться съ этими трудностями. Вечеромъ, послѣ напряженной дневной работы, онъ пристраивался къ маленькой лампочкѣ и зачитывался въ глубокую ночь. Какъ только онъ завидитъ, бывало, меня, сейчасъ обращается съ просьбой объяснить ему непонятныя для него слова и обороты рѣчи. Онъ, конечно, не сумѣлъ бы отдать систематическаго отчета о прочитанномъ, но для него, очевидно, было ясно, что и тѣ люди, подобно ему,

„шукають правды“ на основаніи христіанскаго религіознаго ученія. Мой знакомый сталъ впослѣдствіи штундистскимъ пресвитеромъ. Веселый, нѣсколько разгульный нравъ его исчезъ. Я помню, съ какимъ неподдѣльнымъ сокрушеніемъ онъ говорилъ о легкомысленности своего брата, пѣвшаго подъ хмѣлькомъ веселую пѣсню. Разговоры его стали вращаться преимущественно въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ. Какой то священникъ далъ ему исторію церкви—онъ читалъ ее очень внимательно и относился съ глубокимъ уваженіемъ и интересомъ къ читаемому. Давній юморъ, если и проявлялся иногда, то на иной подкладкѣ. Разъ какъ то онъ разсказывалъ про кого то, занявшагося повседневнымъ дѣломъ и продолжавшаго молитву. „То й я це, бувало, бувшы колысь музыкою, задримаю на весильи, а рука про те грайе“.

Разъ случилось мнѣ быть на молитвенномъ собраніи штундистовъ. Усѣвшись кругомъ стола, они слушали чтеніе евангелія и бесѣдовали о читанномъ, далѣе пѣли набожныя пѣсни (пѣніе вышло довольно пріятное), послѣ того творили молитву, произносимую въ голосъ то однимъ, то другимъ изъ „братіи“. Въ молитвахъ просили о разъясненіи имъ истины, молились и за преслѣдующихъ ихъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между „братіею“ замѣчается нѣкоторая болѣе усиленная готовность помочь другъ другу и интересъ къ морали въ своей средѣ. Такъ, напр., одному изъ штундистовъ, не имѣвшему своего рабочаго скота, другіе вспахали его поле безвозмездно. Случилось, что одинъ изъ штундистовъ побилъ свою жену; штундисты долго не допускали его въ свои собранія. Пьянства вообще не бываетъ въ средѣ штундистовъ; уваженіе къ чужой собственности и къ своему слову значительно. Одинъ рыболовъ разсказывалъ мнѣ, что разъ у него вытянули одновременно двѣ тони; осмотрѣвъ одну, онъ спѣшилъ къ другой, но его помощникъ изъ крестьянъ православныхъ обратилъ его вниманіе на то, что къ другой тони спѣшить не нужно для контроля, такъ какъ тамъ работаютъ штундисты. Уваженіе ихъ къ своему слову на столько извѣстно, что одинъ изъ провинціальныхъ товарищей прокурора обращалъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на особенную извѣстную до-

стовѣрность показаній штундиста, несмотря на то, что по своему религіозному принципу присяги они не принимаютъ.

Нечего и говорить, что эти лучшія стороны морали штундистовъ не есть порожденіе какихъ нибудь специфическихъ свойствъ штундистскаго вѣроученія, что онѣ только косвенный результатъ возбужденнаго интереса къ болѣе возвышеннымъ вопросамъ, а возбужденіе то это по самой узости сектантскаго кругозора не можетъ быть неисчерпаемо.

Вотъ нѣкоторыя наблюденія, подтверждающія это общее положеніе.

Я старался указать на процессъ возбужденной мозговой работы одного изъ моихъ знакомыхъ, ставшаго впослѣдствіи штундистомъ. Этотъ періодъ своей умственной жизни онъ самъ прекрасно характеризовалъ словами „правды шукаю". Я встрѣчалъ и другихъ его товарищей въ этомъ періодѣ. Мысль ихъ работала безпрестанно, они выслушивали другія соображенія и возраженія, отыскивали усиленно аргументы въ пользу своихъ мнѣній, съ трепетомъ возбужденія отыскивали въ св. писаніи мѣста, подтверждавшія, по ихъ соображеніямъ, мнѣнія, къ которымъ они склонялись. Но разъ остановившись на данной доктринѣ, они легко впадаютъ въ сектантское высокомѣріе. Характерно въ этомъ отношеніи слово, которымъ они охотно опредѣляютъ переходъ чей нибудь въ штундизмъ. Это слово „увирувавъ". Рѣчь свою они охотно испещряютъ словами „пысьменными" съ неумѣло скрываемымъ желаніемъ импонировать своей начитанностью и это дѣлаютъ даже неграмотные между ними. Любовь къ цитированію нумеровъ главъ евангелія, особенно со стороны неграмотныхъ, имѣетъ, независимо отъ сектантскаго буквоѣдства, несомнѣнно и эту подкладку. *Увирувавшій* нетерпѣливо выслушиваетъ замѣчанія и возраженія, дѣлаемыя самымъ спокойнымъ и дружелюбнымъ образомъ; онъ ставитъ вопросъ, какъ будто въ критикующемъ онъ подозрѣваетъ склонность къ преслѣдованію. Я помню, какъ до начала молитвеннаго собранія штундистовъ, на которомъ мнѣ случилось быть, одинъ изъ постороннихъ присутствовавшихъ весьма умѣреннымъ образомъ старался указать на то, что въ ихъ борьбѣ съ иконами есть

недоразумѣніе въ виду неточнаго съ ихъ стороны уразумѣванія православнаго ученія о данномъ предметѣ. Они пошли на бесѣду весьма неохотно и съ видимымъ неудовольствіемъ постарались прекратить разсужденіе, приступая къ чтенію евангелія. И внѣ молитвеннаго собранія я бывалъ свидѣтелемъ неохоты къ разсужденію по вопросамъ ихъ доктрины, при чемъ какъ будто намекалось на фанатическую нетерпимость возражателя. Предполагалась ли она въ дѣйствительности, несмотря на дружелюбный тонъ замѣчаній, или былъ это удобный полемическій пріемъ—не умѣю рѣшать. Та же узость проявилась и въ отношеніи ихъ къ сельской школѣ. Въ нашу сельскую школу присылали было штундисты изъ сосѣдней близкой деревни своихъ мальчиковъ. Все было сдѣлано для того, чтобы защитить ихъ отъ легкомысленныхъ насмѣшекъ товарищей. Школу между прочимъ посѣщали въ то время нѣсколько евреевъ и католикъ, и товарищескія отношенія къ иновѣрцамъ улаживались мирно, значитъ, и улаженіе отношеній къ штундистамъ не представляло особенныхъ трудностей. Заинтересованность нашей школой неожиданно смѣнилась поспѣшностью, съ которой они прекратили высылку своихъ дѣтей въ школу: дѣло въ томъ, что дѣти ихъ научились кое какъ читать, а дальнѣйшее чтеніе книгъ и пріобрѣтеніе познаній, стоящихъ внѣ строгой программы секты, не представляло уже для штундистовъ интереса, разъ пріобрѣтено орудіе, состоящее въ умѣніи читать кое какъ. Случается это часто и съ крестьянами православными, но они въ такомъ случаѣ и въ началѣ не особенно интересуются посѣщеніемъ школы, у нихъ выходитъ это или по индифферентности, или по соображенію, что ихъ дѣтямъ „великои наукы не треба". У штундистовъ, обращающихся часто въ интересахъ секты къ печатному слову, это выходитъ болѣе принципіально.

Съ сектантскою узостью стоитъ въ связи и устраненіе изъ жизни невинныхъ развлеченій, составляющихъ возвышающую душу поэзію трудовой жизни народа. Изящный нарядъ женщины, *улыця*, свѣтская пѣсня и т. п. все это осуждается съ точки зрѣнія сектантской. Я помню, какъ одинъ изъ штундистовъ увѣщевалъ пѣвшихъ за работою *дивчатъ*, чтобы онѣ оставили

свѣтскія пѣсни, такъ какъ тѣмъ же усиліемъ голоса можно пѣть набожныя пѣсни.

Этими свойствами штундизма (я имѣю всегда въ виду только штундизмъ моей мѣстности) объясняется, мнѣ кажется, ихъ отчужденность отъ жизни села, ихъ отсутствіе интереса къ дѣламъ міра. Нужно, впрочемъ, признать, что негуманное, жестокое иной разъ обращеніе съ ними большинства населенія поддерживаетъ эту отчужденность. Въ недалекомъ отъ насъ селеніи былъ случай истребленія огородныхъ продуктовъ у штундистовъ большинствомъ односельчанъ, въ другомъ селѣ штундиста, пришедшаго въ гости къ знакомымъ, водили босымъ на морозѣ. Чѣмъ объяснить эту склонность къ суровой расправѣ съ штундистами со стороны народа, относящагося вообще вѣротерпимо къ другимъ исповѣданіямъ? Мнѣ кажется, что здѣсь дѣйствуетъ и новизна факта, всегда раздражающая малоразвитую массу, и то связанное съ нею обстоятельство, что самъ фактъ перехода въ штундизмъ выражаетъ уже осужденіе вѣроисповѣданію большинства населенія въ то время, когда принадлежность къ другому болѣе давнему исповѣданію ничего въ этомъ отношеніи не выражаетъ, и сектантское высокомѣріе новообращенныхъ, и нѣкоторыя формы исповѣданія, рѣзко поражающія, какъ устраненіе крестнаго знаменія изъ молитвеннаго обряда и иконъ.

Объяснять появленіе штундизма, какъ это слишкомъ часто дѣлается, исключительно нѣкоторыми неправильностями поведенія той или иной части сельскаго духовенства—мнѣ кажется, крайне односторонне. Въ общемъ появленіе штундизма указываетъ на зарожденіе въ народной средѣ спроса на болѣе широкую умственную жизнь и на отсутствіе болѣе цѣлесообразнаго предложенія со стороны культурныхъ слоевъ въ отвѣтъ на этотъ спросъ. Сухая, протестантская формула штундизма мало отвѣчаетъ наклонностямъ народной малорусской мысли, общему характеру и выросшимъ на этой почвѣ народнымъ обычаямъ. Въ моей мѣстности штундизмъ скорѣе ослабѣваетъ, чѣмъ усиливается. Мнѣ кажется, что южная Русь не будетъ увлечена штундизмомъ, подобно тому, какъ западноевропейскій югъ

не увлекся протестантизмомъ, несмотря на ранніе задатки критическаго отношенія къ католицизму. Для полноты я долженъ прибавить, что встрѣченный мною какъ то на желѣзной дорогѣ штундистъ изъ болѣе южной Кіевщины отличался болѣе широкимъ взглядомъ отъ нашихъ мѣстныхъ штундистовъ. Его замѣчаніе о томъ, что къ штундизму склоняются болѣе въ приходахъ, въ которыхъ люди болѣе „прыхыльни до церквы“, изобличаетъ въ немъ хорошаго психолога. Онъ осуждалъ завзятость борьбы нашихъ штундистовъ съ иконами, такъ какъ „люде у тому зрослы“, и потому „не треба имъ заразъ такымъ у вичи брызкать“. Сущность ученія онъ формулировалъ словами „намъ треба, щобъ була любовъ“

Этими, конечно далеко не исчерпывающими предмета, замѣтками я окончу настоящее письмо; въ слѣдующихъ я постараюсь перейти къ другимъ сторонамъ народнаго міровоззрѣнія.

Ѳадей Рыльскій.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГАЙДАМАЧИНЫ.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ числѣ кіевскихъ дѣятелей, трудившихся на полѣ науки и положившихъ большія заслуги для научнаго описанія края, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей, бывшій въ сороковыхъ годахъ кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Несмотря на многочисленныя занятія, сопряженныя съ его служебнымъ постомъ, И. И. Фундуклей находилъ возможность удѣлить значительное количество времени на научное изученіе ввѣренной ему губерніи. Результатомъ его научныхъ трудовъ были три капитальныя сочиненія: 1) Статистическое описаніе кіевской губерніи (3 тома). Кіевъ 1852. 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи. Кіевъ 1848 и 3) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ 1847. Послѣднее сочиненіе, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, издано было весьма роскошно и украшено многочисленными видами и рисунками кіевскихъ древностей. По плану издателя, вышедшее „Обозрѣніе Кіева“ составляло только первый томъ задуманнаго изданія. Второй томъ долженъ былъ заключать такое же „обозрѣніе въ отношеніи къ древностямъ“ кіевской губерніи. И. И. Фундуклей вполнѣ закончилъ этотъ трудъ; онъ составилъ полный текстъ сочиненія и собралъ альбомъ, состоящій изъ 52 плановъ и рисунковъ, назначенныхъ для его иллюстраціи. Къ несчастью, сочиненіе это не было издано вслѣдствіе

перехода автора на службу изъ Кіева. Заготовленная рукопись была передана авторомъ извѣстному ученому М. А. Максимовичу, послѣ смерти же послѣдняго при распродажѣ его библіотеки, рукопись Фундуклея была пріобрѣтена кіевскимъ университетомъ для библіотеки музея древностей.

Въ сочиненіи И. И. Фундуклея кромѣ географическаго и топографическаго описанія городовъ, мѣстечекъ и историческихъ мѣстностей кіевской губерніи, кромѣ многочисленныхъ свѣдѣній о памятникахъ древности до-исторической и исторической, находящихся въ предѣлахъ губерніи, помѣщены народныя преданія и цѣлые разсказы, записанные изъ устъ старожиловъ, объ историческихъ событіяхъ прошлаго столѣтія. Разсказы эти, записанные 50 лѣтъ тому назадъ изъ устъ людей, которые въ молодости были сами свидѣтелями разсказываемыхъ событій или слышили ихъ отъ непосредственныхъ участниковъ, представляютъ богатый историческій матеріалъ для характеристики какъ самихъ событій, такъ и отношенія къ нимъ народа. За сохраненіе этихъ разсказовъ, вѣроятно исчезнувшихъ уже изъ народной памяти, или, по меньшей мѣрѣ, вывѣтрившихся и потерявшихъ характеръ живаго непосредственнаго воспоминанія, нельзя не принести глубокой благодарности памяти почтеннаго ученаго.

Мы приводимъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ они внесены въ рукопись И. И. Фундуклея, четыре такіе народные разсказа, записанные около 1840 года отъ старожиловъ города Черкассъ и м. Медвѣдовки. Разсказы эти относятся къ характеристикѣ гайдамацкихъ набѣговъ, къ преслѣдованію православнаго духовенства уніатами и къ исторіи подготовленія коліивщины.

О наѣздахъ гайдамаковъ, на здѣшніе окрестныя мѣста во время коліивщины сохранились въ Черкасахъ живыя воспоминанія. Разсказы о томъ стариковъ мало заключаютъ въ себѣ историческихъ фактовъ, но разительно изображаютъ характеръ эпохи, устройство городовъ, взаимныя отношенія сословій и ха-

рактеръ самихъ гайдамаковъ, такъ неполно и ошибочно понимаемый нашими писателями.—Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ этихъ преданій, любопытнѣйшія и разсказанныя въ томъ же тонѣ, въ какомъ передаются самими очевидцами.

I.

„Губернаторъ черкасскій Раковскій услышалъ, что гайдамаки грабятъ одного человѣка Шрама, а тотъ Шрамъ держалъ у него на арендѣ корчму въ Русской-Полянѣ, вотъ онъ, услышавши, что Шрама грабятъ, поѣхалъ его защищать, а одинъ гайдамакъ, не допустивши его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его, такъ они сами закололи того гайдамака: „о, *вражій сынъ*, говорятъ, *погубилъ* добраго пана“, да и закололи того гайдамака! До сихъ поръ стоитъ надъ губернаторомъ крестъ въ Русской-Полянѣ; а потомъ былъ губернаторомъ *панъ Сельскій*, такъ и при этомъ же губернаторѣ пріѣхалъ разъ въ Черкасы атаманъ Шило, съ ватагою, душъ можетъ быть съ сотню, меня тогда еще и на свѣтѣ не было, а разсказывалъ все это покойникъ отецъ мой; пріѣхали, говоритъ, они подъ браму (черкасскаго замка) да и кричатъ, чтобы отворили, а губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хотя въ замкѣ было не безъ народу; а я, говоритъ отецъ, былъ на то время дома (т. е. въ самомъ городѣ); прибѣгаю къ замку, но меня уже не пускаютъ; я къ частоколу; смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ, а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ на супротивъ меня и читаетъ ему указъ, будто бы царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ ляховъ и жидовъ на Украинѣ до ноги, чтобъ ихъ и духу не было, а я себѣ думаю: постой лишь, *я тебѣ дамъ не такого указу!* Да просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь махнетъ головою, такъ и нельзя потрафить; я опять, обожду, пока конь потупитъ голову, да опять только что хочу

выстрѣлить, такъ онъ опять и махнетъ головою, а лѣтнее, знаете, время, какъ разъ передъ Троицей, такъ мухи коня кусаютъ".

Такъ вотъ прибѣгаетъ тоже съ города полковникъ войсковой Ацына Францишекъ: „Бога бойся,—Омелько! не стрѣляй;—пойдемъ сперва разузнаемъ".

Пошли—стали стучать,—отворили намъ ворота.

Вотъ отецъ поднялъ подъ руки губернатора и говоритъ.

— Встань, пане, что это ты передъ ледащимъ дѣлаешь?... Да вы ихъ не слушайте, говоритъ козакамъ, это гайдамаки, перестрѣляемъ ихъ, вражыхъ сыновъ.

Губернаторъ и всталъ, а Максимъ (Шило) говоритъ отцу:— Что ты за человѣкъ?

А отецъ говоритъ: кого тебѣ нужно?

— Ты видно Омелько Судіенко?

— Такъ, Омелько Судіенко. А батько былъ первый въ губерніи стрѣлокъ, потому Максиму и сказано: берегись, Максимъ, Омелька Судіенка, тотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣту.

— Вотъ Максимъ и говоритъ отцу: не стрѣляй же, братъ, того молодца свинцовою пулею, а стрѣляй серебряною!

— А отецъ говоритъ: моли Бога за пана полковника, а то до сихъ поръ и отъ свинцовой не сидѣлъ бы на конѣ, да еще молись Богу за то, что конь головою махалъ: переколемъ, говоритъ, ихъ, панове!

Вотъ наши заходились возлѣ гайдамакъ, а Максимъ и говоритъ: Чтожъ панове, что изъ того будетъ, что вы насъ переколете; насъ много есть, такъ переколютъ и васъ; я не по своей волѣ пріѣхалъ; меня послали: а посланнаго не бьютъ.

Наши подумали, подумали, да и выпустили ихъ.

Гайдамаки остановились на квартирѣ у Андреевца возлѣ Троицы, а потомъ присылаетъ Максимъ козака съ запискою въ замокъ, проситъ губернатора выйти за калитку для тайныхъ переговоровъ. Губернаторъ вышелъ безъ оружья, а отецъ мой съ нимъ при пистолетахъ.—Не знаю, говоритъ, что мнѣ и ска-

зать своему начальнику;—выѣдь, говоритъ, ты изъ Черкасъ, такъ я скажу, что дома тебя не засталъ.

Губернаторъ послушалъ да и выѣхалъ, а гайдамаки перебили съ водкою бочки, ограбили богатыхъ жителей, да и потянулись изъ Черкасъ.

II.

Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, а иногда маленькою толпою. Разъ ѣхалъ Тышко Герасименко съ мальчикомъ изъ ярмарки, какъ смотритъ,—по Медведовской дорогѣ ѣдутъ на коняхъ, и вотъ прибѣгаетъ къ возу козакъ: „что за люди"?

— Изъ Черкасъ; были на ярмаркѣ:

Козакъ возвратился къ атаману и далъ отвѣтъ; тогда атаманъ прислалъ уже двоихъ гайдамакъ.

Вотъ, говоритъ Герасименко, взяли они меня, да и связали поясомъ, а мальчику велѣли погонять лошадей; ѣдемъ съ ними до самаго города, пріѣхавши близко, остановились; атаманъ сейчасъ: „съ коней"!

Всѣ и посходили съ коней.

— Припадайте къ землѣ!

Припали всѣ ницъ и мальчикъ всталъ съ повозки да и себѣ прилегъ къ землѣ, а я лежу связанный на повозкѣ, да и смотрю, а онъ себѣ что то тамъ ворчитъ, ворчитъ;—видите, колдуетъ: „будетъ неудача"! а потомъ: „вставайте"!

Встали, сѣли на коней и поѣхали по за городомъ, лошадей оставили за заставою, а сами пошли въ городъ и меня везутъ въ повозкѣ, а мальчикъ еще за городомъ всталъ съ воза, да и пошелъ себѣ, а имъ и нужды мало.

Ѣдемъ, говоритъ, прямо къ Дригѣ, а Дрига жилъ насупротивъ того двора, гдѣ теперь городничій; оставили возъ за воротами; одинъ тотчасъ перескочилъ черезъ частоколъ и отво-

рилъ ворота, а я, говоритъ, лежу въ повозкѣ и видать мнѣ все это.—Вотъ гайдамаки вырубили огня, а одинъ взлѣзъ на уголъ, пролѣзъ по подъ кровлею и отворилъ двери.—Я жъ, говоритъ, давай сунуть съ себя поясъ; развязался и побѣжалъ, бросивши и лошадей, и повозку: добѣжалъ до колокольни, ударилъ раза три въ колокола, да опять далѣе; бѣгу мимо дядьковыхъ воротъ; а дядько на то время случился на дворѣ: кто это такой? это ты, Тышко?

— Я, говорю.

— Чего ты бѣжишь?

— Прячьтесь, говорю, гайдамаки Дригу грабятъ. И ходятъ по двору на сторожѣ дядько съ своими, а къ Дригѣ боятся идти,—такой страхъ былъ.

А гайдамаки положили Дригу на землѣ, да насыпавши ему пороху на спину, зажгли и драли скребницею, чтобъ признался: гдѣ тѣ червонцы, что заработалъ, гоняя въ Шленскъ воловъ; а межъ ними, видите, былъ наемщикъ Дриги, такъ тотъ то все и высказалъ, и до тѣхъ поръ драли, пока старуха не принесла горшка съ червонцами.

Въ самую Петровку, именно въ первый день, въ понедѣльникъ пріѣхало человѣкъ двадцать затяжцевъ на развѣдки, встрѣтили Андрейца и распрашиваютъ:

— Гдѣ тутъ такой то войтъ?

— Я, говоритъ Андреецъ.

— Веди жъ насъ къ себѣ на квартиру.

Зазвалъ ихъ къ себѣ на квартиру, послали къ пану Сельскому въ замокъ, чтобъ далъ имъ напитковъ; тотъ тотчасъ и прислалъ имъ, потому что всѣ боялись гайдамаковъ; вотъ они пьютъ, да и говорятъ:

— Пусть вражій ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ, да и повеземъ въ кошъ.

А они стояли тогда кошемъ цѣлые сутки въ Великихъ Курганахъ.

Андреецъ же, услышавши это, скорѣе въ замокъ:

— Берегись, говоритъ, пане;—вотъ такое и такое дѣло.

Такъ панъ Сельскій заперся въ замокъ, а гайдамаки повертѣлись, повертѣлись по подъ частоколомъ, да и воротились въ кошъ.

А такой былъ шалёный народъ эти затяжцы, что бывало когда ѣдетъ по улицѣ и увидитъ гдѣ нибудь въ дворѣ человѣка, то выхватитъ пистолетъ, да и кричитъ:

— Въ хату, мурею, а то запалю!

Такъ человѣкъ склонится, да скорѣе куда нибудь подъ навѣсъ.

.... На другой день Петровки разнесся по Черкассамъ слухъ, что идетъ какое то войско; мы жъ тогда еще были дѣтьми, такъ люди боятся, а намъ и нужды мало; сказано: дѣти—побѣжимъ: что тамъ за войско?

Побѣжали за Бѣлозерскую заставу: въ самомъ дѣлѣ идетъ войско, такое настоящее войско. Впереди ѣдетъ атаманъ на буланомъ конѣ, въ красномъ жупанѣ, шапка на немъ сивая, сапоги сафьяные, поясъ шалевой, за поясомъ пистолетъ, съ боку сабля. Это былъ самъ Максимъ Желѣзнякъ; нестарый былъ еще человѣкъ; лѣтъ можетъ быть сорока, а можетъ быть больше, полный, круглолицый, хорошъ собою, небольшаго росту, но плечистъ, усы русые, небольшіе, за ухомъ оселедецъ, а за нимъ всѣ по два въ рядъ съ копьями и у переднихъ паръ копья съ значками двойчатыми, такъ что половина значка бѣлая, а половина красная, половина желтая, а половина черная или розовая, или синяя, а сзади всѣхъ идетъ человѣкъ съ десять пѣшкомъ безъ копій, а только поприжигали колья и идутъ; то уже были винокуры и подобные имъ, вступившіе въ гайдамаки.

Вотъ мы и стали возлѣ дороги по правую руку, снявши шапки, а онъ, поровнявшись съ нами, говоритъ:

— Здраствуйте, вражьи дѣти!

— А мы говоримъ: здраствуй, пане!

— А что вы не орете?

— Нѣтъ, пане!

— А мы жъ отъ се почали жати!

Дай поѣхалъ въ городъ тою жъ улицею, гдѣ теперь старый базаръ, а потомъ по за панщиною, гдѣ теперь живетъ Ищенко, что служитъ въ судѣ; и пріѣхали они прямо къ замку черезъ мостъ, башня была отперта, я уже не знаю кто отворилъ ее; въѣхали въ замокъ, сами стали въ ряды, а копія поставили въ козлы. Желѣзнякъ крикнулъ: „съ коней!"...

— Вотъ они сошли съ коней и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязи; а атаманъ (Желѣзнякъ) съ десятью что ли человѣками пошелъ прямо къ покоямъ, на встрѣчу ему вышло изъ покоевъ человѣкъ тоже съ десятокъ, съ атаманомъ Буськомъ изъ Цесарской слободы; сняли передъ нимъ шапки, онъ также подошелъ къ нимъ, снялъ шапку, да тотчасъ и надѣлъ, а они всѣ передъ нимъ безъ шапокъ стояли.

— Здравствуйте, говоритъ козачество!

— Здорово, отомане, батько!

— А гдѣ вашъ атаманъ?

Вотъ атаманъ и вышелъ къ нему изъ толпы безъ шапки таки, а онъ и себѣ шапку снялъ, обнялись, поцѣловались: Ну, просите-жъ на квартиру!

Пошли въ покои.

А паны уже давно убрались на тотъ бокъ Днѣпра, еще тогда, когда услышалъ отъ Андрейца, что гайдамаки хвалятся ихъ перевязать.—Отбили кладовую топоромъ, ищутъ, чего имъ нужно; а человѣкъ семь затяжцевъ пошли въ аренду, а мы дѣти: пойдемъ, пойдемъ за ними.

Вотъ одинъ схватилъ гдѣ то топоръ, да по замку—трахъ!... замокъ такъ и разсыпался, тогда давай рубить у бочекъ обручи, водка такъ и полилась изъ амбара по косогору, а женщины сгребаютъ песокъ, да и останавливаютъ ту водку, черпаютъ горстями и льютъ въ горшки сквозь наметки; гайдамаки жъ не

трогали женщинъ и бѣдныхъ людей, только богатыхъ грабили; ляховъ и жидовъ рѣзали.

Вотъ я, посмотрѣвши на это чудо, прихожу домой и узнаю, что отецъ уѣхалъ въ лѣсъ съ двумя работниками, а дома осталась одна мать, да работникъ Сидоголовка, прихожу у хату, а мать плачетъ.

— А гдѣ батько?

— Уже, сынку, поѣхали!

Какъ въ это время батько не знаю уже зачѣмъ, раздумался что ли, воротился изъ подъ самой горы отъ церкви; только что выпрягаютъ лошадей, какъ и идетъ реестровый, городской казакъ Головка, ведетъ въ дворъ двухъ гайдамакъ, да и говоритъ: „говорятъ цехмистеръ, что у васъ есть сапоги сафьянные, которые вы работали для пановъ?"

— Нѣту, говоритъ, я работалъ, да давно!

— Вотъ и повели въ замокъ, къ самому Желѣзняку.—Отецъ послѣ уже разсказывалъ, что говоритъ, какъ только вошли въ покои, то я и увидѣлъ, что Бусько атаманъ спрятался за перегородку, а Желѣзнякъ говоритъ: „ты цехмистеръ сапожническій?"

— А я говорю: я пане!

— У тебя есть сапоги сафянные, которые ты дѣлалъ для пановъ?

— Дѣлалъ, атамане, да давно, а теперь нѣтъ!

А Бусько изъ за перегородки и шепчетъ что то, а Желѣзнякъ и ухо приложилъ, да говоритъ: „Не знаю кто лжетъ? тотъ или другой? ну ступай себѣ!"

Отецъ скорѣе домой, да за лошадей, да со двора, поѣхалъ съ двумя паробками въ лѣсъ и тамъ драли лубки, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Когда отецъ уѣхалъ, я хожу по хатѣ, а работникъ Сидоголовка Яковъ шьетъ сапоги сидя противъ окна, а мать тоже что то дѣлаетъ, какъ вдругъ гайдамаки, идучи мимо окна:

— Пугу!...

А работникъ былъ когда то на Запорожьѣ, то и отвѣчаетъ ему: *Козакъ зъ лугу*!

Какъ вотъ и идутъ въ хату два запорожца съ Головкомъ Иваномъ и одинъ, ставши на порогѣ въ хату изъ пистолета—бухъ! Мать такъ и затряслась, а другой гайдамака и говоритъ: „о, вражій сыну испугалъ молодицу!

— А ну, говорятъ, отворяй нене, комору. Бусько говорилъ, что именно есть сафьянные сапоги.

Отворили.

— Отмыкай сундукъ!

Отомкнули.

Копались, копались, ничего не взяли, не нашли сапоговъ и ушли себѣ.

Когда ушли, то работникъ Сидоголовка опять сѣлъ и началъ оканчивать сапоги, какъ приходитъ еще одинъ, въ жидовскомъ кафтанѣ, на груди и не сходится и въ кожаныхъ лаптяхъ; кому это ты сапоги шьешь?

— Себѣ!

— Ну лишь, говоритъ, дошивай!

Да и сѣлъ на лавкѣ и ожидалъ пока Сидоголовка дошилъ.

— А что дошилъ?

— Дошилъ.

— На жъ тебѣ эти лапти, а я надѣну твои сапоги, а ты себѣ сошьешь!

Надѣлъ и пошелъ себѣ.

III.

Между разсказами жителей о минувшемъ и въ пѣсняхъ народныхъ случается здѣсь слышать о бѣдствіяхъ, потерпѣнныхъ малороссіянами за вѣру и противодѣйствіе уніи. Одинъ изъ разсказчиковъ о гайдамакахъ, говоритъ: что вскорѣ послѣ Коліивщины, можетъ быть въ томъ самомъ году, въ Черкасахъ въ

Николаевской церкви былъ священникъ Остапъ Корякъ; поляки и стали его подговаривать, чтобы онъ ѣхалъ въ Польшу, да высвятился на унію: „*Poiedż, poiedż Ostapie, tobie lepiey będzie!*“ Онъ и поѣхалъ, высвятился и воротился уже уніятомъ; вотъ въ Троицкой церкви благочестіе, а у насъ унія; лѣтъ, можетъ быть уже нѣсколько, но когда пойдутъ бывало наши въ какой нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ наводятъ на путь: „взбунтуйтесь, говорятъ, да добыйтесь къ преосвященному, такъ будетъ и у васъ благочестіе“. А эта епархія зависѣла тогда отъ Переяслава. Въ Переяславѣ жъ былъ преосвященный Гервасій; вотъ отецъ мой и поѣхалъ туда съ работникомъ Шпакомъ. „Ваше Преосвященство, мы пріѣхали просить, пусть будетъ и у насъ благочестіе, какъ у людей, а то у насъ унія, которой мы и терпѣть не можемъ.

А преосвященный и говоритъ:—Дѣти мои! просите Коряка, пусть ко мнѣ пріѣдетъ, такъ я поблагословлю его на благочестіе.

А отецъ говоритъ: Святой Владыко; мы всѣ его громадою просили, но онъ не вѣритъ; тогда, говоритъ, будетъ у васъ благочестіе, когда у меня поростутъ волосы на ладони.

Вотъ преосвященный и говоритъ: Люди добрые, обождите же, онъ опомнится да поздно;—ѣдьте, говоритъ, дѣтки домой, а священникъ вамъ будетъ.

Въ Ревовкѣ же былъ тогда молодой священникъ, Максимъ Левицкій; ляхи его мучили, жаръ за сапоги сыпали, чтобъ согласился на унію, но онъ не согласился и ушелъ въ Переяславъ къ преосвященному, тамъ его отецъ и видѣлъ; да также въ Переяславѣ былъ тогда у преосвященнаго и ктиторъ изъ Млѣева; онъ взялъ польскій антиминсъ изъ церкви и привезъ къ преосвященному; такъ отецъ мой и того тамъ видѣлъ.

Вотъ, когда сказалъ преосвященный, что ѣдьте дѣтки домой, а священникъ вамъ будетъ, то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакомъ, а тогда перевозъ черезъ Днѣпръ былъ только въ Сикорной, да въ Довмонтовѣ, заплатишь было индукту, такъ и

пропустятъ; вотъ мой отецъ и ѣдетъ въ Довмонтовъ, а какъ тутъ отъ брата посланецъ. Братъ предостерегаетъ его; пусть, говоритъ, не ѣдетъ въ Черкасы: тутъ уже ляхи провѣдали гдѣ онъ былъ, такъ караулятъ на дорогѣ, чтобъ его поймать.

Вотъ батько скорѣе съ Шпакомъ въ Богушкову слободку, да нанялъ тамъ рыбака, да заплатилъ, чтобы его перевезъ тайно на сію сторону, а лошадей и Шпака тамъ оставилъ.

Приходитъ домой, а тутъ бѣда, ищутъ его ляхи, чтобъ погубить, вотъ онъ къ зятю, да и жилъ тамъ съ мѣсяцъ, въ хлѣвѣ, пока все утихло.

Когда утихло, то и сталъ отецъ уже жить дома, но все еще побаивался, какъ вотъ разъ присылаетъ за нимъ панъ швадронистый (начальникъ эскадрона), а тогда у насъ въ Черкасахъ команда стояла, такъ отецъ ладунки обшивалъ. Вотъ онъ и пошелъ къ тому швадронистому, именно на то мѣсто, гдѣ теперь присутственныя мѣста стоятъ.

— Прихожу, говоритъ, я туда, когда жъ смотрю: привезли млієвскаго ктитора, котораго я въ Переяславѣ видѣлъ; руки назади связаны, а самъ онъ привязанъ къ повозкѣ. Я какъ увидѣлъ, такъ и обмеръ; думалъ, что и меня затѣмъ призвали, какъ вотъ выходитъ швадронистый, ну, цехмейстеръ, смотри, чтобы къ середѣ были ладунки!

— Будутъ, вельможный пане!

А онъ, иди жъ, говоритъ, да чтобъ были. Вотъ я, говоритъ, скорѣй оттуда! Нехай вамъ бисъ!

А ктитора того повезли въ Млѣевъ, да тамъ, гдѣ возлѣ Млѣева есть гребелька и вербы, повѣсили его на вербѣ за руки и всячески мучили; обмотаютъ коноплями, обольютъ смолой да и зажгутъ, а потомъ, замучивши, отрубили ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ колкѣ; но ночью кто то укралъ ту голову и отвезъ въ Переяславъ къ преосвященному, такъ преосвященный началъ еще больше стараться, чтобъ было благочестіе.

IV.

Мотронинскій монастырь.

Мотронинскій Троицкій (мужскій) монастырь, находится въ чигиринскомъ уѣздѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ Кіева по прямой дорогѣ въ 170, а отъ Чигирина въ 40 верстахъ. Онъ съ четырехъ сторонъ окруженъ древнимъ, великимъ крѣпостнымъ валомъ, заросшимъ устарѣлымъ уже лѣсомъ. Валъ этотъ имѣетъ въ окружности 1750 саженей. Лѣсъ, окружающій монастырь, назывался по имени когда то бывшей владѣтельницы Мотронинскимъ, а по лѣсу и монастырь получилъ названіе.

О построеніи въ семъ мѣстѣ Мотронинскаго монастыря по грамотамъ только извѣстно, что оный возобновленъ по благословенію кіевскаго митрополита Іоны Протасевича въ 1568 году и утвержденъ универсалами гетмановъ: Петра Сагайдачнаго и Петра Дорошенка, 1620, 1621 и 1671 годовъ, но въ 1679 году, во время занятія города Чигирина турками, сожженъ и вовсе разоренъ. Послѣ чего вновь построена въ немъ церковь, по благословенію кіевскаго митрополита Гедеона Святополка (князя Четвертинскаго) въ 1685 году, по универсалу чигиринскаго старосты князя Яна Станислава Яблуновскаго, и съ того времени существуетъ до нынѣ.

Мотронинскій монастырь въ 1768 году былъ главнымъ гнѣздомъ гайдамаковъ. Одинъ изъ стариковъ здѣшнихъ разсказываетъ: что „когда собрались гайдамаки въ Мотронинскомъ лѣсу, то сдѣлали себѣ сѣчь. Выбрали такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ пропасти, а съ четвертой стороны поставили башню. Вокругъ же обрубились лѣсомъ (т. е. засѣками). Посреди сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прибили ту нитку колышками къ землѣ въ четырехъ мѣстахъ и козакъ вокругъ ходитъ. Это жъ въ одномъ байракѣ *сѣчь,* а въ другомъ, на Байковой Лукѣ *скликъ.* Скликомъ назывался у нихъ казанъ,

висѣвшій на дубу, и возлѣ него молотъ, для того, что едва сдѣлается тревога, тотчасъ прибѣжитъ козакъ и ну молотомъ валять, тогда уже всѣ козаки сбѣгаются въ мѣсто. А недалеко возлѣ склика былъ *значекъ,* т. е. обозначенное вокругъ мѣсто гдѣ паслись кони. А отъ значка верстахъ въ трехъ, къ Жаботину, было Гульбище, на высокой могилѣ, такъ, что когда взойдешь на нее, то весь Жаботинъ какъ на ладонѣ видать—сойдутся, бывало на ту могилу, разговариваютъ, въ карты играютъ, пѣсни разныя поютъ. Рѣдко бывало, чтобъ никого тамъ не было.

. . . .

Разсказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамаковъ пришло изъ Сѣчи Запорожской въ Мотронинъ монастырь сперва только три, будто бы на поклоненіе, и притворились они народомъ ничтожнымъ, ходятъ, бывало, себѣ сгорбившись. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, назывался Демьяномъ Гнидою; а другой, по прозванію Лусконигъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь, а третій, Шелестъ, остался здѣсь въ Мотронинскомъ монастырѣ послушникомъ. Живетъ, говоритъ, года два, и все дѣлаетъ копья, закупаетъ жупанки (кафтаны), шаровары, шапки, сапоги. И когда спроситъ его кто нибудь: „На что это братъ?“—„Это“, говоритъ, „я пошлю на Сѣчь Запорожскую подарокъ, потому что все это тамъ дорого, а народъ безпрестанно умножается, такъ терпятъ недостатокъ въ одеждѣ“.

Мы тому и вѣримъ; думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хочетъ послать на Сѣчь подарокъ. Только однажды иду я, говоритъ, въ церковь въ Мотронинъ монастырь, смотрю: стоитъ онъ, тотъ Шелестъ, на тропинкѣ, именно, на *Спасовомъ яру*, и уже въ жупанѣ. Прежде бывало ходитъ въ старенькой *свиточкѣ* (зипунѣ), а теперь уже на немъ жупанъ, синіе штаны, шапка хорошая, сабля у пояса, за поясомъ пистолеты—все совершенно! Здоровъ, говоритъ, братъ Антонъ!

— Здоровъ!

— Приставай, говоритъ, въ козаки.

— А я, говорю,—чтожъ? у меня есть и отецъ и мать и братья, будутъ меня бранить.

— Да приставай, говоритъ. У насъ будетъ хорошо, у насъ такъ будетъ, что мы во вѣки козаками будемъ.

А мнѣ страшно, я и говорю: „намъ и безъ того хорошо“.

— Да приставай!

Я еще таки боюсь.

— А онъ: иди-но къ повозкѣ.

Иду, глядь и повозка стоитъ, а возлѣ повозки ляхъ и жидъ лежатъ связанные. Я какъ посмотрѣлъ на нихъ: э, это жъ уже что то недоброе, когда вяжутъ! и взялъ меня страхъ еще большій.

— А онъ тянетъ изъ повозки боченокъ: пей, говоритъ, водку!

А я говорю, что жъ братъ? еще рано, еще только въ церковь поблаговѣстили.

— Да пей, братъ, говоритъ. Одинъ тому часъ, что невѣстка въ плахти.

Какъ присталъ, какъ присталъ ко мнѣ съ просьбами, я, нечего дѣлать, выпилъ немного.

— Пей еще.

Я еще выпилъ.

— Приставай, братъ, говоритъ.

— Но я все таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, да растеръ съ водкою, да какъ потеръ по лицу, то такая вдругъ взяла меня охота, что только дай въ руки пику, то кажется пошелъ бы, да и душилъ всякаго.

Онъ тотчасъ мнѣ жупанъ, саблю, пистолеты привязалъ, нарядилъ меня совсѣмъ по козацки и пику далъ.—Пойдемъ же, говоритъ, за кленъ, да тамъ и стой, и кто бъ ни шелъ, кто бъ ни ѣхалъ, бери и вяжи.

Пошелъ я, говоритъ, за кленъ, только гляжу, а козаки вездѣ уже и стоятъ по за деревьями.

А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не извѣстилъ команды въ Жаботинѣ.

Поставилъ меня, смотри жъ, хорошо карауль, чтобъ никто ни прошелъ, ни проѣхалъ.

Вотъ я постоялъ тамъ немного, пока тотъ чадъ прошелъ, да потомъ одумался, да скорѣй домой. Прибѣгаю, а батько:—гдѣ это ты былъ?

— Бѣда говорю, тато! Шелестъ козаковъ уже собираетъ!

Вотъ батько побранилъ меня немного, да и говоритъ: спрячься ты, вражій сынъ, а то будетъ тебѣ отъ него бѣда!

Вотъ я какъ пошелъ прятаться, то прятался цѣлыхъ три года.

А Шелестъ, когда провѣдалъ, что команда о немъ уже знаетъ и пошла на Ведмедовку, на *Писарскую Гать*, то собралъ, на самую святую недѣлю, двѣсти козаковъ да прямо въ монастырь. Но удивительно, откуда явились вдругъ тѣ козаки, гдѣ они лошадей набрали и всего! А народъ только что сталъ изъ церкви выходить, какъ эти (гайдамаки) ему на встрѣчу. Народъ такъ и бросился изъ монастыря:—э, это жъ гайдамаки!

А Шелестъ сталъ гулять съ козаками. Музыка, пѣсни и танцы!

Монахи жъ ничего имъ; сидятъ себѣ въ келіяхъ, потому что давно еще объ этомъ знали. Еще какъ только Шелестъ пришелъ въ Мотронинскій лѣсъ, а тамъ тогда были великія трущобы, густота была непроходимая и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ монахъ: то онъ сказалъ тотчасъ тому монаху:

— Иди, говоритъ, себѣ отсюда, отче; тутъ тебѣ не жить, потому, что тутъ козаки будутъ, тутъ будетъ такое, тутъ будетъ такое. Вотъ монахъ и удалился съ того мѣста.

Ну, погулявши Шелестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ сѣчь. Тамъ они обрубились и жили года три. Поѣдетъ бывало ихъ человѣкъ десять, пятнадцать, да схватятъ какого нибудь человѣка и давай мучить, чтобъ говорилъ у кого есть деньги или хорошее платье, да ночью придутъ, и грабятъ; такъ что каждую ночь бывало народъ переходитъ съ имуществомъ спать въ бурьянъ, однакожъ и въ бурьянѣ находили.

Команда жъ къ нимъ не приходила, потому что и сама боялась. Да сколько тамъ и команды той было!

Вотъ, когда собралось ихъ въ каждомъ монастырѣ по триста человѣкъ, тогда и Залѣзнякъ пріѣхалъ изъ Запорожья, да собравшись всѣ вмѣстѣ, девятьсотъ человѣкъ и двинулись въ Польшу. Пришли къ Уманю, а тамъ была ярмарка, да какъ увидѣла, что идетъ Залѣзнякъ, то и заперлась въ замкѣ. А они (гайдамаки) замокъ взяли и вырѣзали всѣхъ ляховъ и жидовъ. Говорилъ мнѣ Лопата, а тотъ Лопата былъ три года слугой при Залѣзнякѣ, такъ говорилъ, что вотъ какъ (показывая за косточку ноги) изъ замка кровь текла.

Вотъ, когда завладѣли Уманемъ, то и поставили вездѣ свой караулъ. Вдругъ ѣдутъ два донца: одинъ, повидимому, изъ старшины, а другой простой. Залѣзнякъ принялъ ихъ какъ гостей, угощаетъ такъ, что ну. Какъ вотъ, немного погодя, ѣдутъ опять три донца. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ ѣдетъ уже человѣкъ пять гусаръ. Тогда онъ и догадался уже, что бѣда будетъ, да и зоветъ Лопату, своего слугу, а это самъ Лопата и разсказывалъ мнѣ:

— Иванъ, говоритъ.

— А я, говоритъ, говорю, чего батько?

— Поди ко, говоритъ, сюда.

Я и пошелъ, этакъ изъ за печки въ графскихъ домахъ.

Вотъ онъ растегнулъ кафтанъ, растегнулъ кожанный поясъ вокругъ себя, набитый червонцами. На, говоритъ, тебѣ этотъ поясъ, если вывезешь, то будешь меня вспоминать.

— А вы жъ, батьку?

— Э, говоритъ, мы тутъ пропадемъ.

Уже догадался, сердечный, говорю: какъ же я отсюда выду?

— Говоритъ: возьми моего коня и веди къ водопою. Если спросятъ тебя: куда идешь? то ты скажи, что поведу батькова коня поить, такъ они и пропустятъ.

Выглянулъ я на дворъ, а уже вяжутъ гайдамакъ; свяжутъ двухъ за руки, спинами одинъ къ другому, да и мѣшокъ земли на рукахъ положатъ; то они бѣдные и стоятъ такъ, по два вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А уже вездѣ московская стража стоитъ и спрашиваютъ у меня: куда идешь?

— Поведу, говорю, батькова коня поить.

Вотъ они и пропустили.

Напоилъ я коня и вотъ уже мнѣ нужно уходить... Но такъ мнѣ стало его жаль (Залѣзняка): думаю себѣ—ворочусь!

Только что выбрелъ изъ воды, какъ бѣжитъ изъ города козакъ, уже на жидовскомъ конѣ: куда?

— Поведу батьку коня.

— Уже, говоритъ, батька чортъ взялъ и тебя возьметъ.

Да рванулъ у меня изъ рукъ того коня, а мнѣ бросилъ жидовскаго; давай, говоритъ, уходить!

— Бросились мы уходить, а за нами два донца, и гнались отъ полудня до самой ночи, да уже возлѣ самаго Тальнаго потеряли насъ въ лѣсу. А мы ѣхали домой двое сутокъ, блудили все по захолустьямъ и ничего не ѣли. А вездѣ уже стоитъ стража; ловятъ гайдамакъ. Пріѣхали ночью къ Калнымъ-Болотамъ, а козакъ и говоритъ:

— Постой лишь, я тутъ бродъ знаю (чрезъ рѣчку Гнилый Тикичъ).

Стали бресть, а кони въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: лови! лови!

Мы по лошадямъ, а козакъ хотѣлъ пику поправить, да какъ подперъ меня подъ поясъ, такъ и перерѣзалъ; поясъ въ воду только *брязь!* пропали деньги!

А мы, вскочивши въ лѣсъ, легли на коней и только ногами понуждаемъ, неси куда хочешь! И пріѣхавши домой еще долго скрывались.

Такъ то когда то дѣялось. Лопата тотъ давно уже умеръ, и слухъ замолкнулъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ

Монастырищѣ, а за Монастырищемъ есть глубокія ямы. Вотъ я остановился, да и смотрю: чтобъ это за ямы были?

Гляжу, идетъ старый человѣкъ: „диду, говорю, что это за ямы?“

— А ты, говоритъ, развѣ не знаешь?

— Нѣтъ, говорю, я издалека, изъ самаго чигиринскаго уѣзда.

Вотъ это жъ, говоритъ, ваши чигиринскіе гайдамаки лежатъ. Тутъ ихъ казнили девятьсотъ, и когда навалили землею, то кровь изъ ямъ била вверхъ высотою въ человѣка. А видишь ты три креста вонъ вонъ стоятъ? То лежатъ ихъ предводители. Тамъ разстрѣляли Шелеста, Лусконога и Гниду.

Тарасъ изъ Ворохты.

Изъ быта гуцуловъ.

(Переводъ съ польскаго [1]).

Предлагаемая повѣсть г. Турчинскаго заслуживаетъ вниманія и какъ беллетристическое произведеніе, нелишенное художественныхъ достоинствъ, — и множествомъ топографическихъ и бытовыхъ подробностей, которыми авторъ обставилъ свой разсказъ; очевидно, авторъ усвоилъ себѣ пріемы реальнаго искуства и основательно изучилъ какъ мѣстность, въ которой происходитъ дѣйствіе, такъ и этнографическія особенности описываемаго имъ населенія. Избранная авторомъ мѣстность — южная часть Карпатскаго горнаго кряжа, чрезвычайно живописна; не менѣе интересны этнографическія черты населенія, занимающаго эту часть Карпатъ; обитающее здѣсь горное племя — гуцулы — представляетъ самую характеристическую и наиболѣе рѣзко выдающуюся въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ разновидность южнорусскаго племени.

Гуцулы — это самая южная группа русскихъ карпатскитъ горцевъ; поселенія ихъ расположены какъ по самому кряжу Карпатскихъ горъ, такъ и въ Подгорьи на обоихъ его склонахъ. На сѣверномъ склонѣ Карпатъ, въ Галичинѣ, ихъ отдѣляетъ отъ другаго горнаго племени бойковъ огромная, непроходимая лѣсная пуща, такъ называемый Черный Лѣсъ. Отъ Чернаго Лѣса и окаймляющей его рѣчки, Быстрицы Солотвинской (притокъ Днѣстра) поселенія гуцу-

[1]) *Ateneum* — 1886 г., томъ I, январь, февраль, мартъ.

ловъ тянутся къ югу къ рѣчной системѣ Днѣстра до границъ Буковины, затѣмъ переходятъ за эту границу, располагаясь въ верхней части бассейновъ Серета и Прута. Они занимаютъ юго-западный уголъ Галиціи, называемый обыкновенно Покутіемъ, и сѣверозападную часть Буковины. На южномъ склонѣ Карпатъ гуцульскія села спускаются въ предѣлы Венгріи, въ мармарошскій комитатъ, и тянутся въ бассейнѣ Тиссы, занимая верховья этой рѣки и берега ея притока Вышева, почти до города Смета.

Въ общей сложности гуцулы составляютъ населеніе отъ 120 до 150 тысячъ, которое занимаетъ въ Галиціи 73 села и 6 мѣстечекъ, въ Буковинѣ 32 селенія и въ Венгріи 9. Почти въ серединѣ территоріи, занимаемой гуцулами, возвышается наиболѣе выдающаяся вершина Карпатскаго горнаго кряжа—*Чорная Гора* (6,500 футовъ надъ уровнемъ моря), по имени которой гуцулы обыкновенно называютъ себя черногорцами. Въ окрестности Чорной Горы, въ глубокихъ рѣчныхъ долинахъ, расположены самыя многолюдныя ихъ поселенія Микуличинъ и Жабье. Область, заселенная гуцулами, врѣзывается клиномъ въ окаймляющую ее съ юга и запада территорію, занятую румынами, но, несмотря на столь близкое сосѣдство, оба племенные типа сохранились въ совершенной чистотѣ и не оказали другъ на друга сколько нибудь значительнаго культурнаго вліянія. Нѣсколько десятковъ румынскихъ словъ въ языкѣ гуцуловъ представляютъ почти единственный результатъ продолжительнаго сосѣдства.

По своей наружности и тѣлосложенію гуцулы представляютъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ типовъ среди различныхъ разновидностей южно-русскаго племени. Подобно большинству горныхъ племенъ, они высокаго роста, худощавы и мускулисты, съ широко развитою грудью, очень стройнаго тѣлосложенія и отличаются чрезвычайною силою, ловкостью движеній и статностью осанки. Черты лица ихъ правильны, красивы и очерчены рѣзкими, опредѣленными линіями, кожа смуглая, глаза черные, блестящіе, волосы также черные, густые и волнистые. Мужчины не стригутъ волосъ, которые длинными кудрями развѣваются по плечамъ; бороду брѣютъ, но отпускаютъ длинные усы, концы которыхъ закручиваютъ вверхъ. Одежда гуцуловъ довольно сложная и чрезвычайно эффектная; въ

составъ мужскаго костюма входятъ: высокая, темная шляпа съ широкими полями (*кресаніе*), украшенная узорчатыми мѣдными бляхами, различными привѣсками и блестками или же выпизанными изъ разноцвѣтнаго бисера тесемками (*гerданами*); поверхъ рубахи, густо расшитой шелками или шерстью, надѣвается короткій, до пояса кожухъ безъ рукавовъ (*киптаръ*), также вышитый вокругъ и по всѣмъ швамъ; затѣмъ накидывается на плечи такъ называемый *байбаракъ*, верхняя одежда изъ краснаго, синяго или коричневаго сукна. Женскій костюмъ отличается еще большимъ количествомъ вышивокъ и всевозможныхъ украшеній.

Гуцульскія села расположены весьма оригинально и живописно; они тянутся по склонамъ глубокихъ горныхъ долинъ вдоль потоковъ и рѣкъ, занимая нерѣдко довольно значительныя пространства. Каждая хата стоитъ особнякомъ, вдали отъ другихъ, окруженная садами, лугами, рощами и полями (*царинками*), принадлежащими ея хозяину. Гуцульская *хижа* (изба) состоитъ изъ двухъ комнатъ, сѣней и коморы, при чемъ нѣкоторыя части постройки еще удержали тѣ архаическія названія, какія они носили въ глубокой древности; сѣни называются *хоромами*, а комора *клѣтью*.

Гуцулы отличаются большою подвижностью, энергіею, любовью къ свободѣ и сильно развитымъ сознаніемъ своего достоинства; подобно всѣмъ горцамъ, они чрезвычайно привязаны къ своей родинѣ и вдали отъ нея подвержены ностальгіи; въ общежитіи это очень добродушные, обходительные люди, но въ тоже время очень горячіе и, въ случаѣ нанесенной имъ обиды, мстительные и жестокіе. Вслѣдствіе климатическихъ и топографическихъ условій края, гуцулы очень мало занимаются земледѣліемъ, — ровно настолько, насколько это необходимо для прокормленія собственнаго семейства; сѣется главнымъ образомъ кукуруза и картофель, составляющая ихъ повседневную пищу. Любимые промыслы — садоводство, огородничество, пчеловодство и въ особенности скотоводство; главное богатство гуцула составляютъ лошади, рогатый скотъ и особенно овцы. Овцеводство достигаетъ значительныхъ размѣровъ и составляетъ любимое занятіе мѣстныхъ жителей; правильно организованныя артели пастуховъ весною отправляются съ „турмами“ овецъ на „полонины“ — богатыя пастбища, покрывающія вершины горъ, въ теченіе цѣлаго

лѣта занимаются приготовленіемъ различныхъ молочныхъ продуктовъ и только въ октябрѣ возвращаются въ села.

Рожденные среди суровой горной природы, изобилующей разнаго рода опасностями, закаленные съ малыхъ лѣтъ, гуцулы отличаются необыкновенною удалью; они отличные охотники, смѣло въ одиночку идутъ на встрѣчу медвѣдю или дикому кабану, нерѣдко даже безъ огнестрѣльнаго оружія, съ однимъ топоромъ, рогатиною или желѣзными вилами; они гордятся своими охотничьими подвигами, которые считаются тѣмъ болѣе славными, чѣмъ съ большими опасностями они были сопряжены. Сверхъ того они славятся, какъ опытные кормчіе, и съ большимъ искусствомъ сплавляютъ лѣсъ по горнымъ потокамъ и рѣкамъ своей родины. Въ зимніе мѣсяцы, сидя дома, гуцулы занимаются различными отраслями кустарной промышленности; особенно славятся ихъ мѣдныя издѣлія, отличающіеся большимъ изяществомъ формъ и тонкостью орнаментики; изъ мѣди, добываемой на мѣстѣ, они выдѣлываютъ бронзовые кресты, складни, всевозможныя украшенія: серьги, кольца, различныя бляхи и привѣски для поясовъ и шляпъ, а также оружіе: топорики, ножи, пистолеты и т. д. Другое кустарное производство, славящееся красотою формъ и изяществомъ орнаментики—это гончарное; гуцульская посуда изъ свѣтлой глины, покрытая бѣлою глазурью и расписанная весьма оригинальными, затѣйливыми узорами, пріобрѣла почетную извѣстность въ Галиціи.

Въ теченіи прошлаго столѣтія гуцулы прославились упорною борьбою со шляхетскимъ строемъ польскаго государства; формы, въ какихъ выражалась эта борьба, были совершенно аналогичны съ современною ей крестьянскою реакціею въ приднѣпровской Украинѣ, извѣстною подъ именемъ *гайдамачества*. Подобно всякой реакціи непросвѣщенной народной массы, борьба гуцуловъ носитъ характеръ несознательныхъ, стихійныхъ порывовъ, въ которыхъ общественное броженіе проявляется въ формѣ бандитства. Гуцульскіе *опрышки* напоминаютъ не только украинскихъ гайдамаковъ, но и сербскихъ гайдуковъ и ускоковъ, греческихъ клефтовъ и т. п. Ограниченные тѣснымъ райономъ своей территоріи, они не могли развиться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и пріобрѣсти политическаго значенія. Тѣмъ не менѣе, какъ выразители народныхъ нуждъ и настроенія

народной массы своего времени, опрышки оставили по себѣ весьма сочувственное воспоминаніе въ народной памяти: множество разсказовъ, легендъ и пѣсенъ объ опрышкахъ и ихъ подвигахъ до настоящаго времени являются излюбленными сюжетами изустной гуцульской словесности. Особенною популярностью пользуется личность Олексы Довбощука, самаго смѣлаго и энергичнаго предводителя опрышковъ, погибшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣ введенія болѣе правильныхъ общественныхъ отношеній при австрійскомъ правительствѣ, гуцульское гайдамачество начало постепенно ослабѣвать и къ концу первой четверти текущаго столѣтія измельчало до размѣра небольшихъ разбойничьихъ шаекъ, а вскорѣ и совершенно прекратилось. Послѣдняя банда опрышковъ была схвачена австрійскими властями и казнена въ городѣ Надворной въ 1825 году. Изображенные въ прилагаемой повѣсти опрышки относятся къ числу послѣднихъ представителей этого явленія [1]).

К. М.

I.

Тарасъ явился на свѣтъ не въ собственной хатѣ, надъ его колыбелькою не пѣлись веселыя пѣсни, ему не улыбались обрадованныя его рожденіемъ лица. Тревога и опасеніе за будущее привѣтствовали молодую жизнь при самомъ ея началѣ.

Мать его, безпріютная сирота, оправившись послѣ болѣзни, должна была оставить чужую хату, гдѣ только изъ милости дали ей уголъ чужіе люди. Когда то у ея родителей была и собственная хата, и нѣкоторый достатокъ, но что было, то прошло; теперь въ этой хатѣ жилъ злой дядя, успѣвшій завладѣть въ ея малолѣтство всѣмъ ея имуществомъ; съ того времени она пошла служить въ чужіе люди, а когда заболѣла и не могла больше работать,—осталась безъ крова и пищи. Пришлось просить милостыни у добрыхъ людей, потому что теперь она была уже не

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія объ этнографіи гуцуловъ мы почерпнули въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Sofron Witwicki—O Hucułach. Львовъ. 1872 г. Tatomir—Geografja Galicji, изд. 2-е Львовъ. 1876 г., стр. 54—58. Романъ Заклинскій—Географія Руси. Львовъ 1887 г., стр. 121—129.

одна: въ „Микуличинской“ долинѣ стало однимъ жителемъ больше. Другіе люди встрѣчаютъ радостью появленіе на свѣтъ ребенка, по нѣсколько дней празднуютъ крестины, словно желая объявить всему свѣту радостную вѣсть, что семья увеличилась новымъ членомъ; а здѣсь мать, еще не оправившись отъ болѣзни, должна была нести дальше свое горе. Она безропотно несла свое бремя, кормила малютку, хоть сама не разъ оставалась не ѣвши; ходила по всѣмъ концамъ и закоулкамъ обширнаго Микуличина въ поискахъ за работою, съ ребенкомъ на рукахъ, который громко кричалъ, требуя пищи, а она не всегда могла его удовлетворить. Въ ненастье или въ мятель она старалась укрыться со своею ношею гдѣ нибудь подъ чужимъ навѣсомъ, а если ее прогоняли и оттуда,—искала какой нибудь покинутой, полуразрушенной хаты съ догнивающею крышею, сквозь которую дождь лилъ во всѣ щели,—гдѣ нибудь на самыхъ дальнихъ закраинахъ села.

Тогда еще не было большой дороги въ Венгрію, прорѣзывающей теперь Карпаты, а крестьянскіе избы еще дальше отстояли другъ отъ друга, чѣмъ въ настоящее время. Когда день былъ ясный и солнце свѣтило на небѣ, бѣдная мать садилась на зеленой травѣ или на холмикѣ надъ шумящимъ Прутомъ, близь *плая* [1]), по которому проходили люди изъ села, ожидая, чтобы кто нибудь изъ жалости подалъ ей кусокъ коржа [2]) или овсяной лепешки,—не для нея самой, а хоть изъ состраданія къ ребенку, который по большей части кричалъ отъ голода, иногда же улыбался, словно приглашая поиграть съ нимъ. А между тѣмъ не только каждый прохожій смотрѣлъ недружелюбно на стремившагося къ жизни малютку, но нерѣдко и злая гадина выползала изъ подъ прибрежныхъ камней и шипѣла, сердясь на то, что онъ смѣетъ занимать ея мѣсто на камнѣ, противъ горячаго солнца.

Какъ бы то ни было, а въ долинѣ Микуличина прибавился лишній обыватель. Хотя внизу надъ рѣкою изрѣдка только зеленѣли засаженныя бобами или картофелемъ убогія гряды, однако жили же чѣмъ нибудь мѣстные крестьяне. Правда, не было здѣсь

[1]) *Плай*—горная тропинка для пѣшеходовъ или для верховой ѣзды.

[2]) Лепешка изъ крупной кукурузной муки.

ни хорошо воздѣланныхъ огородовъ, ни полей, шумящихъ золотымъ колосомъ, за то *полонины* „Лиснёва“, „Яворника“ „Горгановъ“ давали достаточно дохода для того, чтобы могла пріютиться въ селѣ одна лишняя душа, и при всемъ этомъ каждый хозяинъ качалъ только головою, глядя на малютку—зачѣмъ онъ явился на свѣтъ незваный, непрошеный, кто теперь его выроститъ и чѣмъ выкормитъ?... Гораздо лучше, если бы его вовсе не было: и для матери было бы легче, и другимъ людямъ лучше. Какая обуза для села, если ея не станетъ, а этого уже недолго ждать,—она видимо чахнетъ съ каждымъ днемъ отъ постояннаго горя и слезъ о томъ, кто ее оставилъ. А кто виноватъ? Зачѣмъ повѣрила сыну богача! Кто знаетъ, гдѣ онъ теперь; можетъ быть счастливо живетъ и ведетъ хозяйство съ другою, тогда какъ ее удѣлъ горе и тоска.

Несмотря однако на всѣ лишенія, ребенокъ—худой, желтый, съ впалыми глазами, не умиралъ а напротивъ, какъ бы на зло всему свѣту, крѣпко держался жизни. Если случалось ему болѣть, то, хоть ни одна знахарка, ни одна лекарка не лечила его, не заговаривала болѣзни и не шептала надъ нимъ, но тѣмъ не менѣе, прохворавши многіе дни и даже мѣсяцы, онъ все таки какимъ то чудомъ оставался живъ и снова становился на ноги. Такъ день за днемъ влачилось ихъ существованіе, пока, наконецъ, мальчикъ не доросъ до такихъ лѣтъ, что могъ уже самъ бѣгать за матерью и требовать, чего нужно. Иногда случалось ему играть съ другими, хозяйскими дѣтьми и, хотя въ кругу ихъ онъ былъ самымъ безправнымъ, но не разъ осмѣливался, среди общей ссоры, ударить даже наслѣдника любого богача, считавшаго *марыну* [1]) цѣлыми сотнями. Но тогда уже самой матери приходилось отстаивать Тараса передъ другими женщинами, грозившими свернуть голову этой *видмини* [2]), если будетъ покушаться на дѣтей добрыхъ *газдовъ* [3]).

Зимою, въ самые сильные морозы и непогоду мальчикъ бѣгалъ по снѣгу босой въ одной полуразорванной рубашонкѣ, лѣ-

[1]) Названіе рогатаго скота у гуцуловъ.

[2]) Видмина—оборотень.

[3]) Газда—хозяинъ.

томъ же по большей части ходилъ совсѣмъ голый. Никого это не удивляло, потому что здѣсь и дѣти богатыхъ ходили точно также; если смочитъ дождемъ, вѣтеръ и солнце высушатъ. Головка маленькаго Тараса никогда не чесалась и не стриглась, густые черные волосы опускались до пояса, на половину замѣняя одежду. Такъ дожилъ онъ до семи лѣтъ.

II.

Постоянно тоскуя о прошломъ и задумываясь о свой горькой судьбѣ, несчастная женщина чахла и слабѣла съ каждымъ днемъ, пока наконецъ не заболѣла такъ, что почти и двинуться не могла изъ своего жалкаго убѣжища; она пыталась вставать и идти куда то далеко, куда ее влекло какое то тайное чувство, словно боялась умереть она здѣсь въ Микуличинѣ. Ее какъ будто что то тянуло по направленію къ Татарову и Ворохтѣ, но силы измѣняли ей и она снова принуждена была ложиться. Наконецъ, едва немного оправившись и поднявшись на ноги, она поплелась кое какъ по тропинкѣ вдоль берега Прута, но въ Татаровѣ опять слегла, пролежала здѣсь нѣсколько дней, потомъ встала снова и поплелась влѣво отъ села къ глубокой долинѣ Ворохты. Однако, не доходя села, совершенно выбилась изъ силъ и не могла уже двинуться съ мѣста. Голова, словно налитая свинцемъ, клонилась къ землѣ, запекавшіяся губы горѣли, она едва слышнымъ голосомъ просила воды, хотя подлѣ нея никого не было.

Мальчикъ бѣгалъ надъ Прутомъ, шумѣвшимъ по обрывамъ скалъ, и забавлялся, бросая въ воду камешки, но примѣтивъ змѣю на прибрежныхъ скалахъ, въ испугѣ бросился къ матери, молившей его слабымъ голосомъ зачерпнуть ей немного воды изъ рѣки; маленькій Тарасъ сначала удивился, затѣмъ направился къ ближайшей хатѣ и вскорѣ вернулся, расплескивая по дорогѣ воду изъ разбитаго ковшика, на который больная набросилась съ жадностью, и выпивъ воду, опять захотѣла пить. Ее жгло внутри какъ бы огнемъ и мучительная жажда съ каждою минутою усиливалась все больше и больше, а мальчика уже не было около нея.

Онъ снова убѣжалъ къ рѣкѣ, гдѣ рѣзвился, и, любуясь, какъ сверкали и переливались на солнцѣ быстрыя волны Прута, чувствовалъ себя также спокойно, какъ въ родномъ селѣ.

А мать его, закрывъ глаза, въ изнеможеніи тяжело дышала послѣ труднаго пути, задумываясь по временамъ, почему она теперь такая покинутая, такая одинокая?...

По временамъ она приподымалась, какъ бы желая подозвать кого то, и будто сквозь сонъ, произносила чье то имя. Неужели имя это и теперь еще было ей дорого?

Но она уже чувствовала, что мысли и образы въ головѣ ея начинаютъ мутиться, путаться и обрываться; какой то неясный шумъ и смятеніе мѣшаютъ различать все, что дѣлалось вокругъ. Съ минуты на минуту все это путалось и мутилось все сильнѣе и сильнѣе и мало по малу какъ бы покрывалось туманомъ.

Ничто у ней уже не болѣло и ничего она не желала; только до слуха все слабѣе и слабѣе доносилось какое то неясное, неопредѣленное клокотаніе, а вскорѣ и оно утихло и больная ничего уже не видѣла и не сознавала.—Такъ лежала она часъ, другой совсѣмъ неподвижная, очень тихая и спокойная, но какъ будто другая, непохожая на прежнюю; слишкомъ уже она была неподвижна, лице какъ то вытянулось, губы раскрылись, но дыханія уже не было замѣтно.

Между тѣмъ маленькій Тарасъ, набѣгавшись и нарѣзвившись вволю, почувствовавъ докучливый голодъ, бросился къ матери, прося ѣсть, но мать не двигалась. Мальчикъ нетерпѣливо ждалъ ея пробужденія, но не дождавшись и недоумѣвая, почему она такъ долго спитъ сегодня, началъ кричать и требовать все настойчивѣе и настойчивѣе пищи, и если у матери ее нѣтъ, то пусть отведетъ его въ какую нибудь хату, гдѣ бы и ему, и ей дали по куску коржа, какъ это не разъ бывало. Но мать ко всему оставалась глуха. Ребенокъ плакалъ все громче и громче, крича, что онъ голоденъ; наконецъ сталъ дергать и тормошить ее, но она не просыпалась; тогда, обративъ вниманіе на ея неподвижное лице и испугавшись, онъ дотронулся до ея рукъ, холодныхъ, какъ ледъ, и что то невѣдомое, какое то неясное предчувствіе морозомъ прошло по его жиламъ. Онъ въ страхѣ

бросился къ ближайшей хатѣ; вскорѣ собрались люди изъ села и поняли, что случилось.

Хоть и чужая то была женщина, захожая изъ Микуличина, но христіанина не бросаютъ на дорогѣ безъ погребенія. Покойницу принесли въ хату, обмыли, сложили руки накрестъ и зажгли свѣчу. Мальчикъ смотрѣлъ на все широко раскрытыми глазами и сидѣлъ въ углу, ожидая, скоро ли мать проснется.

— Ой, нескоро, *небоже*, проснется твоя маты! сказала одна изъ женщинъ, приходившихъ отдать послѣдній долгъ—помолиться за упокой души умершей.

— И что съ нимъ будетъ теперь? глядя на сиротку, произнесъ кто то другой.

Были и такіе, которые утѣшали ребенка, изъ жалости увѣряя его, что мать проснется, что она только сегодня крѣпко уснула. Мальчикъ на все смотрѣлъ со страхомъ и не могъ понять, что сдѣлалось съ его матерью.

На другой день сбили нѣсколько неровныхъ, необтесаныхъ досокъ и положили женщину въ тѣсный ящикъ. Пришелъ сѣдой, сгорбленный старикъ, за нимъ еще нѣсколько крестьянъ изъ села, подняли гробъ на плечи и поспѣшно вынесли его изъ хаты. Мальчикъ громко зарыдалъ, не понимая, куда это уносятъ отъ него мать. Смотрѣли на это собравшіяся на выносъ старухи; одна изъ нихъ изъ состраданія удержала ребенка, толкуя ему, что мать теперь спитъ, что эти люди отнесутъ ее въ другое мѣсто, гдѣ ей уже будетъ хорошо, а какъ только она проснется, то сама придетъ къ своему сироткѣ. Казалось, мальчикъ какъ будто повѣрилъ этимъ словамъ, но скоро вырвался и догналъ людей, несшихъ его мать. Теперь онъ умолкъ изъ боязни, чтобы его опять не воротили съ дороги, и шелъ, повидимому, спокойно, а встрѣчные люди, видѣвшіе это, дивились, какъ это такой малый ребенокъ одинъ одинешенекъ идетъ за гробомъ человѣка.

Не звонили колокола, не слышно было ни погребальныхъ пѣсенъ, ни жалобнаго звука *трембитъ* [1]), не толпились люди,

---

[1]) Трембита—длинная труба, около двухъ саженей, сдѣланная изъ еловаго дерева и обтянутая сверху березовою корою: у гуцуловъ принято играть на трембитахъ во время похоронъ.

пришедшіе отдать послѣдній долгъ умершему; поспѣшно, безъ шума шла процессія: впереди старикъ съ крестомъ, за нимъ четверо крестьянъ поспѣшно уносили человѣка, чтобы не мѣшалъ дальше на свѣтѣ. Позади бѣжалъ ребенокъ, но такъ какъ бѣжалъ онъ молча, безъ крику, то никто не обращалъ на него вниманія. Только заходящее солнце, какъ бы нахмурившись, мрачно смотрѣло на эти одинокія похороны. Скоро пришли на кладбище между могилъ, поднялись на небольшей холмикъ и остановились надъ свѣже вырытою ямою. Старый дьякъ прочелъ молитву и осѣнилъ гробъ крестомъ, а другіе принялись поскорѣе спускать его въ могилу. Тогда мальчикъ ухватился за гробъ обѣими руками и поднялъ отчаянный крикъ и плачъ. Пришлось насильно оторвать рыдающаго ребенка, старикъ хотѣлъ отвести его обратно, но ребенокъ рвался къ матери, такъ что только при помощи проходившей мимо женщины едва удалось увести его въ село.

Женщина изъ жалости удержала на ночь сиротку, дала ему кусокъ овсяной лепешки и увѣряла, что мать только спитъ, но черезъ три дня проснется и будетъ уже здорова. Ребенокъ молча смотрѣлъ на нее и со слезами жевалъ хлѣбъ; затѣмъ, усталый, измученный долгимъ плачемъ и тяжелыми, хотя непонятными впечатлѣніями дня, уснулъ тутъ же на лавкѣ и проспалъ крѣпко до утра. Солнце уже стояло высоко, когда онъ проснулся. Открывъ глаза, Тарасъ осмотрѣлся вокругъ и, не видя матери, а только какую то чужую женщину, хозяйничавшую въ хатѣи не обращавшую на него никакого вниманія, сталъ въ недоумѣніи соображать, что такое случилось. Вдругъ онъ припомнилъ вчерашній день, потихоньку всталъ, вышелъ во дворъ и боязливо оглянулся на всѣ стороны, не видитъ ли его кто нибудь и не задержитъ ли его опять та чужая женщина; но той и въ голову не могло придти, что онъ хочетъ дѣлать.

Тогда онъ отправился, какъ бы руководимый инстинктомъ, по той же самой дорогѣ, съ безпокойствомъ оглядываясь назадъ, не гонится ли за нимъ кто нибудь; по временамъ останавливался, соображая, какъ идти дальше, то по кучамъ смеречины, то по виднѣвшимся изъ за *ворыни* [1]) грядамъ; иногда воз-

[1]) Плетень.

вращался назадъ, сбившись съ дороги. И такъ понемногу, путаясь то сюда, то туда съ тихимъ плачемъ, маленькій Тарасъ кое какъ прошелъ на кладбище и, пробираясь между могилами нашелъ и свѣжее мѣсто, куда хотѣли наканунѣ бросить его мать. Но, не видя теперь той страшной ямы, онъ никакъ не могъ подумать, чтобы его мать могла быть здѣсь. Нѣтъ, она должна лежать гдѣ то въ другомъ мѣстѣ; а можетъ быть она уже встала и спряталась отъ недобрыхъ людей? И онъ обходилъ могилы, оглядывался по сторонамъ, не видно ли матери, не прячется ли она отъ него; обошелъ и обшарилъ всѣ кусты и, не находя ее, звалъ все громче и громче, задыхаясь отъ тяжкихъ рыданій.

Когда наступили сумерки, ребенокъ оставилъ напрасные поиски и заплаканный, измученный бросился бѣжать, боясь наступающей темной ночи; нѣсколько разъ онъ спотыкался и падалъ, но тотчасъ подымался и изо всѣхъ силъ спѣшилъ въ село. Такъ ждалъ онъ нѣсколько дней, все еще надѣясь, что мать воротится къ нему; но мало по мало среди хаоса смутныхъ мыслей и неясныхъ представленій, бродившихъ въ маленькой его головкѣ, все яснѣе и яснѣе являлось сознаніе, что мать его больше не воротится, и тогда онъ понялъ въ первый разъ въ жизни, что такое смерть. Теперь Тарасъ смотрѣлъ мрачно и спокойно, точно въ эти послѣдніе дни выросъ на нѣсколько лѣтъ.

III.

Итакъ мальчикъ очутился одинъ на свѣтѣ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ. Въ Ворохтѣ прибавилось одно новое хозяйство. Не было ни хаты, ни поля, ни скота, ни работниковъ, не было ничего, а все же это было хозяйство. Голодъ и холодъ понуждали: отсюда и заботы, и усилія.

Когда начинала донимать пустота въ желудкѣ, маленькій Тарасъ подходилъ къ той или другой чужой хатѣ и терпѣливо стоялъ у дверей, не спуская глазъ съ суетившейся хозяйки. Такъ стоялъ онъ часъ, другой, иногда до самаго вечера, пока наконецъ женщина не сжалится и не броситъ ему кусокъ су-

хаго коржа или не дастъ нѣсколько ложекъ прокисшей *гусленьки* [1]). Иной разъ случалось ему прождать до вечера и уходить ни съ чѣмъ; тогда онъ плелся дальше и плакалъ, но прохожія не обращали на это вниманія. Дѣлать нечего! Нужно было мириться съ судьбою и дитя ложилось спать гдѣ нибудь подъ кустомъ, надъ *плаемъ*. Если сильный вѣтеръ не давалъ уснуть, мальчикъ забирался куда нибудь въ хлѣвъ или загонъ и тамъ находилъ пріютъ и покой въ сосѣдствѣ телятъ, овецъ и козъ. Рогатые товарищи поталкивали его; иногда которое нибудь животное, присмотрѣвшись къ гостю, пріятельски терлось объ него головою, лизало ему лице. Тогда мальчику снилось, что мать воротилась и ласкаетъ его; а проснувшись по утру, онъ съ удивленіемъ оглядывался вокругъ и мрачная тѣнь набѣгала на гладкій лобъ и ясные глазки ребенка.—Иногда случалось ему и день, и два пробыть безъ пищи, не обходилось иной разъ и безъ кулака отъ какой нибудь раздражительной хозяйки; дитя плакало, но должно было терпѣть молча, убѣждаясь, что это въ порядкѣ вещей; иначе быть не можетъ, потому что ему другаго чего ни отъ кого не слѣдуетъ ждать.

Казалось, маленькій Тарасъ сроднился съ такою жизнью, но, просуществовавъ такъ цѣлый годъ, онъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ, какъ пробуждается зависть къ другимъ дѣтямъ, не спавшимъ ни на дворѣ, ни въ хлѣву вмѣстѣ съ домашними животными, а жившимъ въ теплой хатѣ при матеряхъ, заботившихся и о ихъ пищѣ и теплѣ. А когда ему случалось видѣть такихъ дѣтей, которыхъ мать мыла, чесала и одѣвала къ празднику въ бѣлую рубашку, въ то время какъ на немъ самомъ висѣли только клочки чего то грязнаго, чернаго,—тогда въ немъ пробуждалось и чувство озлобленія: почему это другіе дѣти красивѣе его и есть кому объ нихъ позаботиться, а онъ одинъ на свѣтѣ и не нуженъ никому? Такъ росъ и развивался нашъ герой. Хотя кожа на его худомъ тѣльцѣ высохла и сморщилась, а глаза глубоко впали, однако широкія плечи и высокая грудь свидѣтельствовали о природной его силѣ и здоровьи.—

[1]) Варенецъ—обычная пища гуцуловъ.

Случилось однажды, что измученный голодомъ мальчикъ забрался въ чужіе бобы и украдкою началъ срывать и ѣсть стручки. Въ это самое время шелъ по дорогѣ какой то газда, высокій, плечистый, въ короткомъ *киптарѣ* [1]), красиво расшитомъ различными узорами; поверхъ вышитой сорочки надѣтъ былъ широкій кожаный поясъ, густо усѣянный *кильцями* [2]). Шелъ онъ весело, смѣло, самодовольно, и, замѣтивши мальчугана въ грядахъ, крикнулъ ему полу-шутя: „А выходь но зъ бобу, газдо!“ Но когда испуганный ребенокъ подошелъ и сталъ умолять не бить его, крестьянинъ взглянулъ ему въ лице и, какъ бы пораженный его видомъ, поспѣшно отошелъ, бормоча про себя: „Та, якъ бы то ще було?... Отъ, *маяки*!“ [3]). Ребенокъ же, оставшійся на мѣстѣ, запомнилъ наружность крестьянина, показавшагося ему очень добрымъ человѣкомъ уже по одному тому, что не билъ его. Нѣсколько дней спустя Тарасъ, какъ бы по инстинкту, опять находился близь того же мѣста, въ концѣ села надъ Прутомъ. По тропинкѣ шелъ тотъ же самый *газда*, а въ его *дзіобенкѣ* [4]) лежалъ большой кусокъ *будза* [5]) и *малай* [6]); замѣтивъ его, мальчикъ собрался съ духомъ, поклонился и протянулъ руку. Крестьянинъ тоже узналъ мальчика, пристально взглянулъ изъ подлобья на него, послѣ чего тотчасъ отвернулся; затѣмъ, словно что то тянуло его къ ребенку, посмотрѣлъ вторично, нахмурился и пошелъ дальше, задумавшись и какъ бы опечалившись чѣмъ то. Впослѣдствіи онъ началъ, какъ бы невзначай, мимоходомъ, распрашивать въ селѣ, что это за ребенокъ, котораго хозяина, и, узнавши, что онъ ничей, чужой, остался всѣмъ этимъ очень недоволенъ. Когда ему разсказали всю исторію сироты,—какъ недавно зашла съ нимъ изъ Микуличина какая то молодая женщина и умерла здѣсь, крестьянинъ ни слова не сказалъ на это,

---

[1]) *Киптаръ*—короткая кожаная куртка, подбитая овчиною, вышитая кругомъ и по всѣмъ швамъ шерстью и шнурками, съ бараньею оторочкою; очень красивая верхняя одежда, которую гуцулъ надѣваетъ, выходя изъ дому.

[2]) Блестящія пуговицы и другія металлическія украшенія для пояса.

[3]) Воображеніе.

[4]) Сумка.

[5]) Большая плитка овечьяго сыра, изъ котораго послѣ приготовляютъ брындзу.

[6]) Лепешка изъ кукурузной муки.

но съ тѣхъ поръ становился все угрюмѣе, старался избѣгать ребенка, а если случалось встрѣтить его, сердито отворачивался и уходилъ поспѣшно.

Однажды, когда наступила дождливая пора въ горахъ и Тарасъ, промокшій насквозь, иззябшій, голодный, напрасно бродилъ отъ хаты до хаты, не находя нигдѣ пріюта, сжалилась надъ нимъ одна *газдыня* и, взявъ къ себѣ пасти гусей, въ видѣ задатка накормила будущаго пастуха въ теплой хатѣ и позволила ему погрѣться около *ватры* [1]). Когда же мальчикъ въ первый разъ выгналъ свое стадо на зеленую траву на берегъ шумящаго Прута, онъ былъ совершенно счастливъ, несмотря на холодный дождь, мочившій его безпрерывно. Съ гордостью посматривалъ онъ вокругъ, точно сознавая въ первый разъ въ жизни, что и онъ что нибудь значитъ на свѣтѣ: есть, наконецъ, созданія, которыя и ему должны повиноваться. Подъ вечеръ онъ торжественно привелъ домой свое стадо, загналъ въ хлѣвъ и, войдя въ хату, замѣтилъ съ радостью въ печи горшокъ съ кипѣвшимъ на огнѣ картофелемъ. Сегодня, наконецъ, онъ въ первый разъ будетъ *харчоваты* [2]), какъ и всѣ люди.

Въ эту минуту воротился газда съ сѣнокоса и, увидя мальчика, остановился какъ вкопанный, затѣмъ обратился къ газдынѣ и губы его дрожали отъ гнѣва.

— А этотъ... зачѣмъ здѣсь?

— Такъ, былъ голоденъ и прозябъ... можетъ, пригодится... Взяла его къ гусямъ...

— А тебѣ... что до чужаго?—Газда былъ блѣденъ и дрожалъ, не то отъ холода, не то отъ гнѣва, зачѣмъ жена раздаетъ чужимъ, когда имѣетъ уже своего ребенка.

Мальчикъ тоже узналъ его, но сразу почувствовалъ недоброе и кровь ударила ему въ голову.

— Или у тебя, *жинко*, хлѣба божьяго такъ много стало?... началъ газда и не могъ окончить.

— Такъ, подумала себѣ: зачѣмъ это дитя сирота, будетъ побираться, только Бога гнѣвить... чѣмъ онъ виноватъ?

---

[1]) Огонь на очагѣ.

[2]) *Харчоваты*—ѣсть за общимъ столомъ изъ общей миски.

— А тебѣ что за дѣло?...

— Вѣдь оно тоже божье созданіе! робко замѣтила женщина.

— Что тебѣ до него? у тебя есть свое... Говоря это, онъ отворачивался, не смотря на ребенка, и весь дрожалъ, какъ бы въ лихорадкѣ.

И Тарасъ принужденъ былъ оставить чужую хату. Такъ постигла его новая неудача въ жизни; чувство горькой обиды указало ему недруга въ этомъ человѣкѣ, который лишилъ его пріюта и заработка. Сидя на мокрой землѣ при дорогѣ, ребенокъ плакалъ и не могъ понять, почему онъ такой безпомощный, всѣми отвергнутый и за что этотъ человѣкъ прогналъ его. И за что, при самомъ началѣ своего жизненнаго пути, у него есть уже врагъ.

И тогда маленькій Тарасъ почувствовалъ въ первый разъ свои силы; теперь въ немъ явилось сознаніе, что онъ можетъ пригодиться къ чему нибудь въ хозяйствѣ и имѣть свой собственный кусокъ хлѣба, заработанный, а не выпрошенный подъ окномъ,—что онъ можетъ уже пасти гусей. Эта мысль засѣла ему въ голову и мальчикъ ходилъ изъ дома въ домъ, предлагая каждой хозяйкѣ принять его ходить за гусьми; цѣли своей онъ достигъ; такимъ образомъ—онъ уже не нищій и бездомный сирота—онъ—*наймытъ*, и жизнь его получила новый интересъ. Утромъ чуть свѣтъ онъ выгонялъ свое стадо на берега Прута, едва зеленѣвшіе прошлогоднею травою, но почва была каменистая, нужно было выбирать мѣсто и при этомъ не разъ доходило до схватки съ другими мальчиками: всякому хотѣлось доставить своимъ гусямъ лучшее пастбище.

Какъ то разъ Тарасъ, отстаивая интересы своего стада, сильнѣе обыкновеннаго ударилъ одного мальчика, отецъ котораго владѣлъ цѣлою *полониною*, большимъ участкомъ лѣса на „Клывѣ“, а овецъ и козъ и не перечесть. Тутъ онъ узналъ на опытѣ, что не съ каждымъ позволительно драться. Его самого такъ избили, что онъ пролежалъ неподвижно цѣлыхъ двѣ недѣли въ горячкѣ, а лежа сдерживалъ стонъ и закусывалъ губы, чтобы не кричать отъ боли, и такъ учился самообладанію. Жажда мести росла въ немъ все сильнѣе и сильнѣе и кровь закипала

при воспоминаніи объ обидѣ. Брошенный въ сѣняхъ на соломѣ, безъ всякаго ухода, мальчикъ нисколько не жалѣлъ о томъ, что не поправится и не будетъ жить, какъ это всѣ говорили ему въ глаза, его мучила одна мысль, что ему никогда не придется отплатить за свои обиды. Эта мысль жгла и сушила его, но въ то же время и поддерживала, давая силы въ борьбѣ съ болѣзнью.

Послѣ болѣзни поднялся онъ худой, какъ щепка, измятый, изломанный, съ впалыми щеками и глазами, съ головою, на которой еще виднѣлись голыя мѣста, вмѣсто бывшихъ густыхъ черныхъ волосъ;—но все же онъ какимъ то чудомъ поправился. Теперь онъ сознался свое безсиліе и понялъ, что часъ мести для него еще не насталъ. Весна и молодость творятъ чудеса. Когда въ воздухѣ повѣяло тепломъ и свѣжестью, здоровымъ запахомъ хвойныхъ лѣсовъ, ярче засвѣтило солнце и настали теплые дни, кровь живѣе заходила въ маленькомъ тѣлѣ и мало по малу къ Тарасу возвратились прежнія силы и здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя мысли его получили иное направленіе. Теперь онъ какъ будто забылъ о мести, но по временамъ глубоко задумывался о чемъ то и тогда становился серьезнымъ и даже мрачнымъ. Какая то работа происходила въ дѣтской головкѣ, но, когда силы позволили ему побѣгать дальше по окрестностямъ, когда онъ спустился въ самую глубину долины еще ниже „Ребровача“, дальше котораго никогда не заходилъ, когда онъ осмѣлился подняться на ближайшую вершину „Дила“ (слѣдующей горной цѣпи) и тамъ пахнуло на него настоящимъ горнымъ воздухомъ, всѣ мрачныя мысли оставили ребенка.

IV.

Когда Тарасъ выросъ настолько, что могъ уже помогать пастухамъ на полонинахъ, то для него началась новая жизнь.

Весною вмѣстѣ съ старшими *бугарами*[1]) вышелъ онъ въ горы и здѣсь на высокой, обширной полонинѣ „Рыси“ вмѣстѣ съ другими выпасывалъ стада воловъ. Теперь всѣ употребляли

[1]) Бугаръ—пастухъ для рогатаго скота.

его для всевозможныхъ услугъ и старый *ватага*, управлявшій въ качествѣ начальника въ *колыбѣ*, и молодые *легини* [1])—никто не жалѣлъ „*знайду*“. Если онъ достаточно силенъ, пусть его карабкается по обрывамъ,—пусть сгоняетъ *марыну*.

Если случалось какому нибудь волу заблудиться подъ вечеръ въ лѣсной чащѣ, на поиски посылался Тарасъ и онъ волею неволею долженъ былъ по большей части одинъ, иногда вдвоемъ съ кѣмъ нибудь постарше, обходить всѣ *зворы* [2]) и лѣсные закоулки, лазить по оврагамъ, пробираться сквозь густыя заросли огромныхъ папоротниковъ „*згасивки*“ съ широкими, перистыми листьями и высокой „*тои*“ (aconitum) съ синими цвѣтами, поминутно переступать черезъ поросшіе мхомъ, гніющіе стволы деревьевъ, сваленныхъ бурею или расколотыхъ молніею. Такъ блуждалъ онъ почти въ потьмахъ; и страхъ овладѣвалъ имъ среди глубокой лѣсной тишины, нарушаемой изрѣдка только одинокимъ стукомъ дятла гдѣ то вдали. Когда же подымался вѣтеръ и съ глухимъ, грознымъ шумомъ колыхалъ вѣтви деревьевъ, сердце мальчика холодѣло и морозъ пробѣгалъ по кожѣ, но онъ долженъ былъ искать то, зачѣмъ былъ посланъ старшими, не обращая ни на что постороннее вниманія. За то, отыскавши заблудившееся животное, Тарасъ возвращался гордый, какъ солдатъ, ведущій плѣнника. Онъ шелъ съ надеждою, что хоть на этотъ разъ его похвалятъ, но ему часто приходилось горько разочаровываться—вмѣсто похвалъ онъ встрѣчалъ упреки и брань за то, что такъ долго искалъ утерянную по своей же винѣ скотину; а за ужиномъ около *ватры* его толкали старшіе парубки. Мальчикъ съ огорченіемъ замѣчалъ, что и здѣсь онъ ни къ кому не можетъ привязаться; прежде, пока онъ самъ не сознавалъ своихъ силъ и способностей, онъ вѣрилъ другимъ, что онъ хуже всѣхъ, послѣдній между людьми, но теперь, узнавши себя лучше и убѣдившись, что и онъ къ чему нибудь способенъ, Тарасъ не могъ понять, почему бы ему быть хуже всѣхъ, и мало по малу въ душѣ накипала горечь и злоба по отношенію къ остальнымъ людямъ.

---

[1]) Легинь—парубокъ.

[2]) Зворъ—узкое ущелье, вырытое потокомъ, какъ бы ворота въ горахъ.

Когда же онъ выходилъ изъ туманной *колыбы* и становился одиноко, вдали отъ другихъ, на самомъ высокомъ *гронѣ* [1]), когда съ сѣвера и съ юга тянулись передъ нимъ длинные гребни горъ, то подернутые темною синевою, то отливающіе различными тонами зелени, а въ лице вѣяла здоровая прохлада *верховинъ*,—тогда разлетались всѣ гнетущія мысли и что то подсказывало ему, что онъ и здѣсь могъ бы быть счастливымъ, если бы не было тѣхъ другихъ. Теперь онъ сознавалъ, что товарищи только мѣшаютъ ему, и въ ближнихъ видѣлъ только враговъ. Онъ оглянулся назадъ; а тамъ, словно мрачный стражъ отъ сѣвера, надъ всѣми окрестными горами подымала свои холмы „Кобыла“, самая высокая, но за то и самая пустынная и обильная дикими звѣрьми. Передъ нимъ, съ южной стороны, между темными борами, покрывающими склоны горъ, среди темной чащи мелькали тамъ и сямъ свѣтло-зеленыя поляны. Разсказываютъ, что и тамъ, вдали отъ села, проживаютъ какіе то *газды*. Въ долинѣ, на днѣ длиннаго, глубокаго ущелья протекалъ Прутъ, надъ которымъ, одинъ за другимъ возвышались безконечные ряды горъ различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, уходившіе куда то въ синеватую даль, пока наконецъ не исчезали въ едва примѣтномъ для глазъ легкомъ горномъ туманѣ.

Тарасъ любилъ заглядываться на эти картины, удивляясь, что свѣтъ такъ великъ. Этого онъ никогда не предполагалъ, и теперь задумывался надъ тѣмъ, что бы могло быть тамъ дальше?...

Среди этихъ размышленій, сзади подкрадывался *бугаръ* и ударялъ его по спинѣ. Тарасъ вскочитъ бывало, желая оправдаться, но тотъ, не слушая объясненій, гналъ его на работу:

— Тамъ *марына* разбрелась, быки разбѣгаются, а онъ сидитъ, сложа руки, любуется на горы!... Ой, выйдетъ изъ тебя разбойникъ!

Тарасъ молча отправлялся къ стаду, недовольный, что такъ прервали его мечты; нерѣдко онъ готовъ былъ отплатить за обиду, хотя бы и старшему, но зная, что ихъ много и никто за него не вступится, сдерживался, какъ умѣлъ, и молчалъ, вымещая свою злобу на быкахъ, которые дальше другихъ уходили

---

[1]) Хребетъ горы.

въ полонину. Если же какой нибудь быкъ изъ болѣе горячихъ хотѣлъ показать ему рога, то получалъ такой ударъ по лбу, который приводилъ его къ убѣжденію, что почтенная бычачья сила должна смиряться даже передъ капризомъ подростка.

Такъ росъ нашъ мальчикъ и набирался силъ и отваги; отъ свѣжаго горнаго воздуха грудь его сдѣлалась шире, самъ онъ пополнѣлъ и окрѣпъ. Жизнь среди горъ не обходилось и безъ приключеній.

Однажды, во время густой „*мраки*", пастухи услышали вдругъ въ концѣ стада отчаянный ревъ вола; все стадо сбѣгалось въ испугѣ. Догадываясь, въ чемъ дѣло, всѣ бросились въ ту сторону и увидѣли, какъ медвѣдь, поднявшись на заднія лапы, уцѣпился передними за шею вола и лизалъ кровь метавшейся подъ нимъ жертвы. Пастухи еще издали кричали, махали кольями, но звѣрь не уходилъ, словно не могъ оторваться отъ этого источника горячей крови.

Одинъ парубокъ посмѣлѣе подошелъ ближе и ударилъ по лбу лакомку; тотъ оставилъ свою жертву, обернулся къ человѣку и въ одно мгновеніе опустилъ ему лапу на затылокъ; еще секунда и тотъ бы остался безъ головы. *Бугары* помертвѣли, но Тарасъ, съ сверкавшими, какъ у рыси, глазами, выхватилъ у ближайшаго изъ нихъ рогатину и со всего размаха всадилъ медвѣдю въ животъ по самую рукоятку. Древко переломилось, звѣрь бросился къ мальчику; но пастухи уже успѣли опомниться и поспѣшили къ Тарасу на выручку, кто съ топоромъ, кто съ рогатиною, и въ одно мгновеніе прикололи звѣря.

Посѣщеніе лѣсного гостя окончилось счастливо на этотъ разъ, и человѣкъ, и волъ остались въ живыхъ, хотя и пораненные, и все это благодаря Тарасу, подоспѣвшему такъ во время со своею рогатиною.

Тарасъ стоялъ, гордый своимъ подвигомъ, кровь бросилась ему въ лице, волосы развѣвались по вѣтру, глаза сверкали радостью и торжествомъ. Но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что подвигомъ своимъ онъ только нажилъ себѣ враговъ. Пастухи ни за что не хотѣли признать, будто онъ спасъ ихъ товарища; просто медвѣдь погибъ, благодаря ихъ длиннымъ кольямъ и оружію,

а мальчикъ только по глупости обратилъ на себя его вниманіе, и только. Тарасъ на опытѣ узналъ, что значитъ зависть другихъ.

Впрочемъ, лѣто, проведенное на полонинахъ принесло ему пользу; онъ выросъ, окрѣпъ и загорѣлъ здоровымъ загаромъ, такъ что осенью, вернувшись въ село съ пастухами, онъ былъ почти неузнаваемъ. Сталъ онъ сильнымъ очень смуглымъ молодымъ гуцуломъ въ рубашкѣ, голошняхъ и ременномъ поясѣ, почти насквозь прокопченныхъ дымомъ; его блестящіе, густые волосы падали до пояса, глаза сверкали, словно два угля, и по временамъ въ нихъ показывался какой то невиданный прежде огонекъ. Но когда онъ сбросилъ черную *мазанку* [1]), выкупался въ Прутѣ, смылъ и соскоблилъ съ себя всѣ слѣды долгаго пребыванія на полонинахъ, будто снялъ съ себя другую кожу, то въ чистой рубахѣ, подстриженный, онъ выглядывалъ такъ же, какъ и прочіе подростки въ селѣ.

Съ наступленіемъ зимы снова настали для него трудныя времена; хоть и далеко еще было ему до парубка, но люди знали уже его силу и выносливость въ трудѣ и теперь, ему было легче, чѣмъ прежде, поступить куда нибудь *наймытомъ*. Однако, хозяева нерѣдко давали понять, что онъ ѣстъ больше, нежели стоитъ его работа, и мальчикъ не разъ въ раздраженіи бросалъ ложку и шелъ голоднымъ спать.

Теперь Тарасъ лучше мирился съ товарищами; иногда отвѣчалъ кулакомъ, если кто изъ нихъ называлъ его „знайдою", и въ цѣломъ селѣ боялся одного только человѣка, къ которому чувствовалъ какъ бы инстинктивное отвращеніе; въ свою очередь и тотъ старался избѣгать его, если же имъ случалось встрѣтиться лицемъ къ лицу, тогда оба смотрѣли другъ на друга, какъ два врага. Между тѣмъ ничто не связывало ихъ, ни одинъ не былъ помѣхою другому. Однако, несмотря на это, глаза Тараса сверкали при взаимныхъ встрѣчахъ и кровь приливала къ лицу, газда напротивъ становился блѣденъ и уходилъ мрачный, поглядывая на него искоса.

---

[1]) Рубаха, пропитанная масломъ, какія употребляются пастухами на полонинахъ.

Такъ минула зима—подулъ вѣтеръ съ юга, растопилъ снѣговой покровъ, съ горъ зашумѣли ручьи, а когда весеннее солнце пригрѣло землю и зазеленѣли полонины, Тарасъ былъ снова въ горахъ, на „Китиловкѣ", уже съ другимъ *ватагою* и *бугарами*. Когда онъ взошелъ на самую вершину и оглянулся вокругъ, охваченный знакомою горною прохладою, все его существо какъ бы замерло отъ счастья.

У ногъ его, по волнистымъ склонамъ горъ, по лощинамъ и оврагамъ разстилалась безъ конца наводящая страхъ, темная чаща лѣсовъ, въ которой, по разсказамъ, такъ и кишили волки, рыси, медвѣди. Страхъ охватилъ его и въ то же время что то влекло туда, въ эту чащу; въ глазахъ у него помутилось, голова горѣла и кружилась.

Тамъ вдали, позади другихъ горъ, на голубомъ фонѣ неба темносинею массою возвышалась сама „Чорногора", о которой онъ слыхалъ не разъ. Тарасъ различалъ ея вершины: Зарослякъ, Позижевку и Данцеръ [1]), но главная вершина, Говерля [2]), едва виднѣлась, окутанная туманомъ. Мальчикъ стоялъ пораженный, словно проходили передъ нимъ слышанные въ зимніе вечера разсказы объ „опрышкахъ", скрывавшихся на Черной горѣ, и кровь быстрѣе заходила по жиламъ. А когда черезъ минуту разорвало туманъ и передъ нимъ обрисовалась сразу огромная Говерля, Тарасъ, какъ очарованный, не могъ оторвать сверкающихъ глазъ отъ этой громады.

Теперь онъ распрашивалъ *ватагу*, далеко ли оттуда до неба. Старый пастухъ, любившій поговорить, разсказывалъ самыя неправдоподобныя вещи о Черной горѣ, о страшныхъ озерахъ въ глубинѣ ея долинъ, объ „манѣ", которая садится тамъ на глаза людямъ, о буряхъ и громахъ, зажигающихъ лѣса, а молодежь слушала, окруживъ старика, и трепетала при мысли о подобной пустынѣ и таящихся въ ней чудесахъ. Здѣсь, можетъ быть не разъ придется имъ повстрѣчаться и съ опрышками; но, если не оказывать имъ сопротивленія, то они довольствуются

---

[1]) Боковыя вершины, образующія хребетъ Черной горы.

[2]) Названіе наиболѣе выдающейся возвышенности черногорской.

обыкновенно одною, много двумя головами скота и удаляются спокойно. Они больше падки на *сорокивки*[1]), тщательно сберегаемыя богачами Ворохты, Яблоницы, Космача, нежели на *марыну*, которую не могутъ вести на ярмарку. И это второе лѣто провелъ Тарасъ на полонинахъ подобно первому; теперь онъ видѣлъ уже и опрышковъ, которые, поторговавшись съ *ватагою*, зарѣжутъ одного-двухъ воловъ, изжарятъ ихъ на огнѣ и идутъ дальше. Страхъ разбиралъ его при видѣ этихъ рослыхъ людей съ длинными волосами, грозными лицами и сверкающимъ взглядомъ; но мысль часто возвращалась къ нимъ и тѣшилась ихъ образомъ. Ему казалось, что съ ними можно освоиться также, какъ и со своими односельчанами. Они вѣдь не ѣдятъ людей, а пастухи мирно бесѣдовали съ ними у огня.

Такъ, проводя каждое лѣто на полонинахъ, на свѣжемъ горномъ воздухѣ, Тарасъ выросъ, возмужалъ и выглядывалъ почти какъ взрослый. Глядя на этого рослаго, смуглаго юношу съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, съ густыми, блестящими, какъ вороново крыло, черными волосами, съ черными глазами, въ которыхъ какъ бы искрились горящіе угли,—никто бы не узналъ въ немъ прежняго блѣднаго сиротку съ желтоватымъ, безкровнымъ лицемъ, съ глубоко впалыми глазами, сморщенною кожею, подъ которою можно было сосчитать всѣ кости.

Сознавая свои силы, Тарасъ хотѣлъ бы уже сдѣлаться *легинемъ* и съ охотою нанимался весною и осенью гнать плоты, когда не былъ на полонинахъ; но его брали только въ помощь старшимъ *легинямъ*, которымъ онъ долженъ былъ прислуживать, и не разъ подъ холоднымъ дождемъ или осеннимъ туманомъ, леденящимъ кости, приходилось ему прыгать въ воду, чтобы приподнять и направить дальше плотъ, задержанный какою нибудь преградою, хотя бывали тамъ и другіе *керманичи*[2]) постарше и посильнѣе его. Вездѣ онъ былъ первымъ, не заботясь

---

[1]) *Сорокивка*—мелкая серебряная монета въ двадцать крейцеровъ, сорокъ грошей.

[2]) *Керманичъ*—рулевой; *керма* у гуцуловъ длинное весло, замѣняющее на плотахъ руль.

о томъ, что можно наткнуться на острые корни и сучья на днѣ рѣки, и нерѣдко окровавленный, съ израненнымъ колѣномъ хватался за весло, стараясь изо всѣхъ силъ, лишь бы поскорѣе признали его *легинемъ*.

V.

Въ ту пору, когда Тарасъ, наконецъ, сдѣлался легинемъ, онъ былъ красивый, стройный парубокъ, на котораго заглядывались дѣвушки, да и онъ въ свою очередь не опускалъ глазъ при встрѣчѣ съ сельскими красавицами.

Въ праздничные дни, когда молодежь собиралась въ корчму для танцевъ, Тарасъ и здѣсь былъ первымъ и та, которую онъ выбиралъ въ *коломыйку*, не должна была уставать на половинѣ, потому что танцоръ у нея былъ сильный и ловкій и кружился также быстро, какъ струя горнаго потока. За то и дѣвушки готовы были за него въ огонь... Нерѣдко его успѣхи кончались дракою между легинями, особенно если Тарасъ выбиралъ дочь какого нибудь богача; тогда товарищи давали ему различныя прозвища, которыя онъ тутъ же вымещалъ на ихъ спинахъ. Не были рады ему и отцы, у которыхъ хранились годами накопленныя *сорокивки* и которые ни въ какомъ случаѣ не могли примириться съ мыслью, чтобы ихъ дочери выходили за легиня, не имѣвшаго ни большихъ стадъ, ни обширныхъ полонинъ. Опасенія ихъ были напрасны, такъ какъ нашъ легинь, повертѣвшись съ тою или другою въ коломыйкѣ, оставлялъ ее безъ вниманія, будучи увѣренъ, что ни она для него и ни онъ для нея. Случалось это, впрочемъ, довольно рѣдко, такъ какъ и къ богачамъ, и къ ихъ дочерямъ Тарасъ чувствовалъ какъ бы врожденное отвращеніе и не разъ съ раздраженіемъ отталкивалъ ту или другую, хотя онѣ ни въ чемъ не были виноваты передъ нимъ.

Разъ, во время такого собранія, въ числѣ присутствующихъ дѣвушекъ была одна, поминутно взглядывавшая на него робко, какъ бы украдкою и краснѣя, какъ лѣсная калина. Но такъ какъ то была дочь богача, съ которымъ у Тараса были старые

счеты, то онъ и не думалъ обращать на это вниманія. Онъ хорошо помнилъ того газду, который его, еще ребенка, призналъ недостойнымъ пасти его гусей и выгналъ, какъ собаку, изъ хаты. Съ тѣхъ поръ еще онъ всею душою возненавидѣлъ своего врага, а эта дѣвушка была его дочь.

Не имѣя возможности отплатить отцу, онъ готовъ былъ выместить свою обиду на его дочери; и теперь, танцуя съ другими, обходилъ ее нарочно, зная, что она только и ждетъ своей очереди, и проходя мимо нея, не могъ сдержаться, чтобы не толкнуть ее. Когда же Олена, краснѣя по уши, съ трудомъ сдерживала слезы, онъ чувствовалъ какое то внутреннее удовлетвореніе и придумывалъ, чѣмъ бы еще сильнѣе досадить дочери своего врага-богача. На ней хотѣлъ онъ выместить все зло, вынесенное имъ въ дѣтскіе годы. И хотя временами, обидѣвъ ее чѣмъ нибудь, ему приходилось невольно ее пожалѣть и его разбирала досада на себя, но онъ тотчасъ же старался подавить въ себѣ всякое состраданіе къ ней, какъ неумѣстное: дѣлать ей на зло было для него наслажденіемъ, зачѣмъ же отказывать себѣ въ удовольствіи.

А бѣдная Олена все переносила терпѣливо и только не могла надивиться, за что этотъ легинь такъ ненавидитъ ее, почему ни разу привѣтливо не взглянетъ на нее. Или она уже такъ дурна собою? Но взглянувши въ воду вмѣсто зеркала, она не могла съ этимъ согласиться. Изъ воды смотрѣла на нее красивая, стройная дѣвушка съ кроткими, темными глазами, глубокими, какъ бы подернутыми туманомъ. Обыкновенно же лице дѣвушки выражало какую то сдержанную грусть и подчиненіе чужой волѣ. Она была очень терпѣлива: развѣ вздохнетъ молча, или изрѣдка заплачетъ втихомолку.

Тарасъ ни на что не обращалъ вниманія; иногда его даже разбирала злость, зачѣмъ она такъ смотритъ на него, и его брало желаніе сдѣлать ей какую нибудь новую непріятность. Но, вглядываясь пристальнѣе, ему казалось, что въ глубинѣ этихъ черныхъ глазъ, какъ бы подернутыхъ горнымъ туманомъ, есть что то притягивающее и его; этого онъ ни за что не хотѣлъ допустить и приходилъ въ ярость отъ одной мысли, какъ могъ

онъ допустить себя до этой мысли. Онъ не хотѣлъ даже смотрѣть на нее, а между тѣмъ, взглядывая украдкою и замѣчая ея смущеніе, Тарасъ чувствовалъ, что кровь быстрѣе приливала и къ его сердцу. Но ему казалось, что это не болѣе какъ *уроки*, и хотѣлось сдѣлать ей что нибудь такое, чтобы она долго помнила и не бросала на него въ другой разъ *уроковъ*.

Раздумывая надъ этимъ, Тарасъ долженъ былъ убѣдиться, что его преслѣдуетъ образъ этой проклятой дѣвушки; она постоянно у него передъ глазами. Тьфу! нечистая сила! Вѣдь это дочь его врага! И онъ старался возненавидѣть ее такъ же, какъ уже издавна ненавидѣлъ ея отца. Дѣйствительно, ему удалось забыть ее на время; образъ этой дѣвушки совсѣмъ было скрылся изъ его памяти.

Разъ, послѣ продолжительныхъ дождей, вода въ рѣкѣ прибыла и Прутъ, грозя разливомъ, принялъ угрожающій видъ; волны съ страшною силою и шумомъ ударяли о прибрежныя скалы и мчались дальше, унося съ собою цѣлыя деревья старыя и молодыя, подхватывая ихъ или съ корнемъ вырывая изъ размытаго берега. Люди со всего села выходили на берегъ, мужчины размѣстились вдоль рѣки на удобныхъ мѣстахъ и вылавливали лѣсной матеріалъ, доставляемый водою изъ дальнихъ горъ, а женщины и дѣти издали наблюдали эту ловлю. Нашъ Тарасъ отбѣжалъ далеко отъ другихъ, увлеченный погонею за огромнымъ деревомъ, которое волны подбрасывали, кружили и мчали дальше, какъ щепку. Поймать его было дѣло нелегкое, но онъ былъ упрямъ и твердо стоялъ на своемъ; онъ уже совсѣмъ было зацѣпилъ колоду и поворачивалъ ее къ берегу, но въ эту минуту, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ воду въ очень опасномъ мѣстѣ, прямо въ водоворотъ. Увлекаемый бурными волнами, онъ слышалъ неясно какъ бы крикъ ужаса и затѣмъ чей то зовъ на берегу, и продолжалъ бороться съ волнами, стараясь удержаться наверху... на мгновеніе ему показалось, будто кто то протягивалъ ему шестъ, но вода заливала глаза и уши и, оглушенный ея шумомъ, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Кое какъ удалось, наконецъ, добраться до берега, но едва выкарабкавшись на землю, еще весь ошеломленный, измученный

долгими усиліями, Тарасъ замѣтилъ невдалекѣ отъ него, внизъ по теченію, какъ будто дѣвичью голову, которая то показывалась на поверхности воды, то снова исчезала въ ея глубинѣ. Онъ побѣжалъ въ ту сторону и съ ужасомъ увидѣлъ, какъ волны подбрасывали чье то тѣло, боровшееся со стихіею остатками послѣднихъ своихъ силъ... Не раздумывая долго, кто бы это могъ быть, нашъ легинь поспѣшилъ на помощь утопавшей, но успѣвъ схватить ее, самъ уже обезсиленный недавнею борьбою, сразу пошелъ съ нею ко дну. Черезъ минуту голова его появилась уже въ другомъ мѣстѣ и казалось, будто чьи то руки, крѣпко уцѣпившись за него, тянули его ко дну, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ исчезъ, только сильнѣе забурлила, запѣнилась вода, да круги, одинъ за другимъ, расходились все дальше и дальше, разбиваясь о встрѣчныя волны. Вскорѣ забурлило снова въ другомъ мѣстѣ и все дальше и дальше внизъ по теченію показывалась пѣна, окруженная широкими водяными кругами. Наконецъ, въ болѣе мелкомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка разливалась шире, тѣло остановилось, задержанное торчавшими на днѣ скалами. Это еще не былъ утопленникъ, потому что продолжалъ еще барахтаться въ водѣ, но другое тѣло висѣло безжизненно, крѣпко ухватившись руками за легиня.

Съ немалымъ трудомъ выбрался онъ на берегъ... протеръ глаза, но смотрѣлъ точно пьяный; голова кружилась, въ глазахъ еще темнѣло; медленно разжалъ онъ руки дѣвушки, положилъ ее на землю и отступилъ, какъ бы чѣмъ пораженный. Тутъ только узналъ онъ, кого ему пришлось спасать.

Онъ началъ оглядываться и звать на помощь, поблизу же никого не было, пришлось самому выливать воду изо рта, изъ ушей, растирать тѣло; дыханье же не возвращалось... къ тому времени подошли люди, подняли утопленницу—съ распущенными, спутанными волосами, повисшими безжизнено руками и ногами— и понесли въ хату. Увидя дочь въ такомъ состояніи, мать въ ужасѣ всплеснула руками, бросилась къ ней и начала согрѣвать собственнымъ тѣломъ, покрывая ее въ то же время ласками и причитывая надъ нею голосомъ, полнымъ нѣжности и отчаянія.

Наконецъ, дѣвушка открыла глаза; мать и смѣялась, и плакала, осыпая ее страшными поцѣлуями. Мало по малу Олена пришла къ сознанію, силилась собраться съ мыслями и припомнить, что случилось, а припомнивши, съ тревогою начала расспрашивать, что съ нимъ сталось. Но матери она не могла и не хотѣла разсказать всей правды, да впрочемъ, и сама она не имѣла точнаго представленія о случившемся. Она помнила только, что, завидѣвъ утопающаго Тараса, въ испугѣ вырвала изъ какого то плетня колъ, чтобы протянуть ему, но едва вошла въ воду, какъ тотчасъ была подхвачена и снесена теченіемъ. Словно сквозь сонъ припоминалось ей, какъ она еще нѣсколько минутъ боролась съ волнами, холодными и тяжелыми, какъ камень, заливавшими ее, подбрасывавшими, бившими и оглушавшими своимъ шумомъ, до сихъ поръ отдававшимся у нея въ ушахъ. Дальше она ничего не помнила и не сознавала, кромѣ этого страшнаго гула.

Олена молча сидѣла на лавкѣ, о чемъ то думала, а мать, уже успокоенная, готова была цѣловать руки тому безцѣнному легиню, о которомъ напомнили люди, принесшіе ея дочь. Еще не вполнѣ оправившись, сидѣлъ онъ на камнѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хаты, погруженный въ глубокое раздумье; тамъ нашла его старуха и бросилась цѣловать ему лице, руки... Онъ спасъ ея дитя!

Молодой человѣкъ просто испугался, самъ не зналъ, что дѣлать, когда старая женщина поминутно цѣловала его руки. Онъ готовъ былъ бѣжать..

— Да смилуйтесь!... Что вы дѣлаете?... Да оставьте!...

— Мій батечко! мій соколе! мое золото!...

Она расправшивала,—хотѣла знать подробно,—какъ тонула ея дочь, какъ онъ спасалъ ее, и поминутно прерывала разсказъ восклицаніями, снова и снова цѣловала его руки.

— Да перестаньте!... что вы это дѣлаете, неньо? вѣдь я вамъ гожусь въ сыновья...—Онъ остановился, какъ бы испуганный собственными словами.

— О! Будь моимъ сыномъ!... Пусть я буду твоею матерью... Ты мнѣ жизнь возвратилъ... мій соколе! мій сыночку!...

— Да что же я такого сдѣлалъ?... Не смотрѣть же мнѣ было, стоя на берегу, какъ потопаетъ крещеная душа!... Вѣдь каждый бросилъ бы камнемъ въ такого человѣка. Не могъ же я уйти, когда ваша дочка падала въ воду... Развѣ уже я былъ бы собака, а не человѣкъ... да и собака лучше такого человѣка...

Подъ вечеръ возвратился газда съ дальней полонины и, узнавши, что случилось въ его отсутствіе, чуть не разсердился, зачѣмъ понадобилось дѣвушкѣ вытаскивать изъ воды какую то глупую колоду?.. (такъ объясняла она свое приключеніе). Точно ему не за что привезти себѣ дровъ изъ лѣсу. Но узнавши, кто спасъ ее, онъ мрачно потупился и произнесъ въ полголоса: „Что же это такое, ужъ не кара ли Господня на меня?“

Слушая дальше разсказъ жены, ея восторженныя похвалы легиню, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, а услыхавъ, что она въ порывѣ благодарности цѣловала его руки, весь вспыхнулъ и замѣтилъ кратко, что баба глупа, не понимаетъ самаго простаго дѣла: бѣдный, безродный *хлопъ* спасалъ дочь богача,—ничего не можетъ быть проще. Вѣдь на *сплавахъ* ему за цѣлую недѣлю не заработать столько, какъ здѣсь въ нѣсколько минутъ. Чтожь, передъ нимъ не останутся въ долгу!

Старуха хотѣла было продолжать о томъ, какъ по ея мнѣнію слѣдовало вознаградить ихъ благодѣтеля, но услыхавъ, что мужъ намѣренъ купить ему широкій поясъ, унизанный *кильцями*, какого онъ не имѣлъ никогда въ жизни, и *порошныцю* [1]) и такимъ образомъ всѣ счеты между ними будутъ кончены,— она только взглянула на мужа и, не смѣя прибавить ни слова, грустно занялась своею работою.

Между тѣмъ Тарасъ силился припомнить все случившееся. Сначала его воспоминанія были безсвязны, но мало по малу подробности, одна за другою, отчетливѣе вставали въ памяти и волненіе овладѣвало всѣмъ его существомъ. Ему казалось неестественнымъ, чтобы дѣвушка бросилась спасать человѣка; другое дѣло онъ, мужчина; онъ силенъ и пріобрѣлъ опытность и

---

[1]) Рогъ для пороха и кожанный мѣшокъ, привѣшенный къ двумъ ремнямъ, которые перекрещиваются на груди.

сноровку на *сплавахъ*. Мысль эта пробуждала въ немъ новыя, до тѣхъ поръ невѣдомыя чувства, не то благодарности, не то восторга; но вслѣдъ затѣмъ шевелилось другое чувство—досады и смущенія. Онъ сравнивалъ ея положеніе со своимъ и въ душѣ отчетливо выступало сознаніе, что онъ нищій, „*знайда*". Онъ вспомнилъ свое дѣтство, смерть матери и въ первый разъ заплакалъ, сердце въ немъ какъ бы растаяло и въ то же время онъ чувствовалъ, что на него надвигается новое бѣдствіе.

VI.

Возвращаясь однажды изъ Опарскихъ горъ, гдѣ онъ работалъ на сѣнокосахъ, Тарасъ неожиданно повстрѣчался съ Оленою и снова ясно и отчетливо, до мельчайшихъ подробностей встало въ его памяти приключеніе съ нею. Кровь быстрѣе при этомъ воспоминаніи заиграла въ его жилахъ, онъ почувствовалъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не услышитъ отъ нея самой того, что ему такъ сильно хотѣлось знать.

Обмѣнявшись обычнымъ привѣтствіемъ „Помагай Бигъ", Тарасъ спросилъ дѣвушку, вполнѣ ли она оправилась послѣ несчастнаго происшествія; теперь ему во что бы то ни стало хотѣлось поговорить съ нею. Олена вспыхнула, въ смущеніи пробормотала что то вродѣ благодарности Богу и добрымъ людямъ, но и сама не сознавала, что говоритъ. Изъ словъ ея, однако, можно было догадаться, что ей извѣстно, кто вырвалъ ее изъ рукъ рѣчныхъ русалокъ; она блѣднѣла каждый разъ при воспоминаніи о холодныхъ волнахъ Прута, словно чувствовала прикосновеніе нечистой силы.

Слово за словомъ Тарасъ надѣялся выпытать отъ дѣвушки, какимъ образомъ она очутилась въ водѣ, что она дѣлала на берегу. Олена молчала, въ смущеніи опустивъ глаза, и не знала, что отвѣтить.

— Тамъ на берегу еще были люди... вылавливали то, что несло водою...

Она остановилась, не зная, что сказать дальше, а Тарасъ стоялъ и ждалъ; она продолжала:

— Тамъ плыли такія колоды, какихъ не легко найти и на „Кечерѣ“, или даже въ „Форостецкомъ“ лѣсу.

— Можетъ быть... я самъ видѣлъ... но вѣдь ихъ вытаскивали мужчины.

— Были и женщины... да и дѣвушки тоже стояли вдоль берега. Иныя помогали, другія такъ смотрѣли.

— Но какъ это случилось, что она стояла одна, вдали отъ другихъ, потому что вѣдь тамъ никого не было; и другіе люди стояли далеко и только случайно подошли и успѣли подать имъ помощь.

Такъ вопросъ за вопросомъ Тарасъ достигъ наконецъ того, что она, дрожа отъ охватившаго ее непонятнаго ей самой чувства, созналась, какъ, видя его въ опасности, хотѣла помочь ему и протянула первую попавшуюся жердь, стоя на самомъ краю берега, тутъ ее и подхватило волнами. Сильно забилось сердце легиня при этомъ признаніи. Хотя онъ и догадывался объ этомъ, но все же никакъ не хотѣлъ допустить мысли, чтобы она изъ за него добровольно подвергала себя опасности. Кровь бросилась ему въ голову и онъ обнялъ дѣвушку въ порывѣ восхищенія. Въ эту минуту онъ убѣдился, что любитъ ее, и самъ былъ пораженъ этимъ открытіемъ. За то Олена была совершенно счастлива. Лице ея отражало то блаженство, какое она испытывала впервые.

Между тѣмъ зашло солнце. На западѣ пурпуромъ загорѣлась заря и начала блѣднѣть, а вокругъ распространялся упоительный ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ и травъ, живительный запахъ сосноваго лѣса. Было что то разслабляющее въ этой теплой лѣтней ночи. Тарасъ чувствовалъ, какъ сильно билось и стучало его сердце, а кровь быстрѣе и быстрѣе переливалась въ жилахъ... Вѣдь они могли бы осчастливить другъ друга... и вдругъ, словно что то шепнуло ему, что это невозможно—вѣдь она дочь богача, а онъ кто такой? Эта мысль угнетала его, а при воспоминаніи о ея отцѣ морозъ прошелъ по кожѣ.

Долго стояли они такъ вдвоемъ, а проходившіе мимо люди многозначительно поглядывали на нихъ—наконецъ нужно было расходиться. Она возвращалась въ родительскій домъ,

охваченная какимъ то новымъ, еще невѣдомымъ счастьемъ, которое изъ предосторожности должна была тщательно скрывать отъ отца и матери, какъ скрывала раньше свою любовь. Онъ, напротивъ, шелъ медленно, опустя голову, и спрашивалъ себя, почему онъ такъ несчастливъ, почему онъ теперь не имѣетъ отца?

— Нѣтъ!—думалось ему,—отца давно уже нѣтъ на свѣтѣ! онъ даже не припомнитъ его и въ дѣтствѣ... Навѣрно это было очень давно, если даже мать никогда не вспоминала о немъ. Если бы онъ былъ живъ, онъ долженъ былъ бы когда нибудь вспомнить о своемъ сынѣ... И тотчасъ прибавилъ въ видѣ утѣшенія самому себѣ:—А можетъ быть отецъ еще живъ гдѣ нибудь? Но нѣтъ! нѣтъ!.. это невозможно!.. Это было бы ужасно, такъ оставить сына! Такихъ отцовъ не бываетъ на свѣтѣ!... А можетъ быть онъ гдѣ нибудь далеко? можетъ быть живетъ гдѣ нибудь въ чужихъ сторонахъ... въ какомъ нибудь далекомъ краю... или можетъ быть въ войскѣ?... Въ такомъ случаѣ, чѣмъ онъ виноватъ, если его не пускаютъ домой!... Вѣдь ихъ берутъ лѣтъ на четырнадцать, а можетъ быть и того больше? Это очень долго. И мать умерла, а его при этомъ не было... Можетъ быть онъ даже не знаетъ объ ея смерти?... Сколько различныхъ бѣдъ ходитъ между людьми по свѣту!

Какъ ни старался Тарасъ оправдать отца въ своихъ глазахъ, но это было очень трудно.—Нѣтъ! не нужно обманывать себя: отца его давно уже нѣтъ въ живыхъ!

Такъ шелъ онъ *плаемъ* вдоль берега и ему казалось, что въ этотъ день Прутъ шумитъ какъ то особенно глухо и угрюмо, и воздухъ какой то тяжелый, удушливый. Вскорѣ подошелъ къ нему одинъ знакомый человѣкъ, говоря, что уже давно ищетъ его: отецъ Олены воротился изъ Ясеня венгерскаго, привезъ оттуда широкій поясъ изъ доброй кожи, густо унизанный *кильцями*, и поручилъ отдать его *легиню*, такъ какъ самъ онъ, усталый съ дороги, тотчасъ улегся спать, а на слѣдующій день еще до свѣта выходитъ на сѣнокосъ; нужно спѣшить съ уборкою сѣна, потому что угрожаютъ ливни.

Тарасъ слушалъ и не понималъ этого человѣка. Тотъ повторилъ ему все сначала, показывая широкій красный поясъ, настоя-

щій венгерскій, густо украшенный блестящими гвоздиками и бляхами, стараясь втолковать ему, что это за ту дѣвушку, которую онъ спасъ изъ воды... Ему вѣдь слѣдуетъ что нибудь за это, а отецъ Олены такой богачъ и такой щедрый.

— Такъ это плата!

— Конечно такъ!

— Но я не хочу никакой награды!

Кровь ударила ему въ голову, онъ въ гнѣвѣ оттолкнулъ подарокъ, а гуцулъ недоумѣвалъ и удивлялся, что сталось съ молодымъ человѣкомъ, который пренебрегаетъ такимъ подаркомъ.

— Такъ ты, хлопче, еще чего нибудь лучшаго захотѣлъ? Чтожь тебѣ лошадь нужно или вола?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Кто вамъ сказалъ, что я чего нибудь желаю? Ничего мнѣ не нужно! Что я сдѣлалъ такого?... Я для старика ничего не сдѣлалъ. Что онъ мнѣ братъ или сватъ, что бъ я сталъ для него топиться?

— Да вѣдь ты вытащилъ изъ воды его *дивчыну*.

— А если бы вы сами, дядьку, шли мимо и видѣли, какъ потопаетъ крещеная душа, развѣ бы вы прежде потребовали платы, а потомъ уже шли спасать?

— Ну, какъ это можно? Вотъ еще, что выдумалъ!

— Такъ за что же вы хотите платить мнѣ! Я ничего не хочу! Ну, какъ это можно? Вотъ еще что выдумалъ! Не за что... Я ничего такого не сдѣлалъ.

— Такъ не возьмешь?

— За что я буду брать?... Если заработаю, буду носить новый, какой захочу... а если нѣтъ, то и такъ буду.

Посланный удалился, качая въ недоумѣніи головою и соображая, что вѣроятно молодому человѣку такъ *наслано* или *пороблено*, иначе нужно быть совершеннымъ болваномъ, чтобы не брать, когда даютъ.

А Тарасъ остался на мѣстѣ, уязвленный подобною щедростью своего врага и въ то же время отца любимой дѣвушки, словно жаломъ ядовитой змѣи. Онъ сознавалъ, что въ глазахъ всѣхъ онъ только *наймытъ*, которому платятъ, которому за все можно заплатить, даже за то, когда онъ рискуетъ собственною

жизнью... Теперь онъ съ горечью думалъ о своемъ отцѣ, оставившемъ его какъ бы на потѣху всѣмъ людямъ, въ особенности же тому человѣку, которому злая доля судила быть отцемъ Олены, котораго онъ ненавидѣлъ съ дѣтства и зналъ, что тотъ въ свою очередь платилъ ему взаимностью. Теперь этотъ самый человѣкъ хотѣлъ оскорбить его этою платою, унизить его въ глазахъ дѣвушки.

Зачѣмъ судьба сдѣлала его отцемъ Олены? Тарасъ не могъ помириться съ этимъ. Зачѣмъ онъ стоитъ между ними? Навѣрно этотъ человѣкъ разлучитъ ихъ.

Но тутъ, какъ бы на зло, пробуждалась въ немъ сила сопротивленія, придававшая ему бодрости. Казалось, онъ испытывалъ какое то высшее наслажденіе при мысли, что теперь онъ могъ бы поддѣть старика. Вѣдь онъ не заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ поступали, какъ съ человѣкомъ. Если онъ смотритъ на молодаго человѣка, какъ на выродка, какъ на собаку, на дикаго звѣря—такъ пусть же онъ почувствуетъ, какъ больно кусаетъ эта собака, какъ волкъ подкрадывается къ чужой овчарнѣ и выбираетъ себѣ самую лучшую овцу, перепортивши остальныхъ.

Такъ думалъ Тарасъ и пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что онъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ старику: это его врагъ, а съ врагомъ нечего стѣсняться...

Гуцулы народъ горячій и не привыкшій задумываться надъ своими душевными побужденіями. Ихъ темпераментъ быстрый, порывистый и нерѣдко увлекаетъ ихъ къ тому, на что житель *долины* не сразу рѣшился бы. А въ то время, когда жилъ нашъ герой, эта племенная черта сказывалась еще сильнѣе. Тогда долину Прута не прорѣзывала, какъ теперь, большая дорога въ Венгрію, пролегающая вдоль береговъ Прута и Яблоницы; слишкомъ еще слабо проникали сюда отблески культуры, особенно въ долину Ворохты, отстоявшей въ сторонѣ даже отъ проселочнаго *плая* на Венгрію. Только дикіе звѣри да опрышки хозяйничали въ темныхъ лѣсахъ, окружавшихъ слабо заселенныя села, изрѣдка разбросанные въ рѣчныхъ ущельяхъ, въ неприступныхъ ярахъ и глубокихъ долинахъ. А жители Ворохты были продуктомъ своего времени.

Поэтому и Тарасъ не долго раздумывалъ, и, встрѣчаясь съ Оленою, научалъ ее, какъ обманывать отца, чтобы онъ ни о чемъ не догадался; а мать, хоть и прекрасная женщина, но она „не дасть рады своему старому“ Онъ прибьетъ ее, она и покорится. Нѣтъ у нея прыти. А тутъ вѣдь нужна хитрость лисицы, изворотливость ужа, который проникаетъ во всѣ щелки, сквозь всѣ преграды. У старика рысьи глаза. Стоитъ ему замѣтить издали, онъ притаится, застигнетъ врасплохъ и выцарапаетъ глаза въ то время, когда этого всего меньше можно ожидать. Олена блѣднѣла при мысли объ отцѣ и подчинялась *легиню*. Она знала не хуже его, что старикъ поломалъ бы ей кости, если бы встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ. Иногда она готова была во всемъ открыться матери, но Тарасъ отговаривалъ ее каждый разъ, грозя оставить ее, если она выдастъ ихъ тайну. Дѣвушка плакала, обнимала его и умоляла не покидать ее. Что съ нею будетъ тогда? Вѣдь она не можетъ безъ него жить...

Такъ видались они, скрывая отъ всѣхъ свою любовь. Тарасъ даже смягчался, становился кроткимъ и ласковымъ, какъ дитя, въ присутствіи своей возлюбленной; если же случалось ему какъ нибудь невзначай повстрѣчаться съ старикомъ, оба хмурились и мрачно поглядывали другъ на друга. Старый *газда* ненавидѣлъ его теперь еще больше, сильно оскорбленный тѣмъ, что убогій *легинь* отказался принять такой богатый подарокъ и такимъ образомъ старикъ оставался передъ нимъ въ долгу. Эта мысль не давала покоя гордому богачу и усиливала его нерасположеніе къ молодому гуцулу.

— Смотрите! какой богачъ! Побрезгалъ такимъ поясомъ, такою *порошницею!* Какъ будто онъ имѣлъ когда что нибудь подобное! И что жъ себѣ думаетъ—этотъ?..—Онъ не могъ кончить, кровь приливала къ лицу и онъ шелъ дальше, подавленный, приниженный.

Иногда, будучи увѣренъ, что Тарасъ не замѣчаетъ его, старикъ осматривалъ его пристальнымъ взглядомъ и задумывался, потомъ вдругъ отворачивался и уходилъ съ тяжелымъ вздохомъ и уже цѣлый день ходилъ мрачный, угрюмый. Можетъ быть въ немъ пробуждалась совѣсть, а можетъ быть онъ просто хотѣлъ

измѣрить силы врага: осматривалъ его высокую грудь, широкія плечи, такіе же, какъ и у него, потому что и самъ онъ отличался чрезвычайно сильнымъ тѣлосложеніемъ.

Иногда, услышавши случайно голосъ Тараса, даже издали, онъ вздрагивалъ, словно отъ шипѣнія змѣи, и затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ дней нарочно сдерживалъ свой собственный голосъ, боясь крикнуть громче, чтобы не узнать въ его звукѣ голоса своего врага. Не было ли это навожденіемъ нечистой силы, что, слыша голосъ легиня, казалось, онъ слышалъ самого себя. Въ такія минуты онъ самъ себя ненавидѣлъ, боялся звуковъ собственнаго голоса. Навѣрно, это бѣсовское навожденіе, потому что прежде этого не было. Теперь же онъ готовъ былъ бы охрипнуть на вѣки, лишь бы не слышать постоянно своего голоса, чистаго, громкаго и рѣзкаго, потому что и у Тараса такой же точно. Онъ чувствовалъ, что имъ обоимъ становилось слишкомъ тѣсно въ обширной долинѣ Ворохты.

Между тѣмъ молодые люди сходились то здѣсь, то тамъ, окружая свои свиданія всевозможными предосторожностями, не подозрѣвая того, что старикъ наблюдалъ за дочерью, когда она, воротившись домой позже обыкновеннаго, краснѣла и смущалась при распросахъ. Мать легче вѣрила ея отвѣтамъ, отецъ же рѣшился выслѣдить, съ кѣмъ видается его дочь. Влюбленные и не догадывались объ этомъ.

Разъ вечеромъ сошлись они подъ старымъ, развѣсистымъ осокоромъ, окруженнымъ рѣдкими, тощими смереками, и не обратили вниманія на то, что какая то тѣнь двигалась за ними, то удлиняясь, то исчезая за деревьями. Глубокая тишина царила вокругъ; мѣсяцъ, красный, огромный, словно налитый кровью, медленно выплывалъ на небо между вершинами „Магуры“ и „Ребровача“. Въ воздухѣ было такъ душно и парно, какъ будто собиралась гроза, а на сердцѣ становилось тоскливо и жутко, словно въ предчувствіи какого нибудь несчастья. Подчиняясь вліянію природы, молодые люди стояли грустные, задумчивые, словно предвидѣли конецъ своей любви, и не замѣчали того, какъ тѣнь за смереками то приближалась, то снова исчезала и тихо, безъ шума показывалась въ другомъ мѣстѣ.

Вдругъ что то затрещало позади... Не успѣли они обернуться, какъ изъ за кустовъ выскочилъ, какъ бѣшеный, отецъ Олены.

— А! ты здѣсь? погане дивча!...

Испуганная дѣвушка бросилась бѣжать, но Тарасъ остался на мѣстѣ, какъ бы вызывая врага. Эта дерзость еще сильнѣе раздражила старика, онъ схватилъ первый попавшійся колъ и, какъ хищный звѣрь, бросился на легиня; тотъ въ одно мгновеніе вырвалъ его изъ рукъ нападающаго.

— Не будь ты отецъ Олены, убилъ бы! ей Богу убилъ!

— А! отецъ Олены? А тебѣ какое дѣло, что я отецъ Олены?

У старика разгорѣлись глаза, какъ у волка, но онъ былъ безоруженъ, а Тарасъ отступалъ медленно, словно издѣваясь надъ безсиліемъ врага, котораго всего сильнѣе раздражало хладнокровіе этого проклятаго легиня. Старый газда издали слѣдовалъ за нимъ, шагъ за шагомъ, поглядывая изъ подлобья, какъ звѣрь и думалъ, чѣмъ бы отомстить врагу. Путь пролегалъ черезъ горный потокъ Параджынъ. Замѣтивъ, что Тарасъ взошелъ на *кладку*, переброшенную черезъ ручей, онъ быстро подскочилъ и хотѣлъ столкнуть его въ воду. Тотъ быстро обернулся, схватился съ старикомъ, но ни тотъ, ни другой не могъ удержаться на узкой перекладинѣ, оба зашатались и одинъ за другимъ съ высоты упали въ потокъ, на торчавшіе на днѣ его камни и корчи. Оба застонали отъ боли, ударившись всѣмъ тѣломъ объ острые камни, и едва могли встать на ноги. Старикъ продолжалъ стонать, а Тарасъ, схватившись за колѣно, нащупалъ широкую рану и въ бѣшенствѣ поднялъ огромный камень, чтобы размозжить голову противнику. Тотъ поблѣднѣлъ и закричалъ въ смертельномъ страхѣ:

— Стой! Не убивай! Ты и не знаешь... кто я?

— Кто? Мой врагъ! И онъ размахнулся.

— Нѣтъ! не врагъ... Господи Боже! Я твой отецъ...—прибавилъ онъ тихо.

Онъ замолчалъ, подавленный этимъ, невольно вырвавшимся, признаніемъ; Тарасъ, тоже весь оглушенный, пристально вглядывался въ корчившагося передъ нимъ отъ боли врага и вдругъ поблѣднѣлъ; теперь—вблизи онъ узналъ свои собственныя черты.

Ему показалось, что земля передъ нимъ разступилась. Старикъ съ усиліемъ поднялся, крехтя отъ боли, кое какъ выбрался изъ воды и поплелся въ село съ переломленнымъ ребромъ, съ болью въ сердцѣ, проклиная свою жизнь. Тарасъ остался на мѣстѣ ошеломленный, будто оглушенный ударомъ; очнувшись наконецъ, онъ оглянулся вокругъ; ночь давно уже наступила, тихая, грозная. Онъ протеръ глаза.

Да! все это произошло на самомъ дѣлѣ! Онъ боролся за минуту передъ тѣмъ, на этомъ самомъ мѣстѣ... съ кѣмъ же?... Неужели этотъ человѣкъ?...

Онъ не могъ докончить; при этой мысли у него кружилась голова. Всѣ прошлые дни, все пережитое путалось и мѣшалось, превращалось въ какой то страшный, бѣшеный вихрь, который шумѣлъ и бушевалъ въ головѣ.

Кого онъ любилъ?... Боже милостивый! зачѣмъ онъ полюбилъ ее? Она сестра его! За что такое несчастье?... А онъ чей сынъ?...

Что то невыносимо жгло ему грудь, темнѣло въ глазахъ, въ головѣ было страшное смятеніе, близкое къ помѣшательству. — Что ему оставалось теперь?... Могъ ли онъ воротиться въ село, жить среди этихъ людей? Могъ ли онъ теперь смотрѣть имъ въ глаза?—Онъ весь холодѣлъ.—Проклятіе! тысячу разъ проклятіе! Онъ никогда больше не увидитъ ее! Теперь онъ не можетъ ее видѣть!...

Его мѣсто тамъ, гдѣ никто ему не броситъ въ глаза этого упрека. Нужно бѣжать, поскорѣе бѣжать отсюда!...

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.[1]

18. ЖУРАКОВСКІЕ.

1. *Яковъ Михайловичъ Жураковскій*, сотникъ глуховской 1669—72; полковникъ нѣжинскій 1678—81; знатный войск. товарищъ. † окт. 1704. Жена *Марина*.

2. *Лукьянъ*, полковникъ нѣжинскій 1708—718. Жена *Анна Павловна Апостолъ*. 1

3. *Василій*, генеральн. есаулъ 1710—724; † 1730. Жена, 1, *Анна Петровна Тернавіотъ*; 2, *Марья Григорьевна Максимовичъ*, дочь переяславскаго протоіерея 1

4. Сынъ. Жена *Анна Романовна Лазаревичъ*, во второмъ бракѣ за Павломъ Полуботкомъ 1

5. *Яковъ*, бунчук. товар. 1727—751. Жилъ въ Безугловкѣ. Жена *Агафія Лизогубовна* 2

6. *Андрей*. Жена NN, во второмъ бракѣ за Андреемъ Мих. Миклашевскимъ. 2

Дочь. Мужъ *Яковъ Павловичъ Полуботокъ* 2

7. *Петръ*. † 1730 3

Дочь. Мужъ *Григорій Өедоровичъ Кулябка* 3

8. *Матвѣй*, бунч. товар. 1736. Жена *Елена Ивановна* 4

9. *Яковъ* 4

10. *Андрей*, род. 1729; въ 1767—нѣжинскій подкоморій, а потомъ бригадиръ. Жена *Марья Аөанасьевна Гуржи*. Крестьяне: въ Безугловкѣ и Липовомъ Рогѣ—1204 д. и въ Переводѣ—400 д. 5

11. *Петръ*, бунч. товар. 1771; премьеръ-майоръ 1798. Жена *Прасковья Өедоровна Корецкая*. Крестьяне: въ Безугловкѣ—525, въ Переводѣ—352, въ Корецкомъ-Заводѣ—282, Полонѣ—540 и друг., всего—2165 д. . . . 5

12. *Лука*. По купчей 1766 г. свою часть въ Безугловкѣ продалъ брату Андрею 5

Анна. † 1792. Мужъ *Павелъ Григорьевичъ Скорупа* 5

13. *Василій*, бунч. товар. 1751—767. Жена *Марья Бороздна*, дочь генер. судьи 6

Настасья. Мужъ *Аөанасій Михайловичъ Быковъ* 11

Марья. Мужъ *Матвѣй Почека* 11

Надежда. Мужъ *Михаилъ Валькевичъ* 11

Елена. Мужъ *Николай Николаевичъ Матоніусъ*, колл. совѣтникъ, изъ нѣжинскихъ грековъ, † 1787 13

---

[1] См. „Кіевс. Стар." 1887 г., т. XVIII, стр. 627—637.

Родоначальника Жураковскихъ — Якова въ первый разъ встрѣчаемъ въ 1669 г., когда онъ былъ глуховскимъ сотникомъ; затѣмъ въ 1677 г., онъ участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, будучи „выборнымъ городовымъ полковникомъ" [1]); вѣроятно въ это время онъ былъ уже нѣжинскимъ полковникомъ, почему и названъ „выборнымъ городовымъ". Нѣжинскимъ полковникомъ Яковъ Жураковскій пробылъ недолго,—года три, не болѣе; въ послѣдній разъ видимъ его полковникомъ въ октябрѣ 1681 г., когда Самойловичъ далъ ему „одну Слободу Большую подъ болотомъ, а другую слободу меншую, надъ рѣчкою Локнею, на самой границѣ московской лежаццію" [2]). Вмѣстѣ съ лишеніемъ уряда, Жураковскій лишился и маетностей, которыя были ему возвращены только Мазепою; въ универсалѣ 1 сентября 1687 г., читаемъ: „рекпектуючи на значныя п. Якова Жураковскаго, знатного товарища войскового, въ войску запорожскомъ прислуги, приворочаемъ ему въ сотнѣ Глуховской находящіяся его Слободу съ Малой Слободкою и с. Щебру, которыми онъ и передъ тѣмъ пользовался". Умеръ Яковъ Жураковскій около 1704 г., такъ какъ въ этомъ году Мазепа выдалъ универсалъ „овдовѣлой женѣ его Маріи Жураковской съ оставшимися сыновьями", на тѣ же Щебры, Великую Слободу и Малую Слободку. Яковъ оставилъ двухъ сыновей Лукьяна и Василія. Лукьянъ Ж—ій былъ женатъ на дочери гетмана Апостола и конечно, по предстательству послѣдняго, былъ назначенъ наказнымъ нѣжинскимъ полковникомъ. Наказнымъ онъ былъ и въ началѣ ноября 1708 г., когда Петръ В. звалъ его особымъ письмомъ на Глуховскую раду, для выбора преемника Мазепы [3]). Тутъ же на Глуховской радѣ, царь утвердилъ Лукьяна Ж—аго на нѣжинскомъ полковничествѣ и далъ ему грамоту на села Володькову Дѣвицу, Крупичполь, Сварычовку, Вишневку, Максимовку и Рожновку. Десять лѣтъ правилъ Лукьянъ Ж—ій нѣжинскимъ полкомъ и, какъ видно, былъ исключеніемъ изъ своихъ товарищей: въ мѣстныхъ архи-

[1]) Акты Зап. Россіи, V, 144. Ср. соч. Максимовича I, 739.

[2]) Первая слобода теперь с. Полковничья слобода, а вторая деревня Малая Слободка, обѣ въ глуховскомъ уѣздѣ.

[3]) Ригельманъ, III, 37.

вахъ мы не встрѣчаемъ ни одной жалобы на него. По смерти Лукьяна Ж—аго, Скоропадскій утвердилъ за вдовою его, кромѣ пожалованныхъ маетностей, еще села Безугловку, Липовъ-Рогъ и Переводъ, которыми Лукьянъ Ж—ій, вѣроятно, завладѣлъ во время своего полковничества. Но, когда на мѣсто его нѣжинскимъ полковникомъ назначенъ былъ Петръ Толстой, зять Скоропадскаго, то послѣдній оставилъ Жураковской только Безугловку, Липовъ-Рогъ и Переводъ, а остальныя маетности отобралъ и отдалъ Толстому, такъ какъ эти маетности и прежде принадлежали „на рангъ" полковника. Толстой ими пользовался во все время своего полковничества, а послѣ его отставки, Апостолъ снова отдалъ своимъ внукамъ—Крупичполь и Сварычовку. Послѣ Лукьяна остались два сына—Яковъ и Андрей; послѣдній умеръ молодымъ, оставивъ сына Василія.

Наслѣдство Лукьяна было раздѣлено въ 1731 г., между сыномъ его Яковомъ и внукомъ Василіемъ; первому досталась—Безугловка, Переводъ и небольшая часть Липоваго-Рога, а Василію—Крупичполь, Сворычовка и Липовъ-Рогъ. Всѣ эти имѣнія впослѣдствіи перешли въ женскія линіи, такъ какъ у внуковъ Лукьяна Ж—аго сыновей не было[1]).

Младшій сынъ Якова Ж—аго—Василій въ 1710 г., получилъ урядъ генеральнаго есаула, а вмѣстѣ съ нимъ и маетности: въ августѣ 1710 г.—с. Сиволожъ, а въ декабрѣ того же года, ему были подтверждены отцовскія маетности—Полковничья Слобода, Малая Слободка, Щебры и слободка Дорошовка; наконецъ, въ 1720 г. Василій, Ж—ій получилъ глуховское село Княжичи. Всѣ эти маетности утверждены были за нимъ царскою грамотой въ 1721 г. Генеральнымъ есауломъ Василій Ж—ій оставался во все продолженіе гетманства Скоропадскаго; а по смерти послѣдняго, сталъ однимъ изъ помощниковъ Полуботка до отъѣзда послѣдняго весною 1723 г. въ Петербургъ. А послѣ отъѣзда Полуботка, Василій Ж—ій остался въ Глуховѣ главнымъ исполнителемъ тѣхъ распоряженій, которыя черниговскій пол-

---

[1]) См. статью В. Я. Макарова о с. Липовомъ-Рогѣ, Записки Черниг. Губ. Статист. Комитета, книга II.

ковникъ слалъ въ Малороссію изъ столицы. Жураковскій послалъ въ Петербургъ и извѣстныя коломацкія челобитныя, за подачу которыхъ Полуботокъ съ товарищами въ ноябрѣ 1723 г., посаженъ былъ въ крѣпость. Присланный тогда же въ Малороссію Румянцовъ (А. И.) для производства слѣдствія о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ царю въ сентябрѣ, нашелъ, что Василій Ж—ій былъ главнымъ агентомъ Полуботка, когда тотъ изъ Петербурга старался затемнить ту обстановку, при которой составлены были челобитныя, поданныя имъ царю 13 сентября. Поэтому Василій Ж—ій, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Яковомъ Лизогубомъ, былъ арестованъ, въ началѣ января 1824 г., и отправленъ въ Петербургъ. Тамъ онъ находился подъ арестомъ до 6 января 1725 г., когда былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими; но выѣздъ изъ Петербурга былъ имъ запрещенъ [1]). Черезъ два года Василію Ж—ому было разрѣшено переѣхать въ Москву, гдѣ онъ поселился въ Греческомъ монастырѣ; тамъ его видѣлъ Яковъ Марковичъ въ началѣ 1728 г. [2]). Изъ Москвы Ж—ій распоряжался и своими маетностями [3]). На родину Жураковскій отпущенъ былъ можетъ быть по ходатайству Апостола, но здѣсь прожилъ онъ недолго и умеръ въ 1730 г. О семьѣ Василія Ж—аго мы неимѣемъ точныхъ свѣдѣній. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ оставилъ въ Малороссіи жену—Марью Григорьевну (рожденную Максимовичъ); но это была вторая жена Василія Ж—аго; первою же была, кажется,—Анна Тернавіотъ. Отъ этой первой жены должно быть онъ и имѣлъ дочь, которую выдалъ за лубенскаго сотника Григорія Кулябку. Едва ли не единственный сынъ его же—Петръ умеръ въ одинъ годъ съ отцемъ. Маетности Василія Ж—аго перешли къ его внуку Степану Григорьевичу Кулябкѣ, за которымъ въ 1766 г., числились Полковничья Слобода, Княжичи и Щебры. Малая Слободка досталась Матвѣю Жураковскому и брату его Якову, которые были дѣтьми, повидимому, третьяго брата Лукьяна и Василія Жура-

---

[1]) Дневн. Записки Як. Марковича, I, 67.

[2]) Тамъ же, 266.

[3]) Матеріалы для отеч. истор., Судьенка, I, 75.

ковскихъ. Въ Запискахъ Марковича, 29 апрѣля 1727 г., записано: „сегодня пріѣхалъ къ намъ слуга тещи нашей съ писмомъ отъ неи просителнимъ насъ на веселье (сватьбу), мѣючее отправоватись сынови ея Матвѣю Жураковскому". Издатель Записокъ пояснилъ эту замѣтку, что Матвѣй Жураковскій былъ пасынкомъ Павла Полуботка[1]). Такимъ образомъ должно быть, что вторая жена Полуботка Анна Романовна Лазаревичъ, выходя въ 1718 г. замужъ за черниговскаго полковника, была вдовою Жураковскаго, отъ котораго имѣла сыновей Матвѣя и Якова. Послѣднимъ досталась Малая Слободка; но Яковъ продалъ свою часть Матвѣю, отъ котораго Слободка перешла сыну его—Михайлу. У Михайла Малую Слободку скупилъ по частямъ Степанъ Григорьевичъ Кулябка, заплативъ за послѣднюю часть въ 1765 г. 2020 рублей. Такимъ образомъ всѣ глуховскія маетности Жураковскихъ перешли къ Кулябкамъ.

---

19. НОСЕНКИ-БѢЛЕЦКІЕ.

1. *Ярема Носъ*, городовой атаманъ Носовки, 1678.
2. *Иванъ*, полковникъ прилуцкій, а потомъ генер. судья. † 1715. Жена *Настасья Раковичъ*, вдова Ивана Бѣлецкаго 1
3. *Степанъ* † прежде отца. Жена *Марья Харевичъ*. 2
   Меланія. Мужъ 1, *Иванъ Быстрановскій*, 2, *Тимофей Радичъ*, державца с. Гирявки. 2
4. *Иванъ*—сынъ Настасьи Раковичъ отъ перваго ея брака съ Бѣлецкимъ, сотникъ сребрянскій.
   Марья. Мужъ *Николай Троцкій*, бунч. тов. 3
   Өедора. Мужъ *Мартынъ Жураковскій*, зн. тов. 1726. 3
5. *Петръ*, прилуцкій хоружій 1720. Сталъ писаться Носенкомъ-Бѣлецкимъ. Жена *Прасковья Романовна*. 4
6. *Яковъ*, войск. тов. 1743. 5
7. *Никифоръ*, прилуцкій полковой есаулъ 1752, а потомъ судья. Жена *Пелагея Семеновна Слюзъ*. Въ 1772 г. жилъ въ отставкѣ, въ Бережовкѣ, и имѣлъ въ Рудовкѣ—242 д. м. п. и въ Щуровкѣ—51 5
8. *Георгій*, войск. канц. 1743 5
   Анна. Мужъ 1, *Иванъ Даровскій*, „господарь" гетм. Скоропадскаго. 2, *Василій Андреевичъ Гудовичъ*, тайный совѣтникъ 5
9. *Павелъ*, капитанъ 1784 8

---

[1]) Дневн. Записки Марковича, I, 224.

Родоначальника—Ярему Носа—встрѣчаемъ въ одномъ актѣ 1678 г., на которомъ онъ подписался носовскимъ городовымъ атаманомъ. Сынъ его Иванъ, по преданію, молодость провелъ въ Сѣчи, откуда вышелъ въ 1665 г., въ прилуцкій полкъ и женился здѣсь на вдовѣ польскаго выходца Ивана Бѣлецкаго, Настасьѣ, родной сестрѣ Семена Раковича, бывшаго полковымъ писаремъ и зятемъ тогдашняго прилуцкаго полковника Лазаря Горленка. Родство съ Раковичемъ доставило Ивану урядъ прилуцкаго городоваго атамана (1671 г.), а потомъ и другіе высшіе полковые уряды. Въ 1692 г., будучи полковымъ судьею, Иванъ Носъ получилъ отъ тогдашняго полковника Дмитрія Горленка сельцо Щуровку, которую утвердилъ за нимъ и Мазепа въ 1695 г. Немного позже утверждена была за Носомъ Мазепою и другая маетность—с. Голубовка.

Родной сынъ Ивана Степанъ вовсе не служилъ, потому что былъ „ума несовершенного и пьянственный"; отъ пьянства онъ и умеръ: „какъ ѣхалъ пьянъ изъ шинку, лошади голову розбили и отъ того бою и умре". Дочь Меланія выдана была замужъ за какого то панка Ивана Быстрановскаго, жившаго въ с. Старой, конотопскаго уѣзда. По смерти Быстрановскаго, Меланія вторично вышла замужъ за Тимофѣя Радича, войсковаго товарища, который, получивъ въ 1689 г. отъ Мазепы с. Гирявку, сталъ державцею и умеръ въ 1709 г., не оставивъ мужескаго потомства; дочь его и Меланіи, Марья, была замужемъ за родоначальникомъ Лащинскихъ, красноколядинскимъ сотникомъ Леонтіемъ.

Измѣна Мазепы представила случай Ивану Носу выдвинуться на полковничій урядъ: тогдашній прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко пошелъ за Мазепой, а полкъ его оставался въ Батуринѣ. При осадѣ послѣдняго, Иванъ Н., какъ говоритъ преданіе, указалъ Меньшикову, какимъ путемъ можно было войти въ Батуринъ, и за услугу эту сдѣланъ былъ прилуцкимъ полковникомъ.

Лишившись сына (ок. 1708 г.), Иванъ Носъ хотѣлъ продолжить родъ свой потомствомъ своего пасынка; въ февралѣ 1709 г., пользуясь своею властью, онъ отдалъ сыну пасынка,

Петру, сельцо Рудовку и называетъ при этомъ Бѣлецкихъ—Носенками: „респектуючи на давныя услуги умершаго Ивана Носенка и взираючи на постоянныя сына его Петра Носенка прислуги, надалъ ему на подпомогу Рудовку, со всѣми тамошними посполитыми людьми“.

Иванъ Носъ правилъ прилуцкимъ полкомъ до 1714 г., когда мѣсто его понадобилось для Галагана; для очистки мѣста Носъ сдѣланъ былъ генеральнымъ судьею[1]), но пробылъ на этомъ урядѣ не болѣе года и въ 1715 г. умеръ. За пять лѣтъ полковничества, Носъ нажилъ противъ того, что другіе наживали, немного; изъ маетностей, кромѣ Щуровки и Голубовки, другихъ ему не было дано. Видно, что Носъ не пользовался у Скоропадскаго значеніемъ. Движимость, оставленная имъ, тоже была не велика. При спорѣ вдовы Степана съ свекровью за невыдѣлъ полной части изъ этой движимости, „господарь“ умершаго полковника Михаилъ Гондзакъ въ генеральномъ судѣ, показалъ, что Носъ незадолго передъ смертью, выходя въ войсковой походъ, отдалъ ему на сохраненіе всего 12 тысячъ золотыхъ (ок. 2500 р.).

Оставшимися послѣ Носа маетностями владѣла его вдова до своей смерти въ 1720 г., а по смерти ея Петръ Носенко съ помощью зятя своего Даровскаго, бывшаго господаремъ гетмана Скоропадскаго, выпросилъ себѣ универсалъ на Щуровку и владѣлъ ею до смерти; потомъ Щуровка перешла къ его дѣтямъ, но вдова Степана въ 1743 г. начала противъ дѣтей Петра процессъ, доказывая, что Щуровка отдана была Скоропадскимъ Петру неправильно, и въ 1744 г. процессъ выиграла: Щуровка была возвращена ей.

Сыновья Степана умерли, не оставивъ потомства, и наслѣдство Ивана Носа перешло къ его внучкѣ Марьѣ Степановнѣ, бывшей замужемъ за бунчук. тов. Николаемъ Троцкимъ.

---

[1]) Универсалъ Лащинскому на с. Поноры 1714 г., гдѣ Носъ названъ „нынѣшній судья енералный“.

20 ТРОЩИНСКІЕ.

1. *Степанъ Трощинскій,* господарь гадяцкаго замка 1690—97; обозный гадяцкій 1697—1704 и полковникъ гадяцкій 1704—1708. Жена *Марья Ильинична Новицкая.*
2. *Андрей,* канцеляристъ генер. канцеляріи 1716—25; бунч. тов. 1725—40. Жена *Ульяна* 1
3. *Иванъ,* бунч. товар. 1730 † 1733 1
   Дочь. Мужъ *Александръ Сытенскій,* гадяцкій полковой писарь. 1
4. *Прокофій,* войск. товар. 1752. 2
5. *Мартынъ,* войск. товар. 1752 2
6. *Андрей,* сотникъ м. Яресекъ, 1771. 3
7. *Дмитрій,* р. 1754 † 1829; полковой писарь 1773: секретарь кн. Репнина 1776; секретарь Безбородка; статсъ-секретарь императрицы Екатерины; министръ удѣловъ 1801—1812; полтавскій губернскій маршалъ 1812—1814; министръ юстиціи 1814—1817 4

Родоначальникъ Трощинскихъ—Степанъ былъ племянникъ Мазепы и поэтому, конечно,—былъ выходецъ изъ за Днѣпра. Вызвалъ его оттуда, вѣроятно, самъ Мазепа, желая пристроить родича. Въ 1690 г. Степанъ Трощинскій женился на дочери Ильи Новицкаго, при участіи своего дяди, какъ видно изъ письма, которое писалъ по этому случаю Мазепа къ Новицкому:—„если самого вашей милости на томъ стало изволеніе, жебы п. Стефанъ Трощинскій зъ домомъ вашемилостинымъ зпріятелився—понятьемъ собѣ въ станъ малженскій милой дочери вашой, теды мы такому доброму дѣлу не перечимъ, вручаючи то божому благословенію; а любо (хотя) писалисмо до вашей милости о завзятью тоей зъ паномъ Трощинскимъ пріязни, однако яко въ томъ писмѣ нашомъ жадного не было о немъ залеценья (похвалы) такъ розумѣемъ, же ваша милость за бытностью его у вашомъ дому, поразумѣлъ оного обычаи; тылко жъ вѣдаемъ тое же поступки его не ошпетятъ (не посрамятъ) вашего дому...“ [1]).

Вслѣдъ за женитьбою, Мазепа поставилъ Трощинскаго „господаремъ гадецкаго замка“, т. е. сдѣлалъ его управляющимъ тѣхъ богатыхъ маетностей гадяцкаго полка, которыя назначены были изстари въ личное пользованіе гетмановъ. Вмѣстѣ съ вы-

[1]) Акты Зап. Рос., V, 244.

годнымъ мѣстомъ, Мазепа далъ Трощинскому и маетность—село Ручки. Господаремъ гадячскаго замка Трощинскій оставался семь лѣтъ, скупая въ это время разные козачьи грунты въ Ручкахъ; такъ, въ купчей 1692 г. читаемъ, что Марья Никитина Форфацкая продала „славетне урожоному п. Стефану Трощинскому, на тотъ часъ господареви замка гадяцкаго, млинъ свой, т. е. клѣтку едну, стоячую въ селѣ Ручкахъ на рѣцѣ Хоролѣ, за певную сумму добрихъ грошей дробной монети золотыхъ двѣстѣ пятьдесятъ.“ Въ 1697 г. Трощинскій получилъ урядъ—обознаго гадяцкаго полка. Гадяцкимъ полковникомъ въ это время былъ Михаилъ Бороховичъ. Въ 1704 г. Бороховичъ умеръ и сынъ его Өедоръ, взявъ у матери тысячу червонцевъ, поѣхалъ было въ Батуринъ—хлопотать объ отцевскомъ урядѣ [1]); но мѣста этого купить у Мазепы нельзя было, такъ какъ оно готовилось племяннику, который вслѣдъ затѣмъ и поставленъ былъ на мѣсто Бороховича. Гадяцкимъ полковникомъ Трощинскій оставался до 1708 г., когда Мазепа измѣнилъ. Трощинскій за нимъ не пошелъ; но тѣмъ не менѣе „за родство“ съ Мазепою былъ лишенъ полковничества. Лишенный уряда, онъ дожилъ свой вѣкъ въ Ручкахъ. По смерти Трощинскаго, Ручки Скоропадскій отдалъ зятю его, гадяцкому писарю Сытенскому, но потомъ, вслѣдствіе просьбы вдовы, возвратилъ Трощинскимъ часть этой маетности. Въ универсалѣ 1716 г. читаемъ: „респектуючи на вдовство панеи Маріи Стефановой Трощинской, а до того мѣючи взглядъ на всегдашнія сына еи, п. Андрея Трощинскаго, въ канцеляріи войсковой, при боку нашемъ не лѣниво роначіеся услуги, приворочаемъ для вспартя вдовиного еи господарства, большую часть прежнего еи жъ села Ручокъ, въ полку гадяцкомъ будучого, прозвискомъ Довгалювку“. Черезъ два года, Марія Трощинская умерла и Скоропадскій, „имѣючи взглядъ, на осиротѣлыхъ по отцу и матцѣ, оставшихся пановъ Трощинскихъ“, возвратилъ имъ и другую часть Ручекъ, которая звалась Мокляковкою, Видно, что эта маетность гетмана выпрошена была старшимъ братомъ Андреемъ, который продолжалъ служить въ генераль-

---

[1]) Изъ духовнаго завѣщанія вдовы полковника Бороховича.

ной канценяріи. Получивъ Ручки въ полномъ составѣ, братья Андрей и Иванъ подѣлили ихъ; первый взялъ себѣ Довгалювку, а Иванъ—Мокляковку. Въ этихъ частяхъ Ручки утверждены были за братьями и Апостоломъ, по универсалу 1730 г. Черезъ три года Иванъ Трощинскій, отправившись въ польскій походъ, тамъ умеръ; по случаю его бездѣтства, Макляковку унаслѣдовалъ Андрей Трощинскій, за которымъ она была утверждена и универсаломъ кн. Шаховскаго 1735 г.

Андрей Трощинскій умеръ въ 1740 г., оставивъ вдову съ тремя сыновьями. Въ этомъ поколѣніи родъ Трощинскихъ сталъ было теряться въ массѣ и только въ сынѣ старшаго Андреевича снова сталъ извѣстнымъ, пока жилъ внукъ Андрея Степановича—Дмитрій Прокофьевичъ, сначала гадяцкій полковой писарь, а потомъ министръ юстиціи.

Ал. Лазаревскій.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА КОТЛЯРЕВСКАГО.

29-го минувшаго октября исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго, знаменитаго автора „перелиціованной Энеиды“, оперетки „Наталка Полтавка“ и водевиля „Москаль Чаривныкъ“. Полвѣка со дня смерти выдающихся на общественномъ поприщѣ личностей—это такой, по установившемуся обычаю, срокъ, въ который принято, въ той или другой формѣ, поминать ихъ дѣятельность, съ одной стороны—какъ дань уваженія ихъ заслугамъ, съ другой—какъ назиданіе и поученіе современникамъ, трудящимся на той же нивѣ. Поэтому, наша южная Русь не можетъ пройти молчаніемъ этого дня, такъ какъ въ сердцѣ каждаго южанина непремѣнно отыщется уголокъ, наполненный живымъ огнемъ, подогрѣвающимъ чувство любви къ родинѣ и чувство признательности тѣмъ лицамъ, которыя сослужили ей свою службу, а въ мысляхъ самъ собой возстанетъ образъ человѣка, рѣшившагося 90 лѣтъ тому назадъ свой несомнѣнный литературный талантъ проявить въ формѣ роднаго слова—на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи.

Много страницъ, какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, было удѣлено до сихъ поръ за эти 90 лѣтъ объясненію и оцѣнкѣ литературной дѣятельности И. П. Котляревскаго, при чемъ въ нихъ можно встрѣтить самыя разнорѣчивыя мнѣнія, какъ о достоинствѣ его произведеній, такъ и о причинахъ, вызвавшихъ вообще писательство его на малорусскомъ языкѣ. До конца 30-хъ годовъ печатные отзывы

о Котляревскомъ отличаются отрывочностью и почти полнымъ отсутствіемъ вопроса о только что упомянутыхъ причинахъ возникновенія новой украинской словесности, почему мы и не можемъ знать, какъ судили объ этомъ современники факта; знаемъ только по краткимъ свидѣтельствамъ, что Энеида пользовалась громаднымъ успѣхомъ не среди однихъ украинцевъ, но и въ средѣ великорусскихъ читателей ея, что Наталку Полтавку смотрѣли на сценѣ съ большимъ наслажденіемъ, что Москаль Чаривныкъ тоже производилъ эффектъ. Послѣ же 1838 года, т. е. послѣ смерти автора, какъ и слѣдовало ожидать, мы встрѣчаемся въ разныхъ изданіяхъ съ цѣлымъ рядомъ статей о немъ, то біографическаго характера, то въ видѣ критической оцѣнки его произведеній, но основной вопросъ о причинахъ все еще оставался незатронутымъ, хотя тутъ ужъ Котляревскій общимъ голосомъ былъ признанъ *начинателемъ новой украинской словесности*, при чемъ одни (и ихъ было значительное большинство) ставили въ заслугу начинаніе въ такой формѣ, другіе же высказывались съ большей или меньшей рѣзкостью противъ вообще писательства на малорусскомъ языкѣ, и въ частности—противъ пародированной Энеиды. Съ одной стороны—можно было прочесть въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1839 г.[1]), помѣстившемъ на основаніи статьи *С. С. К.* (Стеблина-Каминскаго) въ „Сѣверн. Пчелѣ" такіе строки: „комизмъ его Энеиды неподражаемъ; въ ней вездѣ дышетъ самая непринужденная сатира, блестящая неподдѣльною веселостью и остротами наблюдательнаго ума"; или въ Москвитянинѣ 1841 г. въ статьѣ Пассека[2]): „съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать полнаго изданія Энеиды на малороссійскомъ языкѣ и надѣемся, что г. Волохиновъ (издатель) употребитъ все стараніе, чтобы, кромѣ большаго количества экземпляровъ для общаго народнаго чтенія, были экземпляры и для столицы, въ которой много цѣнителей прекраснаго дарованія г. Котляревскаго и любителей малороссійской народности". Съ другой стороны—можно было встрѣтить въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1843 г.[3])

---

[1]) Часть 24-я, отд. 6-ой, стр. 166—168.

[2]) Часть 4-я, отд. смѣси, стр. 562—567.

[3]) Т. 56-й, отд. 6-ой, стр. 46—49.

и такой отзывъ „шутка въ украинскихъ степяхъ и до сихъ поръ ходитъ еще на распашку, клянется чертомъ, сморкается въ рукавъ, сапоги мажетъ дегтемъ... Для русскихъ читателей поэма Котляревскаго непонятна... Какъ всѣ провинціальные юморы, малороссійскій юморъ страстно любитъ избирать своимъ героемъ и своимъ чучеломъ мѣстнаго мужика. Надо, поэтому, прежде всего знать бытъ, нравы и понятія украинскаго простолюдина; кромѣ того, надо порядочно привыкнуть къ малороссійскимъ *жартамъ*, которые будучи буквально переведены на русскій языкъ, рѣдко могутъ быть выслушиваемы безъ самопожертвованія... Наконецъ, надо еще умѣть смѣяться громко, смѣяться во все горло, смѣяться „высокимъ смѣхомъ", какъ смѣются донынѣ въ украинскихъ степяхъ,—условіе, для насъ почти невыполнимое, потому что мы теперь умѣемъ только улыбаться и то кончиками губъ, тихо, непримѣтно".

Въ томъ же 1843 году появился въ „Молодыкѣ" [1]) обзоръ сочиненій, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ, Іереміи Галки (Костомарова), въ которомъ признавалось, что появленіе такихъ произведеній, какъ перелицованная Энеида, свидѣтельствуетъ о ненормальномъ состояніи литературныхъ вкусовъ, хотя обвиненіе въ этомъ не можетъ падать на Котляревскаго, такъ какъ это являлось результатомъ тогдашняго настроенія по поводу упадка классицизма и вторженія романтизма: „малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе"—говоритъ Іеремія Галка. Такимъ образомъ, въ очень неясной формѣ, была впервые указана причина, породившая новую украинскую литературу. Послѣ этого до 1861 г., когда появилась въ „Основѣ" извѣстная статья Кулиша [2]), вопросъ о Котляревскомъ и его писаніяхъ почти былъ позабытъ. Статья же Кулиша, какъ извѣстно, пробовала очень рѣзко поставить вопросъ о значеніи Котляревскаго, какъ начинателя новой украинской словесности, такъ какъ—по словамъ статьи—„Энеида носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства само-

---

[1]) Стр. 157—185.

[2]) Обзоръ украинской словесности, № 1, стр. 235—262.

сознанія и самоуваженія", причина чего скрывается въ исторически выработавшемся раздвоеніи малорусскаго народа на *пана* и *мужика*, а результатъ этого сказался въ стремленіи Энеиды глумиться надъ мужикомъ, представить въ видѣ каррикатуры этого мужика, однимъ словомъ—найти для пановъ развлеченіе въ изображеніи глупости простолюдина. Этотъ взглядъ Кулиша, не съ такой рѣзкостью высказанный имъ еще раньше Основской статьи[1]), не нашелъ обильныхъ послѣдователей, такъ что въ концѣ 60-хъ годовъ, по поводу близившагося столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта (1869 г.), появился опять новый рядъ статей о немъ, и всѣ онѣ были исполнены чувства признательности и уваженія къ авторскимъ заслугамъ Котляревскаго. Не слѣдя въ подробностяхъ за дальнѣйшими отзывами о дѣятельности автора перелицованной Энеиды, мы только вкратцѣ отмѣтимъ еще мнѣнія гг. Пыпина, Петрова и Дашкевича, какъ мнѣнія наиболѣе компетентныхъ историко-литературныхъ изслѣдователей вопроса объ украинской литературѣ.

А. Пыпинъ въ своей „Исторіи Славянскихъ литературъ" (2-ое издан. 1879 г.) говоритъ, что „у добродушнаго Котляревскаго едва ли могли быть такія злостныя цѣли (какія приписывалъ ему Кулишъ); его пародія была не угодливостью вкусамъ пановъ, а скорѣе отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и плодомъ простой шутки" (стр. 358). Признавая, что съ Котляревскаго начинается новая малороссійская литература, г. Пыпинъ видитъ причины открытія новой поры въ развитіи этой литературы въ общемъ движеніи эпохи славянскихъ возрожденій съ конца прошлаго вѣка (стр. 306 и 350).

Н. Петровъ въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы 19-го столѣтія" (Кіевъ 1884 г.), поставивъ себѣ болѣе сложную задачу—прослѣдить ходъ историческаго развитія новой украинской письменности, естественно, долженъ былъ, по поводу литературныхъ трудовъ начинателя этой письменности, выяснить при-

---

[1]) См. „Передне слово до громады", которымъ начинается литературный альманахъ „Хата", изданный имъ въ 1860 г. (здѣсь, между прочимъ, онъ выражается: „бурлацьке *юродство* Котляревського", стр. VIII.

чины возникновенія ея. Нужно признаться, что причинъ этихъ г. Петровъ указываетъ довольно много, но не съ особенной опредѣленностью анализируетъ ихъ, въ результатѣ чего и оказалась, между прочимъ, не совсѣмъ ясная точка зрѣнія автора на достоинства произведеній Котляревскаго. Если не ошибаемся главныя положенія автора могутъ быть формулированы такъ: новая украинская литература возникла, какъ результатъ общаго движенія эпохи славянскаго возрожденія, но подъ вліяніемъ литературы русской и отчасти польской, вслѣдствіе чего реакція въ русской литературѣ псевдо-классицизму породила „Энеиду" Котляревскаго, а Карамзинскій сентиментализмъ — „Наталку Полтавку" его же.

Прекраснымъ дополненіемъ и освѣщеніемъ труда г. Петрова является послѣдняя работа г. Дашкевича „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія", напечатанная въ этомъ году по распоряженію Императорской Академіи Наукъ въ „Отчетѣ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ графа Уварова" (отд. оттискъ стр. 1—265). Г. Дашкевичъ въ своемъ „Отзывѣ" весьма подробно останавливается на объясненіи возникновенія новой украинской литературы и совершенно справедливо замѣчаетъ, что „въ этомъ отношеніи особый интересъ представляютъ произведенія И. П. Котляревскаго, котораго уже съ 30-хъ годовъ общій голосъ признаетъ начинателемъ новѣйшей украинской литературы" (стр. 21).

Признавая, что основы новѣйшей украинской литературы и объясненія ея скрываются въ литературныхъ фактахъ предшествовавшихъ эпохъ, а также въ цѣломъ рядѣ другихъ культурно-бытовыхъ явленій малорусскаго народа, г. Дашкевичъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи украинской литературы считаетъ „любовь къ своей народности, естественную, а не привнесенную извнѣ потребность самовыраженія на родномъ нарѣчіи, привязанность къ родному слову" (стр. 67). Вслѣдствіе этого, говоря о Котляревскомъ, авторъ прежде всего оправдываетъ его отъ тѣхъ обвиненій въ проявленіи упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія, которыя возводились на него по поводу Энеиды, и отъ обвиненій въ аффектаціи и сенти-

ментализмѣ—по поводу Наталки Полтавки; а затѣмъ устанавливаетъ то положеніе, что произведенія Котляревскаго появились далеко не подъ воздѣйствіемъ русской литературы.

Мы не задавались въ данномъ случаѣ цѣлью представить обстоятельный библіографическій обзоръ всѣхъ отзывовъ о Котляревскомъ: намъ хотѣлось только намѣтить послѣдовательную смѣну главнѣйшихъ воззрѣній, изъ которыхъ одни представляютъ интересъ по своей научно-философской обоснованности, а другіе—въ родѣ отзыва „Библіотеки длд чтенія“—являются любопытными по своей курьезности, очень близкой къ тѣмъ отзывамъ о малорусской письменности, какіе приходится, къ удивленію, подъ часъ встрѣчать и въ современной періодической прессѣ. Давая краткую формулировку этимъ главнымъ воззрѣніямъ, мы имѣли въ виду и еще одну цѣль. Намъ кажется, что, прочитавъ обстоятельно всѣ эти отзывы, невольно въ концѣ концовъ поставишь себѣ для разрѣшенія нѣсколько вопросовъ: 1) въ какой мѣрѣ и въ какомъ значеніи И. П. Котляревскій можетъ быть названъ *начинателемъ новой украинской словесности?* 2) сознательно или безсознательно проявилъ онъ свой литературный талантъ на *малорусскомъ языкѣ?* 3) чѣмъ объяснить, что первый опытъ новой украинской словесности начался съ *пародированной Энеиды?*

Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ трудахъ изслѣдователей малороссійскаго слова мнѣніе, что литературная дѣятельность Котляревскаго начинаетъ собой *новый* періодъ украинской словесности; но нужно помнить, что мнѣніе это далеко не всегда, особенно въ первой половинѣ столѣтія, высказывалось опредѣленно, а напротивъ,—иногда проскальзывала мысль, что Котляревскій со своей „Энеидой“ появился, какъ нѣчто невиданное и неслыханное, что онъ какъ бы съ неба свалился, чтобы положить начало малорус. словесности. Въ доказательство этого достаточно сослаться на „Передне слово до громады“ г. Кулиша, помѣщенное имъ въ альманахѣ „Хата“ 1860 г., гдѣ встрѣчаемъ такія слова; „Дывне отсе въ насъ дило, панове громадо, наша словесность Украинська! Не було, не було іи тогди, якъ наши дуки великимъ коштомъ громадськимъ академіи та школы споряжалы и до нимцівъ дитей у науку

посылалы, и саму нимоту до себе велыкимы гришмы пидіймалы, а теперъ—ось тоби на! усе не до смаку, що въ насъ, починаючи ажъ одъ Нестора, понапысувано: треба *якусь иншу мову* и *иншій духъ* у кныжкахъ появыты". (стр. VII). Повторяемъ, что новѣйшіе изслѣдователи украинской словесности—А. Пыпинъ, Н. Петровъ, Н. Дашкевичъ—не только не видятъ, чтобы не было у насъ прежде нашей словесности, но прямо ставятъ новую украинскую письменность въ связи со многими предшествующими литературными фактами. Мы не станемъ повторять подробностей ихъ доказательствъ, но не можемъ при случаѣ не подѣлиться съ читателями мнѣніемъ по этому вопросу того человѣка, который можетъ быть названъ однимъ ихъ самыхъ компетентныхъ въ этомъ случаѣ судей. Я говорю о покойномъ М. А. Максимовичѣ, который еще въ 1860 г. составилъ набросокъ статьи подъ заглавіемъ „Полемическое обозрѣніе малороссійской словесности",—статьи, въ рукописныхъ обрывкахъ имѣющейся у насъ. Статья эта предназначалась, очевидно, для журнала въ видѣ полемики съ г. Кулишомъ по поводу изданнаго имъ альманаха „Хата". Въ ней, по поводу приведенныхъ выше словъ изъ „Переднего слова до громады", читаемъ такія строки:

„Дѣло обыкновенное, что съ наступленіемъ новаго періода въ жизни народа являются новыя стремленія и въ его словесности, при которыхъ она, не удовлетворяясь прежними своими формами, является въ новыхъ. Но когда же это было у насъ въ Малороссіи, чтобы вдругъ пришлось не по вкусу все, что было написано у насъ, начиная съ Нестора? Такого крутого поворота во вкусѣ не было ни въ томъ поколѣніи малороссіянъ, въ которомъ явился первоначальникъ новой нашей словесности Котляревскій, ни въ поколѣніяхъ девятнадцатаго вѣка. Какой иной духъ, какую иную рѣчь потребовалось намъ явить въ новой малороссійской словесности? Конечно, тотъ же народный духъ и ту же народную рѣчь, какими дышала и звучала вся наша народная словесность *изустная* и отчасти *письменная*—во все время Украины козацкой. На что же выставлять передъ громадою новую нашу словесность, какъ небывалое диво, когда она есть продолженіе прежней? Малороссійскій народъ издавна

выражалъ на своемъ языкѣ свою душу, свою домашнюю и общественную жизнь, и оставилъ въ наслѣдіе нынѣшнему столѣтію, въ образецъ и въ науку для новой словесности, богатый запасъ своихъ преданій, пословицъ, сказокъ и пѣсенъ. То, что написано на малороссійскомъ языкѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи, потому и можетъ называться словесностью, что оно есть продолженіе прежней малорусской словесности, которая процвѣтала во всю бытность Украины козацкой и, въ свою очередь, была продолженіемъ словесности, существовавшей во времена Украины княжеской. Новая словесность малороссійская произошла изъ прежней прямо и непосредственно, такъ что не было между ними и десятилѣтняго промежутка. Въ тѣхъ же девяностыхъ годахъ, какъ прославился Полтавецъ *Котляревскій* своею Энеидою, являлся и послѣдній представитель старо-украинской словесности, запорожецъ *Головатый*, съ своею пѣснею:

Ой годи намъ журытыся,
Пора перестаты,—

пѣтою на черноморскомъ праздникѣ 1792 года и тогда же напечатанною. Головатому приписываютъ въ Малороссіи и сочиненіе извѣстной запорожской вирши на Велыкдень (Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь!). Но вотъ что писалъ мнѣ Г. Ѳ. Квитка въ своемъ письмѣ отъ 3 октября 1839 года: „Вирши, желаемой Вами не имѣю, но буду стараться отыскать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатаго, а точно, во дни славы Таврическаго извѣстна стала, и сколько помню, тогда называли кого то другого сочинителемъ. Головатый же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцемъ моимъ, и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали бы, что вирша имъ сочинена, а то, несмотря на занимавшую насъ и твердимую нами наизусть виршу, мы не относили ее къ Головатому“. Вотъ одно изъ свидѣтельствъ, какъ у насъ въ старину были по вкусу стихотворенія, на малороссійскомъ языкѣ сочиненныя. То же подтверждается и другими свидѣтельствами, напримѣръ: тетрадями, кое гдѣ уцѣлѣвшими отъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ списаны были и народныя пѣсни, и разныя малороссійскія стихотворенія, какъ видно, бывшія въ ходу у со-

временниковъ, но потомъ совсѣмъ позабытыя. Къ числу давнихъ стихотворцевъ на малороссійскомъ языкѣ, бывшихъ еще до козака *Климовскаго*, принадлежитъ и гетманъ *Мазепа*, сочинившій извѣстную пѣсню

Вси покою щиро прагнуть,
А не въ одынъ гужь вси тягнуть,—

и львовскій епископъ *Іосифъ Шумлянскій*, сочинившій пѣсню на Вѣнскую войну 1683 г., въ укоръ малороссійскому гетману:

Жалься, Боже, на гетьмана
Самойловича Ивана

Сюда же принадлежатъ неизвѣстные сочинители стиховъ и пѣсенъ на первыя побѣды гетмана Хмельницкаго (1648 г.), въ укоръ коронному гетману Потоцкому, напр.:

Глянь обернысяг,
Встань подывыся!

Самъ Богданъ Хмельницкій, какъ говоритъ преданіе, сложилъ извѣстную пѣсню „Чайку", которая, по всей вѣроятности, была подражаніемъ той народной женской пѣснѣ (слышанной мною отъ старыхъ козачекъ наддпѣпровскихъ), въ которой осиротѣлая вдова изображена подъ видомъ чайки, стенящей о своихъ дѣтяхъ. И такъ, у насъ давно была словесность на малороссійскомъ языкѣ, не только изустная, но и письменная. Изустная словесность, достигавшая высокаго совершенства, окончила свой пѣснотворческій вѣкъ подъ конецъ Екатерининскаго вѣка, когда окончилась прежняя жизнь Малороссіи и насталъ новый ея періодъ. Тогда же насталъ новый періодъ и для словесности малороссійской,—періодъ возрастанія письменной или книжной словесности, которое началось съ Энеиды Котляревскаго, напечатанной 1798 года".

По времени это, можно сказать, первый обстоятельный отзывъ о томъ, въ какой мѣрѣ Котляревскій долженъ считаться начинателемъ украинской словесности,—отзывъ, основанный на извѣстныхъ до 1860 года литературныхъ фактахъ малорусскаго слова въ 17 и 18 стол. Нечего и говорить о томъ, какъ много прибавилось съ той поры этихъ фактовъ, чуть не каждый день

выплывающихъ изъ мрака нашей старины, и ревностное разысканіе старинныхъ рукописей, конечно, ихъ откроетъ еще больше. Минуя все извѣстное до сихъ поръ, мы укажемъ на одинъ такой литературный фактъ, который въ самомъ скоромъ времени появится на страницахъ „Кіевской Старины". Фактъ этотъ— довольно обширное малорусское стихотвореніе юмористическаго характера, описывающее ревизію разныхъ мѣстъ полтавской губерніи малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Беклешовымъ— слѣдовательно, сочиненное въ первые годы нынѣшняго столѣтія. Читатели увидятъ въ этомъ стихотвореніи, вполнѣ современникѣ Энеидѣ Котляревскаго, и форму стиха, и характеръ изложенія однородные съ послѣдней, и только, можетъ быть, отличающіеся степенью таланта, каковой не составляетъ, какъ извѣстно, границы между двумя періодами.

Ясно послѣ этого, въ какой мѣрѣ и въ какомъ значеніи авторъ перелицованной Энеиды можетъ быть названъ начинателемъ новой украинской словесности. И до него была украинская словесность, не одна *устная*, но и *письменная*, только не попадавшая на печатный станокъ. А это послѣднее находитъ себѣ объясненіе прежде всего въ общихъ условіяхъ культурной жизни Россіи всей вообще въ прошломъ вѣкѣ, и тѣмъ болѣе Малороссіи—въ частности. Оживленіе печатнаго дѣла въ Россіи началось только съ конца прошлаго вѣка, и почти исключительно въ столицахъ; провинціальные же пункты сравнительно долго еще оставались въ дремотѣ, почему и провинціальная украинская словесность существовала только *pro domo sua*, создаваясь въ тишинѣ и патріархально переписываясь въ укромныхъ провинціальныхъ уголкахъ. И такъ, И. П. Котляревскій прежде всего можетъ быть названъ начинателемъ не *новой украинской*, а только *печатной украинской словесности*.

Но мнѣ кажется, мы были бы несправедливы, приписывая силу начинанія печатной украинской словесности исключительно общимъ условіямъ жизни, ничего не удѣливъ на долю сознательнаго участія въ этомъ дѣлѣ личности И. П. Котляревскаго. Это насъ и подводитъ къ необходимости отвѣтить на второй вопросъ, поставленный нами ранѣе: *сознательно или безсознательно* про-

явилъ Котляревскій свой литературный талантъ *на малорусскомъ языкѣ?* Вопросъ этотъ мы считаемъ необходимымъ поставить въ виду того, что всѣ изслѣдователи до сихъ поръ почти въ одинъ голосъ признавали безсознательное влеченіе Котляревскаго къ творчеству на родномъ языкѣ. Г. Кулишъ, напримѣръ, прямо выразился такъ: „самъ Котляревскій не знавъ добре, що винъ творыть“ [1]). Даже г. Дашкевичъ, болѣе другихъ остановившійся на рѣшеніи вопроса о причинахъ возникновенія новой украинской литературы—вообще, и писаній Котляревскаго—въ частности, въ видѣ заключительнаго своего положенія говоритъ: „такимъ образомъ, Котляревскій обратился къ литературной дѣятельности *подъ вліяніемъ безсознательнаго влеченія къ творчеству на родномъ языкѣ*“ (стр. 47).

Если бы дѣло шло о человѣкѣ мало образованномъ, не только не знакомомъ съ иностранными языками, но и мало причастномъ къ литературному русскому языку,—тогда, конечно, можно было бы говорить о безсознательности творчества на марусскомъ языкѣ, подобномъ тому, какое видимъ иногда у поэтовъ самоучекъ; можно было бы говорить о ней и въ томъ случаѣ, если бы Энеида осталась въ рукописи и была написана вся въ семинарскій періодъ воспитанія Котляревскаго. Но первыя напечатанныя три части ея появляются въ 1798 году, когда автору было уже почти 30 лѣтъ, четвертая—въ 1809 г., когда онъ уже вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана и побывалъ до того времени въ обѣихъ столицахъ, а двѣ послѣднія—въ 1825 году, когда лѣта его уже были преклонны. Кромѣ того, мы видимъ, напримѣръ, что въ то время, какъ многіе его земляки и даже школьный другъ его Гнѣдичъ съ успѣхомъ подвизались на полѣ русской беллетристики, онъ не оставилъ ни одного поэтическаго произведенія на русскомъ языкѣ. Можно ли, послѣ этого, говорить о безсознательности творчества его на малорусскомъ языкѣ? Трудно также не вѣрить словамъ г. Стеблина-Каминскаго, который прямо заявляетъ, что Котляревскій „по

---

[1]) Хуторна поэзія, стр. 123. Не имѣя подъ руками этой книги, цитирую по работѣ г. Дашкевича (стр. 46, примѣч. 2-ое).

долгомъ обдуманномъ приготовленіи рѣшился переложить Энеиду Виргилія на малороссійское нарѣчіе"[1]), а приготовленіе это, между прочимъ, состояло, по словамъ современниковъ его, въ томъ, что онъ по окончаніи семинаріи „бывалъ на сходбищахъ и играхъ народныхъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія украинцевъ"[2]). Однимъ словомъ,—скажемъ отъ себя—онъ *совершенно сознательно* стремился къ воспроизведенію на родномъ языкѣ родной обстановки не въ такомъ видѣ, въ какомъ явился извѣстный „Козакъ-стихотворецъ" кн. А. Шаховскаго, самимъ же Котляревскимъ охарактеризованный устами Выборнаго въ „Наталкѣ Полтавкѣ" такъ: „отто тилько не чепурно, що москаль взявся по нашему и про насъ пысать, не бачывшы зроду края и не знавшы звычаивъ и повирья нашого". Основаніемъ для такого сознательнаго отношенія Котляревскаго къ творчеству на малорусскомъ языкѣ, кромѣ указанной раньше преемственности, служило, конечно, и проявлявшееся въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго стремленіе къ введенію въ литературу народнаго элемента. Въ „Вѣстн. Евр." 1810 г. говорится, напримѣръ, что на рождественскія Святки въ Москвѣ поставлена была любимая русская опера „Старинныя святки", и между прочимъ тутъ читаемъ: „сочинитель музыки удачно воспользовался голосами нѣкоторыхъ пѣсенъ малороссійскихъ; сія руда еще недавно открыта и обѣщаетъ театральнымъ композиторамъ пребогатую добычу, ежели только они обратятъ на нее свое вниманіе. А нельзя не пожелать того: въ Малороссіи пѣсни едвали не лучше французскихъ водевилей"[3]). Такимъ образомъ — повторимъ слова г. Дашкевича — „если въ Энеидѣ Котляревскаго украинская литература получила произведеніе съ широкимъ народнымъ направленіемъ" (стр. 35); если „литературная заслуга его въ Энеидѣ состояла именно въ томъ, что

[1]) Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ. Полтава 1869 г., стр. 20.

[2]) Тамъ же стр. 16.

[3]) № 1, стр. 71.

онъ высказалъ въ блестящемъ видѣ и богатство народнаго языка, и богатство юмора, таящееся въ душѣ народа“; *если „онъ съумѣлъ пріобрѣсти полное вниманіе и сочувствіе пановъ, которые до того времени не такъ сознательно питали любовь къ народному слову и народной словесности* (стр. 34),—то какимъ же образомъ можно говорить *о безсознательности* влеченіе его самаго къ писательству на малорусскомъ языкѣ?

Н. М. В. въ статьѣ о Котляревскомъ (Новь“, 1886 г. [1]) замѣчаетъ, что авторъ Энеиды, приступая къ своей поэтической дѣятельности, имѣлъ *только одну сознательную цѣль: смѣшить образованную публику сценами изъ простонароднаго быта, написанными на малорусскомъ языкѣ“*. Извѣстно, какимъ нападкамъ подвергался поэтъ, впослѣдствіи—впрочемъ, за эту предполагавшуюся цѣль его; извѣстно также, чѣмъ и какъ оправдывали отъ этихъ нападковъ разные изслѣдователи литературной дѣятельности его; извѣстно, наконецъ, и то, какими причинами и воздѣйствіями объясняли появленіе перелицованной Энеиды его. Мы не будемъ останавливаться, поэтому, съизнова на всѣхъ этихъ вопросахъ, о которыхъ нѣсколько превосходныхъ страницъ можно прочесть въ упомянутой выше работѣ г. Дашкевича (стр. 25—36): находимъ только умѣстнымъ при случаѣ подѣлиться съ читателями еще однимъ отрывкомъ изъ названной ранѣе неоконченной статьи г. Максимовича. Въ „Переднемъ словѣ до громады“ Кулиша есть такія строки:

„Якъ появывся Котляревській изъ своимъ Енеемъ, уси зареготалы щиро, що якый то справди чудный той простый людъ украинській, одъ которого мы, дякуючи деякымъ старосвитськымъ добродіямъ, одризнылысь. Зареґоталы, и той регитъ бувъ—найстрашнійша проба нашому писаному слову украинському. То було все одно, якъ родытця дытына середъ пъяныхъ бабъ, да ще й сама сповытуха впьетця. Колы выдержыть бидолашне немовлятко перве безумне прывитання на Божому свити, то то буде ознака, що вродылось воно соби живуще ажъ—надто. Вже такои страшнои пробы навпосли ёму й не трапытця. Тымъ ре-

[1]) См. Дашкевичъ, стр. 32.

готомъ надъ Енеидою мало-мало не згубылы самы земляки свого жъ нарожденнаго слова [1]).

Очевидно, эти слова Кулиша и заставили покойнаго Максимовича написать нижеприводимыя строки, сохранившіяся у насъ на особомъ листкѣ.

„Не напрасная ли это тревога? Смѣхъ, возбужденный комическою поэмою Котляревскаго, никакъ не могъ быть пагубнымъ для начатой ею новой малороссійской словесности; напротивъ, онъ былъ знакомъ полнаго успѣха поэмы и залогомъ живаго сочувствія Малороссіянъ къ своенародному слову въ литературѣ. Смѣхъ былъ всегда по душѣ Малороссіянамъ, хотя бы онъ былъ и сквозь слезы. Народная малороссійская словесность, какъ видно по множеству ея гулливыхъ и сатирическихъ пѣсенъ, сказокъ и побасенокъ, любила *смѣхотворство*; оно господствовало и въ новой малороссійской словесности почти полвѣка, до кончины Квиткиной.

Нахожу несправедливымъ и недовольство г. Кулиша на Котляревскаго за его комическое изображеніе малороссійскаго простолюдья. У нашего поэта-украинца не было односторонняго пристрастія ни къ высшему, ни къ низшему сословію народа, также точно, какъ и у нашей народной поэзіи, которая потѣшалась равно надъ простолюдьемъ и надъ панствомъ, надо всѣмъ, что попадалось ей подъ веселый часъ пѣснотворчества.

Когда моторный парубокъ Эней пришелъ въ пекло (адъ), кого тамъ увидѣлъ на первомъ мѣстѣ?

Панôвъ за те тамъ мордовалы
И жарылы зо всѣхъ бокôвъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотôвъ... и проч.

Изъ одного этого мѣста видно уже, что у Котляревскаго не было спуску и нашему панству. Малороссіяне засмѣялись отъ его поэмы совсѣмъ не потому, что простой украинскій людъ явился въ ней въ забавномъ видѣ; столь же забавною представляется въ ней и старшина: смѣшные показались въ Энеидѣ

[1]) Хата, стр. XVII.

Котляревскаго классическіе боги и герои, наряженные въ старосвѣтскихъ украинцевъ—искусною рукою, съ вѣрнымъ знаніемъ натуры и жизни своего народа, и совершенно во вкусѣ народной укранской каррикатуры.

Зевесъ тогди кружавъ сивуху
И оселедцемъ заѣдавъ;
Вöнъ, сёму выпивши осьмуху,
Послѣдки съ кварты вылывавъ.

Вотъ что было новостью для тогдашней Малороссіи, наглядѣвшейся до сыта на Парнассъ и Геликонъ, которые тяготѣли надъ Кіевомъ со временъ Петра Могилы [1]) до самаго конца екатерининскаго вѣка, и на которыхъ привитало не только латино-польское стихотворство *лавроноснаго піита* Яворскаго и другихъ малороссіянъ, но и то россійское стихотворство по ломоносовскимъ образцамъ, которому еще и въ послѣдній екатерининскій годъ Павелъ Логвиновъ училъ питомцевъ кіевской академіи. Послѣднимъ вздохомъ той классической лиры были „Радостныя чувствованія музъ, изліянныя въ одахъ и другихъ стихотвореніяхъ"—поднесенныя 1796 года 31 мая въ привѣтъ новоприбывшему кіевскому митрополиту Іероѳею отъ учениковъ „россійскаго стихотворенія". Тамъ, напримѣръ, ученикъ Василій Ризѐнко (будущій профессоръ акушерства въ московскомъ университетѣ) такъ возглашалъ въ своей одѣ:

Парнасской арфой, въ день священный,
Взлетѣвъ на Пиндъ, ты муза пой:
Іероѳей благословенный
Въ сей день явилъ намъ образъ свой.

И сколько разъ, въ тѣхъ „Радостныхъ чувствованіяхъ" названы *Аполлонами* и митрополитъ Іероѳей Малицкій, и почившій предмѣстникъ его Самуилъ Миславскій,—подобно тому, какъ у Яворскаго (въ 1684 г.) Варлаамъ Ясинскій и предмѣстникъ

---

[1]) Книжка *Евхаристиріонъ*, напечатанная въ Кіевѣ 1632 года, состоящая изъ привѣтственныхъ стиховъ Петру Могилѣ на Велыкдень, раздѣлена на двѣ части - *Парнассъ* и *Геликонъ*.—Прим. Максимовича.

его Иннокентій Гизель воспѣты были подъ заглавіемъ: Hercules post Atlantem,—какъ у Филиппа Орлика (въ 1695 г.) гетманъ Мазепа возвеличенъ былъ подъ заглавіемъ: Alcides Rossiyski [1]). Такъ пришлая къ намъ латино-западная муза наряжала нашихъ малороссійскихъ сановниковъ въ боговъ и героевъ классическаго міра. И вотъ, въ комической поэмѣ Котляревскаго, тѣ сановитые боги и герои зажили и загуляли запросто, какъ щирые, старосвѣтскіе украинцы, и заговорили простонароднымъ малороссійскимъ языкомъ.

Юпитеръ, все допывшы съ кубка,
Рукою свôй. . . . .

Котляревскій, ближайшій преемникъ старо-украинскаго юмора и смѣхотворнаго слова, снималъ съ нихъ не одну легкую шумную пѣну; онъ бралъ ихъ незастѣнчиво съ самаго дна, со всею гущею. Его пародія Виргиліевой Энеиды была ниспроверженіемъ кумировъ классической поэзіи, отъ которой остался въ ней только голый остовъ. Описаніемъ, какъ Эней училъ своихъ троянцевъ латинскому языку, Котляревскій насмѣялся и надъ старымъ способомъ ученія въ нашихъ школахъ.

Троянське племя все засило
Коло кныжокъ, що ажъ потило,
И по латынському гуло.
Эней одъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всяхъ прыганявъ,
И хто хоть трохы линовався,
То тимъ субôтки и дававъ.
За тыждень такъ Лацину взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все на *усъ*:
Энея звалы Энеусомъ,
И вже не паномъ Домынусомъ,
Себе жъ то звалы Троянусъ.

---

[1]) См. книжная старина южнорусская, въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, М. 1850.—Прим. Максимовича.

Былъ бы замѣтный пропускъ въ новой малороссійской словесности, еслибы въ ней, при самомъ началѣ ея, не отозвалось ничего отъ прежней классической; если бы и самое стихотворное слово наше, такъ хорошо сложившееся въ пѣснопѣніи народномъ, не прошло черезъ школу четырехстопнаго ямба, сложеннаго Ломоносовымъ для русскаго стихотворства, но не привычнаго для стихотворенія народно-украинскаго. Вотъ это была страшная проба нашему литературному новобранцу—выдержать въ цѣлой поэмѣ 4-стопный ямбъ, въ опредѣленныхъ строфахъ и съ полными риѳмами, а возбужденный поэмою смѣхъ не угрожалъ ему ни малѣйшею опасностью: эту пробу онъ со славою выдержалъ давно, еще въ народномъ пѣснопѣніи Украины козацкой. Впрочемъ, Котляревскій порою самъ унималъ свой Энеическій смѣхъ воспоминаніемъ родной старины, столь близкой къ сердцу тогдашняго поколѣнія".

Эта защита Энеиды Котляревскаго такимъ компетентнымъ судьей, какъ Максимовичъ, вполнѣ достойна памяти пятидесятилѣтія со дня смерти покойнаго поэта, почему мы и считаемъ умѣстнымъ окончить ими нашу поминку.

Но полувѣковый срокъ со дня смерти такого выдающагося дѣятеля на полѣ родной словесности заставляетъ насъ думать, что въ этотъ день не будутъ лишены значенія всякія новыя данныя, хотя и мелочныя, которыя могутъ чѣмъ нибудь дополнить все прежде извѣстное. Вотъ почему мы пользуемся случайностью, благодаря которой къ намъ въ руки попала давняя рукописная статья о Котляревскомъ С. Стеблина-Каминскаго, писанная имъ еще въ 1860 году и, очевидно, бывшая въ редакціи „Основы", но не нашедшая себѣ пріюта тамъ по причинамъ весьма понятнымъ: г. Кулишъ выступилъ въ той же „Основѣ" со статьей о Котляревскомъ, діаметрально противоположной возрѣніямъ Стеблина-Каминскаго. Статья эта была напечатана потомъ въ „Полтавскихъ Губернск. Вѣдом." 1866 г. (№ 45—47), а также перепечатана отдѣльной брошюрой въ 1869 г. подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ (изъ запи-

сокъ старожила"). Сличивши теперь рукопись съ этой брошюрой, мы находимъ въ первой нѣкоторыя данныя, не вошедшія въ печатную статью, а потому помѣщаемъ ихъ въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ.

Разсказывая о томъ, что Котляревскій читалъ матери автора воспоминаній неизданныя тогда еще 5-ю и 6-ю части Энеиды, С. Стебинъ-Каминскій въ рукописи своей прибавляетъ: „припоминаю, что въ описаніи одного прихода къ Зевсу --у Котляревскаго было одно циническое выраженіе „*вона до пупа пиднялася*". Мать моя замѣтила, что „слишкомъ высоко"; авторъ улыбнулся и, сказавъ: „а потому слишкомъ низко", вымаралъ стихъ.

Онъ былъ членомъ массонской ложи, существовавшей въ Полтавѣ до 1825 года, и зналъ даже тайну престолонаслѣдія; ибо въ тотъ самый день, когда присягали Константину Павловичу, вечеромъ сказалъ моему отцу: „сегодня мы присягали Константину, а черезъ недѣлю будемъ присягать Николаю" и когда это предсказаніе совершилось, признался, что давно зналъ отъ *Новикова,* бывшаго правителемъ канцеляріи малороссійскаго военнаго губернатора и членомъ тайнаго общества, о существованіи извѣстнаго акта объ отреченіи В. Кн. Константина Павловича отъ престола. — Когда случилось событіе 14-го декабря 1825 г., Котляревскій совѣтовалъ моему отцу позабрасывать и самъ позабрасывалъ всѣ массонскіе знаки, звѣздочки какія то и пр.).

Приведено также нѣсколько анекдотовъ Котляревскаго: Однажды, помнится, въ домѣ графа Ламберта просили Котляревскаго разсказать что нибудь малороссійское, смѣшное. И. П. улыбнулся, закрылъ на минуту глаза, обыкновенная его привычка предъ началомъ разговора, и началъ: „Жинка журыла свого чоловика, почему онъ никогда не ходитъ въ церковь: „якъ

таки тоби не соромъ, Мусію, що ты николы не пидешъ до церквы; ну, хочь бы теперичка, въ пистъ, пишовъ колы небудь, а якъ въ шынокъ—що дня шкандыбаешъ".

Мусій задумавсь.—„Ну, жинко, добре, завтра вже пиду." И въ самомъ дѣлѣ пошелъ. Былъ ли онъ въ церкви, или нѣтъ, неизвѣстно. Но въ обѣдъ жинка его спросила: „А що? бувъ, Мусію, въ церкви?—Та бувъ же, бувъ.—„А що жъ тамъ служылось?—То що? Звисно: часивня, часы, служба и службасы.— „А *белебень* бувъ?" спросила жинка.—Этотъ неожиданный вопросъ сбилъ Мусія.—„Белебень! Якый белебень?"—„Тю, тю, дурный, хиба не знаешъ, що на кинци бувае белебень?" (молебенъ) — Ага!—отвѣчалъ Мусій: Та стояло щось биля дверей въ шкурпійци, може той белебень." (Этотъ отвѣтъ оставилъ жинку въ подозрѣніи, что мужъ ея не былъ въ церкви).

Вотъ другой—въ подобномъ родѣ. Мужыкъ хотивъ провчыть свою жинку и не знавъ, якъ бы прынятысь за неи.—Вотъ въ день крещенія, когда обыкновенно вырубливаютъ на прудахъ проруби, въ которыхъ святятъ воду, мужикъ повелъ свою жинку къ такой проруби на сосѣднемъ прудѣ, когда уже тамъ никого не было.—„Ну, жинко, беры свячену воду!" Жинка бросилась къ водѣ съ *глечикомъ*, а мужъ, взявши порядочную лозину, давай стегать ее, приговаривая: „*Не товпитесь, а не товпитесь!*" (Такъ обыкновенно случалось, когда толпа устремится къ проруби, но тутъ толпу составляла одна его жинка).

Были у Котляревскаго анекдоты, касавшіеся мѣстныхъ личностей; припоминаю два, три: Князь Лобановъ отличался вспыльчивостью характера, однажды, разсерженный на комиссара (земскаго исправника) Значко-Яворскаго, князь въ досадѣ сказалъ ему: „Я съ вами служить не хочу!"...—„Такъ подавайте, Ваше Сіятельство, въ отставку!" отвѣчалъ невозмутимый малороссъ, считавшій себя правымъ,—и князь расхохотался.

Въ другой разъ тотъ же генералъ-губернаторъ гулялъ по городу съ тѣмъ же комиссаромъ и, подходя къ дому, спрашивалъ у него: чей это домъ? Исправникъ, говорившій съ примѣсью малороссійскихъ словъ, сказалъ: *Се Руденка*. Идутъ дальше. „А это чей?" спросилъ опять князь.—*Се Руновской*.—Тьфу!

Что за мерзкія фамиліи, замѣтилъ Лобановъ, не подозрѣвая наивности отвѣтовъ исправника.—Во время одного пріема чиновниковъ князь былъ сильно взбѣшенъ, топалъ ногами, и заставилъ всѣхъ удалиться изъ залы, тогда какой то пріѣзжій чиновникъ, ничего не знавшій, тихонько отворилъ дверь въ комнату, по которой шагалъ сердитый начальникъ,—и выставилъ голову въ двери.—„Ты что за птица?" вскричалъ князь.—„*Горобецъ*, Ваше Сіятельство!"—Вонъ!... и князь прогналъ смущеннаго чиновника, а въ самомъ дѣлѣ фамилія его была *Горобецъ*.

Когда государь Николай I, еще въ санѣ великаго князя, въ 1817 г. посѣщалъ Полтаву, Котляревскій былъ при немъ въ качествѣ адъютанта, сопровождалъ Его Высочество при осмотрѣ Шведской могилы и нѣкоторыхъ заведеній города. Въ больницѣ богоугоднаго заведенія в. к. обратился съ вопросомъ къ врачу (Матвѣеву): много ли больныхъ и выздоравливаютъ ли они? Врачъ поспѣшилъ отвѣчать: Слава Богу, выздоравливаютъ;—но стоявшій близъ него Котляревскій подсказалъ на ухо оробѣвшему врачу—„прибавьте и *умираютъ*" врачъ повторилъ внезапно: *и умираютъ*—в. в.—о! В. кн. подмѣтилъ уловку Котляревскаго и долго смѣялся.

Императоръ Александръ I-й, по возвращеніи въ 1814 году изъ Парижа, пожелалъ видѣть гробницу генерала Моро, похороненнаго въ католической Петро-Павловской церкви въ Петербургѣ, подлѣ гробницы послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Императоръ пріѣхалъ въ соборъ и, разсматривая въ лорнетъ обѣ гробницы, замѣтилъ на одной изъ нихъ записку, снялъ и прочелъ на ней два слѣдующихъ стиха:

„Ту лежитъ два (zdraica) здрайца:
Единъ кропу стерялъ, другій ноги по . . . ."

Государь, при всей своей серьезности, не могъ не улыбнуться справедливости остроты. Замѣчу, что подобнаго рода анекдотовъ Котляревскій не досказывалъ вслухъ при дамахъ, а передавалъ на ухо ближайшему изъ слушателей,—и смѣхъ, какъ электрическая искра, пробѣгалъ по всему кружку, между тѣмъ самъ разскащикъ лукаво усмѣхался.

В. Науменко.

Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія.

Въ іюлѣ нынѣшняго года въ Кіевѣ совершилось столь давно ожидавшееся торжество открытія памятника освободителю Малороссіи гетману Богдану Хмельницкому. Естественно было ожидать, что русская историческая литература не останется безучастною къ этому событію, что оно послужитъ для нашихъ историковъ поводомъ къ изслѣдованію и переработкѣ немалаго запаса новыхъ документальныхъ свѣдѣній о Хмельницкомъ, накопившихся со времени появленія въ свѣтъ капитальнаго труда покойнаго Н. И. Костамарова. Къ удивленію, открытіе памятника Хмельницкому прошло почти незамѣченнымъ въ нашей литературѣ, и только въ сентябрьской книгѣ „Историч. Вѣстника“ мы встрѣтили небольшую статью П. Н. Полеваго подъ заглавіемъ: „Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія“, посвященную этому событію.

Какъ же отнесся къ кіевскому торжеству г. Полевой? Какое пониманіе выразилъ онъ объ одномъ изъ величайшихъ явленій прошлой исторической судьбы нашего народа?

Тяжелое впечатлѣніе производитъ на объективнаго читателя помѣщенная П. Н. Полевымъ въ сентябрской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ статья: „Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія“. Все не по вкусу г. Полевому: и исторія памятника на его взглядъ „темна и запутана“, но въ то же время„ заглядывать въ эту исторію“ онъ „не станетъ да и не можетъ“, будто

бы „по неимѣнію матеріала"; и исторія постройки памятника тоже „мутна"; г. Полевой хотя не знаетъ ее доподлинно, но подозрѣваетъ въ ней „не мало загадочнаго, страннаго и даже совсѣмъ непонятнаго". Но г. Полевой, столь горячо интересующійся памятникомъ Хмельницкаго, безъ сомнѣнья, могъ бы прочесть напечатанный еще въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины" довольно обстоятельный историческій очеркъ сооруженія памятника, составленный тѣмъ самымъ комитетомъ, который завѣдывалъ его постройкой,—и быть можетъ убѣдился бы, что въ исторіи этой постройки ничего нѣтъ „мутнаго", „загадочнаго и даже совсѣмъ непонятнаго".

Затѣмъ г. Полевой нападаетъ на строителей памятника; зачѣмъ де они допустили сочиненную будто бы членами кіевской думы (?!) надпись на монументѣ: „Богдану Хмельницкому великая (?!) недѣлимая Россія"? Это, по мнѣнію г. Полеваго, и „наивно", и „курьозно" и „абсурдно", и „блистательно доказываетъ глубочайшее историческое незнаніе строителей, или, лучше сказать, полное ихъ пренебреженіе къ знанію русской исторіи". Вѣдь г. Полевой твердо убѣжденъ въ томъ, что Великая[1]) Россія „положительно *ничѣмъ не обязана*[2]) Богдану Хмельницкому и потому *не можетъ* воздвигать ему памятниковъ", а наоборотъ: „Богданъ Хмельницкій *обязанъ Великой Россіи своимъ спасеніемъ*".

Не входя съ г. Полевымъ въ праздное словопреніе по вопросу болѣе нежели наивному: кто кому болѣе обязанъ—Великая ли Россія Богдану Хмельницкому, или Богданъ Россіи?—мы должны замѣтить, что его раздражительная тирада по поводу надписи основана на смѣшномъ недоразумѣніи: въ надписи на монументѣ, какъ всѣмъ извѣстно, начертано: „Богдану Хмельницкому *единая* недѣлимая Россія". Г. Полевой вмѣсто „единая", прочелъ „Великая". Чтобы рѣшиться выражать оскорбительныя обвиненія другимъ, надо, по крайней мѣрѣ, правильно прочитать.

---

[1]) Очевидно, г. Полевой понимаетъ это прилагат., въ данномъ случаѣ, въ смыслѣ географическомъ.

[2]) Курсивъ въ подлинникѣ; тоже—и ниже.

Покончивъ съ фантастическою надписью и ея воображаемыми сочинителями и „попустителями“, нашъ историкъ вызываетъ къ суду (что гораздо важнѣе) изъ могилы самого „козацкаго батька“, гетмана Богдана Хмельницкаго. За какіе подвиги поставленъ ему монументъ? По свѣдѣніямъ г. Полевого, то былъ „хитрый и вѣроломный“ человѣкъ, „котораго такъ искусно и послѣдовательно вскормила и воспитала себѣ на погибель польско-езуитская почва“; „интрига, коварство, обманъ и вѣроломство“— вотъ тѣ „орудія, которыя такъ успѣшно примѣнялъ Хмельницкій въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ“, т. е. къ своему прежнему правительству. А къ Великой Россіи развѣ онъ добровольно присоединился? Жалкое недомысліе! Г. Полевому доподлинно извѣстно, что „еслибы царь Алексѣй Михайловичъ не внялъ мольбамъ его и всего малороссійскаго народа и не принялъ бы Малороссію подъ свою высокую руку,—Богданъ не сносилъ бы головы“, потому что Хмельницкій до того неумѣренно „раздражалъ и разжигалъ народныя страсти“, что въ концѣ концовъ ему предстояло „пасть жертвою“ имъ же самимъ вызваннаго „сильнѣйшаго революціоннаго движенія“; а соединившись съ Москвою, онъ пріобрѣлъ „возможность умереть въ почетѣ и богатствѣ, въ постели, а не на плахѣ... И *за все это* (негодуетъ г. Полевой) *Великая Россія воздвигла еще и памятникъ Хмельницкому*!“

Но г. Полевой дѣлаетъ уступку: Россія „была бы еще обязана поставить памятникъ Богдану Хмельницкому, еслибы онъ (хотя и по нуждѣ примкнувъ къ московскому государству), служилъ вѣрою и правдою царю Алексѣю Михайловичу, заботился о закрѣпленіи тѣсной связи между Малороссіей и Великой Россіей и такъ же честно и правдиво отстаивалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, недѣлимую Россію отъ ея враговъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ отстаивалъ Малороссію отъ Польши“. Но что же г. Полевой видитъ? А то, что въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, протекшихъ отъ переяславской рады до смерти Хмельницкаго, „знаменитый гетманъ малороссійскій“ ничего иного не дѣлалъ будто бы, какъ только „заботился исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ (?!) и всѣми мѣрами охранялъ *отдѣль-*

ность Малороссіи отъ московскаго государства и въ церковномъ, и въ административномъ, и въ военномъ отношеніи" (т. е., другими словами, дѣйствовалъ на основаніи только что утвержденныхъ царемъ переяславскихъ статей?); а когда началась война съ Польшею за освобожденіе Малороссіи, то Хмельницкій не только, будто бы, „*не помогалъ*, а прямо таки *мѣшалъ* дѣйствіямъ московскаго войска (когда же и какъ?) и вообще „дѣйствовалъ прямо какъ *измѣнникъ!*... А въ своихъ отношеніяхъ къ царю Богданъ только „коварствовалъ и лукавилъ" съ нимъ „съ самаго перваго момента поступленія Малороссіи въ подданство— и до послѣдняго издыханія!"...

Ну, конечно! чего же было и ожидать другаго отъ человѣка, „вскормленнаго польско-іезуитской почвой" и отплатившаго своему прежнему отечеству—Польшѣ, за всѣ ея благодѣянія, лишь измѣной, бунтомъ, „коварствомъ" и „вѣроломствомъ".

Что сказать объ этой выходкѣ, которую авторъ выдаетъ за историческую характеристику знаменитаго гетмана? Опровергать ее—значило бы повторять общеизвѣстные факты и много разъ доказанныя положенія. Вѣдь почти все то, что съ такимъ апломбомъ, будто новое откровеніе, говоритъ г. Полевой о Хмельницкомъ, на самомъ дѣлѣ такъ же старо, какъ старъ и самый подвигъ Хмельницкаго. Минуло ужъ два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ польской исторической литературѣ, отъ Коховскаго до Сенкевича включительно, на разные лады варьируется старая пѣсня объ іезуитской хитрости и пронырствѣ, коварствѣ, вѣроломствѣ, прирожденной склонности къ бунтамъ, мятежамъ и измѣнѣ и тому подобныхъ отвратительныхъ чертахъ характера предводителя „дикаго и разнузданнаго хлопства", т. е. Хмельницкаго, и еслибы г. Полевой пожелалъ, онъ могъ бы позаимствовать изъ этой литературы цѣлый арсеналъ еще болѣе сильныхъ порицаній, нежели тѣ, какими онъ счелъ умѣстнымъ помянуть знаменитаго южно-русскаго героя по случаю открытія ему памятника. Но тамъ для осужденій Хмельницкаго можно найти хоть какія нибудь, если не оправданія, то, по крайней мѣрѣ, психологическіе мотивы; а у г. Полеваго это и бездоказательно, и безпричинно. Факты, на которые ссылается г. Полевой въ доказатель-

ство измѣны Хмельницкаго, давно всѣмъ извѣстны; вмѣсто безплоднаго повторенія ихъ, лучше было заняться ихъ провѣркою. Но мы считаемъ настоящій поводъ совершенно незаслуживающимъ того, чтобы провѣрять исторію послѣднихъ годовъ гетманства Хмельницкаго. По счастію, это оказывается и ненужнымъ: нѣтъ надобности опровергать обвиненія г. Полеваго; онъ самъ опровергъ ихъ удачно и своевременно.

Въ одно время съ статьею Историч. Вѣст. онъ написалъ другую статью подъ заглавіемъ: „Грозный батько козацкій" (по поводу постановки памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ). Статья эта помѣщена въ 35 № „Нивы", вышедшемъ въ свѣтъ почти въ одинъ день съ сентябрской книжкой „Истор. Вѣст." Если бы подъ ней не стояло имя автора, никто не повѣрилъ бы, что ее написалъ тотъ же самый П. Полевой. Ни „измѣны", ни „вѣроломства", ни другихъ сильныхъ словъ, какими преисполнена статья „Историч. Вѣстника", здѣсь нѣтъ. Богданъ охарактеризованъ здѣсь, какъ „блестящій, храбрый, способный, одаренный тактомъ и проницательнымъ умомъ" человѣкъ. Онъ поднялъ возстаніе противъ Польши не по врожденному „коварству" и „вѣроломству", какъ явствуетъ по смыслу первой статьи г. Полеваго, а потому, что „испытавъ на самомъ себѣ всю тягость страшнаго гнета, тяготѣвшаго надъ Украиною", и „измученный насиліемъ и оскорбленіями", онъ естественно „долженъ былъ горячо сочувствовать той народной массѣ, которая рвалаль изъ польскихъ оковъ". И къ Великой Россіи онъ присоединился не потому, чтобы имѣть возможность „умереть въ почетѣ и богатствѣ, въ постели, а не на плахѣ", а потому, что „ждалъ оттуда спасенія и умиротворенія для своей несчастной родины". Понятно, что при такомъ взглядѣ на дѣятельность Хмельницкаго, не можетъ быть и вопроса о томъ, по заслугамъ ли поставленъ ему памятникъ. „Прекрасный этотъ памятникъ (торжественно превзглашаетъ на этотъ разъ все тотъ же П. Полевой) одинаково увѣковѣчиваетъ въ памяти потомства и эпоху возсоединенія Малороссіи съ Великою Россіею, и самое событіе, *и личность того народнаго вождя*, который съумѣлъ всѣхъ убѣдить въ необходимости подклониться подъ „государеву высокую руку".

Вотъ такъ бы и давно. Но какова же должна быть устойчивость убѣжденій того автора, который въ состояніи одновременно выпустить двѣ статьи, взаимно исключающія другъ друга!

Но такова сила привычки! авторъ и въ этой статьѣ не утерпѣлъ, чтобы не взвести на Хмельницкаго нѣкоей напраслины—правда, невинной и нимало не позорной для его памяти, но все же напраслины. Онъ повѣствуетъ, будто Хмельницкій, уходя „осенью" (?) 1647 года на Запорожье, „захватилъ съ собою кстати и старинныя королевскій (?!) грамоты *донскихъ козаковъ* (sic). Зачѣмъ Богдану понадобились „грамоты *донскихъ* козаковъ"? Онъ точно захватилъ тогда съ собою „штучнымъ" образомъ добытыя у своего кума Барабаша королевскія грамоты, но онѣ были вовсе не „старинныя", а выданныя королемъ Владиславомъ IV всего за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и выданы онѣ были не донскимъ, а запорожскимъ козакамъ. Да и какъ бы „старинныя грамоты донскихъ козаковъ" очутились въ тогдашнемъ Чигиринѣ? Съ такими историческими познаніями нельзя браться за оцѣнку великихъ историческихъ событій и лицъ.

Ив. Луговой.

Критика.

Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій“ Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. I—XI. 235. I—XI. 19. Спб. 1888.

Изъ дошедшихъ до насъ, крайне скудныхъ, данныхъ о жизни Серапіона, не дающихъ ничего для біографіи этого замѣчательнаго дѣятеля, ясно только одно, что Серапіонъ былъ уроженецъ юга, что вся его молодость и даже почти вся старость прошли на югѣ и что въ самомъ концѣ своей жизни онъ попадаетъ на сѣверъ и является тамъ замѣчательнымъ церковнымъ ораторомъ. Очевидно, что какъ проповѣдникъ онъ дѣйствовалъ и на югѣ, такъ какъ и проповѣдническій талантъ, и извѣстное направленіе его мыслей и складъ убѣжденій не могли явиться вдругъ на сѣверѣ, а установились и развились на югѣ. Поэтому, Серапіона можно причислить къ числу многихъ другихъ кіевскихъ людей, несшихъ свои труды на просвѣщеніе далекаго сѣвера, а стало быть и трудъ г. Пѣтухова имѣетъ ближайшій интересъ для нашего журнала.

Разсматриваемый трудъ распадается на 10 главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ приводитъ тѣ немногія свѣдѣнія о жизни Серапіона, которыя сохранились въ лѣтописяхъ. Вторая глава посвящена вопросу, какія изъ поученій, приписываемыхъ Серапіону, принадлежатъ ему въ дѣйствительности. Въ третьей авторъ старается опредѣлить время написанія или произнесенія каждаго изъ „словъ“. Съ IV главы г. Пѣтуховъ переходитъ къ изслѣдованію главнаго вопроса, подлежащаго уясненію въ его трудѣ,—вопроса объ отношеніи „Словъ“ Серапіона къ дѣйствительной жизни, современной его проповѣднической дѣятельности. Этому вопросу посвящены и слѣдующія главы V, VI и VII. Три послѣднія VIII, IX и X заняты

опредѣленіемъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ проповѣдникъ факты для своихъ поученій, разсмотрѣнію литературныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ проповѣдямъ Серапіона, оцѣнкѣ древне-русской проповѣди и, наконецъ, опредѣленію значенія Серапіона въ исторіи древне-русской поучительной литературы.

Нельзя не отдать должной справедливости г. Пѣтухову, за удачное разслѣдованіе вопросовъ, на которые онъ обратилъ свое вниманіе. Авторъ собралъ для рѣшенія ихъ весьма много данныхъ, разсмотрѣлъ относящуюся къ нимъ литературу, прекрасно сгруппировалъ факты, пришелъ къ вполнѣ основательнымъ выводамъ. Но вся суть въ томъ, что все вниманіе автора обращено не туда, куда слѣдовало бы: самый интересный и самый важный вопросъ оставленъ г. Пѣтуховымъ почти безъ вниманія, обслѣдованъ очень слабо, хотя самъ же авторъ указываетъ на него, какъ на самый важный среди другихъ вопросовъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію. Посмотримъ, что говоритъ самъ г. Пѣтуховъ въ началѣ своего труда. Онъ указываетъ, что есть двѣ главныя задачи, которыя историкъ литературы можетъ имѣть въ виду при изслѣдованіи извѣстнаго письменнаго памятника: 1) литературная по преимуществу и 2) историко-культурная. Вторая заключается въ изученіи связи даннаго литературнаго явленія съ жизнью его произведшей. Рѣшеніе этой задачи способствуетъ изученію духовной жизни народа. Въ другихъ мѣстахъ г. Пѣтуховъ высказываетъ прямо, что весь интересъ проповѣднической дѣятельности Серапіона заключается въ историко-культурномъ значеніи его „Словъ", такъ какъ въ нихъ изображаются замѣчательные въ культурномъ отношеніи факты русской народной жизни во второй половинѣ XIII столѣтія. Итакъ, выяснить историко-культурное значеніе проповѣднической дѣятельности Серапіона—вотъ задача, которую авторъ разбираемой книги ставитъ себѣ за главную. Дѣйствительно, IV, V, VI и VII главы, на протяженіи 139 страницъ, посвящены рѣшенію этой задачи, и лишь меньшая половина труда занята собственно историко-литературнымъ изслѣдованіемъ. Посмотримъ, какъ рѣшаетъ авторъ свою главную задачу—уяснить связь даннаго литературнаго явленія съ жизнью, его породившей. Само собой ясно, что на первомъ планѣ должна стоять сама жизнь, что разъясненіе явленій этой жизни, отразившихся въ проповѣдяхъ Серапіона, должно предшествовать уясненію его къ нимъ отношенія, что историко-культурный интересъ главнымъ образомъ и прежде всего лежитъ въ этихъ явленіяхъ жизни,

а потомъ уже въ отношеніяхъ къ нимъ Серапіона. Вѣдь самый взглядъ того или иного дѣятеля на фактъ общественной, окружающей его, жизни не можетъ быть правильно оцѣненъ, пока самые факты не будутъ представлены въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Авторъ смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: онъ посвящаетъ большую часть труда выясненію вопроса, какъ относился проповѣдникъ къ явленіямъ современной ему жизни, и нужно сказать, что едва ли что нибудь новое онъ внесъ въ науку русской исторіи. Въ IV главѣ г. Пѣтуховъ приходитъ къ заключенію, что Серапіонъ является яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія того времени. Страшныя бѣдствія татарскаго ига заставили народъ отнестись критически къ своей жизни и въ ней искать причины постигшихъ его несчастій. Взглядъ на бѣдствія, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи, проходитъ, по справедливому замѣчанію автора, черезъ всю древне-русскую литературу. Достаточно развернуть нашу древнюю лѣтопись, которая является самымъ сильнымъ выразителемъ общественныхъ чувствъ въ древній періодъ нашей жизни, чтобы вполнѣ убѣдиться во всемъ сказанномъ выше. Является ли, поэтому, Серапіонъ исключительнымъ явленіемъ, какъ выразитель общественнаго настроенія? Нѣтъ, и не въ этомъ заключается интересъ его проповѣдей.

Кто прочтетъ „Слова“ владимірскаго проповѣдника, тому сразу станетъ ясно отношеніе его къ явленіямъ жизни, ему современной, и для того, чтобы показать это отношеніе, достаточно привести выдающіяся мѣста изъ его поученій. Тутъ нѣтъ мѣста обширному изслѣдованію. Поэтому авторъ отвлекается совершенно въ сторону отъ главной своей задачи—разъяснить отношенія Серапіона къ окружающей его жизни,—оставляетъ ее совершенно и значительную часть своего труда посвящаетъ вопросу, чьи взгляды на общественныя заблужденія были гуманнѣе, нашего ли Серапіона, проповѣдника XIII в., или духовенства и ученыхъ Западной Европы даже въ XVII столѣтіи. Авторъ съ 69 по 131 страницу (почти 70 страницъ) передаетъ намъ мнѣнія западно-европейскихъ богослововъ о процессахъ вѣдьмъ, и все это нужно только для того, чтобы потомъ сказать, что Серапіонъ въ XIII ст. стоялъ по гуманности выше западно-европейскихъ людей не только ему современныхъ, но и болѣе поздняго времени. Но неужели для полученія этого второстепеннаго по своей важности вывода необходимо было вводить такой балластъ въ свою книгу? Можно было коротко, въ немногихъ словахъ, сдѣлать припоминаніе аналогичныхъ фактовъ западно-европей-

ской жизни, чтобы для читателя стало ясно превосходство нашего Серапіона во взглядахъ на окружающую его жизнь предъ людьми З. Европы. Кому также не извѣстна борьба между іосифлянами и заволжскими старцами по вопросу объ отношеніи къ еретикамъ? Чтобы отмѣтить, что Серапіонъ является не одинокимъ въ области древне-русской жизни и литературы, какъ замѣчательный представитель гуманнаго направленія древне-русской религіозной жизни, для этого опять не слѣдовало на 30 страницахъ говорить о взглядахъ іосифлянъ и ихъ противниковъ, такъ какъ они вполнѣ извѣстны и достаточно выяснены въ трудахъ русскихъ ученыхъ. И здѣсь, какъ и прежде, достаточно было напомнить читателю въ общихъ чертахъ объ этихъ фактахъ нашей культурной жизни. Если мы теперь удалимъ изъ труда г. Пѣтухова весь этотъ указанный нами излишній балластъ, то изъ книги останется нѣсколько болѣе ея половины. И интересно еще, что авторъ подвергаетъ изслѣдованію то, что собственно его не требуетъ: 1) Серапіонъ былъ гуманнѣе западно-европейскихъ богослововъ, 2) Серапіонъ не одинокъ въ древней Руси по своимъ гуманнымъ взглядамъ—это явствуетъ изъ его собственныхъ поученій и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ древне-русской и западно-европейской жизни и не требуетъ многословныхъ доказательствъ.

Увлекшись въ одну сторону, авторъ совершенно выпустилъ изъ вида главный вопросъ: насколько вѣрно отражается дѣйствительная жизнь въ разсматриваемыхъ поученіяхъ. Нельзя сказать, чтобы г. Пѣтуховъ совсѣмъ не касался этого вопроса, но обслѣдованъ онъ имъ весьма неполно, и самое изслѣдованіе ведено невѣрно.

Авторъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего труда, что ему должно обратить вниманіе на два главныхъ пункта: 1) это съ одной стороны—фактъ народной расправы съ вѣдьмами, 2) съ другой—отношеніе къ нему проповѣдника. Мы ожидали бы, что авторъ посвятитъ свой трудъ изслѣдованію вопроса о вѣрованіи въ вѣдьмъ: какъ развилось оно, въ какомъ видѣ является оно во времена язычества, укажетъ намъ факты этого вѣрованія въ дохристіанскій періодъ жизни славянъ, обратитъ вниманіе и сгруппируетъ данныя о проявленіи этого вѣрованія въ ближайшее къ Серапіону время. Но этого ничего нѣтъ въ трудѣ г. Пѣтухова... „Не станемъ вдаваться, говоритъ онъ, въ вопросъ о первоначальномъ происхождеіи вѣры въ волховъ и чародѣевъ“. Конечно, это по отношенію къ дѣятельности Серапіона, не важно, а важно и безусловно необхо-

димо было указать проявленіе вѣры въ вѣдьмъ въ древне-русской жизни. Авторъ долженъ былъ обратиться къ этнографическимъ даннымъ, сохраненныхъ для насъ и лѣтописью, и другими историческими источниками, и разсыпаннымъ по разнымъ современнымъ этнографическимъ и неэтнографическимъ изданіямъ. Если бы авторъ посвятилъ въ своей книгѣ анализу этихъ данныхъ вдвое болѣе того, что онъ отвелъ для передачи указанныхъ выше почти общеизвѣстныхъ фактовъ, то и въ такомъ случаѣ онъ не принесъ бы ничего, кромѣ пользы, а главное—онъ доказалъ бы, что слова поученій Серапіона вѣрны дѣйствительности древне-русской жизни. Въ книгѣ г. Пѣтухова это главное положеніе остается недоказаннымъ. Авторъ сознаетъ, что ему необходимо въ подтвержденіе слова Серапіона объ испытаніи вѣдьмъ водой привести факты, и вотъ на стр. 85 и далѣе г. Пѣтуховъ приводитъ данныя, но... изъ западно-европейской жизни, и ни намека на подобный фактъ не приведено изъ жизни древне-русской. Казалось бы, что справедливость словъ древне-русскаго проповѣдника надо и доказывать фактами древне-русской жизни, а не западно-европейской". Для читателя остается совершенно неизвѣстнымъ, правду говорилъ Серапіонъ, или нѣтъ. Относительно вѣрованія въ вѣдьмъ среди древне-русскаго общества не приведено авторомъ ни одного указанія. Гораздо больше указаній сдѣлано г. Пѣтуховымъ относительно суда надъ вѣдьмами и казни ихъ чрезъ сожженіе, но и тутъ мы видимъ нѣчто странное. Авторъ говоритъ: „не говоря о болѣе раннихъ случаяхъ, о которыхъ даютъ намъ свѣдѣнія лѣтописи и акты, упомянемъ о ближайшихъ". Наоборотъ, для доказательства, что обвиненіе Серапіономъ современнаго ему общества въ расправѣ съ вѣдьмами справедливо, необходимы были именно эти болѣе ранніе факты, по времени стоящіе ближе къ владимірскому проповѣднику, а не позднѣйшіе. Вѣдь и взглядъ на вѣдьмъ, и отношеніе къ нимъ въ XVIII в. могли значительно измѣниться сравнительно съ XIII в., не говоря уже о временахъ языческихъ. А между тѣмъ у насъ имѣется очень интересное извѣстіе, указывающее прямо на практиковавшееся у русскихъ славянъ *испытаніе вѣдьмъ водой* и казни ихъ чрезъ сожженіе въ XII в., т. е. во время, весьма близкое къ Серапіону. „Tous les vingt ans, разсказываетъ арабъ Андалуси, les vieilles femmes de ces pays (des Slaves) se rendent coupables de sorcellerie: ce qui occasionne de grands troubles parmi le peuple. On saisit alors toutes celles que l'on trouve dans cette contrée, et on les jette, pieds

et poings liés dans un grand fleuve qui y passe. Celles qui surnagent sont reputées sorsières et livrées aux flammes; celles, au contraire, qui s'enfoncent, sont declarées innocentes de toute sarcellerie et remises en liberté [1])". Авторъ почему то совершенно выпускаетъ изъ виду это въ высшей степени важное извѣстіе, которое, будучи приведено одно даже, вполнѣ показываетъ вѣрность отраженія дѣйствительной жизни въ поученіяхъ Серапіона. Авторъ вообще не вполнѣ знакомъ съ этнографическими матеріалами, что приводитъ его иногда къ неправильному толкованію фактовъ. Въ началѣ V главы г. Пѣтуховъ приводитъ факты о вѣрованіи у нашихъ предковъ въ волхвованіе и въ основу своихъ доказательствъ кладетъ разсказъ лѣтописи подъ 1024 г. о волхвахъ, появившихся въ землѣ Суздальской. Авторъ совершенно не понялъ передаваемаго имъ явленія, отчего и самый взглядъ на волхвовъ у него вполнѣ неправильный. „Замѣчательно, говоритъ авторъ, что здѣсь не народъ гонитъ, а напротивъ волхвы будто бы по подозрѣнію, что старики и старухи „держатъ гобино", убиваютъ послѣднихъ. Надо думать, что поступали тутъ такъ потому, что хотѣли спасти самихъ себя" и т. д. Ничего подобнаго не бывало, смѣемъ увѣрить автора. Далѣе авторъ утверждаетъ довольно смѣло, что изъ разговора Яна съ волхвами о богахъ можно заключить, что *воззрѣнія волхвовъ были новостью между народомъ,* даже между болѣе свѣдущей ею частью, какъ Янъ, уполномоченный князя. Это утвержденіе уже черезчуръ странно. А все происходитъ оттого, что авторъ не потрудился познакомиться съ данными древне-русской этнографіи. Во первыхъ, авторъ упустилъ изъ вида, въ какой мѣстности происходитъ дѣйствіе. Язычество въ землѣ Ростовско-Суздальской держалось очень долго, когда христіанство на югѣ вполнѣ утвердилось. На сѣверѣ сохранялись языческія вѣрованія и обряды, и тѣ, кого нашъ лѣтописецъ—христіанинъ называетъ волхвами, были просто такіе же жрецы, или люди, исполнявшіе жреческія обязанности, какихъ мы находимъ и теперь еще у мордвы, черемисы и другихъ финско-угрскихъ народцевъ. Приводить этихъ данныхъ мы не будемъ, такъ какъ они извѣстны всякому. Такимъ образомъ, тѣ люди, которые явились въ Суздальской землѣ, совершенно были свободны отъ страха за себя, ибо, какъ

---

[1]) Charmoy. Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Mémoires de l'Akademie des Sciences de S.-Petersbourg. VI-e série, tome II, livraison 4 et 5-e. 1834, pp. 342—3, 403.

жрецы, охраняли населеніе отъ колдовства женщинъ и были въ глазахъ туземцевъ, мери и веси, силой положительной, а не отрицательной. Янъ, какъ христіанинъ, а авторъ, какъ упустившій изъ вида этнографическія данныя, не поняли явленія, проходившаго предъ ними. Что сказанное нами о волхвахъ вѣрно, мы укажемъ на обычай, сохранившійся и до сихъ поръ у мордвы, о которомъ говоритъ г. Мельниковъ въ своихъ „Очеркахъ Мордвы", и затѣмъ г. Корсаковъ въ своемъ трудѣ „Меря и Ростовское княжество". Изъ этого существующаго обычая обнаруживается, что въ извѣстное время года жрецы мери (и вообще всѣхъ финско-угрскихъ племенъ) производили осмотръ старыхъ женщинъ, по имъ однимъ извѣстнымъ примѣтамъ узнавали, вѣдьма она или нѣтъ, и буде примѣты показывали первое, женщину подвергали казни. Чѣмъ же здѣсь являются волхвы? Это такое же духовное сословіе языческое, преслѣдующее вѣдьмъ, какъ было на смѣну ему христіанское. Христіанское духовенство – православное—принесло гуманное отношеніе къ подобнымъ явленіямъ. Но представители христіанства встрѣтили сильное сопротивленіе проповѣдываемой ими религіи именно среди жреческаго сословія, гдѣ послѣднее было сильно и удержалось даже до сихъ поръ (мордва, черемисы, раньше у мери, веси и т. д.), и стало преслѣдовать его, смѣшавъ съ колдунами и чародѣями. Въ языческое время среди общества были вѣдьмы, колдуны, чародѣи, но были и жрецы, одаренные также великой силой и мудростью, которые охраняли населеніе отъ этихъ вредныхъ элементовъ и преслѣдовали ихъ. Вотъ съ этими то жрецами, удержавшимися еще среди языческой мери, и встрѣтился Янъ и уничтожилъ ихъ, какъ людей, могущихъ препятствовать утвержденію среди мери христіанства и власти русскихъ князей. Но еще, повторяемъ, болѣе странно утвержденіе автора, что разсказы мерянскихъ жрецовъ о богахъ были новостью для туземцевъ. Для Яна они дѣйствительно были новостью, но Янъ и полуязыческое населеніе мери не одно и то же. То ученіе, которое слышалъ Янъ отъ мерянскихъ жрецовъ о подземныхъ богахъ, о сотвореніи человѣка, есть дѣйствительное вѣрованіе финско-угрскихъ племенъ, а не выдумка. Мы находимъ его у мордвы, по сообщенію покойнаго Мельникова, у вотяковъ, по даннымъ Георги въ „Описаніи всѣхъ въ Россіи обитающихъ народовъ". О пребываніи боговъ въ безднѣ мы находимъ вѣрованіе у чуди (эстовъ) по нашей лѣтописи, у черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ по другимъ сообщеніямъ; слѣды этого вѣрованія есть у ли-

вовъ,—все это народы, родственные мери и веси, въ области которыхъ дѣйствовалъ Серапіонъ и распоряжался Янъ Вышатичъ. Мы не можемъ здѣсь приводить всѣхъ этихъ данныхъ и производить ихъ сопоставленіе, но автору разбираемой книги сдѣлать все это было необходимо, чтобы ясно понять тѣ факты, на которые онъ ссылается, и отвѣтить на вопросъ, насколько проповѣди Серапіона отражаютъ въ себѣ дѣйствительную жизнь. Если мы теперь выдѣлимъ изъ сочиненія автора излишній балластъ, если затѣмъ главный вопросъ, подлежавшій изслѣдованію, является почти невыясненнымъ, то остается только одна историко-литературная часть работы, которая одна и можетъ быть признана выполненной успѣшно.

П. Голубовскій.

Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1888.

Сочиненіе г. Эварницкаго вышло въ этомъ году; только нѣкоторые отрывки его были помѣщаемы въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ за предъидущіе годы. Теперь, имѣя передъ собою два толстыхъ тома, изданныхъ аккуратно и изящно, мы можемъ оцѣнить это произведеніе, „результатъ осьмилѣтнихъ поѣздокъ по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ", во всемъ объемѣ и во всей полнотѣ широкой задачи, выполненной г. Эварницкимъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и настойчивостію. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ собралъ такую массу матеріаловъ для исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, какой не собиралъ до него никто. Эта масса матеріала служитъ основой для изложенія автора и въ нѣкоторой степени входитъ въ самое содержаніе произведенія. Но этотъ историческій, археологическій и топографическій матеріалъ слишкомъ разнообразенъ по своей цѣнности; можно смѣло сказать, что нѣтъ двухъ группъ матеріала, равныхъ по своей достовѣрности, и даже каждая данная группа не одинаково достовѣрна во всемъ своемъ объемѣ. Серьезная, научная критика уравниваетъ цѣнность матеріаловъ, приводитъ ихъ къ одной степени достовѣрности, при чемъ эта достовѣрность должна быть доведена до возможно большаго приближенія къ истинѣ. Уравненіе матеріаловъ въ степени ихъ достовѣрности вноситъ и въ самую работу тотъ тонъ, который опре-

дѣляетъ довѣріе къ автору и научную цѣнность работы. Особенно необходима тщательная критика при той массѣ и разнообразіи матеріаловъ, какими пользуется г. Эварницкій. Въ его матеріалы входятъ письменные документы, сохранившіеся въ оригиналахъ и копіяхъ, не всегда относящіеся къ современной эпохѣ, археологическія и топографическія свѣдѣнія, извлеченныя изъ описаній путешественниковъ предъидущаго времени, и данныя, собранныя самимъ авторомъ, народныя преданія и пѣсни, разсказы стариковъ, рѣдко современниковъ исторической жизни Запорожья, даже поэтическія произведенія и малорусскихъ и русскихъ авторовъ и т. п. Другое затрудненіе, которое долженъ былъ побѣдить г. Эварницкій, заключалось въ расположеніи этого матеріала и системѣ изложенія судебъ Запорожья въ историческихъ, топографическихъ и археологическихъ остаткахъ старины. Авторъ въ предисловіи предупреждаетъ читателя, что послѣдній „не найдетъ здѣсь полной, систематически изложенной исторіи запорожскихъ козаковъ, а лишь отдѣльные эпизоды и краткіе намеки на цѣльную исторію". Но эта оговорка не освобождаетъ автора отъ систематическаго изложенія если не исторіи Запорожья, то своего сочиненія, безъ чего сочиненіе будетъ растеканіемъ „по мысленну древу", гдѣ читатель не найдетъ никакой точки опоры, чтобы слѣдить за исторіей, топографіей и археологіей интересующаго его края. Г. Эварницкій собралъ много матеріаловъ; но критика и уравненіе достовѣрности ихъ, затѣмъ систематизація этого матеріала, исполнены имъ далеко неудовлетворительно: критика страдаетъ произвольностью, матеріалы не сведены къ одинаковой степени достовѣрности, группировка фактовъ имѣетъ мало системы и выдержанности.

Остановимся на способѣ обращенія г. Эварницкаго съ его разнообразнымъ матеріаломъ.

Насколько насъ можетъ удивить количество матеріала, собраннаго авторомъ, настолько странно, что почти всѣмъ имъ онъ пользуется, какъ достовѣрными историческими, археологическими и топографическими данными.

Сперва обратимся только къ письменнымъ источникамъ.

У г. Эварницкаго мы находимъ постоянныя ссылки на соч. кн. Мышецкаго „Исторія о козакахъ запорожскихъ" Одесса 1852 г. Правда, авторъ отвергаетъ свѣдѣнія этого „инженеръ подпоручика" о трехъ сичахъ, предшествовавшихъ якобы хортицкой сичѣ [1]), за-

[1]) Эварницкій, Запорожье, I, стр. 201.

тѣмъ не соглашается съ Мышецкимъ, что Сагайдачный жилъ въ 1630 г.[1]) и пр., но мы замѣчаемъ все таки излишнюю довѣрчивость автора къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ". Какъ важны свѣдѣнія Мышецкаго о современной ему эпохѣ 1736—1740 гг. (о ретраншементахъ, нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ Запорожья и топографіи края того времени), такъ историческія его свѣдѣнія не имѣютъ никакой цѣны. Для характеристики этихъ свѣдѣній мы можемъ указать на всю историческую часть сочиненія Мышецкаго[2]), гдѣ что ни слово, то диковинка. Итакъ, разъ у Мышецкаго разсказывается, „какъ поляки шла войною на Россію въ *1630 г.*, тогда Запорожскіе козаки были подъ Польшею, а одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ"[3]), то изъ словъ Мышецкаго посредствомъ перевода цифръ съ 1630 на 1620 нельзя никакъ вывести *достовѣрнаго* заключенія, что данное урочище „получило свое званіе отъ извѣстнаго историческаго лица Петра Конашевича-Сагайдачнаго, который пребывалъ въ этихъ мѣстахъ со своимъ войскомъ въ *1618* или *1620* году", какъ то дѣлаетъ г. Эварницкій[4]). Такимъ же, никакъ ужъ не *свидѣтельствомъ*, мы считаемъ разсказъ Мышецкаго объ уничтоженіи татарскаго города пауками[5]), что за таковое приводитъ въ своей книгѣ г. Эварницкій[6]). Легенду Мышецкаго объ основаніи запорожскаго козачества въ 948 г. воиномъ Семеномъ[7]) г. Эварницкій приводитъ безъ всякаго замѣчанія съ своей стороны[8]), такъ что читатель, разсчитывая на критическое отношеніе автора къ своему разсказу, смѣло долженъ принимать и разсказъ Мышецкаго за правду, развѣ, по примѣру г. Эварницкаго, исправивъ слишкомъ нелѣпую хронологію. Вѣдь „многіе лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе (это) полагаютъ"... (Ib.). И дѣйствительно, г. Эварницкій санкціонируетъ то, что не выдавалъ за истинное самъ Мышецкій. Послѣдній говоритъ, напримѣръ, о томъ то *„ска-*

---

[1]) Запорожье, I, 134, 211.

[2]) Исторія о коз. запор., глава I.

[3]) Ibid. стр. 68.

[4]) Эварницк. Запор. I, 134.

[5]) Ист. о коз. запор. стр. 64.

[6]) Запор. II, 129.

[7]) Ист. о коз. запор. 2.

[8]) Эварн. Запор. II, 149.

зываютъ", а г. Эварницкій о томъ же прямо упоминаетъ: „изъ Исторіи Мышецкаго мы *узнаемъ*" [1]).

Обратимся еще къ тѣмъ ссылкамъ, которые дѣлаетъ г. Эварницкій въ своемъ сочиненіи и на „Очеркъ исторіи запорожскаго козачества" Марковина. Этотъ очеркъ—компилятивная брошюрка, не имѣющая никакого научнаго значенія—состоитъ изъ выписокъ изъ всякихъ сочиненій, источниковъ рѣдко первой руки, связанныхъ между собою неискусно, безъ всякаго критическаго отношенія къ этимъ источникамъ; эта брошюрка имѣетъ значеніе развѣ только популярнаго очерка Запорожья, да и то написана она тяжелымъ языкомъ и ни на одну черту не уясняетъ читателю исторіи знаменитой общины. Ссылки на эту мало удачную компиляцію въ трудѣ, претендующемъ на кое какую серьезность, болѣе чѣмъ странны. Между тѣмъ г. Эварницкій ссылается, напримѣръ, на одного только Марковина по поводу инструкціи Екатерины I генералу Чернышеву на счетъ пропуска запорожцевъ въ Россію и приводитъ текстъ по отрывку инструкціи у Марковина [2]). Наконецъ, г. Эварницкій рѣчь Б. Хмельницкаго въ Запорожьѣ на Микитиномъ рогѣ беретъ изъ книжки того же Марковина. Если мы представимъ себѣ, что текстъ этой рѣчи находится у Коховскаго [3]), въ отрывкѣ и переводѣ съ латинскаго въ „Богданѣ Хмельницкомъ" Костомарова [4]), затѣмъ въ сокращеніи и нѣкоторомъ измѣненіи костомаровскаго текста у Марковина [5]), наконецъ, изъ Марковина дословно перепечатано г. Эварницкимъ [6]), если представимъ себѣ такой способъ историческаго разсказа, то поймемъ, что ссылки г. Эварницкаго ясно указываютъ на отсутствіе у него критическаго отношенія къ письменнымъ источникамъ исторіи Запорожья.

Мы, не останавливаясь дольше на одних матеріалахъ второй руки, спѣшимъ перейти къ общей характеристикѣ отношенія г.

---

[1]) Ibid. I, 199.

[2]) Ibid. II, 144. Инструкція Чернышеву помѣщена въ Полн. Собр. Закон. т. IV отъ 22-го апрѣля 1725 года, за № 4700. Отрывокъ (§§ 7 и 8) у Скальковскаго (Ист. Нов. сѣчи. Изд. 1-е, стр. 173), откуда и заимствуетъ текстъ самъ Марковинъ (Оч. ист. запор. коз., стр. 68).

[3]) Annalium Poloniae climacter primus, scriptore Vespasiano à Kochowo Kochowski equite Polono. Crac. 1683. p. 25.

[4]) Т. I, стр. 79—80.

[5]) Оч. ис. запор. коз. 52—53.

[6]) Запор. II, 39.

Эварницкаго къ своимъ матеріаламъ. Матеріалы для исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, какъ мы говорили, разнообразны, и по самому характеру ихъ, и по степени ихъ достовѣрности, какъ различны народныя преданія и пѣсни, разговоры автора съ старожилами и письменные документы, лѣтописныя данныя. Г. Эварницкій распредѣляетъ эти матеріалы произвольно: гдѣ есть разсказы, опредѣленные по достовѣрности, онъ излагаетъ ихъ, гдѣ не хватаетъ этихъ разсказовъ, вводитъ народныя преданія, если нѣтъ и этого, помѣщаетъ свои разговоры и разсказы стариковъ, отличающіеся отрывочностью и случайностью, и т. д. Авторъ не соблюдаетъ перспективы: передъ нами раскрывается, картина, писанная на китайскій образецъ. Все сдвинуто во весь ростъ всѣ детали выдвинуты съ тою же яркостью и силою, какъ и существенныя стороны картины. Вы теряетесь, не зная, чему отдать предпочтеніе, что—истина: разглагольствованія ли Россолоды, разсказы ли Надхина, или все это одинаково достовѣрно, или, наконецъ, все недостовѣрно. Авторъ не только не даетъ вамъ возможности разобраться среди этого, но самъ съ очевидною любовью останавливается на народныхъ преданіяхъ и разсказахъ старожиловъ, полныхъ, можетъ быть, интереса, но во всякомъ случаѣ неудобныхъ въ болѣе или менѣе серьезномъ историческомъ сочиненіи тогда, если имъ будетъ придана такая же степень достовѣрности, какъ и документальнымъ свѣдѣніямъ. Вообще, намъ кажется, что матеріалъ народнаго творчества требуетъ въ высшей степени тщательной критической оцѣнки, чтобы быть признаннымъ за матеріалъ научно историческій. Тѣмъ болѣе это необходимо при внесеніи въ научную книжку случайныхъ разговоровъ съ старожилами и просто жителями данной мѣстности, иначе такой матеріалъ будетъ полонъ субъективизма и произвольности. Г. Эварницкій не вноситъ никакой критики въ свои матеріалы народныхъ преданій, пѣсенъ и разсказовъ, поэтому его устный матеріалъ не имѣетъ въ книгѣ никакой научной цѣнности, и только произвольно введенъ среди болѣе или менѣе документальнаго изложенія автора. Мы не указываемъ всѣхъ отдѣльныхъ примѣровъ такого отсутствія перспективы въ изложеніи г. Эварницкаго,—это было бы утомительно и слишкомъ длинно: такими мѣстами полна вся книга, особенно, гдѣ авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, наблюденія, встрѣчи и разговоры. Довольно припомнить разговоры автора съ гребцами на порогахъ, разсказы о похожденіяхъ автора съ „чаркою горілки“, которую онъ не разъ преподноситъ и

своимъ разсказчикамъ въ дѣйствительности, и читателямъ въ книгѣ, довольно, говоримъ, возстановить въ памяти, напримѣръ, разсказъ Семена Герасименка, прервавшійся случайно, потому что г. Эварницкому нужно было куда то спѣшить, или болтовню хортицкаго нѣмца, среди подробнаго и сухаго топографическаго описанія о—ва Хортицы, разсказни „дідівъ" вплоть до длинныхъ рѣчей Россолоды, сопоставить все это съ болѣе или менѣе глубокомысленными соображеніями и документальными доказательствами автора о томъ, гдѣ и когда была какая сича, довольно вспомнить и сопоставить хотя бы это, чтобы увидѣть полное отсутствіе критическаго метода у г. Эварницкаго, метода который такъ необходимъ въ каждомъ сколько нибудь серьезномъ сочиненіи [1]).

Такимъ образомъ г. Эварницкій не внесъ во всѣ части своего сочиненія надлежащей критики; критическіе пріемы онъ примѣняетъ произвольные и лишаетъ, благодаря этому, книгу той научной цѣнности, которую она могла бы имѣть, если бы авторъ сумѣлъ справиться съ матеріаломъ въ смыслѣ критическаго отношенія къ нему. Это первый и основной недостатокъ труда г. Эварницкаго Но у автора есть и другой крупный и общій недостатокъ,—онъ не сладилъ съ задачей систематическаго изложенія книги такъ же, какъ не сладилъ и съ критикой матеріала.

Въ первыхъ главахъ 1-го тома г. Эварницкій, послѣ опредѣленія слова козакъ, начинаетъ свои путевыя замѣтки, описывая во всѣхъ подробностяхъ мѣстности отъ г. Кременчуга до пороговъ, приводя нерѣдко историческія справки по поводу описываемыхъ мѣстностей. Далѣе, идетъ разсказъ о переѣздѣ черезъ пороги съ подробнымъ описаніемъ береговъ и изгибовъ рѣки, съ мало вѣроятной картиной утопленниковъ на Ненасытцѣ [2]). Весь этотъ разсказъ скученъ, подробности нагромождены въ излишествѣ, безъ всякаго плана; неизвѣстно, по какой причинѣ авторъ останавливается на нихъ, а многія свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, рѣшительно никому не нужны. Но, несмотря на неопредѣленность изложенія автора, эти

[1]) Характерно однообразіе языка и пріемовъ рѣчи разсказчиковъ, встрѣчавшихся на пути г. Эварницкому; что здѣсь принадлежитъ обычнымъ, постояннымъ и повсемѣстно одинаковымъ пріемамъ народнаго разсказа и что самому автору, мы не беремся разбирать, тѣмъ болѣе, что самъ г. Эварницкій жалуется какъ то на нежеланіе разсказчика повторить довольно большой (напечатанный однако разсказъ.

[2]) Эварн. Запор. I, 120.

первыя главы носятъ характеръ не особенно удачно составленныхъ путевыхъ замѣтокъ. Черезъ нѣсколько страницъ, послѣ описанія переѣзда черезъ пороги, г. Эварницкій, нисколько не оговариваясь, поворачиваетъ круто и бросаетъ излагать замѣтки по системѣ описанія пути. Онъ переходитъ къ замѣткамъ историческимъ, описывая запорожскія сичи одна за другой не по мѣсту ихъ расположенія, а *по времени* ихъ возникновенія [1]). Между тѣмъ какъ изложеніе исторіи и топографіи сичей по мѣсту ихъ расположенія не нарушило бы путеваго характера замѣтокъ, обращеніе къ хронологіи и исторіи, безъ видимой необходимости прерывать прежній способъ изложенія, приводитъ читателя въ недоумѣніе, лишаетъ его возможности слѣдить за разсказомъ автора, спутываетъ всѣ впечатлѣнія прочитаннаго. Передъ читателемъ вырисовывается какая то большая куча матеріаловъ по исторіи, археологіи и топографіи Запорожья, наваленныхъ безъ всякой системы и цѣлесообразности, неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно почему... Такимъ образомъ вся книга оставляетъ впечатлѣніе историческихъ справокъ, неточныхъ ссылокъ, народныхъ преданій, якобы критическихъ споровъ, топографическихъ данныхъ, лирическихъ восторговъ, описанія красивыхъ мѣстностей, благодарностей автора гостепріимнымъ хозяевамъ, воспоминаній объ удобствахъ и неудобствахъ переѣздовъ, стихотвореній и русскихъ, и малорусскихъ, сообщенія могильныхъ надписей, собственной его, автора, характеристики и т. д., и т. д., при томъ впечатлѣніе всего этого сброшеннаго въ одну безформенную массу безъ всякаго отдѣленія цѣннаго матеріала отъ праздной болтовни и путевыхъ наблюденій, и безъ какой бы то ни было систематичности въ изложеніи. Итакъ,—отсутствіе опредѣленнаго критическаго метода, перспективы въ расположеніи матеріала и опредѣленнаго плана во всемъ изложеніи—вотъ основные недостатки книги „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“.

Что же такое въ самомъ дѣлѣ сочиненіе г. Эварницкаго? Научное изслѣдованіе, путевыя замѣтки или поэма въ прозѣ? Ни то, ни другое, ни третье—отдѣльно, но и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Однако прежде подведенія послѣднихъ итоговъ всего нашего пере-

---

[1]) Порядокъ сѣчей по времени ихъ возникновенія таковъ: 1) Хортицкая, 2) Базавлуцкая, 3) Томаковская, 4) Микитинская, 5) Чортомлыцкая, 6) Каменская, 7) Алешковская, 8) Пидпиленская.

смотра книги г. Эварницкаго, остановимся еще на выясненіи значенія слова „сичь“, топографіи Запорожья и лиризмѣ автора, а затѣмъ на внѣшней сторонѣ изданія.

Мы долго разыскивали у г. Эварницкаго выясненіе слова *сичь*, слова, которому даютъ различное толкованіе. Ничего подходящаго мы не нашли. Въ I-мъ томѣ (стр. 201) авторъ, однако, устанавливаетъ порядокъ первыхъ сичей и не соглашается съ ихъ перечисленіемъ у Мышецкаго, заявлявшаго о существованіи сичей такъ: „1) Въ Седневѣ, которая отстоитъ отъ Чернигова 30 верстъ. 2) Въ Каневѣ, которое состоитъ ниже Переяславля, на правой сторонѣ Днѣпра. 3) Въ Переволочной. 4) Въ Хортицѣ“ [1]). Мы совершенно согласны съ г. Эварницкимъ, что первая запорожская сичь была на Хортицѣ, но въ этомъ нисколько не убѣждаемся именно его доказательствомъ, что *запорожской* сичи не могло быть ни въ Седневѣ, ни въ Каневѣ, ни въ Переволочной потому, что эти три мѣста не лежатъ *за порогами* (а *сичь* могла быть?). Ужъ если доказывать посредствомъ уясненія словъ „запорожская сичь“, то слѣдовало остановиться на второмъ словѣ—*сичь*, уясненіе котораго точно показало бы невозможность существованія *сичи*, по крайней мѣрѣ въ Седневѣ и Каневѣ, такъ какъ никакая *сичь* (сича) не могла существовать въ этихъ мѣстахъ. Дѣло въ томъ, что *сичею* въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Новороссіи, и въ Новороссіи называлось расчищенное лѣсное пространство, гдѣ лѣсъ вырубленъ и остались только пни [2]). Мы имѣемъ на это очень ясныя указанія въ документахъ XVII-го вѣка, гдѣ говорится о продажахъ *сичей* частными лицами и раздѣлѣ ихъ между ними же, что свидѣтельствуетъ о широкомъ употребленіи этого слова именно въ смыслѣ лѣсныхъ расчищенныхъ пространствъ [3]). Документы относятся къ той части нынѣшней полтавской губерніи, которая соприкасается съ екатеринославской [4]). Намъ

---

[1]) Ист. о коз. запор., стр. 9.

[2]) Въ сѣверной части Малороссіи такое мѣсто называется *зрубомъ*.

[3]) По поводу такого пониманія слова сичь см. А. М. Лазаревскаго. Русск. Арх. 1875 г. I, въ генеалогіи Жученковъ-Жуковскихъ.

[4]) Изъ десятка имѣющихся у насъ подъ руками документовъ приводимъ для примѣра два (ненапечатанныхъ), гдѣ упоминается о сичахъ.

Документъ первый.

Запись Трохимова Крамарова и Прокопова Гарасименкова о раздѣленю *сѣчи* низовой зъ Андрушкомъ Игнатенкомъ.

Року Божія 1686, мѣсяца февраля, дня 20.

кажется совершенно достовѣрнымъ и совершенно правдоподобнымъ, что и запорожская сичь есть ни что иное въ первоначальномъ своемъ понятіи, какъ расчищенная отъ лѣса мѣстность, расположенная за порогами, такъ же какъ другія сичи были выше пороговъ. Позже понятіе запорожской сичи специализировалось и локализировалось въ представленіи о той общинѣ за порогами, которая была защитницей самыхъ живыхъ интересовъ малорусской жизни. Замѣна слова *сичь* словомъ зрубъ на сѣверѣ Малороссіи, и документальность данныхъ о сичахъ на югѣ, затѣмъ полная вѣроятность необходимости первымъ запорожцамъ расчищать богатыя лѣсомъ острова и берега Днѣпра для своего житья убѣждаетъ насъ именно въ такомъ, а не иномъ происхожденіи слова *сичь*.

Касаясь топографическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Эварницкимъ, мы думаемъ, что онъ долженъ былъ быть въ нихъ необыкновенно правдивъ и точенъ во что бы то ни стало, такъ какъ провѣрка топографическихъ данныхъ еще болѣе трудна, чѣмъ провѣрка письменныхъ и другихъ документальныхъ свѣдѣній. Г. Эварницкій излагаетъ свои топографическіе матеріалы съ убѣдительностью очевидца и человѣка, не дѣлающаго никакихъ погрѣшностей въ своихъ описаніяхъ историческихъ мѣстностей. Между тѣмъ его топографія, его географія болѣе чѣмъ сомнительны. Остановимся только на

Предъ насъ Стефана Мосцѣвого судѣ полку полтавского и демяна Кгуджола, атамана городового максима попенка, войта левка, бурмистра и при многихъ зацнихъ персонахъ.

Постановивщеся пред насъ прокопъ гарасименко с притомностю приятеля своего трохима крамара скаржилися на Андрушка Игнатенка: намъ, ласкавие панове, не можемъ того вѣдати для якой причини, андрушко игнатенко нашу власную отцевщину и дѣдизну и грунта къ *сѣчи* належние влугу къ изки ксвоей *сѣчи* подгортаетъ. Онъ недавно купилъ, а наша дѣдизна одкилку десятъ лѣтъ при насъ зостаетъ, нащо мѣемъ старинних людей. Просимъ скутечной справедливости зреченного андрушка игнатенка вислухавши ми скаргъ акторскихъ. А призвавши предъ себе Андрушка Игнатенка, а на жадане обоихъ сторонъ вислалисмо старинныхъ людей задля огляженя и роздѣленя тихъ кгрунтовъ: клима чернушенка, мацка хведоровича, якова семенишина, зятя ивана Семененка и остапа семененка. Тіи згодне повѣдѣли: панове змолодости лѣтъ нашихъ свѣдомисмо тихъ кгрунтовъ небожчиковихъ гарасимовихъ и потомковъ его же много Андрушко подсебе погорнулъ. А теперъ по досказаню вашомъ и нажадане обоихъ сторонъ такъ трохимово, тежъ Андрушково и о чемъ слушне вѣдаемъ роспорядивши и признаки положивши на деревѣ сирой байракъ завелисмо прокопа Гарасименка и трохима Андрушковыхъ кгрунтовъ наимнѣй не займуючи. Ми тое слышачи от висланихъ нашихъ .. и трохимови вѣчне отцевщиною их позволяем владѣти. а з особна—

нѣсколькихъ примѣрахъ. Просмотримъ 146—148 стр. II-го тома. „На одну четверть версты ниже города Алешекъ, говоритъ г. Эварницкій, съ правой стороны, впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кошевая“ [1]). Ничего подобнаго нѣтъ, Кошевая впадаетъ и ниже чѣмъ на $^1/_4$ версты, и при томъ ниже Херсона. Далѣе, р. Конка не выходитъ и не можетъ выходить изъ Днѣпра *ниже* Алешекъ, по той простой причинѣ, что она выходитъ изъ Днѣпра *выше* Алешекъ. Затѣмъ, с. Бѣлозерка Безбородку не принадлежало; села *Гнилища* никакого нѣтъ, а есть хуторъ *Глинище* въ нѣсколько хатъ; с. Касперовка принадлежитъ г. Касперову, а не Сербинову: имѣніе Сербинова лежитъ у Надеждовки, верстъ за 50 вглубь степи; с. Софіевка никакому Скоропадскому не принадлежитъ, а принадлежитъ купцу Русову; колоніи Розенталь около Софіевки никакой нѣтъ; Бѣлогрудовскій каналъ никогда не былъ съ правой стороны Днѣпра; с. Богоявленское расположено вовсе не на песчаномъ Таврическомъ берегу, а подъ Николаевомъ на Бугѣ, т. е. верстъ на 50 сѣвернѣе. Янушевѣ островъ, правда, есть, но не $^1/_2$ верст. ширины и не 1 версту длины. Села Соленой Пристани и дер. Бузовой вовсе нѣтъ, а есть с. Голая При-

---

и в изку що семениха старая визнала жетеи изъ давнихъ часовъ належен *сѣчи* небожчиковой Гарасимовой, писмомъ тое ствердивши велѣлисмо вкниги мѣские полтавскіе вписати, что и естъ вписано.

Документъ второй.

Запись Семенова Яременкова войтова и Александрова Никифировичова накуплене *сѣчи* на орчику в Іванихи краснопeрковни.

Року Божія 1688 мѣсяца мая 1-го дня.

Преднасъ Ивана Браилка на мѣстцу полковницкомъ Филона Горкуши атамана городоваго, Максима павленка бурмистра и при многихъ зацнихъ персонахъ.

Ставщи преднасъ Маріа Краснопѣрковна з сыном еи Мирономъ вызнали яже ясне доброволне не примушоне панове з доброи воли нашой продалисмо: Семенови яременкови войтови полтавъскому *сѣчъ* нашу власную на орчику на которой крилъ три: имъшаникъ плесомъ и два взменѣ подъ тоею сѣчу. За которую *сѣчъ* взялисмо всемена яременка и в Александра Никифоровича готовыхъ грошей десят таляровъ монети доброй. Волно будетъ Семенови яременкови и Александрови Никифоровичу и потомкомъ ихъ тоею *сѣчу* спринадлежностями кней вѣчне владѣли, дати, продати и даром дати и на свой пожиток як хотѣти обѣрнути турбацій правнихъ нѣоткого неузнавши такъ отъ мене самой отъ потомковъ и отъ всѣхъ близкихъ и далних повиноватихъ моихъ. Мы, тое слышачи отъ устъ марѣнихъ и отъ сына еи Мирона, купълю сию велѣлисмо вкниги мѣские полтавские вписати що иестъ вписано.

(Протоколы Полтавскаго полковаго суда. Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго).

[1]) Запор. II, 146.

станъ, но верстъ на 20 выше указаннаго г. Эварницкимъ мѣста. „Рѣчка Корабелка получила свое названіе, говоритъ авторъ, уже со времени основанія г. Херсона, когда по ней плавали къ Херсону корабли“ [1]). Между тѣмъ Коробка или Коробкая рѣчка такъ звалась еще во времена запорожцевъ.—Всѣ приведенныя крупныя ошибки въ топографіи мѣстности находятся на трехъ страницахъ труда г. Эварницкаго. Мы не имѣемъ ни времени, ни возможности прослѣдить тщательно мѣсто за мѣстомъ путевыя и топографическія замѣтки г. Эварницкаго; но такія же диковинки разбросаны вездѣ: что это за „гранитныя глыбы“ на Каменкѣ [2]), когда и на 100 верстъ кругомъ никакого гранита нѣтъ? *Села* Кременчука нѣтъ, а есть небольшой хуторъ; села верхнеднѣпров. у. г. Эварницкій помѣщаетъ въ александр. или елисаветгр. у. и не на тѣхъ рѣчкахъ, на которыхъ они расположены, и т. д. Гдѣ у автора 100 верстъ, тамъ въ дѣйствительности 8, гдѣ у него 10, тамъ на картѣ 60 и т. п. и т. п. Пусть судитъ теперь читатель, имѣемъ ли мы какое либо право довѣрять топографіи г. Эварницкаго? Никакого, несмотря на рѣшительное заявленіе самого автора, что онъ любитъ точность. Такимъ образомъ и болѣе цѣнная на первый взглядъ часть труда, топографическія данныя, не имѣетъ никакой научной цѣны. Что же еще находимъ въ книгѣ? Поэму въ прозѣ—лирику г. Эварницкаго. Къ чему эта лирика? Богъ его вѣдаетъ. И лирика плоха, и всѣ чувствительныя размышленія дѣланны, и разсказы о гостепріимныхъ людяхъ и путевыхъ впечатлѣніяхъ—ненужная болтовня, и приводимыя стихотворенія Шевченка, Щоголева, А. Толстаго и др. неумѣстны... Авторъ всюду удивляется, всюду восхищается, и сообщаетъ все, что съ нимъ случилось. Узнаемъ мы, когда авторъ сломалъ себѣ руку въ 1-й разъ, и что онъ ломалъ ее еще и потомъ нѣсколько разъ, узнаемъ, какой плохой супъ у нѣмцевъ (авторъ патетически восклицаетъ по поводу супа; „Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы!“ [3]). Наконецъ г. Эварницкій приходитъ въ такой экстазъ, что при видѣ Муравскаго шляха начинаетъ говорить: „что за *ровнота*! что за широта! [4]) и т. д. Эпиграфомъ къ 6-й главѣ I-го тома служатъ слѣдующіе стихи (г. Эварницкаго?):

---

[1]) Запор. 197.

[2]) Ibid. II, 112.

[3]) Ibid. I, 230.

[4]) Ibid. II, 205.

Ой Дніпре мій, Дніпре,
Прыхильний та щирий!
Багато ты, друже, у душу мою
Переливъ своеи теплои, палкои,
Бравои души!
Росполохавъ мрія,
Зогривъ мои думи,
И въ серцеви хворимъ розбудивъ надіи.

Правда, лирическія разглагольствованія г. Эварницкаго высказываютъ въ немъ искренняго и увлекающагося человѣка: онъ весь согрѣтъ самыми добрыми желаніями, мучится всѣми несбывшимися надеждами своего роднаго края. Но... кто не знаетъ, что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, чувствительными рѣчами и благородными сентенціями?... Лиризмъ, только лиризмъ, лиризмъ, такъ сказать „безъ руля и безъ вѣтрилъ", право, не имѣетъ никакой цѣны. Прочитайте, напримѣръ, всѣ рѣчи автора объ Украинѣ до стр. 237 II-го тома и сравните съ фразами, которыя стоятъ на 237 стр. II-го тома: „Украина! Сколько и грустныхъ, и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ. Только одно слово, но какое богатое и глубокое! Найдется ли гдѣ нибудь въ *нашей* обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украина? Путникъ, остановись: здѣсь священная почва!... Да, здѣсь почва священна, трижды священна! Здѣсь, что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое *нашихъ* славныхъ предковъ. Сколько подвизалось достойныхъ въ *нашей* исторіи героевъ?" и т. д.

Мы просмотрѣли критику документальныхъ данныхъ въ сочиненіи г. Эварницкаго—она слаба, невыдержана, произвольна; коснулись мы народныхъ матеріаловъ,—они не провѣрены, не препарированы такъ, чтобы ими можно было пользоваться, какъ научнымъ матеріаломъ,—разсказамъ же „дідівъ" мы не даемъ вѣры: „діды" г. Эварницкаго слишкомъ болтливы и слишкомъ однообразно ведутъ свои разговоры. Обратились мы къ плану изложенія книги—плана никакого, путаница въ сочиненіи полная; наконецъ, мы остановились на топографіи и географіи г. Эварницкаго и на его же лирикѣ. И то, и другое или малоцѣнно, или совершенно ненужно.

Однако мы были бы несправедливы, еслибы не упомянули о достоинствахъ книги. Въ ней достаточно свѣдѣній о вещественныхъ памятникахъ Запорожья и много народныхъ разсказовъ о запорожцахъ.

Затѣмъ книга издана хорошо... Вотъ и все. Заявляя о хорошемъ изданіи, мы не можемъ не указать на рисунки, такъ какъ и подборъ ихъ, и самое сниманіе произведены довольно небрежно, чѣмъ характеризуется вся книга г. Эварницкаго.

Во II-й части около 18-й стр. помѣщенъ рисунокъ съ подписью „Запорожскіе лагерь и возы", на стр. 28-й того же тома рисунокъ „Запорожскіе войсковые клейноды". Откуда эти рисунки? Г. Эварницкому *слѣдовали бы* оговориться, что онъ ихъ скопировалъ изъ книги Сементовскаго „Старина малороссійская, запорожская и донская" (Спб. 1849 г.). Первый рисунокъ снятъ съ рисунка Сементовскаго на стр. 16, второй съ рисунковъ на стр. 29, 33, 39, 40. При этомъ замѣтимъ, что рисунки Сементовскаго, сколько мы знаемъ, не имѣютъ никакого историческаго основанія. Во II-мъ же томѣ около стр. 20 помѣщенъ рисунокъ „Запорожскій зимовникъ"; онъ тоже взятъ изъ сочиненій Гавріила, еп. тверскаго и кашинскаго (Москва, 1854 г. II, отдѣлъ I, повѣствованіе Коржа). Г. Эварницкій объ этомъ умалчиваетъ; опять упомянемъ, что рисунокъ въ соч. Гавріила мало достовѣренъ, такъ какъ не имѣетъ силы автентичности, и рисованъ должно быть по фантазіи художника. Около 196-й стр. II-й ч. есть рисунокъ „Запорожскіе галеры и чайки по Ровинскому и Боплану". Мы не имѣемъ подъ руками Ровинскаго, но чайка у Боплана мало похожа на изображеніе чайки г. Эварницкимъ. У Боплана два руля—на кормѣ и носу лодки, для быстроты поворотовъ судна; г. Эварницкій почему то второй руль уничтожилъ... Непонятно намъ также, почему картину, изображающую запорожца Мамая и такъ распространенную въ Малороссіи, г. Эварницкій подписываетъ „играющій на бандурѣ *гайдамака*" (I, 72).

Послѣ всего этого, мы окончательно останавливаемся на вопросѣ: что же такое представляетъ сочиненіе г. Эварницкаго, изданное въ двухъ томахъ съ очевидно серьезными цѣлями ознакомленія публики съ судьбою знаменитой общины? Все и ничто: все въ смыслѣ quod libet по части „Запорожья въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" и ничто въ смыслѣ строго научной книги по топографіи края и исторіи „славнаго войска запорожскаго низоваго"...

И. Житецкій.

Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. С.-Петербургъ. 1888 года.

Настоящее сочиненіе является однимъ изъ цѣлой серіи сочиненій, издаваемыхъ П. Н. Батюшковымъ и посвященныхъ судьбамъ западно-русскихъ областей, находившихся долгое время подъ иноплеменнымъ господствомъ и только въ позднѣйшее сравнительно время возсоединившихся съ Россіею. Изданіе „Волыни“ было предположено еще года два тому назадъ, но въ виду приближавшагося празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси составленіе и печатаніе этой книги было ускорено настолько, что выходъ ея совпалъ съ всероссійскимъ торжествомъ и она такимъ образомъ явилась изданіемъ юбилейнымъ.

Съ празднованіемъ 900-лѣтія крещенія Руси эта книга имѣетъ, какъ замѣчено въ предисловіи, ту связь, что на Волыни, послѣ Кіева, осталось наиболѣе слѣдовъ государственной и христіанско-просвѣтительной дѣятельности князя Владиміра; здѣсь же имъ сооружались величественные храмы для укрѣпленія въ народномъ сознаніи истинной вѣры. Указанная связь изданія съ торжествомъ выражена также на заглавномъ листкѣ въ виньеткѣ, въ которой образно представленъ фактъ побѣды православія надъ всѣми кознями враговъ восточнаго исповѣданія,—надъ русскимъ крестомъ, незыблемо стоящимъ 900 лѣтъ и покрытымъ снизу черными тучами, поднимается свѣтлое солнце, разсѣевающее ихъ.

Надъ составленіемъ текста книги и объясненій къ рисункамъ трудились тѣ же лица, что и въ предыдущемъ изданіи П. Н. Батюшкова „Холмская Русь“ именно: текстъ принадлежитъ перу извѣстныхъ кіевскихъ ученыхъ, профессоровъ здѣшней духовной академіи Н. И. Петрова и И. И. Малышевскаго, изъ коихъ второй лишь содѣйствовалъ первому; объясненія сдѣланы М. И. Городецкимъ, которому принадлежитъ и редакція изданія. Цѣлью книги, по прежнему, служитъ польза, ожидаемая отъ широкаго распространенія вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ западнаго края, подчинявшихся долгое время латино-польскому вліянію. По прежнему же, она предназначается въ руководство лицамъ, которыя близко стоятъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ, чтобы чрезъ ихъ посредство „творилась истина, грядущая къ свѣту“.

Бросая взглядъ на пережитыя волынскимъ краемъ историческія судьбы, Н. И. Петровъ различаетъ четыре періода: 1) отъ начала историческаго существованія Волыни и до прекращенія линіи самостоятельныхъ русскихъ князей изъ Рюрикова дома въ началѣ XIV вѣка; 2) періодъ господства Литвы надъ Волынью, или литовско-русскій, съ начала XIV вѣка и до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 году; 3) періодъ польскаго преобладанія и владычества въ краѣ, или польско-русскій, съ 1569 года до втораго раздѣла Польши въ 1793 году и 4) періодъ возстановленія русской народности и православія въ краѣ, продолжающійся до настоящаго времени.

Указанныя судьбы Волыни опредѣляютъ по отношенію къ ней важнѣйшія задачи русскаго государства и общества; къ числу ихъ почтенный авторъ относитъ задачу „представить въ ясномъ свѣтѣ коренныя начала русской народности и православія, развивавшіяся на Волыни въ первый періодъ ея исторіи, обозначить различныя стороннія и наружныя наслоенія на коренной пластъ мѣстнаго русскаго населенія, наложенныя на него литовскимъ и, особенно, польскимъ владычествомъ, ослабить ихъ дѣйствіе и, наконецъ, провести въ сознаніе различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія мысль о необходимости и неизбѣжности объединенія этой окраины Россіи съ другими коренными ея частями“. Соотвѣтственно такой задачѣ, авторъ излагаетъ только такія событія изъ жизни Волыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія, и опускаетъ событія, не имѣющія отношенія къ этой цѣли. Съ этой точки зрѣнія должна быть также оцѣниваема работа и автору не можетъ быть поставлено въ упрекъ игнорированіе другихъ сторонъ мѣстной жизни. Напротивъ, надо отдать справедливость автору, прекрасно выполнившему свою задачу: онъ воспользовался всѣми лучшими, изданными въ послѣднее время матеріалами и изслѣдованіями, прямо или косвенно касающимися Волыни; въ изложеніи онъ не опустилъ ни одного сколько нибудь выдающагося историческаго событія во всемъ, что касается администраціи и церкви; онъ свелъ во едино, связавъ одною общею мыслью, всѣ разбросанныя до сихъ поръ по многимъ изданіямъ данныя мѣстной исторіи и тѣмъ облегчилъ трудъ разысканія нужнаго факта каждому, кто такъ или иначе поставленъ въ необходимость дѣлать справки по исторіи края; это практическое значеніе книги заставляетъ сильнѣе чувствовать недостатокъ географическаго указателя

въ ней. Въ спорныхъ же вопросахъ авторъ или отдаетъ предпочтеніе болѣе важнѣйшему и вѣроятному, по его мнѣнію (напр., вопросъ о происхожденіи Богоявленскаго братства и кіевскихъ школъ), или же приводитъ оба противоположныя мнѣнія (напр., вопросъ о времени подчиненія Волыни литовскимъ князьямъ). Написанная легкимъ и плавнымъ языкомъ, „Волынь" читается съ величайшимъ интересомъ; каждый знакомый болѣе или менѣе съ исторической литературой, на которой основано сочиненіе, съ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ группируются въ цѣльную живую картину разрозненные факты. Мысль о сводѣ ихъ нельзя не назвать весьма удачной и счастливой; порученіе же этой работы названнымъ выше ученымъ, не мало и съ пользой потрудившимся на поприщѣ науки, вполнѣ обезпечиваетъ успѣхъ книги среди читающаго люда.

По содержанію, разбираемая книга, кромѣ обычнаго предисловія и введенія, въ которыхъ объясняются задачи, цѣли, пріемы и способы изданія, распадается на 10 главъ: въ двухъ первыхъ излагаются судьбы южной Руси отъ начала княжеской власти на Волыни до начала литовскаго владычества; въ 3 и 4-й главахъ разсказывается о времени господства литовскихъ князей; 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы посвящены началу уніи, ея росту, борьбѣ православія съ ней и католичествомъ, успѣхамъ православія во время козацкихъ войнъ, угнетенію его послѣ войнъ Хмельницкаго и его преемниковъ на правомъ берегу Днѣпра и сближенію уніи съ католичествомъ; девятая глава имѣетъ предметомъ возсоединеніе Волыни съ Россіей, а десятая — возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ и возстановленіе православія и русской народности на Волыни.

Текстъ книги снабженъ многочисленными ссылками и примѣчаніями, которыя всѣ вынесены къ концу книги; для каждаго факта указано мѣсто его заимствованія и это въ высшей степени облегчаетъ справки съ первоисточниками; при этомъ текстъ иллюстрируется большимъ числомъ священныхъ изображеній, иконъ, портретовъ и изображеній историческихъ лицъ: государей, князей, патріарховъ, митрополитовъ, воеводъ, генераловъ и проч., видовъ мѣстностей, монастырей, церквей и памятниковъ, гравюръ, монетъ, медалей, заставокъ и иниціаловъ изъ древнихъ рукописей и первопечатныхъ книгъ; не мало также есть образцовъ шрифтовъ и почерковъ первопечатныхъ и рукописныхъ священныхъ книгъ. Всѣ рисунки имѣютъ обстоятельныя объясненія, сдѣланныя М. И. Городецкимъ, редактировавшимъ и все изданіе, о чемъ мы упомянули уже выше.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ указанныя достоинства книги, въ нее проскользнуло нѣсколько незамѣченныхъ (правда, не особенно важныхъ) противорѣчивыхъ фактовъ; такъ, напр., Десятинная церковь, сооруженная во имя пресвятой Богородицы княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ, названа Н. И. Петровымъ Успенской, и это мнѣніе никакимъ доводомъ у него не подкрѣплено; ссылка же его въ этомъ случаѣ на Иловайскаго совершенно не убѣдительна (стр. 17, примѣчаніе 32); эту же церковь г. Городецкій, въ своихъ объясненіяхъ (стр. 33), называетъ, по общепринятому мнѣнію, Рождество-Богородицкой.

Имя Галжки Гулевичевны точно также неправильно переводится у г. Петрова (стр. 146) на имя Елены, тогда какъ въ объясненіяхъ г. Городецкаго она названа правильно Елисаветой (стр. 45), хотя у послѣдняго странно читать современное наименованіе учрежденія въ приложеніи къ тому состоянію, въ какомъ она находилась въ началѣ XVII вѣка, именно, что Елисавета Лозка „основала Кіевскую Духовную Академію, преобразованную Петромъ Могилой“ (стр. 45). Кстати: говоря о Петрѣ Могилѣ, г. Городецкій поправляетъ свою прежнюю ошибку относительно этого митрополита, котораго онъ считалъ причисленнымъ къ лику святыхъ въ объясненіи къ портрету Могилы, помѣщенному въ „Холмской Руси“.

Нельзя также, намъ кажется, согласиться съ мнѣніемъ Н. И. Петрова (стр. 107), будто Сигизмундъ-Августъ (1548—1572 гг.) умышленно назначалъ недостойныхъ лицъ на епископскія должности, чтобы ослабить православіе, нельзя согласиться, во 1-хъ, потому что время правленія Сигизмунда-Августа было еще такимъ, когда католицизмъ не пользовался силой въ государствѣ, когда ему, какъ и православію, угрожала опасность со стороны успѣшно и быстро распространявшагося протестанства, когда самъ Сигизмундъ Августъ былъ склоненъ къ нему, когда безобразія въ жизни высшаго католическаго духовенства ничуть не были меньше, если не превосходили, таковыхъ же въ жизни православныхъ епископовъ.

Взглядъ редакціи на лѣтопись Георгія Конисскаго, отличающуюся будто бы правильнымъ разборомъ событій (объясн. стр. 53) не имѣетъ для себя никакой опоры, равно какъ и мнѣніе ея о принадлежности лѣтописи Конисскому, мнѣніе, давно опровергнутое покойнымъ М. А. Максимовичемъ; извѣстно также, что „Исторія Руссовъ“ не можетъ быть даже названа строго исторіей, такъ какъ наполнена многочисленными вымыслами и вовсе не отличается правильнымъ разборомъ событій.

Ошибочнымъ мы находимъ и утвержденіе г. Городецкаго, будто въ царствованіе императора Николая Павловича возсоединены съ православіемъ всѣ уніаты сѣверо и юго-западнаго края (Объясн., стр. 62). Событія недавняго прошлаго, о которыхъ подробно говорилось даже въ „Холмской Руси“, опровергаютъ слова автора.

Нельзя, наконецъ, не пожалѣть, что въ „Объясненіяхъ“ г. Городецкаго не указано мѣсто, изъ котораго онъ заимствовалъ любопытный фактъ, будто генералъ Тутолминъ, управлявшій съ 1795 г. губерніями минской, изяславской и брацлавской, открылъ въ 1794 году „едвали не первую въ краѣ научную коммиссію для разбора архивныхъ дѣлъ и книгъ въ судахъ и магистратахъ Волыни“ („Объясн.“, стр. 57). Откровенно сознаемся, что слѣдовъ существованія такой коммиссіи мы не находили въ дѣлахъ прошлаго столѣтія, которыя имѣли случай обстоятельно узнать, хотя встрѣчали распоряженіе Тутолмина о разборѣ и описи судебныхъ дѣлъ при передачѣ ихъ изъ польскихъ учрежденій въ замѣнявшія ихъ русскія; но научная коммиссія и практическія цѣли при разборѣ архивовъ—это двѣ вещи совершенно разныя.

Къ опечаткамъ мы относимъ нигдѣ неисправленную дату смерти Богдана Хмельницкаго; вмѣсто 27 іюня должно читать 27 іюля (стр. 177).

Указанныя противорѣчія и ошибки нисколько не умаляютъ высокаго значенія книги, но едва ли могутъ быть допущены въ руководствѣ, которое предназначено къ обращенію среди людей, не всегда имѣющихъ время и возможность провѣрять сообщаемые въ книгѣ факты. Издана „Волынь“ хорошо и цѣна ея не дорога, что должно способствовать распространенію книги, котораго она и заслуживаетъ.

И. Каманинъ.

Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888. 8°. 111 стр. +III таб. снимковъ.

Въ 1882 г. вышло въ свѣтъ роскошно изданное сочиненіе гр. И. И. Толстаго—„Древнѣйшія монеты великаго княжества Кіевскаго“. Матеріаломъ для этого изслѣдованія послужили монеты, по поводу которыхъ было сломано много копій между учеными нумизматами и которыя признаны несомнѣнно древнѣйшими русскими

монетами. Въ названномъ сочиненіи гр. Толстаго всѣ онѣ отнесены къ великому княжеству кіевскому и пріурочены къ тѣмъ или другимъ великимъ князьямъ. Выводы гр. Толстаго, отличающіеся повидимому логичностью доказательства, ждали все таки безпристрастной критической оцѣнки. Таковой безъ сомнѣнія являются „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ", составляющія отдѣльный оттискъ изъ 7-го выпуска Вѣстника археологіи и исторіи, издаваемаго при Археологическомъ институтѣ. По словамъ автора „цѣль настоящихъ замѣтокъ далека отъ созданія какой нибудь новой теоріи; она заключается лишь въ исправленіи ошибокъ предыдущихъ изслѣдователей тамъ, гдѣ мы ихъ видимъ, и въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, касающихся разсматриваемыхъ нами монетъ, которые были ими обойдены или оставлены въ тѣни" (стр. 3). Нужно признать, что задача выполнена авторомъ вполнѣ удовлетворительно. Главное достоинство „Замѣтокъ" заключается въ той осторожности, съ какой сдѣланы поправки и выражены новыя предположенія. Видно, что уважаемый авторъ ни на шагъ не отступалъ отъ одного опредѣленнаго метода въ своихъ изысканіяхъ, метода, по которому, какъ онъ говоритъ, „задача изслѣдователя должно состоять не въ построеніи болѣе или менѣе правдоподобныхъ гипотезъ, а въ тщательномъ и безпристрастномъ изученіи памятниковъ нашей старины, всестороннемъ ихъ разсмотрѣніи и раскрытіи ихъ истиннаго смысла, на основаніи, главнѣйшимъ образомъ, фактическихъ данныхъ, заключающихся въ самихъ памятникахъ, а не на основаніи отвлеченныхъ умозаключеній, какъ бы логичны и заманчивы они не казались" (стр. 38). Нужно удивляться тому терпѣнію, съ какимъ разобраны атворомъ изображенія и надписи на монетахъ,—каждая буква сравнивается съ другими одвозначущими и только такимъ путемъ устанавливается то или другое чтеніе надписи.

„Замѣтки" состоятъ изъ предисловія и 8-ми главъ. Первыя 4 касаются знаменитаго нѣжинскаго клада 1852 г., разрѣшившаго въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи на Руси монетъ въ домонгольскій періодъ; причемъ 3 главы посвящены разбору мнѣній объ этомъ кладѣ, изображеній и надписей на монетахъ; въ конечномъ результатѣ авторъ пришелъ къ выводамъ, не вполнѣ согласнымъ съ заключеніями гр. Толстаго:—изъ трехъ группъ монетъ, приписываемыхъ этимъ послѣднимъ св. Владиміру, только на двухъ ясно читается имя Владиміръ, третья же должна считатся сомни-

тельной; сомнительны далѣе также монеты, относимыя гр. Толстымъ ко времени Святополка Окаяннаго. Какъ примѣръ того, къ чему можетъ привесть изслѣдователя заранѣе предвзятая мысль, служатъ монеты Ярослава Мудраго по опредѣленію гр. Толстого, но на нихъ мы не можемъ, не искажая надписей, прочесть что либо, похожее на „Георгій“ или „Юрій“. Но за то на нихъ ясно и естественно читается имя „Петръ“ въ греческой или древне-русской формѣ“ (стр. 56). Въ 4-ой главѣ авторъ высказываетъ свое особое мнѣніе по поводу нѣжинскихъ „сребренниковъ“ съ именемъ Владиміра. Опираясь главнымъ образомъ на мѣсто нахожденія клада, онъ относитъ ихъ къ черниговскому княжеству и пріурочиваетъ Владиміру Давидовичу, княжившему въ Черниговѣ отъ 1139 по 1151 г.; при этомъ мнѣніе свое авторъ высказываетъ съ оговоркой. что не считаетъ его единственно возможнымъ и непогрѣшимымъ, а только болѣе правдоподобнымъ.

Въ 5-ой главѣ трактуется о „сребренникихъ“, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1876 г. и о „Владиміровомъ златѣ“. Авторъ по поводу этихъ монетъ соглашается съ мнѣніемъ Куника, высказанномъ только о золотыхъ монетахъ этой категоріи, и видитъ въ нихъ скорѣе монеты Владиміра Мономаха, чѣмъ Владиміра Святаго, какъ полагаетъ гр. Толстой. 6-ая глава занята замѣтками о „сребрѣ Ярославлѣ“, о монетахъ Владиміра Ольгердовича и о монетахъ „Болеслава“ съ кирилловскими надписями. Монеты съ именемъ „Святославъ“ занимаютъ 7-ую главу; приведя мнѣнія различныхъ ученыхъ по этому вопросу, авторъ считаетъ болѣе правдоподобнымъ мнѣніе П. Савельева и D-r Egger'а, относящихъ эти монеты къ великому князю кіевскому Святославу Игоревичу. Очень интересна 8-я глава, въ которой говорится о поддѣльныхъ монетахъ великаго княжества кіевскаго. Книжка г. Чернева снабжена приложеніемъ, состоящимъ изъ сравнительныхъ таблицъ надписей на нѣжинскихъ сребренникахъ, и тремя таблицами снимковъ съ поддѣльныхъ монетъ.

Вообще нужно сказать, что „Замѣтки о древнѣйшихъ монетахъ“, какъ работа строго критическая, составляютъ очень полезный вкладъ въ русскую нумизматическую литературу.

Н Б.

Географическій Словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія, составл. И. Я. Спрогисомъ. Вильна 1888 г.

Мы сократили нѣсколько пространное заглавіе настоящаго словаря, такъ какъ выписанными словами вполнѣ исчерпывается существенное содержаніе книги. Вмѣстѣ съ нами, всякій, кому дороги успѣхи науки и въ частности архивнаго дѣла, вполнѣ искренно будетъ привѣтствовать появленіе этого солиднаго, потребовавшаго 20 лѣтъ для своего исполненія труда г. Спрогиса, какъ цѣнный вкладъ въ исторію западно-русской географіи XVI вѣка. Съ этимъ словаремъ можно сдѣлать выборку изъ древнихъ актовыхъ книгъ Виленскаго Центральнаго Архива всѣхъ фактовъ, касающихся той или другой мѣстности, и нарисовать какъ общую картину состоянія Жомойтской (теперь ковенская губ.) земли въ XVI в., такъ и исторію отдѣльныхъ мѣстъ, а равно опредѣлить размѣры русскаго колонизаціоннаго движенія въ эту страну. Названная капитальная работа составлена по 40 актовымъ книгамъ россіенскаго земскаго суда, такъ какъ г. Россіены, теперь уѣздн. г. ковенск. губ., былъ прежде центромъ Жомойтской земли. Выбирая изъ книгъ географическія названія, авторъ передавалъ ихъ такъ, какъ они написаны въ подлинникѣ, т. е. русскими буквами и безъ перевода этихъ названій на русскій языкъ (да и переводимы ли географическія названія?); при каждомъ изъ нихъ онъ обозначаетъ географическій терминъ, употреблявшійся въ актовой книгѣ; гдѣ встрѣчаются современные переводы названій, авторъ приводитъ ихъ; въ предисловіи онъ настаиваетъ на возстановленіи древняго обычая писать всѣ литовскія слова русскимъ алфавитомъ, обычая, существовавшаго уже три столѣтія тому назадъ и вошедшаго во всеобщее употребленіе безъ малѣйшаго насилія, благодаря лишь силѣ русской культуры; тутъ же онъ отмѣчаетъ фактъ существованія русскихъ поселеній въ Жомойтской землѣ, доказывающій мирное сліяніе литовскихъ и русскихъ племенъ. Всѣ географическія названія, не имѣющія отношенія къ раіону литовскаго поселенія, выдѣлены авторомъ въ „Прибавленія“. Работа г. Спрогиса пріобрѣла бы еще болѣе важное значеніе, если бы при каждомъ имени мѣста онъ обозначилъ его современную административную принадлежность и положеніе, какъ сдѣлано это И. П. Новицкимъ въ „Указателѣ географическихъ именъ“ къ изданіямъ Кіевской Археографич. Коммиссіи. Не менѣе цѣнна была бы

и карта Жомойтской земли, составленная на основаніи „Словаря". Но и безъ всего этого работа производитъ отрадное впечатлѣніе.

Настоящая книга увидѣла свѣтъ, благодаря субсидіи Виленскаго Учебнаго Округа, попечитель котораго Н. А. Сергіевскій оказывалъ уже не разъ вниманіе и поддержку скромнымъ дѣятелямъ мѣстной науки, безъ его содѣйствія едва ли бы нашедшимъ издателя для своихъ почтенныхъ работъ. Очень желательно, чтобы настоящая книга нашла себѣ подражателей въ другихъ архивахъ и продолжателей въ Виленскомъ.

И. Каманинъ.

Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ ред. И. Ф. Мацкевича. Житомиръ 1887.

Нельзя сказать, чтобы у насъ на Руси процвѣтала литература мѣстныхъ историко-статистическихъ и географическихъ изданій, съ помощью которыхъ читающее общество знакомилось бы болѣе или менѣе обстоятельно съ современнымъ и прошлымъ состояніемъ нашихъ отдѣльныхъ областей, городовъ и пр. Всякій изъ насъ, кому приходилось только проѣзжать по Западной Европѣ и колесить нашу Россію, невольно наталкивается на чрезвычайно невыгодныя для насъ сравненія: въ то время, какъ тамъ, на западѣ, въ каждомъ даже ничтожномъ городишкѣ имѣется къ услугамъ любознательнаго проѣзжаго толковый путеводитель или другая справочная книга, у насъ такое богатство можно найти лишь въ самыхъ большихъ городахъ; изъ обыкновенныхъ же губернскихъ и областныхъ городовъ имѣютъ путеводители или историко-географическія описанія только нѣкоторые древнѣйшіе города, какъ напр., Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ (послѣдній—только недавно). Вообще же любопытство проѣзжающаго предоставлено на волю судебъ либо на произволъ слѣпаго случая.

Южная Русь едвали еще не отстала въ этомъ отношеніи отъ сѣверной: въ Кіевѣ только недавно появился разсчитанный на пріѣзжаго путеводитель г. Бублика, а другіе города, даже изъ самыхъ древнихъ, какъ, напр., Черниговъ, сплошь да рядомъ щеголяютъ

отсутствіемъ какихъ бы то ни было доступныхъ и полезныхъ для путешественника описаній. Обстоятельство это до такой степени невѣроятно, что намъ самимъ случалось видѣть, какъ пріѣзжіе иностранцы не довѣряли ему и настойчиво добивались таки путеводителей по городамъ.. Глубоко разочарованные, они только укоризненно покачивали головою.

Въ послѣднее время замѣтно какъ то болѣе движенія въ этомъ отношеніи, особенно по части литературы календарей и мѣсяцеслововъ, нѣкоторые изъ которыхъ, какъ, напр., харьковскій, при баснословной дешевизнѣ, могутъ служить положительно образцами этого рода изданій. Въ волынской губерніи сразу явилось цѣлыхъ два полезныхъ и необходимыхъ изданія: разсматриваемое нами и другое чисто спеціальное „Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи“, Н. И. Теодоровича, предполагаемое, судя по вышедшей первой книгѣ (430 стр. слишкомъ), въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

„Памятная книжка волынской губ.“ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ и приложенія. Въ первомъ отдѣлѣ находятся собственно такъ называемые святцы, свѣдѣнія же собственно по волынской губ. начинаются лишь со втораго отдѣла, гдѣ помѣщенъ адресъ-календарь разныхъ учрежденій и важнѣйшихъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ. Въ третьемъ отдѣлѣ заключаются „матеріалы по статистикѣ“ губерніи, въ четвертомъ разныя справочныя свѣдѣнія и полный „списокъ населенныхъ мѣстъ“, наконецъ, въ приложеніи помѣщено краткое историко-географическое описаніе города Житомира, составленное полиціймейстеромъ города Т. І. Вербицкимъ. Въ каждомъ отдѣлѣ ведется особый счетъ страницъ, что для читателя при справкахъ едвали должно признать удобнымъ. Книга составлена въ общемъ довольно обстоятельно, хотя, разумѣется, не безъ недостатковъ и промаховъ, которые, конечно, будутъ устранены въ слѣдующихъ выпускахъ.

Мы сдѣлаемъ лишь нѣкоторыя замѣчанія, какія сами собою невольно представились при бѣгломъ обзорѣ книги. Такъ, въ числѣ

учебныхъ заведеній мы нигдѣ не нашли указанія на Здолбуновское желѣзнодорожное училище и его составъ, а при изчисленіи районовъ инспекціи народныхъ училищъ не показано, какіе уѣзды входятъ въ эти районы. Школъ чешскихъ въ губерніи показано всего *девять* съ *538* учащимися обоего пола, что рѣшительно не вѣрно, такъ какъ и количество чешскихъ училищъ, и число учащихся въ нихъ, по меньшей мѣрѣ, втрое или даже вчетверо болѣе.

Что касается собственно исторической части изданія, а именно приложенія, то, сколько мы замѣтили, въ ней нѣтъ особенно крупныхъ историческихъ несообразностей. Статья ничего особеннаго, выдающагося изъ себя не представляетъ, но изложена вообще прилично, хотя нѣсколько сухо. Обиліе хронологическихъ данныхъ и нѣкоторыя другія обстоятельства придаютъ работѣ какой то протокольный оттѣнокъ. Авторъ напрасно, какъ намъ кажется, помѣщаетъ городъ Волынь, давшій наименованіе цѣлой области, „въ Галиціи на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ, на лѣвомъ берегу Буга, стоитъ селеніе Грудскъ“. По „Очеркамъ русской исторической географіи“ г. Н. Барсова, этотъ городъ находился гдѣ то вблизи нынѣшняго Владиміра-Волынска, къ сѣверу отъ него, т. е. въ прямо противоположную сторону. Филологическія свѣдѣнія автора, повидимому, не обширны; такъ, оспаривая мнѣніе І. Крашевскаго о происхожденіи названія „Житомиръ“ отъ словъ „жито“ и „міръ“, онъ замѣчаетъ: отчего же не производить этого названія отъ словъ *жить мирно* (въ мирѣ, согласіи)?“ Затѣмъ въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ цѣлую идиллическую картинку мирной, тихой жизни „вѣрнаго слуги витязей Аскольда и Дира, опечаленнаго смертію ихъ и... удалившагося въ землю Древлянскую, въ поэтическую мѣстность..., чтобы забыть тяжкую, невознаградимую утрату. Во всякомъ случаѣ можно считать этотъ вопросъ (т. е. о происхожденіи названія „Житомиръ“) спорнымъ и открытымъ“, заканчиваетъ авторъ свое буколическое изображеніе. Весь этотъ пустой споръ составитель статьи могъ бы и не заводить, если бы онъ зналъ, что

разногласіе у него съ Крашевскимъ не идетъ далѣе *одной буквы*, т. е. что оба значенія слова *миръ* только въ новое сравнительно время стали различаться въ правописаніи, что, однако, вовсе не мѣшаетъ имъ быть одного происхожденія, а въ древности даже и одного смысла.

А. С—чъ.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Село Ивановка.

(Опытъ этнографической характеристики малорусскаго поселенія въ Новороссіи).

Передъ нами довольно обширный рукописный матеріалъ народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ, записанныхъ М. А. Ганенко въ селѣ Ивановкѣ елисаветградскаго у. херсонской губ. Лежитъ это село верстахъ въ 30 къ зап. отъ г. Елисавеграда, въ семенастовской волости и расположено по обѣимъ сторонамъ балки Чабанки, при впаденіи ея въ Черный Ташлыкъ. Въ самомъ поселеніи и на прилежащихъ къ нему степяхъ расположено до 7 прудовъ,—весьма важное условіе въ Новороссіи, гдѣ вопросъ о водоснабженіи игралъ большую роль при заселеніи. Всей земли, принадлежащей селу Ивановкѣ, насчитываютъ 4906 десятинъ, изъ нихъ крестьяне владѣютъ 934 дес., дворянину помѣщику принадлежитъ 1503 дес.; остальная земля распредѣляется между церковью и однимъ крупнымъ землевладѣльцемъ изъ мѣщанъ. Какъ по количеству принадлежащей ему земли, такъ и по числу жителей (по переписи 1883 г. 875 д.) Ивановка принадлежитъ къ среднему типу поселеній елисаветградскаго уѣзда.

Наружный видъ поселенія тоже ничѣмъ не отличается отъ большинства мѣстныхъ селъ: прямыя улицы огорожены плетнями или досчатыми заборами; всѣхъ хатъ по переписи 1883 года было 159, въ которыхъ помѣщалось 174 хозяйства; изъ нихъ 128 занимались исключительно земледѣліемъ, 18 земледѣліемъ вмѣстѣ съ ремеслами, 3—кустарнымъ промысломъ, а одно виноторговлей. Въ селѣ есть церковь, постройка которой началась еще въ 1779 г., 1 земская школа, 11 вѣтряныхъ мельницъ и кузницъ и 1 шинокъ.

Вотъ тѣ внѣшнія условія жизни Ивановки, которыя мы узнаемъ изъ подворнаго описанія елисаветградскаго уѣзда. Эти точныя дан-

ныя о внѣшней обстановкѣ не даютъ понятія о внутренней, духовной жизни села; его бытъ, національныя особенности остаются для насъ совершенно неизвѣстны. Собранный г-жею Ганенко матеріалъ является первою попыткой охарактеризовать умственную физіономію села въ херсонской губ., міровоззрѣніе его жителей, ихъ художественное развитіе и юридическія понятія. До сихъ поръ любому ученому, желающему уяснить себѣ этнографическія особенности населенія Новороссійскаго края вообще, а херсонской губ. въ особенности, представилась бы далеко не легкая задача. Прежде всего уже потому, что населеніе это представляетъ интереснѣйшее смѣшеніе самыхъ различныхъ народностей, сошедшихся въ этотъ край изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и сохраняющихъ или видоизмѣняющихъ свои индивидуальныя особенности. Стоитъ проѣхаться по этой безконечной степи, разстилающейся однообразной равниной между двумя оживляющими ее рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ, отъ Чернаго моря до границъ кіевской и подольской губ., чтобы при самомъ бѣгломъ обзорѣ натолкнуться на самую разнообразную сельскую обстановку. То вы въѣзжаете въ чистыя, прямолинейныя поселенія нѣмцевъ колонистовъ, поражающія своей аккуратностью, то попадаете въ жалкія землянки десятинщиковъ, не осмѣливающихся даже называть домами свои невзрачныя жилища, которымъ сами даютъ характерное названіе „гадючниковъ"; то переноситесь въ цвѣтущую садами болгарскую колонію или пестрѣющее яркими нарядами женскаго населенія молдаванское село; то въѣзжаете въ настоящее малорусское село съ бѣлыми мазанками, съ обведенными красной и синей глиной окнами, съ вишневыми садками и цѣлымъ лѣсомъ вѣтряныхъ мельницъ при въѣздѣ; или проѣзжаете мимо длинныхъ деревянныхъ заборовъ и темныхъ деревянныхъ же избъ великорусской раскольничьей слободы. Вездѣ съ переѣздомъ изъ одного села въ другое вы окружены разнымъ народомъ, разной обстановкой и встрѣчаете разный пріемъ, разное міросозерцаніе. Но напрасно захотѣли бы вы найти чье либо авторитетное изслѣдованіе, которое уяснило бы вамъ ваши бѣглыя наблюденія надъ заинтересовавшей васъ духовной физіономіей населенія новороссійскаго края. Это край поистинѣ новый, не послужившій еще предметомъ основательнаго научнаго изученія. Въ этомъ сказалось отсутствіе на югѣ Россіи всякаго географическаго ученаго общества. Кратковременное существованіе въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географич. общества принесло для мѣстнаго изслѣ-

дованія плодотворнѣйшіе результаты, не столько совершенными имъ учеными работами по этнографіи края, сколько уже однимъ пробужденіемъ въ обществѣ интереса къ таковымъ изслѣдованіямъ, указаніемъ на ихъ важность, а также изданіемъ прекрасной разносторонней и вполнѣ выработанной программы изученія этнографическихъ особенностей населенія. Въ Одессѣ — главномъ центрѣ умственной жизни юга Россіи, никогда не было никакой секціи Географическаго Общества; въ Новороссію никогда не направлялись никакія этнографическія экспедиціи; въ ней нѣтъ ни учрежденій, ни частныхъ лицъ, которыя интересовались бы вопросами этнографіи. Въ 1883 г. передъ археологическимъ съѣздомъ въ Одессѣ, коммиссіей, подготовлявшей для съѣзда разные доклады и работы, выработана была краткая, но очень обстоятельная программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній въ херсонской, екатеринославской и таврической губ. Разослано было нѣсколько тысячъ экземпляровъ ея съ покорнѣйшей просьбой присылать отвѣты на нее, хотя бы въ самомъ сыромъ видѣ; но увы! воспослѣдовало всего два отвѣта.

Во многихъ губ. Епархіальныя Вѣдомости для лучшаго знакомства съ населеніемъ поручаютъ священникамъ или другимъ своимъ сотрудникамъ составлять описанія повѣрій и обрядовъ того или другаго села. Въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ попадаются по большей части мелкія историческія извѣстія о той или иной мѣстности, связанныя съ постройкой церкви. Изрѣдка только одинъ изслѣдователь, священникъ Никифоровъ, даетъ географическія и этнографическія подробности о бытѣ населенія александрійскаго уѣзда херсонской губ.; да въ 1862 году въ этомъ изданіи былъ помѣщенъ сводъ мѣстныхъ простонародныхъ предразсудковъ и суевѣрій, составленный другимъ священникомъ.

Военно-топографическое описаніе херсонской губ. составленное офицеромъ генерал. штаба Шмидтомъ, при тщательнѣйшемъ изученіи мѣстной географіи, даетъ лишь самыя общія свѣдѣнія о бытѣ народонаселенія. Изъ него мы узнаемъ, что въ составъ населенія херсонской губ. входитъ 17 національностей, принадлежащихъ къ 6 различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Послѣ г. Шмидта самое обстоятельное описаніе херсонской губ. мы находимъ въ Трудахъ статистическаго отдѣленія. Но, посвященное спеціальному изученію экономическаго положенія губ., это описаніе могло лишь самымъ поверхностнымъ образомъ коснуться бытовыхъ особенностей населенія. Мы

знакомимся въ немъ лишь съ внѣшней обстановкой жизни, хотя все же можемъ получить ясное представленіе о смѣшанности національностей. Такъ, напр., мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одесскаго у. встрѣчаются села съ 3—4 національностями и болѣе. Въ городахъ же и предмѣстьяхъ елисаветградскаго у. смѣшано по 5 націй и больше. Вообще же малороссы по всей губерніи являются преобладающими по числу; такъ, напр., въ елисаветградскомъ у. малороссовъ 72%, молдаванъ—11%, великороссовъ 8%, евреевъ 6%; кромѣ того живутъ еще и болгаре, нѣмцы, поляки и др. національности. Малороссы отсутствуютъ только въ 17 поселеніяхъ изъ 1460, молдаване являются сплошнымъ населеніемъ только въ 3-хъ селахъ, въ 17 составляютъ преобладающій элементъ и небольшими „кутками" живутъ въ 85. Великороссы купеческаго сословія разсѣяны по всей губерніи, ведя торговлю; въ сельскомъ же сословіи они только въ 15 селахъ являются преобладающимъ населеніемъ и сами по себѣ образуютъ только 4 слободы. Также разсѣяны по всей губ. евреи, держащіе въ своихъ рукахъ всю торговлю; они преобладаютъ численно во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ (особливо въ Бобринцѣ и Вознесенскѣ). Всѣ эти національности живутъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, каждый съ своимъ рѣзко отличающимся темпераментомъ, съ своими традиціями и разными требованіями отъ жизни. Какъ важно было бы изслѣдовать ихъ особенности, сравнить степень ихъ развитія, ихъ разную воспріимчивость къ культурѣ и художественную впечатлительность. Какъ интересно было бы опредѣлить, вырабатывается ли подъ вліяніемъ всеобъединяющихъ одинаковыхъ условій жизни и природы изъ смѣшенія разныхъ націй какой нибудь новый національный типъ—новоросса и какова его физическая и нравственная физіономія?

Отвѣчать на всѣ такіе вопросы можетъ только этнографія. Но въ послѣднее время эта наука у насъ мало увлекаетъ умы: въ „Запискахъ Географическаго Общества" преобладаютъ географическія и естественно-историческія изслѣдованія, при томъ направленныя преимущественно на далекія окраины нашего отечества; въ журналахъ болѣе общихъ чаще встрѣчаются статьи статистическаго или экономическаго содержанія. Какъ будто наперекоръ все развивающемуся въ нашемъ обществѣ народничеству, изсякаетъ самый живой интересъ къ изученію многочисленныхъ народностей, входящихъ въ составъ нашего государства. У насъ на югѣ со смертью Чубинскаго замерли всѣ этнографическія изслѣдованія, какъ будто задача

изученія малорусскаго народа вдругъ оказалась исчерпанной. Между тѣмъ, несмотря на почтенный объемъ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ Трудовъ, цѣль ихъ далеко еще не достигнута, во первыхъ уже потому, что наблюденія экспедиціи коснулись всего только 3—4-хъ губерній (кіевской, полтавской, черниговской, слегка подольской и очень мало волынской и екатеринославской), во вторыхъ—наблюденія, добытыя экспедиціей въ югозападный край, остаются сырымъ, необработаннымъ матеріаломъ, разбросанными наблюденіями, не дающими цѣльной и полной характеристики національнаго типа и міросозерцанія, и въ третьихъ они не знакомятъ насъ съ современной нравственной физіономіей малорусскаго народа, не указываютъ на тѣ уступки старыхъ традицій, которыя дѣлаются народомъ или въ силу времени, или подъ вліяніемъ столкновеній съ другими національностями. А теперь именно на нашихъ глазахъ совершается весьма важное перерожденіе народнаго самосознанія. Какъ много отталкивающихъ насъ и непонятныхъ для насъ проявленій этого важнаго процесса было бы для насъ уяснено при помощи непрекращавшихся наблюденій надъ ростомъ народной мысли и отношеніемъ кореннаго народнаго міросозерцанія ко всей совокупности новыхъ впечатлѣній, извнѣ проникающихъ въ народную среду. Задача этнографіи не временная, а постоянная; она должна не только заниматься изученіемъ вымирающихъ обрядовъ и исчезающихъ памятниковъ народнаго художественнаго творчества, а обращаться и къ текущей жизни, къ самымъ будничнымъ явленіямъ, уясняющимъ коллективную душу и разумъ, которыя руководятъ частной и общественной жизнью нашей народной массы. Этнографами обыкновенно бываютъ мало подготовленные наблюдатели, вооруженные тою или иной случайно попавшей въ ихъ руки программой. Но работы ихъ всегда принесутъ плодотворнѣйшіе результаты, если за разработку матеріаловъ примутся ученые во всеоружіи критики и знанія. Вотъ этой то окончательной обработки этнографическихъ данныхъ у насъ особенно мало: всѣ онѣ представляютъ одинъ сырой матеріалъ, не систематизированный, не освѣщенный сравненіемъ или тѣмъ или инымъ обобщеніемъ. Труды г.г. Драгоманова и Антоновича, а также въ послѣднее время работы г.г. Сумцова и Кузьмичевскаго въ „Кіевской Старинѣ" представляютъ образцы, достойные подражанія. Только соединенными усиліями добросовѣстныхъ наблюдателей и ученыхъ наше общество и наша наука установятъ истинное народовѣдѣніе, уяснятъ національныя особенности и прольютъ новый свѣтъ

на множество общественныхъ вопросовъ. Установленіе при нашихъ университетахъ новой каѳедры географіи должно неминуемо способствовать развитію и этнографіи, составляющей одну изъ главнѣйшихъ отраслей географическихъ наукъ.

Матеріалъ, собранный г-жей Ганенко является, какъ мы уже сказали, первой попыткой этнографическаго описанія села херсонской губ. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ пѣсенъ, записанныхъ въ селѣ Ивановкѣ. Всѣ онѣ поются на малорусскомъ языкѣ, но въ нихъ встрѣчаются такія рѣдкія выраженія и слова—какъ: „бижащого востокъ создарила", или „спастерія всихъ дары приносять", „звиздерія всихъ дары приходять" (въ колядкахъ), „ревезенна", „дженджуривна дивка". Много есть и словъ и оборотовъ великорусскихъ, какими вообще отличается новороссійскій говоръ малороссовъ. Многія пѣсни полны той же поэтической красоты, какой отличается вся южнорусская поэзія, особливо въ отдѣлѣ козацкихъ и лично семейныхъ пѣсенъ.

Группировка пѣсенъ у г-жи Ганенко та же, что и у Чубинскаго; это значительно облегчаетъ сравненіе однородныхъ варіантовъ. Такъ какъ населеніе Ивановки хотя и образовалось изъ бѣглыхъ съ разныхъ сторонъ (между которыми осадчими были молдаване изъ за Днѣстра), но впослѣдствіи оно было пополняемо нѣсколько разъ людьми, купленными помѣщикомъ въ полтавской губ. золотоношскомъ уѣздѣ, то и среди пѣсенъ встрѣчается наиболѣе сходства съ варіантами, записанными въ полтавской губ. Чубинскимъ и др. По количеству всего больше записано щедровокъ (22) и колядокъ (15). По содержанію всѣ колядки исключительно духовныя пѣсни, только двѣ имѣютъ историческое значеніе.

Ой якъ бье такъ бье пидъ Кременъ городъ
Выйшлы къ ёму царь-городяне,
Царь-городяне славни мищане,
Вынеслы ёму пучокъ стрилочокъ.
А винъ на той даръ та не поглядавъ.
Выйшлы къ ёму царь-городяне,
Вынеслы ёму чашу червинцивъ;
А винъ на той даръ тай не поглядавъ.
Вывелы къ ёму коня въ наряди,
А винъ на той даръ тай не поглядавъ.
Вывелы ему дивку въ наряди
А винъ дивку взявъ, шапочку изнявъ
Нызенько поклонывся.

Эта колядка очень похожа на нѣкоторыя, имѣющіяся въ сборникѣ историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, такъ же какъ и слѣдующая:

Ой рано рано куры *запилы*
Святий Вечиръ.
А ще *найраньше* панъ Иванъ уставъ,
Панъ Иванъ уставъ, лучкомъ забрязчавъ;
Лучкомъ забрязчавъ, бративъ побужавъ:
Вставайте, братци, кони сидлайте,
Кони сидлайте, хортивъ склыкайте,
Тай пійдемо въ чистее поле,
Въ чистее поле на прогуляння.
Ой тамъ я бачывъ куну въ дерени
Куну въ дерени, дивку въ теремі.
Ой вамъ же, братья, куна въ дерени,
А *мени, братия, дивка* въ терөми.

Обѣ онѣ совершенно подобны таковымъ же колядкамъ, которыя относятся къ глубокой древности, къ великокняжеской эпохѣ и содержаніемъ своимъ указываютъ на существовавшій въ то время дѣлежъ добычи между княземъ и его дружиной.

Между козацкими и гайдамацкими пѣснями с. Ивановки мы встрѣчаемъ самыя популярныя въ херсонской губ. про Савву Чалаго, про Нечая (въ 2-хъ варіантахъ) и про голоту (тоже въ 2-хъ вар.). Савва Чалый—любимый герой Новороссіи и воспѣвается въ разныхъ углахъ херсонской губ. У насъ есть варіанты, записанные и на Бѣломъ озерѣ въ с. Бѣлозеркѣ херсонскаго уѣзда, и на берегу Днѣпра въ д. Консуловкѣ того же уѣзда, такъ же, какъ и пѣсня про Нечая, которая въ двухъ разныхъ варіантахъ напечатана въ 4-мъ т. пѣсенъ Лисенка. Много въ этихъ пѣсняхъ и варіантовъ уже знакомыхъ, чисто малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ Чубинскимъ (напр. Що по морю тыхому Дунаю тамъ плавала лебедочка зъ дитьмы) и Костомаровымъ (Ой у поли заметъ стоить, а у замети козакъ лежыть); есть пѣсни про Харька, про Коваленка и про знаменитаго южнорусскаго героя Кармелюка, о которомъ въ Херсонщинѣ ходитъ много еще незаписанныхъ легендъ и сказаній. Есть одна пѣсня о кровосмѣсителѣ (вар. записанной Чубинскимъ въ переяславсломъ у. У Киіви на Подоли жыла вдова у неволи). Попадаются и пѣсни, по стиху и языку представляющія образчикъ уже совеременнаго творчества:

Ой тамъ на Руси
Проявылысь *чавусы*.[1]
Та не мало, не багато
Пивторасто молодцивъ
На ихъ шапочкы боброви,
На ихъ рубахы шовкови.
Що найстаршій чавусъ
Іонъ на покути сыдыть
Ничого не говорыть,
Только вусомъ шевелыть:
„Ой послушайте, рибьята,
Прыказанья моего
Ой и де бы намъ зъискать
Багатого мужыка?
Ой тамъ за рикой
Багатый мужыкъ жыветъ
Іонъ ни сіеть, ни аретъ
Наборъ денежкы даеть.
Слободою идучы
Не покрыкуючы
А до хаты идучы
Не посапуючы, не покашлюючы.
Ой ну, мужычокъ,
Поворачывайся,
Клади денежки на столъ
Тай росплачувайся.
Ой ти брате Мартинъ
Тягну мужика на тынъ.
А ты брате Тарасъ
Ты поджаривай гараздъ.
Лежыть байбакъ на печи
Тай той каже лежучы
Що у мене за святымы
Тай то лежыть тры полтыны.
Щей до лукы не дійшовъ
Сундукъ зъ деньгамы знайшовъ.
Усимъ чаусамъ
Та по сто рублей,
А найстаршому
Півтораста рублей".

Въ чумацкихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемся съ тѣми же темами, которыя такъ богато развиты въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень Рудченка, о болѣзни чумака на чужой дальней сторонѣ, сравненіе его доли съ долею косаря, любовь чумака къ вдовѣ, любовь къ нему дѣвушки и наконецъ общераспространенная малорусская пѣсня про чайку, полная глубокой задушевной печали. Изъ 12 чумацкихъ пѣсенъ 8 — варіанты пѣсенъ, записанныхъ и въ харьковской и въ полтавской губ. и на Волыни; эти пѣсни лучшія по языку. Между солдатскими четыре поются по малорусски и оплакиваютъ горемычную долю солдата, покидающаго родную семью и подвергающагося всѣмъ тягостямъ военной жизни. Рядомъ съ ними же двѣ исполнены воинственнаго духа и поются испорченнымъ языкомъ, представляющимъ образецъ современнаго цивилизованнаго говора малороссовъ. Въ первой—„Ночка да темная, тучкы грозныи"—воспѣвается взятіе Варшавы, во второй „Пише листъ король французскій" поется и о Суворовѣ, и о сенатѣ, и другихъ чуждыхъ народу понятіяхъ. Въ противоположность ихъ испорченному языку является пѣсня о крѣпостной зависимости, на чистомъ малорусскомъ языкѣ,

---

[1]) Въ стародубскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи есть село Чаусы, населеніе котораго представляетъ переходъ къ бѣлоруссамъ.

хотя лишенная всякой поэзіи, но проникнутая искреннимъ чувствомъ горечи и обиды.

Изъ лирницкихъ пѣсенъ г-жею Ганенко записано всего двѣ: о прощаніи души съ тѣломъ и о Лазарѣ,—т. е. именно тѣ, которыя можно услышать на любой малорусской ярмаркѣ.

Особливымъ юморомъ проникнуты такъ наз. пьяницкія пѣсни. Всѣ онѣ относятся къ пьяницамъ женского рода въ родѣ слѣдующей:

У середу пидъ четверъ—
Добре знаю, якъ теперъ—
Якъ велы мене дьячкы
По пидъ бокы въ будячкы.
А я пьяна, та ихъ не боюся!
Не ведить у будячкы
Бо я поколюся
Ведить мене въ лободу
Де лобода дробна
Стелить мени кафтанъ
сыній
Бо я благородна!

Не меньшею ироніей проникнуты и такъ наз. сословныя пѣсни, въ которыхъ осмѣиваются сословныя предразсудки, спѣсь и чванство. Одна изъ нихъ — варіантъ, записанный Чубинскимъ, другая же современнаго склада:

Рюмочкы по столыкамъ похажываютъ,
Рюмочкы по хати всю ночъ говорятъ.
Сосваталъ дивыцу прелестный дворяныпъ
Сказывалъ, разсказывалъ багатство своё.
Есть у меня, діевица, сіемь деревень,
Сіемь деревень изъ прыселушкамы!
Вздумаю-подумаю пойтыть за него,
Разумомъ раскинула—не люблю его
Ой штожъ іонъ пойдетъ
Турка воюваты,
Ой а я буду
Горе горюваты.
Рюмочки по столикамъ похаживаютъ и т. д.

Приводится сватовство купца, у котораго семь кораблей съ товарами, но который уйдетъ торговать и, наконецъ, сватовство музыканта, у котораго все богатство скрипка да смычокъ, но его то „діевица“ и избираетъ въ мужья за предстоящее съ нимъ веселое житье. Гораздо остроумнѣе пѣсня о Соврадимѣ и его жинкѣ, очень близкая по юмору и содержанію къ общеизвѣстной пѣснѣ „Дворянка“.

Весь циклъ семейныхъ пѣсенъ и лично-лирическія остались вполнѣ малорусскими по духу, стиху и языку; большая часть ихъ—варіанты таковыхъ же пѣсенъ, распѣваемыхъ въ Украинѣ. Впрочемъ, есть между ними и несомнѣнно заново сложившіяся или привнесенныя: напр.

Сыдыть Маша на дивани,
Пьеть стаканчыкъ изъ выномъ.
Ходыть Ваня по трахтыріе,
Курыть трубку съ табакомъ:
„Распроклятая сторонка
Научыла въ свіетѣ жыть,
Распроклятая вышніевка
Научыла водку пыть,
Разлюбезная діевчонка
Научыла жонку быть!“

Или другая въ томъ же родѣ „Ой ты діевыця раскрасавица біела, что въ тебѣ все заплаканы глаза“.—Какимъ грубымъ цинизмомъ дышатъ обѣ эти пѣсни по сравненію, напр., съ распѣваемой въ той же Ивановкѣ малорусской: „Ой не свиты, мисяченьку“, или „Якъ у саду, такъ и въ лиси“! Поэзія и чистота любовнаго чувства ярко запечатлѣны въ нихъ обѣихъ; чувство, возникающее на лонѣ природы, „мисяць“ и „голубы“, какъ единственные повѣренные его, все это замѣнилось грубой современной обстановкой, выражающейся въ современныхъ пѣсняхъ: трахтыръ, трубка и „стаканчыкъ изъ выномъ“, вотъ аттрибуты современнаго романа въ деревнѣ, и какъ мало воспѣваемая въ нихъ „разлюбезная діевчонка“ походитъ на прежній прелестный образъ малорусской дивчины! Новая обстановка проявляется и въ т. наз. шутливыхъ пѣсняхъ: напр.

На вакзали вогонь горыть, на весь городъ выдно,
А мій мылой, чорнобрывой по вакзали ходе.
А іонъ ходе, а іонъ ходе,
Только мене з ума зводе.

Или напр.: „Дають мени стаканъ чаю й опельцыну исты“. Все новые реальные образы, но, увы, преисполненные прозы! Въ погонѣ за этими новыми понятіями старый народный языкъ искажается примѣсью новыхъ словъ, рѣжущихъ нашъ слухъ, но привлекающихъ вниманіе деревенской молодежи, всегда и вездѣ падкой къ новизнѣ. Вотъ почему наибольшее число новыхъ пѣсенъ встрѣчается среди такъ наз. уличныхъ и вообще составляютъ любимыя пѣсни молодыхъ дѣвушекъ и парубковъ. Старыя же малорусскія пѣсни остаются достояніемъ болѣе зрѣлыхъ возрастовъ. Прекрасныя поэтическія веснянки, которыхъ такъ много записано у Чубинскаго, въ Ивановкѣ замѣнились короткими и не всегда изящными пѣсеньками, въ родѣ:

Ходе свыня коло млына,
Роспустывшы брюхо,
Выйди выйди ты Парасю
Чоргова брехухо.

И только одна изъ 23, записанныхъ г-жею Ганенко, сохранила характеръ веснянки:

И це весна, и то весна
Що ты намъ, весна, прынесла?
Прынесла я вамъ литечко,
И зеленее зиллячко,
И хрещатенькій барвинокъ,
И зелененькій васылёкъ,
И червоніи ягыдкы,
Зъ ничого села парубкы,
Поросли воны у лиси,
Якъ горобчыкы у стриси;
Поросли воны маленьки,
Якъ чорнобривцы новненьки;
Поросли воны велыки,
Якъ шолудыви гвоздыкы.

Также отсутствуютъ и длинныя содержательныя косарскія пѣсни и замѣняются короткими припѣвами, изъ которыхъ самый длинный слѣдующій:

Нашъ панъ молоденькій,
Пидъ нымъ коныкъ вороненькій,
И самъ не гуля,
И насъ прыганя:
Нуте, хлопци, нуте,
Нуте, прыпыльнуйте!
Якъ прыпыльнувалы,
Грабли поламалы.
Грабелькы новеньки,
Гребци молоденьки.

При обжинкахъ же поется:

Славный городъ Иванивка слобода,
Що нашъ барынъ много хлиба засива,
А прыказчикъ ище бильше прыбавля,
А отаманъ всю громаду собира,
Всю громаду до роботы прыганя.
Отамане батьку нашъ!
Не прыганяй до роботы теперъ насъ,
Бо якъ будешъ до роботы прыганять,
То знымемось, та пидемо въ зеленъ садъ,
Не вернемось въ Иванивку вже назадъ.
Ой налынулы въ Иванивку тры биды:
Перва бида—косовыця косарямъ,
Друга бида—громадыльныкамъ, гребцямъ,
Третя бида—все вьязыльныкамъ женцямъ.

Итакъ мы видимъ, что всѣ пѣсни, записанныя г-жею Ганенко, лишь за немногими исключеніями, поются на чистомъ малорусскомъ языкѣ и по содержанію своему вполнѣ сродны украинскому пѣсенному творчеству. Это объясняется тѣмъ, что Ивановка лежитъ далеко отъ желѣзной дороги и отъ всякихъ городскихъ центровъ и сравнительно мало страдала отъ приносящихъ свою культуру солдатскихъ и фабричныхъ элементовъ. Благодаря такой ея изолированности, въ ней въ совершенной чистотѣ сохранилась и вся пышная малорусская свадьба, со всѣми ея символическими обрядами, сопровождаемыми безчисленными пѣснями, приказками и припѣвами. Г-жа Ганенко записала свадьбу во всѣхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ и съ 252-мя относящимися къ ней пѣснями. Въ

печати уже имѣется одно описаніе свадьбы херсонской губ. тоже елисаветградскаго уѣзда (см. сборникъ Степъ: „Свадебные обряды елисаветградскаго уѣзда“ Е. И. Маркевичъ), но записанная г-жею Ганенко обильнѣе бытовыми подробностями. Жители с. Ивановки хранятъ и многіе другіе малорусскіе обряды и обычаи, которые и записаны г. Ганенко. Такъ, осенью, обыкновенно недѣли за двѣ до филипповки, дѣвушки каждаго кутка избираютъ хату какой нибудь вдовы или небогатой замужней женщины и собираются у нее на „досвитки“. Хозяйкѣ хаты платятъ за это коноплей или чѣмъ нибудь другимъ и помогаютъ ей въ ея работахъ (или вышиваютъ или прядутъ и дѣлаютъ ей время отъ времени подарки). Въ одну хату набирается отъ 4 до 8 дивчатъ и всѣ вмѣстѣ работаютъ—прядутъ или шьютъ. Освѣщеніе хаты на счетъ приходящихъ. За работой поются разныя пѣсни изъ цикла семейно-любовныхъ, а также шутливыя и т. наз. досвитчаныя, не отличающіяся ни поэзіею, ни особливой скромностью. На досвитки приходятъ парубки, преимущественно того же кутка, что и дивчата. Они приносятъ съ собою угощеніе—орѣхи, сѣмячки, водку—развлекаютъ дивчатъ сказками и шутками, а иногда работаютъ (вяжутъ шерстяныя перчатки). Ночуютъ тутъ же всѣ вмѣстѣ „покотомъ“ и иногда встаютъ еще до свѣта и снова принимаются за работу. Въ праздники досвитки принимаютъ, конечно, еще болѣе веселый праздничный характеръ. Продолжаются всю зиму, до заговѣнъ на великій постъ. На самыя же заговѣны, дѣвушки собираются въ досвитчану хату съ самаго утра, убираютъ ее, мажутъ, пекутъ и варятъ принесенную съ собой провизію, приготовляютъ „вечерю“. Каждая дѣвушка приноситъ съ собой муки, масла, мяса, куръ, яицъ—что у кого есть: „що маты дасть, а що вкраде“. Вечеромъ приходятъ парубки съ музыкой (скрипкой и бубномъ), приносятъ напитки (вино, водку, пиво), гостинцы дивчатамъ. Всѣ танцуютъ, пьютъ, ѣдятъ—гуляютъ цѣлую ночь. Подъ извѣстные праздники дѣвушки устраиваютъ гаданья. Такъ, наканунѣ Екатерины (24 ноября) каждая дѣвушка завязываетъ въ узелокъ немного коноплянаго сѣмени и носитъ его около себя до кануна новаго года. Ночью подъ новый годъ несутъ это сѣмя на токъ и сѣютъ его тамъ, а посѣявши снимаютъ съ себя юбки и волочатъ. Если весной это сѣмя взойдетъ, то дѣвушка будетъ счастлива. Кромѣ того воруютъ гдѣ нибудь вѣточку вишни, садятъ ее въ землю, поливаютъ и ждутъ, что на „святый вечиръ“ она разцвѣтетъ. Чья вишня разцвѣтетъ, тотъ будетъ богатъ. Но это гаданье считается грѣхов-

нымъ, такъ какъ „вышня закленае, що не до времня заставылы розцвитать".

Наканунѣ Андрея (30 ноября) дѣвушки собираются въ „досвитчану" хату и пекутъ такъ наз. „калиту" (коржъ изъ прѣснаго тѣста съ сахаромъ, изюмомъ и сливами и съ отверстіемъ посерединѣ) и „балабушки". Послѣднія пекутся слѣдующимъ образомъ: когда калиту посадятъ въ печь, всѣ присутствующія дѣвушки бѣгутъ къ рѣчкѣ, набираютъ въ ротъ воды и такимъ образомъ приносятъ въ хату три раза каждая. На этой водѣ мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ кругленькія лепешки по числу дѣвушекъ; пекутъ ихъ и раскладываютъ на поставленную посреди хаты скамейку, замѣчая, гдѣ чья, и зовутъ собаку: чью первую собака съѣстъ, та раньше замужъ пойдетъ. Когда собака поѣстъ всѣ „балабушки", ее перевязываютъ крученымъ изъ соломы перевесломъ, въ родѣ того, какъ перевязываютъ на сватьбахъ старостъ. Тѣмъ временемъ собираются парубки. Калиту привѣшиваютъ на красной лентѣ къ потолку, разводятъ въ черепкѣ сажи и даютъ его одному изъ парубковъ, который и становится возлѣ калиты. За это его называютъ Калытынській. Хлопцы и дивчата по очереди надѣваютъ на себя рядно, садятся верхомъ на кочергу и ѣдутъ къ калитѣ. „Здоровъ, панъ Калытынській!"— „Здравствуйте, панъ Коцюбынській", отвѣчаетъ ему парубокъ, стоящій возлѣ калиты.—„Я прыихавъ калыты кусать."—„А я буду по зубамъ кресать."—Пріѣхавшій старается, не смѣясь, откусить калиты и если успѣетъ, съ торжествомъ возвращается назадъ; если же онъ засмѣется, его мажутъ по лицу сажей.

Кромѣ того въ этотъ день идутъ на „смитныкъ" (къ сорной ямѣ) и берутъ, не глядя, что попадется: кожи кусокъ—предвѣщаетъ мужа сапожника; кусокъ дерева—плотника; соломинка—хлѣбопашца; перо—писаря. Идутъ также къ проруби и по тому, кто что поймаетъ, замѣчаютъ, за кого выйдутъ замужъ. Еще считаютъ вечеромъ поздно колья въ заборѣ, приговаривая: „удовець, молодець"... Какой колокъ выйдетъ послѣдній, такой и мужъ будетъ. И этотъ послѣдній колъ чѣмъ нибудь перевязываютъ, а утромъ разсматриваютъ его: если колъ окажется безъ коры—будетъ мужъ бѣдный, и наоборотъ; если шашель поточилъ, будетъ мужъ рябой, если колъ двойной—быть за двумя мужьями; если суковатый, быть за вдовцомъ съ дѣтьми. Еще бросаютъ черезъ хату сапогъ: куда носкомъ упадетъ—въ ту сторону замужъ идти. Слушаютъ подъ окномъ и если услышатъ „иди" или

что нибудь въ этомъ родѣ, то въ этомъ году выйдетъ замужъ; если же услышатъ „сьядь," то нѣтъ.

Жители Ивановки вѣрятъ также и въ чары и во всевозможныя примѣты; напр., кто хочетъ хорошо въ карты играть, долженъ на Пасху передъ самыми розговѣнами съѣсть туза. Если громъ ударитъ и зажжетъ хату, можно затушить только кислымъ молокомъ. Чесать женщинѣ голову въ праздникъ вообще считается грѣхомъ, беременной же въ особенности, такъ какъ она столько же часовъ будетъ мучиться въ родахъ, сколько употребитъ на чесаніе головы.

Есть особые повѣрья для причарованья, для счастливаго разрѣшенія судебной тяжбы, а также и при рожденіи теленка. Есть 34 заговора отъ всевозможныхъ болѣзней, составляющіе всегда тайну сельскихъ бабъ и повитухъ. Записаны также г-жей Ганенко и 73 загадки, изъ которыхъ 27 буквально тѣ же, что у Номиса, 11 представляются нѣсколько измѣненными и 35 самостоятельныхъ (т. е. не записанныхъ у Номиса)—но всѣ вполнѣ малорусскія, также какъ и поговорки: изъ 27 записанныхъ въ с. Ивановкѣ только 6 найдены у Номиса. Но особенно интересны народныя преданія и легенды, которыя конечно вполнѣ проникнуты малорусскимъ міросозерцаніемъ, ибо складывались они коренными малоросами и теперь сохранились въ Ивановкѣ, передаваемые отъ поколѣнія къ поколѣнію. Многіе изъ нихъ—о сотвореніи міра, объ отношеніяхъ между Богомъ и чортомъ, о превращеніяхъ чорта въ кошеня и о метаморфозахъ различныхъ животныхъ--имѣютъ большое сходство съ помѣщенными въ „Малорусскихъ преданіяхъ и легендахъ" Драгоманова.

Кромѣ всѣхъ собранныхъ г-жей Ганенко памятниковъ народнаго творчества и записанныхъ ею обрядовъ, мы находимъ у нея и нѣсколько словъ объ юридическихъ обычаяхъ жителей с. Ивановки. Эти свѣдѣнія довольно кратки и составляютъ какъ бы дополненіе къ напечатанной уже въ сборникѣ „Степъ" г-жей Ганенко статьѣ „Объ юридическихъ отношеніяхъ въ елисаветградскомъ уѣздѣ". Но мы позволимъ себѣ въ виду краткости этихъ свѣдѣній привести ихъ почти дословно:

Раздѣлы въ крестьянскихъ семьяхъ большей частью происходятъ вслѣдствіе ссоръ между женщинами.

„Мысль о выдѣленіи себя почти безъ исключенія принадлежитъ старшей невѣсткѣ, которая пристаетъ къ мужу: „доки мы будемъ робыть на гуртъ?", сынъ въ свою очередь надоѣдаетъ отцу, прося „поставыть ёго хазяиномъ". Отецъ рѣдко соглашается на отдѣлъ сына безъ увѣщаній и долгихъ просьбъ не разорять семью.

Въ концѣ концовъ онъ принимается строить хату—если большой грунтъ (усадьба) то на своемъ; если же негдѣ поставить хаты, то просятъ у общества отвести мѣсто подъ постройку, въ которой участвуютъ всѣ члены семьи. Когда хата готова, приглашаютъ нѣсколько душъ родныхъ и въ ихъ присутствіи отецъ указываетъ сыну все то что намѣренъ дать—чѣмъ „награждае ёго". Сколько бы сынъ ни получилъ, онъ протестовать не смѣетъ. Впрочемъ почти не бывало случая, чтобъ отецъ обидѣлъ сына и не далъ ему именно столько, сколько ему слѣдуетъ. Обыкновенно бываетъ такъ: если въ семьѣ 4 сына (дочери наслѣдницами не считаются), а имѣется 2—3 пары воловъ, 2—3 коровы, пара лошадей, то старшему сыну дается пара воловъ, корова и лошадь; предполагается, что до отдѣла 2-го сына семья еще успѣетъ пріобрѣсти столько, чтобъ всѣмъ хватило по ровну. Сообразно съ этимъ дѣлится и все остальное. Когда дѣлежъ оконченъ, сына благословляютъ иконой и съ хлѣбомъ-солью провожаютъ въ новую хату. Случаи возвращенія въ семью выдѣлившагося сына очень рѣдки и бываютъ только, когда умретъ жена, а мужъ не хочетъ вторично жениться; къ тому же если у него нѣтъ ни дочки, уже способной хоть кое какъ наварить борщу, или сына, котораго можно было бы оженить и имѣть въ домѣ хозяйку. Но и возвращается сынъ не надолго, пока только дѣти поднимутся, а тамъ возвращается на свое хозяйство.

Если раздѣлъ происходитъ послѣ смерти отца, то отдѣленные раньше сыновья не принимаютъ въ немъ участія, какъ наслѣдники, такъ какъ они считаются „одризана скыбка одъ хлиба", и отецъ наградилъ ихъ уже по заслугамъ. Приступая къ раздѣлу, наслѣдники приглашаютъ 2—3 ближайшихъ родственниковъ (бол. ч. дядей) и человѣка 2 постороннихъ (б. ч. сосѣдей стариковъ), которые дѣлаютъ оцѣнку имущества и дѣлятъ на ровныя части по числу наслѣдниковъ (однихъ мужчинъ—женщины въ разсчетъ не берутся). Младшій сынъ „остается на корини" (иногда солдатъ остается), т. е. ему принадлежитъ отцевская хата и усадьба. За это онъ обязанъ содержать до смерти мать и если есть незамужнія сестры, то выдать ихъ замужъ. Старшіе же братья даютъ на свадьбу сестеръ только незначительное пособіе (руб. 5 на водку). Если же нѣтъ ни матери, ни сестеръ, то остающійся „на корини" долженъ помочь при постройкѣ хаты тѣмъ братьямъ, у которыхъ ея еще нѣтъ. Если есть мельница, то обыкновенно ее получаетъ младшій, и долженъ остальнымъ братьямъ сплатить ихъ части по оцѣнкѣ сосѣдей стариковъ, или по завѣщанію отца, если таковое имѣется. Сады, левады, капустники, лозняки и т. п. дѣлятся по ровну между братьями по количеству земли, если есть что дѣлить: если же, напр., садъ очень маленькій, онъ находится въ общемъ владѣніи братьевъ до ихъ смерти, послѣ чего остается въ исключительномъ владѣніи того, возлѣ чьего дома онъ находится.

Если послѣ смерти отца остаются частные долги, а кредиторъ не успѣетъ получить, пока имущество не раздѣлено, то долгъ обыкновенно пропадаетъ; развѣ ужъ сыновья не захотятъ, чтобы „батькови кистки зъ гробу выверталы" (т. е. чтобы не проклинали покойнаго за неуплату долга), но такіе случаи рѣдкіе, единичные. Казенные же и общественные долги распредѣляются по надѣламъ. Всѣ эти дѣлежи считаются чисто семейнымъ, частнымъ дѣломъ, и ни сельское, ни волостное начальство не имѣетъ права вмѣшиваться, если объ этомъ ихъ не просятъ: если же и просятъ кого нибудь изъ начальства присутствовать при дѣлежѣ, то не какъ „начальство", а какъ односельчанъ. Послѣ благополучно оконченнаго дѣлежа на-

слѣдники ставятъ участвовавшимъ „могоричъ“ (2—3 кварты водки), который тутъ же всѣми вмѣстѣ и распивается. Другаго вознагражденія за труды не полагается.

Не было еще примѣра, чтобъ неженатый сынъ вздумалъ выдѣляться изъ семьи. Женятся же вообще очень рано, лѣтъ 18—20 (въ 25 лѣтъ парубокъ считается уже старымъ). Женщины-сестры дѣлятъ между собой только „жиноче хазяйство“ (подушки, рядна, полотна и пр.), на все остальное правъ не имѣютъ“.

Оглядываясь на всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ прекрасныхъ записей г-жи Ганенко, мы можемъ представить себѣ уже сколько нибудь ясно внутренній бытъ с. Ивановки. Передъ нами раскрывается прочно сохранившійся малорусскій типъ села и его жителей. Переселившіеся по своей волѣ и по неволѣ эти выходцы изъ Малороссіи втеченіи цѣлаго вѣка хранили свой родной бытъ, свои нестарѣющія традиціи, свои нравственные законы и на новомъ мѣстѣ заводили тѣ же порядки, утѣшали себя на чужой сторонѣ родными пѣснями. Одежда ихъ, по словамъ г-жи Ганенко, до сихъ поръ таже, что носятъ въ полтавской губ.: „спидниця“ и вышитыя сорочки для женщинъ, съ очипками (или „капурами“ какъ они зовутся въ Ивановкѣ) для замужнихъ женщинъ. Мужчины носятъ „чумарки“ и широкіе штаны засунутые въ чоботы, шапки зимой и картузы лѣтомъ. Бѣлыя и черныя свитки составляютъ теплую одежду для обоихъ половъ. Въ пиджакахъ ходятъ только писарь и старшина, а „кофты“ и юбки съ оборками появляются лишь на дѣвицахъ, прослуживших у пана во дворѣ. Но все же новая жизнь, вторгаясь и въ изолированную Ивановку, оказываетъ свое дѣйствіе. Мы видѣли цѣлый рядъ новыхъ пѣсенъ, которыми все болѣе и болѣе увлекается ивановская молодежь: старыя скромныя пѣсни, полныя непосредственной поэзіи, кажутся ей недостаточно выразительными по сравненію съ распѣваемыми въ сосѣднихъ селахъ и городахъ. Конечно, не въ одной Ивановкѣ, а повсюду въ селахъ идетъ процессъ обновленія. Но въ селахъ херсонской губ. процессъ этотъ осложненъ столкновеніемъ разныхъ національностей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ культуры и взаимно оказывающихъ одна на другую вліяніе. Такъ, напр., если въ с. Большая Выська малороссы отъ постояннаго столкновенія съ стоящими въ ней постоемъ драгунами окончательно утратили свой малорусскій типъ и всѣми силами стараются приблизиться къ идеалу солдатско-великорусскому, то съ другой стороны такіе же малоросы въ селѣ Грузськомъ поддались вліянію господствующей въ немъ націи--молдаванъ до того,

что малорусскія женщины усвоили молдаванскій женскій головной уборъ („кгидзы“) и въ говорѣ ихъ часто попадаются молдаванскія слова. Въ другомъ же селѣ, тоже населенномъ этими обѣими національностями,—но гдѣ малороссы преблададаютъ численно, молдаване подчинились ихъ національному типу и цѣлый сходъ молдаванъ высказался, что „дѣды ихъ были молдаване, они же перевелись на хохловъ“. Въ Ивановкѣ же молдаванина можно узнать только по фамиліи, ибо всѣ говорятъ уже по малорусски и только старики понимаютъ по молдавски, хотя тоже уже не говорятъ. Гораздо меньше сліянія замѣчается въ селахъ, населенныхъ малороссами и великороссами: въ такихъ случаяхъ обѣ націи обособляются каждая на своемъ „кутку,“ и случаи смѣшанныхъ браковъ бываютъ рѣже, чѣмъ между молдаванами и малороссами. Вліяетъ ли на процессъ смѣшенія племенное сродство, или сродство темпераментовъ, или же всегда господствующимъ элементомъ является преобладающая по числу и значенію національность? Какую роль играютъ нѣмцы съ ихъ совершенно чуждой, но сильнѣйшею цивилизаціей, покоряющей край въ экономическомъ отношеніи? Отъ нихъ наши малороссы перенимаютъ гораздо больше, чѣмъ отъ родственныхъ имъ великороссовъ: нѣмецкіе фургоны и земледѣльческія орудія входятъ во всеобщее употребленіе и даже сама религія малороссовъ поддалась заимствованіямъ отъ нѣмцевъ же въ формѣ столь быстро распространившагося штундизма. Всѣ эти сталкивающіяся между собой вліянія, безъ сомнѣнія, измѣняютъ національный типъ и вырабатываютъ изъ него новую въ антропологическомъ и психическомъ отношеніи особь, носящую общее названіе новоросса. Для уясненія ея возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, исполненныхъ и научнаго, и общественнаго значенія, которые могли бы быть раскрыты добросовѣстными и многочисленными этнографическими изслѣдованіями. Они указали бы намъ тѣ ступеньки, по которымъ народъ охотнѣе всего подымается по пути прогресса, а также и то, чего онъ ищетъ и требуетъ отъ культуры. Вообще, очень многіе склонны видѣть одно тлетворное значеніе цивилизаціи для сельскаго населенія, склонны обвинять народъ въ деморализаціи. Между тѣмъ какъ еще слишкомъ мало обращаютъ вниманія на все болѣе пробуждающуюся въ народѣ любознательность и страстное стремленіе къ личной свободѣ; оба эти чувства являются конечно плодотворными чертами, носящими въ себѣ залогъ прогресса, какую бы временно безобразную форму онъ ни принималъ. Побольше безпристрастныхъ наблю-

деній надъ народной жизнью, побольше добросовѣстнаго изученія всѣхъ проявленій совершающагося процесса обновленія народнаго быта—и можетъ быть этнографія помогла бы намъ понять многое въ этой новой, ключемъ бьющей вокругъ насъ жизни массы, уяснила бы намъ лучше всякой публицистики настоящую роль и значеніе интеллигенціи въ этой жизни. А рядомъ съ этимъ этнографія дала бы намъ понять ходъ роста и вырожденія той или другой національности. Если современная публицистика такъ часто оскорбляетъ насъ своими поверхностными сужденіями и преждевременными выводами, которые жизнь такъ часто опровергала и приводила къ абсурду, то также часто разсужденія о національныхъ вопросахъ отличаются односторонностью и страдаютъ больше всего совершеннымъ отсутствіемъ знанія о томъ, какъ проявляются въ жизни національныя особенности. Безпристрастное изученіе нашихъ разныхъ народностей во всѣхъ ихъ индивидуальныхъ чертахъ и взаимныхъ столкновеніяхъ могло бы во многомъ способствовать уясненію самого понятія народности и ея роли въ прогрессивномъ ходѣ общественной жизни всего государства. Вотъ почему этнографія, направленная къ изученію современной будничной жизни народа, должна имѣть важное значеніе въ наши дни. Сборникъ г-жи Ганенко, конечно, еще не полонъ и не даетъ цѣльной этнографической характеристики села Ивановки, но мы привѣтствуемъ его, какъ первое этнографическое изслѣдованіе въ херсонской губ., и надѣемся, что онъ вызоветъ въ средѣ мѣстной интеллигенціи и подражателей, и продолжателей этой глубоко интересной работы.

С. Р.

Правила погарскаго благороднаго собранія.

(*Рукописный памфлетъ 1817 г.*).

Подъ этимъ заглавіемъ поступила къ намъ отъ Н. А. Максимовича (черниговской губерніи, суражскаго уѣзда) рукопись, доставшаяся ему, среди другихъ бумагъ, отъ дѣда его по матери Я. П. Полетики, жившаго въ окрестностяхъ Погара.

Очевидно, это памфлетъ, написанный въ видѣ правилъ для благороднаго собранія въ 1817 г. или Галецкимъ, или кѣмъ инымъ на современное ему общество и его нравы.

Г. Погаръ, бывшій во времена существованія новгородсѣверскаго намѣстничества уѣзднымъ и сдѣлавшійся при образованіи

черниговской губерніи заштатнымъ городкомъ черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда, издавна славился расположенными какъ въ немъ, такъ и въ окрестностяхъ его богатыми коноплянниками,—погарская пенька и конопляное масло всегда имѣли хорошій спросъ на рынкахъ, почему и ярмарки погарскія, служившія мѣстомъ сбыта этихъ мѣстныхъ продуктовъ, охотно привлекали къ себѣ массу купцовъ, пріѣзжавшихъ для пріобрѣтенія мѣстнаго и сбыта привознаго товара, и мѣстныхъ дворянъ—помѣщиковъ для тѣхъ же цѣлей.

Съѣхавшіеся на нѣсколько дней въ Погаръ и купцы, и помѣщики, очевидно, нуждались въ сборномъ мѣстѣ, гдѣ можно было бы заключать между собою сдѣлки по куплѣ—продажѣ товару, займу денегъ, а то и просто провести время за картами, танцами или даже просто за разговорами. Помѣщики часто пріѣзжали на ярмарку семейно, съ женами и взрослыми дѣтьми, между которыми были и барышни; въ кавалерахъ остановки тоже не было,—кромѣ мѣстныхъ помѣщиковъ и ихъ сыновей, въ то время въ черниговской губерніи постоемъ стояли полки; а въ нихъ были офицеры, охотники до танцевъ; отчего же было, по случаю ярмарки и съѣзда на нее, и не потанцовать? Авось вытанцуется свадьба или хоть проведется весело время... Все это и служило причиною возникновенія въ нашихъ глухихъ городкахъ благородныхъ собраній, преимущественно во время обычныхъ съѣздовъ туда дворянъ. Съѣзжавшіеся на эти собранія и дворяне, и не дворяне вели себя на нихъ со всею простотою нравовъ, обычаевъ и привычекъ, усвоенныхъ ими въ своихъ селахъ; поведеніе это коробило людей бывалыхъ, выросшихъ и сроднившихся съ иными порядками, и, стремясь пересоздать по своему родные обычаи и привычки, они въ своихъ памфлетахъ указывали на чисто внѣшнія стороны поведенія съѣхавшихся на эти собранія, черты, дающія намъ черезъ 70 лѣтъ понятіе о томъ, какъ вели себя въ большинствѣ наши дворяне средней руки на общественныхъ собраніяхъ.

„Между бумагами и библіотекою покойнаго Михаила Ивановича Галецкаго найдено довольно рукописей его собственной руки, въ числѣ коихъ и правила, написанныя для погарскаго собранія:

1817 года ноября 26 дня. Черниговской губерніи стародубскаго уѣзда, въ заштатномъ городѣ Погарѣ въ домѣ корнета Петра Владиміровича Соболевскаго устроено было благородное собраніе—на слѣдующихъ правилахъ:

1) Благородный Погарецъ, войдя въ собраніе, долженъ снять съ себя въ передней комнатѣ шубу, шапку и кенги, ежели одѣтъ будетъ въ оныхъ, очистя порядочно носъ и съ платья шубную шерсть и съ лица обтереть потъ, не стуча и не шархая ногами, входить въ залу тихо и благопристойно, вошедши поклонитца публикѣ, избрать мѣсто, никого не толкать и не желать здравія и къ дамамъ не подходить къ ручкѣ.

2) Громогласно не говорить и по пустому не хохотать, невѣрныхъ вѣстей не разсказывать, а говорить дозволяется о торговлѣ пеньки, масла и о займѣ денегъ, да и то по тихоньку, дабы не наскучать неимѣющему надобности въ таковой спекуляціи.

3) О политическихъ же дѣлахъ говорить въ собраніи вовсе запрещаетца, потому что онѣ для погарцевъ неудобопонятны.

4) Ежели случитца быть съ кѣмъ во враждѣ, то рекомендуетца таковымъ лицамъ близко одинъ къ другому не сходитца и не садитца.

5) Желающій быть въ собраніи долженъ чисто выбратца въ мундиръ или кафтанъ, штаны или панталоны имѣть на помочахъ и не имѣть на ногахъ обуви дегтянаго ремня.

6) По залѣ, заложа назадъ руки не разхаживать, а старатца избрать мѣсто и сидѣть на стулѣ или канапе, отнюдь не разваливаясь и не протягивая ногъ и не кладя (ихъ) на вкресть съ уваженія къ обществу, а въ особенности къ дамскому полу.

7) Желающему быть въ собраніи запрещаетца того дня въ пищу употреблять редьку и чеснокъ, дабы въ собраніи не рыгать, хотя сія пища и почитаетца въ (у) Погарцевъ во время поста за лакомство, но какъ отъ сего произрастенія бываетъ дурной и несносной запахъ особенно для дамскаго пола.

8) Въ собраніи въ карты играть дозволяетця, только въ комерческія игры, но при козыряньи не стучать объ столъ крѣпко руками, а ежели случитца кому проигратця, отъ чего Боже сохрани, то на судьбу не роптать, а нелениво расплатитця, и не надѣятьця отигратьця.

9) Имѣть въ запасѣ въ карманѣ въ капшучкѣ или кошелкѣ мелкую серебряную монету, дабы за взятое съ бухвета заразъ расплатитця, избѣгая стародавнихъ погарскихъ обычаевъ отговариватця неимѣніемъ при себѣ денегъ, когда потребуютъ должного, тогда сердитця и ругатця.

10) А какъ во время погарской никольской ярманки греки для продажи привозятъ разные вина и погарцы любятъ пробовать, отъ каковыхъ происходятъ разныя безчинства, ссора, драка и паденіе на полъ, желающему быть въ собраніи рекомендуетця отъ таковыхъ пробъ воздержатця, ибо замѣчено, хотя пьянаго фигура въ началѣ для общества бываетъ и забавна, но подъ конецъ несносна, отвратительна и омерзительна, особенно для дамскаго пола.

11) Ежели случитця у кого чихъ, то таковому здравія нежелать, ибо замѣчено, что отъ сего чихающему нѣтъ никакой пользы, а толко его безпокоютъ, да и обществу нетъ забавы.

12) Въ собраніи трубку или люльку курить позволяетця, но только въ особенной горницѣ, но не выпущая со рта много дыму и не плюя часто на полъ и не выкидая съ трубки или люльки на полъ или окошки перегорѣлаго табаку.

13) Табакерку или рожокъ съ табакомъ и носовой платокъ по диванамъ, стульямъ, столамъ не бросать, а имѣть въ карманѣ, для чего портные прышиваютъ къ платью.

14) Дабы не произвести въ собраніи дремоты и зѣвоты дозволяетця въ бухветѣ выпить водки и пуншу, но только умѣренно и на наличныя деньги.

15) За все взятое и разбитое въ бухветѣ, не выходя съ собранія, заразъ долженъ расплатитця, не откладывая до завтрего и не оставатця въ долгу за карты прислугѣ.

16) Носа не очищать руками, а за столомъ въ салфетку, а имѣть носовой платокъ въ карманѣ.

17) Танцовать дозволяетця, но только въ перчаткахъ и чтобы руки были чисто вымыты мыломъ, въ контраданцѣ или екосе́сѣ не пристукивать крепко ногами и не присвистывать, а любимые погарскіе танцы: метелицу, ȣорлицу, дудочку, ȣолубца, дергунца танцовать запрещаетця, какъ сіи танцы употребляемые одними простолюдинами, козачка танцовать можно, но не стуча крѣпко ногами и не разваливаясь, а комарицкаго безъ припѣву словъ.

18) Ежели въ танцахъ случилось бы нечаянно наступить на ногу, то тотчасъ же просить извиненія, ибо по тееснотѣ дому собранія неизбѣжно сіе можетъ случитця.

19) Собранію время не назначаетця къ разъѣзду, а каждый можетъ быть по своему произволу, ежели хто пожелаетъ отправитця во свояси, то выходить тихо, не подходя къ дамамъ къ ручкѣ и не желая спокойной ночи, ибо о ночѣ и думать нихто не долженъ,

въ передней горницѣ не шумѣть, и старатця не взять чужой вмѣсто своей шубы или шапки, а ежели бы сіе случилось въ ошибкѣ, то на другой день рано прислать въ залу собранія.

20) Выходя съ собранія, итти не посрединѣ улицы а близь забора, дабы отъ неискусства въ ездѣ погарскихъ кучеровъ не получить оглоблею удара у спину.

Предостерегательныя правила:

Предъ собраніемъ за день рекомендуетця для очищенія желудка принять порядочный пріемъ кубебы или алеюсу, настоеннаго въ водкѣ.

Ежели кому встрѣтитця нужда для и... то сіе дѣлать не посрединѣ двора, и м. спущать не на крылцѣ, и осмотрѣтця: всѣ ли въ штанахъ защебнуты пуговицы и не замоченъ ли бантъ и нѣтъ ли чего на сапогахъ, чтобы не принести въ залу собранія...

Племянница Потемкина.

Предлагаемый отрывокъ заимствованъ изъ анонимныхъ записокъ невѣдомаго англійскаго доктора, совершившаго въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія путешествіе по южной Россіи. Журналъ „Revue Britanique“ (1847 г. № 2), гдѣ мы встрѣтили эти страницы, взялъ изъ книги англійскаго путешественника только этотъ портретъ престарѣлой графини Браницкой, первой владѣтельницы Бѣлой Церкви. Кое что въ этихъ замѣткахъ иностранца отзывается наивностью, но онѣ не лишены живости и личность аристократки екатерининскаго вѣка рисуется въ нихъ довольно рельефно. Путешественникъ описываетъ день, проведенный у графини Браницкой, къ которой попалъ прямо съ пріѣзда въ Бѣлую Церковь.

„Надо бы обладать перомъ Вальтеръ Скота, чтобъ описать эту женщину. Вся окружность на далекомъ разстояніи составляетъ ея собственность. Сама она происходитъ отъ знатной фамиліи, приходясь племянницей знаменитому Потемкину. Въ молодости, вмѣстѣ съ богатствомъ и знатностью, она плѣняла красотой. Она блистала на придворныхъ балахъ. Герой сѣвера, министръ и любимецъ Екатерины, умеръ на ея рукахъ. Она была баловницей императрицы и теперь, въ восемьдесятъ лѣтъ, съ такимъ же жаромъ и рвеніемъ заботилcя объ увеличеніи своего богатства и вліянія, какъ бы въ восемнадцатилѣтней юности. Состояніе ея самое значительное во

всей имперіи. Графиня является неограниченной повелительницей въ своихъ владѣніяхъ, которыя превосходятъ пространствомъ нѣсколько нѣмецкихъ княжествъ вмѣстѣ взятыхъ.

Я ожидалъ, конечно, встрѣтить особу величественнаго и важнаго вида, имѣвшую когда то честь носить шлейфъ императрицы всей Россіи, и мысль о представленіи ей приводила меня въ нѣкоторое смущеніе. Каково же было мое изумленіе, когда козачка-горничная ввела меня въ маленькую комнату, почти лишенную мебели. Стѣны комнаты были попросту вымазаны мѣломъ. Все убранство камина состояло изъ грубо раскрашеннаго гипсоваго бюста императрицы Екатерины. Въ каминѣ лежало нѣсколько полѣнъ дровъ. Дубовый столъ былъ заваленъ кипами бумагъ и тетрадей.

Въ ту минуту старая графиня занималась повѣркой счетовъ своего управляющаго. Она подписала нѣсколько послѣднихъ бумагъ и отпустила его, давъ поцѣловать свою руку. Когда управляющій вышелъ изъ комнаты, она повернулась ко мнѣ.

Это была женщина средняго роста и довольно полная. Черты ея лица сохранили слѣды былой красоты. Иногда это лицо оживлялось выраженьемъ. Глаза были еще блестящи и полны огня, несмотря на восьмидесятилѣтній возрастъ графини. На головѣ ея былъ надѣтъ чепецъ изъ муселина. Объ остальномъ костюмѣ нельзя было судить, такъ какъ вся она закутана была въ длинный турецкій шлафрокъ. Она нюхала въ большомъ количествѣ табакъ, просыпая двѣ трети его на свое платье.

Сидя въ вольтеровскомъ креслѣ, она постоянно терла щеки пальцами. Я былъ прежде всего пораженъ красотою ея рукъ, маленькихъ и полныхъ, какъ руки восемнадцатилѣтней дѣвушки. Большая бирюза, украшавшая указательный палецъ, еще больше обнаруживала необыкновенную бѣлизну ихъ кожи.

— Я чрезвычайно рада познакомиться съ вами, сказала она мнѣ. Какъ англичанинъ, вы видѣли, конечно, множество прекрасныхъ садовъ; но нигдѣ не найдете вы ничего похожаго на Александрію.

Я поклонился въ знакъ согласія.

— Это садъ Потемкина, продолжала старая графиня, любившая говорить и неохотно уступавшая слово другому: это садъ Потемкина и онъ посвятилъ его дружбѣ. Здѣсь вы увидите нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ императоромъ въ послѣдній его пріѣздъ. Тутъ стоитъ и бюстъ его, окруженный желѣзной рѣшеткой. На этомъ мѣстѣ императоръ пилъ какъ то чай. Бесѣдки и статуи стоили мнѣ боль-

шихъ денегъ, но я купила все на наличныя деньги и воспользовалась скидкой, что составило немалую сумму. Этотъ садъ обошелся мнѣ въ четыре милліона рублей. Но знаете ли, что сказала мнѣ императрица? Она сказала: „графиня, всѣ эти деньги остались здѣсь, на мѣстѣ, а это что нибудь да значитъ"... Гуляя, вы встрѣтите нѣсколько бесѣдокъ, въ окна которыхъ вставлены стекла. Въ этомъ виноватъ Бонапартъ. Я дала обѣтъ отпраздновать изгнаніе французовъ, затративъ десять тысячъ на украшеніе моей резиденціи, и эти стекла вошли также въ число украшеній... Въ большомъ павильонѣ вы замѣтите мраморный бюстъ императора, у подножія котораго на мѣдной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова... Вы вѣроятно понимаете по русски... Вырѣзанныя слова были буквально произнесены императоромъ; они означаютъ: „я до тѣхъ поръ не вложу сабли въ ножны, пока на русской землѣ останется хоть одинъ непріятель".

Графиня продолжала говорить такимъ образомъ, не давая мнѣ возможности вставить ни слова. Вдругъ она остановилась. Ея лицо болѣзненно сжалось и она сказала упавшимъ голосомъ:

— Докторъ, не знаете ли вы какого нибудь средства отъ судорги? Вотъ десять лѣтъ какъ она не даетъ мнѣ покоя.

Я понялъ тогда, почему она постоянно водила рукой по щекѣ: она разминала этимъ способомъ мускулы лица и останавливала ихъ сокращеніе.

Въ эту минуту ударили въ колоколъ на обѣдъ. Графиня указала мнѣ пальцемъ на дверь столовой и просила меня быть безъ церемоніи. Она предложила мнѣ присоединиться къ другимъ гостямъ и занять мѣсто за столомъ. Что касается ее, то она сейчасъ выйдетъ и сама.

Я повиновался и вышелъ.

Въ столовой было еще меньше мебели, чѣмъ въ комнатѣ, служившей пріемной. Стѣны ея были совершенно голы. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, накрытый бѣлой скатертью, на которой, кромѣ тарелокъ, видна была только, передъ приборомъ хозяйки дома, бутылка шампанскаго, да бутылка донскаго вина на противоположномъ концѣ стола. Всѣхъ обѣдающихъ было пятнадцать человѣкъ. Сзади каждаго изъ насъ стоялъ лакей въ великолѣпной ливреѣ. Чрезвычайно изумленный уже этой обстановкой, я былъ удивленъ еще больше, когда поданъ былъ обѣдъ. Она начался съ холодной ветчины, нарѣзанной ломтиками, которую обносили вокругъ

стола на большомъ блюдѣ. За ветчиной послѣдовалъ paté froid, потомъ салатъ, потомъ кусокъ пармезанскаго сыра.

Очень любя холодные обѣды, я радъ былъ поѣсть по своему вкусу и дѣлалъ честь подаваемымъ вещамъ. Я ѣлъ бы всего и больше, еслибъ слушался только своего аппетита; но я замѣтилъ, что сосѣди мои по столу едва дотрогивались до подаваемыхъ блюдъ, и я не хотѣлъ отставать отъ нихъ. Тѣмъ не менѣе я готовъ былъ уже въ третій разъ спросить себѣ хлѣба, какъ вдругъ, къ неописанному моему удивленію, лакей принесъ на столъ вазу съ супомъ. Въ ту же минуту вошла графиня и сѣла на свое мѣсто.

Какой же я былъ неучъ и какъ я ошибся! Ветчина, пирогъ, салатъ и сыръ, не говоря о шампанскомъ и донскомъ винѣ, не составляли обѣда, а только какъ бы прелюдію къ нему, предисловіе и приготовленіе къ работѣ болѣе серьезной.

Я былъ немного сконфуженъ своей ошибкой, тѣмъ болѣе что удовлетворилъ свой аппетитъ на мелочахъ, которыя должны были только его пробудить. Тѣмъ не менѣе я вооружился мужествомъ и рѣшилъ подражать во всемъ дѣйствіямъ графини, убѣжденный, что въ моемъ невѣдѣніи обычаевъ, это былъ единственный способъ не надѣлать новыхъ неловкостей. Я наскоро покончилъ съ тарелочкой раковаго супа, дѣйствительно превосходнаго, и такъ какъ графиня запила его стаканомъ вина, я схватилъ бутылку, стоявшую возлѣ меня, и налилъ себѣ полный стаканъ, который и выпилъ. Можетъ быть поступокъ мой не подходилъ къ принятому этикету или, глотая это вино, чертовски кислое, я не могъ скрыть легкой гримасы, не ускользнувшей отъ графини, но только стоявшій позади меня лакей получилъ приказаніе поставить возлѣ меня на столъ бутылку пива и бутылку квасу. Я довольствовался этими двумя напитками въ остальную часть обѣда, хотя они не были мнѣ по вкусу.

Въ то время, какъ происходила эта перемѣна бутылокъ, подали громадный кусокъ ростбифа. Графиня, при каждой перемѣнѣ блюда, накладывала очень много себѣ на тарелку, но, отвѣдавши два-три раза, сейчасъ же приказывала убирать. Мнѣ объяснили, что любимой горничной предоставлено было преимущество кончать все, что оставалось на тарелкахъ госпожи, и что эти тарелки, еще на двѣ трети наполненныя, ей и предназначались. Послѣ мяса подали въ соусникѣ гречневую кашу съ холоднымъ масломъ. Я рѣшился пропустить это блюдо, не дотронувшись до него. Потомъ слѣдовала рыба—корюпа подъ соусомъ и я отвѣдалъ кусочекъ. Но продолжать

этотъ бой было рѣшительно не въ моихъ силахъ. Еслибъ вино было лучше или еслибъ я его больше выпилъ, оно дало бы мнѣ силы быть болѣе выносливымъ, къ чему пиво не было пригодно. Къ счастью, мнѣ показалось, что обѣдъ приближается къ концу, и видъ жаркого изъ дичи далъ мнѣ знать, что скоро появится дессертъ.

Я замѣтилъ, что сосѣди мои по столу едва обмѣнивались нѣсколькими словами и были всецѣло заняты важнымъ дѣломъ настоящаго момента.

За дессертомъ я не замѣтилъ ничего рѣшительно чужеземнаго: графиня изгнала все покупное. Она принадлежала къ людямъ, полагающимъ, что каждая страна можетъ и должна сама себя довольствовать. Скатерть не сняли со стола, какъ принято въ Англіи. Я насчиталъ пятнадцать сортовъ фруктовъ. Всѣ они были изъ садовъ нашей хозяйки. Персики, дыни и яблоки были превосходнаго вкуса. Маленькая сахарница, полная мелкимъ сахаромъ, была предложена графинѣ, которая взяла щепотку и посыпала кусокъ дыни, бывшій у нее въ рукахъ, но сейчасъ же отправила сахарницу, замѣтивъ, что дыня сама по себѣ достаточно сладка.

Послѣ этого хозяйка дома, бросивъ вокругъ себя взглядъ сопровождаемый любезной улыбкой, встала изъ за стола: всѣ встали по ея примѣру и многіе изъ обѣдавшихъ подошли поцѣловать ей руку. Мы перешли въ залу, гдѣ приготовлено было кофе. Нѣсколько минутъ спустя графиня предложила мнѣ прогулку по садамъ, о великолѣпіи которыхъ я много уже слышалъ.

Эти сады оказались достойными своей славы. Массы зелени, бассейны, полные рыбой, партеры цвѣтовъ и пр. все однимъ словомъ было на степени самаго высшаго тона. Хозяйка дома пила только шампанское. Ей позволено было пить одно это вино. Я упомянулъ уже, какъ она одна только посыпала сахаромъ дыню и какъ послѣ этого тотчасъ же унесли сахарницу. Этотъ характерный эпизодъ рисуетъ лучше нравы страны, чѣмъ все, что можно было бы сказать на эту тему. Двѣ три подробности дорисуютъ еще характеръ графини.

Для нее не было ничего ни слишкомъ великаго, ни слишкомъ мелкаго. Обладательница царскаго богатства, она изощряла способности въ спекуляціяхъ и, взимая съ своихъ крестьянъ только самый легкій налогъ, была бы въ состояніи поставить на ноги армію или снарядить флотъ. Очень щедрая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она проявляла въ другихъ крайнюю скупость. Недостатки ея были слиш-

комъ преувеличиваемы. Чтобы ни говорили по этому поводу, ея крестьяне не показались мнѣ болѣе несчастными, чѣмъ крестьяне сосѣднихъ владѣльцевъ. Унея были пріятныя манеры, способность вести интересную бесѣду и достаточно образованія. Правда, она преисполнена была предразсудковъ, но это было послѣдствіемъ обстоятельствъ, среди которыхъ она выросла и прожила жизнь“...

В. Г.

Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября).

Съ праздникомъ св. апостола Андрея Первозваннаго соединяется въ Малороссіи масса интересныхъ обрядовъ, гаданій и всякаго рода развлеченій. Этотъ праздникъ особенно чествуется дѣвушками, которыя наканунѣ его гадаютъ о своемъ суженомъ. Дѣвушка въ Малороссіи увѣрена, что имя перваго встрѣченнаго наканунѣ праздника мужчины и будетъ имя ея суженаго. Вѣроятно, названіе — Андрей *Первозванный* послужило основаніемъ такому повѣрью.

Стремленіе узнать свою судьбу и вѣра въ то, что при посредствѣ нѣкоторыхъ способовъ возможно приподнять завѣсу будащаго— глубоко коренится въ природѣ человѣка. Такая вѣра тѣмъ сильнѣе, чѣмъ мы дальше будемъ углубляться въ первобытную исторію человѣчества. Она вызвала появленіе оракуловъ, птицегадателей, звѣздочетовъ; таковъ мотивъ, между прочимъ, былъ у насъ существованія въ древности волхвовъ и кудесниковъ, а въ настоящее время—знахарей, вѣдуновъ, вѣдьмъ, ворожей и гадательницъ.—Нѣкоторые изъ способовъ гаданія въ канунъ Андрея напоминаютъ римскія гаданія авгуровъ и древне-германскія—при помощи птицъ и животныхъ, другія—при помощи хлѣба, составляютъ спеціальную принадлежность славянскаго племени; третьи — новѣйшаго, почти современнаго происхожденія

Въ малороссійскихъ деревняхъ уже за цѣлую недѣлю до Андрея *дивчата* съ особымъ волненіемъ ожидаютъ этого праздника, чтобы собраться на вечерныци, погадать о своемъ суженомъ и повеселиться съ *парубками*. Вечеромъ 29-го ноября, чуть засвѣтятся привѣтливые огни въ хатахъ, какъ толпа дѣвушекъ собирается къ одной какой-нибудь подругѣ или женщинѣ, гдѣ имѣется простор-

ная горница, и затѣмъ всѣ высыпаютъ за ворота *ловить прохожихъ*. Съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ подходитъ дѣвушка къ попавшемуся навстрѣчу человѣку и задаетъ обычный вопросъ: *будьте ласкавы, дядьку, скажить, якъ ваше имя?* И въ отвѣтъ получаетъ— *Грыцько*. Другія дѣвушки слышатъ имена: Петро, Павло, Семенъ, Тарасъ, Васыль и т. д. Дѣвушка, сказавши: *спасиби*, убѣгаетъ, и увѣрена, что узнала имя своего суженаго. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что спрошенный всегда правдиво отвѣчаетъ свое настоящее имя, а не выдумываетъ какое нибудь мудреное, какъ это бываетъ въ городахъ, гдѣ на подобное гаданіе смотрятъ, какъ на забаву.

Второй способъ гаданья обставленъ нѣкоторой обрядностью. Утромъ этого дня, до восхода солнца, дѣвушка идетъ къ криницѣ брать такъ называемой *непочатой воды*. Пришедши домой, она на этой водѣ изъ муки приготовляетъ лепешки, или *балабушки*, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Эти балабушки долженъ схватить песъ, котораго для этого случая и подготовляютъ. Обыкновенно, его передъ вечеромъ запираютъ въ сарай, чтобы дать ему возможность проголодаться. Вечеромъ ставится посреди хаты табуретъ (стилець); на немъ раскладываются балабушки; каждая такая балабушка означаетъ какое нибудь лицо. Одна, напр. представляетъ собою Марію, другая Степана, третья—Мотрю, четвертая Ѳедора и т. д. Всѣ дѣвушки разбѣгаются по угламъ хаты и наблюдаютъ, какъ будетъ хватать балабушки выпущенный песъ. Если песъ схватитъ сначала лепешку Маріи, а потомъ Степана, то это значитъ быть имъ въ парѣ. И дѣйствительно, парень смотритъ на указанную ему судьбой дѣвушку, какъ на свою избранницу, сходится съ нею на вечерницахъ и кончаетъ часто брачными узами.

Почти такой же смыслъ имѣетъ гаданье при помощи пѣтуха. Дѣвушки становятся въ кружокъ; каждая насыпаетъ подлѣ себя кучку зеренъ и кладетъ туда кольцо; затѣмъ впускаютъ пѣтуха. Подлѣ которой дѣвушки начнетъ онъ клевать и въ особенности, если попадетъ клювомъ въ кольцо, то это считается вѣрнымъ признакомъ, что та дѣвица скоро выйдетъ замужъ. Другаго рода гаданіе происходитъ съ сѣменами. Въ Подлясьи дѣвушки засѣваютъ конoплянымъ сѣменемъ землю, приготовленную въ лубочномъ ящикѣ, и говорятъ: „Св. Андрей! я на тебе ленъ сію. Дай мени узнаты, зъ кимъ буду сбираты" (Терещенко, Быт. р. н. ч. VI, 66). При этомъ вѣрятъ, что приснится суженый.

Потомъ дѣвушка выдергиваетъ изъ стрѣхи солому, ищетъ въ ней колосъ съ зернами, и если найдетъ до пары (четное число зеренъ), то выйдетъ замужъ, а если нѣтъ, то не выйдетъ.

Особенно знаменателенъ обрядъ, происходящій въ этотъ вечеръ, такъ называемый *доставать калету. Калетой* называется большой пшеничный коржъ, который намазывается медомъ и подвѣшивается къ потолку. Подлѣ калеты на лавкѣ садится парень съ мыйкой (тряпкой), омоченной въ сажу. Парни и дѣвушки, которые присутствуютъ на вечеринкѣ, должны подъѣхать къ калетѣ на кочергѣ (символъ домашняго очага), подскочить и схватить зубами калету. При этомъ ѣдущій обыкновенно говоритъ: „jiду (ѣду), jiду калету кусаты"; а парень съ мыйкой отвѣчаетъ: „а я тебе буду по морди кресати!" Если ѣдущій засмѣется, то парень смазываетъ его мыйкой, и онъ отходитъ посрамленный въ сторону, при общемъ дружномъ хохотѣ.

Послѣ этого дѣвушки выходятъ колья въ тыну считать: если находятъ до пары, то значитъ, что выйдетъ замужъ, если же нѣтъ, то значитъ, не будетъ имѣть въ этомъ году пары.

Если подлѣ дома, гдѣ собрались, поблизости находится прудъ, то дѣвушки бѣгутъ къ пруду, захватываютъ горсть земли и затѣмъ дома разсматриваютъ, что имъ попалось: если найдется *триска* (щепка), то суженый будетъ плотникъ, если нитка, то—ткачъ, если желѣзо, то—кузнецъ, если уголь попался, то скверно,—будетъ жизнь мрачная, а то и смерть.

Идутъ слушать подъ окна, что говорится въ хатѣ. Если скажутъ: „сядь!", то не выйдетъ въ томъ году замужъ; если скажутъ „иды соби!", то скоро выйдетъ замужъ.—Берутъ также сапогъ и перебрасываютъ его черезъ себя назадъ: куда онъ упадетъ носкомъ, въ ту сторону пойдетъ замужъ.

Гадаютъ въ этотъ вечеръ еще при помощи воска. Выливаютъ растопленный воскъ въ миску съ водой; воскъ охлаждается и образуетъ причудливыя формы; на эти формы смотрятъ, и если находятъ подобіе церкви—быть вѣнцу; если же выльется крестъ—предсказаніе знаменуетъ близкую смерть.

Сны подъ этотъ день имѣютъ вѣщее значеніе: если приснится соколъ, значитъ—добрый молодецъ; если приснится, что переводитъ черезъ рѣку по мосту—это уже самый рѣшительный символъ брака. Въ толкованіи сновъ народъ придерживается своей символики, которая часто коренится въ миѳическихъ вѣрованіяхъ или въ древнихъ

обычаяхъ. Такъ, подлѣ рѣкъ, по сказанію Нестора Лѣтописца, совершались у древлянъ брачныя игрища и здѣсь же происходили умыканія дѣвицъ; отсюда, можетъ быть, переправиться (во снѣ) черезъ рѣку съ милымъ значитъ—вступить съ нимъ въ бракъ. Одна изъ бѣлорусскихъ пѣсень выражаетъ эту самую мысль: дѣвица ищетъ переправы черезъ рѣку; милый ей предлагаетъ мосты помостить и бояръ прислать. Дѣвица отвѣчаетъ, что съ боярами его она не знается. Тогда женихъ говоритъ; „Я къ тебѣ, милая, соколомъ лягу".—„Я жъ къ тебѣ, милы мой", отвѣчаетъ невѣста, „пирапелочкой". (Шейнъ, Б. п. № 338)

Такъ деревня гадаетъ. Города въ этомъ случаѣ не уступаютъ деревнѣ, хотя въ городскихъ гаданьяхъ менѣе непосредственности; здѣсь они скорѣе забава, условное традиціонное развлеченіе, способъ разнообразить свою жизнь. Въ самомъ Кіевѣ этотъ день празднуется всегда съ особымъ интересомъ: можетъ быть, этому способствуетъ то обстоятельство, что здѣсь есть прекрасная церковь св. Андрея Первозваннаго, вѣнчающая собою одну изъ горъ кіевскихъ. Вотъ въ эту церковь наканунѣ Андрея и собираются барышни, мѣщаночки и всякія дѣвицы, чающія выхода замужъ. Здѣсь давно уже укоренился, по нашему мнѣнію, довольно неприличный обычай сцѣплять парочки. Это дѣлается такимъ образомъ: пришиваютъ шлейфъ барышни къ пальто кавалера. Когда приходится расходиться изъ церкви, тутъ то и пойдетъ потѣха; барышня обращается съ претензіей къ кавалеру: „зачѣмъ вы меня тащите?" а тотъ возражаетъ: „нѣтъ, зачѣмъ вы меня тянете!" Часть барышень ходитъ по площадкѣ вокругъ церкви и обращается къ кавалерамъ съ вопросомъ: „какъ ваше имя?" Кучка стоявшихъ здѣсь семинаристовъ, которыхъ я наблюдалъ, назвали себя: Неонъ, Урванъ, Ѳеогнидъ, Каздой, Гаведдай, Протогенъ и Филологъ (такія имена дѣйствительно есть въ святцахъ). Затѣмъ подходятъ къ тремъ приличнымъ юношамъ,—тѣ называютъ себя: Коеффиціентъ, Перпендикуляръ, Радикалъ. Оказалось, что это были студенты-математики. Нѣкоторыя изъ барышень обращаются къ кавалерамъ, которые по проще—изъ мѣщанъ, но тутъ услышали уже совершенно странныя имена: Сорокопудъ, Шилохвостъ, Лоботрясъ. Въ Кіевѣ настоящее имя кавалера въ этотъ день барышнѣ весьма трудно узнать. На Крещатикѣ же часто кавалеры отвѣчаютъ неприличными именами.

И городскія дѣвицы, какъ и деревенскія, вечеромъ и на ночь (подъ св. Андрея) забавляются гаданьями. Обыкновенно берутъ

нѣсколько блюдецъ и накрываютъ ими пуговицу военную, штатскую, хлѣбныя зерна, перо, а одно блюдце оставляютъ пустымъ. Дѣвицы поднимаютъ блюдца: которая откроетъ военную пуговицу, значитъ—выйдетъ замужъ за военнаго, если откроетъ зерна—выйдетъ за помѣщика, если блюдце будетъ пустое—останется безъ жениха. Затѣмъ бросаютъ въ стаканъ воды кольцо и смотрятъ туда, пока предъ утомившимся зрѣніемъ не промелькнетъ чья нибудь фигура, по большей части того, о комъ усиленно думаютъ.—Еще прибѣгаютъ къ помощи бѣлка: выливаютъ бѣлокъ яйца въ стаканъ воды. Бѣлокъ, какъ и воскъ, принимаетъ причудливыя формы. Говорятъ, бѣлокъ всегда принимаетъ форму церкви или кладбища. Предсказаніе здѣсь очевидное. А то берутъ листъ бумаги, дѣлаютъ на немъ складки (гофрируютъ) и жгутъ его, а потомъ подносятъ къ стѣнѣ и смотрятъ, какія тѣнь отъ него производитъ фигуры. При малѣйшемъ движеніи воздуха, сожженная бумага измѣняетъ свою форму, и на стѣнѣ показываются то мальчики пляшущіе, то черти, и по нимъ гадаютъ. Въ этомъ случаѣ много помогаетъ извѣстнымъ образомъ настроенное воображеніе. Говорятъ же, что африканскіе дикари вѣрятъ, что солнце погружается въ море, и они даже слышатъ, какъ оно шипитъ и кипитъ, когда раскаленное свѣтило коснется воды.

Городская барышня, ложась спать, молится Богу, чтобы приснился ей суженый. Такіе сны вызываются даже искусственно. Такъ, дѣвушка беретъ наперстокъ воды, муки и соли, печетъ лепешку и ѣстъ ее на ночь, а подъ кровать ставитъ стаканъ съ водою, на верху котораго устраиваетъ мостикъ изъ прутьевъ. Ночью, когда ей захочется пить, ей приснится суженый, который переведетъ ее черезъ мостъ (миѳическій символъ брака). Въ другомъ случаѣ барышня на ночь подъ подушку кладетъ гребень и вѣритъ, что приснится милый, который ее расчешетъ. Иногда оставляютъ на одной ногѣ чулокъ и думаютъ, что милый въ эту ночь придетъ снимать его (сниманіе обуви въ древнерусской свадьбѣ). При такихъ гаданьяхъ принято ложится не на обычномъ, а гдѣ нибудь на новомъ мѣстѣ. Такъ обыкновенно и приговаривиютъ: „На новомъ мѣстѣ приснись женихъ невѣстѣ!“

Хр. Ящуржинскій

Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими.

„По повелѣнію ясневелможного, високоповелителнаго г. Малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и Войска Запорожского гетмана, е. и. в. действительного камеръ-гера и санкпетербур. академіи наукъ президента и лейбъ-гвардіи измайловского полка полковника (sic) и разнихъ ординовъ кавалера Россійской имперіи Кирила Григоріевича е. свѣтл. Розумовского исъ походной е. я. канцеляріи войсковому канцеляристу Гр. Губчицу

інструкцѣя.

Принявъ вамъ сію інструкцѣю и писма отъ е. я. къ разнимъ персонамъ, ехать вамъ подорожной почтою въ Санктъ-Питѣрбурхъ и, за прибитиемъ туда, тѣ писма, кому надлежить по подписамъ, вручить, а притомъ всякого дня являтся его рейхсъграфскому сиятелству Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, дражайшему е. я. брату, такожъ и государственному великому канцлеру, е. с. Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину и вице-канцлеру е. с. графу Михаилу Григорьевичу Воронцову, и старателно просить о нижейслѣдующемъ:

1) Ограмотѣ въ конфирмацѣю гетманского достоинства.

2) На посланное отъ е. я. представленіе о битіи г. Кіеву и тамошнему магистрату подъ вѣдомствомъ гетманскимъ по прежнему, а расколникомъ, въ Малой Россіи на земляхъ владелческихъ живущимъ, о имѣющихся въ Малой Россіи бившихъ владѣнія гр. Михаила Головкина, состоящихъ нине въ канцеляріи конфирмацѣй селахъ Хоружовкѣ и протчихъ, о бившомъ во владѣніи бившого фелтмаршала Миниха селе Роскахъ съ построенною тамъ исъ тамошнихъ доходовъ суконною фабрикою и съ имѣющимися при той фабрики людми, да о поданнихъ въ прошлихъ годехъ е. и. в. отъ прежней старшины о малороссійскихъ дѣлахъ докладахъ, а именно: 1) о выводѣ грузинъ зъ Ма-

лой Россіи, по силѣ имянного е. и. в. указу, 2) о маетностяхъ, до генералной артилеріи издревне принадлежащихъ Рождественской, Краснополи (?)... съ прошеніемъ о возвращеніи всего вышеписанного подъ вѣдомство е. я.

3) Написанное въ комисію иностр. дѣлъ представленіе о взятой, за опустѣніемъ города Батурина, тамо всей артилеріи, которая положена въ г. Сѣвску, и возвращеніи оной по прежнему къ г. Батурину.

4) На посланное отъ е. я. писмо кіевскому канцелеру о возвращеніи данной въ 1711 г. на гетманство гетману Скоропадскому грамоты.

5) На посланное отъ е. я. писмо къ великому канцлеру съ прошеніемъ о докладѣ е. и. в., дабы, во исполненіе е. и. в. имянного указа, кирасирскихъ полковъ и конной гвардіи конскіе заводы изъ маетностей сего года іюня до 1 числа всѣконечно виведени были и за содержаніе на коштѣ е. я. по тоежъ число конскихъ конной гвардіи полковъ, равномѣрно по тому жъ, какъ и за киросирскіе, заплатили.

6) Два, посланніе въ канцелярію иностранную представленія: 1) о бытіи ярмонку Кролевецкому по прежнему сентября 15 числа, 2) о присылкѣ въ Глуховъ положенного по окладу къ производженію Войску Запорожскому опредѣленнихъ хлѣба, пороху и свинцу, и на всѣ оніе представленія и писма стужательно просить резолюцѣю, а наипаче о тѣхъ дѣлахъ, кои въ 1, 2, 3, 4 и 5 пунктахъ вишеозначени.

7) Егда въ скорости хотя на нѣкоторіе изъ оннхъ дѣлъ учинится резолюцѣя, найпаче если вамъ повѣрена будетъ високомонаршая грамота на гетманское достоинство, то съ оною ѣхать вамъ обратно денно и ночно, сы-съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ къ Москвѣ, гдѣ е. я. оной височайшей грамоти нетерпѣливо дожидаться будетъ, а протчихъ, въ сей инструкцѣи написанныхъ дѣлахъ, меморіалъ подать г. Сабанину и надв. совѣтнику г. Новоторжцеву. Будучи же вамъ въ нинѣшней посилки и въ исправленіи резолюцѣи на порученіе въ сей инструкцѣи дѣла поступать рачително и прилѣжно во всемъ, какъ доброму

и честному человѣку благопристойно. Дана въ Москвѣ. Маія 8 дня, 1751 г.“.

(Южнорусск архивъ при харьковск. универс. Дѣло 19. 860).

Подписей нѣтъ. Очевидно, это—чернетка, случайно попавшая въ архивъ Малороссійской Коллегіи изъ походной канцеляріи гетмана Разумовскаго.

А. Твердохлѣбовъ.

Къ біографіи Г. Н. Теплова.

Важное историческое значеніе дѣятельности Г. Н. Теплова для судебъ южной Россіи достаточно уже извѣстно, чтобы была необходимость распространяться о ней теперь; тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ вспомнить главнѣйшіе факты его жизни, чтобы привести ихъ въ связь съ тѣми новыми біографическими данными, о которыхъ мы сообщаемъ ниже.

Григорій Николаевичъ Тепловъ, какъ предполагаютъ многіе, былъ сыномъ знаменитаго дѣятеля петровскаго времени новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича отъ истопницы; унаслѣдовавъ отъ своего отца прекрасныя умственныя способности и получивъ подъ его руководствомъ и покровительствомъ блестящее по тому времени образованіе, которое довершилъ занятіями и слушаніемъ лекцій въ Тюбингенѣ и Парижѣ, онъ, по возвращеніи изъ заграничной командировки съ ученой цѣлью, былъ сначала адъюнктомъ по каѳедрѣ натуральной исторіи въ Академіи Наукъ, а потомъ приглашенъ въ воспитатели къ будущему гетману Малороссіи графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому; расположеніемъ этого послѣдняго Тепловъ овладѣлъ настолько, что сдѣлался для него необходимымъ человѣкомъ: назначенъ былъ, напр., Разумовскій президентомъ Академіи Наукъ, и онъ предоставилъ Теплову право руководить дѣлами этого учрежденія; возвели Разумовскаго въ гетманское достоинство, и онъ опять вызвалъ къ себѣ Теплова, поручивъ ему завѣдываніе своей канцеляріей и не мѣшая ему дѣлать произвольныя распоряженія отъ имени гетмана; когда Разумовскому былъ пожалованъ государыней г. Батуринъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, то застроеніе города, сооруженіе гетманскаго дома и всего къ нему необходимаго было поручено Теплову; онъ собиралъ рабочихъ, расплачивался съ ними, пріобрѣталъ строительный матеріалъ и проч., ведя безпрерывную бумажную борьбу съ Генеральной

Войсковой Канцеляріей, которая обязана была распоряжаться сборомъ изъ разныхъ сотенъ поочередно мастеровыхъ и вообще рабочихъ людей и подводъ; за труды по застроенію г. Батурина и сооруженію гетманскаго дворца Разумовскій подарилъ Теплову участокъ земли, лежавшій за городомъ, на урочищѣ между Городкомъ и Гончаровкою; мѣсто это располагалось на горѣ, спускаясь одной стороной къ р. Сейму; оно занимало пространство въ восемь десятинъ; въ теченіи четырехъ лѣтъ Тепловъ обязанъ былъ застроить полученную въ даръ усадьбу [1]); о томъ, что сталось позже съ этой усадьбой, мы не имѣемъ свѣдѣній. Вслѣдъ за тѣмъ Тепловъ, вмѣстѣ со своимъ покровителемъ, принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, написалъ манифестъ о вступленіи ея на престолъ и исполнялъ обязанности секретаря чрезвычайнаго совѣта, собиравшагося въ первые дни ея правленія; тогда же онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ и въ этомъ высокомъ для него званіи чередовался, вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Елагинымъ, находясь у пріема прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Наконецъ, возведенный въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, былъ пожалованъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Елагинымъ, въ сенаторы, продолжая, однако же, принимать участіе во всѣхъ начинаніяхъ Екатерины и являясь всегда въ числѣ главныхъ ея совѣтниковъ; извѣстны его мнѣнія по вопросамъ промышленности и торговли на сѣверѣ и югѣ Россіи; по вопросамъ о воспитаніи вообще и о воспитаніи наслѣдника престола въ частности, объ учрежденіи батуринскаго университета, управленіи Малороссіей и проч.; извѣстны также и его „Записка о непорядкахъ въ Малороссіи“, его многочисленные доклады государынѣ и особыя мнѣнія; есть извѣстіе даже, что грамота дворянству, обнародованная уже по смерти Теплова, написана имъ; извѣстны, въ свою очередь, и его печатныя произведенія: „Знанія вообще, до философіи касающіяся“, вышедшее въ 1750 году [2]) и „Наставленіе сыну“, вышедшее въ 1768 году; оба эти произведенія составляютъ теперь большую библіографическую рѣдкость. Такъ разнообразна

[1]) Гр. Разумовскому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1750 году, а Тепловъ получилъ землю отъ гр. Разумовскаго по универсалу отъ 3 декабря 1760 года; въ теченіи десяти лѣтъ шла переписка Теплова съ Генеральной Войсковой Канцеляріей о доставкѣ рабочихъ людей. Сообщеніемъ этой переписки мы обязаны уважаемому А. М. Лазаревскому и приносимъ ему нашу глубокую благодарность.

[2]) Экземпляръ этого сочиненія находится въ библ. универс. св. Владиміра.

была дѣятельность Теплова на поприщѣ науки и общественной жизни. На этотъ разъ мы не будемъ касаться оцѣнки этой дѣятельности и личныхъ свойствъ Теплова, оцѣнки, въ которую внесено, какъ его современниками, такъ и позднѣйшими историками не мало пристрастія; пересмотръ всѣхъ этихъ мнѣній и отзывовъ, съ обусловливающими ихъ мотивами, мы отлагаемъ до ближайшаго будущаго, а теперь обратимъ вниманіе лишь на подробности малоизвѣстной до сихъ поръ семейной жизни Г. Н. Теплова, насколько выясняется она изъ оставленнаго имъ духовнаго завѣщанія, которое посчастливилось намъ найти въ огромной массѣ сыраго матеріала, касающагося лѣвобережной Украины и недавно полученнаго въ Центральномъ Архивѣ нашего университета.

Григорій Николаевичъ Тепловъ родился въ 1720 году, умеръ же въ 1779 г., проживъ такимъ образомъ почти 60 лѣтъ. Причина его смерти намъ неизвѣстна, но несомнѣнно, что онъ страдалъ какой то давней, тяжелой, хронической болѣзнію; когда Тепловъ „отправлялъ собственныя ея величества порученія“ и „состоялъ у принятія челобитенъ, подаваемыхъ ея величеству въ собственныя руки“ [1]), болѣзнь обнаружилась уже съ значительной силой. Екатерина II, жалуя ему въ 1765 году орденъ св. Анны, мотивируетъ въ одномъ частномъ своемъ письмѣ эту награду желаніемъ, чтобы Тепловъ скорѣе выздоровѣлъ [2]). Въ 1771 году болѣзнь возобновилась съ новой силой и государыня въ двухъ письмахъ, отъ 13 іюня и 16-го іюля того же года, къ одному изъ своихъ приближенныхъ выражаетъ сожалѣніе о болѣзни Теплова и желаетъ ему здоровья [3]). Въ 1778 году болѣзнь угрожала ему настолько, что онъ долженъ былъ позаботиться о распоряженіи своимъ имуществомъ; 8 октября имъ составлено было даже духовное завѣщаніе; смерть однако же послѣдовала только 30-го марта 1779 года. За нѣсколько дней до своей кончины, Тепловъ, послѣ свиданія и бесѣды съ близкими его сердцу людьми: графомъ К. Г. Разумовскимъ и сенаторомъ И. П. Елагинымъ, написалъ, въ дополненіе къ завѣщанію, письмо на имя этихъ сановниковъ, называя ихъ своими „милостивыми и любезными друзьями“, въ которомъ проситъ ихъ быть опекунами надъ его имуществомъ и дѣтьми, ходатайствовать предъ государыней объ

---

1) „Кіев. Старина“, 1887 г., № 1.

2) Сборникъ Рус. Историч. Общества, т. X, стр. 42.

3) Ibid., т. XIII, стр. 114—115.

утвержденіи его духовнаго завѣщанія и наблюдать за тѣмъ, чтобы его послѣдняя воля строго точно была выполнена сыномъ. Разумовскій и Елагинъ удовлетворили просьбу умирающаго Теплова, а Екатерина II 23-го апрѣля утвердила его завѣщаніе, вмѣстѣ съ письмомъ на имя душеприкащиковъ, собственноручной обычной подписью на обоихъ актахъ: „быть по сему". Вслѣдъ за тѣмъ, завѣщаніе было представлено въ Сенатъ, который указомъ своимъ отъ 13 іюня 1779 года за № 192 предписалъ Малороссійской Коллегіи, въ виду того, что имѣнія Теплова находятся и въ Малороссіи, принять къ свѣдѣнію и руководству завѣщаніе послѣдняго; при указѣ были приложены въ копіяхъ и письмо къ опекунамъ и самое завѣщаніе; изъ старыхъ дѣлъ этой Коллегіи мы и заимствуемъ его.

Такова несложная исторія этихъ документовъ и намъ остается теперь перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія.

Сложилось мнѣніе, что у Теплова были огромныя имѣнія и несмѣтныя богатства; въ дѣйствительности же изъ завѣщанія мы узнаемъ, что соотвѣтственно тому высокому общественному положенію, какое занималъ онъ, и вліянію, какимъ пользовался онъ на дѣла, богатства его, сравнительно, не могутъ считаться особенно большими. У него было слѣдующее недвижимое имущество:

1) село *Молодово* въ кромскомъ уѣздѣ; въ немъ по ревизіи числилось 642 души; въ это число входили крестьяне изъ всѣхъ другихъ имѣній,

2) загородный домъ въ *ингерманландской* губ., съ 28 душами,

3) въ Малороссіи ему принадлежало село *Тепловка*, со слободами, въ лубенскому полку, въ селѣ и слободахъ было 150 дворовъ,

4) *Бѣлоусовскій* хуторъ въ новгородской сотнѣ стародубскаго полка, съ 10 дворами,

5) какія то угодья въ г. *Пирятинѣ* и, наконецъ,

6) два дома въ *С.-Петербургѣ*: одинъ на Фонтанкѣ, а другой загородный, на Выборгской сторонѣ.

Изъ „дневныхъ записокъ" Маркевича намъ извѣстно, что сверхъ перечисленнаго имущества у Теплова былъ еще дворъ въ Глуховѣ по сосѣдству съ дворомъ Маркевича; свой дворъ Маркевичъ подарилъ потомъ Теплову; изъ сообщенныхъ намъ А. М. Лазаревскимъ и цитированныхъ выше документовъ видно, что у Теплова была еще усадьба въ 8 десятинъ въ Батуринѣ, подаренная ему Разумовскимъ; но ни о судьбѣ глуховскаго двора, ни о землѣ въ Батуринѣ мы не имѣемъ свѣдѣній и въ завѣщаніи они не упо-

минаются; весьма вѣроятно, что Тепловъ при переѣздѣ въ С.-Петербургъ продалъ ихъ кому нибудь.

Къ имуществу Г. Н. Теплова слѣдуетъ также присоединить мимоходомъ лишь упоминаемое въ завѣщаніи то приданое, которое далъ онъ двумъ своимъ старшимъ дочерямъ по ряднымъ записямъ; величину этого приданаго самъ онъ, къ сожалѣнію, не опредѣляетъ въ завѣщаніи; мы также опредѣлить его не можемъ за отсутствіемъ этихъ записей.

„Денегъ наличныхъ", говоритъ завѣщатель, „у мене никакихъ нѣтъ, и къ прожитку моему часто у мене ихъ и не доставало". И дѣйствительно, онъ обязываетъ сына заплатить изъ доходовъ съ его имѣній болѣе 25,000 руб. долгу.

Относительно пріобрѣтенія имущества Тепловъ говоритъ, что оно у него не родовое, а пріобрѣтено имъ самимъ за собственныя деньги; точно также ни первая, ни вторая его жена приданаго за собой никакого не привесли и рядныхъ записей отъ нихъ у него будто бы не было и нѣтъ. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, а также и тѣмъ, что всю свою жизнь онъ будто бы „проводилъ нестяжательно и ненавистникомъ былъ корыстолюбія", Тепловъ объясняетъ и незначительность своего недвижимаго имущества, и малое количество крестьянъ, и отсутствіе капитала. Но, если вспомнить захваты имъ какихъ то лизогубовскихъ земель, какія то жалобы крестьянъ самой будто бы государынѣ объ угнетеніи, о чемъ упоминаетъ въ своихъ возраженіяхъ г. Кулишу покойный М. А. Максимовичъ, пристрастно отнесшійся и къ личности Теплова, и къ его „Запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи", то нельзя не признать, что нестяжательность и ненависть къ корыстолюбію понимались Тепловымъ весьма условно и относительно, а не прямо и буквально; о нестяжательности своей Тепловъ говоритъ также и въ письмѣ къ князю Щербатову, сѣтуя на недостаточное вознагражденіе своихъ заслугъ.

Переходя къ разсмотрѣнію распредѣленія указаннаго имущества между наслѣдниками, намъ необходимо ознакомиться прежде съ составомъ семьи Теплова и, насколько возможно, съ судьбою ея членовъ.

Составъ семьи Г. Н. Теплова—довольно значителенъ. Завѣщатель былъ женатъ два раза: въ первый—на Елисаветѣ Марковнѣ, фамилія, которой намъ неизвѣстна, а во второй—на Матренѣ Гера-

симовнѣ, дочери бунчуковаго товарища Стрѣшенцева—Денежка[1]); отъ перваго брака у него было двѣ дочери: Анна и Елисавета; старшая въ замужествѣ за Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ и меньшая за Иваномъ Ивановичемъ Демидовымъ; отъ втораго брака Тепловъ имѣлъ троихъ дѣтей: сына Алексѣя и двухъ дочерей: Наталію и Марію; послѣднія остались по смерти отца малолѣтними и опекуномъ надъ ними по завѣщанію назначался братъ.

Что касается до судьбы членовъ семьи Теплова, то о ней мы имѣемъ очень немногія и при томъ весьма отрывочныя свѣдѣнія. Дочери отъ перваго брака вышли замужъ еще при жизни отца, выдѣлившаго для нихъ приданое, „съ милосерднымъ матернимъ вспоможеніемъ ея императорскаго величества"; но размѣръ этого вспоможенія остается намъ неизвѣстенъ. Позже, въ одномъ изъ характернѣйшихъ своихъ писемъ, которое, по мнѣнію покойнаго С. М. Соловьева, адресовано было къ князю М. М. Щербатову[2]), Тепловъ ходатайствуетъ о предоставленіи орловскаго намѣстничества его зятю С. А. Неплюеву, который въ 1775 году является членомъ Малороссійской Коллегіи. О другомъ его зятѣ И. И. Демидовѣ, такъ же какъ и о дочери Маріи мы не имѣемъ свѣдѣній. Дочь отъ втораго брака Наталія вышла замужъ за лобачевскаго каштеляна Ледуховскаго; не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ сдѣлалась она женой польскаго магната и какъ провела съ нимъ жизнь, но въ 1797 году у нея было много кредиторовъ, которые чрезъ С.-Петербургскія Вѣдомости вызывались въ козелецкій уѣздный судъ для предъявленія къ ней претензій; въ числѣ ея кредиторовъ были даже такіе незначительные, какъ, напр., коллежскій ассесоръ Андрей Луценко[3]), который представилъ ко взысканію два векселя на 50 и на 100 руб., прибавляя въ прошеніи, что онъ „отдачи ихъ многократно требовалъ, но оныхъ и по нынѣ (съ 1792 г.) по разнымъ отговоркамъ не получилъ". Можно думать, что Наталія Теплова или ея мужъ любили широко пожить. Но далеко не заурядной личностью былъ сынъ его Алексѣй; издатель записокъ Гельбига г. В. Б. въ „Русской Старинѣ" называетъ его Василіемъ; но ошибка здѣсь

[1]) По свидѣтельству Маркевича ея родная сестра была замужемъ за генеральнымъ обознымъ Кочубеемъ.

[2]) Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 216.

[3]) Старыя дѣла Кіев. Централ. Архива, полученныя имъ изъ архива кіев. губерн. правленія.

несомнѣнна, такъ какъ изъ завѣщанія видно, что у Теплова былъ одинъ только названный нами сынъ. „Сынъ Теплова", говоритъ Гельбигъ, „всѣми уважаемый человѣкъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ. Онъ живетъ, удалившись отъ дѣлъ, въ Москвѣ на доходы съ большаго состоянія, унаслѣдованнаго имъ отъ отца. Знаменитый математикъ и филологъ Іоганнъ-Яковъ Обертъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ (слѣдовательно въ концѣ прошлаго столѣтія) профессоромъ въ Витенбергѣ, человѣкъ прекрасныхъ принциповъ, былъ его воспитателемъ въ Россіи, его гувернеромъ въ нѣмецкихъ университетахъ и провожатымъ въ путешествіяхъ" [1]). Издатель и переводчикъ записокъ Гельбига г. В. Б. исчисляетъ даже всѣ литературные труды молодаго Теплова и количество выдержанныхъ ими изданій. Изъ другихъ источниковъ, болѣе достовѣрныхъ, намъ извѣстно, что воспитаніе своему сыну Тепловъ далъ дѣйствительно блестящее, въ кругу немногихъ сверстниковъ, какими были сыновья графа К. Г. Разумовскаго; обучались они въ домѣ на Васильевскомъ островѣ, и Шлецеръ называетъ въ шутку этотъ маленькій институтъ „академіей въ X-ой линіи" [2]). Дальнѣйшее изображеніе судьбы сына Теплова у Гельбига рѣшительно не подтверждается документальными данными. Гельбигъ, повидимому, пишетъ, какъ очевидецъ, такъ какъ его записки относятся ко времени 1787 года, а между тѣмъ сынъ Теплова, какъ свидѣтельствуютъ о томъ подлинныя дѣла Центральнаго Архива, былъ еще въ это время вовсе не дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а лишь бригадиромъ, и жилъ не въ Москвѣ, а на югѣ Россіи; насколько велики были его имѣнія, это мы знаемъ уже изъ духовнаго завѣщанія его отца. Позже, въ указѣ Сенату 1797 года [3]) Алексѣй Тепловъ является въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ должности слободско-украинскаго губернатора, которому поручено было обведеніе границъ своей губерніи. Въ 1800-мъ году мы встрѣчаемъ уже его кіевскимъ губернаторомъ въ чинѣ, правда, тайнаго совѣтника.

Изъ женъ Г. Н. Теплова о первой, Елисаветѣ Марковнѣ, мы знаемъ лишь, что она умерла въ Глуховѣ въ 1752 году. Что касается до второй, то изъ „дневныхъ записокъ" генеральнаго подскарбія Якова Маркевича мы видимъ, что въ 1759 году Тепловъ

---

[1]) „Русская Старина", 1886 г., № 10.

[2]) „Русскій Архивъ", 1866 г., 315.

[3]) Полное Собр. Законовъ №№ 18048, 18116.

былъ уже женатъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшенцевой-Денежковой. Бракъ этотъ былъ несчастливъ; изъ завѣщанія оказывается, что, оставя мужа и дѣтей, она жила, по выраженію завѣщателя, „на чужомъ содержаніи“. Самъ онъ относительно своего разлада съ женой говоритъ, что „она хотя въ 1776 году оставила меня и дѣтей своихъ въ домѣ моемъ, по несогласію со мною, забравъ съ собою все то имѣніе и вещи, которыми отъ меня награждена была, послѣ прожитія своихъ собственныхъ, и по смерть мою больше уже жить со мною не восхотѣла, не взирая ни на какое мое приглашеніе“. Что на самомъ дѣлѣ заставило ее разойтись съ мужемъ, рѣшить трудно; хотя указанное выраженіе о чужомъ содержаніи и намекаетъ какъ будто на связь ея съ другимъ человѣкомъ; но изъ того спокойнаго и полнаго чувства уваженія, какое питалъ къ ней, повидимому, мужъ, изъ того, что онъ много разъ просилъ ее возвратиться къ семьѣ, изъ собственнаго заявленія завѣщателя о несогласіи съ нимъ жены, можно думать, что Матрена Герасимовна разошлась съ Тепловымъ просто вслѣдствіе несходства ихъ характеровъ; поэтому послѣдній и предусматриваетъ въ завѣщаніи возможность возврата жены къ семьѣ послѣ его смерти. Въ своемъ кругу жена Теплова, какъ женщина высокой честности, пользовалась почетомъ; напр., выдавая замужъ свою падчерицу, Маркевичъ пригласилъ Теплову и Кочубея быть посажеными отцемъ и матерью. О времени разлуки супруговъ Тепловыхъ опредѣленно сказано въ завѣщаніи, именно, названъ 1776-й годъ; но изъ „записокъ“ Маркевича мы узнаемъ, что жена Теплова, по отъѣздѣ мужа въ Петербургъ, оставалась нѣкоторое время въ Малороссіи; хотя отъѣздъ ея въ Петербургъ предположенъ былъ въ 1763 году, но она оставалась на родинѣ еще въ 1765 году; это видно изъ сообщеннаго намъ А. М. Лазаревскимъ письма графа Румянцева отъ 4 января 1765 года къ „господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ въ генеральной бывшей малороссійской канцеляріи присутствующимъ“ о томъ, чтобы М. Г. Тепловой, имѣвшей намѣреніе отправиться въ С.-Петербургъ, было дано нѣсколько козаковъ для безопасности въ пути; изъ этого письма мы узнаемъ, что Румянцева объ этомъ просилъ самъ Тепловъ и что о томъ же сдѣлалъ распоряженіе графъ К. Г. Разумовскій. Слѣдовательно, въ Петербургѣ Тепловы совмѣстно прожили около 10 лѣтъ. Такъ или иначе, но нельзя, намъ кажется, не признать, что жена Теплова была женщиной съ сильнымъ характеромъ: она пренебрегла мнѣніемъ свѣта и предпочла лучше

жить „на чужомъ содержаніи", въ тиши, независимо, чѣмъ пользоваться удобствами въ домѣ нелюбимаго мужа, который и въ отношеніяхъ къ ней могъ обнаруживать тѣ же неприглядныя стороны своего характера, какія онъ проявлялъ въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ по службѣ. Правда, что онъ предполагаетъ также, что жена можетъ выйти замужъ или остаться по прежнему „на чужомъ содержаніи", но ни то, ни другое не измѣняетъ отношенія завѣщателя къ женѣ и въ каждомъ случаѣ заставляетъ его почтительно относиться къ ней. Хотя Тепловъ и говоритъ въ завѣщаніи, что его жена, проживъ вещи, которыми будто бы онъ ее „наградилъ", пользуется отъ него пособіемъ по 1000 руб. ежегодно, но его упрекъ въ растратѣ едва ли справедливъ, потому что изъ одного тяжебнаго дѣла, найденнаго нами въ томъ же Центральномъ Архивѣ, видно, что у ней были собственныя средства и, быть можетъ, значительныя: ей принадлежали земли около мѣстечка Басани въ с. Пескахъ, земли, которыя были захвачены у козаковъ ея отцемъ и достались ей по наслѣдству.

Судя по завѣщанію, Тепловъ относился ко всѣмъ членамъ своей семьи съ любовью и полнымъ довѣріемъ; такъ, напр., мы упомянули уже о томъ, что онъ ходатайствуетъ о мѣстѣ орловскаго намѣстника для своего зятя Неплюева, теперь онъ предписываетъ сыну уваженіе къ зятьямъ и распоряженіе имуществомъ по совѣту съ ними; вообще же рекомендуетъ любовь ко всѣмъ и доброе согласіе съ каждымъ. Тоже онъ предписываетъ и по отношенію къ сестрамъ. Даже къ матери, которая оставила его съ дѣтьми, Тепловъ требуетъ отъ нихъ любви и уваженія, хотя, какъ потерпѣвшій, онъ могъ бы въ завѣщаніи, если не хотѣлъ обнаруживать враждебнаго чувства къ женѣ, умолчать о ней совершенно; но онъ этого не дѣлаетъ; все указанное свидѣтельствуетъ о Тепловѣ, какъ о добромъ семьянинѣ, любящемъ мужѣ и заботливомъ отцѣ. Эта особенность характера обусловливаетъ равное и справедливое распредѣленіе имущества между дѣтьми, среди которыхъ у него нѣтъ любимцевъ; о дѣтяхъ отъ перваго брака онъ также заботится, какъ и о дѣтяхъ отъ втораго; единственному сыну своему онъ удѣляетъ не больше, чѣмъ и каждой изъ четырехъ дочерей.

Выходя изъ той мысли, что только нераздѣленное крупное имущество можетъ идти въ порядкѣ, увеличить доходы и позволить вынести тяжелые налоги и обязательства, онъ оставляетъ все свое недвижимое имущество сыну Алексѣю, но приказываетъ ему выпла-

тить весьма крупныя суммы въ пользу матери и сестеръ отъ втораго брака. Сестры отъ перваго брака, какъ мы уже сказали, были выдѣлены при выходѣ замужъ и теперь не принимаютъ участія въ наслѣдованіи; лишеніе ихъ этого права не нарушаетъ, однако же, добрыхъ отношеній ихъ самихъ и ихъ мужей къ младшему брату и сестрамъ.

Въ отношеніи къ послѣднимъ завѣщатель обязываетъ сына содержать сестеръ своихъ при себѣ дома, какъ было при его жизни; доставлять имъ все необходимое соотвѣтственно общественному положенію, занимаемому ими, и давать каждой изъ нихъ на одежду по 300 руб., прибавляя при этомъ, „что ежели сила его (т. е. сына) будетъ," то онъ по любви своей къ сестрамъ, каковую всегда имѣлъ, будетъ давать и побольше. Кромѣ того, каждой изъ двухъ младшихъ сестеръ сынъ долженъ приготовить къ свадьбѣ по 5,000 р., да послѣ свадьбы въ теченіи четырехъ лѣтъ выплатить по 15,000 руб. каждой; онъ можетъ выплатить эту сумму и сразу и въ болѣе короткій срокъ, чѣмъ четыре года, но во всякомъ случаѣ не долѣе; деньги выплачиваются безъ процентовъ.

Особенную заботливость обнаруживаетъ Тепловъ о женѣ; онъ говоритъ, что при жизни давалъ ей ежегодно по 1000 руб. „усмотрѣвъ, что она живетъ на чужомъ содержаніи": умирая, обезпечить жену онъ считаетъ своимъ долгомъ и выдѣляетъ для того четвертую часть въ движимомъ имуществѣ и седьмую въ недвижимомъ; „но какъ сіи малые участки", разсуждаетъ онъ далѣе, „сдѣлаютъ ея пропитаніе весьма бѣдное и нужное" и при томъ раздѣлъ уменьшитъ доходность имѣній, то онъ призналъ за лучшее распорядиться такимъ образомъ: въ 1-хъ, если жена пожелаетъ жить по прежнему особенно отъ дѣтей, то сынъ по прежнему обязанъ выдавать матери по 1000 руб. ежегодно „и въ чемъ можетъ помогать ей къ прожитку"; во 2-хъ если жена пожелаетъ жить съ сыномъ и дочерьми, тогда „содержаніе должна имѣть отъ сына своего въ покояхъ, столѣ и экипажѣ такъ, какъ прилично имѣть матери родной съ надлежащимъ отъ дѣтей почтеніемъ, а на одежду и протчія мелкія надобности получить имѣетъ съ доходовъ сыновнихъ по 500 руб. въ годъ по смерть"; въ 3-хъ, какъ доказательство большой заботливости Теплова о женѣ, особенно любопытно и характерно слѣдующее условіе: въ случаѣ выхода замужъ жены, сынъ обязанъ выдавать ей до самой смерти по 1000 руб. ежегодно; наконецъ, онъ заключаетъ: „а жена моя Матрена Герасимовна получитъ себѣ въ доходъ

такой капиталъ на всю свою жизнь, который далеко превышать будетъ седьмую часть изъ оставшагося моего движимаго, а четвертую изъ недвижимаго имѣнія и не будетъ она чувствовать ни падежа скотскаго, ни недороду хлѣбнаго, ни податей, ниже налоговъ какихъ либо, но всегда изобильныя для нея уже будутъ жатвы чрезъ полученіе постояннаго денежнаго доходу, какого бы она и половины изъ своей части не имѣла". Приведенныя выше слова завѣщанія, какъ и изложенныя распоряженія Теплова, показываютъ глубокую привязанность его къ женѣ и искреннее глубокое чувство, готовое на жертвы. Предусмотрительность завѣщателя доходитъ даже до того, что онъ старается обезпечить правильное полученіе женой 1000 руб. и въ томъ случаѣ, если бы умеръ его сынъ: обязанность уплачивать женѣ завѣщанную сумму онъ возлагаетъ тогда на четырехъ дочерей поровну; деньги отъ сестеръ должна была собирать старшая дочь отъ втораго брака и вручать своей матери.

Обезпечивъ дочерей и жену, Тепловъ опредѣляетъ и положеніе сына: Ему онъ оставляетъ, какъ мы уже сказали, все свое имущество; изъ доходовъ съ него сынъ долженъ былъ не только сплачивать сестрамъ приданое и выдавать матери содержаніе, но и погашать отцовскіе долги, составлявшіе сумму болѣе, чѣмъ въ 25,000 р.; всего же, по разсчетусамого завѣщателя, его наслѣднику приходилось сплатить далеко болѣе 100,000 руб.; „но", говоритъ Тепловъ при этомъ, „я надѣюсь на его доброе хозяйство и економію, къ каковой онъ склонность имѣетъ", а это позволитъ ему не только вынести всѣ платежи, но и обезпечить въ будущемъ и сына и его потомство, о которомъ Тепловъ также не мало заботится: онъ вовсе не позволяетъ сыну закладывать или продавать свое имѣніе до женитьбы, а послѣ женитьбы разрѣшаетъ это въ такомъ лишь случаѣ, когда у него будутъ дѣти; если бы у него совсѣмъ не было дѣтей, то село Молодово, въ кромскомъ уѣздѣ, съ хуторомъ Бѣлоусовскимъ на малороссійской границѣ переходятъ къ дочерямъ отъ перваго брака, а Тепловка—дочерямъ отъ втораго; тѣ и другія могутъ или совмѣстно владѣть селами или одна у другой выкупить; въ случаѣ бездѣтности сына имѣнія должны переходить къ наслѣдникамъ Теплова отъ другихъ дочерей; этимъ требованіемъ завѣщатель имѣлъ намѣреніе удержать имущество въ своемъ родѣ; отсюда ни одна дочь не могла завѣщать своей части мужу.

Отъ этого же порядка наслѣдованія сестеръ зависитъ и распоряженіе Теплова относительно залога сыномъ имѣній на случай

экстренной уплаты долговъ и приданаго. Залогъ, по его волѣ, великорусскихъ имѣній могъ быть совершенъ лишь по совѣту и согласію съ старшими дочерьми, а малорусскихъ по совѣту и согласію съ младшими.

Наблюденіе за исполненіемъ сыномъ завѣщанія Тепловъ поручилъ было сначала своимъ зятьямъ: Семену Александровичу Неплюеву и Ивану Ивановичу Демидову; но впослѣдствіи онъ измѣняетъ это рѣшеніе: повидавшись со своими старыми друзьями: К. Г. Разумовскимъ и И. И. Елигинымъ, и переговоря съ ними лично, передалъ надзоръ этимъ послѣднимъ; „знаю я", пишетъ онъ, обращаясь къ нимъ, „что трудно вамъ, любезные и милостивые друзья мои, исполнить все сіе безъ особливой воли ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, и для того прошу Васъ прибѣгнуть къ ея природному милосердію и, подвергнувъ меня къ стопамъ ея, просить объ утвержденіи этого завѣщанія". Близость опекуновъ къ государынѣ и возможность съ ея стороны поддержки была, мы думаемъ, главной побудительной причиной въ выборѣ опекуновъ.

По обычаю того времени, Тепловъ, желая сдѣлать доброе дѣло для дворовыхъ людей, всю жизнь свою честно служившихъ ему, наградить ихъ за безкорыстіе и преданность и вызвать съ ихъ стороны благодарность и молитвы по душѣ своей, отпускаетъ на волю пять семей, близко стоявшихъ къ нему: Ивана Устрицкаго, дворецкаго Стефана Данилова съ женой и дѣтьми, двухъ поваровъ: Гавріила Любимова и Ивана Поспѣлова съ женой и дѣтьми, Александра Таризакова и Петра Устрицкаго. Первый былъ отпущенъ на волю самимъ завѣщателемъ, а послѣдніе его сыномъ. Эти отпущенныя онъ не мотивируетъ ничѣмъ; но, по нашему мнѣнію, въ нихъ не столько проглядываетъ религіозное чувство завѣщателя, сколько его личное расположеніе къ вѣрнымъ слугамъ.

Завѣщаніе свое Тепловъ заключаетъ слѣдующимъ наставленіемъ: „наконецъ, рекомендую сыну страхъ Божій, вѣрность къ ея императорскому величеству и къ отечеству, почтеніе къ родительницѣ и любовь къ сестрамъ; также доброе согласіе съ зятьями своими". Эти совѣты еще разъ подтверждаютъ высокіе, полные любви идеалы Теплова о семейной жизни. Для утвержденія, насколько были они искренни или лицемѣрны надо принять во вниманіе всю его жизнь, общественную и семейную, его сочиненія и переписку. Но эта задача слишкомъ обширна и можетъ послужить темой для

особой работы. Замѣтимъ мимоходомъ, что на его религіозныхъ и политическихъ взглядахъ необходимо должно было отразиться вліяніе французскихъ энциклопедистовъ, господствовавшее въ его время, а также и современныхъ политическихъ обстоятельствъ въ Россіи, въ которыхъ и самъ Тепловъ принималъ весьма дѣятельное участіе. Въ письмахъ его мы находимъ неустойчивость и тѣхъ и другихъ убѣжденій.

И. Каманинъ.

Для справокъ.

—— **О Варвинской иконѣ.** У помѣщика В. М. Діаконова въ м. Варвѣ, лохвицкаго уѣзда, сохранился не особенно старый—конца XVIII в., но довольно оригинальный образъ. Онъ написанъ на полотнѣ, натянутомъ на подрамокъ. Въ серединѣ верхней части полотна изображенъ семиконечный крестъ въ овалѣ, съ низа котораго свѣшивается гербъ, вѣроятно дворянъ Пилипенковъ, которымъ образъ принадлежалъ. Гербъ этотъ: семиугольникъ, заостренный къ низу и охваченный двумя подъ острымъ угломъ связанными перьями; внутри семиугольный крестъ, стоящій на двухъ вложенныхъ одно въ другое остріяхъ стрѣлъ.

По бокамъ большаго креста въ овалѣ изображены свв. великом. Θеодоръ Тиронъ и Софія, при чемъ рисунокъ неособенно удаченъ. Почему именно эти святые, видно будетъ далѣе.

Нижнюю, болѣе значительную часть полотна занимаетъ написанный по бѣлой краскѣ черными буквами стихами меморіалъ, при чемъ первыя буквы стиховъ окрашены попеременно въ красный и желтый цвѣтъ. Поле съ меморіаломъ окружено завитками. Образъ достаточно потертъ.

Приводимъ меморіалъ цѣликомъ, исправивъ только описки, которыхъ въ немъ достаточно, и поставивъ знаки препинанія.

Меморіалъ.

Присутствіемъ своимъ Господь всѣхъ обитаяй,
Какъ на землѣ вездѣ, такъ ровно въ небесахъ,
Начатія благи всегда благословляяй
И любящимъ его способствуяй въ дѣлахъ,
Сей Михаила храмъ Архангела воздвигнуть
Всесильною Своей рукой благословилъ,
И окончанія намѣреній достигнуть
Во всѣхъ предметахъ тѣхъ пособіемъ Онъ былъ.

Стараніе и коштъ примеръ—маіора властный
Феодора на то Пилипенка взнесенъ,
И Софіи жены его во всемъ согласной
На вспоможеніе и трудъ былъ положе́нъ.
По милосердію, по личной ихъ и просьбѣ
Митрополитъ и членъ Синода Самуилъ
Миславскій Кіевскій въ Пилипчичъ къ вѣчной пользѣ
Въ знакъ благодарности къ нимъ храмъ сей подарилъ
Изъ Красногорской же пустыньки перевезенъ
Трудами прихожанъ парохіи сея,
Явившихъ ревностью долгъ Господу любезенъ
И полезный для всѣхъ, такъ ровно для себя,
За бытности тогда рачительна въ предметахъ
Сихъ романовскаго священника Фомы,
Къ нимъ оказавшаго себя во благихъ совѣтахъ,
Понесша и свои немалые труды.
Въ девять десятомъ тожъ году былъ и заложенъ
Іюня мѣсяца того во вторый день,
А первого семьсотъ девятьдесяти достроенъ
Въ шестый день сентября, и тѣмъ благословенъ
Да будетъ слава, честь и похвала на вѣки
Содѣйствующу въ томъ Верховному Владыкѣ.

Описанный образъ, сохраняясь въ родѣ Пилипенковыхъ, перешелъ къ С. М. Пилипенковой, владѣвшей частью м. Варвы и вышедшей замужъ за В. М. Діаконова.

Въ Варвѣ же у В. М. Діаконова находится и копія на деревѣ съ этого образа, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, напр. крестъ въ овалѣ четырехконечный. Такъ какъ размѣръ образа значительно меньшій, чѣмъ размѣръ предшествующаго, то меморіалъ написанъ въ видѣ прозы и не говоря уже объ ошибкахъ и опискахъ, есть и пропуски.

Ал. Маркевичъ.

—— **Къ Кратк. очерку исторіи гор. Умани „Кіевск. Ст. 1888 г., № 8, стр. 393.** Въ уманской іезуитской школѣ воспитывался извѣстный ученый Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. **А. М.**

—— **Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи.** Въ №№ 16—18 „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ П. Д. Мартиновичъ и В. П. Горленко помѣстили списокъ церквей полтавской епархіи, составленный ими по клировымъ вѣдомостямъ 1886 г. Списку этому предпослано составителями предисловіе, изъ котораго мы и сдѣлаемъ краткое извлеченіе. Цѣль составителей списка была „привести

въ извѣстность число и мѣстонахожденіе памятниковъ старинной церковной архитектуры въ полтавской губерніи", чтобы дать возможность уяснить формы и пріемы нѣкогда господствовавшаго въ краѣ, а нынѣ исчезнувшаго архитектурнаго стиля, весьма оригинальнаго, типичнаго, но почти вовсе не изслѣдованнаго. Относительно происхожденія этого стиля существуетъ мнѣніе (статья въ журналѣ „Зодчій"), что нѣкоторые образцы его (напр. трехглавыя южно-русскія церкви) заимствованы изъ юго-славянскихъ земель, адріатическаго побережья, Архипелага и т. п., такъ какъ трехглавыя южно-русскія церкви имѣютъ въ основѣ своего плана римскій крестъ (съ удлиненными запад. и восточ. концами), а не византійскій (равноконечный). Гг. Горленко и Мартиновичъ не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ „въ римскомъ крестѣ концы сѣверный и южный, если и короче, то должны по *ширинѣ* быть равными концамъ западному и восточному, а въ планѣ трехглавыхъ малороссійскихъ церквей этого нѣтъ. Средняя часть ихъ плановъ *шире* западной и восточной частей и потому не можетъ выдающимися на с. и ю. своими сторонами изображать сѣв. и южн. концовъ римскаго креста. Такимъ образомъ планъ этихъ церквей отличенъ и отъ формы восточнаго, равноконечнаго креста, и западнаго, съ укороченными концами". Какъ на типичныя старинныя деревянныя церкви авторы указываютъ на сгорѣвшую церковь въ с. Мерефѣ, г. Зѣньковѣ, г. Березнѣ черниговской губ. и девятиглавый соборъ въ Новомосковскѣ. Въ этихъ церквахъ каждая глава выстроена какъ бы на отдѣльномъ корпусѣ, сообщенномъ съ главнымъ корпусомъ зданія; иконостасы высокіе, къ верху суживающіеся, украшены рѣзьбой, а въ старое время и скульптурными изображеніями; характерны маленькія подобія крышъ на крышахъ, чтобы онѣ не загнивали отъ дождя, скошенныя двери съ широкими, покрытыми рѣзьбой или надписями лутками, окна разнообразныхъ формъ. Кресты, кромѣ ихъ своеобразнаго рисунка, въ старыхъ малороссійскихъ церквяхъ располагаются не такъ, какъ въ новыхъ—однимъ ребромъ на с., а другимъ на ю., а однимъ ребромъ на з., другимъ на в. и большею частью высятся надъ полумѣсяцемъ.

Формы каменныхъ церквей разнообразны и нерѣдко отступаютъ отъ описаннаго типа. Иногда всѣ купола выстроены на крышѣ одного зданія, какъ въ Никольскомъ соборѣ (военномъ) въ Кіевѣ, Кіево-Братскомъ монастырѣ, полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ и церкви въ Субботовѣ, строенной Богданомъ Хмельницкимъ, судя по рисунку ея у Бантыша-Каменскаго. Церкви этой группы имѣютъ болѣе связи съ древней архитектурой кіевскаго княжескаго періода.

Формы одноглавыхъ церквей, деревянныхъ и каменныхъ, очень разнообразны. Рѣдко теперь встрѣчаются церкви съ *опасанью*—наружной галлерейкой, окружающей все зданіе, имѣющей сходство съ старинными *пиддашьями* свѣтскихъ построекъ. Опасани попадались еще недавно и въ многоглавыхъ церквяхъ, какъ напр., въ сломанной нѣсколько лѣтъ назадъ Вознесенской церкви въ Кіевѣ, сооруженной Рафаиломъ Заборовскимъ.

Какъ на мѣстности, гдѣ изслѣдованіе церковнаго южнорусскаго задчества было бы наиболѣе интересно, авторы указываютъ на кіевскій раіонъ, сѣв. часть черниговской губ. и слободскую Украину и Волынь. Что касается до полтавской губ., то хотя она въ этомъ отношеніи представляетъ менѣе интереса, но все же и здѣсь сохранилось не мало памятниковъ церковной архитектуры, заслуживающихъ

изученія, съ просьбой объ описаніи которыхъ составители списка и обращаются къ мѣстнымъ священникамъ. Описанія эти тѣмъ болѣе необходимы, что самые памятники исчезаютъ съ поразительной быстротой. Составителямъ списка пришлось слышать отъ одного подрядчика, что онъ въ одно лѣто сломалъ 15 старыхъ церквей Многихъ церквей, упомянутыхъ въ „Памятной книжкѣ полтавской губ.", изданной П. М. Бодянскимъ въ 1865 г., теперь уже нѣтъ и слѣда. И не только въ селахъ, но даже въ большихъ городахъ безжалостно истребляются памятники старины. Такъ, недавно въ Харьковѣ сломана каменная Николаевская церковь, которая могла бы стоять еще много и много лѣтъ. Въ полтавской епархіи изъ всего количества 1079, церквей старыхъ (построенныхъ до 1800 г.)—342, новыхъ—737. Изъ старыхъ церквей каменныхъ—22, деревянныхъ—320. Большинство ихъ относится къ XVIII в. (316). XVII в. только 4, всѣ каменныя: 1) Троицкая церковь Густынскаго монастыря (1674), 2) Преображенская Мгарскаго монастыря (1654), 3) церковь с. Сулимовки, переясл. у. (1684) 4) с. Лютеньки. гадячск. у. (1686 г.). По уѣздамъ старинныя церкви располагаются такъ: прилукскій —38, полтав. 36, переясл. 33, гадяч. и роменскій по 29, зѣньков. 27, лохвицкій 25, кобеляк. 22, золотонош.—20, пирятин. 17, хорольск. 16, миргор. 14, лубенск. 12, кременчуг. 10 и константиногр. 8.

Въ заключеніе составители ставятъ рядъ вопросовъ, на которые они желали бы получить отвѣты отъ знающихъ людей. Каковъ наружный видъ церкви, форма постройки, число и видъ куполовъ? Нѣтъ ли при церкви колокольни, одновременной основанію церкви. Нѣтъ ли церквей некрашенныхъ, деревянныхъ и нѣтъ ли при церквахъ опасани (наружной галлерейки). Нѣтъ ли обстоятельной записи о строителяхъ, подрядчикахъ, архитекторахъ и пр. Нѣтъ ли памятныхъ надписей на луткахъ и т. п., наружной деревянной рѣзьбы, скульптурныхъ украшеній въ иконостасѣ и т. д. и какія еще замѣчаются отличія отъ современной церковной архитектуры и орнаментики.

—— **Сборъ пожертвованій на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю.** Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому сентября 1888 года къ Казначею Общества поступило пожертвованій 28,647 рублей 21 копѣйка.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Кіевская Старина".

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылатся Казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

— На основаніи правилъ объ учрежденной при академіи наукъ преміи профессора Котляревскаго за изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности доводитъ до всеобщато свѣдѣнія, что сочиненія, предназначаемыя на конкурсъ 1889 года, должны быть представлены въ отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе декабря истекающаго года. Правила объ этой преміи можно получать въ комитетѣ правленія, отъ бухгалтера Э. С. Багенскаго.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (201—220). *Кіев. Слово* (485—508). *Подол. Еп. Вѣд.* (37—40). *Волын. Епарх. Вѣд.* (26—27). *Волынь* (106—114). *Черн. Губ. Вѣд.* (71—79). *Волын. Губ. Вѣд.* (63—72). *Харьковскія Губ. Вѣд.* (236—262). *Южный Край* (2645—2672). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (71—79). *Крымъ* (80—93). *Литов. Епарх. Вѣд.* (37—41). *Червоная Русь* (105—118).

Кіевлянинъ №№ 201—220. 201. *Журнальное обозрѣніе.* Нѣсколько словъ посвящено очерку г. Добротворскаго «Саяны», напечатанному въ «Вѣстн. Европы».

Перепечатка изъ Черн. Губ. Вѣд. о находкѣ крестьяниномъ д. Башхина, старод. у. черн. г. Голиковымъ 9 ф. старинной серебряной монеты.

Перепечатка изъ «Новостей» о каменномъ идолѣ близь с. Харикова рославл. у. смол. г., котораго крестьяне считаютъ покровителемъ конопли и въ Духовъ день украшаютъ вѣнками.

202. Выдержки изъ статьи г. Исаева въ «Таганрог. Вѣст.» о караимахъ.

204. Новыя факультетскія клиники университета св. Владиміра.

Вотчинныя монополіи. Ив. Новицкаго.

Годичный отчетъ Маріинской Общины Краснаго Креста.

Библіографическая замѣтка о брошюрѣ Кулишера: «Лѣса волынской губ. подъ надзоромъ казны».

206. Перепечатка изъ Рус. Кур. замѣтки о курганахъ въ Поднѣпровьи и Посульи.

209. Некрологъ Г. П. Галагана и нѣсколько свѣдѣній о родѣ Галагановъ.

Годичный актъ духовной академіи.

О 30-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Присуждены малыя преміи, въ 500 рублей каждая, слѣдующимъ лицамъ: 1) профессору московской духовной академіи Каптереву за сочиненіе «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; 2) доценту кіевской духовной академіи

Голубеву за исторію кіевской духовной академіи; 3) профессору харьковскаго университета Багалѣю за «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства»; 4) священнику Будиловичу за сочиненіе «Русская православная старина въ Замостьѣ».

210. Засѣданіе историч. общества Нестора Лѣтописца. Отчетъ о рефератахъ И. М. Каманина и проф. В. Б. Антоновича.

211. Мозаика на шиферѣ. Проф. П. А. Лашкаревымъ доставленъ въ мѣстный церковно-археологическій музей обломокъ шиферной плиты, со вставленными въ него кубиками мозаики, найденный имъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Такая архитектурная подробность кіевскихъ храмовъ великокняжеской эпохи доселѣ не была извѣстна. Прикрѣплена мозаика къ шиферу такимъ образомъ: въ плитѣ выдолблены длинныя криволинейныя углубленія, шириною въ 8, а глубиною въ 4 сантиметра; эти углубленія заполнены прочнымъ розовымъ цементомъ, въ который втиснуты разноцвѣтные стеклянные кубики мозаики, образующіе узоръ. Въ какомъ мѣстѣ храма находились шиферныя плиты съ мозаикой—пока не выяснено. При недавнихъ раскопкахъ въ Святополковой церкви Михайловскаго монастыря также найдено нѣсколько шиферныхъ плитъ съ такими же углубленіями, но безъ мозаики; по мѣстамъ видны въ этихъ углубленіяхъ только остатки древняго цемента.

212. Смерть и похороны Г. П. Галагана.

214. Годичный актъ въ кіев. 2 гимназіи.

216. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Галицкой Руси.

218. Стародубскіе старообрядцы.

Кіевское Слово №№ 485—508. 486. Перепечатка изъ Од. Нов. о предполагаемомъ учрежденіи южно-русскаго архива.

488. Перепечатка изъ Нов. о курганахъ и каменномъ истуканѣ въ рославл. у. смол. губ.

495. Краткій некрологъ Г. П. Галагана.

Актъ въ кіев. дух. академіи.

497. Перепечатка изъ Нов. статьи о Г. П. Галаганѣ.

О 30-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

499. Передовая статья о правѣ производить археологическія раскопки.

Краткій некрологъ художника В. Лося, уроженца волынской губ.

Старообрядческія школы въ юго-зап. краѣ.

501. Корреспонденція изъ Прилукъ о погребеніи Г. П. Галагана.

505, 506 и 507. *Археологическія открытія въ кіевской губерніи.* Подъ такимъ заглавіемъ помѣщены три фельетонныя статьи, въ которыхъ трактуется о раскопкахъ г. Хайновскаго, сдѣланныхъ въ продолженіи этого лѣта. При этомъ въ № 505 рѣчь идетъ отъ третьяго лица, въ двухъ же остальныхъ

самъ г. Хайновскій повѣствуетъ о своихъ открытіяхъ и различныхъ происшествіяхъ, сопровождавшихъ эти открытія. «Открытія» заключаются въ раскопкѣ кургановъ въ уманскомъ, звенигородскомъ и каневскомъ уѣздахъ.

Описанія раскопокъ кургановъ, находящихся въ мѣстностяхъ, еще мало или совсѣмъ не изслѣдованныхъ въ археологическомъ отношеніи, несомнѣнно весьма желательны, т. к. вносятъ частичку матеріала для будущихъ выводовъ. Но если эти описанія вмѣсто подробнаго дневника раскопокъ и осторожныхъ заключеній, основанныхъ на строго фактическихъ данныхъ, состоятъ изъ неотносящихся къ дѣлу разглагольствованій и затѣмъ выраженныхъ въ утвердительной формѣ соображеній, лишенныхъ твердаго основанія, по которымъ, напр., различные виды погребенія совершенно произвольно пріурочиваются тому или другому народу или племени, то въ этомъ случаѣ наука ничего не пріобрѣтаетъ, напротивъ теряетъ, а непосвященная публика вводится въ заблужденіе. Эти послѣдніе слова вполнѣ относятся къ статьямъ г. Хайновскаго. Не перечисляя всѣхъ ошибокъ, неточностей и курьезовъ, которыми изобилуютъ статьи, остановимся на болѣе крупныхъ, бросающихся въ глаза. Таковыми болѣе всего богата первая статья въ № 505, гдѣ описываются курганы уманскаго у.

Прежде всего г. Хайновскій принялся за разрѣшеніе вопроса, кѣмъ были насыпаны курганы: татарами, какъ это говоритъ народное преданіе, или какимъ либо другимъ, болѣе древнимъ народомъ, т. к. *«насколько извѣстно, этотъ спорный вопросъ не былъ еще рѣшаемъ нашими археологами»*... г. Хайновскій разрѣшилъ его. Въ верхней части разрытаго кургана онъ нашелъ костякъ женщины, «костякъ этотъ съ похоронными принадлежностями—5-тью горшечками—а въ особенности *съ такимъ характернымъ признакомъ, какъ браслеты на ногахъ*, принадлежалъ, вѣроятно, ордамъ половцевъ, заселявшихъ южную часть кіевскаго княжества въ началѣ Руси и извѣстныхъ набѣгами на Кіевъ, и былъ похороненъ въ готовомъ уже курганѣ». Но откуда г. Хайновскій знаетъ что ниб. о погребальныхъ обрядахъ половцевъ и о томъ, что женщины ихъ носили на ногахъ браслеты—это покрыто мракомъ неизвѣстности, т. к. по крайней мѣрѣ до сихъ поръ подобными свѣдѣніями археологія не обладаетъ. Съ другой стороны того же кургана былъ найденъ костякъ мужчины въ сидячемъ положеніи. Типъ этого погребенія г. Х. относитъ къ *«монголамъ* XIII ст., завладѣвшимъ кіевской землею», а почему, на это нѣтъ отвѣта; если только по аналогіи съ теперешними обрядами татаръ-мусульманъ, то нужно замѣтить г-ну Х., что въ XIII в. татары были еще язычниками и магометанскіе обряды къ нимъ не примѣнимы. Подъ «половчанкой» и «монголомъ», на три арш. ниже, обнаружились слѣды новаго погребенія: «Всѣ ободрились. Рабочіе высказали надежду на отысканіе клада; г. же Хайновскій *по-*

лучилъ увѣренность, что найдетъ *скифскія могилы*». И дѣйствительно нашелъ:—«*могилы скифовъ неолитическаго періода каменнаго вѣка*».

Въ томъ же духѣ идетъ описаніе раскопокъ въ звенигородскомъ у. возлѣ р. Гнилой Тикичъ, помѣщенное въ № 506, и раскококъ каневскаго у. въ № 508; здѣсь у с. Гадомки вниманіе г. Хайновскаго обратили на себя погреба въ горѣ, о которыхъ онъ думаетъ, что они «ничто иное, какъ *пещеры* (курсивъ въ подлинникѣ), въ которыхъ жили до начала Руси поляне». Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что въ этой мѣстности въ курганахъ имъ найдено «пять *рыцарей* полянъ», которые жили въ пещерахъ.

Повторяемъ, что здѣсь приведены болѣе крупныя ошибки, малымъ же нѣсть числа.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 37—40. 38. Святая равноапостольная княгиня Ольга.

— Существующія нынѣ зданія каменецкаго духовнаго училища въ ихъ прошедшей судьбѣ.—Н. Яворовскаго. Авторъ посредствомъ сопоставленія нѣкоторыхъ оффиціальныхъ данныхъ время основанія нынѣшняго духовнаго училища въ Каменцѣ опредѣляетъ 1789 годомъ. Первоначально зданіе этого училища предназначалось для помѣщенія въ немъ уніатской семинаріи и консисторіи. Но открыть здѣсь полную семинарію не нашли почему то удобнымъ, и здѣсь читались только курсы *теологіи моральной* для уніатскихъ ставленниковъ. Въ 1795 году вслѣдствіе отказа мѣстнаго уніатскаго епископа Петра Бѣлявскаго принять русское подданство, зданіе семинаріи поступило въ секвестръ и затѣмъ было обращено въ женскій второкласный монастырь. Вскорѣ послѣ того, въ 1796 году женскій монастырь былъ отсюда переведенъ въ Немировъ, а домъ отведенъ для подольскаго дворянскаго собранія и сталъ съ этихъ поръ называться «дворянскою залою»; затѣмъ зданіе нѣкоторое время опять оставалось безъ всякаго назначенія; въ 1798 г. 22 сентября зданіе было отдано въ аренду шляхтичу Антону Зміевскому для помѣщенія въ немъ театра и танцовальныхъ собраній. Въ 1799 году, когда каѳедра шаргородскаго епископа была перемѣщена въ Каменецъ, епископу не понравилось близкое сосѣдство храма Божія съ увеселительнымъ заведеніемъ и онъ вошелъ съ ходатайствомъ въ св. Синодъ о передачѣ этого зданія въ духовное вѣдомство, каковое ходатайство, вопреки соображеніямъ, представленнымъ по этому дѣлу подольской казенной палатою, и было удовлетворено: указомъ правительствующаго сената отъ 30 марта 1803 года зданіе было отдано въ духовное вѣдомство для помѣщенія въ немъ подольской духовной семинаріи, чѣмъ и заключились пререканія между двумя вѣдомствами о владѣніи этимъ домомъ. Къ статьѣ приложена въ видѣ документовъ оффиціальная переписка по дѣлу о переходѣ зданія отъ одного вѣдомства къ другому.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 26—27. 26. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи. V. Острожскій уѣздъ, городской благочинническій округъ: уѣздный городъ Острогъ (939—41) № 27 (стр. 972—976), № 28 (стр. 1019—1023).

28. Священники при св. Владимірѣ.—В. Калинникова (переп. изъ Тул. Еп. Вѣд.).

26. 27. 28. Предметный указатель содержанія неоффиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 231—242).

26. Протоіерей А. Ѳ. Хойнацкій (некрологъ) перепечатанъ изъ Кіевлянина.

27. Открытіе Свято-Владиміро-Василіевскаго братства въ г. Житомирѣ при волынскомъ каѳ. соборѣ (перепеч. изъ 59 № Вол. Губ. Вѣд.).

Волынь №№ 106—114. 106—107. *Порченная.* Пов. Ю. Левицкой-Пащенко. Перепечатка изъ «Кіевской Старины» (продолженіе и окончаніе).

110. *Волынская легенда.* А. К. Перепечатка изъ Новорос. Телегр. Легенда эта пріурочена къ горѣ въ Карпатскихъ отрогахъ, между Кременцемъ и Острогомъ, около Шумска, на вершинѣ которой есть камень и два высокихъ креста. Въ легендѣ разсказывается слѣдующее: Когда то вблизи этой горы стоялъ замокъ, въ которомъ жилъ какой то князь. У князя была дочь. Княжна была прекрасна, но холодна, какъ мраморъ; никто не видалъ на ея лицѣ улыбки. Однажды князь праздновалъ вѣковую годовщину замка. На празднество собралось множество гостей. Когда появилась передъ гостями княжна, впечатлѣніе, произведенное ея красотой, было такъ сильно, что всѣ юноши просили назначить какое угодно испытаніе, чтобы только заслужить ея расположеніе. Княжна объявила, что будетъ принадлежать тому, кто опередитъ всѣхъ на бѣгу. Двое красивыхъ юношей опередили всѣхъ и одновременно прибѣжали къ назначенному мѣсту. Выборъ былъ затруднителенъ. Тогда княжна предложила имъ взбѣжать на высокую гору, на вершинѣ которой она будетъ стоять, и обѣщала отдать свою руку тому, кто первый ея коснется. Одинъ изъ юношей добѣжалъ до вершины, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ княжны палъ мертвымъ отъ изнеможенія, другой уже коснулся было руки красавицы, но сердце его разорвалось отъ напряженія и онъ также упалъ бездыханнымъ у ея ногъ. Въ этотъ моментъ небо омрачилось тучами; молнія ударила въ то мѣсто, гдѣ стояла княжна, и испепелила ее, обнаживъ при этомъ на вершинѣ горы камень, который и остался памятникомъ страшнаго событія. А на мѣстѣ, гдѣ погибли юноши, были поставлены кресты, которые существуютъ и донынѣ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 71—79. 71. А. Тищинскій *«Къ исторіи края» — Сельскія купчіе записи.* Помѣщены два сельскихъ крѣпостныхъ акта, интересные въ томъ отношеніи, что они показываютъ: 1) что сдѣлки по продажѣ земли совершались въ прежнее время не только на город-

скихъ урядахъ, но даже и на сельскихъ, утверждавшихъ ихъ, 2) что между прочимъ такой сельскій урядъ существовалъ на предмѣстіи г. Чернигова (тогда еще деревнѣ) Лѣсковицѣ, 3) и что нынѣшняя *козлянская* дорога на трисвяцкую дорогу называлась гетманскимъ шляхомъ.

73. 74. 75. Къ исторіи края. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Документы, выданные 1707 г. Іоанномъ, архіеп. черниговскимъ, и Варлаамомъ, архим. троицкимъ, Павлу Полуботку по продажѣ боровичскихъ угодій. Четыре купчія 1710 г. тому же Полуботку отъ разныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ черниговъ. полка.

74. Корреспонденція изъ п. Еліонки о мѣстныхъ старообрядцахъ.

78. *Къ исторіи края.* Изъ бумагъ Н. Г. Лузанова. Универсалъ гетмана гр. К. Г. Разумовскаго на землевладѣніе полковому асаулѣ кіевскому Михайлѣ Шуму.

79. Біографическія данныя о Г. П. Галаганѣ (перепечатаны изъ Кіевлянина).

— Свѣдѣнія изъ отчета черниг. мужеской гимназіи за 1887—8 учеб. годъ.

— Къ исторіи края: черниговскіе губернскіе предводители: помѣщенъ списокъ ихъ, ниже сего приводимый:

1) Николай Михайловичъ Стороженко, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1803—1815.

2) Иванъ Яковлевичъ Лизогубъ, коллежскій ассесоръ, съ 1816—1819.

3) Степанъ Михайловичъ Ширай, генералъ-маіоръ, съ 1820—1830.

4) Иванъ Ивановичъ Посудевскій, полковникъ, съ 1830—1831.

5) Яковъ Ивановичъ Дунинъ-Борковскій, штабсъ-капитанъ, въ 1832.

6) Александръ Михайловичъ Маркевичъ, коллежскій ассесоръ, съ 1832—1838.

7) Василій Николаевичъ Ладомірскій, дѣйств. стат. совѣтникъ, съ 1838—1848.

8) Николай Петровичъ Борозднa, дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1848—1862.

9) Иванъ Николаевичъ Дурново, сперва провинціальный секретарь, а потомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ 1863—1872.

10) Николай Ивановичъ Неплюевъ, сперва штабсъ-капитанъ, а теперь тайный совѣтникъ, съ 1872—1888.

Свѣдѣнія эти взяты изъ календарей съ росписью чиновныхъ особъ, находящихся въ императорской публичной библіотекѣ въ С.Петербургѣ.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 63—72. 68. 69. 71. 72. *Братчиковъ*—Остатки волынской старины. Историко-археологическія замѣтки.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 236—262. 237. Со словъ «Нов. Вр.» сообщено о результатахъ раскопокъ въ с. Тарасовкѣ екатерино-

славскаго у Д. И. Эварницкаго: «Въ имѣніи А. П. Струкова, расположенномъ у праваго берега Днѣпра, находится до трехсотъ кургановъ, еще не тронутыхъ ни однимъ изъ нашихъ археологовъ. Изъ всѣхъ этихъ кургановъ наиболѣе интересна группа 50 могилъ, съ огромной могилой «Городской» во главѣ. Эта группа расположена на высокомъ береговомъ склонѣ Днѣпра. Вся группа пятидесяти могилъ, видимо, относится къ одному и тому же времени и насыпана однимъ и тѣмъ же народомъ. Могилы этой группы имѣютъ видъ остроконечныхъ, но отъ времени низко осунувшихся кургановъ, состоящихъ исключительно изъ земляной насыпи, безъ признака камней съ наружной стороны. Раскопка, начатая съ меньшихъ кургановъ, пока привела къ слѣдующимъ результатамъ.

Въ курганѣ, на глубинѣ четырехъ аршинъ, найдены два скелета, положенные головами на востокъ, ногами—на западъ, съ руками, протянутыми вдоль боковъ. При одномъ изъ этихъ скелетовъ, у праваго плеча, найдено желѣзное, кованной работы, копье три четверти аршина длины, у лѣвой руки—сто двадцать трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ, надѣтыхъ на тонкія палочки и вложенныхъ въ колчанъ изъ тонкой, бѣлаго цвѣта кожи. При другомъ скелетѣ, у лѣвой руки, найдено 50 такихъ же стрѣлъ. Эта раскопка всего болѣе замѣчательна тѣмъ, что оба скелета, отрытые въ курганѣ, найдены безъ череповъ, взамѣнъ которыхъ положены баранья головы, типичныя, съ рогами, лбомъ на востокъ. И люди, копавшіе курганы, и сами копатели были изумлены такою находкою. По словамъ г. Эварницкаго, подобный случай находки едва ли не единственный въ практикѣ всѣхъ русскихъ археологовъ".

246. Б. А. Кай. *Нѣсколько словъ о графѣ П. А. Румянцевѣ-правителѣ Малороссіи XVIII в.*—По поводу напечатанныхъ въ семъ году въ Черниг. Губ. Вѣд. извѣстнымъ изслѣдователемъ южнорусской старины А. М. Лазаревскимъ распоряженій гр. П. А. Румянцева по управленію Малороссіей за 1779 г. авторъ замѣтки говоритъ:

«Появленію подобныхъ историческихъ матеріаловъ нельзя не порадоваться Тогда какъ военная дѣятельность П. А. Румянцева въ достаточной степени уже выяснена, дѣятельность его, какъ правителя Малороссіи, до сихъ поръ остается еще въ тѣни и, насколько намъ извѣстно, историки, если и затрогивали этотъ вопросъ, то лишь вскользь, мимоходомъ.

Большая часть напечатанныхъ А. М. Л—скимъ распоряженій Румянцева касаются слѣдующихъ вопросовъ: ограниченія винокуренія, упорядоченія землевладѣльческихъ отношеній, назначенія на уряды полковой и сотенной старшины; затѣмъ идутъ менѣе важныя распороженія о наборѣ пѣвчихъ и проч.

Что касается распоряженій объ ограниченіи винокуренія, то они были сдѣланы въ виду того, что «отъ неограниченнаго у всѣхъ къ винокуренію желанія истребляются лѣса и по дешевости вина (20 коп. ведро) простой паче

народъ и жизнію жертвуетъ». Мѣры, принятыя къ ограниченію винокуренія, точно еще не опредѣлены въ распоряженіи, намѣченъ лишь вопросъ.

И это понятно: не въ характерѣ П. А. Румянцева было дѣлать то или иное распоряженіе прежде, чѣмъ не будетъ выслушанъ голосъ самихъ обывателей по данному вопросу, прежде чѣмъ не будетъ изучено, на сколько тѣ или иныя мѣры соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ края.

Вотъ почему и при ограниченіи винокуренія П. А. Румянцевъ чрезъ малороссійскую коллегію обращается къ предводителямъ шляхетства и полковымъ канцеляріямъ, чтобы «они, сдѣлавъ свои мнѣнія, прислали въ коллегію, а отъ оной съ своимъ разсужденіемъ: коимъ бы образомъ удобнѣе взять мѣры, чтобы ограничить винокуреніе предоставили бы ему». Заинтересованный этимъ вопросомъ, П. А. Румянцевъ вскорѣ издаетъ и второе распоряженіе: «о собраніи свѣдѣній о количествѣ шинковъ въ Малороссіи и о лицахъ, которыя хотя и содержатъ шинки, но правъ на то не имѣютъ». Не дождавшись отъ коллегіи отвѣтовъ на эти приказанія, Румянцевъ предписываетъ уничтожить винокурни, выстроенныя посреди селъ, «отъ коихъ пожары, равно и иной вредъ причиниться можетъ». Другія изъ обнародованныхъ распоряженій, какъ я уже замѣтилъ, относятся къ упорядоченію отношеній между землевладѣльцами, у которыхъ стремленіе къ расширенію и округленію своихъ имѣній достигло во второй половинѣ XVIII в. крайнихъ предѣловъ. Чтобы захватить чужую ниву, чужой хуторъ, пускались въ ходъ не только доносы и кляузы, но насиліе. Нерѣдко толпа вооруженныхъ крестьянъ и козаковъ подъ предводительствомъ «державца» наѣзжала на село другаго владѣльца, сжигала хлѣбъ на гумнѣ, разрушала постройки, а крестьянъ брала «въ полонъ», переселяя на земли своего предводителя. Въ жалобѣ Тарновскихъ на П. Заводовскаго говорится, «что со стороны Заводовскаго сдѣланы на имѣніе его нападенія, забраны люди и скотъ, а въ слободѣ сожжено 43 двора, причемъ и одного человѣка убито». Узнавъ о такихъ насиліяхъ, П. А. Румянцевъ немедленно приказываетъ малороссійской коллегіи «безъ продолженія времени о семъ происшествіи изслѣдовать и съ виновными поступить по всей строгости указовъ». Мало того: такъ какъ при поземельныхъ спорахъ, сопровождавшихся, какъ видимъ, грабежами и убійствами, мѣстные власти—полковые и сотенные обыкновенно бездѣйствовали, то Румянцевъ напоминаетъ, чтобы «оные уряды обязаны бдѣть, дабы въ каждомъ повѣтѣ и сотнѣ сохранены были благочиніе и порядокъ». Но и самъ правитель не остается въ сторонѣ: онъ проситъ уряды доносить ему лично о всѣхъ подобныхъ буйствахъ, угрожая въ случаѣ умолчанія «оштрафованіемъ и лишеніемъ званія», которымъ такъ дорожили старшины. Не менѣе важны распоряженія П. А. Румянцева относительно назначенія служащихъ на свободныя мѣста въ полкии сотни. Ко второй половинѣ XVIII в. выборное начало при назначеніяхъ

на уряды уже исчезло, а генеральная войсковая канцелярія и полковники, къ которымъ отчасти перешло право раздачи чиновъ и должностей—далеко не отличались неподкупностью. Выдвигался нерѣдко человѣкъ безъ всякихъ способностей, запятнавшій себя неблаговидными поступками, но за то богатый. Румянцевъ замѣтилъ это и взялъ въ свои руки назначенія. Свободныя мѣста въ полкахъ и сотняхъ раздаются имъ съ крайней осторожностью и осмотрительностью. Только люди, лично извѣстные Румянцеву по своимъ военнымъ подвигамъ, или тѣ, въ честности которыхъ онъ не сомнѣвался, послѣ наведенныхъ справокъ,—получали должности. Щедрѣе былъ Румянцевъ на раздачу чиновъ, но здѣсь преслѣдовалъ онъ другую цѣль. Щедрою раздачею чиновъ П. А. Румянцевъ, удовлетворяя повидимому исканія самой «казацкой старшины», справедливо замѣчаетъ А. М. Л—скій, «вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялъ послѣднюю къ дѣятельности въ тѣхъ новыхъ формахъ гражданской жизни, которыя явились въ Малороссію вмѣстѣ съ открытіемъ намѣстничествъ въ 1782 г.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе главнѣйшихъ распоряженій Румянцева по управленію Малороссіей за 1779 г. Не смотря на то, что распоряженія эти охватываютъ слишкомъ ничтожный промежутокъ времени, все же и они имѣютъ, какъ видимъ, «значеніе для характеристики Румянцева, какъ правителя Малороссіи, въ теченія почти 25 лѣтъ. Понятно, что полная характеристика мозможна лишь послѣ тщательнаго и всесторонняго изученія относящихся сюда матеріаловъ. Къ сожалѣнію, изданія такихъ матеріаловъ едвали можно ожидать въ скоромъ будущемъ. Архивъ, въ которомъ сосредоточены документы для исторіи Малороссіи XVIII в., пока почти не доступенъ для занятій. Мы разумѣемъ харьковскій историческій архивъ, гдѣ до сихъ поръ не имѣется ни постояннаго архиваріуса, ни сноснаго помѣщенія, такъ какъ помѣщеніе, гдѣ зимой термометръ не поднимается выше 8°, гдѣ есть совершенно темное отдѣленіе, гдѣ полное отсутствіе вентиляцій—не можетъ, конечно, соотвѣтствовать своему назначенію. А когда придетъ на помощь, хотя частная благотворительность, да и придетъ ли еще—неизвѣстно“.

247. Д. И. Багалѣй—Фамильныя бумаги Щербининыхъ, князей Крапоткиныхъ и Донцовъ-Захаржевскихъ въ имѣніи П. И. Флоты—с. Бабаяхъ. Г. Багалѣй пишетъ:

«Занимаясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, я давно уже рѣшилъ привести въ извѣстность неизданный рукописный матеріалъ, хранящійся въ архивахъ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій,—а также и у частныхъ лицъ. При посредствѣ харьковскаго губ. стат. комитета собраны были свѣдѣнія обо всѣхъ старыхъ документахъ, хранящихся при губ. правленіи, городской думѣ, двор. депутат. собр., духов. конс. и т. п. Важнѣйшее и обширнѣйшее собраніе старинныхъ актовъ оказалось въ губ. прав.; тамъ сосредото-

чено было дѣлопроизводство нынѣ уже упраздненныхъ присутств. мѣстъ — харьк. полковой канцеляріи, губерн. канцел. и т. п. Всѣ эти бумаги цѣликомъ поступили въ харьковскій истор. архивъ, находящійся въ вѣдѣніи истор.-филол. общ. (при университетѣ). Слѣдуетъ желать, чтобы туда же поступили старые документы и изъ другихъ учрежденій, напр. казенной палаты, окружнаго суда и т. п. Но для этого необходимо расширить помѣщеніе, занимаемое въ настоящее время архивомъ. Тогда можно будетъ надѣяться, что не только правит. учрежденія, но и частныя лица будутъ охотно передавать туда свои коллекціи. Такимъ путемъ будутъ спасены для науки документы, имѣющіе важное истор. значеніе; для текущаго дѣлопроизводства они уже не нужны и архиваріусы смотрятъ на нихъ, какъ на лишнее бремя. Не могу не вспомнить здѣсь кстати объ одномъ чрезвычайно характерномъ въ этомъ отношеніи эпизодѣ. Проѣздомъ черезъ *одинъ* губернскій городъ въ Южной Россіи (nomina sunt odiosa!) я рѣшился осмотрѣть въ немъ архивъ губ. правл., гдѣ, по моимъ соображеніямъ, должны были находиться еще старыя дѣла, разъясняющія исторію мѣстнаго управленія и землевладѣнія. По распоряженію г. начальника губерніи, архиваріусъ долженъ былъ показать мнѣ всѣ старыя бумаги. Я пришелъ къ нему съ этимъ адресомъ, но получилъ отвѣтъ, что никакихъ старыхъ дѣлъ у него нѣтъ, ибо они переданы въ московскій архивъ Мин. Юст.; не удовлетворившись этимъ объясненіемъ, я попросилъ его проводить меня въ самое помѣщеніе архива; онъ исполнилъ эту просьбу и сталъ показывать мнѣ новыя дѣла. Вдругъ мое вниманіе остановилось на цѣлой связкѣ дѣлъ XVIII в., отъ которыхъ всячески старался отвлечь меня мой провожатый. Увидѣвши, что его попытка скрыть отъ меня документы не удалась, архиваріусъ сразу перемѣнилъ обхожденіе: рѣшилъ задобрить меня откровенностью, показалъ нѣсколько дѣлъ XVII в., которыхъ не было ни въ какихъ описяхъ, и тогда же объяснилъ мнѣ причину своей скрытности: онъ боялся хлопотъ, сопряженныхъ съ передачей этихъ документовъ въ какой нибудь ученый архивъ; «я думалъ, говорилъ онъ, что «туча» пройдетъ мимо и не тронетъ моихъ бумагъ; ну, а разъ вы сами уже нашли, что вамъ было нужно, то теперь я вамъ покажу все».

Опытъ доказываетъ, что и въ присутственныхъ мѣстахъ архивныя бумаги сохраняются далеко не всегда удовлетворительно: онѣ терпятъ отъ сырыхъ помѣщеній, ихъ забираютъ любители и ученые, ихъ продаютъ на пуды и т. д.; хорошимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить судьба архивовъ малорос. коллегіи и харьковск. губерн. правл. Что же сказать о частныхъ хранилищахъ, о фамильныхъ архивахъ? Сохраненіе этихъ документовъ является еще менѣе обезпеченнымъ. На нашихъ глазахъ затерялись многія важныя рукописи, бывшія въ рукахъ прежнихъ историковъ здѣшняго края — Срезневскаго и пр. Филарета — мемуары старинныхъ харьк. дворянъ, — Квитокъ, Лесевицкихъ, Тевя-

шовыхъ, Кондратьевыхъ; гдѣ теперь чрезвычайно цѣнное собраніе рукописей изюмскаго помѣщика Д. Ѳ. Запары, въ которомъ было до 50 свитковъ, относящихся къ исторіи нашей мѣстности въ XVII и XVIII вв.? Еще въ 50-хъ годахъ нын. столѣтія его видѣлъ изв. нашъ писатель Г. П. Данилевскій. Всѣ попытки, какъ мои собственныя, такъ и другихъ лицъ, разыскать эти историческіе документы до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, хотя при этомъ удалось все таки найти и кое что цѣнное; такъ, изъ Чернигова получены черновыя бумаги пр. Филарета по исторіи харьк. еп.; у одного частнаго лица удалось пріобрѣсти чугуевскую переписку, которая была въ рукахъ того же преосв. Филарета; найдено историческое описаніе харьковской губ. 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія; въ импер. публич. библіотекѣ хранится рукописный Атласъ Сл. укр. губ. 1802 съ любопытнымъ текстомъ, къ нему приложеннымъ; атласъ этотъ съ Высочайшаго разрѣшенія былъ доставленъ на время въ библіотеку харьковскаго университета для моего пользованія и здѣсь списанъ его текстъ.

Но вопросъ о фамильныхъ архивахъ у дворянъ харьковской губ. все таки оставался открытымъ. Въ январѣ мѣсяцѣ нын. года уважаемый ректоръ нашего университета И. П. *Щелковъ* обратился съ запросомъ о документахъ по мѣстной исторіи къ владѣльцу с. Жихоря и Карачевки А. М. Щербинину. Сдѣлано это было въ виду того, что фамилія Щербининыхъ играла видную роль въ краѣ; П. А. Щербининъ былъ въ XVIII в. прокуроромъ харьковскаго намѣстничества, а троюродный братъ его Евдокимъ Алексѣевичъ 1-мъ слободско-украинскимъ губернаторомъ; при немъ и подъ его ближайшимъ наблюденіемъ уничтожено было прежнее козацкое устройство и введены общерусскія учрежденія. Родоначальникъ Щербининыхъ не былъ кореннымъ обитателемъ харьк. края, а происходилъ изъ дворянъ псковской губ.; только женитьба на княжнѣ Крапоткиной побудила его поселиться навсегда въ этой мѣстности; князь Крапоткинъ также не былъ мѣстнымъ уроженцемъ, но женитьбою на дочери харьк. полк. Донца-Захаржевскаго пріобрѣлъ себѣ здѣсь массу земель, большая часть которыхъ и перешла къ Щербинину въ качествѣ приданаго за его женою. Такъ путемъ браковъ тѣсно переплелись матеріальные интересы одной мѣстной фамиліи—Донцовъ-Захаржевскихъ и двухъ пришлыхъ—князей Крапоткиныхъ и Щербининыхъ. На запросъ И. П. Щелкова, А. М. Щербининъ отвѣтилъ, что семейный архивъ Щербининыхъ долженъ находиться въ сс. Бабаяхъ (П. Н. Флоты) и Должикѣ (кн. Д. Ѳ. Голицына); «по наслышкѣ я знаю, писалъ А. М. Щербининъ, что главный семейный архивъ рода Щербининыхъ и князей Крапоткиныхъ находился въ Должикѣ до того времени, когда часть его перевели и новый архивъ завели въ селѣ Бабаяхъ. Это, надо полагать, произошло въ періодъ времени 1770—1780 годовъ». Получивъ такое свѣдѣніе, я рѣшился на каникулы осмотрѣть архивъ въ с. Бабаяхъ. Со стороны нын. владѣльца с. Бабаевъ

къ которому оно перешло отъ его дяди А. А. Щербинина, я встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе. Кое какія старинныя вещи оказались и въ домѣ, занимаемомъ владѣльцемъ: одна подлинная жалованная грамота на имѣнія, отрывки изъ дневника А. А. Щербинина (съ 1863 по 1872 годъ), рукописныя замѣтки его же на исторію Отеч. войны 12 года Богдановича и нѣсколько интересныхъ портретовъ—чрезвычайно цѣнный портретъ Императора Александра I-го, въ младенческомъ возрастѣ, исполненный масляными красками извѣстнымъ художникомъ Левицкимъ, Екатерины II-й, 1-го харьковскаго губернатора Е. А. Щербинина, кн. Як. Ник. Крапоткина и его матери; наконецъ, здѣсь же висѣла картина большихъ размѣровъ, нарисованная худ. Брандтомъ и изображающая семейство П. А. Щербинина; въ ней особенно интересенъ мѣстный пейзажъ— видъ дома и садъ въ с. Должикѣ. Кромѣ того въ отдѣльной каменной постройкѣ хранится множество старыхъ бумагъ сельско-холяйств. содержанія; всѣ онѣ подобраны по годамъ и обнимаютъ время съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время; въ нихъ заключаются богатые матеріалы для исторіи мѣстной сельско-хозяйственной промышленности; по нимъ можно прослѣдить переходы отъ полузависимаго (подданническаго) труда къ крѣпостному (въ концѣ XVIII в.), а отъ этого послѣдняго къ свободному (въ 1861 г.). Для изслѣдователя мѣстной старины наиболѣе интересными представляются три связки XVIII в., открытыя мною при осмотрѣ экономическихъ бумагъ; разборомъ ихъ я и занялся и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Связки эти содержатъ въ себѣ разнообразныя дѣла, относящіяся къ фамиліямъ Щербининыхъ, князей Крапоткиныхъ и Донцовъ-Захаржевскихъ; не имѣя возможности остановиться здѣсь болѣе или менѣе подробно на ихъ содержаніи, я только замѣчу, что въ нихъ заключается масса цѣнныхъ свѣдѣній для характеристики высшаго слоя слободско-украинскаго общества въ прошломъ вѣкѣ; больше всего данныхъ мы тутъ найдемъ для изученія матеріальнаго быта этого общества—его заботъ о пріобрѣтеніи и расширеніи имѣній и т. п., но не мало также здѣсь разсѣяно извѣстій, рисующихъ намъ мѣстные нравы; есть также и документы оффиціальнаго происхожденія—копіи съ указовъ и т. п. Въ виду важнаго историческаго значенія этихъ матеріаловъ П. П. Флота рѣшился напечатать ихъ на собственный счетъ въ отдѣльномъ сборникѣ; выборку, редактированіе бумагъ и составленіе къ нимъ предисловія я принялъ (конечно, gratis) на себя. Самые документы будутъ переданы владѣльцемъ въ Харьковскій Историческій Архивъ.

Было бы въ высшей степени желательно, чтобъ примѣръ П. П. Флота, пожелавшаго сдѣлать доступнымъ свой фамильный архивъ для ученыхъ изслѣдователей, нашелъ себѣ подражателей. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и у другихъ дворянъ харьк. губ. имѣются болѣе или менѣе значительныя коллекціи рукописей; владѣльцы, буде пожелаютъ, могутъ передать ихъ въ Харьк.

Ист. Архивъ (адресъ: «въ университетъ, завѣдующему Харьк. Ист. Арх. проф. Д. И. Багалѣю»), принесутъ большую пользу наукѣ и въ томъ случаѣ, если просто сообщать о нихъ краткія свѣдѣнія, эти послѣднія будутъ печататься мною въ «Харьк. Сборникѣ».

248. Некрологъ Н. Ф. Бобровскаго—одного изъ мѣстныхъ харьковскихъ дѣятелей.

— Долина рѣчки Мерефы (корресп.) І. Чурилина.

252. Некрологъ профессора Лапшина. 23-го сентября въ Одессѣ скончался бывшій профессоръ харьковскаго университета Василій Ивановичъ Лапшинъ. Покойный родился въ 1809 году; первоначальное образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ губернской гимназіи; по окончаніи университетскаго курса покойный былъ командированъ въ извѣстный въ прежнее время профессорскій институтъ при дерптскомъ университетѣ и въ 1835 г. былъ назначенъ профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ физики и физической географіи. При открытіи въ 1865 году новороссійскаго университета, В. И. Лапшинъ былъ перемѣщенъ туда. Покойный былъ извѣстенъ своими учеными трудами и ему, между прочимъ, принадлежитъ изобрѣтеніе приборовъ анемографа и батометра.

— Некрологъ пр. Ѳ. В. Тихоновича, скончавшагося 28 сент. въ Харьковѣ. Ѳеофилъ Васильевичъ Тихоновичъ, читалъ въ харьковскомъ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ физіологическую химію и физику. Покойный получилъ образованіе въ первой харьковской гимназіи и затѣмъ въ харьковскомъ университетѣ. 3 года назадъ Ѳеофилъ Васильевичъ, выслуживъ полный пансіонъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, полтавской губерніи, гадячскаго уѣзда, близь слободы Рашевки, гдѣ и застигла его смерть.

253. О перенесеніи иконы Озарянской Божія Матери изъ Куряжскаго въ харьковскій Покровскій монастырь. До упраздненія Озарянской пустыни въ 1787 г., чудотворный этотъ образъ находился тамъ же; а съ этого года перенесенъ въ Куряжскій монастырь, гдѣ, впрочемъ, оставался недолго, такъ какъ въ слѣдующемъ 1788 г. и этотъ монастырь былъ закрытъ. Тогда же этотъ образъ перенесли въ г. Харьковъ въ Покровскій монастырь. Девять лѣтъ сряду, т. е. до 1797 года, чудотворный Озарянскій образъ Божіей Матери находился здѣсь, привлекая богомольцевъ, не только со всей харьковской губерніи, но изъ отдаленныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе ходатайства бывшаго харьковскаго генералъ-губернатора Ливанидова, Куряжскій монастырь снова открытъ и вотъ чудотворный Озарянскій образъ Божіей Матери въ 1797 году обратно перенесенъ въ Куряжскій монастырь.

Въ первый разъ крестный ходъ съ иконой Озарянскія Божія Матери совершенъ былъ 44 года назадъ—30 сентября 1844 года.

— Дополнительныя свѣдѣнія къ некрологамъ Тихоновича и Лапшина.

253. Некрологъ извѣстнаго дѣятеля Г. П. Галагана.

259. Корреспонденція изъ Прилукъ о смерти Г. П. Галагана.

Южный Край №№ 2645—2672. 2645. «Находящіяся на харьковскомъ городскомъ кладбищѣ могилы нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей представляютъ собою весьма печальное зрѣлище. Между прочимъ, одному изъ студентовъ харьковскаго университета пришлось случайно отыскать могилу одного изъ популярнѣйшихъ профессоровъ харьковскаго университета, Д. И. Каченовскаго. Плита, которая находится надъ могилой, совершенно вросла въ землю и на ней едва можно разобрать слова надписи. Въ такомъ же печальномъ состояніи находится и могила другаго харьковскаго профессора Альбрехта—предшественника профессора В. Ф. Грубе. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе общества на это крайне прискорбное обстоятельство».

2646. Корреспонденція изъ Ромновъ; о раскопкахъ пр. Самоквасова; пер. изъ Кіевлянина.

2648. 2662. Торжество открытія сумскаго духовнаго училища и освященіе устроеннаго въ немъ храма (училище переведено изъ Ахтырки).

2652. Корреспонденція изъ Полтавы о сельско-хозяйственной выставкѣ сего года.

2653. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ (страница изъ исторіи народнаго образованія).

2657. Корреспонденція изъ Симферополя о таврической губернской сельскохозяйственной выставкѣ сего года.

2664. Григорій Павловичъ Галаганъ (некрологъ).

2669. Возстановленіе приписныхъ церквей.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 71—79. 71. Скотоводство въ екатеринославской губерніи.

— Врачебная экскурсія въ Дебальцеву балку на раскопки тимофеевской глины (алюмино-желѣзистый глей—terra-mineralis Thimoffeef).

73. Корреспонденція изъ александровскаго у. объ упадкѣ пчеловодства — Кистрици.

— Еще о тимофеевской глинѣ.

75. Дѣятельность харьковской бактеріологической станціи и пастеровскаго прививочнаго института.

77. Къ исторіи Покровскаго собора въ Александровскѣ. Контрактъ, заключенный священникомъ Кошѣвскимъ и ктиторомъ Драганомъ съ подрядчикомъ на поставку лѣса.

Крымъ №№ 80—93. 80. *Къ исторіи раскола и сектантства въ Крыму.*

Первые раскольники на югѣ явились въ херс. губ. въ 1752 г. изъ Польши и изъ Россіи. Потемкинъ, старавшійся о заселеніи края, покровительствовалъ поселеніямъ раскольниковъ. Въ царствованіе Николая Павловича положеніе ихъ ухудшилось. Единовѣріе имѣло успѣхъ на ю.; такъ теперь р—ки живутъ въ числѣ 2000 д. почти исключительно въ Бердянскѣ. Единовѣрцевъ 5157 д. м. п. и 5812 ж. н. Изъ сектантовъ—раціоналистовъ духоборцы поселились въ Новороссіи въ концѣ прошлаго столѣтія; въ 1834—45 гг. многіе духоборцы были сосланы на Кавказъ; скопцы явились сначала въ качествѣ ссыльныхъ въ бердянскомъ у. тавр. г., въ 40-хъ гг. главные ихъ дѣятели были сосланы въ Сибирь, но секта все таки распространялась. Сильнѣе всѣхъ распространены въ таврич. г. молокане (до 9000 д.), поселившіеся на Молочныхъ водахъ въ 1823 г. Есть прыгуны, хлысты, шалопуты, марьяновцы, нѣтъ только штундистовъ.

93. Замѣтка о состояніи народнаго образованія въ таврической губ.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 37—41. 37, 39, 40. *Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью.* Глава V. Унія послѣ Замойскаго собора. Унія послѣ раздѣловъ Польши. Полоцкій соборъ 1839 г. и возсоединеніе уніи съ православіемъ.

— М. Молодечна. (Корресп. «Вил. Вѣстн.»). Объ открытіи народнаго училища въ д. Раевщинѣ.

— *Попечитель Новосильцевъ въ сѣтяхъ базиліанской интриги.* Историческій эпизодъ 1824—1832 г.г. (изъ «Вил. Вѣстн».).

41. *О русской гродненской старинѣ въ память о св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ.* П. Меліоранскаго. Статья написана по поводу празднованія въ Гроднѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

Червоная Русь №№ 105—118. 107—108. Изъ писемъ русскаго туриста.

108. Рѣчь посла Романчука въ львовскомъ соймѣ объ учрежденіи русскихъ школъ.

109. Нѣсколько замѣтокъ о празднованіи 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси въ Галиціи.

Краткій некрологъ проф. богословія въ львовск. унив. д-ра Якова Цѣпановскаго.

110. Ставропигійская выставка древностей.

111. Торжеств. открытіе выставки галицко-русскихъ древностей.

Библіограф. замѣтка объ изданномъ въ Спб. сборникѣ стихотвореній славянскихъ поэтовъ «Баянъ».

112. Замѣтки о празднованіи 900-лѣтн. юбилея крещенія Руси въ Галиціи и о выставкѣ русскихъ древностей во Львовѣ.

113. Открытіе ставропигійской выставки во Львовѣ.
115. 900-лѣтіе крещенія Руси въ Галиціи.
Краткій некрологъ Г. П. Галагана.
117, 118. Уніатскія церковныя синоды. XXVII, XVIII.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Boberski—Trzeci przyczynek do lichenologji Galicji. Краковъ 1888.

Бошно В. Планъ города Кіева съ предмѣстьями. Одесса. Fol. 1 стр.

Веселовскій А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб. 1888. 8 д. 361+262 стр.

Widmann K. Archivum miasta Lwowa. Львовъ 1888—Вып. I.

Владиміровъ П. Житіе Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка. С.-Петербургъ 1887.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго (Отт. изъ «Кіевск. Старины»). Кіевъ, 1888. 8 д., 38 стр.

Wołoszczak. Drugi przyczynek do flory Pokucia. Краковъ, 1888.

Wałyniak. Kilka słów o dwoch szkołach dawnych w Podlasiu. Познань, 1888.

Heck K. J. Pobyt Władysława IV we Lwowie w roku 1634 i Józefa Bartłomieja Zimorowicza «Vox Leonis.» Львовъ, 1887.

Górski K. O działaniach wojska koronnego Rzeczy Pospolitej w wojnie z kozakami od dnia 19 Lutego do 10 Lipca 1651 roku—bitwa pod Beresteczkiem. Варшава, 1887.

Д—въ В. Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. Кіевъ, 1888 г. 16 д., 6 нен.—25+ нен. 28.

Dzieduszycki Wojciech. Die Malerei in der altruthenichen Kunst. Wien 1888.

Е—ая А. Я. Святъ-вечиръ. Оповидання. Харьковъ, 1888. 16 д., 26 стр.

Захарченко М. М. Кіевъ теперь и прежде. 988—1888. 4 д.

Zdziechowski. Messjaniści i sławianofile, szkice z pzychologji narodów sławiańskich. Краковъ, 1888.

Iłgowski. Ostatnia starościna Zwinogrodzka, zarys dziejów kresowego miasteczka. Краковъ, 1888.

Историческое описаніе начала Руси и ея крещенія, съ хронологіей Россійскаго государства, съ галлереей портретовъ всѣхъ русск. государей и съ друг. приложеніями. Новое исправл. и дополнен. изд. 4 д., 32 стр. +1 отд. рис.

К. К. Богатства земли. I Нафта и воскъ земный. Львовъ 1888.

Квитка-Основьяненко Г. Ѳ. Панъ Халявскій. Части I и II (Дешевая библіотека). Спб. 12 д., 186+183 стр.

Kolberg Pieśni ludu z Podola Rossyjskiego. Краковъ, 1888.

Korzeniowski I Catalogus codicum manuscriptorum musei principum Czartoryjski Cracoviensis—fasciculus II. Краковъ, 1888.

Kopernicki. Wesele u górali beskidowych z okolic Rabki. Краковъ, 1888

Крещеніе Руси. Изд. общедост. русск. библіотеки. Москва, 1888. 16 д., 16 стр.

Л. П. Святый Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный великій князь кіевскій (Лѣтописное сказаніе). Кіевъ, 1888. 8 д., 15 стр.

Lewicki Anatol. Zarys historji Polski i krajów ruskich z nią połączonych. Краковъ, 1888.

Левицкій Кость. Наша свобода, албо яки мы маемо права. Львовъ, 1888.

Materjały do klimatografji Galicji, zebrane przez sekcją meteorologiczną komisji fizjograficznej c. k. akademji umiejętności w Krakowie—rok 1888. Краковъ, 1888.

Морозовъ П. О. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій. Спб., 1888. 8 д., VI+389+1 стр.

Moszczyński Adam. Pamiętnik do historji Polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Poniatowskiego. Краковъ, 1888.

Nędza w Galicji w cyfrach i sposób ratunku. Тарновъ, 1888.

Ossowski. Materjały do paleontologji kurhanów ukraińskich Wiadomości wstępne, kurhany Ukraińskie Краковъ, 1888.

Остапенко А. С. Юбилейное стихотвореніе по случаю 900 лѣтъ крещенія русскаго народа въ Кіевѣ св. благовѣрнымъ княземъ Владиміромъ въ 988 году, какъ сказываетъ лѣтописецъ. Кіевъ, 1888 г. 4 д., 8 стр.

Отчетъ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Приложеніе къ LIX тому записокъ Императ. акад. наукъ № 1. Спб., 1888. 8 д., 1+375 стр.

Papée. O hetmanie Żołkiewskim. Львовъ, 1888.

Потебня А. Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е исправл. и дополн. изд. 8 д., VI+535+VI стр.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея въ кіевскомъ иститутѣ благородныхъ дѣвицъ, 1888 г. 22 августа. Кіевъ, 1888. 8 д., 29 стр.

Протоколы засѣданій общества кіевскихъ врачей съ приложеніями за 1887—88 годъ. Вып. I. Кіевъ, 1888. 8 д., III+99+55 стр.

Rusin. Ruś Galicyjska, jej separatyzm, przyczyny tegoż, działania i skutki. Гродекъ, 1888.

Satke. Ciepłota w Tarnopolu. Краковъ, 1888.

Сергіевскій Н. А., протоіерей. Слово на 15-ое іюля 1888 года, день девятисотлѣтней памяти крещенія Руси, говоренное въ московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. Москва. 8 д., 4 стр.

Статутъ гуцульской спилки промысловой въ Коломыи, товарыства зареестрованого зъ ограныченою порукою. Коломыя, 1888.

Talko-Hryncewicz. Trwanie życia ludzkiego w powiecie Zwinogrodzkim gub. Kijowskiej, obliczone na zasadzie wykazu zmarłych w dwudziestu sześciu latach, 1860—1885. Краковъ, 1888.

Уляницкій. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XV—XVI вѣкахъ. Москва, 1887.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Журналы засѣданій общихъ собраній членовъ за 1888 годъ. Вып. I. Харьковъ, 1888. 8 д., 26 стр.

Chlebovski B. i *Valevski W.* Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych kraiów słowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 105. Tom IX. Варшава 1888. 4 д., съ 8+1 по 720 стр. 3000 экз.

Szaraniewicz. Die Franciskaner Kirche in Halitsch. Wien 1888.

Szarłowski. Stanisławów i powiat Stanisławowski pod względem historycznym i geograficzno-statystycznym. Станиславовъ 1887.

Шимановскій В. Отвѣтъ критику. Дополненіе къ книгѣ «Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ». Варшава, 1888. 8 д., 42 стр.

Schlichting. Die Galizische Volksschulgesetzgebung. Meinz 1888.

Прилагаемый къ этой книжкѣ портретъ проф. А. А. Котляревскаго сдѣланъ съ фотографіи, обязательно доставленной намъ вдовою покойнаго профессора Екатериною Семеновною Котляревскою, которой и приносимъ нашу благодарность.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1889 г. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г.** — г. 1889.

НА ИЗДАВАЕМЫЕ

при с.-петербургской духовной академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ).

Поставивъ своей задачей посильное служеніе св. церкви и наукѣ — преимущественно — богословской, редакція „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ будетъ и въ слѣдующемъ 1889 году преслѣдовать эту задачу съ неослабной энергіей и настойчивостью. По прежнему питая убѣжденіе, что наше время требуетъ напряженія всѣхъ силъ церкви и науки для выясненія и устраненія затрудненій, создаваемыхъ для высокой миссіи той и другой невѣжествомъ однихъ и легкомысленнымъ невѣріемъ другихъ, редакція считаетъ долгомъ совѣсти вносить свою долю участія въ общія усилія представителей церкви и науки для защиты общаго дѣла общими силами.

Размѣръ и характеръ принимаемаго редакціей участія въ служеніи общему дѣлу выражены въ программахъ академическихъ изданій. Программа „Церковнаго Вѣстника“ разсчитана преимущественно на потребности служителей церкви. Съ этою цѣлью въ нее вводится все то, что, по мнѣнію редакціи, можетъ содѣйствовать правильному пониманію и всестороннему удовлетворенію этихъ потребностей. Сложностью и разнообразіемъ этихъ потребностей-равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обозрѣніе духовныхъ журналовъ; 5) обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библіографическія замѣтки, или

обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни: 8) „въ области церковно-приходской практики“ — отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ, 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Сверхъ того, въ числѣ объявленій будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковные капиталы.

Редакція надѣется, что этой программой исчерпываются вполнѣ всѣ существенныя потребности пастырскаго служенія. Если же, вопреки ожиданію, въ ней окажется какой-либо пробѣлъ, то редакція проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оный, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христіанскаго Чтенія“ столь же обширна, но выполняется преимущественно въ интересѣ тружениковъ науки; при чемъ однакожъ не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи“ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаіи), а также неизданные письменные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ цѣломъ программы обоихъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженикамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ до 140 л. и „Христ. Чтен.“ до 115 л.).

Условія подписки.— Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала **7 р.** (семь) съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5 р.** (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ **5 р.** (пять). Заграницей. для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.** (девять), за каждый отдѣльно **7 р.** (семь) съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182,

кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп.—за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

Примѣчанія:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непремѣнно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются безплатными. За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ. № 1. 1—2

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собою въ концѣ года библіотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоющую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Двѣнадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ"*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ нумерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигіенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы оригинальные рисунки для выпилочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составятъ въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** *съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.*

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ".

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ панданъ (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Босфоръ", тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.—проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ"

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетами, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому.

Газета будетъ издаваться семнадцатый годъ и выходить полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, ежедневными прибавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

Контора редакціи и типографіи въ г. Орлѣ, на зиновьевской ул., д. № 2.

Отдѣленіе конторы при библіотекѣ и книжномъ магазинѣ „Орловскаго Вѣстника", на болховской ул., д. 17. № 10. 1—3.

уведомленіе: коль много Вы сочувствуете во всемъ томъ, что къ славѣ Ея и общенародному благополучію Ея государствѣ токмо служить можетъ.

Я же въ прочемъ пребываю Вамъ послушнымъ слугою Г. Румянцовъ. Въ должности Секретаря Дмитрій Карпѣка. Въ должности Регистратора Канцеляристъ Яковъ Бакуринскій.

1767 году, февраля 26 дня.
Глуховъ.

Съ таковыхъ экземпляры посланы во всѣ суды земскіе и сотенныя правленія и въ Сѣчь Запорожскую.

II.

Росписаніе, гдѣ для выбору назначаются мѣста и сроки.

1) Въ Новгородкѣ, для городскихъ жителей марта 4.

2) Въ Стародубѣ а) для городскихъ жителей марта 9. Повѣту Стародубского, б) для шляхетства—10, в) для козаковъ—27.

3) Въ Чернѣговѣ, а) Для градскихъ жителей—16. Повѣтовъ Черниговского и Менского, б) для шляхетства—18, в) для козаковъ—27.

4) Въ Нѣжинѣ, а) для градскихъ жителей—23. Повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского, б) для шляхетства—24, в) для козаковъ—27.

5) Въ Глуховѣ, для градскихъ жителей апрѣля 2. Повѣту Глуховского: въ сихъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Его Высокографское Сіятельство, для шляхетства—4.

6) Въ Гадячи, для градскихъ жителей марта 4, для козаковъ—27.

7) Въ Сорочинцахъ, для городскихъ жителей—8, для козаковъ—27.

8) Въ Полтавѣ, для городскихъ жителей—13. Повѣтовъ Полтавского и Миргородского, Остаповского и Гадяцкого, для шля-

хетства—15. Въ симъ мѣстахъ имѣетъ присудствовать Господинъ Генеральный обозный Кочубей.

9) Въ Козельцѣ, а) для городскихъ жителей—3. Повѣтовъ Козелецкого и Остерского, б) для шляхетства—4, в) для козаковъ—27.

10) Въ мѣстечкѣ Острѣ, для градскихъ жителей—10.

11) Въ Переясловѣ, а) для градскихъ жителей—15. Повѣтовъ Переясловского и Золотоноского Господинъ Генеральный писарь Туманскій, б) для шляхетства—17, в) для козаковъ—27.

12) Въ Лубнахъ, а) для градскихъ жителей—10. Повѣтовъ Лубенского и Роменского Господинъ Полковникъ Огаровъ, б) для шляхетства—13, в) для козаковъ—27.

13) Въ Прилукахъ, для градскихъ жителей—9. Повѣтовъ Прилуцкого и Иваницкого, б) для шляхетства—11, в) для козаковъ—27. Господинъ маіоръ Стромоуховъ.

14) Въ мѣстечкѣ Погарѣ, для градскихъ жителей—5. Повѣту Погарского, для шляхетства—7. Господинъ Генеральный судія Журманъ.

15) Въ Сѣчи Запорожской, Господинъ Полковникъ Сѣвского Пѣхотного полку Андрей Милорадовичъ.

Г. Румянцовъ.

III.

Выборы въ Глуховѣ.

1) Ордеръ Сотнику Глуховскому Господину Уманцю.

Сего году февраля 28 дня въ ордерѣ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента, Украинского и Малороссійского Корпусовъ Главного комендира и Кавалера Графа Петра Александровича Румянцова ко мнѣ присланномъ изображено: во исполненіе до Высочайшого Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 дня 766 году состоявшогося, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста съ приложеніемъ о выборѣ Депутатовъ въ учреждаемую въ

Москвѣ Коммиссію для сочиненія проэкта новаго уложенія назначенны отъ Его Сіятельства ко собранію для выборовъ тѣхъ Депутатовъ сроки по приложенному при томъ ордерѣ росписанію и при оныхъ выборахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Его Сіятельство самъ быть имѣетъ; и по другимъ для приведенія въ исполненіе всего предписанного по оному Всевысочайшему указу назначены отъ Его Сіятельства персоны; и какъ въ обрядѣ выбора дворянамъ повелѣно начальнику города сочинить роспись пріѣжаючимъ дворянамъ и все, что къ выбору принадлежить приготовить. Потому, наблюдая Ея Императорскаго Величества Высочайшое въ обрядѣ установленіе къ прибытію отъ Его Сіятельства персонъ, таковые дворянамъ росписѣ къ произведенію сего дѣла зъ благопристойнымъ и предписаннымъ порядкомъ, домъ и что къ тому потребно приготовить велено. Чтожъ принадлежить до собранія козаковъ, то, по полученіи того ордера, какъ найскорѣе во всѣ сотнѣ предложить, дабы отъ взякой сотнѣ выбраны были по одному или по два повѣренныхъ, смотря по числу козаковъ; однако чтобъ въ каждомъ полку такихъ выбранныхъ не больше было отъ всѣхъ сотень, какъ до ста человѣкъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано; и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства и протчихъ назначенныхъ персонъ въ тѣ мѣста, гдѣ собраніямъ быть, на назначенные въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки оныи собраться могли. Того ради посланными отъ мене въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ, и гдѣ сотники въ отлучкѣ—къ сотеннымъ старшинамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ, какъ найскорѣе отъ тѣхъ сотень выбрать по два или по три повѣренныхъ, которые должны выбрать повѣренного отъ всего полку на основаніи таковомъ, какъ въ обрядѣ о выборѣ Депутатовъ однодворцамъ и другимъ предписано, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Его Сіятельства въ Нѣжинъ, гдѣ собранію быть назначено, въ прилагаемыхъ росписаніяхъ сроки, то есть прежде 23 числа сего марта они собратся могли всенепремѣнно. Гдѣ же

для выбору назначенны мѣста и сроки, о томъ зъ присланного росписанія приложенны при тѣхъ ордерахъ справочные копіи, о чемъ для вѣдома и къ надлежащему исполненію и вамъ чрезъ сіе предлагается зъ сообщеніемъ зъ тогожъ росписанія справочной копіи.

Петръ Разумовскій.

1767 году,
Марта 1-го дня.

---

2) Донесеніе глуховскаго сотника Уманца о козачьихъ выборахъ.

Сіятельнѣйшему Графу, Высокопревосходительнѣйшему Господину Генералу Аншефу, Малороссійскому Генералу Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского корпусовъ главному командиру и разныхъ орденовъ кавалеру Петру Александровичу Румянцову

Нижайшое доношеніе.

Сего марта 9 дня получилъ я ордеръ отъ господина Полковника Нѣжинского Разумовского, состоявшійся во исполненіе высокого Вашего Сіятельства повелѣнія, послѣдовавшаго о выборѣ Депутатовъ и повѣренныхъ къ сочиненію проэкта новаго уложенія, по коему между протчимъ изображенно, что принадлежить для собранія козаковъ, то посланными отъ него господина полковника Нѣжинского въ сотнѣ повѣтовъ Нѣжинского и Батуринского къ сотникамъ ордерами предложено: за полученіемъ оныхъ ордеровъ какъ найскорае отъ тѣхъ сотенъ выбрать по два или по три повѣренныхъ, и быть тѣмъ повѣреннымъ во всякой готовности, дабы по прибытіи Вашего Сіятельства въ Нѣжинъ прежде 23 числа сего марта, они собратся могли, о чемъ для вѣдома и к надлежащему исполненію и ко мнѣ тѣмъ ордеромъ предложенно, зъ сообщеніемъ зъ росписанія Вашего Сіятельства справочной копіи. А понеже по оному росписанію назначены сроки въ Глуховѣ для городскихъ жителей априля 2 дня, для шляхетства 4 дня, и о козакахъ ничего не упомянуто, означеннымъ же ордеромъ господинъ полковникъ Нѣжинскій, какъ выше-

писанно, предлагаетъ и мнѣ ко исполненію. Того ради оный подленный ордеръ и при немъ справочную копію съ росписанія Вашего Сіятельства при семъ подъ высокое разсмотрѣніе представляю, и что по оному повеленно будетъ учинить, на то ожидаю повелительной Вашего Сіятельства резолюціи.

Сотникъ Глуховскій *Семенъ Уманецъ.*

1767 году,
Марта 10 дня.

---

3) Донесеніе земскаго судьи объ окончаніи выборовъ.

Сіятельнѣйшому Графу, Высокопревосходительнѣйшому Господину Генералъ-Аншефу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному командиру и разныхъ ординовъ кавалеру, Его Сіятельству Петру Александровичу Румянцову.

Нижайшій Рапортъ.

По Всевысочайшему Милостивѣйшому Ея Императорскаго Величества манифесту, отъ 14 декабря 1766 году о выборѣ Депутатовъ въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія и о протчемъ состоявшомусь, отъ гражданъ города Глухова выбранъ я сегожъ города Головою, и какъ уже все то, что онымъ Всевысочайшимъ манифестомъ повелѣно, дѣйствительно исполнено, и выбранному Депутату Генеральному Асаулу Ивану Скоропадскому сочиненной наказъ съ прошеніями, такъ же и полномочіе отосланы, а копіи отданы въ церкве, гдѣ присяга учинена, первому священнику. Для того во исполненіе обряда при ономъ же манифестѣ сообщенного пункта 24 (о окончаніи всего принадлежащаго) Вашему Высокографскому Сіятельству нижайше репортую.

Земскій Судія *Сергей Дергунъ.*

1767 году,
Мая 29 дня.

IV.

Выборы въ Черниговскомъ полку.

1) Роспись, кто именно зъ шляхетства и другихъ чиновъ какого числа и часа въ Чернѣговъ прибылъ, а изъ живущихъ въ Чернѣговѣ явился къ собранію для выбора Предводителя и Депутата зъ полку Чернѣговского въ учрежденную Коммиссію для сочиненія проэкта Нового Уложенія. 1767 году, марта.

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта.				Избират.
10-го	10 час.	1.	Бунчуковій Товаришъ Константинъ Лизогубъ	25
„	10 „	2.	Бунчуковій Товаришъ Павелъ Мокріевичъ. .	26
„	10 „	3.	Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ .	—
„	10 „	4.	Войсковій Товаришъ Іванъ Маркевичъ. . .	21
12-го	11 „	5.	Сотникъ Выбелскій Андрей Тризна . . .	27
13-го	4 „	6.	Судія Генералній Андрей Безбородко . .	105
„	4 „	7.	Бунчуковій Товаришъ Алеѯандръ Безбородко.	—
14-го	10 „	8.	Бунчуковій Товаришъ Іосифъ Рашевскій. .	41
„	10 „	9.	Войсковой Товаришъ Почтмейстеръ Іаковъ Красовскій	44
„	10 „	10.	Сотникъ Роискій Іаковъ Крупянскій . . .	12
„	11 „	11.	Судія Земскій Повѣту Чернѣговского Михайло Дунѣнъ Борковскій	52
„	11 „	12.	Войсковій Товаришъ Михайло Шуба . . .	—
„	4 „	13.	Бунчуковій Товаришъ Іаковъ Лизогубъ . .	47
„	5 „	14.	Обозній Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	49
„	5 „	15.	Войсковій Товаришъ Степанъ Сахновскій. .	—
„	7 „	16.	Войсковій Товаришъ и Асаулъ Полковій Компанѣйскій Петръ Каневскій	31
15-го	11 „	17.	Войсковій Канцеляристъ Степанъ Мокріевичъ.	—
„	11 „	18.	Войсковій Канцеляристъ Федоръ Мокріевичъ.	—
„	11 „	19.	Значковій Товаришъ Іванъ Федосовъ . . .	16
„	11 „	20.	Значковій Товаришъ Гаврило Ѳурскій . .	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
15-го	3 ч.	21.	Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій . .	46
„	3 „	22.	Значковій Товаришъ Іванъ Морозъ . . .	10
„	5 „	23.	Войсковій Товаришъ Осипъ Сахновскій . .	12
„	5 „	24.	Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій.	—
16-го	8 „	25.	Значковій Товаришъ Григорій Базиліевичь .	12
„	8 „	26.	Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій .	42
„	8 „	27.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Стаховичъ . .	33
„	8 „	28.	Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій .	15
„	8 „	29.	Умершого Войскового Товариша Райполского сынъ Іванъ Райполскій.	—
„	3 „	30.	Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ . .	—
„	3 „	31.	Войсковій Товаришъ Василь Ждановичъ. .	—
„	3 „	32.	Войсковій Товаришъ Іванъ Сербиновичъ . .	33
„	3 „	33.	Сотникъ Березинскій Іакимъ Сахновскій . .	53
„	3 „	34.	Асаулъ Полковій Чернѣговскій Іванъ Сахновскій	47
„	3 „	35.	Возній Сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій .	47
„	5 „	36.	Войсковій Товаришъ Кирилъ Медушевскій .	—
„	6 „	37.	Войсковій Товаришъ Іванъ Молявка . . .	24
17-го	9 „	38.	Сотникъ Любецкій Іванъ Посудевскій . .	—
„	9 „	39.	Значковій Товаришъ Евфимъ Шаршановичъ.	12
„	9 „	40.	Значковій Товаришъ Константинъ Селивановъ	—
„	9 „	41.	Значковій Товаришъ Трофимъ Боголѣвъ. .	—
„	9 „	42.	Возній Подкоморскій повѣту Чернѣговского Димитрій Каранда	—
„	10 „	43.	Судія Земскій повѣту Менского Павелъ Ломѣковскій.	11
„	10 „	44.	Возній сотнѣ Волинской Іванъ Колодѣевъ .	60
„	10 „	45.	Абшитованній Асаулъ Артиліеріи Полковой Іаковъ Шихуцкій	13
„	10 „	46.	Асаулъ Артиліеріи Полковой Чернѣговской Іванъ Шихуцкій	19
„	10 „	47.	Войсковій Канцеляристъ Петро Максимовичъ	—

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
17-го	10 ч.	48.	Возній сотнѣ Роиской Іванъ Стодолѣнскій .	—
„	10 „	49.	Значковій Товаришъ Іванъ Миничъ . . .	—
„	10 „	50.	Значковій Товаришъ Іванъ Красовскій . .	—
„	10 „	51.	Значковій Товаришъ Іаковъ Довгаль. . .	—
„	10 „	52.	Значковій Товаришъ Іванъ Даничъ . . .	—
„	12 „	53.	Бунчуковій Товаришъ Іванъ Полторацкій .	58
„	12 „	54.	Войсковій Товаришъ Василь Полонѣцкій. .	20
„	12 „	55.	Войсковій Товаришъ Іванъ Трусевичъ . .	23
„	12 „	56.	Войсковій Канцеляристъ Семенъ Лисявскій .	—
„	12 „	57.	Возній сотнѣ Сосницкой Емеліанъ Станѣславскій	25
„	12 „	58.	Значковій Товаришъ Григорій Петровскій .	23
„	6 „	59.	Возній сотнѣ Синявской Василь Драчевскій.	—
„	6 „	60.	Значковій Товаришъ Петро Лисенецкій . .	—
„	6 „	61.	Канцеллиристъ Войсковій Михайло Кузмѣнскій	39
18-го	8 „	62.	Бунчуковій Товаришъ Михайло Папловскій .	57
„	8 „	63.	Писарь Суда Земского повѣту Менского Корнѣй Лѣневичъ	44
„	8 „	64.	Войсковій Товаришъ Іванъ Товстолѣсъ . .	42
„	8 „	65.	Сотникъ Іванъ Гламазда	38
„	8 „	66.	Войсковій Кацелляристъ Петро Лизогубъ .	—
„	8 „	67.	Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ .	23
„	8 „	68.	Войсковій Товаришъ Іванъ Бакуринскій . .	16
„	8 „	69.	Возній повѣту Менского Данило Колчевскій.	27
„	8 „	70.	Войсковій Товаришъ Федоръ Михно . . .	—
„	8 „	71.	Войсковій Канцелляристъ Степанъ Рашевскій	—
„	10 „	72.	Канцеляристъ Полковый Іванъ Рашевскій .	—
„	10 „	73.	Войсковій Товаришъ Іванъ Даниловичъ . .	36
„	10 „	74.	Войсковій Товаришъ Григорій Коненко . .	20
„	10 „	75.	Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій .	15
„	10 „	76.	Значковій Товаришъ Іванъ Кладкевичъ . .	14
„	10 „	77.	Значковій Товаришъ Петро Іванина . . .	—
„	10 „	78.	Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ . .	7

ПРІЕЖЖІЕ.

Марта				Избират.
18-го	10 ч.	79.	Войсковій Товаришъ Василь Михно . .	15
„	10 „	80.	Значковій Товаришъ Іванъ Іарковскій . .	12
„	10 „	81.	Значкового Товариша сынъ Владимеръ Князиковскій	—
„	10 „	82.	Абшитованній Хоружій сотенній Степанъ Шихуцкій	21
19-го	11 „	83.	Войсковій Канцеляристъ Іаковъ Тризна .	—
„	11 „	84.	Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій .	20
„	11 „	85.	Значковій Товаришъ Іванъ Загалскій . .	24
„	11 „	86.	Значковій Товаришъ Маѯимъ Москалцовъ .	—
„	11 „	87.	Значковій Товаришъ Омелянъ Демидовскій.	14
„	11 „	88.	Значковій Товаришъ Ахеѯѣй Харченко. .	—
„	12 „	89.	Значковій Товаришъ Іаковъ Бубликъ . .	8
20-го	9 „	90.	Войсковій Товаришъ Петръ Юнѣцкій . .	35
21-го	8 „	91.	Войсковій Товаришъ Антонъ Силичъ . .	27
„	8 „	92.	Значковій Товаришъ Михайло Сенюта . .	—
22-го	10 „	93.	Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ . .	15
23-го	8 „	94.	Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ	42
„	4 „	95.	Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна. .	88
„	4 „	96.	Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ .	24
26-го	10 „	97.	Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ .	12
27-го	8 „	98.	Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ .	70
„	8 „	99.	Значковій Товаришъ Федоръ Колодка . .	8
„	4 „	100	Возній сотнѣ Любецкой Іванъ Савичъ . .	23
„	4 „	101.	Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантичовичъ	—
„	4 „	102.	Бунчуковій Товаришъ Степанъ Бутовичъ .	68
„	4 „	103.	Войсковій Товаришъ Иванъ Бутовичъ . .	—
„	4 „	104.	Возній сотнѣ Городницкой Авѯентій Панащатенко	19

ЖИТЕЛСТВУЮЩІЕ ВЪ ГОРОДѢ ЧЕРНѢГОВѢ.

		Избират.
1.	Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ	55
2.	Писаръ полковій Чернѣговскій Андрей Іакимовичъ . .	71
3.	Хоружій полковій Чернѣговскій Василь Петрашевичъ. .	21
4.	Сотникъ Бѣлоускій Георгій Дзвонковичъ	34
5.	Абшитованній Атаманъ Григорій Плохута	14
6.	Писарь Суда Гродского Семенъ Стаинскій	22
7.	Атаманъ Городовій Чернѣговскій Федоръ Плохута. . .	13
8.	Возній повѣта Чернѣговского Василь Стаинскій . . .	—
9.	Коморникъ повѣта Чернѣговского Іванъ Стефановскій. .	30
10.	Значковій Товаришъ Іаковъ Плохута	15
11.	Значковій Товаришъ Василь Ѳрембецкій	24
12.	Значковій Товаришъ і города Чернѣгова Квартермистръ Степанъ Іакимовичъ	—
13.	Значковій Товаришъ, правящій Городнической должностію Михайло Доморка	8
14.	Городничій Чернѣговскій Николай Константиновичъ . .	18
15.	Значковій Товаришъ Іовъ Сокоцкій	4

Писарь Полковій Чернѣговскій *Андрей Іакимовичъ.*

---

2) Списокъ, по силѣ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской манифеста и приложеннаго при ономъ обряда, отъ Магистрата Черниговского по выбору всѣхъ гражданъ повѣреннимъ, напередъ женатимъ и имѣющимъ дѣтей, потомъ же вдовцамъ, а неженатымъ послѣднимъ, учиненій 1767 году, марта 29 дня.

ЖЕНАТІИ и ИМѢЮЩІЕ ДѢТЕЙ.

		Избир. голос.
1.	Бурмистръ Михайло Енко	86
2.	Обозній Иванъ Сахновскій	27
3.	Райца Иванъ Бордадимъ	28
4.	Сотникъ Георгій Дзвонковичъ	25

		Избир. голос.
5.	Купецъ Григорій Енко	50
6.	Писарь Магистратовый Евфимъ Дранковскій	—
7.	Козакъ Андрей Римарь	7
8,	Канцеляристъ Консисторіи Чер. Димитрій Прожига	17
9.	Писарь сотенній Кондратъ Корнѣевъ	—
10.	Козакъ Федоръ Штацкій	11
11.	Стефанъ Портновъ	12
12.	Райца Никита Инспекторенко	11
13.	Пушкаръ Максимъ Кіевскій	8
14.	Райца Василь Медведовъ	14
15.	Канцеляристъ полковій Иванъ Молчановскій	13
16.	Райца Павелъ Колужинецъ	8
17.	Мищанинъ Игнатъ Коритко	10
18.	Канцеляристъ полковій Иванъ Морозовъ	20
19.	Мѣщанинъ Михайло Петрушинецъ	—
20.	Козакъ Иванъ Авеселовскій	—
21.	Канцеляристъ полковій Михайло Марачевскій	16
22.	Бурмистръ Григорій Бубликъ	57
23.	Мѣщанинъ Яковъ Хлѣбовскій	—
24.	Райца Яковъ Билявскій	9
25.	Мищанинъ Данило Грищенко	17
26.	Райца Иванъ Данилевскій	—
27.	Мѣщанинъ Петро Грищенко	—
28.	Козакъ Осипъ Молчановскій	—
29.	Мѣщанинъ Гордѣй Шкляренокъ	7
30.	Козакъ Федоръ Мокренецъ	18
31.	Мѣщанинъ Мартинъ Демяновъ	9
32.	Мѣщанинъ Иванъ Щербакъ	13
33.	Мѣщанинъ Алексѣй Стодола	11
34.	Мѣщанинъ Семенъ Золотарь	—
35.	Мѣщанинъ Федоръ Плакса	9
36.	Федоръ Семеновъ	12
37.	Мѣщанинъ Исакъ Коломѣйченко	—

		Избир. голос.
38.	Козакъ Григорій Мамля	10
39.	Козакъ Максимъ Шумовскій	10
40.	Козакъ Стефанъ Наболонскій	12
41.	Мѣщанинъ Николай Мамля	14
42.	Козакъ Трофимъ Мякота	13
43.	Мѣщанинъ Терешко Сосницкій	6
44.	Мѣщанинъ Василь Глинскій	—
45.	Мѣщанинъ Василь Лопатень	13
46.	Райца Никита Ракъ	35
47.	Райца Иванъ Хлѣбовскій	21
48.	Мѣщанинъ Андрей Свислоцкій	—
49.	Мѣщанинъ Иванъ Золотарь	14
50.	Бурмистръ Иванъ Крутѣнь	66
51	Значковій Товаришъ Михайло Доморка	25
52.	Райца Стефанъ Леонтіевъ	27
53.	Канцеляристъ Магистратовій Корнѣй Лявровскій	19
54.	Козакъ Михало Слѣсарь	10
55.	Атаманъ городовій Федоръ Плохута	27
56.	Цехмистръ Ковальскій Иванъ Лукяненко	16
57.	Райца Василь Малаховъ	39
58.	Обшитованній Атаманъ Григорій Плохута	23
59.	Значковій Товаришъ Василь Грембецкій	26
60.	Райца Илія Лопата	20
61.	Мищанинъ Федоръ Малаховъ	12
62.	Райца Фома Желѣзникъ	16
63.	Мѣщанинъ Мануйло Збинецъ	11
64.	Почталѣонъ Остапъ Кипріяновъ	18
65.	Войтъ Никифоръ Шарой	31
66.	Почталѣонъ Яковъ Здоръ	14
67.	Райца Корнѣй Здоръ	24
68.	Почталіонъ Іосифъ Шереметъ	16
69.	Цехмистръ Шевскій Евдокимъ Поливода	13
70.	Мищанинъ Григорій Бичокъ	12

		Избир. голос.
71.	Мищанинъ Федоръ Мельникъ	9
72.	Райца Иванъ Грибъ	15
73.	Райца Демянъ Грибъ	24
74.	Мѣщанинъ Иванъ Римарь	9
75.	Мищанинъ Денисъ Кравецъ	50
76.	Мищанинъ Семенъ Стадникъ	—
77.	Райца Романъ Ребій	50
78.	Райца Иванъ Сарафіоновъ	16
79.	Мищанинъ Евфимъ Головокъ	14
80.	Райца Иванъ Санковскій	21
81.	Райца Федотъ Митаревскій	31
82.	Мищанинъ Иванъ Матусь	16
83.	Райца Прокопъ Станѣславскій	24
84.	Мѣщанинъ Остапъ Нестеренко	14
85.	Райца Данило Баришавецъ	28
86.	Мищанинъ Каленикъ Шкурка	10
87.	Мищанинъ Петро Колужинецъ	12
88.	Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ	26

ЖЕНАТИЕ БЕЗДѢТНИЕ.

89.	Мищанинъ Яковъ Ладонка	—
90.	Козакъ Христофоръ Николаевъ	24
91.	Райца Афанасъ Широгроцкій	—
92.	Мищанинъ Семенъ Ребій	—
93.	Гусарскій Прапорщикъ Прокофій Соколовъ	26

ВДОВЦИ.

94.	Райца Игнатъ Глинскій	—
95.	Райца Иванъ Макотринъ	20

НЕЖАНАТИЕ МИЩАНЕ.

96.	Есипъ Глинскій	—
97.	Василь Поддубинъ	—

		Избир. голос.
98.	Тимофей Митаревскій	35
99.	Гаврило Тарасевичъ	10
100.	Яковъ Лопатень	—

Войтъ Магистрата Чернѣговского Никифоръ Шарой.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Григорій Бубликъ.
Бурмистръ Магистрата Чернѣговского Иванъ Крутѣнь.
Райца Магистрата Чернѣговского Феодотъ Митаревскій.
Райца Магистрата Чернѣговского Афанасъ Широгроцкій.

---

3) Донесеніе предводителя шляхетства Андрея Безбородка объ окончаніи выборовъ.

Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову, Высокопревосходительнѣйшему Генералу-Аншефу, Малороссійскому Генералу-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского корпуса и войскъ Малороссійскихъ Главному Комендиру и разныхъ орденовъ Кавалеру.

Репортъ.

Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ декабря отъ 14 числа 1766 года повелѣнный отъ шляхетства, въ полку Черниговскомъ вотчины и помѣстья имѣющаго, выборъ Депутата въ Коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія, и все, къ тому принадлежащее, окончено; и потому все собравшееся шляхетство сего априля въ 5 день распущено, Депутату жъ отъ меня письменно рекомендовано, чтобъ онъ отправленіемъ въ Москву и явкою въ Правительствующемъ Сенатѣ не умедлилъ, какъ о томъ Высочайшіе манифестъ и указъ, господамъ Губернаторамъ данный, повелѣваютъ. По долгу моему, Вашему Сіятельству нижайше о томъ репортую, подносяя при семъ списки реестра бывшихъ при выборѣ, полномочія Депутату, выбора персонъ къ сочиненію наказа, чело-

битной къ Ея Императорскому Величеству и наказа въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ.

Предводитель Шляхетства Черниговского полку, Генеральный Судія *Андрей Безбородко.*

Черниговъ,
априля 5 дня 1767 года. № 9.

---

5) *Посланіе черниговскаго шляхетства.*

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская,

Всемилостивѣйшая Государиня!

Между народами, которые промысломъ Божіимъ премудрому Вашего Императорскаго Величества правленію ввѣрены, малороссійскій въ разсужденіи единого рода и вѣры съ россійскимъ, а паче добровольного возвращенія въ союзъ съ прежнимъ его тѣломъ, при всѣхъ свято-почившихъ предкахъ Вашего Императорскаго Величества пользовался отмѣнними монаршими щедротами, нетокмо въ ненарушимомъ храненіи свободъ и законовъ, издревле имъ пріобрѣтенныхъ, но и въ разпространеніи всего того, что къ лучшей его ползѣ по времени и обстоятелствамъ служить могло. Ваше Императорское Величество, желаніемъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ наслѣдствуя престолъ Великой Имперіи, нетолко преемницею прежнихъ Россійскихъ обладателей въ милости къ сему вѣрноподданному народу учинились, но разширяя попеченіе о благоденствіи всѣхъ членовъ державы Вашей, восхотѣли дать и намъ участіе во всѣхъ тѣхъ благодѣяніяхъ, которими совершеніе великихъ Вашихъ намѣреній обнадеживаеть Россію, и потому, какъ по перемѣнѣ бывшаго здѣсь гетманского правленія сему благоприсоединенному народу Императорскимъ словомъ обѣщать изволили: возводить его на такую степень щастія, въ которой бы онъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость вящше чувствовать смогъ, такъ и въ нынѣшнее время, созивая отъ всѣхъ частей Россійскаго Государства

уполномоченныхъ Депутатовъ для сочиненія проекта новаго уложенья, здѣлали и насъ таковой матерней къ подданнымъ довѣренности участниками, всемилостивѣйше позволивъ взнесть къ Вашему Императорскому Величеству прозбы въ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ. Мы чувствуемъ, Всемилостивѣйшая Государиня, что состояніе правителства и обрядовъ земскихъ въ отечествѣ нашемъ мало соотвѣтствуютъ доброму порядку, и что нынѣшнія наши обстоятелства требуютъ во всемъ поправленія. Но какъ Ваше Императорское Величество промыслъ о благополучіи нашемъ на себя принять соизволили, то мы возлагаемъ всю надежду нашу на матернее Ваше милосердіе, не сомнѣваясь, что Ваше Величество самодержавною отъ Бога данною Вамъ властію положите твердое основаніе покоя и благоденствія всѣхъ жителей малороссійскихъ. И въ разсужденіи сего выбранному нами изъ полку Черниговского Депутату, Генералному Асаулу Ивану Скоропадскому, дали мы полномочіе представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшіе прошенія наши въ таковыхъ токмо дѣлахъ, которые собственно до шляхетства касаются; и въ томъ для лучшей вѣры, снабдѣли его наказомъ. Всенижайше Ваше Императорское Величество просимъ призрѣть на вѣрноподданническое всѣхъ насъ усердіе, и въ сихъ прозбахъ нашихъ, отъ которыхъ утвержденіе щастія нашего зависить, Всемилостивѣйшее рѣшеніе пожаловать. Толь великія благодѣянія приняты будутъ отъ всѣго свѣта новымъ опытомъ Вашего человѣколюбія и великодушія, которіе привлекають подъ благословенную державу Вашу многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ; а насъ и потомковъ нашихъ утвердятъ еще болѣе въ непоколебимой навѣки рабской вѣрности престолу Вашего Императорскаго Величества, и во взаимномъ съ прочими землями Россійской Имперіи согласіи.

Черниговъ.

1767. Апрѣля 4 дня.

Вашего Императорскаго Величества вѣрніе подданіе и всенижайшіе рабы:

Шляхетства Черниговскаго полку Предводитель, Судія Генеральный Андрей Безбородко, Бунчуковій Товаришъ Костантій Ли-

Научаю — поучаю, вразумляю, соглашаю.

Научаюся—навикаю, познаваю, разсмотряю.

Наученіе—учительство.

Наушница — усерягъ, усерязь, обушеніе.

Нахиляю—преклоняю.

Нахиляюся—тое жъ.

Начинье—сосудъ, орудіе.

Нашинецъ—нашинъ.

Наюченіе—наважденіе.

Небаченіе—презорство,стропотность.

Небезпеченство — неизвѣство, бѣда.

Небезпечный—блязненный.

Неблудячій—неблязненъ.

Небозчикъ—усопшій, преставльшийся.

Неболеніе—безболезніе.

Небоязливъ—дерзостный.

Небоязнь—безстрашіе, дерзость.

Небрегій — небрежникъ, малодушенъ.

Небылый—несущый.

Невдячность — нерадостотворность.

Невдячный—неблагодаренъ, неблагоразуменъ.

Невинность - незлобіе,беззлобіе.

Невинный—неповинный, неповиненъ, непорочный, непороченъ.

Невиннымъ зостаю—извиняюся.

Невоздержный—ласкосердій.

Неволникъ - плѣнникъ, рабъ, рабычичъ, сѣновный.

Неволничый—рабий.

Неволничая пристойность — раболѣпіе.

Неволство—стражба.

Неволя—работа.

Невонтпливе—явѣ.

Невстидаюся—не обинуюся.

Невстидливость — безстудство, безсраміе, напрасньство.

Невстидливый — безстудный, студодѣй, безсрамный, мѣдноличенъ.

Невчасный—безвременный.

Невымовный — неизреченный, неизглаголанный, неизслѣдованный.

Невыповѣдимый—тое жъ.

Невѣдомость—невидѣніе.

Невѣснюкъ—малакія, мяккый.

Невѣстка—сноха.

Негинучее—негиблемое, неизнуряемое, неиждиваемое, нестрастное.

Негніючій — нетлѣнный, неувядаемый.

Негоднимъ чиню—унедостояю.

Негордый—некичливъ.

Не даю покою—стужаю, озлобляю, возмущаю, удручаю.

Недбале—нерадиве, щапственнѣ.

Недбалецъ—нерадивъ, малодушный.

Недбалость—небреженіе, нерадѣніе, ослабленіе, нерадствіе, щапство.

Недбаю—небрегу, неражу.

Недовѣрокъ—маловѣрный.

Недовѣрство—маловѣріе.

Недогаданьеся—недоумѣніе, недоумѣваніе, неудобство, недоумѣтелство, недомышленіе, недомислимость, таинство.

Недогоненный — недостижимъ, недостиженъ, непостиженъ.

Недолугій — маломощный, бѣдный, вредный.

Недоносокъ—извергъ.

Недорѣкій—косноязичный, медлеязичный, мудноязичный.

Недосажалъ--недоходилъ.

Недосвѣдчоный — неискусенъ, отверженный, невѣстливъ.

Недостатечность — худость, окаянство, окаяніе.

Недостатокъ — лишеніе, оскуденіе, скудость.

Недостаткомъ—оскудно.

Недостаточный—лишенъ, лишаемый, худый, нищій, скудный.

Недостигненный—зри недогоненный.

Недужъ—недолугъ, немощный, немощенъ.

Не единаче—не токмо.

Не есть--нѣсть.

Не жалую—не щажу.

Не жалуючи—нещадно.

Незбожность—нечестіе, безчестіе.

Незбожный—нечестивый.

Незвадливый—не лестный.

Незвалченный — непреборимъ, непреборимый.

Незгода—разногласіе, разгласіе, инодушіе, инодушность, распрѣваніе, распря, зри—бунты.

Незгодливый-стропотенъ, строптивъ, стропотный, напраснивъ, сверѣпѣяйся, гордостенъ, презоривъ, яростенъ, зри—бунтовникъ.

Незичливый—лукавъ.

Незличонный—безмѣрный, нешчетный, безконечный.

Незлосливость — незлобіе, беззлобіе.

Незлосливъ—беззлосливъ.

Незрахованный—зри незличонный.

Неимовѣрно—неувѣрително.

Неистовъ—неразуменъ.

Нелатвость—зри недогаданьеся.

Нелатвый — неудобный, прудный (sic).

Нелюдзкій- -безчеловѣчный.

Нелюдзкость—безчеловѣчіе, безсловесіе.

Немилосердный—немилостивый, жестокъ, немилостивъ, неблагоутробенъ, безщедротъ.

Немилость—нелюбовь, немилосердіе, несладость.

Немного—сцѣгло.

Немовятко—отроча, дѣтище.

Немогу-недугую, немоществую, изнемогаю, болѣю, стражду.

Немогучій втекти — неизбѣжный.

Не могучій дати о себѣ справы—безотвѣтенъ.

Неможная речъ—немощно.

Немощъ—недугъ, болѣзнь.
Ненавижу—враждую,ненавижу.
Ненавистный—стужитель.
Ненависть—вражда.
Ненамовный—неувѣтливъ.
Ненаприкраюся—снисхожу.
Нендза—бѣда, нищета, убожіе, убожество, окаянство, окаяніе.
Нендзный—нищій, худый, умыленный, окаянный.
Нендзую—врeждаюся.
Необичайный -безмѣстный.
Неовраженіе—невреждeніе.
Неогорненный—неосязанный.
Неодмѣнный—непреложный.
Неознайменный—безвѣстный.
Неопатрно—неосмотрително.
Неохендожный—безобразный.
Неошацованный—драгоцѣнный, неоцѣнный, многоцѣнный.
Непевность—неизвѣство.
Непевный—непостоянный,..., сомнѣнникъ.
Непилно—наддѣлателнѣ (sic).
Неплодная жона — неплоды, не плодящая, не рождающая.
Непобожный — непреподобный.
Не подаюся—не повинуюся.
Неподейзроный — непорочный, безпорочный, незазорный.
Неповстягливъ—продерзивъ.
Непогода—зима, волненіе, буря, обуреваніе.
Непожитечный— неключимый, безуспѣшный, непотребенъ, неискусенъ,ненадежденъ,пренебрегаемый, безмѣстенъ.
Непокаяніе—умиленіе.
Непокой—мятежъ, зри—бунты.
Непоправленъ—неисправленъ.
Непотребне—паче, преизлише.
Непотребно—неключимо, лише, множае, вотще, затще.
Непотребный—зри непожитечный.
Непотребнымъ чиню — упражняю.
Непоцтивость—порокъ.
Неправость—беззаконіе.
Непреконаный в диспутаціи—безпрекословный.
Неприемность—стуженіе.
Неприймую—отрицаюся.
Неприкраяніе—схожденіе.
Неприкраючій — сходителнѣйшій.
Неприкруся—снисхожу.
Неприязнь—вражда.
Неприятель—врагъ, навѣтникъ, суперникъ, супостатъ.
Непорушенье—непошествіе.
Непорушный—постоянный.
Непорядокъ—нестроеніе.
Непослушенство — ослушаніе, преслушаніе, непослушаніе, противленіе.
Непосполитый—преизящникъ.
Непристойно—злонарочно.
Непсуючійся—нетлѣнный.
Неразсудно—неразнственно.
Неразумный—неблагоразумный, нероздѣлный для сутелности, несѣкомый, непресѣкомый.
Нерихло—косно.

Нерихло чиню—косню.
Нерозность—неразнствіе.
Нерядница—блудница.
Несвѣдость — невѣденіе, невѣжество, неразуміе.
Несказанный — невиповѣдимый.
Несказителность—нетлѣніе.
Несказителный—нетлѣнный.
Несладость—мерзость.
Не слухаю—не повинуюся.
Не смакую—негодую.
Не смачность—безсластіе, несладость.
Несмертелный—безсмертный.
Несмѣлость—малодушіе.
Несмѣлый — малодушный, бездерзновенъ.
Несмѣю — сомнюся, обинуюся, стиждуся.
Необлазненіе—безпошествіе.
Неспанье—бденіе, бодрость, забдѣніе.
Не сплю—бодрствую.
Несподѣванный—нечаемый, неначаемый, непредвидѣнный.
Неспоро—косно, безуспѣха.
Неспорый—безуспѣшный.
Несправедливость—неправда.
Несправедливый—беззаконникъ.
Неставаетъ ми—оскудѣваю.
Нестатечный—зри непевный.
Не стойтежъ—увы, горе, уфъ.
Несыть—ненасыть.
Не тилко—не токмо.
Не трафнѣ—неискуснѣ.
Неублаганный — неукрощенъ, жестокъ, некротокъ.
Неугамованіе—необузданіе.
Неужитъ—жестокъ.
Неукрочонъ—зри неублаганъ.
Неукъ—невѣжа.
Неумислнѣ—подѣлнѣ.
Неумѣстно—щапственнѣ.
Неумѣстность — невѣжество, щапство.
Неуставичность—неистовство, неразуміе.
Неуставичный — непостоянный.
Нефалшивый — цѣлъ, цѣлый, правый.
Не фолґовалъ—не сходилъ.
Нефрасовитость — безпечаліе.
На фрасуюся—благодушествую.
Нехай—да.
Нехлюя—зри недбалецъ.
Нецнота — беззаконникъ, нечестивый, непреподобный, неблагоразумный.
Не цнота—нечестіе.
Не цнотливе живу—щапствую.
Нечаемый — неначаемый, противъ всѣхъ мнѣнію, нечаянно, преславнѣе.
Нечеканье—нечаянье.
Не чистаго ложа синъ—прелюбодѣйчищъ.
Не чисто живу—щапствую.
Нечистость — разсверѣпѣніе, скверна, нечистота.
Нечистый—нечистъ, малакій, порочный, растлѣнный, скверливый, скверненый.
Нещастный—страстный.
Нещастье—бѣда, злоключеніе, злополучіе, лукавство.

Нещирость—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Нещирый—неискусенъ лицемъ, лукавъ.
Нива—браздна, удоліе.
Нива межи горами—удолъ.
Нива оранная—возоръ.
Нижчиючій—истребителный.
Низка червоная—конра.
Низкій— смиренный.
Низко лежу—низложу.
Нищу—изнуряю.
Нищѣю—таю, истаеваю, топнѣю.
Новина—странна, нова (sic).
Новини чиненье—новосѣченіе, новотвореніе.
Новациятъ—новакъ.
Ногутъ—горохъ, сланутокъ.
Ножъ восный (sic)—стругъ.
Норовъ—нравъ.
Носъ—ноздрія.
Ночный (sic)—долгій часъ, нощное поприще.
Ночую—нощеваю, обнощеваю.
Ношеніе—монисто, обшлягъ.
Ныдѣю—ныю, уныеваю.
Нынѣ—днесь.
Нынѣшній—настоящій.
Нырка—бубреги (sic).
Нѣжли—нежели, даже.
Нѣкоторый—нѣкій, нѣкто.
Нѣкчемная—растлѣнная, гнилая.
Нѣкчемно—суетно, мерзко, мерзостно.
Нѣкчемнѣйше—гнюснѣе, гнюшше.
Нѣтъ—нѣсть.
Нѣчого доброго—зри лотръ.
Нѣчого ми до того—нѣчто же къ мнѣ се.
Нюханье—обоняніе.
Нюхаю—обоняю.

О.

Обавленьеся— обиновеніе.
Обавляю—низлагаю, разоряю.
Обавляюся—зри несмѣю.
Обачую — съразумѣваю, намѣряю.
Оббѣгаю—обтичу, обтицаю.
Обвиненіе—оглаголаніе, порицаніе.
Обвиняю—осуждаю, окаеваю.
Обволиваю — возглашаю напередъ.
Обволиваетъ—трубитъ.
Обвязка—обвязало.
Обгортую—обхожу.
Обезславеніе — охужденіе, зри ганба.
Обезстудилъ—обезсрамилъ.
Обертаніе—обращеніе, возвращеніе.
Обертанье вколо—съобращеніе.
Обецаю—обѣтую, обѣщаю, обѣтоваю.
Обецный—здешній.
Обжирство — чревообяденіе, чревобѣсіе.
Обжирца—чревобѣсецъ.

Озазираю—укаряю.
Обитель—монастыръ.
Облапеніе—лобзаніе, соплетеніе.
Обличіе—видъ, лице.
Облокъ—примракъ.
Облокъ дощевый — смерчъ, смращъ, пявица.
Облуда — мечтаніе, призракъ, привиденіе.
Облудне чиню—лицемѣрствую, лицемѣрія употребляю, притворяю.
Облудность—лицемѣріе, лицемѣрство, лицепріятіе.
Облудный—лукавый, лицемѣрный.
Облуженье—обстояніе.
Облюбенецъ—женихъ.
Обмова—важденіе, оглаголаніе, клеветаніе.
Обмовляю—клевещу, оглаголаю, оболгаю.
Обмовца—оболгатель, оглаголникъ, клеветникъ, хулникъ.
Обмываніе—умовеніе, крещеніе.
Ободъ—окруженіе.
Обоетный—обоюдунъ (sic).
Обожуюсь—возникаю, воспраняю (sic).
Обозный—свузникъ.
Обозокъ—полчище.
Обозъ—полкъ.
Обозъ обточенный—ополченіе.
Обозъ становлю—ополчаюся.
Обозу становитель — ополчитель.
Обозомъ ставаю—обточую.

Оболженіе—зри ганба.
Оборона—возбраненіе, заступленіе, стражба, защищеніе, совѣтъ.
Оборонно чиню — утверждаю, укрѣпляю.
Оборонца—заступникъ, поборникъ, защитникъ, предстатель, покровитель, протекторъ.
Обороняю—заступаю, побораю, предстателствую.
Оборочаюся—назадъ воспящаюсь.
Обосторонный—зри обоетный.
Обожаю—напаствую, неправдую, озлобляю.
Обpажаюся—приражаюся, озлобляюся.
Обpаженіе—приpаженіе, претиканіе.
Образа—обида, обидѣніе.
Образъ—икона.
Образъ ясный—образъ свѣтелъ.
Обредный—шкаредъ.
Обридливость—мерзость.
Обридливый — злообразный, шкаредный.
Обротъ—узда, брозда.
Обрушаю—раздражаю.
Обрушаюсь—порицаю, оглаголую.
Обтяженіе—стуженіе.
Обтяжаю — отягощаю, озлобляю, стужаю, удручаю, возмущаю.
Обувъ—обуща, сапоги, плесница, сандаліи.

Обфите — богатно, обилно, изобилно, лишше, множае, зѣлно.

Обфитость — гобзованіе, доволство, изобилство, презѣлно преспѣющій избитокъ, преизлишество, зри—достатокъ.

Обфитый урожай—тое жъ, що обфитость.

Обхоженье—обходъ, обхожденіе, празникъ.

Обхожую вколо — обхожу, обтичу.

Обцую—сообщаюсь.

Обыватель — тоземецъ, населникъ.

Обычай — законъ, правило, нравъ, заповѣдь, предпріятіе, устроеніе, съустроеніе.

Обычай милый—сладкый нравъ.

Обычаю злого—злонравіе.

Обычайность—благонравіе, благообразіе, стидѣніе, соприятіе, честность, цѣломудріе, ухищреніе.

Обычайный—лѣпый, благонравный, мѣренъ, красный, изрядный.

Обѣтница—обѣтъ.

Обѣтованье—совѣтъ, обѣщаніе.

Обѣщаніе—зри обѣтованіе.

Обѣцаю—зри обецаю.

Обявенье—откровенье.

Обявляю—являю, откриваю, обличаю.

Овечка—агница.

Овощъ—овощі.

Овця—агница.

Овчатко—агня.

Овчее стадо—паства.

Овчина—милоть.

Овшеки—и убо, негли, весьма, всяко, всячески.

Овшемъ—и убо.

Огиджую—обваждаю, облагаю, оглядую, намѣряю.

Оглядание—виденіе.

Огневая—огневица, огнь, жеговица, трясоцица.

Огниско—огнь.

Огнисто—жератчано (sic).

Оголошеніе—возгласъ.

Оголошую—оглашаю.

Оголюю—брію, обросную, обтираю.

Огонь роскладаю—огнь возгнѣтаю.

Оґонъ—ошибъ, опашъ.

Огородникъ—градарь, вертоградарь.

Огородница—зеліе.

Огородъ — ограда, вертоградъ, овощникъ.

Огортую—содержу, навершаю, осязаю.

Ограничую—уставляю.

Огурство — агавство, агавіе, ослушаніе, зри—лѣность.

Оданье—преданье.

Одвѣрный—дверникъ, вратный, вратарь.

Одвѣрокъ—прагъ.

Одгинаю—востлапляю (sic).

Оддаленьеся—ошаяніе.

Оддаляюся—отстою, освѣняюся, ошаяюся, ошаеваюся.

Оддухъ—духъ.

Оддѣленье—отлученье.

Оддѣленный—отлученный.

Оддѣляюся—зри отдаляюся.

Одежда—одѣяніе, риза, иматизма.

Одежда ошарпанная—рубище, рубы.

Одержаніе—пріятіе.

Одержую—улучаю, пріимую.

Одестье—отшествіе.

Одиймую — испразняю, упразняю.

Одинъ разъ—единою, единощи.

Одмѣнный—ползокъ (sic).

Однимъ разомъ—зри одинъ разъ.

Однимъ умысломъ—обще.

Одновляюся — паки назидаюся, обновляюся.

Одурѣніе—неистовство, бѣснованіе.

Одѣгаю—одѣяю, одѣваю.

Одѣдиченье—наслѣдіе, достоинство, достояніе, жребій.

Одѣдиченое—наслѣдованно, сопричастно.

Одѣдичую—наслѣдую, наслѣждую.

Одѣнье верхнее—скутъ.

Одѣнье плохое—портъ.

Оженяюся—посаґаю.

Оженился—поялъ помощницу.

Ожидаю—подемлю, терплю, варяю.

Оздоба—красованіе, зри—краса.

Оздоровленье—устребленіе.

Оздоровляюся—устребляюсь.

Озеро—озеро, ровъ, сонмъ или составъ водный.

Ознаймую—сказую, являю.

Ознаменую назнаменовую, провѣщеваю.

Озяблость—изсякновеніе.

Ой—негли, либо.

Ой добро—благо же, часомъ радость, *ой*—часомъ шидерство значитъ.

Оказало—свѣтло, явленне, явственно.

Оказалый—ухищряемый.

Оказія—извѣтъ, явленіе, киченіе.

Оклеветую — осуждаю, ненависть творю.

Оклену—озлорѣчую.

Окно, где соль робятъ (sic)—слатина.

Оковы—вериги, узи.

Около, окрестъ, количнѣ мовячій—окрестъ глаголнѣ.

Окраса—зри краса.

Окрикъ — молва, грохотъ, зри крикъ.

Окромѣшный—внѣшный, свѣнный.

Окромъ—точію, кромѣ.

Окрутенство—зри лютость.

Окрутный—зри лютый.

Окрутъ—корабль, ковчегъ.

Окрухъ хлѣба—крома.

Окунь—перкъ.

Окупъ—искупъ, искупленіе.

О курѣхъ—пѣтоглашеніе.

Олбримъ — исполинъ, ґиґантъ, ґиґансъ, щудь.

Олей—зри олива.

Олива — олей, масло деревяное.

Оливки—масличіе.

Оливная судинка—ячайце.

Оливное дерево—маслина.

Олово—киситиръ.

Олтаръ—освятилище, святиня, очистилище, ублагалище, жертовникъ, требище.

Омана—прелесть, мечтаніе.

Оманяю—прелщаю.

Омацую—ощущаю.

Омдлѣваю—малодушествую.

Омешканіе—медленіе, зри забава.

Омешкую—косню, укоснѣваю, медлю.

Омочую—омокаю.

Омылка — погрѣшенія, блудъ, прелесть, поползновеніе, поползіе, ..., умиленіе.

Омылный — ложъ, блазненный.

Омыляюсь — погрѣшаю, облазняю.

Онуча—портъ.

Оный—онсица.

Опакъ—..., зади, вспять.

Опасуюся—препоясуюсь.

Опатритель—строитель, учитель, наставникъ.

Опатрне — смотрително, разъсмотрително.

Опатрность—ухищреніе, многоиспитаніе, смотреніе, согласіе, утваръ, честность, украшеніе.

Опатрный—благовѣнный, непрелестный, смотрителный, ухищренъ.

Опатрую—строю.

Опачина—весло, гребло.

Опачный—стропотный.

Опекунъ — заступникъ, защитникъ, поборникъ, предстатель.

Оперезуюсь—зри опасаюсь.

Опираюся — воспящаюсь, пружаюся.

Описую—уставляю.

Опитъ—возисканіе.

Опліовую—оплеваю.

Оплотки—халуги.

Оплошаю—охуждаю.

Оплошенъеся—охужденіе.

Оповѣдаетъ—трубитъ.

Оповѣданье — возвѣщеніе, возглашеніе.

Опоганюю—оскверняю.

Оподаль—подалѣ.

Опока—камень, камикъ.

Опрочъ—зри окромъ.

Опрѣснокъ—безквасіе.

Опрятненье—сопрятаніе.

Опущаюсь—унываю, ослабѣваю.

Опущонный—лишенный.

Опѣкаюся—заступаю, строю.

Опять—паки.

Орало—рало.

Ораторъ—вѣтий, риторъ, хитрословецъ, рѣчетворецъ.

Орацію складую — составляю слово.

Орачъ — тяжатель, земледѣлатель, земледѣлецъ, ратай, зри ролникъ.

Орелъ великій—грифъ, ногпатка.
Орудіе—оружіе, мечъ.
Осада—стражба.
Освѣдчаюся — засвидѣтелствую, послушествую.
Освѣчую—озарлю.
Оскардъ—оскордъ.
Оскаржатель—поемникъ, клеветникъ, шепотникъ.
Оскарженіе—порицаніе, оглаголаніе.
Оскаржую—ваджу, оклеветую, насочаю, поемлю, облаґаю, обваждаю, порицаю, ябедничу.
Оскираюся—осклабляюся.
Оскомины набиваю—оскотиниваю (sic).
Ослабѣваю — изнемогаю, унываю, стужаюся.
Ослабенье—ослабленіе, гажденіе, хуленіе.
Ослобоженье—освобожденіе.
Осмѣвую—укаряю, досаждаю.
Осмѣявъ мя — досадивъ мнѣ, поругася мнѣ.
Осмѣянный—поругаемый, поруганный, досаду пріятъ.
Особа — видъ, лице, собство, съставъ, ѵпостасъ.
Особы шанованіе—обиновеніе.
Особливый—лишший, особный.
Особнѣ—особѣ, наединѣ.
Особно стою—разстою, разностою.
Оставеніе—прощеніе.
Оставленъ бываю — лишаюсь, лишаемъ бываю.

Остатечный—прочій, послѣдный.
Остатокъ—избитокъ, лишеніе.
Остенъ—пострѣкатель.
Остереганье—блюденье.
Остерегаюся—охибляюсь.
Остригаю—зри оголюю.
Остриженье—обрененіе.
Остроблѣнье—устребленіе.
Островъ—отокъ морскій.
Острога—стрекало.
Острогъ—стѣна.
Осторожность—бодреніе.
Осторожный—зри опатрный.
Осторожный естемъ—опасуюсь.
Острость розуму- благоразуміе.
Острый—трудный.
Осужаю—оглаголую, осуждаю, облаюю.
Осуженье—осужденіе, порицаніе, оглаголаніе.
Осяганье—осязанье.
Осягаю—осязаю, стяжаю, стяжеваю, притяжу, паки притяжу.
Отбиваю—отбираю, отражаю, отрѣяю, отрѣваю.
Отбираю—воспріемлю.
Отважуюся—понуждаюся, устремляю ся вседушно.
Отведенье—отвожденіе.
Отверненіе—отвращеніе, уклоненіе.
Отвертаю всторону—уклоняюся.
Отволожую—отвлажую, таю.
Отволока—отложеніе.
Отворяю—отверзаю.

Отганяю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Отдаляюся — растою, разностою.

Отдатокъ—возданіе, воздаяніе.

Отдѣленье—отлученье, ошаяніе.

Отдѣленный—отлученъ, отдѣленъ.

Отецъ всему свѣту—патриархъ вселенскій.

Отецъ заиный—попъ, презвитеръ.

Отискую—притяжую, паки притяжу.

Откидаю—отражаю, отрѣваю, отрѣяю.

Откола—коль, откуду.

Откритье—откровеніе.

Отлеглый—несущий.

Отложеніе—отдѣленіе, отлученіе.

Отлучаю—упражняю.

Отлучаюся — растою, розно стою.

Отлученный—отдѣленъ, отлученъ.

Отмовляюся—отрицаюся.

Отмѣна — премѣна, преложеніе, премѣненіе.

Отмѣтованье—отрицаніе.

Отмѣтую—отражаю, отрѣваю, отрѣаю.

Отновляю—устрояю, поновляю.

Отношу—восприемлю.

Отнюдъ—весма, всяко.

От оного часу—отселѣ, отзде.

Отповѣдникъ—навѣтникъ.

Отповѣдь—отвѣтъ, отвѣщаніе.

Отпорода — наслѣдіе, достояніе, жребій.

Отпорца—тожъ.

Отпочиваю—почиваю, предпочиваю.

Отпочненье—отрада.

Отпущаю-прощаю, отдаю, раздрѣшаю, оставляю, ослабляю, угаждаю.

Отпущенье—прощеніе, оставленіе, раздрѣшеніе.

Отпыхаю—отрѣваю, отражаю.

Отребины—отребіе.

От сего мѣсца—отзде, отсюду.

От сего часу—отселѣ, отнелѣ, отзде, отсюду.

Отскочилъ—отвержеся.

Отступникъ-расколникъ, схисматикъ, раздорникъ.

Отсюль—отзде, отсюду.

Оттинаю—отсѣцаю.

Оттручаю—отражаю.

Отрученье—отриновеніе, отраженіе.

Отрученъ—маломъ не упалъ, преклонихся пасти.

Отчизна — отечество, отечествіе.

Отчичъ—наслѣдникъ.

Отщепенецъ—схизматикъ, расколникъ, раздорникъ.

Отщепенство- схизма,расколъ, раздоръ, распря, сѣченіе.

Офѣра—жертва, приносъ, приношеніе, закланіе, треба.

Офѣра цало паленая—всесожженіе.

Офѣрованіе—жрѣніе, корванъ.

Офѣровникъ—жрецъ, священнодѣйственникъ, тайнодѣйствіе (sic).

Офѣрую—жру, жертвую, приношу, рѣжу.

Охендожка — одежда, одеяніе, иматасма.

Охендожный—зри красный.

Охендожство — утварь, украшеніе, честность, ухищреніе.

Охолода — упокоеніе, ослаба, отрада, сладость, сласть, сладострастіе.

Охороняюсь—охабляюся.

Охота—усердіе.

Охотне—нетяжестнѣ, ненавистнѣ (sic).

Охотный—благоувѣтливъ.

Очарованье — обава, обаяніе, обавленіе.

Очекиваю—терплю.

Очекиваніе—терпеніе.

Очеркненье—окруженіе, околеніе.

О чомъ—о чесомъ.

Ошаленье—изумленіе, неистовство.

Ошарпанецъ—рубищеносецъ.

Ошуканье—ложъ, прелесть, ..., прелщеніе, лщеніе.

Ошукати—яти.

Ошукачъ—прелестникъ.

Ошукиваю — лещу, прелщаю, лихоимствую.

Ошустъ—прелестникъ, запинатель, клеветникъ.

Ощажую—щажу.

Ощупъ—..., дреколь, ратище.

П.

Пава—киннось.

Павѣза—щитъ, плишъ.

Павѣментъ—подъ, помостъ.

Пагорокъ—холмъ.

Паднѣнье—падежъ, зри омилка.

Падолъ зарослый—дебрь.

Пазуха — недро, ядро, занадрія.

Палацъ—полата.

Палецъ—перстъ.

Пампушокъ—сковрадъ.

Памятаю—памятствую.

Памятка—память, пониманіе, воспоминаніе.

Память—умъ, разумъ.

Панна—дѣва, дѣвица, дѣвая.

Панованіе—господствіе, владычество, началство, настоятелство, могутство, область.

Пановъ—панвица.

Панскій—владыченъ, господень.

Панско—господственнѣ.

Пантофлѣ—выступци.

Паную—обладаю, господствую, державствую.

Пануючій —владичественъ, господственъ, обладаяй, началствуяй.

Панцѣръ—броня.

Панянка—юнота.

Панъ—владыка, господь, началникъ, властелинъ, обладаяй.

Панъ молодый—женихъ.

Папѣжъ—папа.

Папѣжъ—бумага, хартія.

Паръ—духъ.

Пара шатъ—измѣна рызъ.

Парґамѣнъ—кожа.

Парканъ—забрало.

Паростка—отрасль, прирость.

Партачъ—белохудожникъ.

Парусъ—вѣтрило, ядрило.

Пархи—прокази.

Паршивый—прокаженъ.

Пастухъ—скотопитатель.

Патронъ—зри опекунъ.

Паша—пажить, паствина.

Певне—но, убо, явѣ, истинно, извѣстно, вѣрнѣ, ей.

Певное—извѣстное, опасное.

Певность — извѣство, опаство.

Певный — твердый, нарекованный.

Педаґоґъ—пѣстунъ.

Пелґримъ — пришлецъ, странникъ, странный.

Пендзель—стручецъ.

Пендъ—стремленіе.

Первородство—первенство, перство (sic).

Первость—первенство.

Первястки—первородная.

Перебачаю—небрегу, прощаю.

Переверненье — превращеніе, низложеніе.

Перевертаю—опровергаю, превращаю.

Перевожуся—проношуся, преносилаюся.

Перевышшаю—преспѣваю, преуспѣваю, превосхожу, преймаю.

Превышаючее—превосходящее, превышающее.

Перевышенье—преспѣяніе, преимѣтелство, превеличество.

Переглядую—съзерцаю.

Перегорода—преграждение, законъ, средостѣніе.

Перегорожую—преграждаю.

Переди спутованіе — прѣніе, увѣщаніе, увѣщеваніе, препрѣніе.

Перейшолъ—прейде, отиде, мимошедъ, преплывъ.

Перекладачъ—апоґрафонъ.

Перекладъ—зводъ, архитиконъ, антиґрафонъ, апоґрафонъ.

Перекупецъ—скупникъ.

Перелещенье—прелщеніе.

Перелещую—прелщаю.

Переличую—сочетаваю.

Перемагаю—одолѣваю.

Перемагаю в мовѣ — заущаю, затикаю уста.

Перемагалися—бѣждахуся.

Переможеніе—одолѣніе.

Перемѣненье—измѣна, измѣненіе, преображеніе.

Перемѣшую—возмущаю, озлобляю, удручаю, запинаю, претикаю.

Перенесенье—преложеніе, преселеніе, пренесеніе.

Переношу окомъ — презираю,

пренебрегаю.

Переношуся—преселяюсь, зри перевожуся.

Перепираю—увѣщеваю, препѣраю.

Переписъ—зри перекладъ.

Переполохъ—зри ужасъ, ужасновеніе, страхованіе.

Переправляюся — зри перевожуся.

Переслѣдую—созерцаю.

Пересмотрюю—соглядаю.

Переставаю—престаю, пребываю, почиваю.

Перестанье—упражненіе.

Перестереганье — соблюденіе, сохраненіе.

Перестворога—то жъ.

Перестрахъ—зри переполохъ.

Перестрашую—изумляю, . . . , ужасаю, стужаю, устрашаю.

Пересѣцаю—паствую, препинаю, пакощу.

Перетинаю—пересѣцаю.

Перехитрую—обхожду.

Переходень—переселникъ.

Переходячее—преходящее, превозвышающее.

Переходъ з мѣсца на мѣсце—преселеніе.

Перечка—прѣніе, пря, рвеніе, распря, тяжба, распрѣваніе.

Перешкода—препона, спона, претиканіе, возбраненіе, пакость, пакощеніе, занятіе, препятіе.

Перешкодца—запинатель, пострѣкатель.

Перешкожую — зри перемѣшую.

Перло—бисеръ, женчугъ, маргаритъ.

Перо—періе.

Перо до писанія—трость, писеръ (sic), ґрафія.

Перси—лоно, нѣдра, сосца.

Персона—зри особа.

Перунъ—громъ, молнія, тутно, трѣсновеніе.

Перханье—пареніе.

Перше—прежде, первѣе, даже, ажъ.

Перший—прежный, первый.

Перший овощъ—начатокъ.

Петаль златъ—доска златая.

Петлица—петель, петля.

Печалованье—попеченіе, опасеніе.

Печаловитый—попечителный.

Печатникъ—печатаръ, знаменитель.

Печатую—знаменую.

Печать—знаменіе.

Печера—вертепъ, пещера.

Печерка—нирище.

Пещота—сладострастіе, разсверѣпеніе.

Піенкность—зри краса.

Піенкный—зри красный.

Пиво—оловина.

Пилно—тощно, опасно, расмотрителнѣ, извѣстно.

Пилность—тщаніе, потщаніе, бодреніе, належаніе, присѣдѣніе, дѣланіе, опасеніе, опаство.

Пилную — надстою, прилежу, належу, присѣжу, тщуся.

Пилный — тщателный, потщателный, благоприсѣдителный, опасный.

Пилный слухачъ — вниматель, внушитель, опасный.

Пирогъ елейный—хлѣбъ масличенъ.

Писанія способъ—писало.

Писаръ—книгочій, книжникъ.

Писканіе—гуденіе.

Пискаю—якаю, ячу, скомлю(sic).

Пищалка — пищаль, свѣриль, сопѣль, трость.

Пищки—пищали.

Планети — планиты, мамрены (sic).

Пласконосый—тупоносый.

Пластовый медъ — страдовный медъ.

Платца—мздовоздаятель.

Плахта—вретище, власяница, скутъ.

Плачливе жалую—очаеваю.

Плачу—ридаю, слезю, сѣтую.

Плачъ—вопль, сѣтованіе, ридание.

Плачъ жалостный—риданіе.

Племя—ищадіе, жилище.

Плесна ножныи—плеснь.

Плечи—плещѣ, мышца.

Пліотка велерѣчивый—баснотворецъ.

Пліотки—оплатство, басны(sic).

Плодность—плодовитость, ситость.

Плодный—плодовитый.

Плодъ—чадо.

Плотъ—градежа, оплотъ, градежъ, плотъ.

Плугъ—рало, орало.

Плѣвки—кожи.

Плѣснь—тля.

Плюгавецъ — скверный, нечистый, скверлавый.

Плюгавство—отребье, скверна, нечистота.

Плюскъ—слишателный, щукъ.

Пляга—пагуба, зри—моръ.

Плястръ—плястиръ.

Плястръ меду—сотъ.

Пляцъ травою зарослый — лѣски, лѣхъ, лядина.

Пляцъ, где игри и шармѣрства отправуютъ—тризнище, позорище, подвигоборище.

Побиваю—уязвляю, ураняю.

Побитье—рана, язва.

Побожность—благочестіе, преподобіе, благобоязненіе, благовѣнство, ревность.

Побожный—зри набожный.

Поборъ—дань, урокъ.

Побудка—поощреніе, воздвиженіе, подражаніе, подобіе.

Побуженье—то жъ.

Побуждаю—понуждаю, припонуждаю.

Повабленье—обава, обавленіе, обаяніе.

Побавляю чарами—обаваю.

Повага—поважность, достоинство, гординя, честность, тяжесть.

Поважный—високосердый, тяж-

косердый, благообразный, тяжекъ.

Поважный людъ—людъ тяжекъ.

Поважнѣ—господственнѣ, косно.

Повинность або часть—достояніе.

Повинный—природный, своеплеменный, ужикъ.

Повиноватство—ужичество.

Повинутье—повиновеніе.

Поводиръ—руководитель.

Поводитъ ми ся—добре спѣю.

Поводъ въ правѣ—винителный.

Повоженье доброе—спѣяніе.

Поволность—благоуміе.

Поволный—преклонный.

Повоненье—уханіе, обоняніе.

Поворозъ — уже, ужы, вервіе, вервія, вервь.

Повстаніе—востаніе.

Повторе—двоично, вторицею.

Повшехный—насущный, присный, всегдашный.

Повѣданье—вѣщаніе.

Повѣдачъ—вѣстникъ.

Повѣдаю—вѣщаю, глаголю.

Повѣка—вѣжда, вѣя.

Повѣренье—вручені, повѣреніе.

Повѣсть—слово.

Повѣсть добрая—благовѣстіе.

Повѣтріе—моръ, зри—моръ.

Повѣтрье—аеръ, воздухъ.

Повѣтъ—страна, предѣлъ.

Поганбенье—зри ганба.

Поганбляю—зри ганблю, извожду въ позоръ.

Погане—язици.

Поганинъ—язичникъ.

Поганскій—языческій.

Поганый—зри плюгавецъ.

*Поглядань*е—зрѣніе, виденіе.

Погода—ведро, извѣтъ, благоутишіе.

Погожесть—ключимость.

Погожий—благоключимий.

Поголовье—поглавіе.

Погоржаю—отмещуюся, отмѣтаюся, отрицаюся, преобидѣхъ (sic), зри взгоржаю.

Погоршенье—соблазнъ.

Погубляю—растлѣваю.

Погубляючій—губитель.

Поданье—преданіе, уставъ, веленіе, догматъ, нравъ, предѣлъ, предателство.

Подарокъ—даръ.

Подвигаю—подвизаю, воставляю.

Подвиженье—воздвиженіе.

Подвика—сударъ.

Подвойский — проповѣдалникъ (sic).

Подвори (sic)—предверіе, сѣнь, дворъ.

Подвязка—вузъ сапожный.

Подданный—обладаемый, начинаемый, подначалный.

Подданьеся—повиновеніе, повинутіе.

Поддаюся — покаряюся, повинуюся.

Подезренье — зазоръ, порокъ, зазрѣніе, осужденіе, окаеваніе, непщеваніе.

Подезроно—зазорно.

Подезроный—зазорный, порочный.

Подеймую — воздѣю, возставляю.

Подиръ—рыза допчая (sic).

Подкладаютъ мя—подчиняюся.

Подложница—заложница, наложница.

Подлость—худость, ..., суета.

Подлый—худый.

Подлѣгаю—покоряюся.

Подлѣйшій — худѣйшій, менший.

Поднесъ—подялъ.

Подножокъ—подножіе.

Подношу—воздежду.

Поднущаю—подощряю, обощряю.

Поднятье—воздѣніе, воздѣяніе, подятіе, приятіе.

Подобаю—благоугождаю.

Подобающее—простѣ, негли.

Подобенство—притча, образъ, подобіе.

Подоблю—угаждаю.

Подоблюся собѣ—любопочитаюся.

Подобникъ—подражатель.

Подобно—подоболѣпно, любодостойно.

Подозренье—мнѣніе, зри подезренье.

Подолки у шатъ—умети, воскрилія ризъ, отребы.

Подоптанье—попираніе.

Подоптую—попираю.

Подорожникъ—зѣлье троскотъ.

Подорожное—напутіе.

Подорожный—путникъ, странный.

Подошва—плесница, сандалъ.

Подписъ—подписаніе.

Подполомикъ (sic) —опрѣснокъ,..

Подругъ—клеврѣтъ, другъ.

Подступокъ—навѣтъ.

Подтинаю—подсѣцаю.

Подушка—возглавіе.

Подущаю—навѣтую, наущаю, поощряю, предобущаю.

Подущенье—навѣтъ.

Подхождую—прелщаю.

Подчаший—виночерпій, виночерпатель, черпчій, черпающий.

Подщувачъ—навѣтникъ.

Подщуваю—зри подущаю.

Подѣлнѣ—зри надѣлателнѣ.

Подѣлье—подѣліе, наддѣланіе.

Подъ заслоною—присѣннѣ, присѣненнѣ.

Подъ претекстомъ — непщеваніемъ.

Поедналье—миротвореніе, мированіе, упокоеніе, покой.

Пожадливость—похоть, вожделѣніе, желаніе, сладость, сласть, безстудіе.

Пожаданный—желаемый, вожделѣнный.

Пожадаю—желаю, вожделѣваю, похотствую.

Поживаю—комкаю.

Пожитечный — благопотребный.

Пожитокъ—польза, успѣхъ.

Пожитокъ маю—успѣваю.
Пожитокъ чиню—тоежъ.
Пожитокъ чинячій—успѣшный.
Позверхность якой речи—явленіе.
Позволенье—изволеніе, прощеніе, произволеніе.
Позволяю—изволяю, прощаю.
Поздоровленье—цѣлованіе.
Поздоровляю—цѣлую, лобизаю.
Позираю—зрю, вижу.
Позирай—зри, виждь.
Познаемости — предпріятіемъ (sic).
Познáю—увѣмъ.
Позно—поздно, коснѣ.
Позовъ—сказнь.
Позиванье—пойми (sic), поносъ, поношеніе.
Позиваю—поемлю.
Позивачъ—потяжникъ.
Позискую—приобрѣтаю.
Позичанье—заемленіе.
Позичаю—взаимъ даю.
Позичаю собѣ—заемлю, заимствую.
Позичаючій—заемникъ.
Позичалникъ—заимодавецъ.
Позосталый—прочій, лишенный.
Позосталое — лишенное, оскудѣвшее.
Позрѣнье—возрѣніе.
Позѣваю—зри зѣваю.
Поимати—яти.
Поимаю—емлю.
Поимай—емли, поемли.
Поималъ—ять, ялъ.
Пойманный—ятый, ятъ.
Поймованье умомъ — смыслъ, смышленіе.
Поймую—вмѣщаю.
Покаляный—зри нечистый.
Покаляю—скверню.
Поки—доколѣ, дондеже, донелѣже.
Покиванье—маніе, маяніе.
Покивую—возмаваю, возмаяю.
Покладаю—полагаю, вмѣняю.
Покой—смиреніе, миръ, упокоеніе, безмолвіе, покой, мированіе, ослаба, отрада, упражненіе.
Покой кролевскій—полата, чертогъ.
Поколѣнье—исчадіе, чадо, дѣтище, родъ, степень.
Покора — смиреніе, смиренномудріе.
Покораю—повиную.
Покормъ—пища, брашно, снѣдь, сънѣдь.
Покормъ звѣрный—звѣроядина.
Покореній—зри покорній.
Покоренье—послушаніе.
Покорная мудрость—смиренномудріе.
Покорне мудрую — смиренномудрствую.
Покорный—смиреній, благоугодительный, смиренъ.
Покорнѣйшій—тишайшій.
Покоряюся—смиряюся.
Покоштованье—начинаніе.
Покревность—ужичество, родъ, ищадіе.
Покревный—приискрный.

Покрива—стволіе.
Покритье—присѣненіе.
Покропястый—разноличный.
Покуль—зри поки.
Покуса — страхованіе, искушеніе, мечтаніе, искуситель, діаволъ, дѣдко.
Покушенье—искушеніе.
Поле—село.
Ползаю — плѣжу, пресмыкаюся.
Ползячее низу—плѣжущее.
Полизачъ талѣровъ-ласкосердій, гортанобѣсецъ.
Поликаю—поглощаю.
Полискованье — блистаніе, сотѣненіе (sic).
Полиція—гражданство.
Поличаю—почитаю, воминяю.
Поличенье—сословіе, сочисленіе, согляданіе.
Поличокъ—ланита, скриня.
Полкъ—чета.
Полкненье—поглощеніе.
Полночный вѣтръ—сѣверъ.
Половы—плевы.
Половый—пелесый.
Положилемъ—предложихъ.
Полонъ—плѣнъ.
Полотно—платно.
Полохливый—страхливый.
Полочу—плакаю.
Полталярокъ—сребрникъ.
Полуденный вѣтръ—югъ.
Полудне—югъ, пладне (sic).
Полукопокъ—копно.
Полѣпшенье — цѣломудріе, исправленіе, умиленіе, полза.
Полѣпшую — уцѣломудряюсь, исправляюсь.
Поля розмѣры—волоки, ланы.
Помагачъ—споспѣшникъ, помоі́щникъ, заступникъ.
Помагак—пособствую, восприемлю.
Помазаю—помащаю.
Помешканье—жителство, гражданство.
Помикаю—потязаю, привлачаю.
Помираю—скончеваюсь.
Помиренье—зри покой.
Помноженье—растеніе (sic).
Помножуюся—зри множусь.
Помовляю—порѣкаю, порѣцаю.
Помолодецку—юношески.
Помочъ—помощъ, полза, стражба, умиленіе.
Помощникъ—зри помогачъ.
Помпа—гордость, киченіе, явленіе, напиищеніе, гордѣніе, щапство.
Помста—мщеніе, месть, отмщеніе.
Помсту чиню — отмщаю, лицую (sic).
Помститель — местникъ, отмститель.
Помышленье—помишленіе, помислъ, мечтаніе.
Помышляю—воспомынаю.
Поневажъ—понеже, елма, елмаже.
Поневолный—нехотимъ.
Понижаюсь—смиряюсь.
Пониженье—зри покора.
Понижонъ бываю—повинуюся.

Понижаю—зри ганблю.
Понуренье—погруженіе.
Понуряю—погружаю.
Понюханье—обоняніе, обуханіе.
По обохъ сторонахъ—обоюду, обоямо.
По оной сторонѣ—обонъ полъ.
Попасую—поядаю.
Попихаю—порѣваю, рѣю.
Поправа—зри полѣпшенье.
Поправляю—исправляю, строю.
Поправляюсь—зри полѣпшаюсь.
Поправуючій—строитель.
Поприсягаю—заклинаю.
Попростацку—неискуснѣ.
Попросту—спроста.
Попудливость—ярость.
Попудливый—зѣлный.
Попущаю—оставляю.
Попущенье—ослаба.
Попѣлъ—попелъ, пѣсокъ.
Порада — совѣтъ, совѣщаніе, совѣтованіе.
Порадца—совѣтникъ.
Поражаю—язвлю.
Пораженье—рана.
Поражка—сѣчъ.
Поражку маю—враждаюсь.
Поражую—совѣтую.
Поранокъ—утро, утріе.
Порану—заутра.
Пораньшный—утрный.
Пораняюся—ураняю.
Пораховaнье—зри поличенье.
Пораховую—сочисляю.
Порвистый (sic)—стромителенъ.
Поривaю—похищаю, восхищаю.
Поровнанье—сочетаніе, сораз-суждение, соравненіе, равенство.
Поравниваю—соравняю, сосуждаю.
Порогъ—прагъ.
Порожне—всуе, вотще, туне, тще, тоще, тщетно, безъ ума.
Порожневанье—упражненіе.
Порожный—празный, тощъ.
Порожную-празную,упраздняюся.
Порожняя слава—тщеславіе.
Порохно—согнитіе.
Порохъ—прахъ, персть.
Портъ—пристанище.
Поручаю — вручаю, вовѣряю, предаю, полецаю.
Порушенье—движеніе.
Порушую—движу, поколѣбаю.
Порадно—чиннѣ.
Порядный—чинный, строителный.
Порядокъ—чинъ.
Посагъ—вѣно.
Посадзка—подъ.
Посвѣдчаю—засвѣдителствую.
Поселство даю—ходатайствую, посланіе дѣю.
Поселъ — вѣстникъ, молитвенникъ, ходатай.
Поссесію держу—державствую.
Поскакую—перу.
Послизненье — поползновенье, поползеніе.
Пословица—порекло.
Послушенство—послушаніе.
Послушеный бываю—повинуюсь.
Посмивиско—поруганіе, порадованіе.

Посмикую — потязую, привлачаю.

Посохъ—жезлъ, ...

Посполите—обще.

Посполитовникъ—общникъ.

Посполитый — обіцій, собранный, обичный.

Поспѣхъ—спѣхъ.

Посромоченый—постидній.

Посромоченье—зри ганба.

Посромочую—зри ганблю.

Поставаю—возникаю.

Постановенье — предложеніе, произволеніе, устроеніе, намѣреніе, правило, доґма, вирокъ.

Постановленье—уставъ.

Постановляю—узаконяю, полагаю, вмѣняю.

Постановилемъ — предложихъ, утвердихъ.

Постать—зракъ, упостасъ, имство, имѣнство.

Постеля—ложе, одръ.

Постерѣгаю — блюду, ощущаю.

Посторонный—странный.

Пострахъ—страхованіе, зри переполохъ.

Пострѣленный—вонзенный.

Пострѣляю — вонзаю, устрѣляю.

Пострѣлъ—вонзеніе.

Поступокъ—спѣхъ.

Поступую—спѣю.

Постягаю—утоляю.

Постягаюсь—огрѣваюсь, ошаеваюсь, ошаяюся.

Постягливость — воздержаніе, ошаяніе.

Постягливый—воздержный, воздержателный.

Постягнутися — отступити, удержатися.

Посудокъ—орудіе.

Посупленье—зри стескность.

Посуха — зной, скваръ, некъ, варъ.

Посѣдаю—стяживаю, стяжаю.

Потаемне—отай, тайнѣ, тайно.

По тамъ той сторонѣ—онуюду, обонъ полъ.

Потварца—клеветникъ.

Потворяю — клевещу, накощу, оклеветую.

Потваръ—клевета, клеветаніе, напасть, искушеніе.

Потвержаю—увѣряю, увѣщеваю, засвѣдителствую, благоволю.

Потверженье—извѣщеніе.

Потиканье—поползновеніе, устремленіе.

Потикаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящую.

Потикаюсь—поткуюсь, борюсь, ратую.

Потканье—стрѣтеніе, стремленіе.

Потичка—зри бой, валка.

Потокъ—водотечь, источникъ.

Потомство—исчадіе, чадо, дѣтище.

Потомъ—та же, по семъ, паче.

Потрава—пища, брашно.

Потравляю—улучаю, ухищряю.

Потреба—нужда, насиліе, треба.

Потребно — ключимо, нужно, ключаемо.

Потребный—ключимый, ключаемый, достойный, искусный.

Потребны суть — потребствуютъ.

Потребованье—требованіе.

Потребую — требую, потребствую.

Потручую—зри попихаю.

Потуга—рогъ.

Потужность—зѣлность, велелѣпота.

Потужнѣ—доблѣ, доблественнѣ, ...

Потупленіе—судьба, судъ.

Потупляю—окаеваю, зазираю.

Потѣха—порадованіе, сласть, сладость.

Потя—птица.

Потягаю—потязаю, повлачаю.

Потягненое—потяженое, зѣлное.

Пофолґую—ослабляю.

Похвали—плесканія.

Похваляю — ублажаю, превозглашаю.

Похватую—похищаю.

Похибляю—погрѣшаю.

Похилность—соустроеніе.

Похиляюся—восклаияюся.

Похлѣбство—ласканіе, лесть, лещеніе.

Похлѣбца—ласкатель, потаковникъ, пасоритъ (sic), притрапезникъ, трапезолизатель.

Похлѣбую—ласкаю.

Похмѣлный—шуменъ.

Походистый—стромнителенъ.

Походня—свѣтилникъ.

Похожую—похожду.

Похопъ до чого—предспѣяніе.

Поцѣлованье—лобзаніе.

Початокъ—начало, архиоглашеніе.

Початокъ стиха—гранесіе.

Початокъ або якой речи сума—главизна.

Початокъ подаючій—оглашенникъ.

Початокъ чинячій—виновный.

Почекай ми—долготерпи о мнѣ.

Почесть—говѣніе.

Почетъ—чета, причетъ.

Почки—бубреги, нядра, пиры.

Почтенный—блаженний.

Почтивость—честность, говѣніе.

Пошанованье—говѣніе.

Поясъ—обрусецъ.

Правда—истинна.

Правду мовлю—истинствую.

Правдиве—истинно, достовѣрно.

Правдивый—правый, истинный, цѣлый, цѣлъ, сущый.

Право—во истину, убо.

Право—законъ, заповѣдь, доґма.

Право становлю—законополагаю.

Правость—правота, правина.

Правица—десница.

Правый—десный.

Прагненье исти—алканіе, алчба.

Прагненье пити—жажда.

Прагну—жажду.

Прагнулъ—возжадахся.

Празникъ—празнованіе.

Практика—пророчество, будущихъ вещей провозглашеніе.

Практикую—пророчествую, отвѣждаю.

Практицтво—соглаголаніе, сословіе.

Праса винная—тиска, точило.

Праца—работа, трудъ, дѣланіе, усиліе, справа.

Працовитость—трудолюбіе, дѣланіе.

Працовитый—трудолюбезный.

Працу задаю—утруждаю, движу, тружу.

Працую—работаю, труждаюсь, подвизаюсь, вреждаюся, стражду.

Працъ полный—трудный, многотрудный.

Прачка—бѣлица.

Пребачаю—пренебрегу, небрегую, небрежу, презираю.

Пребаченье—небреженіе, презорство.

Пребываетъ—лежитъ.

Преветная дъра—сопль проходный.

Превзятость—преимѣтелство, величествіе.

Превзятый—преимущый, преизящный.

Превротность—стропотность.

Превротный—злонравный, злу хитрецъ, лукавый, лукавъ, стропотивенъ, развращенъ.

Превышшаю—превосхожду.

Превышшенье цноти—устремленіе душѣ, предстателство, представленіе.

Преданіе—веленіе, правъ.

Предводитель—вождь, держащый.

Предиспутовую — препрѣваю, затикаю уста, заущаю, увѣщеваю.

Предмова—предословіе.

Предмѣстіе—предградіе.

Предмѣщане—предграждане.

Предназначеный — пронареченный, прознаменанный, предизбранный, преопредѣлный.

Предный—предпочтенный.

Преднѣ—предводителнѣ, изящнѣ.

Предсьевзятье — предложеніе, благоволеніе, произволеніе, намѣреніе.

Презацный—преизящный.

Презначенье—образованіе.

Презренье—смотреніе, осмотреніе, судбы строеніе.

Презрочистость—сіяніе, свѣтъ.

Презрочистый — свѣтлый, чистый.

Презъ мѣчъ—убоемъ.

Презъ онаго — онымъ, чрезъ онаго

Преквѣнтованье — разсверѣпѣніе.

Прекладаю—предлагаю.

Преложеные—властели, владики, господіе.

Преложоный естемъ—держав-

ствую, господствую, владичествую.
Преложоный—наставникъ, настоятель, преимущный.
Преписъ--зри перекладъ.
Препіорка—крастель.
Препона—зри перешкода.
Препону чиню—возбраняю, зри перемѣшую.
Препущаетъ—препосилаетъ.
Пресажую—переношую.
Пресажаючійся — тщателный, потщателный.
Пресвареньe — заущеніе, препрѣніе.
Преслѣдованье—гоненіе, изгнаніе.
Преслѣдовца—гонитель.
Преслѣдую—гоню.
Престолъ болванскій — требище.
Престолъ в церкви — жертовникъ, олтарь.
Претекстъ—прирокъ.
Пре то—тѣмъ, сего ради.
Пречъ—вонъ.
Прибитокъ—зри зискъ.
Прибѣгаю — теку, притѣкаю, притичу, срищусь.
Привертаю—устрояю.
Привиденье—зри куґлярство.
Привижуюся—мечтаюсь.
Привикаю — обикаю, обучаю, поучаю.
Привлащаю—присвояю.
Привлащенье — свойство, присвоеніе.
Привожу—произношую.
Привѣшенъ бываю—прицѣпляюсь, привязуюся.
Пригана—уколъ, зри ганба.
Пригляжую—прозираю.
Пригляжуюсь—созерцаю.
Пригода—случай, примѣтъ (sic).
Пригожій—зри красный.
Приготованье—устроеніе.
Приготовляю—соустрояю.
Придаетъ ся—ключаетъ ся, случаетъ ся.
Придатки—восприятія.
Придатокъ — прилогъ, приложеніе.
Призвичаюся—навикаю.
Призвичаилемъ ся — предпріятый есмъ.
Призвоите—лѣпо, влѣпоту.
Призволенье—изволеніе, маніе, мановеніе, сложеніе, обѣтъ.
Призволяю — засвѣдителствую, исповѣдую.
Признаваюсь—исповѣдуюсь.
Приймую — воспріемлю, приимаю, сопричтаваю.
Прійти маючій—грядущий, будущий.
Приказанье—зри право.
Приклада — сочтаніе , соразсужденіе.
Прикладаю—прилагаю.
Прикладаюся—прилагаюсь.
Прикладъ — образъ, указанье, указъ, притча.
Приkличъ—призови, пригласи.
Приклякаю—преклоняю колѣнѣ.
Прикрите—присѣннѣ, присѣ-

неннѣ, прикровеннѣ, осѣненнѣ.

Прикро ми—гнушаюся.

Прикруся—стужаю, озлобляю, удручаю, обтягчаю, возмущаю, труды дѣю.

Прикрый—прискорбный, трудный, стужателенъ, притужный.

Прилбица—шлемъ.

Прилежу—заступаю, предстателствую, поспѣшествую, удовляю.

Приличую—причитаю, прилагаю.

Приложити—прибавити.

Прилучаю—прицѣпляю.

Прилѣпляю—прицѣпляю.

Примноженье—ростъ, растеніе.

Примножую—умножаю.

Примушаючій — насиловникъ, нудитель.

Примушенье—насиліе, бѣжденіе.

Примушую—насилую, понуждаю, увѣждаю, настою.

Примѣраю—соравняю, соглашаю, сочиняю.

Примѣрье—сложеніе, обѣтъ.

Примѣтъ—случай.

Принагляю—зри примушаю.

Принагляючій—настояй.

Принятье — принятіе, подня тіе.

Припадаючій—подобающій, лѣпый, подобный.

Припадки—привнитія.

Припадокъ—зри пригода.

Припеструю—упещряю, украшаю.

Припливаю — притѣкаю, притичу.

Припложую—плодъ приемлю.

Приповѣданье—моленіе.

Приповѣсть—притча, образъ.

Приповѣстье—штучные извитія словесъ.

Приподобанье—приподобленіе.

Припоминанье—приповѣданіе.

Припоминаю—воспоминаю, произношаю, приповѣдую.

Приправованье—устроеніе.

Приправую—притворяю.

Припрятую—сопрятовую.

Припѣкаю кому—зри примушаю.

Приравниваю—соравняю, сочетаю, уподобляю, соглашаю.

Приравнанье—сравненіе.

Прироженье—естество.

Приручую — припоручаю, согласую, совѣщеваю.

Приряжаю—сочиняю.

Прислугую—угаждаю.

Присмаки—пристроеніе.

Присмотрую—призираю.

Присмотруюся—созерцаю, соразумѣваю, усмотряю.

ʼ*Приставъ*—приставникъ, пѣстунъ.

Пристанъ—пристанище.

Пристойне- влѣпоту, врѣсноту, лѣпо, послѣдователнѣ, изящнѣе.

Пристойность — лѣпота, рѣснота.

Пристойный—лѣпый, красный, подобный, подобающый, приличный.

Пристоитъ—лѣть есть, подобаетъ, достоитъ, подобитъся.

Пристосовую—строю, сочиняю.

Приступъ—извѣтъ.

Присяга—рота.

Присягаю—кленуся, рочуся.

Присяглый—ротникъ.

Присягу показуючій—ротникъ.

Притворяю—причиняю.

Притворъ—сѣнь, дворъ.

Притомность—прибытіе.

Притомный—настоящый.

Притрафленье—случай.

Притрафляюсь — прилучаюсь, приключаюсь.

Приучуюся—навицаю.

Прихваткомъ—наддѣлателнѣ.

Прихилность—приклоненіе.

Приходень — прихожый, пришлецъ, пришелецъ, странныкъ, странный, приселныкъ, иноколѣнныкъ, иноколѣнница.

Прихожу—гряду, прихожду.

Приходъ—приобрѣтеніе, притяжаніе, проторъ.

Приходъ—пришествіе.

Причастіе—комканіе.

Причащаюся—комкаю.

Причетныкъ—клирикъ.

Причина чому—виновный, повинный.

Причиненье—извѣтъ, моленіе.

Причинокъ — придатокъ, прилогъ, приложеніе.

Причиняюся — ходатайствую, приповѣдаю.

Пришолъ—пришелъ, приспѣ.

Пріязнь—другολюбіе, любовь.

Приялъ—подялъ.

Приятелско — истинно, прелюбезно.

Приятелство—ужичество, любовъ.

Приятель—другъ, ужикъ, клеврѣтъ.

Приялю—желаю, рачу.

Проба—искусъ, правило.

Пробую— искушаю.

Провожу- проваждаю, руководствую.

Проводникъ—наставникъ, вождь, настоятель, руководитель.

Продкую—первствую (sic).

Продкуючій — превышаючій, предваряющый, преимѣяй, предводитель, наставникъ, первый, проигуменъ.

Продолжаю — закоснѣваю, замедлѣваю.

Продолженье—закоснѣніе, замедленіе.

Продуха в водѣ—хлябы.

Продруханье—истрезвеніе.

Прожно—зри надаремне.

Прожность—суета.

Прозба—молитва, моленіе.

Прозванный—нареченъ.

Прозвиско—имя, пезимя (sic), прекло.

Проклинанье—рета.

Проклинаю—рочу.

Проклинаюся—рочуся.

Прокураторство — соглаголаніе.

Прокураторъ—вѣтый, соглагольный.

Проливаю—изливаю.

Промислъ—промышленіе.

Промьнокъ—назвиско, презимя, порекло.

Пронырство—сообращеніе, лукавство.

Пропастный—преисподный.

Пропасть—тина, бездна, тма, преисподняя, хлябъе.

Проперецъ—знаменіе.

Прорва—хлябь.

Прорвистый—стромнителный.

Пророкую — прорицаю, совѣтъ даю.

Проростую—прозябаю.

Прosливаю—промикаюся.

Простацкый станъ—простакъ, невѣжда, невѣгласъ, смиренный, оглашенъ.

Простацтво—невѣжество, невѣдѣніе, неразумѣніе.

Простирадло—плащеница, понява.

Просто—прямо, противу.

Просто—праволучно, право.

Простую—управляю.

Простый—цѣлъ, цѣлый, худый, общый, обычный.

Простый человѣкъ — поселянинъ.

Простяница — людянинъ, невѣжа народный, особница.

Протекстуюся — засвѣдителствую, послушествую.

Противко—противъ, прямо.

Противленьеся — противленіе, сопротивостояніе, ..., сопротивословіе.

Противная мова — сопротиворѣчіе, сопротивоположеніе, противословіе.

Противникъ — навѣтникъ, сатана, сопостатъ, суперникъ.

Противность—скорбъ.

Протхлань—хлябь.

Протягаю — пробавляю, продолжаю, возвращаю.

Прохира—пронырливецъ, пронырливый.

Проходка—обходъ, глумленіе.

Прохожую—хожду, глумлюсь.

Прошеный—бѣдимъ, молимъ.

Прошеніе—моленіе.

Прошлое—мимо шедшое, преплывшое, предваршее, прежде бывшее, мимотекущее, преходящее, постигшее, прошедшее.

Прошу—молю.

Прошу пилно—бѣжду.

Прудко — абіе, скоро, внезапу.

Прудко бѣжачій — быстроточный.

Прудкость—скорость.

Прудкый — пернатъ, скорый, скоръ, борзый, сверѣпый, напрасный, стромнителенъ.

Прутъ—жезлъ.

Пруюся—отмѣтаюся, отрицаюся, отмѣщуся.

Пряденый—сотканый.

Псотливый — малакія, нечистость.

Пестротина—пестрота, пещреніе, порокъ.

Псую — врепждаю, раздрѣшаю, сокрушаю, растлѣваю.

Псуй—вреди, сокруши, раздрѣши.

Псуючій — вредитель, разоритель.

Птаство—птичьство.

Птахъ—птица.

Публика—позоръ.

Публице—народнѣ.

Пугаръ—потиръ, чаша.

Пудреніе—устремленіе.

Пужаю—изумляю, устрашаю.

Пукли—мохри.

Пуклѣръ—павѣжъ (sic).

Пунктъ—срока.

Пупокъ—пупъ.

Пупяшокъ—на деревѣ пупъ.

Пусто—тще.

Пустошитель—губитель.

Пустошу—погубляю.

Пустую — безчинную, безчинствую.

Пута—вериги, оковы.

Пухлина—гной, трудъ водный, кручина, надиманье.

Пухну—надимаюсь.

Пуча на древѣ—пружіе, акриды.

Пуща—пустиня.

Пытанье—вопросъ, истязаніе, стязаніе, возисканіе.

Пытачъ—истязатель.

Пытаю—истязую.

Пытаюсь — вопрошаю, истязую.

Пыха—гординя, гордость, славолюбіе, высокоуміе, киченіе, величаніе, напищеніе, хупавость, презорство, напрасниство, кручина.

Пышаюсь—гордюсь, величаюся, кичуся, великомудрствую.

Пышный — гордый, величавый, гордъ, гордостенъ, высокоуменъ, напыщенъ, ухищренъ.

Пѣвень—пѣтель, алекторъ.

Пѣклованье—попеченіе.

Пѣнязь дробный—мѣдница, кодрантъ, лепта.

Пѣрье—пѣріе.

Пѣрьемъ оброслый—пернатъ.

Пѣсней спѣванье—пѣснопѣніе.

Пѣчъ—сучало.

Пятно—печать, знаменіе.

Пятна натресканые — язвы, рани натресканія, язна.

Р.

Радный панъ або радца—совѣтникъ.

Радость — веселіе, сладость, сласть, сладострастіе, смѣхъ, грохотъ.

Радшей—радѣй, паче.

Радъ барзо—любовнѣ, нетяжестнѣ (sic).

Ражу—совѣтую, увѣряю, увѣщеваю.

Разъ—единощи, единою.
Рамя—мышца.
Рана—язва.
Ранный — уязвленный, уязвителный.
Раны задаю—язвляю, уязвляю, досаждаю.
Раны задаючій—уязвляючій.
Раный—утреный.
Раню—язвлю, досаждаю.
Ратунокъ—помощь, полза.
Ратушъ—престолъ, судилище, судище.
Ратую—пособствую, поспѣшествую, свобождаю, удовляю.
Рахованье — словоположеніе.
Рахую—сословляю, сочетаваю, умышляю.
Рачачи—бѣдячи.
Раченый—бѣдимъ.
Рачу—бѣжду.
Рачъ—хтѣй.
Рву—терзаю, тръзаю.
Ревно плачу—ридаю.
Реготаніе—смѣхъ, хлѣхотаніе, грохотъ, хохотаніе, треволненіе.
Регочу—хлехощу.
Реентъ—канцляй, книгочій.
Реестръ — сочисленіе, сословіе.
Режимъшокъ—мѣшкорѣзецъ.
Ремесло—художество, хитрость, ученіе, начинаніе.
Ремесникъ — художникъ, хитрецъ.
Ременецъ — возвузъ, сапожняя (sic).
Ремѣнный—усмѣнный, усмѣнъ, кожаный.
Ремѣнь—кожа.
Ретязъ—разворъ, верія.
Реторъ—риторъ, вѣтый, хитрословецъ.
Речевисте—чувственно.
Ржа—тля.
Ринштокъ—ровъ, токъ, приятелище, исходище.
Робакъ—червь.
Роблю—дѣлаю, труждаюсь.
Робота — трудъ, тяжба, дѣло, стражба, дѣланіе.
Работникъ — дѣлатель, тяжатель.
Ровесникъ—сверстныкъ.
Ровность — соравненіе, равенство, подобность, токмина.
Ровный—ровенъ, точенъ, подобный, таковъ.
Ровный в силѣ—ровносилный, сопротивосилный.
Ровняю—соравняю, одобляю.
Ровняюсь—подобляю ь, сравняюсь.
Ровъ — ровенникъ, студенецъ, сусѣкъ, ровъ.
Рогатина—дреколь, сулица, ратище, луща.
Родзай—рожденіе, ищадіе, чада.
Родина—родъ, рожденіе, исчадіе.
Рожа—шипокъ.
Роженый—прииcкрный.
Роженье—рожденіе.
Рождуся — рождаюся, происхожду.

Рожчка—жезлъ, вѣтвь, ваія, вѣія.
Розбаченье—разсмотреніе, разсмощреніе, мудрованіе.
Розбачую — разсмощряю, размышляю.
Розбиваю - разбываю, разсѣкаю, просаждаю.
Розбиранье — зрѣніе, стязаніе, возисканіе, обиновеніе.
Розбираю в мысли—разсмощряю, размышляю.
Розбойныкъ—хищникъ.
Розбуяюсь—разсвѣрѣпѣваю.
Розбѣганье—стремленіе.
Розважанье—зри розбиранье.
Розважаю себѣ—внемлю себѣ.
Розвязую—разрѣшаю, рѣшаю.
Розгнѣваюсь—негодую, огорчеваюся, полютѣваю.
Розголошую—росповѣдаю.
Роздаваю—раздаваю, строю.
Роздираю—растерзаю.
Роздичую — разсверѣпѣваю.
Роздѣленный естемъ—разстою.
Роздѣлне—строчне.
Роздѣляю — раздѣляю, упражняю, рѣшаю, раздаваю, строю.
Роздѣлъ—глава, предѣленіе.
Розеймую—упражняю.
Роззявляю—разширяю.
Розинка—сухва, сухопль.
Розкидую—разоряю.
Розливаю—разливаю.
Розлично—различно, разнственно.
Розличаю—раздѣляю, разликую.
Розмаите—различно, разнственно, многообразнѣ, всеобразно, всяко.
Розмаитый—различный, многообразный.
Розмаитыми—многими.
Розмова—бесѣда, гаданіе, омилія, ..
Розмовленье — бесѣдованье, бесѣда.
Розмовляю за кимъ—ходатайствую, ходотаю.
Розмышленье — размышленіе, смышленіе, мудрованіе, разсмотреніе, разсмощреніе, зрѣніе, видѣніе.
Розмышляюсь — поучаюсь, размышляюсь, обинуюся, глумлюся.
Розмѣтую—разоряю.
Розмякченіе—ослабленіе.
Розненье—разногласіе.
Розное—разнственное, различное.
Розность—разнствіе, различіе, разноличіе, разногласіе, разнство, сопротиворазнствіе.
Розношу—расповѣдаю.
Розный естемъ—розню, разнствую.
Рознюсь—разликуюсь.
Розохочую—поущаю, поущряю, предобручаю, подвизаю.
Розпираюсь—раздѣляюсь.
Розпорошую—изнуряю, испрашаю.
Розправую—розличаю.
Розпростираю—разширяю.
Розрадитель—строитель.

Розрадовуюсь—разливаюся отъ радости.

Розрванье — распря, раздоръ, сѣченіе, разногласіе.

Розриваю—растерзаю, просаждаю.

Розростуюсь—гобзую.

Розрухъ—крамола, молва, смущеніе, плищъ, раздоръ, расколъ, нестроеніе, развѣтъ, грохотъ.

Розрухъ чиню—крамолю, смущаю, молвлю.

Розрухъ чинячій — сковникъ, ковникъ, распрѣватель, крамолникъ, распретворецъ.

Розсипаю—изнуряю.

Розсипую—разстаю.

Розславленье—разношеніе.

Розславляюся—промчуся, расповѣдаю.

Розсмотрую—смотряю, разсмотряю.

Розстань—распутіе, исходище.

Розсужаю — разсуждаю, сматряю, разсматряю, разсмотряю, востязую.

Розтовкую—разтручаю, розбываю, разсѣкаю, истнѣваю.

Розторгую—растерзаю.

Розумный—разумный, разумычный.

Розумное—разумное, словесное, размыслительное.

Розумытелный — мудрый, разуменъ, благоухищренный, красный, умный, мысленный, цѣломудрый.

Розумѣнье—непщеваніе, мнѣніе, видеиіе, разумѣніе, разумъ, познаніе, сказаніе.

Розумѣю—разумѣю, мню, вмѣняю, вомѣняю.

Розумѣймо—вонмѣмъ

Розумъ—умъ, умишленіе, ухищреніе, коварство, разумъ.

Розумъ знаменитый—мудрованіе.

Розумъ злегчаю—умъ воперяю, воскриляю.

Розходъ—проторъ.

Розчиняю—разчиняю.

Розчка—вѣтвь, розга, вѣя, жезлъ.

Розшарпаю—разхищаю.

Розшафовую — иждиваю, изнуряю, истрошаю.

Розширенье—народованіе.

Розширяю—разширяю.

Рокъ—годъ, годище, лѣто.

Ролныкъ — тяжатель, земный дѣлатель, земледѣлецъ, пахатель, ратай.

Роля сама плодяч я—никнущая.

Роса замерзлая—златина.

Росказано ми—повеленъ есмь...

Росказанье—заповѣдь, повеленіе, завѣщаніе, маніе, маяніе, мановеніе.

Росказую—повелѣваю.

Росказуючій—повелитель.

Роскошний животъ—роскошь, сладость, сласть, сластолюбіе, сладострастіе, услажденіе, утѣшеніе, пространство, пространное питаніе.

Роскошникъ — сластолюбецъ, ласкосердій.

Роскошую—наслаждаюся, упитаюся, пресыщаюся, питаюсь пространно.

*Роснені*е (sic)—растеніе.

Росолъ—слатина.

Роспаленье — роздеженіе, кручина, распаленіе.

Роспаленьеся—возгорѣніе.

Роспалина — щѣль, вертепъ, скважина.

Роспачаючій—отчаянный.

Роспачую—отчаеваюся.

Роспачъ—отчаяніе, нечаяніе.

Роспорошую — расточаю, разоряю.

Росправа—подлога, подложеніе.

Росправне—строчне.

Росправный—обрѣтословецъ.

Росправую—росчиняю.

Роспуста-невоздержаніе, ласкосердство, досада, студодѣйство, студодѣяніе, ослаба, разсверѣпѣніе.

Роспуста—распутіе, исходище.

Роспустный—студный.

Роспустный естемъ—шатаюсь.

Роспутье—зри роздорожа.

Роспущаю—рѣшаю, роздѣляю, устремляюся.

Роспущаюся — ослабѣваю, разсверѣпѣваю, устремляюся.

Роспущенье—стремленіе.

Ростеркъ — молва, смущеніе, плищъ, мятежъ, пря, распря, крамола, раздоръ, распрѣваніе.

Ростираю—ослабѣваю.

Ростопляюся—таю, истаеваю.

Росторгую—растерзаю.

Ростропность-остроуміе, острoразуміе, цѣломудріе, умудрованіе, вѣжество, разумъ.

Ростропный—умпый, мыслный, цѣломудрный, вѣжа, смысленый.

Ротмистръ—ротникъ.

Рошть—сковрада, огнище.

Рубаха—срачица, хитонъ, рубище.

Рудель—кормъ, кормило, гребло кормилное.

Рукоесть—рукоясть.

Рукоемство—зареченіе.

Рукоимя — емецъ, поручникъ, испоручникъ.

Румеґаю—оживую, двеґую (sic).

Руменую—меризаю (sic).

Румянецъ—повапленіе.

Рура—врутка.

Руринки—ятра.

Ручникъ—понявица, рукомыкъ.

Рушаюсь—движуся.

Рыбакъ—рыбитвъ, рыбарь.

Рыґель у замку—верія.

Рыза долгая—подиръ.

Рыза верхняя—эпотида.

Рыкаю—лаю.

Рымарь—усмошвецъ.

Рынокъ—купилище, торжище.

Рысованіе — кроеніе, начертаніе, повапленіе.

Рысую—крою, чертаваю, сѣнонопишу.

Рыхло—абіе, скоро.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXIII. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Г. П. Галагана и его facsimile.
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
3) Словарь книжной малорусской рѣчи. (Окончаніе).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины" 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго.**— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича.**— Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворянства. **О. И. Левицкаго.**—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго.**—На рубежѣ. Романъ **Равиты.** Пер. съ пол. **К. М.**—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка.**—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка.**—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова.**—Экономическія замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ **П. С. Ефименка.**—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго.**—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка.**—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова.**—Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина.**—Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **А. А. Потебни.**—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**— Леонардъ Созинскій. **А. В. С—ка.**—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ.**—Воспоминанія объ Архивѣ Государств. Совѣта. **А. В. Романовича Славатинскаго.** Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказ. **П. Л.**— Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго.**—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго.**—Кіевляне и Б. Хмельницкій. **И. М. Каманина.**—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Б. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.**—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича.**—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго.**—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же.**— Памятникъ Б. Хмельницкому.—„Бунтъ" сквирскаго магистрата. **Н. О.**— Порченыя (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пащенко.**—Архивы въ Галиціи **И. А. Линниченка.**—Очеркъ исторіи города Умани. **К. И. Т—аго.**— Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго.**—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка.**—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій. членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго.**— Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка.**—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона.**—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Я. Ефименко.**—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго.**— Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Р. Рыльскаго.**—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**— Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго.**—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **В. П. Науменка.**—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенка.**—Фатальная вдова. **П. К.** Половинщикъ (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ.**—Осада и взятіе Очакова. **А. А. Русова.**

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, П. В. Голубовскаго. В. П. Горленка. Н. Ж., Г. З., М. За-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XXIII.

ДЕКАБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Ноября 1888 г.

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуетъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ двѣнадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ:** Молотники (бытов. разсказъ) и Половинщикъ (быт. разск.). **Проф. С. А. Бершадскаго:** Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова:** Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка:** Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **П. К.** Фатальная вдова. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Б. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтоп. сказан). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго:** Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго:** Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко:** Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линни-**

ченка: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. **проф. В. Б. Антоновича**. **Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **Проф. Ѳ. Г. Мищенко**: Г. П. Галаганъ. **В. П. Науменка**: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О.** „Бунтъ" сквирскаго магистрата. Памятникъ Богдану Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А А Русова**: Осада и взятіе Очакова. **Ѳ. Р. Рыльскаго**: Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историческій очеркъ попытокъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго**: Тарасъ изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. К. М. **Х. Н. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 66 документовъ и замѣтокъ. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ, съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по

рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго. Портретъ Г. П. Галагана.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. I. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Въ январьскую книжку 1889 г. войдутъ, между прочими, слѣдующія статьи. **М. Ч.** Воспоминанія. **А. А. Востокова**: Судъ и казнь Григорія Самойловича. **Н. Ѳ. Сумцова**: Культурныя переживанія. **Г. А. Мачтета**: Бѣлая Панна (изъ дѣтскихъ воспоминаній). **Лупулеску**: Русскія колоніи въ Добруджѣ.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

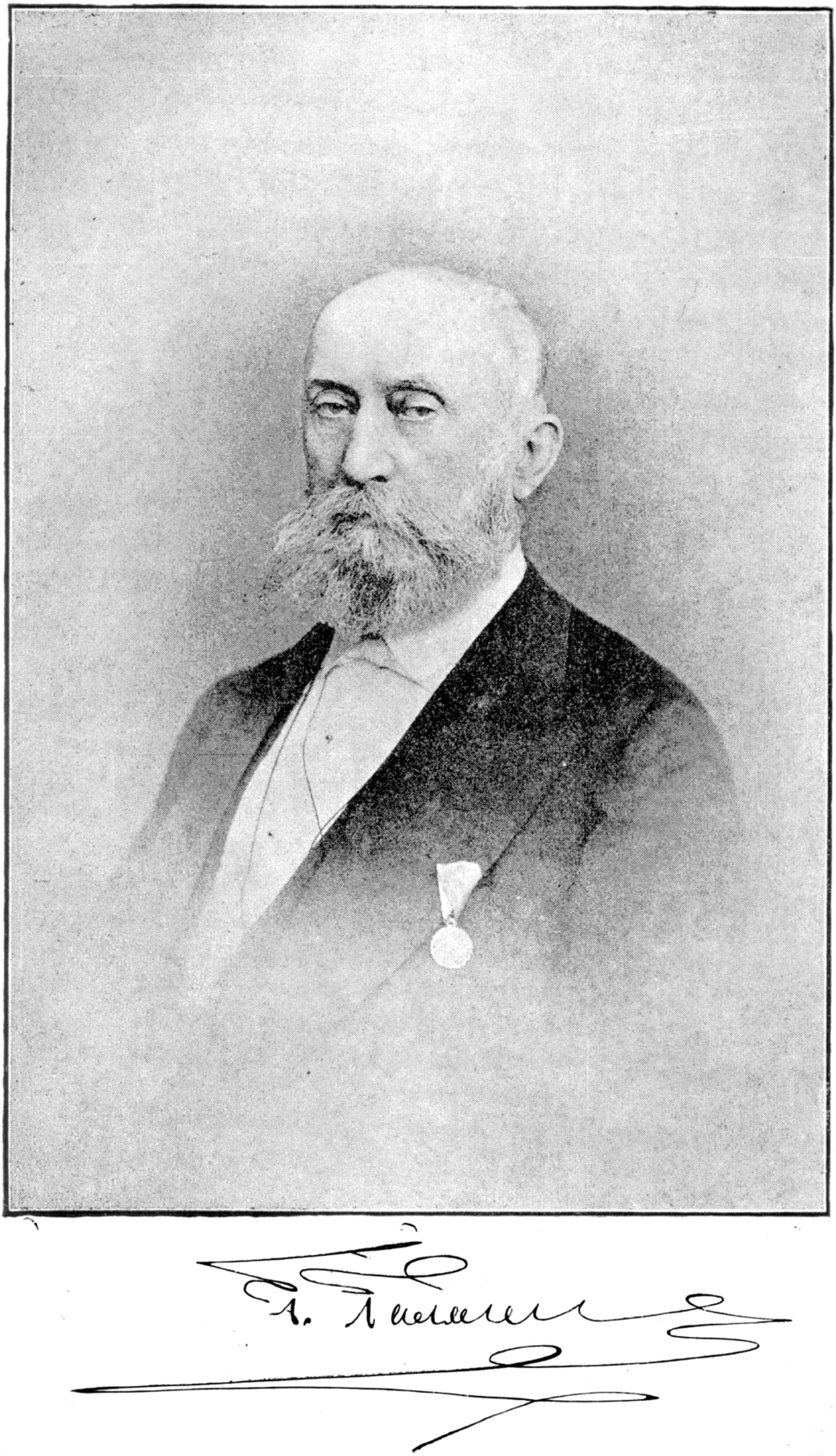
За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ.*



Г. П. ГАЛАГАНЪ.

15 АВГ. 1819 – 25 СЕНТ. 1888 Г.

(Некрологъ)

Всеобъемлющая, критическая біографія Григорія Павловича Галагана принадлежитъ будущему. Лишь со временемъ станетъ возможнымъ подвести точные итоги всему, что внесено покойнымъ въ текущую жизнь русскаго общества, въ особенности его роднаго края. Въ настоящее время весьма трудно, если не совсѣмъ невозможно, анализировать съ надлежащею обстоятельностью общественную дѣятельность Григорія Павловича въ связи со всею совокупностью условій, въ коихъ суждено было ему дѣйствовать. Между тѣмъ только такимъ путемъ возможно было бы возстановить нравственный обликъ покойнаго во весь ростъ, въ его подлинномъ видѣ, со всѣми его достоинствами и слабостями, можно было бы опредѣлить безошибочно принадлежавшую ему долю личнаго почина и усилій, приложенныхъ къ проведенію въ жизнь той или другой мѣры, наконецъ съ подобающею правдою выяснить воздѣйствіе внѣшнихъ вліяній и препятствій, съ которыми нерѣдко приходилось считаться покойному, и которыя неизбѣжно отражались на практическомъ осуществленіи первоначальныхъ его намѣреній и желаній.

Наша задача гораздо скромнѣе. Мы хотѣли бы на основаніи извѣстныхъ намъ лично и добытыхъ изъ вѣрныхъ источни-

ковъ фактическихъ данныхъ установить наиболѣе выдающіяся черты въ характерѣ покойнаго и намѣтить важнѣйшіе моменты въ его общественномъ служеніи, дабы тѣмъ самымъ въ поученіе потомству показать, что̀ было сдѣлано и что̀ можетъ быть сдѣлано въ нашемъ обществѣ человѣкомъ высокаго соціальнаго и государственнаго положенія, располагающимъ большими матеріальными средствами, разъ онъ одушевленъ желаніемъ общественнаго блага, живо чувствуетъ нравственный долгъ передъ родиной, налагаемый на него тѣмъ же самымъ положеніемъ, не уклоняется отъ живаго дѣла на пользу общую, скорѣе ищетъ его и отъ времени до времени отдается ему всецѣло. Будущая оцѣнка Григорія Павловича не отдѣлима отъ характеристики нашего дворянскаго сословія, которому онъ принадлежалъ не по происхожденію только и начальному воспитанію, но и по многообразнымъ личнымъ и фамильнымъ связямъ, по вкусамъ и симпатіямъ. Но ему присущи были многія личныя достоинства, дѣлавшія его выдающимся представителемъ своего сословія, выводившія его симпатіи и жажду дѣятельности далеко за предѣлы ближайшей дворянской среды.

Покойный прожилъ почти семдесятъ лѣтъ. За это время въ жизни русскаго общества совершились важныя коренныя перемѣны, и можно смѣло утверждать, что по степени участія въ поступательномъ движеніи нашего общества Григорію Павловичу принадлежала, говоря вообще, весьма дѣятельная и почетная роль.

При этомъ нельзя не замѣтить, что фамильныя и сословныя традиціи, обстановка дѣтства и юности покойнаго не содержали въ себѣ, можно сказать, ничего такого, что благопріятствовало бы воспитанію въ будущемъ дѣятелѣ интересовъ высшаго порядка, готовности и способности потрудиться безкорыстно и любовно до послѣднихъ дней жизни на пользу другихъ. Напротивъ, все, что извѣстно намъ о его воспитаніи, все, что самъ онъ говорилъ не разъ о той ранней порѣ своей жизни, не оставляетъ сомнѣнія

что Галагану необходимо было порвать съ непригляднымъ прошлымъ для того, чтобы дать достойное приложеніе добрымъ сторонамъ своей природы. Настоящею школою покойнаго были: уроки наставника его Ѳ. В. Чижова, самообразованіе и собственный житейскій опытъ, знакомство съ просвѣщеннѣйшими русскими людьми, принимавшими близко къ сердцу нужды народныхъ массъ, и наконецъ путешествія по западной Европѣ.

Тѣмъ не менѣе залогъ нравственнаго возрожденія, главнымъ виновникомъ котораго покойный всегда почиталъ Чижова, лежалъ въ собственныхъ личныхъ качествахъ Григорія Павловича.

По силѣ характера и нравственной выдержкѣ, по широтѣ образованія и неутолимой жаждѣ практической дѣятельности, Ѳ. В. Чижовъ принадлежалъ къ лучшимъ людямъ сороковыхъ годовъ т. н. славянофильскаго направленія. По спеціальности адъюнктъ математики петербургскаго университета, онъ подготовлялъ Григорія Павловича, тогда еще шестнадцатилѣтняго юношу, къ поступленію въ тотъ же университетъ. Впослѣдствіи онъ часто проживалъ въ с. Сокиренцахъ, одномъ изъ родовыхъ имѣній Галагановъ въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи, сердечно полюбилъ своего питомца и сдружился съ нимъ. Но нѣжная привязанность къ юношѣ, окончившему курсъ юридическихъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ на 21-мъ году жизни, не мѣшала наставнику высказываться по временамъ въ тонѣ безпощаднаго осужденія въ своемъ питомцѣ того, что по его мнѣнію не согласовалось съ понятіемъ человѣческаго достоинства и оскорбляло нравственное чувство развитаго гуманнаго человѣка. Одно изъ писемъ Чижова къ художнику А. А. Иванову, отъ 12 окт. 1845 г., ясно свидѣтельствуетъ и объ искренней любви писавшаго къ двадцатишестилѣтнему молодому человѣку, и объ его умѣніи отличать природныя добрыя свойства въ питомцѣ отъ слабостей, привитыхъ окружающею средою, цѣнить по достоинству первыя и рѣзко обличать вторыя. „Прекрасная

природа его (Галагана) не уничтожилась, сердце его осталось чисто и благородно; но воля, воля"..., писалъ Чижовъ въ этомъ письмѣ. „Я объявилъ ему, что я его люблю и буду любить вѣчно; но что для сохраненія чистоты нравственной и для того, дабы не огрубѣли самые тонкіе оттѣнки чувства нравственнаго, я долженъ отъ него отвернуться". Но наставникъ не отрекался отъ своего любимца, а любящій питомецъ памятовалъ сказанное отъ сердца слово наставника и привязывался къ Чижову еще больше. Въ рѣчи И. С. Аксакова отъ 18 дек. 1877 г. мы находимъ между прочимъ такое мѣсто: „Сближеніе и тѣсная дружеская связь (Чижова) съ однимъ малороссійскимъ дворянскимъ семействомъ, не ослабѣвавшія потомъ ни разу въ теченіи всей его жизни до самой минуты смерти, послужили переворотомъ въ его судьбѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодаго представителя этой семьи и чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1840 г., оставивъ университетъ, поселился въ Малороссіи" (Русск. Архивъ, 1878. I, стр. 132). Такой человѣкъ, какъ Чижовъ, можно сказать навѣрное, не взрастилъ бы въ себѣ и не сохранилъ навсегда неизмѣнной привязанности къ питомцу, еслибы не находилъ въ душѣ его многообѣщавшихъ задатковъ лучшей, болѣе достойной жизни. Съ своей стороны и Г. П. всегда хранилъ о своемъ наставникѣ глубокую благодарную память, и люди, близко стоявшіе къ покойному, свидѣтельствуютъ, что во время тяжкой болѣзни, которая свела его въ могилу, онъ засыпалъ и просыпался съ мыслью о Чижовѣ, нерѣдко ночью чувствовалъ и видѣлъ Чижова возлѣ себя.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дольше жилъ Григорій Павловичъ, тѣмъ больше совлекалъ онъ съ себя *ветхаго человѣка*, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ отдавался общественному служенію, и только этого рода дѣятельность доставляла ему нравственное успокоеніе и утѣшеніе въ личныхъ невзгодахъ и физическихъ немощахъ послѣдняго времени. Фактъ этотъ служитъ

краснорѣчивымъ потвержденіемъ того, что покойный обязанъ былъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ собственнымъ сознательнымъ усиліямъ и позднѣйшимъ вліяніямъ, а не унаслѣдованнымъ готовымъ привычкамъ или прирожденному благодушію.

Мы думаемъ, что главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Чижова зародилась въ Григоріѣ Павловичѣ и та потребность широкой благотворительности на дѣло народнаго просвѣщенія по преимуществу, которая выразилась въ энергическомъ содѣйствіи его низшему и среднему образованію въ прилуцкомъ уѣздѣ, въ устроеніи ремесленнаго училища въ с. Дехтярахъ того же уѣзда, въ основаніи Коллегіи въ Кіевѣ и т. п. Къ тому же источнику слѣдуетъ относить отличавшее покойнаго глубокое уваженіе къ людямъ серьезнаго умственнаго труда независимо отъ соціальнаго положенія, какое занимали эти послѣдніе; съ подобными людьми покойный до послѣднихъ дней поддерживалъ самыя близкія отношенія. Отсюда же проистекала всегдашняя готовность его оказывать матеріальную поддержку отдѣльнымъ молодымъ людямъ, ищущимъ образованія, или охранять ихъ отъ случайныхъ житейскихъ невзгодъ. Во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ покойный не страшился хлопотъ, съ охотою принималъ на себя заступничество и ходатайства передъ высшими учрежденіями и лицами.

Но вліяніе любящаго и строгаго наставника не ограничилось этимъ. Слѣдовъ его нельзя не видѣть и въ томъ, что покойный по своимъ общественнымъ убѣжденіямъ подходилъ наиближе къ славянофиламъ сороковыхъ годовъ и всегда находился въ сердечныхъ отношеніяхъ и съ ихъ эпигонами, въ частности съ И. С. Аксаковымъ, хотя далеко не во всемъ раздѣлялъ воззрѣнія этого послѣдняго на смыслъ и основныя задачи русской жизни. Личная и идейная близость къ народникамъ славянофиламъ поддерживала въ немъ интересъ къ мѣстной народной словесности и къ мѣстной этнографіи. По смерти его

остался объемистый сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, касающихся Малороссіи; въ 1857 г. онъ издалъ „Южноруські пісьні з голосами“ (Кіевъ); свой разборъ „Черной Рады“ Кулиша М. А. Максимовичъ напечаталъ въ формѣ письма къ Галагану; первое время существованія юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества онъ былъ предсѣдателемъ его и до конца дней состоялъ членомъ Кіевской Археографической Коммиссіи. Въ 1882 г. покойный помѣстилъ въ „Кіевской Старинѣ“ подробное описаніе малорусской вертепной драмы въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ с. Сокиренцахъ; къ „Кіев. Старинѣ“ онъ всегда относился съ полнымъ сочувствіемъ. Вообще Галаганъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и начитаннѣйшихъ людей Малороссіи.

Вскорѣ по окончаніи университета Г. П. вступилъ на службу въ черниговскую палату государственныхъ имуществъ, гдѣ прослужилъ три года. Съ этого времени и до назначенія членомъ Государственнаго Совѣта покойный не занималъ какой-либо опредѣленной государственной должности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Каковы бы ни были ближайшія причины этого воздержанія, но оно согласовалось съ правилами его наставника, должно было закрѣплять связи его съ родиной, обогащало его знаніями мѣстной жизни, которыя въ разное время его дѣятельности и послужили на пользу обществу.

Въ 1842 или 43 году Г. П. впервые выступаетъ на общественное поприще. По предложенію управляющаго черниговскою палатою государственныхъ имуществъ онъ взялъ на себя задачу изслѣдовать положеніе крестьянъ, пострадавшихъ вслѣдствіе неурожая, и роздать пособія хлѣбомъ и деньгами наиболѣе нуждающимся. Этотъ первый шагъ былъ какъ бы прообразомъ его дальнѣйшей общественной дѣятельности. Время отъ времени, каждый разъ съ полною готовностью, Г. П. откликался на призывъ общества или правительства для участія въ разрѣшеніи важныхъ практическихъ вопросовъ или для выясненія

условій, при которыхъ разрѣшеніе это могло быть наиболѣе дѣйствительнымъ и желательнымъ.

До половины 1858 г. Галаганъ исполнялъ обязанности предводителя дворянства борзенскаго уѣзда черниговской губерніи въ теченіе трехъ лѣтъ (1848—51) и состоялъ совѣстнымъ судьею черниговской губерніи (1851—54).

Цвѣтущая пора дѣятельности покойнаго начинается участіемъ его въ работахъ правительства и общества по освобожденію и устроенію крестьянъ. Съ открытіемъ „губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“ онъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ черниговскій комитетъ. Засѣданія комитета открылись 28 іюля 1858 г. и продолжались до 22 февраля слѣдующаго года. Предварительная работа состояла въ томъ, что каждый изъ членовъ комитета собиралъ необходимыя свѣдѣнія въ отведенномъ ему участкѣ. Къ 22 октября возвратились въ Черниговъ изъ своихъ уѣздовъ члены комитета съ запасомъ небывалыхъ еще въ Россіи свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ работали члены комитета съ двумя коммиссіями. Результатомъ этихъ работъ былъ „Проектъ Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ черниговской губерніи“, имѣющійся у насъ подъ руками. Какая доля „Проекта“ и что именно принадлежитъ въ немъ Галагану, намъ не извѣстно. Выработавшій его комитетъ состоялъ изъ 33 членовъ. Намъ извѣстно только, что Галагану, какъ онъ самъ говорилъ о томъ, „часто приходилось не быть съ большинствомъ“. „Не разъ, можетъ быть, вы съ чувствомъ нѣкоторой досады или упрека видѣли вслѣдъ за моимъ именемъ на журнальныхъ постановленіяхъ слова: „остался при мнѣніи“, напоминалъ онъ своимъ товарищамъ уже по окончаніи трудовъ комитета.

Принимая во вниманіе тогдашнія личныя отношенія Григорія Павловича съ славянофилами и позднѣйшую дѣятельность его въ званіи вице-президента временной коммиссіи по устройству быта крестьянъ, учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, мы склонны думать, что и въ черниговскомъ комитетѣ онъ шелъ дальше своихъ товарищей въ смыслѣ предначертаній высшей власти. На обѣдѣ, данномъ по закрытіи засѣданій комитета губернаторомъ Шабѣльскимъ, Галаганъ въ числѣ другихъ членовъ произнесъ рѣчь, заканчивавшуюся тостомъ: „За здоровье, счастье, благоденствіе и спокойствіе того класса народа, для котораго мы работали“.

Въ томъ же 1859 г., когда были учреждены редакціонныя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, для приведенія въ порядокъ и систему работъ губернскихъ комитетовъ, Галаганъ въ числѣ немногихъ избранныхъ по волѣ Государя людей призванъ былъ въ члены эксперты этихъ коммиссій при главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 г., когда прежній черниговскій губернаторъ Шабѣльскій былъ замѣненъ кн. С. П. Голицынымъ, однимъ изъ членовъ редакціонныхъ коммиссій, Г. П. Галаганъ опять былъ назначенъ въ числѣ двухъ членовъ отъ правительства въ черниговское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. И здѣсь Г. П. былъ главнымъ, если не единственнымъ помощникомъ кн. Голицына въ дѣлѣ проведенія той или другой мѣры въ видахъ безобиднаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла, т. е. надѣленія крестьянъ землями, слѣдовавшими имъ на основаніи Положенія. Предсѣдатель присутствія всякій разъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Галаганъ не поступится интересами крестьянъ. Дѣятельность какъ его, такъ и прочихъ членовъ присутствія видна изъ журналовъ этого послѣдняго, которые всегда печатались и разсылались всѣмъ мировымъ посредникамъ. Всякій пойметъ, что относить на счетъ Галагана разнаго рода недостатки въ практическомъ осуществленіи Поло-

женія 19 февраля примѣнительно къ черниговской губерніи было бы большою несправедливостью.

Гораздо болѣе самостоятельная и отвѣтственная роль выпала на долю Галагана по устройству быта крестьянъ юго-западнаго края, когда по Высочайшему повелѣнію онъ былъ назначенъ вице-президентомъ упомянутой выше временной коммиссіи при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ (1863—65). Заслуга Григорія Павловича въ этомъ дѣлѣ тѣмъ значительнѣе, что президентъ этой коммиссіи, тогдашній генералъ-губернаторъ Н. Н. Анненковъ, мало сочувствовалъ ея задачамъ.

Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ находилось тогда въ слѣдующемъ положеніи: въ 1847 г. инвентарными правилами въ этомъ краѣ была Высочайшею властью установлена цѣлость и неприкосновенность надѣловъ крѣпостныхъ крестьянъ, а равно точно опредѣлены повинности тѣхъ же крестьянъ за пользованіе этими землями; наблюденіе за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ возложено на мѣстные административные органы. При выполненіи инвентарныхъ правилъ ограничились на мѣстахъ тѣми общими свѣдѣніями, какія давали сами помѣщики о размѣрѣ крестьянскихъ земель, безъ указанія границъ ихъ, съ пропусками отдѣльныхъ угодій, каковы сады, левады, находившіяся въ пользованіи у крестьянъ за отдѣльную повинность, и съ пропускомъ многихъ сервитутовъ. Отчасти допущенные пропуски, отчасти послѣдовавшія за этотъ промежутокъ времени перемѣны въ экономическомъ положеніи края, а главное неопредѣленное показаніе крестьянскаго землевладѣнія въ инвентарѣхъ и отсутствіе на мѣстахъ правильнаго контроля,—все это давало возможность помѣщикамъ юго-западнаго края обходить законъ о цѣлости и неприкосновенности крестьянскихъ надѣловъ: надѣлы сокращались въ пользу экономическихъ запашекъ или плантацій, переводились на другія менѣе удобныя мѣста, съ лишеніемъ при этомъ крестьянъ права пастьбы при общемъ

сѣвооборотѣ, отдѣльныя угодія отбирались окончательно у крестьянъ владѣльцами и т. п. Между тѣмъ повинности отбывались крестьянами тѣ же, ибо инвентарь устанавливалъ повинности не по десятинно, но по надѣльно, тогда какъ величина надѣла варьировалась въ одномъ и томъ же уѣздѣ между 2 и 8 десятинами.

Къ приведенію въ исполненіе положенія 19 февр. 1861 г. въ юго-западномъ краѣ призваны были мѣстные помѣщики, большею частью лица польскаго происхожденія, разсчитывавшія въ виду тогдашняго политическаго положенія воспользоваться крестьянскимъ дѣломъ для своихъ политическихъ цѣлей. И въ самомъ дѣлѣ, уставныя грамоты, составляемыя и представляемыя помѣщиками, утверждались съ явнымъ нарушеніемъ закона, жалобы крестьянъ возводились въ волненія, требующія присылки военныхъ командъ и пр. и пр.

Познакомившись съ крестьянскимъ дѣломъ въ краѣ и лично, и при помощи А. Ѳ. Воронина, вступившаго въ коммиссію въ званіи члена отъ министерства финансовъ съ богатымъ запасомъ точныхъ знаній объ экономическомъ и соціальномъ положеніи края, опираясь на большинство коммиссіи, Г. П. Галаганъ пришелъ къ убѣжденію, что ранѣе обращенія уставныхъ грамотъ въ выкупные акты недбходимо произвести провѣрку ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дабы согласно Высочайшей волѣ подвергнута была выкупному акту вся земля, предназначенная какъ инвентаремъ, такъ и положеніемъ 19 февраля, по цѣнѣ, которая сообразовалась бы съ количествомъ рабочихъ дней, установленнымъ въ инвентарныхъ правилахъ 1847 г., а равно со степенью состоятельности крестьянъ, обезпечивавшею передъ правительствомъ правильное поступленіе выкупныхъ платежей. Мнѣнія Г. П., раздѣляемыя большинствомъ коммиссіи, но не предсѣдателемъ ея, были представлены въ главный комитетъ, приняты имъ почти безъ всякихъ измѣненій и удостоены Высочайшаго утвержденія.

Какъ видитъ читатель, на кіевской коммиссіи лежала трудная задача первостепенной государственной важности, и требовалась не заурядная энергія и настойчивость со стороны вице-президента ея для того, чтобы привести дѣло къ благополучному концу. Съ фактическими подробностями этой поучительной страницы въ исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи можно познакомиться изъ „Постановленій кіевской временной коммиссіи, учрежденной для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 г.“ Для нашей цѣли достаточно воспроизвести замѣтку „Кіевской Старины“ за нынѣшній годъ (іюль), пріуроченую къ двадцатипятилѣтію выше упомянутаго указа. „Коммиссія проектировала опредѣленіе инвентарнаго надѣла не исключительно по показанію инвентарей, въ свое время составленныхъ одною только заинтересованною стороною и никѣмъ не провѣренныхъ, а по границамъ, разысканнымъ и опредѣленнымъ всякій разъ на мѣстѣ мировыми съѣздами. Далѣе, коммиссія проектировала выкупъ крестьянскихъ садовъ и левадъ, о которыхъ въ инвентаряхъ часто умалчивалось, а въ мѣстномъ положеніи не было ничего опредѣленнаго. Затѣмъ, стремясь къ тому, чтобы временно обязанные крестьяне, перейдя во разрядъ собственниковъ, не были стѣснены въ пользованіи своею собственною землею, коммиссія проектировала воздержаться отъ обязательныхъ разверстаній, предоставивъ его, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, добровольному соглашенію между владѣльцами и крестьянами, а также приведеніе въ извѣстность и предоставленіе къ выкупу всѣхъ тѣхъ сорвитутовъ, въ томъ числѣ и выпаса скота на общихъ толокахъ, въ лѣсахъ и т. п., какими искони пользовались крестьяне. Наконецъ, имѣя въ виду, что многіе владѣльцы, измѣнивъ составъ инвентарнаго крестьянскаго надѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили хозяйство въ своихъ имѣніяхъ настолько, что возвращеніе крестьянамъ инвентарнаго надѣла въ его границахъ уничтожало бы ихъ хозяйство, коммиссія проектировала и въ этихъ случаяхъ способы удовлетво-

ренія крестьянъ за потерянный ими инвентарный надѣлъ, равно какъ и въ случаяхъ заключенныхъ выкупныхъ договоровъ до 30 іюля 1863 г. Въ вопросѣ о пониженіи выкупныхъ платежей коммиссія проектировала размѣръ платежей, обусловленный не только качествомъ выкупаемаго надѣла, но и состоятельностью плательщиковъ, что составляло для правительства необходимую гарантію при выдачѣ имъ выкупныхъ ссудъ. Независимо отъ этого, подробною и обстоятельно составленною инструкціею крестьянскимъ мировымъ учрежденіямъ, коммиссія преподала имъ цѣлую систему правильной повѣрки уставныхъ грамотъ прежде обращенія ихъ въ выкупные акты, инструкціею, настолько подробною и вмѣстѣ съ тѣмъ принаровленною къ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго быта, что при обязательномъ руководствѣ ею крестьянскія учрежденія обязательно не обходили ни одного изъ вопросовъ, относившихся до обезпеченія быта крестьянъ. Къ работамъ этого рода коммиссіи должны быть отнесены всѣ мелкія, но существенныя для дѣла, постановленія ея, разъяснявшія примѣненіе мѣстнаго положенія 19 февр. 1861 года при разъясненіи отдѣльныхъ случаевъ, возникавшихъ при повѣркахъ уставныхъ грамотъ, какъ то о рыбныхъ ловляхъ, водопояхъ, правѣ на отдѣльно растущія деревья и пр. и пр. Наконецъ, коммиссія старалась ближе стать къ вновь образованнымъ въ силу указа 30 іюля 1863 г. крестьянскимъ учрежденіямъ, ознакомить составъ ихъ съ краемъ, въ большей части до того имъ незнакомымъ, съ условіями его экономическаго быта, согласить ихъ во взглядахъ на предстоявшую имъ дѣятельность, чтобы провести ее съ необходимымъ для успѣха дѣла однообразіемъ".

Какъ видитъ самъ читатель, Г. П. Галаганъ въ настоящемъ случаѣ выполнилъ съ достоинствомъ истиннаго государственнаго дѣятеля задачу улучшенія быта крестьянъ въ нашемъ краѣ, возложенную на него Высочайшею волею Царя-Освободителя.

И впослѣдствіи не было, кажется, ни одного сколько нибудь важнаго государственнаго вопроса, имѣющаго прямое отношеніе къ судьбѣ крестьянъ всей Россіи или нашего края, въ которомъ Галаганъ не принималъ бы дѣятельнаго или руководящаго участія. Лѣтомъ 1881 г. онъ участвовалъ въ разработкѣ вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей; потомъ, когда поставлены были на очередь вопросы питейный и переселенческій, и правительство призвало къ совѣщанію свѣдущихъ людей, и въ этихъ совѣщаніяхъ Галаганъ занималъ видное мѣсто; въ совѣщаніяхъ по переселенческому вопросу покойный предсѣдательствовалъ. Наконецъ, въ бытность уже членомъ Государственнаго Совѣта Г. П. былъ членомъ коммиссіи для разработки мѣстныхъ положеній и между прочимъ много потрудился и здѣсь, на мѣстѣ, и въ Петербургѣ въ засѣданіяхъ Совѣта надъ разрѣшеніемъ чиншеваго вопроса въ смыслѣ состоявшагося въ 1886 году правительственнаго положенія о чиншевикахъ.

Вообще значительная доля многосторонней и плодотворной дѣятельности Галагана находятся въ тѣснѣйшей связи съ реформами прошлаго царствованія, съ упроченіемъ и упорядоченіемъ созданныхъ этими реформами отношеній. Съ половины шестидесятыхъ годовъ дѣятельность его пріурочивается главнымъ образомъ къ Прилукамъ и прилуцкому уѣзду.

Земскія учрежденія введены въ полтаской губ. въ 1865 г. Съ самаго начала и до конца Г. П. непрерывно участвовалъ въ земскомъ дѣлѣ, и нельзя назвать ни одного случая, когда покойный дѣйствовалъ бы въ ущербъ интересамъ крестьянства, когда онъ отступилъ бы назадъ отъ тѣхъ началъ, которыя защищалъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ или проводилъ въ жизнь въ кіевской ревизіонной коммиссіи. Напротивъ, шла ли рѣчь о тягости народныхъ повинностей, о неудовлетворительности народной медицины, покойнаго всегда озабачивала мысль о возможномъ облегченіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта. Съ

наибольшею ревностью отдавался онъ устроенію народнаго и средняго образованія въ уѣздѣ. Въ этой области результаты дѣятельности Галагана составляютъ настоящую эпоху, а приводимыя ниже собственныя слова его обличаютъ твердое убѣжденіе и ясное сознаніе цѣлесообразности общественныхъ усилій и жертвъ въ этомъ направленіи: „Въ эти послѣдніе годы въ жизни общественной произошло замѣтное движеніе впередъ“, говоритъ Галаганъ въ докладѣ училищнаго совѣта XII очередному прилуцкому уѣздному земскому собранію за 1876 г. „Нравственныя потребности принимаютъ новое направленіе, служащее неотъемлемою принадлежностью всякаго успѣха, и тѣ изъ этихъ потребностей, о которыхъ заявленія еще недавно казались преждевременными, сдѣлались нынѣ самыми насущными. Общественныя преобразованія настоящаго царствованія съ перваго ихъ введенія въ дѣйствіе потребовали уже немедленнаго распространенія грамотности и развитія правильныхъ понятій, какъ необходимаго условія для того, чтобы и самыя преобразованія могли достигнуть своей цѣли. Но огромная масса народа земледѣльческаго не могла скоро отрѣшиться отъ прежняго характера своей жизни, отъ вѣками установившихся понятій, неблагопріятныхъ успѣху образованія. Новый уставъ о воинской повинности далъ сильный толчекъ къ пробужденію въ народѣ потребности грамотности. Къ необходимости образованія, вообще весьма еще неясно сознаваемой въ массѣ земледѣльческаго населенія, присоединились очевидность прямыхъ выгодъ семейныхъ, матеріальныхъ и общественныхъ, и школа изъ дѣла просто хорошаго стала сразу дѣломъ самой насущной потребности. Всякія колебанія въ этомъ вопросѣ, всякія, еще недавно высказываемыя мнѣнія о томъ, что и въ дѣлѣ распространенія грамотности необходима постепенность и осторожность, уже не могутъ имѣть мѣста; они должны замѣниться однимъ всецѣлымъ и единодушнымъ стремленіемъ общества къ скорѣйшему распространенію въ народѣ грамотности, а вмѣстѣ съ нею правильнаго развитія понятій и возвышенія уровня об-

щественной нравственности. Не можетъ быть болѣе сомнѣнія и въ томъ, что всякое упущеніе, всякая потеря времени въ этомъ отношеніи можетъ нанести неизбѣжный вредъ всему обществу задержаніемъ правильнаго развитія въ дѣлѣ всѣхъ новыхъ преобразованій, и что съ другой стороны всякая затрата общественныхъ и частныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ на это дѣло есть затрата самая производительная по своимъ неисчислимымъ результатамъ".

Съ 1874 по 1882 г. покойный Г. П. былъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Съ 1882 г., со времени назначенія членомъ Государственнаго Совѣта, по день смерти онъ оставался членомъ училищнаго совѣта и не переставалъ вліять на его дѣйствія до послѣднихъ дней жизни. По ознакомленіи съ дѣлами совѣта и съ положеніемъ народнаго образованія въ уѣздѣ, Г. П. въ 1876 г. составилъ подробный планъ дѣйствій училищнаго совѣта на будущее время и проектъ необходимыхъ измѣненій въ постановкѣ народнаго образованія для прилуцкаго уѣзда вообще. Докладъ былъ принятъ земскимъ собраніемъ, и до настоящаго времени дѣло это ведется въ томъ же направленіи, какое было дано ему Галаганомъ. По его настоянію прилуцкое земство значительно увеличило свой бюджетъ на народное образованіе; самъ онъ привлекъ сельскія общества къ пожертвованіямъ на это же дѣло, а равно и многихъ землевладѣльцевъ, предложивъ даровать имъ званіе попечителя; при немъ установлены раціональныя въ гигіеническомъ отношеніи правила для постройки зданій подъ училища съ пособіемъ отъ земства; увеличено содержаніе учителямъ, установлены правильные штаты и т. п. По словамъ г. Маценка, автора „Прилукщчины" (Ромны, 1888), „ютившіяся прежде въ жалкихъ, не приспособленныхъ къ назначенію избушкахъ, училища при немъ преобразовались въ роскошныя просторныя съ удобной мебелью зданія, какихъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ уѣздовъ полтавской губерніи.

Параллельно съ этимъ и самый бытъ сельскихъ учителей, ставшихъ получать аккуратно увеличенное содержаніе, неузнаваемо улучшился". Отсылая интересующихся за цифровыми данными къ сборникамъ постановленій прилуцкихъ земскихъ собраній за 1874 г. съ одной стороны, за 1878, 82 и 87 гг. съ другой, мы замѣтимъ только, что въ отношеніи числа учащихся и учебныхъ заведеній прилуцкій уѣздъ занимаетъ въ полтавской губ. первое мѣсто. Нельзя не добавить, что при постройкѣ училищъ поступали значительныя личныя пожертвованія отъ предсѣдателя училищнаго совѣта, особенно для училищъ въ Ичнѣ и во всѣхъ его родовыхъ имѣніяхъ.

Въ 1876 году, когда въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи обсуждался вопросъ объ устройствѣ въ полтавской губерніи учительской семинаріи, Г. П. Галаганъ письменно заявилъ, что жертвуетъ на устройство какого-либо учебнаго заведенія принадлежащую ему усадьбу въ с. Дехтяряхъ прилуцкаго уѣзда, съ домомъ и флигелями, заключающими въ себѣ до 60 комнатъ, со службами, садомъ и огородомъ, пространствомъ около семнадцати десятинъ. Собраніе единогласно постановило выразить благодарность жертвователю, положившему такимъ образомъ начало существующему нынѣ ремесленному училищу въ с. Дехтяряхъ. Со времени открытія училища 29 октября 1878 г. и до самой смерти Г. П. состоялъ почетнымъ его попечителемъ, ближайшимъ образомъ участвовалъ въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи его, а когда въ 1887 г. въ засѣданіи попечительнаго совѣта училища признано было необходимымъ открытіе при ремесленномъ училищѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, для чего требовалось устройство сельско-хозяйственной фермы, Г. П. предложилъ уступить для этой цѣли землю изъ принадлежащихъ ему и прилегающихъ къ училищу земель дехтяревской экономіи. Болѣзнь и затѣмъ смерть Галагана пріостановили на время дальнѣйше движеніе и завершеніе этого начинанія.

Однако заботы Галагана не ограничивались низшимъ образованіемъ. 24 сент. 1874 г., въ первый же годъ его предводительства, въ Прилукахъ открыта была четырехклассная прогимназія; 8 іюля 1878 г. прибавлено два класса, а 5 января 1882 г. шестиклассная прогимназія преобразована въ полную классическую гимназію. Женская восьмиклассная гимназія въ Прилукахъ открыта въ 1883 г. въ составѣ двухъ классовъ, въ слѣдующемъ году прибавлено еще два класса, въ 1885 г. одинъ классъ, пятый, въ 1886—87 три послѣднихъ класса. Открытіе и расширеніе этихъ учебныхъ заведеній сопряжены были съ перепискою, ходатайствами, разнаго рода хлопотами; значительную долю труда во всемъ этомъ принималъ на себя и ревностно выполнялъ Галаганъ. Со времени открытія прогимназіи въ Прилукахъ и до послѣднихъ дней покойный былъ почетнымъ попечителемъ сначала прогимназіи, а потомъ гимназіи; супруга его Екатерина Васильевна урожденная Кочубей, по настоящее время состоитъ почетной попечительницей женской прилуцкой гимназіи.

Въ благодарность за все сдѣланное Галаганомъ г. Прилуки исходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе на постановку портрета его въ зданіи думы, а 17 января 1880 г. поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина Прилукъ. Признательность мѣстнаго общества къ просвѣтительной дѣятельности покойнаго свидѣтельствуется дарованными ему званіями: почетнаго блюстителя женскаго двухкласснаго училища, почетнаго попечителя дехтяревскаго земскаго ремесленнаго училища, двухкласснаго иченскаго и народныхъ училищъ: сокиренецкаго, дехтяревскаго, гнилицскаго, лебединскаго, озерянскаго и др.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что съ открытіемъ судебно-мировыхъ учрежденій въ полтавской губ. въ 1869 г. Григорій Павловичъ избранъ былъ предсѣдателемъ перваго съѣзда мировыхъ судей въ Прилукахъ; званіе это оставалось за нимъ

до 1882 г., когда послѣдовало назначеніе его членомъ государственнаго совѣта.

Для крестьянскаго населенія прилуцкаго уѣзда непререкаемую важность имѣетъ дѣйствующее понынѣ сокиренецкое ссудо-сберегательное Товарищество Павла Галагана, разрѣшенное 26 октября 1871 г. и открывшее свои дѣйствія 20 января 1872 г. „По соглашеніи съ крестьянами собственниками села Сокиренецъ", гласитъ предисловіе къ уставу Товарищества, „землевладѣлецъ Г. П. Галаганъ для успѣшнѣйшаго развитія благосостоянія сельскихъ жителей испросилъ законнымъ порядкомъ утвержденіе сельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества въ с. Сокиренцахъ". Для открытія дѣйствій Товарищества покойный пожертвовалъ 3000 рубл. съ тѣмъ, чтобы причитающаяся на этотъ капиталъ часть прибыли была употребляема на разныя улучшенія въ общественномъ быту с. Сокиренецъ, какъ то: учрежденіе больницъ, богадѣленъ, заведеніе инструментовъ и полное устройство пожарной части, преимущественно же на открытіе ремесленныхъ классовъ въ мѣстномъ училищѣ. Сверхъ денежнаго пожертвованія Г. П. подарилъ товариществу каменный домъ съ каменной кладовой и необходимой мебелью, съ желѣзнымъ сундукомъ и канцелярскими принадлежностями. Первоначально Товарищество открыто было только для крестьянъ собственниковъ с. Сокиренецъ, затѣмъ распространило свои дѣйствія на козаковъ и прочихъ обывателей Сокиренецъ, съ 1874 г. на всѣхъ жителей сокиренецкой волости, наконецъ съ 1877 г. также на волости иванковскую и сребрянскую. Въ развитіи операцій ссудо-сберегательнаго Товарищества покойный принималъ самое живое участіе. Между прочимъ въ 1874 г. онъ исхлопоталъ кредитъ сокиренецкому Товариществу отъ Государственнаго Банка на 5,000 р., увеличенный въ слѣдующемъ году по его же ходатайству до 15,000 р., въ 1881 до 20,000 и въ 1882 до 60,000 р. Какъ велика была потребность населенія въ подобномъ учрежденіи, видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ: къ 1 январю

1873 г. Товарищество состояло изъ 70 членовъ и капиталовъ въ кассѣ Товарищества числилось 4,888 р. 10 коп. Къ 1 янв. текущаго года въ Товариществѣ насчитывалось уже 1092 члена, а капиталы его возросли до 159,433 р. 25 к.; къ 19 окт. того же года оборотъ кассы составлялъ по приходу 236,321 р. 81 к., по расходу 224,667 р. 69 коп.

Другимъ главнымъ мѣстомъ дѣятельности покойнаго былъ Кіевъ. Здѣсь любовь его къ общественному дѣлу, его участіе къ распространенію образованія находили себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ отношеніи къ созданной имъ Коллегіи. Въ 1869 г. 27 апр. Григорія Павловича и супругу его постигло тяжелое семейное горе: они потеряли нѣжно любимаго единственнаго сына Павла на шестнадцатомъ году отъ роду. „Намъ оставалось одно изъ двухъ“, говорилъ Г. П.: „или предаться полной и безконечной печали, къ которой безъ сомнѣнія влекла душа, или, сжившись съ печалью, стремиться къ тому, чтобы нашъ бѣдный сынъ продолжалъ жить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ и для своихъ ближнихъ. Мы избрали послѣднее, и съ этою цѣлью учреждена мною Коллегія Павла Галагана“.

Съ этого момента и неизмѣнно до послѣдняго дня жизни Г. П. относился къ Коллегіи, какъ къ своему любимѣйшему дѣтищу; въ каждомъ воспитанникѣ и въ каждомъ наставникѣ Коллегіи онъ какъ бы искалъ живаго воплощенія того, что когда то желалъ видѣть въ своемъ сынѣ и въ его наставникахъ. Въ учрежденіе и устроеніе Коллегіи покойный вкладывалъ не одни матеріальныя свои средства; она составляла какъ бы органическую часть всего существа его и неусыпныя заботы о ней, объ ея преуспѣяніи не покидали его никогда. Воспитанники были для него чѣмъ-то роднымъ, и его отношенія къ нимъ напоминали отношенія отца къ своимъ дѣтямъ; въ ихъ кругу онъ чувствовалъ себя, какъ въ родной семьѣ. Воспитатели и преподаватели Коллегіи были для него близкими товарищами, нужды которыхъ онъ старался удовлетворять возможно своевременнѣе и полнѣе.

Здѣсь не мѣсто и не время входить въ критическую оцѣнку устава Коллегіи и практическаго осуществленія его. Это—дѣло будущаго. Для характеристики отношеній учредителя и почетнаго попечителя къ Коллегіи мы считаемъ достаточнымъ сообщить нѣкоторыя цифровыя данныя. На содержаніе заведенія покойный пожертвовалъ до 8000 десятинъ земли въ губерніяхъ полтавской и черниговской, по тогдашней оцѣнкѣ на сумму 275 т. рубл., а также усадьбу съ двумя домами и нѣсколькими флигелями въ 200,000 рубл. Доходы съ имѣній и дома дали до 1 янв. текущаго года 356,000 рубл.; сверхъ этого покойнымъ израсходовано на Коллегію около 65,000 рублей, не вошедшихъ въ смѣты.

Коллегія Павла Галагана открыта 1 окт. 1871 г. въ составѣ 16 воспитанниковъ; съ того времени число воспитанниковъ колебалось между 48 и 67; степендіатовъ Павла Галагана въ этомъ числѣ было ежегодно 29—31. Всѣхъ поступившихъ въ Коллегію со времени открытія ея до 1 янв. 1888 г. насчитывается 286, причемъ на 156 своекоштныхъ приходилось 132 степендіата. Изъ окончившихъ курсъ 158 воспитанниковъ,—89 стипендіатовъ и 69 своекоштныхъ,—поступили въ университетъ 156 человѣкъ и 1 въ духовную академію. Изъ поступившихъ въ университетъ окончили курсъ къ 1 янв. 1888 г. около 70 человѣкъ.

Что бы ни говорили о тѣхъ или иныхъ несовершенствахъ Коллегіи Павла Галагана, какъ закрытаго учебнаго заведенія для мальчиковъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ, о трудностяхъ задачи воспитателей и начальника привести въ гармонію и направить къ одной благой цѣли вкусы и наклонности мальчиковъ, до поступленія въ заведеніе сложившіеся въ различныхъ семейныхъ и общественныхъ условіяхъ, неоспоримыми остаются три нижеслѣдующихъ пункта. Во-первыхъ, учредитель Коллегіи въ видахъ преуспѣянія ея не останавливался ни передъ какими матеріальными жертвами; во-вторыхъ, съ самаго начала и до послѣднихъ дней онъ вкладывалъ въ нее часть души своей

и не жалѣлъ средствъ для постановки ея на подобающую высоту, какъ учебно-воспитательнаго учрежденія; въ третьихъ, Коллегія дала возможность получить образованіе чуть не полутораста дѣтямъ несостоятельныхъ родителей, вооружила ихъ дѣйствительнѣйшими средствами для борьбы съ нуждою и пріумножила нашу бѣдную силами интеллигенцію.

Что касается того идеала, осуществленія коего жаждалъ Галаганъ въ воспитанникахъ своей Коллегіи, то краснорѣчивыя указанія на это даетъ его отношеніе къ родному сыну. Не разъ по смерти сына можно было слышать отъ Григорія Павловича, что̀ въ глазахъ нѣжно любимыхъ родителей составляло особенную нравственную прелесть безвременно умершаго юноши. Въ числѣ выдающихся достоинствъ сына Галаганъ отмѣчалъ непреодолимое влеченіе къ умственнымъ занятіямъ, сердечную доброту и активную любовь къ ближнему, презрѣніе къ щегольству, роскоши и излишнему комфорту, любовь къ своему краю и къ Россіи вообще.

Всякій, кто зналъ покойнаго Григорія Павловича и дѣла его на пользу роднаго края и цѣлаго русскаго государства, ясно понималъ, что въ сынѣ онъ видѣлъ то, въ чемъ больше всего полагалъ достоинство собственной жизни, что онъ желалъ передать сыну и развить въ немъ качества, присущія честному, доброму человѣку и полезному гражданину земли своей.

Еслибы въ заключеніе отъ насъ потребовали сжатой характеристики покойнаго, мы сказали бы по чистой совѣсти: Григорій Павловичъ, по рожденію, первоначальному воспитанію, фамильнымъ традиціямъ принадлежавшій дореформенной, крѣпостнической Россіи, воспиталъ въ себѣ на основѣ личныхъ качествъ своей природы ревностнаго общественнаго дѣятеля въ смыслѣ славныхъ реформъ прошлаго царствованія. Потребность живаго дѣла, угасшую только съ его смертью, онъ носилъ въ самомъ себѣ; главнымъ стимуломъ къ проявленію этой потреб-

ности служило сознаніе многосложныхъ нуждъ родины; тяжелое семейное горе не парализовало, напротивъ усилило въ немъ жажду служенія обществу и народу, и онъ, откликаясь личнымъ трудомъ, щедрыми пожертвованіями, сердечнымъ участіемъ на разнообразнѣйшіе запросы жизни, какъ бы спѣшилъ создать достойный памятникъ себѣ и нѣжно любимому сыну.

Ѳ. Мищенко.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]).

(*Окончаніе*).

Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Національное самосознаніе въ эпоху „Руины".—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесословный характеръ кіево-могилянской коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины".

Въ началѣ изслѣдованія нашего мы поставили вопросъ: „удастся ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси" сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинскою наукой" тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу?"

На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ* безъ оговорокъ.

Собственно говоря, идея народности въ современномъ значеніи этого слова была чужда старшему поколѣнію представителей южнорусскаго просвѣщенія, къ которому принадлежали Іоаннъ Вишенскій, Захарія Копыстенскій, Іовъ Борецкій. Только религіозная ревность побуждала нѣкоторыхъ представителей этого поколѣнія нисходить къ понятіямъ „простыхъ людей", „для вырозумѣня" которыхъ они рѣшались писать „простою мовою". Только политическія соображенія наталкивали ихъ на мысль о народной массѣ, о „россійскомъ родѣ", какъ говорили тогда. Внѣ религіи и политики эта самая масса была для нихъ темная книга, въ которой они не умѣли читать. Болѣе или менѣе проникнутые народнымъ настроеніемъ, они не чуждались

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1888 г., сентябрь.

народныхъ понятій и даже самого метода народной мысли, который съ особенною выразительностію выступаетъ въ народномъ языкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ методъ не былъ для нихъ исходной точкой въ развитіи идей просвѣщенія. Черпали они эти идеи изъ того же схоластическаго источника, какъ и позднѣйшее поколѣніе малорусскихъ писателей, получившихъ образованіе въ кіево-могилянской коллегіи. Правда, эти послѣдніе учились по латинскимъ книгамъ, тогда какъ писатели первой четверти XVII в. предпочитали греческія книги. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ книгахъ царила одна и та же наука, съ однимъ и тѣмъ же методомъ оправданія готовыхъ истинъ, а не открытія новыхъ. Въ виду этихъ соображеній мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно въ почтенныхъ трудахъ г. Сумцева, будто бы „въ южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ“ [1]). Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII в. украинская письменность выступила съ неменьшею сознательностію, какъ и въ греко-славянскую эпоху южнорусскаго просвѣщенія,—увидимъ въ послѣдствіи, что эта сознательность не исчезала во все продолженіе XVIII в.,—если же ослабѣвала иногда, то вовсе не подъ вліяніемъ римско-католической схоластики, которая въ XVIII в.—по крайней мѣрѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра—не представляла серьезной опасности для національнаго самосознанія. Безъ сомнѣнія, въ первой четверти XVII вѣка южнорусскіе люди не были еще такъ утомлены борьбой за свое существованіе, какъ въ печальную эпоху такъ называемой „Руины“. Современники Сагайдачнаго больше были воодушевлены вѣрой въ народное дѣло, чѣмъ современники П. Дорошенка. Самыя задачи политической жизни послѣ Андрусовскаго мира (1667 г.), послѣ раздѣленія Малороссіи между двумя государствами—московскимъ и польскимъ, сдѣлались сложнѣе. Будущее становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Послѣ изнурительныхъ войнъ Богдана Хмельницкаго страна нужда-

[1]) „Кіевская Старина“, 1885 г., апрѣль, 655.

лась въ продолжительномъ и прочномъ покоѣ, чтобы сосчитать, какъ потери, такъ и выгоды свои отъ перенесенныхъ ею потрясеній, чтобы подвести итоги своему прошлому и собраться съ силами для новой жизни, для новыхъ испытаній. А между тѣмъ ей посылала судьба одни испытанія, но не покой. Ежеминутно висѣла надъ ней гроза непріятельскихъ нашествій со всѣми ужасами грабежа и кровопролитія. Съ надеждой она обращала взоры свои на сѣверъ. Но оттуда вмѣстѣ съ войсками, которыя болѣе или менѣе охраняли лѣвобережную Украину отъ внѣшнихъ враговъ, приходили воеводы, приносившіе съ собою новыя политическія понятія и необычные порядки жизни. Возникали недоразумѣнія и смуты, которымъ, казалось, и конца не было. Являлись искатели приключеній, которые торговали совѣстью своею и счастьемъ родины своей. „Тогда умножишася въ Украинѣ, говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „Руины", найпервѣй въ значнихъ, потомъ и въ посполитихъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, ревнія, зависти, вражди, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства" [2]). Въ такую эпоху трудно сохранить бодрость духа и вѣру въ собственныя силы. И однако же, мы все таки не скажемъ вмѣстѣ съ г. Сумцевымъ, что „по силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII вѣка стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII вѣка" [2]). Самъ Сумцевъ прекрасно обрисовалъ pia desiderata общественной жизни, которыя вовсе не двусмысленно высказывали малорусскіе писатели, принадлежавшіе къ кружку Лазаря Барановича [3]). Глубоко огорчало ихъ отдѣленіе правобережной Украины отъ лѣвобережной:

Подолле плаче, рыдая,
Волынь стогне, вздыхая...
О гордости, твое то дѣло,
Иже отечество не цѣло! [4])

[1]) Лѣтопись Величка, II, 7.

[2]) I. Вишенскій, Сумцева. „Кіевская Старина", апрѣль, 655.

[3]) Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка, Сумцева. „Кіевская Старина", 1885 г., январь, 11.

[4]) Южнорусскія лѣтописи, издан. Бѣлозерскимъ, 1856 г., 160.

Такъ горюетъ на развалинахъ отечества своего неизвѣстный намъ составитель плохихъ стиховъ подъ названіемъ „Ляментъ людей побожныхъ“. Писатели малорусскіе временъ „Руины“ сожгли корабли позади себя. Они на вѣки разстались съ Польшей, но, отдаваясь подъ крѣпкую руку московскихъ царей, они хотѣли бы сохранить единство и цѣлость своего отечества, съ независимою церковью, съ его старинными порядками и учрежденіями, основанными на выборномъ началѣ, которое одухотворяло всѣ формы жизни церковной, войсковой, городской и сельской. Соблюдая вѣжливость и угодливую предупредительность по отношенію къ Москвѣ, они мечтали о мирной жизни подъ покровительствомъ ея на основаніи statu quo, въ которомъ засталъ Малороссію моментъ присоединенія ея къ московскому государству. „Мы, вибивши изъ Украины Ляховъ, пишетъ Лазарь Барановичъ Алексѣю Михайловичу, доброхотне, православни суще, православному монарсѣ поддалися, хотячи на волностяхъ нашихъ козацкихъ древнихъ подъ православною монархою жити“ [1]). Въ другихъ письмахъ своихъ онъ увѣряетъ царя, что козаки „обѣщались вѣрне царскому пресвѣтлому величеству служити, точію милости его просятъ, чтобы не было воеводы, и на волностяхъ, старому Хмельницкому наданихъ, чтобы жили“ [2]). „Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ“ [3]). Въ письмахъ къ Симеону Полоцкому Лазарь Барановичъ впадаетъ въ лирическое изліяніе своихъ чувствъ по поводу храбрости козаковъ. Онъ не отрицаетъ угловатости въ натурѣ ихъ, сравниваетъ духовный чинъ среди козаковъ съ розами между терновникомъ, но, говоритъ онъ, „безъ этой колючести не было бы ничего добраго... Воеводъ отнюдъ не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода... А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и хотя онъ (козакъ) черенъ, записати въ бѣлую книгу,

---

[1]) Письма Л. Барановича, изд. 2-е, Черниговъ, 1865 г., 121.
[2]) Ibidem, 59.
[3]) Акты З. и Ю. Россіи, VII, 67.

не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками" [1]). Вообще говоря, малорусскіе писатели второй половины XVII вѣка были мирные, благожелательные люди, которые не желали чужаго и не отказывались отъ своего. А чужое они знали не съ одной польской стороны, но и съ московской, поэтому они были богаче опытомъ жизни, чѣмъ представители греко-славянской эпохи южнорусскаго просвѣщенія. Можетъ быть, они уступали этимъ послѣднимъ въ цѣльности національнаго самосознанія, но никакъ не въ отчетливости и разносторонности его. Они чувствовали потребность сознать въ себѣ не только общія, родовыя особенности русской жизни, которыя не могли согласоваться съ условіями католическаго и шляхетскаго режима, но и видовыя черты мѣстной малорусской жизни, которыя не укладывались въ общественно-политическую норму, созданную московскимъ государствомъ. Питая къ главѣ государства безусловное уваженіе, они вовсе не желали превращенія Украины въ одно изъ воеводствъ великорусскаго типа.

Есть, однако же, одно темное пятно въ міровоззрѣніи писателей, о которыхъ мы говоримъ. По своему общественному положенію они принадлежали къ высшимъ рядамъ духовенства, которое владѣло „подданными", не задумываясь надъ соціальнымъ значеніемъ этого владѣнія, надъ противорѣчіемъ его съ завѣтными стремленіями народа, рвавшаго на себѣ путы крѣпостной неволи. Правда, суровая участь посполитыхъ, повидимому, смягчалась проповѣдію духовенства о милосердіи къ нимъ. Но хорошія слова имѣютъ силу только тогда, когда они сопровождаются высокимъ подвигомъ самоотверженія. А къ этому подвигу вовсе не располагали крѣпостные порядки, которые застала въ московскомъ государствѣ лѣвобережная Украина, только что вырвавшаяся изъ „ярма лядскаго". Напротивъ того, въ московскомъ государствѣ положеніе крестьянъ было еще хуже, чѣмъ подъ „регментомъ" козацкой старшины. При Алексѣѣ Михайловичѣ великорусскіе крестьяне постоянно перебѣгали „за рубежъ" въ гетманщину: въ 1672 году великорусскіе помѣщики

[1]) Письма Л. Барановича, 53—54.

жаловались царю на малорусское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, въ особенности на Лазаря Барановича, у котораго поселилось всякихъ „прихожихъ людей“ больше пяти тысячъ,—„а выдачи, писали жалобщики, никому нѣтъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ новой политической обстановкѣ возобновлялись старые порядки, манившіе къ себѣ сословными удобствами привиллегированнаго положенія, котораго начали добиваться люди, только что вырвавшіеся изъ „лядской неволи“.

Но далеко еще было то время, когда вполнѣ созрѣли плоды этихъ домогательствъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стояла Запорожская сѣчь. Она глубоко чувствовала страданія родины: „непрестанно насъ тое мулило и долѣгало, писали Запорожцы къ гетману И. Самойловичу, что за невзгодою и непріязнію обосторонныхъ Днѣпра гетмановъ, приходило намъ пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, полними слезъ оглядати очима, и красніе жилища отцевъ и праотцевъ нашихъ зрѣти дивіемъ звѣромъ водвореніемъ“ [2]). Она стояла на сторонѣ московскаго царя, но въ то же время рѣзко порицала своекорыстную политику Самойловича, который враждой къ П. Дорошенку вызвалъ паденіе Чигирина: „если бысь, говорили они, не добывалъ его и не взялъ подъ свою власть зъ Дорошенкомъ, то и Турчинъ добывати его не приходилъ бы, а за часомъ, чрезъ розумніи медіяціи, могла бы и вся сегобочная Украина отъ власти турецкои и безъ такого кровопролитія подъ великую руку монархи православнаго зъ Дорошенкомъ приклонитися“ [3]). Такъ смотрѣли Запорожцы въ эпоху „Руины“ на политическое положеніе своей родины. Она была для нихъ дорогою матерью, страдавшею отъ междоусобія неразумныхъ дѣтей своихъ. Нельзя сказать, чтобы сами они были вполнѣ свободны отъ упрека въ этомъ неразуміи, но въ основныхъ стремленіяхъ своихъ они всегда ставили интересы *всей* Украины выше лич-

---

[1]) Акты Зап. и Юж. Р. IX. 857.

[2]) Величко III, 468.

[3]) Ibid. 470.

ныхъ счетовъ, которые обострились въ слѣдствіе насильственнаго раздвоенія Украины на двѣ половины. Особенно чутко они относились къ бѣдствіямъ *посполитаго* люда, безусловно отрицая всякую тѣнь крѣпостнаго права, какъ въ старой шляхетско-польской формѣ, осложненной религіозными гоненіями, такъ и въ подновленной формѣ—безъ всякой примѣси религіознаго угнетенія. Если бы страна поставлена была въ лучшія условія политической жизни, то не одни „козацкія вольности“ нашли бы въ ней своихъ защитниковъ, но и завѣтное стремленіе народа къ уравненію правъ посполитыхъ съ козаками, къ уничтоженію всякихъ поползновеній козацкой старшины къ крѣпостному насилію. Конечно, все это не могло бы произойти само собою, безъ борьбы и внутреннихъ потрясеній, но во второй половинѣ XVII в. козацкая старшина не успѣла еще сформироваться въ родовую знать, которая могла бы безъ всякой посторонней поддержки выдержать напоръ народныхъ стремленій. Она не успѣла еще забыть о своемъ происхожденіи: еще такъ недавно она стояла въ рядахъ посполитаго люда, дѣлила съ нимъ радости и горе жизни. Волны народнаго движенія вынесли ее на верхъ, поэтому она не могла не сохранить нѣкотораго уваженія къ самому этому движенію, къ самодѣятельному участію народа въ его собственной жизни.

Есть, наконецъ, еще одна выразительная особенность въ умственномъ строѣ той эпохи, о которой мы говоримъ, — особенность, которая могла вносить примиряющее начало въ спорные вопросы внутренней жизни. Мы разумѣемъ возбужденность мысли, затронутой просвѣщеніемъ, которое рано или поздно должно было привести къ выводамъ, болѣе благопріятнымъ для народныхъ массъ, чѣмъ крѣпостныя формы жизни, нѣсколько видоизмѣненныя въ лѣвобережной Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, школа давно уже сдѣлалась потребностію малорусскаго населенія. Особенно дорожило оно кіево-могилянской коллегіей, для которой наступили трудные дни по смерти Петра Могилы. Въ вихрѣ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, коллегія не могла оставаться спокойнымъ пріютомъ для учащейся молодежи, которую манила жизнь съ ея

бурями и военными тревогами. Поэтому высшіе и средніе классы въ коллегіи опустѣли, — да и эти послѣдніе, послѣ козацкихъ неудачъ въ борьбѣ съ поляками, отразившихся на матеріальныхъ средствахъ коллегіи, тоже исчезли [1]), — и вотъ въ 1666 г. кіевскіе жители начали хлопотать о возобновленіи кіевскихъ школъ. Московское правительство не считало возможнымъ отвѣчать имъ на заявленіе объ этомъ рѣшительнымъ отказомъ. „Буде имъ, писали въ томъ же году изъ Москвы, противъ ихъ волностей не въ оскорбленье будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводить“ [2]). Но такъ какъ „перевесть тую старую школу, по мнѣнію кіевскаго воеводы Петра Шереметьева, никоторыми мѣры нельзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе“, то „великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей“ [3]). Вопросъ о школѣ считался въ то время чрезвычайно важнымъ, поэтому онъ былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ съ Москвой, такъ и съ Польшей. Въ инструкціи Петра Дорошенка, данной посламъ войска запорожскаго, которые отправлены были на сеймъ польскій въ 1670 г., говорится: „Академію въ Кіевѣ фундовати волно, въ которой грецкимъ, латинскимъ и рускимъ языкомъ учити Русь маетъ... Другую также Академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, албо тутъ на Украйнѣ... фундовати. Кгимназія, тежъ школы, въ которыхъ бы по латынѣ учено, и друкарнѣ, колко ихъ потреба будетъ, абы безъ трудности становити было волно, и волно науки отправовати, и книги всякіе друковати“ [4]).

Но существуетъ мнѣніе, высказанное болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, что „заведеніе въ Кіевѣ коллегіи не было потребностію народа, что объ этомъ заботилась только шляхта и высшее духовенство въ видахъ собственныхъ пользъ“, — поэтому коллегія не имѣла ничего общаго съ народомъ [5]).

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, Аскоченскаго, I. 209.

[2]) Акты Зап. и Юж. Россіи VI. 93.

[3]) Ibidem.

[4]) Акты Зап. и Юж. Руси IX. 302—303.

[5]) Представители кіевской учености, Пекарскаго, Отеч. Зап. 1862 г. 391—392.

Намъ кажется это мнѣніе чрезвычайно рѣзкимъ. Нужно вспомнить только, что коллегія была всесословнымъ учрежденіемъ, въ которомъ учились дѣти духовенства вмѣстѣ съ дѣтьми козаковъ, мѣщанъ и даже посполитыхъ. Причина этой всесословности заключалась въ томъ, что всѣмъ одинаково дорого было „древнее благочестіе“, которое считалось тогда наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ верхніе слои южнорусскаго населенія переходили въ католичество, самыя сословія Южной Руси опредѣлялись не столько происхожденіемъ, сколько занятіями. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ было въ то время движеніе посполитыхъ въ мѣщане, а тѣхъ и другихъ въ козаки. Нерѣдко было и обратное передвиженіе по нисходящей линіи, часто невольное, иногда добровольное, особенно изъ козаковъ въ мѣщане,—лица же духовнаго званія выбирались изъ посполитыхъ, мѣщанъ и козаковъ, поэтому духовнаго сословія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, вовсе не было не только въ XVII, но и въ XVIII в. [1]). Слѣдовательно, говорить о своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ, которыя будто бы преслѣдовали люди, подобные Петру Могилѣ, именно—сподвижники и ближайшіе преемники его, во всякомъ случаѣ, неосновательно. Не таковы были эти труженики мысли, для которыхъ не было вопроса о томъ, кто долженъ учиться въ школахъ — званные или избранные. Они не могли себѣ представить даже, чтобы ученье было удѣломъ только имущихъ и знатныхъ людей,—тѣмъ болѣе, что и плоды ученія въ то время не всегда были сладки. „Не дивуйся, чителнику, говоритъ І. Галятовскій, заканчивая свой „Ключъ разумѣнія“, ты помылкам, которыи ся в той книзѣ знайдуют, бо тая книга такого часу робилася, в который болшъ есмо утѣкали и на смерть нежели на книгу тую поглядали. Ни единого имѣ покоя плоть наша, но во всем скорбяще: внѣ уду брани,

[1]) При Богданѣ Хмельницкомъ во главѣ козацкихъ движеній становились иногда священники („Кіевс. Старина“, 1888 г., іюль, 25). Бывали случаи, что одно и то же лице нѣсколько разъ смѣняло рясу на боевые доспѣхи (Лѣтопись Грабянки, 183).

кнѹтрѣ ѻ҃ѹдѹ стрáхи" [1]). Очевидно, представители южнорусскаго просвѣщенія трудились не въ „видахъ собственныхъ пользъ", не для своихъ „власныхъ приватъ", какъ говорили тогда, а для добра общаго. Они почерпали свое вдохновеніе не въ правительственной поддержкѣ, а въ сознаніи той нравственной пользы, которую они приносили народу.

Можно ли сказать, что это была мнимая польза?

Почти положительно отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ г. Сумцевъ. „Наука во второй половинѣ XVII в., говоритъ онъ, была въ Южной Руси явленіемъ *почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни*" [2]). „Преподаваніе богословія пріучало учениковъ къ ханжеству и внѣшней обрядности" [3]). „Схоластическому богослову (южнорусскому) не было никакого дѣла до того, какъ народъ относится къ христіанскому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внесъ и вноситъ въ него изъ своей національной жизни" [4]). Говоря объ I. Галятовскомъ, г. Сумцевъ утверждаетъ, что „грозныя и многознаменательныя событія прошли мимо него, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой" [5]).

Намъ кажется, что это мнѣніе въ значительной степени навѣяно общей репутаціей схоластической науки, которая по всей справедливости не пользуется сочувствіемъ въ средѣ образованныхъ людей. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ трудахъ самого г. Сумцева есть положенія не совсѣмъ согласныя съ тѣми, которыя мы привели выше. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, доказывать, что идеалы Л. Барановича, Ин. Гизеля и I. Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и внѣшняго совершенства" [6]). Очевидно, вопросъ о

[1]) Ключъ разумѣнія, 253 обор.

[2]) „Кіевская Старина", 1884 г., апрѣль, 588.

[3]) Ibid., январь, 6.

[4]) Ib., 16.

[5]) Ib., февраль, 199.

[6]) „Кіевс. Старина" 1885 г. январь, 14.

южнорусской наукѣ въ XVII в. вовсе не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что это была схоластическая наука, слѣдовательно, ей были свойственны *всѣ* особенности схоластическаго метода мысли. Это положеніе есть ничто иное, какъ готовая формула, снятая съ аналогическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ умственной жизни средневѣковой Европы. Какъ только мы сопоставляемъ эту формулу съ историческими данными, она во многихъ отношеніяхъ оказывается несостоятельной. Особенно сильно чувствуется несостоятельность ея въ трудахъ г. Сумцева, который не поскупился на историческія краски для того, чтобы представить южнорусское просвѣщеніе XVII в. въ его истинномъ видѣ. Къ сожалѣнію, уважаемый нами авторъ сходитъ иногда съ исторической почвы, ослабляя собственные свои выводы и положенія, добытыя путемъ непосредственнаго изученія малорусскихъ писателей въ связи съ исторической обстановкой жизни и дѣятельности ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ смотритъ на Ин. Гизеля, какъ на человѣка, „проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему", какъ на писателя, который былъ защитникомъ христіанской жизни по духу, а не по формѣ [1]). Что же тутъ общаго съ „ханжествомъ и внѣшней обрядностью", которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась въ южнорусской церкви значеніемъ господствующаго, всепоглощающаго начала ея жизни? Конечно, южнорусскіе іерархи заботились объ исправленіи церковныхъ обрядовъ, объ устраненіи изъ богослужебныхъ книгъ народныхъ суевѣрій [2]), — но они никогда не забывали, что сущность православія заключается не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, но и въ живомъ общеніи вѣрующихъ, безъ различія званій, сословій и состояній. Въ томъ собственно и заключается коренная особенность южнорусской церкви, что въ ней іерархія не была заражена идеей своей непогрѣшимости,

---

[1]) „Кіевс. Старина" 1884 г. октябрь, 212.

[2]) Въ богослужебныхъ книгахъ до Петра Могилы были молитвословія апокрифическаго и даже мифологическаго характера (молитвы о 12 пятницахъ, колядки). Голубева, П. Могила, 374. См. также „О поврежденіи церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ въ южнорусской митрополіи" Е. Крыжановскаго. Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г.

что она сама привлекала мірянъ къ широкому участію въ дѣлахъ церкви, которое выражалось въ соборахъ и особенно въ братствахъ. Не могла она не прислушиваться къ голосу народа, хотя бы уже потому, что этотъ голосъ, по установившемуся обычаю, имѣлъ громадное вліяніе на замѣщеніе церковныхъ должностей. Вліяніе это постепенно ослабѣвало въ теченіе XVIII в., когда сельскія и городскія общества потеряли право выбора священниковъ. Этотъ народный строй южнорусской церкви выражался, между прочимъ, и въ самой обстановкѣ богослуженія: и теперь еще въ глухихъ мѣстностяхъ Малороссіи можно слышать церковные напѣвы, напоминающіе народную мелодію,—можно видѣть старинныя иконы съ изображеніемъ святыхъ рядомъ съ лицами мірянъ въ обыкновенныхъ костюмахъ [1]). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ можно ли утверждать, что представители южнорусскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, „что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни?“ Можно ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея?

Предъ нами произведенія южнорусской печати временъ „Руины“. Остановимся на двухъ извѣстныхъ писателяхъ того времени—І. Галятовскомъ и А. Радивиловскомъ.

„Милаѧ и вдѧчнаѧ мнѣ єстъ таѧ праца“, говоритъ І. Галатовскій въ предисловіи къ сочиненію своему „Месіа праведный“. А совершилъ онъ ее „по трудныхъ и небезпечныхъ дорогахъ (ѣздѧчи), ѹщирбокъ здоровѧ и шкоды великіи поносѧчи, и смерти сѧ ѡкрутнои не поеднократ сподѣваючи“. Такъ не говорятъ люди, изсушившіе свой умъ и сердце въ безжизненной школѣ.

---

[1]) Не далѣе какъ въ началѣ настоящаго вѣка (1814 г.) былъ составленъ планъ расписанія Спасскаго собора въ Черниговѣ: предполагалось изобразить всѣхъ черниговскихъ князей, начиная отъ Мстислава Ярославича, заложившаго храмъ въ 1031 г., а также черниговскихъ архіереевъ, начиная отъ Л. Барановича, всѣхъ русскихъ царей, начиная отъ Алексѣя Михайловича до Александра Павловича включительно, тмочисленное Наполеоново воинство, посрамленное русскимъ оружіемъ. Но предположенные рисунки замѣнены другими (Черн. Епарх. Вѣдом. 1863 г., 283—290).

Глубокою скорбію звучала рѣчь ихъ, когда они касались бѣдствій родины. „**Пришолъ до насъ**, говоритъ въ одномъ изъ казаній своихъ А. Радивиловскій, **мечъ гнѣву Божогѡ, а пришолъ не трезвый, але барзо пяный... а упился крови хртіанской**“ („Огородокъ“, 1078). „**Войска поганскіи**, говоритъ онъ въ другомъ казаньи своемъ, **не едину в нашей Россійской земли цековъ, не единъ монастыръ, не едини моцный и до добытя трудный град з грунту кывернули... не одного о смрть, то ѿ меча, то ѿ глада, то ѿ зимна приправили**“ (411). „**Ѡ Боже мой!** восклицаетъ онъ въ третьемъ казаньи своемъ, **якъ многое матокъ, который видячи сны свои и дщеры в неволю турецкую и татарскую позабиранныи, плачутъ**“. (934). „**Увесели**, обращается онъ къ Ѳеодосію Печерскому въ четвертомъ казаньи своемъ, **засмученые сердца наши.... знеси порушеня поганскіе, абыся погамовали в запалчивости своей... зостанови теченіе крови хртіянской, абыся уже больше не лляла ѿ меча поганского... высуши слезы з очей наших текучіи**“ (313)[1]. Выписанныя нами строки достаточно доказываютъ, что *грозныя и многознаменательныя* событія до глубины души потрясали писателей, получившихъ образованіе свое въ кіево-могилянской коллегіи. Нужно удивляться умственной производительности ихъ „**в тыи жалобныи а праве нещасливыи часы**“ (381). Утѣшали они себя мыслію о лучшихъ временахъ, когда подъ властію единовѣрнаго Монарха „**никого не будутъ выгоняти зъ отчизны, зъ маетностей, изъ домовъ, за вѣру христіянскую**“ (Ключъ, 35),—когда славянскіе народы соединятся въ одну дружную семью для борьбы съ магометанствомъ, стариннымъ врагомъ христіанства (Лебедь съ періемъ своимъ)[2]), когда внутри страны евреи не будутъ „**на податки, на чиншъ панѡмъ, грошй христіанскіи давати, и тыми грошми розныи товары на ярмаркахъ собѣ куповати, мѣста, села, мыта и аренды закуповати, и шаты собѣ дорогіи справовати**“ (Мессія Праведный, 398). Въ такой политической обстановкѣ представляетъ І. Галятовскій бу-

---

[1]) (См. также „Огородокъ“ стр. 294, 389, 425, 456, 514, 534, 535, 550, 554, 717, 726, 784, 816, 909, 922, 927, 965, 966, 975, 1074.

[2]) Костомарова, Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ. Отд. II. 367—368.

дущее родины своей. Обращаясь къ настоящему, рисуетъ намъ онъ идеальныя черты человѣка своего времени. Онъ подсказываетъ проповѣднику, который хочетъ сказать надгробное слово,—„добрыи оучинки оумерлого человѣка“, если этотъ человѣкъ „великіи працы и труды для церкви Божой и для отчизны подыймовалъ“, если онъ „былъ милосердный на людей оубогихъ, накладалъ на церкви, на монастыри, на шпиталѣ“, если онъ „пріимовалъ к домъ свой гостей, приходневъ, пелгрымовъ, выкуповалъ неволниковъ з неволѣ поганской“ (Наука 24). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ „благихъ пожеланіяхъ“ звучала нота рѣшительная, которая давала бы намъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ творческой силы и таланта, съ вдохновеннымъ писателемъ, способнымъ увлечь за собою народныя массы. Галятовскій былъ человѣкъ средней силы, не созданный для обновленія жизни посредствомъ великихъ идей. Онъ раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ и, между прочимъ, ихъ нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ недомысліе по разнымъ вопросамъ внутренней жизни. Наконецъ, въ его воззрѣніяхъ, дѣйствительно, не мало есть схоластической примѣси, которая нерѣдко ставила его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, въ одномъ казаньи своемъ, разсуждая о „трехъ станахъ“—посполитомъ, панскомъ и духовномъ, онъ утверждаетъ, что первый станъ предназначенъ служить панамъ и духовенству (Каз. 213),—а въ другихъ казаньяхъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что „всѣ христіане—богатыи и оубогіи, паны и слуги, потентатове и неволники суть нашими ближними и братією нашею“ (Каз. 207),—что „люде пышніи, которыи теперъ не хотятъ товаришитися зъ людми оубогими“, а также люди, „которіѣ чужіѣ грунты, пляцы и двори отіимуютъ и собѣ пространное, а людемъ тѣсное мѣсце чинятъ... будутъ мѣти товариство зъ діяволами, будутъ въ пеклѣ, якъ въ скринѣ желѣзной тѣсной замкнени на вѣки“ (Каз. 58—59). Не могъ не знать Галятовскій, что въ его время многіе становились „панами и потентатами“ путемъ захвата чужой собственности, поэтому разсужденіе его объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству есть ничто иное, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое

страстью ко всякаго рода риторическимъ „приклáдамъ и подобéнствамъ“. Безъ сомнѣнія, эта риторика состояла въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ старымъ грѣхомъ *панскихъ* и *потентатскихъ* преданій, унаслѣдованныхъ отъ Польши и не смытыхъ потоками крови въ бурную эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго. Но мы были бы неправы, если бы ничего другаго не видѣли въ ней, кромѣ этого грѣха. Не онъ породилъ на свѣтъ южно-русское просвѣщеніе XVII в., не въ немъ оно находило свою силу и поддержку. Появилось оно исторически, какъ потребность угнетенной народной массы сознать себя народомъ съ историческимъ правомъ существованія среди другихъ народовъ,—развивалось оно на почвѣ русскаго самосознанія, отмѣченнаго индивидуальными признаками мѣстной жизни съ ея старорусскими преданіями, не возбранявшими народу принимать участіе въ его собственной судьбѣ. Символомъ этого самосознанія была „благочестивая вѣра“, для защиты которой призвана была схоластическая наука. Въ Южную Русь эта наука перешла не въ чистомъ ея видѣ, но съ доброю примѣсью положеній, выработанныхъ въ Европѣ въ эпоху возрожденія. На новой этнографической почвѣ, среди новыхъ историческихъ условій, она должна была получить своеобразныя черты. Конечно, представители ея не были людьми непосредственнаго народнаго чувства, но прогрессъ народной жизни невозможенъ, какъ извѣстно, безъ культурной мысли, оплодотворяющей народное чувство въ великій, сознательный подвигъ, который является не случайностію минуты, а плодомъ строго обдуманнаго плана. Въ хаосѣ понятій, наступившемъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, предложено было нѣсколько плановъ политической и общественной жизни, но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ народной воли въ подлинномъ ея видѣ. Не было въ странѣ силы, которая могла бы поддержать тотъ или другой планъ на болѣе продолжительное время, хотя бы въ видѣ опыта—для того, чтобы путемъ мирнаго прогресса придти къ разрѣшенію трудныхъ вопросовъ жизни, къ примиренію разнообразныхъ теченій ея. Винить въ этомъ мы не можемъ схоластическую науку,—не можемъ говорить о ней, какъ о какой то демонической силѣ, которая явилась на Украину для ея разрушенія. Мы не отри-

цаемъ схоластическаго происхожденія и метода южно-русской науки. Вмѣстѣ съ другими мы могли бы, конечно, пожелать, чтобы представители ея шире и свободнѣе смотрѣли на міръ Божій, чтобы они рѣшительнѣе и тверже высказывали свои убѣжденія, чтобы они не путались въ собственныхъ мысляхъ, не впадали въ излишнее многорѣчіе и въ праздное стихоплетство. Но мы знаемъ, что всѣ эти желанія могутъ быть заявлены, какъ говорится, заднимъ числомъ, поэтому и сужденія, изъ нихъ вытекающія, не могутъ удовлетворить требованіямъ исторической критики, которая должна считаться съ руководящими идеями изучаемаго нами вѣка. Съ точки зрѣнія этихъ идей мы видимъ въ южно-русской наукѣ XVII в., какъ первой, такъ и второй половины его, живую душу, которая постоянно отзывалась на всѣ текущія явленія жизни живымъ голосомъ. Это былъ голосъ національнаго самосознанія, которое проснулось во второй половинѣ XVI в., продолжало развиваться чрезъ весь XVII в., не замолкло и въ XVIII в. Это былъ тотъ самый голосъ, который слышимъ мы въ народныхъ южно-русскихъ думахъ, изображающихъ боевыя схватки съ врагами христіанства — турками и татарами, съ врагами „благочестивой вѣры"—панами-ляхами, съ врагами народнаго благосостоянія—жидами-орандарями.—Тѣ же темы мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей временъ „Руины". Такъ, І. Галятовскій въ обширныхъ трактатахъ своихъ противъ мусульманъ, поляковъ и евреевъ не проронилъ ни одного слова, несогласнаго съ народнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ, конечно, языкомъ этого чувства, какъ говорили творцы народныхъ думъ, но отъ ученыхъ трактатовъ нельзя требовать языка поэзіи. Довольно и того, что современники Галятовскаго, усвоивъ латино-польскую науку, не отрѣшились отъ народныхъ стремленій, возникшихъ въ первую эпоху просвѣщенія, и готовы были дать этимъ стремленіямъ широкое примѣненіе. Они продолжали развивать книжную малорусскую рѣчь въ томъ направленіи, съ которымъ она выступила еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ литературный органъ народнаго самосознанія. Мы видѣли, что народное начало проведено было въ этой рѣчи сознательно, хотя и не вездѣ послѣдовательно.

П. Житецкій.

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(*Окончаніе* [1]).

V.

А.—Очеркъ дѣятельности Аврама Езофовича, какъ государственнаго казначея великаго княжества литовскаго. Заботы короля Сигизмунда по улучшенію государственнаго управленія.—Несовершенство финансоваго управленія Литвы въ началѣ XVI в.—Преобразованіе Аврамомъ способовъ расходованія суммъ государственнаго казначейства. — Объединеніе этихъ суммъ. — Проведеніе точнаго раздѣленія между государственными доходами и частными доходами в. князя.—Отсутствіе такого различія въ XV в.; доказательства этому изъ расходныхъ книгъ короля Казиміра Ягеллона.—Введеніе Аврамомъ Езофовичемъ единства кассы.—Поднятіе имъ общей суммы государственныхъ доходовъ Литвы.—Доказательство этому.—Попытка систематизаціи государственныхъ доходовъ.—Перечисленіе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ въ частные доходы в. князя и замѣна этихъ доходовъ прибылями отъ чеканки монеты.—Матеріальныя и формальныя основанія для такого перечисленія.—Отмѣна откупной системы.—Проистекающія отъ этой отмѣны выгоды казны.—Охраненіе этихъ выгодъ противъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и противъ родныхъ.—Средство для проведенія улучшеній въ финансовомъ управленіи.—Кредитъ Аврама Езофовича и его кредиторы.—Сравненіе дѣятельности Аврама Езофовича съ дѣятельностію двухъ его ближайшихъ преемниковъ.—Пожалованія короля Сигизмунда Авраму Езофовичу.—В.—Аврамъ Езофовичъ, какъ частный человѣкъ; его женитьба, дѣти.—Личная энергія Аврама.—Образцовая аккуратность. Данныя для этого утвержденія.—Безкорыстіе Аврама Езофовича.—Имущество Аврама Езофовича предъ вступленіемъ его въ должность подскарбія земскаго, сравнительно съ оставленнымъ имъ по завѣщанію.—Ликвидація дѣлъ Аврама Езофовича.—Увеличилъ ли Аврамъ свое состояніе въ должности подскарбія?—Общее заключеніе о личности Аврама Езофовича Ребичковича изъ Кіева.

Въ 1518 г. Аврамъ Езофовичъ въ послѣдній разъ сводилъ счетъ съ королемъ. Лѣта давали себя чувствовать. Оказавъ новыя услуги королю и пользуясь присутствіемъ его въ Брестѣ, Аврамъ получаетъ 8 декабря 1518 г. согласіе короля быть главнымъ

[1]) „Кіевская Старина", 1888 г., ноябрь.

опекуномъ завѣщательныхъ распоряженій [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король даетъ Авраму свое согласіе на избраніе въ душеприкащики Кр. Шидловецкаго и Ал. Кгаштолта.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію личныхъ, такъ сказать, итоговъ многолѣтней дѣятельности Аврама Езофовича, мы на основаніи приведенныхъ выше документовъ попытаемся очертить дѣятельность Аврама Езофовича, какъ литовскаго государственнаго казначея.

Сигизмунду I принадлежитъ несомнѣнная заслуга по улучшенію и упорядоченію литовскаго государственнаго устройства и управленія. Не говоря объ изданіи Литовскаго Статута 1529 г., цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ мѣръ для улучшенія

---

[1]) Содержаніе этого документа, перешедшаго къ королю вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими послѣ смерти Аврама Езофовича, было, очевидно, не вполнѣ понятно составителю инвентаря, или 1 и 2 кн. Зап. Метр. Лит. Послѣ люблинской уніи для крѣпости завѣщаній не было надобности въ королевскомъ утвержденіи. Поэтому то, не зная къ какому разряду актовъ отнести этотъ документъ, составитель инвентаря надписалъ его такъ: „Подскарбій литовскій розмышляетъ (!) о томъ, кого бы назначить опекуномъ послѣ своей смерти“. Г. Вольфъ, не рѣшаясь привести въ своей брошюрѣ этого заглавія, дѣлаетъ тѣмъ не менѣе изъ указаннаго документа первое (!) завѣщаніе Аврама Езофовича.

Между тѣмъ подобнаго рода испрошенія королевскаго согласія на назначеніе опекуновъ вовсе не рѣдкость въ Литвѣ до люблинской уніи. Только Статутъ 1529 г. дозволяетъ дѣлать завѣщанія предъ повѣтовымъ урядникомъ, (т. е. воеводою или старостою), ранѣе же всякое завѣщательное распоряженіе землями, въ особенности же выслуженными въ данное княженіе, могло имѣть мѣсто только предъ в. княземъ.

Поэтому всякій завѣщатель, заботившійся о ненарушимости своего завѣщанія, хлопоталъ непремѣнно у в. князя о выдачѣ подтвердительной грамоты на свое завѣщаніе; и въ началѣ XVI вѣка это подтвержденіе составляло часто отдѣльный отъ самаго завѣщанія актъ. Такъ, въ 1522 г. ноября 30 приближенный къ в. князю „Маршалокъ и писарь Господарскій Копоть Васильевичъ“, всю свою жизнь проведшій въ канцеляріи в. князя, ужъ на чтобы казалось тонкій знатокъ всѣхъ юридическихъ формъ, обычаевъ и обрядовъ своего времени, тѣмъ не менѣе бьетъ челомъ королю (в. кн.), „обыхмо дозволили ему тыхъ опекуновъ (выбранныхъ имъ) мѣти. И тотъ тостаментъ ему потвердили *Нашимъ листомъ*“. „И мы дозволили ему тотъ тостаментъ мѣти и тыхъ опекуновъ установити; на чомъ онъ жену и дѣти свои по животю своемъ *зоставитъ* и што въ томъ тостаментѣ своемъ и листѣ на-перовомъ *выпишетъ*. Мы тотъ тостаментъ его потвержаемъ симъ нашимъ листомъ“.

Какъ видно изъ только что приведеннаго документа, совершенно аналогичнаго съ приведеннымъ выше, яко бы первымъ завѣщаніемъ Аврама Езофовича, Копоть представилъ в. князю *проектъ* завѣщанія, а равно и предположенныхъ

государственнаго управленія: книги Метрики Литовской начинають вестись надлежащимъ образомъ только съ начала царствованія Сигизмунда I. Правда, мы видимъ еще многія несовершенства, напр., акты вписываются первоначально въ тетради и только впослѣдствіи вносятся въ актовыя книги, акты лишены заголовковъ, не всегда расположены хронологически и т. д., но все же, сравнительно съ книгами короля Казиміра и даже Александра, замѣчаются весьма значительныя улучшенія. Время отъ времени производятся земскіе переписи, т. е. провѣряется наличность годныхъ для военной службы лицъ, ведутся реестры лицъ, не явившихся для отбыванія воинской повинности и т. д. Король стремится вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить права и обязанности управителей своихъ вотчинъ и оградить крестьянъ отъ притѣсненій: Уставъ державцамъ троцкихъ и виленскихъ дворовъ, а равно цѣлый рядъ уставныхъ грамотъ жителямъ иныхъ областей могутъ служить тому лучшимъ доказательствомъ. Что касается финансоваго управленія, то естественно, что на него должно было быть обращено особенное вниманіе короля.

При вступленіи на престолъ литовскій Сигизмунда I механизмъ полученія и расходованія государственныхъ доходовъ

имъ опекуновъ: в. князь, находя распоряженія Коптя правильными, подтверждаетъ *особымъ документомъ* эти предварительныя распоряженія.

Очевидно подобное же значеніе имѣетъ и указанный документъ: для Аврама документъ этотъ имѣлъ важное значеніе, потому что король изъявлялъ въ немъ свое согласіе быть главнымъ опекуномъ надъ женою, дѣтьми и имуществомъ Аврама Езофовича.

Въ виду частыхъ отлучекъ в. князя въ Польшу и въ виду своей болѣзненности, Аврамъ Езофовичъ не могъ разсчитывать, что онъ будетъ въ состояніи по составленіи завѣщанія получить новое королевское подтвержденіе.

Имѣя въ рукахъ этотъ документъ, Аврамъ Езофовичъ могъ назначить в. князя главнымъ опекуномъ, гдѣ бы и когда бы ни пришлось ему изъявить свою послѣднюю волю. И мы видимъ, что въ 1519 г. въ Брестѣ, далеко отъ короля, Аврамъ составляетъ завѣщаніе, назначаетъ въ немъ главнымъ опекуномъ короля и в. князя Сигизмунда, вовсе не упоминаетъ ничего о Шидловецкомъ, и рядомъ съ Кгаштолтомъ, назначаетъ Илинича. И завѣщаніе это признается Сигизмундомъ вполнѣ правильнымъ.

Грамота же, которою король изъявляетъ свое согласіе принять на себя обязанности опекуна, поступаетъ въ Метрику, вѣроятно, вслѣдъ за смертію Аврама Езофовича.

отличался значительными несовершенствами. Значительная часть доходовъ поступала сырыми продуктами: медомъ, мѣхами, хлѣбомъ, сѣномъ, лошадьми, даже курами и яйцами [1]) и т. д. Доставка этихъ предметовъ и ихъ храненіе сопряжены были съ большими неудобствами.—Но этого мало: самые способы взысканія, размѣры обложенія, предметы поступленія были до нельзя разнообразны. Не было опредѣленной податной единиицы, потому что употреблявшаяся въ большой части Литвы единица обложенія—„служба“ была, какъ мы видѣли, крайне измѣнчива. Взыманіе податей производились самими же старостами, державцами, тивунами или же ихъ слугами. Собираніе податей было всегда для волости подобіемъ татарскаго нашествія.

Староста, державца, тивунъ въѣзжали, обыкновенно, не сами, а съ женами, дѣтьми, слугами и т. д. Въѣзжавшій съ этими полчищами не только требовалъ себѣ „стаціи“, содержанія, но, не ограничиваясь потребленіемъ на мѣстѣ, приказывалъ остатки отвозить домой на подводахъ плательщиковъ. Такимъ образомъ взысканіе податей было чѣмъ то въ родѣ нашествія, но еще тяжелѣе было взысканіе недоимокъ: для взысканія ихъ посылались обыкновенно королевскіе писаря или же дворяне. Тѣ и другіе являлись съ цѣлою свитою слугъ. Такъ какъ волости часто не подъ силу было внести недоимку, то дворяне помѣщали у неплательщиковъ своихъ слугъ „лежней“, которые совершенно подрывали хозяйство.

Понятно, что дворяне не особенно спѣшили со взысканіемъ, и волости, для того, чтобы избѣгнуть окончательнаго разоренія, приходилось выхлопатывать особыя грамоты на освобожденіе отъ этихъ дворянъ [2]). Съ другой стороны, принимая во вниманіе не-

---

[1]) М. Л. I, 62. Люди Койминцы въ тивунствѣ виленск. даютъ „его милости (в. князю) зъ дыму по куряти а по 10 яицъ“.

[2]) Вообще для характеристики дворянъ можно бы было привести много мѣстъ, ограничимся однимъ [М. Л. Зап. 8, 67 (b)]. Митрополитъ кіевскій Іосифъ Солтанъ такъ отзывается о нихъ передъ королемъ (сентябрь 26, годъ 1529) „Коли по животѣ митрополичьемъ король посылаетъ этихъ дворянъ, статковъ и именей митропольихъ пописывати, ино тые дворяне... *статки собѣ розбираютъ и имѣнія пустошатъ*“.

значительное торговое развитіе Литвы, ужасающее состояніе путей сообщенія, значительное количество внутреннихъ заставъ, въ особенности на Волыни, Сигизмундъ I не могъ рѣшиться на обращеніе этихъ разнообразныхъ натуральныхъ податей въ денежныя. Эта обширная трудная работа сдѣлана была собственно для великокняжескихъ волостей, только при Сигизмундѣ-Августѣ. Во всякомъ случаѣ, Сигизмундъ I не даромъ княжилъ въ Глогау, гдѣ старинныя славянскія отношенія и формы управленія уже давно были замѣнены болѣе совершенными, заимствованными изъ Германіи. Не имѣя возможности перемѣнить господствующія системы взысканія податей, Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, стремится постепенно, часто съ видимою потерею для себя, усовершенствовать эту систему. Этимъ начинаніямъ в. князя какъ нельзя болѣе стремится удовлетворить въ своей дѣятельности Аврамъ Езофовичъ. Для упорядоченія поступленія и расходованія государственной казны, для проведенія правильной отчетности по расходованію суммъ необходимо было перевести всѣ ассигновки, по возможности, на центральное учрежденіе—казну, скарбъ. И дѣйствительно, со вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность государственнаго казначея, мы замѣчаемъ весьма важное нововведеніе: всѣ распоряженія в. князя о выдачѣ тому или иному лицу жалованья адресуются во 1-хъ) въ скарбъ, во 2-хъ) назначаются деньгами или же матеріями, т. е. сукномъ, атласомъ, бархатомъ и т. д. Назначеніе же жалованья иными предметами почти совсѣмъ не встрѣчается. Замѣнить выдачу жалованья хотя отчасти матеріями слишкомъ противорѣчило бы установившейся традиціи, да сверхъ того казна получала значительныя выгоды отъ замѣны денежныхъ выдачъ матеріями, такъ какъ ставила эти матеріи гораздо выше того, во что онѣ приходились ей [1]). Если же мы и видимъ отступленія отъ этого общаго начала, напр. назначеніе денежнаго жалованья изъ ковенской, минской и смоленской таможенъ, „съ восковыхъ пенезей бѣль-

[1]) Сигизмундъ-Августъ даже готовъ усмотрѣть бунтъ въ желаніи служилыхъ людей получить все жалованье наличными деньгами. М. Л. Зап. XXXVII, 28 (b), Дончичъ, іюля 6, 1552.

скихъ“, то не слѣдуетъ забывать, что эти таможни находились въ личномъ завѣдываніи Аврама Езофовича. Если мы иногда встрѣчаемъ еще назначеніе жита отъ городничихъ (452 (b) и 458), „зъ важныхъ пенязей полоцкихъ“, то эти незначительныя исключенія показываютъ только, что не для всѣхъ вновь учрежденный порядокъ казался выгоднымъ, что тотъ или иной получатель, по своимъ личнымъ соображеніямъ, напр., чтобы не путешествовать въ Вильно, или чтобы полученныхъ денегъ не обмѣнивать опять на тотъ же товаръ, напр. жито, соль и т. д., который прямо можно было получить изъ казны[1]), самъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ему денежной выдачи сырыми продуктами изъ королевскихъ запасовъ. Но рядомъ съ этими консерваторами мы замѣчаемъ лицъ, которыя торопятся воспользоваться этими новыми началами, напр. вмѣсто куньей шубы, лошади, нѣсколькихъ бочекъ соли и т. д. предпочитаютъ получить наличныя деньги[2]). Точно также исключеніемъ не можетъ почесться назначеніе дворянамъ, находившимся на службѣ у в. князя, жалованья не только деньгами изъ „скарба“, но еще и натурою изъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ они должны были постоянно находиться („лежать“). Такъ какъ дворяне эти, будучи въ подчиненіи мѣстнаго державцы, употреблялись имъ для приведенія въ исполненіе приговоровъ, взысканія недоимокъ, врученія королевскихъ посланій и т. д. въ предѣлахъ своей власти, державы и т. д., то естественно, что и здѣсь соображенія выгоды для скарба и удобства самыхъ получателей служили причиною отступленія отъ общаго начала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и суммы, поступающія въ скарбъ, не хранятся по каждому источнику отдѣльно, а объединяются. Собранныя деньги не располагаются, какъ прежде, въ отдѣльныхъ ящи-

---

[2]) Напр. войтъ и мѣщане кіевскіе предпочитаютъ получить 6 октября 1510 г. 300 бочекъ жита изъ разныхъ королевскихъ дворовъ [464 (b)], или Левъ Пашкевичъ, выпросившій тогда скирту жита изъ васильевскаго двора. Впрочемъ, причиною предпочтенія здѣсь могъ быть неурожай.

[3]) Зап. VIII, 458 (b). Мели-Баши... на 6 бочекъ соли зъ мыта ковенскаго *отмѣна*. Толмачу Исупу Тулатовичу на жеребя *отмѣна*, князю Касыму на шубу кунью (с) скарбу *отмѣна*. Т. е. мы видимъ здѣсь замѣну *деньгами* прежняго жалованья предметами потребленія.

кахъ, мѣшкахъ при особыхъ для каждой земли расходныхъ реестрахъ: всѣ полученныя суммы составляютъ одно цѣлое, скарбъ в. княжества литовскаго.

Какъ воспоминанія о прежнихъ порядкахъ, мы видимъ иногда, но чрезвычайно рѣдко, назначенія изъ спеціально указаннаго источника.

Хотя должности подскарбія земскаго и подскарбія дворнаго существуютъ уже до начала XVI вѣка, тѣмъ не менѣе точное раздѣленіе между государственною и собственною казною в. князя производится вполнѣ только съ конца 1509 г., т. е. со вступленіемъ въ должность подскарбія Аврама Езофовича. Что проведеніе этого начала принадлежитъ именно ему, въ томъ не трудно убѣдиться изъ сличенія расходныхъ книгъ не только короля Казиміра, но и самаго короля Сигизмунда въ началѣ его княженія и со времени подскарбства Аврама Езофовича. Вотъ передъ нами расходная книга короля Казиміра Ягеллона въ концѣ его царствованія [1]). Изученіе ея несомнѣнно докажетъ, что при королѣ Казимірѣ не существовало вовсе раздѣленія между государственнымъ казначействомъ и казною в. князя. На ряду съ уплатою жалованья за государственную службу князьямъ, панамъ, дворянамъ и земянамъ, напр. (f. 1.) за кіевскую службу Колонтаевичомъ, Александру Монкгирдовичу, Петру Яновичу, Солтану Маршалку, Юрью Поцовичу, Симеону *митрополиту* (кіевскому), Миколаю Радивиловичу, и цѣлымъ разрядамъ лицъ: витеблянамъ, смольнянамъ, татарамъ и т. д. и назначеньями, такъ сказать, народнаго характера, напр. царю Мендли-Гирею [14 (b)], мы встрѣчаемъ назначенія для личныхъ слугъ в. князя, напр. возницѣ Мисурку [12 (b)], кухару Синцу (12), швейцару („одверному") королевскому Чупру (12), коноваламъ („татарамъ, што кони лечили [12 (b)]. Но не въ лицахъ, собственно говоря, дѣло. Ассигновки на скарбъ для уплаты лицамъ придворной службы мы встрѣчаемъ и въ началѣ XVI в., но вотъ что важно:

---

[1]) М. Л. Зап. IV. Ѳедковъ реестръ т. е. Ѳедора Хребтовича, писаря королевскаго, братъ котораго Литоворъ Хребтовичъ появляется въ этой же книгѣ въ качествѣ „подскарбія дворнаго" f. 8 (b). Такъ что книги эти относятся ко времени не ранѣе 1486 г.

всѣ эти назначенія дѣлаются изъ мѣстныхъ источниковъ. Во всей книгѣ слово „скарбъ"—государственное казначейство встрѣчается всего разъ. Чаще появляется слово „казна", обыкновенно при выдачѣ жалованья смольнянамъ. Но здѣсь казна имѣетъ спеціальное значеніе *смоленской казны*, какъ то было позже въ XVI вѣкѣ. Въ то же время нѣтъ различія между государственными доходами и доходами в. князя; такъ, напр., царь Мендли-Гирей получаетъ медъ изъ того же кіевскаго ключа, изъ котораго получаетъ и какой то Телюшъ. Тому же царю посылается 7 локтей сукна флоринскаго на поминокъ въ то время, какъ кухмистру королевскому Злоцкому изъ того же источника назначается 10 локтей того же сукна. Князь Андрей Ивановичъ получаетъ 100 бочекъ ржи отъ городничихъ новгородскаго и лидскаго, а рядомъ—двумъ королевскимъ баньщикамъ назначено 12 бочекъ ржи у городненскаго же городничаго, тутъ же мѣщанину виленскому ассигнованы 10 бочекъ пшеницы и 2 бочки гороху въ Жидникахъ. Вотъ магнатъ п. Миколай Радивилъ получаетъ 4 телѣги соли изъ мыта луцкаго, „а въ телѣзи по 4 волы", а рядомъ челядь дворная ковенская получаетъ одну бочку соли изъ мыта ковенскаго и т. д. Рядомъ Шамолъ (еврей-откупщикъ) получаетъ 4 к. гр. за ковшъ серебряный (f. 11). Однимъ словомъ всѣ лица, которыя могли предъявить къ в. князю требованія за какую бы то ни было службу, получаютъ безразлично вознагражденіе изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ.

Что жъ это за источники?

Мы видѣли уже, что къ главнѣйшимъ государственнымъ доходамъ относились таможенныя пошлины, судебныя пошлины и акцизъ съ питей. Но въ книгахъ короля Казиміра мы сверхъ этихъ источниковъ встрѣчаемъ назначенія изъ доходовъ, принадлежавшихъ несомнѣнно самому в. князю, какъ напр. „дань" съ его вотчиныхъ людей [1]). Точно также множество назначеній сдѣлано насчетъ одного изъ наиболѣе цѣнныхъ полученій собственной казны в. князя, т. е. меду и воску [2]).

---

[1]) М. Л. Зап. IV. f. 11 (b) Симеону митрополиту „...2 колоде меду въ писара во Ивашка з дани червищское".

[2]) Напр. царю Мендли-Гирею послано 30 караимановъ прѣснаго меду съ ключа кіевскаго.

Изъ „ключей" же, т. е. великокняжескихъ имѣній идутъ назначенія шубъ: лисьихъ завойковыхъ, лисьихъ хребтовыхъ и т. п. и равнымъ образомъ жалованье солью, помимо назначаемаго изъ таможенныхъ доходовъ. В. князья обладали громадными стадами лошадей. Въ каждой значительной волости непремѣнно проживали конюхи, конокормцы; существовали въ каждой „землѣ" в. княжества довольно важные чиновники „конюшіе", напр. троцкій, витебскій, виленскій и т. д., все же управленіе коннозаводствомъ подчинялось особому придворному чиновнику—„конюшему дворному". Коннозаводство составляло какъ бы отдѣльный мірокъ со своими особыми правами и обязанностями по управленію и суду, не подчинявшійся общимъ правительственнымъ учрежденіямъ, а доходы отъ коннозаводства составляли личную собственность в. князя. Однако, мы видимъ сплошь и рядомъ назначеніе жалованій служилымъ лицамъ и изъ этого источника [1]). Затѣмъ, нечего ужъ и говорить, что изъ хлѣбныхъ запасовъ, хранившихся у городничихъ (при крѣпостяхъ) или же у державцевъ (гдѣ не было крѣпостей), идутъ значительныя назначенія, напр. князю Андрею назначается 50 бочекъ ржи у городничаго новгородскаго и 50 же бочекъ въ Лидѣ, конюшему п. Михаилу скирта ржи въ Мельнику и т. д. [2]).

Въ заключеніе, приведемъ образчикъ того, какъ при выдачѣ жалованья переплетались государственные доходы съ великокняжескими.

Въ 1486 году, іюля 14, король (и в. князь) Казиміръ Ягеллонъ назначаетъ князю Димитрію Путятичу, пока онъ „Бранскъ держитъ", на каждый годъ по 20 копъ „зъ мыта Браньскаго и съ корчомъ", (т. е. изъ государственныхъ источниковъ), „ему же по 13 кадей меду прѣснаго *зъ дани* на каждый же годъ, а по 20 копъ грошей съ *поголовщинъ* на каждый же годъ", (т. е. изъ частныхъ в. княжескихъ доходовъ [3]).

---

[1]) М. Л. Зап. IV, f. 15 (b), f. 16 и т. д.

[2]) Ibid., f. 25.

[3]) Поголовщину мы относимъ къ частнымъ доходамъ в. князя, такъ какъ она поступаетъ *ежегодно*. Между тѣмъ мы знаемъ, что поголовная подать *со всего* населенія, т. е. людей великокняжескихъ и остальныхъ вотчинниковъ носитъ названіе

Такимъ образомъ изъ всего указаннаго очевидно, что, несмотря на существованія особыхъ видовъ податей и особыхъ источниковъ доходовъ, несмотря на существованіе въ юридическомъ языкѣ особыхъ терминовъ для различія между тѣмъ, что принадлежало в. князю и что—государству, на практикѣ оно проводилось такъ недостаточно, что, можно сказать, этого различія вовсе не существовало и въ началѣ XVI вѣка, передъ самымъ вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность подскарбія, мы встрѣчаемъ слѣдующіе образцы финансовой практики литовскаго казначейства.

Посланный въ концѣ 1507 г. для взысканія недоимокъ писарь в.-княжескій Копоть Васильевичъ представилъ въ началѣ 1508 г. передъ п. Иваномъ, подскарбіемъ дворнымъ, и передъ п. Иваномъ Сопегою (маршалкомъ и писаремъ) слѣдующій отчетъ въ собранныхъ имъ суммахъ: съ поднѣпровскихъ волостей онъ собралъ недоимокъ даней: *грошовой*, *медовой*, *бобровой* и *куничной*, которые и вручилъ подскарбію земскому п. Өедку Хребтовичу наличностью („готовизною"), частью роздалъ на ассигновки, а частью привезъ в. князю. Всего же собрано имъ $945^1/_2$ копъ грошей. Бобровъ карыхъ онъ вручилъ подскарбію земскому 71 мѣхъ, чорныхъ бобровъ—5, куницъ „шерстью"—119. Въ великокняжескіе же погребы въ Вильнѣ (до ключа Виленскаго) выгналъ „дани медовое 40 уставовъ, а въ Троки 36 уставовъ и 94 кадей меду" [1]). Неугодно ли здѣсь различить, что поступаетъ въ государственное казначейство и что въ собственную казну в. князя? Если въ доходахъ не проведено различія, то тщетно искали бы мы его въ расходахъ; если изъ личныхъ доходовъ в. князя происходятъ выдачи жалованья за государственную службу, напр. въ 1517 г. служебнику п. Станислава Петровича—Борису назначено 2 воза съ ключа луцкаго, а 7 іюня того же года князю Ивану Коркодыну пожалованъ жеребецъ у конюшаго дворнаго, а 1508 г., сентября 8, князю В. Андр. Полубенскому, между прочимъ, 20 бочекъ жита дьякольнаго у город-

„серебщины" и назначалась только по чрезвычайнымъ случаямъ и съ согласія крупнѣйшихъ вотчинниковъ.

[1]) Зап. VIII, 102.

ничаго городненскаго и т. д., то и наоборотъ—*для личныхъ потребностей* в. князя обращаются суммы *государственнаго* казначейства: напр., 1508 г. ноября 10 предписано брестскимъ мытникамъ выдать ключнику городенскому Ивану для потребностей королевскаго стола 50 тысячъ головокъ соли („головажекъ“), а ковенскому мытнику отпустить для этой же цѣли 20 бочекъ соли и т. д.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда съ конца 1509 г. и до конца 1510 г.

Такъ какъ устраненіе этого смѣшенія государственныхъ и в. княжескихъ суммъ совпадаетъ съ назначеніемъ Аврама Езофовича государственнымъ казначеемъ, такъ какъ проведеніе различія между казною государственною и в. княжескою требуетъ для своего осуществленія весьма значительныхъ наличныхъ суммъ, а до появленія Аврама Езофовича литовское казначейство обыкновенно пустуетъ,—мы въ правѣ полагать, что никто иной, какъ Аврамъ Езофовичъ провелъ объединеніе государственныхъ поступленій, устранилъ путаницу въ распредѣленіи поступающихъ суммъ, установилъ правильную систему расходованія, однимъ словомъ для Литвы начала XVI в. устроилъ единство кассы.

Всѣ операціи по пріему и расходованію государственныхъ доходовъ ведутся государственнымъ казначействомъ.

Не ограничиваясь упорядоченіемъ технической стороны государственнаго хозяйства, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ поднять въ значительной степени размѣры поступленія государственныхъ доходовъ.

Для того, чтобы наши утвержденія относительно этого послѣдняго пункта не были голословными, мы опредѣлимъ прежде всего возможно точную цифру доходовъ в. княжества до 1510 г.

На основаніи расходныхъ книгъ за 1506—9 гг., откупного договора за тотъ же срокъ, квитанцій, выданныхъ подскарбіемъ, отчетовъ нѣкоторыхъ изъ сборщиковъ податей, доходы в. княжества за указанное время, т. е. со дня вступленія на литовскій престолъ Сигизмунда Ягеллона до назначенія Аврама Езофовича подскарбіемъ земскимъ, были слѣдующіе:

I. Судебныя пошлины и штрафы дали за это время (съ конца 1506 по конецъ 1509 г., за 2 года съ небольшимъ)	5,500 копъ гр.
II. Питейный доходъ съ мѣстностей, не отданныхъ на откупъ, далъ всего.	300 копъ гр.
Съ мѣстностей на откупу	3,000 к. гр. [1]).
III. Таможенныя пошлины, отданныя на откупъ	3,000 копъ гр.
Находившіеся въ управленіи	15,500 к. гр. [2]).

Такъ что всего изъ этихъ источниковъ за 2 года можно считать поступившими около 30,000 копъ гр., или—ежегодный доходъ казны в. княжества составлялъ 15,000 копъ гр.

Мы видѣли выше, что в. князь Александръ Ягеллонъ обязался въ 1492 г. не расходовать государственной казны, т. е. судебныхъ, таможенныхъ и питейныхъ доходовъ безъ согласія Рады в. княжества. Обстоятельства, при которыхъ вступилъ на престолъ Сигизмундъ I, дали ему возможность поставить себя гораздо самостоятельнѣе по отношенію къ Радѣ. Въ дошедшей къ намъ уставной грамотѣ отъ 1506 г. нѣтъ ничего похожаго на ограниченія в. князя въ распоряженіи государственными доходами [3]).

Отнесеніе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ къ числу общегосударственныхъ доходовъ въ началѣ XVI в. было полною несообразностью, такъ какъ уже съ Казиміра Ягеллона судебные *штрафы „вины“* съ вотчинныхъ людей были предоставлены вотчинникамъ, а равно и *судебныя пошлины „пересудъ“*, безъ

---

[1]) М. Л. Записей VIII. Расходныя книги в. князя лит. кор. польскаго Сигизмунда I за 1506—1510 гг., passim.

[2]) Продажа питей въ Смоленскѣ была отдана въ 1507 г. на откупъ за 400 к. г. (VIII, 907) въ годъ, въ Полоцкѣ за ту же сумму (ib. f. 105 (b). Въ Витебскѣ за это время точной цифры нѣтъ (220 к.); равно въ Могилевѣ (150); но принимая во вниманіе, что размѣръ *таможенныхъ откуповъ* до 1520 г. въ этихъ городахъ остался неизмѣннымъ, мы можемъ предположить тоже и для питейнаго откупа. Мы привели эти 4 города, какъ главнѣйшіе изъ городовъ.

[3]) Напечатанъ въ отрывкѣ у Дзялынскаго в. н. соч., вполнѣ находится въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской, Зап. VIII, f. 135 (b), подъ заглавіемъ Privilegium terrestre M. D. Litvaniae въ Городнѣ, 7 декабря 1506 г.

которыхъ не обходился ни одинъ судъ того времени, вотчинный ли, полюбовный, или копный. Такимъ образомъ в. князю поступали судебныя пошлины и штрафы *частью* съ лицъ свободнаго состоянія: князей, пановъ, земянъ, духовенства, мѣщанъ, частію же—съ собственныхъ весьма обширныхъ вотчинъ. Если мы примемъ во вниманіе, что литовская шляхта въ началѣ XVI ст. составляла не болѣе 1% всего населенія[1]), и что, напротивъ, — количество великокняжескихъ вотчинъ въ двухъ только повѣтахъ, т. е виленскомъ и трокскомъ простиралось до 61, и въ число этихъ вотчинъ входили, (кромѣ виленскаго и трокскаго замковъ и тивунствъ) напр. Ковно съ волостью, заложенныя въ 1515 г. въ 4500 копъ (27000 руб.), Гродно съ волостью, заложенныя тогда же въ 30000 копъ, (т. е. 180000 руб.) и т. д., если принимать далѣе, что еще въ 1567 г. в. князю принадлежало въ вотчину 88 однихъ только непривилегированныхъ (т. е. не имѣющихъ магдебургскаго права) городовъ, то едва ли будетъ смѣлымъ утвержать, что *судебные доходы* в. князя съ *собственныхъ своихъ вотчинъ* далеко превосходили размѣры пошлинъ, получаемыхъ имъ со шляхты.

Еще тамъ, гдѣ преобладала мелкопомѣстная шляхта, какъ напр., на Жмуди, или гдѣ число вотчинниковъ было незначительно сравнительно съ свободнымъ населеніемъ, какъ напр. въ поднѣпровскихъ волостяхъ, или гдѣ при мелкопомѣстьи были уже постоянные выборные суды, какъ напр., въ Подлясьи, тамъ судебные доходы могли быть довольно значительны, въ коренной же Литвѣ и на Волыни судебные доходы сводились почти къ нулю.

При разсмотрѣніи отчета, представленнаго Аврамомъ Езофовичемъ на Брестскомъ сеймѣ 1511 г., невольно бросается въ глаза отсутствіе именно доходовъ съ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ; нѣтъ упоминанія объ этой статьѣ и въ отчетѣ 1514 г. Между тѣмъ расходы именно изъ этого источника составляютъ до 1510 г. чуть ли не пятую часть всѣхъ расходовъ казначейства.

[1]) По переписи 1528 г. всѣ вотчинники, считая здѣсь и мѣщанъ, должны были выставить 18,000 тяжеловооруженныхъ всадниковъ съ 8 службъ по 1, что, принявъ службу въ 10 только человѣкъ, даетъ 1,440,000 душъ.

Въ то же время въ расходныхъ книгахъ до 1509 г. мы не встрѣчаемъ назначеній изъ доходовъ монетнаго двора, въ казначейскихъ же отчетахъ Аврама Езофовича мы постоянно встрѣчаемъ эти доходы въ видѣ особой статьи. Не всегда равномѣрный доходъ отъ чеканки монеты простирается однако отъ 1,500 (напр., въ 1511 г.) до 4,000 копъ гр. (какъ въ 1509—1510 г.), что составитъ среднимъ числомъ 2,750 копъ гр. въ годъ. Эта сумма весьма близко подходитъ къ среднему числу судебныхъ доходовъ, (насколько мы о нихъ можемъ знать изъ расходныхъ книгъ), т. е. 2,470 копамъ грошей. Поэтому замѣна въ государственномъ бюджетѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ доходами съ монетнаго двора не могла встрѣтить возраженій со стороны Рады: общая цифра доходовъ не уменьшалась, а монетный доходъ искони принадлежалъ в. князю, поэтому весь вопросъ сводился къ замѣнѣ въ государственной росписи одного дохода другимъ и только. Но въ этой замѣнѣ нельзя не видѣть новаго доказательства стремленіямъ Аврама Езофовича внести твердое различіе между государственными доходами и частными доходами великаго князя.

Одному только в. князю принадлежало право установленія таможенныхъ заставъ, какъ внутри, такъ и внѣ границъ государства; и таможенныя пошлины въ началѣ XVI в., дѣйствительно, собираются на границахъ государства и со всѣхъ лицъ безъ изъятія. Одинъ только в. князь имѣетъ право на куреніе водки и сыченіе меда, вареніе пива и т. д., а равнымъ образомъ и на продажу оныхъ[1]). Питейныя пошлины взыскиваются поэтому *со всѣхъ* безъ различія. Одинъ только в. князь имѣетъ право чеканить менету и прибыли отъ ея чеканки *розлагаются одинаково на всѣхъ*. Поэтому сейчасъ указанные доходы, какъ собираемые *со всѣхъ*, и должны идти на *нужды всѣхъ членовъ государства*, слѣдовательно, имъ и подобаетъ быть государственными. Между тѣмъ въ правѣ суда и въ правѣ полученія дохо-

[1]) Исключенія изъ этого общаго начала въ XVI в. не велики: количество вотчинниковъ, имѣвшихъ право продажи спиртныхъ напитковъ въ своихъ имѣніяхъ, крайне ничтожно. Право же шляхты на безпошлинный вывозъ товаровъ собственнаго производства и такой же ввозъ для *собственнаго* потребленія еще не существуетъ.

довъ съ него съ в. княземъ конкуррируютъ всѣ литовскіе вотчинники, но мало того, какая нужна бухгалтерія, чтобы выдѣлить изъ общей суммы судебныхъ доходовъ то, что в. князь получаетъ, какъ верховный судья шляхты, и что, какъ вотчинникъ!

Включивъ доходы монетнаго двора въ число государственныхъ, Аврамъ Езофовичъ прилагаетъ особенныя заботы, чтобы эта статья доходовъ никогда не оскудѣвала. Поэтому то монетный дворъ дѣйствуетъ безъ обычныхъ перерывовъ не только во время его подскарбства, но еще нѣсколько лѣтъ, какъ бы по инерціи, и послѣ его смерти: литовскіе полугрошки съ штемпелемъ „Вильно" не только встрѣчаются съ 1509 по 1519 гг. непрерывно, но идутъ еще на нѣсколько лѣтъ далѣе[1]).

Изъ отчетовъ же Аврама Езофовича видно, что главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ составляли таможенныя пошлины. По установившейся со временъ Витовта практикѣ таможенные доходы отдавались на откупъ. Попытка в. князя Александра передать собираніе пошлинъ лицамъ, назначаемымъ по усмотрѣнію в. княземъ, или же излюбленнымъ земскимъ людямъ, потерпѣла совершенное фіаско. Причиною былъ отчасти самъ в. князь, неустоявшій передъ немедленнымъ полученіемъ денегъ отъ откупщиковъ, отчасти затруднительное политическое положеніе Литвы, когда приходилось небольшую наличную сумму предпочесть, хотя и болѣе значительной, но болѣе отдаленной. Главная же причина неудачи заключалась въ отсутствіи надлежащаго контроля и отчетности надъ собирателями этихъ пошлинъ.

Дѣйствительно, какъ было убѣдиться в. князю въ преимуществѣ казеннаго управленія надъ откупами, если, напр., въ Брестѣ Литовскомъ 10 ноября 1496 г. ему пришлось узнать отъ Немиры и Левка, которые, „какъ жидовъ выслали изъ Берестя... послѣ нихъ... держали мыто Берестейское", что приходъ за отчетное время равнялся 160 копамъ и 4 грошамъ, а

---

[1]) *Dawne monety Polskie* dynastyi Piastów, Jagellonow. Piotrkow, 1883—1885, т. III, стр. 112. Szereg znanych półgroszków litewskich z epoki Króla Zygmunta I rozpoczyna się z rokiem 1508... idą one nie przeważnie do roku 1529.

расходъ, по приказаніямъ в. князя за тоже время составилъ 160 копъ и 3 гроша, такъ что в. князю приходилось получить за отчетное время всего *одинъ грошъ*! Понятно, что в. князь Александръ возвращается снова къ системѣ откуповъ.

Въ первое время своего княженія Сигизмундъ I идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, но, какъ было указано выше, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ убѣдить в. князя въ преимуществѣ системы управленія черезъ довѣренныхъ лицъ. И во все время подскарбства Аврама Езофовича мы не встрѣчаемъ откуповъ. Этому не противорѣчитъ отдача на откупъ самому Авраму Езофовичу минскихъ таможенныхъ доходовъ, въ 1509 г. января 20 и брестскихъ въ 1514 и 1518 гг. Таможенный откупъ въ Минскѣ полученъ Аврамомъ Езофовичемъ до вступленія еще въ должность подскарбія, таможенный откупъ въ Брестѣ существовалъ лишь на бумагѣ. Формально сдѣлано было в. княземъ отступленіе отъ имъ же одобренныхъ началъ, по существу же не было никакого отступленія: ни въ Минскѣ ни въ Брестѣ Аврамъ Езофовичъ ничего не вноситъ в. князю впередъ, а получаетъ эти таможни для покрытія занятыхъ у него в. княземъ денегъ. Къ этому способу в. князь прибѣгаетъ для того, чтобы заранѣе вычеркнуть изъ числа доходовъ указанныя въ откупныхъ контрактахъ суммы и устранить самый поводъ для какихъ либо ассигновокъ на эти источники. В. князь желаетъ оградить интересы своихъ кредиторовъ противъ своей собственной забывчивости, а равно и небрежности приближенныхъ къ себѣ лицъ. Что отмѣна откупной системы была дѣломъ Аврама Езофовича это видно изъ того, что вслѣдъ за смертью его, и таможенные и питейные доходы снова сдаются въ откупное содержаніе. Что для Аврама Езофовича руководящимъ принципомъ въ этомъ случаѣ служили не соображенія личной прибыли, это совершенно ясно изъ весьма значительнаго повышенія таможенныхъ доходовъ за время его управленія: такъ, напр., въ 1506 г. таможенные доходы въ Ковно, Минскѣ, Смоленскѣ, Новгородкѣ, Луцкѣ и Кіевѣ отданы были на откупъ за 2,700 копъ грошей, а въ 1510 г. одна ковенская таможня, находившаяся въ управленіи Аврама,

давала ровно вдвое, т. е. 5770 копъ гр.[1]). Смоленская таможня вмѣсто 400 копъ стала давать 1000 и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что повышеніе пошлинъ увеличивало доходы казны, но не управляющаго.

Аврамъ Езофовичъ не только самъ не покушался на доходы казны, но ревниво оберегалъ ихъ отъ покушеній другихъ лицъ не только отъ бывшихъ единовѣрцевъ, но и отъ своихъ кровныхъ. Такъ, мы видимъ, что когда гродненскій богачъ еврей Игуда Богдановичъ и Лазарь Хоцковичъ, завѣдывая вмѣстѣ съ гродненскими мѣщанами-христіанами сборомъ восковыхъ пошлинъ, попытались, послѣ представленія отчета въ Вильно, получить этотъ сборъ на откупъ, пользуясь тѣмъ, что король остался имъ долженъ 90 к. гр., то Аврамъ Езофовичъ взялъ гродненскую таможню „на себя“ [2]). Равнымъ образомъ Аврамъ Езофовичъ не позволяетъ и своему родному брату извѣстному Михелю изъ Бреста взять таможенные доходы въ Брестѣ на откупъ, предоставляя ему вмѣстѣ съ другимъ братомъ—Айзакомъ быть только управляющими [3]). Надо полагать, что око Аврама Езофовича было и здѣсь весьма зорко, потому что какъ только онъ

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 116. Съ коморы ковенской отъ мясопустъ (23 февр.), индикта 14 (1511 г.), до св. Михаила (29 сент.). Мы беремъ самый поздній срокъ, такъ какъ конечный срокъ поступленія таможенныхъ доходовъ за 1510 г. въ документахъ точно не показанъ. Но, если принять болѣе ранній срокъ, то разница еще будетъ разительнѣе.

[2]) Ib. XIV, f. 136. Наше предположеніе объ этой попыткѣ мы основываемъ на томъ во 1-хъ), что Авраму Езофовичу не было основанія устранять безъ особыхъ причинъ королевскихъ кредиторовъ, во 2-хъ), что Игуда Богдановичъ послѣ смерти Авраама Езофовича въ 1525 г. успѣваетъ сдѣлаться восковничимъ и соленичимъ городенскимъ.

[3]) Наши Док. и р. т. I, № 58. Такъ мы видимъ, что король, отдавая въ 1813 г. имъ таможенные доходы въ Брестѣ съ уплатою въ годъ по 500 копъ гр., оговариваетъ во 1-хъ), что это сдѣлано лишь для возмѣщенія имъ королевскаго долга и во 2-хъ), что, послѣ истеченія откупнаго срока, они должны вновь „держать мыто въ вѣрной руцѣ“. Въ виду несообразностей, вытекающихъ изъ такого условія, мы склонны думать, что въ актовой книгѣ сдѣлана существенная ошибка, а именно—вмѣсто того, чтобы написать: „маемъ имъ заплатити съ мыта Бер., которое есьмо имъ за готовые пенязи продали *за* годъ по 500 копъ гр.“, слѣдовало „*на* годъ“. Тогда отдача мыта, приносившаго 1000 к. гр., на одинъ годъ за половинную цѣну и была бы платежемъ % за занятую сумму.

вступилъ въ должность подскарбія, доходы брестской таможни сейчасъ же повысились съ 750 копъ до 1000 копъ съ лишнимъ.

Таковъ былъ Аврамъ Езофовичъ, какъ подскарбій земскій в. княжества литовскаго. Не прибѣгая къ чрезвычайнымъ средствамъ, Аврамъ въ короткое время сумѣлъ поднять государственные доходы Литвы и въ то же время отстранить почти на десять лѣтъ необходимость залога в. княжескихъ вотчинъ.

Проведеніе принципіальнаго различія между государственными доходами в. княжества и частными доходами в. князя, замѣна натуральныхъ платежей денежными, передача судебныхъ доходовъ въ руки в. князя, упорядоченіе монетнаго дѣла, замѣна системы откуповъ системою управленія—вотъ тѣ простыя средства, при помощи которыхъ оперируетъ Аврамъ Езофовичъ.

Провести выдачу почти всѣхъ родовъ жалованія деньгами, а равно обращать своевременно и съ выгодою для казны все сырье, получаемое изъ мѣстностей, было подъ силу лицу, обладающему огромными наличными капиталами, или же съ огромнымъ кредитомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ увидимъ ниже, что собственныхъ капиталовъ Аврама Езофовича далеко не хватало бы для осуществленія такой грандіозной задачи, но здѣсь на помощь пришелъ кредитъ: во первыхъ,—братья Аврама Езофовича были весьма богатыми людьми и вели значительную торговлю. Аврамъ кредитуется у нихъ отчасти товарами, отчасти деньгами[1]). Но такъ какъ братья Аврама Езофовича были купцами, то понятно, что они съ большимъ трудомъ вынимали изъ торговаго оборота деньги. Поэтому Авраму Езофовичу приходилось обращаться къ другимъ лицамъ. Нужно отдать ему справедливость: онъ необыкновенно умѣлъ расшевеливать неподатливыхъ литовскихъ капиталистовъ. Кого только нѣтъ въ спискѣ

---

[1]) Д. и Р., № 83, отъ 1524. Жалобы Михеля Езофов. „штожъ подскарбій земскій, панъ Аврамъ-небожчикъ, *осталъ ему виненъ немалую сумму пенязей* за сукно и за оксамитъ и за одамашокъ и за иныя рѣчи, и тежъ *готовыми пенязьми*, (т. е. наличными деньгами). Ср. далѣе конецъ этого же №, въ этомъ и другихъ документахъ претензіи къ Авраму Ез. предъявляются однимъ Михелемъ, мы же относимъ эти обязательства къ обоимъ братьямъ, такъ какъ они раздѣлились уже только по смерти Аврама.

его кредиторовъ! Князья, паны, (т. е. члены Рады), земяне, дворяне, мѣщане и евреи [1]) не задумываются повѣрять свои сбереженія въ руки энергичнаго подскарбія. Большая часть этихъ суммъ обезпечивается собственнымъ имуществомъ Аврама Ез. и только весьма малая падаетъ на счетъ государственнаго казначейства [2]). Для проведенія этихъ операцій нужна была большая энергія, и только благодаря ей, Авраму Ез—чу удалось оказать в. княжеству тѣ услуги, на которыя мы указали выше.

Какая разница съ ближайшими преемниками Аврама Езофовича! Флегматическій, аккуратный Богушъ Боговитиновичъ оставляетъ наслѣдникамъ весь свой капиталъ реализированнымъ въ огромныхъ помѣстьяхъ, въ драгоцѣнной утвари и уборахъ. Оканчивая свои земные счеты, Богушъ не задумывается надъ будущимъ, какъ Аврамъ, а спокойно замѣчаетъ, что „никто ему не долженъ и онъ никому не долженъ“. Сейчасъ видно, что онъ не увлекался теоріями, а всѣмъ, не исключая и в. князя, давалъ деньги не иначе, какъ подъ солидное обезпеченіе! Точно также далѣе—подвижный Иванъ Горностай не ломаетъ головы и не хлопочетъ, когда казна стоитъ пустою, и никто не вѣритъ в. князю денегъ иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе! [3]).

Вполнѣ понятны поэтому для насъ изъ души вырвавшіяся слова короля Сигизмунда въ одинъ изъ торжественнѣйшихъ моментовъ его царствованія: въ день принесенія упорнымъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ ленной присяги: „на счастливомъ и благополучномъ празднествѣ торжественнаго принесенія ленной присяги знаменитымъ государемъ, господиномъ Альбрехтомъ, макграфомъ Бранденбургскимъ, княземъ Прусскимъ, Штетинскимъ и т. д., *вспомнили мы*, говоритъ король Сигизмундъ, *о*

[1]) Ib. № 137.

[2]) Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того обстоятельства, что, по сведеніи окончательныхъ счетовъ съ Аврамомъ Ез., пассивъ оказался на сторонѣ не короля, но Аврама. Д. и Р. № 137.

[3]) М. Л. З. XXXVII, 28 (b), Доничъ, августа 30, года 1552. Подскарбій Иванъ Горностай пишетъ королю Сигизмунду-Августу, что въ скарбѣ на лицо всего 1,000 к. гр. „кгдыхъ же трудными и немалыми заставами пенязей позычити не досталемъ“. Поэтому подскарбій *совѣтуетъ* королю занять денегъ у данцигскихъ купцовъ.

доблести и талантахъ вельможнаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, старосты ковенскаго, солецкаго, который неустанно старался служить благу и своего государя и в. княжества литовскаго".

Очертивъ, на сколько было въ нашихъ силахъ, личность Аврама Езофовича, какъ государственнаго дѣятеля, скажемъ теперь нѣсколько словъ о немъ, какъ о частномъ человѣкѣ.

Изъ всего нами изложеннаго можно уже, кажется, заключить, что возвышеніемъ своимъ Аврамъ Езофовичъ обязанъ своей личной энергіи, мужеству и, наконецъ, финансовымъ дарованіямъ. Искать причину возвышенія Аврама Езофовича въ принятіи имъ христіанства или же только въ огромномъ состояніи Аврама Езоф. было бы крайне ошибочно.

Вѣдь Аврамъ Ез. не былъ единственнымъ евреемъ въ Литвѣ, принявшимъ христіанство: мытники путивльскіе Ѳедоръ и Иванъ Новокрещенные, Нисанъ Симшичъ Ольшейко—были весьма зажиточными людьми, и однако ни одинъ изъ нихъ не пошелъ далѣе званія войта. Но этого мало; одновременно съ Аврамомъ Езофовичемъ дѣйствуетъ цѣлый рядъ зажиточныхъ и предпріимчивыхъ христіанъ, православныхъ и католиковъ, въ родѣ Андрея Тихаго, купца в. княжества литовскаго, восковничаго виленскаго, управляющаго монетнымъ дворомъ, или въ родѣ Ульриха Гозія, Гонуса Шмекгера, Гонуса Дитриховича Судормана, Михеля Шписа и иныхъ. Однако никто изъ этихъ лицъ не двинулся дальше должности городничаго виленскаго.

Думать далѣе, что въ возвышеніи Аврама Езофовича первую и главнѣйшую роль играли деньги, значитъ не имѣть совершенно никакого представленія объ Аврамѣ Езофовичѣ, какъ человѣкѣ. Прежде всего, Аврамъ Езофовичъ принадлежитъ къ чрезвычайно крѣпкой живучей семьѣ. Несмотря на жизнь полную заботъ, хлопотъ, надеждъ, борьбы и т. д., Аврамъ Езофовичъ умираетъ 70 лѣтъ съ лишнимъ. Но этого мало, за 12 лѣтъ [1])

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что только въ 1523 г., т. е. черезъ 4 года по смерти отца, старшій сынъ Аврамъ Ез. (Василій) Янъ уже достигаетъ совершеннолѣтія, т. е. 15 лѣтъ. Что этотъ возрастъ принимается за совершеннолѣтній, видно изъ актовыхъ книгъ М. Л. Суд. II, 271. Что жена Аврама—

до смерти Аврамъ Езофовичъ вступаетъ въ бракъ по увлеченію[1]) и даетъ начало крѣпкому потомству, представители котораго не разъ напоминаютъ своего энергическаго предка[2]). Естественно, что въ такомъ крѣпкомъ тѣлѣ обиталъ и крѣпкій духъ. Мы знаемъ уже, какъ Аврамъ Езофовичъ защищалъ литовскіе замки. Не меньшую энергію обнаруживаетъ онъ въ теченіи всей своей долгой жизни, не только незначительнымъ откупщикомъ онъ съ успѣхомъ выходитъ изъ борьбы съ соперниками, собираетъ доходы тамъ, гдѣ другіе безнадежно опускаютъ руки, обращаетъ въ свою пользу направленные противъ него договоры,—но, будучи уже подскарбіемъ, онъ не только ведетъ операціи пріема и выдачи казны, но слѣдитъ за исправнымъ производствомъ переписей, учитываетъ своихъ подчиненныхъ, отыскиваетъ подходящихъ для того или иного финансоваго поста лицъ, направляетъ дѣятельность монетнаго двора, выдаетъ самъ порохъ, ружья, снаряды и т. д.,—стараясь постоянно и вездѣ „приводити къ королевскому пожитку", „какъ бы его милости господару не школно". Едва получивъ ковенское мыто, Аврамъ тотчасъ же открываетъ громадные убытки казны, вырабатываетъ мѣры для устраненія оныхъ и немедленно сообщаетъ объ этомъ королю, хотя, имѣя въ рукахъ откупные контракты, могъ бы свободно прибыли обратить въ свою личную пользу. Также энергично направляетъ онъ работы монетнаго двора. Находя, далѣе, убыточнымъ для казны получать сукно и другія матеріи (которыми платилось жалованіе) отъ литовскихъ купцовъ, даже отъ

Ганна Васильевна была молода, это видно изъ того, что по смерти Аврама она вышла вторично замужъ и въ 1536 г., т. е. когда ея старшему сыну было 28 лѣтъ, имѣла дѣтей отъ втораго мужа и надѣялась еще имѣть ихъ.

[1]) Что бракъ этотъ не былъ по расчету, лучше всего видно изъ того, что Ганна Васильевна не принесла за собою никакого приданнаго, такъ какъ 1000 копъ гр., назначенныя ей въ завѣщаніи Аврама Ез., составляютъ его подарокъ, а не записываются вмѣсто его приданнаго, вѣна, какъ то бывало въ Литвѣ.

[2]) Такъ напр., внукъ Аврама Ез. Янъ Яновичъ, намѣстникъ виленскій, своимъ личнымъ мужествомъ и разумными распоряженіями успѣваетъ прекратить кровавыя стычки между виленскими католиками и диссидентами, грозившія серіозными опасностями Вильнѣ. А что это дѣло было не шуточное, лучше всего свидѣтельствуетъ отзывъ Стефана Баторія, компетентность котораго въ дѣлахъ о мужествѣ и распорядительности едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

собственныхъ братьевъ, Аврамъ завязываетъ прямыя сношенія съ заграничными рынками: съ Познанью и т. п., чтобы получать нужные ему товары изъ первыхъ рукъ и т. д.

Происхожденіе Аврама намъ извѣстно. Казалось бы, что трудно человѣку, постороннему для литовской знати, изъ которой черпалась Рада в. княжества, не только войти въ это государственное святилище, но еще труднѣе найти modus vivendi съ неособенно покладливыми натурами, въ родѣ М. Радивила и Ольбрахта Кгаштолта. Тѣмъ не менѣе Аврамъ Езофовичъ не только мирно уживается въ ихъ средѣ, но Радивилъ, какъ мы видимъ, хлопочетъ за него передъ королемъ, Кгаштолтъ принимаетъ на себя обязанности душеприкащика, Юр. Ив. Иличичъ вступаетъ съ нимъ въ родство. Что положеніе это пріобрѣтено было не подарками, видно изъ того, что даже въ своемъ завѣщаніи Аврамъ не даритъ Кгаштолту сравнительно небольшаго дома, точно также, какъ не даритъ знаменитому князю и члену Рады Константину Острожскому недоимокъ, соглашаясь въ то же время принять отъ него вмѣсто денегъ серебряные чашу и ковшъ [1]). Этотъ фактъ стоитъ въ прямой связи съ образцовою вообще аккуратностію Аврама. Для примѣра вотъ нѣсколько образчиковъ: вскорѣ по назначеніи въ должность земскаго подскарбія, Аврамъ Езофовичъ принимаетъ въ свои руки государственную казну, хранившуюся въ Вильнѣ, въ особыхъ погребахъ въ замкѣ виленскомъ [2]). Въ скарбѣ этомъ не было ни денегъ, ни дорогихъ суконъ. За надежными запорами хранились: имущество в. князя: русскія, латинскія и чешскія книги, богослужебная утварь придворной церкви, одежды, т. е. шубы, горностаи и т. д., личное вооруженіе в. князя, ковры, драпировки, постели, кухонная утварь, конская сбруя и т. п. походныя при-

---

[1]) Д. и Р. № 69. Понятно, что Аврамъ не могъ обойтись безъ обычныхъ въ то время „челобитій“ и „поклоновъ“, наприм., онъ даритъ Радивила за оказываемое вниманіе, но подарокъ, сдѣланный Радивилу не можетъ идти и въ отдаленное сравненіе съ тѣми „поклонами“, которые дѣлали магнатамъ самые обыкновенные просители. Въ числѣ оставшагося послѣ смерти Радивила имущества мы встрѣчаемъ двѣ портьеры („запоницы“), подарокъ Аврама—и только.

[2]) М. Л. Суд. Д. Ш, 147 и далѣе.

надлежности. Здѣсь же вмѣстѣ съ частнымъ имуществомъ в. князя помѣщался и единственный для всей Литвы арсеналъ. Нѣтъ, конечно, ничего особеннаго въ томъ, что Аврамъ Езофовичъ составилъ пріемную опись (хотя она, къ сожалѣнію, единственная для Литвы), но важно,—какъ была произведена эта опись. Понятно, что подробно описаны оружіе или одежды в. князя, книги: ихъ было не много и каждая вещь—чуть не цѣлый капиталъ[1]). Но спрашивается, чѣмъ, кромѣ самой мелочной пунктуальности, могутъ быть объяснены такія подробности, какъ, напр., описаніе пушки, испорченной литейщикомъ, при чемъ подробно перечисляются не только всѣ подпорки, на которыхъ она была укрѣплена, но и кольца, состояніе колесъ и т. п. Нечего и говорить, что всѣ годныя къ употребленію орудія и принадлежности къ нимъ, какъ то: пороховницы каменныя и чугунныя, ядра („кули"), формы для нихъ, порохъ, сѣра и пр. перечислены, взвѣшены и описаны съ неменьшею точностію[2]).

Около 1529 (?) года, въ виду неисправности взноса шляхтою поголовщины и серебщины, в. князь предписалъ Радѣ обратить, впредъ до выясненія причинъ неплатежа, имущества неисправныхъ въ казну. Въ отвѣтъ на это Рада пишетъ, что предписаніе в. князя слѣдуетъ осуществить съ крайнею осторожностію, такъ какъ нѣтъ на лицо всѣхъ окладныхъ листовъ („рейстровъ"), „бо иншіе рейстры у подскарбего вашое милости небощика Аврама, которыи суть за печатью вашое милости за-

---

[1]) Напр., подаренный в. княземъ Константину Ивановичу Острожскому кафтанъ (газука на золотѣ) стоилъ 100 червоныхъ злотыхъ (около 3,000 руб), но вѣдь дарилъ же грозному хану крымскому король Казиміръ Ягеллонъ 8 локтей сукна!

[2]) М. Л. Суд. Д. III. f. 147, слѣд. Вотъ на выдержку маленькій отрывочекъ: „А рушницъ желѣзныхъ 5, а 4 ручницы меденыя. А къ тымъ ручницамъ 5 пороховницъ, а кулей ручныхъ 80, а формъ рушничнихъ 7. А въ трехъ бочкахъ пороху 12 камней (т. е. 9 пудовъ), фунтовъ безъ 18, на великія дяла (пушки), а еще осталось того пороху у мѣху камень безъ 8 фунтовъ. А (для) меденныхъ козъ и гаковницъ, (т. е. крѣпостныхъ ружей) пороху камень и 3 фунта, а на желѣзныя гаковницы пороху 2 камня сытыхъ" и т. д. Очевидно, такое описаніе не могло быть сдѣлано на глазомѣръ: каждый фунтъ пороху вывѣшенъ, даже для полнаго вѣса нашлось отличное словечко: „*камень*", (т. е. 30 фунт., единица вѣса) названъ „*сытымъ*".

хованы“ [1]). Отсюда видно, какъ небрежно велись дѣла преемникомъ Аврама Езофовича: онъ и не подумалъ объ истребованіи окладныхъ ластовъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ видна та важность, которую члены Рады придавали окладнымъ листамъ, составленнымъ подъ руководствомъ Аврама Езофовича. Очевидно, онъ понималъ важность такихъ документовъ: они у него были собраны и хранились вмѣстѣ съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ.

Приведемъ еще два образчика аккуратности Аврама Езофовича: еще при королѣ Александрѣ онъ получилъ въ смоленскомъ повѣтѣ помѣстье Волутину Гору [2]). Въ 1512 г. смоленскіе мѣщане Семенъ, Кузьма, Антипа и Дашко Волутинцы представили королю жалобу, что Аврамъ Езофовичъ „заочно вкрасивши, выпросилъ“ у короля Александра „отчину и дѣдину ихъ—Волутину Гору за пусто (т. е. какъ не населенное имѣніе), а другое селцо на Стыганцы“. Вѣроятно, этимъ Волутинцамъ стала извѣстна неполнота жалованной грамоты, т. е. что вмѣстѣ съ Волутиной Горой не было упомянуто село Стыганка. Между тѣмъ въ Литвѣ в. князья слѣдовали тому началу, что „мы такъ даемъ, хто у насъ проситъ“ [3]), или еще опредѣленнѣе: „мы никому привольевъ нашихъ и листовъ нашихъ на приволья и листы наши не даемъ, а даемъ имъ такъ, какъ хто у насъ проситъ“ [4]). То есть, в. князь объявлялъ всѣмъ и каждому, что, отдавая всегда предпочтеніе уже существующему праву, болѣе ранней привилегіи и т. д., онъ предоставляетъ всѣмъ и каждому просить на свой собственный рискъ и страхъ о какомъ угодно пожалованіи. Если же окажется впослѣдствіи, что проситель „многое упросилъ за малое“, или же населенное имѣніе за пустое, то пусть пеняетъ самъ на себя, если в. князь уничтожитъ грамоту, выданную на основаніи его же личныхъ показаній. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются не

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 412.

[2]) М. Л. Зап. VIII, 113. Даты нѣтъ, но предыдущій документъ относится къ индикту 14 (1512 г.) къ іюню 25, а послѣдующій къ тому же году іюлю 26.

[3]) Ib. З. XIV, 264, отъ 1526 г.

[4]) Ib. З. XIV, 335 (b) 1528 г.

разъ случаи такого уничтоженія неправильно выданныхъ привилегій и возстановленія нарушенныхъ правъ [1]).

Получившій неправильно привилегію долженъ не только вознаградить истцовъ за протори и убытки, заплатить пересудъ, но сверхъ того терялъ уплоченное в. князю „челобитье“.

Очевидно Волутинцы надѣялись, что значительный промежутокъ времени со дня пожалованія, выселеніе Аврама изъ Смоленска и т. д. могли помѣшать Авраму Езофовичу доказать, что пропускъ села Стыганки въ привилегіи короля Александра произошелъ не изъ желанія скрыть размѣры выпрошеннаго помѣстья, а по инымъ причинамъ. Однако разсчеты ихъ оказались невѣрными: передъ судомъ, назначеннымъ для разсмотрѣнія этого дѣла, Аврамъ Езофовичъ не только доказалъ, что Волутина Гора дарована и подтверждена ему въ вотчину королевскими грамотами, но и что село Стыганка не упомянута въ этихъ привилегіяхъ лишь потому, что оно составляетъ нераздѣльную часть Волутиной Горы, „ижъ тое... сельцо посполь изъ Волутиною Горою издавна одна служба бывала“. Истцы не только, что не могли опровергнуть доказательствъ Аврама Езофовича, но и сами признали, что пожалованное имѣніе, дѣйствительно, „одна служба“.

Когда Аврамъ Езофовичъ возведенъ былъ въ званіе ковенскаго старосты и въ этомъ качествѣ самъ роздавалъ, по порученію в. князя, помѣстья и вотчины, то и здѣсь онъ проявилъ ту же самую аккуратность, образцы которой мы сейчасъ привели. Такъ, напр., когда въ 1518 г. по жалобѣ подключаго троцкаго Василія Константиновича Жабы назначена была коммиссія для опредѣленія его правъ на землю въ ковенскомъ повѣтѣ, то оказалось, что прежній владѣлецъ земли—нѣкій бояринъ Михайло продалъ безъ разрѣшенія в. князя половину этой

---

[1]) М. Л. Зап., VIII, 284, отъ 1568 г. Смольняне Трахоиловы возтановляются въ правахъ путныхъ людей, между тѣмъ какъ дворянинъ в. князя Михайло Дашкевичъ выпросилъ ихъ за „тяглыхъ людей“; или тамъ же бояре Досоговы, „предки“ которыхъ „волости державали отъ предковъ в. князя“, возстановляются въ своихъ правахъ въ противность привилегіи, полученной смоленск. же бояриномъ Ѳед. Мирославичемъ, выпросившимъ изъ за „щитныхъ слугъ“, и т. д.

земли боярину пана Паца—Бутку, а другую половину ковенскому мѣщанину—Пашку Черному. Съ того времени прошло 40 лѣтъ, но Аврамъ Езофовичъ разузналъ, какъ о самомъ фактѣ неразрѣшенной продажи, такъ и о томъ, что въ теченіи этихъ 40 лѣтъ Бутко не отбывалъ въ пользу в. князя никакихъ „службъ". Обративъ эти земли, называвшіяся въ совокупности Михайловщиною, въ казну, Аврамъ Езофовичъ половину ихъ отвелъ („4 земли") Жабѣ, а другую половину—Дашкевичу [1]).

Фактъ, повидимому, незначительный, но рядомъ съ другими отлично характеризующій Аврама Езофовича: онъ не только слѣдитъ за надлежащимъ поступленіемъ казенныхъ доходовъ, бережно охраняетъ то, что есть, но старательно разыскиваетъ, не потеряно ли что казною, и разъ отыскавъ такую потерю, не медлитъ съ ея возвращеніемъ. Припомнимъ, далѣе, отчетъ Аврама Езофовича отъ 1511 года. Одною изъ характернѣйшихъ особенностей этого документа слѣдуетъ признать сведеніе государственныхъ платежей къ однимъ и тѣмъ же срокамъ,—такъ, большинство статей пріурочено къ полугодіямъ (не январьскаго, а сентябрьскаго года, который тогда былъ въ употребленіи). Далѣе, Аврамъ Езофовичъ стремится къ установленію опредѣленныхъ періодовъ для представленія отчетности; не отъ Аврама однако зависѣло появленіе в. князя въ Литвѣ, между тѣмъ, по обычаю, отчеты подскарбія для своей полной годности нуждались въ утвержденіи ихъ в. княземъ вмѣстѣ съ Радою,—но опять таки, по обычаю, Рада не слѣдовала за в. княземъ въ Польшу, поэтому утвержденіе отчетовъ могло произойти только на литовской территоріи. Тѣмъ не менѣе Аврамъ считалъ своимъ долгомъ представлять какъ можно чаще партикулярные отчеты, а какъ только пребываніе в. князя въ Литвѣ было не мимолетнымъ, Аврамъ непремѣнно успѣвалъ получить оффиціальное утвержденіе своихъ отчетовъ. Благодаря, конечно, тому обстоятельству, *что отчеты за истекшіе сроки всегда были на лицо*, мы видимъ, что между ними лежатъ небольшіе промежутки, а именно отчеты были утверждены въ 1511 г., 1514, 1518 гг.

---

[1]) М. Л. С. Д. II, 258.

Мы останавливаемся на этой подробности и видимъ въ ней характерную черту личности Аврама Езофовича, потому что ни его предшественники, ни его преемники не отличались въ этомъ отношеніи излишнею щепетильностью. Богушъ Боговитиновичъ [1]) представляетъ отчетъ за *восемь* лѣтъ сразу! Иванъ Горностай за *шесть* лѣтъ и 4 мѣсяца [2]), Астафій Воловичъ за семь лѣтъ [3]) и т. д.

Основнымъ мотивомъ всей служебной дѣятельности Аврама Езофовича служитъ безграничная преданность своему монарху: мы не будемъ напоминать, какъ въ 1509 г. незначительныя пожалованія в. князя наполняютъ радостію сердце Аврама Езофовича и онъ называетъ ихъ великимъ пожалованіемъ и милостью. Передъ нами еще другіе факты. Въ 1514 г. для покрытія занятыхъ у Езофовича 4000 копъ гр. король Сигизмундъ предоставляетъ въ его полное распоряженіе, впредь до погашенія долга, *всѣ* доходы съ брестской таможни. Между тѣмъ наступаютъ трудныя времена: королю безотлагательно нужны деньги, достать ихъ трудно, вельможи жмутся... Что же Аврамъ Езофовичъ? Онъ не только не претендуетъ, что всѣ доходы брестской таможни уходятъ на государственныя нужды, но еще ссужаетъ королю новыя и новыя суммы. Мало того, когда на Виленскомъ сеймѣ 1518 г. оказался дефицитъ за счеты Аврама въ 8000 к. гр., в. князь для огражденія интересовъ Аврама Езофовича предоставилъ ему доходы съ брестской таможни на 8 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы ежегодно была погашена $^1/_8$ часть долга. Между тѣмъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ закладывается большая часть в. княжескихъ волостей, а полученныхъ денегъ все мало. И вотъ, съ брестской таможни Аврамъ Езофовичъ не получилъ еще ни копѣйки, но по слову короля занимаетъ ему вновь 2000 к. гр. да различныхъ суконъ, бархату, шубъ и т. п. для

---

[1]) М. Л. Зап VII, 599. Годъ неизвѣстенъ, въ Вильно. Въ виду того, что Б. Б. становится подскарбіемъ въ 1520 г., а умираетъ въ 1529 г., надо полагать, что отчетъ этотъ относится къ началу 1529 г., когда король Сигимундъ былъ въ Вильно.

[2]) Акты З. Р., т. II, № 220 отъ 1542 г. мая 1.

[3]) М. Л. З. L, 181 (b) отъ 1568 г.

уплаты „войскамъ" еще на 3000 к. гр. Казалось бы, какой же уступчивости, но и этого оказывается мало: въ началѣ слѣдующаго года в. князь отдаетъ брестскую таможню Михелю Шпису и брестскимъ мѣщанамъ, потому что они предлагаютъ вмѣсто 1000 к. гр. въ годъ—по 1300. Надо полагать, что Аврамъ Езофовичъ болѣе чѣмъ кто либо иной имѣлъ нравственное право получить эти лишнія 300 копъ гр., но какъ только пожелалъ в. князь, Аврамъ Езофовичъ отступается отъ предоставленнаго ему торжественнѣйшимъ образомъ права [1]) для того, что „въ томъ" „господарскій пожитокъ и земскій" [2]). Но быть можетъ для Аврама лишнія 300 копъ гр. ничего не значатъ, такъ какъ и безъ того богатство его, по мнѣнію г. Вольфа, выростало съ каждымъ днемъ,

Въ виду только что приведенныхъ фактовъ, а равно и въ виду упомянутаго раньше отказа отъ убыточныхъ для казны откупныхъ контрактовъ, намъ нѣтъ особенной надобности настаивать на безкорыстіи Аврама Езофовича. Но чтобы болѣе еще отмѣтить эту сторону, разсмотримъ, на сколько выросло богатство Аврама Езофовича съ 1509 г. по 1519 г., т. е. за 10 лѣтъ его подскарбства. Мы не знаемъ, съ какими денежными средствами началъ Аврамъ Езофовичъ свою самостоятельную жизнь. Судя, однако, по дружественнымъ его отношеніямъ съ братьями, можно полагать, что переходъ Аврама Езофовича въ христіанство не поссорилъ его съ родными и по смерти отца Аврамъ Езофовичъ получилъ свою долю наслѣдства. Можно предполагать, что смерть Іозефа Рябчика или Робея совпала какъ разъ съ изгнаніемъ евреевъ изъ Литвы, такъ какъ въ 1-хъ) мы не встрѣчаемъ съ этого времени въ актахъ упоминанія о Робеѣ,

---

[1]) М. Л. Зап. XI, 27 (b). „Не маемъ мы", говоритъ король (в. князь) „и паны Рады наши без бытности нашое у в. княж. въ него ничого брати на наши потребы земскіе, а на отправу и на страву посламъ и гонцомъ, а ни на квитощахъ ни которыхъ отправъ а ни данинъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати". Предоставляется ему затѣмъ это право на полученіе всѣхъ доходовъ брестской таможни въ теченіи 8 лѣтъ уступить, продать, подарить, завѣщать и т. д. Нашествіе непріятеля и моровое повѣтріе принимается въ разсчетъ и т. д.

[2]) Ib., f., 38 (b).

во 2-хъ) къ 1496 г. Робею навѣрное было свыше 70 лѣтъ, въ 3-хъ) по возвращеніи евреевъ въ Литву оба брата Аврама Езофовича ведутъ свои операціи совершенно самостоятельно и отъ своего имени, наконецъ, въ 4-хъ) какъ разъ за изгнаніемъ евреевъ Аврамъ Езофовичъ вступаетъ самъ въ ряды откупщиковъ, для чего требовались значительныя средства. Такъ, въ 1496 г. онъ въ компаніи съ Мартиномъ Янгелевичемъ беретъ на откупъ смоленскія таможенныя пошлины на 3 года, съ уплатою въ казну по 200 копъ гр. ежегодно [1]). Въ 1499 г. Аврамъ, какъ мы видѣли, представилъ не только 622$^1/_2$ к. гр. за три года, но получаетъ уже на свое собственное имя таможенные откупы въ Смоленскѣ и Минскѣ. Въ 1503 г. Аврамъ Езофовичъ беретъ на откупъ смоленскій таможенный и питейный откупъ за 2400 к. гр. Въ 1506 году Аврамъ ссужаетъ королю Александру выше 1000 к. гр. Въ 1507 г. Аврамъ получаетъ на откупъ ковенскіе таможенные доходы съ уплатою немедленно 800 съ лишнимъ копъ грошей; минская таможня, новогрудская, смоленская и смоленскій питейный откупъ поступаетъ въ руки Аврама Езофовича. Такъ какъ по обычаю откупная сумма вносилась, обыкновенно, за годъ впередъ, то суммы, которыя должны были находится въ рукахъ Арама Езофовича въ 1507 г., простирались до 2000 к. гр., не считая долговыхъ обязательствъ на королѣ Александрѣ. Такимъ образомъ, не считая правъ на староство смоленское и минское войтовство, а равно и недвижимостей, въ рукахъ Аврама Езофовича находилось наличными деньгами и въ надежныхъ долговыхъ обязательствахъ до 4000 копъ грошей, т. е. около 250000 руб. на наши деньги.

Обыкновеннымъ мѣстомъ засѣданій Рады была Вильна. Подскарбію же земскому, въ особенности въ виду перевода всѣхъ платежей на государственное казначейство, приходилось чаще всѣхъ проживать именно въ Вильнѣ. Въ виду, вѣроятно,

---

[1]) Утвержденіе наше мы основываемъ на томъ, что М. Янгелевичъ упоминается въ отчетѣ 1499 г. во множественномъ числѣ. Аврамъ же предоставляетъ 622$^1/_2$ копы гр. слѣдующихъ въ казну за три года (см. выше).

этого обстоятельства в. князь даритъ Авраму Езофовичу въ 1511 г. выморочный домъ на Субочевой улицѣ [1]).

Въ томъ же году на „великомъ сеймѣ Берестейскомъ" Аврамъ Езофовичъ получаетъ „дворецъ" Жерославку въ вотчину „вѣчно—ему самому и его женѣ и ихъ дѣтямъ и напотомъ будучимъ ихъ счадкамъ", „со всимъ правомъ и панствомъ" [2]). Остановимся на этомъ пожалованіи. Въ 1508 г. іюля 20 [3]) король Сигизмундъ далъ своему дворянину Ивану Кобакову [4]) „имѣньице на *хлѣбокормленіе* дворъ нашъ городенскаго повѣта, на имя Жарославку съ челядью невольною и съ животиною и съ житомъ и со всѣмъ съ тымъ, што въ томъ дворѣ суть". „А къ тому придали есмо ему сто человѣковъ Жорославское же волости, которые сѣдятъ около того двора". Нѣсколько позже король, однако, изъ этого пожалованія выдѣлилъ 36 службъ другому дворянину, а Жораславку *пожаловалъ* въ вотчину или же заложилъ тому же Кобакову. Изъ текста документа видно, что король только подтверждаетъ уступку Иваномъ Кобаковымъ своего дворца Авраму по той причинѣ, что самъ Кобаковъ собрался поступить въ монахи. Старый инвентарь Метрики Литовской, извѣстный подъ названіемъ N I и II Записей, говоритъ прямо о продажѣ этого имущества, при чемъ выставляетъ и самую сумму—100 копъ грошей [5]). Но очевидно, что цифра здѣсь показана не вѣрно, потому что „служба" людей цѣнилась, обыкновенно, въ 10 копъ грошей, что видно, напримѣръ, изъ того, что другой дворянинъ в. князя М. Юр. Зеновьевичъ зало-

---

[1]) Д. и Р. I, № 57, отъ 18 марта, въ Краковѣ.

[2]) М. Л. Зап. IX, 140 (b), документъ 259.

[3]) Ib. З. VIII, 227 (b).

[4]) Кобакову, а не Кобякову, какъ пишетъ г. В. справляющійся съ инвентаремъ вмѣсто того, чтобы изучать актовыя книги.

[5]) Записей (sic) № II, страница 80, 9 іюня неизвѣстнаго года, что не мѣшаетъ г. Вольфу поставить 1511 г., почему, неизвѣстно. Тамъ же на 81 стр. показано подтвержденіе королемъ этой покупки отъ 18 іюля 1511 г. Мы не считаемъ нужнымъ слѣдовать этимъ документамъ, такъ какъ имѣемъ передъ собою подлинникъ, гдѣ утверженіе этой покупки сдѣлано королемъ 8 августа 1511 года въ Брестѣ, на великомъ сеймѣ.

жилъ Авраму же Езофовичу въ Жерославской волости [1]) 21 службу людей и 4 пустыя земли за 164 копы гр. Заложилъ, при томъ, а не продалъ! Поэтому въ продажной записи на Жерославку нужно допустить поправку, по крайности, на одинъ нуль съ правой стороны. Въ 1513 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ в. князю (просроченную (?) закладную М. Ю. Зеновьевича и просилъ в. князя, чтобы онъ эту закладную обратилъ въ купчую крѣпость [2]). Въ 1514 г. къ этимъ имѣніямъ присоединяются фольваркъ подлѣ Минска, купленный Аврамомъ Езофовичемъ у мѣщанина минскаго Микиты Волковича [3]).

Послѣднее, сравнительно крупное, пріобрѣтеніе сдѣлано Аврамомъ Езофовичемъ въ 1515 г., а именно: онъ купилъ съ королевскаго разрѣшенія у подляссқаго воеводы И. С. Сопеги брестское войтовство. Къ брестскому же войтовству принадлежали кромѣ обыкновенныхъ войтовскихъ доходовъ, т. е. извѣстнаго % судебныхъ штрафовъ и пошлинъ, льготной корчмы, вѣсовыхъ пошлинъ и т. д., еще слѣдующія земли: въ 1497 г. в. князь Александръ пожаловалъ войту брестскому Павлу Черному къ брестскому войтовству с. Корницу съ четырьмя службами людей и участкомъ Конюшки [4]). Иванъ же Семеновичъ Сопега самъ прикупилъ къ этому войтовству нѣсколько фольварковъ [5]). Сверхъ того, неизвѣстно въ какое время пріобрѣтены были Аврамомъ Езофовичемъ у п. Богдана Конюскаго гладковицкій дворецъ съ пашнею, вошедшіе въ составъ Жерославки, затѣмъ фольваркъ подлѣ Вильно—Азднишки и дворовое мѣсто

---

[1]) *Въ жерославской волости.* У г. же Вольфа жерославская волость отождествляется съ дворомъ Жерославкою! (стр. 25 назв. соч.) между тѣмъ *волость* продолжала существовать независимо отъ Жерославки еще въ 1523 г., какъ мы видимъ изъ пожалованія пану Тр., стр. Гер. Ю. Ю. М. Радивилу „остатка людей всѣхъ и земель пустовскихъ двора нашего городенскаго повѣта Жерославки“.

[2]) Такъ мы понимаемъ слова грамоты: „билъ намъ (в. князю) п. Абрамъ, обыхмо тыи вышеписанныи люди и съ тыма чотырма землями пустыми *ему на вѣчность дали*“.

[3]) Д. и р. т. I, № 63. Подтверждена эта покупка 26 октября 1514 г.

[4]) Наши Д. и р., т I, № 35.

[5]) Д. и р. т., I. № 65.

съ незначительными постройками въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ [1]). Но всѣ эти пріобрѣтенія незначительны.

Не придаемъ мы также значенія пріобрѣтенію Аврамомъ Езофовичемъ въ 1517 г. у вельможной Новойки де Висницe королевскаго имѣнія Солечь, заложеннаго ея предками—польскими королями. Не придаемъ мы значенія потому, что пріобрѣтеніе это не долго остается въ рукахъ Аврама Езофовича, такъ какъ уже въ 1519 г. онъ не титулуется уже больше старостою солецкимъ, а равнымъ образомъ нѣтъ о Сольцѣ ни малѣйшаго воспоминанія и въ духовномъ завѣщаніи Аврама Езофовича. Купчая крѣпость на это имѣніе и теперь въ актахъ Метрики Литовской, слѣдовательно отъ Аврама Езофовича Солецъ перешелъ къ королю. Когда именно и на какихъ условіяхъ,— намъ неизвѣстно. Надо полагать, однако, что прямо отъ Аврама Езофовича, такъ какъ до конца польскаго королевства Солецъ не выходилъ болѣе изъ рукъ казны и уже въ 1530 г. король Сигизмундъ I возобновляетъ старинныя привилегіи Сольца, истребленныя пожаромъ [2]).

Изъ сказаннаго очевидно, что большая часть поземельныхъ имуществъ Аврама Езофовича пріобрѣтена имъ на свои собственныя деньги: королевскія пожалованія ограничиваются гринковскимъ дворцемъ и нѣсколькими пустыми землями къ нему, выморочнымъ домомъ въ Вильно, да „однимъ человѣкомъ“ въ сомилишской волости.

Что касается движимаго имущества, то мы можемъ его почти вовсе не принимать во вниманіе: нѣтъ въ немъ ни дорогихъ цѣпей, жемчужныхъ „брамокъ“, (оплечій), перстней съ драгоцѣнными каменьями, серебряныхъ чашъ артистической работы, злотоглавыхъ одеждъ, собольихъ шубъ и т. п., какъ у

---

[1]) Мы считаемъ дворъ въ Вильнѣ, завѣщанный Константину Аврамовичу, за пустопорожній, потому что Аврамъ Езофовичъ приказываетъ старшему своему сыну Василію (Яну) дать брату 200 копъ гр. „противко своего двора“, (пожалованнаго королемъ на Субочевой улицѣ); нехай Константинъ также дворъ себѣ справить“. Слѣдовательно, дворъ, пожалованный, королемъ стоилъ менѣе 200 копъ гр., а дворъ на Нѣмецкой улицѣ былъ пустъ.

[2]) Baliński Starożytna Polska, т. II, стр. 454.

большинства его знатныхъ современниковъ [1]). Аврамъ Езофовичъ оставилъ по себѣ самое незначительное количество драгоцѣнныхъ вещей. Завѣщанное имъ женѣ серебро состояло изъ дюжины новыхъ ложекъ и 10 старыхъ, 12 чарокъ (роструханцовъ) и двухъ кубковъ, болѣе не было ничего примѣчательнаго, такъ какъ все остальное упомянуто мимоходомъ въ приданомъ дочери (сравнительно небольшомъ—всего 200 к. гр.) и въ доляхъ сыновей. О дебетѣ Аврама Езофовича мы ровно ничего не узнаемъ изъ завѣщанія, несмотря на то, что дебетъ равнялся почти всему кредиту Аврама, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Аврамъ Езофовичъ умеръ въ концѣ 1519 г. [2]).

Аврамъ Езофовичъ оставилъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему—Василію было всего 11 лѣтъ. Въ 1523 году, марта 14, король предписываетъ „князю Яну, бискупу виленскому, принять отъ воеводы подляскаго, Януша Костевича 10,000 червоныхъ злотыхъ“, въ которыхъ было заложено Ковно Авраму Езофовичу, „и тые 10,000 злотыхъ червоныхъ, або въ

---

[2]) Ср. напр., вышеуказанное завѣщаніе Богуша Боговитиновича. Для образчика приведемъ маленькую выдержку изъ имущества маршалка Солтана Александровича. Ограничиваемся реестромъ дорогихъ одеждъ: *шуба* „кунья одамашкою тяжелою (атласомъ) чорною крыта; *шуба* бѣлиная, ѣздячая (дорожная), одамашкою черною крыта. Спорохъ чорного оксамиту на золотѣ;шуба соболья одамашкою червоною крыта съ пугвицами; шуба куних горелъ одамашкою гвоздиковою крыта, съ пугвицами; шуба бѣличья, бурнатнымъ атласомъ крыта, съ тканками. Лѣтникъ оксамиту (бархату) сѣраго съ пугвицами: шуба кунья одамашкою сѣрою крыта; шуба кунья одамашкою черною крыта, съ пугвицами; *шуба* новая *горностайская* голая, съ пугвицами одного золота“.... „сорокъ соболей“ и т. д. Цѣлое состояніе! М. Л. Суд. Д. II, 174 (b).

[1]) Объ этомъ мы заключаемъ: во 1-хъ), что 12 марта 1520 г. Янушъ Костевичъ, явившись къ королю Сигизмунду въ Торнѣ, ходатайствуетъ объ отдачѣ ему въ державу г. Ковно съ волостью, согласно прежнему королевскому обѣщанію, при чемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ упоминается какъ о покойникѣ [Зап. X., 32 (b)]. Во 2-хъ) изъ показаній собственныхъ сыновей Аврама Езофовича, данныхъ ими передъ королемъ въ 1535 г. и не опровергнутыхъ противной стороной, что отецъ ихъ „кгды... оный тостаментъ (1519 г. сентября 28) свой у Берести справилъ и всю волю свою остаточную тамъ описалъ, тогды дей до насъ (короля) къ корунѣ польской былъ поѣхалъ и, недоѣжджаючи тыхъ мѣстъ на Ломазу змарлъ“. (Д. и р; т. I, № 159). Между тѣмъ 11 декабря 1519 г. король Сигизмундъ еще находится; въ *Брестъ*, а 2 февраля 1520 г. даетъ привилей въ Торнѣ (М. Л. Зап. X, 19 (b) bid., 27 (b).

монетѣ, почомъ золотый въ панствѣ нашомъ, в. княжествѣ литовскомъ, идетъ положить въ костелѣ св. Станислава, въ закрыстіи, у Вильни", впредь до совершеннолѣтія Василія Абрамовича. Поручая епископу принять эти деньги, король предписываетъ ему пригласить къ этому пріему и двухъ другихъ душеприкащиковъ, т. е. Кгаштолта и Илинича и вмѣстѣ съ ними опечатать хранилище своими печатями. Дѣлая это распоряженіе, король объявляетъ, что, какъ только Янушъ Костевичъ внесетъ деньги, такъ тотчасъ же будетъ введенъ въ управленіе Ковно, „бо вже досыть станеть привилю нашому, который небожчикъ Аврамъ на Ковенъ мѣлъ" [1]). Черезъ полтора мѣсяца, т. е. 29 апрѣля 1523 г., король посылаетъ изъ Кракова предписаніе виленскому воеводѣ, канцлеру О. М. Кгаштолту, чтобы онъ во время ближайшаго сейма выдалъ маршалку дворному Ю. И. Илиничу 10000 червоныхъ злотыхъ, которые хранятся въ костелѣ св. Станислава въ Вильно, такъ какъ Ю. И. Илиничъ писалъ къ королю и присылалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего зятя Яна (Василія) Аврамовича съ просьбою о выдачѣ этихъ денегъ, такъ какъ Янъ Аврамовичъ, также и невѣста его,—дочь Ю. И. Илинича, уже совершеннолѣтніе. Приказывая выдать деньги, король выражаетъ однако желаніе, чтобы Кгаштолтъ не только взялъ съ Илинича квитанцію за подписью нѣсколькихъ членовъ Рады, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ Илиничъ, на случай собственной смерти или же смерти своей дочери, обезпечилъ эту сумму Яну Аврамовичу залогомъ соотвѣтствующаго количества имѣній или совершенной ихъ уступкой [2]). Очевидно, что король, несмотря на гражданское совершеннолѣтіе Яна Аврамовича (15 лѣтъ), не находитъ еще возможнымъ врученія ему такой огромной суммы. Быть можетъ Ю. И. Илиничъ нашелъ неудобнымъ для себя эти условія, но всего вѣроятнѣе, что извѣстіе о признаніи одного изъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича совершеннолѣтнимъ и о распоряженіи выдать на его руки огромную сумму наличными деньгами подняло на ноги всѣхъ далеко еще неудовлетворен-

---

[1]) М. Л. Суд. Д. IV, 26 (b).

[2]) Д. и р., т. I, № 75.

ныхъ кредиторовъ Аврама Езофовича. Такъ заключаемъ мы по распоряженіямъ короля, адресованнымъ ко всѣмъ членамъ Рады, т. е. на сеймъ въ слѣдующемъ же году [1]).

„Жаловался намъ", говоритъ король, „мытникъ Михель Езофовичъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ, оставшись ему долженъ значительную сумму денегъ за сукно, бархатъ, атласъ и иные предметы, а также и наличными деньгами, въ подтвержденіе чего у него имѣются письменные документы и иныя доказательства, до сихъ поръ не учинилъ ему никакой уплаты". Сверхъ того, Аврамъ Езофовичъ, взявъ въ отсутствіи Михеля сукна, заказанныя въ Познани, поставилъ эти сукна въ счетъ королю. Предписывая Радѣ разобрать основательность требованій Михеля, король относительно послѣдняго долга въ $537^1/_2$ копъ опредѣляетъ, что такъ какъ эта сумма поставлена ему на счетъ, то слѣдовательно отвѣтчикомъ здѣсь является не король, а наслѣдники Аврама Езофовича, на которыхъ и должно быть обращено взысканіе. Въ слѣдующемъ году Михель получаетъ изъ королевской канцеляріи повѣстки для вызова въ судъ („позвы") обоихъ сыновей Аврама Езофовича.

Вѣроятно и другіе кредиторы также предъявляли свои претензіи. Но такъ какъ первымъ кредиторомъ былъ король, и движимое имущество, хранившееся у Аврама въ Вильнѣ въ особомъ помѣщеніи, было частью взято въ казну, частью опечатано, то естественно, что, до опредѣленія и оцѣнки казенныхъ притязаній, распоряженіе короля о выдачѣ 10,000 венгерскихъ червоныхъ злотыхъ было пріостановлено. Подобная пріостановка была тѣмъ болѣе необходимою, что въ то время, какъ завѣщанная часть младшаго сына Аврама Езофовича Константина складывалась главнымъ образомъ изъ долговыхъ требованій на королѣ, завѣщанная часть старшаго сына—Яна слагалась изъ чистыхъ денегъ. Такъ какъ, далѣе, матери ихъ Ганнѣ Васильевнѣ завѣщаны были части изъ доли обоихъ сыновей, то, впредь до разрѣшенія вопроса о количествѣ долговъ, лежащихъ на общей наслѣдственной массѣ, трудно было душеприкащикамъ привести

---

[1]) Д. и р. т. I, № 83, отъ 1524 г.

въ исполненіе и эту часть завѣщанія. Надо полагать, что въ виду этихъ соображеній выдача денегъ была совершенно пріостановлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, измѣнено и мѣсто храненія этихъ денегъ: изъ сакрыстіи св. Станислава деньги переданы на храненіе въ виленскую ратушу, гдѣ онѣ и сохранялись за печатями пановъ Радъ до 1526 г. Въ этомъ году, ноября 7 изъ Кракова король предписываетъ войту, бурмистрамъ и радцамъ г. Вильны, чтобы они выдали „дворянину господарскому, п. Яну Аврамовичу“ 10000 червоныхъ злотыхъ, такъ какъ король убѣдился, „ижъ онъ вже лѣтъ своихъ доросль“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король пишетъ къ воеводѣ виленскому Кгаштолту, чтобы онъ послалъ вмѣстѣ съ Яномъ Аврамовичемъ и сопровождающимъ его королевскимъ уполномоченнымъ двор. Борисомъ Юрьевичемъ „какого либо человѣка добраго“ для присутствія при передачѣ этихъ денегъ. Въ посланіи своемъ король, между прочимъ, говоритъ, что онъ отмѣняетъ свое прежнее предписаніе, въ силу котораго войтъ съ бурмистрами и радцами не должны были отдавать этихъ денегъ иначе, какъ на основаніи королевскаго повелѣнія за собственноручною подписью. Поэтому, какъ только къ нимъ явится Янъ Аврамовичъ съ королевскимъ дворяниномъ и посланнымъ отъ воеводы лицемъ, то они должны вручить ему упомянутые выше деньги, а отъ него взять росписку за его печатью, которую и сохранить вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ впредь до востребованія [1]). На этотъ разъ, надо полагать, Яну Аврамовичу удалось, наконецъ, получить завѣщанныя деньги, такъ какъ намъ не удалось встрѣтить о нихъ дальнѣйшихъ упоминаній. При раздѣлѣ наслѣдства Ю. И. Илинича въ 1526 г., Янъ Аврамовичъ покупаетъ половину Шерешева; сверхъ того, въ слѣдующемъ 1527 году король, по ходатайству Кгаштолта, даетъ Яну Аврамовичу въ державу дворъ Утень [2]), а такого рода пожалованіе, какъ мы знаемъ, не могло обойтись безъ значительнаго „челобитья“.

---

[1]) М. Л. Зап. XIV, 279.

[2]) М. Л. Зап. XII, 357, отъ іюля 11, и то же болѣе подробно f. 368, отъ сентября 11, г. 15.

Однако полученныхъ Яномъ Аврамовичемъ денегъ оказалось далеко недостаточно для покрытія всѣхъ выпавшихъ на его долю долговыхъ обязательствъ, такъ какъ 29 марта 1530 г. король Сигизмундъ, обращаясь къ „князьямъ, панамъ, земянамъ, и дворянамъ, и мѣщанамъ, и жидовѣ, и всѣмъ тѣмъ, которымъ будетъ осталъ виненъ пенязи и иными речи небощикъ п. Аврамъ Езофовичъ“, говоритъ, что Янъ Аврамовичъ, не имѣя чѣмъ заплатить этихъ долговъ, ходатайствовалъ уже раньше объ отсрочкѣ до перваго февраля, но и въ этотъ срокъ не могъ разсчесться съ своими кредиторами. Склоняясь на просьбу Яна Аврамовича, а также въ виду того, что у него не окончены еще разсчеты и съ казною, король отлагаетъ срокъ уплаты до праздника Вознесенія Христова въ этомъ же 1530 году.

Если мы припомнимъ теперь, что имущество Константина Аврамовича состояло только изъ долговыхъ требованій на королѣ, то станетъ само собою понятно, что и его наслѣдственная доля должна была значительно пострадать. Этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, объяснить тѣ факты, что Янъ Аврамовичъ, женатый на дочери Ю. И. Илинича и едва ли получившій за нею значительное приданое, принужденъ вмѣстѣ съ женой продать въ 1536 г. марта 12 [1]) за 2000 копъ гр. имѣніе Шерешевъ, такъ какъ для службы государевой и для своихъ нуждъ Яну Аврамовичу пришлось заложить *всѣ свои имѣнія*, т. е. войтовство берестейское, дворъ Корницу и имѣніе Вистичи, не говоря о томъ, что онъ съ женою „на записи... остали винни многую сумму пенязей, якъ *христіянамъ, такъ и жидовѣ*“.

Дѣла Константина Аврамовича были не въ лучшемъ положеніи. И дѣйствительно, въ 1536 г. іюня 25 король разсматриваетъ жалобы князя Юрія Сем. Слуцкаго, что Константинъ Аврамовичъ заложилъ ему въ 700 копъ гр. имѣніе свое Новый Дворъ, которое, по его увѣренію, было выслужено Аврамомъ Езофовичемъ у короля „на вѣчность“, а теперь отказывается уступить ему это имѣніе. Въ виду того, что Константинъ Аврамовичъ представилъ грамоту, изъ которой оказалось, что этотъ

---

[1]) М. Л. Пуб. Д. XXVIII, В. 38.

дворъ заложенъ его отцу въ 1000 червоныхъ злотыхъ, и что королева Бона, съ согласія короля уплативъ Константину Аврамовичу эту сумму, присоединила Новый Дворъ къ своимъ имѣніямъ; князь Слуцкій ходатайствовалъ у короля, чтобы ему было дозволено „на имѣнія (Константина Аврамовича) шперовати", т. е. „на войтовство его минское и на домъ мурованный въ мести виленскомъ", а равно и на его движимость.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, за погашеніемъ отцовскихъ долговъ, у сыновей Аврама Езофовича остались только недвижимыя имѣнія. Обремененіе этихъ имѣній долгами происходило уже не для разсчета съ кредиторами, но, какъ выражается самъ Янъ Аврамовичъ, для „службы государевой и для своихъ нуждъ".

Если мы опредѣлимъ теперь стоимость этой недвижимости, то для насъ явится возможность сказать, что дѣйствительно было пріобрѣтено Аврамомъ Езофовичемъ въ періодъ его подскарбской дѣятельности. Обращаясь къ „тостаменту" Аврама Езофовича, мы видимъ, что онъ завѣщалъ своему старшему сыну: 1) войтовство берестейское, купленное у п. Ивана Сопеги вмѣстѣ съ прикупленными къ нему самимъ Аврамомъ землями, 2) дворъ Жерославку съ Глодковицкимъ дворцемъ и съ пашнею, купленною у Б. Конюскаго, 3) домъ въ Вильнѣ.

Войтовство берестейское было пріобрѣтено въ 1512 г.[1]) Ив. Сопегою у „благороднаго Павла Чорнаго де Витовиче" за 4000 червоныхъ злотыхъ и перепродано Авраму Езофовичу въ 1515 г. за неизвѣстную намъ сумму, но, вѣроятно, не менѣе, какъ за 4000 чер. зл., такъ какъ Сопега не былъ въ нуждѣ. Жерославка пріобрѣтена у Ивана Кобакова за 1000 копъ гр. Цѣнность остальныхъ мелкихъ имѣній намъ въ точности неизвѣстна, но всѣ они не превосходили 1000 копъ гр. такъ какъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ видно, что Янъ Аврамовичъ заложилъ свое наслѣдственное имѣніе Корницу, дворъ Буяки и войтовство берестейское за 4,000 съ чѣмъ то копъ грошей[2]).

---

[1]) М. Л. Зап. VII, 556.

[2]) М. Л. Зап. XLIV, 75.

Младшій сынъ Аврама Езофовича—Константинъ получилъ: 1) Новый Дворъ, 2) Гринковскій дворъ, 3) войтовство минское съ людьми Шеничами, 4) фольварокъ подъ Вильною—Азднишки, 5) мѣсто въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ.

Новый Дворъ стоилъ 1000 венгерскихъ злотыхъ, такъ какъ въ этой суммѣ перешелъ къ Авраму Езофовичу отъ Ив. Сопеги. Минское войтовство и домъ въ Вильнѣ стоили около 1000 копъ гр., такъ какъ князь Слуцкій получилъ право для обезпеченія взысканія въ 700 к. гр. наложить запрещеніе на эти имущества. Гринковскій дворецъ стоилъ около 1000 копъ грошей. Такъ мы думаемъ потому, что Аврамъ Езофовичъ для уравненія наслѣдственной части Константина съ частью Василія нашелъ нужнымъ приписать Константину 1000 копъ гр. наличными. А такъ какъ недвижимость въ наслѣдственной долѣ Василія равнялась 4000 копъ гр. съ небольшимъ, то, присоединивъ приблизительно цѣнность фольварка Азднишекъ къ общей стоимости недвижимаго имущества Константина, мы получимъ около 3000 копъ гр.

Такимъ образомъ все недвижимое имущество Аврама Езофовича стоило не болѣе 7 или же 8000 копъ грошей.

Если мы припомнимъ, что нѣкоторыя изъ недвижимыхъ имѣній, какъ напр., войтовство минское, имѣнье Войдуны, Валютина гора и другія принадлежали Авраму Езофовичу еще въ царствованіе Александра, что король Сигизмундъ пожаловалъ Езофовичу только домъ въ Вильнѣ, да нѣсколько незначитильныхъ землицъ, затѣмъ, если мы припомнимъ, что капиталъ Аврама Езофовича въ 1507 году простирался до 5,000 к. гр., то окажется, что за все время управленія государственнымъ казначействомъ Литвы Аврамъ Езофовичъ увеличилъ свое состояніе на какую нибудь 1000 к. грошей. Такимъ образомъ огромныя суммы, которыя должна была казна Авраму Езофовичу, оказались полученными въ кредитъ отъ разныхъ лицъ. Ликвидація показала, что счеты Аврама Езофовича были въ полномъ порядкѣ: занятыя суммы были покрыты наличными деньгами, товарами и т. д., а наслѣдственный капиталъ Аврама, значительно увеличенный имъ еще до вступленія въ должность подскарбія земскаго, оказался обращеннымъ въ недвижимыя имѣнія. Если

капиталъ Аврама Езофовича и можно считать незначительно увеличившимся за десятилѣтнее управленіе казною в. княжества, то увеличеніе это произошло во 1-хъ отъ доходовъ, поступавшихъ по старинному обычаю въ пользу подскарбія при взиманіи податей, во 2-хъ отъ поступленія въ его пользу нѣкоторыхъ таможенныхъ сборовъ, напр., „обѣстки“, а равно отъ шедшей въ его пользу половины „промыта“, т. е. арестованной контрабанды и т. д., въ 3-хъ отъ обращенія въ пользу Аврама Езофовича доходовъ съ заложенныхъ ему великокняжескихъ имѣній, т. е. Ковно съ волостью и Новаго Двора и, наконецъ, съ 4-хъ отъ нѣкоторыхъ торговыхъ операцій, какъ напр. вывоза заграницу воска, поставки для казны суконъ и т. п. Доходы со всѣхъ этихъ предметовъ были, однако, настолько незначительны, что въ очистку давали круглымъ числомъ въ годъ всего около 100 копъ грошей. Поэтому, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ государственнаго казначейства, Аврамъ Езофовичъ руководился не своими частными выгодами, а интересами в. князя.

Какъ государственный казначей Аврамъ Езофовичъ считалъ своею обязанностію удовлетворить, въ предѣлахъ возможности, всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Обративъ первоначально на удовлетвореніе этихъ нуждъ весь свой наличный капиталъ, онъ организуетъ вслѣдъ за тѣмъ постоянное участіе капиталистовъ въ операціяхъ государственнаго казначейства. Какъ и на какихъ условіяхъ получалъ деньги Аврамъ Езофовичъ, мы не знаемъ, но для насъ достаточно того обстоятельства, что кредитъ, открытый при посредствѣ Аврама Езофовича литовской казнѣ, равнялся половинѣ годоваго дохода в. княжества. Весьма знаменательный фактъ! Въ то время, какъ самъ в. князь съ трудомъ успѣваетъ занять какую нибудь сотню—другую копъ грошей, которую сейчасъ же и предписываетъ уплатить изъ государственнаго казначейства, подскарбій в. князя занимаетъ тысячи копъ грошей и кредиторы ждутъ уплаты съ замѣчательнымъ терпѣніемъ.

Мы видѣли, что Аврамъ Езофовичъ не могъ обойтись безъ кредита, потому что в. князь въ теченіи почти 10 лѣтъ (съ 1507—1516) не возвращаетъ занятыхъ у Аврама 5000 копъ гр.,

а затѣмъ въ возмѣщеніе долга закладываетъ ему Ковно съ волостью. Конечно, отъ пріема въ залогъ Ковно Аврамъ Езофовичъ не только ничего не терялъ, но прямо выигрывалъ, какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и въ процентахъ на свой капиталъ, но отъ обезпеченія имущественныхъ правъ Аврама Езофовича ничего не выигрывала казна в. княжества: она по прежнему нуждалась въ крупныхъ наличныхъ суммахъ. Поэтому единственнымъ средствомъ спасенія являлся кредитъ. Понятно само собой, что, организуя правильное удовлетвореніе нуждамъ государственнаго казначейства, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ самымъ упрочивалъ и свое личное служебное положеніе. Однако свои личные интересы Аврамъ Езофовичъ никогда не ставилъ на первый планъ: онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою службу, жертвуя своими личными выгодами выгодамъ в. князя, — какъ въ 1507 г. онъ отказывается отъ реализаціи въ свою пользу убыточныхъ для казны откуповъ, такъ точно въ 1519 г. онъ поступается в. князю обезпеченіемъ своихъ долговъ на брестской таможнѣ, предпочитая в. княжеское слово солидному реальному обезпеченію. Приведенные нами факты отреченія Аврама Езофовича отъ своихъ выгодъ въ пользу в. князя не могутъ быть объяснены никакимъ инымъ мотивомъ, кромѣ личнаго уваженія къ в. князю, такъ какъ Сигизмундъ I строго держался разъ даннаго имъ обѣщанія:—не отнимать безъ вины должностей, и если крайняя нужда заставляла его отступить отъ этихъ началъ, то дѣлалъ онъ это не иначе, какъ возмѣщая претерпѣвшему наносимый ему вредъ.

Поэтому то мы въ правѣ заключить, что руководящимъ принципомъ служебной дѣятельности Аврама было то исконное уваженіе и преданность в. князю, которыя составляютъ основныя черты литовско-русскаго населенія въ XVI в. Крестьяне показываютъ на судѣ правду „боячись Бога и господаря великаго князя“ [1]). „Земли“, не входя ни въ какія разсужденія, остаются вѣрны тому князю, „который сидитъ на Вильнѣ и на

---

[1]) М. Л. Зап., VI, 530.

Трокахъ" [1]). На люблинскомъ сеймѣ 1569 г. большая часть литовской знати даетъ свое согласіе на унію лишь потому, что того желаетъ в. князь.

Аврамъ Езофовичъ въ правѣ былъ произнесть тѣ же слова, которые вырвались изъ самаго сердца у одного изъ его душеприкащиковъ, знаменитаго Ольбрахта Мартыновича Кгаштолта: „лучше мнѣ потерять все мое имущество, чѣмъ милость в. князя!" [2]).

С. А. Бершадскій.

---

[1]) Ак. З. Р., т. II.

[2]) М. Л. С. Д., III, 231. Слова О. М. Кгаштолта: „кажете ли ми, Ваша Милость, Господарю, и остатокъ отчизны вѣрно выслуженное вступити, я и то на росказаніе Вашое милости Господарское радъ, хочу выступити, только што быхъ мерзячки В. М. панское на собѣ не мѣлъ, *бо я, Господарю, большей собѣ важу ласку Вашой милости панскую, нежли все то, што маю*".

ФАТАЛЬНАЯ ВДОВА.

(Уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ).

Народная словесность давно уже признается однимъ изъ зеркалъ, если не самымъ яркимъ зеркаломъ народной души. Однакожъ нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время общественная наука уже достаточно воспользовалась этимъ зеркаломъ для своихъ цѣлей. Особенно рѣдки изслѣдованія правовыхъ понятій различныхъ народныхъ массъ на основаніи матеріала, представляемаго народной словесностью. А между тѣмъ этотъ матеріалъ далъ бы не мало поучительнаго даже и для юриста.

Изъ племенъ, населяющихъ Россію, племя украинское принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ народной словесностью, въ особенности пѣснями. Музыкальное и вообще эстетическое значеніе этихъ пѣсенъ давно уже оцѣнено и любителями, и спеціалистами. Не мало есть ученыхъ работъ и объ историческомъ значеніи украинскихъ пѣсенъ. Но, быть можетъ, главное достоинство этихъ послѣднихъ представляетъ богатство и отчетливость психологическаго анализа, часто дѣлающія эти простенькія мужицкія пѣсенки образчиками художественнаго реализма; только вдумываясь въ нихъ, поймешь, почему на родинѣ этихъ пѣсенъ выросъ преобразователь русской беллетристики, великій реалистъ Гоголь. Между другими положеніями души человѣческой украинская народная пѣсня останавливается и на преступ-

леніяхъ и иногда очень ярко освѣщаетъ ихъ психологическую основу и обстановку.

Мы выбираемъ для настоящаго этюда одну подобную тему и, чтобы вскрыть весь реализмъ обработки ея въ украинской народной пѣснѣ, начнемъ съ того, что изложимъ конкретный уголовный случай, который разбирался въ концѣ 1884 г. передъ судомъ присяжныхъ въ г. Литинѣ, подольской губ., и которому посчастливилось найти толковаго референта въ мѣстной газетѣ („Заря“ 1885, № 5 фельетонъ).

Лѣтъ тому десять,—разсказываетъ этотъ референтъ,—Семенъ Деркачъ (крестьянинъ с. Мальчевцы, литинскаго уѣзда), лѣтъ 25-ти, отбывъ воинскую повинность, возвратился въ свое родное село. Отца у него уже не было, и онъ поселился въ семьѣ своего старшаго брата. Этотъ братъ и сестра Михалина Собкова стали совѣтовать Семену обзавестись семействомъ и начать „хазяинуваты“. Семенъ былъ полонъ силъ и пригожъ. Стройный, высокаго роста, брюнетъ съ карыми глазами; черты лица выразительныя и довольно правильныя. Сынъ „заможной“ семьи, получивъ отъ брата половину отцовскаго грунта, онъ легко могъ бы сыскать себѣ невѣсту „по своій воли, по своему серцю“, но братъ и сестра настаивали на скорѣйшей женитьбѣ, и въ одно воскресенье братъ отправляется съ нимъ на сосѣдній хуторъ къ лѣснику, человѣку небогатому, но пользовавшемуся почетомъ и имѣвшему 16-ти лѣтнюю дочь красавицу. Дѣвушка понравилась Семену, и онъ тутъ же посватался за нее. На выборъ повліяло и то соображеніе, что молодая Варка, выросшая въ лѣсной глуши, вдали отъ села, въ честной семьѣ, не знавшая еще любви, по всѣмъ соображеніямъ должна была быть честной и хорошей женой. Молодые скоро обвѣнчались, и жизнь ихъ потекла спокойнымъ обыденнымъ ручьемъ.

Однажды въ праздничный день Варка отправилась къ отцу въ гости, но тамъ и осталась, не обнаруживая намѣренія вернуться. Она не жаловалась на мужа, но его требованіе вернуться

домой и совѣты отца исполнила неохотно. Подобные уходы къ отцу повторялись нѣсколько разъ безъ особыхъ видимыхъ причинъ. Семенъ былъ человѣкъ тихій, уживчивый, не пьяница и хорошій работникъ. Что было между супругами—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ они были болѣе холодны одинъ къ другому, чѣмъ этого можно было ожидать въ такой молодой и красивой парѣ. Взаимное охлажденіе дошло до того, что послѣ полуторагодичнаго совмѣстнаго сожительства, Семенъ пошелъ на службу къ помѣщику, а Варка окончательно поселилась у отца. У помѣщика служила жена солдата, пропадающаго гдѣ то на службѣ, Ксенія Шевчукова. Двумя годами старше Семена, съ двумя дѣтьми, неуклюжая и некрасивая, Ксенія казалась старѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Полюбилась она, однако, Семену, и вскорѣ они сошлись.

Прошло много времени. Связь Семена съ Ксеніей закрѣпилась рожденіемъ дочери,—какъ вдругъ послѣ пяти лѣтъ разлуки Семена съ Варкой, отецъ этой послѣдней, не видя конца службы Семена у помѣщика, началъ настаивать на томъ, чтобы зять опять сошелся съ законной женой. Въ этомъ дѣлѣ главное участіе принялъ братъ Семена; онъ даже привлекъ брата на судъ громады, которая пригрозила Семену, что если онъ не броситъ развратной жизни, не возвратится къ законной женѣ, то за порочную жизнь сошлютъ его въ Сибирь. Братъ грозилъ, что, если онъ не послушаетъ громады, то не отдастъ ему половины отцовской земли. Какъ ни упирался Семенъ, въ концѣ концевъ повели его и Варку къ священнику на увѣщаніе. Кончилось тѣмъ, что Семенъ бросилъ службу и поселился вновь съ женою въ хатѣ сестры Собковой, занявъ одну ея половину.

Дѣло было весною, въ началѣ апрѣля 1884 года. На помирившуюся пару мало кто обращалъ вниманія: всѣ заняты были спѣшной работой. Подъ наружнымъ спокойствіемъ, миромъ и согласіемъ супруговъ скрывалась серьезная драма, какую трудно

и подозрѣвать въ средѣ простыхъ, грубыхъ, почти первобытныхъ людей. Страсть у малоросса-крестьянина безспорно притупляется тяжелымъ трудомъ и бѣдностью, но она въ немъ живетъ и подчасъ проявляется совсѣмъ необычно и непонятно для посторонняго глаза. При всѣхъ данныхъ для счастливой супружеской жизни, ни привычка, ни обязанность не замѣнятъ любви. Малорусская пѣснь—это зеркало души народной, въ слѣдующей картинѣ рисуетъ намъ подобныхъ Семену и Варкѣ супруговъ:

Ой пиду я лужкомъ, лужкомъ,
Де мій мылый оре плужкомъ.
Тамъ мій мылый плужкомъ оре,
Чомъ до мене не говорыть?
Понесу я ёму йісты,
Чы не скаже мени систы.
Понесу я ёму пыты,
Чы не буде говорыты.
И наився, и напывся,
Тай самъ соби зажурывся.
Тай сивъ соби, тай думае,
Що нелюбу жинку мае.
Було въ ночи не свататы,
Було людей роспытаты,
Чы хороша, чы вродлыва,
Чы робоча, чы линыва.
Ой хороша, и вродлыва
И робоча, не линыва.
И хороша, и прекрасна,
Тильки долечка нещасна.

Если Варка любила выливать въ пѣснѣ свою грусть-тоску, ей непремѣнно должна была приходить на память эта грустная подольская пѣсня, по крайней мѣрѣ, она нѣсколько разъ жаловалась Собковой, что Семенъ грустить, отворачивается отъ нея, а иногда въ постели безъ всякой причины плачетъ. „Винъ не

сварыться", говорила Варка, „не бье мене и не лае, але й добраго слова я видъ нёго не чую". Ночью случалось нѣсколько разъ, что Семенъ выходилъ изъ хаты и возвращался только передъ свѣтомъ. Куда онъ ходилъ, никто не знаетъ, но надо думать, что онъ навѣщалъ Ксенію.

Два мѣсяца протекло такой жизни, грустной, тяжелой, но спокойной тѣмъ грознымъ спокойствіемъ, какое замѣчается передъ грозой. Такая гроза разразилась надъ Варкой ночью на 22-е іюня. Вечеромъ супруги возвращались мирно съ работы на свекловичной плантаціи. Пришли домой, поужинали и легли спать на общихъ нарахъ. Варка замѣтила, что Семенъ въ этотъ вечеръ былъ грустнѣе обыкновеннаго. Теперь онъ по обыкновенію отвернулся къ стѣнѣ и тихо плакалъ. На вопросъ жены, что съ нимъ, — отвѣта не было. „Я знала, що це така ёго звычка и заснула". Далѣе картину этой ночи можемъ прослѣдить изъ признаній Семена Деркача.

Когда громада заставила меня сойтись съ женою, Ксенія нѣсколько разъ говорила мнѣ, „щобъ я де заподивъ Варку". Ничего другого придумать я не могъ, какъ убить ее. Эта думка долго меня мучила, особенно въ этотъ вечеръ, и я заснуть не могъ. Когда жена крѣпко уснула, я не могъ спокойно лежать и выбѣжалъ на дворъ, въ сарай. Тамъ была у меня бутылка съ водкой; я выпилъ ее для храбрости. Вернувшись въ хату, я снялъ висящую надъ нарами жердь съ одежой и бросилъ ее на печку,—она мѣшала мнѣ размахнуться,—схватилъ макогонъ и нанесъ женѣ четыре, кажется, удара по головѣ, но когда услышалъ ея крикъ, меня охватилъ ужасъ, и я въ одной рубахѣ выбѣжалъ изъ хаты и встрѣтилъ въ сѣняхъ сестру Собкову. Собкова дѣйствительно тоже услышала крикъ Варки „ой!" и вышла въ сѣни. Одновременно на встрѣчу ей выскочилъ Семенъ и, на вопросъ сестры, чего Варка кричала, отвѣтилъ, что она больна. Собкова вошла въ хату Семена со свѣчою и, увидавъ окровавленую Варку, испугалась и побѣжала звать сосѣда Чор-

наго. Войдя съ нимъ вторично къ Варкѣ, увидѣла ее сидящею въ одной рубахѣ на нарахъ съ окровавленною головою. Варка успѣла проговорить только: „що ся зо мною робыть?“ и упала безъ чувствъ на нары, на которыхъ лежалъ окровавленный макогонъ. Пролежала она въ безсознательномъ состояніи три дня. Врачъ нашелъ у нея на головѣ четыре проникающія до кости раны, одну на макушкѣ, а три въ области лѣваго лобнаго бугра. Раны оказались тяжелыми и грозящими опасностью жизни, но здоровая Варка вынесла ихъ и въ два мѣсяца совершено оправилась.

Выбѣжавшій послѣ нанесенія ударовъ Семенъ въ одной сорочкѣ отправился къ хатѣ, въ которой жила Ксенія, постучалъ въ окно и вызвалъ ея 16-ти лѣтняго сына Стратія; не объясняя ему причины своего появленія безъ одежи, онъ потребовалъ штановъ и шапки. Одѣвшись, онъ отправился въ лѣсъ. Блуждалъ онъ въ лѣсу цѣлый день. На слѣдующее утро, если вѣрить его разсказу, Семенъ направлялся въ волостное правленіе съ повинною; но, узнавъ отъ кого то дорогою, что Варка осталась въ живыхъ, онъ вернулся домой. Крестьяне замѣтили его, когда онъ уже вышелъ изъ лѣсу и направлялся въ деревню, и здѣсь его задержали безъ всякого сопротивленія. Семенъ сразу далъ чистосердечное сознаніе, оговаривая въ подстрекательствѣ Ксенію. Оговоръ этотъ отчасти подтвердился показаніемъ сына Ксеніи Стратія Шевчука. Мальчикъ разсказалъ, что, возвращаясь вечеромъ 21 іюня съ работы вмѣстѣ съ Семеномъ и замѣтивъ, что онъ очень грустенъ, спросилъ его, что съ нимъ. На это Семенъ сказалъ, что ему такъ горько, что онъ готовъ или кого нибудь убить, или на себя наложить руки; если Стратій не разскажетъ, то онъ сообщитъ ему причину ґрусти. Стратій пообѣщалъ ему держать въ тайнѣ все сказанное, и тогда Семенъ сказалъ, что мать его Ксенія подговариваетъ его убить Варку.

Такова фактическая сторона дѣла. На судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ, Семенъ держалъ себя совершенно апатично, вяло.

Онъ больше обращалъ вниманіе на двухнедѣльнаго ребенка Ксеніи, котораго держалъ на рукахъ, въ то время, какъ Ксенія кормила другаго. Двѣ недѣли до суда Ксенія родила въ тюрьмѣ двойни — дѣвочки, которыя Семенъ, на вопросъ предсѣдателя, призналъ своими дѣтьми. Ксенія Шевчукова, малорослая, некрасивая, съ грубыми чертами, не признала себя виновною, возилась все время съ дѣтьми и часто всхлыпывала. Не менѣе безучастно относилась къ дѣлу и потерпѣвшая Варка Деркачева. Это стройная, высокого роста блондинка, съ большими голубыми глазами, весьма красивыми и правильными чертами, полная жизни и здоровья. Только широкій красный шрамъ на лѣвой сторонѣ лба и на лѣвомъ вискѣ, теряющійся въ свѣтлыхъ волосахъ, напоминаетъ зрителю, что эта красавица полгода тому назадъ была жертвой кровавой драмы. Теперь она съ испугомъ и удивленіемъ, но спокойно смотрѣла на судъ, мало сознавая, что на немъ происходитъ. Всѣ свидѣтели безъ исключенія удостовѣрили, что супруги Деркачи люди честные, примѣрные, хорошіе работники. Ссоръ и дракъ между ними не было. Варка и во время пятилѣтней разлуки съ мужемъ вела себя честно. Свидѣтели ничѣмъ инымъ не могутъ объяснить ихъ супружескаго несогласія, какъ только „чарами“. Безъ этого Семенъ не бросилъ бы молодой, красивой и примѣрной жены для некрасивой Ксеніи, которая старше его двумя годами и обременена дѣтьми. Бросивъ Варку, онъ лишался грунта и долженъ былъ пропадать на службѣ. Ксенія, вѣроятно, дала ему чего нибудь или выпить, или съѣсть. Такое убѣжденіе сложилось, по всей вѣроятности, и у большинства присяжныхъ, среди которыхъ было десять крестьянъ. Они признали Семена виновнымъ въ покушеніи на убійство жены съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, а Ксенію въ томъ, что, состоя съ Семеномъ въ любовной связи, просьбами и убѣжденіями склоняла его на это преступленіе, но смерть Варки не послѣдовала по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіи этого вердикта, судъ при-

говорилъ Семена и Ксенію, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ на заводахъ: перваго на 5 лѣтъ, а вторую на 6 лѣтъ. Приговоръ не произвелъ впечатлѣнія на подсудимыхъ. Варка выслушала его, ничего не понимая. Когда кто то подошелъ къ ней и сказалъ, что мужъ ея ссылается въ каторгу, и она можетъ выйти замужъ за другаго, слезы градомъ покатились изъ ея глазъ, и она стала машинально, безъ словъ, креститься".

Подобныя драмы, вѣроятно, имѣютъ корень въ тайникахъ физіологической стороны натуры человѣческой, въ законахъ темпераментовъ, еще не изслѣдованныхъ науками. Покамѣсть остается только констатировать подобныя „несчастія" да наблюдать ихъ психологическія проявленія.

Между прочимъ это уже давно дѣлаетъ устная, или народная украинская словесность. Обзоръ нѣсколькихъ пѣсенъ такого рода покажетъ, что въ процессѣ Деркача наблюдатель имѣетъ дѣло не съ исключительнымъ, такъ сказать беззаконнымъ, явленіемъ, но дѣйствительно съ бытовою картиною, хотя, конечно, и съ рѣдкою.

Есть одна украинская пѣсня, которая вполнѣ представляетъ типъ случая съ Деркачемъ. Она принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ. Нѣсколько варіантовъ ея напечатано въ сборникѣ *Костомарова* изъ волынской губ. (*въ Малор. сборникѣ Мордовцева*, 1859, 208, перепечатана у *Чубинскаго Труды экспедиціи* и пр. V, 629—630) у *Головацкаго, Народ. пѣсни Галицкой и Угорской Руси*, I, 56 и III, 238—239). У насъ есть нѣсколько неизданныхъ варіантовъ, записанныхъ на пространствѣ отъ Подоліи до Дона. Всѣ эти варіанты вмѣстѣ превосходно рисуютъ психологическія подробности страшной коллизіи.

Существенныя черты всѣхъ ихъ въ сжатомъ видѣ представляетъ варіантъ, записанный въ г. Острогѣ волынской губ. А. В. Марковичемъ, мужемъ г-жи Марко-Вовчекъ, собиравшемъ

пѣсни въ 50-ые годы. Варіантъ этотъ можно считать за основной, наиболѣе близкій къ первоначальному. Вотъ онъ:

Прійшовъ Якимъ до вдовонькы:—Помагай Би, серце!
Вона ёму одказуе: забый жинку перше!

Навчы жъ мене, удовонько, якъ жинку забыты?
Моя жинка, якъ ластивка, будыть ся просыты.

Не уважай, Якымуню, на йийі прозьбоньку,
Забый косу въ колодочку, да и бый въ головоньку.

—„Навчыла мя, удивонька, якъ жинку забыты,
Навчы, навчы, мое серце, де йийі подиты?"

Ой вывезы въ чысте поле, скажы, що здурила,
Въ чыстимъ поли стижокъ спалы, скажы, що згорила!

Прыйшла сусидонька изъ третійі хаты,
Пытаеться малыхъ дитей: „а де ваша маты?"

—Пойихала наша маты до роду въ гостыну,
Забулася, покынула малую дытыну.

Закувала зозуленька на вышневому пруті;
Ведуть, ведуть Якымунька въ зализному пути [1]).

Прыйшовъ Якымъ до корчомкы: помогай Би, (люде)
Черезъ дурну удивоньку бида мыни буде.

Прыйшовъ Якымъ до шынкаркы: дай кварту горилкы:
Черезъ дурну удивоньку позбулымся жинкы! [2]).

Варіантъ Костомарова добавляетъ трогательную просьбу жены, (которая тутъ названа „молоденькою") передъ началомъ преступленія:

„Не вважаешъ, Якымоньку, на мя молодую,
Да вважай же, Якымоньку, на дытыну малую!"

---

[1]) Кажется, что этимъ двумъ стихамъ слѣдовало бы стоять въ концѣ. Но народная пѣсня иногда торопится высказать финальную кару.

[2]) Тутъ пѣсня, кажется, намекаетъ, что фатальная вдова-шинкарка, что прямо говорится въ другомъ варіантѣ, который приведемъ дальше. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что Якимъ тутъ же передъ виновницей и сельчанами самъ признается въ преступленіи.

Въ первомъ,—болѣе интересномъ, варіантѣ Головацкаго вдовѣ приданъ болѣе демоническій характеръ. Она говоритъ:

„Я забыла чоловика, а ты забый жинку,
Обойе сьмо молоденьки, пидемъ на вандривку".

Но своего рода леди Макбетъ, вдова этого варіанта не выдерживаетъ—и, послѣ преступленія, ужасается ласкъ убійцы-любовника. Женѣ передъ убійствомъ приданъ здѣсь еще болѣе трогательный характеръ:

Катерынка, якъ зозулька, взялася просыты:
—„Не жаль же ми, Якымоньку, що мъ ся не набула,
Тилькы ми жаль, Якымоньку, що'мъ ти щыра була.
Не жаль же ми, Якымоньку, що'мъ ся не нажыла,
Тилькы ми жаль, Якымоньку, що мала дытына".

Душевное состояніе мужа-убійцы разработано въ этомъ варіантѣ слѣдующимъ образомъ:

Прыйшовъ Якымъ до домоньку, та сивъ у куточку.
—„Нема жъ мойій Катерыны выпраты сорочку!"
Прыйшовъ Якымъ до домочку, сивъ си конець стола.
Нагадавъ си Катерыну, ажъ му тече съ чола.
Пишовъ Якымъ до вдивонькы, ставъ наказоваты,
Не дайеся Марысенька лычка циловаты.
Прыйшовъ Якымъ до корчмонькы, напывся горилкы,
Выкрыкае на Марусю: „збавыля'сь мы жинкы".

На этомъ варіантъ оканчивается, не интересуясь вопросомъ о судебномъ наказаніи за преступленіе.

Шесть другихъ, имѣющихся у насъ неизданныхъ варіантовъ (изъ степныхъ мѣстностей) усложняютъ положеніе, вводя на сцену и мать убитой, или лучше, тяжко раненой (какъ Варка въ процессѣ Деркача) молодой женщины. Обѣимъ этимъ женщинамъ всѣ эти варіанты, кромѣ одного, приписываютъ умилительно незлобное отношеніе къ преступленію, какъ къ несча-

стію, о которомъ въ двухъ варіантахъ умирающая жена не хочетъ даже говорить на исповѣди съ священникомъ, очевидно, чтобъ не выдать страшной правды. Вотъ болѣе подробный варіантъ изъ харьковской губерніи, богодуховскаго уѣзда, сл. Мирафы, записанный неутомимымъ собирателемъ г. Ив. Манджурою отъ женщины:

А въ Якивця молодого
Кареренькійі очи,
Прыйшовъ Якивцю до Галютыны
Темненькои ночи
Тай на ногу наступае.
А Галютына, якъ сыва голубка,
Стала говорыты:
—„Убый, убый, Якивцю, свою жинку,
Буду съ тобою жыты“.
Прыйшовъ Якивцю та до дому
Зачавъ жинку быты,
Передъ нымъ жинка, якъ сыва голубка,
Стала говорыты:
—„Не жаль мени, серце Якивцю,
Шо хороша, вроддыва, [1])
А жаль мени, серце Якивцю,
Шо доленька нещаслыва.
Не жаль мени, серце Якивцю,
Шо я молодая,
А жаль мени, серце Якивцю,
Шо дытына малая!
А на рычци на дубовый кладци,
Прыйшла, прыйшла йійі маты
Та билого бильля праты,
А сусидочкы та добрійі люде
Сталы йій говорыты:
—„Годи жъ тоби, та старая маты,

[1]) Подразумѣвается: умираю.

Свого платтяпраты,
Иды, иды та свою дочку
На смерть наряжаты".
Прыйшла ненька изтыхенька,
Та дывыться въ виконце:
Лежыть йійі дочка люба,
Лычкомъ проты сонця.
—Ой диты мойі та любыми,
А що це вы наробылы?
На що це вы малыхъ дитокъ
Тай посыротылы?! [1])
А въ неділю рано пораненько
Та всі дзвоны задзвонылы,
То жъ Якивця молодого
Въ зализа забылы.
Отъ Галытыны та до острожка
Втоптана дорожка:
—Усыпъ, усыпъ, шынкарко Галюто,
Хоть пивкварты горилкы.
Черезъ тебе тепера, Галютыно,
Я лышывся жинкы.
Усыпъ, усыпъ, шынкарко Галюто,
Хочъ пивкварты пыва,
Черезъ тебе, Галютыно,
Моя жинка не жыва.

Другой варіантъ, записанный тѣмъ же собирателемъ въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губ. (отъ женщины), рѣшается нарисовать, хоть очень коротко (характерная особенность украинскихъ пѣсенъ), картину самого убійства:

Якъ ударывъ то винъ разъ,
Вона похылылась;

[1]) Не можемъ удержаться отъ восклицанія: какая это прелесть по художественности и человѣчности вся эта картина появленія матери!

Якъ ударывъ винъ удруге,
Зъ билыхъ ниґъ звалылась.

И послѣ этого сейчасъ же рисуетъ раскаяніе убійцы, который самъ посылаетъ за матерью убитой:

Ходе мылый по кимнати,
Билы рукы ломе,
Та все сусидоньковъ просе:
— „Сусидонькы голубонькы,
Дайте тещи знаты:
Нехай прыйде, хочь прыйіде
Дочкы убираты.

Два варіанта—одинъ, записанный въ 1875 г. г. Платономъ Шевченкомъ отъ крестьянина Ѳед. Дарченка въ д. Александровкѣ, балтскаго уѣзда, а другой, записанный С. Л. Метлинскимъ, вѣроятно, на лѣвомъ берегу Днѣпра, разработали преимущественно послѣдній разговоръ умирающей жены съ матерью. Мы приводимъ его по балтскому варіанту:

Иде ненька, иде старенька,
Стала край виконця.
Лежыть йійі люба дочка
Лычкомъ противъ сонця.
—Дочко жъ моя, люба та мыла,
Що жъ ты провынила,
Що твоя кровъ червоная
Зализо сполынила?
—Мамцю моя, любко моя,
Що жъ я провынила?
Лыха доля нещаслыва
Вика вкоротыла!
—„Сосидочкы, голубочкы,
Дайте попови знаты,
Нехай иде любу дочку
На смерть сповидаты“.

—Мамцю моя, любко моя,
На що попови знаты?
Сажень земли, штыры дошкы,
Тай буду лежаты!

Своеобразенъ варіантъ, записанный въ 1873 г. Евг. Ганенкомъ въ с. Жукахъ, полтавскаго уѣзда. На рукописи его находимъ слѣдующее заглавіе: „Пѣсня 1871 г., составлена народомъ по случаю событія, которое здѣсь поется, около Полтавы въ с. Жукахъ". Замѣтка эта сдѣлана, очевидно, со словъ жуковскихъ крестьянъ, которые, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, совершенно искренно увѣряли этнографа въ томъ, что пѣсня сложена недавно и по данному случаю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ случай возобновилъ въ ихъ памяти старую пѣсню и наложилъ на нее только немногія новыя черты. Дѣйствительно, варіантъ Ганенка уклоняется болѣе другихъ отъ основнаго типа,—и эти уклоненія слѣдуетъ счесть за налеты на типическія черты пѣсни чертъ индивидуальнаго положенія событія въ с. Жукахъ. По всѣмъ этимъ резонамъ варіантъ Ганенка получаетъ интересъ, какъ проливающій свѣтъ на самый процессъ народнаго пѣсеннаго творчества.

Главныя отличія варіанта изъ с. Жуковъ отъ другихъ степныхъ заключается въ разговорѣ жены съ мужемъ передъ убійствомъ и въ отношеніи къ событію матери убитой. Жена проситъ мужа:

„Не бый мене, мий мыленькый, мене молодойи,
Покы трохы пидгодую дытыны малои".

Мужъ отвѣчаетъ словами машинальнаго повиновенія приказу фатальной вдовы:

—Годи тоби, моя мыла, дитей годуваты:
Прыказала удивонька,—такъ буду вбываты!

Послѣ убійства самъ мужъ посылаетъ за тещей. Эта послѣдняя и здѣсь также робко подходитъ къ окошку, какъ и въ

предыдущихъ варіантахъ, но предлагаетъ вопросы дочери въ другихъ словахъ, хотя и въ томъ же смыслѣ:

—„Дочко жъ моя мыла, люба, шо жъ ты наробыла,
Чы свекрови, чы свекруси чымъ ты не вгодыла?"

Дочь отвѣчаетъ также, избѣгая обвинить мужа:

—Ни чымъ, ненько моя мыла; я всимъ угодыла,
Тылько своимъ билымъ лычкомъ весь двиръ скрывавыла.

Но мать не раздѣляетъ ея всепрощенія:

Нарядыла маты дочку у билу сорочку,
Почепыла зятенькови черезъ плечы стёжку.
—„Оце жъ тоби, мий зятеньку, черезъ плечы стёжка,
Оце жъ тоби, мий зятеньку у Сибирь дорожка!
Та вже жъ тоби, мий зятеньку, стёжкы не здиймаТы,
Та вже жъ тоби, мий зятеньку, тюрмы не тикаты.
Було бъ тоби, мий зятеньку, чужыхъ не любыты,
Було бъ тоби, мий зятеньку, свойеи не быты.

Въ процессѣ Деркача свидѣтели-крестьяне объясняли слѣпую приверженность несчастнаго ко вдовѣ, при молодой красавицѣ женѣ, „чарами", колдовствомъ вдовы. Это обычный простонародный взглядъ на подобныя, непостижимыя для холоднаго благоразумія отношенія, и на вдову вообще, особенно вдову, не потерявшую способность любить. Такія вдовы часто представляются въ народныхъ пѣсняхъ „чаровныцямы" и даже отравительницами.

Вдовѣ, желающей нравиться, думающей выйти за молодаго, народная пѣсня вмѣняетъ холодность чувствъ. Такъ, въ одной пѣснѣ (Головацкій, II, 576) вдова проситъ сырую землю взять ее *молодую,* если она ужъ взяла ея господаря. Молодой человѣкъ, прислушавшись къ жалобамъ страстной вдовы, проситъ у матери позволенія взять ее въ жены. Мать не совѣтуетъ:

У вдовонькы таке серце,
Якъ зимнейе, каже, сонце:

Ой, хоть грийе, хоть не грийе,
Та все зимный витрець вийе.

. . . .

. . . .

У дивчыны таке серце,
Якъ литненьке боже сонце,
Ой хоть грийе, хоть не грийе,
Все тепленькый витрець вийе.

Въ серединѣ между этихъ двухъ сентенцій мать характеризуетъ три дороги:

Вдовычена — кровавая,
Матерына — золотая,
Дивчынына — медяная.

Другая пѣсня (Чубинскій, V, 31) или скорѣе варіантъ этой, опредѣляетъ, почему дорога вдовы кровавая: ея чувство ко второму мужу не искренно; и сама она не увѣрена въ прочности чувства къ себѣ молодаго милаго-жениха, или мужа, а потому прибѣгаетъ къ опаснымъ чарамъ или къ отравѣ изъ ревности. Неизданный варіантъ этихъ двухъ пѣсенъ, почти сливающихся въ одну, записанный г. Ал. Руданскимъ въ м. Калгосикѣ, ушицкаго уѣзда подольской губ., въ 1870 г., передаетъ эту параллель вдовы и дѣвушки такъ:

— „А ни спыться, ни дрымыться й спать не хочеться,
Чогось моя головонька поморочыться.
Позволь, позволь, стара нене, оженытыся,
Та не буде моя головонька поморочыться".
— Оженыся, сынку Васыльку, охота твоя,
Но не сватай ту вдовоньку, бо вдова бида.
Ой ходыла молода вдовонька по крутий гори,
Та збирала всилякого зильля на чары мени.
— „Чаруй, чаруй, удовонька, чаруй мене разъ,
Щобы довго не лежаты, щобъ вмерты заразъ".
— Якъ полежышъ руськый мисяць, якъ полежышь два,

Будешь знаты й намъятаты, шчо вдова-бида.
Ой ходыла молода дивчына по крутий гори,
Та збирала троякойе зильля на ликы мени.
—„Ликуй, ликуй, молода дивчына, ликуй мене разъ,
Ой якъ же я подужаю—возьму тя заразъ!"

Такое отношеніе ко вдовѣ, основанное только отчасти на общихъ законахъ личной жизни, а въ извѣстной степени на остаткахъ воззрѣній той эпохи, въ которую жена обрекалась мужу на жизнь и въ гробу (въ домовинѣ), въ свою очередь становится причиною извращенія характера вдовы, озлобленія его, отсюда и дѣйствительная охота вдовъ къ чародѣйству, къ отравленію и, въ случаѣ коллизій съ другою женщиною, къ жестокимъ внушеніямъ. Образецъ послѣднихъ мы видѣли въ пѣснѣ о Якимѣ или Яковѣ. Объ отравленіи любовника вдовою говоритъ слѣдующая пѣсня, записанная С. Л. Метлинскимъ, о которой мы не помнимъ, чтобъ она встрѣчалась намъ гдѣ нибудь въ печатномъ сборникѣ.

—„Ой сыну мий, сыночку, жалощы мойи,
Де ты вчора зъ вечера бувъ?"
—Ой бувъ же я, ненечко, ой, бувъ же я, сердечко,
У блызькои сусидоньки, молодои удивоньки.
—„Ой сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Чымъ тебе удова годувала?"
—Годувала, ненечко, годувала, сердечко,
Все рыбкою изъ нижкамы [1]).
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Де вона ту рыбку ловыла?"
—Ловыла, ненечко, ловыла, сердечко,
Все рукавцемъ по крапывци.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Ой, чы йила удивонька и сама?"
—Не йила, ненечко, не йила, сердечко,
На голову розболилась.

---

[1]) т. е. жабами, которыя вдова выдавала за рыбу.

—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи
Ой чы йилы хоть диткы йийи?“
—Не йилы, ненечко, не йилы, сердечко,
Вельмы жъ воны вже поснулы.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи.
Ой, се жъ вона тебе чаровала!“
—Чаровала, ненечко, чаровала, сердечко,
Чаровала, старенькая.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи
Яки тоби старосты збираты?“
—Позбирай, ненечко, позбирай, сердечко,
Все попы старенькийи.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Яки тоби боярыззываты?“
—Ой, поззывай, ненечко, поззывай, сердечко,
Усе дьячкы молоденькы.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Яки тоби музыкы найматы?“
—Ой, понаймай, ненечко, ой понаймай, сердечко,
У собори во вси звоны.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Ой се жъ бо ты умырать хочешь?“
—Хочу, ненечко, хочу, сердечко.
—„Ой, сыну мий, сыночку, и жалощы мойи,
Ой де жъ тебе поховаты?“
—Ой поховай ненечко, ой поховай, сердечко,
У собори у прытвори.

Мы считаемъ излишнимъ прибавлять что либо по существу вышеприведенныхъ пѣсенъ. Скажемъ въ заключеніе нашей статейки лишь нѣсколько словъ относительно внѣшней стороны ихъ.

Быть можетъ, читатель, пробѣгая варіанты первой пѣсни, уже обратилъ вниманіе на сходство ихъ, при всемъ разнообразіи деталей, сходство часто даже въ выраженіяхъ, въ сохране-

ніи имени героя, несмотря на то, что мы имѣемъ дѣло съ варіантами, записанными отъ Галиціи до Дона, въ краяхъ, которые издавна поставлены были въ различныя политическія условія. Это сходство, которое почти въ такой же степени наблюдается и въ варіантахъ второй пѣсни и вообще въ громадномъ количествѣ украинскихъ пѣсень, свидѣтельствуетъ о національной цѣлостности украинскаго племени, удивительной, при извѣстныхъ политическихъ судьбахъ его съ XIII—XIV столѣтія.

П. К.

Половинщикъ.

Этнографическій разсказъ

I.

Передъ Спасовымъ праздникомъ владѣтельница хутора За́крутки, маіорша Куксиха, вышла на свою *толоку* для осмотра земли, вспаханной подъ засѣвъ жита.

По мужу маіоршу слѣдовало бы звать Куксиной, но какъ маіоръ *Куксинъ* родился въ сосѣднемъ селѣ Выступцахъ, и всѣмъ выступчанамъ было извѣстно, что его покойнаго отца, козака *Куксу*, никто Куксинымъ не звалъ, то и самого маіора звали Куксенко, или Кукса, а его маіоршу—Куксихою

Поля, окружавшія хуторъ За́крутку, были уже вспаханы. Одинъ только *половинщикъ*, Опанасъ Харченко, допахивалъ послѣдній *упругъ толоки*.

— Ты слишкомъ поздно пашешь, Опанасъ, сказала ему маіорша. Это только вдова запаздываетъ. То дѣло вдовье, понятное дѣло, а ты нигдѣ не кланяешься, не просишь, какъ она бѣдная. У тебя свой плугъ, и сынъ взрослый, правая рука твоя. Своею медленностью ты дѣлаешь и мнѣ убытокъ: земля не подпарится, жито будетъ у тебя плохое.

Опанасъ Харченко, человѣкъ лѣтъ сорока, бѣлокурый, съ большими голубыми глазами и печальнымъ выраженіемъ лица, смиренно поклонился маіоршѣ Куксихѣ, какъ вассалъ своему сюзерену, и отвѣчалъ кротко:

— Нехай вамъ не буде гнивно, пани, хотивъ оце втикаты въ степы, на Донщыну, да тилько що пора вже перепорылась.

— Это какъ же такъ, Опанасъ?—вопросила маіорша.

— Да такъ, не вамъ, пани, кажучы, хотивъ усе покынуты, задушыты... тутъ голосъ его порвался, да люде не пускають...

— Что это я слышу отъ тебя, Опанасъ? сказала изумленная маіорша голосомъ участія, не похожимъ на строгій хозяйственный тонъ, которымъ она заговорила было съ половинщикомъ. Что это ты сказалъ? Да ты, я вижу, плачешь? Голубчикъ мой, признайся, что у тебя за горе на душѣ?

Маіорша Куксиха была урожденка хутора За́крутки, близь котораго жилъ въ селѣ Выступцахъ ея печальный половинщикъ, Харченко. Ее всѣ выступчане знали съ дѣтскаго возраста, какъ добрую панночку. Была она, что называется, *дочка одыночка* у своихъ родителей, людей покроя старосвѣтскаго, и не знала другой боны и гувернантки, кромѣ крѣпостной ключницы, знаменитой во всемъ околодкѣ хозяйки. Состоя подъ ея нѣжнымъ и почтительнымъ надзоромъ, панночка пользовалась полной свободой раздавать изъ хуторскихъ коморъ щедрые дары крестьянскимъ и козацкимъ дѣтямъ, выступчанамъ. Слава *доброй панночки* утвердилась за нею съ оныхъ счастливыхъ дней. Но поблажливая ключница внезапно умерла, а тутъ подъѣхали къ старосвѣтскимъ панамъ хуторянамъ столичные родные, и такъ какъ отецъ доброй панночки былъ заслуженный капитанъ, украшенный орденами, то склонили его къ ходатайству о воспитаніи дочери въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ она и получила воспитаніе. Вернувшись домой, добрая панночка на первыхъ порахъ испугала было великорусскою рѣчью старыхъ друзей своихъ, въ числѣ которыхъ состоялъ и Харченко; но когда хуторскія коморы оказались по прежнему рогомъ изобилія, сверстникамъ ея даже нравилось, что ихъ панночка говоритъ, какъ они выражались, *по-письменськи*. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ Харченко внималъ ея великорусской рѣчи съ такимъ чувствомъ, какъ будто она еще возвышала власть хозяйки надъ половинщикомъ.

— Ну, говори же, говори все, какъ есть, Опанасъ продолжала маіорша. Я и не знала, что тебя постигло какое то горе.

— Охъ, пани моя, пани! съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ половинщикъ, не вамъ бы такее слухаты видъ мене, та мушу все вамъ выявиты. Такъ воно мене палыть, такъ мене душить и рве, що наврядъ и въ пекли бувае гирше.

— Голубчикъ Опанасъ! продолжала маіорша нѣжнымъ тономъ своимъ, не предавайся такъ ужасно своему горю. Можетъ быть, есть противъ него какое нибудь средство. Скажи, что тебя мучаетъ?

— Що?... отъ що! Уже я девять литъ про свою жинку чую, та виры не дыймаю, началъ безъ околичностей свою исповѣдь печальный Харченко. Таке жъ удане, вродлыве чортеня, що й очей не 'дведешъ?... А вона що мною колобродыла! Ге, пани! одно горе тилько съ сымы жинкамы! Теперъ на двадцятому годи присочывъ іи, да такъ и отрухъ...

— Что это значитъ, Опанасъ? прервала половинщика маіорша. Ты говоришь, что твоя жена измѣнила тебѣ?

— Колыбъ то *зминыла*, отвѣчалъ, потупивъ голову, Харченко, а то зрадыла, та ще якъ! и замолчалъ.

— Говори мнѣ всю правду, Опанасъ, ободряла его маіорша. Правды не бойся мнѣ сказать.

— Вамъ?! воскликнулъ съ неожиданнымъ энтузіазмомъ Харченко. Та яжъ попу на сповиди того не казавъ бы, що вамъ роскажу. Хыба жъ вы забулы, якъ я й той рикъ передъ Спасомъ до васъ прыходывъ? Сусидъ Кихоть изъ жинкою моею... гмъ! гмъ! не вамъ кажучы, пани, а свою баныть, що дня! хоче и мене съ свита зогнаты, щобъ изъ моею Орыною вкупи пожыты. Я й той рикъ вамъ про се натякавъ.

— Помню, помню, сказала маіорша. Ахъ, ты бѣдняжка! Такъ и до сихъ поръ все та же у васъ исторія?

— Я, пани, чоловикъ милосердный и до скотыны, и до людыны, продолжалъ половинщикъ, отъ же колыбъ я бувъ законодателемъ, дакъ я бъ оттакыхъ въ одну годыну десятехъ повисывъ, бо въ ныхъ нема ни до кого жалощивъ. Имъ що бабку, що грыба зорваты, що чоловика съ свита згубыты... Хотивъ я жалитысь на его. Винъ каже: я началства не боюсь. Знае замовыны. У своему кожуси усе й носыть той папиръ. Я пытавъ у людей

порады, щобъ таки его спозываты. Люде кажуть: на вси обиды есть законъ, а на вольшебство и на видемство нема. А я и вовкулакивъ бы вказавъ, и видемъ, и всякихъ вольшебныць, що й труять, и всяки замовыны роблять. Есть клята тварь, и Бога перехытрыть, и замовыть. Закону нема, оттого жъ воны таке й творять. Я разъ пидстеригъ, якъ винъ свій кожухъ выкынувъ одъ моли провитруваты. Бачу, никого нема, я пидкравсь, полизъ рачкы, налапавъ той папиръ у кышени, забравъ и спысавъ соби оту бумажку: тьфу, цуръ ему! щобъ его поверхъ дерева носыло! Ось що воны началству роблять: винъ одъ усякои кары видможецця, якъ оте прокаже. Ничого не боицця.

Маіорша давно уже положила себѣ за правило ничему подобному не противорѣчить. Всѣ ея попытки противъ суевѣрія оказывались напрасными. Молча слушала она жалобы несчастнаго Харченка на волшебство сосѣда, и только для того, чтобъ выразить участіе къ его горю, спросила:

— Что же тамъ въ бумагѣ написано во вредъ начальству?

Харченко отвѣчалъ со вздохомъ:

— Я, пани, законъ знаю и почытаю. Я хыба зъ жыдомъ не похрыстосуюсь, и началству оддаю честь по пысанію. А то на щобъ я й пысьменный бувъ? Винъ же, зла лычына, ось що у кешени носыть. *Вовкомъ иду, ступнемъ поганяю* (Ну, се жъ уже не по закону). *Сонце мижъ очыма, мисяць за плечыма, зорею завернуся* (бачыте, уже Бога касаецця), *ниякого началства не боюся. Сонце и мисяць исходыть, у началника умъ росходыть. Амынь.* Теперъ скажите, пани моя, чого такому гриха боятысь? Винъ себе дыяволомъ оградывъ, а мое жытте занапастывъ. Хлопцю мойму девятьнадцять литъ, дочци пятнадцять, ще одному литъ девять и тры года дочци. Уси жъ воны знають матерыну позору. Хотивъ бувъ я повчыты свою... дакъ сынъ не дае, и винъ у ту гущу—боюсь довесты до гриха сына. Теперъ, милостыва моя пани, у лисовыка бильшъ правды, нижъ у людей!

— Неужели больше?—спросила разсѣянно маіорша, думая о несчастномъ положеніи семьи. Она любила Опанаса Харченка за его честность и трудолюбіе. Она задалась вопросомъ: какимъ бы способомъ водворить въ этой семьѣ миръ?

— А вы думаете, менше? отвѣчалъ Харченко вопросомъ на вопросъ. Одному чоловикови була зъ лисовыкомъ така прычта: чоловикъ та жинка поихалы по дрова въ лисъ. Жинка каже. Подывысь, подывысь, чоловиче, пидъ кущемъ дытына лежыть! Лежыть голеньке! Та его жъ комари заидять! Узяла, скынула зъ себе хустку, да й угорнула ту дытыну. Хустка була вже ветха, не жаль, мовъ якого вихтя... Уранци щось стукаеццяя въ викно: Добрыдень! одчынить! Чоловикъ выйшовъ.—Выганяйте, каже, волы, я попасу.—Я тебе не знаю, хто ты такый.—Се жъ твоя жинка мою дытыну угорнула въ хустку, видъ комаривъ. Тилькы выжены, да скажы, колы прыганять, дакъ я и напасу й прижену. Да я й самъ знатыму колы.—Отъ, пани яка въ лисовыка правда! А я свого не разъ одъ комаривъ боронывъ, не жалуючы себе самого, а яка дяка? И винъ у ту гущу—за матиръ, хотивъ іи побаныты,—не давъ. Гирко мени стало. Думавъ усе закынуты, и поля не сіяты, дакъ малыи диты... Отъ гречку оце посіявъ, волочу и самъ не знаю, що роблю. Теперъ до дому не поспишаюсь, не рупыть мени домивка; нихто мене не жде, и парубокъ мій байдуженъ. Хто его зна, що й робыты. Мабуть, пійты свитъ за очыма. Теперъ нихто никого не чествуе. Кажуть же, що якъ Содомъ та Гоморъ Богъ уныштожывъ, до тилькы вывивъ изъ цилого городу одну спасену душу, Лота; те, мабудь, и въ насъ буде. Було въ стари года добрыи дила не забувалысь: хоть и чуже, то якъ небудь де перейде тоби дорогу. А теперъ и свое дорогы не вкаже. Теперъ батько старый, або маты, то сынъ орудуе нымы не знаты по якивськи. Теперъ багато людей своеи виры не доглядають. Мени, каже, абы на сему свити було добре, а на тому хочъ и тыны мною пидпирай. Або це торикъ челядка въ нашого тытара пошла, хресты всюды на Водохреще попысала, скотыну покропыла. Се жъ такъ не годыцця! Господарь у своимъ дому дольженъ поздоровыты всихъ зъ праздныкомъ и покропыты. А то вона якъ скаженна бижыть и скотыну кропыть. Прямо острахъ бере!

— Я удивляюсь тебѣ, сказала маіорша: ты добрый человѣкъ, и священное писаніе читаешь, а на сердцѣ у тебя такъ тяжело, и свѣтъ представляется тебѣ такимъ жестокимъ и печальнымъ;

ты бы помолился Богу да помирился съ женой и съ людьми, каковы они ни есть. Богъ такихъ терпитъ на свѣтѣ: надобно терпѣть и намъ, глядя на Бога. Дѣлай по моему совѣту; у тебя будетъ яснѣе на сердцѣ.

— У такій незлагодній семьи, отвѣчалъ мрачно половинщикъ, и самъ осатаніешъ. Двадцять литъ я й за дубець не брався, а теперъ бы погривъ ій ломакою спыну, дакъ сынъ не дае. Оце йду до дому и стежкы не бачу, земли не чую одъ журбы: то по роли скачу, то въ ярокъ securizу. Мовъ той чортъ скакавъ у свынорыи, втикаючы зъ панщыны, такъ и я теперъ скачу, а самъ хылюсь... Теперъ мене и пиша птыця поборола бъ, горобець бы побывъ. Такъ воно мене исть, оце горе! Оце зъ меншымъ выихавъ на ныву. Ой волы жъ мои та половыи, чомъ же вы не орете? А воны чують, що ихъ хазяинъ не пры соби. Не гомоню вже до ныхъ, речы нема, и воны не озываюця. Ныкли ходять, и имъ плохо, такъ якъ и мени. Охъ!

— Опанасъ, говорила ему маіорша, журбою поля не перейдешь. У васъ говорятъ: Не виръ чужымъ речамъ, а виръ своимъ очамъ. Мало ли что не скажутъ сосѣди. Ты бы думалъ о томъ, что тебѣ скоро дочь замужъ выдавать.

— Не по чимъ и бье, якъ не по голови, отвѣчалъ бѣдный пахарь). На що іи выддаваты? Шобъ и соби людей зводыла, надывывшысь на матырь? Теперъ ще ничого по ній не помитышъ, покы не замужемъ. Уси воны гарни въ дивкахъ. Дочка сама и на городи, и коло коривъ, и всюды, а мы зыйдемось обидаты, то мовчкы й имо: а якъ ложкамы стукнемось, то ажъ здрыгнемось. А було колысь по добру жылы, усьмихнемось, а диты й соби: теперъ и и стины нимы, и мы нимы. Було та й загуло... теперъ у неи тилько й думкы, котрый очипокъ до лыця, чы гурочковый, чы кумачевый, чы квиччастый, або на Салымонъ [1]) ворожыты. Кого залучыть письменного, то й загадуе на Салымона. А заворота выбижыть, спивае, у бока взявшысь, наче дивка дивуючи:

Чорты его батька знае,
За що мене чоловикъ лае,

[1]) Салымонъ - гадательная книжка.

Чы я ему галушокъ не варю,
Чы я ему подушокъ не стелю?
Я жъ ему и галушечкы,
Я жъ ему и подушечкы.

Оттакои втне! а мене ще гиршъ за печинкы бере. Мовъ затминне сонця, така на думци темрява. На догадъ бурякивъ, дайте капусты, а въ мене пучкы такъ и бгаюцця, такъ бы й давъ стусана. Якъ оце що мени треба до неи, то я черезъ сына кажу. Коповыця була, люде, мовъ бжолы, гудуть да медъ сбыраютъ, такъ люде нагреблы копы возять. Хлиба, хлиба пидродыло! везуть радіють... Про мене!.. бо кажете не виръ чужымъ речамъ. Дакъ я жъ бо прысочывъ іи. А покы не прысочывъ, якъ вона варыла зъ мене воду! Чого не выгадувала, щобъ мои очи 'двесты! Якъ зъ мене знущалась! Одного дня занедужала. Охъ, охъ! а въ мене въ серци техъ, техъ! Чоловиче, Опанасыку, ты бъ, каже, пошовъ до моря, то я була бъ здорова, узявъ бы въ горщычокъ морськои воды зъ пескомъ да й прынисъ. Де жъ тее море? и вона не знае, й я не знаю. Пишовъ я ажъ на друге село: тамъ нызына, чы не ликарственна вода. Весною залывае, ажъ човнамы издять, съ хаты до хаты. Прынисъ я ій воды съ пискомъ. Нагрій же, навары.—Годжу, наварывъ: така думка, що й поможецця. А шептухы не хоче.—Да покоштуй же, яка вона.—Таке соби: вода водою, кажу.—Ну, колы жъ тоби здоровому такъ, то якъ же мени недужий? Отъ изновъ: колы бъ ты, чоловиче, узявъ сусидову собаку да поганявъ, да набравъ калу, да росколотывъ у сій води, то, може бъ, мени й полегшало. Отъ же ей же то Богу жъ то, пани! Хыба жъ я колы збрехавъ у чому передъ вамы?

— Нѣтъ, отвѣчала маіорша. За то я и люблю тебя, за то и землю даю самую близкую къ саду, въ окопѣ.

— Отъ же я пишовъ, ганявъ, ганявъ сусидову собаку, набравъ калу, прынисъ. Каже жинка: возьмы жъ да росколоты. Росколотывъ.—Покоштуй же. Покоштувавъ.—Яке воно?—Пагане. Колы тоби здоровому таке, то якъ же мени недужий? Ни, пийды такы до справжнего моря, то я буду здорова. Отъ иду я й самъ не знаю, куды. Вона все стогне, а въ мене серце мліе. Иду, плачу и стежкы передъ собою не бачу. Не знаю, де моря шукаты,

де тыхъ ликивъ шукаты, а що люде натякалы, я байде: не вдогадъ мени, чого вона мене зъ домивкы пре. Иду, плачу. Уже коло другого села стричаю знакомого музыку, Деревянкою прозывають, бо въ москаляхъ здобувся раны и довго на деревянци ходывъ. Той мене пытае: куды йдешъ?—Такъ и такъ, кажу.—Постій же, вернысь: я іи вылычу. Я вси жиночи болести знаю. Ты, може, чувъ про Соломаха, якъ винъ дяка спіймавъ изъ жинкою?

Высыть мяло на колку,
Буде жинци и дяку...

Чувъ?—Чувъ, кажу.—А въ тебе мяло высыть на колку?—А вже жъ высыть.—Оце жъ, каже, й ликы на жинчины болести. Ходимо.—Прыйшлы до мого двора. Ходимо въ клуню. Пошлы. Завернувъ мене въ куль соломы, притягъ до синей.—Лежи тутъ. Положивъ мене у синяхъ. А самъ просыцця до недужои жинки; а вона саме зъ сусидомъ закусуе. Такъ роспалалась! Сусидъ, мордохай той Кихоть Карпо, пытае: хто стукаецця? й не пускае. А въ мене й серце замерло, волоссе дыба пиднялося. Я, каже, музыка, кумъ, свій.—А вона: Пусты, каже. Я добре знаю сего чоловика, винъ хороший, и впустыла. А воны пьють та гуляють, и музыци пиднеслы чарку й другу; а винъ имъ грае:

Чы чуешъ ты, Соломахъ,
Що діецця ю домахъ?
Высыть мяло на колку—
Буде жинци и Карпу.

— Да ще прытупне ногою и прыспивне си слова, такъ іи и вразыть.—Ни, ты чорзна що граешъ и прымовляешъ: а грай—трата йда, трата йда.—Загравъ; якъ пустылысь танцюваты! хата ходора ходыть. Тоди музыка каже: Дежъ мени лягать спаты? треба соломы внесты. Вона вказала. Винъ унисъ соби куль соломы и поставывъ мижъ кочергамы. Изновъ грае:

Чы чуешъ ты, Соломахъ,
Що діецця ю домахъ?
Высыть мяло на колку—
Буде жинци и Карпу.

— Зновъ уразывъ іи. А вона зновъ каже: не грай бо такои, а трата йда, трата йда. Изновъ у двохъ носяцця и на здыбочкы

и крутька по панськи. Якъ выскочу жъ я тоди зъ куля, да за мяло! жинку разъ, а Карпа два, жинку разъ, а его невирного двичы, щобъ не знущалысь изъ мене, не краялы мого серця безъ ножа и тарилкы. На двадцятому прысочывъ, тай выгнавъ суевира. Уже що суевиръ, дакъ справдешни суевиръ! Ото жъ якъ передъ Спасомъ я бувъ у васъ и сталы вы мене вгрущаты, щобъ не сумувавъ, загомонилы до мене ласкаво, трохы 'дсерця 'длягло, и далы мени яблукъ, а я кажу: у мене, слава Богу, и свои родять, да тилькы ни съ кымъ мени яблучко святе роздилыты, и диты про мене!.. Такъ воно въ насъ и доси. Мовчымо соби зъ жинкою, и сынъ за неи. Я одынъ горую. Вона сына потай мене и на вечорныци, якъ ляжу, 'дпускала. А якъ винъ бувъ лыха доскочывъ, дання ему дано, усе ти жъ самы ворогы. У васъ, у панивъ, усяке налле румочку и выпье, а въ насъ частуючы и пидсыпле, да съ соняшныкомъ дання й дасть. Тоди винъ бачыть горе, що погыбае, прыбигъ до мене. Якъ тревога, такъ и до Бога. Прыбигъ и правду всю 'дкрывъ, що вона его спроводжала на вечорныци, а я заборонявъ ходыты. Вона жъ про свое дбала, щобъ свидкивъ не було, и всихъ по хатахъ порозсылае: ту проса товкты, того гулять, кого бабу провидать, абы довше загаялысь, а мене туряе до моря. Ну, що зъ нымъ робыты: горыть мій парубокъ, незнать що говорыть. И ничъ мене не йме. Пишовъ я, накопавъ молочаю, натовкъ его багато и давъ выпыты, та й кажу: оце, сыну, надвое: пый! хочъ жытымешъ, хочъ помрешъ. Тяжко лежавъ, на стину дравея, а я все выкоренявъ оте данне, ото й выходывся. Теперъ уже на вечорныци не ходыть.

— Я всѣ твои разсказы выслушивала и прежде, и теперь терпѣливо, сказала маіорша, и ничего не придумала въ твое утѣшеніе, кромѣ того, что ты долженъ примириться съ женой.

Половинщикъ поникъ головой и отвѣчалъ жалобнымъ голосомъ.

— Вы не вважаете на те, що въ мене згага запеклась, що я гласу не 'дведу, бо по два дни не имъ: хыба се я не чоловикъ? Голубъ, да й то любыть свою голубку. Тылько похытнысь вона, такъ и вырве ій чуба, голову пробье. А чоловикъ тилько

прытулысь, оженывшысь, до другои, до жинка заразъ и покыне. А я що таке?

— И все таки надобно тебѣ такъ или иначе примирится, говорила маіорша. Вотъ приближается день Спаса, день великій. Я слышу отъ васъ, что на Спаса сама маты Божа роздаетъ на томъ свѣтѣ дѣтямъ яблоки. Надо мириться ради дѣтей. Отъ вашихъ вѣчныхъ ссоръ и дракъ дѣти ростутъ какъ бурьянъ, а часто и умираютъ. Опанасъ! подумай, я тебѣ и прежде говорила: худой миръ лучше доброй ссоры.

— Та се вже вы, пани, прыстаете до мене зъ зализнымы клищами, сказалъ сердито Харченко.

— Именно такъ, отвѣчала маіорша. Я готова и раскалить ихъ, лишь бы тебя принудить къ миру. Надо тебѣ мириться непремѣнно. Слышишь? Самъ ты говоришь, что въ прошломъ году, послѣ нашего разговора, у тебя стало на сердцѣ легче. Теперь я тебя наставлю, какъ примириться съ женою. Освятишь ты на Спаса въ церкви яблока, придешь домой, разрѣжешь яблочко и дашь по кусочку всѣмъ семьянамъ: женѣ и дѣтямъ. Но давши, не молчи угрюмо, нѣтъ! заговори къ своей Орынѣ такъ, какъ будто межъ вами ничего не бывало. Не дай, Опанасъ, превозмочь тебя злу, побѣждай зло добромъ. Эти слова ты читаешь въ священномъ писаніи, и надобно тебѣ ихъ выполнить, непремѣнно выполнить. Слышишь?

— Гарно вы говорыте, пани, сказалъ Опанасъ кротко, та що жъ, колы я не переважу себе? Горе, мовлявъ той, гне, а хороше жытте выправляе. Не перѣможу тоеи зневагы. Я, що мени до неи треба, то кажу все черезъ сына. Не переважу... Скилько литъ вона потырала мною, скилько литъ знущалась, кепкувала, дурыла, зневагу робыла передъ людьмы, передъ дитьмы. Мене люде за дурного малы... прыспивують:

Ой пыповъ Опанасъ
По горилку для насъ.
Зачепывся за пень
Та й стоявъ увесь день.
Прышла жинка, видчепыла
Та й по пыци была, была.

Я виры не діймавъ, якъ люде про неи торохтỳ пустылы, и іи не бывъ и не нахылявъ на свою стежку. У мене мовъ змія за серце ссе!

— А я тебѣ совѣтую, продолжала маіорша, превозмоги свои страданія и обиженную гордость. Ты будешь гордиться тогда самоотверженіемъ и смиреніемъ; а теперь ты страдалецъ, и дѣти твои, какъ овцы безъ пастыря. Забудь свою обиду, и этимъ ты наклонишь свою семью къ одному дѣлу, къ однимъ мыслямъ, и будете всѣ жать на одинъ снопъ.

— Не мóжу, говоритъ Опанасъ. Се не людське дило. Господь мылосердный своею благостью тилько може все простыть, а мы люде гришни, я падаю одъ горя.

— Переважь себя, Опанасъ, повторяла настойчиво сосѣдка. Жинка твоя не грамотна, темный чоловикъ, а ты говоришь, что и спалъ бы съ тѣми книгами, что я тебѣ подарила. Книги жъ эти отъ самого Христа намъ посланы черезъ апостоловъ. Для чего же тебѣ грамотность? Для чего ты читаешь, когда въ сердце добра не набираешь? Ты только гордишься своимъ разумомъ, а сердце твое окаменѣло. Знай, что всѣ твои разсказы про жену передъ Богомъ пустыя рѣчи. На такія рѣчи годится всякая темная баба и всякій злой человѣкъ, а тебѣ, человѣку грамотному, разсудительному и доброму, тебѣ такія химеры проводить стыдно и грѣховно. Преодолѣй *зневагу* милосердіемъ своимъ побожески, и Богъ обновитъ счастливое, прежнее житье твое. Ты ее любишь, ты любишь ее и теперь, хоть она преступна; оттого такъ и мучишься. Примиреніемъ эту муку съ души своей снимешь, точно тяжелый камень. Молчишь?

— Мовчу, пани, отвѣчалъ Опанасъ. Увирылась вона мени. Уидаецця мовъ за батькивщыну.

— Значитъ, милосердіемъ ты не хочешь уподобиться Отцу нашему небесному, сказала маіорша.

— Не кажить бо такъ дотклыво, пани, заговорилъ сквозь слезы Опанасъ Хăрченко, не говорыть згризна до мене. Бачте, у мене й слеза зъ очей покотылась... не здышусь. И сылы нема, щобъ перемогтысь, и не знаю, що сказаты вамъ. Такъ уилось ваше слово въ мене, мовъ те зинське щеня. Ваши речи такъ

мене побываютъ, а въ серци у мене на неи чогось и злобы немае. Другій чоловикъ розсвырипивъ бы, а то й ничого.

— И слава Богу! сказала маіорша. Я тебѣ повторяю, Опанасъ, женщины слабодухи. Вы, мужья, первые должны превозмогать себя. Вамъ Богъ далъ силы много. Вы сами говорите, что Богъ далъ вамъ силы, набравши на лопату да еще и притоптавши, а женщинамъ только на вила взявши да еще и стряхнувши, то и душевная сила, у нихъ меньше вашей. А ты читаешь святыя книги точно попусту; никакого слѣда на тебѣ чтеніе не оставляетъ... Ступай же домой да покажи, что слово Божіе тебя просвѣщаетъ.

Поникнувъ головой, молча простился половинщикъ съ маіоршей. Она провожала его глазами, пока онъ скрылся изъ виду.

II.

Наступилъ великій праздникъ Спаса. Подошло время къ 1-му сентября, *Сѣмену*, какъ у насъ говорятъ, пріурочивая всѣянное въ землю *сѣмя* къ святому Симеону. Послѣднимъ сѣятелемъ, какъ и послѣднимъ орачемъ, былъ Опанасъ Харченко. Вышла на свою толоку владѣтельница хутора Закрутки и видитъ передъ собой другаго человѣка, совсѣмъ не того Харченка, который никнулъ къ землѣ отъ горя.

— Слава Господу Богу, обратилась къ сосѣду половинщику сосѣдка пани: ты мой совѣтъ исполнилъ.

— А вы вже, пани, й знаете? весело заговорилъ Опанасъ.

— По твоему виду знаю, по твоей поступи знаю, вижу по самому размаху твоей руки. Не напрасно она бросаетъ въ землю сѣмена. Миролюбивымъ людямъ Господь помогаетъ и въ домѣ, и въ полѣ. Ну, разсказывай же, какъ между вами было дѣло.

— А ось якъ, милостыва пани, спокойнымъ голосомъ говорилъ ревнивый мужъ. Прійшовъ ото я до дому съ поля и не вечеравъ и не чувъ, що кажуть, и що робыцця. Лигъ и всю ничъ проплакавъ. Казалы вы мени, и самъ я добре знаю, що жинкы чоловикамъ таку зневагу прощають часто, а щобъ чоловикъ жинци—николы. И по соби бачу, якъ воно трудно намъ. Зане-

дужавъ я, розгорився, якась трясьця мене трясла. Сынъ усю ниченьку не одыйшовъ одъ мене, а жинка стояла коло порога блидна. Я готовывся къ добру, мовъ гришныкъ икъ сповиди. Справди, думаю: мы жь дужчи одъ жинокъ и тиломъ и духомъ, и чытаемо божественни кныжкы, и спалы бъ зъ ными, мовлялы вы праведно, моя пани, ну й постуемо, до церквы ходымо и свято бильшъ усего содержымо: бо се намъ легко: людей побачымъ у Божому дому, и всяке себе покаже. Дывитесь, добри люде, якый я зодягный, та ошатный! Ни, запоможы сусида, просты *оттаку*... и дитей занехаяла. Зробы се про свою душу, щобъ вона свитылась передъ Богомъ, якъ свичка въ церкви. Не запоможе тебе пры лыхий годыни сусидъ, байдуже, абы *ты* запомигъ, абы ты вмивъ *таку* простыты. Ось чого Богъ вымагае. Правда, пани?

— Истинно такъ, подтвердила сосѣдка. Радуюсь, что не напрасно подарила тебѣ Новый Завѣтъ и церковной и гражданской печати.

— А то намъ, продолжалъ Харченко, усе у заздристь. Чы въ сусида багато корова молока дае, а бодай ему! чы скотынка въ руку йде, а щобъ ему! або ще й выздыхало, подумаешъ, ий подуматы грихъ. Ото жъ я перебравшы вси наши грихы та выплакавшысь добре за ничъ, вставшы на другій день, почувавсь якось инше: духу прыбуло въ мене, а тутъ и Спасъ прыйшовъ Дзвонять. Пишовъ до церквы и освятывъ яблука. Силы мы за стилъ; я поризавъ на кусочки, давъ ій, а потимъ и дитямъ, и самъ иззивъ, да й сзвавсь до неи (ато николы було не озвуся): нехай, кажу, се святе яблучко наши душы освятыть и сокупыть. Будемо, жинко, жыты мырно. Бильшъ не спромигся на слово. У неи тилько слеза тремтила. А въ мене гласъ порвався. Вона мовчкы взяла кусочокъ яблука, перехрыстылась и, трясучысь, иззила. И ставъ я съ того часу до неи гомоныты и якось у мене на серци радосно зробылось, а въ неи облычче поясныщало. Тамъ така, що хоть воды зъ лыця напыйся, дарма що й не

зовсимъ молода, такъ искры й сыплюцця. Диты повеселилы, оселя те жъ. Я радъ бувъ, що змигъ таку наругу выбачыты. Вона стала въ мене про все питаты, що робыты, и все въ насъ пошло на добро. Ставъ я бондароваты, що люде ажъ дывуюцця. Видкиль се взялось у тебе скуство? То було якъ небудь видерце, або борылце набью, а теперъ кадовба пересыплю, уторы пидрижу, самъ дно вставлю, мое поштенье! Чы то Богъ мени вже такъ давъ, я й самъ не знаю; вмію, да й умію зъ того часу, не робывшы зроду.—Якъ сталы жъ и мы посли того копы возыты, то можно сказаты!—Въ пьятехъ якъ выйдемо на ныву, то по полукопку поставымъ, до й то дви съ половыною копы въ день, а якъ же по копи, а часто я й вона по пивторы и по дви копы становылы. Женци молодыи, серпы золотыи, такъ и крешуть! Теперъ я, пани, вырисъ на тры корхы вгору.

III.

Рано весной владѣтельница хутора За́крутки, маіорша Куксиха, вышла на свои поля для осмотра пахати. Не начинали еще половинщики *ралить* поля, вспаханнаго на *зябъ*, но записанныя за Харченкомъ десятины были уже что называется *запораны*. Радуясь воскресшей дѣятельности любимѣйшаго изъ половинщиковъ, маіорша обошла кругомъ чернѣющее, точно вороново крыло, поле, какъ передъ ней явился и самъ Опанасъ, но не въ видѣ запыленнаго *ратая*. Онъ былъ одѣтъ по праздничному и несъ ей *на ралецъ*, подъ пахою, завернутую въ бѣлую, какъ снѣгъ, хустку *паляныцу*. Отвѣсивъ своему возлюбленному сюзерену низкій поклонъ, счастливый вассалъ объявилъ:

— Одбувъ, пани, хрыстыны й похрестыны. Спасыби за се Богу та й вамъ.

Приняла пани отъ половинщика даръ съ обычной благосклонностью, пригласила его *до господи*, угостила домашними наливками, и онъ за чаркою признался ей:

— Познаходывъ я, пани, гурочковый очипокъ и Салымонъ знайшовъ на горыщи та й попалывъ у поли, и попилъ по витру пустывъ, нехай воно все таке йде на сухе дерево, а людей минае! Не знае вона сего и мовчыть про свои зрадлыви очипкы та Салымоны, а я соби мовчу. Теперъ ходжу по земли твердо. Вся симъя моя жыве въ добри. И васъ, пани, задовольнывъ, и Господа Бога. Не хочу я посли себе поганый слидъ кыдаты. Маю надію, що й симъя моя не буде пасты мижъ людьми задню.

Ганна Барвинокъ.

Тарасъ изъ Ворохты.

ИЗЪ БЫТА ГУЦУЛОВЪ.

(Переводъ съ польскаго).

(*Окончаніе* [1]).

На *Кечерѣ* [2]) расположились на ночлегъ *молодцы* и пили изъ *барылка*, отнятаго на венгерской сторонѣ у какого то еврея, усердно угощая новаго товарища, приставшаго къ ихъ дружинѣ.

Тарасъ пилъ на пропалую... его жгло въ груди—онъ думалъ, что этимъ зальетъ этотъ жаръ; онъ чувствовалъ потребность все заглушить, подавить въ себѣ, вычеркнуть изъ памяти всю свою прошлую жизнь, исполненную тяжелой, непрерывной борьбы за свое жалкое существованіе, представлявшее изъ себя рядъ всевозможныхъ лишеній и горя. Хотѣлось забыться..., но при воспоминаніи о любимой дѣвушкѣ, оставшейся въ селѣ, сердце его замирало, имъ овладѣвало отчаяніе, и онъ схватывалъ *барылко* и пилъ жадно, большими глотками, словно надѣялся въ винѣ и потопить свое горе, и найти утѣшеніе. Съ каждымъ глоткомъ огонь разливался по жиламъ, въ головѣ мутилось... Фигуры товарищей, деревья, шатаясь передъ глазами, принимали все болѣе странныя, причудливыя формы... Подъ конецъ ему представлялись какія то фигуры, съ волчьими головами, съ кабаньими

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, ноябрь, 1888 г.

[2]) *Кечера*—первый высокій гребень между Ворохтою и Чорною Горою.

клыками; онъ никакъ не могъ понять, что съ нимъ и гдѣ онъ. Наконецъ все потемнѣло передъ глазами, и онъ ничего уже не видѣлъ и не сознавалъ, а вокругъ него, допивая остатки вина, подъ рядъ лежали дикія фигуры, совѣщаясь о предпріятіяхъ на завтра. Шайка готовилась идти на Ворохту, поискать припрятанныхъ у мѣстныхъ богачей *сороковокъ* и бѣлыхъ талеровъ. Вскорѣ на горѣ все покоилось мирнымъ сномъ.

Громко храпѣлъ и стоналъ во снѣ Тарасъ, и по временамъ бормоталъ что то неясное страннымъ, какъ бы не своимъ голосомъ; иногда же вдругъ вскакивалъ съ мѣста, и тотчасъ же снова падалъ безъ сознанія; голова его была точно налита свинцомъ, лице же пылало, какъ въ огнѣ. Очнувшись на разсвѣтѣ отъ тяжелаго сна, оглянувшись по сторонамъ и увидѣвъ въ повалку лежащихъ товарищей, онъ въ недоумѣніи началъ протирать глаза; припомнивъ же себѣ, гдѣ онъ и почему, и свои отношенія къ отцу и сестрѣ, онъ въ отчаяніи схватился за голову.

— Что должно было случиться, то и случилось. Такъ ужъ, видно, на роду написано...

Всматриваясь въ лица товарищей, Тарасъ вдругъ замѣтилъ своихъ двухъ односельчанъ изъ Ворохты, приставшихъ въ эту ночь къ компаніи; онъ былъ увѣренъ, что это погоня за нимъ изъ села, и успокоился только тогда, когда одинъ изъ молодцовъ увѣрилъ его, что это *свои*. Теперь удивленію его не было конца: они всегда считались въ селѣ добрыми газдами, а между тѣмъ, время отъ времени, приходятъ сюда *на заработки*.

Мало по малу и остальные стали подыматься, хоть солнце еще и не показывалось изъ за горъ. *Бурчыморда*, чорный, какъ цыганъ, крѣпкій, какъ буковый пень, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія курилъ венгерскій *бакунъ*,—двое другихъ, потягиваясь зѣвали. Ватажка, саженный мущина, въ чорной *кресани*, густо унизанной блестками на головѣ, опоясанный широкимъ венгерскимъ поясомъ, усѣяннымъ серебрянными бляхами, объяснялъ рядомъ лежавшему товарищу, куда они должны выступать сегодня и какою дорогою, такъ какъ идти теперь на Ворохту, что раньше предполагалось, было бы неудобно, послѣ того, какъ къ нимъ присталъ оттуда новый *легинь*. Населеніе долины теперь будетъ

насторожѣ, а для молодцовъ удобнѣе напасть на нихъ въ расплохъ. Двое другихъ чистили ружейныя дула, серьезно обсуждая вопросъ, почему они наканунѣ никакъ не могли попасть въ цѣль? Не бросилъ ли кто на нихъ *уроковъ*? Если такъ, то необходимо было дать *одчыныты* ружья.

Тарасъ между тѣмъ оглядывалъ мѣстность. Пройдя нѣсколько шаговъ густою чащею, онъ увидѣлъ, что мѣсто ночлега находилось на самой окраинѣ лѣса, при началѣ *полонины*, гдѣ его сразу охватило знакомою горною прохладою. Теперь ему дышалось легче; казалось, онъ могъ отдохнуть и успокоиться отъ всего пережитаго. Онъ вышелъ на самую вершину, вглядываясь съ жадностью на знакомыя окрестности горъ, гдѣ прошло его дѣтство и юность.

Нѣтъ!... Когда онъ, почти еще ребенкомъ, работалъ и подвергалъ себя опасностямъ для другихъ, а эти „другіе" не считали его равнымъ себѣ, не думали, что онъ такой же человѣкъ, какъ и они, что и онъ точно также способенъ чувствовать голодъ и другія лишенія—такъ пусть же теперь узнаютъ!...

Онъ воротился къ своимъ новымъ товарищамъ, уже собиравшимся покинуть свой ночлегъ и идти дальше. Такъ какъ на этотъ разъ было рѣшено отложить нападеніе на ворохтенскихъ богачей до болѣе удобнаго времени, то пришедшіе изъ Ворохты два газда вернулись обратно въ село, въ свои хаты, чтобы, хозяйничая рядомъ съ своими сосѣдами, высматривать на досугѣ, гдѣ прятались тѣми ихъ *сороковки* и *банки* [1]).

На прощаніе Тарасъ смѣрялъ ихъ такимъ взглядомъ, точно плюнулъ имъ въ глаза; сдѣлавшись теперь опрышкомъ, онъ долженъ грабить людей, но онъ никогда не вернется къ своимъ, не будетъ водить съ ними хлѣбъ-соль, съ тѣмъ, чтобы послѣ привести съ собою шайку и приставить имъ ножъ къ горлу. А вѣдь у нихъ были родители, которые сами газдовали и имъ оставили, чѣмъ жить. Не желая дольше вдумываться, онъ махнулъ рукою и воротился къ товарищамъ, уже собравшимся въ путь.

---

[1]) Названіе болѣе крупной монеты у гуцуловъ.

— Гей! Вонъ зеленѣетъ на горѣ полонина „Лабеска", да и вершина „Кукулю" [1]) сегодня безъ *мраки*... Скоро мы будемъ тамъ—обратился къ Тарасу ватажка. Спустимся только лѣсомъ въ ущелье, а тамъ опять густымъ боромъ на гору, на „Лабеску". Ты еще не бывалъ тамъ, *небоже?*

— Здѣсь на „Кечерѣ" бывалъ, а тамъ еще не случалось... Что тамъ будетъ въ тѣхъ борахъ, батьку?

— Го! Го!... Тамъ увидишь... А за „Кукулемъ" еще хуже до самой „Чорногоры". Тамъ такая чаща, хоть глазъ выколи!.. А рыси и медвѣди такъ и кишатъ тамъ. Придется тебѣ, хлопче, не разъ встрѣтиться съ ними... Ты не боишься, молодый соколе?

— Да чего же тутъ бояться!... Съ *тѣмъ старымъ* [2]) я уже знакомъ, приходилось встрѣчаться. Я еще, будучи мальчикомъ, однажды помѣрялся съ нимъ.

— Но и *тотъ малый* [3]) не уступитъ, замѣтилъ ватажка. Тамъ такъ и воютъ по ночамъ цѣлыми стадами. А зимою, на *Васыля* или на *Водохреща*, когда начинають бѣгать за волчицею, молодцамъ приходится спасаться на самыя крутыя, высокія скалы, куда звѣрь не въ силахъ добраться. Не то, будь готовъ постоянно имъ на потраву... Лѣтнее время, то *дурныця*, за то зима—это наше несчастье. Но и то какъ нибудь перебудемъ. Что жъ это ты *зажурывся*..

— Нѣтъ, батьку! Только я думаю, тамъ должны быть *мавки* въ тѣхъ борахъ, а можетъ быть и *вовкуны?*—Онъ съ тревогою взглянулъ на старика.

— Да, конечно, есть... Тамъ есть всякая нечисть!

При этихъ словахъ подошелъ другой опрышокъ, пожилой и словоохотливый, обрадованный внимательному слушателю, и началъ подробно разсказывать о томъ, какъ однажды какой то старикъ заклялъ цѣлую свадьбу въ „Яблоницѣ", такъ что всѣ, и молодые, и старосты, и дружки,—всѣ разомъ завыли по волчьи, обернулись *вовкунами* и бѣгомъ пустились въ лѣсъ до самаго

---

[1]) Кукуль—слѣдующій хребетъ выше Кечеры на пути къ Чорной Горѣ.

[2]) *Старый*—вѣжливое названіе медвѣдя у гуцуловъ.

[3]) *Тотъ малый*—волкъ.

„Форестка“. Много лѣтъ бѣгали они такъ въ лѣсахъ возлѣ Чорногоры, а иногда, по ночамъ, нападали на людскія села.

— И такъ до самой смерти и остались *вовкулаками?*—спросилъ Тарасъ.

— Нѣтъ!... Отбыли свою покуту за то, что на свадьбѣ травили собаками нищаго; а тотъ, услышавъ разъ въ лѣсу ихъ жалобный вой и стоны, сжалился надъ ними и сказалъ такое слово, которымъ отклялъ ихъ, и тѣмъ окончилъ ихъ муки.

— Ну, и опять сдѣлались людьми?

— А то какъ же, хлопче? Только музыкантъ погибъ: отбился далеко отъ стада, охотники и подстрѣлили его, какъ волка, а когда подошли, то увидѣли, что это человѣкъ... И скрипка при немъ была, а самъ онъ только до половины обросъ волчьею шерстью...

Разговаривая такимъ образомъ, пробирались они въ густой чащѣ смерекъ; то переступали черезъ пни и колоды, сваленныя бурею или громомъ, то брели топкими лѣсными болотами, которыхъ никогда не высушивало солнце, и по немногу подымались на „Лабеску“.

Вотъ... вотъ... уже близко. Деревья какъ будто рѣже и ниже, сейчасъ будетъ вершина... Но нѣтъ... За нею выглядываетъ новая кучка смереки, тамъ другая, третья, все выше и выше, а надъ ними, подъ самымъ небомъ, сверкаетъ ярко зеленая вершина. Будетъ ли этому конецъ?... Доберутся ли они когда нибудь до полонины?

Вотъ высоко на склонѣ горы пасется мелкій скотъ, а около него пастухи, черные, осмоленные горными вѣтрами, съ длинными по поясъ всклокоченными волосами, тревожно поглядываютъ на опрышковъ, съ которыми нужно ладить, чтобы имѣть возможность безпрепятственно проживать на полонинахъ.

Ватажка кивнулъ ближайшему, тотъ поспѣшно сбѣжалъ съ горы. Его спросили, нѣтъ ли на горѣ какого нибудь газды, котораго длинный языкъ можетъ извѣстить своихъ о томъ, гдѣ находятся *панове молодці*. Получивши благопріятный отвѣтъ, *ватажка* приказалъ пастуху принесть имъ нѣсколько *будзовъ* и *малаевъ*, чтобы запастись на дальнѣйшій путь. Тотъ было на-

чалъ божиться, что всѣ припасы давно вышли, но предводитель отряда взялъ его по своему, будто слегка за волосы, тряхнулъ разъ-другой и прибавилъ внушительно.

— Не говори мнѣ этого въ другой разъ, хлопче, не то сниму голову и повѣшу за эти самые волосы; птицы будутъ клевать глаза, а волки растащутъ твои косточки... Понялъ?

Испуганный парубокъ, весь блѣдный, несмотря на загаръ, поспѣшилъ обратно на гору, пошатываясь изъ стороны въ сторону, точно пьяный.

— Ну, теперь, *хлопци*, этотъ намъ всего принесетъ...

Тарасъ взглянулъ на предводителя и убѣдился, что здѣсь у нихъ ни въ чемъ не будетъ недостатка,—они хозяйничаютъ на полонинахъ, какъ бы у себя дома.

Между тѣмъ опрышки взбирались на гору въ ту сторону, откуда вытекалъ источникъ Параджина и, утомленные послѣ труднаго пути, съ жадностью пили холодную воду. Утоливъ жажду, Тарасъ спросилъ, тотъ ли это самый Параджинъ, что впадаетъ въ Прутъ близъ Ворохты.

— Тотъ самый, сыну—заговорилъ словоохотливый старикъ. Одно *жерело*, какъ видишь, течетъ изъ подъ „Лабески", а другое вонъ изъ сосѣдняго хребта, изъ подъ „Берда"; оба они сливаются въ одинъ Параджинъ, который и течетъ черезъ Ворохту и дальше въ глубокомъ ущельи, а другой Параджинъ тоже имѣетъ два источника: одинъ подъ „Буковинкою" на венгерской границѣ, другой же подъ „Ворохтенькою".

И пошелъ толковать безъ конца. Скоро подошелъ къ нимъ тотъ же пастухъ со своимъ ватагою, оба нагруженные малаями и будзами. Молодцы забрали все это, уложили въ свои торбы и *бесаги* и двинулись дальше на гору. Поднявшись на самую вершину продолговатой Лабески, они пошли по зеленѣющему хребту, а вправо и влѣво, насколько глазомъ можно было окинуть, расходились, рядъ за рядомъ, вершины слѣдующихъ кряжей пониже, покрытыхъ то свѣтлою зеленью полонинъ, то темною дымкою непроходимыхъ лѣсовъ. Рѣзкій горный вѣтеръ охватывалъ неутомимую компанію при выходѣ на открытыя поляны, прекращавшійся только тогда, когда путь ихъ снова углублялся въ

лѣсъ. Такъ двигались они, пока не достигли „Кукулю", который еще выше уходилъ въ небо съ своею роскошною полониною.

Тамъ на сѣверной сторонѣ кое гдѣ бродили овцы, но *бугаровъ* при нихъ не было видно. Молодцы впрочемъ ихъ и не искали, не желая имѣть свидѣтелей, которые могли бы догадаться объ ихъ намѣреніяхъ. Оставивъ въ сторонѣ круглую вершину „Кукуля", они не торопясь начали спускаться на южный склонъ къ венгерской границѣ.

Тутъ обрисовалась передъ ними, повидимому совсѣмъ близко, высокая цѣпь Чорногоры. Говерля подымалась громаднымъ куполомъ, а рядомъ съ нею, словно обернувшись лицемъ къ этому великану, возвышалась огромная вершина венгерскаго Петросуля. Тарасъ взглянулъ въ ту сторону и сердце его забилось. Какой то благоговѣйный страхъ овладѣлъ имъ при видѣ этихъ колоссовъ. Спустившись съ зеленой полонины, опрышки вступили въ непроглядную, наводящую страхъ чащу лѣсовъ, которые тянутся вдоль венгерской границы до самой Чорногоры. Здѣсь пришлось пробираться сквозь густыя заросли огромнаго древовиднаго папоротника и можжевельника, разросшихся у подножія смерекъ. Иногда путь преграждала трясина, холодная, поросшая мхомъ, съ перегнившими на днѣ ея колодами; нужно было идти медленно, съ большими предосторожностями, чтобы избѣгнуть опаснаго мѣста или не наступить на змѣю.

По мѣрѣ того, какъ они углублялись въ лѣсъ, передъ ними открывалась такая пустыня, холодная, угрюмая, наводящая страхъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ; провести здѣсь ночь боялись даже они—разбойники. Ходили разсказы, что по ночамъ здѣсь не только бродятъ волки цѣлыми стаями, но зачастую здѣсь можно слышать вой лѣсныхъ *упырей* и *вовкуновъ*. Вступивши въ такое мѣсто, куда солнце никогда не заглядывало, гдѣ вѣковыя сосны стояли нѣмыя и грозныя, опрышки шли быстрѣе, сдерживая дыханье, боясь оглянуться назадъ,—столько здѣсь было опасностей. Хотя былъ еще день, но какой то *недобрый* вѣтеръ, казалось, глухо шевелилъ верхушками деревьевъ. Вотъ что то промелькнуло въ сторонѣ—рысь это, или не рысь? а, можетъ быть, еще что нибудь похуже.

Кое какъ миновали они, наконецъ, тѣ глухія мѣста, куда не заходитъ нога человѣческая, теперь они вышли на проѣзжую дорогу, на „Крывый Геги“, которую обыкновенно оставляли въ сторонѣ даже разбойники, до того она утомительна и неудобна. Тутъ нужно было снова карабкаться на гору; острые камни, осколки кремня осыпались изъ подъ ногъ и толкали назадъ; нужно было хвататься руками за вѣтки и корни смерекъ, покрытыхъ тощимъ, сѣрымъ мхомъ. А едва, взобравшись на ближайшую вершину, измученные, истерзанные, окровавленные, они должны были снова сползать въ долину, калѣчить себѣ руки и ноги.

Такъ подвигались они со многими препятствіями то внизъ, то вверхъ. Иногда промелькнетъ россомаха, уставивши на людей хищный взглядъ, то рысь, прижавшись къ вѣткѣ, готовится сдѣлать прыжокъ и вцѣпиться въ глаза первому попавшемуся; но стоило выстрѣлить одному и хищники исчезали въ то же мгновеніе въ лѣсной чащѣ.

Въ этой дикой, неприступной мѣстности, въ глухомъ ущельи, среди кремнистыхъ осыпей было ихъ убѣжище, хатка, кое какъ сложенная изъ стволовъ и вѣтвей смереки. Они не сразу вошли въ нее, какъ входятъ хозяева въ свое жилище; ватажка сперва свиснулъ еще издали, ему отвѣчали изнутри такимъ же свисткомъ. Тамъ ждали ихъ уже двое изъ товарищей, ходившіе предварительно на развѣдки въ окрестности Ясеня[1]). Тотчасъ приступили къ совѣщанію, въ какую сторону предпринять ближайшій набѣгъ, на венгерскій ли Ясень, или на Ворохту; но раньше рѣшили отдохнуть дня два на мѣстѣ. Тарасъ убѣдился, что отнынѣ для него наступаетъ новая жизнь, исполненная трудовъ и опасностей, а въ этомъ онъ нуждался, чтобы хоть немного заглушить бурю въ сердцѣ.

---

[1]) Ясень—большое поселеніе въ глубинѣ горъ вблизи Яблоницы, уже за венгерскою границею.

VII.

Уже въ продолженіи нѣсколькихъ дней отецъ Олены лежалъ больной съ переломленнымъ ребромъ. Старый знахарь, пользовавшійся извѣстностью въ цѣлой околицѣ, заговорилъ рану, натеръ ее мазью изъ травъ, собранныхъ въ извѣстное время на дальнихъ горахъ, можетъ быть даже на *Шпыляхъ* чорногорскихъ, пошепталъ, покурилъ, какъ того требовалъ случай, и въ заключеніе предсказалъ, что все будетъ хорошо.

Олена не смѣла показываться на глаза отцу: тотъ приходилъ въ ярость и на нее, и на старуху, которая не сумѣла присмотрѣть за дочерью. Дѣвушка заливалась слезами, мать вздыхала, ломая руки. Больной молчалъ большею частью, по временамъ тяжело вздыхая, когда передъ глазами его вставала, какъ живая, молодая женщина, которую онъ зналъ много лѣтъ тому назадъ. Онъ видѣлъ, какъ она, довѣрчивая, ничего не знавшая дѣвушка, выходила изъ отцовской хаты въ Микуличинѣ и спѣшила на берегъ Прута, съ нетерпѣніемъ поджидая *сплавовъ*, съ которыми онъ долженъ былъ прибыть. Съ какою радостью встрѣчала она его, все лицо ея сіяло счастьемъ... Тогда его *сплавъ*, разъ приставши къ берегу, не могъ уже поспѣть за остальными. Неужели онъ обманывалъ ее?.. Вѣдь у него также билось сердце, когда плотъ подходилъ туда... къ хорошо знакомому мѣсту. Сколько разъ бывало позднимъ вечеромъ крался онъ, какъ тѣнь, пустынными *плаями* изъ своей Ворохты черезъ Ребровачъ и Лѣснёвъ кратчайшимъ путемъ напрямикъ, тайкомъ отъ отца; около полуночи условнымъ знакомъ вызывалъ милую изъ хаты, проводилъ съ нею нѣсколько часовъ, а утромъ до восхода солнца уже былъ въ Ворохтѣ. Когда отецъ, недовольный, спрашивалъ, зачѣмъ онъ поднялся такъ рано, молодой человѣкъ объяснялъ, что ходилъ на *царыну* посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ какой потравы, или за топоромъ, который отдалъ кому нибудь, то за тѣмъ, то за другимъ и на все находилъ отговорку. Или самъ онъ былъ инымъ въ то время?

Теперь онъ хотѣлъ бы забыть все прошлое, но давно изгладившіяся картины одна за другою, упрямо вставали въ его па-

мяти. Онъ никакъ не могъ избавиться отъ нихъ. Что же онъ сдѣлалъ впослѣдствіи? Какъ это случилось, что онъ бросилъ вѣрно любившую его дѣвушку?... Видно, такъ ужъ было на роду написано!... Такъ по крайней мѣрѣ силился онъ увѣрить самого себя. Развѣ его вина, если судьба судила ему другую?

Онъ застоналъ; рана сильнѣе заболѣла въ боку, но на вопросъ жены, нельзя ли чѣмъ нибудь ему помочь, отвѣчалъ только угрюмымъ взглядомъ. Онъ удивлялся, зачѣмъ приходятъ въ голову такія мысли, если онъ давно уже забылъ о нихъ... если ея самой давно уже нѣтъ въ живыхъ. А между тѣмъ образъ обманутой дѣвушки снова вставалъ передъ глазами... тутъ, близко, въ самой Ворохтѣ, хоть онъ никогда не видалъ ея тамъ.

И вотъ теперь самъ Богъ покаралъ его: собственный сынъ возсталъ на него, но и въ этомъ виноватъ опять таки онъ самъ. Развѣ не бросилъ онъ сиротку, какъ собаку?

Наконецъ, измученный такими мыслями, старикъ началъ засыпать, но сонъ его былъ тяжелый, тревожный; онъ поминутно вскакивалъ въ испугѣ и во снѣ видѣлъ продолженіе дѣйствительности, но, пробудившись подъ утро, былъ нѣсколько спокойнѣе и рана начала затягиваться. Знахарь увѣрялъ, что ребро срастется, и дѣйствительно, больной началъ поправляться. Для гуцула не рѣдкость имѣть сломанное ребро или два. Бываютъ и не такіе случаи, а отлежится человѣкъ и все какъ то проходитъ. Кости у нихъ крѣпкія—если и сломаются, то скоро снова срастаются.

Никто уже не сомнѣвался въ выздоровленіи, какъ вдругъ какъ то сразу пришла вѣсть о томъ, что Тарасъ присталъ къ опрышкамъ. Старикъ пришелъ въ ужасъ; онъ понялъ всю опасность своего положенія и его кинуло въ дрожь... Теперь онъ былъ увѣренъ, что Тарасъ, подыскавши товарищей, отомститъ за всѣ свои бѣдствія, за свое сиротство и нищенское дѣтство, проведенное безъ родительскихъ заботъ и попеченій о немъ, за одиночество и смерть матери. Теперь онъ навѣрно придетъ, сожжетъ его хату, перебьетъ *марыну*, его самого убьетъ, а дочь похититъ.

Въ тревогѣ старикъ забылъ о своихъ ранахъ, вскочилъ съ постели и началъ готовиться къ защитѣ. То осматривалъ и приводилъ въ порядокъ оружіе, то пробовалъ получше укрѣпить двери хаты, цѣлую усадьбу хотѣлъ обнести высокимъ частоколомъ. Но все это казалось ему недостаточно. Онъ чувствовалъ, что самъ не въ силахъ ничего сдѣлать и, гордый прежде, не желавшій никому одолжаться, онъ теперь готовъ былъ просить сосѣдей о помощи. Но, ничего не сдѣлавши, а выбившись только изъ силъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на кровать... Рана снова раскрылась, старикъ чувствовалъ, какъ кровь его испаряется, приливаетъ къ лицу, молоткомъ стучитъ въ голову, шумитъ въ ушахъ. Когда наступила ночь, начался бредъ.

Обѣ женщины приходили въ ужасъ, когда онъ въ безпамятствѣ вскакивалъ съ постели, приказывалъ заложить дверь коломъ, крича, что они уже тутъ... близко... уже подходятъ... Онъ уже слышитъ ихъ... тамъ... за окномъ... Они сговариваются между собою... хотятъ поджечь хату!

— Бѣжимъ!—закричалъ старикъ, бросаясь къ двери, прежде чѣмъ его успѣли удержать, и упалъ совершенно обезсиленный, такъ что испуганныя женщины едва могли встащить его на постель. Сонъ его былъ тревожный, прерывистый, въ груди слышалось сильное хрипѣніе, по временамъ вырывался какой то странный, необычный, судорожный стонъ. Вдругъ больной снова приподнялся и, устремивъ въ одинъ уголъ широко раскрытые глаза, заговорилъ тревожнымъ шопотомъ:

— Ты здѣсь?... Однако жъ, ты давно умерла... Развѣ можно приходить съ того свѣта?...

Онъ весь дрожалъ, словно отъ сильнаго мороза, и вдругъ закричалъ умоляющимъ голосомъ:

— Но вѣдь я... Я не зналъ... когда ты умирала... Клянусь Богомъ, не зналъ!... Повѣрь мнѣ... Я бы пришелъ... Не вѣришь?.. Ты прежде всегда вѣрила мнѣ!...

Обѣ женщины стояли пораженныя; ни мать, ни дочь не могли понять, что это значило, съ кѣмъ онъ говорилъ? Потомъ онъ обратился къ женѣ:

— Но ты... не вѣрь ей... нѣтъ! Это не она... Ты можетъ быть думаешь, что это она—та самая? Нѣтъ! той уже нѣтъ на свѣтѣ... Это *мара*... Теперь такое время... повѣрь, что это только время такое... вотъ... посмотри! уже разсѣялось... Правда, ее ужъ нѣтъ?... Она больше не придетъ. Вѣдь я не виноватъ передъ нею въ томъ, что ты здѣсь? Не выгнать же тебя изъ хаты... Не бойся. Я тебя не выгоню... Что?... Я съ нею?... Да я здѣсь съ нею не буду жить!... Охъ! какъ холодно!... Ноги коченѣютъ... Я весь замерзъ... Затопите *ватру!*... Поскорѣе! поскорѣе! Я сейчасъ замерзну... Что это, буря на дворѣ, что ли?... Охъ! какой холодъ!

Онъ упалъ на кровать, корчась отъ судорги. Дыханье было громкое, горячее и крупныя капли пота выступали на лицѣ; лице позеленѣло, глаза глубже запали въ орбитахъ; онъ продолжалъ кричать, что зябнетъ, а черезъ минуту спрашивалъ, почему это такъ жарко, зачѣмъ столько огня въ печи? Потушить сейчасъ же!... Но огня не было, еще не успѣли затопить очагъ. Онъ не вѣрилъ этому и бранилъ жену, которой теперь нельзя было вѣрить на слово. А можетъ быть она сговорилась съ тою? Онѣ обѣ теперь въ заговорѣ противъ него.

— Не нужно мнѣ его!—снова закричалъ больной.—Онъ не мой! Кто вамъ сказалъ, что этотъ легинь мой? Клянусь Богомъ, онъ только хочетъ убить меня! Но отца... Развѣ можно убивать своего отца!

При этихъ словахъ Олена громко зарыдала; она приняла это на свой счетъ и думала, что она причиною смерти отца; она убила его... Тотъ легинь—чужой, ничѣмъ ему не обязанъ, но она, родная дочь—и черезъ нее... Дѣвушка упала на колѣни, вся въ слезахъ и поспѣшно читала молитвы. Старикъ устремилъ на нее мутные глаза, уже подернутые туманомъ смерти, и заговорилъ въ полголоса:

— Уже молятся надо мною?... Я уже умеръ?... Положили въ гробъ... Еще... погодите!... Я вамъ говорю, еще рано!... О! не зажигайте свѣчи!... Смотрите!

Онъ заснулъ, черезъ минуту пробудился, опять задремалъ на минуту и такъ до утра, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось ему все хуже и хуже.

VIII.

Вдоль плая надъ Прутомъ потянулась длинная похоронная процессія. Далеко по горамъ и лѣсамъ раздавались печальные звуки *трембитъ*. Впереди шелъ дьякъ, бѣлый какъ лунь, съ большимъ крестомъ въ рукахъ, за нимъ несли двѣ хоругви, принесенныя изъ самаго Микуличина, медленно шелъ священникъ и пѣлъ молитвы, а дьякъ вторилъ ему. За гробомъ шли наемныя плакальщицы, съ распущенными волосами, развѣвающимися одеждами, оглашая воздухъ раздирающими душу рыданіями и крикомъ. Посреди нихъ, шатаясь, медленно шла вдова, совсѣмъ обезсиленная горемъ, поддерживаемая другими женщинами, и ея дочь, почти потерявшая сознаніе. Время отъ времени старуха, какъ бы опомнившись и собравшись съ силами, въ отчаяніи всплескивала руками и начинала голосить.

— И зачѣмъ это ты покинулъ меня, газдо?... Теперь же я безъ тебя бѣдная сиротинка, безъ своего хозяина... одна останусь въ хатѣ... Кто теперь будетъ въ полѣ работать?... Кто присмотритъ за *марьиною?*... Кто соберетъ на *царынкахъ* сѣно для *худобы?*... Ой, бѣдныя вы теперь, мои коровки и овечки! остались сиротами, какъ и я... безъ газды моего... Кто заложитъ вамъ корму въ ясли? кто напоитъ васъ? кто пошлетъ весною на полонины?...

Другія женщины хоромъ подхватывали и развивали эту тему, заглушая своими воплями мѣрное причитаніе вдовы. Олена шла какъ бы во снѣ, ничего не видя и не сознавая, что дѣлалось кругомъ. По временамъ ей казалось, что все это не болѣе какъ страшный, продолжительный сонъ—такъ невѣроятна казалось ей дѣйствительность, къ тому же эти послѣдніе дни были такъ ужасны! Ей казалось, что голова распадается на части, и дѣвушка, инстинктивнымъ жестомъ, схватывалась за нее обѣими руками.

Вокругъ толпилась масса народа, потому что хоронили богача, для чего и священникъ пріѣхалъ изъ Микуличина и будетъ роскошный поминальный обѣдъ. Дѣти изъ цѣлаго села бѣжали за процессіею, предчувствуя поживу.

Схоронили мертвеца, засыпали могилу и начались поминки; народъ тѣснился вокругъ столовъ, вдова продолжала причитать, то разражаясь громкимъ плачемъ, то перечисляя добродѣтели и заслуги покойнаго, но голосъ ея заглушался шумными разговорами, стукомъ посуды и только ближайшіе къ ней сочувственно кивали головами, не отставая отъ прочихъ въ ѣдѣ. На столѣ одна за другою появлялись миски съ кушаньемъ, дымясь и распространяя аппетитный запахъ, черезъ минуту принимались уже опорожненныя, уступая мѣсто новымъ блюдамъ; громкіе разговоры мущинъ, визгливыя причитанія женщинъ, стукъ ложекъ, рѣзвые дѣтскіе голоса—все это сливалось въ такой гулъ, что вскорѣ ничего уже нельзя было разобрать.

Избѣгая вида этихъ людей, Олена заперлась въ коморѣ и все еще никакъ не могла опомниться, недоумѣвая, какъ все это случилось и за что на нее вдругъ обрушилось столько горя. Когда мать отыскала ее здѣсь, дѣвушка пришла въ себя, схватилась за голову и заголосила:

— Ой, зачѣмъ меня мать на свѣтъ народила?... Лучше бы отецъ взялъ меня еще ребенкомъ, привязалъ камень на шею и бросилъ бы въ воду!... А теперь самъ онъ чрезъ меня погибъ!..

— Ты въ томъ не виновата—утѣшала ее мать.—Ты теперь бѣдная сиротка. Развѣ ты знала, что отецъ твой такой гордый, и оба они такіе лютые враги!... О! лучше бы тебѣ никогда не знать этого легиня! А теперь черезъ него я потеряла своего газду, а ты *неня* [1]).—Старуха громко рыдала...

— Ой, мамо, почему я глубже не упала въ воду, когда тонула? Зачѣмъ спасли меня тогда на мое и всѣхъ васъ несчастье? А теперь и отца нѣтъ на свѣтѣ, и онъ...—слезы сильнѣе потекли изъ глазъ дѣвушки—онъ ушелъ... куда его понесла *лыха годына*?...

— А, чтобъ онъ разбился на горахъ и скалахъ! чтобъ его *вовкулаки* разорвали!--проклинала старуха.

— И куда онъ ушелъ, мамо моя?—Дѣвушка со страхомъ смотрѣла на мать, ища въ ея глазахъ подтвержденія страшной догадки.

---

[1]) Неньо—по гуцульски уменьшительное названіе отца.

— А что намъ до него за дѣло?... Пусть тамъ и пропадаетъ! чтобъ его задавило!...

Олена горько зарыдала при этихъ словахъ, мать вторила ей, заливаясь слезами. А изъ хаты доносились уже болѣе тихіе и глухіе голоса полусонной, полупьяной компаніи; на селѣ раздавался жалобный вой собакъ, въ лѣсу перекликались совы и ночной вѣтеръ подулъ съ горъ.

IX.

Съ той минуты, какъ Тарасъ присталъ къ дружинѣ, онъ не зналъ покоя. Олена такъ и стояла передъ нимъ, несмотря на всѣ усилія его заглушить въ себѣ воспоминанія о ней. Онъ брался за все и, чѣмъ тяжелѣе былъ трудъ, чѣмъ больше опасность, тѣмъ охотнѣе онъ принимался за дѣло. Въ такія минуты онъ съ ловкостью кошки взбирался на отвѣсныя скалы и утесы, между тѣмъ, какъ его товарищи, задыхаясь отъ усилій, съ трудомъ карабкались на гору. Потъ лилъ съ него ручьями, лице горѣло, рубашка прилипала къ тѣлу, а онъ лѣзъ дальше, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, лишь бы подавить воспоминанія прошлаго. Если нужно было развести огонь, онъ первый бѣжалъ за деревомъ и выбиралъ самыя тяжелыя колоды. Тогда жилы, налитыя кровью, натягивались, какъ струны, и, казалось, готовы были лопнуть каждую минуту; онъ думалъ, что вотъ вотъ переломится спина и желанная смерть разомъ прекратитъ всѣ душевныя муки.

Напрасныя надежды! Олена по прежнему не выходила изъ головы и отчаяніе овладѣвало имъ...

Опрышки бродили по ярамъ и ущельямъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ворохты и требовали, чтобы Тарасъ велъ ихъ въ свое село. Онъ можетъ указать, гдѣ, въ какой хатѣ хранятся *сороковки*, кораллы и широкіе венгерскіе пояса съ серебромъ. Но Тарасъ постоянно оттягивалъ походъ подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. То онъ узнавалъ, что въ то самое

время должны были проходить *теребы-люльки* [1]) или отрядъ милиціи, то день былъ назначенъ какой то недобрый, критическій, то онъ слыхалъ, что у какого нибудь богача праздновалась свадьба; половина села на ногахъ, пьютъ и гуляютъ вмѣсто того, чтобы спать, а тогда вся дружина попадетъ словно въ западню. Товарищи сердились на него, но по неволѣ уступали, признавая справедливость его доводовъ, и поджидали тѣхъ двухъ гуцуловъ изъ Ворохты. Наконецъ одинъ изъ нихъ прибылъ съ извѣстіемъ, что теперь нельзя сдѣлать нападенія: въ селѣ отбываются поминки, которыя могутъ затянуться довольно долго, такъ какъ умеръ богачь и вдова на поминкахъ не жалѣетъ ни водки, ни сытныхъ *малаевъ*.

Словно обухомъ по лбу ударило Тараса при этомъ извѣстіи; онъ спросилъ дрожащимъ голосомъ, не смѣя смотрѣть въ глаза газдѣ:

— Какія тамъ поминки? Что это за богачъ умеръ?

— Какія поминки?.. Будто ты не знаешь, кого такъ отдѣлалъ!

У Тараса вся кровь сбѣжала съ лица, въ глазахъ потемнѣло, онъ едва устоялъ на ногахъ, но гуцулъ спокойно прибавилъ:

— Да, уже грызетъ землю тотъ, кого ты желалъ бы имѣть тестемъ!—лице говорившаго искривилось злобною улыбкою, а молодой человѣкъ стоялъ блѣдный, весь дрожа, не смѣя уже ни о чемъ дальше и спросить.

— Ой, такъ, такъ, отозвался другой, если кто нибудь изъ насъ помретъ, то едва найдутъ какія нибудь старыя, гнилыя доски, чтобы не прямо бросить въ землю на съѣденіе червямъ грѣшное наше тѣло, и только товарищи понесутъ насъ безъ молитвы, и плакальщицы не будутъ причитать, и ни одинъ попъ не пропоетъ молитвы надъ нами. А когда умретъ такой, то полъ села сойдется на похороны, сбѣжится цѣлый рой плакальщицъ отдать честь и слезами, и воплями покойнику, а попъ пріѣдетъ изъ самаго Микуличина, или даже изъ Ясеня. Иной

---

[1]) Такъ называютъ въ народѣ таможенную стражу, занятую преслѣдованіемъ контрабанднаго табаку.

разъ даже двухъ привезутъ издалека. Тутъ уже столько прочтутъ и пропоютъ молитвъ, что покойникъ скорѣе очистится отъ грѣховъ и душа легче попадетъ въ рай. А каково то намъ, бѣднякамъ?..

— Намъ, отозвался ватажка, можетъ быть вороны, а можетъ быть и орлы выклюютъ глаза, а волки разнесуть кости по лѣсамъ... а можетъ быть еще придется висѣть гдѣ нибудь на суку. Повѣрь только, хлопче, что несмотря на все это, одна участь ожидаетъ и тѣхъ, и другихъ...

Разговоръ продолжался на эту тему, а Тарасу было такъ горько на душѣ, имъ овладѣло такое отчаяніе, точно и его черезъ минуту ожидала смерть, и только одинъ образъ овладѣлъ его мыслью, не давалъ ни минуты покоя. Онъ видѣлъ постоянно трупъ отца и себя, его убійцу; не слышалъ онъ ни разговоровъ окружающихъ, ни ихъ смѣха; ему казалось, что и сюда, въ это дикое, глухое ущелье доносились отдаленные звуки молитвъ и жалобныхъ причитаній... Онъ былъ увѣренъ, что теперь постигнутъ его проклятія вдовы и дочери, которыя но его винѣ остались сиротами.

X.

Тарасъ съ товарищами обошелъ всѣ лѣса и ущелья, тянувшіеся у подножья Чорногоры, спускался оврагами и лѣсною чащею въ дикія мѣстности у истоковъ обоихъ Черемошей. Не разъ даже, съ осторожностью лисицы, заходили въ окрестности Кутъ и Косова, нападая по ночамъ на одинокія удаленныя отъ города хаты. Только въ Ворохту онъ ни за что не хотѣлъ идти, упорно отказывая въ этомъ товарищамъ. Тѣ наконецъ примирились съ его отказомъ и ходили туда одни въ сопровожденіи другихъ газдовъ изъ Ворохты. Тогда оставаясь одинъ въ какомъ нибудь ущельи, онъ переживалъ самыя тяжелыя для него минуты: все минувшее и пережитое проходило передъ нимъ и трупъ убитаго являлся передъ глазами. Онъ еще на землѣ терпѣлъ наказаніе за свой грѣхъ.

Не разъ дружина принуждена бывала бѣжать передъ стражею, или *стрыжаками* [1]), карабкаясь какъ козы по обрывамъ скалъ, скрываяся между густыми вѣтвями, или съ ловкостью рыси взбираясь на деревья. Не скоро послѣ того снова сходились опрышки и то гдѣ нибудь далеко въ глухомъ мѣстѣ. Иногда, послѣ пораженія, разбѣгались такъ, что казалось уже совсѣмъ исчезли, какъ въ воду канули, особенно если кто нибудь изъ дружины попадалъ въ руки властей и послѣ скораго суда оканчивалъ жизнь для примѣра прочимъ, на висѣлицѣ. Мирные обыватели успокаивались, будучи увѣрены, что вся шайка или переловлена, или же перебита, или же погибла въ казематахъ.

Но проходило нѣсколько мѣсяцевъ и они снова появлялись гдѣ нибудь далеко, на „Горганахъ", на „Добощанкѣ", на дальней „Сивулѣ" и снова, втеченіи нѣсколькихъ дней навѣщали богатыя селенія надъ широкимъ послѣ сліянія Черемошемъ.

Иногда случалось заходить и на венгерскую сторону. Долина Черной Тисы хорошо была извѣстна опрышкамъ, такъ же какъ и глухія ущелья надъ Бѣлою Тисою. Видали они даже и ту обширную долину, окруженную вѣнцемъ высокихъ горъ, гдѣ сливается Бѣлая Тиса съ Черною и дальше текутъ вмѣстѣ; отсюда начинаются первыя горныя селенія и рѣчная долина теряетъ свой пустынный, безлюдный характеръ.

Тарасъ участвовалъ во всѣхъ этихъ переходахъ, исполненныхъ случайностей и опасностей, не разъ представлявшихъ ему случай выказать свою силу и храбрость. Онъ зачастую отваживался на то, на что другой никогда бы не рѣшился, рисковалъ жизнью и все таки оставался невредимымъ. Этимъ пріобрѣлъ онъ любовь и уваженіе товарищей, которые признавали его самымъ лучшимъ изъ дружины; всѣ были за него, хоть онъ никому не спускалъ и нѣкоторымъ давалъ себя знать.

Казалось, Тарасъ могъ бы забыть обо всемъ при такой жизни, полной трудовъ и волненій. Среди опасностей онъ, какъ пьяный, бросался впередъ, очертя голову, забывая обо всемъ кромѣ данной минуты; но когда наступала ночь и все успокаивалось,

---

[1]) Мѣстное прозвище солдатъ, которые стригутъ волосы.

недавнее прошлое вставало передъ глазами. Казалось, онъ снова слышалъ знакомый голосъ и стоны...

Измученный видѣніями, блѣдный отъ страха, онъ нетерпѣливо ждалъ и не могъ дождаться разсвѣта, а по утру чуть живой едва вставалъ на ноги. Видѣлись ему въ тихія ясныя ночи и другіе сны. Онъ былъ въ Ворохтѣ, вмѣстѣ съ Оленою. Она спрашивала, гдѣ онъ былъ такъ долго и зачѣмъ оставилъ ее, и обнимала его, умоляя не бросать ее больше. Тогда онъ начиналъ тревожиться, какъ бы старикъ снова не застигъ ихъ вмѣстѣ. А когда тотъ являлся, Тарасъ дивился, какъ это онъ еще живъ? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что онъ давно убитъ. Но старикъ бросалъ на него злобный взглядъ и прекращалъ всякія сомнѣнія, говоря:

— Не думай, хлопче, что я уже не встану... Ты бросилъ меня съ *кладки*, сломалъ два ребра... Смотри, какъ они выдаются... а теперь я тебѣ еще лучше переломаю ребра...

И бросался на него; Тарасъ хотѣлъ бѣжать и не могъ пошевельнуться, не могъ двинуться съ мѣста, словно прикованный. Въ глазахъ темнѣло, онъ чувствовалъ только, какъ чья то огромная, холодная рука хватала его за горло и стискивала все сильнѣе и сильнѣе, ломая кости; онъ выбивался изъ силъ, пытаясь освободиться, наконецъ просыпался и, очнувшись среди товарищей, все еще чувствовалъ тяжелое прикосновеніе той страшной руки.

Такого рода видѣнія сильно разстраивали Тараса; иногда онъ доходилъ до галлюцинацііій. Этотъ трупъ преслѣдовалъ его и во снѣ, и на яву и не только по ночамъ, но и въ пасмурные дни, когда темныя, мрачныя тучи, заволакивая небо и горы, все ниже и ниже опускались надъ землею, и казалось готовы были поглотить весь свѣтъ.

XI.

Въ хатѣ, гдѣ остались осиротѣвшія женщины, не было также ни ясныхъ дней, ни спокойныхъ ночей.

Оленѣ также не разъ являлся во снѣ отецъ, блѣдный и угрюмый; но когда она приближалась къ нему, радуясь, что

онъ еще живъ, онъ отталкивалъ дочь съ такимъ видомъ, какъ бы намѣреваясь проклясть ее.

Съ своей стороны и старуха не имѣла покоя, какъ ни молилась и сколько ни давала щедрыхъ вкладовъ на микуличинскую церковь, ничто не помогало. По ночамъ ей безпрестанно чудилось, что кто то шумитъ то въ сѣняхъ, то въ коморѣ; иногда же ей слышался даже легкій шопотъ—души, жаждущей искупленія. Она знала, что это грѣшная душа требуетъ молитвы, и не скупясь давала на церковь, а желаннаго покоя все таки не было.

Хозяйство безъ хозяина быстро приходило въ упадокъ. Часть скота передохла, часть зарѣзали на полонинахъ волки и медвѣди. Случалось, что и рысь забиралась въ кошары и производила тамъ ужасныя опустошенія; кровожадный звѣрь впивался когтями въ вымя коровы, оставлялъ одну, бросался на другую и черезъ нѣсколько минутъ въ кошарѣ лежали одни трупы.

Изгородь вокругъ сѣнокосовъ приходила въ ветхость и разрушалась, самыя *царыны*—выпасены и потравлены еще задолго до покоса. Сѣна не доставало на зиму даже для уцѣлѣвшей скотины.

На всемъ сказывалось отсутствіе хозяина и вдова пріискивала мужа для своей дочери, чтобы хозяйство окончательно не упало. Олена же не хотѣла и слышать объ этомъ. Она продолжала тужить за легинемъ, хоть и сознавала, что онъ погибъ на вѣки и для нея, и для роднаго села. Она одна не считала его убійцею своего отца; она знала, что старикъ самъ былъ причиною своей смерти. Если бы онъ не всталъ съ постели, когда начиналъ уже поправляться, если бы не начиналъ хлопотать, готовясь къ защитѣ, когда у того и въ мысляхъ не было нападать на ихъ жилище, не случилось бы такого несчастья.

Олена и въ мысляхъ не допускала, чтобы Тарасъ могъ напасть на ихъ хату. Правда, онъ присталъ къ опрышкамъ, но что же ему бѣдному было дѣлать, если все складывалось противъ него! Дѣвушка знала, что отецъ ея человѣкъ суровый и злопамятный и никогда не простилъ бы ему; извиняла, какъ могла

своего милаго, хоть и сознавала, что судьба разлучила ихъ на вѣки.

Мать же иначе смотрѣла на дѣло. Газда нуженъ въ домѣ во что бы то ни стало, они не могли оставаться вдвоемъ съ дочерью, потому что двѣ женщины не въ состояніи однѣ вести хозяйство какъ слѣдуетъ; да наконецъ вѣдь на то и дѣвушка, чтобы отдавать ее замужъ.

Долго сопротивлялась Олена, но, когда собрались кумовья и родственники ея матери, семейный совѣтъ рѣшилъ выдать замужъ дѣвушку помимо ея воли. Подыскали жениха, запили заручины, отпраздновали дѣвичникъ и дѣло было кончено. Не помогли ни слезы, ни просьбы дѣвушки—ее насильно повели къ вѣнцу.

Мать была довольна тѣмъ, что въ хатѣ явился хозяинъ; теперь будетъ кому дѣлать работу покойнаго и сберегать то, что еще уцѣлѣло изъ ихъ имущества. Олена, напротивъ, не могла утѣшиться, не могла забыть Тараса, по прежнему тосковала за нимъ и горько украдкою плакала. Это раздражало ея мужа, начинались упреки, брань, иногда дѣло доходило до побоевъ, въ хатѣ не было житья. Старуха вступалась за дочь и, будучи отъ природы кроткаго характера, приходила въ ярость, какъ волчица когда тронуть ея дѣтенышей. Тогда зять подымалъ руку на тещу и въ хатѣ начинался невообразимый адъ.

Иногда и дочь упрекала мать за то, что отдали ее человѣку, для нея не подходящему, какъ бы на погибель. Тогда снова подымались ссоры и домашняя война такимъ образомъ не прекращалась.

XII.

Образъ старика не давалъ покоя Тарасу, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Если случалось опрышкамъ проходить вблизи какого нибудь села, молодой человѣкъ, переодѣвшись парубкомъ изъ отдаленной мѣстности, обращался къ бабамъ, пользовавшимся широкою извѣстностью, какъ знахарки и лекарки,

за совѣтомъ и помощью въ своей болѣзни. Побывалъ онъ у самыхъ знаменитыхъ *чаровницъ*, имѣвшихъ вѣрныя *средства* и знавшихъ *такія слова* и заговоры, что могли заклясть и отвести какую угодно напасть, что пристаетъ къ людямъ.

Но ни завѣтныя слова, ни кипящія зелья, ничто не помогало. Умершій по прежнему продолжалъ являться въ темныя ночи; не удерживало его ни мѣсто, ни разстояніе; и на своей, и на венгерской границѣ, всюду онъ былъ какъ дома...

Однажды услыхалъ Тарасъ отъ старыхъ людей, что въ Ясенѣ венгерскомъ есть священникъ, знающій болѣе всякихъ бабъ и знахарей; онъ знаетъ такія молитвы и такія заклинанія, противъ которыхъ не устоитъ самая упрямая *мара*. Раньше въ Яблоницѣ было такое множество упырей, изъ *живыхъ* и *мертвыхъ*, что стонъ стоялъ тамъ по цѣлымъ ночамъ; а если свирѣпствовала въ селѣ какая нибудь болѣзнь, тогда уже кишмя кишѣло нечистой силы, такъ что страшно было выйти изъ хаты: сейчасъ же что то подуетъ на человѣка, подкоситъ его и повалитъ на кровать. Но какъ только призывали этого священника, какъ только онъ прочитывалъ свои молитвы и окроплялъ святою водою *несамовытыя* мѣста, все какъ рукою снимало: все *злое* уходило куда то въ далекія горы и пущи и только изрѣдка появлялся по ночамъ одинъ какой нибудь упырь. Этотъ священникъ знаетъ лучшіе способы, нежели всякіе знахари и чаровницы.

Тарасъ началъ подумывать о томъ, какъ бы сходить въ Ясень къ этому человѣку, но идти *плаемъ* прирѣчнымъ или прямою дорогою на Яблоницу и въ Венгрію онъ не рѣшался, предпочитая пробираться глухими ущельями, лишь бы не встрѣтить на пути кого нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ. Идти одному ему тоже не хотѣлось, онъ избѣгалъ одиночества, такъ какъ тогда ему бывало какъ то особенно не по себѣ: извѣстно, что нечистый имѣетъ больше власти надъ одинокимъ человѣкомъ.

Однажды, когда опрышки расположились лагеремъ въ горной долинѣ „Гаджыны", дикой, глубокой котловинѣ, оглашаемой грознымъ шумомъ потоковъ, у подножья нагроможденныхъ обвалами скалъ, явился хорошо извѣстный компаніи черный еврей

изъ Ясеня. Надѣленный богатырскою мускулатурою и по наружному виду похожійскорѣе на разбойника, нежели на купца, этотъ еврей поддерживалъ правильныя сношенія съ опрышками. Иногда онъ даже принималъ участіе въ ихъ предрпіятіяхъ, бывавшихъ успѣшнѣе въ такихъ случаяхъ, такъ какъ онъ указывалъ мѣста, гдѣ могла быть самая богатая добыча.

Тогда вся его наружность измѣнялась; не только лице, но и фигура принимала иной видъ. Иногда онъ ходилъ съ дружиною подъ видомъ стараго венгерскаго крестьянина съ сѣдою бородою, присыпанною мелкою известью, и тогда его черные волосы дѣлались серебристыми; смуглое, морщинистое лице еврея становилось краснымъ какъ бы отъ сильнаго загара... Въ другой разъ онъ шелъ въ походъ настоящимъ цыганомъ, натиралъ лице сажею, одѣвался въ грязныя лохмотья, какъ бродяга изъ шатра, а глаза его блестѣли, какъ у черной кошки.

Въ Ясени онъ былъ купцомъ и мирнымъ обывателемъ; у него можно было достать всевозможныя вещи: богатые уборы и пояса, золотыя цѣпи, куньи и медвѣжьи шуби. Говорили, что во время отлучки изъ дому, онъ ходилъ по помѣщичьимъ дворамъ и на своей, и на польской сторонѣ и скупалъ всѣ эти предметы роскоши. Такого рода торговля должна была приносить не малые барыши.

Вотъ и теперь появился онъ неожиданно въ отдаленной котловинѣ Гаджыны. Очевидно, онъ въ совершенствѣ зналъ всѣ тропинки и ущелья, если и здѣсь былъ какъ у себя дома.

Надъ дикою долиною, узкою, вилообразною, окаймленной быстрыми потоками, возвышался съ западной стороны отвѣсный гребень Шпицевъ чорногорскихъ. Обрывы скалъ шли рядами одни причудливѣе другихъ, то въ видѣ надгробныхъ памятниковъ, то напоминая древнія полуразрушенныя часовни, заколдованные замки или крѣпостныя стѣны, лежащія въ развалинахъ. То они стояли отвѣсно въ нѣсколько ярусовъ одинъ надъ другимъ, то нависли надъ пропастью, какъ бы готовыя ежеминутно сорваться. Строили ихъ упыри скальные, а можетъ быть и еще какіе нибудь болѣе грозные духи... во всякомъ случаѣ это дѣло нечистой силы, если при взглядѣ на нихъ человѣка схватывала *облуда*

и не одинъ гуцулъ, пробовавшій пройти по хребту этихъ горъ, обманутый заворотами скалъ, попадалъ въ такое мѣсто, гдѣ уже не могъ удержаться и скатывался съ горы на потѣху злыхъ духовъ, жаждущихъ людской крови.

Но молодцы были не изъ трусливаго десятка; они привыкли уже къ нечистой силѣ, бродя по лѣсамъ и горамъ, да и еврей, должно быть, давно уже продалъ душу чорту, если все ему такъ удавалось и удается.

Здѣсь то, подъ скалою находилось тщательно скрытое складочное мѣсто, откуда ватажка вынесъ золотыя цѣпи, серебрянныя застежки, бобровые мѣха, желтые сафянные сапоги, еврейскіе атласные халаты, жемчужныя повязки, гуцульскія *порошныці*, украшенныя *кильцями.* Начался торгъ. Еврей оглядѣлъ товаръ, толкая съ пренебреженіемъ купца ногою халаты, сапоги и старое оружіе, но когда украдкою бросалъ взглядъ на золото и жемчугъ, глаза его разгорались, какъ у хищнаго звѣря, готовящагося пожрать добычу.

— Чтожь ты такъ пренебрегаешь нашимъ трудомъ, собача вира?—закричалъ ватажка.—Смотрите пожалуста... шубы ему не хороши и атласъ тоже...

Нѣкоторые изъ молодцовъ вызывающимъ взглядомъ смотрѣли на еврея, а одинъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ схватить его за горло, пошутить немного съ *невирою.* Впрочемъ, все это ни мало не тревожило еврея, онъ отплевывался еще громче. Видно, это было ему не въ первинку. А когда одинъ изъ молодцовъ толкнулъ его въ бокъ, то раздраженный еврей, не обращая вниманія на предводителя отряда, отвѣтилъ ему пощечиною. Завязалась драка, но силы противниковъ оказались не равными, еврей скоро повалилъ гуцула и насѣвши на него, замѣтилъ:

— Видишь, Кирило, я тебя не боюсь. Что ты скажешь, если я сейчасъ поломаю тебѣ ребра?

Прочіе смѣялись только, глядя на эту сцену; побѣжденный сперва копошился на землѣ, но, не въ силахъ будучи высвободиться изъ подъ огромнаго еврея, вскорѣ перемѣнилъ тонъ.

— Змылуйся, чоловиче!... Къ чему намъ убивать другъ друга? Или уже не на кого идти?

— То такъ и говори, а не затрогивай жида. Знаешь вѣдь, что я тебя не боюсь... Да и всѣхъ васъ здѣсь не боюсь.

— Ого! не вытерпѣлъ Тарасъ.—Что это онъ разсказываетъ? Развѣ можно стерпѣть это? А ну, хлопци! поиграемъ съ *псявирою*.

— Ой, вей! Какъ испугали!.. Точно я не знаю, что убейте миня сегодня и завтра же всѣ пропадете съ голода. Ну, можетъ быть, начнете ѣсть эти цѣпки какъ хлѣбъ, или эти серебрянныя пуговицы будете грызть вмѣсто орѣховъ. Пусть, кто хочетъ, попробуетъ одѣть сафьянныя сапоги, накинуть шубу по шляхетски или жидовскій *гатласъ* и пожалуетъ къ намъ въ Ясень... Но примутъ ли его тамъ за шляхтича, или, можетъ быть, за еврея? Гм!

Такого рода аргументы оказались какъ нельзя быть убѣдительными для молодцовъ и торгъ продолжался уже спокойнѣе. Изрѣдка только еврей съ пренебреженіемъ отбрасывалъ какую нибудь вещь, потомъ сразу набавлялъ цѣну и дѣло оканчивалось тѣмъ, что онъ пряталъ въ карманъ и золотыя цѣпи, и дорогія повязки, и куски металла отъ ружей и пистолетовъ, отсчитывалъ въ замѣнъ *сороковки* и сверхъ того обѣщалъ доставить боченокъ чистѣйшей оковиты, да еще два ружья и пару пистолетовъ на придачу, потому что закупилъ и все остальное. Но теперь онъ не станетъ брать всего этого хлама, возьметъ только вещи получше, которыя понесетъ за нимъ Тарасъ, все равно собиравшійся по дѣлу въ Ясень. Молодой человѣкъ намѣревался обратиться къ тому священнику-знахарю, который умѣлъ *открестить*, какъ никто, всякую бѣду.

Сборы были недолгіе, черезъ минуту онъ стоялъ уже готовый въ путь. Еврей въ изумленіи вытаращилъ глаза: такого статнаго легиня, съ длинными по поясъ волосами, въ такомъ роскошномъ наборномъ поясѣ въ любомъ селѣ очень легко могли принять за разбойника и поскорѣе заковать въ кандалы; тогда, уже за одно, досталось бы и его спутнику. Нужно было немного пріодѣться, чтобы идти въ городъ.

Тогда выступилъ *Бурчыморда*, съ замѣчательнымъ искусскомъ владѣвшій топоромъ; онъ собралъ въ пучекъ густые черные волосы Тараса, связалъ ихъ лыкомъ повыше макушки, при-

крѣпилъ за сучекъ смереки у самаго ствола, отступилъ на два шага, взмахнулъ топоромъ—и весь пучекъ повисъ на деревѣ, будто женская коса, а остальные волосы ровнымъ кругомъ упали вокругъ головы [1]). Перемѣна прически сразу измѣнила наружность легиня. Къ тому же онъ одѣлъ самое чистое бѣлье, какое нашлось въ запасѣ у компаніи, и старый крестьянскій *сердакъ*, перекинувъ *бесаги* за плечи и въ такомъ видѣ высматривалъ простымъ крестьяниномъ изъ села. Теперь оба тронулись въ путь.

Хотя еврей несравненно лучше зналъ всѣ переходы и долженъ былъ показывать дорогу, но онъ постоянно лавировалъ такъ, чтобы самому оставаться позади Тараса и наблюдать за нимъ. Почтенный купецъ, какъ онъ, не могъ питать довѣрія къ члену дружины, для которой ограбить и даже убить человѣка было дѣломъ не особенно труднымъ.

Такъ шли они молча вдоль обрыва; надъ головами возвышались громады утесовъ самой дикой, причудливой формы, то свѣшивались надъ тропинкою, ежеминутно угрожая паденіемъ; наконецъ пришли къ такому мѣсту, гдѣ нужно уже было карабкаться, какъ кошки. Цѣпляясь за выступы скалъ и съ трудомъ переводя дыханіе, еврей подозрительно поглядывалъ искоса, какъ бы спутникъ не толкнулъ его сзади и не сбросилъ въ пропасть; между тѣмъ какъ тотъ самъ оглядывался съ тревогою, какъ бы гдѣ нибудь не схватила его *облуда*, а при взглядѣ на еврея ему казалось, что сопровождаетъ его самъ сатана. Оба посматривали другъ на друга съ угрожающимъ видомъ. Молодой человѣкъ въ страхѣ крестился по временамъ, а еврей тоже шепталъ по своему какія то молитвы.

Когда поднялись на цѣпь „*Шпицовъ*", передъ глазами ихъ раскинулась на право обширная долина „Данцера", врѣзавшаяся въ высокую цѣпь Чорногоры и окаймленная полукругомъ ея вершинами.

---

[1]) Это былъ обычный пріемъ у гуцуловъ, еще не знавшихъ ножницъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась необходимость подрѣзать волосы, но въ большинствѣ случаевъ ихъ не стригли въ теченіи цѣлой жизни; и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гуцулы не стригутся отъ самаго рожденія и носятъ волосы почти по поясъ.

Теперь путники радовались уже тому, что хоть миновали самыя опасныя мѣста и оба остались живы. Дальше снова шли по самой вершинѣ хребта и со страхомъ поглядывали внизъ на скалистыя „*Ребра*“, потянувшіяся отдѣльными отрогами къ долинѣ „Данцера“ параллельно главной цѣпи „Шпицовъ“. Выстроили ихъ скальные упыри, а можетъ быть и самъ „*чорный*“, такъ какъ никому еще не удавалось взобраться туда, если же кто и отваживался, тотъ навѣрно оставлялъ свои кости у подножья *несамовытыхъ* утесовъ. Эта долина, мѣстами испещренная темными пятнами кустарниковъ или бѣлѣющая снѣгомъ, наводила страхъ и грозу; угрюмо выглядѣли окружавшія ее широкимъ полукругомъ остроконечныя вершины „Позижески“, „Данцеръ“ и „Дидовый каминь“, старый, сѣдой, изрытый непогодами; впереди, при концѣ хребта, по которому они шли, возвышался одинокій „Гомуль“, словно огромная сторожевая башня.

Путники двигались торопливо вдоль возвышенности все впередъ и впередъ, пока не пришлось спуститься къ озеру въ глубинѣ Данцеровой долины, на всѣхъ наводящему страхъ. *Несамовытое* озеро было совсѣмъ черное отъ недобраго зѣлья, растущаго на днѣ. Да и кто знаетъ, что это за зелье? Должно быть изъ какого то дьявольскаго сѣмени! Сохрани Богъ бросить туда камушекъ и тамъ раздразнить *недобрую* воду; тогда подымется такая буря съ градомъ и громомъ, и человѣкъ уже не выйдетъ изъ нея цѣлымъ. Поэтому путники шли съ сильною тревогою въ сердцѣ, пока миновали его. Наконецъ, блогополучно миновали и это опасное мѣсто и вышли на болѣе возвышенный отрогъ между „Шпицами“ и „Дидовымъ камнемъ“, оставляя въ сторонѣ долину Данцера съ ея страшнымъ озеромъ и *несамовытыми* „Ребрами“.

Теперь уже близка была венгерская граница. Оставалось только перерѣзать поперекъ чорногорскую цѣпь и они будутъ уже на венгерскомъ склонѣ. Дальше еврей долженъ былъ показывать путь черезъ ущелья, потому что на полонинахъ были румынскіе *бугары*, иногда въ большомъ количествѣ, а это народъ хищный; тогда какъ ихъ только двое, и то не довѣрявшихъ взаимно другъ другу.

Такъ прошли они послѣдній отрогъ и очутились на венгерской сторонѣ. Здѣсь раскрылась передъ ними обширная панорама длинныхъ кряжей венгерскихъ, то съ черными, какъ сажа, склонами, то съ сѣроватыми отъ каменистой пыли. На право и на лѣво возвышались вершины за вершинами, хребты за хребтами, а между ними ущелья и обрывы: глушь непроходимая. А мѣстами въ глубинѣ сверкали потоки, съ шумомъ стремящіеся въ Тису.

И въ такую глушь вступали теперь эти два человѣка, взаимно подозрѣвавшіе другъ друга.

Пока спускались съ главнаго хребта Чорногоры, поросшаго только мхомъ и травою, оба были на виду, но когда углубились въ густую чащу лѣсовъ, изрытыхъ оврагами, обоимъ спутникамъ сдѣлалось жутко.

Еврей искоса посматривалъ на товарища и отставалъ поминутно, чтобы пропустить его впередъ, а тотъ постоянно оглядывался назадъ, окидывая *нехриста* подозрительнымъ взглядомъ, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ исподтишка не пырнулъ его ножемъ. Еврею это казалось подозрительнымъ, онъ инстинктивно ощупывалъ что то втихомолку. Тогда и Тарасъ въ свою очередь останавливался, словно искалъ, гдѣ бы опереться о какое нибудь дерево потолще. Постоянно мѣряли они другъ друга глазами, у Тараса они горѣли, какъ у рыси, а у еврея расширялись зрачки и глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ.

Между тѣмъ черныя тучи заволакивали небо, съ горъ поднялся *недобрый* вѣтеръ. Это еще усилило ихъ страхъ. Напослѣдокъ Тарасъ и не примѣтилъ, какъ еврей остался далеко позади; вдругъ онъ услышалъ за спиною звукъ выстрѣла, оглянулся и изъ за кустовъ подымался сѣроватый дымъ.

А! этотъ шельма хотѣлъ убить его, да промахнулся, и пуля попала въ дерево!

Какъ ужаленный, бросился молодой человѣкъ въ ту сторону, еврей со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, отказавшись отъ всего, что несъ для него спутникъ. Слышенъ былъ только трескъ вѣтвей, быстро затихавшій вдали. Тарасу хотѣлось бы догнать его и по меньшей мѣрѣ переломать ему ребра за такое вѣроломство;

но, убѣдившись, что ему не догнать еврея, онъ плюнулъ и въ недоумѣніи пожалъ плечами: зачѣмъ было идти вмѣстѣ зъ *невирою.* Взглянувъ на вещи, которыя несъ для еврея, Тарасъ остановился.

— Зачѣмъ мнѣ это *дрантя?..* Что я торговать этимъ буду, или вымѣнивать? Развѣ я жидъ, что ли?—Онъ съ пренебреженіемъ бросилъ на землю ношу съ награбленнымъ товаромъ, который долженъ былъ расходиться между людьми въ обмѣнъ за трудовыя деньги.

— Тьфу! сказывся собака!.. хотѣлъ убить меня .. Да что бы онъ взялъ съ меня?

Мало по малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что еврей должно быть самъ заподозрилъ его въ такомъ намѣреніи. Тьфу! Развѣ могъ человѣкъ польститься на его золото или *шматья?* до того ли ему теперь? Человѣкъ шелъ по своему дѣлу, чтобы ему открестили его бѣду, а его подозрѣваютъ въ алчности.

Тутъ онъ вспомнилъ, что остался теперь одинъ въ этой гущинѣ, и мрачные образы одинъ за другимъ подымались въ его измученной душѣ. Быстро продирался онъ сквозь чащу, попадалъ въ невѣдомыя ему ущелья, цѣпляясь за вѣтви, до крови терзавшія его тѣло; иногда ему казалось, что между смереками свѣтятся волчьи глаза. Въ другомъ мѣстѣ притаилась рысь, какъ бы готовясь сдѣлать прыжокъ, но замѣтивъ устремленные на нее глаза человѣка и дуло пистолета, быстро исчезала въ нѣсколько прыжковъ. Время близилось къ вечеру и Тарасъ уже выбился изъ силъ: ноги его дрожали, въ глазахъ минутами становилось темно. Но одна упрямая неотвязчивая мысль постоянно вращалась въ мозгу.

— Отецъ не отецъ!.. Добрый отецъ вѣдь не оставитъ мать одну на свѣтѣ... не бросить сироту!..

— Какъ? свое дитя? свою кровь?.. Развѣ я просилъ его давать мнѣ жизнь?.. На мое несчастье... А разъ давши, такъ оттолкнуть ногою хуже собаки, избѣгать меня, какъ лютаго звѣря. А вѣдь меня, еще малымъ ребенкомъ, оставили одного на такое собачье житье!.. Онъ даже и тогда вырывалъ у меня кусокъ изо рта, если кто изъ жалости бросалъ его, какъ собакѣ!.. Онъ убилъ мою мать!.. Онъ и меня готовъ былъ убить... Развѣ я чѣмъ обязанъ ему?..—

Молодой человѣкъ погрузился въ раздумье; потомъ какъ бы очнулся.—Господи Боже! Это ужасно!.. Зачѣмъ его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, его—моего злѣйшаго врага!..

Онъ хотѣлъ было еще увѣрить себя, что можетъ быть этотъ человѣкъ и не былъ его отцемъ... Но нѣтъ, все... та же наружность, тотъ же ростъ, даже голосъ по временамъ тотъ же самый... Онъ вздрогнулъ: старый гуцулъ снова, какъ живой, всталъ передъ нимъ... Въ эту минуту поднялся какой то *недоб-рый* вѣтеръ.

Тарасъ быстро, не оглядываясь, шелъ впередъ, желая уйти отъ этого видѣнія, но оно преслѣдовало его, настигало все ближе и ближе... позади его слышался такой шумъ, какъ бы отъ крыльевъ подымающейся стаи глухарей. Вдругъ онъ почувствовалъ, что земля разступается подъ ногами и онъ летитъ въ пропасть такъ глубоко, такъ стремительно, словно несетъ его какая то невидимая сила, а вокругъ него все клокочетъ. Очнувшись черезъ нѣсколько времени, онъ оглянулся вокругъ и убѣдился, что это были только лѣсные *маяки*, или можетъ быть дѣло упырей,—онъ лежалъ на землѣ.

Бѣжать, поскорѣе бѣжать отсюда! Видно, это *несамовы-тое* мѣсто.

XIII.

На другойдень, слѣдуя ущельемъ *Лящины*, Тарасъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ она соединяется съ Черною Тисою. Теперь онъ былъ уже у венгерскаго Ясеня. Оглядываясь совниманіемъ вокругъ и осторожно распрашивая у встрѣчныхъ, гдѣ живетъ священникъ, идя по улицѣ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ прохожихъ, при встрѣчѣ съ нимъ, многозначительно кивали головою и шептали про себя въ полголоса: „Что это за человѣкъ? Крестьянинъ—не крестьянинъ? Слуга панскій, или нѣтъ?“

Наконецъ онъ разыскалъ священника и, увидѣвъ передъ собою старца, бѣлаго какъ лунь, сгорбленнаго лѣтами, поцѣловалъ его дрожащія костлявыя руки и положилъ на столъ двѣ

серебряныя *сороківки*. Старикъ пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ, что ему нужно?

— Да ужъ вы... сами знаете, отче... говорятъ, что вы... у васъ есть такіе способы, чтобы открестить всякую бѣду?

— А какая у тебя бѣда, сыну!

— Да ужъ такая бѣда постигла меня, что хуже быть не можетъ; и день, и ночь, отче.. Вотъ! Какъ бы вамъ сказать?... Онъ робко почесалъ въ головѣ; старикъ ожидалъ терпѣливо и красныя вѣки его дрожали отъ старости.

— Да вы ужъ имѣете на то *свои* молитвы...—произнесъ Тарасъ, поднявъ на священника умоляющій взглядъ, и прибавилъ:— Разсказываютъ люди, что вы знаете *такія* молитвы, которыя хоть какого упыря отгонятъ?

— Разумѣется у меня есть на нихъ бичъ, мой сынъ.—Онъ посмотрѣлъ на пришельца и продолжалъ:—А гдѣ же та хата, въ которой показывается нечистый? Я его кропиломъ, святою водою... Ого! Пусть увидитъ, что это не *перелывкы!*.. Такъ гдѣ же это появилось, сыну? Если не далеко, то проводи меня туда хоть сейчасъ!

— Куда я васъ поведу!.. Я изъ далека... *Ажъ геть зъ лядскои* стороны. А бѣда сама повсюду за мною ходитъ.

— За тобою ходитъ?

— Гдѣ только стану, или чуть ночь настанетъ, такъ оно и явится сейчасъ и въ лѣсу, и въ яру, и на лугу—и не даетъ покоя человѣку.

— Мужчина это или женщина?

— Да конечно мужчина—отвѣчалъ Тарасъ дрожащимъ голосомъ.

— Чтожъ, жилъ онъ когда нибудь?.. Или можетъ быть это такъ только, бѣсовское навожденіе?

— Да гдѣ вамъ? жилъ и былъ газдою.

— Такъ можетъ быть онъ былъ для тебя чѣмъ нибудь при жизни? Можетъ быть долженъ ты ему что нибудь? Сосѣдъ или чужой? Можетъ кумъ какой, что ли?

— Да гдѣ тамъ!.. Онъ мнѣ ни сосѣдъ, ни кумъ.—Онъ не былъ своимъ, онъ чужой—произнесъ Тарасъ послѣ долгаго молчанія. Говоря это онъ краснѣлъ, зная, что говоритъ неправду. Старикъ погрузился въ раздумье, а красные края вѣкъ незамѣтно нали-

вались кровью. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ снова заговорилъ.

— Не виноватъ ли ты въ чемъ передъ нимъ? Можетъ быть при жизни его вы были врагами?

— А чѣмъ я ему виноватъ?.. И что ему нужно отъ меня? Прошу васъ, сдѣлайте такъ, чтобы оно пропало... чтобъ не преслѣдовало меня больше.

Старикъ пристально смотрѣлъ ему въ глаза, что то взвѣшивая и соображая. Снова наступило молчаніе, а молодой человѣкъ съ трепетомъ ожидалъ словъ священника, которыя, будто чудомъ, должны были отогнать отъ него призракъ убитаго. Наконецъ старикъ заговорилъ:

— Тутъ необходима и твоя помощь, *дытыно моя*... прежде всего твое раскаяніе... А теперь пойдемъ со мною, сыну.

И повелъ его въ церковь. Здѣсь какой то благоговѣйный ужасъ, какое то тревожное ожиданіе чуда охватило Тараса. Онъ такъ давно уже не былъ въ домѣ Божьемъ. Со страхомъ смотрѣлъ онъ на старика, въ ожиданіи чаръ и заклинаній; но вмѣсто того свщенникъ надѣлъ епитрахиль, приказалъ ему стать на колѣни и спросилъ:

— Давно ли ты былъ у исповѣди, сынъ мой?

Тарасъ пришелъ въ ужасъ—онъ давнымъ давно забылъ, что есть на свѣтѣ исповѣдь. Теперь онъ ожидалъ только волшебствъ и чудесъ, безъ всякаго участья съ своей стороны, безъ всякаго раскаянія. Онъ только надѣялся, что священникъ усыпитъ въ немъ голосъ пробуждающейся совѣсти, спиметъ *уроки*, а онъ вмѣсто того начинаетъ исповѣдь. Но, можетъ быть, это такъ и слѣдуетъ, а послѣ того онъ начнетъ свои заклинанія, подумалъ Тарасъ и безпрекословно повиновался.

— Что ты за человѣкъ?—началъ священникъ.—Можетъ быть ты *вьюнъ* какой?.. Можетъ быть бродяга? Можетъ быть ты никогда и не исповѣдывался?

— Ну, вотъ! почему нѣтъ? Но это было уже очень, очень давно.

— Откуда же ты, хлопче?

— Да я съ лядской стороны.

— А зачѣмъ же ты пришелъ сюда, сыну?—спрашивалъ священникъ, словно исполняя обычную формальность.

— Пришелъ къ вамъ, потому что отъ людей слыхалъ, что вы великій *характерникъ*, такой мудрый и *знающій*, что можете отогнать все *злое*; у васъ для этого свои молитвы и *псалтыри*, какихъ не знаютъ у насъ на лядской сторонѣ. Вотъ я и пришелъ къ вамъ.

— Чѣмъ оскорбилъ ты Господа Бога, грѣшникъ?

Тарасъ, хотя и принадлежалъ къ дружинѣ, принялся перечислять съ наивностью ребенка то, что считалъ грѣхомъ, но когда дошелъ до самаго главнаго, что собственно и привело его сюда, началъ путаться, какъ бы собираясь съ мыслями, искалъ словъ и наконецъ остановился. Священникъ ожидалъ терпѣливо.

— Ну, что же дальше, сыну?... Какъ же съ тѣмъ упыремъ, который тебѣ не даетъ покоя?

— Да это, можетъ быть, упырь изъ неживаго... А такъ! Можетъ быть изъ убитаго?...

— Кто же убилъ его? Ты не знаешь?—Тарасъ не отвѣчалъ.

— Ну, говори же! вѣдь я священникъ, намѣстникъ Бога, а не свѣтскій судья, который можетъ покарать преступника. Онъ обождалъ съ минуту, потомъ прибавилъ:

— Такъ можетъ быть между вами была драка, какъ это иногда случается?

— А такъ, отче... была драка...

— И ты нехотя?... Говори же!... или можетъ быть намѣренно убилъ его?

— Да гдѣ вамъ намѣренно?... Онъ самъ напалъ на меня... Я только защищался...

— Чего же онъ хотѣлъ отъ тебя? Какъ это случилось! Ну, говори же, не то я уйду и оставлю тебя съ твоею тревогою.

— О! Не дѣлайте этого... *Змылуйтесь!* Я вамъ разскажу... И собравшись съ мыслями, началъ:

— Это вотъ какъ было... вотъ, у насъ зашло за его.. Онъ смѣшался, старикъ продолжалъ допрашивать.

— За жену или можетъ быть дивчыну?

— Да гдѣ тамъ за жену?... за его дивчыну... Но я ее сначала не искалъ первый... Такъ намъ ужь Богъ далъ.

— Значитъ, старикъ не хотѣлъ отдать ее за тебя?

Молодой человѣкъ вздрогнулъ и проговорилъ, едва переводя духъ:

— Онъ подстерегалъ меня—и я...—Онъ не могъ говорить.

— Разсказывай все какъ было, иначе я не могу назначить тебѣ покаянія, а безъ этого ты не получишь разрѣшенія и не успокоишься.

— А если я все разскажу, отче, вы открестите мнѣ бѣду, такъ что она пропадетъ? Я васъ прошу... Я вамъ еще больше дамъ такихъ сороковцевъ.—И тотчачъ поправился, прибавивъ:

— Я буду работать, день и ночь, а для васъ заработаю.

Онъ покраснѣлъ и робко взглянулъ на старика.

— А вы меня не обманете; не выдадите панамъ и судьямъ?...

— Что ты говоришь, темный человѣкъ? Исповѣдь—это тайна.

Не бойся! .. Если во всемъ сознаешься... но ты долженъ сознаться во всемъ, какъ передъ Богомъ.

— Ну, такъ я уже все разскажу. Этотъ человѣкъ... Онъ погибъ черезъ меня... Но я не хотѣлъ причинить ему зла... Онъ самъ напалъ на меня... погнался за мною... хотѣлъ столкнуть съ кладки на дно потока, на острые камни...

— И ты его?... Говори правду!

— Нѣтъ, отче... Мы оба попадали. Но онъ упалъ такъ несчастливо, что переломалъ себѣ ребра... Но послѣ онъ самъ еще воротился домой—только вскорѣ послѣ того умеръ,—прибавилъ Тарасъ и остановился; священникъ ожидалъ терпѣливо, но, видя тревогу и смущеніе грѣшника, замѣтилъ:

— Если не разскажешь всего, какъ было и кто былъ для тебя этотъ человѣкъ, я не найду средства возвратить душѣ твоей покой, сынъ мой.

— Ахъ разскажу, отче, разскажу; только вы не разсердитесь на меня?... Это ужасная вещь.

— Ужасная? Что же я услышу?

— Этотъ человѣкъ... О, Боже мой!... Онъ далъ жизнь мнѣ несчастному...—оба поблѣднѣли при этихъ словахъ.

— Такъ это былъ твой отецъ? Ты убилъ роднаго отца?... Священникъ устремилъ на Тараса широко раскрытые глаза съ налитыми кровью вѣками и воскликнулъ въ негодованіи.

— Въ адъ!... Въ кипящую смолу! Противъ этого у меня нѣтъ спасенія... Это не въ моей власти!... Разбойникъ! Отцеубійца!

У Тараса морозъ прошелъ по кожѣ, онъ весь похолодѣлъ отъ ужаса и едва простоналъ слабымъ голосомъ:

— Но вѣдь онъ не былъ для меня отцемъ... никогда не былъ отцемъ, какъ другіе... Я никогда не зналъ его, совсѣмъ не зналъ...

— Что? что ты говоришь?

— Я не зналъ, отче, кто онъ былъ... Онъ сказалъ мнѣ это только тогда, когда уже лежалъ на землѣ... Но это не былъ отецъ! Это былъ мой врагъ!

— Ахъ! ты говоришь,... Боже! сжалься надъ нимъ! Въ тебѣ нѣтъ сокрушенія!... Надъ такими не властенъ ни одинъ служитель Божій!... И напрасны всѣ твои приношенія, всѣ жертвы! Богъ не приметъ твоихъ жертвъ и пойдутъ онѣ не на избавленіе твоей души, а на ея погибель... Его не подкупишь никакими дарами, хоть сыпь *сороковки* цѣлыми корцами.

Холодъ пронизывалъ грѣшника отъ этихъ словъ. Никогда не слыхалъ онъ ничего подобнаго. До сихъ поръ онъ былъ увѣренъ, что попы всегда принимаютъ приношенія и за то читаютъ свои молитвы, которыя сами по себѣ, безъ всякаго участія со стороны просителя, имѣютъ силу все *отгнать*.

— Ты обошелъ свѣтскихъ судей, но Бога не обойдешь! Знаешь ли ты, кто онъ?—продолжалъ священникъ и устремилъ на грѣшника гнѣвный, угрожающій взглядъ.

— Когда настаетъ буря, грозна *годына*[1]), когда вихремъ ломаетъ старыя, вѣковыя деревья, какъ слабую тростинку—можешь ли ты остановить ее, слабый человѣкъ.

А грѣшникъ блѣднѣлъ при этихъ словахъ и все существо его проникалъ какой то невѣдомый раньше трепетъ.

— И вотъ видишь? Это Богъ поднялъ свою руку!.. Если Онъ захочетъ, распадутся горы и скалы, а лѣса въ одно мгновеніе падутъ на землю и будутъ лежать и тлѣть. И этого владыку ты оскорбилъ? не побоялся Его!

---

[1]) *Годыною* называютъ гуцулы бурю съ градомъ, мятелью, вообще самую ужасную погоду.

Колѣнопреклоненный еще ниже опустилъ голову.

— Онъ все видитъ. Свѣтскихъ судей ты можешь обмануть,— Его не обманешь. Онъ все знаетъ. Люди повѣрили тебѣ, если ты дѣло рукъ твоихъ, можетъ быть, свалилъ на другаго?... Сознайся, можетъ быть, ты свалилъ на другаго, солгалъ, можетъ быть, обжаловалъ невиннаго, если люди отпустили тебя на свободу?

— Да гдѣ они отпустили меня? — прошепталъ грѣшникъ слабымъ голосомъ.—Развѣ они могли поймать меня и представить въ судъ, если я...—Онъ остановился, не находя словъ.

— Если ты?... Ну, разсказывай дальше! Ты долженъ сказать всю правду, иначе Богъ покараетъ тебя и въ этой жизни, и въ будущей.

— Если я вамъ... ушелъ въ лѣса чорногорскіе...—чуть слышно прошепталъ Тарасъ.

— Ты... ушелъ... въ лѣса чорногорскіе?...—Священникъ пристально смотрѣлъ на него.

— Да развѣ могъ я идти обратно въ село... Развѣ могъ я, отче, возвратиться среди людей?... смотрѣть на ту, которой отца?...

— Онъ изъ лѣсовъ?... Это разбойникъ, опрышокъ!... Боже! смилуйся надъ нами!—тихо произнесъ священникъ, а Тарасъ вперилъ въ землю свой угрюмый взглядъ. Въ полумракѣ церкви наступило глубокое молчаніе; служитель алтаря собирался съ мыслями, а грѣшникъ въ страхѣ ожидалъ приговора. Наконецъ старикъ заговорилъ.

— Такъ ты хочешь, чтобы Богъ отпустилъ тебѣ грѣхи, а самъ остаешься еще погруженнымъ въ скверну преступленія? Ты еще продолжаешь грабить и разбойничать? И приносишь сюда сороковки, отнятыя у мирныхъ людей?... Хочешь обмануть самого Бога и его служителя! Хочешь подкупить?... О, нѣтъ! Здѣсь ты не съ людьми имѣешь дѣло... Или ты думаешь, что отдавши десятую, сотую часть того, что отнялъ, награбилъ у другихъ... думаешь, что Богъ приметъ такую жертву и отпуститъ тебѣ грѣхи?... Я возьму твои деньги, но не для себя, а роздамъ ихъ бѣднымъ, чтобы хотя сотая часть возвратилась тѣмъ, у кого онѣ отняты.—Нѣтъ! надъ тобою я не имѣю власти!.. Я не могу по-

мочь тебѣ, облегчить твою совѣсть... Буду только молиться, чтобы Богъ просвѣтилъ твою душу и помогъ оставить эту грѣховную жизнь...

Тарасъ поднялъ на него испуганные глаза.

— Да, да!... ты долженъ прежде бросить шайку, выдать преступниковъ властямъ, чтобы свершилось надъ ними правосудіе земное и небесное! Тогда только Богъ можетъ быть и проститъ тебя, а до тѣхъ поръ я не могу дать тебѣ разрѣшенія.

Грѣшникъ стоялъ, не смѣя поднять глазъ, словно подавленный тяжестью приговора. Священникъ ждалъ нѣкоторое время и началъ снова:

— Раскаеваешься ли ты въ грѣхахъ своихъ, во всѣхъ преступленіяхъ и злобѣ? Сожалѣешь ли о томъ, что былъ въ средѣ преступниковъ, на которыхъ тяготѣетъ кровь людей, изнемогающихъ подъ бременемъ труда?—Ты молчишь?

Тарасъ не отвѣчалъ.

— Ну! такъ я могу только молить Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ тебя и наставилъ на путь истиный. Самъ я не имѣю надъ тобою власти.

— Такъ не дадите мнѣ никакой помощи?

— Сожалѣешь ли о томъ, что былъ среди злыхъ людей?—настойчиво спрашивалъ священникъ; отвѣта не было.

— Если такъ... то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать.—Боже! смилуйся надъ нимъ! Просвѣти эту темную душу!

Онъ вышелъ, оставивъ грѣшника одного, на колѣняхъ передъ исповѣдальнею. У несчастнаго потемнѣло въ глазахъ.

Онъ пришелъ сюда въ надеждѣ на какія то чудесныя чары, способныя прогнать „зло" безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, а теперь отъ него требуютъ такъ много... Онъ ждалъ еще нѣкоторое время. Тарасу сдѣлалось страшно, жутко на душѣ; больше ждать было нечего, онъ поднялся и вышелъ.

Шелъ онъ по берегу „Ляцыни"; внизу, въ ущельи, глухо шумѣлъ потокъ, а онъ не видѣлъ и не сознавалъ, гдѣ онъ и что отъ него требуютъ, чтобы онъ оставилъ дружину, чтобы даже выдалъ товарищей...

Онъ задумался, мало по малу словно забывая слова священника, въ немъ пробудился прежній человѣкъ; онъ продолжалъ свои догадки.

— Почему онъ требуетъ этого? Потому, что самъ за одно съ панами и судьями, а его, опрышка, считаетъ уже способнымъ на все, на всякую измѣну. Вѣдь онъ грабитель и разбойникъ! Почему бы ему не быть сверхъ того и измѣнникомъ?

Но вдругъ ему пришло на умъ, что вѣдь старикъ могъ бы задержать его, узнавши, что онъ принадлежитъ къ дружинѣ; а между тѣмъ онъ ушелъ спокойно, ни мало не преслѣдуя его. Теперь онъ понялъ разницу между поведеніемъ стараго священника и своихъ товарищей. Тѣ навѣрно не отпустили бы такъ свободно, если бы врагъ попался имъ въ руки. И почему онъ не хотѣлъ взять себѣ этихъ сороковокъ? Я могъ бы дать ему еще больше, лишь бы онъ захотѣлъ помочь мнѣ и *одчыныты* бѣду. Вѣдь всякъ беретъ, когда даютъ.

Тарасъ задумался надъ этимъ и невѣдомыя до того времени мысли пробуждались въ его мозгу. Начинался разладъ съ самимъ собою.

XIV.

Когда онъ снова возвратился къ своимъ, когда увидѣлъ себя въ кругу тѣхъ, которые приняли его—*безбатченка*, бездомнаго, отверженнаго всѣми, кто имѣлъ и родныхъ, и свою хату, Тарасъ убѣдился, что такова ужъ его судьба. Непроходимая чаща лѣсовъ, глухія ущелья, куда и солнце не заглядываетъ, вотъ весь его міръ отнынѣ. Когда же охватила его рѣзкая, пронизывающая прохлада горъ, когда полилась на вольномъ просторѣ свободная пѣсня дружины, всѣ сомнѣнія и тревоги исчезли и слова священника были забыты.

Онъ, очертя голову, бросался во всѣ опасности; это придавало ему силы и вѣры въ себя и въ свою дружину, находившуюся въ постоянной борьбѣ съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ правили судьи и духовенство. Но когда наступали болѣе

спокойныя минуты, когда товарищи отдыхали вокругъ огня послѣ какой нибуть удачной экспедиціи, онъ оставался одинъ со своими мыслями и чувствовалъ, будто что то измѣнилось въ немъ.

Теперь ему нерѣдко случалось подолгу задумываться надъ вопросами, которые раньше и въ голову не приходили. Прежде, когда они грабили другихъ, всѣ чувствовали себя въ своемъ правѣ, какъ болѣе сильные.

Теперь онъ начинаетъ сомнѣваться въ томъ, имѣютъ ли они право отнимать у другихъ то, чего сами не заработали? И припомнились ему такія минуты въ этихъ лѣсахъ, когда даже и его товарищи въ ужасѣ начинали читать молитвы.

Тарасъ погружался въ тяжелое раздумье и не могъ разобраться въ самыхъ противорѣчивыхъ мысляхъ. Все чаще и чаще вспоминалась ему настойчивая рѣчь священника и не давала покоя. Но при взглядѣ на товарищей онъ не могъ помириться съ мыслью оставить ихъ и, что еще хуже, выдать ихъ властямъ.

— Вѣдь эти люди, дикіе и необразованные, приняли его какъ брата, когда тѣ отвергли его.

Иногда, напротивъ, послѣ удачнаго набѣга на безоружныхъ обывателей, по совершеніи крупнаго грабежа, друзья казались Тарасу будто не такими, чѣмъ были прежде. Точно ли они стали хуже, или это ему только казалось, но онъ не могъ уже заглушить въ себѣ этого внутренняго голоса. Тогда онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на товарищей и желчь закипала въ немъ.

А по ночамъ передъ глазами снова являлся призракъ умершаго. И Тарасъ сознавалъ, что виноватъ и что тотъ имѣетъ на него права

Кто теперь поможетъ ему?... Онъ просилъ совѣта и помощи у каждаго, лишь бы отвязалась мара!

Иные совѣтали ему ставить въ церквяхъ свѣчи то въ томъ, то въ другомъ селѣ; это средство имѣло силу и должно было произвести желаемое дѣйствіе. Въ него вѣрили безъ истинной вѣры, какъ въ примѣту или обычай. Тарасъ, дѣйствительно, переодѣвшись сельскимъ парубкомъ, носилъ свѣчи то въ микуличинскую, то въ жабовскую церковь; но ни сожалѣнія, ни рас-

каянія въ немъ не было. Былъ одинъ только малодушный страхъ. Свѣча, купленная на награбленныя у ближняго деньги, не могла быть угодна Богу; такъ говорилъ священникъ и Тарасъ готовъ былъ согласиться съ этимъ; у него было какое то смутное сознаніе, что такими жертвами нельзя угодить Богу.

Все чаще и чаще вставали въ его памяти слова старца, которыхъ онъ не могъ понять съ перваго раза.

Иногда имъ овладѣвало какъ бы отдаленное предчувствіе чего то еще невѣдомаго, болѣе свѣтлаго, лежащаго, правда, въ природѣ человѣка, но жизнь среди глухой и дикой лѣсной чащи, среди пустынныхъ горъ,—жизнь, основанная на грабежахъ и разбояхъ, не позволяла ему развиться и достигнуть надлежащей ясности. Поколебленный во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, Тарасъ утратилъ прежнюю увѣренность въ себѣ и въ своихъ поступкахъ; какая то небывалая раньше нерѣшительность характеризовала теперь каждый его шагъ, а молодцы казались ему скорѣе ворами и разбойниками, нежели отважными юнаками горъ и лѣсовъ.

Правда, онъ еще участвовалъ въ ихъ походахъ то на польской, то на венгерской сторонѣ, но въ то же время испытывалъ день ото дня все чаще и сильнѣе какую то небывалую прежде усталость и апатію.

Молодцы устраивали засады то въ долинахъ обоихъ Черемошей, то въ глубокихъ ущельяхъ, вырытыхъ притоками Прута Посѣщали даже венгерскіе *плаи* надъ Черной и Бѣлой Тисой проникали далеко на востокъ, въ самую глубь Буковины, но Тараса все это перестало занимать, а напротивъ тяготило съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; если же случалось, что грабили безоружныхъ, тогда у него являлось желаніе вступиться и помочь имъ.. Не разъ онъ даже грозилъ товарищамъ, называя ихъ по просту разбойниками, и, на сколько доставало силъ, удерживалъ отъ самыхъ безобразныхъ поступковъ. Тогда его называли *видминою*, поганою гадиною, грозили прибить его до смерти или просто убить, какъ бѣшеную собаку; но онъ въ такія минуты приходилъ въ изступленіе и наводилъ этимъ на нихъ страхъ.

Если же приходилось бросаться на встрѣчу опасности, онъ бросался первымъ въ схватку и шайка уважала его и дорожила такимъ товарищемъ.

Когда же нападали на жилища мирныхъ газдовъ, въ темную ночь, въ мятель и бурю, *съ налычманами* [1]) на лицахъ, когда при этомъ мучили и истязали опрышки свои жертвы, жгли ихъ раскаленными углями, чтобы выпытать, гдѣ спрятаны деньги; тогда онъ сознавалъ, что находится въ обществѣ однихъ бродягъ и бездѣльниковъ. Тогда являлась у него охота бросить эту шайку разбойниковъ и войти снова въ общество людей, которые не крадутъ, не убиваютъ, а въ потѣ лица добываютъ средства къ жизни. Мысль эта глубоко запала ему въ душу и не давала покоя.

XV.

Какъ то разъ молодцы наткнулись на отрядъ стражи, численно превосходившій ихъ. Завязалась схватка, силы были не равны — опрышкамъ приходилось уже сдаваться. *Ватагу* уже схватили и начали вязать, въ это время Тарасъ, собравши послѣднія силы, бросился впередъ, какъ раненый звѣрь въ мгновеніе ока положилъ двухъ стражниковъ на мѣстѣ; но спасая *ватагу*, разрывая связывающія его путы, онъ самъ получилъ сильный ударъ, раздробившій лопатку, вскрикнулъ отъ боли, но все таки не поддавался и непріятель принужденъ былъ отступить.

Такимъ образомъ и *ватага*, и товарищи были спасены отъ висѣлицы. Они сознавали прекрасно, что если бы не Тарасъ, тѣла ихъ вскорѣ качались бы по вѣтру на поруганіе людямъ. Тарасъ ихъ избавитель! отнынѣ они обязаны ему благодарностью до гроба! честь и слава ему! Всѣ въ одинъ голосъ клялись отплатить ему тѣмъ же, лишь бы только представился случай.

Но когда выяснилось, что послѣ этого приключенія онъ остался съ кривымъ бокомъ и изъ крѣпкаго легиня превратился

---

[1]) Налычманъ — родъ маски, какую употребляли при нападеніяхъ, чтобы не быть узнанными.

въ калѣку, товарищи быстро охладѣли къ нему и благодарность ихъ улетучивалась съ каждымъ днемъ. Они уже забыли объ опасности и даже тѣ, что бѣжали первыми, теперь относились къ нему съ пренебреженіемъ и на каждомъ шагу давали ему замѣтить, что онъ слабѣйшій въ ихъ средѣ.

Имъ овладѣло полное разочарованіе. Онъ убѣдился окончательно, что тѣ товарищи, которыми онъ дорожилъ, были только злодѣи, умѣвшіе красть и грабить. Теперь они казались ему такими же, какими считалъ ихъ старикъ—священникъ въ Ясени, и Тарасъ въ свою очередь началъ презирать ихъ.

Онъ не жалѣлъ своей крови, рисковалъ жизнью для спасенья товарищей, самъ поплатился за нихъ увѣчьемъ, а они, забывая все это, пренебрегаютъ имъ, какъ болѣе слабымъ.

Если бы онъ измѣнилъ имъ, выдалъ ихъ въ руки „мандаторовъ" или „фервальтеровъ", ему было бы все прощено, онъ, можетъ быть, даже получилъ бы награду... можетъ быть, сдѣлался бы добрымъ газдою и достигъ душевнаго спокойствія. А теперь чѣмъ ему платятъ?

Горечь наполняла его душу. Наконецъ, не въ силахъ будучи дальше терпѣть поруганіе отъ тѣхъ, кого онъ спасъ отъ неминуемой позорной смерти, подавленный ихъ пренебреженіемъ и самъ презирая ихъ, Тарасъ оставилъ дружину.

Отпустили его свободно, безпрепятственно: всѣ знали, что онъ не измѣнитъ, а почему бы и не отпустить его, если онъ больше не нуженъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ у стараго священника въ Ясени, онъ уже иными глазами началъ смотрѣть на все, иными казались ему товарищи и онъ научился иначе понимать слышанные то тамъ, то сямъ азсказы о подвигахъ опрышковъ. Иныя мысли, хотя еще не вполнѣ ясныя, зароились въ немъ, производя въ душѣ какое то смятеніе, какую то тревогу, въ которыхъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Несмотря на то, въ немъ уже довольно опредѣленно складывались иныя убѣжденія; онъ уже яснѣе сознавалъ, гдѣ добро и гдѣ зло, и молодцы, въ его глазахъ, рисовались все болѣе мрачными и отталкивающими фигурами. Теперь онъ чувствовалъ, что и на немъ тяготѣетъ вина

въ томъ, что онъ такъ долго прожилъ одною жизнью съ этими людьми. Какъ же загладить это?... Священникъ говорилъ что то о покаяніи, объ искупленіи, которое должно загладить грѣхи прошлыхъ дней... Если что нибудь можетъ послужить для него искупленіемъ, такъ это — возвратиться калѣкою въ общество прежнихъ людей и снова идти къ нимъ въ услуженіе.

Такъ зашелъ онъ, ища работы, въ одну хату въ ближайшемъ селѣ и спросилъ, не примутъ ли его въ качествѣ *наймыта?...*—онъ нуждается въ работѣ... На него сперва было посмотрѣли съ интересомъ, но, замѣтивъ его увѣчье, отвѣчали, что *наймыта* не нужно, потому что хозяйство само себѣ удовлетворяетъ. Въ другой разъ договоръ уже приходилъ къ концу, какъ вдругъ хозяйка, вглядѣвшись въ пришельца, отозвала въ сторону своего газду и въ тревогѣ прошептала ему что то на ухо; тотъ поблѣднѣлъ и приказалъ Тарасу немедленно оставить хату, мотивируя свой отказъ тѣмъ, будто онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть слугъ; между тѣмъ и обширная хата, и вся обстановка—все свидѣтельствовало о томъ, что это былъ весьма зажиточный газда. Очевидно, эти люди узнали, кто онъ и въ какомъ обществѣ его видѣли.—Неужели пребываніе среди опрышковъ оставило на немъ такое неизгладимое пятно? Неужели калѣка ни въ комъ уже не возбудитъ состраданія?

Наконецъ, послѣ долгихъ стараній удалось ему поступить въ *наймыты* къ одному газдѣ; какъ и въ юности, онъ рѣшился трудиться насколько станетъ силъ, словно хотѣлъ вознаградить все потерянное время, проведенное въ праздности и преступленіяхъ. Хозяева были очень довольны имъ, но, такъ какъ онъ не жалѣлъ силъ, не отказывался ни отъ какой работы, то на него старались свалить все, что можно. „Хто везе, того и поганяють", говоритъ пословица. А между тѣмъ никто не догадывался, что если Тарасъ и выполнялъ безпрекословно всѣ распоряженія, то совсѣмъ не изъ слабости характера, а потому что поставилъ это себѣ за правило.

Отъ непосильныхъ трудовъ начали раскрываться старыя раны, добытыя въ многочисленныхъ схваткахъ, разломило кости; наконецъ, онъ слегъ и проболѣлъ нѣсколько времени. Потомъ

поднялся, еще не оправившись какъ слѣдуетъ, и снова принялся за работу. Теперь, казалось, душевное спокойствіе снова возвращалось къ нему. Привидѣніе умершаго перестало навѣщать его. Казалось, даже Богъ смиловался надъ нимъ и еще на землѣ принимаетъ его покаяніе. Но газда замѣтилъ раскрывавшіяся одна за другою раны и началъ догадываться, что значатъ эти рубцы на лицѣ и переломленное плечо... Ой! это едва ли слѣдствіе приключеній на полонинахъ при защитѣ марыны отъ медвѣдя! Ловкими вопросами онъ довелъ своего наймыта до того, что тотъ откровенно признался, чѣмъ онъ былъ прежде и съ какими людьми жилъ. Но теперь—совсѣмъ иное дѣло! Теперь онъ искренно сожалѣетъ о прошедшемъ и твердо рѣшился вести иную жизнь. Несмотря на это, газда, выпытавши, что ему было нужно, тотчасъ же удалилъ наймыта, не спрашивая даже, куда пойдетъ несчастный.

Эта послѣдняя неудача окончательно сразила Тараса. Ему такъ хотѣлось сдѣлаться человѣкомъ, какъ другіе люди, которые могли спокойно проживать въ родномъ селѣ, въ родной хатѣ;—онъ, оставленный отцемъ, безъ призора съ самыхъ малыхъ лѣтъ, не имѣлъ ни хозяйства, никакой собственности и готовъ былъ только служить другимъ, но и это ему не дано.

Шелъ онъ безцѣльно, куда глаза глядятъ, одинокій, покинутый, какъ птица, выброшенная изъ стаи, съ перебитымъ крыломъ, и думалъ, за что свалилось на него это послѣднее несчастье?... Вѣдь и присталъ онъ къ дружинѣ вслѣдствіи безвыходной крайности, а не изъ желанія легкой наживы, какъ тѣ газды, которые владѣли собственнымъ хозяйствомъ и проживали какъ мирные сосѣди со своими односельчанами, а между тѣмъ тайкомъ отъ всѣхъ приставали къ опрышкамъ, наводили ихъ на жилища своихъ друзей и пріятелей и участвовали въ дѣлежѣ награбленной у нихъ добычи. А вѣдь онъ не разбойничалъ на большихъ дорогахъ, не убивалъ безоружныхъ поселянъ—напротивъ, не разъ случалось защищать и отстаивать передъ товарищами не одного изъ нихъ. Никому онъ не измѣнялъ, даже разбойникамъ, хотя къ этому и представлялся удобный случай, и его даже пытались склонить къ этому. А какъ относились къ

нему окружающіе люди?... Однѣ обиды и притѣсненія выпадали ему на долю отъ начала и до конца жизни! Стоитъ ли послѣ этого жить на свѣтѣ?

Онъ не хотѣлъ еще поддаваться отчаянію, не хотѣлъ допустить, чтобы мрачныя мысли взяли перевѣсъ въ его душѣ надъ благими намѣреніями, и заходилъ въ каждую, сколько нибудь достаточную хату, умоляя принять его въ услуженіе, но всюду встрѣчалъ одинъ отказъ. Или ужъ на лицѣ его лежитъ такая печать отверженія, что люди боятся впустить его въ свои мирныя хаты?... Или онъ заклеймленъ проклятіемъ отъ самаго рожденія?...

Съ такими мыслями Тарасъ вышелъ на берегъ Черемоша; у ногъ его глубоко въ ущельи пѣнился и бурлилъ могучій потокъ, ниспадая по скаламъ и далеко оглашая окрестности дикимъ и грознымъ ревомъ. Солнце заходило какое то угрюмое и мрачное, тучи собирались на небѣ; въ воздухѣ царила то особенное затишье, наводящее страхъ и тоску, которое предшествуетъ бурѣ. Приближалась „злая годына".

Тарасъ поглядѣлъ внизъ. Теперь одинъ прыжокъ могъ избавить его отъ бремени всей жизни. Но въ то же мгновеніе все его прошлое встало передъ глазами. Онъ снова видѣлъ Ворохту, протекавшій среди долины Прутъ и тѣ мѣста, гдѣ онъ бѣгалъ еще ребенкомъ; и еще одинъ образъ, самый грустный, всталъ въ душѣ. Ему сдѣлалось жалко... захотѣлось еще разъ передъ кончиною видѣть родную сторону и тѣхъ людей, которыхъ знавалъ въ молодости; хоть ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ ему ничего добраго въ жизни, но все же его тянуло еще разъ увидѣть тѣхъ, которые были свидѣтелями его молодыхъ лѣтъ... увидѣть еще разъ одну женщину!.. Можетъ быть, она проститъ его? Потому что тяжело оставлять свѣтъ, унося съ собою проклятія тѣхъ, кого любилъ.

XVI.

Перебравшись черезъ лѣсистый, остроконечный хребтъ „Костричи", Тарасъ уже спускался въ глубокую долину Прута.

Издалека еще до слуха его доносились отголоски громкаго гула и рева горной рѣки. Онъ былъ сильно изнуренъ труднымъ переходомъ и старыя раны давали себя чувствовать, но несмотря на усталость, шумъ родной рѣки какъ будто приносилъ далекіе отголоски давно минувшихъ лѣтъ. Онъ спѣшилъ туда, по временамъ останавливаясь отдохнуть, и, собравшись съ силами, продолжалъ спускаться въ долину.

Столько разнородныхъ воспоминаній изъ прежней жизни тѣснилось въ головѣ, заглушая всякую мысль о настоящемъ, что онъ шелъ словно пьяный и не сознавалъ, что ему съ каждою минутою становилось все хуже и хуже. Дыханіе, прерываясь въ груди, дѣлалось все труднѣе и чаще, раны жгло, какъ огнемъ, къ лицу приливала горячая кровь. Силы оставляли его съ каждою минутою, разбирала лихорадка, горячее дыханіе жгло и сушило его губы. Онъ часто принужденъ былъ садиться, но превозмогая боли, подымался и шелъ дальше.

Наконецъ, спустился онъ въ долину Прута, узкую, каменистую, мѣстами очень топкую. Здѣсь путь ему затрудняли обрушившіеся стволы смерекъ, покрытые мхомъ, полуистлѣвшіе, наполнявшіе длинную, узкую долину. То тамъ, то сямъ натыкался онъ на острыя, торчащія между ними скалы, попадалъ въ болота и трясины и все шелъ впередъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. То онъ въ изнеможеніи принужденъ былъ отдыхать каждую минуту, то призывалъ на помощь остатки послѣднихъ силъ и снова шелъ впередъ и впередъ.

Вотъ уже близко, онъ почуялъ уже воздухъ Ворохты, это придало ему силъ и бодрости. Хоть и не много радости видѣлъ онъ тамъ, но каждому дороги тѣ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство. Путникъ озирался на право и на лѣво, припоминая каждый поворотъ, каждую тропинку, едва ли не каждую кучку смерекъ. Онъ вдыхалъ уже освѣжающій запахъ *царынъ* и казалось, что силы его прибываютъ, но это было только обманчивое временное возбужденіе. Передъ нимъ проходила вся его молодость и ему казалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ помолодѣлъ.

Наконецъ передъ глазами его открылось, какъ на ладони, родное село съ его долиною. Тарасъ невольно опустился на

колѣни и слезы покатились изъ глазъ. Онъ такъ давно не плакалъ; это бывало когда то много лѣтъ назадъ, когда онъ былъ еще невиннымъ ребенкомъ.

Теперь онъ шелъ, едва передвигая ноги, шатаясь какъ пьяный. Иногда останавливался, вглядывался въ прохожаго, словно искалъ чего то въ памяти, и грусть набѣгала на лицо при воспоминаніи, что съ тѣхъ поръ прошло уже столько лѣтъ. Онъ уже не тотъ теперь и люди не тѣ; смотрятъ на него и не узнаютъ. Неужели онъ такъ сильно измѣнился, что ничего не осталось отъ прежняго *легиня?*

Были даже минуты, когда онъ подзывалъ встрѣчнаго ан пути ребенка, встревоженнаго видомъ чужаго человѣка, и присматривался вблизи, не тотъ ли это самый, котораго онъ видалъ когда то; а послѣ самъ надъ собою смѣялся, припоминая, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Наконецъ силы измѣнили ему, онъ не могъ идти дальше; ноги дрожали и подкашивались, онъ сѣлъ при дорогѣ и грезилъ полусонный, самъ не сознавая, сколько времени прошло такимъ образомъ. Воздухъ былъ такой упоительный, нѣжащій,—больной заснулъ, а когда проснулся, ночь уже наступила и мѣсяцъ свѣтилъ на небѣ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ, но не успѣлъ порядкомъ разглядѣть, гдѣ онъ, какъ голова упала, глаза закрылись сами собою, онъ началъ хрипѣть, то пробуждаясь, то снова засыпая; лице пылало при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца. Сквозь сонъ произносилъ онъ отрывочныя слова, то вскрикивалъ, то умолкалъ, а когда проснулся, уже наступило утро; онъ началъ осматриваться, стараясь припомнить гдѣ онъ и какимъ образомъ очутился здѣсь. Голова была тяжела, какъ камень, жгло въ груди, его разбирала лихорадка. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ вставать и въ изнеможеніи опускался на землю; наконецъ собралъ послѣднія силы и съ трудомъ побрелъ дальше, едва передвигая ноги. Вдругъ онъ повстрѣчалъ женщину изъ села, спѣшившую къ Пруту за водою.

Она пристально посмотрѣла на больнаго, припоминая что то, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и прошептала въ волненіи:

— Далеби!.. это онъ!.. Господи Боже!

Тарасъ тоже смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ, и думалъ, во снѣ ли все это происходитъ, или онъ грезитъ на яву:

— Нѣтъ! этого быть не можетъ!.. и какъ бы оно случилось именно теперь?.. Вѣдь это не можетъ быть она?

— Да! та самая...—Она опустила глаза, полные глубокой скорби. Онъ смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ, словно не вѣрилъ, что это была та самая дѣвушка: столько горя и страданія выражалось на этомъ нѣкогда прекрасномъ, молодомъ лицѣ.

— Недоля ходыть по людяхъ, а не по лиси... Но я сразу узнала тебя... О тебѣ разсказывали такъ много дурнаго... Но ты выглядишь не такъ, какъ тѣ...—Вѣдь ты не разбойничаешь? Не правда ли? Ты не нападаешь на людей?—прибавила она.

— Я нападалъ вмѣстѣ съ такими же, какъ самъ, разбойниками... онъ опустилъ голову, какъ преступникъ подъ тяжестью обвиненія.—Не надѣялась видѣть такого разбойника? Правда, я похожъ на злодѣя? Всякій, кто видитъ меня, убѣгаетъ съ проклятіемъ! онъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ!.. ты говоришь это не серьезно... Тебя несчастье толкнуло на эту дорогу.. клянусь Богомъ одно несчастье... Однако ты уже оставилъ ихъ!.. Вѣдь ты долженъ былъ оставить?.. Не правда ли, ты давно уже бросилъ тѣхъ?..—она съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта.

— Да, я оставилъ ихъ... но все таки былъ съ ними и грабилъ. На мнѣ тяготитъ преступленіе и ты презираешь меня теперь? О! ты никогда не простишь мнѣ того, что я сдѣлалъ тебя сиротою?.. Но, повѣрь мнѣ, это было невольно... Клянусь тебѣ—невольно. Мнѣ не долго уже осталось жить на свѣтѣ: старыя раны раскрываются и что то жжетъ въ груди... такъ сильно... Смотри, какой я сдѣлался слабый. Не много ужъ мнѣ осталось, такъ я передъ смертью не стану лгать. А я тебѣ правду говорю, что не хотѣлъ его смерти.

Олена смотрѣла на него и отвѣчала въ полголоса:

— Но вѣдь ты не убилъ его... Сохрани Богъ, чтобы ты убилъ моего отца.

И разсказала все, о чемъ онъ не зналъ; описала смерть отца, который умеръ совсѣмъ не черезъ него, а самъ по себѣ.

А у Тараса словно рай раскрылся въ душѣ; онъ былъ растроганъ и румянецъ еще разъ живо заигралъ на лицѣ, а на сердцѣ становилось такъ легко и отрадно. Однако это волненіе лишило его послѣднихъ силъ; онъ едва могъ произнести дрожащимъ голосомъ:

— Такъ ты одна теперь?.. Развѣ тебя не отдали замужъ!

— Да гдѣ ужь не отдали? Пристала мать, присталъ дядя и отдали меня несчастную за другаго. Но, какъ не хотѣлось мнѣ выходить за него, такъ и счастья съ нимъ не было. Это всѣ знали.

Тарасъ задумался.

— Почему же ты не хотѣла за него идти?.. Вѣдь тебѣ нуженъ былъ газда!

-- Матери онъ былъ нуженъ и нашему хозяйству, а не мнѣ, я... я уже...

Тарасъ поблѣднѣлъ. Онъ не могъ допустить, чтобы эта женщина за нимъ, черезъ него... Это была бы ужасная насмѣшка судьбы.

— Но ты болѣнъ?.. Ты голоденъ?.. пойдемъ къ намъ въ хату.

Больной тяжело вздохнулъ

— Я къ тебѣ въ хату не могу идти...

— Почему же?.. Или ты пренебрегаешь мною? Я для тебя все та же... Столько лѣтъ тосковала за тобою... и при немъ... Онъ не былъ моимъ мужемъ; его приняли только какъ газду для хозяйства, а я была только жертвою... Ахъ! что это за жизнь была?.. Но все это уже прошло: Богъ прибралъ его. Не буду говорить о немъ дурно—мы оба не были созданы другъ для друга... Но я справила ему *похоронъ*, какъ слѣдуетъ, оплакала его, хоть мнѣ и тяжело было съ нимъ... Ой! очень тяжело... и теперь даю за его душу.

Тарасъ молчалъ и думалъ:

— Она теперь свободна и можетъ быть... несчастная... думаетъ обо мнѣ, не зная, кто я для нея... Ахъ! Господи милостивый! Между тѣмъ жаръ усиливался, болѣзненная краска покрывала лице, волненіе еще болѣе ухудшало состояніе, больнаго. Только чрезвычайное усиліе воли и привычка къ труду еще отчасти поддерживали его, но онъ уже не въ силахъ былъ подняться.

Олена принуждала его идти въ хату, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться, онъ отказывался и слегка отстранялъ ее рукою.

— Ради самаго Бога! не тащи меня въ свою хату... Не напоминай о томъ, что было... Я не зналъ тогда и ты тоже не знала... Не наша въ томъ вина... Можетъ быть другіе... но, не намъ судить ихъ. Слушай! Я никогда не могъ быть твоимъ мужемъ... это была тяжкая ошибка.

Олена смотрѣла на него въ тяжелемъ недоумѣніи и вдругъ залилась слезами.

— О! не говори этого! Я такъ долго горевала. Наконецъ, ты пришелъ черезъ столько лѣтъ, чтобы сказать мнѣ...

— Да, несчастная, чтобы сказать тебѣ... Боже! дай мнѣ силы! я былъ твоимъ братомъ — прибавилъ онъ тише, словно самъ испугался своихъ словъ и кровь какъ будто начала убывать изъ сердца.

— Ахъ! проклинай судьбу, несчастная дивчина!

Она смотрѣла, не понимая его словъ.

— Да, твой отецъ былъ и моимъ. А моя несчастная мать, которую онъ обманулъ! Она умерла такъ рано, въ такой нищетѣ!

Женщина стояла все въ той же позѣ, смотрѣла на него неподвижнымъ, потеряннымъ взглядомъ.

Наступило молчаніе. Казалось въ воздухѣ чувствовалось какъ приближалась минута, которая дважды не приходитъ въ жизни человѣка. Больной дышалъ тяжело и порывисто, черты его съ каждою минутою замѣтно обтягивались и обострялись, глаза подергивались туманомъ, въ груди начиналось хрипѣніе. Олена испугалась, хотѣла помочь, но напрасно. Онъ еще махалъ руками, какъ бы хватая воздухъ, но силъ уже не было и онъ упалъ во всю длину съ раскрытымъ ртомъ, съ стеклянными глазами... А когда солнце выглянуло изъ за тучи, его уже не было. Только слышно было шепотъ молитвы. Теперь она осталась одна на свѣтѣ чтобы замаливать грѣхи отца и брата.

К. М.

ОСАДА и ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА
(1788).

I.

О пали, пали,—съ звукомъ съ трескомъ
Пѣшецъ и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ со громкимъ вѣрныхъ плескомъ
Очаковъ, силы ихъ оплотъ!

—

Расторглись крѣпки днѣсь заклепны,—
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ;
Струн Днѣпра великолѣпны
Шумнѣе въ море потекутъ!

Такіе стихи, если и невыразительные, то написанные отъ чистаго сердца, готовила Императрица Екатерина II для встрѣчи своего любимца, свѣтлѣйшаго князя Римской Имперіи, осыпаннаго уже чинами, почестями и орденами отъ разныхъ дворовъ, когда онъ въ началѣ 1789 г. возвращался въ Петербургъ по взятіи Очакова [1]). Встрѣча тріумфатору-побѣдителю готовилась грандіозная: все должно было ликовать, и дѣйствительно, все искренно ликовало вмѣстѣ съ Императрицей. Даже соперники и недоброжелатели свѣтлѣйшаго князя Потемкина забыли на время свою зависть: всѣ понимали, что только взявъ Очаковъ, Россія прочною ногою ступила на берегъ Чернаго моря и уже фактически завладѣла землями между Бугомъ и Днѣстромъ.

А взять этотъ Очаковъ было не такимъ легкимъ дѣломъ, какъ казалось то Императрицѣ за годъ и полтора до его паденія. Много пережила она мучительныхъ минутъ за время отъ начала войны.

---

[1]) Рус. Старина, 1875, іюнь, стр. 161.

которая была объявлена еще 7 сентября 1787 г., до того момента, когда пришло извѣстіе, что 6 декабря 1788 г. пали твердыни Очакова—и „пѣшецъ и всадникъ и флотъ турецкій". Когда по объявленіи войны поручено было Румянцеву вести 32 тысячную, а Потемкину 78 тысячную армію, при чемъ на расходы первой отпущено $1^1/_2$ милліона, а второй 3 милліона рублей, Императрицѣ казалось еще, что взять Очаковъ—дѣло не болѣе мѣсяца. Она такъ недавно еще была на Днѣпрѣ для обозрѣнія „своего маленькаго хозяйства", которое ей такъ понравилось. Она видѣла чудеса, показанныя ей княземъ, и обстановка жизни въ осмотрѣнномъ ею краѣ представлялась ей далеко не такою, какою она была въ дѣйствительности. Одинъ изъ ея спутникокъ, бывшій въ Тавридѣ, Кременчугѣ и Херсонѣ за два мѣсяца до ея пріѣзда туда—„не понималъ, что то было такое, что князь тамъ хотѣлъ показать Ея Величеству". Но когда онъ пріѣхалъ въ тѣ же мѣста съ государыней, то—„Богъ знаетъ, что за чудеса явилися! Чортъ знаетъ откудова взялись строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, козаки, корабли... Ну, ну Богъ знаетъ что!" [1]).

Подъ впечатлѣніемъ многолюдства и благоустройства края Императрицѣ вѣрилось, что ея другъ и любимѣйшій изъ подручниковъ, „сынъ счастья и славы"—Потемкинъ лишь только прійдетъ, увидитъ—и покоритъ Очаковъ: „не знаю почему мнѣ кажется, писала она Потемкину 23 сентября 1787 г., что А. В. Суворовъ въ обманъ возьметъ у нихъ (т. е. у турокъ) Очаковъ" [2]). Но дѣйствительность требовала другаго: вести и содержать войска въ малолюдной степи было не такъ легко; а дѣйствовать новоиспеченнымъ флотомъ съ моря нужно было умѣючи. И вотъ когда за смѣлымъ контръ-объявленіемъ войны въ столицѣ только и говорили про каждаго курьера, пріѣзжавшаго съ юга, что онъ „конечно привезъ извѣстіе о взятіи Очакова", а на самомъ дѣлѣ отъ главнокомандующаго южной екатеринославской арміей шли печальныя извѣстія о сдѣланныхъ ошибкахъ и о томъ, что война все еще ведется не наступательная, а оборонительная, Екатерина впадала въ уныніе.

---

[1]) Рус. Старина 1876 г. янв. стр. 33.
[2]) Ib. 1876 г. іюнь, стр. 244.

Потемкинъ тоже сначала погорячился, давъ флоту приказаніе выступить изъ Севастополя въ море. Осеннія черноморскія равноденственныя бури разбили подъ Варною этотъ флотъ, которымъ Потемкинъ думалъ „черезъ годъ предписывать законы Цареграду". Корабли и большіе фрегаты пропали, остались—„все малыя и ненадежныя суда". Князь писалъ Императрицѣ, что его „Богъ бьетъ, а не турки", и впалъ въ ипохондрію. Въ Петербургѣ это дало возможность злымъ языкамъ издѣваться надъ распоряженіями великолѣпнаго князя Тавриды и выражать сомнѣнія на счетъ его счастливой звѣзды, разумѣется тоже въ видѣ колкихъ замѣчаній о слухахъ съ юга.

Моля Бога о спасеніи Кинбурна, который осадили турки съ моря, умоляя князя не малодушествовать и беречь свое здоровье, потому что благо и слава Имперіи поручены теперь его заботамъ, Императрица писала между прочимъ Потемкину: „А публика ищетъ въ свою пользу, и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ!" [1]). Послать изъ Балтійскаго моря въ Средиземное новый флотъ подъ командою Грейга на замѣну почти уничтоженнаго севастопольско-херсонскаго флота Императрица уже рѣшила. Но она низачто не хотѣла передать главную команду надъ войскомъ Румянцеву, устранивъ отъ арміи Потемкина, какъ о томъ просилъ ее послѣдній. Даже, пославъ въ его руки уже распоряженіе о передачѣ арміи Румянцеву, она убѣждаетъ его, какъ „лучшаго друга, воспитанника и ученика не рѣшаться на такой шагъ и сдѣлать таки предпріятіе *на Очаковъ либо Бендеры*". И въ то же время она его упрекаетъ въ томъ, что онъ нетерпѣливъ, какъ пятилѣтній ребенокъ.

„...Честь моя и собственная княжая, говорила Екатерина въ октябрѣ 1787 года,—требуютъ, чтобъ онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого нибудь славнаго дѣла,—*хотябъ Очаковъ взяли!* Богъ знаетъ почему онъ унываетъ и почти печальныя письма пишетъ. Должно мнѣ теперь весь свѣтъ удостовѣрить, что я, имѣя къ князю неограниченную во всѣхъ дѣлахъ довѣренность, въ выборѣ моемъ не ошиблась" [2]). Закравшееся

[1]) Ibidem, стр. 244.

[2]) Рус. Старина, 1876, февр. стр. 263.

въ ея душу сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла дало ей много жестоко мучительныхъ дней втеченіе всей осени и зимы того года. По словамъ Гарновскаго она была „въ великой задумчивости", скучала и часто „со слезами на глазахъ пеняла на князя", за то, что онъ по долгу ей не пишетъ.

„Что обо мнѣ думаютъ?" вырвалось у ней однажды восклицаніе въ декабрѣ того же года: „еслибы князь зналъ, каково у меня на сердцѣ, то бы онъ не мучилъ меня долговременнымъ своимъ молчаніемъ" [1]).

Первое извѣстіе о нечеловѣческомъ геройствѣ Суворова, который съ 1000 человѣкъ въ Кинбурнѣ отбился 1-го октября отъ нападенія съ моря Юсуфъ-паши съ отрядомъ 5300 душъ, привело Екатерину въ восторгъ тѣмъ болѣе, что спеціалисты военнаго дѣла трактовали объ этой побѣдѣ Суворова, какъ о чемъ то почти невозможномъ. „Распоряженія турковъ при дессантѣ и аттакѣ Кинбурна, говорили они, разсматривая присланный планъ сраженія,— въ пору было бы и покойному королю Фридриху". Но несмотря на всѣ выгоды положенія турокъ, Суворову удалось какимъ то чудомъ уничтожить всѣхъ нападающихъ, такъ что отъ ихъ дессанта, напавшаго изъ Очакова, не осталось ничего: „коса и окружающія оную воды остались покрыты ихъ трупами", писалъ въ реляціи своей Потемкинъ. Дѣло не обошлось безъ тѣхъ пріемовъ геніальнаго полководца, которые потомъ вошли въ анекдотическую часть почти миѳическихъ сказаній о Суворовѣ: когда сбитые съ мѣста солдаты его побѣжали, онъ упалъ на землю и требовалъ, чтобъ прежде его растоптали, а тогда уже бѣжали, куда глаза глядятъ. Только это, говорятъ, и вывезло суворовскій гарнизонъ, хотя самъ полководецъ въ письмѣ своемъ отъ 3-го октября и въ реляціи о побѣдѣ (отъ 7-го) приписывалъ весь поворотъ къ смѣлости въ рядахъ—геройству гренадера Новикова: „позвольте, свѣтлѣйшій князь, замѣтить, говоритъ онъ: и въ нижнемъ званіи бываетъ герой!"

Турки, кромѣ наступленія пѣшими войсками на косѣ, стрѣляли бомбами, ядрами и картечами съ судовъ, расположившихся въ полувыстрѣлѣ по берегу лимана; Суворову одна бомба засыпала пескомъ

---

[1]) Рус. Старина, 1885 г. Ноябрь, 449.

лицо, одна картечь попала подъ сердце, пулею прострѣлило руку, а „лошади мордочку отстрѣлили“, какъ писалъ онъ своей дочери въ Смольный институтъ. Но это не мѣшало ему быть по прежнему дѣятельнымъ: на другой и третій день онъ опять мерзъ на батареяхъ, высматривая, что будутъ дѣлать турки, а за писаніемъ реляціи впадалъ въ забытье отъ истощенія послѣ ранъ. Отправляя молебенъ по случаю этой побѣды, императрица сказала: „Хорошо, что Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни, но жаль, что старика ранили!“ Она хотѣла дать „старику“ Андреевскую ленту, но изъ за „консидерацій“ не рѣшалась на то безъ представленія со стороны Потемкина; въ письмѣ къ послѣднему она просила у него по этому дѣлу „дружескаго совѣта“; для остальныхъ же кинбурнскихъ героевъ собственноручно укладывала въ коробочку всѣ ленты къ орденамъ, которыя „съ великимъ трудомъ пріисканы могли быть“ въ столицѣ.

Въ столицѣ вѣсть о побѣдѣ губернаторъ торжественно читалъ народу, и ей радовались болѣе чѣмъ другимъ, желая хоть тѣмъ утѣшить императрицу. Она и сама себя хотѣла бы утѣшить, но не могла не печалиться, когда приходили вѣсти, что для войска мало хлѣба найдено въ Польшѣ, а изъ Галиціи австрійцы ничего не хотятъ дать, сберегая запасы для себя. Утѣшая главнокомандующаго, она велѣла ему на ея собственныя средства накупить тысячъ на сто барановъ и быковъ на мясо солдатамъ. Всѣ эти заботы не давали ей покою и отзывались на состояніи здоровья; впослѣдствіи она признавалась Потемкину, что съ 1784 года до 1790 портные все „убавляли ей платья“, и только въ 1790 году они оказались узкими, такъ что стало необходимо „паки прибавить мѣру“ [1]).

Австрійскій императоръ медлилъ принять активное участіе въ войнѣ, а французскій дворъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы помирить Россію съ Турціей. Но мириться, когда настоящая война еще и не начиналась, а къ ней только дѣлались запоздалыя приготовленія, было непрактично, да и требованія со стороны Турціи могли бы быть слишкомъ унизительны для державы, задумавшей покончить съ магометанскимъ міромъ посредствомъ „греческаго прожекта“.

---

[1]) Рус. Старина, 1875 г. окт. 227.

Не весело было и князю Потемкину. Проводивъ императрицу до Харькова послѣ ея путешествія съ императоромъ римскимъ и королемъ польскимъ въ Херсонъ и Крымъ, онъ оставался нѣкоторое время въ Кременчугѣ. а затѣмъ переѣхалъ въ Елисаветградъ. Еще въ концѣ лѣта 1787 года никто не зналъ въ столицѣ, что будетъ дальше, куда и какое князь получитъ назначеніе. А его судьба интересовала всѣхъ. Говорили, будто онъ собирается ѣхать въ Варшаву: „тамъ долженъ быть чрезвычайный сеймъ, на которомъ изберутъ Его Свѣтлость въ наслѣдники королю польскому“ [1]). Князь же тѣмъ временемъ сидѣлъ въ Елисаветградѣ, дѣлалъ какія то непонятныя распоряженія на мѣстѣ, а въ столицу писалъ, что крайне необходимъ „сильный наборъ“ по 3 души съ 500 человѣкъ. Наконецъ, когда война была объявлена, ему пришлось формировать армію вдали отъ береговъ Чернаго моря, которые были открыты для нападеній турокъ. Гибель у Варны флота, на постройку котораго было истрачено столько милліоновъ и который такъ ласкалъ взоры императрицы въ бытность ея въ Херсонѣ и Севастополѣ; безпорядки по постройкѣ Херсона и его верфи; невозможность строить тутъ новые корабли,—все это не давало Потемкину спать. На показъ императрицѣ—и городъ Херсонъ, и его верфь были хороши, но для серьезнаго дѣла оказывались несостоятельными. Октябрь и ноябрь князь провелъ въ лихорадочной дѣятельности, хотя и въ уныніи, граничащемъ съ отчаяніемъ. 13-го октября онъ поѣхалъ „въ Херсонъ, Кинбурнъ и на флотъ“, и сдѣлалъ за 10 дней 700 верстъ. Императрицѣ писалъ онъ поэтому рѣдко, но уже утверждалъ, что теперь нужно слѣдовать пословицѣ: „тише ѣдешь, дальше будешь“. 24-го ноября мы опять видимъ его въ Херсонѣ, откуда онъ пишетъ Суворову въ Кинбурнъ; „тутъ все очень запутано, и полки на работѣ египетской, коихъ и внутренность не у всѣхъ исправна“ [2]).

Нужно было думать и объ оборонѣ Херсона, и объ осадѣ Очакова, и объ укрѣпленіи Кинбурна; но и изъ Херсона оторвать людей и дать ихъ на помощь Кинбурну было нельзя; нельзя было не думать и о флотѣ, такъ какъ „буря, которая по выраженію импе-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1876 г. февраль, 241.

[2]) „Рус. Стар.“ 1875. май, 22.

ратрицы, щелкала севастопольскій флотъ, сдѣлала оный совсѣмъ неупотребительнымъ" и онъ чинился въ Севастополѣ. Государыню очень интересовало, правда ли, что корабль, названный „Слава Екатерины", брошенный на произволъ судьбы адмираломъ Войновичемъ, попался въ руки турокъ. Она просила Потемкина, если это такъ, переименовать корабль.

А въ столицѣ злые языки распространяли слухи, что постройка Херсона изъ камня, приведшаго въ восторгъ императрицу, тоже — не совсѣмъ чистое дѣло.

— Охъ ужъ эта плита! говорилъ нѣкій Архаровъ: кричали, писали о Херсонѣ, а сами же и говорятъ тѣ, которые тамъ были, что настроивши изъ плиты домовъ, жить кромѣ мазанокъ негдѣ [1]).

Въ декабрѣ, по свидѣтельству Гарновскаго, „нѣкоторые возъимѣли дерзость даже судить, что будто бы случившійся въ Херсонѣ пожаръ есть ничто иное, какъ вымыселъ Корсакова (строителя Херсона), который, желая обогатиться, вознамѣрился показать бывшія въ вѣдомствѣ его деньги погибшими въ пожарѣ и строенія такія погорѣвшими, которыхъ никогда не существовало" [2]).

Насколько въ этихъ слухахъ было правды,—для Потемкина было безразлично, ибо сама императрица во время своего путешествія признала вполнѣ способными людей, выбранныхъ имъ для постройки Херсона; но осмотръ Херсона показалъ ему, что наскоро тутъ не построишь кораблей; безъ нихъ же нападать на Очаковъ только съ суши было бы безразсудно. Обѣщанный флотъ изъ Балтійскаго моря могъ прійти въ Архипелагъ очень поздно, могъ понадобиться, наконецъ, и на сѣверѣ въ виду осложненія отношеній съ Швеціей (какъ то дѣйствительно и случилось впослѣдствіи). Императрица же писала князю: „понеже кинбурнская сторона важна, а въ оной покой не можетъ быть, *дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятеля, то поневолѣ нужно подумать объ осадѣ его*" [3]).

Приходилось создавать флотъ почти изъ ничего. Много ночей не поспалъ свѣтлѣйшій князь и много ногтей изгрызъ по своему

---

[1]) „Рус. Стар." 1876, февр., стр. 244.

[2]) Ib. 1876. мартъ стр. 492.

[3]) Ib., 1876, іюнь, 257.

обыкновенію, почесывая при этомъ затылокъ, пока нашелъ возможнымъ изъ ничего создать кое что. Начало къ выходу изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ положено было еще раньше. Еще въ бытность императрицы въ Кременчугѣ запорожскіе старшины Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый, несмотря на разгромъ Сѣчи, поднесли Ея Величеству отъ имени своего уничтоженнаго войска адресъ, въ которомъ просили позволенія служить по прежнему. Уже 20-го августа имъ разрѣшено было собирать волонтеровъ конныхъ и пѣшихъ „для лодокъ“, при чемъ оба эти запорожца названы были „секундъ майорами“ [1]). Отпущенъ былъ для нихъ провіантъ и фуражъ, обѣщана земля, и вотъ въ Бериславъ стали собираться къ новому начальству закаленные въ Сѣчи „лыцари“, разбредшіеся было по хуторамъ, но не желавшіе попасть въ крѣпостные къ новой аристократіи, размежевавшей между собой ихъ земли.

Въ октябрѣ еще одинъ такой запорожецъ Харько Чепига (въ ордерахъ Потемкина называемый то Харитономъ, то Захаріемъ) также предложилъ свои услуги собрать волонтеровъ — „къ изъявленію противъ враговъ христіанства мужественныхъ подвиговъ своихъ“. Его услуги тоже были приняты. Понемногу стало составляться новое войско „вѣрныхъ запорожскихъ козаковъ“.

Такъ сбывалось пророчество пѣсни про разоренье Сѣчи:

„Зруйнувалы Запорожжя,
Буде колысь треба!“

Но неужели Грицьку Нечосѣ, бывшему братчику Кущевскаго куриня, такъ вѣроломно поступившему съ представителями славнаго войска запорожскаго при уничтоженіи Сѣчи въ 1775 г., необходимы были эти заигрыванья передъ какою нибудь тысячью оборванныхъ „бродягъ“, недавно еще квалифицированныхъ имъ, какъ людей ни къ чему непригодныхъ кромѣ буйства, — теперь, когда онъ стоялъ во главѣ чуть не стотысячной арміи? Дѣйствія и факты говорятъ, что въ самомъ дѣлѣ пришло время пожалѣть объ уничтоженіи запорожскаго козачества.

Хотя армія, въ виду предполагавшейся новой войны съ Турціею, была переформирована въ 1783 г. и увеличена въ 1785 и

---

[1]) Короленко, Черноморцы, Спб., 1874, стр. 213.

1786 г., а на порохъ и свинецъ ежегодно стали отпускать по 23,000 р., но чтобы поразить агарянъ въ ихъ „кочовыськахъ", показанной выше цифры войска было недостаточно,—не потому, чтобы она была мала, а потому, что войско не было приготовлено все на мѣстѣ, когда врагъ имени христіанскаго, какъ было сказано въ манифестѣ, „увѣнчалъ коварство наглостью", посадивъ министра и посла Булгакова въ тюрьму, и когда второпяхъ была объявлена война [1]). На это указываетъ письмо императора австрійскаго Іосифа II къ фельдмаршалу Ласси отъ 7—19 мая 1787 г. изъ Койдака, гдѣ онъ встрѣтилъ императрицу во время ея путешествія на югъ. Такъ какъ онъ вступилъ съ императрицею въ переписку по вопросу объ изгнаніи изъ Европы „врага имени Христова" еще въ 1781—1782 г., когда между ними и состоялось секретное соглашеніе по „великому плану" созданія греческой имперіи и христіанскаго княжества Дакіи, то поѣздка его съ императрицею по берегу Днѣпра въ Херсонъ и Крымъ имѣли для него значеніе личнаго ознакомленія съ царствомъ, съ которымъ онъ вступилъ въ договоръ. Сообщая о всемъ, что онъ видѣлъ, онъ писалъ своему фельдмаршалу, что „вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, въ этой области едва найдется 40,000", и прибавлялъ при этомъ: „еще Богъ вѣсть, каково въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію приходится довольствовать однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе въ этихъ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть, и у лошадей подвело порядкомъ животы" [2]). Лѣтомъ онъ возвратился изъ степей южнорусскихъ домой, вовсе не предполагая, что война съ Турціею начнется такъ скоро. Зимою, по словамъ императрицы, ей нельзя смѣло разсчитывать на помощь Австріи, такъ какъ по договору декабрь, январь и февраль исключались изъ движенія войскъ. Цесарь, по ея словамъ, также „не болѣе какъ и мы ожидалъ войны, какъ и мы также не готовъ" былъ, и потому втеченіи всей осени не сдѣлалъ ничего. А на мѣстѣ у Румянцова и Потемкина было еще очень мало войска. Румянцевъ писалъ императрицѣ, что „козаки не бывали къ нему", что нужно дѣлать подвижные мосты для перевоза артилле-

[1]) Полное Собр. Зак. XXII. №№ 16.508, 16.567.

[2]) „Русскій Архивъ", 1880, кн. I, стр. 357.

ріи. Потемкинъ просилъ прислать къ нему Преображенскую бомбардирскую роту для осады Очакова, пригласить въ адмиралы Кингсбергена, такъ какъ по его соображенію выходило. „что въ трехъ мѣстахъ надобно будетъ флотомъ брать". На помощь Суворову онъ просилъ прислать флигель-адъютантомъ его племянника Горчакова. О состояніи войскъ онъ не писалъ; но если мы обратимся къ характеристикѣ этого состоянія, какую сдѣлалъ будущій союзникъ Россіи Іосифъ II, то можемъ придти къ заключенію, что оно было плачевное. Солдаты, получавшіе по $1^1/_2$ руб. въ годъ, часто ходили безъ рубахъ; комплектъ полковъ былъ далеко не полный: полкъ долженъ былъ состоять изъ 4-хъ батальоновъ по 4 роты въ 200 солдатъ въ каждомъ; на дѣлѣ же полки состояли развѣ изъ 700 человѣкъ. Корабли, построенные изъ сыраго лѣса, по мнѣнію Іосифа, годились только для показа императрицѣ, а затѣмъ имъ предстояло гнить; матросы, набранные только что въ рекруты, не умѣли лазить по мачтамъ, падали и ломали руки и ноги и т. д. [1]).

Тѣмъ временемъ въ прибывшихъ уже на мѣсто войскахъ начались болѣзни. „Что у тебя больныхъ много,—сіе весьма печально слышать",—или „о томъ весьма жалѣю",—не разъ писала Екатерина Потемкину въ теченіе осени и зимы, требуя отъ него ежемѣсячныхъ рапортовъ объ убыли въ войскахъ. Но за разъѣздами и хлопотами онъ и этого не успѣвалъ дѣлать, такъ что императрица упрекала его: „изъ всѣхъ губерній я имѣю донесенія по два раза въ мѣсяцъ, а изъ губерніи моего имени и разъ въ мѣсяцъ не могу добиться: c'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une" [2]).

Далеко не все на театрѣ войны шло, какъ по писанному; оттого Потемкинъ или ничего не писалъ, или если и писалъ вначалѣ, то только отчаянныя письма, прося даже смѣнить его съ должности главнокомандующаго. Легко было задумать проектъ завоеванія Константинополя и разрушенія турецкой имперіи—но до исполненія его въ 1787 г. было очень далеко.

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1873. іюль, 160—161. Также Русскій Архивъ Ib., 336—364.

[2]) „Рус. Стар.", 1876, іюль, 443, 446, 447.

II.

Ухватившись, какъ за соломинку, за планъ созданія, сверхъ регулярной арміи, волонтерскихъ легкоконныхъ полковъ и дешевой флотиліи изъ оставшихся запорожцевъ, умѣвшихъ вести морскія сраженія на абордажѣ, Потемкинъ по этому поводу послалъ нѣсколько представленій и донесеній государынѣ въ самомъ концѣ 1787 г. и въ началѣ 1788 г. Разъ онъ нашелъ выходъ,—тонъ его писемъ къ императрицѣ перемѣнился; онъ уже „съ оскорбленіемъ принялъ ея мысли“, будто въ его дѣйствіяхъ „колебленность мѣсто могла имѣть“. Въ частномъ письмѣ къ нему отъ 11-го января императрица, замѣтивъ перемѣну въ его тонѣ, старалась еще болѣе ободрить его, въ особенности по случаю его болѣзни по возвращеніи изъ Херсона: „я духъ и душевныя силы моего ученика знаю и вѣдаю, что его на все достанетъ“... „Если тебѣ удастся переманить запорожцевъ, прибавляла она при этомъ,—то сдѣлаешь еще доброе дѣло, есть ли поселишь ихъ въ Тамани: je crois que c'est vraiment leur place“. Оффиціально же, вслѣдствіе представленій Потемкина, 14 янв. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объявить подполковнику Сидору Бѣлому и прочимъ старшинамъ бывшаго войска запорожскаго монаршее благоволеніе, отвести имъ земли въ Керченскомъ Куту или на Тамани, или въ другомъ мѣстѣ по усмотрѣнію князя; при этомъ дозволялось вмѣстѣ съ ними селиться и всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ къ нимъ возвратиться съ непріятельской стороны; этимъ предоставлялось, значитъ, Потемкину переманивать въ новое запорожское войско и тѣхъ запорожцевъ, которые бѣжали за Дунай, разумѣется, если они раскаются. Сверхъ того Потемкину было разрѣшено скупать только что розданныя имъ земли у помѣщиковъ херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ между рѣкъ Буга и Ингульца, „обитателей оныхъ учреждая военными“. Но видно изъ мѣстныхъ жителей нельзя было собрать нужнаго Потемкину числа волонтеровъ, напоминавшихъ старыхъ запорожцевъ; тѣмъ же именнымъ указомъ, согласно представленію Потемкина, ему было разрѣшено принимать къ козачьему корпусу однодворцевъ города Чугуева, исключивъ ихъ изъ подушнаго оклада; жителей раскольничьихъ слободъ въ екатеринославской губ. устроить также козаками по примѣру донскихъ, позволяя число ихъ

умножать „выходцами изъ Польши имъ подобными“. Значитъ, не только люди запорожскаго закала, но даже гайдамаки понадобились теперь князю Потемкину. Наконецъ, очевидно въ силу того, что людей конныхъ у князя былъ большой недостатокъ, приняты были мѣры для удержанія въ рядахъ войска выслужившихъ установленный срокъ (15 лѣтъ) въ легкой конницѣ: тѣмъ изъ нихъ, кто прослужитъ сверхъ срока еще 5 лѣтъ, положено выдавать золотую медаль, кто же не менѣе 3-хъ лѣтъ—серебряную. Въ именномъ указѣ императрицы было сказано, что всѣ эти мѣры, предложенныя княземъ, высочайше апробуются, такъ какъ онѣ относятся къ „дознанной вашей ревности къ Нашей пользѣ, для которой не упускаете вы ни единаго удобнаго случая“ [1]).

Изъ всего этого видно, что Потемкинъ только съ начала новаго года сталъ собирать силы, какія по осмотрѣ всего наличнаго состоянія арміи оказались для нея необходимыми. Еще и позже, весною онъ дѣлалъ предложенія императрицѣ, клонящіяся къ увеличенію арміи волонтерами и къ освобожденію отъ другихъ занятій мѣстныхъ силъ, какія только могли быть пріурочены къ войнѣ. На постройку города Херсона до сихъ поръ отправлялись колодники и каторжники, приговоренные къ ссылкѣ судомъ; они требовали присмотра со стороны мѣстнаго гарнизона; на верфи и въ городѣ были сверхъ того рабочія военныя роты солдатъ, которыя также могли быть употреблены въ дѣло. И вотъ, по рапорту Потемкина, что въ виду военныхъ дѣйствій работы по постройкѣ Херсона могутъ быть пріостановлены, 15 марта 1788 г. вышелъ сенатскій указъ, которымъ предписывалось не ссылать болѣе въ Херсонъ каторжныхъ,— „тѣмъ паче, что и близкое сосѣдство непріятеля требуетъ умноженія за ними стражи“ [2]). Этимъ способомъ Потемкинъ увеличилъ свое войско пѣшими силами; по крайней мѣрѣ мы видимъ бывшаго строителя г. Херсона Н. И. Корсакова подъ Очаковымъ, гдѣ онъ и былъ убитъ во время осады [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XXII, № 16, 605,

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXII, № 16,634.

[3]) На могилѣ его въ Херсонѣ находится такая надпись:

Здесь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ
Къ желанію сыновъ Россіи погребенъ.

Кромѣ пѣхоты, Потемкину нужны были и конные люди,--и вотъ онъ предлагаетъ еще одинъ новый планъ о составленіи казачьяго войска изъ ямщиковъ и мѣщанъ; первая мысль о таковомъ войскѣ принята императрицею съ радостью; указомъ 20 апрѣля она предложила Потемкину разработать предлагаемый имъ планъ и указать ей, какимъ образомъ „привести его въ дѣйство". Разработка этого плана потребовала однако долгихъ справокъ, такъ что только 7-го октября 1788 г. послѣдовалъ именной указъ о выборѣ 1000 человѣкъ изъ 18,122 ямщиковъ и о составленіи изъ нихъ козачьяго полка по образцу Донскаго—„до окончанія нынѣшней войны" [1]).

Таковы были мѣры, предпринятыя Потемкинымъ для пополненія предполагаемой стотысячной арміи болѣе подходящими для нуждъ войны людьми. Первое мѣсто между ними занимали „вѣрные Запорожскіе козаки". Ихъ собралось впослѣдствіи болѣе 12½ тысячъ. Въ февралѣ 1788 г. по указу Ея Императорскаго Величества Суворовъ передалъ имъ бѣлое войсковое знамя большое, нѣсколько малыхъ для куреней, число которыхъ могло увеличиваться, булаву кошеваго и перначи, войсковую печать выслалъ князь Потемкинъ изъ Елисаветграда только въ маѣ. Кошевымъ новаго войска запорожскаго назначенъ былъ Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьею Антонъ Головатый, войсковымъ писаремъ--Подлясецкій, войсковымъ эсауломъ—Кобинякъ и войсковымъ полковникомъ Савва Бѣлый. Чепига получилъ отъ Кутузова перначъ въ качествѣ помощника кошеваго и начальство надъ лодками у Глубокой пристани. Самъ Кошъ устроился на Кинбурнской сторонѣ.

Кромѣ „вѣрныхъ Запорожцевъ", князю Потемкину удалось вернуть въ новое войско до 1000 душъ бѣжавшихъ на Дунай запорожцевъ, хотя всѣмъ войскомъ запорожцы не захотѣли возвратиться несмотря на то, что Чепига два раза просилъ ихъ о томъ. Старики, знавшіе, что на слова Потемкина положиться нельзя, не повѣ-

---

Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрый духъ его отъ тѣла отлученъ.

Инженеръ господинъ полковникъ и орденовъ св. Владиміра, Побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра кавалеръ Николай Ивановичъ скончался 1788 году, августа 24 дня.

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XXII, №№ 16,647 и 16,718.

рили его обѣщаніямъ будущихъ благъ, и только молодежь, всегда жаждущая подвиговъ, переходила по одиночкѣ подъ знамена Суворова [1]). Недовѣріе стариковъ было основательно, такъ какъ возстановляя запорожское войско, императрица въ февралѣ уже писала Потемкину: „что вѣрные Запорожцы вѣрно служатъ—сіе похвально, но имя Запорожцевъ старайся замѣнить инымъ, ибо Сѣча, уничтоженная манифестомъ, не оставила по себѣ умамъ пріятное прозваніе; въ людяхъ же не знающихъ чтобъ не возбуждалась мечта, будто за нужное нашли возстановить Сѣчу либо названіе ея" [2]).

Впослѣдствіи Потемкинъ вполнѣ послѣдовалъ этому совѣту. Поселивъ сначала „вѣрныхъ запорожцевъ" въ очаковской области, гдѣ далъ имъ 4 лимана и землю „по Бендерскую дорогу" [3]), онъ переименовалъ ихъ въ черноморское войско съ центральнымъ пунктомъ въ Слободзеѣ, а затѣмъ перевелъ ихъ на Тамань.

Собирая новыя войска и укомплектовывая существовавшія, Потемкинъ иногда думалъ о способахъ продовольствія этихъ войскъ. 1787 годъ былъ неурожайный, какъ и два предъидущіе; хлѣбъ дѣлали пополамъ съ соломою; по слухамъ въ Москвѣ даже были случаи голодной смерти; а въ Петербургѣ голодъ довелъ до упорнаго бунта рабочихъ, которые съ требованіемъ увеличенія платы являлись къ самому дворцу. Лучше всего повсемѣстный недостатокъ хлѣба въ Россіи видѣнъ изъ разсужденій Щербатова „О голодѣ" и „Состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ Турецкой войны": въ 1760 году четверть ржи стоила еще 86 коп., въ 1763—95 коп., въ 1773—2 р. 19 коп., а въ 1787—уже 7 р. [4]). Въ виду всего этого правительство при объявленіи войны тотчасъ же приняло мѣры для заготовленія продовольствія. Въ намѣстничествахъ бѣлорусскомъ, смоленскомъ, новгородъ-сѣверскомъ, харьковскомъ, курскомъ, тамбовскомъ и екатеринославскомъ былъ объявленъ подушный сборъ по 3 четверти ржи и 1½ гарнца крупъ съ души съ уплатою по стоящимъ цѣнамъ, съ запрещеніемъ кулакамъ скупать хлѣбъ для продажи правительству, а всѣмъ вообще повы-

---

[1]) *Короленко.* Черноморцы. См. Приложенія III, IV, V, стр. 7.

[2]) Рус. Стар., 1876 г., іюль, стр. 450.

[3]) Кіевская Старина, 1882, т. II, стр. 555 и 1883, т. I, стр. 44—45.

[4]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1873, іюль, стр. 163.

шать цѣны, существовавшія до объявленія войны. Магазины, общіе для всѣхъ формировавшихся армій, были учреждены въ Кіевѣ, Переяславѣ, Кременчугѣ и Екатеринославѣ; сѣверная или украинская армія, которая должна была идти по границамъ Польши за Днѣстръ и Прутъ, была хорошо обезпечена въ своемъ движеніи магазинами: пунктами для нихъ были назначены 13 мѣстечекъ и городовъ нынѣшней кіевской и подольской губерніи и 11 пунктовъ за Днѣстромъ. Для южной же арміи Потемкина въ степи имѣлось только 3 такихъ пункта для магазиновъ на Бугѣ: Ольвіополь, Вознесенскъ и Богоявленскъ—селеніе у нынѣшняго Николаева, которое раньше называлось Витовтовою банею [1]).

Содержать армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей изъ этихъ трехъ магазиновъ, отрѣзанныхъ дикою степью и отъ Малороссіи, и отъ Балты, которая могла служить пунктомъ отправленія хлѣба сюда, было не легко, хотя перевозка запасовъ для пополненія магазиновъ должна была совершаться мѣстными средствами края съ платою по 12 коп. отъ 10 верстъ, но найти чумаковъ въ степи было негдѣ. Нужно было создать и перевозочныя средства. И вотъ 29 декабря 1787 г. Потемкинъ даетъ приказъ екатеринославскому губернатору, строителю города Екатеринослава, генералъ-майору Синельникову о заготовленіи 2000 четырехволовыхъ фуръ на 70 пуд. сухарей каждая. Расписывая въ своемъ приказѣ подробно, каковы должны быть фуры и что должно быть при каждой (мазница съ дегтемъ, важница съ дрючкомъ, двоило съ гужемъ, канатъ, топоръ, свердло, долото, запасныя колеса и ось), онъ отпускалъ 100,000 руб. для раздачи тотчасъ же предводителямъ дворянства, чтобы въ заготовленіи одной тысячи фуръ и воловъ дворяне „предуспѣть могли, справя все то хотя въ половинѣ февраля мѣсяца“ [2]); другую тысячу фуръ приказано было покупать черезъ провіантскихъ чиновниковъ. Эти фуры съ волами должны были собираться у Днѣпра въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легче могли быть продовольствованы волы и гдѣ была удобнѣе переправа. Весь такимъ образомъ устроенный подвижной

---

[1]) *Шмидтъ*, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. I, стр. 11.

[2]) Вторая Турецкая война въ царств. Императр. Екатерины II. Составилъ генеральн. штаба полк. *А. Н. Петровъ*. Спб. 1880, т. I, стр. 86 и прилож. 3.

магазинъ долженъ былъ состоять изъ 14 бригадъ по 200 четырех-воловыхъ повозокъ въ каждой.

Рекруты для пополненія потемкинской арміи могли идти сюда черезъ Екатеринославъ, отъ котораго на всемъ пространствѣ до Буга встрѣчались лишь небольшія села и деревни, рѣдко разбросанныя въ степи. Если не считать деревенекъ и хуторовъ частныхъ владѣльцевъ, только что получившихъ здѣсь земли и едва начавшихъ устраивать сво ехозяйство, то по переписи 1787 г. на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ елисаветградскаго, александрійскаго верхнеднѣпровскаго, екатеринославскаго и херсонскаго оказалось только 146 поселеній государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій. Въ нихъ было 58,174 ревизскихъ душъ мужескаго пола [1]) или всего населенія около 116,000 душъ. Если мы положимъ еще тысячъ 30—40 душъ на новообразованныя деревни переселившихся сюда съ 1775 г. помѣщиковъ, то все населеніе страны, имѣющей 52 тысячи квадр. верстъ, выйдетъ для 1787 года тысячъ 150, или по 3 души на 1 кв. версту. Разсчитывать на пособіе для стотысячной арміи со стороны такого малолюднаго населенія, освобожденнаго еще при томъ отъ многихъ повинностей, конечно было нельзя. Всю обстановку для приходящихъ войскъ Потемкинъ долженъ былъ заготовить самъ: онъ велѣлъ строить казармы, землянки, выписывалъ войлочныя кибитки съ Кавказа и Кубани и писалъ Суворову, какъ лучше устанавливать ихъ, построилъ три госпиталя, конечно въ тѣхъ же пунктахъ—Херсонѣ, Богоявленскѣ и Ольвіополѣ, такъ какъ другихъ большихъ населенныхъ мѣстъ по Бугу не было. Хроническіе больные могли поступать только въ херсонскій госпиталь; остальныхъ онъ подраздѣлилъ ее на два разряда (тяжело больныхъ и слабыхъ), распорядился объ отдѣленіи заразныхъ больныхъ, опредѣлилъ пищу для нихъ, порціи и т. п. Многія изъ распоряженій и разъясненій по этой части писаны рукою самого князя. Хлопотъ было не мало, но князь оправдалъ довѣріе императрицы и справился со всѣмъ.

Зима 1787—88 года, когда прекратились военныя дѣйствія, принесла новое радостное извѣстіе: въ концѣ января (29-го) „и цесарцы, какъ говоритъ Гарновскій, противъ Агарянъ возстать уже

---

[1]) Полн. Собр. Зак., 1830 г. т. XXII, стр. 1005—1008.

дерзнули“, другими словами, Австрія объявила войну Турціи и выставила на границу также 100 тысячную армію. Потемкинъ воспрянулъ духомъ и отъ этого извѣстія, и отъ того, что у него самого дѣло уже было налажено. Въ Кременчугѣ строились лодки для новой запорожской „гребной флотиліи“, о которыхъ 2 марта онъ писалъ Суворову, что чуть только Днѣпръ пройдетъ, 75 такихъ лодокъ будутъ спущены черезъ пороги въ лиманъ: „есть либы сіе строилося въ адмиралтействѣ (т. е. въ Херсонѣ), прибавлялъ онъ въ своей запискѣ, то бы никогда ихъ недождалися“ [1]).

Списочное состояніе екатеринославской арміи по вѣдомости, составленной 18 марта 1788 г., въ драгунскихъ, легкоконныхъ, гренадерскихъ, мушкатерскихъ, егерскихъ полкахъ, артиллерійскихъ командахъ и козачьихъ войскахъ донскихъ, екатеринославскихъ и и бугскихъ—простиралось до 117½ тысячъ; но по этой вѣдомости значилось до 10 тысячъ больныхъ, 3½ тысячъ умершихъ, болѣе 2-хъ тысячъ въ отлучкахъ и до 20,000 требуемыхъ по комплекту, но не бывшихъ еще на мѣстѣ [2]). Такимъ образомъ на лицо, за исключеніемъ больныхъ и иррегулярныхъ запорожцевъ и флотскихъ, было 82,000.

Свѣтлѣйшій князь чувствовалъ себя уже въ своей тарелкѣ, когда къ нему отъ императора австрійскаго пріѣхалъ корреспондентомъ принцъ де-Линь и сталъ его въ свою очередь торопить къ осадѣ Очакова. Ему князь говорилъ, что войскъ у него мало, тогда какъ турокъ много повсюду во всѣхъ крѣпостяхъ, что спѣшить некуда да и думать пока нельзя объ успѣхѣ. Только на настоятельные вопросы императора о планѣ предпринимаемой имъ кампаніи онъ отвѣтилъ неопредѣленно: „Avec l'aide de Dieu, j'attaquerai tout ce qui sera entre le Bog et le Dniester“.

Изъ характера этого отвѣта можно видѣть, что весною 1788 г. онъ еще не зналъ, какъ скоро онъ будетъ готовъ встрѣтить непріятеля, гдѣ и какого онъ встрѣтитъ, будетъ ли онъ вести наступательную или только оборонительную войну, если турецкія войска перейдутъ Днѣстръ ему навстрѣчу.

---

[1]) Рус. Старина, 1875 г. май, стр. 29.
[2]) *Петровъ*. Вторая турецкая война. Т. I. Прил. 14.

По диспозиціи войскъ, составленной 4-го апрѣля, армія Румянцова (украинская) должна была прикрывать Польшу и помогать Австріи взять Хотинъ и Бѣлградъ (Аккерманъ). Потемкину же (екатеринославская армія) предстояло охранять Крымъ и взять Очаковъ. Въ необходимости идти именно на осаду Очакова онъ убѣдился только въ концѣ апрѣля мѣсяца, когда сообщалъ Суворову о принятомъ планѣ дѣйствій, объ осадѣ Очакова и о томъ, какіе города и крѣпости прійдется брать послѣ Очакова. Только теперь, въ виду бездѣйствія турокъ, является у него опредѣленный планъ, и онъ пишетъ Суворову просто и коротко: „Очаковъ непремѣнно взять должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался онъ дешево". (29 апрѣля 1788). Для Суворова, который нерѣшительное предписаніе, предоставлявшее на его усмотрѣніе идти въ аттаку или нѣтъ, любилъ истолковывать, какъ прямое приказаніе дѣйствовать, такой тонъ былъ совершенно ясенъ; понятно было для него и желаніе „дешево получить Очаковъ" съ тѣмъ, чтобы идти затѣмъ на Хотинъ и Бендеры. Жаль, что этотъ полководецъ умѣлъ только дѣйствовать и писать краткія реляціи о своихъ совершившихся уже побѣдахъ или приказы и извѣстія о томъ, что онъ будетъ дѣлать завтра, а не занимался предположеніями о далекомъ будущемъ. Изъ его отвѣтовъ Потемкину на мнѣнія послѣдняго многое можно было бы узнать о томъ, какъ смотрѣлъ этотъ знаменитый спеціалистъ военнаго дѣла на Очаковъ и крѣпость его стѣнъ для нападенія. Но мы не имѣемъ такихъ указаній и опредѣленій спеціалистовъ и должны хоть какъ нибудь познакомить читателей съ тѣмъ, что такое былъ этотъ Очаковъ, возбудившій столько разговоровъ 100 лѣтъ тому назадъ и на югѣ, и на сѣверѣ, и на западѣ Европы и заставившій музу Державина въ извѣстномъ его стихотвореніи на осень 1788 года, выражая всеобщее ожиданіе „Россовъ" взятія Очакова, „въ восторгѣ томномъ" сей стихъ бряцать:

Приди *желанна вѣсть*,—и лира
Любовь и славу воспоетъ!

III.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды Днѣпровскаго лимана сливаются съ водами Чернаго моря, два мыса раздѣляютъ ихъ и образуютъ выходъ изъ лимана въ море шириною нѣсколько болѣе 3-хъ верстъ. Съ сѣвера вдается между моремъ и лиманомъ Очаковскій мысъ, круто спускающійся къ берегу съ высоты 17—18 саженъ. На этомъ то мысѣ и лежала крѣпость, которую турки тогда считали неприступною и непобѣдимой. Противъ нея, также между моремъ и лиманомъ, тянется низкая песчаная Кинбурнская коса, которую Суворовъ 1-го октября 1787 г. засыпалъ трупами; конецъ ея выходитъ не прямо противъ Очакова, а версты на 3 западнѣе. Сзади Очакова раскинулась высокая глинистая степь съ разсыпанными на ней курганами, впрочемъ не непрерывная.. Верстъ 25 на востокъ ее отдѣляетъ отъ остальныхъ степей Бугъ и его широкій лиманъ, за которыми были уже въ то время русскія владѣнія, верстъ 10 на западъ отъ Очаковскаго мыса въ море съ сѣвера впадаетъ другой довольно широкій, хотя и короткій лиманъ Березанскій; противъ устья его верстахъ въ 2-хъ отъ берега стоитъ на морѣ каменистый островъ Березань, имѣющій не болѣе 1 версты въ длину и не болѣе 25 десятинъ площади земли на своей высокой поверхности.

Крѣпость Очаковская состояла изъ двухъ отдѣльныхъ укрѣпленій: небольшаго замка Гассанъ-паши, стоявшаго на самой оконечности мыса, и собственно крѣпости, прилегавшей къ Днѣпровскому лиману, гдѣ юго-восточный берегъ мыса, подмываемый водами лимана, гораздо круче, чѣмъ с.-западный, спускающійся болѣе отлого къ Черному морю. Стѣны внутренней крѣпости доходили до самаго почти берега лимана и тянулись отсюда съ обычными изгибами въ главномъ направленіи на СЗ. По направленію къ нынѣшнему Николаеву въ нихъ было двое воротъ: Водяныя—у самаго берега и Кривыя—надъ взгорьемъ; въ сѣверо-западной стѣнѣ были ворота Бендерскія, а въ юго-западной—Стамбульскія и Гассанъ-пашинскія; отъ послѣднихъ шла дорога къ башнѣ Гассанъ-паши. Вокругъ нагорной стороны крѣпости простирался гласисъ, окруженный вторымъ валомъ ретраншемента, имѣвшаго четверо воротъ: на С. В., С.-З., С. и Ю. З. Внутри валовъ ретраншемента разсыпаны были

землянки обывателей Очакова, которые жили и за наружнымъ валомъ среди разведенныхъ ими здѣсь садовъ и виноградниковъ. На С. и С.-З. отъ внѣшнихъ валовъ эти сады форштата расположены были на гладкой поверхности степи и по склонамъ къ Черному морю; на С В. отъ нихъ впадаетъ въ лиманъ глубокій оврагъ, и теперь перерѣзывающій дорогу на Куцюрубъ, почему она и отклоняется противъ кирпичнаго завода Миллера глубже въ степь.

Много мыслей о превратности судебъ человѣческихъ возбуждаютъ эти мѣста въ душѣ знакомящагося съ прошлымъ новороссійскаго края. Край этотъ, „новый“ для Россіи, очень старъ не только для ея писанной исторіи, а и для исторіи всей Европы: на томъ же берегу, гдѣ послѣднія 400 лѣтъ стоитъ Очаковъ, верстъ на 25—30 восточнѣе, лежала когда то у устья Буга Ольвія, оставившая для насъ однѣ изъ древнѣйшихъ надписей, свидѣтельствующихъ о цивилизованномъ житьѣ-бытьѣ на этомъ берегу Чернаго моря за 5—6 вѣковъ до Р. Х. Лиманъ Днѣпровскій описанъ былъ уже въ древнѣйшей книгѣ по географіи Европы, отца описательныхъ и историческихъ наукъ; первые договоры кіевскихъ князей съ Византіей рѣчь вели объ этихъ же берегахъ и мѣстностяхъ. А что говорятъ или еще скажутъ эти курганы подъ Очаковымъ, одинъ изъ которыхъ теперь называется именемъ Суворова, а другой Потемкина? Можетъ быть когда нибудь раскопки ихъ и близь лежащихъ мѣстностей и тутъ откроютъ слѣды Алектора или другаго такого же поселенія, какъ Ольвія, засыпаннаго пылью вѣковъ и погребеннаго въ глинѣ далеко раньше, чѣмъ явились претенденты на это мѣстечко, оправдывавшіе свои претензіи грандіознымъ для своего времени греческимъ прожектомъ и теоріею необходимости борьбы между міромъ христіанскимъ и мусульманскимъ.

Много народностей смѣнили другъ друга на Черномъ морѣ у Очакова; возрастъ древностей, оставленныхъ ими, считается и столѣтіями, и тысячелѣтіями, но, повидимому, физико-географическія условія этой мѣстности во всѣ времена намъ извѣстныя оставались одинаковыми. Въ опроверженіе этой мысли указываютъ на слова Геродота, видѣвшаго тутъ „преглубокую траву и прекрасные хлѣба“, и говорятъ, что здѣсь прежде климатъ долженъ былъ быть мягче; старики по памяти въ одинъ голосъ утверждаютъ, что еще лѣтъ

40—50 назадъ здѣсь было не то, что теперь; но факты жизни, какъ изъ области „новороссійской старины", не идущей далѣе 100 лѣтъ тому назадъ, такъ и кіевской и древне-греческой указываютъ, что и лѣтнія засухи, и лютыя зимы здѣсь бывали и прежде такія же, какъ и теперь. Оттого только тогда, когда являлись сюда люди вооруженные средствами уже окрѣпшей цивилизаціи, тутъ возникали города; безпомощное же населеніе среднихъ вѣковъ убѣгало отъ этихъ непривѣтливыхъ степей въ болѣе разнообразныя по климату и другимъ естественнымъ условіямъ страны.

Какъ кіевскимъ и литовскимъ полководцамъ, доходившимъ до береговъ Чернаго моря, приходилось терпѣть отъ непривѣтливости степи до того, что они оставляли впустѣ эти земли скиѳоподобнымъ ордамъ, такъ и Миниху, и Румянцеву, и Потемкину въ прошломъ столѣтіи приходилось терпѣть тутъ то же, что и Дарію за много вѣковъ назадъ и что позднѣйшими обитателями степей такъ характерно выражено въ трехъ слѣдующихъ словахъ: *„одно—безхлибъя, друге—безводъя, а третее—бездорожжъя"*. Ровно 50 лѣтъ назадъ до описываемой нами осады Очакова были уже подъ его стѣнами русскія войска подъ предводительствомъ Миниха—въ числѣ 70.000 душъ людей, 28.000 возовъ, 90.000 подводъ и 2.000 верблюдовъ, которые везли за войскомъ, кромѣ хлѣба, и дрова, и воду. Подошли они къ Очакову 30 іюня, а 2-го іюля 1737 года изъ этихъ людей на приступѣ было убито и ранено до 4000, а турокъ въ городѣ погибло не то 10.000, не то 19.000, и самый городъ былъ сожженъ и разоренъ. Но изъ того же русскаго войска 16.000 душъ пало въ одинъ Очаковскій походъ отъ дѣйствія знойнаго климата и заразительныхъ болѣзней; лошади и волы тоже падали тысячами. Изъ гарнизона, оставленнаго тутъ въ количествѣ 8.000, къ октябрю осталось въ живыхъ только 5.000: такъ степь съ своими болѣзнями встрѣчала непрошенныхъ гостей.

Теперь другимъ войскамъ предстояло поправить ошибку дипломатіи и недостаточную выдержку Россіи, которой 50 лѣтъ назадъ, за 100,000 погибшихъ въ одну кампанію людей и нѣсколько милліоновъ издержанныхъ рублей—досталась только полоса земли въ глубинѣ степей (нынѣшніе уѣзды верходнѣпровскій и елисаветградскій), а Очаковъ и его земля опять остались въ рукахъ турокъ.

Не только дворъ петербургскій, но и всѣ дворы тогдашней Европы были заинтересованы сильно, чѣмъ кончится это ополченіе двухъ имперій на третью. Не одна Екатерина II интересовалась знать, какъ живется свѣтлѣйшему князю Таврическому и его войску: и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ шли дебаты о томъ, сумасбродъ ли только Потемкинъ (этотъ изнѣженный сибаритъ и извѣстный гастрономъ, получавшій, кромѣ жалованья въ 144 тысячи, однихъ столовыхъ денегъ по 100 р. въ день), замаривая такъ долго людей и лошадей въ пыльной новороссійской степи, или онъ имѣетъ какіе либо особые планы, что не идетъ такъ долго на рѣшительное сраженіе? Парижскія газеты того времени съ такимъ же жаромъ спорили о планахъ великолѣпнаго князя Тавриды, съ какимъ сообщали извѣстія о его роскошномъ препровожденіи времени въ столицѣ или подъ стѣнами Очакова въ ставкѣ, не уступавшей въ пышности палаткамъ великаго визиря турецкой имперіи. Не даромъ года два спустя въ Яссахъ напечатанъ былъ на него пасквиль подъ видомъ разговора трехъ солдатъ, уже отошедшихъ въ „царство мертвыхъ". Хотя этотъ пасквиль обрушивается совершенно невпопадъ на личныя качества князя, почему и носитъ характеръ писаній изъ зависти личной и обиды, но, „какъ безъ дыма нѣтъ огня", то видно, что солдатамъ не легко было изнывать въ степи, гдѣ солнце сѣяло изнеможеніе въ рядахъ ихъ, какъ и во времена оны обрушилось „жяждею и тугою" на ряды воевъ Игоря въ Донской степи.

Ознакомившись съ характеромъ, симпатіями и антипатіями князя, съ его любовнымъ отношеніемъ къ солдату, которое вездѣ проглядываетъ и въ его перепискѣ, и въ распоряженіяхъ объ устройствѣ арміи, нельзя объяснять его медлительность тѣмъ соображеніемъ, что онъ выжидалъ, пока разъѣдутся изъ его лагеря нетерпимые имъ лишніе совѣтники-корреспонденты иностранныхъ дворовъ. Такое объясненіе его медлительности, какое въ данномъ случаѣ дѣлаетъ г. Поповъ въ своей біографіи Потемкина [1]), не вяжется ни съ чѣмъ. Конечно правда, что человѣкъ, возившій за собой въ походахъ библіотеку болѣе 2000 сочиненій на разныхъ языкахъ, человѣкъ, писавшій подъ конецъ жизни покаянные ирмосы „вопіющія во грѣ-

---

[1]) Рус. Старина. 1875.

хахъ души", проникнутые глубокимъ чувствомъ [1]), былъ вовсе неспособенъ идти на встрѣчу смерти подъ картечами впереди отряда „на сабляхъ и штыкахъ", какъ то дѣлалъ Суворовъ; но личной трусости въ Потемкинѣ не было, что онъ и доказалъ принцамъ де-Линю и Нассау, бравируя передъ ними подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ во время развѣдокъ у стѣнъ Очакова, а также и во время поѣздокъ своихъ въ лодкѣ между Очаковомъ и Кинбурномъ также подъ выстрѣлами. Но еслибы такая трусость и нерѣшительность составляли главное отличительное свойство князя, какъ полководца, то ими только все таки нельзя объяснить медленнаго движенія его съ войсками, когда непріятеля еще не было нигдѣ видно. Зналъ же вѣдь Потемкинъ, какъ изнываетъ его „матушка-государыня" въ Петербургѣ, требовавшая отъ него еженедѣльныхъ курьеровъ съ реляціями, вымаливавшая, можно сказать, у него скорѣйшее наступленіе на Очаковъ; зналъ онъ, что на сѣверѣ начинается война со Швеціей и для нея, кромѣ новаго выпуска мелкихъ ассигнацій на 10 милліоновъ рублей, кромѣ новаго набора рекрутъ по 1 человѣку со ста душъ, формируются съ бору да сосенки егерскій и гусарскій легкоконный полки, берутся въ рекруты однодворцы въ зачетъ будущихъ наборовъ, приглашаются даже изъ новгородской и тверской губерній „дворяне, упражняющіеся по недостатку своему въ хлѣбопашествѣ" [2]); зналъ онъ положеніе императрицы среди шипящаго „соціетета" лицъ, къ нему нерасположенныхъ, то положеніе, которое довело ее до заявленія имъ, что она сама поведетъ войска на шведовъ, если изъ нихъ не найдется никого способнаго.

Нужно предполагать въ Потемкинѣ какую то ужасную черствость, нечувствительность и холодную іезуитскую разсчетливость для того, чтобы объяснять его кунктаторство тѣми соображеніями, на которыя указываетъ г. Поповъ. Какъ ни велико было его честолюбіе, но при данныхъ обстоятельствахъ оно не могло заглушить всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми характеризуетъ князя самъ г. По-

---

[1]) Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. II. 1848. Стр. 213, 333.

[2]) Первое Полное Собран. Закон. т. XXII. N. N. 16.694, 16.705, 16.702, 16.693, 16.707, 16.680.

новъ. Мы видѣли изъ переписки его съ императрицей въ теченіи 1787 г., что такъ скоро дѣйствовать, какъ того ей бы хотѣлось, онъ не имѣлъ никакой возможности. Въ 1788 году съ весны стали повторяться опять убѣжденія и просьбы со стороны императрицы къ ея любимцу, почти такія, какія были и въ прошломъ году. Не соглашаясь изрѣдка съ его планами дѣйствій (напр. о выводѣ войскъ изъ Крыма), она постоянно ободряетъ своего любимца и исполняетъ почти всѣ его просьбы, даже капризы, несмотря на то, что подъ Петербургомъ у нея завязывалась война со шведами. Въ помощь главнокомандующему екатеринославской арміей для сухопутныхъ войскъ она послала Репнина; въ маѣ назначила контрадмираломъ „для употребленія въ дѣло на Черномъ морѣ“ Павла Джонса (Жанеса), прославившагося передъ тѣмъ въ Америкѣ на войнѣ за независимость и потому много о себѣ мечтавшаго; чтобы Потемкинъ какъ нибудь не счелъ назначенія контрадмираломъ зазнающагося иностранца, она писала ему, что посылаетъ Джонса потому только, что на пріѣздъ Кингсбергена разсчитывать нельзя, и наконецъ просто,—„понеже знаю, что тебѣ не безпріятно будетъ имѣть одну мордашку болѣе на Черномъ морѣ“. Надъ гребною флотиліей разночинцевъ командиромъ назначенъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ. Императрица готова была, несмотря на приготовленія войны со шведами, отправить черезъ Средиземное море балтійскій флотъ для возбужденія славянъ и грековъ къ возстанію, на что ассигновала 7 мил. руб. Но война наступательная на югѣ все не начиналась. Завадовскій и Воронцовъ (не говоря уже объ Орловѣ Чесменскомъ) распространяли въ Петербургѣ слухи, что въ екатеринославской арміи больныхъ и умирающихъ много отъ того, что солдатъ „кормятъ вмѣсто хлѣба—кутьею“ [1]). Этотъ противный Потемкину „соціететъ“ утверждалъ, что столица въ опасности отъ шведовъ, что пріобрѣтая полуденныя страны, „привели государство въ совершенную разстройку“, и т. д. Часто очень въ сообщеніяхъ Гарновскаго изъ столицы Попову, се-

[1]) Рус. Стар. 1876 г. Май, стр. 10. Очевидно, эти разглагольствованія повели къ подтвержденію 27 мая именнымъ указомъ запрещенія „на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательные и неприличные толки“. (Полн. Собран. Закон. № 16.673).

кретарю Потемкина, можно встрѣтить замѣчанія объ императрицѣ: „а всю прошедшую недѣлю были ежедневныя слезы".

Прошло лѣто 1788 г., побѣжали шведы, съ чѣмъ и поздравлялъ императрицу Потемкинъ. Племянникъ Завадовскаго въ банкѣ среди публики отпускалъ остроты, что войска подъ самымъ Очаковымъ стоятъ уже три мѣсяца, „а гоноровъ о сю пору нѣтъ"; Румянцевъ съ юга также довольно ехидно писалъ, что „куртки", подѣланныя по плану Потемкина для облегченія солдатъ лѣтомъ, уже не грѣютъ"; Гарновскій сообщалъ Попову на мѣсто военныхъ дѣйствій, что государыня жаждетъ скорѣе видѣть его свѣтлость по окончаніи осады [1]); сама императрица въ письмахъ къ Потемкину молила Бога поскорѣе „услышать вѣсть о взятіи Очакова", хотя и сама уже видѣла, что „состояніе подъ Очаковымъ весьма заботливо и труднѣе, нежели себѣ представляли" [2]). И среди такихъ обстоятельствъ, дождавшись еще въ октябрѣ ранней и суровой зимы [3]), Потемкинъ тянетъ осаду до декабря, только потому будто бы, что боится для умаленія своей славы присутствія Джонса, Нассау-Зигена или какого то принца де-Линь, котораго онъ презиралъ, а Императрица въ письмахъ къ нему просто называла „шпіономъ!"

Кажется, вѣрнѣе будетъ искать объясненіе медлительности въ другихъ обстоятельствахъ и въ другихъ личныхъ качествахъ князя, но только не въ его славолюбіи. Между его личными качествами спеціалистъ военнаго дѣла, профессоръ военной академіи Богдановичъ, называетъ прежде всего нерѣшительность Потемкина, который по его словамъ „избѣгая урона, сопряженнаго со штурмомъ Очакова, потерялъ несравненно болѣе людей втеченіи пятимѣсячной осады и все же принужденъ былъ штурмовать крѣпость" [4]). Остановясь на этой чертѣ характера князя Потемкина, мы можемъ пояснить ее еще и другими чертами личнаго свойства, которыя стали извѣстны, благодаря изданію его писемъ къ императрицѣ и къ другимъ дамамъ высшаго свѣта. Нервность и чувствительность изнѣ-

---

[1]) Рус. Старина 1876, іюнь, passim.

[2]) Рус. Стар. 1876, іюль. Письма отъ 18, 19, 26 іюня, 3, 17, 28 мая, 14 августа, 18 сентября, 19 окт., 27 ноябр. 1788 года.

[3]) Кіев. Старина 1884, августъ. Стр. 732.

[4]) Богдановичъ, Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи. 1852. Стр. 164.

женнаго князя, постоянно влюбленнаго и получавшаго письма отъ многихъ обожавшихъ его дамъ, заставляла его и при распоряженіяхъ въ военномъ дѣлѣ быстро мѣнять настроеніе бодрости, веселой игривости, храбрости и неутомимой дѣятельности на проявленія тоски, отчаянія, апатіи и лѣни. Не для чего инаго, какъ для уравновѣшиванія томившихъ его противуположныхъ чувствъ, а также и для поддержанія бодрости духа въ истощенныхъ войскамъ имъ давались подъ Очаковымъ балы, зажигались фейверки и иллюминаціи, а пустынная степь оглашалась концертными симфоніями подъ управленіемъ профессора музыки екатеринославской консерваторіи синьора Сарти. Князь же самъ, бросивъ свою горячечную дѣятельность по осадѣ, какъ бы вдругъ убѣдившись, что поторопить дѣла нельзя, садился въ своей роскошной ставкѣ за переводъ исторіи церкви аббата Флери [1]).

Въ медленности упрекали Потемкина всѣ, кто желалъ подорвать его силу и значеніе при дворѣ. Но эти люди не знали ни степи и ея характера, ни положенія и дѣйствительной численности войскъ, ни даже географіи мѣста, выбраннаго для нападенія. Послѣ имянинъ императрицы (24 ноября 1788 г.), когда она была уже такъ „невесела“, что въ скоромъ времени совсѣмъ слегла въ постель, они, разсуждая свысока о значеніи предполагаемаго и долго ожидаемаго взятія Очакова, спрашивали съ удивленіемъ: „а что это еще за Березань?“

— Березань для Очакова это—то же, что Кронштадтъ для Петербурга! отвѣтилъ имъ Гарновскій, главный корреспондентъ и защитникъ князя передъ „дворомъ“ (т. е. передъ Екатериною) отъ всѣхъ навѣтовъ и сплетень.

Многіе изъ нынѣшнихъ писателей, ссылаясь по большей части на отзывы иностранцевъ, оставившихъ свои мемуары о Потемкинѣ, также видятъ причину неудачной и вялой осады Очакова только въ личныхъ особенностяхъ характера князя. По словамъ ихъ, онъ умѣлъ только ссорить генераловъ между собою, возбуждать ропотъ въ солдатахъ своею медлительностью, но былъ вовсе неспособенъ къ веденію войны и храброму нападенію. Въ этихъ отзывахъ, конечно, много правды, но едвали ими одними можно объяснять весь ходъ дѣйствій.

---

[1]) *Полевой* Русскіе Полководцы. Спб. 1845 г. стр. 160.

IV.

Болѣе подробный пересказъ дѣйствій и распоряженій правительства и главнокомандующаго екатеринославскою арміею, начиная съ ранней весны 1788 года, подтвердитъ, какъ можно лучше, что и внѣ личныхъ качествъ князя Потемкина сила вещей не позволяла вести дѣло быстрѣе

Получивъ отъ Потемкина въ февралѣ свѣдѣнія, что войско терпитъ отъ дороговизны и оскудѣнія въ хлѣбѣ, что солдаты мрутъ безъ войны отъ болѣзней. императрица выслала очень нужныхъ Потемкину преображенскихъ бомбардировъ почтою; но разнаго рода волонтеровъ не хотѣла посылать главнымъ образомъ ради того, чтобъ поменьше было „ѣдуновъ" въ арміи. Моля Бога, чтобъ прекратились болѣзни, которыя даже всю личную канцелярію Потемкина уложили въ постель, такъ что онъ собственноручно долженъ былъ писать и отписывать, въ письмѣ отъ 26 февраля она какъ бы извиняется передъ Потемкинымъ, что у него до сихъ поръ такъ мало войска.

„Что рекруты поздно собраны — сему причиною отдаленность мѣстъ, говоритъ она, и образъ и время, когда объявлена война; я о семъ свѣдала въ концѣ августа, а въ первыхъ числахъ сентября первый наборъ приказанъ былъ, котораго я думала достаточно, вскорѣ же и второй послѣдовалъ... Есть ли роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ (т. е. по 1 человѣку); деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣба недородъ и такъ недоимокъ не малое число!" Она признавалась, „что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны... морскіе командиры нужны паче иныхъ" и т. д. [1]).

Въ мартѣ она обѣщала Потемкину собрать еще 700 рекрутъ съ петербургской губ., которая до сихъ поръ не несла набора; въ апрѣлѣ соглашалась, что „трудности въ починкѣ кораблей весьма понимательны, понеже мѣста безлѣсныя около черноморскихъ нашихъ

---

[1]) „Рус. Стар." 1876. іюль, стр. 453, 454.

гаваней", для чего совѣтовала Потемкину приказать „для будущихъ вѣковъ горстьми раскидать дубовыхъ желудей" [1]).

Все это показываетъ, что она мало по малу знакомилась съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, которое принцъ де-Линь въ письмѣ къ императору Іосифу въ апрѣлѣ 1787 г. характеризовалъ такъ: „Если бы у насъ были съѣстные припасы, мы отправились бы въ походъ; если бы мы имѣли понтоны, то получили бы возможность переходить черезъ рѣки; если бы у насъ были бомбы и ядра, мы приступили бы къ осадѣ крѣпостей; но мы не догадались запастись всѣмъ этимъ, и теперь князь приказалъ привести эти вещи по почтѣ" [2]). Она уже знала изъ откровенныхъ писемъ Потемкина обо всѣхъ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ; но знала и то, чего не зналъ принцъ де-Линь, — что устранить всѣ эти обстоятельства очень трудно. Тѣмъ не менѣе, когда пріѣхалъ къ ней Пауль Джонсъ и говорилъ, что полезно было бы и Синопъ захватить, она только промолчала и предоставила рѣшеніе вопроса о наступленіи флотомъ черезъ море—самому Потемкину, такъ какъ и это еще казалось ей возможнымъ.

Но что казалось возможнымъ первому главнокомандующему Потемкину, когда онъ въ маѣ 1788 г. объявилъ движеніе войскъ впередъ къ Ольвіополю, Александровкѣ и Русской косѣ, гдѣ они должны были переправиться черезъ Бугъ, — можно видѣть изъ его письма къ императрицѣ отъ 10 мая. Онъ писалъ, что лодокъ канонирскихъ въ Кременчугѣ построено 100; половина ихъ уже въ Херсонѣ, часть—въ пути, а часть—скоро пойдетъ.

„Мало у меня только пороху, также бомбъ и ядеръ для флотиліи".

Мосты уже на своихъ мѣстахъ; но лошадей, на которыхъ деньги уже годъ какъ отпущены,—нѣтъ: нужно покупать другихъ. Полки главной арміи подходятъ къ Бугу для переправы... „скоро и я туда отправлюсь, и что прійдетъ передовыхъ войскъ то переправлю отъ Крымскихъ степей къ Бендерамъ и Очакову".

Онъ хвалитъ войско, составленное наскоро изъ однодворцевъ, которые, по его словамъ, перещеголяли далеко донскихъ козаковъ, и

---

[1]) Ib. 457. Позже Потемкинъ исполнилъ это желаніе императрицы и насадилъ у новооснованнаго имъ Николаева дубовую рощу, отъ которой теперь и слѣда не осталось.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873., августъ, стр. 385.

заканчиваетъ это письмо о начатомъ походѣ туда, гдѣ „еще нашъ пистолетъ не выстрѣлилъ“, слѣдующею тирадою:

„Матушка Всемилостивѣйшая Государыня!

Я и пойду и буду дѣйствовать, не смотря на новость моей пѣхоты, которая почти вся изъ рекрутъ; я вездѣ собою показывать стану примѣръ, съ охотою принесу на жертву жизнь мою, вамъ, моей матери, государству и, можно сказать, христіанству, надѣясь несомнѣнно, что Богъ мнѣ поможетъ!“ [1]).

Итакъ—главная надежда на побѣду въ этой меланхолической цитатѣ зиждется главнымъ образомъ на высокой цѣли похода и на увѣренности, что дѣло обузданія невѣрныхъ агарянъ само себя вывезетъ съ помощью Божьею, но никакъ не на томъ, что войска благоустроены и хорошо приготовлены. Если почти вся пѣхота составилась изъ рекрутъ, а въ конницѣ похвалы заслуживали однодворцы, только что навербованные въ Чугуевѣ, если не было лошадей для перевоза артиллеріи, пороха, ядеръ, бомбъ для флотиліи, то конечно нужно еще было все это собрать и приготовить, прежде чѣмъ подступить къ Очакову.

Вотъ откуда является та медленность, при которой переправившись у Ольвіополя черезъ Бугъ во второй половинѣ мая съ 40,000 регулярныхъ войскъ и 6,000 козаковъ, Потемкинъ 28 іюня пришелъ къ стѣнамъ Очакова, дѣлая въ недѣлю только по 40 верстъ и останавливаясь вездѣ, гдѣ находилъ удобства жизни [2]). Не только „безхлибья, безводдя и бездорожжя“ задерживали его движеніе, но и ожиданія тѣхъ частей войска и осадныхъ средствъ, которыя мало по малу подходили, переправляясь черезъ балки и овраги, по которымъ не легко было ѣхать съ артиллеріею и обозами.

„Я былъ бы уже на Бугѣ, писалъ Потемкинъ 19 мая изъ Елисаветграда, но присутствіе мое здѣсь нужно для побужденія заднихъ, дабы скорѣе шли“.

Остановившись лагеремъ между Бугомъ и Чичиклеею онъ писалъ 8 іюня: „Иду, преодолѣвая всѣ трудности, которыя по причинѣ многихъ переправъ меня удерживаютъ; а если бы обходить

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1876. іюль, стр. 460.

[2]) Богдановичъ Пох. Рум. Пот. и Суворова, стр. 131, 140.

всѣ рѣчки и рвы, то бы еще больше труда было и въ водѣ недостатокъ послѣдовалъ бы".

Шестьнадцать батальоновъ пѣхоты и осадную артиллерію онъ хотѣлъ перевезти черезъ Бугскій лиманъ у Русской косы; но отъ бури съ сильнымъ дождемъ Бугъ „сдѣлался неприступенъ", какъ писалъ князь отсюда 15 іюня. Пришлось искать другаго, болѣе удобнаго мѣста для переправы, и такое мѣсто было найдено верстъ 35 выше, т. е. нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Николаева: „какое затрудненіе было поднимать вверхъ мосты,—и описать нельзя!" сообщалъ Потемкинъ императрицѣ тогда же, прибавляя: „я уже былъ бы подъ Очаковымъ, еслибъ"...

19-го іюня онъ былъ подъ Солонихою, т. е. верстахъ въ 50—60 отъ Очакова, а 7-го іюля, отправляя захваченные запорожцами у разбитаго ими турецкаго флота флаги и знамена, уже изъ подъ Очакова писалъ еще императрицѣ: „Ожидаю осадной артиллеріи, которая частями приходитъ; корму у насъ для лошадей почти нѣтъ" [1]).

Выжгли ли татары по своему стародавнему обычаю степь передъ войной, или она выгорѣла и безъ этихъ искусственныхъ мѣръ,— для войска было все равно: корму въ степи не было. Кто бывалъ въ іюнѣ—іюлѣ въ бездождные годы въ степи Очаковской, тѣ знаютъ, что это значитъ: „корму нѣтъ". Это значитъ, что вся степь кругомъ выжжена до корня растеній и имѣетъ видъ желтой или отчасти черной пустыни.

Теперь въ такихъ случаяхъ скотъ кормятъ прошлогоднею и новогоднею яровою соломою, а къ концу лѣта и осенью изъ Одессы и Николаева можно получать привезенное туда по желѣзнымъ дорогамъ прессованное сѣно изъ мѣстностей центральной Россіи, не знающихъ засухи. Тогда же не откуда было достать сѣна; а что это былъ годъ засухи, видно изъ переписки Потемкина съ императрицею. Въ началѣ іюня онъ писалъ ей, что выѣхавъ изъ Елисаветграда, „отъ сильныхъ жаровъ въ дорогѣ захворалъ, черезъ что пришелъ въ слабость"; а въ іюлѣ она ему писала, что жары въ Петербургѣ до-

---

[1]) „Рус. Стар." 1875. май, стр. 32.

ходятъ до 39½ градусовъ, тогда какъ и въ Португаліи выше 44° не запомнятъ [1]).

Что же должны были дѣлать войска, тянувшіяся съ артиллеріею и обозомъ отъ Днѣпра и Буга къ Очакову, войска, набранныя только что отъ плуга изъ центральныхъ губерній? Кромѣ отчаянія и тупаго ожиданія дождя или подвоза сѣна и хлѣба, ничего не могло быть у этого войска, не привыкшаго къ своеобразной, унылой картинѣ степи безъ кустика лѣсу, безъ рѣчекъ и ручьевъ, безъ травы и ночной росы! Поневолѣ приходилось музыкою забавлять этотъ чуждый степи народъ, знавшій, что сзади его отъ родины отдѣляетъ необъятная степь, пройденная имъ, не могшій при томъ начинать бомбардировки безъ осадныхъ орудій, которыя только мало по малу подвозились, и потому сидѣвшій въ бездѣйствіи.

Но можетъ быть можно было скорѣе вести другія работы по осадѣ крѣпости, за медленность которыхъ г. Богдановичъ также упрекаетъ Потемкина. Этотъ авторъ очевидно не былъ лично у Очакова, такъ какъ говоритъ, что здѣсь почва песчаная. Онъ не знаетъ, что копать землю подъ Очаковымъ лѣтомъ въ сухой годъ можно только топоромъ, ломомъ и киркою, но никакъ не лопатами, къ которымъ привыкли солдаты Потемкина, и что такая работа въ землѣ, едва поддающейся дѣйствію инструментовъ, въ нѣсколько разъ идетъ медленнѣе, чѣмъ лопатами на мягкой землѣ. Не беремся судить объ этой спеціальной и технической сторонѣ дѣла, но думаемъ, что обвиняя князя Потемкина въ лѣности, медленности и нерѣшительности, непремѣнно нужно имѣть въ виду и всѣ указанныя нами естественныя условія.

Наконецъ, войска, исчисленнаго въ прошломъ году чуть не въ 100 тысячъ, на дѣлѣ оказалось у Потемкина гораздо меньше. Зная, что Минихъ подступалъ къ гораздо слабѣйшей при немъ крѣпости Очаковской съ 70,000 и отступилъ послѣ штурма, при чемъ лишь случайный взрывъ пороховыхъ магазиновъ внутри крѣпости доставилъ ее его предшественнику, правъ былъ Потемкинъ, когда приставалъ къ императрицѣ о новомъ пополненіи арміи во что бы то ни стало. Но въ маѣ она писала ему: „рада бы тебѣ дозволить

[1]) „Рус. Стар.“ 1876. августъ, 575.

собрать войско, но не знаю, станетъ ли у меня на прибавку войска денегъ;" въ іюлѣ посылала ему еще въ помощь морскихъ офицеровъ, въ августѣ—пушки, полученныя изъ Англіи черезъ Ригу; а въ сентябрѣ относительно рекрутскаго набора уже говорила, что „теперь очень трудно оный исправить по твоей запискѣ".

Правъ былъ онъ, подводя въ письмѣ къ императрицѣ отъ 19 мая итоги своей зимней дѣятельности: „по нечаянной войнѣ мнѣ нужно было сдѣлать въ четыре мѣсяца то, что должно было въ два года произвести. Пускай другой могъ бы возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитый погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ходить въ море, такое множество, сформировать совсѣмъ вновь 16 батальоновъ пѣхоты, до 10,000 новой конницы, составить большой магазейнъ подвижной, снабдить артиллерію ужаснымъ числомъ воловъ, изворачиваться въ пропитаніи... безъ достаточнаго числа квартиръ, а паче на Кинбурсской сторонѣ, гдѣ слишкомъ на 10,000 людей въ три недѣли должно было построить жилища [1]). Но сознавая, что имъ много сдѣлано для собранія и устройства арміи, князь на каждомъ шагу, въ каждомъ оврагѣ, перегораживавшемъ дорогу его юному войску, могъ видѣть, какъ еще далеко ему съ такимъ войскомъ до побѣдоноснаго шествія на взятіе крѣпости, вновь укрѣпленной французами по послѣднему слову фортификаціоннаго искусства.

Сверхъ того въ письмахъ отъ Императрацы при каждомъ пожеланіи о скорѣйшемъ взятіи Очакова онъ читалъ наставленія: „паче всего старайся беречь людей"; или „Дай Боже, что бы ты взялъ Очаковъ безо всякой потери людей,—мнѣ сіе стращаетъ" или „что больныхъ много о томъ жалѣю. Она „съ ужасомъ" узнала о двухъ несчастныхъ случаяхъ, гдѣ люди даромъ погибли: отъ бомбарды, разорвавшейся при выстрѣлѣ, и отъ пожара магазина снарядовъ для флотилии въ Кинбургѣ [2]). А онъ на мѣстѣ видѣлъ и много другихъ ужасовъ, отъ которыхъ страдали конечно его нѣжные нервы. „Рекруты отдаваемые, писалъ онъ ей 1 сентября, слабые и съ болѣзнями многіе застарѣлыми, такъ что мрутъ большимъ числомъ, не доходя еще до мѣста. Многія партіи въ армію мнѣ ввѣренную

---

[1]) Р. Ст. 1876 августъ 584 и слѣд.
[2]) Ib. 578, 575.

и теперь еще не дошли, отчего малолюдные полки, не будучи усилены, паче исчезаютъ. Побѣги съ дороги довольно знатны, больныхъ много дѣлается. При отправленіи партіи начальствующіе офицеры отбираютъ у рекрутъ собственныя деньги ихъ, для удержанія отъ побѣговъ, а потомъ проматываютъ. Многіе уменя за сіе подъ слѣдствіемъ" [1]).

Ему ли, и безъ того жалѣвшему солдатъ, можно было рѣшиться вести ихъ на проломъ на гибель? Сумѣвши распорядиться объ укомплектованіи войска, онъ не имѣлъ храбрости поспѣшить съ развязкою, сидѣлъ и ждалъ увеличенія войскъ. Ждалъ онъ еще точныхъ плановъ крѣпости изъ Франціи, куда послалъ особыхъ агентовъ, чтобы, разузнавши, гдѣ есть такъ называемыя „слабыя мѣста", взять городъ съ меньшею потерею людей.

Суворовъ его поведеніе въ данномъ случаѣ называлъ „безчеловѣчнымъ", хотя оно и продиктовано было „человѣколюбіемъ". Утверждая, что „штурмъ—всего лучше и дешевле станетъ", онъ предсказывалъ, что отъ такихъ неумѣлыхъ человѣколюбивыхъ распоряженій погибнетъ больше людей, чѣмъ при безчеловѣчной и смѣлой аттакѣ [2]), и былъ, можетъ быть, правъ: если приготовленія къ войнѣ и содержаніе войскъ нуждаются въ европейскомъ умѣ и гумманности, то самая война отъ предводителя требуетъ азіатской дикости и смѣлости. Можетъ быть, Суворовъ, будь онъ на мѣстѣ Потемкина, уже въ іюлѣ пошелъ на штурмъ крѣпости съ войсками, которыя были у него подъ рукою, какъ шелъ онъ впослѣдствіи на стѣны Измаила, за которыми сидѣло больше гарнизона, чѣмъ имѣлось у наступающихъ. Потемкинъ же не могъ такъ рисковать, будучи по своимъ способностямъ больше тонкимъ дипломатомъ, чѣмъ грубымъ, закаленнымъ въ битвахъ полководцемъ. Оттого онъ ждалъ войскъ, орудій, плановъ и хотѣлъ дѣйствовать не штурмомъ, а осадою.

V.

Не то дѣлалось на морѣ, гдѣ подъ начальствомъ Суворова, этого въ будущемъ „непобѣдимаго" полководца и въ роли разори-

---

[1]) Петровъ. Вторая турецкая война. Спб. 1880, т. I, стр. 89.

[2]) *Полевой.* Русскіе полководцы 1845 г., стр. 180. Ж. М. Н. Пр. 1873 г., августъ, стр, 402.

теля Польши, и въ роли спасителя царей передъ революціонными войсками, были головорѣзы, по своей энергіи вполнѣ соотвѣтствовавшіе ему самому знакомые при томъ съ особенностями мѣстной природы. Еще съ зимы запорожцы, чуть только явились подъ Очаковъ, начали дѣйствовать по стародавнимъ своимъ пріемамъ: въ январѣ обошли они крѣпость и угнали со степи скотъ, пасшійся въ 7-ми верстахъ отъ города. Этимъ они доставили первую радость императрицѣ и заслужили отзывъ о вѣрности службы. Затѣмъ они отданы были подъ команду двухъ искателей приключеній и сильныхъ ощущеній—контръ адмирала Поля-Джонса, прибывшаго изъ Америки, гдѣ онъ четыре раза разбилъ флотъ англичанъ, и принца Нассау-Зигена, охотившагося въ Африкѣ за львами и тиграми, совершившаго кругосвѣтное путешествіе съ Бугенвилемъ и сражавшагося уже во флотѣ при осадѣ Гибралтара.

Весною запорожцевъ посадили на лодки и отправили въ Глубокую пристань, въ восточный уголъ Днѣпровскаго лимана. Кромѣ 80 кременчугскихъ лодокъ, тамъ стояло 5 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и 6 галеръ. Лодки предназначались для перевозки войска у Русской косы черезъ Бугъ. Сверхъ того Чепига, отряженный сюда генераломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, долженъ былъ надзирать здѣсь за всѣми приближавшимися къ Бугу турками. Такова была сначала ихъ пассивная дѣятельность. Но скоро такое бездѣйствіе флота должно было кончиться.

Турки, потерявшіе въ 1783 году Крымъ, начали настоящую войну вовсе не съ цѣлями оборонительными. Они не могли переносить постройки въ Херсонѣ русскихъ судовъ, о которыхъ русскій дворъ дѣлалъ увѣренія, что это торговыя суда, которыя при миролюбіи Россіи и сгнить тутъ могутъ [1]); они знали, къ чему клонятся всѣ мѣры и предпріятія русскаго правительства, и первою цѣлью ихъ по объявленіи войны было уничтоженіе Кинбурна и возвращеніе Крыма. Прошлогодняя неудача подъ Кинбурномъ ожесточила ихъ и Гассанъ паша, собравъ флотъ, выѣхалъ въ началѣ мая изъ Константинополя съ тѣмъ, чтобы или совсѣмъ не возвратиться живымъ домой, или возвратиться завоевателемъ Крыма. Съ 13-ю линейными кораблями, 15 фрегатами и 32 кирлангачами, шебеками

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIX, стр. 327.

и др. мелкими судами онъ явился 20 мая у Очакова и вошелъ въ лиманъ, высадивъ въ Очаковскую крѣпость значительное подкрѣпленіе гарнизона. Мелкія суда онъ отправилъ въ лиманъ для развѣдокъ о русскомъ флотѣ. Первое судно, которое увидѣли турки, была шлюпка капитана Сакена, возвращавшагося въ Глубокую пристань изъ Кинбурна, куда онъ привозилъ отъ принца Нассау какія то бумаги Суворову. Тринадцать турецкихъ судокъ (3 фрегата, 5 ботовъ и 5 малыхъ судовъ) бросились догонять Сакена. Онъ вошелъ въ устье Буга, отрядилъ въ лодку 9 матросовъ и отправилъ ихъ въ Глубокую пристань съ бумагами и увѣреніемъ, что онъ не сдастся; самъ же ждалъ абордажа турецкихъ судовъ. Когда одна изъ нихъ подошла къ его боту, то, прогнавъ всѣхъ матросовъ въ море съ бревнами для спасенія вплавь, онъ взорвалъ самъ себя и турецкій ботъ.

„Геройская смерть Саксена, доносилъ Потемкинъ,—показала туркамъ, какихъ они имѣютъ непріятелей". Этотъ подвигъ тѣмъ рѣзче характеризуетъ перваго героя на морѣ въ этой войнѣ, что онъ впередъ предрѣшилъ свою гибель. Отъѣзжая изъ Кинбурна въ виду вступившихъ въ лиманъ турецкихъ судовъ, онъ сказалъ на прощанье одному подполковнику, своему пріятелю: „когда турки аттакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ, съ тремя буду сражаться, отъ четырехъ не побѣгу, но если нападутъ болѣе, тогда прощай Федоръ Ивановичъ; мы больше не увидимся!".

На другой день турецкій флотъ сталъ бомбардировать кошъ вѣрныхъ запорожцевъ, расположенный у урочища Василькова на Кинбурнской сторонѣ. Канонада продолжалась съ 4 до 11 часовъ утра, но не принесла никакого вреда, такъ какъ турки боялись подойти близко. Суворовъ потребовалъ въ Кинбурнъ три лодки „съ добрыми молодцами", а Нассау-Зигенъ всю остальную козачью флотилію съ кошевымъ въ устье Буга. 1-го іюня была небольшая стычка, въ которой погибъ куренный атаманъ и нѣсколько козаковъ, а 7-го іюня, когда изъ Глубокой пристани подошли и большія суда, произошла уже настоящая битва между гребными судами обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, что турецкихъ судовъ было до 60 и вѣтеръ былъ попутный для ихъ аттаки, запорожцы показали чудеса храбрости; они вели за собой на буксирѣ галеры и плавучія баттареи подъ начальствомъ бригадира Алексіано, грека, обиженнаго тѣмъ,

что начальство надъ флотиліей было передано Полю Джонсу. Эта личная обида, отъ которой онъ, по словамъ Потемкина, „чуть съ ума не сошелъ отъ печали", и хотѣлъ было со всѣми греками бросить службу, а также ненависть противъ „враговъ нашего закона" сдѣлали его свирѣпымъ. Онъ велъ запорожцевъ и все кричалъ, „чтобъ цѣлили въ капитанъ пашу", распоряжавшагося въ переднихъ рядахъ: „онъ съ такою былъ холодностью, что всѣхъ удивилъ; довѣренность къ нему чрезвычайная". Такъ характеризовалъ его Потемкинъ, которому вѣсть о сраженіи въ лагерь на Чичиклею привезъ бригадиръ Корсаковъ, также участвовавшій въ битвѣ [1]).

Два турецкихъ судна было взорвано на воздухъ; одно сожжено, 18 повреждено до того, что поспѣшили укрыться къ Очакову подъ охрану крѣпостныхъ пушекъ; за ними послѣдовали и всѣ остальныя, несмотря на старанія Гассанъ-паши удержать отступленіе. 16-го іюня Гассанъ-паша со всѣмъ флотомъ своимъ вошелъ опять въ лиманъ и сталъ на якорь въ пушечномъ выстрѣлѣ отъ русской эскадры. Не давая ему времени одуматься, кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлый съ своими гребными лодками подъ градомъ пуль и картечи бросился штурмовать трехпалубныя турецкія суда, но тутъ же получилъ рану, отъ которой умеръ на третіи день [2]). Съ большихъ судовъ и пловучихъ батарей стрѣляли въ турецкіе корабли брандскугелями и калеными ядрами, отчего тѣ загорались и взлетали на воздухъ. Когда взорвало 64-пушечный корабль, турки бросились въ бѣгство; капитанъ-паша приказалъ стрѣлять по бѣгущимъ, самъ двинулся на адмиральскомъ кораблѣ впередъ, но запорожцы его окружили и сожгли и этотъ корабль, такъ что самъ адмиралъ едва спасся на шлюбкѣ назадъ, чтобы поддерживать духъ въ своихъ растерявшихся войскахъ. Вечеромъ того же дня турецкіе корабли въ безпорядкѣ побѣжали изъ лимана въ море и въ темнотѣ ночи попали подъ выстрѣлы баттареи, выстроенной Суворовымъ на самой оконечности кинбурнской косы. Восемь фрегатовъ среди темной ночи были взорваны на воздухъ и сожжены калеными ядрами; семь судовъ разбито въ щепки съ баттареи; другія сѣли на мель; болѣе 2000 турокъ бросились въ

---

[1]) „Рус. Старина". 1876 г., іюль, стр. 460.

[2]) Короленко. Черноморцы. Спб., 1874, стр. 11.

воду и погибли; съ девятаго загорѣвшагося корабля часть народу успѣли снять наши матросы, а другая часть также была взорвана. Считаютъ, что турокъ погибло въ этомъ дѣлѣ 6000, а до 3000 было взято въ плѣнъ. Въ гребной флотиліи запорожской кромѣ кошеваго и эсаула было убито и ранено нѣсколько десятковъ человѣкъ, а 235 душъ козаковъ турки взяли въ плѣнъ.

Потемкинъ, стоявшій тогда лагеремъ у Солонихи (противъ нынѣшняго Николаева) былъ внѣ себя отъ радости: „6 кораблей линейныхъ сожженно, писалъ онъ императрицѣ: 2—на мели, 30 разбито! Мы лодками истребили самое лучшее, что было въ турецкомъ флотѣ, осталось—дрянь! Запорожцы, прибавлялъ онъ при этомъ, показали великую услугу: есть ли бы не они, то бы не могло наше ни одно судно двинуться!" [1]).

Императрица только что отслужила въ столицѣ молебенъ поелучаю первой побѣды 7-го іюня, когда получила это извѣстіе. Тотчасъ же послала она награды начальникамъ флота: Нассау получилъ 3200 душъ крестьянъ, Алексіано 610 душъ крест. и былъ возведенъ въ контръ-адмиралы, а князь Потемкинъ получилъ шпагу съ лаврами и надписью. „Главнокомандующему екатеринославской сухопутною и морской побѣдоносною силою [2])".

Капитанъ-паша, не смотря на пораженіе, не терялъ еще надежды и 20 іюня пытался съ моря возвратиться въ лиманъ, но не былъ пропущенъ Суворовымъ, открывшимъ противъ него огонь съ своей баттареи. Потемкинъ, тѣмъ временемъ переведшій отъ Аджигола первыя прибывшія войска подъ Очаковъ, устроилъ на с. з отъ него на берегу Чернаго моря баттарею, съ которой началъ 1-го іюля обстрѣливать крѣпость и форштатъ съ садами. Въ то же время Нассау-Зигенъ, приблизившись со стороны лимана къ Очакову, подъ выстрѣлами изъ крѣпости сталъ стрѣлять въ суда, стоявшія на берегу, и сжегъ всѣ до одного, которое было взято въ плѣнъ. Козаки тутъ потеряли одного куреннаго атамана и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ. Такъ было убито и уничтожено почти все морское войско Гассанъ-паши, который принужденъ былъ удалиться къ Березани и думалъ

¹) Рус. Старина 1876. Іюль. 475.

²) Ib. 1876. Августъ, стр. 572, 575. Ж. М. Н. Пр., 1873, авг., стр. 394.

теперь уже только о томъ, какъ бы подвезти помощь осажденнымъ въ Очаковѣ, который русскія войска стали окружать съ моря и съ суши.

Осаду съ суши, медленную, нерасчетливую и лѣнивую по словамъ Богдановича, другой спеціалистъ полковникъ Петровъ называетъ хотя медленною, веденною съ излишней осторожностью, но настойчивою [1]). Если слѣдить за ходомъ дѣйствій Потемкина, котораго Нассау-Зигенъ упрекалъ даже въ трусости, то можно убѣдиться, что ему хотѣлось взять Очаковъ, исполнивъ въ точности совѣты Императрицы—съ возможно меньшею потерей людей. Войска же и осадныя орудія, какъ мы видѣли, подходили къ нему въ теченіи іюля. Остановившись съ своимъ авангардомъ у берега Чернаго моря, онъ разставлялъ остальныя прибывавшія части отсюда по направленію къ востоку такъ, что крайнее лѣвое крыло, куда имъ вызванъ былъ и Суворовъ, достигло лимана днѣпровскаго за балкою, гдѣ теперь находится кирпичный заводъ. Такимъ образомъ въ разстояніи около 3-хъ верстъ отъ крѣпости протянулась живая стѣна, отдѣлившая Очаковъ отъ сообщенія со степью.

Чтобы обезопасить себя съ тылу, Потемкинъ потребовалъ къ себѣ на сушу половину запорожцевъ, кошевымъ которыхъ по смерти Сидора Бѣлаго былъ назначенъ Захарій Чепига. Послѣдній, оставивъ подъ начальствомъ Зигена во флотѣ полковника Мокія Гулика и передавъ кошовой пернач и прапоръ войсковому судьѣ Головатому, отправился съ сухопутнымъ войскомъ черезъ Корениху и Аджиголъ въ лагеръ Потемкина. Здѣсь онъ получилъ приказаніе обойти березанскій лиманъ и наблюдать вверхъ по теченію Тилигула на сушѣ, а по берегу до Хаджибейскаго замка за движеніями ихъ на морѣ, такъ какъ можно было ожидать, что Гассанъ-паша при наступленіи осеннихъ бурь долженъ будетъ оставить островъ Березань на произволъ судьбы и удалиться въ Варну или Константинополь.

Растянувъ войска отъ берега Чернаго моря до лимана, Потемкинъ передъ ними сталъ строить редуты и баттареи, слѣды которыхъ остались и до настоящаго времени; своимъ существованіемъ они опровергаютъ мнѣніе г. Богдановича, повторяемое и г. Брикне-

[1]) Петровъ, Вторая турецкая война Спб. 1880. Т. I стр. 183

ромъ, относительно неумѣнья Потемкина вести осаду и употребленія пріемовъ, „противныхъ правиламъ искусства“. Баттареи эти стоятъ вовсе не на $3^1/_2$ версты отъ наружныхъ валовъ бывшей крѣпости, какъ утверждаетъ г. Богдановичъ[1]), судившій о ихъ разстояніи, очевидно, по старымъ планамъ и чертежамъ, а никакъ не болѣе $1^1/_2$—2 верстъ. При томъ онѣ предназначались прежде всего не для дѣйствія противъ крѣпости, а для вытѣсненія турокъ изъ форштата, садовъ и виноградниковъ, закрывавшихъ крѣпость съ сѣвера. Четыре баттареи были построены надъ берегомъ Чернаго моря въ іюлѣ и ихъ огонь давалъ возможность дѣлать рекогносцировки въ садахъ для ознакомленія съ планомъ крѣпости. Въ одну изъ такихъ рекогносцировокъ былъ убитъ генералъ-майоръ Синельниковъ, первый екатеринославскій губернаторъ. Онъ былъ раненъ въ правую ногу выше колѣна, но пока ему дѣлали операцію, онъ сдалъ отчетъ Потемкину о большихъ суммахъ, истраченныхъ имъ на постройку города Екатеринослава[2]).

27 іюля турки сдѣлали вылазку надъ берегомъ лимана, т. е. изъ Водяныхъ воротъ противъ лѣваго фланга русской арміи, гдѣ командовалъ Суворовъ. Послѣдній отбилъ наступленіе двухтысячнаго отряда и въ свою очередь бросился на штурмъ крѣпости, думая тѣмъ увлечь за собою и остальныя войска, но былъ раненъ въ шею прежде, чѣмъ получилъ выговоръ отъ Потемкина. Послѣдній по словамъ де-Линя, подбивавшаго его напасть справа, пока турки заняты на лѣвомъ флангѣ, плакалъ о громадномъ числѣ убитыхъ солдатъ, а затѣмъ написалъ Суворову: „солдаты не такъ дешевы, чтобъ терять ихъ по пустому; ни за что, ни про что погублено столько народа, что весь Очаковъ того не стоитъ!“ [3]). Въ этой стычкѣ было убито 365 суворовскихъ гренадеровъ, а всего, по свидѣтельству де-Линя, болѣе 1000 душъ; Суворовъ послѣ этого былъ посланъ въ Кинбурнъ, гдѣ еще былъ раненъ разорвавшеюся бомбою въ лицо, грудь и колѣно. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ лечился до окончанія осады Очакова.

---

[1]) *Богдановичъ*. Походы Рум., Потемк. и Сувор. 1852. Стр. 147, 164.
[2]) Историч. Вѣстникъ, 1887 г. іюнь.
[3]) Ж. М. Н. Пр. 1873, августъ, стр. 405.

Въ началѣ августа, также для дѣйствія противъ садовъ были поставлены четыре баттареи передъ войсками по линіи отъ Чернаго моря къ лиману, въ половинѣ августа, по мѣрѣ подвоза къ Очакову пушекъ, четыре баттареи надъ берегомъ у лимана, а въ концѣ августа—еще 4 батареи у берега Чернаго моря уже на разстояніи не болѣе 150—200 саженъ отъ наружныхъ валовъ очаковскихъ ретраншементовъ. Въ то же время въ очищенныхъ садахъ съ с. з. стороны крѣпости устроена первая параллель изъ 5-ти баттарей и одна баттарея для дѣйствія на крѣпость прямо съ с. Въ этомъ мѣсяцѣ турки сдѣлали еще одну вылазку (18 августа) въ томъ же с. в. направленіи противъ недостроенной еще баттареи на берегу лимана; вылазка эта была также отбита съ большей потерей (500 человѣкъ), при чемъ у русскихъ было убито болѣе 100 душъ, а генералъ-майоръ М. Л. Голенищевъ Кутузовъ былъ раненъ пулею, попавшей ему въ щеку и вылетѣвшей черезъ затылокъ, но остался живъ и продолжалъ участвовать въ войнѣ; это была 2-я пуля, прошедшая ему черезъ голову; раньше у Перекопа 1774 г. ему попала пуля въ лѣвый високъ и вылетѣла черезъ правый, отчего онъ ослѣпъ на правый глазъ.

Императрица, приславшая ему орденъ св. Анны, очень интересовалась узнать, какъ именно раненъ Кутузовъ, а главный врачъ въ арміи Массотъ говорилъ: „должно быть судьба назначаетъ Кутузова къ чему нибудь великому, ибо онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ науки медицинской“ [1]). За эту вылазку русскіе отплатили очаковцамъ болѣе сильнымъ огнемъ съ баттареи, отъ котораго начался большой пожаръ внутри крѣпости.

Третью вылазку въ томъ же мѣстѣ турки произвели 6 сентября, при чемъ взорвали пороховой ящикъ на одной изъ русскихъ батарей; въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ генералъ майоръ Фунаковъ. На слѣдующій день, какъ бы опять въ отместку, русскіе произвели такую сильную канонаду противъ крѣпости со всѣхъ баттарей, что Гассанъ-паша, стоявшій у Березани, подошелъ къ очаковскому бе-берегу на помощь осажденнымъ и съ своей стороны бомбардировалъ русскія баттареи. На морѣ ему отомстить не успѣли, потому что буря

---

[1]) *Полевой* Русскіе пол   оддцы. Спб. 1845. Стр. 203.

9 сентября разбросала нашу гребную флотилію по всему лиману и очень повредила ей.

Въ сентябрѣ были поставлены еще три баттареи за большимъ оврагомъ на лѣвомъ флангѣ, а съ сѣверной стороны крѣпости саженяхъ въ 150 отъ ретраншемента возведена 2-я параллель изъ 5-ти батарей. Дѣйствіемъ этихъ новыхъ баттарей всѣ пушки, стоявшія у турокъ въ ретраншементѣ, были сбиты и бомбардировка продолжалась уже внутри крѣпости, а также на ея стѣны и башни. Потемкинъ видѣлъ, что турки не хотятъ сдаваться на капитуляцію и будутъ защищаться до послѣдней возможности, несмотря на то, что перебѣгавшіе изъ крѣпости въ лагерь евреи и армяне говорили о готовности осажденныхъ сдаться. Онъ сталъ думать о пробитіи бреши въ стѣнахъ самой крѣпости для начатія штурма и 4 октября поставилъ на с. з. сторонѣ одну брешь баттарею. Но 10 октября онъ попробовалъ опять навести панику на осажденныхъ и сталъ бомбардировать крѣпость изъ всѣхъ сухопутныхъ баттарей и изъ пушекъ лиманской флотиліи; послѣдняя была прибита бурею къ берегу подъ турецкіе выстрѣлы и ничего не помогла. 14 октября поставлена была 2-я брешь баттарея съ с. в. стороны также на близкомъ разстояніи.

Въ русскомъ войскѣ съ началомъ дождей, снѣговъ и слякоти болѣзни усилились, а турки, несмотря на то, что у нихъ сгорѣлъ провіантскій магазинъ, не показывали никакого желанія сдаваться, тѣмъ болѣе, что Гассанъ-паша, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, 21 октября подвезъ въ крѣпость подкрѣпленіе въ 1500 человѣкъ и продовольствіе. Все указывало на необходимость взять крѣпость штурмомъ; но Потемкинъ на штурмъ не рѣшался, не испробовавъ всего возможнаго, чтобъ принудить ихъ къ сдачѣ города.

Флотъ севастопольскій, охранявшій берега Крыма, который въ концѣ іюля у Фидониси разбилъ Гассанъ-пашу и заставилъ его уйти къ Березани, былъ теперь опять вытребованъ Потемкинымъ для того, чтобы прогнать Гассанъ-пашу и отнять у осажденныхъ всякую надежду на помощь со стороны. Гассанъ-паша впрочемъ не дождался новаго сраженія на морѣ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ бурь, при которыхъ ему невозможно было держаться въ открытомъ морѣ. Узнавъ о движеніи севастопольской русской эскадры, онъ 4 ноября отплылъ

въ Аккерманъ. Потемкинъ воспользовался этимъ, чтобъ взять Березань и послалъ туда Головатаго съ его запорожскими дубами и нѣсколькими пушками на нихъ.

„Предпріятіе сіе передъ лицемъ всей арміи произведено было въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ", какъ говорится о томъ въ реляціи о взятіи Березани[1]). На островѣ былъ гарнизонъ турокъ въ 320 человѣкъ и крѣпость въ южной его части; на сѣверной его сторонѣ, гдѣ берегъ въ одномъ мѣстѣ переходитъ въ мель и представляетъ возможность для восхожденія на островъ, турки построили каменную стѣну, такую же отвѣсную, какъ и всѣ остальные спуски берега, надъ этимъ мѣстомъ для отраженія нападенія они поставили баттарею, огнемъ изъ которой встрѣтили приближавшихся запорожцевъ. Послѣдніе дали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились въ воду и подъ картечами и пулями взлѣзли на неприступную почти стѣну; выгнавъ турокъ изъ баттареи, затѣмъ они пушками этой баттареи стали обстрѣливать самую крѣпость березанскую.

Въ это время для поддержанія аттаки запорожцевъ нѣсколько русскихъ фрегатовъ подошло къ острову, а бригадиръ Рибасъ открылъ пальбу по березанской крѣпости изъ канонирскихъ лодокъ. Турки сдались, потерявъ 70 человѣкъ убитыми. У запорожцевъ было убито 5 атамановъ и 24 рядовыхъ козака; 11 знаменъ, 23 пушки, 1000 ядеръ и 2300 четвертей хлѣба достались побѣдителямъ. Въ тотъ же день кошевой Чепига, ходившій по берегу, подступилъ къ замку Хаджи бею и тамъ уничтожилъ большіе запасные магазины у турокъ.

Очаковцы были отрѣзаны со всѣхъ сторонъ, но не хотѣли сдаваться. 11 ноября ночью они сдѣлали еще одну четвертую вылазку, напавши на рабочихъ, возводившихъ на лѣвомъ флангѣ у берега лимана брешь-баттарею, гдѣ по оплошности не было поставлено наблюдательныхъ постовъ. При отбитіи этого нападенія былъ убитъ съ нашей стороны еще одинъ генералъ-майоръ Максимовичъ. Потемкинъ рѣшился наконецъ на штурмъ, котораго такъ долго желалъ избѣжать. На лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ еще двѣ баттареи для разрушенія восточнаго бастіона у Водяныхъ воротъ и образованія бреши для наступленія. Но 14 ноября, когда онъ думалъ повести

---

[1]) *Скальковскій*, Исторія Запорожской Сѣчи, 1845 т. III. Стр. 220.

штурмъ, „буря возстала столь великая, что суда наши въ проливѣ отъ стороны тронуться не могли“, какъ писалъ объ этомъ императрицѣ самъ князь. Для поддержанія штурма со стороны суши ему необходима была помощь судовъ; но снѣгъ и вьюга, „необычайныя“ по его словамъ, продолжались. 24 ноября, въ день имянинъ императрицы, не удалось сдѣлать штурма по тѣмъ же причинамъ. Только 1-го декабря былъ составленъ планъ аттаки начальникомъ инженерныхъ работъ, генераломъ Меллеромъ, по которому наступленіе на крѣпость должно было произойти со всѣхъ сторонъ 6-ю колоннами: 4 изъ нихъ съ праваго фланга должны были идти подъ начальствомъ Репнина съ сѣверо запада по берегу моря и черезъ валы ретраншамента, чтобы взять замокъ Гассанъ-паши и пройти въ главную крѣпость черезъ ворота Гассанъ-пашинскія, Стамбульскія и Бендерскія. Съ лѣваго фланга Меллеръ долженъ былъ ворваться въ крѣпость черезъ разрушенный бастіонъ у Водяныхъ воротъ надъ берегомъ лимана. Потемкинъ 1-го декабря еще разъ пересмотрѣлъ планъ аттаки, подписалъ его и дополнилъ нѣкоторыми наставленіями въ родѣ того, что главныя усилія сосредоточиваются на сторонѣ Меллера, для чего резервъ долженъ помогать ему. Въ „расположеніи генеральной аттаки Очакова“ предоставлялось Меллеру передъ штурмомъ производить пальбу изъ баттарей резерва, а резерву, въ случаѣ стремленія непріятельскаго къ баттареямъ, „быть готовымъ къ принятію онаго“. Всѣ колонны должны были „идти на штыкахъ, не занимаясь перестрѣлкой“, „не кидаться на добычъ, а поступать съ храбростью, свойственною россійскому войску, возлагая несомнѣнную надежду на помощь Христа Спасителя нашего... Кто изъ турокъ будетъ сдаваться, то отбирать оружіе и отсылать къ резерву, женщинъ же и младенцевъ щадить, отсылая ихъ туда же“.

Въ дополненіяхъ Потемкина было сказано между прочимъ: „Чтобъ войти въ крѣпость купно съ непріятелемъ я почитаю невозможнымъ; входы извѣстны только имъ, куда побѣгутъ они малыми кучами, спуски во рвы тоже незнакомы, разстраиваться намъ вредно. Стараться выгнать изъ ретраншамента, отнять землянки, аттакуя со всѣхъ сторонъ. Когда услышите крикъ ура! въ которой ни есть колоннѣ, то всѣмъ другимъ повторить“. Наконецъ, Потемкинъ отмѣнилъ канонаду, назначенную по „расположенію“, и прика-

залъ „строю дѣйствовать, какъ возможно стремительнѣе, что исполнить во всей точности“.

Штурмъ начался въ 7 часовъ утра 6-го декабря при 23 градусномъ морозѣ и въ дѣйствительности вышелъ болѣе удачнымъ, чѣмъ ожидалось по „расположенію“ и дополненіямъ князя. Не только турки не выступили изъ за ретраншамента противъ резерва, оставшагося у батарей, но въ одномъ мѣстѣ (у замка Гассанъ-паши) даже сдались въ плѣнъ въ количествѣ 1500 душъ; русскія войска вошли скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, въ самую крѣпость. Шли они съ „неописаннымъ мужествомъ и порядкомъ“, какъ характеризовалъ этотъ штурмъ на другой день Потемкинъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ, или же, какъ выразился полковникъ Петровъ, почти черезъ сто лѣтъ изучившій по всѣмъ документамъ это военное дѣло— „съ изумительнымъ хладнокровіемъ“.

Первыми вступили колонны Меллера и отворили изнутри крѣпости ворота Гассанъ-пашинскія и Стамбульскія для входа другихъ колоннъ, подошедшихъ съ с. з. На правомъ флангѣ дѣйствовали такъ быстро, что успѣли насыпать два вала и поставить одну баттарею на берегу лимана между Гассанъ-пашинскимъ замкомъ и крѣпостью.

Въ четверть девятаго уже смолкли выстрѣлы и крики нападающихъ, а подъ звуки холоднаго оружія раздавались только стоны умирающихъ и вопли матерей, защищающихъ дѣтей своихъ. Потемкинъ, не разсчитывавшій на полный успѣхъ нападенія, обманулся; но обманулся онъ и въ томъ, что приказы его о пощадѣ побѣжденныхъ могутъ быть исполнены. Турки и не просили пощады, а русскіе, разогрѣвая застывшую отъ морозовъ кровь и вымещая свои долгія бѣдствія въ лагерѣ, забыли о приказѣ гуманности. Если вступленіе войскъ произошло лучше, чѣмъ по писанному плану, то и способъ вступленія вышелъ совсѣмъ иной; при переходѣ черезъ стѣны крѣпости не понадобилось ни лѣстницъ, ни безпорядочнаго сбѣганія во рвы: рвы крѣпостные у стамбульскихъ воротъ въ $3^1/_2$ сажени глубиною были наполнены трупами, по которымъ войска проходили въ крѣпость. Этой то картины смерти и не хотѣлось видѣть Потемкину, такъ долго оттягивавшему штурмъ. Взять крѣпость безъ кровопролитія и получить за это Георгія и благодарность государыни

очень хотѣлось свѣтлѣйшему князю, какъ то утверждалъ еще при началѣ войны и самъ императоръ Іосифъ II, разорять одинъ за другимъ бастіоны крѣпости издали посредствомъ пушекъ по правиламъ европейской науки—онъ могъ; но видѣть и слышать безчеловѣчныя подробности человѣческой бойни вблизи ея было сверхъ его силъ. Тотъ одинъ часъ съ четвертью 6-го декабря, когда шла эта бойня, онъ провелъ въ отчаянномъ состояніи: то садился на землю у одной изъ своихъ баттарей и подпиралъ голову руками, то вскакивалъ и прислушивался къ „бранным кликамъ", доносившимся изъ города, и безпрестанно повторялъ только два слова: „Господи помилуй!"

Къ нему привели очаковскаго коменданта Гуссейнъ-пашу, взятаго уже въ плѣнъ.

— Твоему упрямству обязаны мы этимъ кровопролитіемъ! крикнулъ на него Потемкинъ.

— Оставь напрасные упреки, отвѣчалъ фаталистъ мусульманинъ: я исполнилъ свой долгъ, а ты—свой. Судьба рѣшила дѣло! [1]).

Турокъ убито было $9^1/_2$ тысячъ, да въ плѣнъ взято 4 тысячи (не считая обывателей), въ томъ числѣ одинъ трехъ-бунчужный паша (Гуссейнъ паша), 3 двухбунчужныхъ и 448 офицеровъ. Русскихъ погибло болѣе $2^1/_2$ тысячъ, въ томъ числѣ одинъ генералъ-майоръ, одинъ бригадиръ и 147 офицеровъ. Цѣлыхъ знаменъ, не считая поломанныхъ въ бою, взято 180, мортиръ и пушекъ 310; прочаго оружія хватило на нѣсколько тысячъ солдатъ, и они продавали его потомъ за безцѣнокъ. Труповъ убитыхъ нельзя было закопать въ промерзшую землю и ихъ вывезли на ледъ лимана, гдѣ они и лежали до весны, привлекая къ себѣ хищныхъ птицъ и звѣрей.

Потемкина ждала награда: „За уши взявъ обѣими руками, писала ему Императрица отъ 16-го декабря: мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ, за присланную съ полковникомъ Бауеромъ вѣсть о взятіи Очакова" [2]). Она за „труды арміи въ суровой зимѣ" велѣла выдать не въ зачетъ полугодовое жалованье изъ экстраординарной суммы, Потемкину же кромѣ

---

[1]) *Богдановичъ*. Поход. Рум. Пот. Сувор. Стр. 161.

[2]) *Петровъ*. Вторая турецкая война. Т. I, стр. 203.

ордена св. Георгія первой степени, шпагу, усыпанную бриллiантами и 100,000 рублей. Два ордена получилъ Меллеръ, прозванный барономъ Закомельскимъ, офицеры—золотые кресты, а солдаты—серебряныя медали.

VI.

„Судьба рѣшила дѣло",—и Очаковъ сталъ русскимъ городомъ. Было бы очень интересно познакомиться съ тѣмъ, какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ общей экономіи жизни турецкой имперіи въ теченіе своего трехсотлѣтняго существованія; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ почти ничего сообщить объ этомъ читателямъ. Русская историческая литература не даетъ свѣдѣній о томъ, какъ жили турки на берегу Чернаго моря, а турецкіе историческіе источники для насъ закрыты. Пора бы уже нашимъ ученымъ для разъясненія исторіи новороссійскаго края обратиться къ турецкимъ и персидскимъ источникамъ; тѣмъ болѣе, что изъ учениковъ крымскихъ гимназій найдутся несомнѣнно охотники для такихъ занятій въ университетѣ. До сихъ поръ даже общія свѣдѣнія о военныхъ столкновеніяхъ двухъ племенъ—славянскаго и турецко-татарскаго мы можемъ черпать только изъ одностороннихъ показаній русскихъ писемъ, разсказовъ и оффиціальныхъ реляцій, по которымъ всегда выходитъ, что въ данной битвѣ русскихъ убито и ранено было въ 4—5 разъ меньше, чѣмъ турокъ.

Изъ источниковъ южныхъ, говорящихъ о степи и судьбахъ ея, послѣ документа Константина Багрянороднаго, кажется, мы знаемъ очень мало. Исторія Крыма и Запорожья основывается вся на русскихъ свѣдѣніяхъ. Изучая въ Константинополѣ византійскія древности, мы игнорируемъ пока турецкіе разсказы, касающіеся насъ самихъ и того края, который достался намъ отъ турокъ. По незнанію турецкаго языка приходится по догадкѣ слово Очаковъ производить отъ занятаго нами у турокъ слова „очагъ", обозначающаго у нихъ „костеръ". Руководясь такимъ этимологическимъ указаніемъ, дальше мы можемъ предполагать, что на мысѣ очаковскомъ былъ вѣроятно у турокъ въ свое время маякъ, и этимъ предположеніемъ объяснять значеніе Очакова для турецкаго мореплаванія. Каково же

было отношеніе этого города къ населенію прилегающей степи, какъ пользовалось съ другой стороны населеніе выгодами отъ мореплаванія по внутреннему турецкому морю, — мы сказать почти ничего не можемъ.

Есть отрывочныя извѣстія, что въ Очаковѣ формировались турецкіе купеческіе караваны, которые ходили отсюда съ товарами въ Кіевъ и Москву; сюда являлись за солью чумаки изъ польско-литовскаго государства, а изъ Голты и Балты везли польскіе товары. Остальныя подробности жизни въ очаковской степи, гдѣ жили кромѣ татаръ эдиссанской орды и румыны, и бѣглые изъ литовскаго государства, закрыты разсказами о набѣгахъ сюда козацкихъ дружинъ и о наступленіяхъ регулярныхъ войскъ изъ далекой Московіи. Въ Москвѣ узнали объ Очаковѣ еще при самомъ его возникновеніи. Крымскій ханъ Менгли-Гирей въ 1492 году на постройку этой крѣпости, предназначаемой имъ противъ литовскаго государства, занялъ у жителей города Кафы 33 тысячи алтынъ и требовалъ, чтобы московскій великій князь Іоаннъ, врагъ литовскаго княжества, возвратилъ ему эти деньги. Но тотъ не видѣлъ возможности безпокоить Литву изъ такого отдаленнаго пункта, денегъ не далъ, а требовалъ отъ хана нашествій на Литву [1]). Могъ ли дѣйствительно Очаковъ служить устрашеніемъ для Литвы,—не видно не изъ чего; но на эту новосозданную крѣпость нападенія съ сѣвера начались тотчасъ же по ея постройкѣ. Остапъ Дашкевичъ съ козаками уже въ 1525 г. взялъ эту крѣпость, замѣтивъ, что она стала какъ разъ на стародавнемъ выходѣ сѣверныхъ варваровъ въ море на пути ихъ къ Византіи.

Съ тѣхъ поръ начинается долгая неустанная борьба за клочекъ земли у устья Днѣпра, который Екатерина въ приведенныхъ выше стихахъ ея назвала „заклепнами", а Потемкинъ—„ключемъ въ Черное море". Расторгнуть эти заклепны" конечно было важнѣе для формировавшейся Россійской имперіи, чѣмъ даже овладѣть Азовомъ, который давалъ входъ къ лужѣ воды, удаленной отъ Константинопольскаго пролива. Это было старинное окно въ Европу для жителей южной Руси еще во времена могущества кіевскихъ князей,

[1]) Карамзинъ. Исторія Гос. Рос. Изд. 1819 г. Т. VI, стр. 237.

а можетъ быть и раньше. Московское государство обратило на него вниманіе еще за долго до присоединенія къ нему южной Руси. Еще когда для него были „Украиною" земли между Тулою и Рязанью, еще когда крымскіе ханы ходили походами подъ самую Москву и жгли ее, требуя дани подарками, а съ Литвы брали дань угоняемыми скотомъ и людьми,—уже князь Димитрій Вишневецкій съ первыми запорожцами разорялъ стѣны Очакова, а дьякъ Ржевскій и сокольничій Адашевъ, взявъ эту крѣпость, ходили изъ подъ нея узнавать дорогу въ Крымъ моремъ (1555—59) [1]. Такіе розыски доказывали впрочемъ только, что если изъ Московіи трудно дойти до Крыма и полемъ, то моремъ, до берега котораго слишкомъ далеко,— и еще того труднѣе. Занять Очаковъ въ полное владѣніе не было тогда силъ ни у литовскаго государства, ни у московскаго; тѣмъ менѣе могли сдѣлать это ближніе сосѣди запорожцы, самое существованіе которыхъ подвержено было разнымъ случайностямъ Но съ другой стороны и турки цѣнили значеніе Очаковской крѣпоски и крымскіе ханы смотрѣли на нее, какъ на такой „хребетъ" [2], за которымъ имъ удобно было укрываться отъ нападеній гяуровъ.

Такъ Очаковъ съ первыхъ дней своего существованія получилъ значеніе главнымъ образомъ стратегическое. Его онъ сохранилъ за все время существованія своего въ рукахъ турокъ, даже и тогда, когда площадь очаковской земли между Днѣстромъ, Бугомъ и Кодымью стала мало по малу заселяться колонизаціею съ сѣвера и запада. Послѣ нападеній турки поправляли испорченныя стѣны крѣпости, имѣвшіе по описанію Боплана въ 30-хъ годахъ XVII вѣка 25 фут. вышины; но не видно ни изъ чего, чтобы у устья рѣчки Янчокрана, т. е. въ Березанскомъ лиманѣ турки думали когда нибудь устроить гавань для судовъ: торговая дѣятельность города очевидно была малозначительна.

По разсказу Боплана въ его время было въ Очаковѣ двѣ крѣпости: одна—на горѣ, обнесенная стѣнами, а другая—на косѣ съ нѣсколькими пушками для обстрѣливанія устья днѣпровскаго, на другой сторонѣ котораго, т. е. на кинбурнской, у нихъ была еще одна башня для наблюденія за движеніями козаковъ изъ Днѣпра

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Руссіи съ древн. врем. т. VI, стр. 124.

[2]) Ib. т. VII, стр. 131.

въ море. Но такъ какъ козаки, мстя за разоренія Украины, имѣли обыкновеніе проходить очаковское устье въ самую темную ночь передъ новолуніемъ, то турки въ такихъ случаяхъ, не нанеся имъ вреда, успѣвали только дать знать по берегу до самаго Константинополя о ихъ выходѣ въ море, чтобы и берега Анатоліи, Булгаріи и Румеліи и купеческіе корабли на морѣ береглись отъ хорошо имъ знакомыхъ гостей [1]).

По словамъ Боплана подъ крѣпостью Очаковскою на протяженіи отъ ея стѣнъ до двухъ овраговъ были расположены два города, а жителей въ Очаковѣ считалось 2000. Можно думать, что позже, когда со временъ Дорошенка отношенія козаковъ къ Крыму измѣнились и послѣдніе перешли наконецъ въ подданство хана, очаковская земля стала жить лучше, и центръ ея Очаковъ сталъ разростаться. Можетъ быть, именно къ этому времени затишья военнаго нужно отнести и возникновеніе тѣхъ постоянныхъ молдавскихъ поселеній въ очаковской области, въ которыхъ православныя церкви во второй половинѣ XVIII вѣка освящали митрополиты молдавскіе, носившіе титулъ Просвлавскихъ. Правда, всѣ почти поселенія эти (Дороцкое, Магалы, Кучіеры, Погребы, Ясски и др.) появляются по большей части надъ теченіемъ Днѣстра, и только изрѣдка—среди степи (Гарагановка); но землю очаковскую ввлоть до Буга и Кодыми молдаване зовутъ уже Ханскою Украиною, а не Эдиссанскою ордою [2]). Не будемъ забывать и того, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда запорожцы подружились съ ханомъ, походы изъ Москвы направлялись больше къ Азову, чѣмъ въ эту сторону Чернаго моря, а одинъ походъ Петра I на Прутъ былъ неудаченъ и окончился ничѣмъ. Оттого вѣроятно и ростъ населенія въ Очаковѣ и его краѣ теперь пошелъ быстрѣе. Минихъ, пришедши къ Очакову, засталъ въ немъ не то 20—30, а можетъ быть даже и 40 тысячъ жителей [3]); слѣдовательно, тогда Очаковъ былъ однимъ изъ многолюдныхъ городовъ своего времени.

---

[1]) Описаніе Украины. Сочиненіе Боплана. Спб. 1832, стр. 32, 64—66

[2]) Херсонскія епархіальныя вѣдомости 1861. Приложенія. Также Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. II, стр. 140—178.

[3]) *Шмидтъ.* Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. II, стр. 777. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 117 sqq.

Послѣ рѣшительнаго наступленія русской имперіи на турецкую въ 1735—40 годахъ, когда и запорожцы перешли изъ за Днѣпра въ новую сѣчь и возобновили нападенія на крымцевъ, западныя государства стали относиться съ опасеніемъ къ усиленію Россіи; французы первые для этой цѣли помогли туркамъ укрѣпить Очаковъ. Французскіе инженеры, исправивъ высокія стѣны внутренней крѣпости, улучшили и внѣшніе валы ретраншементы, окруживъ ихъ рвами. Вотъ почему Потемкинъ, подходя къ Очакову, писалъ Императрицѣ, что „турки не тѣ ужь стали и чортъ ихъ научилъ“ оборонять крѣпость, а она ему совѣтовала каждаго попавшагося въ плѣнъ француза засылать какъ можно дальше въ Сибирь, для того, чтобъ отвадить въ будущемъ любителей войны пріѣзжать къ туркамъ на помощь.

Сколько было жителей въ Очаковѣ отдѣльно отъ гарнизона во время послѣдней войны, рѣшившей его судьбу,—сказать трудно, какъ трудно добраться истины по этому вопросу и изъ рапортовъ Миниха и доносовъ на него, показывавшихъ разныя цифры. Нужно полагать, что въ концѣ XVIII вѣка здѣсь вмѣстѣ съ погибшими войсками было не менѣе 25000 душъ. Богатства, разграбленныя солдатами, на произволъ которыхъ городъ былъ отданъ на три дня, были несмѣтны. Богатыя одежды, жемчугъ, золотыя и серебряныя вещи и уборы продавались ими потомъ за безцѣнокъ. Денегъ захвачено было такъ много, что голландскій червонецъ на рынкахъ потомъ шелъ въ 2 рубля, а турецкій левъ—въ 30 копѣекъ. Вотъ все, что мы можемъ сообщить о городѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ достался русскимъ 6 декабря 1788 года.

По взятіи Очакова война съ турками продолжалась еще три года, но военныя дѣйствія перенесены уже были на устья Дуная и за Прутъ. Потемкинъ уже одинъ начальствовалъ надъ всею арміею, проживая то въ Яссахъ, то въ Петербургѣ, а въ битвахъ непосредственно участвовали Суворовъ, Репнинъ и другіе полководцы. Въ 1789 г. Императрица писала Потемкину, что Очаковскую крѣпость

разрывать не нужно—„ради безопасности лимана и вывода кораблей, дондеже не устроена новая граница" [1]). Теперь Очаковъ сталъ служить уже русскимъ, прикрывая своими пушками флотъ, который ходилъ отсюда на Дунай на помощь сухопутнымъ войскамъ. Флотъ этотъ сталъ увеличиваться, потому что въ томъ же году у устья Ингула въ Бугъ Потемкинымъ назначено было прекрасное мѣсто для верфи, и тутъ основанъ городъ, названный Николаевымъ въ честь взятія Очакова въ день св. Николая.

Послѣ побѣдъ Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ, послѣ занятія русскими войсками Хаджибея (гдѣ нынѣ Одесса), Аккермана, Киліи, Бендеръ и др. городовъ, Императрица осенью 1790 г. требовала уже отъ Порты для заключенія мира земель по Днѣстръ, подтвержденія старыхъ договоровъ и соглашеній, по которымъ Крымъ отошелъ къ Россіи и на востокѣ признана была границею р. Кубань, а также—составленія изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи особаго христіанскаго княжества. Турки, надѣясь на помощь Англіи и Пруссіи, сильно опасавшихся увеличенія могущества Россіи, готовы были признать новою границею р. Днѣстръ вмѣсто старой Буга и Кодыми, но требовали себѣ возвращенія Крыма. Поэтому война еще продолжалась; Суворовъ взялъ Измаилъ, о которомъ писалъ, что „нѣтъ крѣпости крѣпче" его; де-Рибасомъ были взяты Тульча, Исакча; наконецъ послѣ пораженія подъ Мачиномъ турки должны были согласиться на требованія императрицы. Война могла затянуться еще, такъ какъ Потемкинъ къ этимъ условіямъ прибавлялъ еще требованіе 20 милліоновъ контрибуціи; но онъ заболѣлъ и, выѣхавъ изъ Ясcъ въ Николаевъ, померъ въ дорогѣ, проѣхавъ всего одну станцію. Миръ въ Яссахъ заключенъ былъ 29 декабря 1791 года, и вся земля Очаковская стала частью Екатеринославской губерніи.

Поселившіеся здѣсь запорожцы, какъ выше сказано, были переселены на Тамань, а земли между Бугомъ и Днѣстромъ екатеринославскій губернаторъ Каховскій спѣшно сталъ раздавать новымъ владѣльцамъ. Эта раздача шла такъ быстро, что когда правительство замѣтило, что для увеличенія народонаселенія нужно привлечь сюда нѣмцевъ, то для этихъ колонистовъ пришлось уже покупать

---

[1]) „Рус. Старина" 1876., сентябрь.

земли у новосозданныхъ помѣщиковъ изъ молдавской и русской аристократіи. Губернаторъ былъ озабоченъ выборомъ мѣста на пріобрѣтенномъ берегу Чернаго моря для торговаго порта. По этому поводу въ 1792 году, указывая на Очаковъ, онъ писалъ въ своемъ представленіи, что „нѣсколько вѣковъ продолжавшаяся въ семъ мѣстѣ торговля есть довольнымъ побужденіемъ къ возобновленію тутъ города и неприкословною надеждою скораго поселенія въ немъ жителей, промышленниковъ, торгующихъ и купцовъ разныхъ націй [1])“. Но эта „неприкословная надежда“ губернатора не оправдалась.

Торговой гавани въ Очаковѣ не было и нѣтъ; какъ и прежде, въ немъ устроенъ Николаевскій ретрашементъ, передѣланный изъ башни Гассанъ-паши, и крѣпость съ гарнизономъ, а жители остались рыбаками, каковыми были ихъ предшественники въ теченіи многихъ вѣковъ.

Николаевъ, основанный въ честь взятія Очакова, и другой городъ, возникшій вслѣдъ затѣмъ на мѣстѣ Хаджибея,—Одесса опередили Очаковъ въ торговомъ развитіи. За сто лѣтъ на мѣстахъ пустыхъ, гдѣ посажены были эти города, поселилось въ одномъ до 200 тысячъ жителей, а въ другомъ до 80; существовавшій при взятіи Очакова г. Херсонъ считаетъ теперь уже 65 тысячъ населенія; на старомъ же пепелищѣ города Очакова число жителей за 1887 годъ считается всего въ 7 тысячъ [2]).

Увеличеніе населенія шло тутъ очень туго: въ началѣ настоящаго столѣтія въ 1816 г (по 7-й ревизіи) ихъ было 3 тысячи, въ 1835 году — 4, въ 1851-мъ—4½, и въ 1857 — 5½ тысячъ. Торговля рыбою и солью, добываемою на противоположномъ берегу въ Прогнояхъ,—вотъ вся отпускная торговля, которую ведутъ въ Очаковѣ евреи, забравшіе мѣстное населеніе въ кабалу. Уже въ описаніи херсонской губерніи 1863 года мы находимъ характеристику этой кабалы, которая держится на раздачѣ рыболовнымъ артелямъ впередъ денегъ и на спаиваніи рыбаковъ водкою, разбавленною водою; авторъ описанія губерніи дѣлаетъ при этомъ выводъ, что „чѣмъ

---

[1]) Шмидтъ Херс. губ., 1863, ч., II стр. 777.
[2]) Сборникъ Херс. земства, 1888, № 6, стр. 32.

большее число городскихъ жителей оставятъ земледѣліе, тѣмъ и добыча евреевъ бываетъ значительнѣе [1]).

То же самое находимъ и въ описаніи одесскаго уѣзда, произведенномъ 20 лѣтъ спустя [2]).

Кромѣ рыболовства жители Очакова и его пригородныхъ хуторовъ—двухъ Бейкушей и Куцюруба занимаются земледѣліемъ—на земляхъ, которыя берутъ въ аренду у городскаго управленія за годовую плату [3]). Значитъ, характеръ жизни въ Очаковѣ не измѣнился послѣ переименованія его изъ турецкаго города въ русскій и послѣ замѣны турецкаго населенія русскимъ; разница вышла та только, что морская торговля, какая была прежде изъ этого пункта черезъ Черное море, перешла въ Николаевъ и Одессу, которая въ нынѣшнемъ году стала первымъ городомъ въ Россіи по количеству отпускаемаго изъ ея порта хлѣба. Чтобъ читатели могли видѣть, какое ничтожное значеніе имѣетъ теперь Очаковъ, на осаду котораго ушло почти $1^1/_2$ года, а взятіе котораго стоило многихъ тысячъ людей и многихъ милліоновъ рублей, приведемъ цифры, ка-

---

¹) Шмидтъ. Херсонская губеренія 1863 г. ч. II стр. 799.

²) Такъ какъ „посудъ", т. е. всѣ приспособленія для ловли рыбы, особено удачной во время хода ея изъ моря въ лиманъ, обходится рублей въ 400—1000, то рыбаковъ, ловящихъ своими сѣтями и на своихъ лодкахъ, въ Очаковѣ нѣтъ; всѣ они—въ полной зависимости у хозяевъ артелей—евреевъ, которые выдаютъ имъ съ осени и зимы задатки, которыхъ имъ едва хватаетъ на прожитіе; берутъ проценты за эти задатки, плату за пользованіе орудіями лова, а пойманную рыбу,—по впередъ условленной цѣнѣ. Когда какой нибудь сортъ рыбы продается на очаковскомъ базарѣ по 1 р. 20 к. за пудъ, рыбакъ долженъ отдавать ее своему хозяину по 40—60 коп. На свой рискъ ловить рыбу ему не на что и нечѣмъ; продавая же рыбу пойманную нанятыми снастями, онъ успѣваетъ своему кредитору за лѣто уплатить половину или ³/₄ всего долга: на зиму дѣлаетъ новый заемъ и т. д. Въ такихъ вѣчныхъ неоплатныхъ долгахъ живутъ на очаковскихъ земляхъ потомки запорожцевъ, ходившихъ сюда на „ляму" еще во времена турецкаго владѣнія устьемъ Днѣпра.

³) Управленіе городское, состоящее изъ лицъ, мало причастныхъ къ земледѣлію, думаетъ, конечно, не о нуждахъ жителей, а о такихъ предпріятіяхъ, какъ, напр., постройка моста черезъ березанскій лиманъ, которыя могутъ дать заработки не столько массѣ населенія, сколько подрядчикамъ; потому ни земледѣліе, ни рыболовство не поднимаютъ торговаго значенія города; въ немъ идетъ торговля лишь сѣномъ, огородными овощами, водкою да бакалейными товарами; да и эта вся торговля существуетъ въ зависимости отъ покупателей, служащихъ въ переведенной въ Очаковъ изъ Николаева крѣпостной артиллеріи. (Шмидтъ, стр. 129, 20, 147).

кія намъ удалось добыть за послѣдніе годы для сравненія его величины съ побѣдившими его соперниками.

Цѣнность недвижимыхъ имуществъ города Очакова (число которыхъ въ 1887 году было всего 814) опредѣлена въ 413 тысячъ рублей, тогда какъ Херсона—въ 4 милліона съ лишнимъ, Николаева—въ 7 милліоновъ, а Одессы—въ 100 милліоновъ [1]); доходовъ и расходовъ меньшій изъ этихъ городовъ Херсонъ имѣетъ до 300 тысячъ, а наибольшій, т. е. Одесса—2.648.000 рублей, Очаковъ же—только 84—85 тысячъ. Но и эта послѣдняя цифра очевидно установлена городскимъ управленіемъ по форсированной оцѣнкѣ послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ дѣйствительныхъ поступленій по раскладкѣ 1886 года было 37 тысячъ, а по раскладкамъ 1885 и 1884 годовъ всего только 16—17 тысячъ. Если судить о торговой дѣятельности города по числу поступленій въ казну торговыхъ пошлинъ, то и тутъ мы увидимъ такія же отношенія цифръ. За торговые документы, выданные въ 1885 и 1886 годахъ, поступило по городу Одессѣ 312 и 400 тысячъ, по Николаеву—51 и 56 тысячъ, по Херсону—38 и 42 тысячи рублей; по Очакову же—только 4.388 и 4.608 рублей.

Таковъ теперь Очаковъ, изъ котораго въ настоящее время напрасно вы будете искать корреспонденцій въ газетахъ, но который былъ предметомъ всеобщаго вниманія 100 лѣтъ тому назадъ и далъ имя своей эпохѣ, оставивши много страданій среди семей и родственниковъ убитыхъ подъ его стѣнами. Нѣсколько героевъ, павшихъ на штурмѣ и во время осады, похоронены въ Херсонѣ въ оградѣ собора, построеннаго внутри крѣпости съ надписью надъ входными дверями: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ". Кромѣ упомянутыхъ нами выше Корсакова, Максимовича и Синельникова, тутъ же похоронены бригадиръ И. П. Горичъ, генералъ-майоръ С. А. Волхонскій, убитые на штурмѣ Очакова. Особенно интересна большая каменная плита надъ гробомъ войска донскаго полковника Мартынова, убитаго тогда же на 22-мъ году жизни. Въ длинной реторической эпитафіи о пучинахъ, крою-

---

[1]) Сборникъ херсонскаго земства 1887, № 5. Оцѣночныя данныя для опредѣленія стоимости городовъ, посадовъ и мѣстечекъ херсонской губерніи. Стр. 68.

щихся „среди яснѣйшихъ годинъ", и тлѣнности честей и славы, между прочимъ на память вѣкамъ на этомъ камнѣ вырѣзано:

„Я видѣлъ въ жизни вся, былъ генеральскій сынъ,
Еще въ младыхъ лѣтахъ цвѣлъ славою какъ кринъ,
Донскимъ полковникомъ отечеству служилъ,
Близъ стѣнъ Очакова враговъ каралъ-губилъ.
Но злой агарянинъ въ Очаковѣ въ бою
Коварно изо рва похитилъ жизнь мою...
О жизнь, о строга смерть! Я на Дону рожденъ,
Но вотъ въ чужой странѣ безъ сродныхъ погребенъ!
Остались сродники по мнѣ отецъ и мать
Которы будутъ ввѣкъ слезъ токи проливать.
Чадолюбива мать, какъ горлица стеная
Ланиты нѣжныя слезами орошая
Повсюду будетъ мя съ тоскою злой искать
И памятью моей печали умножать"...

и т. п. Конечно не объ одномъ этомъ Мартыновѣ лились „слезъ токи" изъ глазъ лицъ, теперь уже прекратившихъ свое существованіе. Остатки костей главнокомандовавшаго подъ Очаковымъ, три раза откопанныя за истекшія 100 лѣтъ [1]) и три раза вновь положенные въ особый ящикъ, лежатъ въ томъ же крѣпостномъ соборѣ; на надгробномъ камнѣ, находящемся въ срединѣ церкви, помѣщены среди нѣскольких медальоновъ имена городовъ, завоеванныхъ или построенныхъ княземъ. На право отъ верхняго медальона съ надписью „Крымъ и Кубань" помѣщенъ меньшій медальонъ со словами „Очаковъ 1788". Рядомъ съ гробницею князя на стѣнѣ собора около кресла, гдѣ сидѣла императрица Екатерина II въ бытность свою въ Херсонѣ, вдѣлана доска изъ чернаго мрамора съ надписью: „Свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому. Херсонское земство. 1865".

---

[1]) Русская Старина 1875. Статья Попова о жизни Потемкина.

Послѣднее этимъ почтило память князя не какъ полководца, а какъ администратора завоеваннаго имъ края.

Таковы вещественные памятники осады и взятія Очакова[1]).

А. Русовъ.

[1]) Въ самомъ Очаковѣ, въ настоящемъ году, по поводу истеченія ста лѣтъ со времени событія, когда старое Русское море стало опять русскимъ, явилась мысль увѣковѣчить это событіе постановкою памятника, на сооруженіе котораго потребовалось бы 5000 рублей. Если бы это предположеніе было осуществлено, то въ Очаковъ, этотъ бывшій ключъ къ Черному морю, вѣроятно съѣхались бы на торжество люди, смотрящіе на исторію Россіи въ послѣднее столѣтіе такъ, какъ смотритъ Эмиль Феррье, авторъ книги „La Russie politique et diplomatique" и редакція журнала „Revue des deux mondes"; можетъ быть и въ будущемъ путешественники, осматривающіе Одессу и Николаевъ, заворачивали бы на полъ-дороги въ Очаковъ посмотрѣть на памятникъ, въ которомъ выразилось сознаніе гражданъ этого города относительно значенія въ исторіи Россіи 6-го декабря 1788 года. Но этому предположенію не суждено было сбыться. Дума г. Очакова отвергла предложеніе о памятникѣ и по сообщенію газеты „Одесскія Новости" постановила отпраздновать день 6-го декабря—„семейно, по своимъ средствамъ". Кромѣ этихъ поминокъ дума постановила называть въ честь взятія Очакова сто лѣтъ тому назадъ, мореходное училище, когда оно будетъ здѣсь открыто,—„Екатерининскимъ". Этимъ очевидно, и ограничится празднованіе истекающаго столѣтія со времени взятія Очакова.

Критика.

1) Ив. Малышевскій. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 года. 2) Ѳ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888 года.

Оба указанные труда посвящены уясненію одного и того же событія съ тою только разницею, что г. Успенскій подвергаетъ разсмотрѣнію и обсужденію вообще событія X в., приведшія нашихъ предковъ къ принятію христіанства изъ Византіи, а г. Малышевскій останавливается надъ болѣе частнымъ вопросомъ—какую роль играли пришельцы Варяги въ принятіи и утвержденіи у насъ христіанской религіи. Значеніе варяговъ въ дѣлѣ обращенія Владиміра св., по мнѣнію уважаемаго ученаго, весьма велико. Выходитъ такъ, будто варяги были единственными дѣятелями, благодаря усиліямъ которыхъ Владиміръ и склонился къ оставленію язычества. Правда, въ большей части своего труда уважаемый авторъ выражается гипотетически, выставляя свои мнѣнія какъ вѣроятныя предположенія, но на сколько нѣкоторыя изъ нихъ близки къ истинѣ, на столько же другія кажутся далекими отъ нея. Вполнѣ, напримѣръ, вѣроятнымъ является, по нашему мнѣнію, предположеніе г. Малышевскаго, что въ числѣ пословъ отъ византійскихъ императоровъ къ Владиміру св. были и варяги, находившіеся на службѣ въ греческой имперіи. Если эта мысль есть предположеніе, имѣющее вполнѣ характеръ исторической вѣроятности, то также вполнѣ фактически достовѣрно вліяніе нѣкоторыхъ варяговъ на Владиміра, ибо трудно что нибудь сказать противъ свидѣтельства саги объ Олавѣ, о Торнвальдѣ. Но едва ли возможно согласиться съ уважаемымъ

профессоромъ, когда онъ объясняетъ обращеніе Владиміра исключительно варяжскимъ вліяніямъ, ибо въ этомъ случаѣ мы должны сойти съ твердой почвы фактовъ и строить предположенія на предполагаемыхъ же фактахъ. Уважаемый авторъ приводитъ лѣтописное преданіе о варягахъ мученикахъ, преданіе о варягахъ изъ Патерика. Осмѣливаемся думать, что изъ этихъ преданій историкъ можетъ узнать лишь одно, именно, что среди варяговъ были христіане, но никакъ нельзя отсюда сдѣлать вывода, будто *первые* христіане на Руси были варяги Эта мысль повторяется нѣсколько разъ. „Кто же, говоритъ авторъ, прежде всего напоминалъ Владиміру о св. Ольгѣ, если не мѣстные кіевскіе христіане, какими были *по преимуществу* варяги?“ Вотъ это послѣднее положеніе фактами абсолютно не подтверждается. Ни преданіе о варягахъ мученикахъ, ни выраженіе лѣтописи; „мнози бо бѣша Варязи христіане“—не могутъ служить для него опорой. Авторъ самъ высказываетъ это мнѣніе, какъ гипотезу, но и самая подобная гипотеза, осмѣливаемся думать, является очень шаткой. Не затягивая нашего отчета приведеніемъ фактовъ общеизвѣтныхъ о давнемъ распространеніи и существованіи христіанства по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, мы поставимъ только вопросъ: возможно ли, чтобы народъ, бывшій въ сношеніяхъ съ Византіей раньше, чѣмъ варяги, оставался совершенно чуждъ всякому вліянію этой страны съ могучей цивилизаціей и силой христіанства; возможно ли допустить, чтобы пришельцы варяги ранѣе стали принимать христіанство, чѣмъ народъ, который съ незапамятныхъ временъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Греціей въ до христіанскій періодъ, народъ, имѣвшій среди себя и греческихъ колонистовъ, и греческихъ купцовъ и промышленниковъ? Отчего Владиміру могли напоминать о св. Ольгѣ варяги, а не тѣ кіевскіе люди, кіевскіе купцы, которые были вмѣстѣ съ нею въ Константинополѣ? Не были ли они варягами? Въ такомъ случаѣ надо признать варягами всѣхъ тѣхъ кіевлянъ, черниговцевъ, переяславцевъ и др., которые пріѣзжали въ Византію и жили у св. Мамы, и тѣхъ кіевскихъ (можетъ быть и черниговскихъ и др.) нашихъ купцовъ, перебитыхъ греками, вслѣдствіе чего былъ предпринятъ на Византію походъ въ 1043 году. Не отрицая вліянія приближенныхъ къ Владиміру иностранцевъ на его обращеніе, мы все таки должны думать, что болѣе сильное давленіе производили мѣстные, кіевскіе люди. Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы Владиміръ могъ такъ успѣшно ввести христіан-

ство въ Кіевѣ, опираясь лишь на однихъ варяговъ. Для этого было необходимо, чтобы и лучшіе кіевскіе люди считали въ своей средѣ не малое количество христіанъ. Предположить, что кіевскіе мѣстные дружинники, городскіе старѣйшины, купцы и вообще нарочитые люди вдругъ почувствовали влеченіе къ христіанству, такъ сказать переродились,—предположить это, конечно, возможно, но едвали это будетъ исторически естественно.

Выясняя роль варяговъ въ исторіи принятія христіанства на Руси, уважаемый авторъ неминуемо долженъ былъ коснуться и вопроса о достовѣрности лѣтописнаго повѣствованія объ этомъ событіи. „При встрѣчѣ съ извѣстіями разнорѣчащими, но не прямо противорѣчащими, говоритъ уважаемый профессоръ, мы держимся того правила критики, что прежде, чѣмъ отрицать одно извѣстіе въ пользу другого, слѣдуетъ сдѣлать попытку къ соглашенію ихъ, въ надеждѣ одно изъ нихъ пояснить или пополнить другимъ". Съ этимъ методомъ исторической критики, намъ кажется, нельзя *не* согласиться. Мы думаемъ, что, хотя и гипотетически сдѣланное авторомъ примиреніе разсказа нашей лѣтописи о посольствахъ къ Владиміру св. изъ Византіи и обратно отъ русскаго князя въ Византію съ сообщеніями другихъ источниковъ получаетъ значеніе почти полной достовѣрности. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ весьма остроумныхъ соображеній почтеннаго ученаго, для всякаго, кто прочтетъ параллельно разсказъ о крещеніи Руси нашей лѣтописи и повѣствованіе Ибнъ-эль-Атира или Яхьи Антіохійскаго, становится яснымъ согласіе въ сообщеніяхъ этихъ источниковъ. Мы имѣемъ, конечно, въ виду согласіе въ фактахъ, а не въ хронологіи, которая неминуемо должна была запутаться вслѣдствіе особенностей каждаго изъ этихъ источниковъ.

Чтобы ознакомить читателя съ содержаніемъ труда г. Успенскаго, приведемъ заглавія отдѣловъ его брошюры. Она содержитъ семь главъ: 1) „Научныя теоріи по объясненію происхожденія Руси: скандинавская или норманская и славянская теорія (несторовцы и антинесторовцы)"; 2) „Русь и другіе этнографическіе термины для обозначенія русской земли"; 3) „Элементы русской государственности. Договоры съ Греками. Морскіе походы на Византію"; 4) „Культурное и по преимуществу торговое значеніе сношеній съ Византіей. Св. Ольга"; 5) „Внѣшняя политика Святослава. Значеніе движенія Руси въ Болгарію. Угнетенное состояніе Византіи"; 6) „Какими средствмми располагала Византія для укрощенія Руси. Образо-

вательная роль Византіи въ исторіи"; и 7) „Просвѣщеніе Россіи христіанствомъ". Сдѣлавъ очеркъ развитія теорій объ образованіи русскаго государства, авторъ во II главѣ приводитъ извѣстія, въ которыхъ находятся упоминанія объ имени „Русь". Между ними есть три новыхъ, сообщаемыхъ г. Успенскимъ въ первый разъ и имѣющихъ большой интересъ. Это двѣ загадки и одна надпись на пьедесталѣ колонны, стоявшей въ Таврѣ. Хотя уважаемый авторъ и не высказываетъ рѣшительно своего мнѣнія по вопросу о происхожденіи варяговъ, объ образованіи русскаго государства, но въ своемъ обзорѣ явленій русской жизни IX и X вв. ясно склоняется къ признанію того факта, что наша туземная гражданственность не могла создаться чуть не моментально варяжскимъ волшебствомъ. А если это такъ, то фактъ призванія варяговъ возбуждаетъ непреодолимое сомнѣніе. Что касается значенія Византіи, какъ воспитательницы и просвѣтительницы европейскихъ народовъ, то въ общемъ нельзя не согласиться съ авторомъ, но несомнѣнно также и то, что подкупать и вооружать одинъ варварскій народъ противъ другаго и строить свое благо на погибели слабѣйшихъ—было обычнымъ явленіемъ византійской политики. Какая же, какъ не такая черта эгоизма проглядываетъ во всѣхъ наставленіяхъ Константина Багрянороднаго? Можно указать не мало фактовъ изъ византійской исторіи, гдѣ обнаруживается то же самое. Византія всего боялась, и въ этой своей боязни забывала иногда самыя высокія цѣли. Бьющимъ фактомъ, напримѣръ, являются дѣйствія императора Алексѣя Комнена во время III-го крестоваго похода, когда, по его распоряженію, на крестоносные отряды производились нападенія. Впрочемъ, на сколько можно понять, уважаемый авторъ и не отрицаетъ такого эгоистическаго направленія въ политикѣ Византіи въ отношеніи своихъ сосѣдей, но указываетъ, что это государство руководилось въ своихъ дѣйствіяхъ не однимъ эгоизмомъ, а и болѣе возвышенными цѣлями. „Не оружіемъ, не воинскими доблестями, говоритъ авторъ, одержала Византія эту побѣду, а своимъ моральнымъ воздѣйствіемъ на Русь и удовлетвореніемъ ея духовныхъ потребностей". Правъ и тотъ славянскій князь, который говорилъ, что „отсюда (изъ Византіи) на всѣ страны распространялся добрый законъ". Но какъ давала Византія эти блага цивилизаціи? „*И стало опасно положеніе царя Василія и истощились его средства и побудила его нужда* послать къ царю Руссовъ, враговъ своихъ, чтобы просить у нихъ помощи". Въ этой безвыходности положенія и лежитъ главная причина, по

которой Византія дала Руси блага христіанства. Легенда легендой, но въ ней то по преимуществу и сказывается народный взглядъ на дѣла и дѣятелей. „Льстиви суть Греци и до сего дне"—вотъ мнѣніе русскаго народа о Византіи, мнѣніе, вынесенное народной мудростью изъ вѣковыхъ сношеній Руси съ этимъ государствомъ. Но какъ бы тамъ ни было, а наша историческая жизнь тѣсно связана съ Византіей, а потому нельзя не признать вполнѣ истиннымъ мнѣніе уважаемаго автора, „что въ изученіи Византіи заключаются насущныя потребности русской науки и нравственный долгъ русскаго народа."

П. Голубовскій.

В. Поплавскій и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской Исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). Житоміръ

Повторительные конспективные курсы по исторіи, дающіе ученику возможность скоро припомнить пройденное, весьма желательны по очень многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь считаемъ неумѣстнымъ. Изданій, подобныхъ разбираемому, есть нѣсколько; каждое изъ нихъ можетъ служить пособіемъ при повтореніи, но и обладаетъ какими нибудь недостатками. Самымъ удовлетворительнымъ между всѣми ими можетъ быть названъ „Краткій повторительный курсъ", изданный картографическимъ заведеніемъ А. Ильина въ С.-Петербургѣ, но онъ нѣсколько обширенъ: повторительный курсъ долженъ только напоминать факты, помѣщенные въ учебникѣ, а не замѣнять собою послѣдній. Намъ кажется, что пособіе, заглавіе котораго мы выписали, избѣгаетъ этого недостатка, имѣя нѣкоторыя положительныя достоинства.—Весь повторительный курсъ состоитъ изъ двухъ таблицъ, изъ которыхъ одна охватываетъ весь древній періодъ русской исторіи, то есть, отъ образованія русскаго государства до княженія Александра Невскаго; другая средній періодъ, но не весь, а до царствованія Іоанна Грознаго. Въ основу конспекта положена генеалогическая таблица, при чемъ въ четыреугольникѣ около имени каждаго князя сжато припоминаются главнѣйшія факты его дѣятельности. Приложенная тутъ же хронологическая таблица даетъ возможность возстановить себѣ хронологическую послѣдовательность главнѣйшихъ событій. Для этого же назначена и другая таблица „Главнѣйшихъ войнъ и битвъ". Кромѣ того приложенъ пе-

речень святителей русской церкви и замѣчательныхъ литературныхъ памятниковъ. На первомъ же листѣ помѣщено перечисленіе русско-славянскихъ племенъ съ обозначеніемъ географическаго положенія территоріи каждаго изъ нихъ. Генеалогическая таблица на первомъ листѣ заканчивается сыновьями Ярослава Всеволодовича. Генеалогія на второмъ листѣ начинается съ Александра Невскаго и доводится до Іоанна IV. Тутъ же мы находимъ географическое перечисленіе литовскихъ и финско-угрскихъ племенъ, генеалогическую таблицу дома Гедымина и Чингизъ-хана. Таковъ видъ и содержаніе „Повторительнаго курса“ гг. Поплавскаго и Лященка. Несмотря на все стараніе ихъ избѣжать пестроты, производящей путаницу въ глазахъ читателя, достигнуть этого вполнѣ они не могли, хотя надо сказать, что пестроты и запутанности очень немного, и при малѣйшемъ вниманіи со стороны читателя, онъ можетъ быстро и легко оріентироваться въ таблицахъ. Можно было сдѣлать не двѣ, а болѣе таблицъ, но этимъ уничтожалось бы одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ разбираемаго „Повторительнаго курса“—возможность окинуть однимъ взглядомъ цѣлый періодъ исторіи. Намъ кажется только, что для большаго еще упрощенія таблицъ квадраты съ именами такихъ князей, какъ Брячиславъ полоцкій, Василій и Константинъ суздальскій и др., могутъ быть меньшаго размѣра, чѣмъ остальные. Затѣмъ изъ середины таблицы нужно взять и помѣстить на сторонѣ квадраты съ перечисленіемъ сословій древней Руси и подвижниковъ русской церкви. Это, такъ сказать, внѣшняя сторона дѣла, но, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя поправки и въ содержаніи. Приведемъ нѣкоторыя мѣста. Нужно, напримѣръ, показать, что сѣверяне жили и по Сулѣ, уличи и тиверци обитали по Днѣпру и Днѣстру, а не по Пруту. Племена весь, меря, мурома, мордва и т. д. не были бѣдны и занимались не однимъ звѣроловствомъ, а стояли на довольно высокой ступени культуры, что доказывается и историческими, и массой археологическихъ данныхъ. Затѣмъ ужъ если надо говорить о племенномъ происхожденіи болгаръ, то ихъ наука признаетъ смѣсью угрскаго (а не финскаго) и тюркскаго племени болѣе, чѣмъ угрскаго и славянскаго. Переходя къ родословнымъ таблицамъ, мы считаемъ нужнымъ указать слѣдующія, напримѣръ, мѣста, которыя, какъ намъ кажется, подлежатъ исправленію. Въ числѣ сыновей Владиміра св слѣдовало бы помѣстить и Святослава древлянскаго, который только упомянутъ въ квадратахъ съ именами св. Глѣба и Святополка Окаяннаго. Владиміръ, старшій

сынъ Ярослава Мудраго, не былъ и не могъ быть изгоемъ, такъ какъ еще при жизни отца получилъ область, Новгородъ В., и умеръ въ ней, а изгоемъ былъ сынъ его, Ростиславъ, который былъ лишенъ удѣла своими дядьями. Олегъ Святославичъ (Гориславичъ) не можетъ считаться княземъ черниговскимъ, такъ какъ сидѣлъ тамъ очень короткое время въ періодъ своей борьбы съ Мономахомъ. Черниговскимъ княземъ былъ Давидъ, младшій братъ Олега, а послѣдній былъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ и умеръ въ 1115 г. Св. Леонтій не былъ просвѣтителемъ вятичей, и городъ Ростовъ былъ не въ землѣ послѣднихъ, а въ области Мери; христіанство у вятичей проповѣдывалъ и дѣйствительно умеръ мученикомъ св. Кукша. Битва на р. Калкѣ происходила не въ 1224 году, а въ 1223, какъ уже давно (въ 1854 году) доказано Куникомъ. Точно также съ успѣхомъ можно было бы выпустить легендарную битву на р. Ирпени въ 1321 году. Впрочемъ, составители двѣ послѣднія хронологическія даты взяли изъ учебниковъ русской исторіи, а наши учебники вообще нейдутъ въ уровень съ наукой, и то, что наукой установлено, какъ незыблемая истина, въ 1854 году, попадетъ въ нихъ не ранѣе 1954 года.

Дѣлая всѣ эти указанія, мы имѣемъ въ виду лишь содѣйствовать, на сколько это въ нашихъ силахъ, тому, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ „Повторительный курсъ" еще болѣе отвѣчалъ своему назначенію—быть хорошимъ пособіемъ при повтореніи пройденнаго курса. Способъ распредѣленія матеріала въ интересующемъ насъ пособіи кажется намъ вполнѣ цѣлесообразнымъ, ибо даетъ возможность занимающемуся возстановить въ памяти въ одно и то же время и генеалогію, и хронологію, и самыя событія русской исторіи. Вообще нельзя не отнестись сочувственно къ труду гг. Поплавскаго и Лященка, задумавшихъ снабдить учениковъ (и не учениковъ) хорошимъ пособіемъ при повтореніи исторіи.

П. Голубовскій.

Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Составилъ В—ъ А—чъ Маценко. Посвящается г. прилучанамъ. Ромны, 1888. 238 стр.

Какъ показываетъ заглавіе, книга дѣлится на двѣ части: историческую (большую) и статистическую.

Исторія края начинается отъ Суличей, отъ времени „до образованія княжества“; затѣмъ разсказывается о первыхъ князьяхъ кіевскихъ, объ удѣлахъ вообще и о Переяславскомъ въ частности, о нашествіи татаръ, о переходѣ „Малой Руси“ къ „беззаконной Литвѣ“ и затѣмъ къ „вельможной пани“ Польшѣ, о возстаніи Хмельницкаго и переходѣ Малороссіи къ московскому государству; о состояніи прилуцкаго края въ это время; объ основаніи и судьбѣ Густынской и Ладинской обителей; о смутахъ въ Малорсссіи въ періодъ гетманщины; объ уничтоженіи гетманства, образованіи намѣстничествъ и потомъ губерній малороссійской и полтавской. Далѣе, какъ и слѣдуетъ, разсказъ сосредоточивается исключительно на г. Прилукѣ и его уѣздѣ: говорится объ основаніи въ Прилукѣ церквей, школъ и другихъ общественныхъ учрежденій. Впродолженіе всего повѣтствованія перечисляются послѣдовательно полковники прилуцкіе, предводители дворянства и городскіе головы; отмѣчаются результаты дѣятельности каждаго изъ нихъ. Въ отдѣлѣ статистики приводятся данныя о распредѣленіи земель между поселеніями и сословіями, помѣщенъ алфавитный списокъ поселеній, перечислены ярмарки въ нихъ; приведены цифровыя данныя разныхъ отраслей дѣятельности прилуцкаго земства, какъ то: народнаго образованія, медицины и проч.; къ нимъ прибавлена судебная статистика и списки полученной и отправленной прилуцкимъ уѣздомъ корреспонденціи,—„четверть вѣка тому назадъ“ и въ настоящее время.

Этотъ краткій перечень содержанія показываетъ, что книжечка написана по обыкновенному для подобныхъ изданій шаблону. Она была бы и столько же полезна, какъ многія такія описанія, сдѣланныя мѣстными свѣдущими людьми; но бѣда въ томъ, что авторъ ея слишкомъ мало подготовленъ къ историко-статистическимъ трудамъ. Чтобъ не быть въ отвѣтѣ за такой приговоръ, приведемъ доказательства.

Источники, которыми пользовался авторъ[1]) „1. Преданія, записанныя отъ мѣстныхъ жителей. 2. Архивъ дѣлъ прилукской городской управы. 3. Дѣла прилукскихъ городскихъ церквей. 4. Отчеты прилукской уѣздной и полтавской губернской земскихъ управъ. 5. Рукопись Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка о родословной его. 6. Изслѣдованія Погодина. 7. Лѣтопись Нестора. 8. „Ипатіевская“. 9. „Густынскаго монастыря“. 10. „Прилукскаго уѣзднаго училища.

---

[1]) Печатаемъ въ строку для сбереженія мѣста.

11. Полтавскія губернскія вѣдомости по 1866 годъ. 12. Полтавскія епархіальныя вѣдомости за 1864 годъ. 13. „Кіевская Старина" по 1887 годъ. 14. „Труды Высочайше утвержденной Коммиссіи при кіевскомъ университетѣ" за 1854 г. (;) статья Маркевича. 15. Лѣтопись С. Величка. 16. Исторія Малорос. Маркевича. 17. Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе—А. Шафонскаго".

Напрасно было бы ставить въ упрекъ автору, что онъ не воспользовался огромнымъ количествомъ изданій, вполнѣ доступныхъ въ провинціи и заключающихъ въ себѣ много свѣдѣній, прямо относящихся къ предмету книги [1]). Онъ, очевидно, не зналъ объ ихъ существованіи. Авторъ не чувствовалъ потребности дѣлать какія бы то ни было ссылки на источники, которыми пользовался. Сколько можно судить,—изъ приведеннаго списка его источниковъ самымъ поучительнымъ было для него сочиненіе Маркевича.

Изъ содержанія. „... Гединимъ Литовскій въ 1320 г... отбилъ Кіевъ отъ „поганой" татарвы. Послѣ этого всей Малой-Русью завладѣла „беззаконная" Литва а послѣ нее, въ 1386 году,—когда Ягейло Литовскій съ католичествомъ принялъ польскую корону,—„вельможная пани" Польша. Завладѣвъ Литвой и Малороссіей, принявшей названіе Гетманщины (при этомъ словѣ выноска: „Гетманщина—производное слово отъ Гедиминъ: Гедиминъ—Гедиминщина, Гетманщина"), Поляки стали хлопотать о полномъ сліяніи этихъ народовъ съ Польшею такъ, чтобы всѣ жители составляли одинъ народъ: имѣли одну вѣру, языкъ и обычаи" (стр. 16—17).

„Но когда магнаты и шляхты, мало по малу закрѣпощая народъ, захватили въ свои руки всѣ лучшія земли въ краѣ, а въ 1564 г., при королѣ Сигизмундѣ II Августѣ, послѣднемъ бездѣтномъ потомкѣ Ягейловъ, появились іезуиты (здѣсь слѣдующая выноска: „Іезуиты—общества Іесуса, духовный орденъ, основанный въ XV (sic) в. въ Римѣ Игнатіемъ Лойолою; цѣль ордена—распростр. католицизма") и Польша превратилась въ Рѣчь посполитую (опять выноска: „Рѣчь посполитая—республиканскій образъ правленія, въ которомъ всякій шляхтичъ имѣлъ право голоса") Малороссіи пришлось тоже плохо" (стр. 17).

---

[1]) Напр. всѣ изданія Кіев. и Петербург. арх. коммиссій, изданія Московскаго и Одесскаго обществъ ист. и древ., „Собр. госуд. грам. и догов.", „Гор. посел." замѣняющія въ этомъ случаѣ Полн. собр. закон., „Матеріалы" Судьенка, словарь Щекатова, „Списки насел. мѣстъ", архив. матеріалы, изд. А. А. Андріевскимъ, исторія Бант. Кам., труды Максимовича, Костомарова и проч. и проч.

„Въ числѣ этихъ полковъ, по свидѣтельству лѣтописца Конисскаго, былъ и Прилуцкій...“ (стр. 24).

„Такъ въ первые же годы его полковничества (Игнатія Галагана), Петръ I,—занятый устройствомъ обводныхъ каналовъ, которые бы соединили Балтійское море съ Чернымъ—и не имѣя для этого достаточно рабочихъ рукъ,—потребовалъ козаковъ на работу канала между Волгою и Дономъ; въ числѣ ихъ было отправлено нѣсколько сотенъ изъ прилукскаго полка“ (стр. 80).

„Въ 1785 году Якубовичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а прилукскій полкъ со всѣми другими малороссійскими полками переименованъ въ карабинерный регулярный полкъ, съ расформированіемъ по разнымъ другимъ полкамъ. Такимъ образомъ вслѣдъ за уничтоженіемъ гетманства случился и „компутъ всего полку прилукскаго товариства и посполитства, конныхъ и пѣшихъ такъ же и воловую упряжъ имѣючихъ“ (стр. 103 [1]).

„Въ 1787 году, вслѣдствіе намѣренія Екатерины великой совершить путешествіе въ таврическую область“... въ Прилукѣ выстроенъ былъ путевой дворецъ. „Поѣздка эта, какъ извѣстно, не состоялась“... (стр. 112—113; это знаменитое „шествіе“ Екатерины II, про которое исписаны горы бумаги!).

Языкъ... „Только что возникнутой Братской школы...“ (стр. 30). „...Хмельницкій отправился на Запорожье и только здѣсь разрисовалъ запорожцамъ яркими красками бѣдственное положеніе Малороссіи, ему удалось возбудить возстаніе, для котораго 15 октября 1647 года его и выбрали гетманомъ“ (стр. 38—39). „Это между сторонниками Великороссіи, превозгласившими гетманомъ вторично Юрія и сторонниками Выговскаго, привело къ междуусобію, въ которомъ объ участіи прилукскаго полка лѣтопись говоритъ слѣдующее:“ (стр. 47). „Между тѣмъ къ двумъ партіямъ, враждовавшимъ между собою, одна изъ самобытности, во главѣ съ Дорошенкомъ, съ Многогрѣшнымъ—изъ за приверженности Москвѣ,—прибавилась третья,—на Запорожьи“ (стр. 61—62). „Постановить училище въ надлежаще-порядочныя условія“ (стр. 155), „жизненный бытъ“ (стр. 98), „самый наименьшій“ (стр. 82) и проч. По приведеннымъ отрывкамъ можно судить и о грамотности автора; онъ пишетъ: „превозгласили“ (стр. 53, 54, 61), „корестолюбивы“ (стр. 51), „словест-

---

[1]) Право, надо полагать, чтв авторъ смѣшалъ слово *компутъ* со словомъ *капутъ*. Иначе никакъ нельзя объяснить умѣстности здѣсь приводимой имъ цитаты.

ный" (стр. 100, 101), „граммота" (стр. 103), „привеллигированный" (стр. 145); „пріѣзжающій съ Великороссіи" (стр. 109), „перемѣстить село съ 1-го стана во второй" (стр. 155) и проч. и проч. Выписаннаго достаточно, кажется, для подтвержденія высказаннаго нами выше приговора о неподготовленности автора къ историко-статистическимъ трудамъ. Между тѣмъ г. Маценко со смѣлостью, достойной лучшей участи, берется иногда „разрисовывать" бытовыя картины изъ прошлой жизни Малороссіи (напр. на стр. 72—73), а иногда даже не прочь и поучать читателя. Вѣроятно, съ цѣлью поученія и книга его „посвящается гг. Прилучанамъ". По нашему мнѣнію, авторъ поступилъ бы гораздо почтеннѣе, еслибы тѣ матеріалы, которые онъ добылъ въ первыхъ 5 нумерахъ своихъ источниковъ, онъ переслалъ въ сыромъ видѣ въ болѣе опытныя руки.

Въ заключеніе предупреждаемъ читателей, что карты уѣзда и плана города, обѣщанныхъ на обложкѣ, къ книгѣ не приложено.

Ѳ. Н.

Д. И. Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 г.

Авторъ „Запорожья въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" издалъ недавно „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ", сборникъ, представляющій значительный интересъ для людей, которые занимаются исторіей Запорожья. Всѣхъ дѣлъ напечатано г. Эварницкимъ 118; они обнимаютъ время отъ 1748 по 1829-й годъ; большинство же ихъ относится къ 1753—1764-мъ годамъ, времени запорожскихъ споровъ за землю и культурнаго обновленія того края, который прожилъ безъ новой культуры цѣлыхъ два вѣка, правда горькою, но честною жизнью. Дѣла касаются пограничныхъ отношеній Запорожья съ татарами, увода скота и плѣнныхъ, споровъ съ самарскимъ монастыремъ, устройства форпостовъ и пограничныхъ карауловъ, поимки гайдамакъ, рыбныхъ ловель запорожцевъ, отношеній запорожцевъ къ донцамъ и отправкѣ войсковыхъ старшинъ въ Очаковъ „для защиты запорожцевъ и для касающихся между оными и татарами дѣлъ", (стр. 54) наконецъ, пропуска черезъ запорожскія владѣнія безпаспортныхъ людей, установки пошлины на товары и т. п. Между отдѣльными, эпизодическими документами любопытны дѣла о П. Кальнышевскомъ (№№ 103—108 и

111), объ обозномъ Θедорѣ Галенковскомъ, усердно просившемъ освободить его отъ должности начальника пограничныхъ форпостовъ (№№ 39, 41 и 45), а также о другомъ обозномъ Θедорѣ Московѣ (№№ 46—48), назначенномъ начальникомъ форпостовъ послѣ Галенковскаго; затѣмъ интересны указы „о учиненіи медицинской канцеляріи, о бытіи въ войскѣ запорожскомъ низовомъ лѣкарю Христофору Фигнеру, такожъ и объ отпускѣ медикаментовъ за надлежащія деньги опредѣленія“ (стр. 177), „о производствѣ бывшихъ запорожскихъ старшинъ въ малороссійскіе послѣ паденія Сичи“ (стр. 208) и т. п., наконецъ, дѣла „объ изслѣдованіи учиненныхъ полковникомъ запорожскаго Гарда Семеновымъ разореній слободъ крѣпости св. Елизаветы“ и „объ отправленіи въ Сѣчь нарочнаго“ по этому поводу (стр. 180—183) и мн. др.

Послѣ просмотра всѣхъ документовъ можно замѣтить, что въ сборникѣ г. Эварницкаго нѣтъ особенно характерныхъ дѣлъ, которыя давали бы возможность установить какія нибудь новыя точки зрѣнія на тѣ или иныя бытовыя и историческія условія жизни Запорожья. Въ большинствѣ же дѣла эти важны массой мелочныхъ подробностей, заключающихся въ нихъ и необходимыхъ для дополненія той или иной характеристики взаимныхъ отношеній и условій жизни новороссійскаго края въ прошломъ вѣкѣ: поэтому всякій, серьезно интересующійся исторіей Запорожья, непремѣнно долженъ будетъ обратиться, особенно за мелочнымъ бытовымъ матеріаломъ, къ указанному нами Сборнику г. Эварницкаго.

И. Ж.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ Спб. 1886--8. Вып. 1—13.

Задумавъ пополнить существующій въ русской литературѣ недостатокъ въ біографическомъ словарѣ писателей и ученыхъ, г. Венгеровъ расширилъ обычную программу подобныхъ справочниковъ, сдѣлавъ свой словарь критико-біографическимъ. Это даетъ ему значеніе первенствующаго пособія для изученія литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно осложняетъ дѣло изданія его. Оцѣнку большей части писателей издателю приходится дѣлать самому, что представляется тѣмъ сложнѣе, что приходится вѣдаться съ писателями нашего дня, часто не вполнѣ выразившимися и опредѣлявши-

мися. Въ вышедшихъ покуда тринадцати выпускахъ, обнимающихъ половину буквы *А*, талантливый писатель съ честью справляется съ взятой на себя задачей. При энергіи и отличающей его горячей любви къ литературѣ, г. Венгеровъ, можетъ быть, и доведетъ предпринятый имъ колоссальный трудъ до конца, если, конечно, Господь Богъ продлитъ ему вѣка.

Въ начальныхъ выпускахъ словаря встрѣчается всего съ десятокъ именъ южноруссовъ: два духовныхъ писателя—Амвросій Юскевичъ и Анастасій Браановскій, ботаникъ Андржеіовскій, М. Андріевскій, Алчевская, Андреевскіе С. и П. (петербургскій поэтъ и кіевскій фельетонистъ), Андріяшевы (издатель календарей и начинающій историкъ) Андрей Царинный (псевдонимъ Андрея Яковлевича Стороженка, ошибочно названнаго въ „Словарѣ" Александромъ) и рано погибшій М. А. Александровичъ. Въ предисловіи издатель не объяснилъ, включаетъ ли онъ въ свой трудъ и писателей на малороссійскомъ языкѣ? Наличные выпуски „Словаря" могутъ ввести читателя въ этомъ отношеніи въ нѣкоторое сомнѣніе. Включенъ ли въ „Словарь" Александровичъ, первый отъ попавшихся украинскихъ писателей,—какъ авторъ украинскихъ разсказовъ или только какъ авторъ изслѣдованья объ остерскомъ уѣздѣ? Всѣ напечатанные въ „Основѣ" разсказцы Александровича (подъ псевдонимомъ Митра Олельковича) писаны по малороссійски. Ихъ всего шесть (Пожежа, Три Паны, Жыдивска дяка, Пьяныця, Танскій, Проскурка) [1]) и одна публицистическая статейка (Де що про жыдивъ). Если имѣлись въ виду, какъ право на включенье въ „Словарь" ихъ автора, и эти беллетристическіе очерки, то пропускомъ надо считать въ „Словарѣ" отсутствіе двухъ стихотворцевъ Александровыхъ, изъ которыхъ сынъ, нынѣ здравствующій, издалъ и написалъ довольно много. Справку о нихъ г. Венгеровъ могъ найдти и въ „Исторіи украинской литературы" г. Петрова. Еще интереснѣе вопросъ—какъ поступитъ издатель съ писателями старо-украинской письменности, со всѣми этими Барановичами, Голятовскими, Вишенскими, которые ни по языку, ни по общему культурному типу никакъ не могутъ быть включены въ ряды писателей древне-русской литературы, хотя и вносятся туда по недоразумѣнію и незнакомству съ ними.

[1]) Издателямъ брошюръ на малороссійскомъ языкѣ давно пора перепечатать эти талантливыя вещицы.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Венгеровъ съ одушевленіемъ говоритъ о могуществѣ современной русской литературы и о ея міровомъ значеніи. Въ созданіи этой литературы южноруссы играли такую большую роль, что чувства, внушаемыя развитіемъ и ростомъ русской литературы—по праву могутъ быть раздѣляемы и ими.

Г.

Еще объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ.

Послѣ составленія нами замѣтки объ украинскихъ нар. разсказахъ на французскомъ языкѣ, напечатанной въ 8-ой кн. „Кіевской Старины" за 1888 г., успѣли появиться еще новые французскіе переводы и извлеченія изъ упомянутыхъ разсказовъ, вслѣдствіе чего мы считаемъ необходимымъ дополнить нашу замѣтку.

I. Въ *Revue Internationale*—журналѣ, выходящемъ въ Римѣ,—за 1888 г. отъ 25 іюня, напечатанъ за подписью *Julien de Povadon* и подъ заглавіемъ *Mythes et croyances paiennes de l'Ukraine* переводъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ и первоначально напечатанныхъ въ краковскомъ *Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*, t...

II. Сдѣлавъ сокращеніе нѣкоторыхъ повѣрій о великанахъ, вовкулакахъ, русалкахъ, зміяхъ и т. д., г. Де-Повадонъ переводитъ легенды о Перепетѣ и Перепетихѣ, о зміевомъ Валѣ, Кожемякѣ и наконецъ сказки о богатыряхъ Сучи и Ильѣ (Муромцѣ). Передачѣ того матеріала предпослано вступленіе, въ которомъ попадаются такія странности, какъ увѣренія, будто Кіевъ основанъ греками и назывался сначала Хіосъ, или будто украинскій языкъ былъ въ употребленіи при дворѣ польскихъ королей до XV вѣка, или будто украинцы раздѣляются на кіевлянъ и брацлавцевъ и т. п. Изъ заглавія, какъ и изъ вставочныхъ замѣчаній г. де-Повадона видно, что для него весь сообщаемый имъ теперь европейской публикѣ матеріалъ представляется самобытно-украинскимъ и при томъ языческаго происхожденія, въ томъ числѣ даже легенды на темы библейскія и прозаическая передача великорусской былины объ Ильѣ Муромцѣ на бродячую тему о борьбѣ со зміемъ. Европейскіе ученые, конечно, не соблазнятся такими взглядами г. де-Повадона и во всякомъ случаѣ будутъ ему благодарны за то, что онъ сдѣлалъ для нихъ доступною часть изъ богатаго сказочнаго и легендарнаго

украинскаго матеріала. Поблагодаримъ его за то и мы и при этомъ случаѣ приведемъ изъ собранія Руликовскаго, мало распространеннаго у насъ внѣ записныхъ спеціалистовъ, одну легенду, которой другіе варіанты было бы очень интересно поискать въ разныхъ мѣстахъ нашей этнографической области, а равно и въ сосѣднихъ съ нею. Легенда эта передаетъ въ извѣстной модификаціи библейскую легенду о потопѣ:

Богъ задумалъ истребить нечестивыхъ великановъ, которые населяли землю, но не зналъ, какъ это сдѣлать, пока ему не посовѣтовалъ *двуголовый царь иной земли* навести на землю потопъ. Въ этомъ потопѣ погибли великаны, но съ ними и двуголовые люди иной земли, кромѣ царя ихъ, который спасся на высокой могилѣ, только и этотъ утратилъ одну голову. На вопросъ царя этого, чѣмъ онъ провинился, что богъ отнялъ одну голову, богъ отвѣчалъ: я покаралъ тебя за то, что ты выдумалъ на твоихъ братьевъ смерть, какую я бы не придумалъ самъ.

Отъ этого царя пошло племя людское, которое теперь живетъ (Zbiór Wiadomości и проч., III, 63). Легенда эта, очевидно, принадлежитъ къ обломкамъ дуалистической легенды о твореніи, которые распространены среди восточно-славянскихъ, а также передне и сѣверно-азіатскихъ народовъ, и которые слѣдуетъ счесть за отголоски въ ближайшей линіи гностическихъ идей ирано-сирійскихъ. Богъ совѣтуется здѣсь съ царемъ иной земли, какъ въ другихъ легендахъ онъ совѣтуется съ чортомъ о самомъ сотвореніи міра. Хотя подъ конецъ теперешней украинской легенды царь иной земли является и существомъ подначальнымъ богу, но въ началѣ онъ занимаетъ положеніе самостоятельное. Подобныя существа,—болѣе или менѣе независимыя отъ творца нашего міра, и до сихъ поръ признаются сектами мессопотамскими *мондаитами* и *іезидами,* изъ которыхъ послѣдніе, называемые у магометанъ и христіанъ чертопоклонниками, распространены и въ Закавказьи.

Въ космогоническихъ легендахъ этихъ сектантовъ есть мало аналогій съ идеями гностиковъ въ одну сторону и съ нашими народными вѣрованіями въ другую; между прочимъ у іезидовъ есть всѣ элементы колядокъ о сотвореніи міра двумя (или тремя) голубями, занимавшихъ нашихъ ученыхъ отъ Костомарова до г. Потебни (см. Siouffi, *Etudes sur la religion des Soubbas ou Sabéens,* 48—60, id., *Notice sur la secte des Jézides,* Journal asiatiques 1882, II, 252—256). Легенда, резюмированная Руликовскимъ, носитъ на себѣ

характеръ подобныхъ месопотамскихъ легендъ, а потому интересно было бы поискать ея подобій на Кавказѣ, въ Арменіи и т. п.

Украинскія космогоническія библейскія легенды стали въ послѣднее время предметомъ труда печатающагося на французскомъ языкѣ въ журналѣ *Mélusine*, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages,—гдѣ въ 9 №—рѣ за 1888 г. появился переводъ религіозныхъ легендъ боларской д-цы Лидіи Драгомановой съ примѣчаніями г. М. Драгоманова. Пока появился (въ № 9 и 10) переводъ и объясненія легенды о сотвореніи міра (Богомъ и сатаною) и искупленіе его (Сыномъ Божіимъ). Легенда эта, которая представляетъ въ своемъ родѣ полную библейскую исторію,—родъ популярной редакціи апокрифа св. Іоанна (латинскаго, оставшаяся отъ катаровъ и напечатаннаго у Thilo (*Codexa Apocryphey Novi Testamenti*) или славянскаго *Слова о зачатіи неба и земли* (Полнѣйшая редакція у г. Могульскаго, историко-литературный анализъ о Голубиной книгѣ") очень близко подходитъ къ украинскимъ легендамъ, такъ что анализъ ея столько же принадлежитъ къ трудамъ болгарской, какъ и объ украинской народной словесности. Во французскихъ примѣчаніяхъ къ болгарской космогонической легендѣ мы находимъ изложеніе и украинскихъ легендъ о твореніи земли, о козѣ и пчелахъ, о зачатіи Маріи Дѣвы и Христа, о рожденіи Христа.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать одно мимоходное замѣчаніе. Намъ кажется, что напрасно комментаторъ болгарской легенды сближаетъ, хотя и оговариваясь, съ ея эпизодомъ о твореніи земли сатаною, кромѣ украинскихъ, великорусскихъ и т. д. легендъ той же тэмы, еще и сербскую о соперничествѣ Дукмена и Іоанна (у Караджича, Српске Пјесме, II, 81—85, id. Приповјетке, 91—92), которой отголосокъ оказался и на Украинѣ (у Чубинскаго, I, 35). Правда, такъ поступаютъ съ этой легендой всѣ славянскіе ученые,—и недавно еще г. Веселовскій (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1888, августъ, 467—468). Но въ сущности эта сербская легенда не имѣетъ съ легендой о твореніи ничего общаго, кромѣ эпизода ырянія злаго существа, и принадлежитъ очевидно къ другой тэмѣ,—едва ли не къ той, которая лежитъ въ основѣ иранскаго сказанія о покушеніи Афразіаба овладѣть царственнымъ величіемъ (тремя свѣтами) Джемшида (см. Darmęteter, Etudes iraniennes, II, 225—229).

Откуда бы впрочемъ ни пошла основа этого сербскаго сказанія, а интересно, что отголосокъ его встрѣчается и на Украинѣ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ ближайшаго сродства украин-

скихъ сказаній съ балканскими, при посредствѣ которыхъ, въ другихъ случаяхъ, эти сказанія роднятся и съ средиземноморскими,—что даетъ основаніе зачислять украинцевъ въ рядъ народовъ, принадлежащихъ въ культурномъ отношеніи къ племенамъ бассейна средиземно-черноморскаго,—какъ это и быть должно по географическимъ условіямъ.

П. К—ій.

Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Собралъ Е. Р. Романовъ. Витебскъ, 1887 г. XVIII+443. in 8-о.

Бѣлорусскія сказки, собранныя Е. Р. Романовымъ въ могилевской губерніи, представляютъ большой интересъ какъ въ литературномъ отношеніи—для народной сказочной поэзіи, такъ и въ отношеніи лингвистическомъ. Многія сказки представляютъ интересное дополненіе къ темамъ обще-русскихъ народныхъ сказокъ. Здѣсь можно прослѣдить, какъ народно литературныя преданія заносятся въ Бѣлоруссію то изъ великорусскаго міра, то изъ міра малорусскаго. Сказки помогутъ, между прочимъ, рѣшить вопросъ, насколько бѣлорусская поэзія представляетъ самостоятельную стихію и насколько въ ней заимствованій.

Сказки, изданныя г. Романовымъ, раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: 1) животный эпосъ, 2) сказки миѳическія, 3) сказки бытовыя, сатирическія и юмористическія и 4) мелочи.

Сказки, вошедшія въ первый отдѣлъ, въ такъ называемый животный эпосъ, отличаются крайнею бѣдностью вымысла. Замѣтно, что содержаніе многихъ сказокъ какъ будто вставляется въ опредѣленную схему и настолько несложную, что, кажется, маленькое дитя можетъ ихъ разсказывать. Конечно, есть и интересныя воззрѣнія на животныхъ въ сказкахъ, которыя помѣщены въ миѳическомъ отдѣлѣ; такія сказки должны быть отнесены къ животному эпосу. Укажу на нѣкоторыя съ преобладаніемъ зооморфизма, напр. № 38—„Золотое перо“, № 89 „Котокъ—золотой лобокъ“.

Содержаніе нѣкоторыхъ сказокъ животнаго эпоса развивается, какъ бы по спирали, напр. въ сказкѣ „Пятухъ и курочка“, курочка обращается за помощью къ морю, дубу, косцу, липѣ и т. д., но безуспѣшно, пока не „побѣгла туды, идзѣ гроши дзѣлаюць... Принясла курычка гроши, дала ковалю, а коваль давъ курычцы ножикъ.

Понясла курычка ножикъ липини, липина дала курычцы лыкъ косцу на лапци. Понясла курычка лыки косцу на лапци, косецъ давъ курычцы сѣна. Понясла курычка сѣно корови. Корова стала ѣсци сѣно и дала курычцы мылока. Понясла курычка мылоко жулуду, дубъ давъ жулуда парсюку. Понясла курычка жулуда парсюку, парсюкъ давъ курычцы клыкъ. Узяла курычка клыкъ у парсюка и побѣгла къ мору: отдала мору клыкъ, а мора дало курычцы воды. Понясла курычка воду къ пятушку и улила у ротъ—пятушокъ закричавъ: кукареку!" (стр. 6). Подобную схему видимъ и въ сказкѣ „Коза въ орѣхахъ": „Коршукъ, коршукъ, иди курей драть!—Коршукъ пошовъ курей драть, кури пошли чарвей дювбать, черви пошли камяневъ точить, камяни пошли топоровъ тупить, топоры пошли довбневъ сѣчь, довбни пошли воловъ бить, волы пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошовъ вяровки палить, вяровки пошли стральцовъ вязать, стральцы пошли мядвѣдя бить, мядвѣдь пошовъ вовковъ драть, вовки пошли козу ѣсть: ёсть коза съ орѣхами, ёсть коза съ калеными!" (стр. 13)

Миѳическія сказки представляютъ прекрасный матеріалъ, гдѣ обильно разсыпаны отголоски самой сѣдой древности русскаго племени. Между миѳическими воззрѣніями обращаютъ на себя вниманіе человѣкообразныя представленія солнца, луны, грома съ перуномъ, вѣтра, счастья, и такъ называемыя миѳическія подробности, какъ мечъ-самосѣчъ, гусли-самогуды и др. Въ одной миѳической сказкѣ „Василь—Удовинъ сынъ" Матерь Божья говоритъ: „Василька, лѣзь подъ печь! И не прогнѣвайся, бо моѐ сынъ и унуки якъ придуць, дакъ яны цябе сожгуць. Сынъ--богъ, а унуки—луна и сонца". (стр. 202). Въ другомъ мѣстѣ солнце не свѣтитъ, потому что занято любовными дѣлами. „А того у пана сѣно пыгнило, кажець старенькій человѣчекъ—гэто бывъ Богъ—што Дзѣвка Пылынянка двананцыць дней купалыся у мори, ды гуляла съ сонцамъ. Отгэтаго ня було сонца, ишовъ дожжъ, паныво сѣно и пыгнило". (стр, 234).

Вѣтеръ представляется съ аттрибутами миѳическими; онъ раздулъ муку дѣду. Баба и говоритъ ему: „А йдзи, дзѣдка, ня даруй яму!.. Пошовъ тоды дзѣдъ шукаць вѣтра. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ, бачиць—хатка. Узявъ ёнъ тую хатку за вуголъ и ставъ оборачиваць. А вѣцеръ кричиць: ня бури мою хатку! А на табѣ окрайчикъ хлѣбца: што ты будзешъ яго ѣсци, то ёнъ будзець большаць!" (278).—Громъ и молнія олицетворяются. „Ай, пастухи, говоритъ лиса: коли у васъ хто спросиць, чіѐ гэто волы, дыкъ не ка-

жиця, што Змѣя Горымця, а скажиця, што Сцепана, вяликаго пана. А то, ѣдзець Громъ зъ Молоньёй, онъ пупалиць и пусмалиць васъ". (220). Интересно также слѣдующее мѣсто другой сказки: „И повёвъ Грома и Молонью къ дубу, дзѣ сядзѣвъ вужъ. Якъ прнвёвъ ихъ къ дубу, ды покачавъ гэтый дубъ—Громъ якъ давъ пяруномъ—дыкъ дубъ и расщапивъ! А Молоньня якъ свиснула—дыкъ и загорѣвся, и дубъ и вужъ, и згорѣли". (227).—Слѣдуетъ отмѣтить образъ счастья: „Увыйшовъ дѣдъ у хатку, ажъ у той хатцы сядитъ Щастя на стули". (279). Встрѣчатся упоминаніе объ огненной рѣкѣ, черезъ которую старикъ перевозитъ грѣшниковъ въ адъ. „Приходзиць (Пятрокъ) къ огняннэй рацѣ. Бачиць—Марковъ бацька на гэтой рацѣ перавозиць безперастанку грѣшныхъ у пекло". (339—340).—Сказка № 88—„Дѣдъ и баба" указываетъ на то отдаленное время, когда жену хоронили вмѣстѣ съ мужемъ. Замѣчательно, что содержаніе этой сказки почти дословно совпадаетъ съ содержаніемъ былины о Михайлѣ Потокѣ.—Сказки о правдѣ и кривдѣ напоминаютъ своимъ содержаніемъ подобныя же сказки великорусскія и малорусскія; только въ одной изъ нихъ прибавлено интересное заключеніе. Змѣй сбрасываетъ съ дерева человѣка- кривду. „Рассыпаўся юнъ на семсутъ кускуў, и здзилалося семсутъ шинкуў. И цяперъ у ихъ горэлку пъюць". (323).—Св. Юрій, который въ сказкѣ называется *Юрья—зылотое сядло*, представленъ ѣдущимъ къ Богу на конѣ (400). Сказка эта отнесена г. Романовымъ къ бытовымъ, хотя она несомнѣнно должна быть отнесена къ миѳическимъ сказкамъ. И слѣдующій за этою сказкою варіантъ ея, гдѣ олицетворяется вѣтеръ и гдѣ представляется образъ св. Юрія, имѣетъ всѣ признаки миѳической, а не бытовой сказки (401—403). Точно также слѣдуетъ отнести къ миѳическому отдѣлу и сказку „Нещастный Егаръ" (срт. 350).

Сказка—„Иванька-сынокъ" (268) представляетъ почти дословное повтореніе распространенной малорусской сказки—„Ивасикъ и Вѣдьма" (Драг. 353, Чубинск. 406). Эта сказка представляетъ какія то отдаленныя черты людоѣдства, равно какъ подобное же содержаніе встрѣчаемъ и въ другомъ мѣстѣ. Богатый братъ, завидовавшій бѣдному, входитъ въ хатку къ какимъ то людямъ. „А гэно были людоѣды. Яны яго схапили, пурубили ды ў котлы поўкидали" (321). Встрѣчаются прозаическіе пересказы общерусской былины объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ Илья лежитъ двадцать три года; приходитъ къ нему *дзядуля-Господзь*, надѣляетъ его силою и даетъ ему такую

заповѣдь: „Живи жъ, Ильюшка, на здоровъя и очищуй свѣтъ“ (259). Илья борется съ Соколомъ, который живетъ на двѣнадцати дубахъ и какъ свиснетъ, то за 12 верстъ человѣкъ падаетъ (260).— Въ сказку—„Курила Кожемяка“ вошли тѣ преданія, которыя очень распространены въ Кіевѣ объ этомъ богатырѣ, который входитъ въ пещеру змѣя и освобождаетъ плѣнную царевну (217).

Сказки, въ которыхъ изображаются превращенія, какъ напр. братъ-баранчикъ (265), царевны утки (351), братья-орлы (228), превращенія въ церковь и озеро (171) очень напоминаютъ подобныя же превращенія въ малорусскихъ сказкахъ.

Изъ литературныхъ пріемовъ сказокъ можно указать на слѣдующее, не совсѣмъ обычное начало: „Пачномъ скȯзку, а не скȯзку, да приказку, скозка будзя заўтра пусли убида, подъивши мяккаго хлиба“. 322.—Сходство дочерей сказка обыкновенно выражаетъ такъ: „Было у бацьки три дочки: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, лицо ў лицо“ (302). Обычный эпитетъ пущи слѣдующій—*пуща* драмуща, встрѣчается эпитетъ—зайчикъ веселый мальчикъ (59). Изъ множества поэтическихъ картинъ и характерныхъ выраженій приведу слѣдующее: „Сѣвъ бѣднякъ на лавцы, лядзиць, а дзяценыкъ сядзиць у люльцы. А яны молоцюць кашу сы скварками. у бѣднаго ажъ слюнки цякуць“ (335).

Бѣлорусское нарѣчіе могилевской губ., по наблюденію г. Романова, раздѣляется на три говора; при этомъ первый—*южный говоръ акающей вѣтви бѣлорусскаго нарѣчія* раздѣляется еще на три подговора: перестовскій, озеранскій и друтскій. Въ послѣднемъ интересно сохраненіе старославянскихъ флексій въ тв. пад дв. ч. напр. рукама, ногама,—въ дат. п. мн. ч. напр. брятомъ, дзяцёмъ.—въ предл. п. на людзёхъ, на мужикохъ (XIV—XVI).

Трудно судить, насколько послѣдовательно выдержанъ въ изданныхъ сказкахъ фонетическій принципъ. Встрѣчаются нѣкоторыя непослѣдовательности; такая непослѣдовательность видна въ словѣ бѣгла,—которое на той же страницѣ пишется—бягла (10). Точно также встрѣтается оканье и рядомъ аканье (7).

Болѣе выдающіяся фонетическія особенности, которыя мнѣ удалось наблюсти въ бѣлорусскихъ сказкахъ, я приведу слѣдующія: во 1) часто *в* служитъ придыханіемъ, напр. войстровъ (72), воблыки (78), вухо (70), возяро (117), вусы (118), вулица (120), вокошко (120), у водзинъ (137), вобыскъ (155), по вуглахъ, вовчарникъ (224), вутка (239), вузелъ (287), вутро (350), вужъ (212). 2) Бываетъ приставка при плавныхъ р, л—гласнаго *и*, напр. ирвали (53), ирви—дубъ (70), ильвици (39), илбѣ (49); встрѣчается вставка гласнаго и предъ другими согласными, напр. имхи, оржава (113).—3) Замѣчается выпаденіе гласныхъ звуковъ и стяженіе ихъ при встрѣчѣ, напр., отрицанія не (ня) съ гласнымъ звукомъ слѣдующаго слова, напр. ня 'тлучалиси (39), по 'днымъ (74), ня 'тдась (82), ня 'торветь (160), ня 'тчинивъ (161), да 'пусцимся (174), на 'бадвы боки (177), на 'твѣтъ (178), по'бѣдали, яму 'тказуя (197), и 'тобравъ (197), а 'стальные (326), за 'гнемъ.—4) Обычна замѣна звука *в*—звукомъ *у*, напр. у воднымъ (95), уремямъ (95), у хуру (142), усё 'дно (118), сусимъ (96), у церкву (193).—5) Интересны замѣны глухихъ звуковъ: идути (6) (61), ляжити (145), отобили (62). 6) Зубной *д* смягчается слѣдующимъ образомъ: зводжу (37), виджу (106), посаджу (113), хожджу, дожжъ (31).

Изъ области морѳологіи обращаютъ на себя вниманіе сокращенныя формы звательнаго падежа, какъ напр. мамъ (о) (143, 289), татъ (144, 180), бабъ (180, 279, 393), молодицъ (е) (387, 420).—Встрѣчаются случаи измѣненія категоріи рода, напр. мой лошадзь (700), мою мечь (256); „пославъ енъ туды свойго послу“ (301); „я пъ яму войську усю окормила“ (302); цѣлая стада (243).—Такія слова, какъ суд(т)окъ (122), зьяя (187), зіяець (сіяетъ) (345), пустолетъ (пистолетъ) (434) представляютъ измѣненіе корня подъ вліяніемъ народной этимологіи.

Лексическая сторона бѣлорусскихъ сказокъ представляетъ, несомнѣнно, и самостоятельную почву; но есть много заимствованій изъ малорусскаго языка,—гораздо меньше изъ польскаго. Вотъ заимствованія изъ малорусскаго языка: пѣвникъ (32), зернятки (32),

сцетки нема (41), прицкувалъ (61), хапайся (65), развиднѣлося (80), зацвилило (123), чоботъ (126), дружина (жена) (138), грэблю (324), труну (334), дивитца (смотритъ) (406), паропковъ (428) и мн. др. Слѣдующія слова заимствованы изъ польскаго языка: лацьвѣй (71), склепъ, ляска (80), у цалѣ (95), слишная (107), выспа (190), лѣпи (240), злочинцы (246) и мн. др.

Сборникъ г. Романова представляетъ сказки одной могилевской губерніи; желательно бы имѣть сказки, записанныя во всей области бѣлорусскаго нарѣчія; но и представленный сборникъ содержитъ уже въ себѣ хорошій литературный и діалектологическій матеріалъ

Хр. Ящуржинскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи [1]).

Существованіе одной изъ двухъ гимназій многолюдной подольской губерніи въ такомъ незначительномъ пунктѣ, какъ мѣстечко Немировъ, брацлавскаго уѣзда, объясняется заботливостью о просвѣщеніи мѣстныхъ магнатовъ, владѣтелей мѣстечка, графовъ Потоцкихъ. Еще во времена Рѣчи Посполитой въ 1785 году великій подкоморій гр. Викентій Потоцкій устроилъ въ Немировѣ на собственныя средства небольшое училище на 12 мальчиковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Отсутствіе школъ и потребность дворянъ м. Немирова и его окрестностей въ образованіи для своихъ дѣтей привлекли въ училище массу учащихся, такъ что въ 1795 году, когда юго-западный край уже принадлежалъ Россіи, въ немировскомъ училищѣ насчитывалось 241 учениковъ при 12 преподавателяхъ, а чрезъ четыре года число первыхъ возросло до 359, Въ это время немировское училище состояло изъ пяти классовъ, въ которыхъ проходились почти всѣ предметы нынѣшнихъ гимназій: разницу составляли греческій и славянскіе языки и русская словесность, которые не читались въ (немировскомъ) училищѣ, и анатомія, естественная исторія, польскій языкъ и музыка, преподававшіеся въ послѣднемъ

---

[1]) Означенная замѣтка составлена по книгѣ. „Историческая записка о немировской гимназіи. 1833—1888. Составилъ С. Стрибульскій. Немировъ 1888“ и ссылки на страницы относятся къ послѣдней. Какъ оффиціальное изданіе гимназіи ко дню ея пятидесятилѣтняго юбилея въ августѣ сего года, трудъ г. Стрибульскаго основанъ исключительно на матеріалахъ гимназическаго архива и излагаетъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю административно-учебную жизнь заведенія за указанный періодъ.

Сообщая не мало общеинтересныхъ свѣдѣній, „Историч. записка о немир. гимн.“ въ общемъ подавляетъ читателя массой статистическихъ и фактическихъ дан-

и отсутствующіе въ нашемъ гимназическомъ курсѣ Такимъ образомъ по своей первоначальной программѣ немировское училище во многомъ отличалось отъ современныхъ ему русскихъ главныхъ народныхъ училищъ и гораздо болѣе походило на учрежденныя въ 1804 году гимназіи. Большинство воспитанниковъ принадлежало, понятно, къ римско-католичекому вѣроисповѣданію. Опредѣленнаго возраста по классамъ для учащихся не полагалось, почему въ первомъ классѣ встрѣчались ученики отъ 6 до 23 лѣтъ, а въ пятомъ даже 33 лѣтъ [1]. Къ сожалѣнію, исторія двухъ первыхъ десятилѣтій немировскаго училища, игравшаго очень важную роль въ дѣлѣ просвѣщенія юго-западнаго края, [2] мало извѣстна, такъ какъ во время пожаровъ 1803 и 1811 года сгорѣлъ почти весь училищный архивъ.

Въ 1803 г. былъ учрежденъ виленскій университетъ и соединенный съ нимъ виленскій учебный округъ, районъ котораго составили нынѣшніе юго и сѣверо-западный край. Первымъ попечителемъ округа былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Подъ управленіемъ послѣдняго завѣдыванье учебной частью округа попало исключительно въ руки лицъ польскаго происхожденія. Это было время подъема польскаго духа. Утрату политической независимости лучшіе люди польской интеллигенціи, къ числу которой принадлежалъ составъ виленскаго учебнаго округа, мечтали вознаградить культурнымъ превосходствомъ своего народа надъ побѣдителями, путемъ широкаго распростаненія просвѣщенія въ національно-польскомъ духѣ среди своего народа и развитія польской науки и литературы. Къ своему народу они причисляли и русскій западъ съ его ополяченнымъ шляхетствомъ и темнымъ, загнаннымъ русскимъ православнымъ народомъ; ополячивать и окатоличивать тѣхъ

ныхъ, и едва ли будетъ имѣть широкое распространеніе. Редакція К. С. считаетъ долгомъ въ настоящей замѣткѣ познакомить своихъ читателей съ главнѣйшими данными указанной книги въ виду того важнаго значенія, которое имѣла немировская гимназія въ дѣлѣ просвѣщенія нашего юго-запада.

[1]) Почти тоже въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени. Такъ, въ 1804 г въ черниговскомъ главномъ народномъ училищѣ въ первомъ классѣ были учащіеся отъ 6 до 14 лѣтъ, а въ четвертомъ отъ 13—18. Въ нѣкоторыя же училища опредѣлялись въ 4—5 лѣтъ, напр. въ уѣздныя. См. Матеріалы для ист. учебн. заведеній черниг. дирекціи А. Андріяшева. К. 1865 стр. 22. 71.

[2]) До 1803 г. въ юго-зап. краѣ насчитывалось всего 5 учебныхъ заведеній (Ист. зап. стр. 9).

и другихъ составляло одну изъ культурныхъ цѣлей начальства округа, которой наше правительство скорѣе способствовало, чѣмъ противилось.

Полномочнымъ визитаторомъ трехъ юго-зап. губерній былъ сдѣланъ гр. Ѳаддей Чацкій, который обнаружилъ въ дѣлѣ устройства училищъ большую энергію: за десять лѣтъ своей дѣятельности (1803—1813 г.) онъ довелъ число учебныхъ заведеній въ юго-зап. краѣ съ 5 до 127 и собралъ фундушей болѣе чѣмъ на милліонъ рублей ассигн. (стр. 9).

Согласно съ вышеуказанными цѣлями польской интеллигенціи, въ 1804 г. планъ ученья въ училищахъ виленскаго учеб. округа былъ значительно расширенъ въ сравненіи съ училищами другихъ округовъ; при этомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вилен. округа преподаваніе стало вестись на польскомъ языкѣ и было отмѣнено преподаваніе закона Божія по классамъ: съ этихъ поръ для православныхъ законъ Божій читался часъ въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣдни; для католиковъ же онъ преподавался ежедневно послѣ отправлявшагося каждый день католическаго богослуженія.

Исконные покровители немировской гимназіи, графы Потоцкіе, всячески помогали основанному ими училищу: въ 1805 г. гр. Егоръ Щенсный Потоцкій записалъ на Немир. училище сумму въ 18,476 р., и обязалъ своихъ наслѣдниковъ платить 5% съ нея; графиня Софія Потоцкая построила на свой счетъ домъ для училища и нѣсколько домовъ для учителей (стр. 10).

Въ 1815 г. Немир. училище было преобразовано въ повѣтовое „Брацлавско-Гайсинское". Срокъ ученья оставленъ по прежнему пятилѣтній, но классовъ было сдѣлано четыре, такимъ образомъ, что курсъ четвертаго класса былъ двухгодичный; науки преподавались тѣже, что и въ гимназіяхъ, только въ меньшемъ объемѣ. Чрезъ десять лѣтъ преподаваніе въ училищѣ было значительно расширено введеніемъ наукъ прикладныхъ: практич. землемѣрія, науки о торговлѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, о садоводствѣ, технологіи, топограф. рисованія и, кромѣ того, реторики. Оба указанныя измѣненія приближали училище къ тогдашнимъ русскимъ гимназіямъ, равно какъ и распоряженіе 1830 г., по которому дозволялось открыть при Немиров. училищѣ классы пятый и шестой съ тѣмъ, чтобы окончившіе его воспитанники могли бы поступать изъ него въ университетъ, по особому, впрочемъ, экзамену. Польское возстаніе 1830—31 гг. отразилось и на судьбѣ Немировскаго училища: по Высочайшему повелѣнію всѣ училища югозап. края (въ числѣ свыше 275) были

закрыты, переведены въ другія мѣста и преобразованы;—въ числѣ ихъ было закрыто и Немировское, а имущество его передано въ Каменецъ Подольскъ. Переводя учебныя заведенія въ другія мѣста и замѣнивъ польскій языкъ въ преподаваніи языкомъ русскимъ, правительство намѣревалось дать школамъ югозап. края русское направленіе. Съ этою цѣлью въ 1834 г., послѣ двухлѣтняго перерыва, Немировское училище было открыто въ преобразованномъ видѣ, а еще чрезъ два года превращено въ четырехклассное дворянское училище съ курсомъ нѣсколько меньшимъ гимназическаго. Въ 1838 году это дворянское училище было превращено по Высочайшему повелѣнію въ гимназію, и вотъ этого то событія пятидесятилѣтнюю годовщину праздновала Немировская гимназія въ августѣ сего года. Исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе гр. Болеславъ Потоцкій. При этомъ графъ за себя и своихъ потомковъ обязался давать ежегодно на содержаніе Немировской гимназіи сумму въ 4274 р. 65 к. и выстроить для гимназіи нужныя зданія. Такимъ образомъ за все время своего существованія съ 1785 по 1838 годъ Немировское дворянское училище, несмотря на всѣ преобразованія, представляло изъ себя среднее учебное заведеніе, весьма близкое къ тогдашнимъ гимназіямъ; и если нѣкоторыя изъ нашихъ гимназій уже отпраздновали столѣтній юбилей, считая свое существованіе съ года основанія предшествовавшихъ имъ главныхъ народныхъ училищъ, то Немировская гимназія могла съ равнымъ, если не съ большимъ, правомъ сдѣлать тоже два года тому назадъ.

Почти полстолѣтія существовало немировское училище, какъ чисто польское учебное заведеніе; съ 1838 года оно получаетъ противоположное прежнему направленіе. Согласно уставу 1828 года, немировская гимназія получила составъ изъ семи классовъ, съ курсомъ нынѣшнихъ классическихъ гимназій, если прибавить къ послѣднему статистику, черченіе и рисованіе и исключить греческій языкъ. Въ виду того, что значительное большинство воспитанниковъ гимназіи состояло изъ поляковъ, мало знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, само собой разумѣется, что главныя усилія гимназическаго преподаванія первое время были направлены на изученіе этого языка, который „мало практиковался въ то время въ средѣ мѣстнаго общества, не говоря уже о польскомъ, но и въ русскомъ“ (Зап. стр. 49). Къ основательному ознакомленію съ русскимъ языкомъ побуждало и Высочайшее повелѣніе 1834 года относительно гимназій юго-зап. края, по которому чинъ XIV класса по окончаніи гимназіи

присваивался только тѣмъ лицамъ польскаго происхожденія (изъ дворянъ), „которые сверхъ отличія во всѣхъ прочихъ наукахъ и въ поведеніи окажутъ совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ россійской словесности“ (стр. 31). Кромѣ гимназическаго преподаванія для той же цѣли „усиленія русскаго языка“ репетиторамъ и квартиросодержателямъ строго было вмѣнено въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики на квартирахъ разговаривали между собою по русски (50 стр.).

Хотя по словамъ отчета за 1839 годъ преподаваніе русскаго языка шло успѣшно, но едва ли эта успѣшность была велика, такъ какъ въ томъ же году директоръ письменно совѣтуетъ преподавателю этого предмета, Кулѣшу-Чепегѣ, позаботиться, чтобы его ученики правильнѣе читали и писали по русски. Вообще, знакомство съ русскимъ языкомъ воспитанниковъ немировской гимназіи въ теченіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ было не велико, на что въ „Историч. запискѣ о нем. гим.“ имѣется не мало указаній; такъ, напр., ген.-губ. Бибиковъ (1848—52 г.) много разъ обращалъ вниманіе начальства гимназіи на то, что воспитанники ея плохо владѣютъ „отечественнымъ языкомъ“ и плохо пишутъ на немъ, при чемъ рекомендовалъ обращать вниманіе и на чистописаніе.

Отличительная черта гимназическаго преподаванія этого времени была та, что ученики заваливались массой письменныхъ работъ домашнихъ и классныхъ. Не говоря уже о русскомъ языкѣ и словесности, письменныя упражненія на домъ задавались по языкамъ латин., франц., нѣмец., по ариѳметикѣ, исторіи, географіи, закону Божію и чистописанію; такъ что у учениковъ выходило 6—8 письменныхъ домашнихъ работъ въ недѣлю.

Находясь въ краѣ съ малыми образовательными средствами, немировская гимназія съ самаго своего возникновенія стала привлекать массу учащихся и сдѣлалась одной изъ многолюднѣйшихъ въ Россіи: уже при самомъ преобразованіи цифра учащихся въ ней доходила до 450, а все продолжающійся приливъ вызвалъ распоряженіе округа, чтобы производили пріемъ переводящихся изъ другихъ гимназій въ немировскую только послѣ строгаго испытанія, а въ низшіе четыре класса принимали не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя. Преобладающій контингентъ учащихся составляли дѣти дворянъ, католическаго вѣроисповѣданія; православныхъ въ 1838 г. насчитывалось въ нем. гимназіи всего 48.

Большое рвеніе начальство гимназіи проявляло при воспитаніи своихъ питомцевъ. Кромѣ обычныхъ исправительныхъ мѣръ: выговоровъ, пристыженій и т. д. оно нерѣдко прибѣгало къ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣняя послѣднія не только къ ученикамъ трехъ низшихъ классовъ, что допускалось въ рѣдкихъ случаяхъ уставомъ 1828 года, но и къ ученикамъ старшихъ классовъ („кажется, совѣтъ и инспектора злоупотребляли розгой"—Зап. стр. 55)[1]. Одной изъ важнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ было также „приличное размѣщеніе по квартирамъ" воспитанниковъ, не жившихъ съ родителями и родственниками. Въ виду вредныхъ гигіеническихъ и нравственныхъ условій многихъ частныхъ квартиръ попечитель округа предложилъ начальству гимназіи заботиться о томъ, чтобы ученики стояли у лицъ благонадежныхъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія. Во исполненіе этого предложенія, начальство гимназіи убѣждало родителей учениковъ ставить послѣднихъ на квартиру къ учителямъ гимназіи, такъ что въ 1839—40 г. въ числѣ квартиросодержателей были почти всѣ преподаватели гимназіи, даже самъ директоръ, при чемъ самыя многолюдныя квартиры были учительскія (стр. 57).

Жизнь учениковъ на этихъ общихъ квартирахъ была строго регулирована подъ надзоромъ квартиросодержателей и репетиторовъ; послѣдніе избирались изъ „отмѣнныхъ по успѣхамъ и поведенію" учениковъ старшихъ классовъ. Особыми правилами, изданными округомъ, отъ репетиторовъ требовалось, чтобы его ученики вставали въ пять часовъ утра и готовились къ урокамъ; по гимназическому звонку репетиторъ, осмотрѣвъ книги и ранцы своихъ учениковъ, ведетъ ихъ въ классъ по два въ рядъ, и въ такомъ же порядкѣ изъ гимназіи на квартиру по окончаніи классовъ. Репетиторъ былъ отвѣтственenъ за всякую шалость своего ученика и за его незнаніе, т. е. игралъ роль не только репетитора, въ тѣсномъ смыслѣ, но и гувернера, и ближайшаго помощника гимназ. начальства. Особенное же вниманіе репетитора должны были обращать на практическое изученіе русскаго языка, почему они должны были, по правиламъ, употреблять русскій языкъ со своими учениками на квартирахъ ежедневно во время изъясненій и повторенія уроковъ, во время завтрака, обѣда, полдника и ужина (стр. 58).

---

[1]) Впрочемъ, тѣлесныя наказанія для воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназіи допущены были въ исключительныхъ случаяхъ по спеціальному ходатайству кіев. попеч. Фонъ Брадке (стр. 54).

Рѣшеніе вопросу о квартирахъ было дано Высочайшимъ повелѣніемъ 23 апр. 1840 г. Согласно этому повелѣнію, которое предписывало до устройства закрытыхъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской заводить при гимназіяхъ общія квартиры подъ присмотромъ надзирателей изъ русскихъ, при немировской гимназіи было заведено четыре разряда ученическихъ квартиръ, смотря по количеству взымаемой за содержаніе платы (150, 100, 75 и 50 р. въ годъ).

Содержаніе воспитанниковъ разныхъ разрядовъ различалось получаемой ими пищей, только къ первому разряду былъ приставленъ гувернеръ французъ для практическаго упражненія во французскомъ языкѣ. За поведеніемъ и ученіемъ воспитанниковъ этихъ квартиръ слѣдили надзирателя гимназіи и репетитора (послѣдніе избирались изъ лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ и полагались по одному на десять младшихъ учениковъ). Усиленный надзоръ за нравственностью и прилежаніемъ воспитанниковъ принесъ, судя по отчету гимназіи за 1841 годъ, благопріятные результаты, почему общія квартиры и во все послѣдующее время пользовались особымъ вниманіемъ начальства, особенно со стороны директора Зимовскаго. Директорство Зимовскаго (1841—1853 г.) составитель „Истор. Зап.“ называетъ временемъ порядка и благоустройства немировской гимназіи, поставившимъ послѣднюю на ряду съ лучшими учебными заведеніями округа. „Однимъ словомъ, говоритъ Записка, имя Зимовскаго въ жизни немировской гимназіи должно занять одно изъ видныхъ мѣстъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что съ именемъ его соединены лучшіе годы существованія ея“ (стр. 116). Дѣйствительно, при Зимовскомъ среди учителей немир. гимназіи было не мало настоящихъ педагоговъ, лицъ глубоко знакомыхъ со своимъ предметомъ и старательно преподавшихъ, какъ—Мокіевскій, Рыбицкій, Шведовъ, Выгура, Чалый (см. его Записку „о практич. преподаваніи словесности“, стр. 88—94) и др., благодаря усиліямъ которыхъ преподаваніе шло хорошо. Но что особенной успѣшности въ учебной части при Зимовскомъ не было, видно ужь изъ малаго количества переводимыхъ въ слѣдующій классъ и оканчивавшихъ гимназію: переводилось въ слѣдующій классъ обыкновенно нѣсколько болѣе половины учениковъ; оканчивало же ежегодно около 10 человѣкъ—въ среднемъ выводѣ (за 12 лѣтъ отъ 1841—1850 г.—124 человѣка). При этомъ намъ кажется, что составитель Записки напрасно приписываетъ успѣхи учебной части гимназіи Зимовскому,

который какъ непедагогъ, никогда никого не учившій (см. біографіи стр. 13—15), едва ли могъ оказывать вліяніе на ходъ преподаванія. Отмѣна преподаванія въ гимназіи латинской просодіи, на которую шло всего одинъ часъ въ недѣлю и которая была полезна при изученіи русскаго стихосложенія,—отмѣна, вызванная предложеніемъ Зимовскаго въ округъ, не говорить въ пользу педагогич. способностей этого директора. Грубымъ обращеніемъ своимъ съ учителями онъ заставлялъ ихъ переводиться изъ Немирова и тѣмъ только вредилъ ходу ученья. Вообще, составитель записки излишне увлекается Зимовскимъ и, замѣчая, напримѣръ, самъ, что послѣдній склоненъ къ хвастовству и преувеличеніямъ въ своихъ отчетахъ въ округъ о состояніи гимназіи, главнымъ образомъ на этихъ сомнительныхъ отчетахъ основываетъ свое изложеніе состоянія гимназіи при Зимовскомъ и дѣятельности этого директора. Второй источникъ составителя для исторіи гимназіи этого времени—ревизіи производившіяся тогда пристрастно или поверхностно (см. М. Ч. объ одной такой ревизіи „Кіевск. Стар.“ 1883 года), также матеріалъ ненадежный.

Въ виду того, что о заслугахъ Зимовскаго, умѣвшаго показать товаръ лицомъ, и о дѣйствительномъ ходѣ гимназич. жизни при немъ судить по источникамъ, приведеннымъ г. Стрибульскимъ, очень трудно, мы пока воздержимся отъ изложенія фактовъ директорства Зимовскаго. По офиціальнымъ даннымъ Зимовскій постарался поднять успѣшность ученія, упадокъ котораго происходилъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ обычая производить переводныя испытанія на дому учителей, гдѣ послѣднимъ препятствовала быть строгими назойливость родителей, и отъ обратившейся въ обычай просрочки домовыхъ отпусковъ. При немъ было постановлено спрашивать каждый урокъ какъ можно больше учениковъ и какъ можно чаще повторять пройденное; заведены для старшихъ классовъ особенные уроки для повторенія курса низшихъ классовъ, семь преподавателей стали давать безплатные уроки на общихъ ученическихъ квартирахъ; экзамены стали производиться строже и въ коммиссіи, репетитора—назначаться только послѣ строгаго испытанія въ знаніи ими курса первыхъ трехъ классовъ.

При Зимовскомъ въ $18^{49}/_{50}$ г. учебная часть немир. гимназіи, на ряду съ другими русскими гимназіями, подверглась крупному измѣненію. Реформа состояла въ томъ, что четыре высшіе класса гимназіи съ этихъ поръ раздѣлялись на два отдѣленія, юридиче-

ское и класическое, съ рознящимися нѣсколько курсами и различными правами.—Окончившіе юридическое отдѣленіе должны были идти на службу и не имѣли права поступать въ университетъ, принадлежавшаго лишь классикамъ. Однако это преобразованіе не соотвѣтствовало взглядамъ общества и число охотниковъ специализоваться уже въ гимназіи на чиновники за все время существованія двухъ отдѣленій (1849—64 г) было очень незначительно—отъ $^1/_8$ до $^1/_2$ учениковъ другаго отдѣленія; громадное же большинство оканчивающихъ стремилось въ университетъ.

Направленіе, въ которомъ Зимовскій и преподаватели стремились поднять гимназію до ея назначенія, было „давать твердыя и разумныя знанія и воспитывать въ русскомъ духѣ".

Много мѣшала преподаванію частая смѣна преподавателей, недовольныхъ жизнью въ глухомъ мѣстечкѣ или придирчивостью директора. Кажется, что Зимовскій обращался грубо и придирчиво какъ съ сослуживцами, такъ и съ учениками: это подтверждается грубымъ обращеніемъ его съ учит. Сошенко, о которомъ говоритъ г. Чалый въ біографіи Сошенка, и фактомъ оскорбленія директора въ 1849 г. однимъ воспитанникомъ. Виновный воспитанникъ по разслѣдованіи дѣла былъ высѣченъ розгами передъ всѣми учениками гимназіи въ присутствіи командированыхъ для этого случая чиновниковъ отъ гражданскаго и учебнаго вѣдомствъ и сданъ въ барабанщики въ Оренбургъ (стр. 115).

Общественное движеніе, охватившее всю Россію послѣ крымской войны, сообщило новое, болѣе прежняго свободное, энергичное и осмысленное, отношеніе всего состава гимназіи къ дѣлу воспитанія. Въ гимназическій курсъ вводятся естественныя науки и польскій языкъ, преподаваніе котораго было встрѣченно сочувственно мѣстнымъ дворянствомъ. Благодаря мѣрамъ извѣстнаго попечителя кіев. учебнаго округа, Пирогова, возбудилась энергичная дѣятельность педагогич. совѣта гимназіи. Протоколы засѣданій его съ 1858 года даютъ рядъ вопросовъ объ учебныхъ пособіяхъ, методахъ преподаванія, распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ и т. д., подвергавшихся всестороннему обсужденію, вопросовъ, проведеніе которыхъ много способствовало правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ гимназіи. Рядъ мѣръ былъ предпринятъ для усиленія занятій по отечественному языку и словесности, и для пріученія учениковъ къ чтенію, самостоятельнымъ трудамъ и мышленію: увеличено число сочиненій по словесности, по субботамъ стали произво-

диться въ послѣобѣденное время чтеніе произведеній современной литературы.

Въ это время любовь къ чтенію среди воспитанниковъ гимназіи развилась на столько, что они съ разрѣшенія начальства выписали себѣ на собственный счетъ 13 журналовъ, въ числѣ ихъ семь дѣтскихъ. „Явленіе это, говорили тогда въ одномъ отчетѣ, должно принесть самыя благія послѣдствія по отношенію къ развитію учениковъ и даже въ нравственномъ отношеніи, побуждая ихъ употреблять время, свободное отъ классныхъ занятій, на полезный и пріятный трудъ, открывающійся въ чтеніи". (стр. 142). Начальство поощряло чтеніе вообще, а чтеніемъ журналовъ руководили три учителя Во всѣхъ мѣрахъ совѣта видно желаніе отнестись къ дѣлу воспитанія честно, душевно, а не формально лишь: репетиторами назначались только ученики, извѣстные безукоризненной нравственностью и выдержаишіе особое испытаніе, при которомъ было обращено вниманіе на то, „сознательно ли понимаютъ репетиторы предметы первыхъ трехъ классовъ, могутъ ли удобопонятно передавать дѣтямъ познанія и имѣютъ ли искренне желаніе и призваніе посвятить себя руководству меньшихъ своихъ товарищей" (стр. 143); съ цѣлью составить себѣ опредѣленное мнѣніе о характерѣ ученика учителя по временамъ совѣщались съ квартиросодержателями и, согласно общему рѣшенію совѣта, старались воздѣйствовать на воспитанника, родителямъ и родственникамъ учениковъ, жившимъ внѣ Немирова, еженедѣльно посылались извѣстія объ ученіи и поведеніи ихъ сыновей.

„Подробныхъ свѣдѣній о ходѣ учебнаго дѣла за это время, говоритъ „Истор. записка, мы не находимъ... Вообще же можно сказать, что этотъ періодъ въ жизни гимназіи во многихъ отношеніяхъ былъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ предъидущій" (стр. 144). Частая смѣна директоровъ и преподавателей мѣшала установиться въ гимназіи какой либо прочной педагогической системѣ. Впрочемъ, если не всѣ, то большинство преподавателей этого времени вполнѣ стояли на высотѣ своего призванія. Нѣкоторые преподаватели во внѣклассное время давали безплатные уроки ученикамъ или репетировали на общихъ квартирахъ и получаемую плату обращали на ученическую библіотеку. Интересно между прочимъ то, что заявленіе учителя латинскаго языка немир. гимназіи, Ганфа, повело ко введенію въ 1865 году латинскаго языка въ курсъ

третьяго класса — до тѣхъ поръ латин. языкъ начинался въ четвертомъ.

Въ 1860 г. были закрыты существовавшія при гимназіи общія квартиры, которыя начали приходить въ упадокъ послѣ выхода Зимовскаго изъ гимназіи (въ 1853 г.). Въ періодъ 1853—1863 года успѣшность занятій гимназистовъ нѣсколько опустилась, что видно какъ изъ переводныхъ испытаній, на которыхъ переводилось не болѣе 40—50%, такъ и изъ окончательныхъ, на которыхъ изъ 14—24 учениковъ выдерживало 2—9. Ухудшилось и поведеніе учащихся. Послѣднее обстоятельство, по всей вѣроятности, и заставило въ 1860 г. педагогич. совѣтъ гимназіи постановить на вопросъ попечителя: „донести г. попечителю, что онъ (т. е. совѣтъ) не считаетъ и возможнымъ и полезнымъ отмѣнить вовсе тѣлесное наказаніе“ (стр. 164).

Второе двадцатипятилѣтіе немировской гимназіи начинается со введенія устава 1864 года, устава, который съ одной стороны возстановлялъ, существовавшее до 1849 года, чисто классическое направленіе гимназій, съ другой вводилъ новый видъ гимназій—реальныя. Попечитель кіев. учеб. округа предложилъ совѣту гимназіи обсудить, оставаться ли ей классической, или быть преобразованной въ реальную. Педагогическій совѣтъ нашелъ, что немир. гимназія должна оставаться классической, потому что, во первыхъ, классическое образованіе даетъ болѣе широкую подготовку къ различнаго рода дѣятельности, во вторыхъ, окончившіе немир. гимназію, удаленную отъ высшихъ техническихъ заведеній, едва ли станутъ поступать въ послѣднія, а естественнѣе стремятся и будутъ стремиться въ университеты. Несмотря на это заявленіе, немир. гимназія была преобразована въ реальную въ теченіи 1865—1869 гг.

Преобразованіе это, закрывавшее ходъ окончившимъ гимназію въ университетъ, было встрѣчено мѣстнымъ обществомъ не сочувственно, кромѣ того, будучи совершено поспѣшно, оно

вредно отозвалось на состояніи гимназіи. Особенно вредила неопредѣленность и непрочность курса, отсутствіе опредѣленныхъ программъ и руководствъ, а также неизвѣстность, долго ли будетъ гимназія въ видѣ реальной или скоро будетъ преобразована въ классическую. Все это повело къ тому, что въ 1869 году по просьбѣ гр. Строганова, почетнаго попечителя немировской гимназіи, послѣдняя была снова преобразована въ классическую съ однимъ древнимъ языкомъ. Во время четырехлѣтняго существованія немировской гимназіи въ качествѣ реальной, къ ней были примѣнены всѣ мѣры, вызванныя событіями 1863 года. Велѣно было не замѣщать поляками должностей учителей и наставниковъ въ гимназіяхъ юго-зап. края (1864 г.); введено преподаваніе католическаго закона Божія на русскомъ языкѣ (1865 годъ); съ 1866 г. гимназическое начальство должно было брать подписку о благонадежности отдаваемыхъ въ гимназію дѣтей польскаго происхожденія, достигшихъ 14-лѣтняго возраста, со всѣхъ живущихъ въ м. Немировѣ, а отъ иногородныхъ требовались поручительства: въ 1865 г. ученикамъ запрещено говорить по польски въ школѣ и на квартирахъ (стр. 176).

Директоромъ въ это тяжелое для немир. гимназіи время, когда одновременно съ преобразованіемъ ее въ реальную нужно бы позаботиться о томъ, чтобы волненія 1866 г. не отразились на воспитанникахъ, былъ Сорокинъ (1864—68 г.). Преобразованіе немир. гимназіи въ реальную и правительственное мѣропріятіе, чтобы число учениковъ изъ поляковъ не превышало въ ней ста душъ, вызвали уменьшеніе учащихся почти втрое. Воспитательная задача немир. гимназіи въ 60-хъ годахъ была очень тяжела. Усложнялась эта задача какъ численнымъ перевѣсомъ учащихся изъ поляковъ, которые враждебно относились къ національному направленію русской школы, такъ и спеціальными условіями м. Немирова — отсутствіемъ русскихъ жителей, а особенно образованнаго класса съ проявленіемъ русской общественной жизни.

Что касается учебнаго дѣла немир. гимназіи за шестидесятые года, то въ это смутное время, при господствѣ исключительныхъ мѣръ, при двойномъ преобразованіи гимназіи и частой смѣнѣ преподавателей, оно было поставлено довольно плохо, какъ это можно видѣть изъ одного отчета за 1870 г. „Отчетъ категорически заявляетъ, говоритъ „Ист. записка", что уровень знанія и развитія учениковъ немир. гимназіи не высокъ. Съ 1863 года все вниманіе начальства было поглощено искорененіемъ въ дѣтяхъ „духа сепаратизма". Строгость школьной дисциплины доведена до крайности (стр. 198). Число переходившихъ въ высшіе классы воспитанниковъ съ 1866—1871 г. рѣдко превышало половину всѣхъ, подвергнутыхъ экзамену и репетиціямъ. Кромѣ указанныхъ выше причинъ, пониженіе знаній учащихся зависѣло, по мнѣнію педаг. совѣта гимназіи, еще отъ матеріальной необезпеченности учащихся и отъ тогашняго способа перевода въ высшій классъ. Переводили въ то время на основаніи годовыхъ отмѣтокъ, которыя повѣрялись на „репетиціяхъ", состоявшихъ изъ повторенія годоваго курса и устныхъ испытаній во время отъ 10 мая по 20 іюня.

Такъ какъ къ репетиціямъ допускались и слабые ученики, то многіе гимназисты, надѣясь подготовиться къ репетиціямъ въ назначенное для послѣднихъ время, не обращали вниманія на годовыя отмѣтки, плохо учились въ теченіи года, отчего общій уровень знаній понижался. Въ 1870 г. репетиціи были замѣнены устными экзаменами и съ тѣхъ поръ число переходящихъ въ высшій классъ увеличивается. О нуждѣ воспитанниковъ говоритъ отчетъ 1870 г.: „Бѣдность учениковъ гимназіи поразительна: большая половина ихъ не имѣетъ калошъ и другой перемѣны сапогъ, зимою многіе ходятъ въ легкихъ пальто" (стр. 204). Помогала этой нуждѣ воспитанниковъ гимназія, освобождая 20% отъ платы за ученію (10% изъ нихъ отдѣльно православныхъ) и снабжая ихъ учебниками изъ гимназич. библіотеки. Кромѣ этого, гр. Строгановъ давалъ ежегодно по 400 руб. на тотъ же предметъ, устроилъ и содержитъ безплатный лазаретъ для гитназистовъ, помогали и другія частныя лица.

Въ 1868 г. при гимназической церкви открыто было „Православное церковное братство" съ цѣлью распространенія въ простомъ народѣ грамотности исключительно на русскомъ или церковно-слав. языкѣ. Въ томъ же году были открыты при гимназіи столярные и переплетные классы, которые черезъ пять лѣтъ закрылись по недостатку охотниковъ учиться.

Послѣднее крупное измѣненіе своего устава немир. гимназія, въ ряду прочихъ, перенесла въ 1871 году. По уставу этого года классическіе языки и математика были положены въ основу гимназическаго курса. Жизненная необходимость греческаго языка для насъ, русскихъ, раскрыта въ замѣчательной рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія: введенъ онъ въ гимназич. курсъ для того, чтобы связать при посредствѣ школы нашу науку съ простымъ русскимъ народомъ, который на столько любитъ греческій языкъ, что любовь свою перенесетъ и на гимназіи, въ которыхъ этотъ языкъ будетъ изучаться, зная, что гимназисты станутъ теперь въ подлинникахъ, по гречески, читать евангеліе, поученія великихъ святителей церкви, богослужебные каноны и церковныя пѣснопѣнія. Кромѣ того, нуженъ греч. языкъ и для изученія міра византійскаго, передавшаго намъ свою культуру и тѣсно связаннаго въ своей исторіи съ жизнью русской. Изучать греческій языкъ и греческій міръ, столь богатый плодами своей духовной жизни не только въ языческое, но и въ новое, христіанское время, есть историческое призваніе нашей русской науки и школы (стр. 217—219). Кромѣ этого сдѣланы были еще нѣкоторыя другія измѣненія гимназическаго устава, придавшія цѣльность и законченность классическому воспитанію.

Положеніе немир. гимназіи послѣ введенія устава 1871 года оказалось самое странное: въ 1872 году VII классъ ея проходилъ реальный курсъ, VI классъ—курсъ клас. гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ, и только низшіе пять классовъ представляли изъ себя клас. гимназію съ двумя древними языками. Понятно, что такая неопредѣленность курса и измѣненіе объема предметовъ имѣли послѣдствіемъ слабыя познанія учениковъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ исторіи и математики, хорошая постановка которыхъ зависѣла исключительно отъ личныхъ качествъ преподавателей этихъ предметовъ Ничипоренка (нынѣ директоръ Коллегіи Галагана) и Дзюблевскаго. По признанію попечит. совѣта, судившаго по письменнымъ испытаніямъ, немировская гимназія до 1880 г. считалась худшею въ округѣ по всѣмъ предметамъ кромѣ математики. Къ концу директорства П. В. Кизимовскаго учебная часть гимназіи улучшается, процентъ переходящихъ въ высшіе классы и оканчивающихъ доходитъ до $^3/_4$ общаго числа учащихся, и съ 1880 г. работы немир. гимназіи начинаютъ считаться лучшими въ округѣ.

Съ отмѣной въ 1874 г. запрещенія привимать въ гимназію болѣе 100 лицъ польскаго происхожденія, немировская гимназія те-

ряетъ свой исключительный, рознившій ее отъ другихъ русскихъ гимназій, характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ составитель „Историч. Записки о нем. гимназіи“ съ приближеніемъ къ восьмидесятымъ годамъ ограничивается сухимъ перечисленіемъ оффиціальныхъ данныхъ относительно жизни гимназіи, данныхъ, общихъ всѣмъ русскимъ гимназіямъ. Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ общеинтересныхъ данныхъ послѣдняго времени. Къ восьмидесятымъ годамъ немир. гимназія снова сдѣлалась одной изъ многолюднѣйшихъ въ Россіи—число учащихся въ ней достигало цифры 650 и болѣе, при этомъ число воспитанниковъ-католиковъ въ 70-ыхъ годахъ больше числа православныхъ, а въ 80-ыхъ годахъ число воспитанниковъ обоихъ вѣроисповѣданій уравнивается. Хотя дѣти дворянъ и чиновниковъ въ ней по прежнему преобладаютъ, но также значительно возвышается число гимназистовъ изъ городскихъ и сельскихъ состояній: послѣднихъ въ 1871 г. было только 44, а въ 1885 г.—216 (стр. 248). Заботясь о развлеченіи учащихся, начальство гимназіи устраивало по временамъ литературно-музыкально-вокальные вечера и ученическіе спектакли, представляющіе прекрасное и пріятное развлеченіе, какъ для учащихся, такъ и для публики, развлеченіе особенно цѣнное въ маломъ мѣстечкѣ въ родѣ Немирова. Въ 1886 г. расходы на немир. гимназію достигли суммы 47,382 р. 92 к. при платѣ за право ученія 50 руб. въ годъ. Нужно знать, что на содержаніе этой же гимназіи съ параллельными отдѣленіями въ трехъ классахъ въ 1838—41 годахъ расходовалось всего 7,900 р. 25 коп. и плата съ учениковъ была три рубля въ годъ; т. е. за пятьдесятъ лѣтъ плата эта увеличилась въ 16—17 разъ, а расходы на гимназію—ушестерились.

Окинувъ исторію немировской гимназіи за все время ея существованія, можно легко усмотрѣть въ ней нѣсколько рѣзко отличающихся по направленію и цѣлямъ воспитанія періодовъ.

П. Т.

Къ исторіи открытія немировской гимназіи.

7-го августа текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со времени открытія немировской гимназіи, преобразованной изъ дворянскаго уѣзднаго училища. Юбилейное торжество происходило въ гимназіи 29 августа 1888 года, и къ этому дню учителемъ С. Стрибульскимъ приготовлена была „Историческая записка о немировской гимназіи". Въ этой запискѣ, содержаніе которой читатели „Кіевской Старины" могутъ узнать изъ замѣтки, помѣщаемой въ этомъ же номерѣ, между прочимъ сообщается кратко о торжествѣ самаго открытія гимназіи, при чемъ приведена цѣликомъ рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ при открытіи исправлявшимъ должность инспектора гимназіи, учителемъ исторіи и статистики В. Ордою. Рѣчь эта носитъ заглавіе „Объ отличительныхъ чертахъ и преимуществахъ русскаго образованія" и направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы доказать преобладающее вліяніе правительства русскаго, по сравненію съ западно-европейскими государствами, въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа. Ключъ къ уразумѣнію, отчего именно эта тема положена была въ основу рѣчи при открытіи учебнаго заведенія, основаннаго благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ частнаго лица (графа Болеслава Потоцкаго), отчасти открывается изъ нижеприводимаго письма тогдашняго правителя канцеляріи попечителя округа къ проф. М. А. Максимовичу. Оказывается, что попечитель округа Е. Ф. Фонъ-Брадке, очень заинтересованный тѣмъ, чтобы актъ открытія гимназіи совершился съ возможной торжественностью и, такъ сказать, политическимъ тактомъ, самъ далъ указанную выше тему и заботился о наилучшемъ выполненіи ея. Въ бумагахъ покойнаго Максимовича сохранилась маленькая переписка по этому поводу.

25 іюля 1838 года правитель канцеляріи попечителя округа Черемисиновъ писалъ Максимовичу: „М. Г. Михаилъ Александровичъ! Въ м. Немировѣ, подольской губ., существуетъ дворянское уѣздное училище, пользуясь многими пожертвованіями гр. Болеслава Потоцкаго. Графъ желалъ имѣть, вмѣсто училища, гимназію и всѣ дополнительныя для того издержки принялъ на свой счетъ. Это предложеніе Высочайше утверждено, и актъ открытія гимназіи будетъ 7-го августа, куда къ тому времени прибудетъ прямо изъ Одессы и Его Превосходительство Егоръ Федоровичъ (Брадке). Его Превосх. изъ Одессы отъ 6 іюля пишетъ: рѣчь для акта поручить написать учителю 2 кіевск. гимназ. (переведенному нынѣ въ неми-

ровскую) Ордѣ въ Кіевѣ, и въ Кіевѣ же ее утвердить. Не мѣшало бы упомянуть о всемъ, что дѣлаетъ правительство въ Россіи для воспитанія юношества въ сравненіи съ другими державами. Рѣчь должна быть очень хороша, ибо все дворянство будетъ собрано. Если проф. М. А. Максимовичъ въ Кіевѣ, то не мѣшало бы г. Ордѣ съ нимъ посовѣтоваться, ибо у него особенный тактъ для подобныхъ вещей.—По этому случаю г. Орда написалъ рѣчь и уѣхалъ самъ въ Немировъ, а рѣчь до пріѣзда Вашего отдана на предварительное разсмотрѣніе Г. ад(ъюнкта) Красова, который, чтобы не марать рѣчь г. Орды, написалъ новую. По приказанію Александра Карловича я имѣю честь препроводить у сего къ Вамъ обѣ оныя рѣчи на окончательное Ваше разсмотрѣніе, исправленіе о одобреніе, но при семъ считаю нужнымъ доложить, что рѣчь одобрена должна быть не позже четверга, 28-го іюля, ибо въ пятницу Алекс. Карлов. полагаетъ послать ее прямо Егору Федоровичу. Съ отличнымъ почтеніемъ и проч. Н. Черемисиновъ".

Очевидно, рѣчь Орды оказалась исполненной лучше рѣчи Красова; но все же, когда пришлось послѣ акта печатать ее, то Фонъ-Брадке желалъ выпустить ее въ свѣтъ въ возможно совершенномъ видѣ, что доказывается слѣдующимъ письмомъ того же Черемисинова къ Максимовичу отъ 8 сентября 1838 года:

„Г. Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа проситъ покорно Его Высокоблагородіе Михаила Александровича принять на себя трудъ исправить, буде окажется нужно, препровождаемую у сего рѣчь, произнесенную при торжественномъ открытіи гимназіи въ м. Немировѣ, такъ чтобы эту рѣчь можно было напечатать. Правит. канцел. Черемисиновъ".

И вотъ, прошедши такія горнила очищенія и исправленія, рѣчь г. Орды появилась наконецъ въ печати, одновременно на русскомъ и польскомъ языкахъ.

В. Науменко.

Курскіе и орловскіе кудеяры.

Собственное имя извѣстнаго разбойника Кудеяра превратилось у народа въ нарицательное для всѣхъ вообще разбойниковъ. Въ предѣлахъ двухъ губерній, извѣстныхъ намъ,—курской и орловской крестьяне никогда не называютъ разбойниковъ иначе какъ „кудеярами". Странно, но тѣмъ не менѣе это фактъ.

— Вотъ тутъ кудеяры жили, указывая на кручи или овраги, говоритъ вамъ курскій крестьянинъ.

— Да что же это за кудеяры такіе? спрашиваете вы у него.

— А такъ значитъ, люди такіе,—разбойствомъ занимались, по сухимъ бережкамъ рыбку ловили, отвѣтитъ онъ вамъ.

Или просто сообщаютъ вамъ въ такомъ родѣ:

— А слышали, тутъ у насъ кудеяры проявились? Солдатъ бѣглый какой то набралъ шайку и т. д.

Очевидно, слово „кудеяръ" сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, синонимомъ „разбойника" и даже почему то вытѣснило совсѣмъ изъ обихода послѣднее названіе.

Такое же явленіе замѣчено И. И. Дубасовымъ и въ тамбовской губерніи, гдѣ также всѣ разбойники называются, по его словамъ, кудеярами [1]). Сѣвернѣе же орловской и тамбовской губерній, равно какъ и восточнѣе ихъ, мы уже этого названія не встрѣчали. Во владимірской, напр., московской и даже рязанской разбойники такъ и называются „разбойниками", а не кудеярами. Не услышишь этого послѣдняго названія и въ пензенской и саратовской губ., гдѣ разбойники опять таки называются разбойниками; объ имени же „кудеяръ" здѣшніе жители и не слыхивали. Интересно, какъ называетъ своихъ разбойниковъ воронежская губернія; относительно ея мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи никакихъ свѣдѣній.

Давши своей замѣткѣ названіе „курскіе и орловскіе кудеяры", мы не думаемъ, конечно, исчерпать здѣсь вполнѣ весь предметъ: для этого понадобилось бы написать не замѣтку, а цѣлую книгу, такъ какъ предметъ этотъ очень обширенъ. „Украинная" страна, какою была курская область до первой четверти прошлаго столѣтія, давала широкую возможность „удалымъ добрымъ молодцамъ" совершать здѣсь свои подвиги; личная и имущественная безопасность не была гарантирована въ то время даже въ центральныхъ мѣстностяхъ, въ тѣхъ, которыя находились по близости отъ Москвы,—въ такихъ же *унылыхъ и пустынныхъ* краяхъ, какимъ былъ курскій до половины прошлаго вѣка, о такой безопасности и мечтать было невозможно. Въ тѣ отдаленныя времена путники даже отъ села къ селу ѣздили съ провожатыми. Разбой былъ постояннымъ занятіемъ не только тѣхъ отверженниковъ, которыхъ общество выбрасывало

---

[1]) Очерки ист. Тамбовскаго края, т. IV, глава 4-я: сказанія о тамбовскихъ кудеярахъ, стр. 166—187.

за ихъ негодностію изъ своей среды, но и обыкновенныхъ мирныхъ обывателей, которые нерѣдко смотрѣли на это, какъ на „стороннее занятіе“, дававшее отличный „заработокъ“. При такихъ условіяхъ „кудеярство“ хотя бы одной какой мѣстности или губерніи исчерпать въ маленькой замѣткѣ было бы невозможно. Мы за это и не беремся, конечно, и намѣрены здѣсь ограничиться лишь передачей тѣхъ немногихъ фактовъ изъ исторіи кудеярства, которые намъ удалось записать самимъ со словъ мѣстныхъ жителей или найти готовыми, записанными уже въ нѣкоторыхъ старинныхъ „памятныхъ записяхъ“, случайно попавшихъ къ намъ въ руки[1]).

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія въ предѣлахъ путивльскаго и рыльскаго уѣздовъ была, какъ разсказываетъ Деменковъ въ своихъ запискахъ, большая шайка кудеяровъ. Главный притонъ ихъ былъ въ такъ называемомъ Мачулинскомъ лѣсу, неподалеку отъ с. Кремяннаго, гдѣ они ютились по оврагамъ и буеракамъ, не стараясь, впрочемъ, нисколько о томъ, чтобы замаскировать свое присутствіе, такъ какъ имъ не страшны были ни воеводскія войска, ни тѣмъ болѣе мѣстные безоружные жители, которые сами смертельно боялись ихъ и стремились только къ одному—чтобы жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Въ этой шайкѣ, обитавшей въ Мачулинскомъ лѣсу, по разсказамъ старожиловъ, было до 300 человѣкъ разбойниковъ.

Затѣмъ, въ предѣлахъ тѣхъ же двухъ уѣздовъ было и еще нѣсколько шаекъ кудеяровъ. Такъ, на Коневецкой или Клевенской горѣ, подлѣ деревни Ишутиной, на правомъ берегу р. Сейма, обитала также огромная шайка, въ которой не мало было гайдамаковъ, „съ чубами и усами“, какъ говорили мѣстные старожилы въ 20-хъ годахъ Деменкову. Сверхъ того, такія же шайки были въ урочищѣ Кутузовыхъ Лозахъ, возлѣ Ивановки, на погорѣломъ городищѣ, близь Угонъ, въ Кучугурахъ и т. д.

Кудеяры, по разсказамъ, рѣдко нападали на крестьянскія поселенія, во первыхъ потому, что щадили вообще крестьянъ, относились къ нимъ дружелюбно, въ виду того, что крестьяне сами усердно во всемъ помогали имъ, а во вторыхъ и потому, что взять у крестьянъ было нечего. По современнымъ разсказамъ крестьянъ, кудеяры представляются скорѣе не разбойниками, а вольными ко-

---

[1]) Между прочимъ, мы пользуемся здѣсь также и записками Деменкова, о которыхъ уже упоминалось въ III книжкѣ „Кіевской Старины“ 1887 года.

заками съ широкими рыцарскими замашками, съ строго проведеннымъ, хотя и своеобразнымъ, понятіемъ о чести. Такъ, если случалось имъ останавливать бѣдняка-крестьянина, который ѣхалъ, напримѣръ, съ возомъ муки, чтобы продать ее на базарѣ, то они не только не обирали его, но даже надѣляли его деньгами, напаивали водкой и отпускали на всѣ четыре стороны, оставляя при немъ всѣ его пожитки. Если же останавливали на дорогѣ помѣщика, то не церемонились съ нимъ, обирали его на чисто и отпускали въ чемъ мать родила, предварительно надругавшись надъ нимъ всячески. Много разъ, по жалобѣ крестьянъ, они дѣлали нашествія на помѣщичьи усадьбы только для того, чтобы наказать помѣщиковъ за ихъ жестокость по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ, и если такова была цѣль ихъ прихода, то не брали обыкновенно въ усадьбѣ ничего—ни денегъ, ни хлѣба, ни пожитковъ, говоря, что „все равно, когда имъ это понадобится—все будетъ ихнее, отъ ихъ рукъ не уйдетъ". Главнѣйшимъ занятіемъ ихъ, по этимъ же разсказамъ, было бражничество, которому они по преимуществу посвящали свое время. Если же у нихъ не хватало хлѣба, то они посылали „грамотку" къ какому нибудь помѣщику, съ приказаніемъ доставить немедленно имъ того то и того то, и если помѣщикъ не торопился исполнить ихъ „приказаніе", они тогда уже приходили къ нему сами и вооруженной рукой брали то, что имъ было нужно. Этимъ главнымъ образомъ и исчерпывалась ихъ враждебная дѣятельность по отношенію къ мѣстному населенію. Денежную добычу доставляли имъ, въ большинствѣ случаевъ, проѣзжіе, чужія лица, попадавшія такъ или иначе въ тѣ края; такимъ спуска обыкновенно не давалось и ихъ ощипывали елико возможно чисто.

Что касается крестьянъ, то единственное зло, которое причиняли имъ кудеяры заключалось въ томъ, что они „воровали деревенскихъ дѣвокъ" для своей потребы. Этого крестьяне и до сихъ поръ забыть не могутъ и хотя теперь уже безъ всякой злобы, скорѣе даже съ усмѣшкою, но все таки очень подробно разсказываютъ разные анекдоты по этому поводу.

О томъ, какъ былъ положенъ конецъ кудеярамъ въ описываемой мѣстности, можно видѣть изъ разсказа, записаннаго нами въ посеймскомъ краѣ льговскаго уѣзда, курской губ. „Кудеяры долго буйствовали въ нашихъ мѣстахъ, разсказывали крестьяне, но потомъ на нихъ войска стали посылать и солдаты ихъ одолѣли, загнали ихъ, говорятъ, до самой Калуги и тамъ уже всѣхъ перебили".

Послѣ кудеяровъ въ здѣшнихъ краяхъ осталось много кладовъ, зарытыхъ въ землю. Такъ, Деменковъ разсказываетъ, что „въ 1810—15 гг. крестьянинъ господина Стрекалова Михаилъ Малесовъ, присматривая за пасѣкою, проходилъ подлѣ буерака въ Галицкомъ лѣсу (въ 5 верстахъ отъ с. Кремяннаго) и почувствовалъ внезапно, что почва нетверда подъ ногами. Сталъ рыть и нашелъ обветшалый деревянный сводъ, подъ нимъ яму, а въ ней—цѣлую кипу разныхъ матерій, суконъ и одежды. Но когда онъ прикоснулся къ нимъ все это разсыпалось въ прахъ Здѣсь же онъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ старинныхъ монетъ".

И еще: „Аверьянъ-цыганъ (извѣстный кладоискатель) вырылъ на полѣ Кучерова хутора въ печкѣ старшининаго овина кастрюльку съ 1700 рублей серебряныхъ, величиною въ талеръ. На нихъ были какія то лица съ бородою. Попъ села Боршнева говорилъ, что оные рубли относятся къ времени Ивана Грознаго".

Относительно Коневецкой горы (въ путивльскомъ у.) разсказываютъ, что здѣсь зарыта масса сокровищъ разныхъ, какъ то: алмазовъ, брилліантовъ, золота и проч., но взять всѣ эти сокровища можно только въ Пасху, между заутреней и обѣдней, когда гора раздвигается. Сокровища эти стерегутъ два человѣка необыкновенно высокаго роста. Гора въ указанное время будто бы раздвигается и многіе видали издали и этихъ великановъ и сокровища, которыя стерегутся ими. Какъ только ударитъ колоколъ, призывающій къ обѣднѣ, гора снова закрывается до слѣдующаго свѣтлаго праздника.

Преданіе, впрочемъ, не говоритъ, кто положилъ сюда сокровища—кудеяры или нѣтъ. Скорѣе нужно думать, что это преданіе древнѣе того времени, когда жили здѣсь кудеяры.

Въ 8 верстахъ отъ с. Низовцева, того же путивльскаго уѣзда, сохранилось городище „Красное", окруженное окопами и рвами, имѣющее въ окружности около 200 саженъ. Подъ горою, у подошвы городища, до сихъ поръ еще замѣтны слѣды колодезя, почти совсѣмъ занесеннаго иломъ. Преданіе мѣстное говоритъ, что на городищѣ этомъ, въ пещерѣ, жилъ когда то кудеяръ и вмѣстѣ съ нимъ какая то дѣвушка, которая ходила постоянно за водой на упомянутый колодезь съ золотымъ кувшиномъ. Говорятъ, что на городищѣ этомъ послѣ кудеяра осталось много закопанныхъ въ землю сокровищъ, золота, серебра.

Въ орловской губерніи относительно кудеяровъ мы записали преданіе только въ одномъ мѣстѣ—въ с. Тагинѣ, орловскаго уѣзда, отстоящемъ отъ г. Орла въ 50—60 верстахъ.

Было это, говорятъ мѣстные жители, давно, когда въ с. Тагинѣ считалось всего 7 дворовъ[1]). Въ это время прибѣжали сюда откуда-то 30 „братовъ-кудеяровъ" и поселились въ оврагахъ, окружающихъ с. Тагинъ. Роду они были не русскаго, а либо польскаго, либо „черкасскаго", потому что по русски говорили плохо. Денегъ у нихъ было много, такъ что они не грабили никого здѣсь и за все, что брали у мѣстныхъ жителей, расплачивались по чести, наличными деньгами. Они *только скрывались* здѣсь отъ правительства и видимо очень боялись всего. Прожили они здѣсь нѣсколько лѣтъ, но наконецъ начальство обратило на нихъ вниманіе и приказало ихъ переловить. Солдаты вмѣстѣ съ крестьянами нѣсколькихъ деревень произвели облаву, загнали ихъ въ болото и здѣсь всѣхъ перетопили.

Что это за кудеяры такіе были, откуда они пришли и даже давно ли это было—намъ узнать не удалось. Одни утверждали, что „лѣтъ 100 этому будетъ", другіе полагали несравненно больше—„лѣтъ 300, а можетъ и пятьсотъ". Но, судя по свѣжести приведеннаго преданія, можно думать, что первое мнѣніе вѣроятнѣе.

Не лишнимъ будетъ здѣсь привести также факты, записанные Деменковымъ въ его „Описаніи достопамятныхъ вещей", относительно помѣщиковъ, разбойничавшихъ въ курскомъ и частію харьковскомъ краѣ, въ прошломъ столѣтіи. Правда, они, по существу, очень мало были похожи на кудеяровъ, съ рыцарскимъ отношеніемъ къ сѣрой деревенской голытьбѣ и безпощадной ненавистью ко всему, что носило на себѣ признакъ зажиточности и благородной дворянской крови. Тѣмъ не менѣе мы все таки присоединяемъ сюда и разсказы объ этихъ „панахъ-разбойникахъ", такъ какъ факты этого рода характеризуютъ эпоху съ той же стороны, какъ и разсказы о кудеярахъ. Не довѣрять справедливости этихъ разсказовъ врядъ ли есть основаніе, такъ какъ записаны они были Деменковымъ, очевидно, безъ всякой тенденціозной задней мысли, на ряду и въ перемежку съ народными сказками и пѣснями. Деменковъ заносилъ въ свою тетрадь всѣ „достопамятности и примѣчательнѣйшіе факты" изъ области археологіи, исторіи, этнографіи и проч., не комментируя и не разбирая ихъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Близь г. Мирополья, суджанскаго уѣзда, говоритъ запись Деменкова, въ концѣ прошедшаго столѣтія жили двѣ помѣщицы М. и Б. (въ рукописи приведены только инициалы), которыя специально

---

[1]) Въ настоящее время въ этомъ селѣ до 300 дворовъ. Крестьяне говорятъ, что когда то во время оно с. Тагинъ было „городомъ".

занимались тѣмъ, что выѣзжали на большую дорогу грабить проѣзжающіе по дорогамъ обозы. У одной былъ отрядъ вооруженной дворни изъ 70 человѣкъ, у другой—до 100. Раіонъ ихъ разбойническихъ похожденій былъ весьма обширенъ. Онѣ разъѣзжали по всѣмъ дорогамъ, начиная отъ Курска до Сумъ и отъ Бѣлгорода до Бѣлополья. Одну изъ нихъ правительственныя войска захватили со всей шайкою близь г. Сумъ; людей ея всѣхъ перевѣшали; она же спаслась при посредствѣ денегъ. Ей велѣли только считаться умершей и никуда не выѣзжать изъ своего имѣнья.

Затѣмъ, между сс. Амонью и Теткинымъ, рыльскаго уѣзда, жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщикъ К—въ, промышлявшій также разбоемъ. Шайка его дѣлилась на три отряда и была дисциплинирована весьма хорошо. Свои дѣянія онъ совершалъ на большой дорогѣ между г. Курскомъ и Сумами. Первый отрядъ его шайки становился обыкновенно невдалекѣ отъ с. Кремяннаго, возлѣ кургана, по старой Льговской дорогѣ, извѣстной подъ именемъ Льговца, второй—у Разбойной дубровы, за Юнаковкой, и третій наконецъ—у селенія Солдатскаго. Отряды сносились между собою посредствомъ условленныхъ знаковъ, изъ которыхъ самымъ обычнымъ въ ночное время былъ зажженный пукъ соломы, приподнятый на шестѣ. Если проходившій обозъ казался одному отряду слишкомъ великъ и силенъ, то при помощи такого горящаго пука на шестѣ онъ давалъ объ этомъ знать другимъ отрядамъ и тѣ спѣшили на помощь.

К—въ разбойничалъ долго. Мѣстныя власти хотя и знали объ этомъ, но не предпринимали никакихъ мѣръ противъ него. Наконецъ, онъ со своими удальцами разбилъ обозъ, съ которымъ, между прочимъ, препровождался серебряный сервизъ, отправленный государыней императрицей въ подарокъ великолѣпному князю Тавриды. Тогда мѣстная власть не могла уже пропустить этого факта и отправила противъ К—ва спеціальную команду, чтобы взять его, живаго или мертваго, и привести въ городъ. К—въ отчаянно защищался и одни говорятъ—былъ убитъ при этомъ, другіе же утверждаютъ, что былъ захваченъ живымъ и по высочайшему повелѣнію колесованъ въ г. Ахтыркѣ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сафоновскіе и голоимовскіе крестьяне разбили грека, везшаго товаръ въ г. Сумы. По розыску, вмѣстѣ съ крестьянами, виновными оказались также и два помѣщика, которые были взяты и отвезены въ Сумы, гдѣ одинъ изъ нихъ подъ пыткою умеръ.

Н. Добротворскій.

Обезземеленные „вольные матросы" въ г. Никополѣ херсонской губерніи.

Экономическое положеніе немногочисленнаго и забытаго въ наше время сословія „вольныхъ матросовъ" въ Новороссіи представляетъ интересныя подробности, напрашивающіяся на вниманіе. Здѣсь будетъ кратко очерчено современное положеніе никопольскихъ вольныхъ матросовъ въ связи съ ихъ краткой, но выразительной исторіей. Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили разсказы никопольскаго вольнаго матроса Корнѣя Рубана, сохранившаго въ своей сѣдой головѣ всѣ подробности прошлаго своего сословія.

Возникло сословіе „вольныхъ матросовъ" въ 1835 году, послѣ русско-турецкой войны 1829—31 гг. Устраивалось это сословіе по иниціативѣ князя Воронцова, генералъ-губернатора новороссійскаго края и бессарабской области. Привлекались въ матросское званіе государственные крестьяне во всѣхъ важнѣйшихъ поселеніяхъ новороссійскаго Поднѣпровья, привыкшіе съ дѣтства къ судоходному дѣлу. Записывались въ матросскія общества по желанію. Гуманныя начала вообще были приняты просвѣщеннымъ администраторомъ края при устройствѣ обществъ вольныхъ матросовъ. Вотъ кругъ главнѣйшихъ обязанностей и правъ этого сословія. Вольные матросы обязаны были служить во флотѣ 5 лѣтъ; службу несли всѣ молодые люди, достигшіе совершеннолѣтняго возраста; на случай войны служить должны были всѣ матросы, за исключеніемъ лишъ дряхлыхъ стариковъ. Это обязанности. Права были слѣдующія: за матросами оставалось право владѣть землею наравнѣ съ крестьянами и въ одинаковомъ съ ними количествѣ; матросы не платили подушной подати; внѣ службы имъ предоставлено было самоуправленіе, органомъ котораго былъ „Цехъ вольныхъ матросовъ".

Записывалось въ матросы поднѣпровское населеніе довольно охотно. Выписаться изъ крестьянъ значило, какъ говорили въ то время, „выйти изъ первобытнаго состоянія". Помнившее „гражданство" населеніе Поднѣпровья понимало значеніе этого удачнаго выраженія и спѣшило записываться въ вольные матросы [1]). Наиболѣе привлекательною этому населенію казалась свобода отъ подушной

---

[1]) „Гражданство"—промежутокъ времени между 1775 годомъ, когда прекратила существованіе запорожская община, владѣвшая цѣлымъ краемъ, получившимъ названіе Новороссіи, и временемъ закрѣпощенія посполъства (вольныхъ крестьянъ) начавшагося въ Новороссіи съ конца прошлаго столѣтія.

подати, привлекала также и свобода отъ тяжелой въ то время 25 лѣтней солдатской службы, совершенно разобщавшей солдата отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, и создавшей нынѣ вымирающій типъ Скалозубовъ въ простонародьи. 5 лѣтняя служба во флотѣ, отправляемая всѣмъ здоровымъ населеніемъ, должна была казаться болѣе сподручною: такая общая для всѣхъ военная служба не была новостью въ новороссійскомъ Поднѣпровьи, гдѣ свѣжи были въ то время воспоминанія объ обязательномъ для всѣхъ козакованьи.

Имѣющійся матеріалъ позволяетъ говорить только о никопольскихъ „вольныхъ матросахъ". Въ 1835 году въ никопольскій матросскій цехъ записалось около 800 душ. м. п., что составляло около половины наееленія этого мѣстечка. Приписывались къ цеху и въ послѣдующее время. Въ 1847 году въ никопольскомъ матросскомъ цехѣ числилось около 1800 ревизскихъ мужск. пола душъ, въ обществѣ крестьянъ осталось не болѣе 1/8 прежняго крестьянскаго населенія мѣстечка. Въ 1835 же году отправилась на службу первая партія вольныхъ матросовъ,—120 человѣкъ—вся наличная дорослая молодежъ цеха. Отправлялись въ матросы парни не моложе 17 лѣтъ. Вѣдалъ этимъ дѣломъ самъ цехъ съ старшиной и старостой во главѣ, давая отчетъ новороссійскому генералъ-губернатору, при канцеляріи котораго было особое отдѣленіе, касавшееся дѣлъ вольныхъ матросовъ. Въ слѣдующіе послѣ 1835 годы на службу шло парней 30—50, сколько подоспѣетъ. Иногда два сына старика-отца въ одинъ день отправлялись служить. Поблажки никому не было: „было твердо и аккуратно,—„и мій йде, и твій нехай иде",—„ровняли багатого и бидного". Такъ было до 1854 году; въ крымскую войну служили всѣ матросы,—и очередные, и выслужившіе свой 5 лѣтній срокъ. Послѣ крымской войны никопольскіе матросы отбываютъ воинскую повинность на общемъ основаніи съ податными сословіями; внутреннее же устройство сохранили въ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени.

Таковъ общій ходъ внѣшней исторіи никопольскихъ вольныхъ матросовъ. Болѣе сложною представляется исторія ихъ внутренняго быта. Найдутъ здѣсь мѣсто наиболѣе выдающіяся черты этого быта, имѣющія связь съ общимъ горемъ никопольскихъ матросовъ, ихъ обезземеленіемъ послѣ серьезной и трудной ихъ службы государству.—Отмѣчено выше, что за матросами оставлено было право владѣть землею наравнѣ съ крестьянами и въ одинаковомъ съ ними количествѣ. Фактически же матросы мало пользовались этимъ правомъ.

До половины 40-хъ годовъ ничтожную часть полей запахивали и крестьяне по бездоходности земледѣльческаго занятія при существованіи спроса въ то время на продукты земледѣлія только на довольно слабо дѣйствовавшихъ тогда внутреннихъ рынкахъ. Еще меньше могли обращать вниманія на земледѣліе матросы.—Къ концу 40-хъ годовъ, вѣроятно, подъ давленіемъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ, хлѣбопашество начинаетъ привлекать больше рабочихъ рукъ, разширяются какъ помѣщичьи, такъ и крестьянскія хозяйства. При общемъ земледѣльческомъ настроеніи, въ 1849 году устраивается передѣлъ общественной земли и въ Никополѣ. Дѣлится земля уравнительно какъ между государственными крестьянами, такъ и между матросами; на ревизскую душу приходится по $12^1/_2$ десятинъ. До этого пренебрегаемая общественная земля эксплуатировалась, главнымъ образомъ, зажиточными членами общества, какъ даровой выпасъ для скота, или какъ болѣе или менѣе уравниваемые между всѣми членами общества сѣнокосные участки, которыми въ концѣ концовъ, при незначительныхъ затратахъ, пользовались тѣ же зажиточные хозяева. До 1849 года никопольская земля была въ безраздѣльномъ пользованіи матросовъ и крестьянъ по только что отмѣченному способу. Но и послѣ передѣла 1849 года отвлекаемые службой и въ большинствѣ случаевъ безхозяйные матросы очень рѣдко производили свою запашку,—земля ихъ большею частью сдавалась въ погодную съемку по незначительнымъ цѣнамъ того времени („лишь бы земля себя оплотила") или отдавалась „съ копы". Такой порядокъ продолжался до 1854 г.; этотъ же порядокъ подготовилъ и обезземеленіе никопольскихъ вольныхъ матросовъ.

Прежде чѣмъ гововорить объ обезземеленіи матросовъ, представляется интереснымъ очертить кратко ихъ положеніе непосредственно передъ обезземеленіемъ. Въ 1854 году всѣ до одного способные къ службѣ матросы выступили въ походъ,—выступили даже старики, которымъ служили силы. Въ виду того, что оставались дома только матросскія жены и дѣти съ дряхлыми старухами и стариками, еще до выступленія матросовъ въ походъ семействамъ ихъ обѣщаны были „пайки" для содержанія,—въ день по 3 фунта хлѣба съ небольшимъ количествомъ крупъ. (На жену, мать и сына матроса по цѣлому паю, дочери предположено было давать половинный паекъ). Службу во время войны никопольскіе матросы несли серьезную. Выступило ихъ изъ Никополя 352 человѣка, а назадъ возвратилось около 60,—остальные всѣ сложили головы подъ Севастополемъ. Но и

среди возвратившихся были израненные и больные. Крайняя нужда встрѣтила матросовъ дома: жены съ малолѣтними дѣтьми не принасли хлѣба, стоившаго въ то время дорого,—пудъ ржаной муки продавался по 1 р. 20 к.,—„сухарю были рады". Къ тому же одолѣвали матросовъ постои. Никополь стоялъ на пути раненыхъ въ крымскую компанію, и десятками привозили ихъ въ одну хату,— „кормите, это вашъ братъ!" говорили голоднымъ матросамъ. Но кормить было нечѣмъ и роднаго отца. Матросскія дѣти „пищали отъ голода". Поддерживались только поденными заработками. „Заработаетъ кто нибудь изъ членовъ семьи, купитъ хлѣба; раздѣлитъ этотъ хлѣбъ мать между голодными дѣтьми,—какъ мыши съѣдятъ, и снова хлѣба нѣтъ". Таково было положеніе матросовъ, возвратившихся въ 1857 году изъ подъ Севастополя. Надежда на „пайки" для семействъ обманула матросовъ: пайковъ оставшіяся семейства не получали, а какъ и гдѣ хлопотать о нихъ, не знали матросскія жены. Не скоро получили эти пайки и возвратившіеся матросы. Бывали они и въ Николаевѣ, и въ Одессѣ, переходили изъ одного учрежденія въ другое и вездѣ получали отказъ,—такъ бы пришлось и уйти измученнымъ матросамъ къ голоднымъ дѣтямъ, если бы не просилъ за нихъ случайно встрѣтившійся съ ними „полковникъ", знавшій ихъ на службѣ. Только благодаря „спасённому" полковнику изъ запасныхъ военныхъ магазиновъ отпущены были матросамъ слѣдуемые ихъ семействамъ „пайки". Такимъ было для никопольскихъ матросовъ трехлѣтіе крымсвой войны. Но ожидало ихъ новое горе: матросамъ предстояло лишиться своей надѣльной земли.

Еще до крымской войны матросы очень мало запахивали земли, погодно сдавая ее односельцамъ крестьянамъ то за копу, то за деньги; въ трехлѣтіе же крымской войны совершенно не производилась матросами запашка, при чемъ само собою разумѣется. не могли поступать отъ матросовъ и поземельные платежи въ казну. При такомъ положеніи дѣла никопольское общество крестьянъ привыкло считать своею всю никопольскую землю. Возвратившимся и заявлявшимъ права на землю матросамъ крестьяне говорили: „Вы матросы, вамъ въ другомъ мѣстѣ могутъ дать землю, ищите земли для себя". Но на этотъ разъ матросы взяли верхъ,—сравнительно съ крестьянами ихъ было больше. Между тѣмъ осенью 1857 года взыскивались недоимки, накопившіяся на никопольской землѣ; недоимки были весьма значительны и взыскивать строго. Взысканіе производилось за круговой порукой, почему вся тяжесть недоимокъ упала на зажи-

точныхъ хозяевъ, у которыхъ была продана съ аукціона большая часть скота; такъ какъ зажиточные хозяева были только между крестьянами, то недоимки пополнены членами крестьянскаго общества. Это обстоятельство рѣшительно побудило никопольскихъ крестьянъ всю никопольскую землю считать только своею. Обезсилѣвшія матросскія хозяйства по прежнему не производили запашки, въ однихъ случаяхъ сдавая землю крестьянамъ, въ другихъ— совершенно не пользуясь землей, если некому было ее сдать. Землевладѣніе матросовъ въ силу хода вещей становилось, такимъ образомъ, фиктивнымъ. Положеніе дѣла—совершенно ясное, если принять во вниманіе слабую населенность этого кутка екатеринославскаго уѣзда даже въ настоящее время, что устраняло всякую возможность для матросовъ сдавать землю постороннимъ крестьянамъ, устраняло такую возможность тѣмъ болѣе, что къ никопольской землѣ примыкали огромныя дворянскія помѣстья.

Наступилъ 1861 годъ. Въ Никополь, какъ въ торговый пунктъ, со всѣхъ сторонъ устремились „актовые“ и „дворовые“, безъ земли выпущенные на волю. Здѣсь ихъ радушно встрѣчали и купцы съ съ мѣщанами, которымъ выгодно было увеличеніе никопольскаго населенія, и крестьяне, которыхъ затрудняли поземельные налоги. „Захожему“ легко было приписаться къ крестьянскому обществу съ правомъ на надѣлъ: въ первые 3—4 года послѣ крестьянской реформы приписывалось человѣкъ по 100 и больше. Съ правомъ на надѣлъ никопольское общество крестьянъ принимало постороннихъ, ещо и въ 70-хъ годахъ. Подъ конецъ принимались въ общество посторонніе безъ права на землю. Но случилость, что изъ Казенной Палаты нѣсколько лѣтъ назадъ вышло распоряженіе, чтобы всѣ принятые въ никопольское общество были надѣлены землею. Теперь то и были обезземелены матроссы Крестьянское общество, возросшее до 6.000 душъ мужскаго пола, окончательно рѣшилось устранить матросовъ отъ владѣнія землею. Былъ составленъ приговоръ о раздѣлѣ никопольской земли на наличныя души, но только крестьянскія, исключая матросовъ, въ цехѣ которыхъ числилось въ то время около 2.000 душъ мужескаго пола. Такой приговоръ былъ утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ, и никопольскіе матросы остались безъ земли. Если матросъ выѣзжалъ теперь на поле для работы, онъ „боемъ“ былъ прогоняемъ обратно. Въ теченіе 3-хъ послѣднихъ лѣтъ обезземеленные матросы искали своихъ правъ на

землю во всѣхъ подлежащихъ учрежденіяхъ до Сената. Какъ стоитъ это дѣло, матросы не знаютъ.

Въ настоящее время положеніе никопольскихъ матросовъ чрезвычайно тяжелое: теперь они не только безъ земли, но и безъ обычныхъ правъ, какими пользуется крестьянское сословіе; они — изгои общества, стоящіе внѣ существующаго строя, — не подлежатъ они ни заботамъ земства, какъ безземельные, ни вѣдѣнію крестьянскихъ присутствій, какъ „вышедшіе изъ первобытнаго состоянія". Живутъ они, не обезпеченные ни продовольствіемъ, ни народно-медицинскою помощью, живутъ безъ школы.

Начавшееся съ 1886 года устройство безземельныхъ на казенныхъ земляхъ даетъ надежду получить землю и бездольнымъ никопольскимъ матросамъ.

Л. П.

Архіерейскій подарокъ.

Что человѣкъ рабъ привычки—старая истина. Но несмотря на то, что она стара, а можетъ быть именно потому, что она стара, надо не мало воображенія, чтобъ представить себѣ всю глубину и значеніе этого, повидимому избитаго, общаго мѣста. Привычка, какъ бы гипнотизируя человѣка постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній, извращаетъ то, что мы привыкли считать связаннымъ съ основными свойствами и законами человѣческой природы. Умный, подъ вліяніемъ привычки, перестаетъ замѣчать логическія противорѣчія, ясныя какъ дважды два, понятныя даже ребенку; одаренный чувствомъ справедливаго не возмущается вопіющими несправедливостями, добрый и сострадательный равнодушно смотритъ на отвратительныя жестокости и т. д. и т. д. Конечно, каждый изъ насъ множество разъ поражался этими противорѣчіями издали. Но какъ трудно усмотрѣть ихъ въ окружающей средѣ, непосредственно на насъ вліяющей, и сколько для этого надо исключительныхъ условій, заключающихся будь то въ выдающемся умѣ, въ большихъ и разносторонннхъ знаніяхъ, въ особенной обстановкѣ или положеніи и т. д. Неудивительно поэтому, что лишь очень немногіе могутъ возвыситься до объективнаго или критическаго взгляда на окружающее да и эти немногіе, большею частью, страдаютъ притупленной воспріимчивостью; притупленная же воспріимчивость выражается въ апатіи, неспособности что нибудь предпринять въ смыслѣ воздѣйствія на окружающее.

Кому, напр., въ настоящее время не ясно, какъ божій день, что крѣпостное право есть учрежденіе, противное и божескимъ законамъ и естественнымъ, вложеннымъ, казалось бы, въ душу каждаго человѣка; и нужны ли, чтобы это понимать и чувствовать, какія нибудь особенныя высокія качества ума или сердца? А вотъ загляните въ только что появившееся въ свѣтъ собраніе сочиненій Квитки-Основьяненка, въ статейку: „Лысты до любезныхъ землякывъ“ и прочитайте, что пишетъ о крѣпостномъ правѣ этотъ мягкій, искренній, добрый человѣкъ, человѣкъ, который любилъ и понималъ свой народъ, какъ немногіе до или послѣ него. Вотъ его слова: „Паньски жъ люды, що зовутця и по кныгамъ пышутця помищиччи крестяны, такъ тымы завидують, управляются и порядокъ дають самы паны, усякъ у своій державѣ. Якъ надъ казенными справныкъ або становый порядкуе..., такъ надъ своимъ подданнымъ усякъ помѣщыкъ убываетця, подушне распредиля, порядокъ дае и защища ихъ видъ усякыхъ обыдъ чы по сусидству, чы видъ чого бъ то ни було; некрутъ дае по своій воли кого и скилки слидуе и усяке таке, якъ е у своему господарстви. За те воны повынны помищику своему робыты, слухаты его у усякимъ дили и якъ отця и начальныка почытоваты; а черезъ те облегченые е начальству: вже имъ нема хлопотъ прямо зъ мужыкамы: прямо пышуть до пана, що отъ то и то треба зробыты, стилки пидвидъ пидъ военну команду выслаты, отъ таку дорогу або мистъ справыты; отъ помищыкъ и роспорядытця, щобъ не у тягость було людямъ и зъ порядкомъ зроблено. Отъ такъ и йде усе гораздъ.“ Что это такое? Сознательная ложь „страха ради іудейска“, гнусное лицемѣріе или еще что нибудь похуже? Ни то, ни другое: это просто состояніе душевной притупленности, психическаго гипноза. А вотъ и еще маленькая иллюстрація къ той же большой темѣ, извлеченная уже изъ архивнаго матеріала, иллюстрація не Богъ знаетъ какая яркая, но не лишенная интереса. Матеріалъ нашъ называется: „дѣло о ищущей свободы изъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матронѣ бубенской“. Дѣйствующія лица нашего маленькаго повѣствованія, которыя заварили всю эту длинную по времени, краткую для передачи исторію, были: первый архіерей слободско-украинской епархіи Христофоръ Сулима и протоіерей Могилевскій, харьковскіе дѣятели первой половины настоящаго вѣка. Епископъ Сулима происходилъ изъ очень интеллигентнаго шляхетскаго южнорусскаго рода Сулимъ[1]). Протоіерей

[1]) „Кіевская Старина“, 1884 г. октябрь, стр, 332—6.

Аѳанасій Могилевскій былъ профессоръ харьковскаго университета и „разсудительный и занимательный“, по выраженію Филарета [1]), духовный писатель. Значитъ, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, принадлежащими къ духовной интеллигенціи, которая въ тѣ времена еще далеко не такъ была оттѣснена свѣтской, какъ теперь. Конечно, люди эти должны были представлять собою хоть до нѣкоторой степени и умъ, и знанія, и высшую нравственность своей эпохи. Дѣло происходило въ началѣ настоящаго столѣтія. Преосвященный Сулима, по какому то неизвѣстному намъ поводу, подарилъ протоіерею Могилевскому малолѣтнюю „дѣвку“, вывезенную имъ изъ черниговской губерніи, изъ своего родового имѣнія Пашковки, нѣжинскаго повѣта, и умеръ. Дѣвка выросла у протоіерея на чужой сторонѣ, безъ роду, безъ племени, не помня ни родины, ни родныхъ, не зная даже, кто были ея родители, не зная, какъ она очутилась у протоіерея... Прошло двѣнадцать лѣтъ, и протоіерейская дѣвка уже достигла двадцатилѣтняго возраста. Тутъ, какъ пишетъ она въ своемъ прошеніи, начала она отъ своего господина и его семьи „претерпѣвать разныя изнуренія, какъ то безвинные побои и прочее“. Т. е. это собственно говоря не слѣдуетъ понимать буквально: претерпѣвала она дѣйствительно изнуренія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы они свалились на нее такъ вдругъ. Секретъ не въ изнуреніяхъ, а въ томъ, что „дѣвка“ узнала, что „въ прошломъ 1823 г. послѣдовалъ указъ, воспрещающій разночинцамъ и другаго званія людямъ имѣть въ услуженіи дворовыхъ людей и крестьянъ по вѣрющимъ письмамъ ихъ помѣщиковъ, и таковымъ крестьянамъ дарована свобода“. Извѣстно, какъ чутокъ народъ ко всѣмъ подобнымъ распоряженіямъ высшей власти, и даже, къ сожалѣнію, наклоненъ толковать ихъ не въ мѣру льготно: а въ то время въ Малороссіи онъ еще, къ тому же, и не успѣлъ совсѣмъ притерпѣться къ крѣпостной неволѣ.

Итакъ, дѣвка узнала объ указѣ, узнала, что протоіерей Могилевскій не имѣетъ на нее крѣпостнаго акта, хотя и не знала главнаго: что протоіерей, не происходя изъ лицъ шляхетскаго званія, изъ какихъ происходилъ преосвященный Сулима, вовсе не имѣлъ права ею владѣть. Она ушла отъ Могилевскаго и начала искъ о свободѣ. Протоіерей Могилевскій, конечно, былъ человѣкъ достаточно образованный для того, чтобы знать, что онъ не имѣетъ

[1]) Обзоръ духовной литературы, преосв. Филарета, ст. Аѳанасій Могилевскій.

права владѣть крѣпостными. Но тѣмъ не менѣе онъ не только не отступаетъ, а напротивъ энергично поддерживаетъ свое мнимое право, ссылаясь на какое то постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся будто бы въ его пользу десять лѣтъ тому назадъ, когда его живую собственность требовалъ себѣ назадъ прямой наслѣдникъ преосвященнаго Сулимы, племянникъ покойнаго. Чрезвычайно характерны слова въ отвѣтѣ протоіерея на запросъ, вызванный жалобой Матрены Бубинской, которыми протоіерей объясняетъ мотивы этой жалобы: ...„сіе произошло не отъ притѣсненій или побоевъ, но единственно по развратности ея поведенія и *по безразсудному намѣренію искать себѣ вольности и жишь въ независимости*"... Потянулось это незамысловатое дѣло, которое протоіерею въ концѣ концовъ суждено было проиграть, такъ какъ ему уже совсѣмъ не на чемъ было обосновать свои притязанія. Но тянулось оно восемь съ лишнимъ лѣтъ! Конечно, можно сказать, что это еще не Богъ знаетъ что. Мало ли въ судебной практикѣ можно насчитать дѣлъ, которыя тянулись не только восемь, но и дважды и трижды восемь лѣтъ. Это такъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ особенными обстоятельствами, которыя опять таки кидаютъ кой какой свѣтъ на блаженное старое время и его порядки. Началось дѣло 24 января 1824 года жалобой Матрены Бубинской и отвѣтомъ протоіерея на запросъ полиціи, вызванный этою жалобой. Все пошло обычнымъ порядкомъ, отъ прокурора въ губернское правленіе, изъ губернскаго правленія въ уѣздный судъ. Дѣло было, повидимому, просто и ясно, ничто постороннее его не осложняло, такъ что можно было разсчитывать на такой или иной, но во всякомъ случаѣ скорый его исходъ. Не тутъ то было. Бѣдное правосудіе неожиданно зацѣпилось за невозможную по своей ничтожности преграду—и стало пнемъ. Вотъ какое вышло затрудненіе. Протоіерей, какъ сказано выше, основывалъ свои права на состоявшемся будто бы въ его пользу, десять лѣтъ тому назадъ, постановленіи губернскаго правленія. Уѣздный судъ, при разбирательствѣ дѣла, нашелъ необходимымъ навести справку въ губернскомъ правленіи, дѣйствительно ли было тамъ такое дѣло и состоялось постановленіе въ пользу протоіерея. И вотъ на этой то справкѣ и застряло дѣло. Уѣздный судъ послалъ въ губернское правленіе за справкой въ октябрѣ того же 1824 года. Губернское правленіе справки не доставляетъ. Прошелъ весь слѣдующій годъ—справки нѣтъ. Въ 1826 г. уѣздный судъ снова проситъ губернское правленіе о справкѣ—по прежнему ни

гласа, ни послушанія. Въ слѣдующемъ году снова тотъ же результатъ. Такъ идетъ изъ года въ годъ до 1830 г., когда уѣздный судъ, вышедши изъ терпѣнія, доноситъ губернатору о бездѣятельности губернскаго правленія. Судъ продолжаетъ обстрѣливать губернское правленіе просьбами о справкѣ; къ нему присоединяется теперь и тяжелая артиллерія въ лицѣ губернатора, который предложилъ губернскому правленію „учинить немедленно распоряженіе къ поспѣшнѣйшему доставленію справки". Но губернское правленіе оказалось такимъ броненосцемъ, который не такъ то легко было пронять. Губернаторъ черезъ каждые два-три мѣсяца, наконецъ даже—недѣли, энергически требуетъ отъ губернскаго правленія исполненія просьбы уѣзднаго суда. Но только въ слѣдующемъ 1831 г. губернское правленіе затребовало у своего архиваріуса выправку: восемь лѣтъ надо было его толкать на этотъ подвигъ, надо было пустить для этого 22 бумаги отъ уѣзднаго суда и губернатора! По выправкѣ оказалось, что никакого такого дѣла въ губернскомъ правленіи нѣтъ и никакого постановленія въ пользу протоіерея Могилевскаго дѣлаемо не было, какъ и слѣдовало ожидать. Уѣздный судъ получилъ, что желалъ. Но тутъ новый сюрпризъ. Уѣздный судъ открываетъ неожиданно, что дѣло ему неподсудно, такъ какъ Могилевскій не дворянинъ: вещь, которую онъ обязанъ былъ знать ровно восемь лѣтъ тому назадъ до начала всякихъ справокъ. Да и узнавать то ему было незачѣмъ, такъ какъ въ судѣ было другое дѣло о протоіереѣ, изъ котораго судъ долженъ былъ знать, что протоіерей происходитъ изъ духовнаго званія, слѣдовательно, это дѣло уѣздному суду не подсудно. Дѣло снова поступаетъ въ губернское правленіе. Зная порядки губернскаго правленія, можно было думать, что дѣло забудется окончательно, но къ удивленію этого не случилось. Уже въ апрѣлѣ 1832 г. состоялось постановленіе губернскаго правленія, въ которомъ было сказано, что такъ какъ дѣло просто и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, то дѣвкѣ и должна быть дарована свобода. Мытарства бѣдной дѣвки кончились. Но восемь лѣтъ висѣть между небомъ и землей только потому, что несмазываемое правосудіе губернскаго правленія не удосуживалось сдѣлать выправку у своего собственнаго архиваріуса...

Но что случилось съ губернскимъ правленіемъ, что оно вдругъ обнаружило такую сверхъестественную энергію: всего какой нибудь годъ, да и того меньше, какъ дѣло поступило изъ уѣзднаго суда, и оно уже рѣшено. А случилось вотъ что. Не успѣло дѣло посту-

нить изъ уѣзднаго суда, какъ губернскимъ правленіемъ полученъ былъ указъ изъ Сената, вызванный жалобой прокурора съ требованіемъ дать „безъ малѣйшаго замедленія“ объясненіе по дѣлу объ ищущей свободы дѣвкѣ Матренѣ Бубинской. Однако и сенатъ успѣлъ таки два раза повторить свое строжайшее требованіе, прежде чѣмъ губернское правленіе собралось разсмотрѣть дѣло и постановить рѣшеніе.

Строгость же Сената объясняется тѣмъ, что губернское правленіе накопило нѣсколько такихъ, однородныхъ, дѣлъ (объ ищущихъ свободы) и цѣлые годы не давало имъ никакого движенія. Надо думать, что тутъ было не безъ вліянія отсутствія смазыванія, на которое едва ли можно было разсчитывать со стороны истцовъ, ищущихъ свободы, а можетъ быть и хорошая смазка со стороны отвѣтчиковъ. Конечно, и личныя симпатіи губернскаго правленія были цѣликомъ на сторонѣ отвѣтчиковъ. Вѣдь отвѣтчики были по соціальному положенію близкіе, чиновники, купцы и т. п. низшіе пласты привилегированнаго класса, желавшіе распространить на себя пріятное право владѣнія живой человѣческой собственности. Но допуская даже продажу крестьянъ „по вольнымъ цѣнамъ“ (съ публичнаго торгу), правительство тѣмъ не менѣе твердо стояло на томъ, чтобы сдѣлать право крѣпостнаго владѣнія исключительной прерогативой дворянскаго сословія. Указы въ этомъ случаѣ слѣдовали за указами; нарушители подвергались тяжелой отвѣтственности; центральные органы строго слѣдили за примѣненіемъ закона органами областными. Мы сказали, строго слѣдили, но точнѣе было бы сказать: проявляли стремленіе строго слѣдить. На самомъ же дѣлѣ, такова была всеобъемлющая сила патріархальныхъ привычекъ, что и самъ Сенатъ не могъ примѣнить своей большой власти къ тому, чтобъ дать дѣламъ желаемое движеніе. Онъ втеченіи шести лѣтъ долженъ былъ понуждать губернское правленіе и уѣздный судъ покончить четыре залежавшихся дѣла объ ищущихъ свободы отъ крестьянства и выпустилъ для понужденія семь указовъ. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ такой героической мѣрѣ, которая наконецъ и подѣйствовала,—къ угрозѣ выслать на счетъ виновныхъ въ проволочкѣ курьера изъ Петербурга.

Просто это дѣло объ ищущей свободы дѣвкѣ, но въ немъ какъ солнце въ малой каплѣ воды, отражаются кое-какія характерныя черты эпохи. Передъ нами представители высшей духовной іерар-

хіи, интеллигентные люди своего времени, которые не гнушаются тѣмъ не менѣе дарить и принимать въ даръ живаго человѣка, беззастѣнчиво отрывая его отъ родины, родныхъ, всѣхъ привычныхъ условій жизни. Мало того, ученый протоіерей рѣшается поддерживать свое право, даже зная, что оно не опирается на твердую почву закона: конечно, онъ глубоко убѣжденъ, что если онъ не правъ формально, то правъ по существу, и что дѣвка лишь по „развратности и безразсудству" хочетъ нарушить его право, созданное архіерейскимъ дареніемъ. Передъ нами судебно-административныя учрежденія того еще не совсѣмъ исчезнувшаго изъ памяти дореформеннаго типа, который являлся представителемъ идеи, что не учрежденія существуютъ для общества, а общество для нихъ, для наполненія безконечно глубокихъ кармановъ ихъ служителей.

Рабство необходимо, по приведенному выше мнѣнію Квитки, для порядка; но не имѣемъ ли мы здѣсь случая убѣдиться, что оно является спутникомъ возмутительнаго безпорядка?[1]).

А. Е.

Изъ прошлой жизни.

I.

В. С. Поповъ въ своей Рѣшетиловкѣ (1817).

(Записано со словъ разсказчика).

Въ 1817 г. мнѣ пришлось съ полкомъ переходить черезъ знаменитую своими смушками Рѣшитиловку; болѣе курчавыхъ и мягкихъ смушекъ, какъ рѣшетиловскія, мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть; говорятъ, что это вліяніе мѣстной воды.

Въ то время, какъ я тамъ былъ, въ Рѣшетиловкѣ жилъ, какъ звали его крестьяне, „добрый, великій панъ", самъ владѣлецъ мѣстечка, въ началѣ сотрудникъ великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина, и впослѣдствіи самъ по себѣ самостоятельный сановникъ Василій Степановичъ Поповъ. Жилъ онъ своемъ дворцѣ, среди великолѣпнаго парка и славился своимъ открытымъ, радушнымъ гостепріимствомъ, что привлекало подъ его кровъ массу гостей. Гостепріимство его распространялось не только на знатныхъ и дворянъ, но

---

[1]) Дѣло Малороссійскаго Архива № 144 „Объ ищущей свободы отъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матренѣ бубинской (нач. 1824 г., конч. 1836 г.).

было доступно и крестьянамъ какъ его владѣнія, такъ и сосѣднихъ имѣній.

Каждое воскресенье рѣшетиловскіе и сосѣдніе съ мѣстечкомъ крестьяне, разодѣтые по праздничному, шли въ садъ къ Василію Степановичу „праздниковати", какъ они говорили. Въ разныхъ мѣстахъ сада были устроены для молодежи качели, а на водяныхъ каналахъ, которыми былъ изрѣзанъ весь садъ и паркъ, стояли выкрашенныя шлюбки для катанья. На главномъ каналѣ стояла стеклянная будка, въ которой во время народнаго гулянья игралъ хоръ роговой музыки изъ сорока человѣкъ, что производило на гуляющихъ большое впечатлѣніе. Паробки и дивчата разбивались по парку и саду многочисленными группами, качались на качеляхъ, разъѣзжали на лодкахъ, танцовали свои народныя танцы и пѣли свои задушевныя пѣсни. По окончаніи гулянья, было въ обычаѣ подходить къ „панскимъ будынкамъ" т. е. ко дворцу и благодарить хозяина за праздникъ, Василій Степановичъ выслушавъ спасибо, всегда тутъ же приказывалъ своимъ лакеямъ выносить угощеніе пришедшей толпѣ,—появлялись корзинки съ яблоками, пряниками, орѣхами и прочими простыми лакомствами — вмигъ все это приправленное взаимными шутками и смѣхомъ Вас. Степ. и пришедшихъ къ нему съ благодарностью гостей—его крестьянъ уничтожалось, и они уходили, приглашенные хозяиномъ и въ слѣдующій праздникъ не забывать его...

II.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ и архиваріусъ повѣтоваго суда.

(Записано со словъ разсказчика).

Князя Н. Г. Репнина очень любили въ Малороссіи какъ добраго, справедливаго, доступнаго всѣмъ и каждому начальника края, и въ бытность его генералъ-губернаторомъ и долго послѣ его вытытія про его личность ходила масса анекдотовъ, обрисовавшихъ эту прекрасную личность,—вотъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ, слышанный мною давно:

Князь Репнинъ, неожиданно для уѣздныхъ властей полтавской губерніи, выѣхалъ на святой недѣлѣ изъ Полтавы, при чемъ путь его лежалъ или на Прилуки, или же на Пирятинъ, хорошо не припомню,—сопровождавшій его чиновникъ, знавшій плохое со-

стояніе тогдашнихъ почтовыхъ станцій, приказалъ привести почтовыхъ лошадей къ дому, гдѣ помѣщался повѣтовый судъ, куда и завезъ князя. Въ судѣ, по случаю праздниковъ, никого изъ членовъ суда не было, а дежурилъ старый архиваріусъ, только что представленный за 35-лѣтнюю службу къ ордену Владиміра IV ст. и нетерпѣливо ждавшій полученія этой награды, которая давала ему право потомственнаго дворянства. Старикъ не ждалъ никого изъ начальствующихъ въ судѣ, почему своевременно въ урочный для него часъ досталъ изъ за связокъ дѣлъ, хранившихся въ архивномъ шкапу, штофикъ водки и зукуску, выпивъ нѣсколько чарокъ, закусилъ и предался мечтамъ о своемъ будущемъ дворянствѣ, какъ вдругъ мечты эти были прерваны, подлетѣвшимъ экипажемъ со звонками изъ котораго вышла знакомая всей Малороссіи фигура князя Репнина. Архиваріусъ, не смѣшавшись, встрѣтилъ князя въ дверяхъ суда и отрапортовалъ ему, что въ судѣ все обстоитъ благополучно, но что по случаю „наступившаго Великдня присутствія нема и подсудки, а также панъ судья отсутствуютъ, онъ, архиваріусъ, состоитъ дежурнымъ по суду, и буде Его Сіятельство желаетъ обревизовать дѣла, ввѣренныя его храненію въ архивѣ, то онъ будетъ осчастливенъ, тѣмъ болѣе, что высокій начальникъ лично убѣдится въ его заслугахъ, за которыя его прямое начальство удостоило уже представленіемъ къ ордену св. Владиміра IV ст. Князь улыбнулся и просилъ вести себя въ архивъ. Прійдя туда, князь увидѣлъ шкапы, полные бумагъ, подошелъ къ одному изъ нихъ и указывая на связки съ дѣлами, спросилъ, что за дѣла? Архиваріусъ далъ точный и обстоятельный отвѣтъ. Еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ и тѣ же обстоятельные отвѣты; князь поблагодарилъ архиваріуса за порядокъ и выразивъ надежду на успѣшный исходъ представленія къ ордену достойнаго архиваріуса, собирался уже выходить изъ архива, тѣмъ болѣе, что и лошадей ему успѣли запречь, какъ случайно увидѣвъ на шкапу еще связку дѣлъ, спросилъ: „А это что у Васъ за дѣла, почтеннѣвшій?“.—„А це таки, що я й самъ не знаю, та й Вамъ лизты въ ихъ не совитую, бо якъ я не розибрався зъ ными, то й Вамъ ихъ не розибрать“ отвѣчалъ архиваріусъ.—„Вѣрно“, сказалъ князь и уѣхалъ.—Отвѣтъ архиваріуса князю скоро сталъ извѣстенъ всему городу,—начальство распекло старика и разъяснило ему, что князь могъ легко обидѣться его отвѣтомъ и вмѣсто представленія къ ордену, пожалуй прогонитъ его за грубость, и бѣдняга впалъ въ уныніе, изъ

котораго впрочемъ его скоро постарался вывести князь, приславъ „за урокъ“ рублей 50 или 100 съ извѣщеніемъ, что онъ утвердилъ представленіе къ ордену, который онъ и не замедлитъ получить.

III.

Князь Н. Г. Рѣпнинъ и его честное слово.

Князь Н. Г. Репнинъ часто нуждался въ деньгахъ, такъ какъ несмотря на свои большія средства, жилъ всегда шире ихъ,—нуждаясь, онъ прибѣгалъ къ займамъ, но платилъ долги очень неаккуратно. Разъ онъ попросилъ въ займы 10 т. руб. у лубенскаго маршала дворянства, человѣка съ большими деньгами. Тотъ отвѣтилъ ему, подавая требуемую сумму „охотно даю Вамъ, князь, нужныя Вамъ деньги, но только, ради Бога, не подъ вексель или подъ какой нибудь другой документъ, а подъ Ваше одно честное слово такъ какъ Вы, давши документъ Вы успокоитесь относительно своего долга мнѣ, давши же честное слово, Вы всегда будете заботиться о его выполненіи“... Долгъ былъ выплоченъ въ срокъ.

IV.

Губернаторская ревизія уѣзднаго суда.

Въ 1840-хъ годахъ былъ назначенъ въ черниговскую губернію губернаторомъ Ш.—Большой баринъ, новый губернаторъ не отличался вѣжливостью въ обращеніи съ подчиненными и имѣвшими къ нему служебныя отношенія чиновниками, былъ крайне грубъ и рѣзокъ съ ними, полагая, что уѣздныя должности и по выборамъ, и по назначенію отъ правительства заняты людьми, живущими на счетъ взятокъ; въ черниговской же губерніи въ тѣ времена выборныя должности заняты были во многихъ уѣздахъ людьми богатыми, образованными, занятыми болѣе общественною службою, чѣмъ устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ и имѣвшими и по своимъ качествамъ и родству несомнѣнныя связи съ Петербургомъ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и бывшій тогда въ г. Борзнѣ уѣздный судья Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, человѣкъ вполнѣ честный и образованный, съ хорошими средствами, съ связями и знакомствами въ Петербургѣ, гдѣ его знали и цѣнили вполнѣ по достоинству.—Вскорѣ по прибытіи въ Черниговъ, Ш. направился по губерніи съ ревизіей; вездѣ прошла молва, „що губернаторъ лютуе“: тамъ онъ обругалъ исправника, тамъ прогналъ становыхъ, тамъ чуть ли не самолично произ-

велъ судъ и расправу съ думою, тамъ въ уѣздномъ судѣ грозилъ, что отдастъ подъ судъ и судью, и подсудковъ и камня на камнѣ не оставитъ въ судѣ и проч. и проч. Дошло дѣло и до Борзны; пріѣзжаетъ Ш. въ уѣздный судъ, Н. Д. встрѣчаетъ его вѣжливо, но сухо и на требованіе представить дѣла къ ревизіи, зоветъ секретаря и приказываетъ ему представить тѣ дѣла на ревизію, которыя потребуетъ его превосходительство, и, пригласивъ губернатора сѣсть у стола, самъ съ засѣдателями у того же стола занимаетъ мѣсто.— Оскорбился ли Ш. такимъ поведеніемъ судьи, или норовъ такой у него былъ, но какъ только секретарь подалъ ему дѣло на ревизію, онъ, схвативъ дѣло, сталъ теребить его въ рукахъ, кричать, что развѣ въ такомъ видѣ можно представлять на ревизію его, губернатора, дѣла, что онъ за такое непочтеніе и невниманіе отдастъ подъ судъ весь составъ суда съ его канцеляріею, загонитъ ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а въ концѣ своей рѣчи, какъ бы въ доказательство, что все имъ сказанное онъ не замедлитъ привести въ исполненіе, скомкавъ представленное ему на ревизію дѣло, бросилъ его въ уголъ присутственной комнаты. Николай Даниловичъ, выслушавъ молча всѣ разглагольствованія губернатора-ревизора, какъ только дѣло очутилось въ углу на полу, далъ знакъ подать себѣ дѣло и, перелистовавъ его и замѣтивъ всѣ слѣды ревизорскаго гнѣва на немъ, обратился съ просьбою къ губернатору собственноручно отмѣтить на дѣлѣ, что поврежденія въ дѣлѣ сдѣланы имъ, губернаторомъ, при ревизіи суда такого то года, мѣсяца и числа.— Ш. сталъ отказываться; тогда Н. Д. приказалъ, держа въ рукахъ дѣло, составлять протоколъ о испорченномъ при ревизіи губернаторомъ Ш. дѣлѣ. Этого уже Ш. не допустилъ, взявъ дѣло, сдѣлалъ на немъ отмѣтки о произведенной имъ порчѣ, послѣ чего, не производя уже ревизіи, молча вышелъ изъ суда и въ дальнѣйшихъ своихъ ревизіяхъ велъ себя болѣе сдержанно.

V.

Гостепріимный помѣщикъ.

Въ черниговской губерніи еще въ 1850-хъ годахъ жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, расположенныхъ и въ сѣверныхъ, и южныхъ уѣздахъ, ея знаменитый своимъ богатствомъ и скупостью помѣщикъ панъ Илья Петровичъ Ю—чъ. Скупость его доходила до того, что онъ мѣсяцами не перемѣнялъ бѣлья, ходилъ въ какомъ то грязномъ

полушубкѣ, все припрятывалъ, сберегалъ, отказывая себѣ во всемъ... сыновья его съ нимъ не жили,—оба занимали видные посты одинъ въ Петербургѣ, другой въ провинціи, самъ онъ былъ вдовъ и весь отдался сбереженіямъ... Мнѣ самому приходилось впослѣдствіи слышать отъ лѣсниковъ его богатаго лѣсами имѣнія села О--ки н—скаго уѣзда, когда я удивлялся хорошему сбереженію лѣса въ имѣніи: „хиба намъ панъ позволявъ коли небудь дать на свою экономію хочь визъ дровъ,—мы повынны булы возчыкамъ зъ экономіи показать, у якого пана можна украсты деревню для свого пана,—такъ бувало мы усе грапскимъ лисомъ свою экономію контентуемъ,—того и нашъ лисъ такый славный вырисъ,—а теперичка молоды паны его жыдамъ задарма отдалы“... Вотъ этотъ то панъ, посылавшій красть чужой лѣсъ, отказывавшій себѣ въ стаканѣ молока, говоря, что „якъ молока выпъю, то не буде сметаны, а не буде сметаны, не буде масла, а не буде масла—не буде грошей“... придумалъ оригинальный способъ пріема заѣзжавшихъ къ нему въ имѣніе по дѣламъ службы чиновниковъ. Осенью отдавался лѣсникамъ приказъ во что бы то ни стало доставить нѣсколько убитыхъ волковъ; съ доставленныхъ труповъ снимались шкуры и тутъ же въ нихъ клался овесъ съ цѣлью пропитать его волчьимъ духомъ. При пріѣздѣ чиновниковъ овесъ этотъ засыпался конямъ ихъ,—кони, заслышавъ волчій духъ, фыркали, бросались въ сторону, рвались изъ станковъ, такъ что кучера съ трудомъ выводили ихъ изъ конюшни; овесъ прибирался и прятался до слѣдующаго пріѣзда чиновниковъ, а панъ при случаѣ всегда аттестовалъ чиновничьихъ коней такъ: на даровомъ овсѣ поробились такими скаженными, що не прыведы Господы! мало мало мою конюшню не розорылы, побачивши тилько мій овесъ!...

VI.

О благотворительности Куликовскаго и Овсянникова.

Представленіе на имя Государя Императора отъ дюка де Ришелье 30-го ноября 1808-го года о позволеніи воспитанику полковника Дмитрія Куликовскаго коллежскому регистратору Николаю Овсянникову присовокупить къ своей фамилію Куликовскихъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Помѣщикъ таврической губерніи, отставный полковникъ Дмитрій Куликовской многими заслугами на пользу ближняго и на

пользу отечества обратилъ на себя вниманіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь!

Жительствуя на берегу Днѣпра при въѣздѣ съ сей стороны въ Крымъ, домъ его отверстъ былъ богатому и бѣдному; богатые находили себѣ здѣсь мирное отдохновеніе, а бѣдные пищу и необходимое снабдѣніе. Чтобъ помочь человѣчеству облегчить страждущихъ болѣзнями, не своихъ только людей, но изъ сосѣднихъ казенныхъ селеній и проходящихъ въ Крымъ и изъ Крыму военныхъ командъ, Куликовской изъ единаго сострадания къ ближнему учредилъ въ Каховкѣ больницу; сюда выписалъ изъ Гамбурга и содержалъ на щотъ свой доктора, жертвуя всѣмъ на облегченіе больныхъ въ ихъ болѣзняхъ. Въ теченіи одного года были въ больницѣ четыреста пять человѣкъ. Пять изъ нихъ умерли, прочіе выздоровѣли. Всемилостивѣйшій Государь! Я лично навѣщалъ благодѣтельное сіе заведеніе и нашелъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Больные призрѣны и услужены сколько можно лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Для пользы солянаго промысла, стѣсненнаго было со стороны настьбищъ, Куликовскій пожертвовалъ тремя тысячами десятинъ земли, лишивъ себя принадлежащаго съ нихъ дохода, каковыми сосѣды его пользуются спокойно. Во время ополченія милиціи Куликовскій самъ вызвался лично служить; первый выставилъ и лучшимъ образомъ вооружилъ людей на службу.

Завѣщая благопріобрѣтенное имѣніе свое еще въ 1803-мъ году воспитанному имъ коллежскому регистратору Николаю Овсянникову, сыну покойной жены его, онъ имянно постановилъ, есть ли сей облагодѣтельствованный имъ молодой человѣкъ будетъ безпотоменъ, обратить то имѣніе на воспитаніе и содержаніе не имущихъ дворянъ.

Такимъ образомъ вся жизнь Куликовскаго была, такъ сказать, цѣпь благодѣяній и благонамѣренности. Онъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. За жизни своей ничего онъ не желалъ и не искалъ столько, какъ чтобъ облагодѣтельствованный имъ Овсянниковъ, въ память пребыванія его въ таврическомъ краѣ, присоединилъ къ своей фамилію Куликовскихъ. Того ищутъ родные братья покойнаго полковникъ Михаилъ и коллежскій совѣтникъ Николай Куликовскіе, того жаждутъ облаготворенные имъ. Получивши имѣніе Овсянниковъ не смотря что все родовое имѣніе отошло въ родъ Куликовскихъ, слѣдуя благотворнымъ намѣреніямъ виновника счастья своего, беретъ на себя продолженіе содержанія боль-

ницы и еще учреждает богодѣльню для содержанія 25-ти душъ нищихъ и глубокою старостію обремененныхъ.

Всемилостивѣйшій Государь! бывъ личный свидѣтель всѣхъ подвиговъ Куликовскаго на пользу ближняго и желанія его, чтобъ Николай Овсянниковъ присовокупилъ къ своей фамилію Куликовскихъ, желанія родными его братьями одобреннаго, зная колико почтена память покойнаго во всей Тавридѣ, дерзаю всеподданѣйше просить о всемилостивѣйшемъ позволеніи Овсянникову присоединить фамилію Куликовскихъ безъ всякаго въ прочемъ на родовое имѣніе вліянія. Отзывъ братьевъ Куликовскихъ и прошеніе Освянникова осмѣливаюсь повергнуть въ Высочайшее возрѣніе Вашего Императорскаго Величечтва.

Августѣйшій Монархъ! Вашего Императорскаго Величества

На подлинномъ тако: дюкъ Емануилъ де Ришелье, Генералъ-Лейтенантъ.

Ноября 30-го дня 1808-го года.

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ.

Печатаемые ниже три разсказа сообщены редакціи Я. П. Новицкимъ изъ его рукописнаго сборника. Разсказы эти представляютъ варіанты напечатанныхъ въ сборникахъ Драгоманова (Малорусскіе народные преданія и разсказы, стр. 9, 15, 5) и Чубинскаго (Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-зап. край, т. I, стр. 60, 39, 49), но представляютъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ этихъ послѣднихъ.

Отчего воробьи зимуютъ у насъ.

(Разсказъ).

Якъ роспыналы Хреста, горобци крычали: *жывъ! жывъ! жывъ!* Жыды почалы ще гиршъ мучыть. За те Господь проклявъ ихъ и не позволывъ имъ литать въ теплы стороны. Въ осени, якъ буваютъ жыдивськи кучки, то и воны кучкамы литають. Зимою ихъ багато погиба: мерзнуть.

Баба Марчиха.

Ольгинское, маріуп. у. 23 октября 1876 г.

Почему евреи не ѣдятъ свинины.

(Разсказъ).

Якъ шукалы жыды Хреста, винъ сховався въ ясла съ синомъ. Кони зверху выилы сино, а винъ сховався глыбше. Того мняса коней не идять. Куры сталы гребты сино и выгреблы. Жиды уловылы Хреста и почалы мучыть. Хрестосъ сховався въ солому. Свини почалы рыть, тай зарылы Хреста глыбше. Тымъ тецеръ жыды падки на курятыну а свыней не идятъ. Намъ, хрещенымъ, Богъ благословывъ свыныну, оттого мы и святемо сало съ паскою.

Баба Марчиха.
Ольгинское, 23 октября 1876 г.

Откуда взялись камни.

Варвара Великомученица.

(Разсказъ).

Якъ жыла Варвара на земли, то не було ни одного каменя. Вона була богомольна и праведна. а батько іи изъ жыдивъ и лютый, якъ звирюка. Було якъ застане іи за молытвою, то заразъ и почне быть та мучыть. Стико вже винъ іи не мучывъ, вона все молыться Господу. Отъ разъ заставъ іи на колинахъ, розлютувався и до неи. Вона навтикы, та въ степъ. Тамъ паслысь вивци—вона межъ вивци и заховалась. Прыбигъ батько.—Чы не бачылы сякои-такои?—пыта чабанивъ.—Бачылы, кажуть: межъ вивци вскочыла и заховалась. И указалы пальцемъ. Съ тіи поры чабани и вивци покамьянилы. Ото якъ случается бачыть скели—стоять мовъ люды зъ рукамы—то чабаны, де каминня лежать—то все вивци.

Баб. Марчиха 65 л.
Ольгинское, маріуп. у. 23 октября 1876 г.

„Воянцка писня“.

Первое число ноября по новому стилю въ латинскомъ обрядѣ называется „днемъ задушнымъ или просто „задушками“. Въ этотъ день, въ праздникъ „всѣхъ святыхъ“ совершается всеобщее помино-

веніе по усопшимъ. Тысячи народа всѣхъ сословій идутъ въ теченіи всего дня, особенно же къ вечеру, на кладбища, украшаютъ могилы дорогихъ имъ покойниковъ цвѣтами, вѣнками, свѣчами и лампами; вечеромъ эти послѣднія зажигаются, и все кладбище представляетъ громадную волну искрящихся огоньковъ, среди которыхъ медленно двигаются массы народа.

Не удивительно, что день этотъ, особенно же вечеръ составляетъ необыкновенную приманку для нищей братіи, потому что вѣдь поданіе милостыни составляетъ издавна одинъ изъ способовъ чествованія памяти умершихъ. Правда, въ настоящее время, особенно среди городской публики высшихъ классовъ, милостыни даютъ мало, что однако не мѣшаетъ многочисленнымъ нищимъ стекаться къ „задушному дню“ даже изъ дальнихъ деревень во Львовъ. Длиннымъ рядомъ сидятъ они вдоль улицы, ведущей на Лычаковское кладбище, читаютъ молитвы, поютъ пѣсни и выпрашиваютъ подаянія. Молитвы и пѣсни слышатся на двухъ языкахъ: польскомъ и малорусскомъ.

Пробираясь въ прошломъ году вечеромъ среди густой толпы народа, стремящейся къ Лычаковскому кладбищу, я былъ пораженъ отрывочными словами одной пѣсни, долетѣвшей до меня изъ среды нищихъ и непохожей на обыкновенно распѣваемыя пѣсни о „Сыриткѣ“, „Лазарѣ“, „святой Варварѣ“, „святомъ Алексѣѣ“ и т. п. Я остановился возлѣ какой то не очень старой, слѣпой нищей, которая полуохрипшимъ отъ холода, но довольно бойкимъ голосомъ какъ разъ пѣла послѣднія строфы „воянцкои писни“. Какая то дряхлая старушка подтягивала ей своимъ надтреснутымъ голосомъ. Я съ интересомъ дослушалъ до конца ихъ пѣніе, за которымъ слѣдовало длинное, мѣрно и на распѣвъ произнесенное „причитаніе“, котораго я къ сожалѣнію не могъ запомнить. Но самая пѣсня очень заинтересовала меня, такъ какъ до сихъ поръ ни въ репертуарѣ нищихъ „лирниковъ“, ни вообще я не слыхалъ этой пѣсни. Вручивъ обѣимъ пѣвицамъ по 10 крейцеровъ, я просилъ ихъ еще разъ пропѣть эту „воянцку писню“; къ моей просьбѣ присоединилась еще довольно значительная кучка рабочихъ, которые тоже слышали только ея окончаніе, и подкрѣпили свое желаніе довольно щедрой подачкой. Отдохнувъ немного, обѣ пѣвицы и пропѣли слѣдующую пѣсню. Къ сожалѣнію, время было позднее, записать ее на мѣстѣ отъ слова до слова среди толпы не было никакой возможности. Но такъ какъ мотивъ пѣсни былъ очень медленный, и къ тому же

всякій стихъ въ пѣніи дважды повторялся, то я успѣлъ довольно хорошо запомнить текстъ пѣсни, который и списалъ сей часъ по возвращеніи домой. Кажется, однако, что помимо напряженія памяти нѣсколько строкъ таки были мною забыты. Когда я на слѣдующій день хотѣлъ разыскать пѣвицу, разспросить ее, кто она и откуда, и заставить еще разъ пропѣть эту пѣсню, её на прежнемъ мѣстѣ не оказалось. Равнымъ образомъ и въ настоящемъ году мнѣ не удалось болѣе услышать этой пѣсни, почему я и передаю ее, желая обратить на нее вниманіе собирателей, которымъ, можетъ быть, и посчастливится записать болѣе полный ея варіантъ.

„Воянцка писня“ представляетъ несомнѣнный научный интересъ, какъ довольно поздняя, на *галицкой* почвѣ сдѣланная переработка и компиляція нѣсколькихъ, болѣе древнихъ пѣсенныхъ мотивовъ, не встрѣчающихся въ Галичинѣ. Полагаю что главнымъ образомъ мотивъ умирающаго козака (здѣсь, конечно, солдата) разговаривающаго съ орломъ—сравни аналогическіе стихи въ „Думѣ про побигъ трохъ бративъ изъ Азова“. Далѣе, стихи 59—63 заимствованы изъ извѣстной пѣсни „Гоминъ, гоминъ по диброви“, имѣющейся и въ Галичинѣ въ многочисленныхъ варіантахъ. Въ высшей степени поэтическое сравненіе ст. 63—67 заимствовано тоже изъ другой, старѣйшей пѣсни. Опредѣленіе всѣхъ этихъ составныхъ частей оставляю болѣе компетентнымъ изслѣдователямъ нашего народнаго творчества.

Но есть въ нашей „воянцкой пѣсни“ и болѣе новыя, оригинальныя черты. Къ такимъ нужно прежде всего отнести стихи 4—9 составляющіе несомнѣнную попытку придать древнему сказанію о козацкихъ невзгодахъ современное, общественно-нравственное значеніе, посредствомъ расширенія понятія войны на современную соціальную борьбу между „братьями“. Величественные по своей простотѣ стихи

Нема добра тай не буде:
Була війна, тай ще буде—и т. д.

составляютъ на мой взглядъ выраженіе того самаго пробужденія болѣе широкаго общественно-нравственнаго сознанія среди украинскаго народа, на которое мастерски указалъ М. Драгомановъ въ своей книгѣ „Нові українські пісні про громадські справи“. Къ какимъ интереснымъ сближеніямъ приводитъ иногда это стремленіе, можно ви-

дѣть хотя бы изъ сопоставленія „служьбонькы цисарськои“ съ бывшею „неволею турецькою“ и мольба къ Богу объ избавленіи отъ одной и другой.

Миронъ.

Хвалимъ Бога едыного,
Суса Хрыста правдывого,
Що все небо й земля ёго!

Нема добра тай не буде:
Була вийна тай ще буде,
Братъ на брата ворогуе,
Сестра сестри смерть готуе,
Донька матку зневажае,
Отець сына проклынае.

Нема добра тай не буде:
Буха війна тай ще буде:
Бо на війни свитъ настае,
На війни ся й закинчае.

Дай намъ Боже, прожываты,
Воянцку писню спиваты,
Бога въ Тройцы выхваляты!

Ой тамъ въ поли край дорогы,
Ой тамъ лежытъ два капрали,
Що па выйнахъ погыбалы,
Що ихъ кули постриляли,
Що ихъ мечи порубады.
Воны кулямы пострыляны,
А мечамы порубаны

Ой тамъ въ поли край дорогы
Два капрали погыбалы,
Тай зъ собою розмовлялы:

Ой брате мій, товарышу,
Скажыжъ мини хоть разъ правду:
Котра рана тай гиршая?
Чи кулею постриляна,
Чи мечамы порубана?“

—„Ой видъ кули е лекшая,
А видъ меча е гиршая.
Бо видъ меча кервовь зійшла,
А видъ кули серцемъ прійшла".

„Ой брате жъ мій, товарышу,
Скажы жъ мини хоть разъ правду:
Хто насъ буде доглядаты,
Нащы раны завываты,
И намъ исты доношаты?"

Ой чувъ тото орелонько
Тай ставъ до ныхъ промовляты:
„Я васъ буду доглядаты,
Вашы раны завываты
И вамъ исты доношаты:
Зъ лоба очы выдзьобаты,
Биле тило розрываты!"

„Ой брате мій, товарышу,
Якъ бы наша маты знала,
То вна бы насъ поховала,
Дзвононькы бы понаймала,
Надъ намы бы заплакала,
Якъ зозулька щебетала.

— „Сыны жъ мои, соколята,
Колы жъ васъ си сподиваты
Изъ чужыны далекои,
Изъ неволи турецькои,
Изъ службонькы цисарськои?"

—„Озьмы маты, писку въ жменю,
Посій його по каменю,
Икъ той писокъ жытомъ зійде,
Тогды сынъ твій зъ війны прыйде
Чорновъ хмаровъ по надъ іего,
Яснымъ сонцьомъ надъ виконцьомъ,
Риснымъ дожджомъ надъ нывоньковъ,
Голубонькомъ на подвирье,
Дытыноньковъ на пидсинье!"

Выведы жъ насъ, моцный Боже,
Изъ чужины далекои,
Изъ неволи турецькои!
Изъ службонькы цисарськои!

Замѣтка объ альбомѣ украинскихъ древностей И. А. Зарѣцкаго.

Г. Зарѣцкій раскопалъ нѣсколько кургановъ возлѣ с. Лихачевки богодуховскаго уѣзда харьковской губ. и кромѣ того здѣсь же производилъ случайныя разысканія въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1881 по 1886 г.). Объ этихъ раскопкахъ и находкахъ онъ напечаталъ статью въ Харьковскомъ Сборникѣ за 1888-й годъ и приложилъ къ ней 2 таблицы снимковъ съ древностей. Но кромѣ этого г. Зарѣцкій составилъ еще цѣлый альбомъ рисунковъ, изображающихъ лихачевскія древности. Рисунки исполнены самимъ г. Зарѣцкимъ и при томъ необыкновенно тщательно и красиво. Всѣ они сдѣланы въ настоящую величину предметовъ и по большей части раскрашены въ натуральные цвѣта. Всякая черточка и точка переданы чрезвычайно тщательно; пунктиромъ обозначены поперечники нѣкоторыхъ предметовъ и недостающія части. Таблицы украшены бордюромъ, составленнымъ по украшеніямъ, находящимся на изображаемыхъ предметахъ. Всѣхъ таблицъ XXXIII и на нихъ помѣщено нѣсколько сотъ изображеній древностей: бронзовыя—стрѣлы, фибулы, бляшки, пуговки, шпильки, гвозди, головка животнаго, кельтъ съ двумя ушками, кольца, браслетъ, шило, принадлежности конской сбруи, конецъ меча, вязальный крючекъ, удочки, иголки, колесцо, привѣски и мн. др.; желѣзные—принадлежности конской сбруи, пряжка, шило, ножи, стрѣлы и т. п.; оловянные—шарики, кружки и т. п.; каменные—стрѣлы, остатки молотковъ; пращи, скребки, точила; глиняные, стеклянные—шарики, бусы, привѣски, пуговицы, кувшинъ, чашечка, обломки разной посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ и грубой, и хорошей работы; человѣческій черепъ и черепъ торфяной свиньи; значки, начертанные на бронзовыхъ стрѣлахъ, совершенно напоминающіе знаки собственности. Желательно было бы, чтобы альбомъ г. Зарѣцкаго, на который онъ, очевидно, затратилъ массу труда и который какъ по своему содержанію, такъ и по художественному выполненію, представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся явленіе,

не пропалъ для науки, а былъ изданъ какимъ нибудь археологическимъ обществомъ или частнымъ лицомъ-меценатомъ. Альбомъ приготовлялся составителемъ къ харьковскому археологическому съѣзду; но съѣздъ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся и альбомъ остался не изданнымъ.

Д. Багалѣй.

Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ".

Въ № 482 „Кіевск. Слова" были сообщены нѣкоторыя подробности о раскопкахъ, произведенныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ области р. Сулы проф. Д. Я. Самоквасовымъ (въ с. Герасимовкѣ и Аксютинцахъ, недалеко отъ г. Ромна). Въ замѣткѣ было указано, что большинство разрытыхъ кургановъ оказались разграбленными, при чемъ грабители проникали въ могильный склепъ посредствомъ лазейки. Намъ удалось лично присутствовать при раскопкахъ Д. Я. Самоквасова, и, помнится, при разсмотрѣніи добытыхъ изъ кургановъ предметовъ имъ было сдѣлано замѣчаніе, что разграбленіе этихъ могильниковъ относится не къ очень отдаленному времени, что оно вообще было произведено въ эпоху болѣе близкую къ намъ, чѣмъ ко времени насыпки кургановъ. Почтенный археологъ доказывалъ это тѣмъ соображеніемъ, что изъ могилъ были выкрадены только вещи, имѣющія общую цѣнность, (золотые и серебряные предметы), между тѣмъ какъ остальные предметы (бронзовыя зеркала, желѣзные мечи, копья, стрѣлы и т. д.) были оставлены грабителями, вѣроятно потому, что въ ихъ время не употреблялись болѣе, и слѣдовательно не имѣли для нихъ никакой цѣнности.

Соображеніе это оказывается совершенно справедливымъ, и есть даже возможность совершенно точно установить эпоху разграбленія этихъ кургановъ. Въ изданномъ недавно Кіевской Археогр. Коммиссіей томѣ актовъ о колонизаціи юго-зап. Руси (ч. VII, т. I) въ люстраціи каневскаго староства 1552, гдѣ между прочимъ описаны и мѣста по р. Сулѣ (р. 103), читаемъ *„Персказа отъ Копачевъ.* А еще переказують уходомъ (промысламъ) инымъ таковымъ же обычаемъ *копачи з драбовъ, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопываютъ, ищучи тамъ оброчей и перстеней, мощи погребеныхъ выкидываютъ, на помъсту за то живымъ и невиннымъ"*.

И въ настоящее время попадаются такіе „копачи“ изъ самозванныхъ археологовъ, которые подъ видомъ научныхъ изслѣдованій ищутъ въ курганахъ только „обручей и перстеней“; отъ хищническихъ наклонностей одного изъ такихъ копачей „не мало постона Посулье“... Старые копачи были по крайней мѣрѣ откровеннѣе—они только грабили и съ награбленнымъ удирали; новые же копачи требуютъ еще себѣ „чти и славы“ за свои грабительскіе подвиги...

И. А. Линниченко.

Для справокъ.

—— **Поминки по И. П. Котляревскомъ въ Полтавѣ.** Изъ Полтавы намъ пишутъ, что иниціативу чествованія знаменитаго полтавца приняла на себя, къ чести ея, мѣстная городская дума. За нѣсколько дней до юбилейнаго дня, городской управой разослано было объявленіе слѣдующаго содержанія: „29 сего октября мѣсяца исполнится 50 лѣтъ со дня кончины Ивана Петровича Котляревскаго. Полтавская городская дума по этому поводу между прочимъ, постановила почтить въ этотъ день память покойнаго Котляревскаго совершеніемъ панихиды. Городская управа симъ извѣщаетъ гг. гласныхъ городской думы и всѣхъ почитателей памяти покойнаго, что 29 числа октября, въ 2 часа пополудни, въ зданіи городской управы имѣетъ быть совершена панихида по покойномъ Котляревскомъ. Городской голова Абаза“.

Къ стыду полтавцевъ, сторонней публики было всего нѣсколько человѣкъ, да и сами гласные явились не въ полномъ составѣ. Двумя священниками и діакономъ, при участіи хора любителей, совершена была панихида. Вотъ и все, чѣмъ помянули симпатичнаго писателя. О подпискѣ на сооруженіе или хотя для возобновленіе памятника, далеко не соотвѣтствующаго заслуженной извѣстности покойнаго, не было и рѣчи.

—— **Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.** 24 сентября сего года открылось въ С.-Петербургѣ новое благотворительное учрежденіе—„Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“, которое милостиво приняла подъ свое высокое покровительство Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михаиловна.

Уставъ Общества утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 20 марта 1888 г. Общество имѣетъ цѣлью рекомендовать, *преимущественно въ провинцію*, надежныхъ наставницъ, надзирательницъ, гувернантокъ и преподавательницъ наукъ, языковъ и искусствъ и способствовать окончившимъ образованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или получившимъ соотвѣтствующіе дипломы,—къ полученію мѣстъ и занятій,

Для достиженія этихъ цѣлей, Общество: а) принимаетъ на себя посредничество между ищущими мѣста и занятія и предлагающими таковыя; б) рекомендуетъ на мѣста лицъ, о которыхъ имѣетъ вселяющія довѣріе свѣдѣнія; в) приглашаетъ

въ провинціи дамъ, пользующихся особымъ довѣріемъ Общества, принять на себя содѣйствіе и покровительство лицамъ, рекомендованнымъ Обществомъ; г) образуетъ запасный капиталъ для выдачи ссудъ и пособій достойнѣйшимъ изъ состоящихъ подъ его покровительствомъ наставницамъ и учительницамъ, и д) принимаетъ на себя ходатайство о назначеніи, согласно существующимъ законамъ, отъ Правительства пенсій тѣмъ наставницамъ, которыя не менѣе 25 лѣтъ занимались воспитаніемъ или обученіемъ дѣтей *внѣ Петербурга* и постоянно объ этомъ представляли въ Общество отчеты и удостовѣренія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, соревнователей и сотрудницъ. Члены дѣствительные и соревнователи вносятъ ежегодно по 3 р. или единовременно не менѣе 50 р Дѣйствительные члены участвуютъ, кромѣ того, безвозмездно своимъ трудомъ въ веденіи дѣлъ Общества. Сотрудницами признаются окончившія курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ или получившія соотвѣтствующіе дипломы, въ случаѣ принятія ихъ подъ покровительство Общества. Сотрудницы вносятъ ежегодно въ кассу Общества 1% изъ получаемаго ими жалованья.

Средства Общества составляются изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій. Завѣдываніе дѣлами Общества ввѣрено Правленію, Дамскому Комитету и Общему Собранію членовъ. Правленіе въ настоящее время состоитъ исъ слѣдующихъ лицъ, назначенныхъ самою Августѣйшею Покровительницею Общества: сенатора, тайнаго совѣтника П. П. Семенова (предсѣдателя), Гофмейстерины Двора Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михайловны Е. П. Голохвастовой, супруги сенатора О. В. Лерхе, супруги тайнаго совѣтника Е. Г. Дурново, С. А. Давыдовой, дѣствительнаго статскаго совѣтника барона О. О. Буксгевдена (завѣдующаго дѣлами Общества), О. К. Адеркаса (его помощника) и П. И. Гримма (казначея),

Дамскій Комитетъ, состоящій изъ 12 дамъ, имѣетъ назначеніе рѣшать вопросъ о возможности или невозможности рекомендаціи лицъ, ищущихъ мѣстъ, и руководствуется при этомъ собранными относительно надежности просительницъ свѣдѣніями.

Свѣдѣнія эти собираются такъ называемыми дежурными дамами, завѣдующимъ дѣлами и его помощниками.

Дежурныя дамы по очереди дежурятъ въ конторѣ Общества, принимаютъ заявленія какъ ищущихъ мѣстъ, такъ и предлагающихъ таковыя, собираютъ свѣдѣнія для опредѣленія степени надежности и познаній лицъ, обращающихся въ Общество съ просьбами о рекомендаціи, и присутствуютъ въ засѣданіяхъ Дамскаго Комитета, по дѣламъ тѣхъ просительницъ, о которыхъ наводили справки.

Для привлеченія провинціальныхъ органовъ къ участію въ дѣятельности Общества, оно, на основаніи устава, предполагаетъ обращаться къ супругамъ попечителей учебныхъ округовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, къ предсѣдательницамъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ и мѣстныхъ управленій Краснаго Креста, къ начальницамъ провинціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній и вообще къ дамамъ, пользующимся особымъ довѣріемъ Общества, и предлагать имъ содѣйствовать достиженію цѣлей Общества своимъ покровительствомъ и участіемъ къ рекомендованнымъ Обществомъ лицамъ.

Дежурства для пріема заявленій и просьбъ будутъ на первое время происходить по два раза въ недѣлю, *по средамъ и субботамъ*, *отъ 3 до 5 часовъ* пополудни, въ *конторѣ Общества*, помѣщающейся *въ С.-Петербургѣ*, *въ зданіи Ми-*

хайловскаго дворца (входъ съ Михайловской площади, противъ театра). Всѣ заявленія и просьбы принимаются *безплатно.*

Учреждение новаго Общества вызвано весьма настоятельною потребностью въ установленіи такого органа, который могъ бы принять на себя посредничество между ищущими мѣста и предлагающими таковыя. Всѣмъ извѣстно, до какой степени бѣдствуютъ многія изъ бывшихъ воспитанницъ С.-Петербургскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, не находя для себя мѣстъ и занятій въ Петербургѣ. Между тѣмъ въ провинціи учебныя заведенія и частныя лица очень часто нуждаются въ надежныхъ учительницахъ и наставницахъ.

Для успѣшныхъ и безостановочныхъ дѣйствій Общества необходимо, чтобы въ немъ постоянно получались въ достаточномъ числѣ заявленія не только отъ ищущихъ мѣстъ, но еще болѣе и отъ предлагающихъ таковыя, особенно изъ провинціи.

Въ этихъ видахъ, Общество обращается ко всѣмъ лицамъ, желающимъ воспользоваться его услугами или содѣйствовать ему въ томъ или другомъ видѣ, —съ просьбою: присылать всѣ подобныя заявленія, а равно и членскіе взносы и другія пожертвованія или въ *контору Общества* (по вышеозначенному адресу), или къ завѣдующему дѣлами Общества, дѣйствительному статскому совѣтнику Барону Отто Оттовичу *Буксгевдену (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 50)*, или же къ другимъ членамъ Правленія.

С.-Петербургъ, въ октябрѣ 1888 г.

—— Состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Великой Княгини Екатерины Михаиловны Дамское *Общество для доставленія мѣстъ* окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ *рекомендуетъ безплатно*, на основаніи тщательно собранныхъ свѣдѣній, *наставницъ*, *надзирательницъ*, *гувернантокъ* и *учительницъ*, и проситъ всѣхъ ищущихъ таковыхъ обращаться съ заявленіями объ имѣющихся свободныхъ мѣстахъ *въ Правленіе Общества* (С.-Петербургъ, Михайловскій Дворецъ, входъ съ Михайловской площади, противъ театра) или къ завѣдующему дѣлами Общества, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Барону Оттону Оттоновичу *Буксгевдену* (С.-Петербургъ, Кирочная ул., д. № 50).

—— Въ № 228 „Кіевлянина" отъ 21 окт. 1888 г. помѣщенъ списокъ кіевскихъ генералъ губернаторъ съ 1715 года. Въ спискѣ этомъ есть нѣсколько неточностей. Такъ, г. Пор. Гейсбаръ не было, а былъ ген. Пор. фонъ Вейсбахъ (съ 1732—1738). Ген. Аншефъ М. Н. Кречетниковъ былъ ген. губ. по 1793 г., когда онъ умеръ, будучи за три дня до смерти пожалованъ въ графское достоинство. Генералъ отъ Инфантеріи М. А. Милорадовичъ былъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1810 по 1812 менѣе двухъ лѣтъ (назначенъ 12 дек. 1810, а 26 авг. 1812 г. участвовалъ уже въ сраженіи подъ Бородиномъ, а потому замѣтка, что графъ Милорадовичъ былъ въ Кіевѣ генералъ губернаторомъ съ 1810 по 1827 г. совершенно не основательна, въ 1814 г. онъ командовалъ гвардіею, въ 1818 г. былъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, во время исполненія своихъ обязанностей убитъ 14 дек. 1825 г. на Сенатской площади. возлѣ монумента Петра 1-го Коховскимъ. Это слишкомъ извѣстный фактъ, а между тѣмъ „Кіевлянинъ" считалъ графа Милорадовича кіев. губ. въ 1827.

Дѣло въ томъ что съ 1810 г. въ Кіевѣ вовсе не было военныхъ губернаторовъ. Послѣ 17-лѣтняго перерыва былъ назначенъ воен. губ. генр.-лейт. Желтухинъ.

Гералъ губернаторы, начиная съ Левашева (1833) и кончая А. Р. Дрентельномъ были генералъ губернаторами трехъ губерній Кіевской Подольской и Волынской до тѣхъ же поръ, это не были генералъ губернаторы юго-западнаго края, а военные губернаторы г. Кіева, таковыми были герои войны 1812 года гр. Тормасовъ, гр. Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи кн. Смоленскій и гр. Милорадовичъ.

Г. М.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Журналъ Мин. Народ. Просв. (№№ 8—10). *Вѣстникъ Европы* (9—11). *Русская Мысль* (9—10). *Православ. Обозр.* 8—10). *Филологич. Записки* (II—III). *Изв. Спб. Слов. Благотв. Общ.* (6—8). *Сѣверн. Вѣстникъ* (9—11). *Пантеонъ Литературы* (7—10). *Рус. Вѣстникъ* (9—11). *Колосья* (1—11). *Русское Богатство* (7—10). *Русская Старина* (9—10). *Русскій Архивъ* (8—11). *Историч. Вѣстникъ* (9—11). *Юридическій Вѣстникъ* (9—11). *Журналъ Гражд. и Уголов. Права* (7—9). *Военный Сборникъ* (9—10). *Восходъ* (3—9). *Недѣл. Хроника Восхода* (1—45). *Странникъ* (9—10). *Экономическій Журналъ* (7—9). *Новь* (19—24). *Ateneum* (8—9). *Wisła* (1—20). *Труды Кіев. Духов. Академіи* (9—10). *Чтенія въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.* (7—8). *Revue politique et litteraire* (21—26 1—20). *Русскій Паломникъ* (34—46). *Недѣля* (33—41). *Сѣверъ* (34—43). *Нива* (33—43). *Живописное Обозрѣніе* (34—46). *Русское Судоходство* (39—40). *Церков. Вѣстникъ* (34—42). *Kłosy* (1208—1220). *Зоря* (15—21). *Kraj* (29—34). *Gazeta Polska* (191—261). *Православный Собесѣдникъ* (5—10). *Русскій Лѣсопромышленникъ* (27—44). *Газета А. Гатцука* (1—5). *Кіевлянинъ* (221—243). *Кіевское Слово* (509—532). *Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости* (27—40). *Волынь* (116—143). *Волынскія Губ. Вѣдомости* (74—80). *Волынскія Епарх. Вѣдомости* (29—31). *Подольскія Губерн. Вѣдомости*(41—44). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости*(17—21). *Чернигов. Епарх. Извѣстія* (10—20). *Земскій Сборникъ черниговск. губ.* (6—10). *Черниговск. Губ. Вѣдом.* (80—88). *Харьков. Губ. Вѣдомости* (263—293). *Южный Край* (2673—2700). *Екатеринослав. Губ. Вѣдомости* (80—87). *Крымъ* (94—105). *Сборникъ Херсон. Земства* (8—10). *Донская Рѣчь* (82—121). *Смоленск. Вѣстникъ* (56—133). *Орловскій Вѣстникъ* (60—132). *Литовскія Епарх. Вѣд.* (42—45). *Кубан. Вѣдом.* (23—43). *Червоная Русь* (119—128). *Сибирскій Вѣстн.* (46—71).

Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. №№ 8—10. *Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности* А. С. Архангельскаго (№ 8, стр. 203—295; окончаніе). Здѣсь находимъ описаніе весьма любопытныхъ для исторіи, такъ называемаго, западно-русскаго языка самостоятельныхъ русскихъ сборниковъ изъ твореній Іоанна Златоустаго и Іоанна Дамаскина, въ переводѣ

А. М. Курбскаго; при чемъ наиболѣе интересны примѣчанія переводчика и его объясненія отдѣльныхъ словъ (стр. 222—229 и 262—273).

Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Н. А. Астафьевъ (№ 8, стр. 296—335, № 10, стр. 260—320; продолженіе). Одна небольшая глава этой статьи посвящена краткому обзору печатной славянской Библіи въ юго-западной Руси въ 16 в. (№ 8, стр. 309—314). Въ другой главѣ «Никонъ и его время» нѣсколько страницъ (№ 8, 327—329) удѣлено обзору дѣятельности юго-западно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ; равно какъ неоднократно упоминается о нихъ и въ главахъ, касающихся Петровской и Елизаветинской эпохъ (№ 10, стр. 272—284).

Очерки изъ исторіи русской драмы. П. О. Морозова (№ 8, стр. 336—410; окончаніе). Здѣсь встрѣчаемъ описаніе піесы, отличающейся, по словамъ автора, всѣми типическими чертами «южно-русскаго школьнаго дѣйства», подъ заглавіемъ «Комедія Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ» (стр. 339—349). Тутъ же помѣщенъ обзоръ школьныхъ драмъ кіевскихъ «Владиміръ» Ѳеоф. Прокоповича, «Милость Божія»... Ѳеофана Трофимовича, и интерлюдій Митрофана Довгалевскаго (стр. 388—405).

Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева (№ 9, стр. 1—69; продолженіе). Помѣщено продолженіе 6-ой главы, въ которомъ разсматриваются взгляды, высказанные объ эпохѣ паденія Польши въ русской исторической литературѣ. Останавливается авторъ только на тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя непосредственно касаются предмета упадка и гибели Рѣчи Посполитой, и въ особенности на сочиненіи Костомарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой».

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи и замѣтки по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Отвѣтная статья рецензентамъ *г. Багалѣя* подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины московскаго государства» (№ 8, стр. 482—507); 2) Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни 1767—1804. Е. Шмурло (№ 8, стр. 509—510); 3) Труды 6-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ (№ 8, стр. 512—513); 4) Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о харьковской губ. Д. Багалѣя.—Краткій историческій очеркъ торговли въ харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Его же.—Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества. Его же (№ 8, стр. 513—514); 5) Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Е. Барсова—статья *Ор. Миллера* подъ заглавіемъ «Капитальный трудъ по древней русской литературѣ» (№ 9, стр. 174—201); 6) Докторъ Франциекъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. Владимірова—статья *А. Соболевскаго* (№ 10, стр. 321—332), 7) Опи-

саніе старой Малороссіи. А. Лазаревскаго—статья *Д. Багалѣя* (№ 10, стр. 356—368), 8) Западно-русскіе провинціальные сеймики во 2-ой половинѣ 17-го вѣка. Н. Стороженка—статья *С. Бершадскаго* подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о сеймикахъ въ юго-западной Россіи (№ 10, стр. 369—403).

Вѣстникъ Европы 1888 г. № 9—11. Въ статьѣ *П. Трифонова „Александръ Порфирьевичъ Бородинъ“* (№ 10, стр. 747—779 и № 11, стр. 46—81) нѣсколько страницъ удѣлено ознакомленію читателей съ композиторскими работами Бородина по созданію оперы „Князь Игорь“ (тема—Слово о Полку Игоревѣ), вдохновеніе для которой черпалъ онъ не изъ южно-русскихъ мотивовъ, а изъ поволжскихъ. (№ 10 стр. 767, 774, 776, № 11, стр. 62—81).

Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева,—стат. В. Якушкина (№ 11, стр. 195—222). Тутъ, между прочимъ, помѣщены матеріалы для опредѣленія характера творчества поэта въ произведеніяхъ изъ малорусскаго историческаго прошлаго, напримѣръ: планъ предполагавшейся драмы „Мазепа“ и др.

Начало русскаго театра. А. В—нъ (№ 11, стр. 272—296). Въ этой статьѣ, написанной по поводу книги П. Морозова „Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII стол“, естественно, довольно много мѣста отведено вопросу о возникновеніи драмы въ южной Руси.

Особый русскій языкъ. А Пыпина (№ 11, стр. 354—372). Статья написана по поводу повѣстей и разсказовъ Іеронима Анонима (Владиміръ Хилякъ), изданныхъ академическимъ кружкомъ во Львовѣ. Авторъ статьи затрогиваетъ вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галиціи—и именно: о языкѣ, такъ называемыхъ, *твердыхъ русиновъ.*

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1. Кіевъ теперь и прежде. Сост. *М. Захарченко* (№ 10, стр. 845—847) 2. Труды VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 г., т. 2-й (№ 10, стр. 847—849).

Русская Мысль 1888 г. № 9—10. *Юрко изъ Криницъ. Разсказъ Нат. Стахевичъ* (№ 10, стр. 16—40). Герой разсказа Юрко Лемѣха—малорусскій крестьянинъ, взятый въ солдаты и послѣ отбытія воинской повинности пошедшій совсѣмъ по иному пути.

Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣт. Н. Дитятина (№ 10, стр. 19—50; продолженіе). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы, авторъ излагаетъ, между прочимъ, по книгѣ Латкина исторію выборовъ, производившихся въ Малороссіи, вслѣдствіе манифеста 1764 г. 14 декабря о созваніи народныхъ представителей въ „Коммиссію для сочиненія новаго Уложенія“.

Во внутреннемъ обозрѣніи (№ 10, стр. 206—207) разсматривается законъ объ устройствѣ быта иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1. Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie. *Karłowicz'a* (№ 9, стр. 439—440); 2. Панъ Халявскій. *Гр. Квитки-Основьяненка* (№ 10, стр. 472—473); 3. Поэмы, повѣсти и разсказы *Т. Г. Шевченко*, писанные на русскомъ языкѣ (№ 10, стр. 475—478); 4. „Кіевская Старина" январь-августъ (№ 10, стр. 514—517).

Православное Обозрѣніе 1888 г. № 8—10. *Изъ посланія преосв. Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго къ херсонской паствѣ по поводу празднованія 900-лѣтія со времени крещенія русскаго народа* (№ 9, стр. 151—164). Здѣсь развита мысль о значеніи православной вѣры въ дѣлѣ развитія умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ русскаго народа.

Торжество 900 лѣтія крещенія св. князя Владиміра и всей Руси въ Херсонисѣ таврическомъ (№ 10, стр. 340—407). Помѣщенъ здѣсь порядокъ торжества, при чемъ приведены рѣчи: 1. на освященіе храма—прот. Іоанна Знаменскаго; 2. слово на заупокойной литургіи—прот. Алексія Назаревскаго; 3. рѣчь учителя симферопольской гимназіи Шебедева; 4. поученіе высокопреосвященнаго Никанора; 5. поученіе прот. В. Баженова; 6. рѣчь прот. Іакова Чепурина; 7. рѣчь бывшаго профес. новороссійскаго универс. И. Палимпсестова; 8. рѣчь профес. новорос. универс. А. Кирпичникова.

Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ помѣщена статья „*Къ 900-лѣтію крещенія Руси*" (№ 8, стр. 747—750). Здѣсь воспроизведены рѣчи, сказанныя на кіевскомъ праздникѣ за трапезою г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. Побѣдоносцевымъ.

Филологическія Записки 1888 г., вып. II и III. *Статья галицко-русскаго журнала „Новый Проломъ" о фонетическомъ правописаніи и о значеніи Ѣ въ русскомъ письмѣ. Сообщ. М. Петропавловскій* (вып. III, стр. 7—16). Статья изъ „Новаго Пролома" становится на защиту этимологическаго правописанія и вооружается противъ фонетики—вопросъ едва ли не первостепенной важности во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ галицкихъ русиновъ.

Изъ обзора зарубежной русской литературы А. Степовича (вып. III, стр. 7—18). Здѣсь приводится содержаніе трудовъ галицкихъ ученыхъ *А. Петрушевича*: „Слово о полку Игоревѣ" и „Лингвистично-историческія разсужденія", а также *Ивана Левицкаго* „Галицко-русская библіографія XIX столѣтія".

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1888 г. № 6—8. *Торжественное собраніе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 15 іюля 1888 г.* (№ 6—7, стр. 268—286). Помѣщенъ порядокъ торжества, при чемъ приведены рѣчи: 1. рѣчь предсѣдателя *А. А. Кирѣева*; 2. рѣчь *К. И. Живнаго*; 3. рѣчь *О. Ѳ. Миллера*; 4. стихотвореніе *Я. П. Полонскаго*, „15 іюля 1888 г."; 5. рѣчь *М. О. Кояловича*, посланная въ Кіевъ; 6. телеграммы и привѣтствія изъ славянскихъ земель.

Присланныя въ Кіевъ (15 іюля) привѣтственныя письма и телеграммы (№ 6—7, стр. 286—295). Здѣсь помѣщены привѣтствія: 1. отъ константинопольскаго патріарха; 2. отъ александрійскаго патріарха; 3. отъ черногорской княгини; 4. рѣчь митрополита черногорскаго въ Кіевѣ; 5. отъ епископа Штросмайера; 6. отъ архіепископа кентерберійскаго; 7. изъ разныхъ краевъ славянскихъ.

Прошеніе русскихъ выборныхъ людей въ Вѣнѣ о сохраненіи правъ русскаго народа относительно его языка, представленное государственному министру 30 сентября 1861 г. (№ 6—7, стр. 351—359). Это, такъ сказать, краткая исторія утѣсненій, испытанныхъ въ Галиціи малорусскимъ племенемъ со времени присоединенія ея къ Польшѣ.

Сѣверный Вѣстникъ № 9—11. 9 Большой свѣтъ въ Козловицахъ. Повѣсть Яна Ляма (оконч.)

9, 10, 11. Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца. II. Желѣзнодорожный тарифъ на уголь. III. Желѣзподорожныя силы и порядки по отношенію къ каменному углю. IV. Донецъ, какъ путь для вывоза каменнаго угля. V. Желѣзное судостроеніе на югѣ Россіи—проф. Д. Менделѣева.

9. Областной отдѣлъ. Договорныя семьи—Ф. Щербины.

— Рецензія на книгу Д. Эварницкаго: Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа (въ отд. Нов. книги 142—145).

11. Именины I—V. Антона Чехова. Дѣйствіе въ этой повѣсти на югѣ Россіи.

— Изъ провинціальной печати—о переселеніяхъ.

Пантеонъ Литературы №№ 7—10. Кумова кровать (№ 9).—Народный разсказъ, записанный (малорусскимъ языкомъ) въ купянскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи; разсказъ сопровождаетъ замѣтка о немъ **П. И.**

Русскій Вѣстникъ. № 9—11. 9. Послѣдній Ягеллонъ и люблинская унія. Д. И. Иловайскаго.

9. Петръ I въ 1688—1701 г. А. Б—на, написана по I т. „Писемъ и бумагъ Императора Петра В."

— (Критика) Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни митрополита Евгенія 1767—1804. Е. Шмурло—К. Н. Бестужева-Рюмина.

10, 11. Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ (1853—1863 гг.) С. С. Татищева.

10. Новости литературы: Кр. рецензія на книгу В. Г. Веселовскаго „Колыбель русскаго флота". Ворон. 1888.

11. Неизданныя письма Гоголя и Жуковскаго И. А. Бычкова.

— Новости литературы. Кр. реценз. на книгу Захарченка „Кіевъ теперь и прежде". Кіевъ. 1888.

Русская Старина, октябрь. Повѣсть о самомъ себѣ (посмертныя записки)—продолженіе.

Колосья № 1—11. 7 и 8. Оскаръ II о Карлѣ XII.—Э. Коріандера.

9. О православіи и русской народности въ Литвѣ—П. Миловецкаго.

— Грязные вулканы въ Крыму и ихъ связь съ источниками нефти и горнаго масла—Ф. Потоцкаго.

10. Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени (А. А. Безбородко) въ частной жизни—А. Каменскаго.

Многолѣтній Кіевъ и малолѣтняя Одесса (очерки) А. А. Байкиной.

11. „Очерки Бѣлоруссіи" (этнографическіе наброски) А. Хашковскаго.

Русское Богатство №№ 7—10. Умственная жизнь одной деревни (къ вопросу о деревенской культурѣ). *Г. Яковлева* (№ 9). Рѣчь идетъ о слоб. Сагуны, острогожскаго уѣзда.

Русскій Архивъ №№ 8—11. № 9. Преосвященный Гурій (изъ моихъ воспоминаній) П. Палимпсестова.

— Нѣсколько словъ о временахъ Императора Николая—Н. Палибина.

10. Письма Суворова и Потемкина къ А. С. Милорадовичу (1773—1786).

— Потемкинъ и Безбородко объ отношеніяхъ къ Польшѣ въ началѣ второй турецкой войны.

11. О бессарабскихъ раскольникахъ. Записка И. С. Аксакова 1849.

— Письма гр. П. И. Панина къ брату его гр. Н. И. Панину во время первой турецкой войны при Екатеринѣ В. и осады Бендеръ 1769—70.

Историческій Вѣстникъ. Сентябрь—Ноябрь. Сентябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Полевой. Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія (статья, не имѣющая никакого научнаго значенія).

Кирпичниковъ. Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси.

II. Девіеровское дѣло.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для васъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) Сумцова, «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифиче-

скихъ сказаній и пѣсенъ». Кіевъ, 1888 г., 2) Сумцова, «Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь». Кіевъ, 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» интересна замѣтка «Древнія фрески, открытыя въ Кіевѣ».

Октябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Старчевскій. Воспоминаніе стараго литератора.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» намъ интересны краткіе некрологи А. Р. Дрентельна и Н. А. Крыжановскаго.

Ноябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» рецензіи на книги: 1) Бобржинскаго, «Очеркъ исторіи Польши», перев. съ польск. Карѣева, Спб. 1888 г., 2) «Wisła», t. II: kwiecién, maj, czerwiec, Warszawa, 1888 г., Захарченка, «Кіевъ теперь и прежде», Кіевъ, 1888 г.; «Таблицы русскихъ монетъ отъ начала русскаго государства до Петра I,» в. I, Кіевъ, 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» интересны замѣтки: 1) Присужденіе наградъ гр. Уварова, 2) «Кубанскія древности» и некрологи В. А. Полетики и Г. П. Галагана.

Юридическій Вѣстникъ №№ 9—11. № 9. *Сеймъ въ польской Рѣчи Посполитой.* Н. Карѣева. Въ этой книжкѣ «Юр. В.» помѣщена послѣдняя V глава статьи проф. Карѣева, посвященная обозрѣнію реформъ послѣдней трети XVIII в. и конституціи 3 мая 1791 г. Соч. г. Карѣева вышло и отдѣльной книжкой.

Грамотность въ нѣмецкихъ колоніяхъ. И. Дмитренка. Въ статьѣ этой разсматривается состояніе грамотности среди колонистовъ въ екатерин. губ.

Журн. Гражданскаго и Уголовнаго Права №№ 7—9. № 9. Библіографическій указатель иностраннымъ сочиненіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ текущемъ году (съ января по августъ).

Военный Сборникъ №№ 9—10. 9—10. Н. Красновъ. Донское войско, какъ главный членъ козачьей семьи.

Восходъ №№ 3—9. №№ 4, 9. П. Марикъ. Изъ исторіи еврейскаго печатнаго дѣла.

5, 6, 7, 8, 9. С. М. Дубновъ. Возникновеніе хосидизма. Жизнь и дѣятельность Израиля Бешта.

— Къ исторіи евреевъ въ Россіи. По поводу 2 изд. П. Д. Градовскаго «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ» П. А. Лякуба.

7. Изъ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. III. Опека надъ земледѣльцами. М. И. Кулишера.

— Письма изъ Галиціи. Г. Ф.

7, 8, 9. Бытописатели русскаго еврейства и критическій обзоръ беллетристическихъ произведеній Л. О. Леванды.—А. Волынскаго.

8. Еврейскія народныя школы въ Кишиневѣ и Одессѣ (къ 50-лѣтнему юбилею 1-ой еврейской школы въ Кишиневѣ). А. Ліона.

9. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ западномъ краѣ.—М. Веллера.

Недѣльная Хроника Восхода №№ 1—45. № 3. Въ передовой статьѣ доказывается польза для Кіева отъ поселенія въ немъ евреевъ. Авторъ ссылается между прочимъ на мнѣнія по этому вопросу бывшаго генералъ-губернатора Васильчикова, вице-губернатора Селецкаго и на слова покойнаго писателя-этнографа А. С. Афанасьева-Чужбинскаго въ его сочиненіи «Поѣздка въ южную Россію».

5. *Корреспонденція изъ м. Богополя* (подольск. губ.). Статистическій очеркъ еврейскаго населенія этого мѣстечка.

7. *Корреспонденція изъ Златополя* о безвременной кончинѣ такъ наз. «Библейскаго братства», возникшаго въ Елисаветградѣ въ самый разгаръ погромовъ. Краткая характеристика дѣятелей этого братства Гордина и Гершойга.

13. *Корреспонденція изъ Екатеринослава*. Статистическія свѣдѣнія о составѣ еврейскаго населенія въ екатеринославской губ.

16. *Корреспонденція изъ Городни* (черниг. губ.). Краткія статистическія свѣдѣнія о мѣстномъ еврейскомъ населеніи съ распредѣленіемъ его по родамъ занятій.

21. *Корреспонденція изъ м. Криваго Рога* (херсонской губ.). О попыткѣ со стороны мѣстныхъ рабочихъ произвести еврейскій погромъ.

31. *Корреспонденція изъ Летичева* (под. губ.). О стремленіи мѣстныхъ евреевъ къ эмиграціи въ Палестину, Америку и Австралію.

35. *Корреспонденція изъ Одессы*. Къ вопросу о состояніи народнаго образованія у мѣстныхъ евреевъ.

38. *Корреспонденція изъ Чечерска* (могил. губ.). Излагается интересный процессъ, возникшій изъ аграрныхъ отношеній мѣстныхъ евреевъ-колонистовъ съ помѣщиками и окончившійся въ пользу первыхъ.

45. *Корреспонденція изъ Кіева*. О «юдофобствѣ» кіевскихъ студентовъ.

Странникъ №№ 9—10. 9. *Посланіе къ своей паствѣ по случаю 900-лѣтія крещенія Руси*. Архіепископа Никанора.

Къ моимъ воспоминаніямъ объ Иннокентіѣ, архіепископѣ херсонскомъ. И. У. Палимпсестова.

Какъ въ простотѣ люди живутъ. Разсказъ изъ галицко-русской жизни, протоіерея И. Г. Наумовича (окончаніе).

Обзоръ журналовъ. Наша епархіальная печать по поводу 900-лѣтія крещенія Руси: слова и рѣчи, посланія, привѣтствія и стихотворенія, научно-публицистическія статьи (Епарх. Вѣд. іюль-августъ).

Новыя книги. Къ литературной исторіи древне-русской проповѣди (Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Изсл. Ев. Пѣтухова. Спб. 1888 г.) А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Петербургѣ и Москвѣ.

9, 10. *Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Ко дню 900-лѣтія крещенія Руси. И. П. Матченка. III. Княженіе Владиміра. Владиміръ-язычникъ.—Владиміръ-христіанинъ I. Крещеніе Руси.

10. *Поученіе на 15 іюля, день памяти Владиміра св. и празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.* Архіепископа Никанора.

Изъ Холмской Руси. Прошлое и настоящее (ко дню 25-лѣтія возсоединенія) I. А.

Романъ Кузьмина. Разсказъ изъ галицко-русской жизни, прот. И. Г. Наумовича. I—III.

Обзоръ журналовъ. Изъ путевыхъ наблюденій и впечатлѣній: Въ нашемъ юго-зап. краѣ.—Литовцы и ихъ отношеніе къ полякамъ и русскимъ.

Новыя книги. Творенія отцовъ церкви и апокрифы въ древне-русской церковно-учительной литературѣ. (А. С. Архангельскій. Отцы церкви въ древне-русской письменности. Спб. 1888.—Матеріалы и замѣтки по старинной литературѣ. Мат. Соколова. Вып. I. I—V. М. 1888.—Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. В. Мочульскаго. Варш. 1888.—Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ. 1888.—Разборъ апокрифическихъ сказаній о пресв. дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси. Вл. Сахарова въ Хр. Чт. 1888.). А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Ко дню празднованія 900-лѣтія крещенія Руси: 15 іюля въ Херсонисѣ Таврическомъ на купели крещенія св. Владиміра (подробности празднованія и рѣчь И. У. Палимпсестова),—чѣмъ былъ ознаменованъ этотъ день въ разныхъ мѣстахъ Россіи?

Экономическій Журналъ №№ 7—9. 7, 8, 9. Въ торговомъ обозрѣніи есть нѣсколько указаній, касающихся внѣшней и внутренней торговли ю. Россіи.

8. Въ чертѣ еврейской осѣдлости А. С. VII. (Бердичевъ и его физіономія. Краткая исторія города. Населеніе и учрежденія. Соціальное положеніе города и налоги. Коммерческое значеніе. Торговые обороты. Промышленное значеніе города. Еврейскій пролетаріатъ. Отъ Бердичева до Житомира. Внѣшній видъ г. Житомира. Исторія и населеніе. Торговые обороты).

9. Минеральныя богатства въ екатеринослав. губ. (въ отд. мѣстной хроники).

Новь №№ 19—24. 19. И. П. Потапенко. Деревенскій романъ (изъ хроники южно-русской деревни) (окончаніе).

— Виды городовъ и замѣч. мѣстностей. Понорама Керчи.

20. Король Станиславъ II Августъ (Понятовскій) съ гравюры Роа.

— Молящіеся евреи—картина Грохольскаго.

24. Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ, рисунокъ.

Ateneum №№ 8—9. *Рогошъ* «Изъ Галиціи» Изложеніе дѣла, рѣшавшагося въ имперскомъ сеймѣ о повышеніи акциза въ Галиціи. Обозрѣніе устройства судопроизводства въ Галиціи.

Прохаска. «Королевскій архивъ въ Москвѣ». Краткое обозрѣніе содержанія польскаго королевскаго архива, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

Страшевичъ—«Воспоминаніе о Станиславѣ Варынскомъ» Некрологъ доктора медицины С. Варынскаго, уроженца кіевской губерніи, доцента женевскаго университета.

9. *Пташицкій*. «Исторія дворянскихъ литовскихъ родовъ, какъ матеріалъ къ исторической археологіи». Разборъ сочиненія Бонецкаго «Poczet wodòw w W. X. Litewskim», содержащій довольно цѣнныя поправки и дополненія.

Wisła Іюль-сентябрь. *Гринцевичъ*. Антропологія вообще и въ примѣненіи къ изученію нашего края.—(Antropologja w ogòle i w zastosowaniu do kraju naszego).

Краткій очеркъ исторіи антропологіи и современнаго состоянія науки.—Перечень трудовъ, относящихся къ антропологическимъ изслѣдованіямъ въ Польшѣ. Географическій очеркъ звенигородскаго уѣзда и нѣкоторыя антропологическія данныя, относящіяся къ его населенію—Данныя о половыхъ отправленіяхъ женщинъ и о продолжительности жизни. Цифры сгруппированы по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ.

Нейманъ. Замѣтка объ обычаяхъ и языкѣ лирниковъ винницкаго уѣзда, извлеченіе изъ матеріала, собраннаго г. Валеріаномъ Борковскимъ.

Карловичъ—Жегота Паули—краткая біографія Паули, одного изъ первыхъ собирателей южнорусскихъ пѣсень. Опроверженіе обвиненія въ плагіатѣ, высказаннаго Я. Ѳ. Головацкимъ противъ Паули.

Труды Кіевской духовной Академіи №№ 9—10. 9—10. Весь этотъ двойной № журнала посвященъ празднованію 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи въ Кіевѣ.

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія №№ 7—8. VII, (августъ). *Журнальное обозрѣніе*. Свѣтская періодическая печать въ

отношеніи къ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руси: «Кіевская Старина», «Родникъ», «Русская Старина», «Славянскій Вѣстникъ». Юбилейныя статьи въ мѣсячныхъ духовныхъ журналахъ: «Труды Кіев. дух. Ак.», «Христіанское Чтеніе» и «Странникъ».

VII—VIII (августъ-сентябрь) *Основныя черты распространенія христіанства на Руси 900 лѣтъ назадъ и нынѣ*. Ев. Н. Воронца.

Revue politique et litteraire (Revue bleu) №№ 22—26. 1—20. 4. Les églises orientales dans l'empire Ottomane et l'Autriche-Hongrie.***

6. Cazimir Waliszewski, les Potocki et les Czartoryski, lutte des partis et des programmes politiques avant la chute de la république. I vol. (en polonais). Cracovie 1887.—Рецензія Владислава Мицкевича.

— Paul de Raynal: le mariage d'un roi 1721—1725 avec un portrait de Louis XV et de Marie Leczinska. I vol. in 12. Paris рецензія J. de K b.

— Библіограф. извѣстіе о книгѣ: La Russie sectaire—M. Tsakni.

11. La dette publique en Russie. Les origines et son developpement par M. Theophile Laty.

Русскій Паломникъ №№ 34—46. 34, 35, 36, 38. *Торжество 900-лѣтія крещенія Руси*. (Замѣтки паломника).

34, 35, 36, 37. *Еженедѣльная лѣтопись*. Торжественное празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

34. *Рисунки:* Нерушимая стѣна въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Софійскій соборъ.

35. *Рисунокъ*: Торжественное освященіе воды въ Кіевѣ 15 іюля 1888 г.

36, 40. Кіево-Печерская лавра.

— *Рисунокъ*: Вечеръ юбилейнаго торжества 17 іюля въ Кіевѣ.

37. *Святыни Кіевскаго края*. XXIII. Бердичевъ.

37, 39. *Отголоски кіевскаго торжества*.

39. *Святыни Кіевскаго края* XXIV. М. Бѣлиловка, с. Журбинцы, м. Джуньковъ, с. Талалаи, с. Пузырки.

Рисунокъ: Трехсвятительская церковь въ Кіевѣ.

45. *Преображенскій каѳедральный соборъ въ Житомирѣ*. А. Городецкаго.

Библіографія. Рецензія на книгу Волынь. Изд. II. Н. Батюшкова.

Рисунки: Десятинная церковь въ Кіевѣ и Преображенскій каѳедральный соборъ въ Житомирѣ.

46. *Браиловская чудотворная икона Божіей Матери*. Свящ. В. Мартиновскаго. Икона эта находится въ женскомъ монастырѣ въ м. Браиловѣ, подольской губ.

Рисунокъ: Браиловская икона Божіей Матери.

Недѣля №№ 33—42. 37. Рецензія на книгу «Геродотъ. Исторія въ IX книгахъ. Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенка. Т. I. М. 1888 г. Изд. 2-е».

38. *Наши сокровища.* (О каменноугольныхъ копяхъ на югѣ Россіи).

39. *Курьезная промышленность.* (О харьков. углепромышлен. съѣздѣ

42. *Черты времени.*

Сѣверъ №№ 33—43. Карлъ XII на полѣ полтавской битвы. Съ рисункомъ (№ 35).

Молебствіе на Днѣпрѣ 15 іюля 1888 г. Съ рисункомъ (№ 35).

Чубатый. Этюдъ (изъ южнорусскаго быта) В. *Потапенка* (№ 37).

Хохолъ. Эскизъ изъ альбома И. Е. *Рѣпина* (№ 42).

Г. П. Галаганъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 42).

Новороссійскъ (кубанской области). А. *Тихонова.* Съ видомъ города. (№№ 40 и 43).

Нива 1888 г. №№ 32—43. 33. Чествованіе 900 годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ съ рисункомъ.

34. Рисунокъ окрестности Св. горъ въ харьковской губерніи.

— П. Быковъ—М. С. Щепкинъ съ портретомъ.

35. Рисунокъ: Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ.

— Рядовой Степанъ Гордіенко разск. Андрей Львовича.

— Грозный батько козацкій (по поводу постановки памятника Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ) съ рисункомъ—П. Полеваго.

37. На пасѣкѣ, оригин. рисунокъ Ижакевича.

39. Я. Ѳ. Головацкій (краткій некрологъ его съ портретомъ).

40. *Вечеркомъ*, ориг. рисунокъ изъ малороссійскаго быта Зощенка.

43. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы въ Оріандѣ, ориг. рисун. академика Бенуа.

— Степной пастухъ въ Угорской Руси, рисунокъ Заверона.

Живописное Обозрѣніе №№ 34—46. 35. Возвращеніе косарей, оригин. рисунокъ И. Ашуркова.

36. Разсчетъ съ косарями, съ картины К. Трутовскаго рисунокъ Никитина.

37. Въ память крещенія Руси (памятникъ предполагаемый къ сооруженію въ г. Новочеркасскѣ).

— Уборка хлѣба, оригин. рисунокъ Ижакевича.

40. Князь Владиміръ у Рогнѣды, ориг. рисун. Вокропота.

46. М. С. Щепкинъ, очеркъ Т. Полнера.

Русское Судоходство №№ 30—40. 30. Изъ Ростова на Дону.—Х, (кор.).

38. Несвоевременность снятія и постановки опознательныхъ знаковъ и плавучихъ маяковъ на Азовскомъ морѣ и въ Керченскомъ проливѣ.—Нагорскаго.

32. Судостроеніе на Дону.

35. Во что обошлось правительству пользованіе пароходами Рус. Общ. пароходства и торговли въ минувшую войну.

39. Прошедшее и современное состояніе вопроса объ улучшеніи Днѣстра.

— Краткій очеркъ судоходства за 1887 г. въ предѣлахъ могилевскаго округа.

40. Недостаточность правилъ для упорядоченія сплава плотовъ на Днѣпрѣ—Н. Марченка.

— Наше судоходство (Одесскій портъ).

Церковный Вѣстникъ 1888 №№ 34—42. 36, 37. Сила вліянія нашего равноапостольнаго князя Владиміра на латинскій міръ.

37. Библіограф. замѣтка о книгѣ г. Батюшкова «Волынь».

42. *Корреспонденція изъ Кіева* объ актѣ въ кіевск. духовн. академіи.

Kłosy 2208—5220. 1210. Типы подольской губерніи—2 рисунка: 1) крестьянка въ праздничномъ нарядѣ и 2) молодой парень.

4211. Типы подольской губерніи—2 рисунка: 1) слѣпой бандуристъ; 2) постоялый дворъ въ маленькомъ мѣстечкѣ.

4243. Некрологъ Ѳаддея Стецкаго, автора многихъ историческихъ монографій, касающихся волынской губерніи, въ которой покойный родился и прожилъ большую часть жизни. Монографіи его «Описаніе волынской губ.», «Кременецъ и его окрестности» и др. печатались въ разное время въ польскихъ повременныхъ изданіяхъ.

6274. Сообщается о поѣздкѣ члена лондонскаго географическаго общества Д. Моргана въ подольскую и волынскую губ. для археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій.

Извѣстіе о выходѣ въ гор. Caen во Франціи книги «Abrégé de l'histoire de réformation en Pologne» соч. Alfred Mélon.

4245. Извѣстіе, что при раскопкахъ въ Херсонесѣ отрытъ домъ и въ немъ мастерская художника, заключающая около 50 терракотовыхъ моделей. Открытые предметы принадлежатъ къ 4—5 стол. до Р. Х.

Зоря №№ 15—21. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. Старосвѣтски батюшки и матушки. Повѣсть зъ житя украинского духовенства 20 ыхъ роковъ вѣку XIX.—Ивана Левицкаго (продолж.).

55. Зъ ранку до ночи (риски справжнього житя)—Шукай.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21. Омелянъ Огоновскій. Исторія литературы руской, періодъ новый (дальшъ) Шашкевичъ. 12. Василь Куликъ 13. Володимиръ Маслякъ. 13. Юлія Шнейдеръ (Ульяна Кравченко) 1. Викторъ Забѣла. 2. Михайло Козановичъ. 3. Павло Леонтовичъ. 4. Остапъ Левицкій. 5. Василій Чайченко. 6. Климентій Поповичъ. 7. Иларіонъ Грабовичъ. 8. Вл. Самійленко. 1. Олександеръ Навроцкій. 2. Петро Охоцкій-Огіевскій. 3. Семенъ Метлинскій. 4. Миколайчикъ Бѣлокопытый. 5. Исидоръ Пасѣчиньскій и нѣсколько

другихъ. Тома Падура 6) Поезія драматична. 1. Василь Гоголь. 2. Яковъ Кухаренко. 3. Микола Костомаровъ. 4. Корнило Устіяновичъ.

36. Олександръ Вас. Шишацкій-Илличъ (біогр. оч.)—Катри Балашѣвны. — Смерть Хруща—О. Я.

16, 17. Замѣтки критичніи и библіографія. Руско-исторична библіотека пôдъ ред. Олександра Барвѣнского Т. IX и X. Исторични монографіи М. Костомарова. Богданъ Хмельницкій Т. I и II.—А. Борковского.

17. Дѣти (сѣльскій образокъ). З. Г. Петруся.

19. У каплици (образокъ зъ житя). М. Спилки.

19, 20, 21. Замѣтки крит. и библіографія: *Товариш* письмо литературно-наукове.—*Правда* місячникъ політики, науки і письменства. Роч. XIV. В. I. За місяць жовтень 1888. Виде и за редакцію видповідае Д-р. Евгеній Олесницькій—Алекс. Барковскаго.

20. Рускій театръ у Львовѣ. I. Кропивницкій «Дай серцю волю, заведе въ неволю». Григоріевичъ «Лихій день», «Шляхта Ходачкова». Федьковичъ «Довбушъ». II. Оперетки «Корневильски дзвоны», «Цыганьскій баронъ».—Выставы на сценѣ польского театру гр. Скарбка. «Чорноморцы», «Риздвяна ничъ» — Лисенка, «Вечерницѣ» Нѣщиньского, «Запорожецъ за Дунаемъ», «Перше повмирали, потимъ ся побрали».

21. «На досвѣткахъ» водевиль. Петруся (начало).

— Земляки (етнографични очерки) С. Н. Исаевича (начало).

— Прольогъ, написанный И. Франкомъ, а выголошенный С. Яновичемъ на ювилейнôмъ представленю руско-народного театру въ память 50-тыхъ роковинъ смерти Ивана Котляревського.

15—21. Въ отдѣлѣ библіографіи краткія свѣдѣнія о вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журналахъ.

Kraj №№ 29—34. Литературное обозрѣніе. № 29. *Д-ръ Талько-Гринцевичъ.*—«Къ археологіи Украины». Извѣстіе о раскопкѣ кургана у села Рыжановки авторомъ и г. Г. Оссовскимъ; найдена камера, въ ней женскій скелетъ, окруженный множествомъ золотыхъ предметовъ: привѣски, ожерелье, браслеты, серьги, перетни съ вдѣланными въ нихъ пантикапейскими монетами, діадема и т. п. Найденныя вещи подарены музею краковской академіи.

30—34. *Остоя*—Крестьянскіе типы въ (польской) беллетристикѣ. Критическій очеркъ постепеннаго развитія крестьянскаго типа въ современной польской литературѣ. Значительная доля статьи посвящена разбору тѣхъ произведеній Крашевскаго, въ которыхъ извѣстный романистъ пытался представлять типы южнорусскихъ крестьянъ (Савка, Остапъ Бондарчукъ, Ладова пещера, Будникъ и т. д.). Критикъ совершенно справедливо указываетъ на то, что типы

созданы неестественные и тенденціозные. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ повѣсти Ежа «Гандзя Загорницкая», повѣстей г. Оржешко и т. д.

32. Разборъ нѣмецкаго перевода малорусскихъ пѣсенъ Штауфе-Симигиновича.

Gazeta Polska №№ 191—261. № 238. Выдержка изъ дневника «Гражданина», касающаяся дѣятельности гр. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ виду важности заслугъ гр. Муравьева высказывается мысль о необходимости постановки ему памятника въ Вильнѣ.

Православный Собесѣдникъ №№ 5—10. №№ 5, 6, 7, 8, 9. Свѣдѣнія о храмахъ и богослуженіи русской церкви по сказаніямъ западныхъ иностранцевъ XVI—XVII в. (церковно-археологическія очерки) А. Алмазова.

7—9. Теологія социніанъ. О Богѣ и Его свойствахъ—Е. Будрина.

Русскій Лѣсопромышленникъ №№ 27—44. № 27. *Корреспонденція изъ Одессы*. О мѣстной торговлѣ.

— *Лѣсная промышленность черкасскаго уѣзда.*

30—33. *Лѣсная кустарная промышленность въ харьков. губ.*

32. Замѣтка объ одесскомъ лѣсномъ рынкѣ.

33. О херсонскомъ лѣсномъ рынкѣ.

— *Колесный промыселъ въ Черкассахъ.*

34. *Сплавъ плотовъ черезъ днѣпровскіе пороги.*

40. О лѣсномъ рынкѣ въ Ростовѣ на Дону.

Газета А. Гатцука №№ 1—5. № 1. Некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

2. Извѣстіе изъ Кіева объ открытіи пещеръ на Звѣринцѣ.

Въ видѣ приложенія разослана брошюра: А. Гатцукъ. Старина русской земли. Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Изд. 4-е. Москва, 1888.

Несомнѣнно, что за послѣднее время русская археологія сдѣлала громадные успѣхи. Но, несмотря на это, въ народной массѣ до сихъ поръ царствуютъ потемки въ области даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ этой науки. Происходитъ это вслѣдствіе того, что наша археологическая дѣятельность замкнута въ тѣсномъ кругу спеціальныхъ обществъ и ограничивается только спеціальными изданіями, дѣло же популяризаціи у насъ почти совершенно отсутствуетъ. Въ прямой зависимости отъ этого находится то чисто вандальское обращеніе съ памятниками нашей старины, вслѣдствіе котораго каждый годъ масса этихъ послѣднихъ гибнетъ безвозвратно для науки. Въ особенности это можно сказать по отношенію къ старинѣ доисторической, о которой даже и въ образованномъ классѣ нашего общества рѣдко кто имѣетъ надлежащее понятіе...

Небольшая (въ 36 стр.) книжечка А. Гатцука является *единственнымъ общедоступнымъ* изданіемъ, посвященнымъ нашей первобытной старинѣ. Книжечка эта, вышедшая уже 4-мъ изданіемъ (первое—въ 1867 г.), написана

очень тепло, популярнымъ языкомъ и съ знаніемъ дѣла. Авторомъ живо и правдоподобно описано движеніе человѣка впередъ по пути культуры и постепенные переходы его отъ самыхъ низшихъ ступеней развитія къ болѣе высшимъ. 85 хорошо воспроизведенныхъ рисунковъ какъ нельзя лучше иллюстрируютъ текстъ. Издана книжечка очень чисто; она служитъ приложеніемъ къ 5 № «Газеты А. Гатцука». Желательно было бы, чтобы она была пущена въ отдѣльную продажу, т. к. экземпляры старыхъ изданій, если гдѣ еще и находятся въ продажѣ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Кіевлянинъ №№ 221—243. 224. *Луцкъ и его уѣздъ.*

225. *Звѣринецкая пещера.* В. Г. Упомянувъ вкратцѣ объ извѣстныхъ донынѣ кіевскихъ пещерахъ, авторъ описываетъ вновь открытую пещеру на Звѣринцѣ, которую онъ осматривалъ вмѣстѣ съ проф. А. В. Праховымъ и художникомъ С. Проползши 10 метровъ по узкому ходу, изслѣдователи достигли невысокой, сводчатой камеры съ глиняными стѣнами, идущей горизонтально въ слоѣ леса по направленію отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В. на протяженіи около 30 метровъ. По сторонамъ корридора перпендикулярно къ нему расположены два ряда нишъ, раздѣленныхъ земляными стѣнами отъ $^1/_2$ до 1 метра. Въ каждой нишѣ лежало по 2 скелета, но первоначальное положеніе ихъ трудно было опредѣлить, т. к. прежніе посѣтители привели все въ безпорядокъ. Въ корридорѣ и нишахъ валялись куски кожи и снурки изъ ремешковъ. Пещера заканчивается не обваломъ, а нишей со скелетами. Авторъ полагаетъ, что пещера эта служила усыпальницей для братіи одного изъ сосѣднихъ монастырей—Печерскаго или Выдубицкаго.

228. *Кіевскіе генералъ губернаторы.* Приводится ихъ списокъ.

Г. Кременецъ и его уѣздъ. Перепечатка изъ статьи г. Братчикова въ „Вол. Губ. Вѣд."

231. *Двадцатипятилѣтній юбилей протоіерея П. Г. Лебединцева.* П. П. Т.

234. *Памяти И. П. Котляревскаго.* (По случаю 50-лѣтія со дня кончины). Из. Ал—скаго.

Отчетъ о состояніи кіевской 4 гимназіи за 1887—8 г.

М. Вишневецъ, кременецкаго уѣзда. Перепечатка изъ „Волынск. Губернск. Вѣд."

235. Замѣтка о новой картинѣ В. М. Васнецова во Владимірскомъ соборѣ.

М. Ямполь, волынской губ. Перепечатка изъ „Вол. Губ. Вѣд."

236. *Засѣданіе историческаго общества 30 октября.* Отчетъ о рефератахъ П. А. Лашкарева, А. В. Романовича-Славатинскаго и С. Т. Голубева.

238, 243. *По городамъ юго-западнаго края.* (Каменецъ, Бердичевъ, Житомиръ). Путевые очерки С. Д—вича.

238, 239. *Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ кіевской епархіи въ 1887—88 учеб. году.*

238. Корреспонденція изъ Владиміръ-Волынска о Мстиславскомъ храмѣ.

239. Жалобы жителей Одессы конца прошлаго столѣтія. Перепечатка изъ „Новор. Тел.“

240. *Бантышъ-Каменскій.* По поводу 100-лѣтія со дня рожденія Д. Н. Б.-Каменскаго.

242. *Изслѣдованіе Звѣринецкой пещеры,* произведенное воен. инженеромъ Червиновымъ 2-мъ.

Пожертвованіе въ церк.-археол. музей. Е. П. Демидова кн. Санъ-Донато пожертвовала коллекцію русскихъ старинныхъ крестовъ, складныхъ иконокъ и образовъ старинной живописи, писанныхъ на деревѣ.

243. *Преданіе старины глубокой.* О торгѣ у ограды Михайловскаго м-ря 8 ноября.

Торжественное годичное засѣданіе Общества кіевскихъ врачей 29 окт. въ память 48-й годовщины учрежденія общества.

Кіевское Слово №№ 590—532. 509. *Новая пещера на Звѣринцѣ.* (Разсказъ очевидца). Звѣринецкаго жителя. Авторъ былъ одинъ изъ первыхъ спустившихся въ эту пещеру. Пещера представляетъ невысокій корридоръ, въ стѣнахъ котораго съ двухъ сторонъ полукруглыя и углубленныя могилы; въ каждой изъ нихъ по два черепа, а въ нѣкоторыхъ отчетливо видны два человѣческихъ скелета, положенныхъ головою во внутрь. Пещера оканчивается вертикальною стѣною, въ которой находится такая же углубленная могила съ 2 скелетами. Длина пещеры около 96 арш.; въ ней 48 могилъ, и 96 скелетовъ. Въ пещерѣ найдены два красныхъ кирпича шириною ок. $^1/_2$ арш., толщиною 1 верш., длина неизвѣстна, п. ч. кирпичи переломлены; кирпичи эти вывѣтрились и не походятъ на нынѣшніе. Сверхъ того были найдены кусочки ветхой кожи отъ обуви. По слухамъ, осматривавшіе пещеру раньше видѣли на костяхъ истлѣвшее духовное облаченіе и нашли золотой крестикъ.

509, 511. *Поѣздка въ полтавскую губернію.* Авторъ описываетъ свои впечатлѣнія во время поѣздки внизъ по Днѣпру до Кременчуга и затѣмъ по кременчугскому и кобелякскому уѣздамъ.

510. Корреспонденція *изъ с. Острова, васильков. уѣзда.* Авторъ между прочимъ, сообщаетъ: „Къ числу достопримѣчательностей с. Острова нужно отнести 3 небольшихъ кургана: одинъ—большій по величинѣ—стоитъ особнякомъ на одномъ концѣ села, а два другіе—меньшіе, стоятъ рядомъ на другомъ концѣ. Большій курганъ, вышиною ок. $2^1/_2$ саж., имѣетъ 30 сажен. въ окружности; на вершинѣ кургана красуется довольно большой каменный крестъ съ расширяющимися, на подобіе треугольниковъ, концами. Какъ давно

и кѣмъ поставленъ этотъ крестъ—никто изъ старожиловъ не знаетъ и не помнитъ объ этомъ никакихъ преданій. Другіе два круганчика тоже съ каменными крестами, такой же формы, какъ и первый, но только немного поменьше. Кресты эти тщательно охраняются крестьянами".

520. *И. П. Котляревскій.* По поводу 50-лѣтія со дня его смерти.

521. *Памяти Г. П. Галагана.* Черниговца.

527. Замѣтка о празднованіи столѣтія рожденія М. С. Щепкина.

528. О праздновапіи въ кіев. драматич. обществѣ столѣтія дня рожденія М. С. Щепкина.

Очеркъ жизни и дѣятельности М С. Щепкина. Рѣчь, произнесенная 6 ноября въ кіев. драматич. обществѣ предсѣдателемъ его Л. А. Куперникомъ. Въ началѣ рѣчи сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о Щепкинѣ: Мих. Сем. Щепкинъ былъ сыномъ крѣпостнаго гр. Волькенштейна. Образованіе онъ получилъ въ суджанскомъ уѣздномъ и курскомъ губернскомъ училищахъ; къ сценѣ пристрастился онъ рано, присутствуя на домашнихъ спектакляхъ въ домахъ гр. Волькенштейна и его сосѣдей. На публичную сцену онъ выступилъ въ 1805 г. и, проработавъ лѣтъ 18 на провинціальныхъ сценахъ, въ 1823 г. былъ принятъ на московскую Императорскую сцену, на которой игралъ около 40 лѣтъ, совершая лѣтнія поѣздки по разнымъ городамъ Россіи. Далѣе, ораторъ указалъ двѣ великія заслуги Щ—на: во 1-хъ то, что онъ поставилъ званіе и значеніе артиста на небывалую дотолѣ высоту, во 2-хъ, что онъ установилъ взаимодѣйствіе между литературой и сценой. Лучшіе представители русской литературы отъ 20-хъ до 40-хъ гг. высоко цѣнили Щ—на и были съ нимъ близки. Щ—нъ явился создателемъ оригинальной русской драматической школы. Взгляды свои на искусство онъ развилъ въ письмахъ къ С. В. Шумскому и А. П. Шубертъ. Къ дѣлу своему Щ—нъ относился въ высшей степени добросовѣстно и аккуратно. Талантъ его былъ очень разносороненъ, но высшаго совершенства достигъ онъ въ комедіи. Щ—нъ познакомилъ русскую публику съ малороссійскимъ юморомъ и комизмомъ, съ которыми его землякъ Гоголь знакомилъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Въ заключеніе, ораторъ указалъ на то обстоятельство, что память Щепкина увѣковѣчена многими писавшими о немъ, а традиціи его живутъ и донынѣ на московской сценѣ.

529. *Памяти М. С. Щепкина.* Стихотвореніе, написанное его правнучкой Т. Л. Куперникъ и прочитанное 6 ноября въ кіев. драм. обществѣ артистомъ Сарматовымъ.

530. *Празднованіе юбилея М. С. Щепкина въ Москвѣ.*

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости № 28—40. 33—38. Извлеченіе изъ исторической записки о состояніи находящагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государыни Императрицы кіевскаго женскаго училища

духовнаго вѣдомства въ теченіи перваго 25-лѣтія его существованія 1861—1886 (не окончено).

39, 40. Докладъ предсѣдателя кіевскаго епарх. училищнаго Совѣта преосв. Иринея, епископа уманскаго, поданный высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту кіевскому и галицкому, о состояніи школъ церковно-приходскихъ и грамотности въ кіевской епархіи въ истекшемъ 1887—8 учебномъ году.

Волынь № 116—133. 118. *Г. Дубно и м. Олыка.*

119. *Луцкъ и его уѣздъ.* Перепечатка изъ „Вол. Губ. Вѣд."

121, 122. *Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.* Панъ повѣтовый маршалъ. Перепечатка изъ „Кіевской Старины".

123—129. *Слава Богу, для начала и это хорошо!* Мирона. Перепечатка изъ „Кіевской Старины."

123, 125. *Городъ Кременецъ и его уѣздъ.* Перепечатка изъ ст. г. Братчикова въ „Вол. Губ. Вѣд."

128. *М. Вишневецъ, кременецкаго уѣзда.* Изъ „Вол. Губ. Вѣд."

130. *Памяти М. С. Щепкина.* Театрала. Изъ журнала „Искусство."
М. Ямполь, волынской губ. Изъ „Вол. Губ. Вѣд."

Волынскія Губернскія Вѣдомости № 74—88. 77. *Братчиковъ.* Къ вопросу объ оздоровленіи городовъ (о санитарныхъ условіяхъ г. Житомира.)

80. *Братчиковъ.* Остатки волынской старины (истор.-арх. замѣтка) прод. № 76.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 29—31. №№ 29, 30, 31. Историко статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (предолженіе) г. Острогъ.

30. Замѣтка о 50-лѣтіи одесской духовной семинаріи.

31. Вечернія духовно-назидательныя чтенія въ Почаевской лаврѣ. Іером. Владиміра.

— Замѣтка. Старообрядческія школы въ ю.-з. краѣ.

29 Предметный указатель содержанія неоффиціальной части Вол. Епарх. Вѣд. за первые 20-лѣтъ ихъ существованія (стр. 243—256) (окончаніе).

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 41—44. № 41. Яковъ Ѳеод. Головацкій (некрологъ). Быкова (переп. изъ Нивы).

42. Замѣтка о празднованіи 900-лѣтія крещенія галицкой Руси (Ц. В.).

43. *К. Доброловскій.* Крещеніе Россіи и значеніи этого событія для исторіи нашего отечества.

— Празднованіе каменецкимъ духовнымъ училищемъ 900-лѣтія крещенія Руси.

44. *П. Любарскій.* О значеніи православія въ исторической жизни русскаго народа (актовая рѣчь въ каменецкой гимназіи).

Полтавскія Епарх. Вѣдомости №№ 17—21. №№ 17, 18. Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи. Списокъ, составленный по клировымъ вѣдомостямъ Порфиріемъ Мартиновичемъ и Василіемъ Горленкомъ (оконч.).

19. Актъ комитета по устройству Успенской церкви въ Переяславѣ.

— Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи, извлеченныя изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавской духовной консисторіи и семинаріи за время отъ 1818 до 1862 г.

20. Краткій историческій очеркъ состоянія переяславско-полтавской семинаріи со времени основанія ея (1738 г.) до преобразованія въ 1817 г.— Василія Демидовскаго.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія №№ 11—20. № 18. Открытіе братства св. Михаила кн. черниговскаго для противодѣйствія расколу.

— Историческая записка о состояніи раскола въ черниговской епархія— Доброгаева.

Земскій Сборникъ Черниговской губ. 1888. №№ 6—10. №№ 6—8. О дѣятельности полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества.

— Движеніе народонаселенія въ черниг. губ. за 1884, 1885—1886. Гл. II и III, мглинской и городницкій уѣзды. Е. Святловскаго.

— Сводъ смѣтъ уѣздныхъ на 1888 г. П. Буштедта.

— Изъ деревни, письмо V. Н. Н. К.—Волка.

— Журналы черниг. губ. зем. чрезвычайнаго собранія 24—26 мая 1888 г.

9—10. *Къ слову объ отчетахъ земскихъ управъ*. Библіографическая замѣтка С. Л.

О шелководствѣ въ м. Трипольѣ. М. Даровской.

Свѣдѣнія о срокахъ и мѣстахъ ярмарокъ въ черн. губ. Ив. Обозненко.

О земскихъ школахъ борзенск. у. Н. Н. К.-Волка.

Отчетъ о дѣятельности черниговск. сельско-хозяйств. общества.

Земская медицина въ черниг. губ. (по докладамъ делегатовъ съѣзда врачей). Е. В. Святловскаго.

Нѣсколько выводовъ изъ статистич. трудовъ по черниговской и херсонской губ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 80—88. № 80. Перепечатка изъ Кіевлянина истор. свѣдѣній о фамиліи Галагановъ.

81, 82, 84, 85. Къ исторіи края (изъ архива гр. Милорадовича). Одиннадцать земельныхъ документовъ рода Полуботокъ (1709—1712).

83. Къ исторіи края Н. Гармашева. I. Духовный тестаментъ и II. Доносъ на священника (1741).

85, **86**, **87**. Кн. С. П. Голицынъ (б. черниг. губернаторъ) некрологъ.

88. *Къ исторіи края. Старинныя малороссійскія стихотворенія.* «Помѣщенныя ниже стихотворенія получены мною отъ г. Дор—скаго, который нашелъ копіи ихъ въ бумагахъ покойнаго редактора «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» А. В. Шишацкаго-Иллича. Авторъ этихъ стихотвореній—іеромонахъ Климентій Зиновіевъ, малорусскій писатель временъ гетмана Мазепы. Въ январьской книжкѣ «Основы» 1861 года помѣщена о Климентіѣ прекрасная монографія г. Кулиша, къ которой и отсылаемъ желающихъ поближе познакомиться съ біографіей и произведеніями нашего «піита», мы же ограничимся лишь маленькой замѣткой относительно мѣста рожденія его.

Проф. Огоновскій въ своей исторіи малорусской литературы называетъ Климентія полищукомъ, не дѣлая при этомъ никакихъ ссылокъ. Такъ какъ единственнымъ источникомъ для біографіи Климентія служатъ его произведенія, въ коихъ отсутствуютъ указанія на мѣсто рожденія автора, то остается предположить, что г. Огоновскій основалъ свой выводъ на филологическихъ данныхъ. Таковыми могли послужить ему нѣкоторыя особенности языка Климентіевыхъ «віршей» (нар; у=о: пудъ часъ, покуль и пр.), которыя (особенности) составляютъ принадлежность нарѣчія полищуковъ. Но г. Огоновскій упустилъ здѣсь изъ виду то обстоятельство, что всѣ эти особенности въ то же время принадлежатъ и нарѣчію черниговскому. Если при этомъ принять во вниманіе, что оригиналъ сочиненій Климентія найденъ г. Шишацкимъ въ Черниговщинѣ, то намъ кажется, съ большимъ правомъ можно назвать Климентія черниговцемъ, чѣмъ полищукомъ.

I. О замкахъ, що замикають брамы, або ворота дворовъ пановъ велможныхъ, або клетѣ, інбарѣ, коморы, алкѣры, скарбницы, церквы, скрынѣ, вертоірады, склѣпы, ліохы, пивницы, ста'нѣ, свѣтлицы, темницы и прочая.

Правдивая приповѣсть зостаетъ отъ вѣка,
Не для доброго, мовять, замокъ чоловѣка,
Бо хоч' и не замкнено, то добрый не по'деть,
А злый і тежъ недобры' и чрез' замки пройдеть
Ведлугъ добрыхъ хочбы ся и не замыкало,
То в'цѣлости иночных' часо в' все б' бывало.
Тылкожъ жебы злымъ спрятомъ добрыхъ не псовать;
Для того мусымо мы замками замыкать.
Жебы часомъ и добрый хто не спокусился:
И со злыми где людми не обезчестылся.
Бо пудъ часъ и в'дому врагъ домашный бываеть,
На котрого часомъ и ни сподѣваеть.

А такъ.... (Этими словами оканчивается рукопись. Нѣсколькихъ листковъ въ ней не достаетъ, *Прим. Шишацкаго.*

II. О злыхъ женахъ имъже никогда неяты вѣры.

Подобаетъ таковый вчинити совѣтъ намъ,
Же negды не давати ни в'чемъ вѣры женамъ.
Женамъ бо завше латво такъ клятву сполнити,
Якъ прагнучому часомъ воды ся напити.
Прето ащебы мощно звѣзды з неба брала,
Або тежъ предъ собою землю поядала.
То уже да небудетъ онымъ вѣра данна,
Хочь бы и прекрасная она была панна.
Бо и Адамъ презъ жену ласки Божой отпалъ
И ввесь миръ навѣки былъ смертной клятвѣ отдалъ
I иные многіи чрезъ женъ погибоша
И втожъ навѣки ласки Божой отпадоша.
Тѣмъ и паки злымъ женамъ вѣры недавайте,
И себе купно з'ними да не погубляйте.
Правда, и жена женѣ есть неравна,
Якъ в'нашомъ нынѣ вѣку, такоже и здавна.
I ащебы и мати еднакъ таяжъ жена
И презъ матеръ бываетъ скорбъ и грѣху вина.
А поневажъ отъ женъ и святымъ скорбы бывали,
Когда еще на земли себѣ пребували.
Далеко барзѣй от'нихъ пакость намъ немощнымъ,
Нежели онымъ давнымъ святымъ благомощнымъ.
Теды гдыбъ хто рекъ: створилъ Богъ на згибель роду
Людскому жены; но нѣсть лесть для чиста плоду.
Сохраняй же насъ, Боже, отъ тѣхъ нечистотъ
Да не втратимъ небесныхъ твоихъ красотъ,
Але чисты чистому Богу тебѣ явимъ
И царствіе вѣчное з святыми наслѣдимъ».

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 263—293. № 264. Корр. изъ м. Рашевки о похоронахъ б. проф. харьк. унив. Ѳ. В. Тихоновича.

266. Н. Ф. Сумцовъ. Къ вопросу о развитіи общественныхъ библіотекъ.

268—269. Некрологъ начальницы 2 хар. жен. гимназіи А. Н. Саввичъ.

270. Библіографическая замѣтка о книгѣ П. Сокальскаго. «Русская народная музыка великорусская и малорусская».

— Ходъ весны подъ Харьковомъ въ 1888 г.—А. Колесова.

279. Изъ Краснокутска (кор.) о ежегодномъ принесеніи туда 17 окт. иконы Каплуновской Божіей Матери.

280. Некрологъ технолога Н. Н. Рогозинскаго.

282. Сообщенія:

1) Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 19 октября прочитаны были доклады *М. Е. Халанскаго* о былинѣ о Жидовинѣ и *Н. Ѳ. Сумцова* объ оленѣ въ произведеніяхъ искусства и народной словесности. Постановлено приступить къ печатанію втораго тома сборника принадлежащихъ обществу архивныхъ и этнографическихъ матеріаловъ. Въ сборникъ войдутъ акты и документы, относящіеся къ исторіи колонизаціи б. слободской Украины подъ редакціей проф. Д. И. Багалѣя; сказки, собранныя И. И. Манжурой, имъ же редактированныя; игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ подъ редакціей члена общества П. В. Иванова съ примѣчаніями проф. Н. Ѳ. Сумцова и литовскія сказки подъ редакціей проф. А. И. Александрова.

2) На дняхъ окончилъ объѣздъ округа инженеръ юго-западнаго горнаго округа Л. П. Долинскій, который, между прочимъ, посѣтилъ бердянскій уѣздъ и произвелъ здѣсь новыя изысканія. По словамъ г. Долинскаго, мѣстность эта едва ли не превосходитъ даже криворожскія минеральныя богатства, такъ какъ вблизи имѣются каменноугольныя копи. Особеннымъ богатствомъ рудныхъ залежей отличаются Корсакъ-Могила и Консунгъ-Гора, гдѣ, кромѣ того, въ изобиліи имѣются всѣ матеріалы для маталлургическихъ операцій. Тутъ имѣются и огнеупорныя глины, и песчаники, и графитъ. Но за то имѣется и страшный тормазъ для развитія мѣстнаго минеральнаго богатства, это — отвратительные пути сообщенія. Не смущаются этимъ одни эксплоататоры, которые успѣли уже заарендовать лучшіе участки на 50—60 верстъ кругомъ. Г. Долинскій привезъ изъ бердянскаго уѣзда богатую коллекцію найденныхъ имъ при изысканіяхъ минеральныхъ породъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій одесскаго отдѣла техническаго общества г. Долинскій, по словамъ «О. В.», сдѣлаетъ сообщеніе объ этихъ интересныхъ изысканіяхъ.

284. Къ хроникѣ сообщено о панихидѣ, бывшей 29 октября, по И. П. Котляревскомъ (день его смерти) въ Харьковѣ.

— Памяти И. П. Котляревскаго (перепечатка изъ Кіевлянина).

289. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (столѣтіе дня рожденія) краткая біогр. замѣтка.

— Сельско-хозяйственныя замѣтки («Опытныя поля» А. Зайкевичъ Харьковъ 1888.).

293. Памятникъ В. Н. Каразину. Выдержки изъ письма ректора харьк. университета, изъ котораго видно неудовлетворительное поступленіе пожертвованій на задуманный памятникъ видному дѣятелю по народному образованію

южнаго края, что вынуждаетъ просить объ учрежденіи особаго комитета для сбора пожертвованій, а также усилить подписку по вновь выпущеннымъ подписнымъ листамъ.

Южный Край №№ 2673—2700. 2673. Шерстяной рынокъ въ 1888 г.

2674. Библіографическое извѣстіе о вышедшихъ въ Харьковѣ новыхъ книгахъ, между которыми: *Потебня А.* Изъ записокъ по русской грамматикѣ 2 изд.

2676. Л. Е. Отрывки изъ деревенскаго дневника—описывается современная жизнь въ деревнѣ на югѣ Россіи.

2688. Въ хроникѣ объ увеличеніи по оффиціал. свѣд. въ харьковской губерніи въ 1887 г. раскольниковъ и др. сектантовъ.

2695. Библіогр. извѣстіе о вышедшихъ въ Харьковѣ новыхъ книгахъ, между ними: а) Владиміровъ Л. Учебникъ русскаго уголовнаго права и б) Сокальскій П. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки.

2682, 2684 и 2690. *Пребываніе въ Харьковѣ царей и царицъ.* (Историческій очеркъ, составленный главнымъ образомъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ епископомъ харьковскимъ Филаретомъ въ его извѣстномъ «Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи»).

Первымъ изъ царей, посѣтившихъ Харьковъ, былъ Петръ Великій. Проѣздомъ изъ Азова въ Полтаву 2-го іюня 1709 г. Петръ, въѣхавъ въ городъ, остановился подлѣ Николаевской церкви, которую онъ по ошибкѣ принялъ за Успенскій соборъ. Но вскорѣ ошибка была обнаружена и царь, отслушавъ обѣдню въ соборѣ и осмотрѣвъ затѣмъ городскую крѣпость, въ тотъ же день послѣ обѣда выѣхалъ въ Полтаву. Въ 1787 году черезъ Харьковъ проѣзжала императрица Екатерина II на обратномъ пути изъ Крыма и Таганрога въ Петербургъ. Изъ дошедшаго до насъ «Обряда при Высочайшемъ шествіи Ея Императорскаго Величества черезъ харьковское намѣстничество» можно видѣть, какими церемоніями сопровождался проѣздъ Екатерины В. черезъ нынѣшнюю харьковскую губернію. У сооруженныхъ на сей случай на границѣ харьк. и екатерин. губерній тріумфальныхъ воротъ императрицу должны были встрѣтить всѣ чины и представители сословій, при чемъ строго опредѣлялся не только порядокъ, въ которомъ чины и представители должны были слѣдовать другъ за другомъ, но и указывалось точно разстояніе, которое должно отдѣлять ихъ другъ отъ друга. «И для встрѣченія Ея Величества, предписывалось въ «Обрядѣ», да станутъ съ правой стороны дороги генералъ-губернаторъ и губернаторъ; за

ними, отступя на одинъ шагъ, губернскій предводитель, а отступя отъ него тоже на шагъ, уѣздные предводители съ депутатами передъ дворянствомъ своихъ уѣздовъ, отстоящими отъ нихъ на одинъ же шагъ» и т. д. По пути слѣдованія царскаго поѣзда «дѣвки (окрестныхъ деревень) бросаютъ подъ карету цвѣты, а прочіе изъявляютъ свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями». По всѣмъ улицамъ, по которымъ будетъ проѣздъ, предписывалось окна украсить «сосновыми вѣтвями и въ окнахъ на улицу, поднявши оныя, вывѣсить какія у кого сыщутся портища, суконныя, стамедныя, или такія, изъ чего дѣлаются плахты». При въѣздѣ императрицы въ Харьковъ между прочимъ предписывалось «отъ Лопанскаго моста до воротъ замка * студентовъ (т. е. воспитанниковъ «Духовнаго Коллегіума», какъ называлась тогда семинарія) порядочно одѣтыхъ, съ ихъ значками же, кое какимъ цеховымъ, такъ и студентамъ во время проѣзда, снявъ шапки, преклонить до земли»... «Дамы и дѣвицы да предстанутъ въ мундирахъ сего намѣстничества и въ приличныхъ нарядахъ въ то время, въ которое имъ позволено будетъ. Отъ замка, до выѣзжихъ воротъ изъ замка, да будутъ поставлены студенты съ ихъ значками, а оттуда до городскихъ воротъ или до Харьковскаго моста цеховые съ значками же, кои при проѣздѣ, снявъ шапки, преклоняютъ значки до земли».

По разсказу очевидца Н. Ѳ. Лубяновскаго, за недѣлю передъ пріѣздомъ Екатерины въ Харьковъ, въ городѣ не было свободнаго угла; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ и какъ кто могъ пріютиться.

Императрица пробыла въ Харьковѣ съ 10 по 12 іюня.

Затѣмъ спустя тридцать лѣтъ, 17 октября 1817 года, посѣтилъ Харьковъ Александръ Благословенный. Между прочимъ государь былъ на балу, данномъ ему губернскимъ предводителемъ дворянства А. Ѳ. Квиткою въ Основѣ, при чемъ, по разсказамъ современниковъ-очевидцевъ, «смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи отъ Харькова до Основы. Войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, императоръ спросилъ съ улыбкой: «не во дворцѣ ли я?»... Во второй разъ Александръ I посѣтилъ Харьковъ 31 іюля 1820 года, проѣздомъ изъ Чугуева въ Варшаву. Въ этотъ разъ государь пробылъ въ Харьковѣ до 9 августа.—Печальное слѣдованіе останковъ Александра Благословеннаго изъ Таганрога въ Петербургъ въ 1826 году лежало черезъ Харьковъ. Траурный кортежъ 9 января былъ встрѣченъ у городской заставы преосвященнымъ Павломъ, а 12 числа того же мѣсяца при громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ и многочисленномъ стеченіи народа тѣло государя было сопровождаемо до границы губерніи.

11 сентября 1832 года въ 6 часовъ утра императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Харьковъ изъ Полтавы и остановился въ домѣ купца Безходарнаго (доставшемся женѣ послѣдняго, дочери Ломакина). Осмотрѣвъ нѣко-

торыя учрежденія, государь въ четыре часа того же дня отбылъ въ Чугуевъ. 18 октября 1837 года Николай I посѣтилъ Харьковъ проѣздомъ въ Вознесенскъ.

18 августа 1837 года удостоила Харьковъ своимъ посѣщеніемъ императрица Александра Θедоровна съ великою княжною Маріею Николаевною, при чемъ помѣщеніе имъ были приготовлено въ университетскомъ домѣ. Императрица пробыла здѣсь три дня и, пожаловавъ 800 р. на бѣдныхъ, отбыла въ Вознесенскъ, откуда на возвратномъ пути 7 октября снова заѣзжала на 2 дня въ Харьковъ.

14 сентября 1842 года и 15 сентября 1845 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Харьковъ по пути въ Чугуевъ. 8 октября 1852 г. Николай I былъ въ Харьковѣ въ послѣдній разъ. Но это посѣщеніе не обошлось безъ инцидентовъ, изъ которыхъ приводимъ одинъ какъ наиболѣе характерный. «Въ два часа, разсказываетъ современникъ г. Рейнгардтъ, Государь отправился въ больницу приходо-общественнаго призрѣнія на Сабуровой дачѣ. Возвращаясь оттуда и проѣхавъ мимо 1-й гимназіи, гдѣ съ утра ожидали Царя ученики и служащіе, онъ вспомнилъ о ней уже около собора и приказалъ вернуться. Тѣмъ временемъ директоръ Димкевичъ, огорченный неудачею, приказалъ всѣмъ разойтись по домамъ, самъ же отправился вслѣдъ за Государемъ за городъ. Исправляющій должность инспектора, уч. математики Лопушанскій, повелъ пансіонеровъ въ столовую, а докторъ, бывшій профессоръ, Иванъ Николаевичъ Райпольскій (знаменитая по своей оригинальности личность)—въ больницу. Неожиданная перемѣна фронта—возвращеніе Его Величества въ 1-ую гимназію, какъ громомъ ошеломило начальство гимназіи. Директоръ, не смѣя обгонять экипажъ Государя, смиренно долженъ былъ слѣдовать на почтительномъ отдаленіи, такъ что некому было встрѣтить Государя. И. д. инспектора, увѣдомленный о прибытіи Императора, едва успѣлъ надѣть мундиръ и въ попыхахъ, дрожа отъ испуга, предсталъ передъ нимъ. Поздно уже явился директоръ. Такая встрѣча, естественно, не понравилась Государю. Онъ отправился въ больницу, гдѣ прочитавъ на таблицѣ надъ кроватью: Febris intermittens, спросилъ больного, чѣмъ онъ боленъ.—Рана на ногѣ, Ваше Величество.—Отчего же на таблицѣ не поставлена настоящая болѣзнь, а другая? обратился онъ къ Райпольскому.—Это... это я, Ва...ше Импе...ра...торское Вели...чество доо...кла...а...дывалъ г. инспектору, чтобъ перемѣнили.—На гауптвахту его! вскричалъ Государь.—Простите, Ваше Величество, умолялъ Иванъ Николаевичъ, но Государь, махнувъ рукой, отдалъ приказъ Кокошкину посадить на гауптвахту директора на одинъ мѣсяцъ, Райпольскаго на три недѣли, а инспектора на двѣ недѣли».

Императоръ Николай Павловичъ въ этотъ свой пріѣздъ остался доволенъ только Институтомъ благородныхъ дѣвицъ и второю гимназіей.

Покойный Императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Харьковъ въ 1837 и 1845 гг. (когда былъ еще наслѣдникомъ), въ 1859, 18 октября 1861 г., 3 ноября 1863 г., 15 августа 1875 г. и въ послѣдній разъ въ августѣ 1880 года.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 80—87. 80, 84. Я. П. Новицкій. Статистико-экономическое состояніе г. Александровска и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г.

80. Къ исторіи запорожскихъ козаковъ. Перепечатка изъ книги Эварницкаго «Сборникъ матеріаловъ для исторія запорож. козаковъ» доношеніе кошеваго Иванова окт. 5. 1752 г.

83. Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ.

Крымъ №№ 94—105. 96. *Энтомологич. экскурсія областного энтомолога А. П. Забаринскаго.*

97. *По поводу раскопокъ въ Крыму*. Перепечатка изъ записокъ Н. Н. Мурзакевича въ «Русской Старинѣ».

104. *Памяти М. С. Щепкина.*

Сборникъ Херсонскаго Земства № 8—10. 8. *А. Бараневичъ*. Бюллетень о состояніи сельск. хозяйства по одесскому уѣзду за весенній періодъ 1888 года.

8. Б. Трояновскій. Такой же бюллетень по тираспольскому у.

— Нѣсколько выводовъ изъ статистическихъ трудовъ по черниговской и херсонской губерніямъ.

— Приложеніе къ бюллетеню о состояніи сельскаго хозяйства въ александрійскомъ у. за лѣтній періодъ 1888 г.

— Приложенія: Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи (тираспольскій у.) Территорія и населеніе. Положеніе и границы т. у. Пространство его. Поверхность его. Оро и гидрографическія его особенности. Водоснабженіе.

9. Отчетъ о состояніи херсон. сельско-хоз. училища за 1887 г.

— Отчетъ объ урожаѣ на поляхъ фермы херс. зем. сельско-хоз. учил. за 1888 годъ.

— Отчетъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ херсонс. губерн. земства за 1887 годъ.

— Отчетъ по страхованію за 1887 г.

— Отчетъ одесск. бактеріологической станціи за вторую треть 1888 г.

— Отчетъ губ. управы о дѣйствіяхъ ея по случаю Высочайшаго пріѣзда и о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ херсонской губерніи.

Приложеніе. Матеріалы для оцѣнки зем. херсонской губерніи (тираспольскій уѣздъ). Геологическое строеніе, почва и ея особенность. Климатическія особенности т. уѣзда. Административное раздѣленіе. Земскія дачи, ихъ межевой

составъ, положеніе на площади уѣзда и формы землевладѣнія въ дачахъ. Размѣщеніе населенія по территоріи уѣзда. Число населенныхъ пунктовъ, ихъ величина и среднее разстояніе между ними. Густота населенія.

10. Доклады и отчеты очередному губ. зем. собранію сессіи 1888 г.

— Приложенія. Матеріалы для оц. земель херсон. губерніи. Тираспольскій уѣздъ. Внѣшняя обстановка жизни населенія. Наружный видъ поселеній, число и характеръ построекъ. Стоимость жилыхъ и холодныхъ помѣщеній. Населеніе, его приростъ, половой, сословный и національный составъ. Занятія населенія. Отхожіе промыслы.

Смоленскій Вѣстникъ 56—113. 119. О пребываніи въ Смоленскѣ малорусской труппы артистовъ.

Донская Рѣчь 82—121. 108. Кое что о приходящихъ на югъ Россіи рабочихъ.

110. Некрологъ свящ. И. Г. Новосадскаго, законоучителя усть-медвѣдицкой гимназіи, воспитанника кіевской дух. академіи.

Орловскій Вѣстникъ № 60—152. 118. Въ отдѣлѣ „Письма и извѣстія": „Изъ села Хатютова, болховскаго уѣзда". Хатютово нѣкогда было городомъ маленькаго княжества изъ системы сѣверскихъ.

135. „Старинныя переселенія орловскихъ крестьянъ",—статья, имѣющая отношеніе къ исторіи юга.

138. Въ отдѣлѣ „Письма и извѣстія": Исъ Рославля о находкѣ антиминса, подписаннаго митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іовомъ Борецкимъ въ 1600 году.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости 42—45 № 42. *Образованіе латинскаго и русскаго духовенства и такъ называемыя реколлекціи въ Польшѣ незадолго до ея раздѣла (1751—1764). Свящ. Льва Паевскаго.*

43. *Священники при св. Владимірѣ* (изъ Тул. Еп. Вѣд.).

Кубанскія Вѣдомости 23—43. № 23—30. П. Короленко. Путевыя замѣтки о поѣздкѣ по закубанскому краю въ 1866 г.

32. Празднованіе въ Анапѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

31. 33, 34, 36, 37, 39. Путевыя замѣтки. Учителя К. Живило.

33. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Екатеринодарѣ.

41. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Екатеринодарѣ.

42. Объ открытіи въ Екатеринодарѣ приготовительной школы кадетскихъ корпусовъ.

43. Празднованіе 25-лѣтія Маріинскаго училища.

— Обзоръ кубанской области зa 1887 годъ.

Червоная Русь 119—28. 120—123. *Уніатскіи церковныи синоды*

120. *Изъ Золочева.* Празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

123—125. *Роздѣлъ Галичины.*

125, 125. *Нѣсколько словъ о русской книжцѣ для дополнительной науки.* О. В. Сверщска.

Рецензія на изданіе д—ра Э. Калужняцкаго: Monumenta linguae palaleoslovenicae.

126. Замѣтка о библіотекѣ «Народного Дома».

127. Некрологъ извѣстнаго галицкаго политическаго и общественнаго дѣятеля и писателя, священника Стефана Качалы, скончавшагося въ октябрѣ сего года.

127, **128**. *Отчетъ о дѣятельности «Академическаго Кружка»*.

128. *Изъ недавней бывальщины.* З...с. Изъ жизни львовской духовной семинаріи въ 70-хъ гг.

Сибирскій Вѣстникъ 46—71. 51. *Профессора томскаго университета.* Краткая біографія съ перечисленіемъ научныхъ трудовъ В. В. Рейнгарда—воспитанника 3 харьковской гимназіи.

53, 56, 66. *Передовыя статьи* по переселенческому вопросу.

59 *Свѣдѣнія объ университетѣ.* Краткая біографія инсп. студ. томскаго у—та А. С. Еленева—воспитанника кіев. дух. академіи.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Archivum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane przez Radzimińskiego i Gorczaka, томъ II, 1284—1506. Львовъ. 1888 г.

Breza—Wykopaliska w Kuźmińczyku (на Волыни). Краковъ 1888.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ (отт. изъ «Кіевской Стар.») Кіевъ, 8 д., 20 стр.

Вперед! Збірник поезій. Зібрав и видав Кирило Трильовский. Випуск I. Черновцы. 1888. 16° стр. 64.

Geschichte des allmählichen Verfalls der unierten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert unter polnischem und russischem Scepter, nach der Quellen bearbeitet Lic. und Prof. Ed. Likovski. Ins Deutsche übertragen von Ap. Tłoczynski, Domvicar. 2. Bd. Das XIX Iahrhundert. Posen. 1887. Ialowicz. 8° VII, 339 S. M. 5.

Dalman. Jüdisch—deutsche Volkslieder aus Galizien und Russland. Лейпцигъ 1888.

Die Heimath der Szlachcicen zwanglose Federzeichnungen eines Galizianers. Leipzig 1888.

Elk I. Die judischen Kolonien in Russland. Kulturhistorische Studie und Beitrag zur Geschichte der Iuden in Russland. Francfort ur le Mein 1887. I. Kaufmann. 8°, VIII et 219 p. p.

Записки Императ. русск. географич. общества по отдѣленію этнографіи. Т. XIII, вып. 2-ой, Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Записаны въ Дятловецкой волости. *З. Радченко.* Спб., 8 д., II+I+XLIII+265 стр.

Zbiór wiadomości do antropologji krajowej, wydawany staraniem komissji antropologicznej akademji umiejętnosci w Krakowie—томъ XII. Краковъ 1888.

З. С. Михайло зъ Коростова, повистка для народа. Львовъ. 1888.

Плевичъ Юл. Ив. О книгахъ грунтовыхъ и о эвиденціи катастральной. Изд. общ. имени М. Качковскаго. Іюнь 1888. ч. 151, 16° стр. 82.

Иллюстрованный календарь общ. имени М. Качковскаго на годъ 1889. Подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго. Львовъ 1888. 16° стр. LXXX+294.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. (Отт. изъ „Кіевской Старины"). Кіевъ, 8 д., 91 стр.

Крещеніе Руси. I. Повѣсть лѣтописца преп. Нестора. II. Короткій очеркъ первобытнои исторіи русского народа и его крещенія, списанный Вл. Ѳ. Щавиньскимъ. Изд. общ. имени М. Качковскаго. Іюль 1888. ч. 152. 16° стр. IX+л҃—кд҃+24+58—87.

Ossowski. Materjały do paleoetrologji kurhanów Ukraińskich. 1888. Краковъ.

По поводу совершившагося празднества 900-лѣтія крещенія Руси. Москва, 8 д., 16 стр.

Поученіе въ 900-лѣтнюю годовщину крещенія Руси 15 іюля 1888 года. Спб. 8 д., 10 стр.

Reinhold v. Alex. Geschichte der russ. Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig. 1887. 8°. XV и 848 p. 17 fr. 50 c.

Сокальскій И. И. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличіе ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ, 8 д., 2 нен.+7+VII+368+8 ст.

Solecka.—Xiądz Nykoła, z opowiadania dyaczka.—Краковъ 1888.

Справоздане выдѣлу «Рускои Бурсы Тернопольскои» за рокъ администраційный 1888 г. Тернополь, 1888. 8° стр. 12.

Справоздане директора Ц. К. гимназіѣ академичнои у Львовѣ за рокъ школьный 1888. Ч. I Наукова Константина Лучаковскаго: Nestoris chronicon capp. 26—40 in Romanorum sermonem conversa. Ч. II урядова. Львовъ, 1888. 8° стр. 33+48.

Статутъ «Институту подъ покровомъ св. Николая», заложеного черезъ «Руске Товариство Педагогичне» у Львовѣ. 4° стр. 4.

Статутъ товариства «Бурса имени св. о. Николая» въ Перемышли. Перемышль, 1888. 8° стр. 15.

Руска исторична библіотека подъ ред. Ом. Барвѣньского Т X. Исторични монографіи Миколы Костомарова. Т. III. Богданъ Хмельницкій Т. II. Главы VII—XIV. Перекладъ М. Уманця. Тернополь, 1888.

Franzos—Halb-Asien—Land und Leute des östlichen Europa, томъ V и VI. Штутгардтъ, 1888.

Ševčenko Taras. Pjesničke pripovjesti, preveo i uvodom popratio August Harambašič. Zagreb. Naklada Matice Horvatske. 1887. Переведены пьесы: Začarena, Topola, Katarina, Služavka, Nevoljnik, Neofiti, Petrica, Hajdamaci.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.

обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) „въ области церковно-приходской практики" — отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ, 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Сверхъ того, въ числѣ объявленій будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковные капиталы.

Редакція надѣется, что этой програмой исчерпываются вполнѣ всѣ существенныя потребности пастырскаго служенія. Если же, вопреки ожиданію, въ ней окажется какой-либо пробѣлъ, то редакція проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оный, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христіанскаго Чтенія" столь же обширна, но выполняется преимущественно въ интересѣ тружениковъ науки; при чемъ однакожъ не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи" оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи" будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаіи), а также неизданные письменные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ цѣломъ программы обоихъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженикамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ тоже время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церк. Вѣстн." и „Христ. Чт." съ „Толкованіями" составятъ въ годъ около **двухсотъ пятидесяти пяти** (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн." до 140 л. и „Христ. Чтен." до 115 л.),

---

Условія подписки.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала **7 р.** (семь) съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ" **5 р.** (пять), за „Христіанское Чтеніе" съ „Толкованіями" **5 р.** (пять). Заграницей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.** (девять), за каждый отдѣльно **7 р.** (семь) съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника" и „Христіанскаго Чтенія", въ С.-Петербургѣ". Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182,

кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп.—за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн." (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

Примѣчанія:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ" должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непремѣнно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются безплатными. За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ", благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ. № 1. 2—2

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и составляющихъ собою въ концѣ года библіотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоющую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Двѣнадцать нумеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ“*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляется по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ нумерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигіенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составъ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы оригинальные рисунки для выпилочныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при нумерахъ журнала отдѣльными листами и составятъ въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** *съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.*

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ“.

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ пандантъ (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Босфоръ“, тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.— проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ виднѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франковъ), мѣсяцъ 1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48-й; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать нумера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣетъ корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Варшава. Редакторъ-издатель *П. А. Кулаковскій.* № 9. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на прежнихъ условіяхъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ

ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1889 ГОДУ

съ доставкой на годъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ семь рублей,

одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к. одинъ мѣсяцъ 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. и 1/2 мѣс.; на эти сроки разсрочка не принимается. Остальныя двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается, и на тѣ-же сроки, и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ къ подписной цѣнѣ срока приплачивается за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. При перемѣнѣ адреса—25 к. Копѣйки могутъ высылаться почтовыми и гербовыми марками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную полит., литературную и общественную газету,

ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

„МИНУТА"

1889 —— *ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕВЯТЫЙ.* —— **1889.**

Газета „Минута" съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, при чемъ съ 1-го января 1889 года будутъ введены новые отдѣлы, а нѣкоторые значительно пополнены.

Кромѣ того въ 1889 году всѣ отдѣлы, посвященные городской жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „Минута" дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфелѣ редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, захватывающей собою событія послѣднихъ дней.

Вообще газета „Минута", по своему разнообразію и своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей, даетъ полную возможность, за доступную плату, знать, по возможности, все, что совершается какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и заграницею.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки: на годъ 6 руб. 50 коп.
На 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 коп.

Съ доставк. на домъ въ Спб.: на годъ 8 р.
На 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к.

Съ перес. во всѣ гор. Россіи: на годъ 9 р.
На 6 мѣсяцевъ 5 руб.

За границу: на годъ 17 рублей
На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамга, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Допускается разсрочка подписки для гг. служащихъ чрезъ ихъ казначеевъ, а другимъ по соглашенію съ Главною конторою—при равномѣрной уплатѣ годовой подписной цѣны за каждый мѣсяцъ впередъ.

Всѣ годовые подписчики газеты „Минута" имѣютъ право получить въ конторѣ газеты по пониженнымъ цѣнамъ слѣдующія художественныя большія олеографическія картины, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ съ лакировкою и рельефомъ:

1) „Закатъ солнца въ зимній день" съ картины А. Шильдера вмѣсто 3 р.
2) „Смерть Ивана Сусанина" (историч. жанръ) Н. Оболенскаго „ 2 р.
3) „Крещеніе Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ" В. Думитрашко. „ 2 р.
4) „Проводы новобранца на службу" съ картины Рѣпина „ 2 р.

} по 1 р. съ пересылк. за экз.

дающіяся литературныя силы, какъ то: бывшій фельетонистъ газеты „Голосъ" г. Гамма, Баронъ Иксъ, Черноморецъ, Оса и др. Помимо фельетоновъ изъ общественной жизни, въ „Одесскомъ Листкѣ" помѣщаются оригинальные и переводные разсказы, повѣсти, новеллы, стихотворенія.

4) Новости изъ области науки и искусства, рецензіи театральныхъ представленій, отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ.

5) Въ отдѣлѣ Дневника печатаются саммыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края.

6) Рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

7) Распоряженія Правительства, Высочайшія повелѣнія, указы, награды и проч.

8) Корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ южнаго края.

9) Отдѣлы „О чемъ говорятъ" и „Маленькій листокъ" посвящены исключительно злобѣ дня, и въ нихъ находитъ откликъ все, что въ данную минуту интересуетъ читающую публику.

10) Въ судебной хроникѣ помѣщаются отчеты о наиболѣе выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учрежденій и общихъ судебныхъ мѣстъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ.

11) Въ коммерческомъ отдѣлѣ помѣщаются телеграммы и свѣдѣнія о курсахъ на монеты, фонды, акціи, облигаціи, о хлѣбныхъ, зерновыхъ, колоніальныхъ и друг. рынкахъ.

12) Тиражи 5% выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го внутр. займовъ, закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка, Одесск. Городск. Кредитнаго Общества и Таврическаго Земельнаго Банка.

13) Въ судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ и мировыхъ съѣздахъ городскомъ и уѣздномъ.

14) Вниманію объявителей. Спросъ и предложеніе посредствомъ публикацій неоспоримо быстрѣе достигаютъ своей цѣли, если объявленія обнародованы въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ. На югѣ Россі такою распространенностью пользуется „Одесскій Листокъ", не только въ Одессѣ но и въ другихъ городахъ нашего края. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить та масса разнообразныхъ объявленій, которыя ежедневно печатаются на страницахъ нашей газеты.

„Одесскій Листокъ"—первая большая провинціальная газета, которая печатается посредствомъ стереотипа на ротаціонной машинѣ и на безконечной бумагѣ.

Подписная цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ, 7 руб. за полгода, 3 р. 80 к. за три мѣсяца.

Контора редакціи въ Одессѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской ул., д. Меля (бывш. Стифеля).

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

№ 13. 1—3.

разсказы изъ библейскаго и евангельскаго быта, повѣсти и разсказы изъ религіозной жизни русскаго народа, стихотворенія, легенды; житія святыхъ, біографіи дѣятелей Церкви, какъ современныхъ, такъ и почившихъ, преимущественно архипастырей русскихъ и восточныхъ; описанія трудовъ и подвиговъ православныхъ миссіонеровъ; этнографо-историческія статьи, посвященныя инославнымъ христіанскимъ церквамъ, особенно Восточнымъ; статьи по предметамъ православнаго вѣроученія и нравоученія, назидательныя размышленія и разсказы, проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ цѣлыя и въ отрывкахъ; популярныя статьи по всѣмъ церковнымъ наукамъ и по всѣмъ отраслямъ церковнаго искусства, современныя извѣстія изъ церковной жизни какъ въ Россіи, такъ и заграницею и пр.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ редакція уже имѣетъ въ своихъ рукахъ много интересныхъ и разнообразныхъ статей. Такъ, въ наступающемъ году будутъ помѣщены: „По Святой Землѣ“ прот. В. Я. Михайловскаго, „Путь къ Синаю“—митроп. Саввы Косановича (пер. съ сербскаго), „Письма съ Аѳона“, „Тихвинскій монастырь“, „Очерки Царьграда“, „Святыни Москвы“, рядъ статей д-ра А. В. Елисѣева, разсказы К. К. Случевскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, стихотворенія О. Н. Чюминой, В. А. Иванова, корреспонденціи книгоноши И. К. Голубева и мн. др.

Литературныя произведенія большаго объема будутъ редакціею выдѣлены въ **особое литературное приложеніе** и будутъ прилагаться при журналѣ особыми книжками.

Такихъ книжекъ въ 1889 г. будетъ шесть, не менѣе 10 листовъ каждая.

I Книжка, которая выйдетъ при первомъ же № журнала, будетъ заключать въ себѣ два интереснѣйшихъ произведенія: 1) „Въ древней Палестинѣ“ (разсказъ) и 2) „Цецилія, или первыя времена христіанства“ (истор. повѣсть). Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ печататься: „Путеводитель по Св. Землѣ“ (съ иллюстраціями, портретами и картами)—д-ра А. В. Елисѣева, рядъ истор. повѣстей, большіе біографическіе разсказы и пр.

II. Часть художественная. Портреты Восточныхъ патріарховъ, архипастырей Россіи и Востока, знаменитыхъ проповѣдниковъ и вообще дѣятелей Церкви; снимки со святыхъ иконъ; виды св. мѣстъ, обителей храмовъ и другихъ святынь; копіи съ картинъ великихъ мастеровъ христіанской живописи; оригинальные рисунки изъ жизни святыхъ; иллюстраціи къ статьямъ, автографы, копіи съ древнихъ предметовъ и рукописей, планы, карты и пр.

Между прочимъ, въ наступающемъ году редакція дастъ: 1) Двѣнадцать копій, въ уменьш. размѣрѣ, съ картинъ великихъ мастеровъ (Рафаэля, Рубенса, Рембранда, Вернэ, Пуссэна и др.), изображающихъ сцены изъ Библіи: 2) рядъ высокохудожественныхъ рисунковъ подъ общимъ названіемъ „Библейскія женщины“, 3) рядъ картинъ, изображающихъ святыни Москвы и пр.

Кромѣ всего перечисленнаго, редакція въ 1889 годъ разошлетъ **подписчикамъ**

Три художественныхъ преміи:

I. Большую, исполненную многими красками копію съ акварели, спеціально исполненной для „Русскаго Паломника“ извѣстнымъ академикомъ Шрейберомъ и изображающей

„АѲОНЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА“.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты состоятъ: И. Ф. Василевскій (Буква), А. С. Степановъ (передовыя статьи, бывшій сотрудникъ „Голоса"), М. В. Неручевъ, И. Н. Потапенко, извѣстный бессарабскій дѣятель М. К. Зозулинъ, П. А. Сергѣенко (Бѣдный Іорикъ), П. И. Компанъ, Наблюдатель (псевдонимъ). По беллетристическому отдѣлу, кромѣ И. Н. Потапенко, будутъ по прежнему помѣщать свои произведенія г-жа Назарьева, В. С. Лихачовъ и Зео.

Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество профессора А. И. Кирпичниковъ, И. Г. Табачниковъ и В. И. Шерцль, а также и извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени" А. И. Молчановъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Такого состава редакціи не имѣетъ ни одна провинціальная газета въ Россіи.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ" одновременно съ телеграммами и во *всякомъ* случаѣ 2—3 днями раньше появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ они помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства", мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года (а не передъ годовой только подпиской), телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агенства" и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ" имѣетъ въ своей программѣ „Юридическую хронику" съ правомъ относиться критически къ рѣшеніямъ судовъ, а также пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Агаркова, противъ Херсонской улицы, и въ отдѣленіи газеты при типографіи: Новая улица, домъ Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекахъ: А. Т. Грищенко (уголъ Губернской и Госпитальной. ул), А. П. Дромашко (близь женской гимназіи, соб. домъ), въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Бендерахъ: въ библіотекѣ г. Муслина. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, и у г. Рыбакова. Садовая № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣсяц.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„ 2 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „	„ 8 „	8 „ 50 „	10 „ — „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	„ 9 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 4 „	4 „ 50 „	5 „ 50 „	„ 10 „	10 „ 50 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „ 50 „	6 „ 50 „	„ 11 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ 50 „	„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

ныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ. По распоряженію Военно-Ученаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) Rossica; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ. Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. Ѳ. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. Ѳ. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ И. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно нумеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; 3/4 стран.—6 р. 50 к.; 1/2 стран.—4 р. 50 к.; 1/4 стран.—2 р. 50 к.; 1/8 стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магагазинѣ „Новаго Времени"—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа" за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

№ 27. 1—2. Редакторъ. *Н. М. Лисовскій.*

зогубъ, и по повѣренности отъ брата Симеона Лизогуба и Бунчукового Товариша Ивана Булавкина, Бунчуковій Товаришъ Павелъ Дебогорѣя Мокриевичъ и по повѣренності отъ брата своего Бунчукового Товариша Александра Дебогорѣя Мокриевича, Бунчуковій Товаришъ Григорій Лизогубъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Маркевичъ, Бунчуковій Товаришъ Александръ Безбородко и по повѣренности отъ Асаула полкового Ивана Сахновскаго, Бунчуковій Товаришъ Иосифъ Рашевскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Красовскій, Сотникъ Роискій Яковъ Крупянскій, Судья земскій Черниговскій Михайло Дунинъ-Борковскій, Войсковій Товаришъ Михайло Шуба, Бунчуковый Товаришъ Яковъ Лизогубъ, Обозній полковій Черниговскій Иванъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Стефанъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ, полковій Асаулъ компанейскій Петръ Каневскій и по повѣренію брата своего писара земскаго повѣту Черниговскаго Степана Каневскаго, Войсковій канцеляристъ Степанъ Дебогорія-Мокрієвичъ, Войсковій канцеляристъ Федоръ Дебогорія-Мокрієвичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Федосовъ, Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Иванъ Морозъ, Войсковій Товаришъ Иосифъ Сахновскій и по повѣренію Войскового Товариша Федора Михна, Войсковій Товаришъ Пантелимонъ Сахновскій, Значковій Товаришъ Григорій Базилевичъ. По повѣренію Значкового Товариша Гаврила Гурского—родній его братъ полковій канцеляристъ Антонъ Гурскій, Войсковій Товаришъ Андрей Бакуринскій, Бунчуковый Товаришъ Петро Стаховичъ, Войсковій Товаришъ Николай Соколовскій, Войскового Товариша синъ Иванъ Райполскій, Войсковій Товаришъ Василь Булавкинъ, Войсковій Товаришъ Василей Ждановичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Сербиновичъ, Сотникъ Березинскій Якимъ Сахновскій, Возній сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Молявка, Сотникъ Любецкій Иванъ Посудевскій, Значковій Товаришъ Константинъ Салivановичъ, Возній подкоморскій повѣта Черниговского Димитрій Каранда, Судія земскій повѣта Менского Павелъ Ломѣковскій, Возній Волинскій Иванъ Колодѣевъ, абшитованій Асаулъ Артилеріи Полковой Яковъ Шихуцкій, Асаулъ Полковой Артилеріи Иванъ Шихуцкій, Канце-

ристъ Войсковій Петръ Максимовичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Миничъ, Значковій Товаришъ Иванъ Красовскій. По повѣренности Значкового Товариша Якова Довгаля, сынъ его Лаврѣнъ Довгаль, Значковій Товаришъ Иванъ Даничъ, Бунчуковій Товаришъ Иванъ Полторацкій, Возній сотнѣ Сосницкой Омелянъ Станѣславскій, Коморникъ повѣту Менского Григорій Петровскій, Возній сотнѣ Синявской Василей Драчевскій, Значковій Товаришъ Петръ Лисенецкій, Войсковій Канцеляристъ Михаило Козмѣнскій и по повѣренности отъ сотника Столинского Романа Бобира, Бунчуковій Товаришъ Михайло Павловскій, Земскій повѣту Менского писарь Корнилій Лѣневичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Товстолѣсъ, Сотникъ Иванъ Гломазда, Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Бакуринскій, повѣта Менского возній повѣтовій Данило Колчевскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Даниловичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Коленко, Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій, Значковій Товаришъ Иванъ Кладкевичъ, Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Василь Михно, Значковій Товаришъ Иванъ Ерковскій, Значкового Товариша Сидора Княжиковского сынъ Владимеръ Княжиковскій, Хоружій сотнѣ Роиской Стефанъ Шихуцкій, Войсковій канцеляристъ Яковъ Тризна, Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій, Значковій Товаришъ Иванъ Загалскій, Значковій Товаришъ Максимъ Москалцовъ, Значковій Товаришъ Емеліянъ Демидовскій, Значковій Товаришъ Алексѣй Харченко, Значковій Товаришъ Яковъ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Петръ Юницкій, Войсковій Товаришъ Антонъ Силѣчъ, Значковій Товаришъ Михайло Сенюта, Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ, Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна, Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ, Значковій Товаришъ Павелъ Тихоновичъ, Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ, Значковій Товаришъ Федоръ Колодка, Возній повѣта Черниговского сотнѣ Любецкой Иванъ Савичъ, Возній сотнѣ Слабинской Василь Костантиновичъ, Бунчуковій Товаришъ Стефанъ Бутовичъ и по повѣренности брата своего Ивана Бутовича, Войскового Товарища; сотнѣ Городнѣцкой возній Авксентій Панаща-

тенко, Судья полковій Тимофей Сенюта, Сотникъ Седневскій Федоръ Римша, Атаманъ сотеній Сосницкій Прокопъ Слышевскій, Писарь сотенній Сосницкій Еремій Якимовичъ, Хоружій сотенній Сосницкій Федоръ Ивасенко, Атаманъ сотенній Волинскій Іванъ Абрамовичъ, Абшитованный сотнѣ Березинской писарь Дамянъ Тарасевичъ, Атаманъ сотенній Выбелскій Тимофей Титовичъ, Атаманъ сотенній Городницкій Дмитрій Сукнѣцкій, Абшитованній войсковій Канцеляристъ Севастіянъ Бородуха, Возній повѣту Менского суда подкоморского Иванъ Добрицкій, Асаулъ сотеній Городницкій Иванъ Нехаевскій, Сотникъ Киселювскій Иванъ Шаршановичъ и по повѣренности отца своего Значкового Товариша Евфима Шаршановича, Полковій Черниговскій канцеляристъ Иванъ Юркевичъ, Значкового полку Чернѣговского Товариша синъ полковій Черниговскій канцеляристъ Стефанъ Фасовецъ, Полковій Черниговскій канцеляристъ Василь Чернискій, Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ-Курсановичъ, Писарь полковій Черниговскій Андрей Якимовичъ, и по повѣренности Бунчукового Товариша Василя Дунина-Борковского, Хоружій полковій Черниговскій Василей Петрашевичъ, Сотникъ полковій Черниговскій Петръ Посудевскій, Сотникъ Белоускій Георгій Дзвонкевичъ, Судовій гродскій Черниговскій писарь Семенъ Стаинскій, Атаманъ абшитованній городовій полковій Черниговскій Григорій Плохута, Атаманъ городовій Черниговскій Федоръ Плохута.

---

5) *Донесеніе Милорадовича о выборахъ козачьихъ.*

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣйшему Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Малороссійской Коллегіи Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру, обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ святихъ апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ Голстинского св. Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову.

Рапортъ.

По силѣ циркулярного ордера отъ вашего Высокографского Сиятелства, мною сего мая 6 дня полученного, которимъ мнѣ ве-

лѣно отъ козаковъ поверенному изъ сотень сочиняемие наказы, въ которихъ они пишуть до нихъ вовся ненадлежащое, инимъ же старшини оние компонують, отставить, а только съ прошеніями, какови отъ сотень дани поверенним, техъ депутатовъ отправить,—отъ полковой Черниговской Канцеляріи во всѣ полку Черниговского сотнѣ, ордерами предложено, за полученіемъ онихъ, тотъ часъ, призвавъ въ сотенния Правленія повѣренныхъ отъ онихъ сотень вибранныхъ козаковъ, которіе прежде сего при виборѣ козачого депутата въ Чернѣговѣ были и отъ техъ же сотень въ Полковую Канцелярію при репортахъ висыланны, оное вашего Високографского Сиятелства повелѣніе обявить, и приказать висшеписанние наказы отставить, а толко съ прошеніями, какови отъ онихъ же сотень дани поверенним, того козачого депутата отправить, и по исполненіи о томъ немедленно въ полковую Канцелярію отрепортовать. О чемъ вашему високографскому Сіятелству въ покорности моей репортую

Полковникъ *Петръ Милорадовичъ.*

1767 году,
мая 8 дня
№ 1460.

---

6) Вѣдомость, сочиненная въ полковой Чернѣговской Канцеляріи зъ присланныхъ зъ сотень полку Чернѣговского репортовъ, коликое число съ которой сотнѣ явились съ козаковъ поверенних для вибору въ силѣ повелѣнія отъ всего полку повѣренного. 1767 году, марта 31 дня.

Сотнѣ Седневской.

№	число		Избир. голос.
1	13	Герасимъ Збанъ	50
2	„	Данило Самоненко	31
3	„	Павелъ Шевель	30
4	„	Семенъ Грабовець	19
5	„	Иванъ Кеня	19

№	число		Избир. голос.
6	„	Демянъ Гребянка	25
7	„	Мина Шупикъ	21
		Сотнѣ Киселювской.	
8	„	Дорошъ Заецъ	—
9	„	Оникѣй Бабичъ	20
10	„	Савка Романецъ	—
		Сотнѣ Вибелской.	
11	14	Климъ Памфиленко	18
12	„	Григорій Луцкій	21
13	„	Федоръ Борисенко	16
14	„	Семенъ Дяченокъ	
15	„	Василь Гвоздикъ	19
16	„	Яковъ Лѣщинецъ	17
		Сотнѣ Бѣлоуской.	
17	15	Романъ Павленко	27
18	„	Кирило Палѣй	26
19	„	Иванъ Литвиненко	—
20	„	Иванъ Койданъ	22
21	„	Павелъ Богданенко	—
		Сотнѣ Славинской.	
22	„	Федоръ Сурмила	18
23	„	Данило Шила	16
24	„	Григорій Дундарь	19
		Сотнѣ Полковой.	
25	„	Иванъ Белоножка	18
26	„	Яковъ Згурскій	36
27	„	Иванъ Булгакъ	16
28	„	Василь Ковтунъ	24
29	„	Яковъ Гузъ	—

Сотнѣ Синявской.

№	число		Избир. голос.
30	„	Захарій Мищенко	28
31	„	Иванъ Ященко	20
32	„	Алексѣй Луневскій	76
33	„	Иванъ Николаевъ	26

Сотнѣ Менской.

34	„	Семенъ Олѣйникъ	17
35	„	Семенъ Смаль.	11
36	„	Прокопъ Соломяникъ	18
37	„	Мойсей Сердюченко	17
38	„	Трофимъ Падалка	—
39	„	Гаврило Коворотній	—
40	„	Марко Кроха.	—
41	„	Михайло Педь	15
42	„	Матвей Зеленскій	20
43	„	Иванъ Сидоренко	13

Сотнѣ Березинской.

44	16	Иванъ Кислій	21
45	„	Козма Стасюкъ	29
46	„	Михайло Котляревскій	23
47	„	Карпъ Литвиненко	20
48	„	Романъ Миничъ	—
49	„	Григорій Харченко	—
50	„	Семенъ Станѣславскій	—

Сотнѣ Столинской.

51	16	Максимъ Пилипенко	21
52	„	Остапъ Охрѣменко	15
53	„	Якимъ Савченко	14
54	„	Павелъ Антоненко	11

Сотнѣ Сосницкой.

№	число		Избир. голос.
55	„	Андрей Коленко	19
56	„	Иванъ Кузька	20
57	„	Федоръ Чинчикъ	21
58	„	Степанъ Глоба	47
59	„	Яковъ Скриль	25
60	„	Федорченко	15

Сотнѣ Волинской.

61	„	Иванъ Петровъ	20
62	„	Федоръ Поплавскій	25
63	„	Яковъ Редка	27
64	„	Михайло Грищенко	18

Сотнѣ Любецкой.

65	„	Сидоръ Богушъ	20
66	„	Савка Брехунъ	13
67	„	Павелъ Пилиповичъ	17
68	„	Федоръ Савицкій	15

Сотнѣ Роиской.

69	„	Якимъ Коваленко	19
70	„	Степанъ Терехно	—
71	„	Климъ Ярошенко	14
72	„	Василь Ященко	21
73	„	Омельянъ Коржъ	34
74	„	Козма Петрушинецъ	11
75	„	Василь Кужильній	10
76	„	Гаврило Илленко	16

Сотнѣ Городнѣцкой.

77	„	Иванъ Бояриновъ	25
78	„	Василь Гуторъ	15
79	„	Григорій Глущенко	11

№	число		Избир. голос.
80	„	Никифоръ Черевачъ	35
81	„	Опанасъ Кулажинскій	22
82	„	Василь Редченко	17
83	„	Василь Борсукъ	18
84	„	Андрей Борсукъ	20
		Сотнѣ Понурницкой.	
85	26	Дмитро Кострубъ	23
86	„	Данило Савицкій	—
87	„	Стефанъ Осадшій	—
88	„	Ничипоръ Гавриленко	18
89	„	Семенъ Карпенко	—
90	„	Демянъ Кипоренко	—

Полковникъ Черниговскій *Петръ Милорадовичъ.*

V.

Выборы въ г. Козельцѣ.

По силѣ манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14 числа 1766 года, коимъ самодержавною Ея властию повелѣно намъ нижеподписавшимся ізбрать в коммисию о сочинении проекта новаго уложения депутата и прислать оного в столицу Ея Императорскаго величества въ сенатъ, ми, жители города Козелця, по присланному при томъ височайшемъ манифестѣ обряду, в знакъ нашего всеподданнѣйшаго послушания, напередъ вибрали для лучшаго между собою порядка, по чистой совѣсти, нами признанного к сей должности способнимъ, находя в немъ всѣ к сему вибору предписаннія качества, а именно: головою сего города судию Полкового Киевского Стефана Барановского, дая оному вибранному нашимъ головою полную довѣренность на два года, не толко при нинѣшнемъ виборѣ депутата, но и при случаяхъ, если дани будутъ от верховния власти какия особия повелѣния, принадлежащия до на-

шего общаго разсуждения и положения всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ; въ чемъ подписуемся:

Подкоморій Остерского повѣту Андрей Митковичъ, Судия земскій повѣту Козелецкого Матвѣй Шумъ, повѣту Остерского Земский Судья Степанъ Лутай, повѣту Козелецкого Подсудокъ Стефанъ Пасенко, Обозний Полковий Киевский Зѣновий Борецкій, Полковій Кіевскій Писаръ Семенъ (нельзя разобрать), Асаулъ Полковій Кіевскій Ѳедоръ (сгнило), абшитованній Хоружий Полковий (сгнило), войсковій Товаришъ Андрѣй Діяковскій, войсковій Товаришъ Карпъ Богомулецъ, повѣту Козелецкого коморнѣкъ Григорий Лагода, Значковій Товаришъ Павелъ Шумъ, атаманъ городовый Козелецкій Ѳеодоръ Постволъ, возній Повѣтовій Іванъ Ониславскій, Коморнѣкъ повѣту Остерского Петръ Пасенко, Значковій Товаришъ Борисъ Садовенко, Значковий Товаришъ Максимъ Скуевскій. Значковий Товаришъ Герасимъ Пошевня, Значковій Товаришъ Трохимъ Нудга, Сотенній Козелецкій возній Ігнатъ Крупянскій, Значковий Товаришъ Філиппъ Гриніевичъ, Значковий Товаришъ Леонтий Радецкий, Значковій Товаришъ Григорій Полѣзинскій, Канцеляристъ Григорій Михайловскій, Атаманъ городовой Данило Красовскій, Хоружий сотений Иванъ Шахрай, Атаманъ курѣний Іванъ Нестеровскій, Козаки: Лукянъ Антоненко, Кирило Даниловъ, Іванъ Дуда, Кононъ Шептуха, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по их прошению и за себе подписался своеручно козакъ Федоръ Брагинецъ. Бывшій войтъ Назаръ Глуздъ, бившій войтъ Василь Никонь, бившие бурмистри Артемъ Лазаренько, Максимъ Дзюба, Козма Лапотъ, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению і за себе бивший бурмистръ Іванъ Крашанчукъ руку приложилъ; бившій бурмистръ Яковъ Петриковецъ, а вмѣсто его неумѣющаго писать и за себе нинѣшній бурмистръ Устимъ Петріковецъ руку приложилъ. Бившій бурмистръ Трохимъ Брагинецъ, райця Антонъ Ващенко, райцѣ: Мойсий Сакало, Хведоръ Брожко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Евфимъ Петренко руку приложилъ.

Мѣщане:

Левко Бровко, Михайло Дмитренко, Федоръ Калениченко, Кондратъ Бондаръ, Парфенъ Дмитренко, Андрѣй Мирочникъ, Федоръ Уточка, Федоръ Пухнатий, Николай Пухнатий, Іванъ Самусъ, Іванъ Яловецъ, Іванъ Чайка, Карпъ Воробей, Данило Артеменко, Грицко Плутка, Самойло Gорgѣлъ, Ілия Олѣйниченко, Степанъ Синѣлниченко, Сава Лаптенко, Василь Лемѣшченко, Петро Лестуха, Андрѣй Артеменко, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писаръ магистрата Козелецкого Александръ Яроховский руку приложилъ. Мѣщанинъ Иванъ Шеневский, мещанинъ Иванъ Надохъ (?), мещанинъ Яковъ Пухнатий, мещанинъ Иванъ Юрченко, мѣщанинъ Максимъ Броварникъ, мѣщанинъ Омелко Мирончa, мѣщанинъ Пантелемонъ Мануйловъ, Федоръ Усаха, Андрей Артеменко, Степанъ Нудженко.

(*Изъ бумагъ И. В. Лучицкаго*).

VI.

Выборы въ Стародубскомъ полку.

1) Донесеніе Стародубскаго головы о городскихъ выборахъ.

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣишему Гос—ну Генералъ-Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру а обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ и Св. Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшій Репортъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабра 14 д. 766 года состоявшогось за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованного манифеста, съ приложеніемъ о выборе депутатовъ въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проекта новаго

уложенія, избранному отъ гражданства города Стародуба депутату. магистрата Стародубовского бурмистру Данилѣ Родинскому полномочіе учинено. И означенными изъ наличнихъ при выборѣ пять человѣкъ, въ числѣ которихъ два человѣка купцовъ было, поступая по онимъ при манифестѣ приложеніямъ, наказъ и съ прошеніями сочиненъ, и по окончаніи гражданству тотъ наказъ и съ прошеніями прочитанъ и подсудственные магистрату Стародубовскому, такожъ нѣкоторіе изъ неподсудственнихъ оніе наказъ и прошенія подписали; а нѣкоторіе неподсудственніе тому Магистрату, яко то: зъ Бунчуковихъ, Войсковихъ и Значковихъ Товарищей и другаго званія жительствующіе въ городѣ Стародубѣ, кои имѣють знатніе торги пеночніе и промисли винокурные и другіе, а инніе имѣющіе домы, нетокмо тѣ, кои при выбори мене и депутата не были, но и бывшіе при томъ на тѣхъ наказѣ и прошеніяхъ подписыватся отказались, потому болше, что силу привилегій прописано съ прошеніемъ на то Высочайшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія, о которихъ при выборѣ бывшихъ и неподписавшихся учиненной изъ списка реестръ у сего приложенъ; и я ниже подписавшійся упомянутой наказъ съ прошеніями и подписанное полномочіе выбранному депутату вручилъ. И что выборъ и все къ тому принадлежащое окончено, о томъ Ваше Высокографское Сіятелство всенижайше репортую.

Магистрата Стародубовского бурмистръ и избранный отъ всего гражданства города Стародуба головою Герасимъ Елисеевъ.

1767 году,
Априля 4 дня.

---

2) *Донесеніе Стародубскаго шляхетства по поводу сочиненнаго имъ наказа.*

Сіятельнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову

Репортъ.

Вашему Высокографскому Сіятелству должность имею донесть, что по окончаніи здесь бывшихъ къ избранію отъ шляхетства по-

вѣта Стародубовского предводителя и депутата выборовъ, сочиненъ уже выбранному депутату и наказъ о разныхъ общихъ шляхетства здешняго нуждахъ и недостаткахъ; но толко еще не всѣми бывшими при выборахъ подписанъ: ибо болшая часть съ нихъ, какъ скоро тѣ выборы окончены, заразъ. не дожидаясь сочиненія и окончанія оного наказа, розъѣхались. А за такою ихъ отлучкою всѣ о общихъ нуждахъ разсужденіи и совѣты дѣлались и по онимъ обявленный наказъ сочиненъ и подписанъ одними толко оставшимися здесь чинами. Для чего, чтобъ сему немаловажному въ силѣ высочайшого Ея Императорского Величества имянного повелѣнія отправляючемусь дѣлу доставить совершенное съ полною исправностію окончаніе, въ чемъ нынѣшнѣе мое званіе особливую на меня должность возлагаетъ, посланы отъ меня повѣстки, созывая и всѣхъ тѣхъ прежде времени отъсель отлучившихся на 12 число сего мѣсяца въ Стародубъ къ усмотрѣнію и подпису оного наказа.

Между симъ происхожденіемъ нынѣшними днями случайно дошло здесь увидѣть тѣ пункта, кои въ наказахъ о общихъ нуждахъ отъ шляхетства Черниговского повѣта положены. Весма жалко, что оные дошли сюда не прежде, но после уже сочиненія здѣшняго наказа; ибо въ тѣхъ пунктахъ написаны разные такіе важные нужды, кои и здѣшнему шляхетству суть общіе, но о коихъ въ здешнемъ наказѣ ничего не упомянуто, протчіежъ матеріи виведены съ достаточнѣйшими и вѣрнѣйшими нежели здесь выправками, такъ что оные будучи и одинакіе, но между собою кой въ чемъ не сходствуютъ. Почему разные здѣсь теперъ находящіесь чины согласны со мною противъ того, и здешній наказъ въ иномъ дополнить, а въ другомъ привесть въ сходство почти за необходимо разсуждають, къ чему надежно и протчіе могутъ согласится. Но вмѣстѣ и то видять, что сего безъ докладу Вашему Сіятельству здѣлать не можно, тѣмъ наче, что и въ приложенныхъ при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества декабря 14 дня 1766 года манифестѣ обрядахъ, чтобъ сочиненные наказы за прошествіемъ назначенныхъ къ тому дней можно было дополнять или въ чемъ поправлять — сего не изображено. Однакожъ какъ въ техъ обрядахъ, въ указѣ къ Губерна-

торамъ по 9-му пункту написано: ежелибы при выборахъ какіи ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается имъ дозволеніе рѣшить и опредѣлить по лучшому ихъ усмотрѣнію то, что къ порадочному и доброму производству сего дѣла полезно; и что тѣмъ самимъ исполнится Высочайшая Ея Императорскаго Величества воля. Для того объ ономъ Вашему Сіятелству покорнѣйше представляю, докладая здѣсь и нижайшое Вашему Сіятелству имѣющогось нынѣ здѣсь шляхетства прошеніе, коимъ они ищутъ высокомилостивой Вашего Сіятельства резолюціи, по которой бы имъ согласясь, съ прочіими, оный свой наказъ въ иномъ дополнить, а въ иномъ привесть въ сходство можно было.

Судія Земскій и Предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

---

3) Донесеніе предводителя о составленіи Стародубскимъ шляхетствомъ наказа.

Сіятелнѣйшому Графу, Высокопревосходителнѣйшому Г-ну Генералъ Аншефу, Малороссійскому Генералъ Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Покорнѣйшій репортъ.

Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества извѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой, удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предрассужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и существенной каждого пользѣ. Но все мое о томъ попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самимъ обиднымъ порыцаніямъ на меня отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я

мои мнѣнія, столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во убѣженіе нареканія, уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиліемъ моимъ подписатся.

Всѣ сіи разногласія въ одинакомъ видѣ продолжались даже до полученія отъ Вашего Сіятельства на мой репортъ милостивой резолюціи. Но и после оной не уповательно, чтобъ возможно было сыскать добрый порядокъ, еслибъ Его Сіятельство Князь Юрей Васильевичъ Г-нъ Полковникъ по прошенію моему не подкрѣпилъ меня при чтеніи изготовленнаго вновъ наказа своимъ присудствіемъ. Сіе наконецъ средство немало споспѣшествовало къ тому, что нѣкоторые несогласные, буди не на всѣ, то хотя на нужнѣйшіи пункта склонились. И такимъ образомъ, исправивъ сколько можно было прежній наказъ, и очистивъ оный по меньшей мѣрѣ отъ такихъ прошеній, кои по нынѣшнѣму времени съ пользою общества не согласовали, ускоряю представить оный ко благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства чрезъ Войскового Товарища Григорія Велѣнского, кой по выбору Шляхетства бывъ при сочиненіи наказа, и слѣдовательно вѣдая какъ мои, такъ и каждого мнѣнія, можетъ Вашему Сіятельству, когда благоугодно будетъ, о бывшемъ происшествіи во всемъ пространствѣ донесть. Я какъ себя, такъ и его въ высокомилостивое Вашего Сіятельства покровительство и благопризрѣніе при семъ препоручаю.

Судіа Земскій и предводитель Шляхетства повѣту Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Априля „ дня.

4) *Донесеніе князя Хованскаго о томъ же.*

Сіятелный Графъ,

Милостивой Государь!

Нижайше прошу Вашего Сіятелства простить мнѣ, что выборъ изъ козаковъ въ депутаты не точно по предписанному повелѣнію Вашего Сіятелства зделанъ марта 27. Причиною тому, Милостивой Государъ, что отъ некоторыхъ Сотенъ повѣренные были присланы съ полномочіемъ не такимъ, какъ означено въ манифесте; такожъ замѣтки, данные повѣреннымъ о наказе отъ разныхъ сотенъ, были даны несходные и вовсе ненадлежные, и такъ принужденъ билъ снова какъ наказъ, такъ и полномочіе переменить, чрезъ то четыре дни прошло за переписками въ Сотни. Каковъ же наказъ дѣланъ козачей, при семъ точную копию прилагаю; некоторые пункта хотя со мною несогласясь написали и я всевозможное стараніе прилагалъ, но никакъ ихъ упорство преодолѣть разсужденіями не могъ. Чтожъ принадлежить до наказу шляхетского, и гражданского, такоже нижаише прошу Вашего Сіятелства Милостиваго Государя простить мою промедленость присилкою оныхъ; я толко темъ себя оправдать могу, что великое затрудненіе имелъ оные получить; а притомъ и наказы толко что въ сихъ дняхъ кончены за разными несогласіями между шляхетства, такоже и межъ гражданъ, и длилось оное сочиненіе до 29 марта. Препоручая себя въ милость и протекцію Вашего Сіятелства, есмъ и пребуду съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, Сиятелный Графъ, Милостивой Государь, покорный слуга Князь *Юрій Хованскій.*

1767 году,
Априля 6 дня,
Стародубъ.

5) Донесеніе предводителя шляхетства о судьбѣ наказа и прошеній шляхетства.

Сіятелнѣйшому Графу... (*и проч.*) Петру Александровичу Румянцову.

Отъ Судьи Земского и предводителя шляхетства повѣту Стародубовского.

Покорный Репортъ.

Отправленные предъ симъ отъ Вашего Сіятелства при письмѣ, по прошенію моему и всего повѣту Стародубовского шляхетства, къ выбранному отъ повѣту Стародубовского депутату Г-ну Бунчуковому Товаришу Дунину-Борковскому наказы, такожъ къ Ея Императорскому Величеству челобытная, и полномочіе въ Москву, за небытіемъ его Г-на Борковского въ Москвѣ, обратно въ Глуховъ, а зъ Глухова ко мнѣ, для отсылки того къ нему Г-ну Борковскому, съ помѣтами на конвертѣ присланы. И понеже тѣ конверты совсѣмъ уже стерлись, такъ что все въ нихъ запечатанное видѣть было можно, для того все то мною свидѣтелствовано и явилось въ цѣлости. Къ томужъ, что нѣкоторіе тогда шляхетство присудствующіе при выборахъ за болѣзнію и отлучками на наказахъ были не подписались, а нынѣ оные на лице случились быть, для того по ихъ прошенію подписатся на наказахъ мною допущены, и кто именно нынѣ подписался, о семъ прилагаю Вашему Сіятельству имянной списокъ. Помянутые жъ: челобитная, полномочіе и наказы, такожъ и Вашего Сіятельства къ Г-ну Борковскому письмо,—въ новый запечатавши конвертъ, черезъ нарочного къ вѣрнѣйшему порученію оныхъ, гдѣ его Г-на Борковскаго сыскать можно, сего числа мною отправлены. О чемъ симъ въ моей покорности Вашему Сіятельству репортую.

Судіа Земскій и предводитель шляхетства повѣта Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

Отъ числа 23 іюня
1767 году,
Стародубъ.

Рыцерский—юношескый, храбрый.

Рыцерство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдителная, храбрость.

Рыцеръ—воинъ.

Рыцеръ выборный — исполинъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборецъ.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рѣдко—на малѣ.

Рѣзачка—хороба, дусерія.

Рѣзныкъ—закалатель.

Рѣзъ—заколеніе.

Рѣпый—волчецъ.

Рѣчныкъ—вѣтый, соглаголникъ.

Рѣчъ — вещъ, пря, трудность, потреба.

Рѣшу—разрѣшаю.

Рядно—вретище, власяница, рубище.

Рядца—строитель.

Рядъ—правленіе, устроеніе.

Рядъ веду—правлю.

Ряженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Ряжу — правлю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сагайдакъ—тулъ.

Садъ—рай.

Сажавка—купель.

Сажаю в темницу—связую, вовергаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля — восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—которуся, распрѣваю, крамолуюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—котора, крамола, пря, распря, любопрѣніе, прекословіе, прерѣканіе.

Свекруха—свекровъ, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжитъ.

Свербѣти—капоскатись.

Сверщокъ—сверпцъ.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница, сопль, сопѣль.

Свищу—свиряю.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой — властный, свойственный, присвоенный, усвоенный, свойскій.

Свое мнѣманье — самомнѣніе, самохотѣніе.

Своеволне—пустошне, безчиннѣ.

Своеволникъ — студодѣй, самочинникъ.

Своеволность—презорство.

Свояволный—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.

Своярволю — безчиную, безчинствую, развсверѣпѣваю, шатаюсь, которуся.

Своя воля—безчиніе, безчинство, пустошъ, развсверѣпѣніе, непокорство, напыщеніе, напрасньство, ослаба, досада, котора.

Своя дума—зри свое мнѣманье.

Свѣдокъ—свѣдитель, послухъ.

Свѣдомость—вѣдѣніе, свѣдѣніе.

Свѣдомый—искусный.

Свѣдоцтво—свѣдителство.

Свѣдчу—свѣдителствую, послушествую.

Свѣдчуся—сіяю (sic).

Свѣтлость—свѣтъ, сіяніе, заря.

Свѣтлый—цѣлъ, цѣлый, правый.

Свѣтъ—міръ, вселенная.

Свѣта панъ—міродержца.

Свѣта сотворенье—міра твореніе.

Свянґотанье—баснословіе, блядословіе.

Свянґотливый—обрѣтословецъ, баснословецъ, блядословъ.

Святобливость—святба.

Святобливый — преподобный, говѣнный.

Святости—святыня, тайны.

Священнодѣйство—таинство.

Священныкъ — жрецъ, священнодѣйственныкъ, тайнодѣйственныкъ, іерей.

Свящснство — чистителство, жречество.

Свящсня—празднованіе, празникъ.

Себе—ся.

Сегосвѣтное—житейское, мирское.

Секретаръ—тайникъ.

Секретнѣ—духовнѣ.

Секретъ—тайна.

Село—весь.

Селянинъ—поселянинъ.

Селяне—народніи поселяне, ниварѣ, особници.

Сентенція—судба.

Серга—усерязь, усеряга.

Сердечне—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.

Сердечное порушенье—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.

Сердитость—ярость, рвеніе.

Сердитый—яростивый, жестокій.

Середный—средный, соумѣренный.

Серенъ—лѣдъ, голоть, слана.

Сержуся—ярусл, надимаюсь.

Серни—лани.

Серца траченье—униніе, небреженіе.

Серце трачу—унываю.

Сивизна—сѣдина.

Сикавка—сморщъ.

Сикофантъ—клеветникъ.

Сила—моцъ, крѣпость, держава.

Силляба—слоґъ.

Силность—зѣлность.

Силный—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенетъ, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синый едвабъ—сінета,...
Сипливость—сипота.
Сипливый — медленоязычный, косногласный.
Скаженье—растлѣніе, разореніе.
Сказанье—разумъ.
Сказителность—тля, тлѣніе.
Сказца—разтлитель.
Скваплывый—наглый, напрасный.
Скиба—виоранная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачъ—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силляба.
Склеенье — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Склиюю (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Склянница—стклянниця.
Сковорода—сковрадъ.
Скowранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скора отстрая (sic) — цапа, яцеръ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпаный—скорпеный.
Скорченый—слякъ, слукъ, слянченъ, согбенъ.
Скорченье—сокращеніе.
Скорчую—сопрятаю.
Скорупяный—скуделний.
Скривженье—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скритый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозь—чрезъ, сквозѣ.
Скромне—опрятно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодителный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромнѣйшый—кротчайшый.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скупо—сцѣгло, стигло.
Скутечне—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—клосенъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочитъ, изрядный, изящный.
Слина—плюновеніе.
Сличный—лѣпый, зри красный.
Слово—глаголъ, рекло.
Слоневъ дозорца — слононачалникъ.
Слонъ—елефантъ.
Слота—слань, слана.

Служебничій—рабій.
Служенье—служеніе.
Слухаю—слушаю.
Слухаю пилно—внимаю, внушаю, внемлю.
Слухай пилно—внемли, внуши.
Слушне—въ лѣпоту, въ расноту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣть есть, подоболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.
Слушный—приличный.
Слызкій—ползкій, ползокъ.
Слымаки—зелвы.
Слѣдъ—стопа.
Слѣдомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Слѣповоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любитъ обитати.
Слюбовное—благонарочное.
Слюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.
Слюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Смакъ—сласть, сладость.
Смачная потрава—сласть, сладость.
Смарую—умащаю.
Смерканье—сумракъ.
Смертелный—мертвенный.
Смерть—скончаніе.
Смокъ—змій.
Смокъ, що воду тягнетъ—водоважца.
Смола—пекло, сажа.
Смотренье—смотреніе, глядъ.
Смотрю—зрю, блюду.
Смотрю до цели—намѣраю.
Смотри—зри, виждь.
Смродъ — попраніе, скверна, тина.
Смутный — дряхлъ, дряхлый, дряселъ, тяжекъ, тяжкосердый.
Смутный убіоръ—вретище.
Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, дряхлость, кручина.
Смучуся—дряхлую, дряселую, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.
Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.
Смѣвалство — смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.
Смѣле—дерзновеннѣ, не обинуяся.
Смѣлость — дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.
Смѣлый—дерзокъ, дерзкый, дерзый, дерзостенъ, продерзатель, великодушный, напрасливъ.
Смѣлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.
Смѣтье—уметъ, отреби, попраніе, изгрѣбы.
Смѣхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грохотъ.
Снаднѣ — нетяжестнѣ, ненавистнѣ.
Снать—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.
Снитъ ми ся—сонія вижу.

Снозы, що на вола кладуть—сонузница.

Снѣданье—заутрникъ, нѣцеръ (sic), ваятель (sic).

Сокира—сѣчиво.

Сокира до муру—оскордъ.

Сокъ—глѣнь.

Соловий—славый.

Солодкій—сладкій, слащъ.

Солома—стебліе.

Солоная земля—слатина земная.

Сонъ—соніе, виденіе.

Сопрятую—сокровищую, сокриваю.

Соромаюсь—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.

Соромъ—срамъ, студъ.

Соромяжливость—стидѣніе, обиновеніе.

Соромяжливъ—посупленъ.

Сорочка—срачица, хитонъ.

Состави в костехъ—глезны.

Составъ в члонкахъ—составъ.

Сочевица—сочиво.

Спадокъ—наслѣдіе, жребій, достояніе.

Спадокъ—падежъ.

Спаняле—щапственнѣ.

Спилностю—прилежно, сприлежаніемъ.

Спилностю що чиню—ухищраю.

Спираюся—стязаюся, прюся.

Списую—плѣтую, соплѣтаю.

Спихаю—возряжаю.

Сповинованенье—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.

Сповѣданье—чаяніе, упованіе, надежда.

Сповѣдаюсь—исповѣдаюсь.

Сповѣдь—исповѣданіе.

Сподѣваюся чого—ожидаю.

Спокойный—мирный, миренъ.

Сполечникъ—обещникъ.

Сполечность—соимѣтелство, соемленіе, сообщеніе, сопребиваніе, сочтаніе, общеніе, сближеніе.

Сползахваченье—совосхищеніе.

Сполкованье—тожъ, що и сполечность.

Сполкуюсь—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопребываю.

Сполкуючій—обещникъ.

Сполне—сполечне, единодушно, единомысленно, купно, единогласно.

Сполництво—участіе, причастіе.

Сполохуюсь—ужасаюся.

Спорный—суперникъ.

Споръ—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.

Споряжаю—устрояю, учиняю.

Споряженье судбы—благостояніе.

Способный—десный, приличный.

Способъ—образъ, устроеніе.

Спотикаю—стрѣтаю, срѣтаю, сряшу.

Спочатку—искони, изначала, вначалѣ.

Справа—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

Справедливе — праведнѣ, въ правду, послѣдователнѣ, изящнѣе, въ лѣпоту, въ рясноту.

Справедливость—правда.

Справедливый—праведный, преподобный.

Справный—строителный.

Справованный—дѣйствуемый.

Справованье—устроеніе, искусъ.

Справую—исправляю, прохожду, дѣйствую, сотворяю, восхожду, строю.

Справы—дѣянія, дѣла, дѣтели.

Справца—дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.

Спросность—суета.

Спросный — шкаредный, шкаредъ, безмѣстный, злообразный.

Спроста—бошію, убо, ..., всяко.

Спротивляюся—возражаю.

Спряґаю—сочтаваю, сочетаваю.

Спрятъ домовый—мшелъ, сопрятаніе, рѣшина.

Спѣванье—пѣніе.

Спѣванье високое—пѣснь степенная.

Спѣванье погребное — рыданіе гробное.

Спѣжарня—житница, хранилище, хранило.

Спѣшу—спѣю.

Спѣшуся—спѣю.

Срамный удъ—луна (sic).

Срамота—срамъ, студъ, безчестіе, досажденіе, поносъ, укоризна, укоръ, оклеветаніе, омѣшеніе, смущеніе.

Срамоченье—поношеніе, поносъ.

Сребра пробуючій — сребронскусникъ.

Сребролюбячій—сребролюбецъ.

Сроґій—дывий, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, не сердоболь, немилосердъ, неблагоутробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.

Сроґость—жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣпіе, сверѣпство.

Срожуся—озлобляюся, огорчеваюся, сверѣпѣю, сроґого взроку, яровидный, звѣрообразный.

Ставаюся—бываю.

Ставъ—сонмъ водный.

Стадникъ—оревъ.

Стадо овчее—паства.

Стай—стадій, стадіонъ, поприще.

Стайня—стояніе.

Сталость—доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.

Сталося—бысть.

Сталый—благоприсѣдителный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.

Сталый естемъ — доблествую, мужествую, крѣплюся, великодушествую, храбрствую.

Сталый на всякіе бѣды—великодушенъ, храбрый.

Сталпю разуму — великодушенъ.

Становиско — станъ, пристанище.

Становлю—уставляю.

Становлю домъ—потикаю домъ или обозъ.

Станъ—санъ, достоинство, . . .

Старане великое — многопечаліе, попеченіе, промишленіе, угодіе, страсть, неполученіе.

Старанье найбольшое—опаство.

Старанесь—печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мпелоимство.

Старакся—пекуся, печалуюся, подвизаюся.

Старакчійся—тщаливый, тщателный.

Старецъ—старѣйшый, старѣйшина.

Стародавный—древный, ветхый.

Старожитный—тое жъ.

Староста—книгочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.

Староство—настоятелство.

Старость—сѣдина, матерство.

Старший—наставникъ, предводитель, предсѣдатель.

Старший надъ ширмирми—тризноположникъ.

Старшинство—народоводителство, настоятелство, предсѣдателство, достоинство.

Старшинствую—правлю.

Старый—ветхый, древный.

Статечность—зри сталость.

Статечный—зри сталый.

Статечніе речи—тщиво.

Статутокъ християнскій — уставъ, нравъ, веленіе, преданіе, зри — правостафированье, ухищреніе.

Стафируюся—ухищряюся.

Стверждаю—утверждаю.

Створенье — тварь, созданіе, сотвореніе.

Створитель — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.

Стебелье—стебліе.

Стежка—стезя, путь.

Стерегу—блюду, брегу, храню, присѣжу.

Стереженье—блюденіе, бреженіе, храненіе, присѣдѣніе.

Стережи—снабди, спаси, избави.

Стережись—снабдися.

Стертый—истненъ.

Стертье на порохъ—истненіе, истнѣніе.

Стираю — сокормляю, сокрушаю.

Стираю на муку—истнѣваю.

Стирка—сударь.

Стирникъ — управитель, кормчій.

Стиръ — гребло кормилкое, кормъ.

Стовченъ—сотлаченый, сокрушенный.

Стогну — изнемогаю, немоществую.

Стодола—житница.
Столецъ—полкружникъ, сѣдалище.
Столица—престолъ, ѳронъ.
Столяръ—древодѣля, ...
Сторожа—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.
Сторона—страна.
Сторонюеь—устраняюся, освѣняюся.
Стосъ—составъ.
Страва—пища, ядь, снѣдь.
Стравленъ бываю—умучаюсь.
Стравляю—умучаю, иждиваю, изнуряю.
Страдный — бѣдный, страстный.
Стражъ—зри сторожа.
Страфунку—по случаю, приличнѣ.
Страховище—пугало, страхованіе.
Страшило—зри страховище.
Страшный — лютый, грозный, ужасный.
Страшу—мяту, пакощу, ужасаю.
Страшуся—ужасаюся, мятуся.
Стричокъ—вервь, вервія, уже.
Строжъ—стражъ, кустодій.
Стромголовъ—стремглавъ.
Строскaный—дряхлый.
Строфованье-обличеніе, хухнаніе.
Строфую — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголую, злословляю.
Строфуючій — обличитель, обличникъ.
Струплывъ—прокаженъ.
Струченый-возраженъ, низверженъ.
Стручокъ—стручецъ.
Стручую—возражаю.
Стрѣла—ратище.
Стрѣлянье—верженіе.
Стрѣчаю — стрѣтаю, срѣтаю, срящу.
Студенецъ—ровъ, ровенникъ.
Студентъ — спудей, ученикъ, тщатель.
Студень—зима.
Студня—кладязь, кладенецъ.
Стукъ—мятежъ, молва, мятеніе, топотъ.
Ступень—степень.
Стыдаюся—стижуся, срамлюся, обинуюся.
Стѣна—забрало.
Стѣнныкъ меду—сотъ.
Стягаю—сообязую.
Судилище—судище.
Судина—орудина.
Судина для оливы—чванецъ.
Судовый домъ—преторъ.
Судъ—судба.
Сукно—портище.
Сукня—верхняя риза, одежда.
Сукцессія—приемничество.
Сумма якого писанія—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.
Сумненье—совѣтъ, разумъ.
Супортокъ—праща.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность-ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—восперѣнъ, тонкій, тонченый.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищалникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри сроґій.
Суспѣкованый—пороченъ, укоризненъ.
Сусѣдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоитъ.
Сучокъ—сучецъ.
Сушъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое — прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.
Сфуканье—язва.
Схадзка—сотеченіе, собраніе.
Схиляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняетъ ся—сопрятаетъ ся.
Сыномъ учиненье—сынopoложеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сѣдаю—возлѣгаю.
Сѣдаю на лаву—воскланяюсь.
Сѣку—уязвляю.
Сѣножать—травникъ.
Сѣны—кровъ, предверія.
Сѣпачъ—рядникъ.
Сѣрка—сѣра, жупелъ.
Сѣтка—сѣть, мрежа, тенетъ, сило.
Сѣтникъ—ситовое.
Сюди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Табличка—влагалище.
Таемная — тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недовѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, пира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—тако, ей, сице.
Талантъ—шесть сотъ червоныхъ.
Талѣръ—дискосъ.
Тамошный обиватель — туземецъ.
Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиреность.
Танцу поваженье — ликованіе, ликовствованіе.
Танцую—ликую.
Тарча—щитъ, павѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ — скифъ, скифинъ, срацинъ.
Тащъ—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тваръ—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый — жестокый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

Твердого карку — жестоковыйный.

Твердью—жестѣю.

Тверезлюся—трезвлюся.

Тверезый—трезвый, бодрый.

Тверджу—извѣствую, провѣщеваю.

Теды—убо.

Телесныкъ—ласкосердій.

Тельчка—о трехъ лѣтехъ юница.

Темница — уза, юза, узница, юзилище, стражба, тверджа, селеніе, твердиня.

Темность—тьма, сумракъ.

Темность грубая—тьма осязимая.

Темный—мрачный.

Теперѣшный—настоящый.

Теперѣшне мешканье—настоящее житіе.

Теперъ—нынѣ, днесь.

Термошуся—пружуся.

Термѣнъ—уставъ, предѣлъ.

Терпетина—теревиндъ.

Терпливость—терпеніе.

Терпливость великая — долготерпеніе.

Терпливый—пожадателный.

Терплю — стражду, подемлю, приемлю.

Теселство роблю — древодѣлствую.

Тескность—туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодованіе.

Тесля—древодѣля, зодчій.

Тестаментъ—завѣтъ.

Тешу—ваяю, изваяю, начертаваю.

Тиранство—томленіе, мучителство, насиліе, насилованіе.

Тиранъ—мучитель, томитель.

Тиранѣзую—насилствую.

Титулъ—титла, надписаніе.

Тихо—без щуки, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.

Тихость—тишина, отишіе, безмолвіе, кротость, несмущеніе.

Тихый — кротокъ, тишайшый, благоугодителный.

Тканье—тченіе.

Тлумачъ—сказатель.

Тлумокъ—тайстра, бремя.

Тлустость—толща, тукъ.

Тлустый—мождаанъ.

Тлуща — обстояніе, народъ многъ.

Тоболя — тоболецъ, зри — тайстра.

Товарискій—обычный.

Товариство — дружба, дружество, состояніе.

Товаришка — жона, сожителница, другиня.

Товаришъ — клевретъ, другъ, подругъ, сожитель.

Товаришъ в дорозѣ—спутникъ, сопутшественникъ.

То—сіе, тожде.

Тогди—южъ, таче.

Тогосвѣтный — мудрецъ внѣшный.

Тоестъ—сіе, тожде, сиесть, сиричъ.

Тожъ—таче.
Токмо—толма.
Толко—толико, точію, кромѣ.
Толко разовъ—толикощи, . . .
Толкованіе—сказаніе.
Толокно—мѣлта (sic), прясло.
Толстость—толща.
Толстый—дебелый.
Топнью—таю, истаеваю.
Тополя зеленая—тереванжъ.
Топоръ—сѣчиво.
Торба—зри тайстра.
Торгаю—терзаю, влеку.
Торговникъ—торжникъ.
Торгъ — торжище, тризнище, купилище.
То то—тоже, сіе.
Тошню—тужду, ныю, тужу.
Травлю—иждиваю, изнуряю.
Травлю в жолудку—изсучаю.
Травлю з кимъ—приипждиваю.
Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.
Трапенье—бореніе, стуженіе.
Трапенъ естемъ—мятуся.
Траплю—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.
Трафляюсь—ключаюсь, приключаюсь, случаюся.
Трафунокъ—случай, притча.
Трачу — погубляю, изнуряю, иждиваю.
Трвалый — добль, мужественъ, крѣпкій, твердый.
Трваю—пребываю, терплю, подемлю.
Тревога — возмущеніе, соклащеніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.
Тревожу—возмущаю, соклацаю, смущаю, крамоляю.
Тревожуся—мятуся, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.
Треба—требѣ, подобаетъ, лѣпо есть.
Требенецъ—евнухъ, каженикъ.
Трезво—цѣломудрно.
Трезвость — цѣломудріе, цѣломудреніе.
Трезвый—цѣломудрный, цѣломудреный, бодрый.
Тремтанье — зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, расслабленіе.
Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.
Трефництво—кощунство, гражданство (sic).
Трефную—кощунствую.
Трефный—. . . , кощунникъ.
Трибуналъ—судище, судилище.
Триумфую—в побѣдѣ являюся.
Триумфъ — побѣдняя, побѣдителная, одолѣніе, натрижненіе (sic), . . .
Троска—туга, дряхлость, попеченіе.
Трескливый—дряхлый, попечителный.
Тростина—трость.
Троха—велми стигло, стиглѣ.
Трощуся — молвлю, смущаюся, уживаю, стужаюся.
Троякий помостъ на игриску—

треверстныя основы на тризнищи.

Трояко—трегубо, треверстно.

Трудно—невозможно, нѣсть возможно, немощно.

Трудность — упражненіе, студженіе, неудобство, недоумѣніе, таинство, недоумѣваніе, недомышленіе, недомыслимо, неможеніе, лукавство.

Трудоватый—прокаженъ, прокаженный.

Трудъ—проказа.

Труженье—подвигъ, страданіе.

Трумна—рака.

Трутизна—ядъ, ядъ смертоносный, отрава, балство.

Тручаю—рѣю, порѣваю.

Трясенье землѣ—трусъ.

Трясуся—трепещу, колѣбаюсь, стеню.

Туга—раченіе.

Тугий—жилищный.

Туженье клѣщаю (sic) — зри тесню.

Тулакъ—лестецъ.

Туляньe—скитаніе.

Тулююся — скитаюся, облужаюся.

Тумултъ—плищъ.

Тупканье—топотъ.

Тупкаю—клеплю.

Тупий—немощный.

Тупость—немощь.

Турбаторъ — расколникъ, раздорникъ, смущаяй, зри—ростеркъ чинячій.

Турма—зри темница.

Турнѣя—клопотъ, сваръ, молва.

Турчинъ—сарацинъ, скифъ.

Тутешный—здешный.

Тутъ—зде.

Тученье—насищеніе, питаніе.

Тучу—умащаю, насищаю.

Тщый—тощъ.

Тыжденъ—седмица, неделя.

Тыжъ—убо, и убо.

Тѣло—плоть.

Тѣломъ грубый—многоплотный, дебелый.

Тѣнный—сѣнный, сѣновный.

Тѣнь—сѣнь.

Тѣшу посполу—сослаждаюся.

Тѣшусь—красуюся.

Тяблица—скрижаль.

Тяжаръ на серцу—тяжкосердіе.

Тяжкость—тягота, тяжесть,..., рана.

Тяжкый — тяжекъ, неотреченный, притужный.

У.

Убіоры—остегны.

Убіоръ оздобный—украшеніе.

Убираюся—понираю.

Ублаганье—умилостивленіе, очищеніе.

Ублагаю—умилостивляю.

Убогій—бѣденъ, нищый.

Убогихъ халупки—холуги.

Убожество — убожіе, окаяніе, окаянство.

Убозство—нищета, худость.
Убранье—надраги.
Убѣгаю—угонзаю.
Уважаю—внемлю, внушаю, востязую, воспоминаю, разсмотряю, сматряю, умышляю, сославляю.
Уважный—благоискусный, виниматель, увнушитель, благословный.
Уволняю—упражняю.
Уволняюся—упражняюся.
Увѣдалъ—позналъ.
Увязаю—углебаю, унзаю.
Увясло—митра.
Угожую—совѣщеваю, согласую, припоручаю.
Уго́лница—мѣра у тесель, правило.
Уголъ—грань, уголъ.
Угорѣжую (sic)—удружаю.
Угразаю (sic)—углебаю.
Ударѣнье—претиканіе.
Удатне—праведнѣ, по достоянію, въ лѣпоту, достойнѣ.
Удаю на що—устремляюся.
Удило—брозда.
Удка—удица.
Ужалуюся—жалѣю, умиляюся, раскаеваюся.
Уже—абіе, скоро.
Ужежъ—убо ли.
Уживаю—гобзую, наслаждаюся, раскаеваюся, употребляю, приемлю, дѣйствую.
Ужитечный—добродѣтелный.
Ужитый — благоувѣтливый, добродѣтелный.
Узда—брозда.
Уздоровляю—устрабляю, исцѣляю.
Узнанье—разумѣніе, познаніе.
Указую—сказую, являю, розмовляю, назнаменовую.
Уколяю—занзаю, прободаю.
Укоренье—зри ганба.
Укормлѣнье—пресищеніе, упитованіе.
Укормляю — упитоваю, пресижаю.
Укоряю—потязаю, поемлю, поручаю, повлачаю.
Укосий—косвенный.
Укосость—кривина.
Укривженье—обида, обидѣніе.
Укривжоный—обидимый.
Укривжоный естемъ—враждаюся.
Улженье—отрада.
Уливаю—истукаю, изваяю.
Улица—стогна, халуга.
Улица широкая—площадь.
Уличка—межда.
Уломность — бѣда, немощъ, вредъ.
Уломный—бѣдный, немощный, вредный, несовершенъ.
Улѣченье—исцѣленіе, устраба.
Улѣчую—исцѣляю, подаю исцѣленіе, устрабляю.
Уменшаю—оскудѣваю.
Уменьшенье — умаленіе, оскуденіе, истощаніе, истощеніе.
Умерлый — мертвый, усопшый, преставлшийся, опочившый.

Умертье—успеніе, смерть, преставленіе.

Умешканіе—водвореніе.

Умираю—преставляюся, усипаю, умираю.

Умисльне—самохотѣніемъ, устроеніемъ.

Умова—закладъ, сложеніе, сроченіе.

Умовляю—совѣщеваю, согласую, припоручаю.

Умовляю кого—увѣщеваю.

Умовляюся с кимъ—совѣщеваюся.

Уморенье—умерщвленіе.

Умоцняю—возмагаю, утвержаю.

Умышляю—смышляю.

Умѣетность—мудрость, умѣніе.

Умѣетный—коварный.

Унижоность умислу—смиреномудріе.

Унѣя—соединеніе.

Упадокъ—паденіе, падежъ, бѣда.

Упевненье—извѣствованіе.

Упевняю—извѣствую, увѣряю, увѣщеваю, достовѣрне творю.

Упевнѧючее—увѣщателное, вѣроватeлное.

Упережаючій—проиґуменъ, предваряючій, первый.

Упережую—варяю, упредваряю, предиду, предпостизаю.

Уплетѣнье—соплетеніе.

Уподобанье—благоволеніе.

Уподобуюся—угаждаю.

Упокоренье умислу—смиренномудріе.

Упоминаю—наказую.

Упоминаючій—обличный, обличитель.

Упомятствуюся—уцѣломудряюся.

Упорный—жестокій, напраснивъ, самосродный, гордостенъ, сверепѣяйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростенъ, презоривый.

Упорожняюся—упражняюся.

Упоръ—необузданіе, непокореніе.

Управляю—исправляю, руководствую.

Управуймо—руководѣмъ.

Упрейме—отъ сердца, присердно, вистнѣе (sic).

Упреймость—усердіе.

Упрошую—умоляю, упрошаю.

Упусть в ставу—хлябь.

Упѣренный—воспѣренъ.

Уразумъ (sic)—коварство, вѣжество, художество умное.

Ураченье—убѣжденіе.

Урачоный—блаженный.

Урачую—убѣждаю, учествую.

Уробленіе—сооруженіе, воздѣланіе.

Уробляю—сооружаю, творю, сотворяю.

Урода—зри красота, краса.

Уродивый—зри красный.

Уростаю—возрастаю.

Уруганье—зри ганба.

Уругаюся—поношаю, поругаюсь.

Урядникъ—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

Урядництво—настоятелство.

Урядный санъ — достоинство, устроителство, учителство.

Урядъ господарскій — строеніе, домостроеніе, домоправленіе.

Уряду того—службы сія.

Усилованье—начинаніе.

Усилую—належу, убѣждаю, понуждаю, подвизаю, нещадно даю.

Усиловуючи—бѣдящи.

Усиновленіе—усиновеніе, усиновленіе, синоположеніе.

Ускромленный—смиренный.

Ускромляю—умучаю, укрочаю, смиряю.

Услугованье—служеніе, упокоеніе.

Усмиряю—сопрятаю.

Усмотрую—сразумѣваю, соразумѣваю, разсмоцряю.

Усмѣряю—утоляю.

Усмѣханье—осклабленіе.

Усмѣхаюсь—осклабляюсь, умикаюсь.

Уснуть—поспать.

Успокоенье — миръ, умиреџе, смиреніе, угодіе.

Уставилъ—постановилъ, назнаменовалъ.

Уставичне—всегда, присно, во вѣки.

Уставичный — благоприсѣдителный, присный, искрный.

Уставленный — нарекованный, нареченный.

Уставленная работа—зарочно, цѣло (sic).

Устаю — исчезаю, оскудѣваю, таю.

Устерѣгаюсь—сохраняюся.

Устигаю—спѣю.

Уступаю—попущаю.

Утарчка—рать, борба, подвигъ.

Утверженье—утвержденіе, держава.

Утертая дорога — протрутенъ путь, протрутень.

Утеченье—гонзеніе.

Утискаю—оскорбляю, стужаю, смиряю.

Утискованіе — стуженіе, укоризна, зри—ганба.

Утискую—скорблю, стужуюся.

Утисненье—обстояніе, попеченіе, печаль, скорбь, тѣснота.

Утопляю — потопляю, погружаю.

Утрапенье—озлобленіе, треволненіе, бѣда, печаль, злоключеніе, злополучіе.

Утрапленый—бѣдный.

Утрапленъ бываю—озлобляюся, низпадаю.

Утрапляю—озлобляю.

Утрата—тщета, вредъ, изнуреніе, иструшеніе, преторъ.

Утратникъ—ласкосердій, изнуритель.

Утраченый—лишенный.

Утрачую—изнуряю, иструшаю, отщетѣваюсь, тщету приемлю.

Утученый—можданъ.

Утѣканье—гонзеніе, бѣгство.

Утѣкаю—гонзаю, избѣгаю.

Утѣха—роскошъ, услажденіе,

порадованіе, утѣшеніе, красованіе.

Утьшую—утѣшаю.

Уфатиґованный — истомленный.

Уфатиґовуюсь—истомляюся.

Уфанье—упованіе, надежда.

Уфаю—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.

Уфность—дерзновеніе, обиновеніе, упованіе, надежда.

Уфолґованье — щадѣніе, отрада, попеченіе.

Ухо—ухо, край, обушіе.

Ухороненье—избытіе.

Ухороняюсь—избываю.

Участництво—наслѣдіе, участіе, причастіе.

Участникъ—обещникъ.

Учинокъ—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.

Учиняю—сотворяю.

Учитель—учитель, наказатель.

Учитися способный — учителный.

Учоный—искусный, научонъ.

Учта — гощеніе, учрежденіе, вечеря, пированіе.

Учту справуючій—пировникъ.

Учтивость—говѣнье, почесть.

Учтивость кому чиню—говѣю, почествую.

Учтивый—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтелный, благонравный.

Учу — поучаю, учу, руководствую.

Учуся—навикаю.

Учченый—почтенный.

Учченье—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.

Ушакъ дверей—наддверная, надверія.

Ушанованный—блаженный.

Ушко иголное—ухо.

Ушкоженье—обида, обидѣніе.

Ушкожую—обижу, неправдую.

Ущипаю—ухапляю, угризаю.

Ущипливость—ругательство.

Ф.

Фалди—рысны (sic), тресна.

Фалдистый—тресноватый.

Фалшивый—лукавый.

Фалшованье—лестное, прелюбодѣичное, растлѣное.

Фалшъ—блудъ, лукавство.

Фарба—шаръ.

Фартухъ — енедитъ, обязало, надраги.

Фаска—делва.

Фасти (sic)—зело.

Фацелитъ—сударъ,...

Фиґа—смоква.

Фиґовое дерево—смоковница.

Фиґъ дикихъ дерево—черничіе, сикоморія.

Философія—любомудріе.

Философскій—любомудрій.

Философъ — любомудръ, любопремудръ.

Филя—время.
Филя на водѣ—волна, волненіе.
Флетня—сопль, сопѣль, цѣвница.
Флиси—гребцѣ.
Фляша—фаска.
Фолварокъ—село.
Фолґа—отрада, ослаба.
Фолґую—щажу.
Фолґуючи—щадя, снисходителнѣ, отраднѣ.
Форма—образъ, зводъ.
Форма найперішая—первообразіе.
Формованье—образованіе, изображеніе.
Формую—образую, ухищряю.
Фортель—ученіе.
Фортуна—блаженство, полученіе.
Фортуна чія—случай.
Форытаръ—звозчикъ, управитель.
Франца—френчуя, проказа.
Фрасовали—востужиша, пакостиша.
Фрасованый—унилый, дряхлый.
Фрасовливый—печаленъ, опечаленъ, прискорбенъ, посупленъ.
Фрасунокъ—туга, дряхлость, безсластіе, негодованіе, бѣда, печаль, скорбь, сѣтованіе, желѣтба, желѣнь, посупленіе.
Фрасунки—многопечаліе.
Фрасую—мяту.
Фрасуюся—тужу, дряхлую, дряселую, молвлю, скорблю, опечаляюсь, печалую, стужаюся, униваю.
Фратъ—пронирливецъ, пронирливъ.
Фримарчу (sic)—измѣняю, ... , запрещаю, обличаю, язвлю, порицаю, зарицаю.
Фуканье—зри ганба.
Фундаментъ—фамеліонъ, основаніе, вина, начало.
Фундаментъ закладаю—основаніе полагаю.
Фундуючій — основатель, здатель.
Фунтъ—мнасъ.
Фѣґура—образъ.
Фѣстула—восклиновеніе.
Фѣяра—сопль, сопѣль.

X.

Хапаю—емлю, похищаю.
Характеръ—обвѣшеніе, узоношеніе.
Хатки убогихъ—халуги, кущи.
Хваленье—славословіе.
Хвалити—угодити.
Хвалю—славлю, составляю, благословляю, блажу, благочествую, величаю.
Хватаю—зри хапаю.
Хворостъ—рождіе, хврастіе,...
Хвостъ—опашъ, ошибъ, хоботъ.

Хвпюся—влаюся, зиблюся.

Хвпянпе—влаанье, мааніе.

Хелпливость—любочестіе, мудрованіе, киченіе, шатаніе, величаніе.

Хелпливый—любочестенъ.

Хелплюся—любопочитаюся, кичуся, величаюся.

Хендоґый—добрый, юношескый, лѣпый, красный.

Хендоґо—сочиннѣ, юношески.

Хиба—точію, кромѣ.

Хибляю—погрѣшаю.

Хитляность—лицемѣрство, лицемѣріе, опламство, лицепріятіе.

Хитляный — велерѣчивъ, буесловный, любопитный, лицемѣръ, лукавый, блядивъ.

Хитрость—сообщеніе, извитіе, лукавство, коварство, ухищреніе, ученіе, козпь.

Хитрый—коварный, лукавый, ухищренный.

Хитрая зрада—козпь.

Хлипанье—воскликновеніе.

Хлипаю—плакаю, плачуся, съ воздиханіемъ восклицаю.

Хлопецъ—дѣтищъ.

Хлопъ—поселянинъ, селянинъ, селникъ.

Хлюба—зри хелпливость.

Хлюблюся—зри хелплюся.

Хмара—сумракъ теменъ, примракъ теменъ, облакъ.

Хмариться—дряселуетъ.

Хованье—сокровище, кровъ.

Ховаю—храню.

Ховзкый—ползокъ, ползкый.

Хоженье—хожденіе, шествіе.

Хожу—хожду, шествую.

Хороба—недугъ, язва, болѣзнь, страданіе, недугованіе, вредъ, немощь.

Хороба долгая—многовременно страданіе.

Хороба неулпчонная—вредъ неудобь лѣкуемъ.

Хорованіе—зри хороба.

Хороше—лѣпо, хупаво.

Хороший—зри красный.

Хорошость—зри красота.

Хоруговъ—знаменіе.

Хоружый—знаменоносный, знаменоносецъ.

Хорую—недугую, немоществую, болѣзную,....

Хорый—недужный, немощный.

Хоть—хотяй, хочажъ, аще же или и убо, убо, поне.

Хоть—изволеніе, хотеніе, жажель (sic).

Хочу—хощу, волю, желаю.

Храпъ на кого—васнь.

Хребетъ—задняя, плещи, междорамія.

Хромый — клосенъ, клосый, вредный, маломощный, клоснецъ.

Хроненьеся—говѣніе.

Хроповатый—трудный, сухъ, притруденъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударъ, убрусецъ, главотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградъ, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поощреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу—наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водоносъ, ровъ.

Цегелникъ—плинѳникъ.

Цегла—плинѳа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Целникъ—мытаръ, митоимецъ.

Цель—намѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсявзятье.

Церковный—соборный, еклесіархъ.

Церковъ—святыня, святылище.

Цесарство—владычество, игемонія, самодержство, могутство, держава.

Цесаръ—кесарь.

Цетнаръ—талантъ.

Цехъ—содружество.

Ци—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали—бряцало, кимвалъ доброгласенъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица, каситиръ.

Ципарисъ—кипарисъ.

Цистерна—источникъ, кладязь, кладенецъ, сусѣкъ.

Цитра—гусль, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цицка—сосецъ.

Цицки—сосци, перси.

Цнота—добродѣтель, благость, святба, сила.

Цнотливый—добродѣтелный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Цѣрмы—сапоги.

Цѣрмаръ—швецъ, сапогошвецъ.

Цѣлованѣе—лобзаніе.

Цѣлую—лобзаю, лобжу.

Цѣлый—цѣлъ, всесовершенъ.

Цѣха—знаменіе.

Цѣхую—знаменую.

Цякавость—оплатнство.

Цякавый—велерѣчивъ, любопытный, буесловъ.

Ч.

Чарованіе—обава, обавленіе.

Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.

Чаровница—балія.

Чары—волшба, волшевба.

Чары на шии ношенье—узлоношеніе, узоношеніе.

Чарами труючій—чароотравникъ.

Часъ—время.

Часъ—грань, часть.

Часъ певный або намѣренный—кресъ, нарокъ.

Чата—наскокъ.

Чаша—келихъ, кратаръ, сткляница, чаша.

Чашникъ—черпчій, черпающій.

Чвертка—коробка, спудъ.

Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подемлю, предваряю, варяю, предпостизаю.

Челюсти—скранія, ланити.

Чему—воскую, почто.

Чепецъ—вѣнецъ.

Червецъ—червоность, чермность.

Червоная нитка—конура.

Червоность—оброщеніе, чермность.

Червоный—чермный.

Червонюсь з сорому—срамлюсь, рдѣюсь.

Червъ—тля.

Черга—чреда.

Черевикъ—синдалій, плесница, сапогъ, обуща.

Черево—чрево, утроба.

Череда—чреда.

Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.

Черезъ него—нимъ.

Черезъ тебе—тобою.

Черезъ мене—мною.

Черезъ нихъ—ними.

Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.

Чрезъ волю божію—волею божіею.

Черенный зубъ—членовный.

Черепаха—жельвъ.

Чернецтво—иночество.

Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).

Черница—монахиня, мнишица, инокиня.

Чернуха—кокулица.

Черпаю—черплю, черпаю.

Черствый—бодрый, юношескій.

Чеснокъ лѣсный—лукъ.

Честный—говѣнный.

Честую гости—страннопріимаю, угощаю, страннововожу.

Честь—пиръ, учрежденіе.

Чести прагненье—любочестіе.

Чиншъ—дань.

Чиню—творю, сотворяю, соделоваю.

Чирвстый—зри черствый.

Чирство—юношески.

Чисто—право, цѣломудрно.

Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.

Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.
Члонокъ—удъ, составъ, степень.
Члонокъ встидливый—срамный удъ, дѣтородный удъ.
Члонки—члены.
Чоботарь—швецъ, сапожникъ.
Чоботъ — сандалый, сапогъ, плесница, обуща.
Човенъ—корабецъ.
Чого—чесого.
Чоло—чело.
Чоловѣкъ—чловѣкъ.
Чорнокнижникъ — волшебникъ, волхвъ, чародѣй.
Чортъ—діаволъ, сатана, кудесникъ, кудесъ, прелестникъ.
Чрезъ—презъ, мимо.
Чудный—чудовный, нечаемый, неначаемый, чудесный.
Чужоземецъ — иноплеменникъ, иноязычникъ, иноземецъ, страненъ, иноколѣнникъ.
Чужоземка—иноколѣнница.
Чужоложу—любодѣйствую, прелюбодѣйствую, прелюбыдѣю.
Чужолозство—блудъ, любодѣяніе, прелюбодѣяніе, прелюбодѣйство.
Чужый—туждъ, туждый.
Чуйность—трезвеніе, бодрость, ..., радѣніе.
Чуйный—бодрый.
Чуприна—власы.
Чутье—бденіе, бодрость.
Чую—бодрствую, трезвлюся.
Чуючій—бодрый, тщаливъ.
Чченье (sic)—говѣніе.
Ччу (sic)—говѣю, блажу.

Ш.

Шабалтасъ—чпагъ.
Шаламая—цѣвница.
Шалене—неистово.
Шаленство—неистовство, бѣснованіе, неразуміе, изумленіе.
Шаленый—неистовъ, несмысленъ, тяжкосердый, нечестивъ.
Шаленье—неистовство.
Шалѣю—неистовляюся, бѣснуюся.
Шаля—мѣри, превѣса.
Шаную—говѣю.
Шарлатъ—багоръ, багряница.
Шарпаніе—хищеніе, рѣтба, рѣніе, рѣяеніе.
Шарпанина—хищеніе.
Шарпачъ—хищникъ.
Шарпаю—похищаю, рѣю, терзаю.
Шата—одежда, риза.
Шата долгая—утвореніе.
Шатанъ—сатана, діаволъ.
Шатеръ—сѣнь, скинія, станъ.
Шафарство—строеніе.
Шафарь—домостроитель, строитель, скупникъ.
Шафранъ—крокосъ.
Шахи—шахматы.
Швецъ—усмошвецъ.
Шедивость—сѣдина.
Шелюгъ—пѣнязь.

Шемранье — ропотъ, роптаніе, хухнаніе, шатаніе, срѣнство.
Шемру—ропщу, хухнаю.
Шемручій—ропотливъ.
Шепетливый — косногласный, козноязичный, медленоязичный.
Шестинеделка—роженица.
Шибала—презоръ.
Шибеничники—палачныки.
Шидаръ—ругатель, кощунникъ.
Шидерство — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
Шиджу—ругаюся.
Шинкаръ—винарекъ.
Ширмерство—борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
Ширмую—подвизаюся, восподвизаюся.
Ширмѣръ—подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
Широкость—пучина, широта.
Широкость мѣсяца—растояніе.
Широце—пространно, отрадно.
Шишакъ—шлемъ.
Шия—тилъ, выя.
Шкапа — робленая, подяремникъ.
Шкарадный — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
Шкарадная мова—срамословіе, блядъ.
Шкода—тщета, вредъ, лукавство.
Шкоду подеймую — общетѣваюся.
Шкоду чиню—отщещаю (sic).
Шкодливый—тяжекъ, лукавенъ, вредный, пакостный, тяжкосердный.
Шкодую—тщету приемлю, подемлю.
Шкожу — вреждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
Шкодца — вредитель, пакостникъ, подстрѣкатель, губитель.
Шкодъ—вреди.
Шлюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Шляхетность — честность, чесность.
Шляхетный—доблый, древний, ветхый.
Шмата—рубъ.
Шматица—рубище.
Шнуръ теселскый—правило.
Шопа—сѣнь, скинія, станъ.
Шпетность—безобразіе.
Шпетный—злообразный, шкаредъ, шкаредный.
Шпетная мова — срамословіе, блядъ.
Шпечу—посмраждаю.
Шпиклѣръ — житница, хранилище, хранилница.
Шпиранье—пареніе.
Шпираю—пару.
Шпираютъ о мнѣ—истязуюсь.
Шпиталь—болница.
Шпѣґованье—согляданіе.
Шпѣґую—соглядаю.
Шпѣґуютъ мя—истязуюсь.
Шпѣгъ—исходникъ, соглядатай, прелагатай, сходникъ, позоритель.
Што—что.

Штортиста—пресудникъ.
Штортъ—пресудница.
Штука—извитіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—сквернавый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.
Шуканіе—возисканіе.
Шукаю—ищу, возищу, возискаю.
Шуля—шуя, шуйца.
Шумленье—шатаніе.
Шумлю—шатаюсь.
Шумъ—звукъ, щукъ.
Шутство—смѣхотворство.
Шутъ — рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щадѣнье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щаститъ ми ся — благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье — блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блядословіе.
Щебля в трапезѣ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щепаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, приискрно.
Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлобивый, независтный, неумитный, простый, нелестный, приискрный, невѣжда, цѣлый, цѣлъ, правый.
Щодробливость — благостиня, милосердіе, щедрота.
Щедробливость противу гостей—страннолюбіе, щедрота.
Щодробливый—страннолюбивъ, страннопріятенъ, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—крань.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щѣлина—скважина.
Щѣпцѣ—отирати свѣчки, опѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.
Юргелтъ—урокъ.
Юрность — разсвирѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедництво — важденіе, пореченіе, клевета.

Ябедничу—клевещу, важду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое — полное зернятъ, шипокъ.

Явне—явнѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Ягода винная недозрѣлая—пародокъ.

Ягоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядѣніе—ядъ, яденіе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье троскотъ.

Язичокъ у ваги—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, яковая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость—качество, количество.

Яковый—каковый.

Якось — яковось, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—колми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, сусѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, нирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, нирище, язвина.

Ясность — свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы — обротность язика, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, яденіе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и унія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коліивщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть пріобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, Февраль и Мартъ, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXI. Апрѣль, Май и Іюнь, 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXII. Іюль, Августъ и Сентябрь 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.